

АПОСТОЛЫ И ЦЕЗАРИ

KONSTANTIN ZAKARYAN

APOSTLES AND CAESARS

33 – 67/68 A.D.

**From Lord Ascension and First Christian Pentecost,
in the spring of 33 A.D., until the martyrdom
of St. Peter and St. Paul, 67 A.D.,
and the end of Nero, 68 A.D.**

VOL. 1

YEREVAN 2022

КОНСТАНТИН ЗАХАРЯН

АПОСТОЛЫ И ЦЕЗАРИ

33 – 67/68гг. н.э.

**От Вознесения Господня и первой христианской
Пятидесятницы-Троицы весной 33г. н.э.
до мученичества Ап. Петра и Павла в 67-м
и конца Нерона в 68гг. н.э.**

ТОМ 1

ЕРЕВАН 2022

Автор благодарит спонсоров книги

ISBN 978-9939-0-3990-9

© К.Захарян, 2022, e-mail: Konst1961@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ 1

AUTHOR'S FOREWORD	13
ОТ АВТОРА	14

ЧАСТЬ I ОТ ВОЗНЕСЕНИЯ И ТРОИЦЫ ДО МУЧЕНИЧЕСТВА СВ. СТЕФАНА 33г. н.э.

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ 14 мая 33г.	17
ВОЗНЕСЕНСКАЯ ХРИСТОЛОГИЯ АНТРОПОСОФИИ	29
ИСТОРИЯ ПРАЗДНИКА ВОЗНЕСЕНИЯ	36
ИЗБРАНИЕ МАТФИЯ	40
ПЯТИДЕСЯТНИЦА-ТРОИЦА 24 мая 33г.	52
СОШЕСТВИЕ СВ. ДУХА	57
ПЯТИДЕСЯТНИЧНАЯ ХРИСТОЛОГИЯ АНТРОПОСОФИИ	73
ГЛАГОЛЕНИЕ НАРЕЧИЯМИ	85
ОЙКУМЕНИЧЕСКАЯ ДИАСПОРА И ОЙКУМЕНА	87
ПЯТИДЕСЯТНИЧНОЕ СЛОВО АП. ПЕТРА	94
ПРИНЯВШИЕ СЛОВО ЕГО КРЕСТИЛИСЬ	104
ОБЩЕНИЕ ВЕРУЮЩИХ И ВЗАИМНОЕ СЛУЖЕНИЕ	109
ИАКОВ, БРАТ ГОСПОДЕНЬ, – ПРЕДСТОЯТЕЛЬ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ (с мая/июня 33г.)	113
ИСЦЕЛЕНИЕ ХРОМОГО И ВТОРАЯ ПРОПОВЕДЬ ПЕТРА (июль)	125
АРЕСТ АПОСТОЛОВ СИНЕДРИСТАМИ // СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЕТРА ПЕРЕД СИНЕДРИОНОМ // РАДОСТЬ И МОЛИТВА ЦЕРКВИ (июль)	134
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ДАР ИОСИИ ВАРНАВЫ (август)	143
АНАНИЯ И САПФИРА (сентябрь)	148
НАРОД ПРОСЛАВЛЯЕТ АПОСТОЛОВ ЗА ИСЦЕЛЕНИЯ (сентябрь/октябрь)	150
АРЕСТ АПОСТОЛОВ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ИХ АНГЕЛОМ // АПОСТОЛЬСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЕРЕД СИНЕДРИОНОМ (октябрь)	153
ПРИНЯТИЕ СИНЕДРИСТАМИ СОВЕТА ГАМАЛИИЛА	157
ИЗБРАНИЕ СЕМИ МУЖЕЙ (ноябрь)	165
ПЕРВОМУЧЕНИК СТЕФАН (декабрь 33г.)	172
СТЕФАН РАЗВОРАЧИВАЕТ ПЕРЕД СИНЕДРИСТАМИ МЕТАИСТОРИЮ ЕВРЕЙСТВА	179
ПРИХОД ИЗРАИЛЯ В ЕГИПЕТ	186
ИЗРАИЛЬ В ЕГИПТЕ	189
ИЗРАИЛЬ ПРИ ГИКСОСАХ И ПРИ 18-й ДИНАСТИИ ФАРАОНОВ-ПРИТЕСНИТЕЛЕЙ	193
«ВЕЛИКИЙ ГОД» АМЕНХОТЕПА ЭХНАТОНА И ХРОНОЛОГИЯ ФАРАОНОВ 18-й ДИНАСТИИ	198
ФАРАОН ИСХОДА	203

РАСЦВЕТ И ДЕКАДАНС ДРЕВНЕГО ЕГИПТА	208
ЭХНАТОН	213
ИСХОД	219
УПРЁКИ <i>НОВОЗАВЕТНИКА</i> СТЕФАНА <i>ВЕТХОЗАВЕТНЫМ</i> СИНЕДРИСТАМ	223
РАСПРАВА	227
МЕСТО И ДАТА (25.12.33г.) КАМЕНОВАНИЯ ПЕРВОМУЧЕННИКА СТЕФАНА	233
РЕВНИТЕЛЬ САВЛ	241

ЧАСТЬ II РИМ И МИР 33г. н.э.

КОНСУЛЫ ГОДА	249
ВЫДАЧА ТИБЕРИЕМ ЗАМУЖ ДОЧЕРЕЙ ГЕРМАНИКА	269
ПОЛИТИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА ГОДА	273
ОХРАННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КЕСАРЯ	276
ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС	277
ТИБЕРИАНСКИЙ ТЕРРОР	284
КАЛИГУЛА ПРИ ТИБЕРИИ	296
ТИБЕРИЙ И ФРАСИЛЛ	301
ЭПИКУРЕЙЦЫ И СТОИКИ	310
КОНЕЦ АЗИНИЯ ГАЛЛА, ДРУЗА И АГРИППИНЫ	315
ПИК ТИБЕРИАНСКОГО ТЕРРОРА	324
САМОУБИЙСТВА КОКЦЕЯ НЕРВЫ И МУНАЦИИ ПЛАНЦИНЫ	327
РАЗНОЕ	330
БРАКОСОЧЕТАНИЕ ЮЛИИ (ДОЧЬ ДРУЗА) И РУБЕЛЛИЯ БЛАНДА	331
Л.ЭЛИЙ ЛАМИА	334
Л.ПОМПОНИЙ ФЛАКК И ИРОД АГРИППА	338
Л.АРРУНЦИЙ	344
МАНИЙ ЛЕПИД	345
ЗАВЕРШЕНИЕ ГОДА	349

ЧАСТЬ III ХРИСТИАНСТВО И ЕВРЕЙСТВО 34 – 37гг. н.э.

ВСТУПЛЕНИЕ	353
ФИЛИПП В САМАРИИ (январь – март 34г.)	356
СИМОН ВОЛХВ	363
ОБРАЩЕНИЕ ФИЛИППОМ НУБИЙСКОГО ВЕЛЬМОЖИ (апрель 34г.)	374
ГАЗА	375
НУБИЯ	377
ФИЛИПП КРЕСТИТ ВЕЛЬМОЖУ КАНДАКИИ	386
ЯВЛЕНИЕ ГОСПОДА САВЛУ НА ПУТИ В ДАМАСК //	
ОБРАЩЕНИЕ И КРЕЩЕНИЕ (май 34г.)	395
ХРИСТИАНИН САВЛ В 34 – 37гг. // СТАНОВЛЕНИЕ САВЛА ПАВЛОМ	408
ПАВЛИАНСКАЯ ХРИСТОЛОГИЯ АНТРОПОСОФИИ	412
ИЗАТ, ЕЛЕНА И МОНОБАЗ АДИАБЕНСКИЕ	418
ОБРАЩЕНИЕ АБГАРА ЭДЕССКОГО (34г.)	435
СМЕРТЬ АРТАШЕСА АРМЯНСКОГО (34г.)	451
ПОСЛЕДНЕЕ ПРОТОВОИУДЕЙСКОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ТИБЕРИЯ (34г.)	458
САМАРЯНСКАЯ БОЙНЯ (осень 35г.) И ОТСТРАНЕНИЕ ПИЛАТА (весна 36г.)	461
КОНЧИНА ТЕТРАРХА ФИЛИППА (весна 36г.)	463
ЗАКЛЮЧЕНИЕ И АНОНС	465

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ И КОНЕЦ ТИБЕРИЯ

34г.	467
ФЕНИКС ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ	472
ДВАДЦАТИЛЕТИЕ КЕСАРСТВА ТИБЕРИЯ	479
РЕПРЕССИИ	481
МЫТАРСТВА ИРОДА АГРИППЫ	491
35г.	495
РИМСКО-ПАРФЯНСКИЕ КОЛЛИЗИИ	496
ИВЕРЫ В АРМЕНИИ	500
БЕГСТВО АРТАБАНА ПАРФЯНСКОГО	505
КОЛХИДА И <i>ЗОЛОТОЕ РУНО</i>	507
В РИМЕ	512
ЗАВЕЩАНИЕ ТИБЕРИЯ	517
36г.	520
ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ	521
СОПРОТИВЛЕНИЕ КЛИТОВ ПЕРЕПИСИ	524
РЕСТАВРАЦИЯ АРТАБАНА	526
ПОСЕЩЕНИЕ ВИТЕЛЛИЕМ ИЕРУСАЛИМА И СМЕЩЕНИЕ КАИАФЫ (весна 36г.)	535
ВСТРЕЧА И ВСТРЕЧИ ВИТЕЛЛИЯ И АРТАБАНА НА ЕВФРАТЕ	539
ПОГРАНИЧНАЯ БЛИЦ-ВОЙНА МЕЖДУ ВОИНСТВАМИ АРЕТА И АНТИПЫ (лето/осень 36г.)	543
ПРЕБЫВАНИЕ АГРИППЫ ПРИ ДВОРЕ ТИБЕРИЯ И ЕГО ЗАТОЧЕНИЕ	545
ПОЖАР НА АВЕНТИНЕ	549
37г.	553
НА ПОРОГЕ ТИБЕРИАНСКОГО КОНЦА	555
СМЕРТЬ ТИБЕРИЯ (16.03.37г.)	560
УВЕРТЮРА	560
ЛУКУЛЛ	563
ПРОКЛЯТИЕ ПРИНЦИПАТА	565
FINITA LA TRAGEDIA	569
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОХОД ВИТЕЛЛИЯ ПРОТИВ АРЕТА НАБАТЕЙСКОГО И ИЕРУСАЛИМСКАЯ ПАСХА 37г.	576
ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ ИРОДА АГРИППЫ	578

ЧАСТЬ V ХРИСТИАНЕ И ЕВРЕИ В ПАЛЕСТИНЕ, СИРИИ, АЛЕКСАНДРИИ 37 – 41гг. н.э.

ВСТУПЛЕНИЕ	583
ИЩЕЛЕНИЕ ЕНЕЯ (октябрь 39г.)	585
ВОСКРЕШЕНИЕ ТАВИФЫ (ноябрь 39г.)	590
ПЁТР У СИМОНА КОЖЕВНИКА	595
ОБРАЩЕНИЕ РИМСКОГО СОТНИКА КОРНИЛИЯ (январь 40г.)	597
УПРЁКИ ОБРЕЗАННЫХ ПЕТРУ В ИЕРУСАЛИМЕ, ЕГО ОТВЕТ И ИХ РАДОСТЬ (февраль 40г.)	611
ХРИСТИАНСТВО – ДО ФИНИКИИ, КИПРА И В АНТИОХИИ	614
СНАРЯЖЕНИЕ В АНТИОХИЮ ВАРНАВЫ (40г.)	618

ТАРС КИЛИКИЙСКИЙ	620
ВАРНАВА ПРИВОДИТ САВЛА ИЗ ТАРСА В АНТИОХИЮ (осень 40г.)	623
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АНТИОХИИ (40/41гг.) И ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ	626
<i>ХРОНОС И КАЙРОС</i>	631
ВОЗВРАЩЕНИЕ АГРИППЫ В ПАЛЕСТИНУ И АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ	
ПОГРОМ (лето/осень 38г.)	637
АВИЛИЙ ФЛАКК	643
АГРИППА – ИРОДИАДА – АНТИПА	644
РАЗРУШЕНИЕ ИУДЕЯМИ ИМПЕРАТОРСКОГО ЖЕРТВЕННИКА	
В ЯМНИИ (39г.)	646
«ИЗРАИЛЬ СПАСЁТСЯ»	649
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИУДЕЕВ РИМУ КАЛИГУЛЫ (39 – 41гг.) И ДЕТРОНИЗАЦИЯ /	
ССЫЛКА ИРОДА АНТИПЫ В ПАРЕ С ИРОДИАДОЙ (осень 40г.)	652
САМОУБИЙСТВО ПОНТИЯ ПИЛАТА (39г.)	666
ИТОГ	671

ЧАСТЬ VI РИМ И МИР 37 – 41гг. н.э.

ПРАВЛЕНИЕ КАЛИГУЛЫ

37г.	677
НАЧАЛО	680
ПЕРВЫЕ ШАГИ	683
ПЕРВОЕ КОНСУЛЬСТВО	688
ВАССАЛЬНЫЕ ЦАРИ И ЦАРСТВА	689
БОЛЕЗнь КАЛИГУЛЫ (октябрь/ноябрь 37г.)	695
ДЕКАДЕНТНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ	698
УСТРАНЕНИЕ ТИБЕРИЯ ГЕМЕЛЛА И ВТОРОЕ	
СУПРУЖЕСТВО ГАЯ (декабрь 37г.)	703
38г.	709
САМОУБИЙСТВО ЮНИЯ СИЛАНА (январь/февраль 38г.)	710
ГАЙ И ЕГО СЁСТРЫ	712
РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ И СТРАСТЬ К ЗРЕЛИЩНЫМ КРОВОПРОЛИТИЯМ	714
СМЕРТЬ АНТОНИИ (зима/весна 38г.)	717
КОНЕЦ МАКРОНА (весна 38г.)	719
ВОСТОЧНЫЕ ВАССАЛЫ	723
КОНЧИНА ДРУЗИЛЛЫ (10.06.38г.) И ТРАУР КАЛИГУЛЫ	726
БРАК ГАЯ С ЛОЛЛИЕЙ ПАУЛИНОЙ (осень) // ИСХОД ГОДА	729
39г.	733
БЕЗ ТОРМОЗОВ	735
ЗАБАВЫ КАЛИГУЛЫ	739
ЭКСПРОПРИАЦИИ И РАСПРАВЫ	743
СДВИГИ ПО ФАЗЕ	747
РАЗНОЕ	751
«МАЛЬБРУК В ПОХОД СОБРАЛСЯ» //	
ЗАГОВОР ГЕТУЛИКА – ЛЕПИДА (сентябрь/октябрь 39г.)	754
НА РЕЙНЕ (октябрь – декабрь 39г.)	758
ХРОНОПАРАЛЛЕЛИ	760

40г.	761
ГАЙ В ГАЛЛИИ	763
ПТОЛЕМЕЙ МАВРИТАНСКИЙ	766
ВОЗВРАЩЕНИЕ ГАЯ В ИТАЛИЮ (весна 40г.)	771
КАЛИГУЛИАНСКИЙ КУРАЖ (лето 40г.)	773
ЗАГОВОР ПАПИНИЯ И ЦЕРИАЛИЯ (сентябрь 40г.)	777
CAESAR DEUS NOSTER	779
АРЛЕКИН НА ТРОНЕ	781
ПОСЛЕДНИЙ ЗАГОВОР (осень/зима 40г.)	784

41г.	787
УБИЙСТВО КАЛИГУЛЫ (24.01.41г.)	790
POSTSKRIPTUM	799
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	802

**ЧАСТЬ VII ЦАРСТВОВАНИЕ АГРИППЫ ИУДЕЙСКОГО И ИСТОРИЯ /
МЕТАИСТОРИЯ ХРИСТИАНСТВА 41 – 44гг. н.э.**

ИНТРОНИЗАЦИЯ КЛАВДИЯ И АГРИППА (январь 41г.)	813
ЦЕЗАРЬ УМЕР – ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЦЕЗАРЬ!	821
НЕБЫВАЛЫЙ ВЗЛЁТ ИРОДА АГРИППЫ	824
ПОСТАНОВЛЕНИЯ КЛАВДИЯ В ОТНОШЕНИИ ИУДЕЕВ АЛЕКСАНДРИИ И ПРОЧЕЙ ДИАСПОРЫ (весна 41г.)	827
ИУДЕИ И РИМ	834
АГРИППА – ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ	838
АГРИППА В ТАЛМУДЕ И В АГАДЕ	844
ВОССТАНОВЛЕНИЕ АГРИППОЙ СУББОТНЕ-ЮБИЛЕЙНОГО ЦИКЛА ЕЗДРЫ / НЕЕМИИ (осень 41г.)	847
«ПАСХА НЕСМЕТНЫХ ТОЛП» И ЧТЕНИЕ ЦАРЁМ ВТОРОЗАКОНИЯ В ХРАМОВОМ ПРИТВОРЕ ИЗРАЭЛИТОВ (весна – осень 42г.)	851
АГРИППА В 42/43гг.	854
ТРЕТЬЯ СТЕНА ИЕРУСАЛИМА	856
СРАВНЕНИЕ АГРИППЫ С ЕГО ДЕДОМ ИРОДОМ	858
ЦАРЬ АГРИППА И ФАРИСЕЙ СИМОН // ИУДЕЙСТВО И ЯЗЫЧЕСТВО АГРИППЫ	860
АГРИППИАНСКИЙ КОНГРЕСС РИМСКИХ ВОСТОЧНЫХ ВАССАЛОВ В ТИВЕРИАДЕ (43г.)	864
КАЗНЬ ИРОДОМ АГРИППОЙ АП. ИАКОВА ЗЕВЕДЕЕВА И ЗАТОЧЕНИЕ АП. ПЕТРА (весна 44г.)	871
ЧУДЕСНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ АП. ПЕТРА (апрель 44г.)	882
СМЕРТЬ ИРОДА АГРИППЫ (август 44г.)	888
НОВОПРОВИНЦИАЛИЗАЦИЯ ИУДЕИ (лето/осень 44г.)	901
АСТРАЛЬНАЯ МИСТЕРИЯ ХРИСТА (декабрь 44г.)	906

ЧАСТЬ VIII РИМ И МИР 41 – 44гг. н.э.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ КЛАВДИЯ	
41г.	935
КЛАВДИАНСКИЕ БРАКИ	939

КЛАВДИЙ ПРИ ТИБЕРИИ И КАЛИГУЛЕ	940
У ВЛАСТИ	945
ВАССАЛЫ И ПЕРИФЕРИЯ	952
ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКИ ПРИ КЛАВДИИ	954
МЕССАЛИНА	959
42г.	962
МАВРИТАНИЯ	963
В РИМЕ И ИТАЛИИ	965
КАЗНЬ АППИЯ СИЛАНА, УБИЙСТВО ЮЛИИ ЛИВИЛЛЫ И МЯТЕЖ КАМИЛЛА СКРИБОНИАНА	971
43г.	976
ЛИКИА ЕТ РАМНИКИА	977
РАЗНОЕ	981
НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ БРИТАНИИ	983
44г.	997
ТРИУМФ КЛАВДИЯ (весна 44г.)	997
<i>ВОЗВРАЩЕНИЕ</i> МАКЕДОНИИ И АХАЙИ СЕНАТУ	1000
ОТЪЯТИЕ АВТОНОМИИ У РОДОСА	1006
АЛЬПИЙСКОЕ ВОЦАРЕНИЕ ЮЛИЯ КОТТЫ // ИЗГНАНИЕ ИЗ СЕНАТА УМБОНИЯ СИЛОНА // НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ СОБЫТИЯ ГОДА	1012
АГРИППИНА МИНОР БРАЧУЕТСЯ С ПАССИЕНОМ КРИСПОМ	1016
СКАНДАЛЬНАЯ МЕССАЛИНА	1018
ИТОГИ ПЕРВЫХ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ КЛАВДИЯ	1022

ЧАСТЬ IX ОЙКУМЕНИЧЕСКАЯ ПРОПОВЕДЬ ХРИСТИАН И ИУДЕИ 45 – 48гг. н.э.

ПЕРВОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АП. ПАВЛА (45 – 48гг.)	1031
ВАРНАВА И САВЛ СЛЕДУЮТ НА КИПР (лето 45г.)	1035
ОСТРОВ АФРОДИТЫ	1040
САЛАМИН	1042
УВЕРОВАНИЕ СЕРГИЯ ПАВЛА (весна 46г.)	1045
ПРОПОВЕДЬ ПАВЛА В АНТИОХИИ ПИСИДИЙСКОЙ (весна/лето 46г.)	1052
ИЗГНАНИЕ ПАВЛА И ВАРНАВЫ ИЗ АНТИОХИИ П. (осень 46г.)	1066
ИЗ ХРИСТОЛОГИИ ШТАЙНЕРА	1069
ПАВЕЛ И ВАРНАВА В ИКОНИИ (осень 46 – весна 47гг.)	1083
ЛИКАОНИЯ	1089
ИСЦЕЛЕНИЕ ХРОМОГО В ЛИСТРЕ (весна 47г.)	1092
ЛИСТРА, ДЕРВИЯ И ОБРАТНЫЙ ПУТЬ (47/48гг.)	1099
ИТОГ	1103
РАЗНОЕ	1105
ГАЛАТИЯ И ГАЛАТЫ	1105
<i>КЕЛЬТИКА И ПАРФЯНСТВО</i>	1110
ШТАЙНЕР О КЕЛЬТИКЕ	1113
ИУДЕЯ ПРИ КУСПИИ ФАДЕ (44 – 46гг.)	1116
РЕШЕНИЯ РИМА О ПЕРВОСВЯЩЕНСКОМ ОБЛАЧЕНИИ И О НАЧАЛЬСТВОВАНИИ НАД ХРАМОМ ИРОДА ХАЛКИДСКОГО (45г.)	1121
ФЕВДА (46г.)	1125
ИУДЕЯ ПРИ ТИБЕРИИ АЛЕКСАНДРЕ (46 – 48гг.)	1128

КЛАВДИЙ ЦЕЗАРЬ

45г.	1133
ФРАКИЯ	1136
ВАРДАН – ГОТАРЗ (и <i>граф Сен-Жермен</i> Античной эпохи – Аполлоний Тианский)	1142
46г.	1153
ЗАГОВОР СТАТИЛИЯ ТАВРА И АЗИНИЯ ГАЛЛА	1157
УСТРАНЕНИЕ МЕССАЛИНОЙ М.ВИНИЦИЯ И «ПРИВАТИЗАЦИЯ» МНЕСТЕРА	1158
БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО	1160
ПРОВИНЦИАЛИЗАЦИЯ ФРАКИИ	1163
НИЖНЯЯ ГЕРМАНИЯ	1166
47г.	1168
УСТРАНЕНИЕ МЕССАЛИНОЙ ГН.ПОМПЕЯ МАГНА	1168
РАСПРАВА НАД ВАЛЕРИЕМ АЗИАТИКОМ И ПОППЕЕЙ САБИНОЙ //	
СУИЛЛИЙ И СОСИБИЙ	1170
СУИЛЛИЙ И СИЛИЙ	1177
LUDI SAECULARI (весна 47г.)	1183
МЕССАЛИНА И СИЛИЙ	1191
ЦЕНЗОРАТ КЛАВДИЯ	1192
ГЕРМАНСКИЕ СЛОЖНОСТИ	1205
КУРЦИЙ РУФ	1211
В РИМЕ	1214
48г.	1218
ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ РИМСКОГО ГРАЖДАНСТВА ЧАСТИ ГАЛЛОВ	1219
ЗАПРЕЩЕНИЕ ДРУИДИЗМА	1226
АНТРОПОСОФИЯ О ДРУИДАХ И ДРУИДИЗМЕ	1231
ПОПОЛНЕНИЕ ПАТРИЦИАТА И ЧИСТКА СЕНАТА	1236
БРАКОСОЧЕТАНИЕ МЕССАЛИНА – СИЛИЙ И КРАХ (октябрь 48г.)	1240
КАЗНИ МЕССАЛИАНЦЕВ	1248
КАЗНЬ МЕССАЛИНЫ	1251
КЛАВДИЙ НА ВЫДАНЬЕ	1255
49г.	1259
БРАКОСОЧЕТАНИЕ КЛАВДИЯ И АГРИППИНЫ (январь 49г.)	1259
МЕГЕРДАТ И ГОТАРЗ	1264
БОСПОРСКИЙ ВОПРОС	1275
РАЗНОЕ	1281
РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ ПОМЕРИЯ	1286
50г.	1290
УСЫНОВЛЕНИЕ НЕРОНА И <i>АВГУСТИЗАЦИЯ</i> АГРИППИНЫ	1291
НАБЕГ ХАТТОВ	1295
ИЗГНАНИЕ ВАННИЯ	1298
РИМЛЯНЕ В БРИТАНИИ	1305
УКАЗ КЛАВДИЯ ОБ ИЗГНАНИИ ИЗ РИМА	
«ИУДЕЕВ, ПОСТОЯННО ВОЛНУЕМЫХ ХРИСТОМ»	1312

**ЧАСТЬ XI ИУДЕЯ ПРИ ПРОКУРАТОРАХ И ВЫХОД
ХРИСТИАНСТВА НА МИРОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ 48 – 54гг. н.э.**

КОНФЛИКТ ИУДЕЕВ И РИМЛЯН ПРИ (наместнике Иудеи с 48г.)	
ВЕНТИДИИ КУМАНЕ (весна 51г.)	1315
КОНФЛИКТ ИУДЕЕВ И САМАРЯН (осень 51 – весна 52г.)	1319
ПАРНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ НАМЕСТНИЧЕСТВО КУМАНА И	
ФЕЛИКСА (49/50 – 52гг.)	1321
СУД УММИДИЯ КВАДРАТА И ВЕРДИКТ КЛАВДИЯ (52г.)	1323
НАЗНАЧЕНИЕ ФЕЛИКСА, АГРИППА II И БРАКИ	
ИРОДИАНСКИХ ПРИНЦЕСС (52/53/54гг.)	1326
АПОСТОЛЬСКИЙ СОБОР (51г. н.э.)	1330
[ПОСЛАНИЕ ИАКОВА ПРАВЕДНОГО] (51г.) (см. Примечание 24)	(1343)
ВТОРОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АП. ПАВЛА (51 – 54гг.)	1344
ЛИСТРА – ФРИГИЯ – ГАЛАТИЙСКАЯ СТРАНА – МИЗИЯ – ТРОАДА (51/52гг.)	1347
ТРОАДА – САМОФРАКИЯ – НЕАПОЛЬ (март/апрель 52г.)	1351
В ФИЛИППАХ (весна 52г.)	1354
В ФЕССАЛОНИКАХ И ВЕРИИ (весна/лето 52г.)	1359
ПАВЕЛ В АФИНАХ (лето/осень 52г.)	1365
ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ	1375
АП. ПАВЕЛ В КОРИНФЕ (осень 52 – весна 54гг.)	1383
КОНФЛИКТ МЕЖДУ КОРИНФСКИМИ ИУДЕЯМИ И ПАВЛОМ (весна 53г.)	
В ПРОКОНСУЛЬСТВО ГАЛЛИОНА (52/53гг.)	1388
ДВА ПОСЛАНИЯ АП. ПАВЛА К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ (53г.)	1394
ЗАВЕРШЕНИЕ (и по завершении) ВТОРОГО МИССИОНЕРСКОГО	
ПУТЕШЕСТВИЯ (весна/лето 54г.)	1406
УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ (15.08.54г.)	1412
ПОСЛАНИЕ АП. ИУДЫ ИАКОВЛЕВА (ФАДДЕЯ) (осень 54г.)	1424

AUTHOR'S FOREWORD

The book "Apostles and "Caesars" chronologically continues the trilogy "Christmas Chronicles" (years 42 B.C. – 14 A.D.), "The Way to Jordan River" (14 – 30 years A.D.) and "The Mystery of Golgotha" (30 – 33 years A.D.), covering a period of 35 years (33-67/68 years A.D.). The book is dedicated on one hand to sacred meta-history – from the Resurrection of Christ and the first Christian Pentecost-Trinity (33 A.D.) to Apostles Peter's and Paul's martyrdom (67 A.D.), and on the other hand to profane history (in chronoframes), beginning from the 19th year of Tiberius' rule (33rd year A.D.) to Nero's suicide and the end of the first emperor dynasty of Julius-Claudius (68 A.D.).

The story is built on the same chronological (as chronology is the thread of Ariadne in the Labyrinth of history) principle as in the previous books, so in it the spiritual meta-history intertwines and interacts with secular history. In this book you will find a detailed observation of the problems of the first Christianity and the Christian world, the emergence of the Church and the ways of Missionaries-Apostles, as well as the Chronicles of the Roman Empire, including its peripheries and the neighboring world. Of course, included are also the detailed biographies of the Roman Caesars (and other historical figures) – in the period of time of the last 4 years of the rule of Tiberius (33 – 37 A.D.), through the odious rule of Caligula (37 – 41) and Claudius (41 – 54) to the catastrophic end of Nero's principate (54 – 68 years A.D.). Readers will see for themselves that the biblical-evangelical meta-history doesn't at all contradict the secular history.

The story provides a deep outlook of the history and meta-history before and after the described events, i.e. the broad retrospective and also perspective of the following events. In the course of the story special attention is paid to the proper chrono-reconstruction of the events, and the solution of a significant number of disputed questions is given. Interesting, not ordinary, solutions, hypothesis and versions are provided. Great many sources and authors have been used – from ancient and medieval to the newest apocryphs, with whom the author often argues. Those new and newest sources used in the book are naturally German, because, despite their ratio-materialistic shortcomings, German historical sources are considered to be the most fundamental and professional works until the second half of the 20th century, when the first place switched to the more superficial anglophone science. Unfortunately, now widely accepted so-called narrow specialization can provide only fragmentary look on history, preventing the creative approach and building of a holistic historical picture. For example, in current very pro-Western and Americanized Germany a specialist on Friedrich Hohenstaufen the Second (13th century) may not know anything about the Friedrich Hohenzollern the Second (18th century), and this is considered to be very normal and usual, but actually is not, because it produces pseudo-scientific semi-knowledgables and ignorants.

Moreover, nowadays Europe and European science kind of exhibits a shame of its Christianity and tries to be as tolerant and liberal as possible towards other confessions.

Thus, the presented monograph (unfortunately, coming out in a limited edition and for a narrow circle of readers – mostly scholars) which is the fourth one within the planned five-book series, tries to show to those really interested in finding the Truth (with the help of spiritual science-anthroposophy and anthroposophic Christology) the life-giving exit from an academical nowhere to the Truth. For exactly that kind of pro-Christian exit, like the new Exodus of Chosen Individuals from "fatal Egypt", is already in demand in modern times and for sure will be much more needed in the future.

ОТ АВТОРА

Книга «Апостолы и Цезари» продолжает хронотрилогию «Рождественская летопись» (42г. до н.э. – 14г. н.э.), «Дорога на Иордан» (14 – 30гг. н.э.) и «Таинство Голгофы» (30 – 33гг. н.э.), охватывая время и события протяжённостью в 35 лет (33 – 67/68гг.), будучи посвящена, с одной стороны, (мета)истории *sacra* – от Вознесения Господня и первой христианской Пятидесятницы-Троицы (33г.) до мученичества Апостолов Петра и Павла (67г.), посвящённая со стороны другой, – истории-профана – (в хронорамках) от 19-го года кесарства Тиберия (с начала 33г.) до самоубийства Нерона и конца первой римской императорской династии Юлиев-Клавдиев (68г.).

Повествование построено по тому же хронологическому (потому как хронология – *нить Ариадны* в Лабиринте истории) принципу, что и в предшествующих книгах. Т.е. духовная метаистория переплетается и взаимодействует в нём с историей светской, подробно разбираются как вопросы-проблемы собственно первохристианства и христианской проповеди, возникновения Церкви и миссионерских путей-дорог Апостолов, так и летопись Римской империи, включая её обширную периферию и сопредельный мир. Равно, разумеется, вниманию читателя предлагаются насыщенные биографии римских Цезарей (и иных исторических персонажей) – в период времени с, акцентируем-уточним снова, последних 4-х лет правления Тиберия (33 – 37г.), через одиозные импературы Калигулы (37 – 41гг.) и Клавдия (41 – 54гг.), по катастрофическое окончание принципата Нерона (54 – 68гг.). Читайте и удостоверьтесь воочию в том, что библейско-евангельская метаистория (в рамках и на основе предлагаемой автором антропософской хронохристологии) вовсе не противоречит светской-мирской истории!

Plus к тому, рассказ содержит пространные экскурсы в различные периоды истории/метаистории как много или немного до, так и немного или много после непосредственно (год за годом) рассматриваемых в книге событий (расширенная оглядка в раздвинутую ретроспективу и расширенный взгляд в раздвинутую перспективу). Причём в ходе повествования вновь уделяется подчёркнутое внимание правильной событийной хронореконструкции и решению немалого числа спорных вопросов, выдвигаются интересные неординарные решения, гипотезы, версии, используется множество источников, авторов (от древних и средневековых до новейших), апокрифов. Короче, см. Предисловия к предыдущим монографиям и сами эти монографии (а также подробное-детальное «Содержание» двухтомника нынешнего), не без учёта, само собой, присущих работе «Апостолы и Цезари» особых – композиционной, повествовательной и проч. – специфик.

Дело в том, что историю, тем паче, метаисторию, мало (просто) знать, её/их (вместе или порознь, купно или раздельно) надо, задействовав вполне конкретный духовно-опорный стержень, созерцательно видеть, лицезреть, пережить, прочувствовать, идя от ясно-мыслия к ясно-видению. Более того, имея при этом не куриные мозги и поставив во главу угла однозначный критерий великого Гёте: «Нет материи без Духа». Духовное переживание Времени и Пространства, Пространства и Времени (Времени в Пространстве и Пространства во Времени), взаимодействующие между собой дименсии *Хронос* и *Кайрос*, составляют основы историко-метаисторического ясномыслительного видения, к-рое глубоко чуждо-враждебно современному рационал-материалистическому подходу, но за к-рым истинное будущее!

При всём том, (мета)панорамно-таблюдное историевидение должно совме-

щаться (горизонтально, вертикально, диагонально) с (мета)хронологическим, и наоборот. И кроме того, следует усвоить, что исторические, тем более, метаисторические даты, зеркальная симметрия и геометрия этих дат и отражённых ими (в них) событий, хроносумманды и хроноинтервалы, есть отнюдь (конечно, если пользоваться правильным летоисчислением) не фикция! Они – *живые существа*, к-рые обращаются к нам (содержа подчас поразительную информацию), и язык к-рых иногда требуется расшифровывать-раскодировать, требуется суметь постичь-понять. А одухотворённой симптоматологической историографии должно в обязательном порядке (иначе – кирдык) возобладать над бездуховной прагматической.

Далее, истинному (мета)историку, при всех случаях, необходим, в той или иной мере, энциклопедический и универсальный-универсалистский (панорамный и хроно-) кругозор-уровень, энциклопедический и универсальный захват-охват, универсальный подход! Ибо повсеместно принятая в наше время узкая (и узколобая) специализация в состоянии дать лишь куцую фрагментарную мозаику, препятствуя и творческому осмыслению, осознанию, созданию, и живописному воссозданию целостной полноценной картины.

Так, к примеру, в нынешней Германии (к-рая до горечи западная и прозападная-американизированная, к-рая утратила понимание-переживание себя как духовного и политического европейского Центра между Западом и Востоком, как современного Центра мироздания! к-рая продолжает быть обер-евнухом в еврогареме дяди Сэма!) специалист по Фридриху II Гогенштауффену (XIIIв.) может ничего или почти ничего не знать о Фридрихе II Гогенцоллерне (XVIIIв.)! И это считается вполне нормальным, вполне естественным, однако, является в корне ошибочным и ненормальным, плодя на псевдонаучных основе и ниве вредоносных невежд, полужнаек и незнаек, с к-рыми далеко не уедешь.

И уж совсем из рук вон плохи дела на (тем не менее, сколь ни парадоксально казалось бы звучит, наиболее прогрессивном) Западе с мировоззренческой позицией, поскольку западная учёность XX/XXIвв., будь то Европа или (урвавшая на себя, из-за фактического самоубийства Европы с 1914 по 1945гг., мировую гегемонию) Америка (США), либо, сама по себе, твердолобо рационал-материалистическая, либо она (до обидного обабившись) стыдится-стесняется с т.н. либеральных (о т.н. демократических – вообще молчок), с т.н. толерантных якобы высот быть христианской.

И чтобы (так сказать или как бы) не обидеть разных нехристиан, евронаука предпочитает ныне т.н. научно-учёное (по сути) махровое (политкорректное) язычество всякому и всяческому христианству. Мол, от христианства, или, во всяком случае, от т.н. острых углов оного нужно, видите ли, либералистски дистанцироваться, как, дескать, от средневекового мракобесия, фанатизма, суеверия и т.д.! Согласитесь, подобная позиция немногим лучше, если не хуже, чем даже откровенно вульгарный, чем даже примитивно карикатурный давешний коммунистический атеизм.

Вот предлагаемая ниже (увы, пока достаточно узкому кругу читателей) очередная – четвёртая, в рамках запланированного автором пятикнижия, монография и пробует указать (воистину заинтересованному, в поисках Истины) читателю, в частности, на базе духовной науки – антропософии, на базе антропософской христологии, живительный выход из создавшегося в сегодняшнем обезбоженно болотном академизме академического тупика. Ведь именно такой непреложный для дальнейших верных путей-дорог обоснованно прохристианенный (михаэлический) выход (новый *Исход* избранных индивидуальностей *из* гиблого *Egunma*) уже отчасти востребован крайне тяжело пробуждающейся современностью и всенепременно будет гораздо острее, гораздо фундаментальнее востребован в грядущем!

ЧАСТЬ I

ОТ ВОЗНЕСЕНИЯ И ТРОИЦЫ ДО МУЧЕНИЧЕСТВА СВ. СТЕФАНА

33 г. н.э.

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

14 мая 33г.

Открывая свою Вторую книгу, озаглавленную впоследствии христианами (не автором) «Деяния Святых Апостолов», Евангелист Лука вновь, как и в начале книги Первой = III-й Благовест – адресуется к некоему Феофилу, о к-ром экзегеты гадают и гадают до сих пор, при том, что некоторые, например, «Библейский справочник» Г.Геллея (561/62), даже (пере)умудряются увидеть-разглядеть в нём какого-то (греко-)римского служивого чиновника (!) высокого ранга.

Повторим и продолжим. Феофил – на греческом – Θεόφιλος, – суть *друг Божий* (Р.л. 768), в связи с чем как Ев. от Лк., так и Деяния адресованы (ко) всем *друзьям Божиим*, т.е. (к) обретшим или ищущим себя во Христе и в общинном Христовом братстве *боголюбцам-богомилам*, чем, разумеется, одновременно не отрицается наличие среди современников Луки лично знакомого ему достопочтенного христианина Феофила¹ из числа, скорей всего, видных-(с)ведущих первохристиан Антиохии Сирийской (или Греции?). И оттуда же, из Антиохии, происходил сам единственный иудей среди Апостолов и Евангелистов – сириец-антиохиец Лука (Т.Г. 943-54), – вероятно, иудейский прозелит с 30-х гг. Ив. н.э., ставший ок. 40г. (в Антиохии, где приверженцы Христа впервые назвались христианами) христианским неофитом (см. ниже).

Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всём, что Иисус делал и чему учил от начала

До того дня, в который Он вознёсся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал,

Которым и явил Себя живым по страдании Своём со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием;

И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чём вы слышали от Меня;

Ибо Иоанн крестил водою, а вы чрез несколько дней после сего будете крещены Духом Святым.

Посему они, сошедшись, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстанешь Ты царство Израилю?

¹ Греческое имя Феофил встречается (в римско-эллинистическую эпоху) и у иудеев. К примеру, царь Ирод в начале Iг. до н.э. лишил, согласно Флавию (И.д.17,4,2), первосвященства своего тестя Симона Бозта (отец Мариамны II – матери первого мужа Иродиады, т.е. отца роковой плясуньи Саломеи, – Ирода Бозта) и назначил на его место иерусалимца Матфия, сына Феофила (Р.л. 691/92). Или – один из пяти (перебывавших великопонтификами) сыновей первосвященника Анны, именем Феофил, сменил в архипастырстве, по назначению римско-сирийского легата Л.Вителлия, своего брата Ионафана (преемника Каиафы с весны 36г.) весной 37г. (И.д.18,5,3) (Р.л. 888) (см. ниже).

Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти;

Но вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли.

Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их.

И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде

И сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо.

Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, к-рая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути.

И пришедши взяли в горницу, где и пребывали, Пётр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова;

Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми жёнами и Марию, Матерью Иисуса и с братьями Его.» (Д.Ап.1,1-14)

Обратим внимание на то, насколько искусно в стихах 1-3/4 гл. 1 Д.Ап. Лука (главное) дифференцирует и (вместе с тем) совмещает (ср. Мк.16,19) два (в рамках Единородного!) Христовых Вознесения – *Малое* и *Большое* (делая упор в Д.Ап., в отличие от заключительной 24-й гл. Ев. от Лк., на *Большом*), имевшие место, *первое*, у Вифании, – в повоскресенскую ночь с 5-го на 6-е апреля (Т.Г. 1770-74), а *второе*, т.е. Вознесение более высокого таинственного уровня на вышние небеса, с Елеонской горы (откуда, согласно ветхозаветному пророчеству Захарии², должно начаться наступление дня Господня, и где 31.03.33г. – Страстной вторник – прозвучал Апокалипсис Масличной горы), в 40-й от Воскресения 5.04.33г. н.э. день, к-рый есть великовознесенский четверг 14.05.33г. н.э.³

Удостоверьтесь воочию. 1-ю книгу к Феофилу Лк. написал о всём, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в к-рый Он вознёсся, т.е. речь идёт о мистериальном событии с 5-го на 6-е апреля, когда воскресший на рассвете 5.04. Христос, явившись 11-и на повоскресенской Вечери в Сенакле и дав им дуновением Духа Святого (Ио.20,22; Д.Ап.1,2)⁴, вывел их (наделённых Духом Святым) вон из города до Вифании, где, – «подняв руки свои, благословил их. / И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо» (Лк.24,50/51).

То, что это произошло не в 40-й, а в 1-й от Воскресения день, точнее, ночью (с пролептического воскресенья на понедельник, со дня *нового* Солнца на день *новой* Луны), равно то, что Лк. благовествует в Евангелии и в Д.Ап. (составлены в 60-е гг. Ів.) не одно, вопреки церковным экзегетам, но два (разноуровневых-разнодимиональных, по духовно-иерархической восходящей) Вознесения, мы повествовательно убедились в «Т.Г.» (1770-74). После же Первого Вознесения Господня последовало уверование (осязавшего исключительную телесность Воскресшего

² «И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, к-рая пред лицом Иерусалима к востоку; и раздвоится гора Елеонская от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдёт к северу, а половина её – к югу» (Зах.14,4).

³ См. ср. в упор не замечаемые, в упор игнорируемые церковными, либеральными и т.д. (моно)экзегетами дуализм Рождества Христова и дуализм Вознесения Господня! Дуалистическое Таинство Рождества и дуалистическое Таинство Вознесения!

⁴ Феофилакт Болгарский: «Так говорится не потому, что Сын имел нужду в Духе, но потому, что там, где творит Сын, содействует и соприсутствует Дух, как единосущный» («Толк. на Д.Ап.1»).

недоверчивого осызателя) Фомы (12.04.)⁵, явление Христа 7-и (без оставления ими Иерусалима) ученикам (в сделавшемся новым Ноевым ковчегом или небесной кущей Сенакле) на *Тивериадском озере* (19.04.) и явление 11-и (опять-таки, без оставления ими Иерусалима со окрестности) ученикам на *горе в* (прииерусалимско-иудейской) *Галилее* (3.05. = 14 ийяра) (Т.Г. 1774-95). Плюс – временем за седмицу до вознесенских сороковин 14.05. датируется (сообразно апокрифическому «Ев. от Варфоломея») Откровение Богородицы Апостолам в четверг 7 мая 33г., тогда как теперь в объективе Д.Ап. и на повестке дня собственно (велико)вознесенские сороковины 14 мая!

И если стих 2 гл. 1 Д.Ап. транспарирует Вознесение 5/6.04., то дальше вершится плавный переход к 40-у дню в слове об Апостолах, к-рым был даден Св. Дух, в предварении повознесенского сошествия на них Духа Святого 24.05. (вновь дуализм!), воскресенским вечером 5.04. в Пасхальной горнице, где Иисус явил им Себя живым по страдании Своём, и кому Он затем являлся в продолжение сорока дней, говоря им о Царствии Божиим. Являлся, помимо вышеперечисленных и др., названных в «Т.Г.», начиная с воскресенского дня, явлений, тем, кому (способным к восприятию Воскресшего) нашёл (счёл) необходимым явиться – в Своём Нетленно-Фантомном воскресенском Теле – как в уникальном – на протяжении этих сакральных сороковин – (солярном) *эфире*, чудесно уплотнявшемся до (обезвещественного) осызаемого *физиса*.

40 дней от Рождества до Сретения (декабрь 1 – февраль 2г. н.э.); 40 дней Искушения в пустыне (январь/февраль 30г. н.э.); 40 дней от Воскрешения Лазаря до Распятия Христа; 40 дней от Воскресения до (на 40-й день) Вознесения Господня (апрель/май 33г. н.э.).⁶

Притом среди удостоенных в эти (эксклюзивные) сороковины (без к-рых ни уверование, ни вера в Воскресение не были бы возможны) Христова явления персон находились, кроме первоочевидицы Марии Магдалины, Богородицы (о явлении Христа К-рой сообщает не Евангелие, но предание), жён-мироносиц и 11-и (Больших) Апостолов, также 500 братий (в одно время): специально оговариваемый в 1-м Посл. к Коринфянам Ап. Павлом Иаков, брат Господень (15,5-7), и (д.б., частично входившие в состав 500) многие или некоторые Апостолы из 70-и (Малых).

Так или иначе, Лука здесь благовествует явления по Воскресению и до Большого Вознесения⁷, само благовествование к-рого вступает в полновесную силу с 4-го стиха 1-й гл. Д.Ап., ибо согласно последнему, Иисус, собрав Апостолов на распо-

⁵ Не говорит ли Иисус утром воскресно-воскресенского дня 5.04. Марии Магдалине: «не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему» (Ио.20,17)! А неделю спустя, (в воскресенье) 12.04., Он же велит Фоме прикоснуться перстом к ранам на руках Его и вложить руку в (пронзённые римским копьём) рёбра Его (Ио.20,25). Следовательно, в интервале 5–12.04., а именно – в ночь с 5 на 6.04., Восшествие (Первое Вознесение) к Отцу (до ВОЗНЕСЕНИЯ 14.05.) свершилось-состоялось!

⁶ 40 дней и ночей Потопа (Быт.7,2); 40 дней бальзамирования (мумифицированного) Иакова, к-рый умер в Египте (Б.50,3); 40 дней Моисея на Синае (Исх.24,18; 34,28; Втор.9; 10,10)...; 40 дней пути Илии до горы Хорив (3Ц.19,8); 40 дней до предречённой Ионой, в случае непокаяния ниневитян (к-рые покаялись), гибели Ниневии (3,4). Каков охват! – от Великого Потопа, положившего начало слепопотопному человечеству, и от Иакова-Израиля (XXI–XIXвв.), от первопророка Моисея... до Вознесения Господня!

⁷ При всём том, если Магдалине, Богородице, жёнам-мироносицам, двум еммаусским путникам, Петру и на (воскресенской) вечери в Пасхальной горнице (с Петром) 11-и (плюс - первым уверовавший в Воскресшего, не видя Его, на рассвете 5.04., в пустом гробе, Лазарь-Иоанн), Иисус предстал в течение воскресного дня – утром, днём, вечером 5.04., – до Своего Первого Вознесения ночью 5/6.04., то прочие удостоились Его явления уже после этого (Малого) Вознесения.

женной порядком ближе (расстояние субботнего пути) к Иерусалиму (1–1,5 км), нежели (расположенная на юго-восточном склоне, у подножия горы) Вифания (2,7–3 км), горе Елеон (о чём мы узнаём из стиха 12), даёт им последние наставления, (снова) повелевая не отлучаться из Иерусалима до ниспослания-нисшествия на них обетования Отца, т.е. Параклета-Утешителя, т.е. – до Сошествия на них (в воскресную Пятидесятницу) Духа Святого.

Вспомним слово Иисуса об Утешителе в утешительной речи в Сенакле (Ио.14), перед выходом в путь (после Тайной Вечери) на Гефсиманию, и слово Христово о ниспослании обетования Отца перед первым (Малым) Вознесением Христа, выводящего Апостолов (5/6.04.) – «вон из города до Вифании» (Лк.24,49/50).

Тем временем, ныне (14.05.) слово о предстоящем облечении (свыше) Апостолов (огненнойязыким) Св. Духом звучит не в (у) Вифании, но именно на (Масличной) горе Елеон (Т.Г. 1234/35), что, как, в частности, в данном случае-случаях, двух мистериальных Вознесений, апрельского и майского (отправная точка первого из к-рых именно Вифания, а второго – именно Елеонско-вознесенская гора трёхглавого Елеонского кряжа), отнюдь не всегда тождественно.

Итак, ученикам надлежит ждать обещанного от Отца, не отлучаясь из Иерусалима как до, так и после (предпятидесятничных) сороковин, и это повеление приводится (блюдя связующую нить дней) в связь с крещением Иоанновым, поскольку, если Иоанн крестил водою, то «вы чрез несколько дней (правильнее с греч.: «немного дней спустя» – К.3.) после сего будете крещены Духом Святым» (5). Не пророчествовал ли Предтеча-Креститель, что грядёт за ним, Водолеем, Некто, К-рый (Рождённый под знаком Козерога – 25.12.1г. н.э.; Одухотворённый под знаком Овна на слиятельную апрельскую Пасху 14г. н.э.; Крещённый под знаком Козерога 6.01.30г. н.э.; взошедший на крест, умерший, низложенный в могилу Земли и Воскресший под знаком Овна в первую новозаветную Пасху 33г. н.э.) будет крестить Духом Святым и огнём!⁸ Не снизойдут ли огненные языки на Апостолов Господних (чрез немного = 10 поствознесенских – дней) в Троицу 24.05.33г. (= 6 сивана – день обретения Израилем через Моисея в исшествленном 1447г. до н.э. Торы)!

В ответ ученики, ещё не осознавая того, что они просветлённо осознают, пережив и вобрав великое Таинство Троицы, вопрошают о времени восстановления царства Израилю. Иначе говоря, они, в той или иной мере, переводят обращение к ним Иисуса, не поняв, в той или иной мере, его сути, из духовной в политическую плоскость, подменяя новозаветно-христианское мессианистическое спасение во Духе ветхозаветными чаяниями национально-освободительного измерения, т.е. заменяя Царствие Божие царством земным. Не время ли, Господи (Христос Господень – воитель и сокрушитель!), победоносно восставить, сбросив римское ярмо, государственную независимость (пленённого язычниками) Израиля, с чего, дескать, и стартует установление Мессией Израилева царства-владычества на земле?

Негоже путать-перемежать преходящую и относительную земную *справедливость* с абсолютной и непреходящей небесной *праведностью* во Христе! Негоже смешивать-путать горнее и дольное. Хотя, поди не запутайся, когда Распятый, наперекор всему, воскрес (!) и 40 дней (до 40-го дня), к-рые («много дней» – Д.Ап.13,31) значат не меньше, чем посткрещенские 3 года и 3 месяца Иисуса Христа на Земле,

⁸ Кирилл Иерусалимский (IVв.): «Не частная это благодать, но всеовершенная сила, ибо как погружающийся и крестящийся в водах отовсюду окружается водами, так и Духом крещены они были всецело; но вода омывает внешность, а Дух, ничего не исключая, всё крещает до внутренности самой души. И чему дивиться?.. Если огонь, входя внутрь грубого железа, целый состав его делает огнём и холодное раскаляется, чёрное начинает светиться; и если огонь, будучи веществом и проникая в вещество железа, действует так беспрепятственно, то чему дивиться, если Дух Святой входит во внутренность самой души?» («Т.Б.», т.3., Д.Ап., с.6)

являлся ученикам (в уплотнённом *облачном* Эфире) в беспрецедентно-специфическом Теле Воскресения, к-рое ближние ученики верно постигнут только после Пятидесятницы!

А пока в объективе, несмотря на весь предшествующий опыт мужей Апостольских, преобладание не вышнехристианской системы координат, но доминанта политизированных дименсионов, беспомощно-инерционный перевод стрелок на, в сущности, историю без метаистории, на физику без метафизики, на (по маккавейскому сценарию, анахронистические) Иудею-Израиль вместо Израиля аж или «даже до края земли».⁹ Вот почему Иисус и указывает ученикам, строго наставляя их (резкой отповедью), что не их дело (не в их компетенции), или, точнее, что не им «знать времена и сроки», к-рые в (тайном и таинственном) ведении, к-рые во власти Отца (-Сатурна)¹⁰, в то время как их дело, их миссия – свидетельствовать, облекшись (проникнувшись) в скором времени Духом Святым, о Христе – от Иерусалима до (в апостольской перспективе) самых окраин населённого людьми мира (так как

⁹ Так, в действенной уже в I/Пвв. н.э. знаменитой еврейской «Молитве 18-и благословений», в частности, говорится: «Возврати наших судей, как прежде, и советников наших, как вначале, и отведи от нас печаль и стон, и царствуй над нами Ты, Господь, один милостиво и милосердно, и оправдай нас на суде. Благословен Ты, Господь, Царь, любящий справедливость и правосудие... / И в Иерусалим, Твой город, возврати милосердие, и обитай в нём, как Ты обещал. И навечно отстрой его вскоре в наши дни, и трон Давида без промедления в нём установи. Благословен Ты, Господь, отстраивающий Иерусалим. / Росток Давида, раба Твоего, возрасти без промедления и силу его вознеси в спасении, Тобой дарованном, ибо на спасение Твоё мы постоянно уповаем. Благословен Ты, Господь, возвращающий луч спасения.»

¹⁰ «Мекхильта Исход 16,32 (596)»: «Семерича сокрыта от сынов человеческих: день смерти; день утешения; день суда; никто не знает, откуда грядёт вознаграждение; никто не знает, что на сердце у ближнего; никто не знает, когда дом Давида (царство Мессии) возвратится в место своё; и никто не знает, когда будет уничтожено царство богопротивников (Рим). Не сказано ли у пророка Аввакума: «Ибо видение относится ещё к определённом времени и говорит о конце и не обманет; и хотя бы и замедлило, жди его, ибо непременно сбудется, не отменится» (2,3).

«Санхедрин» (976): «Да будут перемолоты останки тех, к-рые просчитывают конечные сроки (начало мессианских дней), ибо когда это время грядёт, а Мессия не придет, скажут, что он не придёт вовсе. Кн.Аввакума: 2,3. Кн.Исаии: «И потому Господь медлит, чтобы помиловать вас, и потому ещё удерживается, чтобы сжалиться над вами; ибо Господь есть Бог правды; блаженны все, уповающие на Него» (30,18). «Ибо день мщения – в сердце Моём, и год Моих искупленных настал» (Ис.63,4). Кн.Даниила: «И отвечал он: «иди, Даниил, ибо сокрыты и запечатаны слова сии до последнего времени» (12,9).

Проморгав и отвергнув Иисуса, а также потерпев сокрушительные поражения в войнах-восстаниях 66-70-73 (плюс – еврейское восстание 115–17гг. за пределами Палестины – в Диаспоре – Египет, Кирена, Кипр, Месопотамия – в пору Восточного похода Траяна – 114–17гг.) и 132–35гг., отрেকেся от лжемессии Бар Кохбы, обезгосударственное и рассеянное Римом раввинистическое еврейство, предусмотрительно «омолодив» еврейско-иудейскую эру от Сотворения мира (перенесённую с VI тыс. до н.э. на 3761г. до н.э.), чем пришествие Спасителя надолго (до 5–6 тыс. далёких *от-сотворительных* лет; или – аж до 85-го юбилея) откладывалось в долгий ящик, (анахронистически) заповедало своей пастве следующее. Во избежание дальнейших накладок-недоразумений, в видах на ближние и дальние горизонты, считать (пусть не все этому незаконному запретному положению следовали), что те, кто слишком рискованно высчитывают-просчитывают опасные сроки исполнения (якобы неисполнившихся-неисполнимых) времён, лишаются доли в будущем мире.

То-то трактат «Шаббат» (30а) метафорически рекомендует евреям прилежно изучать Тору вместо сомнительного вычисления-выяснения сроков: «Рав Иегуда (+ 299г.) говорил, что Рав (+ 247г.) учил: «Что значит 5-й стих (Давидова) Псалма 38: «Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой». Давид хотел знать время своего ухода. Господь: «Человеку не должно знать конец его дней». Давид: «Но я хочу знать». Господь: «Ты умрёшь в субботу». Давид: «Позволь мне умереть в 1-й день седмицы или в

сошедший на Землю, в люди, Распятый и Воскресший Христос искупил человека и человечество Богу из всякого колена и языка, и народа и племени). Не есть ли Вознесение Господне, в т.ч., пятидесятичный порог вселенской переоценки кардинально обновлённых ценностей!

Ведь Царство Израиля отныне Царство Божие не от мира сего (о чём осуждённый иудеями Плотник из Назарета прямо сказал в крестный день Таинства Голгофы 3.04.33г. судившему Его и не понявшему сказанное Им Понтию Пилату). Оно, это Царство, не имеет ничего общего с царством национал-политическим, адепт к-рого, бандит Варавва, ушёл *из-под* креста вместо Иисуса, чтобы вскоре ввергнуть еврейство в борьбе за данное царство от мира сего в национал-политическую катастрофу. Нет, Царство Израиля как Царствие Небесное = Царство Христа – иной ойкуменической и космической природы – в душах человек, вернее, человека и (в высшем смысле – надэтнической-наднациональной) христианской общины, одно из столбовых положений к-рой можно сформулировать старорусским православным взаимоприветствием: «Христос посреди нас!» – «Есть и будет!»

Вознесение как промежуточное между Пасхой (праздник соборного братства во Христе) и Троицей (праздник свободных индивидуальностей во Христе) празднество непременно предваряет Пятидесятницу, к-рая индивидуализирует Импульс воскресенской Пасхи. Два соляных (Михэль/Михаил) воскресенья и юпитеральный (Захариэль/Захариил) четверг сорокового дня. Если пасхальное таинство раскроется во всей своей глубине в VI-ю Славянскую эпоху Самодуха, под знаком Водолея (3573 – 5733гг.), то время постижения таинства пятидесятичного – VII-я Американская эпоха Жизнедуха, под знаком Козерога (5733 – 7893гг.). Притом ни христианская Пасха, ни христианская Троица невозможны без соединительного между ними, без посредничающего между ними христианского Вознесения Господа Иисуса Христа.¹¹

* * *

Однако, займёмся непосредственно (метаисторическим) Вознесением и затем его теологией. Итак, если 5/6.04. Иисус, благословляя выведенных Им (из сионского Сенакля и из Иерусалима) до Вифании Апостолов, «стал отдаляться от них и возноситься на небо» (Лк.24,51), то 14.05. Он, во-первых, пресёк-табуировал небо-

(пятничный) канун субботы, «Ибо один день во дворах Твоих лучше тысячи. Желая лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия» (Пс.83,11)». Господь: «Мне милее один день, к-рый ты посвящаешь Торе, чем тысячи жертв, к-рые твой сын Соломон принесёт на алтаре».

Кстати, Давид умер в год (971г. до н.э.) после субботнего года (973/72гг. до н.э.), но вполне возможно, что именно в субботний день (по иудейскому преданию, – 6-го сивана).

¹¹ Сообразно армянскому преданию, во время Вознесения Христа на Небо камень с Его могилы (надо понимать, речь о камне с первосвященской печатью, отваленном от гробницы на воскресно-воскресенском рассвете Ангелом Господним – К.3.) тоже хотел подняться, но Владыка Христос не допустил этого и кулаком столкнул его вниз. Причём Христос во время Вознесения был в пути 9 дней (надо понимать, 9 дней между Вознесением и Троицей – на 10-й от Вознесения день! – К.3.), каждый день гостя у одного из Ангелов, почему теперь постятся во имя 9-и Ангелов (см. Э.Петросян «Праздники армян в контексте европейской культуры», Ереван-2011г., с.187). Впору вспомнить Дионисия Ареопагита и 9 чинов Ангельских (антиподных 9-и кругам ада)!

Согласно другому армянскому преданию, каждый год на Вознесение, рано утром, к роднику приходят два Ангела и опускают в него волшебное яблоко. Кто придёт первым на рассвете, тот увидит его. Но как только протянет руку за ним, яблоко тут же исчезает («Праздники армян...», с.188).

В «Песне на Вознесение», к-рое предваряет Троицу (новозаветный псалмопевец) Гр. Нарекаци говорит: «Удостоинся стать лирой Св. Троицы, настроенной для духовных звучаний».

гоугодные-неправомерные вычисления-выяснения времени исполнения времён, вторых, выразительно означил-очертил пределы предстоящего апостольского свидетельства в пределах Иерусалима (пуп Земли), Иудеи (колени Иуды — дом Давида; колени Вениамина — Павел), Самарии (10 колен) и даже до края земли, вернее, — всемирным (дом без границ) пространством от Иерусалима и до самых до окраин. И, наконец, в-третьих, т.е. в главных, «сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их».

Не так (на начально-мистериальной стадии) 5/6.04. (ср. наглядно), поскольку 14.05. свершилась-завершилась воскресенско-эфирная (сорокаднев) Мистерия Христа, в результате к-рой Его (не подвергшееся распаду на 3-й от смерти день) уникальное эфирное тело (тело жизнеобразующих сил), (вос)соединившись со вселенским Эфиром, благотворно растворившись в ауре Земли, распростёршись над Землёй, защитно объяло своими эфирными покровами Землю, между тем как Существо Христа Спасителя осталось с людьми (во человецех) на (просветлённой) Земле (не покинув её): «и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф.28,20). Дело в том, что Вознесение-восхождение (как в глазах воскресенско-посвящённых учеников, так и по сути) 5/6.04. и 14.05. было иерархическим, было (скажем так) *солярным* в апреле и *солярно-сатурнальным* в мае.¹²

Выражаясь образно, или наглядно-понятнее, если в послепасхальном апреле Он, Единосущный Отцу Сын, вознёсся к Солнцу, то в предпятидесятичном мае Он взошёл, сделавшись с тех пор невидимым (посвящённому глазу человеческому в том облике, в к-ром Он являлся ученикам 40 дней) от Земли в сферу (одесную) Отца (-Сатурна) — в объёмах-масштабах всей Божественно-Солнечной системы. Теперь остававшееся цельным на протяжении посвяtitельного (просветительного) сорокаднева это беспримерное *эфирное* Тело Воскресения, перестав быть видимым, образовало лучезарное *эфирное царство* вокруг обитаемой Земли (как в декабрьское святочное Рождество 44г. н.э., вследствие Астральной Мистерии Христа, Его астральное Тело обоймёт Землю *царством* покровительственно *астральным*!).

Уплотнённый и разуплотнённый эфир! Воплощённый и неразвоплощённый для Земли (в существе Земли) Христос (!), Кто охватил с вобравшей Христов Импульс Земли Вселенную до Солнца и Сатурна (и дальше). Опять дуализм! Остался с Землёй (не подобно ли электричеству после выхода из Земли Солнца!) и восшёл к Отцу, превратив одухотворённую прохристианенную (в людях-человеках) Землю в центр христианского мироздания (с духовным вращением планет вокруг неё, как физическая Земля вращается вокруг Солнца, чтобы однажды стать сиятельным Солнцем)!¹³

И Лк. благовествует-констатирует (для имеющих уши слышать для имеющих мудрость уразуметь) взявшее Его из вида их облако!¹⁴ (знак божественного велико-

¹² Н.Мertens («Handbuch...») называет вознесенское благовествование в Д.Ап.1,9-11 (элементарным) «повторением» благовествования (всенепременно) одинарного Вознесения в Ев. от Лк.24,50—52, в видах-де (всего-навсего) подготовки читателя к дальнейшему благовествованию в Д.Ап. Пятидесятницы (С.416). Упрощение и примитивизация не менее опасны и контрпродуктивны, чем переумудрение!

¹³ Не вышли ли *новые* Солнце и Луна из Земли как Дух и Душа, к-рые в предельном грядущем духотворно (вос)соединятся с Землёй! Не Семь ли последовательных глобальных Эонов в основе эволюции Человека и Человечества: *древний* Сатурн; *древнее* Солнце; *древняя* Луна; Земля; Юпитер, Венера; Вулкан! 7 метаморфоз! 7 состояний формы! 7 форм и состояний бытия Земли!

(Плюс к тому, если вдуматься, то геоцентрическая система Птолемея, гелиоцентрическая система Коперника-Кеплера и гео-гелиоцентрическая система Т.Браге духовно не взаимоисключают друг друга! Всё зависит от угла/углов зрения!)

¹⁴ «Устрояешь над водами горние чертоги Твои, делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра» (Пс.103,3). Господь «в столпе облачном» (Исх.13,21) сопровождал

лепия возносящегося Христа!) как эквивалент мирового эфира, принявшего Христов эфир, принявшего Христа Спасителя, (многоэтапное) Второе (не физическое, но эфирное) Пришествие К-рого (на облаках) началось (после Его Второго эфирного Распятия – XVIII – XXвв.) в XXв. н.э. (не без связки с началом очередной ротационной эпохи Архангела Михаила-Солнце в 1879г., и по истечении 5-тысячелетней Кали-юги = Малая эпоха тьмы – в 1899г.)!

Притом видеть-воспринять-осознать это сверхчужественное чудесное свершение *Вознесения* Господня, к-рое негоже путать с ветхозаветным *восхищением* (живыми на небо) Еноха (Б.5,24) или Илии (унесённого в огненной колеснице) (4Ц.2,11)¹⁴, могли, разумеется, не все, а именно те, кому Он до 40-го дня являлся и в глазах к-рых Он на 40-й день поднялся, облачно взятый из вида их. Доступная в своей первичной фазе восприятию избранных, конечная вознесенская фаза принадлежит иным мирам-измерениям. Таинственное облако суть спиритуальный эфир, но никак не метеорологическое явление, аки крещенский голубь – не птица, буде даже в момент Крещения Господня над Иорданом (как гутарят некоторые скудоумные экзегеты) пролетал голубь, или в пору Вознесения Господня над горой Елеон было (видите ли, просто-напросто-запросто) облачно!¹⁵

израэлитов при Исшествии из Египта. Облако наполняло храмовый дом Господень: «Когда священники вышли из святилища, облако наполняло дом Господень. / И не могли священники стоять на служении, по причине облака; ибо слава Господня наполнила храм Господень» (3Ц.8/10/11). (Облако как Шехина – знак видимого присутствия Божества над ковчегом завета.) Ев. от Мф. (24,30): «Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою» (Апокалипсис Масличной горы – 31.03.33г.). Откровение Иоанна Богослова: «Се, грядёт с облаками, и узрит Его всякое око, и те, к-рые пронзили Его; и возрыдают пред ним все племена земные. Ей, аминь» (1,7).

¹⁵ Если В.З. знает лишь два восхищения – Еноха и Илии, то разнящиеся апокрифические предания присовокупляют к ним также Мелхиседека, Моисея, Мастера Хирама, Ездру... Версию (енохитско-илиитского) вознесения (восхищения) Моисея (невзирая на наличие соответствующих апокрифов) опровергают как Ветхий Завет (Втор.34,1-6), так и (нюансированно) Иосиф Флавий, у к-рого находим: «...Когда же Моисей достиг вершины горы (Нево/Нэбо – К.З.), называемой Аварим (эта возвышенность лежит насупротив Иерихона и с неё открывается чудный вид на всю Ханаанею), то отпустил и старейшин. Затем он обнял Елеазара и Иисуса, и, пока ещё говорил с ними, его вдруг окружила туча, и он скрылся в каком-то ущелье. Впрочем, в священных книгах он сам упомянул о своей смерти, из опасения, как бы люди не вздумали утверждать, будто он, вследствие особой любви к нему со стороны Господа Бога, был взят прямо на небо» (И.д.4,8,48). В Соборном Послании Ап. Иуды (брат Господень) Михаил Архангел борется с диаволом за (мёртвое) тело Моисея (9). Не случайно Моисей, согласно иудейскому преданию, – избавитель во времени, а Илия – в вечности. То-то Илия есть крестивший Иисуса, Христа Земного, во Христа Небесного – Иоанн Предтеча-Креститель, в то время как Моисей – Симон Пётр – камень, на к-ром Иисус обещал воздвигнуть церковь Господню.

«Леках Тоб к Вт.34,6 (2,68а)»: «Почему могила Моисея сокрыта? Чтобы израэлиты не воздвигли над ней кумирню с жертвами и курениями; чтобы народы мира не осквернили её мерзостью идолослужения». «Сота» (14а): «Почему Моисеева могила сокрыта от глаз человеческих? Чтобы израэлиты, когда святилище будет разрушено, а народ изгнан из земли, не пришли на могилу Моисея с молитвой к нему: «Учитель наш, взмолись за нас». Ибо, в сём случае, Моисей заступится за них и сведёт рок на нет, между тем как для Бога жертвенная смерть благочестивцев дороже, чем их жизнь».

¹⁶ С др. стороны, само по себе Вознесение Христово вовсе не должно было шокировать в первые века христианства (учёных и неучёных) античных язычников, для к-рых, к примеру, посмертное взятие-вознесение-восхождение дивинизированного-консекрированного Христа в сонм богов (причисление Его к сонму богов), на манер, к примеру, (различных античных героев, царей, или) душ кремированных римских кесарей, было привычным или ненеобычным делом.

Ученикам же предстали «два мужа в белой одежде». Вспомним о двух (эфирно-астральных) ангельских мужах (дня воскресенско-воскресного) в одеждах блистающих (Лк.24,4); или — о юноше, облечённом в белую одежду (Мк.16,5); или — о молниеподобном Ангеле Господнем в одежде белой как снег (Мф.28,2/3); или — о представших Магдалине двух Ангелах, «в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса» (Ио.20,12). И прозвучало в день Вознесения из уст этих двух мужей в белой одежде обращение к Апостолам: «мужи Галилейские...». Галилея, откуда вышел Иисус, — как страна-метис, как страна-очаг смешения народов, как очаг-страна смешанных кровей, как страна-симбиоз и страна-амальгама, олицетворяющая подлежащую христианской космополитизации планету Земля до края земли!

О чём возвещают два мужа Ангельских мужам Галилейским? О (Втором) Пришествии вознесшегося на небо Иисуса «таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо». Да, но на индивидуальном уровне, инаугурация чего произойдёт посредством индивидуализации Импульса Христа Спасителя в Таинстве Пятидесятницы-Троицы. Не явится ли Иисус в 34г. (между Пасхой и Пятидесятницей; не в Вознесение ли?) ослеплённому вышним ослепительным сиянием гонителю христиан Савлу (см. ниже) и будет (время от времени) являться, по выбору (из свободной воли), тем, кого изберёт. Впрочем, следуют дифференцировать (эфирные) Господни явления исключительного-экссклюзивного времени довознесенского сорокаднева, явление (фарисею) Савлу (дабы обратить его в перспективе в Ап. Павла), явление Ап. Петру на выходе того из Рима в 67г. н.э. (Quo vadis?)... и вступивший в действие (заступивший на вахту) в XXв. феномен Второго (эфирного) Пришествия...

* * *

Ап. Пётр касается Вознесения в день и после повознесенско-пятидесятничного излияния на Апостолов Св. Духа: Д.Ап.: 2,33; 3,21; 5,31 — см. ниже. Ап. Павел в своих Посланиях пишет:

«Посему и сказано: «восшед на высоту, пленил плен и дал дары человекам».

А восшёл, что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли?

Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить всё.» (Еф.4,8-10)

«И ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мёртвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева.» (1Фес.1,10)

«И бесприкословно — великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознёсся во славе.» (1Тим.3,16)

В «Библейском словаре» Э.Нюстрема о Вознесении читаем: «...Он исчез из вида не сразу. Его преображённое тело поднималось в глазах их всё выше и выше до тех пор, пока белое облако, подобно триумфальной колеснице, не покрыло и не унесло Его в святилище неба (Пс.67,18; 46,6). Он восшёл выше всех небес, дабы наполнить всё (Еф.4,10). Его Вознесение свидетельствует о множестве обитателей в доме Его отца (Ио.14,2); о совершённом Им деле (1П.3,22); о новом открытии пути (Евр.10,19); о призвании святых; о цели и надежде на будущее (Кол.3,1; Фил.3,20) в ожидании Его дивного Пришествия (Д.Ап.1,11; 1Ио.3,2)» (с.70).

«Библейская энциклопедия» архимандрита Никифора: «На горе Елеон, в расстоянии субботнего пути от Иерусалима, Господь Иисус Христос восшёл на небеса человечеством, ибо Божеством Он всегда пребывал и пребывает на небесах» (с.114/15).

«Православная энциклопедия» (т.9, с.197-203): «Вознесение Господне — Ἀνάηψις τοῦ Κυρίου; лат. — Ascensio Domini. Одно из главных событий священной истории. После Вознесения видимое земное присутствие Христа уступает место Его невидимому пребыванию в Церкви...». Никакого вознесенского дуализма для «Прав. энц.», сродни проч. источникам, естественно, не существует. В то же время далее вознесенский феномен понимается как Прославление Сына Божия, после чего в разделе «Богословие Вознесения» читаем:

«Уже в древнейших вероисповедных формулах I/Пвв. о Вознесении Господнем говорится как об одном из основных событий земного служения Иисуса Христа (1Тим.3,16; Barnaba Ep.15,9; Юстин Мученик «Апология» 1, 21,1; 1,31,7; 1,42,4; 1,46,5; «Диалог с Трифоном» 63,1; 85,2; 126,1; 132,1). В большинстве древних Символов веры В.Г. упоминается вслед за Воскресением (например, в Никео-Константинопольском Символе). Важность события В.Г. подчёркивается и в большинстве древних евхаристических молитв (анафор).

После Своего Вознесения Христос не оставил мира, но пребывает в нём во Св. Духе, К-рого Он послал от Отца. Через действие Св. Духа Его невидимое присутствие сохраняется в таинствах Церкви (евхаристический аспект В.Г. просматривается уже в беседе о «хлебе небесном» (Ио.6,22-71).

Об искупительном значении В.Г. говорится в Посл. к Евреям (1,3; 9,12). Искупление завершилось после того, как Распятый и Воскресший Христос, вознесшись, вошёл со Своею Кровию в небесное святилище (Евр.9,12; 24-26). Видение Первомучеником Стефаном Иисуса, стоящего одесную Бога как Сына Человеческого (Д.Ап.7,55/56), говорит о том, что человеческая природа Христа не растворилась и не была поглощена Божественной.¹⁷ Приняв на Себя человеческую плоть, Господь Иисус не избежал смерти, а победил её и сделал человеческую природу равночестной и сопредельной Божеству. Он пребывает Богочеловеком навеки, и во второй раз придёт на землю «таким же образом», каким взошёл на небо (ср. Д.Ап.1,11), но уже «с силою и славою великою» (Мф.24,30; Лк.21,27)...

«Вознесение Спасителя есть обожение Его человеческой природы, к-рая становится невидима для телесного ока» (Афанасий Александрийский «Против ариан» 5).

«Православный календарь» церковных праздников на «Вознесение Господне» информирует: «Празднуется в 40-й день по Воскресении, всегда в четверг 6-й седмицы по Пасхе.¹⁸

Через В.Г. падшее человечество возводится Христом от Земли, тления и смерти к нескончаемой жизни на небе. Христос, воскреснув силой Своего Божества, через Вознесение удостоил обоженное и одухотворённое человеческое естество величия чести и славы седения одесную Отца.

В Вознесении Апостолам дано было понять, что Христос после этого уже не

¹⁷ Жертвенно-защитное *растворение* сорокадневной эфирной телесности Иисуса в ауре искупленной Им Земли, её превращение в царство Христова эфира над Землёй — не есть какое-либо растворение, будь то божественная или человеческая природа, отныне неразлучной с Землёй и Человеками богочеловеческой Индивидуальности пожертвовавшего Собой ради Спасения Человечества Христа Спасителя.

¹⁸ Праздник Вознесения Господня зависит от Пасхи (в пределах 22.03. — 25.04. — по григорианскому календарю), празднуется в мае/июне, принадлежит к праздникам подвижно-переходящим.

будет видим на Земле в телесном виде, как это было до и после Его Воскресения (Его «видимость» до и после Воскресения не была и не могла быть тождественной! – К.3.). И это потому, что с Вознесением Он и по человечеству Своему получил славу, к-рую всегда имел по Божеству, и место, равное Богу Отцу по достоинству и силе, что образно называется «воссел одесную Отца».

Вознесшись на небо и воссел одесную Отца, Господь не оставил Землю Своим Божественным присутствием, хотя Он невидим телесными очами верующих (с к-рыми пребывает неотступно). Через Вознесение Господь стал ещё ближе к человеку, ко всем верующим в Него. Ныне Он на Земле не только вездесущим Своим Божеством, но и в великом и пренебесном Таинстве Евхаристии – Божественного Тела и Крови Его, к-рых искренне приобщаются верные.

Вознесение – есть продолжение и завершение прославления Спасителя по человечеству, к-рое началось в Воскресении. Здесь совершается и завершается таинство Домостроительства нашего Спасения Христом и Его пребывания плотию на Земле.

Вознесение Иисуса Христа на небо открывает путь к небу, потому как Его смерть и Воскресение есть победа над грехом и смертью для всего человечества. Христос вознёсся на небо, как первенец из мёртвых, предоставив в Своём лице начаток искупления и возрождения Им человеческой природы. Он вознёсся со славой к Светоначалнику Отцу Своему, разрушив древнее осуждение человечества и Средостение вражды между человеком и Богом...»

Относительно вознесенского дуализма в составе разнодневного и даже разномесячного (апрель – май), по обе стороны от сорокаднева, Вознесения Господня «Золотая легенда» («Von der Himmelfahrt des Herrn» S.281-88) ловко выходит из положения, сводя два таинства воедино утверждением, что, мол, Христос в день Вознесения предстал ученикам дважды, в первый раз – в Сенакле, и во второй (дескать, в тот же день) – на горе Елеон.

В остальном (доминиканец) Яков Ворагинский (XIIIв. – епископ Генуи; автор-собратель-издатель «Золотой легенды») приводит, в частности, (неведомо откуда почерпнутое) интересное сообщение о том, что в пору предвознесенских сороковин в Сенакле обитали 11 Апостолов, тогда как прочие ученики и жёны-мироносицы обретались на сионских постоянных дворах неподалёку от Сенакля.

Дальше – больше. Согласно «Легенде Auea», Елеонская (Масличная) гора Вознесения (в составе трёхглавого Елеонского кряжа!) называлась горой *трёх светов* (огней), ибо: 1) ночью она освещалась неугасимым огнём (расположенного насупротив храма, со) святилищного алтаря (всесожжения); 2) утром первые лучи солнца касались её прежде, чем они касались города; 3) на ней росли оливковые-масличные деревья, масло к-рых употреблялось, в т.ч., для светильников.

40 дней требовались для доказательства истинности Воскресения, т.е. тут нужен был более длительный срок, нежели между страданием, смертью и Воскресением. Ученики сомневались, дабы не пришлось усомниться нам, и утвердились в вере благодаря увенчаемому Вознесением сорокадневу. Один год утешения равен одному дню мщения, скорби, печали (Ис.61,1). Иез.4,5: день за год. Он (воскресший в 40-й от крестной смерти час) был 40 часов мёртв, и потому на протяжении сорока дней манифестировал Воскресение и Жизнь.

Вспомним здесь, в дополнение к «Золотой легенде» от себя, про 3 сорокалетки в жизни Моисея, про 40-летний Исход, про 40 царственных лет Давида и 40 царственных лет Соломона...; или про 40 лет от 30 до 70гг. н.э., или про 40 лет от Мистерии Голгофы 33-го до комплексно завершившего Иудейскую войну падения Масады в 73гг. Не в прямой ли и не в обратной ли увязке с ними 40 часов между

крестной смертью (ок. 3-х часов пополудни 3.04.) и Воскресением (на рассвете 5.04.), и 40 дней между Воскресением и Вознесением Господним!¹⁹

Кроме того, если Енох был восхищён, а Илия понёсся в вихре на небо, то Иисус вознёсся-взошёл на небеса собственной силою. Не (пред)сказано ли (Иисусом) в Ев. от Ио.: «Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах» (3,13). Не сказано ли: «Восшёл Бог при восклицаниях, Господь при звуке трубном» (Пс.46,6). Августин Гиппонский: «Когда Господь возносился, небо пришло в движение, звёзды изумились, небесные рати ударили в ладони и возрадовавшиеся хоры Ангелов запели сладостную песнь».

Стремительное Вознесение сравнивается с восходом солнца: «И оно выходит, как жених из брачного чертога своего, радуется, как исполин, пробежать поприще» (Пс.18,6).

Амвросий Медиоланский: «Он сошёл в Иордан и взошёл на крест. Он сошёл с креста во гроб. Он восстал из гроба и восшёл-вознёсся, заняв место одесную Отца». Он вознёсся на расстояние-удаление 7700 лет – до седьмого неба. «От края небес исход его, и шествие его до края их, и ничто не укрыто от теплоты его» (Пс.18,7). «Господи, Боже наш! как величественно имя Твоё по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес!» (Пс.8,2).

Это было Вознесение на превышенное сверхчувственное небо. Христос восседает в эмпирическом небе, к-рое есть местонахождение сидящего одесную Отца Сына. «И воссел на херувимов и полетел, и понёсся на крыльях ветра» (Пс.17,11). Августин: «Смирением заслуживается величие, а величие – награда за смирение».

Не уйди Он, Утешитель не пришёл бы (Ио.16,7). И – тут в пору к раскладу «Золотой легенды» присовокупить – Вознесение Господне суть последнее необходимое для прихода Утешителя, перед сошествием Св. Духа на Апостолов, Действотайнство, без к-рого нет и не может быть Мистерии Троицы.

Папа Лев I (441 – 61гг.) в «Проповеди на Вознесение Господне»: «Сегодня наша природа возносится над всеми силами к трону Божию. И Его милость к нам становится ещё чудеснее, и вера наша не поколеблется, и надежда не убудет, и любовь не охладает. Вознесение Господне есть наше восшествие к Богу». Не благовествует ли Павел: «Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса, Сына Божия, будем твёрдо держаться исповедания нашего» (Евр.4,14).

Вознесшись, Он открыл для нас небесные врата. Если Первый Адам отпер врата ада, то Второй отворил врата рая. Вознесение ознаменовало окончательную победу Спасителя над смертью. Потому и поёт Церковь: «Tu devicto mortis aculeo etc» – «Ныне Ты одолел жало смерти и распахнул для верующих врата неба» (Te deum).

Э.Бок («Cäsaren und Apostel», S.220-26; «Die Drei Jahre», S.384–95) толкует предвознесенский сорокаднев как время посева новодуховного и новожизненного семени на-в открывшейся навстречу Христу Земле. Тело Воскресения не было тленным, т.е. переходяще материальным, не будучи оснащено физическими органами, подобно нашим физическим телам. Воскреснув, Он ел и пил с учениками во духе, а не в физисе, причём этот дух проникал земную материю, глубинно проникая в неё. Принятие физической пищи – прообраз приятия пищи духовной. Через одухотворение пищи мы причащаемся Крови и Плоти Христовой. В таинстве Евхаристии (к-рое Христос установил как на Тайной Вечери, так и после Воскресения – в довознесенские сороковины!) происходит соединение земных элементов с

¹⁹ 40 (у евреев – число покаяния и испытательного срока с упованием на помощь Бога) – числовая сумма (13-й) буквы еврейского алфавита – «Мем», к-рая, – вторая из трёх материнских букв, – восходит к иероглифу для обозначения воды, из к-рой исходят земля, холод и человеческий живот. В системе древа Сефирот Мем – между Гебурах (V) и Ход (VIII).

реально присутствующим в сакраменте Световым Телом (Lichtleib) Воскресшего Христа. Ученики были удостоены сакраментальной жизни в пору сорокаднева, когда они восприняли силу духовного Солнца в весенне-вселенском восходе, к-рый однажды преобразит Землю в Солнце. Евангелия восстали из воскресенско-пасхальной памяти. Это они возникли из культа, а не культ из Евангелия!

Из этих сорока дней выросла вся последующая христианская жизнь. Если Мелхиседек вынес хлеб и вино отцу народов Аврааму, то Христос дал сакрамент Евхаристии Апостолам, к-рые дали его всему человечеству. В Мистерии Вознесения Христом был сделан следующий шаг к освобождению человечества. И Вознесение не означает расставание с Землёй в пользу потусторонних Небес. Облако подняло Его не в чуждые Земле высоты, сделавшись эфирными покрывами земных элементов. Существо Христа не прекратило с Вознесением пребывать на Земле, но излилось в эфир Земли и стало поначалу недоступным ученикам. Через Вознесение Он стал Господином Небесных сил на Земле, в то время как Земля через Него стала Небом. Вознесение есть не отделение от Земли, а новое сближение с Землёй.²⁰ Постоянно присутствуя на повознесенской Земле, Христос дышит и живёт и творит совместно с душой Земли. И Сенакль суть расколдованный неразвоплощённым Христом Сион в лунарной Иудее, где в течение сорока дней расцвела духовно-соларная Галилея (обитель народов), и откуда христианству предстоит взойти в душах людей во всём мире!

Десятидневное вознесенское расставание в четверг, день Юпитера, со Христом Иисусом перед воскресной Пятидесятницей было для Апостолов и др. перво-христиан страданием, но именно эти страдания и боль проложили им путь к метавосприятию нисшествившей Пятидесятницы-Троицы!

ВОЗНЕСЕНСКАЯ ХРИСТОЛОГИЯ АНТРОПОСОФИИ

Впрочем, Бок, как и мы, опирается на Р.Штайнера, к вознесенской христологии к-рого нам сейчас, завершая обзор и разбор Таинства Вознесения Господня, необходимо (чтобы поставить не столько точку, сколько многоточие над *i*) обратиться непосредственно.

В заключительной 14-й лекции прочитанного с 22.05. по 6.06.1907г. в Мюнхене цикла лекций «Теософия розенкрейцеров» Штайнер, приводя 7 ступеней христианского посвящения (1 – Омовение ног; 2 – Бичевание; 3 – Возложение тернового венца; 4 – Распятие; 5 – Мистическая смерть...), чего мы коснулись в «Т.Г.» (1736), о 7-й, следующей после «Положения во гроб и Воскресения» (6-я ступень, в случае если не разделять Положение во гроб и Воскресение), Вознесенской (посвятельной) ступени говорит (и продолжает): **«Седьмую ступень – Вознесение – нельзя описать. Нужно обладать душой, к-рая мыслит уже не только при помощи инструмента мозга. Чтобы ощутить то, что претерпевает человек при вознесении, нужно иметь такую душу, к-рая может испытать это чувство. Прохождение через состояния, исполненные смиренного самопожертвования, составляет суть христианского посвящения. Тот, кто всерьёз проходит через них, воскресает в духовных мирах. Не каждому дано это в наше время. Поэтому необходим иной метод, ведущий к духовным мирам. Это метод розенкрейцества...»** (6.06.1907г.)

Хорошо знакомый нам по трилогии «Таинство Голгофы» цикл из 14-и прочи-

²⁰ В некоторых римско-католических церквях статуя Христа поднимается в день Вознесения до самого свода-потолка храма для наглядного представления этого праздничного события, сопровождаемого различными церемониями и песнопениями.

таннных в Касселе с 24.06. по 7.07.1909г. лекций «Евангелие от Иоанна в связи с Ев. от Луки и др. Евангелиями»: «...Но проходя 4-ю, 5-ю и 6-ю ступени христианского посвящения, мы собственным созерцанием приобрели способность видеть Мистерию Голгофы, мы вжились в Событие Голгофы. Тогда мы больше не нуждаемся в документах, они послужили нам, ведя нас ступень за ступенью ввысь.

Затем следует 7-я ступень, называемая «Вознесением», другими словами, это оживание в духовном мире; это та ступень, о к-рой справедливо говорят, что её нельзя выразить каким-либо словом нашего языка; её может себе представить лишь тот, кто стал способным мыслить, не пользуясь мозгом как орудием. Чудеса Воскресения могут мыслить лишь те, кто не обречён более на мышление при помощи физического мозга как орудия.

Присутствующие при свершении События Голгофы, были верующими, духовные очи к-рых были открыты. Они могли видеть происходившее тогда и притом могли видеть Христа так, как я вам это изложил, т.е. увидеть Его, когда Он предстал внутри земной ауры перед их открытым духовным оком. Однако они не могли бы видеть Христа, даже если бы Он продолжал пребывать в том же самом Образе, к-рый Он имел тогда, если бы Христос как Духовное Существо не завоевал чего-то нового тем, что Он преодолел смерть! А теперь мы подходим к одному явлению, к-рое очень трудно понять.

Человек непрестанно учится, и, стоя на какой-либо ступени, он развивается всё дальше и дальше. Однако не только человек, но и каждое существо — от низшего до высшего божественного Существа — учится, развиваясь всё дальше и дальше. Мы описывали до настоящего времени то, что Христос как божественное Существо совершал в теле Иисуса из Назарета. Мы описали Его воздействие и плоды этого воздействия на человечество. Спросим себя теперь: «Пережил ли Христос в Самом Себе что-то, что возвело Его на более высокую ступень?» Да, Он пережил. Божественно-духовные существа также переживают то, что приводит их к более высокой ступени. То, что Христос пережил как восхождение в более высокий мир, чем тот, в к-ром Он пребывал до того, Он явил Своим последователям на Земле как Вознесение. И поэтому непосвящённый, не ясновидящий человек, хотя сам и не может видеть, способен понимать 6 первых ступеней христианского посвящения. Но 7-ю ступень — «Вознесение» — может понять только ясновидящий, не связанный больше с орудием физического мозга; только тот, кто однажды сам испытал, что значит мыслить и видеть без непосредственного участия мозга...» (л.14 от 7.07.1909г., с.292/93)

В лекции позднего Штайнера «Откровение Вознесения и тайна Троицына дня», прочитанной 7.05.1923г. в Дорнахе, находим: «...Я хотел бы поставить сегодня перед вашими душами два образа, к-рые вы хорошо знаете, и охарактеризовать кое-что в связи с ними. Один образ являет нам учеников Христа Иисуса в день Вознесения, когда они, глядя ввысь, видят Христа, поднимающегося на облаках. Обыкновенно этот образ понимается так, что Христос вознёсся на небеса, покинул землю и что его ученики были, так сказать, предоставлены самим себе, как и вообще всё земное человечество, ради к-рого Христос прошёл через Мистерию Голгофы, оказалось после Его Вознесения предоставленным самому себе.

Вы легко можете прийти к мысли, что это явно противоречит реальности Мистерии Голгофы. Ведь мы знаем, что в действительности Христос решил посредством Мистерии Голгофы связать своё собственное Существо с существом Земли и, значит, с момента Мистерии Голгофы оставаться в постоянной связи с развитием Земли. Так что могучий образ Вознесения мог бы показаться противоречащим тому, что вытекает из эзотерического рассмотрения Мистерии Голгофы относительно связи Христа с человечеством и с существом Земли. Давайте сегодня попытаемся выйти из этого противоречия, основываясь на действительных духовных фактах.

Второй образ, к-рый я хотел бы сегодня поставить перед вашими душами, говорит о том, как через десять дней после Вознесения ученики собрались вместе и на головы каждого из них опустили огненные языки, так что они почувствовали себя тогда, как говорится при популярном изложении, побуждаемыми говорить на разных языках. В действительности же это значит, что отныне они обрели возможность научить тайнам Голгофы каждое человеческое сердце, какого бы исповедания ни держалось оно. Поставим сегодня эти два образа перед нашей душой и добавим кое-что (это может быть, естественно, лишь кое-что) к их характеристике.

Мы знаем, что развитие человечества начиналось не на Земле. Мы знаем, что развитию Земли предшествовало развитие Луны, а ему – развитие Солнца и, наконец, – Сатурна, описание чего вы найдёте в моём «Очерке тайноведения». Мы знаем, что в период развития древнего Сатурна человек развился до физического тела, но тогда это физическое тело было в существенном только тепловым телом, т.е. являлось суммой тепловых различий, тепловых действий, как бы располагавшихся вокруг душевно-духовного [существа человека], каким оно было тогда именно по смыслу моего «Тайноведения». Далее мы знаем, что во время развития древнего Солнца человек получил воздушное тело, во время развития древней Луны – своего рода текучее тело, а твёрдое, собственно земное тело он приобрёл только во время развития Земли.

Присмотримся к развитию Земли. Мы знаем, что развитие Земли протекает в семи следующих одна за другой эпохах. Первая (Полярная – К.З.) эпоха – это в некоторой мере повторение развития древнего Сатурна; вторая (Гиперборейская – К.З.) эпоха – повторение развития древнего Солнца; третья эпоха – повторение развития древней Луны, мы назвали её Лемурийской эпохой. С четвёртой (Атлантической – К.З.) эпохи начинается собственно земное развитие. Теперь мы живём в пятой (Пост-Атлантической – К.З.) эпохе. За ней последуют две других – шестая и седьмая.²¹

Середина земного времени приходится на середину Атлантической эпохи, так что к настоящему времени Земля уже прошла кульминацию, настоящую середину своего развития. Отсюда вы можете увидеть, что Земля находится уже в нисходящем развитии. Я уже часто обращал внимание на то, что сегодня это вполне согласуется даже с выводами материалистической геологии. В своей книге «Лик Земли» Э.Зюсс обратил внимание на то, что пласты Земли, по к-рым мы ходим, принадлежат, собственно, уже умирающей Земле. В Атлантическую эпоху Земля была, так сказать, в своём среднем возрасте. Тогда она была полна внутренней жизни, и тогда на ней не было тех образований в виде каменных пород, к-рые крошатся, но тогда минеральное было столь же деятельным в земном организме, как ныне оно деятельно в животном организме, где лишь в случае, если животный организм болен, оно обнаруживается в виде всяких отложений. Когда же животный организм здоров, в виде отложений образуются только кости. Однако они ещё имеют внутреннюю жизнь. В них нет того отмирания, как у наших гор, скал, к-рые рассыпаются в пыль. Это превращение в пыль скал наших горных образований является просто-напросто свидетельством процесса умирания, в к-ром находится Земля.

Как я сказал, сегодня это понятно уже обыкновенной материалистической геологии. Антропософия должна добавить к этому, что Земля действительно с середины Атлантического периода находится в нисходящем процессе развития. Но к Земле мы должны причислять и всё, что принадлежит Земле, – растения, животных и прежде всего физического человека. Физический человек принадлежит Земле. И поскольку Земля находится в нисходящем процессе своего развития, постольку и человеческое физическое тело целиком находится в процессе нисходящего развития. Выражаясь иначе, т.е. эзотерически, можно сказать: с середины Атлантического периода завершается,

²¹ См. «Д.И.» 109; 125; 710 (Р.л. 825/26; 1376)

собственно, всё то, чему было положено начало в тепловом теле древнего Сатурна. Развитие человеческого физического тела было завершено в середине Атлантического периода. Затем оно развивалось уже по нисходящей линии.

Когда приблизилось время Мистерии Голгофы, тогда по всей Земле (правда, развитие протекает неравномерно: у одного народа какая-нибудь фаза развития наступает несколько раньше, у другого народа, или у другой расы — несколько позже) в существенном, в среднем состоянии физического существа было таково, что, собственно, перед всем человечеством стояла перспектива больше не иметь возможности воплощаться на Земле, т.е. не иметь возможности далее участвовать в этом нисходящем развитии Земли. Это было уже вполне известно в школах посвящённых, и это, конечно, можно знать и сегодня: ко времени Мистерии Голгофы человеческое физическое тело пришло в упадок настолько, что люди, к-рые воплощались тогда или несколько позднее, примерно до IV-го столетия, стояли перед опасностью оставить Землю необитаемой и пустынной, не находя в будущем никакой возможности спуститься из духовно-душевного мира и сформировать физическое тело из физических элементов Земли. Опасность этого существовала. Человек, следовательно, должен был бы изменить своему земному предназначению. Взаимодействие ариманических и люциферических властей действительно завело людей настолько далеко, что ко времени Мистерии Голгофы человечество на Земле должно было бы, в сущности, вымереть. А благодаря тому, что свершилось с Мистерией Голгофы, человечество, можно сказать, было спасено от вымирания. Физическому телу человека была снова придана надлежащая свежесть, так что теперь люди могли проходить дальнейшее развитие на Земле, снова спускаясь из духовно-душевных миров и имея возможность вообще обитать в физических телах. Это было совершенно реальным последствием Мистерии Голгофы.

Я уже часто указывал, что последствие это именно таково, в частности, указывал в цикле лекций, к-рый под названием «От Иисуса ко Христу» (1911г.) был прочитан в Карлсруэ и вызвал наибольшую враждебность, потому что там, исходя из эзотерического чувства долга, были изложены истины, в отношении к-рых многие люди хотят, чтобы они оставались сокрытыми. Да, можно сказать, что враждебность к антропософии вообще стала проявляться с известных сторон сразу после известного цикла лекций. Таково, значит, было его реальное действие, с одной стороны. Один и тот же факт, естественно, можно излагать по-разному. В том цикле лекций я излагал его иначе, но то, что я характеризую сегодня, есть то же самое, но увиденное только с несколько иной стороны.

Итак, благодаря Мистерии Голгофы были вновь оживлены силы роста и преуспеяния физического человека. Этим была дана возможность, чтобы человек в состояниях сна получал некоторый импульс, к-рый он иначе не мог бы получить. Ведь общее развитие человека на Земле протекает в состояниях бодрствования и сна. В состоянии сна он оставляет физическое и эфирное тело. Я и астральное тело становятся самостоятельными в период от засыпания до пробуждения. Во время этого обретения ими самостоятельности во сне происходит воздействие силы Христа на тех людей, к-рые посредством надлежащего духовного содержания соответствующим образом подготовились к состоянию сна. Итак, воздействие силы Христа происходит преимущественно во время сна.

Теперь представьте себе, что в тот момент, к-рый образно указан в Библии под видом Вознесения, ученики стали ясновидящими настолько, что узрели, в чём, собственно, состоит тайна развития Земли. Тайны развития Земли проходят мимо обыкновенного сознания человека. Обыкновенное сознание может совсем не знать, что в какой-то момент развития человечества происходит нечто в высшей степени значительное для земного развития. Происходит столь многое, но только обыкновенное сознание человека на это не обращает никакого внимания. А описание сцены

Вознесения означает, собственно, то, что ученики Христа в этот момент стали способны наблюдать нечто весьма значительное, происходящее, так сказать, за кулисами земного развития.

То, что они узрели, показало им образно ту перспективу, к-рая настала бы для людей, если бы не совершилось Событие Голгофы. Перед ними встало в своей духовной телесности то, что произошло бы, если бы не было События Голгофы. Тогда произошло бы следующее. Человеческие тела настолько пришли бы в упадок в земном смысле, что под угрозу было бы поставлено будущее человечества. Такими сделались бы человеческие физические тела. А эфирное, к-рое находится в человеке, эти эфирные тела последовали бы действию силы их притяжения. Ибо эфирное тело — это, собственно, нечто такое, что непрестанно стремится не к земле, а ввысь к солнцу. Мы, люди, устроены так, что наше физическое тело подлежит действию тяжести Земли, а наше эфирное тело — солнечной лёгкости. Эфирное тело хочет постоянно устремляться к Солнцу. Если бы человеческое физическое тело стало таким, каким оно должно было бы стать без Мистерии Голгофы, тогда человеческие эфирные тела последовали бы их влечению к Солнцу, и из-за этого человечество на Земле как земное человечество, естественно, перестало бы существовать.

Солнце — это место обитания Христа до Мистерии Голгофы в том смысле, в каком здесь часто характеризовалось. Стремясь к Солнцу, эфирное тело человека стремится ко Христу. И вот представьте себе образ Вознесения: Христос возносится ввысь перед духовным оком учеников. Это значит, что их душевным очам было волшебным образом явлено, что стремящееся ввысь эфирное тело человека соединяется с силой, с Импульсом Христа, что, значит, человек ко времени Мистерии Голгофы стоял перед опасностью увидеть своё эфирное тело восходящим к облакам, к Солнцу, но что Христос удерживает то, что стремится к Солнцу. Этот образ надо понимать правильно. Этот образ есть, собственно, предостережение. Христос остаётся уже соединённым с Землёй, но он причастен к тем силам в человеке, к-рые стремятся к Солнцу и хотят навсегда уйти прочь от Земли. А Импульс Христа крепко держит человека на Земле.

Итак, в образе Вознесения перед душевным оком учеников предстало то, что должно было бы произойти, не будь Мистерии Голгофы. Представьте себе, что Мистерии Голгофы не произошло и некоторое число людей стали ясновидящими, как ученики в этот момент. Тогда они увидели бы, как эфирные тела некоторых людей уходят от Земли к Солнцу, и осознали бы, что эфирные тела избирают этот путь. Эфирно-земное человека уносится к Солнцу. Однако свершилась Мистерия Голгофы. Христос спасает для Земли это устремляющееся к Солнцу. И в этом устремляющемся к Солнцу, но удерживаемом Христом проявляется как раз тот факт, что Христос остаётся в соединении с человечеством Земли. Однако в этом заключено ещё нечто. Посредством Мистерии Голгофы Христос внёс космическое событие в развитие Земли. Христос спустился из духовных высей, соединился с человечеством в человеке Иисусе Назарее, прошёл через Мистерию Голгофы, соединил своё развитие с развитием Земли. Это было деяние, совершённое для всего человечества.

Итак, поймите это правильно: ради человечества происходила Мистерия Голгофы. Ясновидческий взор должен, так сказать, постоянно лицезреть как эфирные силы человека, стремящиеся удалиться от Земли, ради человечества соединяются со Христом, так что Христос может удерживать их при развитии Земли. Это имеет значение для всего человечества. Но подумайте о следующем. Представьте себе, что только малая кучка людей снизошла до того, чтобы приобрести знание о таких фактах, к-рые связаны с Мистерией Голгофы, и что существует гораздо большая часть человечества — как это фактически и есть, — к-рая не признаёт значение События Голгофы. Мы имели бы тогда Землю, населённую малым числом людей, действительно исповедующих Христа, и гораздо большим числом таких, к-рые не признают Мистерию Голгофы в её значении.

Как обстоит дело с ними? В каком положении находятся эти люди по отношению к Мистерии Голгофы? Или, лучше сказать, как относится Мистерия Голгофы, деяние Христа к этим людям? Так вот, мои дорогие друзья, деяние Христа на Голгофе — это объективный факт, к-рый в своём космическом значении не зависит от того, что о нём думают люди.

Объективный факт существует сам по себе, такой, какой он есть. Когда печка тёплая, она не станет холодной от того, что сколько-то людей будет думать, что она холодная. Мистерия Голгофы спасает человечество от распада физического тела, — и безразлично, что думают об этом люди. Итак, Мистерия Голгофы произошла для всех людей, т.е., значит, и для тех, к-рые её не признают. Это надо твёрдо установить, в первую очередь.

Итак, вы поняли, что Мистерия Голгофы произошла для того, чтобы принести человеческому физическому телу свежие силы, чтобы как бы обновить, оживить в необходимой мере человечество Земли, омолодить его. Это совершилось. Благодаря этому стало возможным то, что люди могут находить на Земле тела, в к-рых они будут воплощаться в течение определённого, ещё очень обширного будущего. Но тем самым люди как духовно-душевные существа всё-таки лишь проходят через такие омоложенные земные тела, могут всего лишь снова появляться на Земле. Импульс Христа, к-рый должен иметь своё значение также и для духовного, а не только для телесного существа человека, может распространяться на его бодрствующее состояние. Однако, он не мог бы распространиться на состояние сна, если бы душа прежде не приняла этого Импульса Христа.

Итак, можно сказать следующее. Мистерия Голгофы имеет силу для бодрствующих состояний человека, даже если люди не получили знания об этой Мистерии Голгофы. Однако тогда это не имело бы силы для состояния сна человека. А то, что должно было бы получиться из этого, было бы следующим. Люди, правда, всё снова инкарнировались бы на Земле, но они спали бы так, что в своём духовно-душевном существе утрачивали бы в состоянии сна связь со Христом, если бы не усваивали никакого знания о Мистерии Голгофы.

В этом состоит, конечно, отличие тех людей, к-рые не хотят ничего знать о Мистерии Голгофы. Христос совершил своё земное деяние на Голгофе для их тел, для возможности их земной жизни. Он сделал это также и для самых неверующих язычников. Но для духовно-душевного существа человека требуется, чтобы Импульс Христа мог погружаться в душу человека также и в состояниях сна. Для этого необходимо, чтобы человек сознательно исповедовал свою причастность к содержанию Мистерии Голгофы. Значит, правильное духовное действие Мистерии Голгофы может пристывать только из правильного признания содержания Мистерии Голгофы.

Итак, для земного человечества должно было наступить, с одной стороны, понимание того, что Христос удерживает спешащее удалиться, непрестанно возносящееся к Солнцу человеческое эфирное тело, но с др. стороны, духовно-душевное существо человека, его я и астральное тело должны воспринимать Импульс Христа в состояниях между засыпанием и пробуждением, подготавливаясь к этому его исповеданием во время бодрствования.

Так что мы можем сказать следующее. Пусть предстанет перед нашими душами образ Вознесения: ученики, ставшие ясновидящими, видят стремление эфирных тел людей вознестись к Солнцу; Христос соединяется с этим стремлением, сдерживает его. Это могучий образ — спасение Христом эфирного тела человека, явленное в образе Вознесения.

Но в то же время ученики уединяются, предаются размышлению, впадают в глубокое раздумье. Ибо в их душе живёт сознание: через Мистерию Голгофы было осуществлено всё (необходимое) прежде всего для физически-эфирного у человека, но что происходит

с его духовно-душевным? Откуда к человеку придёт сила воспринять Импульс Христа в его духовно-душевное, в я и астральное тело?

Импульс Христа осуществился на Земле в Мистерии Голгофы так, что он поддается проникновению и осмыслению только силами духовного познания. Никакая материалистическая познавательная способность, никакая материалистическая наука не в состоянии понять Мистерию Голгофы. Душа должна принять в себя силу духовного разума, силу духовного смотра, силу духовного ощущения, чтобы понять Импульс Христа, то каким образом Он соединился на Голгофе с импульсами Земли.

Для того, чтобы это могло произойти, осуществил Христос Иисус своё деяние на Голгофе. И Он осуществил его так, что 10 дней спустя после события Вознесения ниспослал людям возможность также и их внутренним духовно-душевным существом, их я и астральным телом проникнуться Импульсом Христа. Это образ праздника Троицы – пронизание духовно-душевного существа человека силой постижения Мистерии Голгофы, ниспослание Святого Духа. Христос совершил своё деяние для всего человечества. Отдельному человеку, к-рый должен понять это деяние, отдельному человеческому индивидууму Он послал Духа Святого, так что душевно-духовное может найти доступ к общечеловеческому деянию. Посредством Духа надлежит человеку внутренне духовно-душевно овладеть Мистерией Христа.

Так в истории развития человечества выстраиваются один за другим эти два образа, так что образ Вознесения гласит нам: «Для физического тела и эфирного тела Событие Голгофы совершилось как общечеловеческое; отдельный же человек может сделать его плодотворным для себя, принимая Духа Святого. Через это Импульс Христа индивидуализируется для каждого отдельного человека».

А теперь к характеристике образа Вознесения мы можем добавить ещё кое-что. Такие духовные восприятия, какие ученики имели в день Вознесения, всегда относятся, собственно, к чему-то такому, что человек переживает в том или ином состоянии сознания. Вы знаете, что человек после смерти переживает уход своего эфирного тела. Он слагает со смертью своё физическое тело. Ещё несколько дней он удерживает своё эфирное тело; затем эфирное тело растворяется; оно действительно соединяется с Солнцем. Это растворение (эфирного тела) после смерти есть его соединение с тем солнечным элементом, что течёт через пространство, в к-ром находится также и Земля. В этом удаляющемся от человека эфирном теле он со времени Мистерии Голгофы видит Христа, ставшего его Спасителем для будущего земного существования. Так что со времени Мистерии Голгофы, каждый человек, умирая, уже имеет перед своей душой тот образ Вознесения, к-рый благодаря особому духовному состоянию ученики видели в тот день.

Однако, для того, кто принимает в себя также тайну Троицы, кто позволяет Духу Святому приблизиться к себе, для него этот образ является величайшим утешением, какое он только может иметь после смерти, ибо он прозревает всю истину Мистерии Голгофы, и тогда этот образ становится утешением для него. Этот образ Вознесения словно гласит ему: «Ты можешь доверять земному развитию во всех твоих последующих земных жизнях, ибо Христос стал через Мистерию Голгофы Спасителем развития Земли».

Для того же, кто своим я и своим астральным телом, познавая и ощущая, не проникает в содержание Мистерии Голгофы, этот образ является упреком. Он является упреком до тех пор, пока человек не поймёт, что он тоже должен учиться пониманию этой Мистерии Голгофы. Это до некоторой степени предостережение после смерти: «Постарайся усвоить для ближайшей земной жизни такие силы, чтобы понять также и Мистерию Голгофы». Совершенно естественно, что этот образ Вознесения является сначала предостережением. Ведь в следующих земных жизнях люди могут постараться применить силы, о к-рых им давалось предостережение, и обрести понимание Мистерии Голгофы.

А теперь посмотрите, какое различие существует между теми людьми, к-рые внутренними силами веры, понимания, ощущения исповедуют Мистерию Голгофы, и теми, кто не исповедует её. Мистерия Голгофы совершилась для всех людей только в отношении их физического и эфирного тела. Ниспослание Духа, тайна Троицы гласит, что душевное и духовное существо человека сможет стать причастным к плодам Мистерии Голгофы только тогда, когда человек поднимется до действительного признания содержания Мистерии Голгофы.

Но тем самым одновременно сказано — так как содержание Мистерии Голгофы может быть понято только в духовном, а не в материалистическом познании, — что настоящий праздник Троицы может быть понят только, когда люди поймут, что ниспослание Духа предъявляет к человечеству требование доработаться постепенно до духовного познания. Ибо только через духовное познание может быть понята Мистерия Голгофы.

То, что она должна быть понята, требует тайна Троицы. То, что она произошла для всех людей, раскрывает тайна Вознесения. Эти две вещи в христиански интерпретированном развитии человечества следуют одна за другой: откровение Вознесения гласит, что Христос совершил своё Деяние как общечеловеческое; тайна же Троицы требует от человека как отдельной личности принять в себя Импульс Мистерии Голгофы. Так что можно сказать, что в отношении этого антропософия состоит в том, чтобы добиваться верного понимания тайны Троицы в её связи с откровением Вознесения. И если мы почувствуем, что антропософия пребывает здесь наподобие своего рода глашатая этих весенних праздников, тогда к тем краскам, к-рые антропософия имеет для нас, мы добавим ещё одну, необходимую ей.

Всё это должно сказать вам о том, что может доставить антропософское настроение для верного чувствования праздников Вознесения и Троицы. Образы, к-рые ставятся перед душой человека такими праздниками, подобны живым существам. Мы можем всё больше приближаться к их содержанию, можем всё лучше и лучше понимать их. Когда люди вновь достигнут того, что смогут вновь наполнять год таким духовным пониманием праздников, тогда и этот год получит конкретное, но вместе с тем космически-спиритуальное содержание. И человек уже в земном бытии научится переживанию космического бытия.

Можно сказать, что в том случае, когда Троица, являющаяся прежде всего праздником цветов, переживается надлежащим образом, тогда человек идёт туда, где, раскрываясь под воздействием солнца, под воздействием эфирно-астрального, распускаются цветы, и человек ощущает в этой покрывающейся цветами земле земное отображение того, что тогда уплотняется в образе Вознесения Христа и примыкающий к нему образ огненных языков над головами учеников. Раскрывающаяся человеческая грудь также может быть символизирована цветком, раскрывающимся навстречу Солнцу. А то, что нисходит от Солнца, чтобы дать цветам необходимую плодоносную силу, может символизировать огненные языки, изливающиеся на головы учеников. С помощью этой силы, к-рая может проистечь опять-таки от понимания праздников года, от правильного рассмотрения каждого праздника, антропософия может действовать на человеческие сердца, помогать настроению, к-рое могло бы стать настоящим настроением этих весенних праздничных дней» (с.57-70).

ИСТОРИЯ ПРАЗДНИКА ВОЗНЕСЕНИЯ

В отличие от изложения Штайнера, наше повествование, о чём читатель знает, разворачивается в хронологической последовательности. Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению (вышеанонсированной по Штайнеру) Пятидесятницы-Троицы, скажем (предоставив читателю информацию к *вознесенско-пятидесятничному* размышле-

нию) несколько слов о небесспорной истории установления праздника Вознесения Господня, о связанной с его празднованием географии-топографии и архитектуре, равно рассмотрим историю небеспамятного десятидневия («немного дней») между Вознесением и Пятидесятницей.

Нельзя согласиться с принятым в современной науке уверенным мнением (за к-рым сегодня капитулянтски плетутся церковные источники) о том, что, дескать, до IVв. празднование Вознесения Господня и Пятидесятницы не разделялось (см. «Прав. энц.»), и что последняя в IVв. окончательно оформилась не только как особый период после Пасхи, но и как самостоятельный праздник. Соответственно сторонникам этой искусственной конструкции, видите ли, лишь после II-го Вселенского собора 381г. (Константинополь) решено было, в связи с осуждением на соборе ереси Македония²², с целью подчеркнуть особую роль Св. Духа в домостроительном спасении, выделить (ни больше, ни меньше) В.Г. в отдельный праздник. Рационал-материалистический абсурд! Празднество В.Г. ставится в зависимость от осуждённой в 381г. ереси Македония! (Не сходно ли пресловутая колеблющаяся дата смерти Ирода стала в ново-новейшие времена определять поставленную в колебательную зависимость от неё дату Рождества Христова!?)

Спрашивается, — почему, в сём случае, ещё 5-е правило I-го Вселенского собора (Никея) 325г. говорит о «четыредесятнице», под к-рой, несомненно, В.Г., в чём критиканы премного сомневаются, между тем как Августин называет ок. 400г. именно «четыредесятницу Вознесения» (Quadragesima Ascensionis) праздником «древнейшим и повсеместным». Да и прямо фиксирующие празднование 40-го дня «Апостольские постановления» (5,19), к-рые сегодня уверенно относятся к 380г., восходят к (что до XIXв. акцептировалось) Клименту Римскому (+ 101г.) и, во всяком случае, к периоду II – IVвв., несмотря на наличие в них ряда реалий второй половины IVв., чем, однако, с оглядкой хотя бы на 5-е никейское правило и на свидетельство Августина, никак не подтверждается ни купное отнесение этих «Постановлений» на исход IVв., ни, так сказать, вытекающее отсюда установление вознесенского торжества якобы не ранее 380 – 85гг.

И сообщение паломницы Этерии (ок. 383г.) о собрании в вечер Пятидесятницы христиан Иерусалима на горе Елеон, «в том месте, с к-рого Господь вознёсся на небо» (Itiner. 43,5), с совершением службы, ещё не значит, что христиане Иерусалима праздновали Вознесение и Троицу в один день, тем более, что выше паломница уведомляет о совершении службы в Вифлееме на 40-й день от Пасхи (42), под чем гадательно видят (игнорируя вознесенские сороковины) литургическое памятование иерусалимлянами вифлеемских младенцев в день 18 мая (дата, заметьте, впервые называемая «Армянским Иерусалимским лекционным» 434г.).

Возможно, во II – IVвв., действительно, имело место замутнённое совмещение кое-кем и кое-где празднований Вознесения и Пятидесятницы, но подобное положение, ни в коем разе, нельзя ни обобщать, ни экстраполировать на Век Апостольский, пусть даже никаких соответствующих письменных свидетельств за период I/II/IIIвв. нет. При всех случаях, Апостолы и их ближайšie преемники не могли празднично совмещать Вознесение и Троицу. А то, что конкретная констатация раздельного празднования двух столь важных христианских торжеств в дошедших до нас источниках впервые встречается на Востоке у Григория Нисского (+ 394г.) и у (называющего данный праздник одним из важнейших) Иоанна Златоуста (+ 407г.), в то время как на Западе это в конце IVв. — Хроматий Аквилейский и Филастрий Брешианский, не есть основание произвольно перебрасывать время установления

²² Македоний — константинопольский епископ (ок. 342г.), учивший о Св. Духе в арианском смысле подобосущия = служебного творения.

«древнейшего» (т.е. идущего из IV н.э.), как свидетельствует Августин, собственно вознесенского праздника (уж поверьте, достаточно значительного, дабы быть исконно попасхально самостоятельным!) на века вперёд.

К месту напомнить про тупоумие критиканов с горе-экзегетами (перед к-рыми столь неоправданно пасуют церковные капитулянты) по поводу Евангелий, составление к-рых ещё недавно многоуверенно датировалось временем после 70г. н.э. только на том основании, поскольку, мол, в них говорится о разрушении римлянами в 70г. Иерусалима и храма, о чём посему Евангелисты до 70г., дескать, знать, ни при каких обстоятельствах, не могли. Для тех, кто одолел нашу фундаментальную трилогию в составе «Рождественской летописи», «Дороги на Иордан» и «Таинства Голгофы», комментарии здесь, извините, излишни.

Продолжим. Масличная (Елеонская) гора, сходно гроту Рождества в Вифлееме и гробу Господню, была издревле особо почитаема первохристианами. Причём самая короткая дорога на Вифанию из храма (от Храмовой горы) вела через Золотые ворота и Кидронскую долину в Гефсиманию, где начинается ведущее вверх трёх-дорожное распутие (развилка), с самой крутой из дорог – южной (больше напоминающей лестницу, вырубленную в скале). Она идёт мимо капеллы *Dominus-flevit*, далее проходит правее монастыря Бенедиктинок и соединяется за монастырём со средней дорогой.

На самой же горе, в расстоянии ок. 70-м друг от друга, издревле сосуществовали в качестве Св. мест как церковь Вознесения, так и вознесенский грот (не путать с гефсиманским), в к-ром, согласно традиции, Иисус молился и наставлял Своих учеников, в частности, в день прозвучавшего тут «Апокалипсиса Масличной горы» (Страстной вторник – 31.03.33г.), что, правда, если вслушаться в слово Евангелия, скорее, происходило под открытым небом, на вершине Елеона (Мф.24,3; Мк.13,3), в виду храмового великолепия (чем, однако, пребывание Иисуса со ученики какое-то время в гроте не отрицается).

Так или иначе, традиция этого грота восходит (не к I-у, но) ко II-у в. н.э. Например, в апокрифических «Актах Иоанна» есть слова: «Когда я, Иоанн, увидел Его страдание, то не выдержал и убежал на г. Елеон и плакал там о случившемся. И мой Господь восстал посреди грота и озарил его и сказал...» (с.67). Тут христиане Иерусалима собирались во II/IIIвв. в память о Вознесении. И именно данную традицию нашёл в 325г. Константин Великий, кто решил, наряду с церковью Гроба Господня и вифлеемской базиликой Рождества, соорудить над елеонским гротом церковь Вознесения, к-рую в 326г. заложила мать Константина Елена (Евсевий «*Vita Kostantini*» 3,41-43): «*Eleona*» = Масличная базилика (G.Kroll «*Auf den Spuren Jesu*», S.418-30).

В 333г. (анонимный) Паломник из Бордо сообщает: «Дорога из долины Иосафат ведёт на Масличную гору, где Господь перед Своим страданием наставлял Апостолов, и где, по велению Константина, была сооружена базилика» (Geyer, S.23). В том же IVв. неподалёку от базилики над гротом поднялась церковь. Ок. 383г. паломница Этерия называет её *Inbomon* = «на высоте» (возвышении), пишущи: «После богослужения следует восхождение на гору, притом сначала на *Inbomon*, откуда Господь вознёсся». В Vв. Пётр Ивер (+ ок. 485г.) удостоверяет наличие на вершине Елеонской горы церкви, построенной до 378г. Это было импозантное купольное сооружение, окружённое октогональной стеной, в к-ром имелись, согласно (отцу-инициатору церковных колоколов) Паулину Ноланскому (+ 431г.), на камне Вознесения, следы стоп Господних. После персидско-сасанидского разорения христианского Иерусалима в 614г. церковь восстановил иерусалимский патриарх Модест. «Грузинский иерусалимский лекционар» 638г. содержит информацию о её освящении в день 7.10.

Позднее, при владевших Иерусалимом (с 637г.) арабах, прежнюю вознесенскую традицию Елеонской горы вытеснила традиция, уверявшая, что именно на Масличной горе Иисус научил учеников молитве «Отче наш», к-рую, как мы помним, согласно Евангелиям, Иисус произносит в Нагорной проповеди в Галилее – 31г. (Мф.6,9-13), и потом осенью 32г. – в Перее (Лк.11,2-4), что, наряду с тем, не исключает её произнесение также на Елеонской горе, вознесенский приоритет к-рой, естественно, ставить под сомнение нельзя. И крестоносцы о нём напомнили, фундаментально обновив, точнее, новоотстроив пришедшие при арабах в упадок елеонские сооружения, в т.ч., церковь Вознесения, к-рая приобрела вместо круглой формы октогональную, и внутри двора к-рой появилась восьмиугольная бескупольная капелла (6 x 6м), символизировавшая отсутствием купола Вознесение, с алтарём над камнем – носителем-хранителем следов-отпечатков восходящих-отрывающихся от земли ввысь стоп Спасителя.²³

Между тем, в 1187г., Саладин, изгнав крестоносцев из Иерусалима, превратил вознесенское святилище в мечеть, каковой оно является и сегодня. Капеллу же (признающие инакокачественное вознесение якобы нераспятого пророка Исы Аллахом на небо) мусульмане покрыли-накрыли куполом, передвинув облечённый в мрамор священный камень из центра на юго-запад. При всём том, христианское богослужение тут в праздник Вознесения Господня допускается, мало того, католики даже пользуются привилегией служить мессу внутри капеллы...

Примечательно, что место Вознесения в четверг (день Захариила-Юпитера) 14.05.33г. – гора Елеон, в расстоянии субботнего пути от Иерусалима, – называется Лукой (Д.Ап.1,12), к-рый дифференцирует (не совсем прямым текстом) два вознесенских Таинства, апрельское (5/6.04.) – вифанское, и майское – елеонское, после Мистерии Вознесения, т.е. в ретроспективе, композиционно связывая таким, в т.ч., образом, *два* (сокровенный дуализм!) разноуровневых и разновременных, в составе не столько *одного*, сколько *единого* (из двух актов) мистериально-спиритуального Откровения-События!

А ниже, по тексту Д.Ап., из стиха 14 гл.1, вслед за перечислением в стихе 13 11-и Апостолов (где не называется особостатуированный Лазарь-Иоанн, что, впрочем, не означает его отсутствия), мы впервые слышим о единодушном пребывании в молитве и молении в Сенакле, совместно с Апостолами, некоторых жён = мирносиц, Марии, Матери Иисуса, и братьев Его, под к-рыми – обратившиеся в течение повоскресенского сорокаднева Иаков, брат Господень, Кому Иисус явился, сообразно свидетельству Ап. Павла (1Кор.15,7), персонально, и Иосия (Иосиф), так как два младших брата (Господних) – Иуда (Фаддей) и Симон (Кананит) – входят в избранный Иисусом круг 12-и с мая/июня 31г. н.э.

Причём именно в 1-й гл. Деяний Мария Богородица присутственно упоминается, – во время десятиднева между (*отшествственным*) Вознесением и (*сошестввенной*) Пятидесятницей, – в последний раз. Все последующие сведения о Ней, о Её дальнейшей судьбе можно почерпнуть только из апокрифов.

Не сказала ли 12-летняя Мария Галилеянка в благовещенский день 25.03.1г. н.э. Ангелу Господню (Архангел Гавриил): «...се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему...» (Лк.1,38). И вот окончательное исполнение этого волеизъявления (смирения и смиренномудрой покорности воле Божией), в ответ на обращение Ангела

²³ Вспомним бескупольный зороастрийский храм (с *вечным огнём* навстречу открытому небу, с синим зеркально-небесным озером и с 38-ю храмово-крепостными башнями на округлом плато) в приурмийской Атропатене, на горе Такт-и-Сулейман, где отсутствие купола символизировало ожидание вершащегося сошествия по звёздам (со звёзд) на землю Избавителя-Саошианта (Р.л. 236; Д.И. 833/34).

Господня к родной Матери Иисуса Нафанида – Марии Младшей (дата Успения К-рой – 8.09.14г.), выпало на долю её сестры, родной Матери Иисуса Соломонида – Марии Старшей, Которая (покровительствуемая-сопровождаемая из духовного мира родниковой душой усопшей сестры, Её покровами) стала приёмной Матерью Иисуса Нафанида в 14/15гг. н.э., Которая новообрела Девство Вечной Женственности в день Крещения Господня 6.01.30г. н.э., Которая стояла при Кресте Голгофы 3 апреля 33г. н.э., и Которой предстоит взятие в Небесную славу в Успении Богородицы 15.08.54г. н.э.

ИЗБРАНИЕ МАТФИЯ

Итак, на повестке дня повознесенско-предпятидесятничный майский десятиднев.

«И в те дни Пётр, став посреди учеников, сказал, –

Было же собрание человек около ста двадцати: мужи братья! надлежало исполниться тому, что в Писании предрёк Дух Святый устами Давида об Иуде, бывшем вожде тех, к-рые взяли Иисуса;

Он был сопричислен к нам и получил жребий служения сего;

Но приобрёл землю неправедною мздою, и, когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его;

И это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть «земля крови».

В книге же Псалмов написано: «да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нём; и: «достоинство его да примет другой».

Итак, надобно, чтобы один из тех, к-рые находились с нами во всё время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус,

Начиная от крещения Иоаннова до того дня, в к-рый Он вознёсся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его,

И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, к-рый прозван Иустом, и Матфия,

И помолились, и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, к-рого Ты избрал

Принять жребий сего служения и Апостольства, от к-рого отпал Иуда, чтобы идти в своё место.

И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам.» (Д.Ап.1,15-26).

Как наличие 10-и иудеев считалось достаточным для учреждения объединяющей их синагоги, так 120 иудейских мужей считались уже минимальной полисной общиной, к-рой разрешалось и надлежало иметь синедриональный совет из 23-х персон. «Санхедрин» (1,6): «Вопрос: «Сколько жителей (граждан) должно быть в полисе для наличия у них (над ними) синедриона из 23-х человек?» Ответ: «120». Альтернативное мнение р. Неемии (ок. 150г.): «230, соответственно чему, десятники каждой из 23-х десятин могут составить управительский совет из 23-х членов».

Горницы (сродни просторной Тайновечерней, куда Апостолы, придя с вознесенской горы Елеон, взошли, и где они с и после 5.04. пребывали) обычно располагались на верхнем этаже двухэтажных (жилой – первый этаж) зданий-строений, служа законоучителям как места собраний, обучения, молитвы. Т.е. из текста Д.Ап. явствует, что во вместительном Сенакле, в дни между 14.05. (вознесенский четверг) и 24.05. (пятдесятничное воскресенье), было собрание (одно из собраний), под

председательством князя Апостолов Петра, кого Иисус поставил пасти овец Христовых, в составе 120-и мужей.

Среди них Большие и, вероятно, Малые Апостолы, равно специально выделяемые Лукой (повоскресенцы уверовавшие) братья Господни (Иаков и Иосия), равно часть из 500 братьев (включая 70?), к-рым Иисус явился между Воскресением и Вознесением (1 Кор.15,6), плюс – Мария, Матерь Его, и некоторые жёны (мироносицы). Все они суть костяк первой христианской общины = иудео-христианская община (Иерусалима), к-рую вскоре епископски возглавит (не входящий в круг 12-и, но удостоенный персонального повоскресенско-довознесенского явления ему воскрешего Христа) Иаков, брат Господень.

Ныне же собравшимся надлежало избрать 12-го на вакантное место (свято место пусто не бывает) покончившего 3.04. самоубийством предателя Иуды, ибо коллегия 12-и (у Лазаря-Иоанна – особый статус и особое место), по неслучайному числу-количеству (велико)апостольских избранников-назначенцев Христа в мае/июне 31г. н.э. = в Лето Господне, не должна была и не могла оставаться неполной.

Причём обращает на себя внимание то, что перечисляя в стихе 13 гл.1 Апостолов попарно (где родные братья по крови – не в парах: Пётр и Иаков Зеведеев; Иоанн Зеведеев и Андрей...), Лука оставляет без пары именуемого в самом конце перечня, после Иакова Алфеева²⁴ и Симона Зилота, (брата-близнеца последнего) Иуду – родного (как и Симон Зилот) младшего брата Иакова (Праведного), т.е. Иуду Фаддея-Леввея (одного из 4-х братьев Господних), кто неспроста является (в т.ч., в данном контексте-раскладе) тёзкой Иуды Искарюта (на место к-рого должно избрать другого).

И Пётр, стоя посреди учеников, адресуется к собравшимся со словом об исполнении того, что в Писании предрёк Дух Святой устами великого царя-псалмопевца Давида об Иуде Симоновом Искарюте, предводительствовавшем (как ведущий ведомыми) в роковую ночь на Великую пятницу теми, к-рые взяли Иисуса (возложили на Него руки) в Гефсиманском саду. Иначе говоря, теми, кого привёл ушедший-вышедший с Тайной Вечери до срока в ночь предатель, к-рый знал о повечерне-ночном местопребывании Христа со Апостолами в Гефсимании.

Знаменательна торжественность Петрова слова, с воззванием к проникнутому Духом Святым Давидову псалмопевчеству. Не воззвал ли Иисус («да сбудется Писание») к Псалму (40,10) Давида на Тайной Вечери, по умовении ног Апостолов, за трапезой: «ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою». Вот о чём напоминает Пётр непосредственным участникам Вечери и во что он посвящает остальных. Не связывают ли 40-й Псалом с коварным восстанием Авессалома и с вероломным предательством Ахитофела! Не удавился ли Ахитофел, потерпев неудачу! Не прообразует ли его измена Давиду в 70-е гг. Хв. до н.э. (за ок. 1010 лет до 33г. н.э.) предательство Иуды в отношении Сына Давидова, – Христа Мессии!

А затем Петром представляется-характеризуется Иуда – как сопричисленный к Апостолам и получивший жребий служения сего, но приобретший землю неправедной мздою (30 предательских сребренников) и низринувшийся (поскольку верёвка-вервь не выдержала висельника) вниз, вследствие чего чрево его (от удара о землю: об острые камни?) расселось и внутренности вывалились.

²⁴ Иаков Младший – сын Алфея = Клеопы – мл. брата Иосифа (Плотника) Нафанида и Марии Клеоповой – двоюродной (по материнской линии) сестры дочерей Иоахима и Анны – Марии Вифлеемлянки (родной матери Иисуса Соломонида, Иакова, Иосии, Иуды, Симона...) и Марии Галилеянки (родной матери Иисуса Нафанида). Т.е. Иаков Алфеев, родной брат Иосии (Мк.15,40; Лк.24,10), плюс сводный, по отцу, брат Ев. Матфея и (эвентуального еммаусского спутника Клеопы) Симеона (сыновья Алфея-Клеопы от первого брака), приходился двоюродным братом как Иисусу, так и 4-м братьям Господним – со стороны отца, и троюродным – со стороны матери.

Мы подробно беседовали об этом в «Т.Г.» (1540-51), рассматривая проблему реконструкции самоубийства Иуды по Ев. от Мф., Д.Ап. и апокрифам. Здесь напомним, что первосвященники решили не класть возвращённые (разочарованным) предателем (крови невинной) деньги в храмовую сокровищницу (корбан), откуда они были взяты, купив на них присмотренную желавшим обзавестись землёй (в окрестностях Иерусалима) Искарриотом «землю горшечника» (где гончары добывали глину) «для погребения странников» (в долине Гехинном, южнее Сиона, у дороги в Вифлеем).

Налицо (прииерусалимская) «земля крови» (Акелдама), купленная ценою крови, противопоставляемая стоящей на очереди проповеди последователей Христа «в Иерусалиме и во всей Иудее и в Самарии, и даже до края земли», т.е. проповеди христиан в пределах до земных окраин как членов нового (со)общества-(со)братства, как пастырей (в скором будущем) не по крови, а во Духе.

Конечно, земля горшечника получила название «Акелдама» не в *сорокаднев* между Воскресением и Вознесением и не в *десятиднев* между Вознесением и Пятидесятницей, что, однако (помня о сплетённых-переплетённых ретроспективных и перспективных измерениях Св. Писания, помня о ближних и дальних горизонтах), глупо инкриминировать (чем промышляет ряд критиканов) Петру или Луке, хотя именно в сорокаднев жители Иерусалима вполне могли, ибо Событие Голгофы не прошло для них незамеченным, о случившемся с Иудой узнать.

И снова в объективе приводимые Петром пронзительные слова из Псалмов 68 (26) и 108 (8). Притом, если в Пс.40 – событие заключительной десятилетки Давидова царствования (восстание Авессалома), то теперь перед посвящёнными слушателями восстают картины гонений на молодого Давида со стороны сначала помазанного и потом отринутого Самуилом Саула. Не воздалось ли предателю Сына Давидова! Воздалось: как двор самоубийцы (жившего, стало быть, не одним двором с родителями, братом или братьями, если таковые имелись) остался пуст, так и отнявшееся у него, в результате выбранного-совершённого им предательства, его апостольское достоинство пора, по прошествии-миновании сороковин, до Пятидесятницы, принять другому!²⁵

Дальше следует предложение князя Апостолов о необходимости (о *времени*) избрать 12-го (число *пространства* до края земли!), к-рое, помимо прочего, весьма хроноинформативно. Предлагается избрать одного из тех, «к-рые находились с нами во всё время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус». Т.е., вслушайтесь-всмотритесь внимательно, Пётр не понимает, вопреки мнению множества толкователей, всё время от, что выясняется ниже, Иисусова Крещения Иоанном в Иордане до собственно Мистерии Голгофы и Вознесения в качестве времени постоянного пребывания Апостолов и учеников со Христом. Отнюдь, поскольку события Крещения и Вознесения в слове Петра маркируют-охватывают тот общий, тот суммарный промежуток-интервал времени итога от 6.01.30 до 14.05.33гг., когда с учениками-последователями вовсе не бесперывно пребывал и обращался Господь.

²⁵ Любопытен еврейский «Таргум на Пс.108» (8: «Да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмёт другой»), где говорится «о числе его лет, к-рые примет другой». Т.е., приложительно к Д.Ап., надлежит ли избираемому на место Иуды быть его сверстником-ровесником? или речь идёт о числе лет, отмеренных-оставшихся по жизни тому, чьи дни оказались кратки? (Саул воцарился, помазанный Самуилом, ок.1030г. до н.э., в возрасте 35-40 лет, и не дожил до 60-и лет, погибнув в 1011г., когда сделался царём помазанный Самуилом вместо отвергнутого им Саула ещё в 1017/16гг. Давид, кто правил 7 лет в Хевроне и 33 года, с 1004г. до н.э., в отобранном у иевусеев Иерусалиме, итого 40 лет, по 971г. до н.э.) (Д.И.456/57)

Да речь и не может идти о непрерывном, в течение 3-х лет и 3-х месяцев, плюс 40 дней, пребывания-обращении Господа со ученики, так как на протяжении сорока дней после Крещения Иисус постился на горе Искушения один в пустыне; или же – до 31г. при Нём подвизались не всё время и не все (бывшие при крещенском Иордане зимой 30г.) 12 в постоянном составе; или же – избранные-назначенные в мае/июне 31г. 12 Больших Апостолов были отправлены-направлены Иисусом парами на полугодичное, до весны 32г., служение осенью 31г. н.э.; или же – осенью 32г. Он снарядил на короткое ок. месячное служение – сентябрь/октябрь – 70 Малых Апостолов. Посему, повторим, речь ведётся о совокупном сроке (интервале времени) от Крещения до Вознесения, никак не могучи вестись о постоянном-неразлучном совместном пребывании-обращении Учителя и учеников в течение всего этого срока. Не *в течение* всего, с января 30-го по апрель/май 33г. времени, но *во всё (э)то* купное время!

Более того, Пётр²⁶ выразительно-подчёркнуто понимает, делая на них упор, свидетелей Воскресения Христова в ходе довознесенского сорокаднева, среди к-рых не только Большие Апостолы, а и жёны, и Иаков, и 500, включая 70 Малых Апостолов, братий, в числе к-рых, т.е., в числе 70/72-х из 500, те двое, поставленных-предложенных Петром и Большим Апостолатом²⁷ кандидатов, одному из к-рых выпадет принять, по брошенному между ними жребью, апостольское достоинство и вакансию в коллегии 12-и.

* * *

Засим познакомимся с двумя кандидатами на место выбывшего Иуды поближе. Се, как сказано, Иосиф, называемый Варсавою, прозванный Иустом, и Матфий.

Итак, начнём, в авторско-дееписательской порядковой последовательности, с Иосифа Варсавы Иуста. Сразу же бросается в глаза эта необычная для новозаветных текстов *tria nomina*. Иосиф (*Бог да умножит*) – имя личное (оно же – синоним патриаршего Израиля = Дом Иосифа; и синоним 10-и колен). Варсава – арамеизированно-грецизированный патроним (вместо фамилии) или прозвище (мнения относительно чего расходятся): от бар Савва – *сын Саввы*, или бар шаббат – *сын (дтия) субботы*, в смысле – *родившийся/рождённый в субботу*. Иуст (Юст) – латинское (изначально) когноминально-прозвищное имя, употреблявшееся также в качестве имени личного: *Iustus – Праведный*.

Согласно Иоанну Златоусту, этот Иосиф именовался Иосифом Варсавой или Иустом – либо для различения с др. Иосифами, или «из-за изменения образа жизни, а может, по его собственному желанию» (Ioan. Chrysost. in Act.3,2 // PG. 60. Col. 36) («Прав. энц.», «Иуст», т.28, с.571-73). Сходно Златоусту в IV/Vвв., о двойном-тройном имени, во избежание путаницы, думает в XIX/XXвв. Цанн («AG», S.60-65), удивляясь вдобавок тому, что Лк. называет Матфия только его еврейским

²⁶ Иоанн Златоуст: «Пётр всегда первым начинал говорить, частично по живости своего характера, а частично потому, что Христос верил ему Своё стадо и он был первым в лике Апостолов... Мужи, говорит он, братие. Если Господь назвал их братьями, то тем приличнее было такое обращение Петру... Он предоставляет это дело (избрание нового Апостола на место Иуды) на суд большинства... Разве самому Петру нельзя было избрать? Очень можно. Но он этого не делает, чтобы не показаться пристрастным...» («Беседы на Д.Ап.3»).

²⁷ Т.Цанн («Apostelgeschichte», S.60-65) сопоставляет две редакции «Деяний» *A* и *B* (не путать с восточным Александрийским и с западным Ватиканским кодексами-манускриптами «A» и «B») (см. ниже): если согласно *A*, двух кандидатов выдвигает-предлагает Пётр, то в *B* (ставшее каноническим) – мн.ч.: «И поставили (надо понимать, поставил Большой Апостолат во главе с Петром – К.3.) двоих» (1,23).

именем, в то время как отсеянный жребием ученик, зовущийся в Д.Ап. аж тремя именами, известен на деле лишь своей частой путаницей у древних и позднейших авторов с иными носителями тех же, либо похожих имён.

Оно и (отчасти, по поводу путаницы) верно, ибо, например, уже «Кодекс Безы» (Vv.) называет этого Иосифа Иосией Варнавой (как, а именно Варнавой он зовётся и в «Итале», и в «Вульгате»), путая-смешивая его со сродником Марка и одноклассником Павла, кто звался Иосия Варнава Кипрянин (Д.Ап.4,36/37; Кол.4,10) (Т.Г.747), будучи (сходно Варсаве) одним из 70-и²⁸, в список к-рых Иосифа Варсаву включает Епифаний Кипрский («Панарион» 51,15). Между тем, ряд современных комментаторов предпочитают разглядеть в Иосифе Варсаве, на базе, мол, одноотчества-однопатронимичности, брата Иуды Варсавы, кто вместе с Силой был снаряжён после Апостольского собора 51г. в помощь Павлу и Варнаве в Антиохию для разъяснения соборных постановлений христианам Сирии и Киликии (Д.Ап.15,22-32).²⁹

С др. стороны, касаемо говорящего Иосифова прозвища «Иуст», таковое среди иудеев римско-эллинистической эпохи встречается как личное имя не единожды. К примеру, его носил один из сыновей Иосифа Флавия («Жизнеописание» 1); или Флавиев антагонист-оппонент – Иуст (Юст) из Тивериалы (34). Далее, из представителей раввинистического иудаизма в IVв. Иустом именовался традент р. Берехии (ок. 340г.) (Пешикта раббаты 42а); или известен живший в конце IVв. р. Юстан бен Шунем; или некий Юст из Сепфориса фигурирует в «Мидраш НЛ» (6,2 (125а)).³⁰ (Ср.: историк Юстин/Иустин – Iв. до н.э.; или христианский апологет Юстин/Иустин Мученик – IIв. н.э.)

Одним словом, прозвище Иуст менее подвопросно, нежели многочисленные попытки идентификации Иосифа Варсавы, в ком некоторые пытались увидеть и Иосифа, одного из братьев Господних (Иаков, Иосиф/Иосия, Иуда, Симон), и Иосию, брата Иакова Меньшого и сына Марии Клеоповой (Мф.27,56; Мк.15,40; 47), к-рого, в свою очередь, многие ошибочно смыкают-отождествляют с первоазванным Иосифом/Иосией (сродственно тому, как Иакова Младшего/Меньшого неправоммерно смыкают с Иаковом Праведным = братом Господним).

Напомним, если Иосиф (сокр. или употребляемая в Галилее форма имени – Иосия), сын Иосифа Соломонида и Марии Вифлеемлянки, был родным мл. братом Иисуса Соломонида, родившимся после Иакова (Праведного), в 4/5гг. н.э., являясь, стало быть, как сводным, так и двоюродным братом Иисуса Нафанида, то отнюдь не идентичный Иосифу/Иосию Соломониду Иосия (*Бог исцелит*) был, как сын Алфея (Клеопы – мл. брата Иосифа Нафанида) и Марии Клеоповой (двоюродной сестры Богородицы), двоюродным братом Иисуса по отцовской и троюродным по материнской линии.

Но, увы, вполне могучи быть их, Иосифа (бен Иосифа) и Иосии (Алфеева-Клеопова), приблизительным ровесником, родившийся, как и они, вероятно, в

²⁸ В латинской версии апокрифических «Деяний Ап. Павла» (Пв.) заточённый в темницу за исповедание веры во Христа приближённый императора Нерона носит имя Варнава Иуст Плоскостопный, тогда как греч. версия именует его Варсавой Иустом, что дало повод одним исследователям предположить его идентичность Иосии Варнаве, а другим – Иосифу Варсаве.

²⁹ Мало того, «Библейско-биографический словарь» (1849г.) упрощённо-неоправданно сводит Иосифа Варсаву и Иуду Варсаву, «называемого также Иосифом, или Иосией, или Иустом», под грифом «Иуда Варсава» (с.444/45), воедино.

³⁰ Посему современное вольготное мнение Ч.Баретта (см. «Прав. энц.») о римском гражданстве Иосифа Варсавы как носителя прозвища-когномена *Iustus* – плохосостоятельно. (Римским гражданином среди Больших и первого палестинского состава Малых Апостолов был только Павел!)

первом десятилетии н.э. Иосиф Варнава, прозванный Иустом, одним с кем-либо из них лицом не является. В отношении Иосифа, брата Господня, последний в период до Воскресения Христова находился вместе с братом Иаковом в оппозиции к Иисусу, и потому никак не отвечает слову Деяписателя о приверженности Христу в интервале времени от Крещения до Вознесения (пусть даже одна из версий «Жития Иосифа Плотника» – IV – VIIвв. – именует его Иустом). А в отношении брата Иакова Алфеева – Иосии, он ни у Мк., ни у Мф. (отлично от Иосии, именуемого в ряде новозаветных манускриптов Ев. от Мк. именно Иосифом), ни в каких евангельских редакциях, зовясь именно Иосией, Иосифом не зовётся, в связи с чем номенклатурно-именной аргумент для его (домысленного-сконструированного) отождествления с Иосифом Варсавой как минимум весьма проблематичен.

Более того, мы отмечали, что, приводя перечень 12-и, Лк. в Д.Ап. слишком выразительно-подчёркнуто объединяет в пары Петра и Иакова (Зеведеева), Иоанна (Зеведеева) и Андрея (Филиппа и Фому, Варфоломея и Матфея), на сей раз (ср. Лк.6,14/15), не по братско-родственному признаку. Т.е. времена кровного братства позади: после Жертвы Голгофы, Воскресения и Вознесения, в канун Пятидесятницы, оно вовсе не первично. На повестке дня и в свете приближающейся Троицы приоритетно братство во Христе, братство во Духе. Засим Иосиф Варсава, кому предстояло составить или не составить апостольскую пару Иуде (не Искарриоту) Фаддею (один из братьев Господних), по всему, не мог приходиться ему родным братом, и скорей всего, не приходился ему также братом двоюродным-троюродным (хотя предпоследнюю пару – Иакова Алфеева и Симона Зилота – брата-близнеца Иуды Фаддея, роднило братство троюродное, поскольку их матери, соответственно, Мария Клеопова и Мария Вифлеемлянка, были, как мы знаем, двоюродными сёстрами).

Дальнейшая судьба не избранного жребием в число 12-и Больших Апостолов Иосифа Варсавы Иуста, сопринадлежность к-рого Малому Апостолату 70-и ставить под сомнение не следует, в тумане. «Пасхальная хроника» (VIIв.) делает его третьим епископом Иерусалима, однако, сообразно Евсевию (И.Ц.3,35; 4,5), к-рый, кстати, списком 70-и в III/IVвв. (ещё) не располагал, Варсава Иуст и Иуст Иерусалимский – не тождественны. Да и несподручно (ок. 100-летнему) Варсаве Иусту преемствовать претерпевшему мученичество ок. 107г. Симеону (к-рый – второй иерусалимский епископ – преемствовал Иакову Праведному в 62г., тогда как убитый иудеями в 66г. Иаков Алфеев столичным епископом не был)³¹ (Д.И. 189-97; Т.Г. 446-49) в иерусалимском епископстве по возрасту.

Наряду с тем, каталог 70-и Апостолов Псевдо-Епифания (V – VIIвв.) называет Иосифа Варсаву епископом Елефверополя (родина Епифания Саламинского) – иудейского города в 53-х км от Иерусалима, по дороге на приморскую Газу. В каталогах же Псевдо-Ипполита (VII/VIIIвв.) и Псевдо-Дорофея (VIIIв.) епископом елефверопольским назван Иисус Иуст, тезоименитство к-рого Иисусу Иусту из Посл. Ап. Павла к Колоссянам (4,11) говорит о компилятивной накладке двух различных Иустов одного на другого, что, тем не менее, не опровергает наиболее (сравнительно) акцептабельную информацию Псевдо-Епифания. И отсюда за традицией мученичества Иосифа Варсавы Иуста, одного из 70-и, ок. 60/61гг., в Елефверополе (Элевтерополь) может стоять историческая реальность, или, по меньшей мере, отзвук исторической реальности.

Впрочем, никаких достоверных сведений о его проповеди, деяниях, маршрутах нет. Правда, Евсевий приводит (без локализации обстоятельств, места и времени действия) фрагмент из несохранившихся писаний Папия Гиерапольского, к-рый

³¹ Евсевий ошибочно совмещает Иакова Праведного и Иакова Алфеева (см. ниже).

ссылается на рассказ дочерей (претерпевшего мученичество в малоазийском Гиераполе) Ап. Филиппа (отца 3-х дочерей, в то время как часто смешиваемый с ним дьякон Филипп был отцом 4-х дочерей) «о чуде с Иустом, Варсавой по прозвищу (в Д.Ап. — «называемый Варсавой, прозванный Иустом»): он выпил смертельный яд и по милости Господней не потерпел никакого вреда. Этого Иуста после Вознесения Господня Св. Апостолы поставили вместе с Матфием и молились, чтобы жребий выпал на того, кем вместо предателя Иуды они пополнили бы своё число» («И.Ц.» 3,39).

В византийской церковной традиции Иосиф Варсава Иуст (как назначенный с Матфием при бросании жеребья и последующий епископ Елефверополя), у одних авторов, в одних источниках сводится-смыкается с Иисусом Иустом (Кол.4,11); у др. и в др., напротив, — разводится с ним, причём не обязательно кончает мученически. Согласно некоторым, — «мирно почил». Помимо того, если в одних «Синаксарях» помнят усечённые мечом мученики Иуст и Матфей, то в др. — Иуст и Матфий. Западные «Мартирологи» (Адона Вьеннского, Узуарда, Ноткера) говорят об Иосифе Иусте и Матфии, к-рые проповедовали в Иудее и подверглись множеству гонений. Коптско-арабские календари под 26-м числом месяца (эпифи) абиб (20/21 июля) помнят Иосифа Обручника (Д.И. 932-37) и Иосифа Праведного (Иуста), т.е. видят в нём сына (одного из сыновей) Иосифа Плотника и, значит, брата Иакова Праведного (что в конце XVIIв. вошло в церковную традицию Греческих церквей и Русской Православной церкви). В сирийском апостольском списке под номером 21 — Варсава (28-й — Иуда Варсава), проповедовавший в какой-то Балании (?), заточённый в Александрии и уморённый там голодом. А вот под номером 25 — Ап. Иуст, к-рый миссионировал в Тивериаде и в Кесарии, плюс ниже назван второй Иуст, миссионировавший в Никомидии.

Таким образом, разноречиво смутные апокрифическая миссионерская география и маририум (или, куда менее вероятно, мирная кончина) Иосифа Варсавы Иуста (из Собора 70-и) не выходят за пределы Палестины (Сирии), или ближних к Сирии/Палестине регионов, с учётом единичных упоминаний Египта и М.Азии. Притом елефверопольская версия, равно эвентуальные сроки мученичества ок. 60-го или в первой половине 60-х гг. Iв. н.э., заслуживают, на наш взгляд, наибольшего внимания.

Удивление же Цанна, почему, дескать, Лука называет столь малоизвестного Иисусова ученика аж тремя именами и первым, на самом деле удивления не вызывает. Во-первых, он мог быть выдвинут первым из двоих при бросании жеребья; во-вторых, имеются, как мы знаем, яркие библейские прецеденты становления вторых первыми: Исав и Иаков; Зара и Фарес; Иисус Соломонид и Иисус Нафанид, что, к слову, Иисуса Соломониды вовсе не уничижает. В-третьих, имя Иосиф (эквивалент Израйля; синоним ставших *солью земли* 10-и колен; имя Иосифов — Соломониды и Нафаниды — родителей сыновей Давидидов из колена Иуды и Иосифлян во Духе) — слишком говорящее в еврейской (мета)истории, к-рое в сочетании с именами (отчеством?) Варсава — *сын (обновлённой) субботы*, и Иуст — *праведный*, приобретает-имеет — как космополитично-интернациональная *tria nomina* — особое христианское значение. Отсюда вряд ли уместно задаваться вопросом типа — умаляет ли Иосифа Варсаву Иуста предпочтение ему жеребьем Матфия? с кем нам пора, несмотря на дефицит информации (и) о нём, попробовать познакомиться поближе.

Имя Матфий, как и имя его почти тезки Матфея, означает — *дар Божий; дарованный Богом*; или, добавим, вспомнив о Маттаи, ученике Иешуа, сына Пандиры, (ещё одну) спиритуальную расшифровку данного имени, ставящую насущный (мета)исторический вопрос — *Когда?* (Р.л. 761/62), на к-рый Маттаи, Матфей и Матфий отвечают, в вековой-сменовеховской последовательности свершений I/Лвв., каждый по своему.³²

Если Евангелие призванного Христом в мае 31г. Апостола и Евангелиста Матфея (в составе Четверо-Евангелия) Книги Нового Завета = Благовествование Иисуса Христа открывает, то избранный жребием на место предателя Иуды (о конце к-рого сообщают как раз Евангелист Матфей, и в Д.Ап., устами Петра, Дееписатель Лука) в мае 33г. Апостол Матфий, составив великоапостольскую пару Иуде (Леввею/Фаддею) не Искарриоту, список Больших Апостолов (из) круга 12-и замыкает!

Помимо того, «Золотая легенда» («Von S.Mathias dem Apostel», S.165-70) приводит несколько иных (дополнительных) значений Матфиева имени: *Малый = Смиранный* (см. ср. Павел — *Малый*; или Дионисий Малый — *Exigus*, что некоторые современные горе-эксегеты, не разумея ни сути, ни смысла христианского самоумаления-смирения, случается, толкуют как «ничтожный», причём иногда, с непосредственностью недоумков, удивляясь подобной, мол, самоуничтожительной кликухе-погопялу). Амвросий Медиоланский воспроизводит Матфиево самоумаление-смирение тройственно: 1) оно от *скорби-печали* и идёт *извне*; 2) из *созерцания* — и идёт *изнутри*; 3) из *благоговения*, порождаемого *богопознанием*. Первое Матфий пережил мученически, второе — самопожертвовательно, третье — в молитве всемогущему Богу. Либо — продолжает «Legenda Aurea» — Матфий — от *manu* — в смысле — *добро, сменившее зло* = избранник на место (вместо) Иуды.

Как одному из 70-и (72-х) Малых Апостолов, Матфию, стало быть, довелось с кем-то в соапостольской паре (35/36 пар) быть посланным Христом на ок. месячное малоапостольское служение в сентябре/октябре 32г. н.э., тогда как, напомним, Больших Апостолов Христос снарядил парами (6 пар) на ок. полугодовое служение с осени 31-го до весны 32г.

Согласно F.Naase («Die Apostel und Evangelisten in den orientalischen Überlieferungen», S.279/80), древняя церковь ничего толком о судьбе Матфия не знала, часто смешивая его, что подтверждают арабские и эфиопские «Акты», с Матфеем. Различные фрагменты говорят о его проповеди в стране-области Кандаке (Нубия) и в районе Дамаска; календарные сведения сообщают о мученичестве под датой 8 магабита (амхарско-эфиопский март/апрель). Сообразно Цанну («A.G.», S.60-65), старейший сирийский перевод Д.Ап., согласуясь с Афратом (Гомил. 4) (ок. 340г.) и с сирийским переводом «И.Ц.» Евсевия (ок. 360г.), именует Матфия Тулмаи (вспомним о раскладе имени Варфоломей — *бар Толмаи — сын толмача*). Или встречается вариант — Птолемей, в чём Цанн полагает производное от Ту(о)лмаи, оговаривая, что эллинизация (либо романизация) имён была, в частности, среди иудеев в римско-эллинистическую эпоху распространена. Так, например, первосвященник Иисус стал Ясоном (И.д. 12,5,1), или Савл — Павлом.

³² Или Матфий — сокращение от Маттафия, как звали отца пятерых братьев Хасмонеев — священника Маттафию (+ 166г.), начавшего героическое восстание Маккавеев против селевкидско-языческого беспредела Антиоха Эпифана (также еврейским именем Маттафия звали последнего хасмонейского царя — Антигона Маккавея, казнённого Антонием, по взятии Сосием и Иродом Иерусалима, в 34г. до н.э. в Антиохии). Маттафия — как зачинатель-открыватель заключительного этапа пути еврейско-богоизбраннической истории навстречу пришествию Мессии, и Матфий — как замыкающий круг 12-и Христовых Апостолов — наследников-правопреемников 12-и патриархов и 12-и колен Израилевых.

Со своей стороны, Афраат поэтически сравнивает Матфия и его избранничество под номером 12 с последним сыном патриарха Иакова Вениамином (поздний ребёнок), кого Рахиль носила под сердцем 9 месяцев (остальные сыновья-иаковиты – 7-месячные) и родила в (как единственного из 12-и) Палестине.

Во IIв. н.э. имело хождение приписываемое Матфию апокрифическое Евангелие, к-рым пользовался, черпая оттуда предания, Климент Александрийский (+ ок. 215г.). А Ипполит (+ ок. 235) утверждает (Refut. 7,20), что этим «Евангелием» пользовались гностик Василид (ок. 120г.) и его сын Исидор. В IV/Vвв. на базе (египетских?) «Деяний Ап. Андрея» (IIв.) появились «Деяния Андрея и Матфия». В них действие происходит, в т.ч., в городе людоедов Мирмине (Синоп), где во время второго из трёх своих (апокрифическо-)миссионерских путешествий Ап. Андрей освобождает из темницы и исцеляет проповедовавшего в северном Причерноморье (Мургундия), заточённого и ослеплённого язычниками Матфия. С VIв. известен латинский перевод означенных «Деяний». В VIIIв. Беда Достопочтенный (+ 735г.) составил не дошедшее до нас «Житие Ап. Матфия». До 843г. из-под пера Епифания Монаха вышло «Житие Св. Андрея».

По др. греко-латинским преданиям, Матфий родился в Вифлееме, происходил из колена Иудина и с раннего детства изучал закон под руководством Симеона Богоприимца.³³ Был мал ростом, вёл аскетический, скромно-смиранный и благочестивый образ жизни, никогда не излиществовал, целиком посвятил себя добродетели и милосердию. До избрания в круг 12-и являлся первым из 70-и. Предания числят за ним чудотворения, исцеление больных, очищение прокажённых, воскрешение умерших, экзорцизм. Из Иерусалима он ходил с Петром и Андреем в Антиохию, посетил каппадокийскую Тиану и Синоп, в к-ром обратил многих. Затем отправился в Амасию на берегу Понта. В ходе третьего путешествия Андрея побывал с ним в Эдессе и Севастии. По ещё одному преданию, проповедовал в Эфиопии Понтийской (Колхида) и в Македонии (или в Эфиопии Абиссинской, что видится накладкой из жития мученически кончившего в Эфиопии Матфея). Неоднократно преследовался. Принуждённый наложившими на него узы язычниками выпить отраву, остался жив и исцелил прочих ослепших от этого питья узников.³⁴

В дальнейшем возстался в Иудею, за проповедь христианства и обращение множества иудеев предстал перед инициированным первосвященником Ананом судом синедриона, где нечестивый Анан хулил Христа, в ответ на что Матфием было показано на пророчествах Ветхого Завета Кто есть Христос: Истинный Бог, Мессия, обетованный Богом Израилю, Сын Божий, Единосушный и Совецный Богу Отцу. Первосвященник пришёл в страшную ярость и зажал, скрежеща зубами, уши, с криком: «Богохульствует!» Обвинённый и обогланный двумя лжесвидетелями Апостол не отрёкся от веры во Христа, был осуждён, выведен за ворота Иерусалима,

³³ Престарелый Симеон Богоприимец умер вскоре после Сретения 2.02.2г. н.э., в возрасте, по преданию, 112-и лет, ещё до рождения Матфия, или когда Матфий был малым дитём дошкольного возраста.

³⁴ Одно из преданий повествует о 250-и сделанных Матфием в Македонии зрячими ослеплённых узников, к-рых он обратил ко Христу. Но диавол явился язычникам в облике ребёнка и велел им убить разрушающего языческую веру Апостола. Три дня они не могли его, открыто находившегося среди них, найти, пока он не открылся сам. Ему связали руки, накинули на шею петлю и бросили в темницу. Там его искушали демоны, к-рые скрежетали зубами, не могучи к нему приблизиться-подобраться. В следующую ночь негибавшему Апостолу явился во всей славе Господь, поднял его с земли, избавил от уз, укрепил в вере и вывел на свободу. Чудесно освобождённый узник снова начал проповедовать слово Божие. Грешники опять воспротивились проповеди. Земля разверзлась и поглотила противленцев; остальные – обратились.

побит камнями, и после мученического венца (дабы, мол, продемонстрировать его враждебность и Риму) обезглавлен.

Однако, следуя греческим Минеям, равно одному из западных преданий, — Матфий подвергся распятию на кресте. Или — «Золотая легенда» — миссионировал в Иудее, совершил множество чудес и в итоге мирно почил. Имеются также единичные версии его мученичества или мирной кончины в Македонии и в Колхиде.

Время мученичества Матфия (кто, как и др. из круга 12-и Апостолы, за исключением казнённого Иродом Агриппой в 44г. Иакова Зеведеева, изображается здравствующим при Успении Богородицы в 54г.), согласно преданию, 60-е гг. н.э., до начала в 66г. Иудейской войны. Или, добавим, по нашей версии, к-рая будет приведена ниже, уже после начала Войны — в 67г. Обычно называется 63г., что, впрочем, накладочно связано, притом хронологически неверно, с именем первосвященника Анана, по инициативе к-рого был в 62г. каменован Иаков Праведный — брат Господень. Анан же (пятый сын Анны Старшего — Анна Младший) первосвященствовал, если верить Флавию (не доверять кому нет оснований), всего 3 месяца, приходящиеся на, вероятно, период января — апреля (см. ниже) 62г. н.э., и в ранге штатного архипастыря не был к исходной судьбе Матфия (к-рый погиб и не в 63г.) причастен (см. ниже).³⁵

При всём том, т.н. противоположительное мнение Цанна о наименовании Лукой Савла Павлом в связи с его ойкуменической миссией, и напротив, неприсвоение Матфию имени греческого, мол, в связи с его невыходом за пределы Палестины, выглядит крайне неубедительно-несостоятельно. Ведь Матфей тоже не носит греч. имя, да и, исходя из цанновской логики, пределы Палестины вправе покинуть только меньшинство Апостолов, а совсем строго говоря, лишь Андрей и Филипп (два Апостола — носителя сугубо греческих имён, или два Апостола, иудейских имён к-рых мы не знаем).

Можно, конечно, гиперкритикански похерить всю вселенско-апокрифическую (после 44/45гг.), в духе и русле возложенной на них миссии, географию мужей Апостольских, но заниматься опровержением подобных домыслов мы не будем. Плюс, оставим вопросы о месте принятия Матфием мученичества, в пределах или за пределами Палестины, равно о времени-хронологии его мученичества и причастности к оному первосвященника Анана (не в ранге штатного архипастыря), пока открытыми (см. ниже).

Впоследствии останки 12-го Апостола, по одной из версий, попали в Рим, чтобы упокоиться в церкви S. Maria Maggiore. Соответственно др. традиции, место упокоения мощей — Трир, куда их доставил, получив от матери Константина Елены, епископ Агрикий. Версия третья разрешает противоречие, сообщая о позднейшем переносе св. мощей из Рима в Трир. Ныне они обретаются в Трире в крипте аббатства Св. Маттиаса. (Есть также предания о хранении части Матфиевых мощей в храме Св. Апостолов в Константинополе; или мощей — то ли Матфия, то ли Матфея — в загадочном, на далёком берегу киргизского озера Иссык-Куль, монастыре неких

³⁵ Этому Анану (Анна II) неуместно приписывается, помимо прочего, убийство при нём, дескать, в ранге штатного первосвященника, сброшенного с кровли Иерусалимского храма и добитого внизу иудейскими фанатиками Апостола Иакова Младшего, кто, не идентичный, вопреки (начиная с Климента Ал. и Евсевия) заблуждению многих, Иакову, брату Господню, был замучен не в 62, а спустя четыре года — в 66г. н.э., когда (зверски убитый зимой 67/68гг., как приверженец умеренной проримской партии, революционными экстремистами Иудейской войны 66–70гг.) Анан действующим архипастырем, продолжая оставаться первосвященником титулярно-почётным и весьма влиятельным членом синедриона, (отставленный в 62г. за несанкционированную расправу над Иаковом Праведным) не являлся (см. ниже).

«армянских братьев»³⁶, к-рый уже много столетий находится под водой, и потому исследователям недоступен.)

Притом, по трирскому преданию, о наличии в Трире подаренных Еленой и впоследствии спрятанных от языческих врагов христианства мощей было известно давно, но обнаружили их случайно в 1127г., когда на территории старого римского кладбища раскопали ковчег, где эти считавшиеся утерянными некогда утаённые мощи нашлись-обнаружились. И чудо обретения послужило основанием для сооружения храма, посвящённого Св. Маттиасу. А ковчег вмонтировали в основание постамента, стилизованное под высокое надгробье из чистого мрамора, на к-ром лежит белая мраморная фигура 12-го Апостола. В Ср. века культ Св. Маттиаса, к-рому на Западе посвящены более полусотни католических, лютеранских и методических храмов (между тем как в России, в Петербурге, существовала с 1720г. всего одна посвящённая ему церковь, варварски взорванная коммунистами в 1932г.), был в Трире весьма востребован. В средневековой Германии (Гослар) одно время даже чеканились из добываемого в Гарце серебра престижные серебряные монеты, названные «матфириями».

Неспроста предание, воспроизводимое «Золотой легендой», рассказывает об избрании Матфия следующее. Они поставили посередине Сенакля двоих из 72-х, Иосифа Варсаву Иуста и Матфия, о прозвище к-рого мы умолчим, ибо достаточно факта его избрания в Апостолы, к-рое говорит само за себя.

* * *

Итак, Дееписатель благовествует молитву и обращённое к Господу Сердцеведцу лаконичное слово Апостолов – «показать из сих двоих одного, к-рого Ты избрал». Предание несколько многословнее: «Господи, Сердцеведец, дай нам знать, кто получит жребий и достоинство, утраченные ушедшим в своё место Иудой».³⁷ И был жребий брошен и пал на Матфия, к-рый и стал 12-м.

Люди Древнего Завета были убеждены, что «жребием владеет Бог». Если случаев различного-разновидного ветхозаветного жребия насчитывается множество, то случаев новозаветных – всего 3. Приведём некоторые. В.З.: при выборе козла для жертвы Богу и козла для Азазеля в день Искупления (Лев.16); при выборе ополчения на военные или иные предприятия (Суд.1,3; 20,9); при определении в цари Саула (1Ц.10,19); при выявлении виновного (Иона 1,7; 1Ц.14,41/42); при распределении священнослужительских чред – сынов Елеазара и Ифамара (1Пар.24); во всех сложных трудноразрешимых ситуациях (Неем.11,10) (см. Пс.21,19; Пр.16,33; 18,18). Н.З.: жребий, выпавший Захарии на каждение в храме (Лк.1,8/9); бросание жребия римскими воинами на (за) одежды распятого Иисуса (Ио.19,24); жребий на 12-го Апостола между Вознесением 14.05. и Пятидесятницей 24.05.33г. н.э.

Далее, считается, что бросание жребия не христианская практика, к-рая нигде в Н.З. после Пятидесятницы не упоминается. В качестве примера смены ветхозавет-

³⁶ Обозначен на составленной еврейским картографом Авраамом Крескусом знаменитой Каталонской карте земного мира от 1375г., с пояснительной к изображению двух башен, увенчанных крестом и соединённых прямой линией с Иерусалимом, надписью на каталонском: «Место, к-рое называют Иссиколь. В этом месте монастырь братьев армян, в к-ром есть, говорят, мощи Св.Матфея, Апостола и Евангелиста». Как видим, речь тут о Матфее, но есть предположение, что он мог вытеснить гораздо менее известного Матфия.

³⁷ «Санхедрин»: «Сердцеведец (= Бог) отмстит тому, кто убил ближнего» (97б). «Таргум Кохелет»: «В день ухода богопротивника его душа попадает в Гехинном, в место, куда идут виновные» (6,6).

ного жребия новозаветным выбором во Духе и по Духу приводят, в частности, выбор Варнавы и Савла на дело служения (середина 40-х гг. Ів. н.э.): «Когда они служили Господу и постились, Дух Святы́й сказал: отделите мне Варнаву и Савла на дело, к к-рому Я призвал их. / Тогда они, совершивши пост и молитву и возложивши на них руки, отпустили их. / Си́и, бывши посланы Духом Святы́м, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр...» (Д.Ап.13,2-4). Впрочем, христианское предание повествует о жребии между 12-ю (на 12-м от Голгофы году, т.е. в 45г. н.э., после рождественско-святочной Астральной Мистерии Христа в декабре 44г.), при выборе ими ойкуменическо-географических направлений и стран проповеди христианства, правда, не вдаваясь в подробности о способе/роде/виде самого жребия.

По поводу же ветхозаветных жребиев, посредством к-рых принимались решения во времена, пока стоял храм, на помощь приходят канонические и талмудические источники.³⁸ Так, при определении по жребию двух козлов в день Искупления 10-го тишри, первосвященник ступал на восточную сторону притвора Священников севернее алтаря всежжения. По правую руку архипастыря становился храмовый служитель (начальник-предстоятель), а по левую — глава служившей в эту неделю, в порядке очерёдности, священной чреды (одной из 24-х). Перед первосвященником стояли два козла и урна (сосуд), где лежали два жребия (по типу игральных костей) из самшита, к-рые совсем незадолго до разрушения храма, архипастырь 63 — 65гг. Иошуа б. Гамала заменил на золотые, за что удостоился похвалы (Йома 3,9).

Затем верховный понтифик потрясал урну со жребиями перед собой (как при игре в кости) и вытаскивал их: на одном стояло «для Бога»; на другом — «для Азазеля». Когда жребий «для Бога» оказывался в правой руке (хороший знак) святителя, предстоятель обращался к нему со словами: «Господин мой, первосвященник, подними твою правую руку вверх»; когда в левой, соответственно, — «левую руку вверх». Потом первосвященник возлагал свои руки на головы козлов и произносил: «Для Бога жертва искупления». Предстоятель и коган распевно отвечали: «Да святится имя Царствия Его навсегда и в вечности» (Йома 3,9; 4,1).

Применительно к служению богослужебных чред-эфемерид, жребием выбирались итогу 13 священников. Ок. 3-х часов утра, т.е. убывающей ночью, ок. времени первых петухов, в спальные покои святилища приходил начальствующий предстоятель (старший над жребием), к-рый отвечал за жеребёвочное распределение служебных обязанностей между священниками, из коих выбирались: очиститель от праха давешней жертвы внешнего открытого алтаря (всежжения); закалатель жертвы предстоящей; кропитель жертвенной кровью; возжигатель светильников; очиститель светильников; очиститель жертвенника кадильного; куритель на жертвеннике кадильном... Священники выстраивались кругом в Палате тёсаных камней, предстоятель снимал с одного из них тюрбан, называл число порядком большее, чем 13, и говорил: «справа по одному рассчитайсь». Причём счёт начинался со священника с обнажённой головой, в то время как первый жребий выпадал тому, на кого попадало названное число, и т.д. (Йома 2,1/2; Тосефта Йома 1,10 (181)).³⁹

Тем не менее, данную талмудическую информацию вряд ли уместно экстраполировать на Д.Ап., почему можно сказать: какой и каким именно образом бросался жребий, избравший Матфия, нам неизвестно, как неизвестен, к примеру,

³⁸ В языческих культурах не только люди, но и их боги решали спорные вопросы посредством жребия (Гомер «Илиада» 22,209; Цицерон «Гадания» 1,34; 2,41). Вавилоняне использовали особый вид жребия: писали на стрелах имена городов, клали стрелы в колчан, перемешивали их и нападали на город, следуя надписи на вытасченной из колчана стреле (Иез.21,21).

³⁹ Трактат «Шекалим» (5,1) знает традицию-разновидность 15-и священско-служебных жребиев и некоего старшего над жребиями по имени Матия (Матфий?) б. Шмуэль.

способ получения первосвященником откровения, применительно к Урим и Тум-мим (Свет и Совершенство) (Лев.8,6-8), находившимся на наперснике (в нагрудном кармане ефода) архипастыря (о чём после времени Давида не упоминается).

Иероним Стридонский (+ ок. 420г.), признавая-акцептируя ветхозаветный способ получения откровения посредством жребия, одновременно не считал это разрешением на бросание жребия христианами (и в Западной церкви было даже в Ср. века принято несколько запретных постановлений на бросание жребия). Иоанн Златоуст (+ 407г.) задаётся вопросом: «Почему Апостолы предпочитают избрание посредством жребия?», и отвечает: поскольку «они не считали себя достойными того, чтобы самим сделать выбор», отчего и хотели узнать о выборе посредством какого-нибудь знака. И Дух Святой ещё не снисходил на них..., и жребий имел великое значение» («Беседы на Д.Ап.»). А Беда Достопочтенный (+ 735г.) полагал, что Мистерия Исцеления окончательно исполнилась в Пятидесятницу, из-за чего, если до Троицына дня Апостолы, при выборе Матфия, взяли за основу предписанный законом жребий⁴⁰, то после Троицы 7 диаконов были избраны учениками, но не жребием. И Апостолы – помолившись – возложили на избранных руки (Д.Ап.6).

Феофилакт Болгарский (+ 1107г.): «Почему предпочитают избрание посредством жребия? Потому что они ещё не считали себя достойными узнать об этом посредством какого-либо знамения и Дух Святой ещё не сошёл на них; да и не было нужды в знамении, потому что жребий имел великое значение. Если уже в том случае, когда для определения правильного мнения относительно Ионы не помогли ни молитва, ни мудрость мужей, а напротив, так много значил жребий, то тем более – в этом случае» («Голк. на Д.Ап. 1»).

Примечательно, что Дионисий Ареопагит квалифицирует всякие предположения-рассуждения о ветхозаветном жребии, в новозаветном выборе между Варсавой и Матфием, как безбожие. По убеждению Дионисия, (фигуральный) «жребий» был не чем иным как (открывшейся видению-услышанию Апостолов) глорией откровения, к-рая сошла свыше и почил на Матфии (Hierarchia Ecclesiastica). Христианин узнаёт волю Бога (у)слышанием Св. Духа внутри себя.

Короче, оставим вопрос открытым, снова констатируя *бросание жребия* между двумя кандидатами в великоапостольскую коллегию и выпадение одного Матфию, кто и вошёл в результате в круг 12-и.

ПЯТИДЕСЯТНИЦА-ТРОИЦА

24 мая 33г.

50-й – греч. Πεντηκοστή – Пентекосте (евр. hămera – завершение отсчёта дней Омера) – есть слово, от к-рого произошло наименование «Пятидесятница», и к-рое одновременно стало одним из собственно наименований этого «Праздника Седмиц»

⁴⁰ При всём том, неверно думать, как делают (придавая дополнительную авторитетность древнезаветной жеребьёвке) некоторые староцерковные авторитеты, что при помощи жребия иудеи некогда выбирали, в т.ч., первосвященников. Первосвященник иудейский никогда (до времени Иудейской войны, когда в конце 67г. н.э. это «демократично»-охлократорски сделали повстанцы-революционеры) (см.ниже) не выбирался по жребию. Первосвященское достоинство было наследственным-потомственным сначала в роду Аронидов – Елеазара, Финееса и т.д. Позднее (XI/Хвв.) оно временно перешло к Ифамаридам, однако, с Садока, при Соломоне, вновь отошло к Елеазаридам (до конца эпохи Первого и во всю эпоху Второго храма). Арониды Маккавеи (чреда Иегоиарив) со 140г. до н.э. совмещали достоинства первосвященника и этнарха (Симон), со 103г. – царя и первосвященника (Иуда Аристовул). При царице Саломии Александре первосвященствовал её старший сын – Гиркан. Ирод и римляне назначали и смещали архипастырей по собственному усмотрению.

– евр. Шавуот (50-й день – евр. Асарфа = Ацерет – священное праздничное собрание).⁴¹ В Библии Пятидесятница (см. «Евр. энци.» т.13, с.164–67) называется «праздником жатвы» (Исх.23,16) или «седмиц» (34,22), к-рый праздновался по истечении семи недель «с того времени, когда появится серп на жатве» (Вт.16,9), что означает 50-й, – по прошествии 49-и (7 x 7 недель/седмиц) дней, – день от дня принесения в храм первого (ячменного) «снопа возношения» (сноп потрясения), т.е. от второго дня Пасхи = 16-го нисана (март/апрель) (Т.Г. 420-23; 1746-50).

Это было второе или среднее из, в круговороте календарного года, трёх Больших паломнических торжеств, обязывавших израэлитов (мужи) являться пред лице Господне в храмовый Иерусалим – Пасха (Песах) (весна), Пятидесятница (Шавуот) (весна/лето), Поставление кушей (Суккот) (осень), к-рое всегда выпадало на 6 сивана (в Диаспоре два праздничных дня – 6/7 сивана), сопровождалось новым мучным приношением из двух (дуализм!) пшеничных хлебов возношения, священным собранием и запретом на всякую работу. Исполнившиеся Седмицы знаменовали собой, являясь также «праздником первых плодов» (Ч.28,26), окончание жатвы пшеницы (= сбора урожая), как Пасха – начало (уборки урожая с) жатвы ячменя. Пшеница и ячмень были важнейшими злаками Палестины (др. – полба, просо, овёс), посев (осень/зима) и уборка (весна/лето) к-рых служили, в частности, для определения времени (плоды собирались летом/осенью). Ячмень ели в виде опресноков; из белой пшеничной муки пекили сдобный хлеб (Лев.23,17).

Относительно же кровавой пятидесятничной жертвы всесожжения в сочетании с хлебной, в «Библейском словаре» Э.Нюстрема находим: «Праздник седмиц должен был праздноваться священным собранием и особенным жертвоприношением, состоящим из 1-го козла в жертву за грех, 2-х тельцов, 1-го овна и 7-и однолетних агнцев в жертву всесожжения и установленное при них хлебное приношение и возлияние (Ч.28,26). Далее, как особенность этого праздника, должно было приносить Господу новое хлебное приношение, состоящее из 2-х кислых хлебов из новой пшеничной муки, и жертву всесожжения – из 7-и агнцев, 1-го тельца, 2-х овнов; в жертву за грех 1-го козла; в жертву мирную 2-х однолетних агнцев (Лев.23,15)» (с.347). См. ср. особенности и некоторые различия: Лев.23; Ч.28; Флавий «И.д.» 3,10,5/6.

Всему народу полагалось праздновать данный день, как субботу, и веселиться вместе с детьми, слугами, вдовами, левитами, бедными, сиротами, рабами, пришельцами, при общей жертвенной трапезе пред Господом (Вт.16,9–12). Обратим внимание на пришельцев и (как) на космополитическую (так и на демократическую) составляющую этого второго – среднего, если считать с весенне-нисановского (сакрально-календарного) новогодья, или третьего заключительного, если считать с осенне-тишристовского (гражданско-календарного, что вовсе не означает отсутствие в нём сакрального элемента-компонента!) новогодья, великопаломнического праздника.

Разумеется, для рационал-материалистического мировосприятия-миро(о)сознания т.н. критической школы и Пасха, и Пятидесятница, и Куши мотивируются, в качестве главенствующих, (прикладными) аграрно-сельскохозяйственными и механическими календарно-вычислительными причинами-реалиями. Всё остальное, – дескать, побочные-вторичные выдумки наших дремуче-невежественных пращуров, ведомых *реакционным* жречеством-духовенством (к-рое «провоцировало» солнечные затмения и т.д.).

⁴¹ В то время как в В.З. называется (Вт.16,8) седьмой день Опресноков (Пасхи), и восьмой день Кушей (Лев.23,36; Ч.29,35; 2Пар.7,9; Неем.8,18), раввины словом «Асарфа» специально обозначали праздник Седмиц или Пятидесятницы, чтобы акцентировать его связь с Пасхой, как в целом завершающее Пасху Празднество.

Причём этот убогий (псевдо)подход отражён отнюдь не только в научных опусах за авторством очкастой (и очковитирательской) профессуры-академикуры. Библейские энциклопедии XIX/XXвв., где подобные унылые профессорские схемы попугайски воспроизводятся в несколько смягчённой форме, наглядное свидетельство того, как церковь/церкви, упорно держась за букву-догму, вместе с тем, на протяжении последних столетий, трусливо и жалко, шаг за шагом, соглашательски, за неумением толково возразить, капитулировали перед т.н. академической т.н. наукой.

Но поскольку, да не взыщут рационал-материалисты с либералами, не Материя довлеет над Духом, а Дух над Материей, т.е. поскольку Дух творит (мета)историю, поскольку духовное доминантно над материальным, посмотрим обзорно-выборочно на то, как освещают-толкуют праздник 6 сивана побиблейские еврейские источники, из чего никоим макаром (вопреки современным энциклопедиям) не выводится, что это понимание, что эти (метафорическо-аллегорические) толкования возникли (мол, наложившись на когдатощные урожайные нсушности, с потерей рассеянными евреями Земли Обета) в позднюю эпоху (аж) после Второго храма.

Согласно еврейской (спиритуальной) традиции, – 6 сивана – день дарования еврейству, день обретения еврейством, день пост-исшестввенного получения от Бога в год Исхода (1447г. до н.э.) первопророком и предводителем Исшествия евреев из Египта Моисеем Закона – Торы (в день Синайского Откровения) на горе Синай (Седер Олам 6; Песахим 68б; Шаббат 87б). Се день откровения Торы, – говорит священная книга каббалистов «Зохар» (Емор 98а), сообразно к-рой, время между исшестввенной Пасхой и исшестввенной Пятидесятницей (49 + 1) – составляет «медовый месяц Израиля и Торы».

Дальше, следуя одному из преданий, в день Шавуот-Пятидесятницы 6 сивана родился и спустя 70 лет умер (1041 – 971гг. до н.э.), процарствовав 40 лет (1011 – 971гг.), из них 7 в Хевроне и 33 в Иерусалиме, царь и псалмопевец Давид («Шааре Тешуба к Орах Хаим», 494). То-то на Пятидесятницу читали Кн. Руфи, к-рая (урождённая моавитянка) приняла еврейский закон в жатву и потомком к-рой был Давид; или по др. версии, – читали генеалогию Давида.

Сиван – на аккадском – «месяц сроков и праздников». Си(ва)н – гора Синай (Син – луна). Согласно каббалистам, – время Шавуота – дня рождения еврейского народа = богоизбранного еврейства – суть время воплощения чудес, Бога – в реальность, Божьего помазания; время высвобождения реальной силы Божьего слова; время дороги из мира греха в мир святости.

Притом праздник Шавуот не может, пусть согласно талмудическим положениям-временам-источникам, прийти (в отличие от постравноденственно-полнолунной Пасхи) на вторник (день Марса), четверг (день Юпитера) и субботу (день Сатурна), чего в Книгах В.З. нет, но в связи с чем резонно спросить: действовало или не действовало данное положение, в той или иной мере-форме, ещё или уже в порубежно-предталмудических I/IIвв.? И хотя ответ на этот вопрос напрашивается отрицательный (не действовало) (см. ниже), во всяком случае, если предшествовавшая избранию-назначению в мае/июне 12-и Пятидесятница 31г. н.э. (лето Господне) пришлась на (меркуриальную) среду 16 мая (а пролептический Духов день на четверг 17 мая), то в 33г. празднично-пятидесятничный день сошествия Св. Духа (третья ипостась Св. Троицы) на Апостолов не случайно выпал именно на 8-е от пасхально-воскресенского дня 5-го апреля = 16 нисана – михаэлическое, под знаком Близнацев, воскресенье 24 мая (тогда как пролептическим Духовым днём стал гавриилический понедельник – день обновлённой Луны – 25 мая).

24 мая 33г. н.э. – 52-й день от пятничного (6-й день иудейской недели) дня Голгофы 3 апреля, и 50-й (49 + 1) день от воскресного (1-й день иудейской недели) дня Воскресения Христова в день 5 апреля. 7 субботних седмиц и 8-е от воскре-

сенского воскресенье (7-й день христианской седмицы).⁴² 49 и 50. Вспомним о юбилейных годах еврейского Юбилейного календаря, где величины времени $49 + 1 = 50$ взаимодействуют весьма примечательным образом! (Р.л. 344-70)

Евреи связывали число 49 (7×7) с девством Вечной Женственности, с завершением и совершенством, видя в числе 50 – великое обновление.⁴³ В посвящённом ессейской ветви (египетских) терапевтов (центр – район оз. Мареотид, близ Александрии) трактате «О созерцательной жизни» Филон Александрийский⁴⁴, в частности, сообщает: «Прежде всего они собираются каждые 7 недель, поклоняясь не только числу 7, но и его квадрату, ибо почитают его святым и вечно девственным. Это канун самого большого праздника, к-рый приходится на 50-й день, – самое святое и наиболее соответствующее природе число. Оно составлено из суммы квадратов (сторон) прямоугольного треугольника, к-рый служит началом происхождения всего (сущего)» (65).⁴⁵

Из сказанного современная учёность силится вывести (максимум! или – не более, чем!) гипотетический сельскохозяйственный календарь (достаточно отдалённый в данном контексте от приалександрийского оз. Мареотид) Палестины как пятидесятиричный. Так, некоторые полагают, что год состоял (у терапевтов) из 365-и дней и делился на 7 периодов по 50 дней каждый, плюс 15 добавочных дней. «Каждая «пятидесятка» состояла из 7-и полных недель и одного добавочного дня, к-рый приводил её к концу, указывая начало новой, и отмечался как праздничный день. Аграрный характер этого календаря выражался в том, что каждая «пятидесятка» была связана с сезонной сельскохозяйственной деятельностью, к-рая преобладала в этот период. Пятидесятые дни отмечались как сельскохозяйственные праздники.

⁴² При этом, т.н. дискуссионная дифференция в отношении (из-за различных интерпретаций Лев.23,15/16-21) даты праздника Пятидесятницы (см. Электронная еврейская энциклопедия «Шавуот») между саддукеями (согласно-де толкованию к-рых, Шавуот всегда выпадает на 1-й день недели) и фарисеями (установившими, мол, постоянную дату праздника в еврейском календаре – 6 сивана), независимо от достоверности раввинистической и энциклопедической информации о названной полемике, приложительно к 33г. н.э. не имеет значения, ибо Пятидесятница этого года, так или иначе, по любому, пришлась как на 1-й день еврейской недели (христианское воскресенье), так и на 6-е сивана. Не выпала ли еврейско-пасхальная = 15 нисана – дата 33г. именно на субботу, соответственно чему, время через 49 дней = 50-й день ото дня возношения-потрясения первого снопа в (воскресно-воскресенский) день 16 нисана есть именно 1-й день недели – 6 сивана (= воскресенье 24 мая). И, кстати, сходно обстоит дело с вопросом, к-рый поднимает (грубо ошибочно датируя Распятие датой 15-е, вместо 14-го, нисана) Цанн (AG, S.66/67), дескать, фарисейской традиции называть «субботой» (что практиковали иудеи) всякий большой праздник (праздничный день), отлично от, дескать, традиции боэтозейско-саддукейской – называть «субботой» только собственно субботу, ибо Пасха 15 нисана (в пятничный канун к-рой был распят 14 нисана Иисус) 33г., по всякому, пришлась (как) на (седмичную, так и на пасхально-праздничную) субботу.

P.S. Филон (De Septenario 20,21) и Флавий (И.д.10,3,5/6; 13,8,4) однозначно уведомляют об отсчёте 49-и дней с 16-го нисана.

⁴³ Числу 50 соответствует в еврейском алфавите буква «Nun», восходящая к иероглифу, к-рый обозначает змею; 50 – человеческое обоняние; зодиакальный знак 50-и – Скорпион (творческое обновление); месяц – мархешван (2-й от тишири и 8-й от нисана); орган – отвечающая за внутреннее равновесие человека селезёнка. 50 – число покоя и субботы – 7 х 7 суббот + Бог. 50-й Псалом (Давида) посвящён покаянию и прощению грехов. Покаяние и прощение в 10-и заповедях, с к-рыми не всегда могут справиться 5 органов чувств.

⁴⁴ См. И.Амусин «Тексты Кумрана», с.376-91, М–1971г.; см. «Библиотека Р.Хазарзара».

⁴⁵ Речь о прямоугольном треугольнике, стороны к-рого 3, 4, 5, и сумма квадратов сторон к-рого $(3 \times 3 = 9 + 4 \times 4 = 16 + 5 \times 5 = 25)$ равна 50-и (Филон «De Spec. Leg.» 2,177). Представление о связи прямоугольного треугольника с принципом происхождения вселенной восходит к пифагорейцам, возводимое Плутархом («Изида и Осирис» 56) к жреческо-египетской мудрости.

С введением в Палестине лунно-солнечного календаря пятидесятиричный сельскохозяйственный календарь продолжал бытовать среди сельского населения ещё долгое время...»

Вполне возможно, хотя стабильный кумранско-есейский солнечный календарь состоял, насколько известно, из 52-х недель = 364 дня. Или, например, субботне-юбилейные годы двух соответствующих циклов еврейства, *царского* и *аронидского* (Р.л. 344-70), – 49 + 1 – эволюционировали-исчислялись, как мы знаем, следующим образом: каждый 50-й год был одновременно первым годом очередного-нового 49-летнего (7 x 7) цикла, вследствие чего 7-ричность и 49-ричность этого весьма примечательного счёта-летосчисления децимально-округлительно не нарушалась.

Так или иначе, симптоматично и похвально уже само вменение академической учёностью XX-го в. иудейским терапевтам возможности употребления-использования ими солнечного календаря, к-рая ещё сравнительно недавно академиками в пользу, мол, единственно присущего всякому еврейству календаря лунно-солнечного, категорически отрицалась. Но, наряду с тем, календари всё-таки создаются не в исключительно практических сельхознуждах обращения к богам, а волящей в людях, в посвящённых, во вззирающих на звёзды жрецах вышней силой, с учётом, в т.ч., конечно же, и многонасушных аграрных реалий. Вряд ли случайной египтяне категорически отказывались добавлять в свой (священный) календарь (360 + 5) 366-й високосный день, считая неприемлемым перечить воле богов, от к-рых они получили через жрецов календарное чудо в дар. Сходно-благоговейно со своими календарями обращались (особо чтившие существо-существа Времени/Пространства) индейцы доколумбовой Америки (Т.Г. 232-99).

Причём, разве из процитированного отрывка Филона, независимо от принятия или непринятия вышеизложенной календарно-пятидесятиричной версии М.Моргенштерна (основанной на исследованиях И.Леви) не следует особая актуальность для терапевтов праздника именно Пятидесятницы (к-рая в эпицентре всякой пятидесятиричности)? Вслушаемся: «Это канун самого большого праздника, к-рый приходится на 50-й день...» Согласитесь, если 50-ричные периоды из сказанного можно умозаключить домыслительно-гипотетически, косвенно-побочно, то собственно Шавуот-Пятидесятница налицо прямым текстом. Мало того, примем на вооружение есейскую развёрнутость терапевтов в мессианистическо-эсхатологическо-апокалипсическое грядущее, и тогда, б.м., станет ясно, почему они именно Пятидесятницу (не Пасху, не Куши) столь нетипично для иудейских ортодоксов считали-провидели-предощушали (могли считать-почитать) «самым большим праздником» (грядущего).

Не заступили ли в календаре богоизбранных правопреемников еврейского Израиля христиан, в IV-ю Пост-Атлантическую, среднюю из Семи, (Греко-Римскую) эпоху Овна-Ангца (Душа рассудочная), на место *исшественной* Пасхи, *синайской* Пятидесятницы и *пустынных* Кушей (или – Кушей, Пасхи, Пятидесятницы) Рождество Христова (метаморфоза праздников Кушей и Обновления), Пасха Воскресения Господня и Пятидесятница-Троица Сошествия Духа Святого! Не живём ли мы ныне в V-ю (Германо-Англосаксонскую) эпоху Души сознательной (знак Рыб), когда необходимо правильно пережить Рождество (нет гнезда выше орлиного, как нет праздника краше Рождества)!

Не грядёт ли затем VI-я (Соборно-Славянская) эпоха Самодуха (знак Водолея), когда человечеству предстоит нововосприятие-новопереживание Пасхи! Не сменит ли эпоху Самодуха VII-я (Американская) эпоха Жизнедуха (знак Козерога), когда для человека наступит время (придут времена) Пятидесятницы-Троицы, обетование к-рой, как праздника свободных индивидуальностей во Христе (праздник освобождённого Прометей!), означает христианскую индивидуализацию пасхального

Импульса в человеке (праздник *крещённого* Прометея! печень к-рого вобрала кровь Св. Грааля из пронзённой римским копьём печени Христа!), что совершенно непреложно для реализации истинной свободы в мире. Обетование Пятидесятницы есть манифестация проникнутого Христом человека как идеального инструмента нисхождения в человечество Святого Духа!

Удостоверьтесь в преемственности между еврейством и христианством (от еврейства к христианству), будь то на пресловутом уровне единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество или отрицания отрицаний! Или будь то на непресловутом наглядном уровне взаимопреемственности еврейских и христианских многомерных, выразимся условно, календарных феноменов.

И ведь совсем не случайно Иисус жертвенно умер на кресте Голгофы в пятничный канун еврейской Пасхи 14 нисана. Не случайно Он был во гробе, в *день мёртвого солнца*, в еврейскую субботнюю Пасху 15 нисана. Не случайно Христос восстал из мёртвых на солярно-воскресном рассвете, в день возношения (потрясения) первого снопа (начатка, первин), 16 нисана. И уж совсем не случайно Он, *начало* Воскресения К-рого ученики не видели, поставленные Воскресшим перед фактом, вознёся (ушёл-удалился), по прошествии сорокаднева, в день 25 ийяра⁴⁶, в четверг 14 мая, от (с) Земли, где, а именно на Масличной горе, ученики, наоборот, видели (неудержанными глазами) начало Вознесения, не видя его исход.

После же этого, по истечении десятидневья, им, новоосиротевшим, был во утешение, сообразно Христову обетованию на Тайной Вечери, ниспослан Параклет-Утешитель, Кто, т.е. (исходящий от Отца чрез Сына) Дух Святой – третье лицо Св. Троицы, не мог бы снизить 6 сивана = в воскресенье 24 мая из вышних, не мог бы быть ниспослан единосущным Отцу Сыном, не принеси Иисус Себя в жертву на кресте Голгофы!

Отсюда, спрашивается, что и как именно произошло 24 мая 33г.? – в день, в к-рый целокупно исполнилась-свершилась-завершилась вселенская Мистерия Голгофы 1/1 – 14 – 30 – 33г. н.э. (ибо она всецело исполнилась именно в последовательных Таинствах Воскресения, Вознесения, Пятидесятницы), и к-рый, т.е. день первой христианской Пятидесятницы-Троицы, справедливо именуется днём начала эвангелизационного периода и рождения христианской Церкви! Слово Деяписателю.

СОШЕСТВИЕ СВЯТОГО ДУХА

«При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе.

И внезапно сделался шум с неба, как-бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились;

И явились им разделяющиеся языки, как-бы огненные, и почили по одному на каждом из них.

И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать.

В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами.

Когда сделался этот шум, собрался народ и пришёл в смятение; ибо каждый слышал их говорящих его наречием.

И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне?

⁴⁶ Во второй месяц ийяр начала выпадать манна небесная; в месяце ийяр израильтяне обрели «странствующий» колодец Мариами; в месяце ийяр случилась судьбоносная война с Амалеком; в месяце ийяр Соломон начал строить дом Господень.

*Как же мы слышим каждый собственное наречие, в к-ром родились.
Парфяне и Мидяне и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии,
Понта и Асии,
Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие
из Рима, Иудеи и прозелиты,
Критяне и Аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах
Божиих?»
И изумлялись все и недоумевая говорили друг другу: что это значит?» (Д.Ап.2,1-12)*

С учётом того важного обстоятельства, что 2-я глава Д.Ап. продолжает 1-ю без, напомним читателю, аутентичного деления Книг Нового Завета на главы, возымевшего место не ранее XIII в., надо усвоить следующее. При наступлении дня Пятидесятницы единодушно вместе находились (если не только, то), судя по тексту, прежде всего 12 Апостолов, к к-рым, в один из дней десятидневья между Вознесением и Пятидесятницей, в ранге-статусе 12-го был сопричислен (выбранный жребием) Матфий. Т.е., это, несомненно, 12, плюс, вероятно, Лазарь-Иоанн, плюс братья Иисуса – Иаков и Иосиф/Иосия, плюс, помимо мужей, Богородица и жёны-мироносицы, плюс вознесенское собрание (Д.Ап.1,16) в составе ок. 120-и мужей, или всего-итого 120 мужей (12 x 10), среди к-рых 70 Малых Апостолов и др. из группы 500 братий, т.е. те, кому Господь являлся в довознесенский сорокаднев, в т.ч., надо полагать, Клеопа и Симеон (еммаусские путники), Иосиф Аримафейский и Никодим...⁴⁷

Причём, если присутствия 12-и наличный текст Д.Ап. требует безоговорочно, что называется, прямым текстом, прямой текстуальной последовательностью, то присутствие остальных можно небезосновательно (с оглядкой на гл.1) предположить.

Теперь вопрос, – где именно они, при наступлении Пятидесятницы, находились единодушно вместе? Если в гл.1 названа «горница» = Сенакль, куда, свидетели Вознесения, возвратившись 14.05. с Масличной горы на Сион, «взошли» (12/13), то, стало быть, место встречи единодушным собранием 24.05.33г. обещанного Христом ученикам на Тайной Вечери Святого Духа = Параклета-Утешителя изменить нельзя, да и не нужно. Иначе говоря, действие вновь вершится в тайновечерней Пасхальной горнице = в Сенакле, на верхнем просторном этаже двухэтажного сионского строения (дома родителей будущего Евангелиста Марка).

И незачем вслед за Цанном (AG 73/74) предлагать отличную от горнично-сенаклианской, на основании, дескать, множества человек, оказывающихся по ходу благовествования гл.2 в кадре, иную топографию собственно пятидесятничного таинства духоизлияния, переносимую Цанном под открытое небо – в храм. Да, действительно, начиная с 5-го стиха гл.2 дееписательский рассказ Лк. требует перенесения действия на многолюдную территорию иудейского храма в Иерусалиме (где находились в тот день, в праздничном множестве, Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами), что и происходит, хотя Дееписатель, не будучи журналистом-публицистом, в лоб об этом не сообщает. Однако само Таинство христианской Пятидесятницы (до переходного стиха 4, и частично включая переходный-соединительный между Сенаклем и храмовым притвором Язычников стих 4) имеет место именно в доме (2), т.е. – в Сенакле на Сионе.

⁴⁷ 7 мужей – Лазарь, Иаков, Иосия/Иосиф, Клеопа, Симеон, Никодим, Иосиф Аримафейский; 7 жён – Мария Богородица, Мария Клеопова, Мария Магдалина, Саломия, Марфа, Сусанна, Иоанна.

Напрашивается вопрос: разве «шум с неба, как-бы от несущегося сильного ветра» не мог наполнить «весь дом»? Мог и вполне! Или разве явленные-явившиеся присутствующим «разделяющиеся языки, как-бы огненные», не могли «явиться им» и «почтить по одному на каждом из них», опять-таки, в доме⁴⁸ (вечери Тайной и вечери Воскресенской)? Могли и вполне! Обратим внимание на это благовестовательное «как-бы» как в отношении услышанного (слух) незаконопаченными ушами необычного шума, так и в отношении увиденных (зрение) неударжанными глазами разделяющихся огненных языков.

И то, и другое чутотворения, чудеса, составляющие вместе единое чудо духоизлиятельной Троицы, совершаются в доме, воспринятые-внятые присутствующими, в зависимости от меры-степени их сопричастности Импульсу Христа, неодинаково, на различных уровнях восприятия, градуированно: 12-ю, на каждом из к-рых языки почил (в первую очередь), и остальными: 120 (или более 120-и) и жёны. Единодушие единомушiem, но мерные верви посвяtitельной близости ко Христу, меры *услышания* и *увидения* пятидесятничного Таинства, меры освящения оным и посвящения в оное различны! Ниспосланный Христом Дух Господень не в равной мере опочил на прияхших Его.

Вознесение Господне сделало возможным сошествие ниспосланного свыше Духа в сопричастных Христу людей, к-рые исстрадались в эти 10 промежуточных дней по ушедшему от них Христу, как в первины нового творения. Первая Пятидесятница = начало сбора плодов Мистерии Голгофы. Проведённые Христом через *фотисимус* (просветление) и *катарсис* (очищение) души Апостолов открылись, через боль и страдание вознесенского расставания, в Пятидесятницу навстречу сошедшему-ниспосланному в них Духу. День дарования закона Богом преобразился в день вышнего откровения вочеловечившегося, крестившегося, претерпевшего, воскресшего, вознесшегося и нисшедшего в сердца человеческие Духом Святым Самого Божества – единосущного с Отцом Сына – дателя-дарителя-ниспослателя исходящего от Отца Духа.

Впрочем, в семитских языках Дух женского рода, т.е. в пору вести речь о, фигурально выражаясь, *небесной дочери* Отца, и о *небесной суженой* Сына, о духовном излиянии Вечно Женственного в человека и человечество – в день (именин Земли), когда дуалистическое единство Отца и Сына стало триалистическим, стало Божественной Троицей (во имя Отца и Сына и Святаго Духа)! Тройственный Бог един!⁴⁹

Не провозвещал ли Иоанн Предтеча-Креститель, дух к-рого опочил на воскрешённом Иисусом Лазаре-Иоанне вдвойне, что идёт-грядёт Сильнейший меня, Который будет крестить Духом Святым и огнём! Вот провозвещение и сбылось, вот оно и исполнилось! Троица-Пятидесятница 24.05.33г. н.э. есть заключительный акт Мистерии Голгофы!

⁴⁸ Не вошли ли пришедшие поклониться родившемуся в вифлеемском *доме* 6.01.1г. до н.э. Иисусу Соломону волхвы с Востока 6.01.1г. н.э. в *дом*, тогда как Иисус Нафанид родился 25.12.1г. н.э. в вифлеемской рождественской *пещере* (*грот*), где Его посетили привифлеемские пастухи.

⁴⁹ Иоанн Златоуст: «И наполнил весь дом». Бурное дыхание было как бы купелью водною; а огонь служит знаком именно обилия и силы. Этого никогда не случалось с пророками, так было теперь – с Апостолами; а с пророками – иначе. Например, Иезекиилу даётся свиток книжный, и он съедает то, что должен был говорить: «и было – говорит он – в устах моих сладко, как мёд» (Иез.3,3). Или ещё: рука Божия касается языка другого пророка (Иер.1,9). А здесь (всё делает) сам Дух Святой и таким образом является равночестным Отцу и Сыну» («Толк. на Д.Ап., Беседа 4).

«Руах» – на еврейском, или Πνεῦμα – «Пневма» – на греческом, означает (может означать) и Дух, и ветер (дыхательное дуновение). В Новом Завете «пневма» употребляется в различных значениях.

В беседе с Никодимом Иисус говорит: «Дух дышет, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рождённым от Духа» (Ио.3,8). В Послании к Евреям (66г.) Ап. Павел (перекликаясь с вышеприведённым нами возвещением Иоанна Крестителя и с майским чудом Пятидесятницы 33г.) пишет: «Об Ангелах сказано: «Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь» (1,7).

Дух человеческий. В августе 31г. дух воскрешённой Христом дочери Иаира «возвратился», возвращённый Воскресителем-Пробудителем, ей, к ней, в неё (с потребностью новой пищи духовной). «И возвратился дух её; она тотчас встала; и Он велел дать ей есть» (Лк.8,55). В роковую ночь со 2-го на 3-е апреля 33г. Иисус велит Петру, Иакову и Иоанну в Гефсиманском саду: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф.26,41). Не возмутился ли Павел духом в Афинах (52г.), «при виде этого города полного идолов» (Д.Ап.17,16). В 1-м Послании (самое раннее из Павловых Посланий за 14 заключительных лет – 53 – 67г. н.э. – его насыщенной жизни) Ап. Павла к Фессалоникийцам (53г.) читаем: «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (5,23). Посл. к Римлянам (58г.)⁵⁰: «Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, К-рым зываем: «Авва, Отче!» / Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии» (8,15/16).

Мн.ч. «пневмата» в знач. – «духи в темнице» и «духи праведных». 1-е Посл. Ап. Петра (61г.): «Потому что Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлён по плоти, но ожив духом, / Которым Он и находящимся в темнице духам, сошед, проповедовал, / некогда непокорным ожидавшему их Божию долготерпению, во дни Ноя, во время строения ковчега, в к-ром немногие, то есть, восемь душ, спаслись от воды» (3,18-20). Посл. Ап. Павла к Евреям: «Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, / К торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах, и к судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, / И к ходатаю Нового Завета Иисусу, и к крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева» (12,22-24).

Злые духи, – к-рых изгонял из бесноватых Христос, и к-рые силой (рук) исцелявшего из Импульса «не я, но Христос во мне» Павла выходили из больных. Ев. от Мф.: «Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных...» (8,16). Д.Ап.: «Бог же творил не мало чудес руками Павла, / Так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них» (19,11/12).

Посылая 12 Апостолов осенью 31г. попарно на полугодовое служение, Христос «дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Мф.10,1). А ниже из Д.Ап. мы узнаём об апостольских исцелениях летом 33г., в послепятидесятничную пору экзистенции иерусалимско-христианской общины и становления христианской церкви, следующее: «Сходились

⁵⁰ Доказательную прецизацию времени составления-написания новозаветных Посланий см. ниже.

также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, к-рые и исцелялись все» (5,16).

В Ев. от Лк. благовествуется субботнее исцеление Христом осенью/зимой 32г. в Перее скорченной 18 лет женщины, «имевшей духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться» (13,11). Приложительно к пребыванию Павла в Филиппах (52г.), в Д.Ап. говорится об «одной служанке, одержимый духом прорицательным, к-рая через прорицание доставляла большой доход господам своим» (16,16). В Посл. к Римлянам Павел, блистательно парафразируя Кн. Втор. и Исаию, более того, в унисон Евангелистам, говорит об избранных из Израиля (меньшинство) и об ожесточившихся (большинство), к-рые, будучи слепы и глухи ко Христу, оказались в плену у наркотического (дурман) «духа усыпления»: «Бог дал им дух усыпления, глаза, к-рыми не видят, и уши, к-рыми не слышат, даже до сего дня» (11,8).

Однако наиболее часто слово «Пневма» в Новом Завете, естественно, употребляется в значении – Святой Дух = опочившая на Апостолах = не в одинаковой мере-степени вобранная присутствовавшими в пятидесятничном Сенакле приверженцами Христа Спасителя Третья Ипостась триединого христианского Бога = обещанный ученикам на Тайной Вечери Христом Параклет-Утешитель = Дух (Премудрость) Истины (Ewig-Weibliche = София!).

Между тем, в открывающей В.З. Кн.Быт., когда «в начале сотворил Бог небо и землю, к-рая была безвидна и пуста, и тьма над бездною», «Дух Божий носился над водою» (Б.1,1/2). И именно в нём волила творческая пра-сила, к-рая сотворила всё. Не сказал ли Господь в пору великого развращения человекoв, перед катастрофой Великого Потопа: «не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их 120 лет» (Б.6,3). Не подтверждает ли Иов свою непорочность словами о том, «что доколе ещё дыхание моё во мне, и дух Божий в ноздрях моих, не скажут уста мои неправды, и язык мой не произнесёт лжи» (27,3/4). Или речь Иова о Духе – Создателе, Вседержителе, Жизнедателе: «Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителя дало мне жизнь» (33,4). Или Давид, благословляя Бога душою своею, псалмопевчествоует, в т.ч., об изошедшем из (от) Духа Божия и подвластном Богу духе человеческом: «Сокроешь лице Твое – мнутяся; отнимешь дух их, умирают, и в персть свою возвращаются» (Пс.103,29).

Или, если в Кн.Иез. (в этом Апокалипсисе Древнего Завета!) Господь говорит Иезекиилю, сыну человеческому, об одухотворении разбросанных костей, к-рые оживут («Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживёте») (37,5), то в Откровении Иоанна Богослова о двух таинственных Божиих свидетелях (две маслины и два светильника, стоящие пред Богом земли) (11,4), к-рые, сразившись, будут убиты зверем, таинственно сказано: «Но после трёх дней с половиною вошёл в них дух жизни от Бога, и они оба стали на ноги свои; и великий страх напал на тех, к-рые смотрели на них» (11,11).

Согласно же Ев. от Ио., Дух тождествен Логосу, К-рый был в начале у Бога (1,1). Это творческое Слово, это Слово творения есть Христос: «Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею»; а последний Адам есть дух животворящий» (1Кор.15,45). В 2Кор. манифестируется тождество Христа Духу и Духа свободе: «Господь есть Дух, а где Дух Господень, там свобода» (3,17).

В В.З. Дух нередко выступает как сила Божия, дающая разумение, благостно наставляющая, пребывающая среди верных, ведущая благочестивого в землю правды. «Но дух в человеке и дыхание Вседержителя даёт ему разумение» (Иов.32,8). «И Ты дал им Духа Твоего благого, чтобы наставлять их, и манну Твою не отнимал от уст их, и воду давал им для утоления жажды их» (Неем.9,20). «Завет Мой, к-рый Я заключил с вами при исшествии вашем из Египта, и дух Мой пребывает среди вас:

не бойтесь» (Аггей 2,5). «Научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты — Бог мой; Дух Твой благий да ведёт меня в землю правды» (Пс.142,10).

Дух Господень проявляет своё могущество, довлея над человеческими усилиями. «Тогда отвечал он (Ангел) и сказал мне так: это слово Господа к Зоровавелю, выражающее: не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф» (Зах.4,6). Дух Божий оснащает человека дарованиями и талантами в разных сферах. «И Я исполнил его Духом Божиим, мудростию, разумением, ведением и всяким искусством» (Исх.31,3; ср. 35,31). Водительствует над судьями, влагает слова в уста пророков, пророчески сходит на царей. «На нём был Дух Господень, и был он судьёю Израиля...» (Суд.3,10). «И вот завет Мой с ними, говорит Господь: Дух Мой, К-рый на тебе и слова мои, к-рые вложил Я в уста твои, не отступят от уст твоих и от уст потомства твоего и от уст потомков потомства твоего, говорит Господь, отныне и до века» (Ис.59,21). «И пошёл он (Саул) туда в Наваф в Раме, и на него сошёл Дух Господень, и он шёл и пророчествовал...» (1Ц.19,23).

70 старейшин Израилевых сопричастны Духу Господню, К-рый почивает на Моисее: «Я сойду, и буду говорить там с тобою, и возьму от Духа, К-рый на тебе, и возложу на них, чтобы они несли с тобою бремя народа, а не один ты носил» (Ч.11,17). На Елисее опочил дух Илии (4Ц.2,15). Дух Божий почивает на Мессии из корня Иессеева: «И почивает на нём Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» (Ис.11,2). «Вот, Отрок Мой, К-рого Я держу за руку, избранный Мой, к К-рому благоволил душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд» (42,1).

В Крещении Дух Божий сошёл-ниспустился на Иисуса: «И крестившись Иисус тотчас вышел из воды, и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, К-рый сходил, как голубь, и ниспускался на Него» (Мф.3,16). «...Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благодворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним» (Д.Ап.10,38). Не дал ли Иисус по Воскресении ученикам Духа Святого (Ио.20,22)?

Как Сын посланник Отца, так Дух (исходящий от Отца) посланник Отца и Сына (Ио.13,16). Не говорит ли идущий на жертву Голгофы Иисус в утешительной речи к ученикам: «И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, / Духа Истины, К-рого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет. / Не оставлю вас сиротами; приду к вам» (Ио.14,16-18). «Утешитель же, Дух Святой, К-рого пошлёт Отец во имя Моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что Я говорил вам» (26). Иисус сам грядёт во Духе, чтобы обитать в учениках, ибо Христос не знает иной репрезентации (воскресшего и вознесшегося) Иисуса на Земле, в человеках, кроме Духа, в К-ром, К-рым Иисус Христос нисходит к верующим. Но мир не может Его воспринять, не ведая о Его Миссии, и не имеет в Нём доли, противясь Ему.

Примирительная жертва Иисуса на Голгофе открыла Духу путь в сердца людей, к-рые эту жертву приняли и уверовали во Христа Спасителя. Ученики первыми получили и приняли дары Духа Святого, К-рым исполнились. Не случилось ли сошествие-ниспослание при великих (слуховых и зрительных, внятых и увиденных) явлениях-знамениях (а не галлюцинациях), когда вознесшийся 10-ю днями ранее Иисус, приидя в Духе-Утешителе, безостаточно завладел душами учеников, не отлучавшихся, как и было им велено, на протяжении 40-50-и повоскресенских дней из святого города Иерусалима (далее елеонско-вифанских окрестностей). И это владычество Христово над душами, в душах Апостолов, незамедлительно проявилось в пятидесятничной проповеди (заговорившего Святым Духом) Петра. Так возникала иерусалимская первообщина христиан, превратившаяся в новое, вместо

старого Израиля, общество Господне, ставшая христианским Израилем во Духе Божием.

Через Дух Святой верующий во Христа оказывается в новом жизненном пространстве, в новой системе координат, во Христе, в К-ром ему отныне надлежит и предстоит жить во Времени и в Вечности. С сошествием Духа, внутри человека произошёл качественный переворот: далее – не я и не грех, но Христос во мне (Гал.2,20). Дух Истины ведёт человека во истине и к истине, познание к-рой делает их свободными, ведёт чад человеческих как истинный учитель человеческий. Дух почивает на Иисусе и Его искупительно-исцелительной Миссии.

Не благовествует ли Ев. Иоанн знаменательные слова Христа на послетайнове-чернем пути в Гефсиманию: «Когда же придёт Утешитель, К-рого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, К-рый от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; / А также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною» (Ио.15,26/27). Теперь на повестке дня новая в настоящем и будущем креатура, поскольку старая безвозвратно прешла. «Ибо все, водимые Духом Божиим, суть Сыны Божии; / Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, К-рым зываем: «Авва, Отче!» / Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии» (Рим.8,14-16).

Христово овладение верующими посредством Духа Божия есть их пятидесяти-ничное призвание на служение Господу и необходимое оснащение, есть присвоение им полномочий свидетельствовать о Христе во вселенских масштабах, до краёв земли, без в перспективе различения колен, языков, народов, племён, т.е. на разных языках-наречиях, в разных широтах. Но это вовсе не означает, будто Апостолы в буквальном смысле заглаголили в Пятидесятницу на парфянском, мидийском, египетском (языках) и т.д., означая в реальности возведение ими одной веры, одной религии для всех людей, без этнической, национальной, языковой и т.д. разделительных препятствий между ними (см. ниже).

В Таинстве Пятидесятницы когдатощнее вавилонское смешение языков, вызвавшее взаимонепонимание и вражду между людьми, преобразилось в путь, ведущий к взаимопониманию между ними. Если пресловутая башня, к-рую люди вздумали в гордыне своей вознести до небес (чтобы захватать руками небо), рухнула, то ниспосланный-сошедший в сердца 12-и Апостолов, правопреемников 12-и колен Израилевых, Дух Святой обрёл в них, обрёл в сердцах христиан, обрёл в Церкви Христовой богодухновенную обитель навсегда!

Воистину щедры дары Святого Духа, к-рые принадлежат общине, между тем как каждый индивидуально получает от Него, получает в Нём свою долю по воле Божией. «Одному является Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; / Иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; / Иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. / Всё сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно» (1Кор.12,8-11). «Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова» (Еф.4,7).

Если Павел, благовествуя, что «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1Кор.12,3), говорит дальше «Дары различны, но Дух один и тот же» (4), то Иоанн в Откровении трижды декларирует (несколько не противореча Павлу) 7 духов: «Иоанн семи церквам, находящимся в Азии: благодать вам и мир от Того, К-рый есть и был и грядёт, от семи духов, находящихся пред престолом Его...» (1,4); «И Ангелу Сардийской церкви напиши: так говорит имеющий семь духов Божиих и семь звёзд...»; «И я взглянул, посреди престола и четырёх животных и посреди старцев стоял Агнец как-бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, к-рые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю» (5,6).

Когда Христос обитает в верующих, они, свободные от старого закона греха и смерти, живут новым законом жизни во Христе, к-рая суть жизнь не по плоти, а во Духе. «Потому что закон духа жизни во Христе освободил меня от закона греха и смерти. / Как закон, ослабленный плотью, был бессилён, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти, / Чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу» (Рим.8,2-4). Не пишет ли Павел Галатам (55г.): «Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вождений плоти» (5,16). Дух не нуждается в ином законе, будучи сам законом: «Если же вы духом водитесь, то вы не под законом» (Гал.5,18). «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, / Кротость, воздержание. На таковых нет закона» (5,22/23). «Потому что плод духа состоит во всякой благости, праведности и истине» (Еф.5,9). «Также и Дух подкрепляет (нас) в немощах наших; ибо мы не знаем, о чём молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизречёнными» (Рим.8,26).

Духовные дары без любви, во множестве её высоких проявлений, ничто. Любовь никогда не перестаёт, и из трёх пребывающих величин – вера, надежда, любовь – для христианина любовь – (заповедь) наибольшая (1Кор.13). Христос, Святая Троица – Отец, Сын, Дух Святой – и есть любовь в её высшем проявлении!

Верующий запечатлён Святым Духом: «В Нём (во Христе) и вы, услышавши слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовавши в Него, запечатлены обетованным Святым Духом» (Еф.1,13). Дух Святой – свободный дар, и может быть получен (возложением рук Апостольских) только свободно (Д.Ап.8,17-20). Покаяние и крещение во имя Иисуса Христа для прощения грехов, при его получении, необходимо (2,38). Крещение и прощение грехов – его выражение. Истинному христианину, благомыслящим христианам необходимо стремление к благочестивому исполнению, к исполненности Духом (Еф.5,18), к неугашению (в себе) Духа.

* * *

Посему, в свете первой христианской Пятидесятницы и её главного сощественно-ниспослательного Таинства, нам следует снова обратиться к теме, неоднократно затрагивавшейся в трёхкнижной монографии (монографиях) «Таинство Голгофы». Это Вечная Женственность: Ewig-Weibliche – точный и исчерпывающий термин, рассекреченный и обнародованный великим Гёте в «Фаусте» для наименования спиритуального феномена (известного посвящённым задолго до Гёте) как субстанции, как значительнейшей составляющей Третьей Ипостаси Троицы – Святого Духа (К-рую В.Соловьёв делает даже Четвёртой Ипостасью, как, заметим от себя, позволительно выразиться поэтически или философски, однако, не богословски-теологически).

Спрашивается, – где в этом трёхипостасном Божественном единстве-сообществе местонахождение высшего женского начала (т.е. непадшей Софии, или испупленной Евы, созданной из ребра Адама и, по-разному, *родной*, по-разному, соединой как Первому, так и Второму Адаму), если не в (исходящем от Отца через Сына) Святом Духе?! Вернее, судите сами, – не столько в Отце и не столько в Сыне, сколько в неделимом с Отцом и Сыном, сколько в неотъемлемом от Отца и Сына, сколько в даруемом Ими Духе Святом!

Не случайно Таинство Воскресения Христова оснащает особым статусом Марию Магдалину, кого Воскресший удостоил первоявления. И уж совсем не случайно, при собрании приверженцев и привержениц (7 жён-мироносиц) Христа, в десятиднев между Вознесением и Пятидесятницей, в Сенакле, среди присутствующих

на собрании специально называется Мария, Матерь Иисуса, воскресенское явление К-рого Ей – под покровами тайны, и К-рая сопричастна двум последующим, в рамках Таинства Голгофы, Мистериям – Вознесения Господня и Троицы. Мария София и Мария Магдалина – два (дуализм) высших проявления Вечно Женственного! Богородичный – заступничество, ходатайство, примирение... – и магдалинский – приобщение к тайному знанию – христианский Гнозис... – аспекты Вечной Женственности, две стороны Мудрости, Красоты и Добра. «Пневма» и «Рух» (нем. – Nauch) как сверхчувственное *благоухание!*

Не сопровождали ли Марию Вифлеемлянку (мать Иисуса Соломонида) = Марию Софию по жизни *покрова* Её ушедшей в Успение в сентябре 14г. н.э., под знаком Девы, младшей сестры – Марии Галилеянки = Марии Благодатной (матери Иисуса Нафанида)! Не стала ли Мария София, при Крещении Иисуса Христа 6.01.30г. н.э. (Иоанном Крестителем) в Иордане, новодевственной Марией Мадонной = Марией Богородицей!

Причём Вечная Женственность неотъемлема от Вечной Мужественности (Отца и) Сына, принесшего великую жертву на кресте именно за исцелительную Вечную Женственность, за непреходящее Вечно Женственное в человеке и человечестве. Не произошло ли на слиятельную Пасху 14г. н.э., когда индивидуальность Иисуса (Заратустры) Соломонида (София) была пожертвована Иисусу (Кришне) Нафаниду (Логос), слияние Софии и Логоса! Не востала ли при кресте Голгофы Мария Благодатная в Марии Магдалине (как Иисус Соломонид – в Лазаре-Иоанне, на ком опочил дух Иоанна Предтечи) – в этой помазательнице и сакральной суженой Христа! Не олицетворяют ли они Обе и Св. Грааль – квинтэссенцию христианской духовности, и соборную Церковь Христову, – две её половины, как два ключевых олицетворения триалистической, в ключе Троицы, Вечной Женственности!

Кто и Что Она есть? Сила небесного притяжения, поднимающая человека Любовью в область вечного творчества жизни. А за даруемым Ею из любви всепрощением Богородица как Небесная Царица – заступница за грешников. А за даруемым Ею из (священнобезумия) любви вышним познанием, за божественной творческой энергией, Магдалина – покающаяся и прощённая Христом грешница, к-рая возлюбила много, с народным елеем помазания во Духе.⁵¹

Не являлись ли добро и истина, прекраснейшее и тончайшее средоточие истинного, человечеству (гётеанистическая «заповеданность истины всей») именно в женском обличье! Не есть ли мистический образ Софии персонификация божественной Мудрости! От возвышенного идеала женщины – «как средоточия и гармонии мира» – до персонификации мудрости Бога!

То-то древние иудеи располагали знанием о предсуществовании вместе с Богом Мудрости, присутствовавшей при Сотворении мира, но отвергнутой людьми и с тех пор сокрытой (утаённой) на небесах (в лоне Отца). Обратитесь к Книге Притчей Соломоновых! Обратитесь к Песни Песней Соломона (Святое-Святых Древнего Завета)! Не Её ли, т.е. Мудрости, носитель есть Параклет-Утешитель! Не Она ли утешительно излилась в сердца человеческие во Духе, в день шествия-ниспослания свыше Духа Святого! Не Она ли, т.е. Божественная Мудрость, суть основа софиологии! В «Кн. Премудрости Иисуса, сына Сирахова» София теснейшим

⁵¹ Обращает на себя внимание Псалом 44, где в песни бракосочетания Мессии-Царя и Израиля Израиль выступает именно в женской ипостаси (дева Израилева; дочь Сиона) – «царица одесную Тебя» (10) и «дщерь Царя», к-рая христианами верно толкуется на Богородицу, и в к-рой с не меньшим таинственным основанием можно увидеть Марию Магдалину, благодаря духовному бракосочетанию к-рой со Христом христианам и христианству были дарованы глубинные гностическо-спиритуальные тайны-истины.

образом связана с Духом, а в апокрифических «Одах Соломона» Мудрость уподоблена «Совершенной Деве» (33).⁵²

Дальше – больше. У посредничающего между еврейской и эллинской мудростью Филона Александрийского София – женский принцип Триады: Богоотец-Богоматерь-Богосын (Космос-Логос). Она – космическая сущность, обитающая одновременно в душах людских; Она родилась из головы (из мысли) Бога, сходно Афине, рождённой из головы Зевса; Она – питающий человеческие души манной небесной, т.е. Божественным Духом и изшедшим из Неё Логосом, родниковый источник; Она – творческая потенция Бога; Она – сиятельный свет Солнца.

⁵² Песни Песней Соломона – «лучшая из песен» (исключительная превосходная степень) – Шир ха-Ширим, авторство к-рой за (сложившим 3 тыс. притчей и 1005 песен) Соломоном (сколько бы в том ни усумнились ново-новейшие критиканы, усматривающие во вполне могущих быть позднейшими вставками арамеизмах, или в персидском «pardes» – 4,13, или в греч. «аппируон» – 3,9 позднее поствавилонско-эллинистическое время написания-составления П.П.). В ней история любви, по одной из версий, царя и девицы-отроковицы Суламиты, имя к-рой, согласно одним, означает «девочка из Сунема», в то время как, согласно другим, это не имя, а титул Соломоновой невесты. Помимо того, на основании «Сунема», Суламифь идентифицируется с юной Ависагой Сунамитянской, прислужницей Давида в его летах преклонных, к-рая была найдена для него, чтобы было «тепло господину нашему», чтобы согреть его, и к-рую Давид не познал (3Ц.1,1-4).

Что есть П.П. – история любви Соломона и Суламифи? или противопоставление чистой любви девицы к пастуху (вместо отвергнутого царя) и её печальная участь? У юной героини смуглая кожа и рыжие (светлые) волосы. Она одета в лёгкий хитон (туника) и сандалиии. Согласно одному из истолкований, в неё влюблён Соломон, но она любит молодого пастуха, за что страдает от царских стражников. По роду занятий, Суламифь – крестьянка, стерегущая виноград. (Не Израиль ли – виноградник! Не Господь ли – Виноградарь! Не Иисус ли – Виноградная Лоза, Сын Отца, в доме К-рого обителей много!) В конце П.П. Суламифь призывает своего возлюбленного бежать от гнева царя.

В еврейской традиции П.П. – Святое-Святых (Акиба) Книги Книг, однако, каноничность Шир ха-Ширим (как и Кн.Иезекииля) оспаривалась рядом авторитетов аж до второй половины Ив. н.э. И тем не менее, это таинственный символ отношений между Богом и еврейством, ибо Завет суть брачный союз Всевышнего и Израиля. То-то евреи обучали своих детей всему, кроме, до достижения израилитом соответствующего возраста, начала Кн.Быт. – сотворение мира, начала Кн.Иез. (видение), конца Кн.Иез. (строение храма) и Песни Песней! Вот какова степень таинственности-герметичности Шир ха-Ширим, не являющейся, вопреки новейшим выкладкам, всего-навсего, (полу)аграрным эротиконом и не исчерпывающейся свадебно-обрядовой гимнаграфичностью. Не надо её ни принижать-заземлять сверх меры, ни делать эфемерной абстракцией, ни пытаться обнаружить в ней еврейскую «Камасутру»!

За кадром – брак богоизбранного Израиля с Шехиной – женским проявлением-пробытием божественного присутствия (к-рая есть эквивалент христианской Софии). Премудрость позвала Соломона познать «устройство мира, начало, конец и середину времён» («Прем. Сол.» 7,17). Не испросил ли Соломон, сообразно Агаде, руки Премудрости, Дочери Небес, и получил в приданое весь мир. Впрочем, с др. стороны, в объективе скрытой камеры – непознанная преклоннолетним Давидом юная Ависага Сунамитянка, и Суламифь – познанная или непознанная Соломоном, кто странно двоятся с молодым пастухом (пастырем), в кого влюблена прекрасная девица-отроковица. Не посетила ли Соломона царица Савская (София), возревновав к к-рой *царь-авелит* санкционировал убийство *мастера-каинита* Хирама, чем усугубил конфликт между авелитами и каинитами, истинный ключ к решению к-рого человечеству дал только Мессия-Христос.

Не находит ли вышепредставленная неисполненность – Давид и Ависага, Соломон, сын Давидов, Суламифь и Пастух – своё исполнение во Христе Господнем! Не был ли Иисус, Сын Марии Благодатной, ставший, при Крещении, Сыном Марии Софии (ставшей Софией под покровами Марии Благодатной), Сыном Давидовым и Сыном Соломоновым! Не есть ли Иисус Соломонид – потомок Давида Соломона! Не есть ли Иисус Нафанид – потомок Давида Нафана! Не есть ли пасший в детстве агнцев Иисус из Назарета – Сын Давидов, и главное – Сын Божий! Не хранилась ли безгрешная душа Иисуса Нафанида (Кришна) –

От всепрощающей Богоматери и Беатриче у мэтра Данте к Вечной Женственности у мэтра Гёте! Согласно известному христианскому мистику, вернее, мистическому пантеисту во Христе, Я.Бёме (1575 – 1624гг.), Бог, изначально сокрытый от самого себя, обретает самосознание благодаря тому, что воплощается в образе «Софии» – «Девы Мудрости»; София – невеста и Бога, и Адама.

Далее, если у Гёте Вечная Женственность – источник вечной жизни, непреходящей (непреходящего в) одухотворённой вечности⁵³, то, например, знаменитый романтик и классик Ф.Гёльдерлин (1770 – 1843гг.) в романе («священное писание немецкого духа») «Гиперион» (воспевая свою возлюбленную под именем Диотима) пишет: «Я был бы готов тысячелетиями путешествовать по звёздам, облачаясь во все формы жизни и говорить на всех её языках, лишь бы хоть раз снова встретиться с тобой».

Из возвышенной любви «императора романтизма», апологета диалектической метафизики, магического идеализма и мистической интуиции Новалиса (1772 – 1801гг.) к его юной обрученнице Софии фон Кюн, к-рая умерла в возрасте 14-и лет (возраст обручения Иосифу Соломону Марию Вифлеемлянку и возраст успения пожертвовавшего свою индивидуальность Иисусу Нафаниду Иисуса Соломонида)⁵⁴,

сестринская душа негрехопадшего Второго Адама – в Великой Материнской ложе человечества! Не она ли (не над ней ли), по сути, Шехина – Свет Мессии (как Солнце – свет всему миру)! Не в ней ли София – как Вечная Женственность – в крестной жертве за неё Мужа, носившего в себе индивидуальность Заратустры, к-рая подготовила божественно-человеческий сосуд для духовного сошествия в него Я Христа Спасителя!

У христиан Завет Бога и Израиля нашёл своё завершение в Завете Христа с христианской общиной, чему Ап. Павел даёт эсхатологическое направление-толкование (Еф.5,23-32). Если у евреев жених и невеста символы-образы Бога и израильской общины (таинство брака), то у Христиан – Христа и Церкви. Над становлением в В.З. мужа и жены одной плотью возвышается брак Христа и Церкви в Н.З. Там – одна плоть, здесь – один Дух, властно довлеющий над плотью.

Арабский термин «Шакина» – «Великое миролюбие»; розенкрейцерский аналог – «Глубокое умиротворение». Следуя розенкрейцерам, «Храм Святого Духа» сводит-обручает справедливость и милосердие (Пс.84,11: «Милость и истина сретятся, правда и мир облобызаются»). А следуя каббалистам, Шехина имеет две стороны – правую и левую: правая – милосердие; левая – строгость. Строгость ведёт к справедливости, милосердие – к миру. Шехина – Свет Мессии, превращается в Софию – проявление-олицетворение Духа Святого. Знаменитое выражение из П.П. «крепка, как смерть, любовь» (8,6) напоминает о смерти в смысле семени вечной жизни и прообразует-провидит Любовь, принесённую людям принесшим на Землю *Чистое Время* Христом. Не учение о любви, как у Будды, но сама Любовь Христова! Не случайно в христианстве «невеста» из П.П. – прообраз Богоматери (Амвросий Медиоланский «О Девстве»).

Далее, если Ориген видит в П.П. прообразование отношений Христа и индивидуальной человеческой души, то Августин говорит об аллегории всей ветхозаветной истории («Град Божий» 17,18,13). Православная же традиция толкует о любви между Богом и человеческой душой на пути её следования к Богу. «Невеста – запечатанный источник; вся добра еси и порока нет в тебе; радуйся, невесто невестная».

Важно отметить, что в П.П. итогу 117 стрóf (стихов), 68 из к-рых произносит девица-отроковица, 32 – юноша. Местоимение *я* встречается в тексте 12 раз и во всех случаях относится к невесте. Не на пустом месте, под влиянием каббалистов, еврей-сефарды читают Шир ха-Ширим в вечер наступления субботы и особенно в 7 пятидесятничных суббот между праздниками Песах и Шавуот!

⁵³ «Идея вечной женственности является у Гёте в конце «Фауста» экстрактом мирового духовно-исторического опыта. Фауст прошёл все искушения человеческой истории, пока под занавес Гёте не подарил ему спасительную «Ewig-Weibliche» (В.Кантор «Вечно женственное и русская культура», «Октябрь», № 11, 2003г.).

«Любовь – центральное слово в финальной сцене 2-й части трагедии, когда Богоматерь Скорбящая (Mater Dolorosa) в окружении святых возносит бессмертную душу Фауста» (И.Лагутина «Католическая энциклопедия», т.1, «Гёте», с.1304, М–2002г.).

⁵⁴ Хранимая в Великой Материнской ложе человечества пречистая-непорочная душа Иисуса Нафанида – душа избежавшего грехопадения невинного Второго Адама, была принесена на

родилось присущее Новалису таинственное слияние воедино Софии и Марии. В «Гимнах к ночи» воспевается божественность Софии-Марии, тогда как в отношении церковной проповеди римско-христианского духовенства (обратившийся в католичество выходец из протестантской семьи) Новалис видит и слышит в ней «проповедь любви к святой, прекрасной Даме – христианской религии».

В романе «Генрих фон Офтердинген» сказано: «Основан Вечности заветный град. / В любви и мире позабыт разлад. / Прошли, как сон, страданья вековые. / Властительница душ навек София». Не Новалису ли (кармическому продолжателю Иоанна Предтечи и Рафаэля) принадлежат стихотворные слова о том, что, восстав в любви, Христос основал град Господень, основой к-рого Он стал ещё во гробе, в предшествующий Воскресению субботний день спасительного сошествия во ад! Для утверждавшего, что всё должно стать Небом, всё должно стать Духом, и всё должно стать Добродетелью Новалиса Добродетель есть синтез Неба и Духа. «Один – во всех разлейся, / И все – в одном живи. / О, сердце всех, согрейся / Дыханием любви» (Д.И. 1202-05).

Софиология в России – удел русских религиозных философов – В.Соловьёва, П.Флоренского, С.Булгакова, рассматривавших Вечную Женственность дуалистически: как метафизический принцип и как женственное божественное начало; как грань между Богом и миром, как организующее начало противопоставленной (буржуазному) индивидуализму и (коммунистическому) коллективизму Соборности (миссия России как Мессии грядущего дня в отзеркаливающую Пра-Иранскую культуру, под знаком Ближнецов, Славянскую культуру Самодуха, под знаком Водолея) (Р.л. 469/70). Обновлённая (проникнутой новопасхальным Импульсом Христа славянской душой будущего) Вера-Премудрость = (славянско-христианская) Пистис София (в преддверии новоятыдесятничного индивидуалистического Импульса Христа в отзеркаливающую Пра-Индию Американскую культуру Жизнедуха на пути к Духочеловеку)!

Впрочем, ещё до отождествивших Софию с Мировой Душой, с Логосом русских софиологов творил (безоговорочный христоцентрист) Ф.Достоевский, кто для Д.Андреева («Роза мира») – «вестник Вечно Женственного», поскольку «история Сони Мармеладовой и Раскольниковы – это потрясающее свидетельство о том, как «Вечная Женственность тянет нас вверх». *Идиот* для людей мира сего в мире сём князь Мышкин не есть ли Князь Христос – воплощение Высшей Духовности как Вечно Женственного, призванного упасти мир! Сравните женские образы у (по определению Д.Мережковского) тайновидца духа православного ортодокса Достоевского и женские образы у тайновидца плоти русского протестанта Л.Толстого. Не *превосходит* ли (во вполне определённом ракурсе) Достоевский Толстого, как (продолжатель Рафаэля) Новалис – (продолжателя Парацельса) Гёте!⁵⁵

Землю с Небес, из лона Отца, и была самопожертвовательно одухотворена на Земле мудрейшей индивидуальностью Заратустры.

⁵⁵ Неспроста Новалис родился в год, когда Гёте (1749–1832гг.) было 23 года, а Гёте умер через 32 года после смерти Новалиса! Неспроста Толстой (1828–1910гг.) родился в год семилетия Достоевского (1821–81гг.), а умер спустя 29 лет, на 30-м году от его кончины. Подумайте над следующим. Просветлитель человеческих душ – католик Новалис, и отвергнувший его работу «Христианство и Европа» одолитель Канта – протестант Гёте! Дружный губительно простёршему *свинные крыла* над Россией К.Победоносцеву (обратите внимание на его *свинные уши*!) ортодокс Достоевский и выставивший Победоносцева в образе Топоркова в романе «Воскресение» толстолец Толстой, к-рый, подняв голос против чудес поповских, отринул в их числе, не сумев отличить одни от других, чудеса евангельские! Плюс, – вместо того, чтобы протянуть руку помощи Николаю II и Столыпину, Толстой фактически протянул её, сам того крайне не желая, революции и Ленину, кто сполна использовал Толстого, не забыв посмеяться над присущей-де ему «омерзительной поповщиной», в ленинском качестве «зеркала русской революции»! Зеркала и зазеркалья! (И всё-таки, Достоевскому понадобились 4 года каторги и

Тем временем, на пороге XXв. – века начала Второго Пришествия вторично распятого в XIX/XXвв. человечеством Христа, Соловьёв, именовавший Софию «образом всеединства мира, созерцаемым Богом», в стихотворении «Das Ewig-Weibliche» (1898г.), восклицает: «Знайте же: вечная женственность в мире / В теле нетленном на землю идёт...». Для Соловьёва София – космический творческий принцип, «существенный идеал красоты», «светлое тело вечности». Тожественная Вечной Женственности Она грядёт в мир, чтобы спасти его красоту от тления: «Всё совместит красота неземная / Чище, сильней, и живей, и полней». То-то, сообразно Штайнеру, эзотерическое имя Матери Иисуса Христа, к-рую Ев. Иоанн ни разу не называет Марией, – Дева София! Откровение Иоанна Богослова: «И явилось на небе великое знамение – жена, облечённая в солнце; под ногами её луна, и на главе её венец из двенадцати звёзд» (12,1).

Не остался в стороне от светлейшего образа Софии как синонима Ewig-Weibliche и русский «Серебряный век», в частности, два его сопричастных антропософии представителя – М.Волошин и А.Белый. У Волошина в стихотворении «Она» находим: «Она – забытый сон веков, / В ней несвершённые надежды, / Я шорох знал её шагов / И шелест чувствовал одежды»... «Пред нею падал я во прах, / Целуя пламенные ризы / Царевны солнца – Таиах, / И покрывало Монны-Лизы». Белый: «Искание пересечения Вечного с временным, точка слияния Вечного с временным, стремление охватить время Вечным – конкретные поиски молодых символистов начала столетия: символ их символов – акт воплощения Виденья, ведущего к созерцанию той, к-рая есть Mater-Gloriosa...»

Таким образом, Вечная Женственность = София – как Душа Триединого христианского Бога (Душа Адама Кадмона и Душа мира) – это высшее женское проявление (мать, сестра, невеста, жена, дочь), это высшая женская субстанция (всепобеждающая Любовь и абсолютная Истина) Триипостасного Божества. Её Божественная репрезентация – Святой Дух. Она – экстракт и зеница ока сошедшего-ниспосланного-излитого с небес в люди, на землю, в повоскресенско-повознесенские пятидесятничные именины земли, Духа Святого!

* * *

Примечательно, что в В.З. предощущается именно грядущее значение Пятидесятницы, к-рая в следующих за Торой Книгах еврейской Библии не на виду, вернее, гораздо менее на виду, нежели Пасха или Куши. Так, о Пятидесятнице говорится всего один раз в 2Пар.18,13, в связи с принесением в воздвигнутом Соломоном храме жертвы всесожжения, «по заповеди Моисеевой, в субботу и в новомесячия, и в праздники три раза в год: в праздник опресноков, и в праздник седмиц, и в праздник кушей». Плюс её упоминание в Кн.Товита (2,1: «святая седмица седмиц») и в 2Макк.(12,32). Не обращает ли на себя внимание срединное местоположение праздника седмиц (7 – число времени) в этом перечне приводимых с ритуально-календарного нисановского новогодья трёх (троица) великопаломнических праздников.

Иначе говоря, речь о грядущем, о сокрытом пятидесятничном времени, по исполнении, фигурально выражаясь, времён 7 x 7 (+ 1). Синайское откровение 6 сивана 1447г. до н.э. и Сионское (Сенакль) откровение 6 сивана 33г. н.э. (на 1480-м – число Христа – году от Исхода): день дарования Израилю Торы, день рождения еврейского народа и день сошествия-ниспослания-излияния Св.Духа на 12 Апостолов (12 – число пространства) и на всех верующих во Христа, день рождения

4 года солдатчины, чтобы навсегда избавиться от столь присущих творческим личностям заболевшего с 40-х гг. чахоткой XIXв. минимум склонностей к либералистскому атеизму или к революционизму.)

христианской Церкви. Пятидесятница пост-исшестввенная и Пятидесятница повоскресенско-повознесенская. Метаморфозы! Превращения! Мало того, уже в потаённом древнезаветном празднике седмиц – не только *ближние* евангельские, но и куда более *дальние* хроно-пространственные горизонты.

Притом в день однодневного, в отличие от долгих празднеств Пасхи – 14/15 – 21 нисана, и Кушей – 15 – 21/22 тишри, праздника Шавуот (2 дня в Диаспоре) евреи едят молочные пироги, изготовленные из сыра, в честь Закона, уподобленного в Песни Песней молока и мёду: «Сотовый мёд каплет из уст твоих, невеста; мёд и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана» (4,11). На 6-е сивана дома и синагоги украшаются зеленью, в напоминание о зелёных откосах Синая, травой, цветами и ветвями деревьев.

Далее, весьма важно усвоить следующее. Если, по еврейскому календарю, первая христианская Пасха пришлась на другой день после иудейской, т.е. на 16 нисана (второй день опресноков), то день первой христианской Пятидесятницы-Троицы с очередной иудейской Пятидесятницей 6 сивана не разошёлся, поскольку, напомним, 50-й праздничный день исчислялся иудеями (не от пасхального 15 нисана, а) от дня возношения-потрясения первого снопа 16 нисана (день принесения Богу начатка жатвы).

Посему, если Пасха разъединила иудеев и христиан, то не провозвещает ли Пятидесятница их будущее единение! День рождения ветхого (ветхозаветного) Израиля и день рождения нового (новозаветного) Израиля. Не Святым ли Духом, не из Духа ли Святого были составлены богодухновенный Ветхий и богодухновенный Новый Завет = Книга Книг Библия!

Не противоположно ли, в т.ч., языковое соединение народов силой Св. Духа крушению Вавилонской башни, столпотворению и смешению языков, из-за чего возникло взаимонепонимание между (разделёнными) людьми и (разделёнными) народами. Вот вам искупительная метаморфоза преодоления расщепления народов, новопревращения (через жертву и Воскресение Христа) земного хаоса в божественный космос. Ведь Мистерия Голгофы проложила дорогу новому осердеченному взаимопониманию людей, невзирая на колена, языки, народы, племена, невзирая на различия между эллином, иудеем, римлянином, греком, рабом, свободным. Не (про)знаменует ли пятидесятничное Сошествие Духа Святого рождение нового, проникнутого Импульсом Христа, единого вселенского языка во Духе!

И современные экзегеты напрасно сомневаются в том, что фигурирующие в 1Кор.16,8 и в Д.Ап.20,16 Пятидесятницы, дескать, могут свидетельствовать о праздновании оных уже первыми христианами. Могут и ещё как! Ибо и в Д.Ап.2,1, и в 1Кор.16,8 и в Д.Ап.20,16 речь иудёт о празднике применительно к Иерусалиму, применительно к (руководствовавшимся еврейским календарём) первым иудео-христианам, между к-рыми и иудеями не было, как сказано, в отношении пятидесятничной даты (в силу неслучайного метаисторического хронорасклада События Голгофы) никаких календарных расхождений. При всём том, симптоматично, что ни разу не упомянутая открытым текстом в 4-х Евангелиях Пятидесятница (за исключением полушифрованной косвенной информации в Лк.6,1), выходит (в ранге христианской) после Таинства Голгофы, в дальнейших Книгах Нового Завета, на передний план, в то время как (еврейская) Пасха, напротив, отодвигается на план задний.

Удостоверимся: в Д.Ап.2 – Троица 33г., в 1Кор.16,8 Ап. Павел называет открытым текстом Пятидесятницу 57г., а в Д.Ап.20,16 именуется Пятидесятница 58г., тогда как о Пасхе иудейской в облике «дней опресноков» Лк. говорит, не считая путешественного упоминания, в видах предстоящей Пятидесятницы, «дней опресночных» 58г. (20,6), лишь один раз, приложительно к срокам планировавшейся Иродом Агриппой расправы над взятым под стражу (44г.) Апостолом Петром (12,3)

(см. ниже). Вдобавок к тому, подвопросен анонимный «праздник» в Д.Ап.18,21, к-рый наличествует не во всех манускриптах, и к-рый может быть либо Пасхой, либо Пятидесятницей 54г. н.э. (см. ниже).

Однако, во всех перечисленных случаях, налицо три христианские Пятидесятницы – 33, 57 и 58г., причём два последних празднества любопытным образом связаны-коммуницируют с Эфесом, точнее, со своеобразной осью Иерусалим – Эфес (место культа Артемиды Эфесской, каменные руины святилища к-рой широко использовал в VIв., при воздвижении константинопольской Айя-Софии, Юстиниан), Эфес – Иерусалим: выход иудео-христианства на мировые веси-горизонты, выход из иудео-христианства в Ойкумену, в греко-римский мир, на вселенские просторы!

Не Пётр ли держит Святым Духом в Иерусалиме речь на Пятидесятницу 33г.! не Павел ли связан с Пятидесятницами 57 и 58гг.! Не он ли основал христианскую общину в Эфесе! Не Эфес ли сделался на 33 года, начиная со времени мученичества Петра и Павла в Риме (67г.), местом деятельности автора Четвёртого Евангелия Евангелий и Откровения (хранителя Девы Софии) Иоанна Богослова (+ 100г.). Павел из колена Вениаминова; Иоанн из дома Иосифа, из колена Ефрема. Оба – потомки Рахили – Рахилиты. Пётр же, возможно и вероятно, (галилеянин) из колена Иудина, стало быть, он – Лиит. Праматери Лия и Рахиль – сёстры; сёстры – Мария Вифлеемлянка и Мария Галилеянка (Мария Старшая, ставшая Марией Софией благодаря Марии Младшей = Благодатной). Вспомним слово Новалиса: «Властительница душ навек София»!

Впрочем, приведём высказывания о Пятидесятнице авторитетов церкви, некоторые из к-рых, например, Епифаний (III/IVвв.) («Против ересей» 3) и Августин (IV/Vвв.) («Град Божий» 18,54), как раз-таки, и настаивали на её праздновании ранними христианами уже в Iв. н.э., хотя сегодня академическая учёность полагает, что до III/IVв. достоверных праздничных сидельств нет.

Тертуллиан (II/IIIвв.): «Языческие праздники совершаются только один раз в год, а у тебя воскресение возобновляется через каждые 7 дней; собери все языческие праздники, расположи их подряд, и они не в состоянии будут наполнить Пятидесятницу» («Об идолопоклонстве» 20). «Пятидесятница, к-рая есть собственно день праздничный» («О Крещении» 19). Ориген (+ 254г.) в работе «Против Цельса» (8,22) говорит о Пятидесятнице как об отдельном празднике: «Если кто-нибудь сошлётся на наши воскресения, или пятницы, Пасху или Пятидесятницу, то...». Более того, у Оригена имеется ещё одно замечательное и очень глубокое высказывание: «Тот, кто поистине может сказать «Мы воскресли со Христом» и «Бог прославил нас и посадил одесную с Собою на небе во Христе, всегда пребывает во времени Пятидесятницы».

В «Апостольских постановлениях» (III/IVвв.) читаем: «Спустя 10 дней по Вознесении бывает пятидесятый день от первого дня Господня (Пасхи); сей день да будет великим праздником; ибо в третий час сего дня Господь Иисус послал Святого Духа. Пятидесятницу празднуйте одну седмицу» (5,20). «В Пятидесятницу рабы должны быть свободны от работ ради пришествия Духа Святого, данного уверовавшим во Христе» (8,20).

20-е правило Никейского собора (325г.) говорит о непозволительности колено-преклонения и поста во все дни от Пасхи до Пятидесятницы. То же утверждает Епифаний Кипрский (+ 403г.) («Изложение веры» 22). Григорию Богослову (+ 390г.) известен обычай Крещения в Пятидесятницу («40-е слово о Крещении»). Иоанн Златоуст упоминает об обычае украшения в день Пятидесятницы христианских домов зеленью («Вторая беседа на Пятидесятницу»).

Иероним: «Оба откровения Божия происходили в 50-й день после Пасхи, то на Синае, это на Сионе; там колебалась гора, здесь дом Апостолов; там шумел между

пламенем огня и сверкающими молниями вихрь, здесь раздавался гул грома. Здесь с явлением огненных языков с неба пронёсся шум, как от сильного дуновения. Там звук труб покрывал слова закона; здесь звучала евангельская труба через апостольские уста» («К Фабиоле» 7).⁵⁶

* * *

В древности, а в православии и сегодня, под именем Пятидесятницы разумели весь промежуток времени, отделявший от этого праздника Пасху. Праздник седмиц – праздник одухотворённого времени (вспомните слова Оригена!), становящийся именно в христианстве, в Пятидесятнице христианской, праздником Времени в Вечности (и Вечности во Времени).

То-то у христиан Пятидесятница приходится на 8-е воскресенье от включённого в счёт воскресенья собственно Пасхально-Воскресенского и на 7-е очередное воскресенье после Пасхи. То-то именно от Пятидесятницы Церковь ведёт счёт богослужебных недель в году, к-рых, до недели мытаря и фарисея, набирается, всего-ито, 32.

Причём, если у православных Пятидесятница празднуется через 49 дней, на 50-й воскресный день после воскресенско-воскресной Пасхи, а на следующий день в понедельник отмечается день Св. Духа (Троица; Духов день), то в западно-христианской традиции в Пятидесятницу празднуется сошествие Св. Духа на Апостолов, а день Св. Троицы отмечается в следующее воскресенье (57-й день после Пасхи).

У католиков праздник Св. Духа открывает пятидесятничный цикл. День Св. Троицы – 7-й день по Пятидесятнице; праздник Тела и Крови Христа – четверг – 11-й день по Пятидесятнице; праздник Пресвятого Сердца Иисуса – пятница – 19-й день по Пятидесятнице; праздник Непорочного Сердца Девы Марии – суббота – 20-й день по Пятидесятнице.

Со своей стороны, в Православной церкви Пятидесятница – один из важнейших после Пасхи 12-и великих праздников, в составе Богородичных и Господских торжеств, иногда объединяемых под общим названием – «двунадесятые»: (по хронологии церковного года, начинающегося с сентября) от Рождества Пресвятой Богородицы до Успения Богородицы. И в этом последовательном раскладе пятидесятничное празднество – 10-е, между Вознесением и Преображением.

Интересно, что у армян Пасха празднуется 39 дней, Вознесение – 10, Пятидесятница – 7, притом, если она выпадает на 7-е воскресенье после Пасхи, то завершающее пасхальный круг Преображение (спустя 98 дней, на 99-й день после Пасхи) – приходится на воскресенье 14-е. Т.е. пятидесятничное воскресенье, под номером 7, составляет середину (стержень; центр) между воскресеньем пасхальным и воскресеньем преображенским.

⁵⁶ Амвросий Медиоланский (+ 397г.): «Из 4-х компонентов составляется слава Духа Святого: мы познаём его божественность в его безгрешности; в прощении им грехов; в том, что он не творение, но творец; в том, что не он молится, но ему молятся» («О Св. Духе»).

Папа Лев Великий (441–61г.): «Св. Троица, К-рая есть неизменное Божество, неделима в своём существе, в своих деяниях, и единодушна в воле, равно во всемогуществе и во славе. Дело нашего избавления совершило милосердное Троиединство: Отец должен был быть примирён, Сын должен был примирить, Св. Дух должен был воспламенить» («Проповедь на Пятидесятницу»). «Св. Дух даёт нам веру и учит мудрости, являясь источником любви, печатью целомудрия и основой спасения».

Августин (+ 430г.): «Велика милость Духа Святого, к-рый изгоняет уныние, уничтожает вожделения, одолевает страхи и ужасы».

Папа Григорий Великий (590–604гг.): «Св. Дух явился в огне, ибо из каждого наполненного им сердца были изгнаны равнодушные и холодность, а сердца эти воспламенились к вечности».

Исполняемые во время заутрени шараканы (духовные песнопения) – «Голубь-посланец» (Сошествие Св. Духа в образе голубя при иорданском Крещении Иисуса) и «Троица неразделимая». Во время же вечернего богослужения совершается обряд освящения 4-х сторон света и зачитывается молитва (составленная в XIIв. Нерсесом Ламбронати). Св. Дух – Божий дар, к-рым наделяется верующий, и любое приписывание добродетели себе (вместо Бога) грех, ведущий к гордыне. Следовательно, это празднество призывает верующих избавиться от гордыни и с помощью дара Божия творить только добрые дела. Наконец, согласно армянам, праздник Пятидесятницы – праздник *сокровенного поцелуя* Неба и Земли!

Сошествие Св. Духа и день Св. Троицы имеют в римском литургическом календаре высший статус. Цвета облачения священников на Пятидесятницу – красные, в память о сошедших на Апостолов огненных языках; а в день Св. Троицы – белые, как и в др. великие праздники. По русской традиции, пол храма (и домов верующих) в день Пятидесятницы устилается свежескошенной травой, иконы украшаются берёзовыми ветвями, а цвет священского облачения – зелёный, изображающий животворную и обновляющую силу Св. Духа (в др. православных Церквях употребляются также облачения белого и золотого цветов).

ПЯТИДЕСЯТНИЧНАЯ ХРИСТОЛОГИЯ АНТРОПОСОФИИ

Вот теперь пришло время задействовать относительно Пятидесятницы, в свете её истолкования как праздника свободных индивидуальностей во Христе, как праздника новоосвобождённого Прометея, как праздника времён грядущих, антропософскую христологию Штайнера. В гамбургском докладе «Троица – праздник свободных индивидуальностей» (воскресенье Троицына дня 15.05.1910г., ПСС 118)⁵⁷ читаем:

«Праздники как памятные знаки времени направляют к прошлому наши мысли и чувства. Своим возвещением они будят в нас представления, соединяющие нас со всем тем, что было свято для самих наших душ в прошлые времена. Однако через понимание того, что заключено в таких праздниках, в нас вызываются и другие представления, такие, к-рые направляют наш взор к будущему человечества, т.е. к будущему наших собственных душ. Вызываются чувства, воодушевляющие нас к вживанию в будущие эпохи, а нашу волю вдохновляют идеалы, дающие нам действовать так, чтобы в будущем мы всё лучше справлялись с нашими задачами.»

Праздник Троицы в глубоком смысле слова можно охарактеризовать, направляя духовный взор вперёд и назад. В мощной, проникающей глубоко в душу картине перед нами встаёт то, что сделало праздник Троицы таким важным для людей Запада. Эту картину знает, конечно, каждый из присутствующих здесь. Основатель, Учредитель христианства ещё некоторое время после того, как Он совершил Мистерию Голгофы, остаётся с теми, кто может видеть Его в той телесности, к-рую Он принял после Мистерии Голгофы. И тогда чередой значительнейших событий перед душой проходят дальнейшие последствия этого события. В могучем видении Его ближайшие последователи видят, как в т.н. Вознесении растворяется телесность, к-рую Основатель христианства принял после Мистерии Голгофы. А затем, 10 дней спустя, следует то, что знаменуется для нас картиной, проникновенно гласящей всем сердцам, к-рые хотят её понять.

Собрались вместе последователи Христа, собрались те, кто первыми уразумели Его. Глубоко чувствуют они могучий импульс, вошедший в человеческое развитие через Него, и их души с надеждой на обетование, к-рое было им дано, событий, к-рые

⁵⁷ Цитируется по изданию Р.Штайнер «Праздники года», с.73-93, С-Пб-2002г.

должны свершиться в самих их душах. В глубоком внутреннем горении собрались они, эти первые последователи, постигшие импульс Христа, в день исстари чтимого в их краях праздника Пятидесятницы. К высокому постижению возвысились их души, словно призванные тем, что изображено, как «шум с неба», обратить их способность созерцания к тому, что должно настать, что им предстоит, когда с огненным импульсом, к-рый они приняли в свои сердца, они во всех новых воплощениях будут жить на нашей Земле.

И нашей душе рисуется образ «огненных языков», опускающихся на голову каждого последователя, а могучее видение гласит участникам о будущем этого импульса. И собравшиеся вместе и созерцающие в духе духовный мир ученики, первыми постигшие Христа, чувствуют себя так, как будто обращаются не к тем, кто пространственно и по времени находится непосредственно вблизи них; они чувствуют себя перенесёнными своими сердцами далеко-далеко к различным народам земного круга, чувствуют, словно в их сердцах живёт нечто, переводимое на все языки, понятное сердцам всех людей. Словно окружёнными себя будущими последователями из числа всех народов Земли чувствуют себя первые последователи Христа в могучем видении будущего христианства, встающем в них. Они чувствуют это так, как будто однажды будут обладать силой облечь христианское благовестие в такие слова, к-рые будут понятны не только тем, кто находится непосредственно вблизи них, но и всем людям, к-рых они встретят в будущем на Земле.

Вот то, что как внутреннее душевное содержание открылось первым последователям христианства в первом христианском празднике Троицы... <...>⁵⁸

Итак, Дух этот творчески проявляется, с рождением Иисуса вливая свои силы в развитие человечества. И далее он проявляется в могучем акте Иоаннова Крещения на Иордане. Теперь мы понимаем, что есть сила Духа Святого. Это сила, всё более и более поднимающая человека над всем, что его дифференцирует и обособляет, к тому, что его делает членом всего человечества, населяющего землю, что служит связующим звеном между душами, не различая, в каком они живут теле.

Однако нам говорится об этом же самом Духе Святом, что это он в другом откровении, в праздник Пятидесятницы, вливается в индивидуальности тех, кто первыми постигли христианство. Образ Духа при Иоанновом Крещении встаёт перед нами в виде голубя. Ныне же является другой образ – образ огненных языков. Голубь – совокупный образ, в к-ром при Иоанновом Крещении являет себя Дух Святой; в виде множества отдельных языков [пламени] проявляется он в праздник Пятидесятницы! И каждый из языков инспирирует индивидуальности, каждую из индивидуальностей первых последователей христианства. Что же предстаёт перед нашей душой в этом символе Троицы?

После того как носитель общечеловеческого Духа явил своё действие на Земле, после того как Христос дал своим последним оболочкам растаять во всеобщем, после того как единая оболочковая природа Христа как целое растворилась в духовном бытии Земли, только тогда в сердцах последователей Импульса Христа появляется возможность говорить об этом Импульсе Христа, действовать в духе этого Импульса Христа.

Исчез в едином духовном мире через Вознесение Импульс Христа, проявлявшийся во внешних оболочках; вновь показался он 10 дней спустя из сердец отдельных индивидуальностей, Его первых последователей. И благодаря тому, что тот же самый Дух, к-рый действовал в силе Импульса Христа, вновь явил себя в многообразном обличьи, благодаря этому первые последователи христианства сделались носителями и глашатаями вести Христовой, устанавливая этим при начале христианского развития великую

⁵⁸ Последующие слова Штайнера (6 абзацев) о тайне Непорочного зачатия от Духа Святого см. в «Р.л.», с.741-43.

веху, знак истины, к-рый может сказать нам: «Как первые последователи в отдельности приняли Импульс Христа, смогли принять его в виде огненных языков, инспирирующих их души, так и все вы, люди, если вы постараетесь понять Импульс Христа, сможете индивидуализировать эти силы, принять в ваше сердце Импульс Христа, принять силы, к-рые помогут вам действовать всё совершеннее и совершеннее в духе этого «Импульса».

Глубокая надежда может исходить для нас из этого знака, установленного у исходного пункта христианства. И по мере своего совершенствования человек может чувствовать, что Дух Святой говорит изнутри него, так как его мышление, чувствование и воление проникнуты Духом Святым, являющимся благодаря своему разделению, благодаря умножению своих образов индивидуальным духом каждой отдельной человеческой индивидуальности. Этим Дух Святой становится для нас, людей, по отношению к нашему будущему развитию духом развития свободного человека, свободной человеческой души. Дух свободы живёт в Духе, к-рый в первом христианском празднике Троицы излился на первых последователей христианства, Дух, самое важное свойство к-рого указано самим Христом Иисусом: «Вы познаете Истину, и Истина сделает вас свободными!»

Человек может стать свободным только духовно. Пока он зависит от телесности, в к-рой живёт его дух, он остаётся её рабом. Свободным он может стать, только найдя себя в Духе и из Духа став господином того, что есть в нём. Стать свободным — значит найти себя как духа в себе самом. Истинный Дух, в к-ром мы можем обрести себя, — это всеобщий Дух человечества, к-рого мы познаём как входящую в нас силу Духа Святого, к-рого мы должны родить в себе, к-рому мы должны помочь проявиться. Так символ дня Троицы превращается для нас в могучий идеал свободного развития человеческой души в направлении замкнутой в себе свободной индивидуальности.

Более или менее смутно это чувствовали даже те, кто, исходя отнюдь не из ясного сознания, а из инспирации, устанавливал праздник Троицы в определённый день года. Примечательную глубину являет само это внешнее установление праздничных дней, и мир мало понимает тот, кто не может установить мудрости, действующей даже в установлении таких дней.

Возьмём три праздника — Рождество, Пасху и Троицу. Рождество как христианский праздник приходится на вполне определённый день года. Оно установлено в определённый день декабря раз и навсегда. Мы празднуем Рождество каждый год в один и тот же день. Иначе с Пасхой. Пасха подвижный праздник, он определяется констелляцией, устанавливающейся на небе: Пасха наступает в первое воскресенье после полнолуния, следующего за днём весеннего равноденствия. Для этого человек должен обратить взор в небесные дали, где светила следуют своими путями и из небесных далей возвещают нам законы мироздания. Праздник Пасхи подвижен, как у отдельной человеческой индивидуальности подвижен момент, когда вместе с более высоким сознанием пробуждается сила высшего человека, чтобы освободиться от обыденного низшего. Подобно тому как Пасха происходит в одном году в этот день, а в другом — в тот, так и у отдельного человека рано или поздно, в зависимости от его прошлого и силы его стремления, наступает момент, когда он осознаёт: «Я могу найти в себе силу воскресить высшего человека в себе!».

Рождество же неподвижный праздник. Это праздник, когда за год перед человеком уже прошли расцвет и увядание природы, все радости её бьющих ключом и струящихся сил. Человек видит жизнь Земли в состоянии сна, в к-рое погрузилась сила роста. Замкнулась в себе внешняя природа вместе со всеми заключёнными в ней производительными силами. Когда во внешнем чувственно воспринимаемом мире видно малейшее проявление этих производительных сил, когда сама Земля показывает, как духовные силы отстают в определённое время, чтобы собраться для жизни

следующего года, когда внешняя природа более молчалива, тогда, в праздник Рождества, человек должен пробудить в себе мысль о том, что у него есть надежда, что он соединён не только с умолкшими на Рождество силами Земли, но и с силами, к-рые не умолкают никогда, с силами, к-рые живут не просто на Земле, но в духовных царствах. Надежда должна проснуться в его душе, так как словно уснувший видит он Землю. Эта надежда должна истекать из сокровеннейших глубин самой его души, и духовный свет должен возникнуть, когда во внешней физической природе стало совсем темно. Тогда, в праздник Рождества, человек должен вспомнить, что он связан со своим земным телом силами своего я прежде всего так, как в течение года с жизнью Земли связаны откровения окружающего его мира. В связи с наступающим каждый год засыпанием Земли установлен праздник Рождества, когда человек должен вспомнить, что он связан с телом, но не обречён на связь с ним одним, и что он в себе может черпать надежду, что обретёт силу для того, чтобы стать свободной душой в себе самом. То, что мы узнали о значении праздника Рождества, должно напоминать нам о нашей связи с телом и нашем праве освободиться от него. Однако, от нашего стремления будет зависеть, раньше или позже мы разовьём силы, на к-рые смеем надеяться и к-рые направят нас вновь к духовному, к Небу. Мысль об этом приближает к нам другую веку, другой знак Истины — праздник Пасхи.

Праздник Пасхи должен напоминать нам не только о том, что мы располагаем силами, к-рые встают из нашего тела и к-рые ведь тоже являются божественно-духовными силами, но и о том, что будучи людьми, мы можем подниматься над Землёй. Поэтому праздник Пасхи напоминает нам о той силе, к-рая рано или поздно пробудится в нас. Праздник Пасхи установлен подвижным в соответствии с конstellляциями на небе. Направляя взор на небо, человеку надлежит разбудить воспоминание о том, чем он может быть, чтобы увидеть, каким образом он может стать свободным от всякого земного бытия и подняться над всем земным.

В том, что приходит к нам как такая сила, заключена возможность нашей внутренней свободы, нашего внутреннего освобождения. Почувствовав, что мы можем подняться над самими собой, мы будем стремиться действительно достигнуть этого возвышения. Тогда мы захотим освободить нашего внутреннего человека, как бы оторвать его от прикованности к внешнему человеку. Тогда мы хоть и будем жить в нашем внешнем человеке, но с полным сознанием духовной силы внутреннего человека. И с того момента, когда мы заметим, что можем освободить себя, тогда уже от этого внутреннего праздника Пасхи будет зависеть, достигнем ли мы также Троицы, когда дух, к-рый обрёл себя в себе самом, мы наполним содержанием, исходящим не от здешнего, а от духовного мира. Только это одно содержание, исходящее из духовных миров, может сделать нас свободными. Он есть та духовная Истина, о к-рой Христос говорит: «Вы познаете Истину, и Истина сделает вас свободными!» Поэтому праздник Троицы зависит от праздника Пасхи: праздник Пасхи устанавливается в соответствии с конstellляциями на небе, праздник Троицы должен следовать за праздником Пасхи как его необходимое последствие несколько недель спустя.

Так, при более глубоком размышлении мы видим, что даже в установлении сроков праздников Пасхи и Троицы действует мудрость. Мы видим, что эти праздники с необходимостью установлены именно так в ходе года и что с каждым новым годом они показывают нам, чем мы были, что мы есть и чем можем стать как люди.

Если мы можем мыслить таким образом об этих праздниках, то как праздники, соединяющие нас с прошлым, они станут для нас тем, что заключено в человечестве как импульс дальнейшего развития. Особенно праздник Троицы, если мы понимаем его таким образом, наделяет нас уверенностью, силой и надеждой, так что мы знаем, чем мы можем стать в наших душах, если последуем за теми, кто, первыми поняв Импульс Христа, сделали себя достойными излияния на них огненных языков. Пред нашим

духовным оком чудесно встанет право на принятие Духа Святого, если праздник Троицы мы поймём одновременно как праздник будущего. Но тогда мы и этот праздник Троицы должны учиться понимать в истинном смысле. Тогда мы должны учиться понимать прежде всего то, что говорили мощные языки [пламени], могучие инспирации праздника Духа Святого. Что вырывалось медными звучаниями из «шума», раздавшегося после той картины, к-рая стоит перед нашей душой как образ первого христианского праздника Троицы? Что за голоса звучали, гляся в чудесной гармонии сфер: «Вы почувствовали силу Христова Импульса, вы Его первые последователи! И сила Христова стала в вас силой ваших собственных душ, так что после События Голгофы каждая душа способна видеть Христа в настоящем. Так сильно подействовал на каждого из вас Импульс Христа!»

Но Импульс Христа – это импульс Свободы. То, как он действует в самом истинном смысле слова, не обнаруживает себя, когда он действует за пределами человеческой души. Настоящее действие Импульса Христа проявляется только тогда, когда он начинает действовать в самой душе индивидуального человека. Первые последователи Христа чувствовали, что событием Пятидесятницы они призваны возвещать о том, что находилось в их собственной душе, что раскрывалось им в откровениях и инспирациях их собственной души как содержание учения Христа. Христос давал эту силу, благодаря к-рой из их собственной души поднимались слова, возвещаемые ими в христианском благовестии. Сознывая, что в священном подготовке, к-рому они следовали до праздника Пятидесятницы, действовал Импульс Христа, они силой действовавшего в них Христова Импульса чувствовали себя призванными дать говорить в себе самих огненным языком, индивидуализированному Духу Святому, идти и нести послание Христа.

Не просто то, что сказал им Христос, не одни только слова, к-рые говорил Христос, признали они, познав смысл события Пятидесятницы, но словами Христа они признали то, что идёт из силы души, чувствующей в себе Импульс Христа. Поэтому Дух Святой изливается индивидуализированно в каждую человеческую душу, к-рая развивает в себе силу, позволяющую чувствовать Импульс Христа. И тогда для такой души обновляются слова: «Я с вами во все дни до скончания века!»

Тогда и те, к-рые серьёзно старались постичь Импульс Христа, могут по побуждениям, к-рые вызывает в их сердцах Импульс Христа, почувствовать себя призванными возвещать слово Христово, как бы ново, как бы иначе ни звучало оно в различные эпохи истории человечества. Не для того излился Дух Святой, чтобы мы держались тех немногих слов Евангелий, к-рые были произнесены в первом десятилетии основания христианства. Он излился для того, чтобы послание Христа могло сообщать нам всё новое и новое. Человеческой душе нужны всё новые слова в соответствии с продвижением человеческих душ от эпохи к эпохе, от инкарнации к инкарнации.

Разве души, идущие от инкарнации к инкарнации должны обходиться слушанием всё тех же слов возвещения о Христе, к-рые произносились, когда эти души были воплощены в телах современников явления Христа на земле? Импульсу Христа присуща сила обращаться ко всем людям до конца цикла земного развития. Но для этого должно было произойти то, что сделало возможным в каждую эпоху соответствующим образом возвещать Христа ушедшим вперёд душам людей. И если мы чувствуем всю силу и мощь Импульса праздника Пятидесятницы, то мы почувствуем себя обязанными вслушаться в слова: «Я с вами во все дни до конца земного развития!» Если вы исполнены Импульсом Христа, то сквозь все эпохи вы можете слышать слова, сказанные при основании христианства его Учредителем, слова, к-рые Христос произнёс на все времена, и к-рые слышны тем, кто хочет слышать.

Таким образом, мы воспринимаем силу праздника Троицы как нечто, что даёт нам право смотреть на христианство как на постоянно растущее и дающее нам всё новые и

новые откровения. Мы те, кто сознаёт, что в современной духовной науке мы возвещаем слова самого Христа, доносящиеся до нас из духовных миров. Мы говорим тем, кто хотел бы законсервировать христианство в его первоначальной форме: «Мы те, кто действительно понимает Христа, ибо мы понимаем настоящий смысл Троицына дня».

Чувствуя себя таким образом призванными извлекать всё новые богатства мудрости из христианства, мы будем извлекать из него именно те богатства мудрости, к-рые будут отвечать человеческой душе, развивающейся от инкарнации к инкарнации. Христианство неизмеримо богато, но люди были не всегда столь же богаты в столетия, когда христианству надлежало сначала быть проповедованным. Сколь самонадеянно сегодня было бы сказать, что человечество созрело для понимания христианства во всей его бесконечной полноте и величии! Истинное христианское смирение говорит, что мудрость христианства необъятна, а способность её восприятия людьми сначала была ограничена, однако она будет всё более совершенствоваться и созревать.

Бросим взгляд на первые столетия христианства и даже вплоть до нашего времени. Великий, могучий импульс, величайший из всех когда-либо данных человечеству во время земного развития, был дан Импульсом Христа. Это может осознать каждый, кто учится познанию земной эволюции в её основных законах. Но при этом нельзя забывать одного: на сегодня понято лишь самое малое из того, что содержит Импульс Христа. В течение почти двух тысячелетий христианского развития то, что содержалось в христианстве (но что сокровенным учением стало лишь для тех, кому было принесено христианство), не могло быть внесено на внешнюю экзотерическую жизнь. Например, не могло быть внесено то, что может возвещаться как христианская истина в нынешнюю эпоху, — идея перевоплощения человека, или реинкарнации. И сегодня, говоря о реинкарнации — именно в том смысле, в каком мы характеризовали праздник Троицы, — мы отдаём себе отчёт в том, что идея реинкарнации — это христианская истина, к-рая также экзотерически может возвещаться ставшим более зрелыми человеческим душам, но к-рая ещё не могла быть возвещена незрелым душам в первые столетия христианского благовестия.

Однако недостаточно указать по пунктам, что в христианстве также содержится идея реинкарнации. У всех противников духовной науки, называющих себя христианами, можно видеть, насколько мало в экзотерическом христианстве знают о реинкарнации. Единственное, что в нём знают о ней, так это то, что духовная наука учит чему-то вроде перевоплощения! Этого достаточно для того, чтобы сказать, будто это индийское или буддийское учение. И не знают того, что живой Христос, действующий из духовных миров, является сегодня живым Учителем реинкарнации. Полагают, будто человечеству должны сообщаться лишь старые, законсервированные учения. Реинкарнация, а также учение о карме, к-рые будут занимать нас в последующие дни, — это то, что до сих пор не могло проникнуть в экзотерическое христианство. Лишь постепенно, частями надлежало сообщать человечеству полноту истины, к-рая заключена в христианстве.

Однако вместе с самим Импульсом Христа, к-рый является не учением или доктриной, а силой, к-рая должна быть пережита в глубине души, вместе с самим этим Импульсом нам дано нечто. Что именно дано в нём, мы можем понять, поставив Импульс Христа в связь с учением о реинкарнации.

Мы знаем, что всего лишь за несколько столетий до возникновения христианства на Востоке было дано настоящее учение — учение великого Будды. И в то время как Сила и Импульс христианства распространялись из Передней Азии на Запад, Восток был свидетелем широкого распространения буддизма. Но мы знаем о нём, что он таит в себе учение о реинкарнации. Однако, как таит он его в себе?

Для того, кто знаком с фактами, буддизм является конечным продуктом предшествующих ему учений и откровений. Поэтому он содержит в себе всё величие древности. Тем не менее он представляет нечто вроде конечного вывода из древней мудрости

человечества, в к-рой заключалось учение о реинкарнации. Но как облакает её буддизм в свои откровения? Он делает это так, что человек, конечно, взирает на инкарнации, через к-рые он прошёл, взирает на инкарнации, через к-рые ему ещё предстоит пройти. Для буддизма это совершенно экзотерическое учение — то, что человек живёт, следуя через инкарнации. Не следует говорить об абстрактном тождестве всех религий! В действительности между ними всегда существовали огромные различия, как, например, между христианством, к-рое столетиями не питало мыслей о реинкарнации, и экзотерическим буддизмом, к-рый жил всецело в этих мыслях. Тут не место для абстрактного сопоставления этих вещей, но надо признавать действительность. Буддист питает уверенность в том, что человек всегда возвращается на землю. Но, глядя на это, буддист говорит себе: «Преодолевай влечение к этим инкарнациям, ибо твоя задача состоит в том, чтобы как можно скорее освободиться от тягот инкарнаций и освобождённым от всех земных инкарнаций жить в царствах духа!» Так смотрит буддист на следующие одна за другой человеческие инкарнации; он стремится приобрести как можно больше сил, чтобы как можно скорее избавиться от этих инкарнаций. Одного нет в буддизме, и экзотерическое учение обнаруживает это. В нём нет того, что можно назвать импульсом, настолько сильным, что он может всё более совершенствоваться в нас, так, чтобы буддист мог сказать себе: «Пусть приходят инкарнации! С помощью Импульса Христа мы можем сформировать себя так, чтобы извлекать всё больше из опытов и переживаний этих инкарнаций. От Импульса Христа получаем мы силу, к-рая может давать всё более высокое содержание этим инкарнациям». Если пронизать буддизм, или то, что в нём является истинным учением о реинкарнации, Импульсом Христа, то вы получите новый элемент, дающий Земле в развитии человечества новый смысл!

С другой стороны — христианство. Оно имеет Импульс Христа также как нечто экзотерическое. Но как имело оно в истекших столетиях этот Импульс? Конечно, экзотерический христианин видит в нём нечто до бесконечности совершенное, что должно жить в нём как великий идеал, к к-рому он приближается всё более и более. Но сколь самонадеянно для христианина было бы думать, будто в одной инкарнации он может обладать силами, чтобы развить всё то, что может быть воспламенено Импульсом Христа! Сколь самонадеянно для экзотерического христианина было бы думать, будто мы в состоянии сделать достаточно для того, чтобы выявить Импульс Христа в одной жизни! Тогда экзотерический христианин скажет: «Но ведь мы проходим через врата смерти; там, в духовных царствах у нас будет возможность развиваться далее и выявлять далее Импульс Христа». Так экзотерический христианин присоединяет к смерти духовную жизнь, из к-рой он не возвращается на землю. Понимает ли экзотерический христианин, полагающий, что жизнь в духовном царстве примыкает [непосредственно] к жизни земной, понимает ли он Импульс Христа? Он не понимает его! Ибо если бы он понимал его, он никогда не подумал бы, будто то, что ему должен дать Импульс Христа, может быть достигнуто в духовной жизни, примыкающей к смерти, без возвращения на землю.

Для того, чтобы могло свершиться Деяние Голгофы, чтобы была достигнута эта победа над смертью, Христу необходимо было самому сойти в эту земную жизнь, причём Ему было необходимо это, чтобы осуществить то, что может быть узвано и пережито только на нашей Земле. Христос сошёл на Землю, так как силе деяния Мистерии Голгофы надлежало оказать действие на людей, находящихся в физическом теле. Поэтому сначала сила Христова может действовать также лишь на людей, находящихся в физическом теле. Но если человек, будучи в физическом теле, принял в себя силу Мистерии Голгофы, тогда этот Импульс сможет действовать далее, когда человек пройдёт через врата смерти. Однако совершенствоваться он будет благодаря этому Импульсу лишь настолько, насколько он принял в себя Импульс Христа в жизни между рождением и смертью. Совершенствования воспринятого человек должен добиваться,

лишь снова вернувшись на землю. И только в позднейших, следующих друг за другом жизнях человек научится понимать, что именно живёт в Импульсе Христа. Человек не смог бы никогда понять Импульс Христа, если бы жил [на земле] только раз, но этот Импульс должен вести нас через повторные земные жизни, так как Земля есть место понимания и переживания Мистерии Голгофы.

Христианство становится понятным только в том случае, если самонадеянную мысль о том, будто в одной инкарнации Импульс Христа можно пережить во всей Его полноте, заменить другой мыслью — мыслью о том, что только благодаря повторным земным жизням человек сможет сделаться столь совершенным, что будет в состоянии вполне пережить в себе Христа как свой идеал. Тогда пережитое при этом он принесёт в духовный мир. Но он сможет принести с собой лишь столько, сколько на Земле он понял из того Импульса, к-рый должен был быть осуществлён именно на Земле как важнейшее содержание всего земного свершения.

Таким образом, мы видим, что следующей частью духовных откровений, к-рая должна быть добавлена к христианству, будет рождение из христианства идеи перевоплощения. Поняв это, мы увидим, какое значение имеет для нас теперь в области духовной науки сознание, к-рое мы развиваем, исходя из откровения Троицы. Оно служит для нас оправданием того, что мы смеем внимать [новому] Откровению, что мы можем чувствовать возобновление Откровения той силы, к-рая была заключена в огненных языках, опустившихся на первых последователей Христа.

Многое из того, о чём говорилось в нашем движении в последнее время, может сегодня предстать обновлённым пред нашей душой. Оно выглядит подобно соединению Востока и Запада, двух могучих откровений — христианства и буддизма. Мы видим, что они духовно сливаются. И правильное понимание идеи христианской Троицы даёт нам возможность оправдать слияние этих двух великих религий, существующих в настоящее время на земном шаре. Однако соединить два таких откровения нельзя просто посредством внешних импульсов. Это осталось бы только теорией. Тот, кто захотел бы сплавить в новую религию то, что до сих пор дало христианство, с тем, что до сих пор дал буддизм, тот создал бы для человечества не новое душевное содержание, а только абстрактную теорию, к-рая не смогла бы согреть людские души. Если это и должно произойти, то для этого должны прийти новые откровения. Для нас это то, что звучит в воззвещении духовознания, воспринимаемом сегодня, правда, лишь теми, кто в духовнонаучном обучении достигли достаточной зрелости, чтобы дать заговорить в себе Христу, К-рый с нами до конца существования Земли. Однако уже указывалось, что мы живём в важный период развития человечества, что ещё до истечения этого столетия в человечестве разовьются новые силы, к-рые поведут людей к развитию рода эфирного ясновидения, и благодаря ему как бы в ходе естественного развития для определённых людей возобновится событие, к-рое Апостол Павел пережил при Дамаске. Так что Христос станет вновь воспринимаемым для повышенных духовных способностей человека, но в эфирном облачении. Души людей будут становиться всё более и более причастными тому, что видел при Дамаске Павел. И тогда мир увидит, что духовная наука — это нечто, что существует подобно предвозвещению обновлённой и метаморфизированной истины Импульса Христа. Это новое откровение будут понимать только те, кто убеждён, что свежий поток духовной жизни, в к-рый однажды — и безраздельно на все времена — излился Христос, будет оставаться живым во все времена. Кто не хочет верить в это, пусть проповедует устаревшее христианство. Тот же, кто верует действительному событию Троицы и понимает его, придёт также к сознанию, что начавшееся с христианским благовестием будет развиваться далее, будет всё по-новому звучать для человечества, что при нас всегда будут индивидуализированные душевные миры Духа Святого, огненные языки, и что со всё возобновляющимся огнём человечество сможет переживать и выявлять Импульс Христа.

Мы можем быть уверены в будущем христианства, если по-настоящему понимаем идею Троицы. И тогда с силой, к-рая сама действует подобно силе, присутствующей в душе, перед нами выступит мощный образ. Мы почувствуем тогда будущее (как чувствовали будущее первые последователи Христа, находясь под инспирацией Духа Святого), если мы будем готовы оживить в наших душах нечто, что не знает границ, проведённых между отдельными людьми, и что говорит языком, понятным на всей земле всем душам. Мы почувствуем заключённую в идее Троицы идею мира, любви и гармонии. Мы чувствуем, как эта идея оживляет наш праздник Троицы. Мы чувствуем, что она залог нашей надежды на свободу и вечность.

Вместе с чувством пробуждения в нашей душе индивидуализированного Духа в нас пробуждается важнейшее свойство Духа — чувство беспредельности духовного. В причастности к духовному человек может осознать своё бессмертие и свою вечность. И мы явственно чувствуем в идее Троицы силу тех древних слов, к-рые посвящённые распространяли на разных языках и к-рые раскрывают нам содержание мудрости и вечности. Подобно идее Троицы, передававшейся от эпохи к эпохе, мы чувствуем их в словах, к-рые могут экзотерически прозвучать только теперь, чтобы быть понятыми всеми людьми:

*Wesen reiht sich an Wesen in Raumesweiten,
Wesen folgt auf Wesen in Zeitenläufen.
Verbleibst du in Raumesweiten, in Zeitenlaufe,
So bist du, o Mensch, im Reiche der Vergänglichkeiten.
Über sie aber erhebt deine Seele sich gewaltiglich,
Wenn sie ahnend oder wissend schaut
das Unvergängliche,
Jenseits der Raumesweiten, jenseits der Zeitenläufe.*

*Существо присоединяется к существу
в великих пространствах,
Существо следует за существом
В бегах времён.
Останься в пределах пространства,
бега времён —
И ты, о человек,
будешь лишь в области преходящего.
Но над ним могущественно поднимется
твоя душа,
Когда она, предчувствуя или зная,
видит непреходящее
По ту сторону пространства, по ту сторону
бега времён.*

* * *

Штайнер: «Я являет нам наше постоянное восприятие в духовном, наше оживание в духовном, во всём духовном мире, к-рый является не природой и не миром звёзд, но тем, кто проникает собой всё... Праздник Троицы можно связать с Я как праздник, являющий непреходящее нашего Я, ...напоминающий, что мы как люди — бессмертны, являемся вновь и вновь воскресающими индивидуальными существами».

«Как Рождество связано с Землёй, Пасха — с миром звёзд, так праздник Троицы связан непосредственно с человеком, поскольку этот последний принимает в себя искру

из духовной жизни всех миров. ...Мы видим здесь явленным в огненных языках то, что живёт в человеке, в мире и в звёздах» (169 (1) (прочитанный в 1916г. в Берлине цикл из 7-и лекций «Мировая сущность и сущность Я», ПСС 169).⁵⁹

Штайнер: «Прежде чем мог начать действовать Сын – в Гиперборейскую эпоху, – от всего духовного принципа должна была отделиться часть, упасть вниз и странствовать по иным путям. Это выражено в змее, в символах познания, в принципе Люцифера. Это была искра Духа, сделавшая человека свободным существом, способным из себя самого пожелать добра. Дух, что низошёл к человеку в великий праздник Пятидесятницы, он родственен с духом, что пал вниз и также воплотился – в Прометея – что возжёт ту искру, с помощью к-рой наше Я могло решить следовать за Духом, как позже оно последует за Сыном, а потом за Отцом. Человек хотя и смог стать злым, но, с др. стороны, за счёт того, что он мог стать злым, он может снова быть введён в божественный мир, из к-рого он произошёл. Такова связь праздника Пятидесятницы с люциферическим принципом. Поэтому праздник Пятидесятницы – это также праздник Прометея, свободы» (93(14) (прочитанные в период 1904 – 14гг. лекции «Храмовая легенда и Золотая легенда», ПСС 93).

Штайнер: «Когда Апостолы заговорили в Пятидесятницу на всех языках, то это не означает, что они заговорили по-китайски, по-немецки и т.д., но «они возвестили одну религию для всех людей» (349 (14) (прочитанный с 19.10.1922 по 10.02.1923гг. в Дорнахе цикл из 13-и лекций «О жизни человека и Земли. О сущности христианства», ПСС 349).

Штайнер: «Из Мистерий пришло учение, что высшее Солнечное Существо даёт людям, прежде чем они сойдут на Землю, силу после смерти снова правильным образом войти в духовные, в звёздные миры. И *учитель Мистерий* говорил своим ученикам, а те, в свою очередь, остальным людям: это духовная сила Солнца, духовный свет проводит нас *сквозь смерть*, и вы берёте его с собой, когда через рождение сходите в земное *бытие*». Много религиозного почитания, благоговения выражалось в молитвах этому высокому Солнечному Существу, выражалось в солнечном *культе*, в церемониях, в солнечных богослужениях. «Этот солнечный культ состоял в том, что изображение Бога клали в могилу, а через несколько дней снова вынимали, и это означало, что Бог пребывает в мироздании, и Он каждый раз пробуждает человека, когда тот подпадает смерти».

В Мистериях также учили, что *до рождения* душа человека пребывает возле этого Солнечного Бога, и жрецы знали и говорили, что Это Существо есть Христос. «Но до Мистерии Голгофы всё обстояло так, что жрец, совершавший жертвоприношение, говорил тем, кто участвовал в культе: если вы хотите знать Христа, то вы не можете найти Его на Земле, вы должны возвыситься до тайн Солнца». Людям того времени (за 2/3 тысячелетия до Мистерии Голгофы) это было не особенно трудно сделать, ибо они обладали инстинктивным воспоминанием о своём доземном существовании. Но к VIIв. до Рождества Христова люди перестали понимать жрецов, и создалось ощущение, что люди отпали от Христа, К-рый прежде обеспечивал им бессмертие. На Землю пришёл страх, страх людей за своё вечное существо. «И вот в то время, когда люди больше не могли находить Христа по ту сторону Солнца, Он из бесконечной милости и бесконечного сострадания низошёл на Землю, дабы люди могли Его находить на Земле».

⁵⁹ Здесь и ниже цитируется по Г.Бондарев «Библиотека Духовной науки», Главная Энциклопедия Духовной науки, Антропос, 2. Христология, XI. Великие христианские праздники. Rudolf-Steiner.ru

Это событие не имеет подобных себе во всём развитии мира: Бог прошёл сквозь человеческую судьбу, через *рождение* (в Иисусе из Назарета) и *смерть*. «С этого времени люди могут постоянно взирать на то, что было принесено на Голгофу, и могут на Земле, поскольку их сознание больше не возносится к Небу, находить Того, Кого они иначе утратили бы совсем: Христа.

Те, кто первыми участвовали в тайне Голгофы, ещё обладали остатками инстинктивного сознания. Это были *ученики и Апостолы Христа*. Они сознавали: Существо, к-рое прежде можно было найти только на Солнце, если человек был способен созерцать духовное Солнце, теперь можно найти благодаря тому, что правильно понимаешь рождение, жизнь и страдание Христа Иисуса». Такое знание сохранялось *до IV в. по Р.Х.*, затем оно полностью исчезло. Но настало время проложить новый *путь ко Христу, к пониманию события Христа* как духовного, а не *исторического* события. В этой связи следует сказать, что Христос оставался учителем *Апостолов*, также и пройдя врата смерти. Но потом наступил момент, в к-рый они вдруг перестали Его видеть. Этот момент описан в Евангелиях как *Вознесение*. И глубокая, бесконечная *печаль* охватила учеников. Подобную печаль переживали в древних Мистериях, когда клали в могилу изображение солнечного Бога; но *печаль*, сошедшую в сердца учеников, нельзя сравнить ни с чем. Действительное, глубокое *познание* всегда рождается из боли, из страдания, без к-рых вообще не достичь высших миров. Без *страданий*, без множества страданий и без освобождения через них духовных миров не познать.

Ученики Христа в те 10 дней, к-рые протекли после Вознесения, очень много выстрадали, ибо от их взора исчез Христос. И из этой боли, из этой бесконечной печали возникло затем то, что мы называем тайной *Пятидесятницы*. ...Ученики обратились ко всему, что жило в них как память о Событии Голгофы. И из этого воспоминания, из этой боли в их душах вновь возшло созерцание того, что человек утратил, поскольку больше не имел инстинктивного *ясновидения*. ...Ученики Христа сказали теперь, через 10 дней после того, как их внешний взор перестал видеть Христа: мы видели Мистерию Голгофы, что даёт нам силу снова почувствовать наше бессмертное существо. — Это выражено символически в огненных языках. Поэтому мы также духовно-научно в тайне Пятидесятницы можем видеть Мистирию Голгофы, заступившей место древнего мистериального солнечного мифа. Этот миф был хорошо известен Апостолу Павлу, ученику Мистерий. Поэтому он не мог поверить, что ученики Христа видели Его в земной сфере. Но он тут же уверовал, когда в событии перед Дамаском сам увидел Христа в сфере Земли.

«После Мистерии Голгофы Христос пребывает на Земле, среди людей, ибо Он низошёл на Землю». Это всё снова должно чувствоваться как тайна Пятидесятницы. В наши сердца входит Его Сила, обеспечивающая наше бессмертие. Со всей серьёзностью следует приникнуть к познанию: «Не только в начале нашего летоисчисления был на Земле Христос. Он всегда здесь. Он говорит к нам, когда мы хотим Его слушать. — Но для этого через Духовную науку необходимо научиться *в каждом материальном существе видеть духовное*, духовное за камнями, духовное за растениями, животными, за Человеком, за облаком, звездой, за Солнцем. Когда мы через материю снова найдём дух в его действительности, тогда мы также откроем наши человеческие души для голоса Христа, К-рый хочет говорить к нам, когда мы хотим Его слышать» (226) («Человеческое существо, человеческая судьба и развитие мира» — 7 лекций, прочитанных в 1923г. в Осло; л. от 17.05.1923г.; ПСС 226).

Штайнер: «Конечно, не безразлично, хотят или нет люди знать о Мистерии Голгофы. Для человеческих тел, для возможности земной жизни Христос совершил Своё земное Деяние на Голгофе. Он сделал это также и для неверующих язычников. Но для духовно-душевного необходимо, чтобы Импульс Христа также и в состоянии сна мог

погружаться в человеческую душу. Для этого необходимо, чтобы человек существенно признал содержание Мистерии Голгофы. Правильное духовное действие Мистерии Голгофы может произойти только из правильного исповедания Мистерии Голгофы. Это значит, что земным человечеством будет признано: поспевающее прочь, постоянно взывающееся к Солнцу *эфирное тело держится Христом*: но человек как душевно-духовное существо, его Я и астральное тело, они должны воспринять Импульс Христа в состоянии между засыпанием и пробуждением, подготовляясь к тому через исповедание *в бодрственном состоянии*.

Итак, мы можем сказать: мы даём выступить перед нашей душой образу *Вознесения*. Ученики, ставшие ясновидящими, видят тягу эфирного человека взойти к Солнцу. Христос соединяется с этим стремлением, держит его. Это потрясающий образ: спасение физически-эфирного человека через Христа в образе Вознесения.

Но, в то же время, *ученики* возвращаются назад, они задумчивы, они глубоко сосредоточены. Ибо в их душах живёт познание: через *Мистирию Голгофы* всё совершилось прежде всего для эфирно-физического человечества. Но что произошло с духовно-душевым? Откуда придёт к человеку сила в духовно-душевом, в Я и в астральном теле, воспринять *Импульс Христа*? Импульс Христа через Мистирию Голгофы так наполнил Землю, что только через духовные познавательные силы можно проникнуть к Нему и постичь Его. Никакая материалистическая сила познания, никакая материалистическая наука не может понять Мистерии Голгофы. Здесь душа должна в себе воспринять силу духовного познания, силу духовного созерцания, силу духовного ощущения, чтобы быть в состоянии также и понять Импульс Христа, понять как Он на Голгофе связал Себя с земным Импульсом.

Чтобы это могло произойти, Христос Иисус совершил Своё Деяние на Голгофе, и Он совершил это так, что через 10 дней после События Вознесения послал людям возможность также и внутренне, духовно-душевно, астральным телом и Я, пронизать себя Импульсом Христа. Такова картина праздника Пятидесятницы: пронизание духовно-душевного силой понимания Мистерии Голгофы, *послание Святого Духа*. Христос совершил Своё Деяние для всего человечества. *Отдельным людям*, к-рые должны это Деяние понять, отдельным человеческим индивидуальностям Он послал Духа. Таким образом, душевно-духовное находит доступ ко всеобщечеловеческому деянию. Через Дух человек должен внутренне, духовно-душевно усвоить Мистирию Христа. ...Таким образом Импульс Христа осуществляется для каждой отдельной индивидуальности».

Эфирное тело человека после смерти соединяется с солнечным, пронизывающим пространство, в к-ром находится Земля. «После Мистерии Голгофы в этом удалённом от человека эфирном теле можно видеть Христа, ставшего его *Спасителем* в дальнейшем земном бытии: итак, после Мистерии Голгофы каждый человек имеет перед умершей душой ту картину Вознесения, к-рую в особом состоянии души созерцали ученики Христа. Но для тех, кто воспримет в себя также и тайну Пятидесятницы, кто даст приблизиться к себе Святому Духу, для того этот образ после смерти явится наибольшим утешением, какое он только может иметь, ибо он прозреет тогда всю истину Мистерии Голгофы, и образ станет для него утешением. Он как бы говорит ему, этот образ Вознесения, восшествия на Небо: ты можешь довериться всем последующим земным жизням земного развития, ибо Христос через Мистирию Голгофы стал Спасителем *земного развития*.

Для того, кто своим Я и астральным телом, т.е. познавая, ощущая, не сможет проникнуть к содержанию Мистерии Голгофы, этот образ станет упрёком, упрёком до тех пор, пока он не поймёт: также и он должен научиться понимать Мистирию Голгофы. Это своего рода предостережение, призыв после смерти: *Попытайся для следующей земной жизни усвоить такие силы, чтобы ты смог также и понять Мистирию Голгофы*». Антропософия даёт понимание этого откровения и этой тайны. Так приходим мы к

сопереживанию в земном бытии космического бытия (224 (8) (прочитанный в разных городах в 1923г. цикл из 11-и лекций «Человеческая душа в её взаимосвязи с божественно-духовными индивидуальностями. Углубление праздников года», ПСС 224).

ГЛАГОЛЕНИЕ НАРЕЧИЯМИ

Внимание! С 4/5-го стихов 2-й гл. Д.Ап. действие переносится из сионского Сенакля в языческий притвор Храма, поскольку представить называемый Дееспителем ниже многочисленный «народ» (6) в Сенакле (место свершения с Апостолами чуда сошествия на них Духа Святого), или во дворе дома Пасхальной горницы никак невозможно. Причём из дальнейшего текста ясно следует, что речь идёт о множестве паломников, прибывших из разных областей, регионов, провинций, стран на один из трёх больших паломнических праздников в Иерусалим, и, соответственно, обретавшихся в праздничный день Пятидесятницы в храме, по всему, в Языческом притворе святилищного комплекса.

Т.е. те, на ком почил огненный язык, в составе всего единодушного священного собрания первохристиан, после этого покинули Сенакль на Сионе и направились с горы Сион (с горы новозаветного сионского откровения) на Храмовую гору, в храм, где чудесно заговорили (или, куда пришли, чудесно глаголя) на иных языках, — «как Дух давал им провешевать» (4). А ведь, вслушиваемся снова, — «в Иерусалиме находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами» (5), и собравшийся (как в дороге к храму, так и, главное, в самом храме) народ пришёл от (сверхчувственного) шума, к-рый сопровождал христиан на пути из Сенакля до Храма, в смятение: «ибо каждый слышал их говорящих его наречием» (6).

Однако, они не заговорили по-парфянски, или по-мидийски, или по-эламски..., но они проповеднически возвещали ныне одну новую религию для всех людей. Вот что под «иными языками»: дар данной Апостолам Духом (духотворной) христианской проповеди, к-рая звучит, разумеется, на еврейском (ибо на повестке дня отнюдь не какое-либо паранормальное, не какое-либо аномальное явление в тривиальном смысле), обращённая, прежде всего, к иудеям из нижеперечисляемых стран, регионов, областей, иначе говоря, к иудеям Иудеи (= палестинского Израиля) и Диаспоры, пришедшим на праздник. И эти вторые слышат проповедь — как удивительно понятную для них, как настолько понятную им речь, будто глаголющие говорят на их собственных (диаспоральные диалекты) наречиях (степень понятности-доступности одухотворённого слова апостольского). Плюс эта (богодухновенная) проповедь (на *эсперанто* во Духе!) может быть обращена к иудеям, родившимся в Диаспоре, и позднее осевшим в Иерусалиме (александрийцы, киринаеяне, либертинцы...), равно к разноплеменным прозелитам «врат» и «правды», многие из к-рых, в той или иной мере, разумели еврейский (арамейский), и часть из к-рых не имели доступа во внутренние (Женский и Израэлитов) притворы храма.

Притом Апостолы — галилеяне, и, значит, говорят на галилейско-арамейском, что, тем не менее, изумительным образом не делает их святодуховновенную речь затруднительной-невнятной или трудновоспринимаемой. Вот где истинное чудо, а не во внезапной проповеди Апостолов, мол, на парфянском, мидийском, или турецком. Это чуковский «крокодил», но не Апостолы, — «по улицам ходил» и «потурецки говорил», тогда как Апостолы, повторим, говорили на внятном для внимающих новозаветно-новоеврейском языке *международного общения* — в предварении вселенской проповеди — во Духе. Усвой и запомни ещё раз, читатель, — поповских чудес не бывает, есть чудеса евангельские! И напрасно многие христианские

экзегеты вменяют Апостолам (на потеху критиканам) буквальное, в результате, мол, пятидесятичной Мистерии, глаголение многими языцами.⁶⁰

Кроме того, не столько спрашивается, сколько восклицается: зачем палестинским евреям (будь то галилеяне или иерусалимляне) говорить-заговаривать с евреями диаспоральными, так как под Парфянами, Мидянами и т.д., в первую очередь, подразумеваются именно иудеи из Парфии, Мидии и т.д. (да ещё) на (консолидирующем их) храмовом празднике в Иерусалиме, не по-еврейски, если и те, и другие говорят на различных диалектах еврейского (арамейский)?! Иное дело, что за Парфянами (парфянскими иудеями), Мидянами (мидийскими иудеями) и т.д., к-рые не случайно именуется-перечисляются именно так, по странам, областям, провинциям, регионам, в масштабах Ойкумены, – предварение грядущей ойкуменически-апостольской проповеди и распространение христианства до краёв Земли!⁶¹ Евангельские стихи многосмысленны и многодифференциальны!

⁶⁰ «Т.Б.», т.3., Д.Ап.2, с.14. Кирилл Иерусалимский: «Пётр и Андрей – Галилеяне говорят по-персидски и по-мидийски, Иоанн и прочие Апостолы изыясняются на всяком языке с пришедшими от язычников. Дух Святей научает многим языкам вместе, каких вовсе не знали наученные Им. Это – Божественная сила! Какое сравнение между долговременным их неведением и между этою всеобъемлющею, многостороннею, необычайною, внезапною силою говорить на всех языках». Феофилакт Болгарский: «Почему дар языков Апостолы получили прежде других дарований? Потому что имели разойтись по всем странам; и как во время столпотворения один язык разделился на многие, так теперь многие языки соединились в одном человеке, и один и тот же человек, по внушению Духа Святого, начал говорить и на персидском, и на римском, и на индийском и на многих др. языках. И дар этот назывался даром языков, потому что Апостолы могли говорить на многих языках».

Перед нами наглядный пример манифестации и пропаганды «поповского чуда», что есть прямая подстава под насмешки противников христианства, и с чем «Т.Б.», увы, охотно соглашается, приводя ещё дополнительные примеры, правда, из несколько другой оперы, к-рые неправомерно призываются подчеркнуть правильность вышевыставленных во фронт церковно-авторитетных цитат: «Св. Ириней говорит о многих, ещё в его время живших христианах, к-рые имеют «пророческие дарования, говорят на разных языках, открывают тайны сердца человеческого в назидание и объясняют тайны Божии» («Против ересей» 5,6). В беседах о жизни Итальянских Отцов – творении Григория Двоеслова – упоминается об одном отроке Арментарии, к-рый говорил на иноземных языках, не учившись им. Следы древности понимания дара языков в собственном смысле можно видеть и в том, что Филострат, описывая жизнь Аполлония Тианского, к-рого он хотел противопоставить Христу, замечает о нём, что он знал не только все языки человеческие, но и язык животных. В Церковной Истории встречаются позднее примеры чудесного разумения иностранных языков, например, в Ефреме Сирине» (с.14).

Если из слов Иринея вовсе не явствует, что христиане, говорившие на разных языках, овладели ими магически, в одночасье, то в отношении отрока Арментария, упоминаемого Гр. Двоесловом и т.д., речь должно вести о паранормально-аномальных чудесных явлениях, к-рые, конечно, имеют место быть, но их, ни в коем случае, нельзя отождествлять с чудом пятидесятичным, к-рое не было какой-либо паранормальной магией, невзирая на девальвационно-карикатурное выставление онога Кириллом Иерусалимским, Феофилактом и др. именно таковым. Грош цена была бы Апостолам Христовым как Апостолам Христовым, заговори они (вряд ли когда-либо ранее покидавшие Палестину), иудеи-галилеяне, говорившие на арамейском (и хорошо, во всяком случае, часть из них, знавшие койне-греческий), в друг, т.е. колдовски-чародейски, во изумление окружающих, – по-персидски, по-мидийски, по-индийски и т.д. Причём, вероятно, ряд из них заговорили впоследствии также на языках народов и стран их проповеди, однако это произошло годы спустя и совершенно точно не в день майской Пятидесятницы 33г. н.э.

⁶¹ То, что не удалось однажды человечеству посредством воздвижения в непомерной гордыне Вавилонской башни, к-рая правомерно рухнула, созиждется в грядущем Духом, во Духе и из Духа христианской Пятидесятницы-Троицы, к-рая есть импульс христовосного единения преодолевших, вместе с расовой, этнической, государственной и прочей групповой разобщённостью, расщепительное-разделительное разноязычие свободных индивидуальностей во Христе.

Впрочем, конечно, не все присутствующие стали понимать говорящих (нашими языками) о всех делах Божиих, не все сделались (и не могли сделаться враз) восприимчивыми к новозаветным словам мужей Апостольских. Одни недоумевали — «что это значит?», в то время как др. насмеялись, полагая, что говорящие напились, и потому, дескать, болтают (заплетающимися языками без костей) незнамо о чём, несут новость что.

И тут слово берёт Пётр, единственный из круга 12-и (или 120-и), в уста к-рого вкладывается продолжительная прямая речь в день Пятидесятницы. Не он ли, новый Моисей, центральная человеческая фигура метаисторического дня 6 сивана 33г. н.э., как старый Моисей был центральной человеческой фигурой метаисторического дня (обретения Израилем Торы) 6 сивана (19.05.) 1447г. до н.э., т.е. Событие первой христианской Троицы имеет место на 1480-м (Христос!) году от Пятидесятницы исшествившей. Не был ли первопророк и избавитель Израиля во времени Моисей (Пётр) косноязычен, в отличие от своего брата Аарона (Павел)! Не заговорил ли князь Апостолов Пётр Духом Святым в Троицын день 24.05.33г. н.э.!

ОЙКУМЕНИЧЕСКАЯ ДИАСПОРА И ОЙКУМЕНА

Но перед тем как обратиться к речи сделавшегося в первую христианскую Пятидесятницу *златоустом* князя Апостолов Петра (одно из реальных пятидесятнично-чудесных действий-проявлений Св. Духа), посмотрим на перечислительно приводимые Дееписателем географическую, этнографическую и историко-религиозную составляющие того внешне, в первую очередь, именно (еврейско-)паломнического (один из дименсионов) диапазона, к-рый в перспективе станет диапазоном апостольско-миссионерским.

Итак, разбираемся с многослойными стихами 9-11 2-й гл. Д.Ап. Сначала называются в буквальном смысле 3 народа (3 этнонима) — Парфяне, Мидяне, Еламиты. Хотя, если присмотреться, все три названия-наименования разнокачественны, т.к. Еламиты на Ив. н.э. — это отнюдь не столько этнос, сколько обитатели области Элам, на месте уничтоженного ассирийцами ещё в VIв. до н.э. одноимённого гос-ва и затем адаптированной персами области. А парфянами на Ив. н.э. можно назвать как собственно парфян, так и иранцев под верховенством парфянского Ирана в целом. Причём, если древних эламитов в когдатошнем Эламе на Ив. либо вообще нет, либо они (как уходящий растворяющийся народ) остаточны малочисленны, то мидийцы в Большой и Малой Мидии (составные части центробежного Парфянского Ирана) на Ив. вполне есть.

И всё же, называя парфян, мидян, эламитов, Дееписатель, перво-наперво, разумет тамошних диаспоральных Иудеев (как парфян, мидян, эламитов иудейского вероисповедания), плюс — местные прозелиты. Но при всём том, в перечисленных наименованиях умышленно присутствует (наряду с иудейским и языческим прошлым и настоящим) космополитическо-христианское грядущее, т.е. успех предстоящей христианской проповеди, её востребованность среди неиудеев, в частности, именно среди обитающих даже за пределами огромной Римской империи и греко-римского мира — парфян, мидян, эламитов.

Потом, вслед за парфянами, мидянами, эламитами, к к-рым присовокупляются жители Месопотамии, т.е. державно-парфянского на Ив. (по народонаселению, преимущественно, семитского) Междуречья Евфрата и Тигра, опять-таки, за пределами *Imperium Romanum*, в стихах 9/10 приводятся страны, области, провинции, в числе, начиная с Месопотамии, 10-и, равно обитатели 9-и из них (без Кириanei, к

к-рой в дословном тексте прилежит Ливия). Притом всё это, за исключением Междуречья, уже, включая и столицу мира – Рим, – в пределах Римской империи.⁶²

Мало того, по поводу Рима конкретно указывается, что оттуда в Иерусалим паломнически пришли Иудеи и (разноплеменные) прозелиты. А после них, в стихе 11, список-перечень завершают, отчасти сродственно открывающим его парфянам, мидянам, эламитами, критяне и аравитяне. Следовательно, итого $3 + 10 + 2 + 2 =$ максимум 17 (или 15) разнокачественных-разнородных географических, этнографических, историко-конфессиональных величин-наименований. Вдобавок, за Римом (в контексте Иудеев и прозелитов) позволительно разглядеть, при желании, всю (отсутствующую в списке) западную половину Imperium Romanum.

Напомним, что в самом Риме маленькая еврейская община существовала ещё во Пв. до н.э., до изгнательного эдикта 139г. до н.э. (Д.И. 185), и заэкзистировала снова после завоевания Иерусалима и пленения (63г. до н.э.) множества иудеев Помпеем, к-рые, приведённые в Рим, были со временем частью выкуплены единоверцами, частью освобождены римскими господами, и поселились на правом берегу Тибра, составив тут римскую общину, к-рая на 1г. н.э. насчитывала более 8-и тыс. чел. Далее, мы помним, что при Тиберии трижды принимались противоиудейские постановления – в 19, 29 и 34гг. (Д.И. 180-88). Первое из них санкционировало, в т.ч., принудительное изгнание 4 тыс. иудеев из Рима для несения военной службы на Сардинию, второе было инициировано Сеяном, а третье – вышло спустя 3 года по ниспровержении Сеяна, устранив к-рого Тиберий несколько изменил на антисеяновской волне, во всяком случае, в период 31 – 34гг., своё отношение к иудеям.

Стало быть, если на Пятидесятницу 33г. в Иерусалиме находятся иудейские паломники из Рима, значит, на 33г. в Риме есть иудейское население (если, конечно, под Римом в Д.Ап.2,10 именно город-на-Тибре, а не, как полагают некоторые, весь обобщённый запад Римской империи, ограничиваться к-рым, игнорируя Город городов, однозначно неверно). Т.е., отсюда вывод: либо изгнанию 19г. изначально подверглась не вся римско-еврейская диаспора (более 8-и тыс., возможно, только мужей на 1г., и 4 тыс. забранных в солдаты на 19г.), либо после падения Сеяна в октябре 31г. изгнанные в 19г. римские иудеи (часть из них) получили разрешение возвратиться в Рим.

Так или иначе, в Иерусалиме на 33г. имелась синагога т.н. либертинцев (название восходит к иудейско-помпеянским вольноотпущенникам, составившим основу римской диаспоры), где собирались осевшие в Граде Господнем еврейские выходцы из Рима и римско-иудейские паломники (Д.Ап.6,9). Аналогично в Иерусалиме, куда празднично стекались Иудеи, люди набожные из всякого народа под небесами (Д.Ап.2,5), наличествовали синагоги александрийцев, киренийцев и т.д.

По Парфянам, в объективе, помимо первичных парфянских иудеев, – Парфянский Иран, иначе говоря, гос-во, возглавившее Дом Иранский, в свете его возрождения, после сокрушения Александром Великим в 334 – 30 – 28гг. до н.э. мировой Персидской державы Ахеменидов. В середине Пв. до н.э. новообъединение Ирана начали отколдовываться от Селевкидов и сделавшиеся независимыми, под верховенством Аршакидов, парфяне, гос-во к-рых, долгие века противостоявшее на уровне второй сверхдержавы Риму, дотянуло до 20-х гг. Пв. н.э., когда оно, максимально ослабленное римлянами, было сокрушено новоперсами Сасанидами, перекинувшими правопреимственный мост через голову парфян (мол, враждебных арийскому Ирану полукочевников-полуварваров) к Ахеменидам. Причём Сасанид-

⁶² Лука оперирует не политической географией, к примеру, называя Месопотамию (очаг Вавилона и Ассирии), и не называя (издревле сопричастную христианству) Осроэну Абгаридов со столицей в Эдессе.

ский Иран явился, во многом, противоположностью Ирана Ахеменидского, вариантом зомби, с опорой в христианскую эпоху вместо Христа на Люцифера (Ормузд), противопоставленного Ариману (Ахриман).⁶³

Между тем, о крайне важном парфянском, по обе стороны старой и новой эр, периоде великоиранской истории мы подробно и не раз беседовали в первых двух книгах трилогии «Таинство Голгофы» (Р.л. 1250-62; Д.И. 46-48; 141-44; 784-96; 831-39). Без неё, без Ирана, без зороастризма, митраизма, без носителя-олицетворителя духовного завещания Аршакидской Парфии *Посланца Света* Мани и т.д., ни история, ни метаистория Древнего мира на рубеже эр, ни понимание собственно События Голгофы невозможны. И очень жаль, что про Пафянский Иран, к-рый Сасаниды попытались полностью вычеркнуть из всякой летописи, умышленно стирая память о нём, мы знаем преимущественно с предвзятых слов его работавших на Рим и римскую гегемонию противников, вследствие чего многие тайны продолжают оставаться под покровами.

Тем не менее, вовсе не случайно в Книге Нового Завета Д.Ап. Парфяне, сообразно (мета)историческому времени Мистерии Голгофы, именуются первыми, сменяя таким динамичным библейским образом во главе Ирана Персов Завета Древнего, при следующих теперь за главенствующими в (противоримском) Доме Иранском Парфянами периферийных Мидянах (ср. Есф.1,3; Дан.5,28; 6,12).

Не принадлежала ли пальма первенства в Иране до Персов именно Мидянам (VII/VI вв. – гегемония Мидийского Ирана), к-рые поднялись как противники изведённой ими вместе с Вавилоном пленительницы – VIII в. до н.э. – 10-и колен Израилевых Ассирии, поселившей пленников-десятиколенников, в т.ч., в Мидии, и правили Ираном до взявшего в 550г. Экбатаны пленителя Астиага Кира Великого (Д.И. 415; 497/98; 831-39). Не Киров ли сын Камбиз (завоеватель Египта), умирая в 522г., заклинал Персов не уступать в дальнейшем первую скрипку в Доме Иранском – в Ариане-Иране Мидянам, время к-рых в великоиранском верховенстве безвозвратно миновало! Притом, освежим в памяти ещё раз, что Мидия, в составе Парфянского Ирана, делилась на Великую (центр – Экбатаны) и Малую (Атропатена).

Касательно исконно семитского Элама, с его дремучими, во времени за 3 тыс. лет до н.э., древними корнями (Б.10,22; 14,1), последнее эламское гос-во пало под ударами ассирийцев, переселивших часть эламитов в Самарию, в 640/39гг. до н.э. (Д.И. 447/48). А спустя 90 лет, в 549г., Эламом овладели персы Кира Великого, в империи к-рых бывшая эламитская столица Сузы обрела статус одной из блистательнейших столиц Ахеменидов – Шушан (Дан.8,2)⁶⁴: резиденция царя царей Ахашвероса, при к-ром, звавшемся царём Персов и Мидян, и, по всей вероятности,

⁶³ Созданная выдающимся *михаэлитом* Киrom (не менее Великим (чем Александр) держава арийских Ахеменидов была первым в истории мировым универсальным государством, к тому же, созидательным, в отличие от ниспровергательно-истребительной прежней региональной державности декадентных деспотий – как (ведомой грозным богом Ашшуром) Ассирии, так и (пусть в меньшей мере) Вавилона (покровительствуемого Мардуком). И не случайно именно в борьбе с плодотворно объединившими Азию (от Босфора до Индии) и Египет (для их последующей духотворной эллинизации) уже упадочными Ахеменидами восстала в эпоху Михаила (602–248гг.) и дала миру в V в. до н.э. *Золотой век* Афин героическая Греция, положив вместе с дальнейшими эпохальными деяниями Александра и Рима начало грядущей евроцивилизации, к-рая начала быть цивилизационной средневековой Европой как с христианством, так и с приходом на греко-римскую (державно-ойкуменическую) почву уничтоживших-сменивших Западную Римскую империю германцев.

⁶⁴ При том, что этнические эламиты, ни в коем случае, вопреки ошибочному мнению Флавия (И.д.1,6,4), не были предками адаптировавших культуру их страны и фундаментально осевших в (подпавших при Селевкидах мощному греко-македонскому эллинизаторскому влиянию) Сузах с VI/V вв. до н.э. яфетитов-персов.

тождественном Артаксерксу I (464 – 24гг.), имел место в 451г. до н.э., за 483 года (69 x 7) до Голгофы 33г. н.э., первый еврейский Пурим (Неем.1,1; 2,1; Есф.1,3; 3,15) (Страбон 16,744/45) (Р.л. 776). Не вступил ли Иисус в пролептическое воскресение 29.03.33г. в Иерусалим, на Страсти Господни, через (Золотые) ворота Шушан!

Посему на Ив. н.э., пусть даже незначительно-остаточный, эламитский элемент мог, деградируя, продолжать сохранять своё убывающее этническое своеобразие⁶⁵, однако, под подопечными, как и Мидия (Большая и Малая), или Месопотамия (за исключением преимущественно или временами проримской Эдессы), Парфянскому Ирану Еламитами из Д.Ап., – в первую очередь, тамошние, повторим, диаспоральные Иудеи. Не было ли Междуречье одним из очагов мировой цивилизации, как стоит в современных энциклопедиях, или, точнее, одним из очагов дуалистической Египетско-Вавилонской культуры, под знаком Тельца = III-я эпоха (2908/07 – 748/47гг. до н.э.), нашей Пост-Атлантической (Пассионарно-Ойкуменической) стадии эволюции (согласно антропософской периодизации вселенской метаистории).

Дальше – больше. Упомянув жителей Месопотамии – местонахождение крупнейшей со времени Вавилонского пленения VIв. иудейско-вавилонской Диаспоры = анклава Иерусалима в Диаспоре – Дееписатель, как бы перебираясь в Римскую империю, называет Иудею и Каппадокию, Понт и Асию... Впрочем, почему за Месопотамией называется Иудея, в результате чего соблюдающаяся до и после неё географическая последовательность нарушается-разрывается, вызывало и вызывает естественное недоумение у ряда толкователей-комментаторов как в древности, так и в современности.

* * *

Дело в следующем. Иудея в этом перечне между Месопотамией (к-рой предшествуют Еламита, Мидяне, Парфяне) и Каппадокией (за к-рой следуют Понт и Асия) видится неуместной, заменившей со временем иную георегиональную единицу, видится-смотрится искусственно интерполированной, в связи с чем, например, Цанн (AG, S.80-94) констатирует неудивительность того, что ещё древние пытались данный казус устранить. Да и кроме географическо-последовательного разрыва, если действие 2-й пятидесятничной гл. Д.Ап. и без того происходит в самом сердце Иудеи, в лобном Иерусалиме, возникает резонный вопрос: зачем вообще дополнительно и никчемушно упоминать Иудею в означенном (интровертированно-паломническо-иудейском и в экстравертированно-неиудейско-космополитическом) (см. выше) перечислительном списке?

Так, Тертуллиан («Против иудеев» 7), хотя и не цитирует Деяния прямо, но описывая границы распространения христианства в его время, не без переключки с пятидесятничным списком Д.Ап, называет ок. 197г. после Месопотамии – Армению, затем – Фригию, Каппадокию и т.д. (Parthi, Medi, Elamite et qui inhabitant Mesopotamiam, Armeniam, Phrygiam, Cappadociam...).

Следовательно, велика вероятность того, что в пользуемом Тертуллианом в конце IIв. н.э. доканоническом тексте Деяний (один из вариантов) вместо Иудеи называлась куда естественнее смотрящаяся в данном перечне, – будь то между Месопота-

⁶⁵ О том, что талмудисты считали в первые века н.э. еламитов деградантами свидетельствует следующее место из трактата «Киддушин», где осуждаются смешанные браки диаспоральных (в первую очередь, мидийских и еламитских) иудеев: «Вавилон – здоров, Мешон (на берегу Персидского залива) – мёртв, Мидия – больна, Елам – болен смертельно. Какая разница между больными и смертельно больными? Большинство больных выздоравливают, большинство смертельно больных умирают» (71б).

мией и Каппадокией, или между Месопотамией и Фригией, или между Месопотамией, Понтом и Асией, — именно (весьма рано соприкоснувшаяся с христианством и приобщившаяся к христианству) Армения (буферный, на границе с Парфянским Ираном, окраинно восточный вассалитет Рима), где на IV н.э. имелась значительная еврейская Диаспора, представители к-рой, как и др. диаспоральные иудеи, без сомнения, паломничали на большие праздники в Иерусалим. Сходно Тертуллиану, вариант со списочной Арменией встречается у Августина («Против манихеев» 9).

И всё-таки, во всех дошедших до нас древнейших греч. Кодексах, в «Итале», в сирийском и верхнеегипетском (сахидско-коптский) переводах Нового Завета, после (стоящей своеобразным изолированным особняком) Месопотамии называется именно Иудея в паре (через соединительное «и») или не в паре с (непосредственно соседней стране армян) Каппадокией.

Засим примем сторону прошедшего неконъюнктурный отбор-отсев наличного Канона (Канонов), в т.ч., (современного Августину) армянского перевода Библии (Вв.). Правда, и в сём случае, при признании за эпицентральной Иудеей (гвоздь программы) бесспорного права разорвать любой последовательный (гео)перечень, на вопрос об отсутствии в списке обойдённой молчанием Арменией ответить можно. Как? Достаточно просто. Ей не обязательно присутствовать в пятидесятничном тексте Д.Ап. под собственным именем-наименованием, поскольку в древности, а тем паче, начиная с IV н.э., Армению и армян — одни небезосновательно-оправданно, тогда как другие ошибочно-накладочно — очень часто смежали-идентифицировали с Парфией и парфянами.

Причём именно в пору первосоставления Лукой Д.Ап., в 60-е гг. IV н.э. (с последующей, в 70 — 80-е гг. доработкой), Армения сблизилась-сроднилась (сдвоилась) с Парфией (и по историко-политическому факту, и в глазах греко-римской Ойкумены) как никогда прежде, поскольку с 51/52гг. мл. брат ирано-парфянского царя царей Вологеса Трдат (Тиридат) получил от брата старшего армянский престол (Д.И. 836/37), за к-рый он начал борьбу в 50-е гг. (см. ниже), и на к-ром он утвердился в первой половине 60-х гг., признанный Римом и коронованный диадемой из рук Нерона на римском форуме в 66г (см. ниже).

Т.е., в 50 — 60-е гг. IV н.э. Армения и ранее тяготевавшая к Парфии, фактически переориентировалась на неё (продолжая внешне акцептировать совместно с парфянами соблюдённый в 66г. римский державный престиж), более того, теснейшим образом связалась (балансируя между ними и Римом) с Парфией и парфянством — династически-политически, ментально-культурно и т.д. С тех самых пор, и вплоть до падения выдохшейся Парфии под ударами Сасанидов в середине 20-х гг. Шв.н.э., Аршакидская Армения и армяне были близки-родственны с Парфией и парфянами так, как армяне больше никогда и ни с кем не сблизились, не роднились ни до, ни после, будучи дуалистическими собратьями и вполне могучи восприниматься извне в ранге проникнутых одним духом *близнецов* (или братьев — старшего и младшего).

Не случайно, точнее, в свете вышесказанного, понятно — почему, к примеру, И.Флавий, работая над «Иудейской войной» в Риме (75 — 79гг.), накладочно путает парфян с армянами (1,18,5), представляя армянский поход Антония в 34г. до н.э. как поход парфянский (в к-рый Антоний ходил в 36г.) (Р.л. 132-35). Но Дееписатель Лука, в отличие от Флавия, ничего не путает, наверняка разумея в Д.Ап.2,9 под Парфянами (и Парфией), помимо тамошних диаспоральных иудеев, и помимо парфян, в т.ч., армян и Армению, к-рые ещё станут как политическим, так и духовным завещанием (сметённого Сасанидами с политической арены) парфянства, вобрав в себя сакральное парфянское наследие, сохранив у себя (до Вв.) парфяно-армянскую династию Аршакидов-Аршакуни, и приняв первыми в мире, в 301г., христианство под эгидой великого Парфянида Григория Просветителя (Григор

Партев) — преемника великоапостольских патронов Армении — Св. Апостолов Фаддея и Варфоломея.⁶⁶ Посему негоже-незачем искать (впоследствии *ассимилировавших* Парфянство, к-рое есть один из оккультных синонимов Христианства!) Армян в Д.Ап. в отрыве от Парфян! (Р.л. 607-13; Д.И. 123-32-35; 840-904)

Относительно же Иудеи между Месопотамией (Д.И. 797-831) и Каппадокией⁶⁷ (Д.И. 134/35; 905-12), при всей её здесь списочной, казалось бы, нелогичности-аномальности-интерполированности-изолированности, спрашивается: не особо ли статуированная Иудея с Иерусалимом и храмом в её центре, да ещё по неслучайному соседству с еврейско-диаспоральной Вавилонией (место крушения *Башни* и смешения языков) в Месопотамии (= Междуречье Евфрата и Тигра, включая родину Авраама — Халдею), суть один из обладающих исключительными прерогативами стержней, одна из несущих конструкций Пятидесятницы 33г.? из-за чего вопросы о её, дескать, неуместном местонахождении в перечне, по любому, непропорционально-излишни. Не с Иудеи ли, не с пятидесятничного ли Иерусалима начинается призванная преодолеть допотопное смешение языков, проникнутая Импульсом Христа одухотворённая космополитизация адресованной в идеале свободным индивидуальностям во Христе единой вселенской христианской Речи!

Продолжим. Понт и Асия⁶⁸, Фригия⁶⁹ и Памфилия... (см. «Р.л.», с.1408: «Еврейская диаспора в Римской империи»). Под Понтом здесь обобщительная география земель-территорий вдоль северо-черноморского побережья Римской империи, плюс приимперских регионов от Колхиды и (вероятно, втянутой вместе с Каппадокией в 17г. в римскую провинциальную систему до прихода к власти Калигулы) (см. ниже) Малой Армении, через вассальное к Риму Понтийское царство, где на 33г. царствовала вдова Полемона Понтийского (+ 8г. до н.э.) — Пифодорида (+ ок. 36г. н.э.). Равно — через образованную в 64г. до н.э. Помпеем римскую провинцию Вифиния и Понт, к-рая граничила с царством Понтийским на востоке и упиралась в провинцию Ас(зия) на западе (Р.л. 285-87; 546-48; 593-96; Д.И. 87-89; 114-16-20; 131).

Притом восточную и центральную части этой Азии, или западную часть п-ва М.Азия составляла, в немалой мере, (историческая) Фригия — страна, прекратившая своё существование как гос-во фракийских мигрантов XIII/XIвв., под ударами киммерийцев, в VIIв., и подпавшая сначала лидийцам, затем — персам. Фригийский язык (сохранилось 25 эпитафий) — самостоятельная ветвь индогерманских языков, без тесного родства с фракийским или армянским. На юге Фригия граничила с (включавшейся ещё ок. 37/36г. М.Антонием в состав вассальной Галатии) присредиземноморской Памфилией, где, как мы помним, в её провинциально-дуалистической паре, по смерти в 12г. кесарского наместника Востока М.Агриппы, с (провинциализированной Римом в 25г. до н.э.) Галатией, начальствовал в 10 — 7гг. до н.э. победитель (убийц в 25г. Аминта Галатского) гомонадов — кесарский легат П.С.Квириний⁷⁰, — сенатский проконсул Азии в 5/4гг. до н.э. (Р.л. 290-92; 590-96; 1021-25).

⁶⁶ Евсевий (И.Ц.4,46,2) упоминает епископа Армении Меружана, к-рому Дионисий Александрийский направил в 50-е гг. IIIв. н.э. послание по поводу отреченцев от Христа во время гонений.

⁶⁷ В провинциализированной Тиберием, по смерти царя Архелая, в 17г. н.э. Каппадокии, к-рую посещали р. Акиба (+ 135г.), р. Меир (+ 150г.), р. Натан (+ 160г.), и откуда происходили несколько раввинских авторитетов, имелась тесно контактировавшая с Палестиной крупная еврейская община.

⁶⁸ Об иудеях Понта и Азии см. у Филона («Посольство к Гаю» 36) и у Шюрера (3,12).

⁶⁹ Согласно Флавию (И.д.12,4,3), Антиох III Селевкид (223—187гг.) переселил во Фригию из Месопотамии/Вавилонии, на льготных для них условиях, 2 тыс. иудеев, к-рым он доверял, в качестве своей опоры в М.Азии.

⁷⁰ В снова разведённых в 7г. до н.э. Галатии и Памфилии консуляру Квиринию преемствовали, соответственно, претории: в Галатии — Корнелий Аквила: в Памфилии — М.Плавтий Сильван (конс. 2г. до н.э.).

После же Памфилии, к-рая, будучи на 33г. н.э. самостоятельной провинцией, будет в 43г.⁷¹, при Клавдии, объединена с Ликией (см. ниже), Дееписатель перемещается из северо-восточного Средиземноморья в Египет; далее – отправляется на ливийско-африканский (вдоль берега моря) запад, прилегавший к находившейся западнее Египта Кирене (местонахождения крупных еврейских диаспор); и, вдруг, заостряет-останавливает наше внимание на многозначительном Риме, откуда, как сказано, в Иерусалим пришли праздновать Пятидесятницу Иудеи и прозелиты.

Потом, из Рима, без упоминания географии или этнографии Imperium Romanum западнее Италии и столицы мира (Галлия; Испания), мы попадаем к (пользовавшимся в античную эпоху дурной репутацией лжецов и ленивцев) критянам, на остров, являющийся древнейшим очагом (III/II тыс. до н.э.) европейской цивилизации, плюс к тому, одним из очагов мигрировавших ок. и позднее 1200г. до н.э., в частности, в Палестину и в Египет филистимлян (Т.Г. 739/40), другая часть к-рых обитала в Палестине (придя ли с Крита?) ещё во времена Авраама и Исаака (Вт.20,23; Иер.37,4; Ам.9,7). Не из критян ли набирались хелефеи (критяне?) – телохранители Давида, совместно с фелефеями (скороходы) (2Ц.8,18).

А в IV. до н.э. смешаннокровный-грекоязычный-эллинистический гремуче- и дремуче-кровный Крит (с отягощённой наследственностью), кладёшь богатейшего культурного наследия, был подчинён Римом в ходе III-й Митридатовой войны (74 – 63гг.), в 67г. до н.э., объединённый в дальнейшем с ливийско-приегипетской Киреной в дуалистическую провинцию Крит и Киренаика – Creta et Cyrene (Р.л. 1174-76).⁷²

И, наконец, перечень 17-и (15-и) завершают-замыкают (парные) критянам Аравитяне. При этом античная Аравия делилась на три части: Пустынная – Deserta = Центральная; пограничная Палестине – Каменистая – Petrae; и Счастливая (Сабейская = Йеменская) – Felix. Понятно, что в наибольшей мере, с Римом была связана подвассальная римлянам Аравия Набатейская (Петрейская), хотя еврейские общины имелись во всех трёх Аравиях⁷³, куда, начиная с Набатеи, или особенно в Набатею, христианство проникло очень рано, т.к. из Дамаска в Аравию ходил в интервале 34 – 37гг., обратившись, в результате чудесного события на пути в Дамаск (к-рый Калигула передал в 37г., выведя из состава провинциальной Сирии, в состав царства набатейского венценосца Арета IV), ко Христу, давешний гонитель христиан фарисей Савл – будущий Ап. Павел (Р.л. 293-95; 96/97; 1108/09; Д.И. 765-770; Т.Г. 195-206) (см. ниже).

При всём том, любопытно, что в пятидесятничном списке у Лк. нет столь сопричастных раннему христианству Сирии, Киликии, Кипра, Греции, Македонии, к-рые фигурируют в Д.Ап. дальше, так сказать, оставляемые в мае 33г. на потом, – Петру, Павлу и прочим Апостолам инаугурированного святодуховенной Пятидесятницей-Троицей христианского, по земному кругу, плодоносного-плодотворного-духотворного Благовествования.

⁷¹ В 43г. до н.э. Памфилия (ранее, по созданию в 101г. провинции Киликия, основная особостатуированная база борьбы Рима против средиземноморских пиратов), как полагают, временно входила в состав провинции Азия, учреждённой Римом по смерти завещавшего в 133г. до н.э. своё царство римлянам Аттала III Пергамского. Наличие иудеев в Памфилии как минимум со IIв. до н.э. и на IV. н.э. подтверждают IМакк.15,23 и (помимо Н.З.) Филон («Посольство к Гаю» 36).

⁷² О евреях Крита говорят и Филон, устами пишущего Калигуле Ирода Агриппы в «Посольстве к Гаю» (36), и Флавий (И.в.2,7,1; И.д.17,12,1; Vita 76), вторая жена к-рого была еврейкой-критянкой.

⁷³ Существование иудейских общин в обширной Аравии подтверждает Талмуд (Шаббат 6,6; RH 26a).

Или взглянем на достаточно внушительный, на не исчерпывающийся пределами восточной половины Римской империи географический, этнографический, конфессиональный, метаисторический охват Дееписателя – от Парфян до Рима, с Иудеями и прозелитами, от Понта и Азии до Ливии и Аравии... На повестке дня Ойкумена в миниатюре, на повестке близящегося дня миссионерские ойкуменические просторы, с маячащей за кадром (пограничной Ирану) Индией на востоке, Эфиопией на юге, и с сопринадлежными-соприлегающими к Риму-Италии Галлией, Испанией, Германией, Британией на западе и на севере. Два вселенских центра – Иерусалим и Рим, при той существенной разнице, что если Небесный Иерусалим (к-рый грядёт) имеет место быть, то небесного Рима нет и быть не может!⁷⁴

ПЯТИДЕСЯТНИЧНОЕ СЛОВО АП. ПЕТРА

Однако не все празднично собравшиеся в Храме, в притворе Язычников, стали понимать говорящих (нашими языками Апостолов) о великих делах Божиих. Впрочем, пока одни недоумевали – «что это значит?», иные насмеялись, говоря: «они написали сладкого вина» (2,12/13).

И тут слово взял Пётр – центральная человеческая фигура дня 6 сивана (24.05.) 33г. н.э., как Моисей был центральной человеческой фигурой дня 6 сивана 1447г. до н.э. Не Моисей ли нашёл-выявил пульс и ритм исторического времени для всего человечества, при переходе Израиля (сродни переходу через Иордан) из метаистории в историю! То-то (отвечающим на подозрение в алкогольном опьянении) Петром фиксируется метаисторическое время События Пятидесятницы – третий час дня! что указывает не на, вопреки ошибочному толковательству экзегетов, 8/9 или 9 часов утра, а на тричасие (ср. Мк.15,25) 9-12 часов (Т.Г. 1627-31/32), в к-рое прекрасно умещается-укладывается пятидесятничное хроно-время 2-й гл. Д.Ап., и в к-рое, т.е. в (утренние-поутренние) дообеденные (наша первая половина дня) часы 9-12 (удовольственный-затрапезный) алкоголь не употреблялся: «ибо теперь третий час дня» (15).⁷⁵

Засим ставший с 11-ю и возвысивший голос свой князь Апостолов Пётр, обращаясь к мужам Иудейским и ко всем живущим в Иерусалиме, призвав их внимать словам Его и заверив внимающих, что мистериальные *мужи-пятидесятники* (и

⁷⁴ И ни I-й – Римский, ни II-й – Византийский, ни III-й – Московский, ни IV-й – Американский, ни грядущий V-й, или VI-й (державные) *Римы* небесными не были, не являются и не сделаются!

⁷⁵ Дело в том, что при порядковом-поочерёдном-почасовом счёте-отсчёте часов с 6-и утра (как у Ев. Ио. или у Петра в Д.Ап.10,9), 3-й час попадает на 8/9 или на 9 часов утра, к-рые экзегеты соотносят со временем утренней жертвы и утренней молитвы, до отправления-исполнения чего Талмуд возбраняет принятие пищи, позволяя оное (правда, без упоминания алкоголя) в 4-м часу = 9/10 ч. утра. Мало того, из «Бава Меция» следует идеальная безалкогольность, за отдельными, относительно оправданными или неоправданными исключениями, в т.ч., 4-го часа (836). А по Флавию (Vita 54), первая субботняя трапеза имела место аж в 6-м часу, т.е. не ранее полудня – 12.00. Стало быть, – аналогично в дни приравнивавшихся к праздничным субботам праздников, в частности, в день Пятидесятницы. Об этом и говорит Пётр, в 3-м часу из уст к-рого, конечно, можно теоретически-экзегетически предположить порядковый отсчёт часов с 6-и утра, и к-рый, тем не менее, в реальности (с оглядкой на синоптическое время Распятия), идентифицируется именно как тричасие 9-12, когда, т.е. в достаточно вместительном-продолжительном интервале времени до времени обеденного-послеобеденного винопития, и произошло событие Пятидесятницы-Троицы (включая как огненные языки в Сенакле, так и последующее действие в храмовом притворе Язычников). Между тем, как раз в пополуденные часы (время вечерней молитвы – ок. 3-х ч. дня) употребление алкоголя было у иудеев, сообразно Талмуду, в весьма востребованном ходу (Таанит 26б).

жёны-пятидесятницы) из Сенакля (первый христианский храм!) в дополуценное время никак не пьяны, возгласил:

«Но это есть предречённое пророком Иоилем:

«И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут;

И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать;

И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма;

Солнце превратится во тьму, и луна в кровь, прежде нежели наступит день Господень великий и славный;

И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасётся».

«Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, к-рые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете,

Сего, по определённом совету и предварению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздивши руками беззаконных, убили;

Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его,

Ибо Давид говорит о Нём: «видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался;

От того возрадовалось сердце моё, и возвеселился язык мой; даже и плоть моя упокоится в уповании,

Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления;

Ты дал мне познать путь жизни; Ты исполнишь меня радостью пред лицом Твоим».

Мужи братья! Да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребён, и гроб его у нас до сего дня;

Будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его,

Он прежде сказал о воскресении Христа, что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления.

Сего Иисуса Бог воскресил, чему мы свидетели.

Итак Он, быв вознесён десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что ныне видите и слышите.

Ибо Давид не восшёл на небеса, но сам говорит: «сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня,

Доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих».

Итак твёрдо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли.» (Д.Ап.2,16-36)

Объяснив (разъяснив) иудеям, что одухотворённые мужи Апостольские и прочие христиане из Сенакля отнюдь не пьяны в 3-й час дня, новозаветный Моисей — Пётр (ведомый поставившим его пасти агнцев Божиих Иисусом Христом), обращается к подтверждающему мессианистическое исполнение Мистерии Голгофы, К-рую правомерно венчает Пятидесятница-Троица, пророчеству Иоила.

Небольшая по размерам Книга этого Малого пророка (одного из 12-и), имя к-рого, как и имя Или, означает «Господь есть Бог», стоит в Каноне между 1-й и 3-й Книгами Малых пророков Осии и Амаса — пророков весьма знаменательного в истории еврейства VIIIв. до н.э., являющегося, с одной стороны, как временем, —

после кончины (поднявшего на политический пик Северное царство) Иеровоама II (+ 754г.), – преддверия катастрофы и собственно конца царства Израильского – пленение 10-и колен (734 – 23/22 – 15гг.), так и, со стороны другой, временем очистительно-обновительной Пасхи (720г.) выдающегося реформатора – царя и тогдашнего спасителя Иуды – Езекии Добродетельного.

Вместе с тем, в самой Кн. Иоиля, носящей ярко выраженный эсхатологический характер, нет никаких чётких хронологических зацепок-маркировок, в связи с чем раннехристианские авторы, следуя правилу талмудистов о том, что пророк, время к-рого не указано, современник соседей по Канону, чаще всего датировали её второй половиной VIIIв. и в общем правильно делали, поскольку Иоиль, вероятнее всего, приблизительный ровесник Исаии, кто начал пророчествовать в год смерти Озии Иудейского (741г.), а кончил, причём мученически, в начале правления Манассии (не позднее 685г.).

Впрочем, если «Седер Олам» (20) или «Галахот Гедолот» относят время Иоилева служения именно к правлению (врага пророков Господних) Манассии (694/91 – 40гг.), в чём, на наш взгляд, несколько забегают, перенося центр тяжести из VIII-го в VIIв., вперёд, то «Мидраш Самуил» (1,6) и «Бемидбар рабба» (10,5), игнорируя вышеприведённое талмудическое правило, наоборот, перебрасывают служение Иоиля аж на три века назад, в Самуилову эпоху (XIVв.), неоправданно делая его сыном Самуила (!), к-рый, в свою очередь, отождествляется ими с отцом Иоиля Вафуилом (!). Или, например, если «Таанит» (5а) говорит в связи с Иоилем о времени Иеровоама, не то I-го (Xв.), не то II-го, что, буде в объективе Иеровоам II, но никак не I-й, ближе к истине, то «Вайикра рабба» (5,3) видит в пророчестве 1,6 указание на вторжение Санхериба (707/06 или 701гг.), что по времени вполне акцептабельно.

При всём том, должно учесть следующее. «Правило» талмудистов нельзя назвать безусловно корректным, поскольку, к примеру, 5-й в списке Малых пророков (родившийся в IXв.) Иона служил (как первый из Малых по времени) в начале VIIIв., следовательно, раньше Осии и Амоса, к-рых, к тому же, надо хронологически, строго говоря, поменять местами, ибо время (убитого Озией Иудейским в 753г.) Амоса – середина VIIIв., тогда как пророк Осия, судя по всему, современник падения Самарии в 715г.

Так или иначе, Климент Александрийский («Стромата» 1,118,1), Ипполит («Chron.» 98sq) и Августин («Град Божий» 18,27), числа за Иоилем период правления иудейского царя Иоафама, (даже без знания ими истинных хронореалий) в отношении как минимум второй половины VIIIв. до н.э., не ошибаются, хотя, с учётом реконструированной нами хронологии царей Иуды и Израиля, необходимо оговорить, что Иоафам был сначала регентом, правившим – 753 – 41гг. – вместо прокажённого-уединённого (но формально остававшегося царём) Озии, став затем, с 741 по 726гг., собственно венценосцем, и будучи лишён реальной власти в 726г. (с последующей кончиной не ранее 723г.) (Д.И. 354/55-61-70/71; 1344). Плюс, если Теодор Мопсуестский (+ 428г.), Феодорит Кирский (+ ок. 457г.)⁷⁶ и Иероним («Комментарии») видят в Иоиле современника пророка Осии, то Кирилл Александрийский (+ 444г.) называет Осию и Амоса («Комм. на Д.Ап.»), в то время как «Пасхальная хроника» (628г.) говорит о его пророческой деятельности, наряду с Исаией, Осией, Амосом, Михеем и Наумом, в годы правления царя Езекии (104), к-рый, напомним, царствовал в 720 – 691гг., и (старшими/младшими) современниками к-рого перечисленные пророки, действительно, являлись.

⁷⁶ В пришедшем от севера враге Израиля (Иоиль 2,20) Феодорит видит ассирийцев (1,6), к-рые будут впоследствии поглощены *двумя морями* – вавилонским и персидским («Комм. на Иоиля»).

Далее, у Ефрема Сирина (+ 373г.) сохранилось предание («Комм. на Иоиля») о рождении и погребении Иоиля в уделе заиорданского колена Рувимова (подвергшегося ассирийской депортации в числе первых трёх колен Гада, Рувима и полколена Манассии – 734г.), к чему (приписываемое Дорофею, Ипполиту, Епифанию Кипрскому) псевдоэпиграфическое сочинение «О жизни и смерти пророков» (VIIв.) присовокупляет название города в колоне Рувима – Вефоморон (у Псевдо-Епифания – Вифом), где, мол, Иоиль родился и умер. Притом, не приходится сомневаться, что сведения эти, конкретные и размытые, в той или иной мере, почерпнуты-позаимствованы из не дошедших до нас иудейских источников.

Короче говоря, беря с запасом, по максимальной хронологической шкале, можно сказать об Иоилевом служении во времена после кончины Елисея ок. 800г. и до разрушения в 586г. Первого храма, что по шкале минимальной оптимально сужается до второй половины VIII-го и не позднее начала VIIвв. до н.э. При всех случаях, ранним и средневековым иудейским или христианским авторам никогда не приходило на ум датировать служение Иоиля эпохой Второго храма, более того, временами аж до IIв. до н.э., что, вопреки всем традициям и пренебрегая всеми контраргументами, взяли, в духе-русле Тюбингенской школы, в зубасто-оборотистую моду многие ново-новейшие экзегеты, на убогих версиях к-рых, вследствие их гипертрофированного (в т.ч., психиатрического) скудоумия, мы задерживаться не станем.

Если время служения Больших (письменных) пророков (*илиитов-элишаитов*) Исаии, Иеремии, Иезекиила, Даниила – есть VIII – VIвв. до н.э. (от года кончины Озии Иудейского, когда выступил Исаия, до периода перед Вавилонским пленом, периода Вавилонского пленения и Междухрамия, когда действовали Иеремия, Иезекииль и Даниил), то все Малые пророки, за исключением современников воздвижения (Зоровавелем и Иисусом) Второго храма во второй половине VIв. – Захарии и Аггея, равно последнего Малого пророка первой половины Vв. Малахии (кому преемствует, согласно талмудистам, «второй Моисей» – Ездра), служили в эпоху Первого храма!

* * *

Относительно же самой акцентированно эсхатологической Кн. Иоиля, она направлена как в сравнительно ближнюю (на 7 столетий вперёд) мессианистическую перспективу Исполнения (перво)пришествиенных времён, так и за дальние поэтапно-второпришествиенные и поэтапно-апокалиптические горизонты, что полномерно явствует из её насыщенного содержания и амальгамированно-яркой символическо-метафорическо-аллегорическо-эзотерической образности. Обратите внимание на неимоверную мощь акустической наступательной речи, или на картины и формы храмового культа (без всякого смягчения пророческо-поэтического слова, ибо библейские пророки одновременно поэты поэтов!), почему некоторые экзегеты предполагают в Иоиле представителя иерусалимско-аронидского священства (либо – левитского духовенства).

Но нам, как и пятидесятнично взывающему к Иоилю Петру⁷⁷, сейчас (учитывая широченный хронопространственный охват-диапазон данной священной Книги)

⁷⁷ «Т.Б.»: «Самое пророчество Иоиля приводится Дееписателем в несколько изменённом виде против подлинника и LXX, как это делают нередко Сам Господь и Апостолы. Так, вместо подлинного неопределённого выражения «*после того*», у Апостола Петра видим выражение более определённое – «*в последние дни*...» (т.3., с.16).

важен именно (первопришестввенно-) мессианистический феномен-аспект: для пророчествовавшего в VIII/VII вв. до н.э. Иоиля – грядущий; для Петра – (прежде всего) в день венчальной Троицы 24.05.33г. н.э. – исполнившийся-свершившийся (не без элемента предварения времён близких, отдалённых и далёких).

Однако, например, «Брюссельская Библия» ошибается, уверяя, приложительно к рассматриваемой Книге, что «пророчество об излиянии Духа на весь народ Божий в мессианскую эпоху прозвучало здесь единственный раз в ветхозаветном откровении» (с.1986/87). В ракурсе провозвещения Духоизлияния, Иоиль, конечно, особостатуирован, и тем не менее, тут нельзя не вспомнить, нельзя не привести вполне созвучного ему (наиболее, о чём мы знаем, мессианистического из пророков Господних) Исаию: «...Доколе не изльется на нас Дух свыше, и пустыня не сделается садом, а сад не будут считать лесом. / Тогда суд водворится в этой пустыне, и правосудие будет пребывать на плодоносном поле» (Ис.32,15/16); «Так говорит Господь, создавший тебя и образовавший тебя, помогающий тебе от утробы матерней: не бойся, раб Мой, Иаков, и возлюбленный Израиль, к-рого Я избрал. / Ибо Я изолью воды на ждущее и потоки на иссохшее; излью дух Мой на племя твоё и благословение Моё на потомков твоих» (44,2/3).

То-то Исаия и Иоиль были (и не могли не быть!) современниками, мало того, дуалистически близкими один другому (друг другу), соответственно, Большим и Малым, пророками, по духу и во Духе. Засим, пророчество об излиянии (Святаго) Духа звучит как у Исаии, так и у (сосредоточенного на этом пророчестве) Иоиля. И оно воистину, оно поистине вполне осуществилось, когда Св. Дух сошёл на Апостолов в увенчавшую рождественскую (1/1гг.), слиятельно-пасхальную (14г.), крещенскую (30г.), юбилейную (30/31гг.), преображенскую (32г.), крестную (3.04.33г.), воскресенскую (5.04.33г.) и вознесенскую (14.05.33г.) Мистерию Голгофы Пятидесятницы! Посему неспроста Пётр приводит это реализованное пророчество в, как верно сказано, «несколько изменённом виде против подлинника» («Т.Б.», т.3, Д.Ап.2, с.16), именно в день 6 сивана. Таким образом, (мл. собрат Исаии) Иоиль – пророк Пятидесятницы.

И в то же время он (опять-таки, сродни, на сей раз, в частности, Исаии) – пророк покаяния. Не крестил ли Предтеча Христа (Водолей) Иоанн водно-очистительным крещением покаяния и прощения грехов, тогда как сильнейший него Христос – датель-податель Духа Святого – суть креститель (исходящим от Отца и ниспосланным Сыном) Духом Святым и катарсисным огнём. Всё сбылось, чему сионская Пятидесятница-Троица наглядное подтверждение, наглядная манифестация. Не указывает ли мотив вострубившей трубы на Сионе (2,15) и мотив обитания верных с Господом на Сионе (3,17; 21) на Его божественное присутствие – Шехину – среди верных.

Не случайно, повторим, Св. Дух в еврейском – женского рода (Руах Эллоим; Руах ха-Кодеш). И как тут не вспомнить снова про Вечную Женственность, про Христову жертву за *вечно женственное* в человеке и человечестве! Не обещал ли уходящий Христос ниспослать оставляемым ученикам (взамен Себя для постоянного пребывания с ними, в них, на них – духотворного) Параклета-Утешителя! Не исполнились ли Апостолы Духа Святого по явлению им разделяющихся языков как-бы огненных, почивших по одному на каждом из них! Не сопричастились ли Духу Святому все прочие мужи и жёны в день Св. Троицы, в Сенакле, на преобразившемся из ветхозаветного в новозаветный Сионе, откуда путь первообщины христиан пятидесятнично пролёг в *многоголосый* храмовый притвор *многоязычных* Язычников!

Между тем, объединяющая тема Книг Иоиля и Амоса, или Иоиля, Амоса и Малахии (в ветхозаветно-проphetических пределах VIII – V вв.) – многообразный

день Господень (И.1,15; Ам.5,18; Мал.4,5), к-рый Иоиль решительно связывает с призыванием имени Господня в качестве спасения для всех, для всякого (из всякого колена и языка, и народа и племени): «И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасётся; ибо на горе Сионе и в Иерусалиме будет спасение, как сказал Господь, и у остальных, к-рых призовет Господь» (2,32). Вот на чём делает, приводя в Посл. к Римлянам (10,13) Иоилево слово, упор Апостол язычников Павел («Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасётся») ⁷⁸, согласно к-рому, на повестке дня равенство еллинов и иудеев, или, точнее, нет больше пред Христом Спасителем еллина, иудея, римлянина, грека, раба, свободного. Евангелие благовествовалось израильтянам, но они не были послушны, они не вняли в подавляющем большинстве Слово Божию, они отвергли Логос.

И христианство не связано ни с определённым местом, ни с расовой, национальной, племенной и проч. групповой принадлежностью, обусловленное исходящей из сердца человеческого праведной верой в Господа Иисуса Христа. Поэтому в ареал христианского миссионирования вовлекаются в ветхозаветно-пророческом подтексте и яро враждебные ветхому Израилу Тир с Сидоном, и не имевшие в пору прежнего Израиля доступа в общество Господне обитатели округов Филистимских, и сыны Явана – ионийцы-эллины, к-рым финикияне некогда продавали в рабство евреев, и Египет с Едомом (к-рым Иоиль предрекает опустошение), и затридцатиземельные Савеи из полулегендарной страны царицы Савской...

Налицо фундаментальная космополитическая составляющая интернациональной новозаветности. Сыны, дочери, юноши, старцы, проникнутые-облечённые излитым на них Духом, предстают, что особо знаменательно, у (невзирая на его персональную до поры отягощённость Ветхим Заветом) Петра, в слове Петра, из слова Петра, как сменившие Ветхий Израиль христианские репрезентанты Нового духовного Израиля, где, несмотря на остаточное еврейство оногo, новозаветники скорого будущего не повязаны какими-либо этническими или конфессиональными рамками-ограничениями. Дальше – больше. К сыновьям и дочерям присоединяются предвидением Иоиля рабы и рабыни (2,29), практические примеры пророчествования к-рых в Ветхом Завете отсутствуют, в то время как Завет Новый не знает ни сословных, ни классовых различий.

И не была ли наполнена-исполнена уникальная земная трёхлетка Живого Бога чудесами на небе и знаменами на земле. Не превратилось ли в крестную пятницу 14 нисана солнце во тьму (2,31), когда сделалась тьма по всей земле в тричасие Распятия – с ок. полудня до ок. 3-х часов дня. Не взошла ли над градом Господним Иерусалимом вечером рокового (пятничного) дня 3 апреля (по наступлении ок. 6-и вечера пасхально-иудейской субботы 15-го нисана) полнолуно-затменная кровавая луна = луна, превратившаяся в кровь (2,31).⁷⁹ Не наступил ли день, не наступили ли новоосновополагающие (однако не предпоследние и не последние в глобальных истории и метаистории) дни Господни как 3/4/5 (14/15/16 нисана) апреля 33г. – Распятие, Смерть, Воскресение, так и в Вознесенские сороковины 14.05., так и, наконец, в венчающую величайшее Таинство Голгофы духоизлиятельную Пятидесятницу-Троицу – 24 мая (6 сивана) 33г. н.э.!

Не возвратился ли плен Иуды и Иерусалима как с ближним от Иоиля концом Вавилонского пленения, так и с отдалённым возникновением осенённой Духом,

⁷⁸ «Берахот» (9,13а,54): «Когда с человеком случится беда, говорит Господь, он не должен звать к Михаилу или Гавриилу, но должен воззвать непосредственно ко Мне, и Я его услышу. Именно это разумеет Иоиль 3,5».

⁷⁹ Примечательно, что Иоиль 2,31 используется в датируемом началом IV в. н.э. иудейском апокрифе «Assumptio Mosi» («Вознесение Моисея»), при описании наступления последних времён, когда Господь отмстит врагам Израиля» (10,5).

вобравшей в себя Дух Святой христианской общины Нового Израиля! Не возвратится ли плен Иуды и Иерусалима в дальнейшем, за второпришествственными и апокалиптическими горизонтами, пусть даже солнце и луна померкнут и звёзды потеряют блеск свой! Не впору ли отметить, в т.ч., мощную астральную образность Кн. Иоиля. Впрочем, дел и на земле хватает! Долина Иосафата = Кидронская на пути между Вифанией и Иерусалимом, на пути в Гефсиманию и из Гефсимании, где разворачивались непреходящие события Страстной седмицы, в иудейском предании фигурирует как долина предстоящего Страшного суда («Мидраш Мишле» 10).

«Погибла жатва в поле» (1,11) и «Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела» (3,13). Старая нежатвенно-погибельная жатва, или, правильнее сказать, её отсутствие на мёртвом поле из нежатвенных всходов в виде сорняков, и жатва новая – жизненно насыщенная – жатва, предвещающая созревание и собирание плодов. Опять ветхозаветный и новозаветный Израиль! Наряду с тем, прошли, в русле новозаветности, времена перековки орал на мечи и серпов на копья, христианская метаморфоза чего требует перековки мечей на орала, требует перековки копий на серпы.

И спрашивается, когда пускать в ход серпы в отношении созревшей жатвы, коли не во время между *ячменной* Пасхой и *пшеничной* Пятидесятницей, к-рая не есть ли праздник сбора, вернее, майско-июньский, под знаком в 33г. дуалистических Близнецов, праздник убранного хлебного урожая, над к-рым и в к-ром праздник дарования ветхому Израилю Торы, преобразующийся в праздник сошествия на Новый Израиль (как на новоосвобождённого-крещённого Прометея) индивидуализирующегося в избранниках Святого Духа. Жатвы обильны, а жнецы малочисленны, но они множатся благодаря исполнившейся Пятидесятнице, множатся в животворном духе Троицы, и всенепременно порадеют о жатве!

* * *

Приложив пророчество Иоиля к Событию Пятидесятницы, Пётр переходит к проповеди, к-рая, будучи первой послевоскресенско-христианской проповедью, одновременно является первой проповедью⁸⁰ Книги Деяний, к-рую ранние христиане с полным на то основанием называли «Евангелием Воскресения» (Апология Смерти и Воскресения!) и «Евангелием Святого Духа». Истинно так, поскольку Пятая новозаветная (своего рода Пятое Евангелие!) Книга Деяний есть не что иное как (дуалистический) Воскресенско-Духоизлиятельный Благовест! (или как (триалистическое) Воскресенско-Вознесенско-Духоизлиятельное Благовествование!

И уточним, что проповедническое местонахождение направляемого-вдохновляемого Св. Духом Петра, вероятнее всего, Соломонов притвор при дворе Язычников, где он проповедует, обращаясь неспроста к Мужам Израильским (т.е. и к способному обновиться ветхому, и к новому Израилю), с проповедью Иисуса именно Воскресшего – как «Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, к-рые Бог сотворил чрез Него среди вас, как и сами знаете...». Таким образом, как, в первую очередь, само собой, израэлитам, так и следом за

⁸⁰ В раннехристианской Церкви применялись 4 формы проповеди. 1) Κηρυγμα – *Керигма*, т.е. *сообщение вестника*, в к-ром даётся простое изложение фактов христианского вероучения, к-рое, с т.зр. проповедников того времени, не вызывало никаких споров или сомнений. 2) Διδαχη – *Дидахе*, т.е. *обучение*, в ходе к-рого также освещаются и объясняются факты, изложенные ранее. 3) Παρακλήσις – *Параклезис* = *увещивание, проповедь* – форма, направленная на то, чтобы убедить людей построить свою жизнь в соответствии с нормами, усвоенными ими на стадии *керигма* и *дидахе*. 4) Ομιλία – *Гомилия* = *наставление* – как преобразовать всю жизнь в духе христианского вероучения (см. У.Баркли «Комментарий на Д.Ап.2»).

ними прозелитам (врат и правды) в качестве потенциальных ново-израэлитов (к-рых впоследствии Павел выдвинет в авангард, что будет принято Петром) говорится о недавних событиях, силах, чудесах, знамениях, множеству слушателей и очевидцев хорошо известных. Говорится, в частности, о свершениях 52-дневной давности, когда в ночь со 2 на 3.04. преданного Иудой и преданного иудеями (на расправу) язычникам-римлянам Иисуса последние пригвоздили ко кресту.

Не так ли свершилось-осуществилось, по воле единобожных иудеев, руками беззаконных язычников, величайшее бого- и человеко-убийство, ответственность за к-рое несёт как лишившееся богоизбраннического статуса еврейство, так и, в римско-державном и в греко-римском ойкуменическом лице (зеркало и зазеркалье) богоизбранного еврейства, всё виновное и совинновое, всё спасённое и искупленное Христом, всё пославшее Его на крест и оставшееся у Него в неоплатном долгу земное человечество. Однако случилось это добровольное жертвоприношение «по определённом совету и предведению Божию», по плану Господню (ср. 3,18; 4,28; 13,29), ибо (бывший Сыном Давидовым) Сын Божий Сам отдал Свою драгоценнейшую жизнь на страдание и смерть, во спасение-искупление как каждого отдельного человека (Христос – Бог человеческого Я), так и всего человечества.

Не было ли на Совете Небесных Иерархий, в преддверии совокупной Мистерии Голгофы, решено пожертвовать экстрактом Вселенной – Духом Солнца! Не инкарнировалась ли упасённая Силами Небесными в Великой Материнской ложе человечества, принесённая с Неба из лона Отца, негрехопадшая душа Второго Адама в пречистой Марии Благодатной, чтобы, придя в мир, пройти через одухотворение индивидуальностью Заратустры, затем через Иоанново Крещение в Иордане, дабы спустя 3 года и 3 месяца беспрецедентной жизни на Земле Бога Живого Иисус из Назарета = Иисус Второй Адам (= Адам Кадмон) разродился с креста на Голгофе в ауру Земли, в ауре Земли непреходящим Христом Господним (крестное страдание Распятого в апогее Страстей Господних суть муки родин!)!⁸¹ Не Он ли, пятнично снятый с креста и положенный во гроб, избавительно сошедший в субботний день *мёртвого солнца* во ад, восстал из мёртвых на воскресно-воскресенском рассвете первого дня еврейской седмицы – в пролептическое воскресенье (7/8-й день христианской недели) 5.04.33г. н.э.!

Да, Всевышний воскресил Его, расторгнув узы смерти, к-рой невозможно было удержать Спасителя в загробье, отчасти сходно тому, – но ныне в масштабах вселенских, – как смерть не могла удержать воскрешённого (и посвящённого) Христом (в жизнь новую) Лазаря. Христа же воскресил (ведомый иудеям) Отец, Кому Сын Единосущен (что ветхозаветным ортодоксам совершенно чуждо, что им враждебно, что для них святотатственно), и стало быть, Он в сообществе с Духом Святым, триипостасно сотроичен Отцу: Троиединство! Сын прошёл через смерть, Сын вошёл в смерть, Сын снизошёл во ад, сломал-снял его печати, его цепи, и восходно-солярно воскрес (в Фантомном Теле Воскресения), обновив-прохристианив саму Смерть, сделав её семенем Вечной Жизни во Христе!

И здесь более чем уместна апелляция Петра (в Соломоновом притворе двора Язычников) к великопрофетическому псалмопевчеству жившего-творившего за тысячелетие до Таинства Голгофы царя Давида. Вспомним в данной связи слова Иисуса из Псалма 109 (4) в храме (Соломонов притвор) в Страстной вторник 31.03.33г.: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» (Мф.22,44). И вот в пятидесятничном слове Петра (из-за основополагающе провидческого Псалма 109 выступает) Псалом 15 (8-11): «видел я

⁸¹ «Таргум к Пс.17,5»: «Объяли меня муки, как жену рождающую, у к-рой нет силы родить, так что она в опасности потерять жизнь».

пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался».⁸² Если Господь одесную (справа от) Давида, значит, Давид ошую (слева от) Господа, тогда как одесную Всевышнего Мессия Христос (Т.Г. 1295-97), К-рый занимает в мессиа-нистическом Псалме 109, как Сын Божий, место Давида, по гениальному, по просердеченному провидению самого Давида!

Как же Тот, т.е. Христос Иисус, Кого Давид пророчески называет, кого он зрит Господом, сын ему? – спрашивал Иисус в Страстной вторник не нашедшихся, что ответить Ему фарисеев, к-рые ждали Мессию, Сына Давидова, Мессию из чресел, из дома-рода Давида, в то же время никак не видя, не разумея, страшась и не могучи даже заподозрить в Нём некоего Сына Божия! Ведь, сообразно ветхо-заветному еврейству, будь то фарисеи, или саддукеи, или зилоты, или большинство ессеев, у Всевышнего (зримое изображение незримой сущности К-рого под строгим запретом) не может быть никакого сына (Его сын и раб – совокупный-групповой Израиль), потому что этого-де не может быть никогда.

Не дифференцирует ли Христос наглядно, на показательном Псалме, Господа как, с одной стороны, доступного иудеям, доступного пониманию-восприятию иудеев Давида, и как недоступного иудеям, недоступного восприятию-пониманию иудеев, как гневно отвергнутого большей частью еврейства Сына Господня! Не дуализировал ли Христос в Страстной вторник, прощаясь с храмом, Сына и Отца, к чему Пётр взывает, градуируя-иерархируя Мессию и Давида в духонис-шественный день Св. Троицы!

Изумительно, что Давид говорит псалмопевчески о себе, глядя в будущее, про-ницающая грядущее, и сливаясь с Мессией, точнее, растворяясь в Нём, пусть в Сыне Давидовом по плоти, однако, главное (вернее, наиглавнейшее) – в Сыне Божием по существу и по естеству, что – вселенское избранничество на все времена – куда больше, чем кровноизбранный Сын Давидов. Причём всё это Давид в Псалмах, разумеется, не столько осмысливает, сколько слышит-провидит сердцем и сердечно облекает в осердеченный псалмопевческий Логос.

Нахождение Сына на престоле одесную Отца означает качественное превращение (перевоплощение-преображение) царственного Давидова престола в Престол Господень = вышний Престол царя по чину Мелхиседека = (перво)священника Бога Всевышнего. Не говорит ли обращающийся к Евреям Апостол язычников Павел (к-рый ошую Христа, между тем как Лазарь-Иоанн – одесную), псаломно манифестируя-маркируя-акцентируя в сменившем Ветхий Новом Завете надархангельский-надангельский, уж не говоря о Давиде-царе, исключительно-божественный ранг-статус Иисуса: «Кому когда из Ангелов сказал Бог: «седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» (Евр.1,13). И не говорит ли Павел ещё, задействуя произросший (отрасль) из *золотого* Псалма 15 *сиятельно-светозарный* Псалом 109: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (Евр.5,6). Действительно, плоть родившегося, по преданию, как раз в день 6 сивана (1041г.) Давида упокои-лась, по преданию, как раз в день 6 сивана⁸³ (971г. до н.э.), в уповании на Мессию.

Скажем снова: не умер ли Христос Самопожертвователем на кресте в пятницу – день Первого Адама, над омытой Христовой кровью из ран Распятого могилой оного! Не сошёл ли Христос-Избавитель во ад в свинцовую сатурнальную субботу! Не была ли упасена плоть Христова от тления воскресением восставшего в Фантом-

⁸² Этот величественный Пс.15, с его поразительным сокровением-откровением, носит у иудеев заголовок «Миктан» = *золотая поэзия*.

⁸³ «Хагига» (2,78а,41): «Р. Иосе б. Бун (ок.350г.): «Давид умер в день праздника Пятидесят-ницы и все израэлиты оплакали его и принесли соответствующие жертвы на следующий день» (= Беца 2,61с,9). «Мидраш Руфь» (1,17,129а): «Давид умер в Пятидесятницу, выпавшую на субботу».

ном Теле Иисуса (Распятого и погребённого) в ретроспективу и в перспективу = в Жизнь Вечную! Не воссоединила ли Пятидесятница-Троица Пространство, сделавшееся 6.01.30г. в Иоанновом Крещении Временем, и Чистое Время, сделавшееся 3–5.04.33г. в акте крестно-воскресенской Мистерии Голгофы христианизированным Пространством! Вознесенское *отшествие* Христа Иисуса (к Всевышнему) и Пятидесятничное *нисшествие* Параклета-Утешителя (от Всевышнего)!

Не случайно Пётр противопоставляет (с дерзновением) умершему, т.е. смертному и погребённому во гробе под сионским Сенаклем (!), прашуру Мессии Давиду⁸⁴ воскресшего Сына Отца, наследственность К-рого от Давида лишь часть исполнившегося в Исполнении Времён божественного (предначертания) плана. Засим в объективе Петрова слова в Соломоновом притворе не только закадровый приоритет Давида над (сыном Давидовым) Соломоном, так как если царственный Иисус Соломонид – носитель оплодотворившей-одухотворившей Иисуса Нафанида индивидуальности Заратустры, то Иисус Нафанид – носитель невинной сестринской души Второго Адама (Адам Кадмон), в Котором, несравненно превзошедшем Давида, и над Которым, т.е. над Сыном Давидовым, Сын Самого Господа Бога. Во-первых, – ни разу не воплощавшаяся индивидуальность Второго Адама (Кришна), – *сыновья* по отношению к Господу Богу, а во-вторых, точнее, во-первых, – воплотившийся на крещенском Иордане, при посредничестве Иоанна Крестителя в Иисусе из Назарета, Христе Земном от рождения, Христос Небесный (= Дух Солнца) суть Сын Божий!

Не называли ли иудеи чаемого Мессию новым Давидом, не ждали ли они Его, Сына Давидова, как обновлённого, или некоторые – как нововплощённого Давида, как реинкарнацию Давида царя! Самое время вспомнить про карму выносившей под сердцем Иисуса Нафанида Марии Галилеянки, Марии Благодатной (новая Лия), К-рая родилась (12г. до н.э.) спустя 999 (333 x 3) лет от воцарения Давида (1011г. до н.э.), и благодаря К-рой, вернее, благодаря солярно-пречистым покровам К-рой, её (старшая) сестра Мария Вифлеемлянка, Мария София (новая Рахиль), стала в день иорданского Крещения Иисуса Христа Марией Богородицей. И не простёрлись ли в день Голгофы покрыва Марии Благодатной над Марией Магдалиной, не восстала ли она в Марии Магдалине, как Иисус Соломонид в Лазаре-Иоанне, кому, грядущему автору Евангелия Евангелий и Откровения, Христос поручил-доверил с креста Деву Софию!

Псалмопевец Давид (автор возносящих хвалу – *аполлонических* = макрокосмос, и покаянных – *дионисианских* = микрокосмос – Псалмов) исповедал веру в Мессию (в К-ром макрокосмос и микрокосмос – внешнее и внутреннее – слительно сретились) за тысячу лет до Таинства Голгофы. И вот таблоидно развёрнутый Петром тысячелетний (не сказано ли во 2-м Посл. Петра: «...для Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» – 3,8) круг от Давида до Христа-Мессии своеобразно замкнулся, в то время как поступательное время во Христе, Кто принёс на Землю Чистое Время, неудержимо грядёт вперёд. Не упустите его, не окажитесь вне врат, не опоздайте, иначе вам, выкинутым во тьму внешнюю, предостоят плач и скрежет зубов! «Итак твёрдо знай, весь дом Израилев, что Бог сделал Господом и Христом Сего Иисуса, К-рого вы распяли». Усвой это, дом Израилев, покаяйся и обратись! Облечённый-проникнутый (В Сенакле на горе Сион) Св. Духом Пётр, впервые в Новом Завете произнося столь длинную проповедническую речь, открывает глаза и вкладывает очевидную истину в уши и души внимающих ему (на храмовой горе Мориа) пятидесятничных слушателей!

⁸⁴ «Абот RN» (35): «В Иерусалиме запрещено хоронить и в городе нет могил, кроме гробницы Дома Давидова и гробницы пророчицы Олданы...»

ПРИНЯВШИЕ СЛОВО ЕГО КРЕСТИЛИСЬ

«Слыша это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия?»

Пётр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, — и получите дар Святого Духа;

Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш.

И другими многими словами он свидетельствовал и увещавал, говоря: спасайтесь от рода сего развращённого.

Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трёх тысяч...» (Д.Ап.2,37-41)

Под умилившимися сердцем — предрасположенные к позитивному восприятию разбитыми от (в свете) свершившейся Драмы-Мистерии сердцами святодуховенного слова Петра. Вопреки мнению ещё античных оппонентов христианства из иудейского или языческого лагерей, равно вопреки насмешкам ново-новейшей рационал-учёности, Событие Голгофы не было малозначительным и не прошло незамеченным для разделившихся на бесспорное большинство не принявших оное, и на меньшинство принявших, или, в той либо иной мере-степени, расположенных к его приятию, израэлитов.

Вспомним, что если даже Иуда сокрушался перед самоубийством (Мф.27,4) о греховном предании им (на страдания и смерть) Крови (носитель Я) невинной (до чего осудившим Христа «отцам нации» не было дела), то немалое число свидетелей Распятия из народа возвращались (Лк.23,48) с места казни (в Св. Город на Пасху), бия себя в грудь (от увиденной-пережитой, от, пусть не постигнутой, но сокрушившей их сердца *мистериальной* Трагедии на Голгофе).

Среди иудеев-израэлитов имелись потенциально приверженные Христу души, для к-рых Голгофа стала не разочарованием и не достойным наказанием лжемессии, а толчком к уверованию в жертвенного и воскресшего Спасителя. Да и мало ли попутчиков Христа отошли от Него в 32г., чтобы сделаться христианами по свершении-исполнении Таинства 33г. и позднее!

И это именно они ныне, 6 сивана 33г., в притворе Соломоновом, при храмовом дворе Язычников, умилились сердцем и обратились к облечённым (снизошедшим на них) Св. Духом (князю Апостолов) Петру и прочим Апостолам с вопросом: «что нам делать, мужи братия?» Разве само знаменательное обращение «мужей Израильских» к Христову Апостолу «мужи братия» не заключает в себе готовность обращающихся поступить по слову Апостолов, к-рых (избранных Христом ловцов чело-веков) представляет, от имени к-рых говорит Симон Пётр = Пётр Великий (*камень*, на к-ром Христос, повелев ему — «паси агнцев Моих»), обещал воздвигнуть неподвластную вратам ада Церковь).

И Пётр призвал их к покаянию и крещению каждого во, — что следует акцентировать особо, — имя Иисуса Христа — для прощения грехов, от чего зависит получение покаянцами и крещенцами дара — доминантной пятидесятничной ипостаси Троицы — Святого Духа. Впрочем, по данному поводу, Феофилакт Болгарский («Комм. на Д.Ап.2») и «Т.Б.» (т.3, Д.Ап.2, с.21), смущённые крещением во имя (дескать, не подумайте, что только) Иисуса Христа, т.е. Второй ипостаси Троицы, считают нужным наставительно оправдываться, ибо иначе как завуалированным оправданием, под видом наставительного истолкования, нижеприводимую аргументацию Феофилакта не назовёшь:

«Слова эти («да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа») не противоречат следующим словам Евангелия: «Крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф.28,19), потому что Церковь исповедует Святую Троицу нераздельной, так, что вследствие единства трёх ипостасей по существу, крещаемый во имя Христа крещается в Троицу, так как Отец и Сын и Святой Дух нераздельны по существу. Если бы имя Отца было — не Бог, и имя Сына — не Бог, и имя Святаго Духа — не Бог, то следовало бы сказать «во имя Бога Иисуса Христа», зная, что имя Иисуса есть Бог, равно, как и имя Отца, и имя Святаго Духа». Короче, Феофилакт менторски исходит из того, как бы кто чего еретического не подумал, и предупреждает всякие возможные, так сказать, богопротивные домыслы или излишние вопросы заведомо-догматической установкой.

Однако, речь не идёт о не(три)единстве Св. Троицы, причём Петров упор именно на крещении во имя Иисуса Христа (без какого-либо сомнения в теологическом единстве Троицы) делается более чем своеместно. Не есть ли именно Иисус Христос, Сын Божий и Сын Человеческий, — Бог высшего человеческого **Я**, в ключе чего встреча со Христом (в т.ч., крещенская) есть встреча человека со своим высшим **Я**! А Пятидесятница есть, о чём мы знаем, праздник свободных индивидуальностей во Христе (праздник грядущего). Вот почему Пётр говорит о крещении именно во имя Иисуса Христа. Мало того, не говорит ли Ап. Павел в Посл. к Римлянам о необходимом христианину, о непреложном для христианина крещении во смерть Иисуса Христа: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?» (6,3). Спрашивается, где и в чём тут противоречие крещенскому (три)единству Св. Троицы? Сам порождённый конъюнктурными страхами подобный вопрос, в сущности, излишен.⁸⁵

Не был ли Иоиль (имя к-рого, повторим, сродни имени Илии, означает: *Господь есть Бог*) пророком, в частности, покаяния. Не призывал ли Иоанн Креститель иудеев креститься крещением покаяния и прощения грехов. Правда, одно дело — данный призыв до свершения Таинства Голгофы, и другое — после, когда вина за Распятие легла как на иудеев, так и — совиновность — на всё (олицетворяемое богоизбранными иудеями, к-рые потеряли, в результате Таинства Голгофы, свой богоизбраннический статус) человечество. Крещение покаяния и прощения грехов, во-первых, в преддверии Мистерии Голгофы и, во-вторых, по Исполнении Вреён! Ни покаяние, ни прощение греха не устраняют последствий содеянного, но оправдывают нас перед Богом, и таким образом, состоявшееся покаяние, тем паче, принятое покаянное крещение, кардинально изменяют наше обновлённое настоящее и спасённое будущее. Одоление же трудностей возможно лишь с помощью получения дара Св. Духа, без к-рого человек бессилён.

Для крещения во имя Христа Иисуса необходимо, покаявшись, уверовать в Распятого и Воскресшего, необходимо открыться воздействию поражающего и умиляющего сердце креста⁸⁶, необходимо сораспяться Христу, к чему призывает и обязывает христиан Павел (Гал.2,20), и без чего нет (со)воскресения во Христе, без чего нет собственно христианства. Крест — почитаемое христианами орудие страдания Спасителя, не случайно категорически отвергаемый носителями ветхозаветной

⁸⁵ Практику крещения в ранней Церкви «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф.28,19) подтверждают «Дидахе» (ок.150г.), Иустин Мученик («Апология» 1,61), косвенно — Ириней (1,9,4; 1,10,1), плюс, сколь ни удивительно для некоторых, даже иудео-христиане псевдоклементинского направления.

⁸⁶ В «Комм. на Д.Ап.2» У.Баркли приводит замечательный случай. Когда один североамериканский миссионер, проповедуя слово Божие индейцам, рассказывал им об Иисусе и показывал диапозитивы с изображением Распятого на побелённой стене, некий индеец в сердцах воскликнул: «Сойди с креста, Сын Божий, я, а не Ты должен быть распят!»

ментальности — иудеями и мусульманами: первыми — как символ позора и унижения (повешенного на древе) самозванца (Иешу/Иисуса, к-рого они часто смежают с побитым камнями и повешенным на древе в 70г. до н.э. Иешуа, сыном Пандиры); вторыми — как заблуждение христиан, поскольку, мол, на самом деле то был никакой не Сын Божий, но чудесно спасённый Аллахом от распятия и чудесно вознесённый живые на небо предшественник *печати пророков* Мухаммеда — праведный (предпоследний) пророк Иса.

Притом обетование, по слову Петра, принадлежит вам, мужи-израэлиты, и детям вашим, и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог ваш. Следовательно, в объективе как израэлиты с их детьми, от к-рых, покаявшихся и крестившихся, изойдет в мир христианство, так и все дальние, иначе говоря, язычники, о чём Пётр, по понятной причине, высказывается прикровенно, и тем не менее, вполне определённо, вполне ясно. Не говорил ли Сам Иисус в конце 32г.: «Есть у меня и другие овцы, к-рые не сего двора, и тех надлежит мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Ио.10,16). Не сказал ли Он в Великий четверг 2.04.33г., перед Тайной Вечерей: «И когда Я вознесён буду от земли, всех привлеку к себе» (Ио.12,32). Не о привлечении ли *всех* оповестила человечество первая христианская Пятидесятница!⁸⁷

И эта прикровенность у Петра в отношении дальних язычников, делается вылившимся в постановление откровением, по инициативе Апостола язычников Павла, на фактически утвердившем павлианскую ойкуменизацию христианства Апостольском соборе 51г., т.е. спустя 18 лет, тогда как за 18 лет до 33г., в 15г. н.э., вдовая Мария Вифлемлянка вошла с шестью детьми в дом вдовца Иосифа Нафанида, став приёмной матерью *Сына Вдовы* — Иисуса из Назарета.

Между тем, Пётр в день Пятидесятницы как исполнившейся Троицы (метаморфозы!) свидетельствовал и увещевал многими словами имеющих уши слышать — «спасаться от рода сего развращённого», т.е. от упорствующих ветхозаветников, от, перво-наперво, ответственных за Распятие Христа начальствующих и священствующих в народе, кому неведомы-недоступны ни покаяние, ни крещение, ни обращение.

* * *

Конечно, 3 тыс. человек из внявших (от неведомо какого общего количества внимавших) Петру людей не могли креститься водным крещением в Иерусалиме в день 24.05. Да и Пётр не мог превратиться в храм в Иоанна на Иордане, учитывая, к тому же, то обстоятельство, что и Иоанн не крестил по 3 тыс. человек в день. Т.е. Дееписатель разумеет никак не буквальный ритуал крещения 3-х тыс. водой, в водном источнике, в праздничный день 6 сивана, но внятие крестившихся после этого людей слову из Духа Святого в качестве крещения во Духе, в качестве поворота лицом и душой к крещению 3-х тыс. принявших = вобравших сердцами своими Петрово слово персон. Причём речь ведётся о мужах (-израэлитах), как и в случаях Насыщения 5-и и 4-х тыс., соответственно, на Пасху и на Пятидесятницу предыдущего 32г. н.э., и ещё потому, что ниже, в Д.Ап.8,12, чётко говорится о крещении мужчин и женщин.

⁸⁷ В «Комм. на Д.Ап.2» У.Макдональд различает, со ссылкой на Кн. Деяний, 4 разновидности раннехристианского крещения: иудеев, самарян, язычников и последователей Иоанна Крестителя. 1) Иудеи: покаяние; водное крещение; принятие Св.Духа. 2) Самаряне: уверование; крещение; молитва Апостолов о них; возложение на них рук; нисшествие на них Св.Духа (8,14-17). Язычники: уверование; нисшествие Св.Духа; водное крещение (10,44-48). Община последователей Иоанна Предтечи: уверование; вторичное крещение; возложение Ап. Павлом на них рук; нисшествие на них Св.Духа (19,1-7) (см. ниже).

Таким образом, тех, кто, будучи к тому предрасположены, охотно приняли проникнутую Св. Духом пятидесятничную проповедь Петра, уверовали и развернулись сердцами к крещению во имя Иисуса Христа, насчитывалось ок. 3-х тыс. — открывшихся в первую христианскую Троицу навстречу Воскресшему, Вознесшему и ниспославшему Св. Духа (Параклет-Утешитель) Мессии Христу человеческих душ. Вот как происходило становление первохристианской общины, (из Импульса Духова дня) умножившейся с более 500 (не более 600) чел. (Большие Апостолы и ближний круг 120-и + 500 упоминаемых Павлом братий, в число к-рых входили или, м.б., всё-таки, не входили 70 Малых Апостолов) до более 3,5 тыс. христиан.

Снова обратим внимание на 5 тыс. (ново)насыщенных пасхально и на 4 тыс. (ново)насыщенных пятидесятнично, в основном галилеян, у Галилейского моря-озера, в Преображенский год Господа, в то время как ныне на повестке дня большого паломнического праздника, в храмовом Иерусалиме, мужи-израэлиты отовсюду, притом, в первую очередь, разумеется, иудеи-иерусалимляне.

И тут самое время вспомнить слова Штайнера, связывающего 5 мириад пасхально насыщенных израэлитов с современной нам V-й культурной эпохой (Германо-Англосаксонская, под знаком Рыб, — 1413 — 3573гг.), и 4 мириады пятидесятнично насыщенных израэлитских мужей с современной Таинству Голгофы IV-й (срединой в составе Семи Пост-Атлантических эпох) культурной эпохой (Греко-Романская, под израэлитским знаком жертвенного Овна-Агнца, — 748/47гг. до н.э. — 1413г. н.э.): «Согласно древнему способу определять вещи, словом «тысяча определялось большое скопление людей, а когда хотели уточнить их количество, к этой тысяче добавлялась цифра, избираемая в соответствии с основной характеристикой. Так, люди IV-й культурной эпохи, например, обозначались как «четвёртая тысяча», а те, кто жил уже в условиях V-й культурной эпохи, именовались «пятой тысячей»... («Ев. от Мф.», л.10, с.168/69) (Т.Г. 704).

Зададимся вопросами, на к-рые (уж очень) напрашиваются положительные ответы: не связаны ли 3 тыс. крещенски присоединившихся душами к христианам в Троицу 33г. н.э. человек с предтечной Агничной эпохе Мистерии Голгофы III-й Египетско-Вавилонской культурной эпохой под знаком Тельца (2908/07 — 748/47гг. до н.э.)? Т.е. не о карме ли, в частности, людей (из) III-й эпохи, новопришедших в IV-ю эпоху, надлежит вести речь? Не были ли эти *присоединившиеся* в первую христианскую Пятидесятницу 3 (Бог Троицу любит) мириады предуготовлены к данному *присоединению*-крещению во имя Иисуса Христа жизнями, прожитыми ими в предыдущую эпоху, в эпоху Авраама, Исаака Иакова, в эпоху Исшествия израэлитов из Египта, в эпоху Самуила, Давида, Соломона и т.д., до её истечения в середине весьма драматичного VIIв. до н.э., в период израильско-иудейского Двухарствия, незадолго до конца Северного царства и судьбоносно-катарсисной реформации Езекии Добродетельного в царстве Южном!

Далее, не родился ли возглавивший в возрасте 80-и лет Исход из Египта — 1447г. до н.э. — Моисей в 1527г. до н.э.! Не отстоит ли дата конца Египетско-Халдейской и начала Греко-Римской эпохи — 748/47гг. — на 780 (390 x 2) лет от времени рождения первопророка Моисея и на 780 (удвоенное число Кн.Иез. 4,5) лет от времени Пятидесятницы 33г. н.э., с выдающейся ролью в ней нового (ново-воплощённого) Моисея — поставленного Иисусом во главе агнцев Христовых князя Апостолов — Симона Петра — центральной человеческой фигуры дня духонисшестввенной Троицы!

Кроме того, не отделяют ли время Исхода — 1447г. до н.э. — именно 1460 лет (Великий период Сотис-Сириус) от времени *слиятельной* Пасхи 14г. н.э., равно 1460 лет отделяют год Исхода от времени старта III-й культурной эпохи Души

ощущающей в 2907г. до н.э., чем, к слову, дополнительно подтверждается правильность полученной нами, посредством раскодирования субботне-юбилейной (мета)хронологии древнего еврейства (Р.л. 344-70), даты Исшествия из Египта. Причём, как даты инаугурированного центральной человеческой фигурой Исхода Моисеем пульса и ритма исторического времени, без отказа от времени метаисторического, без отказа от метахронологии, как даты перехода (преобразования) еврейской метаистории в историю.⁸⁸

При всём том, не извольте беспокоиться, скоро, а именно июльско-преображенским летом 33г., уверуют во Христа ещё 5 тыс. (не случайно перекликающихся с числом духовно насыщенных на Пасху 32г.) неопитов, иначе говоря, личности IV-й (задействованной также при духовном насыщении 4-х тыс. на Пятидесятницу 32г.) эпохи Души рассудочной, у индивидуальностей к-рых впереди нововоплощение в нашу V-ю эпоху Души сознательной. И не произойдёт ли это уверование 5-и тыс. ок. времени первого повоскресенского праздника Преображения, ок. времени годовщины преобразенской даты 32г. (13.07.), т.е. в первой половине второй декады июля 33г., по прошествии 49/50-и дней от святодуховенной Троицы, отстоящей, в свою очередь, на 49/50 дней от воскресенской Пасхи Христовой! Впрочем, разобравшись с пятидесятничными тремя мирадами неопитов, мы с пятью следующими мирадами неопитов – эвентуально преобразенских – пока повременим.

Вместе с тем, если принять во внимание, что орденское количество (наиболее популярных в народе) фарисеев на IV н.э. составляло, согласно Флавию, 6 тыс., а орденское число ессеев, не превышало, согласно Филону, 4-х тыс., то можно, сопоставив, сделать вывод о том, какой успех (вследствие работы, проделанной отнюдь, как видим, не бесследным Иисусом со Апостолами в 30/31/32/ 33гг.) имела проповедь раннего, уже на первом послевоскресенском этапе, христианства. Ведь на лето 33г. н.э., с крещением 3-х (+ Д.Ап.2,47) и уверованием вскоре затем 5-и тыс., общее количество объединённых, правда, не в орденскую общину, христиан составило свыше 8,5 или ок. 9 (не перекликающихся ли с 5 и 4 мирадами пасхально и пятидесятнично насыщенных в 32г.) тыс. человек (действовавших в IV-ю культуру душ/индивидуальностей взаимозеркальных III-й и V-й Пост-Атлантических культур нашей Пассионарно-Ойкуменической стадии вселенской эволюции)...

Итак, возвращаемся в день 24 мая = 6 сивана 33г. Словом о keresztенски обращённых к христианству в Троицу ок. 3-х тыс. мужей благовествование Дееписателем события и событий первой христианской Пятидесятницы завершается, чем собственно завершается и целокупная Мистерия Голгофы, вернее, её новозаветное благовествование в (мета)историческом формате. Т.е. от времени дуалистического Благовещения-Рождества Христова на рубеже эр до – через 14, 30, и 30 – 33гг. – победоносных над смертью Воскресения, Вознесения и Пятидесятницы-Троицы в апреле/мае 33г. н.э.

Повторим, майские События (Большого) Вознесения и Троицы, само собой, (со)принадлежат совокупно-целокупному Событию Таинства Голгофы (главное и важнейшее Событие истории-метаистории человечества), венчая оное, но мы намеренно не рассказали о них в «Таинстве Голгофы», дабы завершить это «Таинство» в унисон Четверо-Евангелию и начать новую книгу, в унисон *Евангелию Воскресения*, именно с этих столь значительных повоскресенско-мистерияльных Событий.

⁸⁸ P.S. Мистерия Голгофы апреля/мая 33г. н.э. свершилась на 780-м году от эпохи эры начавшего весной (как раз) 747г. до н.э. новый отсчёт времени (или отсчёт нового времени) Набонассара Вавилонского (Д.И.362/63); на 630-м году от низложения и пленения пришедшим в Иерусалим Навуходоносором весной 597г. до н.э. Иехонии (Д.И.471-78); через 600 лет, или на 600-м году от вторжения Навуходоносора в 568/67гг. (Д.И.492) в Египет.

ОБЩЕНИЕ ВЕРУЮЩИХ И ВЗАИМНОЕ СЛУЖЕНИЕ

А следующие за благовествованием об импульсированном Пятидесятницей крещении и присоединении к христианам ок. 3-х мириад душ стихи 42-47 гл.2 Д.Ап., к-рые экзегеты именуют также «Первым суммарием» 5-й новозаветной Книги, уже выходят за хрономарки майской Троицы, переходя и событийно перемещая нас, вместе с первыми (иудео)христианами, из весны в лето этого единственного и неповторимого в (мета)истории Вселенной и вселенского человечества – составляющего её абсолютную середину – 33-го г. н.э.

«И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах.

Был же страх на всякой душе; и много чудес и знамений совершилось чрез Апостолов в Иерусалиме.

Все же верующие были вместе и имели всё общее:

И продавали имущества и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого;

И каждый день единомысленно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца,

Хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви». (Д.Ап.2,42-47)

Данные стихи благовествуют попятидесятничную жизнь быстро умножающейся христианской общины, наряду с тем, закадрово хрономаркируя время до (по нашему мнению) очередного 50-го после Троицы 24.05. (7-е пролептическое воскресенье от воскресно-воскресенской Пасхи 5.04.) дня 12.07., к-рый (14-е воскресенье от Пасхи 5.04.), в свою очередь, как день событий гл.3 Д.Ап., предшествует понедельнику 13.07., на к-рый в 33г. пришлась (юлианская) годовщина Преображения Господня в воскресенье 13.07. (= 17 таммуза) 32г. н.э. (Т.Г. 779-802) (см. ниже).

С другой же стороны, в стихах 32-35-37 гл.4 Д.Ап., после второй (на сей раз, преображенско-) воскресной проповеди Петра 12.07. в гл.3 и затем предания взятых под стражу Апостолов Петра и Иоанна 13.07. пред начальствующими синедристами в гл.4, Дееписатель, маркируя (опять-таки, за кадром) постпреображенское время лета/осени 33г., даёт, в продолжение первого, второе, в несколько изменившихся условиях последующих месяцев, описание жизни первохристианской общины.

Притом оно однозначно касается времени после её первого конфликта с иудейским верховенством, к-рый не мог не случиться в принципе, и к тому же, не мог не случиться достаточно скоро, максимум через полсотни дней после Троицы, что убедительно противоречит предположению ряда экзегетов о долгих, чуть ли не в годы (!) длиной, сроках, охватываемых, дескать, заключительными стихами 2-й гл. Д.Ап. Никак нет, ибо (внимание!) не выходящие за пределы Иерусалима со окрестности первые 7 глав Деяний, до каменования, на 9-м от Распятия Христа месяце, Первомученика Стефана включительно, повествуют о повоскресенских, в общей сложности, без малого, девятимесячных (и не долее того) событиях – от апреля и мая до конца декабря 33г. н.э. (см. ниже).

Однако, побеседуем по факту-существу собственно благовествовательного содержания вышепротитированной концовки 2-й гл. Д.Ап. Стих 42, своеобразно интегрируя 3 тыс. (41) пятидесятнично обращённых богодухновенным словом Петра душами к христианству сообщинников (к-рые приняли, импульсированные Троицей, водное крещение по её прошествии), обобщительно говорит далее о неутомимости неопитов, во-первых, в учении от Апостолов, во-вторых, в сообщинно-междусобойном общении и преломлении хлеба, и в-третьих, в молитвах. Новоприсоединившиеся

истово учились, внимая Апостолам, и являясь братством, к-рому было присуще глубокое восторженное чувство духовного единства.

Притом к взаимообщению Лк. выразительно присовокупляет преломление хлеба, что, согласно одним истолкователям, означает евхаристию, т.е. причастие на Вечери Господней, в то время как согласно другим, – обычную совместную трапезу. Или иные полагают, что точное значение в каждом конкретном случае определяется контекстом. Так ли? не свидетельствует ли (сакральный) термин «преломление» не столько об обычной трапезе, сколько о евхаристическом причастии? Не ясно ли явствует из Д.Ап.20,7 причастительное преломление первыми христианами хлеба в 1-й день иудейской седмицы = в христианское воскресенье – в память о Воскресении Христовом! См. 1Кор.10,16-21; 11,17-34.⁸⁹

Засим, если уж мы берём на вооружение воскресно-семеричный ритм – 7 седмиц – от Пасхи до Пятидесятницы, равно 7 седмиц от Троицы до Преображения, то можно прийти к выводу о воскресных преломлениях хлеба, согласно Д.Ап.2,42, окаймляемых общением и молитвами на Вечерях Господних, чем, конечно, не отрицаются обычные совместные трапезы других дней недели. Вечери же Господни, за к-рыми у первохристиан следовали Вечери любви (агапы), проводились именно по воскресеньям – в день Михаила-Солнце (Посл. Иуды 12).⁹⁰

И не надо вслед за Цанном толковать о невозможности столь раннего перехода-переориентации иудейских первохристиан с традиционной субботы на приоритетное воскресенье, что, в смысле отхода от мёртвой буквы как закона, так и традиции, было вполне возможно без игноранса по адресу (в частности, христиански преображённой) субботы. Вспомним, к примеру, об Исцелении Иисусом расслабленного в субботу Судного дня 31г. н.э. (Т.Г. 585-604), или о Тайной Вечери Иисуса со Апостолами за сутки до вечера пасхально-иудейской (Т.Г. 1417-26), или о евхаристическо-причастительной трапезе Иисуса со ученики без пасхального агнца, что Цанн и проч. экзегеты напрасно не допускают (не осмеливаются допустить!), переверывая-искажая таким образом как саму знаменитую последнюю Пасху Христа, так и её хронологию.

Да и не показателен ли по сему вопросу общеизвестный пример ессеев, к-рые, не практикуя кровавые жертвоприношения и не участвуя в них, тем не менее, не порывали с храмом, посылая туда жертвенные дары и т.д., т.е. продолжая оставаться в частичной связке со святилищем, и не пренебрегая целым рядом, напротив, устроённых традиционалистских установок. Сходно и первоапостольские христиане, прокладывая христианству путь к сердцам иудеев, создавая-формируя первую христианскую общину именно из иудеев, не попирали ни храмовую молитву, ни раввинскую традицию, что, вместе с тем, не препятствовало им (минимум, в разной степени, до поры терпимым со стороны групп иудеев) не совершать, подобно ессеям, кровавые жертвоприношения и не участвовать в них, одновременно пользуясь высокой востребованностью в изголодавшемся по обновлённой духовности народе (в законе), без вызывающего отрыва от него.

⁸⁹ См. о регулярно-воскресном раннехристианско-евхаристическом преломлении хлеба: «Дидахе» (14), «Письма (консульско-кесарского легата – consulari potestate – провинции Вифиния и Понт в ок. 111–13гг.) Плиния Младшего Траяну» (Epist.10,96,7); Иустин «Апология» (1,67).

⁹⁰ Со второй половины IV в. н.э. различные группы отпавших от Церкви или неправомерно полагавших себя (в т.ч.) христианами лжехристианских сектантов стали превращать эти Вечери в антихристианские сборища или (отдельные группы) в разнузданные вакханалии, чем дали повод язычникам поклёпно инкриминировать всем христианам черномагические практики и распутство под маской благочестия. Хотя истинно христианские Агапы ничего общего ни с какими-либо дегрантными магическими культами-ритуалами, ни с сексуальными оргиями не имели.

Вообще сам по себе неизбежный развод-разрыв вышедшего из иудаизма христианства с иудаизмом свершался, невзирая на начало конфликта первохристиан с иудейскими верхами уже летом 33г. (см. ниже), медленно, то обостряясь, то утихая, и свершившись радикально по истечении 33-х с 33г. лет, а именно в ббг. н.э., когда иерусалимско-христианская община, отказавшись соучаствовать в восстании против Рима, ушла из Иерусалима за Иордан и в Пеллу. Но и это ещё не означало полный разрыв, вступивший в действие во Пв. н.э., с поражением восстания (132 – 35гг.) Бар Кохбы, к-рый яростно преследовал, естественно, отказавшихся признать в нём Мессию христиан, и с началом, параллельно началу постгосударственного этапа раввинистическо-талмудического иудаизма, эпохи мирового еврейского Рассеяния.

С тех самых пор (заложенный в Палестине и Вавилонии – I/II – V/VI вв.) талмудический иудаизм (Иерушалми и Бавли) сделался для замкнувшегося на себе и в себе самогеттоизированного еврейства гарантом национально-религиозного выживания, чему вселенский космополитизм христианства (угрожая безгосударственно-безземельному еврейству неминуемой ассимиляцией) непримиримо запротиворечил.

Далее, приложительно ко времени после Пятидесятницы 33г., без возносимой к Богу истовой молитвы сердца, каковая может быть и индивидуальной, и общинной, сообщинники-христиане не могли одолеть мир и знали об этом, обращаясь перед выходом в мир к Господу, Кто не случайно сказал, восходя на Голгофу, ученикам, что Он пришёл не судить мир, но спасти его (Ио.12,47). И ещё: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ио.16,33). Они пребывали в совместной молитве, так же, как в учении, общении и преломлении хлеба – вот 4 основных элемента-компонента жизни ведомой Апостолами начальной Церкви.

А «страх на всякой душе» (43) означает совсем не страх в нашем современно-повседневном профанированном понимании, но таинственно-благоговейный трепет, ибо речь идёт о первохристианах, полных-исполнившихся благоговения пред Таинством Голгофы, что является синонимом страха в качестве сердечного трепета, без чего невозможны ни истинное уверование и вера, ни становление религии. Потому-то благоговение и овладело-завладело проведёнными через *фотисимус* (просветление) и *катарисис* (очищение) благочестивыми душами первохристиан под воздействием *покорившей* их замершие сердца божественной силы (исходящего от Отца и ниспосланного во утешение Сыном) Святого Духа (проникнутого-оснащённого обаянием и красотой Вечной Женственности).

Помимо того, или прежде всего, чрез проповедовавших истину из Св. Духа, во Святом Духе, Апостолов вершились чудеса и знамения, на к-рые сердца благочестивых иудеев не могли не откликнуться, тем паче, что ни саддукейское священство и синедриональная ортодоксия, ни орденско-партийные фрисейство и ессейство не были в состоянии утолить духовные жажду и голод в народе. Чем, спрашивается, иначе объяснить настолько быстрый рост (за считанные месяцы превысившей общее кол-во фарисеев и есеев вместе взятых) христианской общины, если не стремлением мессианистического еврейства к насущному Обновлению, к-рое простые сердца чувствовали в предводительствуемом Апостолами иудео-христианстве, и оттого массово потянулись к нему, очень скоро обеспокоив, поначалу основательно успокоенных крестной смертью Иисуса начальников народа.

Ведь последним казалось, что вопрос бесповоротно решён Голгофой, и что исчезновение приверженцев публично изобличённого собственной позорной гибелью на кресте самозванца (от к-рого и от adeptов к-рого они ожидали большего, и труп к-рого похитили его приверженцы) есть, всего-навсего, не стоящее выеденного яйца дело очень краткосрочного времени. Ан нет! Не тут-то было!

Всякую собственность верующие первообщинники считали общей, о чём Дееписатель вскользь говорит в Д.Ап.2,44, углублённо разясняя в 4,32. При этом члены

общины были равны, налаживая жизнь сообща не по принуждению, исполненные чувства ответственности друг за друга по любви друг к другу.⁹¹ Они руководствовались принципом невозможности для истинного христианина излишествовать, когда у сообщинников во Христе было всего слишком мало (в те поры, когда ещё ни Церковь, ни церковники не успели разбогатеть-разжиреть-зажировать от неимущего Христа!). И речь тут, заметим, ни в коем случае, не идёт о каком-либо абстрактно-коммунистическом общежитии, о каких-либо экспроприациях, конфискациях и т.д. Всё делалось на сугубо добровольной основе, без подлого советского, отнюдь не добровольного, цинично демагогического понимания добровольности как (якобы) осознанной (якобы) необходимости (тавтология *par excellensa*)!

Короче, именно в 33г. н.э. стартовал, можно сказать, недолгий *Золотой век* апостольского христианства, к-рый впоследствии никогда больше не повторился, не возвратился. Ложь, что незаменимых людей не бывает! Христовы Апостолы были именно незаменимыми людьми, так же, как Апостольская Церковь была особым-одноразовым-неповторимым вовсе не столько институтом, сколько чудесным-чудодейственным явлением-феноменом! И их, т.е. Больших и Малых Апостолов Христа, посвящённых-оснащённых-снаряжённых в человечество Самим Христом, никоим образом нельзя сравнивать ни с пришедшими им на смену, начиная со Пв. н.э., апологетами, отцами и авторитетами Церкви, ни, тем более, с церковью времён, начиная с IV/Vвв., огосударственного-пригосударственного христианства. В Апостольской церкви, среди исполненных великого обаяния и великой силы первых последователей Христа Спасителя, что и привлекало к ним неопитов, царилась радость без смертного греха уныния!

Вот откуда, вот под каким углом зрения надо смотреть на каждодневно-единодушное, на обусловленное вышепозиционированным вполне оправданным неразрывом с храмом как с первоместом (проповеди, чудес, знамений и, главное) присоединения к Церкви новоуверовавших, пребывание Апостолов в храме. Вот почему евхаристическое преломление хлеба в Сенакле и по домам, или обычные совместные трапезы, происходили в веселии и простоте сердца.⁹² Настоящие мудрость и простосердечие всегда сопутствуют друг другу, взаимодополняя одно другое. То-то Иисусу Соломону поднесли дары мудролюбые цари-волхвы, а Иисусу Нафаниду поклонились простосердечные пастухи, причём оба потока соединились, когда, — дабы исцеление пришло в мир, — Двое стали на слиятельную Пасху 14г. н.э. Одно, стали Единством во Боге.

И на исходе 2-й гл. Д.Ап., если стих 46 усиливает-усугубляет стих 42, то в стихе 47, отблаговествовав хвалу христиан Богу и любовь к неопитам простосердечного народа, Лк. выразительно констатирует-благовествует ежедневное приложение Господом спасаемых к Церкви. Т.е. Деесписателю очень важно подчеркнуть не ограничивающийся крещением 3-х тыс. *пятидесятников* и дальнейшим (*преображенским*) уверованием 5-и тысяч, постоянный-перманентный рост первохристианской общины.

⁹¹ Не налицо ли преобразенская переключка с известным положением иудеев, считавших Град Божий Иерусалим общенациональным достоянием и общенациональной собственностью всего мирового еврейства (Йома 12а). Метаморфоза!

⁹² «Берахот» (46а): «Р. Иоаханан (+ 279г.) именем (учредителя Каббалы) р. Симона б Иохаи (ок.150г.): «Хозяин дома преломляет хлеб (открывает трапезу) произнесением хвалы и раздачей хлеба, а гость произносит (в конце трапезы) трапезную молитву. Хозяин дома преломляет хлеб, взирая благожелательным оком и большими долями, а гость произносит трапезную молитву, чтобы благословить хозяина дома».

«Шаббат» (117а): «Р. Абба (ок.290г.): «В субботу следует преломлять два хлеба. Не сказано ли: «В шестый же день собрали хлеба вдвое, по два гомора на каждого; и пришли все начальники общества, и донесли Моисею» (Исх.16,22).

ИАКОВ, БРАТ ГОСПОДЕНЬ, – ПРЕДСТОЯТЕЛЬ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ

(с мая/июня 33г.)

Теперь, перед тем как приступить к разбору-раскладу гл.3 Д.Ап., мы возьмём небольшую (хроно)паузу, чтобы ближе познакомить читателя с первым предстоятелем-епископом Иерусалимской церкви Иаковом, братом Господним, кто был поставлен предстоятелем-епископом, по всей видимости, после первой христианской Троицы, в русле присоединения 3-х тыс., где-то ок. (или до) 1.06.33г. н.э. (вторая годовщина избрания Иисусом в мае/июне 31г. 12-и Апостолов), пусть даже многие, на основании первоупоминания автором Д.Ап. верующих братьев Господних в Сенакле между Вознесением и Пятидесятницей, относят Иаковлево избрание именно на это *десятидневное* время.⁹³

В трёх книгах нашей трилогии мы уже не раз затрагивали тему трёх Иаковов – Старшего (Зеведеев), Алфеева и брата Господня (ср. – три Иоанна – Креститель, Зеведеев и Богослов), хроноанонсировав и, во многом, рассмотрев-расшифровав-идентифицировав как личности и индивидуальности, так и судьбы каждого из них (Р.л. 1319/20-42-45; Д.И. 189-97; Т.Г. 322-25; 446-48...). Причём в меньшей сравнительно мере речь шла об Иакове, брате Господнем, кому, нередко упоминавшемуся в различных контекстах, до сих пор (в отличие от Иаковов – Зеведеева и Алфеева) нами не была посвящена отдельная глава. Оно и понятно, ибо его, не входившего в коллегия-круг 12-и, более того, стоявшего (вместе с братом Иосией/Иосифом) в оппозиции к Иисусу ещё перед октябрьским праздником Кушей 32г. (Ио.7,5) (Т.Г. 843-46) и, надо понимать, до времени Голгофы (Д.Ап.), христианская деятельность начинается только после Мистерии Голгофы.

Здесь напомним, что этот Иаков, почтительно названный-отитулованный впоследствии христианами «братом Господним», приходился родным младшим братом родившемуся 6.01.1г. до н.э. Иисусу Соломону, родившимся как второй из пяти сыновей Иосифа (Соломонида) и Марии (Старшей) Вифлеемлян, по возвращении Св. Семейства весной 2г. н.э., спустя год после смерти Ирода (+ 1г. н.э.), из Египта, куда они бежали от устроенного Иродом в январе 1г. н.э. избиения младенцев. Вернувшись же в Эрец-Исраэль, Иосиф убоился идти в Вифлем под власть лютоватого Иродова сына этнарха Архелая, и пошёл в Назарет Галилейский, под властью не столь лютого Антипы, где, в свою очередь, постоянно проживали Иосиф Нафанид и родная мл. сестра Марии Вифлеемлянки – Мария Галилеянка – родители единственного ребёнка – Иисуса Нафанида, кто родился 25.12.1г. н.э., будучи, соответственно, двоюродным (материнская линия) братом Иисуса Соломонида.

Дата рождения, вполне возможно, семимесячного (изверг = изверженный из чрева матери до срока), сродни 11-и еврейским патриархам или Савлу/Павлу (Р.л. 294-96), Иакова, вероятно, конец 2-го или начало 3гг. н.э. Притом досрочное рождение человека в эзотерической древности считалось признаком-свидетельством особой связи недоношенного-недоокостенелого человеческого существа с духовным миром, особого доступа недоносков (слово, к-рым древние не дразнились) в духовный мир. Так, например, Павел приводит во взаимосвязь своё преждевременное появление на свет с (эфирным) явлением ему, извергу, Господа (1Кор.15,8) на пути в Дамаск весной 34г. н.э., к-рое не имело бы места в осуществившемся формате, не родись

⁹³ Климент Александрийский: «Пётр, Иаков и Иоанн, хотя и были особо Спасителем почтены, однако, после Вознесения Спасителя не оспаривали друг у друга эту честь, но избрали епископом Иерусалима Иакова Праведного. Иоанну и Петру Господь перед Воскресением передал знание, они же передали его остальным Апостолам, остальные же Апостолы – 70-и, одним из к-рых был Варнава» («Очерки» 2,1,3/4).

он, Савл, (аномально) семимесячным, т.е. не сохрани он благодаря своему природному семимесячию бóльшую (данную свыше) способность к созерцанию-восприятию (в эфире) вышних сил, нежели (нормально) доношенные девятимесячники.

Присовокупим сюда также информацию к размышлению по поводу кармы Иакова, не восходящей ли к таинственному брату Соломона Нафану («друг царя») – к мужу *жребия Мелхиседекова* и к пращуру Иисуса Нафанида (будущего, в ранге принявшего Крещение на Иордане Иисуса Христа, первосвященника по непреходящему мессианско-царскому чину Мелхиседека), чей земной родитель – назаретский Иосиф Плотник (Тектон) – тоже был для узкого круга непрофанов *мужем жребия Мелхиседекова* из латентной неаронидско-священской линии Давидов = из дома-рода, из к-рого, по слову Ап. Павла (Евр.7,13), никто не приступал к храмовому жертвеннику.

Далее (продолжаем освежать пройденный материал), в результате слиятельной Пасхи 14г. н.э., когда Иисус Соломонид пожертвовал свою индивидуальность (**Я** Заратустры) Иисусу Нафаниду и вскоре подпал смертному успению, равно после успения в сентябре 14г. Марии Младшей (Благодатная), в следующем 15г. вдова Иосифа Соломонида (+ 13г.) Мария Старшая вошла со своими шестью детьми (Иаков, Иосия, две дочери, Иуда и Симон) в дом вдовца Иосифа Нафанида, сделавшись таким образом приёмной матерью Иисуса Нафанида, кому вышеназванные дети Марии Старшей приходились, стало быть, и сводными, и двоюродными братьями (Р.л. 1319-45).

А позднее, если старшие братья (Соломониды) Иаков (род. – 2/3гг.) и Иосия/Иосиф (род. – 4/5гг.) как до, так и после Иорданского Крещения (6.01.30г.) стояли в оппозиции к Иисусу, то младшие братья-близнецы – Иуда (Фаддей) и Симон (род. – ок. 12г.), являясь Иисусовыми приверженцами, вошли в 31г. в коллегию-круг 12-и Больших Апостолов (Т.Г. 434-46).

О несостоятельности восточно-христианской версии якобы сугубо сводного родства («Прото-Евангелие»; Епифаний) братьев и сестёр Господних Иисусу, как и о несостоятельности западно-христианской версии их якобы сугубо двоюродного родства (Иероним) см. «Дорога на Иордан» с.189-96. Притом обе названные версии («протоевангельско»-епифаниевская и иеронимовско-антигельвидианская), само собой, не подозревая о дуалистической Мистерии Рождества Христова, мотивированы (фактически подставляясь под насмешки врагов христианства) т.н. защитой приснодевства или девства Богородицы, у К-рой, мол, не было и не могло быть иных детей, помимо чудесно зачатого Иисуса, за чем стоит непонимание-невосприятие христианами со Пв. н.э. истинного феномена Таинства Непорочного зачатия, к-рое не есть зачатие бессеменное (и не подлежит деградации до уровня античной мифологии).

«Из семени Давидова, но от Св. Духа» (Игнатий Богоносец). При всём том, у Марии Галилеянки, действительно, не было иных детей, кроме первенца Иисуса (Нафанида), в то время как Мария Вифлеемлянка родила итога, включая первенца Иисуса (Соломонида), семерых детей (пять сыновей и две дочери). Как видим, родство между ними и Иисусом Нафанидом было и двоюродным, и сводным, однако, не таким, каким его конъюктурно-догматически-идеологически, слыша звон, без знания, откуда оный, представили-позиционировали две несостоятельно-анекдотичные, при ближайшем внимательном рассмотрении, церковные (по сути профанаторские) версии.

К слову, не случайно секта иудео-христиан эбионитов считала Иакова родным братом Спасителя, вероятнее всего, не соглашаясь именно с (чуждой еврейскому откровению-сокровению) антично-эллинистической (взятой на вооружение уже Иустином Мучеником, приводившим-проводившим мнимую аналогию соединения Зевса с Данаей в облике золотого дождя) бессеменностью Непорочного зачатия.

Хотя, с др. стороны, эбиониты, сходно прочим, не ведали о рождественском дуализме, т.е. ошибались, отбрасывая всякое сводно-двоюродное родство, мало того, вдвойне неверно видели в Иакове родного старшего брата Иисуса, обосновывая это тем, что, дескать, мл. брат не мог (на Востоке) противостоять старшему (с чем сегодня соглашаются и некоторые экзегеты).

Вот тут-то и уместно снова напомнить о сводном семейном братстве, и о том, что Иаков был сыном знатного (царственного) Иосифа Соломонида, тогда как Иисус Нафанид для Иакова (и Иосии), во всяком случае, до определённого времени, оставался сыном, во-первых, всего-навсего, (простого) Плотника из Назарета, и, во-вторых, приёмным сыном, будучи одновременно двоюродным братом 4-х братьев Соломонидов, их матери. То-то Иаков и Иосия находили непротоестественным перечить ему (приёмышу в солломонидской семье) как до Крещения в Иордане, так и во весь посткрещенский-довоскресенский период 30 – 33г. н.э.

Плюс необходимо сказать об Иакове Алфееве (Т.Г. 446-48), кого Климент Ал., Евсевий, Иероним и впоследствии многие др. неправоммерно свели-сомкнули, стремясь обязательно (пусть вопреки тексту Евангелия!) сделать из брата Господня Апостола в числе 12-и, причём сына в реальности (никак не Богородицы, но её сестры) Марии Клеоповой, и уходя от (вообще чреватой) проблемы трёх Иаковых, – с Иаковым Праведным. Входявший в коллегию 12-и Иаков Алфеев (Младший/Меньшой) никоим макаром не идентичен не входившему в неё Иакову Праведному. И подтверждение сему лежит, коли всмотреться, на евангельской поверхности. Не говорит ли Ев. Ио. осенью 32г., что «и братья Его не веровали в Него», между тем как Иаков Алфеев – один из Больших Апостолов с весны/лета 31г. (Мф.10,3; Мк.3,18; Лк.6,15), не может не верить в Него осенью 32г., и поэтому он никак не тождествен Иакову, брату Господню, приходясь, вместе с тем, как двоюродным, так и троюродным братом Иисусу.⁹⁴

Дело в том, что отец Иакова Алфеева Алфей (= Клеопа) был родным младшим братом Иосифа (Плотника) Нафанида, а его вторая жена Мария Клеопова (дочь Иакова – родного брата сестёр Аронидок – Елисаветы и Анны) – двоюродной сестрой Марии Старшей и Марии Младшей. Вдобавок к тому, родная сестра Марии Клеповой Саломия, в качестве второй жены знатного рыбака Зеведея, есть мать сыновей Зеведеевых – Иакова Ст. и Иоанна (Младшего). Т.е., по итогам, всех означенных родственно-семейных хитросплетений-переплетений, все три Иакова, с разными степенями родства-братства, братья между собой и одновременно – братья Иисуса Нафанида. Иаковитский триализм!

* * *

Дальше – больше. Возникает естественный вопрос: почему ещё совсем недавно (издавна) перечивший Иисусу Его сводно-двоюродный брат Иаков был, перед тем, разумеется, обратившись, поставлен Апостолами (коллегией 12-и) первым иерусалимско-христианским епископом. И помогает на данный вопрос ответить (знаковым нам) 1-е Посл. Павла к Коринфянам (57г.), где Апостол язычников приводит в любопытной очерёдности-последовательности (судя по всему, в хронологической) явления Воскресшего Спасителя (присмотримся снова): Кифе (Пётр), потом

⁹⁴ После Иакова Алфеева, в апостольском списке Д.Ап.(1,13) называется Иуда, брат Иакова (= Иуда/Фаддей/Леввей – брат-близнец Симона Соломонида), прозвище к-рого «Иаковлев» (Посл. Иуды 1,1) указывает (в первую очередь) на его (смирненно не именовавшего себя братом Христа) родное братство с Иаковым, братом Господним (кто, сходно Иуде-Фаддею, сам себя братом Господним навверняка не называл).

(хроноакцентация) 12-и; потом — более нежели пятистам братий в одно время...; потом — Иакову, также всем Апостолам...» (15,5-7).

Скажем сразу, что, во-первых, Павлом выпущены первоявление Магдалине (и Богородице), но если даже этот павлианский перечень обходит женщин, в нём, тем не менее, нет явления еммаусским путникам (Клеопе и Симеону) в пролептическое воскресенье 5.04., причём до явления 12-и на воскресной Вечери в Сенакле; нет явления в 8-й (воскресный) день (12.04.) Фоме; и нет (воскресного) явления 7-и ученикам *при море Тивериадском* 19.04. Касаемо же явления пятистам братьям в одно время, спрашивается, — не сопричастно ли оно (опять-таки, воскресному) явлению Христа 11-и (и прочим) на одной из трёх вершин Елеонского кряжа *virgi Galilea*, т.е. на горе *в иудейской Галилее* (в день Песах шени = Малая Пасха 14 ийяра) 3.05.33г.? (Т.Г. 1722-95)

Так или иначе, в объективе три новозаветно-персональных Христовых явления (что называется) *один на один* — Магдалине, Петру (оба — 5.04.), и третье, согласно выделяющему Иакова Павлу, именно Иакову.⁹⁵ Другое дело, — когда? Притом, если акцептировать павлианскую очерёдность как хронопоследовательность (не сказано ли — «потом»!), то получится, что после Иакова Иисус явился ещё (при неизвестных обстоятельствах, собравшимся ли где-то отдельно?) 70-и Малым Апостолам (7), поскольку Большеи Апостолы в числе 12-и выразительно называются выше (5), что, наряду с тем, не исключает (предшествующее) нахождение как Иакова, так и 70-и (к к-рым Иаков традицией сопричисляется) среди 500 удостоенных одновременного явления братий. И всё-таки, Павел убедительно настаивает на особостатуированном (что крайне важно для понимания причины предстоятельского избрания Иакова) явлении Воскресшего, повторим, именно Иакову.

Остаётся додумать. Следовательно, либо Иаков не покинул после крестной Пасхи 33г. Иерусалим, обратившись под впечатлением События Голгофы ещё до персонального явления ему Иисуса, пребывая ли возле (близ) Апостолов? или в ином месте? Либо он сначала возвратился (вместе с братом Иосией) в Галилею и удостоился (б.м., в воскресенье 10.05.?) персонального явления ему Воскресшего там, после чего пришёл в Иерусалим, где присоединился к Апостолам и, соответственно, пережил совместно с ними Большое Вознесение в четверг 14.05. на горе Елеон. При всех случаях, братья Иисуса, т.е. Иаков и Иосия, как Его приверженцы, впервые называются в Новом Завете (Д.Ап.1,14) в дни знаменательного десятидневья между Вознесением и Пятидесятницей.

Засим, несомненно, именно это (в Иерусалиме? или в Галилее?) персональное-особостатуированное явление Воскресшего Христа Иакову и стало решающим фактором при поставлении его Апостолами первым епископом иудео-христианской общины, к к-рой, по итогам Пятидесятницы-Троицы 24.05., присоединилось 3 тыс. новокрещённых (перво-наперво, во Духе) душ. Впрочем, не уполномочил ли Сам Господь обращённого Им, в результате чудесного эфирного явления (в результате Иаковлева — за год до павлианского — «Дамаска»), брата Господня, Иакова на иерусалимско-епископское служение? И не выступил ли особоуполномоченный Христом Иаков учредителем (посредником в деле учреждения) повоскресенного сакраменты Евхаристии среди Апостолов и ближних в дни между Вознесением и Пятидесятницей⁹⁶, так как, согласно Иерониму, Иисус особым образом явился ему в хлебе (и в вине?), в евхаристическо-сакраментальном преломлении хлеба: «...Он взял хлеб и

⁹⁵ Еммаусских путников было двое, а (эксклюзивное) явление Иисуса Фоме произошло в присутствии др. Апостолов.

⁹⁶ Не обращает ли на себя внимание поэтапность культового сакраменты на пути к нему через Насыщение 5-тыс. на апрельскую Пасху 32г., через Насыщение 4-х тыс. на июньскую Пятидесятницу 32г. (предварения), на собственно евхаристической Тайной Вечери 2.04.33г.,

благословил его, и преломил, и дал Иакову Праведному, и сказал: «...Брат Мой, вкуси хлеба, ибо Сын Человеческий восстал из усопших» («О знаменитых мужах» 2).⁹⁷

Необходимо также учесть принцип родовой преемственности общинной теократии, что в пору начального иудео-христианства было немаловажно. Не происходил ли Иаков, сын Иосифа Вифлеемлянина, из (царского) рода Соломонидов! не сделался ли он старшим в семье по смерти в 13г. н.э. Иосифа Соломонида и после успеха в апреле 14г. н.э. Иисуса Соломонида! не вошёл ли он, по усыновлению, в дом Иосифа Нафанида — мужа жребия Мелхиседекова — в роду потаённого неаронидского священства Давидидов! Ну и кому, если не Иакову, учитывая всё сказанное, но главное, учитывая, повторим, таинственное персональное явление ему (сакраментально оснастившего его) Воскресшего, надлежало (не по велению ли Самого Христа!) занять Иерусалимскую кафедру!⁹⁸

Присовокупим сюда и сумбурное свидетельство смежающего-сплавления Иакова, брата Господня, с Иаковом Алфеевым Гегесиппа (вторая половина II в. н.э.)⁹⁹ от Евсевия (+ ок. 340г.) о том, что Иаков был свят от чрева матери, не пил

и, наконец, открытие Иисусом (через Иакова) воскресенского культового сакраменты, по Воскресению Господнем (положение, к-рого издревле придерживаются восточно-христианские Церкви), в, уточним, повознесенско-допятидесятичные 10 дней.

⁹⁷ Э.Бок («Cäsaren und Apostel» S.252-66) относит явление Воскресшего Иакову на 10 повознесенско-допятидесятичных дней, с чем нельзя согласиться, поскольку в эти 10 дней вознесшийся (осиротивший Апостолов до ниспослания Св. Духа) Христос Иисус не являлся никому.

Важно оговорить, что приводимые Бокм слова Иеронима почерпнуты из дошедшего до нас фрагментарно, в цитатах церковных авторов, апокрифического «Евангелия евреев», где начало данного фрагмента звучит так: «И когда Господь отдал пелены слуге жреца, Он пошёл к Иакову и явился ему. Ибо Иаков поклялся, что не будет есть хлеба с того часа, как он выпил чашу Господа, до тех пор, пока не увидит Его восставшим. И после того Господь сказал: Принеси стол и хлеб. Он взял злеб...» (5). Т.е., отлично от Канона, «Ев. евреев» утверждает присутствие Иакова на Тайной Вечери, что, вместе с отданием погребальных пелен слугам жреца, максимально приближает явление Иакову Христа ко времени апрельского Воскресения, чем, в свою очередь, грубо нарушается каноническая (хроно)последовательность явлений Воскресшего у Павла (1Кор., 15,5-7), где Иаков назван последним.

⁹⁸ По преданию, сообщаемому «Золотой легендой» («Von S.Jakobus dem Minderen» S.261-69), к-рая тоже безостаточно сводит Иакова Алфеева с одноименным ему братом Господним, причём сумбурно датируя его (будто бы сброшенного иудеями с кровли храма и добитого внизу) мученичество 7-м (первое покушение?) и одновременно чуть ниже 30-м от Мистерии Голгофы годом, он был внешне очень похож на Господа (и многие, в годы Иаковлева епископства, специально приходили в Иерусалим, чтобы, посмотрев на него, причаститься земному облику Христа). «З.л.» даже ссылается на (неизвестное из др. источников) послание Игнатия Антиохийского Евангелисту Иоанну, где первый говорит, что они были похожи, как одноутробные близнецы, опору чему не ведающий о рождественско-мессианском дуализме Яков Ворагинский ищет в родном братстве Иосифа Обручника с Клеопой и в, дескать, родном сестринстве Богородицы с Марией Клеоповой.

Не совсем так и совсем не так, хотя Иосиф Нафанид и Клеопа, действительно, были родными братьями, а Марии, Старшая и Младшая (родные сёстры), приходились Марии Клеоповой сёстрами двоюродными. Но и при предложенном нами безальтернативном дуалистическом раскладе двух Св. Семейств (вифлеемского и назаретского) сходство Иисуса Нафанида и Иакова Соломонида вполне возможно, поскольку их матери — Мария Галилеянка и Мария Вифлеемлянка — родные сёстры.

⁹⁹ Интересно, что сообразно Гегесиппу, Иакову было дано прозвище «Праведный», в т.ч., дабы отличить его от др. Иаковок, к-рых, значит, насчитывалось (минимум) больше двух, и в то же время Гегесипп упрощает иаковитский триализм до дуализма в числе Иакова Ст. — Зеведеева, и Иакова, брата Господня, якобы тождественного Иакову Алфееву, что заимствует Евсевий (при том, что уже Климент Ал., младший современник Гегесиппа, знает, не вдаваясь в подорожности, лишь двух Иаковок), чем оперирует Иероним и под чем подписываются (сводя трио к двоце) многие др. церковные авторы-авторитеты-источники.

вина и не ел мяса, бритва не касалась его головы, он носил одежду только из льна, не использовал масла и не мылся в банях. Ему было позволено входить в Святое-Святых Иерусалимского храма, где он (называемый защитной «оградой народа») молился, преклонив колена (огрубевшие от постоянного молитвенного колено-прелонения, как колена верблюда) и прося бога о прощении (бого)избранного народа.

Налицо свидетельство позднего христианина из язычников, не очень разбирающегося в храмовом культе, однако и эта информация достаточно ценная. Конечно, Иаков никогда не входил в Святое-Святых храма, куда входил только первосвященник иудейский и только раз в год – в день Искупления 10 тишри, но не имеет ли в виду Гегесипп, пусть путано-сумбурно, как раз-таки, общинно-христианское (пришедшее на смену еврейско-иудейскому) эрзац-первосвященство (истинного, в отличие от храмово-иудейского, после Тайнства Голгофы, первосвященника) Иакова, брата Господня (царственного Давида-Соломонида по рождению и имманентно-первосвященского сокрытого Давида-Нафанида по усыновлению)!

Не будет ли правильным сделать отсюда вывод о первоначально ессеиско-назаретском (о галилейском) назирействе-назорействе (посещавшего в паломнические праздники Иерусалим) строгого аскета Иакова, у к-рого ни докрещенские странствия Иисуса (с прикосновением к язычским тайнам), ни Его посткрещенские контакты с мытарями и др. грешниками, естественно, не могли вызывать одобрения, и к-рый с 33г. н.э., повоскресенски обратившись, обрелся в Иерусалиме, где, поставленный-утверждённый Апостолами, возглавлял, пользуясь за свою исключительную святость почтением-уважением со стороны видевших на первых порах в христианах одно из иудейских ответвлений (по типу фарисейства или ессеиста) множества иудеев, (быстро растущую) первохристианскую общину.

Итак, примем за верное возглавление Иаковым иерусалимской общины в конце мая или ок. 1.06.33г., что немаловажно для реконструкции хронологии его епископата на протяжении, в общей сложности, 29-и лет и его мученичества не позднее апреля 62г. н.э., о чём мы доказательно побеседуем ниже.

Между тем, с 33 по 62гг. Иаковлева хронология прослеживается-реконструируется, по Д.Ап. и Посланиям Павла, посредством подающихся хроноидентификации последовательно-веховых дат, довольно точно.

В Гал.1,19 Павел говорит про встречу с Иаковым в Иерусалиме спустя 3 года (18) после павлианского обращения весной (между Вознесением и Пятидесятницей?!) (см. ниже) 34г. (Дамаск), т.е. эта встреча произошла в 37г., когда, кстати, Дамаск был передан сменившим Тиберия Калигулой арабскому царю Арету IV (не поощрённому ли с подачи калигулианского друга-сображника Ирода Агриппы, в пику Ироду Антипе?), и Павла, спасаемого от Аретова наместника-эпитропоса, спустили из окна в корзине по крепостной стене Дамаска (2Кор.11,32), откуда он, избежав рук набатейского областного начальника, пришёл в Иерусалим, где виделся с Петром (у к-рого пробыл дней 15) и с Иаковым, братом Господним.

Примечательно, что Иаков выделяется (выделяется) Павлом от (из) 12-и, что не удивительно: специфический статус. Да и не мог быть, скорей всего, ни разу не покидавший с 33г. Иерусалим или, по крайней мере, Палестину (позднее сопчисленный к 70-и) предстоятель одним из Больших Апостолов, проповедническо-крещенская миссия к-рых, подлежа дифференциации от святоградско-очагового, от околхрамового Иаковлева служения (по адресу, в первую очередь, иудео-христиан), имела у одних из коллегии 12-и – более, у других – менее ойкуменический размах-охват (направленное во всё разотождествленное с переставшим быть богоизбранным еврейство-иудейством человечество). (Не пришли ли 12 Апостолов на богоизбранническую смену 12-и сыновьям патриарха Иакова! Не симптоматично

ли, не символично ли мученичество трёх Иаковок, — Зеведеева, брата Господня, Алфеева, — в Святом Граде — Иерусалиме!)

То-то это никак не Иаков, брат Господень, но отнюдь не идентичный ему Иаков Алфеев, к-рый в предстоятелях не ходил, миссионировал, в т.ч., за ближними пределами Палестины, и м.б., пусть это под вопросом, даже побывал в 50-е гг. Ив. н.э. в Испании, где почитают как патрона Иакова Старшего (Зеведеева), к-рый, приняв мученичество первым из Апостолов (Д.Ап.12) в 44г. (по инициативе Ирода Агриппы) в Иерусалиме (см. ниже), в Испании однозначно не был (слишком ранние сроки, когда Апостолы ещё не отлучались в дальние пределы). А вот Пётр в том же 44г. чудесно избежал мученической участи, в связи с чем Иаков, брат Господень, кого и братьев-христиан следовало уведомить об упасении-освобождении Ангелом Господним Петра, упоминается в Д.Ап. (12,17). И вновь, сходно Павлу, Деесписатель апостольский титул к Иакову не прилагает.

Дальше, в Д.Ап.15, благовествуется (подчеркнём) позитивная роль Иакова на знаменательном Апостольском соборе 51г. (решающий выход христианства на широкие павлианско-языческие горизонты), приложительно к чему, т.е. к знаковому событию Апостольского собора, Павел, со своей стороны, именует в Гал.2,9 Иакова, Кифу (Петра) и Иоанна (Зеведеев) столпами (опора Церкви), к-рые (читайте внимательно) «подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным» (см. ниже).

Семью годами позже — май 58г. — в Д.Ап.21 (18-25) Иаков предлагает прибывшему в Иерусалим Павлу пройти обряд очищения, дабы отвести от местных христиан подозрения в игнорансе закона Моисеева и защитить Павла от гнева иудеев, что не помогает, и в итоге Павлу удаётся избежать расправы лишь благодаря вмешательству римлян (см. ниже).

Засим хронология епископского служения Иакова, брата Господня, по Д.Ап. и павлианским Посланиям, даёт следующие поступательные хроновехи: 33 — 37 — 44 — 51 — 58гг. Причём мы здесь не будем заниматься досужими вымыслами о его и Петра, мол, остром, мол, искусственно-паточно смазанном в Н.З., иудео-христианском конфликте с Апостолам язычников Павлом.

Ведь сегодня ряд горе-эзегетов клинически делают из Иакова не то скрытого зилота, не то кумранского «Учителя Праведности», превращая одновременно Павла чуть ли не в тайного агента римлян (римского империализма!) и в противоеврейского коллаборациониста! Между Петром и Иаковом, с одной, и Павлом, с другой стороны, существовали разногласия, к-рые, сообразно недвусмысленному свидетельству Д.Ап., были успешно преодолены на Апостольском соборе в пользу Павла (равно между Петром и Павлом — позднее Апостольского собора — в 51г. — в Антиохии, приложительно к чему имеются важные нюансы, речь о чём впереди), и упражняться по сему поводу в больных изошрённых фантазиях незачем (см. ниже).

Притом, если Пётр вскоре после собора 51г., как и вскоре после 45г. (см. ниже), снова покинул Иерусалим (в то время как Иоанн Зеведеев претерпел палестинское мученичество ок. 55г.) (Т.Г. 340) (см. ниже), то Иаков, епископствуя-предстоятельством, продолжал в Иерусалиме (Сенакль и Храм) неотлучно пребывать, пася иудео-христианских агнцев, блюдя закон Моисеев и пользуясь большим авторитетом за свой молитвенно-святой строго благочестивый образ жизни — как у христиан, так и (до поры) у многих иудеев.¹⁰⁰

¹⁰⁰ Не обделён Иаков, брат Господень, вниманием и в апокрифах. Именно он называется автором источника Пв. «Протоевангелие Иакова» (25,1), фигурируя там, как один из сыновей престарелого Иосифа Обручника от первого брака (9,2).

В гностическом апокрифе «Послание Иакова» (Пв.) из «Кодекса Юнга» говорится о получении Иаковом и Петром от Спасителя тайного знания, не полученного др. Апостолами,

Дальнейших Иаковлевых хроновех ни в Д.Ап., ни в Посланиях Павла нет. Однако тут нам на помощь приходит Иосиф Флавий, к-рый в «И.д.» (20,9,1) повествует об убиении не Иакова Алфеева, но Иакова Праведного, инициатором чего был представитель саддукейского синедрионального верховенства первосвященник Анан II (мл. сын тестя Каиафы и отца пятерых сыновей-первосвященников

спустя 550 дней после Мистерии Голгофы (2,33-39). Ниже Иаков отправляет Апостолов миссионировать в иные места, а сам идёт в Иерусалим (16,5-11).

В состоящем из маловзаимосвязанных логий «Евангелии Фомы» (Пв.) есть следующее речение Иисуса об Иакове: «Ученики сказали Иисусу: «Мы знаем, что Ты уйдёшь от нас. Кто тот, к-рый будет большим над нами?» Христос сказал им: «В том месте, куда вы пришли, вы пойдёте к Иакову Праведному, из-за к-рого возникли небо и земля» (12).

Заслуживают также рассмотрения вынырнувшие в ХХв. «Первый» и «Второй Апокалипсисы Иакова» (Шв.?) из Наг-Хамади.

«Первый» содержит, в частности, два любопытных диалога Иисуса и Иакова – в среду до Распятия (24,10-30,14), и через несвязанный логий Воскресения (30,13-42,19); затем – мученичество Иакова (42,20-44,6) Праведного (31,30-32,8), брата Господня по духу, но не по плоти (24,13-16). Приведём ряд интересных цитат: «Ибо не без причины Я назвал тебя Своим братом, хотя ты не Мой брат в материи»; «Ибо они схватят Меня послезавтра»; Иаков сказал: «Равви, тогда 12 седмиц, а не 7, как заповедано в Священных писаниях»; «Иаков сказал: «Равви, я получил число 72». Господь: «Это 72 неба, к-рые подчинены 12-и архонтам»; «Когда Иаков слышал о Его страдании и был опечален, они ждали знака Его прихода. И Он пришёл после нескольких дней. И Иаков взшёл на гору, что зовётся «Галилеей», с Его учениками, кто слушали Его, потому что они были обеспокоены. Он был [...] Утешитель, говоря: «Это [...] второе [...]». Тогда ученики разошлись, но Иаков остался... И Господь явился ему: «Твоё имя Иаков Праведный»; Господь: «Когда ты уйдёшь, в этой стране сразу же начнётся война. Плачьте тогда за тех, кто в Иерусалиме». Не показательна ли гора, зовущаяся «Галилеей», к-рая явно перекликается с довознесенским явлением Воскресшего Иисуса 11-и (и проч.?) 3.05.33г., в *иудейской Галилее* – на *virgi Galilee*, согласно Мф.28,16, о чём мы беседовали в «Т.Г.» (1792-95). Помимо того, из последней цитаты напрашивается вывод, что анонимный автор этого гностическо-апокрифического «Апокалипсиса» тоже накладочно смыкает Иакова Праведного (+ 62г.) и – разумея начало Иудейской войны сразу после его мученического ухода – Иакова Алфеева (+ 66г.), т.е. «Апокалипсис» (II/IIIвв.) знаком с накладочной моноверсией Гегесиппа (или самостоятельно придерживается того же мнения).

Во «Втором Апокалипсисе» отец Иакова – Февда (форма имени Иуда), мать – Мария; Иаков ведёт диалог со Спасителем; выступает в Иерусалиме против храма и культа и пророчесствует разрушение города, за что его предают смерти (44,11-45,27; 46,1-60,15; 24; 50,18/19; 50,23). «Мария сказала Иакову: «Не пугайся, сын мой, Его словам к тебе: «Мой брат». Ибо вы были вскормлены одним и тем же млеко. Поэтому Он зовёт меня «Моя мать». Ибо Он не чужой для нас. Он твой сводный брат»; иудеи: «Давайте побьём Праведного камнями»; «И они нашли его стоящим около колонн храма, около его краугольного камня. И они решили сбросить его с высоты, и они сбросили его вниз». Как видим, в объективе, во-первых, смутный отголосок реально-исторического сводного братства Иисуса (Нафанида) и Иакова (Соломонида), а, во-вторых, опять несостоятельное совмещение Иакова Праведного и Иакова Алфеева.

Знакомый Епифанию («Против ересей» 30,16,6-9) апокриф «Восхождение Иакова» до нас не дошёл, но, предположительно, использовался в числившихся в Ср. века за третьим римско-епископским преемником Св. Петра папой Климентом (ок.88-ок.99/100гг.) «Псевдо-Климентинах» (II–IVвв.?), где Иаков упоминается – «Узнавания» (Recognitiones) – много раз. Так, в рассказе Петра Клименту охватываются события от Сотворения мира до 7-го года после Троицы, когда Иаков выступает перед иудейскими верхами и подвергается нападению на него анонимного врага (в к-ром современные клинические критиканы подозревают Апостола язычников Павла!), после чего следуют гонения на Церковь, при том, что о дальнейшем мученичестве Иакова речи нет. Интересно отметить заимствование этого «7-го года», в качестве даты первого покушения (?) иудеев на Иакова, «Золотой легендой», присовокупляющей сюда рассказ о мученичестве (сброшенного с храмовой кровли) святителя на 30-м году его

— Анны Старшего), и хронологию чего можно восстановить с максимальной точностью.¹⁰¹

Иудейский префект-наместник Фест сменил на прокураторском посту Феликса не позднее июня/июля 60г. н.э. (см. ниже) и отправил летом/осенью 60г., после двухлетних (при Феликсе) уз в Кесарии Палестинской, Ап. Павла, по его, римского гражданина, требованию, на кесарев суд в Рим, куда Павел прибыл, перезимовав из-за кораблекрушения на Мальте, весной 61г., и где он пробыл в нетяжких узах до 63г. (первые римские узы).

Дата кончины умершего на посту в Иудее Феста — вероятно, начало весны 62г. И до того как Нерон узнал о его кончине и послал вместо него в Иудею Лукция Альбина (62 — 64гг.), кого сменил печально известный Гессий Флор (64 — 66гг.), заведовавший храмом царь Агриппа II чуть раньше кончины Феста, т.е. зимой, в январе/феврале, назначил первосвященником суровонравного Анну II.

Так вот, воспользовавшись временным отсутствием прокуратора, в ведении которого были смертные вердикты и отправление экзекуции, этот Анан санкционировал в синедрióне осуждение и каменование (Флавий не уточняет, за что конкретно) Иакова (но можно не сомневаться, что за веру во Христа — Мессию Воскресшего, и, что актуальнее для Анана, — за принятие христианства немалым и всё большим числом иудеев). Впрочем, многие законоведы (понимай — фарисеи и непросаддукейские книжники), были возмущены этим саддукейско-первосвященским произволом, а некоторые даже выехали, по слову Флавия, с жалобой навстречу добравшемуся в Иерусалим (с египетско-александрийского направления) Альбину.

Спросим: когда именно сие случилось? В трактате «Против Флакка» (5) Филон повествует, что отпущенный в 38г. другом-сображником Калигулой на царство в Иудею Агриппа I (кого Тиберий, за неосторожное пожелание Агриппой Калигуле скорого кесарства, полгода — 36/37гг. — продержал в застенке) добирался в Иерусалим, по совету дружба́на Калигулы, не долгой дорогой из Брундизия через (Грецию, вдоль малоазийского побережья) Сирию, но коротким путём из Сицилии на и через Александрию, дождавшись летних пассатов, к-рые, согласно Плинию (2,47), дуют на протяжении ок. месяца, с ок. 20.07. по 20.08. (Шюрер 1,448).

Стало быть, если предположить, что Альбин ехал в 62г. в Иудею, по тому же маршруту и тем же способом-путём, как в 38г. царь Агриппа (препятствий чему нет), но, само собой, не дожидаясь летних пассатов, а максимум во второй половине весны, так как Фест умер, предположительно, в начале весны, то придёшь к выводу о прибытии Альбина в Иерусалим где-то в мае, или в апреле/мае. Семидневный путь с Сицилии до Египта представлял собой в древности впечатляющий одноразовый рекорд (Плиний), т.е. обычно на подобное плавание требовалось не меньше 10-и дней. Или Альбин, как полагают, занимал пост лагерного префекта (*praefectus castrorum*) (RE 13,2 Lucceius Albinus, S.1559-61) в Египте, где и получил (из Рима) своё назначение в Иудею, куда отбыл из Александрии (см. ниже).

епископства. А с др. стороны, от даты рождения царя Давида в 1041г. до н.э. до 39/40гг. н.э. (7-й год от Троицы) набирается 1080 лет (половина Платонова года). Ещё к тексту «Псевдо-Климентин» прилагается адресованное иерусалимскому епископу Иакову «Послание Петра», в к-ром Пётр просит Иакова сохранить его, Петровы проповеди, дабы передать их 72-м (Малые Апостолы) братьям и др. верным ученикам, кому надлежит сохранять учение в тайне, из-за угрозы от врагов закона Моисеева (Ер.2,3/4). Иаков выполняет поручение Петра и передаёт проповеди пресвитерам (*Contestatio* 1-5).

¹⁰¹ Надо сказать, что ещё недавно этот абзац Флавия, как и заруганный-дисквалифицированный академистами «*Testimonium Flavianum*», считался позднейшей христианской интерполяцией, сегодня таковой (преимущественно) не считается, тогда как «*Testimonium*», по-прежнему, вне игры.

Посему, если возмущённые действиями Анана (некоторые) законоведы выехали навстречу (приближавшемуся морем?) Альбину (в Александрию? или в один из транзитных портов по дороге в Иудею?), значит, оптимально это было в апреле/мае 62г.¹⁰² И Альбин, ещё находясь в дороге, написал Анану гневное письмо за его жестокое самоуправство, а царь Агриппа сместил этого нерадивого крутого перво-вещенника, к-рый, по Флавию, архипастырствовал всего-итого 3 месяца.¹⁰³

Т.е. смещение Агриппой Анана в апреле/мае, перед самым прибытием в Иудею Альбина, ругает за его назначение где-то в январе/феврале 62г., вследствие чего каменоване Иакова оптимально приходится на апрель 62г. Неспроста и Евсевий («И.Ц.» 2,23), со ссылкой на Гегесиппа, и «Золотая легенда» говорят о его мученичестве на Пасху (пусть как по аналогии с предпасхальной Голгофой Иисуса, так и смыкая его с Иаковом Алфеевым, но и в силу верного исторического отголоска) (Пасха 62г. – 11/12.04.). Неспроста сирийско-антиохийский «Лекционар» IVв. помнит мученичество Иакова Праведного в день 30.04.; копты – 12.04. (Haase «Apostel und Evangelisten», S.268-71); католики – 3 (памятуя вместе с Ап. Филиппом Иакова Алфеева, накладываемого многими на Иакова Праведного) и 11.05. (Иаков Праведный).

Наконец, неспроста об Иакове Алфееве, к-рого, как мы знаем, часто путают-смешивают с Иаковом Праведным и даже делают из них одно лицо, известно, что он был убит иудеями (сброшенный с кровли храма) перед началом Иудейской войны весной 66г. Т.е. мученичество Иакова Алфеева датируется весной, сообразно чему, весенние даты мученичества обоих Иаковок очень даже могут и накладочно, и фактически приблизительно совпадать.¹⁰⁴

Что же получается? А то, что избранный иерусалимским епископом в мае/июне 33г. Иаков Праведный возглавлял иерусалимскую кафедру (без малого) 29 лет и был каменован до начала 30-го года своего епископата. И потому верно (в данном пункте) хронологизирует суммарные епископские годы Иакова армянский перевод «Хроники» Евсевия: 33 – 62гг. н.э. (Arm. Karst, S.213-15).¹⁰⁵ Иероним в «De virtus III.»

¹⁰² Лишь Э.Бок (S.263/64) грубо ошибочно приписывает Флавию утверждение об убийстве Иакова, брата Господня, в 70г., при разрушении Иерусалима римлянами, о чём Флавий нигде и ничего не говорит. Точнее, в цитатах от Оригена («Против Цельса» 1,47; 2,13) и Евсевия («И.Ц.» 2,23,21-24а), но не в наличном тексте «И.д.» Флавий, всего-навсего, связывает с убийством (гегесипповского) Иакова (66г.) последующее разрушение Иерусалима и храма Титом (см. ниже). Бок вообще не в первый раз пренебрежительно относится к Флавию, к-рого, между прочим, плохо знает, неоправданно и безосновательно шельмуя его отъявленным рационал-материалистом.

¹⁰³ Зимой 67/68гг. найдутся радикалы-охлократы много круче (наклеивавшего их вместе с прочими репрезентантами еврейской элиты, в т.ч., на себя) Анана, к-рый, первоначально, в 66г., поддержавший революцию, будет ими, адептами политического бандитизма под маской национально-освободительного движения, как недостаточно радикальный элемент (и скрытый римлянофил), зверски убит (см. ниже).

¹⁰⁴ Любопытное косвенное указание на мученичество Иакова Праведного именно в весенне-пасхальную пору имеется также в вышеупомянутом «Втором Апокалипсисе Иакова» из Наг-Хамади (см. ниже).

¹⁰⁵ Иаков, брат Господень, занимает исключительное место в традиции Армянской церкви, к-рая называет свою иерусалимскую кафедру (ещё и) Апостольским престолом Св. Иакова, а армянского Иерусалимского патриарха – предстоятелем Св. Иакова (поминаемого 25.12. – в день царя Давида). Возводящая же своё первооснование к Григорию Просветителю в начале IVв. Армянская иерусалимско-патриаршая церковь Св. Иаковок (Сурб Акопец, как во мн.ч. её называют только сами армяне), посвящена как Иакову Ст. (Зеведеву), воздвигнутая, по преданию, на месте его мученичества (и, не по преданию, на месте византийской церкви – в XIIв., при крестоносцах), так и Иакову, брату Господню, кто ошибочно (со Ср. веков) сводится с Иаковом Алфеевым. Хотя, м.б., в знавшей о трёх Иаковах армяно-христианской

называет срок в 30 лет (2). Но учитывая, что сообразно Иерониму, дата Тайнства Голгофы в евсеианской «Хронике» не 33 (как верно стоит в *Versio Armenia*), а 32гг. (якобы 18-й, а не правильный 19-й год Тиберия), эти 30 лет (всё равно) ведут из неправильного 32-го в правильный 62гг. н.э.¹⁰⁶ (см. ниже)

И не замечательно ли поставление в 62г. на предстоятельское место каменованного Иакова Симеона, сына Клеопы, к-рые (Клеопа и Симеон), вспомним, удостоились явления им Воскресшего днём воскресно-воскресенского дня 5.04., по дороге в Еммаус. Скажем также, что Симеон (ст. брат Апостола и Евангелиста Матфея) являлся родившимся ок. 5/4гг. до н.э. старшим, от его первого брака, сыном Алфея-Клеопы – родного мл. брата Иосифа Нафанида. Т.е. назначение именно Симеона на место Иакова было вполне уместным, вполне правомерным и никакого недоумения не вызывает.

Относительно же Гегесиппа, он, как сказано, грубо ошибается, сводя Иакова, брата Господня, и Иакова Алфеева, сына Клеопы от его второго брака с Марией Клеоповой, к-рый, т.е. родившийся во второй половине первого десятилетия н.э. Иаков Алфеев, не годится в предстоятели как по своему апостольскому чину-рангустатусу, так и будучи младше Симеона. При всём том, инициаторами убийства сброшенного с кровли Иерусалимского храма¹⁰⁷ и добитого внизу иудейскими фанатиками Иакова Алфеева у Гегесиппа (отлично от саддукеев, применительно к Иакову Праведному у Флавия) выступают книжники, к-рые просят Иакова убедить народ, что Иисус Христос – не Мессия, в ответ на что Иаков даёт исповедание веры. И произошло это, по Гегесиппу с Евсевием, перед самым началом войны с римлянами, иначе говоря, в 66г. н.э.

Всё верно, правда, речь здесь надо вести не об Иакове Праведном, но об Иакове Алфееве, к-рых вслед за Гегесиппом ошибочно смыкают, повторим, и Климент Ал., и Ориген, и Евсевий, и Епифаний (78,14), и Иероним, и Дионисий Тельмарский, и Соломон Басрский, и Агапий, и Михаил Великий, и Михаил Сириец, и Бар-Еврей, и др.¹⁰⁸ В дополнение к тому, и Ориген («Против Цельса» 1,42; 2,13;

древности Иаков, брат Господень, и Иаков Алфеев в одно не сводились (Т.Г.325). В храме наличествуют три (б.м., изначально посвящённые трём Иаковам?) алтаря (центральный посвящён Иакову, брату Господню; правый – Иоанну Крестителю; левый – Деве Марии) и два престола (богатый – слева – для духа Св. Иакова: используется раз в году – в день Иаковлева поминовения; скромнее – справа – для считающего себя предстоятельским преемником Св. Иакова Армянского иерусалимского патриарха).

¹⁰⁶ Часть сиро-монофизитских и коптских «Акт» исчисляет продолжительность епископства Иакова в 28 лет (F.Naase «Die Apostel und Evangelisten in der orientalischen Überlieferungen», S.268-71). Один из уцелевших коптских фрагментов приписывает Иакову авторство отчёта о Воскресении Христовом и рассказ о явлении Воскресшего еммаусским путникам. В др. фрагменте рассказывается о Восхождении Иакова Праведного со Апостола, включая Павла и Евангелистов Марка с Лукой, на Седьмое небо.

¹⁰⁷ Предварительно сбросить осуждённого на смерть через каменование с (природной) высоты (за чертой города), чтобы сначала, перед массовым каменованием, покалечить добываемого затем камнями смертника, предписывает Талмуд (Санхедрин 6,4), ничего, разумеется, не говоря о храмовой кровле. Т.е. последняя – либо фантазия вольно интерпретирующего иудейские штрафные нормы Гегесиппа (его источника), либо, гораздо вероятнее, что описанная Гегесиппом тумултарная расправа над Иаковым Алфеевым, к-рого, действительно, сбросили с кровли одного из храмовых сооружений над притвором Израэлитов (?), или Женщин (?), или Язычников (?), и потом добились внизу, линчевательски случилась в самый канун военной грозы 66г. в порядке импровизационного исключения (см. ниже).

¹⁰⁸ Не надо предпочитать ни Флавию Гегесиппа, ни Гегесиппу Флавию, мол, или – или, а надо их, разобравшись в дуалистической хроноразнице (62 и 66гг.), без отказа от неё, грамотно скомбинировать, исходя из того, что они, разнокачественные и разнолагерные авторы I и II вв., повествуют о двух мученичествах разных персон, в отношении второго из к-рых, т.е.

«Комм. на Мф.13,55»), и Евсевий (И.Ц. 2,21-24; 2,23,20; 3,11,1; 4,22,4) увязывают убиение Иакова в канун Иудейской войны с последовавшим вскоре разрушением Иерусалима и храма войсками Тита, более того, они приписывают данное мнение Флавию, черпая ли из неизвестного нам Флавия? Или Ориген (из к-рого черпает Евсевий) пользовался, как полагают некоторые, ближе неизвестной «Хроникой» некоего вольно цитирующего Флавия Иуды? датированной, сообразно фрагментарной информации, 10-м годом Антонина Пия (138 - 61гг.) (Шюрер 1,581-83).

Тем временем, 29/30 лет, отводимые на предстоятельство Иакова Праведного¹⁰⁹, входят в непримиримое противоречие с хронологией Иакова Алфеева. Ведь вычтенные из 66г. (перед самым началом войны) 29/30 лет дают в качестве даты Голгофы и начала Иаковлева епископства аж 36/37гг., между тем как ни один из древних и средневековых христианских авторов-источников не относит Голгофу на 36/37гг., датируя её в хронопределах 29/30 – 32/33гг. Т.е. эти 29/30 лет очень даже прилагаются к мученичеству Иакова, брата Господня, в 62г., не прилагаясь к мученичеству Иакова Алфеева в 66г.

Об открывающем после Книги Деяний Апостольских новозаветные Послания каноническом Послании Иакова¹¹⁰, датировка к-рого спорна, либо – ок. 50/51гг., т.е. до или вскоре после Апостольского собора 51г., либо – ок. 60/61гг., т.е. ближе к концу Иаковлева предстоятельства, мы сейчас беседовать не будем. Всеми своё время.

Иакова Алфеева, у очень уж желавших видеть в Иакове, брате Господнем, одного из 12-и Апостолов Гегесиппа и его последователей произошла накладка вовсе не столь редкого, в чём читатель трилогии «Таинство Голгофы» имел возможность не раз удостовериться, (упростительного) сведения два к топу, поглощение одного события другим и одной (одноименной) персоны другой (что одновременно облегчило задачу церковных богословов, сняв проблему дискомфорта иаковитского триализма).

Уместно добавить, что разотождествление преимущественно сплавленных в Ср. века как на Востоке, так и на Западе Иаковок, брата Господня (кого не включают в число 12-и Иоанн Златоуст или Феофилакт Болгарский) и Алфеева, началось в ново-новейшее время из протестантско-богословского и критиканского лагерей (и Цанн, и Мертенс, и «Lexikon zur Bibel», и др. уверенно ратуют за трёх Иаковок, сводя, однако, Алфеева к списочно-апостольскому нулю), обусловленное, впрочем, особенно с позиции критиканов, не столько поиском истины, сколько стремлением похерить церковника Гегесиппа (от церковника Евсевия) в пользу, дескать, всегда приоритетного Флавия. И так, если гибель Иакова Праведного правильно оказалась на XIX/XXвв. в 62г., то мученичество (неизвестного, мол, за исключением его имени в апостольских списках) Иакова Алфеева в 66г. было т.н. учёным подходом вообще отвергнуто и элиминировано, как-де недостоверная церковно-идеологическая байка, призванная, согласно радикальным современным критиканам, ещё и (антисемитски) превратить разрушение Иерусалима и храма римлянами, равно пленение и рассеяние евреев, в суровое справедливое возмездие за, в частности, Иаковлево евреями, непримиримыми преследователями христиан, убиение.

¹⁰⁹ Ишопад Мервский: «Иаков был 30 лет епископом в Иерусалиме, он был назиреем, и в 8-м году Нерона его сбросили с кровли храма («*Nogae semiticae*» 10 (1913) 18). 8-й год правившего с октября 54г. Нерона ведёт точь-в-точь в 62г. н.э., но Ишопад неправоммерно связывает с этой датой каменования Иакова, брата Господня, убиение (спустя 4 года) слитого, в т.ч., им воедино с Иаковом Праведным Иакова Младшего.

¹¹⁰ Сохранились сирийские и армянские тексты апокрифического «Послания Иакова» римскому легату Сирии Умидию Квадрату (49–60гг.), к-рый, со своей стороны, уведомил иерусалимского епископа о решении Тиберия относительно распявших Христа евреев. Причём, согласно армянскому преданию, экземпляры разосланного Иаковом «Послания» хранились в основанных святителями церквях: Иоанном Богословом – Эфесской, Петром – Антиохийской, Павлом – Фессалоникийской, Марком – Александрийской.

ИСЦЕЛЕНИЕ ХРОМОГО И ВТОРАЯ ПРОПОВЕДЬ ПЕТРА

(июль 33г.)

«Пётр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый.

И был человек, хромой от чрева матери его, к-рого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм;

Он, увидев Петра и Иоанна пред входом во храм, просил у них милостыни.

Пётр с Иоанном, всмотревшись в него, сказал: взгляни на нас.

И он пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь.

Но Пётр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи.

И взяв его за правую руку, поднял: и вдруг укрепились его ступни и колена,

И вскочив стал, и начал ходить, и вошёл с ними в храм, ходя и скача и хваля Бога.

И весь народ видел его ходящим и хвалящим Бога,

И узнали его, что это был тот, к-рый сидел у Красных дверей храма для милостыни, и исполнились ужаса и изумления от случившегося с ним.

И как исцелённый хромой не отходил от Петра и Иоанна, то весь народ в изумлении сбегался к ним в притвор, называемый Соломонов.

Увидев это, Пётр сказал народу: мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?

Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог Отцов наших прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись пред лицом Пилата, когда он полагал освободить Его;

Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека убийцу, А Начальника жизни убили; Сего Бог воскресил из мёртвых, чему мы свидетели.

И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, к-рого вы видите и знаете, и вера, к-рая от Него, даровала ему исцеление сие пред всеми вами.

Впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению; Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил.

Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши,

Да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлёт Он предназначенного вам Иисуса Христа,

Которого небо должно было принять до времён свершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века.

Моисей сказал отцам: «Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня; слушайте Его во всё, что Он ни будет говорить вам;

И будет, что всякая душа, к-рая не послушает Пророка Того, истребится из народа».

И все пророки от Самуила и после него, сколько их ни говорили, также предвозвестили дни сии.

Вы сыны пророков и завета, к-рый завещевал Бог отцам вашим, говоря Аврааму: «и в семени твоём благословятся все племена земные».

Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, к вам первым послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших.» (Д.Ап.3,1-26)

Это исцеление хромого в гл.3 и вторая проповедь Петра имели место не сразу и не очень скоро по Пятидесятнице, так как суммируя их после третьей Петровой проповеди перед Синагедрионом в гл.4 (32-37), Деяписатель опять даёт характеристику жизни первых христиан, во многом, схожую с первой (2,42-47), чего не нужно было бы делать, произойди данное чудо почти тотчас после Троицы. Более того,

слово «говорили» в стихе 31 гл.4, к-рым синедриональная проповедь заканчивается, ясно (если внимательно вслушаться-всмотреться) обращено в дальнейшую, после *судилищного* дня 13.07., летне-осеннюю перспективу, к к-рой и относятся стихи 32-37 гл.4, благовествующие состояние дел в первохристианской общине не столько на 12/13.07., сколько уже на июль – сентябрь 33г. н.э. (см. ниже).

Но с др. стороны, от Пятидесятницы до собственно исцеления хромого прошло не слишком много времени, а именно, как мы анонсировали выше, время действия гл.3, с большой долей вероятности, 7-е воскресенье после (оставшейся посередине) Пятидесятницы и 14-е после Пасхи. Т.е. в объективе праздничная, по плавающему календарю первых христиан, солярно-преображенская дата 12.07.33г. (канун исторической годовщины Преображения Господня 17 таммуза = 13.07.32г.). Или, иначе говоря, перед нами 50-й день после Пятидесятницы, в к-рый Преображение праздновали первые иудео-христиане (с 40-х гг. I-го в. н.э.?), и в к-рый (через 98 дней после Пасхи и через 49 дней после Троицы) оно (завершая им пасхальный цикл праздников) до сих пор празднует Армянская церковь (праздничный календарь к-рой восходит к староиерусалимскому).

В гл.3 фигурируют Пётр и Иоанн, к-рые выступают в паре, мало того, столь неразрывным дуэтом-танемом, что автор Д.Ап. не случайно представляет-позиционирует их как единое целое во Духе (3/4). Причём речь здесь идёт не о Лазаре-Иоанне, кто (до поры сокрытый) в Деяниях (открытым текстом) не появляется ни разу, ибо всюду, где в деписательском Благовесте Воскресения, за авторством Лк., называется Иоанн, на повестке дня родной мл. брат Иакова Старшего (он же, как и Иаков, – сводный мл. брат Лазаря и Магдалины), сын Саломии, бывший с Петром и Иаковым не за кадром, а непосредственно в кадре, в числе доверенного трио Христовых учеников: при воскрешении дочери Иаира; на преобразенской г.Фавор; в действе Гефсиманского борения Иисуса.

Не этот ли Иоанн Зеведеев (= Иоанн Младший) пришёл в роковую ночь на 3.04.33г., о чём мы знаем, как и Пётр, из Гефсимании (когда остальные ученики разбежались), сопровождая вятого под стражу Христа к дому первосвященника, куда он, знакомый, согласно Ев. от Ио.(18,15/16), первосвященнику, и ввёл ночью (на двор первосвященский) троекратного отреченца (от Христа, в точности по предречению Христову) Петра (Т.Г. 1510-13).

Не этого ли Иоанна, кого Павел называет, приложительно к Апостольскому собору 51г., одним из (совместно с Петром и Иаковым, братом Господним) столпов (Гал.2,9) Иерусалимской церкви, можно назвать, в т.ч., таинственным *дублёром* Лазаря-Иоанна, как, впрочем, Лазарь-Иоанн есть его *дублёр!* Достаточно вспомнить карму обоих (Т.Г. 338/39): Мастер Хирам (Лазарь) и снарядивший искусного Мастера Хирама к царю Соломону тирский царь Хирам (Иоанн), карма к-рого не восходит ли дальше – к Рахаве Иерихонской, как карма Лазаря – к Иисусу Навину?! А если ещё вспомнить про Соломонову карму Петра, то (царственное) шествие (галилейских рыбаков) Петра и Иоанна (царь Соломон и царь Хирам!) в храм, в час молитвы 9-й, приобретёт совсем особенное значение, предстанет особо знаменательным!

Часы молитвы – 3-й, 6-й, 9-й – это, выражаясь общо, суммарно, условно, – 9 часов утра, полдень, и 3 часа дня, притом первый и последний часы не столько, вопреки ошибочно упрощённому мнению, совпадают-соответствуют собственно утренней и вечерней жертве, сколько связываются-соотносятся с ними.¹¹¹ Однако имеются весьма существенные нюансы.

¹¹¹ Пс. (учение) Давида: «Вечером и утром и в полдень буду умолять и вопиять и Он (Господь) услышит голос мой» (54,18). Кн.Дан: «Даниил же, узнав, что подписан такой указ, пошёл в дом свой; окна же в горнице его были открыты против Иерусалима, и он три раза в день преклонял колена и молился своему Богу и славословил Его, как это делал он и прежде

Утренняя жертва закалалась вскоре после 6-и утра (Тамид 3,2), тогда как утренняя молитва разрешалась-допускалась, сообразно свидетельству р. Иуды б. Илаи (ок. 150г.), максимум до 10-и утра. От заклания до принесения (вознесения) на алтарь вечерней жертвы требовался час; утренней – не менее двух часов. Поскольку – утром бескровная жертва ладаном (курение на золотом жертвеннике кадилном в крытой части притвора Священников) предшествовала кровавой жертве всеожжения постоянного (Р.л. 735), между тем как жертва вечерняя производилась в обратном порядке: сначала всеожжение, потом каждение (Песахим 59а). Следовательно, молитва 3-го часа = в 9-м часу могла, примыкая к жертве, произноситься до времени не позднее 10-и утра, а связанная с вечерней жертвой молитва пополуденная – до вечера (Т.Г. 1424). Многие присовокупляли утреннюю и вечернюю молитву непосредственно к «Шма» («Слушай, Израиль»), правда, для «Шма», после чего звучала «Молитва 18-и благословений», ряд авторитетов рекомендуют в качестве лучшего времени – рассвет или сумерки.

Нормативно-литургическое время пополудни стартует, по Мишне, в переводе на наши часы, с 12.30-и и заканчивается в 6 вечера («Раши к Берахот 26б») (Сота 40б; Йома 7а), составляя, в свою очередь, временной интервал, к-рый делится на две части: 1-я – с 12.30 до 15.30, 2-я – 15.30 - 18.00: вечерняя жертва – 14.30 - 15.30. По Флавию, 9-й час = 3ч. = ок. 15.00.

Стало быть, Пётр и Иоанн (двое как один) шли в храм, в час молитвы 9-й, – ок., примем за верное, 3-х ч. дня, хотя 9-й час суть также тричасие с ок. 3-х до ок. 6-и вечера. Притом Петру и Иоанну важна именно молитва, в отличие от навсегда отменённого для христиан Жертвой Агнца кровавого жертвоприношения (к-рое не принимали, например, ессеи и), от к-рого иудео-христиане после Мистерии Голгофы, естественно, дистанцировались (впрямь, наверняка, не все и не тотчас). Но они, продолжая первое время посещать службу в Иерусалимском храме (лучшее место вербовки неопитов), не сразу (продолжая первое время пребывать остаточнo-иудейскими израэлитами) *вышли за стан*, чего позднее требует в Послании к Евреям-христианам ойкуменический Апостол Павел: «Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание; / Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (13,13; ср.2Кор.6,17/18).

Возвращаясь же к еврейской молитве: таким образом, если утренняя молитва была позволительна, в широком смысле, с рассветного восхода солнца, то вечерняя завершалась в закатные сумерки. Вместе с тем, уже «Дидахе» (8,3) во Пв. н.э. фиксирует практику троекратно-каждодневного вознесения молитвы первыми христианами, с произнесением «Отче наш» вместо иудейской «Молитвы 18-и благословений».

«И был человек хромой от чрева матери его...» – т.е. увечье хромца не нажитое-приобретённое, а врождённое уродство паралитического свойства, ослабившее члены. Вспомним как об исцелении Иисусом больного (расслабленного) 38 лет, при купальне Вифезда, в субботне-сентябрьский Судный день 31г. н.э., где, напротив, был исцелён нажитый-приобретённый расслабленным грешником, в пору освящения Иродом осенью 8г. до н.э. храма, недуг (Т.Г. 584-604), так и исцеление Иисусом кармически (не лично и не наследственно) отягощённого слепорождённого в строгую послекущинскую субботу 18.10.32г. н.э. (Т.Г. 900-13).¹¹²

того» (6,10). Кн.Дан: «Когда же я ещё продолжал молитву, муж Гавриил, к-рого я видел прежде в видении, быстро прилетев, коснулся меня около времени вечерней жертвы» (9,21). Кн.Иудифи: «А Иудифь пала на лице, посыпала голову свою пеплом, и сбросила с себя вретисе, в к-рое была одета; и только что воскурили в Иерусалиме, в доме Господнем, вечерний фимиам, Иудифь громким голосом воззвала к Господу...» (9,1).

¹¹² См. ср. «носилики» – Ио.5,6-9 и Д.Ап.5,15, равно ещё два случая исцеления (Петром и Павлом) калек в Д.Ап.9,32-34 и 14,8-10 (см. ниже).

Впрочем, сначала разберёмся с воротами, к-рые у Деесписателя зовутся Красными (название, отсутствующее в др. источниках), и спорная идентификация к-рых представляет трудности. Что в кадре: внешние восточные ворота Шушан (Сузианские; Золотые)¹¹³, к-рыми («Красные» = красивые? прекрасные?) Иисус вступил в Вербное воскресенье 29.03.33г. в Иерусалим? или Лк. разумеет одни из многочисленных внутренних (разнопритворных) ворот храма, в к-рых некоторые предполагают врата Никанора из красной коринфской меди¹¹⁴, и местонахождение к-рых тоже под вопросом. Вели ли они из притвора Язычников (при к-ром располагался притвор Соломонов) в притвор Женщин? или из притвора Женщин – в притвор Израэлитов, откуда открывался вид на открытую, с алтарём всежжения, часть притвора Священников?

Следуя Мишне (Миддот 1,3), 5 ворот вели во внутренний двор (внутренние, включая в данном случае и Языческий, двory-притворы) храма: двойные (вход – выход) Олданы – юг; Кипония (Копония) – запад; Тади – север; Шушан – восток. Вообще же ворот внутреннего (за Языческим) притвора Флавий насчитывает 10 (И.в. 5,5,2/3), Мишна – 7 и 13 (Миддот 1,4). Биллербек и Штрак (AG, S.622) говорят о 7-и воротах, ведущих во внутренний двор: 3 – север; 3 – юг; 1 – восток (притвор Женщин). И уверяют, что на востоке находилась врата Никанора¹¹⁵, идентичные с восточными воротами внутреннего двора у Флавия (И.в. 2,17,3; «Против Апиона» 2,9; ср. 6,4,1; 5,3; И.д. 15,11,5), местонахождение к-рых не, как полагает Раши, на восточной стороне притвора Израэлитов, а, сообразно Флавию, на восточной стороне притвора Женщин (И.в. 5,5,2/3).

Изготовленные из коринфской меди, они были массивными, и чтобы их открыть требовались усилия 20-и человек. Кстати, вроде бы именно эти ворота, сами собой зловеще раскрылись: по Талмуду, – за 40 лет до гибели святилища (Йома 39б); по Флавию, – в 66г., на Пасху, перед началом войны (И.в. 6,5,3) (Р.л. 407/08; Д.И. 1235; Т.Г. 110; 1673). Но остающийся, невзирая на все усилия идентификаторов, вопрос, тем не менее, в том, – почему Флавий ни разу не называет означенные ворота ни Красными, ни Никаноровыми?

Вели ли врата Никанора (шаар Никанор) из Женского притвора (Эзрат Нашим) во внутренний (Израэлитов) двор храма (Эзрат Исраэль), тогда как через Красные ворота можно было попасть из Соломонова притвора, при дворе Язычников (Хель), во двор Женщин? Так или иначе, наименование Шаар Никанор происходит от имени богатого египетского иудея (по всему, старшего современника украсившего врата Иерусалимского храма золотом и серебром алабарха Александра Лисимаха – мл. брата Филона и отца римского прокуратора Иудеи в 46 – 48гг. Тиберия Александра), к-рый благотворительно пожертвовал их, при начавшем в 17г. до н.э. реконструкцию святилища Ироде, Иерусалимскому храму.

¹¹³ На Восточных воротах был изображён город Сузы (Шушан). Первосвященник и его ассистенты проходили через них для принесения в жертву рыжей телицы на Елеонскую гору (Миддот 1,3) (Т.Г. 1817-24). «Менахот» (98а): «Почему на воротах были изображены Сузы? Р. Хизда (+ ок. 310г.) и р. Юдан б. Абдими (ок. 300г.): «Дабы они (иудеи) не забывали о благодарности персидским царям, милостию к-рых вышли из рабства и обрели свободу». Р. Цхан: «Дабы они были преисполнены благодарностью к Персидской державе».

¹¹⁴ Коринфская медь – дорогой в древности металл, составлявший сплав из золота, серебра и меди.

¹¹⁵ Гробница семейства Никанора располагалась на Масличной горе, где был обнаружен оссуарий с надписью: «Прах сыновей Никанора из Александрии, к-рый подарил ворота храму» (Шюрер 2,64). Не путать этого благочестивого иудея Никанора с павшим в сражении при Адасе ярким врагом иудеев – селевкидским сирийцем Никанором, к-рого 13 адара («день Никанора») 160г. до н.э. разгромно победил Иуда Маккавей (1Макк.7; 2Макк.15).

Вдобавок к тому, предание рассказывает, что во время доставки дорогостоящих ворот морем в Иудею разразился шторм и команда судна вынуждена была выбросить за борт одну из тяжелых вратных створок. Но положение не улучшилось, вследствие чего моряки собрались избавиться и от второй створки. Тогда Никанор предложил выбросить за борт вместе со створкой его самого (Иона!), благодаря чему, т.е. его готовности к самопожертвованию, буря внезапно стихла. А когда корабль причалил к палестинскому берегу (в Иоппии?), в заливе чудесно обнаружилась также створка, выброшенная за борт. Ещё предание сообщает, что все ворота храма были покрыты золотом, кроме ворот Никанора, так как мудрецы хотели, чтобы люди видели «чудо времени» в первоизданном виде. Да и начищенные до блеска эти ворота, открывавшиеся по субботам, в праздники, в новолуния, или при приходе в храм царя, сияли ярче золота. Во все прочие дни использовались входы меньшего размера, расположенные справа и слева от врат Никанора.

Отсюда спрашивается, — зачем нищему хромоту сидеть каждый день при вратах Никанора, если они открывались лишь в определённые дни? Ведь у преимущественно закрытых ворот милостыню не выпросишь, не соберёшь (пусть даже ежедневно работают входы-выходы меньшего размера справа и слева). Далее, если это ворота между внутренними приворами, куда доступ язычникам возбранялся, то как быть со словами из 2Ц.5,8: «слепой и хромотой не войдут в дом Господень», т.е., понимай, не войдут дальше двора Язычников. Засим, увы, скорее всего, Никаноровы ворота, ведшие из Женского притвора в притвор Израэлитов, не тождественны Красным воротам, ведущим из Соломонова притвора (портик, окружённый двором Язычников), куда к Петру и Иоанну, от к-рых не отходил чудесно исцелённый, сбежался изумлённый народ, в притвор Женщин (Р.л. 1405-07; Т.Г. 1891-93).¹¹⁶

Одновременно просторный Соломонов притвор, с его знаменитыми крытыми галереями, шёл по обе стороны от ворот Шушан, вдоль всей внутренней восточной стены храма. Так что, либо Красные ворота — се, повторим, собственно (Золотые) ворота Шушан, либо они, скажем снова, вели, что скорее, из притвора Язычников в притвор Женщин. Короче, оставим окончательный ответ на вопрос под вопросом.¹¹⁷

* * *

Выше мы сказали о родственном подвижному иудейскому перво-(иудео)-христианском календаре с праздником Пятидесятницы через 49 дней после Пасхи и с праздником Преображения через 98 дней после Пасхи. Переведём дни в годы и удостоверимся, что от выхода священника (Аронида) Ездры, сведущего в законе Моисеевом, с переселенцами из Вавилона в месяце нисан 457г. до н.э. (Езд.7,7-9) (Р.л. 359-62) на преображенское лето 33г. н.э. шёл 490-й год. Или от завершения Соломоном в 948г. строительства царского дворца, к-рый строился после дома

¹¹⁶ Цанн («АГ», S.145-60), во-первых, неверно называет целью Петра и Иоанна (всеенепременно) двор Израэлитов (в виду — во внешнем притворе Священников — алтаря всеожжания), куда они, во всяком случае, оказавшись, согласно тексту Д.Ап., после исцеления хромца в притворе Соломоновом, не дошли; и во-вторых, неверно отождествляет место сидения хромца у Красных ворот с местом, где сидел исцелённый Иисусом осенью 32г. слепорождённый (Ио.9), к-рого Иисус встретил и, помазав его глаза брением, отправил для умовения в купальню Силоам, не в храме, но в городе (Т.Г.902).

¹¹⁷ Между прочим, если Пётр и Иоанн (вошли вместе в храм через Золотые ворота (Шушан), проследовав от них к воротам Красным, или если Сузианские ворота, всё-таки, идентичны Красным, то, м.б., Пётр и Иоанн шли в тот день в храм не из Сенакля на Сионе, а из Вифании (через Гефсиманию) — из дома Лазаря, Марии и Марфы?

Господня 13 лет (как через 13 лет после репатриации Ездры Неемия стал наместником Иудеи в 444г.), в то время как храмовый дом Господень строился с 968 по 961/60гг. 7 (8) лет (3Ц.6,38; 7,1; 9,10; 2Пар.8,1) (Т.Г. 338), на 33г. н.э. набирается точь-в-точь 980 лет. Посему актуальны не только календарно-литургические сроки в 49 и 98 дней, но, как выясняется, очень актуальны также (мета)исторические-(мета)хронологические сроки в 490 (70 x 7; 49 x 10) и 980 (490 x 2) лет!

Плюс к тому, из Д.Ап.4,22 мы узнаём, что увечному от рождения, над к-рым Пётр и Иоанн (кармические царь Соломон и царь Хирам!) совершили чудо исцеления, было на момент исцеления «лет более сорока». Не родился ли он весной 9г. до н.э., когда Ирод окончил реконструкцию храма до притвора Священников (Эзрат Коханим), на обновление к-рого и Святого-Святых (Кодеш ха-Кодашим) (Давир) специально обученными строительным ремёслам священниками, до освящения собственно Святилища, понадобилось ещё полтора года – с весны 9-го по осень 8гг. до н.э. Когда, т.е. осенью 8г. до н.э., был поражён неврождённым-приобретённым паралитическим недугом расслабления исцелённый спустя 38 лет в сентябре 31г. н.э. Иисусом, при находившейся близ Овечьих ворот Иерусалима купальне Вифезда, паралитик. Соответственно, нищему хромцу, просившему милостыню у Красных ворот храма, шёл на июльское лето 33г. н.э. 42-й от рождения год.

Итак, увидев обоих направлявшихся из внешнего притвора Язычников в первый внутренний притвор Женщин Апостолов, в час молитвы 9-й, обретавшийся при Красных воротах калека попросил у них в самое щедрое для подаваний молитвенное время милостыню. Пётр и Иоанн, в отношении к-рых Лк., именуя обоих, повторим, неспроста употребляет вместо множественного, подчёркивая единство этой двоицы во Христе, единственное число, всмотревшись в него, коротко сказал: «взгляни на нас».

Противопоставленное губительному требованию медузы Горгоны требование к калеке посмотреть = взглянуть в упор на Апостолов Христовых. Пётр (и Иоанн) видит возможность публично проявить-засвидетельствовать-манифестировать (силу) Бога. А калека на исцеление не надеется, прося именно милостыню, и он раздосадован-разочарован. У Петра нет милостыни в серебре и золоте, но есть много больше этого. Вспомним категорический императив обратившего слово к паралитику Иисуса в субботу Судного дня 31г. н.э.: «встань, возьми постель твою и ходи» (Ио.5,8). Или вспомним Иисусово повеление слепорождённому в посткушинскую субботу 18.10.32г.: «пойди, умойся в купальне Силоам (что значит «посланный»), после чего слепец, с помазанными брением глазами, «пошёл и умылся, и пришёл зрячим» (Ио.9,7). Пётр же ныне, не в свинцово-сатурнальную субботу, а в солярное воскресенье 12.07.33г., действуя-исцеляя пред всеми силой не я, но Христос во мне, максимально отодвигается в тень, повелевая калеке: «во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи» (Д.Ап.3,6).

Говорят, что когда Фома Аквинский (1225 – 74гг.) как-то пришёл к резидировавшему в Витербо (100 км севернее Рима) папе Урбану IV (1261 – 74гг.), последний, пересчитывая на момент его прихода большую сумму денег (благотворительность Людовика Святого), обратился к нему: «Теперь мы не можем сказать, как некогда Пётр: «серебра и золота нет у меня», на что из уст Фомы веско прозвучало: «Но и сказать, как Пётр, «встань и ходи» вы тоже не можете».

Это первое персональное апостольское исцеление в Новом Завете. Да, Апостолы совершали исцеления силой Господней и раньше, однако исцеление именно хромца от рождения и именно Петром (в паре с Иоанном) благовествуется впервые. Т.е. исцелительная эстафета переходит от Иисуса в лице Петра (и Иоанна) к Апостолам Христа. И вершится уврачевание во имя Иисуса Христа Назорея, от К-рого, вернее, Которым Пётр и Иоанн оснащены чудотворным могуществом во Христе. И не многознач(итель)но ли тут прозвище «Назорей» – как назаретянин, как назирей и

как назорей, одно из звучаний к-рого напоминает о Нетцере (*отрасль*), т.е. об основателе таинственной ессейской колонии в Назарете Галилейском – об одном из (пяти) учеников (побитого весной 70г. до н.э., откуда на лето 33г. н.э. шёл 103-й год, камнями) Иешуа, сына Пандиры (Р.л. 746-62).

Пётр взял сидевшего у Красных ворот калеку за правую руку и поднял его, подобно тому, как, согласно Иоанну Златоусту («Беседа на Д.Ап.3»), Господь воскресенски поднял из могилы Христа. «И вдруг укрепились его ступни и колена» (7). На памяти *пригвождённые* ступни и *непербитые* (благодаря удару милосердия копьём римского воина) голени Иисуса, Кто умер в пятницу 3.04.33г. в смертном физисе и восстал в (прошедшем через катарсис, в скинувшем тленное) физисе бессмертном, восстав в воскресенье 5.04. в Фантомном Теле Воскресения (восстав в способном на протяжении сорока предвознесенских дней специфически уплотняться до физиса Эфире). Вот какая через посредничество Петра (и Иоанна) сила подняла-исцелила врождённого хромца на 42-м (7 x 6) году его жизни!

Чудо исцеления мгновенное, а не постепенное, и потому непреложно убедительное. Делай то, что в твоих силах, и тогда Бог сделает то, чего не можешь сделать ты. Младенец учится ходить медленно и постепенно; десятилетиями просивший милостыню и в одиночасье получивший ноги хромой от рождения, т.е. налицо (снова, сродни случаю со слепорождённым) кармическая отягощённость, – сразу – мгновенно – первый раз в жизни!

Израэлитам дано чудесное свидетельство, что Тот, Кого они распяли (причём, не ведая, что творят), жив, являясь их истинным Исцелителем и Спасителем. И народ, ежедневно видевший многие годы хромого ныне чудесно исцелённым, изумляясь чуду, сбегался к исцелителям и к исцелённому в притвор Соломонов, где они обретались. Показательно более чем недвусмысленное указание Петра на то, точнее, на Того, волеием богочеловеческой Индивидуальности К-рого в них, в Петре и Иоанне, а не их силою или благочестием, чудо осуществилось.

Пётр, расставляя точки над *i*, охватывает метаисторию евреев-израэлитов от Авраама, Исаака и Иакова до Иисуса = до Сына Бога Авраама, Исаака и Иакова, К-рого иудеи предали, предав на смерть и отрехшись от Него пред лицом наместника Пилата, полагавшего освободить Его. Ведь именно иудеи настояли на убиении Начальника Жизни взамен на жизнь, дарованную ими из Пилатовых уст бандиту и убийце Варавве. В речи к народу за 49 дней до того, на Пятидесятницу-Троицу, ни о бросающем горький упрёк иудейским верхам намерении Пилата отпустить Иисуса, ни об отпущенном Пилатом, по желанию-избранию подстрекаемых первосвященниками и начальниками иудеев, Варавве ничего не говорилось.

Теперь же о ярко фигурировавшем в Петровом слове на Троицу Давиде ни слова, зато в наличии слово о вере во имя Его, Сына Давидова, как Сына Божия, к-рая и импульсировала через её носителей, Петра с Иоанном, исцеление калеке «пред всеми вами». И тотчас не теряющий надежду на возможность спасения иудеев Пётр наставляет их на путь истинный к вере-уверованию во Христа словами об их и даже их начальников, по крестному слову Самого Иисуса, неведении: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк.23,34).¹¹⁸ Между тем, всё исполнилось соответственно слову Писания, будучи предвозвещено Богом через пророков Господних о страдании Христа (Д.Ап.17,3: 26,23) – не победителя-сокрушителя, ожидавшегося иудеями, но Мессии страждущего, но Мессии, смертью смерть поправшего и вос-

¹¹⁸ Не сказано ли у Павла: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, / Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, к-рую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, / К-рой никто из властей века сего не познал; ибо, если бы познали, то не распяли бы Господа славы» (1Кор.2,6-8).

крешего к Жизни Вечной! Он умер на кресте и был погребён в одном измерении, воскреснув-восстав из мёртвых на третий день в измерении другом-ином!

Всё свершилось не так, как чаяли большинство из вас в вашем неведении.¹¹⁹ Оттого выход есть, — «покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши». Не налагает ли вышнее избранничество двойную ответственность. Кому много дано, с тех больше, с тех вдвойне спросится.¹²⁰ И дальше звучит слово о (неодноэтапном) Втором Пришествии (времена и сроки к-рого в ведении Отца) предназначенного им, тем представителям народа Божия, к-рые, покаявшись, обратятся, Иисуса Христа.¹²¹ Небо приняло Его до времени, к-рое ещё грядёт, но те, кто не покаются и не обратятся, не имеют доли в грядущем мире.

Как видим, иудейская традиция и иудейская эсхатология примыкают к становящимся традиции и эсхатологии христианским, ибо богоизбранное христианство вышло из среды богоизбранников-иудеев. Необходимо новорождение души, необходимо изменение образа мыслей и образа жизни! Но для соблюдения духовной преемственности необходимы, прежде всего, покаяние, вера и уверование. Симон Пётр надеется на христианский отклик (в сердцах) народа Божия, к к-рому он сопринадлежит.¹²²

В стихах 22-24 гл.3 называются имена первопророка Моисея и пророка Самуила, с наименованием предсказанного Моисеем *Пророка верного*, К-рого воздвигнет израэлитам Господь, и с акцентацией всех пророков от Самуила (XIV.), т.е. в 1000-летнем интервале до печати пророков Иоанна Предтечи и, наконец, (в т.ч.) Пророка Пророков — Мессии Христа. Хронологический-метаисторический принцип присутствует как во всех 4-х Евангелиях, так и в Деяниях.

Не сделался ли Самуил (помазатель Саула и затем Давида) последним судией Израиля ок. 1048г. до н.э., за 100 лет до окончания строительства Соломонова дворца ок. 948г. до н.э. и за 1080 лет (половина Космического года длиной в 2160 лет) до Мистерии Голгофы 33г. н.э., К-рая, к слову, отстоит на 1000 лет от начала строительства Соломоном Первого храма весной 968г. до н.э. Не прошло ли на 6.07.33г. (годовщина Петрова исповедания Иисуса Христом 6.07. = 9 таммуза 32г.) ровно три с половиной года от Крещения Иоанном Иисуса в Иордане 6.01.30г. Не исполняется ли 13.07.33г. ровно год со времени Преображения Господня 13.07. = 17 таммуза 32г. н.э.

¹¹⁹ «Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться» (Д.Ап.17,30). «Как послушные дети, не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем, / Но, по примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках» (1Пет.1,14/15). «Будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их» (Еф.4,18).

¹²⁰ Но с этим подходом соседствует, не перечая ему, и иной. «Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остаётся на вас» (Ио.9,41). «Если бы Я не пришёл и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения в грехе своём» (Ио.15,22). «Итак, кто разумет делать добро и не делает, тому грех» (Иак.4,17).

¹²¹ «О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, / Ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придёт, как тать ночью. / Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут» (1Фес.5,1-3) (Мф.24,36; Мк.13,32; Д.Ап.1,7).

¹²² «Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали (иудеям): вам первым надлежало быть проповедану слову Божию; но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот мы обращаемся к язычникам: / Ибо так заповедал нам Господь: «Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли» (Д.Ап.13,46/47). «Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину» (Рим.1,16).

Причём примечательно удивление Цанна (AG, S.157) тому, что Лк., достаточно вольно парафразируя Моисея из Втор.18,15-18, выражается в Д.Ап.3,22 словом, тождественным (отсутствующему у Мф.17,5 и Мк.9,7) слову, при благовествовании Третьим Евангелистом именно Таинства Преображения Господня (9,35)! Не самое ли время вспомнить дату исцеления Петром и Иоанном хромого в 14-е воскресенье от воскресенской Пасхи 5 апреля и в 7-е (или – 8-е, включая собственно пятидесятничное) воскресенье от первой христианской Троицы 24 мая, а именно – в пролептическое воскресенье 12 июля 33г. н.э., в, как сказано, канун исторической годовщины Преображения 13.07.32г. Знай Цанн об этом, у него не возникло бы вопроса по поводу употребления Лукой, при благовествовании действия исцеления Петром (и Иоанном) хромого, именно преобразенского термина! То-то не кто иной как Пётр, один из свидетелей-очевидцев действия-таинства на г. Фавор, вновь обратится к Преображению незадолго до своего мученичества в 67г. н.э. (2П.1,16-18).

И вновь Дееписатель возвращается к смычке Древнего Завета с Новым, к отцу Аврааму, в семени к-рого, согласно обетованию Господню, «благословятся все племена земные» (Б.12,3; Д.Ап.3,25). И слово Петра ещё более отчётливо концентрируется на воскрешении Богом Сына Своего Иисуса, снаряжённого прежде всего к израэлитам, посланного благословить подлежащих отвращению от злых дел евреев-израэлитов.

Не спустился ли Моисей с Синая в день 17 таммуза (исшестввенного 1447г.) и не разбил ли он скрижали, наткнувшись на поклонение золотому тельцу. Не избили ли оставшиеся верными Господу левиты, по велению Моисея, 3 тыс. отщепенцев (Исх.32,28).¹²³ Не были ли то души тех 3-х тыс., к-рые обратились из импульса святодуховенной Пятидесятницы 24.05., т.е. души III-й Пост-Атлантической Египетско-Халдейской культуры, под знаком Тельца (2908/07 – 748/47гг. до н.э.) (см. выше), тогда как из слушавших в Соломоновом притворе празднично-преобразенское слово второй проповеди исцелителя Петра уверовали, обратившись душами, 5 тыс. человек. Вспомним о 5-и тыс., духовно насыщенных Иисусом на Пасху 32г., и о душах современной нам V-й Пост-Атлантической Германо-Англосаксонской культуры, под знаком Рыб (1413 – 3573гг.).

Впрочем, преобразенское уверование 5-и тыс. Лк. благовествует не под воскресно-преобразенским, по подвижному литургическому календарю, днём Петрова-Иоаннова исцеления хромого Творцом Иисусом и проповеди к народу 12.07. (день *золотого* Солнца), а под днём следующим, к-рый суть, скажем ещё раз, пришедшийся на историческую годовщину Преображения понедельник (день *серебряной* Луны) 13.07. (4,4).¹²⁴

¹²³ Помимо того, иудейское предание повествует о части эфраимитов, числом в 3 тыс. чел, к-рые-де изошли из Египта на 30 лет раньше назначенного срока, т.е. по истечении 400 вместо 430-и лет пребывания Израиля в стране-на-Ниле, чем согрешили пред Господом, и потому были, при попытке войти в Землю Обета, истреблены филистимлянами («Die Sagen der Juden», S.567/68).

¹²⁴ Поди не согласишься, что в мистериальных центрах (в одном из центров) на Армянском нагорье Мистерия Голгофы была воспринята-пережита, сродни переживанию посвящённых кельтских таинников на атлантическом *острове зелёного трелистника* в Ирландии, синхронно-симметрично-параллельно Её метаисторическому свершению (Д.И.851). Не хранилась ли в одном из таинственных центров Малой Азии (за семью печатями) в Великой Материнской ложе человечества пречистая-негрехопадшая душа Второго Адама! Не проходит ли географическая граница М.Азии (к-рая сама, до р. Галис, есть часть-окраина Европы в Азии!) от упирающегося в восточный берег Чёрного моря 40-го меридиана, по диагонали, к оз. Ван (Армянское море), западнее к-рого, на линии малоазийской границы, расположено, вероятно, самое загадочное место в (Западной) Армении – герменевтически-туманная Таронская долина (с городом Муш – название от племени мушков; или от $U\eta\mu\zeta$ – Мшуш – туман), где

Дело принимает серьёзный оборот и иудейские синедриональные верхи более не могут не реагировать на происходящее. Число христиан растёт, они (не) перестают (ли) быть одной из иудейских сект, они веруют и призывают (у)веровать в Воскресение Распятого (как в воскресшего Сына Божия?! как в Бога!?), чем откровенно противоречат-перечат ортодоксии, чем несут-распространяют ужасную ересь и т.д. Этот Симон Пётр перешёл границу дозволенного, посмев напомнить иудеям о намерении Пилата отпустить Иисуса и об отпущении инициативой иудейских верхов мокрушника Вараввы. Необходимо вмешаться. Пора потребовать дерзновенных учеников Того, Кто распят и никоим образом не может воскреснуть, к ответу. И репрезентанты иудейской власти приступают к проповедующим в притворе Соломона народу Петру с Иоанном.

АРЕСТ АПОСТОЛОВ // СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЕТРА ПЕРЕД СИНЕДРИОНОМ // РАДОСТЬ И МОЛИТВА ЦЕРКВИ

(июль 33г.)

«Когда они говорили к народу, к ним приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи,

Досадуя на то, что они учат народ и проповедуют в Иисусе воскресение из мёртвых; И наложили на них руки и отдали их под стражу до утра; ибо уже был вечер.

Многие же из слушавших слово уверовали; и было число таковых людей около пяти тысяч.

На другой день собрались в Иерусалим начальники их и старейшины и книжники.

И Анна первосвященник и Каиафа и Иоанн и Александр и прочие из рода первосвященнического,

И поставивши их посреди, спрашивали: какою силою или каким именем вы сделали это?

Тогда Пётр, исполнившись Духа Святого, сказал им: начальники народа и старейшины Израильские!

Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелён,

То да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мёртвых, Им поставлен он пред вами здрав:

Он есть камень, пренебрежённый вами зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения;

Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, к-рым надлежало бы нам спастись.

Видя смелость Петра и Иоанна и приметивши, что они люди некнижные и простые, они удивлялись; между тем узнавали их, что они были с Иисусом;

Видя же исцелённого человека, стоящего с ними, ничего не могли сказать вопреки.

И приказавши им выйти вон из синедриона, рассуждали между собою,

Говоря: что нам делать с этими людьми? ибо всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими сделано явное чудо, и мы не можем отвергнуть сего;

находились различные, — одно таинственнее другого, — языческие святилища и впоследствии значительные христианские святыни! Не размыкается ли ванская скала, куда ушёл Мнер Младший (врата Мнера), за к-рой вращается колесо судьбы, горит неугасимая лампада и открыты золотые россыпи, дважды в год — именно на (срединную между Пасхой и Преображением) Троицу и на Преображение; или — именно на (замыкающее пасхально-праздничный цикл) Преображение и на (святодуховенную) Троицу (Т.Г.796/97)!

Но, чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозою запретим им, чтобы не говорили об имени сём никому из людей.

И призвавши их, приказали им отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса.

Но Пётр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога?

Мы не можем не говорить того, что видели и слышали.

Они же, пригрозивши, отпустили их, не находя возможности наказать их, по причине народа, потому что все прославляли Бога за происшедшее;

Ибо лет более сорока было тому человеку, над к-рым сделалось сие чудо исцеления.

Бывши отпущены, они пришли к своим и пересказали, что говорили им первосвященники и старейшины.

Они же, выслушавши, единодушно возвысили голос к Богу и сказали: Владыко Божже, сотворивший небо и землю и море и всё, что в них!

Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: «что мнутя язычники, и народы замышляют тщетное?

Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и Христа Его».

Ибо по истине собрались в городе сём на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским,

Чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой;

И ныне, Господи, возри на угрозы их и дай рабам твоим со всею смелостью говорить слово Твоё,

Тогда как Ты простираешь руку Твою на исцеление и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса.

И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие с дерзновением.

У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее.

Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа; и великая благодать была на всех их.

Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, к-рые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного

И полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чём кто имел нужду.» (Д.Ап.4,1-35)

Итак, к проповедовавшим народу в притворе Соломоновом Апостолам Петру и Иоанну приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи. «Т.Б.» (т.3., Д.Ап., с.30) ссылается на «определённые члены греческого подлинника», к-рые указывают на священников вполне определённой, т.е. служившей в ту седмицу в храме, богослужебной чреды (одной из 24-х чред). Следовательно, если принять версию «Т.Б.», это были священники от (из) заступившей на службу в субботу 11.07.33г. эфемериды. Учитывая же (про-)саддукейство храмово-иерусалимского священства, их вмешательство было обусловлено отсутствием у Апостолов полномочий учить народ (ереси о воскресении мёртвых) в храме. Тем не менее, показательно, что священники, служившие в Священском притворе, проявляют, вместе с начальниками стражи и яркими противниками учения о воскресении мёртвых саддукеями, инициативу в общедоступном притворе Соломоновом, при дворе Язычников, до двора Женщин.

Причём ведь дело происходило после вечерней жертвы 12.07., и беря в расчёт интервал времени, понадобившийся Петру на благовестуемую Дееписателем проповедь, время, при подступлении к Петру и Иоанну священников, начальников стражи, саддукеев, склонялось к вечеру, почему разбирательство деликта заключённых

под стражу (задержанных) Апостолов было отложено на (первую половину дня) завтра(шнего).

В отношении представителей храмовой стражи, речь идёт (может идти) о репрезентантах стражи собственно священной, из Аронидов, предусмотренной, прежде всего, для охранения Священного притвора, равно полномочной повсеместно на территории храма, и о репрезентантах основной левитской стражи для всех прочих Притворов. Вспомним об аресте Иисуса в Гефсимании в ночь со 2-го на 3.04., произведённом (в первую очередь) именно (осуществлявшей при синедриональной иерократии, в пору вассального, с бг. н.э., статуса Иудеи, расширенные полицейские функции) левитско-храмовой стражей (Т.Г. 1491-93).

Издrevле, ещё со времён до сооружения храма, своего рода сакрально-полицейское охранение скинии и затем Иерусалимского святилища было одной из главных обязанностей левитов (к-рые, как известно, не получив земельного удела в Земле Обета, обжили 48 левитских городов в уделах 12-и колен): 1Пар.9,19: стражи у порогов скинии (отцы к-рых охраняли вход в стан Господень). Давид избрал для охранно-караульного служения при скинии и в дальнейшем при храме – 4 тыс. левитских привратников (1Пар.9,22; 25; 23,5; 4Ц.23,4). Они регулярно заступали на службу одновременно с богослужебно-седмичными священскими чредами, при к-рых состояли, и совместно с к-рыми сменялись по субботам.

Стражные левиты бодрствовали круглосуточно у открывавшихся и закрывавшихся ими ворот храма (1Пар.9,17; 27; 26,1-13), несли вахту при жилищах, сокровищницах и кладовых дома Господня (9,26; 26,17), являлись хранителями облачений (4Ц.23,4), плюс к тому, иногда их, как надёжнейших стражей, использовали и при охране городских ворот (Неем.3,29; 13,22).

Со своей стороны, старшинствовавшие (и надзиравшие) над левитами Арониды бдили в Священном приворе и у входов в него: так, если по ночам левитам доверялся 21 пост, то в ведении священной стражи находились 3 закрытых для левитов внутренних поста Святилища (Миддот 1,1) (Т.Г. 1536) и т.д.

Нижеследующим после первосвященника предстоятелем храма был сеган или саган (ассир. – знатнейший/главнейший) – второе должностное лицо при храме, само собой, – Аронид, и само собой, член одной из первосвященских фамилий (Р.л. 1060), а в означенное время приоритетов влиятельного экс-первосвященника Анны и действующего первосвященника Каиафы (18 – 36гг.) – наверняка член могущественного аронидского клана Анны. Сагану подчинялись два начальника храмовых стражей – священной и левитской, плюс – хранитель (храмовых) сокровищ (казначей), и др.

Притом, согласно трактату «Миддот» (1,4), при портичных вратах Ниоц (ворота Искры) на северной стороне храма (сообщавшейся с цитаделью Антония, где гарнизонировали римляне), между внутренним и внешним притворами, у ворот, располагалось специальное здание, верхний этаж к-рого занимала (малочисленная) священная стража, тогда как нижний – (многочисленная) левитская (Цанн «AG», S.160-79).

Кем были поимённо называемые Дееписателем, после Анны с Каиафой, в числе собравшихся против Петра и Иоанна 12.07., Иоанн и Александр из рода первосвященнического, – вопрос/вопросы: Иоанн – сеган? Александр – начальник священной и (или) левитской стражи? Впрочем, если Иоанн (в некоторых манускриптах – Ионафан), возможно, один из 5-и сыновей Анны, первосвященски сменивший (смещённого Вителлием) Каиафу в 36г., то Александр ближе не идентифицируется. Безосновательно также предполагать в Иоанне (Иоханане), как думает известный английский теолог J.Lightfoot (1828 – 89гг.) (Штрак/Биллербек, S.631), молодого (р.) Иоханана б. Заккаи (к-рый был фарисеем, а не саддукеем).

К священникам и начальникам стражи примкнули (учёные) саддукеи, к-рые опирались на Пятикнижие, к Пророкам относились отрицательно, стояли за буквализм в понимании Писания, устные предания и всякие толкования к Закону отвергали, более того, сообразно Д.Ап., учили, «что нет воскресения, ни Ангела, ни духа» (Д.Ап.23,8) (Р.л. 371-73). Таким образом, они конфронтировали (не могучи не конфронтировать) как с веровавшими в воскресение фарисеями, так и с вошедшими в резкое противоречие с иерократически начальственным в означенный период времени над прихрамовыми иудеями саддукейством (саддукейство 4-х ведущих первосвященских фамилий и их приверженцев, приспешников, прихлебателей) новоявленными христианами. Следуя саддукеям, всякие байки о каком-либо воскресении Иисуса вредны, непозволительны, подсудны, в то время как тело Распятого, к-рое (пусть необъяснимо) загадочно исчезло из гробницы Иосифа Аримафейского, безусловно, выкрали (и тайно перезахоронили) Его (оказывается, вовсе небезобидные-зловредные) ученики.

Где конкретно, в каком из карцеров-зинданов лишённые свободы Пётр и Иоанн провели подстражную ночь – неизвестно, ибо Лк. это не оговаривает, зато в стихе 4 гл.4 благовествуется уверование ок. 5-и тыс. (израэлитов), т.е. тех, к-рые были импульсированы к уверованию во Христа знаменательными событиями преображенческого воскресенья 12.07. – апостольским исцелением хромого и страстной, в притворе Соломоновом, проповедью Петра¹²⁵, что, повторим, превзошло количество обратившихся благодаря святодуховенной Пятидесятнице (3 тыс.).

И вот на следующий день, в понедельник 13.07., подстражным Петру с Иоанном пришлось предстать перед верховным иудейским судилищем – синедрионом. В стихе 5 называется Иерусалим, соответственно чему, Апостолов поставили перед судом, по всему, не в храме, но в городе, в городской синедриональной резиденции, в здании Совета у Ксиса, там, где синедрионом был осуждён-(до)приговорён, после стержневого ночного судилища у Каиафы, пятничным утром 3.04. Христос, о чём (уместно вспомнить) сообщается только в Ев. от Лк. автором Д.Ап. Если Мф. и Мк. делают упор на ночном домашнем судилище у Каиафы, чему Иоанн предпосылает короткое, однако крайне важное, разбирательство у давшего отмашку (своему зятю) *смотрящему* Каиафе *пахана* Анны, то Лк. вообще молчит о разбирательствах ночных, констатируя поставивший в деле и судьбе Иисуса официально-синедриональную иудейскую печать суд именно утренний (на к-рый наложил *крестную* державно-римскую резолюцию Понтий Пилат правитель).

* * *

Поставленные, как утром 3.04. Иисус, посреди суда, проведшие ночь в застенке, Апостолы Пётр и Иоанн, были спрошены собравшимися синедристами, – какую силою и каким именем они исцелили хромого от рождения? Не то, чтобы синедристы не знали, каким именем калека был исцелён, но, при всех случаях, нормы и формы полагалось соблюсти. Касаемо же неведомой им, касаемо чуждой им силы, они и вправду в неведении, поскольку Христова сила (не от мира сего) выше их разума. Вдобавок к тому, хитрованы-судьи (а судьи кто?) рассчитывали на само-разоблачительный компромат из уст Апостолов.

Тем временем, единый с Иоанном во духе Пётр, исполнившись Духа Святого, обратился к (судействующим) начальникам народа и старейшинам израильским с

¹²⁵ Иоанн Златоуст: «уверовали ок. 5-и тыс.»... Что это значит? Разве они видели Апостолов во славе? Не видели ли, напротив, что их связали? Как же уверовали? Видишь ли явную силу Божию? Ведь и тем, к-рые уверовали, надлежало бы сделаться от этого немощнее, но они не сделались. Речь Петра глубоко бросила семена и затронула их душу» («Беседы на Д.Ап.4»).

речью, ставшей его третьей со дня Троицы проповедью. Из уст Петра звучит в адрес как начальников со старейшинами, так и всего народа израильского вдохновенное-святодуховенное слово, по сути, о тождестве силы имени Иисуса Христа Назорея, К-рого задавшие Петру профанаторский вопрос отцы нации распяли, но К-рого Бог воскресил из мёртвых. На повестке дня как прямой, так и фигуральный смысл, ибо, во-первых, Воскресший 40 дней являлся тем, кому хотел, а во-вторых, Пётр ныне говорит силою и именем, в силе и во имени Иисуса. Преемственная сущностная и хроно-связка между Воскресением Христа, Троицей и уврачеванием Петром (в паре с Иоанном) калеки от рождения, на 42-м году жизни этого калеки, очевидна!

И не симптоматично ли Петрово обращение к Псалтири, к Псалму 117! Вспомним, сродни Петру, рассказанную Иисусом притчу о злых виноградарях в мартимальный Страстной вторник 31.03.33г. (Т.Г. 1262-67). Если до поры Христова проповедь была обращена к ветхозаветно богоизбранным (Мф.10) и лишь крохи перепали псам (15,27), то за убитого злыднями-виноградарями сына-наследника предводительствуемый горе-иерархами народ Древнего Завета платит потерей богоизбранничества, а краугольным камнем новой основы становится Христос Воскресший.¹²⁶ Не задействован ли осаннический Псалом 117 (22/23) в виноградарской параболе, по восходящей, от воскресной (29.03.33г.) «Осанны» к мартимальному вторнику! Не продолжает ли ныне, в годовщину Преображения, на уровне наглядного осуществления-свершения, провиденциально задействованную Иисусом 31.03. *каменно-краугольную* линию Пётр! Не свершилось ли, не вершится ли воочию и на деле предречение Иисуса! Камень – символ минерального мира. На проникнутом Христом одноименном Петру *камне-скале* воздвигается Церковь Господня, к-рую не одолеют врата ада!

Увы, зиждущие пренебрегли тем самым камнем, к-рый сделался, не мог не сделаться главою угла, и нет ни в ком ином спасения. Альтернативы не существует. Христос Спаситель безальтернативен. И нет другого (данного человеку) спасительного имени под небом, как нет и не может быть в данном слове Петра *Великого* какого-либо места-местечка ни либера(ли)стической толерантности, ни плюрализиру мнений. Истинное беспартийное исповедание Христа во Духе не терпит многопартийности-множественности!

Не сказано ли в Кн.Даниила: «...а камень, разбивший истукан, сделался великою горою и наполнил всю землю» (2,35). Или ещё: «И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, к-рое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (2,44). Не возвестил ли Архангел Гавриил Марии Благодатной в мартовское Благовещение 1г. н.э. об упасённом в Великой Материнской ложе человечества Втором Адаме – о Христе Господнем: «И будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца» (Лк.2,33)!

Отринутый одними строителями и поставленный во главу угла иного Строения иными строителями этот камень раздавит тех, на кого упадёт, и разобьются об него (о камень преткновенения) те, к-рые упадут на него (Лк.20,17/18; 1П.2,4-10; Рим.9,32). Место минерального камня заступил Логос. От старого каменного храма и камня основы (основания) в Святом-Святых не останется камня на камне, в то время как

¹²⁶ Иной ветхозаветный (расово-религиозный) смысл идеальной чистоты (незапятнанности) крови богоизбранного 12-коленного Израиля вкладывают в толкование *краугольного* камня из Пс.117 (22/23) талмудисты. «Мидраш к Пс.117 § 20 (244а): «От Авраама произошёл Исаак и дети Кетуры; от Исаака – Исав и его потомки. Но от Иакова – 12 колен, совершенных пред Богом (Быт.42,11: «Мы все дети одного человека; мы люди честные; рабы твои не бывали соглядателями; П.П.4,7: «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе»).

имя¹²⁷ и сила Христовы, в то время как Сам Христос Иисус суть храм духовного Логоса в душах и сердцах человеческих! И се главная составляющая превращённого в Логос новокраугольного камня Царствия Божия, к-рым начальствующие в народе (совратители народа) пренебрегли, и к-рым «надлежало бы нам спастись». Как видим, лимит долготерпения не исчерпан, шанс на спасение есть. Не упустите его, израэлиты! Имеющий уши, да (у)слышит исповедание Петром Иисуса перед синедрионом истинным Мессией! и имеющий глаза да (увидит) указанный Петром путь Спасения не только *во времени* (исцеление увечного), но и *в вечности* (христовосное преодоление греха и победа над смертью)!

Нельзя не изумиться смелости исполнившегося-исполненного Св. Духом¹²⁸ Петра, к-рый говорит к вынесшим Иисусу всего каких-то 100 дней назад смертный приговор судьям, ведя себя не столько как подсудимый и жертва, сколько как назначенный Богом судья! Рыбак из Галилеи держит проповедническую речь перед знатнейшими и учёнейшими мужами народа в законе (предрекая им падение в положение вне закона). И синедристы даже не столько возмущены, сколько изумлены. Как могут люди некнижные и простые (т.е. дилетанты и профаны без профессиональной квалификации книжников-законников, т.е. am-haarez = простодушные невежды в законе) говорить так?¹²⁹

Стало быть, в объективе Пётр и — на что Дееписатель указывает косвенно — именно Иоанн Зеведеев, мл. родной брат Иакова Ст., поскольку образованного, поскольку, в т.ч., книжного и непростого (ещё) до его воскрешения Христом Лазаря-Иоанна, у к-рого особый апостольский статус, невозможно (в отличие от сделанных Христом ловцами человеков галилейских рыбарей) сопричислить к людям некнижным (но некнижность не означает безграмотность) и простым (но простота/простосердечие не означает глупость).

Хотя из сердец выступающих двое как один, из объединённых Христом Петра и Иоанна (к-рый, в свою очередь, есть *одно* со ст. братом Иаковом!) исходит мощный

¹²⁷ «Кн.Еноха»: «...И в тот час был назван тот Сын человеческий возле Господа духов и Его имя перед Главою дней. И прежде чем солнце и знамения были сотворены, прежде чем звёзды небесные были созданы, Его имя было названо перед Господом духов. Он будет жезлом для праведных и святых, чтобы они опёрлись на него и не падали; и Он будет светом народов и чаянием тех, к-рые опечалены в своём сердце. Перед Ним упадут и поклонятся все живущие на земле, и будут хвалить, и прославлять, и петь хвалу имени Господа духов. И посему Он был избран и сокрыт перед Ним прежде даже, чем создан мир; и Он будет перед Ним до вечности. И премудрость Господа духов открыла Его святым и избранным, ибо Он охраняет жребий праведных, так как они возненавидели и презрели этот мир неправды, и все его произведения и пути возненавидели во имя Господа духов; ибо во имя Его они спасаются и Он становится отмстителем за их жизнь...» (8,48).

¹²⁸ В «Комм. на Д.Ап.4» Макдональд усматривает пятизначное исполнение первохристиан Св. Духом: 1) чтобы говорить (2,4; 4,8; 4,31); 2) чтобы служить (6,3); 3) чтобы быть пастырем (11,24); 4) чтобы обличать (13,9); 5) чтобы умереть (7,55).

¹²⁹ Феофилакт Болгарский: «Возможно быть и неграмотным (некнижным) и непростым, и простым и безграмотным; но тут совпадало и то и другое (т.е. и неграмотность, и простота). Поэтому иудеи и удивлялись, когда Пётр и Иоанн говорили и ораторствовали. Откуда же они получили это сведение, что Пётр и Иоанн таковы? Из слов их же самих — Петра и Иоанна. Ведь не просто говорит Лука «знали их», но — «узнавали их, что они были с Иисусом» во время страдания Его. Тогда они одни были с Ним. И видели иудеи их тогда смиренными и униженными; и эта именно неожиданная перемена особенно поразила их, ибо тот, кто тогда не мог снести взгляда вопрошавшей рабыни, тот теперь приходит в среду самих первосвященников и в синедрион и говорит с дерзновением» («Толк. на Д.Ап.4»).

Феофилакт имеет в виду следование Петра и Иоанна за подстражным Иисусом в ночь Гефсиманского ареста, когда остальные Апостолы разбежались, и когда позднее Пётр, благодаря Иоанну (Зеведееву), вошёл во двор дома первосвященника (где трижды отрёкся от Христа) (Т.Г. 1524-29).

Импульс Христа Спасителя, чем обусловлено и чудесное храмовое исцеление калеки, и последовавшее за ним, на следующий день, бесстрашное синедриональное свидетельство(вание) действующего и глаголящего за двоих (в паре с *единым* Иакову Иоанном) Петра. Не царственны ли они, *граждане и подданные* Царства Божия, царь Соломон и царь Хирам, в их рыбацко-апостольском воплощении! В Петре и Иоанне, на стороне к-рых истина, на стороне к-рых правда, нет страха. Они служат во времени вечному, тогда как всё олицетворяемое-представляемое декадентными-деградантными синедристами тленно и преходяще. Разве случайно обусловленная, в частности, этим вопиющим декадансом катастрофа 66 – 70гг. не за горами!

Содееянное силой и именем Христа наглядно, исцелённый Петром (и Иоанном) хромец тут (как тут), перед синедрионом: удостоверьтесь воочию, синедристы! От доказательства никуда не уйдёшь, от вида получившего ходячие ноги и сделавшегося здоровым засорокалетнего калеки деваться некуда. Впрочем, отсюда совсем не обязательно следует, как думают некоторые экзегеты, что давешний калека был взят вместе с Апостолами под стражу и протомился до утра с ними в застенке. Нет, скорее, его призвали или привели 13.07. в верховное судилище, после чего, увидев уврачёванного вживе, многие синедристы наверняка прикусили языки, ничего не могучи сказать вопреки. И действительно, что тут скажешь?! Не впору ли заткнуть варежку!

То-то судьи, решив посоветоваться между собой, приказали Апостолам на время покинуть судилище. Ситуация сложилась непростая, явное чудо стало известно всем иерусалимлянам, поскольку в городе хорошо знали много лет просившего милостыню в храме хромца. И возразить против этого богоугодного, к-рое никак не заклемишь богопротивным, чуда оппонентам чудотворцев нечего. Апостолы популярны в народе, количество христиан растёт. Тем не менее, с одной стороны, начальники народа ещё не до конца оценили исходящую для них от христианства опасность, между тем как, с другой, они руководствуются нормативными критериями и не находят ничего лучше, как запретить Апостолам говорить-учить именно об имени (якобы воскресшего, чего не может быть, потому что этого, согласно саддукеям, не может быть никогда) Иисуса, в т.ч., творить чудеса будто бы Его силою. Ведь творить небогопротивные исцелительные чудеса синедристы запретить не могут. Да и гнева народного жирующим предводителям народа предпочтительнее избежать.

И вновь призванным из присутственной прихожей пред высокий суд Петру с Иоанном в приказном порядке объявляют волю-решение верховного судилища. Но Пётр и Иоанн слушают Бога, действуя по воле Бога и не будучи в состоянии слушать более человек, нежели Бога, о чём они, непосредственные свидетели и очевидцы, непосредственные спутники Христа в земной жизни и продолжатели Его слова и дела, по Его Распятию и Воскресении, прямо заявляют верховникам: «Мы не можем не говорить того, что видели и слышали». ¹³⁰ Да, Апостолы и иудейские верховники живут и находятся в различной системе координат!

Впрочем, дело, всё-таки, как бы компромиссно спускается на тормозах. Правда, Апостолам угрожают карами за неподчинение принятому решению, однако, как констатирует Дееписатель, возможности реально наказать их в настоящий момент, из-за прохристианских-проапостольских, наипаче пред лицом (к лицу!) совершённого Петром чуда, настроений в народе, у начальников нет. Последние явно не

¹³⁰ В 1Макк. сказано: «Не послушаем мы слов царя, чтобы отступить нам от нашего богослужения вправо и влево» (2,22). В Кн.Дан. противостоящая похотливым старцам Сусанна говорит: «Лучше для меня не сделать этого и впасть в руки ваши, нежели согрешить пред Господом» (13,23).

желают, уходя от большого конфликта, какого-либо обострения. И потом саддукейские синедристы не желают конфликта с представленными в синедрионе и с влиятельными в народе фарисеями, к-рые хотя и отвергли персону Иисуса (кто не соблюдал субботы, пренебрегал преданием старцев, водился с мытарями и грешниками), но к-рые, вместе с тем, верят в воскресение мёртвых, и потому, с опасливой позиции саддукеев, могут сделаться, пусть временно, тактическими союзниками христиан, что, при всех случаях, саддукейству очень нежелательно.

С др. же стороны, если учение о воскресении мёртвых дискредитирует саддукеев, то перспективная отмена Иисусом национально-религиозной исключительности противохристианского еврейства в пользу овец языческого двора чревата бешенством, в первую очередь, именно национал-радикальных фарисеев. Но сейчас ни Пётр, ни проч. Апостолы не апеллируют к этому. Ибо, во-первых, всему своё время и место под солнцем, тогда как во-вторых, на повестке дня как обращение-крещение евреев-иудеев, так и определённого рода политическая линия защиты. Не столкнёт ли, притом весьма искусно, Ап. Павел в 58г. саддукеев и фарисеев лбами (Д.Ап.23)! (см. ниже)

А значит, — думали саддукейские предводители (в меру или безмерно отродсальное священство и в меру лаицизированные-эллинизированные нобили-нотабли — т.н. аристократы и олигархат) летом 33г. — повременим; а значит, не будем перегибать чреватую палку, не будем пороть горячку; мол, проживём — увидим, мол, прибегнуть к репрессиям пожёстче никогда не поздно, в то время как пока за благодетельное исцеление покарать Петра с Иоанном, пред лицом явно сочувствующего им народа, возможным не представляется.

Отпущенные же, с грозным окриком-назиданием, Пётр и Иоанн отправились, нисколько не поколебленные, но, напротив, укрепившиеся в вере, к христианским сообщинникам, вероятно, в Сенакль, на Сионе (или — в Вифанию?), где рассказали обо всём, произошедшем с ними.

* * *

И дальше в месте собрания первохристианской общины звучит единодушная молитва верующих, в основе к-рой (2-й) Псалом (раба Божия) Давида. Опять обращённая из настоящего в перспективу метаисторическая ретроспектива. Ученики и приверженцы Сына Давидова (= Сына Божия) взывают к вознесённому тысячелетием раньше слову псалмопевца Давида. Мянутся народы и племена, замышляют тщетное, совещаются цари земли и князья против Господа и против помазанника Его. Воистину у Господа, как скажет в 67г. в своём 2-м Послании Пётр, «один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день» (3,8).¹³¹

Не был ли Машиах Иисус (бен Давид и бен Иосиф) помазан во Христа Небесного Крещением на Иордане! Не собрались ли на Христа Господня в Св. Иерусалиме светские (что святотатственно-кошунственно вдвойне) владыки: (простонародно звавшийся царём) князь-четверовластник Ирод и римский наместник Понтий Пилат, с римскими воинами-язычниками и народом Израильским! Не опасовал ли Пилат, пытаясь уйти от ответственности в Его деле, Иисуса из Назарета (к

¹³¹ Талмудисты толкуют Пс.2,1 на (времена) Гога и Магога (Авода Цара 3б; Берахот 10а; Пешикта 78б). Или любопытно следующее истолкование в «Берахот»: «Р. Иоханан (+ ок.279/80гг.) именем р. Симона б. Иохан: «Хуже плохое воспитание сына в доме мужа, нежели война Гога и Магога. Если в Пс. Давида, когда он бежал от Авессалома, сына своего (3,1), говорится: «Господи! как умножились враги мои! Многие восстают на меня» (3,2), то приложительно к войне Гога и Магога сказано: «Зачем мянутся народы и племена замышляют тщетное?» (2,1), но не сказано «как умножились враги мои» (7б).

галилейскому тетрарху Ироду, а Ирод — обратно к Пилату, после чего они, бывшие ранее во вражде друг с другом, сделались, по слову Евангелиста, «друзьями»! Не объединились ли супротив Христа в позорном альянсе израэлиты и язычники! Не распяли или Иисуса, с подачи израэлитов, римляне! В третий со дня Пятидесятницы раз Пётр, расставляя точки над *i*, неоднозначно, с различной акцентацией, называет всех в разной степени ответственных за убийство Иисуса (2,23; 3,13; 4,27).

Но одновременно — то, что они содеяли, было по предопределению руки и совета Господа. Свершилось то, чему надлежало неотвратимо свершиться. Через совершённое одними преступление, через величайшую трагедию, посредством её в мир пришло спасение, искупление, исцеление, избавление человек. И в конечном итоге, все враги Иисуса, и Пилат с Иродом, к-рые пассивно Его казни не желали, и синедристы, к-рые её активно вождели, выступили как часть той силы, к-рая творя зло, совершила благо, внося, пусть от обратного, пусть вопреки себе, свою лепту в Мистерию (Мистерий) Голгофы!¹³²

А теперь последователи Христа просят перед лицом синедриональной угрозы у Господа смелости в распространении слова Божия именем табуированного наложившим на него вето синедрионом Сына Божия. И по этой благочестивой молитве первохристиан не во имя своё поколебалось место, потряслась земля. Т.е. Господь одобрил слово Петра с Иоанном и молитву сообщинников знаменательным землетрясением (в юлианскую годовщину Преображения Господня 13.07.), к-рое было первым после землетрясений 3—5.04.33г.: спустя 101 день от пятничного дня Распятия 3.04.; спустя сто дней от субботнего *дня мёртвого солнца* 4.04.; и спустя 99 дней, на 100-й день от воскресного дня 5.04. Засим, если 100 последних политических дней Наполеона поставили печать на его окончательном поражении, то 100 первых дней воскресенского христианства были триумфально победоносными!

И — внимание! — землетрясенческий стих 31 гл.4, где собранные (в Сенакле) сообщинники (снова) исполняются все Духа Святого, кульминирует тем, что они — «говорили слово Божие с дерзновением». Причём это «говорили», не ограничиваясь днём 13.07., означает — «проповедовали» в дальнейшем. Остаётся спросить: когда именно? Ответим так: со дня возвращения Петра и Иоанна из синедриона и в последующее время, к-рое оптимально приходится на интервал времени протяжённостью не менее 3-х месяцев, включая августовскую историю Варнавы, сентябрьскую — Анании и Сапфиры..., до нового, вероятно, не ранее второй декады октября, по прошествии праздника Кушей (29.09. — 6.10.), ареста Апостолов (гл.5) (см. ниже).

Сопоставьте ещё раз характеристику жизни первых христиан в Д.Ап.2,42-47 и в 4,32-35. Если, стоит уточнить, в первом случае, на повестке дня состояние дел с мая по июль, то во втором, — с послепреображенского июля до посткущинского октября.

Однако, с трёхмесячной июльско-октябрьской перспективой мы, дробя её, что анонсировано выше, в нашем повествовании помесечно-пособытийно, повременим, обратив сейчас внимание на само сообщество первохристиан, у к-рых, согласно не красному словцу Дееписателя, — «было одно сердце и одна душа».¹³³

¹³² «Мидраш Есфирь» (2,21 (94а): «Р. Берехия (340г.) именем р. Леви (300г.): Сказано в Пс.45: «Придите и видите дела Господа, — какие произвёл Он опустошения на земле» (9). Он возбудил рабов к гневу против их Господина, дабы показать величие праведных. И это разумеет Кн.Есфирь: «В это время, как Мардохей сидел у ворот царских, два царских внука, Гавафа и Фарра, оберегавшие порог, озлобились, и замыслили наложить руку на царя Артаксеркса» (2,21). И это же разумеет Кн.Быт: «После сего виночерпий царя Египетского и хлебодар провинились пред господином своим, царём Египетским» (40,1).

¹³³ «Мекхильта Исход» (19,8 (71а): «И весь народ отвечал единогласно, говоря: всё, что сказал Господь, исполним. И донёс Моисей слова народа Господу» (Исх.19,8). Они ответили

Что в объективе? Единение и единство первохристианского сообщества в мысли, чувстве, воле (Denken, Fühlen, Wollen), его соборность в экзистенциальных взаимоотношениях сообщинников, в условиях, когда становящаяся Церковь уже есть, а собственно разделения на духовенство и мирян ещё нет. То-то (кармически египетский посвящённый) Лука – автор как христианско-буддийского Ев. от Лк., т.е. инспирационной Книги-Целебника грядущей VI-й Славянской культуры, под знаком Водолея-Купалы, так и автор V-го Евангелия Воскресения¹³⁴, известного как Кн. Деяний Апостольских, к-рой также суждена особая миссия в особо знаменательную для России Славянскую эпоху Соборности, в эпоху идущего на смену современной культуре Души Сознательной (Германо-Англосаксонская, под знаком Рыб) Самодуха, предшествующей заключительной (в Пятой Пост-Атлантической стадии эволюции) VII-й (Американской, под знаком Козерога) культуре Жизнедуха.

В дееписательском объективе важность любви между сообщинниками, важность, кроме молитвы и свидетельств, материальной составляющей, актуальность несовместимого ни с эгоцентрическим индивидуализмом, ни с тоталитарным коллективизмом Соборного братства. При всём том, христиане не жировали, в отличие от саддукеев, на нуждах народа, не требовали, в отличие от фарисеев, большевистской партийности, и не отгораживались, в отличие от ессеев, от мира воротами без покраски, от к-рых, не имея за ними доли, губительно бежали к людям и в люди Люцифер и Ариман (дьявол и сатана). Нет, исполненные Св. Духом апостольские ловцы-спасатели человеков, сами шли именем и силою Христа, множа проповедью и деянием число членов общины, к людям, в люди, беря их под защиту, принимая на себя предназначенные слабым и беззащитным мира сего удары (отринутых отринувшими людей ессеями) Люцифера и Аримана.

В отношениях между первыми христианами существовала искренняя потребность делиться друг с другом не по требованию закона, но по зову сердца, не в принудительном порядке, но по собственной сердечной инициативе. Это отнюдь не социализм коммунистов с его насильственной экспроприацией экспроприаторов, ибо обобществление полагавшейся к ногам Апостолов собственности, право на к-рую никто не отменял, являлось делом сознательно добровольным. И посему речь здесь следует вести об истинно христианской благотворительности в основном на принципах сочеловечности единых в мышлении, чувстве, воле людей равноправном человеческом сообществе, где «каждому давалось, в чём кто имел нужду».¹³⁵

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ДАР ИОСИИ ВАРНАВЫ

(август 33г.)

«Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, – что значит «сын утешения», – левит, родом Кипрянин,

У к-рого была своя земля, продал её, принёс деньги и положил к ногам Апостолов.»
(Д.Ап.4,36/37)

не безбожно, не лицемерно и не одни за счёт других, но все они были как одно сердце, и потому отвечали единогласно».

¹³⁴ Воскресение Господа Иисуса Христа – ключ Евангелия Воскресения, и именно о Воскресении Господнем Апостолы свидетельствовали с «великою силою», и «великая (воскресенская) благодать» была на всех их. См. ср.: «великий страх» (Д.Ап.5,5; 11); «великое гонение» (8,1); «великая радость» (8,8; 15,3); «великое число уверовавших» (11,21).

¹³⁵ Концепция трёхчленности социального организма, сообразно антропософии Р.Штайнера (в отличие от превратившей эти принципы в подёртый гильотиной профанированный лозунг Французской революции): Свобода – в Духовной сфере; Равенство – перед законом в политико-правовой сфере; Братство – взаимовыгодное сотрудничество – в экономической сфере.

Прозванный Апостолами Варнавой (*сын утешения*; или *сын пророчества*) Иосия (у Епифания – Иосиф) приходился не племянником, как неверно стоит в русском синодальном переводе (Кол.4,10), а двоюродным (по отцу) братом Ев. Марку. Оба они были левитами родом, причём Варнава, сопринадлежа еврейству Диаспоры, родился и вырос на Кипре, будучи, таким образом, знаком с эллинистической средой и выступив впоследствии посредником как при допавлианском, так и, главное, при павлианском исшествии христианства из еврейства в Ойкумену. Притом он даже предваряет Савла/Павла в этой великохристианской миссии, сродни, в определённом смысле, предшествованию Иоанна Предтечи Иисусу Христу.

К слову, посвятивший Варнаве «Похвальное слово» монах Александр Кипрский (VIв.) возводит его родословие к пророку Самуилу (1,9), безоговорочно сопричисляя Самуила к левитам (в смысле его, в т.ч., происхождения из колена Левиина). Хотя последний, как мы приняли в «Р.л.» (417), скорее, происходил от иосифлянина Ефрема (1Ц.1,1), несмотря на его родословие от Левия, согласно 1Пар.6. Дело в том, что (особое) левитское служение могли, в исключительном порядке, осуществлять не только потомки Левия. Не сказано ли (без дальнейших пояснений) в Кн.Судей: «Один юноша из Вифлеема Иудейского, из колена Иудина, левит» (17,7)!

И если сыновья Давида из колена Иудина, в эксклюзивном порядке, могли быть (неаронидскими) «священниками при дворе» (1Пар.18,17) (Р.л. 381), т.е. представлять (некое) загадочно-латентное неаронидское (нехрамовое) священство (пролептический чин Мелхиседека!), то, спрашивается, почему бы потомкам Иуды или Иосифа-Ефрема не быть также (или, тем более) некими загадочно-сокрытыми, с генезисом не от Левия, левитами?! Не происходил ли преемник левита Моисея и предшественник разноколенных судей израильских Иисус Навин от Иосифа-Ефрема, из дома Иосифа-Израиля! Не надлежало ли, не полагалось ли последнему израильскому судье Самуилу, помазателю на царство Саула (из колена Вениаминова) и затем Давида (из колена Иудина), тоже, сходно Иисусу Навину, быть из колена Ефрема, из дома Иосифа!

В то же время основную массу духовенских левитов, само собой, составляли именно потомки третьего сына Иакова от Лии – Левия, дробившиеся по его трём сыновьям – Гершон, Кагат, Мерари – на гершонитов, кагатитов и мераритов. В пустыне Господь избрал их вместо первородных и они были посвящены во (на) служение Господу (Ч.3,6-8,12). Однако, от восходящих к Левию (брата Моисея) Аарона и его сыновей, к-рые положили начало высшему израильскому духовенству = аронидскому священству, левитство, как низшее вспомогательное духовенство, отличалось тем, что, происходя из колена Левия, оно одновременно не происходило из (поднятого на ранг-уровень *дома*) экстрактно-священского рода Аарона и его потомков (Р.л. 767-71-78; Т.Г. 853/54).

Богослужебно и служительски сопутствуя священникам в пустыне и далее в Земле Обета, левиты заботились о переносной скинии и её атрибутах, учили народ закону, набожности и богобоязненности, несли вахту и отправляли различные обязанности при скинии. Они не получили земельный удел в Палестине (Ч.18,20), получив (как посвящённые Богу консолидаторы-объединители народа Божия) 48 городов, 13 из к-рых обжили священники, для обитания в уделах прочих колен. Им отчислялась десятина, из к-рой они, в свою очередь, отчисляли десятину священникам (Ч.18,26-32; Неем.10,39).

Приданное делившемуся, сообразно Давиду, на 24 чреды священству левитство аналогично делилось на 24 подразделения, каждое из к-рых сопровождало свою священскую чреду и содействовало ей в богослужении при сооружённом Соломоном Иерусалимском храме (ротационный порядок круговорота мишмарот), имея

храмовый доступ до открытого и крытого притвора Священников, вход куда левитам (евр. — мешарет; букв. — слуга) возбранялся (всегда ли? и всем ли?).

В храме левиты, не имея права приближаться к алтарю всежжения или к жертвеннику кадильному и прикасаться к атрибутам священников, надевали по праздникам дорогие облачения, славословили Господа музыкой и пением псалмов, занимались приготовлением жертвенных животных для заклания, приёмом их от народа, несли бдительную охрану у врат, отвечали за одежды, сосуды, светильники, носили дрова и воду, опять-таки, учили весь Израиль закону, равно страху пред Богом и т.д. Живя в разных местах, они связывали колена между собой. Для тяжёлых работ им в помощь предоставлялись специальные храмовые рабы — гибеониты и военнопленные. Возраст левитского служения — с 25-и до 50-и лет. И пусть Давид опустил его до (общеслужительских) 20-и лет, но, надо полагать, что ответственные собственно духовенско-левитские обязанности отправлялись левитами, по возрастной нарастающей, с 25-и, и, наконец, с 30-и лет (см. ср. 1Пар.23,3-5; 24-26; 2Пар.31,17; Езд.3,8).¹³⁶

После раскола Израиля на Северное и Южное царства (931г. до н.э.), после богопротивного введения раскольником Иеровоамом (I) в Северном царстве альтернативного иерусалимскому культа, множество священников и левитов перешли, навсегда покинув десятиколенный Израиль, в Иуду, где поселились в Иерусалиме, близ него и в др. достаточно миниатюрных иудейских пределах (2Пар.11,13). Они способствовали первосвященнику Иодаю в деле свержения Гофолии, в восстановлении храма, активничали на стороне реформаторов Езекии и Иосии. По возвращении из Вавилонского плена, находились среди репатриантов и заступили во Втором храме на служение (Езд.2,40-42; 3,8; 8,15-19; Неем.11,15; 12,1; 27-30; 13,22).

При всём том, ошибочно удивляться вместе с некоторыми экзегетами (Макдональд), откуда, дескать, у левита родом Варнавы земля, коли левиты не получили в Земле Обета землю. Да, колено Левия не получило земельного удела, между тем как левиты в местах поселения получили во владение и поля, и пастбища, и сады, т.е. получили земельные наделы, на к-рых жили и с к-рых кормились.

Отсюда нет ничего удивительного в факте владения потомственным левитом Варнавой (к-рый, как еврей Диаспоры, не подлежал левитскому призыву и служению) землёй где-то окрест Иерусалима или неподалёку от Иерусалима (большинство левитов, как и священников, обитали в Иерусалиме и в наиболее священном городе Иудеи — Иерихоне), продав к-рую, он дарственно положил всю вырученную (на нужды христианской общины) с продажи сумму к ногам Апостолов.

* * *

По всему, Иосия Варнава родился на рубеже эр, ок. 1/1гг., поскольку, с одной стороны, если уж ему довелось быть соучеником родившегося в 3г. н.э. Савла/ Павла в школе Гамалиила (Александр Кипрский — Vlv.), значит, они с Павлом приблизительно одного возраста, в то время как, со стороны другой, в 11-й, 12-й и в 13-й (стихи 1-12) главах Деяний Дееписатель всегда называет имя Варнавы перед именем Савла, из чего, конечно, не обязательно, но возможно и вполне реально выводится, по смыслу текста, в частности, возрастное старшинство первого. Кроме

¹³⁶ Возраст с 25-и до 30-и лет иудеи считали временем обучения и подготовки. Так, если минимальный возрастной ценз членства в синагогине составлял 30 лет, то и учителя-равви обычно выступали как самостоятельные учителя учеников не ранее, чем с 30-и лет (см. ниже).

того, во время Первого миссионерского путешествия Павла, в Листре (ок. 47г.) (см. ниже), после исцеления Павлом хромого от рождения, восхищённые язычники называли его Гермесом, одновременно титулуя Варнаву Зевсом (Д.Ап.14,12), что может указывать как на внешнюю импозантность Варнавы, в сравнении с малорослым, лысым и длинноносим Павлом, так и на то, что Варнава был несколько старше своего спутника годами.

Так или иначе, славослов Александр Кипрский связывает обращение Варнавы с Христовым исцелением расслабленного в, о чём мы знаем, сентябре 31г. (Судный день) у купальни Вифезда (Ио.5), став, мол, свидетелем чего, он пал к стопам Спасителя и испросил Его благословения (1,12).

Вовсе не исключено, что Варнава был свидетелем исцеления 38 лет расслабленного при купальне Вифезда, сделавшись в 32г. одним из 70-и Малых Апостолов, однако, похоже, монах Александр (пусть опираясь, по его уверению, в слове о Варнаве на Климента Ал. и на др. раннехристианских авторов) перегибает. Видимо, несомненно, лично слушавший, видевший, знавший Христа (Т.Г. 747/48), но всё же не входивший в число снаряжённых на служение по осени 32г. 70-и, куда церковная традиция включила его, из-за его последующего припадлианского статуса, постфактум, симпатизант христианства Варнава, скажем так, окончательно обратился ко Христу после Мистерии Голгофы (Воскресения, Вознесения, Пятидесятницы), под впечатлением исцеления Петром в июле 33г. нищего хромого у Красных ворот (к-рое живо перекликается с Иисусовым исцелением расслабленного в Судный день 31г.).¹³⁷

Вместе с тем, влияние-авторитетность Варнавы среди первохристиан констатируется уже на 37г. Когда Савл, после Дамаска 34г. и хождения (или хождения) в Аравию, пришёл, спустя три года, т.е. в 37г. н.э., сбежав от подстреканного дамасскими иудеями наместника набатейского царя Ареты (кто получил Дамаск от Калигулы), в Иерусалим (см. ниже), именно знавший Савла по школе Гамалиила (влиятельный среди христиан) Варнава убедил Апостолов в искренности обращения давешнего врага-гонителя христиан (Д.Ап.9,26/27). А дальше сведённый таким образом благодаря Варнаве с иерусалимско-христианской общиной Павел пробыл 15 дней у Петра и виделся с Иаковом, братом Господним (Гал.1,18/19) (см. ниже).

Тем временем, вскоре возник конфликт Павла с Еллинистами (переселившиеся на постоянное жительство в Иерусалим или посещавшие город евреи Диаспоры), и дабы он не подвергся участи Первомученика Стефана, братья-христиане сначала отправили его в Кесарию, откуда препроводили в родной для него киликийский Тарс (Д.Ап.9,29/30). И позднее, ок. 40/41г., не кто иной как Варнава привёл Павла из Тарса в Антиохию Сирийскую (11,25), где христиане как раз в 40/41гг. впервые наименовались христианами (см. ниже).

Апостольская же деятельность самого Варнавы началась, следует думать, после гибели в конце декабря 33г. Стефана, когда во время первого гонения на Церковь, покинувшие — 33/34г. — Иерусалим христианские подвижники, среди к-рых, предположительно, был и диспоральный еврей-эллинист Варнава, прошли с проповедью «до Финикии и Кипра и Антиохии» (11,19), о чём Лк. благовествует, охватно разумея семилетний миссионерский период 33/34 — 40/41гг. (см. ниже).

¹³⁷ Следует дифференцировать 70 призванных и снаряжённых в 32г. на служение Иисусом учеников как Малых Апостолов, и 70 Малых Апостолов (Века Апостольского), согласно церковной традиции, к-рая включила в это число (по числу народов Ойкумены от сыновей Ноя) также непалестинцев, не знавших Христа в земной жизни и обращённых в перспективе Апостолами учеников апостольских (см. ниже). Т.е. отнюдь не все из поимённого церковного списка-собора 70-и (известного со времени не ранее IVв.) есть те, к-рых в составе-числе 70-и (72-х) Иисус призвал в 32г. и поимённого перечня к-рых нет (см. ниже).

Судите сами. Если Апостолы снарядили Варнаву в 40г. в Антиохию, в связи с благовествованием Кипрянами и Киринейцами, иначе говоря, принявшими Христа кипрскими и киринейскими иудеями, Господа Иисуса Еллинам, что было для иудеохристиан внове, ибо до того они не обращали язычников, соответственно, скорей всего, Варнава бывал в Антиохии, или во всяком случае, лучше других знал специфику дела. Поскольку, вероятно, именно он обратил в предшествующие годы немалое число финикийских, кипрских, антиохийских и, м.б., киренских иудеев.

Вот так вот, во многом, с Иосии Варнавы, благодаря Иосии Варнаве, точнее, благодаря занятой им благосклонной в отношении обращения язычников позиции, стартовал в своём начатке великопавлианский ещё до Павла выход христианства из еврейства в языческую Ойкумену (Д.Ап.11,23). И это Варнава, увидев и одоблив в Антиохии успех проповеди среди Еллинов, возрадовавшись оному, по собственной инициативе, пошёл и, повторим, привёл в Антиохию, подключив его к активной миссионерской работе, заслуженно стяжавшего в дальнейшем славу всемирного Апостола язычников – Савла (Павла) из Тарса.

В 44г., в пору голода при кесаре Клавдии, Варнава и Савл прибыли из Антиохии с пожертвованиями в Иерусалим (Д.Ап.11,29/30), откуда возвратились назад, взяв с собой будущего Евангелиста Марка (12,25). В Антиохии Варнава встал во главе пророков и учителей (13,1); в 45 – 48гг. (см. ниже) сопровождал Павла в Первом миссионерском путешествии, в ходе к-рого Савл именно на Кипре, обратив римского наместника Сергия Павла, сделался из Савла Павлом. И позднее мы видим Павла и Варнаву (Иеремия и Варух!) вместе, совместно (душа в душу) деятельными, до Апостольского собора 51г., где их ойкуменическая павлианско-варнавианская линия мирового христианства = необременение язычников исполнением Моисеева закона – убедительно, открыв новый этап, вернее, новую эру в истории-метаистории вселенского христианства, одержала верх. Потом их пути разойдутся с началом – 51г. – Второго миссионерского путешествия Павла (51 – 54гг.), когда Варнава и Марк (Т.Г. 748/49) отправятся на Кипр, а Павел и Сила – в М.Азию и в Европу (см. ниже).¹³⁸

¹³⁸ Конфликт между Павлом и Варнавой случился после Апостольского собора, но ещё до разногласий по поводу Марка, когда Пётр и, как выражается Посл. к Галатам (см. 2,1-14), даже (убеждённый сторонник обращения язычников) Варнава, (временно) отмежевались от общения с необрезанными, при прибытии (51г.) в Антиохию (надо понимать, т.н. ортодоксальных) иудео-христианских посланцев от (иерусалимского епископа) Иакова (см. ниже). При всём том, размолвка была недолгой, т.к. вскоре Павел попросил Варнаву сопровождать его во Втором путешествии, однако разделился (не разругался) с ним из-за Марка (не желая брать, вследствие его ненадёжности, последнего, покинувшего их во время Первого путешествия, с собой). Встречались ли они позднее – вопрос, хотя о хорошем отношении Павла к Варнаве свидетельствуют как слова из 1Кор.9,6, так и тот факт, что со временем (варнавианский протеже) Марк стал преданным сотрудником (в т.ч.) Павла (Кол.4,10; 2Тим.4,11).

Позднейшие апокрифы достаточно разноречиво рассказывают о проповеди и чудесах, совершённых Варнавой (с Марком) на Кипре, плюс о миссионировании этого подвижника в Риме (куда некоторые апокрифисты *отправляют* его в пору аж до Распятия Спасителя, между тем как другие, числя за ним первенство в деле римской проповеди, разумеют 50-е гг. Iв.), Александрии, Медиолане. Мученичество почётно называемого первым в списке 70-и Малых Апостолов (за его заслуги) Варнавы описывается в соответствующих апокрифических «Актах» («Хождение и мученичество Св. Варнавы») Вв. и у Александра Кипрского (2,29), к-рые, разнясь между собой, сходятся относительно места мученической кончины Апостола – на родном для него Кипре. Дата – интервал, сообразно выкладкам апокрифов, церковных писателей и экзегетов, 57–62гг. Мы анонсированно примем за верное время ок. 60г., ибо, с одной стороны, апокрифы говорят о погребении мученика Марком, кто с 60/61гг. находился при Петре, а с др., сообщается о захоронении вместе с прахом сожжённого язычниками Варнавы (переписанного его рукой или полученного в подарок от Евангелиста) экземпляра Ев. от Матфея, составление к-рого было окончательно завершено работавшим над ним в 50-е гг. Евангелистом ок. 59/60гг. (см. ниже).

Впрочем, обо всём этом речь в нашем повествовании подробно пойдёт ниже, тогда как сейчас нам немаловажно задокументировать обращение в веру Христову первого левита (за к-рым последует обращение священников – 6,7). Причём весьма важно то, что автор Евангелия от Павла (христиано-буддийский) Дееписатель Лука, кого, сирийца-антиохийца, наверняка обратят ок. 40/41гг. в Антиохии именно Савл с Варнавой, выразительно противопоставляет щедрость и бескорыстие безостаточно пожертвовавшего все вырученные с продажи земли деньги первохристианской общине неопита Варнавы резко контрастирующему с его благородным деянием корыстному лицемерию Анания и Сапфиры.

АНАНИЯ И САПФИРА

(сентябрь 33г.)

«Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфиною, продав имение, Утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принёс и положил к ногам Апостолов.

Но Пётр сказал: Анания! для чего ты допустил сатане вложить в сердце твоё мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли?

Чем ты владел, не твоё ли было, и приобретённое продажею не в твоей ли власти находилось? для чего ты положил это в сердце твоём? ты солгал не человекам, а Богу.

Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех слышавших это.

И вставши юноши приготовили его к погребению и вынесли похоронили.

Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся.

Пётр же спросил её: за столько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько.

Но Пётр сказал ей: что это согласились искусить вы Духа Господня? вот входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут.

Вдруг она упала у ног его и испустила дух; и юноши вошедши нашли её мёртвою и вынесли похоронили возле мужа её.

И великий страх объял всю церковь и всех слышавших это.» (Д.Ап.5,1-11)

Если имена Анания – дар Божий, и Сапфира – красивая, резко контрастируют с совершённым ими поступком, то сам их, лжецов, своекорыстный-сребролюбивый-лицемерный поступок полярен бескорыстной благотворительности (от) чистого сердца Варнавы. Не уподобились ли они, муж и жена, старым Адаму и Еве после искупительной жертвы и Воскресения Адама Нового, т.е. после кардинально изменившей вселенную, после обращённой к сердцам и душам, вернее, в сердца и души человеческие Мистерии Голгофы, что во много раз усугубляет их грех, делая его совершенно нетерпимым в новозаветном обществе Господнем.

И как Адам с Евой были некогда изгнаны из рая, так и Анания с Сапфирой ныне заплатились ни больше, ни меньше, но жизнью. Хотя, если в первом случае инициатива испробования Адамом запретного плода изошла от искусительницы Евы, то теперь главной действующей силой, при пассивном сопутствии ему Сапфиры, кому Пётр предоставил, увы, неиспользованный ею шанс на спасение, выступает Анания. Не отличает ли Новый Завет инаугурированное Самим Христом максимально гуманное-бережное-трепетное отношение к женщине!

Принуждал ли кто-либо Ананию и Сапфиру, во-первых, к продаже (всего) имения и, во-вторых, к положению всей вырученной с продажи суммы в общинную кассу? Нет, не принуждал. И то, и другое, насколько явствует из слов Петра (4), было делом сугубо добровольным, делом добровольного выбора (без, скажем снова,

«добровольности» в качестве «осознанной» тоталитарно-коммунистической «необходимости», без покушения на частную собственность и без обязательного введения общественной собственности на землю, движимость-недвижимость, или средства производства). Членствуя в общине, они вполне могли, во-первых, вовсе не продавать имение (дом с садом; земля; местечко; поле), и во-вторых, порешив благотворительствовать, имели полное право распорядиться полученной от сделки суммой по собственному усмотрению, иначе говоря, могли самостоятельно (без чьего-либо давления) решить – сколько пожертвовать общине и сколько оставить себе.

Однако вместо этого оба, по предварительному сговору, утаили часть денег, более того, друг за другом, по отдельности солгали, причём знавшая о мужнином умысле, к-рый она разделила, к к-рому она примкнула, Сапфира солгала, могучи, получив возможность сделать покаянное признание, сказать нелицеприятно-горькую, но спасительную правду. Единство мужа и жены в добродетели полярно противоположно единству мужа и жены в пороке, во лжи. Налицо грехи Иудина сребролюбия и фарисейского лицемерия; грех алчности и грех лжи – вотчина сатаны. В итоге получилось муж и жена – одна сатана. Нельзя (одновременно) служить Богу и маммоне, нельзя одновременно быть Иудой, фарисеем и христианином! Да и куда лучше ничего не обещать, чем обещать и бессовестно солгать.

Исполненные Св. Духа Апостолы во главе с Петром (кто не нуждался в чьём-либо докладе об обманном умысле неблагочестивых супругов, узрев его в упор) – представители Бога на земле. Солгать им, значит, солгать Богу. Более того, супружеская чета лжецов солгала Духу Святому, хула на К-рого, согласно Иисусу, человекам не прощается – «ни в сём веке, ни в будущем» (Мф.12,31/32). На Отца и Сына – может проститься, а на Духа – прощению не подлежит.

Благотворительные деньги, входящие в общину и положенные в сокровищницу, становятся священными. Не остался ли один из искусительных вопросов Супостата едва спустившемуся из вышних Христу, во время 40-дневного Искушения Христа в пустыне, вопрос, связанный с хлебом («не хлебом единым») и деньгами (люди гибнут за металл), без исчерпывающего ответа (Т.Г. 27-42-46/47)! Не воспользовался ли Ариман этим обстоятельством впоследствии, когда вложил в алчное сердце Иуды (кто, казначействуя, уворовывал из общака), войдя в него, мысль о предательстве за 30 (из храмовой сокровищницы) сребренников – цена крови! Не пристала ли проказа Неемана Сириянина к Гиезию за корыстное сребролюбие (4Ц.5)! Не есть ли ложь Духу ложь Господу, ложь на Господа! Не сказано ли у Иеремии: «Ибо дом Израилев и дом Иудин поступили со Мною очень вероломно, говорит Господь. / Они солгали на Господа и сказали: «нет Его, и беда не придёт на нас, и мы не увидим ни меча, ни голода» (Иер.5,11/12).

Засим грех Анании и Сапфиры, если внимательно разобраться, отнюдь, вопреки могущему сложиться первому впечатлению, не мал, напротив, непростительно тяжёл. И тяжесть наказания соразмерна тяжести вины (Иероним). Не Пётр выносит приговор, к-рый виновные вынесли себе сами, и, наипаче, не Пётр приводит его в исполнение, но сила, ишедшая вместе со словом Петра, к-рый суть уста Всевышнего. Бог не терпит лжи, к-рой, как и своекорыстия с лицемерием, среди христиан, в общине, нет, не должно быть места. То-то позднее не кто иной как Пётр предостерегает христиан от силы супостата и его посягательств на них: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник наш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить; / Противостойте ему твёрдою верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире» (1П.5,8).

Присвоив священные деньги и оболгав Бога ложью на Духа, воспритязавший крещением и исповеданием Христа дышать во Духе жизнью во Боге Анания упал (сам себе перекрывши кислород) бездыханен. И юноши вынесли его для погребения.

Текст, во-первых, указывает на степень интегрированности членов в уже имеющую свой уклад и экзистирующую по своим нормам достаточно многочисленную и постоянно множасьую общину; во-вторых, в тексте нет речи об оплакивании, обмывании, (пере)облачении покойных деликвентов, что, пусть не прямо, акцентирует их похороны как преступников (Вт.21,21/22; Ио.19,31), также содержит любопытный штрих к жизни первохристианской общины, в к-рой, повторим, не было разделения-размежевания на духовенство и мирян, и в к-рой «юноши» (погребатели) выполняли, в частности, роль служивых (храмовых) левитов (или служителей при синагогах).

С др. стороны, обычное для Востока погребение в тот же день смерти никакого удивления само по себе не вызывает. Зато обращают на себя внимание именно 3 прошедшие от смерти Анании до прихода Сапфиры, кого, кстати, ранее никто (любопытным образом) не уведомил или (почему-то) не мог уведомить о кончине погребённого без неё мужа, часа, т.е. интервал времени от Распятия до крестной смерти Иисуса. Юноши обернули трупы в погребальные пелены, вынесли и похоронили. Так закономерно сгинули муж и жена, к-рые сделались обладателями благодати, не приобщившись к истинной вере, к-рые воспритязали на приобщение к соборности, оказавшись недостойны сопричастности к ней.¹³⁹

Вероятно, всё дело произошло в сионском Сенакле — место явлений Воскрешшего и пятидесятичного сошествия Св. Духа, места, ставшего центральным иерусалимским домом собраний для первых христиан и их первым новозаветным, идущим на смену ветхозаветному, годы к-рого (были) сочтены, Храмом. Не примечательны ли в свете вышесказанного темпы становления всего через ок. полгода после Голгофы, на сентябрь 33г., к к-рому относится данная перикопа Благовеста Воскресения, не столько учреждения-института, сколько единства-совокупности христианской Церкви.

И великий не столько страх, сколько трепет объял, сообразно благой вести Деесписателя (11), всю церковь — Екклезия (Ἐκκλησία), к-рая симптоматично именно здесь в первый раз в Книгах Нового Завета именуется Церковью = Новый Израиль = народное собрание новозаветников, обязанных вступлением в этот Новый Завет Господа Иисуса Христа не осквернять, — что недопустимо для подданных Небесного Царя, — ни ложью, ни сребролюбием, ни лицемерием (и т.д.) Церковь Христову.

НАРОД ПРОСЛАВЛЯЕТ АПОСТОЛОВ ЗА ИСЦЕЛЕНИЯ

(сентябрь/октябрь 33г.)

«Руками же Апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса; и все единодушно пребывали в притворе Соломоновом;

Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их.

Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин, Так-что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осеняла кого из них.

Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, к-рые и исцелялись все.» (Д.Ап.5,12-16)

И как перед тем христианско-благотворительному в чистом виде деянию-даянию Варнавы были противопоставлены ложь, корысть и лицемерие сурово наказавших

¹³⁹ «И все котлы в Иерусалиме и Иудее будут святынею Господа Саваофа, и будут приходить все приносящие жертву и брать их и варить в них, и не будет более ни одного Хананея в доме Господа Саваофа в тот день» (Зах.14,21).

себя пред Богом Анании и Сапфиры, к-рые поплатились жизнью, так теперь евангельское благовествование возвращается, поднимаясь одновременно на следующий уровень, в новозаветное русло милости и благодати. Сказав о великом страхе-трепете, объявшем впервые называемую церковь Церковь (11), Дееписатель благовествует многие исцелительные знамения и чудеса, к-рые свершались возложением рук Апостолов, кто вместе с верующими-уверовавшими пребывали богоизбранным особняком в Соломоновом притворе *мудрецов*, где никто из посторонних, — часть из неуверенного благоговения, часть из страха перед иудейскими верхами, — не смел пристать к ним.

Стихи 11/12-16/17 гл.5 Д.Ап. событийно соотносятся со стихами 32-35 гл.4, охватывая время лета/осени 33г., — с христианского Преображения до времени осенне-иудейских праздников и после них. Так, в гл.5 характеризуются-акцентируются ситуация и события сентября/октября 33г., когда 1 тишри выпало на 15.09., 10-е (Судный день) — на 24.09., 15-22 (Куши) — на 29.09 — 6.10.

И, к слову, косвенное указание на наиболее популярный среди иудеев, на самый народный праздник Кушей, с особенно активным участием в нём женщин (Р.л. 779; 782/83; Т.Г. 860-64), может содержать, или, по нашему мнению-убеждению, точно содержит (во всяком случае, для тех, кто имеет уши и слышит) стих 14 гл.5. Ведь, если в стихе 11 первообщина иудеохристиан в первый раз называется церковью, то в стихе 14 впервые в Д.Ап. благовествуется присоединение к Господу не только (как при прежних уверованиях-присоединениях) мужчин, а и (уверовавших-крестившихся) женщин (звонкая перекличка с дочерьми Иерусалимскими и с жёнами-мироносицами Четверо-Евангелия). Между тем, в церкви Ветхого Завета не получавшие знамение обрезания женщины не допускались ни дальше храмового притвора Женщин, ни к участию в ряде важных священных торжеств.

Кроме того, мы в курсе, что на большие паломнические праздники (Пасха, Пятидесятница, Куши) в Иерусалим стекались множество паломников как из Эрец-Израэль, так и из ближней-дальней Диаспоры, что, само собой, способствовало распространению христианства как за пределы Иерусалима, так и за пределы Земли Обетованной, чему, впрочем, положила начало святодуховенная майская Пятидесятница, и прогрессию чего усугубил многолюдный сентябрьско-октябрьский праздник Кушей.

Хотя, о чём нам известно, Новый Завет, перенеся центр тяжести с не столько ветхозаветной, сколько со второхрамовой осени на весну, (симметричное Пасхе) Поставление Кушей, по прошествии осеннего праздника 32г. и по свершении Таинства Голгофы весной 33г. н.э., больше не упоминает (как до Мистерии Голгофы в Евангелиях ни разу не называется открытым текстом Пятидесятница). Т.е., если ветхозаветные Куши передают своеобразную эстафету новозаветным воскресенской Пасхе и духосошестввенной Троице, то являющаяся второхрамово-маккавейским отпочкованием Кушей — обновленческая Ханукка, уступает место христианскому Рождеству.

О том, что в общине христиан с самого начала не всё складывалось гладко, правдиво свидетельствует (поучительная) история Анании и Сапфиры, составляющая, тем не менее, разительно отличающее её от церквей последующих, особенно — пригосударственных (с IVв.), исключение в древнесоборной Апостольской Церкви, где междусобойное согласие верующих в учении, милости и благодати, действительно, имело место быть, и где присутствие-козни Люцифера с Ариманом, действительно, были исключением из правила, не являясь исключением, подтверждающим правило.

Не удивительно также снискание Апостолами (просто)народного уважения посредством чудес очевидных, наглядное исцелительное воздействие к-рых понятным

образом более умножает ряды приверженцев, нежели, выражаясь прагматически, присовокупляемая к чудесам проповедь. Однако, во всех случаях, Апостолы действовали не во имя своё, действуя, повторим, из импульса Христа в них, и потому были прославляемы в качестве истинных богоизбранных. 12 Христовых Апостолов как новокачественное воплощение 12-и колен Израилевых, как 12 новопришедших духовных патриархов-пастырей всего человечества. Правда, Пётр пока, вербуя иудейских неофитов, вербуя христиан из евреев, усиленно подчёркивает соединительные элементы общности христиан и евреев, христианства и еврейства, тогда как первым провозвестит выход ойкуменического христианства за пределы храмового еврейства (ещё один выдающийся, и ещё до Варнавы, предтеча Апостола Павла) Первомученик Стефан (см. ниже).

Ныне же, на октябрь 33г., результат деятельности Апостолата и, перво-наперво, Петра – осязаемое приращение Церкви Господней, вероятно, значительно увеличившейся осенью, после праздника Кушей, благодаря уверовавшим мужчинам и женщинам. Да, то была уникальная в метаистории пора именно иудеохристиан, пора-этап иудеохристианства, весьма знаменательная как иерусалимским периодом с весны по декабрь (каменованье Св. Стефана) 33г. (см. ниже), так и общей поэтапной хронопротяжённостью именно в 33, с 33 по ббгг. н.э., года.

И не замечателен ли сам факт выноса людьми больных из домов на улицы, мало того, приведение-принесение различных больных из окрестных городов, навстречу (аж) *тебе* столь высокоавторитетного Петра, кто, соответственно, заслонял собой физическое солнце, ибо из него исходила великая сила победоносно-целительного духовного Солнца Христа Спасителя. Не исцелилась ли летом 31г. спасаемая/спасённая верой её Марфа прикосновением к облачению Иисуса! Не сказал ли, не предрёк ли Христос на Тайной Вечери 2.04.33г.: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...» (Ио.14,12). Не сдвигает ли вера с горчичное зерно горы!

В объективе как поразительная действенность первохристианской общины, где исцелённые от неоднородных недугов грешные люди обретают новую жизнь, так и излияние Петровых исцелений в ответ на обращённую к Господу (давешнюю) молитву Петра и Иоанна: «...Ты простираешь руку Твою на исцеление и на содеяние знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса» (Д.Ап.4,30). Не говорит ли, вопрошая иудеев, в Послании к Евреям Ап. Павел: «Ибо, если чрез Ангелов возвешённое слово было твёрдо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, / То как мы избежим, вознерадевши о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него, / При засвидетельствовании от Бога знамениями и чудесами, и различными силами, и раздаянием Духа Святого по Его воле?» (2,2-4).

См. ср. – руки Петра! тень Петра! и платки или опоясания с тела Павла (Д.Ап.19,11/12)! Не примечательно ли благовестование Петровой силы автором Ев. от Павла Деятелием Лукой! Информация к размышлению доморошенным конструкторам невежественно примитивных версий о, дескать, непримиримой, дескать, враждебности петрианского и павлианского христианства, о Петре, как о, мол, еврейски антагонистичном чуть ли не римскому агенту-коллаборационисту Павлу, чересчур проиудаистски правоверном иудео-христианине! Абсурд клинических невежд-олухов!

Понятно, что растущие успехи апостольско-христианской миссии среди иудейской паствы (начав, к тому же, проникать, тем паче, после двух паломнических праздников, через эллинистов в Диаспору) вызвали растущее беспокойство правящих превосвященско-саддукейских кругов, которые в ходе июльского синедрионального разбирательства запретили Апостолам (Петру и Иоанну) учить об (и от)

имени Иисуса, чему Апостолы, разумеется, не вняли, и что за них, насколько явствует из гл.5, делают их представленные в Д.Ап. на переднем плане чудесные дела. Слово и дело не должны, идя рука об руку (где не рука руку моет), расходиться.

И всё-таки, возникает вопрос: почему саддукейские синедристы достаточно пассивны? почему они ничего не предприняли с июля по октябрь? С одной стороны, страх перед народом, из-за, как сказано, множашейся, сопутственно их успехам, популярности Апостолов; с другой, — нежелание идти на внутрисинедриональный-внутрииудейский конфликт с влиятельными фарисеями, у к-рых есть опасные точки соприкосновения с иудеохристианами и сдержанно-умиротворительную позицию к-рых вскоре озвучит в синедрионе многоавторитетный р. Гамалиил; с третьей, — м.б., опасение вызвать, вызвав народное возмущение репрессиями против Апостолов, вмешательство Пилата и затем, в ущерб иудеям, Пилатово донесение Тиберию. Не всем ли сим объясняется медлительность репрессивной реакции саддукеев, снова (в надежде на авось) решивших задействовать карательные меры лишь в октябре, надо понимать, после многоуспешного для христиан праздника Кушей, когда множество паломников покинули Св. Город и когда чаша терпения иудейских верхов снова переполнилась.

Так или иначе, если Апостолы Христа исцеляли, в частности, возложением рук, то, видимо, ок. середины октября, иудейские иерократы, исполнившись зависти, уже не в первый раз, арестно наложили на них руки.

АРЕСТ АПОСТОЛОВ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ИХ АНГЕЛОМ // АПОСТОЛЬСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПЕРЕД СИНЕДРИОНОМ

(октябрь 33г.)

«Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти,

И наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу.

Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведши их, сказал:

Идите и, ставши во храме, говорите народу все сии слова жизни.

Они выслушавши вошли утром в храм и учили. Между тем первосвященник и к-рые с ним, пришедши, созвали синедрион и всех старейшин из сынов Израилевых и послали в темницу привести Апостолов.

Но служители пришедши не нашли их в темнице и возвратившись донесли,

Говоря: темницу мы нашли запертою со всею предосторожностью и стражей стоящими пред дверями; но отворивши не нашли в ней никого.

Когда услышали эти слова первосвященник, начальник стражи и прочие первосвященники, недоумевали, что бы это значило.

Пришёл же некто и донёс им, говоря: вот, мужи, к-рых вы заключили в темницу, стоят в храме и учат народ.

Тогда начальник стражи пошёл со служителями и привёл их без принуждения, потому что боялись народа, чтобы не побили их камнями;

Приведши же их, поставили в синедрионе; и спросил их первосвященник, говоря:

Не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сём? и вот, вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь Того Человека.

Пётр же и Апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам;

Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесивши на древе:

Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов;

Свидетели Ему в сём мы и Дух Святой, Которого Бог дал повинующимся Ему. Слыша это, они разрывались от гнева и умышляли умертвить их.» (Д.Ап.5,17-33)

Мы видим, что инициатива второго ареста Апостолов (октябрь), спустя ок. 3-х месяцев после первого (июль), опять изошла от (про)саддукейских первосвященников и от, на сей раз, называемых открытым текстом ведущих саддукеев, т.е. от властных, в рамках национально-религиозной автономии, представителей еврейской иерократическо-аристократической элиты. Напомним о буквальной трактовке косо-консервативными саддукеями Писания, об их пренебрежении к Книгам Пророков, об отрицании ими воскресения мёртвых и т.д.

Причём симптоматично следующее. Благовествуя иудеохристианскую первоцерковь, Деятели делают теперь богословский упор на принадлежности саддукеев к саддукейской ереси, поворачивая таким образом против них именно то, в чём они яростно обвиняли христиан. И это понятно. Пусть среди первых христиан не было ни чёткого разделения на духовенство и мирян, ни профессиональных, в дальнейшем церковном смысле, богословов, тем не менее, никакой современно либералистической толерантности по данному вопросу от Лк. требовать нечего, поскольку её попросту не может быть. Саддукеи выполнили свою некогда, несомненно, позитивную миссию, пережив себя и став лжепастырями. Им пора уходить или преобразиться. Ни того, ни другого они сделать не смогут, и потому, не могучи существовать вне материализованного культа, сойдут с исторической арены вместе с погибшим в 70г. храмом и концом иудейской автономии.

Иное дело фарисеи, большинство к-рых уйдёт-выйдет после 70г. в раввинистическо-талмудический иудаизм и составит духовно-идеологическую основу обезгосударственного, оказавшегося в Рассеянии и борющегося в жёстких условиях за своё ветхозаветное выживание, постхрамово-противохристианского еврейства, для к-рого вышедшим из фарисейства непримиримо антихристианским геттоизатором-раввинам будут выкованы экзистенциальные цепи Талмуда. И не удивительно, что если меньшая часть фарисеев пойдёт по стопам Савла, уверовав во Христа, то большая, к-рая разделится на революционных радикалов и раввинов, люто возненавидит переключившихся с иудейских на ойкуменическо-языческие приоритеты горизонты миним-христиан.

Впрочем, пока, на стартовых порах иудеохристианской проповеди, когда Пётр и Апостолы, набирая-умножая неопитов, всячески подчёркивают общие объединяющие элементы еврейства и вышедшего из него христианства, популярные в народе фарисеи занимают в отношении первохристиан куда более терпимую, в сравнении с правящим народом саддукеями, позицию, к-рую вскоре озвучит авторитетный р. Гамалиил.

Итак, Апостолов заключили в народную темницу, иначе говоря, в КПЗ, где обвиняемые недолго содержались до суда над ними, и к тому же, судя по выражению «народная темница», их заключили в городскую тюрьму за пределами храмового комплекса. Притом многие экзегеты напрасно полагают, будто речь опять должно вести только о Петре и Иоанне. Никак нет, не только, ибо в 5-й гл. Д.Ап. мн.ч. — Апостолы, в составе к-рых, помимо Петра, как минимум, не один Иоанн, о чём ясно свидетельствует стих 29, да и из контекста можно, пожалуй, умозаключить, что речь идёт обо всём круге 12-и.

Далее следует чудесное отворение ночью дверей темницы выведшим оттуда узников Ангелом Господним, к-рое не обязательно, в ответ на ухмылку-оскал рационал-критиканов, понимать как буквально-наглядное само-собойное исполнение пушкинского: «Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут и свобода...» Вспомним об отваленном Ангелом Господним (чудо евангельское) камне от двери гроба Иисуса

(Мф.28,2). Или укажем, забегая вперёд, на поколебленные землетрясением в Филиппах, где были заточены Павел (Второе миссионерское путешествие – 51 – 54гг.) и Сила, основания темницы, вследствие чего – «тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели» (Д.Ап.16,26) (см. ниже). Хотя в этих двух приведённых случаях имело место потрясение земли, что ухмылку материалистов относительно вмешательства высших сил частично нейтрализует, между тем как в Д.Ап.5,19 или в Д.Ап.12,7 о сопутствовании природных сил Ангелу Господню – молчок.

Однако ведь Ангел (*посланец* – второе значение греч. слова «ἄγγελος» – Божий) вполне мог действовать и через одного из стражников, (предположим, духовно активного-активированного) в ночное время, когда веки прочих стражников отяжелели, когда они погрузились в сон, как, например (разумеется, не без учёта качественного различия), три Апостола в Гефсиманском саду; – либо как стражи у Иисусовой гробницы.

Не Ангел ли водил рукой отворившего, выпустившего Апостолов и затворившего, первоначально без памяти о том, темницу (в сомнамбулическом сне) обратившегося позднее стражника? Не взывает ли к Господу в Псалмах Давид: «Выведи из темницы душу мою, чтобы мне славить имя Твоё...» (141,7). Не сказано ли у Иоанна: «...отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому» (1,51). Увидеть можно и бессознательно, с тем, чтобы потом воспринять сознательно. При всех случаях, весной 44г., в сходном случае ночного освобождения Ангелом Господним из застенка Апостола Петра, Ирод Агриппа, не найдя его, предаст суду и казнит тюремных стражей (12,19) (см. ниже).¹⁴⁰

Мы же, приложительно к октябрю 33г., констатируем (не для рационалов, – ну их к лешему!), что Бог послал в помощь Апостолам Ангела света против сил тьмы. И не примечательно ли ангельское повеление находящимся под защитой десницы Господней мужам апостольским идти в храм и говорить народу «все сии слова жизни». Христос дарует жизнь всем, кто верует в Него, возрождая людей к новой жизни. Поистине слово проповеди Апостолов суть животворящее слово (логос) жизни! Оно – дух и жизнь! Им спасаются! И вот утром (проведя остаток ночи в Сенакле) Апостолы, следуя велению свыше, действительно, идут в храм и учат (собрав вокруг себя народ в притворе Соломоновом?) словом со властью.

В то же время, первосвященники, собрав утром, помимо синедристов, плюс к тому старейшин, посылают в темницу за подсудными и узнают, повергнутые в недоумение, от посланных о случившемся, т.е. о пустом застенке: «что бы это значило?» Впрочем, почти тотчас ещё более изумлённых начальников народа информируют о том, что давеча арестованные (неведомо как и кем освобождённые-освободившиеся) стоят в храме и проповедуют. Дерзость – дальше некуда! Злостный рецидив и злостные рецидивисты!

Из текста не совсем ясно, куда именно первосвященники «пришли» (6,21) и где они собрали синедрион – в храме, при подконтрольном римлянам притворе Язычников? или в здании городского совета у Ксиста? Допустимы оба варианта. Во-первых, собственно первосвященник (уж не говоря о почётных архипастырях «золотого запаса») не обязательно должен был лично участвовать в обычный будний день в принесении ежедневной жертвы (Тамид), иначе говоря, ни он, ни другие судьбы не повязаны временем (см. выше) ритуально-утреннего жертвоприношения; во-вторых, территория храмового комплекса была настолько велика (11 футбольных

¹⁴⁰ «Мидраш к Пр.9 §2 (31a)»: «Когда р. Акиба находился в застенке и перед праздничным вечером прислуживавший ему ученик Иошуа возвратился домой, последнему предстал Илия, сказавший, что Акиба мёртв и лежит непогребённым. Отправившись вдвоём к темнице, они нашли её двери открытыми, а стражей и узников спящими».

полей), что даже находясь внутри него, первосвященники и старейшины очень даже могли какое-то время оставаться в неведении относительно нахождения Апостолов на территории храма. И кстати, скорее, согласно стиху 21, в объективе (всё-таки) храмовое судилище.

Интересно приведение стражниками Апостолов в суд не по принуждению. Если первые боятся, как бы народ не забросал их камнями, то вторые, не собираясь оказывать сопротивление и ни секунды не колеблясь, смело идут навстречу судьбе, точнее, навстречу Фемиде с незавязанными глазами. Если за судьями сила, то за Апостолами Христа, совестью человечества, — правда. А Бог, как известно, не в силе, но в правде!

И вот добровольно представшим перед судом Апостолам не кто иной как печально известный Каиафа инкриминирует нарушение ими наложенного летом на них запрета учить об имени и именем Иисуса, имя Которого первосвященник не произносит, одновременно, подтверждая эффективность-интенсивность (несоразмерный успех) простосердечной апостольской проповеди и, главное, с несказанной наглостью упрекая последователей Христа в том, что они-де хотят навести на иудейское верховенство «кровь Того Человека»!

Спрашивается, вернее, не столько спрашивается, сколько восклицается: не ответил ли весь возбуждённый первосвященниками (в первую очередь, Каиафой) и старейшинами народ 3.04.33г., когда отчаявшийся Пилат, демонстративно умыв пред народом руки, сказал «невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы», — «кровь Его на нас и на детях наших» (Мф.27,24/25)! Не пытался ли Каиафа максимально переложить-сдвинуть ответственность за казнь Иисуса из Назарета с себя и с иудеев на Пилата и римлян!

И первосвященники со старейшинами не вправе сказать, что то был, дескать, самостийный народ, восторженно кричавший в Вербное воскресенье и в Пальмовый четверг — «осанна», а в Великую пятницу истошно вопивший — «распи», так как именно они предводительствовали в тот судный день народом и именно они подстрекнули народ выпросить у Пилата освобождение бандита Вараввы вместо отпавленного римлянами, по бескомпромиссному настоянию именно иудеев, на крест Иисуса Христа. Так, не больше ли греха на тех, кто предал Иисуса Пилату (Ио.19,11)! И не преступник ли номер 1 *великий инквизитор* Каиафа, за спиной к-рого *серый кардинал* Анна! Засим излишне прикидываться шлангами гофрированными.

Апостолы знают, что к чему, отчего уверенно повторяют уже сказанное суду Петром и Иоанном в июле (4,19): «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам», чем противопоставительно исповедуют Богом Христа Иисуса, Кому они, носители Св. Духа, естественно, следуют, пренебрегая замаскированными под законность запретами распявшей Бога руками римлян синедриональной неправедности.

Не воскресил ли Бог наших (общих еврейских) отцов Иисуса, Которого вы, главари-предводители народа, умертвили, «повесивши на древе»? Показателен недвусмысленный указательный перевод Апостолами стрелок с римской казни посредством распятия на еврейское, сообразно Втор.21,22/23, повешение на древе, чем яснее ясного фиксируется первоответственность за безжалостное апрельское смертоубийство (Justizmord = узаконенный убийственный беспредел) Сына Давида и Сына Божия = Мессии Христа — именно иудейского верховенства.

Не возвысил ли Его, Сына Человеческого, Бог в Начальника жизни и Спасителя душ человеческих десницею Своею, к-рая ныне защитно распростёрта над глаголющими Св. Духом и действующими силой Христовой, действующими из силы Христовой Апостолами, к-рые свидетельствуют во Христе Господнем о Христе Господнем. И разве удивительно, что от такого богодухновения, что от таких нис-

проверяющих их мнимое «святое-святых» слов закосневшие реликтовые первосвященники со старейшинами разрывались, слыша несусветную ересь, от гнева, и, разрываясь, умышляли умертвить этих дерзких последователей Галилеянина.

Посему суд Линча над 12-ю мог (не без какого-нибудь очередного обмана народа) грянуть на волне первосвященско-старейшинского негодования раньше последующего декабрьского каменования Первомученика Стефана, не вмешайся своевременно в судилищный беспредел премудрый член совета старейшин — «уважаемый — как правильно говорит Дееписатель — всем народом» — р. Гамалиил.

ПРИНЯТИЕ СИНЕДРИСТАМИ СОВЕТА ГАМАЛИИЛА

«Встав же в синагоге, некто фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом, приказал вывести Апостолов на короткое время,

А им сказал: мужи Израильские! подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать;

Ибо не задолго пред сим явился Февда, выдавая себя за какого-то великого, и к нему пристало около четырёхсот человек; но он был убит, и все, к-рые слушались его, рассеялись и исчезли;

После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлѣк за собою довольно народа; но он погиб, и все, к-рые слушались его, рассыпались.

И ныне говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их: ибо если это предприятие и это дело — от человека, то оно разрушится,

А если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками.

Они послушались его и, призвавши Апостолов, били их, и запретивши им говорить об имени Иисуса, отпустили их.

Они же пошли из синагога, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие;

И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе.» (Д.Ап.5,34-42)

Этого многоавторитетного законоучителя-равви принято называть Гамалиил (награда Божия) I-й, или Старший, в отличие от его не менее авторитетного, но уже в иную постхрамовую эпоху (ок. 90г.) внука — Гамалиила II (Ямнийского), или Младшего. Причѣм, согласно Талмуду, Гамалиил I приходился внуком знаменитому р. Гилелю (I), к-рый, происходя из вавилонской диаспоры, был потомком царя Давида по материнской линии. Более того, в Талмуде говорится, что, преемствуя друг другу, Гилель Старший, Симеон (Симон) Старший, Гамалиил Старший и Симеон Младший поочерѣдно передавали-облекали от отца к сыну синагогальное председательство-патриаршество (назиат) в период последних 100 лет существования Второго храма (Шаббат 15а), т.е. в период с ок. 30г. до н.э. по 70г. н.э.

Впрочем, если Симеон I, отец Гамалиила Ст., упоминается в талмудических источниках только один раз, из-за чего ново-новейшие авторы, Шюрер (2,229), Штрак (S.634-41) и др., сильно сомневаются в его реальности, то христианское предание надуманно (правда, попадая в точку применительно к хронологии) отождествляет его со сретенским старцем Симеоном, к-рый взял принесѣнного родителями в храм 40-дневного Иисуса на руки 2.02.2г. н.э. (Р.л. 1085/86-91).

Разумеется, никакими нази-председателями синагога (каковыми их сделала раввинистическая традиция) названные фарисейско-династические авторитеты быть не могли, т.к. вплоть до 70г. первосвященниками и по совместительству

председателями совета старейшин были (работали) элитные Арокиды-саддукеи. А точнее, начиная со времени правления (приказавшего в 33г. утопить в иерихонском пруду последнего наследственно-хасмонейского первосвященника Аристовула Маккавея) Ирода и в дальнейшем, при Иродианах и Риме, – представители назначавшихся Иродианами и римлянами, в основном 4-х (за считанными исключениями), аронидских кланов-фамилий.

Однако перечисленные гилелиты-гамалиилиты являлись членами синедриона от фарисейской партии, её лидерами и руководителями известных законоучительских школ: Гилель при Ироде, до своей кончины, как мы приняли, ок. 10г. до н.э., а не, как повелось думать, до 5 – 10гг. н.э. (Р.л. 371-77; Д.И. 200-07); Симеон, видимо, с ок. 10г. до н.э. по максимум 10-й, или, учитывая единственное упоминание о нём, м.б., даже по 5гг. н.э.; Гамалиил I – с ок. 10-го (или 5-го) по минимум 45гг. н.э.; и Симеон II – до дней роковой Иудейской войны, в дни к-рой он фигурирует как один из антизилотско-аристократических предводителей народа и противник Флавия (И.в. 4,3,9; Vita 39; 44; 60).

Между тем, Гамалиил II выступает на авансцену после разрушения Иерусалима и храма Титом, когда основатель ямнийской академии р. Иоханан б. Закаи (Т.Г. 1203/04), не являясь потомком Гилеля, отказался в его пользу от назмата, к-рый далее, от *ямнийского* до конца *тивериадского* (со II/IIIвв.) периодов, возглавляли гилелиты-гамалиилиты аж до самого упразднения (по завершении основной работы над Талмудом Иерушалми) еврейско-палестинского синедриона и должности нази в правление Феодосия Малого (408 – 50гг.), со смертью в 425/26г. патриарха Гамалиила VI (Т.Г. 1135).¹⁴¹

Мы не будем сомневаться в реальности Симеона I, к-рый, при принятии предложенной нами хронологии, вполне вписывается в приблизительные талмудические 100 лет перед разрушением храма, тогда как при принятии научно-академической кончины Гилеля Ст. ок. 10г. н.э., придётся либо этого Симеона совсем отсеять, либо надо будет, предоставив ему минимальное, как руководителю фарисейской иешивы и главе фарисейской фракции в синедрионе, кол-во лет, отнести начало преемства ему Гамалиила на время ок. 25г. н.э., как, к примеру поступает Цанн (AG, S.205) и др. Но это слишком поздно, поскольку Гамалиилов ученик Варнава (род. ок. 1/1гг.) и воспитанный, по собственному уверению, «при ногах Гамалиила» (Д.Ап.22,3), тарсянин Савл-Павел (род в 3г. н.э.), наверняка, стали, с учётом их возраста, его учениками в высшей фарисейско-прототалмудической школе, где обучение начиналось в 15 лет (Абот 5,21) (Р.л. 1327; Д.И. 200), не позднее второго десятилетия Ив. н.э.¹⁴²

Следовательно, Гамалиил, к-рый первым из законоучителей удостоился титула

¹⁴¹ «Шекалим» (6,1); «13 преклонений совершалось в Святилище (внутренний двор). Члены семьи р. Гамалиила и р. Ханании, предстоятели священства, преклонили колена 14 раз. Где преклонение имело место? Перед Деревянной палатой, поскольку там, сообразно преданию старцев, находился ковчег завета».

¹⁴² Примечательно параболическое различие Гамалиилом 4-х типов учеников, сравниваемых, соответственно, – с «нечистой рыбой» (= запрещённая к употреблению); с чистой (кошерной) рыбой; с рыбой из Иордана; с рыбой из Великого (Средиземного) моря. Нечистой рыбе подобен сын бедных родителей, к-рый изучает Писание и предание, галахот и агаддот, но не понимает заученное и не знает правил приличия. Чистой рыбе подобен сын богатых родителей, к-рый изучает Писание и предание, галахот и агаддот, понимает заученное и знает правила приличия. Рыбе из Иордана подобен ученик, к-рый знает Писание и предание, галахот и агаддот, но не может дискутировать по ним. Рыбе из Великого моря подобен ученик, к-рый знает Писание и предание, галахот и агаддот, могучи также ответить на все вытекающие из них вопросы» (Абот RN 40). Стоит ли сомневаться в принадлежности Савла-Павла к 4-й группе учеников, подобных рыбе из Великого моря! (см. ниже)

«раббан» (положив начало учителям-раббанан) и (не первым) — почётного звания «газакен» (старец), из чего можно сделать вывод, что он дожил до лет весьма преклонных, родился, надо полагать, ок. 30г. до н.э., преемствовал своему (почти безвестному, т.е. недолговременному) отцу Симеону ок. 10 (если не раньше) г. н.э., был (уважаемый всем народом) на 33г. в возрасте за 60 (б.м., 63 сатурнальных года = 7 x 9), и скончался, как сказано, не ранее 45-го (явно преодолев классический 70-летний возраст патриарха), или аж ок. 50г., в возрасте за 75, или ок. 80-и (за 80?) лет.

К слову, по слову Талмуда, к Гамалиилу обращались с вопросами ритуального характера «царь и царица» (Песахим 88б), под к-рыми, с львиной долей вероятности, скрываются-подразумеваются Ирод Агриппа I и его жена Киприда, в связи с к-рыми, речь, вероятнее всего, должно вести об интервале 41 — 44г., когда носивший с 37г., по милости Калигулы, царский титул Агриппа, царствовал, по милости Клавдия, над Иудеей в границах (не столько реанимированного, сколько коротко зомбированного) царства Ирода I, в Иерусалиме.¹⁴³

С др. стороны, позднее христианское предание (Vv), приписывающее Гамалиилу погребение в его гробнице (по аналогии с погребением Иисуса Иосифом Аримафейским) Первомученика Стефана, превращает, в раввинистическо-иудейском фарватере, сего высокочтимого законоучителя-фарисея, в председателя сиондриона, притом на протяжении 32-х лет, при Тиберии, Калигуле, Клавдии, и датирует его кончину временем за 18 лет до разрушения храма, т.е. 52-м г. н.э. Так ли, приложительно к данной дате, или не так — вопрос, но, повторим, дожить до ок. 50г. н.э., иначе говоря, до ок. 80-и (или более) лет отроду, «старец» Гамалиил Ст. очень даже мог.

Ещё, помимо титула «раббан» и звания «газакен», его величали «краса закона». А в трактате «Сота» (9,15) сказано, что со смертью р. Гамалиила не стало страха перед законом, умерли чистота и воздержание (сходно — о р. Акибе). Вероучение фарисеев интересным образом сочетало в себе учение о роке и свободе воли. Пусть всё в руках Божиих, пусть всё предначертано, всё равно обладающий свободой выбора из свободы воли человек строго отвечает за свои поступки. Отсюда — будь осторожен и не употреби данную тебе свободу против Господа, не употреби её во зло, не злоупотреби ею! Вот какими позитивными положениями (доведёнными 100 лет спустя до негативного апогея поддержавшим лжемессию Бар Кохбу р. Акибой) руководствовался человек и законоучитель меры во всём, принципиальный противник принятия скоропалительных решений в пылу гнева, отличавшийся милосердием и умудрённый жизненным опытом либеральный фарисей-гилелит р. Гамалиил.¹⁴⁴

¹⁴³ Если с кончиной Ирода I (1г. н.э.) и до предоставления в 37г. Агриппе I царского титула Калигулой ни один из династов Иродиан в царях, довольствуясь рангами этнархов/тетрархов (Архелай, Антипа, Филипп), не ходил, то Ирод Агриппа II, царь с 49/50г., женат не был и в Иерусалиме никогда не царствовал, а ст. брат Агриппы I (периферийный) Ирод Халкидский (+ 48г.) царствовал с 41г. (по ходатайству брата перед Клавдием), в неиудейской Халкиде (Ливан), хотя, что надо оговорить, — заведя с 44г. (по смерти Агриппы) ещё и назначением первосвященников. Т.е. вряд ли Гамалиил консультировал по ритуальным вопросам Ирода Халкидского, в то время как не нуждающийся в наименовании единственный, после Ирода Старшего, царь иудейский в Ив. н.э. — это однозначно неравнодушный, в частности, к ритуальным вопросам, пользовавшийся достаточным уважением у фарисеев — Агриппа I.

¹⁴⁴ «Мидраш к Пс.1 §19 (10а)»: «И будет он (блаженный муж, к-рый не ходит на совет нечестивых) как дерево, посаженное при потоках вод, к-рое приносит плод свой во время своё, и лист к-рого не вянет; и во всём, что он ни делает, успеет» (Пс.1,3). Всё, что он начал, доведёт до конца, потому что все нуждаются в его совете. Когда р. Елеазар б. Аркан (90г.) дал совет, всё исполнилось по его совету. Его спросили: «Ты пророк?» Он ответил: «Я не пророк и не сын пророка. Но я усвоил эту мудрость от моих учителей, особенно от р. Иоханана б. Заккаи: любой совет от Бога (соответствующий воле Божией) исполнится: «Много замыслов

Велев в октябре 33г. временно вывести обвиняемых, к-рых на время прений сторон удаляли из зала заседания, он призвал синедристов к сдержанности-умеренности в деле Апостолов и предложил предоставить само дело воле высшего Провидения. Время покажет, — кто к кому и что к чему. Повремените с карами, ибо то, что не от Бога, (всё равно) разрушится, а то, что от Бога, вопреки всему, устоит.¹⁴⁵ («Одно слово правды весь мир перетянет».)

Не потерпели ли поражение, не сгинули ли предшествовавшие (в порядке хроно-очерёдности) Иисусу и Его Апостолам Февда, выдававший себя за кого-то великого, приверженцы к-рого, после его убийства, рассеялись-исчезли, и Иуда Галилеянин, сторонники к-рого, после его гибели, рассыпались! Подобное же произойдёт с Иисусовыми последователями, если они не от Господа. Но если от Господа, то ликвидировать-аннулировать Господне предприятие¹⁴⁶ нельзя, невозможно, никому не по силам, мало того, разрушители рискуют оказаться богопротивниками. Поэтому, пока вопрос открыт, сейчас, в настоящий момент, — «отстаньте от людей сих и оставьте их».¹⁴⁷

* * *

Приведённые Гамалиилом примеры судеб-исхода Февды и Иуды, доля к-рых наглядно-очевидно показала-доказала, что они не от Бога, впервые в Д.Ап. маркируют, не давая её открытым текстом, интегрированные Дееписателем в воскресенско-метаисторическое Благовествование именно история и именно историческая хронология. С историческими персонажами Февдой и Иудой, с их полемичной, в рамках, в т.ч., событийной последовательности, историей и хронологией мы подробно разбирались-разобрались, метареконструируя историю-метаисторию (дуалистического Таинства) Рождества Христова, в «Р.л.» (962-67). Теперь нам предстоит, по возможности, подробно, ввиду его важности-актуальности для нашего

в сердце человека, но состоится только определённое Господом» (Пр.19,21)». Гамалиил ходил на, точнее, входил в «совет нечестивых», однако, именно его совет спас, в соответствии с волей Бога, Христовых Апостолов. Нелегко представить, как сложилась бы дальнейшая судьба христианства, умертви синедристы спонтанным судом Линча в октябре 33г. весь круг 12-и (по подобию каменования в декабре Первомученика Стефана)!

¹⁴⁵ «Бава Меция» (596): «Имма Шалом (сестра Гамалиила II, т.е. внучка Гамалиила I): «Я слышала в доме моего деда: «Все врата стремления людей к Богу будут заперты, кроме врат угнетения».

¹⁴⁶ «Абот» (4,11): «Р. Иоханан (140г.): «Всякое предприятие от Бога будет успешно, а не от Бога — безуспешно». «Абот» (5,17): «Всякий спор от Бога будет иметь успех, а не от Бога — обречён на неуспех. Какой спор был от Бога? Тот, к-рый вели Шамай и Гилель. В чём его успех? В способствовании познанию истины. А не от Бога? Спор Корея и корейтов (Ч.16)».

¹⁴⁷ По поводу представленных в Талмуде галахических постановлений и высказываний нередко дискутировавшего с противолиберальными шамаитами р. Гамалиила Ст., нет уверенности в том, какие из них принадлежат ему и какие его одноимённому внуку. Следует думать, что эти постановления (ещё не скованного нормами постхрамового выживания) Гамалиила I часто сопровождалась формулой — «для блага человечества» (Гиттин 4,2/3), и что это именно он выступал в защиту правовых интересов женщин, например, разрешив еврейкам повторно выходить замуж, при наличии у них одного свидетельства о смерти мужа (Евамот 16,7).

За Гамалиилом Ст. числится распоряжение уничтожить «Таргум к Кн.Иова» (Шаббат 115a), ибо, согласно учению раввинов, Таргум, отлично от Торы и Мишны, надлежит проповедовать лишь устно (Мегила 4,4). Плюс к тому, предположительно, за ним, а не за его внуком, авторство 3-х посланий: два о десятине и одно, адресованное евреям Диаспоры, о необходимости сделать вставкой 13-го месяца спорный (неизвестно какой именно в переводе на юлианский календарь) год високосным (Санхедрин 18d; Маасерот 56с).

нынешнего повествования, освежить пройденный (*пролеттический* в «Р.л.» приложительно к Д.Ап.) материал и обновить оный.

Итак, возвращаемся к началу н.э., когда по смерти Ирода в марте 1г. н.э., в Иудее весной/летом вспыхнули серьёзные волнения, переросшие в жестоко подавленный летом римско-сирийским легатом Квинктилием Варом бессмысленный и беспощадный бунт. Повествуя о различных предводителях тогдашних бунтарей, Флавий, в частности, пишет: «...Был там также некий Иуда, сын могущественного атамана разбойников Езекии, к-рого Ироду удалось с большим трудом одолеть. Он собрал ок. галилейского города Сепфориса группу отчаянных людей, сделал набег на царский дворец, захватил всё находившееся там оружие, вооружил им своих подручных и похитил все хранившиеся во дворце деньги. Затем он принялся грабить и брать в плен всех попадавшихся ему на пути, повсеместно вселяя ужас. При этом им руководило желание достигнуть высшего положения и даже царского достоинства; впрочем, он рассчитывал достигнуть этого не столько доблестью, сколько дерзостью» (И.д. 17,10,4/5).

Дело в том, что в научно-исследовательской литературе этот воспритязавший на царский престол *разбойник-бандит* Иуда (из Галилеи), сын обезвреженного и казнённого (управлявшим Галилеей) молодым Иродом (ещё за десятилетие до получения им царского титула-сана-ранга от римлян) галилейского национал-атамана Езекии (с сотоварищи) — 47/46гг. до н.э. (И.в. 1,10,5; И.д. 14,9,2), грубо ошибочно, но крайне уверенно отождествляется академическими авторитетами с *профессиональным революционером* Иудой Галилеянином. Последний происходил из Гамалы в Гавлане (к востоку от Генисаретского озера), стяжав, по месту дальнейшей жизнедеятельности, известность как Иуда (имя) Галилеянин (прозвище).

Согласно Флавию, выступившие против уплаты богоизбранниками-иудеями подушной подати римскому кесарю он и фарисей Садок создали т.н. четвёртую философскую школу революционных национал-радикалов (предтеч зилотов с сикариями), что случилось уже после смещения-детронизации сосланного в 6г. н.э. Августом в Галлию Иродова сына — этнарха Архелая, в дни провинциализации Иудеи, когда названные вдохновители этой новой квазифилософии призвали народ к вооружённому сопротивлению налоговой переписи Квирина — 6/7гг. (Р.л. 1179-89-95-99). Притом эта (*вторая*) перепись, ни в коем случае, не тождественна (как Иуда Галилеянин не есть Иуда б. Езекия) другой, более ранней, фигурирующей в Ев. от Лк.2,1/2, (*первой*) квиринской переписи 1/2гг. н.э. (пришедшейся на время Рождества Иисуса Нафанида — 25.12.1г. н.э.) (Р.л. 1021-29-43/44-54-62-81).¹⁴⁸

Тем не менее, крупнейший авторитет по истории античного еврейства Шюрер в разделе «Иудея под властью римских прокураторов» (1,486) безоговорочно идентифицирует Иуду Галилеянина с Иудой, сыном Езекии, не приводя, впрочем, в пользу своей (всего-навсего) версии никаких доводов-аргументов, за исключением его — шюреровского — голословного = не подкреплённого никакими аргументами утверждения — «sicherlich identisch» — букв. «достоверно идентичен» (неподражаемо!). Последующие авторы (Цанн, Кроль и т.д.) утверждение Шюрера с готовностью подхватили и сегодня оно повсеместно выдаётся за (якобы) твёрдо установленный энциклопедический факт (за истину в последней инстанции!).

Далее, важно усвоить, что, сообщая об исходной доле иных мятежных атаманов 1г. н.э., о гибели самозванца из царских рабов Симона, или о конечном пленении

¹⁴⁸ О сложностях-нюансах подлежащих фактической и хронологической дифференциации, с их верной хронореконструкцией, переписей-описей (апографирование и апотимесирование) 1/2-го («по всей земле» — *Impetium Romanum*; Сирия; Иудея) и 6/7гг. н.э. (Сирия; Иудея) см. подробнейший доказательный материал в «Р.л.» (1029-81; 1179-99).

др. самозванца – пастуха Афронгея, Флавий (И.в. 2,4,2/3), ни применительно к мятежам по смерти Ирода, ни применительно к повстанчеству после провинциализации Иудеи в бг., ничего не сообщает ни о том, чем кончил в 1г. (в Галилее) Иуда, сын Езекии, ни о том, чем кончил, при подавлении римлянами восстания 7г. (в Иудее), Иуда Галилеянин. Именно это флавиевское молчание о конце двух одновременно бунтовавших тѣзок даёт Шюеру и проч. основание настаивать на их бесспорной (!) идентичности. Мол, Иуда, сын Езекии, не погиб в бунтарских пожарах по смерти Ирода (1г. н.э.) и выступил позднее, по отстранении Архелая в бг., под именем Иуда Галилеянин. (Не налицо ли очередное опрощение-упрощение! очередное примитивное сведение двоицы к единице!)

Спрашивается, неужели в пределах Земли Обетованной не могли в первом десятилетии н.э. жить и действовать двое Иуд (имя, число носителей к-рого в еврействе той поры можно сравнить с Иванами в России или с Джонами в США)?!? Евангелист Иоанн, точно в воду глядел, предвидя будущие затруднения путаников-экзегетов, и оттого, разумея Апостола Фаддея (из круга 12-и), специально уточнил: «Иуда, не Искарот» (14,22). Ну, а личностную плюс хроно-разницу между не дифференцированными у Флавия прямым текстом Иудой, отпрыском Езекии, и Иудой из Гамалы, по прозвищу Галилеянин (несмотря на сходный род занятий – политический бандитизм – обоих соименников), однозначно удостоверяет в Д.Ап.5,36/37 Лука, чётко сообщая о разных (не один, но два) и одновременных Февде (= Иуда) и Иуде, вернее, о возглавившихся ими шоблах и о печально-летальном финише как разбойничьего атамана Февды, так и радикального революционера Иуды.

Сосредоточимся (из-за непробиваемости репрезентантов академической науки) ещё раз и предложим, увы, повторяясь (в ответ на тупое постоянство научной учёности), читателю школьный вопросник-ответник. Вопрос: кто таков Февда, выдававший себя за какого-то (или – кого-то) великого и увлекший за собой ок. 400 человек? Ответ: Февда – это действовавший после смерти (март 1г. н.э.) Ирода весной/летом, до санкционированной Августом в сентябре 1г. н.э. *первой* переписи (1/2гг.) Квирина (Лк.2,1/2), Иуда (*хвалимый*) – сын Езекии, в отличие от Иуды Галилеянина, выступившего спустя 5/6 лет после Февды (*хвала*), во время *второй* переписи (6/7гг.), к-рой предшествовала в бг. н.э. августейшая детронизация Архелая.

Ответ же на вопрос – когда именно явился пресловутый Февда? – по тексту Деяний, из уст Гамалиила, оригинален и неоднозначен-неоднозначен: «не задолго пред сим» (36). Пред чем сим? или – Сим? Цанн, разбирая Гамалиилову речь (S.205), толкует слова «не задолго пред сим», как определение Гамалиилом сроков – в смысле «не задолго пред нашим временем», «пред нашими днями», т.е. пред днями служения самого Гамалиила и синедристов его поколения. По факту верно, ибо Гамалиил начал свою законоучительскую деятельность ок. 5 – 10гг. н.э., да и оглядываясь назад, на события 1г. из 33г. н.э., вполне можно, применительно к тому, что, обращаясь к синедристам, разумеет Гамалиил (от Бога или не от Бога), сказать – «не задолго пред сим». Однако, нет ли в этом выражении второго – потаённого – смысла (в ключе секрета китайской шкатулки, или слоёной матрёшки)? М.б., «не задолго пред сим» (латентно) означает (ещё и) – пред событием Рождества Христова, т.е. пред событием рождения в Вифлееме 25.12.1г. н.э. *Солнечного Дофина* – Иисуса Нафанида, относительно чего выступление Февды после смерти Ирода, действительно, случилось – «не задолго пред сим».

Теперь об актуальной соименности-тезоименитстве (двух лжемессиянистов). Иуда (от евр. *hūd* – *хвалимый*; *хвалить*; *хвала*) и Февда суть родственные по смыслу (и по звучанию) богохвалебные имена (Р.л. 965) – еврейское и греческое, равно «Февда» – греко-эллинистическая форма еврейского имени Иуда, к-рое в этой форме не раз встречается у античных иудеев. К примеру, так звали иудейского

законоучителя эпохи Второго храма в Риме (Strack / Billerbeck «AG», S.639), или в Талмуде некий иудей Февда высказывается по ритуальным вопросам (Берахот 4,4). Или брата первой жены Ирода Дориды звали Февдион. Или грецизированная форма (одна из форм) имени Апостола Иуды – Фаддей (арм. Փադէլու – Тадевос).

Любопытно, что в «Именном указателе» к русскому синодальному тексту Писания «Брюссельской Библии» тождественное значение имён Иуда, Февда (прибавим сюда также Тоду – ученика Иешуа, сына Пандиры) (Р.л. 761/62), Фаддей дано правильно, без умудрений: Иуда – *хвала*; Февда – *хвала*; Фаддей – *хвалящий* (с.2230; 2238). Не то в справочниках западных, где господствует версифильный плюрализм без удовлетворительного ответа на поставленные ново-новейшими запросами вопросы.

Посему Февда (к-рый проходит у Флавия как Иуда, сын Езекии, а у Лк. в Д.Ап. как Февда) и Иуда Галилеянин (к-рый и у Лк., и у Флавия зовётся Иудой Галилеянином) совсем не одно и то же лицо. Причём, согласитесь, что Евангелист-Благовестник не мог назвать в лаконичном тексте-благовествовании Д.Ап., где, к тому же, сродни Четырём Евангелиям, не предусмотрены примечания или приложения, галилеянина Иуду, сына Езекии, ни просто Иудой, ни Иудой из Галилеи, поскольку непосредственно за ним по тексту следует Иуда Галилеянин.

Между тем, ново-новейшая критиканская учёность и «Лексиконы» вместо того, чтобы, пораскинув мозгами, разобраться, в т.ч., в данном вопросе, очень часто вмещают весьма пунктуальному, в чём мы снова и снова убеждаемся, блистательному (мета)историку Луке чудовишный анахронизм. Видите ли, по рассказу Флавия, при первом, по смерти в 44г. н.э. Ирода Агриппы, назначенном кесарем Клавдием прокураторе (вновь провинциализированной) Иудеи Куспии Фаде (44 – 46гг.), «некий Февда, обманщик, уговорил большую массу народа забрать с собой всё имущество и пойти за ним, Февдой, к реке Иордан. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить их, чем многих ввёл в заблуждение. Однако, Фад выслал против них отряд конницы, к-рая многих перебила и многих захватила живьём. Остервенившись, воины отрубили Февде голову и повезли её в Иерусалим...» (И.д. 20,5,1).¹⁴⁹

Если критиканы скалятся, то ряд современно-либеральных (вынужденных, так сказать, расшаркиваться перед, так сказать, неопровержимой рационал-наукой) богословов сетуют: Лука-де заплутал в истории и произвольно вставил во вложенную им в уста Гамалиила речь 30-х гг. Ив. н.э. событие (из) 40-х гг., плюс к тому, неуклюже (в апологетических целях-видах) отодвинул это событие на время аж до

¹⁴⁹ Кстати, (иорданское) выступление этого – не попытавшегося ли уподобиться пророку Илии, пред к-рым, от удара милотью его, расступился Иордан (4Ц.2,8; ср. И.Нав.3), расступившийся ранее, весной 1407г. до н.э., перед Иисусом Навином (И.Нав.3), – Февды, кто обещал провести людей через реку, к-рая-де расступится перед ним, посуху-немокрено, вряд ли случайно произошло, по всей видимости, в 45г. н.э., по прошествии 900 лет от вознесения-восхищения Илии в 856г. до н.э., и 931-го (49 x 19) года от рождения Навуфея-Илии в 888г. до н.э.

P.S. На 33-м году от выступления в 1г. н.э. Февды (Иуды) состоялось – 33г. – осеннее судилище над Апостолами, а на 33-м году от этого судилища началась – 66г. н.э. – Иудейская война. Вместе с тем, это осеннее судилище имело место через 27 лет после явления национал-радикального экстремиста Иуды Галилеянина, а через 27 лет после этого судилища учредитель-инаугуратор ойкуменического христианства Ап. Павел, родители к-рого, пленённые в Галилее (Гисхала), вследствие подавления иудейского повстанчества 1г. н.э. римлянами, будучи проданы в рабство, попали в Тарс (Р.л. 973) (см. ниже), отправился – осень 60г. – из Иудеи на кесарев суд в Рим. Если 1г. н.э. отстоит на полвека (50 десятичных лет – христианский юбилейный срок) от 51г. – дата Апостольского собора, то, в свою очередь, 51г. н.э. отстоит на полвека от 1-го года следующего послепапостольского века, т.е. от 101г. н.э., между тем как 100г. н.э. – дата успения Иоанна Богослова, время (патмосского) Откровения к-рого – 96г., отстоящий на 45 лет от даты Апостольского собора, отстоящей также на 45 лет от 6г. н.э.

Иуды Галилеянина (дата выступления к-рого благодаря Флавию хорошо известна). Простейшая мысль о возможной экзистенции на палестинской авансцене в течение почти полувека Февды № 1 и Февды № 2 профессорскими умами, в рамках убогих профессорских схем, почему-то не допускается и не рассматривается: мол, что с полуграмотного Евангелиста возьмёшь? Незачем, господа-товарищи учёные (Эйнштейны драгоценные с Ньютонами ненаглядными), инкриминировать безупречному (мета)историку Луке собственные (рационал-материалистические) невежество, ничтожество, скудоумие и дебилизм.¹⁵⁰

* * *

Конечно, Гамалиил не «дружил», как говорит о нём церковно-христианское предание, с Первомучеником Стефаном, к-рый, весьма вероятно, сродни Павлу и Варнаве, учился у него в высшей фарисейской школе; не хоронил Стефана на своём земельном участке, в своей усыпальнице; и не принимал в конце жизни от Петра и Иоанна крещение. В этой инкарнации I/Ивв. ему, его личности (человек рождается как индивид, а личность формируется), суждено было окончить жизнь благочестивым фарисеем, позитивно соприкоснувшимся с христианством, дабы стать на уровне индивидуальности выдающимся христианским подвижником в воплощениях грядущих!

И неспроста это именно он – единственный христианский святой из Книг Нового Завета, одновременно обладает очень высоким авторитетом в иудаизме. Симптоматичное плодотворно-связующее звено, непреходящий посредник в диалоге христиан и иудеев прошлого, настоящего и будущего, в деле дробовольного приобщения иудеев к Импульсу Христа Спасителя.

Таким образом, в октябре 33г. именно Гамалиилово, надо думать, поддержанное немалочисленными однопартийными фарисеями и рядом беспартийных синедристов, миротворное вмешательство укротило свирепую ярость саддукеев и, при всех случаях, спасло Апостолов, если не от суда Линча, то, по крайней мере, от более сурового наказания, хотя Гамалиил предложил отстать от них и отпустить на все четыре стороны (предоставив целокупное дело христиан суду Времени) без какого-либо наказания. Здравому совету столь уважаемого авторитета нельзя было не внять, его нельзя было проигнорировать.

Засим синедрион успокоился-угомонился. Выведенных перед тем мужей Апостольских снова призвали в зал заседаний, присудили их каждого, за нарушение летнего вето учить об имени Иисуса (Д.Ап.4,18) (с. выше), к наказанию посредством предписываемых законом сорока ударов (бичом) без одного (Вт.25,2/3), к-рые, к месту добавить, не раз получит впоследствии Апостол Павел (2Кор.11,24), и вновь запретив учить об имени Иисуса, отпустили (сравнительно легко благодаря вмешательству Гамалиила наказанных) восвояси.¹⁵¹

¹⁵⁰ И незачем болтать о т.н. непрекаемом историко-писательском превосходстве куда, дескать, более компетентного иудейского историка Флавия над малокомпетентным христианским Благовестником Лукой. Сириец-антиохиец Лука родился ок. 9г. н.э., а Иосиф Флавий – в 37/38гг., т.е. это не Флавий, а Лука, начавший бывать в еврейской Палестине не позднее 30-х гг. (вероятный прозелит с ок. 35 и христианин с ок. 40гг.), был на 30-е и 40-е гг. Ив. достаточно взрослым-зрелым человеком, чтобы знать о событиях тех лет и говорить о них компетентнее, чем (между прочим, весьма скудно информированный о них) Флавий. Лука точен даже в том, что, в отличие от (400) сторонников убитого в 1г. н.э. Февды, к-рые именно «рассеялись и исчезли», сторонники погибшего в 7г. н.э. Иуды Галилеянина именно «рассыпались», продолжая своё пагубное дело (пестования революционного зилотизма) дальше.

¹⁵¹ «Ради имени Моего отлагал гнев Мой, и ради славы Моей удерживал Себя от истребления тебя» (Ис.48,9).

Так, между саддукеями и предводительствуемыми Гамалиилом фарисеями был достигнут своеобразный консенсус с патовым компромиссом; синедрион не разделился, дело за его пределы не вышло, выносить смертный приговор и тем вмешивать Пилата, или розыгрышно санкционировать спонтанную расправу и тем, опять-таки, нарваться на конфликт с Пилатом, (пока) не пришлось. Да и конфликта с сочувствующей Апостолам частью народа удалось избежать. С др. стороны, христианская община выиграла ещё немного времени для дальнейшего становления без гонений, равно для умножения своих рядов.

В то же время очередному запрету синедристов Апостолы, естественно, не могли подчиниться-последовать, ибо запретить им учить об имени и именем Иисуса было невозможно, как невозможно запретить Солнцу светить. То-то они не огорчились, но возрадовались наказанию бичевательным бесчестьем, именно оказавшись достойными¹⁵² оно, именно удостоенные¹⁵³, в их восприятии-понимании, принять оно за имя Господа Иисуса, после чего всякий день в храме и по домам продолжали, не злословя начальствующих в народе (Д.Ап.23,3), евангелизационно учить об Иисусе Христе и евангелизационно благовествовать Иисуса Христа.

ИЗБРАНИЕ СЕМИ МУЖЕЙ

(ноябрь 33г.)

«В эти дни, когда умножились ученики, произошёл у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей.

Тогда двенадцать Апостолов, созвавши множество учеников, сказали: не хорошо нам, оставивши слово Божие, пеицись о столах;

Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости: их поставим на эту службу;

А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова.

И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа

¹⁵² «Песахим» (536): «Р. Иоханан (280г.): «Кто жертвует средства от прибыли на поддержку учеников законоучителей, достоин членства в небесном совете. Не сказано ли у Екклесиаста: «Хороша мудрость с наследством, и особенно для видящих солнце: / Потому что под сению её то же, что под сению серебра; ибо превосходство знания в том, что мудрость даёт жизнь владеющему ею (7,11/12)». «Песахим» (87а): «Песни песней: «Есть у нас сестра, к-рая ещё мала, и сосцов нет у неё; что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за неё?» Р. Иоханан: «Это сказано о еврях Элама, к-рые достойны учиться, но не достойны учить». «Песахим» (87б): «Р. Иоханан: «Почему Иеровоам, сын Иоаса, царь Израиля, достоин сопричисления к царям Иуды?» Потому что он не внял клевете на пророка Амоса». «Мегилла» (10б): «Р. Шмуэл б. Нахман (260г.): «Всякая целомудренная в доме свёкра дева достойна того, чтобы от неё произошли цари и пророки». «Берахот» (64а): «Р. Леви б. Хийя (350г.): «Кто идёт из синагоги в дом учения и посвящает себя Торе, тот достоин созерцать Шехину». «MQ» (29а): «Кто идёт из синагоги в дом учения и из дома учения в синагогу, тот достоин посещения Шехины».

¹⁵³ Не говорит ли Иисус в Нагорной проповеди: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить на Меня; / Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф.5,11/12). Не говорит ли Пётр: «Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу» (1П.2,20). «Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслию...» (1П.4,1). «Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Своею во Христе Иисусе, Сам, по кратковременному страданию вашему, да совершит вас, да укрепит, да соделает непоколебимыми» (1П.5,10). Не говорит ли Павел: «Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот мы живы; нас наказывают, но мы не умираем» (2Кор.6,10).

исполненного веры и Духа Святого, и Филиппа, и Прохора и Никанора, и Тимона и Пармена, и Николая Антиохийца, обращённого из язычников;

Их поставили пред Апостолами, и сии помолившись возложили на них руки.

И слово Божие росло и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере.» (Д.Ап.6,1-7)

Еллинисты в Diaspore — это обитавшие в различных странах и городах Римской империи диаспоральные иудеи к-рые состояли из потомков еврейских мигрантов и обращённых ими по месту диаспорального обитания прозелитов. Они (киринейцы из Килены, александрийцы из Александрии, кипряне с Кипра, иудеи из Киликии, Азии и т.д.) общались как, само собой, с местным населением, так и преимущественно между собой на греческом (койне), более того, многие из них, ревностно исповедуя иудаизм и регулярно паломничая на большие праздники в Палестину, забыли родной язык, читали священные тексты в греческих переводах и молились по-гречески. Еллинисты же в Иерусалиме, где экзистировало множество называемых по их территориально-диаспоральному признаку синагог, это — как переселившиеся сюда на постоянное местожительство представители ойкуменического еврейства, так и находящиеся в данный момент в Иерусалиме, с паломнической, деловой, гостевой или иной целью, иудеи-израэлиты римско-еллинистической Diasпоры.

В отличие от них, палестинские и особенно, разумеется, иерусалимские еврей-иудеи-израэлиты (равно иудеи Вавилонии — анклава Иерусалима в Diaspore), носители родного, правда, арамейского (за исключением священных текстов) в рассматриваемый нами период, языка, глядя на еллинистов свысока, гордо именовали себя евреями и истинными израэлитами, без примеси языческой крови, уверенные в том, что в иудаизм могут обратиться и язычники, тогда как евреями (Евреями из Евреев) — не становятся, — ими рождаются! Не говорит ли Савл/Павел о себе додамасском: «Обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей...» (Фил.3,5). Или: «Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я» (2Кор.11,22) (см. Ио.19,13; 17; 20; 20,16; Д.Ап.21,40; 22,2; 26,14).

Причём еллинистов и отношение к ним евреев можно, во многом, сравнить с галилеянами и, соответственно, с отношением к ойкуменизированным-еллинизированным галилеянам ментально, в куда большей степени, геттоизированных иудеев, особенно иерусалимлян. С одной стороны, последние также считали первых испорченными языческим влиянием полукровками, в лучшем случае, «бестолковыми (галалеа шота) галилеянами», между тем как, с другой, именно из среды галилеян вышли многие (начиная с упомянутых выше Езекии и Иуды, вернее, двух, по месту жизнедеятельности Иуды Галилеянина, Иуд) фанатичные ветхозаветники и экстремальные национал-радикалы. Сходно, среди еллинистов, наряду с либералами, хватало «католиков поправвернее папы». Впрочем, и то, и др., при сложившейся конъюнктуре, в создавшихся условиях, закономерно и понятно. И между прочим, в постхрамовую эпоху Рассеяния именно многоэтническое диаспоральное еврейство станет даже консервативнее палестинского.

А в нашем случае Д.Ап. говорит о христианах, точнее, о примечательном конфликте между христианами из числа иудеев-израэлитов-евреев и иудеев-израэлитов-еллинистов, к-рые, в основном, не считая приверженцев Иисуса со времени до Голгофы, обратились-крестились в течение полугода после Пятидесятницы 33г. н.э., когда на Апостолов снизошёл Св. Дух в виде двенадцати языков (12 — число Пространства), провозвестивших грядущий выход христианства в пределы многоязычной Ойкумены, что практически-фактически началось с обращения-крещения,

в той или иной мере, сопричастных-сопринадлежащих греко-римской Ойкумене Еллинистов. Не они ли первыми, после Пятидесятницы и далее Кущей 33г., с увеличением общего кол-ва христиан, надо полагать, до (где-то) 15/20-и (?) тыс., вынесли благовест о Христе за пределы Палестины.

И вот, согласно Дееписателю, именно с умножением первохристианской общины, ангажированные в ней совместно с местными иудеями Еллинисты возроптали на Евреев за дискриминацию, при «ежедневном раздаянии потребностей», их вдовиц, принеся соответствующую жалобу Апостолам, к-рые, к слову, являясь Евреями (из Евреев) были одновременно (за исключением, пожалуй, Фомы) урождёнными галилеянами, и потому тоже составляли, вдобавок к своему исключительному апостольскому статусу коллегии 12-и, весьма своеобразную и весьма удачную равновесно-арбитражно-паритетную середину между конфликтовавшими-конфликтующими сторонами.

«Ежедневное раздаяние потребностей», – т.е. снабжение нуждающихся пищею на общих трапезах и проч. «потребностями» в местах собраний членов христианской общины. Например, в синагогах практиковался обычай: каждое пятничное утро рынок и дома обходили два сборщика, собирая в помощь нуждающимся сообщинникам деньги, продукты, товары, к-рые распределялись в тот же день и к-рых должно было хватить нуждающимся, в кол-ве 14-и трапез-столований (2 раза в день) каждой персоны, на неделю. Фонд, производивший такие распределения, назывался – купна (корзина). Плюс, производились сборы по домам – одежда, предметы первой необходимости и т.д., в составе фонда под названием – лоток.

Мы не знаем подробностей в отношении первохристиан, но вряд ли будет ошибкой предположить общинное «раздаяние» сходным способом. По поводу же вдовиц (вдова – евр. «альмана»), речь идёт о пропитании бедных вдов, у к-рых не было иной возможности прокормиться, при отсутствии у них иных источников дохода, и о раздаянии им определённых денежно-вспомоществовательных сумм. Интересно, что в Израиле вдовам полагалось получать пропитание из отделяемой через каждые три года седмицы (семилетки) от всех произведений земли десятины для бедных (маасер они) (Т.Г. 938).

И между прочим, сентябрьской осенью 33г., с наступлением 1-го тишири, истёк особенно знаменательный, приложительно к данной десятине, вехозаветно-израильский 3-й седмичный год (32/33г.) и начался 4-й седмичный год десятины левитов (33/34г.), место к-рых в новозаветной церкви предстояло заступить диаконам, предтечами-предварителями к-рых, или, как считают некоторые, собственно к-рыми, – первыми в христианской церкви, – сделались как раз 7 избранных общим собранием христиан мужей, кому надлежало впредь заботиться, в т.ч., о бедных вдовах.

Причём вопрос об их избрании решили, дабы, в частности, самим не отвлекаться от проповеди слова Божия, Апостолы, созвав-собрвав (в Сенакле) большое собрание общины, к-рому они предложили выбрать из своих рядов семерых изведанных, т.е. проверенных = пользующихся доверием-авторитетом, равно исполненных Св. Духа и мудрости, необходимых для отправления множества, скажем так, малоапостольских (в видах разгрузки Больших Апостолов) полномочий мужей. И судя по греческим именам всех избранных, предпочтение, по апостольской рекомендации, было отдано недовольным ропотникам-Еллинистам (см. ср. Д.Ап.13,1, где названы 5 учителей, носителей, напротив, еврейско-арамейских имён в Антиохии Сирийской в 40-е гг. Ив. н.э.). Иначе говоря, крещённые Евреи и Еллинисты выбрали *великолепную семёрку* из среды Еллинистов, в то время как Апостолы (особоста-туированная верховная христианская коллегия 12-и) помолились о них и возложили на них руки.

Сначала молитва, потом – служение, ибо сначала – с Богом о людях, потом – с людьми о Боге. Молитва и сакральный акт священнодейственного руко(воз)положения как излияния на рукоположенных даров Св. Духа. Ср. ветхозаветное руко-возложение-рукоположение: Иаковом – сыновей Иосифа; Моисеем – Иисуса Навина (Б.48,14; Ч.27,18-23; Вт.34,9).¹⁵⁴ Двенадцать, к-рые возложили руки на Семерых, рукоположили их во-на служение. Если 12 – число Пространства, то 7 – число Времени!

* * *

При всём том, эти семеро (по аналогии с 7-ю пастырями-судьями-надзирателями в административных общинно-поисных учреждениях еврейских городов – Исх.18,21; Втор.16,18)¹⁵⁵, часто именуемые у церковных авторов и экзегетов первыми «диаконами», Дееписателем так не называются: в тексте Д.Ап. употреблена глагольная

¹⁵⁴ «S Num. (27,18 §140 (526)): «...возложи на него руку твою» (Ч.27,18). Господь сказал Моисею: «Сделай Иисуса учителем (предводителем), чтобы он вопрошал и принимал решения, доколе ты ещё жив, ибо с твоим уходом Израэлиты не должны сказать (о нём), что при жизни учителя он не принимал решения, к-рые принимает теперь. Моисей тотчас велел Иисусу подняться с земли (где тот сидел перед учителем), и усадил его рядом с собой как равного... «И дай ему от славы твоей» (Ч.27,20), но не всю славу твою. Отсюда надо усвоить: лице Моисея было подобно солнцу, а лице Иисуса – луне. И он возложил на него руки свои (27,23), и Иисус уподобился наполненному до краёв сосуду».

«Сифре Цута / Ялкуп к Ч.27,18»: «Возложи на него руку твою» (Ч.27,18), чтобы ученик твой получил благословение твоё. «И поставь его пред Елеазаром священником и пред всем обществом» (27,19), чтобы он стал признанным учителем пред глазами священника Елеазара и всего общества. «И дай ему от славы твоей» (20), к-рую ты получил на Синае, когда «видели сыны Израилевы, что сияет лице Моисеево» (Исх.34,35). Отсюда вывод: сияние, исходившее от лица Моисеева, было подобно сиянию солнца. Не сказано ли: «Блеск её (земли) – как солнечный свет; от руки Его лучи, и здесь тайник Его силы» (Авв.3,4). Иное толкование: «От славы твоей», но не от всей славы. Чему подобен Моисей? Пылающему факелу, от к-рого можно возжечь множество факелов, без какого-либо ущерба для его света. Так и мудрость (поделитьсяегося славою с Иисусом) Моисея не умалилась ни на йоту».

«Танхума» (241a): «Дай ему от славы твоей» (Ч.27,20), как при переливании из одного сосуда в другой».

«S Dt (34,9 §157 (150a)): «И Иисус, сын Навин, исполнился духа премудрости» (Вт.34,9). Почему? Потому что «Моисей возложил на него руки свои».

Интересно, что возложением рук в талмудические времена производилась (законоучительская) ординация (назначение-утверждение) раввинов. Если р. Иоханан б. Заккаи учредил постхрамовый талмудический иудаизм (с патриархом-нази Гамалиилом II во главе ямнийского синедриона), то р. Иуда б. Баба (+ ок.136г.), не убоившись категорического запрета римлян на ординацию, пронзённый в наказание за это ударами 300 римских копий, самопожертвательно ординировал в Галилее 5 (олицетворяющих совокупность талмудизма эпохи начала мирового Рассеяния после поражения Бар Кохбы) самых выдающихся учеников знаменитого р. Акибы (+ 135г.). Презрев наложенный римлянами под страхом смертной казни запрет, «он (Иуда б. Баба) нашёл соответствующее место между двумя горами и двумя, в расстоянии субботнего пути один от другого, галилейскими городами Уша и Сефараим, где ординировал пятерых, к-рыми были: р. Меир, р. Иуда (б. Илаи), р. Симон (б. Иохай), р. Иосе (б. Халафта) и р. Елеазар (б. Симон)» (Санхедрин 136) (См. ср. полярный рассказ Талмуда о 5-и казнённых иудеями, при Саломии Александре, учениках повешенного на древе в 70г. до н.э. выдающегося предварителя Иисуса Христа – иудейского ересиарха Иешуа, сына Пандиры, к-рого многие неправоммерно смыкали и продолжают смыкать с Иисусом из Назарета) (Р.л.746-62).

¹⁵⁵ Из этих 7-и персон выделялась комиссия 3-х, специально облечённая в качестве «взимателей и раздателей потребностей» официальным попечением о бедных (вдовах, сиротах и т.д.), по-разному, возлагавшимся, в зависимости от их доходов и состояния, на (налогово) обязанных своим участием, применительно к купне и лоткам, граждан каждого населённого

форма слова «служить» — «пещись» — *δίακονῆν*, образованная от существительного *δίακονος* (служитель), поскольку буквально обязанности избранных составляло не богослужение, или оказание (христианским) священникам (каковых на 33г. ещё не было) помощи при богослужении, но попечение (старослав. — «пещись») о столах = о трапезах, включавшее, в т.ч., заботу о бедных вдовах. (Сообразно Иустину Мученику, — попечение о вдовах, сиротах, калеках, больных, пришлых и всех нуждающихся.)

Посему ноябрьская осень 33г. не есть дата учреждения церковно-институционального диаконата (как низшей священнослужительской ступени в составе древнецерковной иерархии: диаконат; епископат; пресвитериат), к-рый был учреждён (не на Апостольском ли соборе 51г.?) в интервале 33 — 57г., фигурируя как таковой в написанных в, соответственно, 58-м, 63-м и 65гг. Посланиях Ап. Павла к Римлянам (16,1 — где в начальные месяцы 58г. римским сообщинникам представляется некая «Фива, сестра наша, диаконисса церкви Кенхрейской»),¹⁵⁶ к Филиппийцам (1,1) и к Тимофею (1,1-8-13). Отсюда семерых выбранных собранием христиан в ноябре 33г. (на 30-м месяце от избрания-назначения Иисусом в мае/июне 31г. 12-и Апостолов) служителей-попечителей вполне позволительно назвать «диаконами», но их избрание нельзя квалифицировать как учреждение (в 33г.) института диаконата.

Дальше — больше. Если Первоученик Стефан (*венец*) почётно называется традицией прото- или архидиакономом, то остальные следующие за ним 5 мужей почётно зовутся (перво)диаконами, за исключением последнего из них — Николая Антиохийца, — первого христианина из (сирийско-антиохийских) язычников-прозелитов, кто, согласно неподтверждённому преданию, впоследствии отпал от христианства и стал основателем секты-ереси осуждаемых в Откровении Иоанна николаитов (2,6; 14-16; 20-26).

Притом с подобным смутным-мутным преданием соглашаются многие древние авторитеты (Ириней «Против ересей» 1,26,3; Ипполит «Философумена» 7,36; Епифаний «Панарион» 25,1-7), за исключением берущего под защиту истинного христианина Николая, к-рого он разотождествляет с апокалипсическими николаитами, Климента Александрийского («Строматы» 3 — у Евсевия в «И.Ц.» 3,29). И всё-таки, в поминальных Святах Николай Антиохийский (*победитель народа или мира*, — к-рый сторонниками версии его отпадения в ересь ассоциируется с Валаамом — *погубителем народа*) отсутствует, между тем как прочие 6 мужей-первослужителей, равные диаконам и епископам последующих времён, входят, наряду с т.н. прото-диакономом, в состав 70-и Малых Апостолов.

Диаконов в качестве служителей (или служителей в качестве диаконов) можно (отчасти) сравнить с, как сказано, левитами при священниках Аронидах (в услу-

пункта (Бава Батра 11; Кегубот 67а). Вдобавок, в храме наличествовал спец. притвор «Умалчиваемых», где собирались добровольные беднячки пожертвования (Шекалим 5,6). Для тех же, кто ещё не стали гражданами полиса, прожив в нём меньше 12-и месяцев, имелись особые установления: кто прожил (в полисе) 30 дней — вносит свой вклад в «корзину», 3 месяца — в «лоток», 6 месяцев — заботиться об одежде для неимущих, 9 месяцев — соучаствует в затратах на погребение бедняков, 12 месяцев, став полноправным гражданином, — участвует во всех совокупно положенных полисных взиманиях (Бава Батра 8а).

¹⁵⁶ Диакониссы — особая категория женщин в христианской Церкви I-VIII вв., принявших посвящение и несших определённое церковное служение, о к-ром сегодня спорят, — было ли оно равнозначно служению диаконов? или было обращено исключительно к женщинам, не имея сакраментального выражения во время общего церковного богослужения? Но, так или иначе, Павлово употребление в 58г. н.э. слова-существительного «диаконисса» позволяет предположить, что на 57/58гг. собственно институт диаконата уже существовал. И потому спрашивается, не на Апостольском ли соборе 51г., в к-ром участвовали минимум Пётр, Иаков, Иоанн, Павел (и неизвестно сколько ещё из Апостолов) оный, возможно, был учреждён?

жени у священников) или с хазанами в иудейских синагогах. Последние приносили-подносили читающему (с кафедры) Св. Писание, принимали подношения, заботились о столах... (Йома 7,1; Сота 7,7,7; Берахот 126) (Епифаний «Против ересей» 30,11,4).

Таким образом, внешняя сторона дела безусловно в том, что 7 мужей были выбраны как попечители трапезных столов и заботники о неимущих (об обиженных-обойдённых-обделённых еллинистских) вдовах, чем, однако, т.е. распорядительно-хозяйственными, управленческо-организационными полномочиями-обязанностями, функции-задачи (блюстителей равноправно-общинной справедливости) Семерых (не бывших только завхозами), естественно, не исчерпываются. Ведь диакония этих служителей, прежде всего, Бога, включает в себя, перво-наперво, требующее даров Св. Духа (1Кор.12,9) богослужебно-евхаристическое, культоволитургическое *попечение* о столах-хлебах в раздаении духовных *потребностей*.

Следовательно, благовествуя избрание 7-и мужей, Деятели (коли открыть-вскрыть *китайскую шкатулку*; коли добраться до глубинной сути *слоёной матрёшки*) благовествует, в контексте попечения о вдовьих хлебах, начало культовой христианской жизни, — откуда необходимость изведанности сопричастных еллинистической Ойкумене (где будущее христианства) избранных мужей, их (в служении у сосредоточенных на проповеди слова Божия Апостолов) исполненности (пятидесятично-нищенственным, получаемым от Апостолов) Св. Духом и (жизненной) мудростью.¹⁵⁷ Диакония — в преломлении/распределении хлеба насущного как в духовно-евхаристическом, так и в телесно-физическом смысле! Пример-предварение — вечера есеев.

И не случайно то, что, если за Апостолом 12-и — учительство и проповедь, то за протодиаконом 7-и — именно многогранное попечительское служение. 12 евреев-галилеян и вселенское-мировое Пространство (12 зодиакальных Созвездий); 7 иудеев-еллинистов и вселенское-мировое Время (7 Планет). Если 12 Апостолов (круг) есть 12 новозаветных *Сыновей Иакова*, то 7 перводиаконов, попечители о вдовах, есть 7 новозаветных *Сыновей Вдовы*. Где Св. Грааль? Не там ли, где Время становится Пространством и Пространство Временем! Не стало ли духотворное Пространство одухотворённым Временем в Крещении Иисуса из Назарета! Не стало ли духотворное Время одухотворённым Пространством в Воскресении Христа!

Неспроста в деле-действе мученичества архидиакона Стефана Савл будет подвизаться в (фигурально выражаясь, «левитско-диаконском») служении у его убийц. И неспроста Бл. Августин впоследствии скажет, что не будь предсмертной молитвы Стефана, у Церкви не было бы Павла. Христианство начало разворачиваться в мир не непосредственно после провозвестившей сей грядущий разворот Пятидесятницы, а после мученической подвечной кончины Св. Первомученика. И первыми ойкуменическими миссионерами сделаются именно еллинистические протодиаконы с христианами-еллинистами: Филипп — в Самарии (Д.Ап.8), иные — в Финикии, на Кипре, в Антиохии. Мало того, именно иудеохристианские кипряне и киринейцы первыми начнут в Антиохии проповедовать еллинам-язычникам (11,19/20). Сим Протодиаконы суть одновременно Малые Апостолы дадут стартовый сигнал к взятому на полное-пожизненное-жизнедеятельное вооружение Павлом и Варнавой грандиозному процессу евангелизации Ойкумены.¹⁵⁸

¹⁵⁷ В начале Пв. н.э. Игнатий Антиохийский (+ ок. 107г.) в «Послании к траллийцам» называет диаконов «служителями таинств Иисуса Христа» (2).

¹⁵⁸ Ни диаконы, ни епископы, ни пресвитеры первохристианской поры не были диаконами, епископами и пресвитерами в позднейшем оседло-церковном понимании, часто, в силу различных причин (миссионерски; из-за гонений...), перемещаясь с места на место.

И весьма симптоматично, что если первым обращённым левитом был Варнава, за к-рым, вероятно, последовали др. левиты, то после избрания 7-и, когда слово Божие (из уст 12-и) росло и число учеников умножалось в Иерусалиме, на начальном этапе культово-литургического первохристианства, «очень многие», как фиксирует Дееписатель, уже из священников-Аронидов покорились (приводя в бешенство ортодоксов) христианской вере, покорились чуждой фоссильным ветхозаветникам вере в Распятого и Воскресшего Христа Иисуса.

Хотя пока, на ноябрь/декабрь 33г. н.э., и Евреи, и Еллинисты, несмотря на все вселенские провозвестия, практически-фактически удерживают в себе старую иудейско-израильскую закваску, не разумея, что во Христе нет и не может быть в перспективно всемирном христианстве – ни Еллина, ни Иудея. Если Христос годом раньше, осенью 32г., провозвестил овец иного двора (Ио.10,16), то фарисей Савл, до времени не будучи и не могучи быть первоверховным Апостолом Павлом, на осень/зиму 33г. ещё не знает, что время еврейско-израильско-иудейского богоизбранничества вышло-кончилось-истекло, и что, действительно, нет больше по определению, в свете искупительной жертвы за всё богоизбранное человечество (как Человека) и в свете Воскресения Иисуса Христа, Сына Божия, в истинной христианской системе координат, ни Еллина, ни Иудея... Всему своё время во Времени и в Пространстве.

А теперь обратимся к (мета)истории самого выдающегося в семерице протодиаконов – Св. Стефана¹⁵⁹, первомученичество к-рого, по всей вероятности, 25 декабря 33г. н.э., не случайно имело место (на 9-й *родовой* месяц от Таинства Голгофы, когда заканчивался своеобразный 9-месячный «медовый месяц» Еврейства и Нового Завета), т.е. – как в день Рождества Христова, так и за 66 лет и 6 месяцев до успения 24 июня 100г. н.э. в Эфесе (завершившего Век Апостольский) последнего из Апостолов и Евангелистов – Иоанна Богослова.

¹⁵⁹ В отношении остальных членов коллегии 7-и, в Новом Завете есть сведения только о Филиппе (*любящий коней*), проповедовавшем в 34г. в Самарии и крестившем там (изобличённого вскоре Петром) Симона Волхва, затем обратившем-крестившем в дороге на Газу евнуха царицы Ефиоплянской, потом благовествовавшем в Азоте и пошедшем в (место его постоянного проживания) Кесарию Приморскую (Д.Ап.8,5-40), где 24 года спустя он, отец 4-х дочерей, девиц пророчествующих (одна из к-рых – погребённая в Эфесе Св. Ермиония Ефесская), принимал в 58г. в своём доме прибывшего в Палестину морем и направлявшегося в Иерусалим Ап. Павла (21,8/9) (Т.Г. 62) (см. ниже). Делались попытки углядеть в Малом Апостоле = диаконе Филиппе тождество с одним из снаряжённых Иисусом в селение Самарянское вестников (Лк.9,52), или того недозрелого-недопонимающего на 32г. приверженца, к-рый просил у Иисуса разрешения, прежде чем пойти за Ним, проститься с домашними (Лк.9,61). По западному преданию, этот поставленный Апостолами благовестник Филипп пребыл кесарийским епископом и мирно почил 6.06., дожив до лет весьма преклонных; по восточному, – епископствовал в малоазийских Траллах (или в Магнесии) и скончался своей смертью в глубокой старости. Причём нередка апокрифическая накладка Апостола Филиппа, одного из 12-и (Т.Г. 59-64), на диакона Филиппа, одного из 70-и, ибо Апостол Филипп тоже был отцом 2-х или 3-х незаурядных дочерей и тоже дожил до глубокой старости, но кончил, в отличие от соименного ему диакона, мученически, распятый на кресте, в малоазийском Гиераполе (Фригия).

Прохор (*руководящий хором*) – по церковному преданию, сначала миссионерски сопровождал Ап. Петру, потом сделался спутником и сотрудником Иоанна Богослова в Эфесе, разделит с ним ссылку на о. Патмос (95/96г.) и записал Откровение. После кончины Иоанна (100г.), стал епископом в Никомидии, а позднее принял мученичество за обращение язычников в Антиохии. Правда, ряд авторов склонны (указывая на возрастные дименсии) различать двух Прохоров – диакона и спутника Петра от на порядок более молодого спутника Иоанна. Вдобавок к тому, Иоаннову спутнику-сотруднику приписывается авторство «Сказания о жизни и чудесах Иоанна Богослова» (от Успения Богородицы до Иоанновой кончины).

Никанор (*победитель жены или друга*) – пострадал в день каменования архидиакона

ПЕРВОМУЧЕНИК СТЕФАН

(декабрь 33г.)

«А Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе. Некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Кирийцев и Александрийцев и некоторые из Киликии и Азии вступили в спор со Стефаном;

Но не могли противостоять мудрости и Духу, К-рым он говорил.

Тогда научили они некоторых сказать: мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога.

И возбудили народ и старейшин и книжников, и напавши схватили его и повели в синагогон,

И представили ложных свидетелей, к-рые говорили: этот человек не перестаёт говорить хульные слова на святое место сие и на закон;

Ибо мы слышали, как он говорил, что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, к-рые передал нам Моисей.

И все сидящие в синагогоне, смотря на него, видели лице его, как лице Ангела.»
(Д.Ап.6,8-15)

Наиболее известный и харизматичный из 7-и диаконов Стефан происходил, судя по его греческому имени (*венец; корона*), к-рое очень выразительно предваряет увенчавшее его первомученичество, из Еллинистов, т.е. из грекоязычных иудеев Диаспоры (или Палестины).¹⁶⁰ Причём, согласно одному из преданий, он являлся родственником тарсянина Савла и его (с Варнавой) однокашником или одношкольником (по иерусалимской школе Гамалиила). Стало быть, если верить данному преданию, отчим краем Стефана была Киликия (Тарс) и на 33г. н.э. ему было ок. 30-и лет отроду.¹⁶¹

Далее, весьма примечательно то, что в его случае мы имеем первый евангельский пример совершения великих чудес и знамений в народе не одним из 12-и Больших Апостолов, но первым из 7-и диаконов и одним из 70-и Малых Апостолов. Хотя сопринадлежал ли он к 70-и, снаряжённым Христом на служение по осени 32г., — вопрос, на к-рый, можно, пожалуй, ответить утвердительно. Не чувствуется ли в Стефане личное (отлично от Павла) знакомство со Христом?!

О стефановской же исполненности верой и силой «Т.Б.» (Д.Ап., т.3, с.47-49) верно толкует веру как причину и источник чудодейственной силы в качестве

Стефана, при начале грянувшего гонения на христиан, во время к-рого, согласно неподтверждённому преданию, линчевательски погибли ок. 2-х тыс. человек.

Тимон (*почтительный*) — предание делает его епископом Бостры в Аравии (отголосок хождения из Дамаска в Аравию в интервале 34-37гг. Павла), числя за ним приведение многих к христианству и многие страдания от язычников и иудеев за проповедь Иисуса Христа, с итоговым принятием мученической смерти в печи огненной. Сообразно западной традиции, — принял смерть на кресте.

Пармен (*пребывающий*) — усердно попечительствовал о столах-хлебах и исполнял поручения Апостолов, ещё до оставления к-рыми, в геораздвинутых-расширенных миссионерских видах, т.е. с середины 40-х гг., Иерусалима, он мирно скончался. По др. преданию, проповедовал в Македонии и умер от болезни, или кончил мученически в глубокой старости, при Траяне.

¹⁶⁰ Сами иудеи, употребляя слово «Диаспора» без уточнения, обычно разумели крупнейшую, по кол-ву иудеев и её значению, Вавилонскую диаспору, к-рую, как сказано, называли «анклавом Иерусалима в Диаспоре», и к-рая, находясь за рубежами Римской империи, под верховенством Парфянского Ирана, к греко-римской (ойкуменическо-еллинистической) Диаспоре, естественно, не относилась.

¹⁶¹ После 30-и лет (возраст воцарения Давида) частично зрелый молодой человек уже мог учительствовать и проповедовать, но для ординации в качестве законоучителя-равви, преподавателя высшей школы (типа гамалииловской), требовалось достижение возраста в 40 лет.

особого проявления и действия веры, к чему впору присовокупить, что исполненность верой означает наполнение силой, поскольку силой в себе христианин обязан именно (способной сдвигать горы) вере. «Вера Стефана была такова, что в его сердце не было места сомнению, зато было место действию Божией благодати. Верой мы избавляемся от своего Я и наполняемся Христом, К-рый есть Божия сила и Божия премудрость» (М.Генри).

С одной стороны, сообразно слову Д.Ап., от избрания диаконов до конфликта между Стефаном и иудеями прошёл какой-то минимум времени, т.к., судите сами, Стефан не мог в одночасье по избрании совершить великие чудеса и знамения (мн.ч.) в народе. А со стороны другой, соответственно Евсевию, «он (Стефан) первый после Господа сразу же по своём поставлении – словно для этого и был избран – был побит камнями от убийц Господних» («И.Ц.» 2,1,1). Следовательно, если диаконское поставление Стефана имело место в ноябре 33г., значит, те, к-рые из синагоги Либертинцев, Киринейцев и Александрийцев, плюс некоторые из Киликии и Асии (объединение диаспоральных иудеев из нескольких общин в составе одной, ибо в тексте ед.ч., иерусалимской синагоги?), вступили с ним в спор оптимально не ранее и не позднее декабря 33г.

Спрашивается, – не в праздник ли Ханукки (в память о маккавейском обновлении рукотворённого храма)? т.е. по прошествии года с посещения Иисусом праздника Обновления 32г. н.э., к-рый, напомним, тогда пришёлся на 18-25.12., закончившись в 33г. в середине декабря (25 кислева – 3 тевета), после чего на 10-е тевета (= 22.12.) пришёлся день поста 10-го месяца (тевет – декабрь/январь).

Притом, если в декабре 33г. н.э. исполнялось 196 лет со времени обновления храма в 164г. до н.э. Иудой Маккавеем, то 10-го тевета 33г. исполнялось ровно 620 лет со времени начала Навуходоносором 10 тевета 588г. осады Иерусалима, завершившейся летом 586г. взятием Св. Города и концом Иуды, сожжением-разрушением рукотворённого Первого (Соломонова) храма и Вавилонским пленением евреев. Дальше – больше: если 196 лет дают своеобразный седмично-сорокадевятиричный юбилей из 28-и 7-леток или 4-х 49-леток, то гематрия сферы Кетер (корона) – 620 – есть (каббалистическая) инициация в сакральную смерть, к-рая, в свою очередь, есть (новозаветное) *семя вечной жизни*.

Вот в пору каких памятных дат вышеназванные иудеи-еллинисты вступили в яростный спор со Стефаном, вследствие и в результате чего, он, будучи лжесвидетельски обвинён в синедрионе, был линчевательски (ленинско-революционный «порыв масс»!) каменован, вероятно, в пятницу 25 декабря 33г. н.э., спустя 33 года от выхода 24/25.12.1г. до н.э. из Вавилонии в дорогу несущих Царю Иудейскому Иисусу Соломониду золото, ладан и смирну царей-волхвов; и спустя 32 года от Рождества в ночь с 24-го на 25 декабря 1г. н.э. в Вифлееме Иудейском Иисуса Нафанида = Иисуса из Назарета, К-рый суть Христос Господень.

Кроме того: на конец 33г. н.э. не случайно шёл 1480-й (1480 – число Христа) (Т.Г. 1721) год от Исшествия израэлитов весной 1447г. до н.э., под предводительством Моисея, из Египта; 1440-й (720 x 2) год от перехода израэлитов весной 1407г. до н.э., под предводительством Иисуса Навина, через Иордан; 840-й (120 x 7) год от каменования в 807г. до н.э. в храмовом притворе Израэлитов, по инициативе царя Иоаса Иудейского, сына первосвященника Иодая праведного пророка Захарии; и, наконец, 630-й (1260 : 2) год от пленения Нвуходоносором весной 597г. до н.э. уведённого в Вавилон иудейского царя Иехонии – первого в третьем *астральном* ряду 14-и царственного Соломонида от Иехонии до Иисуса Христа (Мф.1).

Однако повременим и продолжим в порядке присущей нашему повествованию хронопоследовательности. Выше мы охарактеризовали иудеев (греко-римской) Диаспоры, как (в большинстве) грекоязычных и (в большинстве) ментально

эллинизированных евреев, часть из к-рых были (наряду с тем) фанатичными ревнителями (праввернее первосвященника), с каковыми и довелось схлестнуться еллинисту-христианину Стефану, кому противостали еллинисты-иудеи, разделённые Дееписателем на две следующие группы. Синагогальные, приложительно к Иерусалиму, либертинцы, киринейцы, александрийцы и, исходя из текста, примкнувшие (в споре со Стефаном? или примыкавшие как синагогально, так и в споре со Стефаном?) к ним иудеи-еллинисты из Киликии и Азии (к-рые не называются тарсянами или ефесянами).

При всем том, надо уяснить. Под *libertini* в Риме понимались и сделавшиеся из римских рабов впоследствии свободными собственно палестинские военнопленные иудеи 60-х гг. Ив. до н.э. (помпеянское покорение Палестины), и их потомки, тогда как первоначально сами военнопленные, получившие позднее от римлян свободу (вольную), именовались *liberti* (вольноотпущенники), а их дети или внуки звались *libertini* (потомки вольноотпущенников). Но на 30-е гг. Ив. н.э. (и до того) расширенным термином «*libertini*» могли обозначаться все военнопленные вольноотпущенники или их потомки, что, применительно к иудеям, обозначало, в первую очередь, потомков пленённых взявшим в 63г. до н.э. Иерусалим Помпеем и проведённых им в его римском триумфе 61г. еврейских пленников, к-рые затем, обретя свободу, частично поселились в Риме, на правом берегу Тибра, составив там римско-еврейскую диаспору (8 тыс. чел на 1г. н.э.) (Р.л. 974), и частично вернулись в Палестину-Иерусалим, где существовала синагога Либертинцев, в к-рую входили потомки обретших свободу помпеянских пленников, и в к-рой собирались иудейские паломники из Рима.

И пусть при Тиберии римско-еврейская диаспора подверглась изгнательным репрессиям (19г.), тем не менее, она не прекратила своё существование или возродилась после падения в 31г. иудофоба Сеяна, состоя неизвественно из какого кол-ва иудеев на 33г. (ок. 10-и тыс.?), когда Тиберий умеренно благоволил (в пику казнённому Сеяну и гонимым сеянистам-псевдосеянистам) к евреям, снова сделав какой-то ближе неизвестный постановительно-эдиктный выпад против них в 34г. (правда, неясно, в какой мере антииудейские тиберианские постановления 29 и 34гг., присеяновское и постсеяновское, касались-коснулись, и коснулись ли? римско-италийских иудеев) (Д.И. 180-88).¹⁶² Так или иначе, первыми из яростных противников Стефана Дееписатель вряд ли случайно называет именно (ангажированных) Либертинцев, к-рые, видимо, были известны и выделялись особенно рьяными-ретивыми фанатиками-ортодоксами в их рядах.¹⁶³

Под киринейцами – иудеи Килены – ливийских области и города (Пентаполис),

¹⁶² Римляне различали, в т.ч., в правовом отношении к ним, римско-италийских, диаспорально-ойкуменических и палестинских иудеев, хотя, например, Филон вменяет Сеяну планы истребления всех евреев («Посольство к Гаю» 8).

¹⁶³ В определённом смысле, точнее, по формальному определению, тарсянина Савла/Павла тоже очень даже можно сопричислить к *libertini-liberti*, поскольку он был, если верить Иерониму («De viris...» 5), сыном взятых в плен римлянами (в ходе подавления Квинтилием Варом мятежа 1г. н.э.) и проданных в киликийско-тарсийское рабство родителей из Галилеи (Гисхала), к-рые обрели (будучи кем-то выкуплены?) свободу на (как максимум) 3г. н.э., ибо Павел родился, по его собственным словам, в (унаследованном им) римском гражданстве (Р.л.972/73). Одним словом, повторим, Либертинцы в Д.Ап. есть конкретно потомки помпеянско-римских иудеев или римские иудеи. И, кстати сказать, нигде нет ни малейшего указания на сопринадлежность Савла/Павла к тарсийской или к какой-либо иной синагоге, т.к. он, во всяком случае, на конец 33г., при своём первом появлении в Писании, служебно, насколько выводится из Д.Ап., подвизался, по всей вероятности, как *аспирант* законоучителей, наделённый-оснащённый рядом обязанностей-полномочий, при, не являясь членом оного, иерусалимском синедрионе (см. ниже).

четвёртую часть четырёхквартального населения к-рого составляли тесно связанные с Палестиной/Иерусалимом диаспоральные иудеи (Р.л. 1174-79), из к-рых происходил, например, хорошо знакомый нам *первый крестоносец* Симон Кириянин, — подставившийся под крест Иисуса в дороге на Голгофу 3.04.33г. (Т.Г. 1608-14).

Касаемо Александрии Египетской, где иудеи селились со времени её основания Александром в 331г. до н.э., при многих благоволивших к ним Птолемах, она на IV н.э. была крупнейшим, в частности, культурным центром иудейско-эллинистической Диаспоры *Imperium Romanum*. Здесь, во втором по величине и значению, после ок. или уже более миллионного Рима, городе державы, проживало до 700 тыс. человек, 200 тыс. из к-рых составляли занимавшие 2 из 7-и районов города евреи.

Помимо того, множество иудеев проживало в городах провинциальной Киликии, в частности, в Тарсе, откуда, возможно, происходил Стефан, и в городах провинциальной Азии, с центром в Эфесе. Причём снова обратим внимание на то, что если первые три (синагогальные) группы Стефановых противников названы по соответствующим городам, то две последние — по областям-провинциям, плюс — текстуальная «синагога» в ед.ч. может означать объединение всех 5-и (или, по меньшей мере, первых 3-х) групп под эгидой и крышей одной иерусалимской синагоги.

* * *

К тому же, с синагогально-иерусалимским вопросом должно, присмотревшись к нему пристальнее, разобраться подробнее. Дело в том, что по путаной и, на сей раз, явно недостоверной раввинистическо-талмудической (разносимволической) информации-постфактум, в Иерусалиме (и в Беттаре — логово Бар Кохбы) насчитывалось аж 480, или 460, или 394, или 400, или 500 синагог.¹⁶⁴ Согласитесь, что подобное в городе с постоянным населением в 50 или 100 тыс. чел. (уж не говоря о Беттаре) немислимо.

И если число иерусалимских синагог, вполне возможно, всё-таки, превышало 48, как мы приняли в «Р.л.» (771), то оно, в любом случае, никак не могло составлять 480, что приложительно к диаспоральным синагогам надо понимать символически. В отличие от, к примеру, однозначно хроноуказательного в 3Ц. (6,1) именно 480-го года со времени Исшествия израэлитов из Египта до даты закладки Соломонова храма (1447 — 968гг. до н.э.), что, как раз наоборот, надо понимать именно историко-хронологически (480-й год — 120 x 4 — не может быть только символоном). И делать это надо, несмотря на все усилия ново-новейших радетелей т.н. короткой-сокращённой хронологии-датировки Исхода (приноровленной либо к Рамзесу II — XIIIв., либо к умышленно скукоженной-урезанной талмудической хроношкале, с Исходом в якобы 1312г. до н.э.), истолковать этот крайне неудобный для них 480-й год (чтобы избавиться от него) сугубо символически.

Вместе с тем, текст Д.Ап.6,9 позволяет сделать вывод об эвентуальной практике объединения нескольких (б.м., до 10-и) синагогальных или несинагогальных иудеев Диаспоры в Иерусалиме в одну иерусалимскую синагогу, в случае чего, у числа

¹⁶⁴ «Мегилла» (3,73д,22): «Р. Иошуа б. Леви (250г.): «Не сказано ли (о разрушениях, произведённых в 586г. до н.э. вавилонянами — К.З.) «...и все дома в Иерусалиме, и все дома большие...», т.е. 480 синагог, бывших в Иерусалиме» (?). Р. Пинхас (360г.), именем Р. Ханани (225г.): «480 синагог было в Иерусалиме, со зданиями школы и высшей школы при каждой (школы — для изучения Писания; высшей школы — для изучения Мишны)» (!). «Кетубот» (13,35с,47): «460 синагог»; «Кетубот» (105а): «394 синагоги»; «Гиттин» (58а): «В Беттаре 400 синагог». Но в «Таанит» (4,69а,11) и в «Мидраше к Песни Плача» (2,2(63б) — вместо 400 синагог 500 школ.

(условно) 48 (или максимум – 100), при всех случаях-условиях, намного больше шансов, нежели у числа 480 (или 460; или 394...), отразить реальное положение дел. Например, в небольшой Тивериаде, согласно Талмуду (Йома 7,1), имелось (в пору расцвета там раввинистическо-талмудического иудаизма – II/III вв.) 13 синагог (вполне реально); или из 7-и синагог Рима лишь одна была еврейской, остальные – (корпоративно-организационно объединённые?) эллинистические.

Впрочем, примечательнее дееспособный метагеографический расклад, вернее, регионально-географическая последовательность стиха 8 главы 6 Д.Ап. в сравнении с перечислительной, 7-ю месяцами ранее, геопоследовательностью стиха 10 пятидесятничной главы 2.

Если там, в пятидесятничном контексте-разрезе, – Египет, части Ливии, прилежащие к Кирене, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты (см. выше), то тут – некоторые из т.н. синагоги Либертинцев и Киринейцев и Александрийцев...¹⁶⁵ Глобальные – христианско-святодуховенные, и локальные – противостефановские-антихристианские, дименсионы. Египет, Ливия, Рим, с одной, и Либертинцы, Киринейцы, Александрийцы (Кирена – оба раза посередине), с др. стороны. Направление восток – запад на майскую Пятидесятницу, и (обратно-откатное) направление запад – восток на не столько рождественский, сколько переключившийся с датой Рождества первоначальный декабрь 33г. Мученичество Стефана на 9-м месяце от Крестно-Воскресенской Пасхи, к-рая – на 9-м месяце от Преображения Господня; и мученичество Стефана через 7 месяцев от Пятидесятницы-Троицы. Симптоматичные девяти- и семи-месячность!

В дополнение к тому, если Египту, Ливии и Риму, с его акцентированными Иудеями и прозелитами из язычников, на Троицу предшествуют Фригия и Памфилия, то в предрождественском декабре 33г. за Либертинцами, Киринейцами и Александрийцами идут соседняя Памфилия Киликия и отчасти смежная, отчасти совпадающая с исторической Фригией провинциальная Асия, к-рые, т.е. Киликия и Асия из Д.Ап.6,9, своеобразно параллелизируются с Критянами и Аравитянами в Д.Ап.2,10. Крайние точки – Рим и Аравия – в диагональной метагеографической оппозиции друг к другу через палестинский Иерусалим – *ну! Земли*.

Если на Троицу репрезентанты Ойкумены, иудеи-еллинисты отовсюду, равно диаспоральные иудеи из Парфии, Вавилонии, Елама, слушали-слышали Апостолов (Евреев галилеян), «нашими языками говорящих о великих делах Божиих», то ныне, спустя 7 плодотворнейших для постоянно увеличивающейся христианской общины (Церкви) месяцев, Либертинцы, Киринейцы, Александрийцы (к сожалению, среди последних не было иудея-еллиниста *par excellens* Филона Александрийского!), плюс некоторые из Киликии и Азии, напротив, вступили в непримиримый спор со Стефаном, мало того, не могли противиться мудрости и Духу, К-рым и из К-рого он благовествовал Христа Воскресшего (см. I Кор.12,1-13).

И вот бессильные против него в споре, проигравшие ему в диспуте-дискуссии (опять в Соломоновом притворе храма?) его вошедшие в раж противники научили некоторых инкриминировать Стефану хульные слова на Моисея и на Бога (сначала – Моисей, потом – Бог! т.е. неприкосновенность законодателя Моисея важнее-актуальнее Господней!).

Да, коли Стефан толковал Втор.18,15 (из Моисеевых уст) на распятого Иисуса, то он, новоявленный христианин-еллинист, с бескомпромиссной позиции более правверных, чем первосвященник, иудеев-еллинистов, хулил Моисея! Ведь, при

¹⁶⁵ Заметим, что талмудисты ставят знак равенства между прозелитизмом ливийцев и египтян, считая, что и те, и другие могут войти в общество Господне, сродни идумеянам, иудеями в третьем колене (Келим 8,31e,33) (Т.Г. 1610). Значит, аналогично – с римлянами, поскольку римлян иудеи отождествляли с идумеянами (Рим – Эдом).

желании, само превращающее (повешенного на кресте) Иисуса в (с апелляцией к законодателю) минимум *печать пророков* толкование, наподобие этого, допустимо назвать хулой на первопророка-законодателя, чего, между прочим, не вменили Еврею от Евреев (галилеянину) Петру, по исцелении им летом 33г. хромого от рождения, в Соломоновом притворе, во время Петровой речи к ним, Евреи. Т.е., во-первых, ситуация с июля по декабрь, вследствие общего умножения числа христиан и особенно умножения за счёт Еллинистов, после избрания 7-и диаконов, заметно изменилась, а во-вторых, отношение к христианам иудеев-еллинистов отличала крайняя нетерпимость. То-то во всём конфликте со Стефаном мы не видим отошедших на задний план Апостолов, к-рые, более того, не подвергнутся гонениям, отлично от христианской общины Иерусалима и в особенности христиан-еллинистов, после каменования Стефана (см. ниже).

Далее, если Стефан ссылаясь на слова Иисуса о храме (тела Господня), сказанные на Пасху 30г. (Ио.2,19-21), то не удивительно, что ему вменили хулу на святое место сие (под к-рым понимались, вместе или порознь, и Иерусалим, и дом Господень), как её вменили два лжесвидетеля на суде у Каиафы Иисусу, дескать, «Он говорил: «могу разрушить храм Божий и в три дня создать его» (Мф.28,61), пусть даже Он говорил совсем не то и вовсе не так, сказав, что может воскресенски восставить «храм Тела Своего» (Ио.2,21). Но ведь эти слова ни, само собой, Иудеи, ни Апостолы тогда не уразумели, что, впрочем, не помешало иудеям 3 года спустя умышленно, в поисках необратимого компромата-обвинения на Иисуса, исказить-перетолковать их (Т.Г. 1520).

Тем паче, любые похожие Стефановы слова в адрес Иерусалима и храма, грядущее разрушение к-рых врагами было в Страстной вторник (31.03.33г.) предсказано Иисусом, давали возможность исказить-перетолковать оные как на (якобы радетелей данного разрушения) Иисуса, так и на Стефана. Кроме того, и слова Иисуса самарянке у колодца в декабре 30г. о наступлении времён поклонения Богу (поклонников, к-рых ищет Себе Отец) не на Гаризиме и не на Храмовой горе Иерусалима, не в рукотворённых храмах, а «в духе и истине» (Ио.4,22), буде они были в какой-либо форме повторены-приведены Стефаном в споре с еллинистами, тоже весьма своеобразно вписывались-укладывались в формат возмутительного богохульства.

И не было фанатикам из народа в законе никакого дела до преобразующего действия христианства в отношении ветхозаветных норм и критериев закона, ни одна буква-черта из к-рого, разумеется, не пропадёт, новозаветно-святодуховенно преобразившись. И (сделанный иудеями «домом торговли», превращённый ими в «вертеп разбойников») храм разрушат не христиане. Профанированное святилище уничтожат язычники-римляне, к-рых раввины идентифицировали с эдомитами, к к-рым талмудисты сопричислят (смешав в одну противоиудейскую кучу-малу) и Амана, и Ирода, и (ненавистного раввинизму-талмудизму упразднителя ветхого богоизбранничества староеврейства) Иисуса Назорея.

Короче говоря, взбив-доведя сами себя до не столько белого, сколько чёрного каления, перечисленные интолерант-еллинисты возбудили и народ, и старейшин, и книжников, следом за чем, совместно нападши, схватили победителя в споре *златоуста* Стефана и повели его в синедрион, внимательно наблюдавшие за развитием событий заправили к-рого, давно планируя, при достаточном поводе, обрушиться на христиан, были к такому развитию сюжета кукловодчески-коноводчески готовы.

Т.е. налицо привлечение иудеями-еллинистами к участию в конфликте, вовлечение в конфликт палестинско-иерусалимских евреев-иудеев (кого иудеи грекоязычные научили, дабы те выступили свидетелями на арамейском), причём — и народа, и, главное, старейшин со книжниками в авторитете. И налицо также изменение отношения к христианам, делящимся отныне на христиан-евреев и христиан-

еллинистов, начало чего маркировало избрание 7-и (число Времени) диаконов, в народе. Если прежде было минимум сочувствие, то теперь доминируют возмущение и враждебность. Всё усложнилось, возник диссонанс. Однако интеграция еллинистов в христианство непреложна и созвучна времени, тогда как нарастающий конфликт между христианством и еврейством-иудейством неизбежен. Девятимесячная постпасхальная и семимесячная постпятидесятничная иерусалимская фаза-стадия первохристианства заканчивается.

Где именно, надо полагать, утром, до полудня, не иначе как в пятницу 25 декабря 33г. н.э. (см. ниже), схватили Стефана? и куда именно, в какую синедриональную резиденцию, повели? Первое, предположительно, – притвор Соломонов; второе, вероятно, на сей раз, не городская резиденция, но храмовая – Торговая палата в притворе Язычников (?). Из текста не следует, что названные иудеи-еллинисты сцепились со Стефаном в синагоге, в то время как (могущие разуть и храм Божий, и Град Господень Иерусалим в целом) слова иудеев «место сие» в стихе 14, скорее всего, подтверждают произнесение этих слов на территории храмового комплекса.¹⁶⁶

Итак, лжесвидетели – не внове, сценарий – испытанный-откатанный, делом Иисуса из Назарета засвидетельствованный-освидетельствованный. Задействованные ныне против Стефана, они дают нужные показания, притом, наверное, искренне веря, что исполняют священный и гражданский долг. Ложь или лживая-извращённая полуправда всегда убедительнее звучит из уст тех, кто в неё искренне верит. Особенно же ценна хорошо знакомая прокурорам с адвокатами заведомо ложная обвинительная, или, наоборот, оправдательная словесная интерпретация, манипулирование словом (антилогосом), в видах достижения (оправдывающей средства любой ценой цели) посредством, в т.ч., т.н. правового словоблудия. Не самое ли время вспомнить об ответственности за дачу ложных показаний. Однако, что, спрашивается, делать, если сами лжесвидетели не сомневаются в своей искренности, а кукловоды остаются в тени?

Посему никто об ответственности за дачу ложных показаний никому не напомнил. Некому было ни напоминать, ни внимать. Правда, не парадоксальным ли образом все, согласно Деесписателю, «сидящие в синедрионе» судьи (полукругом, на подиуме, с председателем в центре, члены герузии; и ученики в три ряда, позади обращённого лицом к судьям обвиняемого, на полу¹⁶⁷) (Т.Г. 1518), глядя (представшему пред синедрионом на 1480-м году от сиятельно-ангельского преображения лика спустившегося 6 сивана 1447г. с Синая Моисея) Стефану в лицо, «видели лице его (враги врага!), как лице Ангела».

«Бог призрел на него, но судьи, и видя это, пошли против него, хотя будь он виновен, Бог не удостоил бы его (преображенной) доли Моисея» (Генри). «Смотря на Стефана, они видели не личину дьявола, а лице Ангела. Они видели таинственную красоту жизни, к-рая полностью подчинена Господу и посвящена провозглашению Истины; красоту человека, к-рый более заботится о том, что помыслит Бог, чем о том, что могут сказать люди. Они видели отблеск славы Христа, отражённый в сияющем лице Его преданного ученика» (Макдональд). В 1-й и 2-й Кн.Ц. Давид трижды позиционируется – «как Ангел Божий» (1,29,9; 2,14,17; 19,27).¹⁶⁸

¹⁶⁶ В Четверо-Евангелии Лк., единственный из Евангелистов, ничего не говорит о разрушении храма, озвучивая-акцентируя предстоящее опустошение (включающего храм) Иерусалима (13,34/35).

¹⁶⁷ Не присутствовал ли (служивший при синедрионе) Савл (Павел) – аспирант законоучителей, на заседании? не слышал ли Лк. (спутник-сотрудник Павла) подробности дела непосредственно от него? (Д.Ап.22,30; 22,9-11; 1Кор.15,9; 1Тим.1,12-15) (см. ниже)

¹⁶⁸ «Таргум к Песни песней 1,5»: «Когда израэлиты изготовили золотого тельца, их лица стали чёрными, как у сыновей Куша и Кедара. Но когда они покаялись и им было прощено,

СТЕФАН РАЗВОРАЧИВАЕТ ПЕРЕД СИНЕДРИОНОМ МЕТАИСТОРИЮ ЕВРЕЙСТВА

Засим место действия перемещается, по инициативе синагогально-диаспоральных иудеев-еллинистов (дискутировавших со Стефаном в предыдущие дни, а затем схвативших и повлекших его в синедрион в пятницу), из, предположительно, Соломонова притвора храма в верховное судилище при храме. Там греческий язык давешней дискуссии сменяется, соответственно иерократическо-теократическим нормам внутренней иудейско-синедриональной, под державной эгидой Рима, национально-религиозной автономии, на язык еврейско-арамейский. Именно на этом официально-процессуальном языке председатель синедриона первосвященник Каиафа обращается к (обвинённому в богохульстве) Стефану, в ответ на что тот произносит самую продолжительную в Д.Ап. пламезарную речь¹⁶⁹, к-рая представляет собой рафинированную квинтэссенцию Ветхого Завета, блистательно инкопорированную в Завет Новый.

«Тогда сказал первосвященник: так ли это?»

Но он сказал: мужи, братья и отцы! послушайте, Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран,

И сказал ему: выйди из земли твоей и из родства твоего и из дома отца твоего, и пойди в землю, к-рую покажу тебе.

Тогда он вышел из земли Халдейской и поселился в Харране; а оттуда, по смерти отца его, переселил его Бог в сию землю, в к-рой вы ныне живёте.

И не дал ему на ней наследства ни на стопу ноги, а обещал дать её во владение ему и потомству его по нём, когда ещё был он бездетен.

И сказал ему Бог, что потомки его будут переселенцами в чужой земле и будут в порабощении и притеснении лет четыреста.

Но Я, сказал Бог, произведу суд над тем народом, у к-рого они будут в порабощении; и после того они выйдут и будут служить Мне на сём месте.

И дал ему завет обрезания. По сём родил он Исаака и обрезал его в восьмь день; а Исаак родил Иакова, Иаков же — двенадцать патриархов.

Патриархи по зависти продали Иосифа в Египет; но Бог был с ним,

И избавил его от всех скорбей его, и даровал мудрость ему и благоволение царя Египетского фараона, к-рый и поставил его начальником над Египтом и над всем домом своим.

на их лица сошёл блеск великолепия, и они стали, как лица Ангелов». «Втор. рабба» (11(207д): «Когда Самаэль (Ангел смерти) пожелал завладеть душой Моисея в час его кончины, он увидел Моисея сидящим и записывающим имя Бога (Шем), притом Моисеево лице было подобно солнцу, а сам он уподобился Ангелу Господа Саваофа, и тогда Ангела смерти охватил страх пред Моисеем». «Числа рабба» (10(159б): «Ко мне пришёл человек Божий, подобный Ангелу Божию» (Суд.13,16). Отсюда умозаключается, что Шехина парит только над красивыми мужами». «Числа рабба» (10(159с): «Маной не узнал человека Божия (Суд.13), поскольку, когда Господь посылал к людям пророков, на к-рых Св. Дух, люди трепетали пред ними, не узнавая их, из-за их подобия Ангелам». «Берахот» (5,9а,30): «Р. Ханина (225г.) и р. Иошуа б. Леви (250г.) пришли к римскому наместнику в Кесарию. Он, увидев их, встал. Его спросили: «Почему ты встаёшь перед этими иудеями?» Он ответил: «Их лица, как лица Ангелов». «Шаббат» (25б): «Р. Иегуда (299г.) именем Рава (+ 247г.): «В пятницу, канун субботы, р. Иегуда (б. Илаи) омывался тёплой водой, вытирал лицо и руки, облачался в белую льняную одежду и уподоблялся (в ожидании субботы Господней) Ангелу Божию».

¹⁶⁹ На арамейском (к-рым он, зная также, если учился в школе Гамалиила, древнееврейский, владел)? на греческом? Во всяком случае, ветхозаветные цитаты Стефан (или Лк.) приводит по «Септуагинте».

И пришёл голод и великая скорбь на всю землю Египетскую и Ханаанскую, и отцы наши не находили пропитания.

Иаков же, услышав, что есть хлеб в Египте, послал туда отцов наших в первый раз;

А когда (они пришли) во второй раз, Иосиф открылся братьям своим, и известен стал фараону род Иосифов.

Иосиф, послав, призвал отца своего Иакова и всё родство своё, семьдесят пять душ.

Иаков перешёл в Египет, и скончался сам и отцы наши;

И перенесены были в Сихем и положены во гробе, к-рый купил Авраам ценою серебра у Еммора Сихемова.

А по мере, как приближалось время исполниться обетованию, о к-ром клялся Бог Аврааму, народ возрастал и умножался в Египте

До тех пор, как восстал иной царь, к-рый не знал Иосифа;

Сей, ухищряясь против рода нашего, притеснял отцов наших, принуждая их бросать детей своих, чтобы не оставались в живых.

В это время родился Моисей и был прекрасен пред Богом; три месяца он был питаем в доме отца своего,

А когда был брошен, взяла его дочь фараонова и воспитала его у себя, как сына;

И научен был Моисей всей мудрости Египетской и был силен в словах и делах.

Когда же исполнилось ему сорок лет, пришло ему на сердце навестить братьев своих, сынов Израилевых;

И, увидев одного из них обижаемого, вступился и отмстил за оскорблённого, поразив Египтянина.

Он думал, поймут братья его, что Бог рукою его даёт им спасение; но они не поняли.

На следующий день, когда некоторые из них дрались, он явился и склонил их к миру, говоря: вы — братья; зачем обижаете друг друга?

Но обижающий ближнего оттолкнул его, сказав: кто тебя поставил начальником и судьёю над нами?

Не хочешь ли ты убить и меня, как вчера убил Египтянина?

От сих слов Моисей убежал, и сделался пришельцем в земле Мадямской, где родился от него два сына.

По исполнении сорока лет, явился ему в пустыне горы Синая Ангел Господень в пламени горящего тернового куста.

Моисей, увидев, дивился видению; а когда подходил рассмотреть, был к нему глас Господень:

Я Бог отцов твоих, Бог Авраама и Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей, объятый трепетом, не смел смотреть.

И сказал ему Господь: сними обувь с ног твоих, ибо место, на к-ром ты стоишь, есть земля святая;

Я вижу притеснение народа Моего в Египте и слышу стенание его, и нисшёл избавить его; итак, пойдя, Я пошлю тебя в Египет.

Сего Моисея, к-рого они отвергли, сказавши: «Кто поставил тебя начальником и судьёю?», сего Бог чрез Ангела, явившегося ему в терновом кусте, послал начальником и избавителем;

Сей вывел их, сотворив чудеса и знамения в земле Египетской, и в Черном море, и в пустыне в продолжение сорока лет.

Это тот Моисей, к-рый сказал сынам Израилевым: «Пророка воздвигнет вам Господь Бог ваш из братьев ваших, как меня; Его слушайте.

Это тот, к-рый был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим ему на горе Синае, и с отцами нашими, и к-рый принял живые слова, чтобы передать нам,

К-рому отцы наши не хотели быть послушными, но отринули его и обратились сердцами своими к Египту,

Сказавши Аарону: сделай нам богов, к-рые предшествовали бы нам, ибо с Моисеем, к-рый вывел нас из земли Египетской, не знаем, что случилось.

И сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу, и веселились пред делом рук своих.

Бог же отвратился и оставил их служить воинству небесному, как написано в книге пророков: «дом Израилев! приносили ли вы мне заклания и жертвы в продолжение сорока лет в пустыне?»

Вы приняли скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана, изображения, к-рые вы сделали, чтобы поклоняться им, и Я переселю вас далее Вавилона».

Скиния свидетельства была у отцов наших в пустыне, как повелел говоривший Моисею сделать её по образцу, им виденному;

Отцы наши с Иисусом, взявши её, внесли во владения народов, изгнанных Богом от лица отцов наших. Так было до дней Давида;

Сей обрёл благодать пред Богом и молил, чтобы найти жилище Богу Иакова.

Соломон же построил Ему дом.

Но Всевышний не в рукотворённых храмах живёт, как говорит пророк:

«Небо престол Мой, и земля подножие ног Моих; какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего?»

Не Моя ли рука сотворила всё сие?»

Жестоковейные, люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы:

Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, К-рого предателями и убийцами сделались ныне вы,

Вы, к-рые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили.

Слушая сие, они рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами.

Стефан же, будучи исполнен Духа Святого, воззрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога,

И сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога.

Но они, закричавши громким голосом, затыкали уши свои и единодушно устремились на него,

И, выведши за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши именем Савла.

И побивали камнями Стефана, к-рый молился и говорил: Господи Иисусе! прими дух мой.

И, преклонив колена, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил.» (Д.Ап.7,1-60)

Отвечая на вопрос первосвященника — «так ли это?», т.е. говорил ли ты то, в чём (из-за чего) тебя обвиняют, Стефан обращается (не отчуждаясь от еврейства, не игнорируя элиту) к синедристам (с воззванием) — «мужи братия и отцы», после чего разворачивает перед ними грандиозную панораму еврейско-израильской (мета)истории — от праотца Авра(а)ма, к-рый был родом из Ура Халдейского и к-рому Бог явился в Месопотамии (Междуречье = локальное — Вавилония-Халдея), в первый раз ещё в Халдее (Б.15,7), откуда и вывел его. Вернее, — его отца Фарру, к-рый взял с собой Аврама, сына своего, и др., и остановился в Харране, откуда 75-летний Авраам, по смерти Фарры, снялся, призванный Богом, и пошёл, взяв Сару, Лота и др., в землю Ханаанскую (Б.11,31/32; 12,1-5).

Причём, если со Стефаном, по поводу явления Бога *призывнику* Авраму «прежде

переселения его в Харран», солидарны и Филон (De Abrahamo §15 (Mang.2,11), и Флавий (И.д.1,7,1), то раввины знают только Харран как город воззвания к Авраму (Генезис рабба 44(27с); Танхума Б §8(506); Пешикта 118а). К тому же, поскольку в Б.12,4 говорится о 75-летнем Авраме, а раввинам нужен, в видах альтернативной (в т.ч.) талмудической хронологии продолжительности пребывания Израиля в Египте (см. ниже), Аврам (ещё и) 70-летний, они говорят о его двух (дублет-удвоение, но не дуализм) призваниях в Харране. Первое (рекогносцировочно) ведёт 70-летнего Аврама из Харрана (970 км на северо-запад от Ура и 650 км на северо-восток от Ханаана) в Ханаан, потом он возвращается в Харран, и спустя 5 лет, по итогу второго воззвания к нему, уже переселяется в землю Ханаанскую в 75-летнем возрасте (Седер Олам 1).¹⁷⁰

Впрочем, обо всём по порядку. Не столько само переселение из Ура в Харран и из Харрана в Ханаан, где Бог (тогда) не дал Авраму наследства ни на стопу ноги, обещав дать оное потомству его, сколько хроноуказание Писания на то, что сначала Аврамовы потомки будут переселенцами в чужой земле (Египет) и будут в порабощении и угнетении-притеснении 400 лет (Б.15,13) (у Стефана – «лет 400»), издавна спорны и приводят, при попытках их расклада-синхронизации с иными хроноуказаниями, к различным хронорезультатам и даже к различным хроносхемам, нуждаясь в разъяснении-прояснении.

Дело в том, что если в Б.15,13 – 400 лет, то в Исх.12,40 сказано про 430 лет именно (анонсируем внимание читателя!) Израиля (= Иакова-Израиля) в Египте; в Д.Ап. снова – лет 400; и, наконец, в Гал.3,17 Павел говорит – 430 лет. И проблема тут отнюдь не только и совсем не столько в 30-летней дифференции, к-рую, констатируя элементарное округление, можно без труда устранить, сколько, главное, в различных точках отсчёта. Откуда считать 430 (или 400) лет? – от прихода Иакова-Израиля к Иосифу в Египет? как, без сомнений, делают в большинстве христианские богословы; или от вышепредставленного призвания Авраама? как (неправо-

¹⁷⁰ По Кн.Быт.11, Фарра жил до рождения своих сыновей Аврама, Нахора и Арана 70 лет, а всех дней его жизни было 205 лет (26-32). Т.е. выход Аврама в 75 лет из Харрана входит в видимое противоречие с сообщением об этом его выходе по смерти прожившего не 145, но 205 лет Фарры. Интересное объяснение предлагает «Т.Б.» (т.3, Д.Ап., с.51/52), полагая, что старшим из сыновей Фарры был не Аврам, но Аран, к-рый, родившись у 70-летнего Фарры, умер, успев родить Лота, ещё при жизни отца, в Уре Халдейском, и после к-рого родился ещё Нахор (27;28). Соответственно, третий сын Фарры Авра(а)м «назван у Моисея первым не по старшинству возраста, а по превосходству избрания... Сколько лет спустя после Арана (и Нахора) родился Авраам, Моисей не упоминает. Слова же Стефана, что Авраам пошёл из Харрана после смерти Фарры (к-рый, выйдя с семьёй из Ура, чтобы идти в Ханаан, остановился в Харране), дают указание, что Авраам родился на 130-м году жизни Фарры...»

Сходно Кн.Быт и Стефану, Филон также говорит о выходе Авраама из Харрана в Ханаан после смерти Фарры (De migratione Abr. §32).

Согласно же неуклюжему истолкованию вышеозначенного возрастного нонсенса талмудистами, в пору «первого» призвания 70-летнего Аврама Фарре было 140 лет. «Генезис рабба» (39(23д): «Господь сказал Авраму: «пойди из земли твоей...» (Б.12,1). Что сказано перед этим? «И было дней жизни Фарры 205 лет, и умер Фарра в Харране» (11,32). Р.Ицхак (300г.): «Судя по годам жизни Фарры, ему оставалось на тот момент жить ещё 65 лет. Но не мертвы ли (выражаясь фигурально) безбожники (в т.ч., идолопоклонник Фарра?) уже при жизни? Аврам, убоявшись хулы нечестивцев против Бога, обратился к Всевышнему: «Если я выйду (из Харрана), обо мне скажут, что он покинул старого отца и пошёл своей дорогой». Господь: «Тебя Я освобождаю от почтения к родителям, но других – нет. И не только это, но Я сделаю так, что он умрёт (прижизненно?) до твоего выхода». Сначала говорится «умер Фарра» (Б.11,32), и лишь потом: «И сказал Господь Авраму: пойдь из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, к-рую Я укажу тебе» (12,1)». Истолкование как минимум маловнятное, не так ли?

мерно) поступают «Септуагинта», Флавий и строящий, в т.ч., на данных подсчётах своё укороченное летоисчисление системный раввинистическо-талмудический расклад, согласно к-рому, с его омоложенной эрой «от Сотворения мира» (3761г. до н.э.), до пришествия Мессии (более 5000 или минимум 5500 или 6000 или более 6000 «от-сотворительных» лет) остаётся пока, так сказать, порядочно или многомного (дающего фору гарантийного) времени.

Притом споры среди евреев по этому актуальному вопросу начались ещё до Иисуса Христа (перед Исполнением Времени), став особенно насущными после раскольного для всего еврейского сообщества События Голгофы, после катастроф 70 – 135гг. и мирового Рассеяния. Нелишне вспомнить, что если авторитетнейший р. Гилель (+ ок. 10г. до н.э.) считал царя Езекию Добродетельного (VIII/VIIвв. до н.э.) пришедшим и прошедшим Мессией (!), тогда как р. Акиба, «нагоняя-догоняя» исполнившиеся сроки, (подслеповато) углядел Мессию в лжемессии Бар Кохбе (+ 135г.), то, например, р. Иоханан б. Торда возражал Акибе: «Из черепа твоего прорастёт трава, а Мессия не придёт, ибо не настало ещё время оно» (Таанит 8,68: Эха рабба 2,2), к-рое, кстати, некоторые талмудисты датировали аж 85-м Юбилейным периодом (Санхедрин 97б), до к-рого и сегодня вовсе не близко.

Следовательно, если одни евреи-иудеи-израэлиты ждали в I/IIвв. Машиаха (двух Машиахов – *zwei Messiasse*) со дня на день, и часть из них дождалась Его в Иисусе Христе, то иные продолжали ждать победителя-сокрушителя, в то время как третьи и во II/I – I/IIвв., и позднее откладывали пришествие Спаса в долгий и отложили в эпоху Талмуда (в эпоху становления Талмудов «Иерушалми» и «Бавли» – I/II – V/VIвв.) в очень долгий-предолгий ящик.

Однако, продолжим. Открываем 14-й т. «Евр. энц.», где в статье-очерке «Хронология» читаем: «...От рождения Иакова хронологическая нить доводится до момента исхода из Египта посредством указания возраста Иакова при переселении в Египет (Б.47,9), с одной стороны, и числом 430 лет пребывания евреев в Египте, с другой (Исх.12,40)... Упомянутое число 430 не находится в согласии с др. данными Библии о цепи поколений от Левия до Моисея (всего 4 поколения). Указанные в Кн. Исх. цифры о продолжительности жизни представителей этих 4-х поколений недостаточны для пополнения 430-и лет. Чтобы устранить это затруднение, талмудическая традиция считает эти 430 лет с момента заключения Богом союза с Авраамом (Б.15). Указанное в описании заключения этого союза число 400 лет «пребывания потомков Авраама в чужой стране» считается с года рождения Исаака. В Египте евреи, по талмудической традиции, пребывали 210 лет (Бава батра 15а). «Септуагинта» переводит (искажая масоретский текст – К.З.) Исх.12,40: «...времени, к-рое сыны Израиля обитали в Египте и земле Ханаан 430 лет». Поэтому летоисчисление Исхода приурочивается к 2448г. (от Сотв. мира) (Седеер Олам 5). Павел (Гал.3,16-18) тоже считает 430 лет, указанные в Исх.12,40, что приближается к еврейскому традиционному счёту. Следующий период от исхода до начала строительства Соломонова храма – 480 лет (3Ц.4,1)...» (с.706)

Разберёмся. Итак, 400 лет исчисляются с года рождения Исаака, отчего с (т.н.) первого (талмудического) призвания Авраама в возрасте 70-и (вместо 75-и канонических) лет до рождения Исаака в год, когда (обрезавшемуся в 99 лет) Аврааму исполнилось 100 лет, насчитывается 30 лет. В дальнейшем Иаков рождается у 60-летнего Исаака и в возрасте 130-и лет переселяется (с сыновьями) к Иосифу в Египет. Отсюда $60 + 130 = 190$ лет, а $400 - 190 = 210$ лет ($30 \times 7 = 30$ седмиц). Или 30 лет до рождения Исаака + 60 лет Исаака до рождения Иакова + 130 лет Иакова до прихода в Египет дают итого 220 лет, после к-рых на всё время пребывания в Египте (для получения сумманды из 430-и лет) остаётся, таким образом, в, что называется, сухом остатке 210 (расчётно-арифметических) лет.

Либо, к примеру, оперирующий в «И.д.» сходным с раввинистическим хроно-подходом Флавий измеряет время Израиля в Египте в 215 лет, поскольку он не знает про (якобы) 2 (талмудических) призвания Авраама в возрасте 70-и и 75-и лет, из-за чего у Флавия от (одного-единственного) Аврамова призвания (в 75 лет) до рождения Исаака набирается всего 25 лет, и потому недостающая 5-летка для, опять-таки, получения 430-летней сумманды добавляется-набавляется (получающим тоже в сухом остатке, но не 210, а 215 лет) Флавием к *остаточному* сроку пребывания евреев в Египте¹⁷¹ (составляя, вместе с тем, уполовиненное время от всего-итого 430-и лет, на самом деле проведённых Израилем в Египте).¹⁷²

Далее, по «Седер Олам» (1), 2018-й год «от Сотворения» есть год призвания 70-летнего Аврама Богом. Этот 2018-й год исчисляется с 1 тишири 3760г. до н.э. (т.к. дата «Сотворения» – 7.10.3761г.) и даёт 1742г. до н.э., вычтенные из к-рого 430 лет приводят в (мнимо истинный) 1312г. до н.э., к-рый является талмудической, по окончательно учреждённому в Шв. н.э. (ново)еврейскому летоисчислению, датой исхода евреев, под предводительством Моисея, из Египта, 480-й год от к-рой (не могущий пониматься иначе как именно 480-й летоисчислительный год), в свою очередь, даёт в качестве года закладки Соломонова храма (вместо реально-исторического 968г.) аж 843г. до н.э. (или середину IX-го вместо первой половины Хвв. до н.э.), что более чем грубо ошибочно, никак не возможно, не синхронизируется с множеством других дат и, короче говоря, совершенно исключено (см. «Д.И.» – «Израиль и Иуда»).¹⁷³

Вся эта искусственная псевдоегипетская конструкция (сконструированная эпопея) опирается, плюс к тому, на посещение Аврамом, по его приходе в Ханаан, Египта, чтобы (во время голода в Ханаане) «пожить там» (Б.12,10), но это недолгое

¹⁷¹ Хотя Флавий колеблется: в «И.д.» 2,9,1 пребывание в Египте составляет (причём, буквально по тексту, после кончины Иосифа!) 400 лет (Б.15,13), между тем как в «И.д.» 2,15,2 из 430-и лет (Исх.12,40), стартующих с переселения Аврама в Ханаан, 215 заключительных лет отводятся на (со времени переселения туда Иакова) Египет. «Упущенные» же годы «нагоняются» Флавием ниже надуманной-продолженной суммандой в (аж) 612 лет или 592 (вместо 480-го) года (!), якобы прошедших от Исхода до начала строительства, на 4-м году Соломона, дома Господня. Впрочем, этим объяснение-прояснение дважды упомянутых Флавием 612 лет («Против Апиона» 2,2; И.д.20,10,1) и однажды – 592 года (И.д.8,3,1), не исчерпывается (см. ниже).

С др. стороны, самаританский «Таргум к Исх.12,40», говоря «время пребывания детей Израиля и их отцов в стране Ханаан... в стране Египет составляет 430 лет», также очевидно придерживается флавиевской и раввинистической египетской хронологии евреев, мало того, неправильно смыкает Ханаан и Египет, в частности, на том основании, что еврейский эпоним доизраэлитско-хамитской Палестины Ханаан – один из сыновей Хама, др. сын к-рого Мицраим – еврейский эпоним Египта.

¹⁷² Ни «Септуагинта», ни Флавий не руководствовались, в отличие от талмудистов, задачей омоложения еврейской «сотворительной» эры, и тем не менее, наличие, во всяком случае, у Флавия, означенного ошибочного подхода, означает, что на Ив. н.э., да и с более ранних пор, вопрос ветхозаветной хронологии и эры «от сотворения», на к-рый талмудисты, оппонируя христианам, ответили во II/Швв. н.э. обязательно-нормативным «омоложением» еврейского летоисчисления, был уже плюралистически спорным.

¹⁷³ Причём негоже отговариваться распространённой байкой о том, что, дескать, 480-й год в 3Ц.6,1 это вовсе не хроноуказание, а символическая цифирь, подразумевающая 12 поколений, по (приблизительно) 40 лет каждое. Может оно вторично и так, точнее, так точно, но первично 480-й год, сформулированный (яснее не бывает) именно как вполне определённый интервал времени от Исхода до начала сооружения Соломонова храма, означает не что иное как именно хронодатировочное указание, от к-рого не могущие приспособить оное к своим искусственным хронограммам горе-экзегеты из различных лагерей карикатурно бегут-ретируются, и к-рое они (не менее) конъюктурно (чем карикатурно) перепрофилируют-переиначивают.

посещение страны-на-Ниле никаким, помимо уж слишком вальяжно притянутого за уши, макарон считается отсчётной датой пребывания Израиля в Египте не может! Ибо: во-первых, она чересчур гротескно игнорирует библейскую метаисторию (коротко побывавшего-побывшего в Египте) Авраама, (никогда не бывавшего в Египте) Исаака и (впервые пришедшего в Египет в возрасте 130-и лет) Иакова до прихода последнего в Египет; и, во-вторых, в Кн. Исх.12,40, при собственном Исходе-Исшествия израэлитов из Египта, яснее ясного говорится – «времени же, в к-рое сыны Израилевы обитали в Египте, было 430 лет». Т.е. – сыны Израилевы суть сыны Иакова = Израиля – от времени, стало быть, прихода (прожившего до своей кончины 17 лет в Египте) Иакова (но не Авраама и не Исаака)¹⁷⁴ с сыновьями в Египет (1877г.), где его сын Иосиф-Израиль, лучший из братьев своих, был (с 1887г.) великим везирем.¹⁷⁵

Вспомним реконструированную нами посредством, что крайне важно, ретроспективной реконструкции, отвергаемую ново-новейшей наукой хронологию израильских суббот и Юбилеев, вернее, субботне-юбилейного (царского) цикла-календаря, учреждённого в 1393г. до н.э., по, с 1407г. (переход через Иордан), завоевания (7 лет) и распределении (7 лет) введомыми Иисусом Навином израэлитами Земли Обета. Отсюда 40 лет в пустыне приходятся на 1447 – 07гг., с датой Исшествия, как видим, как видим, отнюдь не в 1312-м, но в 1447гг. (на 480-м году от к-рого, в 968г. до н.э., Соломон начал строить освящённый в 960г. Первый храм). Стало быть, 430 лет Израиля в Египте стартуют (при всей символичности этих твёрдо фиксированных дат) в 1877г.; дата рождения Иакова – 2007г.; Исаака – 2067г.; Авраама – 2167г. до н.э. (см. «Р.л.» 1344-70; см. «Д.И.» – «Израиль и Иуда»¹⁷⁶).

¹⁷⁴ Поскольку ни (семитический космополит) Авраам (инспирируемый-покровительствуемый созвездием-знаком Ближнецов), отец, кроме Исаака (Телец), Исмаила и Хеттуридов, ни (семитический космополит) Исаак, отец, кроме Иакова (Овен), Исава (деда Амалика!), ещё не есть (Иаков) Израиль!

¹⁷⁵ Исчислять пребывание евреев в Египте от призвания Богом Аврама (будь то в Уре Халдейском, или в Харране), либо от его короткого посещения с Сарой Египта, это всё равно, что исчислять годы советской власти от интронизации Петра I (!!!). Правда, тут можно предложить более тонкое истолкование, идентифицирующее до, мол, определённого времени сына Хама Ханаана с хамитским Египтом (в сфере влияния к-рого Палестина), но всё равно назвать большую часть жизни коротко наведавшегося туда Авраама и прожившего там всего 17 (из 147-и) лет (жизни) Иакова, уж не говоря о никогда не посещавшем Египет Исааке, временем пребывания евреев в Египте, извините, категорически нельзя, и такой кикс не лезет ни в какие ворота.

¹⁷⁶ Приведём фикс-пункты хронологии патриархов из Кн.Быт. по, для наглядности, возрастным (прижизненным и посмертным) измерениям Авраама: 1 – рождение (Б.12,4); 10 (лет Авраму) – рождение Сары (17,17); 75 лет – переселение из Харрана в Ханаан (12,4-6); в Египте (12,10-20); отделение от Лота (13); Мелхиседек (14) (благословение Мелхиседека – ок. 2090г. до н.э. – за 1080 лет – половина Космического месяца – до воцарения в 1011г. Давида; и за 2160 лет – один Космический месяц – до разрушения в 70г. н.э. Второго храма); 85 – Аврам берёт наложницу Агарь (16,3); 86 – рождение Исмаила (16,6); 99 – Аврам получает имя Авраам (Сара – Сарра) и обрезается (17,1;24); 100 (лет) – рождение Исаака (21,5); изгнание Агари и Исмаила (21,14); предотвращение жертвоприношения Исаака (22); 137 – смерть Сарры (23,1); 140 – Исаак женится на Ревекке (25,10); 160 – рождение Исава и Иакова (25,26); 175 лет – смерть Авраама (25,7); Исаак в Гераре и Вирсавии (26); 200 (лет) – женитьба Исава (26,34); 223 – смерть Исмаила (25,17); 237 – бегство Иакова (от Исава) в Харран (31,38); 244 – женитьба Иакова (29,14;18;20;27); рождение сыновей Иакова (29,31-30,24); 250 – рождение (1917г.) Иосифа (30,25); 257 – Иаков возвращается в Ханаан (31,38;41); Иаков в Сохофе (33,17); в Сихеме (33,18) и в Вефиле (35,1); рождение Вениамина и смерть Рахили (35,16-19); 267 – 17-летний Иосиф пасёт стада вместе с братьями (37,2); продажа Иосифа в Египет (1900г.) (37,28); 280 – смерть Исаака (35,28); 280 – 30-летний Иосиф перед фараоном – 1887г. (41,46); 281-88 – 7 лет изобилия (1886-79гг.) (41,34;50); Иосиф женится на Асенефе,

ПРИХОД ИЗРАИЛЯ В ЕГИПЕТ

Итак, повторим, 400 лет (Б.15,13) = лет 400 (Д.Ап.7,6) Израиля в Египте представляют собой несложное и (в сём случае) несложносоставное округление сумманды из 430-и лет (вспомним, например, об округлениях в Кн.Суд.)¹⁷⁷, тем паче, что Господь, обращаясь к Авраму, прямо говорит (не «ты», а) «потомки твои будут пришельцами в земле не своей», разумея, соответственно, Израиль в Египте (Исх.12,40) со времени прихода туда внука Авраама – Иакова. Иаков же (дом Иакова) передал своё всеизраэлитство (сменившему в первенстве 12-и патриархов Рувима) Иосифу (дом Иосифа-Израиля), от к-рого оно унаследовал (предпочтённый Иаковом Манассии) Ефрем-Израиль, из потомков к-рого произошёл преемник *левита* Моисея (1527 – 1407гг.) – *иосифлянин-ефремлянин* Иисус Навин (1489 – 1379гг.).

И Ап. Павел в Посл. к Галатам не подписывается, вопреки утверждению квазиэкзегетов, под укороченной-скукоженной-сплюсненной раввинистическо-талмудической хронологией, говоря: «Но Аврааму даны были обетования и семени его. Не сказано «и потомкам», как-бы о многих, но как об одном: «и семени твоему», к-рое есть Христос. / Я говорю то, что завета о Христе, прежде Богом утверждённого, закон, явившийся спустя 430 лет, не отменяет так, чтобы обетование потеряло силу. / Ибо, если по закону наследство, то уже не по обетованию; но Аврааму Бог даровал оно по обетованию» (3,16-18).

к-рая рождает ему Манассию и Ефрема (41,45-50); 288-95 – 7 лет голода (1879–72гг.) (41,54); 289 – первый приход сыновей Иакова в Египет (42) (1878г.); 290 – второй приход сыновей Иакова в Египет (1877г.) (43), по прошествии 2-х лет голода и за 5 лет до его окончания (45,6;11); 290 – 130-летний Иаков перед фараоном – 1877г. (47,9); 307 – смерть 147-летнего Иакова – 1860г. (47,28); 360 – смерть 110-летнего Иосифа – 1807г. (50,26). Через 360 лет, в год 720-летия (720 x 3 = 2160 – 1 Космический месяц) Авраама, – Исход из Египта (1447г.).

¹⁷⁷ Уместно вспомнить о разбиравшейся нами в «Д.И.» (455-57) сумманде в ок. 450 лет, к-рой Павел оперирует в Д.Ап.13,20, где древние манускрипты содержат два варианта или дошедшие до нас тексты допускают два варианта перевода-прочтения, пусть даже в «Д.И.» мы неоправданно поторопились остановиться на одном, квалифицировав имеющуюся наличность как ошибку, а второй вариант – как позднейшую профанаторскую правку-интерполяцию, хотя и он опирается на разнящиеся с первым вариантом старые-древние манускрипты. Дело в том, что если означенный срок в ок. 450 лет разумеет время эпохи Судей после Иисуса Навина (+ ок. 1380/79гг.) до Самуила, точнее, до помазания Самуилом Саула (ок. 1030г.), то сумма в 450 лет грубо ошибочна, ибо в реальности речь должна идти об ок.350-и годах, и не исключено, что когда-нибудь обнаружатся более древние, чем имеющиеся ныне в наличии (IV/V/VIвв.), тексты и переводы Д.Ап., где вместо 450-и будет стоять (лет) 350.

Либо – (внимание!) второй вариант – Павел имеет в виду округлённую сумму лет не с начала эпохи Судей, но до завоевания предводительствуемыми Иисусом Навином израэлитами, по переходе через Иордан, в 1407–1400гг. Ханаана. При принятии этого второго (что вернее) варианта, к-рый, как сказано, наличествует в ряде старых манускриптов, в Сирийской и Армянской Библии, в ряде западных Библий и в современных русских переводах Писания, период в ок. 450 лет начинается со времени начала пребывания Израиля в Египте (13,17), т.е. с ок. 1877г., и финиширует, охватив, если быть максимально-арифметически точным, 477 лет, в 1400-м г. (за 20 лет до начала, по смерти Иисуса Навина, ок. 350-летней эпохи Судей). Посему, если в Кн.Быт. (15,13) и в речи Стефана (Д.Ап.7,6) 430-летний срок без труда превращается в 400 округлённых лет, то аналогично в речи Павла срок в 477 лет вполне может быть представлен как время (период времени) в ок.450 округлённых лет. Притом обращает на себя внимание, в обоих случаях, сходное минусовое округление (см. ниже).

И, к месту добавить, ок.350-и лет эпохи Судей, возможно (?), составляют в реальности 343 года, к-рые репрезентируют не только сакральное сочетание 49 x 7, но обязывают отнести помазание Самуилом Саула (перенеся оное с принятого нами приблизительного 1030г.) на время ок.1036г. (?), из к-рого воспоследуют (именно) 12 (в, на сей раз, согласии с иудейской традицией) лет судейства Самуила не с ок. 1050-го (см. «Д.И.»), а с 1048/47г. (?)

Павел дифференцирует здесь в сложном контексте обетование и закон, позиционируя (духовный) приоритет первого и перебрасывая от него, кульминирующего-завершающегося в преобразителе закона Христе Владыке, мост к олицетворяющему-воплотившему Исполнение Времени Христу Спасителю. Но это никак не означает, что приводимые-называемые Павлом 430 лет отсчитываются-исчисляются от месопотамского призвания Авра(а)ма, к-рому «даны были обетования и семени его». Притом (избранное-сквозное) семя Авраамово продолжается в Исааке, Иакове (*Отрасли*) и т.д. до Христа (*Отрасль*), в смысле не многочисленных «потомков» (авраамитов, исаакитов и т.д.), а непосредственной индивидуально-сотериологической наследственности (14 + 14 + 14: физис, эфир, астрал), к-рая, в дополнение к тому, с сыновей Давида, Соломона и Нафана, раздваивается-дуализируется (не дублет-удвоение, но спиритуально-наследственный дуализм) на мессианские-мессианистические ветви Соломонидов (цари) и Нафанидов (нехрамовое первосвященство мужей жребия Мелхиседекова, по имени того самого Мелхиседека, кто, будучи священником Бога Всевышнего, благословил Аврама, вынеся ему хлеб и вино) (Б.14) (см. ниже).

Засим «семя его» от Авраама до Христа, в этом обетованно-павлианском контексте, несомненно, включает и Исаака, и Иакова и т.д. (тогда как стартовый с Иакова «Израиль» включать Авраама и Исаака не может!). И явление не отменяющего обетование Аврааму закона имело место спустя 430 лет однозначно от прихода авраамита = носителя сакрального авраамитизма Иакова-Израиля в Египет в 1877г., т.е. в год Исхода, к-рый есть 1447г. до н.э., – дата пост-исшествного дарования Моисею Торы на г. Синай.¹⁷⁸ Удостоверьтесь воочию: явление закона (6 сивана) невозможно датировать иначе как временем-датой Синайского откровения, к-рое, в свою очередь, отстоит на 430 лет вовсе не от Авраама (рождение к-рого отстоит от неё на – не случайно – 720 лет!), но, скажем снова, именно от начала доисшествной (мета)истории Израиля в Египте.

Следующий контраргумент приверженцев 210-летнего египетского срока апеллирует к тому, что, мол, 4-х насчитываемых Библией колен (Б.15,16) от пришедшего вместе с Иаковом в Египет Левия до Моисея, приложительно к сроку в 430 лет, слишком мало, между тем как в 210 (215) лет они компактно умещаются. Действительно, в Исх.6,16-20 и в 1Пар.6 названы потомки прожившего дольше всех 12-и патриархов Левия (137 лет): Кааф, – к-рый прожил 133 года, и отец Моисея, кто (Моисей) сам прожил 120 лет, уведя израэлитов из Египта в возрасте 80-и лет, – Амрам, – к-рый прожил (сродни Левию) 137 лет. И впрямь – не маловато ли? тем более, что согласно Б.46,11, сыны Левия – Гирсон, Кааф и Мерари – (уже) были в числе представителей всего рода, приведённого Иаковом в Египет.

Но, во-первых, о чём читатель знает из наших предыдущих книг, одно эпонимированное колено или один эпоним мог в древности охватывать-олицетворять как ряд родов-поколений, так и не один период времени. Не был же проживший 950 лет Ной-Ману (всего-навсего) одним личностным Ноем! соединив под этим собирательным именем (имя – звуковое эхо существа) *великого посвящённого* не одну проникнутую одним взаимопереественным Ноевым духом генерационную персону! И потому *левитов*, знаково эпонимированные ими периоды времени, от Левия до Моисея не следует понимать сугубо физически.

Во-вторых, четыре названных имени (рода) неспроста покрывают 430 лет, если взять-разложить их (мета)хронологию по непростому шифрированному максимуму. Левий, как говорит (сторонник 210-и талмудическо-египетских лет) Раши («Комм.

¹⁷⁸ Непроста синоним горы (Откровения) Синай и всего Синайского п-ва – (египтянка) *Агарь* – наложница Авраама и мать Исмаила!

Берешит 15,13»), родился более чем на 4 года раньше Иосифа. Оно и верно, ибо, коли между Иосифом (род. у 90-летнего Иакова в 1917г.) и Иудой (род. – 1921г.) разница в 4 года (ок. 4-х лет), то старший родной брат Иуды, 4-й сын Лии, Левий (Финеас; Илиа; Иоанн Креститель) вполне мог родиться ок. 1922г. Плюс 137 лет (годы жизни пришедшего с отцом Иаковом в Египет в 1877г. Левия) дадут время ок. 1785г.

Отсюда, если принять за начальный год Каафа (знаковый эпоним не одного колена в пределах одного рода-периода) 1790г. до н.э., то 133 Каафовых года выведут нас на 1657г. до н.э. (XVIIв. до н.э. – время владычества гиксосов в Египте), откуда как раз 210 лет до исчезновения и законоявленного 1447-го г. При всём том, в 1Пар.6,2 сыновья Каафа – Амрам, Ицгор (предок Корея), Хеврон и Узиил. Т.е., если принять за начальный год Амрама время ок. 1660г. до н.э. (или 1664г.), то плюс 137 лет дадут время ок. 1523г. (или 1527г.), иначе говоря, вскоре по появлении на свет (или в год появления на свет) в 1527г. Моисея (Соломон... Пётр). Вот вам и покрывающая-перекрывающая интервал в 430 лет явно неслучайная цепочечно-узловая преемственно-последовательная, при, разумеется, учёте-задействовании эзотерического подхода-фактора, связка-увязка по максимуму!

А то, что данные 4 левитских эпониима знаковые для 4-х родов-периодов, показывают их сравнение-сопоставление с коленами-родами по линии Иосифа-Израиля, точнее, Ефрема-Израиля, к-рых от родившегося у Иосифа от Азенефы (дочери Потифера – жреца Гелиопольского) уже в Египте Ефрема (Магдалина!) до родившегося ещё в Египте Иисуса Навина (Лазарь!) набирается минимум 11, или аж 14 (1Пар.7,20-27) эфраимитских поколений, к-рые (являясь, в т.ч., показательно генерационными физически) ни в 210 талмудических, ни в 215 флавианских лет (короткой-ущемлённой-сокращённой еврейско-египетской хронологии) никаким макаром, требуя в сём случае возраста всего в 15 (!) отроческих лет для каждого поколения, не умещаются¹⁷⁹, не укладываются, очень даже реалистично умещаясь в интервале времени протяжённостью в лет 400 (430).¹⁸⁰

Теперь пришло время побеседовать об остающейся, во многом, под покровами тумана и тайны собственно египетской эпопее в метаистории древнего еврейства.

¹⁷⁹ Между прочим, Флавий, возражая Апиону (1,32), своеобразно переводит стрелки с левитов на иосифлян, исчисляя время от Иосифа-Израиля до Моисея всего в ок. 170 лет, равнозначных 4-м поколениям.

¹⁸⁰ Т.е. эти 4 рода-периода от Левия (включительно) до Моисея (включительно) нельзя и не надо понимать буквально-материалистически, тогда как 14 (или минимум 11) поколений между Ефремом и Иисусом Навином нельзя и невозможно понимать иначе как (в частности) преемственно-физически.

Помимо того, если согласно Быт.46,26, «всех душ дома Иаковлева, перешедших в Египет, 70», = их было 70 Иаковитов, пришедших в страну-на-Ниле, или, согласно Стефану, – 75 (7,16), то при Исходе Израиль насчитывал 600 тыс. пеших = способных держать оружие мужчин (Исх.12,37). А это означает, что всего-итого исчезнувших израильтян, к-рые весьма умножились за египетские годы, насчитывалось, на 1447г., ок. (при соотношении 1 к 5-и) 3-х млн. (или – 1 к 4-м = 2,5 млн.) человек, в связи с чем сроки свыше 400 лет пребывания израэлитов в Египте смотрятся куда естественнее-достовернее, нежели срок в 210/15 лет.

Разницу в 5 душ между Кн.Быт. – 70, и Д.Ап. – 75 (LXX, откуда черпает Стефан), объясняет, подтверждая существование двух преданий, апокрифическая Кн.Юбилеев: «душ (дома Иакова), пришедших в Египет, было 70. Это дети Иакова и дети его детей, плюс пятеро, умерших в Египте (до их вступления в брак) бездетными» (44,33).

ИЗРАИЛЬ В ЕГИПТЕ

О временах Израиля, по смерти (умершего первым в 1807г.) Иосифа (кто стал своего рода новым Гермесом Трисмегистом для египтян!) и его братьев, последним из к-рых умер Левий (+ 1785г.)¹⁸¹, в Египте, после того как поселившиеся в стране-

¹⁸¹ Критиканы часто обращают внимание на, дескать, конфронтирующие с В.З. слова Стефана о перенесении патриарших костей в Сихем (*плечо? горб? место между лопатками?*) и о положении их во гроб, купленный Авраамом у сынов Еммора Сихемова (16). Об умершем в Египте Иакове Кн.Б. говорит, что он был погребён сыном Иосифом и братьями его в земле Ханаанской, в Хевроне, пред (дубравой) Мамре, в пещере Махпела (*двойная, обвивающая*), к-рую Авраам купил (для погребения Сарры) у Ефрона (*принадлежащий тельцу*) Хеттеянина (за 400 сиклей серебра) (Б.50,13; ср.23). Гроб же, купленный у сынов Еммора (*осёл*) Сихемова, к-рый сделал насилие единственной дочери Иакова Дине, жестоко её братьями Симеоном и Левием отмщённой, был куплен не (послеегипетским) Авраамом, а (доегипетским) Иаковом (Б.33,19). И в Сихеме (удел Ефрема), а не в Хевроне (удел Иуды) из патриархов был погребён (Нав.24,32) только Иосиф (Лазарь), как из прапраматерей не в Хевроне, в дуалистической пещере Махпела, была погребена умершая у Вифлеема, при рождении (последнего из 12-и сыновей Иакова) Вениамина, и погребённая там (Ефрафа) мать Иосифа и Вениамина – Рахиль (Мария Старшая). Вроде бы в словах Стефана налицо явное противоречие. Однако, согласитесь, что саму пещерно-гробовую гробницу в Сихеме мог купить и Авраам, с последующим приобретением части сихемского поля Иаковом (Б.33,19) (Т.Г.152/53). Впрочем, копнём глубже.

Штрак с Биллербеком (AG, S.672), начиная издалека, говорят, что согласно Стефану, останки 12-и (патриархов) были перенесены из Египта в Ханаан, но, мол, вопрос о том, когда это произошло, Стефан оставляет открытым, в то время как, если раввины-талмудисты датируют оно перенесение временем Исхода (Мекхильта Исход 13,19(296); Ген.р. 100(64с), то Флавий (И.д. 2,8,2; 2,15,2), «Кн.Юбилеев» (46,9) и «Завещание 12-и» («Иосиф» 20) относят его на время после египетской кончины патриархов, за исключением мумии Иосифа, положенной в Египте в ковчег (саркофаг), к-рый (чудесно всплывший со дна Нила) ведомые Моисеем израэлиты взяли-вынесли с собой при Исшествии. Вдобавок к тому, если, по Флавию, «Кн.Юб.» и «Тестаменту 12-и», место патриаршего погребения, в т.ч., Иосифа, – Хеврон, то для талмудистов Иосиф однозначно, в соответствии с Нав.24,32, погребён в Сихеме, тогда как в отношении остальных братьев имеется единичное упоминание о нашедшем упокоение рядом с прочими патриархами в Махпеле Иуды (S Dt 33,7 §348(144б)). Причём обычно Махпела фигурирует как место упокоения Адама и Евы (другое, в отношении Адама, предание – Голгофа; Евы – Вифлеем), Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Лии (Сота 13а; Ерувин 53а; Ген.р.58(36д), что для ряда толкователей косвенно подразумевает непогребение там 12-и.

Далее, по Штраку и Биллербеку (S.676), если Стефан полагает, что останки Иакова были перенесены в Сихем, то это мнение эксклюзивное, хотя, согласно наличному тексту, речь, приложительно к Сихему, идёт, в плане перенесения-захоронения останков, не об Иакове, а, строго по тексту, о 12-и. И вправду, ведь Стефан не может, соответственно недвусмысленному слову Писания, не знать, будь то древнееврейский текст или «Септуагинта», что умерший в Египте Иаков был, по его предсмертному слову к Иосифу, погребён сыновьями в земле Ханаанской, в пещере Махпела (47,29/30; 50,13). Да и совмещающим в Д.Ап.7,16 Авраама со гробом, к-рый был куплен у Еммора, таинственным Стефаном говорится нечто иное. «Т.Б.» (т.3, Д.Ап., с.54) делает попытку вскарабкаться на верный истолковательский путь, но колеблется-сбивается, думая, что либо Стефан (или Лука) мало-мало ошибается, либо, что на повестке дня «просто фигуральное выражение, усваивающее дело внука его деду, как родоначальнику всего еврейского народа».

То-то и оно. Святодуховенный текст не ошибается (и не может ошибаться), кроме как (в чём мы, – подтверди, читатель, – не раз удостоверялись) лингвистически, в связи с переменами-изменениями, по ходу времён, в языке, чего в данном случае нет. Перед нами сквозная линия-поток сопутственных (взаимопроникнутых) генерационного и, главное, духовного генезиса-эволюции, представленных как в сочетательном, так и в дифференцированном триединстве патриархов – Авраам, Исаак, Иаков-Израиль, плюс (за кадром) Иосиф-Израиль. В объективе физическая наследственность и спиритуальная (взаимо)преемственность от (по вертикали) отца Авраама через Исаака и Иакова до олицетворяющего (по кругу)

на-Ниле, в плодородной области восточной части Дельты, в земле Гесем, «сыны Израилевы расплодились, и размножились, и возросли, и усилились чрезвычайно и наполнилась ими земля та» (Б.47,27; Исх.1,7), Кн.Исх, с к-рой солидарен в своей речи перед синедрионом Стефан («народ возрастал и умножался в Египте»), говорит: «И восстал в Египте новый царь, к-рый не знал Иосифа».

Причём Раши напрасно кажется, что порабощение-угнетение израэлитов новым царём-фараоном началось тотчас по смерти Левия, к-рый-де прожил в Египте 94 года, после чего-де до Исхода миновало не более 116-и лет («Сифтей хахамим Шмот 6,16»), что даёт 210 пресловутых (но непростых!) талмудическо-египетских лет в сумме. Во-первых, Левий провёл в Египте 92 года (1877 – 1785гг.), а до (по обетованию семитическому космополиту Аврааму в семени его через Иакова-Израиля) спасительного Исхода от кончины Левия оставалось ещё (коли быть арифметически точным) 338 лет. И, во-вторых, кто, спрашивается, сказал, что притеснение-угнетение израэлитов началось сразу по смерти Левия? Отнюдь (и Библия ничего подобного не говорит). Ибо на то, чтобы сыны Израилевы, после кончины Левия, расплодились, и размножились, и возросли, и усилились чрезвычайно, да так, что наполнилась ими земля та (под чем подразумевается не одно поколение), нужно (было) ещё более 100–150-и лет.

И тут самое время вспомнить о, согласно, пусть оперирующим 210-летней талмудистам, разделении ими израильского времени в Египте на 112 (28 x 4; 14 x 8) лет благоденствия и 98 (49 x 2; 14 x 7) подъяремных лет угнетения (Бава батра 15а) (Р.л. 1188; Д.И. 454).¹⁸² Величины этих втиснутых в схему-сумманду из (деэзотеризированных со временем) 210-и лет умышленных интервалов можно сейчас отставить, однако, не содержат ли они реальную метаисторическую память Израиля о, в проекции на 430 (правильных) лет, периодах благополучия и угнетения? Т.е. не усиливался ли, после Иосифа, Израиль в Египте ок. 200 лет, будучи угнетаем в последующие приблизительно-округлённо 150 лет? Отсюда время начала угнетения придётся на начало XVIв., когда в Египте был уже совсем иной царь, т.е. иные цари иной (ново)египетской династии, к-рая не знала Иосифа (7).¹⁸³ Не только персо-

12 (и погребённого именно в Сихеме) Иосифа. Не только «дело» внука (Иакова) «усваивается» деду (Аврааму), но и перебрасывается мост от правнука к прадеду (или наоборот), т.е. от Иаковита-Исаакида-Авраамита *par excellens* Иосифа-Израиля к родоначальнику не только линии-потока 14 + 14 + 14, а и к отцу авраамитического монотеизма (и математизма), к-рый (происходя из Халдеи, придя через Харран в Ханаан, и возвратившись из Египта) получил (*иеру-салимскую*) инициацию от Мелхиседека, и духовное око к-рого было способно созерцать нисходящего на Землю Христа в сфере-ауре Солнца.

От (инаугуратора мистериально-мыслительного сознания) Авраама произошёл жертвенный прототип Иисуса – Исаак; от Исаака – (ухищительно) стяжавший право первородства брат-близнец Исава – Иаков-Израиль (Авель... Моисей... Соломон... Пётр...); от Иакова-Израиля – *дом* Иосифа-Израиля (Каин... Иисус Навин... Мастер Хирам... Лазарь...). Таким образом, «усвоение дела» внука деду (*наследственность* – от деда к внуку) вне сомнений, и речь тут отнюдь не столько фигуральная, сколько сакральная-таинственная, сообразно чему, приобретение Иаковом (сихемского – в грядущем эфраимитском уделе лучшего из братьев) гроба, где упокоился Иосиф, безусловно, может быть представлено как деяние (приобретшего погребальную пещеру Махпела в грядущем уделе сильнейшего из братьев – Иуды) Авраама (*отрасли*, из чресел, равно из духа к-рого – и Исаак, и Иаков, и Иосиф...).

¹⁸² Любопытно, что 13-й стих 15-й гл. Кн.Быт. и Стефан (7,6) обобщительно позиционируют *все* 400 округлённых еврейско-египетских лет как время порабощения-угнетения-притеснения.

¹⁸³ Сохранившие отголоски благой памяти о благодетеле Египта Иосифе поздние ойкуменические египтяне (эпохи Птолемея) сомкнули его с эллинизированным Осирисом – Сераписом (Тертуллиан «К язычникам» 2,8,10), к-рому в 30г. до н.э. в Египте поклонился

нально Иосифа, но, главное, — Иосифа-Израиля! иначе говоря, — египетский царь, египетская династия, к-рым Израиль был или стал чужд-враждебен.

Понятно, что купная речь (библейская скороговорка) идёт о восстании новой династии, и — не более ли того!? — о больших сломавших-взорвавших прежний египетский уклад, прежнюю систему ценностей изменениях-переменах, произошедших в результате какого-то катаклизма и вследствие переоценки многих прежних ценностей-нормативов в Египте. А судя по египетской, невзирая на всю её ненадёжность-гипотетичность-приблизительность, (ускользающей?) хронологии, означенные перемены в жизни израэлитов в Дельте-долине Нила должно связать с овладевшими в XVIII/XVII вв., во всяком случае, Нижним (северным) Египтом (с дельтой Нила) гиксосами, и позднее — с унаследовавшими воинственный дух гиксосов фараонами 18-й, при к-рой и случился (после достаточно продолжительного угнетения-притеснения) Исход, династии.

Гиксосы (в греч. транскрипции с египетского «хека хасут» — *властители чужеземных стран? пустынных нагорий?* или — *цари-пастухи? цари пастухов?*) — сложный неоднородный конгломерат союза (союзов) племён, пришедших в Сирию/Палестину, предположительно, с Армянского (южнее оз. Ван) или Иранского нагорий, хурритских (с их индо-арийской знатью)¹⁸⁴, яфетическо-хеттских и семито-аморейских групп, обросших на ближневосточном юге различными группами семитов Сирии, Палестины, Аравии, в частности, — примкнувшими к ним исаакидами-амаликитянами (шасу). Под предводительством своих составивших 15-ю и 16-ю (манефоновские) династии царей-фараонов они завоевательно вторглись в 1720/1700гг. в Египет и властвовали, по меньшей мере, в Нижнем Египте, сделав со временем подвассальным также Египет Верхний или его часть, долее одного столетия — до 1600/1595гг.

Притом это вторжение случилось в пору переживания страной-на-Ниле, после конца знаменующей собой пик Среднего царства 12-й династии (ок. 2000 — ок. 1785гг.)¹⁸⁵, при к-рой Израиль пришёл в Египет, острого, при слабых 13-й и 14-й династиях, кризиса-хаоса Переходного, к эпохе Нового царства, периода. Владея

(пошадивший Александрию ради Сераписа) победоносный Август, отказавшийся, наряду с тем, поклониться рогатому тельцу Апису.

И характерна преемственность между (проникнутыми единым Духом) утвердившим Израиль в Египте Иосифом (Осирис — Серапис) и выведшим Израиль из Египта Моисеем (Осирис — Осарсиф), в свете чего некоторые античные авторы, руководствуясь искажённо-сокращённой перспективой, считали (толком не ведая, о чём речь) Моисея — или современником (Хермон в «Contra Apionem» 1,32 у Флавия), или сыном (Юстин «Эпитомия истории» 36,2,11), или внуком (Аполлоний Молон в «Праер. Evang.» 9,19,3 у Евмевия) Иосифа.

¹⁸⁴ Хурритский язык (в к-ром некоторые усматривают принадлежность к сино-кавказской языковой группе) не индоевропейский (в отличие, например, от преемствовавших хурритам хеттов), не семитский и, само собой, не хамитский, т.е. хурриты вне (за пределами) генеалогии сыновей Ноя — Ноахидов Сима, Хама, Иафета, а значит, их генезис восходит к до-Ноевым Атлантическим временам. И значит, речь приложительно, во всяком случае, к костяку исконных хурритов (сродни шумерам или урартам, к-рые тоже не относятся к перечисленным Ноахидам), может идти о (смешанных) потомках (остаточно дотянувших до II/I-го тыс. до н.э.) закрытых групп атлантических пра-аккадцев и пра-семитов (V-я Пра-Семитская, под знаком Весов, и VI-я Пра-Аккадская, под знаком Девы, между IV-й Пра-Туранской, под знаком Скорпиона, и VII-й Пра-Монгольской, под знаком Льва, эпохи-подрасы семеричной Атлантической стадии эволюции человечества) (см. «Д.И.» 109, 125, 710).

¹⁸⁵ По принятой сегодня в науке весьма приблизительной-подвопросной хронологии (точнее, по одной из разнящихся хроноверсий) 12-й династии, фараоны времён появления 17-летнего Иосифа в Египте (1900г.), его назначения в 30-летнем возрасте великим везирем (1887г.) и прихода в Египет Иакова с сыновьями (1877г.) — это Аменемхет II (ок. 1935–1896гг.), Сенусерт II (ок. 1896–1887гг.) и Сенусерт III (ок. 1887–1849гг.).

незнакомым египтянам нововоружением, включавшим боевую кавалерию, колесничное дело и, соответственно, (перенятые хурритами у индо-ариев) боевые колесницы, гиксосы одолели кризисных-разрозненных египтян и прочно утвердились на севере страны, в Дельте, сделав своей столицей расположенный на одном из восточных рукавов Дельты город Аварис.

Это был центр почитания гиксосами провозглашённого ими верховным божеством Сета-Тифона — брата-убийцы (расчленённого им на 14 брошенных в море частей) солярно-светоносного Осириса (к-рый был *убит* в середине III-й Египетско-Халдейской культурной эпохи под знаком Тельца: $2908/07 - 1080 = 1828/27$ г. до н.э. — исходный этап времени великовезирского правления в Египте умершего в 1807г. Иосифа, на излёте кончившейся ок. времени кончины последнего из патриархов Левия — 1785г. — 12-й фараонской династии).

Так, вследствие гиксосского вторжения, произошла *каинитская* трансформация-тифонизация Древнего *авелитского* Египта¹⁸⁶, к-рому ещё предстояло, уступив как минимум весь XVIIв. (плюс-минус) завоевателям, напрячь все силы, чтобы преодолеть глубокий кризис, и после параллельной гиксосам на севере, 17-й, в ставших центром сопротивления вторженцам Фивах, династии, изгнать чужеземцев усилиями фараонов династии 18-й.¹⁸⁷ Первая из них закончилась фараоном по имени Камос, кто, успешно воюя гиксосов, осадил, но не сумел взять Аварис, а вторая началась с преемника (брата) Камоса Яхмоса (Амасис), кто взял как Аварис, так и позднее последний гиксосский оплот близ границ Египта, в южной Палестине, крепость Шарухен (юго-восточнее Газы).¹⁸⁸

¹⁸⁶ В древнем Оне (Гелиополь) родилось (не восходящее ли генерационно к погибшей Атлантиде и к I-й Пост-Атлантической Пра-Индо-Эфиопской культуре?) древнеегипетское Девятибожие (ср. Девять Небесных иерархий; Девять чинов Ангельских!): бог Солнца Атум, его дети — Шу (бог света и воздуха) и Тефнут (богиня влаги и дождя), внуки — Геб (бог земли) и Нут (богиня неба), и две пары правнуков — Осирис и Изиды, Сет и Нефтида. Завистливый Сет убил оплаканного Исидой Осириса, сын к-рого и Изиды (спасённый-укрытый и возвращённый ею в Дельте Нила) Гор (провозвестители в паре — Мадонны с Младенцем) одолел Сета.

Введённый в зал «последнего суда» шакалоголовым Анубисом, каждый умерший египтянин отвечал на вопросы трибунала из 42-х богов, причём его ответы клались на весы истины, с сердцем (= совестью) ответчика на одной чаше и со страусовым пером богини справедливости Маат — на другой. В зависимости от ответов и перевесившей чаши, ответчик либо вступал в царство Осириса, либо оказывался в утробе «великой пожирательницы» Амемит (тело гиены и бегемота, львиная грива и пасть крокодила). Фиксировал же результат суда бог правосудия и искусства письма премудрый Тот (с головой ибиса) = унаследователь-обладатель астрального тела инаугуратора II-й Пост-Атлантической Пра-Иранской культуры Заратустры, и инаугуратор Египетской (в составе III-й Египетско-Халдейской) культуры — Гермес Трисмегист — изобретатель 365-дневного (360 + 5) солярного календаря, разделитель суток на 24 часа, изобретатель водяных часов, изобретатель письма и т.д. Его знание держалось в глубокой тайне = герменевтика! Египтяне первыми изобрели письменность: 1) иероглифическая (ок. 3500г. до н.э.); 2) иератическая (форма скорописи) (1-я династия — IV/III тыс. до н.э.); 3) упрощённое демотическое письмо (с VIIв. до н.э.). Последняя иероглифическая надпись датируется IV-м в. н.э.

¹⁸⁷ Примечательно также время этой *тифонизации* в планетарно-архангельское предводительство ответственного (в частности) за интеллектуализм Захарила-Юпитера — 2019-1665гг. — во предварение грядущей, с 748/47гг., IV-й Греко-Римской культуры Души рассудочной. (Ср. взлёт ислама и халифатскую *исламизацию* в следующее ротационно-архангельское предводительство Юпитера — 462-816гг. н.э.)

¹⁸⁸ Насколько предел колебаний в египетской хронологии м.б. широк и неточен, показывает хотя бы такой пример. С опорой на 7 перечисленных «Туринским папирусом» гиксосских царей и на разнящиеся в пределах до 100 лет академические схемы египетских династий, современные египтологи отводят (оказываются в состоянии отвести) на период владычества гиксосов в Египте всего 108—110 лет. Евсевий в «Хронике» исчисляет египетский период

И уже в правление (с ок. 1600г.) первых фараонов 18-й династии, Яхмоса (+ ок. 1580г.) и Аменхотепа I (ок. 1580 – ок. 1560гг.), объединённый Египет т.н. Нового царства достиг рубежей периода расцвета в эпоху 12-й династии царства т.н. Среднего – от Синая на севере до второго нильского порога на юге. Однако, не апогей ли внешнего блеска слишком часто в истории означает необратимое подпадение деградации в сумерках старых (покидающих храмы, к-рые обживают демоны) богов!

ИЗРАИЛЬ ПРИ ГИКСОСАХ И ПРИ ВОСЕМНАДЦАТОЙ ДИНАСТИИ ФАРАОНОВ-ПРИТЕСНИТЕЛЕЙ

Далее, наш вопрос в том, началось ли притеснение-угнетение Израиля в Египте *ещё* при гиксосах? или – *уже* в правление одолителей гиксосов – фараонов 18-й династии? Так или иначе, если мы привлечём, в рамках хронореконструкции, информацию талмудистов о 112-и годах благополучия и 98-и годах угнетения Израиля в Египте, то получится, что Израиль угнетался в стране пирамид менее половины от суммарного срока (210 талмудических, или 215 флавианских лет) пребывания в ней.

Спроецируем полученные сроки на 430 лет и получим периоды протяжённостью в ок. 230/220 и 210/200 лет. Но если 98 лет дают 2 юбилейных 49-летних цикла (или 14 семилеток), а 112 лет составляют 4, по 28 лет каждый, цикла солнечных (или 14 восьмилеток), то срок в 210 лет = 30 x 7 есть (внимание!) одна эзотерическая седмица-семилетка в жизни-биографии Израиля как народа Господня (Д.И. 454/55)! И при всём том, *взрослеющий* Израиль провёл (в ракурсе 430-и лет) не одну седмицу, но более двух возрастных (отроческо-юношеских) семилеток в Египте: 1957 – 1747гг. до н.э. – 7–14 лет; 1747 – 1537гг. – 14 лет – 21 год; 1537 – 1327гг. – 21–28 лет (см. «Д.И.» 454).

А с др. стороны, если, по критикуемому Флавием иудеобу Манефону (IIIв. до н.э.), современные ему евреи – потомки гремучего смешения-сплава первичных евреев = прокажённых-отчуждённых египтян и иерусалимских гиксосов, то по ведущему яростную контрпропагандистскую войну против Манефонов, Апионов и т.д. архииудефилу Флавию, богоизбранники-евреи и гиксосы, к-рых он связывает с евреями-израэлитами, переселенцами в Египет = с евреями-израэлитами, выходцами из Египта, – суть одно и то же.

Т.е. нам важно здесь усвоить то, что ни («позитивист») Флавий, ни («негативист») Манефон (ни приводимые Флавием др. античные иудеобобы¹⁸⁹), невзирая на

гиксосов в, при 17-и царях, 250 лет (р.141). Манефон (антично-эллинистический, сродни его современнику – жрецу-вавилонянину Бероссу, египетско-жреческий профан эпохи Диадхов, сопричастный глухому отголоску древнемистериальных тайн) у Флавия («Против Апиона» I,14) говорит, что «цари т.н. пастухов и их преемники властвовали над Египтом 511 лет». Т.е. ещё и уже античные и староправославные авторы путались и разнились в вопросах древне-египетской хронологии, в т.ч., по вопросу гиксосов (оставившее глубокий след властвование к-рых над Египтом продлилось от силы 120/130 лет), не на годы или десятилетия, а подчас – на столетия.

¹⁸⁹ Так, один из них (Птолемей Мендесий, Херемон Навкратидский, Диодор Сицилийский...) Лисимах Александрийский (I,34) переносит Исход, представляя его как изгнание-угнание прокажённых, покрытых язвами и одержимых всякими болезнями евреев (занимавшихся-де попрошайничеством при египетских храмах) из Египта в пустыню, притом часть из них были, мол, утоплены египтянами в море, на время последнего фараона аж 24-й династии Бокхориса (!), т.е. аж на VIIв. до н.э. (Д.И.396-402). Видимо, (слышавшего звон, не зная откуда оный) Лисимаха (II/IIIв. до н.э.) вдохновила на подобного рода квазиидентификацию безуспешная попытка фараонов 25-й Нубийской династии (VIII/VIвв.) зомбировать-активи-

все их противоеврейские нагромождения¹⁹⁰, грубейшие фальсификаты, просчёты, хронононсенсы и байки, исходя из противоположных предпосылок и говоря с совершенно противоположных позиций, оба, тем не менее, ни единым намёком и ни на каком этапе не делают гиксосов и евреев врагами. Наоборот, в той или иной мере, на тех или иных основаниях, они сводят их либо воедино, либо в союз, позиционируя тех и других совместно.

Следовательно, находившиеся на момент гиксосского вторжения (ок. 1720/1700гг.) в Египте израэлиты благополучно пережили владычество гиксосов (в состав к-рых входили родственные израэлитам палестинские семиты), м.б., дружественно встретив последних¹⁹¹, с к-рыми они, обитая в восточной части Дельты, просто не могли не соприкоснуться. И затем, лояльно отсотрудничав с пришлецами (до самого ли их ухода из Египта?), подверглись, оставшись в Египте, угнетению-притеснению при победителях-изгнателях гиксосов.

Т.е. — при (с ок. 1600/1580гг.) фараонах экспансивной 18-й династии — в эпоху невиданного великоимперального (во всех сферах) взлёта Египта Нового царства (от Нила¹⁹² и Нубии — до Евфрата) и одновременно в эпоху начала чёрного всемирно-египетского декаданса, в к-рую богоизбранному Израилю потребовалось, забрав с собой квинтэссенцию египетской мистериальной мудрости, непременно, ради спасительного будущего человечества, выйти-изойти из этого обречённого на конечные мрак и погибель Древнего, с его отягощённейшей больной наследственностью, (вымирающего, как динозавр) Египта.

При всех случаях, из 1-й гл. Кн.Исход следует, что угнетение Израиля в Египте началось, во-первых, о чём мы сказали выше, вовсе не сразу по смерти Иосифа и всех братьев его и всего рода (поколения) их. И во-вторых, оно началось за достаточно-порядочно времени до рождения Моисея, поскольку в постпатриарших-домоисеевых стихах 7 и 12, во время как до восстания в Египте нового царя = новой династии, так и в пору её правления, т.е. как при (благоволивших к израэлитам) гиксосах, так и при (подвергшей израэлитов поэтапному притеснению) 18-й династии, Израиль, в различных условиях, продолжал усиливаться-умножаться.

Разумеется, «новый царь» в ед.ч. есть (не сходно ли спасшей и способствующей посвятившему воспитанию Моисея *дочери фараона?*) собирательный-синкретический фараон-притеснитель, начинающийся, вероятно, с Яхмоса, притеснительно кульминирующий в, при рождении-взрослении-возмужании Моисея (1527г.), Тутмосе III (самый могущественный фараон за всю историю 3-тысячелетнего Египта),

зировать политику Египта (к-рый завоевавшие вскоре Египет ново-ассирийцы небезосновательно называли «тростью надломленной») в отношении переднеазиатской Палестины.

¹⁹⁰ Ещё в IVв. до н.э. написавший утерянную историю Египта современник Александра Великого Гекатей Абдерский инкриминировал Моисею воинствующее сектанство, противопоставление сторонников своего монотеистического учения остальному человечеству и ксенофобию.

¹⁹¹ То-то египтяне («жители царства мёртвых») неприязненно-презрительно называли евреев, как и гиксосов, «племенем пастухов». То-то в иудейском апокрифе «Повесть об Иосифе и Азенефе» (II/Iвв.?) Азенефа перечит отцу, к-рый хочет отдать её замуж за Иосифа, говоря: «Не сын ли он пастуха из земли Ханаанской?». То-то, согласно одному из дистанцирующихся от Египта еврейских апокрифов, Азенефа была не дочерью, но падчерицей Потифера, будучи, дескать, дочерью единственной дочери Иакова Дины, рождённой от насилия над ней Сихема, оставленной братьями в поле, чудесно перенесённой орлом в Египет и положенной там на жертвенник в доме Потифера, к-рый вырастил её. Посему, женившись на ней, Иосиф женился на своей племяннице, родив Манассию и Ефрема не от египтянки, но (как бы) от еврейки (по матери).

¹⁹² Нил — самое важное явление и событие в жизни любого, будь то древний или современный, Египта. Эта самая протяжённая — 6671 км — река (5/6 к-рой течёт за пределами Египта, в к-рый, окружённый по обе стороны Нила пустыней, она вдыхает и держит в нём жизнь) земного шара берёт начало из (недоступного древним) центрально-африканского оз. Виктория, вследствие чего у римлян даже имелось означавшее напрасные усилия в поисках недостижимого крылатое выражение — «искать истоки Нила» (см. ниже).

плюс при его силаче-сыне (державном) Аменхотепе II, и завершающийся, спустя, в общей сложности, «долгое время» (Исх.2,23), фараоном собственно Исхода (1447г.) – Аменхотепом III-м, при преемнике к-рого – знаменитом Эхнатоне – (40-летний) Исход (вернее, вторая странственно-пустынная половина Исшествия) продолжался.

И, возможно, как раз в год смерти потерпевшего реформаторский крах несчастного Эхнатона = в год кончины победоносного Моисея, этот самый метаисторический Исход в комплексе успешно, постпустынным переходом богоизбранников-израэлитов через чудесно расступившийся пред ними Иордан, в молочно-медовую Землю Обета, результативал (1407г.).

В древнеегипетской хронологии, к-рая реконструируется убыточно, по, согласно принятому нами летоисчислению (до Р.Х.), годам возрастающим в математической и убывающим в хроноисторической прогрессии, нет, как сказано, (из-за «плавающего» египетского года-летоисчисления и отсутствия в ней лимуната, архоната, консулата) твёрдых фикс-пунктов, она приблизительна, и предел колебаний в ней нередко весьма широк.

Так, существует три научно-академические версии начала 18-й династии: ранняя – с ок. 1580г.; средняя – с ок. 1555 – 50г.; поздняя – с ок. 1525г. до н.э. Притом, чем дальше, тем чаще в источниках встречаются поздние версии, иначе говоря, наука всё дальше отдаляется от реальности и от истины. Между тем, если поставить во главу угла, точнее, взять в качестве опорной, верно реконструированную (мета)хронологию Библии, то: во-первых, ретроспективно придёшь (от лета Господня благоприятного – 30/31гг. н.э.) к верной дате Исхода в 1447г. до н.э. (Р.л. 344-70), тогда как ново-новейшая наука преимущественно помещает истественное время в XIII-й вместо XV-го вв. и связывает оное вместо 18-й династии с 19-й (Рамзес II); а во-вторых, – сумеешь, пусть приблизительно, восстановить хронологию Египта и египетско-фараонских династий (Среднего и Нового царства).¹⁹³

Восстанавливая же, в согласии с датами Моисея и Исшествия, годы правления фараонов истественной 18-й династии, приходишь к выводу, что её ранняя – оперирующая временем ок. 1580г. – хронология (Э.Бинкерман) куда ближе к истине, нежели взвзаящая ныне многоучёный верх поздняя (две поздние). Причём даты

¹⁹³ Метаистория и метакронология Ветхого и Нового Завета – это (после Духа и Души) скелет, становой хребет и стержень (мета)летописи вселенской (абсолютная середина к-рой – Мистерия Голгофы), на к-рый наращивается (в определённом смысле, как Египет на Нил!) жизненной пульсирующей плотью (мета)история человечества от Генезиса до Апокалипсиса, от начала начал – через летописи... (с опорой на время учредителя пульса исторического времени пятикнижного Моисея)... Египта, Вавилона, Греции, Рима... И пока чёткое понимание-осознание этого, в частности, в ключе верной (отлично от церковной или талмудической и т.д.) историко-хронологической реконструкции-одухотворения-одушевления мировой летописи-летописей к учёным мозгам не придёт, пока это в их окаменелые-окастеленные мозги не войдёт, ничего у них, невзирая на всякие радиоуглеродные или иные анализы-переанализы, невзирая на нарративные и ненарративные источники-ориентиры, не получится.

Так, к примеру, в предисловии к «Истории древнего мира» под ред. И.Дьяконова (1989г.) правильно отвергаются, называясь научным курьёзом, клинические псевдоисторические выкладки М.Постникова и многоизвестного А.Фоменко, но одновременно по адресу христианского летоисчисления за авторством Дионисия Малого говорится: «К настоящему времени установлено, что Дионисий обсчитался и что в действительности Иисус, если он был исторической личностью, должен был родиться на несколько лет раньше...» (т.1, с.29). Это «обсчитался» настолько неподражаемо, что на него нельзя не отреагировать одним, в том же духе, словом, – «обхохочешься» (это не Дионисий «обсчитался», это наука «обсралась!»), уж не говоря о том, что Дьяконов и иже с ним вроде бы почти согласны признать Иисуса (хотя бы) «исторической личностью». Низкий поклон! Надо бы им за это дать не столько золотые, сколько красные звёзды «героев социалистического труда». И в сём случае, спрашивается, чем эти учёные мозгачи лучше Фоменко? и чем их очень быстро ставшие из красных (т.е. из марксистско-ленински подкованных) национал-патриотическими или трёхцветными т.н. труды лучше клинической фоменковщины? С не идущего дальше «палаты № 6» Фоменко хоть взятки гладки!

изгнания гиксосов и начала правления Яхмоса, равно угнетения израэлитов, следует оставить подвопросными в пределах вышеуказанных 1600 – 1580гг., или искать сроки начала угнетения самое позднее в интервале 1590 – 85гг. = за ок. тысячелетие до разрушения Иерусалима со храмом и начала Вавилонского пленения евреев в 586г.

Отсюда послегиксосское угнетение израэлитов египтянами стартовало за ок. 60 лет до рождения Моисея, выведшего Израиль из Египта в возрасте 80-и лет, т.е. общее время угнетения-притеснения из всего-итого 430-и лет Израйля в Египте составляет ок. 140 (70 x 2) лет (максимум – полтора века; или минимум – 130 лет).¹⁹⁴ И наверное не случайно ошибочно отождествляющий евреев с гиксосами (и изгнание гиксосов с Исходом евреев) Флавий дважды исчисляет период времени от Исхода до закладки Соломонова храма сроком аж в 612 лет, к-рые, будучи отняты-вычтены из исторически верного святилищно-закладочного 968г. до н.э., дают не иначе как 1580г. до н.э.! Вот вам одно из истолкований этой столь странно долгой и грубо ошибочной (вопреки 480-у году 3-й Кн.Ц.) 612-летки (др. одинарный вариант – 592 года – в том же флавиевском гиксосско-псевдоеврейском руслеключе), к-рая, наряду с тем, побочно (сведением концов с концами) способствует правильной реконструкции (ускользающей) египетской хронологии¹⁹⁵ и заключительной стадии пребывания евреев в Египте.¹⁹⁶

¹⁹⁴ Неспроста 70 (из итога 80-и), согласно еврейскому преданию, лет великовезирства Иосифа в Египте, со времени прихода в Египет Иакова, вычтенные из суммарных 210-и талмудическо-египетских лет Израйля, дают в остатке именно 140 лет. Правда, еврейское предание противоречиво и хроноцифирь в его версиях не всегда синхронизируется-согласуется-сходится. Тем не менее, сообразно одному из вариантов, через 32 года после прихода Израйля в страну-на-Ниле умер Фараон-приютитель и царём стал также благоволивший к Израйлю его сын – Маргон, к-рый правил 40 лет, в то время как (проживший 120 лет) фараон-притеснитель Малул царствовал 94 года, а его сын, фараон Исхода, Адык – всего 4 года. Однако, если приложить сумму царственных лет всех этих фараонов к 210-и годам, то между Маргоном и Малулом понадобится ещё один фараон со сроком правления в 40 лет.

¹⁹⁵ Обратим внимание на интервал в 480 лет от рождения в 2067г. Исаака до 1587г. (за 1001 год до взятия Иерусалима, разрушения храма и пленения евреев вавилонянами). Или – от 1587г. до рождения Авраама в 2167г. – 580 лет, к-рые уполовинивает (290 лет) дата прихода Израйля в 1877г. в Египет. Или – от рождения в 2007г. Иакова до 1587г. – 420 лет (210 x 2). Или – на 620-м году от месяца нисан 1587г. Соломон приступил в месяце ийяр 968г. к сооружению храма. Или – от 1587г. насчитывается 840 (120 x 7) лет до начала в 748/47гг. до н.э. эпохи Овна-Агнца, к-рая сменила 2160-летнюю Египетско-Вавилонскую эпоху под знаком Тельца.

И, к слову добавить, 510 (вспомним 511 манефонофских) лет пролегают от выхода в 2097г. 70-летнего Авра(а)ама из Харрана в Ханаан (см. выше) до 1587г. до н.э. Или, если у (невежественно лоббирующего два изгнания из Египта – гиксосов и прокажённных) недоумка Манефона «518 лет назад пастухи удалились в Иерусалим» (1,26), то от детства родившегося в 1527г. Моисея до провозглашения Давидом столицей Израйля ок. 1004г. (отнятого им у иевуссеев) Иерусалима – ок. 520-и лет. Или, беря во внимание 393 манефонофских года между прибытием Даная в Аргос (к-рое Флавий, возможно, путает с миграциями «народов моря» – XIIIв.) и уходом пастухов из Египта в Иерусалим (1,16; 26), в сочетании с флавиевским Рамзесом, правившим 66 лет, к-рый не кто иной как (не менее известный, чем Тутмос III) самый громкий фараон 19-й династии Рамзес II (XIV/XIIIвв.), срок в ок. 400 лет наскребаётся от начала притеснения Израйля в Египте (начало XVIв.) до преемника Рамзеса II фараона Мернептаха.

При всём том, в надписях последнего (первая половина XIIIв.) впервые используется (в приложении к Палестине) наименование «Израиль» (см. ниже), что очень убедительно подтверждает нахождение (походно разорённого Мернептахом) Израйля на первую половину XIIIв. в палестинской Земле Обета (эпоха Судей), но отнюдь, вопреки приоритетному сегодня в науке мнению, не свидетельствует об Исходе евреев из Египта при фараоне Рамзесе II, или при его сыне Мернептахе (оба – небезызвестные узурпаторы-плагиаторы памятников, надписей на них и великодеяний их именитых предшественников – фараонов 18-й династии).

¹⁹⁶ Упорная идентификация Флавием евреев с гиксосами производится (в пылу полемики против Апиона, Манефона и т.д.) несмотря на то, что гиксосы пришли в Египет (конец

Похожим образом, примечательны и полезны 3 списка фараонов 18-й династии (с коротким охвостом из 3-х царей династии 19-й) у Флавия (*Contra Apionem* 1,15), Юлия Африкана (Г.Синкел) и Евсевия («Хроникон»), 8-й из к-рых – Аменофис (= Аменхотеп), если исключить из современного фараонского перечня (1.Яхмос; 2.Аменхотеп I; 3.Тутмос I¹⁹⁷; 4.Тутмос II; 5.Хатшепсут; 6.Тутмос III; 7.Аменхотеп II; 8.Тутмос IV; 9.Аменхотеп III; 10.Аменхотеп IV Эхнатон...) посмертно элиминированную-ассимилированную Тутмосом III царицу Хатшепсут¹⁹⁸, вполне идентифицируется с – в качестве фараона времени собственно Исхода в 1447г. – Аменхотепом III.

Причём от начала данной династии до начала правления Аменофисова преемника (Гора!) у Флавия набирается 159 лет; у Африкана – 153 года (коли позаимствовать отсутствующие в африкановском списке флавиевские и евсевиевские 25 лет царствования основателя династии Амасиса, кого, кстати, Флавий кличет Тутмосом)¹⁹⁹; у Евсевия – 157 лет. И все эти сумманды, вычти мы их из 1427г. до н.э., дадут, соответственно, 1586, или 1580, или 1584гг. до н.э., т.е. второе десятилетие XVIв. до н.э. как время начала – с Яхмоса (Амасиса) – притеснительно-угнетательного для израэлитов периода фараонов 18-й (фиванской) династии.²⁰⁰

XVIIIв.): 1) как завоеватели, а израэлиты – задолго до них (первая половина XIXв.) – как мирные переселенцы; 2) гиксосы были в Египте властителями, а израэлиты – привилегированными подданными до гиксосов и, б.м., в ещё большей мере, при гиксосах, что и озлобило египтян; 3) гиксосов египтяне изгнали войной (начало XVIв.), а евреи, порядком позднее, от египтян бежали (вторая половина XVв.).

Притом и Флавий, и его оппоненты нагромождают-наворачивают в сведениях о, по-разному и с разной целью, путаемых-совмещаемых ими гиксосах и евреях редкостную галиматью, накладочно путая-переменяя персоны и времена Иосифа и Моисея, Тутмосов, Аменофисов (= Аменхотепов) и Рамзесов, приводя фантастически пролонгированные сроки, невежественно смешивая мифы и реальность, сплетни, слухи, всякую недостоверную информацию и т.д. и т.п. (см. «Против Апиона» 1,14-16; 25-32; 2,1/2). И из всей этой пестрейшей, зачастую, гротескно-анекдотичной мешанины, правда или намёки на неё вычлениаются-отсеиваются, в основном, по косвенным признакам и по крупяцам.

¹⁹⁷ Этот Тутмос I предпринял во 2-й год царствования поход в Нубию, лично поразил нубийского вождя копьём и, во утрашение всех непокорных племён Нубии, повесил его труп, продолжая поход вверх по Нилу, на носу своей лодки вниз головой. Дошёл до 3-го нильского порога, установив там 5 триумфальных стел. Позднее первым из фараонов совершил переднеазиатский набег через Палестину и Сирию (куда также ходил его предшественник Аменхотеп I) до Евфрата (ок. 1555г.?), где, во-первых, разбил царя миттанийцев, во-вторых, очень изумился текущему с севера на юг (в отличие от Нила – с юга на север) Евфрату, к-рый египтяне называли «перевёрнутой водой». (Древний Египет и метаисторически, и метагеографически шёл с юга на север: из древнейшей Индо-Эфиопии и Куша – в Верхний Египет; из Верхнего Египта – в Нижний.)

¹⁹⁸ Хотя в не менее сумбурном, чем у Африкана и Евсевия, списке Флавия после Тетмоса, Хеврона и (первого) Аменофиса следует его сестра – Амесса, имя, к-рое у Евсевия, применительно к четвёртому фараону династии, вообще отсутствует, а у Африкана фигурирует как (без указания пола) Аменсис.

¹⁹⁹ Из-за всего-итого 4-х Тутмосов, и в особенности (из-за «наполеонистого») Тутмоса III, фараонов 18-й династии (иногда) называют Тутмосидами.

²⁰⁰ Впрочем, даже домоисеевы евреи (= евреи до Синайского закона), вероятно, сохраняли-соблюдали определённую дистанцию в отношениях с союзными им гиксосами (и те, и другие – скотоводы, в то время как для земледельцев египтян – «мерзость всякий пастух овец» – Б.46,34), поскольку именно тифонисты-гиксосы принесли в Египет из Азии поклонение (нещадно бичуемым впоследствии еврейскими пророками) Ваалу, Астарте, Ремфану. Не исключено, к тому же, что на заключительном этапе пребывания гиксосов в Египте (ок. 1610 – ок. 1590гг.) отношения между ними и евреями ухудшились-испортились (хотя ни из Флавия, ни из Манефона у Флавия такой вывод не делается), что, вместе с тем, не помешало (вполне сравнимым с персидскими Сасанидами) агрессивным национал-империалистам Тутмосидам

Теперь резонен вопрос: почему именно из 1427г. до н.э.? Чем сей приходящийся ровно на середину 40-летнего Исхода-Исшествия (1447 – 07гг.) год, т.е. на время странствования израэлитов в (по) пустыне (при том, что Кн.Исход датирует-фиксировует только 1/2-й и 39/40-й пустынно-странственные годы Исхода, оставляя-представляя-позиционируя промежуточные 38 лет в недатированном хронотумане), столь знаменателен?

«ВЕЛИКИЙ ГОД» АМЕНХОТЕПА ЭХНАТОНА И ХРОНОЛОГИЯ ФАРАОНОВ ВОСЕМНАДЦАТОЙ ДИНАСТИИ

В 6-й книге «Анналов» Тацит, плохо зная тему и мало вникая в неё, начинает анналы 34г. н.э. с сообщения о «возвращении в Египет после длительного круговорота веков» птицы Феникс (что «доставило учёным мужам из уроженцев этой страны и греков обильную пищу для рассуждений о столь поразительном чуде») (28).²⁰¹ О символизирующей (мистериальное) возрождение из праха солярной птице Феникс из, согласно выражению Тацита, арабской земли, мы уже беседовали в «Д.И.» (765-70) (об Аравии см. также Т.Г. 195-206)²⁰² и ещё раз обратим на это внимание позднее, когда именно в Аравию и именно в 34г. направится из Дамаска, после своего преображения-обращения на пути в Дамаск, союзник убийства иудеями (в день набатейско-арабского праздника солярного Душары – 25.12.) Первомученика Стефана (см. ниже), бывший фарисей Савл, в ходе становления его Апостолом Павлом (см. ниже).

Сейчас нам важно сосредоточиться на *возрасте* Феникса, исчисляемом тацитовскими информаторами по-разному. «Большинство определяет его в 500 лет, но есть и такие, к-рые утверждают, что этот феникс живёт уже 1461 год, т.к. ранее фениксы прилетали в город, носящий название Гелиополь, в первый раз при владычестве Сесосиса, во второй – Амасиса, и в последний – Птолемея, к-рый царствовал

задействовать после изгнания гиксосов угнетение-притеснение (отныне, в изменившихся условиях) чужаков-евреев, даром что последние или часть из них могли примкнуть к египтянам при изгнании гиксосов.

И между прочим, в пользу того, что израэлиты дружили не до самого конца, или, точнее, не со всеми пришлыми гиксосами (представителями сложного неоднородного конгломерата) может свидетельствовать не столько само столкновение израэлитов, при их выходе из Египта, с родственными им исаакидами-исавитами – синайскими амаликитянами (к-рые пришли в Египет с гиксосами), сколько лютая безоговорочная ненависть подзаконного Израиля к вставшему у него на пути сразу после Исхода Амалику – до его полного истребления. Не коренилась ли эта ненависть, в т.ч., в недоброй смутной памяти о столкновениях или вражде евреев именно с (неизраэлитским) Амаликом (конкурентным Израилю?) ещё в гиксосском Египте?

Не идентифицировали ли в перспективе евреи (семитов-исавитов) амаликитян с (яфетическими индоевропейцами) армянами? Не пришли ли хурритские (с возглавлявшей их индоарийской знатью) гиксосы в Сирию, Палестину и Египет с южных отрогов Армянского нагорья, из районов у оз. Ван? Т.е. история неоднородных гиксосов в Египте и их отношений с евреями в реальности наверняка была сложнее-запутаннее, чем согласно вышепредставленной нами, верной в её основных пунктах-чертах, схеме, дополнить-откорректировать к-рую, ввиду крайнего дефицита информации, не представляется возможным.

²⁰¹ У более, нежели Тацит (ок. 55 – ок. 125г.), небрежного и отдалённого от 34г. н.э. Диона (ок. 160 – ок. 235г.) явление Феникса в Египте фигурирует, предвещая смерти (греко-египтянина) Фрасилла (36г.) и Тиберия (37г.), под 36г. н.э. (58,27,1).

²⁰² Аравия – земля-местонахождение исконных Мистерий воскресенского Феникса, откуда их почерпнули созвучная Фениксу Финикия и расположенные как к юго-западу, так и к северо-востоку от неё – Египет и Вавилон (см. ниже).

третьим из македонян...». Но поскольку, продолжает Тацит, «Тиберия от Птолемея отделяет менее 250-и лет, некоторые считают, что последний феникс – не настоящий, что он не из арабской земли, и на него не распространяется то, что говорит о фениксе предание древности».

Сама по себе эта «возрастная» информация чуждого теме и не претендующего на компетентность в ней беспристрастного Тацита интереса не представляет. И тем не менее, она содержит, в свете рассматриваемых нами вопросов-проблем, тематически интересную информацию для нас. Во-первых, – фараоны Сесосис и Амасис. Первого египтологи склонны идентифицировать как Сенусерта III (ок. 1887 – 1850/49г.)²⁰³, на правление к-рого выпало, согласно нашей хронологии, переселение Израиля в Египет – 1877г. Второй – Амасис (Яхмос), учитывая приводимые Тацитом 500 лет, есть предпоследний фараон 26-й Саисской династии (современник Вавилонского пленения евреев и их репатриации, с разрешением восстановить храм, указом Кира Великого, в Землю Обета) Яхмос II (ок. 570 – 26г.), имя к-рого, однако, вполне может отзвучивать одноименного ему основателя 18-й фараонской династии – изгнателя гиксосов и первого египетского притеснителя евреев – Яхмоса (Амасис), могущего, в свою очередь, олицетворять 18-ю династию в целом. Касательно же Птолемея, на повестке дня Птолемей III Эвергет (246 – 22г.), конец царствования к-рого, действительно, отделяет от второй половины кесарства Тиберия (14 – 37г.) ок. 250-и лет.

Причём любопытно, что и гиксосы (XVIIв.), и Птолемей III («Канопский декрет» 238г.) пытались, в конечном итоге безуспешно, ввести в Египте стабильный летоисчислительный календарь, к-рый египтяне упорно отвергали, считая недопустимым и кощунственным произвольное внедрение в богоданный египетский год Сотис-Сириус (360 дней + 5 эпагоменов) 366-го високосного дня (не сходно ли тому, как Мухаммед запретил вставку в лунный арабский календарь 13-го месяца!). Удалось же это в Египте введением стабильного Александрийского календаря (по римскому образцу, но с новогодним сдвигом-смещением начала года из января в август) только при окончательно положившем конец Древнему Египту (акцийско-александрийским сокрушением Клеопатры и Антония – 31/30г.) Августе (26г. до н.э.). Хотя Цезарь не иначе как из Египта, вместе с прелестями Клеопатры, приобрёл-позаимствовал (46г. до н.э.) ставший (трудами александрийского мудреца Созигена) усовершенствованием древнеегипетского Юлианский календарь (сделавшийся в XVIв. Григорианским) и пользующийся человечеством поныне Юлианский год!

Дальше – больше. С одной стороны, мы располагаем опорной (тацитовской) датой «возвращения в Египет», «после длительного круговорота веков», птицы Феникс – 34г. н.э., в то время как, со стороны другой, этот «круговорот веков», по одной из задействованных Тацитом «возрастных» (хроно)величин, составляет 1461 год, т.е. речь (у Тацита) идёт-ведётся о великом египетском годе-периоде Сотис – протяжённость к-рого – 1460 юлианских лет (= 1461 год Сотис-Сириус). Иначе говоря, этот, так или иначе, завершающийся в 34г. н.э. 1460-летний период начался-стартовал, сообразно элементарной арифметике, в 1427г. до н.э. Или – в 1428г. до н.э. (откуда 1460 лет до 34г. н.э.), так как Тацит, всё-таки, говорит (притом в самом начале анналистического 34-го г.) о (буквально-текстуально) периоде протяжён-

²⁰³ Если Сенусерт III походно ходил до 2-го нильского порога и в Сирию/Палестину, вобрав в себя впоследствии память о воинственных фараонах Нового царства (прежде всего, – Тутмоса III и Рамзеса II), воплощённых в античную эпоху в имени Сесостриса – легендарного покорителя полумира (и бога-покровителя нильской Эфиопии = Нубии = Судана), то его преемник Аменемхет III (ок. 1849-1800гг.), при к-ром умер (положенный в ковчег-саркофаг в Египте) Иосиф, соорудил Заупокойный храм в Файюме, известный как загадочный Лабиринт, – одно из (наряду с пирамидами) чудес света.

ностью в 1461 (вроде бы юлианский) год, правда, скорее всего, некомпетентно путая-смежая год Сотис с годом юлианским.

Но позвольте! В отличие от зыбкой-колеблющейся хронологии множества фараонов и большинства из 30-и манефоновско-фараонских династий, хронология древнеегипетских периодов Сотис хорошо известна. Их всего четыре (Д.И. 742). И они – как *великие* (египетские) *годы* под знаком ослепительной Сириуса – летоисчислительно восходят к 5702г. до н.э.²⁰⁴ (рубеж истекающей Пра-Индийской культуры Св. Риши, под знаком Рака, на пути к – с 5068/67гг. – Пра-Иранской культуре Заратустры, под знаком Близнацев).

²⁰⁴ Древние египтяне делили (богоданный им *трижды великим* Тотом-Гермесом) год из 12-и месяцев, по 30 дней в каждом, плюс 5 дополнительных дней-эпагоменов в конце года, на 3 сезона по 4 месяца каждый: 1) время половодья (ахет): середина июля – середина ноября; 2) время всходов (перет): середина ноября – середина марта; 3) время засухи: середина марта – середина июля. При жизнедеятельно-праздничном разливе Нила, во время после летнего солнцестояния, с 19 (или 20/21) июля, уровень воды близ (уравновешивающего Верхний и Нижний Египет) Мемфиса (30 км южнее Каира) повышался на 8м. В середине ноября река снова входила в свои берега и египтяне начинали сев ячменя и пшеницы, урожай к-рых приходился на весну. Являясь чисто солнечным, египетский календарь не имел связи с фазами луны. В 5702г. до н.э. (ретроспективный ли? расчётный ли? реальный ли?) Новый год (1-е Тота) по этому календарю выпал на 19 июля, т.е. именно на начально-разливный день взошедшей в лучах утренней зари, после 70-суточного периода невидимости, ярчайшей звезды неба – Сириус (божественная-лучезарная Сотис).

Поскольку же египтяне вставку високосов не практиковали, каждые 4 года новогодье смешалось у них (отставало – в нашем понимании) на 1 день, каждые 40 лет – на 10 дней, каждые 120 лет – на месяц, и только через 1460 лет (когда из предшествующих високосных дней и месяцев набирался аж целый високосный год, к-рый в календарь не вставлялся) оно снова (круговоротно) приходилось, последовательно пройдя через все времена года и вернувшись к исходной точке, на время восхода Сириуса. Причём начало великого года Сотис отмечалось с великой торжественностью – как праздник Вечности.

Однако, утверждать, что невставление високосов производилось египетскими жрецами (зловредное и наивно-примитивное реакционное духовенство!), к-рые, дескать, не могли (или – не хотели!) постичь, что их год отстаёт от тропического приблизительно на четверть суток, по недоумию, могут разве что, правда, слава Богу, не все, представители многоучёной рационал-материалистической современности. Не египетские ли жрецы разделили сутки на 24 часа и год на 36 декад, посвящённых божественным созвездиям отнюдь не единожды из сугубо сельскохозяйственной (или – социально-классовой) необходимости вычислять разливы Нила! Т.е., не аграрные (и не социальные) реалии довлеют над духовными, но наоборот – Дух правит материей! чего уже не понимают, увы, в подавляющем большинстве, представители, опять-таки, многоучёной ново-новой современной. И ясно, что египтяне не обсчитывались и не просчитывались как при учреждении, так и при отправлении своего *герменевтического* календаря-летоисчисления, имея на то, каким он являлся, весьма веские причины!

А насколько веские, показывает (хотя бы) следующее. Владычествуя над Египтом, гиксосы (царь Салитис) предприняли календарную реформу, уничтожив блуждающий-скользящий год (Платон «Схолия к Тимею»), но сразу по их изгнанию традиционный календарь был восстановлен, и с тех пор каждый фараон, вступая на престол, давал торжественную клятву не менять (сакральную) длину (сакрального) года. Сходно (не понимавший Древний Египет) Птолемей Эвергет предписал введение 366-го високосного дня (как праздника богов Эвергета), с припиской – «чтобы всякий знал, что прежние недостатки в счислении времён года и лет отныне счастливо исправлены царём Эвергетом». Тем не менее, даже у него в IIIв. до н.э. ничего не вышло: исправление не привилось и так продолжалось до полного упразднения старого Египта, включая его последнюю македонско-эллинистическую ипостась, (профанаторами-ликвидаторами всей ориентально-доримской древности) римлянами. (Симптоматично, что именно египетский календарь взяла за основу, при создании своего помпезно-кокетливого календаря, от к-рого за версту разит кровожадной гильотиной, Французская революция, разыгравшая вместе с Наполеоном историю некогда неизлечимо инфицированного-фараонизированного Египтом Рима в миниатюре!)

5702 – 4242гг. – первый пра-исторический период Сотис. *Мудрость созвездий*. Созвездие Ориона и звезда Сириус почитались как откровения Божественного Сына и Великой Матери. 4242 – 2782гг. – второй – метаисторический и исторический – период Сотис. *Семипланетарная мудрость*. Созерцание Сына и Матери в сферах Солнца, Венеры и Луны. 4242гг. – эпоха эры египетской хронологии. 2782 – 1322гг. – третий период Сотис. *Мудрость элементов*. Расцвет и кульминация истории Древнего Египта, при историческом развитии Египетской культуры в двух – второй и третий – периодах Сотис. Второй = верхний – макрокосмос; астрология. Третий = нижний – микрокосмос; алхимия, физиология, зоология, антропология, рождение естественных наук из духа мистерий. Верхний и Нижний – Небо и Земля. Меркурий (Феникс) – посредник между Солнцем и Землёй. 1322гг. до н.э.²⁰⁵ – 139гг. н.э. – четвёртый (в пору уходящего и ушедшего, точнее, вобранного римско-эллинистическим миром декадентного Египта, времена над к-рым океански сомкнулись в 30гг. до н.э.) пост-период Сотис. *Органы чувств*.

Не изошёл ли Израиль из Египта в планетарно-ротационную эпоху Рафаила-Меркурия (1665 – 1311гг. до н.э.), перед пришедшей в основном на воительную эпоху Самаила-Марса (1311 – 956гг. до н.э.) эпохой Судей! Не был ли Исход взявшего с собой, взявшего в себя экстракт великоегипетской мудрости богоизбранного Израила из обречённого Египта, под сенью соляно-гелиопольского Феникса, в Таинство к-рого был посвящён прошедший через гелиопольское посвящение Моисей (Осарсиф), исцелительно-меркуриальным!

Впрочем, речь у вещающего о круговороте веков, в связи с 1460-летним великоегипетском годом, Тацита никак не может идти о четвёртом из вышепредставленных пост-периоде Сотис, до окончания к-рого на 34гг. н.э. оставалось ещё 105/106 лет. И всё-таки, истекший в 33/34гг. какой-то, слишком явно отличный от общеизвестного, (равнопротяжённый сотисному) период в 1460 лет налицо. О чём же речь?

И здесь, при внимательной ретроспективной оглядке в хроноприблизительную историю новоцарственного Египта, своеместно спросить: не учредил ли (не должен ли был учредить) инаугуратор атонического монотеизма, загадочный фараон-реформатор (Аменхотеп IV) Эхнатон (Эх-н-Атон – *Я – властитель души*), к-рый решил тотально обновить-изменить, начав с чистого листа, жизнь Египта, вдыхая в

P.S. Наряду с традиционным (и сакральным, и гражданским) солярным, египтяне с ок. 2000гг. до н.э. употребляли также лунный (культовый и народный) календарь (пользуясь 25-летним циклом из 309-и месяцев), с чередующимися месяцами в 29 и 30 дней (по к-рому праздник Нового года точно фиксировался в день восхода Сириуса).

P.S. Солнечный календарь длиной в 360 + 5 дней использовали также персы, у к-рых египтяне в пору преобладания III-й Египетско-Халдейской (с 2908/07гг.) II-й Пра-Иранской (с 5068/67гг.) эпохе могли его позаимствовать. Ведь календарь и хронология – епархия учредителя Пра-Иранской культуры – Заратустры! (Сириус – звезда Заратустры; имя Сара/Зара сродственно имени Заратустра – *Золотая звезда!*) Согласно написавшему «Историю Александра Великого» Курцию Руфу (IV в. н.э.), «персы насчитывают 365 дней в году», почему в 333гг. до н.э., во время празднества, перед Дарием III прошла процессия магов в сопровождении 365-и юношей. Впрочем, полагают, что древние иранцы, до и во времена Ахеменидов, раз в 120 лет вставляли в свой (оставленный при македонянах и парфиянах?) солнечный календарь високосный месяц, хотя документально (реформаторское) предписание о необходимости вставки високосного месяца зафиксировано в правление последнего (перед арабомусульманским завоеванием Ирана) Сасанида Иездигерда III (632–51гг.).

²⁰⁵ Опирируя этим 1322-м г. до н.э., знакомый нам автор-антропософ С. фон Гляйх (S.96) припиливает к нему израэлитский Исход, к-рый он так, с одной стороны, датирует (руководствуясь своей ошибочной хроно схемой) временем уже после царствовавшего якобы в середине XIVв. Эхнатона и краха его реформы, а с другой, – максимально приближает этот квазиисшестввенный год к ошибочной талмудической дате Исхода якобы в 1312гг. до н.э.

него качественно новое единобожное содержание, наряду с прочими невиданными-неслыханными нововведениями, в т.ч., или, перво-наперво, новое, с нулевой точки, не сотисное, но (*велико*)*атоническое* (или — *эхнатоническое*) летоисчисление?

Не начал ли он отсчёт новых атонических периодов с эпохой эры в 1427г. до н.э.? И не кануло ли его летоисчисление в Лету вместе с потерпевшей неудачу грандиозной реформой Эхнатона, могучи одновременно сохраниться внутри каких-то закрытых (герменевтических) групп тайных эхнатонистов (приверженцев-последователей атонического монотеизма), отголосок чего и дошёл аж до Ив. н.э., неспроста актуально всплыв на поверхность (как некогда ковчег Иосифа со дна Нила!) по свершении солярной Мистерии Голгофы (Исполнение Времён) в 33г. н.э.? Вот что, не ведая, разумеется, сути передаваемого, м.б., воспроизводит-озвучивает-передаёт Тацит?

По крайней мере, если даже отставить всё прочее, мы имеем стартующий почему-то именно в 1427г. (или в крайнем случае, — в 1428г.) и не синхронизирующийся с известным *сотисным* циклом древних египтян некий таинственный Великий год-период, к-рый, вернее, начальная точка к-рого наиболее вероятно соотносится-связывается именно с великореформаторским атоническим монотеизмом опиравшегося на гелиопольское, в противовес фиванскому, жречество Эхнатона²⁰⁶, время к-рого, соответственно, падает на 1427г., составляющий одновременно (не удивительным ли образом!) ровно середину-половину 40-летней эпопеи ищественного Израиля в пустыне (1447 — 07гг. до н.э.)!

То-то до сравнительно недавних пор, когда царствование Эхнатона датировалось частью авторов-источников 1419 — 02гг. (Э.Бок и др.), или 1419 — 1400гг. («Сов. ист. энци.» т.5, с.461), или 1424 — 1388гг. (В.Струве; «Сов. ист. энци.», т.1, с.449)²⁰⁷ (Д.И. 290), блуждающая-плавающая-скользящая-чавкающая в египетской хронологии (как в болоте) академическая наука была ближе к истине, чем сегодня, когда — ХХв. н.э. — Эхнатово правление академически-энциклопедически сместилось-переместилось из конца XV-го аж в 70/60/50-е — 50/40/30-е гг. XIVвв. до н.э. Увы, — никак нет, ибо идентифицированный нами 1427г. требует некоторого отката и от ранней, уж не говоря о поздней (!), эхнатовской хронологии.

Засим 1427 г. до н.э. это — либо дата совоцарения Аменхотепа IV его отцу Аменхотепу III; либо это дата начала единовластного правления Аменхотепа IV, по смерти отца; либо это год старта атонической реформы Эхнатона, запуск к-рой обычно датируют (спорными) 2-м или 4-м (или 6-м) гг. его царствования, к-рое, судя по сохранившимся надписям, продлилось не менее, чем до 19-го (хотя ныне доминирует 17-й) и не более, чем до 22-го гг. (с начала соправления или правления).²⁰⁸

Следовательно, мы можем, пусть отчасти условно, предоставить Эхнатуку ок. 40 лет жизни в рамках-пределах совпадающих с ищественными сороковинами 1447 — 07гг. до н.э. И тут уместно задаться вопросом: не взаимозеркальны ли они, не взаимосинхронистичны ли хроноотражающиеся друг в друге, хроноотображающие

²⁰⁶ Т.е. Эхнатон связал своё солярно-календарное (в предвении грядущей эпохи Овна-Агнца?) нововведение с каким-то сакрально, астрономически, астрологически и т.д. иным явлением, нежели Сириус. Впору (вспоминая гиксосов и Эвергета) спросить: б.м, как-то предварив (за 1,5 тыс. лет до его введения) стабильный юлианско-цезарианский год? Или, скорее, египетский солнечный год — 360 + 5, с какой-то иной, чем Сириус, опорой, остался в Эхнатовом нововведении незлыблемым, тогда как его атонический (реформаторско-эхнатонический) стержень очевиден!

²⁰⁷ Хронология Эхнатона в «Сов. ист. энци» под грифом «Египет» (т.5) отличается от хронологии под грифом «Аменхотеп IV» (т.1).

²⁰⁸ См. И.Карпенко «Так сколько же лет правил Аменхотеп IV Эхнатон?».

друг друга сроки победоносного Исхода своевременно увиденного-выведенного Моисеем из Египта народа Божия и сроки недолгой (1/3 от Моисеевой) жизни потерпевшего крах пронзительно-бесконечно одинокого (в метаисторической ретроспективе) фараона-реформатора?! И ответ, знаете ли, напрашивается (поскольку ему ничего не препятствует) положительный! Эти сроки представляют собой как духовные параллелизмы (где параллельные прямые не пересекаются), так и тесно взаимосвязанные мета-хроносинхронизмы!

В сём случае, время воцарения (или совоцарения) Эхнатона отца Аменхотепа III (при к-ром Египет эпохи 18-й династии достиг наивысшего культурного расцвета-великолепия, и при к-ром единовременно начался, проявил признаки, подал голос углубляющийся кризис во всех сферах) своему отцу Тутмосу IV (кто откопал, по откровению во сне, занесённого многостолетними песками Великого Сфинкса) выпадает на время ок. 1461/60гг. до н.э., ибо соправление или правление Аменхотепа III идёт до его 36-го или 38-го гг.

А далее, в откатном порядке, соцарствование/царствование краткоцарственного (максимальный год в его надписях – 8-й) Тутмоса IV стартово упирается во время ок. 1468/67гг., откуда ок. 26-летнее (максимальный год – 26-й) соправление/правление Аменхотепа II (к-рому, например, «Сов. ист энц.» отводит аж 14 лет соправления его отцу Тутмосу III) начинается не позднее 1494/93/92гг.

И значит, заканчивающееся 54-м (в общей сложности) годом правление Тутмоса III, единовластие к-рого после смерти или отстранения им от власти царицы-регентши Хатшепсут²⁰⁹ начинается лишь с его 22/23-го гг., следует отсчитывать со времени не позднее 1547/46/45гг. до н.э. Вот как реконструируется хронология фараонов 18-й династии, при поставленной во главу угла, при поставленной в зависимость от неё, а не наоборот, верно реконструированной хронологии Ветхого Завета!

ФАРАОН ИСХОДА

При всём том, о правлении (соправлении) Аменхотепа III, после его 5-го и до 30-го гг., или после 6-го и до 32-го гг., или после 11-го и до 35-го гг. (таков предел колебаний в различных источниках!), сведений нет. Т.е., с одной стороны, его властительские годы с ок. 10-го по ок. 30-й – весьма молчаливы-малопроницаемы (и считаются египтологами загадкой), а с др., современные авторы в большинстве не сомневаются, что именно при нём, причём не в самом начале его фасадно или архитектурно блистательного царствования, начался, как сказано, внешний и

²⁰⁹ Она – дочь Тутмоса I (ок. 1561/60 – ок. 1550/49гг.), жена приходившегося ей единокровным братом Тутмоса II (ок. 1550/49 – ок. 1547/46гг.) и мачеха Тутмоса III, к-рый был сыном Тутмоса II от наложницы Изиды. Женщинами-правительницами в Египте до Хатшепсут были царица Никотрис (ок. XXIIв. до н.э.) из 6-й династии и царица Нефрусебек (Себенкенфура) – дочь Аменемхета III и сестра Аменемхета IV, с концом к-рой закончилась ок. 1785г. история 12-й династии. По официальной легитимизаторской версии, отстранившая (при поддержке своего фаворита Сенмута и фиванского жречества) малолетнего Тутмоса III от реальной власти Хатшепсут была зачата спустившимся на ложе царицы Яхмес в облике Тутмоса I самим богом Амоном (как Александр Великий, согласно его матери Олимпии, был зачат не Филиппом Македонским, но самим Зевсом). Она окончательно восстановила послегиксосский Египет, в т.ч., множество разрушенных гиксосами памятников, много строила. Известны её обелиски и храмы в Карнаке, Заупокойный храм в Дер-эль-Бахри. Много внимания уделяла экономике страны. Снарядила морскую экспедицию в (страну будущей царицы Савской?) Пунт (Южная Аравия? Сомали?). Лично возглавляла один из двух совершённых во время её правления военных походов в Нубию, контролировала Синай, Палестину, финикийское побережье и Южную Сирию.

внутренний кризис, или (как минимум) дали о себе знать разносторонние-разноплановые глубококризисные симптомы.

Стало быть, с одной стороны, Исход 1447г. пришёлся на «молчаливый» период уже, без сомнения, единоличного царствования Аменхотепа III, а с др., согласно адресованным египетскими наместниками и вассалами Сирии и Палестины фараонам Аменхотепам, III-у и IV-у, «Амарнским письмам» (см. ниже), — «хабири захватывают наши крепости, наши города и убивают наших правителей. Они опустошают страну нашего царя...» («Библ. справочник Геллея», с.122).

Хабири/хабиру — не этноним, но «изгойское» обозначение семитских кочевых племён, грабительно разорявших под-египетские Палестину и Сирию, на что местные наместники и вассалы (Ашкелон, Гезер, Библос, Иерусалим, Лахис, Меггидо, Сидон...) жалуются, прося у них военной помощи, фараонам слабеющего-ослабленного Египта (прогрессирующей слабостью к-рого и воспользовались обнаглевшие хабиру). Притом из этой недвусмысленной констатации хаотично-кризисного положения дел за Синайским п-вом и Суэцким перешейком как нельзя лучше следует, что стартовавший (набиравший темп) при Аменхотепе III и ошутимо углубившийся при Эхнатоне кризис как нельзя лучше способствовал успешному исходу-выходу-исшествию предводительствуемых Моисеем израильтян из Египта.

И ведь Исшествие с куда большей вероятностью могло совершиться именно при Аменхотепе III и Эхнатоне, нежели при могущественных Тутмосе III (или Аменхотепе II) или Рамзесе II, когда Египет политически слаб не был, твёрдо держал бразды, часто походно-победоносно ходил за Суэцкий перешеек, и жёстко контролировал обстановку на Синае, в Палестине, в Сирии.

Судите сами. Если процарствовавший всего-итого 53 (до 54-го) года (22 из них — время регентства Хатшепсут) Тутмос III одержал решающую победу в битве при Меггидо²¹⁰, произвёл итого множество противосирийских, противомиттанийских, противохеттских набегов на Палестину и Сирию, дотянулся до евфратского Каркемиша на севере и до 4-го катаракта Нила на юге, победил всех врагов и умер (в 90-е гг. XVв. до н.э.) на пике могущества, создав первую мировую державу-империю, то царствовавший всего-итого 66 лет (но сколько из них социарствовавший своему отцу Сети?) Рамзес II (XIV/XIIIвв.) сначала, а именно — с весны своего 5-го года, 15 лет боролся за вытеснение хеттов из южной Сирии, в результате чего вынужден был оставить северную часть бывших владений Тутмоса за хеттами, после чего, на своём 21-м году, заключил с хеттским царём Хаттусили III мирный договор, позже скреплённый женитьбой доминирующего в Палестине и (не во всей) Сирии египетского фараона на дочери хеттского царя.

Посему, согласитесь, что времена-годы великодержавных фараонов 18-й и 19-й династий, Тутмоса III и Рамзеса II (хотя ещё более упадочный Рамзес — довольно бледная тень Тутмоса, как, к примеру, Наполеон III — жалкая тень Наполеона I), — не слишком благоприятное время для выхода евреев из подчинения этим фараонам и для Исхода-исшествия Израиля из Египта. Или оно, так или иначе, много менее благоприятно, чем кризисные времена никогда не ходивших походами в Палестину/Сирию и на порядок менее могущественных (более декадентного, чем все его предшественники) Аменхотепа III и (задействовавшего как бы вдогонку Моисею солнцепоклоннический переворот) Эхнатона.

²¹⁰ Предрешившая вопрос мировой гегемонии Египта эпохальная битва между Тутмосом III и коалицией властителей северной Сирии и Палестины, выступивших в союзе с Миттани, к-рая произошла, согласно «Анналам Тутмоса», на 23-м году его правления. Если в «Сов. ист. энц.» (1966г.) она ещё датируется 1502г., то сегодня наблюдается смещение «вперёд» до 50-х гг. XVв., между тем как в действительности 23-й (меггидонский) год Тутмоса указывает на вторую половину 20-х гг. XVIв. до н.э. (1525/24-23/22гг.).

Приверженцы наиболее популярной сегодня при-рамзесовской версии Исхода (поздняя датировка) говорят, что сооружение угнетёнными евреями в Дельте для фараона городов Раамзес (*огороженное место; город амбар*) и Пифом (*город для запасов*) (Б.47,11; Исх.1,11; 12,37; Ч.33,3; 5) однозначно доказывает-подтверждает, что фараоном Исхода был Рамзес Мериамон (*любимый Амоном*). Но ведь в «земле Раамсес», как констатирует Библия, поселил своего отца и братьев, по велению фараона (12-й династии) ещё в XIXв. Иосиф, когда (фараона 19-й династии) Рамзеса II-го не было даже в проекте! Или разве именем «Ра-амзес» (*сын солнца*) не мог зваться никогда не ставший фараоном = рано умерший престолонаследный сын одного из фараонов предыдущей 18-й династии (звали же Рамзесами фараонов как 19-й, так и 20-й династий), в честь к-рого и мог быть назван именно этот построенный ещё при 18-й (либо задолго до неё) и перестроенный-новоотстроенный при 19-й династии (тождественный предшествующему Аварису и последующему Танису?) город в Дельте?

Или разве имя известного фараона-плагиатора Рамзеса II, ревниво-охотно присваивавшего себе деяния и надписи предшественников, не могло оказаться в тексте В.З. анахронистически? Теоретически могло, и потому доказательством Исхода при 19-й династии оно, упоминаемое (не на пустом месте) Библией, скажем ещё раз, приложительно аж к XIXв. до н.э., т.е. ко временам Иакова и Иосифа, служить не может. Помимо того, если время сооружения города Раамзес неизвестно, то разрушение (разрушенного Иисусом Навином в 1407г.) Иерихона авторитетная археология (Д.Гарстанг) датирует никак не XIIIв., а временем ок. 1400г. до н.э.

Однако, главный контраргумент в ином. «Lexikon zur Bibel» (S.45) ссылается на первое внебиблейское упоминание Израиля при сыне и преемнике Рамзеса II-го Мернептахе (надпись на фиванской стеле): «Ханаан разграблен... Израиль опустошён, и нет у него семян... Палестина стала вдовой из-за Египта...»²¹¹ (Геллей, с.123), полагая-утверждая отсюда, что если, мол, ок. 1230г. до н.э., при Мернептахе, Израиль уже жил в Ханаане, значит, самое позднее ок. 1250г. до н.э., при Рамзесе II, израэлиты Египет покинули.

Во-первых, (пере)реконструированная нами египетская хронология эпохи Нового царства настойчиво требует отодвижения начала 18-й (сродни 19-й) династии на более ранние сроки, т.е. долгоцарственный Рамзес II воцарился (или совоцарился) не на самом рубеже XIV/XIIIвв. и, тем паче, не в первой половине XIIIв., как ныне принято энциклопедически думать, а не позднее (приблизительно) 1330г. до н.э., соответственно чему, до максимум ок. 15-и (20-и – ?) соцарственных-царственных лет его (далеко не молодого при интронизации) сына-преемника приходится на время никак не позднее конца первой половины или середины XIIIв.

Во-вторых, или, точнее, в главных, возникает вопрос: каким-таким макаром Израиль мог, покинув при, вероятно, уже примирившемся с хеттами в Сирии раннем Рамзесе, притом (якобы) успев (якобы) построить для (этого) фараона города Раамсес и Пифом, побеждаться-разоряться его преемником Мернептахом в Ханаане всего через каких-то 20 (как уверяет «Лексикон»), или (добавим от себя) даже через (всего-навсего) 30-40 лет после Исхода-выхода из Египта? Спрашивается: куда, в сём случае, девать, куда втиснуть странственную 40-летку в пустыне, плюс

²¹¹ Любопытно, что эта обнаруженная в 1896г. надпись сделана на обратной стороне гранитной стелы Аменхотепа III. Вот её полный текст: «Ханаан разграблен, горе ему. Ашкелон завоёван, Гезер захвачен, Йаноам как будто никогда не существовал; Израиль опустошён и не имеет семян, Хор (Ханаан) стал пред Египтом как вдова. Все мятежники подчинены царём Верхнего и Нижнего Египта, Ба-ен-ре Меримун, сыном Ра, Мернептахом, радующимся в Маат, Дающим жизнь как Ра, каждый день». В др. Нубийской надписи Мернептаха именуется «покорителем Гезера».

14 понадобившихся израэлитам, при Иисусе Навине, лет на завоевание (7 лет) и освоение (7 лет) распределённой между коленами Палестины (Р.л. 364)?!

Т.е. суммарное время Исхода и овладения израэлитами Землёй Обета, да ещё настолько, чтобы за ними и за ней закрепилось устойчивое (для египтян) наименование «Израиль» (на что нужны десятилетия по овладении этой землёй), в царствование всего двух фараонов (несмотря на долгоцарственность Рамзеса²¹²) ни под каким соусом не уместается, не вписывается. Вернее, в сём особенно хвором-увечном (академическом) случае, получается мультфильм, получают убыстрённые темпы-скорости (хорошо знакомых нам и читателю) инфантильно-игрушечной мультипликации, или немого чарли-чаплинского кино. Ни дать, ни взять, – маразм или впадение в детство учёного академизма, много хлеще «детской болезни левизны в коммунизме»!

Следовательно, местонахождение Израиля в Палестине, месте его обитания, при недолгоцарственном сыне Рамзеса Мернептахе, вопреки науке, ясно доказывает тот (обратный науке) факт, что Израиль ушёл-вышел-удалился из Египта (и уже сиднем сидел в Палестине) за порядочное-достаточное время до царствования Рамзеса II. Одним словом, упоминание Израиля в правление Мернептаха очень убедительно опровергает (и без того) несостоятельную версию Исхода при Рамзесе.

И, по всему, сходно обстоит дело с версией Исхода при Тутмосе III. Точнее, повторим, таковой менее вероятен при Тутмосе или Рамзесе, чем при Аменхотепе III и Аменхотепе IV, тем более, если учитывать то немаловажное обстоятельство, что согласно противоиудейским авторам в «Contra Arijonem», имя фараона Исхода – Аменофис (= Аменхотеп), а не Тутмос или Рамзес.

Можно, конечно, представить-предположить, что великий завоеватель Тутмос (систематический разоритель Ханаана) сознательно запер вышедших из подчинения ему и ушедших (отпущенных им) из Египта израэлитов, не став их преследовать, в подвластной Египту Синайской пустыне, дабы они там в течение 40 или более лет, в конце концов, умерли-вымерли от голода и лишений. Либо можно выдвинуть целый ряд других, в Тутмосову пользу, гипотетических умопостроений. Но гораздо правильнее будет принять, что именно при Тутмосе III начатое ещё (ок. 1587г.) Яхмосом угнетение-порабощение Израиля в Египте усилилось, причём (со)воцарение Тутмоса в 1547/46/45г. «позволяет» реально правившей первые 22 года его царствования царице Хатшепсут «успеть» спасти (*спасённого из воды*) трёхмесячного Моисея и взять чудо-младенца на воспитание в царский дворец!

При всём том, в точности не известно, умерла ли (умершая естественной смертью) Хатшепсут после 22-х лет формального соцарствования ей Тутмоса? или лишилась власти? могучи и дальше (какое-то время) покровительствовать Моисею, что теоретически очень даже возможно. Или, м.б., в дальнейшем Моисея взяла на

²¹² По продолжительности царствования Рамзеса II превосходит лишь фараон эпохи Древнего царства Пеопи II (ок. XXIIIв.), к-рый взойёл на престол в 5-летнем возрасте и процарствовал 95 лет (мировой рекорд). В конце жизни переживший всех своих сестёр Рамзес женился, чтобы не создавать себе свойственников, на собственной дочери (в Египте было приоритетно матрилинейное «утробное право» престолонаследования), а 10 фараонов следующей XX-й династии (XIII–XIVвв.) звались, за исключением её основателя Сетнахта, один за другим, Рамзесами (вплоть до Рамзеса XII, к к-рому Б.Прус присовокупил в своём «Фараоне» никогда не существовавшего Рамзеса XIII, в образе к-рого автор намекал, связывая с ним определённые надежды, на Николая II). Пришедшая к власти в XIV. 21-я династия, со столицей в Танисе (Дельта), делила власть в Египте с заправлявшим делами Верхнего Египта жречеством Амона. Именно на дочери одного из малославных фараонов 21-й Танисской династии женился Соломон, а первый фараон 22-й (с ок. 950г.) ливийско-бубастийской династии Шешонк (Сусаким) взял и разграбил в 927г. (через 520 лет после Исхода), при сыне Соломона Ровоаме, (после раскола в 931г. Израиля на Израиль Иуду) столицу Иуды – Иерусалим (Д.И. 222/23).

попечение «другая» «дочь фараона»? Не повествует ли предание о больной проказой сестре дочери фараона, к-рая чудесно исцелилась от прикосновения к ней чудесного младенца, или от одного его взгляда! Короче, в объективе опять сестринский (после Рахили и Лии... до Марии Старшей и Марии Младшей) дуализм! «Сёстры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»²¹³

Продолжим. Таким образом, поскольку сроки реального или, в некоторых случаях, эвентуального (де-факто? де-юре?) соарствования-соцарствований (в качестве наследных принцев? соправителей?) Аменхотепа II-го²¹⁴ Тутмосу III (от 4-х до 14-и вариативных лет!)²¹⁵, или Тутмоса IV-го²¹⁶ Аменхотепу II, или Аменхотепа III-го Тутмосу IV, документально точно установить-дифференцировать-зафикси-

²¹³ У Флавия (И.д.2,9,5), в «Кн.Юбилеев» (47) и у Бар-Еврея (Chron. p.14) имя, безымянной по Библии (Исх.2), «дочери фараона» – Фермуфис. У Г.Синкела – Фария (1, q.227). По раввинской традиции (Вайикра рабба 1), ее имя – Батия – «дщерь Предвечного» (ср. Бат-Коль – «дщерь голоса»): она страдала проказой, исцелилась от прикосновения к младенцу и человеколюбиво усыновила Моисея. Комментаторы Корана замечают к суре 28,8, что её звали Асия: она увидела сияние на челе младенца, сосавшего свой палец, из к-рого текло молоко. Мало того, у фараона была ещё одна дочь, – прокажённая, к-рую сестра исцелила слюной Моисея.

²¹⁴ Во 2-м, 7-м и 9-м гг. своего самовластного (?) правления Аменхотеп II ходил походами в Палестину и Сирию. Прочно удерживал переднеазиатские и нубийские достижения отца, и сведений о каких-либо или где-либо неурядицах при нём нет, в связи с чем датирование Исхода временем его (одного из фараонов-притеснителей) царствования (после фараона-притеснителя Тутмоса III), как полагают ряд приверженцев ранней ишхественной хронологии, также, в сравнении с более убедительной версией Исхода при Аменхотепе III, проигрывает. Аменхотеп II стяжал славу фараона-силача: по преданию, тетиву фараонского лука не мог натянуть никто, кроме него. Не удалось это спустя почти 1000 лет и персидско-ахеменидскому покорителю (через ок.1000 лет после битвы Тутмоса III при Меггидо) Египта (525г.) Камбизу.

И здесь необходимо отметить, что сообразно реконструированной нами хронологии, получается, что именно при Аменхотепе II – ок.1487г. (спустя ок. 100 лет от начала притеснения израэлитов в Египте под 18-й фараонской династией) – 40-летний (привилегированный при дворе фараона) Моисей, войдя в острый конфликт с единоплеменниками, из-за убийства им (посетившим угнетаемых братьев своих, но ими не поддержанным) бывшего еврея египтянина, бежал в Мадиян, где приобщился к, на сей раз, (мистериальной) мудрости аравийско-мадианитянской, в частности, женившись на дочери (не чуждого тайнам меркуриального Феникса пастыря-жреца) Иофора (мадианитяне – потомки Авраама и Хеттуры), у к-рого он пас овец, по имени Сепфора, родив с ней двух сыновей и изучив топографию Синая.

Кроме того, по Кн.Исход, уже после того как Моисей обосновался у Иофора и заимел двух сыновей от Сепфоры, «спустя долгое время умер царь Египетский» (2,23). Т.е. тут собирательный «царь Египетский» в качестве фараона-притеснителя (на втором маркируемом Моисеем этапе притеснения), по рождении, взрослении и уходе-бегстве, согласно различным преданиям, 20-и или 40-летнего Моисея в Мадиян, до его призвания Богом в возрасте 80-и лет, это – Тутмос III, Аменхотеп II и краткосрочный Тутмос IV, к-рым преемствовал Аменхотеп III, соответственно, – (последний) фараон-притеснитель и (первый) фараон собственно Исхода-выхода Израиля из Египта в одном лице.

²¹⁵ По «Сов. ист. энци.», Аменхотеп II, годы соправления/правления к-рого в ней – 1491–65гг., по 1477г. был соправителем Тутмоса III (т.1, с.447; т.14, с.599).

²¹⁶ Тутмос IV ходил походами в Сирию (неизвестно – когда?) и в Нубию – на 8-м году своего недолгого правления. С царём Миттани договорился о разделе сфер влияния в Сирии, признав за последним сирийский север и женившись на дочери союзного миттанитянского царя (первые намётки ослабления позиций Египта в Сирии). Поддерживал дружественные отношения с Вавилоном. Из восставшей и поверженной Нубии возвратился с огромной добычей. Очистил от песков воздвигнутого при Хефрене (4-я династия Древнего царства) Сфинкса и завершил воздвижение 31-метрового обелиска Тутмоса III (южный портал ограды Карнакского храма). На роль фараона Исхода, как из-за своей краткоцарственности, так и вследствие всё ещё сильных позиций докризисного Египта в Палестине, он не годится.

ровать-прецизировать невозможно²¹⁷, или возможно отнюдь не всегда, то вовсе не исключён следующий расклад: (со)воцарение Аменхотепа IV в 1430/29/28гг., начало его реформации на 2-м году (объявление себя единственным = единокровным сыном Атона), введение им (тронным революционером-обновителем жизни Египта) нового летоисчисления в 1427г. (или 1428-й г. — ?)²¹⁸ и кончина трагически безуспешного фараона-ересиарха в (созеркальном успешном сороковинам израильского Исшествия) сорокалетнем возрасте (в год кончины «извлечшего подзаконный Израиль из материнского чрева» Моисея и перехода ведомого Иисусом Навином Израиля через Иордан-Рубикон) в 1407г. до н.э.²¹⁹

РАСЦВЕТ И ДЕКАДАНС ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Фараонский (Верхний и Нижний) Египет делился на 27 номов с номархами во главе, причём существо страны (взаимозеркально) соответствовало существо человека, соответствовало человеческому телу-организму, при том, что каждый отдельный ном перекликался с соответствующим человеческим органом, с частью тела, к-рые эпонимировала оккультная зоология. Например, Сердце — Лев, Голова — Овен, и т.д.

Из пра-индийских (Риши) и пра-иранских (Заратустра) инспираций, под зодиакальными знаками Рака и Близнецов, (носитель астрального тела Заратустры) Трижды великий Гермес (Трисмегист) инаугурировал III-ю (Пост-Атлантическую) Египетскую (в составе Египетско-Вавилонской) культуру, под знаком Тельца (2908/07 — 748/47гг. до н.э.).

Еврейство должно было составить и составило в ней важнейшее соединительное звено, сакральный мост между Египтом (на-Ниле) и (междуреченскими) Вавилоном-Халдеей (Евфрат и Тигр). Не пришёл ли Авраам в Ханаан через транзитный Харран из Ура Халдейского! Не произвёл ли он разведку в Египте (оригинально приобщив к нему Сарру, от чего Египет, убоявшись гнева богов, тогда отмежевался)! Не обитал ли (жертвенный прототип Христа) Исаак в Ханаане, не побывав ни в Египте, ни в Месопотамии! Не перешёл ли Иаков из Ханаана в Месопотамию и не пришёл ли он затем из Ханаана в Египет! Не наладил ли великий везирь Иосиф (посвящённый наследователь авраамитического монотеизма и математизма) управленческо-экономическую экзистенцию Древнего Египта, что (хамиты) египтяне не могли сделать своими силами без (семита) Иосифа, к-рый предоставил в Египте место своим отцу и братьям в пору венчающей расцвет Среднего царства, под архангельским знаком мудрого Юпитера (2019 — 1665гг. до н.э.), 12-й династии, в знаменательнейшей мере — как воительной, так и созидательной!

²¹⁷ Начиная с фараонов 12-й династии, известно о назначении ими соправителей при жизни. До какой степени эти соправительства (статус к-рых, зачастую, различен) могут накладочно-перекрывагельски усложнять хронореконструкцию, наглядно показывает реконструированная нами в «Д.И.» трудоёмкая хронология царей Израиля и Иуды (см. соответствующий раздел текста и Приложение 2 на с.1343-45).

²¹⁸ Воцарение Тутмоса III за 98/100 лет до Исхода, как начало реформации Эхнатона через 100 лет после рождения Моисея!

²¹⁹ Не обращают ли на себя внимание следующие интервалы-сроки длиной в *великий год* из 1460-и лет: 2907-1447гг. до н.э. (от начала III-й Египетско-Вавилонской культуры до Исхода Израэлитов); 1461/60гг. до н.э. — 1/1гг. до н.э. и н.э. (дуалистическое Рождество Христово); 1447г. до н.э. — 14г. н.э. (слиятельно-пасхальная Мистерия жертвы Я Заратустры = Малое Крещение или Малое Преображение); 1428/27гг. до н.э. — 33/34гг. н.э. (Мистерия Голгофы; Первомученичество Стефана; Обращение Савла/Павла); 1407г. до н.э. — 54г. н.э. (от перехода Израиля через Иордан до Успения Богородицы).

А (*спасённый из воды*) Моисей спасительно вывел Израиль (как повитуха извлекает дитя из материнского чрева) из подпавшего неуёмному упадку Египта, вооружив его Законом, в пору Рафаила-Меркурия (1665 – 1311гг.), в Землю Обета – Ханаан-Палестину, чтобы Израиль спустя 8/9 столетий, уже в сменившую эпоху Тельца эпоху Овна-Агнца (с 748/47гг.), ещё раз побывал в Вавилоне (Пленение), перед своим репатриальным выходом на путь-дорогу к Исполнению – в лице и облике Таинства Голгофы, К-рое есть абсолютная середина-сердцевина вселенской (мета)истории – Времён!

Не есть ли Кали-юга (с 3102г. до н.э.)²²⁰ суть начало историко-хронологических времён, начало медлительного процесса перехода метаистории в историю, инаугуратором чего во вселенско-историческом масштабе стал положивший руку на пульс исторического времени египетско-гелиопольский (вслед за женившимся на Азенефе, дочери Потифера, жреца Гелиопольского) посвящённый Моисей, кто сделал то, что не удалось сделать в обречённом Египте Эхнатону, к-рый так и остался в инаугурированной Моисеем истории одиноким реформатором-ересиархом! И не ему ли, Эхнатону, *вышедшему-изошедшему* из Египта лишь после смерти, предстояла индивидуально-кармическая эволюция, в составе народа Божия, – от убитого Доиком Идумеянином (Ирод), по приказу царя Саула (Савл/Павел), жертвенного первосвященника (Ифамарида) Ахимелеха (ХИв.) (Т.Г. 424-28), через начинающего заключительный астрально-мессианский перечень (14 + 14 + 14) Христовых прашуров покаявшегося-раскаявшегося в плену вавилонском царя Иехонию (VII/VIвв.) (Д.И. 471-78), и до – после Мистерии Голгофы – христианского Первомученика Стефана!

За ок. 3500/3400 или за ок. 3100 лет до н.э. (где хроновремена зыбучи, как заносящие сфинксов времени пустынные египетские пески по обе стороны Нила)²²¹ легендарный первоегипетский царь Менес (Ману!) открыл нескончаемую череду фараонов и фараонских династий. Пра-исторический Египет до Кали-юги и долго-постепенно переходящий в историю, осваивающий историю метаисторический Египет с (астро-хронологически прецизионного) 2908/07гг. до н.э.! Не из поклонения ли зверобогам и не из мумификации ли трупов произросли (как из начатка) современный дарвинизм и рационал-материализм! И не есть ли популярность мумифицированного (ещё Римом, к-рый, несмотря на победу над ним, избрал его в себя, к-рый подпал ему) Египта сегодня – очень своеобразное зеркало рационал-материализма в королевстве кривых зеркал современности! Ведь III-я (Египетско-Халдейская; Душа ощущающая) и V-я (Германо-Англосаксонская; Душа сознательная) культуры созеркальны (взаимо- и противозеркальны)!

Умирая, фараоны (прижизненный Гор и посмертный Осирис) причислялись к сонму богов и почитались в храмах перед принявшими их ставшие мумиями тела пирамидами (апофеоз смерти) в стране оранжевых песков и зелёных оазисов, прорезанных с юга на север (впадающим в Мировое – Средиземное – море, к-рое Рим сделает римским державным озером) величественным источником жизни – царь-рекой Нилом.

²²⁰ Индуистский временной цикл предлагает следующие эпохальные периоды и сроки: Золотой век = Крита-юга – ок. 20 тыс. лет; Серебряный век = Трета-юга – ок. 15 тыс. лет; Медный век = Двапара-юга (согласно антропософской периодизации метаистории, – Большая эпоха Тьмы) – 10 тыс. лет (13102–3102гг. до н.э. – до гибели Кришны); Тёмная эпоха = Кали-юга (Малая эпоха Тьмы) – 5 тыс. лет (3102г. до н.э.); Наша эпоха – с 1899г. – на грядущие 2500 лет.

²²¹ Реки = (тварное) Время – быстрое или медлительное; Моря-Океаны = (пространственная) Вечность, к-рая поглощает как спокойные, так и штормовые Времена. (Болота – как противоположность озёр – отстойные эпохи застоя!)

Но построенные египтянами пирамиды, идею пирамид (к-рых, как говорят, боится даже время, к-рого, в свою очередь, боится всё на земле), принесли в (незапамятный) Египет (чье пра-начало в IV тыс. до н.э. – под уходящим иранским – доминантным с VI/V тыс. до н.э. – знаком Ближнецов) пришлецы с Переднего Востока, носители астральной мудрости и астральных мистерий, тогда как в самом Египте пестовались мистерии рождения и (с особенным смаком!) смерти. Однако, рождение и смерть не столько *близнецы*, сколько *двойняшки* (не идёт ли человек с самого рождения всю жизнь навстречу смерти!): они экстракт алхимической мудрости Гермеса!

Мастер Имхотеп жил при фараоне Джосере (3-я династия), когда Египет пресекался на юге 1-м катарактом Нила (ок. 3100/3000гг.). Впоследствии Имхотепа почитали как бога, и в нём, врачевателе, полагают предварителя Асклепия (Эскулапа). Не был ли он предтечей (как Иосифа, так и) мастера Аменофиса Пааписа – тётки и посвящённого зодчего Аменхотепа III, к-рого, т.е. этого (сопричастного суггестивной магии) Аменофиса Паапи тоже позднее почитали как бога, и кто – не есть ли своеобразный предваритель соорудителя Соломонова храма (тирского) Мастера Хирама! (Загадка трёх Аменофисов – Аменхотепа III, Аменофиса Пааписа, Аменхотепа Эхнатона; и загадка трёх Иоаннов – Крестителя, Зеведеева, Богослова!)

К Джосеру восходят первые каменные сооружения. При преемнике михаэлиты (3082 – 2728гг. – архангельская эпоха Михаила-Солнце) Хеопса, правившего и творившего под покровительством бога Хнума, фараоне Хефрене (4-я династия), строятся пирамиды Гизы, сооружается занесённый впоследствии песками и откопанный-отрытый Тутмосом IV Великий Сфинкс. Не сопричастен ли мистериальный Хнум гелиопольскому посвящению авраамита (Иосифа и авраамита) Моисея, к-рое привело его в дальнейшем к яхвистскому откровению на Синае! Не пелось ли в египетских гимнах: «Овноголовый Хнум, просветляющий блеском своих глаз Верхний и Нижний Египет, и страну богов – Аравию...»

Имхотеп считался меркуриальным покровителем писцов, курируя иероглифическое, в строгом ведении жрецов, письмо и собственно богоданную (сродни календарю) письменность. Если фараон – земной регент-репрезентант солярного бога Гора, то его великий везирь (первый министр) – его правая рука – представитель на земле *космического писца* – Тота-Гермеса-Меркурия. Не случайно приход Израиля в Египет (в к-ром Авраам и временно взятая в дом фараона красавица Сарра не случайно побывали в архангельскую эпоху именно Анаэль-Венеры – 2374 – 2019гг.), где Иосиф был (итого 80 лет) великим везирем, имел место именно при 12-й династии, в архангельскую эпоху именно Захариила-Юпитера (2019 – 1665гг.). А Исход Израиля из Египта не случайно свершился в, именно при 18-й династии, архангельскую эпоху именно Рафаила-Меркурия (1665 – 1311гг.).

Значение архангельских эпох Орифила-Сатурна (2728 – 2374гг.) и Анаэль-Венеры для Вавилона сравнимо со значением архангельской эпохи Захариила-Юпитера для Египта. И эту знаковую эпоху олицетворяет в Египте эпохи Среднего царства его кульминационная 12-я династия, конец к-рой последовал вскоре после кончины Иосифа (1807г.), символически одновременно с кончиной последнего из патриархов – Левия (1785г.), из чресел к-рого вышли Мариамь, Аарон и Моисей (последующие Арокиды и Левиты).

Между тем, эпохи Юпитера и Солнца как сродственны, так и противоположны. (Не под знаком ли ротационного Юпитера – 462 – 816гг. н.э. – взошёл в потомках египтянки Агари ветхозаветный коранический ислам, край, в свою очередь, опосредованно инспирировал евроматериалистический интеллектуализм!) В их, Юпитера и Солнца, инспиративных силах – память и метаморфозы Древнего Солнца (Д.И. 109). Не сменила ли инспиративную силу *сердца*, при 12-й династии, могучая инспирация

мысли, головного мозга-мышления, сообразно чему культовый первоцентр Египта перебазировался-переместился из Мемфиса в Фивы (700 км к югу от Средиземного моря), а солярного Ра заменил на исходе первой половины Египетско-Халдейской эпохи (2908/07 минус 1080 = 1828/27г.), под знаком Тельца, когда Сет убил и расчленил Осириса, приоритетный для всего Египта юпитеральный (таврический) Амон (бывший одновременно черпавшим из знака Овна богом Юпитера и Солнца)!

Амон (Амен) – *сокрытый (потайный)*: «неизречимо имя его, он – невидим и неведом». Но «Книга мёртвых», всё-таки, произносит его имя (не всуе): Нук-пу-Нук – «Я есть Я» = Я ЕСМЬ! Я есмь – Агнец Божий – откроется увенчанному силой Овна Моисею, благодаря его юпитеральному ясномыслию, оплодотворённому солярным посвящением Гелиополя!

Тем временем, если цари-властители 12-й династии Сенусерт I и Сенусерт III, при к-ром Израиль пришёл в Египет (1877г.), стяжали славу, особенно второй, как победоносные фараоны-воители, то Аменемхет III (+ ок. 1800г.), при к-ром, как и при Сенусерте, сделавший благоденственным обогащённый израэлитами Египет (лучший из братьев-израэлитов) Иосиф, плодотворно отвизирствовал в стране-на-Ниле, мирно почил, более прославился как фараон-созидатель.

Аменемхет III Миротворец почитался египтянами как Прамарр – бог Файюма, где в Фаюмском оазисе (на северо-востоке Ливийской пустыни, в 100 км к югу от Дельты) он, давший Египту (благодаря Иосифу) изобилие, возвёл роскошные дворцы, храмы, ирригационные системы, создал искусственное Меридово озеро и соорудил знаменитый заупокойный храм – известный у греков как «Лабиринт» (одно из Семи чудес света). Об этом Аменемхете говорили, что он облагодетельствовал (Верхний и Нижний) Египет в ещё большей мере, чем могучий Нил, наполнив-исполнив обе земли-страны великой силой.

Вместе с тем, списанный с человеческого мозга (смертного – в первую очередь!) и его извилин (ясно)мыслительный (перекликающийся с критским) юпитеральный (Юпитер отвечает за мысль и мышление!) Лабиринт олицетворял-представлял собой центр управления страной: в капеллах Лабиринта почитались боги номов, там устраивались собрания номархов.

И происходило всё это в тифоническое время, когда старые боги постепенно покидали человека, всё больше оставляя его (наедине с самим собой, один на один с Вселенной, что кульминировало в нашу эпоху противоположности материалистического интеллектуализма одухотворённому интеллекту Лабиринта!), и когда человеку было необходимо выработать посвящение в самостоятельную человеческую мысль, дабы освоиться-закрепиться в мозговом Лабиринте. Номы объединялись Лабиринтом, как центральной нервной системой, из него производилось руководство-управление организмом страны, поделённое на 27 частей тело к-рой взаимосвязанно-взаимозависимо функционировало, направляемое из единого центра мыслительным мозгом.

И во всех этих происходивших в Египте (и в Вавилонии) процессах, в разной мере, участвовали со дней побывавшего тут в XXIV. до н.э. Авраама соединители-разделители Египта и Междуречья – Авраам, Исаак, Иаков, и надолго осевший в стране-на-Ниле Иосиф-Израиль, к-рые пестовали грядущий монотеизм Моисеева Закона, через к-рых подготавливалась ясномыслительная – как абстрактно-мыслительная, без зримого изображения незримой сущности, вера человечества в Бога Единого (к-рая после Мистерии Голгофы превратилась у отвергнувших Её евреев в абстрактный монотеизм без Христа, инспирировавший в VIIв. н.э. появление откатно-ветхозаветного монотеизма ислама: выход из еврейско-иудейской *полной луны*, переставшей быть зеркалом Солнца, арабо-мусульманского *полумесяца!*).

Обладавший как атавистическим ясновидением, что позволило ему понимать

египтян и быть понятым ими, так и авраамитическо-математической логикой (предварение «Логики» Аристотеля, тогда как прототип Христа Исаак – предваритель идеализма Платона) Иосиф произвёл настоящий переворот в Египте. Он, вполне возможно произведший там первую перепись населения, привнёс математическую картину мира в жизнь Египта, в к-ром именно при 12-й династии появилось регулярное войнство из подразделений в 6, 40, 100, 400, 6000 и 30000 воинов. И кому, если не Иосифу, было минимум соучаствовать или маскируясь стоять во главе Мистерии сооружения (Аменемхетом III) устремлённого в будущее одухотворённо-интеллектуального Лабиринта!

Не ему ли, Иосифу Прекрасному, фараон нарёк имя (Б.41,45) Цафнаф Панеах – *раскрывающий (толкующий) скрытое (тайное)*, и дал ему в жёны Асенефу (*служительница богини мудрости Нейт*), дочь Потифера (*священник Тельца; принадлежащий Ра; данный Ра; дар Солнца*), солярного жреца из солярного Гелиополя (Он), где (инициативой дочери фараона и её сестры) примет наученный (там) всей мудрости Египта посвящение Моисей (ЭЛЬ – БОГ; Эллоим – мн.ч.), и на мистерии и жречество к-рого обопрётся, почерпнув из них, почерпнув у (в) них единобожную тайну Атона, фараон Эхнатон!

Не родила ли Асенефа Иосифу сына Ефрема (Магдалина), к-рого (обошедший в своё время чечевичника Исава) престарелый Иаков сделал первородным, обойдя Иосифова первенца Манассию! Не звалась ли сестра Моисея и Аарона именем Мариамь (Магдалина). Колено Левия из дома Иосифа-Ефрема-Израиля, откуда произойдёт из колена Иуды Давид, и откуда, через Сыновей Давидовых = Сыновей Иосифовых (Машиах бен Ефрем и Машиах бен Давид), явится Сын Давидов – Христос Господень! Не восходит ли, идя от Рахили и Лии, Вечная Женственность – как высшая божественная человечность в человеке – к оспуженной (в т.ч., мистериально) Иосифом Прекрасным Асенефе, к человеколюбиво упасшим (сына Амрама и Иохаведы) Моисея (будущего суженого Сепфоры) от гибели Мариами и дочери фараона, к сестре последней. И находит она, эта Вечная Женственность, своё завершение в богородичном дуализме (новых Рахили и Лии) сестёр – Марии Старшей и Марии Младшей, в совершенстве Марии Богородицы = Марии Мадонны, и в совершенстве Апостолицы Апостолов – Марии Магдалины!

Далее, если нашествие гиксосов подняло Сета-Тифона, в неотвратимые-необратимые тифонические времена, на уровень главного бога Египта, с центром в расположенном неподалёку от Пелузия Аварисе, но пощадило (политически) союзных гиксосам (до конца ли пребывания последних в Египте?) израэлитов, то со времени перенявших вместе с победой над гиксосами воинственно-драконический гиксосский дух, со времени инфицированных им фараонов 18-й династии, и, тем паче, со времени победы Тутмоса III при Меггидо, произошло следующее. Древне-египетская культура Гермеса оказалась в эпоху (с 1665г.) Меркурия, передав меркуриальную эстафету (жезл целителя Рафаила) угнетённому и, наконец, спасительному-исщественному, под предводительством Моисея, Израилу, в гиблом плену у деградантно-мartialного (в преддверии эпохи, с 1311г., Самаила-Марса) империализма. Максимальные завоевания вовне и фоссильная стагнация внутри.

Трупно-консервативная обездуховленность исчерпанного фиванского Амона и не менее трупный архитектурно-каменный, в иллюзорных поползновениях удерживать-увекочить неустойчивое-тленое-могильное на земле, свойственный якому декадентному тоталитаризму мумификаторский монументализм.

ЭХНАТОН

Аменхотеп III, при котором, как сказано, фасадный блеск Египта был в апогее, однако коррозия и эрозия безудержно разъедали страну изнутри, женился, нарушив традицию, что явно вызвало недовольство старой знати и многовлиятельного фиванского жречества, то ли на простолюдинке, то ли чуть ли не на наложнице, то ли на представительнице провинциальной знати – Тейе (в к-рой, к тому же, подозревают примесь нубийской или сирийской крови). Она – родительница, в частности, их рано умершего первенца Тутмоса и его младшего брата – Аменхотепа (Эхнатона), кто, вероятно, родился (вполне мог родиться) в (примем условно за верное) 1447г. до н.э., т.е. как раз в год, когда Израиль вышел из Египта – «дом Иакова из народа иноплеменного» (Пс.113).

Так, пришедший в мир *вторым* (сыном Тейи) стал, в русле похеренного его отцом, чьё правление отмечено распадом традиции и началом как внутри-, так и внешнеполитических конфликтов, утробного права, сделавшись престолонаследником, *первым*. Хотя в жёнах у блистательно-утончённого-учёного деграданта Аменхотепа III, за кем числится лишь один (из дошедших до нас в источниках) военный поход, в 5-м году его правления, в Нубию, ходили и порфиородные азиатки (например, дочь царя Миттани), и его фараонские сёстры, и дочери, но главной супругой = «великой царицей» при нём была именно, видимо, незаурядная своей красотой или умом, чем она покорила сердце фараона, Тейя.

И именно при Аменхотепе III фараоново самообожествление дошло, достигнув невиданного-неслыханного размаха, до самоличного служения собственным идолам. В отличие от своих предшественников, он именовал себя не только «сыном солнца», а – «видимым солнцем»: «воссиявший в правде»; «установивший законы владыка правды – солнце». Одним словом, – солярное (псевдо)боговоплощение (обоготоворение) на земле! Причём некоторые полагают, что творилось это не без совета-подсказки его таинственного тёзки – зодчего мага-мастера – Аменофиса Пааписа.²²²

Сыну же фараона Аменхотепу IV различные египтологи отводят-приписывают (произвольно-вольготно оперируя плавающе-подвопросной, с внушительными, в чём мы убедились, пределами колебаний, египетской хронологией) от аж 12-и или 8-и до не более 1-го года или 2-х лет соправления отцу. Отдав первоначально дань традиционалистскому поклонению Амону, он уже на 2-м году (самовластного) правления объявил себя единственным-единородным сыном (почерпнутого из

²²² При (рафинированном-пресыщенном декаденте) Аменхотепе III были созданы грандиозные храмовые комплексы и превосходные памятники скульптуры – Луксор, царский храм Мёртвых в Фивах, 18-метровые (поющие) Колоссы Мемнона, Карнак. Изящные вещицы и иные произведения искусства времени его правления – шедевры лучших египетских собраний музеев мира. На Университетской набережной Петербурга – сфинксы, с лицом фараона, из (аллея сфинксов) зауспокойного храмового комплекса Аменхотепа III. Он был (многолюбвеобильно) женат (дипломатическими браками) на дочери царя Вавилона и дважды на миттанийских принцессах, (утробно-правовыми браками) на, как сказано, своих сёстрах и дочерях, на множестве др. иноземных принцесс, плюс – имел множество наложниц. Под конец жизни страдал каким-то тяжёлым недугом, из-за чего царь Миттани прислал ему, египетскому «брату», исцелительный идол богини Иштар Ниневийской (с вежливой просьбой вернуть его, по исцелении, обратно).

Характерно, что при Аменхотепе III было построено особенно много храмов и монументов в честь изображавшегося в виде крокодила (зверо)бога Себека (см. Кн.Иез.29,1-5). Причём Крокодилем, по преданию, звали седьмого фараона (Верхнего Египта, впоследствии подчинившего Египет Нижний) нулевой династии додинастического периода. (Верхний Египет – Кобра; Нижний – Сокол.)

конкурентного юпитеральным Фивам солярного Гелиополя) малоизвестного ранее бога Атона (*солнечный диск*), и повелел начать в Фивах строительство грандиозного храма Атону.

А после этого он, inaugurировав и запустив (не сразу) монотеистическую тотально-обновительную реформацию, в т.ч., введением нового календарно-летоисчислительного цикла (1428/27гг.), основал (порвав с Фивами) в 6-м году новую столицу-резиденцию – *город горизонта* (где восходит мировое солнце) – Ахетатон (320 км южнее Каира), известный сегодня как городище Телль-эль-Амарна.

В какой мере подвигла реформатора к реформации (согласно версиям-предположениям) царица Тейя? или загадочный Аменофис Паапис? или понимавший необходимость перемен, передавая бразды сыну, разочарованный в жизни и власти, тяжело больной царь-отец (при к-ром кризисно назрело-созрело внутреннее недовольство различных слоёв населения и начались связанные с Амурру-хапиру беспорядки в Сирии/Палестине)? – вопросы (без удовлетворительных ответов). Но спутницей-супружницей реформатора, рожавшей ему исключительно дочерей, была (до самого ли конца его недолгой царственной жизни? по поводу чего также единого мнения нет) прекрасная царица Нефертити, все упоминания о к-рой исчезают на 14/15-м гг. фараона, а запечатлённая и скульптурно донесённая до потомков несказанная красота к-рой поражает нас до сих пор.

Преображая-видоизменяя живое существо Египта до основания, суперобновитель Аменхотеп IV отказался как в пользу единого бога от всякого многобожия или зверобожия, так и от своего тронного (*почитатель Атона*) имени, приняв отныне новое имя – Эхнатон – Их-не-Ятн – *удобный Атону*, возле к-рого, в новостоличном Ахетатоне – Ах-Ятн – *заря Атона*, разумеется, полагалось обретаться прекрасной половине царя – супружнице Нефертити – Нафр-нафра-Яти – *прекрасная красота Атона*. Если Атон Эхнатона суть универсальный бог (что для Египта было внове и чуждо), то сам теократор Эхнатон (предтеча первосвященства и первосвященника по чину Мелхиседека!) – его единственный избранник и возлюбленный единородный сын! Чем не солярное предварение христианства, чем не предтечный христианин (кого в кармической перспективе не случайно ожидало первомученичество!) аж за почти полторы тысячи лет до Христа!

И всё-таки, не им, пытавшимся наверстать мёртвое египетское время по времени мировому, т.е. не Эхнатоном, вселенский Бог был познан первым. Ибо парой десятилетий ранее, при Эхнатоновом отце, в год (вполне возможно) Эхнатонова рождения, (другой гелиопольский посвящённый) Моисей²²³, озарив оное познание и взяв его под покровы своим великим деянием, не только ушёл сам, но и увёл богоизбранный Израиль (под персональным патронатом Архангела Михаила) из сползающего в вырождение и вымирание Египта. Притом (авраамитическим монотеистом) Моисеем (к-рый побывал в *лунном* Мадiane) была унесена-вынесена из Египта мистериальная тайна *лунного* Яхве, т.е. рефлекторный, до времени Рождества Мессии-Спасителя, К-рый есть Солнце Праведности, и в К-ром крещенски воплотился на Иордане Дух Солнечной системы, свет-сияние Солнца.

И дело в том, что если на Луну человек может глядеть, не закрывая глаз, то в отношении Солнца дело обстоит иначе. Петрарка сказал: «Есть существа, к-рые глядят / На солнце прямо, глаз не закрывая». Так вот за девять столетий до Гаутамы Будды одним из таких немногих богоизбранных существ явился Эхнатон (Эх-на-Атон – *Я – властитель души*), к-рый сумел сделать это сам (взглянуть в глаза Солнцу), но к-рый не сумел и не мог приобщить к этому Египет и египтян, к-рые

²²³ Филон о Моисее: «Учёные египтяне преподавали ему арифметику, геометрию, размеры, ритм и гармонию. Они же научили его философии, выраженной символами в т.н. священных писаниях. Одновременно его обучали науке о небесных телах и астрономии» (De vita Mosis 72).

не могли пойти и, как показал быстрый коллапс его реформации после его кончины, не пошли за ним, не пошли по его стопам.

Эхнатоническое Солнце одинокого избранника Атона (в эпоху, когда посвящённые вдовой-траурной Изиды переживали себя *Сыновьями Вдовы*) лучезарно ослепило Египет и заставило египтян (подобно взрыву атомной бомбы) опустить, отшатнувшись, (потерянные-выкатившиеся) глаза. Ведь, если, с одной стороны, фараону-реформатору выпало прийти раньше срока и уткнуться в глухие запертые двери, на стук в к-рые никто, как выяснилось, не откликнулся, то, со стороны другой, он безнадежно опоздал с реформой в безнадежно падшем Египте, и потому ломился, как оказалось, в двери (Моисеем уже не для египтян, а для ведомого-уведённого им из Египта богоизбранного народа) открытые.

Бог, открывшийся Моисею в неопалимой купине назвался – Ejeħ asher ejeħ – Я ЕСМЬ СУЩИЙ. Ejeħ – евр. – Я. Яхве/Иегова (отражённый лунно-интеллектуальный свет солярно-сердечного Всевышнего) – есть предваряющий Христа Спасителя Бог человеческого Я. И это же имя носил, как говорят, жрец-советник Эхнатона – отец его кормилицы(?). Атон – не сродни ли еврейскому обозначению-наименованию Бога – Адонаи = Господь (Владыко души)! То-то в своих обращённых миндалевидными глазами к солнечному диску, навстречу сиятельному Солнцу, гимнах Эхнатон славит бессмертного Атона как Бога Единого и Творца мира!

Если Иосиф, женившись на Асенефе, обручился с гелиопольскими Таинствами, то Моисей и Эхнатон, по-разному, удостоились божественного откровения Я. Моисей слышит и внимает (гласу Божию); Эхнатон видит и созерцает (световое тело солярного светила). Один становится законодателем, первопророком и непреходящим *героем* для своего народа; другой – преданным забвению преступным отступником и посмертным изгоем.

Неузнанный (унесшим из Египта лунарную тайну Логоса) Моисеем, поскольку не пришло ещё время оно, Христос-Солнце был узан унесшим его прообраз с собой в могилу Эхнатонам, кратковечная звезда к-рого ослепительно взошла-зажглась на мгновение, ослепительно, едва просияв, сорвалась и ослепительно упала (за горизонт), в то время как звезда Моисея стала путеводной звездой выхватившего *меркуриальный* жезл из рук уронившего его империяльного Египта Израиля. Карма Египта исполнилась в (прошедшем через гелиопольское и мадианитско-аравийское посвящения) Моисее и в (выпускнике Гелиополя) Эхнатоне (единственный *великий год* к-рого, упразднённый старофараонским Египтом, истёк с Исполнением Времян в свершившемся Таинстве Голгофы)!

Идея фараона-реформатора параллелизируется с еврейско-израэлитским Моисеевым Яхве, Кто предощущает Христа. Атон – Бог вселенский, а не Бог колен или земли, этап К-рого и к-рых необходим на пути к вочеловечению Бога Всевышнего. Фигурально выражаясь, если Моисей опережается Эхнатонам (недоступном фараонскому Египту) христианском понимании-восприятии Божества и Божественности, Бога Истинного, то Эхнатону не сравниться с Моисеем в метаисторическом деянии во главе богоизбранного народа, совершаемом, отлично от деяния выпадающего из времени и невесомо повисающего в пространстве Эхнатона, своевременно – точно и в срок – минута в минуту. Не потерявшему *линию горизонта* и лицо Эхнатону (к-рого настиг-постиг *солнечный удар!*)²²⁴, но именно сохранившему

²²⁴ Умерший в январе 1934г. от последствий полученного им в 1933г. в Коктебеле солнечного удара А.Белый ещё в 1909г. предрёк свою смерть словами, к-рые отчасти приложимы и к Эхнатону:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел,
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

лицо, но именно выведшему Израиль из Египта и приведшему народ Божий к порогу Земли Обета Моисею свойственно единственно-безальтернативно верное осознание-одушевление обетованных Времени и Пространства.²²⁵

И оттого именно адресат Синайского откровения, именно получатель Торы Моисей в своём величайшем деянии победоносен, тогда как Эхнатон (первый фараон, сбросивший с себя магический нимб аурической теократии и представший подданным как человек) заведомо обречён. Полностью занятый реформой, попытками изменить менталитет египтян, он не обращал внимание на тревожные письма («Дипломатический архив Амарны») египетских вассалов и наместников из Сирии/Палестины, на разраставшуюся там анархию, на ухудшение отношений с давешними союзниками. Он строил руками созванных-собранных отовсюду, от Дельты до Элефантины, каменщиков атонические святилища, менял тысячелетний уклад жизни, никогда не ходил в военные походы и никуда не посылал для восстановления порядка войска. Между тем, труд разосланных им повсеместно миссионеров сошёл на нет. От замысленных им Атону повсеместных храмов, с отправкой на свалку всех прочих официально отменённых-упразднённых-запрещённых языческих богов, ничего не осталось.

Второй (после правившего всего 3 года Сменкхара) из его краткоцарственных, женатых на Эхнатоновых дочерях, преемников, руководимый фиванским жречеством юный Тутанхамон (правил 9/10 лет), кто первоначально носил имя Тутанхатон, не позднее где-то 1400г. до н.э. (когда Израиль овладел Землёй Обета и распределил её между коленами) перечеркнул реформу, отменил лучистый-лученосный атонизм, склонился перед старыми богами (перво-наперво, перед дряхлым Амоном), покинул Ахетатон и возвратился в дряхлеющие Фивы (или – в Мемфис).

Основатель же новой 19-й династии (вряд ли будучи последним фараоном династии 18-й – ?) военачальник Хоремхеб²²⁶ (к-рый резидировал в Мемфисе) не только не оставил в первой половине XIVв. от обезлюдившего-обезлюженного Ахетатона

²²⁵ Хотя, не в пример миниатюрному осуществившему Исход Израилю, миродержавному динозавру Египту, по большому счёту, некуда было (как и, например, Советскому Союзу) *выходить-уходить-бежать*. От себя, извините, не уйдёшь, не сбежишь! Ему предстояло пережить себя и (титанически, сходно пошедшему на дно «Титанику») умереть, отравив трупным египетским ядом Рим, к-рый (ликвидатор или рационал-профанатор мистерий древности), впитав отраву, вознамерился и отчасти возмог мумифицировать мир. Египет был своего рода пост-атлантической Атлантидой, мучительно и долго сползавшей-опускавшейся после Эхнатона, частями, на дно вглатывавшего её в свой вязкий ил и растворительно выносившего в Мировое море Нила. И неспроста вертикально-пирамидальный монотеизм мог родиться не в водно-дуалистических Месопотамии (Евфрат и Тигр), или в Ср. Азии (Сырдарья и Амударья – водораздел Ирана и Турана), или в Индии (Инд и Ганг), или в Китае (Хуанхэ и Янцзы), а именно в пирамидально-созеркальной Ориону Стране-на-Ниле, с её недуалистическим, с её непараллельным какому-либо парному потоку могущественным моно-Нилом!

Если египтизированный = фараонизированный императорский Рим есть мумификатор мира, с одной стороны, то с другой, перед нами современник принесшего на Землю Чистое Время вселенского Таинства Голгофы и установитель на Земле почти точного юлианского времени (сделавший Средиземное море римским озером) Рим державно-ойкуменический (Европа, Азия, Африка), в к-рый, как в *сатурнально-кольцевой* Океан мировой истории, впадает вся предшествующая и из к-рого берёт начало вся последующая история.

²²⁶ Тутанхамона сменил (ок. 1394/93г.), после неудачной попытки части египетских верхов пригласить на вакантный трон хеттского царевича, правивший ок.4-х лет Эйе (умер от чумы), вследствие чего ок., б.м., 40-летнее царствование его преемника Хоремхеба приходится на время ок. 1390/88-50гг. Имеется, однако, письменное свидетельство – судебный акт – аж с 59-м годом правления Хоремхеба, к-рый смущённые египтологи, числа за ним, в угоду своим коротким хронограммам, всего 28-30 правительских лет, объясняют, мол, предположительной узурпацией им лет правления всех фараонов между ним и Аменхотепом III, непосредственным

камня на камне (деатонизация-новоамонизация), но и стёр из памяти Египта преданную проклятию памяти всякую память об устроившем солнцепоклоннический переворот «отступнике из Ахетатона», о лжефараоне-еретике, реформация к-рого канула в Лету.

И тем не менее, он (персонально преодолевший порог «страж порога») остался в памяти человечества, точнее, восстал в ней, в созерцательную эпоху Души ощущающей эпоху Души сознательной, т.е. в наше время, с началом новой архангельской эпохи Михаила (1879г.), с истечением Кали-юги (1899г.), в пору Второго (эфирного) пришествия Христа (XXв.)! Восстал, как Великий (отрытый из-под песков) Сфинкс, загадочный взгляд к-рого продолжает будоражить человеческие умы.

Не откопал ли сооружённого при Хефрене Сфинкса дед фараона-реформатора! Не работает ли наследственность через одно колено-поколение — от деда к внуку:

преемником к-рого Хоремхеб, дескать, отвергнув-делегитимизировав и Эхнатона, и его недолгих преемников, назначил себя.

Версия версией, но жирные вопросы остаются, ведь если (временщик) Хоремхеб, чья Аменхотепа III, отверг Эхнатона как еретика-отступника, то Тутанхамон ещё до Хоремхеба покинул Ахетатон и возвратился к культу Амона, а умер, как показали последние экспертизы его мумии, не насильственной, смертью, упав на скаку с колесницы. Иначе говоря, под одну гребёнку с Эхнатоном, в отношении к ним Хоремхеба, будь или не будь последний ликвидатором 18-й династии, он не стриётся. Да и спрашивается, почему это начавший карьеру ещё при Эхнатоне Хоремхеб не мог прожить ок. или более 95-и лет, процарствовав 58/59 из них, если Пеопи II царствовал аж 95, а Рамзес II — 66/67 лет? Т.е., при принятии не содержащих в себе, вопреки египтологам, ничего невозможного 59-и Хоремхебовых лет в качестве реально царственных, дата его смерти сдвинется во время ок. 1330г. (что уже впишется, применительно к 19-й династии, в «раннюю» научно-египетскую хронологию). И всё-таки, остановимся (во всяком случае, пока, вполне допуская подвопросный вариант вышепредставленного альтернативного решения) на (всего) ок.40-летнем правлении Хоремхеба.

За ним следуют правивший ок.2-х лет Рамзес I и Сети I, соправителем к-рого на его ок.12-м году, и спустя ок. 3-х лет самовластным правителем сделался Рамзес II, начало долгого царствования к-рого (66/67 лет) выпадает, стало быть, на время ок. 1330г. до н.э. Т.е. его сын Мернептах соцарствовал-царствовал, при приблизительно-округлительном счёте-подсчёте, не менее 10-и и не доле 15-и лет, ок. 1265–55гг. (максимум — 1250г.). Отсюда, если, конечно, скажем снова, суммы лет всех этих фараонов после Эхнатона верны и если в их хронологии нет (анархия; interregnum) какого-либо внушительного (отличительная черта смутных времён безвременья) пробела-лакуны (в т.ч., постольку, поскольку здесь, в период Судей, отсутствуют, в несопричастной постисходному Египту Кн.Судей, библейские хроно-фикс-даты), значит, нашествие на Египет (в век аргонавтов! до Троянской войны в начале XIIв.) «народов моря» (к-рые беспокоили или миграционно-разорительно осваивали египетско-ливийское и сиропалестинское побережья со второй половины XIV-го по начало XIIвв.) в 5-м, согласно его стеле, году Мернептаха = ок. 1260г. — смешается из ныне принятого в науке конца второй на конец первой половины XIIIв. до н.э.

Впрочем, судя по (у)молчанию Кн.Судей, разорение Израиля известным хвастуном Мернептахом (да ещё увековеченное на обратной стороне стелы ишественного фараона Аменхотепа III) было не настолько разорительным, чтобы Израиль это заметил. Вместе с тем, Библии свойственны отриновение-игноранс послесходного Египта как пройденного (оставленного в прошлом; выброшенного-сброшенного еврейством за борт) этапа приложительно ко всему периоду до взятия воцарившимся Соломоном (Хв.) в жёны дочери фараона. 5-й год Мернептаха, по реконструированной нами хронологии, должен прийтись либо на самый конец 80-и (округлённых) лет долгого судейства Аода, когда, сообразно Кн.Суд., «покоилась земля» (3,31), либо, что много более вероятно, на время судейства Аодова преемника Самегара (Суд.3,31), к-рый побил 600 человек филистимлян (из «народов моря»? хотя это могли быть и потомки филистимлян, пришедших в Ханаан из Египта ещё до Авраама) воловьим рожном и тоже спас Израиля, но приложительно ко времени судейства к-рого (без указания в Кн.Суд. его продолжительности), когда сыны Израилевы, по смерти Аода, «стали опять делать злое пред очами Господа» (4,1), Библия «покой земли» не оговаривает.

Тутмос III и (представленный малыми петербургскими дуа-сфинксами, плюс — навсегда умолкнувшими колоссами Мемнона) Аменхотеп III; Тутмос IV и (остающийся частью таинственной загадки Великого Сфинкса) одиноко-лучезарный Эхнатон, к-рый в «Гимне Атону» славительно возносит: «Каждое око глядит на Тебя, горний Атон, но постиг и познал Тебя в целом свете один Эхнатон».²²⁷

Всего через 85 лет после смерти в 1407г. разнорезультативных Эхнатона и Моисея, в напоминающее рецидив завоевательного правления Тутмоса III царствование «амонлюбивого сына солнца» Рамзеса II, в 1322г. (за 999 лет до кончины Александра Великого в 323г. в Вавилоне), истечёт третий 1460-летний период Сотис и, с началом четвёртого пост-периода, атактистический-тифонический Египет зверобогов, Египет, прежде всего, (подобного прожорливому 10-метровому нильскому крокодилу) бога Себека окончательно подпадёт всё сгущающимся безнадежным сумеркам старых богов!

Подпадёт, отдавшись анимализации, мраку долгой (мумифицируемой и мумификаторской, с изъятием мозга через ноздри и с несъёмными-неспадающими, отлично от Лазаревых, пеленами мумий) погибели, подпадёт смерти без воскресения, чтобы противоположно восстать в XXв. вертикально-пирамидальными ленинизмом-сталинизмом и гитлеризмом, египетской мумией в зиккуратном вавилонском мавзолее (Египет и Вавилон!), государственным рабовладением, концентрационными лагерями (манефоновские каменоломни для «прокажённых»), гротескным монументализмом самовлюблённого тоталитаризма (могучие торсы и грубо посаженные на них тупоумные головы), и т.д. и т.п.²²⁸

²²⁷ Бог-Солнце (Бог-Миротворец, Бог Любви, Бог Добра, Бог Судьбы, Бог-Логос), согласно (познавшему и восславившему световой столп, световую телесность дарующего всему живому жизнь Солнца) Эхнатону, — в человеческом сердце, в человеке! Вытянутые пальцы рук человека подобны распростёртым во вселенную и преображающим землю солнечным лучам, причём безымянный палец, на к-рый, как полагают, со дней Египта, надевается обручальное кольцо, — не обменялись ли Эхнатон и Нефертити (кого различные версии считают миттанийской, хеттской, или нубийской принцессой) кольцами! — в наибольшей, сообразно египтянам мере, связан с человеческим сердцем. Не есть ли загадочная спутница Эхнатона (как отражающая солнечный свет Луна есть спутник породившей духовное Солнце и душевную Луну телесной Земли) прекрасная Нефертити (*превосходная красота Атона*) — первое земное олицетворение неземной красоты в древнейшем из дошедших до нас скульптурном изображении *Вечной Женственности* и *вечно женственного*! (Не ушёл ли Орфей-Эхнатон за своей Эвридикой-Нефертити в мир мёртвых, не перенёс её преждевременную кончину, с к-рой и померкла *прекрасная красота Атона*?!)

Из «Гимна Атону»: «Ты сияешь прекрасно на склоне неба, диск живой, начало жизни! Ты взошёл на восточном склоне неба и всю землю исполнил своей красотой. Ты прекрасен, велик, светозарен!.. Ты заходишь на западном склоне неба — и земля во мраке, наподобие застигнутого смертью. Спят люди в домах и головы их покрыты... О, сколь многочисленно творимое Тобой и скрытое от мира людей, Бог единственный, нет другого, кроме Тебя! Ты был один — и сотворил землю по желанию сердца Твоего...»

²²⁸ То-то мумии, т.е. бегущие от разложения бездушные мавзолеевые трупы (= пирамидальный апофеоз абсолютной смерти, сменивший изначальную посмертную тягу высвободившейся из темницы тела души к звёздному небу), и мумифицированный дух фараонов, набирая всё большую популярность, массово вынырнули наружу и вселились в людей именно в отдаленных-предавшихся анималистическому (будь то расовый или социальный) дарвинизму = атеизму XIX/XX-м вв. Теперь же слово за веком XXI-м!

Мумия Хатшепсут была обнаружена в Долине царей и перевезена в Каир в 1906г., будучи (из-за наличия конкуренток) официально идентифицирована как таковая, по результатам анализа ДНК (сравнение генетического материала с ДНК мумии её бабушки — сестры-жены основателя 19-й династии Яхмоса I — царицы Яхмос Нефертари), в 2007г. Мумию Тутмоса III обнаружили в 1881г. в тайнике, в Дер-эль-Бахри, куда её и др. фараонские мумии перенесли из Долины царей, вследствие участвовавших грабежей гробниц, распоряжением верховного

Занимайся, читатель, Египтом, вникай в него, постигай его (непостижимые без веры во Христа) тайны, однако, будь начеку и помни, что смерть может (соответственно встретившему археологов на замураванном входе в гробницу Тутанхамона предупреждению) прийти на своих крыльях к тому, кто бесцеремонно (из похотливого любопытства) потревожит покой фараонов!

Иное дело — не личностный, в пределах одной определённой инкарнации итог, но индивидуально-кармическая эволюция двух выдающихся индивидуальностей, её неисповедимые пути-дороги = пути Господни. Если совладавший с назначенной ему миссией и с рефлектирующей солнечный свет Луной *авелит* Моисей пришёл в христианство как Симон Пётр, то христианское будущее провалившего непосильную ему жертвенную (с его атоническим Фениксом, из праха к-рого восстал впоследствии Христос) миссию пионера-первенца поклонения солярному Богу Единому (Отец — Сын — Св.Дух) *каинита* Эхнатона — это — Первомученик Стефан! А прекрасная Нефертити — в помазателе Саула и Давида пророке Самуиле и в родительнице Иисуса Соломонида — Марии Старшей (Вифлеемлянке), к-рая, духовно соединившись в момент Крещения Иисуса Иоанном на Иордане с Марией Благодатной, становится Марией Богородицей и Марией Мадонной!

ИСХОД

То, что фараоном (одним из фараонов) комплексного Исхода был именно Эхнатон²²⁹, пусть косвенно, и наряду с тем, очень убедительно, подтверждают как еврейская Агада, так и мусульманский Коран. Если в (черпающем из еврейских преданий) Коране сказано о принятии фараоном Исшествия веры Моисеевой (сура 10, аят 90/92)²³⁰, то, согласно Агаде, краткоцарственный фараон Исхода Адык, всё-таки, познал Бога, в награду за что он, единственный из устремившихся в погоню за израэлитами египтян, не утонул в Черном море, более того, был выхвачен Господом из числа тонущих египетско-войсковых масс, перенесён в Ниневию и процарствовал там много лет²³¹ («Die Sagen», S.535).

жреца Амона Херихора, в конце XX-й династии. Рядом с этой мумией лежали тела Яхмоса I, Аменхотепа I, Тутмоса I, Тутмоса II, Рамзеса I, Сети I, Рамзеса II и Рамзеса IX... Гробница Аменхотепа II нашлась в 1898г., с тайником при ней, где помимо его тела, находились мумии Тутмоса IV, Аменхотепа III, Рамзеса III, Сети II, Рамзеса IV. Экспертиза даёт Аменхотепу III на момент смерти до 50-и лет жизни.

Мумия Эхнатона (смерть к-рого окружена ореолом таинственности) в его гробнице, с разрушенным саркофагом, в нескольких км на восток от Ахетатона, так и не была обнаружена. Претенденты есть, точной идентификации нет. Симптоматично! Самую знаменитую, обусловившую появление и популярность гипотез о «проклятии фараонов» (покой к-рых нельзя тревожить), мумию из самой знаменитой (поскольку она осталась ненайденной-нетронутой грабителями) Тутанхамона археологи открыли-откопали в 1922г.

²²⁹ Не уподобился ли Древний Египет после Эхнатона, решительно возвратив истории билет в будущее, гигантскому нильскому крокодилу (динозавр!), к-рый проглотил (предпочтя беспроектный мрак непосильному свету) расплавившее его изнутри (белое) солнце (пустыни)?

²³⁰ «И Мы перевели сынов Исраила через море, а фараон и войска его с великою враждою погнались дерзко вслед, чтобы уничтожить (их). Когда же потоп обрушился на них, он сказал: Верую, что нет иного Бога, кроме того, в К-рого уверовали дети Исраила. И я из тех, кто покорился (Его воле)». В аяте 92 сказано: «Но дня сего спасём тебя Мы в твоём теле, чтобы ты стал знамением для тех, к-рые придут после тебя».

²³¹ Только пришедший с опозданием для Египта и преждевременно для всего остального (за исключением выведенных вошедшим в Мировое Время Моисеем из Египта евреев) человечества (элиминированный из египетской памяти и погребённый Египтом в беспамятстве) солярный единобожник (утопист) Эхнатон (кто родился как раз за 700 лет до наступления —

Скажите, разве данные предания не указывают, во-первых, именно на Эхнатона?! и во-вторых, — внимательнее вслушайтесь-вглядитесь в предание кораническое! — на собственно Исход Израиля из Египта (в Синайскую пустыню) во время ещё до воцарения Эхнатона?!²³²

Таким образом, долгоцарственный (94 года из 210-и лет) агадическо-собираательный фараон-притеснитель Малул это — купные фараоны 18-й (противоизраильской) династии — от её основателя Яхмоса, с упором на усилителя угнетения-порабощения Тутмоса III (при к-ром родился опасённый царственными египтянками, принял гелиопольское посвящение и повзрослел-возмужал, достигнув ок. 33-летнего возраста, Моисей), плюс Аменхотепа II (при к-ром 40-летний Моисей бежал в Мадан)²³³, и до Аменхотепа III, при к-ром на Египет пришли судно-кризисно-морозные «казни египетские», и при к-ром Израиль вышел из Египта.

748/47гг. — остро предощущаемой им эпохи Овна-Агнца) мог быть «перенесён» из неизлечимо больного Египта *далее* Вавилона-на-Евфрате. Перенесён в — Ниневию-на-Тигре, к-рая ещё через много веков будет спасена от гибели, покаявшись от проповеди Ионы (VIIIв. до н.э.), и куда, в Ассирию и Вавилон, Израилю ещё предстоит, по итогам Ассирийского (734-23/22-15гг.) и Вавилонского (606-597-86гг.) пленений 12-и (3+7+2) колен, в перспективе (как в наказании за грехи, так и за тамошней мудростью) прийти.

²³² З.Фрейд («Этот человек Моисей и монотеистическая религия» — 1939г.), опираясь на хронологическую схему царствования Эхнатона ок. 1340г. и на талмудическую схему Исхода в 1312г., (психоисторически) видел (шиворот навыворот; вверх тормашками) в (отторгнутом египтянами) Эхнатоне предтечу и наставника ставшего вождём семитских рабов («высокопоставленного египтянина») Моисея (к-рый на самом деле был на порядок старше молодого фараона-реформатора = революционера на троне, и не мог не предшествовать ему).

²³³ Не исключено, что обретавшийся в Египте при грозном Тутмосе III и в начальные годы грозного Аменхотепа II, до своего ухода (в 40 лет) ок. 1487г. к мадианитянам, Моисей ратно ходил в царствование Тутмоса в Нубию (куда Аменхотеп II походами не ходил), о чём, как о победоносных войнах против-де разоривших Египет эфиопов, рассказывает еврейское предание, агадически донесённое до нас Флавием (И.д.2,10,1/2). Тутмос совершил итога 15, до 42-го года правления, походов в Переднюю Азию, совершив один поход в Нубию в 31-м году = ок. 1517-15гг., когда Моисей был отроком, и посетив (особостатуированную — наиболее родственную Египту, подобно Шотландии для Англии) Нубию (где, со времени первым из фараонов 19-й династии ходившего на нубийский юг Аменхотепа I, — сына её основателя Яхмоса, наместничал «царский сын Куша»), о чём сообщают «Анналы» этого фараона, на 50-м году, т.е. ок.1497-95гг., когда Моисею было уже 30 или за 30 лет.

Вернее, 50-м годом датируется Тутмосово распоряжение об очистке канала у первых нильских порогов, из чего делается предположение о предшествовавшем данной директиве походе, в к-ром стареющий фараон-завоеватель (чьи храмы имелись аж до 4-го катарката Нила) вряд ли участвовал сам. И кстати, ещё 2-м годом Тутмоса датирована надпись, сделанная им на стенах храма, воздвигнутого южнее Сиены (у 2-го нильского порога), на месте былого святилища особо чтимого Тутмосом фараона-воителя из 12-й династии — Сенусерта III, завоевателя (и посмертного божественного покровителя) Нубии в XIXв. до н.э., продолжателем дела к-рого (противообразный Сенусерту) Тутмос себя видел-мнил.

Согласно же Флавию, (суданские) эфиопы (кушиты-нубийцы) разорительно вторглись в Египет, дошли до Мемфиса (разделяющие-соединяющие Верхний и Нижний Египет «весы обеих земель») и до самого моря, после чего фараон потребовал у своей дочери Фермуфис выдачи спасённого ею в младенчестве и взятого на попечение Моисея, чтобы тот полководчески помог-послужил ему, на что *дочь фараона* согласилась, взяв с отца клятву не причинять вреда подопечному ей юноше, к-рого ненавидели, планируя погубить, египетские жрецы (книжники). Усердно взявшись за дело, вставший во главе египетского воинства Моисей одолел эфиопов, вынудил их к отступлению и осадил их столицу. Тут в него, видя его победоносный героизм, страстно влюбилась дочь эфиопского царя Фарбис, пославшая к нему слуг для переговоров о браке. В ответ он поставил условием сдачу города, мирное выполнение чего и было скреплено браком, с последующим возвращением египетского войска на родину. Но, увы, неблагодарные египтяне почувствовали к своему спасителю ещё большую ненависть и уговорили завистливого, в свою очередь, к его славе фараона, к-рый (подстрекаемый жре-

А краткоцарственный (всего 4 года) фараон поры (суммарно-эзотерически) 40-летнего Исхода, по имени Адык, это, как в меньшей мере всё тот же Аменхотеп III, так и, в куда большей мере, его (принявший веру Моисея, т.е. Бога Единого) царственный сын – атонический монотеист Эхнатон!²³⁴ Ведь в речи, будь то Агада или Коран, о фараоне, уверовавшем в Бога Моисея, т.е. об исключительном властителе, пощаждённому-опасённому Богом Единым, о фараоне, познавшем Бога Адонай, речь может идти не иначе как только о (не лишённом доли в будущем мире, о не лишённом кармического спасения) беспрецедентном фараоне Эхн-Атоне!²³⁵

Примечательны также рассказы еврейского предания о, по выходе из Египта, сорокалетнем-странственном сроке Израиля в пустыне, относительно 38-и лет к-рого, между 1/2-м и 39/40-м гг. (= 1447/46 – 1408/07гг.)²³⁶, Библия, повторим, молчит, тогда как согласно преданию, израэлиты 19 лет кочевали, избегая (запрещённых им Богом) столкновений с идумеянами, в р-не горы Сеир, после чего перешли границу Моава (из Синайской в Заиорданскую пустыню) и странствовали ещё 19 лет, также избегая столкновений с моавитянами.²³⁷

цами) боялся быть свергнутым Моисеем, убить его. В результате Моисей бежал в Мадиян к Рагуилу-Иофору. (По др. преданию, – бежал из Египта в Эфиопию, был избран там царём, но не пожелав вступить в брак с местной царицей, оказался в Мадияне.)

О возможном (сокрытом за флавиевским или за вариабельным талмудическо-агадическим) преданием (преданиями) посвящении гелиопольского посвящённого Моисея (Осарсиф), до его бегства из Египта в Мадиян, (также) в таинства Нубии (откуда и из расположенной южнее незапамятной индо-эфиопской Эфиопии времён I-й, за 7 – 5 тыс. лет до н.э., Пост-Атлантической культуры, под знаком Рака, цивилизация медлительно, через нильскую Эфиопию = Нубию, пришла-спустилась, по Нилу в, через Верхний, Нижний Египет) беседовать можно-должно отдельно. А мы, так или иначе, вполне можем допустить возможность Моисеева участия в египетском походе в Нубию (или Моисеево, в возрасте 30-33-х лет, посещение Нубии и, б.м., Эфиопии, где – начала-истоки вытекающего из Эдема Нила) во время ок. 50-го года царствования Тутмоса III.

²³⁴ Между прочим, по еврейскому преданию, последние 10 лет жизни фараон Малул страдал (наказанный за притеснение израэлитов) проказой (не страдал ли распущеннонравный любитель роскоши Аменхотеп III в конце жизни тяжёлым недугом!), а (декадентный) смрад от фараонова трупы был настолько невыносим, что его наспех похоронили в гробнице, в Цоане. Причём он ещё при жизни назначил наследником-соправителем не старшего, но среднего из своих трёх сыновей – редкостно талантливому Адыка, к-рый взял в жёны красавицу Гедиду, дочь Абилата, и воцарился в 20-летнем (сходно Эхнатону) возрасте («Die Sagen...», S.522).

²³⁵ Плюс к тому, если объединённые именем Малул фараоны-притеснители от Тутмоса III, при к-ром родился чудесно опасённый от гибели чудо-младенец Моисей, до Аменхотепа III, к-рый покусился на рождающегося сына Божия – Израиля, это своего рода Ироды ветхозаветной истории (одержимые, помимо прочего, иродианской монументально-строительной горячкой), то не напоминают ли объединённые-разделённые именем Адык фараоны Исхода, Аменхотеп III и Эхнатон, Иродова сына Архелая, к-рый, с одной стороны, вроде бы упробил Ирода не причинять вреда волхвам с Востока, а с др., приложил руку к убиению Захарии, отца Иоанна Крестителя, и опасаясь к-рого, Иосиф, по возвращении из Египта, пошёл с Младенцем и Матерью Его вместо Вифлеема Иудейского (под властью вокняжившегося 20-и лет отроду этнарха Архелая) в Назарет Галилейский (под властью тетрарха Антипы).

²³⁶ В 1408г. до н.э. умерли (лишённые, сродственно приведшему Израиль к её порогу Моисею, возможности войти в Землю Обета) Мариамь (1 нисана) и Аарон (1 ава). И, к слову, именно в 1408г., до перехода через Иордан, Израиль занял, в частности, заиорданский Есевон, на что Кн.Судей указывает при судившем Израиля за 40-45 лет до (первосвященника и судьи) Илия (ок. 1090/88 – ок. 1050/48гг.) Иеффае, говоря, что «Израиль уже живёт 300 лет в Есевоне...» (11,26). Т.е. эти 300, отсчитываемых назад от второй половины XIIIв. округлённых (плюсовым округлением), лет дополнительно подтверждают правильность ранней хронологии Исхода во второй половине XV-го, но никак не в XIIIвв. до н.э.

²³⁷ Исавиты идумеяне, сходно египтянам, не могут войти в общество Господне до 3-го колена; моавитяне и аммонитяне (греховные потомки Лотова кровосмешения с дочерьми) – до колена 10-го (т.е. фактически – никогда); (потомки Исава) амаликитяне (дети Амалика,

Причём Агада разумеет 19 лет, считая со 2-го года Исшествия, когда Моисей сказал предводителю своему им народу, — непокоривым искусителям, ностальгирующим по сытому рабству в Египте (крохи с господского стола), ренегатам и кадившим золотому тельцу ослушникам, — что никто из обречённых умереть в пустыне израэлитов старше 20-и лет, кроме Иисуса Навина (род. в 1489г.) и Халева, не войдёт в Землю Обета (Ч.14,22-30).²³⁸ 2-й год указывает на 1446г. до н.э., т.е. в Палестину не войдут все помнящие египетское рабство ищественники, родившиеся в 1467г. и раньше, иначе говоря, все те, кому в уполовинивающем Исход 1427-м г. 40 или более лет, и кому в завершающем эпопею Исхода 1407г. будет 60 и за 60 лет.²³⁹

Притом, как известно, несравненный (первопророк и пророк пророков) Моисей (спаситель Израиля во времени) не пересёк пасхально-нисановски расступившийся пред ведомыми его преемником Иисусом Навином израэлитами Иордан и сам, поскольку умер на заиорданской г. Нэбо (где Михаил Архангел боролся за его тело с супостатом, сказав, без произнесения укоризненного суда: «Да запретит тебе Господь») 7 адара 1407г., в возрасте 120-и лет. Когда именно и при каких именно обстоятельствах умер, предположительно, в том же 1407г., 40-летний Эхнатон, сроки жизни и жизнедеятельности к-рого созеркальны-зазеркальны Исходу, — неизвестно.

И одновременно, теперь, особенно, в свете всего вышеповеданного нами, яснее ясно, что кончина Эхнатона и крах его элиминированной староегиптянами атонической реформации ознаменовали собой начало конца (для) Древнего Египта.²⁴⁰ А победоносный выход Израиля, выведенного (носителем *эфирного тела*

сына Елифаза, первенца Исава), к-рые (эвентуальные соучастники гиксосского вторжения в Египет и властительского пребывания гиксосов в Египте) первыми преградили ищественникам-евреям дорогу, при Рефидиме, в пустыне Синай, закланы до их полного истребления.

²³⁸ Из 12-и снаряжённых в Ханаан (1446г.) согладатаев только Иисус Навин (Иоанн Богослов) и Халев (Иоанн Зеведеев), в к-рых иной дух и к-рые всегда повиновались Моисею, «кротчайшему из всех людей на земле» (Ч.12,3), пришли с позитивными наблюдениями оттуда.

²³⁹ Если 1-я перепись израэлитов во 2-й год Исхода, т.е. в 1446г., выявила 603 550 мужчин свыше 20-летнего возраста, исключая левитов (Ч.1,45-47), то 2-я перепись, спустя 38 лет, в 40-м году = 1408г. до н.э., исчислила 601 700 чел. (Ч.26).

²⁴⁰ Любопытно, что суммарное время 18-й династии исчисляется знаменательным (в т.ч. талмудически!) сроком в ок.210 лет (ок. 1600 — ок. 1390гг. до н.э.). Отсюда, если одна седмица (Д.И.454/55) в жизни-экзистенции Древнего Египта составляет 210 лет (30 x 7), то с концом пиком венчающей оной 18-й династии Египту, соответственно, исполнилось 70 патриарших лет, ибо 10 седмиц, по 210 лет каждая, дают 2100 лет, к-рые, будучи вычтены из ок.1390-го или округлительно из ок. 1400г., приведут нас в 3500г. до н.э., к-рым обычно и датируется начало покрытой мраком или непроницаемым покрывалом Изиды (метаисторической) пр-истории (безначального) Древнего Египта. Далее, 12 вычтенных из ок. 1400г. 210-летних седмиц дадут 3920г. до н.э., а 14 — 4340г. до н.э., что, в свою очередь, хронопереключается с началом в 4242г. второго (первый — пра-исторический — восходит к 5702г.) — места исторического и исторического — из 1460-летних великих периодов Сотис, под знаком семипланетарной (архангельской) мудрости, под знаком посвящённого созерцания Сына и Матери в сферах Солнца, Венеры, Луны (Д.И.742; см. выше). Напомним, что 4242г. до н.э. — эпоха эры египетской хронологии (к-рую с 1428/27гг. до н.э. пытался тотально обновить глядевший на дающее всему живому жизнь Солнце, не закрывая глаз, угодный постигнутому им пламезарному Атону солнцепоклонник Эхнатон).

P.S. И ещё: 1470 лет = 210 x 7 (= 490 x 3) — пролегают от 1427г. до н.э. до 44г. н.э., к-рый есть год Астральной мистерии Христа, в свете чего нелишне снова вспомнить об учредителе Египетской культуры Гермесе Трисмегисте в качестве носителя-обладателя *астрального тела* Заратустры (к-рый пожертвовал вызволению-освободителю Израиля из Египта Моисею своё *эфирное тело*).

P.S. Касаемо же долгоцарственного декадента-деграданта Рамзеса II (XIV/XIIIвв.), с ним непосредственно связан (не Исход Израэлитов, свершившийся в XVв. до н.э., но), во-первых, четвёртый, с 1322г. до н.э., 1460-летний пост-период Сотис, по восстановленному после Эхнатона сотисному циклу-календарю, причём в пору начала мартиальной планетарно-архан-

Заратустры) Моисеем из Египта, когда при немокренном переходе через Чермное море, даже младенцы в материнских утробах евреев, ставших, вдруг, прозрачными, как стекло, запели торжественную песнь победы, равно приход Израиля, по истечении сорока странственных лет, к Рубикону-Иордану, и переход через расступившийся пред богоизбранным народом Иордан-Рубикон в Землю Обетования, есть начало начал нового, под сенью Синайского откровения и Закона, ушедшего-изошедшего из египетского рабства, на путях-дорогах к Пришествию Мессии-Спасителя, Израиля как Сына Божия! «Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего» (Ос.11,1).

Народ сатурнальной субботы, народ ветхозаветной веры Моисеевой на путях-дорогах к мессианистическому Исполнению Вре́мён, после ветхозаветных архангельских эпох Гавриила-Луны (956 – 602гг. до н.э.) и Михаила-Солнце (602 – 248гг. до н.э.), в эпоху *кольцевого* и новостартового Орифиила-Сатурна (248г. до н.э. – 108г. н.э.)²⁴¹, под водительством, на этот раз, воскресно-воскресенского, под духовным предводительством довлеющего надо всем новозаветного Архистратига Михаила-Солнце, К-рый есть в Его высшем-вышнем проявлении-ипостаси сиятельное Солнце Христа!

Не случайно (точные-хронопрецизирванные) сроки семи ротационно-архангельских эпох (354 года и 4 месяца каждая) дают в сумме 2480 лет (от Михаила до Михаила: 3082 – 602гг. до н.э.; 602г. до н.э. – 1879г. н.э.), в то время как Мистерия Голгофы весной 33г. н.э. и первомученичество Стефана 25.12.33г. имели место на 1480-м (число Христа) году от Исхода, и на 1460-м году от начала (*великого года*) атонической реформации Эхнатона, и на 1440-м (720 x 2) году от перехода Израиля через Иордан!

УПРЁКИ НОВОЗАВЕТНОГО СТЕФАНА ВЕТХОЗАВЕТНЫМ СИНЕДРИСТАМ

В произносимой Стефаном перед синедрионом страстной речи, первой части к-рой синедристы могли бы бурно поаплодировать, не случайно столь подчёркнуто акцентируется, перед кардинальным изменением её точечной направленности, её острия, упорное отринование выведенными-уведёнными из Египта израэлитами требовательнейшего к ним Моисея (к-рый был человек кротчайший!), их сопротивление ему, их неповиновение, их откатно-языческое поклонение золотому тельцу, их, в оглядке на сытое египетское рабство (с котлами, полными мяса), ренегатство, их неоднократное отпадение и т.д.

Не убежавшему ли из Египта Моисею, к-рый уже-ещё при рождении был прекрасен пред Господом²⁴², явился, по прошествии-исполнении сорока лет в

гельской эпохи Самаила-Марса (1311-956гг.). И во-вторых, с Рамзесовым правлением связан 666-летний ариманический цикл «восхождения двурогого Зверя из бездны» = мощное действие импульса Аримана, к-рый, если отсчитывать этот импульс сил противостоящего силам Добра Зла (в т.ч.) ретроспективно – от 666г. н.э. (тогда как перспективный отсчёт даёт 1332 и 1998гг. н.э.), даст, соответственно, 1-й, 667-й и 1333гг. до н.э. (см. ниже).

²⁴¹ Если Михаил-Солнце кульминационно-семерично завершает-замыкает хронопоочерёдную ротацию 7-и планетарно-архангельских эпох, то Орифиил-Сатурн её открывает-отмыкает.

²⁴² Если «Таргум Онкелос к Исх.2,2» экстремально утверждает, что Моисей родился после 6-и месяцев беременности его матери и 3 месяца был скрывается, то большинство агадических вариантов предания уверено в (великоизбраннической, по образцу патриархов) семимесячности Моисея. Согласно «Исход рабба» (1(66д), он родился и пророком, и обрезанным. О воспитании же его дочерью фараона в мудрости Египетской «Киддушин» (49б) говорит: «10 мер мудрости пришли в мир: 9 из них получили израэлиты, 1 – остальной мир. А относительно 10-и мер красоты, 9 из них достались Иерусалиму, 1 – остальному миру».

Мадiane²⁴³, на горе Синае, Ангел Господень!²⁴⁴ Не к Моисею ли заговорил из тернового куста²⁴⁵ (неопалимая купина) глас Господень! Не Моисей ли снял на святом месте обувь свою²⁴⁶ и, по требованию воззвавшего к нему Господа, посвятил себя спасению порабождённого народа Господня, представители к-рого, со своей стороны, много раз отвергали и предавали его.

И он увёл-вывел их, оборов-одолев исхищрявшихся-ухищрявшихся против Израиля египтян, в лице их фараона и магов²⁴⁷, из плена египетского, и 40 лет испытательно-карательно водил по пустыне, дабы умерли помнящие рабство и страх строптивцы. И, повторим, дабы в Палестину вошли лишь те, кому (за исключением особостатуированных Иисуса Навина и Халева) меньше 60-и лет, чтобы основную часть *народа в законе* на Земле Обетования составили родившиеся уже после Исхода (= не видевшие деградантный Египет) пустынные ищественники.²⁴⁸ Отсечение безнадежных сенексов и геронтократии! Деегиптизация Израиля (хотя остаточный Египет, как и Вавилон, живёт-доживает в ментально архаичном еврействе посегодня)!

И как в июльской речи Петра, по чудесном исцелении увечного от рождения

²⁴³ В отличие от оговаривающего именно 40 лет Стефана (23), в В.З. не сказано, сколько именно лет Моисей провёл в Египте до бегства в Мадиян, отчего талмудическо-агадические мнения разнятся. «S Dt 34,7 §357 (150a)»: «Моисей был 40 лет в Египте, 40 лет в Мадияне и 40 лет предводительствовал Израилем». «Генезис рабба» (100(64c): «Моисей провёл 40 лет при дворе фараона, 40 лет – в Мадияне, и 40 лет служил Израилю». «Исход рабба» (1(67f): «Одни говорят, что при уходе-бегстве в Мадиян Моисею было 20 лет, другие, что – 40». «Исх.р.» (1(67c): «Р. Иегуда (150г.): «Моисею было тогда 20 лет. Но только 40-летний муж может быть господином и судьёй». Р. Неемия (150г.): «Ему было 40 лет, когда он услышал: «Хоть ты и зрелый муж, но ты не можешь быть господином и судьёй над нами». «Танхума» (61b): «Согласно одним, Моисей провёл при дворе фараона 20 лет, согласно другим, – 40, плюс 40 лет в Мадияне, плюс 40 лет во главе Израиля после Исшествия».

²⁴⁴ «Исход рабба» (2(68d): «Р. Иоханан (+ 279г.): «Моисею явился Михаил». Р. Ханина (225г.): «Это был Гавриил».

²⁴⁵ «Исход рабба» (2(68d): «Р. Елезар (90г.): «Угнетённые в Египте израэлиты были подобны терновому кусту – самому ничтожному из дерев. Поэтому Бог открылся им и вызволил их (Исх.3,8). Р. Йосе (150г.): «Как терновый куст худшее из дерев и всякая угодившая в него птица покидает его израненной, так рабство израэлитов в Египте было в глазах Бога худшим из рабств в мире». Р. Иоханан (+ 279г.): «Как из терновых кустов делают ограждение для сада, так израэлиты – ограждение для мира. Как терновый куст растёт в саду у реки, так и израэлиты имеют долю в этом и в будущем мире. Как терновый куст состоит из терниев и роз, так и среди израэлитов есть праведники и безбожники».

²⁴⁶ «Исход рабба» (2): «Всюду, где открывается Шехина, одевать обувь запрещено. Сходно в Кн.Иисуса Нав.: «Вождь воинства Господня сказал Иисусу: сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на к-ром ты стоишь, свято. Иисус так и сделал» (5,15). И сходно надлежит священникам входить необутыми в святилище».

²⁴⁷ «Кн.Иудифи» указывает на употребление против израэлитов сделавшим их рабами фараоном-притеснителем хитрости (5,11). «Мидраш Песни песней 2,15 (102a)»: «Когда Писание говорит о египтянах параболически, оно сравнивает их с лисицами: «Ловите нам лисиц, лисенят, к-рые портят виноградники, а виноградники наши в цвете» (П.п.2,15). Р. Елезар б. Симон (ок.180г.): «Египтяне были хитры, потому Писание сравнивает их с лисицами. Как лисица оглядывается назад, так и египтяне оглядывались назад и говорили: «Как мы накажем Израиля? Огнём? Но не сказано ли: «Ибо Господь с огнём и мечем Своим произведёт суд над всякою плотью, и много будет поражённых Господом» (Ис.66,16). Т.е. мы не можем применить огонь против Израиля, поскольку сами будем судимы огнём. Мечом? Но ведь там же сказано и о мече. Тогда накажем Израиль водой, т.к. Господь поклялся: «Ибо это для Меня, как воды Ноя: как Я поклялся, что воды Ноя не придут более на землю, так Я поклялся не гневаться на тебя и не укорять тебя» (Ис.54,9). Однако Господь пригрозил им тем, что утопит каждого из них. Потоп не придёт более на мир, но придёт на каждого египтянина».

²⁴⁸ «Своим Исходом из Египта евреи преподали человечеству первый урок свободы» (Гейне).

храма в притворе Соломоновом, ныне снова, на сей раз, Стефаном, приводятся знаменитые слова *пророка пророков* Моисея о Том несравненном **Пророке**, К-рого, провидимого (носителем эфирного тела Заратустры) Моисеем (не могущего провидеть Мессию иначе как большего, чем он сам, **Пророка**), воздвигнет израэлитам Господь, и К-рый, пришед, по возвешении Его *печатью пророков* Иоанном Предтечей, остался большинством израэлитов, даже крестно отдав за них жизнь, увы, неопознанным и неузнанным!

Не уподобимо ли отвержение еврейством Христа отвержению братьями Иосифа Прекрасного (Иисус Навин... Иоанн Богослов)! Не Моисей ли (Пётр!), как сказано у талмудистов-агадистов, — спаситель богоизбранных *во времени*, тогда как Илия (Иоанн Креститель!) — спаситель *в вечности*, а между ними, над обоими, что мистериально осуществилось в Таинстве Преображения Господня, — Христос Господень!

Напомнив об обращении непокоривых евреев сердцами назад (не сродни ли жене Лотовой!) — к Египту, и о золотельце Аарона, Стефан указывает на, по слову Амоса, пренебрежение израэлитами в пустыне принесением предписанных заколений и жертв²⁴⁹, более того, на принятие ими скинии Молоховой и звезды бога Ремфана. Ведь всему этому народ Сатурна, как народ Бога Единого, как народ Бога Авраама, Исаака и Иакова, как народ грядущего Овна-Агнца (следующего за одолённым и еврейством в Египте, и иранским Митрой в семитской вавилонско-ассирийской Азии — Тельцом), в отличие от других, в отличие от многобожных-псевдобожных народов-идолопоклонников, не вправе (был) поклоняться служением зримому астровоинству небесному!

То-то Господь грозит вероотступникам-идолопоклонникам переселением, по Амосову тексту «Септуагинты» (5,25-27), «далее Вавилона», в то время как в масоретском тексте говорится — «за Дамаск», что, впрочем, можно истолковать и как «далее Вавилона». Т.е. — в Ассирию (на расположенный восточнее Евфрата Тигр), плен к-рой, ещё до плена Вавилонского, с различным качественным результатом обоих пленений, еврейство испытало сполна. И если 10 полонённых ассирийцами колен (представителей к-рых Иеремия привёл на катарсисную Пасху Иосии — 622г. до н.э.) стали, *уйдя* в народы земли (пройдя, согласно талмудистам, через Армению; или, добавим от себя, частично осев в Армении?), *солью земли*, то репатрианты из плена Вавилонского (в основном из колен Иуды и Вениамина, не без остаточных десятиколенников) поступили иначе.

Они взяли на вооружение зоровавелитско-иешуитскую и езраитско-неемитскую, на пути к Исполнению Времён, на пути к воплощению Христа Господня, спасительно-охранительную, в Святой Земле, на Святом Месте новоотстроенного Иерусалима и восстановленного-воздвигнутого дома Господня, защитную геттоизацию-сегрегацию, Но она со временем настолько фоссиллизаторски овладела ими, настолько сделалась их духовной сущностью, настолько приросла, как маска, к их лицу, что большинство из них отторгли ойкуменическую-христианскую интеграцию.

²⁴⁹ «Хагига» (66) (Бар): «Р. Акиба: «Колено Левия (колени Моисея, Аарона и Мариами — К.3.), к-рое не служило идолам, исправно приносило необходимые жертвы, а прочие колена — нет». «S Nu 9,5 §67(17a)»: «Во второй год по ишествии их из земли Египетской (Ч.9,5) они соблюли Пасху в 1-м месяце, с 14-го дня месяца, между двумя вечерами, в Синайской пустыне. Но к позору Израиля они совершили только эту Пасху». Р. Симон б. Иохан: «Они не приносили необходимые жертвы». А кто приносил? «Колени Левия». Не сказано ли: «Учат законам Твоим Иакова и заповедям Твоим Израиля, возлагают курение пред лице Твое и всесожжения на жертвенник Твой» (Вт.33,10). И еще не сказано ли: «И стал Моисей в воротах стана и сказал: кто Господень, — ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины» (Исх.33,26), к-рые предали мечу 3 тыс. отступников. И ещё не сказано ли о Леви: «К-рый говорит об отце своём и матери своей: «я на них не смотрю», и братьев своих не признаёт, и сыновей своих не знает. Ибо они, левиты, слова Твои хранят и завет твой соблюдают».

И неспроста тотчас по упоминании скинии Молоховой ей противопоставляется передвижная-переносная скиния свидетельства, к-рую, на что особенно важно указать Стефану, израэлиты соорудили по виденному Моисеем в Господнем откровении ему образцу. И, дополним, — сопринадлежный святилищности к-рой ковчег завета священники Аронида, в составе Израиля, под предводительством Иисуса Навина, перенесли через расступившийся пред Израилем Иордан, в Землю Обетования. Вот как Стефан подводит синедристов в своей речи (к-рой вообще свойственно параллельное противопоставление Моисея и Аарона, Давида и Соломона, скинии и храма) от её ретроспективно-метаисторически-ветхозаветно-панорамной увертюры к обязывающей новоизраэлитов снова *перейти* через Рубикон-Иордан новозаветной кульминации.

Не была ли сборная скиния внесена Израилем во владения дегенерирующих народов, изгнанных Богом от лица израэлитов, к-рые не всех сумели из пределов Земли Обета изгнать, так и не овладев, например, большей частью морского берега, вдоль к-рого, кстати, ходили в походы на север (соответственно, не очень соприкасаясь с палестинскими израэлитами после Исхода) египтяне. А это, с одной стороны, в основном уберегало Израиль, держа его несколько в стороне, на отдалении, от столкновений с ними, между тем как, со стороны другой, замкнутому, пестующему в своих чреслах, в своём драгоценнейшем потоке крови, от генерации к генерации, телесность Мессии, сегрегальному народу была, до известной меры, остро необходима именно внутриконтинентальная (без морских выходов богоизбранного народа немореходов во внешний мир) замкнутость-закрытость.

Затем следует переход от вскользь упомянутого периода Судей, когда не было у молившегося в скинии Израиля царя, ко дням Давида. Не сменил ли помазанный Самуилом Давид оказавшегося недостойным царского венца Саула (к-рый ослушался Самуила и пощадил без права на пощадку амаликитянского царя Агага)! Не Давид ли — псалмопевец и копьеносец *копья судьбы* (копья дохристианского Св.Грааля), обрёл благодать пред Богом, Которого он молил, чтобы, как звучит из уст Стефана, найти (постоянное) жилище Богу Иакова-Израиля! Скиния и Храм — вехи-ступени материализованного, ступени-вехи материализации культа в ходе не откатного, а поступательно-эволюционного движения вперёд.

От прихода Иакова к Иосифу в Египет до Исхода 430 лет (1877 — 1447гг.), и от Исхода до тайного помазания Самуилом в цари (воцарившегося в 1011г.) Давида (тайное Самуилово помазание — ок. 1017г.) вместо Саула тоже 430 лет. Если же от прихода Израиля в Египет до завоевания Земли Обета в 1400г. — 477 лет, то смерть Давида в 971г. до н.э. последовала на 477-м году от Исхода. Не построил ли наследовавший Давиду Соломон дом Господень в 968 — 61/60гг.! Не шёл ли на декабрь 33г. 1480-й год от Исхода и 1440-й год от перехода израэлитов через Иордан, а с начала сооружения Соломоном, на 480-м послеисшестввенном году, дома Господня, 1001-й год! Не предстояло ли в 33г. н.э. Второму (покинутому Богом) храму разрушение спустя 37 лет, в 70г. н.э., через 1000 лет после кончины Соломона в 931г. до н.э. (как через ок. 1000 лет от начала притеснения израэлитов египтянами в 80-е гг. XVIв. до н.э. вавилоняне разрушили Первый храм в 586г. до н.э.).

И отсюда, т.е. с констатации сооружения Соломонова храма²⁵⁰, где в пору

²⁵⁰ «Танхума» (1246): «Мудрость Соломона была больше всей мудрости египтян (3Ц.5,10). В чём заключалась мудрость египтян? Когда Соломон задумал строить храм, он послал к фараону Нехо (! - почти 400-летний, приложительно к сооружению Соломонова храма в первой половине XV., анахронизм, т.к. фараон Нехо из 26-й династии царствовал в VII/VIIIвв.) и попросил у него наёмных строителей. Тогда фараон призвал астрологов, велел им выведать у звёзд, кто из строителей обречён умереть в этом году, с тем, чтобы послать их к Соломону, а затем обвинить его в их смерти и потребовать полагавшееся им вознаграждение. Когда

произнесения Стефановой речи более нет обители Воскресшего Бога, Стефаном перебрасывается мост к поклонению, по Исполнении Вре́мён, в свете свершившейся Мистерии Голгофы, Всевышнему не в рукотворённых храмах, но – как сказал Сам Христос, причём, оказывается, ровно тремя годами ранее, 25.12.30г. н.э., самарянке у колодца, – в духе и истине (Ио.4,23) (Т.Г. 149-65)!

Не сказано ли было ещё собственно соорудителем временной (до рождественского, до крещенского и, наконец, до крестно-воскресенского Исполнения Вре́мён) Господней обители Соломоном: «Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, к-рый я построил» (3Ц.8,27). Не говорится ли в заключительной главе Книги наиболее мессианистического пророка В.З. Исаии, слово к-рого обращает своими словами к синедристам Стефан: «Небо престол Мой, и земля подножие ног Моих; какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего? / Не Моя ли рука сотворила всё сие» (7,47; ср. Ис.66,1/2).²⁵¹

РАСПРАВА

Даже кажущийся незыблемым камень преходящ, как слава фараонов! Времена поклонения Господу в рукотворённых домах прошли-истекли, и не в том смысле, что оно недопустимо, но в том, что первообитель Божия, т.е. обитель воплотившегося в людях, принявшего водное крещение (от Предтечи Иоанна), умершего за людей, притом не только за израэлитов, но за всё человечество и за каждого человека, на кресте, положенного во гроб, погребённого, воскресшего, вознесшегося и ставшего сониспосланием-содателем пятидесятничного Св.Духа Иисуса Христа (как Второй Ипостаси Троицы), отныне, прежде всего, в сердцах человеческих! И призрит Господь на покаявшихся, на смиренных и сокрушённых сердцем, полную противоположность кому представляют судящие (с тем, чтобы смертоубийственно осудить) Стефана синедристы.

То-то Стефан, обрушивая на них упрёки, называет их во время, когда ветхозаветное обрезание крайней плоти можно и нужно заменить, после Таинства Голгофы, обрезанием открытого Ей навстречу катарсисного сердца и пурифицированных ушей (слуха), именно жестоковыйными людьми с необрезанным сердцем²⁵² и ушами²⁵³, к-рые всегда противятся Духу Святому, как некогда отцы их, гнавшие, бившие

строители прибыли, Соломон, увидев во Духе, что они обречены умереть, раздал им погребальные саваны и отправил обратно, с пожеланием фараону похоронить своих мертвецов».

²⁵¹ Согласно Иоанну Кронштадтскому, «Россия – подножие престола Господня». В сём случае, *ныне* (Германо-Англосаксонская эпоха под знаком Рыб) Германия и Германство есть – престол Господень, к-рым Россия («Мессия грядущего дня» – А.Белый) и Славянство станут *в будущем* (Славянская эпоха под знаком Водолея)!

²⁵² «Итак обрежьте крайнюю плоть сердца вашего, и не будьте впредь жестоковыйны» (Вт.10,16). «И обрежет Господь, Бог твой, сердце твоё и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа, Бога твоего, от всего сердца твоего и от всей души твоей, дабы жить тебе» (Вт.30,6). «Обрежьте себя для Господа, и снимите крайнюю плоть с сердца вашего, мужи Иуды и жители Иерусалима, чтобы гнев Мой не открылся, как огонь, и не воспылал неугасимо по причине злых наклонностей ваших» (Иер.4,4).

²⁵³ «Генезис рабба» (46(29а): «Р. Исмаил (+ 135г.): «Авраам был первосвященником. Не сказано ли: «Клялся Господь, и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (Пс.109,4). А в Быт.17,11 заповедано: «Обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знамение завета между Мною и вами». Что он (Авраам) должен был обрезать? Если уши, то он стал бы негодным для священнических жертвоприношений, ибо ни один увечный не может отправлять функции священника и подходить к жертвеннику. Значит, обрезанию подлежит

и убивавшие пророков Господних. Тех Больших и Малых Пророков, к-рые возвестили пришествие Мессии, предателями и убийцами Которого весной 33г. н.э., т.е. без малого девятью месяцами ранее, сделались те, большинство из к-рых, сейчас заседающих в синедрионе, голосовали за смертный приговор Иисусу.

И как тут не вменить им, что это именно *они*, принявшие, будучи выведенными Моисеем из падшего Египта израэлитами, богоданный закон при служении Ангелов, завершив свои преступления богоубийством, не сохранили его. Притом, ведь речь идёт о Моисеевом законе, ни одна черта из к-рого, по слову Иисуса, не пропадёт, о законе, к-рый Иисус пришёл не отменить, но, преобразив, обновленчески сохранить в эпоху (что важнее) не столько закона, сколько Обетования верующим, даваемого по вере в Иисуса Христа (реализация Мистерии Голгофы К-рым есть, вместе с тем, исполнение и конец Моисеева закона во Христе!).

Не говорит ли Павел о законе, преподанном чрез Ангелов рукою посредника Моисея, и об обетовании верующих по пришествии (как из семени Давидова, так и от Святого Духа) Спасителя: «Для чего же закон? Он дан после по причине преступления, до времени пришествия семени, к к-рому относится обетование, и преподан чрез Ангелов, рукою посредника» (Гал.3,19). Не говорит ли Павел в Посл. к Евреям о возведённом чрез Ангелов слове (2,2)! И не говорит ли Павел в том же Посл. именно к Евреям об участии послывавшихся Господом к людям-человекам пророков Господних (аж от Авеля Праведного до убитого между жертвенником и алтарём Захарии, отца Иоанна Крестителя, равно самого обезглавленного мечом Предтечи, кто есть последний крещенски соединяющий Ветхий с Новым Заветы пророк = *печать пророков*): «Были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козвих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления...» (11,37)

Засим Стефан бросает гневные упреки тем отцам нации, тем неправедным судьям, к-рые пребывают в состоянии стагнации, тем традиционалистам-консерваторам, к-рые вцепились мёртвой хваткой как в букву закона, так и во вчерашний-позавчерашний день, мало того, в свои привилегии (барыг в законе) и в устраивающий их (т.н. непоколебимый) уклад. Не подобны ли они мумификаторам и собственно мумиям фараонов, пытавшимся удержать души в набальзамированных, чтобы сохранить бранные-тленные останки, телах смерти без воскресения, без доли в *будущем* мире, к-рый стал *настоящим* во времени, чего жестоковыйные, с необрезанными сердцами и ушами, при, всего-навсего, обрезанной плоти, противники Христа не видят, не слышат, не хотят ни видеть, ни слышать, ни воспринять-уразуметь. Они упорствуют, как их предки супротив Моисея в пустыне, как давние и недавние-давешние гонители, убийцы и соубийцы пророков.

крайняя плоть мужского члена». Р. Акиба: «Есть 4 вида обрезания: 1 – необрезанное ухо. Иер.6,10: «К кому мне говорить и кого увещевать, чтобы слушали? Вот, ухо у них необрезанное, и они не могут слушать; вот слово Господне у них в посмеянии: оно неприятно им»; 2 – необрезанный рот (= косяноязычие). Исх.6,12: «И сказал Моисей пред Господом, говоря: вот, сыны Израилевы не слушают меня; как же послушает меня фараон? а я не словесен»; 3 – сердце. Иер.9,25/26: «Вот приходят дни, говорит Господь, когда Я посету всех обрезанных и необрезанных: / Египет и Иудею, и Едома и сыновей Аммоновых, и Моава и всех стригущих волосы на висках, обитающих в пустыне, ибо все эти народы необрезаны, а весь дом Израилев с необрезанным сердцем»; 4 – крайняя плоть. Быт.17,1: «Необрезанный же мужского пола, к-рый не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего; ибо он нарушил завет Мой». Авра(а)му было сказано: «Я Бог всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен; / И поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя» (Б.17,1/2). Кто обрежет уши, будет несовершенен; аналогично – рот и сердце. Посему, чтобы быть совершенным, надо обрезать крайнюю плоть».

Развёрнутая Стефаном ретроспективно-метаисторическая панорама, с неслучайной акцентацией именно сакральной древности и вызывающим переходом, после акцентированно короткого упоминания рукотворённого храма, к олицетворяемой Христом Иисусом святодуховенной нерукотворённости, (цунамически) накрыла синагогон. Речь пришла к тому, для чего она произносилась. Подсудимый превратился в судию (во имени и именем Сына)! «...ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, / Дабы все чтити Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его» (Ио.5,22/23). Сказав, что его судьи, приняв закон при служении Ангелов, не сохранили его, Стефан перешёл границы допустимого, и оттого синагогисты, разрываясь сердцами, заскрежетали на него зубами.

Но окончательная точка невозврата была поставлена-пройдена по обнаруженной им, исполненным Духа Святого, пережитой здесь же экстагической Теофании. Подняв очи горе, т.е. к небесам (чему крытый зал заседаний – не помеха), он увидел «небеса отверстыя и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога», что не скрыл от судей, напротив, бросил (обнаружив пред законными ветхозаветниками новозаветную Мистерию) верховному судилищу в лицо. И не симптоматично ли восстание увиденного Стефаном в отверстых небесах Христа (как сорегента Бога) с престола Господня (куда восставший из мёртвых Христос вознёсся, чем Благовестие V-го Евангелия начинается), дабы поддержать и принять Своего (уже подписавшего себе смертный приговор) первого мученика.

Святотатство! кощунство! богохульство! Узреть в облике Сына Человеческого одесную Господа обманщика-авантюриста из команды и от силы Вельзевуловой, а именно – позорно – в глазах угрюмо-суровых (как ленинско-сталинские коммунисты) ветхозаветников-синагогистов – распятого, умершего на кресте и погребённого, с последующим, всего-навсего, исчезновением (невесть куда) его мёртвого тела, никогда не воскресавшего висельника, к-рый проклят пред Богом! К-рый Мессией не стал и не мог, будучи избличённым отцами нации совратителем народа, быть! к-рый суть самозванец, богохульски выдававший себя за Сына Божия! Нет, это уже слишком, это уже через край! Такой беспредел ни прощению, ни амнистии не подлежит!

И члены синагогона, саддукеи, фарисеи, книжники, законники, законоучителя, плюс писцы-протоколисты, плюс три ряда учеников законоучителей, завопили громким голосом, затыкая свои необрезанные уши²⁵⁴, и, по порыву своих необрезанных сердец, единодушно устремились на святотатца. Тумултарная псевдоюстиция; суд Линча; охлократическая расправа; ленинско-революционный «праведно-гневный» порыв масс, к-рый, по слову Ильича, негоже, при осуществлении красного террора («святое дело» революции) сдерживать (иначе «террористы сочтут нас тряпками»). Короче, базар никто не фильтрует; за базар никто не отвечает; фуфло на фуфле сидит и фуфлом погоняет.

Богохульника схватили, выволокли из судилища, поволокли вон из храма (подалее от святых мест), сначала – за храмовые ворота, потом – за городские (поскольку ни, само собой, на территории храма, ни в черте города произведение казней не допускалось), и едва (наспех) выведя его за пределы городских ворот²⁵⁵

²⁵⁴ «Кетубот» (5а): «В школе р. Исмаила учат: «Почему ухо твёрдое, а мочка мягкая?» «Потому что, когда слышишь богохульное слово, должно мочкой заткнуть ухо. Не пускай ушам слышать богохульные слова, ибо такие уши первыми из частей тела сгорают в Гехинноме».

²⁵⁵ «Бар-Санхедрин» (42б): «Место каменования – за пределами трёх стан. 1-й – святынное место пребывания Шехины; 2-й – внешние притворы и Храмовая гора как стан левитов; 3-й – Иерусалим – стан израэлитов. Т.е. каменование должно производиться за стенами Иерусалима (сходно – другие города Палестины).

(Лев.24,14), предали-подвергли смертоубийственному каменованию (лапидация), т.е. побили камнями. Причём свидетели, к-рым полагалось первым бросить камень, предусмотрительно и согласно предписанию, положили свои одежды, чтобы не быть стеснёнными в телодвижениях, как подчёркнуто констатирует автор Ев. от Павла Дееписатель Лука, — «у ног юноши, именем Савла» (57).

Да, последний, впервые появляющийся в этом действе в Книгах Нового Завета, являясь на означенное время убеждённым фарисеем и врагом-гонителем христиан, был соучастником линчевательского убийства Первомученика Стефана, в чём сам, раскаявшись-покаявшись после обращения-крещения, не раз подчёркнуто признавался (называя себя гонителем церкви Божией) впоследствии, и о чём, точнее, о ком, мы подробно будем беседовать ниже.

А побиваемый, тем временем, камнями Стефан молился и говорил: «Господи Иисусе, прими дух мой» (59). И как Иисус, согласно павлианскому Благовесту от Лк., просил Отца простить Его мучителей, к-рые не знают, что делают (23,34), так и Стефан просил Господа не вменить его мучителям, к-рые, несмотря ни на что, не ведают, что творят, греха сего. «И, сказав сие, почил» (60). Не самое ли время снова вспомнить, вернее, анонсировать слова Блаженного Августина (про к-рого М.Хайдеггер в XXв. сказал, что он «соединил в себе проницательность Аристотеля с полётом мысли Платона») о том, что без последней молитвы Первомученика Стефана у Церкви не было бы великого Апостола Павла!

* * *

Итак, ещё в «Т.Г.» (1571-73) мы уяснили и приняли, что не столько казнь, сколько Стефаново, действительно, смертоубийство, до вынесения приговора, посредством каменования, имело место без обязательного (на примере процесса против Иисуса) участия римской верховно-провинциальной инстанции, в результате спонтанно-инициативного, притом со стороны верховного иудейского органа, в т.ч., судейской власти, линчевания.

Впрочем, повторяя кое-что из пройденного материала (Т.Г. 984), и, кстати касаемо чуть было не апробированной иудеями именно лапидационной расправы над Иисусом в декабрьский праздник Обновления 32г., т.е. год назад, справедливости ради, следует вспомнить, что и такая, сродственная праведно-гневно-революционной расправе (порыв масс!)²⁵⁶, практика в Талмуде (Санхедрин 9,6), применительно к определённым деликтам, оправдательно-легитимизаторски предусматривается-допускается. Так, под данное положение подпадают (могут подпасть): 1) похититель жертвенного сосуда; 2) проклинаящий именем идола имя Бога; 3) совокупляющийся с арамеянкой; 4) священник, дерзнувший служить нечистым, кого разрешается экзекутировать не священским собратьям-коллегам по цеху, но имеющим право предать его, в порыве оправданного гнева, смерти левитским служакам.

Спрашивается: не можно ли (не похищавшему, насколько известно, священные сосуды, не совокуплявшемуся с лишённой права войти в общество Господне язычницей и не бывшему священником) Стефану инкриминировать 2-й пункт, а именно — проклятие именем идола имени Бога? И отвечается: почему не можно, — было бы

²⁵⁶ Примечательно, что А.Блок (позднее призывавший слушать «музыку» уже Октябрьского переворота) пытался углядеть ещё в Февральской революции свою новую «Прекрасную даму». И не менее примечательно, что встретившись в феврале/марте 1917г. с А.Белым, они обменялись, по поводу свержения царя и царизма, пасхальным приветствием «Христос воскрес» — «Воистину воскрес». Художнику и мыслителю надлежит быть благовестником, но никак не горьковским «буревестником» кровавого хаоса, мрака и смрада (грёбанных революций).

желание! Смотря, как посмотреть! смотря, как захотеть повернуть! смотря, откуда зайти! Разве не сами поём! разве не сами, под собственную дудку, под собственный аккомпанемент, танцуем!

Не проклял ли Стефан, пусть фигурально (какая, по большому счёту, коли речь идёт о Боге, разница?), имя Всевышнего, «поставив» одесную Его «святотатственно» восприизвавшего на богосыновство и «справедливо» осуждённого на смерть злостного «врага народа» (Иисуса из Назарета)?! Не есть ли, в частности, се, по всякому, проклятие имени Бога, у К-рого один-единственный сын — совокупный национал-богоизбранник Израиль, и нет, не может быть никаких других-иных (включая Мессию) детей-отпрысков! Не предостерегает ли откатно-ветхозаветный Коран именно христиан: «Не излишествуйте в вашей религии... Поистине Аллах только единый Бог. Достохвальнее Он того, чтобы у Него был ребёнок» (4,171) (Т.Г. 1839).

Однако, с др. стороны, вспомним о порядке-нормах проведения капитальных, к числу каковых относится суд над Стефаном, судебных разбирательств-процессов и приговоров по ним (Т.Г. 1518/19). Для капитального процесса одного судебного дня было достаточно лишь при оправдательном приговоре, в то время как при приговоре обвинительном (большинство в 2 голоса), заседание переносилось, в видах возможного оправдания (дополнительные свидетели, свидетельства и т.д., к-рых и к-рые, при их появлении-обнаружении, требовалось выслушать и рассмотреть, даже если осуждённый находился в дороге к месту казни) деликвинета, на день следующий. Более того, не позволялось выносить обвинительный вердикт в канун суббот или праздников, чтобы, само собой, не заседать, не выносить суровые карательные приговоры и не приводить их в исполнение (в неподходяще-подзапретные для этого) субботы или праздники (Санхедрин 4,1; 5,5).²⁵⁷

Между тем, дело Стефана, скорее всего, разбиралось в пятницу 25.12. (см. ниже), хотя в качестве древнейшей календарно-мартирологической даты фигурирует день 26.12., к-рый в 33г. пришёлся на субботу, и потому как день суда над Стефаном исключается (см. ниже). Притом в заведомых видах присуждения Стефану высшей меры, или, во всяком случае, его сурового карательного осуждения, само положение о нерассмотрении подобных дел в канун субботы было грубо нарушено (при, правда, всегдашней возможности судей сослаться на их якобы заведомое желание-стремление вынести именно оправдательный приговор, кабы-де не вполне заслужившее высшую меру преступное в суде поведение и, главное, неприкрытое богохульство подсудимого).

Кроме того, здесь нельзя не оговорить, что на Ів. н.э., в римско-эллинистическую эпоху, иудейское право сделалось достаточно либеральным-гуманизированным, и, например, пресловутое богохульство, если богохульник не произносил всуе имени Бога и не осквернял Всевышнего именем какого-либо идола-кумира (чего, повторим, Стефан не делал, но что ему возможно квазиюридически вменить), оно обычно наказывалось не предписанным по закону каменованием святотатцев, с последующим, для усиления позора, повешением мёртвого тела на древе, а бичеванием и наложением херема-епитимии (Санх. 7,25а,41).

Стало быть, на повестке дня опять двоякость-двусмысленность, когда умелое манипулирование правом и правовыми нормами позволяет представить или повернуть чуть ли не всякое дело и так, и эдак, чем люди-человеки, на протяжении всей своей истории, в сущности, занимаются, отправляя-осуществляя на деле вместо юстиции (с весьма порнографической повязкой на глазах) Juristereі и Justizmord!

²⁵⁷ «Санхедрин» (6,1): «По вынесении смертного приговора, приговорённого выводили для каменования за город. Однако, если кто-то из судей заявлял, что у него есть оправдательное свидетельство, казнь откладывалась до проверки. И если приговорённый заявлял (в пути) то же самое, то его приводили до 4-х раз назад, в суд, в случае, если его слова содержали нечто существенное».

Теперь же пора вспомнить о 4-х практиковавшихся-применявшихся иудеями видах-способах казни: каменение, сожжение, обезглавление (усечение мечом), удушение. Причём каменение было суровейшей из них, полагавшейся за наиболее тяжкие деликты — богохульство, идолопоклонство, волхование, покушение на жизнь царя (начальствующих в народе), за некоторые виды прелюбодетельных преступлений и т.д. А дальше, по нисходящей, в зависимости от тяжести и характера совершённого преступления, следовали, соответственно, аутодафирование, усечение мечом, удушение (Т.Г. 881).

И если удушение приводилось в исполнение посредством затягивания на шею коленапреклонённой жертвы двух платов из твёрдой и мягкой ткани, то выведенного за черту города каменуемого надлежало сбросить с высоты в два человеческих роста, при соблюдении условия падения на спину, лицом вверх, после чего один из двух основных свидетелей должен был (сняв верхнюю одежду, как и второй) обрушиться на смертника, в область груди, тяжёлый (посильный, при несении, двум мужам-свидетелям) камень. В случае смерти казнимого, этого (сродни нечастой смерти при собственно падении) было достаточно и это считалось (из гуманистических соображений) желательным, тогда как, в случае подачи подвергнутому экзекуции дальнейших признаков жизни, предписывалось-применялось массовое каменение (т.е. забрасывание смертника камнями) всем обществом.²⁵⁸

Потом мёртвое тело всякого каменowanego или каменной полагалось коротко повесить, для усиления позора, на древе; мужчину — лицом к народу, женщину — лицом к древу; мужчину, не считая набедренной повязки, — обнажённым, женщину — облачённой (или — с прикрытыми ягодицами). А затем тела казнённых, так же, как все орудия-инструменты их казни (Бар-Санхедрин 45а), что касалось всех 4-х способов смертной экзекуции, следовало, до захода солнца, зарыть на двух специально отведённых для захоронения преступников загородных кладбищах (в районе Адовой долины Гехинном?): одно (кладбище) — для каменowanego²⁵⁹ и праха сожжённых, другое — для усечённых мечом и удушенных.²⁶⁰

²⁵⁸ «Санхедрин»: «Находится нечто оправдательное, выносятся оправдательный приговор; нет — приговорённого выводят за пределы города для каменования. Глашатай идёт перед ним и возглашает: такой-то выводится за город, чтобы быть каменowanym, поскольку он согрешил; тот и тот свидетельствовали против него; если кому-то известно нечто оправдывающее его, пусть явится для дачи показаний в его пользу (6,1). «В 10-и локтях от места каменования приговорённому говорят: покайся, ибо раскаявшийся преступник не лишён доли в будущем мире (Нав.7,19). Если он не кается, ему говорят: скажи: моя смерть есть искупление за все мои грехи. Р. Иегуда (150г.): «Если он знает (считает), что невиновен и осуждён по ложному обвинению, он говорит: «Моя смерть есть искупление за все мои грехи, кроме этого, к-рый мне инкриминирован, но к-рый я не совершал». Ему отвечают: «Все преступники говорят так, чтобы выставить себя невиновными». (6,2). «За 4 локтя до места казни с него снимают одежду. Срам мужа должен быть прикрыт спереди, срам женщины и спереди, и сзади. Так требует р. Иегуда. Прочие авторитеты рекомендуют каменовать мужа обнажённым, женщину — нет» (6,3). «Один из свидетелей сталкивает приговорённого с высоты в два человеческих роста так, чтобы он упал лицом вверх. Если он умирает при падении, этого достаточно. Если нет, второй свидетель сбрасывает на него, в область сердца, тяжёлый камень. Если он умер, дело сделано; если нет, дальше его каменует весь Израиль, сначала — свидетели, потом — народ (Вт.17,7)» (6,4).

²⁵⁹ «Санхедрин»: «Каменования подлежат: сожительствующий с матерью, или с женой отца, или с невесткой; мужеложник, содомит; аналогично — женщины; богохульник, идолопоклонник, приносящий своих детей в жертву Молоху, вызыватель мертвецов, лжеистолкователь знамений, осквернитель субботы, проклинаящий отца и мать, совратитель девственницы, совратитель в идолопоклонство, чародей, непослушный и строптивый сын» (7,4).

²⁶⁰ «Санхедрин»: «Все каменowane подлежат последующему повешению на древе. Р. Елеазар (90г.): «Вешаются на древе богохульники и идолопоклонники. Мужчина — лицом к

Родственникам разрешалось не раньше чем через год похоронить уже истлевшие останки, произнеся до процедуры похорон перед судьями ритуально-правовую формулу: «Мы ничего не имеем в сердцах против вас, поскольку вы судили справедливо». Общественный траур по казнённым преступникам не позволялся; скорбеть о них в сердце близким людям не возбранялось (Санхедрин 6,6). И всё: дело закрыто; тело (или то, что от него осталось) зарыто.

Таким образом, римская империяльная власть в лице даже не поставленного, как можно умозаключить, в известность (резидировавшего в Цезарее) префекта-прокуратора Пилата, к-рый один владел-обладал правом на применение высшей меры в провинции Иудея, независимо от деликта, была в деле убийства Стефана противозаконно обойдена. И, м.б, если верны сведения христианского предания об устроенном иудеями последующем погроме иерусалимских христиан (пусть жертв было не 2 тысячи), какой-то ближе не идентифицируемый противоиудейский эдикт Тиберия от 34г. н.э. был связан именно с этим (?), естественно, доведённым Пилатом, к-рый перед тем, несомненно, на него как-то непроиудейски отреагировал, событием. То-то Тертуллиан искажённо свидетельствует о каком-то тиберианском указе в защиту христиан, под к-рым, возможно, скрывается антииудейский (ущемивший права иудеев) тиберианский указ 34г. (Д.И. 180-88).

Т.е. Стефаново дело и эвентуальный погром христиан (к-рых римляне квалифицировали как одну из иудейских сект) могли сыграть на руку одёрнутому в 33г. Тиберием в пользу иудеев Пилату следующим образом. После этого погрома, соответствующим макаром Пилатом наверх поданного-представленного, кесарь мог вновь ужесточить смягчённый было в отношении иудеев (конец иудофоба Сеяна — 31г., и достопамятный конфликт с императорскими щитами — 32/33г.) в 33г. н.э., что сыграло роковую роль в поведении-позиции Пилата по делу Иисуса, курс.

МЕСТО И ДАТА КАМЕНОВАНИЯ СТЕФАНА

Теперь вопросы в том, где именно тумултарное, на скорую руку, каменение наспех выведенного-выволоченного за город, т.е. за городские ворота, Первомученика Стефана произошло? и во-вторых, или правильнее будет сказать, во-первых, когда именно это случилось?

Христианская традиция называет Овечьи (Овчие) врата (к-рыми, как мы знаем, Иисус вошёл в Св. Город, но не в храм в Пальмовый четверг 2.04.33г.) на, близ купели Вифезда, северо-востоке Иерусалима²⁶¹, к-рые идентичны (менее вероятно, что Дамасским, нежели) современным Львиным (Иосафатовы; Вениаминовы; Гефсиманские; Стефановы) воротам, недалеко от к-рых находится в ставшей вневоротным-загородным местом каменования долине Иосафата традиционная гробница Богородицы, и откуда легче всего добраться до Масличной горы. И именно на Масличной (Елеонской) горе, по преданию, в момент казни, на зримом отдалении от расправной лапидации, молились за Первомученика Богородица и Лазарь-Иоанн.

народу; женщина — лицом к дереву». Тела необходимо снять до наступления вечера, чтобы не нарушить запрет Вт.21,23. Мёртвое тело не должно оставаться на древе ночью, но должно быть погребено в тот же день, ибо проклят пред Богом повешенный» (6,4). «Хоронить казнённых следует не во гробе их отцов, но на двух специально отведённых для преступников кладбищах: одно — для усечённых мечом и удушенных, другое — для каменных и сожжённых» (6,5).

²⁶¹ = На гипотенузе между цитаделью Антония и северо-восточным углом-выступом Храмовой горы, к югу от к-рого расположены Восточные (Красные?) ворота Шушан, к-рыми Иисус ступил в город и в храм в день Торжественного въезда-входа в Иерусалим в Вербное (Масличное) воскресенье 29.03.33г.

Версию Ессейских ворот на юго-западе Иерусалима, южнее Сионской горницы, предлагает, чересчур (конъюктурно-схематически) увязывая Иисуса, Стефана и первых христиан с ессеями (к-рых он одновременно не во всём верно отождествляет с кумранитами), Э.Бок («Paulus», В.7, S.73). Впрочем, по причине выхода из Ессейских ворот как раз в долину Гехинном, она, б.м., заслуживает (заслуживала бы) некоторого внимания, при принятии, в свою очередь, версии о слушании Стефанова дела синедристами в здании Совета у Ксиста (где синедрион вынес утром 3.04.33г. смертный приговор отведённому от Ксиста в Преторию к Пилату Иисусу), откуда, тем не менее, лежит вдвое более долгий путь, через Верхний или Нижний город, до Ессейских ворот, нежели пути из города (за ворота) в северном направлении.

И тем паче, Ессейские ворота неуместны, если принять за верное заседание синедриона по Стефанову делу в пределах храмового двора Язычников (Рыночный притвор; Торговая палата), неестественный путь из к-рого к Ессейским воротам противоестественно усложняется-удлиняется вдвойне, в то время как к (агнично-жертвенным) Овчим городским воротам отсюда прямо ведут-выводят северные ворота (в т.ч., для различных подхеремников) Тади.

Последние, о чём читатель знает, обычным порядком были закрыты, не использовались, но они (являясь ещё и подхеременными для отлучников!) вполне могли быть и, скорее всего, были использованы в нашем случае этой спонтанно-линчевательской расправы со стороны неистовой, явно искавшей и нашедшей самый короткий путь как из храма, так и из города (за город), синедрионально-присинедриональной толпы. Расправы над яро ненавистным ей Первомучеником Стефаном, к-рого эта неистовая толпа, похерив основные правовые нормы, стремилась попросту поскорее, забросав камнями, убить.²⁶²

Согласно Евсевию, если мученичество Стефана имело место «сразу по его поставлении» (И.Ц. 2,1,1) одним из 7-и диаконов, т.е. очень скоро по поставлении (диаконов в поступательно идентифицированном нами ноябре), то преобразование на пути в Дамаск и обращение активно гнавшего христиан после Стефанова каменования, к к-рому он сопричастен, Савла датируется (большинством церковных авторов и древней традицией) временем до истечения года или ок. года от весеннего Вознесения Господня, и временем в максимум полгода от первомученичества Стефана.²⁶³ Так считают составитель списка 70-и Апостолов под именем Ипполита (не Фиванского, а) Римского (III/IVв.), Евталий Александрийский (IV/Vвв.), апеллирующий к Евсевию Михаил Глика (XIIв.), «Золотая легенда» Якова Ворагинского (XIIIв.) и др.²⁶⁴

Мы уже предварительно приняли не раз упоминавшуюся в предыдущих книгах нашего повествования дату каменования Стефана в конце декабря 33г. (церковная календарность к-рой не противоречит, как бы тут ни ухмылялись рационал-критиканы, её историко-хронологической реальности) и взаимосвязанную с ней дату обращения Савла весной 34г. Ныне же, дойдя до (лапидационного) декабря 33г.

²⁶² Тут не до (отдалённых) Ессейских, как бы Боку того ни хотелось, ворот. Justizmord ищет кратчайшие пути к месту «узаконенного» смертоубийства по т.н. ускоренной процедуре! За ближайшие ворота и ату без проволочек!

²⁶³ См. Fr.Diekamp «Hypolytos von Theben», S.86-88, Münster-1898

²⁶⁴ Экстремальную хроноверсию мученичества Стефана аж через 9 лет после Вознесения Господня предлагают, перенося действие во время правления Клавдия (41-54г.), поздние источники — «Пасхальная хроника» (VIIв.) и Георгий Кедрен (XI/XIIвв.); один из вариантов «Ипполита Фиванского» (VI/VIIвв.) и Епифаний Монах (IXв.) — 3 года или 7 лет; Иоанн Малала (VIв.) — 3 года. Более умеренные «Breviarium Apostolorum» (VI/VIIвв.) и греческий апокриф «Откровение Стефана» (IV/Vвв.), сохранившийся лишь в славянско-русском переводе XV/XVIвв., толкуют о 2-х годах.

хроноповествовательно, займёмся, повторяя пройденный материал и углубляясь дальше, данным вопросом подробнее. Выявим и зафиксируем опорно-цепочечные хроно-фикс-пункты.

Дело в том, что, согласно Посл. к Галатам (ок. 55г.), Павел пришёл после события Дамаска, т.е., примем априори за верное, во время после ключевой для него майско-дамасской весны 34г., снова в Иерусалим (из к-рого он в Дамаск с противохристианским полномочиями от первосвященника Каиафы весной 34г. вышел) отнюдь не сразу, но, побывав в промежутке в Аравии, из, опять-таки, (бывшего основным местом его пребывания в 34 – 37гг.) Дамаска, аж через 3 года (1,18). Иначе говоря, – в (элементарная арифметика) 37-м г. н.э., тогда как спустя ещё 14 лет (Гал.2,1), т.е., по полнолетнему счёту, в 51г. н.э., в Иерусалиме состоялся (инициативой Павла) определивший всю дальнейшую мировую судьбу христианства, в ракурсе торжества курса павлианского обращения язычников (без требовавшегося от них ранее иудейского обрезания и т.д.), знаменитый Апостольский собор (Д.Ап.15) (Р.л. 226; 559/60; 973; Д.И. 187/88; 226; 1266-72; 1361-65; Т.Г. 205/206) (см. ниже).

Далее, при хронораскладе, выясняется следующее. Если акцептировать соотнесённые с мученичеством Стефана в конце декабря 33г. (на чём настаивает христианская традиция, датируя оно именно декабрьским исходом того же юлианского года, когда свершилось весеннее Таинство Голгофы) и обращением Павла весной 34г. хроносроки из Посл. к Галатам (3 года + 14 лет), то дату преддамасского ослепления и дамасского новорождения Савла/Павла нельзя (не получится) отнести ни на время ранее, ни на время позднее оптимальной весны 34г. н.э. (Д.И. 1267/68).

Не ранее, поскольку, сообразно изложению Д.Ап., после крестно-воскресенской Мистерии Голгофы в апреле и от майских Вознесения и Пятидесятницы 33г. до каменования Стефана (гл.7) требуется интервал времени никак не менее, чем минимум в ок. 9 (от Голгофы) и 7 (от Троицы) месяцев, и уже отсюда до обращения (впервые появляющегося в Н.З. при этом каменовании его соучастника) Павла необходимо ещё несколько месяцев (см. ниже), т.е. всего-итога набирается срок как раз протяжённостью ок. года. А не позднее, – так как из 2Кор.11,32, в хроносоотнесении-хроносогласии с Гал.1,18, мы узнаём, что Павел спустя 3 года, после переворотного для него события на пути в Дамаск, пришёл из Дамаска в Иерусалим, спущенный по дамасской крепостной стене в корзине, ибо вынужден был спастись от искавшего схватить его (надо думать, по подстретельству дамасских иудеев), – проповедника христианства, дамасского наместника-эпитропоса набатейского царя Арета, к-рый завладел Дамаском не ранее весны/лета 37г., территориально одарённый-поощрённый унаследовавшим римское кесарство по смерти Тиберия (16.03.37г.) Калигулой.²⁶⁵

²⁶⁵ Римских дамасских монет за период 34-62гг. (т.е. при, включая заключительные 3 года Тиберия, Калигуле и Клавдии, до 9-го года Нерона, когда изъятый из набатейского владения Дамаск вновь был возвращён в имперскую провинциальную систему) нет (Т.Г.210/11). Но Дамаском набатея Арета поощрительно одарил, несомненно, Калигула, а вовсе не Тиберий, как в последние времена повадились предполагать некоторые умники. Тиберий, напротив, из-за самовольной войны Арета против разбитого им (воинства) Ирода Антипы (кто, сошедшись с Иродиадой, расторг брак с дочерью Арета – 30г.) в 36г., поручил сирийскому наместнику Вителлию прислать к нему для сурового наказания либо самого Арета в цепях, либо его голову, от чего уже взявшийся было за дело (по весне 37г.) Вителлий дистанцировался, узнав о кончине Тиберия. Да и не в правилах Тиберия, к-рый не вверял никаким местным правителям тетрархии умерших в 36г. Филиппа или Лисания, было производить подобного рода поощрительные вассально-территориальные приращения.

Это Калигула поставил у власти в провинциализированной Тиберием Коммагене (17/18гг.) Антиоха IV (38-72гг.), или воцарил – 37/38гг. – Роиметалка III во Фракии, Полемона II

Стало быть, эти 3 павлианских года (от Дамаска до Иерусалима) исчисляются как полные, ибо неполный «3-й год», к-рый теоретически вроде бы возможен, но к-рый ведёт из 34-го в 36г. н.э., когда Калигула ещё не у власти, отпадает. И вероятно, аналогично следуют приплюсовать к 37г. 14 (полных) лет (полнота времён – полнолетние сроки) от Павлова прихода в Иерусалим в 37г. до Апостольского собора, дата к-рого, таким образом, приходится на 51г. н.э. Причём заметим, что в павлианском Ев. от Лк., когда речь идёт о неполном = текущем годе, говорится, приложительно к хроновыступлению Иоанна Крестителя сентябрьской осенью 28г. н.э., про 15-й (= 28/29гг. н.э.) год правления Тиверия кесаря с (по смерти Августа 19.08.14г.) августа 14г. н.э. Следовательно, высокую-нюансированную хромоточность павлианско-лукинские новозаветные письма, во всяком случае, в отношении благовествовательной событийности Ев. н.э., прилежно соблюдают.

С др. же стороны, максимальная дата Апостольского собора – не позднее (первых месяцев) 51г. н.э. (пусть на сегодня в большинстве источников грубо ошибочно доминирует 49-й г.), выводится из того, что события, благовестуемые в Д.Ап. от времени после этого Собора и до начала двухлетних кесарийских уз (прибывшего в Иерусалим из своего Третьего миссионерского путешествия) Павла (58 – 60гг.), а дата этого прибытия и начала Павловых уз (после попытки иерусалимских иудеев убить Апостола язычников и спасительного для него вмешательства римской власти) – бесспорно – 58г., не уместаются, не укладываются в срок меньший, чем 7-летка 51 – 58гг. н.э. (см. ниже).

Вот как, согласитесь, достаточно немудрёно, обстоят хронодела-хронореалии (при истоках) Века Апостольского, если доказательно-показательно принять дату мученичества Стефана (и согласно древнехристианской традиции, и согласно не противоречащей ей хронореконструкционной логике) в конце юлианского года Голгофы, затем – обращение Павла весной следующего 34г., и разматывать от них, небездумно идя за нею, (христианизированную) хрононить Ариадны дальше.

Это в случае ошибочного датирования собственно крестно-воскресенского События Голгофы временем до 33г., т.е. наиболее распространённым ныне 30-м или (реже) 31/32-м гг., при хронореконструкции последующих событий, остаётся-останется (повиснет-зависнет в воздухе) подвопросный предел колебаний, между тем как верное датирование Таинства Голгофы безальтернативным 33-м г. н.э. ни возможностей допущения какого-либо предела хроноколебаний, ни какого-либо иного выбора, требуя хронологизации по предельному датировочному максимуму, не оставляет, не допускает.

И, кстати, любопытно, что адепты в качестве крестно-воскресенского 30-го г. н.э. нередко помещают первомученичество Стефана и обращение Павла в 33/34гг., т.е. случайно попадают в точку (бывает и такое!), исходя из двух неправильных предпосылок: из Голгофы якобы в 30г. и из мнимой необходимости измерения периода первых 7-и глав Д.Ап., до Стефанова мученичества, длиной-протяжённостью аж более, чем в 3 года (!).

При всём том, по повествованию первых 7/9-и глав Д.Ап., у хрононеискушённого читателя и даже у недобросовестного исследователя-дилетанта, действительно,

– в Понте, Котия – в Малой Армении. Или – он же, Калигула, тотчас по своём приходе к власти в марте 37г., выпустил из тюрьмы заточённого туда Тиберием Ирода Агриппу (брат Иродиады), присвоил ему титул царя и отдал во владение давешние тетрархии Филиппа с Лисанием (к к-рым осенью 40г. присовокупилась ещё галилейско-перейская таттархия смещённого и сосланного Калигулой, не без агриппианских интриг, Антипы). Так что можно не сомневаться именно в калигулианском весной/летом 37г. поощрении врага Антипы Арета как в угоду своему дружку-сображнику Агриппе (кто имел на сильно обидевшего его Антипу большой зуб), так и в пику недавнему противояретовскому решению умершего Тиберия.

может возникнуть-сложиться обманчивое-ошибочное впечатление о более продолжительном отрезке времени как в особенности до каменования Стефана, так и до обращения Павла. Но при внимательном рассмотрении, при детальной поэтапно-поступательной реконструкции-воспроизведении-хронологизации благовестуемой Дееписателем метасобытийности, оказывается, что это совсем не так, и что первые 7 глав Д.Ап. вполне укладываются во время с послевоскресенской весны и до конца декабря 33г. н.э.²⁶⁶

²⁶⁶ Можно, конечно, «продлить» события 7-и начальных глав Д.Ап. до, скажем, второй половины 34г. и перенести дамасское новорозждение-обращение Савла/Павла в 35г., с его последующим (постаравийским) приходом из Дамаска в Иерусалим, спустя 3 года, на (вместо 3-х лет) 3-й год, т.е. в том же 37г. н.э., однако, в сём случае, натяжка, предпочтение искусственной конструкции естественной хронореконструкции и пренебрежение древней традицией будут очевидны, а традицию правильно (куда правильнее!), при наличии соответствующей возможности, к-рая в данном случае полноценно имеется, не нарушать, не отбрасывать, не перечёркивать.

Вместе с тем, примечательна, так сказать, обратно-откатная попытка «Золотой легенды» перенести дату каменования Стефана на более ранние сроки, из декабря в август (!) юлианского года Вознесения Господня, по поводу чего говорится, что, мол, на самом деле Стефан был каменован не в принятый позднее церковью день его мученичества – 26.12., но раньше – 3.08., тогда как как в день 26.12.417г. имело место обретение его мошей, к-рое со временем преобразилось в день его мученичества, поменявшись с датой 3.08. местами, дабы это перво мученичество календарно следовало после праздника Р.Х. (25.12.) и перед памятованием 27.12. Иоанна Богослова, а 28.12. – Св. Вифлеемских (первомучеников) младенцев (S.48).

Ниже, под «Обращением Павла» (S.120), оно датируется, после каменования Стефана, продолжительностью одного (не в календарных пределах января – декабря) года, считая от Мистерии Голгофы, согласно чему в совокупности, Распятие, и «Золотой легенде», попадает на (нередкий в Ср. века) день 25.03., Стефаново мученичество – на 3.08., и Павлов «Дамаск» (на пути в Дамаск) – на (общепринятую в Западной церкви дату) 25.01.

Ещё ниже, под календарно-поминальным днём «Обретения (стефановских) мошей» (S.411), следует истолкование причины датировочной рокировки, со ссылкой на Беду Достопочтенного. «Почему эти поминально-праздничные дни поменялись местами? 1) Христос родился на Земле, чтобы человек новородился для Неба (на Небе). Потому день Р.Х. календарно соседствует с днём Первомученичества Стефана как его рождения для Царствия Небесного. Не поётся ли в торжественной песни: «Вчера Христос родился на Земле, дабы сегодня Стефан родился для Неба». 2) До времени обретения (417г.) праздничнее отмечалось Мученичество. Поскольку же оно больше Обретения и празднуется торжественнее, Церковь перенесла его, поменяв местами с Обретением, на следующий день после Р.Х., поставив в ряд больших праздников рождественского цикла.

И в заключение сказано об отверстости небес всем мученикам за веру, начиная со Стефана, к-рому открылись отверстие небеса и Сын Человеческий одесную Бога (S.653).

Интересно, что «Золотая легенда» и не думает (в унисон с нами) датировать Первомученичество Стефана и Обращение Павла более поздними от Таинства Голгофы сроками, но, наоборот, даже датирует их сроками более ранними, чем косвенно только подтверждает наш хронорасклад, предлагая одновременно несостоятельную хрономодель, т.к. датировать каменование Стефана августом 33г. невозможно, ибо в интервал времени до августа события 7-и глав Д.Ап., от майского Вознесения и т.д., точно никак не умещаются, умещаясь (вместе с тем) в почти 9-месячном от Голгофы и в 7-месячном от Пятидесятницы 33-го г. интервале, повторим, вполне.

Помимо того, нельзя не отметить заведомый календарный схематизм именно празднично-календарной «златолегендарной» версии, помещающей каменование в (якобы) 8-м (август) месяце посередине между Голгофой (якобы) 25.03. и, к слову, неверно позаимствованной из «Золотой легенды» Э.Боком, датой павлианского Дамаска (якобы) 25.01.

Притом, если датировать дамасское преображение Савла днём 25.01.34г., т.е. спустя всего месяц после каменования Стефана, то это – невозможно рано (недобор), в то время как требующая противоположно естественно растянуть события 8-й главы Д.Ап. на срок аж в 13 месяцев, как предлагает Бок, дата 25.01.35г. – это чересчур поздно (перебор).

P.S. Гораздо продуктивнее задуматься о следующей зеркальной (со)симметричности: Голгофа на 9-м месяце от Преображения Господня в июле 32г., и Первомученичество Стефана

Вчитайтесь-всмотритесь зорче. Ведь все послевоскресенские события-действия первых 7-и глав Д.Ап. не выходят за пределы Иерусалима дальше Елеонской горы или завершающих 7-ю главу Стефановых городских ворот. Т.е. речь тут должно вести об иерусалимском (миссионерском) периоде первохристианства, со становлением иерусалимско-христианской общины и значительным увеличением числа обращённых христиан из палестинских, в первую очередь, само собой, иерусалимских иудеев, к к-рым во второй половине года прибавилось множество диаспоральных и палестинских) иудеев-еллинистов. В связи с этим (в ноябре) и последовало избрание-поставление (паствой и 12-ю Апостолами) 7-и диаконов, одним из к-рых, наиболее харизматичным и наиболее активным среди них, был-стал предположительный уроженец Киликии (или Александрии? или Антиохии?) и одноклассник-одношкольник, по школе Гамалиила, Варнавы с Савлом – ок. 30-летний Стефан.

* * *

Память Стефана – в православии 27.12., у сирийцев, армян и в западной традиции – 26.12. Старейшие из дошедших до нас письменно зафиксированных упоминаний даты 26.12. содержатся в «Апостольских постановлениях» 375 – 80гг. и в проповеди Григория Нисского (381г.) памяти его брата Василия Кесарийского (+ 379г.). Эту же дату называет «Сирийский месяцеслов» 412г. и армянские мартирологические источники V/VIвв. Позднее в Византии 26.12. сделалось праздником Собора Пресвятой Богородицы, вследствие чего, как сегодня (со вчерашнего дня) энциклопедически полагают, Стефанова дата переместилась в VII-м в. на сохранившийся в православии третий день празднеств рождественского цикла – 27.12. (в Западной церкви – день памяти Иоанна Зеведеева, выдаваемого за Богослова, имеющий, впрочем, все шансы быть днём не Лазаря-Иоанна, но именно Иоанна Зеведеева, – мл. брата Иакова Ст.).

Хотя Астерий Амасийский (+ ок. 410г.) называет, применительно к Стефану («начатку мучеников»²⁶⁷), дату 27.12. ещё на заре Vв., и, м.б., одна из причин её предпочтения или переноса в том, что день 26.12.33г. (к-рый, как год Голгофы, был с раннего Средневековья очень востребован) пришёлся на (покойно-медитативную для иудеев) субботу, к-рую некоторые грамотные церковники могли вычислить, и в к-рую, естественно, ни иудейского суда над Стефаном, ни его каменования субботниками-иудеями быть не могло.

Нам же видится (мета)исторически более предпочтительной-приемлемой пятничная дата 25.12., – день, в к-рый, время от времени (наряду с 26.12., в зависимости от дня недели), помнит Св. Стефана Армянская церковь²⁶⁸, и к-рый в

на 9-м месяце от Голгофы в конце декабря 33г.; или – 7 месяцев от событийно насыщенного кушинского-посткушинского октября 32г до майских Преображения и Пятидесятницы 33г., и 7 месяцев от Пятидесятницы-Троицы 33г. до декабрьского Первомученичества Стефана.

²⁶⁷ «Начаток мучеников, учитель страдания за Христа, основатель доброго исповедания, ибо прежде Стефана никто не изливал крови своей за Евангелие».

²⁶⁸ Дни Святых в Армянской церкви – понедельник, вторник, четверг и суббота, если на эти дни не выпадают Господни праздники или пост. Все субботы в году посвящены Святым, все среды и пятницы – постные дни. День Стефана (за к-рым следуют дни Петра и Павла, Иакова и Иоанна), после дня псалмопевца-царя-пророка Давида и Иакова, брата Господня, Армянская церковь отмечает в числе (святочных) праздников, предшествующих (кульминационному) Святому Рождеству = Рождеству Христову – 6.01. (метаисторический день Рождества Иисуса Соломонида – 6.01.1г. до н.э., Поклонения ему волхвов – 6.01.1г.н.э., и день Крещения Господня = Иисуса Нафанида в день 30-летия Иисуса Соломонида – 6.01.30г. н.э.).

Любопытно, что сохранившийся только в армянском переводе «Комм. на Д.Ап.» Ефрема

качестве – с IV/V-го вв. – даты Рождества Христова для всех Церквей (для Иерусалимской – с середины VI в.), кроме Армянской (где Рождество празднуется – как Малая Пасха – 6.01.), не мог сохраниться за Стефаном, память к-рого была, следовательно, перенесена ими на ближайший (на следующий) день 26.12.

Не надлежало ли Первомученику Стефану пострадать за Христа в седмичный день Христовых страданий, т.е. именно в (пост-страстную) пятницу (день Анаэль-Венеры), да ещё выпавшую на первый после Мистерии Голгофы день (благовестуемого именно в Ев. от Лк.) Рождества Христова = на 32-ю рождественскую годовщину (нового Диониса) Иисуса Нафанида (К-рый – Христос Господень – родился на Земле в день, в к-рый *начатку мучеников* за Христа и Христову веру Стефану надлежало, спустя ровно 4 восьмилетки, мученически родиться, в пору зимнего солнцеворота, для Неба)! Не есть ли 7 – число диаконов (и среди них фигура № 1 – Стефан) – число Времени!

Не праздновали ли (встречавшие, как и древнейшие армяне, Новый год равноденственной весной 21 марта) набатеи (и др. аравитяне) в день рождения (рождённого Девой-камнем в зимнесолнцеворотную пору) солярного Душары (арабский Митра; или – новый Дионис) – 25.12. – *Рождество Времени* (Р.л. 849; Д.И. 766; Т.Г. 198-200-205)! Не проводились ли пышные празднично-состязательные Душарии раз в, на олимпийский манер, 4 года, причём в годы совпадавшие с олимпийскими, т.е. налицо празднование (дионисианских) Душарий в декабре (олимпийского) 33г. н.э.!

Не связаны ли Таинства меркуриального Феникса с таинственной Аравией! Хранители Мистерий Феникса южноаравийские сабеи и солнцепоклонники набатеи (с присущей тем и другим *золотой солярностью*, к-рая впоследствии исламски преобразилась в *серебряную лунарность*)! Не приносили ли облачённые в пурпур набатейские цари и великие (с титулом «друг царя») везири при них в жертву Душаре вместо лошадей верблюдов (корабли пустыни)! Не считался ли Стефан (чей культ пришёл-мигрировал на запад морскими путями с востока) в Ср. века в Европе патроном-покровителем, в частности, лошадей, коневодства и судоходства!

Не сообщает ли (путаник) Тацит о (последнем) Фениксе, то ли из аравийской, то ли из неаравийской земли, виденном в Египте, по истечении 1460-и лет (или – 1461 год) «великого года», связь к-рого с великим солнцепоклонником (не чуждым Стефану) фараоном Эхнатом (реформатором и экскоммуницированным-отлучённым первомучеником преданной забвению памяти) мы установили-идентифицировали выше! Не отправится ли Савл, чтобы стать Павлом, к-рый немислим без Стефановых молитвы и жертвы, майской весной в Дамаск, откуда, обратившись, он пойдёт (сначала) в (меркуриальную) Аравию (восстающего из праха Феникса)!²⁶⁹

Сирина (+ 373г.) содержит два эксклюзивных свидетельства: первое – о том, что иудеи очень опасались (проповедническо-миссионерских успехов блестящего спорщика-полемиста) Стефана, из-за его большой учёности; второе – о тесной дружбе Стефана с Гамалиилом (откуда, по всей видимости, и произошло несколько более позднее предание об инициативе Гамалиила при и в погребении мученика).

²⁶⁹ Первомученицей среди женщин церковная традиция чтит, по преданию, спутницу *предварённого* первомученичеством Стефана (Первоверховного) Апостола язычников Павла, много и плодотворно потрудившуюся на миссионерской ниве, Св. Фёклу Иконийскую («Деяния Павла и Фёклы» – апокриф Пв.), к-рая, будучи возведена на костёр, осталась благодаря погасившему огонь ливню жива, впоследствии, будучи брошена на растерзание диким зверям, чудесно (не вышним ли заступничеством за неё перед Богом Стефана!?) избежала смерти, дожила до 90 лет и была сокрыта от преследовавших её языческих жрецов принявшей её, но отринувшей их (сирийской) пещерой, в к-рой несколько позднее и умерла глубокой старицей. Церковь прославляет Фёклу как «Первострадальную жён славу, наставницу страдальцев, отверзшую всем мученичества пути».

В Ср. века мощи Первомученицы находились в столице Киликийского Армянского

Удостоверьтесь, сколько взаимосвязок и косвенных указаний для имеющих уши, — чтобы слышать, и глаза, — чтобы видеть! Дальше — больше. По христианскому преданию, тело каменованного Стефана иудеи оставили без погребения на съедение зверям и птицам. Положить свои одежды у ног юноши именем Савла свидетели-каменователи, несмотря на скорую охлократическо-линчевательскую расправу, в соответствии с предписанием, видите ли, не забыли, а вот предать земле тело казнённого (на кладбище для преступников) в тот же день, до захода солнца, вопреки правилу (нарушив перед тем другие процессуально-правовые нормы), не пожелали!

Точнее, они презрительно от этого акта отмахнулись, пусть-де убиенного предаёт земле, кто хочет (не зная ли, что его похоронят его единомышленники-единоверцы?). И его погребли (не побоялись), согласно Д.Ап. (8,3), — «мужи благоговейные», сделавшие, мало того, «великий плач по нём».

Или, по церковному преданию, это сделал (не допустивший летом 33г. расправы над Апостолами) Гамалиил, причём на своём земельном участке, близ города, в пещере, по образцу Иисусовой гробницы Иосифа Аримафейского, где ранее никто не был положен. Несколько позже там же упокоился Никодим, потом — умерший молодым сын Гамалиила — Авив, и наконец, сам (принявший, следуя преданию, крещение) Гамалиил.

А в 415 или в 417г. (когда место погребения Стефана никто не помнил)²⁷⁰ иерусалимскому пресвитеру Лукиану (автору «Послания ко всем Церквам об открытии мощей мученика Стефана») трижды, притом именно в декабрьские пятницы (не в память ли о первомученической пятнице 25.12.33г.?!), снился достопочтенный старец в долгополом белоснежном облачении, к-рый назвался Гамалиилом, к-рый открыл Лукиану место погребения, и к-рый потребовал перезахоронения останков.²⁷¹

царства (1080–1375гг.) г. Сис (Д.И.1346–50). В 1312/13гг. состоялась помолвка армянского царя Ошина (1309–20гг.) с принцессой Изабеллой Арагонской, отец к-рой, арагонский король Хайме II Справедливый (1291–1327гг.), хотел получить за это мощи Св. Фёклы для помещения в кафедральном соборе Таррагоны. Но из-за протестов киликийско-армянской оппозиции против сближения с католическим Западом помолвку пришлось расторгнуть, а мощи так и остались в Киликии, из к-рой, с падением там последнего Армянского царства под ударами египетских мамелюков в 1375г., были перевезены христианами на Кипр (где до 1489г. продолжала царствовать родственная армяно-килийской династия Лузиньянов) и помещены в женском монастыре Св. Фёклы, на окраине села Мосфилоти, недалеко от Ларнаки.

²⁷⁰ Упоминаний о Стефане нет ни в писаниях при- и первых после-апостольских мужей, ни в ранних христианских апокрифах. Первыми его достохвально называют-чтут-поминают во II/IIIв. латинские авторитеты Ириной Лионский («Против ересей» 3,12,10: «...первый, избранный Апостолами в диакона, первый также из всех людей, пошедший по следам мученичества Господа, т.к. он первый был убит за исповедание Христа»; 3,12,13; 4,15,1) и Тертуллиан («О терпении» 14,1), к-рый, на первопримере Стефана, утверждает, что кровь мучеников «есть семя церкви». В «И.Ц.» Евсевий говорит о Стефане трижды (2,1,1; 3,29,5; 5,2,5). В IVв. Первомученику воздают должное Афраат, Ефрем Сирий, Григорий Нисский, автор «Комм. на Д.Ап.» alexандрийский богослов Дидим Слепец, Амвросий Медиоланский. Последний пишет: «Стефан подобен «первой рыбе», пойманной Петром (Мф.17,27), поскольку в его, исповедника Иисуса и мученика, устах сатир праведности» («Гекзамерон» 5,6,16).

Однако, тем не менее, о том, насколько аж в начале Vв. Кн.Деяний была, в сравнении с Четверо-Евангелием или Посланиями Павла, несмотря на её каноничность, меньше известна среди христиан (чем, в т.ч., объясняется малоизвестность Стефана в первые века христианства), свидетельствует, сокрушаясь об этом, в «Беседах на Д.Ап.» Иоанн Златоуст: «Многие не знают даже и того, что эта Книга существует, — не знают ни самой Книги, ни того, кто её написал и составил. Поэтому-то в особенности я и решился заняться этим произведением, чтобы и научить незнающих, и не допустить, чтоб такое сокровище тайлось и оставалось в неизвестности» (1,1).

²⁷¹ Если мощи Стефана Лукиан сновидчески увидел в золотом, увитом розами, саркофаге, то мощи Гамалиила и Никодима были в серебряных, увитых шафраном, гробах.

Так, чудесно обретенные мощи Первомученика были перенесены (вместе с мощами Гамалиила, Никодима, Авива) в Иерусалим (26.12), в церковь Сиона. Далее, в 428г., – в Константинополь²⁷², где ещё Константин Великий посвятил Стефану первую церковь, и погребены здесь в церкви Св. Лаврентия; позднее же, – в воздвигнутом императрицей Пульхерией²⁷³ во имя Стефана царьградском храме.²⁷⁴ С 560г. – местонахождение (части) мощей также Рим (Basilika S.Lorenzo fuori le mura), где Стефан и Лаврентий (день – 10.08), патроны Рима, были (плюс – Св. Винсент – 22.01) наиболее почитаемыми в Ср. века христианскими мучениками.²⁷⁵

Надо специально отметить-акцентировать, что, в свете всего вышесказанного, как это (упорно-опорно) декабрьское тройственно пятничное видение-обретение мощей в Vв., так и настойчиво фигурирующие, с IV/Vвв., в обретательско-мученическом диапазоне-контексте дни 26/27.12, по нашему мнению, дополнительно наводят-указывают на историческую дату Стефанова мученичества никак не субботу 26.12. и не в первый день иудейской седмицы (пролептическое воскресенье) 27.12., но именно в (таинственно-дуалистическую – *рождественскую* и *первомученическую-страстную*) пятницу 25.12.33г. н.э.

РЕВНИТЕЛЬ САВЛ

Засим, завершая сакральную мета-хроно-историю этого самого долгого из всех лет-годов нашего (4-я книга) хроноповествования, т.е. центрального и абсолютно-срединного во вселенской летописи – 33-го г. н.э. – года крестно-воскресенского Таинства Голгофы, к-рый совсем не случайно завершается Первомученичеством Св. Стефана (и началом иудейских гонений против членов христианской общины = Перво-Церкви), необходимо сказать несколько слов о *юноше Савле*. Ведь это у его ног свидетели-эксекюторы-убийцы Стефана, каменная Первомученика, положили, как следует из Д.Ап., чтобы не быть стесненными в телодвижениях, свои

²⁷² Если у католиков день обретения мощей Стефана – 3.08. (к-рый «Золотая легенда» оригинально, но нисколько не убедительно перебрасывает, посредством рокировки, на 26.12.) (см. выше), то у православных мощи обретаются 15 (28) 09., между тем как их перенесение из Иерусалима в Константинополь памятуется 2 (15) 08. Притом в пути, на море, демоны уготовили судну с мощами гибель, но его спас отправивший нечистую силу в преисподнюю Архангел Михаил.

²⁷³ Пульхерия – сестра и регентша при своём младшем брате Феодосии в 414-21гг.; императрица – после его кончины и взятия в мужья провозглашённого ею императором Маркиана (450-57гг.) – в 450-53гг.

²⁷⁴ По рассказу Лукиана, при открытии могилы в Кафар-Гамале (*веси Гамалиила*), воздух наполнился благоуханием, словно в раю, и в округе исцелились от болезней и одержимости 73 человека. Мощи были перенесены в Сионскую церковь в Иерусалиме, при том, что часть праха и несколько костей Лукиан передал подвизавшемуся тогда в Палестине испанскому священнику Авиту, к-рый отправил их вместе с латинским переводом письма Лукиана, бражскому епископу Блахонию. Вёз реликвии Павел Орозий, возвращавшийся на запад после Диоспольского собора 415г. Но до Браги он, из-за шедшей тогда в Испании войны, не добрался. В результате, часть находившихся у Орозия реликвий оказалась в Менорке, часть – в североафриканском Узалисе, а позже и в нескольких соседних городах. Распространению и укреплению культа Стефана в Северной Африке активно способствовал ранее настороженно относившийся к почитанию мощей Августин, к-рый посвятил Стефану и чудесным исцелениям от его мощей ряд проповедей.

²⁷⁵ Впрочем, согласно Цанну (S.267), как о Стефановом погребении в гробнице Гамалиила, так и о вратах Стефана (ещё) не знают ни Паломник из Бордо (333г.), ни паломница Этерия (383г.). Первыми о церкви (и при ней гробнице), посвящённой Стефану супругой Феодосия Малого (408-50гг.) Евдокией у Стефановых (к-рые они отождествляют с Дамасскими) ворот, письменно упоминают паломники Феодосий (530г.) и Антоний (570г.).

одежды (что, к слову, дополнительно указывает на достаточно холодное зимне-декабрьское время года).

О Савле требуется, анонсируя его дальнейшее великохристианское подвижничество, для начала сказать хотя бы несколько слов именно на исходе 33г. и именно в связи со Стефаном, ибо, повторим ещё раз, без Стефанова первомученичества у Церкви не было бы обратившегося в 34г. первоверховного Апостола Павла. Не он ли является центральной апостольской фигурой Кн. Д.Ап., охватывающей 30-летний период 33 – 63гг. н.э.²⁷⁶ И потому именно на святочном исходе именно 33г. с ним надлежит предварительно познакомиться поближе.²⁷⁷

В «Р.л.» (972/73) было сказано о Павловом рождении, со ссылкой на его собственное свидетельство, в Тарсе Киликийском (Д.Ап.22,3), причём в римском гражданстве (22,25-28), стало быть, унаследованном им от родителей (от отца), происходивших, согласно Иерониму (De viris illustribus 5), из галилейской Гисхалы (Гушхалав), пленённых римлянами в пору подавления Квинтилием Варом в 1г. н.э. восстания иудеев по смерти Ирода, проданных в рабство, затем обретших (приближе неизвестных обстоятельствах – от знатного-влиятельного? хозяина-патрона-покровителя) свободу и поселившихся (или оставшихся) в Тарсе Киликийском. При всех случаях, они уже жили там (имея римское гражданство, с получением вольной ими приобретённое) на момент рождения у них сына Савла, по всей видимости-вероятности, не позднее 3г. н.э.²⁷⁸, т.к. в Послании к Филимону (9) от

²⁷⁶ «Возможно, мученическая смерть Стефана, хотя частично, была ценой, уплаченной за душу Савла! И что за душа! Близкий человек, к-рый, как никто прежде, дал основание христианству в центре известного тогда мира и изменил курс истории, – Павел из Тарса» («Библейский справочник» Геллея, с.568).

²⁷⁷ Савл – евр. – *испрошенный*; Павел (Paulus) – лат. – *малый*. «Библейский словарь» Нюстрема (с.297-301) полагает, что он изначально был носителем двух имён – еврейского и римского, как Иоанн Марк (Д.Ап.12,12) или Иисус Иуст (Кол.4,11). Может быть (?). Или иудея Савла можно назвать христианином Павлом после его дамасского преображения-крещения, при том, что в Д.Ап. он впервые называется именем Павел – после благодаря его проповеди – уговором во Христа римского проконсула Кипра Сергия Павла (46г.) (13,9-12) (см. ниже).

²⁷⁸ Внимание! Согласно Иоанну Златоусту, Павел (дата рождения к-рого в прочих древне-христианских источниках не указывается) родился на 2-м году от Рождества Иисуса (Orat. de Petro et Paulo in Chrysost. Opp. ed. Bened. VIII spur. p.10), что, если исчислять этот «2-й год» от Рождества Иисуса Нафанида 25.12.1г. н.э., попадает как раз на предложенный нами 3г. н.э. Причём, если принять во внимание, что И.Златоуст (+ 407г.) относил храмово-ангельское обетование священника Авиевой чреды Захарии, пусть неправильно *делая* Захарию первосвященником, на 27.09. (Р.л. 780) как на Судный день, к-рый приходится на 27.09. в 1г. до н.э., и акцептировал в качестве дня Рождества 25-е декабря (а не 6 января) (Р.л. 501), то, значит, датой Р.Х. (через 6 месяцев после рождения Иоанна, родившегося на 9-м месяце от обетования), по И.Златоусту, может быть (на рубеже эр) именно и только 25.12.1г. н.э. Напомним, это – известная Ев. Луке – автору Евангелия от Павла, и известная основателю римской эзотерической школы Дионисию Ареопегиту (и взятая в 525г. на вооружение учредителем нашего летоисчисления Дионисием Малым) *павлианская* рождественская дата, впервые обнаруженная Римской церковью в 336г., задокументированная в римском «Хронографе 354г.», празднуемая с тех пор христианским Римом, и вытеснившая в качестве рождественской дату 6.01. в IV/V/VIвв. повсеместно, кроме Армянской церкви.

А с др. стороны, этот тождественный оптимально установленному нами в «Р.л.» (972-74) 3-у г. н.э. как дате рождения Павла (кому – *юноше* = молодому человеку – на время каменования в 33г. Стефана – не более 30-и лет, тогда как на время написания в 63г. – *Павлом старцем* – Послания к Филимону Павлу не менее 60-и лет) 2-й год от Рождества Иисуса Нафанида, фигурирующий у И.Златоуста, вполне переключается-хроносообразуется с версией, на базе информации Иеронима (+ 420г.), о пленении происходивших из галилейской Гисхалы Павловых родителей и продаже их в рабство, в Тарс, вследствие произведённых римлянами в Палестине опустошений. Точнее, противоречивый Иероним нуждается в корректуре. Если в

63г. н.э. Павел называет себя «старцем» (греч. — γερῶτος — «геронт»; лат. — senex — «сенекс»), из чего, соответственно, можно сделать вывод о достижении им в 63г. 60-летнего возраста.

Происходя из, надо полагать, благочестивой иудейско-фарисейской семьи, Савл, во всяком случае, не позднее, чем в обязательном 12-летнем возрасте, т.е. в 15г. н.э., паломнически посетил (впервые ли?) с отцом и продолжал в последующем посещать, по большим паломническим праздникам (мартовско-апрельская Пасха; майско-июньская Пятидесятница; сентябрьско-октябрьские Куши), Иерусалим и храм. Конечно, он мог приходить в храмовый Иерусалим и раньше, но уж точно приходил как минимум один раз в год на один (или больше) из трёх больших праздников — с 12-и предписанных возрастных лет.

В Тарсе же ему, кто на уровне владел греческим, наверняка довелось получить как хорошее начально-домашнее воспитание-образование, так и образование начально-школьное, в обычной для иудеев школе при синагоге. Напомним, «Абот» (5,21) требовательно предписывает с 5-и лет изучение Библии, с 10-и — Мишны, с 13-и — соблюдение заповедей, с 15-и — Талмуд, в 18 или с 18-и — женитьбу (Р.л. 1327), что, разумеется, нельзя безостаточно экстраполировать на времена до 70 — 135гг., и тем не менее.

Следовательно, по всему, ок. 18г. н.э. имело место принятие-поступление отрока Савла, диаспорального иудея-фарисея из Киликии, в известную иерусалимскую (скажем так, среднюю и высшую) школу Гамалиила, о чём Апостол, представляясь ополчившимся против него иудеям в 58г., говорит сам, как — «воспитанный в сём городе при ногах (т.е. понимай, — с отроческо-юношеских лет — К.З.) Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге...» (Д.Ап.22,3). Притом, вовсе не исключено его обучение совместно с Варнавой и Стефаном.

Далее, судя по тому, что левиты приступали к исполнению своих обязанностей с 25-30-и лет, а кохены-священники — с 30-и лет, рано начинавшийся поступенчатый-поэтапный (не без возможных или обязательных перерывов между этапами) процесс образования-обучения у евреев, (издревле) был (к части их будь сказано) как фундаментальным, так и достаточно длительным. И значит, не будет ошибкой предположить-принять, что Савл учился (проходил обучение; получал образование), в общей сложности, (возможно, с перерывом) ок. 10-и лет, иначе

его «Комм. на Посл. Ап. Павла к Филимону» (22/23) говорится, что (как «сказывают») родители Павла, жители Гисхальской области, при её опустошении римлянами, были выселены из Иудеи и оказались в Тарсе, где и родился Павел, то в «О знаменитых мужах» читаем: «После захвата города (Гисхала) римлянами родители увезли мальчика с собой в киликийский город Тарс» (5). Т.е., если, согласно «Комм.», Павел родился уже в Тарсе, что он и сам подтверждает в Д.Ап., то согласно «De virgis», получается, что он родился ещё в Гисхале, а это грубо и однозначно противоречит словам Апостола: «Я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском» (Д.Ап.22,3).

Захват же Гисхалы римлянами ок. времени рождения Павла, родившегося, в любом случае, где-то на рубеже эр, условно между 10г. до н.э. и 10г. н.э. (самый широкий предел колебаний), может относиться только к 1г. н.э., т.е. ко времени подавления мятежа иудеев, в т.ч., в Галилее, после смерти Ирода в марте 1г. н.э., легатом Сирии Квинтилием Варом весной/летом 1г. н.э. Всякая другая дата исключается, поскольку выступление Иуды Галилеянина в Иудее в 7г. н.э. Галилею не затронуло, между тем как никакие иные захваты городов (с продажей их еврейских обитателей, в наказание за мятеж, в рабство, по поводу чего Флавий говорит только о Сепфорисе, но что вполне могло случиться и с Гисхалой) римлянами в означенный период времени, кроме как в 1г. н.э., в Галилее и вообще в Палестине, не производились. Впрочем, если по «De virgis» родители Павла сами переселились в Тарс, то из невнятного (или невнятно дошедшего до нас) текста «Комм.» не совсем ясно, были ли они выселены, будучи пленены в Гисхале, и потом оказавшись в Тарсе в качестве пленников, что скорей всего, или всё-таки попали в Тарс как беженцы.

говоря, с 18-го по 28гг. н.э., после чего, предположительно, отбыл домой (по месту постоянного проживания), в Киликию (Тарс), снова прибыв в Иерусалим и осев здесь, не считая паломнических посещений (?), м.б., не ранее лета 33г. н.э.²⁷⁹

Почему? Потому что ни в Д.Ап., ни в 14-и павлианских Посланиях нет ни малейшего намёка на какую-либо прямую сопричастность их автора к событиям 28 – 33гг., – от выступления Иоанна Крестителя до Мистерии Голгофы, т.е. ко времени земной жизнедеятельности Предтечи-Крестителя и Самого Иисуса Христа, чем даётся минимум повод предположить Павлово отсутствие (т.к. его присутственную отстранённость от этих дел-событий предположить сложнее) в Иерусалиме и в Палестине в данный период.

Продолжал ли он посещать Храм в паломнические праздники? По идее – должен-обязан был бы, однако, – не обязательно, поскольку несомненна его сопринадлежность к эзотерическому фарисейству = к оккультному орденско-фарисейскому посвящению, к-рое лучше всего объясняет как его исключительное для иудеев (обетно-назирейского типа) безбрачие (1Кор.7,8; 9,5), обусловленное особым служением Господу, так и может означать обетную необходимость пребывания на протяжении ок. 5-и (посвятительно-испытательных) лет в Тарсе, или где-то в ином (за пределами Палестины) месте.

По любому, он сам ясное ясное указывает на своё безбрачие (Т.Г. 1102-04), рекомендуя, но не навязывая оное единоверцам («Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я»), ибо «неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу» (7,32). И пусть эти слова пишутся в 50-е гг. IV в. н.э. христианином Павлом, нет ни малейших оснований полагать, как экзегатами часто делается, будто иначе дело обстояло с иудеем Савлом, к-рый-де был женат, потом развёлся или стал вдовцом, чтобы сим непременно сделать из него, по их мнению-убеждению, члена синедриона, каковым полагалось быть женатыми. Впрочем, небезбрачие Павла ошибочно предполагали, согласно Евсевию (И.Ц. 3,19,30), ещё Климент и Ориген.

* * *

Но членом синедриона Савл не был (см. ниже), вследствие чего необходимость делать его обязательно брачным отпадает. Ведь в отношении определённой категории мужей Божиих (к к-рым, возьмёмся заявить, принадлежал как ещё иудей Савл, так и уже и, тем паче, христианин Павел) в Израиле издревле допускался, по их вольному выбору-предпочтению, в т.ч., богоугодный вариант богослужебного безбрачия (целибата). Не был ли *безбрачным* пророк Илия (предтеча Мессии в вечности), кто (еврей евреев!) как никто олицетворяет дух ветхозаветного народа (хотя Навуфей Изреелетянин имел семью)! Не был ли безбрачным помазанный-освящённый во пророки Илией Елисей, на ком дух Илии опочил вдвойне! Не был ли безбрачным пророк Иеремия (называемый *Девственником*) – честь и совесть еврейства эпохи конца Иуды и гибели Первого храма! Не был ли безбрачным Даниил – выдающийся пророк поры Вавилонского пленения, последний из больших пророков Господних!

Отсюда не удивительно, что вышедшие плоть от плоти из еврейства – привратник Нового Завета – Аронид Иоанн Предтеча (карма Илии!), Сын Давидов – Иисус

²⁷⁹ При этом, он одновременно, как и прочие, включая священников и левитов, иудей, умел заработать себе на хлеб ремеслом, т.к., согласно одному из еврейских жизненных правил, – «кто не учит сына своего ремеслу, тот учит его воровать». То-то Павел владел ремеслом делания палаток, к-рые изготовлялись из власяницы – жёсткой и грубой ткани, выделяваемой из козьего и верблюжьего волоса (Д.Ап.18,3;20;34; 2Фес.3,8).

из Назарета, Вениаминит Савл/Павел (карма Иереми!) и (почтительно величаемый, сродни Иереми, *Девственником*) Израэлит Израэлитов Лазарь-Иоанн (карма Елисея!), все они, как в свою бытность евреями-иудеями, так и по выходе на наднациональную орбиту, по выходе на вселенско-новозаветные высоты-горизонты, были (богоугодно-богослужебно) безбрачными (целибатными).

Мало того, даже когда после катастроф 70 - 135гг. заповедь «плодитесь и размножайтесь» приобрела, в видах выживания еврейства, в жёстких условиях безгосударственности и Рассеяния, нормативную непреложность, несмотря на всё это, исключения среди богоугодников-иудеев случались = имели место быть. Так, избравший на путях служения Богу безбрачие-бездетность «обвенчавшийся с Торой» р. Шимон б. Аззай (Пв. н.э.) мотивировал свой выбор избранной им (= позволенной в исключительных случаях) максимой: «Моя душа возлюбила Закон; мир будет продолжен другими» (Евамот 63б).

Следующий, в частности, в свете вышесказанного, вопрос о ранге-статусе участвовавшего (правда, по наличному материалу, не очень ясно, в каком именно служивом качестве?) в экзекуции над Стефаном Савла. В Д.Ап.7,58 он зовётся *νεανίας* – «неаниас» (а не – *νεανίσκος*), или как уточняет, на чётком примере (дифференцированной-дефинированной) латыни, Цанн (S.264), «*iuvenis*», но не «*adolescens*». Т.е. не столько, по нашим современным меркам, «юноша», сколько, если выражаться для нас понятнее-точнее, «молодой человек» = зрелый «молодой муж», возраст к-рого, в широком понимании – от (не моложе) 30-и²⁸⁰ до 45-и лет (зрелость молодости; зрелая молодость).

Дело в том, что если «*adolescens*» означает – «подростающий, юный, молодой», а «*adulescentia*» – юношеский возраст от 14-и до 30-и лет, то «*iuvenis*» есть – «юноша» = «молодой человек», а «*iuventus*» (эпохи Римской империи в пределах римско-эллинистического мира) суть «юность-молодость» в смысле-значении полного расцвета сил в возрасте от 20-и до 45-и лет (боеспособное мужское население – от 18-и до 45/46-и лет). Или, вспомним, например, что в Кн.Ц.(3,14,21) и Пар.(2,12,13) сын Соломона Роваам, бывший в возрасте 41-го года при воцарении, и его советчики-ровесники-сверстники называются «людьми молодыми» (как Флавий, со своей стороны, называет, приложительно к 9/8гг. до н.э., «мужем ещё молодым» сорокаили, скорее, чуть за-сорокалетнего набатея Силлея) (Р.л. 557/58; Д.И. 226).²⁸¹

Соответственно, тот факт, что Савл – «неаниас» = «*iuvenis*», но не «*adolescens*», маркирует и фактически констатирует (устаами автора Ев. от Павла – грекоязычного сирийца-антиохийца Луки) то, что на время каменования Стефана в конце декабря 33г. н.э. Савлу не меньше 30-и лет. Вот что (в т.ч.) термином «неаниас» (правильно переводимым-воспроизводимым на латыни посредством точного эквивалента – «*iuvenis*») прецизирует-подчёркивает Дееписатель.

Если же оперировать более присущими-близкими недецемалистам-иудеям семилетками, то возраст молодого человека получится-устойится в уточнённых-прецизированных границах от 28-и (30-и) или 31,5 (7 x 9 = 63 : 2) до 42-х (7 x 6) лет. Отсюда возраст зрелости – 40-42-60 лет, или максимум – 63 (девять исполнившихся седмиц-семилеток) года. (Нелишне вспомнить, что римлянин считался до 46-и лет

²⁸⁰ Иосиф стал великим везирем в Египте в 30 лет; Давид воцарился в 30 лет; Иисус, начиная своё служение, был лет 30-и.

²⁸¹ Саул назван «молодым и красивым» (1Ц.9,2) накануне своего воцарения (ок. 1030г.) в возрасте 35, за 35 или под 40 лет (Д.И.456). Либо, если он родился ок. 1068/67гг., а был помазан (родившимся, б.м., не ок. 1085, но ок. 1090гг.) Самуилом ок. 1037/36гг., то ему в момент елеопомазания – 31 (или – 31-й) год (как на время дамасского преображения Савлу, кто, кстати, был, в отличие от высокорослого красавца Саула, сообразно апокр. «Посл. к Фёкле», низкорослым, лысым и длинноносым).

призывным «юниором», с 46-и – зрелым «сениором», и с 60-и – стариком – «сенексом»). 70 лет – возраст патриарха; 80 и после 80-и – старческой немочи. (С 30-и лет выучившийся-учёный иудей мог учительствовать-проповедовать, тогда как возраст ординированного раввина, с правом преподавания в высшей школе, – 40 лет).²⁸²

Т.е., коли собственно по возрасту достигший в 33г. н.э. 30-и лет Савл для требовавшего, как думают, именно этой минимальной возрастной планки членства в синагогине подходит, то его безбрачие оному препятствует.

Вдобавок к тому, разве (само по себе) положение у Савловых ног одежд каменователями не свидетельствует о его (безбрачника) не членском, но служительском присинагогинально-синагогинальном ранге-статусе! Одежды могут быть положены у ног отвечающего за их сохранность (стерегущего их) молодого человека 30-и лет отроду, находящегося в услужении, на службе (на посту), но не (у ног) полноправно-членствующего в герузии (где он, к тому же, не вправе членствовать, являясь неженатым).²⁸³

²⁸² Впрочем, в Библии Иосиф называется «отроком» в 17 лет (Б.37,2), или «молодым Евреем» в 30 лет (41,12). Бывший же, согласно преданию, на 9 («Кн.Юбилеев» 32), либо на 12 («Заветы 12-и», «Завет Вениамина» 1), либо на 10 («Die Sagen...», S.428) лет младше Иосифа его родной брат – родившийся – ок. 1907г. до н.э. – у ок. 100-летнего (по «Кн.Юб.» – 97-летнего) Иакова младший сын Рахили, к-рая умерла при этих родах, Вениамин зовётся в ок. 30-летнем возрасте «отроком» (Б.43,8; 44,22;30-34). Т.е. смысл, вкладываемый в подобные термины Библией может быть не обязательно буквально-возрастным, м.б. не прямым, но фигуральным, манифестирующим, например, чистоту-непорочность Иосифа (карма Иоанна Богослова) и Вениамина (карма Павла). И Савл был таковым, в еврейском понимании *юноши*, как до его, ревностного ревнителя, преобразования-обращения, так и после. Не говорит ли он о себе в Посл. к Филиппийцам: «Обрезанный в восьмый день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, / По ревности гонитель Церкви (Божией), по правде законной – непорочный» (3,5/6).

Любопытно, что один из дней, посвящённых Павлу (вместе с Петром) по календарю Армянской церкви – 28.12. (день мученичества Павла также у сирийцев и коптов), расположен посередине между Рождеством Христовым – 25.12., и принятым нами днём рождения близнецов – Лазаря и Магдалины – 31.12. *Новый Аполлон* – Иисус Соломонид (род. 6.01.1г. до н.э.) и *Новый Дионис* – Иисус Нафанид (род. 25.12.1г. н.э.); *новодионисианское* христианство Павла (род. – 3г. н.э.) и *новоаполлоническое* христианство Лазаря-Иоанна (род. 31.01.1г. до н.э.).

Зодиакальный знак Вениамина – Водолей («Die Sagen...», S.636), или – Скорпион («Завещание 12-и патриархов»). Не родился ли (креститель множества язычников) вениаминит Павел под знаком Водолея-Купалы – 25.01.3г. н.э. (в один год с Иоанном Зеведеевым, родившимся, возможно, 27.12.3г. н.э.)? Или он родился под майско-июньским знаком Близнецов? Или месяц рождения родившегося (1Кор.15,8) семимесячным («изверг» = изверженный до срока) Павла – август (Иеремия родился 9 ава!), под знаком (отводившегося ему в Ср. века) Льва, а месяц – воплощения – январь, под знаками Козерога и Водолея? Или знак 13-го Апостола – 13-й (между Скорпионом и Стрельцом) загадочно-драконический (полузодиакальный) знак – Змееносец (27.11 – 17.12) (Т.Г.243/44), с соответствующим воплощением недоношенного Савла в отстоящем на 30 лет от вознесенско-пятидесятничного мая 33-го г. н.э. мае 3-го г. н.э.? См. ниже.

Правда, исповедник кредо «Christus verus Luciferus» (Христос истинный Люцифер) 13-й Апостол Павел есть «Змееносец», вне зависимости от его воплощения-невоплощения или рождения-нерождения под 13-м звёздным знаком Змееносца! Но 13-й Апостол одновременно 2-й, по ошую Господа (ведь 14-й или 1-й, по одесную, – Лазарь-Иоанн), и м.б., время-дата рождения ойкумениста Павла – 2-й день 2-го юлианского месяца, под знаком Водолея, = 2.02.3г. н.э. – в первую годовщину Сретения Господня? Или Павел родился в день 28.12., – дата, пережившая затем у сирийцев, коптов и армян мартирологическую метаморфозу? (см. ниже)

²⁸³ «Санхедрин»: «Р. Иоханан (б. Заккай): «Назначай в синагогине только людей значительных, мудрых, представительных, в возрасте, знающих колдовство (= умеющих разбираться в вопросе для изблечения и осуждения колдовства-чародейства) и владеющих (фигурально)

Таким образом, что мы имеем? Молодого, полного сил и энергии фарисея Савла со статусом своего рода, выразимся современно, аспиранта («диаконостующего»-подвигающегося) при синедрионе (где тон задаёт саддукейско-первосвященская элитарная клика), после его (сопровождаящегося, на пути к посвящению, назирейско-обетным безбрачием) ок. 10-летнего обучения в школе Гамалиила и ок. 5-летнего (орденско-посвятительного) пребывания (в основном) вне Палестины. Т.е., с лета или на декабрь 33г. он должен был находиться-обретаться (находился-обретался) в первом из трёх рядов сидевших во время синедриональных заседаний-разбирательств в 3 ряда на полу учеников (первопривилегированных аспирантов) законоучителей, к-рые, т.е. ученики-аспиранты, завершая своё высшее образование в аспирантуре, одновременно выполняли-отправляли различные служебные герузиальные обязанности и поручения.

Да, он, по его честному (неоднократному) признанию (Д.Ап.9,14; 1Кор.15,8-10; Фил.3,6; 1Тим.1,12-16; 2Кор.4,1-6; 5,16-19), подавал голос (Д.Ап.26,9-11) на-за преследование христиан (гонение; заточение; убийство), хотя это относится ко времени после убийства Стефана и проявленных Савлом ревнительских инициатив, применительно к первому гонению, когда замеченная-оценённая верхами усердная ревность (прыть) гонителя увенчалась его, облечённого соответствующими полномочиями, (противохристианским) снаряжением (весной 34г.) с письмами от первосвященника в Дамаск (см. ниже).

Однако, так или иначе, слова «подавал на то голос» не означают (или совсем не обязательно означают), как кажется-видится многим экзегетам, неперемное голо-сование в смысле неперемного членства в синедрионе, означая или вполне могучи означать именно ревностно-ревнительскую активность-инициативность (именно усердную прыть) весьма деятельного ратателя крутых мер и подателя голоса.

Посему в гонениях, к-рые грянули после сигнального убийства Стефана, непосредственно не участвовавший в каменовании охранитель одежд свидетелей-каменователей Савл, полностью одобривший-поддержавший эту расправно-тумултарную лапидацию-эзекуцию, настолько, с декабря/января 33-го по весну 34гг., преуспел-отличился, что вскоре взойшёл на очередную служительскую ступень, к-рая и позволила ему взять, получив от первосвященника (Каиафы) нужный *комиссарско-чекистский* мандат, в мае полномочный гонительский курс на Дамаск.

Но обо всём этом мы побеседуем ниже, с началом следующего 34г. н.э., уже после того как расскажем, заканчивая нашу хронореконструкцию (в рамках метаистории *sacra* и истории *profana*) событий 33г. (к-рый, из-за его исключительной насыщенности, всё никак не закончится), о том, что происходило в этом наиболее многопамятном во вселенской летописи человечества году на другом от Земли Обетования полюсе. А именно о том, что происходило-вершилось в державнейшей столице (половины) мира сего (= Imperium Romanum) – в Городе-на-Тибре – Риме.

Вернее, учитывая пребывание островного кесаря Тиберия на Капри, обратимся к Риму/Италии, не забывая про Ойкумену и про оба полушария как никогда круглой (в объёме Христом – Спасителем необъятной вселенной) именно в 33г. н.э. Земли! Итак, повременим, предложив читателю напоследок и в качестве предид-

70-ю (по совокупному числу народов Ойкумены) языками (= знающих иностранные языки), чтобы синедристы не слушали дела из уст переводчиков» (17а).

У (воспроизводящего и совершенствующего раввинистическо-талмудические нормы) М.Маймонида = Рамбам (1135-1204гг.) в «Законах Санхедрина» сказано: «В Санхедрин, как в Большой, так и в Малый, назначай только людей мудрых и здравомыслящих, обладающих глубокими познаниями в Торе и большим умом» (2,1). «Не назначай в Санхедрин ни глубокого старика, ни внука, поскольку в них есть жестокость, ни бездетного (= неженатого – К.З.), – чтобы (судия) был милосердным» (3).

словия-анонса стихотворение о Первомученике Стефане и ревнителе Савле, к-рый, как замечательно сказано, не стал бы в дальнейшем великим Ап. Павлом без предсмертной молитвы Св. Стефана:

Первомученик Стефан
И ревнитель Савл,
Христианство и кагал,
Слава и расправа!
Каменованный толпой
Злыдней близоруких,
Умирая, как изгой,
Он свои им муки,
Перед тем как испустить
Дух, просил в молитве
Бога грешным не вменить,
С палачами квитый.
А одежды те у ног
Положили Савла,
Кто послушно их стерёг,
И расправу славил.
Не взмолишь тогда Стефан,
Савл не стал бы Павлом,
Первым был из могокан
Мученик расправный.
Не молитвой ли его
Павел близ Дамаска,
Из Иуды выйдя вон,
Фарисея маску
Сбросил на пути во Свет,
Ослеплённый Богом,
Чтобы Новый взять Завет
От Христа в дорогу!

(К.З.)

ЧАСТЬ II

РИМ 33 г. н.э.

1 января 33г. н.э. = 786г. а.У.с. в Риме в консульство вступили С.Сулпиций Гальба и Л.Корнелий Сулла Феликс.

КОНСУЛЫ ГОДА

Сулпиции – старый республиканско-патрицианский род – *gentes Minores*. Их происхождение – из Лавиния, или и из Ланувия – спорно, поскольку, в обоих случаях, оно выводится-эвентуализируется вдвойне косвенно и опосредованно. Дело в том, что в некрологе на кончину хорошо знакомого читателю П.Сулпиция Квирина (конс. 12г. до н.э.; ... легат Сирии в 1/2 и в 4 – 7гг. н.э.) Тацит, представляя-рекомендуя его, всего-навсего, говорит: «Этот Квириний, происходя из города Ланувия, не принадлежал к древнему патрицианскому роду Сульпициев...». Отсюда, во-первых, делается опосредованное предположение, будто Квириний происходил не из более скромного Ланувия, но из много более известного Лавиния (города распущенного в 338г. победоносными римлянами Латинского союза): дескать, в тексте «Анналов» ошибка, – либо авторская, либо, скорее, позднейших переписчиков (Р.л. 481-83).

А во-вторых, далее предполагается, что патрицианские Сулпиции, к к-рым Квириний не сопринадлежал (хотя, например, Моммзен, м.б., верно, несмотря на отрицание какой-либо *квиринско-сулпицианской* сопринадлежности Тацитом, считает Квирина усыновленцем кого-то из знатных Сульпициев), происходили, мол, из Лавиния. Увы, подобная неодноходовая виртуальная комбинация-цепочка (мно-гоучёных мозгов), да ещё с опорой на столь бесцеремонно корректируемого (без достаточных на то оснований) Тацита, весьма сомнительна.

Примем, как мы приняли в «Р.л.», за верное Квириниево происхождение из Ланувия, оставив одновременно вопрос о местонахождении родового очага патрициев Сульпициев под вопросом. Впрочем, изображение Пенатов и жертвоприношения на медных монетах ближе неизвестного Г.Сулпиция за 91г. до н.э. связывается с Лавинием, из чего, однако, родовое гнездо означенного рода не выводится, или выводится, за недостаточностью улик, совсем не обязательно.

При всём том, Сулпиции не фигурируют ни в традиции основания Рима, ни в традиции дальнейшего Царского периода (753 – 510/09гг. до н.э.)¹, впервые

¹ Свержение царизма Тарквиния Гордого в Риме, как и симптоматично одновременный конец тирании Гиппия в Афинах (510/09гг. до н.э.), в ракурсе Греко-Римской культуры под знаком Овна, есть яркое проявление в ротационно-архангельскую эпоху Михаила-Солнце (602–248гг.), к-рая сменила эпоху Гавриила-Луны (956–602гг. до н.э.), демократическо-михаэлического (солярного) принципа, отлично от принципа (лунарного) аристократическо-гаврилического (второй из к-рых в Греции дальше репрезентировала идущая ещё от Ликурга Спарта, а первый – идущие от Солона Афины).

появляясь на сцене, в лице своего первого репрезентанта Сервия Сульпиция Каме-рина Корнута, в качестве консула, в 500г. до н.э., т.е. спустя десятилетие после конца (изгнание Тарквиния Гордого) римского царизма (к-рый только через полты-сячелетия восстал как официально не отменившийся, но, напротив, реституировавший Республику принципатовский цезаризм!).

Поскольку же старолатинская община *Sametia* исчезла в 501г. до н.э., логично взаимосвязать Сульпициев именно с ней, равно их интеграцию в Рим, их становление римлянами, с её исчезновением. И любопытно, что носимый уже первым Сульпицием *praenomen* Сервий (*Servius*) позднее наиболее часто встречается у пред-ставителей именно данного рода, тогда как среди прочих сульпицианских когно-менов – *Cornutus*, *Longus*, *Praetextus*, *Petinus*, *Saverius*, *Paterculus*, *Gallus*, *Galbae*, *Rufus*.² Однако, лишь два последних из них, прослеживающиеся с IIIв. до н.э. – Гальбы, и с IVв. до н.э. – Руфы, были на IVв. н.э. носителями наследственных фамильных прозвищ двух ветвей знатного *gens Sulpicia*.³ Правда, ранее напару с Гальбами экзистировали Сульпиции Галлы, к-рые иссякли к концу эпохи Пунических войн (IIIв.), после чего от Гальб и ответвились Руфы, принявшие когномен, использовав-шийся некоторыми Сульпициями в ранний период, по IVв. до н.э.

Если прозвище «Руф» (*Rufus*) означает – *рыжий* (красно- или рыжеволосый), то происхождение и значение прозвища «Гальба» – неясно. Светоний пишет: «Кто из Сульпициев первым получил прозвище Гальбы и почему, – в точности неизвестно. Одни думают, что этот родоначальник после долгой и тщетной осады какого-то испанского города поджёг его наконец факелами, обмазанными гальбаном; другие – что при затяжной болезни он постоянно носил гальбей, т.е. лекарство, завёрнутое в шерсть; третьи, что он был очень толст, что по-гальбски называется «гальба»; или, наоборот, что он был худой, как те насекомые, что заводятся в горном дубе и называются «гальбами» («Гальба» 3).⁴

Вторым носителем когномена *Galba* (плюс – *Maximus*) был П.Сульпиций – конс. 211 и 200гг., – приходившийся внуком консулу 279г. П.Сульпицию Саверию (без-вестный сын к-рого Сервий первым, при невыясненных обстоятельствах, удо-стоился прозвища Гальба), и облекший своё первое консульство в тяжёлую пору Второй Пунической войны (218 – 01гг.). Но сражался он не в Италии (к-рую оста-вил напарнику) против Ганнибала, возглавив римские армию и флот в войне против

² Например, консул 166г. Г.Сульпиций Галл был астрономом и написал трактат по астро-номии на латыни. Служа войсковым трибуном во время III-й Македонской войны, под началом Л.Эмилия Павла, он предсказал перед сражением при Пидне (168г.), где римляне разбили Персея, лунное затмение, к-рое вызвало большое смятение и среди римлян, успо-коенных учёным мужем, и среди македонян (Цицерон «*Rep.*» 1,23).

³ С.Сульпиций Руф – конс. 51г. до н.э. – один из крупнейших правоведов эпохи, провед-ший Помпея в консулы *sine collega* – 52г., отказавшийся, как пассивный помпеянец, от участия в Гражданской войне 49–45гг., примирившийся с Цезарем в 46г. и выступивший после убийства диктатора с предложением о запрете на установление табличек с цезарскими распоряжениями. Удостоился в 43г. гос. похорон, по инициативе Цицерона, кто устами Брута сравнивает себя с ним, добавляя, что сам «хотел знать гражданское право ровно настолько, насколько это было необходимо оратору», в то время как Сульпиций «взял из красноречия только то, что помогало ему отстаивать гражданское право» («*Брут*» 40(150). Его дочь, извест-ная *emansire* Сульпиция (племянница Валерия Мессалы), написала (как первая женщина в римской истории) 6 коротких элегий, посвящённых её любви к некоему Керинфу (член «Кружка Мессалы»), к-рые позже приписывались Тибуллу и входят в «*Corpus Tibullanum*» (3,13-18).

⁴ Если у Ливия фигурирует вождь кельт-иберов по имени Гальб (23,26), то Плиний описы-вает пахучую смолу, называемую гальбан (12,56,126), и говорит о лекарствах, заворачиваемых в шерсть (20,14,19).

Македонии (I-я Македонская война 215 – 05гг.), где успешно действовал в Пелопоннесе и в бассейне Эгейского моря (210 – 08гг.), откуда вернулся в Италию в 205г.

Затем диктаторствовал – 203г., был перед лицом угрозы новой (II-й) войны с Македонией (200 – 197гг.) вновь избран консулом – 200г., отправился во главе армии на Балканы, создал антимакедонскую коалицию, вторгся – 199г. – в Западную Македонию, одержал там победы местного значения и сдал командование своему преемнику. Стяжал известность жёсткими, обусловившими противоримские настроения среди македонян и греков, методами ведения войны (Полибий 9,42; 11,5; Ливий 27,29-33; 28,5-8). Впоследствии легатствовал в армии Т.Квинктия Фламинина (197г.), участвовал в заключении мира с македонцами (196г.) и в переговорах (193г.) с Антиохом III Селевкидом (Ливий 33,24; 35,13). Заключительное упоминание – в связи с событиями 192г., ок. к-рого он, с презрением относившийся к эллинистическим изнеженностям сурово милитантный римлянин старой школы, будучи на 90-е гг. Пв. до н.э. немолодых лет, вероятно, вскоре скончался.

Его племянник Сервий Сульпиций Гальба, сын ничем не зарекомендовавшегося (для) истории, помимо курульного эдильства (209г.) и понтификата (203 – 199гг.), брата предыдущего, облакал в 187г. претуру, вынужденный раз за разом уступать консульство старшим по рангу патрициям, сначала – П.Клавдию Пульхру, потом – К.Фабию Лабеоному и Л.Эмилию Павлу, консулом так и не сделавшись, зато дружил с основоположником римской литературы – поэтом (гомеридом) Эннием (эпический предтеча Вергилия), соседствуя с ним на Авентине.

А вот однопреноминальный сын этого Сервия Сульпиция Сульпиций Гальба (ок. 194 – ок. 134гг.) вошёл в историю и как консул, и как военачальник, и как политический деятель, и как знаменитый оратор (trib. milit. – 168г.; praetor – 151; cos. – 144г.). У Светония читаем: «Прославил это семейство консуляр Сервий Гальба, едва ли не самый красноречивый оратор своего времени: о нём говорят, что в бытность свою пропретором в Испании, он вероломно перебил 30 тыс. лузитанцев, из-за чего и разгорелась Вириатова война...» (3).

Как военный трибун он принял участие в III-й Македонской войне (171 – 168гг.); безуспешно пытался, по возвращении, сорвать триумф нелюбимого ещё его отцу Л.Эмелия Павла (Ливий 45,35), в защиту к-рого успешно выступили авторитетные М.Сервилий Пулекс Гемин и М.Порций Катон. В 151г. отправился проконсулировать в Дальнюю Испанию. Потерпел там поражение от лузитанов, вроде бы примирился с ними, на деле же, декларировав мир, вероломно напал на них – 150г. – и предал мечу, согласно Валерию Максиму – 8 (9,6,2), продав остальных в рабство, согласно Светонию, – аж 30 тыс. чел., оправдываясь позднее тем, что предупредил вероломство противника, нанеся превентивный удар (Аппиан «Иберийские войны» 58; Орозий 4,21). В ответ сумевший избежать этой кровавой бани лузитанский пастух Вириат (Аппиан «Ибер.» 59/60) развязал многолетнюю противоримскую войну.

В следующем 149г. в Риме началось разбирательство провинциальной деятельности вернувшегося из Испании Гальбы. Против него выступил нар. трибун Скрибоний Либон, предложивший вернуть свободу проданным в рабство лузитанам и начать расследование в отношении злоупотреблений присвоившего, вдобавок ко всему, большую часть военной добычи наместника. Гальба активно парировал обвинения и ему почти удалось переменить общественное мнение в свою пользу, если бы не своевременное вмешательство 85-летнего Катона, кто решительно осудил в произнесённой им речи жестокость наместника, отвергнув апелляцию того к защите интересов государства.

Теперь Гальбе грозило осуждение. Соориентировавшись, он, вдруг, полностью признал свою вину, воззвал к состраданию (новая для Рима тактика) и произнёс

жалостливую речь (Ливий «Ер.» 49). Тронутые до слёз слушатели выступили против либоновского законопроекта (Валерий Максим). Правда, следуя не столь эпатажной версии Аппиана, языкастого оратора, к-рого, к слову, Цицерон считал лучшим красноречивцем своего времени (Брут 82; 86: De orat. 1,58,240), спасло от осуждения его баснословное богатство (60).

Но в результате всего случившегося политическая карьера этого Гальбы замедлилась. Он стал консулом лишь в 144г., после того как консулярами успели побывать некоторые нобили порядком моложе него (тогдашний возрастной консульский ценз — 43 года). Его соконсул — Л.Аврелий Котта. Оба претендовали на проконсульство в Испании, где затяжная война Вириата приняла тем временем серьёзные масштабы. Однако планы обоих расстроил П.Корнелий Сципион Эмилиан (бывший лет на 10 младше Гальбы консул 147г. — окончательный победитель и ликвидатор Карфагена в 146г.), к-рый заявил сенаторам: «Я думаю, что туда не стоит посылать ни того, ни другого, ибо у одного (Котта) ничего нет, а второго ничто не насытит» (Валерий Максим 6,4,2). И впечатлённые этим метким словом сенаторы продлили испано-наместнические полномочия Сципионова брата.

Вскоре Гальба поддержал соискание эдильства одним из богатейших, как и он, нобилей Рима П.Лицинием Крассом Муцианом (142г.), дочь к-рого вышла замуж за его сына. Ок. 137г. возглавил римское посольство, отправленное на Крит для, по просьбе критян, арбитражного прекращения войны между местными городами.

Его правнуком и дедом императора Гальбы (68/69гг. н.э.) был Г.Сульпиций Гальба — историк, составитель (очередной) не дошедшей до нас «Истории Рима» — ab Urbe. Притом отец последнего, Г.Сервий Гальба, претор 54г. до н.э., «служил легатом Юлия Цезаря в Галлии, но не был допущен им к консульству, в раздражении примкнул к заговору Брута и Кассия и был осуждён по (принятому против убийц Цезаря — К.З.) Педиеву закону (lex Pedia — 43г.)» (Светоний 3).

Гальским легатом Цезаря этот Г.Сервий служил в 62 — 60 и в 58 — 56гг., не пройдя в консулы 49г., как раз-таки, из-за близости к Цезарю, т.е. в отношении 49г. Светоний накладочно ошибается, приписывая раннему цезарианцу Гальбе его позднейшее антицезарианство. В 43г. он — легат консула Гирция и участник сражения на Forum Gallorum против Антония (Цицерон «Ad fam.» 10,30), после чего сведения о нём обрываются. Касательно же его сына, историка, о к-ром упоминают и Плиний (1,36), и Плутарх (Ромул 17), и Орозий (5,23,6), сообразно Светонию, «последний получил известность не столько саном — дальше претуры он не продвинулся, сколько учёными занятиями, издав объёмистую и старательно составленную историю» (3).⁵

* * *

В свою очередь, старший сын самого историка, «Истории» к-рого, как сказано, в нашем распоряжении нет, Г.Сульпиций Гальба, прошёл карьерную лестницу — circus honorum, информацию об отдельных ступенях к-рой анналы не сохранили, до суффектного консульства, к-рое он облёк в паре с другим суффектом, С.Помпеем, в памятном 5г. до н.э. Т.е. в год, когда счастливый дед Август, облекши после долгого перерыва, своё XII-е ординарное консульство, вывел к народу на Форум, облачил в тогу мужа и дезигнировал (на 1г. н.э.) в консулы своего (заваленного

⁵ Возможно, историка или его сына разумеет в «Сатирах» Гораций (1,2,46), упоминая некоего Гальбу, к-рый оспаривал правомерность наказания оскоплением какого-то пойманного с поличным прелободеея, после чего называется большой любитель вольноотпущенниц — историк Саллюстий (+ 34г. до н.э.) (48).

досрочными почестями) старшего внука, 15-летнего Г.Цезаря, и когда Августу очень импонировали в (со)консульстве, ординарном и суффектном, носители импозантных римских фамилий, одним из к-рых являлся представитель продолжавших здравствовать (в тени августейшего Принципата) Сульпициев Galbae (Р.л. 613/14).

У Светония об отце кесаря Гальбы находим, что он «достиг консульства и, несмотря на низкий рост, горб на спине и посредственные ораторские способности, усердно выступал в судах. Женат он был сперва на Муммии Ахайке, внучке Катула и правнучке того Луция Муммия, к-рый разрушил Коринф, а затем на Ливии Оцеллине, женщине очень богатой и красивой: говорят, она сама добивалась этого брака из-за его знатности; и когда на её домогательства, не желая показаться обманщиком, он в укромном месте скинул одежду и показал ей своё уродство – это только прибавило ей пылу. От Ахайки он имел сыновей, Гая и Сервия. Старший Гай, порастратив состояние, покинул Рим, и когда Тиберий не допустил его в должный срок к жребию о проконсульстве, он наложил на себя руки» (3).

Об ораторстве отца будущего кесаря знает также в «Сатурналиях» Макробий, придерживающийся, однако, противоположного, по поводу его красноречия, светониевскому мнению – «eloquentia clarum» (2,6,3), более того, приводящий комплиментарное высказывание о его ораторских способностях из уст неизвестного эстета, придворного интригана и, по совместительству, хапуги-коррупционера (в масштабах некоторых «птенцов гнезда Петрова») М.Лоллия (близкий Августу конс. 21г. до н.э.; автор «Утешения к Ливии» на смерть в 9г. до н.э. её мл. сына – Друза; первый наставник молодого Г.Цезаря – в 1г. до н.э. – 2г. н.э., попавший в опалу и покончивший самоубийством в дни пребывания Гая наместником Востока).

Впрочем, гораздо большего внимания заслуживают сведения об именитых жёнах этого, судя по его наверняка привилегированно-возрастному (33 года) консульству, родившегося ок. 38г. до н.э. знатного Гальбы. Луция Муммия была внучкой консула 78г. до н.э., к-рый с 77г. до своей кончины в 61г. пребывал «первым среди равных» (primus inter pares) в сенате, Кв.Лутация Катула Капитолина, и правнучкой не столько прославленного, сколько ославленного в веках римским разрушением (на пике Республики) в 146г. до н.э. Коринфа (в год победы римлян в III-й Пунической войне 149 – 46г. и уничтожения Карфагена) Л.Муммия.

Катул Капитолин, сын одноимённого консула 102г., поначалу соратника Г.Мария (разбившего вместе с ним кимвров в сражении на Равдинских полях у Верцеллы), а потом его яркого противника, участвовал вместе с отцом, ок. 20-летним юнцом (admodum adulescens – Цицерон «Rab. perd.» 21), в подавлении восстания Ап.Сатурнина (100г.). В 87г., уже побывав квестором и будучи сенатором, был в паре с родителем на стороне противников Цинны и Мария. После занятия марианцами Рима, в ходе развязанного демократами террора, старший Лутаций вынужденно покончил, обвинённый и подведённый под вышку нар. трибуном М.Марием Гратидианом, уходя от казни, самоубийством. Победив в Гражданской войне, Сулла – 82г. – санкционировал жертвенное убийство этого трибуна Мария Г. на могиле стопроцентного сулланца Лутация (за Тибром). А в 79г. тоже стопроцентный суллавец Лутаций Младший дезигнировался, как любимчик-протееже своего могущественного покровителя, на следующий год в консулы.

И в год его консульства, совпавший с годом кончины сложившего диктатуру (79г.) и отошедшего от власти Суллы, он добился, вопреки сопротивлению коллегисоконсула М.Эмилия Лепида и всей противосулланской партии, решения о торжественном государственном погребении (спасшего, мол, отечество) экс-диктатора на Марсовом поле – 78г. Далее, Катул активно участвовал в противостоянии Лепиду и в безоглядном (за что позднее ему инкриминировали жестокость) подавлении мятежа, поднятого последним, кто, потерпев поражение в схватке на Марсовом

поле, бежал, преследуемый Катуюлом, через Этрурию до Козы, откуда эвакуировался на Сардинию, где вскоре умер – 78/77гг.

Став «первым в сенате» (*princeps senatus*), победоносный Лутаций К. восстанавливал-новоотстроил в последующие годы сгоревший в 83г. храм (и весь храмовый комплекс) Юпитера Капитолийского, к-рый, по его освящению в 69г. до н.э.⁶, простоял, с именем удостоившегося прозвища *Capitolinus* Катуга на фронтоне, до, в год конца особенно ценившего своё родство с прадедом Катуюлом по материнской линии кесаря Гальбы (Тацит «История» 15), разрушительного пожара 69г. н.э. Тяжёлым ударом для убеждённого оптимата Катуга сделался фактический демонтаж сулланской реставрации двумя отъявленными сулланцами, Крассом и Помпеем, в пору их совместного консульства – 70г. до н.э.

В 67г. Катуг усиленно противился предоставлению, по инициативе нар. трибуна Габиния Капитона, чрезвычайных полномочий воевавшему морских пиратов Помпею, дабы последний не использовал оные в ущерб Республике. В 65г., конфронтируя с коллегой Крассом, – строго цензорствовал. Два года спустя баллотировался в великие понтифики, но крайне обидно для себя проиграл (конгениальному преемнику Суллы, к-рый «не знал и азов, коли отказался от диктатуры») Цезарю, в коем «таилось много Мариев», и кто, облекая в 65г. эдильство, почтил-прославил, к великой досаде Катуга, непреходящую победу Мария над кимврами.

По делу (непомерно раздутого Цицероном) заговора Катилины – 63г., Катуюлом было получено письмо от главного заговорщика с уверениями в собственной невиновности и с просьбой защитить его супругу Орестиллу, на что получатель мгновенно отреагировал преданием письма огласке в сенате (Саллюст «Катилина» 34,3) и однозначно дистанцировался от какой-либо сопричастности к Катилине. На памятном заседании 5.12.63г. он, разделяя непримиримую позицию Цицерона с Катоном и в пику стоявшему за мягкий приговор Цезарю, решительно добивался казни 5-и (удавленных палачом в Туллиевой тюрьме) катилинаристов.

Позже настойчиво и безуспешно побуждал Цицерона задействовать ложных свидетелей для привлечения к ответственности в качестве катилинарита Цезаря, к-рому, проиграв ему верховный понтификат, весьма хотел насолить, и против к-рого пытался (используя свой имидж высоконравственнейшего из римлян) раскачать общественное мнение (Саллюст «Кат.» 49,1-4; Плутарх «Цезарь» 7,9). Цезарь же обрушился на него с обвинениями в рвачестве и коррупции, при проведении работ по реставрации-новоотстройке Капитолия, в следующем 62г., облекая претору.

Естественная смерть пришла за одним из ярких представителей вчерашнего дня римской сенатско-республиканской истории ок. 60-летним ретроградом Катуюлом, к-рый вовсю сопротивлялся, судорожно хватаясь за былое, настоящему и грядущему, очень вовремя, – в 61г. до н.э. (год триумфа Помпея), т.е. перед началом

⁶ В «Жизнеописании Августа» Светоний пишет: «Квинт Катуг, освятив Капитолий, две ночи подряд видел сон: в первую ночь – будто Юпитер Благой и Величайший выбрал одного из подростков, резвившихся вокруг его алтаря, и положил ему на грудь изображение богини Ромы, к-рое держал в руке; во вторую ночь – будто он увидел того же мальчика на коленях у Юпитера и приказал его оттащить, но бог удержал его, провещав, что в этом мальчике возрастает хранитель римского государства. А на следующий день Катуг встретил Августа, к-рого никогда не видел, и, всмотревшись в него, с восторгом сказал, как похож он на мальчика, к-рый ему снился. Впрочем, некоторые рассказывают первый сон Катуга иначе: будто Юпитер в ответ на крики мальчиков, требовавших себе заступника, указал на одного из них, в к-ром сбудутся все их желания, и, коснувшись перстами его губ, поцеловал персты» (94).

Но если Катуг освятил Капитолий в 69г., то Август родился 23.09.63г. до н.э., т.е. избранником Юпитера подросток Август мог стать в, получается, вещем (коли таковой вообще имел место) сне Катуга в 69г. только профетически. Наряду с тем, доживший до 61г. Катуг Капитолин вполне мог (у)видеть вживе уже стоящего на ножках 2-летнего малыша Августа.

очередных витков гражданского противоборства на нескольких заключительных этапах агонизирующей Республики.

Катулова дочь Лутация замужествовала за одноимённым внуком (легат Красса в войне против разбойничьей шобы Спартака — 72г.) вышеназванного Л.Муммия Ахаика, о ком тоже, в числе оставивших по себе разную память предков интересующего нас Гальбы, необходимо сказать несколько слов.

* * *

Он происходил из незнатного и малоизвестного плебейского рода, нашедшего способ геростратовски остаться в истории усилиями одного-единственного представителя, кого (апологет троянских корней Рима) высокопарный Вергилий считает (не называя имени) римским воздателем заслуженного отмщения грекам за некогда бессовестно поверженную ими Трои («Энеида» 1,284; 6,836).

Претор 153г. (когда консулы, один из к-рых отправился, из-за лузитанского выступления, в Ближнюю Испанию, впервые вступили в должность 1.01.) homo novus Л.Муммий, управляя Дальней Испанией, с переменным успехом воевал лузитанов (Аппиан «Ибер.» 56; Евтропий 4,9,1). Сначала проиграл, потеряв до 9-и тыс. чел. и знамёна, после чего нагнал переправившегося тем временем через Гибралтар и осадившего один из городов на африканском берегу противника, перебил до 15-и тыс. его воинов, избавил город от осады, вернул пленённые знамёна, взял богатую добычу и справедливо разделил её (в отличие от позднейшего присвоенца Гальбы) (см. выше) между легионерами. Сенат удостоил блистательного победителя триумфа — 152г.

В 146г. он облёк (с некоторым опозданием, уступая очередь представителям знатных фамилий) консульство, и пока Сципион Эмилиан добивал, входя в историю, долженствующий быть разрушенным Карфаген, Муммию предложили, компенсируя его, как бы отодвинутого в сторону от африканских лавров, утихомирить восставшую против Рима Грецию, к-рую полувеком раньше (196г.) римляне торжественно, так сказать, освободили, провозгласив её свободной, от тирании побеждённых ими македонян.⁷

⁷ При отце Александра Филиппе II (359—36гг.), Македония оседлала и возглавила разрозненную Грецию, в немалом, сходно тому, как в XIXв. Пруссия, во главе со сделавшим ставку на вертикально-пирамидальный централизм вместо горизонтально-равноправного федерализма Бисмарком, оседлала, возглавила и, во многом, подмяла под себя Германию (императорскую корону над к-рой король Пруссии Фридрих Вильгельм IV не принял в 1849г. от Франкфуртского нац. собрания, т.е. *снизу*, тогда как Бисмарк объединил на 1870/71гг., под эгидой Пруссии, Германию *сверху*). Но если Греко-Македония взяла на вооружение соляной-окуменийский космополитизм, реализованный великим походным деянием Александра (к-рое было предварено великим соляным деянием Кира), то Германия оснастилась-вооружилась безудержным милитаризмом, вкупе с властительско-сатурнальными демоническими максимумами держав диадохов и римско-цезаристского империализма, напрасно сиюсь уравни-весить Берлин, как новый Рим, подчинённой ему Веней, как новыми Афинами.

И поражение (отодвинувшей Христа и христианство на задний план) Германии, у к-рой не хватило материальных ресурсов, чтобы одержать, а главное, не достало духовных ёмкостей, чтобы вместить победу, в I-й Мировой войне, к-рое и к-рая привели затем к национал-социализму и к II-й Мировой войне, в судорожной попытке немцев отыграть проигранное назад, более того, вырваться далеко вперёд, было закономерным. Нельзя стать страной Эсхила, Софокла, Еврипида, Сократа, Платона, Аристотеля и римских Цезарей одновременно, в одном лице, нельзя совместить-спаять в одном пакете несовместимое! То, в основе чего лежит Eisen und Blut, неизбежно приводит к духовному вакууму и краху, к тому, из чего получается в итоге Blut und Boden!

Там македонский наместник Л.Цецилий Метелл успел ко времени прибытия Муммия разбить повстанцев и находился в Мегаре, планируя перейти через Коринфский перешеек для успешного завершения войны до прибытия конкурента, к-рый, со своей стороны, стремился сменить Метелла ещё в ходе войны, чтобы самому заделаться главным победителем. В результате сражения при Левкопетре греки разгромно проиграли Муммию, их отчаявшийся предводитель Дизей, вместо вполне возможного отступления за крепкие стены Коринфа для организации обороны города, бежал в свой родной город Мегалополь и вскоре покончил с собой (Павсаний 16,4,6).

Война закончилась, одолённый греческий противник изъявил полную покорность, но присланная сенатом карательная комиссия из 10-и сенаторов-комиссаров решила строго и показательно наказать как Коринф, так и ряд других участвовавших в противоримском выступлении эллинских городов. Хотя Павсаний приписывает штрафную меру инициативе (3 дня не входившего в открывший перед ним ворота Коринф, из-за страха попасть в засаду) Муммия до прибытия лишь организовавшей-де новое провинциальное обустройство сенатской комиссии (16,7; 9). Впрочем, это не противоречит собственно Муммиеву (плебейскому) стремлению (нувориша) любой ценой не отстать в славе сокрушителя-разрушителя всякого противоримского декадана от (вдвойне-второй патрицианского) Корнелия Сципиона Эмилиана.

Город был сожжён и разрушен, многих пленников римляне перебили, всех женщин и детей продали в рабство (Павсаний 16,8; Юстин 34,2; Флор 1,32,6; Зонара 9,31).⁸ Землю, на к-рой не повезло стоять Коринфу, победители предали (сходно дистрикту старого Карфагена) ритуальному проклятию. Другие греческие города, воевавшие с Римом, лишились своих скрытых стен, а их жители – права носить оружие. Все Греческие союзы (Ахейский, Локридский, Эвбейский, Фокейский, Беотийский) подверглись роспуску, все демократические конституции городов – упразднению. Греция перешла в ведение римского наместника Македонии (до административно-территориального учреждения Августом провинции Ахайя в 27г. до н.э.).

При разрушении и разграблении Коринфа погибли многие выдающиеся произведения искусства. Очевидец событий Полибий видел, как legionеры играли в кости на валявшихся на земле картинах (но не на валявшихся на земле катрины!) Аристида «Мучение Геракла в хитоне Деяниры» и «Дионис», к-рая, всё-таки, уцелела, ибо полтора века спустя Страбон (8,381) любовался ею в Риме.

С одной стороны, Муммий вёл себя достаточно умеренно, настояв, например, на использовании средств из контрибуций в пользу пострадавших в войне греческих городов, или на оставлении имущества казнённых врагов Рима их родным, тогда как с другой, источники говорят о его непреклонности и (в противоположность утончённому ценителю искусств Сципиону Эмилиану) дремучем невежестве.

Например, согласно называющему его «неотёсанном» (мужланом) Веллею Патеркулу, – «при взятии Коринфа, намечая для отправки в Италию множество картин и статуй, созданных величайшими мастерами, он наставлял сопровождаю-

⁸ Орозий: «Когда жесточайшим образом было дано право обирать также пленников, настолько всё наполнилось убийствами и пожарами, что из контура стен пламя, сужавшееся к одной вершине, вырывалось, словно из жаровни. И вот, когда большая часть народа была истреблена огнём и мечом, остатки были проданы в рабство; когда город сгорел, стены были разрушены до основания, а камень, из к-рого были выложены стены, истёрт в пыль; вывезена была огромная добыча... Вследствие множества и разнообразия статуй и изображений, сгоревших в том пожаре, перемешавшись, металлы золота, серебра и бронзы переплавились в одно целое, и появился род металла, отчего до сих пор существуют названия «коринфская медь» и «коринфская ваза» (5,3,6/7).

ших: «Если с ними что-нибудь случится, то вам придётся изготовить новые» (1,13,4). Или, к примеру, в сравнительных «Жизнеописаниях» Плутарха взявший в III-ю Митридатову войну (74 – 63г.) черноморский Амис Лициний Лукулл, глядя на разграбленный его солдатами город, позавидовал Сулле, к-рый пощадил и спас Афины, сказав: «А я хотел состязаться с ним в этом, но судьба уготовила мне славу Муммия» («Жизнеописание Лукулла» 19).

Вместе с тем, авторы древности отмечают великодушие и бескорыстие Муммия, щедро оснастившего не только за плату, но и подарочно Рим, Италию, Дальнюю Испанию, плюс одарившего отдельных нобилей привезёнными из Греции богатыми трофеями. Так, одноимённый дед плутарховского Лукулла попросил у разрушителя Коринфа несколько статуй для украшения храма Фортуны, при освящении святилища, обещав возратить одолженное, однако, решил не возвращать, посвятив статуи богине, на что фактически обворованный владелец статуй не обиделся и не предъявил вороватому посвятителю никаких претензий (Страбон 8,381).

Впрочем, до возвращения в Рим, Муммий, после отбытия через 6 месяцев 10-и сенатско-сенаторских комиссаров, ещё немалое время оставался в Греции, умело новообустраивая её (Полибий 39,14,16), с посещением, в т.ч., богато одарённых им Дельф и Олимпии, плюс иных, проявляя о них попечительскую заботу, городов и областей страны⁹, для и под нужды Рима. В Рим же он прибыл и отпраздновал свой пышный (впервые сопровождавшийся театральным представлением), при аккламационной импературе и продемонстрированных трофеях, с присвоением ему победоносного прозвища «Ахаик», триумф в конце 145г.

А в 142г. ему, покорителю Греции и сокрушителю Коринфа, довелось облекать цензуру в паре с сокрушителем и ликвидатором Карфагена Сципионом Эмилианом Африканским Младшим. Причём коллегиальной работы не получилось, так как склонность к компромиссу с нобилитетом Муммия прямо противоречила бескомпромиссной позиции бравшего за образец цензорскую строгость Катона противника аристократической партии Клавдиев – Сципиона, к-рый презирал простоватого-грубоватого-неповоротливого напарника и откровенно игнорировал его. Согласно Аврелию Виктору, однажды Сципион сказал: «Что мне дали коллегу, что нет, безразлично» (58,9), между тем как в другой раз его отменивший одно Сципионово решение (что, само собой, крайне не понравилось Сципиону) коллега вызывающе не был приглашён на освящение храма Геркулеса.

Цензура закончилась переписью и люстрацией в 141г., вскорости после чего, вероятно, не позднее 140г., Муммий скоропостижно (не успев урегулировать имущественные дела семьи) скончался, косвенное подтверждение чему находится в свидетельствах Плиния (34,36) и Фронтина («Стратегематон» 4,3,15), согласно к-рым, Муммиева дочь осталась без приданого и о решении этой проблемы позаботились отцы-сенаторы. Цицерон упоминает Муммия, кто был «прост и старомоден», как одного из «второстепенных ораторов» эпохи Гая Лелия Мудрого и Сервия Сульпиция Гальбы («Брут» 94).

⁹ Полибий: «Уважение государств и отдельных граждан он заслужил вполне, ибо показал себя человеком воздержным и бескорыстным; управление его отличалось мягкостью, хотя среди эллинов он имел огромную власть, и случаи соблазна представлялись ему часто...» (39,17)

Неслыханно нажившись за счёт ограбления богатого Коринфа, очень даже можно в ближайшей перспективе позволить себе имиджно небезвыгодную (тем паче, после проявленной в Коринфе карательной жестокости), при обстоятельном устройстве провинциальных дел, роскошь быть и мягким (кнут и пряник), и воздержным, и бескорыстным.

Но вернёмся к нашему С.Сулпицию Гальбе — консулу-орд. 33г. н.э., к-рый, «муж великой знатности», являясь, таким образом, сыном правнучки Л.Муммия Ахаика и внучки Катула Капитолина, родился от низкорослого горбуна Г.Сулпиция Гальбы — консула-суф. 5г. до н.э., — «в консульство Марка Валерия Мессалы и Гнея Лентула, в 9-й день до январских календ, в усадьбе, что на холме близ Таррацины, по левую сторону как идти в Фунды» (Свет. «Г.» 4,1). Т.е., уточним, Гальба родился 24.12.3г. до н.э. (Р.л. 656).¹⁰

Притом у него был одноимённый отцу лет на 10 старший брат, судя по тому, что последний облакал консульство-орд. в 22г. н.э. (Д.И. 568), иначе говоря, с учётом привилегированного консульского возраста — 33 года, этому брату довелось родиться в 14/13/12гг. до н.э. Известно о нём немного. Сообразно Плинию (33,32), в 23г. он держал какую-то речь в сенате; сообразно Светонию (3), «порастратив состояние, он покинул Рим, и когда Тиберий не допустил его в должный срок к жребию о проконсульстве, наложил на себя руки». По Тациту (Ан.6,40), это наложение рук случилось в 36г.

Соответственно, на 36г. н.э. не состоялось явно не первое проконсульство-наместничество (неизвестно, когда именно порастратившего своё состояние) консула 22г. Гальбы. RE (IV A1, № 54, S.758), на основе подвопросной эпитафии, не исключает возможность его наместничества в Ахайе (подчинявшейся в 12/15 — 35гг. экстраординарному кесарскому наместнику на Балканах Поппею Сабину). Скорее, такая легатура имела место, если она вообще имела место, до консульства Гальбы, в преторском ранге (хотя Л.Помпоний Флакк дважды, в 13 — 15 и в 19гг., правда, во второй раз, выполняя особое поручение Тиберия по завлечению в ловушку и поимке фракийца Раскупория, заведовал подоотчётной Поппею Мезией, успев в промежутке — 17г. — побывать консулом-орд.).

¹⁰ Год рождения Гальбы считается спорным, т.к., во-первых, Светоний, несмотря на чётко-точно маркирующую именно 3-й г. до н.э. консульскую дату в начале «Жизнеописания» (4,1), сообщает в конце оного, что Гальба умер «на 73-м году жизни» (23), с чем созвучно указание на его возраст и в «Жизнеописании Нерона» (40,3), тогда как от 24.12.3г. до н.э. по 15.01.69г. н.э. набирается всего 70 лет, или едва начавшийся 71-й год жизни Гальбы. Кроме того, и у Тацита («История» 1,49), и у Плутарха («Гальба» 8) фигурирует-упоминается максимальный возраст Гальбы — 73 года, вдобавок к чему — о 73-м гальбанском годе уведомляют также Авр. Виктор («О Цезарях. Извлечения из жизни и нравов римских императоров» 6) и Евтропий (16,1), что, соответственно, даёт в качестве года рождения Гальбы 6/5гг. до н.э.

Дион, говоря в «Р.и» 56,29,5 о надетой Гальбой 1.01.14г. н.э. тоге зрелости (к-рая обычно надевалась в 15/16 лет), с одной стороны, побочно подпирает консульскую дату Светония, поскольку, считая с 24.12.3г. до н.э., Гальбе 24.12.13г. н.э. исполнилось как раз 15 лет и на 1.01.14г. ему шёл 16-й год жизни. Но с др. стороны, согласно эпитомированному Диону (63,6,5; Ксифилин 210,14 — 211,5), Гальба прожил итого 72 года, из чего следует, что он родился не в 3, а в 5 гг. до н.э.

Однако, на наш взгляд, предпочтение, в сём (эксклюзивном) случае, тем не менее, следует отдать фиксированной светониевско-консульской (эпонимизированной) дате рождения, к-рая: 1) точна, конкретна и некосвенна сама по себе; 2) более отвечает досрочно-возрастному облечению очень знатным патрицием Гальбой различных постов-должностей-магистратур; 3) плюс — возрастная путаница с побочно выводимыми аж 6/5-м гг. до н.э., похоже, объяснима консульством в 5г. до н.э. отца Гальбы (кто, став в 68г. кесарем, м.б., *пожелал родиться* в год консульства и Августа, и своего родителя? плюс, м.б., ему *хотелось стать* кесарем в 72 идеально-возрастных = один космический день — года), из-за чего впоследствии могла произойти накладка у одного (двух) автора (авторов) древности (или у их позднейших сверявших авторов древности переписчиков?), по цепочке позаимствованная прочими. Мало того, 70-летний Гальба и так аномально стар на момент становления в 68г. кесарем, и поэтому тоже негоже делать его ещё старше (см. ниже).

Между тем, младший Гальба, кто в своей короткой императорской перспективе, не удовлетворяясь родословной от Сульпициев (известных со дней, как сказано, начала Республики, плюс – гальского штурма IVв.), Муммиев и Лутациев, возведёт – 68г. н.э. – своё происхождение аж к Юпитеру и Пасифае (Дион 61,3,7), надел (справив 24.12.13г. 15-летие) 1.01.14г. н.э. тогу зрелости (Р.л. 1295/96). К тому времени его родная мать Муммия Ахаика успела умереть, после чего его (доживший ли до 14г.?) отец женился вторым браком на, стало быть, приходившейся мачехой братьям Сульпициям Galbae, Гаю и Сервию, Ливии Оцеллине из рода Ливиев, к-рая состояла в родстве с супругой Августа и матерью Тиберия Ливией Друзиллой, сделавшейся, со смертью августейшего мужа (19.08.14г.), завещательно войдя в gens Iulia, Юлией Августой.

По всей вероятности, приёмная мать Гальбы была дочерью некоего (ближе неизвестного) Л.Ливия Оцеллы (СІЛ 6,1446), поскольку её усыновленец «принял её фамилию вместе с прозвищем Оцеллы и переименовал имя, назвавшись Луцием вместо Сервия, – это имя он носил, пока не стал императором» (Свет. «Г.» 4). Оно и понятно, ибо шедшему в рост при Августе и Тиберии (Калигуле, Клавдии, Нероне) льготнику Гальбе, кому покровительствовала императрица Ливия, весьма импонировала его ливианская увязка именно с кланом-синдикатом Augustana, к-рую он отбросил, предпочтя провозвести упор на свои (безупречные) старопатрицианско-республиканско-сульпицианские фамильные корни, в 68г. в (из) Испании. Т.е. отбросил, когда выступил (взяв за добродетельный нравственный образец Катула Капитолийского) против (последнего представителя дома-рода Цезарей) тирана Нерона, и, приветствуемый императором, осторожно объявил себя (для начала) «легатом сената и римского народа» (Свет. «Г.» 10) (см. ниже).

У Светония: «Как известно, Август, когда Гальба мальчиком приветствовал его среди сверстников, ущипнул его за щёчку и сказал: «И ты, малютка, отвоедаешь моей власти». А Тиберий, узнав, что Гальба будет императором, но только в старости, решил: «Пусть живёт, коли нас это не касается» (4). Насчёт Августа, светониевский пассаж напоминает позднесоветский анекдот о мальчишке Юре Андропове (род – 1914г.) и Костике Черненко (род. – 1911гг.), к-рые завязывают развязавшийся шнурок у случайно встреченного ими на Красной площади не то Ленина, не то Сталина, в то время как последние предрекают им грядущую верховную власть.

Правда, об августейшем предсказании мальчику Гальбе прочие античные авторы молчат, в то время как о провозвещении Тиберия говорят также и Флавий, и Тацит. Притом, если Флавий сообщает об этом в ракурсе преданности Тиберия учению о предзнаменованиях, к-рым-де он руководствовался в течение всей своей жизни (И.д. 18,6,9), не в анналистическом контексте и не вдаваясь в астрологические подробности, то у Тацита данное сообщение содержится под консульским для Гальбы 33-м г. н.э. и именно в свете тиберианской причастности, через Фра-силла, к звёздной науке халдеев (Ан. 6,20/21) (см. ниже).

Светоний же информирует нас о покровительстве Гальбе со стороны Ливии Августы, при жизни к-рой он пользовался её милостью и кому позднее он воздавал более всего почтения (5). «...и по её завещанию он едва не стал богатым человеком – ему было отказано 5 млн., самый большой подарок, но так как это было обозначено не словами, а цифрами, её наследник Тиберий сократил этот подарок до 500 тыс., да и тех не выплатил» (5).

Такое поведение рачительного и совсем не расточительного в отношении финансов крепкого хозяина Тиберия весьма показательна, как показательна и исключительная забота Августы в отношении Гальбы. Хотя, благодаря ей, как ошибается Плутарх («Г.» 3), он консулом в 33г. сделаться не мог, поскольку Ливия умерла в начале 29г., но покровительство Ливии Друзиллы, несомненно, посодействовало

фаворитарно-придворному положению-статусу пасынка Ливии Оцеллины. Правда, и сопринадлежность его к знатым Сульпициям Galbae, уже сама по себе, давала ему возможность привилегированного (при, разумеется, как минимум, невозражении кесаря) продвижения по ступеням *cursus honorum*.

Светоний: «В почётные должности вступал он раньше положенного возраста. В бытность претором он показал на Флоралиях невиданное дотоле зрелище: слонов-канатоходцев. Потом ок. года управлял провинцией Аквитанией. Затем он был очередным консулом в течение 6-и месяцев, причём случилось так, что в этой должности предшественником его был Луций Домиций, отец Нерона, а преемником — Сальвий Отон, отец Отона, — видимое предвестие того, что в будущем он станет императором в промежутке между сыновьями обоих» (6).

Следовательно, претуру (Д.И. 70/71) Гальба, по всей видимости, облакал в 30г. н.э. Что конкретно представляло собой зрелище слонов-канатоходцев, точнее, как оно, в смысле каких-то отвечающих слоновым габоритам канатов, выглядело, можно вообразить только приблизительно, т.к. подробностей у Светония нет. Зато мы знаем, когда именно это представление имело место — на Флоралии, праздновавшиеся 28.04. — 3.05. Посему, в пору прихода Иисуса на Его первую посткрещенско-апрельскую Пасху 30г. в Иерусалим и Его дальнейшей Беседы с Никодимом, преторствующим в Риме Гальбой было организовано, к радости всегда охочих до хлеба и зрелищ римлян, диковинное цирковое зрелище со слонами.

Затем успешно отпреторствовавшего Гальбу направили заведовать, надо, исходя из дат его претуры и консульства, полагать, в 31/32гг. Аквитанией. То была одна из трёх учреждённых в 16/15гг. до н.э. Августом провинций в составе подведомственной сенату Тройственной Галлии — *Tres Galliae* — Лугдуна, Аквитания, Бельгика. При этом, Аквитания, в отличие от Лугдуны и Бельгики осталась в стороне от галльского восстания под предводительством Ю.Флора и Ю.Сакровира в 21г. н.э. (Д.И. 550-60). Вероятно, там и в 31/32гг. царило спокойствие.

И вот, оставив позади также преторско-провинциальное наместничество, Гальба взошёл на высшую, не считая цензуры, консульскую свадебно-генеральскую ступень в республиканской иерархии императорского Рима, где продолжающая сохраняться мумифицированная форма, благодаря Августу или по вине Августа, столь резко разошлась с новым специфическим римско-монархическим содержанием, чем отчасти и было обусловлено закономерное явление, названное в последующем «кесаревым безумием».

К моменту облечения консульства Гальбе незадолго до того исполнилось 34 года, и оставался он в должности, следуя Светонию, «в течение 6-и месяцев» (6), т.е. до 1.07.33г., когда передал фаски суффекту Л.Сальвию Отону, отцу устранителя и сменщика Гальбы-кесаря в ранге императора в 69г. н.э. И последнее, согласитесь, достаточно, сродни преемствованию самого Гальбы Л.Домицию, консулу-орд. предшествовавшего 32г. = отцу Нерона, показательно-символично, почему на всё это и обратил внимание (наверняка не один) Светоний.

* * *

При всём том, прожившим 70 патриарших лет Гальбой Принципат Юлиев-Клавдиев был прожит-пережит от её основателя Августа, кого Гальбе довелось застать ещё и вживе, и в добром здравии, до самого конца юлианско-клавдианской династии. Т.е. — через Тиберия, Калигулу, Клавдия, Нерона, при каждом из к-рых и каждому из к-рых он служил, до гибели дома Цезарей, смертный приговор к-рому, если и не вынес, то, во всяком случае, скрепил печатью именно сменивший летом

68г. покончившего самоубийством (9.06.) Нерона, пусть всего на 7 жалких месяцев, до января 69г., С.Сулпиций Гальба.

Однако, к дальнейшим вехам в жизни и деятельности Гальбы, кто, при Тиберии, после своего ординарно-эпонимического консульства, больше ничем не отличился, не выделился, не высунулся, мы будем обращаться по ходу нашего хроноповествования, к-рое, так или иначе, должно дойти до, в частности, гибельного исхода Юлиев-Клавдиев и начала великой смуты 68/69гг.

Пока же анонсируем-авансируем гальбанские этапы коротко и обзорно. В 39г. он сменил в командовании верхнегерманскими легионами бессовестно отозванного и убитого Калигулой Корнелия Лентула Гетулика, где стяжает репутацию сверхстрогого и сверхтребовательного командира: «Этот Гальба не Гетулик, привыкай, солдат, служить» (Свет. «Г.» б). Потом, с гибелью Калигулы, откажется, невзирая на уговоры многих, вступить в борьбу за верховную власть, почему попадёт в особую милость к Клавдию. Примет участие в британско-клавдианском десантном походе 43г., образцово проначальствует на протяжении 2-х лет, ок. 45 – 47гг., в Африке, зарекомендовавшись как, опять-таки, строгий и справедливый управленец.

А далее он просто максимально самоустранится от какой-либо активности, дабы не вызвать ни в Клавдии, ни особенно в Нероне, кто назначит его в 60г. наместником в Тарраконскую Испанию, каких-либо подозрений в планах-попытках отобрать у них трон. И лишь весной 68г. этот уже скарденный и неуклюжий старик, скупой квази-рыцарь, отпадёт от Нерона, вступив после гибели последнего не столько во власть, к-рая изначально была ему не по плечу, сколько в Рим, притом это летне-осеннее вступление будет сопровождаться обильным кровопролитием (Тацит «Ист.» 1,13), с чего и начнётся необратимое, вплоть до его гибели 15.01.69г., нисхождение-падение кесаря Гальбы.

Светоний правильно замечает, что любили и уважали его больше, когда он принимал власть, чем когда стоял у власти. Оно и не мудрено. Во-первых, долее четверти века, с 41 по 68гг., он всячески внушал Клавдию с Нероном, да и самому себе, что никоим макаром не желает верховной власти. И во-вторых, на момент, когда она нашла-настигла-догнала-перегнала его, ему шёл 70-й отроду год, т.е. жизнь была прожита и поезд ушёл, при том, что он не мог в этом возрасте ни измениться, ни, по-настоящему принять бразды правления, не будучи пригоден к тому ни по всей своей природе неплохого службиста на вторых подкомандных ролях, ни в силу потенции управленца исчерпанного.

Копия не может сделаться оригиналом. Тактик, пределом к-рого является тактика и тактический маневр, не в силах стать стратегом и одерживать стратегические победы. Типичному репрезентанту староримского патрициата, пережившего метаморфозу цезариата-принципата и вобранного цезариатом-принципатом, Гальбе и ему подобным старонобилиям, предстояло уйти вместе с домом Цезарей, вне подворья к-рого им не было места, вернее, за подворьем-порогом к-рого у них и для них не было будущего.

Помимо того, и его предшественник, и его преемники принадлежали, по возрасту, к следующим после него поколениям, сообразно чему, он пережил сам себя ещё до того как, понукаемый уговорами, всё-таки добрался до трона и всё-таки взобрался на него. Засим, если 70-летний Август превратился в окружённый всеобщим почитанием прижизненный памятник самому себе, то 70-летний престарелый Гальба станет чучельной карикатурой на запоздало-неудавшийся памятник всему старому нобилитету. Оттого его позорное пребывание у власти в течение считанных месяцев закончится преждевременными родами мёртвого плода посредством кесарева сечения, при помощи к-рого Цезарю некогда удалось извлечь на свет новый Рим. Но, как говорится, то, что позволено Юпитеру, не позволено быку!

И потому всё, что от несостоятельного и несостоящегося кесаря-цезаря Гальбы (следом за кем последовали ещё два переходных калифа на час — Отон и Вителлий) осталось, это — своеобразное предварение грядущей за эпохой Флавиев эпохи (*златовековых* наследников Августа) Антонинов, от Нервы до Марка Аврелия (включительно), — в ключе принцепата адоптивных кесарей.

Ведь именно бездетный Гальба, пусть катастрофически для себя, усыновил¹¹ (10.01.69г.) за несколько дней до собственной гибели лишённого жизни в один день с ним Лициния Пизона Фруги Лициниана как своего преемника, чем страшно разочаровал-раздосадовал надеявшегося на такое тронно-наследственное усыновление для себя самого Отона, к-рый, осерчав, Гальбу угробил. И, тем не менее, прецедент возымел место быть, впоследствии взойдя *Золотым веком* адоптивной, не по крови или дому, преемственности власти при Антонинах. Вдобавок к тому, пришедшему-вскарабкавшемуся на римский трон волею судеб непосредственно из Испании Гальбе можно приписать также провозвешение римско-испанских, в лице Траяна, Адриана, М.Аврелия, кесарей на императорском троне.

Но, ещё, как говорится, не вечер, и теперь, снова приобщаясь к истории Рима, где нам вместе с читателем пришлось, подробнейшим образом реконструируя хроноисторию-сага 33г. н.э., непривычно долго отсутствовать, приведём, закругляясь с презентацией заступившего на консульскую вахту Гальбы, перед знакомством с другими консулами 786г. а.У.с., некоторые небезынтересно-параллелистские хроновыкладки.

Гальбанская дата рождения 24.12.3г. до н.э. — сочельник в канун года Благовещения Ев. от Мф. — апрель 2г. до н.э. — и начала комплексно-совокупной, со 2/1гг. до н.э. по 33г. н.э., Мистерии Голгофы. Гальбанская тога virilis 1.01.14г. н.э. — в январские календы знаменательного года слиятельно-оудухотворительной апрельской Пасхи 14г. н.э. (Малое Преображение и Малое Крещение), в к-рую Иисус Соломонид пожертвовал своё Я Иисусу Нафаниду; года успения Иисуса Соломонид; года кончины Августа; года старта принцепата Тиберия и года Успения Марии Благодатной.

Гальбанская претура 30г. н.э. — в год Крещения Господня. Гальбанское наместничество в Аквитании — 31/32гг. — в лето Господне благоприятное и в Преображенский год Христа. Наконец, гальбанское консульство-орд 33г. н.э., — эпонимия года и 6 (январь — июнь) месяцев облечения консульского достоинства — в год собственно Мистерии Голгофы. В год и месяцы февральского Воскрешения Лазаря, мартовско-апрельской Страстной седмицы, апрельской Крестной смерти Иисуса Христа, апрельского Воскресения, майского Вознесения и майской Пятидесятницы-Троицы.¹² Отсюда вывод (с информацией для антропософского читателя к размышлению): дальнейшая карма Гальбы не может быть в стороне от кармы и эволюции христианства!

¹¹ Женат Гальба был, согласно Светонию (5), на Лепиде — дочери конс. 11г. н.э. (М.Эмилия Лепида), к-рая родила ему двух рано умерших (неведомо — почему и при каких обстоятельствах?) сыновей, и к-рая минимум на 40г. н.э. была жива, поскольку Агриппина, после смерти как раз в 40г. своего мужа, отца Нерона, Домиция, по словам Светония, «всеми способами обхаживала ещё женатого и не овдовевшего Гальбу, так что мать Лепиды в собрании матрон однажды изругала её и даже ударила» (5). Т.е. Лепида умерла позднее 40г., после чего Гальба «остался вдовцом и никакие предложения не могли его склонить к браку» (5).

¹² Гальбанская легатура в Тарраконской с 60/61гг. н.э. = в пору конца 2-летних кесарийских уз Ап. Павла, его отплытия в Рим, зимовки на Мальте и прибытия в Рим (60/61гг.). Гальбанский кесариат-импература — на 70-м году жизни — 68г. н.э. — через 111 лет после убийства Цезаря в 44г. до н.э. и через 110 лет после первой ауспикации и первого консульства

Соконсул-орд. в паре с Гальбой – Л.Корнелий Сулла Феликс, предположительно, доводился сыном Л.Корнелию Сулле – консулу-орд. (в паре с Августом) 5г. до н.э., и мл. братом Ф.Корнелию Сулле – консулу-суф. 31г. н.э. (Т.Г. 605-08). Или, по другой версии, он был правнуком брата диктатора – Тиберия Суллы.

Этот облакавший эпонимическое консульство, сродни Гальбе, на протяжении первых 6-и месяцев года Таинства Голгофы Сулла Феликс знаком читателю с 21г. н.э., когда между ним, заносчивым молодым человеком (*nobilis juvenis*), и ветераном Гн.Домицием Корбулоном (отец небезызвестного нероновского полководца), кому он не уступил зрительское место во время гадиаторских боёв в цирке, произошёл конфликт. На жалобу обиженного ветерана в сенате, в к-ром сам Сулла, по молодости лет, пока ещё не состоял, за него вступились его отчим (и дядя) Мам. Эмилий Скавр (конс. 21г.) и влиятельный сенатор Л.Аррунций (конс. 6г. н.э.). Тогда страсти остудил арбитражно замещавший находившегося в кампанской отпускной отлучке Тиберия кронпринц Друз, примирив стороны, после принесённых Скавром Корбулону публичных извинений, чем последний (получив сатисфакцию) удовлетворился (Тацит «Ан.» 3,31) (Д.И. 540/41).

Дальше о Сулле Феликсе известно (CIL I p.71 *Fasti Arv.*) облечение им претуры-*peregrinus* (по делам иностранцев) в 29г. н.э., и – консульство 33г. н.э. Иных сведений о нём нет.

Хотя показателен уже сам факт консульства в 33г. представителя разветвлёнейшего патрицианского *gens Cornelia* (с наибольшим числом престижных фламинов и различных жрецов из его рядов), да ещё представителя ветви Корнелиев *Sullae* (в паре с Сульпицием *Galbae*), откуда происходил ярый защитник дела оптиматов – знаменитый диктатор.

Причём, по своей фамильно-жентильной наглядности-показательности, выделяются также суффекты второй половины 33г.: сменщик Гальбы – Л.Сальвий Отон, и сменщик Суллы – Г.Октавий Ленат. И если фамилия второго на 33г., в большей мере, отсвечивает бывшее, то фамилия первого вспыхивает скорое короткое будущее.

Начнём со второго. Октавием, как известно, звался (женатый с ок. 66г. до н.э. на дочери сестры Цезаря – Атии) Августов родной отец, кто, протежируемый Цезарем, дошёл до претуры, прилежно отпроконсульствовал в Македонии, но не успел облечь консульство, умерев на обратной дороге в Рим из провинции, в 59г. до н.э., в Ноле, в том же доме, где 72 года спустя, 19.08.14г. н.э., умер Август (Р.Л. 1300). Происхождение Августа прослеживается, по отцу, – из Велитр, по матери, – из Ариции, т.е. из соседних италийских полисов Лациума, в местах обитания когдатошних вольсков.

Согласно Светонию, род Октавиев, некогда один из виднейших в Велитрах, «был введён в сенат Тарквинием Древним в числе младших родов, затем причислен Сервием Туллеем к патрициям, с течением времени опять перешёл в плебс, и лишь много спустя божественный Юлий опять вернул ему патрицианское достоинство. Первым из этого рода был избран на государственную должность Гай Руф. Он был квестором и оставил сыновей Гнея и Гая, от к-рых пошли две ветви рода Октавиев, имевших различную судьбу. А именно Гней и затем его потомки все достигали

Октавиана (Августа) в 43г. до н.э. Гальбанская гибель – январь 69г. – на 99-м году от Акцийского сражения 31г. до н.э., на 98-м году от падения Александрии в 30г. н.э. и через 95 лет от принятия Октавианом имени Август = от эпохи эры Принципата в январе 27г. до н.э.

самых высоких должностей, между тем как Гай с его потомством, волей судьбы или по собственному желанию, состояли во всадническом сословии вплоть до отца Августа. Прадед Августа во Вторую Пуническую войну служил в Сицилии войсковым трибуном под начальством Эмилия Папа. Дед его довольствовался муниципальными должностями и дожил до старости спокойно и в достатке.¹³

Но так сообщает другие, сам же Август пишет только о том, что происходит из всаднического рода, древнего и богатого, в к-ром впервые стал сенатором его отец...» (Авг.2)

Октавий — мужское имя латинского происхождения, в ряду т.н. числовых — от 5-и до 10-и — имён: от «octo» — восемь (женская форма — Октавия). Его первый носитель, притом в качестве преномена, сообразно преданию, — правитель в конце VIв. до н.э. Тускула и предводитель Латинского союза в пору I-й Латинской войны — Октавий (или изначально, м.б., — Октав) Мамилий; затем, в 293г. до н.э., предводитель союзно-латинских войск — Октавий Маэций (Ливий 10,41,5).

Носители же фамильно-жентильного номена Octavius, не считая патрицианского предания (в к-ром многие сомневаются, полагая его постприписанным Августу) о царском периоде Рима, исторически встречаются как представители соответствующего всаднического рода, точнее, его двух ветвей, при преноменах Гай и Гней, с IIIв. до н.э.¹⁴ И если Гнеи дали 4-х консулов¹⁵ и сопричислились к высокому ноби-

¹³ Дед Августа по отцу был банкиром в Велитрах, что дало повод противникам Октавиана в 40/30-е гг. до н.э. ругательно сделать из него внука менялы-ростовщика (и сына матери, «выпеченной, — следуя соубийце Цезаря Кассию Памскому, — из муки самого низкого аридийского помола»), а прадеда, в чём особенно преуспел Антоний (при Клеопатре), превратить даже в вольноотпущенника (Свет. «Авг.» 2).

¹⁴ По всей видимости, упоминаемый Светонием республиканский родоначальник Октавиев Гай Руф был квестором ок. середины IIIв., в пору I-й Пунической войны (264-41гг.), тогда как во время II-й Пунической войны (218-01гг.), на Сицилии, под началом Эмилия Папа, служил, в ранге претора (205г.), его сын или внук, могущий быть не столько прадедом, сколько прапрадедом (или — просто предком) родившегося, напомним, в 63г. до н.э. Августа.

И, к слову добавить, появляющиеся в истории с середины IIIв. до н.э. плебейские Октавии, сродственно плебейским родам Антониев, Мариев, Муммиев, не имели (часть — до II/IIIвв.) наследственного когномена, т.е. прозвище октавианского родоначальника — Руф (*рыжеволосый*) — персональное.

¹⁵ Гн.Октавий — конс. 165г. до н.э. Командовал римским флотом, преследовавшим в 168г. разбитого при Пидне македонского царя Персея и принудил его к капитуляции в Самофракии (Ливий 44,35; 45,5). 163/62гг. — возглавлял римское посольство в Греции и М.Азии, где вёл себя — державнее не бывает, из-за чего был, преследован в Сирию, убит неким Ленатом в гимнасии Лаодикеи Сирийской (Полибий 31,12; 32,4). Построил в Риме Porticus Octavia (Festus p.178).

Следующий высокодолжностной Гн.Октавий — ничем, кроме эпонимии, не отметившийся консул 128г. до н.э.

Гн.Октавий — конс. 87г. до н.э. — противник (после отбытия Суллы, установления к-рого консулы поклялись соблюдать, на Митридатovu войну) инициативы своего соконсула Цинны, действовавшего, согласно Аппиану («Гр.в.» 1,64), за крупную взятку, равноправно распределить получивших, в результате Союзнической войны (91/90—89/88гг.), римское гражданство италиков по всем трибам. Октавий взялся за оружие и, по итогам уличного кровопролития, жертвой к-рого стали, в т.ч., множество новоиталийских граждан, совместно с 6-ю нар. трибунами, изгнал Цинну из города (Ливий «Ер.» 79). Консульское место последнего занял фламин Юпитера Корнелий Мерула, а самому сулланцу Цинне пришли на помощь смертный враг Суллы Марий, с приверженцами, и самниты. Воспрепятствовать вступлению демократов в Рим Октавию не удалось, но счтя недостойным римского консула покинуть город, он уселся, при полном консульском параде, на Форуме, в sella curulis, и там мужественно

литету, то из Гаев первым попал в сенат и добился-достиг, что называется, степеней известных, не успев, правда, добраться до консульства, как сказано, отец Октавиана Августа. А сам Октавиан в 45г. до н.э. был возведён Цезарем в патрициат, перешёл после смерти диктатора, по его усыновленческому завещанию, в gens Iulia и тем покончил с сопринадлежностью к роду Октавиев.

Тем временем, выступившие на сцену со времён Пунических войн Г.Октавии продолжали, надо заметить, достаточно скромно, в сравнении с репрезентантами других, в т.ч., т.н. поздних плебейских родов, экзистировать в истории Рима уже императорской эпохи. И одним из них был сын одноимённого городского головы (quattuorvir quinquennalis) города марсов Маррувия – Г.Октавий Ленат – один из суффектов 33г., к-рый, согласно Фронтину («Вода для Рима» 2,102), отвечал за водоснабжение Города-на-Тибре в ранге куратора aquarum в 34 – 38гг., сменив на этом посту покончившего в 33г. самоубийством М.Кокцея Нерву (см. ниже).

Притом дочь этого Октавия, вышедшая замуж за сына Нервы, стала матерью сменившего Домициана (с убийственным концом к-рого кончились кесари Флавии) и отомкнувшего эпоху (адоптивных) Антонинов (усыновителя Траяна) императора Нервы (96 – 98гг.). Вот, оказывается, какими любопытными связками-увязками-нитями и подробностями отличается-выделяется, если присмотреться, через его представителей, историко-политическое табло 33г. н.э.!

* * *

Дальше – больше, или меньше: ведь напарник Октавия Лената по консульству-суф. – Л.Сальвий Отон – есть отец кесарского сменщика Гальбы и второго из краткосрочных калифов в пору смуты 68/69гг. – М.Сальвия Отона, к-рый сумел, прожив на редкость недостойную жизнь, на редкость достойно, и главное, необычно достойно-благородно для высокопоставленных римлян Iv. н.э., умереть.

Отец консула-суф. 33г., одноимённый будущему кесарю М.Сальвий, был, не столько, согласно пропускающему одно поколение Светонию («Отон» 1), сыном, сколько внуком всадника из Ферентина (Этрурия), к-рый происходил из знатного этрусского рода, но женился на простолюдинке, кто была, возможно, даже не свободнорождённой, а вольноотпущенницей. Однако, он вырос в доме Ливии, пользовался её покровительством, сам женился на женщине очень знатного, к-рый Светоний не называет, рода «со многими влиятельными связями» (1), стал сенатором, побывал триумвиром monetalis (8г. до н.э.) и дослужился до претуры. В свою очередь, их сын Луций, наверняка облекший в 33г. консульство в возрасте, м.б., немногим старше 33-х лет, родился где-то на исходе старой эры, был лицом очень похож на Тиберия и очень им любим, из-за чего многие видели в нём левого тиберианского сына.

дождался своих убийц (Аппиан «Гр.в.» 326), в то время как Мерула заперся в храме Юпитера на Капитолии, проклял приближающихся убийц и вскрыл себе вены над алтарём, после чего, с 87 по 12гг. до н.э., когда нововерховный (по смерти в конце 13г. Лепида) понтифик Август исправил положение, («проклятое») достоинство (первого, в составе 3-х больших фламинатов, – Юпитера, Марса, Квирина) фламينا Dialis оставалось вакантным.

Гн.Октавий – конс. 76г. до н.э. – был малозаметен, ввиду повышенной активности его коллеги-соконсула – М.Скрибония Куриона.

Его доконсульский *cursus honorum* неизвестен, так же, как и послеконсульский до 42г.¹⁶, когда он, вероятно, в ранге легата Далмации¹⁷, после горе-мятежа Камилла Скрибониана (конс. 32г.) (Т.Г. 992/83), велел казнить посреди лагеря у себя на глазах нескольких солдат, к-рые перед тем, спеша уйти от ответственности за участие в мятеже, самочинно убили своих начальников, «якобы подстрекнувших их отложиться от Клавдия» (От.1). Причём сделано это было Отоном, по-староримски, по-республикански, несмотря даже на то, что Клавдий императорской милостью такой самосуд со стороны солдат одобрил и повысил его учинителей в чине (см. ниже).

Последнее, конечно, стяжало Сальвию славу и популярность, но обернулось опасной кесарской немилостью Клавдия, расположение к-рого он, впрочем, скоро вернул, «раскрыв по доносу рабов измену одного римского всадника, замыслившего убить императора» (От.1), в награду за что разоблачителю посвятили статую на Палатине, а Клавдий возвёл его в патрициат (47/48гг.) (см. ниже). Женат он был на Альбии Теренции¹⁸, от к-рой имел двух сыновей, – старшего, Л.Сальвия Отона Тициана (конс. 52 и 69гг.), и младшего, М.Сальвия Отона, плюс – дочь, к-рая была обручена с Друзом, сыном Германика, умерев до достижения ею брачного возраста.

М.Отон, видимо, самый младший из детей Луция, родился в 32г., был с раннего возраста отягощён целым набором пороков, нередко бывал сечён строгонравным отцом, к-рый умер где-то ок. 55г., и после смерти к-рого его непутёвый сын подольстился, притворившись влюблённым в неё, к какой-то дряхлой придворной вольноотпущеннице, через к-рую (пусть «попахивавшую трупой», как княгиня Волчанская в воображении «мелкого беса» Передонова) вошёл в доверие к Нерону, и вскоре, будучи мотом, наглецом, развратником, заделался первым из друзей отягощённого теми же пороками императора, соучастником всех его замыслов и непотребств.

Ан нет, ибо, вдруг, нежданно-негаданно, камнем преткновения между друзьями-кунаками-сображниками сделалась Пoppея Сабина, к-рую Нерон увёл у мужа для себя, временно доверив её, под видом брака, верному наперснику Отону (Тацит «История» 1,13)¹⁹, в к-рую тот, однако, серьёзно влюбился и не пожелав делить

¹⁶ Если, разумеется, Сальвию не довелось отпроконсульствовать в (сенатской) Африке ещё, как получается из предваряющего «Иллирик» «Африкой» Светония (1), в 40/41гг., т.е. при Калигуле и Клавдии, что теоретически, с учётом калигулианского (как и клавдианского) произвола, при (льготном или нельготном) назначении наместников в, будь то кесарские или сенатские, провинции, вполне возможно, тем более, что Африка 40/41гг., между наместничеством там в 38/39 и в 41/42гг., соответственно, Л.Кальпурния Пизона (конс.27г.) и Кв.Марция Сорана (конс.34г.), по всему, вакантна. Но, с др. стороны, поскольку консульски предваряющий Сальвия конс.-орд. 33г. Гальба наместничал в Африке (с опозданием) в 45–47гг., предполагается облечение сменившим его суффектом африканского наместничества после него, что – по правилам (одновременно соответствуя взаимопоследовательности между Гальбой и Отоном в консульстве, проконсульстве, кесарстве), и тоже (учитывая, вдобавок, частое несоблюдение-нарушение Светонием хронопоследовательности) очень даже возможно.

¹⁷ Светоний говорит «Иллирик» (1), употребляя собирательное для Далмации и Паннонии наименование «илирийских провинций». На провинциальные Далмацию и Паннонию Иллирик разделил, после подавления Тиберием Илирийского восстания 6–9гг., в 9/10гг. Август (Р.л. 1217).

¹⁸ По Тациту, мать Отона «родилась в семье не столь видной, но не лишённой заслуг» («История» 2,50). Род Альбиев прослеживается не раньше, чем с первой половины IV до н.э., и единственным его известным представителем является автор стихов к Делии и Немезиде, первым назвавший Рим Вечным городом знаменитый элегик августейшего *золотого века*, но из круга старореспубликанца Валерия Мессалы – Альбий Тибулл (+ 19/18гг.), кого Квинтилиан ставил в IV н.э. выше Проперция и Овидия.

¹⁹ Если по Тациту в «Анналах», замужествовавшая за Руфом Криспином Пoppея, плённная молодостью и красотой Отона, а также его близкой дружбой с Нероном, вступила с

любимую с Нероном, был сослан, причём, согласно Плутарху, по заступничеству Сенеки («Гальба» 20), легатом в Лузитанию, к-рой управлял, «с редким благородием и умеренностью» (Свет. «От.» 3), в квесторском ранге, с 58 по 68г., когда первым (Тацит «Ист.» 1,13) примкнул к выступившему против Нерона (наместнику Испании) Гальбе. Но Гальба обманул его надежды на усыновление и последующую импературу, предпочтя Пизона, почему крайне разочарованный и озлобленный Отон стал душой заговора против престарелого скряги-скупердяя-сквалыги Гальбы, павшего в январе 69г. жертвой одного.

При всём том, любопытным образом, если ровесник заключительной части августейшего *Золотого века* Гальба был почти безупречен (и желанен в качестве кесаря многим римлянам) на протяжении своей долгой жизни и проф. деятельности-пригодности до прихода к власти, оказавшись совершенно неприспособлен нести её бремя, то в отношении Отона всё обстояло с точностью до наоборот. Родившийся в пору усиленного постсеяновско-каприйского тиберианского террора и беспредела, выросший, повзрослевший и сформировавшийся в пору *кесарева безумия*, при кровожадном Калигуле, придурке Клавдии и душегубе Нероне, он, многопорочный прожигатель жизни, начал меняться в лучшую сторону с (отправившись наместничать в провинцию) 27-и лет отроду, после чего особенно круто изменился, продолжая позитивно преобразоваться, по принятии верховной власти на 37-м году жизни.

И казалось, что ему, любимому как солдатами, так и народом, предстоит долгое счастливое правление. Но, с одной стороны, инерция смуты, к-рая до поры не шла, не достигнув своего пика, на убыль, что обычно для смут, была ещё очень сильна, а с другой, когда против него восстали самые боеспособные германские легионы, под командой не знавшего никаких тормозов и напоминавшего огромную кучу фекальной массы трусливого уroda Вителлия, он, повторим, невероятно изменившийся (по своим человеческим качествам) к лучшему, оказался неспособен к проявлению бесчеловечной по своей сути, в силу её беспощадности-безоглядности, какой-либо политической воли и твёрдости. Ведь когда понадобилось и пришло время их проявить, он находился уже в иной, полярной безнравственному, требующему массового кровопролития, предательства и прочих подлостей, политиканству, системе координат.

Да, он выступил в поход, но изначально не настроенный на братоубийственную войну, т.е. выступил с настроением, в настроении, с к-рыми в борьбе за власть нельзя победить.²⁰ Мало того, ему даже удалось одержать победу в 3-х первых стычках, проиграв, из-за пушенной противником в ход хитрости (имитация заключения перемирия и внезапное нападение), решающую схватку при Бедриаке (35 км от Кремоны).

И тогда-то, не желая ни увязать дальше сам, ни ввергать соотечественников и страну в чреватую тысячами жертв гражданскую бойню (в к-рую они всё равно

Отонем в прелюбодеяние, приведшее позднее к их браку (13,45), то сообразно тацитовской «Истории», «именно у Отона как соучастника всех его постыдных походов скрыл принцепс свою наложницу Пoppею Сабину, рассчитывая тем временем избавиться от жены Октавии (дочь Клавдия и первая жена Нерона). Вскоре, однако, заподозрив Отона в связи с Пoppеей, Нерон отправил его в Лузитанию, назначив для вида легатом этой провинции».

²⁰ Пример Белого движения в России, к-рое изначально, в лице его предводителей, являясь для лучших из них (Деникин; Колчак...) трагедией Гражданской войны, было обречено на трагическое поражение, тогда как для нелюдей-большевиков никакой трагедии в желанной, чтобы уничтожить как можно больше своих политических и классовых противников, Гражданской войне не было. Напротив, они разжигали и разожгли её, деля страну и мир на своих и чужих по совершенно иным меркам, до максимума, выполнив и перевыполнив (с садистским упоением) все жертвоприносительные планы.

вверглись), он решил добровольно умереть. Не было ли это, в сложившихся условиях-обстоятельствах, демонстрацией истинного величия духа, не был ли то настоящий поступок, пусть непростительный для политика, ибо политика благородной не бывает, сумевшего стать поистине благородным мужа и человека!

И ведь ничто в докесарском Отоне подобной концовки вроде бы не предвещало. Что же возымело место быть? что же случилось? Преображение личности, в к-рой на смену её разрушению в течение большей части жизни пришло, разделив её на две неравномерные части, как раз в пору достижения высшей мирской цели, сознательно отрекшееся от мишурности достигнутого самопожертвовательное созидание = (взятое Отонем в спасённую карму) созидательное самопожертвование. Так он достойно ушёл в апреле 69г. в смерть, 37-и лет отроду, после всего ок. 95-и дней правления, не дотянув до 100 дней Наполеона, но в отличие от последнего, уйдя от своего Ватерлоо и одержав победу искупительной смертью над жизнью.

Возникает вопрос. Не соприкоснулся ли Отон, наместничая в Лузитании, в 60-е гг. Ив. н.э., даром что поверхностно, с христианами и с христианством? конечно, вовсе не став от этого христианином или прохристианином, но всё-таки, м.б., проявив какой-то интерес к христианству (как его недолгая супружница Поппея интересовалась иудаизмом и даже полупрозелитически благоволила к иудеям)? Вспомним о первых римских гонениях на христиан, устроенных в 64г. Нероном, или в 67г., в дни отсутствия Нерона в Риме/Италии, замещавшими его временщиками, когда жертвами гонения сделаются Апостолы Пётр и Павел, к чему мы ещё подробно обратимся в дальнейшем.

Притом, на 60-е гг. христианские общины существовали уже во многих местах Римской империи, в т.ч., и, включая Лузитанию, в Испании, к-рую ок. 57г. мог посетить Ап. Иаков Младший (хотя испанцы почитают как своего патрона Ап. Иакова Старшего) и к-рую Апостол язычников Павел наверняка миссионерски посетил после своих первых римских уз 61 – 63гг., в интервале 63 – 66гг., вероятнее всего, в 63/64гг. (в чём нам предстоит удостовериться ниже).

При всех случаях, обращают на себя пристальное внимание приводимые у Диона Кассия предсмертные слова Отона: «Справедливее умереть одному за всех, чем всем за одного» (64,13). Не сходно ли (сходно отчасти!) высказался, после воскресения Лазаря, при синедриональном осуждении (7 адара 33г.) Иисуса на смерть, сказав это не от себя, как выражается Ев. Иоанн, но будучи на тот год первосвященником, Каиафа: «...лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели, чтобы весь народ погиб» (11,30/31). Или, например, Плутарх в Отоновом «Жизнеописании» пишет: «Его жизнь порицали многие достойные люди, но не меньшее их число восхваляло его смерть. Он прожил несколько не чище Нерона, но умер гораздо благороднее» (18).²¹

²¹ Хоть не решён был исход гражданской войны Энионой (Мог бы, пожалуй, ещё слабый Отон победить), Предал проклятию он кровавые Марсовы битвы, Твёрдой рукою насквозь грудь поразивши себе. Пусть даже Цезаря был Катон превосходнее в жизни, Смертью Отона, скажи, разве он мог превзойти?

(Валерий Марциал «Эпиграммы» 6,32)

ВЫДАЧА ТИБЕРИЕМ ЗАМУЖ ДОЧЕРЕЙ ГЕРМАНИКА

Теперь, после столь подробного знакомства с консулами 33г. н.э., ординариями и суффектами, плюс с их некоторыми неординарными предками и потомками, что позволило нам, вместе с читателем, снова, и ретроспективно, и перспективно, окунуться в Рим, обратимся, в русле нашего хроноповествования, к насущной анналистике.

«В консульство Сервия Гальбы и Луция Суллы Цезарь после долгого раздумья, кого бы дать в мужья своим уже достигшим брачного возраста внукам, остановил выбор на Луции Кассии и Марке Виниции. Виниций происходил из провинциального рода; он родился в городе Калах; его отец и дед достигли консульского достоинства, но все остальные в семье принадлежали к всадническому сословию; сам он был мягкого нрава и обладал даром изящной речи. Кассий происходил из римского плебейского рода, впрочем, древнего и заслуженного; воспитанный отцом в строгости, он располагал к себе скорее своей обходительностью, чем душевную твёрдостью. Итак, выдав замуж дочерей Германика Друзиллу и Юлию – первую за Кассия, вторую за Виниция, – Тиберий сообщил об этом сенату, сдержанно похвалив молодых людей. Затем, довольно смутно изложив причины своего пребывания за пределами Рима, он перешёл к делам более важным и к тому, что заботясь о благоденствии государства, он навлёк на себя недовольство, и закончил письмо просьбою допускать вместе с ним в курию всякий раз, когда он пожелает её посетить, префекта Макрона и ещё нескольких трибунов и центурионов. И хотя соответствующий сенатский указ полностью учёл его пожелания и в нём не упоминались ни звание, ни число сопровождающих императора, Тиберий не только не вошёл ни в один римский дом, не говоря уже о народном собрании, но всякий раз объезжал родной город кружными путями» (Тацит «Ан.» 6,15).

Внучки – по Германикову усыновлению Тиберием, а по родству – его внучатые племянницы, т.е. дочери умершего в 19г. (сына Тибериева мл. брата Друза) Германика и ссыльной (о. Пандатерия) на 33г. (внучки Августа) Агриппины (дочь Юлии и Агриппы). Этих внучек, о браке двух младших из к-рых под 33г. говорит Тацит, было итого три: Юлия Агриппина, Юлия Друзилла и Юлия Ливилла.

Первая – старшая – родилась 6.11.15г. н.э., во время германского главнокомандования (и реваншистских, за поражение Вара в 9г. н.э., зарейнских походов) их (сопровождаемого женой в его наместничестве на Рейне) отца, в городе убиив – *Oppidum Ubiorum* (Кёльн), переименованном в 50г., по её (жены Клавдия) настоянию, в Агриппинову колонию (*Colonia Iulia Agrippina*) (Д.И. 1083-85) (см. ниже). В 28г. она, известная как Агриппина Мпог, вышла замуж за Гн.Домиция Агенобарба (конс. 32г. н.э.), от к-рого в декабре 37г. (через 9 месяцев после смерти Тиберия = в 1-й год правления Калигулы) родится последний представитель династии Юлиев-Клавдиев – Нерон.

Средняя сестра – любимица Калигулы – Друзилла, появилась на свет, должно быть, годом или более года позднее старшей = не ранее осени 16-го или в 17г. н.э. (точная дата неизвестна), тогда как младшая – Ливилла, родилась, вероятно, уже в 18г., на Лесбосе, о чём косвенно уведомляет Тацит, повествуя о следовании Германика, в сопровождении части его, включая жену, семейства, на Восток, куда он направился с чрезвычайными ориентально-наместническими полномочиями в 17г. н.э. Причём называющий трёх сестёр погодками Светоний (Кал.7), по всей видимости (как и во многих др. случаях), неточен, ибо на Лесбосе Германик с Агриппиной оказались не ранее 18г., к-рый они встретили в ахейско-приакцийском Никополе, где Германик вступил, по пути на Восток, в своё второе, в паре с Тиберием, сделавшим это в Риме, консульство (*in absentia*) (Д.И. 103).

Можно, конечно, предположить, что Агриппина с детьми (Гай и Агриппина Мл.) обосновалась на Лесбосе в ожидании мужа ещё в 17г., однако, из тацитовского текста, скорее, следует их совместное прибытие на остров, после чего и произошло её разрешение от бремени: «...отплыв затем (из Никополя) на Эвбею, он переправился оттуда на Лесбос, где Агриппина родила ему Юлию, своего последнего ребёнка» (Ан. 2,54).

Далее, обращает на себя внимание возраст обеих или, по крайней мере, старшей из них, по обычным-привычным римским нормам-меркам, несколько засидевшихся в девках-невестах тиберианских внучек. Если их старшей сестре, Агриппине, во время её брака, в 28г., 13 лет, то Друзилле на 33г. уже 16/17, а Ливилле – 15. Напомним, римлянки могли выдаваться замуж с 12-летнего возраста (отроки-юноши могли жениться с 14-и лет), что, применительно к девицам, часто (но не всегда) и имело место (чаще – с 13/14-и лет) быть. Т.е., во всяком случае, 17-летняя (на 17-м году) Друзилла, к-рую Калигула, сожительствовавший, по приводимым Светонием слухам, со всеми своими сёстрами, лишил девственности ещё подростком (Кал. 24), в мужние жёны несколько запаздывала.

Соответственно, Тиберий опоздал и медлил с бракосочетанием младших внучек из-за дела Сеяна и его последствий. Вспомним, ведь, с одной стороны, Сеян добивался для себя и вроде бы почти добился руки дочери Друза (Тибериевича) Юлии, т.е. прямой тиберианской внучки, вакантной после ссылки (29г.) её мужа Нерона (+ 31г.), исполнение чего в конечные планы Тиберия не входило. И потому он до поры не мог, умышленно затягивая брак Юлии (Друзовны) с Сеяном (розыгрыш дружбы а-ля Орест-Пилад с к-рым продолжался), брачно благословить своих бывших на 10 лет младше этой Юлии внучатых племянниц.

Не мог, чтобы, во-первых, до времени не травмировать = не бесить и не провоцировать на действия Сеяна, и во-вторых, чтобы не давать лишний повод нобилиям к насмешкам над домом Цезарей. А после сеяновского падения и последовавших сразу затем расправ было, в напряжённой внутривосточной ситуации, во-первых, не до супружеских союзов, а во-вторых, надо было выждать.

Дело в том, что женитьба на невестах из клана Augustana (по превращении Августом Рима в специфическую республиканскую монархию) небезопасно приближала их нобилитетских мужей, за каждым из к-рых, в той или иной мере, стоял определённый клан, определённые общественные круги-силы, к императорскому трону. И потому, при двояких-тройких соотношениях в условиях многослойного-многостворчатого августейшего Принципата, где (мумифицированная старореспубликанская) форма вопиюще разошлась с (новомонархическим, в облачении республики) содержанием, требовались крайняя осмотрительность и крайняя осторожность. Вливание нового вина в старые мехи – дело рискованное и рисковое! Не случайно (отягощённый августейшей наследственностью) Тиберий был (долгостойно взвешивающим-обдумывающим решения) мужем и политиком «медленных челюстей»!

Сначала он усыплял бдительность Сеяна до его внезапного устранения, после к-рого не торопился до тех пор, пока полностью подконтрольная ситуация не уляжется в нужную кесарю надёжную позу. Пусть до поры, когда Нерон (Германикович) ещё или уже при жизни Сеяна сошёл в могилу, пока брат Нерона (запасной противосеяновский вариант) Друз (Германикович) в каземате Палатинского дворца, откуда он (живым) не выйдет, пока кесарь приближает к себе в 33г. 21-летнего Гая Калигулу, за спиной к-рого 14-летний Тиберий Гемелл (сын Друза Тибериевича, в генезисе к-рого не от Сеяна кесарь не был уверен), возле (близ) трона будет находиться-подвизаться всего один императорский зять.

Спрашивается, кто? Гнусный, но безопасный, в силу своих как никчемной

гнуности, так и 100-процентного тиберианства, — муж Агриппины Мл. — Гн. Домиций Агенобарб (Т.Г. 989-91), к-рый, о чём мы знаем, именно в первом пост-сеяновском 32г. не случайно облакал консульство-орд. И к-рый не способен на большее, чем родить в перспективе Нерона с характерным (вложенным в его уста с лёгкой руки Светония) комментарием, «что от него (Домиция) и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества» (Нер. 6).

И опять-таки, не случайно Тиберий в 33г. выдал двух заневестившихся принцесс за неслучайных консуляров (на 33г. — за ок. 35-летних, т.е. вдовых или разведённых) Л.Кассия Лонгина и М.Виниция, парно побывавших консулами-орд. в достопамятном 30г. н.э. (Т.Г. 179-82). Первый оженил Друзиллу, второй — Ливиллу. Притом оба происходили не из столь могущественных на означенное время gens-кланов и, главное, оба не представляли собой никакой персональной опасности ни в качестве потенциально опасных оппозиционеров-мятежников, ни в качестве эвентуальных претендентов на верховную власть.

О Кассии Тацит говорит, как о воспитанном отцом (конс.-суф. 11г. н.э.) в строгости, скорее, обходительном, нежели твердохарактерном муже. Мы помним, что в первой половине 30г. Сеян использовал его в консульском ранге (как шавку) для травли (с каприйской подачи Тиберия) мл. брата Нерона — злыдня Друза, к-рый тогда и попал в палатинский каземат (Т.Г. 185-87). А в 32г. Кассий был среди тех нобилей, к-рые рьяно требовали проклятия памяти (уморённой её матерью — Антонией) голодом (соотравительницы в 23г. Друза Тибериевича) Ливиллы и передачи конфискованного имущества казнённого «врага народа» Сеяна из гос. казначейства в императорскую казну (Т.Г. 996/97).

В 37г. Калигула разведёт этого Кассия со своей, не по-братски обожаемой им, сестрой Друзиллой, чтобы не делить её с законным мужем и чтобы он не мешал кровосмесителю-императору сожительствовать с ней, довременная кончина к-рой в 38г. весьма поспособствует превращению Калигулы в чудовище, тогда как дальнейшая судьба экс-супруга Друзиллы неизвестна. Хотя устрани его Калигула, Клавдий или Нерон, античные авторы не преминули бы об этом сообщить, т.е., по всему, он, не будучи кому-либо опасен и более никак не проявив себя, скончался (скорее от болезни, чем в старости, как его сосланный при Нероне и доживший до правления Веспасиана небезызвестный брат — консул-суф. 30г. — Г.Кассий Лонгин) в собственной постели.

Иначе сложилась судьба мужа Юлии Ливиллы — тоже не слишком выразительного соконсула Кассия, дружного Веллею Патеркулу (кто подозрительно исчезает — не в подвалах ли «Лубянки»? или — на полигоне «Коммунарка»? — с падением Сеяна) М.Виниция — сына консула 2г. н.э. и внука (дружного Августу) консула 19г. до н.э. При Калигуле Виниций взойдёт в патрициат и останется в императорском окружении даже когда его жена с её ст. сестрой Агриппиной будут сосланы Калигулой, по обвинению в прелюбодеянии и соучастии в заговоре заговорщика против императора М.Эмилия Лепида, на Понтийские острова (39г.).

Позднее Виниций подвизался возле Калигулы в день его убийства 24.01.41г., причём рассматривался как кандидат в принцепсы сторонниками реставрации республики, но был забракован (профнепригодность!) консулами, а с интронизацией Клавдия незамедлительно присягнул ему на верность (И.д. 19,1,14; 19,4,3). Со своей стороны, Клавдий вернул обеих дочерей Германика из ссылки (Дион 60,4,1). Однако в 41/42гг. любвеобильная Ливилла стала жертвой завидовавшей её красоте и опасавшейся её влияния на похотливого дядюшку Клавдия Мессалины. Если раньше Ливилле инкриминировалась, помимо Лепида, прелюбодеятельная связь с юнцом Тигеллином (жестокий преторианский префект при Нероне), то сейчас последовало обвинение в прелюбодеянии с философом Сенекой. В результате, она

отправилась в ссылку, где была вскоре убита подосланными к ней Мессалиной убийцами.

Виниций же, снова вовремя дистанцировавшись от жены, поучаствовал в 43г. в британской экспедиции Клавдия, побывал в 45г. консулом-орд. вторично и, всё-таки, в 46г. пал жертвой интриг нимфоманки Мессалины, на домогательства к-рой ответил отказом, почему был отравлен ею и погребён с гос. почестями ничего не заподозрившим тюфяком Клавдием (Дион 60,27,4).

Согласитесь, портреты обоих мужей тиберианских внучек, Кассия и Виниция, достаточно характерны, и можно сказать, что Тиберий остановил свой выбор именно на них, к-рых слержанно похвалил, именно в силу их безопасности как для действующего, так и для будущих из редуемого дома Юлиев-Клавдиев кесарей-принцевсов. Отсюда понятно, какими соображениями кесарь, при подборе-выборе, в первую очередь, безопасных, без каких-либо особых заслуг-достижений-претензий и без военного опыта, женихов (политических слабаков) для брачных союзов императорской фамилии, руководствовался.

И, кстати, теми же соображениями он будет руководствоваться, когда после смерти, соответственно, летом и осенью 33г., казематного Друза и ссыльно-островной Агриппины Ст., выдаст замуж за внука простого всадника (родом из Тибура) Рубеллия Бланда (конс.-суф. 20г. н.э.) свою прямую-родную внучку – дочь покойного Друза и Ливиллы – Юлию (см. ниже), к-рую Мессалина погубит в 43г.

Так юлианско-клавдианские зятя, равно их потомство, отодвигались-отгонялись подальше от трона и престолонаследия, во второй и третий эшелоны, на запасные пути, дабы не мешать Юлиам-Клавдиям по мужской линии: Калигуле, на к-рого Тиберий сделал престолонаследную ставку, и Тиберию Гемеллу, о к-ром проничательный Тиберий знал, что он в перспективе обречён сделаться жертвой Калигулы.

Интересно, что неодновременность, в течение-ходе, точнее, в начале и в конце, 33г., брачных союзов двух дочерей Германика и дочери Друза зафиксирована только у ближе стоящего к событиям Тацита (6,15; 27), к-рого последний, по его словам, опечаливший нобилитет, неравный брак возмущает, в то время как наш второй анналистический информатор Дион (58,21,1) все эти три брака не дифференцирует и ни один из них, просто сообщая о них, (из более отдалённого великокрисисного Шв. н.э.) не комментирует.

Но зато, если из Тацита неясно, где именно Тиберий выдал Друзиллу и Ливиллу замуж и откуда именно он уведомил сенат, то благодаря Диону мы узнаём, что это было проделано близ Рима, за городом, к к-рому Верховный, надо понимать, в начале 33г., переправившись с Капри, подошёл на расстояние до 4-х миль (30 стадий):

«Тиберий тогда приблизился к столице и находился в её окрестностях; но он не вошёл в стены, хотя был на расстоянии всего в 4 мили, и устроил браки оставшихся дочерей Германика и Юлии, дочери Друза. Потому и город, в свою очередь, не справил никаких празднеств в честь их свадеб, но всё шло как обычно, даже заседания сената и рассмотрение судебных дел...» (58,21,1/2)

Итак, он снова не вошёл в как бы табуированный для него (с 26г.), по его собственному почину, Рим, куда некогда так стремился возвратиться с Родоса, в к-ром достиг верховной власти, и из к-рого впоследствии, отринув этот Город от себя, мрачно удалился, предпочтя до самого конца жизни держаться от него на большей или меньшей дистанции (как И.Бродский – даже от постсоветской России!).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА ГОДА

Причём перед тем, подвергнув (в духе XX/XXI вв.) критике (свойственную тоталитарным режимам) тенденцию «создать впечатление действительных выборов» (в чём, добавим от себя, сегодня не меньше преуспевают банановые постсоветские республики, где выборно победить административный ресурс практически невозможно), Дион начинает анналы 33г. с наличия в данном году «только 15-и преторов», что в дальнейшем, приложительно к претуре, соблюдалось много лет, — «так что иногда избиралось 16, а иногда одним или двумя меньше» (58,20,5).

С 367/66 по 197гг. до н.э. число римских преторов, с ростом Рима, постепенно выросло с одного до 5-и (Д.И. 70/71). При Сулле их стало — 8, при Цезаре — 10, 14 и даже 16. Август остановился на 12-и, но в 11г. н.э. набралось (Дион 56,25) 16 кандидатов и принцепс, чтобы никого не обидеть, пошёл навстречу всем желающим. В 14г., едва придя к власти, Тиберий, по слову Тацита (Ан. 1,14), «назвал 12 одобренных им кандидатов на должности преторов — это число было установлено Августом — и в ответ на настоятельные просьбы сенаторов увеличить его поклялся, что оно останется неизменным». Т.е., несмотря на накладку или неточность в противоречащем Тациту тексте Диона, так или иначе, на 33г. Тиберий (несмотря на свою клятву 14-го г.), следует полагать, шёл (пошёл) стопами Августа, идя навстречу пожеланиям трудящихся сенаторов и не возражая против 15/16-и преторов вместо (нормативно предписанных Августом) 12-и.

И ниже, сообщив о не повлиявших на будничные заседания сената и на рассмотрение судебных дел подчёркнуто скромных бракосочетаниях принцесс крови, без каких-либо свадебных празднеств в столице, Дион продолжает:

«Впрочем, Тиберий придавал важное значение тому, чтобы сенат собирался настолько часто, насколько ему надлежало собираться, и настаивал, чтобы они сходились не позже и расходились не раньше назначенного времени. Он также послал консулам многие предписания от своего имени, и, кроме того, приказал, чтобы некоторые приказания были прочитаны ими вслух. Он избрал тот же способ и в отношении некоторых других дел — как будто не мог сам написать непосредственно сенату! Он посылал к ним не только документы, данные ему доносчиками, но также и признания, к-рые Макрон получил от людей под пыткой, не оставляя им таким образом ничего, кроме как голосовать за осуждение...» (58,21,2/3)

Следовательно, кесарь-цезарь, монарх де-факто, был озабочен необходимостью солидного соблюдения освящённых традицией республиканских норм де-юре: своевременные регулярные заседания-собрания сената, ненарушение регламента, неотлынивание от принятия (единогласных или неединогласных, в зависимости от их характера) решений, непренебрежение повседневной рутинной, непревращение и без того показухи в показуху слишком вызывающую, и т.д. и т.п. Т.е., не вздумайте видеть-углядеть в работе парламента, к-рый продолжает функционировать всюю (как завещал великий Август), пустую формальность, отцы-сенаторы! Точнее, не превращайте цинизм завуалированный-закамуфлированный-загримированный в цинизм откровенный, в цинизм без грима: я, верный продолжатель и наследник дела Августа, к-рое живёт и побеждает, этого не допущу, не потерплю! Блюдём (все внешние рамки) приличия! Фиговые листки сбросу-снятию не подлежат!

И не забывайте о том, кто надо всем и надо всеми в ампула «первого среди равных» (среди к-рых некоторые равнее-ровнее) верховенствует, отечески преисполненный гос. резонами, невзирая на своё внестоличное местонахождение. Не вздумайте запамятовать о том, чьи предписания и приказания надо не только и не просто зачитывать вслух, что тоже немаловажно, но и прилежно, точно, в срок

выполнять-исполнять. А иначе новое (сменившее не оправдавшее доверие старое) «око государево» – бдительный преторианский префект Макрон – не дремлет, в то время как «ежовы рукавицы» всегда наготове!

И свидетельства этому – направляющиеся Тиберием из-за пределов Рима сенату в Риме, одновременно с распоряжениями консулам, задокументированные множеством доносчиков различные и на различных лиц показания, плюс, главное, – полученные Макроном, вероятно, как на Капри, так и в Риме (между к-рыми он курсировал и где, засучив рукава, дуалистически трудился), подпыточные признания.

Стало быть, следствия-дознания по взаимокоммуникабельным делам об оскорблении величия-величества и по нескончаемому делу (к-рое так и не закончится при Тиберии) о пресловутом заговоре Сеяна (после успешной реализации контрзаговора Тиберия против ликвидированного Сеяна) продолжались. Изобличения-разоблачения и экзекуции, м.б., и не столько следовали всенепременно одно за другим, однако, стабильно продолжали (не допуская предания забвению этого пресловутого *дела* преданного проклятию памяти Сеяна) иметь место быть. И современные авторы, в русле принятой на вооружение горе-учённостью ещё XIX-го в. тиберианско-реабилитационной горе-инициативы-традиции, напрасно лопочут о всего, видите ли, 17-и (политических) процессах в 32-м и о, всего-навсего, 12-и – в 33гг.²² (Т.Г. 1036).

Повторим, во-первых, мы знаем далеко не обо всех процессах, ибо наверняка многие из них в античных источниках не упомянуты; во-вторых, в 33г., б.м., не столько собственно (показательных) процессов, сколько расправ и жертв (для к-рых при тирании совсем не всегда нужны судебные процессы) было больше, чем в 32г., поскольку именно на 33г. пришёлся пик (в т.ч. массовых) постсеяновско-тиберианских репрессий (к-рые лишь после 33г. пошли, в заключительные 3/4 года правления дряхлеющего Тиберия, на убыль). И в-третьих, мы располагаем, притом неполной, информацией только о процессах-расправах в Риме или на Капри, не располагая сведениями об италийской периферии или о провинциях.

Итак, следуя Диону, поставленные перед невыбором отцы-сенаторы соглашались с обвинениями (попробовали бы не согласиться!) и выносили, на основании выпытанных Макроном признаний («царица доказательств»), заведомые (угодные кесарю, пожелания к-рого они научились распознавать) приговоры.

Впрочем, в данном абзаце Дион приводит лишь один пример самоубийства некоего всадника Вибуллия (или Вибеллия) Агриппы, к-рый, предупреждая неизбежную вышку, «проглотил яд из перстня и умер прямо в помещении сената»

²² Не расстрелял ли Сталин (как сегодня вопят апологеты ползучей реабилитации-георизации всё более *русифицируемого* в России сталинизма – Кургиняны и Прохановы) не более 600/700 тыс. человек! Какие уж там, придуманные Солженицыным и (в угоду западному империализму) либералами, миллионы жертв, ведь не поставленные в прямом смысле к стенке (и даже поставленные, но для внешнего вида и родственников как бы получившие 10 лет без права переписки), угробленные в тюрьмах, умершие от пыток, сгинувшие в лагерях, на поселениях-высылках-пересылках и т.д. – (как бы) не в счёт! они как бы не были убиты, но как бы, при недовыясненных обстоятельствах, перемерли.

Вообще обращает на себя внимание находящийся ныне в ходу (причём начатый ещё при Сталине) процесс русификации большевистской революции, к-рая сегодня всё чаще называется, по аналогии с Французской, и по её (ново)заимствуемому образцу, дескать, Великой Русской революцией. Хотя, учитывая подавляющее большинство именно нерусских кукловодов в её верхах, эту Революцию можно назвать – максимум – Российской. А великими кровавые революции в христианскую эпоху не бывают и быть не могут в принципе, ибо являются, сами по себе, злодейством, в то время как гений и злодейство – несовместны-несовместимы. Хотите видеть Французскую или Российскую революцию великими, отрекитесь сначала от христианства и объявите себя язычниками! Нельзя-невозможно быть христианином и одновременно адептом-апологетом «величия» Российской революции!

(58,21,4), вернее, в сенатской курии, где слушалось его дело, по к-рому был неотвратим или уже был вынесен-произнесён, что Дионом не уточняется, смертный приговор.

Сегодня твёрдо принято думать, что здесь дионовская накладка-путаница и что речь должно вести о Вибулене Агриппе, про обстоятельства гибели к-рого, произведшей крайне гнетущее впечатление на сенат, более достоверный Тацит рассказывает под 36г. Т.е. якобы налицо, из-за якобы ошибки Диона, неправоммерный дублет. По Тациту, после выступления обвинителей, всадник Вибулен Агриппа тут же в курии достал спрятанный под тогой яд и, проглотив его, тотчас упал, но подоспевшие ликторы, тем не менее, потащили умирающего в темницу, где ему уже бедыханному затянули петлю на шею (Ан. 6,40).

Возможно, конечно, что Дион допустил ляп и что речь идёт об одном и том же случае-событии. Но, с др. стороны, ведь Тацит, говоря о яде, спрятанном под тогой, ни словом не говорит о яде, проглоченном из перстня на пальце, что необычно, на что упирает Дион и что должно было бы быть, повествуй они об одном и том же, отмечено также Тацитом, между тем как Дионом должна была бы быть отмечена незабываемая петля на шею уже мёртвого самоубийцы.

Помимо того, если Вибуллий (или ответвление – Вибеллий) – редкий римский gentilium номен = фамилия (этруского теофорного? происхождения, по одному из предположений, от имени богини дорог Вибуллы), то Вибулен – это никак не nomen gentilicum, а cognomen = прозвище (значение неизвестно), сродни когномену Агриппа (*родившийся ногами вперёд*). Притом в объективе не оговорка, так как в 1-й кн. «Анналов» (1,22; 28/29) у Тацита фигурирует Вибулен – римский воин из числа бунтовщиков во время наведения порядка прибывшим в 14г. в Паннонию сыном Тиберия Друзом, согласно приказу к-рого, мятежных Вибулена и Перценния умертвили (Д.И. 14-16).

Иначе говоря, коли Тацит почему-то называет, под событиями 36г., принявшего вынуженный из-под тоги яд самоубийцу в сенатской курии двумя прозвищами (в чём = в наличии у римлянина двух прозвищ ничего необычного нет) без личного имени и фамилии (к-рые в Риме часто опускались), то Дион, под 33г., сообщает о втянувшем-высосавшем яд из перстня самоубийце, приводя (обычным порядком) его фамилию и (нередкое римское) прозвище, к-рое совпадает с одним из прозвищ фигуранта в «Анналах» Тацита.

Отсюда, разумеется, возможно, что на повестке дня накладка и удвоение, но, согласитесь, вовсе не исключено, что речь вполне может идти о двух различных случаях-событиях, соответственно, 33-го (Дион) и 36-го (Тацит) гг. н.э., и мы примем именно эту дуалистическую версию, ибо, на наш взгляд, именно она предпочтительнее отражает реальность в её подлинности.

Вместе с тем, Дион хроноошибочно или хрононедифференцированно присовокупляет к куриальному самоубийству Агриппы самоубийство Кокцея Нервы, к-рое, сообразно Тациту, произошло ближе к концу 33г. и небезотнотительно к разразившемуся в том году острому финансовому кризису, про связь суицидального выбора Нервы с к-рым у Диона ничего не сказано.

Но, прежде чем перейти к финансовому кризису, необходимо сказать несколько слов о просьбе-пассаже Тиберия в послании сенату по поводу (буде таковое когда-нибудь – в греческие календы! – состоится) посещения им курии в охранном сопровождении «префекта Макрона и ещё нескольких трибунов и центурионов». Мол, – ради упасения-убережения величества от потенциально недовольных его неусыпными заботами о благоденствии государства (скрытых-скрытных и могущих скрывать противоцезарские кинжалы под тогами «врагов народа»).

ОХРАННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КЕСАРЯ

Мы помним, что в 32г. Тиберий отклонил инициативу безвестного молодого сенатора Тогония Галла назначить 20 вооружённых мечами сенаторов для охраны *его величества*, при (так сказать, ожидаемом) посещении им заседаний сената (Ан. 6,2) (Т.Г. 996; 999/1000). Т.е. Галл проявил тогда усердно-сервильное попечительство о дражайшей императорской персоне, приняв или сделав вид, что принял (дабы подольститься) словесные виды Тиберия на скорое возвращение в Вечный город и в сенат за чистую монету.

Не просил ли (готовый бежать морем в Сирию, к верным легионам) Тиберий (эпатажно, когда того требовал момент), при ликвидации заговора Сеяна, предоставить ему, бедному больному старику с Капри, упасительное консульское сопровождение для прибытия в Рим и в сенат, куда он так никогда и не прибыл! А предложение Тогония было стариком с Капри, не забывшим поблагодарить столь трогательных заботников о нём, вежливо отклонено. Ведь мало того, что какое-либо вооружённое появление-присутствие сенаторов в курии в свободной (реституированной Августом) Римской республике (каковую никто официально не отменял) категорически не допускалось, спрашивается, или правильнее сказать, восклицается: не сенаторы ли (подло) убили Цезаря, достав (из-за пазух) спрятанные под тогами кинжалы!

И пусть Август мог позволить себе роскошь или вынужденную меру однажды, в 18г. до н.э., производя вызвавшую большое недовольство герузиархов чистку сената, в виде исключения, являться в курию вооружённым, в панцире и окружённым охранной свитой из верных сенаторов (Р.л. 384/85), но где (при ненависти многих к, в отличие от Августа, Тиберию) гарантии, что упасители или кто-то из них не нанесут внезапно кинжальные удары тому, кого они будут небезоружно охранять!?

Да и не охраняли ли вход в собственно сенат солдаты, т.е. охрана из сенаторов внутри сената суть охрана императора сенаторами от (получается, — небезопасных) самих себя! Нет, на подобного рода гротескные риски и без того не торопившийся или не собиравшийся, по большому счёту, возвращаться ни в Рим, ни в сенат старче Тиберий пойти не мог. Держать сенаторскую охрану в (мумифицированно олицетворяющей римские *свободу и справедливость*) сенатской курии дело и анекдотичное, и тухлое, и никчемное.

Однако, хорошую мину при плохой, вернее, при всякой политической игре (тем паче, когда форма и содержание в разброде) должно и найти, и учредить, и узаконить, и сохранить. Засим усиленно продолжать делать вид, будто он всё-таки не навсегда покинул претящий ему Рим с тошнотворным сенатом, кесарь (б.м., сам не ведая, — навсегда или временно), во всех случаях, просто (руководствуясь железными гос. резонами) обязан. Пусть пребывают в неведении и в подвешенном состоянии как отцы-сенаторы, так и он. Ожидайте высшее начальство в любую минуту, не расслабляясь (а коли нелояльно расслабитесь, то преторианцы — стальная гвардия трона — живо приведут вас, напомнив, что тут заказывает музыку, в чувство).

И пусть стражная команда из сенаторов неприемлема (kommt nicht in Frage), зато вполне приемлемы подкомандные исключительно кесарю — преторианский префект, войсковые трибуны и полицейские центурионы. Не осадил ли Тиберий в 32г. как минимум глупца, если не изменника (подстражного ныне, чтобы другим неповадно было) Галлиона, кто посмел, будучи сенатором, заикнуться о привилегии для непосредственно подведомственных только и только кесарям преторианцев (Т.Г. 1000-02). Вот кто единственно могут и единственно вправе, в то время как сенаторы и не могут и не вправе, охранять-уберегать величество на случай его (эвентуального) явления в курию!

Но утвердить и одобрить эту как бы вдогонку прошлогодней инициативе Того-ния и прошлогодней глупости Галлиона инициативную просьбу кесаря надлежит именно республиканскому сенату (иначе будет недемократично-авторитарно, чего, в духе августейших заветов, следует всячески избегать). И (сервильный, при маске полной свободы) сенат, само собой, принял (удовлетворив высочайшую просьбу) нужный указ, более того, не оговорив ни звание, ни число должностных сопровождающих императора лиц, к-рый, значит, мог (теоретически) теперь заявиться в парламент в сопровождении вооружённого до зубов достаточно многочисленного воинства.

Император же, актуализировав таким образом свою могущую-де случиться каждую минуту властную явку в Рим и в сенат, как сказано, до самой своей смерти ни Рим, ни сенат больше ни разу не посетил. И здесь надо учесть, что всякий истинный римлянин чувствовал себя глубоко несчастным, глубоко обделённым при долгом нахождении вдали от Рима. Стоит вспомнить тоску Цицерона или Овидия по Риму!

Стоит вспомнить, что М.Антоний окончательно и бесповоротно скомпрометировал себя, совершив неслыханный для римлян сакрилег, когда завещательно пожелал быть погребённым после смерти возле Клеопатры, в Александрии, вдали от Рима. Рим для римлянина был куда значительнее, чем столица его страны или державы, являясь своего рода неотъемлемой частью его римского существа. Т.е. Тиберий оторвал от себя эту часть, лишил себя её, не могучи внутренне не переживать сей болезненный разрыв в своём перманентном-пожизненном положении *in absentia*.

Впрочем, он был перманентно несчастен, и потому его невозвращение в этот город, куда он некогда так рвался из родосской сначала самоссылки и потом форменной ссылки, и к-рый позднее ему, обиженнику судьбы (на судьбу!) жутко опостылел, стало для него, для его расщеплённого-опустошённого существа, для его обугленной-увечной души естественно-протivoестественным состоянием.

Он врал и не врал не только окружающим, не только согражданам-поданным, он врал и не врал также себе, когда якобы и неякобы намеревался-полагал однажды нововступить в Вечный город и появиться-приземлиться в сенате, дорога куда ему, князю острова сирен и телебоев, ему, старому развратному козлищу на козьем острове, была навсегда отрезана. Он, отрезанный ломоть, отрезал её себе сам. И это был именно один из тех случаев, когда обратной дороги нет!

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Вероятно, к весне или по весне 33г. н.э. Рим и римляне оказались во власти привлекшего, на сей раз, в силу своей значительности, внимание обычно мало интересующихся (сходно большинству историков) различными экономическими проблемами античных авторов, – Тацита, Светония, Диона, – острого финансового кризиса.

Тацит: «Между тем посыпались доносы на тех, кто отдавал деньги в рост, нарушая закон диктатора Цезаря, определивший условия, на к-рых в пределах Италии дозволялось давать займы деньги и владеть земельной собственностью, и уже давно не применявшийся, ибо ради частной выгоды забывают об общественном благе. И действительно, ростовщичество в Риме – застарелое зло, весьма часто бывшее причиной восстаний и смут, и поэтому меры к его обузданию принимались также и в старину и при менее испорченных нравах. Сначала Двенадцатью таблицами было установлено, что никто не вправе брать более одной унции росту, тогда как ранее всё зависело от произвола богатых; в дальнейшем по предложению

нар. трибунов эту ставку снизили до половины унции; наконец, отдавать деньги в рост было полностью воспрещено. В народных собраниях было принято множество постановлений, направленных против обходящих этот закон, но, в нарушение неоднократно подтверждённых указов, они всё же никогда не переводились, так как заимодавцы прибегали к хитроумным уловкам. Претор Гракх, на долю к-рого теперь выпало разбирательство этого дела, подавленный обилием обвиняемых, доложил об этом сенату, и перепуганные сенаторы (ибо никто не был свободен от этой вины) обратились к принцепсу, моля его о прощении; и снизойдя к ним, он предоставил год и шесть месяцев на то, чтобы каждый привёл свои денежные дела в соответствие с велениями закона.

Это повело к нехватке наличных денег и потому, что все долги были истребованы одновременно, и вследствие большого числа осуждённых, так как после продажи их конфискованного имущества звонкая монета скопилась в гос. казначействе и в казне императора. К тому же сенат обязал каждого заимодавца истратить две трети отданных им взаймы денег на покупку земельной собственности в Италии и каждого должника немедленно внести такую же часть своего долга. Но заимодавцы требовали погасить долги полностью, а должникам не подобало подрывать доверие к своей платежеспособности. Отсюда — сначала беготня и просьбы, затем — препирательства у трибунала претора, и то, что было придумано в качестве целебного средства — продажа и покупка земли, — возымело противоположное действие, так как заимодавцы задержали все деньги для приобретения земельных угодий. Вследствие множества продающих цены на поместья резко упали, и чем больше долгов обременяло владельца земли, тем труднее ему было её продать, так что многие из-за этого вконец разорились; потеря имущества влекла за собой утрату достойного положения и доброго имени, и так продолжалось до тех пор, пока Цезарь, раздав по меняльным лавкам 100 млн. сестерциев, не разрешил получать из них ссуду всякому, кто мог представить народу в залог поместье в два раза большей ценности, на 3 года без взимания роста. Так было восстановлено деловое доверие, и понемногу снова появились частные заимодавцы. Но покупка земли осуществлялась не в том порядке, в каком это предписывалось сенатским постановлением: непреклонными были требования закона вначале, как это почти всегда бывает в подобных случаях, но под конец никто не заботился об их соблюдении» (Ан. 6,16/17).

Светоний, хронопутая и меняя местами более раннюю благотворительность, как он выражается, Тиберия народу с более поздней, пишет: «Народу он оказал благотворительность лишь дважды: один раз, когда роздал взаймы на 3 года без процентов 100 млн. сестерциев, другой раз, когда возместил убытки нескольким владельцам доходных домов на Целийском холме, сгоревших при пожаре (27г. н.э. — К.З.). Первую из этих мер ему пришлось предпринять, когда в пору крайнего безденежья народ потребовал помощи и когда сенатские указы о том, чтобы заимодавцы вложили две трети имения в землю, а должники выплатили две трети долга немедленно, уже не могли помочь...» (Тиб. 48)

Дион, сообщив о курialsном самоубийстве Вибуллия Агриппы, переходит к суициду Кокцея Нервы, связывая оный с финансовым кризисом, вернее, с мерами-методами обуздания этого кризиса Тиберием: «...а Нерва, к-рый больше не мог выносить общество императора, уморил себя голодом, главным образом потому, что Тиберий вновь подтвердил законы о сделках, принятые Цезарем, в отношении к-рых был уверен, что они могут привести к большой потере доверия и беспорядку в финансах, и хотя Тиберий неоднократно убеждал его что-нибудь поесть, он не отвечал. После этого Тиберий изменил свои решения в отношении ссуд и дал 100 млн. сестерциев общественному казначейству, с условием, что эти деньги должны быть выданы сенаторами без процентов всякому, обратившемуся за этим, и далее

он приказал, чтобы самые ненавистные из тех, кто доносил на других, были казнены в один день. И когда некий центурион пожелал донести на кого-то, он запретил всякому военнотружущему делать это, хотя позволял поступать так всадникам и сенаторам» (58,21,4-6).

Тацит называет ростовщичество в Риме «застарелым злом», против которого в прошлом не раз принимались обуздательные меры. Так, если «Законы 12-и таблиц» (*Leges duodecim tabularum*) от 451/50гг. определили-установили (в противовес прежнему произволу-беспределу богатых) взимание – как максимум годового процента – 1/12 отданной займы суммы, то закон-lex (инициатор неизвестен) 347г. до н.э. снизил эту процентную ставку ещё наполовину (1/24), а закон Генуция от 342г. вообще запретил отдачу денег в рост. Но в дальнейшем его стали обходить различными хитроумными уловками, как ростовщичество-кредиторы-заимодавцы делали это (паразитарно обогащаясь) всегда и во все времена, будучи, в той или иной мере, разрешены или не разрешены официально, и ставя должников, за счёт которых они наживались, так или иначе, (выражаясь современно) на счётчик.

Насколько можно умозаключить как из Тацита, так и из Диона (в числе трёх наших частично разноречивых античных информаторов по кризису 33г.), диктатор Цезарь (49 – 44гг.), который наводил (новый) порядок во всём, узаконил ростовщичество с предельной пользой-выгодой для государства и под контролем государства, обязав ростовщиков вкладывать часть своих доходов в земли (земледельчество) Италии, что произошло, вероятно, ок. 48г. до н.э. (т.е. за 80 лет до описываемых событий), в условиях Гражданской войны. В условиях, когда капиталы вывозились из Италии, или накопительно припрятывались-утаивались до лучших времён (в звонкой монете), когда подвоз хлеба в опорную Италию из Африки, с Сицилии, с Сардинии был или мог быть затруднён (поставлен под угрозу), при государственной нужде в возрождении и без того упадочного (после разгрома Карфагена и покорения Африки, куда переместился хлебно-житничный центр тяжести) земледелия на итальянском полуострове («Гр.в.» 1,3).

Но в последующем, в пору августейшего *Золотого века*, в ситуации *Rex Romana*, когда Италия, тем не менее, зависела от подвоза хлеба из главных житниц империи – Африки и Египта, а проблем с подвозом (в рамках превращения Великого Средиземного моря в замирённое-умиротворённое внутреннее озеро Рима) больше не было, хотя время от времени возникали хлебные проблемы, связанные с неурожаем, произошло следующее. Обусловленный отнюдь не только заботами о земледелии в Италии, жёстко регулирующий ростовщическую деятельность закон Цезаря, в пресыщенном Риме, как бы продолжая никем не отменённый действовать, по факту стал формальностью.

Вместе с тем, ростовщичество, который, можно сказать, массово, с максимальной выгодой для себя, занимались (в т.ч.), сделавшись банальными мироедами, отцы-сенаторы или всадники, которые разделились (в своих доходах) на (преимущественных) заимодавцев, должников и латифундистов, принимало всё более беспредельнические формы. И наконец, с учётом влияния на финансовое положение конфискованного в императорскую или государственную казну, выставленного на торги и т.д. имущества «врагов народа», число которых ошутимо увеличилось-выросло с осени 31г. и далее, по продолжающемуся «делу Сеяна», в смысле его изобличённых-осуждённых приверженцев, всё это вкуче привело к разразившемуся в 33г. острому финансовому кризису.

Впрочем, видимо, не без соучастия (сверхбережливого накопителя средств) Тиберия, который решил, по примеру Цезаря, пусть в иных мирных условиях: во-первых, новоотрегулировать-урегулировать, наведением (акцентированно прокесарского) порядка в финансовой сфере, положение в пользу государства и государственных доходов;

во-вторых, столкнуть знатных заимодавцев, знатных должников и знатных лати-фундистов, во укрепление императорской власти, лбами; и в-третьих, улучшить-простимулировать общее состояние упадочного земледелия в Италии посредством многоактуальной инвестиции капиталов – вместо их вывоза за италийские пределы и вместо их кубышечного накопления – в италийскую землю.

Официально кесарь отреагировал на доклад претора (с говорящим кризисным когноменом) Гракха (когноминальный тёзка знаменитых нар. трибунов – Тиберия и Гая Семпрониев Гракхов) по жалобам должников против заимодавцев. Причём Тацит оговаривает, что Гракх был подавлен обилием знатных обвиняемых, о чём доложил сенату, в ответ на что перепуганные сенаторы, многие из к-рых ходили в алчных (нарушающих-попирающих закон) кредиторах, – «обратились к принцепсу, моля его о прощении» (знает кошка, чьё мясо съела).

И Тиберий снизошёл к ним (услышав их мольбы), надо полагать, уже в начале весны 33г., успев вернуться с материка на Капри, откуда (великомилоливо) предоставил заимодавцам и должникам срок в 1,5 года (18 месяцев), – «чтобы каждый привёл свои дела в соответствие с велениями закона». Т.е., надо понимать, – закона Цезаря, о к-ром кесарь-Тиберий Август, теперь, когда того насущно потребовал Staatsreson (слово, с к-рым на устах скончался Бисмарк), весьма своевременно вспомнил, и строгого выполнения-исполнения к-рого потребовал.

При всём том, на повестку дня было поставлено погашение всех долгов в течение 1,5 лет с указательно-обязательным вложением 2/3 взысканных с должников сумм в покупку земли в Италии. Предполагалось, что это приведёт к новым ценам на землю и позволит должникам рассчитаться с заимодавцами. Но из-за несовершенства-ущербности сенатско-указательного (с подачи кесаря) обязательства вышло наоборот. Кредиторы потребовали немедленной уплаты долгов (более того, вопреки закону – полностью), должники принялись спешно распродавать землю, вследствие чего цены на неё резко упали, и тогда заимодавцы принялись скупать землю по неестественно низким ценам.

К тому же, одновременно, кредиторы, по возможности, удерживали наличность, ожидая дальнейшего удешевления земли. Это повело к острому дефициту наличных денег в звонкой монете (золотой, серебряной, медной). По Тациту: и потому, что все долги были (в панике) востребованы сразу, и по причине большого (в ходе немалого террора) числа осуждённых (дело Сеяна и др. дела), ибо после продажи их конфискованного имущества звонкая монета скопилась в больших количествах как в казне императора, так и в гос. казначействе.

Таким вот образом (снедаемый суетой сует) Рим 33-го г. н.э. = 786г. а.У.с. (в суете сует) залихорадило. Не симптоматично ли, что пока Евреи Еврейства занимались (свершившейся-прошедшей в миру незамеченной) Мистерией Голгофы, Один – идя на Крест, а подавляющее большинство прочих – возводя Его на Голгофу (руками римлян), собственно Рим разбирался-возился (копашение пигмеев!) с ростовщичеством, иначе говоря, именно с той проблемой, к-рая впоследствии чаще всего инкриминировалась именно евреям!

Тацит говорит о вызванных благими (недообдуманнами, без учёта всех нюансов) намерениями, т.е. 1,5-летним погасительным сроком и условием вклада 2/3 взысканных сумм в землю, беготне, просьбах и препирательствах у трибунала претора, наглядно показывая, чем жил-бурлил Вечный город в 33г. И следует думать, что не ранее осени Тиберий (решив ли исправить допущенную им и сенатом ошибку? или дождавшись нужного момента, в русле заведомо-умышленно допущенной ошибки?) спасительно создал заемный фонд в 100 млн. сестерциев, деньги (из) к-рого, розданные по меняльным лавкам (римские банки), предоставлялись (в виде беспроцентной сроком на 3 года ссуды) под залог земли.

Согласно Светонию, кесарь роздал по меняльным лавкам на 3 года без процентов 100-миллионную сумму из императорской казны. Т.е., вакуумный дефицит денежной массы был погашен-урегулирован лишь посредством благотворительно-спасительного (практически безвозмездного) вмешательства в дело преодоления кризиса (щедрым задействованием денег) богатейшего репрезентанта Рима и Империи — (*его величества*) принцепса-кесаря, императорская казна к-рого была некогда создана Августом для, в частности, такого рода пожарных случаев.²³

* * *

Да и не унаследовал ли Тиберий от Августа как раз ок. 100 млн. сестерциев! и не получил ли он (вернее, кесарская казна), в русле осуждения на смерть как раз в 33г. (до создания тиберианского заемного фонда) богача Секста Мария, в ключе конфискации принадлежавших осуждённому испанских рудников (золотые, серебряные, медные) и прочего богатейшего имущества, опять-таки, как раз в ок. 100 млн. сестерциев! (см. ниже)

Хотя резонен вопрос читателя: почему мы отнесли установление (взявшим дело в свои руки) Тиберием 1,5-летнего (между кредиторами и должниками) срока на весну, а (великодушное) создание им (благотворительного) заемного фонда в 100 млн. — на осень?

Дело в том, что на выяснение недостатков и трудностей, связанных с этим сроком, вкпе с процедурой взысканий-выплат (беготня, просьбы, препирательства у трибунала претора и т.д.) и указом о вложении 2/3 долга в землю, требовалось время.

И потом Дион, в отличие от Тацита (или Светония), увязывает эти неодновременные-разновременные установления (1,5 года и 3 года) с последовавшей между ними смертью покончившего самоубийством Кокцея Нервы, к-рое Тацит (суммарно сообщив о кризисе и его преодолении в начале 33г.) датирует временем не ранее октября/ноября 33г., правда, никак не связывая данное уморение Нервы (кто не пожелал дольше выносить тиранию Тиберия) себя голодом с финансовым кризисом.

Мы в курсе, что М.Кокцей Нерва (конс.-суф. — ок. 22г. н.э.; куратор-aquarum — 24 — 33гг.; дед одноимённого императора 96 — 98гг.) (Д.И. 1042) был известным правоведом и одним из немногих друзей Тиберия, отправившимся с ним в 26г. на Капри и с тех пор находившимся при нём. Между тем, по Диону, он объявил голодовку и в конце концов, невзирая на уговоры Тиберия принять пищу, уморил себя, протестуя против возобновления Тиберием вышеупомянутого закона (детали к-рого неизвестны) диктатора Цезаря (о заимодавцах, должниках и земле), по всей видимости, считая этот закон, в мирных условиях, неуместным и губительным. Посему можно и нужно скомбинировать сообщения Тацита и Диона.

Т.е. Нерву, конечно, достала сама по себе усугубившаяся тиберианская тирания и разгул на Капри, но не без оговариваемой Дионом составляющей, что даёт возможность хронологизировать-дифференцировать ход соответствующих событий 33г. и датировать-прецизировать их. Ведь Тацит повествует о суициде Нервы после рассказа о смерти ссыльной Агриппины (см. ниже), дата к-рой общеизвестна — 18.10.33г., сообразно чему, Нерва умер, как сказано, не ранее октября/ноября, следом за чем (или ещё по ходу голодовки твёрдо решившего, перед лицом

²³ См. ср. Притчу о Минах и Притчу о Талантах, поведенных-рассказанных Иисусом (как раз) в 33г. н.э. (Т.Г. 1204-09; 1337-44).

беспросветности и предстоящих худших времён, умереть Нервы) Тиберий изменил-откорректировал «свои решения в отношении ссуд и дал 100 млн. сестерциев общественному казначейству...»

Так, осенью 33г. н.э. благодаря щедрой общественной помощи (старого скряги) Тиберия, если не им самим вызванный, то, во всяком случае, им поначалу углублённый (заведомо или незаведомо полуошибочными мерами) острый финансовый кризис был обуздан, за что вновь продемонстрировавший высшему сенаторскому сословию, чего оно стоит и кто в доме хозяин, император удостоился всеобщих похвал-славословий (до к-рых он не был охоч, но к-рые, в ракурсе пресловутых гос. резонов, зачастую, неотвратимы-необходимы).

И, к слову, в данной связи обращает на себя внимание (не столько известное сравнение экс-министром финансов России Д.Кудриным кризиса 2008г. с кризисом 33г., сколько) интересная статья Д.В.Панченко «Тиберий и финансовый кризис в Риме в 33г. н.э.»²⁴, в к-рой автор склонен объяснять всё явление целиком и полностью умыслом Тиберия – в видах и с целью развития угасающего земледелия-землепашества Италии для повышения её хлебной урожайности.

Да это, без сомнения, один из компонентов кризиса, но никак не основной. Иначе, согласитесь, странно, почему ни один из античных авторов не называет в качестве ни основной, ни даже второстепенной кризисной причины упадок италийского земледелия и стремление Тиберия добиться инвестиций в него, что ставится автором названной статьи во главу угла спустя аж 2 тыс. лет.²⁵ Увы, античные авторы могли не заметить и не заметили из центра мира сего Рима Мистерию Голгофы, с Её Царём и Царством не от мира сего, однако, они не могли вовсе не заметить той финансово-кризисной якобы основы, к-рую догадливо задействовал в виде кризисного перворычага Панченко.

И примечательно, что ни Тацит, ни Светоний, ни Дион столь нещадно и подчас клеветнически бичующие Тиберия, на сей раз, никоим боком не ставят именно означенное деяние ему в вину, ставя его ему однозначно в заслугу. Притом Тацит даже не кличет (как верно замечает сам Панченко, делая не столько в корне неверные выводы, сколько неверно смещая приоритеты-акценты и делая одну из второстепенных причин главной) жалобщиков по делу о долгах-кредитах (презренными) доносчиками (*delatores*), называя их (ищущими справедливость) обвинителями (*akkusatores*).

Плюс к тому, акцентируя свою аграрную первопричину, Панченко апеллирует к продовольственному, неправильно называя его очередным хлебным кризисом, сбоем 32г. (Т.Г. 1042-45), к-рый был не больше, чем сбоем, не сравнимым, например, с хлебным кризисом 23г. до н.э., к-рый одолевался Тиберием в ранге квестора (Р.л. 314/15), или с острым хлебно-продовольственным коллапсом 5 – 7гг. н.э. (Р.л. 1162/63; 1170/71; 1202). И далее, продолжая кризисный перечень, всего-навсего сбой 32г. нельзя также сравнить с масштабным (в пределах империи) голодом при

²⁴ РАН; Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVII. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора И.М.Тронского 24-26.06.2013г. С-Пб – Наука – 2013г.

²⁵ Не похоже ли это на современные версии якобы убийств, но не самоубийств Есенина или Маяковского, в трагедии к-рых и в к-рых современники видели не иначе как именно суицид, именно самоубийц и не занимались поиском их убийц! Или – не похоже ли это на современную версию убийства Г.Распутина якобы загадочным английским агентом (не первый ли *высоцкий* «мистер Джон Ланкастер Пек!»), к-рый, учитывая кол-во настоящих убийц (в особняке Ф.Юсупова), вовсе не был нужен, и об участии к-рого в убийстве никто из непосредственных участников убийства (выпустивших в отравленную цианидом жертву множество пуль) почему-то ни тогда, ни позже не вспомнил и ничего не сказал!

Клавдии в 40-е гг. IV н.э., или с вызвавшей голод в Риме недостатчей зерна в 51г. Т.е. короткая продовольственная осечка 32г. не в состоянии фундировать-обосновать ошибочную версию будто бы – *от и до* – запущенного Тиберием финансового кризиса 33г., к-рым, с др. стороны, Тиберий очень умело воспользовался.

И приводимые Панченко примеры 19 или 23гг. н.э. тут также не подходят. Если в 19г. имели место жалобы на дороговизну, а не на урожайную нехватку хлеба, из-за чего «Тиберий, установив цену, к-рую должен был платить покупатель, объявил, что хлеботорговцы будут получать дополнительно по 2 нумма за модий» (Ан. 2,87) (Д.И. 514), то в 23г. н.э., сходно, «народ страдал от высоких цен на зерно, но в этом не было вины принцепса, не жалевшего ни средств, ни усилий, чтобы преодолеть бесплодие почвы и бури на море» (Ан. 4,6) (Д.И. 634/35).²⁶

Как видим, бесплодие итальянской почвы или мешающие подвозу зерна из Африки и Египта бури на море упомянуты косвенно, отнюдь не давая повода превращать их в причину мнимой тиберианской провокации, дескать, запущенного ради итальянского земледельчества, фин. кризиса 33г., к-рый был реально обусловлен, прежде всего, именно ростовщическими кредиторско-долговыми сложностями и к-рый Тиберий небесталанно-небездарно разрешил-разрулил по своим кесарским лекалам, направив его в нужное ему русло.

Иное дело общая пошедшая-идушая на убыль, к печали истинных римлян, высокая плодородность-урожайность Италии в былые времена. Когда? В давнишнем «Золотом веке», о к-ром тоскует Вергилий как о времени, «когда урожай без распашки земля приносила», или в позднейшие времена республиканского процветания, когда, сообразно небезызвестному римскому аграрнику IV н.э. Колумелле (1,1,4)²⁷, хлеб был дешёв и итальянские сорта пшеницы были знамениты, что сошло на нет, то ли из-за изменения климата и (вы не поверите!) глобального потепления, то ли из-за замены свободного труда рабским (Плиний).

Естественно, налицо ностальгия римских деревенщиков-почвенников по вергилианской георгическо-буколической идиллии прошлого, и, тем не менее, в IV н.э. никто пересматривать Африку или Египет как (Африка – со II-го, после Пунических войн, а Египет – с I-го, после его полного покорения, с концом Клеопатры и Антония, вв. до н.э.) главные (каковым ничего не угрожало) хлебные житницы Рима²⁸ (да ещё) в пользу Италии не намеревался, не собирался.²⁹

Вдобавок, императору не подобает ссужать деньги (на 3 года) под проценты. Император благотворительствует подданным согражданам, ненавязчиво напоминая им о том, кому они всем, в т.ч., своим благополучием, обязаны, одновременно выводя их на, что называется, чистую воду и показывая им же их цену. Император крепкой рукой держит в узде сенаторов, всадников, народ: кредиторов-заимодавцев,

²⁶ Тацит противоречит сам себе, то говоря об установлении Тиберием цены максимум для продаваемого-покупаемого зерна и кесарской компенсации хлеботорговцам, то снова возвращаясь к дороговизне, словно установленного максимума и вовсе не было.

²⁷ Л.Юний Модерат Колумелла (4-70гг. н.э.) – римский автор-аграрник, служивший ок. 35г. военным трибуном в Сирии, а позднее написавший ок. 42г. 12-книжный трактат «О сельском хозяйстве» (*De re rustica*).

²⁸ Когда в 19г. наместник Востока Германик без специального кесарского разрешения посетил Египет и самочинно открыл императорские закрома для предоставления зерна нуждавшимся в нём, Тиберий принёс на него жалобу (за нарушение установления Августа) в сенат.

²⁹ Не намеревался, не собирался уже во II в. н.э. также Траян, к примеру, отдавая, согласно Плинию Мл., распоряжение, чтобы прибывающие из провинций соискатели высших должностей вложили 1/3 имущества в земли Италии (Ер.6,19), т.е. эти вложения и заботы о землях Италии не ставили под сомнение просуществовавшую-дотянувшую до конца Римской империи в IV/Vвв. первозитничность Африки и Египта.

должников, латифундистов... и кого угодно. Знайте, сверчки, свои шестки! Не шебуршите, не канючите, не тьякайте, не гоношиться!

Тиберий не запустил, но всё-таки усугубил кризис, чтобы свалить недостаточно выверенное-обдуманное первоначальное решение о 1,5-летнем³⁰ погашении долгов с себя. Плюс к тому, — чтобы снова указать множеству благородных сенаторов, с их широкой ростовщической совестью, и их место, и то, от кого они целиком-полностью зависят, без кого они, в своей отнюдь не меньшей, чем он, порочности, абсолютное ничто.

То-то сразу за суммарным рассказом о фин. кризисе и путях его преодоления, Тацит возобновительно переходит к рассказу о неутихающих репрессиях, тогда как Дион завершает тему фин. кризиса сообщением о массовой казни в 33г., по распоряжению Тиберия, в один день, всех доносчиков. Т.е. в объективе делаторы-денунцианты, к-рых при тирании всегда хватает и личный состав к-рых необходимо время от времени, вовремя карая (в угоду народу) отслуживших свой срок и ставших отработанным материалом, продуктивно обновлять.

К тому же, заметим, что это одна из, вероятно, во второй половине года, массовых казней репрессивно-пикового 33г. н.э., в то время как о другом массовом побоище заключённых сеянистов и псевдосеянистов в тюрьме, тоже — в один день, видимо, в первой половине года, сообщается, в увязке с ликвидацией Тиберием богатейшего испанца Секста Мария, у Тацита (Ан. 6,19), о чём мы побеседуем, после того как разберём предыдущий тацитовский абзац о расправах, несколько ниже.

ТИБЕРИАНСКИЙ ТЕРРОР

«Затем, после привлечения к суду Консидия Прокула по обвинению в оскорблении величия, вернулись прежние страхи; его, безмятежно праздновавшего свой день рождения, схватили, доставили в курию, осудили и немедленно предали смерти, а его сестра Санция была лишена воды и огня по обвинению, предъявленному Квинтом Помпонием. Человек беспокойного нрава, он объяснял этот и другие свои поступки такого рода желанием добиться благосклонности принцепса, чтобы вызволить из опасности своего брата Помпония Секунда. Выносятся также решение об изгнании Помпеи Макрины, мужа к-рой Арголика и тестя Лакона, знатных ахейцев, Цезарь погубил ранее. Её отец, выдающийся римский всадник, и брат, бывший претор, в ожидании неизбежного осуждения, сами наложили на себя руки. Они были виноваты лишь в том, что некогда Гней Великий считал их прадеда Феофана из Митилена одним из своих ближайших друзей и что умершему Феофану греческое подoboстрaстие воздало божеские почести» (Ан. 6,18).

Консидий Прокул знаком нам в ранге претора 31г. н.э., к-рый после октябрьского падения Сеяна инкриминировал Помпонию Секунду дружбу со старшим сеяновским сыном от Апикаты ок. 19/20-летним Л.Элием Галлом Страбоном, кто (виновный только в том, что он сын Сеяна) пытался укрыться в садах Помпония, где и был настигнут-убит преследователями (Ан. 6,V,6-9) (Т.Г. 642-47). Но

³⁰ См. ср.: в «Апокрифе от Иакова» (Пв. н.э.) Иисус, после Таинства Голгофы, в ходе 550-и дней или через 550 дней = 1,5 года = 18 месяцев = с весны 33-го по осень 34г. н.э. является Иакову, брату Господню, и Петру для сообщения им тайного знания (Т.Г.1415). Или — не знаменателен ли срок в 3 года приложительно к 33—36г. н.э.: в 36г. умерли тетрархи Филипп и Лисаний; в 36г. были смещены прокуратор Пилат и первосвященник Каиафа; в 36г. Арет Набатейский разбил воинство Ирода Антипы; в 36г. Тиберий, за ок. полугода до своей кончины в марте 37г., заточил Ирода Агриппу.

подробности-детали этого дела, о к-ром сообщает после удручающего обрыва-разрыва-перерыва начинающий с полуслова Тацит (большая часть «Анналов» за 29 – 31гг. утеряна), подвопросны, так же, как нет 100-процентной идентификации данного Помпония. Под ним, с немалой долей вероятности, – П. Помпоний Секунд – конс.-суф. 44г. н.э., ок. 47 – ок. 54гг. – легат Верхней Германии³¹, драматург и друг Плиния Старшего (7,39; 80), о ком Тацит говорит, как о выдающемся поэте в «Диалоге об ораторах» (13), и кого Квинтилиан (10,1,98) ставит выше (автора «Медеи») Сенеки (Младшего), как выдающегося трагика.

Между тем, в 31г. его, приблизительного ровесника несчастного Элия Страбона, спасло поручительство ст. брата – Кв. Помпония Секунда, хотя обвинение (в созоговорщическом просеянизме) с него, взятого старшим братом под поручительский надзор на время затянувшегося разбирательства, было снято лишь спустя годы, уже при Калигуле. Тогда брат Публия П. пошёл в гору, сменив Калигулу (последняя жена к-рого Милония Цезония приходилась братьям Помпониям сводной сестрой по матери) 7.01.41г., т.е. за 17 дней до убийства императора (24.01.), в консульстве, успев на последней для Калигулы трапезе поцеловать ему ноги (Дион 59,29,5), и будучи затем спасён от ярости антикалигулианцев исключительно благодаря личному заступничеству тоже благоволившего братьям Помпониям Клавдия (см. ниже). Впрочем, год спустя Квинт, поссорившись с Клавдием, примкнул к мятежному легату Далмации Камиллу Скрибониану (конс. 32г.) и нашёл, с провалом скрибонианской авантюры, свой конец, что, вместе с тем, не отразилось на дальнейшем процветании его брата (см. ниже).

А в 33г. Кв. Помпоний (по Тациту, «человек беспокойного нрава»), надо понимать, воспользовался, при ближе неясных обстоятельствах, ситуацией и выдвинул обвинение против сестры обвинённого, в свою очередь (кем?), в оскорблении величия (римского народа = величества кесаря) Консидия, отомстив таким макаром ему за его инициативу 31г. в деле своего брата. Консидий был скорострельно осуждён и казнён, между тем как его сестру Санцию, по предъявленному Помпонием обвинению, лишили огня и воды. Напомним, при тирании, сообразно пожеланиям тиранов, сёстры отвечают (или могут не отвечать) за (в ключе кланово-фамильно-семейного подрыда) братьев, сыновья – за отцов, племянники – за дядей, внуки – за дедов, невестки – за свекровей и т.д. Однако, это не привело к снятию обвинений с Помпониева брата, продолжавшего, как сказано, оставаться обвиняемым до конца тиберианского правления, но, м.б., спасло ему жизнь.

Далее, по всей видимости, сродни Консидиеву делу, долгой весной 33г., когда в Палестине вершилась Мистерия Голгофы, и когда Тиберий, возвратившись на Капри, одновременно разбирался с финансовым кризисом, в Риме последовало решение об изгнании Помпея Макрины, муж и тесть к-рой, следуя Тациту, Арголик и Лакон, знатные ахейцы, были, скажем от себя, не столько, вопреки ошибке Тацита, погублены, сколько репрессированы раньше.

Помпея Макрина являлась правнучкой знаменитого митиленца Феофана – друга, советника и спутника Гн. Помпея (Магна) с ок. 67г. до н.э., в (Третью) Митридатову войну, к-рую он описал, причём получив благодаря Помпею римское гражданство (Цицерон «рго Arcia» 24; В.Максим 8,4,13), тогда как о-в Лесбос получил благодаря Феофану предоставленную Помпеем свободу (62г.). Впоследствии Цезарь, не попрекая Феофана, по совету к-рого Помпей бежал после Фарсала (48г.) в Египет (Плутарх «Помпей» 76,6), где и нашёл свою гибель, давешним помпеянством, тоже выказал дружеское расположение изъязвившему ему полную лояльность

³¹ В «Т.Г.» (646) легатура Помпония Секунда в Верхней Германии ошибочно датирована 47–57/58гг. (см. ниже).

авторитетному митиленцу. И последний умер в римско-греческом (греко-римском) почёте и уважении, где-то в первой половине 30-х гг. Ив. до н.э., сделавшись, согласно Страбону, «самым славным из греков» (13,2,3), кому в его родной Митилене были возданы божественные почести (Д.И. 34).

Сын Феофана Гн. Помпей Макр род. ок. 45г. до н.э. Занимался, при продолжившем в отношении Феофанова семейства-потомства покровительственную Цезареву линию Августе, устройством библиотек. В «Жизнеописании Цезаря» Светоний о его (Цезаря) литературном даровании пишет: «Известно также о некоторых сочинениях, писанных им в детстве и юности, — «Похвала Геркулесу», трагедия «Эдип», «Собрание изречений»; но издавать все эти книжки (небесцензурный гос. резонник — К.З.) Август (разглядев в них нечто не соответствующее специфически консенсуальному духу Принципата — К.З.) запретил в своём коротком пиэме к Помпею Макру, к-рому было поручено устройство библиотек» (56).

Даже твёрдо осознавая своё, прирождённых воителей и государственников-строителей нового мирового порядка, превосходство над декадентными греками и эллинизмом, державно-ойкуменическими хозяевами к-рого, вступив в его наследство, они стали, знатно-державные римляне обожали держать при себе общество учёных греков и поручать им различные культурно-учёные предприятия типа устройства библиотек.

И этот учёный Гн. Помпей Макр (Феофанович), к-рого, по слову Страбона (+ ок. 25г. н.э.), Август некогда назначил прокуратором Азии, «а теперь», т.е. не позднее ок. начала 20-х гг. Ив. н.э., «он считается одним из самых близких друзей Тиберия» (13,2,3), был дружен как с (ещё докесарским и уже в кесарстве) Тиберием (род. в 42г. до н.э.), так и с Овидием (род. в 43г. до н.э.). Притом вместе с Овидием они совершили путешествие по Азии и Сицилии («Письма с Понта» 2,10,21/22), и на родственнице Помпея (вдохвлённый им написание своей «Медеи») Овидий был женат третьим браком. То-то в «Ер. ex Ponto» об Овидиевых друзьях сказано: «Звёздный Альбинован и гомерический Макр» (4,16,6). Говорит о Макре, как о мастере тетрастиха, и Квинтилиан (6,3,96).

Отпрыск же дружного Тиберию и явно не дожившего до 30-х гг. Ив. н.э. «гомерического Макра» Помпей Макр Юниор тоже был известен в римском свете, стихотворчествовал, сочинял эпиграммы. Его дети — сын Кв. Помпей Макр (всадник, сенатор, претор 15г. н.э., симптоматично спросивший у Тиберия: «Не возобновить ли дела об оскорблении величия?») и дочь Помпея Макрина, присовокупительно к изгнанию-ссылке к-рой в 33г. Тацит сообщает о предупредившем их неизбежное осуждение самоубийстве её отца и брата, не слишком убедительно связывая оное с когдатощним возданием митиленцами их предку Феофану «божеских почестей». По текстуальной наличке получается, будто Тиберий взелся на обоих за давнишнее обожествление дружного Помпею и Цезарю Феофана греками. Всё равно, что вменять большевикам расстрел Гумилёва за его давешний брак с Ахматовой, или инкриминировать Сталину осуждение и последующую лагерную ликвидацию (уродца) Радека за его роман с Л. Рейснер!

Пусть Тацита sneдет очень язвительный сарказм, но в таком случае надо было указать истинную причину гнева Тиберия на семейство греко-римлян Помпеев, понятно, что подпавших пресловутому обвинению в оскорблении величия-величества, по поводу к-рого, тем не менее, неясно, в чём именно оно проявилось? Т.е., — чем конкретно Помпеи, отец, сын, дочь, столь семейственно досадили Тиберию? По всему, какой-то ближе не просматривающейся связкой-увязкой с нескончаемым делом Сеяна (?), информация о чём, возможно, наличествовала в утраченной части «Анналов».

Причём стоит сказать также несколько слов о муже и тесте сосланной в 33г.

Помпеи Макрины (вероятный потомок к-рой – М.Помпей Макрин Neos Theophanes – облечёт консульство-суф. в 100г. н.э., в правление Траяна) – Арголике и Лаконе. Под тестем – сын неплохо знакомого нам по «Р.л.» (195; 624-26) спартанца Эврикла, сына лишённого М.Антонием династического статуса и казнённого за пиратство лакедемонянина Лахара.

Напомним, возводивший свою родословную к близнецам Диоскурам Эврикл, в отличие от большинства проантонианских греков, сражался в Акциискую войну 32/31гг. на стороне Октавиана, преследовал на воде (после битвы у мыса Акции) удирающих Клеопатру с Антонием, отбил у них одно судно. Был обласкан Октавианом, удостоился римского гражданства – Г.Юлий Лакон – и ранга гегемона-управителя Спарты. Ранга, к-рого позднее Август его, лихоимца и интригана, лишил, втянув Спарту, вероятно, ещё в 20-е гг. в. до н.э. в провинциальную систему. Однако, наряду с тем, ставший частным богатым лицом отставной династ не лишился (до поры) августейшего (в силу прежних заслуг) благоволения.

Зиму 6/5гг. до н.э. интриганисто шлявшемумся в поисках наживы-поживы вдоль римко-эллинистической Ойкумены Эвриклу довелось провести при дворе Ирода, где он немало поспособствовал усугублению конфликта между Иродом и его сыновьями от Мариамны – Александром и Аристовулом, после чего, богато одарённый Иродом, наведался к Архелаю Каппадокийскому, дочь к-рого Глафира замужествовала за Иродовым сыном Александром, где тоже интригански обогатился и откуда вовремя, до раскрытия его козней, смылся (Р.л. 624-28).

Надо сказать, что RE (11,1, S.658-60) напрасно и ошибочно полагает совершение Эвриклом этих вояжей всё ещё в достоинстве гегемона Спарты, поскольку стоит лишь внимательно прочесть Флавия, чтобы понять, что авантюрный спартанец не мог, никуда не торопясь, подолгу подвизаться в последнее десятилетие старой эры на Ближнем Востоке и в Азии в ранге-качестве действующего гос. мужа = династопатронома, к-рый уж слишком вряд ли способен (состоя на римской службе) оставить-покинуть свою вотчину ради (что, с др. стороны, вполне вяжется с частным «вольным художником»-коммивояжёром), долгого путешествия, повторим, в поисках авантюры, интриги и наживы.

Иное дело его осуждение Августом и ссылка-изгнание во время никак не раньше (что наглядно доказывает-показывает реконструированная нами в «Р.л.» хронология), или, скорее, после 5г. до н.э., т.е. после его небескорыстных-небезвредных вояжей к Ироду и Архелаю. Именно тогда, согласно Флавию, он, стало быть, успевший небезобидно возвратиться с Востока в Грецию, на сей раз, напартачив и здесь, «был обвинён два раза перед императором в возмущении Ахайи и обкрадывании общественных касс». И из-за этого потерявший, в конце концов, терпение Август неугомонного-ненасытного аферюгу-спартанца, несмотря на его прошлые проантонианские заслуги, всё-таки, поделом приговорил (с конфискацией? без конфискации?) к изгнанию (И.в. 1,26,4), где изгнанник (как полагают, где-то на рубеже эр) и умер.

А вот его сыну Г.Юлию Лакону, то ли ещё Август, то ли уже Тиберий (при переведении Македонии и Ахайи из сенатского ведения в кесарское – 15г. н.э.?) предоставил, о чём свидетельствует нумизматика, восстановленное достоинство вассального гегемона-патронома Спарты, сын к-рого Арголик оженил Помпею Макрину. Так носители двух известных римских gentilных номенов, Юлиев и Помпеев, представители двух римлянизированных-латинизированных фамилий, потомки знаменитых греков (родовитый космополитизм в действии!), спартанских и лесбосских, брачно-бракосочетательно соединились.

Но, м.б., в 31/32гг., эвентуально, опять-таки, по делу Сеяна, Тиберий осудил знатных лаконских Диоскуридов-Эвриклидов, гегемона-отца и наследника-сына,

на изгнание, ибо не в унисон со словом Тацита об их «погублении», что предполагает казнь или самоубийство, позднее Лакон-отец (сын, видимо, умер в изгнании) был возвращён из ссылки и восстановлен в ранге спартанского династа Калигулой, продолжая (согласно нумизматике) начальствовать в Спарте при Клавдии (см. ниже). Притом, судя по Тациту, при осуждении Тиберием Лакона и Арголика, Помпея Макрина сумела (не посредством ли отречения-развода?) их, её тестя и мужа, участи избежать, осуждённая по одному делу с её отцом и братом в 33г.

* * *

«После них поступает донос на богатейшего испанца Секста Мария, обвинённого в кровосмесительной связи с дочерью и сброшенного с Тарпейской скалы. И чтобы ни в ком не вызывало сомнения, что его погубило богатство, Тиберий присвоил себе принадлежавшие ему серебряные и медные рудники, хотя они подлежали передаче в собственность государства...» (Ан. 6,18)

С богатейшим, по слову Тацита, испанцем С.Марием мы уже встречались в 25г. н.э. (Д.И. 972-74). Марий — имя оскского³² происхождения, к-рое первоначально встречается в качестве преномена. Марий Стагилий — предводитель самнитско-луканского кавалерийского контингента в ходе II-й Пунической войны, сослуживший римлянам неплохую разведывательную службу против Ганнибала посредством своевременного предоставления им ценной информации о перемещениях противника перед битвой при Каннах (216г.) (Ливий 22,42,4-6; 43,7). Марий Эгнаций — самнит времени Союзнической войны (90 — 88г.): один из 12-и преторов-италиков 90г. (Ливий Ер.75; Веллей 2,16,1; Аппиан «Г.в». 1,40). Женская форма имени — Мария — встречается на пренестинских надгробьях — М.Фабриция и М.Селиция. Любопытна латинская написательная тождественность с еврейским именем Maria — Мария (Мириамь/Мариам), при разности ударений, на, соответственно, первом и втором слоге.

В качестве жентильного номена оскско-самнитских корней, фамилия Марий встречается в Италии и единично в Риме со II/Ивв. до н.э. Г.Марий — *quattuorvir* гирпинского полиса Эклана — Пв.; Л.Марий — нар. трибун в паре с М.Катоном в 62г. до н.э. (Валерий Маским 2,8,1): сражался как легат пропретора Г.Помптиния против аллоборгов в 61г. (Дион 37,48,1).

Всеримскую же и мировую известность этому нечастому и незнатному римско-провинциальному номену дал уроженец Арипия в Лациуме — семикратный консул, реорганизатор римской армии, победитель Югурты, кимвров и тевтонов, предводитель дела популяров, заклятый враг оптимата Суллы, предваритель Цезаря (муж его тётки) и цезаризма — Г.Марий. Военачальник по призванию и политик по призыву, против собственной воли, он залил взятый им, словно вражеский город, Рим кровью в 87г.³³ и умер в возрасте ок. 70-и лет, в ранге консула VII, 13.01.86г.

Притом в предсмертном бреду Марий, говорят, издавал боевые кличи, галлюцинантно воюя Митридата Понтийского (Плутарх «Марий» 45), лавры победы над к-рым у него, по его мнению (переведа его марианские стрелки с внешнего врага

³² Оски — близкий лигурийцам древний южно-италийский народ, к-рый был завоёван самнитами и перенял их язык, названный оскским, будучи в дальнейшем втянут в римскую орбиту и ассимилирован римлянами.

³³ Массовый террор левых т.н. демократов, увы, страшнее террора правых т.н. оптиматов, как левый внутригосударственный экстремизм, по числу жертв, увы, страшнее-беспощаднее, исходя из истории левых и правых режимов XXв., в отношении, по крайней мере, своих народов, чем террор правый.

на несвойственную ему, легендарному боевому генералу, гражданскую бойню), неправоммерно украл-отобрал (мерзавец) Сулла. И не Сулла ли, в свою очередь, контртеррористически возвратившись в Рим (82г.), велел разорить могилу Мария! И не он ли, согласно победоносному продолжателю марианского дела Цезарю (и генерала, и политика – по призванию), не знал даже азов, если добровольно сложил с себя *оптимальную* диктатуру (82 – 79гг.)!

А Секст Марий из Испании был, следует понимать, романизированным-латинизированным испанцем не в первом колене, при этом, вероятно, с далёкими италийскими корнями (см. ниже), как репрезентант самой романизированной с IV до н.э. римской провинции, к-рая очень своевременно придёт Риму/Италии на помощь, и откуда, как и из романизаторски следующей за Испанией Галлии, Рим начнёт черпать верховные гос. кадры, когда высшие номенклатурные ресурсы Рима/Италии будут во второй половине IV н.э. истощены-исчерпаны. Не случайно венчальные для истории как (глобально) общеримской, так и (локально) принципатовской эпохи Антонины *Золотого века* (IIв. н.э.), как сказано, происходили, помимо уроженца италийской Нарнии Нервы, именно из Испании (Траян, Адриан, М.Аврелий) и из Галлии (Антонин Пий).

И, кстати, усыновлённый Нервой (96 – 98гг.) и преемствовавший ему не династически, но адоптивно, по способностям (отличительный, в деле обеспечения его, до 180г. н.э., стабильности, признак режима Антонинов), Ульпий Траян (98 – 117гг.), – первый римский император, рождённый вне Рима, родился в римско-испанской колонии Италик, в 9-и км от Севильи (Гиспалис).

При всём том, его семья вела происхождение от группы солдат, к-рых в 205г. до н.э., после сражения при Илипе, Сципион поселил в Италике Испанской, откуда происходили тем же путём попавшие в Испанию и предки (родом из пиченской Адрии) Элия Адриана. Т.е. за два/три века из потомков этих римских-италийских-противокарфагенских солдат, поселённых в Испании, получился весьма примечательный симбиоз, весьма позитивно-плодотворно отразившийся на судьбах Рима. Впрочем, о происхождении испанско-севильского богача С.Мария именно из Италика в Испании, равно как о его генезисе, по подобию Траяна или Адриана, от сципионовских солдат II-й Пунической войны, письменных сведений нет. Остаются догадки.

Зато из Тацита известно о владении Марием серебряными и медными рудниками, вдобавок к чему, в данном месте тацитовского текста имеется странный пропуск, к-рый в некоторых современных изданиях «Анналов» заполняется-дополняется присовокупляемыми к серебряным и медным рудникам ещё и рудниками золотыми-золотоносными, что вполне возможно. Мало того, на это обстоятельство верно указывает Панченко (см. выше), связывая оное, в контексте казни Мария и конфискации его имущества в 33г., с финансовым кризисом, с противоростовщическими мерами Тиберия, с дефицитом наличных денег (в золотой, серебряной, медной монете) и с беспроцентной (на 3 года) тиберианской ссудой размером аж в 100 млн. сестерциев. Оно и верно. Согласитесь, случайными такие совпадения не бывают и быть не могут.

В дополнение к тому, С.Марию принадлежали очень богатые полезными ископаемыми рудники в окружённых в Ср. века арабской и католической Испании мистическим (мавританские таинства) и рыцарско-романтическим (см. «Дон-Кихот» М.Сервантеса и «Рукопись, найденная в Сарагосе» Я.Потоцкого) ореолом андалузских горх Сьерра-Морена (400-километровый хребет на юге плоскогорья Месета), называвшихся некогда пережившим Мария его именем – montes Mariani, к-рое фигурирует у Плиния (34,4) – в I-м, и у Птолемея (2,4,15) – во IIв. н.э.

Где и когда Марий познакомился-сдружился с Тиберием – неизвестно. Тиберий,

насколько известно, в Испании не бывал, т.е. либо это произошло в Риме, в пору посещения или посещений Марием державной столицы ещё при Августе и впоследствии, либо в соседствующей с Испанией Галлии, где Тиберию при Августе довелось бывать не раз, чем, само собой, не отрицаются, надо полагать, регулярные визиты крайне полезного гос-ву добытчика звонких металлов богатея Мария, бывшего (судя по возрасту на 33г. его несчастной дочери-отроковицы) порядком моложе Тиберия, (как, предположительно, до, так и после 14г. н.э.) в Рим и (с 26/27гг.) на Капри.

Богатство всегда вызывает зависть окружающих – дальних, ближних, родственных, начальственных. И вот в 25г. н.э. на этого более чем богатого испанца поступил поданный тогда каникульному (*Feriae Latinae*) префекту Друзу (кто в 33г. угасал в Палатинском каземате) донос от другого испанца Кальпурния Сальвиана. Но Сальвиан просчитался, вздумав атаковать персонального друга самого кесаря (ведь на друзей *Самого* можно набрасываться только с подачи-разрешения *Самого*). В чём конкретно состояло обвинение – Тацит не поясняет, надо думать, в одной из разновидностей оскорбления величия/величества (или в коррупции?), но, при всех случаях, оно было похерено, вызвав «громкое порицание Цезаря» (Ан. 4,36), и доносчик поплатился ссылкой.

Дион прямо связывает непомерное обогащение испанца с дружеским покровительством ему императора, иначе говоря, Марий стал не в меру богатым олигархом в пору кесарства Тиберия, о чём сообщается приложительно к противопоставляемому похвальному тиберианскому поведению в вопросе финансового кризиса сексуальным оргиям. «Но распутные оргии, к-рые он бесстыдно продолжал с людьми самого высокого звания, как мужчинами, так и женщинами, запятнали его имя позором. Например, таково было дело его друга Секста Мария. Императорская милость сделала этого человека настолько богатым и могущественным, что однажды, когда он имел тяжбу с соседом, то пригласил того быть своим гостем в течение двух дней, в первый из к-рых сравнял поместье того человека с землёй, а на следующий восстановил его больше и богаче; и затем, когда тот не мог понять, кто сделал это, Марий признал, что был причиной и одного, и другого, добавив значительно: «Так вот, и во мщении, и в признательности у меня есть и умения, и возможности». Когда же этот Марий впоследствии отослал свою дочь, поразительно красивую девочку, в убежище, чтобы не допустить её растления Тиберием, он сам был обвинён в преступных сношениях с нею, и из-за этого погиб вместе с дочерью» (58,22,3).

Чем, скажите, в отношении Мария, не образ самодуристого купчины, миллионщика-мамонта, из романов Горького, Мамина-Сибиряка, или Шишкова! Однако, увы, при тирании, такие, да ещё разбогатевшие, не в последнюю очередь, благодаря дружбе с тираном богатеи, к-рым есть, что терять, попадают в зависимость от тиранов и их капризов, в куда большей мере, нежели простые смертные. Не миновали Секста М. ни барская любовь, ни барский гнев.

Тацит, не вдаваясь в подробности, сообщает о вменении Марию кровосмесительной связи с родной дочерью и о низвержении его с Тарпейской скалы, в связи с чем и после чего говорится о конфискации богатств казнённого в императорскую казну (*Fiscus Caesaris*), хотя они подлежали передаче в сатурнальное гос. казначейство – *Aerarium*. Т.е. из контекста выводится, что расправа мотивировалась, во всяком случае, в первую очередь, именно этим = присвоением огромного чужого богатства, на к-рое кесарь позарился. А Дион делает упор на отмстительно-сексуальном компоненте как на главном в деле мести старого каприйского козла-извращенца давешнему кунаку-другу (за, добавив от себя, отказ ему в том, в чём Саломия, с подачи Иродиады, не отказала Ироду Антипе). И рассказ Тацита не противоречит

рассказу Диона: перед нами один из тех случаев, когда античные авторы взаимодополняют друг друга.

Как раз тогда решавший на Капри и с Капри кризисно-финансовые проблемы Тиберий, так сказать, совмещая *полезное* с для него *приятным*, затребовал к себе во улаживание Мариеву юную дочь, и поскольку Марий спрятал её в каком-то убежище, на него возвели поклёпную напраслину в кровосмесительстве. Иначе говоря, — в пороке ещё большем, чем похоть Тиберия к отроковице (тираны умеют мстить со вкусом, с грязнотой), и в результате ни отец, ни дочь не избежали именно нужной-желанной злопамятному Тиберию инцестуальной расправы.

Ну и как тут не конфисковать именно в императорскую казну столь значительное богатство в размере наверняка не меньше, если не больше 100 млн. сестерциев, к-рыми вскоре кесарско-попечительская щедрость народу («Главная цель партии — благо народа») благотворительно обуздает-оседляет острый финансовый кризис! Вот как, оказывается, дошлые-ушлые тираны умеют, выполнив-перевыполнив норму, и (что называется) рыбку съесть, и (если выразиться помягче) на люстре повисеть!

* * *

Спрашивается, когда именно в течение 33г. н.э. расправа над С.Марием и его дочерью, с последующей экспроприацией-конфискацией богатств испанца, имели место? Судя по последовательности реконструируемой нами на базе повествований античных мэтров (к-рые, впрочем, в их анналистических рассказах, в пределах года, а иногда и долее, не всегда последовательны), хронологии, речь должно вести о ранней весне, тем более, что ниже, через абзац, Тацит говорит о предсказании Тиберия относительно грядущего кесарства Гальбы в бытность того консулом. Соответственно, можно додумать, что это произошло при посещении Гальбой императора на Капри в рабочем консульском статусе в первой половине года (январь — июнь) = до сложения им консульства в пользу сменщика-суффекта (июль — декабрь).³⁴

Стало быть, расправный отъём марианских богатств-сокровищ в императорскую казну³⁵ случился во время между стартом не ранее ранней весны 33г. финансового

³⁴ По Флавию, преданный учению о предзнаменованиях Тиберий, к-рый «более кого бы то ни было другого руководствовался этим в течение всей своей жизни, однажды, при появлении Гальбы, сказал своим приближённым, что входит человек, к-рому некогда выпадет на долю честь быть римским императором» (И.д.18,6,9). Если принимать флавиевский рассказ, включая детали, то дело было (могло быть) именно при каприйском посещении Гальбой, причём, комбинируя Флавию с Тацитом, в ранге (действующего) консула, островного императора. И тут, конечно, нельзя не напомнить слова Тиберия о Гальбе из Светония, без к-рых (амальгамированный звездочёт, палач и философ на троне) Тиберий, вычитав, с помощью астролога Фрасилла, в звёздах короткое (с нероновским концом Юлиев-Клавдиев) кесарство Гальбы в далёком от 33г. 68/69гг., разумеется, обойтись не мог: «Пусть живёт, коли нас это не касается».

³⁵ Тиберий вообще, насколько выводится из Светония, зорко следил за накоплением богатств у провинциальных богачей, являясь противником кубышечного скопления наличных капиталов (как особенно) вне Рима/Италии (так и в Риме/Италии), и время от времени кофисковывая их (у некоторых из них) под различными предложениями. Если Светоний и преувеличивает, то не во всём и не совсем на пустом месте, когда замечает: «В Галлии, в Испании, в Сирии и в Греции он у местных правителей отбирал имущество по самым пустым и бесстыдным наговорам: некоторые только и обвинялись в том, что часть своих средств держали в наличных деньгах» (Тиб.49). Это накопление-держание незадействованных денег, чего римляне, приверженцы работающих денег, избегали, приводило к ущербу для государства, било по его экономике, и потому политика сверхэкономного хозяина Тиберия, в данном ключе,

кризиса и раздачей великодушным кесарем гигантской 100-миллионной ссудной суммы по банкам осенью. А это, в свою очередь, произошло после, если не смерти, то начала, не ранее второй половины октября, протестной голодовки Кокцея Нервы (см. выше), к-рый, тем не менее, предпочёл, уходя от скверных в настоящем и ещё более скверных в будущем, при преемнике Тиберия, времён, заморив себя голодом, всё-таки, несмотря на уговоры друга-принцепса, умереть. Выложил ли император гигантскую ссудно-беспроцентную сумму из своего кармана = из кесарской казны? Несомненно, но перед тем успев основательно заполучить её в свою казну, по итогам ликвидации не позднее поздней весны С.Мария.

И, б.м., тогда на дворе стоял крестно-воскресенский апрель или вознесенско-пятидесятничный май беспрецедентно знаменательного в (места)истории человечества 33-го г. н.э., т.е., – время завершения кульминационной стадии-фазы все-ленского Таинства Голгофы!

Не тогда ли благодаря Жертве Христа (и благодаря симметрично-синхронично параллельному распятию величайшего из Чёрных магов в Западном полушарии, в Центральной Америке) (Т.Г. 262-67) достигнутое на 3 апреля 33г. противостояние равновесие мировых-космических сил Добра и Зла начало разрешаться прогрессирующим с тех пор медлительным перевесом в сторону победы Добра над Злом! Не тогда ли оно вышло из критического состояния неустойчивого равновесия, предотвратив тем самым едва не свершившийся в пользу сил Зла (угрожавший человечеству погибелью) эффект перекошенного коромысла!

Отсюда не мудрено, что тирания главного мирского антипода-двойника Христа и первого олицетворителя-носителя проклятия *кесарева безумия* римского кесаря Тиберия достигла именно в 33г., когда он достиг самого дна своей Марианской впадины (к-рая, к месту уточнить, глубже в глубину, чем Эверест в высоту), своего апогея. И неспроста именно 33г. стал пиковым «37-м годом» (пик «большого террора») в нисходящей тиберианской биографии, тогда как в 37г. н.э. он, пошедший после 33г. на убыль, опустошительно исчерпав себя и свою тиранию, вконец опостылев самому себе, нераскаянно-непокаянно, дожив, как и хотел, скверную жизнь в скверне, не без толчковой сторонней помощи, наконец, умрёт.

Да, это был рафинированный, не чуждый ни астрологии, ни философии, ни литературы, ни эстетики кровопийца, знавший, как звали Ахилла среди девушек и кто была мать Гекубы, и какие песни пели сирены. И не на пустом месте Бродский будто именно о нём, кровопийце, говорит: «Но ворюга мне милей, чем кровопийца». И это он, Тиберий, особенно пристально всматривался в 33г. в (нищшеанскую) бездну, в то время как бездна очень пристально всматривалась в него.

И, опять-таки, не случайно именно в 33г., помимо изошрённых расправ, типа убиения С.Мария и его дочери, он, по Тациту, «возбуждённый этими казнями» (6,19), санкционировал массовое избиение в тюрьмах множества подсудимых по затяжному делу Сеяна, решив перебить многих из них разом. Кредо всякой тирании – лес рубят, щепки летят. Есть опасность завалить Рим щепками, сгноить сомнительный цвет нации в тюрьме? Ничего страшного: часть – перемрут, часть – выкарабкаются-оклемаются! И главное – будут (в страхе) помнить! То-то один из лозунгов Гулага гласил: «Кто не был, тот будет, кто был – не забудет». А касаясь экзекутированных, с ними всё ясно: нет людей – нет проблемы!

понятна; иное дело – способы-методы. Он оставит Калигуле империю в очень стабильном финансово-экономическом состоянии, к-рое мот и транжира Гай сведёт за неполных 4 года своего правления на нет. К тому же, следует учитывать доведённую до архискупердяйства тиберианскую гос. бережливость на старости лет: сворачивание строительных программ, сокращение зрелищ и т.д.

«...велит умертвить всех, кто содержался в темнице по обвинению в сообщничестве с Сеяном. Произошло страшное избиение, и на Гемониях лежало несметное множество убитых обоюбого пола, всякого возраста, знатных и из простого народа, брошенных поодиночке или сваленных в груды. Ни близким, ни друзьям не дозволялось возле них останавливаться, оплакивать их, сколько-нибудь подолгу смотреть на них: сторожившие их со всех сторон воины, внимательно наблюдая за всеми, так или иначе проявлявшими свою скорбь, неотступно следовали за разложившимися телами, пока их волочили к Тибру. Они уплывали вниз по течению, или их прибивало к берегу, и никто к ним не притрагивался и не предавал их сожжению. Так сознание общности жребия человеческого подавлялось силою страха, и чем сильнее свирепствовала жестокость, тем больше преград встречало сострадание» (Ан. 6, 19).

Последняя фраза, применительно к 33г. н.э., когда на Земле за людей испупительно умер Бого-Человек, принесший на Землю, в люди, людям, в Его обращении к человеческой Индивидуальности, не учение о сострадании и любви, как полутысячелетием раньше это сделал Будда, но собственно Любовь и Сострадание, особенно знаменательна!

Светоний упоминает об этой массовой расправе, вернее, об одной из её составляющих, мелко, вне хронологии, эссеистски перечисляя зверства (штрих к портрету) каприйского беспредельщика Тиберия: «Никто из заключённых не миновал крюка и Гемоний: в один день 20 человек были так сброшены в Тибр, среди них — и женщины, и дети...» (Тиб. 61). Но делать отсюда псевдообщительный вывод, дескать, речь у Тацита и Светония идёт об убийстве всего 20-и человек в один день, чем, мол, массовое тюремное избиение исчерпывается, грубо ошибочно. Тацит свидетельствует явно о большем количестве жертв и не за один день, и не верить здесь анналисту Тациту (к-рому портретист Светоний не противоречит) нет оснований.

Вероятно, на повестке дня, точнее, нескольких дней, избиение, приказом кесаря с Капри, множества заключённых обоих полов и всех возрастов, что называется, от мала до велика, в переполненной узниками Мамертинской тюрьме, с последующим сбросом не подлежащих погребению-аутодафированию трупов на (откуда они затем, в полуразложившемся виде-состоянии, крючьями сволакивались в Тибр) позорные Гемонии.

Напоминаем, речь идёт о скальном гроте Капитолийского холма ок. Мамертинской тюрьмы, где в октябре 31г. был казнён Сеян (Т.Г. 635-37), после казни к-рого и раскрытия обстоятельств смерти своего сына Друза, Тиберий, согласно Светонию (62), засвирепствовал безудержно. И, скажем снова, апогей этого свирепствования пришёлся на 32/33г. н.э. Особенно и именно — на 33г., когда, ближе к концу года, свершилась ещё и массовая, на сей раз, однодневная казнь всех отработавших своё и отживших свой срок денунциантов-доносчиков, о чём сообщает, дополняя Тацита со Светонием, уже Дион (58,21,6) (см. выше и ниже).

И расправы шли не только в Риме, а и на Капри, между к-рыми курсировал преемствовавший Сеяну не менее усердный, но куда более осторожный, осмотрительный и беспретенциозный (императорский цербер) Макрон. Светоний во Пв. н.э. пишет: «На Капри до сих пор показывают место его (Тиберия) бойни: отсюда осуждённых после долгих и изощрённых пыток сбрасывали в море у него на глазах, а внизу матросы подхватывали и дробили баграми и вёслами трупы, чтобы ни в ком не осталось жизни...» (Тиб. 62)

Следует вникнуть в апокалипсическую живопись гениального Босха, дабы понять, дабы представить, что происходило, что творилось тогда в пепельной, в терзаемой и разрываемой демонами душе кесаря-цезаря Тиберия! Если в большей мере прагматическую экспроприационно-конфискационно-денежную расправу над С.Марием и его дочерью он отсмаковал-обставил надуманным обвинением в

кровосмесительстве, то в случае массовой расправы над подследственными по делу Сеяна, в Риме или на Капри, он поступал, утоляя жажду мщения, но не получая от этого утоления удовлетворение, как заправский мясник.

* * *

На 30-е гг. IV в. н.э. ни от великодушной Диктатуры порядком демократичного диктатора Цезаря, ни от порядком либерального августейшего Принципата (к-рый, искуснейшим образом противонархически заgrimированный, многие ошибочно сочли-приняли за реанимацию фасадно зомбированной Республики) не осталось и следа. То-то Август умер в августе 14г. н.э. на 100-м году от смерти Мария (январь 86г. до н.э.); то-то в 23г. н.э. — год смерти Друза и начала тиберианского декаданса — прошло 100 лет от смерти Суллы (78г. до н.э.); то-то с 15-го марта 33г. н.э. шёл 77-й год от кинжальной гибели Цезаря (15.03.44г. до н.э.); то-то в 33г. н.э. исполнилось 19 лет со времени кончины первого принцепса — Августа.

Не Тиберий установил в Риме (неизбежную) Диктатуру и не он создал консенсуально-универсальный Принципат (где слово заведомо предполагало расхождение с делом и где внешняя форма противоречила внутреннему содержанию, что могло свести потомственного римлянина с ума), но именно Тиберию досталось то (по сути) безрадостное гос. наследство, к-рое надо было волочить (сродни бурлаку на Волге) и (захлёбываясь, в т.ч., в крови) расхлёбывать.

Причём оно свалилось на него — не гения, в отличие от неуёмного Цезаря, и не столь выдающегося государственника-фокусника, как Август, и лежало на нём тяжчайшим бременем в возрасте от 55-и до 78-и лет, когда силы человека, тем паче, после 60-63-х лет, заметно идут на убыль. И как их, скажите, при пустоте-опустошении внутренних ёмкостей, поддерживать в нужном работоспособном тоне, в нужной кондиции? Он сел на иглу властительства, и чем дальше, тем больше проседал в неё, завися от неё, как наркоман от дозы, не только не могучи от неё отказаться, не только не могучи с неё слезть, но всё более превращая её в орудие личной тирании, в нетерпимый государственный терроризм, от к-рых у него не было ни личностной защиты, ни противоядия, к-рые защитно имелись у (поразному) великих гос. мужей Цезаря или Августа.

Цезарь погиб на 56-м году жизни, а Август был в 55/56 лет — 8/7гг. до н.э. — на вершине благополучного могущества, прославляемый поэтами и обществом как отец «нового Золотого века». И если Август — создатель режима Принципата, учтя все ошибки Цезаря, мастерски затесал этот режим под себя (сконструировав и задействовав причудливый механизм вливания молодого вина в старые залатанные мехи), то Тиберий тянул на себя не подходившее ему по размерам одеяло августейшей системы и не думал эту священную для него систему как-либо менять, видя свою задачу именно в её блюжении-сохранении.

Между тем, персонально она Тиберию, не имевшему ни августовских способностей, ни авторитета, не обладавшему свойствами-качествами Августа, совсем не подходила. И, тем не менее, эту непосильную лямку ему, в чьё правление старые августовские мехи дали течь, и началась политическая интоксикация юлианско-клавдианского династического организма, пришлось уныло тянуть-вытягивать до конца жизни. То-то он сбежал из Рима-полиса, с к-рым безнадёжно разошёлся, на Капри, чтобы править оттуда, с неприступного острова, Римской мировой державой и терроризировать, в первую очередь, старополисный Рим — Urbi! Кто он — Тиберий? в какой мере кесарь-император? и в какой римский гражданин? — вот горевопросы, на к-рые у него не было удовлетворительного ответа.

Его шахматно расставленные якобы дуалистом Августом дуалистические преемники Германик и Друз сошли с дистанции раньше срока, чего даже (потерявший раньше срока своих усыновлённых внуков-наследников – Луция и Гая) Август не просчитал, не предусмотрел. С др. стороны, старших сыновей Германика, не в меру амбициозных Нерона и Друза (казематная судьба к-рого, кому вскоре предстояло умереть т.н. естественной смертью от голода, была решена), элиминировал руками Сеяна он сам.

Следовательно, оставались младший Германиков сын – на 33г. – 21-летний Калигула, и сын Друза Тибериевича – 14-летний внук кесаря – Тиберий Гемелл, относительно к-рого Тиберий сомневался – не выблядок ли это Сеяна, прижитый Ливиллой в прелюбодеянии? Более того, сообразно Диону, сообщающему об этом под 33г., проницательный старик с Капри знал, что, унаследовав власть, Калигула убьёт Тиберия Гемелла, тогда как впоследствии кто-то другой убьёт Калигулу (58,23,3). Увы, в сложившейся ситуации, монархическо-тираническая де-факто система Принципата, при её эфемерной дуалистичности де-юре, не допускала иного выхода, не имела, при деградирующих Юлиях-Клавдиях, иного решения проблемы.

Августейший авторитаризм гарантировался, прежде всего, персоной императора и августейший принцип наследования власти в рамках-пределах одного кланосиндиката был, сам по себе, ущербным-уязвимым. Причём, не удивительным ли образом, если Август оказался вынужденным (на безрыбье), в рамках этого принципа и своей (с ахиллесовой пятой) системы, потеряв желанных наследников, передать власть кровному сыну своего врага, – своему пасынку Тиберию³⁶, чреватые правительские недостатки к-рого были ему хорошо известны, то потерявший родного сына Друза Тиберий окажется вынужденным передать власть сыну не очень импониовавшего ему (позёра и любителя внешних эффектов) Германика.

При всём том, о пагубной правительской непригодности Гая, самого младшего сына Германика, Тиберий хорошо знал, и всё-таки, слепо блюдя августовскую кланово-престолонаследную догму, ничего не мог поделать. Если Тиберию довелось вылупиться из августейшей системы, то Калигула, Клавдий и Нерон – есть выродки, уточнительно выражаясь, унаследованного Тиберием от Августа именно системно-августейшего Принципата-синдиката (убывающих-убыточных Юлиев-Клавдиев).

Далее же, после Смуты 68/69гг. и после Веспасиана с Титом, этот ущербный Принципат даст свой рецидив в Домициане, после чего Антонины, сделав ставку на адоптивный *Цезариат* с идеальным *Августом* во главе, исправят-усовершенствуют наследие Августа сроком аж на, в общей сложности, 84 года – до аномального преемствования в 180г. философу на троне Марку Аврелию его родного сына – императора-гладиатора Коммода.

Однако, именно эти 84 года (96 – 180гг.) составят новый усовершенствованно-августейший «Золотой век» в истории Рима (от даты *ab Urbe*). И именно это время станет кульминацией комплексной эпохи Принципата, перед грандиозным, после промежуточных Северов, кризисом Шв. н.э., к-рый, в свою очередь, завершится установлением-учреждением переходного к эпохе Средних веков новокачественного и новосодержательного Домината.

Не образовался ли с довременной смертью Германика и Друза своего рода властно-династический вакуум, к-рый попытался заполнить, прося у Тиберия руки Ливиллы, выскочка Сеян, кому – провинциальному всаднику из муниципия –

³⁶ Впрочем, лишившийся родных внуков Август сделал Тиберия усыновленцем-престолонаследником сходно тому, как не имевший сыновей Цезарь усыновил и сделал наследником в первой степени его, зорко разглядев в нём наиболее способного преемника, – тогда совсем юного Октавиана.

староримлянин Тиберий пойти навстречу ни тогда, ни позднее, считая недопустимым подобный выход за пределы наследия Августа, не захотел.

Вместе с тем, при нём, при Тиберии, своего рода миротворце, отставившем германиковские резавоевательные потуги по адресу правобережной Германии, Рим впервые не вёл и не намеревался вести никаких внешних войн, от к-рых Тиберий крайне устал ещё при Августе, именем к-рого он видел свою задачу в сохранении достигнутых границ без их дальнейшого расширения. И это было очень необычно для урождённо-прирождённо-мартиального Рима. Ведь волк, к-рого принуждают к вегетарианству, способен, жадучи крови, впиться себе в плечо (в то время как акула со вспоротым брюхом пожирает собственные внутренности).

Вакуумная ёмкость должна заполниться каким-нибудь содержанием. И она заполнилась в правление Тиберия как тираническо-террористической, так и геронто-кратическо-сексуальной вакханалией престарело-островного *мачо* (с *мачете*) на троне. Не его ли, педофила и извращенца, точнее, его угасающую, по выражению Светония, похоть, очень привлекала каталогизация наслаждений в венериных местечках на Капри, в духе, например, изображавшей совокупление Мелеагра и Аталанты (повешенной им в спальне) порнографической картины Паррасия, или совокуплявшихся у него на глазах несовершеннолетних спинтриев, и т.д. и т.п.

Короче, не удержавшийся в августейшем амплу добродетельного принцепса (и патриарха) тиран съехал с катушек и продолжал с них, совмещая свирепость с похотливостью, съезжать, тираня и ставших подданными римских граждан, и всех, кто попадёт под руку, невзирая на пол или возраст, в 33г. н.э. по максимуму. Плюс к тому, он, пожалуй, единственный римский кесарь, все 23 года своей власти испытывал лютый страх (чем, во многом, и был обусловлен его мрачный феномен) перед собственным властительским могуществом.

И это, если вникнуть, не удивительно, потому что именно он был современником Мистерии Голгофы, т.е. современником Распятого и Воскресшего Спасителя человечества Иисуса Христа – истинного Царя по (неведомому и чуждому Тиберию) чину Мелхиседека! Не сам себя сославший на скальный остров и сгноивший себя на острове Тиберий, но объявший с креста всю Вселенную Христос будет царствовать над домом Иакова вовеки! И это не царству Тиберия, от к-рого – *Imperium Romanum* – в перспективе не осталось камня на камне, но именно Царству Христа Спасителя, К-рое не от мира сего, никогда не будет конца!

КАЛИГУЛА ПРИ ТИБЕРИИ

«Тогда же Гай Цезарь, отправившийся с дедом на Капри, взял в жёны дочь Марка Силана Клавдию; скрывая под личиною скромности огромные притязания, он настолько владел собою, что ни осуждение матери, ни гибель братьев не исторгли у него ни одного возгласа; как начинал день Тиберий, тот же вид, почти те же речи были и у него. Отсюда ставшее впоследствии широко известным крылатое слово оратора Пассиена: никогда не бывало ни лучшего раба, ни худшего господина.

Не умолчу и о предсказании Тиберия относительно Сервия Гальбы, в ту пору консула; вызвав его к себе и испытав в разносторонней беседе, он под конец обратился к нему по-гречески с такими словами: «И ты, Гальба, отведаешь когда-нибудь власти», намекая на то, что владычество его будет поздним и недолгим, и обнаружив тем самым знакомство с наукой халдеев: для её постижения он располагал на Родосе и досугом, и наставником Фрасиллом, чьи познания он испытал следующим образом...» (Ан. 6,20)

Этой цитатой из Тацита о квестуре Гая и о тиберианском предсказании кесарства Гальбы мы завершим анналистический разбор событий первой половины 33г., что, разумеется, в немалой мере, хроноусловно и, тем не менее, с оговорками, вполне допустимо. Хотя у Диона событийность этого года укомплектована несколько иначе и слово об облечшем тогда квестуру Калигуле следует в разделе, относящемся ближе к концу года, после не столько анналистических, сколько композиционно предшественных сообщений об уморённом в том памятном году голодом казематном Друзе и об уморившей себя, опять-таки, голодом ссыльно-островной Агриппине.³⁷

«Помимо всего он назначил Гая квестором, хоть и не первого разряда, и пообещал выдвигать его на другие должности на 5 лет раньше, чем было принято, несмотря на то, что просил сенат не делать молодого человека тщеславным многочисленными или преждевременными почестями, из опасения, что он может сбиться с пути тем или иным образом. Он имел также внука по имени Тиберий, но им пренебрегал как из-за его возраста (тот был ещё невинным ребёнком), так и из-за подозрения, что он не был сыном Друза. Он потому склонялся к Гаю как к преемнику своего единовластия, пусть и уверенный, что Тиберий недолго будет жить, и будет убит самим Гаем. Ведь не было ни одной черты в нраве Гая, о которой он не был бы осведомлён...» (Дион 58,23,2/3)

Можно не сомневаться, что эта заведомая осведомлённость Тиберия относительно судьбы Гая и Гемелла, к-рая, кстати, у Тацита анналистически правильнее фигурирует под 36г. (Ан. 6,45), когда мы с ней, подключив прямую тиберианскую речь, снова встретимся, была соответственно оправлена с высот времени после смерти и Тиберия, и Гемелла, и Гая. Равно и предречение венценосной импературы Гальбы в дошедшей до нас форме наверняка вынырнуло либо в пору короткого кесарства Гальбы (68/69гг.), либо, скорее, с его концом.

Но, наряду с тем, действительно пронизательный и действительно сопричастный серьёзной астрологии старик с Капри очень даже мог предвидеть-провидеть (не без помощи Фрасилла) как печальные судьбы Гемелла и Гая (для чего, впрочем, честно говоря, не надо было быть семи пядей во лбу), так и (на сей раз, именно благодаря звёздам) ненадолго обретшего власть Гальбу (к-рого он, как мы помним, объегорил на весьма внушительную сумму денег по ливианскому завещанию).

Что касается Калигулы, то последний и впрямь набирался опыта и входил во вкус власти, подвизаясь при Тиберии на Капри и всячески раболепствуя перед ним, дабы не разделить судьбу матери и старших братьев, как хамелеон — дальше некуда, о к-ром известный ритор Пассиен Крисп (кого в дальнейшем, при Клавдии, сначала женит на себе, а потом, чтобы завладеть его богатствами, отравит сестра Калигулы, мать Нерона — Агриппина) очень метко скажет, что, повторим, «никогда не бывало ни лучшего раба, ни худшего господина». Притом скажет он это уже при Клавдии, безмерно лстя Калигуле при Калигуле.

Освежим пройденный в предыдущих книгах материал. Гай Цезарь, самый младший из сыновей Германика, родился 31.08.12г. н.э., в, как дотошно выяснил Светоний, Анции (Кал. 8), в год первого консульства его отца. Был прозван в 15/16гг. подкомандыи Германику германскими легионами «Калигулой» — «сапожок», затем побывал с назначенным наместником Востока отцом и (сопровождавшей его) матерью в Сирии — 18/19гг. Потом, в доме вдовой матери, он рос в тени старших братьев — Нерона, любимца Агриппины, и гнойно завидовавшего Нерону Друза, до

³⁷ Дело ещё и в том, что Дион, с его куда большим охватом истории Рима ab Urbe, при его ретроспективно-анналистической оглядке из III-го в, в т.ч., I-й вв. н.э., более суммарен, нежели сосредоточенный на анналах именно I-го в. н.э. Тацит, при его оглядке-ретроспекции из века II-го.

28г. Ибо в 28г. Агриппина и Нерон попали за неблагонадёжность под бдительное императорско-сеяновское подозрение и строгий опальный надзор, в связи с чем опека над 16-летним Гаем, облачение к-рого в тогу зрелости, в сложившейся ситуации задерживалось, перешла к его 85-летней прабабке – Юлии Августе.

Она умерла в январе 29г. и именно правнук Гай, кто позже (не уничтожительно, но и не без иронии) назовёт её «Одиссеем в женском платье», произнёс на её похоронах траурно-лаудационную речь, вскоре после чего Агриппина и Нерон были (поскольку смерть сдерживавшей кесарский гнев Ливии развязала Тиберию и Сеяну руки) сосланы на острова. Т.е., если Гай успел пожить, согласно Светонию (Кал.10), у прабабки, значит, его забрали у матери ещё при жизни Августы, иначе говоря, в 28г., поскольку, когда Агриппина отправилась под стражей на Пандатерию, Августы уже не было в живых. Таким образом, пусть коротко, но Гай, всё-таки, пожил у прабабки, отданный далее под опеку своей бабки – вдовы мл. брата Тиберия Друза Старшего (+ 9г. до н.э.) и матери Германика (+ 19г. н.э.) – Антонии (мл. дочь М.Антония и любимой сестры Августа – Октавии).

Оставаясь вдовой по смерти своего мужа Друза (несмотря даже на настоятельные уговоры самого Августа снова выйти замуж) и посвятив всю себя семейственности, сначала в лице детей, потом – внуков, целомудренная Антония пользовалась большим уважением-расположением (умевшего ценить непоказное целомудрие паскудника) Тиберия, а после дела Сеяна, в ниспровержении к-рого она поучаствовала, стала ещё более близка Тиберию как одна из очень немногих персон, кому мнительный-подозрительный кесарь полностью доверял.

Калигула же, к-рого Светоний (10) правильно называет на время кончины Ливии в начале 29г. (всё ещё) «отроком», т.к. он на 17-м году жизни аномально для римлян всё ещё не надел тогу зрелости, продолжал сидеть на дальней скамейке запасных республиканских престолонаследников, пока ссыльного Нерона недолго заменял в качестве старшего Германиковича (или – цесаревича) средний сын Агриппины – Друз, угодивший в подземелье Палатинского дворца в 30г. И лишь теперь обстоятельства выдвинули (д.б., нередко посещавшего с 29г., в обществе бабки и без, кесарский остров) Гаю на план передний.

И, вероятно, ещё до истечения 30г. Тиберий забрал-затребовал его к себе, чтобы, во-первых, надёжнее оградить от интриг-покушений Сеяна, а во-вторых, чтобы в нужную минуту разыграть его против Сеяна с острова и на острове, сходно тому как казематного Друза, уже более запасного, чем Гай, планировалось использовать, на случай попытки сеяновского переворота, посредством извлечения из каземата и поставления его, так сказать, во главе народа, в Риме.

В 31г. притиберианского кронпринца Гаю, на его 19-м году отроду, весной, когда до осенней развязки дела Сеяна оставались считанные месяцы и паутина плелась вовсю, впервые торжественно-ритуально-своевременно побрили и, наконец, с нешуточным возрастным опозданием, облачили на Капри в тогу *virilis* (Свет. «Кал.» 10). С опозданием, так как 19-й год жизни для надевавшейся обычно в 14-16 лет тоги зрелости – это поздно, между тем как первое бритьё в возрасте 18/19-и лет – это – нормально (Р.л. 953; Т.Г. 618/19).

Более того, в ситуативно перенапряжённом 31г. Гаю, в пору умышленно пущенного (в пику Сеяну) слуха об обдумывании старым кесарем его престолонаследия, помолвили с дочерью близкого Тиберию и родственного Клавдиям М.Юния Силана (конс.-суф. 15г. н.э.) (Д.И. 1066; Т.Г. 660) Юнией Клавдиллой, возвели в сан понтифика и дезигнировали на место репрессированного брата Друза в августат.

Дальше – больше. После того как Гай вдоволь наобретался при Тиберии в 32г., учась властительству и хамелеонскому притворству, познавая суть и механизм тирании, приноравливаясь и приобщаясь к беспределу (властительскому и сексуаль-

ному), в следующем 33г., с его (понтифика и авгура) квестурой, с предоставлением ему права привилегированного, на 5 лет раньше положенных сроков, поступенчатого *cursus honorum*, и с его женитьбой на Юнии Клавдилле³⁸, сделалось ясно, что Тиберий делает престолонаследную ставку именно на него. И отсюда сделалось ясно так же то, что Друз с Агриппиной обречены на погибель, тогда как до того, после падения Сеяна, упорно муссировались (отчасти пускаемые-попускаемые самим Тиберием) слухи об их возможной реабилитации (и примирении престарелого императора с ними).

Но нет, медлительно взвесившего все *за* и *против* Тиберия устраивал именно такой медлительный вариант-расклад собственного гарантированного доживания-выживания и иерархизированно-дуалистического престолонаследования. Речь идёт о престолнаследовании с, на 33г. н.э., ещё недостаточно зрелым-опытным, чтобы покушаться на власть, 21-летним Гаем и совсем незрелым-неопытным 14-летним Гемеллом, нежели с озлобленным подземельным злыднем Друзом, кому было уже 25 лет. Плюс – ненавидящая Верховного всеми фибрами души, твёрдая, как камень, 46-летняя Агриппина, к-рой, как и Друзу, лучше (так решил Тиберий), в ракурсе сложившихся гос. резонов, не подлежа какой-либо амнистии, без казней и кровопролития, вовремя умереть.

И Гай не мог в 21 год не понимать, что чем плоше складывается судьба его повязанных одной нитью среднего брата и непреклонной горячки-матери, тем больше шансов наследовать Тиберию в первой степени, при соответствующем предусмотрительно-сверхосторожном поведении, есть именно у него, как у (исходя из 74-летнего возраста Тиберия) первонаследника (в рамках клана-синдиката Юлиев-Клавдиев) безальтернативного. Не он ли, по его матери Агриппине – дочери Юлии Августовны, – патрицианский Юлий (хоть и внук безродного М.Агриппы! И не он ли по отцу – Германику Друзовичу – патрицианский) Клавдий!

Иное дело, кабы Тиберий мог выйти из прокрустова ложа этих престолонаследных рамок, чего он, блюститель буквы освящённо-августейшего Принципата, содеять, как сказано, не помышлял, и потому не имел выбора, пусть даже ему было ясно, кого он взращивает в лице Гая, порочности к-рого с детских-отроческих лет, в свете всего сказанного, удивляться, согласитесь, не приходится.

То-то Светоний и повторяет, и дополняет Тацита: «На Капри многие хитростью или силой пытались выманить у него (Гая) выражения недовольства, но он ни разу не поддался искушению: казалось, он вовсе забыл о судьбе своих ближних, словно с ними ничего не случилось. А всё, что приходилось терпеть ему самому, он сносил с таким невероятным притворством, что по справедливости о нём было сказано: «не было на свете лучшего раба и худшего государя».

³⁸ Причём свадьба состоялась, насколько следует из неверно перебрасывающего её в 35г. Диона (58,25,2), в Анции (где Гай родился), т.е. во время, если верить Диону приложительно к тацитовскому 33г., пребывания Тиберия на материке: стало быть, либо это произошло в начале года, когда Тиберий женил, переправившись с Капри на материк, сестёр Калигулы – Друзиллу и Юлию (см. выше); либо кесарь позднее, летом 33г., снова покинул Капри и тогда отпраздновал Гаево бракосочетание в Анции.

Впрочем, скорее, оно имело место в начале года, но несколько позже материковой, близ Рима, вероятно, зимней (без торжеств) выдачи замуж Германиковых дочерей за Л.Кассия и М.Виниция, тогда как свадьба Гая состоялась в начале весны, после чего Тиберий и Гай с молодой женой вместе возвратились на Капри. Ведь, с одной стороны, женись Гай одновременно со своими сёстрами, надо думать, античные авторы или кто-то из них упомянули бы об этой бракосочетальной совместности, чего ни один из них не сделал. А со стороны другой, не стоит *переправлять* Тиберия с материка на Капри в течение 33г. дважды, ибо такая конструкция, при отсутствии у неё какой-либо опоры в античных источниках, видится малоестественной и слишком тяжеловесной, доверия не заслуживая.

Однако уже тогда не мог он обуздать свою природную свирепость и порочность. Он с жадным любопытством присутствовал при пытках и казнях истязаемых, по ночам в накладных волосах и длинном платье бродил по кабакам и притонам, с великим удовольствием плясал и пел на сцене. Тиберий это охотно допускал, надеясь этим укротить его лютый нрав. Проницательный старик видел его насквозь и не раз предсказывал, что Гай живёт на погибель себе и всем, и что в нём он вскармливает ехидну для римского народа и Фаэтона для всего земного круга» (10/11).

* * *

А Дион из Шв. н.э. даже, немеренно загибая палку, полагает, что Тиберий заранее радовался грядущей верховной власти негодяя Гая, «чтобы, как говорят, его собственные преступления померкли перед чудовищностью преступлений его преемника» (58,23,4).

Само собой, приведённые тиберианские оценки характера и персоны Калигулы в наличных апокрифических формулировках даны-оправлены задним числом, с высоты посткалигулианского времени и чудовищности тронно-калигулианских преступлений. Но это, скажем снова, не означает, что наблюдательный, с его огромным жизненным опытом, Тиберий не видел не столько то, кого он (бес- сильный что-либо поделатъ, в сём случае, астральный фаталист) взращивает, сколько то, кто преемственно взрастает-формируется рядом с ним, возле него, на его глазах и у него под носом.

И это, без сомнения, не столько доставляло удовлетворение, сколько причиняло боль устало-престарелому государственнику-августинцу Тиберию. Однако, блюдя верность августейшим как кланово-синдикатному престолонаследованию, так и верховному дуализму, он не мог, и без того сократив число престолонаследников до критического минимума, ни обойти последнего Германиковича в пользу Гемелла, ни предложить какую-либо иную альтернативу.

До 5-7-летнего возраста маленький Гай жил, можно сказать, у богов и людей за пазухой, словно в раю. Бунта германских легионов в 14г. он не мог помнить, памятуя ярко и фрагментарно, с 3/4-летнего возраста, когда находился при отце и матери на левом берегу Рейна (Кёльн), славные германские кампании отца в 15/16гг., после чего, на 5-м году жизни, ему довелось участвовать в пышном римско-германском триумфе (победившего, но не одолевшего правобережных германцев и отозванного из Германии Тиберием) Германика 26.05.17г. н.э. Впоследствии же Гаю выпало сопровождать своих всюду пышно чествуемых родителей в Сирию, где его (конфликтовавший с Гн.Пизоном, как Агриппина конкурировала с Пизоновой супругой Планциной) отец в октябре 19г., внезапно, при невыясненных обстоятельствах, скончался, предположительно, умерев от яда, что никогда не было ни доказано, ни опровергнуто.

И вот с тех самых пор в Гаевой, вместе с матерью и старшими братьями, жизни начались-стартовали тяжёлые времена их год за годом ухудшавшегося положения. Притом, если поначалу они всем оставшимся без главы семейством были сдвинуты на задний план уже самим фактом смерти кронпринца № 1 Германика, к-рого тогда сменил-заменил кронпринц Друз, то позднее, по смерти в 23г. искренне опекавшего их Друза, отчуждение между ними и Тиберием нарастало-углублялось год за годом.

Оно имело место как в результате интриг против них Сеяна, так и из-за амбициозности, конфликтовавших вдобавок между собой, Нерона и Друза, уж не говоря о претензиях неумолимой обиженницы Агриппины. В 26г. ситуацию усугубил отъезд

Тиберия на Капри; в 29г. — смерть державшей над ними охранную длань Ливии. И всё это, вообразите, на глазах увечно взрослеющего, сидя на самой дальней скамейке запасных престолонаследников, Гая Цезаря. Т.е. поэтапно-деградантной децелации с 19 по 29гг. в его, с 7-и до 17-и лет, жизни не позавидуешь.

Да и в 29 — 31гг., когда он понемногу выдвинулся, за счёт релегированных на разные острова Агриппины с Нероном (29г.) и за счёт заточённого Друза (30г.), на передний план, до тех пор пока скрытая дуэль Тиберий — Сеян шла к своей развязке, жизнь Гая, в качестве проходной пешки на шахматной доске или козырной шестёрки в колоде, висела на волоске. Вот где ряд причин его изувеченной психики и последующих безумств этого, по выражению Светония, «чудовища» на троне. Т.е. на 33г., когда дни Друза и Агриппины были сочтены, в связи с чем, ещё до того, как они умерли, дело с его престолонаследием декларативно определилось, он, сопричастный всем возможным порокам, уже был неизлечимо травмирован душой на всю оставшуюся жизнь. И в перспективе не сумел, хотя, придя к власти, попытался, вырваться за пределы этого зловеще очерченного вокруг него порочного круга *кесарева безумия*.

Вспомните, по тому же сценарию, как некогда Август поэтапно вытаскивал-выдвинул (задвинутого ранее) Тиберия во 2 — 4гг. н.э., после кончины Луция (2г. н.э.) и Гая Цезарей (4г. н.э.), с самой дальней скамейки запасного престолоблудителя (от чего Тиберий в бг. до н.э. сбежал на Родос, где провёл 8 лет) на престолонаследно-правовое поле, так ныне сам Тиберий, в 29 — 31 — 33гг., поэтапно вытаскивал-поднял Гая до уровня и на уровень престолонаследника № 1. Правда, существенная разница здесь в том, что если престолонаследных предшественников Тиберия раз за разом сметала роковая судьба, то предшественников Гая смёл-элиминировал не кто иной как сам Тиберий.

Посему, именно в 33г. н.э., как бы достаточно возмужавший и оженённый Гай, перед к-рым впервые много более реально, чем когда-либо прежде, нарисовалась перспектива грядущего преемствования кесарю Тиберию, выйдя из всех предыдущих коллизий, в к-рых он был не игроком, но игрушкой, живым, уверовал в свою звезду и пополз к своему полномочию. Будучи донельзя испорченным в возрасте всего 21-го года недорослем и стариком душой в одном лице, он был, с одной стороны, одержим демонами, а с другой, сотканный из контрастов, как и эпоха, в к-рую ему выпало жить, полон *благих намерений*, над к-рыми демония, в пору его принципата, не сразу, но возьмёт безоглядный верх, и к-рыми, сколь известно, аккуратно выложена дорога в ад.

ТИБЕРИЙ И ФРАСИЛЛ

Итак, поднаторевшего в астрологии Тиберия наставлял в этой, как её называли греки и римляне, науке халдеев (*chaldaica*) небезызвестный астролог Фрасилл, кто находился возле него со времени его пребывания с бг. до н.э. по 2г. н.э. на Родосе и чьи познания он там испытал достаточно неординарным способом.

Тацит: «Всякий раз, когда Тиберий, стремясь узнать своё будущее, встречался для этого с прорицателями, он пользовался верхними покоями дома и услугами единственного посвящённого в эти дела вольноотпущенника. Невежественный и наделённый огромной телесной силой, тот окольными и крутыми тропками (ибо дом стоял на скалистом обрыве) приводил прорицателя, искусство к-рого хотел испытать Тиберий, и на обратном пути, если его познания были сочтены Тиберием вздорными, а сам он обманщиком, сбрасывал его в море, чтобы не оставалось свидетеля тайных занятий его господина. Итак, тем же путём по скалам был

приведён и Т(Ф)расилл; после того как Тиберий задал ему те же вопросы и ответы Фрасилла его взволновали, ибо тот искусно открыл ему, что он завладеет властью, а также всё его будущее, Тиберий спросил его, может ли он прозреть свою собственную судьбу, что ему принесёт данный год, данный день. Взглянув на расположение звёзд и измерив расстояния между ними, тот сначала колеблется, потом пугается и чем больше всматривается в небо, тем сильнее и сильнее дрожит от растерянности и страха и наконец, восклицает, что ему угрожает почти неотвратимая гибель. Тогда Тиберий, обняв его, поздравляет с тем, что он увидел надвигающуюся на него опасность и всё же останется невредимым, и, сочтя всё сказанное им за оракул, удерживает его при себе, как одного из своих ближайших друзей.

Когда я слышу о таких и подобных вещах, меня охватывает раздумье, определяются ли дела человеческие роком и непреклонной необходимостью или случайностью. Ведь среди величайших мыслителей древности и их учеников и последователей можно обнаружить приверженцев противоположных взглядов, и многие твёрдо держатся мнения, что богам нет ни малейшего дела ни до нашего возникновения, ни до нашего конца, ни вообще до смертных; вот почему так часто жизнь хороших людей безрадостна, а счастье выпадает в удел дурным. Другие, напротив, считают, что жизненные обстоятельства предугазаны роком, но не вследствие движения звёзд, а в силу оснований и взаимосвязи естественных причин; при этом, однако, они полагают, что мы свободны в выборе образа жизни, к-рый, будучи единожды избран, влечёт за собою определённую последовательность событий. И отнюдь не то — зло и благо, что признаётся таковыми толпой; многие, одолеваемые, как мы себе представляем, невзгодами, счастливы, тогда как иные, хотя и живут в богатстве и изобилии, влчат жалкое существование, ибо первые стойко переносят свою тяжёлую участь, а вторые неразумно пользуются своею удачливой судьбой. Но большинство смертных считает, что будущее предопределено с их рождения и если что происходит не так, как предсказано, то в этом повинно невежество предсказателей: оно подрывает веру в науку, неопровержимые свидетельства истины к-рой доставили нам и древность, и наше время. И действительно, сын того же Фрасилла предрёк и Нерону, что он завладеет властью, но об этом я сообщу в своём месте, чтобы не отойти ещё дальше от начатого повествования» (Ан. 6,21/22).

В какой мере впечатляющий апокриф о сбрасывании-сталкивании доверенным вольноотпущенником Тиберия изобличённых его шефом лжеастрологов с крутой скалы в море на Родосе, равно слово о прозорливо избежавшем аналогичной участи Фрасилле, соответствуют реальности, — вопрос — ? Так или иначе, напомним читателю, что с 6 по 1гг. до н.э. самоудалившийся на Родос, дабы не мешать стремительному восходу двоезвездия августейших внуков Гая и Луция Цезарей, Тиберий, живя там скромно-укромно, так, чтобы не привлекать к себе внимание и не вызывать никаких подозрений, одновременно, на протяжении 5-и лет, до лета 1г. до н.э., обладал присвоенной-предложенной ему в бг. (в видах урегулирования очередных осложнений в Армении, от чего он устранился) имперiallyно-трибунской властью. И это, при всех случаях, невзирая на его практически-государственную бездеятельность, определяло его высокий ранг-статус.

Между тем, во второй половине 2г. до н.э. разразился скандал оставленной им в Риме жены, к-рую он не мог, из-за её измен, долее терпеть, Юлии Старшей, в результате чего Август осудил, сослал и развёл с Тиберием свою опальную дочь, что, с одной стороны, как будто сыграло последнему на руку (хотя он счёл своим долгом максимально в письмах вступить за экс-супругу), в то время как, со стороны другой, это лишило его (в т.ч. охранного) статуса августовского зятя. И статуса, тем паче, актуального, так как летом 1г. до н.э. истёк срок его трибуната, к-рый никто ему продлевать не собирался.

Мало того, назначенный в 1г. до н.э. наместником Востока (в местностях за Ионическим морем) Г. Цезарь относился к Тиберию крайне подозрительно и негативно. И следовательно, если в пятилетку 6 – 1гг. Тиберий был, в большей мере, самоссылным островитянином (*autorelegatio in insulam*), то с 1г. до н.э. он стал, несмотря на выхлопотанный для него заботливой мамой Ливией у мужа смехотворный ранг кесарского квази-легата Augusti на Родосе, ссыльным изгнанником де-факто.³⁹

Засим с ок. середины 1г. до н.э. он удалился, согласно Светонию, в глубь острова (Тиб. 12) и повёл там ещё более частный и (непочётный у деятельных римлян) замкнуто-созерцательно-ориентальный образ жизни, всем своим видом и поведением показывая, что не намеревается ни с кем бороться за власть. Кроме того, осенью 1г. до н.э. ему пришлось унижительно для себя засвидетельствовать почтение Гаю Ц. на Самосе, а годом позже, по дороге (отконсульствовавшего первое полугодие 1г. н.э. в Риме) Гая на египетско-сирийский Восток, ещё раз – на Хиосе. И лишь во 2г. н.э. несколько смягчившийся после разрыва со своим наставником М.Лоллием, к-рый очень настраивал его против Тиберия, Гай, находясь в Сирии, позволил Тиберию, о чём того уведомили Август и Ливия, возвратиться в Рим, со строгим условием стоять в стороне от политики (Р.л. 702-09; 1026-28; 1115/16).

Когда именно, в период воюмилетки родосского анахорета, состоялось его знакомство и сближение с Фрасиллом – неизвестно? Или первое знакомство между ними состоялось (могло состояться) ещё в 20г. до н.э.? когда Тиберий отдохновенно пробыл-провёл некоторое время на Родосе, возведя перед тем на трон Армении римского ставленника Тиграна III (Р.л. 331-33), если, конечно, местопребыванием Фрасилла тогда был Родос, сведениями о чём мы не располагаем.

Однако, в любом случае (судя по вышеприведённому хронораскладу), коли уж в 1г. до н.э. Тиберий удалился в глубь острова, тогда как изобличённые им лжеастрологи, в числе каковых едва не оказался Фрасилл, сталкивались с крутой скалы в море (стало быть, на берегу моря), значит, эта приведшая в итоге к их дружбе встреча произошла в интервале 6 – 1гг. до н.э., т.е. до переселения Тиберия в глубь небольшого острова.

Но этому, похоже, противоречит Светоний (ср. Дион 55,11,1/2), сообразно рассказу к-рого, получается, что инцидент имел место непосредственно перед возвращением Тиберия, с позволения Гая Цезаря, в Рим, т.е. летом 2г. н.э.: «Фрасилл, астролог, к-рого он держал при себе, из-за его опытности в искусстве (предсказаний – К.З.), едва завидев корабль, сразу объявил, что он везёт хорошие вести: это было для него самым большим испытанием, потому что Тиберий, видя, что вопреки его предсказаниям, дела идут всё хуже, и решив, что перед ним обманщик, опрометчиво посвящённый в его тайны, в это самое мгновение их совместной прогулки хотел сбросить его в море» (Тиб.14). Как видим, по Светонию (и Диону), на момент тиберианского намерения столкнуть Фрасилла с обрыва, они знакомы уже давно, хотя такое намерение вряд ли могло иметь место дважды.

Из хаотичных, перемежаемых эпитоматорами Зонарой и Ксифилином, фрагментов Диона на рубеже эр время этого инцидента вовсе не выводится, но сам, схожий со светониевским, короткий рассказ о *сбрасывательном* порыве Тиберия присутствует. Короче, мэтры древности говорят об одном и том же случае, приводя

³⁹ На памяти опальные партократы брежневской эпохи, к-рых не репрессировали, но иногда, при их непенсионном возрасте, переводили на дип. работу, отправляя-посылая-усылая послами не столько в места, сколько в страны, как говорится, не столь отдалённые. Причём в народе этих послов (к-рых послали лесом) называли (категорично, просто и небезвкусно) – «посол на х...».

один и тот же апокриф по-разному и расходясь в хронологии, поскольку более предпочтительный, по крайней мере, в хроноотношении, рассказ Тацита явно относится к раннему интервалу 6 – 1 гг. до н.э., когда островной анахорет Тиберий обрелся на скалистой вилле у морского берега. И вероятно, именно с того времени, неведомо при каких именно обстоятельствах, началась продлившаяся ок. сорока лет его дружба с, надо полагать, почти безотлучно находившимся в дальнейшем при нём (весьма серьёзным астрологом) Фрасиллом.

Кстати, тут важно обратить внимание на родосское обиталище и образ жизни Тиберия на *острове тельхинов* демоническом Родосе, скрупулёзно воспроизведённые им четверть века спустя уже в ранге повелителя на демоническом *острове сирен* Капри, где он опять жил, опасаясь удара со спины, удара в спину, скально-отвесно, на сей раз, сослав самого себя в кесарском амплуа.

Стало быть, чтобы жить на острове, оказывается, не обязательно быть либо ссыльным, либо правителем, ибо в тиберианском случае мы имеем дело с добровольно-самоссыльным правителем, к-рый, отгородившись (словно некоторые прокажённые венценосцы) от людей, не знал, как ему отгородиться от себя, не могучи найти зеркало, в к-рое было бы не страшно всмотреться.

* * *

О Фрасилле мы не раз упоминали в предыдущих книгах (Р.л. 702-09; 1026-28; 1115/16; Д.И. 66; 1043; 1114; Т.Г.). Ныне пришло время познакомиться с этим загадочным персонажем времени пика всемирной истории, параллельно-зазеркального вселенской метаистории, поближе.

Он происходил из города Менда (Мендес) в Дельте Нила, являясь, видимо, классическо-эллинистическим греко-египтянином, возможно, смешанных греко-египетских кровей, и, главное, твёрдо ориентированным на гибридизацию эллинистической учёности с римской державностью, – космополитом Греко-Римской эпохи и державной Ойкумены по духу. Его предполагаемыми (философскими) учителями были (могли быть) ученики выдающегося представителя Средней стои (стоической философии) Посидония Апамейского (135 – 51 гг.), – философа, историка, географа и астронома, главы, с ок. 97 г., школы на Родосе, у к-рого брали уроки, в частности, Цицерон и Помпей.

Универсально образованный Посидоний пытался соединить учение Древней стои с идеями Платона и Аристотеля, написал исторический труд в 57-и книгах (как продолжение «Всемирной истории» Полибия), восхвалял растущее могущество Рима, приветствовал восточную – ратную и мирную – деятельность Помпея, развивал идею Логоса, к-рым первоначально были проникнуты Космос и Пространство. В соответствии с идеями Аристотеля, говорил о цикличности мира и предстоящей катастрофе, о препятствии тела контакту с Логосом и о бессмертии души. Вовлёк в свою мировоззренческую систему учение о предопределении судьбы и не противоречащую вершине Средней стои (к-рая кончается с Римской республикой, передавая эстафету Поздней стое эпохи Империи) учёную астрологию.

За Посидонием числится авторство труда «Океан», с (помимо описания) историей Земли, с историей вулканического возникновения островов и морских заливов, вследствие действия вулканов, с констатацией взаимосвязи между приливами/отливами и фазами Луны. Он пытался определить размеры земного шара, считал расстояние от Земли до Луны равным $52 \frac{1}{8}$, а до Солнца 13098 земным радиусам, что представляет исключительную для его времени точность, причём непонятно – как приведённые результаты были им получены?!

Не исключено, что универсально образованный, наверное приблизительный ровесник Тиберия, т.е. родившийся после 45г. до н.э., Фрасилл (в отличие от множества бродячих звездочётов, магов и колдунов той эпохи, не шарлатан и не авантюрист, но фундаментальный учёный), получив начальное образование в Египте и выучившись потом у учеников Посидония на Родосе, побывал (вполне мог побывать) позже на римском и заримском Востоке. Т.е. побывал в М.Азии, в Коммагене (Самосата-на-Евфрате) и в астрологической Вавилонии/Халдее (обсерватория Сиппар), откуда возвратился на Родос, где осел и где постоянно местожительствовал ко времени начала в бг. до н.э. восьмилетней родосской робинзоны Тиберия.

Интересно, что супругой Фрасиллы была (хотя неясно — с каких и до каких пор?) некая Акта — принцесса из царского коммагенского дома, следует думать, дочь — либо Митридата III (20 — 10гг. до н.э.), либо Антиоха III (10г. до н.э. — 17г. н.э.) Коммагенского, с кончиной к-рого Тиберий аннексировал-провинциализировал Коммагену (как и Каппадокию, с кончиной в том же 17г. н.э. её царя Архелая) (Р.л. 96-100; 243/44; 334/35; 592; 1283; Д.И. 83; 135-37), до воцарения там Калигулой в 37/38гг. Антиоха IV (см. ниже).

Когда Фрасиллу, к-рый сделался на Родосе своего рода доверенным Пятницей Робинзона-Тиберия, было предоставлено-даровано, по тиберианскому почину, римское гражданство — вопрос. Полагают-называют время-этап их совместного Родоса, однако, думается, что сие случилось не ранее 2 — 4гг. н.э. Т.е. по возвращении Тиберия в Рим, куда он привёз с собой Фрасиллу, предсказания к-рого начали чудесно сбываться, но, вместе с тем, однозначно до усыновления самого Тиберия (после смерти в 4г. н.э. Гая Цезаря) папой Августом, с каковых пор Тиберий Клавдий Нерон официально вошёл-перешёл-адоптировался в gens Iulia.

Между тем, эпиграфическая надпись CIL (3,7107) свидетельствует о Тиберии Клавдии Фрасилле (tria nomina), кого небезосновательно принято отождествлять с нашим звездочётом, и кто, таким образом, был огражданствен Тиберием до его перехода в род Юлиев. Вдобавок к тому, при крайне придирчивом блюстителе чистоты крови римского народа Августе римское гражданство предоставлялось крайне скупо, и вряд ли Тиберий решился бы на инициативу предоставления одного своему египетско-греческо-астрологическому протеже в годы своего опального пребывания на Родосе.

Далее, Фрасилл подвизался при Тиберии в Риме, занимаясь наукой, астрологическими прогнозами для своего патронажного друга (= дружного патрона) и посвящением Тиберия в тайны т.н. «халдейского метода», включавшего предсказательную астрологию, генетлеологию, метеорологию, апотелесматику. Искусство халдеев называлось «пинактикой», т.е. (иррационально-эзотерической) астрологией (вычисления), в противоположность «канонике», т.е. (рационал-эзотерической) астрономии (наблюдения-описания). Известны использовавшиеся римлянами, перво-наперво, при составлении гороскопов, специальные, в связке с днями рождения и т.д., счётные таблицы: numeri Babylonii — «Вавилонский счёт»; Thrasylli — мн.ч. — «счёт» или «числа Фрасилла» = фрасиллы; Chaldaicae rationes — «Халдейские вычисления».

Примечательно, что в «Жизнеописании Августа» у Светония провожающий Тиберия летом 14г. в Иллирик Август, кому предстоит вскоре умереть в Ноле, во время остановки (как раз) на Капри, шуточно смеётся над смущённым Фрасиллом, не сумевшим (невзирая на свою посвящённую многоучёность) разгадать бесхитростную шутку (Авг. 98) (Р.л. 1305). Не на всякого ли мудреца довольно простоты! Притом, судя по информации Диона (57,15,7/8), строго каравший изгнанием или смертью (лже)астрологов (в к-рых декадентно-падкий на астрологию император-

ский Рим официально продолжал видеть вредное суеверие)⁴⁰ Тиберий был сам благодаря Фрасиллу не на шутку сведущ-подкован в астрологии (Д.И. 65/66).

В 26г. Фрасилл вошёл в число немногих избранных составивших свиту Тиберия, отправившегося на Капри. Там уставший от Рима, куда он, повторим, так рвался с Родоса на рубеже эр, стареющий кесарь, теперь из Рима сбежавший, с удовольствием, опять на отвесной скале, максимально воспроизведя, как сказано, Родос четвертьвековой давности, но, на этот раз, в ранге самоссыльного повелителя *земного круга*, навсегда (с короткими выездами-визитами на полуостровной материк) поселился. Что перед нами? Снова, в непростительной для властителя попытке сбежать, прежде всего, от самого себя, — разновидность *autorelegatio in insulam*!

Мы ничего не знаем о роли Фрасилла в деле Сеяна, приложительно к к-рому у античных авторов упоминаний о нём нет. Мог ли он в те ответственнейшие-решающие дни отсутствовать на Капри? Теоретически — да, во что, впрочем, не верится. И тут важно следующее. Помимо сына-астролога, предсказавшего впоследствии кесарство Нерону, Фрасилл имел дочь, вышедшую замуж за некоего Эн(н)ия — предположительно, идентичного Манию Энию — воинскому префекту римского лагеря в Сискии (Дион 55,33,2) в 8г. н.э., в пору (ведшейся Тиберием против повстанцев) Паноннской войны 6 — 9гг., кто позднее вновь фигурирует как решительный префект лагеря — *castrorum praefectus* — в Нижней Германии в 14г. (Ан. 1,38).

Так вот дочь этого лагерного префекта и дочери Фрасилла — Энния Фрасилла (Дион 58,28,4), по всему, тождественна супруге преторианско-префектурного преемника и главного соликвидатора Сеяна Кв.Наэвия Сертория Макрона, к-рый был, по всему, лет на 5-10 моложе (родившегося ок. 20г. до н.э.) Сеяна, и к-рый не позднее начала 37г. подложил свою жену, по Светонию, Эннию Наэвию (Кал. 12), под вдовца (по смерти Юнии Клавдиллы при родах) Калигулу. Или Калигула соблазнил-обольстил её, принудив в 38г. обоих супругов к самоубийству (не обошла насильственная смертная участь и их детей), до чего Фрасилл не дожил, умерев ещё в 36г., на несколько месяцев раньше (дожившего до весны 37г.) Тиберия.

Засим, если акцептировать супружество между Макроном и Энией как внучкой Фрасилла, то последний должен был иметь к делу падения Сеяна и возвышения Макрона самое заинтересованное-непосредственное отношение, что, из-за скудости информации, разумеется, подвопросно. Хотя, честно говоря, непонятно, почему всезнайка-астролог не предупредил Тиберия, к примеру, об опасности, угрожавшей его отравленному в 23г. Сеяном и Ливиллой сыну Друзу? или — почему не увидел эту или др. коллизии-опасности в звёздах? И потом античное предание говорит о спасении отведшим-де от различных людей кесарский гнев Фрасиллом многих невинных жизней, ничего не говоря о том, сколько людей, б.м., были не без его совета погублены, если уж казnelюбивый Тиберий столь часто всеведущего звездочёта запрашивал, или с ним советовался.

Согласно же Светонию (Тиб. 62), Фрасилл, о кончине к-рого Дион (58,27,1) сообщает в связи с появлением в Египте (якобы в 36г.) птицы Феникс (к-рое Тацит

⁴⁰ В ранней и классической Греции астрология, как и в раннем Риме, не была, считаясь ориентальным суеверием, в почёте. Её победное распространившееся в пору Римской империи на всю Ойкумену шествие началось в эпоху пост-александровского эллинизма, при диадохах, и связано оно с вавилонским (халдейским) жрецом Бероссом (Шв. до н.э.), с основанной им в 280г. астрологической школой на о. Кос. И тем не менее, во Пв. до н.э (учившийся диалектике в Афинах у стоика Диогена Вавилонского) академик-скептик Карнеад (214–129гг.) резко высмеивал астрологические таблицы-небылицы, указывая, например, на различные судьбы близнецов и на одинаковую судьбу потерпевших кораблекрушение. (Увы, о могущей иметь место быть насущной кармической связке-общности «потерпевших кораблекрушение» *западный академик* Карнеад не знал или знать не хотел.)

верно относит на 34г.), заявил Тиберию, что по звёздам он, т.е. Тиберий, переживёт его (аж на 10 лет), чем обеспечил собственную безопасность, внушив одновременно отсрочившему многие казни Тиберию (мол, времени ещё достаточно и торопиться некуда) надежду на долгую жизнь.

Да, в хитрованстве Фрасиллу не откажешь, и, думается, что он кормил этой байкой Тиберия, чтобы гарантировать свою безопасность, издавна: дескать, пока и чем дольше я жив, у тебя в запасе ещё уйма времени, Тиберушка, так что береги меня, друже, как можно бережнее и как можно дольше! И Тиберий берёт-оберегал его возле себя, особенно перевалив за 70/72-летний рубеж, как зеницу ока. Вот вам образец-эталон дружбы между венценомцем (тираном) и учёным философом (звездочётом-халдеем)!

Но, с др. стороны, признаем за Фрасиллом вполне возможное (чем бы оно первично ни мотивировалось) спасение им, посредством означенного предсказания долгих лет Тиберию, многих жизней, поскольку последний, доверившись заведомо неверному астрологическому прогнозу, всё-таки, выходит, не ожидал наступившего-постигшего его в марте 37г. н.э. смертного конца.

* * *

«Комментарии (Схолии/Шолии) к Ювеналу» (6,576) сообщают о Фрасилловой высокообразованности и многоучёности.⁴¹ Именно он тетралогически сгруппировал работы Платона, что по сей день берётся за основу при их изданиях (Диоген Лаэртский 3,56; 9,37). Ему приписывается авторство «Вступления» к также тетралогически сгруппированным работам Демокрита. Неоплатоник Порфирий упоминает Фрасиллу в «Жизнеописании Плотина» (20) среди тех авторов, к-рые писали об учениях Пифагора и Платона.

Фрасилл – составитель трактата «Пинакс» (букв. – карта-дощечка для заполнения у астрологов и гадателей), посвящённого основам астрологии, с опорой на звёздную мудрость Гермеса Трисмегиста («Компендиум Гермеса») и загадочного греко-египетского астролога (двух астрологов?) середины Пв. до н.э., известного под псевдонимом Нечепсо-Петосирус (или Нечепсо и Петосирус) (Р.л. 839), в основах составленных ямбическими сенарами писаний к-рого – вавилонская предзнаменовательная астрология, египетские знания о звёздах и эллинистическая философия.

Плюс к тому, он (Нечепсо), сочетатель вавилонско-эллинистическо-египетских астрологических знаний, греческой философии и иудейской пророческо-терапевтической мудрости, считается создателем мирового гороскопа, исследователем сокровеннейших звёздных тайн 12-и аспектов невидимого на протяжении 12-и дневных часов ночного солнца, и основоположником медицинской астрологии (Р.л. 839).

Не приходится сомневаться, что сродственный Нечепсо-Петосирусу универсализм был присущ и Фрасиллу, к-рый занимался, среди прочего, астровзаимо-

⁴¹ Тем более, что сам Ювенал едко высмеивал свойственную его времени (I/Пвв.) повальную светскую моду на астрологию и её дешёвую популярность: спрашивание астропредсказаний перед прогулкой, лечением, пиршеством, утехами и т.д. Ср. похожую ситуацию в (несколько опережавшем сатурнальный Рим) ханьском (сатурнальном) Китае на рубеже эр (Д.И.695/96; 715). А уже в IVв. Авзоний Бордосский (310–95гг.) – грамматик и ритор, с 365г. – наставник будущего императора Грациана, в 379г. – консул, рекомендовал стричь ногти в среду – день Меркурия, бороду – в четверг – день Юпитера, волосы – в пятницу – день Венеры.

связями между 7-ю (архангельскими) планетами и 12-ю знаками (домами) Зодиака, связками-увязками между астрологией и драгоценными камнями и т.д. Плиний Ст. числит его в перечне авторов-источников к своим 2-й, 9-й и 31-й книгам «Естественной истории».

Фрасилловские труды использовали (автор «Альмагеста» и 4-книжного астротруда «Tetrabiblos») Клавдий Птолемей (+ 178г.)⁴², Ветгий Валент (активное время деятельности к-рого, автора «Антологии», выпадает, судя по составленным им гороскопам, на 150 – 85гг.)⁴³, (составитель наставительных астрогекзаметров в 5-и книгах) Дорофей Сидонский (I/IIвв.)⁴⁴, (автор астротрудов «Введение» и «Сокровищница») Антиох Афинский (ок. 200г.), (автор астротрактата в 55-и книгах) неоплатоник Порфирий (232/33 – ок. 305гг.), Фирмик Матерн («Антология» – ок. 335г.), (автор составленного в 381г. 3-книжного астротрактата) Гефестион Фиванский и др.

Преимствовавшего отцу как практикующий астролог сына Фрасилла звали Тибериус Клавдий Балбилл. Но после кончины родителя он дальновидно не остался при угасающем Тиберии, а возвратился в отчий Египет, где, в Александрии, оставался всё время короткого правления Калигулы. И правильно делал, если учесть памятьливость злопамятного Гая, мать и братья к-рого были репрессированы и погибли, когда Фрасилл был в силе, и если учесть, что жена Макрона Эн(н)ия была племянницей Балбилла.

Дальше, в 41г., Балбилл отправился в составе александрийского посольства к кесарю Клавдию в Рим, где сделался, оставшись там, его другом и астрологом; участвовал в британском походе 43г. и в римско-клавдианском триумфе (44г.). Предрёк, согласно анонсу-обещанию Тацита (Ан. 6,22) «сообщить об этом в своём месте», к-рого в дошедших до нас «Анналах» нет (правда, анналы за 37 – 47гг. утеряны), кесарство Нерону, что произошло, неизвестно когда именно, при Клавдии. Причём, поведав о санкционированном Нероном убийстве в 59г. своей матери Агриппины, Тацит говорит, что некогда «она обратилась к халдеям с вопросом о грядущей судьбе Нерона, и, когда те ей ответили, что он будет властвовать и умертвит свою мать, она сказала: «Пусть умерщвляет, лишь бы властвовал» (Ан. 14,9). М.б., здесь под «халдеями» (первоначально этноним, ставший в дальнейшем обозначением астрологов) речь о сыне Фрасилла Балбилле?

В последующие годы, при раннем Нероне, Балбилл наместничал в Египте (55 – 59гг.), затем, при Нероне (+ 68г.) позднем, в 60-е гг., в Смутное время (68/69гг.) и

⁴² Согласно упорядочившему открытие Гиппарха и выдвинувшему в «Альмагесте» («Большое сопоставление») собственное учение (к-рое сохраняло силу вплоть до Коперника и принятия коперниканской гелиоцентрической системы-модели) геоцентристу Птолемею, Земля, вокруг к-рой движутся на различных расстояниях Солнце, Луна, планеты и остальные звёзды, имеет шарообразную форму и стоит неподвижно в центре шарообразной Вселенной. Но учение Птолемея, если правильно видеть его эзотерическую подоснову, не противоречит учению Коперника и Кеплера, ибо эзотерически Земля с Человеком на ней, вернее, созданный по образу и подобию Бога Человек на Земле, как и сама Земля, духовно, во Духе, спиритуально находятся именно в центре Вселенной, эпицентром к-рой стал инкарнированный в Иисусе из Назарета Христос-Солнце (Дух Солнца в Человеке), между тем как физическая Земля (сродни остальным планетам) вращалась и вращается вокруг физического Солнца! Не вышли ли Солнце (Дух) и Луна (Душа) некогда из Земли (Тело)! Не соединился ли Христос Небесный с Землёй, к-рая однажды превратится-преобразится в Солнце!

⁴³ В IIIв. н.э. «Антология» Ветгия Валента была переведена в Иране на пехлеви, а в Ср. века – на арабский, с к-рого её позднее частично перевели на латынь и включили в «Книгу Гермеса».

⁴⁴ Средневековые арабы значительно расширили попавший к ним в древнем пехлевийском переводе текст Дорофея и активно его использовали.

при Веспасиане (69 – 79гг.), ему довелось жить в Эфесе (где с 67г. обретался Иоанн Богослов), заниматься исследованиями на тему определения продолжительности жизни человека по его гороскопу и написать посвящённый некоему ближе неизвестному Гермогену трактат «Астрологумена».

Не пришли ли узревшие Вифлеемскую звезду маги-звездочёты-цари-волхвы-халдеи, выйдя в путь в ночь с 24 на 25.12.1г. до н.э. из Вавилонии-Халдеи, 6.01.1г. н.э. (через Иерусалим) в Вифлеем Иудейский, чтобы поклониться годовалому Царю Царей, К-рый родился 6.01.1г. до н.э., и положить к Его стопам дары волхвов – золото, ладан и смирну! Спрашивается, что тогда, на рубеже эр, увидели-углядели (могли, или, точнее, не могли не увидеть) в звёздах находившиеся на Родосе Тиберий и Фрасилл? Они не могли не увидеть ничего, но то, что они увидели, только растревожило их, ибо даже если Фрасилл увидел, что где-то появился на свет некто необычный, то он не понял и не мог понять, о ком речь!

Ведь коли (обнародованное-оглашённое лишь вследствие прихода в Иерусалим последних посвящённых в астротайну-таинство Заратустры *халдеев*) Рождество Христово просмотрели у себя под носом богоизбранники-иудеи, то, что говорить о Фрасилле, Тиберии и всех прочих (за исключением очень немногих особо посвящённых в разных частях света) обитателях Ойкумены!⁴⁵

Аналогично Фрасилл и (под его астрологическим руководством) Тиберий не могли не увидеть в звёздах необычайное отображение чего-то из ряда вон выходящего в Палестине или на Ближнем Востоке в 33г. н.э., одновременно, ведать не ведая ни о Мистерии Голгофы, ни о Её вселенских масштабах, ни о том, что они – современники (уравновесившего Времени-Пространства *до* и *после*) Центрального События вселенской-всемирной (мета)истории. И всё же, что-то, прочитанное в звёздах, излившееся из астросфер, отзеркаленное небом, их, Тиберия и Фрасилла, весной 33г. вновь, в куда большей мере, чем на Родосе рубежа эр, крайне встревожило-растревожило.

Но ни дуалистическое Рождество 1/1гг., ни слиятельно-пасхальная жертва Я – Мистерия Одухотворения – 14г. н.э., ни крещенская инкарнация в Человеке Духа Солнца 6.01.30г. н.э., ни беспрецедентные на все времена 3 года и 3 месяца жизни на Земле Бога Живого в 30 – 33гг., ни апрельско-майские Таинства искупительной Крестной Смерти Христа Иисуса, Его Воскресения, Вознесения и Пятидесятницы-Троицы 33г. н.э., не могли быть ни сколько-нибудь адекватно восприняты, ни, тем паче, как-либо поняты или приняты всеми наиучённейшими языческими умами тогдашнего мира!

И Фрасилл с Тиберием, междусобойно дружные звездочёт и властитель, старо-халдей и тиран, тут не были исключением. Оказалось, что главный мирской двойник-антипод Христа Господня кесарь Тиберий, несмотря на наличие при нём всезнайки-астролога, истинного Спасителя человечества и не заметил, точнее, не заметили, не разглядели Его они оба (два старпера)! Увы или не увy, не всегда и не любого Слона можно, будь ты даже десяти пядей во лбу, заметить! Парадоксально-закономерный нонсенс!

⁴⁵ Примечательно, что Рим не имел ни одного выдающегося астронома, в связи с чем Цезарь, при создании-учреждении юлианского календаря (для введения в Ив. до н.э. почти *Точного времени*, до принесённого Христом на Землю в Ив. н.э. *Чистого Времени*) привёз с собой на берега Тибра из Александрии греко-египтянина Созигена (к-рым он разжился у Клеопатры).

ЭПИКУРЕЙЦЫ И СТОИКИ

Анонсированному сообщению о предсказании сыном Фрасилла Нерону верховной власти (завзятый пессимист) Тацит предпосылает (Ан. 6,22) свои, с опорным привлечением взглядов двух ведущих философско-языческих школ его времени — эпикурейцев и стоиков, невесёлые размышления-рассуждения, к-рые наглядно показывают декаданс языческих мировоззрений греко-римского мира и отсутствие в них (у них) того (иссякшего) духовного стержня-источника, на к-рый можно было бы твёрдо опереться и из к-рого можно было бы черпать.

Основанная в 310г. до н.э. в Митилене (Лесбос) Эпикуром (341 — 270гг.) философская школа была в 306г. перенесена в Афины и образно называлась «Сад Эпикура», в к-ром, к слову, в конце XVIIIв. н.э. хотел, по его собственному выражению, беззаботно, наплевав на всякую мораль, «икать» неподражаемый маркиз де Сад⁴⁶ — одно из незабвенных, наряду с действовавшей с 1792 по 1981гг. гильотиной (последняя казнь на гильотине во Франции — 1977г.), явлений-олицетворений «Великой революции»!

Эпикурейское учение включало 3 ключевых составляющих: каноника; физика; этика. Каноника — критерии определения истинного и ложного, указания, — к чему нужно стремиться и чего следует избегать. Физика эпикурейцев примыкала к положениям Демокрита и была направлена на организацию практической деятельности, к-рой надлежало освободить людей от суеверий религии и страха смерти. Цель человеческой жизни — удовольствие, но это отнюдь не только, вопреки последующей вульгаризации со стороны языческих и христианских противников эпикурейцев, чувственные наслаждения, а избавление от физической боли, страданий, страха смерти и различных политико-гражданско-общественных оков.

Покой, равновесие, «штиль духа». Жизнь в уютом месте, в тесном кругу друзей, неучастие в гос. жизни. В общем, не презирая ближнего, радуйтесь жизни и нюхайте розы, не становясь в делающие людей глубоко несчастными всякие гражданские позы. Этике эпикурейства присущ индивидуалистическо-созерцательный характер. Добродетельность и мудрость как духовное наслаждение. И неправда, что богов, согласно Эпикуру, будто бы нет, они очень даже есть, но им нет до нас, смертных, никакого дела, они суть блаженные существа, обитающие в «междумириях» и ни во что (людское-человеческое) не вмешивающиеся.

Эпикурово учение о дружбе стало важнейшей установкой для его последователей. На «союз друзей» возлагалась функция замены распадающегося полиса, тогда как материалистическая этика индивидуализма, в сочетании с дружеским союзом на добровольно-равноправной основе, требовала нейтрального отношения к обществу. Идеал — благодетельство и отвергающий уныние весёлый образ жизни.⁴⁷

⁴⁶ После т.н. взятия Бастилии, где на момент её падения находились лишь де Сад и пара уголовников-фальшивомонетчиков, «божественный маркиз» вышел, вынесенный из тюремной камеры ликующей толпой на свободу (когда и пока не оказавшим, во избежание братоубийства, сопротивление коменданту крепости, престарелому маркизу до Лоне, и его солдатам, с к-рыми тотчас беспощадно расправились, неумело отрезали-отсекали кухонными ножами головы, чтобы триумфально вздеть их на пики), как безвинная жертва гнусной тирании, активно участвовал в дальнейших событиях, слыл либералом, писал (как и забываемый Казанова) непреклонному Робеспьеру, призывая его смягчить беспощадный террор, письма, возглавлял одну из революционных секций Парижа.

⁴⁷ Выпьем там и выпьем тут,
На том свете не дадут.
Ну, а если там дадут?
В чём же дело, генацвале,
Выпьем там и выпьем тут! (А.Цагарели 1857–1902гг. «Ханума»)

Интересно, что последним созданную Эпикуром школу в Афинах возглавлял последний, сообразно дошедшему до нас списку-перечню схолярхов, в первой половине IV в. до н.э. Патрон («схолярх Сада»), преподававший там по 51 г. до н.э., т.е. как раз до года кончины преподававшего в средне-стоической школе на Родосе Посидония Апамейского (см. выше и ниже). Притом Патроном было написано пренебрежительно относившемуся к эпикурейцам приверженцу стоических взглядов Цицерону письмо с просьбой посодействовать сохранению афинских руин когдатощного дома Эпикура, чему Цицерон посодействовал.

Среди римлян эпикурейские взгляды, проникшие на Тибр во II в. до н.э., стали популярными в ходе гражданских противоборств IV в. до н.э. В эпикурейцах ходили Лукреций Кар (99 – 55 г.) и Гораций, учитель Вергилия – Сирон. Причем, если часть римлян, к-рых отталкивали повторяющиеся междусобойные кровопускания, привлекала аполитичность эпикурейства, то другие видели в нём духовную легитимацию сопротивления тирании Цезаря или беспределу Антония. При умудрившемся стать принцепсом, не будучи (вызывающим) тираном, многоседалищном инаугураторе (тавтологической) республиканской монархии (в дуалистической оправе) Августе (правитель меры – *consensus universorum* – во всём), с его курсом государственно-идеологического обновления, эпикурейцы в августейшем Риме, ненужные ему, мирно, никем не преследуемые, пошли на убыль. То-то эпикуреец в молодости, ученик Сирона Вергилий, в зрелости постепенно проникся (приемлемым для августинства и полезным оному) стоическим мировоззрением.

После же Августа не столько эпикурейские воззрения, сколько (псевдо)эпикурейский образ жизни принял, при Юлиях-Клавдиях, гротескные формы. Не были ли многие безобразия Тиберия, Клавдия, Калигулы, Нерона, равно безобразия знатных и незнатных римлян (хлеба и зрелищ), при Тиберии, Клавдии, Калигуле, Нероне, в т.ч., своего рода квазиэпикурейством, своего рода зловещей карикатурой на исконное учение Эпикура!?

Новый всплеск римское эпикурейство пережило в I/II вв. н.э., в качестве ответной реакции на острую потребность части общества в религиозном откровении и на небывалое распространение мистики. Наконец, если в III в. эпикурейскую философию отгеснили неоплатонизм и христианство, то в IV/V вв. о её отмирании красноречиво свидетельствуют, пусть с совершенно противоположных позиций, Юлиан Отступник и Августин Блаженный. Последним видным представителем эклектического эпикурейства можно назвать эпиграмматика Паллада (ок. 400 г.).

Таким образом, двухэтапный расцвет эпикурейского мировоззрения в Риме пришёлся на II/I и I/II вв., с характерной лакуной-кризисом-провалом в I/II вв., когда, с одной стороны, вершилась-творилась Мистерия Голгофы, в то время как, с другой, властвовал августовско-тиберийский Принципат.

Впрочем, пример необязательного противостояния стоицизму эпикурейству даёт в начале второй половины IV в. н.э. (облекавший квестуру ок. 33 г.) Сенека⁴⁸, указывая как на стоические, так и на эпикурейские черты-взгляды своего учителя Аттала, стоическая философия к-рого ассимилировала множество эпикурейских сентенций и мотивов.

⁴⁸ Сенека (годы жизни к-рого, как выясняется при внимательном исследовании, не 4 г. до н.э. – 65 г. н.э., но 1/1 – 65 г.! о чём мы подробно побеседуем ниже) – это – Цицерон IV в. н.э.! Как Цицерон (римский Демосфен!) был философским сопровождением-аккомпанементом издыхающей трупной Республики (её лицом и жопой), так и Сенеке довелось философски сопровождать на пути во гроб принципат Юлиев-Клавдиев в лице его последнего представителя – сенекианского вращенца-воспитанника Нерона. И не случайно, если убийцы Цезаря, нанеся свои кинжальные удары, вопили «Цицерон! Цицерон!», сделавшись убийцами с его, не участвовавшего в заговоре главного духовного вдохновителя этого подлого убийства, именем

Стоя (букв. «пёстрый портик» — зал в Афинах, где собирались её приверженцы) — самая младшая из 4-х афинских философских школ, была основана ок. 300г. до н.э. уроженцем Кипра Зеноном Киттийским (334 — 262гг.).⁴⁹ Сродни учению Эпикура, стоическая философия явилась своеобразным греческим-эллиническим ответом-реакцией на греко-македонские завоевания Александра, на его (апологета сверхнации персо-эллинов) втянувшую огромное гос-во Ахеменидов мировую Империю и на образование эллинистических государств диадохов, когда державные центры нового тотально изменившегося мира переместились, оставив Грецию позади или в офсайте, в ориентальные широты — на Восток.

Не забудем, что тогда завершалась обусловленная многоуровневым взаимопроникновением последняя дохристианская эпоха солярно-ойкуменического Михаила-Архангела (602 — 248гг.), к-рой преемствовала державнейшая эпоха Орифиила-Сатурна (248г. до н.э. — 108г. н.э.), в к-рую — в пределах объединившей ведущую часть полумира Римской мировой державы — предстояло совершиться вселенскому Таинству Голгофы.

Всего-итого ок. 500-летнюю историю стои принято подразделять на древнюю — эпохи эллинизма, среднюю — эпохи Римской республики, и позднюю — эпохи Римской империи. Зенон Киттийский проповедовал идею (утопию) всемирного гос-ва, где все равны — свободные и рабы, греки и варвары, богатые и бедные, мужчины и женщины.⁵⁰ Учение Зенона продолжили-развили Клеанф и Хрисипп из Сол (Киликия). Согласно стоикам, всё живое развивается в соответствии с законами природы. Добродетель не бывает врождённой, но приобретает воспитанием. Набор добродетелей заимствуется стоиками у Аристотеля, при изменённых формулировках и с присовокуплением любви к труду. Идеал — невозмутимость, стоическое спокойствие. Натурфилософия сформировалась под влиянием аристотелизма, в связке с учением Гераклита.

Мир возник из творческого первоогня и погибнет в великом пожаре. Этот процесс возникновения и гибели повторяется в вечной цикличности. Бог проникает-

на устах, то Сенека, взрастив тронное чудовище, потом оправдывал перед сенатом (даром что под Нероновым нажимом на «любимого учителя») совершённое Нероном матерубийство.

Симптоматичен и конец обоих: убийство подставившего горло настигшим его убийцам Цицерона (43г. до н.э.), включённого в проскрипционные списки, по инициативе ненавидевшего его Антония; или самоубийство сумевшего достойно умереть Сенеки (кому было инкриминировано соучастие в заговоре Пизона), по предписанию Нерона (65г. н.э.). И всё-таки, именно Сенека ближе всех из стоиков (сродственно Филону в иудаизме) приблизился-подошёл к христианству, из-за чего в христианской среде даже появилась апокрифическая «переписка» Павла и Сенеки (см. ниже).

⁴⁹ (Сократ — воля; Платон — чувство; Аристотель — мысль) Платон — Академия; Аристотель — Ликей; Эпикур — Сад; Зенон — Стоя. (Леонардо — мысль/мышление; Рафаэль — чувство/чувствование; Микеланджело — воля/воление.)

⁵⁰ Хотя любивший пожить в своё удовольствие К.Маркс (2/3 писем к-рого к Энгельсу содержат просьбы о деньгах), вслед за не ведавшим о садизме практического марксизма-большевизма маркизом де Садом, куда больше симпатий испытывал к Эпикуру. Кстати, сидя одно время в Бастилии со знаменитым Мирабо, де Сад хотел (забавы ради) отрезать ему уши. А вот Черчилль (кому историки вменяют контрфактологию) считал, что не умри великий Мирабо раньше срока — 1791г., якобинские экстремисты (к-рые ненавистны Черчиллю, «величайшему — по Ленину — ненавистнику Советской России», как и большевики) никогда бы не пришли к власти.

Рабы порождают тиранов
Быстрее, чем тираны рабов. (Мирабо)

проницает всю природу. Пантеистические представления смыкаются с идеей управляющего миром и предопределяющего все события бога-творца. Вера в провидение в центре стоицизма, применительно к человеку, ведёт к фатализму, становясь в физике предпосылкой механистического материализма. Все процессы предопределяются причинно, случайности невозможны.

Больше всего для развития и усовершенствования Старшей стои было сделано Хрисиппом (281/78 – 208/05гг.). Он выдвинул максимум нравственного героизма и разделил философию на 3 части: 1) диалектика (логика и риторика); 2) физика (психология и теология); 3) этика (мораль и политика). Божество – живой творческий огонь, эфир, к-рый пронизывает мировой разум, действующий в природе. Мир произошёл из огня и погибнет в огне. Человеческая душа тоже есть огонь или огненный эфир: она – частица божества, однако, преходящая, невечная, состоящая из 8-и сил. Бог – высшая законодательная инстанция. В центре теологии стоиков – логос, к-рый неразрывно связан с материей, находится в смешении с ней, целиком пронизывает, формирует и образует её, созидая космос.

Первый представитель Средней стои – Панеций Родосский (ок. 180 – ок. 110гг.), кто подчёркивал практический характер философии, опираясь на идеи Платона и Аристотеля, устранил из стоицизма элементы ориентальной мистики и аскетизм, ввёл понятие «гуманизм». Учил, являясь другом Сципиона Африканского Младшего и Лелия, в Риме, активно прививая греческую культуру и образование римлянам, к-рых ещё до него познакомил со стоической философией прибывший в Рим в 155г. до н.э. как посол от Афинской республики (вместе с перипатетиком Критолаем и академиком Карнеадом) ученик Хрисиппа – преклоннолетний Диоген Вавилонский.

В дальнейшем стою, в частности, перед римлянами, достойно представляли знаковый нам Посидоний Апамейский, Атенодор Киликийский, Антипатр Тирский. Первый стремился развить стоическую этику, доказывал, что всё происходящее предопределено и может быть предсказано, импульсировал стоическую астрологию.

Причём римлян философская стоя занимала любительски, ибо собственно абстрактная философия была для них, отдававших дань греческой культуре законников, своего рода греко-барской дурью-блажью, наподобие ночного жевания рябины доктором Живаго в глазах репрезентанта из народа (человека с ружьём) в романе Б.Пастернака «Доктор Живаго»: «Ишь ты, дурь барская, рябины ему, на ночь глядя, пожевать захотелось». Поэтому хваткие римляне старались извлечь из стои (как и из всего прочего), перво-наперво, пользу для непреложной-неотъемлемой-первоочередной юриспруденции и практической жизни, плюс к тому, изучали, наряду со стоей, как, например, ученик Посидония Цицерон, и др. учения.

Тем не менее, главные представители Поздней стои времён Империи, несмотря на наличие в ней также греков – Эпиктет, Арриан, Секст из Херонеи, в первую голову, именно римляне – Сенека, Лукан, Корнут, Персий, Фрасея Пет, М.Аврелий. И если нестигаемого стоика Катона Утического, к-рый покончил с собой, протестуя против тирании Цезаря, приверженцы называли римским Сократом, то для стоика Сенеки важнейшей была воспитательно-созидательная функция, а Плиний Ст. считал себя энциклопедистом Посидониева направления. К тому же, Сенека, Эпиктет и (поощрявший эпикурейцев в Афинах) последний римский стоик (перед судорожными потрясениями языческого мира в IIIв. н.э.) М.Аврелий стремились дать людям утешение посредством житейской мудрости.

И опять, сходно эпикурейству, речь, обратите внимание, идёт о двух стоических всплесках в Риме – во II/IIIвв. до н.э. и в I/IIвв. н.э., с примечательной кризисной лакуной в интервале I/IIIвв., в пору августовско-тиберийского Принципата (невзирая на то, что стоя, в отличие от эпикурейства, не претила августейшему идеологическому обновлению) и в пору вершившейся как в том же, так и в параллельном

измерении осевой Мистерии Голгофы (симметрично-параллельно другому дуалистическо-двойниковому Событию Распятия в далёкой Месоамерике).

Не налицо ли разорванность (связи) времён, деяний и мировоззрений, в к-рой и в к-рых вопиюще недостаёт превышающей масштабами-димиенсионами всё и вся Сиятельной Фигуры и Величайшего Деяния Иисуса Христа! Не Христос ли, сообразно слову поэта, слишком многим руки для объятий раскинул по концам креста!⁵¹ И не Христа ли человечество, включая стойков и эпикурейцев, властителей и подданных, полисы и страны, вызывающе проглядело-просмотрело!

При всём том, не знаменательно ли, что пессимист Тацит философски размышляет, приложительно к Тиберию и звездочёту Фрасиллу, об определении дел человеческих то ли роком и непреклонной необходимостью, то ли случайностью, соответственно учениям стойков и эпикурейцев, именно приложительно к 33г. н.э! Т.е. – во Время Времён, когда ответы на вековечные вопросы исчерпывающе даны, продолжая одновременно оставаться от подавляющего большинства людей-человеков, при их удержанных глазах и глухих ушах, сокрытыми, пребывая вне поля их зрения и слуха.

Вот почему, в т.ч., непрозревшее человечество снова обратилось в I/Пвв. к стое и Эпикуру, как к варианту зомби, вот в чём один из секретов этого рецидива, при пустых, при исчерпанных стародуховных ёмкостях, при чёрных дырах без белых пятен, накануне глобального кризиса. Событие Голгофы рассеяло тёмные облака и озарило Землю солнечным светом, подобно копьё Индры или мечу Михаила, пронизавшим-рассеявшим некогда гибельные атлантические туманы над Землёй! Но, увы не ведающие, что творят люди, не узнали, отвергли и распяли своего Избавителя!

Да и не были ли антипод Христа Тиберий с декадентным магом Фрасиллом деградантными карикатурами на, уж не говоря о Христе, о царях-волхвах, об

⁵¹ Не автор ли «Антихристианина» Ф.Ницше говорит: «Чем шире ты раскрываешь объятия, тем легче тебя распять!» Или: «Ненавижу людей, к-рые не умеют прощать!» Так не скрывался ли в этом гениально-аномальном, в этом трагичнейшем «Антихристианине» глубоченный христианин, к-рый очень ярко проявился в предыдущем и ещё много ярче проявится в грядущем воплощении! Сравните ницшеанскую антибуржуазность с самодовольной буржуазностью отрицателя буржуазии (мизантропа) Маркса, к-рая так и прёт из всего его (фотографически очень ярко запечатлённого) существа!

Сформулировав своё «проклятие христианству», больной и бесприютный Ницше (heimatlose Seele) не одолел и не мог одолеть Христа (как Юлиан Отступник), но он сам себя, и в этом его трагический уникум, мученически распял! Как антагонист Второго рейха, названного им катастрофой германского духа, Ницше острейшим образом предчувствовал поражение спаянного «железом и кровью» националистического германства, равно эстафету пагубного для Германии и всей Европы рейха Третьего. Вот почему, в частности, ему претил всякий филистерский национализм, мало того, его даже иногда душила собственная национальная сопринадлежность! Вот почему он (внутренне протестуя против надвигающейся национал-шовинистической катастрофы германства) вызывающе-насмешливо манифестировал свои якобы польские корни (от выдаваемых им за своих прашуров неких графов Ницких), причём делал это в пору, когда (притязавшая быть совестью Европы) Польша олицетворяла собой неистовую борьбу за свободу против (распявших-расчленивших её в XVIII/XIXвв.) российской, прусской и австрийской деспотий.

Двух выдающихся антиподов – обезумевшего в 1889г. Ницше и родившегося в 1889г. Гитлера, проживших оба по 56 лет, – могла спасти, в архангельскую эпоху Михаила-Солнце, с 1879г., и по истечении в 1899г. 5-тысячелетней Кали-юги, Антропософия, приди они к ней, один – в зрелости, другой – в молодости, чего не произошло и не могло произойти. Если антропософия Р.Штайнера не могла появиться на свет до кончины Ницше (1900г.), то Гитлера не могла не призвать (пред)определившая его дальнейшую судьбу, как и трагедию Германии, трагедию России, трагедию Европы, I-я Мировая война!

Апостолах, истинных стойков и истинных эпикурейцев! Не пытался ли извращенец Тиберий, так сказать, наслаждаясь жизнью на Капри, совмещать получение удовольствий с предзнаменовательно-предопределяющей астрологией, выказывая на поверку зловещий противобраз как эпикурейского, так и стоического образа жизни, утопая в скверне, и желая дожить в ней до конца! Расщепление сознания и расщепление души!

Звёзды, поведав им обоим, Фрасиллу и Тиберию, о многом, смолчали-умолчали о главном, поскольку оно не было доступно их восприятию-пониманию-осознанию. Равнодушные к богам и их почитанию, они, приверженные астрологии, твёрдо веря, что всё решает судьба, что все предопределено и записано в звёздах, сродственно тогдашнему человечеству в целом, ещё не знали ни о том, что Христос Спаситель суть Бог искупленного Им бессмертного человеческого Я, ни о свободе воли во Христе (благодаря к-рой человек способен изменить свою предопределённую судьбу или ход истории), ни о принесённом Христом на Землю Чистом Времени... А ведь именно ОНО в 33г. н.э., установив-маркировав, как незабываемая точка опоры, абсолютную середину мировой и космической летописи, кардинально изменило спасённого Человека (будь то эллин, иудей, римлянин, варвар, свободный, раб) и проведённую Мистерией Голгофы через духовный катарсис Вселенную!

КОНЕЦ АЗИНИЯ ГАЛЛА, ДРУЗА И АГРИППИНЫ

«При тех же консулах разносится весть о кончине Азиния Галла; что он умер от голода, не подлежит сомнению, но по доброй ли воле или по принуждению — считалось неустановленным. И когда к Цезарю обратились с вопросом, разрешит ли он его похороны, тот, не устыдившись, дал на них разрешение, посетовав при этом на обстоятельства, отнявшие у него подсудимого, прежде чем тот был изобличён в его присутствии; как будто за три года не нашлось у него времени, чтобы учинить суд над стариком, бывшим консулом и отцом стольких консулов! Затем умерщвляется Друз, к-рый поддерживал себя жалкою пищей, поедая набивку своего тюфяка, и угас лишь на девятый день. Некоторые передают, что Макрону якобы было поручено в случае, если бы Сеян взялся за оружие, освободить юношу из-под стражи (он содержался в Палатинском дворце) и поставить его во главе народа. Позднее, так как ходили упорные слухи, что Цезарь собирается примириться с невесткой и внуком, он предпочёл жестокость раскаянию.

Больше того, он всячески поносил умершего, обвиняя его в грязных пороках, в том, что он намеревался погубить своих близких, что ненавидел отечество, и приказал прочесть ежедневные записи всех его поступков и слов; это показалось особенно ужасным: было бы трудно поверить, что в течение стольких лет к Друзу были приставлены соглядатаи, ловившие его взгляды, стоны, даже невнятное бормотанье, и что его дед мог всё это выслушивать, читать, предать гласности, если бы в донесениях центуриона Аттия и вольноотпущенника Дидима не назывались по именам рабы, какой из них ударил пытавшегося выйти из помещения Друза, какой поверг его в страх. Центурион приводил, как некое свидетельство своей доблести, и жестокие речи, с к-рыми он сам к нему обращался, и слова умирающего, вначале как бы в исступлении расточавшего угрозы Тиберию, а затем, после утраты всякой надежды на сохранение жизни, призывавшего на его голову обдуманно и холодные проклятия, чтобы, после того, как он умертвил невестку, племянника, внуков и заполнил свой дворец трупами, он сам понёс наказание, сняв позор с родового имени предков и послужив очистительной жертвой для потомков. Сенаторы зашумели, делая вид, что охвачены негодованием, тогда как в действительности были

потрясены страхом и изумлением, что некогда столь осторожный и так тщательно скрывавший свои преступления принцепс дошёл до такой откровенности, что, как бы раздвинув стены, показал внука под плетью центуриона, осыпаемого пинками рабов и тщетно молящего хоть о какой-нибудь пище для поддержания жизни.

Ещё не заглохла скорбь, порождённая расправой с Друзом, как стало известно, что умерла Агриппина. Жизнь её после казни Сеяна продлила, думаю, поддерживавшая её надежда, но в жестокой её судьбе не произошло никаких изменений к лучшему, и она сама себя уморила голодом, если только добровольность её кончины не была вымыслом и её насильственно не лишили пищи. В самом деле, распалённый злобой Тиберий возвёл на неё гнусное обвинение в распутстве, в том, что она сожительствовала с Азинием Галлом и после его смерти впала в отвращение к жизни. Но Агриппина, никогда не мирившаяся со скромным уделом, жадно рвавшаяся к власти и поглощённая мужскими заботами, была свободна от женских слабостей. Цезарь добавил, что она умерла в тот же день, в к-рый за два года перед тем Сеяна постигло возмездие, и что это заслуживает особого внимания; он также поставил себе в заслугу, что её не удавили петлёй и не бросили на Гемонии. За это сенат воздал ему благодарность, и было внесено постановление ежегодно в пятнадцатый день перед октябрьскими календами, ибо именно в этот день и Сеяна, и Агриппину постигла смерть, посвящать дар Юпитеру» (Ан. 6,23-25)

Дион сообщает о смерти Галла суммарной скороговоркой в самом конце 33г., но мы примем более фундированную хронопоследовательность-анналистику Тацита, к-рый, помимо того, стоит более чем на столетие ближе к описываемым событиям.

Причём тацитовские слова «при тех же консулах» относятся к эпонимам и эпонимии 33г. = 786г. а.У., не означая, что Галл умер до передачи консулами-орд. Сульпицием Гальбой и Корнелием Суллой магистративных полномочий с 1.07. суффектам – Сальвию Отону и Октавию Ленату. Более того, скорее, Галлова смерть имела место, пусть летом, но уже во второй половине года, где-то в июле или августе (хотя не исключён также и конец первой половины года, что не имеет существенного значения). Так или иначе, обдуманно подвешенному памятливым Тиберием в воздухе, между жизнью и смертью, Галлу выпало промаяться в суровом и якобы почётном, строго одиночном, под надзором консулов, заточении, свыше 3-х лет, с первой половины 30г. н.э.

Вспомним, что он, с кем читатель много раз встречался в наших предыдущих книгах (Р.л. 543; 594; 1263; 1314; Д.И. 22; 42; 521; 611; 660-64; 955; 1071/72; 1108; Т.Г. 182-85), приходился сыном Азинию Поллиону (76г. до н.э. – 4/5г. н.э.), независимцу и фрондёру, создателю первой публичной библиотеки Рима, историку и (оппонентному Валерию Мессале) мастеру красноречия (любитель архаизмов), к-рый участвовал в Гражданской войне на стороне Цезаря, нажился в ней, дружил с Цезарем, Антонием, Иродом, дружески-меценатски опекал Вергилия (адресат IV-й и VIII-й эклог) и Горация, способствовал в 40г. (год его консульства) заключению Брундизийского соглашения, в 39г., проконсульствуя в Македонии, разбил парфинов, пользовался большим авторитетом у современников...

Наконец, – отказался участвовать в Акцийской войне между Октавианом и Антонием, в достойной позе сказав, что хочет достаться в качестве приза победителю. При Принципате, – активничал в судах, умеренно ностальгировал в обществе по республиканским свободам, сдержанно относился к уважительно толерировавшему его Августу, и умер, окружённый почётом, ок. 80-и лет отроду, пресыщенный жизнью (с чувством выполненных гражданского, общественного и семейных долгов), на своей вилле, близ Тускула.

Галл же всю жизнь был бледной тенью своего отца (как Котта Мессалин – тенью Мессалы), привилегированно-номенклатурным юнцом и потом нобилем, к-рый родился в 40г. до н.э., когда Вергилий возвещал, адресуясь к (эпониму) Поллиону в IV-й эклоге, пришествие-наступление, с рождением спасительного-сотериального *чудо-младенца*, новых времён, к-рого и к-рые его, т.е. Поллиона, ничего не представлявший из себя сын всю жизнь связывал с собой, о чём и рассказывал всем, всерьёз полагая, будто вергилианский *сотер* это не кто иной как именно он.

В ходе августейшего *золотого века*, минимум с 17г. до н.э., ему довелось входить в жреческую коллегию квиндецемвиров и участвовать в подготовке-организации *Ludi Saeculari*; в 16г. – быть монетарием; в 11г. – преторствовать; в 8г., всего на 32-м году жизни, облечь привилегированно-возрастным макаром консульство (причём обвинению консулов того года в подкупе избирателей Август не дал ход); в 6/5гг. – проконсульствовать в престижной Азии (мирная провинция *inermis*).

Но, вместе с тем, он, возглавлявший, например, куратуру, отвечающую за берега (часто разрушительно разливавшегося) Тибра, или написавший трактат об ораторском искусстве, где отдавал предпочтение красноречию своего отца перед красноречием Цицерона, никогда, насколько известно, не управлял ни одной из требовавших военно-административных талантов трудных-ответственных, кесарских или сенатских, провинций (Сирия; Иллирия; Германия; Мезия; Македония). И совсем не потому, что был нелюб или подозрителен Августу, а потому что не был на хорошее управление сложной провинцией, в ранге крупного администратора и военачальника, способен. То-то Август, незадолго до смерти, ведя патриаршие беседы с ближними и характеризуя, в напутствие Тиберию, потенциал видных нобилей, сказал, что Галл и рад бы сделаться принцепсом, но, мол (опасаться его незачем, ибо), это ему не по плечу (Ан. 1,13).

И тем не менее, Тиберий очень не любил и даже, чем дальше, тем больше не терпел Галла, однако, вовсе не столько из каких-либо политических опасений, сколько, ещё задолго до 14г. н.э., из личной неприязни, тогда как после облечения Принципата, – по ряду всё усугублявшихся причин и поводов. Именно Галл оженил Агриппину – первую жену Тиберия (дочь М.Агриппы от Помпонии) и мать их единственного сына – Друза, мало того, единственную женщину, к-рую Тиберий, по-настоящему, любил, будучи с ней счастлив, и с к-рой Август его безжалостно развёл (11г. до н.э.), чтобы женить, после кончины Агриппы (+ 12г. до н.э.), на своей овдовевшей дочери Юлии. Пасынок Тиберий был нужен Августу в качестве престололюбостителя до повзросления сыновей Юлии, намеченных в наследники-сопринцепсы кесарских внуков-наследников – Гая и Луция, в дуалистическом тандеме к-рых третьему-лишнему Тиберию не оставалось места.

И то была, словно подсадившая его на Кашееву иглу, незаживающая рана в сердце самосославшего себя на Родос и затем ставшего там ссыльным обиженного Тиберия, к-рого развод-разлука с Агриппиной (и династический брак с Юлией) сделали глубоко несчастным, и о чём само суеливо-постоянное присутствие весьма болтливого (сродственно не столько Поллиону, сколько Цицерону!) Галла в сенате, само его, родившего в браке с (умершей в 20г. н.э.) Агриппиной не менее трёх сыновей, благополучное нобилитетское существование постоянно Тиберию обо всём этом крайне досадно-болезненно напоминало. А смерть Агриппины Помпонии и расположение к Галлу конфронтировавшей с кесарем вдовы Германика Агриппины Випсании только усугубила и продолжала усугублять ситуацию.

Дальше – больше. С 14г. н.э. самовлюблённый, стареющий и словоохотливый пустобрёх Галл, пожалуй, чаще всех прочих сенаторов возникал, беря, когда нужно и не нужно, слово в сенате. Причём часто, – якобы рафинированно декларируя

независимость, а на деле проявляя вроде бы утончённый сервиллизм по адресу как, само собой, Тиберия, так и всё мощнееющего Сеяна, что стареющего Тиберия, усматривавшего, вдобавок к тому, в галловской сервилльности скрытые подвохи, всё больше раздражало.

И вот, когда в 30г. (т.е. после кончины в 29г. Августы, что, в конце концов, развязало Тиберию и достигшему своего пика Сеяну руки, после ссыльного изгнания отправившихся на острова Агриппины и Нерона) Галл предложил в сенате непомерные почести Сеяну, к-рый уже находился под тиберианским колпаком и дни к-рого были сочтены, мера тиберианского терпения переполнилась. Да и никто, помимо кесаря, не смеет предлагать какие-либо почести-льготы в отношении преторианского префекта или преторианцев, к-рые в исключительной (установлением Августа) кесарской компетенции (ср. случай с предложением Галлиона в 32г.).

Засим именно в 30г. н.э. 70-летнего Азиния Галла, приглашённого Тиберием на одну из обильных каприйских трапез, забрали, как и водится при тираниях, тёпленьким, прямо с трапезного ложа. Разве памятный император мог отказать себе в удовольствии увидеть реакцию издавна ненавистного ему нобилия собственными глазами, в то время как бездарь Галл думал, угождая Сеяну, угодить кесарю, но просчитался. Купить очередной сугубо сервиллистской выходкой дальнейшее право на дальнейшую экзистенцию не получилось. Случилось обратное.

Сенат, разумеется, в ответ на соответствующее послание кесаря с множеством тяжких обвинений против деликвента, заочно приговорил трапезничавшего в это время на Капри Галла к смертной казни, между тем как Тиберий «милостиво» распорядился держать осуждённого в т.н. вольном заточении до своего прибытия (в т.ч., для мудрого разбирательства) в Рим. Сим, следуя Диону (58,3,4-6), он желал продлить жалкое существование обесчещенного и обречённого узника (кто, к чести его будь сказано, требовал привести приговор в исполнение, если за ним есть вина), под ежедневным ожиданием смерти от рук палача, поскольку приостановленный приговор никто не отменял, на возможно дольший срок. Ведь быстрая смерть виделась Тиберию слишком лёгким наказанием для его врагов, и давал он, в подобных случаях, на неё санкцию, лишь, в его понимании, простив их.

Таким образом, в течение трёх лет с месяцами смертник Галл пребывал, на восьмом десятке, в постоянно подвешенном состоянии ожидания казни, в полной изоляции, под надзором — как высокопоставленный гос. преступник — консулов, к-рым вменялось не столько оберегать его одиночное (вольное!) заточение, сколько не допустить его преждевременного конца. При всём том, престарелого узника едва кормили заведомо скудной пищей, чтобы он всё время мучался голодом, одновременно, не могучи умереть от голода. И в итоге несчастный дотянул, имея достаточно времени осмыслить прожитую жизнь, до где-то начала второй половины 33г., вероятно, всё-таки, уморив себя, т.е. потеряв всякую надежду и потому отказавшись от всякой пищи, в совершенно безвыходном положении, именно голодом.

Теперь Тиберий, отомстив обидчику (к-рого он не велел насильно кормить, как, например, объявившую голодовку ссыльную Агриппину) сполна, счёл результат удовлетворительным и «великодушно» разрешил человеческие похороны умершего. Т.е. разрешил не бросать труп преступника, для последующего стаскивания крючьями в Тибр, на позорные Гемонии, однако, и не забыв посетовать на то, что «обстоятельства отняли у него подсудимого, прежде чем тот был изобличён в его присутствии». Каков фарисей!

И Тацит правильно возмущается: «как будто за три года не нашлось у него времени, чтобы учинить суд над стариком!» Зачем? Галл должен был умереть именно так, как умер, дойдя до последней степени беспросветного отчаяния-истощения и телом, и душой, не от правосудного меча, но как бы добровольно и

помимо, так сказать, *гуманно* наложившего, так сказать, мораторий на приведение сурового сенатского приговора в исполнение *гуманиста* Тиберия. Последний умел отправлять тех, кого считал врагами, максимально дистанцировавшись от заключительного акта самолично, на тот свет со вкусом, придавая этому особое значение.

А с др. стороны, не симптоматично ли, что всю жизнь мнившему себя чудомладенцем из провиденциальной эклоги Вергилия (к-рая обращена к Поллиону в год консульства Поллиона, но в к-рой вовсе, вопреки заблуждению многих, не сказано о рождении *сотера* в том же году) Галлу пришлось томиться в заточении не иначе как в ключевые в годы Мистерии Голгофы – 30 – 33г. н.э., с года Иорданского Крещения до года Распятия, Воскресения, Вознесения и Пятидесятницы...

* * *

Относительно умершего вскоре после Галла, летом/осенью 33г., Друза (род. в 8г. н.э.), речь идёт о, напомним, среднем (из не умерших, при появлении на свет или в детстве) трёх братьев Германиковичей, к-рый, тремя годами позже старшего брата Нерона (род. в 6г. н.э.), надел – 23г. – тогу зрелости, получил практиковавшееся для принцев крови право облечения должностей на 5 лет раньше положенного возрастного срока, удостоился жреческого сана (авгур), и затем, в 25г., облакал каникульно-латинскую префектуру-*urbi* (к-рой его короткий *cursus honorum* завершился). Был помолвлен с дочерью консула 33г. Сальвия Отона, любимца Тиберия и отца будущего императора 69г., но она умерла в добрачном возрасте, вследствие чего Друз женился на дочери консула 6г. н.э. Эмилии Лепиде.

Злыдень и дурень натурой-характером он конфликтовал со старшим братом Нероном, к-рого предпочитала ему их мать Агриппина, и в борьбе против к-рых его умело использовал, дружески сблизившийся с ним, а, главное, любовно сошедшийся с его женой, оборотисто-донжуанистый Сеян. С 29г., когда Нерон с Агриппиной проследовали в ссылку, на разные острова, Друзу довелось недолго понежиться в кронпринцах № 1, до задействования Сеяном супротив него в 30г. консула Л.Кассия Лонгина, к-рый обвинил недостойного престолонаследника перед сенатом, вследствие чего тот оказался в подземелье Палатинского дворца (б.м., по камерному соседству с Азинием Галлом).

И, разумеется, всё это было организовано с подачи снарядившего перед тем Друза с Капри в Рим Тиберия, кто отнюдь не только и не просто потворствовал здесь Сеяну, решив скинуть среднего Германиковича с династической дистанции как из-за его чересчур глупо выпиравшей наружу порочности, так и из, соответственно, опасности от него для старого-мнительного-подозрительного кесаря исходящей. Ибо ненавидевший своего внучатого деда амбициозно-нетерпеливый молодой человек типа Друза, к-рый не умел эту ненависть толком (как, например, позднее просчитавший ошибки старших братьев Калигула) скрыть, вполне мог пожелать занять трон раньше срока.

Впрочем, уже тогда, в 30г., начав обдумывать своими медленными челюстями устранение зарвавшегося и более не нужного, выполнившего возложенную на него задачу нужника Сеяна, Тиберий с умыслом решил, что Друз может пригодиться на случай, если в сеяновском, точнее, если в грядущем или потенциальном противо-сеяновском деле возникнут какие-либо сложности, отчего гос. преступника поместили, не отправив на остров, в ближний, под рукой, императорский каземат Палатина, дабы, при надобности, его оттуда незамедлительно извлечь.

И такая дальновидная надобность едва не возникла: октябрьской осенью 31г., перед реализацией мастерски задуманной и осуществлённой Тиберием с Капри

ликвидации зарвавшегося временщика в Риме, сеяновскому преемнику Макрону был отдан тайный императорский приказ, в случае сеяновского мятежа, «освободить Друза и поставить во главе народа» (Ан. 6,23; Свет. «Тиб.» 65).

Т.е. вытащить куклу-прикрытие из каземата и представить-предложить давешнего зэка-смертника — как легитимного цесаревича — сенату с народом, зная о симпатиях в народе с сенатом к семейству Германика и о ненависти римлян к главному, дескать, виновнику всех репрессий, к врагу-погубителю Германиков — беспредельщику Сеяну. Но в итоге перестраховка не понадобилась, поскольку ошеломлённый-обескураженный Сеян, к-рого контрзаговор Тиберия застал врасплох, никакого сопротивления не оказал (не успел оказать) и никакой попытки переворота не предпринял (не успел предпринять).

Вот с каких пор в Друзе и в Агриппине затеплилась надежда, что Тиберий намерен примириться с ними, ведь его и их злой гений пал, ведь все препятствия устранены, ведь кесарь сам сказал, д.б., в 31/32г., что ликвидировал Сеяна, узнав (!) о его свирепствованиях против детей Германика. Свежо предание! В конце 31г. в греческих широтах разыгралась история с загадочным появлением и скорым исчезновением не добравшегося, при невыясненных обстоятельствах, до Италии некоего Лже-Друза (Т.Г. 657-60), свершились и продолжали вершиться расправы над сеянистами и псевдосеянистами, а в судьбах Агриппины и Друза никаких изменений-ослаблений-улучшений не произошло.

Когда же Тиберием был дезигнирован в 33г. в престолонаследники надевший тогу мужа Калигула (в паре с младшим кронпринцем Гемеллом), стало ясно, что (битая козырная шестёрка) Друз отныне совершенно (третий) лишний и что ему не жить. Посему именно в 33г. Тиберий решил дезигнировать в парные преемники Калигулу и своего родного внука Гемелла, чем фактически выносился смертный приговор Друзу, реабилитация к-рого означала бы дезигнацию в наследники его и Калигулы вместо Гемелла (вариант, Тиберием отвергнутый и скрепивший Друзову судьбу могильной печатью).

Притом, если 73-летний измученный лишениями старик Галл, по всей видимости, сам отказался принимать скудную тюремную баланду, устало решив умереть, то 25-летнего Друза скудной пищи тюремщики, следуя приказу сверху, в какой-то момент лишили полностью, т.к. он, по молодости, цеплявшийся за жизнь, согласно Тациту, силился продлить её, поедая набивку своего матраса, с чем согласен и Светоний, у к-рого сказано: «голод измучил его до того, что он пытался грызть солому из тюфяка» (Тиб.54).

Примечательна также тацитовская информация об издевательствах над узником приставленных к нему стражников — центуриона, вольноотпущенника и рабов, к-рые ловили-фиксировали каждое его слово, били его и издевались над ним. Он же сначала расточал угрозы Тиберию, затем, утратив всякую надежду сохранить жизнь, призывал на его голову всякие изошрённо подобранные проклятия, обвиняя его в убийнии Германика, в убийнии Агриппины, к-рая ещё была жива, но о чём Друз мог не знать, и числя уже себя, обречённого умереть, вместе с Нероном, среди родни, подло Тиберием угробленной.

Хотя здесь Тацит напрасно удивляется откровенности = бесстыдству Тиберия, велевшего единовременно с поношениями в адрес угасшего Друза, к-рого кесарь клеймил слабаком, грязным развратником и изменником, обнародовать друзовскую агонию, включая проклятия умирающего, в сенате. Во-первых, Тиберий не убивал Германика и подобное шёпотом муссировавшееся обвинение, к-рое с 19г. камнем висело над ним, понятно, продолжало его очень болезненно задевать. Во-вторых, или, вернее, во-первых, именно в 33г., он, как сказано, дошёл до ручки и точки, отпустив тормоза по полной, и, действительно, бесстыдно куражился, с удовольст-

вием демонстрируя ничтожество не умевшего ни достойно прожить, ни достойно умереть Друза перед сенаторами.

Мол, взгляните, прислушайтесь и удостоверьтесь, какая он мразь, какой он карлик, мол, не его же оставлять в живых в видах на Принципат, мол, не велика потеря, мол, собаке собачья смерть. Мол, пусть ещё скажет спасибо, что его не казнили, как он этого вполне заслужил, великодушно позволив ему протянуть ноги с голодухи. И, наконец, в третьих, о чём негоже говорить вслух, этот малахольный Друз правомерно отдал концы спустя 10 лет после того как (Сеяном и Ливиллой) был отравлен другой достойный Друз, сын не Агриппины (дочери блудницы Юлии), но Тиберия и Випсании.

Естественно, отцы-сенаторы не преминули, вернее, сочли своим священным долгом раскудахтаться и проявить негодование по адресу столь *человеколюбиво* спроваженного на тот свет покойника Друза. Т.е. он был опущен как при жизни, так и посмертно ниже плитуса. Причём даже видавших виды герузиархов повергло в страх и изумление то, с какой откровенностью обычно осторожный и скрытный принцепс, на сей раз, представил на рассмотрение-обсуждение парламента грязное-запятнанное бельё сокращающегося-скукоживающегося на глазах у всех кланасиндиката Юлиев-Клавдиев!

Не помутился ли старик с Капри разумом? всё ли в порядке у него с головой? не налицо ли садистско-старческий маразм? не маньяк ли, не извращенец ли, не одержимый ли демонами у власти? До какой низости-гадости снизошёл смакующий гибель близких человек! Да и человек ли? Или монстр в человеческом обличии?

* * *

Впрочем, смертный лимит этого столь щедрого на смерти года ещё не был исчерпан. 18 октября, как раз во вторую годовщину ниспровержения и казни Сеяна, на острове Пандатерия, где со 2г. до н.э. по 4г. н.э. томилась сосланная туда Августом его дочь Юлия, свела счёты с жизнью её ссыльная дочь – Агриппина – последняя из пятерых детей Агриппы и Юлии. Её старшие братья Гай (род. в 20г. до н.э.) и Луций (род. в 17г. до н.э.) умерли, Луций – во 2-м, Гай – в 4-м гг. н.э., один – 19-и, другой – 23-х лет отроду. А их младший брат – непутёвый Агриппа Постум (род. в 12г. до н.э.), был, находясь в ссылке, куда его услал в 7г. н.э. за несносный нрав Август, убит после смерти Августа, в 14г., по инициативе Саллюстия Криспа, в угоду Тиберию, но не по его приказу. Старшая же сестра (родившейся в 14г. до н.э.) Агриппины – Юлия (род. в 18г. до н.э.), сосланная (8г. н.э.), сродни матери, Августом за разврат, умерла после 20-и лет ссылки, на о-ве Тример, в 28г. н.э.

Свою любимую внучку Агриппину Август выдал замуж за Германика в 5г. н.э. Она родила мужу итого девять детей (шестеро из к-рых выжили) и осталась, как мы знаем, вдовой в 19г., с тремя сыновьями и тремя дочерьми, ни один и ни одна из к-рых не доживут до старости, равно, исключая скончавшуюся в 38г. от болезни Друзиллу, не умрут естественной смертью.

Эта Агриппина Старшая гораздо больше унаследовала от непреклонности своего отца Агриппы, нежели от неумённой чувственности своей матери Юлии – первой нимфоманки в императорском доме, тогда как второй станет, много превзойдя первую, Мессалина, в то время как Агриппина Младшая (мать Нерона) соединит в себе черты властно-амбициозной Агриппины Старшей и похотливых Юлии с Мессалиной. От Юлии Старшей (род. в 39г. до н.э.) до Агриппины Младшей (+ 59г. н.э.) – почти 100 (97) лет в трёх поколениях. Агриппина Старшая – посередине.

С уходом её братьев и ссылкой сестры, она (и через неё её, от репрезентанта Клавдиев Германика, дети) оставалась единственной носительницей *голубой* августейшей крови в хиреющей в пользу Клавдиев клавдианско-юлианской венценосной семье. Но присущая ей амбициозность, к-рая худо-бедно кушалась при жизни Германика, вошла в непримиримое противоречие с изменившейся реальностью после его кончины, когда сам расклад, выдвинувший на первый план Друза и Ливиллу, у к-рых как раз в год Германиковой кончины родились мальчишки-близнецы, отодвинул категорически не желавшую мириться с подобным новоположением Агриппину на задний план.

Плюс к тому, она считала Тиберия, в той или иной мере, виновным в смерти её мужа (если не непосредственно, то опосредованно – за, по меньшей мере, сирийское назначение Гн.Пизона в противовес Германику) и испытывала ненависть к Августе как минимум за то, что та вступилась за Пизонову жену Планцину. При всём том, умудрённая опытом престарелая Августа не сделалась, к чести её будь сказано, в ответ на неприязнь внучатой невестки, ненавистницей Агриппины, более того, до самой своей смерти в 29г. она уберегала своим авторитетом (несдержанных на язык и выходки) вдову Германика с её сыновьями от тиберианско-сеяновской расправы.

Тем временем, внезапная смерть Друза (Тибериевича) – 23г. – и малолетство его сыновей, один из к-рых умер 4-х лет отроду в том же году, как будто снова повела к выдвигению Агриппины с её взрослеющими сыновьями, 17-летним Нероном и 15-летним Друзом, на передний план. Однако, во-первых, она не проявила никакой гибкости и не воспользовалась ситуацией, даже не попытавшись наладить отношения с Тиберием; а во-вторых, входящий во всё большую силу Сеян (отравитель Друза) отныне (идя по трупам к поставленной цели) видел в ней с её сыновьями своих главных врагов, приняв, соответственно, решение от них избавиться и наметив их в качестве первоочередной мишени. И непреклонность-претенциозность гордячки Агриппины (к-рая считала для себя оскорблением уже то, что она «не царствует», в чём её однажды именно этими словами упрекнул Тиберий), как и её, бравших с матери дурной пример сыновей, из к-рых она, к тому же, вызывающе предпочитала Друзу Нерона, что дополнительно играло на руку Сеяну, ему в этом премного способствовала.

В 26г. она попросила себе у Тиберия мужа, б.м., разумея вдовца Азиния Галла, но не получила от него, не желавшего усилить её партию каким-либо нобилем и его родом-кланом, ни согласия, ни отказа⁵², продолжая таким образом неприкаянно вдовствовать. А вскоре Сеян (отреагировав на этот её ход) подкинул ей дезинформацию, будто Тиберий собирается её отравить, на к-рую она клюнула и отказалась от протянутого ей кесарем за трапезой яблока, после чего тот, разобидевшись, перестал приглашать её к столу.

Сим разрыв между ними сделался окончательным, и дальше Агриппина с Нероном не подвергались репрессиям лишь в ожидании кончины Августы, с уходом к-рой и они, и годом позже Друз оказались в местах (в прямом смысле) не столь отдалённых – на островах и в каземате. Увы, под стать матери, её сыновья толкали себя в пропасть с не меньшим усердием, чем некогда сыновья Ирода от Мариамны – Александр и Аристовул.

Притом несчастной Агриппине выпало (в отличие от Мариамны) пережить обоих сыновей и умереть в октябре 33г., – как, само собой, зная о самоубийственной (?) смерти Нерона в 31г. на острове, так и, можно не сомневаться, узнав о

⁵² Отказать ей в этом Тиберий, верный заветам Августа – противника безбрачия римлян и римлянок (тщетно уговаривавшего, например, вдовую, по смерти Друза, Антонию Младшую, снова выйти замуж), не мог, а дать согласие на её брак не хотел.

совсем недавней, летом/осенью 33г., казематной смерти Друза, о доведении к-рой до её сведения заботливые стражники, под эгидой Сеянова преемника Макрона, с кивка умевшего быть садистом островитянина Тиберия, наверняка позаботились.

Несмотря на всё своё, особенно в последние годы, нечеловеческое презрение к людям, он, не разучившись глубоко обижаться и дуться-гневаться на них, научился, с падением Сеяна и выявлением-изобличением коварного убийства своего единственного сына, ни в коем случае, не прощать им свои донельзя гипертрофированные, в его болезненном сознании, обиды до самой их смерти. А некоторым — и за её порогом. Взвешивал ли он два последних постсеяновских года возможность примирения с невесткой и внуком? Отнюдь. Скорее, он дожёвывал их судьбы своими медленными челюстями, к-рыми имел обыкновение обстоятельно перемалывать жертву в несколько этапов.

И в случае с уж очень обидевшей его, завязтого обиженного, Агриппиной, ему не требовалось уморение её голодом, наподобие лишённого даже скудной баланды Друза. О нет, сначала ему потребовалось, чтобы она, никогда не склонявшая гордую голову недотрога, стала роптать, в наказание за что приставленный к ней центурион, наказывая строптивцу кнутом-плёткой, по слову Светония (Тиб. 53), выхлестнул ей глаз. Пусть помается ещё немного с одним (опять не иначе как милосердно!) оставленным ей глазом.⁵³

Не закрывать же ей, имеющей элементарное человеческое право взирать на собственное несчастье, сразу оба глаза. Пусть видит этот жалкий остров, на к-ром когда-то обреталась её сосланная самим Августом распутная мать Юлия, к-рая тоже невыносимо обидела его — достойного, видят боги, наследника и продолжателя дела божественного Августа. Как говорится, кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет — тому оба!

Помаялась-намаялась? Хватит! Теперь Тиберию потребовалось, чтобы Агриппина сама себя уморила голодом, так сказать, добровольно отказавшись от пищи, тогда как «гуманист»-кесарь велел её, спасая от гибели, кормить насильно. Пусть поупорствует. Поупорствовала. Погибла. Сама виновата, ведь Верховный её, гос. преступницу и развратницу, оскорбительницу величия римского народа и *его величества* принцепса, к-рая, по его словам, свела счёты с жизнью, дескать, с тоски по умершему соблуднику Азинию Галлу, максимально щадил до выбранного, за неимением иного выбора, не им, но ею позорного конца.

Она умерла 46-и лет отроду, ненамного пережив свою умершую 19-ю годами раньше, в 42 года, чуть менее горькой смертью, ссыльную мать Юлию (к-рой, в 4г. н.э. смягчительно переведённой Августом с пустынного острова в калабрийскую Регию, Тиберий запретил после смерти Августа выходить из дома и лишил её мизерного содержания). Она умерла, как жила, непримирённая. И как останкам Нерона с Друзом, её праху, тоже тайно зарытому на острове, было отказано Тиберию в обычном, уж не говоря о почётном, погребении. Светоний, вторя Тациту, пишет: «Он вменял себе в заслугу даже то, что не удавил её и не бросил на Гемонии; за такое своё милосердие он даже принял от сената декрет с выражениями благодарности и золотое подношение, помещённое в храме Юпитера Капитолийского» (Тиб. 53).

Сценарий и постановка Тиберия претворились в жизнь. Кровь репрезентантов императорской династии, вернее, сдвоенной-дуалистической фамилии-клана-син-

⁵³ Эх, яблочко, да с голубикою,
Подходи, буржуй, глазик выколю,
Глазик выколю, другой останется,
Чтоб видал, говно, кому кланяться. (Ю.Ким)

диката Юлиев-Клавдиев пролита не была. Все они, Нерон, Друз, Агриппина (и поставленный в один деликвиентский ряд с ними – квазисотер Азиний Галл), умерли, не проронив ни капли крови, без пролития их крови, как впоследствии будут умирать (подлежавшие-подвергавшиеся удушению, ради непротития их царственной крови) братья турецких султанов или крымские ханы. Оно и понятно. Если у Рима есть повелитель и если он превратился в одержимого бесовщиной *кесарева безумия* восточного деспота, то и представляемая им великодержавная деспотия, включая несомную ею смерть, подпадают мрачной ориентализации.

ПИК ТИБЕРИАНСКОГО ТЕРРОРА

Итак, смертельные враги Сеян и Агриппина окончили свои жалкие жизни в один, с разницей в два года, день – 18.10., в чём суеверный астральный фаталист кесарь усмотрел очередной звёздно-благовольтельный для себя знак покровительницы-судьбы.

Именно в 33г. н.э., когда Царь Царей, Царство К-рого не от мира сего, принёс Себя в жертву на Голгофе, он, римско-каприйский повелитель полумира сего, как никогда раньше и никогда позже, силился навластвовать власть, тирания римлян по предельно террористическому беспределу. То-то согласно Светонию (Тиб. 62) и Диону (58,23,4), он часто говорил, что счастлив Приам, переживший всех своих близких; или, согласно Диону, повторял (стих): «Когда я мёртв, огонь пожрёт пусть землю». И действительно, настолько до отказа репрессивные тормоза им, кто был согласен на ненависть к себе, лишь бы с ним, боясь его, соглашались, ещё ни разу не отпускались, и столько трупов, счёт к-рым пока не окончен, на его загнанной совести ещё ни в одном году его правления не набиралось!

Да, он жил в постоянном властительском страхе, постоянно чувствуя-переживая себя несчастным властителем, держащим, по его собственному весьма меткому выражению, волка за уши. Т.е. вынужденно глядя волчьей демонию в глаза, перманентно находясь с ней в парном положении лицом к лицу, когда, с др. стороны, лица не увидеть, отчего щемящее срамотное чувство липкого страха только усиливалось. И лишь мёртвые, как известно, сраму (коли игнорировать воскресение мёртвых) не имеют.

А значит, о жизни и смерти знают, в них компетентны отнюдь не столько старые хилые боги, сколько судьбоносные звёзды, палачи и паталогоанатомы (к-рые ждут людей, вернее, то, что давеча было людьми) на своём (неотвратимом) столе. С номерочком на руке – на этот свет; с номерочком на ноге – на тот. Жизнь – мгновение; смерть – бессмертна.

Тиберий заложил душу дьяволу, зная, что не сможет перехитрить его, вот в чём был его ужас! И ныне у него – поэта и философа в пепельной перегоревшей душе, у него – мамина и папина сына большую часть его долгой жизни, у него – полководца и политика (не по призванию, но) по призыву, у него, ставшего душегубом и старым похотливым козлом в злободневной старческой реальности, не было уже ничего святого, кроме его бесконечного одиночества. Вершина расправившегося со всеми врагами деспота это – не макушка праздничной новогодней ёлки, это – не Эверест, это – унылая-ледяная мавзолейная пустыня и пустота на самом дне Марианской впадины.

Мечь – блюдо, к-рое подаётся холодным, и одновременно – мечь – сильнейшая наркота, в к-рой, однако, как и в чувственных наслаждениях, нельзя обрести истинное удовлетворение. Этим блюдом невозможно насытиться, из этих псевдородниковых источников нельзя напиться, ибо чем больше из них пьёшь, тем сильнее

жаждешь. И пусть победа одержана как будто над всеми врагами, но не Пиррова ли это победа? Впрочем, деспоты необратимо теряют друзей, тогда как врагов у них всегда хватает: ликвидируются одни, появляются другие. И какая, по большому счёту, разница — на деле или в больном воображении?

Если Цезарь был сделавшим РOME кесарево сечение для рождения цезаризма гениальным *хирургом*, тогда как Август сделался нашедшим *consensus universorum* гениальным *фокусником-эквилибристом* и *мастером пластической операции* по (выданному за открытие золотого сечения) превращению (с акробатической изворотливостью) Республики в Принципат, то начавшему (при Августе) как *фельдшер* или *ветеринар* Тиберию, к-рый не тянул ни на Цезаря, ни на Августа, пришлось в итоге стать *паталогоанатомом*.

И в 33г. от него, медленно-челюстного деспота на троне и любителя порнографической клубнички, засмердило мертвяками так сильно, как ещё не смердило раньше и уже не будет смердить позже. Почему? Потому что со следующего 34г. он, не смягчившись, но перебесившись (правда, не отбесившись), начнёт медлительно убывать навстречу смерти.

Годы возьмут своё. Вокруг же — ни любимой и любящей женщины (с любовью к человеку, к-рый, погибнув душой, перестал нуждаться в любви), ни любимых детей, ни заботливых внуков и внучек. Взошедшему в принцепсы-короли без потерянной (отнятой у него) королевы, ему крайне не повезло всю тронную жизнь проходить-просуществовать-промяться под постоянным шахом.

У него не было воска, как у Одиссея Августа, чтобы заткнуть уши, взяв руль верховной власти, или, тем более, уединившись на острове сирен — Капри. Весьма сведущий античный грамотей он знал, какие песни поют сирены, не ведая противоядия от них, и потому, оказавшись на острове сирен, отдался в их власть, во власть их песен, безостаточно. В 33г. он всё чаще подолгу смотрел с высокой скалы, где располагалась его любимая неприступная вила, на море, слушая шум его волн, но слыша завораживающее пение сирен.

Возведённый Августом в преемники, оставшись без *папы*, мало того, переселившись на остров, и, наконец, оставшись без *мамы*, он постепенно прекратил быть Телемаком, шаг за шагом становясь Тиберином, делаясь утопленником, к-рый всплыл со дна и, будучи мертвецом с синюшным лицом, притворяется живым. «Как тяжело мертвецу среди людей...» (Блок). Не оказал ли Тиберин помощь троянскому мигранту Энею, подсказав ему двигаться в Лаций и дав иные полезные советы! Не родила ли фиванская прорицательница Манто от Тиберина в Италии сына Окна! Не нашёл ли Тиберин Ромула и Рэма (версия легенды), к-рых отдал волчице, потерявшей своих волчат и вскормившей братьев-близнецов! Не спас ли он их мать, весталку Рею Сильвию (версия легенды), приговорённую за нарушение обета безбрачия к смерти, чтобы жениться на ней!

Не праздновали ли его тиберинскую суть в ежегодный праздник Волтурналий (27.08.)! Не является ли метаистория, как и не знаящая сослагательных наклонений история (по Б.Расселу, совокупность того, чего можно было бы избежать), одновременно-параллельно-симметрично невспаханным пространством нереализованных альтернатив?!⁵⁴

⁵⁴ Попадание в штангу ворот противника за 5 минут до футбольного гола не означает, что, в случае гола 5 минут назад, счёт, после «второго» гола, был бы 2 : 0 в нашу пользу, потому что случись 5-ю минутами раньше гол вместо штанги, противник возобновил бы игру с центра поля, игра пошла бы иначе, и ситуация, приведшая спустя 5 минут к голу, по всем вероятностям, просто не сложилась бы, не возникла бы. (Если бы да кабы во рту бы выросли грибы...) Таков вывод, к к-рому вполне можно прийти (возражая взрослым, к-рые поражают своей несообразительностью) ещё в детстве. И тем не менее...

Не был ли Тиберин Сильвий 9-м царём Альба-Лонги, к-рый правил 8 лет на излёте Хв. до н.э. (924 — 16гг.), утонул в реке Альбула (*белая*) и дал ей новое название — Тибр! Не сделал ли Юпитер его богом и духом-покровителем этой реки, носящим также имя Волтурн — *бушующие воды*! Не изображается ли река Тибр в виде полужащего Тиберина со струящейся из его волос и бороды водой!

Не носит ли название Тиберин маленький остров на Тибре в Риме, к югу от Ватикана! Не возник ли этот остров, сообразно легенде, из ила и грязи, приставших к трупам последнего римского царя — тирана Тарквиния Гордого, сброшенного восставшими римлянами в Тибр! Причём остров, пользуясь дурной славой, оставался необитаем аж до 293г. до н.э., когда в разгар чумы на нём, решением сената, было устроено святилище врачевателя — Эскулапа, после того как из причалившей к нему лодки выползла символизирующая врачевание змея, и в память о чём самому острову придали форму лодки, с облицованными травертином берегами-бортами и с обелиском-мачтой посередине.⁵⁵

Вглядитесь, вдумайтесь, сколько нитей и как тянутся из данной тиберинской мифологии к тиберианской биографии и лично к Тиберию, кто в 33г. окончательно обратился во всплывший с водного дна одинокий остров, повернувшийся к истории в профиль, дабы не встречаться с ней глаза в глаза, дабы улепетнуть от встречи с вечностью лицом к лицу. И дальше-больше он не столько стоял, сколько торчал один, как перст или сыч, на своём императорско-островном Олимпе, закрытый-запахнутый от всех людей и открытый-распахнутый всем ветрам.

Он не знал и не узнал ничего толком о свершившемся в 33г. н.э. в Палестине, в Земле Обетования, вселенском Событии Голгофы, с Его интронизацией в Небе и на Земле Триа-Божества совершенно иного нового качества, — Бога, К-рый был для него, как и для подавляющего большинства его современников, в этой их инкарнации недосыгаем. Но именно в 33г. ему, главному земному-мирскому антитиподу-двойнику Христа, одолевшему казалось бы всех противостоятелей, было, вместе с тем, невыносимо тяжело, поскольку именно в 33г., он, никогда не став Соломоном, всё-таки, отчасти, по-соломоновски, ощутил брэнность-преходящесть бытия, острейшим образом поняв, что всё проходяще и всё пройдёт.

Он увидел и понял свою не за горами, во всей неприглядной наготе возвещавшую ему всё его псевдоцарственное убожество-ничтожество, смерть, к-рая приближалась-подползала неумолимо. А как её победить он, в этом вопросе сродни Цезарю и Августу, не знал, не ведал. Христова ключа от победы над смертью у него, современника, но не очевидца и не свидетеля Мистерии Голгофы, просмотревшего её в упор, профукавшего Исполнение Времени, не было. И оттого подползающая смерть виделась-переживалась им в тысячу раз страшнее.⁵⁶

Притом в весьма насыщенном 33г. ушли-самоустранились или подверглись устранению вовсе не одни враги. В октябре/ноябре, точнее, вероятно, в ноябре, после напомнившей всем о падении два года назад Сеяна октябрьской смерти Агриппины, к отправившимся или отправленным на тот свет тиберианским врагам решил присоединиться, тоже избрав уморение себя голодом, т.е. объявив голодовку с целью умереть, пожалуй, последний из оставшихся в живых близких друзей Тиберия — М.Кокцей Нерва.

⁵⁵ В конце Хв. н.э. Оттон III (980-1002гг.) основал (998г.) на острове церковь в память Адальберта Пражского — сегодня базилика Св. Варфоломея, в к-рой хранятся мощи Апостола. На остров ведут, с правого и левого берегов Тибра, два древнейших моста Рима, Фабричо и Честио, сооружённые в, соответственно, 62 и 46гг. до н.э.

⁵⁶ «Свойство тирана — отталкивать всех, сердце к-рых гордо и свободно» (Аристотель)

«Долгие и великие страдания воспитывают в человеке тирана» (Ницше)

«Всем тиранам свойственна болезнь преступной недоверчивости к другу» (Эсхил)

«Только Бог способен уберечь человека от тирании самого человека» (Э.Жильсон)

САМОУБИЙСТВА КОКЦЕЯ НЕРВЫ И МУНАЦИИ ПЛАНЦИНЫ

Рассказав о трагическом агриппианском конце, Тацит продолжает: «Немного позднее решил умертвить себя Кокцей Нерва, неизменный приближённый и спутник принцепса, хотя его положение нисколько не пошатнулось и он не страдал никаким телесным недугом. Когда это стало известно Тиберию, он посетил его, стал доискиваться причин такого решения, уговаривать; наконец, признался, что тяжёлым бременем ляжет на его совесть и добрую славу, если его ближайший и лучший друг, у которого не было никаких видимых причин торопить смерть, безвременно расстанется с жизнью. Уклонившись от объяснений, Нерва до конца упорно воздерживался от пищи. Знавшие его мысли передавали, что чем ближе он приглядывался к бедствиям Римского государства, тем сильнее негодование и тревога толкали его к решению обрести для себя, пока он невредим и его не тронули, достойный конец.

Гибель Агриппины, сколь это ни невероятно, повлекла за собою и гибель Планцины. Будучи женой Гнея Пизона и открыто радуясь смерти Германика, она при падении мужа избежала возмездия, оберегаемая заступничеством Августы и в меньшей мере — враждой Агриппины. Но когда и той, что её ненавидела, и той, к-рая ей покровительствовала, не стало, одержало верх правосудие, и, привлечённая к суду по хорошо известному обвинению, она собственноручно предала себя скорее запоздалой, чем незаслуженной казни» (Ан. 6,26).

Род Кокцеев происходил, по всей видимости, из Умбрии. Ведь известнейший и последний представитель этого рода — бездетный кесарь Нерва (96 — 98гг.), первый тронный репрезентант новой *златовековой* эпохи Антонинов, именуется у Аврелия Виктора («О Цезарях» 12) — «Narniensis», т.е. — Нарн(ий)ский = из умбрийской Нарнии (50 км к северу от Рима). Более того, только он и сын отпрыска этрусского рода Цейониев, — усыновленный Адрианом соправитель (161 - 67гг.) Марка Аврелия Луций Вер, имели среди кесарей Антонинов римско-италийское происхождение, между тем как все остальные Антонины фамильно происходили из (самых резервуарно романизированных римских провинций) Испании или Галлии.

А первые из известных Кокцеев, носителей когномена Нерва (от *nervus* — жила?), это — в Iв. до н.э. — братья Луций и Марк. Луций дружил с Октавианом и Антонием, будучи в 41г. до н.э., незадолго до Перузийской войны, посольски направлен Октавианом к Антонию, к-рого нашёл весной 40г., после его любовстрстной зимовки у Клеопатры, в Финикии, откуда сопровождал его в Италию и посреднически содействовал заключению осенью 40г. Брундизийского соглашения между триумвирами (Р.л. 22-24). В 39г. Луцию выпало облечение консульства-суф. в паре с П.Альфеном Варом. Весной 37г. до н.э. он снова продуктивно посредничал в деле заключения октавиановско-антонианского Тарентского соглашения.

В свою очередь, его мл. брат, М.Кокцей Нерва, чеканил монеты с изображением Октавиана и братьев Антониев — Марка и Луция, возможно, принял участие в Перузийской войне 41/40гг. на стороне Л.Антония и сумел снискать прощение Октавиана благодаря заступничеству брата старшего. В 36г. М.К.Нервой облакалось, в паре с Л.Геллием Попликолой, консульство-орд. Как квиндецемвир *sacris faciundis* он участвовал в подготовке, организации и проведении Секулярных торжеств 17г. до н.э.

Его дружный Тиберию одноимённый сын М.Кокцей Нерва (Д.И. 1042) родился, видимо, в конце 30-х гг. Iв. до н.э. и, значит, консульствовал (суф.) довольно поздно, в 22г. н.э., поскольку, перво-наперво, посвящал себя учёным занятиям,

руководя прокулианским правовым училищем и стяжав, в частности, славу знатока всех тонкостей юриспруденции. Плюс к тому, б.м., он, равнодушный к карьере учёный, запоздало (в возрасте за 50) побывал консулом исключительно для того, чтобы возглавить с 24г. магистратуру ответственного за водоснабжение Рима, сооружение акведуков и т.д. куратора aquagum (Фронтин «Вода для Рима» 102), что требовало консульского ранга. Притом об инженерно-строительных талантах Нервы говорит сооружение, по его проекту и под его руководством, туннеля Крипта-Неаполитана, соединившего Путеолы с Неаполем.

Касательно же его правоведческих талантов и деятельности, их высоко оценивают Тацит (Ан. 4,58), Фронтин (102) и юрист Пв. н.э. Помпоний (48), называющий его (бывшего противником Мазурия Сабина) преемником Антистия Лабеола — юриста-независимца, в противовес сервильно-придворному правоведу Атею Капитону. Труды самого Нервы до нас не дошли, от них сохранились фрагменты в писаниях др. авторов.

Именно он являлся близким другом Тиберия и единственным из сенаторов, кто находился при нём, покинув в его свите Рим, с 26г. на Капри, как некогда Луцилий Лонг — на Родосе. Занимался правоведением, причём с 17-и лет, также и одноимённый сын Нервы, у к-рого 8.11.30г. н.э. родился ребёнок — грядущий кесарь Нерва, кому, соответственно, в ноябре 33г. исполнилось 3 года.

Впоследствии он станет протее Нерона и соликвидатором заговора Пизона (65г.), затем, при Веспасиане и Домициане, побывает в 71 и 90гг. консулом, после чего взойдёт, с убийством Домициана — 96г., в возрасте 66-и лет, в принцепсы, сделавшись как «первым среди равных», так и первым из т.н. «Пяти хороших императоров» (эпохи Антонинов: Ульпий Траян, Элий Адриан, Антонин Пий, М.Аврелий).

И, кстати, отцам-сенаторам понравятся в 96г. не иначе как его, давшего торжественную клятву неубиения сенаторов, умеренность, взвешенность и, главное, бездетность, с перспективой преемствования ему не кланово-синдикатно-династическо-семейного преемника (негативный опыт-компромат Юлиев-Клавдиев и Флавиев), но способнейшего из них, по неродственному усыновлению, кем станет (правда, не без угрозы со стороны потребовавших казни убийц Домициана преторианцев) Траян.

Тем временем, отец (будущего) императора Нервы (сестра к-рого выйдет замуж за будущего императора Отона), прославившийся знанием всех тонкостей юриспруденции, консул-суф. 40г. н.э. (при Калигуле), был женат на Сергии Плавтилле, дочери знакомого нам консула-суф. 33г. и водно-акварумного куратора в 34 — 38гг. — Г.Октавия Лената (см. выше).

Но вернёмся к актуальному для нас сейчас дружному с Тиберием Нерве. Выше уже говорилось, что Дион (58,21,4-6), в отличие от Тацита (к-рый объясняет решение Нервы уйти, пока не поздно, из жизни общими бедствиями Римского гос-ва и во избежание эвентуальных репрессий в свой адрес), связывает объявленную Нервой смертную голодовку с тиберианским возобновлением (или ужесточением) закона Цезаря (от ок. 48г. до н.э.) в отношении ростовщиков-кредиторов и заимодавцев-должников. Вернее, — в отношении возврата первым вторыми денежных сумм, 2/3 к-рых предписывалось вложить в земли Италии (зарыть *таланты* в землю!), притом проделать всё это надлежало в течение 18-и месяцев.⁵⁷

И вот, в результате и вследствие претворения данного (не во всём продуманного) решения-распоряжения, возник цепочечный ряд сложностей-компликаций (см. выше), вызвавших острый финансовый кризис, к-рый ударил, в частности, по римской знати, к к-рой принадлежал (и) Нерва.

⁵⁷ 18 месяцев (1,5 года) — интервал времени (*время и полвремени*), в к-рый Август потерял обоих внуков — умершего в августе 2г. н.э. Луция и умершего в феврале 4г. н.э. Гая Цезарей.

При этом, с весны 33г., когда решение было принято, на вторую половину осени того же года, когда Нервой была объявлена протестная голодовка, кризис был, надо понимать, в острой стадии и в остром ходу. Вероятно, авторитетный юрист привёл весомые правовые аргументы против (возобновления ли? ужесточения ли?) закона диктатора Цезаря (80-летней давности), принятого, мол, в экстремальных условиях Гр. войны и недопустимого-неприемлемого в условиях нынешнего расклада (?).

Короче, какой-либо однозначный вывод сделать по скукоженному и не очень внятному дионовскому повествованию трудно. Но то, что именно весеннее решение-предписание Тиберия и именно осеннее обострение ситуации конкретно обусловили голодовку (начавшего её, согласно Тациту, осенью) кесарского друга (чем не отрицается в качестве одной из её причин-поводов общебедственное положение гос-ва и страх Нервы, в т.ч., за свою судьбу), если скомбинировать Диона с Тацитом, — очевидно.

В итоге, навестив-посетив старого друга, кто к уговорам прекратить голодовку не прислушался, Тиберий своё принятое весной императорское решение не отменил, однако, под влиянием беседы с Нервой и выдвинутых им претензий, выделил из императорской казны розданную по меняльным лавкам под беспроцентную, сроком на 3 года, ссуду огромную сумму в 100 млн. сестерциев, чем заслужил похвалы сограждан и благодаря чему кризис удалось обуздать-преодолеть.

Хотя между этими двумя событиями, весенним решением и осенним выделением *благотворительной* суммы, был, о чём нам известно, по надуманному обвинению и сфабрикованному против него делу, сброшен с Тарпейской скалы богатый испанец Секст Марий, конфискованное в императорскую казну имущество к-рого, движимое и недвижимое, земли, рудники, деньги, составило, повторим, никак не менее 100 млн. сестерциев.

Но Нерва, тем не менее, голодовку не прекратил, продолжив её против общебедственного положения гос-ва (террористический беспредел принципса), и, в конце концов, уморил себя (уходя от худшего как для себя, так и для других, нежели настоящее, ближайшего будущего) голодом.

Таким образом, Тацит и Дион, в реальности, отнюдь не противоречат друг другу, продуктивно дополняя один другого, ибо рассказ Тацита совмещается с рассказом Диона и наоборот, как, к примеру, рассказы Евангелистов и Флавия о причинах казни Иродом Антипой Иоанна Крестителя, явно разнясь между собой, одновременно, вовсе не взаимоисключительны.

Тиберий же, так сказать, оказав народу *благотворительность*, бросил подданным ещё одну кость, санкционировав, как мы знаем, согласно Диону (58,21,5), массовое, в один день, убиение всех (устаревших; набивших оскомину; намозоливших глаза) ненавистных слишком многим денунциантов, дабы конвейерно заменить прежних доносчиков (отработанный материал) новыми. Напомним, что это было второе (осеннее) избиение «врагов народа» во мн.ч., поскольку первое (имевшее место весной) касалось всех остаточных подследственных по делу Сеяна, томившихся в тюрьмах, и разом, по приказу кесаря, ликвидированных-уничтоженных. Засим террористический беспредел амальгамировался Тиберием и с прагматичностью, и с *благотворительностью*.

Далее, и Тацит, и Дион (58,22,5) нотируют гибель Мунации Планцины, к-рая у Тацита — самоубийство во избежание казни, а у Диона — убийство, т.е. казнь (вдогонку сообщению о конце Друза и Агриппины). Речь о Планцине — жене визави наместника Востока Германика — Гн.Пизона, назначенного кесарем одновременно с Германиковым назначением легатом Сирии (17 — 19гг.), что привело к конфликту как между ними, так и, чуть ли не в большей мере, между их амбициозными жёнами

— Планциной и Агриппиной. Притом внезапную Германикову смерть, при загадочных обстоятельствах, по всему, от яда, молва приписывала Пизону и Планцине, дескать, не без ведома (или даже по прямому указанию) Тиберия (и Ливии).

В «Д.И.» мы подробно беседовали обо всём этом (163-68; 505-09; 519-27) и пришли к выводу, что если кто из названных лиц и был виновен в отравлении Германика (при принятии версии отравления), то, с наибольшей долей вероятности, непосредственно причастной к нему могла быть именно Планцина. Но, по возвращении в Рим, ей удалось убедить Ливию в своей невиновности, после чего, вовремя и цинично дистанцировавшись от обречённого мужа, она не была привлечена к суду и осталась жива-невредима, по поводу чего Тиберий в сенате, с чувством неловкости, сослался на заступничество Августа.

Скажем снова, никакой прямой вины Тиберия, помимо нейтрализаторского назначения Пизона, в случившемся с Германиком не было, и можно представить, каким камнем на его душе лежали подобные скрытые подозрения в его адрес. Повинные во многих грехах тираны крайне болезненно реагируют на обвинения в том, в чём они невиновны.

Дальше — больше. После казни Сеяна (31г.) и разоблачений Апикаты (в адрес Ливиилы) по отравлению Друза (+ 23г.), возможно, Тиберий перестал сомневаться в когдатощем отравлении также Германика, к-рое, как сказано, вполне могло быть на совести Планцины. И ныне, вынужденный тащить-влячить Принципат в одиночку, оглядываясь назад, старик с Капри должен был вдвойне возненавидеть тех, кто отнял у него и Германика, и Друза, тех или ту, из-за кого подозрение в смерти Германика чёрным несмываемым пятном лежало на нём.

А Планцина продолжала жить. И пусть ранее взявшая её под защиту Августа в 29г. умерла, но ведь в том же 29г. отправилась в островную ссылку Агриппина, и пока была жива она, Тиберий не мог начать преследование Планцины, что сделало бы ссыльную (врага Отечества и *его кесарского величества*) Агриппину задним числом правой, по крайней мере, в данном вопросе, и что, следовательно, было невозможно. Да и не хотелось мстительному Тиберию доставлять даже ссыльной Агриппине какое-либо малейшее удовлетворение привлечением к суду Планцины.

Когда же Агриппина ссыльно умерла, оставлять долее Планцину в живых-здоровых стало попросту негигиенично и неприлично. Посему её привлекли к суду по, как говорит Тацит, «хорошо известному обвинению», и она, уходя от рук палача, «собственноручно предала себя скорее запоздалой, чем незаслуженной казни».

Тиберий (как никто) умел превратить жизнь тех, кого он избрал для жертвоприношения, в наказание, а смерть — в благодеяние, превращая казнь некоторых осуждённых, принуждённых иногда подолгу ежедневно ждать казни, чуть ли не в их милостивое прощение-извинение и отпущение (на тот свет) императором! То-то малодушный Понтий Пилат так опасался в 33г. быть отозванным с поста префекта, попав в немилость, или и того хуже, угодив под обвинение!

РАЗНОЕ

«Удручённому столькими печальми городу добавила ещё одно огорчение дочь Друза Юлия, в прошлом жена Нерона, унижившая себя до брака с Рубеллием Бландом, деда к-рого, римского всадника родом из Тибура, многие хорошо помнили. Скончавшийся в конце года Элий Ламия был удостоен цензорских похорон; освобождённый, наконец, от призрачного управления Сирией, он занимал должность префекта города Рима; происходил он из хорошего рода, и, несмотря на возраст, был бодр и деятелен; придавало ему достоинство и то, что он не был

отпущен в свою провинцию. Затем, по смерти пропретора Сирии Помпония Флакка, в сенате оглашается письмо Цезаря, в котором он сетовал, что наиболее выдающиеся и способные начальствовать войском уклоняются от несения этих обязанностей и что это вынуждает его обратиться к сенаторам с просьбой повлиять на нескольких бывших консулов и добиться от них согласия взять на себя попечение о провинциях. Он забыл, однако, о том, что сам он десятый год задерживает в Риме Аррунция и не отпускает его в Испанию. В том же году умер и Маний Лепид, об умеренности и рассудительности которого я достаточно сказал в предыдущих книгах; нет надобности подробно останавливаться и на его знатности, ибо род Эмилиев всегда изобиловал достойными гражданами, а если кто из той же семьи отличался дурными нравами, то и такие не были лишены внешнего блеска» (Ан. 6,27).

Дион завершает анналы 33г. даже мрачнее Тацита и дополняет его по вопросу различных должностных, в первую очередь, провинциально-наместнических назначений: «...Ведь такое множество сенаторов и других лиц рассталось с жизнью, что из-за недостатка должностных лиц, избираемых по жребию, бывшие преторы получали наместничества в провинциях на 3 года, а бывшие консулы – на 6 лет, вследствие нехватки людей, подходящих, чтобы сменить их...» (58,23,5)

БРАКОСОЧЕТАНИЕ ЮЛИИ (ДОЧЬ ДРУЗА) И РУБЕЛЛИЯ БЛАНДА

Резюме этого печального года в опечаленном городе (столица мира!) Тацит коротко подводит событиями, некрологами и реалиями, начиная с (неравного) брака между единственной прямой внучкой Тиберия Юлией и Рубеллием Бландом, который нобилитет воспринял-квалифицировал как мезальянс, чем премного огорчился. Поди не скажи тут, что сам П.Корнелий Тацит, чье происхождение в науке спорно, происходил (всё-таки) из патрицианских Корнелиев, судя по тому, какое значение он (акцентирующий в конце замыкающего 33-й г. н.э. абзаца «Ан.» 6,27 *высококачественность* рода Эмилиев) придаёт потомственной знатности и незнатности, родovitости и безродности.

Впрочем, означенный брак, действительно, выглядел в глазах римской знати бракосочетанием нувориша и принцессы. Родившаяся ок. 6г. н.э. у сына Тиберия – Друза (Ср.), и у дочери Тибериева брата – Друза (Ст.), Ливиллы дочь Юлия побывала ранее замужем за объявленным в 29г. «врагом народа» ст. сыном Германика – Нероном (+ 31г.), и предназначалась затем в жёны, обручённая с ним, «врагу народа» Сеяну (+ 31г.), оставаясь-пребывая на 33г., в возрасте ок. 27-и лет, без мужа и без детей, вакантной-незанятой. Т.е. она подлежала выдаче замуж и была подчёркнута выдана Тиберием не вместе с бывшими на, соответственно, 10 и 12 лет моложе неё дочерьми Германика, Юлией Друзиллой и Юлией Ливиллой, в (январском) начале года, но на (декабрьском) излёте оно, причём за жениха-мужа рангом ниже женихов-мужей её троюродных сестёр.

Сим сделавший в 33г. престолонаследниками в первой степени Калигулу и Гемеллу Тиберий, во-первых, отодвинул Юлию Друзовну с мужем и их потенциальное потомство аж в третий престолонаследный эшелон, после – второй эшелон – дочерей Германика и их незначительных персонально, но более значительных потомственно, нежели Рубеллий, мужей. А во-вторых, так у отодвинутой на дальний план Юлии Друзовны, и главное, у её потенциального потомства, было, по мнению Тиберия, в перспективе (возможных схваток за принципатовский трон) больше (на дистанции от него) шансов выжить.

Престолонаследно-наследственная ситуация явно сложилась в пользу потомства

Германика, сначала — Калигула (с обречённым Гемеллом в довесок), потом — его сёстры (с Кассием и Виницием, плюс Домиций Агенобарб — муж Агриппины Мл. с 28г., при них). Засим, как перспективному Принципату, так и Юлии, с её детьми, будет спокойнее-живучее в третьем эшелоне. Не отодвинул ли в своё время Август, после кончины Луция с Гаем и усыновления Тиберия, от трона Агриппу Постума в пользу Клавдиев! (Гос. резон — превыше всего!) Однако, увы, Агриппа Постум всё равно не уцелел; не уцелеет и погубленная Мессалиной Юлия (Друзовна).

Известный как ритор и декламатор Бланд, дед Рубеллия Бланда, — римский всадник родом из Тибура, был, согласно Сенеке Ст. (Contr.2 praef.5), первым свободнорождённым римлянином, преподававшим риторику в Риме. Точные даты его жизни под вопросом, но если скомбинировать сенекианскую информацию о том, что он был современником декламаторов Помпея Силона (Contr.1,7,13), Бутеона (2,5,15), Пассиена (2,5,17) и Порция Латрона (1,7,10; 2,5,14), двое последних из к-рых скончались в 9 и 4/3гг. до н.э. (Р.л. 645; 1312), с сообщением о посещении школы Бланда Папирием Фабианом, к-рый родился ок. 35г. до н.э., то получится учительствование Бланда в Риме приблизительно в заключительной четверти IV. до н.э. (пик августейшего *Золотого века*).

Притом, кроме риторики, он подвизался на не слишком востребованной у юристов-законников, вояк-государственников и профессиональных краснобаев римлян философской (стоической) ниве⁵⁸, плюс, возможно, коли комментатор Вергилианы Сервий (Georg.1,103) говорит, называя некоего историка Рубеллия Бланда, о нём, пробовался ещё и в летописательно-анналистической истории. Его ничем не примечательный сын Г.Рубеллий Бланд был триумвиром-монетарием при Августе в период кесарского разрешения сенату чеканить медную монету — ок. 25 — ок. 4гг. до н.э.

В свою очередь, одноимённый сын этого монетария, а именно интересующий нас Бланд, внук тибурского ритора, ещё до 14г. н.э. облакал квестуру (CIL 14,3576), далее — нар. трибунат, претуру (CIL 14,3555), и в 20г. — консульство-суф. (Д.И. 530; 567). Стало быть, дата его рождения — не позднее 15г. до н.э., т.е., с одной стороны, его (homo novus) консульство было привилегированным, в то время как с другой, он должен быть на два десятка лет старше, опять-таки, привилегированно (для него) оженённой им в 33г. Юлии

В 20г. Рубеллий выступал в сенате за лишение огня и воды Эмилии Лепиды, против к-рой выдвинул серьёзные обвинения её экс-супруг П.С.Квирий, причём Бланда поддержал, выразив тем самым позицию Тиберия, кронпринц Друз, между тем как в следующем 21г. Бланд, единственный из консуляров, поддержал предложение М.Лепида (конс. 6г. н.э.) смягчить высшую меру по адресу наглого рифмоплёта Клутория Приска, к-рый (сочинитель принесшего ему дивиденды недавнего «Плача» на смерть Германика) поспешил, в видах на новое щедрое вознаграждение, (заранее) сочинить «Плач» на смерть тяжело болевшего тогда Друза.

Позднее — 20-е гг. IV. н.э. — Бланду, предположительно, довелось отпроконсульствовать в Африке или Азии, сенаторствовать⁵⁹, и вот, в 33г., шокируя многих, сделаться внучатым зятем кесаря Тиберия, женив его внучку Юлию. В 36г. Бланд будет, в числе прочих кесарских родственников-зятьёв, включён в состав комиссии по оценке ущерба, нанесённого крупным пожаром на Авентине (Ан. 6,45); на 38г.,

⁵⁸ Если риторика (сродни политике и дипломатии) предоставляет возможность искусно скрывать свои мысли, то истинная философия (сродни истинной поэзии или истинной прозе), их, наоборот, обнажает.

⁵⁹ Кем приходился Г.Рубеллию Бланду консул 29г. н.э. («год консульства обоих Геминов») Л.Рубеллий Гемин — неясно; м.б., — младшим братом?

при Калигуле, он эпиграфически фигурирует – как понтифик (CIL 14,3576), как обновитель алтарей Юпитера и Юноны в Тибуре, и как посвяtitель мраморного алтаря умершей летом 38г. и консеkрированной в октябре сестре Калигулы – Юлии Друзилле. Никаких дальнейших сведений о нём нет, и, думается, что до гибели загубленной, как сказано, Мессалиной, при Клавдии, Юлии Друзовны в 43г. он не дожил, умерев раньше.

Их дети – сыновья Рубеллий Бланд, Рубеллий Друз, Рубеллий Плавт, и дочь – Рубеллия Басса. К первому обращается Ювенал (60 – 127г.), иронично напоминая ему, образцу аристократической гордыни, о его дутой знатности только за счёт происхождения по линии матери: «Речь для кого я веду? Я к тебе обращаюсь, Рубеллий / Бланд. Ты на древнем надут родословном дереве Друзов...» (3,8,39/40). Второй – Р.Друз – известен лишь по надгробной надписи – Drusus Blandi f(i)lius (CIL 6,16057). Зато третий – Р.Плавт – наличествует и у Тацита (Ан. 13,19; 14,22; 57-59; 16,10; 30; Ист. 1,14), и у Диона (62,14,1).

При Нероне уход других Юлиев-Клавдиев выдвинет его, внука потомственного Клавдия Друза, сына усыновлённого Августом в gens Iulia Тиберия, на передний престолонаследный план в качестве сопринадлежающего Юлиам-Клавдиям равноправного члена дома Augusti, к-рый не уступал знатностью (сыну Агриппины Мл.) Нерону, бывшему, по материнской линии, внуком Германика, как (сын Юлии) Плавт был внуком Друза.

В 55г. старая интриганка Юния Силана вменит матери Нерона, 40-летней Агриппине, будто она задумала свергнуть отодвинувшего её от власти сына, решив выйти замуж за максимум 21-летнего Плавта, и таким образом, вернуть себе верховную власть (Ан. 13,19-21). Тогда Агриппине удастся оправдаться, Силану отправят в ссылку, а нетронутый Плавт вскоре женится на Антистии Политте. Тацит характеризует его как приверженца стоической философии, чтившего установления предков, имевшего суровый облик, жившего безупречно и, из осторожности, незаметно (Ан. 14,22), что противоречит образу (другого) Рубеллия Бланда у Ювенала (хотя некоторые историки сводят двух братьев в одно), и что способствовало росту его (на фоне деградирующего Нерона) популярности среди римлян.

Эта популярность будет расти и в 60г., когда на небе появится комета, в ней увидят предвестие смены властителя. В ответ обеспокоенный Нерон предпишет-порекомендует Плавту удалиться (ради спокойствия Рима и римлян) в свой наследственный удел в Азии, что Плавт и сделает, взяв с собой жену Антистию и немногих домочадцев.

Но в 62г. входящий в силу сменщик-преемник умершего преторианского префекта А.Бурра подонок Тигеллин обратит внимание кесаря на опасную близость ссыльных Суллы Феликса (сын консула-суф. 31г. Ф.Корнелия Суллы) (Т.Г. 607/08) в Нарбоннской Галлии и Рубеллия Бланда в Азии к войскам: первого – к германским, второго – к сирийским легионам. Мало того, Тигеллином будет инкриминировано Плавту высокомерие стоической школы и самовольство.

В результате, и обедневший-беспечный Сулла, и богач Плавт, богатство к-рого очень привлекало Тигеллина, подвергнутся ликвидации (Ан. 14,57-59). Их головы доставят Нерону, к-рый, по поводу головы Суллы, издевательски заметит, что её портит ранняя седина, а по поводу головы Плавта скажет: «Я и не знал, что он такой носатый» (Дион 62,14,1); или, как стоит в некоторых переводах: «И ты, Нерон, боялся этого носатого человека?». Хреново, когда тиран на троне одновременно актёр из погорелого театра!

И примечательно то, что письменно предупреждённый своим тестем Л.Антистием Ветом об угрожающей ему смертельной опасности ссыльный Плавт, философски проводя время в обществе стойков – туска Музония Руфа и грека Керана

(к-рые будут советовать ему предпочесть мужественную смерть жизни в неуверенности и страхе), не попытается ни скрыться, ни предпринять что-либо для самозащиты, – типа использования мятежных настроений в Азии или обращения к каким-либо войскам. Застигнутый убийцами в полдень готовящимся для ежедневных телесных упражнений, он подставится мечу центуриона без колебаний, глаза в глаза.

Сенаторы же, реагируя на послание Нерона, кто лукаво не признается в умерщвлении Плавта и Суллы, написав, что хотя они были преисполнены мятежным духом, тем не менее, бдительный император зорко следит за безопасностью государства, ответят деспоту подобающей аналогичной монетой, постановив назначить благодарственные молебствия и исключить (уже мёртвых!) Суллу с Плавтом (преисполненных-де мятежным духом) из состава сената (Ан. 14,59). Впрочем, обо всём этом см. подробный анналистический рассказ ниже.

И наконец, единственная дочь Рубеллия Бланда и Юлии – Рубеллия Басса, станет женой одноимённого сына консула-суф. 33г. н.э. Г.Октавия Лената и бабкой консула 131г., при Адриане, Сергия Октавия Лената Понтиана.

Л.ЭЛИЙ ЛАМИА

Луций Элий Ламиа, к-рый скончался, по некрологу Тацита, в конце 33г. н.э., в должности городского префекта Urbī, происходил из старинного плебейского рода, делившегося на следующие основные ветви: сначала – Paeti – Петы (с начала Vв. до н.э.); а впоследствии, с IV. до н.э., – на взошедших в нобилитет – Tuberoni и Lamiae.

Если фамильный номен Aelius (ранние формы – Ailius или Allius), вероятно, (пережившее метаморфозы) теофорное производное от греческого Ηελος – Г(Х)елиос – *Солнце – солнечный = солярный*, то когномен Lamia друживший с нашим Элием Гораций (Carm.1,26,8; 36,7; 3,17; Epist.1,14,6) шутивно выводит от имени мифического царя листригонов – грозного Лама. Листригоны – народ великанов-людоедов, к-рых повстречал странствовавший на 12-и судах Одиссей, к-рые разбили, бросая в них огромные камни со скал, 11 судов и съели находившихся на них Одиссеевых спутников, тогда как самому хитроумному Одиссею на 12-м корабле удалось чудесно спастись («Одиссея» 10).

При всём том, если слова Гомера о настолько коротких ночах в стране листригонов, что пастух, выводящий утром стадо на пастбище, встречал пастуха, загоняющего свой скот на ночь в стойла, настойчиво указывают на (гипербореийский) север и на почти белые ночи, то согласно устоявшейся традиции, место обитания этих мафиозных великанов-людоедов – восток острова (не менее мафиозных одноглазых великанов-циклопов) Сицилия. По мнению же многих римлян, листригоны, побеждённые Геркулесом, жили в Лации или в Кампании, близ города Формии.

Хотя помимо этого царственно-листригонского Лама – основателя города Телепила, мифологии также известны: Лам – сын Геракла и Омфалы; или Лам – речной бог, отец благоухающих утренней свежестью прекрасных нимф дождя – Гиад.

С др. стороны, (L)lamia – общеупотребительный латинизм, обозначающий ведьму. Так звали дочь Посейдона, влюблённую в Зевса и родившую от него Сибиллу Ливийскую (Павсаний 10,12,1). Ревнивая Гера убила её детей, превратив её саму в зверя-людоеда и пожирательницу чужих детей, с каковых пор она безумствует, вдобавок к тому, лишённая Герой сна, вынимает, чтобы суметь уснуть, свои глаза и кладёт их в чашу (как зубные протезы! – К.З.), становясь на время сна безопасной («Суда»).

Или Ламиа – дочь Бела и Ливии, к-рую Гера лишила разума за любовь к ней Зевса, вследствие чего она убила своих детей, взялась соблазнять чужих мужей и

пить их кровь. Или ламии — ночные привидения-вампирицы, к-рые под видом прекрасных дев привлекают-завлекают юношей и безостаточно высасывают у (из) них (влюблённых в себя) кровь (Страбон 1,2,8; Диодор 20,41).

Или — это коварные существа-погубительницы, сродни сиренам и nereидам, с головой и грудью женщины, но с телом змеи. То-то в демонологии слово «ламиа» обозначает вампира или ночной кошмар. Либо — ламии — злые духи, обитающие в лесах, оврагах, заброшенных замках. То-то в «Вульгате» Иеронима Ламиа — эквивалент еврейского имени Лилит, кто, как известно, была первой каббалистическо-демонической женой Адама. То-то прозвище «Ламиа» у римлян первоначально, как полагают, означало или, во всяком случае, могло означать (ироничное) — *пугало*; *чучело*.

В I/II вв. римские Элии, Тубероны и Ламии, не считая малочисленных — неветвистых или единичных — Катов, Галлов, Сеянов и др., процветали, заняв видное положение при Августе, и олицетворяя веком позже, согласно Ювеналу (4,154; 6,27), очень знатное происхождение, уж не говоря о популярности и распространении номена *Aelia* со времени (повелевшего воздвигнуть на месте разрушенного Иерусалима город *Aelia Capitolina*) императора-эллинофила Элия Адриана (117 — 38гг.), к-рый, в отличие от потерпевшего катастрофу веком ранее (элиминированного Тиберием) Элия Сеяна, кесарем (усыновлённый Траяном) сделался.

Поминаемый некроложным Тацитом Ламиа был внуком неказистого на вид всадника Л.Э.Л., за что его высмеивал, согласно Цицерону (*De or.* 2,268/69), знаменитый оратор Л.Лициний Красс (конс. 95, цензор 92гг. до н.э.), и сыном дружного Цицерону одноимённого отца, к-рый посредничал между Цицероном и Антонием в 48г. до н.э. («К Аттику» 11,7,2), облакал в 45г. эдильство (13,45,1) и в смутном 43г. добытую при Цицероновой поддержке претуру (*Ad fam.* 11,16,7). А запомнился он современникам и потомкам тем, что, заболев нераспознанной летаргией, подвергся (приняв ужасную смерть) кремации заживо (Валерий Максим 1,8,12; Плиний 7,173).

У него было два сына — Луций и Квинт, второй из к-рых, следуя Горацию, рано умер (*Epist.* 1,14,6/7). Далее, исходя из консульства Луция в 3г. н.э., дата его рождения — не позднее второй половины 30-х гг. IV в. до н.э., однако, его дружба с Горацием (65 — 8гг. до н.э.), пожалуй, ратует за его рождение ок. 41/40гг. до н.э., т.е. ему выпало облечь консульство по непривилегированному староримскому возрастному цензу в возрасте ок. (положенных при Республике) 43-х лет, что дополнительно подтверждается словом Тацита о его преклонном, вероятно, за 70 лет, возрасте на момент кончины.

В 4 — бгг. он был легатом поднятого августейшим усыновлением (4г. н.э.) в кронпринцы № 1 Тиберия в Германии и Иллирии; в 15 — 17-м или в 16/17гг., ещё в пору не разожжённого или, м.б. недоразожжённого пиратом пустыни Такфаринатом большого (превратившегося со временем в 7-летнюю — до 24г. — войну) восстания (17г.), проконсульствовал, как предшественник первым разбившего Такфарината Фурия Камилла — проконсула 17/18гг., в Африке. Именно с оглядкой на неодолимую тогда Элием победу Веллей пишет о нём, «что самым блестящим образом исполнявший свои обязанности в т.ч. в Африке, он не получил триумфальных почестей, потому что не доставало повода, а не заслуг» (2,116) (Д.И. 98).

Как видим, оглядываясь на пишущего в 29/30гг. супертиберийца и архисеяниста Веллея, Элий Ламиа находился, при Тиберии и мощнеющем Сеяне, в немалой чести, и потому не удивительно само его назначение в 22г. вместо Гн.Сентия Сатурнина (конс.-суф. 4г. н.э.), свитского Германика, сменившего в непростых условиях Кальпурния Пизона и отлегалурившего в Антиохии-на-Оронте с 19 по 22гг., легатом ориентально-ключевой Сирии (Д.И. 1219-22). Притом Элий возглавлял

Сирию де-юре, так сказать, осуществляя провинциальное управление, к-рое Тацит правомерно называет «призрачным», из Рима, на протяжении аж 10-и лет, по 32г. Но на место, в провинцию, Тиберий его так и не снарядил, не отпустил.

Посему не случайно в своём шестизначном синхронизме датирующий-хронологизирующий выступление, в формате События Голгофы, Иоанна Предтечи 15-м годом правления Тиверия кесаря Ев. Лука (3,1) о легате Сирии молчит, легата Сирии не называет, не упоминает, тогда как Рождество Иисуса (Нафанида) 25.12.1г. н.э. совершенно точно датируется у предельно компетентного (сирийца-антиохийца родом) Луки (2,2) именно временем-интервалом (первого) правления Сирией Квирина = временем (первой) переписи в (первое) правление Квирина Сирией (1/2гг. н.э.).

И не примечательно ли в данной связи, что если греч. имя «Лука» истолковывается как *свет, светлый, светящийся*, то и римское имя «Луций» (Люций) тоже означает – *свет, светлый, блестящий*.

Как бы то ни было именно Луций Элий Ламия возглавлял в пору выступления Предтечи и Крещения Иисуса – 28 – 30гг. – Сирию де-юре, не могучи хрономаркировать (подобно Квиринаю) эти События Мистерии Голгофы де-факто, ибо обретался не в Сирии, но в Риме. Поэтому его отсутствие в (не ставшем семизначным) шестизначном синхронизме (где Рим, при пропущенном-опущенном сирийском звене, репрезентируют кесарь Тиберий и префект Иудеи Пилат) прекрасно информированного (удостоверьтесь воочию) Ев. Луки – и вполне корректно, и вполне понятно.

* * *

Между тем, из Тацита (1,80), Светония (Тиб. 61; 43), Диона (58,19,5/6) известно как об оставлении Тиберием наместников (и не только наместников) на длительное время в должности, так и о прецедентах неотпущения им назначенных легатов в провинции. Тацит говорит о тиберианском обыкновении «удерживать большинство должностных лиц во главе тех же войск и тех же гражданских управлений» (1,80) приложительно к многолетней балканской легатуре Пoppея Сабина (11/12 – 15 – 35гг.). Или возмём 11-летнее наместничество в Иудее Валерия Грата; либо – 10-летнее – Пилата. Или начальствование с 29г. и до кончины в 37г. Тиберия (плюс – по 39г. при Калигуле) над германскими легионами Гн.Корнелия Лентула Гетулика (конс. 26г.)...

Светоний, известив об окончательно осевшем на Капри, по возвращении с материка после обвала фиденского амфитеатра, Тиберии (27г.), продолжает: «Более он не пополнял декурии всадников, не назначал ни префектов, ни войсковых трибунов, не сменял наместников в провинциях; Испания и Сирия несколько лет оставались без консульских легатов...» (41). Ниже читаем: «Одного или двух проконсулов, уже получивших провинции, он никак не решался отпустить и держал их при себе, пока через несколько лет при них же не назначил им преемников: всё это время они сохраняли своё звание и даже получали от него многие распоряжения, к-рые усердно выполняли через посланцев и помощников» (63).

Очасти так, отчасти не совсем так и отчасти совсем не так. Светоний огрубляет-вульгаризирует-схематизирует. Тиберий умел своевременно отреагировать, когда того требовали обстоятельства, и очень ответственно подходил к провинциальному управлению, но интерес к различного рода гос. делам у него и вправду, с течением времени, с возрастом, пошёл на убыль – поэтапно, частично, после уединения с

26/27гг. на Капри (что, однако, нельзя, сходно Светонию, абсолютизировать), и главное, именно с составившего пик «большого террора» 33-го г. н.э.

Ведь именно тогда, после падения в 31г. Сеяна, расправившись с большинством противников, псевдопротивников, осуждённых, подследственных, тиран сам понемногу пошёл на убыль, и чем дальше, тем больше подпадал стагнации, пытаясь как бы остановить время, сиюсь схватить его за ноги, что выразилось, в частности, в ещё большем старческо-консервативном нежелании каких-либо перемен, каких-либо новых, за исключением острой необходимости, назначений, пополнений, изменений и т.д.

По поводу неотпущения назначенных в провинцию легатов, речь, если всмотреться, идёт о двух легатах и двух провинциях (что Светоний констатирует, и всё-таки, солидарно с Тацитом, создавая видимость множественности, погибает). Спрашивается, о каких? О провинциях ключевых, легионизированных, кесарских, — на самом востоке и на самом западе империи (от Столпов Мелькарта до Евфрата). Так, в Риме не случайно сидели (исполняя из столицы кое-какие легатские обязанности) сиднем назначенный в 22г. в базовую на азиатском востоке Империи Сирию Элий Ламия и назначенный в 25г. в окраинную, на предокеанском западе, между Галлией и Африкой, Тарраконскую Испанию (Citerior), после гибели там убитого местным убийцей-одиночкой легата Л.Кальпурния Пизона (Ан. 4,45), М.Л.Аррунций (конс. 6г. н.э.).

В Сирии стационарировались, при Тиберии, 4 легиона; в Испании — 3. Т.е. это была огромная сила, к-рую недоверчивый-мнительный-подозрительный кесарь предпочитал подкомандно, во избежание чьего-либо потенциального мятежа, контролировать через лично преданных ему (а не преторианскому префекту Сеяну), старому заслуженному вояке-маршалу, (д.б., великовозрастных) легатов легионов. Им кесарь доверял больше, нежели знатым наместникам из сенаторского сословия и держал-приберегал означенные провинции, равно расквартированные в них боевые части, на пожарный случай какого-либо мятежа и необходимости бегства в дальнюю провинцию, к дальним легионам.

Не сказано ли у Светония о вознаграждении, помимо преторианцев, сирийских легионов «за то, что они одни не поместили изображения Сеяна на своих значках» (Тиб. 48). И ещё Светоний говорит о том, что во время рискованной ликвидации Сеяна корабли уже были готовы, чтобы бежать к какому угодно войску... (65). Уж не в Сирию ли (пожарный тыл)? Скорей всего, — туда. Или, м.б., коли с Сирией выйдет непредвиденная осечка, в Тарраконскую Испанию?

Посему пусть Элий и Аррунций (к-рого, к слову, Сеян хотел убрать, но к-рый, в свете осторожного запуска контрсеяновского заговора Тиберием, в 31г. уцелел, более того, в 32г. его обвинители, Аррузей и Санквиний, были наказаны) сидят в Риме и отправляют, по некоторой возможности, свои ограниченные административно-наместнические полномочия из Рима (в то время как о войсках, их готовности и настроениях, заботятся войсковые легаты-тиберийцы). Так оно безопаснее, так оно сподручнее.

И благо внешнеполитическая обстановка позволяет обходиться без этих легатов-наместников на непосредственно этих местах. Со стороны испанского (и прииспанского) запада Империи ничего не угрожает. Со стороны сирийского востока (до кончины в проримской Армении царя Зенона-Арташеса в 34г., с последующей активизацией парфян в 35г.) и там между Римом и Парфией царил заключённый в 18г. Германиком (временно прочный) мир.

Тем не менее, расправившись с Сеяном, Тиберий в 32г. (когда конкретно сеяновская опасность отпала-миновала) назначил в слишком долго сирую Сирию, где, надо полагать, накопилось много дел-проблем, персонально дружного (и собрав-

ного) ему Л. Помпония Флакка. А пожилой Элий Ламиа облёк в том же 32г., после смерти 20 лет пробывшего (с 12г. н.э.) градоначальником Рима другого многоопытно-великовозрастного ветерана Кальпурния Пизона Фруги (конс. 15г. до н.э.), городскую префектуру Urbī.

В остальном (бодрый и деятельный, несмотря на возраст) засемидесятилетний Элий, к-рый сменил назначением 73-летнего Тиберия умершего в возрасте ок. 80-и лет Пизона (чем не советско-брежневская геронтократия!), пробыл градоначальником недолго, скончавшись на посту, согласно Тациту, в конце 33г. н.э. и удостоившись почётных государственно-цензорских похорон.

Причём последнее, как и само градоначальническое назначение, дополнительно подтверждает не столько насмешку над ним, сколько минимум толерантно-уважительное отношение к нему недоверчивого императора, к-рый, повторим, не отпускал его на протяжении 10-и лет в провинцию из соображений вышеприведённых нами прагматических раскладов-расчётов озабоченного собственной = гос. безопасностью властителя-деспота. В то же время 10-летнее удержание Элия в Риме дополнительно подняло его значимость и значительность в глазах глухо-пассивно оппозиционных к императору нобилей, что тоже вполне понятно. Умер как бы скрытый и небезопасный тирану как бы оппозиционер, кто в реальности оппозиционером никогда не был.

Л. ПОМПОНИЙ ФЛАКК И ИРОД АГРИППА

Помпонии – разделившийся со временем на множество ветвей римский плебейский род, гордо выводивший свою родословную от Помпо (Помпий) – отца, а не сына, что настоятельно подчёркивалось, второго римского царя (преемника Ромула), правившего в VIII/VII вв. 43 года и получавшего инспирации от нимфы Эгерии – сакрализатора Рима – Нумы Помпилия, к-рого они считали родоначальником gens Pomponia (Дионисий Гал. 2,58,2; Валерий Максим ed. Kempf. 588). Тот на реверсе монеты (ок. 94г. до н.э.) ближе неизвестного Помпония Молона изображён приносящий жертву Аполлону основатель фамилии, с торжественной надписью – NVMA POMPII.

Правда, согласно Плутарху (Нума 21,2), Эмилии, Кальпурнии, Пинарии и Помпонии выводятся от 4-х сыновей Нумы – Мамерка, Кальпа, Пина и Помпо. Старейшие из исторически задокументированных Помпониев – трибуны plebis 449 и 395гг. Со второй половины III в. до н.э. известны Помпонии Матоны; во II/I вв. до н.э. – Помпонии Аттики; с I/II вв. н.э. – Помпонии Бассы. Помпониев связывали родственные отношения с Эмилиями, Корнелиями, Папириями. Помпоний Бононский – первый автор и обработчик ателлан (ок. 90г. до н.э.); Гн. Помпоний – знаменитый оратор, погибший при сулланской диктатуре – в 82г. до н.э.; Помпоний Атик – друг Цицерона, богатей и тесть М. Агриппы, дочь к-рого от Помпонии Випсания была первой (единственно любимой) женой Тиберия и матерью Друза (Т.Г. 645).

Из какой ветви Помпониев происходил облакавший консульство в 17г. н.э. Луций Помпоний Флакк, мл. брат консула-суф. предыдущего 16г. – Г. Помпония Грецина, – вопрос, но, учитывая его близость с Тиберием, можно предположить какую-то близкую сопринадлежность-сопричастность этих братьев Помпониев, корнями из умбрийского Игувиума, к Помпониям Аттикам. Хотя оба брата, похоже, носят индивидуальные прозвища, притом когномен Flaccus (наиболее распространённый у фамилии Фульвиев родом из Тускула) означает – *лопаухий*.

Не примечательно ли, что два (богемных) легата Сирии времени Таинства Гол-

гофы — Элий, и сменивший его (не покинувшего Рим) Помпоний (*Lamia — чучело/ пугало; Flaccus — лопухий*) — носят преномен Луций, между тем как два (совсем не божественных) легата Сирии времени (дуалистического) Рождества Христова, т.е. Рождества Иисуса Соломонида 6.01.1г. до н.э. и Рождества Иисуса Нафанида 25.12.1г. н.э., звались именем Публий (*народный*). Это — посредственный службист и хапуга П.Квинктилий Вар (2г. до н.э. — 1г. н.э.), и сменивший его отличный службист П.Сульпиций Квирий (1/2гг. н.э.). (Сульпиций — *сверкающий*; Квирий — теофорный когномен; Квинктилий — «квинктинальное»-пятиричное прозвище; Вар — *кривоногий*) (Р.л. 481-92; 1231/32).

Далее, если Элий Ламия дружил с Горацием, то сходно музюлюбивые братья Помпонии водили дружбу с Овидием (+ 17г. н.э.), к-рый, находясь в ссылке у чёрта на куличках, во фракийском захолустье, на берегах Понта Эвксинского, релегационно отправленный туда Августом и не возвращённый оттуда (верным августинцем) Тиберием, адресовал каждому из братьев Помпониев «Письма с Понта» (13 — 16/17гг. н.э.) (два — 1,6 и 4,9 — Грецину; одно — 1,10 — Флакку).

Исходя, опять-таки, из близости Помпония Ф. к Тиберию, он, по всей вероятности, стал в 17г. н.э. (как его брат годом раньше) консулом, по привилегированно-возрастному цензу, в возрасте ок. 33-х лет, т.е. родился ок. 17г. до н.э. (или оба брата родились в 20-е гг. Ив. до н.э.). Но ещё раньше мы видим его легатом широкополномочного балканско-ахайского легата Поппея Сабина в Мезии — 13 — 15гг., а после консульства, в 18/19гг., снова (*iterum*) легатом Мезии, где он, по поручению Тиберия, выполнял специальную шепетильную миссию — завлечь в ловушку и пленить фракийского династа Раскупория, к-рый вероломно убил своего племянника Котия. И это тиберианское задание было им искусно выполнено.

С 19г. Флакк на 12/13 лет исчезает из поля видимости. Иные, помимо названных, ступени его, женатого на некоей Меммии, *cursus honorum*, до сирийской легатуры, — в тумане. Информация же о его назначении в Сирию имеется у Светония, к-рый смыкает оное, в контексте характеристики порочных тиберианских нравов, с произведением в префекты Рима Л.Пизона (сын покончившего самоубийством — 20г. — визави Германика — Гн.Кальпурния Пизона) в 36г., и пишет, смешивая-смыкая два назначения 32 и 36гг., что Тиберий однажды два дня и ночь напролёт обедался и пьянствовал с Помпонием Флакком и Луцием Пизоном, одного из к-рых назначил наместником Сирии, другого — префектом Рима (42).

Речь здесь у Светония, само собой, не о Л.Кальпурнии Пизоне Фруги (сын консула 58г. до н.э. — Пизона Цезония), кто (конс. 15г. до н.э.), назначенный префектом Рима ещё при Августе, в 12г. н.э., умер в 32г. (Т.Г. 1020-25), и кого сменил на посту городского префекта освобождённый от (псевдо)управления Сирией из Рима Элий Ламия, а о Пизоне, ставшем префектом Рима в 36г., после кончины сменившего, в свою очередь, умершего в ранге префекта Города к концу 33г. Элия — (тоже близкого Тиберию) Косса Корнелия Лентула Гетулика (конс. 1г. до н.э.) (см. ниже).

Относительно же Помпония Флакка, нетрудно представить, насколько он пользовался доверием Тиберия, если сабантуйствовал с ним в первые 9 месяцев по свержении Сеяна в октябре 31г., после чего Тиберий до лета 32г. опасно не покидал отвесную каприйскую виллу Ио, и более того, был назначен-направлен в (10 лет остававшуюся без легата на месте) Сирию (с её четырьмя легионами), куда прибыл оптимально летом 32г. н.э. (Т.Г. 837-42).

И тут, в Сирии, в Антиохии-на-Оронте, имели место, по всему, в 33г., его встреча и конфликт с Иродом Агриппой (Р.л. 900; 985/86; 1152; 1273/74; Д.И. 39; 64; 75; 157-60; 1220; 1246/47; Т.Г. 645; 688; 842), о чём мы упоминали в предыдущих книгах и на чём сейчас следует остановиться подробнее.

Если Тацит сообщает о Помпонии Флакке постфактум, в связи с кончиной как его сменщика Ламии, так и его самого на легатском посту в Сирии, то у Флавия имеется информация о деятельности его в бытность сирийским легатом, причём хронологически она приходится именно на занимающий нас сейчас анналистически 33-й г. н.э. И связана эта информация с Иродом Агриппой, точнее, с его пребыванием у Флакка в Антиохии (И.д. 18,6). Следовательно, надо обратиться к персоне Агриппы, с к-рым мы много раз встречались в наших предыдущих книгах, и к-рый, стало быть, читателю хорошо знаком.

Итак, начнём, подчеркнув, что здесь мы имеем дело с, зачастую, скомканным, по причине недостатка у него информации за период с I по ок. 37гг. н.э. Флавием, из-за чего ущербная *флавиана* полна лакун, содержит неточности или ошибки, и нуждается в нередких исправлении, дополнении, корректуре...

* * *

Ирод Агриппа, наименованный Агриппой в честь и в память старшего друга-патрона Ирода I-го М.Випсания Агриппы (+ 12г. до н.э.), родился в 10г. до н.э. как сын мл. отпрыска царя Ирода от Хасмонейки Мариамны Аристовула (казнённого отцом вместе со ст. братом Александром в 4г. до н.э.) и дочери Иродовой сестры Саломии – Береники (Р.л. 1390). Дети Аристовула и Береники это, кроме Агриппы, его ст. брат – Ирод, в 41 – 48гг. – тетрарх Халкиды, сёстры – Иродиада (жена Ирода Боэта; потом – тетрарха Филиппа; потом – тетрарха Антипы) и Мариамна (первая жена этнарха Архелая, оживившего затем вдову своего сводного брата Александра Глафиру Каппадокийскую), и их мл. брат – Аристовул.

После смерти Ирода I, когда его сыновья Архелай и Антипа наперегонки отбыли весной 1г. н.э. за августейшим арбитражем, по поводу различных отцовских завещаний, в Рим, Саломия отплыла с Антипой, чтобы поддержать его против Архелая. Её сопровождали сын Антипатр и дочь Береника, к-рая взяла с собой 10-летнего сына Агриппу, и к-рая, по возвращении её матери, за кем Август утвердил (по Иродову завещанию) Ямнию, Азот, Фазаилиду, в Палестину, осталась с Агриппой в Риме. Там она сдружилась с вдовой Друза Антонией (мать Германика, Ливиллы и Клавдия), а Агриппа, в свою очередь, сдружился с сыном Тиберия Друзом (род. в 14г. до н.э.) и со своим ровесником-одногодкой – Клавдием (род. в 10г. до н.э.).

Как долго Береника и Агриппа оставались в Риме/Италии вместе или порознь, или как часто они (он) туда наезжали (наезжал) – неизвестно, но, думается, что, во всяком случае, Агриппа немало, или, правильнее сказать, большую часть времени проводил, с отрочества и особенно в юности, живя буйной столичной жизнью кутилы и мота, в Риме. Когда же сдерживавшая его транжиристо-гуляночный образ жизни мать Береника умерла, он, по Флавию (И.д. 18,6,1), растратил своё состояние ежедневными кутежами и расточительностью, что, соответственно, он мог сделать-прodelать, будучи для этого уже достаточно взрослым. Т.е., вероятно, смерть Береники последовала во время где-то ок. 20г. н.э., вслед за чем Агриппу окончательно снесло с катушек.

И тут у нас есть важная хронозащепка, т.к. Флавий взаимосвязывает растрату Агриппой средств к существованию и его впадение в бедность со временем после кончины Тибериева сына Друза, когда Тиберий запретил друзьям сына «показываться ему» (на глаза) = появляться при дворе, «чтобы вид их не вызывал в нём горестных воспоминаний о покойном» (18,6,1). Друз умер в 23г., Тиберий отправился на Капри в 26г., значит, речь идёт об интервале между 23 и 26гг., пусть не исключены и более поздние сроки. Так или иначе, Флавий сообщает об отбытии-

отплытии впавшего в крайнюю нужду и многим задолжавшего Агриппы (подалее от бедности и кредиторов) в Иудею (18,6,2), что произошло, надо думать, не позднее 25/26гг.

Впоследствии, по Флавию, «не зная, что делать и мучимый стыдом, он отправился в идумейскую крепость Малафу, чтобы там покончить самоубийством. Об этом намерении узнала его жена Кипра (Киприда) и стала употреблять все усилия, чтобы помешать приведению его в исполнение. Так, например, она отправила жене тетрарха Ирода, сестре своей Иродиаде, письмо, в к-ром рассказала о намерении Агриппы и о том, что его к этому побудило, и просила её как родственницу помочь её мужу выпутаться, причём указывала на свои собственные в этом отношении попытки, несмотря на то, что сама не обладала такими крупными средствами. Иродиада и муж её послали за Агриппою, дали ему для жительства Тивериаду, определили ему вместе с тем известную сумму денег на содержание и дали ему звание тивериадского агораном.

Вскоре, однако, Ирод изменил своё решение относительно зятя, хотя то, что он для него сделал, вовсе не удовлетворяло Агриппу. Однажды в Тире во время пиршества возникли у них за вином какие-то разногласия; Ирод стал ругать зятя бедняком и укорять его в том, что он получает своё пропитание от него. Этого Агриппа не снёс; он тотчас отправился к консуляру Флакку, с к-рым был когда-то в Риме весьма дружен и к-рый был теперь сирийским наместником.

Флакк его принял любезно и дал ему помещение, приняв к себе раньше также брата Агриппы, Аристовула, с к-рым Агриппа, впрочем, жил в ссоре. Однако, несмотря на их взаимную вражду, консуляр одинаково дружественно относился к ним обоим и одинаково почитал их. Впрочем, Аристовул успокоился не раньше, чем во вражде своей к брату восстановил против него также и Флакка, причём поводом к этому послужило следующее обстоятельство: жители Дамаска спорили с сидонцами относительно правильности границ. Флакк собирался разрешить их распрю. Зная, каким влиянием пользуется Агриппа у Флакка, они решили просить его о заступничестве и обещали ему за это крупную сумму денег. Агриппа постарался сделать всё в пользу дамасцев. Между тем, Аристовул, к-рый узнал об обещанной брату взятке, донёс о том Флакку. Так как при расследовании этот донос оказался верным, Флакк порвал свою дружбу с Агриппой и прогнал его от себя...» (18,6,2/3)

Убедитесь наглядно, в какой мере из комкающего, вследствие дефицита у него информации, годы и события Флавия, создаётся впечатление, будто отбытие-отплытие Агриппы из Рима/Италии в Иудею и его уединение с мыслями о самоубийстве в Идумее имели место одно за другим в течение якобы короткого промежутка времени. Банкрот Агриппа, конечно, мог отбыть из Рима/Италии в Иудею не позднее, как сказано, 25/26гг., но вот жена его Киприда могла обратиться за помощью к ст. сестре Агриппы Иродиаде, как к жене тетрарха Ирода, не ранее 30/31гг., поскольку Иродиада безразводно ушла от заиорданского тетрарха Филиппа к тетрарху Галилеи и Перееи Ироду не ранее второй половины 30г. н.э. (Д.И. 1243-51; Т.Г. 191-95). Т.е. обращение Киприды к ней за помощью и предоставление Агриппе места-статуса-ранга-должности агораном (смотритель рынков; взиматель податей) в Тивериаде Галилейской оптимально относится к 31г. н.э.

Кипра (Киприда) была дочерью Фазаила, сына погибшего в 38г., при вторжении парфян в Палестину, одноимённого ст. брата Ирода и дочери Ирода от Мариамны II (но не Мариамны I) Салампсио, иначе говоря, она приходилась троюродной сестрой Иродиаде, в то время как Иродиада и Агриппа были родными сестрой и братом, почему презентация Флавием Киприды в качестве сестры Иродиады, когда Иродиада родная сестра Агриппы, в данном раскладе некорректна.

Впрочем, куда более некорректно и ошибочно собственно флавиевское хроно-

повествование. Посему между отъездом из Рима/Италии заправского должника Агриппы и его назначением на должность агораном в Тивериаде пролегал срок (когда кредиторы его донимали-допекали) в 5/6 лет. Да и не похож, честно говоря, Агриппа на самоубийцу от стыда за долги. Подобного рода авантюристы обычно не накладывают на себя руки.

Так или иначе, вмешательство искренне преданной ему супруги и ходатайство его сестры Иродиады перед Антипой вытащили его из безденежной ямы, чем он, правда, мня себя достойным гораздо большего, нежели взиматель податей (мытарь!) и смотритель рынков⁶⁰, остался не очень доволен.⁶¹

То-то не слишком много времени спустя, а точнее, по всей видимости, в 32г., между ним и Антипой, согласно Флавию, на каком-то пиршестве в Тире⁶², вспыхнула ссора, в ходе к-рой Ирод попрекнул родственника-нахлебника куском хлеба, в ответ на что последний разобиделся, порвал с чванливым шурином и подался в Антиохию к сирийскому наместнику Флакку, с к-рым был дружен в пору своего прежнего пребывания-проживания (прожигания жизни) в Риме.

Помпоний Флакк, о чём мы знаем, прибыл в Сирию летом 32г., т.е. Агриппа объявился у него в Антиохии-на-Оронте не ранее осени 32г. Тем временем, там же в Сирии, у Флакка, окопался ещё один бесхозный иродианский династ – мл. брат Агриппы – Аристовул (род. ок. 6г. до н.э.), к тому же, согласно Флавию, братья не ладили между собой.

И вот, судя по всему, уже в следующем 33г. н.э. случилось ЧП. Дамасцы спорили с сидонянами относительно правильности границ их дистриктов, обратившись за разрешением тяжбы к Флакку. В спор оказался замешанным Агриппа, к-рый обещался за взятку оказать содействие Дамаску. Про это стало известно Аристовулу, к-рый с удовольствием сообщил о нечистых руках своего ст. брата Флакку, кто, в свою очередь, когда коррупционная составляющая, в результате проведённого расследования, подтвердилась, отказал Агриппе в дружбе и прогнал его от себя с глаз долой.

А случилось это, по всему, во второй половине 33г., после чего Агриппа, снова впав в крайнюю бедность и претерпев ещё целый ряд мытарств-заключений, о к-рых мы побеседуем ниже (в соответствующем контексте), всё-таки отправился в Италию, куда прибыл в 34, или – самый максимум – в 35г., т.е. минимум за приблизительно два года до кончины (март 37г.) Тиберия, но, ни в коем случае, не за один год (= ни в коем случае, не в 36г.), как грубо ошибочно уверяет, повторим, путаясь и плутая в хронологии означенного периода, (нелетописец-неанналист) Флавий (18,5,3).

Касательно же Флакка, Тацит сообщает о его кончине на посту по сообщении о смерти префекта Urbі Элия Ламии в Риме именно в конце 33г. Таким образом, Флакк умер несколько позже (?) Элия, скорее, в 34-м, нежели в 33г. С др. стороны, в большей мере, за 34-й, чем за 33-й гг., ратует монета кесарского легата Syriae

⁶⁰ Не примечательно ли само агриппианское становление (милостью Антипы и Иродиады) агораномом в Тивериаде Галилейской, где Иисус не бывал, подходя к ней не ближе окрестностей, в Галилейский год Господа = в (Юбилейное) лето Господне благоприятное – с осени по осень 30/31гг. н.э.

⁶¹ Сохранилась датированная 34-м годом правления Антипы = 31/32гг. н.э., д.б., принадлежащая Юлию Агриппе, тивериадская эпитафия «Г.Юлий агораном» (Р.л.985).

⁶² Тириане и сидоняне, насколько можно вывести из Д.Ап.(12,20), регулярно закупали галилейскую пшеницу, почему поддерживали (тесные) хлебные (и др. торгово-) деловые связи-контакты с владельцами плодородной Галилеи (до 40г. – с Антипой, к-рого осенью 40г., вместе с Иродиадой, Калигула сослал в Лугдуну, передав Галилею и Перею владельцу с 37г. тетрархии умершего в 36г. Филиппа – сделанному Калигулой царём – Агриппе; в 40–44гг. – со ставшим в 41г., милостью Клавдия, царём иудейским в приблизительных границах царства Ирода I – Агриппой) (см. ниже).

Флакка с 82-м годом эры Caesariana, отсчёт к-рой ведётся с 1.10.49г. до н.э. и 82-й год к-рой попадает на время с октябрьской осени 33-го до осени 34г., при, следовательно, 3-х месяцах в 33-м и 9-и месяцах в 34г. (Р.л. 985/86; Д.И. 1229; Т.Г. 839).

Вдобавок к тому, Тацит говорит о 10-й год удерживаемом в Риме легате Испании Л.Аррунция, к-рый был назначен Тиберием в Тарраконскую Испанию в связи с гибелью тамошнего легата Л.Пизона в 25г., сообразно чему, 10-й год (испанской) легатуры Аррунция (из Рима) выпадает на 34/35, но никак не на 33г. н.э. Кроме того, преемник Флакка Л.Вителлий, консул-орд. 34г., прибыл в Сирию в 35г., снаряжённый сюда (независимо от даты его формального назначения) Тиберием, с расширенными региональными полномочиями (как Квириний в 4 – 7г.), после смерти в 34г. армянского царя Зенона-Арташеса и (ново)обострения Армянского вопроса в отношениях между Римом и Парфией (см. ниже).

Так приведённая совокупность событий, в свете их очень нуждающегося в верной реконструкции хронорасклада, пледирует за кончину легата Сирии Л.Помпония Флакка, с большей долей вероятности, уже в 34г. Похоже, что Тацит в «Анналах» (где некрологов за 34г. нет) прагматически сгруппировал-совместил-обобщил некрологи умершего в конце 33г. Элия и умершего где-то в начале 34г. Помпония под 33г. н.э.⁶³

⁶³ Шюрер без достаточных на то оснований склонен принять, пусть даже под знаком вопроса (1,332/33), наместничество Флакка аж до 35г., т.е. до прибытия в Сирию в качестве его преемника консула 34г. Л.Вителлия. Четыре пункта шюреровских аргументов, к-рые мы будем перемежать под той же ответной нумерацией опровержениями, следующие.

1) На момент смерти Флакка, по слову Тацита, Аррунций 10 лет (псевдо)управлял Сирией (из Рима), что он мог делать только со времени после гибели в 25г. кесарско-испанско-тарраконского легата Л.Пизона (Ан.4,45), и потому, мол, 10-й год Аррунция попадает на 35г. 1) Совсем не обязательно, ибо 10-й год Аррунция, отсчитываемый с 25г., попадает, строго говоря, на 34/35г., более того, скорее, на 34-й г., так как в случае 35-го г. Тацит, скорее, сказал бы «10 лет», а не «10-й год».

2) Агриппа прибыл в Рим в начале 36г. = за, по Флавию (И.д.18,5,3), год до смерти Тиберия, после того как он незадолго перед тем посетил Флакка в Сирии, что-де, опять-таки, ратует за кончину Флакка в 35г. 2) И снова нет. Во-первых, в своей хронологии, приложительно ко времени прибытия Агриппы в Рим в неуклюжей увязке со смертью Тиберия, Флавий грубо ошибается, поскольку Агриппа, после ряда злоключений, на к-рые требовалось немало времени, тем не менее, прибыл в Италию не позднее 34/35г., т.е. не позднее, чем за 2 года (или свыше 2-х лет), но никак не (всего) за один год до смерти Тиберия, за полгода до смерти к-рого Агриппе довелось попасть (из-за его длинного языка) в тиберианский застенок, перед тем проведя порядочно, явно более полугода, о чём свидетельствует повествование Флавия (18,6,4-10), времени в Италии, вновь преодолев ряд трудностей и сблизившись-сдружившись с Калигулой на Капри (см. выше и ниже).

3) Прибытие Вителлия в Сирию в 35г. также побуждает датировать смерть Флакка 35-м г., чтобы избежать хронопробела между легатами. 3) И опять нет, поскольку медлительный Тиберий вполне мог не сразу назначить преемника умершему в 33/34г. Флакку, т.е. лишь в 35г.; или же Тиберий мог не сразу снарядить-отпустить консула первой половины 34г. Вителлия в Сирию (не находился ли Элий Ламия, в ранге легата Сирии, аж 10 лет в Риме!), отправив его туда в 35г. только после обернувшейся осложнениями в римско-парфянских отношениях кончины во второй половине 34г. армянского царя Арташеса (см. выше и ниже).

4) Дополнительно аргументируя возможность хроноошибочного сообщения Тацита о смерти умершего, дескать, с большей вероятностью, в 35г. Флакка под 33г., Шюрер ссылается на тацитовские слова о смерти Ирода (Агриппы), к-рый умер в 44г., под событиями 49г. (Ан.12,23). Тацит, действительно, сообщает о смерти, после к-рой их владения были присоединены к Сирии, иудея Ирода и итурейца Созма под 49г., и, сама по себе, ошибка в несколько лет, при сообщении о кончине периферийно-вассального династа, державником Тацитом теоретически очень даже могла быть допущена. Но, судя по обзорно-державному характеру этого сообщения, тут имеет место элементарная накладка умершего в 48г. Ирода Халкидского (брата Агриппы) на умершего в 44г. Ирода (Агриппу), к-рых Тацит совместил-перепутал (см. ниже).

Л.АРРУНЦИЙ

Gens Arruntia появляется в римских анналах только к концу республиканской эпохи — в IV до н.э., достигает консульского-консулярского ранга в августейшие и последующие кесарские времена I/II вв. и иссякает в самом начале III в., при Траяне, суффиктным консульством поэта (Марциал 12,3,10) М.Аррунция Стеллы в 101г.

Одноимённый отец актуального для нас сейчас Л.Аррунция, к-рый фигурирует у Тацита, в частности, под знаменательным своей римско-портретной галереей и некрологами 33-м г. н.э., попал в проскрипционный список триумвиров в 43г. до н.э., но спасся, подавшись к С.Помпею на Сицилию (Аппиан «Г.в.» 4,46). После Мизенского соглашения 39г. стал октавиановцем-цезарианцем (Веллей 2,77,3). В Акцииском морском сражении 2.09.31г. до н.э. командовал левым флангом октавиановской эскадры, стоя против первым начавшего атаку темпераментного антонийца Г.Сосия, кто (антонийский покоритель-завоеватель Иерусалима для Ирода в 34г.) был после сражения пощаждён Октавианом исключительно благодаря заступничеству-ходатайству за него Аррунция (Веллей 2,85/86,2; Дион 50,14,1) (Р.л. 192-96; 204).

У Веллея читаем: «Что касается Сосия, то он был спасён преданностью Л.Аррунция, человека прославленной старинной надёжности, а затем — благодаря Цезарю, с великодушием к-рого он так долго боролся» (2,86,2). Эту пафосную характеристику высокопарного тиберианца Веллея (к-рую можно было бы поставить под сомнение, будь он в одиночестве) подтверждает Сенека (Epist.114,17), согласно кому, подвизавшимся, помимо прочего, на летописном поприще Аррунцием была написана, в духе стиле усердного подражания Саллюстию, «История Пунических войн» (114,17-19).

В 22г. до н.э. Аррунцию Старшему довелось облекать консульство-орд. в паре с М.Клавдием Марцеллом Азернином (Р.л. 319). Примечательно, что согласно полемизирующему с апелляцией к (мнимому) бескорыстию адвокатов (обогащение к-рых зиждится на порче нравов) былых времён Тациту (Ан.11,6/7), если (Азиний) Поллион и (Валерий) Мессала обогатились военной добычей ок. Антония и Августа, то наследникам богатого семейного состояния Эзернинам и Аррунциям легко было, при их богатстве, быть бескорыстными.

Т.е., во-первых, Аррунций был богат, и, вероятно, не потерял, или, точнее, (побывав в проскрипционном списке) восстановил-умножил наследное богатство, вовремя переориентировавшись-соориентировавшись на Октавиана. А во-вторых, из Тацита узнаём о его ораторско-адвокатской активности в судах эпохи августейшего *Золотого века*. В 17г. до н.э. он участвовал как квиндецемвир в подготовке и праздновании Секулярных торжеств.

Его сын консульствовал в бг. н.э. в паре с М.Эмилием Лепидом (Р.л. 1166). Притом, если это было консульство по привилегированному возрастному ранжиру, то время рождения Аррунция Мл. — ок. 30 — 28гг. до н.э. Напомним, — это о нём Август говорил (или якобы говорил), характеризуя (во предостережение Тиберию) видных нобилей, в близком кругу, незадолго до своей кончины (14г.), следующее: Азиний Галл не тянет на принципат, Маний Лепид достоин оно, но откажется, а Аррунций и достоин, и, коли представится случай, дерзнёт (Ан.1,13) (Р.л. 1263).

Не симптоматично ли присутствие всех этих трёх названных Августом нобилей на анналистической авансцене именно 33-го г. н.э., с кончиной ненавидимого Тиберием 72-летнего Азиния Галла в застенке, с кончиной не утратившего доверие Тиберия (д.б.) ок. 55-60-летнего Мания Лепида в своей постели, и с нахождением не отпускаемого подозрительным Тиберием в Испанию ок. 62/63-летнего Л.Аррунция в Риме. Не подобен ли чем-то последний *предпоследнему из могикан* Валерию Мессале (+ 13г.) при Августе, будучи *предпоследним из могикан* при Тиберии, отно-

шение к-рого к Аррунцию, вместе с тем, сильно разнится от отношения Августа к Мессале.

О нет, Тиберий относился к нему, образцу, в (старо)римском понимании, добродетельности и порядочности, гораздо лучше и почтительнее, чем к Азинию Галлу, но, одновременно, держал на подозрительной дистанции, не мешая Сеяну и Макрону до определённой, угодной кесарю, меры угрожающе (мол, не вздумай рыпнуться-зарваться) интриговать против него, и никогда (памятуя августейшее предупреждение) не доверяя ему полностью.

Между тем, в сентябре 14г. Аррунций, в числе др. сенаторов, уговаривал (кокетничавшего перед сенатом) Тиберия принять императорскую власть. В 15г. он, как куратор берегов и русла Тибра, совместно с коллегой Атеем Капитоном, внёс в сенате предложение запрудить притоки беспокойной реки, однако, в связи с протестами муниципиев и колоний оно было отклонено (Д.И. 43/44). В 20г. уже Аррунцем была отклонена просьба обвинённого в оскорблении величия и смерти Германика Гн.Пизона быть его адвокатом, на что, к месту добавить, Маний Лепид, в отличие от многих др., согласился (Д.И. 521). В 21г. Аррунций выступил в защиту своего родственника Л.Корнелия Суллы (конс. 33г.), кому Домиций Корбулон инкриминировал непочтительность (Д.И. 540-42).

Наконец, с 25г. он числился легатом кесарской Испании, оставаясь в Риме и осуществляя управление этой легионизированной (как и Сирия, к-рой аналогично из Рима с 22г. управлял Элий Лаmia) провинции через (подотчётных, перво-наперво, Тиберию войсковых) легатов (Д.И. 1003/04; 1219/20).

Более того, в 31г. враждебный Аррунцию Сеян натравил на него обвинителей в оскорблении величия Арузея и Санквиния, хотя Тиберий, готовя удар по Сеяну, инициировал (ему в пику) оправдание обвиняемого, обвинители к-рого были несколько позже, в 32г., уже после падения Сеяна (18.10.31г.), сурово наказаны (Т.Г. 606; 992; 1007/08; 1010/11; 1024).

И всё-таки, в 37г. с Аррунцем возжелает расправиться (не без отмашки Тиберия) также невзлюбивший его Сеянов преемник Макрон (церберы при фюрерах очень не любят независимо-добродетельных-дисконформных нобилей аррунцианского типа), поклёпно сделал из него любовника Альбуциллы (дочь Аррунчиева соконсула в бг. н.э. — умершего в 36г. М.Эмилия Лепида) и оскорбителя величия, в ответ на что старик Аррунций предпочтёт, не дожидаясь суда и приговора, в видах ещё худшей скорой тирании Калигулы, уйти из жизни, вскрыв себе вены (см. ниже).

МАНИЙ ЛЕПИД

Род Эмилиев (Aemilius; первоначальная форма — Aimilius) — один из древнейших римско-патрицианских gens, о чём сказано у Плутарха («Эмилий» 2), и на чём делает упор Тацит (Ан.6,27). По фамильному имени этого рода называлась одна из 16-и старейших римских триб — Aemilia. Самые первые Эмилии письменных магистративных таблиц носят преномен Мамерк (Mamercus), из-за чего некоторые считали Мамерка эмилианским родоначальником, в к-ром одни хотели видеть сына Пифагора (Плут. «Эм.» 2; Фест ер. р.23), другие — сына друга Пифагора (Плутарх «Нума» 8) — Нумы Помпилия (хотя Нума жил в VIII/VII, а Пифагор — в VI/Vvv.).

Иные же родословники судачили об Эмилии — дочери или внучке-правнучке (ушедшего и увешшего остаток троянцев из Трои) Энея и Лавинии (дочь царя Лациума — Латина), родившей Марсу (от Марса) Ромула (Плутарх «Ромул» 2); либо в качестве родоначальника gens назывался Эмилий — сын (отпрыска Энея) Аскания (Фест «Ер.» 23).

При всех случаях, (исторические, в отличие от мета- или доисторических) Эмилии достигли консульства и консулярского ранга в III в. до н.э., продолжая пребывать-оставаться в сановных римских верхах весь заключительный период Республики и в начальную эпоху Империи, сойдя со сцены и уйдя, но не канув в Лету, вместе с юлианскими Цезарями, вернее, вместе с юлианско-клавдианским императорским домом. Выдающиеся когноминальные ветви-ответвления (весьма породистого, сходно Корнелиям, Клавдиям и т.д., что очень импонирует Корнелию Тациту) gens Aemilia: Барбулы, Лепиды, Папы, Павлы, Региллы, Скавры.

Наиболее часто встречающиеся у них преномены: Гай, Луций, Мамерк, Маний, Марк, Квинт, Тиберий. Так, если «Марк» — один из 18-и (ограниченного, в общей сложности, числа-количества) общеримских (личных имён) преноменов («Г.» — всегда «Гай»; «К.» — всегда «Квинт»; «Л.» — всегда «Луций»; «П.» — всегда «Публий»...), то личные имена «Мамерк» или «Маний» (к-рые, при их сокращённо-инициальном написании, даются, для их различения с «Марком» — «М.», как «Мам.» или «Ман.») — есть преномены двух различных ветвей только дома-рода Эмилиев (как, например, «Аппий» — исключительный преномен одной из ветвей дома-рода патрицианских Клавдиев).

Облекавший консульство в паре с Т.Статилием Тавром в I в. н.э. Маний Эмилий Лепид был сыном ничем не примечательного, помимо его фастического консульства-орд. в 21 г. до н.э., К(в).Эмилия Лепида и внуком вечно третьего в триумvirате с Оттавианом и Антонием (бездарного) М.Лепида (конс. 46 и 42 г. до н.э.), к-рый умер, выведенный из триумvirата и сосланный в Цирцеи в 36 г., как (в ампуларанге великопонтификального преемника Цезаря) великий (преимущественно «цирцейский») понтифик (из-за небрежения к-рого високосные дни вставлялись с 42 по 8 г. до н.э., когда Август, понтифик-maximus с марта 12 г. до н.э., исправил эту грубую ошибку, раз в 3 года вместо 4-х лет), в конце 13 г. до н.э.

В «Д.И.» (542/43; 544) мы указали на то, что этого М(ания) Эмилия Лепида, кому обычно придиричивый и строго-критичный Тацит даёт столь лестную характеристику, часто путали и путают (вследствие, в обоих случаях, преноминального сокращения «М.») с умершим в 36 г. н.э.) представителем другой подветви Эмилиев Лепидом М(арком) Эмилием Лепидом (Павлом) — консулом бг. н.э. — внуком брата триумvира — Л.Эмилия Лепида Павла (конс. 50 г. до н.э.)⁶⁴, и сыном одноимённого консула-суф. 34 г. до н.э. (он же — цензор 22 г. до н.э.).

Причём, отлично от своих никчемных прадеда с дедом и ничем не запомнившегося отца, на одарённого Мания Лепида обратил внимание ещё Август, давший ему наилучшую характеристику из трёх выделенных им нобилей, включая Азиния Галла и Л.Аррунция. Напоминаем, по (обращающемуся к Тиберию) Августу, Лепид достаточно одарён, но притязать на принципат не станет. И Тиберий всю тронную жизнь куда лучше относился к Лепиду, нежели к ненавистному ему Галлу, к-рого он, в конце концов, мстительно сгноил, или — чем к Аррунцию, к-рого он уважал, но к-рому, всегда держа его под прицелом, не доверял, и к-рый в итоге, смертельно устав от унылого настоящего, на пороге худшего для Рима будущего, немного не дотянув до тиберианского конца, покончит самоубийством.

Если Ман.Лепид консульствовал в I в. н.э. по льготному возрастному цензу, то, значит, он родился ок. 23 г. до н.э., однако, судя по тому, что его проконсульство в Азии выпало на 21/22 г., т.е. спустя аж 10 лет после консульства, тогда как положенный срок составлял 5 лет, а льготный мог вовсе проигнорировать пятилетний

⁶⁴ М.Эмилий Лепид Павел и его брат — триумvir М.Эмилий Лепид — сыновья противника сулланской реставрации, выступившего после смерти (диктатора — 82–79 г.) Суллы (+ 78 г.) мятежного консула 78 г. до н.э. — (ничтожного неудачника) М.Эмилия Лепида.

интервал или сократить оный до года, даровитого и заслуженно пользовавшегося репутацией в высшей степени порядочного посредника в спорах и всегда выступавшего за смягчение суровых намерений или приговоров Лепида вообще не интересовал ускоренный карьерный рост.

Значит, его консульство вовсе не обязательно связывать с ок. 33-летним привилегированным возрастом, и потому дата его рождения может приходиться как на 25 – 23-й, так и на время ок. 30гг. до н.э., в каком-то случае, на момент кончины в 33г. (от какой-то болезни) ему вполне может быть ок. 63-х лет.

В 20г. он не убоился взяться за заведомо обречённую на провал безнадёжную защиту визави Германика Гн.Пизона, несмотря на перехлестнувшую через край ненависть к последнему общественного мнения, и несмотря на риск попасть тем самым в число как минимум неблагонадёжных (при, по всякому, памятно-злопамятном Тиберии и, в особенности, при пока перспективных престолонаследных сыновьях Германика, уж не говоря об их дышавшей мезью матери – Агриппине) к императорскому дому, к клану Augustana нобилей.

Согласитесь, при идущей к тирании авторитарно-пирамидальной власти, такой шаг заслуживает уважения, ибо неизвестно чем подобная позиция аукнется, отчего в подобных случаях даже те, кто не желают участвовать в массовой травле, обычно предпочитают скромно отойти в сторону, что означает порядочное поведение, в то время как поведение Лепида можно назвать достойным.

В том же 20г. Лепид выступил защитником своей (предназначавшейся некогда в жёны внуку Августа Л.Цезарю) сестры Лепиды – экс-супруги П.С.Квириния, против которой было выдвинуто множество обвинений: в попытке отравления Квириния, в прелюбодеянии, в отравлениях и в обращении к халдеям с враждебно-колдовскими к семье Цезаря умыслами (Р.л. 1247-49; Д.И. 529/30). Защита потерпела неудачу и найденную виновной Лепиду, по предложению Рубеллия Бланда, приговорили к лишению огня и воды, т.е. к изгнанию с поражением в гражданских правах и с конфискацией имущества.

Затем, в 21/22гг., Лепид, как сказано, проконсульствовал в Азии, притом – невзирая на резкие выпады против него в сенате с требованием не допускать его к проконсульству С.Помпея (конс. 14г. н.э.), несправедливо вменившего ему леность, бедность и назвавшего его позором своих предков. Впрочем, сенат с этим категорически не согласился, назвав Лепида скорее мягким, нежели нерадивым, унаследовавшим бедность от отца и ничем не запятнавшим славное имя предков. И так взятый сенатом под защиту консуляр был допущен к жеребьёвке и отправился наместничать в Азию.

В 24г., после погубления интригой Сеяна (с подачи Тиберия) близких к Германику и, главное, к Агриппине супругов, – покончившего с собой Г.Силия и присуждённой к ссылке Сосии Галлы, когда (неуёмно усердный сервиллист) Азиний Галл высказался за конфискацию половины её имущества, с оставлением второй половины детям (виновного) самоубийцы и (экзилированной) ссыльной, Лепид возразил, заявив, что лишь одна четверть должна быть, по закону, отдана обвинителям, а всё остальное – детям.

Такое предложение в пользу детей «врагов народа», в обществе, где дети за родителей в большом ответе, было чревато гневом как Сеяна, так и Тиберия и, отсюда соответствующими последствиями, что Лепида не устрасило (Д.И. 660-64), и почему Тацит именно здесь говорит о нём следующее:

«И вообще я нахожу, что в те времена этот Лепид был мужем весьма достойным и мудрым, ибо его стараниями были смягчены многие жестокие приговоры, вынесенные другими сенаторами из раболепия перед принципсом. Вместе с тем он не был лишён чувства меры, поскольку Тиберий не только прислушивался к его

словам, но был также расположен к нему. Это побуждает меня задуматься, определяется ли во всём прочем благосклонность властителей к одним и их недовольство другими волею судьбы и предназначенным от рождения жребием или тут кое-что зависит и от нашего благоразумия и можно идти прямым и безопасным путём где-то посередине между непримиримой непреклонностью и низкою угодливостью...» (Ан. 4,20)

Гуманного гражданина и человека меры не гробит его умеренная независимость; выгоdnика и угодника не спасает раболепие. Лепид не лез, зная в какие времена живёт и являясь сыном своего времени, в бутылку, но одновременно не усердствовал в сервиллизме, не рвал зад и не ратовал за суровые приговоры, показывая пример того, как возможно и при проверяющей человека на человечность тирании продолжать оставаться порядочным человеком и гражданином, принося государству, обществу, людям – пользу, а не вред.

И как показывает этот, благо, не единственный в истории Лепидов пример, такого рода сограждан, видя в них именно граждан, но не раболепных подданных, уважают, отдавая им должное, в т.ч., сами тираны. Ведь в жизни не всеобязательно совершать подвиги, или требовать подвигов от всех, и далеко не все их совершают, далеко не все в состоянии их совершить. Достаточно не совершать подлости, что, особенно при тирании, тоже есть своего рода человеческий подвиг.

В 32г., в пору охоты на ведьм, по падении Сеяна, был предъявлен ряд обвинений ненавистному многим, всегда ратовавшему за самые жестокие приговоры многопорочному Котте Мессалину. К примеру, ему инкриминировалась насмешка над посвящённой дню рождения почившей в 29г. Августы (30.01.) трапезой, названной им поминальным обедом; или – сетование на могущество (популярных в сенате и народе) Манья Лепида и Л.Арунция, «с к-рыми у него вышла размолвка в связи с какими-то денежными расчётами» (Ан. 6,7). Притом Котта сказал о них обоих и о себе: «Их, может быть, поддержит сенат, а меня защитит мой Тиберушка» (Т.Г. 1006–08).

И Тиберушка оградил стародавнего приятеля Котту от нападков, не тронув при этом ни едва оправданного в 31г. Арунция, к-рому повезло быть обвинённым усилиями Сеяна в дни, когда дни самого Сеяна были уже сочтены, ни достойного и удостоенного как Тиберием, так и сенатом всяческого уважения мужа меры во всём Манья Лепида. То-то в завершающем анналы 33г. н.э. Лепидовом некрологе Тацит снова оговаривает его особо ценные, по шкале ценностей в трудные-тяжёлые времена, и оказавшиеся спасительными для некоторых людей, что, при всех случаях, немало, умеренность и рассудительность. Т.е. речь о качествах, к-рые нелегко сохранить и ещё труднее обратить на благо в параноидальную пору жестокого засилия и репрессивных усилий всякой государственной сволочи, в пору предательства, взаимодоносительства, повсеместной несправедливости, многочисленных расправ, тотального психоза и массового расчеловечивания лютующих челове(ч)ков.

Кроме того, о Лепиде известно, что он состоял в коллегии авгуров (CIL 398), имел детей, среди них дочь, бывшую замужем за (консулом 33г. и будущим кесарем) Гальбой, был выдающимся мужем и даровитым оратором не только согласно пишущему во Пв. Тациту, а и согласно прожившему без малого 100 лет современнику эпохи Сенеке Ст. (Contr. 2,3,23; 9 praef. 5).

Сомневаться же в дате кончины Лепида – 33г., не следует, поскольку, в отличие от вышеразобранных-уяснённых нами сложностей с датами смертей Элия Ламии в конце 33-го и Помпония Флакка, скорее, в 34-м, чем в 33г., родовитый Эмилий Лепид в конце данного заведомо укомплектованного автором абзаца «Анналов» композиционно противопоставляется-противопологается нуворишу Рубеллию

Бланду, к-рый в начале абзаца шокирует нобилитет своим, не по чину, браком с кесарской внучкой Юлией.

Иначе говоря, дата кончины образца добродетели Лепида из знатного (не чета безродным Рубеллиям) рода Эмилиев, к-рый всегда изобиловал достойными гражданами, при том, что и дурнонравные Эмилии не были лишены внешнего блеска, надо полагать, приблизительно совпала с означенным мезальянсом (Рубеллий — Юлия) где-то на исходе-излёте 33г. н.э.

ЗАВЕРШЕНИЕ ГОДА

Впервые в своей долгой жизни в этом знаменательном Году вселенского События (Событий) Голгофы, под знаком Овна-Агнца, о К-ром Его современник и главный мирской антипод Христа (креатура Антихриста) Тиберий именно как о величайшей из Мистерий ничего не знал и не узнал, он, кесарь-цезарь, родившийся под знаком Скорпиона (знак катастроф и знак обновления), пытался, чувствуя страшное беспокойство и не ведая истинный источник этого беспокойства, ухватить время за ноги. Более того, — тщился-силится остановить его, пожалуй, первый раз в жизни ощутив, до какой степени неумолимо оно всё быстрее идёт-движется навстречу его концу. И пусть счастлив Приам, переживший всех близких, свою смерть всё равно обмануть не получится, не удастся.

Когда он справлял свой 75-й (начиная с первого дня собственного появления на свет) день рождения = 74-й неюбилейный юбилей 16.11.33г., почти через месяц после голодной островной смерти непреклонной Агриппины (18.10.), велел казнить множество шлаковых денунциантов, и уже потеряв или ещё теряя последнего близкого друга Нерву, все враги казалось были повержены и устранены, или самоустранились.

И в то же время сенат с народом безудержно восхваляли его за беспроцентный, сроком на 3 года, вспомоществовательный заем Риму и римлянам, размером в 100 млн. сестерциев из императорской казны (параллельно с предписанием вложения кредиторами 2/3 взысканных с должников сумм в земли Италии как раз в год параболического призыва Христа не зарывать таланты в землю). Плюс после смертей Друза и Агриппины как бы решился вопрос дезигнированных, пока не завещательно, в (т.н.) дуалистические престолонаследники — Калигулы (№ 1) и Тиберия Гемелла (№ 2).

Но, думается, что ещё никогда ему, Юлию Тиберию Цезарю Августу, сказавшему именно в этом году, что счастлив Приам, переживший всех близких, не было так горько и так одиноко, как в конце именно этого как будто на всех фронтах победоносного года. Да, он одержал Пирровы победы и уподобился Приаму, наряду с тем, нисколько не переживая себя победителем, напротив, с пронзительнейшей небывалой остротой переживая вокруг себя и в себе постоянное усугубление несноснейшего гробничного одиночества. Худо тому, кто не ведает, как можно и нужно победить смерть? что есть победа над смертью? и с Кем в себе требуется бросить ей вызов?

Он долго сидел на берегу моря, а не реки, вернее, он сидел над морем, на отвесной скале (чтобы враг не нанёс ему удар в спину), и трупы его врагов не проплывали мимо, не уходили в прошлое, не пребывали в прошлом, они плескались, всплыв (вздутые) на поверхность и не давая забыть о них, в актуальном настоящем, вокруг него, под ним, под взглядом его способных видеть ночью лучше, чем днём, тускнеющих-стекленеющих старческих глаз. Теперь вокруг него из связанных с ним на протяжении всей его длинной жизни людей было намного больше

мёртвых, чем живых. Нелегко живому среди мертвецов, тем паче, когда многие из них на твоей совести, как нелегко мертвецу среди людей!

Тем временем, репрессии обескровили римскую элиту, и не случайно сообщение Тацита (Ан. 6,27) о послании Цезаря сенату с жалобой на уклонение способных нобилей от наместничества в провинциях (куда он, правда, не всех способных отпускал), синхронизируется-параллелизируется с информацией Диона (58,23,5/6) о принятом в конце 33г. решении, разрешающем экс-преторам отправлять наместничество в течение 3-х, консулярам – в течение 6-и лет. Хотя речь тут (в строгом смысле) должна идти о кесарских провинциях, где назначенные кесарем наместники наместничали в течение сроков, угодных кесарю.⁶⁵

Так когда же, не столько спрашивается, сколько восклицается, коли уж Дион говорит об обескровленной элите, подводя черту под 33г. н.э., репрессии достигли пика и столь болезненно дали о себе знать, если не в 33г., к-рый, с полным на то основанием, можно назвать годом пика тиберианского *большого террора!* или, повторим, своего рода нарицательным «37-м годом» в истории тирании Тиберия, к-рый, в свою очередь, по иронии судьбы, отдаст концы именно в 37г. н.э.⁶⁶

А пока у него ещё было остаточное время, к-рое не вообще терпело, к-рое всё ещё терпело. И ему, пережившему большинство близких, оставалось доживать, медленно убывая, не как Приам, но как он сам того хотел, в скверне, на к-рую, впрочем, тоже сил было всё меньше и меньше. Всё пройдёт, как сказал Соломон, или «*suncta fluunt*» («всё проходит», как говорили римляне), и даже наиболее сокровенное из преходящего преходит, тогда как к непреходящему у прошедшего одну из точек невозврата в 33г. Тиберия, в его нынешней тиберианской инкарнации, не было доступа. Христос раскодировал-обнародовал Мистерию Мистерий в год абсолютной середины земной и космической летописи, но подавляющее большинство Его и Её современников, в т.ч., кесарь Тиберий, не увидели, не услышали, не восприняли ни Его, ни Её в упор. (Не случайно говорится, что лицом к лицу лица не увидеть.)

В 33г. н.э. минуло 66 лет с 34г. до н.э. – даты завоевания Иродом (или римлянами для Ирода) Иерусалима. От 33г. н.э. насчитывается 99 лет до начала в 132г. н.э. олицетворяющего дееврейзацию Иерусалима/Иудеи и мировое рассеяние

⁶⁵ При Августе, о чём мы знаем на основе реконструированной-откорректированной нами хронологии, консулярские наместники, например, кесарской Сирии, наместничали не более 5-и лет, а всаднические наместники, например, кесарской Иудеи – находились на посту не более 3-х лет (и августейших, в отличие от долгих тиберианских, примеров более-долее чем 5-летних наместничеств нет). Но назначение кесарских легатов и продолжительность их легатур были прерогативой исключительно кесаря, сообразно чему, принятие решения о 3-х (для преториев) и 6-и (для консуляров) годах-летах, в строгом смысле, имело смысл для сенатских провинций, где официально наместничество ограничивалось одним годом (хотя оно иногда или нередко пролонгировалось-продлевалось и раньше).

⁶⁶ Он когти обрубил народу, и когда
Пред ним, единственным, поверглись все во прах,
В пресыщенной душе он ощущает страх:
Увы, он одинок отныне – навсегда.
Невольн он в раба преобразает друга,
Любовь сжигает он своею жаркой славой,
Как бешеный вулкан неукротимой лавой
Испепеляющий живую зелень луга.
Достигнутая им безлюдна высота,
И тщетно хочет он найти там божество.
Молчит усталое желание его
И гордость алчная давно уже сыта. (Э.Верхарн «Тиран»)

еврейства восстания Бар Кохбы. На 6.01.33г. прошло 33 года от Рождества 6.01.1г. до н.э. Иисуса Соломонида, и с 25.12.33г. (день мученичества Первомученика Стефана) начался 33-й год от Рождества 25.12.1г. н.э. Иисуса Нафанида. От 33г. н.э. 33 года до начала в 66г. н.э. приведшей к разрушению римлянами Иерусалима и храма (70г.) Иудейской войны (66 – 73гг. н.э.).

И Ойкумена в 33г., в отношении международной обстановки, замерла в ожидании. Если 3.04.33г. в Центральной (мексиканской) Америке симметрично-параллельно Таинству Голгофы в Восточном полушарии, уравновешивая это Таинство Таинств в полушарии Западном (из полушария Западного), великим *белым магом* Вицлипуцли (Тескатлипока) был распят крупнейший из *чёрных магов* – Пернатый змей (Кецалькоатль) (Т.Г. 232–300), то *сатурнальный* Китай, на противоположной *сатурнальному* Риму восточной окраине Восточного полушария, после обусловленного глубоким кризисом на рубеже эр кровопролитного Смутного времени, с 25г. н.э., в начальный период Поздней (или – Младшей; или – Восточной) Хань, при императоре (собирателе империи) Гуан У-ди (25 – 57гг.), медленно выходил из кризиса и входил в обновлённую ханьскую силу (Д.И. 699).

С гибелью узурпатора Ван Мана (23г.) и воцарением Гуан У-ди в Лояне, до 28/29гг. остаточные мятежи были подавлены, отряды мятежников всех мастей ликвидированы. Начался период мирного созидания: реставрация, возрождение, новое устройство... К 36г. Ханьская империя восстановилась, вернув отпавшие в пору Смуты окраины, в прежних границах.

С др. стороны, между двумя пограничными сверхдержавами, Imperium Romanum и Парфянским Ираном, в 33г. ещё царил, истекая, чтобы истечь в 34г., с кончиной паритетно устраивавшего обе стороны проримского царя Зенона-Арташеса в Армении, мир, точнее, полуторадесятилетний период мирного сосуществования-коэзистенции, установленный договором 18г. между наместником римского Востока Германиком и царём царей Артабаном III.

Дело было ещё и в том, что на 33/34гг. этот представитель младших (поздних) Аршакидов, адепт великоиранского возрождения с великоиранской партией вокруг него, сумел настолько укрепиться в Большом Иране-Ариане, что готов был воспритязать на традиционно многоспорную между Римом и Ираном Армению (западная оконечность Арианы-Ирана = Дома Иранского), где кончина римского ставленника Арташеса III, в связи с к-рой Иран пожелает пересмотреть выгодный Риму статус-кво, станет для обострения отношений (и ситуации в целом) весьма подходящим поводом.

Третьей же мировой или полумировой державы, при политически раздробленной, в эпоху после Маурьев (315 – 70-е гг. Пв. до н.э.) и до Гуптов (с III/IVвв.), Индии (Д.И. 1144-47-51), к-рая, наряду с тем, всегда была и внутривнутриполитически аморфной, и не экспансивной во внешней политике, тогда не было. Вернее, был Китай, к-рый в своей загималайской отдалённости-удалённости, предпочитая культурную консервацию за Великой стеной, в борьбе двух сверхдержав, одна из к-рых, Парфия, всячески препятствовала прямому контакту между «волчьими» империями, (сатурнальным) Римом и (сатурнальным) Китаем, никак не соучаствовал.

Китайцы продолжали вариться в собственном, преимущественно конфуцианском, соку, борясь время от времени с застенными кочевниками (хунну – гунны) Великой степи, потоки к-рых они периодически, собравшись с силами, вытлкали-выдавливали на запад, часто делая их насущной головной болью Дома Иранского...

Но закончим с Римом. Итак, на исходе, с исходом 33г. н.э. = 786г. а.У.с., уже, пожалуй, ни у кого в римских верхах не было сомнения, что на дворе по истечении *золотого* августейшего, ныне, даже никакой не *серебряный*, а *свинцово-железный век*.

Приоритеты земных свободы и справедливости, ради к-рых Рим пришёл в мир, ради к-рых Рим сделался Республикой и вышел, одолев множество декадентных врагов, на мировые горизонты, оказались духовно исчерпанными.⁶⁷

Оно и понятно, ибо в 30 – 33гг. н.э. был записан на скрижалях человеческого сердца данный Мессией-Христом человечеству Новый Завет (К-рый в последующие десятилетия Ив. н.э. Евангелисты воплотят в Евангелии от Господа Иисуса Христа). Ведь Христос Спаситель, Христос Искупецитель принёс на Землю как альтернативное почти точному римско-юлианскому времени Чистое Время, так и, главное, альтернативную римским свободе со справедливостью Небесную Праведность во Христе, на основе свободы человеческой воли, на основе проведённой через христианский катарсис очищенной-новородившейся во Духе человеческой души, на основе пришедшей со Христом в люди, к индивидуальности Человека, человеческой совести!

И это оказалось, будучи пневматической реальностью (в её подлинности), несравненно выше чуждого истинной пневматике максимум психического мировосприятия-миропонимания не дотягивавшего до Пневмы языческого Рима, в к-ром, к тому же, мумификаторски восстали мумифицированный-забалзамированный фараонский Египет и дряхлый-деградантный Восток.

Проникнутый свинцом Сатурна Рим *кесарева безумия*, вместе с Тиберием, профукал как солярно-центральное Таинство Таинств, так и абсолютную солярную середину метаистории, и тем (духовно выпав из Чистого Времени на обочину цивилизации!) впал, внешне продолжая великоимперски-блистательно экзистировать, во внутренний ступор, в отягощённую начавшимся разложением-распадом (старого мира) внутреннюю стагнацию!⁶⁸

⁶⁷ Не знаменательны ли, при основании Рима, согласно одному из преданий, приводимому Ливием (1,7,1) и Плутархом («Ромул» 9), 6 предзнаменательных коршунов, увиденных Рэмом, и 12 коршунов, увиденных Ромулом! Не 6 ли столетий от 753-48/47гг. до н.э. (основание Рима и начало IV-й Греко-Римской культуры) по 146г. до н.э., когда республиканский Рим, разрушив Карфаген и Коринф, своеобразно кульминировал, неотвратимо предвозвещая, вместе с тем, грядущий Рим императорский! И не 12 ли столетий между VIIв. до н.э. и Vв. н.э., когда, с концом Западной Римской империи (476г.), кончилась история Древнего мира и история Первого Рима (за почти 1000 лет до падения в 1453г. Второго Рима – Константинополя).

⁶⁸ И интересно отметить, что если вступительная часть Мистерии Мистерий Голгофы = Таинство дуалистического Рождества Иисуса Соломонида и Иисуса Нафанида (начиная с Благовещения Ев. от Мф. до возвращения вифлеемского Семейства из Египта) метаисторически свершилась во 2/1 – 1/2гг. до н.э. и н.э., то осевая середина истории Рима, с апогеем Республики и апогеем Империи, пришлась на II/1 – I/IIвв. до н.э. и н.э. (от достижений римлян после II-й Пунической войны 218-01гг. и затем их победы в 190г. до н.э. над Антиохом III до смерти Марка Аврелия в 180г. н.э.).

ЧАСТЬ III

ХРИСТИАНСТВО И ЕВРЕЙСТВО

34 – 37 гг. н.э.

ВСТУПЛЕНИЕ

Итак, читатель помнит, что каменование первого из 7-и избранных христианами в Иерусалиме и рукоположенных Апостолами (ноябрь 33г.) диаконов (Д.Ап.6,5), а именно протодиакона Стефана, родом еллиниста, т.е. иудея Диаспоры, предположительно, родственника Савла из Киликии (Тарс), имело место, как мы небезосновательно приняли, в день 25.12.33г. н.э.

Причём судилищные свидетели в деле не столько выведенного (после повергшей в неистовую ярость синедристов, пережитой и обнародованной им в зале суда теофании), сколько поспешно выволоченного за (Овчие) городские ворота «богохульника», положили свои одежды, чтобы не быть стеснёнными в камнебитных движениях, у ног *юноши* = 30-летнего молодого человека – именем Савла, к-рый «одобрял убиение его» (Д.Ап.8,1), «и стерёг одежды побивавших его» (22,20).

«Савл же одобрял убиение его.

В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме, и все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии;

Стефана же погребли мужи благоговейные и сделали великий плач по нём.

А Савл терзал церковь, входя в дома, и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу.

Между тем рассеявшиеся ходили и благовествовали слово.» (Д.Ап.8,1-4)

И если Первомученику Стефану на момент его линчевания было, согласно верному преданию, ок. 30-и лет, то и вступившему-вступающему в зрелую пору молодости Савлу исполнилось в 33г. 30 лет. Являлся же он, о чём мы знаем, учеником-выпускником престижной фарисейской школы Гамалиила, в к-рой обучался на протяжении (с перерывом), в общей сложности, ок. 10-и лет, с 18 по 28гг. н.э. Потом ему, сопричастному эзотеризму-окультизму орденского фарисейства аспиранту, выпало в 28 – 33гг. посвячительно-испытательно отсутствовать в Палестине, дабы возвратившись в Град Господень, и состоя среди учеников законоучителей в качестве ученика-аспиранта первой категории, ревнительски подвизаться, в своего рода левитско-диаконском амплуа, на присинедриональной службе.

Савл не членствовал, несмотря на достижение им в 33г. 30-летнего возраста, в синедрионе, из-за обета безбрачия, однако, находясь в услужении у синедриона, истово ратовал (подавал голос) за преследование христиан и быстро поднялся, активничая на данной инициативно-гонительской ниве (синедриональным руководством замеченной), по служебной лестнице.

Если саддукеи негодовали на веру христиан в якобы, по их убеждению, воскресшего из мёртвых (что-де невозможно в принципе) святотатца и авантюриста

Иисуса из Назарета, тело к-рого (мол, украденное учениками) таинственно исчезло из гробницы, то верившие в воскресение мёртвых фарисеи, и среди них (до поры не разволивший жертвенного Сына Иосифова и победоносного Сына Давидова) фарисейский (недуалистический) посвящённый Савл, не могли поверить в мессиянство Распятого на кресте, К-рый, дескать, присвоил себе статус Мессии, на самом деле кончив жизнь жалкой смертью от рук римлян на крестном древе.

Т.е. мотивация Его отторжения саддукейством и фарисейством, со смещениями центров тяжести, в ряде пунктов заметно разнилась, тогда как собственно отвержение Иисусова мессиянства объединяло и тех, и других, и потому синедриональной клике во главе с саддукейским первосвященником Каиафой очень импонировала противохристианская активность, под её руководством, популярных в народе фарисеев, в частности, очень инициативного, энергичного, подающего большие надежды (*комсомольского* лидера-активиста) Савла.

И примечательна-симптоматична акцентация Дееписателем «великого гонения» на иерусалимскую (при отсутствии пока какой-либо иной) Церковь в те дни, иначе говоря, в дни по убиении Стефана 25.12. = декабрь/январь 33/34г., в результате чего, — «все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии». Сказано предельно ясно: на кого обрушились гонения; кто остался в Иерусалиме; и кто рассеялся не дальше (до поры) Иудеи и Самарии.

Повторим, согласно церковному преданию, это первое рассеяние первохристиан ознаменовалось погромом с гибелью ок. аж 2-х тыс. чел. И пусть здесь явное преувеличение (сродни «тысячам» вифлеемских маладенцев, избитых, по церковному преданию, Иродом), но сам факт погрома вполне можно предположить и принять. Притом этот погром (беспорядки) не мог остаться незамеченным римской властью в лице расквартированной в крепости Антония иерусалимской когорты под началом хилиарха. Иначе говоря, последний должен был пресечь кровопролитие-беспорядки и доложить обо всём случившемся резидировавшему в Кесарии Пилату, кто, со своей стороны, не преминул, имея зуб на иудейскую верхушку, (с удовольствием) уведомить (не без сопроводительных комментариев) о погромном инциденте Тиберия.

И, спрашивается, не издал ли после этого Тиберий последнее из трёх римско-противоиудейских постановлений времени своего правления, а именно — постановление 34г. н.э. (Д.И. 180-88), к-рое, будучи противоиудейским, было впоследствии истолковано христианским преданием как постановление в защиту христиан. Хотя оно, не притязая в реальности именно на защиту иудео-христиан, долго бывших для Рима одной из иудейских сект, тем не менее (ограничив беспредел, в т.ч., в их адрес иудейских верхов), в определённой мере и на определённое время, сделалось таковым (см. ниже).

Далее, Дееписатель ясно говорит о рассеянии иерусалимских иудеохристиан, за исключением Апостолов, в пределах Иудеи (плюс Идумея) и Самарии = в границах римской провинции Иудея под управлением кесарского префекта-прокуратора (без галилейско-перейских владений тетрарха Антипы и без заиорданско-трахонских владений тетрарха Филиппа).

Резонен вопрос: почему не рассеялись, соответственно, не подвергнувшись гонению, Апостолы? По «Толкованию на Д.Ап.8» Феофилакта Болгарского, к к-рому примыкает «Т.Б.» (т.3, Д.Ап., с.64), — «потому, что — где сильнее нападение, там должны находиться и лучшие борцы и быть для других примером мужества и смелости». Сказано и сильно, и идеологически выдержано, но это не объяснение, во всяком случае, оно, приложительно к истории в плане конкретных исторических реалий, не убедительно = несостоятельно. Дальнейшее пребывание Апостолов в Иерусалиме означает, что на них гонения не обрушились. Значит, гнев как верхо-

водимых синедристами фанатиков, так и стихийный, был, надо сделать вывод, направлен, или направлен в первую очередь, против либеральных иудеев-еллинистов и поставленных в ноябре из их среды 7-и диаконов, ещё один из к-рых, помимо каменованного Стефана, именем Никанор, сообразно преданию, в ходе первого погрома погиб.

Оно и понятно, ибо более вольные в отпадении буквы закона и в соблюдении преданий старцев, в большинстве грекоязычные, еллинисты и без того ходили для иерусалимско-иудейских (саддукейских и фарисейских) ортодоксов под подозрением, а тут ещё – приверженность Иисусу Назарею = формирующейся назарейской ереси, в то время как Апостолы и арамеоязычные христиане из евреев-нееллинистов различных предписаний закона, совмещая их с христианством, придерживались куда строже. Короче, популярным-авторитетным в народе (Большим) Апостолам (и, вероятно, части Малых из числа 70-и) покинуть Иерусалим не пришлось, между тем как все прочие, включая, следовательно, и еллинистов, и рядовых евреев-христиан, рассеялись – не дальше Иудеи и Самарии. И рассеялись они, подпав гонению, со Христом в сердце, не как овцы без пастыря, но – ходя и благовествуя слово Божие.

Не были ли 12 Апостолов-евреев *новозаветными сыновьями Иакова!* Не были ли 7 диаконов-еллинистов *новозаветными сыновьями Вдовы!* 12 – число Пространства, 7 – число Времени! Пространство и Время взаимодействуют между собой! И не случайно первомученическая жертва или две первые жертвы (Стефан и Никанор) были принесены на жертвенный христианский алтарь именно (диаспорально-ойкуменическим) диаконом ещё до создания-учреждения на открывшем-проложившем христианству путь в Ойкумену Апостольском соборе 51г. института диакона.

Так, в декабре/январе 33/34гг., по истечении 9-и месяцев от крестно-воскресенской Мистерии Голгофы в начале апреля 33г., иерусалимско-миссионерский период христианства своеобразно завершился и начался, в преддверии-предварении эпохи ойкуменической, миссионерский период за пределами Иерусалима.

Стефана же погребли и сделали великий плач по нём мужи благоговейные, стало быть, следуя тексту Д.Ап., благочестивые еврейские мужи типа Гамалиила, к-рый призвал в октябре 33г. к терпимости в отношении христиан (см. выше). Или, м.б., погребение организовал, при участии Апостолов, действительно, сам Гамалиил, как о том и повествует христианское предание, согласно к-рому, напомним, Стефановы останки упокоились на Гамалииловом, близ Иерусалима, земельном участке: в, по подобию Иисусовой гробницы Иосифа Аримафейского, гробе, где ранее никто не был положен, и где в перспективе упокоились Никодим, сам Гамалиил, плюс его умерший молодым сын Авив.

Так или иначе, дееписательское «благоговейные мужи», скорее, указывает на евреев, нежели на Апостолов, на Иосифа Аримафейского, Никодима и др. еврейских на 33/34гг. последователей-приверженцев Иисуса, к-рых Лк. не назвал бы просто «благоговейными мужами», поставить во главе к-рых, в свою очередь, Гамалиила, нам, согласитесь, ничего не мешает, тем паче, что ничего невозможного в таком раскладе нет.

По иудейским нормам-правилам, даже преступникам и врагам не следовало отказывать в погребении, при том, что казнённых (четырьмя видами казни) преступников хоронили в общей или отдельной могиле на, как сказано, двух, в районе (Адовой) долины Гехинном, деликвиентских кладбищах: одно – для каменованных и праха сожжённых; другое – для усечённых мечом и удушенных.

Но Стефан был каменован посредством тумултарно-линчевательской юстиции, до (без) вынесения приговора, и тело его, судя по рассказу Д.Ап., не было, для усиления позора, коротко повешено (как предписывалось) на древе, оставленное

(вероятно, устремившейся назад в город громить христиан) толпой убийц за городскими воротами на съедение зверям и птицам. Засим не согласившимся с обвинением о спорном Стефановом богохульстве благоговейным мужам из числа уважаемых иудеев никакие нормы не препятствовали произвести погребение и устроить плач по убиенному.

А, тем временем, Савл, к-рый никак не мог, коли уж он (всего-навсего) стерёг одежды камнебитных свидетелей, возглавлять линчевание Стефана, но рвение и ревность к-рого импонировали первосвященским верхам, получив теперь служебное повышение и широкие полномочия, приступил с начала января 34г. н.э. к терзанию церкви, входя в дома (не только Иерусалима) и влача мужчин с женщинами в темницу. Заметим, он не раз в перспективе, не шадя себя, саморазоблачительно констатирует свою первоначальную враждебность к церкви и христианам (Д.Ап.9,1; 11,19; 22,4;20; 26,10/11; 1Кор.15,9; Гал.1,23; Фил.3,6; 1Тим.1,13), приводя примеры, к-рые однозначно представляют его как одного из ярых гонителей.

Впрочем, обратимся к рассеявшимся, кто, как сказано, ходили и благовествовали слово, точнее, к хождению-благовествованию одного из 7-и диаконов – тёзки одного из 12-и Апостолов – Филиппа, к-рый подался в ближнюю к Иудее Самарию. Не была ли Самария обителью считавших себя потомками 10-и колен Израилевых (из дома Иосифа) самарян, с коими ортодоксально-правовверные иудеи, категорически отвергая этих презрительно называемых ими кутимитами полукровок-полуязычников, не сообщались!

ФИЛИПП В САМАРИИ

(январь – март 34г.)

*«Так Филипп пришёл в город Самарийский и проповедывал им Христа;
Народ единодушно внимал тому, что говорил Филипп, слыша и видя, какие он творил чудеса;*

Ибо нечистые духи из многих, одержимых ими, выходили с великим воплем, а многие расслабленные хромые исцелялись;

И была радость великая в том городе.» (Д.Ап.8,5-8)

Повторим, этот Филипп – один из 7-и диаконов (и один из 70-и Малых), но не один из 12-и (Больших) Апостолов (Т.Г. 59-64), о чём Евангелие не говорит прямо, но что ясно и так, ибо будь он одним из 12-и, во-первых, это противоречило бы предшествующему слову Лк. о рассеянии (в результате гонений после каменования Стефана) из Иерусалима «всех, кроме (в первую очередь, 12-и Больших) Апостолов». А во-вторых, будь он одним из 12-и, не было бы понятно, зачем Апостолы (оставшиеся) в Иерусалиме, услышав о проповеднических и крещенских успехах в Самарии (диакона и Малого Апостола) Филиппа, снарядили туда (Больших) Апостолов – Петра и (мл. брата Иакова) Иоанна Зеведеева (= Иоанна Младшего = не Лазаря).

Пётр и Иоанн, в составе 12-и (плюс стоящий особняком Лазарь), были, со дня Пятидесятницы-Троицы, обладателями и (по)дателями Св. Духа, дателями-подателями К-рого ни 7, ни 70 не являлись (см. Д.Ап.8,14-17) (см. ниже). Т.е. от 7-и или 70-и можно было креститься, но не принять Духа Святого, для принятия К-рого требовался контакт с представителями коллегии 12-и (плюс – воскрешённый-посвящённый Самим Христом Лазарь).

Помимо того, не наставлял ли Иисус, отправляя 12 осенью 31г. на полугодичное, в пределах Земли Обета, служение 6-ю парами, в частности, словом – «на путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите» (Мф.10,5; 23; 15,24) (Т.Г.

576-84), что, правда, на время свершившейся Мистерии Голгофы, по большому счёту, (поэтапно) отпадает, но что, наряду с тем, не звучало уже в наставлении 70-и (72-м) Малым Апостолам (среди них 7 будущих диаконов), посланным на ок. месячное, опять-таки, в ближних палестинских пределах, короткое служение (35/36-ю парами) осенью 32г. (Лк.10,17) (Т.Г. 829-37). И, тем паче, реалии-требования изменились-эволюционировали, развернувшись на более дальние горизонты, в свете Событий-Таинств-Свершений апреля/мая 33г. н.э. (Мф.28,19; Д.Ап.1,8).

А с начала 34г., вследствие Стефанова первомученичества в рождественском конце 33г., перво-христианство, разродившись, после 9-и (с 3/4/5.04.33г.) месяцев, из иерусалимской утробы, начало выходить за пределы Града Господня в мир. И первым пунктом на пути-дороге туда были, разумеется, окрестная Иерусалиму Иудея и особо предрасположенная к восприятию вселенской проповеди, пограничная Иудее (космополитическая) Самария (плюс – находящаяся севернее промежуточной Самарии Галилея). Самаряне возводили себя к 10-и коленам, к Иосифу-Израилю, к Иисусу Навину...

И хотя в Д.Ап.11,19, под ок. 40-м г. н.э., к-рый маркирует начало нового ойкуменического этапа христианства, сказано, что рассеявшиеся от гонений после Стефана «прошли до Финикии, Кипра и Антиохии, никому не проповедавая слова, кроме Иудеев», что в общем (до ок. 40г.) верно, однако, как видим из Д.Ап.8, Самаряне, к к-рым Филипп пришёл в 34г., составили (не единственное до 40г.) исключение.

Мало того, есть основания полагать, что и другой Апостол от 70-и, а именно – Фаддей (не путать, сходно прецеденту двух Филиппов, с братом Господним – Иудой Фаддеем – одним из 12-и), мог, в силу исключительных обстоятельств (см. ниже), быть направлен после каменования Стефана, с началом иерусалимских гонений на христиан (декабрь/январь 33/34гг.), в расположенную северо-восточнее Антиохии, в расстоянии всего ок. 350-и км от неё, Эдессу (крайний пункт ближнего от Иерусалима и Палестины регионального диапазона). К кому? К тамошнему царю Абгару Укаме, куда Фаддей и прибыл как раз ок. времени, когда Филипп успешно проповедовал в Самарии. Впрочем, с данным спорным вопросом мы пока повременим.

Не примечательно ли тезоименитство двух Филиппов – Апостола и диакона (отчасти соприродно грецизированному-ойкуменизированному тезоименитству двух Фаддеев – Большого и Малого)! Мы помним, что первый из них, призванный восхотевшим идти в Галилею Иисусом (Ио.1,43) (Т.Г. 59-64) в начале 30г., будучи родом из Вифсаиды Галилейской, из одного города с братьями – Андреем и Петром (1,44), был, напару с Андреем, в числе всего двоих из состава Большого Апостолата, носителем сугубо греческого имени (без еврейского эквивалента или иудейского парного имени), к-рое означает – *любящий коней*.

Не знаменует ли оно преображённую древне-кентаврическую мудрость! Ведь конь/лошадь – эзотерический символ мышления, (кентаврированного в эллинистическом язычестве и) подлежащего непременно одухотворению в христианстве. И не к Филиппу ли подошли в Страстной четверг 2.04.33г., с просьбой-пожеланием видеть Иисуса, пришедшие в пасхальный Иерусалим на поклонение некоторые прозелитические Еллины (Ио.12,20/21), о чём Филипп сообщил Андрею, после чего они вдвоём уведомили о том Иисуса, Кто сказал им в (предваряющий вселенский исход христианства) ответ: «пришёл час прославиться Сыну Человеческому» (12,22/23) (Т.Г. 1399-1417).

Филипп – от 12-и – число Пространства; Филипп – от 7-и – число Времени. И вот время проповеди за пределами Иерусалима и Иудеи, в транзитно-промежуточной-интервальной между Иерусалимом-Иудеей и ойкуменическим пространством Самарии (севернее к-рой – также ведущая в Ойкумену смешаннокровная Галилея), пришло-настало. При всём том, собственно время благовестуемой в 8-й гл. Д.Ап.

проповеди и крещенской деятельности диакона Филиппа в Самарии охватывает, что необходимо учесть, ок. трёхмесячный срок – с января по конец марта 34г. н.э.

Почему? Потому что в стихах 26-40 (8) благовестуется обращение Филиппом евнуха царицы Ефиоплянской Кандакии, о к-ром, вероятно, прозелите *враг*, говорится, что он приезжал в Иерусалим на поклонение, обращённый Филиппом на дороге из Иерусалима в Газу, т.е. на обратном, после поклонения, пути в южном (нубийско-эфиопском) направлении.

И здесь не будет ошибкой квалифицировать это поклонение как посещение ефиоплянином одного из трёх больших еврейских паломнических праздников, или первого – следующего по времени за декабрьским мученичеством Стефана – праздника Пасхи, к-рый в 34г. пришёлся на 23/24.03. (= 14/15 нисана). Отсюда, если принять, что ефиоплянин покинул Иерусалим по окончании праздника опресноков 21 нисана, то его крещение на дороге из Иерусалима в Газу оптимально выпадет на время ок. 31.03./1.04. (= ок. времени двухлетней годовщины казни Иоанна Крестителя 31.03.32г.)

А каменованье Стефана выпало на 3-ю годовщину встречи направлявшегося из Иудеи в Галилею через Самарию Иисуса с самарянкой у колодца (Иакова) 25.12.30г., после чего Иисус два дня провёл у самарян, в селении Сихарь, где и узнал о взятии-заточении в конце декабря 30г. (Иродом Антипой, по наущению Иродиады) Предтечи под стражу. (И между прочим, не случайно это произошло за 3 года и 3 месяца до мартовской Пасхи 34г., к-рая, к тому же, не случайно отстоит на 33 года и почти 3 месяца от Поклонения волхвов 6.01.1г. н.э.)

Далее, спрашивается, где именно Филипп проповедовал в Самарии? куда, в отличие от Иудеи, синагон не совался, ибо иудеи с самарянами не общались и синагогам не было, в означенном ключе, дела до подчинённых резидировавшему в Кесарии римскому наместнику презренных (с позиции ортодоксальных иудеев) полукровок-нечистокровок-отщепенцев-полуязычников – самарян-хутеян-кутимитов. Последнее же очень облегчало христианам миссионирование среди них, тем более, в свете благодатности-отзывчивости местной предвспаханной персонально Иисусом почвы. Негеттоизированные езраитством-неемитством многие самарянские (иосифляно-эфраимитско-израильские) души были, как оказалось, достаточно расположены к приятию слова Божия.

Притом Дееписатель указывает на единодушное внимание народа к подкреплявшему своё слово исцелительными чудесами Филиппу в «городе Самарийском» без уточнения города. Но речь вряд ли может идти о центре Самарии – на I/Ивв. полиэтническо-языческой-грекоязычной Себасте (основанный в IXв. до н.э. отцом Ахава Израильского царём Амврием – Шомрон) – эллинизированном в посталександровскую эпоху Птолемеев и Селевкидов городе.

Этот город Самария был разрушен ок. 107г. до н.э. сыновьями маккавейского царя Иоанна Гиркана (134 – 03гг.), возродился по покорении Палестины римлянами (63г.) и особенно расцвёл при сыгравшем тут свадьбу с хасмонежкой Мариамной и двинувшемся отсюда на штурм Иерусалима (34г.) Ироде. И именно Ирод переименовал затем пышно отстроенный им город в честь Августа в Себасту (27г. до н.э.), опираясь на неё как на уравновешивающий еврейско-иудейский национализм-партикуляризм космополитический полюс национал-иудейского Иерусалима.

Вместе с тем, также разрушенный Иоанном Гирканом на два десятилетия раньше ненавистной иудеям Самарии, ок. 128/27гг., древний Сихем (Шхем) располагался возле селения Сихарь. Там, как сказано, Иисус благовествовал в декабре 30г., и впритык к этому селению находились руины Сихема, неизвестно насколько жилого-обжитого в 30-е гг. Ив. н.э. Однако, оно точно было новоотстроено как римская колония Flavia Neapolis (Наблус) Веспасианом, по взятии-разрушении римлянами

под предводительством Тита Иерусалима и храма (70г.), в 72г. н.э. (Т.Г. 149-52-58-65-70).

* * *

Таким образом, под «городом Самарийским» в Д.Ап.8 надо понимать Сихарь, к-рый в соответствующем контексте вполне сочетается-смыкается-идентифицируется с древним Сихемом, выступая в качестве его новозаветного продолжения-преображения-обновления. Известный только из Нового Завета Сихарь – родина просветлённой встречи с Иисусом самарянки «Светланы-Фотины» и уверовавших в Него Самарян (Ио.4), означает – *упившиеся* (?), к-рые евангелически преобразуются в прошедших через катарсис (очищение) и фотисимус (просветление) *уверовавших*. А расположенный в гористой части удела Ефремова Сихем (*плечо?* или *горб?* или *горбатая спина?* или *место между лопатками?*) был назван так по имени сына Еммора Евейянина, сделавшего насилие единственной дочери Иакова Дине, жестоко её братьями, Симеоном и Левием, отмщённой.

В Сихеме (где купил гробницу за серебро у Еммора Сихемова ещё Авраам) сыновья Иакова пасли его скот и сюда отправился к ним снаряжённый отцом его любимый сын от Рахили сновидец Иосиф, к-рый, не найдя там братьев, проследовал за ними в Дофан, где был брошен ими в ров (упасённый от братоубийства заступничеством Рувима) и затем продан, по совету Иуды, за 20 серебряных монет идущим в Египет торговым исмаильтянам (Б.37). И когда много позже (купивший часть сихемского участка за 100 монет у Сихема Емморова) Иаков-Израиль умирал в Египте, он предоставил, провидя грядущее Исшествие Израиля в землю отцов, лучшему из 12-и братьев Иосифу Сихем или участок земли Сихемской – «преимущественно пред братьями» (Б.48).

И по исшествии Израэлитов из страны-на-Ниле, всплывшие, словом Моисея, со дна Нила мумифицированные останки Иосифа в ковчеге, к-рые последний перед своей кончиной заклил единоплеменников вынести из Египта (Б.50,26), были вынесены (Исх.13,19) и погребены в Сихеме (Нав.24,32). И там (ок. Наблуса) гробница патриарха неподалёку (400м) от колодца Иакова почиталась (иудеями, христианами, мусульманами) аж до 2000г., когда, в ходе очередного витка арабо-израильского противостояния, её разрушили арабы. И неспроста Библия сообщает о сихемском погребении Иосифа после сообщения о кончине (иосифлянина-эфраимита) Иисуса Навина (Нав.24,29/30) и о его погребении в пределах его удела, на горе Ефремовой = в местности нахождения, между горами Гевал и Гаризим, Сихема.

Именно в Сихеме – место заключения, по указанию Моисея, в Земле Обетования, Завета между Богом и еврейством – Иисус Навин дважды возвестил-объявил Израилю Закон Божий: один раз – после первых побед в Ханаане (Нав.8,30-35); второй – в конце своей жизни и (сообразно преданию, 28-летнего – 1407 – 1379гг.) предводительства над израильскими коленами (24,1-28). Расположенный по диагонали между культовым Силомом (к востоку от дороги из Сихема в Вефиль) и будущей Самарией (Себастой) с запада на восток, и между горами Гевал и Гаризим с востока на запад, Сихем являлся при Иисусе Навине местом собрания колен Израилевых.

Город был отдан Иисусом колону Ефремову, сделавшись городом убежищным (Нав.20,7) и городом левитов (21,21). Причём, если область Сихема прилегала к горе Ефремовой, то собственно Сихем вдавался в удел Манассии (к-рому Иаков-Израиль, благословляя сыновей Иосифа, Манассию и Ефрема, предпочёл младшего – Ефрема – как преемника Иосифа-Израиля), являясь фактически анклавом ефремлян во владениях манасситов (Нав.16,9; 17,9).

Местонахождение города Сихем (= селения Сихарь) в центре Палестины – узкая долина, отделяющая гору Гевал (938м) (*голый; безволосый*) от горы Гаризим (881м) (*отрезанный; отъятый*). Обе горы использовались в ритуале ежегодного чтения Закона при всенародном собрании, что и было впервые осуществлено в предводительство Иисуса Навина.

При этом, когда ковчег завета, окружённый священниками и левитами, устанавливался в Сихеме (или на месте *межлопаточно-позвоночного* Сихема), 6 колен – Симеон, Левий, Иуда, Иссахар, Иосиф, Вениамин – произносили с горы (*благословения*) Гаризим благословение на исполнителей Закона, тогда как 6 других колен – Рувим, Гад, Асир, Завулон, Дан, Неффалим – изрекали с горы (*проклятия*) Гевал проклятие на нарушителей Закона (Вт.11,29; 27,12-14; Нав.8,33-35). На голой скалисто-бесплодной горе Гевал израэлиты устроили жертвенник из неотёсанных цельных камней, на к-рых были высечены 10 скрижальных заповедей (Нав.8,30-32).¹

После смерти Соломона (931г.) именно в (соединительно-разделительном) Сихеме 10 колен отложились от Ровоама (3Ц.12,1-19), и город сделался первой резиденцией первого царя десятиколенного Северного (= Израильского) царства – Иеровоама. Это царство пало в 715г. до н.э. под ударами ассирийцев, пленивших-переселивших 10 колен на Восток, в Азию, и поселивших на, тем не менее, не тотально обезлюженных (от израэлитов) землях-территориях Самарии и Галилеи группы различных, из различных городов и областей Ново-Ассирийской державы, племён-народов (Д.И. 407-15). Они постепенно смешались с остаточными десятиколенниками-иосифлянами, и так на свет (или – на свете) появились смешанно-кровные самаряне-самаритяне.

Притом взявшее на вооружение скомбинированный с идолопоклонством (4Ц.17) яхвистско-авраамитический монотеизм (наставленное специально присланным сюда ассирийской властью священником-израэлитом из среды пленников) местное население оказалось далеко не чуждым религиозной реформации иудейского царя Иосии Благочестивого (640 – 09гг.). А иудеи, в свою очередь, вовсе не погнушались справиться знаменитую Пасху 622г. вместе с, в т.ч., приведёнными, по преданию, Иеремией из-за Евфрата репрезентантами 10-и плённых колен (Д.И. 452-57).

* * *

Но ситуация кардинально изменилась после Вавилонского плена, когда иудейские репатрианты, в рамках многократно устроённого Закона, с требованиями максимальной чистоты веры и крови, категорически отринуты от общества Господня тех, кто гордо считали себя потомками 10-и колен. Их отринуты – как тех, кому, по убеждению иудеев, нет ни чести, ни права, ни памяти в Иерусалиме и в ставшей тождеством Израиля во Духе Иудее во плоти.

Это произошло отчасти ещё под руководством Зоровавеля и Иисуса в VI-м, и потом, в особенности, радикально-кардинально, под водительством интолерантных геттоизаторов еврейства Ездры и Неемии, в Vвв. С тех пор между двумя народами началась вражда, к-рая, пройдя через века, сделала в I/IIвв. некогда правомерно отринутых Иудеей/Израилем самарян, успевших с IVв. до н.э. значительно эллинизироваться, правоверными союзниками-приверженцами Птолемеев, Селевкидов, Рима и Ирода. Т.е., выражаясь иначе, самарянство сделалось 10-коленным полюсом иудейско-вениаминитского Иерусалима.

¹ О 10-и коленах, Двущарстии, Самарии, самарянах см. «Р.л.» 271/72; 361; 460; см. «Д.И.» – «Израиль и Иуда»: 391; 396-407; 410/11; 414/15; 452-57; «Т.Г.» 149-65; 165-71; 171-74.

Более того, если на протяжении пяти столетий до пришествия Мессии правда-истина была за блюстителями чистоты веры и крови езраитами-неемитами, за тождеством Иудеи-Израиля, то теперь, по свершении Мистерии Голгофы, ситуация изменилась. Поменялась шкала ценностей и система координат, в к-рой и по к-рым Самария и Самаряне (сменив минус на плюс) представляли собой (сходно Галилее и Галилеянам) соединительно-разделительную ступень между проповедью христианства в Иудее и Иудеям и проповедью-благовествованием Христова учения ойкуменическим язычникам.

При всём том, если самаряне являлись потомками 10-ю колен в геополитическо-генетической миниатюре, то совокупное язычество Ойкумены, собственно, и олицетворяло собой 10 исчезнувших = ставших солью земли (= человечества) израэлитских колен, к-рые христианам надлежало приобщить к Новому Израилю, и к-рые очень даже могли претендовать на честь, права, память и, главное, на крещение-обращение в Новом христианском Иерусалиме. Т.е. – в Новом Израиле и в Новом Иерусалиме во Духе от Духа Пятидесятницы-Троицы! То-то Иисус обрёл первую неиудейскую паству в конце декабря 30г. именно в Самарии, земля к-рой дала упокоение в 32г. обезглавленному телу Иоанна Предтечи.

Десятиколенный самарянский элемент был своеобразным посредником в деле выхода иудеохристианства в языческий мир, на ойкуменические, ближние и дальние, просторы-горизонты. Не называли ли самаряне себя иосифлянами-ефремлянами! Не ожидали ли они Мессию, называемого «Тахеб» – *восстановитель-обратитель*, в облике нового Моисея = кульминационно преемственного Моисею великоистинного *Пророка верного*, к-рому должно происходить, как (его прообраз и образец) Иисус Навин, обязательно от их благочестивого пращура Иосифа-Израиля, а не от Иуды и Давида.

Он есть пророк-восстановитель Израиля и посланец Господа Бога. Он вернёт-отыщет утраченную-утаённую скинию со всеми её атрибутами, восстановит во всей первоначальной чистоте древний культ и откроет всё сокрытое в Торе. К нему придут и иудеи (к-рые проклянут Ездру), и обратившиеся язычники. Он – глаорифицированный царь Израиля и многих народов, воитель-сокрушитель и мудрый правитель...

Не самое ли время вспомнить о провороненном в I/Ивв. иудеями таинственном мессианистическом дуализме – Машиах бен Иосиф и Машиах бен Давид, Царь Царей и Пастырь Пастырей. Искажённые отголоски феномена-таинства двух Машиахов в переживании-интерпретации раввинистического еврейства, в к-ром со Пв. н.э. всплыло ожидание жертвенного Мессии бен Иосифа, за к-рым, мол, грядёт победоносный Мессия бен Давид, и в переживании-интерпретации сместивших-перенесших центр тяжести с Иуды на Иосифа, не умея их мессианистически совместить, самарян.

Не были ли Давидиды Иисус Соломонид и Иисус Нафанид сыновьями Иосифов (Соломонова и Нафанова), являясь Иудеями *par excellens* во плоти (чистота убеждённой крови) и Иосифлянами *par excellens* по духу! Не пожертвовал ли Иисус Соломонид (Заратустра) своё Я Иисусу Нафаниду (Кришна)! Не принял ли Иисус из Назарета в себя, при посредничестве Иоанна Крестителя, на Иордане, Дух Солнца = Божественный Дух Солнечной системы! Не взошёл ли Иисус Христос на искупительный Крест Голгофы! Не победил ли Распятый Мессия, воскреснув, смерть!

Вот как в реальности (коли на повестке дня реальность в её подлинности!) разотождествляются-отождествляются, различаются и сходятся, становясь из двух Одно, становясь единством во Христе Земном, с К-рым на Иордане (вос)соединился Христос Небесный, дуалистические Машиах бен Иосиф и Машиах бен

Давид, — оба Давидиды, сыновья Иосифов, Соломонова и Нафанова, и оба — сыновья двух родных сестёр, по имени Мария, из дома Иосифа, колена Ефрема!

Впрочем, продолжим. Удостоверьтесь воочию, — что, как, почему и на каком основании, точнее, на основании каких точек соприкосновения, могло сопутствовать и сопутствовало успеху христианской проповеди среди более открытых миру, более отзывчивых на новые духовные импульсы-запросы, более восприимчивых к ним, нежели законсервированные иудеи, многих самарян (уж не говоря о галилеянах).

И если в декабре 30г. было слово Иисуса к самарянам, то ныне, в первые месяцы 34г., Филипп обрёл здесь приверженцев как словом, так и исцелительными чудесами, с (по стопам Иисуса и Апостолов) изгнанием нечистых духов из многих, одержимых ими, с уврачеванием расслабленных и хромых (мн.ч.). Притом на всё это, согласитесь, требовалось время, с первой половины января по вторую половину марта, включая приход из Иерусалима Петра и Иоанна, и до ухода Филиппа в направлении Газы, где он повстречал, в, надо полагать, самом начале апреля возвращавшегося с праздника Пасхи Ефиопянина.

Хотя, с др. стороны, не отвергли ли самаряне Иисуса при начале Его *долгого восхождения* в Иерусалим в августе 32г. (Лк.9,51-56), когда сыновья Зеведеевы, Иаков и Иоанн (= сыновья громовы), предложили низвести огонь с неба и истребить жителей отвергнувшего Мессию-Христа самарянского селения, на что Иисус ответил, что «Сын Человеческий пришёл не губить души человеческие, а спасать» (Т.Г. 824-29).² И далее, не поведал ли Иисус ученикам по пути на праздник Кушей 32г. притчу о Милосердном самарянине (Лк.10,25-37). Не возвратился ли весной 33г. из 10-и прокажённых, к-рых исцелил Иисус, лишь самарянин, чтобы воздать хвалу Господу (Лк.17,16-19). Наконец, не называли ли Иудеи Самого Иисуса Самарянином, в К-ром бес (Ио.8,48).

Замечательно, что Мф. с Мк. ни Самарию, ни самарян, исключая 10,5 у Мф., вовсе не упоминают, в то время как о самарянах преимущественно говорит автор III-го Благовеста и Д.Ап. Лк., соответственно кому, проповедь и чудотворные исцеления Филиппа произвели «радость великую в том городе» самарянском (Сихарь = Сихем). Духовное слияние ветхозаветного города Сихем и новозаветного полиса Сихарь!

Не был ли Филипп, сознательный иудей-еллинист, носитель греческого имени, избран в ноябре 33г. одним из 7-и попечителей столов (пища, в т.ч., духовная) и рукоположен (дателями Св. Духа) Большими Апостолами! Не впечатляют ли его способности-возможности, проявившиеся в нём и проявленные им, выступившим в Самарии как податель пищи духовной в начале 34г.! Причём на эту пищу многие самаряне откликнулись своими израэлитскими сердцами, обратившись благодаря Филиппу, благодаря его благовествованию и исцелительным чудесам, к новозаветному Израилю!

И пусть большинство самарян, как и большинство иудеев, останутся, закосневши в ветхозаветности и не сумев приять новозаветность, чужды христианству, но именно успех проповеди среди самарян положил практическое (хроно)начало последующей павлианской планетаризации Христова Импульса!

² М.б., это, с учётом его хронологии (август 32г.), отвержение, случившееся, как общепринято думать, в русле антагонизма между иудеями и самарянами, можно поставить в связку (и) с подвопросной информацией (ненадёжных) «Псевдо-Клементин» (II/III/IVвв.) о некоем самарянине Досифее, ученике Иоанна Крестителя, выдавшем себя после казни Предтечи (+ 31.03.32г.) за Мессию и воспрепятствовавшем принятию, в конечном итоге, большинством самарян Иисуса как предсказанного Моисеем и ожидавшегося самарянами Пророка (при том, что, согласно «Псевдо-Клементинам», в дальнейшем Досифеево лжемессианское достоинство перешло к Симону волхву) (Т.Г.157) (см. ниже).

Засим посеянные Иисусом в рождественском декабре 30г. на самарянской почве благодатные семена дали урожайные всходы (после Филиппова поста и рождественского первомученичества Стефана) к Пасхе и на Пасху 34г. н.э., к первой годовщине и в первую годовщину вселенского Таинства Голгофы. (Не случайно говорят, что годовщина смерти есть день рождения для вечной новой жизни.)

Однако, обратимся к слову Деесписателя приложительно к плодотворно-евангелизационным самарийским, сихарийско-сихемским, достижениям Филиппа в начальные месяцы 34г. н.э.

СИМОН ВОЛХВ

«Находился же в городе некоторый муж, именем Симон, к-рый перед тем вохвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого;

Ему внимали все, от малого до большого, говоря: сей есть великая сила Божия.

А внимали ему потому, что он немалое время изумлял их волхвованиями.

Но, когда поверили Филиппу, благовествующему о Царствии Божиим и о имени Иисуса Христа, то крестились и мужчины и женщины.

Уверовал и сам Симон и, крестившись, не отходил от Филиппа; и, видя совершающиеся великие силы и знамения, изумлялся.

Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышавши, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна,

Которые, пришедши, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святого:

Ибо Он не сходил ещё ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса;

Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого.

Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подаётся Дух Святой, принёс им деньги,

Говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святого.

Но Пётр сказал ему: серебро твоё да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги;

Нет тебе в сем чести и жребия, ибо сердце твое не право пред Богом;

Итак покайся в сем грехе твоём и молись Богу: может быть отпустится тебе помысл сердца твоего;

Ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды.

Симон же сказал в ответ: помолитесь вы за меня Господу, дабы не постигло меня ничто из сказанного вами.

Они же, засвидетельствовавши и проповедавши слово Господне, обратно пошли в Иерусалим и во многих селениях Самарийских проповедали Евангелие.» (Д.Ап.8,9-25)

Если поднесшие родившемуся 6.01.1г. до н.э. Иисусу Соломону 6.01.1г. н.э. в Вифлееме золото, ладан и смирну волхвы с Востока, к-рые первыми обнародовали пришествие Царя Царей, вопросив (от имени языческой Ойкумены), по своём приходе в Иерусалим, — «где родившийся Царь Иудейский, ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему», выступают в Ев. от Мф., открывая комплексную-целостную Мистерию Голгофы, как сила позитивная, то спустя 33 года после этого (мета)исторического Поклонения, Симон волхв в Самарии олицетворяет собой декадентный-деградантный негатив.

Оно и понятно, поскольку по свершении Таинства Голгофы, с Крещением, Искупительной Смертью на кресте и Воскресением Бога человеческого Я, Бога

свободы воли Христа Иисуса, с Вознесением и Пятидесятницей-Троицей, в пору начала евангелизационного христианского периода, время волхвов-магов безвозвратно ушло в дохристианское былое человечества. И если приветствовавшие Младенца Иисуса цари-волхвы, кто приветствовали в Царе Царей, К-рый пришёл, Пастыря Пастырей = Царя по чину Мелхиседека, К-рый грядёт, были представителями *белой магии*, то (одолённому-побеждённом Симоне Петром) Симону волхву довелось остаться в памяти христиан представителем *магии чёрной* – родоначальником гностических ересей, колдуном, чародеем, совратителем...

Но всё не так просто, или всё совсем не просто. Итак, – Досифей, к-рый не называется в Кн. Нового Завета, и – Симон маг, к-рый всего однажды фигурирует в Д.Ап. и множество раз позиционируется как антагонист христианства = (первоверховных) Апостолов Петра и Павла, или даже (экстремально-псевдоортодоксально) отождествляется с «еретиком» Павлом («Псевдо-Климентины»), в трудах авторов-авторитетов Церкви, в апокрифах, в преданиях-легендах. Притом, если, например, Гегесипп (Пв.) у Евсевия («И.Ц.» 4,22,5) датирует жизнедеятельность Досифея временем после Симона мага (этаблированно первого христианского ересиарха), то др. авторы считают его наставником и учителем Симона.³

По Ипполиту (Refut.6) и Евсевию, Симон был назореем и учеником Иоанна Крестителя, тогда как согласно «Псевдо-Климентинам» (2,23/24), преемником Иоанна Крестителя, учеником к-рого и назореем был Симон, стал другой самарянин – Досифей, избранный лидером, поскольку Симон во время казни Предтечи находился в Египте. Когда же он вернулся, между ним и Досифеем произошёл конфликт, но могущество Симона было доказано чудесами и Досифей уступил ему главенство, сделавшись его учеником.

Сообразно Оригену в «Толк. на Ев. от Мф.24,5», – «Как можно узнать из исторических сочинений, уже во времена Апостолов несколько человек объявили себя Христами. Один из них был самарянин Досифей, от к-рого произошли досифеяне, затем Симон, к-рого, по Д.Ап., называли «великой силой Божией». В сочинении Оригена «Против Цельса» читаем: «И после времени Христа Досифей самарянин пожелал убедить самарян, что он есть Христос, о к-ром пророчествовал Моисей, и, по всей видимости, успел склонить некоторых к своему учению...⁴ Захотел неко-

³ По Евсевию (от Гегесиппа), ереси начинаются со времени после мученичества Иакова, брата Господня (62г.), и избрания на его место епископа иерусалимской общины Симеона, сына Клеопы, когда «Церковь в то время называли чистой девой, потому что никто ещё не обольстил её суетным учением» (И.Ц. 1,22,4). Дальше читаем: «Обольщать её учением одной из 7-и ересей, существовавших в народе (от них был и он), начал Фебуфис, недовольный тем, что не стал епископом. Отсюда вышел Симон и его последователи – симониане; Клеобий и его последователи – клеобиане; Досифей и его последователи – досифиане; Горфей и его последователи – горфеяне и масбофеи. От них же менандриане, маркиониты, карпократяне, валентиниане, василидиане и сатурнилиане; каждый вводил своё собственное, отличное от чужих, учение» (5).

Убедитесь, хроноохват этого евсевиянского «начала ересей» относится, сообразно времени жизнедеятельности их основателей, к, в общей сложности, ок. вековому периоду, с первой четверти второй половины I-го по первую четверть второй половины Пвв. н.э. (как раз время Гегесиппа, действовавшего-писавшего ок. 170-80гг.). К тому же, этот (персональный) «выход» Симона (будто бы не ранее 60-х гг. Ив.), могучи относиться к симонианам, хронологически не совпадает с его персональным появлением-выходом, согласно Д.Ап.8. Исторически же расцвет ересей в ойкуменическом масштабе пришёлся на конец I-го и на рубеж I/Пвв., т.е. на время, когда в Эфесе ещё жил/творил последний из Апостолов Иоанн Богослов, и особо на времена после его Успения, в особенности на период и со времени правления Адриана (117-38гг.).

⁴ Любопытно, что перед словом о Досифее Ориген пишет о Февде и Иуде Галилеянинае следующее: «...до Рождества Христова между иудеями действительно жил Февда, к-рый выдавал себя за что-то великое. Но после его смерти рассеялись все, к-рых он обманул. И

торых увлечь за собой и Симон маг, самарянин, и действительно он тогда обманул многих, но теперь число его учеников на всей земле не достигает и 30-и человек, и только в Палестине. В остальной же части мира, где он желал снискать себе славу, его имя совсем неизвестно... И это христианам он обязан тем, что до сих пор ещё говорят о нём. Но самое дело уже засвидетельствовано, что в Симоне не было ничего божественного» (1,57).

По словам Оригена в «Комм. на Ио.13,27», «ученики Досифея уверены, будто обладают составленными им книгами и будто их учитель не умер, а всё ещё жив». Епифаний Кипрский: Досифей (преуспевший среди самарян, из-за неуспеха у иудеев) скрылся в пещере и заморил себя голодом, где и был найден его издающий дурной запах труп («Против ересей» 13), хотя он, вероятно, надеялся, что тело не найдут, чтобы заставить своих последователей поверить в его взятие живым на небо, подобно Илии и Еноху.

У патриарха Фотия: «После разговора (Христа) с самарянкой у колодца, образовались две замечательные партии. Одна утверждала, что Иисус Христос есть истинный Машиах; другие относили пророчество о Машиахе к Досифею, к-рый родился в Самарии и имел учеником Симона мага, как свидетельствуют Апостольские деяния» (Const. apost. lib.6, cap.8). Согласно Феофилакту Болгарскому, «Досифей самарянин говорил о себе: «Я — Христос, к-рого под именем пророка предсказал Моисей»; а Симон самарянин называл себя «великой силой Божией» («Толк. на Ев. от Мф.24,5»).

Как видим, по одним преимущественным сведениям об этой чародейской двойце, Досифей предваряет Симона, по другим — наоборот. При всех случаях, мы имеем двух самарянских чародеев (хотя по Епифанию, Досифея следует считать иудеем, переметнувшимся к самарянам), современников Иоанна Крестителя и Иисуса. И либо они оба предстают учениками Предтечи, либо, — по крайней мере, один из них. Во всяком случае, получается своеобразный четырёхугольник, с одной стороны, — Иоанн и Иисус, с др., — Досифей и Симон, что укладывается в последовательность реконструированной нами хронологии.

Напомним. Иоанн выступил осенью 28г.; Иисус принял крещение 6.01.30г.; казнь Иоанна в Махэрусе состоялась 31.03.32г.; дата крестно-воскресенской Мистерии Голгофы — 3-5.04.33г. н.э.; время появления Симона волхва в Д.Ап. — зима/весна 34г. Посему нет ничего хрононевозможного в т.н. ученической сопричастности самарян Досифея и Симона проходившему с проповедью крещения покаяния и прощения грехов по всей окрестной стране Иорданской, вдоль р. Иордан и вдоль, в т.ч., Самарии, Иоанну Крестителю, крестившему как в пределах Иудеи/Переи,

после этого, в дни, когда совершалась народная перепись, если не ошибаюсь — тогда, когда должен был родиться Иисус, некто Иуда Галилеянин увлék за собой многих из среды иудейского народа своею мудростью, к-рую в нём предполагали, и новизною деяний, к-рые он думал совершить...» (1,57)

Из сказанного ясно, что Ориген (сходно ново-новейшим авторам) путается как в хронологии, так и в идентификации персон Февды и Иуды (Д.Ап.5,36/37), приложительно к к-рым, речь, как мы знаем, идёт об Иуде (= Февда), сыне Езекии, выступившем по смерти Ирода в марте 1г. н.э. (после Рождества 6.01.1г. до н.э. и Бегства в Египет, по Поклонении Ему волхвов 6.01.1г. н.э., Иисуса Соломонида, но до Рождества 25.12.1г. н.э. Иисуса Нафанида), и об Иуде Галилеянине, выступившем в ответ на провинциализацию римлянами Иудеи в 6г. н.э. и в ответ на перепись Квириния 6/7гг., к-рая неуверенно («если не ошибаюсь») кажется (не ведающему о рождественском дуализме) Оригену (квиринской) переписью (1/2гг. н.э.) поры Рождества Иисуса (Р.л. 962-67) (см. ниже). И, тем не менее, это выступление Февды (Иуда, сын Езекии), согласно Оригену, именно «до Рождества Христова», обращает на себя внимание, поскольку Февда-Иуда успел выступить и погибнуть, действительно, до Рождества Иисуса Нафанида!

так и в пределах Самарии, равно допускавшему к крещению как иудеев, так и самарян.

Правда, если Досифей, видимо, принял крещение (покаяния и прощения грехов) от Иоанна (28 – 30г.), то изумлённого Филипповым чудотворством Симона, после крещения его крещением Иоанновым, крестил (качественно иным) христианским крещением во имя Христа Иисуса (позднее им оболганного-отринутого), после Голгофы и Пятидесятницы-Троицы, (диакон) Филипп (34г.).⁵

И Симон, действительно, вполне мог находиться весной 32г. в Египте (вспомним о пребывании в Египте Иешуа, сына Пандиры; о бегстве в Египет от Ирода, по поклонении волхвов с Востока, Младенца Иисуса; о неправомерно смешивающих-совмещающих Иешуа с Иисусом талмудических байках об Иисусовом приобщении к чародейству в магическом Египте), в то время как Досифей вполне мог избраться после казни Крестителя лидером одной из групп его (не примкнувших, сродни мандеям, к христианам) последователей. И Симон очень даже мог вернуться из Египта ещё при жизни Иисуса, или же по свершении Таинства Голгофы, и в состязании за лидерство одолеть Досифея; либо они могли сделаться в дальнейшем предводителями двух различных групп приверженцев Крестителя, не признавших в Иисусе из Назарета Христа, или принимавших за Христа не Иисуса из Назарета.

Посему, т.к. мы выяснили, что самаряне были особо предрасположены к чаянию-ожиданию предсказанного Моисеем пророка (верного), да ещё генетически-наследственно нюансированного линией иосифлянина-ефремлянина Иисуса Навина, появление именно в их среде двух самозванцев, примечательно стоящих между Иоанном Крестителем и Иисусом Христом, удивления не вызывает. Плюс к тому, дополним вышевоспроизведённую нами, в частности, хронокартину (28 – 30 – 32/33/34гг.) ещё одним продолжающим её знаменательным событием 35-го г. н.э.

Речь об этом (проспективно-перспективном, учитывая хронопринцип нашего повествования) событии уже неоднократно шла, по разным поводам, в «Р.л» (888), «Д.И.» (1241) и «Т.Г.» (157), однако, оно имеет ещё и актуальный сейчас для нас подчеркнuto *самарянский* смысл (И.д. 18,4,1). Где-то во второй половине, ближе к концу 35г. (см. ниже),⁶ Пилат устроил у подножия горы Гаризим кровавую баню самарянам, к-рые, вооружившись, намеревались, поверив некоему лжепророку, совершить восхождение на эту сакрально-самарянскую гору за, дескать, зарытыми-сокрытыми там Моисеем священными сосудами.

Стало быть, намечалось какое-то жёстко-жестокое предупреждённое-предотвращённое-подавленное Пилатом (отнюдь не пацифистское) горне-мессианистическое восхождение, и, согласитесь, не исключено, что за не называемым Флавием по имени лжепророком тут может скрываться Досифей или Симон. Ведь из Флавия неясно, – погиб ли в результате Пилатова побоища означенный лжепророк? Ибо пусть Пилат казнил многих захваченных римлянами в плен влиятельных, из числа несостоявшихся восходцев, самарян, о казни конкретно их предводителя ничего не сообщается.

Или же речь впору вести о третьем, помимо Досифея и Симона, безымянном самарянском лжепророке, к-рый тоже мог иметь какое-то отношение к Крестителю и к Иисусу, или, иначе говоря, к-рый предпринял свою акцию во взаимосвязи,

⁵ См. ср. Д.Ап.19,1-5, где (13-й) Ап. Павел, податель, в отличие от диакона Филиппа, Св.Духа, наглядно демонстрирует разницу между Крещением Иоанновым и Крещением во Христа Иисуса.

⁶ За вторую, а не первую половину 35г. ратует последующая отставка тиберианским регионально-сирийским легатом Вителлием Пилата, вследствие жалобы на него самарян, с поста префекта-прокуратора пасхальной весной 36г. (см. ниже).

прямой или косвенной, с казнью Крестителя, с Тайнством Голгофы, с деятельностью Досифея и Симона.

Следовательно, при правильно восстановленной хронологии, в пользу событий, в той или иной мере, связанных с Мистерией Голгофы, говорит не только (напрасно списанный наукой со счетов как позднейшая интерполяция) «*Testimonium Flavianum*», но и иная, в т.ч., не именующая Иисуса открытым текстом, информация в произведениях Флавия.

* * *

По Иустину Мученику (+ ок. 165г.), к-рый сам был самарянин родом из Сихема, и, родившись ок. 100г. н.э., мог знать людей, персонально помнивших Симона волхва, последний родился в селении Гитта или Гиттон (Карджет-Джит), в 10-и км западнее Наблуса (Apol.1,26; «Пс.-Клим.» 1,15; 2,22; Ириной «Пр. ересей» 1,23; Ипполит «Refut.» 6,7; Евсевий «И.ц. 2,13,3; Епифаний «Пр. ересей» 21,1). Он «выдавал себя за кого-то великого». Обращает на себя внимание тождество данной характеристики-формулировки характеристике в Д.Ап. национал-атамана Февды = (флавиевский) Иуда, сын Езекии, из числа повстанцев 1г. н.э., в пору мятежей, вспыхнувших после смерти в марте 1г. н.э. Ирода I.

Не выдавал ли и Февда себя «за кого-то великого», даром что на несколько ином – мессианистическо-повстанческом, но, тем не менее, на смежном с Синомом поприще-уровне, в квалификацию к-рого в качестве мага-волхва вкладывается Деписателем, отличный от квалификации (венчающих прежнюю метаисторию человечества) царей-волхвов у Мф.(2), однозначно отрицательный смысл (чародей, колдун, факир).

И выступивший «незадолго пред сим», т.е. пред рождением Иисуса Нафанида 25.12.1г. н.э., Февда в 1г. н.э., и волхвовавший на 33-м году от выступления Февды Симон (противообраз явившихся с дарами к Иисусу Соломону царей-волхвов), на 33-м году от явления к-рого в 34г. (Д.Ап.) начнётся в ббг. катастрофическая Иудейская война, будучи полярными Христовым Апостолам ловцами человека, будучи губителями душ, увлекли за собой обманом множество людей. Увлекли, выдавая себя за тех, кем они, самозванцы, лукавые совратители и душегубы, ни в коем разе, на самом деле не являлись, по-разному притязая на не имеющий с ними ничего общего статус спасителей-избавителей.

Мы видим из рассказа Д.Ап., что ко времени успехов благой вести из уст Филиппа среди самарян Симону удавалось уже немалое время изумлять народ волхвованиями, и что ему внимали все от малого до большого, почитая его «великою силой Божией». Т.е., по всему, деятельность в Самарии Симона (к-рому предшествовал и с кем какое-то время одновременно чародействовал Досифей?) началась и продолжалась в пору между прохождением через Самарию в конце декабря 30г. (?) Иисуса и Филипповым приходом сюда в начале 34г., соответственно, (учитывая, при том, возможную Симонову египетскую отлучку 32г.) – в 31 – 34гг.

Благовестник о Царствии Божием и о имени Иисуса Христа чудотворец Филипп, от к-рого крестились мужчины и женщины, поколебал Симонов авторитет, и Симон сам принял крещение (приняв ранее крещение Иоанново!), и, изумляясь совершающимся великим силам и знамениям, не отходил от Филиппа. Он стремился разгадать тайну таинства и силы, к-рыми Филипп проповедует и творит, привлекая к себе принимающих от него крещение людей, чудеса.

Тем временем, Апостолы в Иерусалиме, услышав о принятии самарянами слова Божия, снарядили к ним Петра и Иоанна, «К-рые, пришедши, помолились о них,

чтобы они приняли Духа Святого» (15). Вот что акцентирует Дееписатель. Податели Св. Духа посредством рукоположения (возложение рук) – Большие Апостолы, но не диаконы и не иные Апостолы Малые. Симон же помыслил приобрести дары (благодатную силу) Св. Духа (вышнюю благодать!) за деньги, к-рые и принёс Апостолам, за что получил резкую отповедь Петра.

Ни святодуховенный Апостольский, ни благодатный статус нельзя купить за звонкую монету: святотатственная практика купли-продажи духовного-духовности здесь невозможна и неприемлема.⁷ Пётр ясно указал Симону на это словами: «серебро твоё да будет в погибель с тобою». На повестке дня сребренники – лунный метал столь недавнего предательства Иуды, и *отворот-поворот* Петра грешнику (не напоминающий ли перешедший ныне на иной уровень от ворот поворот строгого изоляциониста Ездры самарянам): «нет тебе в сём части и жребия, ибо сердце твоё не право пред Богом» (21).

Причём, если теперь самаряне допускаются-принимаются христианами в общество Господне, в новый Израиль (предваряя предстоящее принятие-вхождение в него посредством крещения язычников), то притязание Симона на обладание-владение Св. Духом отвергается категорически. И всё-таки, шанс на прощение (крещённому Филиппом) Симону, даже исполненному горькой желчи и находящемуся в узах неправды, (Петром) оставляется-даётся: «покайся в сём грехе твоём и молись Богу: может быть, отпустится тебе помысл сердца твоего» (22).

Примечательно, что Симон в ответ просит самих Апостолов (Петра и Иоанна) помолиться за него Господу, – «дабы не постигло меня ничто из сказанного вами» (23). И сим единственная дееписательская информация о Симоне в канонических Книгах Нового Завета исчерпывается. Все остальные сведения о нём и его дальнейших деяниях-приключениях-поступках содержат переплетающие (подчас неразотжествимо) реальность с вымыслом неканонические (в составе церковных авторов, апокрифов, легенд) источники.

Если, согласно Иустину (Иринею; Евсевию), Симон посетил Рим в правление Клавдия (41 – 54гг.), где стал, поразив римлян волховскими чудесами, объектом поклонения со стороны императора и сената, что обусловлено ошибочным прочтением Иустинионом надписи на статуе, посвящённой латинизированно-семитскому божеству *Semo Sancus*⁸, то согласно Оригену, др. авторам и апокрифам, он куролесил-чародействовал в Риме в ранге лжемессии, активно противоборствуя Петру, в правление Нерона (54 – 68гг.), и бесславно кончил жизнь, одолённый-изобличённый Петром, в один год и в одно время с ним, принявшим, как мы знаем, мученичество летом 67г. н.э.⁹

⁷ Термином «симония» обозначается (порочная) практика купли-продажи церковных должностей.

⁸ Обращаясь ок. 150-55гг., в защиту христианства, к императору Антонину Пию (138-61гг.), Иустин Философ пишет: «...по вознесении Христа на небо, демоны выставляли некоторых людей, к-рые называли себя богами: и они не только не были гонимы вами (римлянами; римской властью – К.З.), но и удостоились почестей. Таков был некто Симон Самарянин, из села, называемого Гиттон: он силою демонов, действовавших через его посредство, во время Клавдия кесаря делал волшебные чудеса в царственном городе вашем Риме, и за то признан богом, и, как бог, почтён у вас статуею. Эта статуя воздвигнута на р. Тибре между двумя мостами, с такою надписью на римском языке: Симону, богу святому...» (26). Симон, конечно, мог потрясти-поразить римлян своим факиризмом, но вряд ли он удостоился от них в Риме статуи, к-рую (*Semo Sancus*) Иустин безграмотно-ошибочно сориентировал, апологетически-фонетически переведя стрелки, на него.

⁹ По хроно- и фактически недостоверным фантазиям «Золотой легенды», из к-рых, однако, явствует, какое значение придаётся противоборству между Симоном магом и Симоном Петром, Симон, не могучи противостоять Петру в Палестине, отправился в Рим, куда, дескать,

Надо сказать, что в самом посещении Симоном Рима при Клавдии или при Нероне, либо и при Клавдии, и при Нероне нет ничего невероятного, между тем как даты его жизни, следует полагать, приблизительно совпадают со сроками чуть более старшего, чем он, Петра, сообразно чему, Симон родился ок 10-го или максимум 5гг. до н.э., дожив до ок. 67г. н.э. Или же он ровесник Павла (род. в 3г. н.э.), коли уж его, как, дескать, «врага Моисеева закона и лукавого извратителя истинного христианского учения» злобно клеветнически шельмуют-идентифицируют с, мол, противоположным «ортодоксу» Петру «ересиархом» Павлом «Псевдо-Климентины». Поскольку для последних (увы, не могущих уловить разницу между ними) тонкий христианский гнозис Павла и истончённый люциферический гнозис Симона суть одна противохристианская = противоцерковная чародейская ересь. Не сказано ли у поэта: «Источается тонкий тлен / Фиолетовый гобелен» (Мандельштам).

Впрочем, дальнейшая, после Д.Ап.8, судьба Симона волхва известна главным образом через Ириней Лионского (1,23) и Ипполита (6,7,19/20), пользовавшихся не дошедшей до нас «Синтагмой» Симонова земляка-единоплеменника, но не брата во Христе (относительно Которого их дороги кардинально разошлись) – раннехристианско-церковного апологета Иустина. Из Самарии Симон прибыл в Тир, где на деньги, отвергнутые Апостолами, выкупил из блудилища пребывавшую там 10 лет блудницу Елену, взяв её в спутницы и объявив творческой мыслью (эпинойя) верховного Божества, родившего через неё архангелов и ангелов, сотворивших видимый мир.

Этим верховным Божеством он называл-позиционировал себя в качестве (трёх-мерного) явления прошлого, настоящего и будущего. В рамках предложенной им теологической схемы-системы (универсально-трансцендентальный) ранг Симона – «Отец», «Сын» и «Святой Дух» = три явления единого сверхнебесного Бога. Как «Отец» он явился в Самарии в собственном лице; как «Сын» – в Иудее, в лице Иисуса, покинутого им перед распятием (различные гностические вариации; или – вариант совместившего гнозис с несторианским *вохрамлением* Логоса Мухаммеда); как «Св. Духу» ему предстоит просветить язычников всей Вселенной.

Применительно же к нераздельной с ним *Мысли* Божией, (акцептировавший перевоплощение душ) Симон учил, что создавшие её космические духи, движимые властолюбием и неведением, не пожелав признавать её верховенство, заключили её в оковы чувственно-телесного бытия, заставив (реинкарнационно) переходить из одного женского тела в другое. Она (София) являлась как гомеровская Елена Троянская – похищенная Парисом виновница Троянской войны.¹⁰

А затем, по миновании множества воплощений, ей довелось оказаться блудницей в Тире (родина Мастера Хирама; родина царя Хирама; и нещадно бичуемая ветхозаветными пророками родина Иезавели), откуда Симон, внимательно следивший за всеми превращениями Елены, подобрал-забрал её – как добрый пастырь потерянную

узнав об этом, отправился за ним, дабы изблудить его также там, и Пётр, что произошло в 4-м году кесаря Клавдия (= 44г. н.э.), с каковых пор отсчитывается римское епископство Петра протяжённостью-де в 25 лет (25-й год), до Петрова мученичества, при Нероне, в Риме, на, мол, 36-м году от Голгофы («Von S.Petrus dem Apostel», S.330; 334). Но, с др стороны, не могли ли Симон Пётр и Симон волхв, пусть не в 4-м году Клавдия, а позже, в первый раз столкнуться в Риме ещё при Клавдии? (см. ниже).

¹⁰ Любопытно, что Троянская война длилась 10 лет, с 1194/93 по 1184/83гг. до н.э., что в 7-17гг. н.э. ей исполнилось 1200 лет, и что на 67г. н.э. (дата мученичества Петра и Павла) от её начала прошло 1260 лет.

Внимание: эти 1200 (1260) лет превращаются далёким от их (хроно)секрета Симоном в круглые-округлённые 1000 лет.

овцу (падшую Софию). Она была Перво-Мыслью Бога (Мирового Разума), обречённой, из-за предательства ангелов, на переход из тела в тело до сошествия на землю Симона, несущего людям спасение встречно признанию его Перво-Богом.

Следует констатировать, что сотериальная симонианская доктрина отличается от воззрений прочих гностиков, связывавших обретение спасения только по оставлению душой темницы тела, возможностью спасения в брэнном теле. И ещё весьма любопытно то, что этот вовсе не чуждый замысловато сплавленному с иудаизмом учёному и эзотерическому эллинизму самарянский маг Симон вроде бы не отвергал Иисуса и вроде бы не конкурировал с Ним, хитроумно смыкая себя с Иисусом и одновременно ставя себя в узурпированном им ранге-облике Отца над Ним (К-рого он-де оставил перед Распятием), в конечном итоге, выдавая себя (любимого) за (если присмотреться-всмотреться) воплощённую-реализованную Троицу!!!

То-то позже, во Пв. н.э., возникла секта симониан, рассматривавших Симона как Первого Бога или Бога-Отца, к-рому поклонялись (и) как (эклетическому) воплощению Зевса, тогда как в Елене симониане = елен(г)иане видели спасённую (Симоном) Софию и единовременно земное проявление Афины (или еленинские сошествия на землю имели место в призрачном-фантомном теле, пока настоящая Елена Прекрасная обреталась у высшего Бога).

Хотя нельзя с точностью сказать идёт ли тут речь именно о Валааме Нового Завета – современнике Апостолов – Симоне волхве – персонаже Ив. н.э.¹¹ или о (продолжателе-преемнике симонианы) Симоне – предположительном предводителе (или члене) секты энкратитов во Пв. н.э.? К тому же, среди продолжателей-преемников Симона засвидетельствован ок. 100г. н.э. его ученик (и учитель Василида Александрийского) – известный (самостоятельный) гностик Менандр Антиохийский (кого некоторые даже пробуют отождествить с великим христианским гностиком – с воскрешённым и посвящённым Самим Христом Лазарем! = Иоанн Богослов) (Т.Г. 1121).

Симонову авторству принадлежит, судя по пользующим его староцерковным авторам, эклектическое (стоицизм и гностицизм) сочинение «Великое заявление» = «Великое изъяснение», религиозно-мистическое содержание к-рого, вместе с тем, насыщено философскими понятиями Гераклита, Эмпедокла, Аристотеля, стоиков. Абсолютное начало всего возможного и действительного понимается-объясняется автором названного сочинения как двойственный огонь – скрытый и явный; первый скрывается во втором, второй возникает из первого; помимо метафорического названия сверхнебесного огня (– то πύρ ὑπερουράνιον), абсолютное начало Симона обозначается и философски посредством аристотелевых понятий (δύναμις ἢ ἐνέλεια) – потенция и акт. Первый акт абсолютного начала есть всеобъемлющая Мысль (ἐπινοία), мысленно рождая к-рую, абсолютное определяется как «Разум» и «Отец».

Затем Первая чета – «(раз)ум и мысль», обращаясь внутренне на себя, обращается в две другие пары: «звук и название», «рассудок и вожеление». Скрывающееся в

¹¹ В новое-новейшее время предпринимались попытки разглядеть Симона мага в фигурирующем у Флавия (И.д. 20,7,2) маге (с Кипра) Симоне, к-рого авантюрный римский прокуратор Иудеи («муж трёх цариц») Феликс (52–60гг.) подсылал к славившейся своей красотой дочери Ирода Агриппы и сестре Береники Друзилле, с тем, чтобы он уговорил её (внушением) бросить мужа, эмесского династа Азиза, и уйти к Феликсу, как оно в итоге и (благодаря ли стараниям Симона?) случилось (см. ниже). То, что этот Симон отнюдь не самарянин, а киприот, идентификаторов не смущает, так как они полагают, что местом его рождения может быть не самарянское селение Гиттон, но кипрский Киттион. Увы, на этом вопросы не кончаются, поскольку Флавий, к-рый никак не мог перепутать иудея с самарянином, выразительно называет Феликсова подельника иудеем, и, значит, такая (гиперкритиканская по адресу Нового Завета) горе-версия вопиюще несостоятельна!

этих «шести корнях бытия» абсолютное первоначало само по себе есть «невидимая сила», «непостижимое молчание»; в своей чистой потенциальности, как нераскрывшийся зачаток, или точка бытия, оно есть по преимуществу *малое*; но оно становится *великим*, определяясь в себе как ум и мысль и вечно выводя из себя все дальнейшие определения мира умопостигаемого. И это мысленно *великое* становится беспредельным в явлениях реального мира, к-рый развивается по той же схеме активно-пассивных мужеско-женских сочетаний, как и мир умопостигаемый.

Первой сизигии (уму и мысли) соответствуют здесь небо и земля; второй (звуку и названию) — солнце и луна; третьей (рассудку и вожделению) — воздух и вода. Единый подлинный деятель и двигатель всего этого логического и физического процесса есть то же самое абсолютное начало в своей являемости, или «явный огонь», великая творческая сила, «изображающаяся» во всём видимом и невидимом, — именно та сила, с к-рой Симон (амбициозно) отождествлял себя.

В его гностической конфигурации актуальный сущий бог представлен говорящим предвечной или предсуществующей силе божества: «я и ты — одно, прежде меня — ты, то, что за тобой — я». И этот «второй бог» — или всецелая действительность абсолютного — называемая также «седьмой силой», суть завершение всех дел, исходящих из «семи корней бытия» в горнем и дольном мире.

Однако, как данное умозрение, в сопровождении мистического брака ума и мысли = Симона и Елены, тем не менее, остаётся в тумане, так и вся сложная Симонова конструкция не поддаётся восстановлению, ибо сведения о ней дошли до нас, во-первых, не полностью, но обрывочно, и во-вторых, в передаче противников её создателя.

* * *

С др. стороны, церковные авторы со апокрифы («Страсти Апостолов Петра и Павла») ¹² яркими красками рисуют долгое противодействие-противоборство (слушающих-слышащих-воспринимающих различные сферы, различную музыку и гармонию сфер) Симона волхва Симону (*слушание*) Петру (*камень*) в Кесарии и особенно, при Нероне, в Риме, где, согласно части источников, вместе с Петром против Симона выступает Павел (кого самогó, не забудем, «Псевдо-Климентины» мракобесно-клеветнически записывают в Симоны волхвы).

И не удивительно, что в (шифровано-чудесных) христианских рассказах Пётр, от раза к разу, изобличает-одолевает бессовестного чародея, пока не одерживает над ним (перед своим, как и Павел, мученичеством) окончательную победу, утверждая торжество веры над суеверием. Или, если выразиться не церковно-теологическим языком, — торжество (в т.ч.) христианского оккультизма (белая магия) над симоновскими (нового Валаама и Голиафа, к-рый, предшественник Клингзора, являясь самозванцем, предумышленно умыкнул-искажил целый ряд положений-элементов истинного мистического христианства) чародейством-фактизмом-колдовством-магизмом (чёрная магия). ¹³

¹² Время составления этого (краткого) греческого оригинала (13 глав), от к-рого сохранились лишь фрагменты — П/Швв. Дошедший до нас полный текст — латинский манускрипт VIIв. Помимо того, существуют «Большие» петро-павловские «Страсти», в латинской (66 глав) и греческой (67 глав) версиях, входящие в состав раннесредневекового апокрифа «Деяния Петра и Павла» (88 глав), сохранившегося на греческом и армянском яз.

¹³ В «больших» «Страстях» (32-34) Павел перед Нероном уподобляет Симона мага противникам Моисея и Аарона перед фараоном египетским магам Ианнию и Иамврию, к-рые безымянно упоминаются в Кн.Исх.(7,11-22; 8,7-19; 9,11), но называются именно этими

Так, к примеру, выдавая себя за Христа, Симон¹⁴ помещает у входа в собственное жилище огромного пса («пёс чёрен» – нечистая сила), угрожая, что тот разорвёт всякого, кто не признает в нём Христа. Но Пётр силой молитвы обращает ярость пса против его хозяина (или пёс страшным голосом уличает чародея во лжи). В др. раз Симон объявляет себя бессмертным и кладёт голову на плаху, в последний момент подставив вместо себя овна (переигранный мотив принесённого Авраамом в жертву овна вместо Исаака), а сам, проведя 3 дня в укромном месте, («воскресенски») возвращается (как бы с того света) ко двору императора (Нерона).

Но и этот обман избличается Петром и Симон, не в силах противостоять превосходству противника, решает «вознестись», чтобы со славой покинуть Рим. На Форуме (или на Марсовом поле) сооружают высокую деревянную башню, а бросившегося с неё вниз головой Симона подхватывают и несут демоны, к-рые отступаются по слову Петра, в результате чего колдун падает и разбивается о камни.

Мотив Симонова уподобления себя Христу присутствует и в наиболее ранней версии конца чародея (у Ипполита), по к-рой Симон приказывает зарыть себя живым в землю, обещая воскреснуть на третий день, с наступлением к-рого его находят во гробе мёртвым. Таким образом, он оказывается антагонистом не только Апостола, но и самого Христа как предтеча Антихриста. И тут примечательно сюжетное перенесение исчезновения скрывшегося в пещере, в надежде «присоединиться», в глазах своих приверженцев, к Еноху с Илиёй, и обнаруженного там мёртвым Досифея, на (его превзошедшего учителя ученика) Симона, кому, сыграв-

именами во 2-м Посл. Павла к Тимофею (3,7) (последнее из Павловых новозаветных Посланий, составленное до его казни, во время Вторых римских уз), в Талмуде и в «Таргуме Ионафана» (см. ниже).

От времени Исхода евреев из Египта в 1447г. до н.э., когда жили-действовали волхвы Ианний и Иамврий, до 34г. н.э. – 1480 лет. От времени перехода евреев через Иордан в 1407г. до н.э., когда жил-действовал волхв Валаам, до 34г. н.э. – 1440 (720 x 2) лет.

¹⁴ Согласно (кратким) «Страстям», «...вскоре после того, как императором стал Нерон, привели к нему человека именем Симон. Был сей маг не слишком умён, однако ж весьма искусен во всяком выверте своего ремесла» (1). Нерону он говорит: «Родом я из Финикии, послан с востока Высшей Силой...» (2). В (больших) «Страстях» искуснейший колдун Симон маг, представ перед Нероном (к-рому Симоновы приверженцы нашептали, будто маг – Пётр), «тут же начал обличьем меняться: сделался вдруг мальчиком, потом – старцем и тотчас цветущим юношей; менялся лицом и фигурой, пол свой менял и возраст, словом на все лады служаая дьяволу, неистовствовал» (14). Или: «Тогда, придя к Нерону, сказал Симон: «Послушай меня, славный император, Я сын Божий, с неба спустился. Доселе терпел я одного лишь Петра, твердящего, что Апостол он. Ныне же удвоилось зло. Говорят, проповедует вместе с ним ещё и Павел теперь, к-рый и учит тому же, и против меня злоумышляет. В общем, коли не позаботишься ты о том, чтоб погибли они, не сможет власть твоя устоять» (15).

Понятно, что цитируемые апокрифы максимально сводят Петра и Павла в противовес их экстремальному разведению «Псевдо-Климентинами», или, перво-наперво, отторгающими «церковного ортодокса» Петра в пользу люциферизированного ими и превращённого во врага (ортодоксальной) Церкви Павла гностиками. Представляя не столько разные, сколько разнящиеся (идушие двумя дорогами к одной единой цели) направления в христианстве, Пётр и Павел, исчерпывающе выполнив каждый свою плодотворную миссию, никогда не были и не могли быть ни доморошенными конкурентами, ни антагонистами, достаточная информация о чём содержится в Новом Завете. И незачем городить очень модную сегодня, будь то убого либеральная (с умным видом), или квазизотерическая (в маске «посвящения»), чуть об их (мнимом) антагонизме, к-рого никогда не было и не могло быть, и к-рый может проявиться только в клиническом (или в конъюнктурном) воображении недоумков, почитающих себя умнее и значительнее Священного Писания (см. ниже). Одухотворённый интеллект ищет истину, а не бравитует словесно-акробатической изворотливостью, выёживаясь (чтобы не сказать жёстче) в поисках дешёвого самоутверждения-самопрославления.

шему в ящик, само собой, не удалось (благодаря эффективному противодействию ему силой Христовой Петра и Павла) сыграть во Христа.¹⁵

Разумеется, ставший нарицательным обозначением противохристианской магии Симон не отрицает христианский гнозис, христианский спиритуализм-окультизм и христианскую эзотерику, как получается в его, родоначальника ересей, представлении-изображении у выплёскивающих вместе с водой ребёнка церковных авторов и источников, начиная уже с «Псевдо-Климентин» и т.д. Какой, спрашивается, силой, если не, в частности, христианским окультизмом мог творить и творил чудеса (вовсе не только экзотерик) ученик и Апостол чудотворца Иисуса Пётр (не есть ли камень одушевлённый Петром символ минерального мира!)! уж не говоря об истинно христианском гностике Павле, или о гностике гностиков Иоанне Богослове — авторе самой гностической, самой оккультной и самой спиритуальной-эзотерической Книги Книг в Книге Книг — Апокалипсиса!

Если гнозис Симона волхва атактистическо-люциферический, то христианская эзотерика руководствуется положением «Christus verus Luciferus» — «Христос истинный Люцифер». И если Симон волхвовал во имя своё — Лже-Христа, во славу свою и своего эго, то чудеса, совершённые Петром, Павлом, Иоанном и др. Апостолами, вершились во имя и именем Христа, вершились через Импульс Христа, вершились во славу Господню! Ойкуменист Павел («не я, но Христос во мне») — как соединительное звено, как мост между Петром («паси агнцев Моих») и Иоанном (к-рый пребудет до Второго пришествия — «пока не прииду»), к-рый, таинник таинников, есть апогей христианского спиритуализма, к-рый есть экстракт прохристианенной *белой магии*, один из противодейственных полюсов к-рой — *чёрная магия* Симона волхва.

Иное дело, что, например, Е. Блаватская («Аполлоний Тианский и Симон маг») и проч. противохристианские оккультисты адвокатски превозносят (в т.ч.) Симону магию, ловко используя неуклюже-противоэзотерические в принципе выпады и инвективы церковных мракобесов, к-рые сами глупо подставляют и, главное, опасно подставляют (наипаче, в наш инфинитивированный клиническим материализмом век моды на клиническое чудеса) истинное христианство под удар.

Между тем, всякий нехристианский окультизм типа окультизма Блаватской, Олькотта, Безант и др., к-рые ничего не поняли в истинном христианстве и в реальности отвергли оное (на уровне ничем не лучше рационал-материалистов-атеистов или рационал-либералов), на деле является не больше, чем тухлой декадентной оккультиятиной. Ибо любые попытки проникнуть в сверхчувственный мир без Христа не могут содержать в себе чего-либо созидательного, так или иначе, неся на себе (вне зависимости от пестроты его облачений) печать обречённого атактизма, дежавю, нонсенса, к-рый, рано или поздно, обратится во прах.

Чего стоят хотя бы жалкие теософско-теопедические поползновения идентифицировать-слить Иешуа, сына Пандиры (+ 70г. до н.э.), с Иисусом из Назарета, дескать, придуманным омолодившими его на 100 лет и сделавшими из него Машаха христианами, в пику к-рым теософы выдвигают-предлагают Бодисаттву Иешуа, кто в реальности нисколько не отрицает жившего столетием позже Мессию Иисуса Христа, но что, в теософской интерпретации, не выдерживает элементарной

¹⁵ По «Страстям» (краткие), казнь Петра и Павла, приказом Нерона, после (и в отместку за неё) гибели рухнувшего с небес на землю и треснувшего пополам Симона (11), происходит «в 3-й день до июльских календ, в консульство Пизона и второе Нероново» (13): «И были они (Пётр и Павел) на небо взяты, а Симон в преисподнюю низвергнут» (13). Если 3-й день до июльских календ даёт традиционную церковную дату мученичества Петра и Павла — 29.06., то год второго Неронова консульства в паре с (Л.Кальпурнием) Пизоном — это 57г. н.э., к-рый отстоит от даты римского мученичества обоих Апостолов в 67г. (в пору отсутствия в городе отправившегося в 66г. в Грецию Нерона) аж на 10 лет (см. ниже).

исторической (о метаистории — вообще молчок) критики, и адепты чего ни на какую истину (тем более, на истину в предпоследней или в последней инстанции) притязать (никак и ни под каким соусом) не вправе.

Аналогично, кстати, дело обстоит и с блаватскими насмешками над, мол, смертельно сломавшим, при апокрифическом падении с высоты, ноги Симоном. Достаточно, дистанцировавшись (даже не оккультно) от буквализма, сопоставительно (без дальнейших разъяснений) вспомнить слово Ев. от Ио. о (pronзённых ударом милосердия рёбрах и) неперебитых голенях Распятого Иисуса: «Кость Его да не сокрушится».

Кроме того, да, Симон маг называл Св. Дух «Св. Придыханием» и «Матерью всего», что, пусть это и ужасает догматических авторитетов церкви, во-первых, верно, правда, не в понимании-раскладе (поворачивающего всё на себя любимого) Симона мага, в то время как, во-вторых, не Блаватской (усмешливо называющей Евсевия «бароном Мюнхгаузеном патристической истории»), с её байками (о славном, вопреки бесславному-безвестному Иисусу, Аполлонии Тианском), противопоставлять эти положения, верные якобы именно в понимании Симона, яро отторгаемому ею (равно Безант) христианству или авторитетам церкви. (Впору спросить: а судьи кто?)

Женский род Св. Духа (в семитских языках) не секрет как для еврейско-иудейской традиции, так и для христианских апокрифов («Евангелие евреев»; «Евангелие от Филиппа»). Святая Пневма суть Вечная Женственность как Мать, Сестра и Суженая Светоносного Иисуса! Дальше — больше: Её — Третья ипостась Троицы — как квинтэссенции Вечно Женственного в человеке и человечестве — носительницами явились в Таинстве Голгофы Мария Богородица и Мария Магдалина!

Впрочем, довольно (пока) слов о, как сказано, исчезающем с 24-го стиха 8-й гл. Д.Ап. из поля канонической видимости Симоне волхве, удел последующей экзистенции-деятельности к-рого — обзорно перечисленные нами выше источники неканонические. Возвращаемся в предпасхальную и пасхальную весну первой после Мистерии Голгофы весны и Пасхи 34г. н.э., о времени в диапазонах к-рых Деесподатель говорит-уточняет, что прибывшие на Филипповы (проповеднические, чудотворительные, крещенские) успехи в Самарию (податели Св. Духа) Апостолы Пётр и Иоанн, — «засвидетельствовавши и проповедовавши слово Господне, обратно пошли в Иерусалим и во многих селениях Самарийских проповедали Евангелие» (25).

ОБРАЩЕНИЕ ФИЛИППОМ НУБИЙСКОГО ВЕЛЬМОЖИ

(апрель 34г.)

«А Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима на Газу, на ту, к-рая пуста.

Он встал и пошёл. И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ её, приезжавший в Иерусалим для поклонения, Возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаию.

Дух сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице.

Филипп подошёл и, услышав, что он читает пророка Исаию, сказал: разумеешь ли, что читаешь?

Он сказал: как могу разуместь, если кто не наставит меня? И попросил Филиппа взойти и сесть с ним.

А место из Писания, к-рое он читал, было сие: «как овца ведён был он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзает уст Своих;

В уничижении Его суд его совершился, но род Его кто разъяснит? ибо возьмется от земли жизнь Его».

Евнух же сказал Филиппу: прошу тебя сказать: о ком пророк говорит это? о себе ли, или о ком другом?

Филипп отверз уста свои и, начав от сего писания, благовествовал ему об Иисусе.

Между тем, продолжая путь, они приехали к воде, и евнух сказал: вот, вода; что препятствует мне креститься?

Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий.

И приказал остановить колесницу; и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и крестил его.

Когда же они вышли из воды, Дух Святой сошёл на евнуха; а Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуясь.

А Филипп оказался в Азоте и, проходя, благовествовал всем городам, пока пришёл в Кесарию.» (Д.Ап.8,26-40)

ГАЗА

Внял ли Филипп слову Ангела Господня? или ангельское явление ему было зримым? — Дееписатель не уточняет, одновременно манифестируя 3 признака, к-рыми Посланец Господень обозначает место, куда Филиппу, кто (один из 7-и диаконов-еллинистов) не должен (в отличие от членов апостольской коллегии 12-и) возвращаться в Иерусалим, надлежит идти. Это направление: во-первых, «полдень» = южнее Самарии; во-вторых, одна из дорог на Газу; и в-третьих, именно та дорога, — «к-рая пуста».

Эллинистическая на Ив. н.э. Газа — один из 5-и древних городов филистимского Пентаполя, к юго-западу от Иерусалима, у Средиземного моря (Б.10,19; Нав.15,45), была «сектором», отторгавшимся иудеями как, помимо эллинизма, в силу своего порченно-генетического и языческого филистимлянства, так и в силу, во всяком случае, в период Второго храма, на подступах к мессианистическому Исполнению времён, сухопутно-иудейского изоляционизма. Не со времён ли Зоровавеля и Иошуа (Vв. до н.э.), геттоизаторский курс к-рых значительно усугубили Ездра и Неемия (Vв. до н.э.), пестование телесности Мессии в чреслах обезгосударственного-безгосударственного еврейства обязывало к соблюдению чистоты веры и крови в максимально замкнутых внутриконтинентальных пределах. Ведь морское побережье и прибрежные-портовые города являлись воротами во внешний мир и причинами проникновения в Эрец-Исраэль пагубных влияний извне.

В середине II тыс. до н.э., в пору пост-гиксосской державно-египетской, при 18-й династии, гегемонии в ближневосточном регионе, город Газа открыл (до Исхода Израэлитов — 1447 — 07гг.) ворота Тутмосу III (XVI/XVвв.). Позднее, во второй половине II-го тыс. до н.э. (после Исхода) подчинялся фараонам 19-й и 20-й династий — Рамзесу II и Рамзесу III (XIV/XIII/XIIвв.). Не завоёванный пересекшими в 1407г., под предводительством Иисуса Навина, израэлитами в эпоху (с ок. 1380г.) Судей (3,3), — составил южную границу владений хананеев, а в Xв. — владений Соломона. Во второй половине VIIIв. был разорён основателем Ново-Ассирийского царства Тиглатпелессаром III (746/45 — 722г.) (Д.И. 339; 383), и в конце следующего VIIв. (608г.) — тщившимся вернуть Палестину/Сирию под влияние Египта фараоном 26-й династии (Саисского возрождения) — Нехао (610 — 594г.).

После оформившей-запечатавшей конец Ассирии и региональную гегемонию одолевшего Египет Ново-Вавилона знаменитой битвы при Каркемише (605г.), подпал (ненадолго возвращённый в 600г. египтянами) вавилонянам. Во второй половине VIв., сделавшись с падением Вавилона (539г.) самостоятельным и даже посмев

оказать сопротивление иудею на Египет Камбизу (525г.), — персам. При Дарии I (522 — 486/85гг.), в усиленно контактировавшей с греками самобытной Газе, с её смешанным семитско-набатейским и остаточным филистимским населением, существовало внутреннее самоуправление.

Александр Великий взял этот второй, по крепостному и портовому значению, вслед за Тиром, город, в результате двухмесячной осады, в октябре 332г. Строительство же нового города, с преимущественно греческим (и грекоязычным) населением, несколько южнее старого, при сохранении прежнего порта, имело место в эпоху твёрдо владевших сектором Газы (к-рый до того часто переходил в пору войн диадохов из рук в руки) с 280г. Птолемея. Причём руины старого города-городища видел ещё много столетий спустя Иероним Стридонский (347 — 420гг.). И многие, по всей видимости, ошибочно, из-за неверной информации Страбона (16,2,30), полагают, что появление новой Газы в 20-и стадиях к югу от старой относится ко времени покорения Сирии/Палестины, с 60-х гг. до н.э., римлянами, в то время как ранее речь следует вести не о городе, но максимум о крепости (у или вместо руинированного города).

Скорее всего, не так, ибо второе рождение и расцвет Газы при римлянах не означает её полное небытие при Птолемеях и отбивших у них в 198г. до н.э. Палестину Селевкидах, воспользовавшись ослаблением к-рых, ок. 96г., Газу взял, после годичной осады, и опустошил, включая окрестности, иудейско-маккавейский царь Александр Яннай (102 — 75гг.) (И.д. 13,3,3; И.в. 1,4,2). Напоминаем, Яннай представлял династию, (порядком эллинизированные) репрезентанты к-рой, начиная с (разрушителя Самарии, однако, иудаизатора идумеян) Иоанна Гиркана (134 — 03) и (присвоившего себе царский титул, на что Арониды Хасмонеи, не будучи Давидами, не имели права, хотя правозверные фарисеи считали их недостойными именно высокосакрального первосвященства) Иуды Аристовула (103 — 02гг.), взяли на вооружение вместо ездраитского изоляционизма лаицистский экспансионизм.

В 63г. Помпей лишил Маккавеев власти над Газой, как и над другими эллинистическими городами и местностями, предоставив полису свободу (по-римски) (И.в. 1,7,7; И.д. 14,4,4). Отсюда новоотстройка города при (римском легате Сирии) Габинии (57 — 55гг.) (И.д. 14,5,3). Была ли старая Газа окончательно оставлена тогда в пользу новой или это случилось раньше (при Птолемеях? Селевкидах?), сказать трудно. Так или иначе, на 34г. н.э. наличествовали руины (не раз опустошавшейся) *старой* Газы и ведущая (из Иерусалима через Елевтерополь) с севера на юг через неё, либо мимо неё, дорога («к-рая пуста») к Газе *новой*, равно две дороги от Газы: одна — на портовый красноморский Айлат; другая — на приегипетский Пелузий.

Между тем, если с 34г. до н.э. город находился в составе царства назначенного римлянами царём в 37г. и завоевавшего Иерусалим, с их помощью, в 34г. Ирода, составляя на тот момент единственный поргово-прибрежный пункт его царства, то в 33г. Ирод вынужден был уступить доверенную годом раньше (наряду с Идумеей) начальствованию своего клеврета идумеянина Костобара (казнённый в 22г. муж Саломии) Газу (как ранее — Яффу/Иоппию), вместе с Переей и Самарией, Клеопатре (Р.л. 165; 326). Она же владела ею до поражения в 30г. до н.э. от Августа, кто санкционировал возвращение города (и проч. присвоенных Клеопатрой палестинских городов-земель) Ироду (Р.л. 230/31).

Наконец, в 1г. н.э., по смерти Ирода, города с греч. населением — Гадара, Газа и Ипп (Иоппия/Яффа), были выведены Августом из подчинения Иродову преемнику в Иудее, Самарии, Идумее этнарху Архелаю и полисно включены в состав Сирии (И.д. 17,11,4/5) (Р.л. 978-81). Притом, если, повторим, новый город находился в 20-и стадиях южнее вглубь континента от руин старого, то положение

порта осталось неизменным (Страбон 16,2,21; Птолемей 5,16,2). И вышепредставленное августейшее административно-территориальное урегулирование-деление сохранялось-действовало в последующие десятилетия.

Засим в 34г. н.э. район эллинистической Газы, с её наверняка не столько греческим, сколько грекоязычным населением и отягощённой филистимско-филистимлянской наследственностью, составлял для религиозных иудеев языческую мерзость запустения, что не было и не могло быть препятствием для перспективно-вселенского христианского благовествования, к-рое до поры, на переходном к языческой Ойкумене этапе, ограничивалось проповедью и обращением иудеев, самарян, прозелитов.

Вот к числу последних, или, точнее, к числу «прозелитов врат» (вторая категория, поскольку первую составляли «прозелиты праведности» = «правды») и принадлежал («чужестранец в твоих воротах») «муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ её, приезжавший в Иерусалим для поклонения», на, как мы приняли, паломнический праздник Пасхи (23/24.03. – 14/15 нисана), и ныне возвращавшийся дорогой на юг, в своё нубийско-ефиопское отечество, вероятно, по окончании праздника опресноков, в начале апреля 34г. н.э.

И как тремя признаками было чрез указание Ангела Господня обозначено место следования (из Самарии, минуя Иудею, на филистимский юг) Филиппа, так теперь тремя признаками характеризуется-представляется встретившийся пешему Филиппу восседающим на движущейся в южном направлении колеснице человек, кто, во-первых, – муж Ефиоплянин, во-вторых, – евнух, и в-третьих, – высокопоставленный вельможа царицы Ефиопской, её казначей. Впрочем, обо всём по порядку.

НУБИЯ

Под находившейся южнее Египта, вверх по Нилу, Ефиопией античной следует понимать, перво-наперво, не столько современную Эфиопию, сколько располагающуюся на территории современного Судана, с центрами сначала в Напате и позднее в Мероэ, Нубию¹⁶ (между сегодняшними Египтом и абиссинской Эфиопией; локализация – севернее Хартума и южнее Асуана). Именно её, связанную и с тогдашним Египтом, и с тогдашней Абиссинией, древние египтяне называли – Куш, а греки и римляне – Нильская Ефиопия (в то время как на территории современной Эфиопии/Абиссинии как раз с IV н.э. экзистировало активно контактировавшее с йеменско-аравийско-сабейским югом гос-во Аксум).

Древнейшее из известных население Нубии – родственные древним египтянам хамитические кушиты (сыны Хама: Х(К)уш – эпоним Нубии и Эфиопии; Мицраим – эпоним Египта; Фут и Ханаан) (Куш – сын Хама и отец Нимрода!), к к-рым со (как полагают) II-го тыс. до н.э. примешивались проникавшие с юга негроидные элементы. Посему Куш = Нильская Эфиопия = Нубия = часть Судана – страна между I-м и 6-м порогами Нила, и несколько далее к югу и востоку по Белому и Голубому Нилу, между Красным (Черным) морем и Ливийской пустыней.

В древнеегипетские времена Раннего (ок. 3100/3000 – ок. 2600гг. до н.э.) и Древнего (ок. 2600/500гг. – XXIV в. до н.э.) царства хамитические кушиты были

¹⁶ Название «Нубия», предположительно, происходит от древнеегипетского «nub» – «золото»; или – от обитавшего с III в. н.э. на восточном берегу Нила, южнее I-го порога-катаракта (выше к-рого Нил считался несудоходным), племени нобатов. При всех случаях, зафиксировано оно лишь с XV в. н.э. в употреблении арабов.

разделены на множество княжеств по обоим берегам Нила, в сторону Красного моря – с одной, и Ливийской пустыни – с др. стороны. Их наиболее сильным, как считают – пре-, пра- и древнегосударственным, образованием стали город, культура и одноименное царство Керма (совр. назв. Дукки-Гель – <Дакка> – «Красный холм» – вокруг скалы Западная Деффуфа, на границе и прилегающих к границам ближних принильских территориях сегодняшних Судана и Египта), государственность = гос. статус к-рого (условно) датируется со времени ок. 2500г. до н.э.

Если же заглянуть в ещё более отдалённое, непроницаемое для материалистов, ввиду отсутствия соответствующих материальных следов-памятников, полуполюгендарное былое, необходимо (у кого хватит сознания, видения и мозгов) учесть, что собственно безначальная за пределами ок. 3100/3000гг. (начало в 3102г. сменившей-продолжившей 10-тысячелетнюю Двапара-югу = Большую эпоху Тьмы Кали-юги = Малая 5-тысячелетняя эпоха Тьмы) египетская цивилизация шла-мигрировала (в своих пра-корнях) не с севера (Дельта) на юг, но с (эфиопско-нубийского) юга на север.

И это Верхний (Южный) Египет (со временем) прибрал к рукам, объединив страну, Египет Нижний (Северный). И, более того, сама теряющаяся (в атлантических) туманах (мета)история, во многом, импульсировавшего великую древнеегипетскую цивилизацию кушитско-эфиопского юга восходит аж к I-й Пост-Атлантической Пра-Индийской (= Индо-Эфиопская) культуре под знаком Рака (ок. 7200 – ок. 5000гг. до н.э.)!¹⁷

Тем не менее, в эпоху расцвета Среднего царства (XXI – XVIIIвв.), в XIXв. до н.э., современники Иосифа Прекрасного, прихода и благоденствия Израиля в Египте, фараоны 12-й династии, начали основательное завоевание богатой Нубии, откуда (или через к-рую) Египет (направляя туда и раньше грабительские экспедиции и торговые караваны) черпал рабов, золото, скот, эбеновое дерево, слоновую кость (индийский ладан, южно-аравийскую смирну) и т.д., чтобы гарантированно владеть территорией вверх по Нилу до 2-го порога.

В период не достававших до нубийского юга, в условиях борьбы с югом египетским, пришлых гиксосов (XVIII/XVIIвв. – ок. 1600гг.), к-рые владели-орудовали из района Дельты, Куш восстановил раздробленную независимость. И потому экспансивным фараонам положившей начало Новому (постгиксосскому) царству 18-й династии (Тутмосиды) пришлось Нубию снова, в тяжёлых походах, обернувшихся в итоге продвижением границы Египта, на сей раз, до 4-го порога, в XVI/XVвв., покорять-подчинять.

С тех пор страна кушитов сделалась для египтян столь же важна и дорога, как, например, Шотландия или Уэльс в Ср. века и в Новое время для Англии, с особым статусом и с поставлением во главе её напрямую зависимого от фараона «царского сына Куша» – официальный титул египетских наместников Нубии, при к-рых нубийская элита и нубийская культура (всё более отдаляясь от Абиссинии), в значительной мере, египтизировались.

И такое положение сохранялось до конца 20-й династии, с концом к-рой и концом Нового царства, в эпоху Третьего переходного периода, Куш в XIVв. до н.э. снова обрёл независимость, причём о трёхвековом интервале его истории, с ок. 1050 по ок. 750гг. до н.э., сведений нет. Затем, после ок. 760/50г. (т.е. параллельно

¹⁷ То-то античная древность (на уровне глухих отголосков) знает как азиатских эфиопов, так и эфиопов южнее Египта; как дуалистическую африканскую Ефиопию – Нильскую и абиссинскую, так и Ефиопию азиатскую – припакистанско-прииндийскую (индо-парфянская Гедросия); плюс – Ефиопию Кавказскую-Понтийскую (Колхида) (см. ниже). У Гомера эфиопы – обитатели самых дальних концов земли; в «Одиссее» они – непорочные друзья богов. У Геродота – восточные эфиопы – азийские – до Индии; западные – курчавоволосые – африканские. Они – долговечные любимцы богов, обожжённые солнцем.

основанию ок. 753г. Рима и 37/38-летнему правлению Ромула), начинается (при начале в 748/47гг. до н.э. эпохи Овна-Агнца, и при начале в 747г. эры Набонассара), немало обусловленный слабостью разрозненно-декадентного Египта, небывалый взлёт продвигающегося в обратном египетским завоеваниям направлении, с юга на север, Куша.

Происходило это при правителях Аларе, Каште, Пианхи, Шабакке, Шабатаке, Тахарке, Тунатамоне (Д.И. 396-402), в результате чего в стране Мицраим утвердилось в последней четверти VIIIв. до н.э. 25-я Нубийская фараонская династия, история к-рой завершилась завоеванием страны-на-Ниле ассирийцами (с 673–71гг.), при Тахарке и Тунатамоне, и приходом к власти заключительной, перед завоеванием персидско-ахеменидским (525г.), 26-й (с её деградантно-зомбированной апелляцией к Древнему царству) династии (Позднее царство) *Саусского возрождения* (656/55гг.) (Д.И. 442/43).

При всём том, весьма примечательны взаимосвязи кушитов-нубийцев с Египтом как в пору тесно связанной с метаисторией Израиля (в Египте) 12-й династии, так и в пору исшественной для местаистории-истории Израиля 18-й династии, и позднее, – во время вовсе не чуждой истории Израиля и Иуды 25-й (Нубийской) династии: 1) когда ново-ассирийцы пленили 10 колен Израилевых, взяли Самарию и положили конец Северному царству (734 – 23/22 – 15гг.); 2) когда к египтянам за помощью против ассириян обратился последний израильский царь Осия; 3) когда ассирийцам противостоял отпраздновавший знаменитую очистительную Пасху 720г. до н.э. (родившийся за 777 лет до 34г. н.э. – в 744г. до н.э.) исключительный царь Иуды Езекия Добродетельный (720 – 691гг.), кому Ассирия инкриминировала попытку опереться «на Египет, на эту трость надломленную»; 4) когда Санхериб «ушёл в землю свою», из-за приближения с войском фараона Тахарки... (Д.И. 420-25).

И всё это происходило в судьбоносную для богоизбранного еврейства и человечества пору-эпоху конца Двухцарствия, в пору жизнедеятельности великоmessианистического пророка Исаии (ок. 760 – ок. 680гг.), Книгу к-рого читал, сидя на колеснице, встретившийся снаряжённому Ангелом Господним ему навстречу для его обращения-крещения Филиппу евнух-ефиоплянин (= нубиец-мероит).

Тем временем, история заложенного предшественниками Кашты собственно нубийского Куша, к югу от Египта, несмотря на потерю нубийцами, с падением 25-й династии, Египта, продолжалась, в общей сложности, в той или иной мере/форме, с IX/VIII-го вв. до н.э. по, при апелляции всех дальнейших нубийских правителей к их славной генеалогии от трёх царей – Алары, Кашты и Пианхи, VIII/IX-й вв. н.э.

Причём, строя у себя храмы и пирамиды (миниатюрные подобия египетских), и оставляя свои изображения потомкам, по образу-подобию египетских фараонов, мероитские правители даже тогда, когда ни фараонов, ни фараонского или даже птолемейского Египта уже давно не существовало, упорно продолжали титуловаться царями Верхнего и Нижнего Египта и упорно считали-почитали себя единственно легитимными наследниками-продолжателями фараонов (от единственно легитимной на все будущие времена 25-й династии).

Важное событие произошло в VIв. до н.э. Пользуясь ослаблением египтян, потерпевших поражение от Вавилона под Каркемишем (605г.), нубийцы активизировались. Надпись на обнаруженной в Танисе стеле, датированной 3-м годом правления Псамметиха II (594 – 89гг.), гласит: «Пришли сказать фараону в 3-й год его царствования: страна кушитов замыслила сразиться с тобой». Но Псамметих, сыграв на опережение, ответил превентивным ударом-походом, сам оставаясь в пограничной Элефантине и доверив командование армией Яхмосу (Амасис). Войско же последнего, где состояли, в частности, греческие наёмники, взяло нубийскую столицу Напату и окрестные селения, включая два царских некрополя, уничтожило

имена нубийских царей и повредило их статуи в святилище Г(Дж)ебель-Баркала (98-метровая «священная скала», обозначающая местоположение Напаты), после чего ушло назад ко 2-у порогу, установив здесь границу.

А нубийцы (царь Аспелта), дабы обеспечить дальнейшую безопасность, перенесли в том же 592, или, скорее, в следующем 591гг., столицу своего государства из расположенной между 3-м и 4-м нильскими порогами Напаты, к-рая осталась религиозным центром, дальше на юг, в город под названием Мероэ (200 км северовосточнее нынешней столицы Судана – основанного в 1821г. Хартума), на образующем Нилом естественно защищённом острове (в форме продолговатого шита), между 5-м и 6-м порогами. (Нубия до 3-го порога – Нижняя; южнее – Верхняя).

С вышеприведённой датой перенесения столицы и начала с данного фикс-пункта истории мероитской Нубии согласны отнюдь не все ново-новейшие источники, часть к-рых склонны (тоже гипотетически) относить это перенесение на время ближе к концу VIв. до н.э., однако, на наш взгляд, её вполне можно принять.¹⁸ И любопытно, что 592г. до н.э. есть середина IV-го Египетского (пост-)периода Сотис прояжённостью в 1460 лет – 1322г. до н.э. – 139г. н.э., половина к-рого составляет 730 лет, между тем как с 1322 по 602гг. до н.э. – год начала очередной Архангельской эпохи Михаила (354 года и 4 месяца) и год рождения Заратоса-Заратустры – набирается итого 720 лет = 1/3 Платонова месяца длиной в 2160 лет.

Так, не симптоматичен ли конец напатского Куша и не симптоматично ли начало мероитской Нубии именно в 592/91гг. до н.э., во время, когда на Ближнем и Переднем Востоке доминировало Ново-Вавилонское царство Навуходоносора II (605 – 562гг.), и когда царство Иудейское, во главе с нерадивым царём Седекией (596 – 586гг.), к к-рому истово зывал Иеремия, равно Первый (Соломонов) храм и первохрамовый Иерусалим, доживали свои последние годы!

В эпоху Ахеменидского Ирана пограничные с (покорённым в 525г.) Египтом эфиопы = мероиты-напатиты, в неудачный поход на к-рых сходил зимой 524/23гг. Камбиз (529 – 22гг.) (Геродот 3,17; Диодор 3,3,1), итогом чего явился недоминантный персидский протекторат над «эфиопами, пограничными с Египтом»¹⁹, делали, не платя регулярную дань, добровольные приношения Дарию (522 – 486/85гг.) и поставляли солдат в армию Ксеркса (485 – 64гг.).

В дальнейшем влияние закатных Ахеменидов в Нубии, к-рую отделял от них мятежно-противоперсидский Египет, сошло на нет. Египтяне скинули персидское иго ок. 420г., после чего правивший ими ок. 380 – 63гг. «последний фараон» Нектанеб успешно отразил в 372г. (по преданию, не без помощи магии) попытку резавоевательного персидского вторжения в страну (Диодор 15,29-43). А вот его внук Нектанеб II, кого египетская легенда делает отцом Александра Великого (встреченного египтянами как освободитель и провозглашённого богом), в 342г. не сумел отразить новый натиск персов и сбежал, прихватив бесценные сокровища, в Эфиопию, т.е. в Нубию (или – аж в Абиссинию?!), где пропал без вести, превратившись в живучий миф о фараоне, к-рый обещал однажды вернуться.

¹⁸ Кроме того, согласно альтернативной теории, с VI/Vвв. существовало два отдельных, правда, тесно связанных между собой нубийских государства, с центрами в Напате и Мероэ, второе из к-рых постепенно возобладало над северным соседом.

¹⁹ По Геродоту, к эфиопскому царю с предложением покориться были направлены Камбизом понимавшие по-нубийски элефантинские «ихтиофаги». Получив оскорбительный ответ, разгневанный Камбиз поспешно, без необходимой подготовки, двинулся вдоль Нила, но не пройдя и пятую часть пути, почувствовал недостаток в съестных припасах. Это его не остановило и в войске дело дошло до каннибализма, из-за чего пришлось вернуться назад (3,17-25). По Страбону, холмы с погребёнными отрядами персов показывали в Нубии ещё при Августе (17,1,54).

Конечное же перенесение нубийской столицы из Напаты (как главного религиозного центра, где, по-прежнему, короновались и погребались местные цари, и где, б.м., осталась резиденция царицы – Кандакии?) в Мероэ имело место уже в эпоху диадохов, в III в. до н.э., когда местных венценосцев перестали хоронить в Напате, или когда они обуздали, не покушаясь на прерогативы-привилегии цариц, власть напатского жречества. Сообразно преданию, жрецы велели царю по имени Эргамен совершить самоубийство, но он пренебрёг их повелением и казнил жрецов.

Страбон повествует: «В Мероэ издревле самое высокое положение занимали жрецы, к-рые иногда даже через вестника приказывали царю умереть и назначали на его место другого. Впоследствии же один из царей уничтожил этот обычай: он напал с вооружёнными людьми на святилище, где находился золотой ковчег и перебил всех жрецов» (Страбон 17,2,3). Диодор дополняет, что это был гречески образованный царь Эргамен, кто, во время правления в Египте Птолемея II (281 – 46гг.), первым не убоился предрассудков, проник вместе со своими солдатами в золотое святилище, перебил жрецов, упразднил обычай ритуального, по их велению-указанию, самоубийства царей и начал править по своему усмотрению (3,6).

* * *

Далее, мирные отношения между мероитами и птолемейским Египтом сохранялись до Птолемея V Эпифана (205 – 180гг.), став при нём, с его притязаниями на северную Нубию, откровенно враждебными. Птолемей VI (180 – 45гг.) также предпринял нубийский поход, отодвинув границы Мероэ до 2-го порога, тогда как мероитские цари (фараоны), современники последних Птолемеев, Аманихабале и Теритекасе (ок. 70 – ок. 30гг.), используя борьбу хиреющего птолемейского Египта с Римом, продвинули свою границу на север до о. Филе.

В 30г. до н.э. – год окончательной победы Октавиана над Клеопатрой и Антонием, год покорения римлянами Александрии и превращения Египта в особостатуированную римскую (императорскую) провинцию (эпохи Принципата – с 30 – 27гг. до н.э.), под управлением специального (кесарского) префекта Аегурти, власть в Мероэ перешла в руки сменившей на престоле царя Терикатеса царицы Аманирены. Её преемник – сын Акинидад (ок. 18 – ок. 13гг. до н.э.). Хотя другая хронология крайне малонадёжной нубийско-мероитской хронологии, в реконструкции ново-новойшей учёности, склонна исчислять царственные годы Аманирены с ок. 36/35гг. до н.э.

По одной из версий, мероитские цари избирались, в ходе сакрального ритуала, оракулом, с последующим формальным утверждением войском. Диодор пишет: «Эфиопы имеют много обычаев, отличных от обычаев других народов, в особенности касающихся избрания царей. Жрецы выбирают наиболее достойного из своей среды, и того, кого коснётся статуя бога (правителей Напаты и потом Мероэ «призывал» на царство Амон Напатский), носимая при торжественной процессии, тотчас народ провозглашает царём и тотчас поклоняется ему, как богу, ибо божественным соизволением дана ему власть» (3,5).

Так, судя по всему, дела реально обстояли до Эргамена, когда избранные из числа представителей царской фамилии, посредством руководимой жрецами ритуальной процедуры, цари (потомки 25-й династии), по прошествии определённого срока, либо ритуально-регулярно, опять-таки, под эгидой жрецов, обновляли свою власть на очередной срок, либо, по предписанию (вопросивших оракул) жрецов, кончали с собой. Этому-то Эргамен и положил конец, твёрдо взяв, в основных внешних чертах сохранённую, процедуру престолонаследования в царские (внутридинастические) руки.

Притом огромная роль в политической жизни страны отводилась-принадлежала царице-матери, к-рая носила (по аналогии с египетским фараоном) не личное и не тронное (вопреки ошибочному мнению) имя, но титул – Кандаке, или Кандакия = (предположительно) «царица-мать», считавшаяся матерью царя – как «живого бога» (В Новом царстве царица-мать носила титул «матери бога»: Изиды – Гор).

Наряду с тем, из-за дефицита информации, не представляется возможным уточнить, дифференцировать, систематизировать и проследить ни какой-либо строгий порядок/порядки нубийского престолонаследования, ни правила взаимодействия матриархальных и патриархальных взаимоотношений-традиций, ни точный юридический статус, ни эволюцию властных полномочий Кандакии/Кандакий в течение многовекового существования (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) царств Напаты и Мероэ.²⁰

Ясно одно: в Куше, с его (свидетельствующим о глубокой древности) матриархатом и остаточной матриархальностью, женская составляющая в репрезентации власти имела исключительное значение (Страбон 16,4,8; Плиний 6,186), будь то при избрании, соответственно «утробному праву» (ср. египетско-фараонский образец), престолнаследников-мужей (приоритет единоутробных перед единокровными братьев), или в делах управления.

И царицы были влиятельны как при мужьях, так и, в особенности, при, по всей видимости, реально опекавшихся царицами-регентшами царственных сыновьях, к-рые продолжали особо чтить матерей и по выходе из подопечного возраста.²¹ Неясно, правда, в каких именно условиях-обстоятельствах, согласно какому именно порядку, нубийские венценосицы должны были или могли царствовать-соцарствовать с мужьями, сыновьями, либо занимать престол в одиночку, и какими конкретно полномочиями они обладали.

Страбон: «...Над ними царствует женщина, под властью к-рой находится и Мероэ – остров на Ниле...» (16,4,8). Плиний: «Он (город Мероэ) управляется женщиной Кандакой, имя (понимай – титул) к-рой переходит по наследству царицам многие годы... Царей у эфиоплян 45 и сегодня насчитывают» (6,186). Во-первых дело в том, что приложительно ко времени, о к-ром, по поводу Нубии, пишет Страбон – конец 20-х гг. Iв. до н.э., или завершивший свою «Естественную историю» в 77г. н.э. Плиний (23 – 79гг.), над мероитами, действительно, (вроде бы едино)властвовали женщины: в первом случае, как сказано, – царица Аманирена; во-втором, – царица Аманикаташан (ок. 62 – ок. 85гг.). Однако так, судя по сохранившимся мероитским надписям, где нередки имена совместных царя и царицы, или царя без царицы, было не всегда, т.е. не всегда женщины властвовали единолично, или они не всегда были, как-то деля власть с мужьями, сыновьями (в зависимости от возраста сына), во власти однозначно доминантны.

Плюс к тому, сведения не специалистов по теме Страбона и Плиния, для к-рых, как и для прочих античных авторов, Нубия – далёкая полумифическая (нильско-эфиопская) периферия за пределами кончающейся Верхним Египтом Римской империи, сами по себе, оставляют, в смысле компетентности, мягко говоря, желать

²⁰ В соседней нубийцам с юга абиссинской Эфиопии царица-мать традиционно управляла отдельной областью, имела подданных и свои доходы. До XVIIIв. н.э. для Абиссинии было характерно возведение на трон несовершеннолетнего царя при регентстве царицы-матери. Относительно Счастливой Аравии, достаточно вспомнить Царицу Савскую = царицу Южную, сын к-рой, рождённый ею, по преданию, от царя Соломона, Менелик I был первым на эфиопском троне представителем Соломоновой династии (*Льва Иуды*). В «Анналах» ассирийских царей VIIIв. до н.э. Тиглатпелессара III и Саргона II упоминаются (похоже, едино-властные) аравийские царицы Самси и Забаба.

²¹ Ещё Тахарка увековечил на своей стеле (начало VIIв. до н.э.) свидание с царицей-матерью Абар, торжественно прибывшей из Напаты на его коронацию в Мемфисе.

лучшего. Так, например, плиниевское свидетельство о 45-и мероитских царях, в буквальном прочтении наличного текста, применительно к IV в. н.э., привело новейшую учёность в такое небезосновательное замешательство, что она, в лице некоторых учёных, решила исправить (мол, коррумпированный переписчиками) текст энциклопедиста следующим образом: 45 царей должно насчитывать за всю историю Нубии до IV в. н.э. Гм. Не исключено, ибо раздробленную на 45 властителей в IV в. Нубию вообразить сложнее, уж не говоря о том, чтобы с ней разобраться.

Единовременно, со времени начала римского владычества над Египтом появляется возможность действительной хронореконструкции ряда относящихся к соседней Нильской Эфиопии событий. В 29г. до н.э. первый римский префект (главной жемчужины Римской империи) Египта Корнелий Галл (30 – 27гг.) подавил восстание египтян в Фиваиде (Страбон 17,1,819). На юге – о-ва Филе и Биге – к нему явились для урегулирования пограничных и торговых вопросов эфиопские послы (Р.л. 238). В 25/24гг. из Египта в, через Красное море, поход на Южную Аравию ходил преемник Корнелия (приёмный отец Сеяна и друг Страбона) Элий Галл (Р.л. 296/97). В 23 – 20гг. Египтом управлял префект Г.Петроний, к-рый, по итогам двух кампаний 23/22гг., не только оттеснил вторгшихся в Египет мероитов на юг, но сам вторгся в Нубию, более того, взял-сжёг Напату и расширил римско-египетские рубежи до Премны (Р.л. 297-301).

* * *

Впрочем, освежим давно пройденный материал подробнее. В 23г. до н.э., обиженные ли римско-египетскими таможенниками? или желая поживиться богатой добычей? нубийцы-мероиты, в числе 30-и тыс., разграбили Сиену, Элефантину, докатились до Фив, низвергли статуи кесаря Августа и захватили множество пленных. Прослышав о приближении Петрония, агрессор, несмотря на тройное численное превосходство, поспешно ретировался. Петроний настиг аррьергард противника за первым порогом Нила, возле границы.

В ответ на невыполнение трёхдневного ультиматума – возратить награбленное добро и пленных, римляне вынудили неприятеля к бою, победили и наступательно двинулись на юг, обращая каждое столкновение в убедительную победу. Плохо вооружённый и ещё хуже организованный враг терпел поражение за поражением, пока реванш не увенчался взятием и сожжением-разрушением древней Напаты. Ни до, ни после римские легионы не заходили настолько глубоко (1500 км от средиземноморского берега) в Африку.

Это падение-разрушение первопрестольной Напаты, в той или иной мере, игравшей важную роль в культово-религиозной жизни мероитов, произвело на них сильнейшее впечатление. При всём том, согласно Страбону (17,820), противницей Петрония была мужеподобная, слепая на один глаз, бой-баба, к-рая при приближении римлян к Напате, где находился её сын, в то время как она обреталась в каком-то селении неподалёку, слишком поздно образумившись, запросила мира, вернула пленных и кесарские статуи. Но этим она не предотвратила разорение города, после чего Петроний, сочтя дорогу на юг, к Мероэ, непроходимой, повернул, с множеством пленных и трофейного скарба, назад, на север. Он оставил в Премне гарнизон из 400 солдат, снабдил их довольствием на 2 года и торжествующе возвратился в Александрию (дарственно отослав императору 1000 пленников).

В следующем 22г. до н.э. вздумавшая реваншироваться Кандаке попыталась большими силами атаковать укреплённую Премну, на что последовали оперативное выступление Петрония в новый поход, нежелание нубийцев испытывать повернувшуюся к ним задом фортуны вторично и взаимная договорённость сторон (Страбон

17,821; Дион 54,5,4-6). Плюс к тому, Петроний (пере)направил, дав им сопровождающих, мирное посольство мероитов (не ведавших, по их признанию, кто таков Цезарь Август и где его искать) непосредственно к Августу, с кем, направлявшимся (в видах возведения Тиберием на престол Армении римского ставленника Тиграна III, и с инспекционной поездкой в Сирию) на Восток, мероиты встретились, ударили ему челом и заключили с ним, великодушно освобождённые им от уплаты дани (не считая добровольных даров-приношений), прочный-долгосрочный мир в 21г. до н.э. на Самосе.

Тем временем, после перечившей Риму нубийской царицы, кого наука идентифицирует с восстанавливаемой по надписям на нубийских памятниках-свидетельствах, в рамках эвентуальной хронологии, Кандакией по имени Аманирена, с ок. 18г. до н.э. нубийцами правил (в связи ли с кончиной королевы-матери?) её сын (идентифицированный – как) Акинидад. О них-то, т.е. о матери и сыне, противившихся Риму в паре, и рассказывает, к сожалению, не называя имён, Страбон. Акинидаду преемствовала царица Аманишакете, правление к-рой датируется в ново-новейших источниках временем ок. 12 – ок. 2гг. до н.э.

От её времени имеется греческая надпись, оставленная нубийским посольством в (пограничном) храме Дакки (на Ниле), датированная 17-м годом августовского правления (единственный твёрдый хронофикс-пункт мероитской истории двух заключительных десятилетий последнего века старой эры и пяти первых десятилетий IV н.э.), с посвящением Гермесу неким Гарпократом и с наименованием царицы *Кандакии* Аманишакете – *kyria basilissa*.

Но этот 17-й год Августа, занотированный-маркированный нубийским посольством, наверняка исчисляется, либо с даты покорения Августом Александрии – 1.08.30г., либо, скорее, по официально принятой в Египте в 26г. до н.э. стабильной Александрийской эре Августа, с эпохой эры 29/30.08.30г., поскольку до других августейших летосчислений (с 44-го, 43-го, 31-го, или 27гг. до н.э.), помимо ближне-египетских, (дремучим и далёким от них) мероитам (явно) не было никакого дела. Стало быть, 17-й августейший год (никак не могучи быть годом посольства 21г. до н.э.), в мероитском понимании, даёт 14/13гг. до н.э., откуда, а не с 12г. (если уж синхронизаторски ориентироваться на 17-й год Августа) и следует исчислять начало царствования сменившей Акинидада царицы Аманишакете, к-рая, с др. стороны, вполне возможно, благополучно доцарствовала до 2г. до н.э.

Дальше – больше. Преемниками-наследниками царицы Аманишакете выступают царь Натакамани (ок. 2г. до н.э. – ок. 23г. н.э.) и его супруга Аманитере, период правления к-рых характеризуется наибольшим расцветом царства Мероэ, судя по бурной строительной деятельности, величине и каменному убранству оставшихся от этого времени и открытых ново-новейшими раскопками памятников. Наконец, – судя по началу, при названных царе и царице, активных сношений Нубии (через Черное море, Аравию, Аксум) с Индией.

Свидетельства – пирамиды царя и царицы в северном некрополе столицы; восстановление пострадавшего при захвате Петронием Напаты Большого храма у Гебель-Баркала и др. Рельефы в царских храмах при (миниатюрных, в сравнении с египетскими) усыпальницах-пирамидах соответствуют духу и традициям египетского искусства, плюс – античные – греко-римские, и (на удивление) индийские элементы-мотивы.

Достоинны внимания сооружённый в Вад-бан-Нага храм Изиды, или отреставрированное Натакамани (скульптурные изображения к-рого представляют его как фараона незабываемой для Нубии 25-й фараонской династии) на севере страны, в Амаре, святилище неизвестного божества южнее 2-го нильского порога. На о. Арго – две оставшиеся незавершёнными огромные статуи. Белую корону Нижнего

Египта на царской голове венчает оливковая ветвь (римское влияние), а храмовое изображение, к-рое предлагает царя, восседающим на слоне, при отсутствии нильских аналогов (невзирая на множество изображений львов, леопардов, слонов, страустов, жирафов и проч. представителей богатой нубийско-эфиопской фауны), без сомнения, означает влияние индийское.

Вдобавок к тому, найденная в Вад-бан-Нага статуэтка слоновоголового божества очень напоминает Ганешу. Или львиноголовый бог Апедемак в Нагаа изображается трёхглавым и четырёхруким, что чуждо иконографии Египта и Куша, являясь обычным для Индии, где так представляли Шиву. Засим налицо уникальный египетско-антично-индийский сплав-синкретизм мероитской, при тенденциях смешения политеизма и монотеизма (см. ниже), в Ив. н.э. религии и культуры! Не в синхронистической ли увязке с мировой Мистерией Голгофы! и не в память ли о Пост-Атлантической Пра-Индо-Эфиопии!

Обращает также на себя внимание женская статуэтка из литого золота, найденная в 1948г. ок. святилищного Гебель-Баркала, к-рую британец П.Шинни (1915 – 2007гг.)²² считал изображением царицы Аманитере, между тем как др. нубиологи-мероитологи, например, советский учёный И.Кацнельсон (1910 – 81гг.)²³, работой к-рого, как и работой Шинни, мы пользуемся, видят в ней Кандакию первой половины Ив. до н.э. – Навидемак.

Ок. 23г. н.э. царю *золотого* мероитского *века* Натакамани наследовал третий его и Аманитере сын – Шеракарер (два старших сына царской четы умерли до кончины царя-отца). Причём о судьбе царицы, всюду фигурирующей лишь в паре с мужем, после него какие-либо сведения отсутствуют. Умерла ли она вскоре вслед за ним? или исполняла функции царицы-матери = Кандакии при сыне Шеракарере? – неизвестно. В любом случае, последний, при к-ром начинается постепенный упадок гос-ва Мероэ, процарствовал всего ок. 5-и лет, до ок. 28г.²⁴, когда ему наследовал царствовавший до ок. 37г. некто (брат? сын?) Писакар (его округлённая хронология – ок. 30 – 40гг.), о ком, сродни почти всем последующим правителям Мероэ, ни родословных-родственных, ни иных данных нет.

Нам же остаётся предложить расклад-версию. Если правивший с ок. 28 (30-го) до ок. 37 (40-го) гг. Писакар приходился мл. братом Шеракареру, предположительному принятию чего, т.е. данного расклада, ничего оптимально не препятствует²⁵, то упоминаемой в Д.Ап. царицей Ефиопской Кандакией, чей безымянно-вельможный внуч-казначей приезжал весной 34г. в Иерусалим на пасхальное поклонение²⁶, вполне может быть (резидировавшая в возрождённой Напате?) царица-мать (мероитского) царя Писакара – Аманитере. Или, если Писакар не был братом Шеракарера, значит, речь в Д.Ап. идёт о другой Кандакии, скорей всего, о матери (нежели о жене) царя. Но поскольку для непринятия-отвода варианта-версии сыновне-материнской пары Писакар – Аманитере, повторим, каких-либо весомых

²² П.Шинни «Нубийцы. Могущественная цивилизация древней Африки», М-2004г.

²³ И.Кацнельсон «Напата и Мероэ – древние царства Судана», М-1970г. См. с. 232/33 – две гипотетические хронотаблицы нубийских царей и цариц, соответственно, британского учёного А.Аркелла и немецкого учёного С.Венига, в основу к-рых положены расходящиеся между собой хронологические схемы Д.Рейзнера, Д.Данхема, Ф.Хинце.

²⁴ Сохранилось изображение победителя эфиопов-аксумитов Шеракарера перед богом Амоном (Амун) на гранитной скале, у подножия Гебель-Гейли, в Бутане.

²⁵ Наследование престола (единоутробным) братом, а не сыном умершего царя практиковалось в Абиссинии (или в Ново-Хеттском царстве).

²⁶ Занимательно, что согласно христианскому преданию, этот ставший первым нубийско-эфиопским неофитом внуч Ефиоплянин носит имя Индих («Т.Б.», т.3, Д.Ап., с.71). А согласно Флавию Арриану («Анабасис» 5,18,7), именем Мерой зовётся индеец, примкнувший к Александру Великому и приведший к нему индийского царя Пора.

причин и аргументов нет, мы примем именно эту, наиболее, на наш взгляд, заслуживающую доверия возможность.

Не знаменательно ли воцарение удостоенной, пусть косвенного, упоминания Дееписателем Лукой в Новом Завете царицы Аманитере, с её вероятным рождением ок. 17г. до н.э. = год начала иродианской реконструкции Храма и год рождения Марии Старшей (31.12.), во 2/1гг. до н.э. = дата Благовещения Ев. от Мф. 6/7.04.2г. до н.э. и дата рождения Марией Вифлеемлянкой (= Старшей) Иисуса Соломонида 6.01.1г. до н.э.

Посему не было ли нубийской царице, современнице Мистерии Голгофы, на 34г. н.э. ок. 50-и лет? И не примечательна ли кончина её супруга – (фараоноподобного) Натакамани, равно воцарение её третьего сына Шеракарера, ок. 23/24гг. н.э. – время наиболее продолжительного ойкуменического странствия приобщавшегося к вселенской-языческой Ойкумене (грядущих *овец другого двора*) Иисуса из Назарета! И не примечательно ли воцарение её, (регентши?) Аманитере, надо полагать, четвёртого сына Писакара²⁷, современника Таинства Голгофы, в 28-м или в 30гг. н.э., т.е. либо в год осеннего выступления явившегося из пустынь Израилю с проповедью Иоанна Крестителя, либо в год зимнего Крещения Иоанном Крестителем Иисуса Христа 6.01.30г. н.э. в Иордане!

ФИЛИПП КРЕСТИТ ВЕЛЬМОЖУ КАНДАКИИ

Итак, направлявшийся на юг, по дороге (из Иерусалима) в Газу, Ефиоплянин читал, сидя на колеснице, Книгу пророка Исаии. Стало быть, во-первых, (неторопливо двигавшейся) колесницей управлял-правил его слуга, если он сам, держа свиток в руках, читал; и, во-вторых, он читал Исаию вслух, если подошедший и приставший, по велению Духа, к этой колеснице Филипп, услышав, что именно он читает, спросил: «разумеешь ли, что читаешь?».²⁸

²⁷ За Писакаром, по гипотетической хронологии, идут цари Аманитаракиде (ок. 37 – ок. 47гг.), Аманитенмимиде (ок. 47 – ок. 62гг.) и царица Аманикаташан (ок. 62 – ок. 85гг.). Из сообщений, имеющих у Сенеки, Плиния Ст., Диона, получается, что в первой половине 60-х гг. Ив. н.э. Нерон отправил то ли одну, то ли, поочередно, аж две разведывательные экспедиции к заегипетским верховьям Нила, в поисках его истоков (стремление найти к-рые стало у римлян нарицательным обозначением бессмысленных усилий). Сенека: «Я же слышал об этом сообщение двух центурионов, к-рых император Нерон послал для исследования истоков Нила... Я слышал, что они рассказывали, будто проделали длинное путешествие, добравшись благодаря помощи царя эфиопов, к-рый о них позаботился и направил их к царям соседних стран, до крайней земли» («Естественнонаучные вопросы» 6,8,4). Младший современник (покончившего в 65г. самоубийством, по предписанию Нерона) Сенеки и тоже современник событий (переживший Нерона) Плиний предлагает несколько иную версию: «Преторианские солдаты, к-рых Нерон послал туда (в Куш) для разведки с несколькими трибунами, когда он думал, наряду с другими войнами, и о войне с Эфиопией, прежде всего принесли весть, будто там только пустыни» (6,187). Дион в Шв. н.э. коротко говорит о снаряжении Нероном в Эфиопию лазутчиков в видах планирования дальнейших завоеваний (63,8,1).

Из сопоставления сообщений Сенеки (кто после смерти Афрания Бурра в 62г. подал в отставку, удалившись от дел) и Плиния создаётся впечатление о двух различных экспедициях, с различными целями и результатами, к-рые, если принимать означенный дуализм, датируются (предположительным) временем ок. 62/63 и 64/65гг., доказательные хроноводы в пользу чего см. ниже.

²⁸ «Ерувин» (536): «У р. Елеазара б. Шамау (ок.150г.) был ученик, к-рый учил заданное втихую, про себя, и спустя 3 года позабыл заученное... Р. Шмуэл (+ ок.255г.) сказал р. Иегуде (+ ок.300г.): «Открывая рот и читай Писание вслух, и изучай Мишну так, чтобы она вошла в тебя на всю оставшуюся жизнь».

Этот благовестовательный рассказ об обращении прозелита-ефиоплянина не случайно расположен в Д.Ап. между рассказом об успешной проповеди среди десятиколенников-пяतिकнижников самарян-иосифлян и следующим благовестовательным рассказом об обращении на пути в Дамаск Апостола язычников фарисея-вениаминита Савла (9), к-рому предстоит сделаться мировым Апостолом язычников Павлом.

Сходно – не случайно простосердечное уверование обращённого Филиппом евнуха (царицы) Кандакии следует за рассказом о непростосердечном-небескорыстном крещении ради приобретения властной благодати Св. Духа Симона Мага, к-рый, в отличие от правдивого и чистосердечного Ефиоплянина, действует-пребывает, исполненный горькой желчи и в узах неправды.

Если самаряне, – преданные Торе репрезентанты 10-и исчезнувших (ставших солью земли) колен, к-рым однажды воссияет свет, то евнух-ефиоплянин – прозелит врат = «чужестранец в твоих воротах», к-рый направляется (через сухопутно-пограничный Пелузий в Египет, или, менее вероятно, в портово-красноморский Айлат) к воротам из римского Египта в заримскую Нубию-Эфиопию. Он – прозелит 2-й категории-степени, к-рый мог бы стать прозелитом праведности = 1-я категория, как ефиоплянин, к-рые, т.е. ефиопляне, сродни египтянам или иудумеянам, могли сделаться, полномерно приняв иудаизм, целиком интегрированными в еврейство полноценными иудеями в третьем колене, но к-рый никак не может стать прозелитом 1-й степени и войти в общество Господне, будучи евнухом.

Напомним знакомому с нашими предыдущими книгами читателю, что *прозелиты врат* (Исх.20,10; Вт.14,31) обязывались исполнять ряд заповедей, оставаясь свободными от еврейского обрядового закона, не обязанные делать обрезание, допускаемые в храм не дальше притвора Язычников, не допускаемые к вкушению пасхального агнца с обрезанными и т.д. *Прозелиты же правды-праведности* вполне переходили в еврейство-иудейство, подвергая себя непремennomu обрезанию и обязываясь исполнять весь закон, с допущением в храм (к жертве) до притвора Израэлитов, с правом-обязанностью вкушения пасхального агнца, паломничества в Иерусалим, ритуальных омовений, уплаты храмового шекеля и т.д. (Исх.12,48; 24,4).

В условиях острого кризиса идолослужительского язычества и духовного вакуума в IV в. н.э. случаи перехода в иудаизм в языческом мире (особенно женщины), в поисках (сердечная потребность) единого истинного Бога, заметно участились, кол-во прозелитов обеих степеней, как и общее число симпатизантов иудейской веры среди различных народов, сильно возросло.

Однако, евнух-ефиоплянин был обречён на прозелитизм только и максимум 2-й степени-категории до конца своих дней, из-за своей физической увечности, из-за своего скопчества, ибо установление-постановление Втор.23,1 ему (и таким, как он) полноценный вход в общество Господне возбраняет. Они вправе, повторим, приезжать на поклонение в Иерусалим, делать пожертвования, входить в притвор Язычников и т.д., обречённые пожизненно быть *прозелитами врат* без права когда-либо войти в состав *прозелитов праведности*.

Где и как он приобщился к иудаизму? В Нубии (или в соседнем Египте), через местных иудеев, или через раввинов-миссионеров, к-рые наверняка миссионировали, в т.ч., в Нубии, тем более, что в соседнем Египте, куда евреи в XIX в. до н.э. пришли и откуда они в XV в. изошли, в пограничной с Нубией Элефантине, издавна, ещё, как полагают некоторые, со времени ассирийского завоевания страны-на-Ниле (VII в.), существовала еврейско-иудейская колония.

А фараоны 26-й династии и затем персы охотно использовали греческих и еврейских наёмников для стражно-крепостной охраны египетских рубежей, и привилегированные местные евреи даже построили в Элефантине храм Яхве

(разрушенный египетскими жрецами в 411 г.), пользуясь при персах и Птолемах расположением властей, набравших из них элитно-пограничный воинский контингент, облечённый особым доверием. Короче говоря, нечуждость Нильской Эфиопии²⁹ еврейству и проникновение туда иудаизма, как и успехи там иудейского прозелитизма, всё это, само по себе, удивления не вызывает. Да и при римлянах одна лишь александрийско-еврейская Диаспора насчитывала до 200 тыс. человек!

Кроме того, впору сказать о предрасположенности страны, расположенной между пришествием-исшествием для еврейства Египтом и абиссинской Эфиопией (к-рая есть страна, если не собственно посетившей Соломона Царицы Савской, то минимум их общего сына) как к единобожному иудаизму, так и к последующему, от религии Бога Единого, успеху здесь христианской проповеди и к собственно принятию ею, с IV в. н.э., из Египта и Эфиопии, (монофизитского) христианства.

Притом это христианство, окончательно утвердившись всюду в Нубии в VI в., когда закрылся последний языческий храм на о. Филе, увы, не создав, в отличие от коптов и абиссинцев, стержневых очагов мощной монастырской культуры, было вытеснено впоследствии египетско-арабским исламом, продержавшись на нубийской земле до XIII/XIV-го и в ряде мест аж до XVI вв. н.э. (см. ниже).

* * *

Не говорит ли Бион из Солои (Киликия), автор конца IV в. до н.э., ок. 105 г., что эфиопы называют себя «сынами солнца» и титулуют царицу-мать, носительницу наследственных прав сына, «именем» Кандаке (Страбон 17,2,3,822; Плутарх «Тесей» 26; Варрон «De re rustica» 1,18). Или у Страбона (17,823) имеются весьма интересные сведения о существовании в Нубии-Эфиопии, наряду со своеобразным политеизмом, веры в *бессмертного Бога* – творца вселенной, к-рому противостоит *смертный бог*. Чем не иудейский монотеизм в сочетании с иранским дуализмом (плюс – греко-римские и индийские влияния) – мосты-тропы к вере-уверованию в Бога Единого! к уверованию через Отца в Сына = в Сына Богородицы (исповедание Кого и чего предваряет матриархальный-матримониальный культ Кандакии – матери нубийского царя-фараона в ранге-статусе живого бога).

Далее, неспроста отчуждённый от сопринадлежности обществу Господню на уровне *прозелитизма праведности* евнух читает именно великомессианистического современника эпохальной вехи в метаистории еврейства и 25-й Нубийской династии пророка Исаию, к-рый, в очень примечательном контексте мессианистического грядущего, призывает к хранению суббот Господних и, обнадёживает их, иноплеменников, «присоединившихся к Господу», и евнухов:

«Да не говорит сын иноплеменника, присоединившийся к Господу: «Господь совсем отделил меня от Своего народа», и да не говорит евнух: «вот я сухое дерево».

Ибо Господь так говорит об евнухах: к-рые хранят Мои субботы, и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего,

Тем дам Я в доме Моём и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, к-рое не истребится.» (56,3-5).

Т.е. в мессианистической перспективе критерии сопринадлежности обществу Господню изменятся, и то, что недоступно увечным-ущербным в ветхозаветном настоящем, станет доступным в новозаветном будущем: ущербные-увечные, к-рые избирают угодное Богу, и крепко держатся Его завета, в т.ч., иноплеменники и

²⁹ Эфиопия/Нубия не раз упоминается в В.З.: Быт.10,6; Пс.67,32; Ис.18,1; 43,3; Иер.13,23; 38,7; Есф.8,9; Иудифь 1,10.

евнухи, получают место лучшее в обители Господней, нежели (непокаявшиеся-необратившиеся) сыновья и дочери. Поскольку сыновность и дочерность будет определяться не физическо-наследственной и не ветхозаветно-законнической сыновностью и дочерностью, а во Духе, в приверженности Богу истинному по Духу, соответственно требованию К-рого, обрезанный сердцем ближе Богу, чем обрезанный или необрезанный плотью, чем физически здоровый или физически увечный, к-рый вправе уповать и на кармическое будущее.

Не говорит ли Иисус, между словом к ученикам о нерасторжимости брака (помимо, в качестве единственной причины для развода, греха прелюбодеяния) и благословением детей, каковых есть Царство Небесное, о трёх категориях скопцов: 1) от рождения; 2) оскотлённых людьми = кастратов (как евнух-ефиоплянин); 3) сделавших сами себя скопцами для Царства Небесного (Мф.19,10-12). Последняя категория подразумевает назирейско-аскетическое безбрачие, фигурально называя скопцами тех, кто, по доброй воле, избрали, во служение Богу, при служении Богу, благочестивую аскезу ради Царствия Небесного. И этот путь никоим образом не означает недопустимое в христианстве физическое самооскопление (случай Оригена, к-рый на старости лет раскаивался в содеянном), несмотря на имевшие место быть попытки именно такого толкования-понимания одного (Т.Г. 1100-104).

Снова назовём ветхозаветных и новозаветных безбрачников: Елисей, на дух Илии опочил вдвойне; Иеремия, почтительно называемый иудейским и христианским преданием – Девственник; последний из Больших пророков Древнего Завета – Даниил. На *иорданской переправе* из Ветхого Завета в Новый – не связанный узами брака новый Илия – это Иоанн Креститель; дальше – Сам датель Нового Завета (крещённый Иоанном) Иисус; Савл/Павел, – безбрачный и в савлианско-фарисейский, и в павлианско-христианский периоды своей подвижнической жизни; наконец, воскрешённый Христом Лазарь = Иоанн Богослов, соприродно Иеремии, почтительно называемый христианской эзотерической традицией Девственником.

В объективе опять эволюция критериев и ценностной шкалы – от ветхозаветного прозелитизма к христианскому неопифитству. Если по еврейско-иудейским нормам, евнуху-кастрату-иноплеменнику никогда не подняться, не продвигнуться выше и дальше привратного прозелитизма 2-й степени-категории и, стало быть, никогда не стать полноценным иудеем, членом общества Господня, то полноценно-равноправным христианином, сообщинником Нового Израиля он, невхожий в Израиль Старый, в Израиль Ветхий, может стать вполне.

Его, нанесённое ему другими людьми, несвоевольное физическое увечье, при вере от всего сердца, при вере в то, что Иисус Христос есть Сын Божий, для обращения-крещения и вхождения в Новый Израиль препятствием не является. Теперь первичен отнюдь не какой бы то ни было физический недостаток, но первичны искренняя-истинная Вера и Дух!

Ефиоплянин читает Исаию, не разумея, что читает, и потому просит Филиппа, в ответ на соответствующий вопрос того, взойти к нему на колесницу и сесть рядом с ним для наставления в чтении Книги пророка. В то время ещё не было арамейского текста (Таргум) Исаии, и значит, евнух (вряд ли зная древнееврейский) знал греческий, читая «Септуагинту», т.е. перевод, сделанный, по преданию, 72-я еврейскими переводчиками, по 6 человек от каждого колена, в IIIв. до н.э., в соседней с Нильской Эфиопией птолемейской Александрии.³⁰

³⁰ В Мероэ возник во IIв. до н.э. первый в Африке алфавит из 23-х знаков, заимствованных из египетских иероглифов, использовавшийся по IVв. н.э. для записи мероитского языка. Имеет две разновидности: иероглифическую (надписи на монументах) и курсивную (от демокритического письма). Иероглифические символы писались в колонках – сверху вниз, справа налево. Курсивная форма – справа налево, сверху вниз.

Не уподобился ли Филипп – *любитель коней* (= возничий), заняв место на колеснице, духовному возничему (ведущий при ведомом) обратившегося сердцем к Богу физически увечного иноплеменника, как ставший возничим Арджуны Кришна! Не воплотился ли кульминационный Импульс Кришны на Земле в Иисусе Нафаниде, К-рый соединился на слятельную Пасху 14г. с воплотившимся в Иисусе Соломоне Заратустрой, Кто, в свою очередь, покинув три телесные оболочки Иисуса Нафанида = Иисуса Кришны, уступил место инкарнации в Нём Божественного Духа Солнечной системы = Духа Солнца. И носитель Духа Солнца умер на кресте Голгофы, и – низложенный в могилу Земли – восстал-воскрес в 3-й день из гроба, и вознёсся на 40-й день к Отцу, и ниспослал на 50-й день Святого Духа на Апостолов Господних! И вот в Этого Христа Иисуса, Сына Божия, предстоит уверовать прозелиту врат – Ефиоплянину!

Стихи Исаии 52,13-53,12 знамениты словом о Мессии страждущем. Внимающий Филиппову истолкованию исполнен простосердечия и смирения, слушая слово о Мессии, обрешем Себя на суд, свершившийся в уничтожении и страдании, добровольным взятием-принятием на Себя греха мира. В эпоху Овна-Агнца (к-рая началась в 748/47гг., когда жил впервые выступивший в 741г. Исаия, когда в Египте поднималась 25-я нубийская династия, и когда умирал-кончался, под ударами Ассирии, 10-коленный иосифлянский Израиль), как овца, ведён был Он, по предсказанию Исаии, на заклание.

Уничужденный до последней степени страждущий Машиах бен Иосиф = Сын Давидов, и поправший смерть смертию победоносный Машиах бен Давид = Сын Иосифов. Откровение-Сокровение Ангела Господня Иосифу в Ев. от Мф. и Откровение-Сокровение Ангела Господня Марии в Ев. от Лк. «Исцеление придёт в мир, когда Двое станут Одно и внешнее станет как внутреннее», согласно загадочному слову апокрифического «Египетского Евангелия». Иисус из Назарета = Иисус Христос – от Матери (Человекородица – Христородица – Богородица) во Времени и в Вечности, и от Всевышнего Отца – в Вечности и во Времени. Становление Пространства 6.01.30г. Временем во Христе и становление Времени 3-5.04.33г. Пространством во Христе, с последующими Вознесением Господним и духонисшестввенным праздником Св. Троицы. Вот как разъясняется Его род, и вот как возьмется от земли жизнь Его!

Евнуху не понятно без наставления – о Ком речь? О себе ли (о своём ли грядущем воплощении) говорит (предваряющий Мессию великий) пророк? или – о ком другом? Нет, он говорит не о себе, но о Еммануиле (Ис.7,14), К-рый родится от Девы и имя К-рого означает – *с нами Бог*, и до рождения К-рого от очистительной Пасхи – 720г. до н.э. – Езекии Добродетельного, к-рого вдохновлял его современник и наставитель – пророк Господень Исаия, точнее, до Рождества Иисуса Соломонида 6.01.1г. до н.э. и до Рождества Иисуса Нафанида 25.12.1г. н.э., К-рым надлежит стать Единством во Христе, пролегает срок-время в 720 лет... И через всю самую объёмную из писаний пророческих Книгу первого из 4-х Больших письменных Пророков Исаии сквозной красной нитью, сквозным тройничным нервом проходит её основная тема чаемого-ожидаемого квинтэссенцией человечества, народом Божиим, Спасителя-Искупителя-Избавителя!

* * *

Евнух-ефиоплянин внял благовествованию отверзшего уста (духовного возницы) Филиппа об Иисусе, и наверное не столько поняв, сколько чистосердечно приняв сказанное открытым человеческим сердцем, сказал, когда они подъехали к воде (ручей? купельный пруд?) где-то близ Газы: «что препятствует мне креститься?».

Он воспринял благовествование и уверовал именно всем сердцем, отчего ответ Филиппа гласил: «если веруешь от всего сердца, можно», на что из уст иноплеменика-ефиоплянина прозвучало всесердечное именно исповедание христианской веры: «верую, что Иисус Христос есть Сын Божий».

И в ответ на это исповедание колесница остановилась, и оба сошли в воду, и Филипп крестил исповедника, к-рый тем самым перестав быть иудейским прозелитом врат = пожизненным чужестранцем в воротах, вошёл одним из первых неопитов-иноплеменников в ворота Нового Израиля = новозаветное общество Господне – как равноправный с прочей христианской паствой христианин из числа «овец другого двора».

И здесь необходимо оговорить существенную особенность наличия в русском синодальном тексте Д.Ап. слов «Дух Святыи сошёл на евнуха» (по выходе крещённого и крестителя из воды), к-рые есть лишь в немногих греч. рукописях, к-рым следуют славянский и русский переводы, тогда как в большинстве манускриптов их нет. Оно и понятно, поскольку при их наличии получается, вернее, может получиться сошествие Духа на неопита без посреднического рукоположения, на к-рое полномочны (податели Св. Духа) Большие Апостолы, но на к-рое не полномочен диакон (из Малых Апостолов) Филипп (см. выше).

Однако, о руковоложительном посредничестве Филиппа в тексте ничего не говорится и «Т.Б.» верно замечает, что сошествие Духа «могло быть и без видимого возложения рук, как (это произошло, например) позднее – при крещении (Петром) Корнилия и домашних его и даже ещё до свершения крещения» (Д.Ап.10,44-48), ибо по слову Господа (Ио.3,8), «Дух дышет, где хочет» (т.3, Д.Ап.8, с.70/71), чем манифестируется возможность сошествия на человека Духа Святого и без посредников-подателей.

Плюс к тому, весьма показательно непротивопоставление сошествия Св. Духа на Ефиоплянина и одновременное восхищение (разлучившим их) Св. Духом Филиппа, что нисколько не означает какое-то там, как полагают некоторые, перенесение Филиппа по воздуху (не на метле ли?!) из окрестностей Газы в расположенный севернее прибрежный Азот, куда исчезнувший из поля зрения *хранителя сокровищ*³¹ Кандакии Филипп, сродни тому как Ефиоплянин исчез из Филиппова диапазона, был, тем не менее, чудесно перенесён Духом, предварив (в определённой мере) переживание Павла в 2Кор.12,2-4.

Актуально *нисходительное* и *восхитительное* действие Св. Духа на крестителя и крещённого = вертикальное встречное движение, после и в результате к-рого креститель и крещённый продолжили путь каждый своей дорогой: один – в северном, побережно-портовом, с морскими средиземноморскими выходами-дорогами на запад, другой – в южном, точнее, учитывая преднубийский Египет, в юго-западном направлении. Прибавим сюда ещё предстоящую вскоре дорогу обращённого на пути в Дамаск Павла на восток, в Аравию (Д.Ап.9; Гал.1), равно миссионерские пути-дороги рассеившихся после каменования Стефана христиан на Кипр, Финикию, Антиохию (Д.Ап.10), и получим излучение христианства из очаговой Земли Обета (Лучезарная Дельта!) во все четыре стороны света.

Притом, если Дееписатель о будущем обращённого-крещённого Ефиоплянина³² молчит, то согласно Иринею («Против ересей» 4,22,2) и Евсевию («И.Ц. 2,1,13), он

³¹ Вспомним о царе-вохве Каспаре – одно из значений загадочно-многозначного имени к-рого – *хранитель сокровищ* (Р.л. 860).

³² Он – третий, после (прозелита) Николая Антиохийца и (самарянина) Симона мага, из названных в Новом Завете по имени, обращённый-обратившийся в христианство неиудей, к-рый, помимо того, не отпал (что надлежит акцентировать прежде всего), со временем, подобно Николаю и Симону, в ересь.

успешно проповедовал-благовествовал в своей стране, т.е. в Нубии-Мероэ, обратив, сообразно Никифору Каллисту (2,6), многих, в т.ч., царицу, т.е., возможно, царицу Кандакию (Аманитере), в чём (тоже) ничего невозможного нет.³³

Коли Изат Адиабенский и его мать Елена Адиабенская приняли в то же время (см. ниже) иудаизм, о чём повествует Иосиф Флавий, и чему, без возражений, верит ново-новейшая учёность, то, спрашивается, что мешает сходным образом нубийской царице (или Абгару Эдесскому) принять христианство?! ставшее-бывшее как раз с тех пор и на протяжении ещё долгого периода для Ойкумены одной из разновидностей-ветвей-ответвлений еврейской религии.

Церковное же обращение Нубии из Египта и, главное, из Эфиопии-Аксума, где в IV н.э. благовествовал Ев. Матфей и на последующую христианизацию к-рой, во многом, повлиял Египет, относится к IV/V/VI вв. н.э. Но это уже (вовсе не совсем) другая, в продолжение благовествовательной метаистории Д.Ап.8, дальнейшая (христианская) история.³⁴

³³ Крещение-обращение именно нубийской царицы-матери, к-рая очень даже может быть идентифицирована как (историческая преемница метаисторической Царицы Савской) Кандакия Аманитере (царица Южная) имеет, в ключе-русле феномена пневматического Св.Духа как эквивалента *Вечной Женственности* и *вечно женственного*, в христианстве и для христианства особенное значение!

³⁴ Единственный твёрдо установленный факт хронологии Мероэ во времена после Нерона – это оставленная «великим (мероитским) посланником в Рим», на вратах Адриана, в храме Изиды, на о. Филе, надпись, к-рая, совпадая со временем царствования царя мероитов Текеридеамани (ок.225-46, или ок.246-66гг.), датирована 3-м годом (15-е парамути) римского префекта Египта Г.Требониана Галла = 253г. н.э.

Между 325 и 340гг. династия Мероэ кончилась с завоеванием значительной части страны царём эфиопского Аксума Эзаной (ок. 330–60гг.), преемники к-рого титуловались (в частности) «царями Касу», а город Мероэ пришёл в окончательный упадок в V-м и превратился в городище в VI вв., в то время как с IV/V вв. на территории Нубии существовали возникшие из осколков Мeroитского гос-ва разрозненные христианские царства – Нобатия, Алоа, Мукурра (с угасанием мероитского культурного наследия до VIII/IX вв.). Эфиопия (где в IV н.э., при царе Заскале, проповедовал Ев. Матфей) приняла церковное христианство на гос. уровне при Эзане, к-рый, как и римский Египет, откуда был рукоположен Афанасием Александрийским в (перво)епископы Эфиопии Св. Фрументий (ок.333г.), приложил усилия к распространению христианства также в Нубии, где в V/VI вв. восторжествовало египетско-абиссинское монофизитство (Т.Г.400-09).

С 640-50гг. из завоёванного арабами византийского Египта в Нубию начал проникать поначалу парированный нубийцами, при помощи эфиопов, ислам. В X-XII вв. исламская экспансия с севера усилилась и в XIII/XIV вв. воинственным египетским мамелюкам, в союзе с мусульманскими миссионерами (ползучая экспансия посредством скупки арабами и создания на них мусульманских поселений нубийских земель), удалась исламизация большей части страны. В 1323г. правитель крупнейшего из нубийских царств Макурии (север) принял ислам. В небольшом царстве Алуа (пользовавшийся поддержкой христианской Эфиопии юг) христианство держалось до XVI в., когда абиссинцы, ранее отразившие завоевательные поползновения мамелюков, сумели, в союзе с португальцами, отразить экспансию турок-османов, не сумев, однако, помочь сдавшим последние оборонительные рубежи суннитскому исламу христианским собратьям в Нубии. Подчинённая Коптской Нубийская церковь (с греческим языком богослужения до IX в., когда параллельно начал употребляться старонубийский язык), отрезанная с севера мусульманами от вселенско-христианского мира, не смогла в итоге, не выработав монастырскую культуру (важнейшая составляющая в становлении-развитии египетского или эфиопского христианства) и в условиях политической раздробленности страны, стать её консолидатором на основе этническо-христианской солидарности, что очень помогло-посодействовало упорно-настырным арабским исламизаторам.

А нам сейчас важнее путь (восхищённого) Филиппа на север — от Газы к Азоту (Ашдод). Этот расположенный в 1 км от средиземноморского берега город, тоже один из 5-и полисов филистимского-филистимлянского Пентаполя-Пятиградия (с переходом из нагорной страны Иудейской в равнинно-прибрежную зону Палестины), в 713 — 11гг. отпал от ассирийцев и был взят тартаном-военачальником Саргона II (Ис.20,1). Позже, в VIIв., в течение 29-и лет осаждался, в конце концов подчинившим его основателем 26-й Саисской династии фараоном Псамметихом I (Геродот 2,157). Потом, во IIв. до н.э., подвергся, будучи эллинистическо-языческим, опустошению со стороны Маккавеев (1Мак.10,84). Вернул свободу благодаря Помпею (63г.); новоотстроился при Габинии (57 — 55гг.).

В 30г. до н.э. Август включил Азот в состав царства Ирода. В 1г. н.э. городом завладела, наряду с оставленными ею, по Иродову завещанию, Ямнией и Фазаилидой, сестра царя Саломия, к-рая, умерев в 10г., завещала свои (полисные) владения дружной с ней императрице Ливии, по смерти к-рой в 29г. они перешли во владение её сына — кесаря Тиберия, и на 30-е гг. Iв. н.э. управлялись специальными императорскими прокураторами (в подчинении у кесарского легата Сирии).

Город был, сродственно Газе, эллинистическим, да ещё с отягощённой филистимлянской наследственностью, что вызывало категорическое отторжение (пример — маккавейская непримиримость к Газе, Азоту и т.д.) у видевших в нём классическую мерзость запустения правоверных иудеев, являясь в контексте Д.Ап., сродственно Самарии, предварением выхода обращённой пока к иудеям, самарянам и прозелитам христианской проповеди в языческую Ойкумену. И приложительно к этому особо показательны как география, так и генезис Самарии, Газы, Азота, из к-рого Филипп проследовал с проповедью через, опять-таки, прибрежные-побережные Ямнию, Иоппию, Аполлонию на север — в Кесарию Палестинскую = Caesarea Maritima, откуда, вероятно, он был родом.

При всех случаях, в следующий раз мы встретимся с ним через 24 года именно там, во время остановки у него, отца 4-х дочерей, девиц пророчествующих, весной 58г., по дороге в Иерусалим, Апостола Павла (Д.Ап.21,8/9). Согласно западному христианскому преданию, Филиппу довелось стать первым христианским епископом Кесарии и дожить до глубокой старости, тогда как согласно преданию восточно-христианскому, он умер в глубокой старости в малоазийских Траллах, в достоинстве местного епископа. Возле него (в Кесарии? в Траллах?) погребли трёх его дочерей, в то время как четвёртая, Ерминоя Ефесская, погребена в Ефесе.

При всём том, апокрифические предания не свободны, как сказано, от взаимодвойниковых накладок в жизнеописаниях диакона-благовестника Филиппа, одного из 7-и и одного из 70-и, на рассказы о деяниях его тёзки — Апостола Филиппа — одного из коллегии 12-и, отца 3-х дочерей, принявшего мученичество в Гиераполе Фригийском (Т.Г. 59-64).

И неспроста конечная точка Филиппова палестинско-благовестнического пути в Д.Ап.8 именно приморская Кесария/Цезаря — полярно-альтернативный еврейско-иудейскому Иерусалиму классическо-эллинистический город, воздвигнутый Иродом на месте бывшей Стратоновой башни в 22 — 20 — 10гг. до н.э., с его освящением за 43 года до 34г. н.э. в честь кесаря Августа, где с 6г. н.э., т.е. 28 лет на 34г. н.э., резидировали римские префекты-прокураторы.

Не была ли эта роскошная языческо-эллинистическая-космополитическая Цезаря/Кесария, с её театрами, цирками, амфитеатрами, борделями и т.д., с её грандиозным портом, по образу-подобию Пирея, для иерусалимских евреев-иудеев своего рода *достоевским Скотопригоньевском* и классическим местом

сосредоточения языческой скверны = оплотом безбожия = Римом и вавилонской блудницей в миниатюре! Ведь, если Рим – Вавилон глобальный, то Кесария – локальный (Не тут ли, в окрестностях богопротивной Цезареи, в 135г. н.э., после катастрофы провозглашённого им мессией «сына лжи» Бар Кохбы, упокоится в герметической пещере с неугасимой лампадой, в залог грядущего крушения Рима-Эдома, принявший мученическую смерть от рук римлян главный столп «новоездравитского» раввинистическо-талмудического иудизма постхрамовой эпохи знаменитый р. Акиба!)³⁵

Но экстравертированное, не в пример интровертированно-геттоизированному иудаизму, христианство, благовестникам к-рого предстояло идти научить все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа (Мф.28,19), невзирая на расы, народы, племена или физические увечья, готовилось-намеревалось, изойдя после каменования Стефана из Иерусалима, выйти-изойти во весь мир, во всю Вселенную!

И потому Цезаря Maritima, с приходом именно туда Филиппа, более чем закономерно венчает благую весть Деесписателя в гл.8 Деяний Апостольских, перед эпохальным дамасским обращением христианина-ойкумениста № 1 Апостола Павла, к-рого, скажем ещё раз, не было бы у Церкви, не будь предсмертной молитвы за него каменованного Первомученика Стефана.

³⁵ «Мегилла» (6а): «Не сказано ли у Софонии: «Ибо Газа будет покинута и Аскалон опустеет, Азот будет выгнан среди дня и Екрон искоренится» (2,4). Екрон – это Цезаря, дочь Едома, поскольку она столица (языческих) царей (= кесарских наместников) (Едом/Эдом = безбожный Рим; дочь Едома = малый Рим = отпочкование Рима)... Цезаря (Кесария) и Иерусалим. Если тебе скажут, что оба эти города разрушены-опустошены, не верь. И если тебе скажут, что оба эти города живут-благоденствуют, тоже не верь. Если же тебе скажут, что Цезаря разрушена-опустошена, а Иерусалим живёт-благоденствует, тогда поверь. Или, если тебе скажут, что Иерусалим умер, а Цезаря жива, тогда тоже поверь (ибо эти города взаимоисключительны и жизнь-благоденствие одного из них означает смерть другого)».

«Мегилла» (6а): «Р. Аббаху (300г.): «Екрон, к-рый искоренится (Соф.2,4), это – Цезаря, дочь Едома, к-рая лежит между песчаными степями. И она была крепостью против израэлитов при грехах (владельцы Палестины – Птолемеи и Селевкиды), но когда усилилась власть Хасмонеев, они победили их (Селевкидов) и взяли Стратонову башню (к-рая в еврейских источниках именуется «крепостью» или «башней демонов»)».

«Мидраш к Плачу Иеремии» (1,5 (51б): «Враги его (Сиона) стали во главе, неприятели его благоденствуют, потому что Господь наслал на него горе за множество беззаконий его; дети его пошли в плен впереди врага» (Плач Иер.1,5). Р. Гилель б. Берехия (370г.): «Пока Иерусалим не был разрушен, не было иного достойного города возле него. После же разрушения Иерусалима (70г.) главным городом стала Цезаря».

Екрон (Аккарон) – один из пяти (самый нечестивый, – с культом Веельзевула – божества Аккаронского) древних городов филистимского Пятиградия (Гефа/Гат, Газа, Аскалон, Екрон/Аккарон, Ашдод/Азот), находившийся между Азотом и Ямнией, т.е. не на месте расположенной севернее Аполлонии Кесарии, к-рая его, т.е. Екрон, по мнению раввинов-талмудистов (естественно, – с жирнейшим знаком минус), олицетворяет-продолжает.

Стратонова башня, в ок.100 км от Иерусалима, была основана в пору персидско-ахеменидского владычества, в IVв. до н.э., сидонским правителем Стратоном. В греко-македонскую эпоху принадлежала сначала Птолемеям, потом – Селевкидам; при Маккавеях, в начале IV в. до н.э., сделалась владением завоевавшего её Янная; в 63г. до н.э. получила независимость от Помпея; в 30г. до н.э. досталась Ироду, к-рый с небывалыми затратами и помпезностью воздвиг здесь посвящённый Августу портовый город, освящённый в 28-й год Иродова правления, в 192-ю Олимпиаду = 10г. до н.э. (Р.л. 317/18; 527-30).

ЯВЛЕНИЕ ГОСПОДА САВЛУ НА ПУТИ В ДАМАСК // ОБРАЩЕНИЕ И КРЕЩЕНИЕ

(май 34г.)

«Савл же, ещё дыша угрозами и убийством на учеников Господних, пришёл к первосвященнику

И выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдёт последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав приводить в Иерусалим.

Когда же он шёл и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба;

Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?

Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь; трудно тебе идти против рождна.

Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? И Господь сказал ему: встань и иди в город, и сказано будет тебе, что тебе надобно делать.

Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя.

Савл встал с земли и с открытыми глазами никого не видел; и повели его за руку и привели в Дамаск;

И три дня он не видел, и не ел и не пил.

В Дамаске был один ученик, именем Анания; и Господь в видении сказал ему: Анания! Он сказал: я, Господи!

Господь же сказал ему: встань и пойдя на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла; он теперь молится.

И видел в видении мужа, именем Ананию, пришедшего к нему и возложившего на него руку, чтобы он прозрел.

Анания отвечал: Господи! я слышал от многих о сём человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме;

И здесь имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя Твое.

Но Господь сказал ему: иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Моё пред народами и царями и сынами Израилевыми;

И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Моё.

Анания пошёл, и вошёл в дом, и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, к-рым ты шёл, послал меня, чтобы Ты прозрел и исполнился Святого Духа.

И тотчас как-бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и встав крестился

И, приняв пищи, укрепился. И был Савл несколько дней с учениками в Дамаске;

И тотчас стал проповедывать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий.

И все слышавшие дивились и говорили: не тот ли это самый, к-рый гнал в Иерусалиме призывавших имя сие, да и сюда за тем пришёл, чтобы вязать их и вести к первосвященникам?

А Савл более и более укреплялся и приводил в замешательство Иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что Сей есть Христос.

Когда же прошло довольно времени, Иудеи согласились убить его.

Ученики же ночью, взявши его, спустили по стене в корзине.

Савл прибыл в Иерусалим и старался пристать к ученикам; но все боялись его, не веря, что он ученик.

Варнава же, взяв его, пришёл к Апостолам и рассказал им, как на пути он видел Господа, и что говорил ему Господь, и как он в Дамаске смело проповедывал во имя Иисуса.

И пребывал он с ними, входя и исходя, в Иерусалиме и смело проповедывал во имя Господа Иисуса.

Говорил также и состязался с Еллинистами; а они покушались убить его. Братия, узнавши о сём, отправили его в Кесарию и препроводили в Тарс.» (Д.Ап.9,1-30)

С 1-го стиха гл.9 Д.Ап. возобновляется-продолжается рассказ гл.7 и первых трёх стихов гл.8, хронопоследовательно прерванный благовествовательным рассказом об успешной проповеди христианства в Самарии и рассказом об обращении-крещении у Газы сановно-вельможного «прозелита врат» из мероитско-напатской Нубии.

Истовый ревнитель закона в законе фарисей Савл продолжал дышать угрозами и убийством, т.е. продолжал дышать воздухом жёстких противохристианских репрессий после убийства Стефана, к-рое он одобрял, соучастливо охраняя одежды свидетелей-палачей, после разразившихся в Иерусалиме погромных гонений и после заточения многих мужчин и женщин, в т.ч., по почину получившего за ревность присинедриональное повышение Савла, в темницу.

И так, ревнительски усердствуя в гонениях, видимо, в пределах не только столицы, но и окрестной Иудеи, он, по прошествии с декабря/января 33/34гг. ок. 4-х месяцев, наверняка получая неутешительные, в глазах ревнителей-законников, известия об успешной проповеднической деятельности там, где рассеявшиеся христиане нашли прибежище, в частности, в Дамаске, сбёл делаемое-содеянное, точнее, географию оного, против них и их учения недостаточной = подлежащей идеологическо-геополитическому (карательному) расширению.

Вот почему этот неутомимый ревнитель пришёл к первосвященнику, у к-рого, подчеркнув опасность назарейской ереси и необходимость борьбы с ней повсюду, включая (пока ближнюю) Диаспору, именно «испросил» (чем подтверждается Савлова — «католика правоверне папы», инициатива) соответствующие распорядительно-рекомендательные письма. Зачем? Чтобы, обзаведшись официальными полномочиями, идти, во главе предоставленной в его распоряжение синедрионом специальной стражной команды (вооружённый отряд), в расположенный на расстоянии ок. 220/230 км к северо-востоку от Иерусалима, близ границы с Палестиной, сирийский Дамаск.

Согласитесь, что для успехов «назарейской ереси» в Диаспоре требовалось время, что (помимо косвенного указания на пасхальное празднество, с к-рого возвращался, поклонившись Богу, хранитель сокровищ царицы эфиоплянской) дополнительно подтверждает прошествие нескольких, ок. 4-х, месяцев между каменованием Стефана и приходом Савла к первосвященнику за письмами ок. конца апреля (между Пасхой и Пятидесятницей) 34г. н.э.

На населённую самарянами Самарию, сродни другим нееврейским местностям-областям и полисам, власть еврейского синедриона, само собой, не распространялась, да и самому синедриону не было до категорически отринутых ещё ездраитами-неемитами (преемниками к-рых синедристы себя почитали) нечистокровных-нечистовверных = смешаннокровных-суеверных кутимитов-самарян никакого дела. Они могут верить во что и в кого угодно, мол, с них, грешных-болезных, сходно галилейским или прочим язычникам, взять нечего.

Пост-иродианский (саддукейско-фарисейский) синедрион Ив. н.э. базировался на доиродианско-домаккавейско-долаицистских идеологических китах, отчего и возводил себя, в лице правоверного большинства, к строгим геттоизаторам еврейства — Ездre с Неемией, хоть и далеко не соответствуя ни по своим духовным, ни по своим морально-нравственным параметрам-качествам этим благочестивым инаугураторам предмессианской эпохи Второго храма в реальности. За широкую миссионерскую деятельность в смысле форменного обращения язычников стояла часть представителей фарисейско-раввинистического иудаизма, к-рые в прихрамовом синедрионе большинство не составляли.

Иудеи же повсеместно, где бы они на просторах Ойкумены ни обитали, обитая общинно-сплочённо, признавали над собой (исключая немногочисленных различных сектантов) высшую религиозную и (в большинстве мест обитания, в той или иной мере) юридическую, касаемо вопросов веры-религии, власть иерусалимского синедриона.³⁶ Тем паче, синедриональный авторитет был весомым в смежных с Палестиной регионах, ибо дамаская, или антиохийская, или александрийская диаспоры поддерживали с Иерусалимом очень тесную связь.

И религиозно-юридическое верховенство синедристов над диаспоральными евреями акцептировалось, по взаимной договорённости, римской державной властью. Т.е. обвинённые в совершении какого-либо преступления против еврейского закона или в сопринадлежности к какой-либо (угрожающей еврейству) ереси члены (не вышедших из общины) синагогальных общин могли быть затребованы-этапированы своими (как показывают данные сопровождаемому стражной командой Савлу полномочия) внутриеврейскими силами (из Дамаска или из др. мест-пунктов) в Иерусалим пред лице верховного судилища.

Итак, сверхактивный-сверхтемпераментный Савл, кто пошёл на повышение, терзая первохристианскую Церковь и влача-отдавая уличённых в сопричастности к вере в Распятого мужчин и женщин в темницу (ср. Д.Ап.22,4-16; 26,9-18), решительно решил расширить географию репрессалий до запалестинско-диаспоральной, и, вооружившись-обзаведшись всем насущным-необходимым, выступил-двинулся в путь.

Надо сказать, что собственно информация о дамаских «безобразиях» дошла до него также в свете того, что первые-ранние иудео-христиане ещё не отделились от синагог, участвуя в их собраниях, сродни тому как оставшиеся в Иерусалиме верующие участвовали в храмовых богослужениях. Соответственно, споры о новом учении разворачивались в синагогах, откуда правоверные законники уведомили, забив тревогу, о происходящем, о положении дел соответствующую инстанцию в столице.

Причём задаваемый рядом экзегетов вопрос, дескать, у какого первосвященника испрашивались Савлом письма? при знании, вернее, при правильной реконструкции хронологии событий, отпадает. Если дело происходило, как мы приняли, весной безальтернативного 34г. н.э. (и уж никак не позднее весны 36г., к чему склоняются некоторые горе-экзегеты), значит, первосвященником иудейским являлся на тот момент бывший им, всего-итого, 18 лет, с 18-го (когда его назначил префект Иудеи Валерий Грат) по 36-й (когда его сместил легат Сирии Л.Вителлий) гг. н.э., (всё тот же злоеший) Иосиф Каиафа (тесть Анны) – главный ответчик за казнь в апреле 33г. Иисуса Христа.

Далее, Флавий приводит численность еврейского населения Дамаска, где в 66г., с началом Иудейского восстания против римлян, было убито 10 тыс. иудеев (И.в. 2,20,2). Притом, согласно Флавию, дамаскинцы опасались сопротивления со стороны своих женщин, среди к-рых было немало привержениц еврейства, что, кстати, вполне можно распространить и на (не в последнюю очередь, активно-женский) состав раннехристианской паствы города. Из-за этого мужи-язычники устроили резню в тайне от жён, воспользовавшись случаем массового собрания безоружных иудеев в гимнасии, где внезапно напали на них и перебили всех в течение часа.

³⁶ Правда, неизвестно, насколько, до какой степени, с учётом каких нюансов, юрисдикция иерусалимского синедриона в переходное время Ив. н.э. (после смерти Ирода в Iг. н.э. и до разрушения храма римлянами в 70г. н.э.) распространялась на, скажем, обретавшихся за пределами Римской империи иудеев Вавилонской диаспоры (анклав Иерусалима в диаспоре)? и даже на дальних от Палестины римских, или испанских, или др. иудеев западной половины Imperium Romanum?

Много ниже, в «И.в.» 7,8,7, говорится даже о 18-и тыс. убитых иудеев. Но, б.м., под 10-ю тыс. следует понимать мужское иудейское население. Плюс, нельзя не заметить, что сделавшийся местом бойни местных иудеев гимнасий, как и театр, в бывшем-ставшем в греко-македонскую эпоху ярко выраженным эллинистическим городом греко-сирийском Дамаске, по иронии судьбы, благотворительно построил (щедро практиковавший подобного рода строительную благотворительность в языческих городах региона) царь иудейский (милостью Рима) = державный ойкуменист Ирод I (И.в. 1,21,1).

Следовательно, на 34г. н.э. в городе с таким значительным кол-вом иудейского населения существовало несколько синагог, письма к к-рым от первосвященника Каиафы, с директивой (синагогальному начальству) всячески содействовать их подателю в поимке-заключении под стражу новоявленных еретиков, и имел при себе шедший в Дамаск³⁷, точнее, уже, приближавшийся к нему, во главе стражного отряда, верхом, дабы беспощадно бороться с вредоносной ересью (посредством подстражного препровождения изобличённых-арестованных им еретиков в Иерусалим) истовый ревнитель Савл.

Нам неизвестно, о чём в точности Каиафа с этим испросившим у него аудиенцию для испрошения писем активистом беседовал, но рвение этого молодого человека (из фарисеев), с перспективами продуктивного использования его на присинедриональной службе, первосвященник (из саддукеев), в русле впечатляющих результатов четырёхмесячных гонений, по достоинству оценил. «Ему можно доверять», наверное подумал о Савле (в духе юлиан-семёновского Мюллера о Холтоффе) битый-многоопытный Каиафа: «ишь ты, как головой бодается, ишь ты, как ноздри раздувает, словно конь: этот будет рыть землю, этому наши игры ещё нравятся, он в них пока купается».

Когда именно означенное верховое приближение Савла к Дамаску имело место быть? После, как сказано, Пасхи (23/24.03. = 14/15 нисана), между Пасхой и Пятидесятницей, ближе к Пятидесятнице, к-рая, отсчитанная (напомним) от 16-го нисана, к-рое в 34г. пришлось на (благовещенский день) 25.03., выпала в тот год, в ту первую после Мистерии Голгофы весну, на 13.05. (с юлианской годовщиной Вознесения на 40-й день, приложительно к иудейскому календарю, в день 3.05.).

Посему не случилось ли эпохально-метаисторическое Событие на пути в Дамаск, благодаря к-рому (фарисей) Савл *алхимически* преобразился в (грядущего вселенского Апостола язычников) Павла, в день Михаила-Солнце, в первый день иудейской седмицы, в пролептическое воскресенье 9.05., на 400-й день от воскресенского 5 апреля 33г., за 4 дня до иудейской Шавуот-Пятидесятницы!? И ведь именно на эту Пятидесятницу 34г. н.э. исполнилось 1480 (число Христа!) лет со дня получения

³⁷ «S Dt 1,1 §1 (65a)»: «Р. Иегуда: «Слово Божие на землю Хадрах (местность или город близ Дамаска, города, где пророк Елисей помазал Азаила на Сирийское царство, в любопытном профетически-мессианистическом соотнесении-отождествлении раввинской экзегезой Хадраха с Дамаском), к-рое остановится на Дамаске, как сказано у (Малого пророка – дуалиста-мессианиста) Захарии (VIв. – начало, после репатриации еврейства из Вавилонского пленения, эпохи Второго храма): «Пророческое слово Господа на землю Хадрах, и на Дамаске оно остановится; ибо око Господа на всех людей, как и на все колена Израилевы...» (9,1). Хадрах есть Мессия (один из наименовательных синонимов Мессии), к-рый решительно борется против (языческих) народов мира и проявляет великодушие к Израилю». Р. Йосе, сын женщины из Дамаска, отвечает р. Иегуде: «Сын раввина, почему ты искажаешь слова Писания? Я призываю в свидетели небо и землю в том, что я из Дамаска, и там есть местность, носящая имя Хадрах...»

«Ерувин» (19а): «Р. Реш-Лакиш: «Если рай в земле Израилевой, то Бет-Шехан (Скифополь) – вход в него; если же в Аравии, то Бет-Герем – вход в него; а если в Междуречье (Тигра и Евфрата), то Дамаск – врата в него».

6 сивана 1447г. до н.э. уведшим Израиль из Египта Моисеем на Синае откровения Торы! и миновало 1440 (720 x 2) лет со времени пересечения израэлитами нисановской весной 1407г. до н.э., под предводительством Иисуса Навина, р. Иордан!³⁸

* * *

Крылатое изречение-выражение «Путь в Дамаск» не случайно обозначает поворотный пункт, водораздел, важное событие, знаменующее уникальную (мета)историческую перемену в новородившемся человеке.

И действительно, при приближении к городу, т.е. недалеко от него, т.е. по миновании отрядом большей части пути длиной, как сказано, в ок. 220/230 км, надо полагать, в светоносно-михаэлический солнечный полдень первого дня иудейской седмицы, после сатурнального дня медитативно-покойной субботы, с Савлом произошло-случилось нечто совершенно для него внезапное-неожиданное, нечто кардинально изменившее-переменившее-перевернувшее всю его предыдущую жизнь. А правильнее сказать, нечто поставившее её на всю оставшуюся молодому человеку (к-рому ещё не исполнился 31 год) жизнь не с ног на голову (как, например, поступил с собой и с Россией Ленин), но, наоборот, с головы на ноги!

Ведь именно благодаря судьбоносному Событию на пути в Дамаск правоверный иудей-фарисей Савл (*испрошенный*) сделался христианином *par excellens* Павлом (*малый*), т.е. носителем римского (= мирового) имени, к-рым он впервые именуется в Д.Ап., по обращении им в 46г. римского проконсула Кипра Сергия Павла (см. ниже), но к-рое он (родившись в римском гражданстве) мог получить уже при рождении — от отца, иудея диаспоры и римского гражданина, в качестве второго, наряду с первым еврейским, имени.

Испрошенный у Бога иудейскими родителями стал самоуничижительно *Малым*³⁹ в великом деле своего не беззаветного, а новозаветного (не в опровержение, а в продолжение-преображение прежнего ветхозаветного) служения Христу. Тот, кто был всем сердцем предан Отцу, стал в результате дамасского преобразования-новоорождения смиренным служителем (неотъемлемого от Троицы) Сына — во имя Отца и Сына и Святого Духа!

И именно с жизненного пути, обретенного на пути в Дамаск, он уже не сошёл, на протяжении всей своей дальнейшей, в течение 33-х лет, до мученичества в 67г., подвижническо-христианской деятельности из Импульса «не я, но Христос во мне», никогда (включая последующие инкарнации!). И именно он сделался тем особо-статуированным 13-м Апостолом язычников, к-рый вывел христианство из (сегрегантно-геттоизированных) еврейско-иудейских, из иудеохристианских, на интегрально-вселенские, ближние и дальние, горизонты!

³⁸ Весна 34г. н.э. — на 840-м году от каменования пророка Захарии, сына первосвященника Иодая, осенью 807г. до н.э.; через 630 лет от прихода вавилонян в Иеруслим и пленения Иехонии в 597г. до н.э.; на 550-м году от освящения Второго храма в месяце адар 516г. до н.э.; через 490 лет от выхода Ездры с репатриантами из Вавилона в 457г. до н.э.; на 200-м году от осквернения-профанации Антиохом Эпифаном храма в 167г. до н.э.; через 103 года от каменования Иешуа, сына Пандиры, весной 70г. до н.э.; через 70 лет от назначения Ирода царём римлянами весной 37г. до н.э. Притом 34г. н.э. не случайно симметричен дате завоевания Иродом Иерусалима в 34г. до н.э. Плюс к тому, если Иудейское восстание началось летом 66г., на 33-м году от 34г. н.э., то дата успения Иоанна Богослова в июне 100г. н.э. отстоит на 66 лет от мая 34г. н.э.

³⁹ Не Павел ли (*Малый*) обратил-крестил (52г.) Дионисия Ареопагита и основал его (эзотерическую) школу, из к-рой христоносные века спустя вышел *издатель* таинственных трудов Дионисия Ареопагита — (папский архивариус и) учредитель в VIв. н.э. христианского летоисчисления от Рождества Христова — Дионисий *Малый* (Exigus)!

Именно он сделал христианство, (перехватив инициативу у еврейского прозелитизма и) широко растворив-распахнув врата в него язычникам, поистине мировой верой и религией, к-рую, с др. стороны, 14-й Апостол (таинник таинников) Иоанн Богослов, своеобразным предтечей к-рого (как Иоанн Креститель был Предтечей Иисуса!) явился (эзотерик и экзотерик) Павел, сделал таинственно-вселенской! Лазарь-Иоанн (Апостол № 1) – по одесную, Савл-Павел (Апостол № 2) – по ошую Христа!

Что же случилось на пути в Дамаск? Внезапный ослепительный свет с неба (весеннее небо и весеннее солнце), среди бела дня (= ок. полудня), осиял Савла и его спутников. Этот свет, разумеется, физически, на (нижнем) уровне физического восприятия, мог быть (и) следствием падения (какого-то) астероида (как многие предполагают в наше инфицированное твердолобым материализмом время), со способной сбить человека с ног взрывной волной и с собственно взрывом (к-рый может быть принят за голос с неба)... Однако, угомонитесь, ибо благовествующий сверхчувственное восприятие-переживание Деэписатель сосредоточен явно не на каком-либо атмосферном или физическом явлении.

И примечательно, что ещё дважды обращаясь в Д.Ап. к случившемуся тогда Павел (22,5-16; 26,12-18) констатирует, что бывшие с ним свет видели и пришли в страх, но голоса Говорившего к нему не слышали» (22,9), тогда как в Д.Ап.9,7 – «слыша голос, а никого не видя», в чём не противоречие, но разные аспекты, уровни и углы зрения (см. ниже). Многие иудеи той поры не были лишены убывающего остаточного-сновидческого ясновидения, будучи посвящёнными в таинства. Или, иначе говоря, не были лишены такого ясновидчества-сновидчества стихийно атавистически.

Правда, подобные откровения являлись в их восприятии-переживании природно- или ветхозаветно-архаичными (не переходящими рубеж Завета Нового, к-рый нельзя перейти без Христа), и вышний голос был для них «дщерью голоса» – Бат-Коль = слабый отголосок начавшихся в эпоху Второго храма, когда умолкли Пророки, с Вв. до н.э., постпрофетических времён.

Посему Савловы спутники также увидели свет (вспышка) с неба, но отлично от Савла, не упали на землю и не ослепли, равно, во всяком случае, некоторые из них, услышали громовой голос Бат-Коль, но не услышали, не разобрали слово (логос)⁴⁰, не услышали, не разобрали ни слов, ни Того, Кто говорил персонально к Савлу, поскольку поствоскресенский Иисус являлся (или говорил) лишь (к) тем (способным-достойным-удостоенным воспринять Его), кому Он хотел явиться, и так, как Он этого хотел. Неперсонализованное видение или непersonифицированный гром (глаголение) свыше – есть одно, в то время как персональное явление и персональное обращение к конкретной индивидуальности (сокровенное откровение к ней) суть совсем другое!

И такого ослепительно-светоносного, такого посвятительного явления, сопровождавшегося обращённым именно к нему, упавшему на землю, живым Логосом в голосе, из всех приближавшихся в мае 34г. н.э. к Дамаску, удостоился на своём, как выяснится впоследствии, поистине сиятельном на все времена *пути в Дамаск* только иудей-вениаминит-фарисей Савл, поставленный в тот метаисторический майский полдень Самим Господом Богом на путь становления Апостолом Павлом!

⁴⁰ «S Lv 1,1 (66): «У входа в скинию откровения, пред Богом: «...где буду открываться вам, чтобы говорить с тобою» (Исх.29,42). Слово к «тебе» (Моисей), но не к «вам». М.б., они не слышали слова, но слышали голос? Кн.Ч.: «Когда Моисей входил в скинию собрания, чтобы говорить с Господом, слышал голос, говорящий ему с крышки, к-рая над ковчегом откровения между двух херувимов, и он говорил ему» (7,89). Голос был для него (Моисея), голос был обращён к нему, и никто другой не воспринимал слов».

Упавши, осиянный светом с неба, на землю (с коня? или на тот момент пеший-спешившийся?), он услышал голос, горько упрекающий его, имя к-рого этот голос свыше, обращаясь прямо к нему, дважды произнёс-назвал-повторил, за гонения, причём в форме восклицания и вопроса, в форме восклицательного вопроса: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?». И в сложившейся ситуации понятен ответ донельзя изумлённого-обескураженного, словно вышвырнутого из своей прежней телесности, из своих прежних оболочек (озарённого-оглушённого, но пока не просветлённого) Савла вопросом на вопрос: «кто Ты, Господи?».

«Господи» – в смысле вышестоящий Господин, – обращение, к-рое точно воспроизводит состояние вопрошающего, уже узревшего-услышавшего в вопросителе сердцем Самого Господа Бога, но ещё не осознавшего (не прошедши, до молитвы и поста, через шоковый катарсис) произошедшее-происходящее. Дальше – больше: Господь Бог представляется-называется: «Я Иисус, Которого ты гонишь», и, более того, тотчас указывает (предназначенному для диаметрально противоположной миссии гонителю) на всю тщету служительски развёрнутого им гонения: «трудно тебе идти против рожна».

И обернувшееся слепотой (сомкнувшихся глаз, в к-рых потемнело, к-рые поглотила тьма) потрясение фарисейского посвящённого (= не чуждого вышним откровениям) Савла стало следствием явления ему (причина!) как Господа-Господина-Владыки-Всевышнего именно Иисуса (из Назарета) в Его богочеловеческой прославленной плоти = в Фантомном Теле Воскресения!

Это был Иисус, К-рый являлся Апостолам до 40-го дня Вознесения Господня в эфирном теле, способном уплотняться до (катарсисно-невещественного) физиса, и одновременно это был поствознесенский-постпятидесятичный Иисус, благовествования явлений К-рого перед явлением павлианским, тождественным и отличным от Его довознесенских явлений, в Д.Ап. нет. Оно, т.е. это (исключительное) явление (после качественно иной *молчаливой* Теофании, пережитой во время суда синедриона узревшим Сына Божия одесную Отца Стефаном), – первое!

Притом Савл, в отличие от пребывавших долгое время с живым Иисусом учеников-приверженцев, не знавший Назарейнина в земной жизни, Его ярый противник после Мистерии Голгофы, никак не ожидал встречи с Ним на пути в Дамаск, куда шёл, чтобы решительно, не щадя сил, бороться там против назарейской ереси. Кто же всё-таки обратился к нему свыше? м.б., (восхищённый на небеса живым помазатель предстоящего Машиаха) Илия (Мф.17,3; 27,47)? или Ангел с неба (Д.Ап.10,4)? Никак нет! Светоносный лик и однозначный ответ не оставили сомнений. К нему обратился (менее всего и всех ожидаемый им) Иисус, Которого он нещадно гонит!

* * *

Савл родился семимесячным (изверг = изверженный до срока), т.е. пришёл-вышел-вошёл в мир из материнской утробы недоокостенелым-недоматериализовавшимся (как 11 родившихся вне Палестины патриархов, сыновей Иакова, кроме родившегося в Палестине, у Вифлеема, и родившегося 9-месячным, патриарха 12-го – Вениамина – физического предка и кармического предварителя вениаминита Павла!), имея благодаря этой семимесячности-недоношенности, ещё до своего фарисейского посвящения, от рождения, способность к сверхчувственному, сокрытому от не-извергов, мировосприятию (Р.л. 494-96).

Ибо семимесячность, словно недоразорванная при рождении духовная пуповина, словно сохранённая во духе защитная плацента (её покрова), продолжала сохранять природно-эзотерическую связь-связку – «сходящих из духовного мира в

физический до полного погружения в элементы земного бытия» (Штайнер) – недоносков с небом, с вышними иерархиями и силами. Разрыв бессознательной связи с духовными иерархиями, к-рый происходит при нормальном, после 9-и месяцев чревоношения, рождении, миновал Савла.

А впоследствии он, ученик авторитетного р. Гамалиила, прошёл через школьно-и орденско-фарисейскую выучку, и главное, через особенную инициацию группы избранных фарисеев, из к-рой нюансированно узнал о (грядущем) сошествии-пришествии Мессии. Помимо того, он знал из своего еврейского посвящения о телесном воплощении Машиаха-Христа Господня (зная ли также что-либо о тайне двух Машиахов – жертвенного бен Иосифа и победоносного бен Давида?) и о том, что после смерти тела Христос будет великосиятельно находиться-пребывать в ауре Земли.

Но он не верил, не мог, не хотел поверить, что (позорно) умерший на кресте Иисус из Назарета есть Христос Господень (что Он может быть Христом Господним)! Не верил до тех пор, пока через Событие Дамаска, через Событие на пути в Дамаск, не узрел Христа в ауре Земли и не внял Его словам свыше, что называется собственными (не выдержавшими солнечного сияния и поглощёнными на время тьмой) глазами (в т.ч., непомеркшим внутренним оком) и собственными ушами (в т.ч., не оглохшим внутренним слухом). Потому-оттого он и стал свидетелем-очевидцем *эфирного* Христа, став (ново)ясновидящим (во Христе)!

Интересным образом, зрячий физически Савл был духовно слеп до ослепления на пути в Дамаск, когда он, физически ослепнув, прозрел, увидев Христа воочию, духовно. Стихийно-остаточное не столько ясновидение, сколько сновидение древних, присущее ему от рождения, как пришедшему до срока на землю извергу, и усугублённое фарисейским посвящением, превратилось в свете преобразившего его События Дамаска, с последовавшими затем обращением, прозрением и крещением, в инициированное христианское ясновидение неудержанными новозаветными глазами. Глазами, с к-рых спала удерживавшая их ветхозаветная пелена, к-рые разомкнуло исцелившее их Солнце Христа!

Т.е. Савлу, в той или иной мере-форме, было известно о Мессии страждущем, и даже, возможно, о мессианском дуализме пришествия Двоих, К-рым надлежит стать Единством... Не должно ли, по иудейско-каббалистическим (от Акибы и его ученика – р. Симона б. Иохои) представлениям-отголоскам постфактум (I/Пвв. – после гибели храма и поражения Бар Кохбы), Машиаху, сыну Иосифа, явиться из Галилеи и жертвенно, хоть и с мечом в руках, погибнуть для проложения победоносного пути непобедимому Машиаху, сыну Давидову!

Нюансы и подробности этих несбыточных пост-представлений неизвестны и ещё менее известно, в какой мере был сопричастен к ним Савл, к-рый, при всех случаях, проглядел явление истинного Мессии Христа (слона-то я и не приметил). Проглядел, не могучи принять Его в сыне *безродного* плотника из Назарета, кончившем жизнь на позорном римском кресте?! Плюс к тому, – полагая (?), что не настало ещё Время оно, из-за неприятия сроков ускоренного Исполнения Времени – не в 132 – 35 (?), или не в 333 (?), а в 33гг. н.э.!

Не обманулись ли Акиба, Симон б. Иохои и др. раввинистическо-талмудические пост-посвящённые в их искажённом видении Мессии, К-рый уже пришёл! (Причём, б.м., кто-то из иудейских авторитетов считал (что не исключено) Иисуса жертвенным Машиахом б. Иосиф, а Бар Кохбу победоносным Машиахом б. Давид?) И что, спрашивается, мешало обмануться (столетием раньше) Савлу, в знание к-рого (м.б.) не укладывались опередившие время (хроно)сроки Таинства Голгофы, и крестно-воскресенское мессианство Иисуса Нафанида (с учётом кончины Иисуса Соломнида)?! Хотя не Свалу ли, родившемуся раньше срока, должно быть близко досрочное Исполнение Времени!

Он прошёл через посвящение Тельца, через посвящение эпохи Тельца – зодиакального знака лучшего из 12-ти братьев – получившего право первородства патриарха Иосифа, старшего сына любимой жены Иакова-Израиля – Рахили, младшим сыном к-рой был Вениамин – единственный из братьев-иаковитов – родной, единокровный и единоутробный, брат Иосифа-Израиля. Но этого посвящения Тельца было недостаточно в эпоху Овна-Агнца, когда перед (родившимся под знаком Близначев?) Савлом предстал в месяце под знаком Тельца, сбив его с ног и ослепив, Сам Христос – Жертвенный Агнец, умерший на кресте и воскресший, К-рый есть Второй нетленный-горний Адам!

Адам Кадмон, о К-ром Савл, в ключе пришествия Мессии, знал, не будучи до Дамаска в состоянии свести-совместить-отождествить Его с (Нафановым) Иисусом, не могучи до Дамаска, без персонального, без личностного, без индивидуального явления Ему Христа, идентифицировать Его как Иисуса Нафанида (сына, внука, правнука... мужей жребия Мелхиседекова), как Иисуса из Назарета, как Иисуса Христа, как царственного первосвященника вовек по чину Мелхиседека!

У Петрарки, повторим ещё раз, сказано: «Есть существа, к-рые глядят / На солнце прямо, глаз не закрывая». И таким избранным существом был, например, Будда, преодолевший проклятие земных реинкарнаций, ушедший-перешедший в нирвану и зовущий-ведущий назад к Кришне, тогда как Иоанн Креститель зовёт вперёд, ко Христу Иисусу, Кто и есть Второй Адам = Адам Кадмон. И если «Я» – слово Кришны, к к-рому, по откатной, зовёт Будда, то исповедальной максимой Павла станет именно – «не я, но Христос во мне!» Т.е. не уход-самоотстранение через гипертрофированное *эго* из толкуемого как мука реинкарнационного кругопотока в нирваническое блаженство, но жертвенно-служительское полнопрятие в себя Импульса Христа для новозаветного служения людям, для спасения-исцеления-избавления-искупления человека и человечества во Христе.

До Дамаска Савл не был существом, глядящим на солнце, не закрывая глаз, и потому ему предстояло пройти через физическую слепоту, прозрев духовно, дабы новопрозрев потом и физически, идти в мир, со Христом-Солнце в сердце и в гортани, словом и делом, идти во всём своём преображённом-преобразившемся существе, всем своим преобразившимся-преображённым существом к людям-человекам!

И в нём, в подвижнике Савле, таилась потенция к становлению именно таким существом, глядящим на солнце не иначе как не закрывая глаз, отчего Христос и явился именно ему, владеющему греческим языком международного общения еврею-фарисею из эллинистического Тарса, сопричастному эллинизму (эллинистической культуре) христонному обновителю импульсов Кришны и Будды, соединителю, под эгидой Христа, направлений-потоков Люцифера и Кришны, адепту освящённо-эзотерической формулы: «Христос – истинный Люцифер». (Со дней обращения в нём заволил *новодионисианский* Иисус Нафанид = Кришна, тогда как *новоаполлоническое* высокодуховное воление Иисуса Соломонида = Заратустра предстояло Иоанну Богослову!)

При всём том, подчёркнём обращение Савла не кем-либо из Апостолов или диаконов, а Самим Христом, что можно, в определённом смысле, сравнить-сопоставить с посвящением воскрешённого Христом Лазаря, к-рый – по одесную Христа, между тем как Павел – по ошую Господа. Т.е. речь о 1-м или 14-м Апостоле – Иоанне Богослове, и о 2-м или 13-м Апостоле – Павле, ведя речь о к-рых нельзя забывать об Апостолице Апостолов – Марии Магдалине. Не принял ли Заратустра смерть в апреле/мае, точнее, в мае (Телец)! Не датируется ли паринирвана Будды апрелем/маем, точнее, маем (Телец)! Не надлежало ли осиянному агничным светом Савлу прозорительно ослепнуть, дабы прозреть, преодолевая иллюзию-майю, именно в послепасхально-предпятидесятичном мае!

«Трудно тебе идти против рожна» = невозможно противиться силе неодолимой, силе божественно всемогущей. Он покорился, не сомневаясь в том, Кто есть явившийся ему и говоривший с ним, в готовности повиноваться Сыну Божию, в готовности следовать воле Божией! Тот, Кто был ожидаем-чаем на Земле, Тот, Кто должен был, жертвенно умерев, исцелительно остаться в ауре Земли, уже здесь!

И потрясение того, кто был Его современником, но кто просмотрел Его, не увидев, что называется, в упор, кто стал его злейшим врагом-гонителем, теперь можно понять, даром что нелегко подобной силы удар представить-вообразить. Каково адепту-апологету религии и веры Отца в мгновение ока удостоверить в наличии-истинности религии и веры Единосущного Отцу Сына! Тут не только ослепнешь, дай Бог, пережив в одночасье настолько коренной-тотальный переворот, в живых остаться!

И ныне он повиновался Богу, в прямом и переносном смысле, слепо, ослепнув от увиденного-пережитого, благо – не оглохнув от услышанного-внятого. Впрочем, не сказано ли: «Поэт – не человек, а только дух, / Слеп, как Гомер, и, как Бетховен, глух» (Ахматова). Ведомый под руки его поражёнными-напуганными спутниками в Дамаск, он ещё не переварил пережитое посвящение, пережитое явление ему спиритуально-эфирного Иисуса, к-рое началось в XXв., в эпоху Второго (именно эфирного, но не физического, к-рого больше никогда не будет) Пришествия Христа Господня.

Это Пришествие в его начальной стадии уже воспринято-пережито-познано и воспринимается-переживается-познаётся отдельными людьми. И его приятие ещё предстоит всё большему числу новоиспущих Христа взалкавших людей, ибо оно вершится-свершается в настоящем и будет, нарастаючи, вершиться-свершаться, с развитием-эволюцией Души Сознательной в эпоху Души Сознательной, под зодиакальным знаком сменивших Овна Рыб, в будущем.

И Савлу было велено идти в город и там ждать дальнейших распоряжений свыше, в ключе произошедшего-случившегося с ним, в нём чудесного переворота = кардинального поворота его жизненной судьбы.

* * *

И приведённый в Дамаск, на Прямую улицу (к-рая существует в Дамаске и сегодня), в дом своего земляка (и родича?) некоего Иуды Тарсянина, Савл три дня не видел, не ел и не пил, истово постясь и истово моля Бога, К-рого увидел и услышал лицом к лицу, увидев (в) лицо и услышав голос, о спасении и исцелении, о помощи. Его снабжённая-оснащённая мощным фарисейским стержнем-зарядом противохристианско-иудейская воля была сломлена звучно-огласованной божественно-человеческой светоносностью Распятого и Воскресшего Мессии – Господа Иисуса, в К-рого он не мог поверить-уверовать и К-рого гневно отвергал-отторгал, стремясь выбить вредоносную веру в Него из всех подпавших ереси братьев и сестёр во Боге. А сейчас, вбирая в себя Христа и ставя свою возрождающуюся во Христе волю Ему на служение, он становился, без всякой иронии и без всякого знака минус, настоящим-истинным, без всякой иронии и кавычек, *католиком правовернее папы*.

Три дня слепоты, в строжайшем посте, без всякой еды и питья. Третий день, по аналогии с Христовым Воскресением в 3-й день? или день 4-й, по аналогии с воскрешением (посвящением) Самим Христом Лазаря Четверодневного? Если Лазаря воскресил Христос, то Христа воскресил (Единосущный Сыну) Отец! И в случае Савла на повестке дня аналогия с Лазарем Четверодневым, т.е., если ослепление осиянного ослепительным светом, одновременно с началом духовного прозрения, восприимчивого к сверхчувственному миру 7-месячного фарисейского

посвящённого имело место в день Солнца 9 мая, то дата исцелительного завершения христианского посвящения, одновременно с физическим новопрозрением, это – (самый канун календарно-иудейской Пятидесятницы 34г.: 6 сивана = 13.05.) день Меркурия – среда 12 мая (до 3-х часов дня) пополудни.

Событию на пути в Дамаск и собственно дамасскому духовному исцелению-новорождению-просветлению-преображению Савла в Павла надлежало свершиться именно между Пасхой и Пятидесятницей, после постпасхального 40-го, но до (в канун) 50-го (от 16 нисана = 25.03.34г.) дня, по иудейскому календарю. И единовременно оно не могло не свершиться до исполнения как вознесенской (14.05.33г.), так и пятидесятничной (24.05.33г.) годовщин метаисторического Таинства Голгофы, по юлианскому календарю. Не случайно 9 мая 34г. н.э. отстоит на 360 дней от 14.05.33г. и есть 400-й день от 5.04.33г. н.э. Не случайно на 12.05.34г. шёл 364-й день от 14.05.33г. и 354-й день от 24.05.33г.

Савловы глаза не были готовы к прямому взгляду на ослепительное Солнце Христа = к солярному свету, к-рый, полоснув Вениаминита Савла по глазам, оказался острее и ослепительнее знаменитой дамасской стали, в тот памятный путевой-дорожный полдень без, выражаясь современно, противосолнечных очков, к-рыми бедолага Савл не располагал. Но за три дня слепоты физической он обрёл способность-возможность исцелительного прозрения, прозрев духом и во Духе = покаянно став внутренне зрячим во Христе, и увидев в видении, во время молитвы, «мужа именем Ананию, пришедшего к нему и возложившего на него руку, чтоб он прозрел».

И Господь велел ученику именем Анания, явившись ему, во сне или наяву, что Дееписателем не уточняется, и воззав к нему, идти на улицу Прямую, в дом Иуды Тарсянина – местонахождение (ходившего ранее кривыми путями) Савла, видевшего в видении несущего ему руковозложительное прозрение Ананию.

Дело было в том, скажем снова, что приданные в стражно-отрядное сопровождение Савлу присинедриональные опричники привели его, ослепшего-незрячего, в шоковом-ступорном-столбнячном состоянии, под руки, в дамасский, на Прямой улице, дом Иуды (родом из, как и Савл, Тарса Киликийского). Там они и оставили своего начальника-предводителя, в надежде на его скорое исцеление, или, если таковое сойдёт на нет, в ожидании дополнительных инструкций из Иерусалима.

Кто был некоторый ученик Анания: иерусалимлянин, покинувший город в ходе гонений, после каменования Стефана, и нашедший убежище в Дамаске? или постоянный житель-гражданин Дамаска, член местной иудейской общины? Скорее, второе, поскольку ниже, устами Павла, о нём в Д.Ап. сказано: «муж благочестивый, по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске» (22,12). Т.е., по всему, Анания был дамасский (родом из Иудеи? Палестины?) диаспоральный еврей-иудей, из числа нееллинистов, приобшившийся к иудеохристианству – либо во время паломничеств в Иерусалим на большие праздники в период 30 – 33гг., ещё при земной жизни Христа, и, значит, возможно, знавший-слышавший-слушавший Иисуса лично? либо – перед нами неофит, крестившийся после Мистерии Голгофы, во время с пятидесятничной весны 33г.?

И поначалу он возразил Господу, сказав, сколько зла сей Савл, на кого ему велено возложить руки, сделал христианам в Иерусалиме, имея соответствующее предписание первосвященника и в отношении подлежащих избличению, с их этапированием в Иерусалим, христиан Дамаска. Однако, Господь, ответствуя изумлённому Анании, назвал Савла Своим избранным сосудом = сосудом избранничества (как, к слову, называется Дева Мария, К-рой предстоит чудесно зачать и родить Христа, в апокрифическом «Евангелии от Варфоломея»). И он, Савл/Павел, избран, по слову Господа, – «чтобы возвещать имя Мое пред народами и царями и сынами Израилевыми».

Не симптоматично ли, что в слове о миссии Апостола язычников первыми фигурируют народы, потом – цари, потом – сыны Израилевы. Да, он будет свидетельствовать пред народами, от Аравии до Испании, пред венценосцами (как минимум – Агриппа II и Нерон), и пред сынами Израилевыми (Д.Ап.23,11; 25,10-13; 27,24; 2Тим.4,17), выйдя из старого, обрезанного по плоти, еврейско-иудейского Израиля в распростёртый на весь мир новый христианский Израиль обрезанных сердцем, выйдя из *земли* в обетованный *мир*. И много он, без кого, без великого подвижничества к-рого, нет вселенского христианства, пострадает, и в итоге мученически отдаст жизнь, увенчав её этим мученическим венцом, за Христа (К-рого он непримиримо гнал от себя и других около или менее года, и К-рому он прослужит всем сердцем, всем существом своим 33 последующих, с 34 по 67г., года).⁴¹

И уполномоченный-вразумлённый Господом Анания пришёл в дом Иуды Тарсянина на неспроста Прямой, в отличие от большинства прочих кривых улочек, улице Дамаска, и нашед там горячо молящегося постника Савла, возложил на него, на его повинную голову (к-рую Господень меч не сечёт, но к-рую отсечёт в 67г. безбожный державно-римский меч), руки и сказал ему (собрату во Христе): «брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, к-рым ты шёл, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа».

Не налицо ли (не первая и не последняя) особенность-экссклюзивность-исключительность ситуации-обстоятельств Савлова обращения, так как на Ананию, кого священное предание считает одним из 70-и Малых Апостолов, сродни диакону и Малому Апостолу Филиппу, не распространялась прерогатива 12-и (плюс – Лазарь-Иоанн; затем – Иаков, брат Господень; и затем – Павел) быть постоянным (со дня духонисшестввенной Троицы 33г.) подателем Святого Духа.

И чешуя спала с глаз исполнившегося-исполненного Святым Духом Савла, разомкнувшихся, как размыкаются после сна слипшиеся во сне глаза (ресницы) ребёнка, и обновлённое зрение возвратилось к нему, исцелившемуся и видящему-воспринимающему мир совсем иначе, чем всего каких-нибудь 3 дня (к-рые краше тысячи вечностей) назад. Как Лазарь вышел, в ответ на воззвание-призыв Христа, аж в 4-й день из гроба, так Савл, откликнувшись на воззвание-призыв и на зримое солярное явление ему Христа, пройдя через уврачевательно-посвятительное ослепление, безостаточно, родившись к жизни новой, прозрел. Не говорит ли Ангел Силезский: «Голгофский крест спасти тебя не может, / Пока в себе его ты не воздвиг».

Так вот за эти три дня физической слепоты, во тьме, Павел воздвиг в себе, в своём сердце, во всём своём проведённом-прошедшем через *катарсис* и *фотисимус* существе, лучезарно-сиятельный крест Голгофы и Распятого на нём Светоносного Христа, К-рого ранее гнал, и в Воскресение К-рого, Умершего на кресте, без веры в к-рое вера христиан(ина) абсолютно тщетна-несостоятельна, теперь, начиная безгранично преданное служение Ему до последнего вздоха, необратимо уверовал!

Надо полагать, что во дворе небедного дамасского дома Иуды Тарсянина имелась купель, в к-рой, вдруг прозревший, при Ананиевом руковозложении, Савл, – «встав крестился». И тотчас, согласно благоговению Дееписателя, «стал проповедывать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий». Можно вообразить удивление-замешательство как дамасских иудеев, так и дамасских христиан: и тех, к-рые знали о его прежнем противохристианском рвении, зная, зачем он шёл в Дамаск; и тех, к-рые узнавали об этом, слыша-слушая и лицезрея столь ревностного христианина. Поворот-переворот даже не на 180, а на целых-полных 360 градусов!

⁴¹ Не случайно срок в 33 года пролегает от рождения Иоанна Крестителя (24.06.1г. н.э.) до обращения-крещения Савла (34г. н.э.); затем ещё 33 года до мученичества Петра и Павла в Риме (67г. н.э.); и ещё 33 года до успения в Эфесе (обосновавшегося там в 67г.) Иоанна Богослова (24.06.100г. н.э.). 33 + 33 + 33.

Не каждому дано тотально преобразиться за настолько короткий срок из иудея Савла в христианина Павла, и тем паче, далеко не всем дано в случившееся чудесное превращение сразу поверить. Давешний гонитель имени Христа Иисуса, раввинистически-талмудически и эллинистически образованный-подкованный-посвящённый фарисей, шедший-снаряжённый в Дамаск вязать Христовых приверженцев, чтобы волоочь их на суд синедриона в Иерусалим, сделался избранным-истовым проповедником Иисуса Христа!

Не менее, но более опасный, в силу своих большей образованности и мистериального посвящения, даже нежели Первомученик Стефан, Савл/Павел убедительно доказывал в местных синагогах, вербуя новых членов христианского вероучения и приводя в ярость неггибаемых ортодоксов с упругой шеей, — «что Сей есть Христос». Не чудо ли, не чудесное ли превращение взымело место быть! Удостоверяйтесь воочию!

Если Первомученика Стефана, предсмертная молитва к-рого предварила становление Савла Павлом, побили камнями недалеко от северных Дамасских ворот Иерусалима, или, в случае подвопросной идентичности этих ворот (соседним) Овечьим, непосредственно за ними, то качественно новый жизненный путь Павла, осознавшего смерть старой жизни для жизни новой, начался со светозарного События на пути в Дамаск!⁴² И то, что произошло с Савлом как на этом пути, так и в Дамаске — алхимия преображения, стало его алхимическим обручением с христианством!

⁴² Упоминание о Дамаске (арам. — *хорошо политое место*), одном из древнейших городов мира, есть уже, приложительно ко времени Авраама (XXII–XXвв. до н.э.), в Кн.Быт. (14,15; 15,2). Средневековый арабский историк Ибн-Асакир (XIIв.) утверждал, что первой стеной, возникшей после всемирного Потопа, была Дамасская стена, относимая им к IV тыс. до н.э. Город «Ти-мас-ку» называет в перечне завоёванных им палестинских городов за ок. 1500 лет до н.э. Тутмос III, позднее — «Амарнские письма» (Тимаш-ги) и Рамзес III (Ти-ра-маски) (XV–XIIIвв.). В Xв. до н.э. арамейский Дамаск (столица Арама = Сирия) был покорён Давидом (1011–971гг.), но отпал от Израиля, как столица арамейско-сирийского гос-ва, уже при Соломоне (971–31гг.) (2Ц.8; 3Ц.11), после чего, вплоть до ассирийского завоевания Сирии в VIIIв. до н.э., периодически сшибался, в эпоху Двухцарствия, как с соседним Израилем, конец существованию к-рого сходно положили в последней четверти VIIIв. новоассирийцы, так и, реже, с расположенным южнее Израиля царством Иуды.

В VIв. Иезекиил ретроспективно (вспоминая былые времена Израиля и Иуды) говорит о «большом торговом производстве» известного «изобилием всякого богатства Дамаска» (27,18). Новый расцвет города, после опустошительно-разорительно-депортационного ассирийского разгрома, наступил при Ахеменидах (VI–IVвв.). По смерти Александра Великого, в эпоху диадохов, город поменял множество хозяев-властителей, побывал под Птолемями и Селевкидами. С 85г. до н.э. находился во власти (потеснивших отмирающих Селевкидов) набатейских арабов; в 64г. подпал Риму; был в 30-е гг. Iв. до н.э. передан-подарен Антонием Клеопатре; в 30г. включён Октавианом в состав (ставшей с 27г. императорской) провинции Сирия.

Расположен в 80-и км от Средиземного моря, к востоку от Антиливана, на плато, в 680-и м над уровнем моря. И именно узловое положение, во-первых, на перекрёстке дорог с Евфрата на Нил и от Персидского залива к Средиземноморью, во-вторых, на плодородной возвышенности, в хорошо орошаемой местности, у подножия Ермона, в окружении ливанских вод, сделало обильный водой Дамаск на краю пустыни важнейшим городом региона и цветущим райским оазисом, городом-садом (виноградники, сады с абрикосовыми, гранатовыми, сливовыми, ореховыми и др. деревьями), к-рым восхищались Страбон, Плиний, Флор и др. античные авторы.

Восточные же авторы позднейших времён называют его: «жемчужина Востока»; «благоуханная рая»; «перо райской птицы»; «ожерелье красавицы»; «око Востока». Его сады с журчащими ручейками и обильно произрастающими плодами (выражение Корана) — идеал Магометова рая. До XXв. по Дамаску были нанесены два непоправимых удара: 1) перенесение Аббасидами столицы Халифата из Дамаска, где резидировали Омейяды (661–750гг.), в Багдад; 2) открытие-

ХРИСТИАНИН САВЛ В 34 – 37гг. // СТАНОВЛЕНИЕ САВЛА ПАВЛОМ

Дальнейшая событийная хронорекострукция по Д.Ап., после 9,22, невозможна без привлечения информации из Послания к Галатам и из Второго Послания к Коринфянам. В стихе 23 гл.9, к-рый следует за стихом о доказательной павлианско-христианской проповеди в дамасских синагогах (где собирались и евреи, и христиане), говорится, что «когда прошло довольно времени, Иудеи согласились убить его», т.е. (убить возмущавшего их оборотня-перевёртыша) Савла. Но Савл узнал об этом их, день и ночь стерегших выходы из городских ворот, умысле (9,24), и был учениками = христианами ночью спущен по крепостной стене в корзине, в результате чего сумел покинуть Дамаск и прибыл оттуда в Иерусалим.

Деиписатель не углубляется в подробности, говоря кратко, суммарно, общо, скороговоркой. О том же, когда именно и при каких именно обстоятельствах всё это произошло, на что, в русле правильного воспроизведения новозаветной хронологии, не раз обращалось внимание читателя в предыдущих книгах, мы (исчерпывающе) узнаём из уст самого Павла, из его вышеназванных Посланий, от, соответственно, 55-го (к Галатам) и 50 – 60-х (2-е и 3-е, слитое в Канонах со 2-м, – к Коринфянам)⁴³ гг. Ив. н.э.

Пишучи к Галатам, Павел сообщает, не щадя себя, о своём тернистом пути из-от числа преуспевавших в Иудействе жестоких гонителей-опустошителей Церкви Божией ко Христу. «Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и признавший благодатию Своею, благоволил / Открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, / И не пошёл в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошёл в Аравию и опять возвратился в Дамаск» (Гал.1,16-18).

Речь идёт о дамасском обращении-крещении в мае 34г., после к-рого, о чём не сказано в Д.Ап. и что выясняется из Посл. к Галатам, он (не пойдя до времени в Иерусалим, откуда пришёл в Дамаск) пошёл в Аравию, причём, не прецизируется, в какую именно Аравию – в Набатеюскую (Петрея) = Каменистая? в Счастливую – Феликс = Сабейская? или в Центральную – Десерта = Пустынная? (Д.И. 765-70; Т.Г. 195-206).

прорыве англичанами в 1869г. перехватившего торгово-экономические приоритеты у узлового Дамаска Суэцкого канала.

Вместе с тем, город традиционно имеет огромное сакральное значение не только для связывающих его имя с чудесным павлианским обращением христиан, но и для мусульман. Согласно эсхатологии суннитского ислама, именно в Дамаске, в канун конца света, должен «приземлиться» на минарет, стоящий в юго-восточном углу мечети Омейядов, исламский «Махди» – восхищённый Аллахом живые на небо пророк Иса (Иисус), чтобы сразиться с Антихристом Даджалем и убить его, чтобы, руководствуясь шариатом, установить своё 40-летнее царство справедливости и быть после смерти, до трубы Страшного суда, погребённым рядом с Мухаммедом в Медине (Т.Г.1839/40). И судя по тому, что хадисы называют именно Сирию с Дамаском, откуда в VIIв. начался мировой Халифат Омейядов, местом начала грандиозных воительных перемен, сегодня, когда ставшая перекрёстком столкновения интересов и полем битвы мировых держав, атакуемая исламскими фундаменталистами Сирия польхает, когда в ней конкурируют и играют в четыре руки Россия и Турция (что отражается, в т.ч., на Южном Кавказе, где они тоже, от раза к разу, играют в четыре руки), когда в ходу мировой конфликт цивилизаций, *Путь в Дамаск* = индивидуальный путь павлианского новобретения (в эпоху Души сознательной) христианского Бога приобретает для христиан и христианства особенно актуальное значение!

⁴³ О 2-м (57г.) и 3-м (65г.), к-рое со временем, ещё в эпоху раннего христианства, стало канонической частью 2-го, Посланиях Павла к Коринфянам нам предстоит отдельный обстоятельный-детальный разговор (см. ниже).

Обычно принимается за верное, что – в пограничную с Сирией и Палестиной, т.е. в подвассальную Риму – Аравию Набатейскую. Вполне возможно, но не факт, ведь ни скрывающая прадревние *райские* тайны Центральная, ни загадочно-мистериальная Счастливая Аравия (с её Таинствами Св. Грааля и «аравийского» Феникса, «появление» к-рого «в Египте» Тацит относит на, в любом случае, хрононебес-причинный 34г. н.э.) указанием на (собирательную) Аравию, под к-рой в греко-римском мире понималась-подразумевалась, в первую очередь, Набатя, вовсе не исключаются. Тем более, что между приходом (ещё духовного) Савла из Иерусалима в Дамаск и не столько возвращением, сколько хождением (уже духовного) Павла из Дамаска в Иерусалим прошло-минуло аж 3 года.⁴⁴

⁴⁴ Или Савл/Павел уединительно ходил на гору Синай (куда ходили/восходили Моисей и Илия; Моисей – *на* 40 дней, а Илия – *за* 40 дней)? Не сказано ли (в т.ч., шифрованными-иносказательным текстом) в Посл. к Галатам: «Ибо написано: «Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной». / Но к-рый от рабы, тот рождён по плоти; а к-рый от свободной, тот по обетованию. / В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, к-рый есть Агарь, / Ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; / А вышний Иерусалим свободен: он – мать всем нам» (4,22-26). (Хотя тут необходимо оговорить, что в большинстве древних манускриптов стих 25 звучит иначе: «Ибо Синай есть гора в Аравии...»). Претензий нет: п-ов Синай с горой Синай географически находится в Аравии. О какой-либо аравийской проповеди Павла Новый Завет молчит. Это не значит, что он там не проповедовал вовсе, но, при всех случаях, хождение (в спиритуальную) Аравию (неизвестно – один ли раз? в одну ли из Аравий? и на какие сроки?) было, прежде всего, хождением-хожением медитативного уединения.

И всё-таки, в Посл. к Галатам (без к-рого невозможна реконструкция павлианской хронологии и к-рое было составлено в 55г. н.э. – спустя год от 1500-летия Исхода из Египта = получения Синайского откровения, и спустя год от Успения в 54г. Богородицы) перед нами примечательнейшее иносказание (в к-рое стоит-надлежит предварительно углубиться). Египтянка Агарь – раба (долго неплодной) Сарры, мать первенца Авраама, старшего сводного брата Исаака, – (*насмешника/персмешника*) Измаила, изгнанная Саррой (по её настоянию), вместе с сыном Измаилом, в (давшую ей/им убежище-прибежище) Синайскую пустыню (с горой Синай). Измаил – от рабыни-наложницы, был рождён по плоти; Исаак – от свободной, по обетованию. Но одновременно (ибо времена/обстоятельства/дизензионы преобразились-обновились-изменились), завет-закон от Синайской горы (полученный Моисеем на Синае), рождающий в рабство Богу, есть синоним (принятой Синаем) Агари, и на Ив. н.э., с пришествием, жертвой и Воскресением Христа, Синай (= Агарь) в Аравии (где/откуда 6 столетий спустя родится-придёт в мир от потомков Измаила откатно-ветхозаветный монотеизм ислама) соответствует земному Иерусалиму, к-рый с (ветхозаветными) детьми своими – как во внутреннем, так и во внешнем рабстве. Т.е. в рабстве как у Закона (Моисеева без Христа = у закона, не одухотворённого, не оплодотворённого, не преображённого Христом = у закона, усыхающе обратившегося в пустыню), так и у римлян = у доминирующего-довлеющего над Палестиной Рима = в рабстве у Римской мировой державы.

А вышний, т.е. Небесный Иерусалим, идеал христианина, куда попадают искупленные Христом души уверовавших и к-рый для христиана грядёт, – свободен. И именно этот Небесный Иерусалим (в то время как небесного Рима никогда не было, нет и быть, по христианскому определению, не может – ни I-го, ни II-го, ни III-го, ни IV-го...) – есть Новозаветная Матерь (дизензион Вечно Женственного и Вечной Женственности = божественная триипостась Св. Троицы = ипостась Св. Духа) всем нам (новозаветникам) – (от)ныне и присно и во веки веков. Иначе говоря, земной Иерусалим стал после Мистерии Голгофы синонимом горы законодательства = несовершенства Закона как Древнего Завета без Нового Завета Господа Иисуса Христа! Не таково ли поистине глубочайшее и поистине мудрое павлианское иносказание!

Так, ходил ли, спрашивается, (новозаветник) Павел (оставив ветхозаветника Савла в прошлом), ходя в Аравию, на Синай? Скорее, нет, чем да! (скорее, – проследовав через Аравию Набатейскую в Аравию Центральную и в Аравию Счастливую-Сабейскую, в Аравию древних мистерий восстающего из праха соляного Феникса?) (см. ниже).

«Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать» (Гал.1,18). Причём эти 3 характерно полнoletних (относительно чего читатель в курсе) для павлианских сроков в означенном Послании года (а не 3-й год), исчисляются со времени Обращения Павла, т.е. до его хождения в Аравию (и м.б., хождение было за 3 года не одно?), т.е. с весны/лета 34 по весну/лето 37гг., когда дамасские иудеи согласились-сговорились убить его, и когда он, спущенный христианами по стене в корзине, ушёл-пришёл в Иерусалим, где пробыл у Петра дней 15.

В Посл. к Коринфянам читаем: «В Дамаске областной правитель царя Ареты стерёг город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук» (2,11,32). Т.е., скомбинировав данную информацию с информацией Д.Ап. и с информацией Посл. к Галатам, констатируем, что дамасские иудеи согласились убить Павла, подстрекнув против него дамасского наместника-эпитропоса набатейского царя Арета IV (5г. до н.э. — ок. 48г. н.э.).

Дамаск же слелался владением царя Арета, по решению Калигулы, никак не ранее весны/лета 37г., ибо Калигула стал кесарем вместо умершего 16.03.37г. Тиберия мартовской весной. Напомним, Аретова дочь была женой Ирода Антипы до Иродиады, ушедшей к Ироду (от его брата — трахонского тетрарха Филиппа) в 30г., из-за чего затаивший на Антипу горькую обиду Арет пошёл на него блицвойной и разгромил в 36г., что вызвало державный гнев Тиберия, поручившего римско-сирийскому (с широкими региональными полномочиями) легату Л.Вителлию (35 — 39гг.) прислать к нему либо самого Арета в цепях, либо его голову.

Однако, выступивший в поход на Перту Аравийскую Вителлий не успел выполнить приказ, из-за смерти Тиберия. А Калигула, наоборот, как в пику мёртвому Тиберию, так и в угоду своему освобождённому им из тиберианского застенка дружкунаку Ироду Агриппе, прежде (32г.) дюже обиженному Антипой, не только не наказал Арета за самовольную войну, что, т.е. воевать друг с другом, римским вассалам категорически запрещалось, но и поощрил набатейского царя передачей в его владение, повторим-подчеркнём, не ранее весны/лета 37г., сирийского Дамаска (оставившегося с тех пор владением набатеев до 62г.).⁴⁵

Стало быть, полученная нами посредством сопоставления-комбинирования-синхронизации трёх источников Нового Завета (Д.Ап.; Гал.; 2Кор.) сакральная новозаветно-павлианская (мета)хронология полностью-идеально-взаимоподтвердительно синхронизируется с хронологией исторической. Отсюда вывод: Павел прибыл в Иерусалим, после 3-х, с мая 34г., лет отсутствия, (не ранее и) не позднее оптимально весны/лета 37г. н.э., откуда, в свою очередь отсчитываются-исчисляются 14 (Гал.2,1), опять-таки, полных лет (а не 14-й год) до векового Апостольского собора 51г. н.э. (см. ниже).

Далее, весной/летом 37г. Савл пробыл в Иерусалиме у Петра дней 15, не увидев никого из, видимо, миссионировавших, проповедовавших и назидавших христианские общины в ближних (к Иерусалиму и Палестине) пределах, кроме не отлучав-

⁴⁵ Известные науке римские монеты Дамаска с изображением Тиберия идут до 345-го года эры Селевкидов — 33/34гг. н.э., а с изображением Нерона начинаются с 374-го года = 62/63гг. К слову добавить, существует также (позабытая учёностью, на что сетует К.Визелер) любопытная монета Арета IV со 101-м годом дамаско-помпейской эры, к-рая, при хроноотсчёте с осени 64г. до н.э. (когда Помпей сделал Дамаск частью Римской империи), даёт 37/38гг. н.э., что служит дополнительным косвенным подтверждением факта предоставления Дамаска Арету Калигулой весной/летом 37г. н.э. (монету приводит К. Wieseler в «Chronologie des Apostolischen Zeitalters bis zum Tode der Apostel Paulus und Petrus» — 1848, S.174/75; Mionett S.286; Schürer 1,737)

шегося из Града Господня первого епископа иерусалимско-христианской общины Иакова, брата Господня (Гал.1,19), Больших Апостолов.

«А в том, что пишу вам пред Богом, не лгу. / После сего отошёл я в страны Сирии и Киликии» (Гал.1,20/21). Картину дополняет Д.Ап. В Иерусалиме (пробытие где у Петра дней 15 не означает, что Савл пробыл в городе лишь 15 дней) все боялись старавшегося пристать к ученикам Савла, не веря, что он, когдашний свирепый гонитель Церкви, ныне (и уже 3 года) тоже ученик. На помощь пришёл его однокашник по школе Гамалиила (кипринин) Варнава, приведший-введший его к Апостолам, в круг Апостолов (группа Малых Апостолов), и рассказавший-поведавший им о переворотном Событии на пути в Дамаск и о смелой павлианской проповеди-деятельности во имя Иисуса в Дамаске (9,26/27).

Таким образом, за истекшее время положение с гонениями, после каменования Стефана, в Иерусалиме на христиан изменилось и многие покинувшие в 33/34гг. город, возвратились в него. Не в связи ли с побочно взявшим христиан под защиту очередным противоиудейским постановлением Тиберия от 34г. (Д.И. 180-88), принятым не без связи с донесением Пилата Тиберию о самоуправном убиении иудеями Стефана, в противозаконный обход римской инстанции, и о последующем погроме-изгнаниях из Иерусалима приверженцев Распятого?

Не уведомляет ли Д.Ап. (9,31), приложительно к 37г. (и позже), что «Церкви по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем, и при утешении от Святого Духа, умножались» (см. ниже). Следовательно, на 37г. преследований успешных-сумевших за прошедшее время разрастись-умножиться (в первую очередь) в пределах Иудеи, Самарии, Галилеи христианских общин (с середины или второй половины 34г.?) не было.

Так или иначе, реабилитированный-реабилитировавшийся усилиями-стараниями Варнавы в глазах христиан-иерусалимлян Павел развернул летом 37г. кипучую проповедническую деятельность в Иерусалиме, к-рая, правда, продлилась недолго. Как некогда (Еллинист-христианин) Стефан состязался с Еллинистами-иудеями, так теперь вступил с ними в состязание (Еллинист-христианин) Савл. Они же, наверняка при (теневом) соучастии (одёрнутых тиберианским постановлением 34г.) синедристов, покушались убить Павла. Обстановка накалилась, и братья, узнавши о, следует думать, тайном убийственном умысле особенно интолерантных (науськиваемых сверху) Еллинистов, «отправили его (дабы предотвратить довременное повторение Савлом мученической участи побитого камнями Стефана) в Кесарию и препроводили в Тарс» (Д.Ап.9,30).

Комбинируем с Гал.1,21 и устанавливаем-узнаём, что отправленный заботливыми братьями, по соображениям безопасности, ввиду угрозы его жизни, в Кесарию Палестинскую, Савл/Павел проследовал оттуда сначала в (опущенную-пропущенную Дееписателем) Сирию, откуда, похоже, морем, из какого-то побережно-портового сирийского города, добрался-перебрался (препровождённый туда братьями-сообщинниками) в отчий Тарс Киликийский. Там, в свою очередь, Павлу довелось пребыть-прожить (безвыходно ли?) следующие 3 года, с 37 по 40г. н.э., когда снаряжённый Церковью Иерусалимской в Антиохию Сирийскую, где на 40г. н.э. значительно увеличилось число христиан, «Варнава пошёл в Тарс искать Савла и, нашед его, привёл в Антиохию» (Д.Ап.11,25).

Но об этом мы будем беседовать ниже-позднее, хроноповествовательно дойдя до событий 37 – 40гг. А сейчас нам необходимо обратиться, в свете христологически чрезвычайно важного, чрезвычайно насущного для метаистории и эволюции христианства События обращения и собственно уникального феномена Апостола Павла, к антропософской христологии Штайнера.

ПАВЛИАНСКАЯ ХРИСТОЛОГИЯ АНТРОПОСОФИИ

«...Существенным в смерти Христа является то, что Христос через смерть не стал иным, что Он остался тем же Самым, Кем он был, Тем Единым, К-рый показал, что смерть не имеет значения; так что те, кто мог знать о сути Христовой смерти, всегда основывались на живом Христе.

Чем же является с этой т.зр. Событие Дамаска, когда тот, кто был «Савлом», стал «Павлом»? Павел из того, чему он научился раньше, знал, что к Земле постепенно приближался Дух, К-рого Заратустра искал сперва на Солнце как «Аура-Маздао», К-рого затем Моисей увидел в неопалимой купине и в огне на Синае; и он также знал, что этот Дух должен был войти в человеческое тело. Но чего Павел, пока он ещё был Савлом, не мог понять, — это то, что человеку, к-рый должен был носить в себе Христа, предстояло пережить позорную смерть на кресте! Он мог лишь думать, что Христос восторжествовал бы, если бы Он пришёл; что Он оставался бы во всём, что есть на Земле, после того, как Он снизошёл бы уже на Землю. Того, кто висел на кресте, он не мог мыслить себе как носителя Христа! Это является существенным для воззрений Павла, прежде чем Савл стал «Павлом». И крестная смерть, позорная смерть на кресте со всем, что связано с нею, сначала мешала Павлу признать, что Христос действительно уже был на Земле. Что должно было наступить? — С Павлом должно было случиться нечто, благодаря чему он должен был в определённый момент убедиться в том, что Та индивидуальность, К-рая висела на кресте в теле Иисуса из Назарета, была Христом; Христос был на Земле! Павел стал ясновидящим вследствие События Дамаска. Тогда он смог удостовериться!

Для того, кто как ясновидец созерцает духовную ауру Земли, она представляется изменённой после Мистерии Голгофы. Прежде в ней не находили Христа. Со времени События на Голгофе в ауре Земли можно было найти Христа. До События Голгофы Христа нельзя было видеть в ней; после этого Его можно было видеть в земной ауре. Таково различие. И Савл сказал себе: «Будь я ясновидящим, то я мог бы убедиться, что в Том, Кто висел на кресте и Кто жил как Иисус из Назарета, был Христос, К-рый теперь пребывает в ауре Земли!» И он видел в земной ауре то самое, что Заратустра видел раньше на Солнце как «Аура-Маздао». Теперь он знал: Тот, Кто был на кресте, — воскрес! — поэтому он мог теперь сказать: «Христос Воскрес. Он явился мне так же, как Он явился Кифе, другим братьям и сразу пятистам!» И вот Павел стал возвестителем живого Христа, для К-рого смерть не имеет того значения, как для других людей. <...>

Ведь именно это является надёжнейшей составной христианства: эта крестная смерть и то, что мы завтра опишем, как Воскресение и как действие слов: «Я с вами во все дни до скончания века!» В этом и заключается провозвестие Павла. Поэтому он мог сказать: «Если Христос не воскрес, то тщетна наша проповедь и тщетна наша вера!» Павел приводит христианство в связь с Воскресением Христа. Лишь в наше время вновь начинают задумываться над этими вещами, когда делают это Событие не предметом теологического спора, но жизненным вопросом для христианства. Великий философ В.Соловьёв стоит поэтому, по существу, на точке зрения Павла, когда он подчёркивает: в христианстве вся суть в идее воскресения; и христианство будет немислимо, если не будет верить в идею воскресения и она не будет постигнута! И вот, он повторяет по-своему слова Павла: «Если Христос не воскрес, то наша проповедь тщетна и тщетна наша вера». Тогда Христов Импульс невозможен. Без воскресшего, живого Христа не было бы христианства.

Характерным является и поэтому должно быть подчёркнуто то, что некоторые глубокие мыслители приходят, исходя из своей философии, — безо всякого оккультизма, — к познанию верности этих слов Павла. Если мы немного познакомимся с такими мыслителями, то мы увидим: в наше время уже начинают появляться такие люди,

к-рые образуют себе понятия о том, какими должны быть в будущем убеждения и мировоззрение человечества и что должна принести именно духовная наука. Но все те, кто не имеет духовной науки, не приходят ни к чему иному, кроме как к незаполненным оболочкам понятий. Так обстоит дело и у глубокого мыслителя Соловьёва. Системы его философии подобны незаполненным сосудам, и в них должно быть влито то, чего они уже требуют и форму для чего они уже отчеканивают, но чего они ещё не имеют и что может прийти единственно лишь из антропософского течения. Оно вольёт в эти сосуды живую воду: сообщения о фактах духовного мира, оккультное содержание. Духовнонаучное мировоззрение даст это своим лучшим представителям, к-рые уже теперь показывают, что они нуждаются в нём, и трагизм к-рых состоит в том, что они не могли это получить. К таким лицам применимы слова: «Они жаждут антропософии! Они не могли её найти». Через антропософское движение должно влиться в приготовленные сосуды то, что может образовать ясные, отчётливые и верные представления о самых важных событиях, таких событиях, какими являются Событие Христа и Мистерия Голгофы. Это может нам осветить лишь антропософия, или духовное исследование, с его сообщениями о сферах духовных миров. Да, Мистерия Голгофы может быть понята только через антропософию, или духовное исследование» (Р.Штайнер «Ев. от Иоанна в связи с Ев. от Лк. и др. Евангелиями», л. 8 от 1.07.1909г., с.163-66).

«Рассмотрение Ев. от Ио. приведёт к самому всобъемлющему пониманию того, что произошло на Голгофе, к пониманию того, путём какой Мистерии был опровергнут ложный образ смерти на пути развития человечества. И люди начнут понимать, что деянием Голгофы их познанию было не только указано, что смерть поистине есть источник Жизни, но дана возможность такого отношения к смерти, к-рое приведёт человека к преобразению своего существа во всё более живоносное, пока, наконец, оно не станет совершенно живоносным, т.е. сможет воскреснуть от всякой смерти, — когда оно преодолет смерть. Это было то, что открылось Павлу, когда он на пути в Дамаск увидел Живого Христа, — когда он познал: «Христос Жив!», — когда он своим оком, ставшим ясновидящим, взгляделся в духовное окружение Земли и, будучи посвящённым Ветхого Завета, тогда познал: «Прежде Земля была без света; теперь я вижу в ней свет; значит, Христос там был; значит, Тот, Кто умер на кресте, был Христос в Иисусе из Назарета».

Так Павел на пути в Дамаск постиг Событие, совершившееся на Голгофе» («Ев. от Ио. в связи...», л.13 от 6.07.1909г., с.273/74).

«Задачей человечества является понять, что со времени События на Голгофе Христос был с Землёю. Человек всё больше должен познавать это и, познавая, всё больше этим проникаться.

Но для этого нужны были посредники. И одним из первых великих посредников был тот, кто из Савла стал Павлом. — Что мог знать Савл, являвшийся иудейским посвящённым? То, что мог знать Савл, мы можем выразить примерно следующим образом:

Он мог знать то, что являлось достоянием еврейского тайного учения. Он знал, что к Земле приблизился Тот, Кого Заратустра видел как Аура-Маздао, Кого Моисей видел в неопалимой купине и в громе и молнии на Синае как «ehjeh asher ehjeh», как Ягве или Иегову; что к Земле приблизился Тот, Кто однажды будет в человеческом теле и пребывая в этом человеческом теле, вызовет обновление Земли. Однако Савл находился под впечатлением суждений своего времени и иудейских законов. Он был современником События Голгофы. Но он не был в состоянии сказать себе, что Тот, Кто умер на кресте, был носителем Христа. События, о к-рых ему стало известно и к-рые он пережил, не могли убедить его, что Тот, Кого он должен был ожидать,

согласно иудейскому посвящению, был воплощён в Иисусе из Назарета. Что же он должен был пережить, чтобы убедиться, что на Голгофе в смертном теле Иисуса из Назарета действительно пребывал бессмертный Дух Христа?

Из своего еврейского посвящения он знал, что если Христов Дух был в человеческом теле и это человеческое тело умрёт, то Христос будет пребывать в ауре Земли. Тогда тому, кто способен своими духовными очами созерцать земную ауру, видим будет Христос. Это он знал. Но он в то время был ещё неспособен созерцать земную ауру. Он, правда, был посвящённым в мудрость, но не был ясновидящим. Но он обладал данными к тому, чтобы стать ясновидящим путём аномального посвящения, он сам говорит об этом. Он говорит об этом, как о «благодати», дарованной ему свыше, он называет себя «недоноском»⁴⁶, что обыкновенно переводится, как «несвоевременное рождение». Он не был доношен в материнском чреве, снизойдя из духовного мира в физический до полного погружения в элементы земного бытия. Он пришёл на землю прежде того, как человек разрывает бессознательную связь с духовными иерархиями при нормальном рождении. Событие Дамаска стало возможным благодаря тому, что у него как у несвоевременно рождённого отверзлось духовное око и он узрел в ауре Земли Христа. А это означало, что то время, когда Христос прошёл через человеческое тело, уже исполнилось. Ему дано было доказательство, что на кресте умер Христос. Ибо Тот, о Ком он знал, что Он преодолевает смерть на Земле, явился ему духовно живым! Теперь он познал Событие Голгофы во всём Его значении. Он знал, что Христос Воскрес! Так как Того, Кого он теперь видел, нельзя было до того видеть в ауре Земли. Теперь он понял слова: «Трудно тебе идти против рожна (Stachel)» (Д.Ап.9,5)

Что такое рожон? — Павел сам высказал это: «Смерть, где твоё жало (Stachel)?» (1Кор.15,55). Напрасно идти против острия рожна; ибо делая это — познаёшь только смерть. Ты не можешь теперь идти против смерти, ибо ты узрел Того, Кто преодолел смерть!

Так Павел стал провозвестником христианства, и он прежде всего возвещал живого, духовно-живого Христа.

Почему можно было созерцать Христа в ауре Земли? Потому что у Христа Иисуса — как первый Импульс для будущего развития Земли — эфирное тело впервые было проникнуто Христом. Эфирное тело Иисуса из Назарета было, конечно, вполне проникнуто Христом. Поэтому это было эфирное тело, имевшее физическое тело всецело в своей власти, — и так как оно было полным властелином физического тела, оно могло после смерти восстановить физическое тело, т.е. могло проявляться так, что всё, что имелось в физическом теле, вновь существовало в нём, но исходя из сил эфирного тела. Поэтому, когда Христа видели после смерти, то это было эфирное тело Христа. Но для тех, кто силою, приобретённой ими благодаря этим событиям, были в состоянии признать за действительное тело не только физическое чувственное тело, но и эфирное тело со всеми проявлениями физического тела, для них Христос Воскрес во плоти. И Он действительно Воскрес...» («Ев. от Ио. в связи...», л. 14 от 7.07.1909г., с. 285-87)

«Слова Апостола Павла о Воскресении вполне совпадают и с тем, что говорится в Ев. от Мф., и со словами Евангелиста Иоанна, и должны быть поняты дословно: Воскресший явился ему на пути в Дамаск. И Ап. Павел подчёркивает ещё раз, что ему дано было видеть то, что однажды узрели другие Двенадцать, а также 500 братьев. Таким, каким он видел Христа, видели Его после Воскресения и другие...» («Ев. от Мф.», л.12 от 12.09.1910г., с.218) (см. Д.Ап.9; 22; 26; 1Кор.15)

⁴⁶ 1Кор.15,8: ἔχτροα — «изверг» = изверженный до срока.

«Тот, кто ныне проходит духовное развитие, может уже сегодня пережить истину изречения «Я с вами во все дни до конца земных времён». Так пребывает Он при нас, паря в духовной форме вокруг Земли. До События Голгофы ясновидцы не могли встретить Христа в атмосфере Земли. Лишь после События Голгофы Христос становится видимым в атмосфере Земли, так как с этого времени Он здесь. Один человек, к-рый был обучен ясновидению дохристианской эпохи, знал, что однажды настанет момент, когда наступит следующее. Он знал: теперь в астральной области нашей Земли ещё нет того, что называют Христом, но придёт время, когда ясновидческое око откроется и узрит Христа в области Земли. Он не продвинулся в развитии настолько, чтобы события в Палестине могли убедить его в том, что ожидаемое уже наступило. Физические события не могли убедить его в том, что Христос уже сошёл на Землю. Его могло убедить лишь одно — когда он ясновидчески узрел Христа в атмосфере Земли. Тогда он убедился в том, что ожидаемое в мистериях схождение Христа на Землю действительно свершилось. То, что пережил Павел, присутствие Христа в атмосфере Земли, есть то, что сегодня может пережить человек, ставший благодаря эзотерической выучке ясновидящим искусственно; это есть также и то, что, как охарактеризовано, именно благодаря естественно возникшему ясновидению отдельные люди, начиная с 1930 по 1940гг., а затем в течение продолжительных периодов, смогут пережить как нечто совершенно естественное. Тогда для многих повторится Событие Дамаска, и мы можем назвать это Событие возвращением Христа, возвращением в духе. Христос будет реальностью для людей, к-рые сумеют восходить до видения эфирного тела. Ибо Христос лишь раз сходил во плоти на Землю — это было тогда в Палестине. Однако Он всегда присутствовал в эфирной атмосфере Земли в эфирном теле. И так как люди разовьются до эфирного видения, они станут видеть Его. Так возвращение Христа совершается благодаря тому, что люди поднимаются до способности видеть Христа в эфирном мире. Этого надлежит нам ожидать в наше переходное время. И то, что должна исполнить духовная наука, это теперь также подготовка душ к тому, чтобы они смогли воспринять Христа, к-рый к ним нисходит.

Теперь мы, так сказать, присмотрелись уже и ко второму из поставленных нами вопросов. Мы видели, с одной стороны, что для человека имеет смысл хорошо использовать свои инкарнации, но мы также видели, каким образом мы можем лучше всего использовать нашу собственную нынешнюю инкарнацию, подготавливаясь к тому пониманию, к-рое для нас возникает относительно грядущего Христа. И мы должны верно понимать Его, это Его возвращение, тогда мы также поймём, какие великие опасности связаны с ним. Вот то, что я должен теперь вам ещё сказать.

Это величайшее, что предстоит человечеству в охарактеризованном возвращении Христа в духе в грядущие времена. Но материализм в наше время столь силен, что даже такая истина будет толковаться материалистически. И это материалистическое толкование будет проводиться в жизнь. В смысле возвращения во плоти будет перетолковываться эта истина. В отнюдь не далёком времени лжехристы будут ходить по земле, лжемессии, к-рые будут выдавать себя за вновь сошедшего на землю Христа. Однако, антропософы должны быть теми, кто не может упасть в материализм, думать, будто Христос опять во плоти сойдёт на землю, ибо они знают, что Тёмная эпоха⁴⁷, когда для развития своего Я-сознания люди нуждались в жизни в физически-материальном мире, не проникая в духовные миры, окончилась. Ныне человек должен снова развиваться в направлении духовных сфер, где он сможет узреть Христа как живого и присутствующего в эфирном.

Человечеству отпущено примерно 2500 лет на то, чтобы усвоить эти способности.

⁴⁷ «Тёмная эпоха» = (сменившая Большую эпоху Тьмы — 10-тысячелетнюю Двапара-югу — Малая эпоха Тьмы) 5-тысячелетняя Кали-юга — 3102г. до н.э. — 1899г. н.э. (откуда, т.е. с 1899/1900гг. начинается ок. 2500-летняя «Светлая эпоха»).

2500 лет будут в его распоряжении, чтобы обрести эфирное как естественный общий дар человечеству, пока затем снова в переходное время люди не должны будут подняться к иной способности. В эти 2500 лет всё больше человеческих душ смогут развиваться до этих способностей. И не имеет значения, будут ли в названное время люди жить здесь между рождением и смертью, или после смерти будут находиться в духовном мире. Время человеческой жизни между смертью и новым рождением будет проходить иначе, если души переживут возвращение Христа. Даже это станет иным благодаря такому переживанию. Поэтому для воплощённых ныне душ будет много значить быть хорошо подготовленными к Событию Христа, наступающему в этом столетии, воплощены ли они ещё здесь в физическом теле или прошли через врата смерти и находятся между смертью и новым рождением, когда будет происходить это Новое Событие Христа. Для всех современных душ важно быть подготовленными к этому Событию и благодаря этому быть вооружёнными против опасностей...» («Духовная наука как подготовка к новому эфирному зрению», л. от 27.01.1910г., с.52-55)⁴⁸

«...Мы живём навстречу эпохе, когда для человечества всё больше и больше должно обновляться то, что существовало в дохристианские века, но всё это будет погружено в то, что человечество смогло получить благодаря великому Событию Христа. Мы видели, что тот великий момент, к-рый Моисей пережил благодаря впечатлению от горящего тернового куста и огня от молнии на Синае, человечество снова пережило в христианском самоуглублении. Ибо теперь и Таулерам и Экхартам ясно, если у них внутри родилось то, что Моисей называл Яхве, что это — Христос; это уже больше не отражённая сущность Христа, но непосредственно сам Христос, встающий из глубины сердца. Это есть, так сказать, заново пережитое христианскими мистиками в христианизированном облике, в претворённом Импульсом Христа облике то же самое, что было пережито Моисеем. И в изменённом новом облике будет пережито то, что было пережито в дохристианскую, Авраамову, эпоху. Что же это будет? Все события и вещи, выступающие, так сказать, нормальным образом в человеческом развитии, как бы заранее бросают вперёд свой свет. (Я не хотел бы повторять тривиальность, к-рую часто произносят, и говорить: бросают свои тени, но я говорю — свой свет.) Так в известном отношении нечто из событий будущего брошено вперёд как свет в том, что мы называем обращением Савла в Павла в Событии Дамаска.

Уясним себе, что значило для Павла это Событие. До этого События Павел был знаком со всем тем, что принадлежало древнееврейскому тайному учению. Что же знал Павел? Из своего тайного древнего еврейского учения Павел знал, что одна индивидуальность спустится однажды на Землю, и для человечества она будет тем, кто победит смерть. Он знал: однажды явится во плоти одна индивидуальность и всей своей жизнью покажет, что дух живёт после смерти так, что именно для этой индивидуальности в её земной инкарнации смерть означает не что-либо иное, нежели другое физическое событие. Это он знал. Но он знал из своего древнееврейского тайного учения ещё нечто другое. Он знал, что когда Христос, К-рый должен прийти как Мессия, явившийся во плоти, когда Он воскреснет, так сказать, победит смерть, тогда духовная сфера Земли изменится, тогда также ясновидение претерпит изменение. В то время как раньше ясновидящий не видел Сущность Христа в духовной атмосфере Земли, он мог видеть её, только взирая к Духу Солнца, теперь же, — это знал Павел, — благодаря Импульсу Христа должно было наступить для бытия Земли то изменение, что теперь, после победы над смертью ясновидящее сознание сможет находить Христа *в сфере Земли*. Если, следовательно, человек становится ясновидящим, то он должен

⁴⁸ Р.Штайнер «Событие явления Христа в эфирном мире» (16 лекций, прочитанных между 25.01. и 15.05.1910г. в разных городах), «Ключи» — СПб-2016г.

увидеть Христа в сфере Земли как действующего Духа Земли. Но в чём Павел, ещё будучи Савлом, не мог быть убеждён, так это в том, что Тот, Кто жил в Палестине, умер на кресте и о Ком Его ученики говорили, что Он воскрес, действительно, был Тем, о К-ром говорило древнееврейское тайное учение.

Это очень важно, что Павел не был убеждён тем, что он физически видел из того, о чём рассказано в Евангелиях. В том, что Христос был предсказанным Мессией, он начинает убеждаться тогда, когда именно для него засиял этот отброшенный вперёд свет, когда по милости свыше он стал ясновидящим и открыл присутствие Христа в сфере Земли. «Так, значит, Он уже пришёл, Он уже воскрес», — должен был сказать он себе. Ясновидчески узрев Христа в духовной сфере Земли, Павел знал: «Теперь Он здесь». С этого момента в нём возникло убеждение в Христе Иисусе. Значит, основным событием было то, что в Событии Дамаска он ясновидчески открыл Христа Иисуса в сфере Земли. Стало быть, если бы, например, Павел не мог слышать рассказы о деяниях Христа Иисуса в Палестине, если бы он по личному опыту не мог слышать Евангелия, но если бы он жил намного позже, то могло бы случиться, что он пережил бы это явление Христа в Событии в Дамаске позже, но и тогда бы он пришёл к тому же убеждению. Это Событие открыло ему факт: Христос уже был здесь! И Тот, Кто открывается теперь в земной сфере, это Тот же, о К-ром говорит тайное древнееврейское учение! Это Событие Христа не связано с определённым моментом времени. Оно только очень быстро последовало для Павла [после Мистерии Голгофы], чтобы через Павла христианство могло пойти своим путём.

Но, конечно, развитие человечества в то время, когда действовала Кали-юга, — до 1899г., — ещё не было таким, чтобы человек так просто мог пережить то же, что Павел. Для этого человеческие способности ещё не созрели. Поэтому он пережил это один как милость. И затем подобные события пережили ещё другие только как милость. Но мы находимся теперь в той эпохе, когда должен осуществиться могучий переворот, когда разовьются первые зачатки естественного ясновидения. Мы вступаем в эпоху Авраама, мы будем выведены в духовный мир. Этим даётся возможность того, чтобы некоторое число людей, а затем всё большее и большее число их, в ближайшие 2500 лет пережили Событие Дамаска. Это и будет именно тем великим и мощным содержанием следующей эпохи, что Событие при Дамаске оживёт для многих людей, что для тех способностей, о к-рых только что говорилось, что они появятся, что станет воспринимаемым, что станет светить находящийся в духовной сфере Земли Христос. Став способными видеть эфирное тело, люди смогут видеть эфирное Тело Христа, как его видел Павел. Это и есть то, что характерно для начинающейся новой эпохи и что с такими способностями обнаружится у первых предвестников из людей уже между 1930 и 1940 — 45гг. Если люди будут внимательными, они переживут это Событие Дамаска и вместе с тем благодаря непосредственному духовному видению со всей ясностью и истиной переживут Событие Христа...» («Новое явление Христа в эфирном мире», л. от 6.03.1910г., с.131-34)

«...В определённом смысле Павел был посвящённым уже до События перед Дамаском. Но это было составное Событие, объединяющее древнееврейский и греческий принципы. Он был посвящённым только до такой степени, где он ещё знал, что те, кто путём инициации связали себя с духовным миром, в своём эфирном теле становятся независимыми от физического тела и определённым образом могут в этом своём чистейшем облике эфирного тела являться тем, кто способен их воспринять. Если бы Павел увидел только лишь явление чистого эфирного тела, независимого от тела физического, то он бы высказался иначе. Он бы сказал, что ему явился некто, кто был посвящён и кто продолжает жить дальше в земном развитии независимо от физического тела. Но это и не удивило бы его особенно. Этим, значит, не могло быть пережитое им около Дамаска.

Но пережитое им было то, о чём он знал, что пережить это возможно лишь тогда, когда «исполнились Писания»: что некогда в духовной атмосфере Земли появится совершенный Фантом, поднявшееся из гроба — как сверхчувственный облик — человеческое тело. И он это увидел! Это и было то, что явилось ему под Дамаском и что убедило его: Он был! Он воскрес! Ибо здесь то, что может исходить только от Него: здесь Фантом, к-рый может быть видим всем людским индивидуальностям, ищущим связи со Христом! Это было то, что смогло его убедить: что Христос здесь уже был, а не то, что Он ещё только должен будет прийти; что Он действительно был в физическом теле и что это физическое тело спасло сущностную первичную форму физического тела на благо всем людям!..» («От Иисуса ко Христу», цикл из 10-и лекций, прочитанных в Карлсруэ с 4.10. по 14.10.1911г., л. 8 от 12.10., S.188/89)

ИЗАТ, ЕЛЕНА И МОНОБАЗ АДИАБЕНСКИЕ

Теперь пришло время рассказать историю обращения в иудаизм не раз мельком упоминавшейся нами в предыдущих книгах царицы Елены Адиабенской, её сына, царя Изата II, и др. представителей адиабенского правящего дома. Поскольку, если, с одной стороны, этот (лавиравший между Римом и Парфией парфянский вассал) Изат воцарился в 34г. н.э., что нам сейчас предстоит обосновать и что непосредственно относится к нашему хроноповествованию, то, со стороны другой, его прозелитизм хроновзаимосвязывается с вполне возможным христианским неопитством крестившегося в том же 34г. соседнего ему венценосного прозелита, а именно — царствовавшего к западу от Адиабены, в (пограничной между Римом и Парфией) Осроэне, (ориентированного — то проримски, то пропарфянски) Абгара V Эдесского (4г. до н.э. — 50г. н.э.; с перерывом в ок. 7 — 13гг.).

Впрочем, если даты Изатова царствования и прозелитизации спорны в пределах (флавиевского интервала) 30-х — 60-го гг. н.э., то связь между евреизацией-иудаизацией Изата, равно Елены, и поэтапными-поочерёдными прозелитизацией-христианизацией Абгара является исключительно нашей версией, сообразно чему, она нуждается в доказательном представлении.

Адиабена — античное гос-во со столицей в Арбеле (Эрбиль), между Верхним и Нижним Забом, в верхнем течении Тигра, между Осроэной и Атропатеной, на очаговых землях когдатойшней Ассирии, с остаточным семитско-(ас)сирийским (плюс — арабским и еврейским) населением (к-рую римляне, коротко аннексировав её в 115 — 17гг., при Траяне, завоевания к-рого сдал Адриан, сделали провинцией под названием «Ассирия»).

По Плинию, — «земля за Арменией — Адиабена, прежде называвшаяся Ассирией» (5,66), к к-рой Аммиан Марцеллин (18,8; 23,6,20) расширительно присовокупляет ещё Ниневию, Эжбатану и Гавгамелу. После падения в конце VIв. до н.э. Ассирии, — входила в состав Вавилонского царства, затем — Ахеменидской империи (VI — IVвв.), потом — гос-ва Селевкидов (IV — IIIвв.), потом — Парфии (II/Iвв.), была (80-е — 60-е гг. в. до н.э.) в подчинении у Тиграна Армянского (95 — 56гг.), и, наконец, с поражением, к-рое нанёс ему (69 — 66гг.) вышедший на державно-водораздельный Евфрат и присредиземноморский Ближний Восток (66 — 63гг.) Рим (Помпей), снова попала в заевфратскую вассальную зависимость от Парфянского Ирана.

Но Парфянский Иран (центр равновесия Запада и Востока на оси северной части Восточного полушария Земли от Атлантического до Тихого океана) был в основном (большую часть своей ок. 480-летней, по обе стороны эр, с 40-х гг. IIIв. до н.э. по 20-е гг. IIIв. н.э.) истории слабоцентрализованным или нередко вовсе децентрализованным-центробежным гос-вом, никогда не являясь центростреми-

тельной Империей, и тем резко отличаясь как от Imperium Romanum, так и от Ханьского Китая.

Однако, вместе с тем, Парфия во главе Ирана продолжала оставаться *иранским львом* между дошедшей до пограничного, согласно Помпею и Августу, Евфрата *римской волчицей* и временами выдавливавшимся Китаем на запад серым *туранским волком*, к-рый периодически атаковал Иран (символическая *тройственная* граница к-рого с Тураном — туркмено-хорасанский хребет Копетдаг, Амударья и Сырдарья) с востока и северо-востока, из пределов Великой степи. И эта слабая централизация Парфии, под властью царя царей, семи знатнейших парфянских родов и прочих парфянских баронов, делала (конфедеративных) парфянских вассалов куда более самостоятельными, нежели вассалы римские (или ещё более зависимые от суровейшего централизма — вассалы китайские).

Причём относительно Ив. н.э. достаточно вспомнить широкую еврейскую автономию в подпарфянской Вавилонии, под руководством братьев-разбойников Асиenea и Анилея, просуществовавшую с 18/19 по 33/34гг., с отравлением в 33г. благополучно проправившего 15 лет Асиenea и с победой в 34г. парфянского сатрапа Митридата над Анилеем (Д.И. 799-807), после чего множество иудеев ушли в 34/35гг. из Вавилонии в Селевкию (Д.И. 806), тогда как многие наверняка подались в соседнюю Адиабену, где иудаизм сделался в Ив. н.э. весьма популярным.

Как видим, не только греко-римская (эллинистическая) Ойкумена переживала в тот период острый кризис старых богов, переставших отвечать духовным потребностям людей, что, в той или иной мере, распространялось на весь остальной мир, в пределах обоих полушарий Земли. В том числе на мир, будь то семитский или иранский, к востоку от державно-порубежного Евфрата, равно — к востоку и к югу от буферной между Римом и Ираном, но подвассальной Риму Армении, чем и были обусловлены успехи еврейской религии Единого Бога, к-рые лучисто шли с сиро-палестинского юга на все стороны света по восходящей. Шли до тех пор, когда инициативу у иудаизма (разгромленного римлянами в Палестине в 70 — 135гг.) перехватило в течение первых веков н.э. более гибкое, благодаря его (отменившей, в частности, обязательность обрезания) ойкуменизации Апостолом Павлом, и более привлекательное (своим развёрнутым в мир михаэлическим космополитизмом) для язычников (павлианское) христианство.

Итак, В I/Ивв. Адиабеной управляли собственные правители, в большей или меньшей мере-степени, подотчётные Ирану. Так, с ок. второй половины 30-х гг. Ив. до н.э. по первую половину 30-х гг. Ив. н.э. там долго-счастливо царствовал Монобаз, известный также, согласно Флавию (И.д. 20,2,1), под именем Базея, к-рый влюбился в свою сестру Елену и стал жить с ней (= взял в жёны), в чём, по брачно-эндогамическим античным (или — по иранским) нормам-меркам, не было ничего предосудительного.

Лубочно-подробно-агадически идеализирующий всю еврейско-адиабенскую эпопею Ив. н.э. (в определённом хроноинтервале, но без хронопрецизации и без соблюдения строгой хронопоследовательности) Флавий рассказывает о сопровождавшейся чудесными предзнаменованиями беременности Елены, во время к-рой спящий царь-супруг непроизвольно прикоснувшись к её животу, услышал голос о предстоящем рождении необычного дитяти, на ком, когда он родился, родители сосредоточили всю свою любовь.

Притом мы предложим следующую прецизированную дату рождения Изата — 2/3гг. н.э. (а не приблизительный рубеж эр и не ок. 1/1гг., как принято в новейших источниках-энциклопедиях), ибо ниже, в некрологе от Флавия (20,4,3), Изату предоставляется 55 лет жизни, с кончиной на 24-м году правления, к-рый упирается в 57/58гг., при наличии твёрдо-опорной даты начала изатовского

правления именно в подлежащем, как сказано, убедительному обоснованию 34-м г. н.э. Впрочем, обо всём по порядку.

У полигамного Монобаза были и другие дети, сыновья и дочери, старше и младше Изата, — как от (любимой жены) Елены, так и от прочих жён (с наложницами). Видя зависть братьев к привилегированному чаду-чуду-ребёнку, отец отправил его к Авеннеригу (Абиннериг), царю Спасихараксы, под к-рой Флавий разумеет столицу Харакены (20,2,2) — арабского вассалитета Парфии в нижнем течении Тигра, с выходом в междуреченском устье к Персидскому заливу.

Харакена (Плиний 6,136; Птолемей 6,3,3), через к-рую осуществлялась региональная торговля с Южной Аравией и Индией, просуществовала с ок. 130г. до н.э. по 222г. н.э., т.е. до её ликвидации ликвидатором Парфянского Ирана Арташиром Папаканом из семени Сасана — основателем в середине 20-х гг. Шв. н.э. централистно-империалистического, в отличие от Ирана Аршакидско-Парфянского, Ирана Персидско-Сасанидского.

И здесь уместно снова напомнить читателю, что этот Сасанидский Иран = Персида максимально выбросил уникальнейший-ценнейший парфянский интервал иранской истории за борт, перекинув от себя мост непосредственно к до-греко-македонским Персидским Ахеменидам, наследниками и продолжателями былой великоиранской = великоперсидской славы к-рых, с национал-империалистическим упором на Персию/Фарс и на интолерантный, не в пример ахеменидскому или парфянскому, зороастризм в качестве гос. идеологии, Сасаниды объявили-провозгласили себя, что они на протяжении свыше 4-х столетий своего державного господства в Иране постоянно манифестировали.⁴⁹

Авеннериг принял Монобазова сына очень милостиво, полюбил, выдал за него замуж свою дочь Симахо и подарил молодожёным доходную область. Неполный список правителей Харакены, о к-рой очень мало сведений, восстанавливается гипотетически, по их дошедшим до нас монетам с эрой Селекидов и по нескольким обрывочно-обломочным эпиграфическим надписям. От идентичного называемому Флавием Абиннерига сохранились монеты с 321-м и 333-м гг. селевкидской эры, дающие, соответственно, 9/10 и 21/22гг. н.э. К тому же, его предшественник Аттамбел II правил по ок. 5/6гг. н.э., а преемник Аттамбел III монетно зафиксирован не ранее второй половины 30-х гг. IV в. н.э. Т.е. Абиннериг властвовал (RE 3,2,

⁴⁹ И этот декадентный сасанидский зороастризм, с опорой на Люцифера (Ормузда) против Аримана (Аһримана), т.е. с опорой (по сути) на *Дьявола* против *Сатаны* (в эпоху, когда Мистерия Голгофы свершилась и солярный Ормузд воплотился во Христе-Солнце, К-рого ослеплённый старым зороастрийским *солнцем* Иран не увидел), настолько за 4 столетия исчерпал себя, настолько подорвал Иран изнутри, что в VII в. н.э. Сасанидская Персия пала под ударами аравитян с юга, как колосс на глиняных ногах, в то время как христианская Византия, потеряв Египет и Ближний Восток, мощнейший натиск остановленного на восточных границах Малой Азии халифатского арабизма, всё-таки, отразила. А напару с Испанией на западе, византийцы (плюс — покорённые исламом, но устоявшие против исламизации христианские Армения, Грузия, Албания), как и испанцы (почти 8 столетий героической испанской Реконкисты!), предотвратили превращение вытянувшегося из очаговой Аравии (на запад — до Пиренеев, и на восток — до границ Индии с Китаем) серпастого шлакового полумесяца в бессолнечную Луну, к-рая угрожающе зависла как над центром мира — христианской Европой, так и над всей мировой цивилизацией!

И, к слову, смену в Шв. н.э. Парфянского Ирана Сасанидской Персидой можно (в чём-то) сравнить со сменой в XV в. Византии Османской империей. Причём у европейского Запада были с XV в. и позднее все основания пожалеть о Византии, с к-рой Запад упорно боролся (разорительно взяв, в частности, в 1204г. Константинополь и нанеся византийцам удар, от к-рого они больше, по-настоящему, уже не оправались), так же, как у Рима появились с Шв. н.э. все основания пожалеть о Парфии, поскольку Сасанидский Иран стал для них куда более грозным и непримиримым врагом, нежели Иран Парфянский.

Charakene, S.2116-19) с минимум 9/10-го по минимум 21/22гг. (учитывая короткий перерыв ок. 18/19гг., когда трон занимал некий Оробаз), и, стало быть, очень даже мог выдать свою дочь замуж за родившегося оптимально во 2г. н.э. Изата Адиабенского ок. 20г. н.э.

Далее, где-то ок. 30г. н.э., всё ещё обретавшийся в Харакене Изат, под миссионерским влиянием иудейского купца Анании, кто, сообразно Флавию (20,2,4), познакомил с иудаизмом жён (покойного) Абиннерига, (тоже) приобщился к иудейской религии и, насколько выводится из Флавия, стал «прозелитом врат» = не сделавшим обрезание приверженцем иудаизма в ранге-статусе прозелита 2-й степени-категории (см. выше). Тем временем, и находившаяся в Адиабене его мать Елена, к-рую, как говорит Флавий, просветил другой иудей, приняла иудаизм.

Отсюда надо возвратиться к 3-у абзацу 2-й гл. 20-й книги «И.д.», где царь Монобаз, состарившись, посылает за престолонаследным Изатом, сердечно приветствует его по прибытии (в сопровождении, по просьбе Изата, иудея Анании), надо полагать, в 33г. н.э.; и даёт ему в управление (до своей кончины) месопотамские Карры = Харран, древний город и область, связанные как с (мета)историей патриарха Авраама, так и с сокрушительным поражением при Каррах М.Красса от парфян в 53г. до н.э.

Некоторое время спустя старый адиабенский царь, супруг Елены, умер и она выступила перед гос. советом с заявлением о праве, по царской воле, на престол их с Монобазом (не старшего) сына Изата. Знать согласилась и предложила ей (не необычную для Востока) превентивную меру: умертвить всех прочих братьев легитимного наследника, во избежание гражданской распри.

Елена поблагодарила высших сановников за преданность, но приверженная религии Бога Единого, воздержалась от реализации смертоубийственного предложения, согласившись подвергнуть Изатовых братьев, до его приезда в столичную Арбелу из Карр, тюремному заключению. Пусть, мол, принимает царское решение сам. После этого она назначила временно исполняющим обязанности царя своего старшего сына (одноимённого отцу) Монобаза, велел ему управлять гос-вом до прибытия брата, кто вскоре явился, без проблем принял монаршую диадему и благополучно взшёл на престол (И.д. 20,2,3).

Примечательно, что и он, на чём Флавий делает упор, («прозелит врат») не только отказался от безбожного братоубийства, а и не пожелал держать родных и сводных братьев (из-за зависти к-рых отец некогда услал его из страны) в темнице. Правда, «с др. стороны, — как пишет Флавий, — не считая безопасным держать их при себе, когда они могли быть злопамятны, он отправил часть их вместе с их семьями в Рим к императору Клавдию, а прочих послал в качестве заложников к парфянскому царю Артабану» (И.д. 20,2,4).⁵⁰ Столько из Флавия.

* * *

Вот откуда мы можем извлечь важное хроносвидетельство и получить, в рамках общей хронореконструкции, твёрдую точку опоры, но, как сказано, не без необходимой корректуры. Дело в том, что правивший после убийства Калигулы 24.01.41г., т.е. с январского начала 41г., Клавдий и умерший — самое позднее — в 40г. (хотя

⁵⁰ В 7г. до н.э. парфянский царь Фраат IV (37-2гг. до н.э.), по совету своей любимой жены (давешней наложницы) Формузы (италийская красавица-рабыня, подаренная Фраату в 20г. Августом), решив оставить единственным наследником престола сына от неё — Фраатака, отправил 4-х др. сыновей, с их жёнами и детьми, к очень чтимому им Августу в Рим (Р.л. 586-88).

многие неверно предпочитают даже 38г.) Артабан III, первый представитель младших Аршакидов на ирано-парфянском престоле (с ок. 12г. н.э.), тронно-хронологически не пересекаются, ибо Артабан успел умереть до начала принципата Клавдия.

Поэтому ново-новейшие авторы, либо констатируют тут у Флавия ошибку, либо неубедительно-анекдотично «вынуждают» воцарившегося ок. середины 30-х гг. н.э. Изата отсылать братьев к Артабану и Клавдию в разное время, к первому, дескать, во второй половине 30-х, ко второму – в первой половине 40-х гг., что, извините-согласитесь, не лезет ни в какие ворота и серьёзному обсуждению не подлежит. Аналогично не следует энциклопедически «воцарять» Изата приблизительно ок. 36г., с целью упереть его ок. 24-летнее царствование в округлённое время приблизительно ок. 60г. н.э.

Всмотримся зорче. Флавиевская речь в отношении Клавдия (ну никак!) не может идти о Клавдии – кесаре с 41г. н.э. Значит, она идёт-ведётся о ком-то другом, ошибочно названном Флавием, или, скорее, источником Флавия Клавдием. О ком же? Выбор невелик, поскольку предшественник Клавдия Калигула Клавдием никогда и ни под каким соусом не звался. Иное дело – Тиберий, к-рый до престолонаследного усыновления его в 4г. н.э. Августом (по смерти августейших внуков – Луция – 2г. н.э., и Гая – 4г. н.э.) (Р.л. 1147/48) и становления (по переходе из gens Claudia в gens Julia) Тиберием (Юлием) Цезарем (Августом – с 14г.) звался не иначе как Тиберий (преномен = личное имя) Клавдий (жентильный номен = фамилия) Нерон (когномен = фамильное прозвище).

Т.е., до 4г. н.э. Тиберий, кесарь в 14 – 37гг. (племянником к-рого = сыном его умершего в 9г. до н.э. мл. брата Друза был мл. брат отца Калигулы, Германика, – кесарь Клавдий) (Р.л. 1391/92), чаще всего звался (по фамилии) именно Клавдием⁵¹, из-за чего анахронистическая ошибка пост-наименования его, приложительно к 30-м гг. н.э., прежним-доадопционным фамильным именем Клавдий могла быть информатором Флавия, кто не однажды заимствует ошибочную информацию, допу-

⁵¹ Апокрифическое «Послание Пилата Тиберию», или «Клавдию», с рассказом-донесением о Распятии Иисуса, сохранилось в нескольких вариантах, восходя к упоминанию о наличии такого «Послания» уже во Пв у Иустина (Ап.1,35 – без указания имени кесаря), во П/Швв. у Тертуллиана (Ап.5,21), в П/Швв. у Евсевия («И.ц.» 2,2,1), в IV/Vвв. в (использовавшем «Акты Пилата» – П/Швв.) «Евангелии от Никодима» (27). И в данной связи важно учесть, что смещённый со своего поста Вителлием в 36г. н.э. и отправленный держать ответ перед Тиберием Пилат (устроивший бойню пожаловавшихся на него самарян в 35г.) прибыл в Италию весной 37г., когда Тиберия уже не было в живых, был сослан Калигулой в Галлию и там, по всей видимости, наложил на себя руки в 39г. (Д.И. 1222-43) (см. ниже). Стало быть, он никоим образом не был прокуратором-префектом Иудеи при Клавдии, более того, ушёл из жизни до прихода Клавдия (после гибели Калигулы в 41г.) к власти. Следовательно, Пилат никак не мог докладывать о деле Иисуса кесарю Клавдию. Но он мог доложить и, не приходясь сомневаться, доложил о непростом деле Иисуса из Назарета кесарю Тиберию, к-рый, о чём мы знаем, звался до 4г. н.э. Тиберий *Клавдий* Нерон.

С др. стороны, авторы позднейших христианских апокрифов, разумеется, могли безграмотно переносить казнь Иисуса на время правления Клавдия, т.к., например, пасхальный калькулятор начала Vв. н.э. монах Анниан, чтобы непременно заполучить в качестве даты Воскресения Христова воскресный день 25.03., поместил-переместил Мистерию Голгофы в 23-25.03.42г. н.э., когда в Риме правил (уже не Тиберий и даже не Калигула, но) Клавдий. Однако инсинуации калькуляторов IV/Vвв. не означают, что апокрифы П/Швв. разумели или обязательно разумели под верховным, по имени Клавдий, адресатом Пилата кесаря Клавдия. Нет, куда скорее, они анахронистически разумели под Клавдием именно Тиберия. И в пользу этого решения проблемного вопроса говорит, в частности, то, что «Послание» адресовалось именно Клавдию, а (почему-то) не предшествовавшему Клавдию преемнику Тиберия кесарю Калигуле, к-рый правил во время (37-41гг.) между некогда звавшимся Клавдием кесарем Тиберием (14-37гг.) и кесарем Клавдием (41-54гг.).

щена вполне. Соответственно, перед нами понятная анахронистическая взаимонакладка Тиберия *Клавдия* Нерона на *Клавдия* Германика!

Одновременно, всё сказанное не означает, что данную информацию, из-за её в наличном виде ошибочности, нельзя использовать. Напротив, её можно и нужно продуктивно задействовать, предварительно исправив-откорректировав. Засим под Клавдием в «И.д.» 20,2,4, к к-рому Изат Адиабенский отправил, воцарившись, часть своих братьев, отправив др. часть к Артабану Парфянскому, надо понимать именно и безальтернативно кесаря Тиберия (больше некого!), к-рый с царём царей Артабаном очень даже (на протяжении большей частью параллельного царствования их обоих) хронопересекается.

Далее, (гуманное) отправление Изатом своих братьев, частично – к своему суверену – Артабану, и частично – к повелителю другой (притязавшей на статус мирового лидера и мирового арбитра № 1) соседней сверхдержавы – Тиберию, подразумевает на момент этого отправления, если не тесно дружественные, то, во всяком случае, мирно-коэзистенциальные взаимоотношения между Римом и Парфией.

А таковые установились с 18г. н.э., когда Германик возвёл на армянский престол Зенона-Арташеса (сына Полемона Понтийского от Пифодориды) и заключил мир с признавшим Арташесову интронизацию Артабаном (нуждавшимся в мире с Римом на западе для укрепления своей власти внутри страны и для замирения северо-восточных окраин), продлившись до 34г. н.э. Ибо в 34г., вероятно, во второй половине оно, Арташес Армянский скончался, после чего междержавные отношения обострились, так как порядком усилившийся за прошедшее время Артабан (адепт великоиранского возрождения) пожелал вернуть пограничную Армению в великоиранскую орбиту, и в 35г. посадил на армянский престол своего сына (см. ниже).

Причём вплоть до 37г., когда сирийский легат Вителлий уже при Калигуле вторично встретился (первая встреча – 36г., при Тиберии) с Артабаном и конфликт был урегулирован, отношения Рима и Ирана оставались, либо на грани войны враждебными, либо очень напряжёнными. Т.е. в 34/35 – 37гг., до кончины Тиберия, Изат не мог одновременно отправить своих братьев к римскому и иранскому владыкам, что, повторим, требует на момент подобного отправления доброго мира между Римом и Ираном. Посему, это произошло до ухудшения междержавных отношений = до смерти Арташеса Армянского во второй половине или ближе к концу 34г. = это произошло не позднее (и не ранее) первой половины или середины 34г. н.э., когда Изату Адиабенскому и довелось взойти на царский трон в Арбеле.

Затем Флавий повествует (И.д. 20,2,4/5) о переходе Изата из «прозелитов врат» (2-я категория) в «прозелиты праведности» (1-я категория) посредством принятия обрезания и прочих положений Моисеевой религии. Притом это случилось не сразу, ибо и его мать Елена, и обративший его в «прозелиты врат» ещё в Харакене, ныне находившийся при нём иудей Анания, по почину Елены, Изатову намерению противились: Елена опасалась, что принятие сыном обрезания = полноценного иудаизма приведёт к бунту против него адиабенцев.⁵²

И дело затянулось до приезда в Арбелу некоего галилейского иудея-миссионера Елеазара, к-рый, застав необрезанного Изата за чтением Моисеева закона, воскликнул: «О царь, ты не исполняешь главного закона и этим грешишь против Господа Бога. Тебе следует не только читать эти законы, но раньше всего исполнять их. Доколе же ты хочешь оставаться необрезанным?...»

⁵² В 9/8гг. до н.э. набатейский везир Силлей сватался к сестре Ирода Саломии и вынужденно отказался от брака, поскольку в качестве условия от него потребовали обрезания; он же сказал, что, в сём случае, (язычники) арабы побьют его камнями (Р.л. 557-60).

Вняв Елезарову слову, Изат решил не медлить и, идя навстречу собственному пожеланию, обрезался, сделавшись с этого времени полноценным прозелитом 1-й категории. Когда? Видимо, не раньше 36г. н.э., поскольку, скажем снова, дело, в согласии с рассказом Флавия, разрешилось далеко не в одночасье. Между тем, опасения Елены насчёт возможного бунта оказались напрасными: принятие Изатом (и в полной мере, вскоре, вслед за ним, ею самой) «чужеземного обычая» бунтом знати или простонародья не обернулось.

По прошествии ещё определённого отрезка времени, в реальности спустя 7 (назиреатских) лет от полномасштабной иудаизации (своей и) Изата (см. ниже), благочестивая-богобоязненная (всё больше проникавшаяся иудаизмом) Елена решила отправиться для поклонения Предвечному в Иерусалим (И.д. 20,2,6), что, в свою очередь, обернулось её 14-летним (43 – 57гг.) пребыванием в Св. Земле (см. ниже). Стартовало же оно не ранее и не позднее 43г. н.э., когда, а именно в 43/44г. в Иерусалиме свирепствовал голод, бывший-разразившийся в имперских масштабах, в т.ч., в Палестине, при кесаре Клавдии, как свидетельствуют, приложительно к 42/43/44гг., Деяния Апостолов (11,28-30; 12,25), Дион Кассий (60,11) и «Хроника» Евсевия («Versio Armenia»; Иероним) (см. ниже).

При всём том, если (минимум) Рим/Италия страдали от голода в 42/43гг., то (минимум) Сирия и Палестина – в 43/44гг., кстати, по яркой (в смысле последовательности) аналогии с римским острым продовольственным кризисом 23/22гг. и с голодом в царстве Ирода – в 22/21гг. до н.э. (Р.л. 314/15; 319-23; Т.Г. 1042-45). Мало того, если армянский перевод евсевиянской «Хроники» (Arm. Karst, S.214/15) говорит не об одном голоде при Клавдии (первый – по предсказанию Агава в Д.Ап.11,28) как в первой, так и во второй половине 40-х гг. – во 2/3-м и в 8-10-м гг. Клавдия = 42/43 и 48 – 50гг., то у Иеронима – один голод – в 4-м году Клавдия = 44г. (S.153).

Сходно армянско-евсевиянской «Хронике», и (не уточняющий хронологию) Флавий (20,2,6) говорит как об иерусалимском голоде первой половины 40-х гг. (43/44гг.), в пору прибытия в Иерусалим Елены Адиабенской (43г.), так и о голоде второй половины 40-х гг. (20,5,2), в пору наместничества в Иудее Тиберия Александра (46 – 48гг.), т.е. оптимально в 47/48гг. Хотя он же (Флавий) грубо ошибочно сводит эти два разновременных голода в один, относя помощь, оказанную иерусалимлянам Еленой (закупкой продовольствия и деньгами)⁵³, с указанием на голод при Тиберии Александре, ко второму из них (20,5,2), тогда как речь в 20,2,6, несомненно, идёт о голоде первом.

Разумеется, Елена помогла иерусалимлянам (обретаясь с 43г. в Иерусалиме) оба раза, и в 43/44гг., и позднее, при Тиберии Александре, но негоже (столь близорукповерхностно) превращать два в одно. А то, что Флавием неправоммерно делается именно это, ясно следует из его собственных (упростительно сводящих двоицу к единице) слов (см. ср. 20,2,6 и 20,5,2).

То-то, если наместничавший в Иудее в 46 – 48гг. Тиберий Александр (племянник Филона) хрономаркирует голоду второй половины 40-х гг., то у христианского автора Ув. Павла Орозия (7,6,12) сказано про «тяжелейший голод в Сирии в 4-й год правления Клавдия (= 44г.), что и предсказывали пророки» (Д.Ап.11,28), и когда «Елена, царица Адиабены, обратившаяся в веру Христову, весьма щедро снабдила привезённым из Египта хлебом терпевших нужду христиан Иерусалима».

⁵³ По Флавию (И.д.20,2,6), Елена послала из Иерусалима часть своих свитских с крупной суммой денег в житничную Александрию – для закупки хлеба, и часть на Кипр – для закупки фиников. Узнав о голоде, Изат также переслал из Адиабены значительные денежные суммы иерусалимским начальникам.

Конечно, Елена обратилась не в приписанную ей (чего, к слову, живший за век до Орозия Евсевий не делает) христианским преданием-байкой веру Христову (к-рая, впрочем, была, повторяем, в Ив. н.э. для евреев и в первые века христианства для язычников одной из сектантских разновидностей иудейства), но именно в иудаизм (рассказ о чём современника событий Флавия куда достовернее переверирующего факты церковно-христианского предания).

Тем не менее, «голодная» хронология Орозия, применительно ко времени прибытия Елены в Иерусалим годом раньше и оказания ею щедрой помощи иудеям в 43/44г., правильна-верна. Более того, этот 4-й (голодный) клавдианский год, когда иерусалимским собратьям доставили в 44г. денежную помощь из Антиохии специально уполномоченные на то антиохийскими христианами Варнава и Савл (Д.Ап.11,30; 12,25)⁵⁴, безупречно синхронизируется с 11-м годом Изата Адиабенского, к-рый воцарился в 34г. н.э., вернее, по всему, весной 34г. (отчего с начала нисановской весны 44г. шёл как раз 11-й год его правления).

* * *

Итак, Артабан дважды встречался с Вителлием, один раз – ещё при Тиберии – в 36г., когда встречу обслуживал на Евфрате Ирод Антипа, и второй раз – уже при Калигуле – в 37г (Р.л. 889; Д.И. 805), чего наука не признаёт, опять-таки, упрощительно сводя двоицу к единице (dua к mono),⁵⁵ и о чём мы подробно будем беседовать под римско-анналистическими 36 и 37гг. ниже. Ныне же – анонсивно коротко, с отсылкой читателя, в частности, к «Дороге на Иордан» (799-807).

Как читатель помнит, назначенный Тиберием в 32г. легат Сирии Помпоний Флакк умер не позднее начала 34г., но с новым назначением медлительный старый Тиберий снова медлил-тянул, пока во второй половине 34г. не умер Арташес Армянский, после чего Артабан запритязал на Армению, где у парфян всегда было, как среди знати, так и среди народа, много симпатизантов-приверженцев. И считая презираемого им (престарелого каприйского развратника) Тиберия не способным к эффективному противодействию, парфянский царь царей посадил в 35г. на армянский престол своего старшего сына Арс(ш)ака (Тацит «Ан.» 6,31) (Д.И. 803/04).

В сложившихся обстоятельствах растущей экспансивной активности Артабана Тиберий снарядил в Сирию, с широкими регионально-экстраординарными (по типу предоставленных Августом в 4 – 7гг. П.С.Квиринию) полномочиями, консула-орд. 34г. Л.Вителлия, одновременно снарядив на иранский трон (в пику Артабану) обретавшегося в Риме с 7г. до н.э. пожилого кронпринца Фраата (сын Фраата IV) из числа старших Аршакидов, по смерти к-рого (от дряхлости) в Сирии, туда отправился с аналогичной противоартабановско-престольно-иранской целью, на сей раз, внук Фраата IV – Трдат/Тиридат (6,32).

Наряду с тем, решив действовать и по иранскому, и по армянскому направлению, Тиберий подстрекнул к вторжению в Армению с севера ивера Митридата, помилив его со старшим братом – царём Иверии Фарасманом – и обнадёжив

⁵⁴ В «И.Ц.» Евсевий, пишучи о времени проконсульства в Иудее первого, по смерти в 44г. Ирода Агриппы, римского префекта-прокуратора (предшественника Тиверия Александра) Куспия Фада (44-46гг.), и тоже сводя, точнее, не прецизируя дуализм, два голода (43/44 и 47/48гг.) в один, говорит: «В это время в Иудее случился великий голод, и царица Елена покупала в Египте за большие деньги зерно и раздавала его нуждающимся» (2,12,1).

⁵⁵ Увы, монотеистическое сознание даже в наше новоязыческое время крайне туго воспринимает-переваривает любой (чреватый усложнительными осложнениями-компликациями) дуализм!

первого проримскими видами на проримскую армянскую корону, к-рая, с концом династии Арташесидов в первом/втором десятилетиях н.э., оставалась бесхозной (Зенон-Арташес не оставил потомства).

По взятии иверами, Митридатом и Фарасманом, армянской столицы Арташата – 35г. – и, видимо, гибели Аршака Парфянского, Артабан послал в Армению своего другого сына – Орода, кто также потерпел поражение от иверов, ввиду чего царю царей пришлось выступить на помощь сыну во главе войска самолично (Ан. 6,33-36) (Д.И. 804/05). Вителлий же, дождавшись этого, двинул римско-сирийские легионы к Месопотамии, что усилило разброд среди парфян, где активно подстрекаемое римлянами недовольство Артабаном многократно усугубилось.

Вследствие римской интриги ему ничего не оставалось, как бежать на восток к скифам, а Вителлию – благословить на переправу через Евфрат находившегося в римском обозе Тиридата, к-рого многие парфяне, изрядно подустав от тирании Артабана, радостно приветствовали. Всё это происходило в 35 и 36гг. Однако, коронованный в 36г. в Ктесифоне Тиридат очень быстро вызвал резкое недовольство парфян своей римской статьёй и римским менталитетом, в связи с чем часть парфянской знати поспешила направить посланцев к беглому Артабану в Скифию. Последний, опираясь на скифов, вернулся, вынудив оказавшегося неспособным на действительное сопротивление Тиридата спешно бежать под защиту римлян за Евфрат – в Сирию (Ан. 6,44).

После этого, в патовой ситуации, Вителлий, выполняя распоряжение категорически не желавшего римско-парфянской войны, к-рой более не желал и Артабан, Тиберия, в первый раз договорился с Артабаном посредством личной встречи (при участии бывшего в свите Вителлия и пиршестввенно угостившего обе стороны Ирода Антипы) на евфратском острове, или на мосту из примкнутых друг к другу речных судов.

По договору, в династически сирой Армении тронно утвердился римский ставленник Митридат Иверский, сообразно чему, был восстановлен нарушенный в 34/35гг., по инициативе Артабана, к-рый теперь (36г.), согласно Флавию, «послал Тиберию в качестве заложника своего сына Дария⁵⁶ и отправил императору богатые дары» (И.д. 18,4,5), статус-кво. Иначе говоря, – междержавный паритет, обусловленный буферностью проримских Армении и Осроэны, плюс – отныне втянутая на южно-кавказском севере в более близкую проримскую орбиту (усилившаяся) Иверия.

Т.е. Артабан напрасно осложнил в 34/35гг. римско-парфянские отношения, не имея ресурса для действительного противостояния и действительной экспансии, из-за чего едва не лишился, спасённый, во многом, ничтожеством Тиридата, престола царя царей насовсем, и потому с готовностью принял римские предложения мира. Но в 37г., по смерти Тиберия, Калигула, при не до конца ясных обстоятельствах, заключил (Дион 60,8,1) Митридата Иверского (вызванного им в Рим? или на востоке, с последующей доставкой в Рим?) в оковы (из к-рых его освободит только в 41г., снова направив в Армению, Клавдий). И, заключив через Вителлия новый мир с Артабаном неизвестно на каких именно условиях, во всему, пошёл на некоторые уступки, в ответ на просьбу самого Артабана о дружбе и в ответ на воздание последним почестей римским орлам и изображениям Цезарей (Свет «Кал.» 14).

Во-первых, плохоадекватному Калигуле было свойственно многое делать как бы назло мёртвому Тиберию, погубителю его, если не отца Германика (что под вопросом), то при всех случаях, матери – Агриппины, и ст. братьев – Нерона с Друзом.

⁵⁶ Этот (малолетний) Дарий, к-рого Светоний (Кал.19) и Дион (59,17) называют «мальчиком», был в Риме ещё (согласно хронологии Диона) в 39г.

Во-вторых, Калигула имел обыкновение, делая ставку на систему вассалитетов, непомерно поощрять римских вассалов, к которым он благоволил. Например, передача Арету Nabateйскому Дамаска (см. выше и ниже); или восстановление упразднённого-провинциализированного Тиберием Коммагенского царства, с поставлением во главе этого реституированного царства Антиоха IV (38 – 72гг.). Или – всяческое поощрение близкого калигулианского друга Ирода Агриппы, освобождённого из тиберианского застенка и сделанного царём над тетрархиями умерших (36г.) Филиппа (Трахон) и Лисания, с дальнейшим, в 40г., присоединением к ним Галилеи и Перее – владений сосланного Калигулой (не без интриг Агриппы) Ирода Антипы.

Правда, с др. стороны, сначала обласканного Птолемея Мавританского тот же Калигула в 40г., чтобы завладеть его богатствами, казнил, да и Антиох Коммагенский попал со временем в калигулианскую опалу. Т.е. взбалмошный полубезумный тиран не всегда действовал адекватно-логично.

И в-третьих, или, может быть, в главных, Артабан Парфянский всегда манифестировал высокое почтение к отцу Калигулы Германику, в отличие от искренне презираемого им Тиберия⁵⁷, что не могло не импонировать Калигуле. Т.е. последний вполне мог, одновременно избегая какого-либо серьёзного конфликта на римско-парфянском Востоке, договориться с одновременно охотно пошедшим ему навстречу и даже проявившим инициативу Артабаном⁵⁸ по означенному сценарию.

Иначе говоря, в калигулианском интервале 37 – 41гг. геополитическая конфигурация на пограничном Востоке несколько изменилась, по добровольной (противотиберианской) инициативе бесноватого Калигулы, при сугубо внешнем торжестве Рима, фактически не в пользу Рима. Возымела место метаморфоза ставших реально нейтральными или даже частично пропарфянскими Армении (от которой, предположительно, отошли в сферу Ирана великодушно уступленные Калигулой Софена и Мигдония) и Осроэны = отодвижение сферы римского имперского влияния к западу. Выпущенному же из застенка в 41г. Митридату Иверскому удалось вернуть армянский трон, не без помощи царственного брата Фарасмана, лишь в 41/42г., при снова взявшем курс на восстановление прежнего статус-кво Клавдии (см. ниже).

И вот, как раз-таки, ко времени некоторого регионально-патового перевеса Артабана в отношении Армении и Осроэны, с 37г., относится рассказ Флавия о поощрительной передаче Артабаном Изату Адиабенскому отнятой у армянского царя области Нисибис. Последняя же, входя в данное время в состав Великой

⁵⁷ Повествуя о том, как мятущийся дух каприйского Тиберия жгли поношения со всех сторон и как, по-разному, он на них реагировал, Светоний пишет: «Даже Артабан, парфянский царь, позорил его в послании, где попрекал его убийствами близких и дальних, праздностью и развратом, и предлагал ему скорее утолить величайшую и справедливую ненависть сограждан добровольной смертью» (Тиб.66). По всей вероятности, Артабан отправил это послание, притязая на Армению и воспритязав на гораздо большее (как правопреемник Кира и Александра), в 35г. Парфяне чтити-уважали римских римлян типа Августа или Германика, но им не импонировал прикидывающийся (в их глазах) добродетельным римским принцепсом (такой же и одновременно не такой, как они, притом без права на это) восточный деспот Тиберий (о свирепой тирании и каприйских художествах к-рого Артабан, насколько выводится из сказанного, не ожидая от дряхлого тирана и развратника серьёзного отпора, был неплохо информирован).

⁵⁸ В «Жизнеописании Калигулы» Светоний о начальной поре его правления пишет: «Безграничную любовь граждан довершало замечательное расположение чужестранцев. Артабан, парфянский царь, к-рый всегда выражал ненависть и презрение к Тиберию, сам попросил теперь Гая о дружбе, вышел на переговоры с консулярским легатом и, перейдя через Евфрат, воздал почести римским орлам, значкам легионов и изображениям Цезарей» (14). См. ср. Дион (59,27,3).

Армении, или, менее вероятно, Осроэны, так или иначе, не могла бы быть отнята Артабаном ни у Армении, ни у Осроэны для передачи Изату, не будь Армения и Осроэна, в большей мере, в сфере влияния Ирана, нежели Рима, что произошло не ранее 37г.⁵⁹

Засим рассказ 3-й гл. 20-й кн. «Древностей» о новом конфликте Артабана со своими сатрапами, в к-ром Изат Адиабенский выступил успешным посредником, в награду за что и получил Нисибис, датируется временем оптимально ок. 38/39гг. н.э., т.е. временем после второй договорной встречи Артабана и Вителлия в 37г., при Калигуле, равно временем до Артабановой кончины в 40г.

Причём, интересным образом, почётно предоставившему вновь беглому (от собственных подданных) Артабану убежище Изату довелось удостоиться от парфянского царя, помимо Нисибиса, права исключительно парфянских царей носить прямую тиару и спать на золотой кровати.

Неизвестно, насколько весь этот лубочный рассказ Флавия, с явным преувеличением роли и значения периферийного адиабенского венценосца, соответствует действительности, но христианское предание сирийцев и армян сделало оный ещё более лубочным, заменив принявшего иудаизм Изата, в качестве удачливого посредника в спорных делах верховенства Ирана, принявшим христианства Абгаром Эдесским. То-то у Хоренаци именно он выступает в амплу многовлиятельного примирителя (см. ниже). Впрочем, нам сейчас важна хронология сакрального и территориального поощрения царём царей Артабаном оказавшего ему убежищно-умиротворительную услугу Изата, к-рая, как сказано, опирается в 38/39гг. н.э.

* * *

А вскоре затем Артабан умер — начало 40г. н.э.⁶⁰, когда в спор за иранский трон вступили его сын Вардан и его пасынок-усыновленец Готарз — из родственного Аршакидам гирканского дома Гевпурана (один из 7-и знатнейших парфянских родов). Сперва верх взял Готарз, но скоро его жестокость, в т.ч., убийство одного

⁵⁹ По Плинию (6,25; 117; 129), создаётся или может создаться впечатление о принадлежности Нисибиса Осроэне, что могло случиться или не случиться, при определённых обстоятельствах, позднее описываемых нами событий, хотя в I/Ивв. город (арм. Мцбин) и область преимущественно входили в состав Великой Армении. Между тем, делающее упор на перво-христианской Осроэне (Эдесса) армянское предание повествует о перенесении осроэнской столицы из Мцбина в Эдессу якобы построившим её (основанную Селевком I в 302г. до н.э.) осроэнско-эдесским царём I/Ивв. Абгаром V. В любом случае, доминируя де-факто в 37-40гг. (из-за уступчивости Калигулы) в регионе, Артабан мог отнять Нисибис в пользу Адиабены как у Армении, так и у соседней с ней Осроэны.

Притом и (путающий парфян с армянами, не очень разбирающийся в этих тонкостях) Флавий вполне может называть армянским царём (И.д. 20,2,3) как царя Армении Великой, так и царя Осроэны (первого христианского венценосца Абгара), поскольку арабско-сирийскую Осроэну и её столицу Эдессу, где всегда было значительное армянское население и династы к-рой, в пору региональной гегемонии Тиграна II (95-56гг.), породнились с велико-армянским царским домом Арташесидов, нередко считали-называли армянскими, уж не говоря о том, что в армяно-христианской традиции первохристианская Эдесса возобладала над Великой Арменией, куда христианство, естественно, пришло, с сирийского юга (через Эдессу), позже, чем (из Палестины/Сирии) в Эдессу (см. ниже).

⁶⁰ Артабан — Ардеван Великий иранской традиции — закончил своё долгое переменчивое правление очень успешно. Судьба не раз была неблагоприятна к нему, но, в конце концов, именно в его правление случилось то, в чём Иран не знал успеха уже давно, а именно — частичное возвращение Армении и Осроэны в иранскую орбиту (что предварило витальное отпадение подпавшей Риму в 66г. до н.э. Армении от Рима в 66г. н.э.). Хотя случившееся

из своих братьев с семьёй, побудила парфянскую знать сориентироваться-переориентироваться на Вардана. В 42/43гг. братья, наконец, помирились, в результате чего Вардан удержал Парфянское царство, при согласии Готарза владетельно удалиться в расположенную на южном берегу Каспия отчую Гирканию.

Дальше, следуя рассказу повествующего об этих событиях ретроспективно из 47г. н.э. («Анналы» за 37 – 47гг. не сохранились) Тацита (11,8-10) (Д.И. 806), полному желания отвоевать Армению (где, в означенное время царствовал Митридат Иверский) Вардану не позволил предпринять такую попытку грозивший ему войной римско-сирийский легат Вибий Марс, к-рый сменил сменщика, в свою очередь, Л.Вителлия (при Калигуле) П.Петрония (39 – 42гг.) в 42 и пробыл легатом Сирии (при Клавдии) до 45гг., блокировав Вардановы притязания в отношении Армении в 43/44гг. н.э.

О Вибии Марсе Флавий в данном контексте молчит, зато повествует об обращении Вардана за поддержкой против римлян к Изату, с чем тот не соглашается, указывая на силу и могущество Рима (20,3,4). Не мудрено, ибо у (несколько лукавящего) Изата имелись тогда веские основания не ссориться с римлянами, так как именно в 43г. он отпустил свою мать Елену на поклонение в Иерусалим, в к-ром она, начав помогать голодающим иудеям, надолго осела, а несколько позже, вероятно, в следующем 44г., отправил туда же, в Иерусалим, своих пятерых сыновей, чтобы, согласно Флавию, «они там научились нашему языку и законам и получили законченное образование».

Разгневанный Изатовым уклонизмом-отказом Вардан Парфянский объявил адиабенскому венценосцу войну, к-рую начать не успел, «потому что – как сообщает Флавий – Предвечный расстроил его планы. Дело в том, что парфяне, узнав характер Вардана и его решение вступить в борьбу с римлянами, умертвили его, а царство передали его брату Готарзу» (20,2,4). Время этого события оптимально – 45/46гг. н.э.

Ниже у Флавия скомкана под словами «немного времени» Готарзова царская пятилетка 45/46 – 50/51гг., о сопричастности к к-рой Изата Адиабенского и Абгара Эдесского информация имеется у называющего Абгара (арабским царём) Акбаром Тацита (Ан. 11,10; 12,13). Ок. 48/49гг. Готарзу противопоставился испрошенный частью парфянской знати у римлян очередной римский внук Фраата IV Мегердат, к-рый в ходе противоборства вступил в Адиабену и занял Ниневию. Причём в 49г. Изат и Абгар выступали в показном союзе с Мегердатом, втайне склоняясь к Готарзу, или, скорее, желая остаться в стороне, из-за чего, пока Готарз умышленно оттягивал сражение, оба династа удалились со своими отрядами (от греха подальше!).

Позднее же одолевший Мегердата и отрезавший ему уши, чтобы лишить права притязать на престол Готарз был, по итогам очередного заговора, убит (51г.), и в

произошло не столько в силу доблестных побед одёрнутого и поставленного Тиберием в 36г. на место Артабана, сколько в силу неадекватности и неадекватных жестов 25-летнего Калигулы, к-рый предпочёл дистанцироваться от традиционно-проримского решения, или римского перевеса в решении Восточного вопроса, решившегося при Калигуле, до принципата Клавдия, в последние годы Артабанова царствования, если не юридически-дипломатически, то фактически, в пользу парфян.

Заключительная из известных монет Артабана датирована 338-м годом эры Селевкидов и относится к 26/27гг. н.э. На ней царь царей изображён верхом, в движении, что, надо полагать, символизирует как его победу в очередной внутренней распре, так и апелляцию (в пику эллинофильству старших Аршакидов) к всадническо-парфянскому, на уровне великоиранского, былому. Первые же из известных монет конкурентно преемствовавших Артабану Готарза и Вардана датированы, соответственно, Готарза – 352-м, Вардана – 353гг. эры Селевкидов, что даёт 40/41 и 41/42гг. н.э.

Парфии коротко воцарился сначала (пропускаемый Флавием) престарелый Вонон (мл. брат Артабана III, царствовавший в Атропатенской Мидии) (Д.И. 836), с кончиной к-рого в 51г. на иранский престол взошёл его сын Вологез, предоставивший в 51/52гг. Великую Армению своему мл. брату Тиридату. Из-за этого римско-парфянский спор за политическое влияние-преобладание на Армянском нагорье (в к-рый раз!) возобновился и продлился, с перерывами, в смысле пассивного и активного противоборства, аж до 66г. н.э., когда Нерон короновал на римском Форуме Тиридата, чем престиж Рима был соблюден и сравнительно долговременный компромисс (с фактическим отдалением Армении от Рима и её отшествием в сферу Ирана) достигнут.

Тем временем, ок. 46/47гг. ст. брат Изата Монобаз (и.о. царя в 34г.) и др. царские родичи тоже приняли (видя, по Флавию, благочестие и душевную чистоту всеми любимого правящего царя), без сомнения, как «прозелиты правды-праведности», полномерный иудаизм (20,4,1). В ответ недовольная иудаизацией всего их царского дома часть адиабенской знати обратилась за небезвозмездной помощью против собственного царя к, по словам Флавия, «Авии, царю арабскому», обещав ему крупную сумму, если он согласится выступить в поход против Изата. Авия откликнулся, выступил, но потерпел поражение, и дабы не попасть в плен, покончил самоубийством.

Этого плохоидентифицируемого «арабского царя Авию» некоторые подвопросно видят (пытаются увидеть) в гипотетическом царе набатеев, к-рый-де царствовал между Аретом IV и Малхом (II-м или III-м) (Т.Г. 198–206). Годы Арета IV наука неправильно относит к 9/8гг. до н.э. – 40г. н.э., тогда как в реальности он царствовал с 5г. до н.э. (Р.л. 559/60) по как минимум 44г. н.э., ибо имеется его монета с максимальным 48-м годом правления, что совсем не исключает его благополучное царствование до 48г., с каковых пор и до 70/71гг. над набатеями властвовал Малх. Т.е. годы с 44 по 48гг. документально-нумизматически-эпиграфически вакантны и теоретически могут быть предоставлены некоему Авии (имя, к-рое в перечне набатейских венценосцев не встречается).

Однако, спрашивается, как, каким-таким макаром царь Набатей, вассал Рима, мог начать войну против заевфратской подвассальной Парфянскому Ирану Адиабены-на-Тигре, да ещё будучи призван адиабенскими верхами против Изата?! Ведь подобная война непременно вызвала бы, вернее, уже означала бы прямой междержавный конфликт, к-рого и Рим, и Иран в 40-е гг. Ив. н.э. ещё упорно избегали.

Римские вассалы, как читатель знает, не были вправе воевать даже между собой, не то что с вассалами соседней сверхдержавы! За импровизированную блиц-войну 7г. до н.э. против набатеев Ирод I попал в долгую опалу у Августа, а за самоуправную блиц-войну 36г. против Ирода Антипы Арет IV чуть было не лишился и трона, и головы (от чего его уберегла смерть чрезвычайного рассерженного на него Тиберия). Да и расположена Набатей географически достаточно, мягко говоря, недалеко от Адиабены, добираться куда надо, форсировав Евфрат, через Месопотамию. Т.е. «набатеизм» Авии флавианского, к-рого Флавий не кличет, называя царём арабов, набатеем, чересчур многопроблематичен.

Посему речь должно вести о каком-то другом арабском династе, притом подвассальном Парфии или находящемся в т.н. нейтральной пограничной зоне, в районах к западу от Евфрата. М.б., в объективе царь покрытой историческим туманом, с небольшими просветами, арабской Харакены, тесно связанной с Адиабеной (см. выше)? Но, с др. стороны, путь из расположенной на берегу Персидского залива, в устье Евфрата и Тигра, в нижнем течении Тигра, Харакены на Адиабену лежит через Вавилонию, в обход столичного Ктесифона, что также делает подобный поход проблематичным. И всё-таки, таковой (с учётом периодической слабости

центральной власти в охваченной междоусобицами Парфии), где-то ок. 48г. н.э. (т.е. до двусмысленного участия Изата в противостоянии Готарза и Мегердата – 49г.), с плачевно-самоубийственным исходом для Авии (Харакенского?), более представим, нежели нереальная война между подримской Набатеей и припарфянской Адиабеной.

Продолжим. Посему Монобаз и др. царские родичи приняли иудаизм ок. 46/47гг., после отъезда в Иерусалим в 43г. царицы Елены и до войны Изата с Авией в 48г., а приняв, со своей стороны, щедро помогли иерусалимлянам во время второго голода, при Тиберии Александре, т.е. в 47/48гг. И если у сводящего двоицу к единице Флавия эта помощь, в пору второго голода (в наместничество Тиберия Александра), прилагается к Елене (кто, повторим, наверняка помогала иудеям оба раза), то в Талмуде за безостаточную щедрость к гододающим восхваляется Монобаз, о к-ром говорится, что однажды во время голода он пожертвовал все свои сбережения и всё, что ему досталось в наследство от отца. Братья упрекнули его, сказав, «твои родители делали сбережения, увеличив полученное от своих отцов, а ты их раздаёшь», на что он им ответил: «мои родители копили сокровища на земле, а я на небе; они прятали там, где чужая рука может завладеть ими, а я кладу туда, где никто их у меня не отнимет; они собирали деньги, а я спасаю душу» (Тосефта Пеа 4,18; Пеа 1,1; Бава батра 11а).

Так или не совсем так, при всех случаях, помощь, оказанная палестинским евреям благочестивцем Монобазом датируется временем по его становлению ок. 46/47гг. «прозелитом праведности», т.е., скажем-акцентируем снова, во время не первого – 43/44гг., а именно второго голода 47/48гг., яркое косвенное подтверждение чему, в связке с рассказом Флавия и с констатацией не одного голода (интервал 42 – 50гг.) при кесаре Клавдии в армянском переводе «Хроники» Евсевия (см. выше), имеется (и) в Талмуде.

* * *

Идём дальше. Потерпевшие неудачу с предприятием Авии влиятельные адиабенцы не уgomонились и написали, следуя Флавию (20,4,2), беря выше, самому царю царей Вологесу, «с предложением умертвить Изата и дать им какого-нибудь другого правителя, хотя бы парфянина». Если Вологез пришёл к власти в Парфии в 51г., значит это обращение последовало не ранее 51/52гг. Откликнувшись на зов оппозиционных адиабенцев, парфянский венценосец направил Изату требование отказа от исключительных привилегий, предоставленных ему Артабаном (к-рого Флавий неверно называет отцом Вологеса, кто в действительности был сыном мл. брата Артабана – Вонона).

Изат воспротивился царю царей и два выступивших в поход войска расположились станами друг против друга «вблизи (не называемой Флавием) реки, отделяющей Адиабену от Мидии». Но до чреватого для Изата разгромом столкновения с превосходящими силами парфян дело не дошло: Всевышний опять заступился за него, горячо взмолившегося о спасении. «...пока царь молился, Вологез получил письмо с извещением, что даи и саки собрали огромное войско, воспользовавшись его отсутствием, и предают страну Парфянскую разграблению. Поэтому он тотчас вернулся назад, не причинив Изату ни малейшего вреда. Так Изат благодаря заступничеству Предвечного счастливо избавился от грозного парфянского царя».

Ниже приводится сообщение о – «немного спустя» – кончине Изата – 55-и лет отроду, на 24-м году правления, с оставлением после себя 24-х сыновей и стольких же дочерей, что, например, Грэц считает выдумкой-подгонкой и потому не верит,

в т.ч., флавиевской хроноцифири.⁶¹ Возможно, 24 сына и 24 дочери — лубочная байка, но это не основание отвергать Изатов возраст и сумму лет его правления, к-рые вполне укладываются в рамки общеисторической реальности, вполне синхронизируются с ней и вполне соответствуют реконструированной нами хронологии (не соответствуя ошибочной реконструкции Грэца).⁶²

Т.е. Изат родился, наиболее вероятно, во 2 (с теоретической допустимостью 3-го) г. н.э., воцарился, наследовав умершему отцу Монобазу, в 34г. н.э. и умер, на 24-м году правления, наиболее вероятно, в 57 (с теоретической допустимостью также 58-го) г. н.э. При всём том, весьма примечательно одно побочное свидетельство хронологии его царствования в синхронизации с трижды 7-летним назиреатом его матери Елены в Талмуде. Оказывается, когда Изат отправился в какой-то военный поход, Елена дала обет 7-летнего, в случае его благополучного возвращения, назиреата, исполнив к-рый, она отправилась в Палестину. Там гилелиты потребовали от неё вторичного исполнения обета, поскольку иностранные земли ритуально нечисты и обет, исполненный вне Земли Обета, недействителен. По истечении второй 7-летки, Елену постигло случайное ритуальное осквернение, повлекшее за собой необходимость третьего 7-летнего назиреата, к-рый и был ею смиренно отправлен-исполнен («Назир» 19б).

Отсчитаем эти три 7-летки от 36г. н.э., когда Изат сделал обрезание, став «прозелитом праведности», и когда Артабан бежал к скифам от Тиридата, из-за чего в Иране было крайне беспокойно и почему полномерно перешедший в том году в иудаизм царь Адиабены (и сама царица Елена) очень даже мог в тот год (смуты в Парфии) выступить в какой-то непродолжительный военный поход, из к-рого благополучно возвратился.⁶³

$36 + 7 = 43$ г. н.э. = дата прибытия Елены в Иерусалим, где гилелиты поставили ей на вид необходимость второго назиреата, к-рый истёк в 50г. н.э., после чего она взяла на себя обет назиреата третьего, к-рый окончился в 57г. н.э., т.е. в год кончины её сына Изата. Напрашивается вопрос: не зашифрованы ли в (трижды по 7 лет) 21-летнем назиреате Елены Адиабенской сроки от становления царя Изата «прозелитом праведности» до его, после благочестиво-благоугодного царствования, кончины, в возрасте 55-и лет, на 24-м году правления = в 57г. н.э.?⁶⁴

В Адиабене Изату наследовал его старший брат Монобаз.⁶⁵ Елена же, узнав о смерти царственного сына, отправилась домой, где, ненадолго пережив его, умерла.

⁶¹ H.Graetz «Geschichte der Juden von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart», В.3, Note 23, S.783-88.

⁶² Грэц произвольно превращает 24-летнее царствование Изата в 34-летнее, дескать, с 22 по 56гг., датируя его двухэтапный переход в иудаизм 19-22гг., при возвращении в Адиабену из Харакены ок.20г. и интронизации в 22г. Единственная верная дата у Грэца — это прибытие в Иерусалим Елены в 43г.

В RE 10,2, Izates, S.1391/92, правление Изата датируется временем ок. (etwa) 35-59гг. «Евр. энц.», т.8, «Изат», с.35-37, избегает точной датировки.

⁶³ В «Берешит рабба» (46) р. Пинхас утверждает, что в награду за сделанное Изатом обрезание (= переход в иудаизм) однажды на войне, когда он был окружён со всех сторон врагами, Ангел Божий чудесно уберёт его.

⁶⁴ Т.о., приблизительную хронологию смерти Изата не в 60-м, но до 60-го, не позднее 57гг., можно, зная дату начала его правления — 34г. н.э., и реконструировав прочие даты, считать установленной-уточнённой. Т.е. Изат умер до не первой и не последней активизации противоборства между Римом и Ираном в их борьбе за Армению (корону к-рой в 52-54гг. оспаривал у Тиридата племянник и убийца — 51г. — своего дяди Митридата иверский царевич, сын Фарасмана, Радамист) в 58г. (Ан.13,34), после пассивного противостояния 54-58гг. (см. ниже).

⁶⁵ Любопытно то, что в бывшем старше родившегося во 2г. н.э. Изата Монобазе, к-рый, соответственно, род. ок.1/1гг., р. Цемах Гаон (IXв.) усматривает сына царя Ирода («Юхасин»),

Она родилась ок. 25 – 20гг. до н.э., сообразно чему, на момент смерти не позднее 58/59гг., ей было ок. 80-и, или за 80 лет. Останки её, как и Изата, были отправлены Монобазом в Иерусалим для погребения в трёх великолепных мавзолейно-пирамидальных гробницах, воздвигнутых Еленой в расстоянии трёх стадий от города (И.д. 20,4,3).⁶⁶ И сделал это Монобаз, надо думать, не позднее 59/60гг., так как с 60г., когда в Армении воцарился римский ставленник (потомок Ирода⁶⁷; внук Иро-

что, разумеется, выдумка, но показательно хроностыкующаяся с верной исторической датой кончины Ирода никак не в 4г. до н.э., а в 1г. н.э.

В «Берешит рабба» (46) Монобаз зовётся сыном аж Птолемея (Филадельфа! по инициативе к-рого в IIIв. до н.э. появилась переведённая иудейскими переводчиками «Септуагинта»), а «Седер Олам зутта» (Малая Хроника) называет Монобазу сыном Агриппы I и (пра)внуком Ирода, с чем часть раввинских авторитетов не соглашается, указывая на возрастное противоречие, и правильно, в возрастном контексте, поступает, ибо внук Ирода I (Ирод) Агриппа родился в 10г. до н.э.

Согласно Талмуду, одним из праведнейших царей Монобазом были изготовлены золотые ручки к священному сосуду храма, предназначенному для употребления в день Всепрощения (10 тишри) («Йома» 37б; «Тосефта Йома» 2,3).

Многие родичи Изата и Монобазу участвовали в Иудейской войне на стороне иудеев против римлян, будучи после падения Иерусалима в 70г. отправлены Титом, невзирая на их мольбы о прощении, в цепях в Рим. См. об адиабенских династических прозелитах у Флавия, помимо «И.д.» 20,2, в «И.в.» 2,19,2; 4,9,11; 5,2,2; 3,3; 4,2; 6,1; 6,6,3/4.

⁶⁶ «Йома» (37а): «Елена приказала сделать золотую лампаду для помещения над воротами храма». При восходе солнца, первые его лучи отражались от блестящей поверхности лампы и все в городе узнавали, что наступило время читать «Шма» («Йома» 37б; «Тосефта» 2,3). Куша благочестивой царицы Елены в Лиде превышала в высоту 20 максимально разрешённых локтей, но мудрецы, приходя к ней в гости, не делали ей никаких замечаний по этому поводу («Сукка» 2б).

Елена и Монобаз имели свои дворцы в Иерусалиме (И.в.5,6,1).

См. о Елене «Р.л.» 746-62. В «Толдотах» она фигурирует в качестве царицы – соучастницы искажаемой толдотчиками истории Иешуа, сына Пандиры (+ 70г. до н.э.), к-рый двойниково совмещается с Иисусом из Назарета (30-33гг.), тогда как Елена Адиабенская взаимонакладочно дублирует современницу Иешуа царицу Саломию Александру (75-66гг.), при к-рой Иешуа был каменован и повешен на древе, мало того, она двойниково перемежается в некоторых преданиях с (аж) матерью Константина Великого – императрицей Еленой. Относительно Иисуса из Назарета, обращает на себя внимание то, что время Его жизнедеятельности от Крещения до Распятия, так же, как принятие Еленой и её сыном Изатом иудаизма, приходится на 30-е гг. Iв. н.э., чем хроносоучастие царицы-прозелитки Елены в судьбе ересиарха Иешуа/Иисуса обусловлено в т.ч.

⁶⁷ И тут, если уж мы снова затронули многоспорную дату смерти Ирода (1г. н.э., но не 4г. до н.э., что убедительно доказано и показано нами в «Р.л.» с.7-149), уместно привести ещё одно дополнительное свидетельство из еврейского «Иосиппона» («Иосиффона») в пользу назначения Ирода царём римлянами не в 40, а в 37гг. до н.э., равно в пользу завоевания им Иерусалима не в 37, а в 34гг. до н.э. Согласно «Иосиппону» (43), Ирод из Египта, куда он прибыл, спасаясь от Антигона и парфян, к Клеопатре, сразу отплывает в Италию, без промежуточных Памфилии и Родоса, т.е. не так, как это представлено у Флавия (И.д.14,1-5). Причём дважды (важная деталь, к-рой тоже нет у Флавия) он вынужден вернуться в Египет из-за штормовых зимних ветров, и лишь в третий раз ветер был благоприятным, позволив ему пересечь море и достичь Италии: Брундиизи. Там губернатор Августа, мол, царя Рима, принял его с большими почестями, предоставив в его распоряжение лошадей и сопровождение для следования в Рим, где Ироду довелось остановиться в доме своего друга Антония. И Антоний с Августом торжественно, кстати, с большей карикатурной помпезностью, чем во флавиевском анекдотичном рассказе, возвели своего-де бесценного протеже, лучшего друга народа римского, в присутствии восторженного сената, на иудейский престол. Короче, советско-корейский, с Иродом в амплуа центрального гвоздя мировой программы, пропагандистский опус (в духе киножурнала «Новости дня» или журнала «Корея сегодня»), да и только.

Но не это главное. Дальше Антоний и Ирод вместе покидают Рим для борьбы, первый –

дова сына Александра и Глафиры Каппадокийской) Тигран VI, к-рый разорительно вторгся в Адиабену (61г.) (Ан. 15,1; Дион 62,20) во время правления там уже Монобазы (обратившегося за помощью против Тиграна к Вологесу), начался очередной виток римско-парфянского противоборства.

В дальнейшем Монобазу, в той или иной степени, выпало участвовать со стороны парфян в междержавно-противоборственных событиях 62/63/64гг., в частности, при заключении Рандейского мира (Ан. 15,14) и при достижении римско-парфянских компромиссов (Дион 62,23), а в 65/66гг. (исповедовавшие иудаизм⁶⁸) Монобазовы сыновья (переданные им ранее римлянам в заложники) свитски сопровождали (митраиста) Тиридата в его знаменитом 9-месячном путешествии за короной из рук Нерона в Рим (Дион 63,1/2).⁶⁹

с парфянами, второй – с парфянским ставленником Антигоном, что – говорим от себя – Антоний, как и получивший назначение на царство не в Риме 40-го, а в Таренте 37г. Ирод, сделали в 37, но никак не в 40/39гг. И наконец, следуя «Иосиппону», осада Иерусалима Иродом, вместе с римлянами, начинается в 3-м году от Иродова назначения на царство, завершаясь успешным штурмом в начале 4-го года, в 4-м месяце (таммуз – июнь/июль). Однако, приложительно к «иосиппоновской» или флавиевской хронологии, ничего путного, при таком раскладе, не выходит, ибо, если Ирода назначили царём в самом зимнем конце 40г., а Иерусалим был взят летом 37г. (в год консульства Каниния и Агриппы), то от царского назначения узурпатора до взятия города никак не набирается ни 3 года, ни, тем паче, начало 4-го года. И очень даже набирается и 3 года, и начало 4-го года, если Ирод, быв назначен царём, как оно и было в реальности, весной 37г. в Таренте, взял Иерусалим (напару с Сосием) летом (июнь/июль) 34г. до н.э.! умерев в перспективе спустя 37 лет от назначения его царём римлянами и через 34 года от взятия им Иерусалима (и казни Антигона Маккавея Антонием в Антиохии), т.е. никак не в 4 и не в 1гг. до н.э., но именно в 1г. н.э.

См. новый немецкий перевод «Иосиппона», с параллельным еврейским текстом: «Josippon «Jüdische Geschichte vom Anfang der Welt bis zum Ende des ersten Aufstandes gegen Rom», Hebräisch-deutsche Textausgabe, D.Börner Klein, B.Zuber, Maxiverlag, Wiesbaden-2010.

P.S. К месту добавить, что и в сирийской эпитомии «Хроники» Евсевия (VIв.?), и в «Хронике» Псевдо-Дионисия Тельмарского (VIII/IXвв.) поход парфян Барзафрана и Пакора в пользу Антигона Маккавея на Иерусалим (сопровождавший пленением Фазила с Гирканом и бегством Ирода) датируется (правильнее, чем у Флавия) 38/37-м гг. (1980 ad Abg.), а взятие Иродом Иерусалима и конец Антигона верно приходятся (как в «Хронике» Евсевия) на 34г. до н.э. (1983 ad Abg.) (3-й год 186-й ОI). Плюс к тому, согласно той же эпитомии и той же «Хронике» (один из вариантов её прочтения), некто Пакури Эдесский (ставленник парфян) правит в Эдессе с 39 по 34гг. (1978-83 ad Abg.), т.е. до года порабощения Антонием в 34г. соседней с Эдессой Армении (пленение Артавазда II) и хроносоходно ставленнику парфян в Иудее Антигону Маккавею (38-34гг.).

⁶⁸ Эту иудаизацию-прозелитизацию адиабенского царского дома и, без сомнения, многих как элитных, так и простонародных адаиабенцев в IV. н.э. можно сравнить с иудаизацией верхушки и части народа доисламского Йемена – в VI-м., или хазарской элиты и многих хазар – в VIIIвв. н.э.

⁶⁹ В 114/115/116гг. аннексировавшему-провинциализировавшему Армении, Месопотамию и Адиабену (Ассирия) Траяну (к-рый, к слову, вышел с легионами на берег Персидского залива, – к чему стремились Красс, Цезарь, Антоний, – в Харакене) безуспешно противился адиабенский царь Мегарасп – 116г. В 117г. Адриан, как известно, сдал три новые траяновские провинции и Адиабена опять оказалась в орбите Парфянского Ирана. В 195г. Септимий Север коротко захватил её, приняв титул «Адиабенский». В 216г. Каракалла разорил Арбелу, ищущи в ней, чтобы осквернить и уничтожить, усыпальницу ряда царственных Аршакидов. В следующем десятилетии адиабенцы примкнули к Арташиру Папакану против последнего Аршакида Артабана V и впоследствии были под Сасанидами.

Талмуд упоминает про особый вид ядовитых скорпионов, к-рые водились в Адиабене и к-рых разрешено было убивать даже в субботу (Шаббат 121б).

ОБРАЩЕНИЕ АБГАРА ЭДЕССКОГО

(34г.)

Теперь повествование об иудаизации царского дома Адиабены, в историчности чего никто (с опорой, в первую очередь, на, во многом, декоративный рассказ младшего современника событий – Флавия) не сомневается, позволяет нам плавно перейти к обращению в христианство, приблизительно в одно время с переходом Изата в еврейство, его регионального соседа – царя Осроэны Абгара V, во что наука, считая последнее апокрифом, упорно не верит. И не в последнюю очередь, именно *иудаизация* Изата с Еленой подтверждает, что ничего невозможного в *христианизации* Абгара в 30-е гг. Ив. н.э. нет!

Хотя ново-новейшая учёность толкует об апокрифическом перенесении-смешении факта перехода в христианство Абгаров VIII-го (177 – 212гг.) и/или IX-го (212 – 16гг.), во II/III-м вв. н.э., на их предшественника – современника Иисуса Христа – Абгара V, дескать, – с апологетической целью максимально удревнить сирийско-эдесское христианство, с его, мол, претензией на, мол, прямую инаугурационную преемственность от Самого Христа и Его Апостолов.

Впрочем, в «Дороге на Иордан» (856-62-69) мы отчасти подпали ново-новейшему скепсису, склонившись к проповеди в Эдессе, скорее, всё-таки, не в 30-е, а в 40-е гг. Ив. н.э. не (Малого) Апостола Фаддея, одного из 70-и, о к-ром говорят сирийская и армянская традиции, а (Большого) Апостола Фаддея (Иуда, брат Господень), одного из 12-и, к-рые, т.е. 12 Апостолов, до 45г., согласно преданию, не покидали Иерусалим дальше ближних геодиапазонов, в к-рые, однако, можно в качестве крайнего пограничного рубежа включить и оконечно-сирийскую Эдессу.⁷⁰

Ибо, если христианская проповедь после каменования Стефана 25.12.33г. и гонений 33/34гг. вышла за пределы Иерусалима, развернувшись в 34 – 37 – 40/41гг. на пределы-горизонты не только Иудеи, Самарии, Галилеи, но и Кипра, Финикии, Антиохии (Д.Ап.11,19), к-рая расположена в более 500 км от Иерусалима, то через Антиохию она вполне могла достигнуть и расположенной всего в ок. 350-и км от Антиохии (северо-сирийской) Эдессы, совершенно точно достигнув в означенные сроки, в другом от Антиохии направлении, Киликии (где, в Тарсе, обращённый в 34г. в южно-сирийском Дамаске Савл/Павел, побывав затем ещё и в Аравии, находился с 37г.). Да и не принёс ли, как мы убедились выше, обращённый Филиппом, одним из 70-и, евнух-ефиоплянин христианство в 34г. в заегипетскую Нубию, к-рая от Иерусалима на порядок дальше, чем Эдесса.

С др. же стороны, – да, Фаддей, один из 12-и, мог побывать и наверняка побывал в Эдессе ок. 45г. (когда Большие Апостолы, бросив, по преданию, между собой жребий, ойкуменически разошлись из Иерусалима), или – и до, и после 45г., во всех случаях, перед тем, как он (пройдя также иными миссионерскими путями-дорогами) пришёл в (50/60-е гг. в Великую Армению. Но это, при внимательном рассмотрении, вовсе не препятствует Фаддею (Minor), а именно одному из 70-и, прийти (как проповеднически, так и в особом порядке) со специальной миссией в Эдессу уже в 34г. (раньше Фаддея Maior). А для удостоверения в этом, точнее, в полной возможности-допустимости этого, требуется подробная хроноповествовательная реконструкция событий, тогда как анонсирование оных (задействованное нами по данному поводу в «Д.И.») всегда чревато, при, в значительной мере, перспективно-панорамном видении-рассмотрении, риском (хроно)ошибки.

⁷⁰ Не прошёл ли слух о чудесном Исцелителе Иисусе ещё в пору (31г.) Его земной жизни «по всей (ближнедиапазональной – К.3.) Сирии» (Мф.4,24), к-рая, в масштабах исторического региона, крупнее римской провинции «Сирия», и крайний региональный юг к-рой (если не присовокуплять к Сирии, в т.ч., Финикию и Палестину) – Дамаск, а крайний север – Эдесса.

Только панорамного видения (мета)истории недостаточно, и во избежание ошибок оно должно быть (мета)совмещено с видением последовательно-подробно-детально-хронологическим. Вместе с тем, увы, от *импульса* и в наше время *Фомы* (из, в немалом, к-рого и в к-рое пишутся наши доказательные, максимально выдержанные по современно-научным критериям, книги) никуда не денешься. Засим признаем собственную ошибку и продолжим.

Итак, география в отношении Эдессы и её удалённости от Палестины, равно приход туда именно одного из 70-и Малых Апостолов (в то время как 12, после каменования Стефана, гонений и рассеяния декабря/января 33/34гг., напомним, не покинули Иерусалим), находятся в рамках-пределах очень даже вероятного и никаких акцептабельных противоречий в себе не содержат. Так что сирийское и армянское предания, сколь выясняется, вовсе не на пустом месте повествуют (пусть отягощённые лубочной апологетикой) о крещении Абгара Эдесского в столь ранние после Мистерии Голгофы сроки. Конечно, *семидесятник* Фаддей вряд ли пришёл в Эдессу уже в 33г. (после Вознесения и Пятидесятницы), но он, несомненно, мог проповедовать и крестить там (уже) в 34 и 35гг.

Следующий важный аспект-нюанс в том, что в период 33/34 – 40гг. христианство проповедовалось-адресовалось христианами-евреями и христианами-еллинистами лишь Иудеям (Евреям и Еллинистам), Самарянам и Прозелитам (1-й и 2-й степеней – «праведности» и «врат»), к к-рым уже, строго говоря, с 37г. (традиционная церковная дата учреждения епископата в Антиохии Сирийской) начали присоединяться первые язычники, присоединение к-рых с 40/41гг. много выросло-возросло (см. ниже).

И пусть в Д.Ап. 11, 19 буквально-общо сказано – «никому не проповедуя слова, кроме Иудеев», под адресатами проповеди и христианскими неофитами, приложительно к названному отрезку времени, надо понимать все перечисленные нами категории. Не проповедовали ли Филипп и потом Пётр с Иоанном – зима/весна 34г. – в Самарии Самарянам (многие из к-рых обратились)! И не был ли Филиппом у Газы обращён после Пасхи 34г. «прозелит врат» – Нубиец-Ефиоплянин (к-рый принёс христианство языческой царице Кандакии)!

Следовательно, одно из предварительных условий обращения Абгара Эдесского в 34г., когда к нему, с большой долей вероятности, мог быть направлен (после первомученичества Стефана) коллегией Двенадцати Фаддей (от числа 70-и), есть именно прозелитизм (если не «праведности», то) «врат». Т.е. он, Абгар, мог обратиться в христианство, уже будучи еврейским прозелитом 2-й степени, что, при акцептации его обращения, гораздо более представимо, и что одновременно, судя по аналогичному прозелитизму «врат» на 34г. его венценосного соседа Изата Адиабенского, прозелита «врат» (как и царица Елена) с ок. 30г., кто, повторим, воцарился как раз в 34г. и обрезался, став прозелитом «праведности», в 36г., не таит в себе (убедитесь воочию!) ничего фантастического.

Оно и верно, поскольку, во-первых, если прозелитом «врат» был на 34г. Изат Адиабенский, то почему бы таковым не быть, притом с более ранних пор, соседнему с ним Абгару Эдесскому! А во-вторых, если Изат мог в 36г. сделаться, обрезавшись, прозелитом «праведности», то почему Абгар не мог в 34г. обратиться в христианство, к-рое, скажем снова, воспринималось в то время (и еврейством, и языческим миром) как (совсем недавно появившееся-родившееся) одно из направлений-ответвлений-разветвлений еврейской веры в Бога Единого, еврейской религии Бога Единого!

Т.е. вопрос не столько в возможности-невозможности произошедшего, сколько в том, чем, кроме крайне важного прозелитизма Абгара, был обусловлен приход в 34г. Фаддея Миног именно к нему? И всё становится яснее-понятнее, если допустить, во-первых, что Абгар проявлял интерес к чудотворцу Иисусу (слух о К-ром

прошёл по всей Сирии) ещё в пору Его жизнедеятельности 30 – 33гг. (на чём настаивает предание и в чём тоже нет ничего невероятного). И во-вторых, если допустить, что Фаддей был снаряжён коллегией 12-и к Абгару в Эдессу с, помимо проповеднической, ещё и особой миссией, придя туда не с пустыми руками, но с подлежавшей непременно упасительному удалению из опасного Иерусалима ценной реликвией, что сходно находит подтверждение в (пусть требующих реалистической корректуры) многочисленных преданиях.

Таким образом, коли вникнешь глубже, то удостоверись в достоверности преданий об обращении Абгара Эдесского вскоре, на следующий год после Мистерии Голгофы, вернее, в первой половине 34г. н.э. Правда, прежде чем сосредоточиться на миссии Фаддея к Абгару, следует поближе познакомиться как с месопотамским гос-вом Осроэна, столицей к-рого была Эдесса, так и с самим царём Абгаром (*могущественный*), по прозвищу Укама (*чёрный*), из осроэнской династии Абгаридов.

* * *

Осроэна – (ныне часть турецкого вилайета Урфа) область водосборного бассейна р. Белих на северо-западе Месопотамии и приевфратско-месопотамское гос-во, к-рое на севере, западе и юге упиралось в извилистый восточный берег Евфрата, а на востоке – в Хабур. Первоначальное наименование Орроэна – от ar-ruha (араб.) или urha (сир.), что, предположительно, означает – *богатая водой* (щедро орошаемая) *местность*. Плиний (6,129) – Orrhoei.

Причём арабский основатель этого царства (княжества) – предводитель завоевавшего область, пришлого с юга, арабского племени оррои (по Моммзену, – с горы Аман), к-рый носил иранское имя Осрой (= Хосров), возглавил восстание против Селевкидов, воспользовавшись пленением парфянами в 137г. до н.э. Деметрия Никатора, и основал в 137 или в 132гг. царство Осроэна (Прокопий Кесарийский «Персидские войны» 1,17). В «Хронике» Дионисия Телль-Марского имя основателя – Орхай, сын Newja (змея).

Город же Эдесса был основан (согласно Михаилу Сирийцу и Бар-Еврею = Г.Абулфарад, на месте основанной аж Нимродом Урхи) Селевком Никатором, согласно Евсевию («Хроника»), в 302г. до н.э. (1715г. от Авраама), с наименованием, позаимствованным у богатого водой пригорода македонского царского города Эги (у Эгнациевой дороги и реки Лудиа). Сиро-семитское название города до Эдессы – Урх(ф)а; арабское – Руха-Орфа (Плиний 5,85; 6,25; 117; 129). Посему большой любитель основания на месте, в частности, месопотамских поселений, эллинистических полисов Селевк I переименовал Орроэ в Эдессу, к-рая, сродни Эдессе в Македонии, лежит у подножия горы, в изобилующей водой (речной; родниковой; купельной) плодородной местности (Аппиан «Сир.» 57).

Впрочем, А.Гутшмидт⁷¹ считает реальным основателем гос-ва Осроэна второго правителя Эдессы Абду, сына Мацура (127 – 120гг.). Возникло оно в пору ослабления (не без римских интриг) империи Селевкидов, от к-рой ещё в середине IIIв. до н.э. отложилась Парфия, и к-рую в 190г. до н.э. победил в битве при Магнезии Рим, после чего парфяне и армяне наступали на Селевкидское гос-во, к-рое, плюс к тому, ослабевало, противостоя на юге египетским Птолемаям, с востока и севера, а римляне – с запада. И, к примеру, если в 140г. селевкидское иго окончательно сбросили Маккавеи, то сбросившая оное в 30-е гг. IIIв. до н.э. Осроэна вскоре подпала региональной гегемонии Парфии.

⁷¹ «Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroene», St-Petersburg-1887.

Осроэнские венценосцы, называющиеся Абгаридами, так как среди них было больше всего, итого 10 или 11, Абгаров, носили арабские, сиро-арамейские и несколько ирано-армянских имён. У Плиния, Плутарха («Лукулл» 25), Феста (Brev.14) они зовутся арабскими (сарацинскими) пилархами — *philarchi Saracenorum* in Osroene (Плутарх «Красс» 21; Тацит «Ан.» 6,44; 12,12,14).

Т.е. можно сказать, что оррой были арабско-бедуинским племенем, вторгшимся в Месопотамию с юга, к-рое основало здесь царскую династию и гос-во, позднее поглощённые сиро-арамеянами, к к-рым, при Тигране II Армянском, когда в 80-е — 60-е гг. Ив. до н.э. Осроэна входила в состав его империи, прибавилась масса армян, составлявших с тех пор весьма значительную часть населения Эдессы и др. городов царства. Более того, и династия Абгаридов, насколько следует из приводящего генеалогии Абгара Укамы М.Хоренаци (2,24), породнилась, в пору месопотамской гегемонии Тиграна, с армянскими Арташесидами.

Иначе говоря, со времени царей Абгара I (94 — 68гг.) и Абгара II (68 — 52гг.) в жилах Абгаридов текла кровь не только (выводивших себя из скифских корней Аршака Храброго) Аршакидов, с к-рыми они наверняка породнились раньше, а и (выводивших себя от Кира Великого) Арташесидов. Соответственно, Осроэна с Эдессой, где армяне в небольшом кол-ве жили и прежде, не являясь искони армянскими, подверглись в первой половине Ив. до н.э. как народонаселенчески, так и династически заметной арменизации.⁷²

С победами Лукулла и Помпея (69 — 66гг.) над достигшим в 70г. своего державного пика Тиграном, римляне впервые втянули Осроэну в свою дальнюю приевфратско-заевфратскую орбиту — в свою погранично-периферийную сферу влияния. Далее, Абгариды оказывались, в той или иной мере, сопричастниками или участниками войн между Римом и Парфией. Например, римляне считали главным виновником поражения похода М.Красса (54/53гг.) и катастрофы римских легионов при Каррах (53г.) именно Абгара II (68 — 52гг.), кто, вопреки настояниям армянского царя, сына Тиграна Артавазда II (56 — 34гг.), предлагавшего римлянам окружить путь через Армению, насоветовал Крассу идти напрямик через безлюдную месопотамскую степь, в результате чего, римская армия была окружена парфянами, сокрушительно атакована их блистательной кавалерией и уничтожена.

Но если этот заблаговременно уклонившийся от участия в роковой битве при Каррах Абгар был вскоре казнён как союзник римлян, по приказу победоносного парфянского царя Орода, то Артавазду инкриминировал измену в пользу парфян сходявший в неудачный поход на Парфию в 36г. М.Антоний, к-рый в 34г. вторгся в Армению, пленил закованного им в золотые цепи армянского царя с семьёй и подарил знатных пленников Клеопатре (казнившей Артавазда в 31г.). Короче, и для Абгара II Осроэнского-Эдесского, и для Артавазда II Армянского междержавное противоборство Рим — Иран, в к-ром порубежные для обеих держав Великая Армения и Осроэна были на линии их противостояния, оказалось пагубным.

В 49г. н.э. (когда гегемония Рима на Евфрате, из-за уступок, сделанных Ирану в 37г. Калигулой, стояла под вопросом) Абгар V и Изат Адиабенский занимали, о чём читатель узнал выше (и подробнее узнает ниже), двоякую позицию в ходе дуэли

⁷² Не вела ли династия соседней Осроэне с запада Коммагены, в лице известного современника Тиграна II (и его вассала до 60-х гг.) Антиоха I Коммагенского (70-35гг.), сына Митридата Каллиника, свою генеалогии от имевшей персидско-ахеменидские и армяно-паруйридские корни династии армянских Ервандидов (Оронтидов) (Д.И. 136), к-рые, потеряв власть в пользу Арташесидов в Великой Армении, продолжали царствовать в Коммагене как до упразднения-провинциализации римлянами коммагенского вассалитета, одновременно с Каппадокией, в 17/18гг., так и по его восстановлении в 37/38гг. Калигулой (до окончательного упразднения в 72г. Веспасианом).

между царём царей Готарзом и римско-иранским протее Мегердатом (Ан.12,12). В период знаменитой восточной кампании Траяна (114 – 17гг.) Армения, Месопотамия, за исключением сохранённой в качестве подвассального Риму царства Осроэны, и Адиабена (Ассирия) были аннексированы-провинциализированы римлянами (Дион 68,18,21). Но в 116г., когда Траян находился в Ассирии, осроэны, совместно с прочими месопотамцами, восстали против римлян, в наказание за что Л.Квиет взял и сжёг Эдессу (Дион 68,30) – 117г., низложив династию Абгаридов, к-рая возвратилась на престол в 123г. благодаря парфянам.

Во время войн М.Аврелия и Л.Вера (161 – 65гг.) эдесские венценосцы, в зависимости от римского или парфянского господства, чеканили монеты то с греческими, то с арамейскими надписями. По мирному договору 166г., Осроэна, где в 165 – 77г. правил Ману VIII, попала в вассальную зависимость от Рима. В 194г. Абгар VIII (177 – 212гг.) признал над собой верховенство Септимия Севера и сохранил власть, отправив в Рим своих детей как заложников. В 216г. Каракалла лишил власти Абгара IX (Дион 77,12,14), заковал его в оковы и отправил в Рим; Осроэна превратилась в провинцию, Эдесса – Colonia Metropolis.

Хотя в следующем 217г. Каракаллу убили (Карры) и в Эдессе интронизировался Ману IX (217 – 40гг.), в царствование к-рого эпохально кончился Парфяно-Аршакидский и начался куда более агрессивный, куда более неудобный для слабейшего, вступающего в затяжной кризис Рима Персидско-Сасанидский Иран (224/25/26гг.). При отвоевавшем захваченную в 242г. сменившими (224г.) выдохшихся парфян могущественными новоперсами Осроэну Гордиане III (238 – 44гг.) имела место короткая реставрация проримского вассалитета. Однако в 244г. (по иронии судьбы, первый римский кесарь – тайный христианин!) Филипп Араб (244 – 48гг.), заключив унижительный мир с Персидой, договорно уступил (первохристианские) Осроэну с Эдессой, последними царственными Абгаридами в к-рой были Абгары – X-й (240 – 42гг.) и XI-й (242 – 44гг.), сыну Арташира Папакана (224 – 42гг.), – «храброму, восседающему рядом с солнцем» – шахиншаху Шапуру I Сасаниду (242 – 73гг.).

В IV – VI вв. Эдесса, у ворот к-рой Шапур пленил в 260г. императора Валериана (253 – 60гг.), сделав его до конца жизни стремянным царя царей, была яблоком раздора между Византией и Сасанидами, чудесно устояв перед шахиншахами Кавадом (488 – 96гг.; 499 – 531гг.) и Хосровом Ануширваном (531 – 79гг.), но подпав в 608г. Хосрову Парвизу (590 – 628гг.), будучи возвращена Византии в 628/29гг. Флавием Гераклием (610 – 41гг.), и доставшись в 639г. победоносному Халифату.

* * *

Возвращаемся к интересующему нас Абгару V, кто воцарился, как сказано, в 4г. до н.э., наследовав своему отцу Ману III (23 – 4гг.), преемнику Абгаров III (29 – 26гг.) и IV-го (26 – 23гг.) (Р.л. 335). При доминировавшем в 20 – 2гг. до н.э. (вплоть до устранения в Иране Формузой и Фраатаком Фраата IV) в Армении и на рубежном Евфрате Августе, его благополучие, в большей мере, зависело от Рима, к к-рому он (внутренне тяготея, сродни Армении, к парфянам), проявлял максимальную дальневассальную лояльность, и, возможно-подвопросно, в 3/2гг. до н.э. соучаствовал в торжественном принесении ойкуменической клятвы-присяги верности («отцу рода человеческого») кесарю Августу (Р.л. 664/65).

Армяно-христианская традиция делает Абгара царём армянским, в ущерб великоармянско-языческому прошлому или в неуклюжем сочетании с ним, по ряду причин. В Эдессу, в Осроэну, где царствовали носители, в т.ч., арташесидского генезиса цари Абгариды, и где в I/II вв. имелось значительное армянское население,

первохристианство пришло, по сути продолжая палестинские События 30 – 33гг. (примыкая к ним), на порядок раньше, чем в Великую Армению, куда оно попало с сиро-палестинского юга. Попало, во многом, из Эдессы, через Эдессу, придя сюда через ближневосточно-levantийскую Сирию, из Сирии, к-рая, в свою очередь, прямо черпала из традиции иерусалимско-апостольской. И это отражает степень уникального-основополагающего влияния раннесирийского христианства на распространение Христова учения в собственно Армении (Д.И. 840-904; Т.Г. 1804-08).

Вдобавок к тому, Осроэна пользовалась в раннехристианском мире репутацией первого христианского гос-ва, в связи с чем, сопричастность к ней, связка-увязка с ней, играли, при выработке традиции и в опоре на неё, многоопределяющую роль. Между тем, сама узловая, на пересекающихся путях запад – восток, юг – север, Эдесса, где был сделан (вытеснивший составленный ок. 175 – 80гг. «Диатессарон» Тациана) первый перевод Нового Завета с греческого на сирийский – Пешитто (III/IVвв. н.э.), с к-рого впоследствии Саак и Маштоц делали первый армянский перевод Библии (Vв.), и где существовала дочерняя по отношению к Антиохийской школе христиан-аристотеликов, закрытая в 489г. Зеноном известная богословская школа, имела с IV н.э. исключительный христианский статус. И потому вовсе не случайно именно в Эдессе создатель прохристианенного армянского алфавита Месроп Маштоц (405г.) увидел в чудесном видении армяно-христианские письмена: 36 букв, в 4 ряда, по 9 в каждом, с первой буквой – Ա (A) – Бог (Աստված), и с последней – Է (Kh) – Христос (Էրիստոս).⁷³

Сам же по себе особый статус Эдессы, скажем снова, первобазировался на, по преданию, очень раннем обращении в христианство бывшего, по преданию, аж в переписке со Христом, эдесско-осроэнского царя Абгара V, ставшего, согласно преданию, первым христианским венценосцем в истории. Но залегендированные предания (со всеми присущими им легендарностями) преданиями, а при углублённом изучении материала, без отрыва от метаистории, при (мета)хронологическом воспроизведении событий, выясняется, что историчность обращения Абгара в 34г. н.э. как элементарно реалистична-реальна, так и наглядно доказуема-показуема.

Сведениями об Абгаровой позиции в пору обострения римско-парфянских отношений на рубеже эр, во время краткосрочной попытки Рима пересмотреть, с августейшим назначением наместником Востока (кесарского внука) Г.Цезаря, прежний статус-кво в пользу экспансии, во время встречи Гая и Фраатака на Евфрате – 2г. н.э. (Р.л. 1130-32), или в ходе роковой для Гая Армянской кампании 3г. н.э. (Р.л. 1138-42), мы, к сожалению, не располагаем. Но, судя по всему, позицию не льком шитый Абгар тогда занимал проримскую, поскольку в 7г. н.э., когда в Иране был убит Ород III (4 – 7гг.) и парфяне снарядили посольство к Августу, чтобы испросить очередного царя (из числа сыновей Фраата IV) в Риме, изгнанному своим захватившим власть в Эдессе братом Ману IV-м Абгару пришлось искать убежище у римлян.

Как именно он вернулся в Эдессу и вернул себе трон в 13г., при поддержке Августа, – неясно (Р.л. 1283). Впрочем, у византийского автора VIв. Прокопия Кесарийского («Персидские войны» 2,12,8-20) есть полный художественного вымысла рассказ о пребывании Абгара в Вечном городе, откуда-де Август не хотел его, мол, умнейшего из мужей, ни в коем случае, силясь удержать мудреца при себе, отпускать, и откуда, последний, тем не менее, посредством мудро задействованной хитрости, сумел выбыть.

⁷³ Влияние сирийского – антиохийско-эдесского – христианства на Армению и христианство армянское – как старшее, так и, главное, спиритуальнее-эзотеричнее влияния на армян через Кесарию Каппадокийскую христианства греко-александрийско-платонического.

Так или иначе, Абгар возвратился на Осроэнское царство, поддержанный Августом, в дни, когда в Армении, после внука Ирода Тиграна V (8 – 12г.) и короткой реставрации Эрато (11/12г.), правил изгнанный парфянами в 12г. из Ирана сын Фраата Вонон, к-рого Август отправил в Иран в 8г. н.э., тогда как в Парфии уже успел воцариться, с 12г., Атрабан III. Тем временем, Абгару периода реставрации предстояли ещё долгие 37 лет правления (13 – 50г.). То-то путаник Хоренаци (2,33) говорит об общей продолжительности его царствования длинной в 38 лет (38-й год), под к-рыми в реальности годы правления (реставрированного) Абгара не с 4г. до н.э., но с 13г. н.э.

Притом нам ничего не мешает предположить, что Абгар возвратился (мог возвратиться) в 12/13гг. в Эдессу из Рима/Италии через Египет (к к-рому причалил морем), Иерусалим, Антиохию, и что в Иерусалиме он мог приобщиться к иудаизму, сделавшись прозелитом «врат», каковым и пребывал до прихода к нему в Эдессу весной 34г. Апостола Фаддея, одного из 70-и. Или предполагать Абгаров путь в Осроэну через Иерусалим совсем не обязательно, так как Абгара очень даже мог приобщить к иудаизму, к прозелитизму 2-й степени, после 13г., в Эдессе, сходно приобщению Изата в Харакене, или Елены в Адиабене, какой-нибудь иудейский миссионер типа (изатовского наставника-духовника) Анании. Ведь и в осроэнской Эдессе, сродственно соседней адиабенской Арбеле, обитало немало евреев, тем паче, узловую (на перекрёстке путей) Эдессу, часто посещали-проходили-миновали заезжие евреи.⁷⁴

И в пору задаться вопросом: не посетил ли Иисус из Назарета, в ходе своего продолжительного ойкуменического странствия 23/24гг. (Д.И. 725-938), восходя в 24г. из Вавилонии в Атропатенскую Мидию, Адиабену или Осроэну, либо, скорее, и Адиабену, и Осроэну? к-рые находились как раз на междуреченских путях-дорогах с вавилонского юга на атропатенский север.

То-то одна из армянских легенд повествует об Иисусовом приходе к (ослепившему себя, чтобы вершить справедливый суд) царственному эдесситу Абгару (к-рый горько пожалел о своей слепоте, поняв, Кто к нему пришёл и Кого он не в состоянии увидеть) (Д.И. 903), что, конечно, не имело место исторически в 30 – 33гг. (когда Иисус не ходил за пределы Палестины дальше местностей Тира и Сидона). Но ведь явление Христа Абгару могло иметь место, по образу-подобию

⁷⁴ К слову, если Орозий делает из Елены Адиабенской христианку вместо еврейки (!), то приписывающий Абгару основание Эдессы Хоренаци (2,35) даже *выдаёт* Елену за (одновременно *поглощающего* и её мужа Монобазу, и её сына Изата) Абгара *замуж* (!!!), что, т.е. перенесение христианами авторами, в апологетических видах-целях, подобным фальсификаторским макаром, центров тяжести с еврейства на христианство, без труда объяснимо-понятно, не являясь, наряду с тем, ни поводом, ни причиной, ни основанием для категорического неприятия как возможности становления осроэнца-эдессита Абгара прозелитом «врат», так и возможности его раннего обращения из прозелитов «врат» в христианство.

С др. стороны, на Абгара также может быть перенесён мотив посредничества Изата в деле примирения попросившего у него в 38/39гг. убежище Артабана с парфянскими баронами, что у Хоренаци (2,28) прилагается, в связке с династической распрей в Иране, к Абгару. При дезактивировавшем германиковским воцарением в Армении Зенона-Атрашеса (18г.) Восточный вопрос Тиберии, к-рый довольствовался проримским царём на Армянском нагорье, Абгар наверняка пользовался большей свободой рук и мог посреднически поучаствовать в разрешении внутренней свары в Иране, тем более, что таковая произошла ок.25/26/27гг. Вспомним монету Артабана, датированную 338-м годом эры Селевкидов (26/27гг.), когда он одержал какую-то победу, б.м., не без посредничества Абгара, кто, согласно Хоренаци (2,30), именно в Иране был поражён страшной болезнью (по различным версиям предания: проказа? псориаз? псориатический артрит? подагра?) за 7 лет до, насколько выводится из повествования, 32/33/34гг. н.э., т.е. как раз в 25/26/27гг.

явления эфирного Христа Савлу в 34г. (не мог ли и Абгар родиться семимесячным!), между тем как посещение странствующим Иисусом (видевшимся или не видевшимся с Абгаром) Эдессы очень даже могло случиться в 24г.!

* * *

По Хоренаци (2,30), посланники Абгара к римско-императорскому наместнику над Финикией и Палестиной, Сирией и Месопотамией (некоему) Марину⁷⁵ договорились с ним в палестинском Элевтерополе об условиях подвассальности Осроэны Риму, после чего, «на обратном пути отправились в Иерусалим, чтобы повидать Спасителя нашего Христа, побуждаемые молвой о чудесах, и, оказавшись их очевидцами, рассказали о том Абгару. Поражённый Абгар искренне уверовал, что это истинный Сын Божий, и сказал: «Это возможности не человека, а Бога, ибо никто из людей не может воскрешать мёртвых, но только Бог».⁷⁶ И так как его тело было покрыто страшной болезнью, постигшей его в Персидской стране за 7 лет до этого, и люди оказались не в состоянии вылечить его, то он отправил Ему письмо с просьбой прийти и исцелить его».

Посланцы Абгара встречают Иисуса в Иерусалиме на Страстной неделе 33г., передав Ему письмо через Филиппа и Андрея. Спаситель, естественно, не соглашается Сам прийти к Абгару, к-рый предлагает ему эдесское гостеприимство (в противовес гонениям от иудеев), поскольку Христу предстоит Крест Голгофы, но достаивает Абгара письмом, написанным, по велению Спасителя, Ап. Фомой: «Блажен, кто верует в Меня, не видавши Меня. Ибо написано обо Мне: видящие Меня не уверуют в Меня, не видящие – уверуют и будут жить. А о том, что ты Мне писал – прийти к тебе, то должно Мне свершить здесь всё, для чего Я послан. И когда Я свершу это, вознесусь к Тому, Кто Меня послал. Когда же вознесусь – пришлю одного из здешних Моих учеников, дабы он исцелил твои немочи и дал жизнь тебе и присным твоим». Это послание принёс Анан, вестник Абгара, вместе с изображением лика Спасителя, к-рое хранится в городе Эдессе и поныне» (2,32).

Обратим внимание на тезоименство этого Анана/Ананий либеральному приобщителю к либеральному иудаизму (без обрезания) Изата Адиабенского! В остальном, если отставить апологетическую паточку в легендарной оправе, – то, что, спрашивается, невероятного, в посещении осроэнцами-эдесситами (пусть не в качестве или в качестве посланцев к императорскому наместнику) Палестины? в информированности Абгара о чудесных Христовых исцелениях? слух о к-рых прошёл по

⁷⁵ Между прочим, под этим римско-императорским наместником, по имени, не столько Марин, сын Сторгия, сколько, вероятнее, Сабин (дескать, сын некоего Евстрогия) в сирийской апокрифической версии, может скрываться командир одного из 4-х римско-сирийских легионов, начальствовавший в Сирии в пору отсутствия там кесарского легата де-факто, в период 22-32гг., т.е. до прибытия в Сирию в 32г. Л.Помпония Флакка, когда на протяжении 10-и лет Л.Элий Ламиа, заведующий Сирией де-юре, сидел, не отпускаемый Тиберием во вверенную ему провинцию, в Риме. И если в течение этих 10-и лет какое-то, наверняка не всю 10-летку, время функции-обязанности легата Сирии выполнял-отправлял командир одного из легионов Пакувий (Д.И. 1218-22), то, с не меньшим успехом, ближе к 32г., на рубеже 20-30-х гг. Ив. н.э., чего, кстати, требует ошибочная евсевианская хронология посланий и обращения Авгаря (см. ниже), их мог отправлять-выполнять командир другого легиона – некто Сабин. Притом, если когномен Марин у римлян Ив. н.э. не встречается, то когномен Сабин встречается довольно часто.

⁷⁶ Под воскрешением мёртвых Абгару, посланники к-рого к императорскому наместнику побывали в Палестине в последние месяцы 32г. (см. ниже), не обязательно разуметь воскрешение Лазаря (23.02.33г.), ибо ещё летом 31г. Иисус воскресил Юношу из Наина и Дочь Иаира.

всей Сирии, или в его письменном обращении к Иисусу с предложением гостеприимства от иудейских гонений и с мольбой об исцелении от тяжёлого семилетнего недуга!?

Да и письменный ответ Спасителя через Апостола Фому (кто принял в 70-е гг. Ив. мученичество в Индии и мощи к-рого со второй половины IVв. обретались-почитались в Эдессе), акцентированно до вложения Фомой перстов в раны Воскресшего Христа («блаженны не видевшие и уверовавшие»), не содержит, честно говоря, никаких кардинальных-радикальных невероятностей-невозможностей.

И заметим, что Хоренаци в Vв. обходит вопрос рукотворности или нерукотворности хранившегося в городе Эдессе изображения лика Спасителя (см. ниже).

У автора III/IVвв. Евсевия Кесарийского о (рукотворном или нерукотворном) Спасе вообще нет ни слова. Зато есть интересное сообщение об использовании им, Евсевием, касаясь Абгарова исцеления-обращения, письменных материалов из архива Эдессы. «...После воскресения Его из мёртвых и вознесения на небеса, Фома, один из 12-и, отправил Фаддея, одного из 70-и, по Божественному внушению, в Эдессу проповедником и евангелистом учения Христа, им же и было совершено всё обещанное нам Спасителем. Ты имеешь письменное свидетельство, взятое из архивов Эдессы, царского тогда города. Ведь здесь именно в общественных документах имеются как древние, так и сделанные об Авгаре (записи), и они находятся в архивах, ещё и теперь с того времени сохраняемые.

Не мешает выслушать и сами письма, взятые нами из архивов и буквально переведённые с сирийского языка...» («И.Ц.» 1,13). Далее следуют послание Абгара Иисусу, с предложением-приглашением прийти к нему, и ответ Иисуса «через Ананию-гонца топарху Авгару».

«...После Вознесения Иисуса Иуда, он же Фома, послал ему (Абгару) Фаддея Апостола, одного из 70-и, к-рый, придя, поселился у Товии, сына Товии. Когда же услышали о нём, напомнили Авгару, что пришёл сюда Апостол Иисуса, как обещано тебе. Тогда же Фаддей начал силой Бога исцелять всякую болезнь и недуг, так что все удивились». Услышав о сём, Авгар призывает иудея Товию, тезоименитство к-рого с благочестивцем Товией из Книги Товит (где фигурирует меркуриально-исцелительный Архангел Рафаил) не случайность, и велит привести к нему (обещанного ему Иисусом посланца) Фаддея.

«Когда он (Фаддей) вошёл, а у него (Авгара) присутствовали и находились вельможи, тотчас же с его вступлением великое видение явилось Авгару на лице Апостола Фаддея, увидев к-рое, Авгар поклонился Фаддею, чему все присутствующие удивились, ибо они не увидели видение, одному Авгару явившееся...»

Не тот ли ослепительный свет с неба, к-рый осиял Савла на пути в Дамаск, явился ныне меченому, сродни Савлу, особой печатью Абгару на лике (Малого) Апостола Фаддея! И Абгар уверовал в Иисуса Христа, Сына Божия, и исцелился, по Евсевию, от подагры (или от проказы, или от псориаза), к-рую, к месту добавить, армяне называют «болезнью Абгара». И обратив в Эдессе Абгара, Фаддей проповедовал там, могучи обратить также других прозелитов «врат», к к-рым позднее прибавились язычники.

Разумеется, акцептация снаряжения семидесятника Фаддея в Эдессу сразу после Вознесения или Пятидесятницы 33г., согласно преданиям, не представляется реальной. Но оно вполне реально вписывается в благовествование Д.Ап. о проповеди Христова вероучения Малыми Апостолами и др. христианами, рассеявшимися из Иерусалима после каменования Стефана (25.12.33г.) и миссионерски прошедшими в период 33/34 – 37 – 40/41гг. до Финикии, Кипра, Антиохии (к к-рой, без проблем, присовокупимы, повторим, Эдесса или Киликия, если уж христианство проникло ещё в 34г. аж до заегипетской Нубии)!

И, конечно, Осроэна не стала первым христианским гос-вом в 30-е гг. Ив. н.э., ибо отнюдь не все эдесситы и, тем паче, не все осроэнцы обратились тогда в христианство (как не все адиабенцы, несмотря на иудаизацию династии в 30 – 40-е гг., приняли иудаизм). Однако сам царь Абгар Эдесский, будучи на 34г. прозелитом «врат», и часть эдесситов или осроэнцев обратиться в христианство, обратиться ко Христу в 34/35гг. и позже очень даже были в силах. Вот в чём дело. Притом аналогия с иудаизацией в ту же пору адиабенских верхов и части адиабенского населения может служить (востребованным рационал-материалистами) дополнительным тому подтверждением.

Версия же ново-новейшего времени, в связи с евсевиянским существованием христианской общины в Эдессе ок. 190г. («И.Ц.» 5,23,4), и в связи с приемлемым-де исповеданием христианства Абгарами VIII-м и IX-м, или и тем, и другим, талдычит об апологетическом перенесении эдесско-христианских реалий II/IIIвв. на первую половину Ив. н.э. И инкриминирует тем самым христианству IIIв. сознательный фальсификат (на к-рый, мол, с IVв. клюют Евсевий и др.), в духе фальсификатов минимум эпохи Ренессанса или, скорее, тоталитарно-идеологических режимов XXв. Но это полная нелепость, поскольку христиане IIIв. не мыслили такими современно-фальсификаторскими категориями и Евсевий не мог до 313г. (Миланский эдикт Константина о Равенстве религий) почерпнуть из некоего царского, а потом церковного архива Эдессы столь хитрозадо сфабрикованные там посредством удре-нительно-лукавого перевода стрелок с Абгаров VIII или IX на Абгара V-го материалы-письма-документы!

Да, эти материалы проникнуты-продиктованы апологетикой и легендарно оправлены-расщечены-напомажены-перепомажены-расфуфырены, однако они не в состоянии умышленно-лжетворчески экстраполировать-проецировать ситуацию-обстоятельства II/III-го вв. на I-й в. н.э.!

Сфальфицировано могло быть и было, как мы убедились в «Р.л.», например, произведение тарентского назначенца Ирода, ведомого под руки Антонием и Октавианом, в цари иудейские в Риме, под аплодисменты-восторги сената и всего римского народа, в чём, к сожалению, нимало не усомнился (в 70/80-е гг. Ив. н.э.) Иосиф Флавий, подогнав под данный (шитый, если всмотреться, белыми нитками) фальсификат двойную консульскую датировку 40 – 37гг., из-за чего дата Иродовых назначения царём де-юре и завоевательно-иерусалимского становления царём де-факто, с разницей в 3 года, сместилась на 3 года назад, перекочевав из реально-исторических 37 – 34гг. в совершенно несостоятельные (при проведении скрупу-лёзной-детальной экспертизы) 40 – 37гг.! Лучше бы рационал-материалисты, вместо твердолобых критиканских поисков недостоверности Евангелий любой ценой, кумекали своими сплюснутыми мозгами (без всякой эзотерики) над этим!

Или, к примеру, не вызывает удивление вышеотмеченная нами примитивно-апологетическая наивная «христианизация» взамен «иудаизации» Орозием Елены Адиабенской, как и выдача её замуж за Абгара у Хоренаци. Или, разумеется, Абгар не писал никаких (гротескно-апокрифических) писем Тиберию относительно События Голгофы и Тиберий не отвечал на них Абгару, что в качестве исторического гротеска лежит на поверхности, единовременно нисколько не означая, что Авгарь не мог написать, прослышав о Его чудесах, Иисусу, и что Фома, по велению Иисуса, не мог ответить Абгару.⁷⁷

⁷⁷ Прошедший через особое посвящение вложением (12.04.33г.) перстов в раны Воскресшего (5.04.33г.) Христа Фома (один из 12-и), к-рый, при особых обстоятельствах, стал из неверного верующим, возглавлял особую группу Апостолов. Не он ли первым (посвятительно) прикоснулся к Фантомному Телу Воскресения!

Если переписка на тему об Иисусе между Абгаром и Тиберием (или Абгаром и «царём Персии Аршавиром» у Хоренаци) – есть не более, чем исторический анекдот, то послание Абгара Иисусу и ответ на него, пусть не в той форме, в какой эти послания или сведения о них до нас дошли, не дают ни малейшего повода к их узколобо-критиканскому элиминированию-аннулированию.

Вместе с тем, заведомое превращение последующих Абгаров и последующей Эдессы в Абгара и Эдессу предыдущие-предшествующие, с разницей в полтора века и больше, в репрезентируемом сегодняшними критиканами формате – чересчур сложная-хитроумная-непредставимая для христианских апологетов II/IIIв. конструкция-комбинация. Безусловно, перенесение черт позднихристианских Абгаров на Абгара раннехристианского имело место быть, но оно, ни в коей мере, не есть основание для рационал-апологетического утверждения об абсолютной невозможности приобщения правителя Эдессы Абгара Укамы на следующий после События Голгофы год, т.е. в 34г. н.э., к христианству!

* * *

Любопытно, что Евсевий датирует поведанную им историю обращения царя Авгара 340-м годом эры Селевкидов, сходно – в армянской версии предания, тогда как сирийская «Doctrina Addai» называет 343-й год, более того, Иаков Эдесский (633 – 708гг.) жалуется на присущее Евсевию хроносмещение длиной в 3 года. Впрочем, если 340-й год селевкидской эры, отсчитанный с осени 312г. до н.э., даёт 28/29гг. н.э., то при отсчёте с весны 311г. до н.э., попадаешь в 29/30гг., на к-рые рассказанные Евсевием события, произошедшие после События 33г., никак не приходятся. Т.е. 340-й год, по любому, ошибочен и вызывает недоумение, так как в «Хронике» Евсевия, вернее, как раз в её именно армянском переводе Мистерия Голгофы верно датирована 33-м г. н.э., к-рый никак не синхронизируется, не стыкуется с 340-м годом эры Селевкидов.⁷⁸

Посему обратимся к репрезентирующему весьма интересный 343-й год сирийскому «Учению Аддея-Апостола» (IV/Vвв.), где под Аддеем – обративший Абгара Апостол Фаддей, называемый сиро-христианами одним из 72-х. Итак, в год 343-й, в царствование Тиберия и в царствование Авгара, послал Авгар в месяце тешрине (тишри) первом, в 12-й день, посланников, в т.ч., Ханнана (Анан/Анания) архивиста, к императорскому наместнику над Сирией, Финикией, Палестиной и всей областью Междуречья в (палестинский) город Элевтерополь (Бет-Гурвин; Бектубин). И они, придя туда, оставались у него 25 дней, после чего направились в Иерусалим, чтобы увидеть Христа, и увидели, и возрадовались, и узнали о кознях иудеев против Него, и оставались в Иерусалиме 10 дней, и Ханнан архивист записал все деяния Христа. И возвратились посланники к Авгару в Урху, и рассказали ему обо всём виденном-слышанном, и Авгар поразился услышанному, сказав, «что никто не может воскрешать умерших, кроме Бога». И составил царь послание Спасителю (не пойдя в Иерусалим сам, дабы не пересекать страну ромеев, к-рая ему не принадлежала), с к-рым Ханнан вышел из Урхи в 14-й день месяца адара и вошёл в Иерусалим в 12-й день месяца нисана, в 4-й день недели, и нашёл Христа в доме Гамалиила, учителя иудеев (4-19).

⁷⁸ См. Е.Мещерская «Легенда об Авгаре – раннесирийский литературный памятник», М-1984г.

Стало быть, из повествования, при его переложении на воспроизведённую нами в «Т.Г.» событийность/хронологию Евангелий, следует выход Абгаровых посланников из Урхи-Эдессы в день 12 тишири (сентябрь/октябрь) 32г., перед приходом Иисуса на осенний праздник Кушей в Иерусалим, следом за чем, Он со второй половины октября до Его очередного, последнего перед Страстной седмицей, прихода в Иерусалим на праздник Обновления во второй половине декабря (18-25.12.) 32г., находился за Иорданом. Отсюда в 32г. в Иерусалиме эдесситы могли видеть Его в декабре, что допустимо, поскольку в апокрифе не сказано, когда именно они пришли в Палестину.

Далее, 14-й день месяца адар (февраль/март) 33г., в к-рый из Урхи вышел с посланием Абгара ко Христу Ханнан архивист (кто, по совместительству, ещё и, как выясняется ниже, художник) – это, по иудейскому календарю, первый день праздника Пурим (14/15 адара). А 12-й день месяца нисана, 4-й день недели, это – Страстная среда 1.04.33г. н.э. – день помазания Иисуса Магдалиной на вечери (в доме Симона) в Вифании и день предательского визита Иуды к первосвященникам, единственный день Страстной седмицы, в к-рый Иисус в Иерусалим не ходил. Но ведь он мог побывать утром или днём, до миропомазательной вечери, в доме Гамалиила, кто, со своей стороны, без всяких на то препятствий, мог иметь дом в Вифании.

Далше Иисус устно передаёт через Ханнана обещание-обетование послать Авгару, по свершении Таинства Голгофы, одного из учеников; Ханнан (живописец царя) рисует образ Иисуса лучшими красками и приносит изображение «с собой, Авгару царю, господину своему». Позже Фома снаряжает Аддея, одного из 72-х, к-рый пришед в Эдессу, поселяется у Товии бар Товии (отец и сын – Товит и Товия!), «того самого иудея, к-рый был из Палестины» (20-26), и т.д.

Опять отставляем апологетику-легендаристику-патоку, отличаем-очищаем зёрна от плевел, отделяем вершки от корешков, и смотрим на крайне примечательный хронорасклад. 343-й год эры Селевкидов, отсчитанный от осени 312г. до н.э. даёт 31/32гг. н.э.; с весны или осени 311г. до н.э. – весну/весну или осень/осень 32/33гг. н.э.; а с 22.04.310г. до н.э., как исчисляли в Вавилонии, – апрель 33 / апрель 34гг. н.э. И при всём том, из-за отпадения располженной супротив столичного Ктесифона, на др. берегу Тигра, Селевкии (где в 40г. случился страшный погром иудеев), в период 36 – 43гг. (Д.И. 806), от Аршакидов, и Артабан III, и Готарз, и Вардан (парфянские венценосцы), поочерёдно резидировали в означенное время в Вавилонии, где, с др. стороны, в 33/34гг. парфянами была ликвидирована 15-летняя иудейская автономия братьев Асинея и Анилея.

Т.е. в данную 10-летку 33 – 43гг. Вавилония играла в жизни Парфянского Ирана и Месопотамии специфическую роль, и имела специфический статус, что очень даже могло отразиться, в т.ч., на использовании именно вавилонской разновидности эры Селевкидов, по к-рому, применительно к истории обращения Абгара, получается приход Агдаи в Эдессу до 22.04.34г. н.э. Соответственно, при всех случаях, даты сирийского апокрифа не подлежат, тем более, что они не противоречат реконструированной нами хроно(мета)исторической реальности в её подлинности, пренебрежительному игнорансу.

И вновь возвращаясь к небезосновательно-небеспричинно, к не на пустом месте ассимилированным-арменизированным армяно-христианскими памятью и сознанием первого христианского государя Абгара и первохристианской, за пределами Иерусалима/Палестины, Эдессы (своеобразный анклав христианского Иерусалима в Диаспоре!), важно констатировать-подчеркнуть её, с её смешанным, арабо-сирийско-ассирийским, армянским, греческим, еврейским народонаселением, христианский космополитизм.

Эдесса была воротами в Великую Армению с сиро-палестинского юга⁷⁹, явившись колыбелью победившего в 301г. в Армении, под предводительством пришедшего с каппадокийского запада крестителя армян Григория Просветителя (Григория – Парфянина – по крови и по его христианско-эзотерической сущности)⁸⁰, армянского христианства. И приложительно к раннехристианской эпохе, судя, по её значению для дальнейших судеб армянства, она, т.е. Эдесса, вполне может быть названа Малой Арменией (по крайней мере, с не меньшим на то основанием, нежели на рассматриваемое время уже, во многом, деарменизированная понтийско-провинциальная, в составе *Imperium Romanum, Armenia Minor*), как, к примеру, в грядущие времена – Киликия. С той, впрочем, разницей, что ни государственность, ни ментальность именно космополитической, в ментальном духе Пятидесятницы-Троицы, Эдессы никогда не была в древности национально-армянской.

Тем не менее, много позднее, в Средние века, в 1077г. (год захвата сельджуками Иерусалима), город, бывший с 639г. владением халифатских арабов, отвоёванным в 1031г. Византией, вошёл на 10 лет в состав армянского (месопотамско-килийско-сирийского) гос-ва Филарета Варажнуни. В 1095г. правителем Эдесского княжества стал армянский князь Торос. Притом и население ненадолго созданного крестоносцами графства Эдесса, к-рое просуществовало всего 46 лет, с 1098 по 1144г., уничтоженное сельджуками, состояло, в основном, из христиан-миафитов – армян и сирийцев.⁸¹ В 1182г. Эдесса сделалась владением Саладина, потом пере-

⁷⁹ Холмистый приевфратский город, через к-рый протекает речка Дайсан (Скирт), с трёх сторон окружён горами и открыт с юга. Внутри городских стен – цитадель. В южной части две больших купели, одна из них – Биркет Ибрагим = Купель Авраама, находящаяся на месте, согласно мусульманскому преданию, несостоявшегося жертвоприношения Авраамом сына Исаака, убережённого Богом. Купельные рыбы – священные. Имеются руины дворца, предположительно, Абгара Укамы, разрушенного наводнением 201г. и восстановленного, как летняя резиденция, Абгаром IX (212-16гг.). Предполагают, что в цитадели располагался знаменитый архив, откуда черпали сведения для своих «Хроник» лично знавший Абгара IX, в начале IIIв., Юлий Африкан, и затем, в начале IVв., когда архив уже успел стать из царского церковным, Евсевий. В языческом городе отправлялись культы Нэбо, Бела, Атаргатис. Исповедовавший христианство Абгар IX запретил кастрацию в экстагическо-оргастическом культе Атаргатис, приказав отрубить калечащим себя самоистязателям руки. При дворе этого Абгара подвизался сирийский гностик Бардазан. В Эдессе жил и творил Ефрем Сирийский (306-73гг.). «Эдесская хроника» (VIв.) говорит о 4-х разрушительных наводнениях, происходивших обычно в дни весеннего паводка: 201г. (в виде исключения, в ноябре), 303, 413, 525гг. Последнее, как и землетрясение, произошло при Юстине (518-27гг.), за к-рого правил его восстановивший и укрепивший сильно пострадавшую от разгула стихии Эдессу, к-рую с тех пор некоторое время именовали ещё и Юстин(иано)полем, племянник Юстианиан (527-65гг.).

⁸⁰ Примечательно, что если откорректировать Хоренаци (2,27/28), к-рый подменяет современника Абгара Артабана Парфянского мнимым Артасесом Персидским, у к-рого-де были братья Карен и Сурен, от к-рых произошли Камсараканы и Суреняны, то в переложении на историческую реальность мы получим под тремя братьями сыновей брата Артабана III Вонона – Вологеса (Иран/Парфия – царь царей), Пакора (Мидия Атропатена – *второй престол*) и Тиридата (Армения – *третий престол*), к к-рым, соответственно, и восходит генеалогия Григоридов и Камсараканов. Причём, если (*Посланец Света*) Мани (сын Патики) и (Креститель Армении) Григорий Просветитель (сын Анака Парфянина) происходили от собственно царственных Аршакидов, то мать Мани, Мариам, была из рода Камсаракан (Р.л. 1261-63; Д.И. 900-03).

⁸¹ С концом коварно упразднённого и аннексированного византийцами гос-ва армянских Багратидов (885-1045гг.) и с началом тюрко-сельджукских вторжений (1048г.), особенно после проигранной Византией на территории Великой Армении роковой битвы при Маназкерте – 1071г., после к-рой сельджукские орды хлынули в Малую Азию, армяне, ввиду массовой миграции из Большой Армении, составили большинство и в Эдессе, и в Киликии, где в 1080г. возникло просуществовавшее до 1375г., когда оно было уничтожено египетскими мамелюками, Армянское Киликийское царство.

ходила из одних мусульманских рук в другие, пока не подпала в 1637г., через без малого 1000 лет после арабского завоевания, туркам-османам. И тысячи армян продолжали обитать в османско-турецкой Урфе, с её, в начале ХХв., населением в ок. 50 тыс., ещё на 1915г., жертвенно завершив двухтысячелетнюю эпопею своей эдесской (мета)истории только в результате и после массового геноцида армян в Османской империи.

Вряд ли случайно именно на 270-м от 34г. н.э. году = в 303г. н.э. (спустя 888 лет от 586г. до н.э., когда вавилоняне разрушили Первый храм) был заложен-воздвигнут Григорием Просветителем первопрестольный Эчмиадзинский кафедрал. И неспроста от 34/35гг. н.э. (субботний год, по *аронидскому* седмично-юбилейному циклу-календарю) набирается 70 седмин = 490 лет до времени облечения Дионисия Малого соответствующим пасхальным поручением папы Иоанна (524г.) и учреждения Дионисием Малым в 525г. н.э. непреходящего христианского летоисчисления. При этом произошло это в год как памятного наводнения в Эдессе, так и новооткрытия эдесситами принесённого сюда Апостолом Фаддеем, одним из 70-и, в 34г., но сокрытого местными христианами при впавших в язычество преемниках Абгара Нерукотворного Спаса (см. ниже).

Плюс к тому, срок в 320 лет отделяет 34г. н.э. от I-го Армянского Аштишатского собора 353/54гг., где, по преданию, было представлено принесённое в Великую Армению в 60-е гг. IV в. н.э. её первым епископом Апостолом Фаддеем (Престол Св. Фаддея), одним из 12-и (= Иуда, брат Господень), чудодейственное Копьё Судьбы, к-рым римский сотник пронзил (*удар милосердия*) рёбра Спасителя на кресте Голгофы (Т.Г. 1689/90). И 420 лет отделяют 34г. н.э. от даты мученичества пленённого, во главе с католиком Овсепом Вайоцдзореци, после Аварайрского сражения (451г.), высшего армянского духовенства за отказ отречься от веры во Христа, в нетерпимо-зороастрийской Сасанидской Персии.

И не замечательно ли, что (мета)хронология совершающейся Армянской церковью раз в 7 лет церемонии мироварения, во время к-рой католикос всех армян освящает св. миро как Копьём Судьбы, так и Десницей Просветителя, восходит, при ретроспективном седмичном отсчёте, именно к (стартовому) 34г. н.э. К незаурядному году сиятельно-эфирного обращения-превращения-преображения Савла в Павла, к году соявления в Египте аравийской Птицы Феникс (Таинство Грааля) и истечения учреждённого-инаугурированного в 1427г. до н.э. Аменхотепом Эхнатонном 1460-летнего новоегипетско-эхнатоновского периода Сотис-Сириус (см. выше).

* * *

Наконец, нам осталось разобраться с загадкой и историей, по преданию, хранившегося в Эдессе (всё-таки) рукотворного или (всё-таки) Нерукотворного Спаса.

Таким образом, если Евсевий не упоминает, рассказывая историю Абгара Эдесского, о каком-либо принесённом ему изображении Спасителя вовсе, а Хоренаци не прецизирует рукотворность-нерукотворность оногo, то в «Учении Аддая-Апостола» речь идёт о вполне рукотворном художественном изображении, выполненном Абгаровым вестником-посланцем-письмоносцем Ханнаном – архивистом и живописцем.

О каком-либо Спасе, художественном или нехудожественном, молчат, помимо Евсевия, также Ефрем Сирин, паломница Этерия (383г.), сиро-христианский писатель Иаков Серуский (450 – 521гг.), сирийский хронист Иешу Стилиит (Vв.), Прокопий Кесарийский (500 – 65гг.).

Первое упоминание о Спасе Нерукотворном, после слова «Учения Аддая» об Образе Живописном (IV/Vвв.), относится к концу VIв. Ок 590г. автор «Церковной

истории» Евагрий Схоластик (537 – 94гг.) пишет про «Богоданную нерукотворную икону, к-рую Христос Бог послал Абгару, когда сей хотел Его видеть».

И симптоматично, что в ряде дальнейших версий весьма популярного в Ср. века как на христианском Востоке, так и на христианском Западе предания об Авгаре (к-рое сохранилось и у греков, и у коптов, и у эфиопов, и у латинян, и у англо-саксов) Ханнану (или Анану/Анании) не удаётся изобразить лик Христа красками, в ответ на что Иисус, омывшись и отерев лицо полотенцем, передаёт плат, на к-ром именно так запечатлелся Его Нерукотворный Образ, через Ханнана Авгарю («Деяния Св. Ап. Фаддея» – VIв.). И вспомним, что происходит это, согласно хронологии сирийского «Учения Аддая», 12 нисана = Страстная Среда 1 апреля 33г.

Другой апокрифический вариант связывает появление Нерукотворного Спаса, попавшего позднее к Абгару, с ночным молением в Гефсимании, когда в ночь со 2 на 3 апреля 33г. у Иисуса выступил на лбу кровавый пот, и на приложенном к лику плате остался-запечатлелся Его Образ. Третья же разновидность апокрифа – плат Вероники, к-рый она протянула Иисусу перед Голгофой, днём 3 апреля 33г., на *via Dolorosa*. Не характерна ли страстноседмичная хронопоследовательность – с 1 до 3 апреля.

Причём установим-констатируем-усвоим разницу. Ведь живописное изображение лучшими красками есть одно, и оно м.б. Образом лишь рукотворным, между тем как запечатлённый платом именно Нерукотворный Спас суть совсем иное, в смысле различной степени, качественно различных уровней таинственности-сакральности. Т.е. чудесное изображение это – Спас именно Нерукотворный.

И тут в пору вспомнить о погребальном саване, в к-рый было обёрнуто тело снятого с креста Иисуса, с пропитанным ароматами платом на лице, к-рый, впрочем, мог быть додуман-отделён от льняной плащаницы впоследствии (Т.Г. 1700). Так не отпечаталось ли, не запечатлелось ли на ней изображение Христа, в результате и вследствие утренне-воскресенского Таинства Воскресения 16 нисана = 5 апреля 33г.!?

Ведь, с одной стороны, бранные останки, находившиеся с пятничного вечера 3 апреля в гробнице Иосифа Аримафейского, поглотила на рассвете 5.04. (приняв их, как гостию) разверзшаяся при землетрясении земля, в то время как, со стороны другой, Фантомное Тело (Второй Адам) Воскресения (обезвеществленный физис), отделившись от поглощаемого матерью-землёй праха (Первый Адам), *прошло* через отброшенную сейсмическими толчками погребальную плащаницу, облучительно отпечатавши-запечатлевши на ней, посредством сиятельно-солярно-эфирного *ожога* (ослепительной вспышки), Нерукотворное изображение Христа! Оно же может быть, но может и не быть тождественно таинственному Христову изображению на ткани «Туринской плащаницы», споры об уникальном до сих пор не разгаданном феномене к-рой, как и о её древности, не утихают уже много лет.

Иное дело, что легенды-апокрифы, не понимая глубинно-спиритуального феномена Воскресения, во-первых, не могли осмыслить случившееся, из-за гностическо-эзотерической сложности оно, и во-вторых, или в главных, не пожелали иметь дело с каким-либо, в приложении к Нерукотворному (уж не говоря о рукотворном) Спасу, погребальным саваном, упростиительно предпочтя плат с чудесным изображением на нём (более вообразимого) лика (ещё) живого (земной жизнью до Голгофы) Иисуса Христа.

И если такая чудо-реликвия – свидетельство Воскресения Спасителя – изначально была во владении Апостолов, то вполне можно представить, что с началом, после каменования Первомученика Стефана, гонений на христиан, её отправили из небезопасного Иерусалима, с Малым Апостолом Фаддеем (Адде), в Эдессу (город, образно уподобимый входу в Шамбалу) к (прозелиту «врат») Абгару, к-рому

Сам Иисус обещал направить к нему после Мистерии Голгофы посланца, и к-рому суждено было стать первым христианским венценосцем.⁸²

А когда непосредственные преемники Абгара, как ярые язычники, обрушились на христиан, те замуровали чудодейственную плащаницу в схроне над городскими воротами, откуда она вновь чудесно явилась на свет в 525г., после не пощадившего, в т.ч., городские ворота стихийного бедствия (наводнение/землетрясение), и в 544г. упала город от взятия его сасанидским шахиншахом Хосровом Ануширваном. То-то первые упоминания о Нерукотворном Спасе (в виде плата, к-рым, мол, Иисус отёр лицо, в ситуации, по поводу к-рой версии не совпадают) относятся только ко второй половине именно VIв. н.э., т.е. ко времени, когда загадочная реликвия оставила-покинула свой почти пятивековой схрон, и когда ею, её силой, начали твориться чудеса.⁸³

И опять вспомним как о семилетке Просветления Гаутамы Будды – 532 – 25гг. до н.э., так и о семилетке 525 – 32гг. н.э. – учреждение Дионисием Малым христианского летоисчисления и начало в 532г., в свете составленной Дионисием пасхалии, нового Великого индиктиона протяжённостью в 532 года, к-рый называют Большим Миротворным кругом. Притом любопытно то, что отсчитанные с 525 – 32гг. сроки 42-х поколений (14 + 14 + 14), по 33 года на каждое, по исполнению к-рых силы наследственности перестают действовать (иссыкают) и рождается новое духовно-индивидуальное качество, приходится на 1911 – 18гг., т.е. на время трагических событий, к-рые историко-метаисторически инаугурировали-маркировали начало Второго (Эфирного) Пришествия (вторично распятого воинствующим материализмом и материалистическим интеллектуализмом XIXв.) Христа. Не началось ли именно в 1914г. завершившееся в 1945г. 31-летнее самоубийство Европы! Не *отворила* ли великая Жертва армян – первый геноцид XX столетия – 1915 – 18гг. – *Врата* Второму Пришествию Христа!

В 944г. византийский император Роман Лекапен пришёл к соглашению с эдесситами, не все из к-рых были согласны отдать ему святыню – хранительницу-упасительницу города, о торжественном переносе Спаса в столичный Константинополь, где Мандилион поместили в церкви Богоматери Фаросской. В 1204г., при грабительском взятии Константинополя крестоносцами, Плащаница бесследно исчезла. И предполагают, что это именно она, побывав во владении уничтоженного в 1307 – 14гг. французским королём Филиппом Красивым (1289 – 1314гг.) ордена

⁸² Примечательно следующее. Общеизвестно, что созданный М.Маштоцем в 405г. армянский алфавит из 36-и букв (ещё 3 буквы были добавлены в XII/XIIIвв.) (Д.И. 875; Т.Г. 1808), к-рые располагаются вертикально, четырьмя столбцами, по 9 букв в каждом, изначально служил и для письма, и для счёта (соответствие столбцов единицам, десяткам, сотням, тысячам), с изображением числовых значений при помощи букв. Возможность последовательного пересчёта – от первой буквы Ա – «А» (Աստված – Аствац – Бог) до последней буквы (этого прохристианенного алфавита) Ք – «кХ» (Քրիստոս – кХристос), т.е. 1 – 36 (число 36 – олицетворение полноты Вселенной). Числовое значение (солярного корня) Ար – «Ар» (Արի – «Арев» – Солнце) выражается как 1 – 32 = в сумме 33 (число Творца, число Христа-Солнце). Числовое значение имени Արար – «Абгар» (Абг-ар): ա + ր + գ – а + б + г (первые три буквы армянского алфавита) = 1 + 2 + 3 и а + р = 33. Тройственность и Христос-Солнце!

⁸³ Интересные данные о Нерукотворном Образе Христа во весь рост содержится в проповеди на Страстную пятницу 769г. папы Стефана III и в сделанном ок.800г. латинском переводе «Легенды о царе Авгаре». Стефан: «И вытянулся Он на ткани белой, как снег, на к-рой чудесное изображение Лица Господня и всего Его тела во всю длину было так божественно представлено, что для тех, кто не видел Христа во плоти, достаточно было увидеть этот Образ». «Легенда»: «Но если хотите вы увидеть Мой Лик во плоти, то взгляните на ткань, к-рую посылаю, и на ней вы разглядите не только черты Лица Моего, но и богоданную копию Тела Моего».

храмовников-тамплиеров, впервые публично появилась ок. 1350г. как собственность французского рыцаря Жоффруа де Шарни.

В 1453г. (год падения Константинополя под ударами турок и год окончания Столетней войны между Англией и Францией) его правнучка Маргарет продала покрывало герцога Савойским, к-рые сначала держали его в Шамбери, а затем в Пьемонте. В 1532г. покрывало было повреждено при пожаре. В 1578г. его перевезли в место нынешнего хранения – Турин. С 1983г., после смерти последнего оставшего короля Италии (республика с 1946г.), из савойско-пьемонтской династии, к-рый, по иронии судьбы, носил, в т.ч., титул «царь Армении»⁸⁴, Умберто II (1945/46г.), оно стало собственностью Католической церкви.

Идёт ли речь в отношении Нерукотворного Спаса, принесённого Фаддеем, одним из 70-и/72-х, к царю Абгару Эдесскому весной 34г. н.э., о загадочной Плащанице, хранящейся в Турине, – вопрос, подумать над к-рым стоит во вторую очередь. В очередь же первую, не мешает поразмыслить об истинной природе таинственного Мандалиона, именно воскресенско-лучезарную версию происхождения к-рого (квинт-эссенция!) мы предложили читателю в качестве информации к размышлению выше.

СМЕРТЬ АРТАШЕСА АРМЯНСКОГО

(34г.)

Тем временем, в расположенной на север от Осроэны и Эдессы⁸⁵ Великой Армении, во второй половине 34г. н.э. умер, в возрасте, надо полагать, чуть более 40 лет, так как он родился в 12 – 8гг. до н.э., причём, судя по всему, не оставив детей-наследников, причём естественной смертью (ибо сведения о каком-либо его устранении напрочь отсутствуют), царь Арташес III Армянский. То был посаженный, о чём мы не раз говорили, на армянский престол в 18г. Германиком сын римско-вассального царя Полемона Понтийского (+ 8г. до н.э.) и замужествовавшей за ним (сыном знатного ритора Зенона из Лаодикеи Фригийской) с ок. 12г. до н.э. Пифодориды (дочь малоазийского богача Пифодора Тралльского и дочери М.Антония – Антонии) (Д.И. 46-48; 81-83; 123-33).

Читатель в курсе, что этот царственный Арташес, получивший при рождении имя (в честь деда) Зенон, сын вернейшего из римско-малоазийских вассалов, вырос

⁸⁴ С падением в 1375г. Киликийской Армении, где правила династия Лузиньянов, этот титул достался родственным им Лузиньянам на Кипре, с кончиной последнего из к-рых в 1489г., его вдова, венецианка Катерина Корнаро, передала титул вместе с короной своему родному городу, к-рый, являясь республикой, переадресовал в 1571г., с завоеванием принадлежавшего Венеции Кипра турками-османами, ненужную ему царскую титулатуру Пьемонту. В 1870/71гг. Савойская династия встала во главе объединённой Италии (Т.Г. 1346-50).

⁸⁵ Не случайно обнаруженный археологами на территории современной юго-восточной Турции совсем недавно, в XX/XXI вв., древнейший из известных храмовый комплекс Гёбекли-Тепе (тур. «Пузатый холм»), к-рый, как выяснилось, древнее Стоухенджа и начало к-рого относится к X тыс. до н.э. (гибель последних частей Атлантиды – ок. 9500 лет до н.э.!), расположен в 8-и км к северо-востоку от Урфы (Эдесса), на горе, к-рую армяне издревле называли «Пупочной» (перекликающийся-коммуницирующий с Иерусалимом и Св. Землёй – *Пуп Земли*). Так что с Эдессой и прилегающей областью на границе Сирии и Великой Армении связано не только предание о первом христианском царе (Абгаре), к-рое подтверждается исторически и метаисторически, а и первое (из до сих пор выявленных) культово-святилищное сооружение пограничного атлантическо-постатлантического человечества потопно-последпотопных времён, связанных с Армянским нагорьем (страна Араратская) и библейской горой Ноева ковчега – Арарат. Причём состоит этот храмовый комплекс из трёх археологических слоёв X – VIII тыс. до н.э. (когда, ок. 7200 г. до н.э., стартовала, с Пра-Индийской = Индо-Эфиопская – культуры, под знаком Рака, наша После-Атлантическая = Пассионарно-Ойкуменическая семеричная стадия эволюции).

(подконтрольный Риму, в видах на его возможное тронное будущее) в Армении, с детства приобщался к традициям-обычаям армян и их страны, где пользовался, обладая соответствующими персональными качествами, популярностью. И потому, не лишённый, вместе с тем, политических талантов-способностей, он был приветственно встречен-принят уставшим от смут и раздоров армянством, знатью и народом, под сакральным именем основателя иссякшей в начале IV н.э. династии Арташесидов Арташеса I (189 – 60гг.), в амплуа предложенного армянам римлянами (без возражений со стороны парфян) венценосца.

Во всяком случае, никаких сведений о внутренних выступлениях-мятежах против него, ни при его интронизации, ни в ходе его мирного-стабильного 16-летнего царствования, нет. Т.е. при нём династически сирая после последних Арташесидов Тиграна и Эрато, изгнавшая (изгнанного перед тем из Ирана) сына Фраата IV Вонона, царя Армении в 12 – 16гг., и после разорительного Междоцарствия 16 – 18гг., Армения была, во-первых, умиротворена внутренне. А во-вторых, или, точнее, во-первых, его инициированная-осуществлённая Римом и признанная в лице царя царей Артабана III, по договору с Парфянским Ираном, интронизация, привела к более чем полуторадесятилетнему миру между Римом и Парфией на Евфрате, по наиболее острому для них междержавному вопросу Армении.

Дело в том, что представитель Младших Аршакидов Артабан на тот момент (когда ещё были живы-здоровы в Риме и зарились на иранский престол Старшие Аршакиды из числа отправленных к Августу в 7г. до н.э. Фраатом IV принцев крови) испытывал трудности как внутри страны, в период своей легитимизации, в условиях-обстоятельствах сопротивления части знатнейших парфянских родов и строптивых баронов (этих, вопреки марксизму-энгельсизму-ленинизму, ленных феодалов до феодализма!), так и в борьбе с сепаратизмом окраин и с угрозами вторжений в Иран (северо-восточных) кочевников.

Посему царю царей временно нужен был всенепременный мир с Римом на западе, тогда как Римская империя при Тиберии придерживалась, в свою очередь, завещания (потерявшего, из-за вязкого Востока, своего любимого внука – Гая Цезаря) Августа – не стремиться на Востоке к приращению территорий восточнее Евфрата, при условии обязательно проримской, в ранге дальнелимесного (не подлежащего провинциализации) вассалитета, – буферной Армении (и Осроэны). Артабану пришлось (волей-неволей) согласиться с таким подходом и междержавный мир состоялся.

Вспомним, что ещё в 66г. до н.э., когда Тигран II, проиграв Помпею, подпал (как «друг и союзник римского народа») Риму⁸⁶, Армения (больше тяготея к Парфии

⁸⁶ В 90-70-е гг. IV н.э. Митридат VI Понтийский и Тигран II Армянский ненадолго заполнили державный вакуум в регионе во время, когда упадочно-распадочное гос-во Селевкидов (первая ласточка грядущего цезаризма в III/Пвв.) уже утратило роль переднеазиатского регионального гегемона, а Рим и Парфянский Иран, понемногу державно сближавшиеся, чтобы встретиться на Евфрате (рубежная линия, к-рую они наметили в 92г. до н.э.), ещё не достигли оно и не были достаточно сильны для этого (Р.л. 605-12). Причём в 80/70-е гг., Тигран, используя борьбу между Митридатом и Римом на западе и внутренние неурядицы в Иране на востоке, во-первых, неоправданно похерил естественный союз армян с парфянами, а во-вторых, оттяпал-откусил своими непомерными территориальными приобретениями (от моря до моря) гораздо больше того, чем мог и смог прожевать, проглотить и переварить. В результате, начав как правитель независимого государства, созданного во Пв. до н.э. (куда более выдающимся гос. деятелем) Арташесом I, он сделался с 66г., отказавшись, по принуждению Помпея, от всех территориальных приобретений, кроме собственно Великой Армении (ставшей буфером между Римом и Ираном), окраинным римским вассалом.

С др. стороны, именно эллинист-мультикультуралит и глобалист Тигран, политически проиграв мировой державе № 1 Риму (ликвидатору своего злейшего после Ганнибала врага – Митридата), открыл Западу сухопутно-экспансионистскую и культурную дорогу на ближне-

и парфянам) стала и оставалась яблоком раздора (будучи соединительно-разделительным мостом Запад – Восток) между встретившимися на Евфрате двумя сверхдержавами, каждая из к-рых силилась втянуть её в собственную орбиту и держать в собственной орбите. Но если Иран боролся за Армению (как за составную часть Арийско-Велико-Иранского дома) в статусе родственного царям царей *третьего* или *второго престола*, то для профанатора Рима она представляла интерес лишь в ключе заслонно-захолустного сателлита.

И так было во всё время, исключая короткие попытки Красса, Антония или Г.Цезаря геополитически повторить восточные подвиги Александра Великого, что не удалось ни, само собой, им, ни убитому накануне выступления в поход против парфян Ю.Цезарю. Не удалось, потому что закладывавшему основы грядущей Европы прикупельно-средиземноморскому (сатурнальному) Риму, в отличие от (михаэлически) взаимосвязавшего как доминантный эллинистический с ирано-персидским, семитическим, египетским и др. импульсами, так и с соответствующими мирами (мало того, прикоснувшегося к Индии) Александра, не было дороги на Восток дальше пограничных Армении, Междуречья и Южного Кавказа.

Притом это римско-иранское противостояние I/II вв. весьма своеобразно (хроно)маркируется и 66-м г. до н.э., и 66-м г. н.э., когда, т.е. в 66г. н.э., с признанием Римом, в лице короновавшего его на римском Форуме Нерона, мл. брата царя царей Вологеса Тиридата (Трдата) I царём над Арменией, произошло, в сущности, пересмотревшее свершение 66г. до н.э. событие. А именно – фактическое отпадение Армении, с соблюдением внешнего римского престижа, от Рима и её возвращение в великоиранское лоно, в ранге западной цитадели Дома Иранского, при, – что следует подчеркнуть особо, – гегемонии в Иране именно Парфии и парфян, с к-рыми армяне были родственны и духовно близки так, как никогда и ни с кем в своей истории ни до, ни после.

В интервале же длиной в 130 лет между названными датами и событиями страна Араратская, чаще пребывая, на излёте Республики и на первых порах Принципата, в зависимости от Рима, тем не менее, время от времени переходила в сферу влияния Ирана. Так, она подпадала Ирану в связи с напоминающей *сталинградский котёл* вермахта катастрофой Красса при Каррах (53г. до н.э.); потом – в пору вторжения парфян, при Ороде II и царевиче Пакоре, аж в Сирию (40 – 37г.); потом – после бессовестного пленения в 34г. до н.э. Антонием назначенного им виновным за его, подобное бегству Бонапарта из России, фиаско 36г. в Аторпатене Артавазда II, сын к-рого Арташес II, царствуя в 30 – 20г., подчёркнуто ориентировался-опирался на Парфию.

Затем, в 20г. до н.э., Тиберий, по заданию Августа, заменил убитого проримской партией в Арташате Арташеса на римлянофила Тиграна III (20 – 8г.), к-рому преемствовал пропарфянский Тигран IV (8 – 4г.), к-рого сменил проримский Артавазд III (4 – 2г.), к-рый, свергнутый Тиграном IV, отказался от борьбы за корону и стал в I/II вв. одним из отправившихся в Вифлеем царей-волхвов (Р.л. 231-33; 331-34; 605-13; 663-65; 697-700; 814-28).

Засим удостоверьтесь в степени-уровне неустойчивого междержавного равновесия-паритета, с армянским маятником-метрономом посередине, наглядно. Трудно жить на постоянно раскачиваемом подвесном мосту между двумя мирами, между двумя Ойкуменами, над пропастью, являясь как Востоком, так и Западом, или то Востоком,

восточно-египетский Восток, – в сиро-финикийско-палестинскую Азию и в страну-на-Ниле. Покорив же оные с 60-х по 30г. до н.э., Рим превратил Средиземное море в оцепленное легионами внутреннее озеро *Imperium Romanum*, чем фактически завершилось перед Мистериий Голгофы I/1-30-33гг. н.э. (под знаком Овна-Агнца) создание кульминационной в истории-метаистории Древнего мира, вдоль и по периметру всего Средиземноморья, Греко-Римской Ойкумены в римской великодержавной оправе.

то Западом, и одновременно – ни Востоком, ни Западом, но рубежом Востока и Запада, стратегически важной дорогой с Востока на Запад и с Запада на Восток. Контроль над узловым (пересечение путей-дорог) Армянским нагорьем крайне актуален для любой региональной державы, поскольку тот, кто твёрдо стоит на нём, держит под оптическим прицелом Месопотамию, Ближний Восток и Персидский залив.

Далее, во 2 – 2гг., место выбывшего из политики, чтобы положить свою корону (и дароносное золото) к стопам истинного Царя Царей Артавазда вторично занял, на сей раз, в паре с сестрой-женой Эрато, погибший позже (2г. н.э.) в войне с северными кавказскими горцами Тигран IV, к-рого сменил, в свете аномального (при стороннике границы по Евфрату Августе) римского посягательства на (ради александровских амбиций юного Г.Цезаря) Атропатену, очередной римлянофил Ариобарзан Мидянин. При всём том, во 2г. н.э. римско-августейший наместник Востока Г.Цезарь и парфянский венценосец Фраат(ак) V (2г. до н.э. – 4г. н.э.), преодолев очередное резкое обострение междержавных отношений, персонально договорились, встретившись лицом к лицу, на Евфрате.

А в следующем 3г. н.э. юный Гай, себе же на беду, походно сунулся, оказывая поддержку Ариобарзану, в Армению, где получил, при осаде крепости Артагира, роковое ранение. В 4г. смертельно упавшая с лошади Ариобарзана сменил Артавазд IV, кому в 8г. н.э. преemptовал внук Ирода Тигран V, кому, в свою очередь, в 11/12гг. перечила коротко вынырнувшая из небытия Эрато, к-рую сменил Фраатид Вонон (Р.л. 1113; 1129-32; 1138-42; 1144; 1150; 1206-08; 1250-58; 1279-82).

После же его изгнания наступил в 16 – 18гг. полный хаос, пока, наконец, арташатский трон занял, как сказано, установивший в изрядно уставшей от бесконечных смут и смены правителей стране мир и порядок Полемонид Зенон, принявший тронное имя основателя харизматической династии – Арташес (Д.И. 123-33).⁸⁷

Следовательно, этот противоборственный раунд Рим сроком на 16 лет, до непредусмотренного в 34г. конца (от какой-то болезни) консенсуального Арташеса, какие-либо конкретные факты из биографии и времени царствования к-рого отсутствуют, не столько ратно, сколько искусно-дипломатически выиграл.

⁸⁷ Выводя себя от (солярного михаэлиты) Кира Великого, переднеазиатские династии, в т.ч., Арташесиды (Арташес = греч. Артаксеркс – *царь царства истины*), долгое время не признавали парфянскую гегемонию в Иране, не желая мириться ни с притязаниями, ни с правом потомков (иранского, а не туранского) скифа Аршака Храброго (потомки к-рого возводили себя к Ахемениду – Аратаксерксу II Мнемону) на легитимное первенство в Доме Иранском, на сокровенный титул царя царей, к-рый, к примеру, временно присвоил в IV до н.э., именно отвергая претензии парфян, решивший, что у него, Арташесиды, больше прав на этот титул, Тигран Армянский. Взаимное признание/сближение между Парфянским Ираном и Арменией происходило в I/II вв. постепенно, и прогрессировало, являясь необратимым, поскольку армяне не могли не втянуться в сферу Дома Иранского, при главенстве оказавшейся наиболее близкой-родственной им Парфии, вопреки гегемонистскому противодействию-сопротивлению Рима (Д.И. 129/30).

И, к слову добавить, с нелёгкой руки элиминировавших центробежный Парфянский Иран и веротерпимых парфян тоталитарно-центростремительных национал-империалистов Сасанидов, с их опорой на нетерпимый зороастризм новоперсов, парфянский период иранский истории, во все послесасанидские времена неоднозначно воспринимался и воспринимается в самом Иране, где многие квалифицируют его чуждым Ирану чужеземным господством. Ведь очаг парфян, отлично от Мидии или Персии, располагался не в исконном Иране, но на территории современной Туркмении (Туркестан), на землях современной ирано-туркменской границы и севернее, т.е. на границе Ирана и Турана, по отношению к к-рому парфяне исповедывали не принцип истребительной войны до победного конца, но принцип благотворной цивилизаторской иранизации Турана, превращения хаоса в космос, преобразования кочевого мира в оседлый, охотника-разбойника – в землепашца-земледельца, бескультурия – в культуру, дикого свирепого волка – в друга человека – собаку, и т.д.

И вот на исходе 34г., с оглядкой на Арташесову кончину, владеющий положением как внутри подвластной ему страны, в центре и на периферии, так и на её рубежах Артабан III счёл себя достаточно окрепшим-сильным, а старого медлительного каприйского развратника и (лишившего себя зрелых наследников) душегуба Тиберия (сведения и слухи о чём доходили до Ирана) достаточно недееспособным, чтобы бросить вызов Риму и возобновить борьбу за Армению, плюс – посягнуть, если получится, на гораздо большее. Ведь Парфянский Иран не меньший (чёрт возьми!) правопреемник Кира и (считавшего себя Кировым правопреемником) Александра, чем Рим!

Однако Артабан явно переоценил себя, свои силы, и явно недооценил передеградированного им Тиберия, равно мощь и эффективность римско-имперской державно-государственной машины. Задействованное Артабаном противоборство 35/36гг. больно ударит по нему самому, поскольку Тиберий неожиданно для него разыграет иверскую карту в Армении, где Артабан потеряет одного за другим двух поочередно возведённых им на армянский трон сыновей – Аршака и Орода, тогда как сам, из-за интриг назначенного в 35г. сирийским легатом широкополномочного Вителлия и подключения Римом к игре старших Аршакидов, одного за другим, сына и внука Фраата IV, вынужден будет бежать из страны, – на восток, под защиту скифов. Правда, оттуда ему удастся вскоре вернуться и, изгнав своего бездарного конкурента Тиридата за Евфрат (к римлянам), новозанять иранский престол.

Впрочем, если при Тиберии восстановится междержавный статус-кво (36г.), то при уступчивом неадекватном Калигуле (37 – 41гг.) у Артабана, всё-таки, получится отчасти перетянуть Армению в иранскую орбиту и, если не восторжествовать, то, по крайней мере, установить реальный паритет в Армянском вопросе. Короче, претерпев все превратности судьбы, он умрёт в 40г. победителем как в Иране, прокладывая-проложив тронную дорогу династии Младших Аршакидов, так и в отношениях с Римом, возобладав в Армении, отчего присвоенное ему преданием имя Ардеван Великий частично оправдано. Но обо всех этих немало знакомых читателю по нашим предыдущим книгам и нынешней монографии событиях речь у нас пойдёт, в русле анналистического хроноповествования, под, относясь непосредственно к ним, следующим 35-м и позднейшими гг. н.э.

Хотя здесь и сейчас, приложительно к кончине Арташеса Армянского именно в 34г., следует, повторяя сказанное в «Дороге на Иордан», напомнить, что анналисты Тацит (Ан. 6,31-37) и Дион (58,26) как об этой кончине, так и о новом витке римско-парфянского противоборства уведомляют под т.н. собирательным (что им не единожды присуще) 35-м г. Насчёт противоборства – верно; насчёт кончины – нет. Почему? Под 35г. у Тацита сказано о парфянских послых в Рим от внутрииранского лагеря затираненных противников Артабана, к-рый – «преисполнился самоуверенности, проведя удачные войны с окружающими народами. Он пренебрежительно относился к Тиберию, считая, что тот по старости неспособен к войне, и жадно добивался Армении, властителем к-рой после смерти Арташеса поставил старшего из своих сыновей Арсака» (6,31).

Отсюда армянская интронизация старшего кронпринца Арсака (когда во *второпрестольной* при парфянах Атропатене с 12г. царствовал Артабанов мл. брат Вонон) и др. непомерные амбиции успешного Артабана указывают на смерть Арташеса несколько раньше, во второй половине предшествующего 34г. Именно во время после неё усилившийся в интервале 27 – 34гг., успешно повоевавший против вторженцев-кочевников на востоке (?) северо-востоке (?), сломивший и замиривший внутреннюю оппозицию царь царей успел, подзадоренный медлительностью

(в свете появления армянской вакансии) каприйского старче Тиберия и отсутствием в Антиохии римско-сирийского легата (по смерти в начале 34г. Помпония Флакка и до назначения-прибытия в Сирию в 35г. Вителлия) посадить на престол в столичном Атрашате своего собственного сына и даже замахнуть на много большее.

Кроме того, в Ан. 6,38 Тацит всё ещё под 35г. информирует об авторском объединении им событий двух летних кампаний, причём не совсем ясно, какие именно годы анналист понимает – 34/35 или 35/36, пусть даже ниже выясняется, что (вроде бы) 35/36-й, притом под 36г. речь неуклюже заходит о событиях на Востоке снова, в то время как под 34г. о восточных коллизиях нет ни слова. И тем не менее, стартовая, в смысле, по меньшей мере, факта Арташесовой кончины, хромоточка – это не 35, но 34гг. н.э.

Да и Арсак наверняка прибыл в Армению, где он не сумеет, не успеет расцарствоваться, никак не тотчас по смерти Арташеса (такие чреватые глобальным столкновением решения в одночасье не принимаются и дела с бухты-баракты не делаются), но не раньше 35г. Надо полагать, внезапная кончина армянского царя во цвете лет поначалу застала и римлян, и парфян врасплох. Да и Артабан сделал агрессивный ход первым не иначе как, при всех случаях, в той или иной мере, изготовившись для удара.

Касательно же Диона (58,26), последний нередкой для него скороговоркой скупивает под объединительным 35г. как события 36-го, так и, по всему, отдельные реалии 34гг. Иначе говоря, начало острому политическому кризису в междержавных отношениях положила смерть армянского венценосца, имевшая место, несомненно, ещё в 34г. И следом за Арташесовой кончиной (требовавшее определённого времени) бездействие со стороны (медлительного тиберианского) Рима (в год, повторим, отсутствия консулярско-кесарского легата в Сирии) обусловило в 35г. выразившийся конкретно-притязательными актами-действиями-заявлениями бурный всплеск державной активности со стороны казалось бы готового к пересмотру прежнего (в пользу Рима) равновесия-паритета, к военно-политическому реваншу и к противоримской экспансии Ирана (Д.И. 803/04).

* * *

В этой стране, Армении, с её очагом в сакральном треугольнике озёр Ван, Севан, Капутан, у подножия олицетворяющей начало всего послепотопного человечества библейской горы (на к-рой зажётся первый пост-атлантический алтарь), у шумерских истоков Евфрата и Тигра (берущих, по преданию, начало в потерянном человечеством раю), на разломе и стыке греко-эллинистического, под римской державной эгидой, иранского (Ормузд – Анахит – Митра), семитического (Феникс – Иегова) и кавказского (Прометей – Золотое руно) ойкуменических миров, надлежало произойти следующему.

Здесь, в плавильном котле на Армянском нагорье, где встретились римско-эллинистический импульс с Запада (Душа), зороастрийско-иранский с Востока (Дух) и сиро-иудео-семитический с Юга (Тело/Телесность), вселенскому христианству предстояло сделать из армян своего рода богоизбранников Нового Завета (как близнецов и одновременно антиподов евреев – богоизбранников Завета Ветхого).⁸⁸

⁸⁸ Не были ли армяне отчасти физическими потомками 10-и колен Израилевых, часть из к-рых вполне могла осесть в Армении и со временем раствориться в армянстве!? Не к ним ли, в частности, восходит тайна армянских новозаветных псалмов-шараканов (Т.Г. 1846-50)!?

Разумеется, у Нового Завета, в отличие от Ветхого, нет богоизбранных народов, ибо Христос – высший Бог человеческого Я, и речь тут, по вышнему христианскому счёту, может идти только о богоизбранных индивидуальностях, об исповедниках *павлианской* максимы – сораспятия Христу, воскресения во Христе и Христа в себе, и об исповедниках *иоаннитской* максимы – от изначального Логоса до апокалиптических Альфы и Омеги!

Но для наступления времени таких индивидуальностей нужен именно прохристианенный до физиса богоизбранный народ-первенец, в 42-х поколениях, по 33 (Христовых) года или по 40 (исшестввенно-восшестввенных) лет (различные эзотерические уровни) на каждое, в поколениях, к-рые, кульминировав, могут жертвенно отворить, по Исполнении Времён, духовные врата Второму Эфирному Пришествию (посредством Его зримо-осязеаемо-солярного сошествия в души человеческие) Христа Спасителя.

И именно этот Крест (ибо кресты тоже каждый несут свой крест!) взяло-приняло на себя армянство, жертвенно-победоносная в грядущем христианская суть-сущность к-рого поэтапно складывалась-формировалась в I/II – III/IV – V/VI вв. Причём плодотворную почву для восприятия-принятия в Стране Араратской этого Импульса, очень во многом, подготовила метаистория армянства в I/II вв., одним из важных составных интервалов к-рой явилось промежуточное, между концом Арташесидов и воцарением в Армении Аршакидов, время царствования Арташеса III, единовременно с к-рым свершилась вселенская Мистерия Голгофы, и к-рый умер на 17-м году своего правления.

Умер в тот же год и вскоре после того, когда Апостол Фаддей (один из 70-и Малых Апостолов) исцелительно обратил в расположенной к югу от Великой Армении (привратной) Эдессе (ставшего ещё и хранителем чудесного именно воскресенского Мандалиона) сиро-арабского царя-космополита, с примесью царско-арташесидской крови в его генезисе, Абгара Укаму.

А начало долгому, невозможному без транзитной-перевалочной Эдессы (врата в Армению), процессу исцелительного обращения Армении предстояло положить с 60-х гг. IV н.э. Большим Апостолам – Фаддею (Иуда, брат Господень) и Варфоломею (Апостол Тайн Господних), к-рые впоследствии, в IV/V вв., пришли на эту крестно распаханную в III/IV вв. *иоаннитом* Григорием Просветителем Святую Землю (новообетования) как последний католикос Григорид из рода Григория Парфянского – Саак Партев (Парфянин), и как создатель прохристианенно-христонного армянского алфавита – Маштоц (от солярного корня – *Мазд*).

Им же, в свою очередь, преемствовали герои Аварайра (отразившие экспансию иранского Востока) и противники Халкидона (отразившие экспансию византийского Запада) – Вв. Плюс – упасительно превратившие (обезгосударственнное) армянство (посредством его национально-религиозной *геттоизации* ради грядущей миссии) в несокрушимый армяно-христианский монолит – I и II-й Двинские соборы VI-го в. н.э. – 506 и 552/53/54 (?) гг.

Вот почему, читатель, данную главу о кончине поклонявшегося Арамазду, Анахит, Митре, Зевсу... (сокрытого сумерками истории и стоящего своеобразным особняком в армянской летописи IV н.э.) политеиста-язычника Арташеса Армянского мы поместили именно в раздел, посвящённый (мета)истории изошедшего непосредственно из Тайнства Голгофы первохристианства, и именно вслед за главой об обращении-крещении (прозелита «врат») Абгара Эдесского.

Притом смерть этого Арташеса⁸⁹ в 34г. н.э. (через 99 лет от вассального подпа-

⁸⁹ Интересно, что следующим армянским царём, носителем имени Арташес, стал последний Аршакид Арташес IV (422-28гг.), с детронизацией к-рого и марзпанским упразднением

дения Тиграна II в 66г. до н.э. Риму) совсем не случайно последовала спустя 32 года от гибели во 2г. н.э. последнего армянского царя Арташесиды – Тиграна IV, сестрой-женой к-рого была царица Эрато (вспомним о сестре-близнице = духовной суженой Лазаря-Иоанна Марии Магдалине!), и за 32 года до коронации Римом в 66г. н.э. первого армянского царя Парфяниды-Аршакиды – Тиридата.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРОТИВОИУДЕЙСКОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ТИБЕРИЯ

(34г.)

В «Дороге на Иордан» (180-88) нами было анонсировано третье противоиудейское постановление Рима в годы правления Тиберия, как принятое после постановлений 19 и 29гг., и, что важно учесть, после падения (иудофоба) Сеяна (31г.), в 34г. н.э.

Между тем, в том же 34г. было принято связанное с конкретным инцидентом-происшествием, хотя, в общей сложности, далеко не первое (начиная с 59г. до н.э.), римское постановление о запрете тлетворного египетского культа Изиды (Д.И. 182/83), случившееся, вряд ли по случайному стечению хронообстоятельств, в год (подвопросного) появления, согласно Тациту (Ан. 6,28), в Египте, по прошествии-истечении 1460-и юлианских лет (1461 сотический год), птицы Феникс.

Относительно предшествовавшего этому противоизидовскому постановлению инцидента, в «Древностях» (18,3,4) Флавий повествует о скандальной истории всадника Деция Мунда, красавицы Паулины, плутовки-мошенницы Иды и вороватых жрецов храма Изиды. Воспылавший неистовой безответной страстью к истовой приверженице культа Изиды Паулине Мунд, в конечном счёте, невзирая на её первоначально категорический отказ, овладел ею ночью в святилище, с помощью обмана, под видом бога Ануписа, при корыстном содействии/посредничестве вдохновительницы камуфляжно-ночного проекта Иды и корыстолюбивых храмовых жрецов.

Через несколько дней гордая связью с Ануписом Паулина вдруг узнала об обмане из уст самого не сумевшего удержаться от признания тщеславного обманщика Мунда, пришла в негодование и пожаловалась своему мужу Сатурнину, к-рый донёс-доложил обо всём Тиберию. По итогам санкционированного Тиберием строгого расследования, Ида и жрецы были приговорены к распятию, Мунд – к ссылке, а храм Изиды, изображение к-рой сбросили в Тибр, подвергся разрушению.

Кто именно под когноминальным флавиевским Сатурнином (когномен в I/Ивв. Сентиев и Волусиев) – неясно, но, с немалой долей вероятности, мужем молодухи Паулины вполне мог быть одноимённый сын Гн.Сентия Сатурнина (конс.-суф. 4г. н.э.) – консул 41г. н.э., кому на 34г. должно быть (при учёте предполагаемо-

Армении как государства персидскими Сасанидами в 428г. закончилась армянская государственность эпох (189г. до н.э. – 428г. н.э.) Арташесидов и Аршакидов, в интервале между к-рыми, в IV н.э., царствовал, в частности, не Арташесид и не Аршакид – единичный Зенон-Арташес (сын проримско-понтийского царя; внук эллинизированного римлянолюбивого фригийца; правнук М.Антония), помимо к-рого тронными не-Арташесидами и не-Аршакидами в Армении IV н.э. были Иродиане – Тигран V и Тигран VI-й, и иверы – Митридат и Радамист. Притом лишение трона последнего армянского Аршакиды Арташеса IV и сасанидская ликвидация армяно-аршакидской государственности в 428г. имели место в год истечения-исполнения, по армянскому календарю-летоисчислению от праотца hАйка, с эпохой эры в 2493г. до н.э., очередного 1460-летнего периода Сотис-Сириус (тогда как в 34г. н.э. истёк-исполнился имманентный египетский период Сотис-Сириус Аменхотепа Эхнатона).

привилегированного облечения им консульства в возрасте ок. 33-х лет) чуть более 25-и лет (Д.И. 183).

Теперь вопрос в том, что подвигло Тиберия на ближе неизвестное противоиудейское постановление 34г.? Ответ: так или иначе, если не прямо, то косвенно, вселенское Событие Голгофы, к-рое не прошло, вопреки твердешему самовнушению рационал-критиканов и либеральных горе-теологов ново-нового времени, для Тиберия, при к-ром подвизался (не бывший шарлатаном) астролог-эзотерик Фрасилл, незамеченным (Д.И. 186).

Под 21-м тиберианским годом (34/35гг.) Евсевий в «Хронике (150/51) сообщает, со ссылкой на Филона, о намерении Сеяна уничтожить весь еврейский народ. Однако Сеяна с 18.10.31г. нет в живых. Засим можно-должно предположить хроноошибку Евсевия, неверно связавшего (по старой памяти постановления 29г.) с Сеяном какую-то антииудейскую акцию Рима в 34г. А под 22-м годом Тиберия = 35/36гг. — Тиберий у Евсевия угрожает смертью обвинителям-хулителям христиан. Причём Евсевий ссылается на Тертуллиана («Апол.» 5,21) и добавляет, что Пилат доложил Тиберию о христианах, об их вере. Неоднократно обыгранное в апокрифах свидетельство Тертуллиана содержит «предложение Тиберия сенату причислить Христа к сонму богов», к-рое, мол, сенат отклонил, так как предварительно не расследовал дело, в ответ на что Тиберий пригрозил преследователям-гонителям христиан смертью.

Далее, у баечника Павла Орозия (7,4,5-7) Пилат докладывает Тиберию о Крестной Смерти и Воскресении Христа якобы в пору могущества якобы врага христиан Сеяна — в 17-м (7,4,13) году правления Тиберия (= 31г.). Тиберианское предложение причислить Христа к лику/сонму богов отвергается, мало того, сенат принимает решение об изгнании христиан (!) из Рима (!). Главный виновник — враг новой религии Сеян, филоновскую ненависть к-рого к иудеям (делающий Елену Адиабенскую христианкой вместо еврейки) Орозий апологетически-ловкачески переносит (псевдоапологетическим переводом стрелок) на христиан.

Вывод: в кадре какое-то ближе неизвестное противоиудейское (и в защиту христиан от обвинителей?) постановление 34-го г. н.э. Ведь сведения о противохристианских гонениях пресекаются (на время) в Д.Ап. благовестом об обращении в 34г. Савла/Павла (9), поскольку информации о гонениях в период 34 — 37г., до бегства Павла из принадлежавшего с 37г. (волей Калигулы, по смерти Тиберия) арабскому царю Арету Дамаска и последующего Павлова ухода от покушавшихся в 37г. убить его иудеев, из Иерусалима, через Кесарию/Цезарею Приморскую в Тарс, в рассказе Деписателя нет.

Итак, все эти и без того апокрифические, да ещё обросшие мифологическими напластованиями, сообщения Тертуллиана, Евсевия, Орозия и др. давно объявлены церковно-христианскими выдумками и всерьёз не рассматриваются. Рациональные или исторические (либо могущие быть рационально-историческими) зёрна из них не вычлняются. Между тем, сама по себе, полная нереакция всерьёз приверженного серьёзному астрологическому оккультизму Тиберия на Событие Голгофы, на явления, сопровождавшие это событие — грандиозное облачное затемнение (затмение), зримость звёзд днём, землетрясение — попросту непредставима.

Во-первых, о событиях весны 33г. Тиберий, без сомнения, справлялся у Фрасилла, к-рый подтвердил, что случилось нечто экстраординарное, нечто необычайное, не зная в то же время, приложительно к реальности в её глубинной подлинности, что именно произошло-случилось. Во-вторых, (озлобленный на иудеев кесарским нагоняем в свой адрес) Пилат, безусловно, доложил по высочайшему начальству о (в числе прочего) как минимум странном деле Иисуса, называемого Христом, о нетерпимости к Нему, настоявших на Его распятии иудеев, о померкшем в день распятия солнце, о таинственном исчезновении тела из гробницы...

В-третьих, для римлян небо было полно богов и прибавление к божественному сонму очередного бога (нашего полку прибыло!) не таило в себе для них ничего удивительного-невероятного.

Дальше — больше. После тумултарного, без вердикта римской инстанции, каменования-убиения в конце декабря 33г. Стефана, после погрома иерусалимских иудео-христиан, после грянувших против них гонений и их рассеяния, Пилат просто обязан был доложить Тиберию о произошедшем, на сей раз, в вопиющее нарушение римских законов, к-рые не давали иудеям право, в обход римской державной власти, выносить-реализовывать смертные приговоры, тем паче, творить *суд Линча* и погромно-репрессивно самоуправствовать.

Более того, хорошо помня о давешнем кесарском нагоняе в свой адрес, связавшем его по рукам и ногам в деле Иисуса, Пилат доложил кесарю об иерусалимском ЧП декабря/января 33/34гг. с особым смаком, в видах на свою реабилитацию в глазах кесаря, в видах на снятие сделанного ему за конфликт — по поводу внесения им в Иерусалим императорских щитов — с иудеями в 32-м г., весной 33-го г., строгого, чреватого для него печальными последствиями выговора.

И тиберианская реакция воспоследовала. Как именно она выглядела? как прозвучала? в чём конкретно выразилась? — в точности неизвестно. Но, во всяком случае, в течение 34г. (снова) вышло какое-то ограничительное противоиудейское постановление, третье по счёту в пору правления Тиберия, к-рое несколько отыграло назад прошлогодний нагоняй Пилату с единовременными послаблениями для иудеев... И к-рое, т.е. постановление 34г., прямо или косвенно взяло (вполне могло взять) под защиту (самостийно преследуемых иудеями) христиан (жертвенный-блаженный Царь-Мессия к-рых, публично провозгласивший — кесарю кесарево, а Богу Божие, был не от мира сего и не представлял никакой реальной-практической угрозы ни Тиберию, ни Риму, преданный иудеями, как, видимо, и значилось в донесении Пилата, на смерть из зависти).

А касательно тиберианского поползновения сопричислить Христа (сродни Герракулу!) к сонмищу языческих богов, не кто иной как Штайнер (в т.ч., с оглядкой на свидетельство Тертуллиана) говорит: «Вырвавший принудительное посвящение в мистерии Тиберий хотел причислить Христа к сонму богов, но сенат воспротивился этому» (Д.И. 188).

Нельзя не добавить: и слава Богу, что воспротивился (сохранив, как видим, за собой право-способность, несмотря на то, что не столько Тиберий был членом сената, сколько сенат его членом, в некоторых второстепенных вопросах принцепсу-кесарю, — всё-таки, не восточному деспоту, — возражать-перечить)! Вообразите себе подобное профанаторское сопричисление Христа к идолам-кумирам со стороны профессионального профанатора и ликвидатора мистерий языческого Рима, к-рый стоял на уровне *человека психического* (душевного), не умея и не могучи подняться до уровня *человека пневматического* (духовного)!

Если в сатурнальном Израиле, эсктрактом к-рого стали Христос, христиане и христианство, над опустошительным-инфернальным Орифиилом-Сатурном (вопреки кредо его эпохи: *ни посева, ни урожая*), и посевно, и урожайно довлел-возобладал-взошёл, новозаветно победив мир Жертвой и Воскресением Христа Спасителя, солярный Архангел Михаил, то в Риме, как и в отвергнувшем Христа ветхом/ветхозаветном Израиле = Иудея во плоти, продолжал править декадентный бал смертоносный старый Сатурн (без истинного посева и истинного урожая)!

САМАРЯНСКАЯ БОЙНЯ (осень 35г.) И ОТСТРАНЕНИЕ ПИЛАТА (весна 36г.)

Во второй половине, должно быть, ближе к концу следующего 35г. н.э. частично реабилитировавшийся в 34г. в глазах издавшего новое ограничительное постановление против иудеев Тиберия префект Иудеи (Самарии, Идумеи) Понтий Пилат решительно задействовал силу (силовой метод), на сей раз, против самарян. Об этом коротко представленном у Флавия (И.д.18,4,1) инциденте мы не раз как упоминали в связи с хронологией, так и беседовали о нём по факту – и в наших предыдущих книгах (Р.л. 888; Д.И. 1241; Т.Г. 157), и в нынешней монографии (см. выше). Потому остановимся на нём тут, в русле событийности 34 – 37гг., коротко.

Осенью (?) 35г. некий безымянный самарянский псевдопророк, по Флавию, «лживый человек, к-рый во всём легко влиял на народ», возбудил-побудил множество единоплеменников-единоверцев собраться в деревушке Тирафана у подножия священной для самарян горы Гаризим и совершить, под его предводительством, торжественное восхождение на гору, где, мол, он «покажет им зарытые тут священные сосуды Моисея». «Однако Пилат предупредил это, выслав вперёд отряды всадников и пехоты, к-рые неожиданно напав на собравшихся в деревушке, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они захватили также многих в плен, Пилат же распорядился казнить влиятельнейших и наиболее выдающихся из этих пленных и беглецов».

Кто был этот не называемый Флавием по имени лжепророк? и как именно он кончил? – вопросы, ибо ни его пленение, ни его казнь, в числе захваченных римлянами влиятельных самарян, историком не оговариваются, или, по крайней мере, отнюдь не обязательно из флавиевских слов выводятся. Б.м., в объективе, как мы предположили, не подпавший пленению и казни, т.е. сумевший скрыться, (ересиарх) Досифей? что можно считать подвопросным.

При всех случаях, это выступление самарян, чаявших-ожидавших, отлично от иудеев (к-рые ожидали Мессию из колена Иуды, дома-рода Давида), Восстановителя-Обратителя, к-рого они наывали «Тахеб», из дома Иосифа и Иисуса Навина, как само по себе, так и по датам-срокам, симптоматично-показательно.

Машиах бен Иосиф и Машиах бен Давид, в лице-лицах Иисуса Соломонида и Иисуса Нафанида, сыновей Иосифовых из дома-рода Давида по их отцам-родителям, равно потомков Иосифа-Израиля, по линии их матерей, иосифлянок-эфраимиток, родных сестёр – Марии Старшей и Марии Младшей, *уже* пришли (1/1гг.). И Иисус Соломонид *уже* пожертвовал своё Я Иисусу Нафаниду (14г.); и Иисус из Назарета *уже* принял, вобрав в Себя Дух Солнца, водное иорданское Крещение от-через Иоанна (30г.); и Иисус Христос *уже* взошёл на крест Голгофы и воскрес из мёртвых (33г.). А большинство самарян, как и большинство иудеев, продолжали прихода своих Мессий, не увидев и не услышав Таинство Голгофы, всё нетерпеливее чаять-высматривать-ожидать.

И не удивительно, что именно в среде позиционировавших-переживавших себя истинными израэлитам-десятиколенниками ветхозаветных пятикнижников самарян, после успешной проповеди в Самарии сначала Малого Апостола Филиппа, затем Больших Апостолов Петра и Иоанна, после обращения-крещения многих самарянских неопитов, мессианские чаяния-ожидания местных ветхозаветников обострились.

Если часть самарян обратилась в 34г. к Завету Новому, то другая часть, большинство, жаждало исполнения (уже Исполнившихся) Вреён в дименсиях Завета Ветхого. Флавий не уточняет, притязал ли самозванец 35-го г. на статус преемственного Моисею «пророка верного» (Вт.18,15; 1Мак.14,41), но похоже, что призыв подняться на освящённую гору за, дескать, сокрытыми там до определённого срока

сакральными Моисеевыми сосудами свидетельствует именно о таком раскладе? Или этот псевдопророк считал себя непосредственным предварителем-предтечей грядущего «Тахеба»?

Ан — не тут-то было. Заведомо оповещённый о готовящемся несанкционированном Римом предприятии Пилат, углядев в нём преступный умысел, или проявление нелояльности к Риму и кесарю, или угрозу мятежа, или собственно мятеж, нанёс, уверенный в своей правоте, вверенной ему прокураторской властью, превентивный удар. Он направил в Самарию, к подножию г. Гаризим, в сборную деревушку Тирафана, из своей постоянной прокураторской резиденции Кесарии Палестинской одну из находившихся в его наместническом распоряжении пяти римских когорт и кавалерийскую алу — пехоту и всадников. Те внезапно напали на приготовившуюся к восхождению толпу и устроили бойню. Вернее, в результате нападения вооружённого римского воинства на фанатично возбуждённую толпу произошла неминуемая бойня, за к-рой последовали пленение и казни влиятельных самарян и беглецов.

Обратим внимание на непреклонное поведение Пилата, столь же решительного, как в 26 — 32г., и даже жёстче-решительнее, чем дополнительно подтверждается вышеозвученная нами версия изменения положения дел, после тиберианского нагоняя ему в 33-м г. (чем, во многом, было обусловлено Пилатого трусливое малодушие по делу посланного им на крест Иисуса), в его пользу в 34-м г. Иначе говоря, во-первых, он не сделался мягче, во-вторых, суровый прокуратор конфликтовал, руководствуясь вполне определённой римско-управленческой моделью, в пределах вполне определённой схемы, не только с иудеями. И всё-таки, пресловутое дело Иисуса было той занозой в его сердце, тем неразрешимым внутренним конфликтом, к-рый позднее приведёт его, сосланного Калигулой в Галлию, к самоубийству — 39г.

А в 35г. он, как и в конфликте с иудеями (выставление надписанных императорских щитов в иерусалимском экс-царском дворце) в 32г., опять, притом на этот раз побоишно, проведя по сути масштабную карательно-военную операцию, перегнул палку. Ведь даже избиение им в 29г. иудеев, когда последние воспротивились взятию-изъятию прокуратором денег для сооружения водопровода из храмовой крововишницы, не было ни столь массовым, ни столь кровопролитным.

Правда, теперь ситуацию разрулило не прямое вмешательство Тиберия, кто в 35г., в свете обострения римско-парфянских отношений после кончины Арташеса Армянского и притязаний Артабана Парфянского на Армению, снарядил на Восток, в ранге наделённого расширенными региональными полномочиями (по типу полномочий августейшего экстраординарного легата Квирина — 4 — 7гг.), специального сирийского легата — консулара Л.Вителлия.

И вот представители верховного совета самарян подали Вителлию жалобу на жестокие действия Пилата, параллельно расшаркавшись в самарянской лояльности и заявив, что они не предпринимали и не собирались предпринимать ничего против Рима, плюс к тому, сказав, что толпы самарян «пошли в Тирафану вовсе не с целью отложиться от римлян, но для того, чтобы уйти от насилий Пилата» (И.д. 18,4,2). Т.е., если Пилат квалифицировал сборище у подножия горы, с последующим восхождением за какими-то священными сосудами, как мятежную попытку отложиться от римлян, то руководители самарян изобразили-представили самарянские намерения как вынужденную, ни в коем разе, не направленную против Рима и кесаря, реакцию на Пилатовы насилия.

Контраргументация, конечно, более чем сомнительная, но факт в том, что Вителлий откликнулся на самарянскую жалобу, найдя её справедливой. Прибыв весной 36г. в Палестину, он сместил Пилата с должности и велел ему отправляться, чтобы держать ответ за содеянное перед императором, в Рим/Италию. Пилат же, что

обращает на себя внимание, добирался туда (сдав ли дела своему назначенному Вителлием преемнику Марцеллу⁹⁰, по каким-то причинам, не сразу? или из-за задержавшей его где-то в пути зимней непогоды 36/37гг.? или из-за приковавшей его на какое-то время к постели болезни?) довольно долго, прибыв на место лишь после кончины Тиберия, и будучи, тем не менее, сослан в Галлию (за нерадивое провинциальное управление) уже Калигулой (37г.).

К сожалению, из наличного флавиевского текста не очень ясно, во-первых, когда и где именно самаряне пожаловались Вителлию (в конце 35г. в Антиохии? или весной 36г., в Палестине, по пути легата в Иерусалим?), и, во-вторых, неясно, когда/где именно Вителлий вынес решение об отстранении Пилата (весной 36г. в Кесарии?). Однако, во всяком случае, инцидент у горы Гаризим, по всему, случился не ранее осени 35г., поскольку Пилат был отстранён накануне весенней Пасхи 36г., иначе говоря, между инцидентом и отстранением не может пролежать слишком много времени.

И весьма символично, что почти одновременно с Пилатом, на иудейскую Пасху 36г., прибывшим в Иерусалим Вителлием был также уволен в отставку классически переигравший Пилата в 33г., при решении судьбы Иисуса из Назарета, неприснопамятный иудейский первосвященник Иосиф Каиафа. Впрочем, обо всё этом мы ещё побеседуем в следующей части книги.

КОНЧИНА ТЕТРАРХА ФИЛИППА

(весна 36г.)

В 36г. н.э., после 1 нисана, весной/летом, скончался тетрарх Филипп – сын Ирода от иерусалимлянки Клеопатры, родившийся в 18/17гг. до н.э. сводный мл. брат Иродовых сыновей от самарянки Мальфисы – Архелая и Антипы. О Филиппе, в связи с идентификацией его персоны и хронологией его правления, мы не единожды беседовали в предыдущих книгах, к материалу к-рых и отсылаем читателя (Р.л. 693/94; 794/95; 883; 887-92; 924; 974; 978; Д.И. 179/80; 1251-54; Т.Г. 171-74; 669-93).

Причём умер он отнюдь не на 20-м (= 33/34гг.), как ошибочно стоит у Флавия в «И.д.» (18,4,6) и повсюду в источниках, а на 22-м году Тиберия, прокняжив, согласно (неверно в ошибочном интервале 3г. до н.э. – 34г. н.э. суммирующему годы тетрарха) Флавию (см. Р.л.), 37 лет (37-й год), и, как проставлено на введших и вводящих многих историков в заблуждение, монетах Филиппа, на 37-м юридически-нумизматическом году своего правления, к-рое в действительности исчисляется с 1 нисана 1г. до н.э. Поскольку Филиппов предшественник, царь Ирод, умер до 1 нисана 1г. н.э., между тем как по иудейским нормам: «Если царь вступает на престол 29 адара, то с наступлением 1 нисана он считается процарствовавшим целый год». Т.е. сумма лет правления Филиппа, формально исчисляющихся с 1 нисана 1г. до н.э., даёт на время его смерти после 1 нисана 36г. н.э. как раз 37-й год княжения, хотя фактически он прокняжил всего 35 с гаком лет (1 – 36гг.), о чём Флавий, увы, толком не знает и по поводу чего грубо ошибается.

В 1г. н.э. Август утвердил Филиппа, в унисон завещанию Ирода, тетрархом над Батанеей, Трахоном, Авраном и «уделом Зинодора», что в шестизначном синхронизме Ев. от Лк. звучит, на момент явления Иоанна Крестителя осенью 28г. из

⁹⁰ Возможно, наместнический статус этого ближе неизвестного Марцелла, как назначенца Вителлия, несколько отличается от статуса его предшественников, т.к. у Флавия он буквально назван (по небрежению ли?) не наместником (префект/прокуратор), а (почему-то) «надзирателем».

пустынь Израилью, следующим образом: «Филипп, брат Ирода (тетрарха Галилеи и Перей), был четверовластником в Итурее и Трахонитской области».

На ком Филипп был до 25/26гг. женат и когда, по всей вероятности, овдовел — неизвестно. Но в 25/26гг. он женился на Иродиаде, к-рая, дочь Аристовула (сын царя Ирода I-го от Хасмонейки Мариамны) и Береники (дочь сестры Ирода Саломии), приходясь сводной племянницей Филиппу, перед тем была замужем за его сводным братом Иродом Боэтом, сыном Ирода Ст. от дочери первосвященника Симона Боэта Мариамны II. Последний умер ок. 23г. н.э. и именно от него Иродиада, не имея сыновей, имела дочь Саломию. Притом никогда не бывший тетрархом Ирод Боэт (Безземельный), никогда не звался Иродом Филиппом, а путают его с трахонским тетрархом Филиппом, к-рый нигде не зовётся династическим именем Ирод, из-за ошибочной информации Флавия. Однако, об этом см. «Р.л.» и «Д.И.».

Далее, в 30г. н.э., Иродиада, забрав дочь Саломию, безразводно ушла от Филиппа к его брату — галилейскому тетрарху Антипе, за что её и Антипу клеймил заточённый Иродом, по наущению Иродиады, в узы (конец 30г.) Иоанн Креститель. Лишь во второй половине 32г. (после казни Предтечи в цитадели Махэрус 31.03.32г.) иродианские династы помирились: Филипп дал Иродиаде законный развод, сам женившись (ок. 49-и лет отроду) на её 13-летней дочери — Саломии, чем конфликт был юридически исчерпан и скандальный мезальянс (Антипа — Иродиада) сделался брачным альянсом.

Флавиевский некролог даёт Филиппу, однозначно, лучшему из сыновей Ирода и прочих репрезентантов иродианской фамилии-династии, весьма лестную характеристику. «Его правление отличалось мягкостью Он провёл всю жизнь в пределах подчинённой ему области. Когда ему случалось выезжать, он делал это в обществе нескольких избранных. При этом за ним всегда возили его кресло, сидя на к-ром он творил суд. Если по пути к нему являлся кто-либо с жалобой, то он, недолго думая, тут же ставил кресло, садился на него и выслушивал обвинителя. Виновных он тут же подвергал наказанию и немедленно отпускал тех, кого обвинили несправедливо...» (И.д. 18,4,6).

Никаких иных, из иных источников, сведений, помимо пестрящих ошибками и накладками христианских апокрифов, к-рые здесь упоминать излишне, о княжившем в I — 36гг. Филиппе нет. Беспретенциозный, неамбициозный и не склонный к тирании домосед, он, довольствуясь всю тетраршую жизнь данностью, предпочитал спокойное умеренное княжение-правление в пределах собственного, забытого, вернее, наоборот, как оказалось не забытого Богом, княжества — с центром в Кесарии Филипповой, в окрестностях к-рой Пётр исповедал Иисуса Христом (6.07.32г.).

Будучи безупречным верноподанным Рима, Филипп не совершал вояжи в Центр, не интриговал против кого бы то ни было и вовсе не стремился к царскому, довольствуясь тетраршим, титулу-венцу, на к-рый зарился, в особенности после того как этим титулом обзавёлся — 37г. — (голоштаный) Агриппа, подбиваемый Иродиадой Антипа. То-то и Евангелие представляет Филиппа сугубо как брата Ирода, притом нейтрально и не именуя его Иродом — подчёркнуто троичное, личностное и фамильно-династическое, евангельское наименование-характеристика трёх негативно-отрицательных-одиозных, в трёх поколениях, Иродиан — Ирода I, Антипы и Агриппы I, в число к-рых Филипп не входит.

С др. стороны, только Филипповы, из всех иродианских династов, монеты, содержат портретные изображения, но не ради унижения иудеев и не из пренебрежения к еврейскому закону, а потому что миролюбивый трахонский тетрарх правил заиорданскими областями с, в подавляющем большинстве, языческим населением.

Относительно строительных предприятий-мероприятий этого тетрарха, мы знаем об отстройке им Цезареи — речь идёт об обращённой ещё Иродом Старшим ок.

3/2гг. до н.э. в Цезарею Пании, к-рая получила при Филиппе название Цезаря Филиппова, плюс – о галилейской Вифсаиде, обращённой в Юлиаду также ещё ок 3/2гг. до н.э. Иродом и затем отстроеной при Филиппе. В «И.в.» повествуется о научной инициативе Филиппа по установлению истоков Иордана (3,10,7).

Флавий: «Так как Филипп не оставил после себя потомства, Тиберий взял его область к себе и присоединил её к Сирии. Впрочем, доходы с этой территории он распорядился сохранить за ней» (И.д. 18,4,6). Т.е. это решение старого медлительного Тиберия, к-рый сходно поступил с авилинейской тетрархией умершего, вероятно, в том же 36г. Лисания (Д.И. 1254-57), или к-рый не спешил утверждать преемника умершей в 36г. Пифодориды Понтийской (пережившая сына мать Зенона-Арташеса), было временным. А Калигула, едва став весной 37г. кесарем, вручил давешние тетрархии Филиппа и Лисания своему тотчас освобождённому им из полугодичного тиберианского застенка дружку Агриппе, наградив его царским титулом и позднее ещё предоставив в его распоряжение владения сосланного в 40г. вместе с Иродиадой Антипы (см. ниже).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И АНОНС

Возвращаемся к Савлу/Павлу, к-рый, после постигшего-настигшего его судьбо-носно-сменовеховского События на пути в Дамаск и после его обращения-крещения в Дамаске весной 34г., не пошёл в Иерусалим к предшествовавшим ему Апостолам, а пошёл в Аравию и опять возвратился в Дамаск (Гал.1,17). Снова зададимся вопросом/вопросами: в какую именно из трёх Аравий – Набатейскую, Сабейскую, Центральную? в одну ли? в две ли? один ли – в достаточно долгом интервале 34 – 37гг. – раз? Ходил ли он туда отшельником в медитативное уединение? или не только, но обратив ко Христу некоторых аравитян? – из числа прозелитов, к-рые, несомненно, имелись и в Аравии.

Не была ли таинственная Аравия сакрариумом древних Мистерий Феникса! вряд ли случайно актуализировавшихся в связке с Египтом (истечение эхнатоновского периода Сотис-Сириус) именно в 34г. Впрочем, рекомендуем читателю, в ракурсе загадочного хождения или хождений Павла в Аравию, подробностями о чём сам Павел в Посланиях не делится, обратиться к тому, что мы сказали-поведали о тройственной Аравии в наших предыдущих книгах (Д.И. 765-70; Т.Г. 195-206).

Ныне же, завершая данный, в ключе летописной истории-сасра, раздел нашего хроноповествования, посвящённый событиям-свершениям 34 – 37гг., основная часть к-рых выпала (заложив их основу, с опорой на фундамент 33г.) на, как видим, 34г., ещё раз чётче акцентируем метахронологию Д.Ап.(7-11) в пределах 33/34 – 37-го, плюс – 40/41-го гг.

Таким образом, рассеявшиеся от гонения бывшего после Стефана первохристиане прошли за, в общей сложности, 7 – подлежащих (при более детально-внимательном рассмотрении) уполовинению-дифференциации – лет, через Иудею, Самарию, Галилею (основные, за пределами Иерусалима, палестинские центры-очаги первохристианства), до Кипра, Финикии, Антиохии, никому не проповедуя слова, кроме: перво-наперво и в основном – иудеев (евреев и еллинистов); потом – самарян; и потом – прозелитов. К последним же, вероятно, начиная уже с 37г. или после 37г., прибавились первые симпатизировавшие иудаизму язычники, грань между к-рыми и необрезанными прозелитами «врат» была не всегда различима.

Причём уполовинить означенные-названные сроки по срединно-водораздельной линии 37г. н.э. позволяет следующее. С одной стороны, в 37г. в Иерусалим пришёл из Дамаска (бежав оттуда), после своего трёхлетнего дамасско-аравийского

отсутствия, Савл/Павел (вынужденный вскоре уйти от посягательств-покушений на него иудеев через Кесарию в Тарс), тогда как со стороны другой, сообразно церковно-христианской традиции, именно в 37г. Апостол Пётр (у кого Савл пробыл в Иерусалиме дней 15) основал-учредил антиохийско-христианскую церковь. И нет ничего невозможного в том, что Пётр мог побывать в Антиохии-на-Оронте в 37г.

При всём том, обращение, в т.ч., первых язычников уже с 37 или с 37/38гг. можно вывести из слова Дееписателя о проповеди в космополитической Антиохии некоторых из Кипрян и Киринейцев (христиане-еллинисты с Кипра и из Кирены) Еллинам (11,19/20), под к-рыми, по всей видимости, уже не только прозелиты «врат», но и первые благосклонно-неравнодушные к иудейской вере симпатизанты-язычники.

Ведь дальше говорится о реакции на это Церкви Иерусалимской, специально снарядившей в Антиохию кипрянина Варнаву, к-рый, во-первых, одобрил, возрадовавшись, миссионерски содеянное кипрянами/киринейцами, и во-вторых, пошёл в Тарс, откуда привёл с собой в Антиохию Савла (11,22-25), что произошло не ранее осени 40г., в то время как Варнава обретался в Антиохии с первой половины этого года (см. ниже). И снарядили его туда по причине обращения именно или, в большей мере, первых язычников, так как единичные-некоторые прозелиты «врат» были обращаемы и прежде. Хотя традиционно-символически первым обращённым язычником считается обращённый Петром в 40г. в Кесарии римско-италийский сотник Корнилий (см. ниже).

Похоже, что, продолжив дело проповеди кипрянами и киринейцами слова Божия первым язычникам, Савл обратил первых (не в Палестине) язычников несколько раньше, чем Пётр Корнилия, кто, тем не менее, есть первый известный по имени язычник, обращённый князем Апостолов в Палестине. Ниже Дееписатель специально оговаривает «целый год» собраний учеников Антиохийской церкви, к-рые здесь, в Антиохии, «в первый раз стали называться христианами» (11,26), и дальше говорит о приходе из Иерусалима в Антиохию пророков, один из к-рых Агав «предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, к-рый и был при кесаре Клавдии» (27/28).

Стало быть, налицо две охватные и одна промежуточно-срединно-узловая хроноопорные даты-датировки – 33/34 – 37гг., и «целый год» собраний христиан в Антиохии = 40/41гг., маркируемый предсказанием о великом ойкуменическом (глобальном) голоде времени правления Клавдия (41 – 54гг.), к-рый длился не один год, разразившись-случившись в 42/43/44гг. Т.е. Агав должен, по тексту Д.Ап., предвидеть-предвозвещать этот большой голод заранее – не позднее 41г., уже в пору кесарства Клавдия, к-рое стартовало после январского убийства Калигулы в начале 41г.

Между тем, заключительные стихи 11-й гл. Д.Ап.(29/30) о денежной помощи, присланной антиохийскими христианами христианам иерусалимским через специально уполномоченных на то Варнаву и Савла, во время голода при Клавдии, относятся ко времени голода в Иерусалиме/Палестине и к благотворительному приходу Варнавы и Савла в Иерусалим, что имело место в 43/44гг.

Однако отложим, анонсировав соответствующий необходимый обзор, хроноповествовательное живописание событий в рамках истории-sacra (= метаистории) начиная с 37г. н.э., к-рым завершается вышепредставленная нами трёхлетка 34 – 37гг., на будущее (всему своё время). И приступим, на материале, прежде всего, «Анналов» Тацита и «Римской истории» Диона (плюс – Светоний и Флавий), к анналистическому рассмотрению-разбору заключительной трёхлетки кесарства-принципата Тиберия, в рамках истории-profana, к-рая (не парадоксально ли!) открывается у Тацита *сакральным* уведомлением о таинственном появлении в Египте аравийского Феникса.

ЧАСТЬ IV

РИМ И МИР

34 – 37 гг. н.э.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ И КОНЕЦ ТИБЕРИЯ

34г. н.э.

1 января 34г. н.э. = 787г. а.У.с. в Риме в консульство вступили П.Фабий Персик и Л.Вителлий.

Павел Фабий Персик был сыном П.Фабия Максима – консула 11г. до н.э., близкого друга и родственника Августа (Р.л. 518). Оригинальность его *tria nomina*, в ряду представителей патрицианского рода Фабиев, в следующем. Во-первых, когномен одного из их предков – победителя Персея Македонского в сражении 168г. при Пидне (Македонская война 171 – 68гг.) – Л.Эмилия Павла (конс. 168г. до н.э.), один из сыновей к-рого усыновился в *gens Fabia*, стал в роду Фабиев номеном (личное имя). А во-вторых, имя побеждённого Эмилием (старшим) Персея, в войне против к-рого участвовал усыновлённый Фабиями Эмилий (младший) (Полибий 29,14; Ливий 45,1; 27), впоследствии воевавший в Испании и осаждавший (133г.) Нуманцию (Аппиан «Иб.» 65), сделалось у интересующего нас сейчас представителя этой ветви Фабиев когноменом в прозвищной форме «Персик».¹

Кроме того, Сенека (*De benef.* 2,21) называет современных ему Фабиев потомками Фабия Максима Аллоборгика, консула 121г. до н.э., кто вместе с Домицием Агенобарбом победил в Галлии аллоборгов и авернов, воздвигнув в честь одержанной победы монумент как на поле битвы, так и в Риме – *forum Fabianus*. Был уважаем и чтим римлянами до самой смерти (Валерий Максим 6,9,4).

Кв.Фабий Максим – внук Фабия Аллоборгского, служил, как легат Цезаря, под его началом в Испании – 46г., за что Цезарь сделал его консулом-суф. следующего года, – тем самым, к-рый скоропостижно скончался 31.12.45г., и кому диктатор нашёл на несколько оставшихся часов уходящего года формальную, по своему усмотрению, замену (что было воспринято старореспубликанцами как издевательство над Республикой).

Старший из сыновей этого Фабия, Павел, род. ок. 46г. до н.э., был женат на Марции – дочери мл. сестры матери Августа – Атии (от консула 39г. Г.Марция

¹ Фабии – древний род сабинского происхождения, получивший свою фамилию (жентильный номен) от прозвища их предка, сотоварища Рэма при основании праздника Луперкалий (5.12.), жреческое обслуживание к-рого они производили-обеспечивали, со дней Ромула, в паре с Квинктилиями: луперки Квинктилии – с Палатина, и луперки Фабии – с Квиринала (Р.л. 674). Если по заимствованному у Варрона Плинию (18,10), их фамильное имя восходит к слову «*fabā*» – «боб», в смысле – «сеятели бобов», то по Плутарху («Фаб.» 1,2), – от «*fovii*» – «волчьи ямы», или от «*fodii*» – «копатели», в смысле – «охотники, устраивающие волчьи ямы». Луперк – одно из проявлений зверобога Фавна (празднество к-рого справлялось 5.12. – в день Фавна и Фавналий). Луперки – «волчье», и одновременно – «пастушье», в защиту от волков, братство, – жреческая коллегия, состоявшая из представителей Фабиев и Квинктилиев (Р.л. 674).

Цензорина, сын к-рого — одноимённый консул 8г. до н.э.), и будучи близким другом Августа, уже в 10г. до н.э., т.е. без соблюдения постконсульского перерыва, отправился наместничать в Азию, где отпроконсульствовал (вместо одного положенного) 2 года. И где запомнился введением в Азии календаря юлианского образца, с длиной месяцев в 30/31 день, со вставкой високоса каждые 4 года, при начале года в день рождения Августа — 23.09. (Р.л. 518; 540/41; 543; 1294; 1310/11).

Тем временем, его мл. брат Африкан Фабий Максим консульствовал в 10г. до н.э. совместно с последующим «виолатором» (осквернителем) дома Augusti Ю.Антонием. Дочь же П.Ф.Максима, Фабия Нуманция, ст. сестра Персика, была женой консула 14г. н.э. С.Апулея — внука ст. сестры Августа — Октавии Ст., и сына консула 29г. до н.э.

И вот как раз в 14г. н.э. Август, за несколько месяцев до своей кончины, в сопровождении Фабия (якобы втайне от Ливии), отплыл на Планазию, чтобы повидаться и помириться со своим опально-ссылным с 7г. н.э. внуком Агриппой Постумом. Причём жена Фабия, Марция, кому-де супруг неосторожно поведал о тайной поездке, рассказала о ней Ливии, та — Тиберию, вследствие чего, мол, Фабий незадолго до кончины Августа скоропостижно скончался.

Здесь налицо противوليвианский-противотиберийский слух, ничего общего с реальностью не имеющий. Супергосударственник Август (даже буде он сплавал из чисто дедовских чувств к им же сосланному внуку на остров) был не того поля ягодой, чтобы, тщательно урегулировав вопрос т.н. республиканского престолонаследия, по сути, в пользу Клавдиев (женой Клавдия Германика была внучка Августа, дочь Юлии — Агриппина), делать напоследок какие-либо политические ставки на последнего полу-Юлия — неадекватного Агриппу Постума, к-рого он сам не усыновил и от управления государством расчётливо-дальновидно (во избежание гражданской распри) заблаговременно отстранил.

Стало быть, Фабий Максим, по всей вероятности, умер в 14г. вполне естественной смертью, как люди нередко умирают в возрасте ок. 60-и лет. Ещё о нём известно, что он побывал ок. 3/2гг. кесарским легатом Тарраконской Испании. А главное, более склонный к богеме, чем к политике, был близко дружен с Горацием (Сарм. 4,1) и Овидием («Письма с Понта» 1,2; 3,3), к-рый называет его даровитым оратором, хотя небезызвестный злыдень Кассий Север отзывался о его риторских способностях, согласно Сенеке Ст. (Contr. 2,4,11), пренебрежительно-негативно.

Сын Фабия Максима Фабий Персик родился, как поздний ребёнок, видимо, в 1г. н.э., поскольку не приходится сомневаться в облечении им ординарного консульства в 34г. по льготному возрастному ранжиру — на 33-м году жизни. Притом в фастических консульских списках его имя стоит первым, несмотря на то, что его незнатный напарник Л.Вителлий — консул не в привилегированном старореспубликанском возрасте (43 года), был лет на 10 старше. С др. стороны, ещё до достижения минимального сенат(ор)ского возраста (25 лет), Фабий — член коллегии Арвальских братьев (СIL 6,32340; 20,236), с участием в заседаниях коллегии — в 27, 35 и 36гг. (6,2024/25); плюс — членство в коллегиях понтификов и *sodales Augustales*.

По Диону (58,24,1/2), консулы-орд. 34г. торжественно справили две децелалии правления Тиберия, т.е. тронно-республиканское 20-летие кесаря = два десятилетия тиберианского принципата. Судя же по тому, что сообразно «Fasti Ostiensis» (10,901/02), Фабия и Вителлия довелось консульствовать до 30.06., после чего их место с 1.07. заняли суффекты, празднование тиберианско-кесарской годовщины пришлось на 26.06. — день особенно памятного-дорогого Тиберию усыновления его Августом в 4г. н.э., с последующим получением им (1.07.) империяльного трибуната (Р.л. 1147/48).

Больше Персик ничем себя в свадебно-генеральском достоинстве консула (мавзолейно-нетленной Римской республики) не проявил. При Калигуле – участвовал в отправлении культовых действий как *frater Aruales* (6,2028/29). При Клавдии, по-прежнему, заседал в коллегии, о чём свидетельствуют фрагменты «Акт» за 41, 43/44/45гг. Согласно «Acta Ludogum» за 47г., принимал участие в подготовке и проведении Секулярных торжеств. Сопринадлежал к друзьям Клавдия, к-рый в своей посвящённой огражданствлению – «*Ius honogum*» – определённой части галлов речи (13,1,1668) от 48г. называет его «*amicus meum*». Сопровождал кесаря в Британском походе 43г.; ок. 45/46гг. управлял Азией. Сохранилась 1/6 часть его эпитафического послания эфесцам, по поводу финансирования учреждённых Веддием Поллионом состязаний в эфесском Себастеоне.

Умер Фабий Персик, надо полагать, не позднее 55г., т.к. в арвальских фрагментах этого года и позднее его имени нет (6,32352). То же подтверждают резкие выпады Сенеки (*De benef.* 2,21,5; 4,30) против него (за, в частности, аморальный образ жизни), по всему, уже покойника, к-рый-де всем обязан исключительно громкому имени предков, в начале правления Нерона. Правда, тут следует учитывать, что Сенека был несколько закомплексованным перед римской элитой испанским провинциалом, кто вдобавок к тому, очень не жаловал друзей отправившего его в корсианскую ссылку (пусть с подачи Мессалины) Клавдия.

Впрочем, само имя патологического любителя наслаждений Персика, дружившего с величайшим гурманом и обжорой своего времени М.Гаем Апицием (Элиан «Фргм.» 111), сделалось, сообразно опирающемуся на строгонравного стоика Сенеку (сказавшего о Персике – «*homo eiusdem infamiae*») Моммзену, «синонимом бесприимной порочности в беспримерно порочное время» (RE 6,2 Fabius, S.1834).

* * *

Относительно Персикова соконсула Вителлия, по Светонию, согласно одному из удревнительных преданий, Вителлии происходят от Фавна, третьего после Сатурна царя аборигенов – союзного Энею древнего италийского племени, и от древней италийской богини Вителлии, какие-либо сведения о к-рой отсутствуют.

Поначалу аборигены правили всем Лациумом, а позднее их отпрыски переселились от преследований сабинян в Рим. В память о них называется дорога *via Vitellia* – от Яникула до моря. Колонию Вителлия в земле латинского племени эквов упоминает под 393г. до н.э. Ливий (5,29). Далее, когда во время Самнитских войн, – II-й – в 327 – 04гг., и III-й – в 298 – 90гг., – римляне ходили в Апулию, некоторые из Вителлиев остались в Нуцерии, тогда как их потомки, много времени спустя, возвратились в Рим и заняли место в сенате (Свет. «Вит.» 1). Последнее, похоже, верно, в то время как аборигенская версия могла появиться в IV. н.э., нужная для легитимизации вышедшим в римские верхи братьям Вителлиям, и особенно сыну Л.Вителлия Авлу – (позорному) кесарю Смутного (римского) времени в 69г. н.э.

Так или иначе, родившиеся в интервале 20 – 10гг. до н.э. четыре брата Вителлия – Авл, Квинт, Публий и Луций (Р.л. 888/89; 901; Д.И. 29-31; 37/38; 92; Т.Г. 642-45; 993), называюся у Светония (1/2), для кого древность их рода подвопросна, сыновьями римского всадника (управителя имений Августа) из Нуцерии.² К слову,

² Нуцерия – стратегически важная область Кампании между Везувием, Апенниннами и *Mons Lactarius*, на позднейшей Попилиевой дороге, между Нолой, Помпеями и Беневентом – на севере, и Салернским заливом – на юге. В 308г. до н.э. была завоёвана римлянами;

злосыкий Кассий Север выводил Вителлиев, точнее, их отца-всадника, от деда-вольноотпущенника, к-рый-де женился на доступной женщине – дочери некоего Антиоха (судя по имени – неримлянина).

Второй из братьев – Квинт, был исключён в 17г. н.э. из сената, по Тациту («Ан.» 2,48), – за расточительство и распутство; по Светонию (2), – попав под чистку нежелательных лиц. Третий – Публий, – с ок. 12гг. легат легиона в Мезии, под управлением Поппея Сабина, отвоевал – 13г. – захваченную гетами крепость Эгисс. В 14г. облакал претуру; 15г. – командовал двумя легионами под началом Германика в Германии; 16г. – собирал налоги в Галлии; 17/18гг. – наместничал в Понте-Вифинии. Затем присоединился к свите Германика на Востоке, побывал с ним в 19г. в Египте; выступил в 20г. одним из обвинителей Гн.Пизона.

Потом, в 20-е гг., заведовал военной казной (*aerarium militare*) и не отказывал (да и не мог отказать) Сеяну в щедрых субсидиях. За это попал после падения временщика (31г.), как сеянист, под следствие, оказавшись на время следствия под надзором (домашний арест) старшего брата Авла, кто облакал в 32г., в возрасте ок. 50-и лет, консульство-суф., сменив ординария Камилла Скрибониана во второй половине года и умерев в должности до истечения консульского срока. Причём его содержавшийся под домашним арестом брат скончался до него. Сначала он вскрыл себе в тоске вены перочинным ножиком, но был спасён и выхожен домочадцами, однако, тем не менее, вскоре заболел и умер.

В отличие от ст. братьев, самый младший, Луций, был консулом-орд. трижды, в 34, 43 и 47гг., правительски замещал Клавдия в Риме во время Британской кампании 43г. и цензорствовал в паре с Клавдием в 47/48гг., достигнув таким образом высот в его роду неслыханных-невиданных, мало того, родив на свет от Секстилии (Тацит «Ист.» 2,64,2) недоразумение и апогей рода Вителлиев в лице горе-кесаря Авла Вителлия. С юных лет Луций был близок к дому Цезарей, почтительно подвизаясь при Антонии Младшей (Ан.11,31). Его доконсульский *cursus honorum* неизвестен, консульство же он облёк, как сказано, не по льготному ранжиру, в возрасте ок. 43-х лет.

А после консульства, в 35г., Тиберий назначил его легатом вакантной, по смерти Помпония Флакка (34г.), Сирии с расширенными, в русле обострения римско-парфянских отношений из-за Армении, региональными полномочиями (*legatus extraordinarius*), т.е., Вителлий, без сомнения, обладал соответствующими управленческими способностями. Да и придирчивый Тацит пишет о его, невзирая на позорное лизоблюдство при Калигуле и Клавдии, провинциальном управлении – «с поистине древнею доблестью» (Ан. 6,32).

Кстати, с оглядкой на его старшего брата Публия, и даже на его многопорочного сына Авла, можно сказать об отличительной черте Вителлиев – совмещать умелое и совестливое управление провинциями с махровым конформизмом по отношению к правителям, временщикам и фавориткам в Риме. Так, если Публий, позднее покорный клевет Сеяна, образцово управлял Понтом-Вифинией, то Авл, из числа развратных тиберианских подростков-спинтриев (изобретатели чудовищных наслаждений) на Капри, в дальнейшем непомерный обжора и распутник, на редкость бескорыстно отпроконсульствует (ок. 64г.) в Африке (Ист.2,97). И делает он это, резко контрастируя со своим корыстолюбивым африканским предшественником Веспасианом, из к-рого затем выйдет весьма дельный кесарь, отлично от его гнусного и бездарного предшественника и соперника в кесарстве – Вителлия.

невзирая на разрушение Ганнибалом в 216г. и репрессии италийских созников в 89г., сохранила верность Риму. В 73г. до н.э. была сожжена восставшими рабами Спартака. С середины IV в. н.э. – ветеранская колония римского права. Со второй половины IV в. – постепенный упадок.

В 35г. Тиберий инспирировал вторжение Митридата Иверского в Армению с севера и переправу римского *засланного казачка* Тиридата (после смерти Фраата) в Парфию с юга, осуществление чего было поручено, в видах нанесения двойного удара по Артабану, экстраординарному сирийскому легату Вителлию. И последний с поручением блестяще справился, встретившись на Евфрате с возвратившимся на царство Артабаном в 36г. и урегулировав римско-парфянские взаимоотношения в пользу Рима (см. выше и ниже).

В 37г. Артабан и Вителлий встретились при Калигуле вторично и Вителлий опять выполнил паритетное кесарское распоряжение безупречно. Не его вина, что оно, в сущности, пересмотрело прежнюю договорённость де-факто несколько в пользу Парфии, при соблюдении внешнего престижа Рима, к-рую, к слову, Рим, сродни позднейшей договорённости ббг., не квалифицировал как уступку. Просто и Калигула – изначально, и Нерон – со временем, сочли, что для прочного мира с парфянами Армения должна быть реально политически буферно-нейтральной. С Вителлия тут взятки, как говорится, гладки (см. ниже).

Между тем, весной 36г. он побывал в Иерусалиме где, перед тем сместив Пилата в Кесарии (?), сместил первосвященника Каиафу и вернул иудеям на постоянное хранение бывшее с бг. на хранении у римлян, передававших его иудеям в дни праздников, первосвященское облачение, чем заслужил особое расположение еврейства. Весной 37г. он прибыл в Палестину, намереваясь идти на Петру Аравийскую против разбившего в самоуправной-несанкционированной войне (36г.) войнство Ирода Антипы набатейского царя Арета, и снова сменил первосвященника. Однако воевать Арета не пошёл, так как в пору его пребывания в Иерусалиме туда пришла весть о смерти Тиберия. Калигула же не только не возобновил повеление покойного кесаря о суровом наказании Арета, но ещё и поощрил последнего передачей под его управление Дамаска (см. выше и ниже).

По Плинию (15,83; 91), легатствуя в Сирии, Вителлий присылал в Италию особый сорт тамшнего инжира, к-рый с тех пор был высажен и культивировался, принося хороший урожай, в Италии, плюс – ввёл в римско-гурманский обиход различные виды сирийских запеканок.

В 39г. Калигула отозвал отлегатурившего итога 4 года на Востоке Вителлия из Сирии, вряд ли довольный его иудофильским курсом (Дион 59,27), назначив, в преддверии безумного замысла установить свою статую в Иерусалимском храме, в Сирию П.Петрония (39 – 42гг.), к-рый оказался ещё большим иудофилом, чем Вителлий, чудом сумев избежать смерти по приказу разгневанного тирана.

А дальше, по возвращении в Рим, с основательно побывавшим на патлатом Востоке Вителлием произошла, в условиях калигулианского и клавдианского принципата, разительная перемена. Хочешь жить – умей вертеться. Светоний пишет: «Отличался он и удивительным искусством льстить. Гая Цезаря он первым начал почитать как бога: вернувшись из Сирии, он, чтобы приблизиться к нему, окутал голову, подошёл отвернувшись и простёрся на полу. Перед Клавдием, к-рым помыкали жёны и вольноотпущенники, он также не упускал ни одного способа выслужиться: у Мессалины он попросил, как величайшей милости, позволения её разуть и, сняв с неё правую сандалию, всегда носил её на груди между тогой и туникой, то и дело целуя; золотые изображения Нарцисса и Палланта он почитал среди домашних ларов; и это он воскликнул, поздравляя Клавдия со Столетними играми: «Желаю тебе ещё не раз их праздновать!» (3).

Если Калигулу ему удалось смягчить и задобрить безмерной льстивостью, то при Клавдии он пребывал в большой милости, сумев вовремя подольститься и к Мессалине, и к влиятельным кесарским вольноотпущенникам, и впоследствии своевременно сменить милость Мессалины на милость Агриппины, не гнушаясь

ничем. В 43г. он консульствовал вторично, в паре с Клавдием, с 1 января до конца февраля; позже полновластно представлял отбывшего покорять Британию кесаря в Риме (43/44гг.), как некогда Меценат или Агриппа замешали в столице Августа. В 47г. сначала опять консульствовал (январь/февраль) в паре с Клавдием, потом — в 47/48-м и даже по начало 49гг. — цензорствовал, сим поднявшись до высочайшей в Риме цензорской магистратуры. То-то на золотых монетах его кесарствующего сына от 69г. он изображён в тоге на sella curulis, со скипетром и орлом в руках, при легенде — «L. Vitellius cos. III censor».

Участвовал в организации и проведении Ludi Saeculari — 47г.; вскоре затем приложил руку к устранению, в угоду Мессалине, Валерия Азиатика; потом, в нужный момент, отвернулся от Мессалины; в 49г. вовремя соориентировался на Агриппину, способствовал неприемлемому, по прежним римским законам, браку между ней (дочерью Германика) и её дядей — (мл. братом Германика) Клавдием. В 51г. попытку Юния Лупа привлечь Вителлия к суду парировало вмешательство Агриппины, в результате к-рого Луп был сослан (Ан. 12,42) (см. ниже).

А вскоре, в том же году, пресыщенный всякой, — и достойной, и преимущественно недостойной, — жизнью Вителлий, ещё при Клавдии, умер, в возрасте ок. 60-и лет, от апоплексического удара, т.е. естественной смертью, оставив двух сыновей — Авла и Луция, побывавших консулами один за другим (младший сменил старшего), оба в 48г., в пору цензорства их родителя. «Сенат почтил умершего погребением на гос. счёт и статуей на форуме с надписью «Неколебимо верен императору» (Свет. 3).

Так, если в 21г. н.э. гос. погребением почтили безупречного службиста Квининия, то 30 лет спустя честь гос. похорон досталась заискивавшему перед всеильными клавдианскими жёнами и вольноотпущенниками Вителлию!

Он тоже был порочным сыном своей порочной эпохи, когда расщепление и раздвоение римлян, генетических носителей староримских добродетелей, с одной стороны, и многопорочных репрезентантов т.н. нового времени = императорской эпохи, к к-рой, с др. стороны, Рим не мог в безвыходной ситуации не прийти, достигло максимума. И вовсе не последнюю роль в деградации его, Вителлия, персоны сыграло именно 4-летнее пребывание на болотном Востоке, к-рый, во многом, и подготовил его к вызывающе невозможному для старого Рима возданию божественных почестей душевнобольному *кесаревым безумием* Калигуле.

Но, читатель, представляя консулов 34г., мы увлеклись и забежали вперёд, поскольку с чересчур подробно анонсированным Вителлием, пожалуй, самым влиятельным консуляром времени правления Клавдия, нам ещё не раз предстоит встретиться по ходу нашего хроноповествования.³

ФЕНИКС ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Тацит: «В консульство Павла Фабия и Луция Вителлия после длительного круговорота веков птица Феникс возвратилась в Египет и доставила учёным мужам из уроженцев этой страны и греков обильную пищу для рассуждений о столь поразительном чуде. Мне хочется изложить и то, в чём их суждения совпадают, и ещё

³ Консулы-суф. второй половины 34г. — Кв.Марций Барей Соран и Т.Рустий Нуммий Галл. Марций проконсульствовал в 41/42, или в 42/43гг. в Африке, состоял в жреческих коллегиях квиндецемвинов и фециалов. Его сын — Кв.Марций Барей Сура — конс.-суф. 52г., дочь к-рого Марция Фурнилла была второй женой будущего кесаря Тита (ок.63г.), родившей ему дочь Юлию и получившей развод. О соконсуле Барей Сорана Рустии Нуммии иных сведений, помимо консульско-фастических, нет.

больше такого, в чём они между собой несогласны, но с чем стоит познакомиться. Что это существо посвящено солнцу и отличается от др. птиц головою и яркостью оперения, на этом сходятся все, кто описывал его внешний вид; о возрасте же говорят различно. Большинство определяет его в 500 лет, но есть и такие, к-рые утверждают, что этот феникс живёт уже 1461 год, т.к. ранее фениксы прилетали в город, носящий название Гелиополь, в первый раз — при владычестве Сесосиса, во второй — Амасиса, и в последний — Птолемея, к-рый царствовал третьим из македонян, причём их всегда сопровождало множество прочих птиц, дивившихся их невиданному облику. Древность темна; но Тиберия от Птолемея отделяет менее 250-и лет (см. выше — К.З.). Поэтому некоторые считают, что последний феникс — не настоящий, что он не из арабской земли и на него не распространяется то, что говорит о фениксе предание древности. По истечении положенных ему лет, почувствовав приближение смерти, он у себя на родине строит гнездо и изливает в него детородную силу, от к-рой возникает птенец; и первая забота того, когда он достигнет зрелости, — это погребение останков отца, и он не берётся за это опрометчиво, но сначала, подняв мирру равного веса, испытывает себя в долгом полёте, и когда станет способен справиться с таким грузом и с таким дальним путём, переносит тело отца на жертвенник солнца и предаёт его там сожжению. Всё это недостоверно и приукрашено вымыслом, но не подлежит сомнению, что время от времени эту птицу видят в Египте» (Ан. 6,28).

О Фениксе как о Птице Феникс, равно о Фениксе и Таинстве Св. Грааля (Мелхиседек и Феникс!), мы не раз беседовали как в наших предыдущих книгах, так и в нынешней монографии, в связи с истечением именно в туманно позиционируемом некомпетентным Тацитом 34-м г. н.э. таинственно-имманентного периода Сотис-Сириус, к-рый был обновленчески учреждён Аменхотепом Эхнатомом, разнясь и вразрез с прежними староегипетскими периодами Сотис, в 1427г. до н.э. И к-рый, т.е. 1427г., есть середина-половина (пути и срока) 40-летнего Исшествия (1447 — 07гг.) Израэлитов из Египта (Р.л. 934-38; Д.И. 183/84; 765-70) (см. выше). Сходно о различных сроках Феникса протяжённостью или в 500, или в 1460 (61), или в 7006, или в 12954 лет-года см. в трилогии «Таинство Голгофы» и выше.⁴

И не симптоматично ли, что 12954 года ретроспективно ведут из 34г. н.э., т.е. из IV-й Греко-Римской культуры (Пятой — Пассионарно-Ойкуменической — стадии эволюции), под знаком Овна-Агнца, в V-ю Атлантическую Пра-Семитскую эпоху (Четвёртой стадии эволюции), под знаком Весов, после ознаменованной ариманическим грехопадением человечества IV-й Пра-Туранской эпохи, под знаком Скорпиона, когда стартовала долгая Атлантическая катастрофа (Р.л. 826; 1376; Д.И. 109; 125; 710). А 7006 лет упираются в I-ю стартующую в VIII-м тыс. до н.э. Пост-Атлантическую Пра-Индийскую культуру, под знаком Рака (7228/27 — 5068/67гг. до н.э.). А 1460 лет стартуют от времени Исхода и реформации Эхнатона (см. выше). А 500 лет указывают на время начала эпохи Второго храма и Греко-персидских войн — VI/Vвв. до н.э.

⁴ Гесиод у Плутарха (Def. or. 11,415c) предлагает экстремальные возрастные сроки Феникса протяжённостью аж в 97 200 лет (!). Различные авторы единично представляют также 540 лет, 654 года, 1000 лет (См. о весьма востребованном как у языческих, так и у христианских авторов Фениксе: Геродот 2,73; Плиний 10,2; 13,4; 29,1; Марциал 5,7; 26; Помпоний Мела 3,8; Клавдиан «Феникс»; Авр. Виктор «О Цезарях» 4; Флавий Филострат «Жизнеописание Аполлония Тианского» 3,49; Солин «Coll. her. memog.» 33,11; Климент Римский «1Кор.25»; Тертуллиан «De resurr.» 58,27; Григорий Назианский «Praeg. ad Virg.» 526; Амвросий Медиоланский «De exeesu frat.» 2,59; Лактанций «De ave Ph.»; Епифаний Кипрский «Якорь» 84; Авзоний «7 clog. 18 Epist.»; Исидор Севильский «Etym.» 12,7; Георгий Синкел «Chron. Syncell. 334c») (RE 20,1, S.414-23).

Или, учитывая цикличность явлений Феникса, развернём представленную хроноцифру вместо ретроспективы в перспективу от рубежа эр, от IV н.э. – Века Таинства Голгофы и Века Апостольского. Отсюда – плюс 12/13 тыс. лет приведут нас во время истечения-окончания Космического = Платонова года протяжённостью в 25 920 (26 тыс. округлённых) лет (от конца *прежнего* Скорпиона до конца *нового* Скорпиона – знака великих катастроф и великого обновления), к-рый начался за границей 14-и тыс. лет до н.э., и закончиться, считая от (отмыкающей Платонов год) зодиакально-хронофиксирующей начальной даты – 13708/07гг. до н.э. – V-я Атлантическая эпоха под знаком Весов – уже в следующую Шестую стадию эволюции, по истечении её I-й, под знаком Стрельца, эпохи-культуры, и в пору очередной эпохи под знаком разрушительно-обновительного Скорпиона, замыкающий этот Платонов год космический Месяц к-рого хроноистекает в 12213г. н.э. (Р.л. 1384). А вот 7 тыс. перспективных от Мистерии Голгофы лет дадут VIII-е тыс. н.э. – время VII-й (заключительной) Пост-Атлантической (Американской) культуры (Жизнедух) под знаком Козерога.

И можно быть уверенным, что отнюдь не по спонтанному стечению обстоятельств, именно на 1460-м (Сотис-Сириус) году от Рождества Иисуса Соломониды 6.01.1г. до н.э.⁵, в 1459г. н.э. (в начале, с 1413г., современной V-й Пост-Атлантической культуры под знаком Рыб – Душа сознательная), Кристиан Розенкройц стал, в результате его не столько *химической*, сколько *алхимической* (посвятительно-преобразительной) *свадьбы*, рыцарем Золотого камня (не есть ли Св. Грааль, наряду с чудодейственной *Чашей*, точнее, с её содержимым, приоткрытый, но недооткрытый читателю Вльфрамом фон Эшенбахом сокровенно-прикровенный «*Камень особой породы*»)⁶.

Или – 500 лет⁷ спустя от времени I/IVв., в V/IVв. н.э. (когда стартуют т.н.

⁵ Не пожертвовал ли этот Иисус Соломонид = Заратустра свою самую зрелую человеческую индивидуальность своему двоюродному брату Иисусу (Кришна) Нафаниду (невинная сестринская душа Второго Адама) на сляпательно-оухотворительную Пасху 14г. н.э., по истечении 1460-и лет от Исшествия Израиля из Египта в 1447г. до н.э.!

И тут самое время-место ещё раз акцентированно заметить, что прелюбопытнейшим образом с 2907г. до н.э. (начало III-й Египетско-Халдейской культуры под знаком Тельца) по истественный для Израиля 1447г. до н.э. (на 480-м году от к-рого Соломон приступил в 968г. до н.э. к строительству Храма Господня), тоже набирается (независимо от доэхнатовского или эхнатоновского циклов-периодов Сотис) именно 1460 (сакральных) лет! (см. выше). А если исчислять сумманду времени с 2907г. до обновлённого-нового периода Сотис-Сириус, введённого-учреждённого провозвестником Христа Аменхотепом Эхнатоном в 1427г. до н.э., то получится 1480 лет (число Христа!). Равно, если от 1427г. до н.э. по 34г. н.э. 1460 (ново)сотисных лет, то интервал-сумманда по 54г. н.э. (дата Успения Богородицы) снова составляет 1480 лет!

⁶ То-то в алхимии Феникс соответствует завершающей стадии Великого Делания – *Opus Magnum* – получение Философского камня, и считается его символом (являясь, сообразно К.Юнгу, высшей алхимической формой Меркурия, в то время как дракон – низшая).

⁷ Повествуя за пять столетий до Тацита (в числе множества античных авторов) о Фениксе, Геродот в Vв. до н.э. уведомляет, что эта «священная птица», к-рую он сам вживе не видел, зная её лишь по изображениям, и рассказ о к-рой кажется ему (сродни Тациту) неправдоподобным, прилетает (как, мол, говорят в Гелиополе) в Египет из Аравии «только раз в 500 лет» (2,73). И независимо от того солнечными ли, или, как полагают, лунными годами оперирует источник Геродота (не ведающего о 500-летней, согласно оккультистам, продолжительности жизни групповой души, после чего она сознательно видоизменяется, рождаясь-возрождаясь заново), примечательно наличие в геродотовском рассказе *золота* (частично золотистое или золотое оперение Феникса) и *смирны* (к-рой-де Феникс заклеивает пробите им яйцо, приготовленное из смирны, положив в него умягчённое смирной тело своего отца, предназначенное для погребения в храме Гелиоса в Египте, где, к слову, с Фениксом, называемым Бану, связывали воплощение богов Амона-Ра и Осириса).

Если сюда приплюсовать тацитовское сожжение (*сыном* останков *отца*-Феникса) в (надо

«тёмные», хотя, куда скорее, таинственные-загадочные, «столетия» ранней Европы до Каролингского возрождения), началась, с падением Западной Римской империи (476г.) и рождением собственно Европы = европейской цивилизации в VIв., история/метаистория Средних веков, и было учреждено (в веке появления на исторической арене славян – предвратителей грядущей Славянской культуры Самодуха) армянином по рождению Дионисием Малым в 525г. н.э. (к-рый неспроста симметричен-созеркален дате становления Гаутамы просветлённым Буддой в 525г. до н.э.) наше христианское летоисчисление.

Напомним здесь, к тому же, что слово-имя «Феникс», согласно сегодняшним энциклопедическо-мифологическим данным-сведениям, – неоднозначно-неоднозначно-смысленно. 1) Феникс – сын Агенора и Дамно, давший своё имя Финикии⁸ (Д.И. 759-65), брат (похищенной Зевсом) Европы, основатель Гиппона, Сидона, Тира, Арада, отец, в частности, Европы, Феникса и Адониса. 2) Феникс – греческое наименование, внешне подобной (соляному) орлу⁹, с красным и золотым оперением¹⁰, священной птицы египтян, к-рая, по исполнению времён, прилетает из своего аравийского очага-отчества в солнечный египетский Гелиополь¹¹, чтобы похоронить там в храме Гелиоса своего отца, останки к-рого полагаются в яйцо из благовонной аравийской смолы.

Причём, по черпающему из неизвестного источника Тациту, чувствуя приближение смерти, Феникс свивал в Аравии гнездо, из к-рого выходил новый Феникс, к-рый, повзрослев, сжигал своего умершего отца на жертвеннике и затем погребал. Или, по др. сказаниям, достигая зрелого возраста, Фениксу было свойственно самосожжение на костре из пряных кореньев и выход-восстание из собственного пепла-праха новородившимся-помолодевшим.

понимать) огне *ладана* на гелиопольском жертвеннике солнца, то тут никак нельзя не вспомнить про знаменитые дары волхвов, а именно – про поднесённые годовалому Иисусу Соломону 6.01.1г. н.э. волхвами (царями) с Востока именно *золото, ладан, смирну* (тройственный дар).

⁸ Не почерпнула ли однокоренная с Фениксом Финикия соляное воскресенское таинство, как и пра-алфавит (7 планетарных гласных и 12 зодиакальных согласных) из глубин Аравии (Д.И. 759-70), составив первоначальное промежуточно-соединительное и интервально-разделительное звено между Египтом и Вавилонией в Египетско-Вавилонскую культуру, под знаком Тельца, дабы передать в перспективе эту спиритуальную эстафету соединительно-разделительного равновесия между основополагающими в III-ю Пост-Атлантическую эпоху Египетским и Вавилонским гигантами богоизбранному еврейству, осевому Израилю. Еврейству, к-рое, выйдя в лице Авраама из междурученской Халдеи и проведя более четырёх столетий в лице Иакова (но не Исаака, кто Палестину не покидал) Израиля в Египте (к-рый коротко посетил также Авраам), (сухопутно) обосновалось затем, изойдя из упадочного Египта, в Земле Обетования, в Палестине. Обосновалось, частично одолев-изгнав деградантных хананеян и (внимание!) сменив со временем подпавших декадансу (морских путешественников-колониалистов-империалистов-торговцев) финикиян – в духовном главенстве-первенстве Народа Бога Единого и Эрец-Исраэль (центр Земли) – на просторах как раз между Вавилоном и Египтом.

⁹ Позднее эту райскую Жар-птицу сравнивали, из-за её пышного оперения, и с павлином. Кстати, в Новое время этимологию имени-наименования «Феникс» пытались вывести от древнеегипетского «*eneph*» – обозначение «вечности», с мужским артиклем – «*ph*» (Ideler «*Handbuch*» 1,184).

¹⁰ Это оперение уподобляли (Плиний; Лактанций) сиятельно пламезарному солнечному диску (к к-рому, как читатель знает, взывал, обращая к нему свои молитвы не кто иной как в итоге отринутый Египтом *солярный единобожник* Аменхотеп Эхнатон).

¹¹ Кроме оазисной Аравии, в качестве родины-очага Феникса, в эпоху античности, нередко фигурировала ещё более далёкая и отчасти более сказочная-загадочная для многих в средиземноморской древности – благодатная зелёно-тропическая Индия. А кроме Гелиополя в Египте, сохранились также одиночные свидетельства о Панханионе в Аравии и о Ликаонии в М.Азии.

Короче, Феникс – есть символ-олицетворение вечного возрождения (на различных уровнях) – в языческой, еврейской, христианской, мусульманской мистике. И то, что в язычестве, или в иудаизме, или в откатно-ветхозаветном исламе разнится, сполна осуществляется–реализуется в христианской эзотерике, указывая человеку – и как носителю бессмертной индивидуальности (от Феникса!), и как части совокупного человечества – безальтернативный путь Спасения во Христе, с Христом в сердце.

По поводу же загадочной Аравии, коммуницирующей, приложительно к мистериальному Фениксу, с Таинством Св. Грааля, их искали и в Аравии Сабейской = Счастливой, откуда пришла в Иерусалим к Соломону царица Савская, и в Аравии Центральной, к-рая некогда была, по неподтверждённым данным, буйно цветущим земным раем, одним из ломтиков Неба на Земле, сделавшись в дальнейшем раскалённой, не без животворных оазисов, где из земли растут упирающиеся в небо пальмы (греч. – феникс) (Р.л. 850), Аравийской пустыней. Не находилась ли Пальмира на середине-половине пути вознесших там молитву, в ночь с 31.12.1г. до н.э. на 1.01.1г. н.э. (= нулевое мгновение), царей-волхвов в Вифлеем! Не встречали ли Иисуса на входе в Иерусалим, в юпитеральный четверг 2.04.33г., люди с пальмовыми ветвями в руках!

То-то обращённый-крещённый Савл (Павел) ходил в 34 – 37гг. именно в Аравию. Снова зададимся вопросами: один ли раз – в 34г.? или – не один? В какую из трёх Аравий – в Набатейскую, к-рая также наверняка не была чужда мистериальному Фениксу? в Центральную? в таиннейшую Сабейскую? или – в каждую из них?

Неспроста, по еврейско-кабалистическому преданию, Феникс – единственное живое существо, избежавшее впадения во грех и сохранившее себя в состоянии райской безвинности, несопричастное первородному греху. Притом оно избежало как первого – люциферическо-лемурийского, так и второго – ариманическо-атлантического – грехопадения. И это есть сущность Адама Кадмона = существо Второго негрехопадшего Адама = Иисуса Нафанида – безгрешная душа Которого, убережённая от ниспадения во прах (и сохранённая в Великой Материнской ложе человечества), была принесена с Неба, из лона Отца, на Землю (где воплотилась в Пречистой Деве).

И обитель этого не столько природно-физического, сколько духовно-душевного существа из вышних связана с метагеографическими райско-мистериальными центрами *трёхчленной-тричастной* Аравии, изошедший откуда Феникс обитает в средоточии души = в человеческом сердце = в эпицентре прошедшего через *катарсис* и *фотисимус*, очищенного, обновленного и окрылённого человеческого существа, к-рое обрело способность восстания к новой жизни из (пепельного) праха.¹²

В христианской катакомбной символике изображение Феникса указывает на Христа Воскресшего. И не на пустом месте возле восстающей из пепла Чудо-Птицы иногда изображается именно звезда Сотис-Сириус (звезда Заратустры!). С другой же стороны, Фениксу тождествен целительный Рафаил-Меркурий – Утренняя звезда

¹² Вот птица Феникс в перьях из огня,
И этих ожерелий позолота
На белой шее – силой приворота
Чарует всех, мой бедный дух казня.

Лучи её венца, как светоч дня,
Амур в стекло их ловит, как в тенёта,
Сочится пламя струйкой водомёта
И даже в лютый холод жжёт меня.

Окутал пурпур царственные плечи,
С лазурной оторочкою убор,
Усыпанный пунцовыми цветами.

Уносит слава далеко-далече,
К богатым недрам аравийских гор
Сокровище, парящее над нами.

(Петрарка)

во Духе, таинственно меняющаяся местами с Анаэль-Венерой. В звёздной мудрости сабеев – бог-сын Аттар.

Бог-отец Алмаках – волящий в отеческой субстанции Сатурна и в материнской субстанции Луны через потоки поколенной наследственности (14 + 14 + 14; 7 x 11). Они творят во времени, со временем, через время сосуд телесности, в к-ром кульминирует божественная кровь (носитель-выразитель Я) Солнца, излившаяся в Иисуса на крещенском Иордане, при посредничестве Предтечи, Духом Небесного Христа = Вселенский Дух Солнечной системы. Ведомый преодолевшей генетическую наследственность материнской от Отца субстанцией Св. Духа Адам Кадмон – *безродный космополит*. (То-то вовсе не чуждый Мистериям Феникса и Грааля выдающийся мусульманский поэт-суфий XIIIв. Джелалэддин Руми восклицает: «Есть только одна раса – белая, но это цвет души, а не кожи!»)

Речь о Мистерии Св. Грааля, космический знак к-рого – золотой серп пост-полнолуной пасхальной Луны, в к-рой, как в чаше (Грааль), покоится гостия духовного Солнца. Христианская Пасха празднуется в интервале 22 марта – 25 апреля – в воскресенье после первого весеннего полнолуния по миновании весеннего равноденствия. До светлого Христова Воскресения убывающая после полнолуния Луна становится ущербной, образуя серп-чашу, где содержится её тёмная часть – диск, отражающий не физическую, но духовно-лученосную силу-субстанцию Солнца. Т.о., Луна является (рефлекторным) носителем (покоящегося в ней) солярного духа в форме гостиеподобного диска. То-то, согласно легендам о Парсифале, ежегодно в Страстную пятницу с Неба в чашу Грааля опускается к воскресенской Пасхе – как обновление, как новая духовная пища (Святой Дух!), таинственная солнечная гостия.

От отеческой силы Сатурна и от материнской силы Луны рождается тело-телесность Сына, сердце и душа к-рого принимают в себя Вселенский Дух Солнца = Дух Святой. Так в аравийских Таинствах взаимодействовали Алмаках, Шам и Аттар. Божественно-сатурнальный Отец воскрешал солярного Сына из мёртвых. Происходило духовное восстановление возрождённой-новорождённой сатурнальной природы физического тела, в предварении Фантомного Тела Воскресения Мистерии Голгофы, известного в староаравийской, в староиранской и в суфийской эзотерике под именем Симура¹³ = птица Феникс!¹⁴

¹³ В «Авесте» орлоподобный Симура – датель хварны (благодать) своему избраннику, сродственно плодоносящим дождевым небесам и дождю («Яшт» 14,41); или – царь птиц, сидящий под Древом (жизни) посреди океана Ворукаша, на к-ром произрастают все семена мира, и взмахами крыльев рассыпающий эти семена, разносимые дождём и ветром по всему свету («Яшт» 12,17), причём в позднейших легендах Древо и Симура отождествляются. В (Царь-книге) «Шахнаме» (эта Книга – душа Ирана!) Симура отведена миссия орудия судьбы с двумя натурами – благой и демонической (дуализм): охранитель Сама – Заля – Рустама. Симураго гнездо – на священной горе Эльбурс/Альбурс (иранское *зеркало* кавказского Эльбруса). По одной из легенд – Царь-птица живёт 700 лет, и когда у него подрастает сын, бросается в огонь. Династический символ как зороастрийских Сасанидов (III-VIIвв.), так и – спустя тысячелетие – исламско-шиитских Сефевидов (XVI-XVIIвв.). Вещая птица справедливости и счастья; одолитель дракона; или – страж, восседающий на горе, отделяющей потусторонний мир. В митраизме Феникс – Гриффон, а «гриффоны» – высшие митраистские посвящённые (см. ниже).

В индуизме Гаруда – солярный царь птиц, первоначально – подобный орлу, позднее – получеловек-полуптица, верхом на к-рой бог Вишну. В буддизме Ваджраяны – символ просветлённого ума. Вишну превратил Гаруду в своё ездовое животное (вахана) и даровал ему, впоследствии ездовому животному Кришны как воплощения Вишну, бессмертие. Согласно Е.Блаватской, Гаруда – «индуистский Феникс, эмблема циклов и периодичного времени».

Интересно, что в Китае император обозначался Драконом, а императрица – Фениксом (Фэнхуан – Царь-птица), к-рый (женское начало Инь и символ Юга) олицетворял вышнее

И совсем не случайно о возвращении птицы Феникс (из Аравии в Египет) после длительного круговорота времён заговорили, слыша звон, однако, не зная, откуда он и о чём собственно речь (что и озвучивает некомпетентный Тацит), по свершении Мистерии Мистерий Голгофы 33г., именно в 34г. н.э.¹⁵ = не только в год истечения периода Сотис-Сириус, учреждённого фараоном времени Исхода Аменхотепом Эхнатомом — учредителем монотеистического культа светозарного Атона, супругом Прекрасной Нефертити и строителем города горизонта - Ахетатон.

И ведь не иначе как именно в 34г. н.э. минуло 33 года со времени Поклонения 6.01.1г. н.э. Иисусу Соломону (14 + 14 + 14) царей-волхвов с Востока. И это именно в 34г. исполнилось 33 года со времени устроенного Иродом избиения младенцев и бегства Св. (вифлеемского) Семейства в давший Иисусу Соломону укрытие-убежище (гелиопольский) Египет.

небо небес. Первые дошедшие до нас упоминания — XVв. до н.э. Фэн — чудесная птица, хуан — изначально гребень на её голове — графическое изображение восхода солнца, лучи к-рого напоминают резубец. Лученосная стихия огня. В позднейших текстах — *фэн* — мужское, *хуан* — женское начало. В составленном при династии Хань (III-IIIвв.) словаре «Шоувэнь» («Толкование знаков») — I/Ивв. — о Фэнхуане сказано, что у этой птицы «клюв петуха, зоб ласточки, шея змеи, на туловище узоры, как у дракона, хвост рыбы, спереди — лебедь, сзади — единорог Ци Линь, спина черепахи». Место обитания чудо-птицы (на к-рой развезали по небесам даосские святые) — «восточное царство совершенных людей»; её появление — знак наступления великого мира в Поднебесной. В Ср. века — символ человеколюбия государя, но чаще государыни. Особая популярность-востребованность — в пору сбросившей монгольское, в лице династии Юань (1279-1368гг.), иго национальной династии Мин (1368-1644гг.). «С драконом полосатым в паре / Летящий бирюзовый феникс / К Нефритовому Государю / Меня несёт на поклоненье» (Ван Вэй 699-759гг.)

Плюс необходимо оговорить, что в VII/VIIIвв. Фэнхуан сделался символом власти императрицы У Цзетянь (690-706гг.), исключительность к-рой (ненадолго прервавшей династию Тан и провозгласившей новую династию У Чжоу) в принятии ею, как единственной императрицей за всю историю Китая, мужского титула «император» (хуанди). Так большеглазый, пышнохвостый и гребнистый люциферический китайский Феникс обернулся Драконом (Люцифер)! (Облачный *Дракон*, сброшенный рассеявшим великие туманы Атлантической катастрофы Индрой-Михаилом на Землю, суть инспириатор великой китайской мудрости! То-то светоносец Люцифер воплощался за 3 тыс. лет до н.э. именно на Востоке — в незапамятном — законсервированная Атлантида — Китае, тогда как воплощение Аримана предстоит человечеству в III тыс. н.э. именно на Западе!)

Моя душа — глухой всебожный храм,
Там дышат тени, смутно нарастая,
Отраднее всего моим мечтам
Прекрасные чудовища Китая.
Дракон — владыка солнца и весны,
Единорог — эмблема совершенства,
И Феникс — образ царственной жены,
Слиянье власти, блеска и блаженства. (К.Бальмонт)

Феникс — вечный костёр,
что таит в себе смерть и рождение,
Пеплом жарким всё небо покрывал на мгновенье.
(Г.Аполлинер)

¹⁴ Обращает на себя внимание география предваривших Мистерию Христа-Солнце следующих соляных Таинств: аравийских (с акцентацией сабейских) — на Юге; кельтских (с акцентацией ирландских) — на Западе; *гиперборейских* — на *скифском* Севере (в стране «по ту сторону ветров» — от Лапландии и Финляндии, через Балтию и Ладогу, до Новой Земли); иранских, армянских, колхидских — на яфетическо-кавказском Востоке; германских — в Скандинавии и в еврогерманском Центре.

¹⁵ Помимо 34г. н.э., у авторов древности (Плиний 10,2; 13,4; 29,1; Аврелий Виктор «О Цезарях» 4), применительно к Фениксу, единично фигурируют 97г. до н.э. (Плиний) и 47г. н.э. (Авр. Виктор). Если в 97г. до н.э. (за 130 лет до 34г. н.э.) римский сенат специальным указом запретил человеческие жертвоприношения, то в 47г. н.э. Клавдий отпраздновал 800-летие основания Рима (см. ниже), к-рый, как Вечный город, Марциал сравнивал с символом вечности — Фениксом.

И это именно в 34г. н.э. исполнилось ровно 33 года со дня рождения 25.12.1г. н.э. в Вифлееме, во время переписи, Иисуса из Назарета = Иисуса Нафанида = одухотворённого на слиятельную Пасху 14г. н.э. индивидуальностью Заратустры (Иисус Соломонид) Иисуса Второго Адама = Иисуса Кришны = Иисуса Христа (Эон Эонов). Не Он ли принял в Себя в Крещении 6.01.30г. на Иордане Дух Солнца, пребыл БогоЧеловеком во человеках 3 года и 3 месяца на Земле, был распят людьми (языческим Римом и ветхозаветным Израилем) и низложен 3.04.33г. н.э. в могилу Земли. А в 3-й день, по миновании субботне-сатурнального дня *мёртвого солнца* 4.04., в первый солярный день иудейской седмицы = в пролептическое воскресенье 5.04.33г. восстал – как Новый непреходящий Феникс – из праха = воскрес, свершив-исполнив метаисторическую Мистерию Феникса, из мёртвых! И, опять-таки, не случайно именно на 34г. н.э. пришлась годовщина (360 + 5 дней) Распятия, Воскресения, Вознесения и Троицы-Пятидесятницы.

Спрашивается, или нет, скорее, восклицается, когда ещё было, или, вернее, когда было уместнее появиться-проявиться всяким (по свежим следам свершившегося в мире и провороненного подавляющим большинством человечества центрального События Голгофы) туманно-невежественным слухам и рассуждениям о Фениксе? Впрочем, Тацит, как истинный сын своего пресыщенного, языческо-рационалистического и, вместе с тем, крайне суеверного времени, считает (увы, сродни Геродоту пятью веками ранее!) их недостоверными и приукрашенными вымыслом. Считает, тем не менее, признавая, что нечто достоверное в сведениях об этой птице, к-рую, дескать, «время от времени» видят в Египте, всё-таки, (извините) есть!

Оно и не мудрено, поскольку истинная метаистория чужда как последнему римско-латинскому анналисту – выдающемуся историку Тациту, так и несравненно большей части его подпавших пагубно опустошительной рационал-материализации духа планетарных современников, единственным спасением к-рых в прошлом, настоящем и будущем явилась и является навсегда Мистерия Феникса Христа, о чём они в своей в суете сует, не знали, не ведали.¹⁶

А без Таинства Голгофы человечество задохнулось бы от рационал-материалистического удушья ещё в древности, как оно было бы обречено, в условиях новейшей вакханалии рационал-материализма и атеизма, в наше время без Второго *эфирного* Распятия и начала Второго *эфирного* Пришествия Христа-Феникса!

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ КЕСАРСТВА ТИБЕРИЯ

Дион: «Было уже близко 20-летие правления Тиберия, но он не вступал в город, хотя и находился возле Альбана и Тускулума; однако консулы Фабий Персик и Луций Вителлий отпраздновали завершение второго десятилетия его власти (такое название дали вместо «двадцатилетие»), как если бы руководство государством было предоставлено ему снова, в подражание тому, как это делалось при Августе» (58,24,1).

В «Д.И» (1247) мы (винмание, читатель!) ошиблись и повторили ту же, допущенную по небрежению-невнимательности, ошибку в «Т.Г.» (837), предведомив

¹⁶ Птица – Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю и горю до тла,
И да будет вам ночь светла.

(М.Цветаева)

Забудут? – вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла, и слеpla,
В земле истлевала зерном
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

(А.Ахматова)

читателя, что после падения Сеяна (31г.) Тиберий до самой своей смерти (37г.) временно покидал Капри и переправлялся на материк каждый год, за исключением 34г. н.э., что не так, ибо он побывал на материке, согласно ясной информации Диону, и в 34г., приблизившись к Риму до Альбанской горы и Тускула, но снова так и не вступив в город.

Любопытно инициированное-санкционированное кесарем и исполненное лсты-выми консулами, под надзором сменившего Сеяна Макрона, празднование именно двух подчёркнутых десятилетий-деценалий, а не 20-и лет пребывания Тиберия у власти. Ведь вспомним, что Август регулярно обновлял свою высшую прокон-сульско-империальную власть через каждые 5 или 10 лет, в 28/27, 23, 18, 13, 8гг. до н.э., и потом — в 3, 13гг. н.э. (как, к примеру, сегодня в России, правя с 2000г., — по-разному, раз за разом, то рокируясь с Медведевым, то выигрывая выборы, исход-результат к-рых предрешён-ясен заранее, очень даже легитимно обновляет свою верховную власть В.Путин^{16а}). Зачем? Чтобы это продление-пролонгирование-проро-гирование, при всех случаях-условиях, выглядело, так сказать, по-республикански, сугубо законно, без каких-либо намёков на бессрочный монархизм (за намёки или притязания на к-рый Цезарь поплатился жизнью).

И потому всё делалось-обставлялось Августом — восстановителем, в рамках соз-данного им Принципата, мумифицированно *бессмертной* Республики *restituta*, строго республиканерски, с соблюдением канонов и традиций, к-рые даже метаморфизи-ровали, по августейшему усмотрению (искусство вливания нового вина в старые искусно заштопанные мехи), всегда сглаживая всякие острые-чреватые углы. Всё должно быть-выглядеть тип-топ, не в обход т.н. освящённой традиции (выражаясь современно — конституции). Рим — Империя только как *Imperium Romanum*, однако завсегда (якобы) Республика внутри Рима (плюс — с IV н.э. — Италией).¹⁷

И пусть тяжеловесный Тиберий, на 75-м году жизни, отсутствуя в Риме = не пересекая черту Померия, не снизошёл до скрупулёзного соблюдения августовского властно-обновленческого завета на месте, всё равно, высшие республиканские ма-гистраты — консулы-орд. (*ваньки встаньки* эпохи Империи), сделали всё необхо-димое, отпраздновав именно два его, вернейшего из августинцев, (полно)властно-республиканских имперических десятилетия за него.

Случилось же это, как мы указали выше, 26 июня, в 30-ю годовщину усынов-ления Тиберия Августом в 4г. н.э. (при продлении 1.07. имперического трибуната). Сим два легитимных десятилетия пребывания у власти и 30-летний юбилей адоп-тивно-наследственного преемствования (от отца-отчима к сыну-пасынку) как бы ненавязчиво совместились-совмещались. Кто возразит? То-то и оно!¹⁸

А дальше Дион (58,24,2) путается, невнятно сообщая о будто бы имевшем место, сразу после (от)празднования пресловутой двадцатилетки, каком-то, дескать, нака-зании консулов-орд., Фабия и Вителлия, к-рые в реальности благополучно докон-сульствовали до 30.06., передав с 1.07. консульские полномочия паре суффектов и

^{16а} И в данной связи обращает на себя внимание *фараонский* статус царя в (не могущей не быть) вертикально (власть — вертикаль; общество — горизонталь; крест?) структурированной огромной России (к-рая иначе распадётся). Вслушайтесь-вдумайтесь: «Народ согрешит — царь умолит. Царь согрешит — народ не умолит».

¹⁷ И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова. (Н.Гумилёв)

¹⁸ Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоду...
А молчалники вышли в начальники,
Потому что молчание — золото. (А.Галич)

не пострадав ни тогда, ни позже (см. выше). Иное дело другие представители нобилитета, о к-рых у Диона сказано, что «ни один из них не был оправдан, но все обвинены, большинство из них на основании писем Тиберия и показаний, полученных под пыткой Макроном, а остальные по подозрениям этих двоих в том, что они будто бы замыслили».

И тут не называющий имён Дион солидарен с Тацитом, сообщающим о непрерывном вынесении в Риме смертных приговоров (Ан. 6,29). Иначе говоря, речь ведётся не об одном/двух/трёх/четырёх разбирательствах и осуждённых, пусть даже и Тацит, и Дион ограничиваются ниже поимёнными делами Помпония Лабеоны, Мам.Эмилия Сквава и (Тацит) некоторых др. обвиняемых.

Да, с 34г. казnelюбивый и сексуальный беспредел старче Тиберия, достигнув своего пика в 32/33гг., постепенно пошёл на убыль, но, тем не менее, репрессивная машина работала, как видим, всё-таки, не покладая террористических рук, и поимённо приведённые авторами древности дела вовсе не означают, насколько следует из тех же авторов древности, что данными делами репрессии 34г. исчерпываются.

Вдобавок к тому, удостоверьтесь, насколько Макрон, не притязая на исключительный статус Сеяна, стоивший тому головы, в ампула главы опричного ведомства, выжигая калёным железом скверну, — в активе и в ударе! Насколько он не уступает покойному Сеяну в отправлении церберско-карательных функций и насколько цепко остающийся вне Рима Тиберий держит все нити, за к-рые, когда находит нужным, уверенно дёргает, в своих всё ещё крепких старческих руках!

И вместе с тем, его, кесаря, нет в Риме, т.е. он пребывает в тени, за городом. Пусть вся основная ответственность и основная ненависть нобилитета ложатся, как и случае с Сеяном, на наглядного, на непосредственно занимающегося репрессиями исполнителя (кесарской воли) Макрона (к-рый, в отличие от Сеяна, не временщик, к-рый всего лишь, в чём существенная разница между ними, широкополномочный цербер).

На вопрос же о том, когда именно кесарь переправился в 34г. с Капри на материк и приблизился к Риму? ответить трудно. Факт в том, что он находился близ Рима в середине этого года, жертвами в к-ром стали Лабеон, Сквава и др.

РЕПРЕССИИ

Слушаем Тацита: «А в Риме, где непрерывно выносились смертные приговоры, вскрыл себе вены и истёк кровью Помпоний Лабеон, о к-ром я сообщил, что он был правителем Мезии; то же сделала и его жена Паксея. Готовность к смерти такого рода порождали страх перед палачом и то, что хоронить осуждённых было запрещено и их имущество подлежало конфискации, тогда как тела умертвивших себя дозволялось предавать погребению и их завещания сохраняли законную силу — такова была награда за торопливость. Цезарь в направленном сенату письме припомнил принятый у наших предков обычай: порывая с кем-нибудь дружбу, они отказывали ему от дома и после этого прекращали с ним всякие отношения. Так же поступил и он с Лабеоном, но тот, обвиняемый в дурном управлении провинцией и в других преступлениях, постарался выставить себя ни в чём не повинной жертвой его неприязни; а его жена напрасно страшилась, ибо, хотя она и была виновной, ей ничто не грозило. После этого выдвигается обвинение против Мамерка Сквава, отличавшегося выдающейся знатностью и блестящим ораторским дарованием, но запятнавшего себя постыдным образом жизни. Его погубила не дружба с Сеяном, а столь же губительная ненависть Макрона, к-рый строил такие же козни, но более скрытно и доложил Цезарю содержание сочинённой Сквавом трагедии, приведя из неё стихи, к-рые могли быть отнесены к Тиберию. Впрочем, обвинители Сквава

Сервилий и Корнелий говорили только о его прелюбодеянии с Ливией и об участии в магических таинствах. Скавр, как подобало потомку древних Эмилиев, предупредил осуждение, побуждаемый к этому женой Секстией, к-рая была и вдохновительницей и соучастницей его самоубийства» (Ан. 6,29).

Помпониий Лабееон был, о чём мы знаем (Д.И. 1010-13/14), легатом преторского ранга в Мезии (Ан. 4,47), на протяжении, сообразно Диону (58,24,3), 8-и лет, оптимально – в 25 – 33гг. Напомним, с 11/12гг. Мезией управлял Г.Поппей Сабин (конс. 9г. н.э.), к-рый в 15г. сделался, с переходом Македонии и Ахайи из сенатского ведения в императорское, экстраординарным кесарским легатом над Мезией, Македонией и Ахайей, резидирующим в Коринфе, в результате и после чего ему подчинялись низшие по рангу легаты названных провинций.

Став в 25г. мезийским преемником Велія, Помпониий в следующем 26г. пришёл, во время восстания фракийцев, с подкомандным ему воинством, как и царь одрисов Ромиметалк, на помощь выступившему против повстанцев Сабину. При каких конкретно обстоятельствах мезийский легат был в 33г. отозван, – неизвестно, но ясно, что при обвинении в дурном управлении провинцией, не могло обойтись как без жалобы провинциалов, так и без мнения-представления Лабееонова непосредственного начальника Сабина, от к-рого оно либо исходило непосредственно, полностью соответствуя действительности, либо было им, по указке сверху, преувеличительно задействовано. Провинциальными злоупотреблениями, в той или иной мере, отличались почти все римские легаты и чиновники, иной вопрос, – в какой мере кесари давали или не давали этому ход.

Ни Тацит, ни Дион не считают нужным вдаваться в подробности, и первое, что приходит на ум, – шкуродёрская коррупция легата, к-рую, куда более строгий по данному обвинению, нежели Август, Тиберий обычно легатам не спускал. Ибо, если Август руководствовался положением «живи сам и дай пожить другому», требуя от, в любом случае, вороватых наместников не переходить красную черту, то подолгу оставлявшему губернаторов на местах-постах (поскольку сытый волк или шакал лучше голодного) Тиберию было крайне важно, чтобы его провинциальных овец стригли, не доря с них шкуры, сохраняя тем самым спокойствие в империи и способствуя пополнению как государственной, так и императорской казны. Поэтому при нём проворовавшиеся или отличившиеся излишней жёсткостью-жестокостью легаты чаще, чем при Августе, привлекались к ответственности, осуждались и приговаривались к различным наказаниям.

Хотя, если по Диону, Лабееону вменялась лишь коррупция, то по Тациту, он обвинялся ещё и в др. преступлениях, вероятно, чем-то персонально задев-обидев-оскорбив Тиберию, чем и был обусловлен ритуально-символический отказ ему от кесарского дома с разрывом т.н. дружеских отношений (в традициях старого Рима), что обвиняемый, в свою очередь, правильно истолковал как каюк и предписание добровольно уйти из жизни. Заблаговременное самоубийство позволяло избежать рук палача, крюка с Гемониями, быть, по-человечески, погребённым и не подпасть положению о конфискации имущества, к-рое, в сём случае, оставалось/доставалось детям самоубийц.

Причём ситуация выглядела до такой степени безнадежной, что следом за Помпониием последовала и его жена, к-рой, по слову Тацита, осуждение, несмотря на её виновность, не угрожало. Видимо, она обреталась рядом с мужем 8 лет в провинции, сопричастная как к его злоупотреблениям, так и к чему-то ещё, из-за чего поторопилась, в страхе перед Тиберием, последовать за самоубийцей-мужем. Тем всё и кончилось. Засучившему рукава палачу работать с супругами не пришлось.

Касаемо носителя специфического преномена одной из ветвей старопатрицианского gens Aemilia Мамерка Эмилия Скавра, он – конс.-суф. 21г. н.э., никогда, по

слову Диона (58,24,4), не управлявший провинциями и не бравший взятки, нам немало знаком (Д.И. 22/23, 540/41, 594-96; 965; Т.Г. 1027-29). Был женат, имея от неё дочь, на Эмилии Лепиде = на предназначавшейся некогда досрочно умершему кронпринцу Л.Цезарю (+ 2г. н.э.) экс-супруге П.С.Квирина, к-рый развёлся с последней ок. 10г. н.э., а 10 лет спустя обвинял её в том, что она ворожила против него, приписывая ему отцовство не его ребёнка и хотела его отравить (Р.л. 1247-49).

Вторая жена Мамерка – вдова его сводного брата – Л.Суллы, за к-рого, молодого дерзца, он и Л.Аррунций вступились – 21г., когда тот обидел старика Корбулона, не уступив ему место в театре, в связи с чем Мамерк принёс Корбулону извинения (Д.И. 540/41). В 22г. обвинял Г.Силана (конс. 10г.) за вымогательское управление провинцией Азия. В 32г. сам обвинялся неким Корнелием Туском (Сенека Ст. «Suas.» 2,22; Ан. 6,9/10), в числе нескольких др. нобилей, в оскорблении величия, но разбираемость дела Скавра было тогда верным своей тактике медлительных челюстей Тиберием, к-рый озлобился на него ещё в 14г., за саркастическое, по его мнительному мнению, замечание при взятии им кесарской власти, отложено. Месть – блюдо, к-рое подаётся холодным. И тираны-фундаменталисты это правило обычно соблюдают.

Если Тацит характеризует Мамерка как «знатного, не обойдённого ораторским дарованием, но запятнавшего себя постыдным образом жизни нобилия», то Сенека Ст. говорит о присущей Мамерку риторической гениальности в сочетании с ленью и порочностью (Contr. 10, praef. 2-3), о его способности и приверженности к острым саркастическим суждениям (Contr. 1,2,22; 2,1,39; 9,5,17; 10,1,9; 10,2,19).

Посему этот декадентно-утончённый остряязыкий аристократ (своеобразный «арбитр изящества» до Петрония эпохи Нерона) никогда не был государственным, риторствуя, ехидничая-ёрничая в слове (не в действии) и утопая в присущих элите императорского Рима пороках. Однако тираны-государственники не любят и не терпят такого рода злоязыких светских бездельников, к-рые не могут удержаться от сарказма, в т.ч., в их адрес. Тем паче, такого рода изящных сатириков-гротескников не жалуют закомплексованные выскочки-временщики при тиранах, к-рых увязшие в пороках и лишённые чувства самосохранения аристократы Мамеркова типа высокомерно презирают, не всегда умея своё высокомерие скрыть.

* * *

И вот наиболее удобный-желанный случай избавиться от неудобного иронично-насмешливого нобилия подвернулся-представился. Макрон дождался нужного повода и своевременно Мамерка перед Тиберием, прекрасно зная об отношении последнего к нему, подставил. Далёкий от управления провинциями, не занимавший никаких должностей и потому некоррупцированный этот размякший столичный нобиль увлекался (от нечего делать) драматургией, жертвой к-рой и стал.

Дион: «Название его драмы было «Атрей», и, по примеру Еврипида, в ней советовали одному из подданных этого монарха, как вынести безумие правящего государя. Тиберий, прослушав её, заявил, что это написано о нём, утверждая, что именно он подразумевается под кровожадным Атреем. И заметив: «А я сделаю его Аяксом», – он заставил Скавра совершить самоубийство. Вышеупомянутое однако не стало официальным обвинением, выдвинутым против него, обвинённого в прелюбодеянии с Ливиллой, за связь с к-рой были наказаны также многие другие, некоторые – обоснованно, а некоторые – вследствие наветов» (58,24,3-5).

Тиберий великолепно знал античную мифологию, отчего тотчас возникшей у него (благодаря подставе-представлению Макрона) аналогией оскорбился вдвойне-втройне. Что говорить, если даже парфянский царь Артабан позорил его в послании (как раз в 34г.), попрекая, в частности, убийствами близких и дальних родствен-

ников! Ведь это были именно те упрёки, к-рых Тиберий стыдился, за к-рые он, в силу инфантильного свойства, присущего всем тиранам, обижался на людей (не утратив способности, по-карапузовски, и в старости надув губы, небезобидно обижаться на них).

Не он ли с удовольствием переложил ответственность за устранение ближних и дальних на ниспровергнутого Сеяна, категорически не желая, чтобы ему, рафинированному знатоку антикварной древности, безразлично в какой форме, тем более, в классическо-мифологическо-драматургическо-трагической (на к-рую горазд не каждый), о том напоминали. И (по большому кесарскому счёту) неважно, что Друз и Агриппина умерли, он – в каземате, она – заточённая на острове, когда Сеян уже два года был (как говорят в Одессе) немного неживой.

Танталид Атрей – сын Пелопса (сына Тантала) и Гипподамии, брат Фиеста, муж Аэропы, отец (Атридов) Агамемнона и Менелая. Изганный отцом вместе с братом Фиестом за убийство сводного брата Хрисиппа, он стал царём в Микенах, поначалу временно получив власть от Эврисфея, к-рый погиб в походе против Гераклидов (Фукидид 1,9). Если «Илиада» (2,2,100-08) ещё молчит о вражде между братьями Атреем и Фиестом, передавая царский посох по наследству Фиесту, а от него Агамемнону, то в позднейших сказаниях порождающая череду ужасных преступлений вражда братьев становится следствием «проклятия Пелопсидов».

Братья борются за власть и Атрей, в стаде к-рого есть золотой агнец, хитроумно предлагает нар. собранию присудить царский трон тому, кто предъявит златорунного барашка как свидетельство благосклонности к нему богов. Фиест же наносит превентивный удар, соблазнив жену Атрея и выкрыв, при её помощи, агнца, предъявленного собранию, в ответ на что разъярённый Атрей зывает к Зевсу, кто, в знак своего к нему благоволения, изменяет ход солнца и небесных светил (по одним источникам, – переместив восход солнца с востока на запад, по другим, наоборот, – установив нынешний порядок восхода на востоке и заката на западе).

Всё сказанное весьма примечательно как в ракурсе похода аргонавтов за Золотым руном (XIIIв.), в эпоху Тельца, так и в ключе наступления в 748/47гг. эпохи Овна-Агнца. Мало того, в движении Солнца по часовой стрелке или против неё – тайны-тайнства его движения через знаки Зодиака в круговороте Юлианского года из 365/66-и дней и в круговороте года Платонова из 25 920-и лет. С солнечным восходом каждые 2160 лет (Космический = Платонов месяц), в точке весеннего равноденствия, в поочерёдных знаках Зодиака, на что, в частности, указывают, что, в частности, олицетворяют левокрыльная и правокрыльная свастики!

Установление пользующего нами Времени имело место под знаком знаменующего начало Атлантической катастрофы Скорпиона (знак великих катастроф и великого обновления, когда утращённый Скорпионом Фаэтон выпустил из рук вожжи колесницы Гелиоса), катастрофические изменения в эпоху к-рого пришли в постепенное равновесие-соответствие в ходе следующей эпохи под знаком Весов. Тайны-тайнства этой эпохи скрыла-сокрыла следующая эпоха под знаком Девы, уступившая затем, перед началом Пятой Пост-Атлантической стадии эволюции, место эпохе под знаком солярного Льва, когда новое Солнце нашей стадии эволюции взойшло, выйдя из атлантических туманов, над миром (Д.И. 109; 125; 710; Т.Г. 258-62).

Дальше – больше. Избранный царём Микен Атрей изгнал Фиеста с детьми, но не забыв ему соблазнения Аэропы, инсценировал примирение с братом, пригласив его на пир и скормив на пиру мясом его же, зарезанных, по Атрееву приказу, детей (Аполлодор «Ерп.» 2,10-13). К данному эпизоду некоторые источники приурочивали вторую перемену в движении Солнца, восстановившую нарушенный ранее порядок. Узнав, чем его угостили, Фиест призвал проклятия на Атрея и его род, к-рые (проклятие Танталидов) осуществились-исполнились в печальных судьбах Атреевых

сына и внука – павшего жертвой измены и коварства собственной жены (Клитемнестры) Агамемнона, и отмстителя за убийство отца – матереубийцы Ореста (пять поколений проклятых Танталидов: Тантал, Пелопс, Атрей, Агамемнон, Орест).

Судьба Пелопсидов предоставила сюжет многим произведениям античной драматургии, в т.ч. Софокла и Еврипида, к-рые до нас не дошли, в отличие от трагедии (пестуна Нерона) Сенеки «Фиест», к-рая наглядно демонстрирует востребованность-популярность этого (злбодневного) сюжета (на закулисном фоне *кесарева безумия*) в Риме I-го в. н.э.

Судите сами, сколько зловещих аналогий в судьбах Атрея и Тиберия. Женатый на наставлявшей ему рога Юлии Тиберий, кто умыкнул-урвал на себя Принципат заботами мамы Ливии и благодаря (вроде бы) подозрительно преждевременной кончине Гая с Луцием Цезарей. Спрашивается, не он ли потом устранил Агриппу Постума, потом – сына своего брата Друза – Германика, его жену и двух сыновей?! В общем, есть аналогии или нет, их можно чётко углядеть или разглядеть: было бы желание! И если Мамерк, м.б., углядел, то Тиберий точно разглядел, а разглядев, болезненно и свирепо отреагировал. Оборзевший донельзя Скавр должен ответить. Ты, утончённый античник, сделал меня (выставив на посмешище) Атреем, я же (ещё более тонкий античник), уж не обессудь, сделаю тебя Аяксом, т.е., – заставлю тебя (совсем не Аякса) разделить судьбу-концовку Аякса!

Однажды Наполеон иронично заметил об Александре I, что кому, как не ему, знать об истинном отцелюбии сыновей. Страшнее, чем таким заведомым высказыванием, Александра, к-рый не убивал своего отца Павла I, но и, зная о планах гос. переворота, фактически не воспрепятствовал его убийству (пусть даже надеясь на отречение отца от престола без убийства), нельзя было оскорбить и обидеть. Кроме того, тираны тиберианской масти, как злые проблемные дети, особенно в (инфантильно-закомплексованном) старчестве, ранимы и обидчивы.

Аякс (*орёл*) – имя двух мифологических героев – Оилида (Малый), сына Оилея и Эриопиды, царя Локриды, участника Троянской войны, и Теламонида (Большой) – сына Теламона и Перибей, двоюродного брата Ахилла, дарованного отцу и названного Аяксом, по обращённой к Зевсу просьбе и по совету Геракла (Аполлодор 3,12,7). Дуализм! Диоскуры! Орест и Пилад! – два (отпочковавшиеся от искони одного?) Аякса, воевавшие Троию как соискатели руки Елены Прекрасной! Или, в сравнении с единобожным дуализмом Иисуса Солмонида и Иисуса Нафанида, налицо противоположный языческий антидуализм!

Тиберий пригрозил Скавру судьбой второго (Большого) Аякса, но и о буйно-диконравном первом нельзя не вспомнить, в связи, согласно Аполлодору («Ерп.» 5,22) и Вергилию («Энеида» 2,403-06), со святотатственным насилием, совершённым им после падения Трои, в храме Афины (к-рая скорбно отвернулась, чтобы не видеть позор), у её алтаря, над вешей Кассандрой (что согласно др. преданию, совершил Диомед). Притом, по совету Одиссея, ахейцы собирались побить его за это камнями (Павсаний 10,31,2). И пусть он нашёл убежище у алтаря той же Афины, она не сменила гнев на милость, наслав бурю на возвращающиеся из-под Трои ахейские корабли, вследствие чего Аякс утонул после того как Посейдон расколол трезубцем скалу, за к-рую ему удалось, спасаясь от бури, уцепиться, причём это он разгневал Посейдона, хвастая, что выжил вопреки воле богов.

Приведший же под Троию 12 кораблей («Илиада» 2,557/58) Аякс Теламонид уступал в доблести только Ахиллу. Огромноростый, грозный и могучий, вооружённый громадным семикожным щитом, покрытым медью (7,203-23), уподобимый Аресу (7,208), он прикрывал поверженного Патрокла, когда шла борьба за его тело (17,132-39). И потом помогал ахейцам унести его с поля боя (17,718-53), отражая совместно с Аяксом Оилидом атаки троянцев. В битве у кораблей противостоял

Гектору (15,500–14); защищая корабль от огня, убил в рукопашной 12 мужей (15,730–45). После гибели Ахилла защищал от троянцев его тело (Аполлодор «Ерп.» 5,4) и считал себя вправе унаследовать его доспехи, к-рые достались, по присуждению, Одиссею.¹⁹ Из-за этого Аякс пришёл в ярость и возжелал перебить ночью ахейских вождей, что сорвалось, поскольку Афина, спасая ахейцев, наслала на него бузумие и жертвой его меча сделалось стадо овец.

Вновь образумившийся богатырь не смог снести навлечённого на себя позора и в отчаянии, обманув бдительность своей жены Текмессы, равно своих соратников, покончил жизнь самоубийством. С тех пор он не может простить нанесённого ему Одиссеем оскорбления и даже в царстве Аида отвечает на Одиссеевы приветствия мрачным молчанием («Одиссея» 11,541–65). Судьбе Аякса, его безумию и смерти посвящены трагедия Софокла «Аякс» и утерянная трилогия Эсхилла «Спор об оружии».

О нет, Мамерк Эмилий Скавр, отлично от «орлов» Аяксов, не был ни могучим, ни яростным, и вообще никаким воителем, будучи разве что *орлом с куриной жопой из созвездия копчёной рыбы*. Более того, он никогда, как сказано, не губернаторствовал ни в одной провинции, будь то провинции сенатские или кесарские. Какой из него, способного лишь на изящный арбитраж, аморальный образ жизни и написание пьесок, скажите на милость, римлянин? Деградант он и есть деградант! И здесь насмешка-оборотка, сродни нанесённой Мамерком Тиберию обиде, вдвойне-втройне. Метил, видишь ли в герои, зарился на героические доспехи, а перебил в безумии стадо даже не овец, но свиней. Древнеримский Дон Кихот наоборот!

Так что «сделаю из него Аякса» (к-рый, к слову заметить, мифологически не коммуницирует с Атреем) суть не столько угроза, сколько угрожающая насмешка. Единственное, в чём ты, никакой не герой, можешь уподобиться Аяксу, это (дабы предупредить руки палача, крюк и Гемонии) – самоубийство. И если Аякс наложил на себя руки, обманув бдительность жены, то ты, малодушный ничтожный малый, покончишь с собой, побуждаемый к тому более смелой и решительной женой, к-рая, вдохнув тебя, тютю, уйдёт вместе с тобой. Так всё и произошло. Сатисфакция! Торжествуй, Тиберий (*одиссеистый* пасынок и тронный преемник нового Одиссея – Августа), умилай своё старое дряблое сердце испытанным удовлетворением, если, конечно, ты его испытал!

Правда, в Риме, к-рый пришёл в мир установить–блюсти *свободу и справедливость*, в Риме, где принцепс лишь *первый среди равных*, никто (как, например, в СССР) не обвиняется и не осуждается за свободу слова и творчества. Поэтому никаких обвинений в адрес Скавра за трагедию «Атрей» не последовало.²⁰ Кесарско-макроновские шестёрки-однодневки, Сервилий и (снова) Корнелий Туск, обвинили его в прелюбодеянии с Ливиллой и в приверженности зловерной магии.

¹⁹ Изобретший Троянского коня (лошадь – мышление, сила и хитрость интеллекта, кентаврированный интеллектуализм) хитрован Одиссей, как и сумрачные Танталиды (малоазийцы родом), есть полярные староспиритуальным солярно-имагинативным Персеидам (Персей – предок Геракла, есть древнегреческий предтеча христианского Георгия Победоносца!) *тифонизаторы* Эллады в XIII/XIIвв. до н.э. (сродни тому, как гиксосы – *тифонизаторы* Египта в XVIII/XVIIвв. до н.э.) и предвестники историко-метаисторической эпохи (начиная с середины VIIIв. до н.э.) Души рассудочной, воительным предварением к-рой явилась сокрушившая древнемистериальную Троию Троянская война.

²⁰ То, что Скаврова трагедия «Атрей» ничего из себя не представляла, видно из замечания Светония, к-рый, не в пример Диону, имевшему под рукой конкретную информацию (тогда как Тацит вообще не вдался в детали), перечисляя злодеяния и абсурдные обвинения времени тирании Тиберия, говорит, в частности, что «поэта судили за то, что он в трагедии посмел порицать Агамемнона» (Тиб. 61), скорей всего, путано разумея именно (отца Агамемнона) Атрея из (забытого во Пв. н.э.) скавровского «Атрея».

Это стандартное инкриминировавшееся многим загодя обречённым на осуждение прелюбодеяние с соотравительницей, в паре с Сеяном, сына Тиберия Друза Ливиллой, к-рая явно не спала со столь великим множеством нобилей и к-рой с 31г. нет в живых, вполне уподобимо стандартно-трафаретному обвинению в троцкизме при Сталине, что не оставляло обвиняемому никаких шансов на оправдание. Ну а приверженность противоморального слабака-мракобеса из большого высшего общества зловердной магии — тоже стандартное-откатанное вторичное приложение.

* * *

«Впрочем, если представлялась возможность, подвергались наказанию и обвинители; так, Сервилий и Корнелий, ославившие себя тем, что погубили Скавра, были лишены огня и воды и сосланы на острова, ибо, пригрозив доносом Варию Лигуру, получили от него взятку, к-рою он от них откупился. И бывший эдил Абудий Рузон, донесший, чтобы погубить Лентула Гетулика, под началом к-рого он ранее командовал легионом, что тот предназначал сына Сеяна себе в зятя, также был осуждён и изгнан из Рима. Гетулик в то время стоял во главе размещённых в Верхней Германии легионов, снискав у них редкостную любовь своей благожелательностью и справедливостью; пользовался он расположением и ближайшего римского войска благодаря своему тестю Л.Апронию. Отсюда упорно державшаяся молва, что он осмелился отправить Тиберию письмо, в к-ром напомнил ему, что породниться с Сеяном намеревался не по своему побуждению, а по совету Тиберия; он обманулся в нём, как это случилось с самим Тиберием, и несправедливо, чтобы одна и та же ошибка одному сошла безнаказанно, а для других обернулась гибелью. Он соблюдает безупречную верность и будет её соблюдать, пока против него не строятся козни; если на его место будет прислан другой, он воспримет это как вынесение смертного приговора. Поэтому им лучше заключить своего рода союз, с тем чтобы принцепсу сохранить власть над всем остальным государством, а ему удержать за собою свою провинцию. Этому слуху, сколь ни был он удивителен, верили, потому что из всех близких Сеяну людей только один Гетулик остался цел и даже был в большой милости у Тиберия, помнившего о своём престарелом возрасте, о том, что его ненавидят и что сохранением власти он обязан не своей силой, а общественному мнению» (Ан. 6,30).

Короткие (в сравнении с предшествующими — от 32/33гг.) анналы 34г. Тацит завершает, в т.ч., сообщением о наказании погубивших перед тем Скавра профессиональных обвинителей Сервилия и Корнелия, этих двух из множества Бобчинских и Добчинских тиберианской поры, к-рые, отлично от гоголевских персонажей, были совсем не смешны, готовые небескорыстно обвинить, по заказу и без, кого угодно. Надо же выслужиться перед самим Макроном!

Наряду с тем, такого рода бабочки-немногодневки быстро превращаются, тем более, когда карательная машина усердствует, в отработанный материал и выбрасываются на помойку (хорошо ещё, если ссыльно-живыми на острова, а не в мёртвом виде, при помощи крюка, на Гемонии), освобождая место другим негодьям, к-рых, при тираническом режиме взаимодоносительства и слишком частых обвинений, всегда предостаточно.

Варий Лигур знаком нам по делу о его прелюбодеянии с некоей Аквиллией (Ан. 4,42) в 25г., за что она была осуждена сначала по Юлиеву закону «О прелюбодеяниях и разврате», применённому инициативой как раз тогда консула-designatus на следующий 26г. Лентула Гетулика, а затем подпала ужесточённому наказанию инициативой уже лично вмешавшегося в дело Тиберия (Д.И. 989-91). Выступал ли

любовник Лигур по её делу в амплу денунцианта, что вполне возможно, из тацивского текста неясно, во всяком случае, сослана была, вероятно, с конфискацией имущества и бессрочно, она, а не он.

Ныне же Варию довелось-привелось вынужденно дать взятку вошедшим в раж после Скавра Сервилию и Корнелию, чтобы избежать какого-то серьёзного, надо полагать, в «оскорблении величия/величества», обвинения с их стороны. Но дело как-то всплыло, получив скандальную огласку: оба зарвавшихся молодчика предстали перед судом и в итоге, лишённые «огня и воды», отправились (выброшенные из гос. и столичной жизни за борт) на какие-нибудь чёрствые, под палящее солнце, безводные маленькие островки близ берегов Италии или Греции. Исползованные вонючие памперсы жалеть незачем. Чем всё обернулось для самого Вария – неизвестно.

Между тем, экс-эдил Абудий Рузон, несколько ранее командир одного из 4-х верхнегерманских легионов, решил (за что-то имея на него зуб, или по чьему-то поручению-наущению) погубить своего непосредственного в недавнем прошлом начальника – с 29г. кесарского легата Верхней Германии – Гн.Корнелия Лентула Гетулика. Речь о консуле-орд. 26г. н.э., мл. брате Косса Корнелия Лентула (конс. 25г.) (Д.И. 1006-08) и наследнике прозвища их отца Косса Корнелия Лентула – знакомого нам консула 1г. до н.э., – победителя, в ранге легата Африки, мусуламиев и гетулов в 5/6гг. н.э. При всём том, последний был лично близок Тиберию и после кончины в 33г. градоначальника Рима Элия Ламаиа, сменившего в 32г. Кальпурния Пизона Фруги, возглавлял (известный как своей приверженностью к *зелёному змию*, так и персональной преданностью дружному ему кесарю) с 33 по 36гг. ответственную городскую префектуру Urbi.

Лентул Гетулик оставался в ранге легата Верхней Германии на протяжении 10-и лет, не тронутый в 34г. Тиберием, но, всё-таки, умерщвлённый в 39г. устранившимся его огромной популярности у солдат завистливым Калигулой (Дион 59,22,5). Лентулу глупо было инкриминировать избрание им в перспетивные зятя в качестве мужа для своей дочери сына Сеяна, ибо подобное не могло случиться без рекомендации Тиберия во время, когда Сеян находился в самом зените, т.е. оптимально ок. 29/30гг. И речь тут идёт о старшем сыне Сеяна от Апикаты Элии Галле, к-рый, 19/20-и лет отроду, в октябре 31г., после падения отца, был достигнут и убит в садах Помпония, где пытался укрыться, в то время как до брака между ним и помолвленной с ним малолетней на 31г. дочь Гетулика дело никогда не дошло (Т.Г. 645/46).

Кроме того, Гелуликово почти угрожающее письмо Тиберию от 34г. в интерпретации Тацита, к-рый, правда, оговаривает упорную молву, не настаивая на факте, крайне сомнительно. Подозрительный-мнительный Тиберий, ни в коем разе, не стал бы держать Гетулика во главе аж 4-х верхнерейнских легионов, а его отца во главе городских когорт, а тестя Л.Апрония во главе ещё 4-х нижнерейнских легионов (германские легионы – мощнейшее воинское соединение Империи), не доверяя он Лентулам (даже не заменённым в 34г. на своих постах) полностью. Т.е. у незадачливого обвинителя Абудия изначально не было никаких шансов. И Лентулу незачем было писать Тиберию послание в столь угрожающем тоне-духе, хотя он, конечно, мог, напомнить кесарю, по чьему совету помолвил свою дочь с сыном Сеяна, о чём многопамятливый кесарь и сам хорошо помнил.

И в дополнение стоит заметить, что присущие Гетулику достоинства и способности не ограничивались сугубо военно-государственным поприщем. Он дружил с будущим философом Сенекой, писал адресованные то ли своей жене Цезии Апронии, то ли возлюбленной Цезии (к-рая была для него тем же, чем Лесбия для Катутла, Коринна для Овидия, или Аргентария для Лукана) любовные элегии,

сочинял острые эротические эпиграммы (Плиний Мл. «Epist.» 5,35; 2,10,6; Марциал «Praefat» 1). Принадлежность авторства данных эпиграмм серьёзнейшему из мужей специально-комплиментарно подчёркивает сравнивающий его с Альбинованом Педоном и с Домицием Марсом Плиний Минор. Плюс к этому, светониевское «Жизнеописание Калигулы» свидетельствует о Гетулике, пробовавшемся и на ниве истории: «Гней Гетулик пишет, будто он (Калигула) родился в Тибуре...» (8). Дорого же обойдётся Гн.Гетулику кесарство полоумного Калигулы!

Относительно отца Цезии Апронии, Л.Апрония, он, конс.-суф. 8г. н.э., участвовал в Паноннско-Далмацкой войне 6 – 9гг., был легатом Германика в Германии, далее, на протяжении 3-х лет, в ходе 7-летней войны против Такфарината, пролонгированно проконсульствовал в 18 – 21гг. в Африке (Д.И. 98). В 24г. обвинял перед Тиберием своего другого, помимо Гетулика, зятя, женоубийцу М.Плавтия Сильвана, за то, что тот выбросил из окна Апрониеву ст. дочь – Апронию, уверяя, будто она выбросилась сама (Д.И. 671/72). В 28г., уже как легат Нижней Германии, потерпел поражение от фризов, но легатуры не лишился (Д.И. 1074-78). В 32г. его предположительный сын, Апроний (?) Цезиан, преторствовал и подшутил над плешивым Тиберием, выставив в апрельские Флоралии вдоль дороги из театра 5 тыс. бритоголовых рабов, чтобы они, мол, освещали уважаемой публике вечерний путь, на что Тиберий, в староримских традициях, не нашёл нужным ни оскорбиться, ни обидеться (Д.И. 1111/12; Т.Г. 1015/16).

Итак, Косс и Гетулик, или Л.Апроний, или Поппей Сабин и несколько др. нобилей, в градоначальствовании над Римом, либо во главе легионизированных провинций и т.д., были доверенно-проверенными тиберианскими кадрами, интриговать против к-рых, особенно после Сеяна, на полусоправительские лавры к-рого глава исключительно охранно-полицейского ведомства Макрон (страшась уподобиться Сеяну и разделить его участь) не притязал, являлось делом безнадёжным.

Притом примечательно следующее. Из повествований как Тацита, так и Диона не столько создаётся впечатление, сколько явствует, что террористическая репрессивность режима в 34г. продолжается, во многом, по инерции заряда, заложенного в него раньше, кульминировавшего в 31/32/33гг., и вступившего с 34г. в фазу тления-угасания. И это именно с 34г. купное тиберианское правление находится на выдохе, к-рый идёт на протяжении 3-х дальнейших лет к своей смертной концовке. Ни былого запала, ни размаха в Тиберии больше нет, что и понятно, ведь именно в 34г. ему исполнилось 75 лет, и пережив всех врагов, мнимых или реальных, переиграв всех противников, даже самого себя, он начал медлительно выдыхаться, он, наконец-то, немного расслабился, и вот – пошёл на убыль.

Сенат в узде – с петлёй на шее; Нерон, Сеян и большинство сеянистов, Агриппина и Друз уже не живы; а Гаю и Тиберию Гемеллу, соответственно, 22 года и 15 лет, т.е., они пока, до поры, ещё не опасны, один – слишком молод, другой – слишком юн. Стало быть, время пока терпит. Засим можно, доживая свой долгий век, как и хотелось, в скверне (по-карамазовски), позволить себе, с некоторым облегчением выдохнуть до конца, поскольку вдыхать полной грудью больше не доведётся, не успеется, не сможет, не придётся.

И этот предзнаменующий летальный исход выдох тиберианского принцепата по его состоянию на 34г., когда после каменования Первомученика Стефана началось христианское миссионирование (из Земли Обета до в перспективе краёв земли) и когда Савл/Павел пережил своё ослепление-просветление на пути в Дамаск, весьма символчен-симптоматичен. Не изменилась ли после свершившейся Мистерии Голгофы – нового эпицентра системы духовных координат – вся предшествующая духовно-вселенская конфигурация!

И вырвавший некогда мистериальное посвящение Тиберий, повторим, как пить

дать, знал о каком-то невероятном Событии на Ближнем Востоке, в Палестине, не могучи ни уразуметь, ни понять, что там в действительности случилось? в чём суть и каковы истинные масштабы-дменсионы произошедшего? Почему померкло днём солнце, и куда подевалось, то ли таинственно исчезнувшее, то ли украденное учениками из гробницы тело казнённого Пилатом *странного* Учителя-Исцелителя, *странного* Царя Царства не от мира сего? Ведь Пилат, несомненно, доложил об этом в Рим, одновременно не упустив случая обвинить (подставивших его) иудеев в неоправданной жестокости к необычному *се Человеку*, в К-ром он, кесарский наместник Иудеи, не нашёл никакой смертной вины, и Кого он хотел, бичевав, отпустить, вынужденный, под непримиримым нажимом иудеев, отправить Его на крест.

Не обладал ли мало беспокоившийся о старых богах и их почитании, преданный приверженец астрологии и фатумной судьбы Тиберий способностью видеть ночью, пусть недолго и сразу со сна, между тем как, чтобы постичь Событие Голгофы, надо было суметь увидеть Солнце, не закрывая глаз, днём, что Тиберию было не по силам... И что, даже будучи по силам спустя три столетия последнему эллинистическому оккультисту Юлиану Отступнику (к-рый прошёл через посвящения последними иерофантами в Элевсинские и Эфесские Таинства), обладавшему, впрочем, способностью видеть днём не солнце, но ночные звёзды, не позволит ему в этой трагической Юлиановой инкарнации ни постичь, ни принять Христа Спасителя. Христа, К-рого Юлиан испустительно примет в век Св. Грааля (Herzeleude) – IXв. н.э., и о своей приверженности К-рому столь духовно близкий прошедшему через искупительно кармический катарсис Тиберию великий поэт и последний классик русской поэзии (её *Золотого* и *Серебряного веков*) в последней *бронзовой* четверти XXв. скажет: «Я христианин, потому что я не варвар» (Бродский).

Любопытно, к тому же, завершение анналов 34г. у Диона (58,25,1) сообщением о появлении в Греции и Ионии Лже-Друза, кого аж несколько городов встретили восторженно, обещав поддержку. И, дескать, он собирался отправиться в Сирию, дабы опереться на тамошние легионы, однако был изболочён, взят под стражу и предстал перед Тиберием.

Принято думать, будто тут явное удвоение-дублет, так как Тацит, чья информация, мол, предпочтительнее, рассказал о Лже-Друзе, кто чуть позже почему-то назвался сыном М.Силана и, преследуемый Поппеем Сабинном, бесследно исчез в (где след его затерялся) акцийском Никополе (откуда намеревался плыть в Италию), под последовавшими за устранением Сеяна событиями 31-м г. (Т.Г. 657-60).

Вариант дублета-удвоения, разумеется, очень возможен и тотчас приходит на ум, но не исключено, что речь здесь идёт о двух различных событиях и двух различных самозванцах – 31-го, когда настоящий Друз ещё томился в палатинском каземате, и 34г., после голодно-тюремной Друзовой смерти в 33г. Да и рассказы обоих анналистов, несмотря на их частичное накладочное сходство, порядком разнятся. Помимо того, самозванных Друзов, с разницей в 3 года, вполне могло быть (как, например, Лже-Дмитриев) два, ведь это не Птица Феникс, появление к-рой Тацит относит на 34-й, а Дион, в данном случае, явно ошибаясь и смещая хронологию, на 36-й гг.¹²¹

²¹ Впрочем, возможно, эта дионовская (позаимствованная Дионом из неведомого источника, отличного от тацитовского?) ошибка исходит из неточности предания о стартовом годе единичного периода Сотис-Сириус, учреждённого Аменхотепом Эхнатомом, точнее, из разнящихся преданий о стартовой хроноточке?

МЫТАРСТВА ИРОДА АГРИППЫ

Мы расстались с авантюрным Агриппой, к-рого легат Сирии Помпоний Флакк, сначала приграв, затем порвал с ним, нахлебником-приживалом, дружбу и прогнал его от себя, за нечистые руки, из Антиохии, где-то во второй половине 33г. н.э. Теперь проследим анонсированные нами выше дальнейшие агриппианские пути-дороги, по повествованию Флавия, в эвентуальных пределах рассматриваемого-реконструируемого нами сейчас 34г., самое позднее в начале к-рого, напомним, Флакка, видимо, внезапно, постигла на легатском-сирийском посту (неизвестно чем, т.е. какой болезнью, вызванная) естественная кончина.

«...Впав таким образом опять в крайнюю бедность, Агриппа отправился в Птолемаиду, а так как ему ни здесь, ни в другом месте не представлялось возможности жить, он решил ехать в Италию. Однако он был стеснён в деньгах. Поэтому он просил своего вольноотпущенника Марсию занять у кого-нибудь для него нужную сумму. Марсия обратился к некоему Петру, вольноотпущеннику Береники, матери Агриппы, к-рая однако в завещании поручила его попечению (своей подруги) Антонии, и просил его выдать ему деньги под письменное обязательство Агриппы с его поручительством. Пётр, однако, к-рый был зол на Агриппу за то, что потерял за ним несколько денег, потребовал от Марсии расписку в получении 20-и тыс. аттических драхм, хотя и выдал ему на две с половиной тысячи меньше. Марсия должен был согласиться на это, так как иначе ничего нельзя было сделать.

Получив эти деньги, Агриппа поехал в Анфедон, где нанял корабль, чтобы отправиться в дальнейший путь. Узнав об этом, наместник Ямнии Геренний Капитон выслал военный отряд с тем, чтобы вытребовать от Агриппы 300 тыс. сестерций, взятых им в Риме из императорской казны, и вместе с тем распорядился насильно задержать должника. Агриппа наружно подчинился последнему распоряжению, с наступлением же ночи велел перерубить канаты и отплыл в Александрию. Тут он просил алабарха Александра дать ему займы 200 тыс. драхм. Александр отказал ему в этом, но согласился выдать эту сумму под поручительство Киприды, в уважение к её преданности мужу и вообще за её порядочность. Киприда дала своё поручительство. Тогда Александр выдал им в Александрии 5 талантов, а остальное обещал вручить в Дикеархее по прибытии туда Агриппы: он знал и боялся расточительности последнего. Киприда затем простилась с мужем, к-рый поехал в Италию и возвратилась с детьми своими в Иудею.

Прибыв в Путеолы, Агриппа отправил письмо императору Тиберию, находившемуся тогда на о. Капрее, извещая его о своём приезде и прося его разрешения приехать поклониться ему на Капрее. Тиберий был очень рад этому, ответил ему любезным письмом и сказал, что с удовольствием примет его у себя на Капрее. Когда Агриппа прибыл, император принял и приветствовал его с той же любезностью, к-рую выказал ему и в письме. На следующий день, однако, Тиберий получил письмо от Геренния Капитона, к-рый писал ему, что Агриппа задолжал 300 тыс. сестерций, пропустил условленный срок уплаты и, когда ему напомнили об этом, бежал из страны своей; т.о. теперь Геренний совершенно не знает, как вернуть эти деньги. Прочитав письмо, император сильно разгневался и запретил Агриппе доступ ко двору, пока он не заплатит долга. Агриппа, однако, несколько не испугался гнева императора, но обратился к Антонии, матери Германика и Клавдия, к-рый впоследствии стал императором, с просьбой одолжить ему 300 тыс. сестерций, чтобы не утратить дружбы Тиберия. В уважение к памяти его матери Береники, с к-рой её связывала тесная дружба, равно как потому, что он был сверстником и товарищем её сына Клавдия, Антония выдала ему деньги, так что он мог уплатить означенный долг и вернуть расположение Тиберия. Последний, в

свою очередь, даже поручил ему своего внука (Тиберия) и велел сопровождать его повсюду. Питая благосклонность к Антонии, Агриппа стал особенно ласково относиться к её внуку Гаю, к-рый пользовался особенной популярностью благодаря расположению всех к его покойному отцу. В это время жил некий самарянин Фалл, императорский вольноотпущенник. Сделав у него заём в миллион сестерций, Агриппа вернул Антонии долг свой, а с помощью остальных денег старался угождать Гаю, причём достиг на него особенно значительного влияния» (И.д. 18,6,3/4).

Итак, отправившись от порвавшего с ним дружбу Флакка из Антиохии, где он, надо понимать, с семьёй, обретался с 32г. (после разрыва с попрекнутым его куском хлеба Антипой), восвосяи, Агриппа сначала подался в портово-прибрежную Птолемаиду, на границе Финикии и Палестины. Там он, нуждаясь в средствах к существованию, провёл какое-то время, после чего решил ехать-плыть в Италию, чтобы снова попытаться придворное счастье, во-первых, от безвыходности, и во-вторых, полагая, что нынешняя обстановка тому благоприятствует.

Ведь, напомним, когда, со смертью в 23г. своего сына Друза, Тиберий запретил его друзьям появляться при дворе, во избежание горестных воспоминаний, промаявшемуся ещё 2/3 года в Италии, промотавшемуся и кругом задолжавшему кутиле и моту Агриппе ничего не оставалось делать, как возвратиться ок. 26г. в Палестину, где он, в свою очередь, опять безденежный и безземельный, промаялся до 31г., пока его заботливая жена Киприда не попросила его старшую сестру Иродиаду, ушедшую (30г.) тем временем от тетрарха Филиппа к тетрарху Ироду, о помощи находящемуся на грани мужу, в ответ на что Антипа предоставил ему пост агоранома (смотритель рынков) в Тивериаде. А в следующем 32г., повздорив с шурином на пирушке в Тире, Агриппа оказался у Флакка, откуда, повторяем, вынужденно удалившись, вернее, удалённый, прибыл во второй половине 33г. в Птолемаиду.

Здесь его вольноотпущенник Марсия с трудом достал для него деньги у Петра, вольноотпущенника матери Агриппы Береники, — 17,5 вместо 20-и тыс. аттических драхм, под расписку о 20-и тыс., так как Пётр дулся на Агриппу, потеряв ранее какую-то сумму денег по его вине.

И вот, всё-таки, обзаведись названной суммой, пусть меньшей, чем та, на к-рую он рассчитывал, Агриппа переместился из Птолемаиды в Анфедон — южно-палестинский порт к югу от Аскалона и севернее Газы, дабы нанять тут (за приемлемую сбитую цену) судно, в видах дальнейшего путешествия в Италию. Однако этому решил воспрепятствовать кесарский прокуратор расположенной севернее Аскалона и Ашдода Ямнии Геренний Капитон, кто прислал в Анфедон военный отряд, требуя от Агриппы возвращения 300 тыс. сестерций, взятых им, по Флавию, в Риме из императорской казны, т.е. ещё до его возвращения в Палестину в 25/26гг., поскольку позднее Агриппа в Риме не бывал.

Ямния, Азот и Фазаилида достались после смерти Ирода I в 1г. н.э., по его завещанию, сестре умершего царя Саломии, к-рая, умерев в 10г. н.э., завещала их дружной с ней императрице Ливии, с кончиной к-рой в 29г. н.э. эти ливийские владения перешли к её сыну Тиберию, и потому в Ямнии подвизался на 34г. управлявший ею (как и Азотом с Фазаилидой?) специальный кесарский наместник. Его-то, а именно — Геренния Капитона, как одного из должностных хапуг и недругов иудеев, Филон упоминает, приложительно к 39/40гг., на том же прокураторско-ямнийском посту, в «Посольстве к Гаю» (30) (см. ниже).

Впрочем, из флавиевского текста не очень понятно, почему именно Геренний, кого Филон кличет «сборщиком податей», требовал с Агриппы деньги, взятые тем из императорской казны в Риме.

Так или иначе, сделав вид, будто он подчиняется, Агриппа велел ночью пере-

рубить канаты и (бегло) отплыл в Александрию, где стал просить займы 200 тыс. драхм у александрийско-еврейского алабарха Александра. В объективе мл. брат Филона Александрийского Александр Лисимах (отец Тиберия Александра – прокуратора Иудеи в 46 – 48гг.), к-рый (щедрый пожертвователю на Иерусалимский храм, украсивший врата святилища золотом и серебром) был самым богатым евреем Александрии, с её ок. 200-тыс. еврейским населением. И занимал он в Александрии пост алабарха – (вероятно) крупного таможенного чиновника (не путать с главой александрийско-еврейской общины – генархом-этнархом), в правление Тиберия и затем Клавдия, с учётом перерыва (38/39 – 41гг.) при заточившем его в тюрьму, в связи с александрийским еврейским погромом 38г., (немилостивом к еврейству) Калигуле.

Зная расточительного Агриппу как повсюдошнего должника, не любящего и не умеющего возвращать долги, Александр согласился дать деньги только под поручительство порядочной и преданной мужу Киприды, к-рая (дочь одноимённого отцу ст. брата Ирода – Фазаила, и Иродовой дочери от Мариамны II – Салампсио) была безусловно лучшим представителем иродианского семейства, по подобию мл. сестры Августа – Октавии, являясь ангелом-хранителем своего непутёвого мужа, кому она родила двух сыновей (один из них умер ребёнком) и трёх дочерей.²²

Короче, всё-таки, в конце концов, достав благодаря Киприде нужные деньги, настырный Агриппа расстался в Александрии с семьей²³ и сумел отплыть в желанную Италию, куда он попал, следует думать, не позднее осени 34г., ибо на все вышеописанные события, со времени его ухода от Флакка во второй половине 33г. и последующих мытарств, до осеннего прибытия в кампанскую Дикеархею-Путеоли

²² Сын Агриппы I (+ 44г.) Агриппа II (+ ок.100г.) родился в 27/28гг., дочери – Береника, Мариамна и Друзилла – в 28/29, 34/35 и 38/39гг. (И.д. 19,9,1) (см. ниже). Первым мужем Береники, после того как Клавдий даровал её отцу Агриппе (к-рый немало поспособствовал дружному ему Клавдию в 41г., находясь в Риме, при его интронизации) царство в приблизительно размерах-границах Иудеи Ирода I, стал в 41г. вскоре умерший сын выпущенного Клавдием из застенка и восстановленного в ранге александрийского алабарха Александра – М.Юлий Александр. Если Киприду можно заслуженно назвать Октавией в миниатюре, то жену нескольких мужей, возлюбленную Тита и сожительницу, как упорно утверждала (и иудейская, и римская) молва, своего родного брата Агриппы, Беренику Моммзен небезосновательно назвал «маленькой Клеопатрой» = Клеопатра в миниатюре (см. ниже).

²³ Видимо, на момент их расставания во второй половине (осенью) 34г. Киприда была беременна Мариамной.

Согласно Талмуду, «царица», под к-рой, по всей вероятности, равнины подразумевают Киприду (больше некого, т.к. другой иудейской царицы в пору Гамалииловой жизнедеятельности, не считая, мягко говоря, малоблагочестивых жён тетрархов – Иродиаду, и её дочь – Саломию, не было), дружила с р. Гамалиилом (+ 45/50гг.), к-рый был современником Агриппы I, носившего царский титул с 37-го и царствовавшего в Иерусалиме в 41-44гг. Но «Евр. энц» (т.1, с.427/28) и многие другие опирающиеся на неё источники однозначно ошибаются, полагая, что Гамалиил Ст. благодаря Киприде «попал в состав Синедриона, большинство членов к-рого состояло из саддукеев». Гамалиил («законоучитель, уважаемый всем народом») – далеко не первый год член Синедриона на момент разбирательства синедристами дела Апостолов (Д.Ап.5,34-39) летом 33г. н.э. (см. выше), когда Агриппа мыкался (за пределами Иерусалима) в поисках пристанища, а Киприда никаким влиянием на Синедрион пользоваться не могла.

Правоверное, во многом, показное иудейство Агриппы и его близость с авторитетными синедристами, как и очень даже возможная дружба, по-настоящему, благочестивой Киприды с Гамалиилом, явно относятся к пиково-царственно-иерусалимскому агриппианскому периоду 41-44гг. Следуя Мишне, «царица» дважды обращалась к р. Гамалиилу за разрешением ритуальных вопросов: 1) по поводу пасхальной жертвы; 2) по поводу найденного на царской кухне предмета ритуальной нечистоты, в связи с к-рым находчивость Гамалиила спасла яства пиршества от признания их негодными к употреблению (Песахим 88б/57а).

(севернее Неаполя), времени протяжённостью ок. года (без особо долгих задержек в Птолемаиде, Анфедоне, Александрии) более чем достаточно (хотя теоретически его можно продлить и до весны 35г. н.э., что, по нашему мнению, делать излишне).

Иначе говоря, повторим, Флавий грубо ошибается, утверждая выше, будто отбытие Агриппы в Рим имело место всего за год до смерти (16.03. 37г.) Тиберия (И.д. 18,5,3), т.е. якобы весной 36г. Никак нет. Агриппа прибыл не в Рим, но в Италию, в Путеолы, откуда направил письмо Тиберию на Капри, максимум ранней осенью 34г., т.е. аж за два с месяцами (или в 35г. минимум за два) года до кончины Тиберия.²⁴

Тиберий же (кто, побывав перед тем на материке, по осени уже наверняка снова на Капри) ответил благожелательно и принял некогда дружившего с покойным Друзом гостя подчёркнуто радушно. Но и сюда, на Капри, дотянулся дошлый Геренний Капитон, приславший императору донесение о большой задолженности Агриппы и его бегстве от долговой ответственности из Палестины. Это вызвало гнев строгого в таких вопросах Тиберия, к-рый запретил Агриппе появляться при дворе до и без уплаты долга (не посадив его, вместе с тем, в долговую яму).

Однако, последний, завзятый пройдоха, не растерялся, обратившись за помощью к вдове брата Тиберия Друза, к очень чтимой Тиберием Антонией Младшей, по печению к-рой Агриппу поручила перед своей кончиной где-то ок. 20г. н.э. (?) дружившая с ней (как Саломия с Ливией) его мать Береника. И Антония, мать Германика и дружного с Агриппой её мл. сына, его одноклассника Клавдия (род. в 10г. до н.э.), великодушно предоставила хроническому должнику деньги для уплаты пресловутого казённого долга, после чего Тиберий снова сменил гнев на милость.

Притом интересно, что если Тиберием (кто спазматически свирепствовал и грешил в 31 – 33г., несколько ослабив хватку медленных челюстей в 34г.) печетельским заботам Агриппы был поручен 15-летний Тиберий Гемелл (сын Друза), то проницательный внук Ирода предпочёл сделать ставку на (старшего престолонаследника) Калигулу, правильно рассудив о том, у кого шансов преемствовать

²⁴ И к слову, любопытно, что в «Bellum» об агриппианском отъезде-отплытии сообщается (без подробностей) (2,9,5) после абзаца, повествующего об инциденте с корбаном (изъятие Пилатом священных денег из храмовой сокровищницы на строительство водопровода), к-рый произошёл в 29г. (2,9,4), тогда как в «И.д.», после рассказа о деньгах из корбана (18,3,2), звучит повествующий об Иисусе и Распятии 33г. знаменитый «Testimonium Flavianum» (18,3,3). Т.е., согласно повествовательной хронопоследовательности «И.в.», путешествие Агриппы из Палестины в Италию попадает как раз на время ок.34г.

Мало того, в «Войне» причиной его поездки неуклюже названо лишь намерение подать Тиберию жалобу на Антипу, к-рую Тиберий отклонил. Что ж, в собственно жалобе, как и в её отклонении со стороны расположенного к Антипе Тиберия не усомнишься, однако, в первую очередь, отнюдь не обида на родственника побудила охотника за удачей Агриппу плыть в Италию, в то время как со стороны другой, его жалоба на обидевшего его в 32г. Антипу выглядит-смотрится куда естественнее в ближнем 34-м, нежели в 36г. (иное дело – обида, нанесённая Антипой в 30г. набатейскому царю Арету IV, за что Арет, заняв терпеливо-выжидательную позицию, отомстил своему экс-зятю Антипе, когда представилась отмстительная возможность, в 36г.)

P.S. И ещё, дополнительно за 34г., как за год поездки Агриппы в Италию, ратует и «Гегесипп» (латинское переложение «И.в.» Флавия, подвопросно датированное IV-м в. н.э. и даже приписываемое некоторыми Амвросию Медиоланскому), где агриппианский отъезд датирован временем после конфликта между Пилатом и иудеями из-за выставления Пилатом в Иерусалиме императорских щитов (2,3). И пусть «Гегесипп» неправомерно смыкает этот обошедшийся без кровопролития конфликт (о к-ром молчит Флавий, но про к-рый рассказывает Филон) 32/33гг. с кровопролитным конфликтом 29г. (взятие Пилатом строительно-водопроводных денег из храмовой сокровищницы), тем не менее, время, когда Агриппа отправился в Италию (34г.), попадает именно на период после конфликта со щитами.

Тиберию несравненно больше, на кого надобно щедро тратить деньги, и кто в перспективе, т.е. Гемелл, безнадежно обречён (что хорошо понимали при этом монархическо-республиканском дворе, если не все, то многие).

Так, Агриппа, кому улыбнулась долго повёрнутая к нему задом удача, наконец-то, найдя-выцарапав себе желанное придворное место (под солнцем) и уверовав в свою удачливую звезду-фортуна, начал, под покровительством многовлиятельной Антонии, к-рой он вернул долг, оборотисто взяв у некоего императорского вольноотпущенника, самарянина Фалла, заём в миллион сестерцев, сблизиться (не забывая и своего полуслабоумного ровесника Клавдия) с её внуком — Калигулой (род. в 12г. н.э.). Причём начал сблизиться с Гаем, сделавшись для него старшим (на 21 год старше!) товарищем и, со временем, очень близким кунаком-другом-сображником.

Впрочем, на всё это требовалось достаточно продолжительное (без флавиевских, в очередной раз, темпов немного кино) время и всё это происходило уже, без сомнения, в течение 35/36гг., т.е. до заточения Агриппы в темницу за ок. полугода до тиберианской кончины в марте 37г., следовательно, летом/осенью или осенью 36г.

Обратим внимание на следующую примечательную хроносимметрию. Вряд ли случайно начало благополучных для него жизненных перемен постигло авантюриста и прохиндея Ирода Агриппу в году — 34г. н.э. — симметрично именно 34-у г. до н.э., когда его дед Ирод, при первостепенном содействии римлян, завоевал Иерусалим, назначенный царём иудейским, по милости Рима, тремя годами ранее, — 37г. до н.э., в симметричном к-рому именно 37-м г. н.э. освобождённый Калигулой тотчас после смерти Тиберия из застенка Агриппа обзаведётся (сродни Ироду), по милости Рима = Калигулы, царским титулом и получит тетрархии (умерших в 36г.) Филиппа и Лисания.

35г. н.э.

1 января 35г. н.э. = 788г. а.У.с. консульство облекли Г.Цестий Галл и М.Сервилий Нониан.

Г.Цестий Галл — отец одноимённого печальнопамятного легата Сирии в 63 — 66/67гг. (см. ниже), при к-ром началась Иудейская война и к-рый умер в должности, разбитый иудеями, от огорчения, знаком нам по двум делам 21 и 32гг. В 21г. он горько жаловался в сенате на некую Руфиллу, к-рая, обвинённая в мошенничестве и признанная виновной, прикрывшись священным (охранная грамота) изображением императора, осыпала его бранью и угрозами (Д.И. 546/47). Выехавшего на отдых в Кампанию Тиберия тогда не было в Риме, сообразно чему, с этим и другими делами начальственно разбирался его приобщавшийся к управлению государством, в ранге консула, сын Друз. В ответ на групповое обращение к нему нескольких сенаторов пресечь подобные прецеденты бесчестного использования (превращённой в табу) священной персоны кесаря, он инициировал новое дознание, по итогам к-рого неугомонная Руфилла попала в тюрьму.

В 32г., в пору продолжающихся расправ после падения Сеяна, Цестий представлял, пойдя навстречу желанию (велению) Тиберия, обвинение против К.Сервея и Минуция Терма (Т.Г. 1010-12). А поскольку ненавистным Тиберию Сервею, нобилю из свиты Германика, первому легату провинциализированной Германиком в 18г. Коммагены, и ближе неизвестному всаднику Терму отводилась-инкриминировалась роль «главных участников» заговора Сеяна, следовательно, их специально выбранный Тиберием обвинитель был персоной близкой кесарю.

Светоний пишет о пире у заклеимённого ещё Августом за аморалку «старого мота и развратника» Цестия Галла, к-рого Тиберий сам поносил в сенате, но затем напросился к нему на обед, приказав, чтобы за столом, как всегда, по Цестиеву обыкновению, прислуживали голые бабы (Тиб. 42). Однако здесь, скорее, речь должно вести о старшем брате (или даже отце) Цестия – консула 35г., так как последний не может быть старым развратником и мотом уже на как минимум 26-й г. (ибо с 26г. Тиберий в Риме не был и в сенате не выступал), т.е. аж за 9 лет до облечения интересующим нас Цестием консульства, к-рое не облакалось нобилиями (за редкими возможными исключениями) в дряхлом старчестве.

Второй консул-орд. – М.Сервилий Нониан, происходил из старопатрицианского gens Servilia – альбанского рода, в числе одного из 6-и переселённых Туллом Гостилием (по разрушении им Альба-Лонги) в Рим семейств, к-рый занял в их патрицианской иерархии второе место после (цезарско-кесарского с 1в. до н.э.) gens Iulia (Ливий 1,30,2; Дионисий Гал. 3,29,7). Отцом этого и творчески, и наставническо-мещенатски одарённого-щедрого Сервилия, патрона талантливого поэта Персия Флакка (34 – 62гг.), был консул-орд. 3г. н.э., – близкий своему старшему товарищу Квиринию нобиль М.Сервилий (женатый на Нонии), к-рый в 17г. получил (финансово поддержанный Тиберием как истовый тиберианец) наследство какого-то всадника Пантулея. А в 20г. свидетельствовал в пользу Квириния (опять-таки, по инициативе Тиберия) на судебном процессе против Квириниевой экс-супруги Лепиды (Р.л. 1142/43; 1248; Д.И. 91/92).

Тем не менее, его сыну гиперкритикан Тацит даёт блестящую характеристику и как ритору, и как позднее историку, и как римскому гражданину, противопоставительно сравнивая его в некрологе от 59г. с ушедшим в том же году (от переобжорства) из жизни краснобаем, подлецом и льстецом Домицием Афром (обвинитель в 26г. дружной Агриппине вдовы Квинтилия Вара – Клавдии Пульхры). Последний, тоже даровито риторствуя, вовсе не был адептом безупречности в поведении или образе жизни, будучи полной противоположностью ничем не запятнавшему себя Сервилию (Ан. 14,19; «Диалог об ораторах» 23) (Д.И. 1020-24), кто дружил с Плинием Старшим (11,24; 28,29; 37,81), и о ком, занимавшемся рецитациями при Клавдии, упоминают Плиний Младший (Epist. 1,13,3) и Квинтилиан (10,1,102).

О консуле-суф. (видимо) второй половины 35г. – Д.Валерий Азиатике, одном из заговорщиков против Калигулы, см. ниже; о его коллеге А.Габинии Секунде сведений, помимо консульско-списочных, нет.

РИМСКО-ПАРФЯНСКИЕ КОЛЛИЗИИ

«В консульство Гая Цестия и Марка Сервилия в Рим прибыли знатные парфяне без ведома царя Артабана. Из страха перед Германиком он некоторое время сохранял верность римлянам и справедливо правил своими, но потом стал заноситься пред ними и свирепствовать над соотечественниками, так как преисполнился самоуверенности, проведя удачные войны с окружающими народами. Он пренебрежительно относился к Тиберию, считая, что тот по старости неспособен к войне, и жадно добивался Армении, властителем к-рой после смерти Артаксия (Арташес – К.З.) поставил старшего из своих сыновей, Арсака; более того, он нанёс римлянам оскорбление, послав своих людей с требованием выдать сокровищницу, оставленную Вононом в Сирии и Киликии, говорил о старых границах персов и македонян, бахвалясь и угрожая вторгнуться во владения Кира и Александра. На отправлении тайного посольства к Тиберию настояли один из наиболее родовитых и богатых парфян Синнак и близкий ему евнух Абд. Быть евнухом у варваров совсем не

позорно, больше того, это ведёт к могуществу. Итак, вместе с примкнувшими к ним другими сановниками, не имея у себя ни одного Арсакида, чтобы провозгласить его своим верховным владыкой, ибо большинство из них было истреблено Артабаном, а остальные не достигли ещё возмужалости, они просили отпустить к ним из Рима Фраата, сына царя Фраата: необходимы лишь имя и поддержка — пусть потомок Арсака с согласия Цезаря покажется на берегу Евфрата.

Это пришлось Тиберию по душе: он снаряжает Фраата и предоставляет ему необходимую помощь для овладения отцовским престолом, верный принятому им правилу — вести дела с чужеземными государствами посредством уловок и хитростей, избегая оружия. Между тем Артабан, проведая о подстроенных ему кознях, то медлит, охваченный страхом, то возгорается жаждою мщения. У варваров медлительность считается рабской чертой, поспешность в действиях — царственной; однако, в нём победило благоразумие, и он решил, что для него будет полезнее, прикрывшись личиною дружелюбия, пригласить Абда на пир и обезвредить его медленно действующим ядом, а Синнака связать притворной благосклонностью, подарками и вместе с тем деловыми поручениями. Тем временем Фраат, сменив в Сирии образ жизни, усвоенный за долгие годы пребывания в Риме, на непривычный парфянский уклад, заболел и умер. Но Тиберий не отказался от начатого: теперь он избирает в соперники Артабану Тиридата, происходившего от той же крови, что и Фраат, а для отвоевания Армении — ибера Митридата, к-рого мирит с царствовавшим в своей стране братом его Фарасманом; во главе всего, что затевалось им на Востоке, он ставит Луция Вителлия. Мне известно, что об этом человеке в Риме ходила дурная молва и что он оставил по себе позорную память, но провинциями он управлял с поистине древнею доблестью. Возвратившись оттуда, он из страха перед Гаем Цезарем и из-за близости к Клавдию впал в гнуснейшее раболепие и слыл у потомков образцом омерзительной лъстивости, так что ранние заслуги его поблекли перед позднейшими подлостями и деяния его молодости запятнала позорная старость» (Ан. 6,31/32).

Анналистику 35г. н.э. (схематичный) Тацит (к-рый подлечит, при разборе материала, корректуре) начинает с осложнений в римско-парфянских отношениях, вызванных кончиной римского ставленника Арташеса Армянского, что, как мы согласились, случилось во второй половине 34г., и притязаний Артабана Парфянского на Армению. Плюс — обусловленные выдвинутой (зарвавшимся в переоценке своих сил) Артабаном ирано-парфянской правопреемственностью — письменные угрозы-претензии на «владения Кира и Александра».

Впрочем, Тацит из начала II в. н.э., ок. времени, когда Траян ненадолго превратил Армению в римскую кесарскую провинцию и даже первым из римских предводителей вошёл в Ктесифон, выйдя затем к Персидскому заливу (114 — 16), до сдачи его (непосильных Риму) завоеваний в 117/18гг. Адрианом, неверно рассматривает Парфию ок. столетней давности чуть ли не как, проецируя на неё траяновские реалии, римского вассала, чего в форме/формате «сохранения Артабаном верности римлянам», разумеется, не было и не могло быть. Налицо пролептическое-великодержавное преувеличение спесивого анналиста!²⁵

Да, парфяне находились в состоянии проигрышного для них паритета с Римом без войны, чего добился для Рима не желавший фронтально воевать с ними искусный дипломат Август. Причём после того как от парфян потерпели поражения и Красс, за позорный для Рима крах к-рого Цезарь не успел реваншироваться (хотя

²⁵ Тацит ярко выраженный западник-северник, к-рому очень импонируют своей первобытной свежестью германцы и к-рому крайне нелюб (совративший Рим) декадентный Восток.

кто знает — чем мог закончиться его противопарфянский поход?), и Антоний, за (на) фиаско к-рого Август ратно-походно отвечать не пожелал. Но он сумел, с другой стороны, посадить на армянский трон, руками Тиберия в 20г. до н.э., верного Риму Тиграна III и вынудить парфян возвратить римлянам трофейные знамёна легионов Красса, равно римских пленников, без войны. В общем, геополитическая и дипломатическая победы без победы боевой были Августом над парфянами одержаны и (армянский) перевес в пользу Рима между двумя державами установился.

А когда в 7г. до н.э. опутанный чарами подаренной ему в 20г. Августом италийской рабыни Формузы Фраат IV, прокладывая тронную дорогу своему сыну от неё — Фраатаку, снарядил-прислал-услал в Рим в качестве заложников прочих своих сыновей и внуков, в руках у Августа неожиданно оказались очень большие, чтобы держать парфян в узде, козыри.

Правда, в начале н.э. тот же Август, неосмотрительно идя навстречу великоалександровским комплексам и пожеланиям своего пылкого юного внука Гаю, временно, на, как оказалось, беду Гаю и себе, несколько дистанцировался от статус-кво в отношениях с Ираном. Он разрешил любимому внуку попробовать втянуть в римскую орбиту также Атропатену, т.е. расширить сферу влияния Рима на иранские пределы восточнее Армении. В итоге Гай потерял в Армении, получив ранение (3г. н.э.), здоровье, апатично отошёл, проникнувшись равнодушием или даже отвращением к политике, от дел, начал чахнуть и лишился, на обратном пути в Рим, жизни (4г.).

После этого кусавшему локти Августу пришлось вернуться к восстановлению прежнего паритета, к-рый новоустановился уже при Тиберии, когда в Парфии сумел с ок. 12г. н.э. утвердиться побочный Аршакид Артабан, доверивший *второпрестольную* Мидию-Атропатену (сакрариум Ирана!) своему младшему брату Вонону, тогда как на армянский престол Германик, говорим снова, возвёл в 18г. принявшего имя Арташес Полемониды Зенона — сына, пожалуй, самого проримского-прозападного эллинистического вассала Малой Азии — Полемона (Зеноныча) Понтийского (бывшего, в свою очередь, сыном ритора Зенона из Лаодикеи Фригийской).

Артабан же, умиротворив в течение полутора десятилетий прочного, за счёт Армении, больше чем на к-рую в римской орбите верный августинец Тиберий не претендовал, междержавного мира Иран внутри и замирив его северо-восточные рубежи, наконец, поднял знамя возрождения Великого Ирана, используя факт кончины в благоприятный, как он счёл, момент Зенона-Арташеса, для возвращения в великоиранское лоно Армении — западного рубежа Дома Иранского. Мало того, он не побоялся, замахнуться на гораздо большее.

Чего, спрашивается, опасаться, если, оказывается, отнюдь не меньший, чем царь царей, тиран Тиберий, свирепствуя и развратничая на Капри, категорически не ведёт войн, лишён взрослых наследников-мужей типа Германика и боится доверять крупные воинские силы своим легатам. Иран, в лице Артабана, ментально чтит, пусть чуждых иранскому менталитету, но, тем более, достойных в его глазах уважения, Августа или Германика, не чтя и не уважая Тиберия. Ведь последний лишь на словах вроде бы римский принцепс, в то время как на деле это скурвившийся и погрязший в пороке, не способный (в силу собственных порочности и старости) на ратные подвиги, восточный деспот, к-рый персонально не являясь ни Западом, ни Востоком, профанирует и то, и другое. Тьфу на него!

Таким образом (*gesagt – getan*), на вакантный с 34г. армянский престол не позднее начала 35г. сел (наверняка приветственно встреченный многими армянами — знатью и народом) старший парфянский кронпринц Арсак (Тацит не называет его личное имя, называя только династическое, к-рое перед именем личным носили все Аршакиды — как потомки основателя династии — Аршака Храброго).

Более того, Артабан потребовал через послов от римлян сокровищницу его

тронного предшественника, представителя Старших Аршакидов — Вонона, к-рый бежал от него в 12г. из Ирана в Армению, а потом, в 16г., изгнанный армянами, — к римлянам, в Сирию. Из Сирии Германик, по договорённости с Артабаном, интернировал-удалил его (подальше от парфянской границы) в 18г. в Киликию, где он, пытаясь бежать (и) оттуда, в 19г. погиб от руки римлян, оставив, стало быть, прихваченную им с собой ещё в 12г. из Ирана царскую сокровищницу (не к неудовольствию Тиберия) в полном римском распоряжении.

Дальше — больше. Вызывающее письменное воззвание Артабана, в реальности не столько к Александру, сколько именно к Киру, знаменовало собой начало конца процветавшего при Старших Аршакидах подчёркнутого филоэллинизма Парфянского Ирана в пользу традиции доэллинистической-доалександровской. Т.е. — в пользу амбиций ахеменидско-персидско-великоиранских, к-рыми, вновь (при)поднятыми на щит при Младших Аршакидах, полномерно вооружаются в IIIв. н.э. свергнувшие Аршакидов (и попытавшиеся вышвырнуть их за борт, дескать, исключительно ирано-персидской истории) тоталитарно-империльные новоперсидские Сасаниды.

Но Артабан явно переоценил свои силы, одновременно недооценив как потенциальную оппозицию внутри страны, так и до срока списанного им со счетов в качестве серьёзного противника Тиберия, у к-рого ещё оставался, если и не военный, то, по крайней мере, действенный интриганско-дипломатический порох в пороховницах. Артабановыми притязаниями на Армению не преминули воспользоваться представители оппозиционных ему сил — богатея Синнак (вероятно, репрезентант одного из 7-и знатнейших парфянских родов) и влиятельный евнух Абд.

Составив заговор, они снарядили тайное посольство к Тиберию, прося отпустить к ним в Иран из Рима альтернативного Артабану одноимённого сына Фраата IV (37 — 2гг. до н.э.), — на 35г. н.э. уже престарелого кронпринца Фраата (находившегося с 7г. до н.э. в Риме), поскольку в самом Иране репрезентантов Старших Аршакидов не осталось (пусть даже Тацит ошибочно отказывает им в достижении на 35г. возмужалости).

Мол, стоит лишь Фраату показаться на берегу пограничного Евфрата и внутрииранская поддержка против родственного гирканам и карманиям Артабана, только по матери Аршакида, а по отцу — безвестного происхождения, ему, истинному Аршакиду, со стороны недовольных артабановскими тиранией и самозванством парфян обеспечена. Значит, взаимовыгодное предложение парфянской оппозиции Риму заключалось в том, чтобы устранить при помощи римлян нелегитимных т.н. Младших Аршакидов и вернуть всё в отношениях с Римом к прежнему статус-кво.

Медлительный Тиберий совсем не медлительно взвесил все «за» и «против», согласился и быстро откликнулся-отреагировал, в результате чего в Сирию отправился наделённый широкими региональными полномочиями Л.Вителлий, между тем как в видах на трон царя царей туда проследовал испрошенный парфянами Фраат. Впрочем, он, едва прибыв на место, или, согласно Диону (58,26,2), ещё в дороге, что скорее, как в силу своей старости, так и вследствие приобретённой им за долгие годы в Риме излишеско-сибаритской изнеженности, не успев добраться до места назначения, благополучно помер. Однако этим умершим Фраатом римские Аршакиды не исчерпывались, и его тотчас заменил, на сей раз, внук Фраата IV — молодой эрзац-кронпринц Тиридат.

Тем временем, и Артабан не сидел, узнав о кознях против него, сложа руки: он оперативно устранил евнуха Абда посредством яда и задобрил Синнака, улестив сердце последнего богатыми дарами и деловыми, на уровне доверенной близости к царской персоне, поручениями. Наряду с тем, такие действия царя царей, к-рый не расправился с оппозицией прямо и беспощадно, свидетельствовали о его неуверенности, о его пошатнувшемся положении.

И это было ещё не всё, ибо, если, согласно многоходовой хитроумно-цепкой комбинации (вовсе не бездейственного) Тиберия, Тиридату надлежало блокировать Артабана внутри Ирана, через Евфрат, при римской легионизированной поддержке с сиро-месопотамского юга, то в решении проблемы Армении, к-рая с концом династии Арташесидов продолжала оставаться династически сирой-бесхозной (ведь Полемонид Зенон умер бездетным), Тиберием был задействован качественно новый в треугольнике Рим – Армения – Иран ход-подход. Ход, к-рый предусматривал превращение этого на 30-е гг. Iв. н.э. уже столетнего буферно-пограничного треугольника в, под державной эгидой Рима, геополитический четырёхугольник.

В чём же онный состоял? А в том, что тиберианский Рим впервые (не практикуя подобное ранее) инспирировал-инициировал (видимо, совершенно неожиданно для Артабана), решив изменить привычную конфигурацию, следующее. Вторжение в Армению с севера, для её отчуждения от Ирана в пользу Рима, кавказских иверов, для чего Тиберий письменно посодействовал примирению между иверским царём Фарасманом и его, надо полагать, оспаривавшим у него царский трон младшим братом Митридатом, кому посулил, при покровительстве Рима, взамен на изгнание иверами парфян из Армении, вакантные корону и царство Армянское.

ИВЕРЫ В АРМЕНИИ

«Первым из этих царьков начал действовать Митридат, побудив Фарасмана помочь его замыслам при помощи вероломства и военной силы, и подысканные люди, соблазнив золотом приближённых Арсака, склонили их к измене. Одновременно иберы вторгаются с большим войском в Армению и овладевают городом Артаксатой. Узнав об этом, Артабан поручает своему сыну Ороду отомстить неприятелю; он даёт ему войско парфян и рассылает людей для набора отрядов наёмников; Фарасман со своей стороны получает поддержку альбанов и поднимает сарматов, скептухи к-рых, приняв подарки с обеих сторон, по обычаю своего племени отравились на помощь и к той, и к другой. Но иберы – хозяйка этой страны – быстро пропустили по каспийской дороге сарматов, двинувшихся против армян, между тем как сарматы, направлявшиеся к парфянам, были легко отрезаны, так как враг запер все проходы, кроме единственного – между морем и оконечностями альбанских гор, воспользоваться к-рым однако препятствовало летнее время, ибо из-за постоянно дующих в одном направлении ветров вода в эту пору заливают низкие берега, тогда как зимой южный ветер гонит её назад, и, после того, как она уйдёт в море, обнажается береговая полоса мелководья.

Между тем усиленный отрядами союзников Фарасман вызывает на битву не имевшего вспомогательных сил Орода, и так как тот от неё уклоняется, тревожит его, кидается с конницей на его лагерь, препятствует заготовке корма для лошадей; и не раз он окружал вражеский стан заставами, как бы облагая его осадой, пока парфяне, не привыкшие к такому бесчеству, не обступили своего царевича и не потребовали, чтобы он повёл их в сражение. Но они были сильны только конницей, а Фарасман располагал и хорошей пехотой. Ибо иберы и альбаны, обитая в лесистых горах, привыкли к тяжёлым условиям существования и поэтому гораздо выносливее парфян; они утверждают, что происходят от фессалийцев, возводя своё происхождение к тому времени, когда Ясон, после того как увёз Медею и прижил с нею детей, возвратился в опустевший дворец Эета и к оставшимся без властителя колхам. Они чтут многое, связанное с его памятью, а также святилище Фрикса; и никто из них не принесёт в жертву барана, ибо они считают, что Фрикса к ним доставил баран, был ли он живым существом или знаком отличия корабля. Итак,

после того как оба войска изготовились к бою, парфянский полководец в речи к воинам напомнил о владычестве на Востоке, о славе Аршакидов, о том, что их враг — безвестный ибер с войском наёмников; Фарасман же говорил, что не зная над собой парфянского ига, чем к большему они будут стремиться, тем большую славу принесёт им победа, а если обратятся в бегство, то тем больше позора и опасностей навлекут на себя; он указывал при этом на грозный боевой строй своих и на раззолоченные отряды мидян, говоря, что здесь мужи, там добыча.

Но сарматов воодушевила не только речь полководца: они сами убеждают друг друга не допустить, чтобы их осыпали стрелами: это необходимо предупредить стремительным натиском и рукопашною схваткой. Отсюда — несхожая картина в войсках обоих противников: парфянин, приученный с одинаковой лёгкостью на-скакивать и обращаться вспять, рассыпает свои конные части, дабы можно было беспрепятственно поражать врага стрелами, а сарматы, не используя луков, к-рыми владеют слабее парфян, устремляются на них с длинными копьями и мечами, и враги то сшибаются и откатываются назад, то как в рукопашной схватке теснят друг друга напором тел и оружия. И вот уже альбаны и иберы хватают парфян, стаскивают их с коней, заставляют биться в неравных условиях, ибо сверху на них обрушивали удары всадники, а снизу поражали не отстававшие от них пехотинцы. В разгаре боя Фарасман и Ород, к-рые сражались в передовых и бросались на помощь дрогнувшим и поэтому были заметны, узнают друг друга; с громким боевым кличем они устремляются с оружием один на другого, и Фарасман, упредив противника, рассёк шлем Орода и нанёс ему рану. Но, увлечённый вперёд конём, он не смог повторить удар, и храбрейшие из воинов успели заслонить раненого; поверив, однако, ложной вести о его гибели, парфяне пришли в замешательство и уступили победу врагу.

После этого Артабан со всеми силами своего царства выступил отомстить противнику. Благодаря знанию местности иберы сражались успешнее парфян, но он не отстал бы от них, если бы не Вителлий, к-рый, стянув легионы и распространив слух, что собирается вторгнуться в Месопотамию, устроил его угрозою войны с римлянами. С оставлением Артабаном Армении пришёл конец и его могуществу, так как Вителлий подстрекал парфян покинуть царя, свирепствующего над ними в мирное время и неудачными битвами обрекающего их гибели. И вот Синнак, о враждебности к-рого к Артабану я упоминал выше, склоняет к измене ему своего отца Абдагеза и некоторых других, затаивших ранее такой умысел и решившихся теперь осуществить его вследствие непрерывных поражений царя: понемногу к ним примыкают все, кто повиновался царю больше из страха, чем из привязанности, и, после того как нашлись зачинщики, набрался решимости. И у Артабана никого не осталось, кроме телохранителей-чужеземцев, утративших родину, у к-рых не существует ни понимания добра, ни отвращения ко злу, к-рые кормятся тем, что им платят, и за плату готовы на преступление. Взяв их с собою, он поспешно бежал в отдалённые и сопредельные Скифии места в надежде на то, что там ему будет оказана помощь, так как был связан родством с гирканами и карманиями, а также и на то, что парфяне, воздающие справедливость только своим отсутствующим властителям и мятежные, когда те рядом с ними, ещё обратятся к раскаянию.

Между тем Вителлий, так как Артабан бежал из страны и народ проявлял готовность заменить его новым царём, убеждает Тиридата использовать представившиеся возможности и ведёт к берегу Евфрата отборную силу легионов и союзников. Когда они совершали жертвоприношение, причём один по римскому обычаю предал закланию свинью, овцу и быка, а другой, чтобы умиловить реку, обрядил ей в жертву коня, прибрежные жители сообщают, что в Евфрате сама по себе, ибо никаких ливней не было, значительно прибывает вода и вздуваясь белою пеной,

образует похожие на диадемы круги — предзнаменование, возвещающее им благополучную переправу. Иные истолковали его с большою пронизательностью, утверждая, что их предприятие начнётся удачно, но плоды его будут недолговечны, ибо предвещения земли и неба более надёжны, а реки по своей природе непостоянны и, открыв знамения, немедленно уносят их прочь. Как бы то ни было, навели мост на судах и войско переправилось через реку. Первым явился в лагерь со многими тысячами всадников Орноспад, некогда изгнанный с родины, потом отнюдь не бесславный сподвижник Тиберия при завершении им военных действий в Далмации, награждённый за это римским гражданством, и наконец снова достигший царского благоволения и почёта и поставленный правителем тех земель, к-рые орошаются знаменитыми реками Евфратом и Тигром и носят название Месопотамии. Немного спустя войско Тиридата усиливает также Синнак, и столп партии Абдагез добавляет к этому царскую сокровищницу и облачение. Вителлий, сочтя, что он достаточно показал внушительность римской мощи, обращается с увещанием к Тиридату постоянно помнить о своём деде Фраате и воспитавшем его Цезаре, о доблестных деяниях того и другого, и к парфянским сановникам — неуклонно соблюдать покорность царю, почтение к нам, собственную честь и верность. Затем он с легионами возвратился в Сирию» (Ан. 6,33-37).

О странах Южного Кавказа — Ив(б)ерии, Колхиде (Эгриси) и Алб(в)ании, в их связи с (Большой или Малой) Арменией (к-рая — не Кавказ, но не пройдя через к-рую, попасть на Южный Кавказ, с запада, юга и востока, сухим путём было нельзя) и без, мы не раз беседовали или упоминали о них в предыдущих книгах (Р.л. 814-17; 826; 990/91; 1077; 1251-63; 1320; 1376; Д.И. 160-63; 829/30; 840-76-79-98-900-04; Т.Г. 52-59; 449-58; 1375-79; 1636-38). Из римлян туда ходили походами: в 65г. до н.э. воевавший Митридата Помпей; в 35г. до н.э. — в Иверию и Алванию — без существенных последствий для этих стран — полководец (александрийского распорядителя Востока при Клеопатре) М.Антония — Канидий Красс.

Далее, в «Деяниях» Август, не уточняя сроки (к-рые лежат в пределах между 30/20гг. до н.э. — 14г. н.э.), говорит о дружественных посольствах к нему в Рим («Нашей дружбы просили...») «бастарнов и скифов, и от царей сарматов по ту сторону Танаиса (Дон), и от царей албанов и иверов» (31,2).

А в симметричном 35-у г. до н.э. 35-м г. н.э. дальнелимесные (второй римско-имперский эшелон буферной дальнелиместности после *первого* — Армении) Иверия и Алвания, в свете посягательства Артабана, — посредством овладения Арменией, изменить региональную конфигурацию в ущерб Риму, снова актуализировались для Рима. Хотя ранее они были дальнелимесным римским державным буфером не столько против парфян, от к-рых Рим отделяла Армения, сколько против скифско-сарматских вторженцев (из-за Кавказского хребта).

В первой половине IV в. н.э. (пока старая Колхида увядала и распадалась) Иверия, напротив, значительно усилилась, причём — в противоположность Армении, к-рая, находясь с ббг. до н.э. между двумя жерновами, римским и иранским, да ещё лишившись в IV в. н.э. иссякшей династии Арташесидов, сильно ослабела. Точнее, она была поэтапно ослаблена Римом, не могучи сказать своё слово и сделавшись полем противоборства (большой разменной монетой) двух сверхдержав за гегемонию в междержавном регионе. Так, в создавшихся условиях притязаний на преобладание в ней усилившейся при Артабане Парфии, при тяге большинства армян, знати и народа, к парфянам, Тиберий, категорически не желая (в духе и по завещательной букве Августа) воевать последних фронтально, решил новаторски разыграть против них чуждую Ирану северную — иверско-кавказскую карту.

При всём том, если Тиберию удалось помирить братьев (царя) Фарасмана (ок.

30 – ок. 60гг.) и (его мл. брата) Митридата, подвигнув их на вторжение в Армению, то им, в свою очередь, удалось элиминировать в Армении Арс(ш)ака Пафянского, подкупив и склонив к измене его приближённых, к-рые, видимо, заговорщически устранили его, чего у Тацита нет, но что можно предположить (поскольку больше Арсак не упоминается). После этого иверы наводнили страну и заняли Арташат-на-Араксе – воздвигнутый во Пв. до н.э. основателем Арташесидского царства Арташесом I (189 – 60гг.), с помощью беглого Ганибалла (+ 183г. до н.э.), – столичный город, к-рый римляне (со дней воевавших армян в 69 – 66г. Лукулла и Помпея) называли «армянским Карфагеном».

Получив, таким образом, непросчитанный удар с севера, Артабан снарядил в Армению на место Арсака другого своего сына с войском – Орода, и, как замечает Тацит, разослал людей для набора отрядов наёмников. Фарасман же обратился за поддержкой к алванам, плюс поднял сарматов (общее обозначение обитавших к дагестанскому северу от иверско-алванского Южного Кавказа кочевых скифо-сарматов), к к-рым за помощью обратились также парфяне.

Но если иверы легко пропустили союзных им сарматов с кавказского севера через Дарьяльское ущелье и дальше через собственно Иверию в направлении Армении, то сарматы, спешившие на помощь парфянам через Ворота Чора (Дербентский проход), вдоль западного берега Каспия, добраться к месту назначения не сумели. Из-за (Ан. 6,33) «летнего времени» (лето 35г.) и «постоянно дующих в одном направлении ветров» (с моря), вода залила низкие берега, сделав узкую дорогу между морем и горами непроходимой. Посему к иверам присоединились и алванцы, и сарматы, тогда как союзные парфянам скифы-сарматы присоединиться к ним не смогли.

Помимо того, основу парфянского воинства и парфянских побед всегда составляла первоклассная, тяжёлая и лёгкая, конница, с её высокой маневренностью, мобильностью, слаженностью действий, умением мастерски имитировать отступление и метко стрелять из лука. Равно – сокрушительно обрушиваться, улучив момент, всей мощью копьеносно-меченосных всадников-латников на предварительно ослабленную стрелометной арт. подготовкой поредевшую пехоту врага, при всегда малочисленной второстепенной-собственной вспомогательной пехоте (служба в к-рой считалась у парфян-всадников гораздо менее престижной, чем служба в бронированной *проторицарской* кавалерии).

Вспомним, например, что, воюя Антония, Фраат выставил аж 50 тыс. всадников и всего 4 тыс. пехотинцев. В искусстве ввести врага в заблуждение притворным отступлением, затем, стремительно повернув в соответствующей местности, охватить его с флангов, метко расстреливая из луков, и стремительно атаковать, крылатые парфянские эскадроны не знали себе равных.

Чаще частого скрещивая оружие с кочевым Тураном, отражая его свирепые вторжения, они – восточный и северный Иран (Дом Иранский) – овладели стратегией и тактикой кавалерийского боя лучше самих туранцев, в отношении к-рых глобально исповедовали отнюдь не столько войну до победного конца, сколько вовлечение в Иран и благотворную иранизацию Турана. То-то в жилах парфян, во многом, текла иранизированная туранская кровь, чего персидско-сасанидские адепты арийско-иранской *голубой крови* не могли им простить, считая и демонстративно позиционируя парфянский период в истории Ирана временем иноземного полустепного владычества!

Однако, одновременно, будучи мэтрами непродолжительного боя и блицвойн, предводительствуемые своими верховными *баронами* парфяне (знать к-рых служила исключительно в кавалерии, оставляя службу в пехоте простолюдином и рабам) не отличались выносливостью, очень не любили спешиваться, увязать в ведении боевых действий, не желали и не умели воевать зимой. А выносливые иверы, алванцы и

сарматы, обитатели как лесистых гор, так и речных долин, так и полустепей, составив удачное сочетание, располагали как весьма боеспособной, вооружённой длинными копьями и короткими мечами, пехотой, так и, пусть не первоклассной, лёгкой конницей. Т.е. в сложившихся обстоятельствах преимущество было за ними.

О том, что Фарасман и Митридат Иверские не были и не могли быть, вопреки невежественному утверждению ряда ново-новейших источников, Аршакидами по крови, ясно свидетельствует Тацит, вкладывая в уста парфянского Аршакида Орода перед решающим сражением слова о славе Аршакидов и «о том, что их враг – безвестный ибер с войском наёмников» (6,34). Следовательно, Фарасман и Митридат – представители династии никак не Аршакидов, но, по всей вероятности, царствовавшей в Иверии в IIIв. до н.э. – IIIв. н.э. (м.б., с перерывами) местной иверской династии П(Ф)арнавазидов, возможно, состоявших в родстве с вымершими армянскими Арташесидами (чем и подкреплялась-легитимизировалась их не оговоренная не снисходящим до «варварских» нюансов-подробностей Тацитом претензия на, после конца Арташесидов, армянский престол).

Ниже, в Ан. 6,34, Тацит приводит бытовавшую со дней сопровождавших Александра Великого в походе учёных греков версию о фессалийском происхождении иверов (как и о фессалийско-фригийских корнях армян), не очень отличая их от колхов и возводя ко временам Фрикса, Аэта, Медеи, аргонавтов, Ясона... Да, пришлый балканско-фракийский элемент, безусловно, сыграл свою роль в этногенезе будущих колхов и иверов на их пути к становлению в последующем картвельскими грузинами, но про- и панэллинистический источник Тацита полностью игнорирует их автохтонный кавказский (как и ариано-армянский на Армянском нагорье у армян) стержень (презентуя фессалийскую или балкано-фракийскую прародину якобы целиком пришлых в Армению и на Кавказ армян или иверов как единственно-безальтернативную).

Причём, следует думать, что и сами эллинизированно-элитные иверы или колхи, сродни армянам, в пору посталександровской Греко-Римской Ойкумены и позднее, предпочитали, говоря о себе и своём генезисе, (пусть даже сведениями об этом мы не располагаем) упираться на понятие более престижное (после Александра и в пору Рима) западное (фессалийское) происхождение.

Хотя есть версия и о староиранском происхождении иверов Иверии, к-рую персы называли Сагарети, куда-де в первые века н.э. из долины р. Чорох начали проникать картвельские племена. Ирано-армянская составляющая в иверском этногенезе, в рамках географического и культурного соседства с Арменией и Ираном, наверняка имеется (иначе у иверов не появилась бы позднейшая легенда о братьях, старшем и младшем, Гайосе и Картлосе, первоначальным общим языком к-рых был армянский), но перводоминантой она быть не может.

Ни Иверия, ни Колхида, ни Албания никогда в истории (о мистериальной метаистории см. ниже) не были ни Вторым, ни Третьим (к-рые конкурентно занимали то западно-окраинная Армения – страна Араратская, то сакрариумная *страна священных огней* – Атропатена), ни Четвёртым (Бактрия) престолами Дома Иранского = Арианы. Рубежными цитаделями Ирана на западе и северо-западе являлись Армения и Мидия-Атропатена, с пограничной рекой Кира Великого (Кура – в понимании иранцев – граница цивилизованного мира, как Аракс = Вахви-Датия на западе, или Амударья на востоке – священные реки арийцев), к-рая естественно-водораздельно отделяла великоиранскую Ойкумену от (потустороннего) Кавказа.

Эльбрус Прометей и Альбурс Каюмарса/Гайомарта, между к-рыми, в зеркальном треугольнике озёр Ван, Севан, Капутан, соединительно-разделительный дуалистический Арарат – пристанище спасительного для послепотопного человечества Ноева ковчега, – мистериальные родственники, но не братья!

БЕГСТВО АРТАБАНА ПАРФЯНСКОГО

В любом случае, за отсутствием иного геополитического выбора, не желая выпускать из римской орбиты, из римской сферы влияния пропарфянски настроенную Армению, Тиберий решил-решился в середине 30-х гг. IV н.э. ближе втянуть в эту орбиту более, нежели Армения, чуждую Парфянскому Ирану Иверию. И у него под момент получилось переиграть зарвавшегося Артабана, к-рый очень напрасно отказывал «немощному» старику с Капри в здравомыслии и дееспособности.

Располагая вышеназванными преимуществами, объединённые силы иверов, алванцев и сарматов одержали, под иверской эгидой, верх над парфянами (и армянами). Верховой Фарасман встретился в красочно живописуемом Тацитом сражении лицом к лицу с верховым Ородом, рассёк ему в поединке шлем и нанёс рану, от к-рой Ород несколько позднее скончался. Между тем, ложный слух о его гибели на поле боя деморализовал парфян, посеяв в их рядах панику, и «они уступили победу врагу», несмотря на то, что перед тем исход ожесточённого сражения был под вопросом.

Теперь Артабану пришлось в срочном порядке персонально выступить со всеми силами в Армению, потеря к-рой означала для него общее, внешне и внутривнутриполитическое, поражение. Но (не имея достаточных сил) он оголил южно-месопотамский фронт, римско-сирийское направление, чем только того и ждавший-выжидавший Вителлий, с противоартабановским Тиридатом под рукой, не преминул тотчас воспользоваться. Сирийские легионы сосредоточились на евфратской границе, грозя вторгнуться в пределы (занятого в Армении) парфянского Ирана с месопотамского юга.

Так Артабан, дошедший тем временем до границы Иверии с Арменией, поскольку по Тациту (6,36), иверы лучше знали местность, на к-рой сражались, вынужден был уйти из Армении, дабы не позволить римлянам перейти через Евфрат, к-рый они, классически (по указанию Тиберия и под предводительством Вителлия) блефуя, всерьёз переходить для большой войны не собирались. А большая война и не потребовалась, ибо от потерпевшего неудачу царя царей отпали заблаговременно подстрекнутые Вителлием Синнак, его отец Абдагез и др. представители парфянской элиты. Затиранные своим царём и подкупленные-перекупленные Римом, они предпочли сделать ставку на более чистокровного, на более легитимного Аршакида – Тиридата.

И у покинутого Артабана не осталось иного выхода, кроме бегства, под защитой кучки (гирканско-карманских) телохранителей, согласно слову Тацита, – «в отдалённые и сопредельные Скифии места», т.е., судя по всему, в (ближний к очаговой среднеазиатской Парфии) Туркестан – к северо-востоку от южно-гирканского берега Каспия.

Притом бегство царя послужило сигналом для переправы римлянами ожидавшего своего часа Тиридата, кто, начиная своё предприятие, ритуально принёс в жертву династическому богу Аршакидов – Митре (иранский Аполлон!) – коня (олицетворение мыслительного сознания; кентаврированная духотворная рассудочность) на левый берег Евфрата, к-рый, со своей стороны, обрадовал его и римлян сулящими удачу предзнаменованиями: в виде *диадемно-коронационных* кругов на пенящейся прибывающей воде, при отсутствии ливней.

Иначе говоря, несмотря на отсутствие осенних ливней (Ан. 6,37), упоминание к-рых позволяет нам датировать (хронодиагноз по косвенному признаку) данное событие (с учётом событий предыдущих) осенью, или, скорее, ранней-поздней осенью 35г. н.э. Соответственно, если снаряжённый (в конце 34г.) Артабаном Арсак сел на армянский трон в начале 35г., то сам Артабан, после целой вереницы

неудачных для него событийных коллизий-перипетий, бежал в Скифию явно ближе к концу этого насыщенного событиями (на к-рые требуется, в общей сложности, не менее 10/11-и месяцев) года.

Итак, Тиридат переправился, переправленный (бряцанувшими оружием демонстрантами легионизированной имперской мощи) римлянами, на левый берег Евфрата, где к нему начали примыкать сановно-вельможные парфянские бароны с воинством. Среди них – обладатель римского гражданства Орноспад, – некогда бежавший к римлянам (от Фраата IV? или от Фраатака?) и воевавший под началом Тиберия в Паннонскую войну 6 – 9 гг. знатный иранский диссидент (к-рый, вероятно, вернулся в Иран после соглашения Германика и Артабана в 18 г.), Синнак, Абдагез и др.

Затем Вителлий, сочтя порученную ему Тиберием задачу выполненной, понапутствовал Тиридата хранить преданность дружбе с Римом, указал парфянским сановникам на необходимость блюсти верность своему дружественному Риму царю, и возвратился во главе легионов в Антиохию. Престиж Рима был соблюден, очередной раунд противостояния с Ираном, без единого с римской стороны выстрела (т.е. стопами Августа!), выигран. А Тиридат начал, в сопровождении множившихся возле него по пути парфянских баронов, триумфальное шествие к столичному Ктесифону. Там ему предстояла (в следующем 36 г.) торжественная церемония коронации (осуществлявшаяся венцезолагами из дома Сурена) в цари царей Арианы-Ирана.

Стало быть, разыгранная по нотам неоднородная комбинация Тиберия, с воцарением в буферно-проримской Армении иверга Митридата и с заменой в Иране амбициозного Артабана на воспитанного-взращённого в Риме кронпринца Тиридата, увенчалась (35/36 гг.) успехом. Каприйский маэстро-кукловод правильно подобрал оркестр и верно продирижировал правильно задействованными в правильно разыгранной комбинации, при правильно подобранном менеджере Вителлии, фигурами, правильно, без опозданий и поспешностей, ими распорядившись. Одним словом, оркестром руководил дирижёр, знающий партитуру, плюс умеющий таскать каштаны из огня не своими руками.

В результате, до того дальнепериферийные Иверия (*край* прикованного Прометей на *краю* Земли) и Алвания были (без каких-либо римских потерь в живой силе и технике) ближе вовлечены в римскую державную орбиту, в связке с возвращённой к статусу-кво, по новому раскладу, Арменией. И влияние *Imperium Romanum* отныне ощутимее распространилось на Южный Кавказ. Но надолго ли? Потерпел ли переигранный Тиберием беглый Артабан поражение окончательно? Или впереди реванш? Поживём – увидим. Не говори «гоп» (или «стоп»), пока не перепрыгнешь (основательно)! Геополитиканская фортуна, сродни сердцу красавицы, склонна к блиц-изменам и к быстрым переменам!

Тем не менее, как видим, хватка у каприйского старче Тиберия, по-прежнему, крепкая-мощная, и его медленные челюсти, умея, когда необходимо, ускорить жевательные-глотательные темпы, смыкаются уверенно. Такому матёрому (тамбовскому) волчаре (к-рому никто не товарищ), или (нильскому) крокодилу, даже в его возрасте 75-и лет, ни палец, ни руку, ни, наипаче, голову в рот не клади: сомкнёт пасть, откусит (не выкусив), прожует, заглотнёт и не подавится! Политики тиберианского покроя по гроб жизни наделены челюстями, способными перемалывать камни!

КОЛХИДА И ЗОЛОТОЕ РУНО

Теперь нельзя не сказать о следующем. Итак, Тацит, коротко характеризуя иверов, без чёткого размежевания, переходит, не оговорив переход, на, всего-навсего, небрежно перечисляемых им Колхиду, Ясона, Медею, их общих детей, властителя колхов Аэта (Эет), на (прилётного) Фрикса и (златорунного) Овна.

Углубимся в тему. Колхида и (докартвельские послеатлантические) колхи (причерноморская Западная Грузия; Эгриси) наводят на примечательные мысли и ассоциации по сведениям Геродота (1,2,104/05; 3,97; 7,79: 7,197), уж не говоря о греческих мифах. И не менее примечательно, чем удивительно, то, что Геродот выводит колхов от потомков воинов Сесотриса, поселившихся на р. Фасис (Риони), предполагая отсюда их египетское происхождение, «т.к. они темнокожи и с курчавыми волосами». Более того, по его мнению, «только колхи, египтяне и эфиопы искони подвергают себя обрезанию, тогда как финикийцы и сирийцы позаимствовали этот обычай у египтян», плюс – «они ткут полотно одинаковым образом», плюс – «образ жизни и язык у них похожи».

Если под «сирийцами» или «финикийцами» у Геродота, в т.ч., евреи, то насчёт обрезания – несостоятельно, ибо, согласно Древнему Завету, к-рому мы доверяем куда больше, чем Геродоту, обрезание (как знак завета с Богом) предписал 99-летнему (успевшему побывать в Египте) Аврааму, до рождения (обрезанного на 8-й день) Исаака, Сам Господь Бог.

Но, так или иначе, интересна связка-увязка-привязка колхов (коли речь идёт об этносе, о племени, а не об одноимённых этническом колхам, мол, наёмниках саисско-египетских царей VII/VI вв. до н.э., как думают некоторые ново-новейшие источники). Сесотрис, о чём читатель знает, это Сенусерт III (1887 – 49 гг.) – знаменитый фараон (олицетворяющей пик Среднего царства 12-й фараонской династии) XIX в. до н.э., современник-соучастник метаистории лучшего из 12-и братьев-иаковитов – Иосифа – и прихода-переселения Иакова-Израиля в Египет.

Правда, с др. стороны, похоже, что имя и персона Сесотриса (став собирательными для 12-й династии) слительно аккумулялировали в глазах-устах последующей Ойкумены также двух других выдающихся фараонов 18-й и 19-й династий уже Нового царства, равно их деяния: Тутмоса III (XVI/XV вв.) и Рамзеса II (XIV/XIII вв.), к-рые походно ходили-доходили минимум до междуреченско-месопотамского Евфрата (о фараонах 12-й династии таких сведений нет). Или, м.б., отдельные египетские отряды, разведывательные (рекогносцировочные/соглядатайские) могли проникнуть через Армению на север аж до восточного берега Чёрного моря, аж до Иверии и Кохиды?

Впрочем, речь в отношении Колхиды вполне может идти отнюдь не столько о каком-либо военном предприятии, сколько о зашифрованно дошедшем уже до (не знающего толком, в чём дело) Геродота проникновении на восточно-черноморское побережье (ещё до греческих) древнеегипетских мистерий и мистериальных тайн, к-рые позднее облачились (были облечены) в этнический муляж-камуфляж – как в египетский, так и – после колонизации колхидского берега милетскими колонистами (с VI в. до н.э.) – в греческий.

И тут уместно заметить, что если сами по себе Сесотрис (Сенусерт) и 12-я династия (Лабиринта – предтечи рассудочности и интеллектуализма таинственных мозговых извилин) символизируют пока восходящий позитивный Египет (имагинативной культуры Осириса), то послегиксосский и доисшестввенный Тутмос III (фараон *тифонического*, особенно с гиксосов, Египта), при к-ром начались гонения на евреев в Египте, или постисшестввенный Рамзес II (18/19-я державнейшие династии) являются ярким свидетельством, вопреки всему его монументально-

империальному внешнему блеску, необратимого декаданса (яро враждебного богоизбранному Израилю) Древнего Египта (под эгидой Сета-Тифона). Не из Египта ли израэлиты унесли, под предводительством Моисея, те необходимые человечеству мистериальные тайны, к-рые они черпали в Египте со времён гостеприимно распахнувшей перед ними врата страны-на-Ниле 12-й династии!

Причём, если XIXв. до н.э. (приход Иакова-Израиля в Египет – 1877г.; кончина Иакова – 1860г.; кончина Иосифа-Израиля – 1807г.) есть время юпитерального импульсирования Земли в архангельский период мудрого Захариила-Юпитера (2019 – 1665гг.), то XVI – XIVвв., когда Израиль ушёл-изошёл из великодержавного Египта (1447 – 07гг.), где реформация Эхнатона потерпела крах, и осваивался в Земле Обета, есть время импульсов и архангельского периода исцелительного Рафаила-Меркурия (1665 – 1311гг.). И не случайно именно на XIXв. до н.э. (век *убиения* Сетом-Тифоном Осириса и начала тифонического времени!) – 1828/27гг. – приходится 1080-летняя середина III-й Пост-Атлантической Египетско-Вавилонской культуры = Космического (Платонова) месяца протяжённостью в 2160 лет, под знаком Тельца (2908/07 – 748/47гг.).

А, в свою очередь, от XIXв. до н.э. 1260 (апокалипсических) лет ведут во время конца Первого храма и Вавилонского пленения евреев (VIв. до н.э.), в архангельский, в Греко-Римскую культуру, под знаком Овна-Агнца (748/47гг. до н.э. – 1413г. н.э.), период Михаила-Солнце (602 – 248гг. до н.э.), тогда как 2160 лет приводят из XIX-го в. до н.э. в IV-й в. н.э. А это время христианизации, в архангельский период Анаэль-Венеры (108 – 462гг.), до 333г. н.э. (середина эпохи под знаком Овна-Агнца), Армении (301г.), и время христианизации из крещённой Григорием Просветителем (патриархальной-патримониальной) Армении посланницей Григория Ниной Каппадокийской (матриархальной-матримониальной) Грузии (с и после 333г.).

Тайна Таинства Золотого руна суть солярная тайна величайшего Таинства просветлённого (просеянного духовно-катарсисным Солнцем Христа-Солнце) пречистого Астрального Тела Девы Марии (= тайна Таинства Софии), К-рая, как и Мария Магдалина (в ком под крестом Голгофы восстала Мария Благодатная), особым образом связана с Колхидой и Иверией. Последние же сливаются со временем в единую картвельско-христианскую Грузию, к-рая суть хранительница великохристианской тайны *вечно женственного* и *Вечной Женственности!*

Неспроста дочери колхидского царя (сына Гелиоса) Аэта, родные сёстры Медея и Халкиопа, язычески-магически предворяют родных сестёр-израэлиток Марию Старшую и Марию Младшую (Матерей двоюродных братьев – Иисуса Соломонида и Иисуса Нафанида). Неспроста, по христианскому преданию, Марии Богородице, участвовавшей в бросании апостольско-миссионерского жребия, выпала именно Иверия, куда крестительски пришла снаряжённая Григорием Просветителем (Лазарь-Иоанн) Св. Нина (сестра-близнец Лазаря – Мария Магдалина).²⁶

²⁶ Анаэль-Венера – божественный принцип Небесной Софии (богиня Ана – карфагенская Венера, сестра Дидоны). Не случайно христиане живописно или иконописно изображали *за* и *над* Богородицей с Младенцем покровительственно-аурически возвышающуюся над Ними Св. Анну – мать Марии (точнее, мать сестёр – Марии Старшей и Марии Младшей). И не случайно именно в преобладающую архангельской эпохе Орифиила-Сатурна (*ни посева, ни урожая*), в к-рую свершилась Мистерия Голгофы и завершился Век Апостольский (*посев и урожай* на все времена), эпоху Анаэль-Венеры (II-Vвв.), с одной стороны, бурно взошёл во II/IIIвв. оккультно-алхимический христианский гнозис (учитывая его мощную люциферическую составляющую), а с другой, именно на излёте именно этой эпохи в (основанном некогда амазонками городе Артемиды) Эфесе (город Ап. Павла; город Лазаря-Иоанна и Марии Магдалины) (см. ниже) были приняты III Вселенским собором (431г.) жёсткие богородичные догматы Кирилла Александрийского.

Дело в том, что в символически-метафизически хроноразделительном 333г. н.э. (год *Вели-*

Ионийцы-милетцы колонизировали восточно-черноморское побережье с VIв. до н.э. и отождествляли Колхиду со страной Аэта (Ээта), где побывали аргонавты, поход к-рых имел место за, как говорят, поколение до Троянской войны (XIVв. до н.э.) – в XIIIв. до н.э., где-то ок. 1260 – 30гг. (т.е. за ок. 1260 лет до Р.Х. или собственно крестно-воскресенского Таинства Голгофы), в архангельский период Самаила-Марса (1311 – 956гг.).²⁷

В этот период Израиль эпохи Судей утверждался в Земле Обетования и этот период предшествовал ответственному за генезис человечества, квинтэссенцией к-рого был в ту пору богоизбранный Израиль, архангельскому периоду Гавриила-Луны (956 – 602гг.), на к-рый выпала эпоха Первого храма, и при исходе к-рого, в год начала архангельского периода Михаила Солнце = 602г. до н.э., родился Заратос-Заратустра.

Миф о Фриксе, Гелле и Золотом руне хорошо известен. В Охромени и Беотии правил сын бога ветров Эола (фракиец) Амафонт, у кого от богини облаков Нефелы родились сын Фрикс и дочь Гелла. Позже Амафонт изменил Нефеле и женился на дочери Кадма Ино. По её подстрекательству, охромейки иссушили посевные зёрна, чем вызвали неплодие земли. Царь отправил послов в Дельфы спросить оракул Аполлона о причинах бедствия, но подкупленные Ино они принесли ложный ответ – принести в жертву богам Фрикса и Геллу, после чего боги вернут плодородие нив. Непреклонная Ино настояла на исполнении Амафантом «воли богов», однако, Нефела послала на выручку своим детям златорунного овна – дар Гермеса (Меркурия).

Фрикс и Гелла сели на него и он понёс их на север. Испуганная Гелла упала над Геллеспонтом (к-рому дала имя) в море и утонула, а Фрикса овен принёс в Колхиду, царь к-рой, сын Гелиоса и Персеиды, брат Перса Аэт, воспитал его, женив возмужавшего приёмыша на одной из своих дочерей – Халкиопе. Овна же принесли в жертву Зевсу (Юпитеру; Кавказ – регион Юпитера) и повесили Золотое руно, поручив охрану одного грозному дракону, в священной роще бога войны Ареса. Вспомним о принесении Авраамом в жертву Богу вместо Исаака спасительного овна (XXIVв. до н.э.).

Впоследствии за Руном прибыли и добыли его (XIIIв. до н.э.), при помощи влюбившейся в Ясона др. царской дочери – Медеи, ходоки-аргонавты. Ясон увёз Медею, после чего Аэт был свергнут с престола своим братом Персом, но возвратившаяся позднее Медея и её сын Мед, убив Перса, вернули власть Аэту (или воцарился сам Мед).

Таким образом, здесь налицо мистериальная (не этническая), в интерпретации греков эпохи мировых приоритетов Персидско-Ахеменидского Ирана, сменившего до того, по итогам внутрииранской борьбы, Иран Мидийский (VIв. до н.э.), связка

кого спиритуального Собора, с участием великих индивидуальностей Мани, Заратустры, Скифиана, Будды!..) (Штайнер) (см. ниже), древние Врата Мистерий закрылись, и с IV/Vвв. пригосударственному и огосударственному христианству, его церковной теологии понадобилось вместо былого утраченного спиритуального восприятия-видения-услышания-знания-познания (новые) юридическо-догматические формулировки, в к-рых ранее не было потребности, но к-рые были неизбежны на дальнейшем этапе.

²⁷ Характерно, что как раз в преддверии начала эпохи Самаила-Марса (покровителя будущего мартиально-сатурнального Рима, чей пик пришёлся на эпоху Орифила-Сатурна) на месте Рима было, по преданию, основано (ок. 1330г. до н.э., когда в Египте начиналось долгое царствование Рамзеса II) чуть ли не самим Сатурном (к-рому гостеприимно принявший его Янус предоставил Капитолий, сам удалившись на Яникул) поселение под названием Сатурния (Р.л. 399).

пра- или метаисторической Колхиды и Ирана. Она противоречит обратному раскладу VI в. до н.э. и, следовательно, отражает мистерии-реалии более ранних времён.

Б.м., главные репрезентанты иранской магии (экстракт восходящего к Пра-Индии = к Индо-Эфиопии магизма!)²⁸ мидяне и персы сменялись в верховенстве над Арианой-Ираном не один раз (?) – как исторически, так и пра- или метаисторически. Не мигрировали ли персы в IX/VIII вв., под предводительством Ахемена, из района оз. Урмия (Капутан) в Фарс (Персидский залив)! Не заклинал ли, умирая, персов сын Кира Великого Камбиз (522 г. до н.э.) не уступать первенство в Доме Иранском мидянам (подпавшим, сродни Эламу, ассиро-вавилонскому декадансу), время к-рых, время (олицетворяемых, в частности, Медеей и Медом) суггестивной магии к-рых, противоборственной предтечно-христианскому солярному откровению Заратустры-Заратоса, необратимо миновало.

Затем, в III в. до н.э., на первое место в Иране вышла, выведя завоёванный в IV в. Александром Великим Ахеменидский Иран из-под ига декадентных Селевкидов, Парфия, к-рую в III в. н.э. смели попытаться зомбировать персидско-ахеменидское прошлое новоперсы Сасаниды. Не они ли, после свершившейся Мистерии Голгофы, тщились, в упор не видя и не слыша Христа, противостоять, с опорой на Люцифера-Ормузда, Сатане-Ариману, что в итоге привело к крушению подпавшего Гондишапуру Персидско-Сасанидского Ирана под ударами (в новый архангельский период Захариила-Юпитера – 462 – 816 гг.) халифатского арабизма.

Впрочем, нам сейчас важен не этот исторический ракурс-дискурс, а, как сказано, именно преемственная увязка таинственной Колхиды²⁹ с метаисторическими таинствами Египта, Эллады, Ирана, при отражении последнего в обладателе-хранителе солнечного Золотого руна солярном Аэте, сыне Персеиды и брате Перса; или – в Mede, сыне волшебницы Medeи и Ясона...

Не симптоматично ли появление в Египте (аравийского) Феникса, с истечением 1460-летнего периода Сотис-Сириус Аменхотепа Эхнатона, современника 40-летнего исшествия Израиля из Египта, в 34 г. н.э.! Не следом ли за этим произошёл выход Иверии (сестры Колхиды) на историческую арену в 35/36 гг. н.э. (к-рые отстоят на 69/70 лет от 35 г. до н.э. и на 99/100 лет от 65 г. до н.э.), в архангельский период Орифиила-Сатурна (248 г. до н.э. – 108 г. н.э.), под знаком Овна-Агнца, через 2/3 года после Таинства Голгофы, на 51/52-м гг. жизни Марии Мадонны и на 35/36-м гг. жизни Марии Магдалины, к-рые родились, соответственно, 31.12.17 и 31.12.1 гг. до н.э.!

И ещё важно усвоить как созеркальность приоритетных для предварительниц-предтеч картлийской Грузии Колхиды с Иверией III-й Египетско-Вавилонской эпохи, под знаком Тельца (Душа ошущающая), и V-й Германно-Англосаксонской эпохи под знаком Рыб (Душа сознательная), так и созеркальность приоритетных для Армении II-й Пра-Иранской эпохи под знаком Близнецов (Астральное тело) и

²⁸ Не называли ли Колхиду в античной древности ещё и Понтийской (или Кавказской) Эфиопией, что в связке с Эфиопией африканской и Эфиопией прииндийско-азиатской может восходить к индо-эфиопским пра-корням докартвельских колхов? т.е. к I-й Пост-Атлантической Пра-Индийской культуре (VIII-VI-е тыс. до н.э.) под знаком Рака (см. ниже).

²⁹ Пою, когда гортань сыра, душа – суха,
И в меру влажен взор и не хитрит сознание:
Здорово ли вино? Здоровы ли меха?
Здорово ли в крови Колхиды колыханье?
И грудь стесняется – без языка тиха:
Уже я не пою – поёт моё дыханье,
И в горных ножнах слух, и голова глуха... (О.Мандельштам)

VI-й Славянской эпохи под знаком Водолея (Самодух) (Р.л. 1376). Причём между этими эпохами срединная в Семериче эпох-культур IV-я Греко-Римская (Душа рассудочная) культурная эпоха Христа Спасителя. И ещё важно сопоставить приоритеты Армении в I/I тыс. до н.э. и н.э. с приоритетами Колхиды во II тыс. до н.э. и с приоритетами Грузии во II тыс. н.э.

Не ходили ли аргонавты за Золотым руном в XIIIв. до н.э., в архангельский период Самаила-Марса! Не достигла ли средневековая Грузия = земледельческо-виноградарская Георгия (страна и народ Св. Георгия Победоносца), двухсотлетний *золотой век* к-рой пришёлся на XI – XIIIвв. н.э., своего пика при Давиде Строителе (1089 – 1125гг.) и – конечный пункт – при царице Тамаре (1178/84 – 1213гг.), в (перед монгольским нашествием разгромом) XIII-м в. н.э. (на середину к-рого выпадает *Hochsommerpunkt der Weltgeschichte* – летнее солнцестояние вселенской истории-метаистории), в архангельские периоды Рафаила-Меркурия (816 – 1171г.) и (вновь) Самаила-Марса (1171 – 1525гг.)!

Дальше – больше. XIIIв. н.э. – есть век уникального *мудростного* посвящения в 1250г. (Штайнер) 12-ю посвятителем-иерофантами 13-го, а именно 12-летнего отрока = нововплощённой индивидуальности Лазаря-Иоанна, перед её (после успеха в 12-летнем отрочестве) пришествием в мир как индивидуальности посвящённого в 1459г. нововплощённым Мани (в Рыцаря Золотого камня) Кристиана Розенкройца (1378 – 1484гг.)!

Не есть ли христианизированное таинство Золотого руна таинство противотифонически просветлённого Астрального тела и меркуриально преодоленных человеком атактистической магии мартиальных сил (уз) Марса! Не есть ли Золотое руно – солярная мудрость, найденная и отомкнутая просветившим свою душу человеком, под христовым знаком Овна-Агнца, в своём человеческом Я!

Посему, повторим, зашифрованная, в частности, в древнегреческих мифах не этническая, но именно мистериально-метаисторическая-магическая сопричастность-сопринадлежность частично предваряющей картвельскую Грузию Колхиды (картвельско-христианская метаморфоза к-рой тоже проникнута преемственной спиритуальностью)³⁰ к Персии и Мидии очевидна. А связующим звеном между

³⁰ Штайнер говорит о посвящении Франциска Асизского в его прошлой инкарнации в Мистерии Колхиды («Теософская мораль», цикл из трёх лекций, прочитанных 28–30.05.1912г., ПСС 155): «В Колхиде на побережье Чёрного моря в древности была основана мистериальная школа, к-рая существовала довольно долго и в христианскую эру. Здесь действовали учителя, инспирированные Буддой, к-рый после его последней инкарнации как Гаутамы Будды открывался уже не на Земле, но лишь в духовных мирах. Учение о равенстве и братстве среди людей так характерное для буддизма, было в этих мистериях связано с христианством. Учеников этих мистерий направляли так, чтобы они могли воспринять христианские импульсы с особой интенсивностью. Они могли также развивать ясновидение, так что они становились особыми посвящёнными, к-рые, следуя Ап. Павлу, в особенный момент своей жизни воспринимали христианский импульс помимо церковных таинств. Мы считаем, что Франциск Асизский (1182–1226гг.) в своей прежней жизни был посвящён в мистирию Колхиды...»

Не была ли эта колхидская мистериальная школа в эпоху задолго до н.э. связана с Мистериями кельтских друидов (см. ниже), от к-рых, в свою очередь, возможно, перебрасывается мост (через Армению и Иран) к доарийско-древнеиндийским дравидам?

P.S. Про связь замечательной христианской легенды о Варлааме и Иосафате с Буддой, буддизмом и Грузией см. «Д.И.» с. 1172–74. И в данной связи весьма уместно отметить, что солярная мудрость, к-рую (в т.ч.) олицетворяет Золотое руно, достижима человеком, человеческой индивидуальностью лишь при обуздании в себе посредством Христова смиренно-мудрия воинственно-разрушительной мартиальности, в отношении чего нельзя не сказать о просветлённом существе Будды, облечённом с начала XVIIв. христианской миссией жертвенной пацификации Красной планеты (миссией, к-рая вполне сравнима с исцелительной жертвой Христа на Земле).

ними была гораздо более, чем Колхида, связанная с Арменией и в первую очередь предваряющая последующую Грузию – Кавказская Иверия (созеркальная на дальнем приатлантическо-океаническом Западе Иберии Испанской).

Спиритуальное *Зерцало* Армении – близорукое синее небо над (в озёрном треугольнике Ван-Севан-Капутан – *зеркала* Неба и *ложка* Солнца) Большим (Иисус Нафанид) и Малым (Иисус Соломонид) Араратом Ноева ковчега – первой постпотопной стоянки с первым постпотопным алтарём послепотопного человечества, не чуждо спиритуальному *Зерцалу* Грузии – синему морю (Понт Эаксинский), к-рое обретавшиеся в верховьях Тигра и Евфрата шумеры, назвали, вследствие его нахождения на севере, (в противоположность Красному/Чёрному морю юга) Чёрным!

И спасительное христианство пришло в IV в. н.э. в Иверию именно из (сопринадлежащей Ариане-Ирану) Аршакидской Армении (своеобразно созеркальной *стране зелёного трилистника* – Ирландии), в к-рой продолжал жить и волиять уничтоженный Сасанидами не Мидийский и не Персидский, а именно экстрактный Парфянский (не столько «персидский» Персеваль Кретьена де Труа, сколько «парфянский» Парцифаль Вольфрама фон Эшенбаха!) Иран (Р.л. 1251-58-63) (Д.И. 900-04), к-рый, уходя, завещал человеческой цивилизации Посланца Света – *Парфянида* Мани, и крестителя армян – *Парфянида* Григория Просветителя!

В РИМЕ

Возвращаемся к анналистике. Тем временем, куда более малословный, в отличие от Тацита, по 35-у г. н.э. Дион (58,25/26) начинает событийную анналистику года с сообщения о празднестве, к-рое Тиберий устроил в Анции, по поводу, дескать, женитьбы Калигулы (58,25,2). Но мы в курсе, что Калигула, помолвленный с дочерью М.Юния Силана (конс. 15г. н.э.) Юнией Клавдиллой в 31г., женился на ней (м.б., в Анции) два года спустя – в 33г. (см. выше). Т.е. речь о какой-либо калигулианской помолвке, обручении или свадьбе с Юнией, к-рая умрёт при родах в 36/37г., под 35г. идти не может.

Засим, либо в объективе элементарная ошибка-дублет-удвоение Диона, с накладкой-перенесением события 33-го в 35г., либо на повестке дня, приложительно к 35г., какое-то иное событие, ошибочно названное Дионом (по причине путаницы с 33г.) свадьбой. М.б., в 35г. у Юнии родился первый ребёнок (к-рый мог умереть несколько позже, во младенчестве)? тогда как она сама умрёт в 36/37г. при родах не первого ребёнка?

Короче говоря, точно сказать трудно, хотя, при всех случаях, мы находим Тиберия в первой половине 35г. снова переправившимся с Капри на материк и отпраздновавшим какое-то связанное с Калигулой радостное событие в Анции, где Калигула 31.08.12г. родился, в 33г. – женился, и где он вообще любил бывать как в свою докесарскую, так и в кесарскую, с 37г., пору. Из Анция же, к югу от Рима, Тиберий позже вновь подошёл, как свидетельствует Тацит (Ан. 6,39), к самому Риму, опять не вступив в него – в этот пожизненно табуированный им для себя город (в к-рый он так рвался с Родоса, но в к-рый так и не решился возвратиться Капри).

И сейчас, поскольку дальше малословный Дион в своём рассказе созвучен (ничего не сообщающему об анцийском празднестве) Тациту, нам надо снова обратиться к анналистике последнего, кто, перед тем как начать изложение-отображение внутриримских реалий, говорит под 35г., что «события двух летних кампаний», разумея римско-парфянское обострение и противоборство из-за Армении, он

«объединил вместе» («дабы отдохнуть душою от повествования о внутренних бедствиях») (Ан. 6,38).

Притом тут же указывается на время «спустя 3 года после казни Сеяна», из чего создаётся впечатление, что речь ведётся о кампаниях 34/35гг. (так как 3 года после казни Сеяна 18.10.31г. приводят буквально в осень 34г.). Вместе с тем, всё дальнейшее и повествовательная тацитовская совокупность показывают, что, в большей мере, на повестке дня события не столько 34/35-го, сколько 35/36гг. (к-рые, кстати, Дион в 58,26,1-4 суммирует-обобщает именно под 35/36гг.), или – 34/35/36гг., сообразно чему, анналист выразился достаточно небрежно, или его исказили позднее переписчики.

И тут уместно повторить-акцентировать, что начало обострению в римско-парфянских отношениях положила вызвавшая претенциозную активизацию Артабана кончина именно во второй половине 34г. Арташеса Армянского. И если Тацит руководствуется этой отсчётной датой, то всё, вкпе с тремя годами от казни Сеяна октябрьской осенью 31г., – верно-правильно, при учёте того обстоятельства, что вызванное Арташесовой кончиной пртивостояние практически падает на 35/36гг.: от воцарения в Армении в начале 35г. Артабанова сына Аршака до возвращения беглого Артабана из Скифии, бегства Тиридата к римлянам и заключения соглашения между Римом и Ираном осенью 36г., о чём мы побеседуем ниже.

А дотеле самое время обратиться к событиям 35г. в Риме, когда Тиберия, даже спустя столько времени (более трёх лет) после казни Сеяна, – «не смягчало то, что обычно побуждает других к снисходительности, – время, мольбы, пресыщенность мщением, – и он по-прежнему карал недоказанное и преданное забвению не иначе, чем наитягчайшие и только что совершённые преступления. Отказавшись из страха перед ним от борьбы с преследующими его обвинителями, Фульциний Трион в оставленном им предсмертном письме высказал всё, что думал о многочисленных злодействах Макрона и виднейших вольноотпущенниках Тиберия, бросив и ему самому жестокий упрёк, что на старости лет он ослабел разумом и удалился из Рима будто в изгнание. Это письмо, к-рое наследники пытались сохранить в тайне, Тиберий повелел прочитать в сенате, красуясь терпимостью к чужому свободомыслию и презрением к бесчестящим его выпадам, а может быть, и потому, что, долгое время оставаясь в неведении о преступных делах Сеяна, он стал впоследствии предпочитать, чтобы предавалось огласке всё сказанное о нём, какого бы оно ни было, желая хотя бы из поношений себе знакомиться с правдою, так тщательно скрываемой от него лезтью. В те же дни сенатор Граний Марциан, обвинённый Гаем Гракхом в оскорблении величия, сам пресёк свою жизнь, а бывший претор Тарий Грациан на основании того же закона был осуждён на смертную казнь.

Подобным же образом погибли Требеллен Руф и Секстий Пакониан; Требеллен умертвил себя собственною рукой, а Пакониан был удушен в темнице за стихи против Тиберия, к-рые он там сочинил. Об этих случаях Тиберий узнал не из-за моря и не от проделавших долгий путь вестников, а находясь у самого Рима и отвечая на письма консулов в тот же день или по миновании ночи и как бы видя воочию льющуюся в домах римлян кровь и руки палачей. В конце года скончался Поппей Сабин, не отличавшийся знатностью происхождения, но благодаря близости к принципсам добившийся консульства и триумфальных отличий и на протяжении 24-х лет стоявший во главе важнейших провинций не за выдающиеся дарования, а потому, что, справляясь с возложенными на него поручениями, не возвышался над ними» (Ан. 6,38/39).

Таким образом, в Риме, пусть не с тем азартом, как прежде, продолжались репрессии против «врагов народа», за чем Тиберий, не выпуская из поля зрения

Армянский вопрос, в (геополитическое) решение к-рого он вовлѣк иверов, следил, полностью контролируя ситуацию, с Капри, из Анция и, наконец, подойдя к самым стенам Рима.

В 35г. пришѣл черед платить по неоплаченным векселям для погубителя многих душ, ритора и делатора, Фульциния Триона. В 16г. н.э. он поспешил к консулам, потребовав разбирательства дела Скрибония Либона (Д.И. 63); в 20г., по делу Германика, этот «выдающийся, – согласно Тациту, – обвинитель, дороживший своей недоброй славой», потребовал Пизона к ответу перед консулами, был поставлен на место назвавшими его лицом посторонним Германиковыми друзьями (П.Вителлий, К.Вераний и др.), но не уgomонился и всё-таки инкриминировал лежачему Пизону (кого тогда пинали все, кому не лень) давнишнее плохое («заносчивое и своекорыстное») управление Испанией (Д.И. 520-22).

Правда, в дальнейшем краснобаю Триону не повезло: он сделал слишком явную ставку на Сеяна и считался в консульстве-суф. 31г. н.э., к-рое облѣк 1.07., креатурой подлежащего свержению и ликвидации временщика, участь к-рого была решена, а значит, по большому сѣту, была решена и участь его клевететов типа Триона (Т.Г. 609).

Тем не менее, по устранении Сеяна, у него хватило (самосохранительной) наглости уязвить одного из главных действующих лиц в противосеянистском деле 18.10.31г., своего коллегу по консульству-суф. П.Меммия Регула, в слишком вялом преследовании сеянистов (Т.Г. 665-68). Тиберий же умышленно давал Триону, своему выдвиженцу-протее, к-рый снюхался с Сеяном, променяв патрона на цербера, покочевряжиться перед тем как его утопить. В следующем 32г. Трион подвергся нападкам со стороны сродственного ему негодяя и красная Гатерия Агриппы (Д.И. 42; 80; 565; 569), и опять временно уцелел (Т.Г. 1004/05).

А в 35г. он, в конце концов, устал, каждый день проживая под ярмом невыносимого ожидания, ждать всё равно неизбежной расправы, решил единственный раз в жизни сказать в предсмертном письме правду, сказал и наложил на себя руки. В послании самоубийца, попеняя на беспредел Макрона, назвал Тиберия умалишённым старикашкой, к-рый удалился в островное самоизгнание, дабы скрыть там своё прогрессирующее безумие.

Обращают на себя внимание упомянутые в Трионовом письме тиберианские вольноотпущенники. При этом на сцене мы не видим ни одного активного вольноотпущенника, к-рые активничали, следовательно, при Тиберии, за кулисами и подготавливали выход на авансцену известных по именам активных либертов при Калигуле и в особенности при Клавдии (кем, т.е. Клавдием, они даже помыкали). Нет ничего хуже вознесённого наверх давешнего раба, упивающегося и обжирющегося не столько свободой, сколько произволом, продолжая при этом оставаться нечистооплотным рабом в душе.

Появление влиятельных вольноотпущенников, вернее, *института* таковых, было обусловлено самой системой вертикального цезариатского Принципата, став, можно сказать, посевом Рубикона. У каждой медали имеется оборотно-неприглядная сторона. С одной стороны, Рубикон нельзя было не перейти, в то время как с другой, его переход не мог не повлечь за собой множество бедствий и негативных явлений.

Наследники Триона, понятно, силились сохранить в тайне его т.н. завещание, но Тиберий настоял на прочтении-зачтении послания в сенате. И отнюдь не столько красуясь терпимостью к чужому свободомыслию, как наивно-ошибочно полагает Тацит, сколько воочию показывая сенату с народом, как и в случае с прошлогодним обнародованием предсмертных проклятий Друза, что его враги хуже, или, по крайней мере, ничем не лучше него. Не обольщайтесь насѣт них: удостоверьтесь во

всеуслышание! Оно и, конечно, во многом, верно, что, вместе с тем, нисколько не оправдывает тиранов. Да и поползновения (как задним, так и передним числом) оправдать-обелить последних вполне уподобимы стремлению найти в засранном сотрите белоснежную девственную чистоту, где её, само собой, нет, никогда не было и быть не может!

Неверно также мнение Тацита о долгом неведении Тиберия относительно преступлений Сеяна. Это неведение могло касаться второстепенных дел и частных дел, в каких-то временщика мог разойтись-разгуляться самостоятельно, не уведомляя о том хозяина, однако над собственно санкционированным сеяновским беспределом, во всём главном, неизменно стоял сам Тиберий, ибо сама по себе тираническая вертикаль исключает какую-либо основополагающую самостоятельность церберавременщика.

Поэтому, например, байки о репрессиях против евреев вопреки Гитлеру или при неведении Гитлера, сходно байкам о репрессиях против каких-либо групп-слоёв населения, либо видных лиц или народов вопреки Сталину, либо в условиях неведения Сталина, — есть, извиняйте, (рабский) бред сивой кобылы или предумышленная ложь. Рубку леса всегда инициируют-санкционируют, независимо от формы-методов её реализации-осуществления, сами тираны, к-рые, естественно, не могут все разлетающиеся, при подобной рубилровке, щепки (иногда полностью заваливающие страну) контролировать и нести за каждую щепку ответственность персональную. Крайними же обычно делаются — либо инициативой самих дистанцирующихся от содеянного тиранов, либо после них, временщики и аппарат иерархизированных исполнителей (всё та же *государственная сволочь*).

* * *

О сенаторе Грании Марциане, кого в стандартном оскорблении величия римского народа, эквивалентного величеству кесаря, обвинил некий Гай Грах (чей gentilный номен Тацит не называет)³¹, дополнительные сведения отсутствуют. И если Граний Марциан покончил самоубийством, то экс-претор Тарий Грациан (опять Бобчинский и Добчинский!) был, по аналогичному обвинению, подведён под вышку.

Возможно, за этим Тарием сын или внук Л.Тария Руфа — выдвигенца из числа приавгустейших homo novus, флотоводца Октавиана в Акцийской войне, консулсуф. 16г. до н.э., кто в 23г. н.э., в возрасте ок. 80-и лет, возглавил куратуру aquarum, а год спустя скончался, являясь обладателем огромного состояния, что, честно говоря, и могло стать закадровой причиной устранения его отпрыска в видах солидного пополнения императорской казны.

Претория Требеллена Руфа Тиберий приставил в качестве опекуна к малолетним детям убитого своим дядей Раскупорием Котия Фракийского и Антонии Трифены (сестра Зенона-Арташеса Армянского), после того как Помпоний Флакк в 19г. (Д.И. 159) пленил Раскупория, тогда как Фракия была поделена римлянами между сыном Котиса Роиметалком и одноимённым ему Роиметалком Раскупориевичем. Требеллен побывал при Августе квестором-urbi, нар. трибуном, кесарским легатом, и до своего фракийского назначения — претором. В 21г. Роиметалку и ему на помощь против фракийских повстанцев пришёл мезийский легат (Поппея Сабина)

³¹ В этом Гае Грахе предполагают обретавшегося на 23г. в Африке (Ан.4,13) претора 33г. (Ан.6,38) и сына Тиб.Семпрония Гракха (+ 14г.), к-рый был любовником Юлии Ст. (см. выше).

П.Веллий (Д.И. 548/49), из чего видно отсутствие под Требелленовым началом римских войск в вассальной Фракии.

Сколько ещё позднее 21г. Требеллену довелось подвизаться там при взрослеющем Роиметалке — неизвестно, но в 35г. его обвинили в оскорблении величия-величества, за чем последовало, во избежание казни, его самоубийство.

Завзятый негодяй С.Пакониан — претор-peregrinus 26г. н.э. Какую именно ловушку-западню он готовил Калигуле, по указке Сеяна, в чём в 32г. его обвинил Тиберий, — вопрос (Т.Г. 1004/05), но тогда, почти приговорённому к смерти, ему удалось отсрочить приговор возведением обвинения на не менее гнусного негодяя Лукания (или Латиния) Лациара (одного из погубителей в 27/28гг. Тиция Сабина), после чего Пакониана заточили в тюрьму, где о нём, видимо, забыли. И вот «душа поэта» не вынесла то ли забытия, то ли тюремных тягот существования настолько, что горе-узнику взбрело сочинить (и показать или прочесть сокамерникам) стишки против Тиберия, вследствие чего смертная казнь рифмоплёта совершилась незамедлительно.

Тацит бросает горькие желчные упрёки Тиберию в том, что он, находясь у самого Рима, в тот же день или по миновании ночи отвечал на письма консулов, как бы видя руки палачей и упиваясь кровью. О нет! Он устал и от этого. На 35г. уже работала инерция. Тот заряд, к-рый не иссякнет до самого 37г., обуславливался не столько персоной Тиберия, сколько выработавшейся при нём, в условиях феномена *кесарева безумия*, самой институциональной тиранией, к-рая ведь тоже может быть-стать-сделаться стабильной. Не несёт ли стабильность, зачастую, в себе элемент и опасность созвучной ей стагнации!?

Возьмём, к примеру, естественную кончину на посту, в должности, Г.Поппея Сабина, аж 24 года возглавлявшего на бессменной кесарской службе, с 11/12гг., Мезию (1151), к к-рой в 15г. прибавились переданные из сенатского ведения в кесарское Македония и Ахайя (Р.л. 1121; Д.И. 37-39; 1011). Так, Поппей, резидируя в Коринфе и имея под началом 2 легиона, почти четверть века подвизался на провинциально-губернаторской службе в довольно сложном (Мезия и Фракия) регионе (где надлежало всегда быть начеку), поставив рекорд наместнического долголетия и совершив тем самым нечто в прежней истории требовавшего обязательной смены-замены-ротации должностных лиц республиканского Рима невиданное-неслыханное.³²

Он, выдвигенец Августа, профессиональный службист, не был знатного происхождения, пройдя через облечение консульства в 9г. н.э. (Р.л. 1215) и стяжав триумфальные отличия за подавление восстания во Фракии в 26г., плюс преследуя Лже-Друза, след к-рого пропал в приакцийском Никополе, в 31г. (Т.Г. 657-65). И Тацит

³² Не равняются ли, начиная с отцов-федералистов, США внутри страны (являясь защитно упакованной двумя Океанами и продолжающей островную Британскую империю, у к-рой они приняли эстафету, империей нового типа вовне) именно на республиканский Рим (Капитолий)! То-то по смерти четырежды избиравшегося (пусть даже в условиях Войны и без прецедентов в прошлом) президентом Ф.Рузвельта (1932-45гг.) было принято решение о максимально двухразовом (независимо от того, подряд или с перерывом) президентском сроке. Или по смерти аж 48 лет (1924-72гг.) возглавлявшего ФБР (его выдающегося создателя) Д.Э.Гувера было установлено максимум 10-летнее директорство его преемников. А вот Россия, напротив, ориентирована на Рим императорский, предпочитая, будь то царская, советская, или постсоветская, пожизненную цезаристскую модель для своих верховодителей (куда более чреватую геронтократией и стагнацией). (То-то, если в Америке равновесие достигается за счёт скоросменных президентов и партий, то в России, с XVIII/XIXвв., преемник, по большей части, отвергал консервативную или наоборот либерально-реформаторскую линию-модель своего непосредственного предшественника и брал на вооружение курс позапрошлого правления.)

прав, замечая, что не хватавший звёзд с неба Сабин прилежно справлялся с возложенными на него обязанностями и задачами, не притязая на большее. Тираны ценят таких беспретенциозных службистов и обычно подолгу держат-используют их (не видя в них угрозу) на постах-местах, пусть даже Дион (58,25,4) едко замечает, что Сабину повезло счастливо умереть раньше, чем попасть под обвинение, присовокупляя информацию о назначении на его место (не менее верно-проверенного тиберианского службиста) П.Меммия Регула.

Вряд ли против Сабина какое-либо обвинение когда-либо готовилось. Скорее, тут впору говорить о вышеотмеченной стабильности в плане её эквивалентности стагнации, или об унылой стагнации в русле, под маской, стабильности. Каково время, таковы и его герои, или антигерои, к-рых подчас сложно размежевать-дифференцировать.

Хотя больше, нежели сам Поппей Сабин, останутся в памяти охочих до пикантностей потомков его очень красивые дочь и внучка. Речь о двух скандальных Поппеях, матери и дочери, первую из к-рых доведёт в 47г., при Клавдии, до самоубийства завистливо-ревнивая кесарша и сексбомба в одном лице Мессалина, а вторую, замужествовавшую за Нероном и имевшую в своём распоряжении 500 ослиц, чтобы ежедневно принимать ванны из их молока (Плиний 11,238; 28,183; 33,140), убьёт, беременную от него, ударом ноги в живот, в 65г., сам анималистически влюблённый в неё (как Ирод в казнённую им Мариамну) душегуб Нерон (см. ниже).

ЗАВЕЩАНИЕ ТИБЕРИЯ

Именно в 35г. н.э., т.е. на 76-м году своей жизни, б.м., полагая, что он не переживёт возрастом папу Августа, к-рый прожил 76 лет (не дотянув до своего 76-летия 35 дней), Тиберий, искренне ставивший себя много ниже Августа, составил завещание, свидетельство о чём находим, в частности, у Светония:

«Завещание он составил за два года до смерти в двух списках: один был сделан собственноручно, другой продиктован вольноотпущеннику, но по содержанию они не различались. Скреплено оно было лицами самого низкого положения. По этому завещанию он отказывал наследство в равной доле своим внукам — Гаю, сыну Германика, и Тиберию, сыну Друза, назначив их наследниками друг друга. Оставил он и многочисленные подарки, между прочим — девственным весталкам, а также всем воинам, всем плебейам и отдельно старостам кварталов» (Тиб. 76).

Этим завещанием (ср. Дион 59,1/2; Свет. «Кал.» 14; «Клавд.» 6) он, по сути, подписал перспективный смертный приговор своему на 35г. 16-летнему родному внуку Тиберию Гемеллу, к-рый, впрочем, был обречён на устранение и, увы, без завещания. Поскольку, во-первых, «Боливар не выдержит двоих», а во-вторых, Калигула был не тот фрукт, чтобы, при любых условиях-обстоятельствах, оставлять как прямого, так и потенциального сонаследника в живых.

Знал ли, думал ли старик с Капри о таком исходе? Согласно античным источникам, знал, ибо видел Калигулу насквозь и провидел, что он убьёт Гемелла, тогда как другие убьют его. Или всё-таки, кесарь надеялся на лучшее? или старался не думать о худшем? Или Гемелл был ему безразличен, могучи быть не сыном Друза, но продуктом прелюбодеяния между Сеяном и Ливиллой? Или престарелый венценосец руководствовался известной афористической формулой Людовика XV: «После нас хоть потоп»?

Антоний и Клеопатра обрекли погибели, первый — своего старшего сына от Фульвии — 15-летнего Антилла, а вторая — своего сына от Цезаря — 17-летнего

Цезариона, когда официально облекли их, сами уже обречённые на поражение в войне против Октавиана, наследственно-властными инсигниями (30г. до н.э.). И казнив обоих юношей, Октавиан указывал, что они мужи, к-рых их родители сделали альтернативой победителю, почему-де им не можно и не должно оставаться в живых. В 7г. н.э. Август заведомо вывел в офсайд своего последнего родного внука Агриппу Постума, сделав престолонаследную ставку на Клавдиев, чем не наделённый никакими инсигниями Агриппа всё равно не был, убитый после смерти Августа (14г. н.э.), упасён-спасён.

Однако, с др. стороны, у Августа имелась возможность урегулировать-гарантировать престолонаследие на два поколения вперёд. Если Тиберий дуалистически наследовал ему как бы в паре с мамой Ливией, за отсутствием в рядах Юлиев-Клавдиев, какого-либо сонаследника-мужа из тиберианского поколения, то это было временным (с учётом 55-летнего на 14г. возраста Тиберия и 72-летнего возраста Ливии) решением дуа-проблемы, так как дальше шли полные молодых жизненных сил 28-летний Германик (отец трёх сыновей) и 27-летний Друз (столь ранний уход к-рых, т.е. обоих, ни Август, ни кто-либо иной не предполагал и не просчитывал – не просчитал).³³

Ныне же, в 35г., у Тиберия и выбора-то никакого не было. Обычное множество наследников при недостатке в тронах сменилось недостатком именно наследников, при том, что из обоймы выпало целое поколение, представили к-рого, Германик и Друз, оба ушли из жизни до срока, в то время как Гай и Гемелл приходились Тиберию внуками, у к-рых, в свою очередь, ещё не было потомков-наследников. В такой ситуации, при таком раскладе особо не развернёшься, не разойдёшься, даже при учёте в качестве наследников следующих степеней дебилоида Клавдия, или мужей трёх дочерей Германика.

Между тем, за рамки августейшего кланово-синдикатного наследования власти Тиберий не вышел и выходить не собирался. Время адоптивных Антонинов ещё не наступило! Следовательно, он во всём сохранил верность духу-букве Августа. Престолонаследие должно быть непременно в рамках-руках клана-синдиката Augustana и непременно дуалистическим (невзирая на очевидную чреватость этого дуализма для одного из сонаследников). О, если бы Август знал, что на троне Принципата однажды окажется недоумок Клавдий (о чём Тиберий в конце жизни, м.б., с тяжёлым сердцем догадывался)!

И всё же завещательные дела следовало урегулировать, ведь (не преодолённый папой Августом) 76-й год жизни – совсем не шутка. Увы, Тиберию не повезло дожить по жизни до того времени, когда он опостылел и себе, и окружающим, – большинству родных, ближних, сенату, народу. Он доживал свой век в поднебесном островном аромате, любуясь розовыми закатами, на острове сирен в синем море, и, наверное, думал, что вся от самого рождения жизнь человека есть только путь навстречу смерти, есть только дорога ко встрече со смертью!

Более того, он доживал, сделавшись, как и хотел, Приамом, к-рый пережил почти всех близких, и доживал, сообразно собственному желанию, как сказано, в скверне, не желая и не могучи измениться-перемениться. Но легче от этого ему не становилось. Плюс – усталость чувствовалась во всём. 21 год у власти. Удержать волка за уши вроде бы удалось. Но чего это стоило! Душа растерзана изнутри и испепелена, её выжрали демоны! Ни внешнего, ни внутреннего покоя, успокоения, умиротворения нет и нет! Победитель одержал Пиррову победу! Последняя линия

³³ Люди вообще, и даже самые мудрые из правителей, смотрят в перспективу не дальше, чем через одно поколение (максимум – от деда к внуку, не будучи в состоянии заглянуть в более чем на три поколения = одно столетие = век человеческий – *пространства времени*).

горизонта всё ближе! Или надо спросить звёзды (к-рые, как известно управляют дураками, в то время как умники и умницы сами управляют своими звёздами).

Некогда здоровые, на протяжении столетий славно экзистировавшие в истории Рима семейства Юлиев и Клавдиев менее чем за век существования цезариата-принципата, словно изведённые им, без малого, усохли-иссыкли.³⁴ Если Август мог напоследок спросить — хорошо ли он сыграл *комедию жизни*? то Тиберий мог бы за 2 года до своей смерти задать аналогичный вопрос только о *трагедии жизни*, и сам на него ответить, что сыграл её плохо.

Казалось бы судьба не обделила его ничем, благополучно проведя через множество перипетий и выведя в победители. Тем не менее, ничего из достигнутого не пошло, в конечном счёте, ни его близким, ни Риму, ни ему самому впрок. Ни радости, ни счастья, ни любви он в жизни не стяжал, не нажил, не сохранил, не упас.

Разорванный (растянутый шпагатом) между двумя эрами, старой и новой, он, ментальный староримлянин, лично загубленный Рубиконом Цезаря и Принципатом Августа, понимал жизнь, прежде всего, как долг и обязанность служения государству, к-рое, со временем, для него заменил-подменил Август, не сказавший, но самодостаточно реализовавший постулат (в чём Цезарь переусердствовал) «Государство — это я!», чего так и не сумел гармонично осуществить (впавший в полную дисгармонию с самим собой) Тиберий. Причём внешне всё случилось-получилось, долг вроде бы выполнен, а старик с Капри сидит на острове у разбитого корыта и никакая *золотая рыбка* (к-рую хитрован Август, этот римский Одиссей, поймал и не отпустил, забрав её с собой на тот свет) в его опустошённой жизни уже не появится, не предвидится.

Он стал махровым консерватором, что в его возрасте не мудрено. Он больше ничего не хотел менять ни внутри, ни вовне. Охота к вершению государственных дел, к-рыми он, сделавшись принцепсом, так прилежно-фундаментально занимался и к-рым ранее посвящал столько времени, таяла, вместе с убывающей жизнью, на глазах. Ах, если бы обстановка и условия существования не вынуждали действовать! Он доволакивал-донашивал жизнь, а она не оставляла его в покое и не отпускала его, и он знал, что будет за неё цепляться столько, сколько сможет. С одной стороны, смертельно устав от жизни, с другой, он, сам себя *опустив*, хотел пережить самого себя, как пережил большинство близких.

Победив Антония в возрасте 30-33-х лет, Август простоял у штурвала ещё 43 года. Придя к власти в возрасте 55-и лет, Тиберий у власти пока вдвое меньше Августа, к-рого, если и не безумно любили, то минимум чтили и почитали. Возле Тиберия нет никого, кроме верной Антонии, вдовы Друза, и звездочёта Фрасилла. Тиберий знает, что его ненавидят и родня, и сенат, и народ, что он, старый каприйский волчара, достал всех (зажившись назло всем), и что, узнав о его смерти, они все будут ликовать.

Ну, что ж, удел властителя, вольного или поневоле, — не сахар: пусть ненавидят, лишь бы боялись и соглашались, коли ни иного пути, ни иного выхода нет. Он не в России, где любить и бояться — это — одно и то же (боишься, — значит, уважаешь), что прекрасно поймёт и сполна исползует Сталин. Замкнутый круг есть замкнутый круг и от судьбы, не умея овладеть-завладеть-совладать с нею, никуда не уйти, нигде не схвататься. Он — не Цезарь и не Август, он, всего-навсего, Тиберий, к-рому далеко до Цезаря и Августа, но кто любой ценой должен-обязан донести-доволочь унаследованное им от Августа тяжеленное бремя растлившей и растоптавшей его душу верховной власти до смертного конца.

³⁴ Не налицо ли проклятие (де-факто уничтоженной Цезарем и Августом) Республики по адресу Юлиев-Клавдиев!

36г. н.э.

1 января 36г. н.э. = 789г. а.У.с. в консульство вступили С.Папиний Аллений и Кв.Плавтий.

Папиний Аллений называется в «Фастах» и у Диона (58,26,5) в консульской паре первым; у Тацита – вторым. Он происходил из Патавия (Падуя), города с наибольшим, согласно Страбону (3,5,3), в Италии, после Рима, числом всадников – 500, и, предположительно, был протеже Августа, при к-ром побывал преторианским трибуном и к-рый способствовал его продвижению.

Во всяком случае, эпитафия, обнаруженная в Падуе (CIL 5,2823), приводит Папиниев, к сожалению, нехронологизированный *cursus honorum* в следующей последовательности: военный трибунал, квестура, военная легатура, трибунал *plebis*, претура, кесарская легатура *propraetore*, консульство и жреческий квиндецемвират. Т.е., побывав военным (преторианским?) трибуном при Августе, он отпреторствовал и наместничал при Тиберии в одной из кесарских провинций преторского ранга. Вместе с тем, «Акты Арвальских братьев», в коллегии к-рых он состоял, числят за ним обложение претуры *peregrinus* в 27г. н.э. (CIL 1,1 p.71).

Сообразно же Плинию Ст. (15,47), Аллений привёз (пересадил) в Италию (из-за моря) унаби и туберес = китайский финик семейства Крушиновых и боярышник азароль семейства Розовых. А поскольку данные дерево и кустарник росли-культивировались в Сирии, следовательно, военная легатура Алления при Тиберии означает, что он вполне мог быть-побывать легатом одного из (4-х) легионов в Сирии, откуда и доставил названную ботанику в Рим/Италию.

В остальном догадки о покровительствовании Папинию со стороны Сеяна ничем не подтверждаются, т.к. эвентуальный преторианский трибунал при Августе вовсе не означает непременно близость к Сеяну. С др. стороны, один из сыновей Папиния покончит в 37г. самоубийством, «бросившись вниз с большой высоты» (Ан. 6,49), из-за, по сообщению Тацита, сексуальных домогательств со стороны собственной, бывшей в разводе с мужем, матери, за что последнюю ссыльно удалят из Рима сроком на 10 лет, до выхода из юношеского возраста её младшего сына. Но этот младший сын будет казнён при Калигуле в 40г. (Р.л. 906), между тем как сам, похоже, последовавший, при ближе неизвестных обстоятельствах, за разведённой женой в падуанскую ссылку Папиний не пострадает (см. ниже).

Кв.Плавтий приходился сыном А.Плавтию – консулу-суф. 1г. до н.э. Впрочем, исторически известен из истории отнюдь не столько он, не зарекомендовавшийся ничем, кроме консульства, сколько известны его старший брат – А.Плавтий – конс.-суф. 29г. н.э., и его сын – Кв.Плавтий Латеран. А.Плавтий, будучи при Клавдии (первую жену к-рого звали Плавтия Ургуланилла) легатом Паннонии (с 41г.?), командно возглавил в 43г. вторжение римлян в Британию силами 4-х легионов и 20-и тыс. вспомогательных войск, одержал победу, добрался до Темзы, где дождался прибытия Клавдия, завершил поход взятием Камулодуна и до 47г. был первым римским наместником – завоевателем и обустроителем Британии (см. ниже).

А Плавтий Латеран – владелец Латеранского дворца в Риме – приближённый Мессалины, избежал казни после её падения в 48г. только благодаря заслугам дяди, однако подвергся изгнанию из сената (Ан. 11,20), куда снова попал во 2-м году Нерона (55/56гг.) (Ан. 13,11), подпав, дезигнированный на 65г. в консульство, к-рое не облёк, осуждению и казни за участие в заговоре Пизона (15,60). Его конфискованный властью Латеранский дворец (Ювенал «Сатиры» 8,146; 10,15-18), к-рый в IVв. Константин подарил Церкви, продолжал, что оговаривает Иероним (Ер. 30), носить имя владельца и позже, нося, кстати, оное и поныне.

Консулы-суф. 36г. — М.Порций Катон и Г.Веттий Руф. Если о втором сведения отсутствуют, то первый, следуя одной из версий, облакал в 27г. претуру и был в числе 4-х мерзавцев, заманивших, по почину Сеяна, в клеветнические сети кошунственно казнённого в новогодний день 1.01.28г. Тиция Сабина (Д.И. 1062-64/65-67). Хотя, возможно, речь должно вести о другом Катоне, поскольку консульство давешнего сеяниста Катона в 36г. сомнительно. Или он, всё-таки, выжил, даже достиг консульства при Тиберии и даже стал куратором-aquarum при Калигуле, если, конечно, называемый Фронтином («Вода для Рима» 102), приложительно к 38г., «Порций Катон», сопогубитель Сабина в 27/28гг. и консул-суф. 36г. — один и тот же персонаж, всего месяц побывший в 38г. ответственным за водоснабжение Рима и казнённый взбалмошным Калигулой как «враг народа».

ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ

«Далее следует консульство Квинта Плавтия и Секста Папиния. В этом году из-за привычки к творящимся вокруг ужасам не привлекло особого внимания дело Луция Арузея и предписание смерти... но оставили гнетущее впечатление обстоятельства гибели римского всадника Вибулена Агриппы. После выступления обвинителей он тут же в курии достал спрятанный под тобою яд и, проглотив его, тотчас упал, но подоспевшие ликторы подхватили умирающего и потащили его в темницу, где ему, уже бездыханному, затянули на шее петлю. Не избежал казни, совершаемой над римскими гражданами, и носивший царский титул Тигран, некогда властитель Армении, а теперь подсудимый. Бывший консул Гай Гальба и оба Блезы добровольно наложили на себя руки: Гальба получил суровое письмо Цезаря, отстранявшее его от получения провинции, а Блезов Тиберий лишил жреческих должностей, к-рые обещал, пока их семья была благополучна, назначение на к-рые отложил после того, как её постиг удар, и к-рые теперь отдал другим, как незаняты; и Гальба, и Блезы восприняли это как предписание умереть и сами над собой исполнили приговор. И Эмилия Лепида (о её замужестве с молодым Друзом я сообщил выше), преследовавшая мужа всевозможными обвинениями и при жизни своего отца Лепида, несмотря на постыдное поведение, оставшаяся безнаказанной, привлекается к ответу доносчиками за прелюбодейную связь с рабом, и так как её бесчестье не вызывало сомнений, она сама, не пытаясь оправдаться, положила предел своей жизни» (Ан. 6,40).

Итак, после наименования открывающих очередной анналистический год ординарных консулов-эпонимов, Тацит сообщает о не привлечшем особого внимания (из-за творящихся вокруг ужасов!) деле некоего Л.Арузея и предании кого-то смерти: кого — непонятно, так как дальше в тексте пропуск.

Некто Арузей (без преномена) и Санквиний фигурируют у Тацита под 32г. н.э. (Ан. 6,7) как понесшие наказание обвинители в 31г. (по наущению Сеяна до его падения) Л.Арунция, к-рого Тиберий тогда оградил от расправы, готовя расправу над самим Сеяном (Т.Г. 1010/11). Притом из текста нельзя сделать вывод, что именно названные молодчики инкриминировали Арунцию? и какое именно они понесли наказание (вероятно, смертное)? ибо обо всём этом Тацит рассказал в утерянной 5-й книге «Анналов». Т.е., с большой долей уверенности, можно разотождествить одножентильных (= родственных) Арузея 31/32-го и Арузея 36гг. (два брата? или — отец и сын?), при тождестве, по всей видимости, летального конца их обоих.

Наряду с тем, если (стойвшее кому-то жизни) дело Арузея в 36г. осталось, по Тациту, без особого внимания, то самоубийство прямо в сенатской курии всадника

Вибулена Агриппы произвело на уже привыкших почти ко всему отцов-сенаторов гнетущее впечатление. Самоубийством в курии обречённые римляне кончали не в первый раз, но извлечённый из-под тоги яд, равно его куриальное действие, а главное, ликторы, поспешившие уволочь умирающего в темницу, чтобы успеть там удавить его (закон есть закон!), это, при всех случаях, слишком!

Между тем, выше мы разбирали случай самоубийства, согласно Диону (58,21,4), в 33г., в курии, всадника Вибулия Агриппы (к-рый выпил-высосал яд из перстня на пальце). Об одном ли и том же случае повествуют Тацит и Дион? т.е. ошибается один из них в датировке? или впору говорить о двух, в 33 и 36г., куриальных самоубийствах Вибуллия и Вибулена (Агриппа – прозвище распространённое)? Скорее второе, поскольку рассказы Тацита и Диона, имея элементы сходства, тем не менее, немало разнятся.

Дальше у Тацита говорится о казни Тиграна, некогда властителя Армении, касаемо к-рого примечания к русскому изданию «Анналов» напрасно ставят вопрос, мол, неясно, о ком речь? Очень даже ясно. Речь идёт о Тигране V – царе Армении, ставленнике Августа, в 8 – 12гг. (Р.л. 1206-08; 1279-82), к-рый был внуком Ирода, сыном его (казнённого отцом) старшего отпрыска от Хасмонеи Мариамны – Александра (+ 4г. до н.э.), и дочери Архелая Каппадокийского – Глафиры. Этот Тигран сменил на армянском престоле сына мидянина Ариобарзана (2 – 4гг.) Артавазда IV (4 – 8гг.), подвергнувшись в 11/12гг. изгнанию из Армении, где затем, вслед за коротко реставрированной царицей Эрато, воцарился изгнанный, в свою очередь, из Парфии, сын Фраата IV – Вонон (12 – 16гг.).

Овдовевшая в 4г. до н.э. Глафира уехала из Иудеи, куда её, успешную ок. 3г. до н.э. выйти замуж за Иова Мавританского и ок. 4г н.э. развестись с ним, чуть позже – ок. 5г. н.э. – привёз обратно, противозаконно женившись на ней, другой сын Ирода – этнарх в 1 – 6гг. н.э. – Архелай³⁵ (Р.л. 1180-83). Покинула же она в 4г. до н.э. Иудею, забрав с собой малолетних сыновей Александра и Тиграна к отцу в Каппадокию, где они, воспитанные и повзрослевшие там, оставили иудейские обычаи и зажили, согласно Флавию, по законам греков. Так вот, если сын Александра побывал царём Армении как Тигран V в 8 – 11/12гг., при Августе, то внук Александрова мл. брата недолго побывает армянским венценосцем – как противопоставленный Римом парфянину Тиридату Тигран VI – в 60 – 62гг., при Нероне.

Изгнанный в 11/12гг. армянами Тигран V, надо понимать, до 17г. подвизался-обретался при дворе своего деда по матери Глафире (к-рая умерла, замужествуя за этнархом Архелаем Иродовичем, в Иудее) царя Архелая в Каппадокии, а когда тот в 17г. умер в Риме, после чего Каппадокия подпала провинциализации (17/18гг.), низложенный армянами экс-монарх, видимо, перебрался, являясь римским гражданином, в Рим. И здесь он в 36г., неизвестно из-за чего (Тацит не уточняет), поплатился жизнью, что подтверждает также Флавий, говоря о смерти побывавшего царём Армении бездетного Тиграна – «после обвинений, возведённых на него в Риме» (И.д. 18,5,3). М.б., его возмутила передача Тиберием армянского трона (на возвращение к-рого он надеялся) иверу Митридату? или ему вменили пособничество парфянскому империализму? или в объективе сугубо внутриримские интриги (в к-рые этот бедолага Тигран оказался замешанным)?

³⁵ Левиратный брак между Архелаем и вдовой его сводного брата являлся, по иудейским нормам Торы, противозаконным, так как у Глафиры были сыновья от Александра, в то время как, например, Иродиада имела от Ирода Боэта (+ 23г.) только дочь Саломию, вследствие чего её, после овдовения, брак (25/26гг.) со сводным братом Ирода Боэта тетрархом Филиппом (от к-рого она безразводно = незаконно ушла в 30г. к сводному брату Филиппа – тетрарху Антипе) противозаконным не был (Втор.25,5).

Потом наступила очередь Гая (Сулпиция) Гальбы – старшего брата консула-орд. 33г. и будущего кесаря 68/69гг Сервия Сулпиция Гальбы. В 22г. Гай облакал консульство-орд., в 23г. держал речь в сенате (Плиний 33,32) (Д.И. 568). Согласно Светонию (Гал. 3), «порастратив состояние, он покинул Рим и когда Тиберий не допустил его в должный срок к жеребьёвке о проконсульстве, наложил на себя руки». Вроде бы всё сходится-синхронизируется, но обращает на себя внимание слишком большой интервал времени между облечением консульства и недопущением к проконсульской жеребьёвке. Б.м., речь должно вести не о первом наместничестве?

Иное дело братья Юнии Блезы, к-рые находились под колпаком, каждый день ожидая заключительного удара, с 31г. н.э., но по к-рым Тиберий аж 5 лет медлил, не желая их, посредством смертного приговора, присущим ему макаром, до поры простить. Ведь их отец К.Юний Блез – консул-суф. 10г. н.э., доводился дядей Сеяну (по материнской линии) и долго-долго состоял-пребывал в тиберианской фаворе (Д.И. 14-16; 24; 546; Т.Г. 643). В 14г. он легатствовал в Паннонии и усмирал, помогая Друзу с Сеяном, местные легионы, взволновавшиеся по смерти Августа; в 21 – 23гг. проконсульствовал в Африке, где одержал неокончательную победу над Такфаринатом, удостоившись в 22г. триумфальных украшений и последней в истории Рима императорской аккламации (с правом на форумную статую) предателя неимператорской фамилии, чего другие победители итога 7 лет противившегося римлянам наглеца Такфарината (17 – 24гг.) не удостоились.

Сыновья же Блеза, старший и младший, первый из к-рых находился в качестве легата при отце и в Паннонии, и в Африке, консульствовали один – в 28-м, другой – ок. 29гг. А в 31г., после казни Сеяна, Тиберий возвёл, по словам Тацита (Ан. 6, V, 6-9), на Блеза-отца «множество позорных обвинений», притом, насколько выводится из контекста, во время, когда тот уже был мёртв, либо покончив с собой, либо, казнённый в ходе первых, по горячим следам, линчевательских расправ над сеянистами, рассказ о чём содержался в не дошедшей до нас части «Анналов». Так или иначе, его сыновья прозябали в ожидании конца ещё 5 лет, пока, наконец, обойдённые в вопросе полагавшихся им жречеств, правильно истолковали непредоставление таковых как приказ умереть, что и, наложив на себя руки, сделали.

Скажем снова, месть есть блюдо, к-рое подаётся холодным, и Тиберию, при всём его староримлянстве (точнее, при всех его староримских комплексах), восточному деспоту в душе (из-за чего его и презирал куда менее неискренний тиран Артабан), это было известно не хуже деспотов восточных. Да и разве он осудил, разве он казнил-устранил Блезов или многих иных, поспешивших покончить самоубийством? Они сами себя, чем наглядно показали-доказали свою вину, осудили и казнили! Принцепс не при делах! Кесарь умыл не запятнанные их кровью руки!

Эмилия Лепида была дочерью М.Лепида – консула 6г. н.э., участника Паннонской войны 6 – 9гг., легата Тарраконской Испании в 14г., проконсула Азии в 26/27гг. Она замужествовала за Друзом Германиковичем, одновременно прелюбодействуя с Сеяном и шпионом против мужа, однако оставалась, из-за хорошего отношения Тиберия к её уважаемому отцу, до времени нетронутой. В 36г. Лепид скончался и час Лепиды пробил. Но ей, разумеется, инкриминировали не былой блуд с «врагом народа» Сеяном против «врага народа» Друза, а позорную прелюбодейную связь с рабом, что было правдой, и потому она, даже не пытаясь оправдаться, предупредив обвинительный приговор, порешила себя сама.

Далее, если перейти от Тацита к Диону (58,26,5), то в том же 36г., о чём не упоминает Тацит, в то время как о грандиозном пожаре 36г. на Авентине уведомляют оба анналиста (о чём мы поговорим ниже), Тибр не впервые, вероятно, весной, до (летнего или осеннего) авентинского пожара, вышел из берегов, затопил

прибрежные районы Рима и вынудил жителей столицы переключиться с пешего и в паланкинах на местами водно-лодочное сообщение-перемещение.

СОПРОТИВЛЕНИЕ КЛИТОВ ПЕРЕПИСИ

Снова обращаемся к Тациту, у которого под 36г. имеется одна несколько сумбурная и отчасти явно ошибочная информация.

«Тогда же подвластный каппадокийцу Архелаю народ клитов, так как его заставляли по принятому в наших провинциях обыкновению подвергнуться цензу и вносить подати, ушёл в Таврские горы и там благодаря условиям местности успешно оборонялся от невоинственных царских войск, пока легат Марк Требеллий, посланный наместником Сирии Вителлием с четырьмя тысячами легионеров и отборными вспомогательными войсками, не окружил осадными сооружениями два холма, на которых засели варвары (меньший из них называется Кадра, другой — Данара), и не вынудил силой оружия к сдаче дерзнувших на попытку прорваться и, отрезав воду, всех остальных» (Ан. 6,41).

В легате М.Требеллии RE (6A2, 5, Trebellius, S.2265) видит задающего ему вопросы об искусстве землемеров друга известного римского агрария (Л.Юния Модерата) Колумеллы (4 — 70гг.), который служил как раз в 30-е гг. н.э. военным трибуном (legio VI Ferrata) в Сирии («О сельском хозяйстве» 5,1). И действительно, в том, что Требеллий был командиром одного из 4-х сирийских легионов, под началом легата Сирии в 35 — 39гг. Вителлия, нет (безотносительно к Колумелле), на базе исходных Тацита, ничего невозможного.

Зато невозможно другое: на 36г. н.э. царь Архелай Cappadox вот уже 19 лет как, с 17г. н.э., мёртв (Д.И. 81-83), а Каппадокия провинциализирована (17/18гг.), и больше никогда не будет, в отличие, например, от тогда же, в связи с кончиной Антиоха III (10г. до н.э. — 17г. н.э.), провинциализированной, но спустя 20 лет вассалитетно реставрированной Калигулой Коммагены, в качестве вассалитета восстановлена. Т.е., народ клитов, которые некоторые переделывают в китов, не может подчиниться в 36г. н.э. давно покойному (покойнее не бывает) каппадокийскому венценосцу Архелаю, который с 3/2гг. до н.э. был женат на (вдове Полемона Понтийского) Пифодориде, и у которого (отца двух дочерей — Глафиры и ?) сыновей, насколько известно, не было (вовсе). Посему Тацит, делая давнего покойника под 36г. н.э. живчиком, однозначно ошибается.

Причём сторонники версии возможности рождественской переписи Квирина в подвассальном Риму царстве (Ирода) на рубеже эр приводят (тщась хроносовести-хроносовместить Квирина с Иродом)³⁶ это тацитовское место в пользу своей аргументации, на которую Шюрер (1,526), не вдаваясь в подробности, резонно (по данному конкретному пункту) возражает: «у Тацита не сказано о римской переписи в вассальном царстве-владении, но сказано о переписи в пределах вассалитета, производившейся местным династом по римскому образцу, чему местное население воспротивилось, в результате чего потребовалось римское вмешательство и применение сирийско-легионерской воинской силы». Всё верно, однако, спрашивается, о каком именно, в сём случае, династе и об обитателях какой именно местности — клитах (киетах), идёт у Тацита речь?

³⁶ Ирод умер в марте 1г. н.э., за полгода до прибытия (сменившего Квинтилия Вара) Квирина в Сирию в сентябре 1г. н.э.

В «Р.л.» (592) мы высказали предположение, что, возможно, здесь надо говорить не о каппадокийце Архелае, но об Антиохе IV Коммагенском, кого Калигула поставил в 37/38гг. над реанимированной им вассальной Коммагеной и включил в состав его царства малую часть (не каппадокийских, а киликийских земель (Дион 59,8,2). Но при принятии этой версии, данный инцидент надо перенести в 37/38/39гг. Если же попробовать сохранить тацитовскую хронологию, то следует предложить иное решение.

М.б., речь должно вести о царе или династе (вместо Архелая Каппадокийского) части внутренней Киликии (или Киликии Киаетской³⁷), к примеру, о преемнике Филопатера II, про смерть к-рого, сродни кончине Антиоха Коммагенского, Тацит сообщает под 17г. (Ан. 2,42) (Д.И. 83), но относительно владений к-рого – неизвестно – были ли они (сходно Коммагене и Каппадокии) провинциализированы Римом в 17/18гг.? Или – сохранили свой прежний вассальный статус, при (эвентуальном-допустимом) наследовании умершему династу некоего Архелая (к-рого Тацит под 36г. ошибочно кличет «каппадокийцем»? или к-рый мог править в какой-нибудь части пограничной с Каппадокией Киликии, являясь по происхождению каппадокийцем?)?

Одним словом, некий, предположительно, киликийский (при всех случаях, не каппадокийский) династ Архелай взялся провести, по римскому образцу, цензирование своих подданных – клитов, к-рые (внимание!), как «дикие племена (именно) Киликии, называемые клитами», позиционируются Тацитом в ином контексте ниже (Ан. 12,55). Это вызвало сопротивление мятежно оттянувшегося в таврские горы местного населения, почему здешнему династу пришлось обратиться к сирийскому легату Вителлию, к-рый снарядил ему на вырубку 4 тыс. легионеров (неполный состав одного легиона), плюс отборные аукзилиарные части, под командой Требеллия Руфа. И последний вынудил, по всем правилам военного искусства, укрепившихся на холмах Кадра и Давара повстанцев, окружив их осадными сооружениями и отрезав от воды, к сдаче.³⁸

Во-первых, в демилитаризованной Киликии (провинция *inermis*), к-рая, то, по необходимости, административно объединялась с (базово-центральной для всего римского Востока) Сирией, то выделялась в отдельную провинцию, не стационарировались постоянные воинские подразделения. Во-вторых, Вителлий был, согласно назначению Тиберия, широкополномочным региональным легатом, и потому его участие (силами одного из сирийских легионов) в военном решении проблемы киликийского династа, независимо от того находилась ли на тот момент собственно провинциальная Киликия под управлением (экстраординарного) кесарского легата Сирии, ничего невероятного в себе не содержит.

³⁷ Киаета (Птолемей 5,7,2) – область Каликадна и южного побережья Киликии (Анемурион, Арсиноя, Келендерис, Афродисия, предгорья Сарпедона, Зефирион, Ольба) – место обитания киаетов, к-рых многие отождествляют с, дескать, ошибочными у Тацита (или по вине переписчиков) клитами, что стоит оставить минимум под вопросом, или что сомнительно, поскольку, скорее, тут впору говорить не о бережной Киликии.

³⁸ Либо всё проще, и текст Тацита дошёл до нас искажённым в том смысле, что народ клитов, *ранее* подвластный каппадокийскому царю Архелаю, *теперь* воспротивился римскому цензу. Но в таком случае опять возникают непростые для ответов вопросы: 1) зачем упоминать в 36г. умершего аж в 17г. Архелая?; 2) неужели римляне медлили, после смерти в 17г. Архелая, с первым цензированием прежде подвластных ему, а с 18г. интегрированных в провинциальную систему клитов аж 18/19 лет?

РЕСТАВРАЦИЯ АРТАБАНА

«А Тиридат между тем с согласия парфян принял под свою руку Никефорий и Анфемусию и несколько других городов, к-рые, будучи основаны македонянами, носят греческие названия, а также Гал и Артемиту, исконные города парфян, и это было радостно встречено всеми, кто проклинал жестокость выросшего в Скифии Артабана и надеялся на мягкий нрав получившего римское воспитание Тиридата.

Наибольшим преклонением окружила его Селевкия, могущественный, обнесённый стенами город, не впавший в варварство и удерживающий устройство, к-рое ему дал его основатель Селевк. В нём избирают 300 богатых или известных своей мудростью граждан, к-рые образуют сенат; есть гражданская власть и у простого народа. И когда между ними устанавливается согласие, они ни во что не ставят парфян, но, если у них возникают раздоры, тогда и те и другие стремятся заполучить их помощь против соперников, и те, поддержав одну из сторон, забирают власть над обеими. Это и случилось незадолго перед тем, в царствование Артабана, к-рый, руководствуясь собственной выгодой, отдал простой народ в подчинение знатным, ибо управление, осуществляемое народом, создаёт свободу, тогда как господство немногих ближе к царскому произволу. Прибывшего к ним Тиридата они осыпали старинными царскими почестями, а также и теми, к-рые так щедро придумало новейшее время; вместе с тем они не скупились на поношения Артабану, по матери Аршакиду, а по отцу безвестного происхождения. Управление Селевкией Тиридат предоставил народу. Затем, когда он стал обдумывать, в какой день ему торжественно вступить на престол, прибывают письма от Фраата и Гиерона, правителей наиболее значительных префектур, с просьбой немного повременить. Решив дожидаться столь могущественных мужей, он тем временем отправился в Ктесифон, местопребывание парфянских властителей; но так как Фраат и Гиерон со дня на день откладывали поездку, Сурена в присутствии многих и под возгласы общего одобрения повязал голову Тиридата царской диадемой.

Если бы он немедленно отправился внутрь страны к другим племенам, колебания медлящих были бы этим рассеяны и все оказали бы ему полное повиновение. Но пребывая в крепости, в к-рой Артабан укрыл свою казну и наложниц, он предоставил парфянам время и тем самым возможность разорвать заключённое с ним соглашение. Ибо Фраат с Гиероном, а также другие, не присутствовавшие в назначенный день на торжестве возложения диадемы, обратили свои взоры в сторону Артабана, одни, страшась будущего, другие из зависти к Абдагезу, подчинившему тогда своей воле нового царя и весь двор. Артабана разыскали среди гирканов; покрытый грязью, оборванный, он добывал себе пропитание луком и стрелами. Сначала он испугался, что ему готовится какая-то западня, но, когда его убедили, что дело идёт о возвращении ему утраченного господства, он воспрянул духом и спросил, в чём причина столь неожиданных перемен. Тогда Гиерон стал бранить чрезмерную молодость Тиридата, утверждая, что в их стране царствует не Арсакид, а только носящий это имя, изнеженный на чужбине и слабый юнец, а действительная власть в руках Абдагеза и его родичей.

Опытный в искусстве царствовать, Артабан сразу почувствовал, что, если они лгут, распинаясь в любви, то ненависть их во всяком случае непритворна. Итак, промедлив не дольше, чем было необходимо, чтобы вызвать на помощь скифов, он торопится выступить, дабы не дать врагам применить военные хитрости, а друзьям раскаяться в принятом ими решении; и он не снял своего рубища, чтобы привлечь к себе простой народ состраданием к его участи. Ни обман, ни просьбы — ничего не было упущено, лишь бы сманить колеблющихся и внушить бодрость готовым

примкнуть к нему. Он уже приближался с крупными силами к окрестностям Селевкии, а Тиридат, одновременно потрясённый молвою о нём и тем, что он уже рядом, всё ещё не решил, что ему предпринять: пойти ли Артабану навстречу или затянуть войну выжиданием. Те, кому были по душе битвы и стремительность в действиях, утверждали, что разрозненные и истомлённые длительностью похода недавние предатели и враги Артабана, теперь снова поддерживающие его, ещё недостаточно укрепились в желании повиноваться ему. Но Абдагез считал, что нужно возвратиться в Месопотамию, дабы, находясь за рекой и подняв между тем в тылу у врага армян, элимеев и др. народы, получить подкрепления от союзников и объединиться с тем войском, к-рое пошлёт римский военачальник, и лишь после этого попытать счастье. Это мнение возобладало, так как Абдагез пользовался наибольшим влиянием и Тиридат страшился опасностей. Но их отступление походило на бегство: после того как этому положило начало племя арабов, уходить домой или в лагерь Артабана начали и остальные, пока Тиридат с немногими спутниками не достиг Сирии, сняв тем самым со всех бесчестье предательства» (Ан. 6,41-44).

Итак, Тиридат начал своё медлительно-неторопливое триумфальное продвижение-приближение к столичному Ктесифону осенью/зимой 35г. Примем за верное, что в 35/36гг., или в начале 36г., до коронации в Ктесифоне [условно – 1 нисана 36г. – дата, безусловно принятию к-рой ничего не препятствует] (см. ниже), его радостно встретили-встречали как жители эллинистических городов-полисов – Никефориона и Анфемусии, так и, по Тациту, исконные города парфян – Гал и Артемита.

Никефорион – грекоязычный город на северном берегу среднего Евфрата, в Месопотамии, восточнее устья Нар Белиха (у современной Раки), о чём уведомляет Исидор Харакенский – живший на рубеже эр (известный также под ошибочно накладочным плиниевским именем «географа Дионисия») автор геополитического сочинения «Парфянские стоянки», составленного специально для получившего в управление Восток Римской империи (1г. до н.э. – 4г. н.э.) и грезившего о ратно-походных лаврах Александра Великого внука Августа – Г.Цезаря («Parth.» 1) (Плиний 6,119). Притом, если Исидор Х. и Плиний говорят об основании этого города после переправы македонян через Евфрат, у Фапсака, в 331г. до н.э. самим Александром, то Аппиан («Сир.» 57) называет его основателем Селевка I Никатора (312 – 281гг.).

В 54г. до н.э., когда Красс переправился через Евфрат у Зевгмы, двинувшись от Карр к Никефориону, город, сродни другим эллинистическим полисам Месопотамии, восторженно принял его сторону (Дион 40,12), приветствуя в (продолжателях дела эллинов) римлянах своих освободителей от варварской восточной деспотии парфян (несмотря на их эллинофильство), и получив от римлян декларированную ими свободу. Описание Никефориона, к-рый относится Плинием (5,86) к парфянской префектуре Месопотамия, имеется у Страбона (16,747) при описании Мигдолии. После разгромного поражения Красса у Карр – 53г. до н.э. (Р.л. 78-80), никефориане продолжали, пользуясь широкой автономией, благополучно процветать под вполне терпимыми парфянами. В следующий раз римляне появились здесь в 60-е и 90-е гг. Пв. н.э., соответственно, при Марке Аврелии с Луцием Вером и при Септимию Севере.

Анфемусия – месопотамско-эллинистический город в ок. 50-и стадиях от Эдессы (Исидор Харакс «Geogr. Graec. mun.» 1,245), к востоку от Апамеи (ныне – Серудж). Его арамейское название – Керах/Карха, что означает «укреплённый лагерь» (Страбон 16,747; Плиний 5,21; 6,80). Сохранились имевшие в нём хождение и

найденные при раскопках монеты времён Домициана, Каракаллы, Максимиана (I – IVвв.).³⁹ По наименованию города называлась и окрестная местность (Птолемей 5,18,4; Дион 68,21; Евтропий 8,3; Аммиан Марцеллин 14,3,3).

Артемита – значительный, с протекавшей через него рекой Силл, город в Ассирии, на расстоянии в ок. 500 стадий от Селевкии, 71 римская миля от Ктесифона. Новооснован греко-македонянами, но известен ещё из Библии (Быт.14,1; 9) как (современный Аврааму) Елассар, позднее – Халазар (Страбон 1,519; 16,744; Птолемей 6,1,6). Не столько исконный город парфян, сколько город с доминантой сиро-семитского населения, к-рое греко-римские авторы считали более близким к парфянам (исконный туркестанско-хорасанский очаг к-рых – вовсе не Месопотамия), нежели потомков греко-македонян, мол, более близких Риму и римлянам.

Г(Х)ал = Албания (!) = Хала, или Келонаи – гл. город области Халонитис, по пути из Месопотамии, в современном Иракском Курдистане, на Иранское плоскогорье.

Местное разнонародное-разноплеменное население, включая греко-македонян, сиро-семитов и самих парфян, устало от четвертьвекового тиранического правления, к тому же, потерпевшего поражение и сбежавшего-изгнанного восвосяи централизатора Артабана, отчего теперь искренне приветствовало производившего прямо противоположное суровому Артабану впечатление мягкого и улыбчивого Тиридата.

Это была первая порывная волна стихийного расположения к новому правителю, очень даже сравнимая с восторгами по адресу Артабанова предшественника в 8/9гг. н.э. (ставленника-назначенца Августа) кронпринца Вонона, кто, как мы помним, премного напоминал Лже-Дмитрия I, сходно, с его ещё более коротким интермеццо 35/36г., Тиридату, к-рый есть своего рода (в рамках последовательности от Вонона) Лже-Дмитрий II, правда, по характеру, куда больше схожий, как и Вонон, не с жестоким «тушинским вором», но с оказавшимся чересчур мягкотелым Лже-Дмитрием I.

А ведь европофильство последнего православная Русь, после коротких восторгов, горько разочаровавшись в нём, категорически отвергла, убила самозванца, мало того, зарядила его прахом пушку и выстрелила в сторону Польши. Дескать, убирайся туда, откуда пришёл, – «ставленник, – согласно советским учебникам, – польских феодалов и римской католической церкви» (= святотатственный агент западного империализма – кошунник и ворог).

Между тем, и у Вонона (+ 19г.), и у умершего в Сирии в 35г. пожилого Фраата, и у молодого Тиридата, – потомки (сыновья и внук) Фраата IV, было, с учётом их прямого генезиса от Аршака Храброго (IIIв. до н.э.), преимущественное право на парфянский и великоиранский престол, в сравнении с Артабаном – прямым Аршакидом по матери и, вероятно, побочным по отцу.

³⁹ Парфянские, только серебряные и бронзовые, монеты имели эллинистический прототип. Причём до Митридата I (171-38гг.) отпавшие ок.250г. до н.э. от Селевкидов парфяне не чеканили своих монет, пользуясь селевкидские, аттический стандарт к-рых в отношении металла и веса начаты при Митридите монетной чеканки (с надписью «Филоэллин», использовавшейся Аршакидами до упразднённого её Артабана III) они приняли. Селевкидские же золотые монеты были в обороте первое время, после чего, естественно, не восполнялись. Царь чеканил монеты на различных монетных дворах державы, а вассально зависимые от него цари – в своих столицах. Ряд городов, в первую очередь, Селевкия-на-Тигре, обладали правом чеканки полисно-городских монет, снабжённых соответствующими монограммами. При всём том, со временем фигуру селевкидского Аполлона (тождественного у парфян Митре) на реверсе царской чеканки, при профиле (реже – фас) очередного царя Аршака на аверсе, сменила загадочная сидячая фигура мужа (или бога), вооружённого луком (Митра – Стрелец?).

Но политическая фортуна изменчива-переменчива, подобно «коварной блуднице», к-рая, как известно из Шекспира («Король Лир»), «с голодным не ложится», и то, что сегодня плюс, завтра, при изменении расклада, быстро становится, или может стать, с переменной настроений, в политике и для политика, пагубно-убийственным минусом. А дальше – почему бы не обратить, спешно истосковавшись по твёрдой руке и незаслуженно поправленным ценностям, взоры к изгнанному властелину, превратив его давешний негатив в, под совершенно другим углом зрения, сегодняшний (насуточно востребованный) позитив.

Пока же неторопливую дорогу (купавшегося в лучах своей сомнительной славы) Тиридата навстречу коронации в Ктесифоне устилали ковры и цветы («и в воздух чепчики бросали»). Особенно восторженно его приняла Селевкия – город на правом, противоположном от левобережного Ктесифона, берегу Тигра, основанный Селевком Никатором и воспринимавшийся извне как многими греками, так и римлянами одним целым с Ктесифоном, что на самом деле было не так или не совсем так.

Селевкия-на-Тигре = Селевкия Вавилонская = Селевкия Magna – основанный в 312 – 05гг. Селевком Никатором город на Тигре, вернее, при одном из каналов, к-рый отводил часть воды Евфрата в Тигр, в месте, где две великих реки ближе всего подходят друг к другу, (развалины Тель-Умар) в 25-и км к югу от Багдада. Был основан по образу и размерам Александрии, снабжён мощными крепостными стенами и построен в форме распростёртых крыльев орла (Полибий 18,15; Страбон 11,522; 16,738; 743; 750; Плиний 5,88; 6,43; 122; 129; 133; 212; Плутарх «Лукулл» 22; «Красс» 21; 32; Евтропий 8,10; Фест 21; Орозий 7,15,3).

Ок. 280г. Антиох Сотер переселил сюда множество жителей Вавилона и перенёс вавилонское святилище Эсагила. Покровителем города считался Аполлон Комайос. Население Селевкии представляло собой пёструю смесь вавилонян, греков, македонян, сирийцев, иудеев и насчитывало в IV в. н.э. до 600 тыс. чел.: *urbis maxima* (Плиний 6,122). Торговля, искусство и науки пользовались тут большим почётом, и несмотря на то, что центр Империи Селевкидов был перенесён как раз ок. 280г. в Антиохию-на-Оронте, Селевкия, по-прежнему, оставалась одним из важнейших городов Селевкидского царства.

В 141г. до н.э., т.е. в год коронации парфянского венценосца Митридата I (171 – 38гг.) царём царей в Вавилоне, город захватили, или он сдался им без сопротивления, парфяне, перенесшие свою столицу из туркестанской Нисы, близ Ашхабада, сюда, в одну из зимних царских резиденций, новооснованный Ктесифон (перс. Тайсафун; ныне городище Аль-Мадаин), на противоположном левом берегу Тигра, чуть ниже по течению, в 32-х км к югу от Багдада.

Так, ещё у Никифориона в 54г. до н.э. к Крассу явилось посольство царя царей Орода (58/57 – 37гг.) с запросом о причине столь грубого попрания им норм международного права: нарушение двухсторонне признанной, согласно договорённости ещё между Суллой и Оробазом от 92г., и впоследствии двухсторонне подтверждённой, границы интересов Рима и Парфии по Евфрату. Парфяне заявили, что если Крассом начата, по его персональной алчной инициативе, форменная война, то ни переговоров, ни пощады не будет, однако у него ещё есть время одуматься, и в этом случае великодушный царь царей готов пощадить его преклонный (за 60) возраст.

Выслушав послов с усмешкой, Красс надменно обещал удостоить их царя Орода ответом в его столице – в Селевквии-на-Тигре (умышленно-пренебрежительно опустив упоминание «варварского» Ктесифона вовсе). Тогда глава посольства, старший летами, сатрап Вагиз выставил вперёд ладонь, показал на неё и сказал: «Скорее здесь вырастут волосы, нежели ты увидишь Селевкию, Красс» (Плутарх «Красс» 18; Дион 40,16). Тем переговоры и кончились.

А летом следующего 53г. голову, действительно, так никогда и не увидевшего (при жизни) Селевкию наголову разбитого Красса, армия к-рого, потеряв 7 легионов, потерпела разгромное поражение в битве («сталинградский котёл») при Каррах, доставили Ороду в столицу Армении Арташат-на-Араксе, где царь царей присутствовал, вместе с армянским венценосцем Артаваздом II (56 – 34гг.), на (в честь бракосочетания их детей) трагедии Еврипида «Вакханки».

Позднее же, во время устроенного победителем римлян выдающимся парфянским полководцем Суреном потешного триумфа = *парада победы* в Селевкии-на-Тигре, где Крассу уподобили посаженного на лошадь задом наперёд, в шутовском колпаке, пленного римлянина, римские боевые штандарты и множество ценных трофеев были свалены в высокую груду у подножия трона царя царей.⁴⁰

* * *

Впрочем, Тиридату в 36г. н.э. повезло гораздо больше, чем Крассу, или чем уносившему ноги от парфян в 36г. до н.э., сродни Бонапарту, отступавшему из России, Антонию, так как наибольшим преклонением его, живого и царственного,

⁴⁰ Напоминаем читателю и дополняем. Со Пв. до н.э. главную воинскую силу парфян (полностью отказавшихся от селевкидской тактики частичного использования наёмных отрядов конницы, плюс – лёгкой и тяжёлой пехоты) составляла делившаяся на два основных вида великолепная конница: конные лучники и тяжёлые, закованные с ног до головы в облегчённые проторыцарские доспехи, на покрытых железными кольчугами конях, всадники, – клибанарии и катафракты, вооружённые огромными пиками и луками. Малочисленная, лёгкая и тяжёлая, пехота воевала в лесистой и гористой местности, откуда парфянские военачальники всегда старались выманить врага в-на открытое пространство для полномасштабного задействования многочисленной конницы. Всадники не пользовались стремениами и удерживались в седле (как впоследствии скоростные гунны) коленями.

Парфяне разводили особую породу огромных боевых коней (в отличие от воевавших на низкорослых конях гуннов), основой породы к-рых послужили нисские скакуны (вызывавшие зависть у китайцев, туранцев, греков, римлян). Тяжёлые конные латники сминали во время атаки пехоту противника и наносили сокрушительный удар, не менее успешно атакуя менее искусную кавалерию любого неприятеля. В свою очередь, более подвижные лучники лёгкой кавалерии были вооружены дальнобойными луками, умели прицельно поражать издалека, что называется, белку в глаз, а имитируя отступление, производили знаменитый «парфянский выстрел» без промаха, вполоборота назад через круп лошади.

Сурен прибавил к этому огромный запас стрел, подвизавшихся на верблюдах, вследствие чего стрелы у парфян в сражении при Каррах, вопреки расчётам римлян, не иссякли, что раздавило косимую вражескими лучниками римскую армию (лишённую возможности навязать противнику ближний бой) ещё до боевого поражения (нанесённого окончательно измотанным римлянам) морально. В результате этого нововведения Сурена, создавшего, кроме того или прежде всего, лично преданное ему воинство из 10-и тыс. тщательно обученных ратному искусству слуг, парфянская армия окружила и разгромила на равнинной местности втрое превосходящую её лучшую в мире армию тяжёло вооружённых легионеров, почти не понесла потерь. Но Сурен был чрезвычайно опасным исключением как для римлян, так и для парфянских царей. Не случайно в следующем году после победы при Каррах его убили, по приказу Орода.

А в 40-38/37гг. любимый сын и соправитель Орода царь-царевич Пакор, к-рый успешно занял поначалу Сирию, потом Финикию, и даже снарядил 500 всадников в помощь Антигону Маккавею против Иродиан в Палестину (38г.), проиграл талантливому римскому полководцу Вентидию (38г.), после чего, попытавшись реваншироваться, пал в сражении при Гиндаре в 37г. Причём его голову, согласно приказу Вентидия, наглядно демонстрируя разгром парфян, римляне показывали в городах Сирии. Единовременно отцеубийца, братоубийца, равно убийца Сурена, царь царей Ород отрёкся в горе от престола в пользу преемствовавшего Пакору Фраата IV, приказавшего, тем не менее, удавить родителя (37г.). Кстати, именно царь-царевич Пакор пышно отстроил столичный Ктесифон, сделал его, сообразно Аммиану Марцеллину, «украшением державы».

окружила на пути в Ктесифон именно эллинистическая Селевкия, об устройстве-организации к-рой, с попеременным господством в ней то олигархической партии, то демократов-охлократов Тацит сообщает интересные сведения ниже.

Переносившим своё эллинофильство на римлян, под господством к-рых они ни разу не пребывали, селевкийцам воспитанный в Риме Тиридат виделся панацеей от всех бед. Он представлялся им полюсом нацеленного-настроенного на великоиранское возрождение (пусть без какого-либо радикального отказа от эллинофильства) Артабана, с его внутренними симпатиями и апелляцией не столько к Александру, сколько к Киру Великому, от, повторим, одного из преемников к-рого, Артаксеркса II Мнемона (404 – 359гг.), парфянские Аршакиды себя, не могучи возвестись непосредственно к Киру, родословно выводили.

Насчёт однозначных преимуществ т.н. народовластия, к-рое нередко превращается в охлократию (власть черни; синдром толпы), завязанный (в душе) республиканер Тацит (кто, наряду с тем, прекрасно осведомлён о несостоятельности трупной республики и прекрасно, невзирая на личную горечь, осознаёт невозможность её реставрации), конечно, погибает (Д.И. 805/06). Но, наряду с тем, здесь нам предоставляется ценная информация об арбитражной передаче верховным властью Артабаном незадолго до 36г., вероятно, в 34г. н.э. (при новоурегулировании региона после ликвидации вавилонско-иудейской автономии Асиная и Анилея), власти в Селевкии олигархической, в ущерб разнузданным полисным демократам, партии.

Т.е., во-первых, демократы затаили обиду, во-вторых, при Тиридате, в начале 36г., они, с его подачи, снова заняли место у штурвала, и впоследствии не признавали власть ни, закрыв перед ним ворота и сепаратистски отпав от него, вернувшего себе трон царя царей Артабана, ни, позже, с 40г., его сыновей, Готарза и Вардана, на протяжении, в общей сложности, 7-и лет, до 43г., сдавшись, в конце концов, Вардану. А в промежутке, ок. 40г., местные греки, македонцы и сирийцы, демократически-охлократически объединившись, устроили страшный погром местных иудеев, жертвами к-рого стали десятки тысяч человек.

Так или иначе, уже из Селевкии-на-Тигре, где его горячо приветствовали, в то время как варвару, деспоту и выскочке Артабану посылали проклятия, Тиридат величественно подался в расположенный на левом берегу Тигра, в 5-7-и км ниже по течению, столичный Ктесифон, получив перед тем письма с изъявлением лояльности от «правителей наиболее значительных префектур» — Фраата и Гиерона, к-рые одновременно просили немного повременить с, до их прибытия, торжественным вступлением в столицу и официальной церемонией коронации. Тиридату хотелось пойти им навстречу и сперва церемония была отложена, однако, поскольку они всё не прибывали, он вступил в столицу без них и, возможно, именно в день 1 нисана аспет-венцевозлагатель из великокняжеского дома Сурена повязал, как пишет Тацит, его голову царской диадемой.

В русском переводе «Анналов» (сделанном не столько с латыни, сколько, если без дураков, с немецкого) «сурена» стоит с маленькой буквы (хотя в немецком существительное, в любом случае, — с большой), так как часть учёных авторитетов уверяет или полагает, что это не имя и не наименование фамилии-рода, но титул парфянских венцевозлагателей-коронаторов, с чем мы, вместе с др. частью не менее авторитетных авторитетов, не согласимся. Дом-род-фамилия Сурена — один из, во главе с царским домом Аршака, 7-и (от личного-собственного имени родоначальника «Сурен») знатнейших парфянских домов (Сурен, Карен, Гевпуран, Миран, Аспадпати, Камсаракан), к-рый владел восточно-иранским Сакастаном, имея в подчинении 10-тысячное воинство и защищая страну от вторженцев-кочевников, и к-рому принадлежало право короновать (ритуально повязывать диадемой) царственных Аршакидов.

В то же время автор статьи о Парфии и парфянах в RE П.Юрген отсебятински идентифицирует венцевозлагателя «Сурена» с Абдагезом, отцом Синнака, для чего тоже нет никаких оснований, тогда как по поводу Фраата и Гиерона можно предположить, что они являлись сатрапами значительных восточно-иранских префектур-сатрапий; не будем гадать – каких именно. Но факт в следующем. Оба, после первоначального письменного изъявления лояльности-преданности новому повелителю, так и не прибыв на поклон к нему в Ктесифон, пока Тиридат, со своей стороны, осел в столице, не решаясь двинуться вглубь страны, выждали некоторое время и, понаблюдав за всем происходящим издали, отправились, завидуя все-сильному при Тиридате временщику Абдагезу, искать беглого Артабана в горах на северо-восточных границах Гиркании. Таким образом, не столько сам юнец Тиридат, сколько всеилие при нём Абдагеза (репрезентанта одного из знатнейших родов) и его клики побудили часть парфянской знати новообратить взоры к изгнаннику Артабану.

Ох напрасно завладевшему царской сокровищницей и гаремом царя царей Тиридату казалось, что сие – сокровищница и гарем – означает в глазах парфян как его окончательную легитимизацию, так и низложение его предшественника! Во-первых, он беспечно бездействовал, а во-вторых, отношение к нему, из-за его римской стати и чуждых парфянам норм поведения, из-за его западных манер, почти тотчас стало резко меняться. Восток есть восток – дело, с одной стороны, тонкое, с другой, – сальномордое, косно-консервативное и толстозадое. Нельзя навязывать ни себя, ни своё кредо подданным, не сделавшись истинным властелином-повелителем. Да и не прав ли был Наполеон, во-первых, уверяя, что можно вернуть потерянную позицию, но не потерянное время, и во-вторых, считая *добрых* правителей эквивалентами неудачного правления.

И вот в деле *Лже-Дмитрия II* опять заработал и сработал синдром *Лже-Дмитрия I*. Вчерашний желанный-чистокровный Аршакид, внук с позором изгнавшего-прогнавшего из Ирана Антония, однако, без войны, дипломатически проигравшего хитровану Августу Фраата IV – Тиридат, словно по мановению волшебной палочки, превратился, не оправдав надежд, при соответствующем подстрекательстве определённых влиятельных кругов, в подлежащего убиению или изгнанию засланного казачка.

Он (как и некогда Вонон) недостоин править парфянами, разгромившими Красса, гнавшими Антония так, что пятки у удальца сверкали, и т.д. и т.п. Пусть убираться туда, откуда пришёл. Лучше уж грозный Артабан, чем родившийся, выросший и воспитанный в Риме изнеженный псевдо-Аршакид, к-рый плохо держится в седле, плохо стреляет из лука, и в к-ром, вернее, за-под аршакидской маской к-рого нет ничего от потомка Аршака Храброго. Засим долой римскую марионетку, долой происки и агента римского империализма, и да здравствует великоиранский ренессанс!

Впрочем, не в одночасье. На первых порах в Ктесифоне и окрест всё было спокойно и праздник жизни, при необратимой потере драгоценнейшего для утверждения нового (не пожелавшего себе на беду ни быть, ни слыть *грозным*, чего Восток категорически не прощает) властителя времени, затянувшись-растянувшись, так сказать, не кончался. Правильно спланировав, организовав и осуществив, с привлечением-вовлечением иверов, руками-инициативой талантливого управленца Вителлия и проч., всю хитроумную комбинацию по предоставлению буферной Армении брату Фарасмана Митридату и по смене власти в Парфии, достойный ученик Августа, ушлый комбинатор Тиберий поставил не на ту венценосно-парфянскую лошадку. Хотя поставил, видимо, из-за отсутствия выбора, т.е. за отсутствием, по смерти преклоннолетнего Фраата в Сирии, иного подходящего-альтер-

нативного аршакидского кандидата, ибо на роль царя царей Тиридат, как выяснилось, не годился и не сгодился.

Тем временем, разысканный-отысканный вельможными Фраатом и Гиероном на окраинах Гиркании одетый в рубище Артабан, мыкаясь в одиночку, добывал себе пропитание луком и стрелами – искусство мастерского владения к-рыми отличало каждого вольного-благородного парфянина (азатана = свободного). Ходатаи живо обрисовали ему ситуацию, после чего он, многоопытный в искусстве царствовать (итого 30 венценосных лет: с 5/6 по 11/12г. – в Атропатене; с 11/12г. – в Иране) понял, что если сторонниками реставрации движет не любовь к нему, то, по крайней мере, их ненависть к лопуху Тиридату в паре с Абдагезом, – не при творство, и значит, коли появилась отличная возможность взять реванш, необходимо этим расторопно воспользоваться. Засим, обратившись за помощью к скифам (дахи и саки), к-рые на призыв живо откликнулись, свергнутый царь царей выступил, обрастая в пути сторонниками, в т.ч., воинством Фраата, Гиерона и др., в стремительный скоростной поход.⁴¹

Это явилось для, никоим образом, не ожидавшего такого поворота Тиридата полной неожиданностью. Артабан, не теряя времени, приближался, он же всё ещё не ведал, выступить ли ему навстречу противнику? или выждать в надежде на перемену обстановки? Количество его давешних восторженных приверженцев, к-рые теперь массово уходили к его врагу, таяло на глазах. Не помогли ни советы Абдагеза поднять в тылу армян, эламитов и проч. народы, ни что-либо иное, поскольку никаких реальных контрмер принято, по существу, не было.

И в итоге Тиридат с небольшой кучкой сторонников банально ретировался от Артабана в Сирию, за Евфрат, под защиту римлян, к-рые тоже никак не ожидали такого, да ещё слишком внезапного, поворота событий. Короче говоря, вся Тиридатова эпопея, от его помпезного перехода, под римской эгидой, на парфянскую сторону Евфрата до его беглого возвращения в римско-сирийские пределы продолжилась чуть более полугода, с осени 35-го по лето 36г. н.э.

Двухпалатный иранский парламент, в составе совета знати (*круглый стол* парфянских баронов) и совета жрецов (маги магустана во главе с магупатом) признал за Артабаном право на власть стране, одновременно констатировав-диагностировав, что очередное поползновение римского империализма сбить парфян с их особого пути и Иран с понтольку потерпело крах. То-то, если Артабан первым из Аршакидов монетно-чеканно пересел на коня⁴², напомнив всему миру, что парфяне – *всадники*, то его племянник Вологес I (51 – ок. 79/80гг.), старший сын его мл. брата Вонона Атропатенского (потомство к-рого продолжит царственную линию младших Аршакидов до самой смены-замены в Шв. н.э. Парфянского Ирана Ираном Пер-

⁴¹ По всей вероятности, первой на сторону Артабана перешла соседняя с прикаспийской Гирканией очаговая Парфия – область на территории современных Туркмении и иранского Хорасана, к юго-востоку от Гирканского (Каспийского) моря, пограничная на западе и севере Гиркании и Хорезму, на востоке – Маргиане и Ариане, на юге и западе – Мидии. Собственно Парфия делилась на 5 частей: Парфия, Комисена, Хоарена (Гогарена), Паравтикена, Табикена. Царские резиденции (ранняя и поздние, или в зависимости от времени года) – Ниса (руины близ Ашхабада), вавилонско-местопотамские Селевкия и Ктесифон, мидийские Раги и Экбатана, мидо-атропатенская Гацака.

⁴² Начиная с Артабана III, на парфянских монетах начинают превалировать вместо греческих арамейские надписи. Если парфяне говорили на среднеиранском диалекте – пехлеви (давшем в XXв. имя династии последних иранских шахов Резы и Мохаммеда, к-рые пытались объединить Иран = Дом Иранский на совокупной доисламской базе мидийского, персидско-ахеменидского, парфяно-аршакидского и сасанидско-персидского былого), то в Парфянском Иране использовались и староперсидско-ахеменидский, и греческий, и арамейский, и эламский, и др. языки.

сидско-Сасанидским), позиционируя себя преемником Артабанова дела велико-иранского возрождения, велит восстановить-новозаписать торжественно сожжённую Александром Великим (как зловредное суеверие) священную для зороастрийцев «Авесту».⁴³

* * *

Какой-либо вины римско-сирийского легата Вителлия в том, что случилось, разумеется, не было. Он выполнил свою задачу, переправив осенью Тиридата, с фанфарами, под угрожающее бряцанье римского оружия, через Евфрат, на отлично. Иное дело, что снаряжённый Тиберием на царство в Иране тронный кандидат, оказавшись неспособным принять в специфической стране бразды правления, извините, (по всем статьям) лоханулся.

Причём ещё весной всё выглядело окей настолько, что Вителлий, покинув ближнюю к парфянской границе Антиохию-на-Оронте, преспокойно отправился для урегулирования различных дел на сиро-финикийский юг и в Палестину (см. ниже). Правда, сделать в отношении Парфии, по большому счёту, что-либо не представлялось возможным ни весной, ни летом, когда Тиридату пришлось бежать, так как кесарских директив на настоящую фронтальную войну с парфянами экстраординарно-региональный легат не имел. Точнее, директивы Тиберия не предусматривали наступление легионов за Евфратом, по римской инициативе, во всех случаях. Т.е. спасти Тиридата на престоле, в сложившейся ситуации, было нельзя.

Соответственно, Вителлию оставалось проинформировать Верховного о произошедшем для получения дальнейших директив-инструкций. Тиберий же, в ответ, поручил своему легату заключить мир с Артабаном на условиях признания им ивера Митридата в Армении и предоставления Риму в качестве заложника собственного сына. Иначе говоря, — возвращаемся, по августейшему сценарию, к выигранно-паритетному для Рима статус-кво. Артабану сейчас позарез нужно укрепиться-нововоцариться внутри страны, почему у него нет ни сил, ни возможностей воевать за Армению. Ну и ладно, пусть всё вернётся на круги своя. Большого и не требуется. Нехай в перспективе со всем остальным тиберианские наследники-преемники разбираются.

Да и не лучше ли на иранском престоле ослабленный нуждающийся в мире с Римом предсказуемый Артабан, к-рый гарантированно, в течение определённого времени, не будет покушаться на Армению и вообще не будет выпендриваться, чем кто-нибудь другой!

Тиридат оказался слабаком, не сумевшим ни правильно повести себя, ни правильно сориентироваться в нестандартной ситуации, чтобы принять верное решение и, не мешкая, действовать. Он не обладал ни нужным опытом, ни политической сноровкой, а главное — не знал, выросши в Риме, ни тонкостей, ни специфики,

⁴³ Примечательно, что индийская миниатюра великогомогольского периода (1602г.) в манускрипте «Шах-Намэ» (Книга Царей и Царь-Книга!) Фирдоуси изображает последнего тронного Аршакида Артабана V (+ 224г.) пешим в момент его убийства сидящим на коне первым тронным Сасанидом Ардаширом. Ок.230г. н.э. победоносный Ардашир Папакан (из жреческого семени Сасана) основал близ Ктесифона новую Селевкию Вех-Ардашир, в честь победы над парфянами, и переселил в неё жителей ветшающей старой Селевкии. При Юлиане Отступнике (361-63г.) Либаний говорит о покинутых руинах Селевкии, неподалёку от к-рых, на берегу Тигра, получивший смертельную рану Юлиан скончался в своём походном шатре.

Не менее примечательно и то, что последний армянский тронный Аршакид упразднённой Сасанидами в 428г. армяно-аршакидской монархии звался, сродни основателю царства Арташесидов Арташесу I и сродни Зенону-Арташесу (= Арташес III), кончина к-рого развязала римско-иранский конфликт 34-36/37гг., Арташесом IV (422/23-28гг.).

ни маслянистой ментальности Востока, между тем как других Старших Аршакидов у римлян под рукой не было. И Фортуна, поначалу ослабившись, вскорости от-вернулась от него, показав, что Восток совсем не та сказка из «Тысячи и одной ночи», к-рую он себе нарисовал-завообразал, даже если на первых порах сказочная картина вроде бы воцарительно, окунув его в пагубную эйфорию, подтвердилась.

Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Так что этот ряженный калиф на час так и остался калифом на час, не сумев сделаться *всадником*, обделавшись и исчезнув (сбежав) из истории столь же поспешно, как он в ней объявился.

А теперь посмотрим, чем именно занимался Вителлий, когда коронованному (1 нисана) Суреном Тиридату воздавали царские почести в Ктесифоне и казалось ничто не предвещает ему скорое политическое фиаско, весной 36г. н.э.

ПОСЕЩЕНИЕ ВИТЕЛЛИЕМ ИЕРУСАЛИМА И СМЕЩЕНИЕ КАИАФЫ

Мы помним, что вследствие устроенного Пилатом осенью 35г. самарянского побоища у подножия священной для самарян г. Гаризим, последние пожаловались Вителлию, к-рый (прибыв с Евфрата, где он, в сопровождении легионов, внушительно переправил через реку напутствованного на царство Тиридата), разобравшись за зиму в (расследованном им) деле, сместил по весне своей расширенной кесарско-легатской властью Пилата и поставил на его место (некоего ближе неизвестного) Публиция Марцелла из своей свиты.

Причём, судя по рассказу Флавия (И.в. 18,4,2), эта перестановка была практически произведена весной 36г., когда Вителлий находился на пути в Иерусалим, куда он прибыл «как раз во время праздника Пасхи» (18,4,3), к-рая в 36г. выпала на 30/31.03. = 14/15 нисана, плюс – дни опресноков (15-21 нисана) в начале апреля.

Возможно, конечно, что Пилатово смещение было произведено ещё из Антиохии, но, скорее, оно имело место в резиденции префекта-прокуратора Кесарии Палестинской, через к-рую пролегал предпасхальный путь Вителлия в Иерусалим. Притом, как мы предположили выше, Пилат, по какой-то причине (?) и на какое-то время (?), задержался в Иудее, отчалив из неё держать ответ перед императором за допущенные им при управлении провинцией злоупотребления летом/осенью, однако, прибыв в Рим (из-за застигшей его где-то в дороге зимней непогоды и закрытого моря? или какой-то болезни?) лишь весной следующего 37г., уже после кончины 16.03. Тиберия.

Кроме того, похоже, что статус (обладавшего меньшей наместнической властью? при более широких полномочиях экстраординарного сирийского легата) вителлианского назначенца (и креатуры) Марцелла (36/37гг.), как и его преемника – калигулианского назначенца Маруллы (37 – 41гг.) (18,6,10), несколько отличался от статуса первых пяти прокураторов, последним из к-рых и был проведенный в Иудее 10 лет (26 – 36гг.) Понтий Пилат.

Впрочем, займёмся вителлианским посещением Иерусалима мартовско-апрельской весной 36г. и посмотрим, что произошло, по нуждающемуся в некоторой корректуре повествованию Флавия, дальше.

«После этого (замены Пилата Марцеллом – К.З.) Вителлий поехал в Иудею и прибыл в Иерусалим как раз во время праздника Пасхи. Встреченный радушно, он навсегда освободил население от налога на привозимые и продаваемые (в городе) плоды. Вместе с тем он разрешил держать первосвященническое облачение и всё к этому относящееся в храме, предоставив надзор и охрану этих вещей священнослу-

жителям, как то было некогда раньше. Теперь же эти облачения хранились обыкновенно в т.н. крепости Антония по следующей причине: Гиркан, первый из первосвященников, носивших это имя, построил себе вблизи храма башню, в к-рой обыкновенно и жил. Здесь у него хранилось его облачение, надевать к-рое он один только был вправе, облакаясь при выходах в город в свою простую одежду. Так же поступали затем его сыновья и их дети. Овладев царством, Ирод Великий роскошно отстроил эту башню, названную им в честь своего друга Антония Антонией, и как нашёл там первосвященническое облачение, так и продолжал хранить его там, не думая, что возбуждает этим неудовольствие народа против себя. Такого же образа действий держался и его сын-преемник Архелай.

Овладев областью последнего, римляне удержали у себя также облачение первосвященника, к-рое сохранялось в каменном здании, запечатанном печатями священнослужителей и казначеев, причём начальник стражи башни обязан был ежедневно заботиться о том, чтобы перед этим помещением всегда горел светильник. За 7 дней до наступления праздника облачение выдавалось начальником стражи священнослужителям и возвращалось, освящённое первосвященником, через день по окончании праздников, продолжая храниться в башне. Так делалось в каждый из трёх больших ежегодных праздников и в день Поста. Вителлий разрешил священникам хранить облачение у себя и запретил вмешиваться в это дело начальнику стражи, предоставив иудеям пользоваться облачением по надобности. Этим он расположил народ в свою пользу. Затем он сместил первосвященника Иосифа Каиафу и назначил на его место Ионафа, сына бывшего первосвященника Анана. После этого Вителлий вернулся обратно в Антиохию» (И.д. 18,4,3).

В Вителлии можно констатировать симпатию-предрасположенность к иудеям и иудейству (из-за чего, кстати, на него в 39г. осерчает Калигула), что в I/IIвв. было свойственно не одному высокопоставленному римлянину или греку и не одной сановой матроне (уж не говоря о простолюдинах и особенно простолюдинках пёстрой греко-римской Ойкумены). И происходило это в условиях острого кризиса-декаданса староразыческого многобожия, в атмосфере модернистского богоискательства, на фоне державно оправленного Римом смещения кровей, религий, культур, страстей.

Радушный же приём, оказанный Вителлию иудеями был, в первую очередь, обусловлен отставкой ненавистного иудеям, иудейскому истэблшменту Пилата (неважно, что за самарянскую бойню), к-рый давно стоял еврейству поперёк горла. И вот то, чего не удалось добиться посредством жалобы хоть и давшему Пилату в 33г. нагоняй Тиберию (за к-рый, правда, Пилат частично отыгрался на иудеях в 34г., после линчевательского каменования ими Стефана и иерусалимско-христианского погрома), ныне достаточно неожиданно получилось благодаря (заклятым врагам иудеев) самарянам и (приятственно оказавшемуся иудофилом) Вителлию.

Дальше — больше. На радостях иудейские теократическо-иерократические верхи, вслед за отменой расположенным к еврейству легатом налога на плоды, решив не упускать момент, попросили его передать им на хранение первосвященническое облачение. «Некий» Гиркан, кто так неуклюже-сумбурно фигурирует в тексте Флавия — это (средний) сын последнего из братьев Маккавеев Симона — коварно умерщвлённого своим зятем Птолемеем в 134г. до н.э. — Иоанн Гиркан (или Гиркан I, поскольку Гирканом II-м зовётся казнённый Иродом в 30г. до н.э. один из сыновей Александра Янная и Саломии Александры), кто тогда, в отличие от отца и двух братьев (старшего и младшего), чудом избежал покушения.

Более того, он сумел вокняжиться в Иерусалиме, нося, вслед за отцом, титул этнарха (принятый Симоном в 140г.) и прокняжить итого 31 год, до 103г. до н.э.,

когда ему наследовал принявший уже титул царя сын Аристовул (103/02гг.), кому, в свою очередь, преемствовал другой сын Гиркана – Александр Яннай (102 – 75гг.) (1Макк.16; И.д. 13,7,4; 8,1) (Р.л. 350-54).

Происходя из Аронидов (колена Левия, дом Аарона), Маккавеи, повторим, правомерно (начиная с предшественника Симона, его брата – Ионафана) первосвященствовали, не имея, вместе с тем, по строгим еврейским нормам, легитимного права на ношение полагавшегося в идеале только дому-роду Давида из колена Иуды царского титула. Хотя парадокс заключался в том, что клерикально-правоверные фарисеи (издевательски) требовали от них довольствоваться именно, мол, не столь важным царским титулом, уступив первосвященство, мол, достойнейшим (чем они) представителям дома-рода Аарона, в сопринадлежности к к-рому (более или менее) лаицизированных именно с экспансиониста Гиркана Маккавеев фанатичные клерикалы высказывали необоснованные сомнения (дескать, мать Гиркана побывала в селевкидском плену и неизвестно от кого могла его там зачать). Из-за этого первым с фарисеями законфликтовал ещё Гиркан, а затем с ними люто завраждовал Яннай (Р.л. 374/75).

Но сейчас речь не о том. Праздничное архипастырское облачение (головной убор = тюрбан и риза), к-рое надевалось первосвященниками во дни трёх больших паломнических торжеств (Пасха = Песах; Пятидесятница = Шавуот; Куши = Суккот) и в Судный день (Йом-Киппур), хранилось Гирканом в прихрамовом крепостном замке Варис (Барис), впоследствии новоотстроенном и названном Иродом в честь его александрийского патрона Антонией (Т.Г. 1152-64). Там стационарировался с бг. н.э. римский гарнизон, там располагалась Претория римского префекта и именно туда утром 3.04.33г. иудеи привели на Пилатов суд Иисуса.

Сам Ирод (идумеянин-обрезанец в 3-м колене, дед к-рого, как и большинство идумеян, были завоевательно-приказным порядком обращены, вопреки протестам изоляционистов-чистокровников, в иудаизм при секуляристе-экспансионисте Гиркане I), не будучи Аронидом, никогда персонально не притязал на архипастырство.⁴⁴ И потому он больше импонировал клерикальным фарисеям, нежели секулярные-обмирщвлённые, начиная с Гиркана и особенно с кощунника Яннай, Маккавеи. Однако, став царём (по милости Рима) и (нагло) приписав себе генеалогию от Давида, Ирод, прекрасно зная-понимая, что значит для иудеев архипастырское облачение, отныне хранил его под собственным надзором в башне Антония. И оттуда оно милостиво выдавалось по праздникам первосвященникам, к-рые являлись с 34г. (год иродианского завоевания Иерусалима) назначенцами царя, назначавшимися (из числа преданных ему Аронидов) и смещавшимися по его произвольному желанию-усмотрению.

Аналогичный порядок сохранялся и при Иродовом преемнике – не царе, но этнархе (сродни Маккавеям со 140 по 103гг. до н.э.) Архелае (1 – бгг. н.э.). А после детронизации и ссылки Августом в бг. н.э. Архелая, когда Иудея превратилась в римскую провинцию, надзор за облачением в цитадели Антония перешёл к римлянам – к префекту-прокуратору и непосредственно к римскому тысяченачальнику – командиру иерусалимского гарнизона. И такое положение дел оставалось неизменным в течение 30-и лет, с 6 по 36гг. н.э., т.е. с начала прокуратуры-префектуры

⁴⁴ Причём вполне понятна склонность (как гасившего, так и державшего в узде местную верхушку и не доверявшего ей) Ирода к (менее связанным с иерусалимскими кланами) нетуземным Аронидам в первосвященстве. Достаточно вспомнить вавилонянина Ананила, первого иудейского первосвященника при Ироде в 34г. до н.э., и затем вторично (после убийства Аристовула Маккавея) с осени 33г. Или далее, после ненадолго сменившего Ананила (дата неизвестна) Иисуса б. Фавит, Ирод назначил архипастырем своего тестя (отца Мариамны II) александрийца Симона Бозета, первосвященствовавшего с 25 по 1гг. до н.э.

Копония до конца префектуры-прокуратуры Пилата, оставив к-рого, Вителлий, идя навстречу просьбе иудеев, передал тюрбан и ризу из римской Антонии на постоянное хранение аронидскому священству в храм.⁴⁵

Плюс к тому, весной 36г. он лишил первосвященства Иосифа Каиафу, назначив преемником ему Ионафа(на). Таким образом, пребыв первосвященником аж 18 лет, с 18 по 36гг., дольше, чем кто-либо иной в Ив. н.э., *великий инквизитор* Каиафа, приходившийся тестем *кашею* Анне, потерял свою должность, уступив её одному из сыновей Анны, сообразно чему, произошла не рокировка первосвященских кланов, а (всего-навсего) перестановка слагаемых внутри одного и того же клана. И всё-таки, не весь иудейский нобилитет (ряд синедриональных представителей к-рого, вероятно, пожаловался Вителлию) был доволен (иерократическо-политическим долгожилом) Каиафой

Не символично ли, не симпотматично ли, что Пилат и Каиафа были отставлены одновременно! Во многом противостоявшие друг другу антагонисты, они, тем не менее, умели находить, при необходимости, общий язык. Ведь обладавшему правом смещения-назначения иудейских архипастырей Пилату ничего не стоило заменить назначенного ещё Валерием Гратом Каиафу, к-рый Пилата, раз уж он его на протяжении 10-и лет так и не заменил, стало быть, худо-бедно устраивал. То-то они совместно отправили и возвели на крест Иисуса из Назарета, чем каждый из них обеспечил-гарантировал себе унылую Геростратову славу, позорное место и мрачное бессмертие в истории.

И в чём-то сродни Бруту с Кассием, к-рых помнят не потому, что они Брут и Кассий, но только потому, что они убили Цезаря, Пилата с Каиафой помнят и будут всегда помнить-вспоминать-поминать (недобрым словом) вовсе не столько потому, что они это – римский наместник Иудеи Понтий Пилат и иудейский первосвященник Иосиф Каиафа, сколько именно потому, что они оба, как Пилат и Каиафа, как Рим и Иудея, распяли БогоЧеловека Иисуса Христа! И пусть без Его Распятия и Воскресения нет ни веры во Христа Иисуса, ни истинного христианства, это нисколько не оправдывает богоубийц Каиафу и Пилата. Не они ли ярче-нагляднее всех прочих участников Великой Драмы персонафицируют совозвинность в деле Мистерии Голгофы всего испуленного Таинством Голгофы, всего спасённого Христом и во Христе многогрешного человечества!

Причём, если всячески желавший-стремившийся предотвратить Распятие Иисуса малодушный Пилат – виновник-преступник № 2, то нахраписто настаивавший и целеустремлённо настоявший на смертной казни Иисуса через Распятие непримиримый Каиафа, без сомнения, (в паре с *серым кардиналом* Анной) преступник-виновник № 1!

⁴⁵ Выше в «И.д.», описывая грандиозную реконструкцию храма Иродом, Флавий говорит, что Вителлий, в ответ на просьбу иудеев об облачении, сначала написал Тиберию, от к-рого и получил соответствующее разрешение (15,11,4), о чём в приведённом нами абзаце нет ни слова. Это не принципиально важно, но, думается, что решение было принято имевшим на то полномочия широкополномочным кесарским легатом Вителлием, с последующим уведомлением и санкцией-согласием Тиберия. Также в 4-м абзаце 11-й главы 15-й книги «Древностей» сообщается о нахождении облачения в ведении иудеев до кончины в 44г. Ирода Агриппы I, после чего «сирийский наместник Кассий Лонгин и наместник Иудеи Куспий Фад приказали иудеям положить это облачение в крепость Антонию», решив вернуть тем самым прежний (довителлианский) порядок. Иудеи не согласились и написали императору Клавдию, прося «оставить священную одежду в их распоряжении» (20,1,1/2), на что Клавдий согласился. Куспий Фад наместничал в Иудее, по восстановлении прокураторского вассалитета с кончиной Агриппы, в 44-46гг., а время сирийской легатуры Г.Кассия Лонгина – 45-49гг. Т.е. данная история имело место ок. 45г. (см. ниже).

ВСТРЕЧА И ВСТРЕЧИ ВИТЕЛЛИЯ И АРТАБАНА НА ЕВФРАТЕ

Следующий абзац Флавия нуждается в корректуре более основательной.

«Тем временем Тиберий отправил Вителлию письмо, в к-ром просил его заключить дружественные отношения с парфянским царём Артабаном. Император опасался его враждебных действий, так как Артабан успел овладеть Арменией и мог подать повод к значительным осложнениям. При этом император указывал на то, что лишь в том случае может доверять Артабану, если он выдаст заложников и, главным образом, в числе их своего собственного сына. Вместе с этим письмом Вителлию Тиберий отправил значительные денежные подарки царям Иберии и Албании, убеждая их немедленно начать войну с Артабаном. Цари, однако, воздержались от такой войны, но напустили на Артабана скифов, предоставив последним свободный проход через свои владения и проход Каспийский. Таким образом, Артабан вновь лишился Армении, страна парфянская стонала под ужасами войны, наиболее влиятельные лица были убиты, везде царило полное смятение, и сын самого царя пал со многими тысячами в одной из битв. Вителлий был готов умертвить старика Артабана и с этой целью за большие деньги подкупил друзей и родственников царя, но Артабан понял, что этот замысел будет приведён в исполнение, так как он окружён массой влиятельных лиц, к-рые не остановятся ни перед чем. Он ясно сознавал, что все его родственники подкуплены и лишь коварным внешним образом выказывают ему преданность, к-рая у них впоследствии немедленно изменится, когда они перейдут на сторону врагов. Поэтому он решил спастись бегством в свои горные сатрапии. Тут ему удалось впоследствии набрать большое войско из даев и саков, вступить затем в борьбу с противниками и вернуть себе власть.

При известии об этом Тиберий пожелал заключить с Артабаном дружественный союз. Получив приглашение в этом смысле, старик охотно принял предложение. Тогда Артабан и Вителлий встретились у берегов Евфрата. На реке был сооружён мост, и посередине этого моста они сошлись, сопровождаемые каждый отрядом своих телохранителей. После того как они обо всём условились, тетрарх Ирод угостил их в роскошной палатке, к-рую он с большими расходами велел для этой цели соорудить на самой середине моста. Вскоре после этого Артабан послал Тиберию в качестве заложника своего сына Дария и отправил императору богатые дары. В числе последних находился также некий иудей Елеазар, человек семи футов роста, прозванный за это Гигантом. После этого Вителлий вернулся в Антиохию, Артабан же в Вавилон.

Желая, чтобы император от него первого узнал о получении заложников, тетрарх Ирод отправил к нему посланных с письмами, где всё в было в точности донесено, так что консуляру Вителлию нечего было прибавить к этому. Когда император известил Вителлия, что он уже всё знает из донесения Ирода, Вителлий страшно рассердился, видя в этом поступке (Ирода) большее оскорбление, чем то было на самом деле. Однако он подавил в себе гнев до тех пор, пока власть не перешла к Гаю Калигуле» (И.д. 18,4,4/5).

Необходимая правилочная корректура процитированного абзаца Флавия, к-рый обычно, в рамках соотношений Тиберий – Артабан – Вителлий – Калигула, синхронизируется со Светонием (Кал. 14; Вит. 2) и с Дионом (59,27,2), точнее, с обобщительной выжимкой Ксифилина (169, 11-170, Exc. Val. 212 (p.670) из Диона, состоит, по мнению ново-новейшей учёности, в том, чтобы выяснить и уяснить следующее. Идёт ли речь о соглашении через Вителлия между Артабаном и Тиберием? или о соглашении через Вителлия между Артабаном и Калигулой? И уже в

зависимости от ответа на данный вопрос, определяется дата: либо 36-й, либо 37-й гг. н.э.

Однако такая постановка вопроса сама по себе ошибочна и ушербна, ибо т.н. учёные авторы-авторитеты, на базе сопоставления-синхронизации названных авторов-источников, твердолобо отталкиваются от того, что соглашение между римлянами и парфянами в означенное время могло быть только одно, дескать, либо (ещё) при Тиберии (не позднее 36/37гг.), либо (уже) при Калигуле (не ранее 37г.). Увы, академическим мозгачам почему-то (в к-рый раз!) не под силу допустить дуализм, т.е. изойти из того, что римско-парфянских соглашений, по урегулированию кризиса-конфликта 34 – 36/37гг., вполне могло быть два. Притом, первое из них было заключено между Вителлием и Артабаном посредством их личной встречи, при Тиберии, на излёте его правления, в 36г. А второе, опять-таки, между Вителлием и Артабаном и опять посредством личной встречи, уже в 37г., при Калигуле, в начале его правления.

При всём том, стоит лишь допустить-задействовать ничем не препятствуемый дуализм, как всё образуется, несуразности самоустраняться, мнимые несостыковки состыкуются. И откуда, спрашивается, у рационал-академическо-атеистической, по своей сути, учёности такая апологетически-несгибаемая ветхозаветная приверженность к топу в и при решении различных (требующих dua-подхода) историко-хронологических проблем?!

Впрочем, дело не исключительно в современности, но и в античных авторах, к-рые преимущественно грешат тем же недостатком упрощенческого сведения двоицы к единице, хотя у них это, в отличие от авторов сегодняшних, выглядит более объяснимо и оправданно.

К примеру, сосредоточенный, естественно, на живописании истории еврейства Флавий, в распоряжении к-рого, к тому же, дефицит информации по периоду 1 – 37 – 40гг. (так как с 1г. н.э. молчит его главный последовательный информатор по Ироду Николай Дамасский, из-за чего флавиевское повествовательное воспроизведение означенного периода обрывочно, отрывочно, разорвано), комкает и плохо, не без накладок, хронодифференцирует связанную, в частности, с римско-парфянским конфликтом ойкуменическую событийность 34 – 36/37гг.

Наряду с тем, инициированное Тиберием римско-парфянское соглашение Вителлия и Артабана интересует Флавию, прежде всего, в свете соучастия в нём галлийско-перейского тетрарха Ирода Антипы. Засим не удивительно, что Флавий обобщительно и, во многом, путано воспроизведя собственно междержавный конфликт, завершает рассказ о нём дипломатической договорённостью между Вителлием и Артабаном (после бегства Тиридата за Евфрат – к римлянам) на Евфрате, куда Вителлий прибыл в сопровождении вассального династа Антипы (и, м.б., пары других династов), не ранее осени 36г.⁴⁶

Причём это была встреча на, надо понимать, наведённом через Евфрат понтонном мосту из речных судов, согласно Флавию, посередине моста, после чего Ирод Антипа роскошно угостил знатных переговорищиков в роскошной палатке, «к-рую он с большими расходами велел для этой цели соорудить на самой середине моста».

По условиям договора, обе стороны фактически вернули геополитический

⁴⁶ Флавий не удосуживается развести события 35/36гг., равно соблюсти их последовательность, сбивая-сгребая всё в кучу, притом он не сообщает о смерти Зенона-Арташеса в 34г., игнорирует вторжение в Армению ивера Митридата в 35г., сводит двоих сыновей Артабана в Армении, Аршака и Орода, в одно, не упоминает о (первом римском ставленнике) Фраате, молчит о переходе (второго ставленника) Тиридата на левый берег Евфрата осенью 35г., о его коронации и бегстве в 36г.

статус-кво периода 18 – 34гг. Т.е. остро нуждавшийся в междержавном мире для укрепления своих позиций внутри страны тронно реставрированный Артабан при-знал буферную Армению под властью римского ставленника, на сей раз, Митридата Иверского, сферой приоритетов Рима. Плюс – вскоре отправил в Рим в качестве заложника (в залог дружбы) своего малолетнего сына Дария и, само собой, богатые дипломатические дары римскому кесарю.

А дальше Флавий фокусирует рассказ на том, что Антипа опередил Вителлия в снаряжении гонцов к Тиберию с донесением-докладом обо всём произошедшем и о достигнутых результатах, разумеется, не забыв перехвалить себя и зависить свою роль искусно дипломатического потчевателя высоких договорившихся сторон.⁴⁷ Так что из полученного Тиберием позднее Иродова послания донесения самого Вителлия (отправленного, вероятно, по возвращении с Евфрата в Антиохию, тогда как Ирод поспешил отправить гонцов тотчас по заключении договора) кесарь не почерпнул ничего нового.

И конечно, Вителлий разгневался на Ирода, когда узнал обо всём. Ещё бы! Периферийный вассал полез поперёд батьки в пекло, нарушил, в глазах римского легата, неписаную субординацию и обскакал (тоже ох как любившего польстить начальству!) экстраординарно-регионального широкополномочного кесарского наместника! Тут есть по поводу чего разгневаться, озлобиться и затаить обиду!

Мы же констатируем. Нет сомнений в том, что речь у Флавия идёт о (первом) римско-парфянском соглашении, заключённом при Тиберии, т.е., по хронореконструированному нами раскладу, не позднее осени 36г., в то время как о (втором) соглашении, при Калигуле, не ранее лета или лета/осени 37г., Флавий молчит (проглотив его за ненадобностью, поскольку в нём никто из иудеев не соучаствовал). Правда, возможно, кронпринц Дарий отправился в Рим как заложник после второго соглашения, в каком случае Флавием один из элементов второго соглашения просто, вследствие сведения двоицы к единице, приписывается первому, вернее, аккумулируется первым, что также, хотя и будучи маловероятным, теоретически не исключено.⁴⁸

Между тем, и Светоний, и Дион (по Ксифилину), в отличие от Флавия, пусть тоже сводя двоицу к единице, в большей мере говорят именно о втором соглашении – при Калигуле. «Артабан, парфянский царь, к-рый всегда открыто выражал ненависть и презрение к Тиберию, теперь сам попросил Гая о дружбе, вышел на переговоры с консульским легатом и, перейдя через Евфрат, воздал почести римским орлам, значкам легионов и изображениям Цезарей» (Кал. 14). В «Жизнеописании (кесаря 69г. Авла) Вителлия» о наместничестве в Сирии его отца Луция Вителлия читаем: «...здесь он великим своим искусством заставил Артабана, парфянского царя, не только пойти на переговоры с ним, но даже воздать почёт значкам легионов» (2).

Упрощение налицо. Да, Артабан ненавидел и презирал Тиберию, но вовсе не настолько, чтобы не пойти на переговоры с его легатом, когда от мирного соглашения с Римом зависел успех престольной реставрации Артабана. С другой же стороны, судите сами, речь у Светония в «Жизнеописании Калигулы», несомненно, идёт о римско-парфянском соглашении, с Артабаном и Вителлием в ампула переговорщиков, именно при уже воцарившемся Калигуле, когда надо было подтвердить недавнюю договорённость с Тиберием, что и произошло с интронизацией Кали-

⁴⁷ То-то Агриппа обвинит Антипу в 40г. перед Калигулой в сговоре с парфянским царём Артабаном.

⁴⁸ О парфянском заложнике в Риме, мальчике Дарии, участнике чудачеств-мудачеств Калигулы (см. ниже), свидетельствуют Светоний (Кал.19) и, приложительно к 39г. н.э., Дион (59,17).

гулы, к к-рому имевший ранее дело с его отцом Германиком (18г.) стареющий парфянский царь относился с куда большим пиететом, чем к старому козлу Тиберию. И аналогично именно второе соглашение от 37г. подтверждается в светониевском «Жизнеописании Вителлия».

А главное, если, по Флавию, встреча между Артабаном и Вителлием произошла на середине Евфрата, на наведённом через Евфрат мосту, то по Светонию, встреча (внимание!) имела место на римском берегу пограничной реки, на к-рый Артабан перешёл через Евфрат и где он воздал почести римским штандартам и изображениям Цезарей. Посему удостоверьтесь воочию: в объективе, как сказано, две доказательные, при правильном прочтении и правильной синхронизации подкорректированных античных авторов, встречи и два соглашения. Первое – при Тиберии, оптимально не позднее осени 36г.; и второе, при Калигуле, оптимально не ранее лета 37г.

Не забудем ещё и Диона, даром что от Ксифилина, где в слове об искусном легате Вителлии, с похвальбами в адрес доминантных римлян против уничтоженных парфян, обзорно, под 40-м г. н.э., говорится, что Вителлий «заставил (Артабана) прибыть на переговоры, принудил принести жертвы изображениям Августа и Гая, и заключил мир с ним, даже получив в заложники его сыновей» (59,27,2). Не совсем так, и сына, а не сыновей, но, во всяком случае, эксцерпированный Дион солидарен со Светонием относительно (второго) римско-парфянского соглашения в правление Калигулы, а не Тиберия, о римско-парфянском соглашении в конце правления к-рого сообщает именно Флавий.

И пусть последний в меньшинстве, игнорировать его информацию (о встрече на высшем уровне посередине Евфрата и о донесении Антипы, к-рый опередил Вителлия, Тиберию, и т.д.) в пользу большинства, в составе Светония и Диона, нет ни малейшего основания. Слишком много существенной специфики и специфических подробностей-деталей именно двух встреч. Т.е. соглашений, скажем ещё раз, заключённых в разные годы (36/37гг.) и при различных римских правителях (Тиберий и Калигула), было итогов два.

К тому же, интересно, что соглашению 37г., вероятно, предшествовал вызов Калигулой в Рим и заточение царя Армении Митридата Иверского (Сенека «Dial.» 9,11,12; «Ан.» 11,8; Дион 60,8,1), после чего статус Армении, правитель к-рой в 37 – 41гг. неизвестен, был – неведомо как? – новоурегулирован. М.б., страна подверглась разделению на сферы влияния: большая часть – римская, меньшая (Мигдония и Софена?) – парфянская? Или?

Так или иначе, в 38г., именно по Артабановой инициативе, Нисибин, согласно Флавию, был передан из состава армянского (либо, б.м., эдесско-осроэнского?) царства в ведение царя адиабенского (Изат), на что, стало быть, Артабан получил-имел, соотвественно условиям ближе неизвестной договорённости 37г., право (см. выше и ниже). Или Калигула заключил освобождённого и возвращённого в Армению Клавдием (следуя Диону, – в 41г.) Митридата в оковы не до, но после договорённости с Артабаном?

Кроме того, у нас есть все основания полагать следующее. Пока Ирод Антипа свитски сопровождал летом/осенью 36г. Вителлия на Евфрат, отсутствуя в своей дуалистической тетрархии, давно точивший на него зуб набатейский царь Арет IV, дочь к-рого галилейско-перейский тетрарх, сойдясь в 30г. с Иродиадой, оскорбительно пренебрёг, развязал против него блиц-войну и разбил его воинство, из-за чего, в свою очередь, на затеявшего самоуправную войну Арета весьма осерчал кесарь Тиберий.

ПОГРАНИЧНАЯ БЛИЦ-ВОЙНА МЕЖДУ ВОИНСТВАМИ АРЕТА И АНТИПЫ

О молниеносной войне воинства Арета против воинства Ирода (*in absentia*) мы не раз упоминали, в частности, производя хронореконструкцию, в наших предыдущих книгах. Ныне настал её анналистический черёд. Освежим, обновим и дополним пройденный материал, причём, поскольку с доказательно реконструированной нами хронологией читатель хорошо знаком, напомним, не обращаясь к ней специально по «И.д.» 18,5,1/2, как её основные, так и базовые моменты, самой темы-проблемы (Р.л. 888/89-91; 985-89-91; Д.И. 176-80; 1243-51; Т.Г. 191-211; 669-88/89-93).

Итак, родившийся в 19г. до н.э. Ирод Антипа (сын Ирода Ст. и самарянки Мальфаки, мл. брат родившегося в 20г. до н.э. Архелая) был с 1/2гг. н.э. женат на дочери набатейского царя (с 5г. до н.э.) Арета IV, к-рую, возможно, звали Саудат, что под вопросом, тогда как вряд ли под вопросом то, что инициатором их брака выступил сам Август. Ведь он любил связывать выгодными-полезными для сращиваемой им в единый действенный механизм и градуированный организм империи вассальных династий продуктивными династическими браками.

И наверное идея этого брачного альянса была подана Августом Антипе (с последующим августейшим обращением к Арету) летом 1г. н.э., когда кесарь утвердил в Риме последний вариант завещания Ирода Ст., делавшего Архелая этнархом Иудеи, Самарии, Идумеи; Антипу – тетрархом Галилеи и заиорданско-приаравийской Перееи; а Филиппа (сын Ирода Ст. и иерусалимлянки Клеопатры) – тетрархом Трахона и части Итуреи. Короче, Августу требовался арабо-израильский мир и означенный брак (в к-ром, насколько известно, не было детей, или они умерли в детстве) обеспечил этот межвассалитетный-пограничный мир сроком почти на 30 лет.

Тем временем, родившаяся в 13/12гг. до н.э. дочь Аристовула (сын Ирода Ст. от Хасмонеи Мариамны) и Береники (дочь сестры Ирода Ст. – Саломии), Иродиада (ст. сестра Агриппы) вышла, опять-таки, ок. 1/2гг. замуж за Ирода Боэта (сын Ирода Ст. от дочери первосвященника Симона Мариамны II), к-рый род. ок. 23/22гг. до н.э. и, являясь старшим из выживших к моменту Иродовой кончины (март 1г. н.э.) сыновей царя, после казни родителем Александра с Аристовулом (4г. до н.э.) и (сына Дориды) Антипатра (1г. н.э.), тем не менее, остался, согласно последнему царскому завещанию, безземельным.

В 19г. н.э. у Боэта и Иродиады родилась дочь Саломия – их единственный (поздний) ребёнок (о др. детях никаких сведений нет). Далее, не позднее 23г. н.э. Ирод Боэт умер, притом, вероятно, они (не имея палестинского удела) с Иродиадой нередко бывали или жила в Риме, так как, по всему, Иродиада успела приобрести к либерально-светской столичной жизни.⁴⁹

Затем, повдовствовав-отвдовствовав ок. 2/3-х лет, она ок. 25/26гг. вышла замуж за трахонского тетрарха Филиппа, сводного брата Ирода Боэта (и Ирода Антипы), т.е. речь идёт о вполне законном левиратном браке, согласно Втор.25,5, ибо у Иродиады не было сыновей от Боэта (в то время, как, например, этнарх Архелай женился ок. 5г. н.э. на вдове своего сводного брата – сына Хасмонеи Мариамны, Александра, Глафире Каппадокийской, имевшей от Александра двоих сыновей, противозаконно).

⁴⁹ В «И.д.» 18,6,1, где сказано «Незадолго до смерти (царя) Ирода (Великого) Агриппа жил в Риме...» (только в русском переводе Г.Генкеля слова «царя» и «Великого» отсебятински домыслены-додуманы, между тем как манускрипты «Древностей» и их европереводы говорят о смерти неведомо какого Ирода, оставляя вопрос открытым), речь идёт никак не об Ироде I, но об Ироде Боэте, незадолго до смерти к-рого в 23г. н.э. Агриппа, кто, родившись в 10г. до н.э., до кончины своего деда Ирода I в 1г. н.э. в Риме попросту не бывал, не в первый раз приехал-наведаясь в Рим (Р.л. 985-87).

Позднее же, в 30г. н.э., Иродиада безразводно ушла от тетрарха Филиппа к тетрарху Антипе, что, будучи, по иудейским нормам, согласно к-рым развод мог исходить только от мужа, категорически незаконно, подверглось нареканиям и гневному осуждению со стороны пришедшего, в частности, *восстановить чистоту брачных уз в Израиле* Иоанна Предтечи-Крестителя. При всём том, условием ухода Иродиады к Антипе стало с её стороны требование к нему прогнать от себя дочь Арета, с кем внучка Мариамны и Саломии делить своего нового избранника не собиралась.

В результате эвентуальная Саудат подалась к отцу в Аравию, к-рый с тех пор завраждовал с Иродом, не могучи простить ему оскорбление дочери и ожидая благоприятного случая для мести. А клеймивший брачный мезальянс Предтеча подвергся, по наущению Иродиады, в конце декабря 30г. н.э., взятию под стражу и заточению, к-рое продлилось итого 15 месяцев и закончилось казнью-обезглавлением Иоанна (голову к-рого дочь Иродиады, плясунья Саломия, испросила у Ирода и поднесла на блюде своей матери) в день 1 нисана 32г. в цитадели Махэрус (на границе с Аравией) (Т.Г. 669-93).

Осенью того же года венценосные Иродиане помирились. Ок. 48/49-летний тетрарх Филипп дал, наконец, официальный развод Иродиаде, женив взамен 13-летнюю отроковицу-девицу Саломию. Но набатей Арет, по-прежнему, не получив сатисфакцию, продолжал терпеливо выжидать.

И вот в 36г. он счёл, что возможность представилась. Если, сообразно Флавия, войска обоих династов сражались на границах Гамалитиды в их отсутствие, то в «Д.И.» мы уже высказали предположение о времени этой молниеносной пограничной войны в дни, когда Ирод сопровождал летом/осенью 36г. Вителлия в его поездке для встречи с Артабаном на Евфрат. Именно этим, т.е. как отсутствием в Антиохии римского легата, так и отсутствием в Тивериаде галилейско-перейского тетрарха, царь набатеев, несмотря на огромный риск для себя, наверняка зная, как разгневется, узнав о подзапретной римским вассалам междусобойной войне Тиберий, всё-таки, решил рискованно воспользоваться.⁵⁰

Помимо того, напомним, по рассказу Флавия, к Арету перебежали бывшие подданные тетрарха Филиппа, в т.ч., военные, между тем как сам Филипп незадолго до того, после 1 нисана, весной/летом 36г. скончался, а его тетрархия была присоединена к Сирии, с сохранением, однако, за ней её доходов (И.д. 18,4,6) (Р.л. 887-92»; Д.И. 1251-54) (см. выше). Иначе говоря, данное решение было временным, с оставлением-предоставлением стариком Тиберием окончательного решения своему преемнику. Сходно, он не назначил преемников также умершим в 36г. Лисанию Авилинейскому или Пифодориде Понтийской. К чему спешить, нехай, дескать, завтра у Калигулы голова болит.

Плюс к тому, Антипа с Иродиадой, явно рассчитывали, ввиду хорошего отношения Тиберия к Антипе, на тетрархию Филиппа, тем более, при учёте брака последнего с Саломией. И м.б., их ожидания оправдались бы не будь конфликта между Антипой и Аретом, о к-ром Тиберию было прекрасно известно, и потому он поостерёгся принимать какие-либо усугубительные решения, тем паче, что, видимо, как Антипа, так и Арет притязали на часть Филипповых владений, в т.ч., на Гамалитиду или Галаад. Т.е. Тиберий заморозил ситуацию, не предусмотрев степени обиды и соответствующей милитантной дерзости-резвости Арета, на к-рую тотчас, проинформированный о ней, резкоотреагировал.⁵¹

⁵⁰ Не предрекли ли Арету компетентные провидцы-предсказатели, что доживающий свой век старче Тиберий не успеет его за эту самовольную молниеносную войну наказать? (см. ниже)

⁵¹ Вспомним про гнев Августа и опалу Ирода I с весны/лета 6-го по осень 5гг. до н.э., после того как Ирод учинил в 7/6гг. «шестидневную войну» (3 дня туда, 3 дня обратно),

Засим прибывший осенью 36г. гоголем в свою тетрархию после встречи Вителлия с Артабаном, в к-рой ему довелось активно поучаствовать, Антипа нашёл положение дел после устроенного воинством Арета разгрома его воинства плачевным. Он сразу письменно нажаловался кесарю, в ответ на что Вителлий получил письменное распоряжение примерно наказать царя набатеев, прислав, как сказано, Тиберию либо его самого в цепях, либо его голову.

А то, что дело с письмом Ирода кесарю и кесарским приказом Вителлию происходило осенью/зимой 36/37гг. однозначно подтверждается выступлением Вителлия в поход из Антиохии по весне 37г. н.э., с достижением им Палестины, где сирийский легат узнал о смерти Тиберия, в связи с чем дальше в Аравию римское войско, уйдя назад в Сирию, в ожидании приказов от нового кесаря, не пошло.

Впрочем, об этом мы побеседуем ниже, анналистически, уже под 37г. н.э. Сейчас же, в заключение, повторим (см. «Р.л.», «Д.И.», «Т.Г.»), что довольно плохо информированный Флавий и тут, в отношении вышерассказанного, комкает события, неуклюже сбивая уход дочери Арета к отцу, из-за мезальянса Ирод – Иродиада, – 30г., казнь Иоанна Крестителя – 32г., и войну между войсками Арета и Антипы – 36г., в одну хрононедифференцированную кучу-малу, из к-рой вполне может создаваться (и создаётся) грубо ошибочное впечатление о местонахождении перечисленных событий в пределах сроков ок. максимум двух лет.

Однако, при доказательно-детальной хронореконструкции и исправлении там, где надо, путаника Флавия, безошибочно выясняется-устанавливается, что речь должно вести о событийности 30 – 36гг. н.э., и двух мнений здесь быть не может. Точка.

ПРЕБЫВАНИЕ АГРИППЫ ПРИ ДВОРЕ ТИБЕРИЯ И ЕГО ЗАТОЧЕНИЕ

Мы расстались с Иродом Агриппой в 35г. н.э., когда он, после сиро-палестинско-египетских мытарств-приключений 33/34гг. и прибытия в Италию (Путеоли) к концу 34г., был принят при императорском дворе на Капри, затем погасил свой долг казне благодаря Антонию, и вернув благорасположение Тиберия, сблизился в 35г. с Калигулой, хотя Тиберий поручил ему заботиться о своём родном внуке – Гемелле (И.д. 18,6,4). Но не лыком шитый пройдоха, кроме того, общительный и умевший располагать к себе людей, Агриппа знал, на кого ставить, ибо у Гемелла не было в перспективе шансов ни обскакать Калигулу, ни выжить верхом на одном Боливаре вдвоём с Калигулой.

Причём ошибочная информация-скороговорка Флавия в предыдущей гл. 5 о том, что Агриппа прибыл в Италию за (якобы всего) год до смерти Тиберия (18,5,3) косвенно присовокупляется им в гл. 6 к году военного столкновения Антипа – Арет (гл. 5), к году заключения Вителлием, при Тиберии, мира с Артабаном (гл. 4), к году смещения Пилата и Каиафы (гл. 4). Из этого явствует, что Флавию неведома хронология прибытия Агриппы в Италию, к-рую он искусственно хроноподогнал под означенные события и неправильно вычислил в сочетании с данными о шестимесячном тюремном заключении Агриппы, продлившемся до смерти Тиберия.⁵²

вторгшись в пределы Nabatei, т.к. подстрекаемые набатейским везирем Силлеем разбойники грабили Иродовы трахонские владения, находя убежище в Аравии (Р.л. 616-22; 631-35).

⁵² Наряду с тем, в 18,4,6 Флавий, поведав перед тем в 18,2,4 о различных событиях 36г., ошибочно датирует, неестественно отскакивая на пару лет назад, смерть тетрарха Филиппа 20-м вместо 22-го года правления Тиберия, т.е. 34-м вместо 36-го гг. н.э. А в 18,5,2, рассказав о войне Антипы и Арета (18,5,1), Флавиана связывает её с Господним наказанием, по мнению некоторых иудеев, Ироду за убиение Иоанна Крестителя, касаемо чего может сложиться (и у

Т.е., по Флавию, если Агриппа находился в заточении ок. полугодом, с осени 36-го по весну 37г., значит, он, дескать, очень даже мог прибыть в Италию и, мол, прибыл весной 36г., т.е. за ок. полугодом до своего заточения.⁵³

Но это не так, поскольку Агриппа прибыл в Италию не позднее, как мы выяснили, конца 34г. (или теоретически – максимум – весной 35г.) и завёл-повёл тут, на Капри или на материке, в зависимости от того, где обретался (в основном при Тиберии) Калигула, расточительную дружбу с ним, специально сделав для тратратрат на него заём в миллион сестерций (у императорского вольноотпущенника самарянина Фалла), в течение 35/36гг. н.э., когда ему и удалось (далеко не в одночасье) достичь, как пишет Флавий, на Гая «особенно значительного влияния» (18,6,4). Именно так и никак иначе воспроизводится, при её единственно верной реконструкции, придворная каприйско-италийская хронология Агриппы (что доказано и наглядно показано нами читателю в предыдущих книгах).

«Между тем дружба между Агриппой и Гаем всё росла. Когда они однажды вместе выехали на прогулку, у них зашла речь о Тиверии, и, так как они были одни, Агриппа выразил желание, чтобы Тиверий поскорее умер и предоставил тем самым власть Гаю как наиболее достойному во всех отношениях. Это услышал Евтих, вольноотпущенник и возница Агриппы. Впрочем, пока он молчал об этом. Впоследствии Агриппа совершенно основательно обвинил этого вольноотпущенника в похищении у него плаща. Евтих бежал, но будучи пойман, был приведён к городскому префекту Пизону. Когда последний спросил его о причине бегства, Евтих отвечал ему, что необходимо сделать императору сообщение, касающееся безопасности его личности. Поэтому Пизон велел связать его и отправить на Капрею. Тиверий, по своей привычке, оставил его в оковах и не торопился с допросом, потому что был вообще наиболее медлительным государем. Так, например, он никогда не принимал посольств тотчас по их прибытии и не смещал военачальников и наместников до их смерти. Так же медленно происходил и допрос арестантов...» (18,6,5)

Опустим дальнейшую часть флавиевского рассказа о медлительности Тиберия, к-рая не раз разбиралась нами в «Р.л.», «Д.И.» и «Т.Г.». Да, Тиберий был человеком-римлянином и политиком медленных-медлительных челюстей, что объясняется как его натурой, его темпераментом, так и возрастом к моменту становления принципсом-кесарем – 55 лет. И правил он до аж 78-го года жизни, соответственно чему, эта и без того присущая ему стратегическая-тактическая медлительность, в вопросах долгого оставления на постах и редкой смены наместников, приёма посольств, допроса арестантов, решения судеб «замороженных» вассалитетов (тетрархии Филиппа, или Лисания, или царство Понтийское) и т.д., с годами прогрессировала.

многих складывается) впечатление, что это убийство произошло накануне названной блицвойны, к-рая имела место в 36г., тогда как Иоанна Антипа казнил 31.03.32г., в то время как отринутая Антипой дочь Арета подалась к отцу, повторим, в 30г. н.э.

И нет, несмотря на ущербно-повествовательную флавиевскую перспективу, ничего невероятного ни в мнении иудеев, по поводу обрушившейся на Антипу Господней кары спустя *всего* 4 года после казни Антипой выдающегося мужа Иоанна, ни в мести Арета за поправленную честь дочери спустя 6 лет от мезальянса Антипа – Иродиада, когда соответствующий случай наказать Антипу Арету, по его разумению, представился.

⁵³ Между прочим, ниже в «И.д.» 18,5,3 говорится о печальной судьбе потомства Ирода I, к-рое вымерло «в течение столетнего периода». Любопытно, что от смерти в 1г. н.э. Ирода I до кончины, на 3-м году Траяна (кесаря с января 98г.), в 100г. н.э. последнего из венценосных Иродиян Агриппы II, действительно, 100 или почти 100 лет (т.к. Ирод умер не ранее и не позднее весны 1г. н.э., а Агриппа II – ок. 100г. н.э.). Может быть, доживший до начала II в. н.э. Флавий делал последнюю правку «Древностей» после 100г.? или под «столетним периодом» приблизительное вековое округление?

При этом он никогда не выпускал управительские рычаги или нити из крепких даже старческих рук, а после падения Сеяна, не полагаясь больше ни на кого, сделался скрупулёзнее, осторожнее и внимательнее вдвойне. И всё это при том, что с 34г. как он сам, так и его интерес к делам правления-управления и ко всему остальному медленно-медлительно, по старости, вместе с ним, угасали. Старость — не радость.

В 36г. нечистый на руку вольноотпущенник и возница Евтих услышал-подслушал неосторожные славословия Агриппы, обращённые к Гаю, с к-рым Агриппа соблажнически сходилась всё теснее, и, естественно, утаил до поры компромат на хозяина про себя. Позднее же возымела место банальная кража Евтихом у щёголя Агриппы, видимо, дорогостоящего плаща, обвинение в адрес Евтиха, бегство последнего с Капри в миллионный Рим, где вроде бы можно было скрыться-затеряться, поимка вора и допрос у городского префекта Пизона, в отношении к-рого важно усвоить следующее.

Речь идёт о сыне визави Германика Гн.Кальпурния Пизона (+ 20г.), к-рый, т.е. сын, был вынужден предписательно сменить в 20г. отцовское имя Гней на Луций. В 17 — 19гг. он обретался (непричастный к сирийской легатуре отца, в отличие от находившегося при отце брата Марка) в Риме, на что его (покончивший самоубийством) отец специально указал, прося Тиберию позаботиться о сыне, в предсмертном письме. Тиберий слово сдержал, мало того, он особо благоволил к этому Пизону Minor, ставшему в 27г. консулом-орд. (Д.И. 1049) и назначенному в 36г., после кончины Косса Корнелия Лентула (конс. 1г. до н.э.), сменившего в 33г. Элия Ламию, префектом Urbi.

И именно этот сравнительно молодой Пизон, но не также близкий Тиберию (предшественник Э.Ламия) Л.К.Пизон Понтифик Фруги (из другой ветви Кальпурниев Pisoni), бывший префектом Urbi в 12 — 32г. и удостоенный гос. погребения, два дня объедался и пьянствовал с занятым «исправлением нравов» каприйским Тиберием в 36г. перед облечением городской префектуры, о чём сообщает Светоний (Тиб. 42) (Р.л. 1272-74; Т.Г. 1020-25).⁵⁴

Таким образом, подстражно отправленный Пизоном на Капри Евтих, к-рый перед лицом неотвратимого наказания, решил теперь задействовать против Агриппы присасённый компромат, долго не мог добиться тиберианского допроса, оставаясь-томясь в темнице. Дело в том, что битый-проницательный, и, по всей видимости, ещё и проинформированный, в какой-то, если не в полной мере, о сути дела Макроном Тиберий знал или безошибочно догадывался, в чём фишка, отчего и не спешил допрашивать Евтиха. Ведь Агриппа был протеже опекавшей его Антонии, очень близкой Тиберию вдовы Друза, матери Германика и бабки Калигулы, к-рую Тиберий не хотел огорчать, что, волей-неволей, пришлось бы сделать, при изобличении деликта, с последующим заточением Агриппы.

И вот, пока Евтих томился в тюрьме, кесарь переправился, надо полагать, в течение лета 36г., с Капри на материк и временно осел, глядя отсюда на табуированный им для себя Рим, в Тускуле⁵⁵ (к-рый находился в ста стадиях от Рима), о

⁵⁴ И хотя Пизон Понтифик (консул 15г. до н.э.) тоже, близкий к Тиберию, вполне мог объедался и пьянствовать с кесарем, что они, можно предположить, не раз делали, но речь у Светония, применительно к назначению Пизона (не Понтифика) городским префектом, несомненно, идёт о назначении 36-го г., т.к. Пизон Понтифик облёк городскую префектуру в 12г. н.э., ещё при Августе, т.е. назначенный Августом, очень возможно, по рекомендации (мл. Августова сокедаря с 12г.) Тиберию, но явно не после двухдневного-двухночного сабантуйства, отнюдь не к-рого — в объективе однозначно назначение, произведённое в пору правления Тиберию кесаря (с 14г. н.э.), более того — в пору Тиберию каприйского периода (с 26/27г.).

⁵⁵ Тускуланум, или Тускул — соединённый с Римом дорогой *via Latina* город в Лациуме, в Альбанских горах, в кальдере потухшего вулкана, на высоте 670-и м над уровнем моря, откуда

чём свидетельствует Флавий (18,6,6), информация к-рого является, к слову, единственным свидетельством о кесаревом оставлении острова сирен в 36г. н.э.

Да, Агриппа ставил на восходящее *солнце* Калигулы, полный восход к-рого был напрямую связан с полным заходом = с летальным исходом *солнца* Тиберия (игнорируя при этом заведомо безвосходное *солнце* несчастного Гемелла) и имел на то, по мнению Тиберия (к-рый именно такую метафорическую ставку на выигрышное светило вменит позже не кому иному как Макрону) (см. ниже), право, однако, не во всеуслышание, что, в случае официального изобличения-разоблачения, подлежало суровому наказанию. Но Агриппа, тем не менее, по собственной, можно сказать, глупости, продолжал через Антонию настаивать на допросе кесарем Евтиха, при всех случаях, опасаясь чреватой самыми губительными последствиями опалы со стороны подозрительного кесаря, и, вероятно, полагая, что сумеет выйти (за счёт поддержки Антонии) сухим из воды, снова обретя благорасположение изменившегося к нему в последнее время императора, тогда как Евтих будет (и за воровство, и главное, за т.н. клевету) строго наказан.

В конце концов, матёрый волчара Тиберий, зная, чем всё обернётся, уступил настояниям Антонии, предупредив её о последствиях и велел Макрону доставить к нему для допроса из (каприйской) темницы (в Тускуланум) Евтиха, вследствие чего после этого допроса (без пристрастия) Макрон получил приказ наложить на (отсутствующего) Агриппу оковы. Притом не очень внятно прозвучавшее распоряжение (хитрована Тиберия) показалось преторианскому префекту настолько невероятным (из чего, в частности, выводится степень близости Агриппы к особо приближённым персонам), что оно не было выполнено. Потом Тиберию довелось встретиться-увидеть Агриппу на ипподроме, удивиться и отчётливо-внятно повторить недавно отданный Макрону приказ.

Поняв, насколько дело табак, Агриппа перестал во всём обвинять Евтиха и взмолился о помиловании, слёзно напомнив, что дружил с Тибериевым сыном Друзом, более того, поимел широкую совесть вменить себе в заслугу попечительство о юном Тиберии Гемелле (к-рому уже порядком раньше предпочёл Калигулу). Разумеется, ничего не помогло, ибо лучше было бы ему (как и советовал через Антонию Тиберий) держать язык за зубами и не настаивать на разбирательстве, чтобы не нарваться и не накрыться медным тазом. А теперь, как говорится, назвался груздем, полезай в кузов. Из Тускула деликвента в пурпуровом плаще доставили в Рим, где заключили в военную тюрьму. И случилось это, судя по флавиевским словам о его шестимесячном заключении, продлившемся до кончины Тиберия (18,6,7) в середине марта 37г., где-то летом/осенью, или в начале осени 36г. н.э.⁵⁶

открывался великолепный вид на Рим. Наравне с Тибуром – местонахождение многих богатых вил, на одной из к-рых Цицерон написал свои знаменитые «Тускуланские беседы».

⁵⁶ Ниже в «И.д.» 18,6,6 Флавий рассказывает, как некий сердобольный раб Калигулы Фаумаст напоил водой едва взятого в оковы Агриппу, к-рого нестерпимо мучила после обильного обеденного винопития жажда, и как впоследствии благодарный Агриппа добился у ставшего императором Гая, к-рый тотчас освободил его из заточения, вольной для этого Фаумаста, плюс сделал его своим личным управляющим и передал перед собственной кончиной заботу о нём своим детям – сыну Агриппе (II) и дочери Беренике. Далее, в 18,6,7, приводится похожая на агриппианскую псевдомифологию история внезапно слетевшего на дерево, когда Агриппа в числе др. арестантов стоял перед императорским дворцом, филина, увидев к-рого некий арестант-германец предсказал Агриппе скорое освобождение из цепей, равно «достижение величайшего почёта и власти», однако, одновременно напророчил ему смерть через 5 дней после второго появления в его жизни столь предзнаменовательного филина. Так, мол, оно в дальнейшем и случилось, пусть даже Агриппа счёл поначалу предсказание германца смешным.

К месту добавить, что как раз начиная с правления Калигулы, освобождения из оков и

Впрочем, условия заточения были, заботами-попечительством Антонии, достаточно сносными-привилегированными-мягкими, и казнить этого горе-узника Тиберий – ради Антонии и Калигулы (к-рый, кстати, перед лицом постигшего Агриппу несчастья, похоже, трусовато нырнул, не походя тайствовав за друга, под подол родной бабки) – явно не собирался (И.д. 18,5-7) (Д.И. 1247).

ПОЖАР НА АВЕНТИНЕ

«Тот же год поразил Рим ужасным пожаром: выгорела часть цирка, примыкающая к Авентинскому холму, и все строения на Авентинском холме. Уплатив владельцам сгоревших усадеб и доходных домов их полную стоимость, Цезарь обратил это несчастье себе во славу. Эти щедроты обошлись в 100 млн. сестерциев и встретили в простом народе тем большее одобрение, что для себя принцепс строил очень умеренно и даже в общественном строительстве ограничился возведением лишь двух зданий: храма Августу и сцены в театре Помпея; да и то, когда их постройка была закончена, он уклонился от их освящения, то ли из презрения к пышным обрядам, то ли по старости. Для определения понесённых каждым домовладельцем убытков были избраны мужья четырёх внуков Цезаря – Гней Домиций, Кассий Лонгин, Марк Виниций, Рубеллий Бланд, и к ним добавлен по назначению консулов Публий Петроний. Кроме того, были определены почести принцепсу, придуманные каждым по своему разумению; какие из них были им отвергнуты, а какие приняты, осталось неизвестным, так как вскоре после этого он скончался...» (Ан. 6,45)

Судя по упоминанию Тацитом в конце 45-го абзаца 6-й кн. «Ан.» факта кончины Тиберия – «вскоре после этого», да и согласно общей композиции анналистического повествования, это пожарищное событие на Авентине имело место не ранее осени 36г. н.э.

Авентин – один из 7-и, последний при их классическом перечислении, римских холмов внутри охватной Сервиевой стены длиной 11,5 км, в составе Палатина, Капитолия, Квиринала, Виминала, Эсквилина, Целия и Авентина (Р.л. 1399/1400; Д.И. 1052-55). Этимология его наименования до сих пор спорна. Если по одной из мифологических версий, Авентином звали сына Геркулеса и Реи Сильвии (дочери или пра-пра...внучки Энея), спутника короля Турна, то по версии другой – Авентунис – имя погибшего от удара молнии короля Альбы. Или название досталось холму от птиц, к-рые, по преданию, указали Рэму путь к ручью. Или Aventinus в переводе означает «собрание», так как здесь местные жители собирались на праздники.

На Авентине были, по преданию, погребены Рэм и (в определённом смысле заменивший Рэма – заступивший на место убитого Ромулом брата-близнеца – соправитель, в течение 4/5-и лет, Ромула) сабинянин Тит Таций, к-рый пришёл отомстить за похищение сабинянок, но примирился с римлянами и переселился со своими сабинянами в Рим, где учредил культы Януса, Квирина и Януса Квирина, став также тестем Нумы Помпилия и тайственным сакрализатором Рима до Нумы.

С 456г. до н.э., в процессе противостояния базировавшихся на Палатине патрициев плебей (V/IVвв.), Авентинский холм (куда плебеи, положение к-рых с

воцарения Калигулой Агриппы в 37г., особенно же со времени царствования последнего в 41-44гг., при Клавдии, в Иерусалиме, над всей Иудеей (в приблизительных границах царства Ирода I), родившийся в 37г. иерусалимлянин Флавий, кто, без сомнения, в детстве лично видел и запомнил царственного Агриппу, становится на порядок информированнее, располагая по данному и последующему времени-периоду как большим кол-вом источников, так и уже личных воспоминаний-впечатлений.

падением римского царизма в 510/09гг., резко ухудшилось, демонстративно удалялись, разобидевшись на патрициат) был предоставлен плебсу для заселения. И дальше считался весь античный период плебейским кварталом⁵⁷, образовав в 7г. до н.э., при административно новообустроившем столицу Августе, 13-й округ-район (поделённого ещё и на 265 кварталов) Рима (Р.л. 580), целиком-полностью втянутый-интегрированный в черту Померия лишь при Клавдии.

На холме было много храмов, посвящённых богам-покровителям бедняков — Меркурия, Дианы, Юноны, Флоры, Вертумна, и тесная жилая застройка. Здесь жил поэт Энний (III/IIвв. до н.э.) и многие плебейские роды, в т.ч., Семпронии Гракхи. В долине-лощине между тянувшимся вдоль Тибра складочным для хлеба и леса Авентином и патрицианским Палатином (к-рый с IV до н.э. сделался *императорским* в противовес *республиканскому* Капитолию) располагался Circus Maximus, на ипподроме к-рого могли одновременно соревноваться 12 колесниц и к-рый (воздвигнутый на месте Похищения сабинянок) таинственно воспроизводил-отзеркаливал строение-архитектуру звёздной вселенной.

Но если относительно Большого цирка, при пожаре 36г., выгорела только его часть, примыкавшая к Авентинскому холму, то остальные строения холма выгорели, согласно Тациту, полностью. И это было не единственное пожарищное бедствие в правление Тиберия, поскольку в 27г., т.е. в год обрушения унесшего то ли 20 (Светоний «Тиб» 40), то ли аж 50 (Тацит «Ан.» 4,62/63) тыс. жизней амфитеатра в Фиденгах, случился ещё и пожар на Целиевом холме, к-рый, по Тациту (Ан. 4,64), сходно Авентину в 36г., выгорел тогда весь.

И если, согласно слову Тацита, Тиберий покрыл ущерб от пожара 27г. «раздачей денег в размере нанесённых каждому убытков», то следуя Светонию, «он возместил убытки нескольким владельцам доходных домов на Целийском холме, сгоревших при пожаре», плюс к тому, поставил содеянное себе «в такую заслугу, что приказал переименовать Целийский холм в Августов» (Тиб. 48). Однако, Светоний говорит об этом, рисуя портрет порочного скупердя Тиберия, оказавшего-де благотворительность народу всего дважды — после пожара 27г. (мол, благодеяние с изъяном) и в дни финансового кризиса 33г. (без изъяна). Следовательно, согласимся в данном пункте с гиперкритичным в отношении к Тиберию Тацитом. Коли уж Тацит отдаёт ему в чём-то должное, значит, и вправду, есть за что. Вдобавок к тому, сенатская

⁵⁷ Поговорим о Риме — дивный град!
Он утвердился купола победой,
Послушаем Апостольское Credo:
Несётся пыль и радуги висят.

На Авентине вечно ждут царя —
Двунадесятых праздников кануны, —
И строго канонические луны —
Двенадцать слуг его календаря.

На дольный мир бросает пепел бурый
Над Форумом огромная луна,
И голова моя обнажена —
О, холод католической тонзуры!
(Мандельштам)

Обиженно уходят на холмы,
Как Римом недовольные плебеи,
Старухи-овцы — чёрные халдеи,
Исчадьё ночи в капюшонах тьмы.

Их тысячи — передвигают все,
Как жёрдочки, мохнатые колени,
Трясутся и бегут в курчавой пене,
Как жеребья в огромном колесе.

Им нужен царь и чёрный Авентин,
Овечий Рим с его семьёю холмами,
Собачий лай, костёр под небесами
И горький дым жилища и овин.

На них кустарник двинулся стеной
И побежали воинов палатки,
Они идут в священном беспорядке.
Висит руно тяжёлою волной.
(Мандельштам)

инициатива с переименованием холма была вызвана, по Тациту, чудесно-единственно пощаждённой пожаром тиберианской статуей в доме сенатора Юния.

По поводу же сравнения с финансовым кризисом 33г., – верно, ибо в 36г., при пожаре, Тиберий оказал благотворительность Риму – государству, городу, согражданам – в том же гигантском размере, как и в пору преодоления финансового кризиса. Речь идёт о суммах в 100 млн. сестерций, выделенных, в обоих случаях, из императорской казны. И уж тут-то упрекать бережливого-тороватого-скуповатого Тиберия не в чем, тем более, что для себя, как говорит Тацит, он строил (несколько расширив Палатинский императорский дворец-комплекс) очень умеренно.

Помимо того, и общественное строительство при Тиберии, в отличие от принявшего Рим деревянным, а оставившего его мраморным Августа (как выражался сам Август), велось очень ограниченно. Светоний даже (относительно упоминаемых Тацитом строительных объектов) в «Жизнеописании Тиберия» пишет, что «за время своего правления он не выстроил никаких великолепных зданий – даже начав постройку храма Августа и восстановление театра Помпея, он за столько лет не довёл их до конца» (47).

Воздвигнутый Тиберием храм Августа освятит в первый год своего правления Калигула, тогда как относительно театра Помпея, в объективе пожар 22г., при тушении к-рого особо отличился превознесённый принцепсом похвалами в сенате Сеян (Ан. 3,72), и к-рый, с сенатским постановлением поставить в нём статую Сеяна, взялся восстановить на свои средства Тиберий (Д.И. 604-06). И то, и другое было к концу тиберианского правления сделано, или почти сделано, но усталый кесарь уклонился от церемонии освящения как вследствие презрения к пышным обрядам, так и по сделавшей его равнодушным ко всем подобным мероприятиям-процедурам старости.

И вообще он не был ни приверженцем расточительных построек, ни любителем затратных зрелищ (сокращение затрат на к-рые, само собой, не могло прибавить ему популярности у жадного до хлеба и зрелищ народа), ни щедрым благотворителем без всяких поводов, проводя везде, где представлялось возможным, режим жёсткой экономии на всём, на чём ограничительно можно и нужно сэкономить – как в Центре, так и на периферии. То-то после него в императорском фиске скопился очень быстро растраниженный Калигулой грандиозный денежный запас в 2,7 млрд. сестерциев. Посему «на деньги – как выражается Светоний (Тиб. 46) в упрёк Тиберию – он был бережлив и скуп» отнюдь не во вред, но на пользу государству.

С него хватало интенсивного полезно-необходимого строительства на пост-пожарищном Целии и 200 млн. вспомоществовательных сестерциев, выделенных целевым порядком на весьма насущные, кризисные и пожарищные, нужды, соответственно, в 33 и 36гг. Незачем понапрасну сорить деньгами. Правда, не забудем о конфискованном имуществе и состоянии «врагов народа», за счёт к-рых императорская казна регулярно пополнялась. Да не оскудеет рука дающего властителя, особенно, когда не оскудевает число его подлежащих репрессиям богатых подданных-сограждан!

С др. стороны, перед лицом почтенно-возрастного 77-летия кесаря-принцепса, для определения понесённых домовладельцами-погорельцами убытков, не случайно была создана специальная гос. комиссия из репрезентантов именно кесарского, в большинстве, за исключением П.Петрония, дома Augustana-Tiberiana. На повестке дня мужа трёх дочерей Германика (Друзовича) и муж дочери Друза (Тибериевича), выданных замуж, первая – в 28, остальные – в 33гг. (см. выше).

Т.е. перед нами три внучатые племянницы, или внучки (по Германикову усыновлению Тиберием) Тиберия, плюс его родная внучка – Юлия. Напомним, Гн.Домиций (конс.-орд. 32г.) был мужем старшей Германиковны – Агриппины, Л.Кассий

Лонгин (конс.-орд. 30г.) — средней Германиковны — Друзиллы, М.Виниций (конс.-орд. 30г.) — младшей Германиковны — Юлии, в то время как Юлия Друзовна замужествовала за незнатным (потомственным всадником из Тибура) Рубеллием Бландом (конс.-суф. 18г.). П.Петроний непосредственно к кесарскому клану-синдикату не сопринадлежал, но видным нобилем являлся.⁵⁸ Т.е. на 4-х членов императорского клана-синдиката один член сенаторского нобилитета это, в смысле реального отображения соотношения сил, как раз то, что надо.⁵⁹

Важнее следующее. Если потомство Германика выставлялось в лице младших сестёр наследника де-факто № 1 Калигулы на первый план, то потомство Друза в лице старшей сестры наследника де-факто № 2 Тиберия Гемелла было явно, при, само собой, юридически равноправном дуализме престолонаследников, отодвинуто на план задний. Германиковичи доминировали-превалировали над Друзовичами. Такого расклада требовал беспощадный «государственный резон», и тут, извините, ничего не попишешь. Адоптивный Тиберий Августович служил государству адоптивного Августа Цезаревича, отлично от к-рых, он был не творцом, но блюстителем-держателем созданного-сотворённого ими, Цезарем и Августом, и, всего-навсего, немного откорректированного-отполированного им цезариата-принципата.

Вместе с тем, в последние сумеречные тиберианские годы старик-кесарь всё чаще вспоминал о слабосильном Клавдии, наследнике в третью очередь, кому, тем не менее, б.м., придётся-доведётся, коли молодой Калигула и юнец Гемелл ненадолго переживут зажившегося Тиберия, возглавить державу. Бедный римский народ! но, увы, выбирать не из кого: фамильно-клановые престолонаследники в остром дефиците, а Тиберий и думать не смел ломать-взламывать кланово-престолонаследственный принцип-порядок, завещанный ему Августом. Повторяем, время адоптивных кесарей системно возвысившегося над персональным *золотым веком* Августа (юлианско-клавдианские преемники к-рого скатились каждый до своего персонального и общего *полувека ржаво-железного*) *золотого века* эпохи Антонинов ещё не наступило!

⁵⁸ Консул-суф. 19г. н.э. П.Петроний (Д.И. 145) был внуком ходившего походами в мероитскую Нубию (23/22гг.) префекта Египта Г.Петрония (23-20гг.) и сыном П.Петрония Турпилиана — триумвира-*monetalis*, на монетах к-рого, отчеканенных в 20г. до н.э., изображены, в связи с возвращением Августу Фраатом IV-м римских трофейных знамён (армии Красса) и воцарением в Армении (усилиями Тиберия) римского ставленника Тиграна III (20-8гг. до н.э.), коленопреклонённые перед римскими штандартами парфянин и армянин. Имя тёщи интересующего нас Петрония (брата Г.Петрония — консула-суф. 25г. н.э.), кто в 29-35гг. пролонгированно-пророгоированно наместничал в Азии, члена престижной пожаришно-оценочной комиссии 36г. н.э., — Вителлия (Д.И. 565).

Она приходилась сестрой или тёткой 4-м братьям Вителлиям, один из к-рых — Л.Вителлий — легат Сирии в 35-39гг., преемником к-рого станет на время с 39 по 42гг. и покроеет себя славой в глазах иудеев, пойдя им, с риском для собственной жизни, навстречу = наперекор Калигуле, по вопросу установления статуи последнего в Иерусалимском святилище, как раз П.Петроний (Р.л. 297-301; 323; 901-10) (см. ниже). Затем он будет дружен с Клавдием (Сенека «Арсол.» 14,2), в правление к-рого и скончается. Впоследствии его сына — П.Петрония Турпилиана (конс.-орд. 61г.), близкого Нерону одного из соликвидаторов заговора Пизона (65г.), убьют в 68г., без обвинения и суда, по приказу Гальбы (Тацит «Ист.» 1,6; 37; Плутарх «Гальба» 15,17), а его дочь или внучка — Петрония — выйдет (до скорого развода) замуж за сына Л.Вителлия — Авла — кесаря 69г. (Тацит «Ист.» 2,64; Светоний «Клавд.» 6).

⁵⁹ Не включали ли руководившие страной (в первую очередь) рабочих и крестьян коммунисты советского периода в направляемые за рубеж торжественные делегации, из, скажем, 10-и делегатов, на 8 партийных номенклатурщиков, ещё одного рабочего и одного крестьянина-колхозника! Или не предоставляли ли они, по аналогичному откатанному сценарию, квартиры в элитно-номенклатурных многоквартирных домах-новостройках, где пара-другая квартир непременно доставалась людям из народа!

Осенью 36г. скончался, как мы уже знаем, астролог Фрасилл (см. выше), давний друг Тиберия. И пусть он, как пишет Дион (58,27,3), предсказал патрону ещё 10 лет жизни, чтобы, мол, спасти от скорой расправы жизни других людей (дескать, не торопись Тиберий, твоё время пока терпит), вряд ли кесарь аж в 10 безоблачных лет уверовал, правда, всё же поверив, что его собственный конец, на какой-то срок дольше ближайшей весны откладывается.

Далее, видимо, в конце 36-го, или в самом начале 37гг. умерла, при (не первых?) родах, первая жена Калигулы Юния Клавдилла. После этого (осторожно поставивший на восходящее калигулианское, в сравнении с заходящим тиберианским, солнце) преторианский префект Макрон заботливо подложил под в скором будущем полновластного Калигулу, в качестве агента влияния, свою (искушённую в любовных утехах) супругу (не первой свежести) Эннию (родственницу Фрасилла), думая, с её помощью, в большей мере, влиять на 24/25-летнего Гая.

Но на всё это Тиберием, кто, должно быть, поздней осенью 36г. вернулся на Капри (так как в начале 37г. он снова перебрался на материк), обращалось всё меньше внимания, потому что имело для него всё меньшее значение. И менять что-либо уже не было ни времени, ни сил, ни желания, ни смысла. Круг его долгой жизни медлительно затягивался, как удавка вокруг шеи. Время назад не повернёшь, груз прожитых лет не сбросишь, и сколь верёвочке не виться, всё равно она, в конце концов, совьётся в петлю.

Светоний пишет: «В свой последний день рождения он видел во сне статую Аполлона Теменитского, огромную и дивной работы, к-рую он привёз из Сиракуз, чтобы поставить в библиотеке при новом храме; и статуя произнесла, что не ему уже освятить её» (Тиб. 73). Под «последним днём рождения» — 16.11.36г.; «Аполлон Теменитский» — статуя в Темене, предместье сицилийских Сиракуз, к-рой восхищался ещё Цицерон («Против Верра» 4,53,119); «библиотека при новом храме» — т.е. библиотека при новом святилище Августа (покровителем к-рого был Аполлон), освящённом уже Калигулой.

В конце 36г. принцепсу определили какие-то новые почести, к-рые ему всегда претили, теперь же, наверное, и подавно, ввиду чего можно не сомневаться, что они все, вопреки подвопросной констатации Тацита, были им скопом похерены. Земная слава — солнце мёртвых, и на 78-м году жизни любые земные почести суть мёртвому припарки.

Если Август мастерски играл и хорошо сыграл-доиграл долгую комедию жизни, то жизнь Тиберия, во многом, из-за Августа, стала нескончаемой долгой трагедией. И вот теперь эта отнюдь не лучшим образом сыгранная трагиком из погорелого театра трагедия, или, в крайнем случае, трагикомедия, тяжёло подползала (на брюхе) к своему бесславному финишу. На очереди заключительный акт. Остаётся ещё немного постоять на краю и сигануть в чёрную, как бурное, в безлунную ночь, море под скалами, бездну. Он и не спрашивал, хорошо ли он сыграл трагедию жизни? прекрасно зная, что сыграл её из рук вон плохо.

37г. н.э.

1 января 37г. н.э. = 790г. а.У.с. консульство облекли Гн.Ацерроний Прокул и Г.Понтий Нигрин.

«К этому времени Макрон достиг вершины своего могущества; он никогда не пренебрегал расположением Гая Цезаря, но теперь искал его с возраставшим день ото дня усердием, а после смерти Клавдии, о браке к-рой с Гаем Цезарем я сообщил

выше, побудил свою жену Эннию прельстить юношу, изобразив страстную влюблённость в него, и связать его обещанием жениться на ней, а тот ни от чего не отказывался, лишь бы добиться владычества, ибо, хотя по своему душевному складу был порывистым и несдержанным, тем не менее, опекаемый дедом, — хорошо постиг науку лицемерия и притворства» (Ан. 6,45).

Итак, Макрон сменил Сеяна и заусердствовал в избличении врагов кесаря = народа, довольствуясь могуществом приимператорского цербера, но демонстративно не притязая на какую-либо политическую инсигнированность-ангажированность. Он — служака на страже кесаря и цесаревича, уберегающий-упасающий их *величество* и *высочество* от различных опасностей и не помышляющий о каком-либо совластительстве. Хотя это его не спасёт. И пусть на переправе таких ломовых коней не меняют, но они обречены быть смещёнными и пущенными под нож вскоре после переправы, ибо обрешему власть властителю в тягость цепной пёс, знавший его как наследника и всячески содействовавший-сопутствовавший его восхождению на трон. К чему терпеть, получив полноту власти, столь назойливое напоминание (в лице того, кому ты многим обязан) возле себя. И просто удалить невосояси нельзя: слишком много знает. Т.е. остаётся устранить.

Опрich того, Макрон явно переусердствовал с Эннией Фрасиллой, что произошло, вероятно, не ранее кончины звездочёта Фрасилла, к-рый выступил бы противником подобной смертельно рискованной комбинации. Иначе говоря, по всей видимости, Юния Клавдилла умерла при родах в конце 36г., когда, — на, стало быть, рубеже 36/37г., — молодой вдовец Гай и утешился в объятиях любвеобильной Эннии, в дни, в к-рые Тиберий всё больше сдавал, что уже сделалось заметно для ближнего императорского окружения на острове. А с Капри новости, обрастая в дороге слухами, довольно быстро докатывались-докатились до Рима, приводя-приведя в трепет одних и вселив надежду в других.

Пара слов о консулах — представителях нового нобилитета, поскольку уходящий корнями в мавзолейную Республику прежний был децимирован — либо репрессиями, либо естественным вымиранием, в условиях чего Принципатом поощрялось-практиковалось нобилитетское обновление. Так, если из 20-и консулов 14 — 23гг. старые нобили занимали 14 должностей (включая семью принцепса), то из 28-и консульств 24 — 37гг. их набирается 15.

Гн.Ацерроний Прокул происходил из Лукании, возможно, являясь потомком Гн.Ацеррония, к-рого Цицерон упоминает в своей речи «За Марка Туллия» (7,16), называя «честным человеком». Дочь консула 37г. Ацеррония Полла дружила с матерью Нерона Агриппиной Младшей и кончила, сходно ей, убийственно в 59г. (Ан. 14,5). Сам же Ацерроний, согласно, видимо, относящейся именно к нему греческой надписи на статуе с афинского Акрополя (GIA 3,611), в дальнейшем проконсульствовал в Ахайе, надо понимать, позднее 44г., когда, при Клавдии, Македония и Ахайя снова перешли из кесарского (с 15г. н.э.) подчинения в сенатское.

Г. (Петроний) Понтий Нигрин происходил из фамилии Понтиев — оскский преномен и номен, к-рый (мрачно «прославленный» Понтием Пилатом) встречается в римской номенклатуре и как имя, и как фамилия, и как отчество (Д.И. 1227/28). Консула Понтия Нигрина, брата Понтия Лабедона и претора-aeragi 20г. Л.Понтия Нигрина, усыновил брат П.Петрония (конс.-суф. 19г.) — Г.Петроний Умбриан (конс.-суф. 25г. н.э.).

Дезигнированные суффекты 37г. — А.Цецина Пет и Г.Каниний Ребил, к-рые должны были сменить ординариев 1.07., но в связи с кончиной Тиберия в незапланированные суффекты вышли преемник кесаря — Калигула, и его дядя — Клавдий,

причём первый (великодушно-демократично) отклонил за них двоих предложение облечь консульство сразу после смерти Тиберия, сделав это вместе с Клавдием лишь 1.07., сроком на два месяца, и сдал 1.09. консульскую вахту суффектам штатным (дабы никакого нарушения римских республиканских норм — в рамках блюжения возрождённой цезариатом-принципатом Республики *restituta* — не случилось).

НА ПОРОГЕ ТИБЕРИАНСКОГО КОНЦА

Дальше Тацит сопоставляет Гая (Цезаря = Калигулу) — сына Германика, и Тиберия (Гемелла) — сына Друза, приписывая Тиберию, к-рый-де видел насквозь лицемерие и притворство Калигулы, те намерения, к-рые Тиберий, даже видя Калигулу насквозь (что верно), вряд ли имел.

«Принцепсу это было известно, и поэтому он колебался, кому передать после себя государство. Он подумал прежде всего о внуках, из к-рых сын Друза был ему ближе и по крови, и по влечению сердца, но ещё не достиг возмужалости; а сына Германика, хотя он и был во цвете молодости и полон сил, любили в народе, и это вызывало в деде неприязнь к нему. Помышлял он также о Клавдии, так как тот, будучи уже в летах, проявлял склонность к углублённым занятиям, но остановить выбор на нём препятствовала его умственная ограниченность. А найти преемника вне своего рода Тиберий не хотел, опасаясь навлечь насмешки и поношения на память Августа, на род Цезарей, — ведь он неизменно заботился не столько о благодарности современников, сколько о славе в потомстве. В конце концов, по-прежнему колеблясь душой и ослабев телом, он предоставил судьбе решение, непосильное ему самому, бросая, однако, порой замечания, из к-рых можно было понять, что он отчётливо представлял себе будущее: так, он в прозрачном иносказании упрекнул Макрона за то, что тот отворачивается от заходящего солнца и устремляет свой взор на восток, а Гаю Цезарю в случайно возникшей между ними беседе, когда тот стал высмеивать Суллу, предсказал, что он будет обладать всеми пороками Суллы и ни одной из его добродетелей. И когда он при этом со слезами обнял меньшого внука, а старший, увидев это, нахмурился, он, обратившись к нему, сказал: «Ты убьёшь его, а тебя — другой». Но невзирая на ухудшение здоровья, Цезарь не оставлял ни одной из своих любострастных утех, делая вид, что они нисколько не изнуряют его, и по давней привычке потешаясь над врачебным искусством и над теми, кто, достигнув 30-и лет, нуждается в указаниях со стороны, что ему полезно и что вредно» (Ан. 6,46).

Пусть бывший в 37г. на 18-м году жизни Тиберий Гемелл и был родным внуком Тиберия, в чём Тиберий несколько сомневался, — не прижит ли он Ливиллой от блуда с Сеяном, Гая, действительно, любили в народе — и как сына Германика (с к-рым неправоммерно связывали несостоявшееся, мол, из-за его преждевременной кончины, продолжение или новорождение *золотого века*), и как последнего из выживших Германиковичей. Но главное было даже не в этом, а в том, что в сложившейся ситуации у Гемелла не было ни шансов стать первым, ни, более того, шансов остаться в перспективе в живых, если, конечно, не убить Калигулу, или если не внезапная кончина Калигулы. О первом Тиберий не помышлял; второго ждать не приходилось. Да и не потянет юнец Гемелл в одиночку Принципат, точнее, потянет ещё плоше, чем Гай.

И мысли обо всём этом, как и о сомнительной живучести жестокого, мстительного и порывистого-неуравновешенного Гая, кто, в любом случае, протянет

(устранив Гемелла) недолго, были настолько мрачными, настолько безысходными, что не могущий не перебирать их пронизательный угасающий Тиберий всё чаще задумывался на безрыбье о Клавдии, к-рый 46-и сеньоральных лет отроду, проявляя склонность к углублённым занятиям, выглядел ныне, так сказать, менее слабосильным, всё же будучи умственно ограниченным. Вдобавок к тому, именно Клавдий, мл. брат Германика, восполнял, так сказать, вакуум т.н. *пропущенного* поколения, к к-рому принадлежали умершие до срока Германик Друзович и Друз Тибериевич.

Безусловно, самым неиспорченным из двух нынешних престолонаследников был Тиберий Гемелл, к-рый не успел и не успеет до своей гибели совершить никаких преступлений, пополнив перечень досрочно ушедших принципатовских кронпринцев, начиная с племянника Августа – Клавдия Марцелла (сына Октавии Младшей), затем – августейших внуков – Луция и Гая Цезарей, потом – убитого после смерти Августа, если и не по приказу Тиберия, то (по любому) в угоду ему и Ливии, – Агриппы Постума. И, наконец, – Нерона и Друза, к-рые, в отличие от умерших молодыми кронпринцами Марцелла, Луция, Гая, умерли лишёнными престолонаследия, как Агриппа: один – в островной ссылке, другой – в казематном заточении.

Однако, более точно, чем судьбу устранённого Агриппы Постума, участь казнённого Калигулой безвинно-несчастного Гемелла повторит отравленный Нероном сын Клавдия – несчастный Британник. И настоящая причина гибели их всех это – не знающая ни милости, ни жалости, ни пощады пресловутая государственная целесообразность – закон политических джунглей, или саванны.

Если общественной жизни ведомы в различные периоды истории лишние люди, то история человечества изобилует примерами лишних, по разным причинам, не пришедшихся ко двору и не дошедших до трона наследных принцев. Ведь Тиберий, повторяем снова, и не думал выходить за рамки установленного Августом кланово-синдикатного престолонаследования внутри дома Augusti, на что из времени усыновлённого Нервой не по крови и не по клану Траяна, или Траяном – Адриана, косвенно указывает, зная адоптивный выход из августейшего тупика, вернее, зная августейшую юлианско-клавдианскую ахиллесову пяту, Тацит.

А у Тиберия такого выбора не было и ему ничего не оставалось, как оставить-пустить всё на самотёк, даже догадываясь о результате наперёд. Не он перешёл через Рубикон и установил диктатуру, не он создал консенсуально-универсальный Принципат – гениально монстрёзное детище Августа, но именно он, не гений, призван уберечь наследие выдающихся предшественников. Спрашивается, куда ему, блюстителю, деваться?

Он – римлянин до мозга/костей, можно сказать, живой саркофаг ушедших римских поколений, превратился в расчлнённого-рассечённого двумя эрами, или между двумя эрами двуликого Януса! Тёмная сторона донельзя раздвоенной-расщеплённой тиберианской натуры небезостаточно возобладала в данной жизни над стороной светлой, предоставив дальнейшие решения карме. Страдания истерзали душу тирана, к-рый был-стал тираном не столько по призванию, сколько по призыву, и к концу жизни в его смертельно больной душе, можно сказать, совсем не осталось живых мест.

Касательно же его упрёка Макрону, Дион (58,28,4) преподносит этот пассаж несколько иначе: «Ты прав, Макрон в том, что покидаешь заходящее солнце ради восходящего!» Показательно и сравнение Гая Цезаря с Суллой как обладателя всех пороков и ни одного из достоинств Суллы. Предводитель дела оптиматов Сулла был непримиримым визави популяра Мария – генерала по призванию и политика против воли, демократический террор к-рого и террор именем к-рого оказался похлеще и страшнее последующего проскрипционного террора сулланского.

Не кто иной как Сулла сказал или вроде бы сказал о родственнике Мария и

марианце Цезаре, что в одном Цезаре таится много Мариев. И не кто иной как Цезарь одолел сулланца Помпея и установил в Риме восходящую к Марию цезарианскую диктатуру. И не кто иной как Октавиан Август наследовал Цезарю, превратив его диктатуру в амальгамированно-симбиозный уникум республиканско-монархического Принципата (в к-ром уши слышали одно, тогда как глаза видели совсем другое). Засим понятно, почему правнук Цезаря Августа и внучатый племянник Тиберия Цезаря — Гай Цезарь Калигула — высмеивал именно Суллу, на что Тиберий Цезарь, видя, что из себя в реальности представляет Гай, вполне резонно возразил.

Примечательно также замечание Тацита о неоставлении Тиберием, несмотря на ухудшение состояния его здоровья, ни одной из привычных для него любовственных утех. Хотел дожить в скверне, обещал, и вот ныне доживал, вакханалю и пиршествуя, мало того, демонстрируя окружающим, из опасения дать перед ними слабину, насколько он ещё полон сил. И тут уместно привести слова Светония: «Здоровьем он отличался превосходным, и за всё время своего правления не болел ни разу, хотя с 30-и лет заботился о себе сам, без помощи и советов врачей» (Тиб. 68).

Т.е. именно с 30-и вековых лет, вступая в четвёртый десяток, римляне начинали регулярно пользоваться услугами эскулапов, следуя их как профилактическим, так и лечебным рецептам и советам, чем отличавшийся отменным здоровьем Тиберий пренебрёг ещё в не первой молодости и продолжал пренебрегать в старости.

* * *

«Между тем в Риме уже разбрасывались семена тех казней, к-рым предстояло свершиться после Тиберия. Лелий Бальб привлёк к суду за оскорбление величия Акуцию, в прошлом жену Публия Вителлия; и когда после её осуждения было предложено наградить обвинителя, народный трибун Юний Отон, использовав своё право, воспрепятствовал этому: из-за этого между ними разгорелась вражда, впоследствии повлекшая за собою гибель Отона. Затем обвиняется в неуважении к императору ославленная своими бесчисленными любовными связями Альбуцилла, вдова Сатрия Секунда, донесшего о заговоре Сеяна; по этому делу привлекаются также как её сообщники и любовники Гней Домиций, Вибий Марс, Луций Аррунций. О знатности Домиция я ранее упоминал; также и Марс принадлежал к заслуженному древнему роду и, кроме того, приобрёл известность своими литературными дарованиями. То, что допросом свидетелей и пыткой рабов руководил Макрон, как было видно из пересланных сенату протоколов дознания, а также то обстоятельство, что не было письма императора относительно подсудимых, давало основание подозревать, что во время его болезни и, быть может, без его ведома основное и главное в этом деле было вымышлено Макроном из-за его хорошо известной ненависти к Аррунцию.

Домиций, заявивший, что он готовится к речи в свою защиту, а Марс — что намерен умертвить себя голодом, сохранили жизнь, тогда как Аррунций, когда друзья убеждали его также найти предлог для отсрочки, ответил, что не всем приличествует одно и то же: ему уже много лет, и единственное, в чём он себя укоряет, это то, что среди опасностей и издевательств терпел полную тревожностей старость, всегда ненавистный кому-нибудь из стоящих у власти: долгое время Сеяну, теперь Макрону, — и не потому, что за ним какая-нибудь вина, а потому, что он не выносит подлости. Вполне вероятно, что можно протянуть несколько дней до кончины принцепса, но как ускользнуть от молодости того, кто немедленно займёт его место? И если Тиберия, при столь большой опытности в делах, всё-таки развратило и

изменило единовластие, то ужели Гай Цезарь, едва вышедший из отрочества, ни в чём ничего не смыслящий и воспитанный на самых дурных примерах, усвоит что-нибудь лучшее при таком руководителе, как Макрон, потому и выбранный для расправы с Сеяном, что сам он — ещё больший злодей, чем тот, и истерзал государство ещё большим числом преступлений? Он предвидит ещё более жестокое порабощение и торопится уйти как от прошлого, так и от будущего. Произнеся эти пророческие слова, он вскрыл себе вены. Последующее явится подтверждением, что Аррунций избрал себе лучшую долю. Альбуциллу, не сумевшую нанести себе смертельный удар и только поранившую себя, по приказу сената переносят в темницу. Из пособников её блуда бывший претор Корсидий Сацердот приговаривается к ссылке на остров, Понтий Фрегеллан — к исключению из сенаторского сословия, и к тем же наказаниям присуждается Лелий Бальб, причём в отношении Бальба сенаторы это делают с искренней радостью, ибо он был известен злокозненностью своего красноречия, неизменно готовый к нападкам на ни в чём не повинных жертв.

В те же дни сын бывшего консула Секст Папиний избрал для себя быструю и ужасную смерть, бросившись вниз с большой высоты. Вину за это возлагали на его мать, к-рая, уже давно пребывая в разводе, нежностью и оболыщениями довела юношу до того, с чем покончить он не нашёл другого средства, как смерть. Обвинённая в сенате, она обнимала колени сенаторов и долго говорила о своём столь близком и понятном каждому горе, о том, насколько тягостнее переносить его слабому женскому сердцу, и много другого скорбного и способного пробудить сострадание, о постигшем её несчастье, и тем не менее ей было воспрещено проживать в Риме в течение 10-и лет, пока её младший сын не выйдет из легко доступного соблазнам юношеского возраста» (Ан. 6,47-49).

Лелий (Лаэлий) Бальб — сын Д.Лелия Бальба — члена коллегии квиндецемвиров в 17г. до н.э., участника подготовки и проведения Секулярных торжеств, консулард. 6г. до н.э. (Р.л. 601). Выступал, как и Домиций Афр, адвокатом на процессе некоего Волусена Катула, сообщающий о чём Квинтилиан (Inst. 10,1,24), к сожалению, не сообщает никаких подробностей. Обвинённая Лелием в начале 37г. в оскорблении величия-величества Акуция — разведённая жена или вдова П.Вителлия (Т.Г. 643-45) — одного из 4-х братьев Вителлиев, привлечённого в 31г. по делу Сеяна, переданного под надзор ст. брата — Авла (конс.-суф. 32г.) и умершего под надзором, после неудачной попытки самоубийства, не дождавись ни осуждения, ни оправдания (см. выше).

Что конкретно инкриминировалось вдове *полуврага* народа = кесаря — вопрос. Но, так или иначе, её осудили, в то время как награждение обвинителя блокировал (в силу каких-то причин) своим правом вето народный трибун Юний Отон, предположительно, сын одноимённого претора 22г., заделавшись тем самым врагом памятливого Бальба, что повлекло за собой впоследствии гибель этого (не принципиального ли?) нар. трибуна (деталей у Тацита, книги «Анналов» к-рого, с 7-й по 10-ю, за 37 — 47г., увы, утеряны, нет).

Далее, в неуважухе к императору = в оскорблении величия обвинили блудливую Альбуциллу (Т.Г. 626) — вдову Сатрия Секунда, к-рый, поначалу отъявленный сеянист, выступал в 25г. обвинителем неугодного Сеяну (и Тиберию) историка Кремуция Корда (Д.И. 962-66), а в 31г., неизвестно при каких обстоятельствах и как, донёс о «заговоре Сеяна» (про что Тацит рассказал в также, увы, утерянной 5-й кн. «Анналов»).

В чём именно заключался, или правильнее сказать, как выглядел «донос» Сатрия? остаётся, из-за отсутствия информации, под покровом тайны, хотя в реальности и по факту, в куда большей мере, имел, как читатель знает, место, пусть

превентивно ударный и весьма хитроумный заговор Тиберия против Сеяна (Т.Г. 613-49). Равно Сатриева участь после «октябрьского переворота» 31г. подвопросна. Но поскольку Альбуцилла названа на 37г. вдовой, значит, либо он в интервале 31 – 37г. скончался, либо всё же был осуждён на казнь (или на ссылку, где умер).

Причём, что важно, в 37г. через Альбуциллу подпали обвинению, обратим внимание, как её сообщники и любовники (чем, т.е. их мнимым сообщничеством, по правде, и было обусловлено инсценированное Макроном, притом вряд ли, несмотря на предположение Тацита, без обычной отмашки угасающего Тиберия, обвинение), столь видные нобили. А именно: 1) Гн.Домиций – муж Агриппины Мл. и конс.-орд. 32г.; 2) Г.Вибий Марс – конс.-суф. 17г. н.э., кто состоял в свите ориентального наместника Германика, по смерти к-рого в 19г. претендовал на сирийскую легатуру, вынужденный в итоге уступить старшему консуляру – Гн.Сентию Сатурнину (Д.И. 168); 3) хорошо знакомый нам Л.Аррунций – на 37г. преклоннолетний конс. 6г. н.э., кого сам Август считал достойным принципата, кого уважительно недолюбливал Тиберий и кого ненавидели (за подчёркнуто независимое поведение) как Сеян, так и его преемник Макрон.

И всё-таки, решив убрать Сеяна, Тиберий в 31г. вывел из-под уже занесённого над ним сеяновского клинка Аррунция, к-рый, числясь легатом Испании, сидел тогда, не отпускаяемый в провинцию, в Риме, и относительно к-рого Косс Корнелий Лентул, с подачи Тиберия, провел в сенате постановление о недопустимости привлечения к суду легатов до окончания их наместничества. И Аррунций продолжал формально наместничать в Испании ещё аж 3 года после казни Сеяна.

Но вот последнего сменил Макрон, также искавший погубить этого чересчур независимого нобилея. И ныне ок. 80-летний консуляр решил дальше не ждать, сказав, что видит наступление ещё более худших времён при Калигуле, и потому «торопится уйти как от прошлого, так и от будущего». И ушёл, вскрыв себе вены, между тем как Домиций и Вибий, первый – готовясь к защите, второй – пригрозив уморить себя голодом, благополучно дождалась смерти Тиберия и выжили. Если Домиций родит в конце 37г. Нерона, о к-ром, по слухам, сам скажет, что от него с Агриппиной может родиться только ужас для рода человеческого, и умрёт в 40г. от водянки, то Вибий ещё побывает, при Клавдии, в 42 – 45гг. (преемствовал П.Петронию), легатом Сирии (от управления к-рой ему пришлось отказаться в 19г.).

Впрочем, Дион, отлично от Тацита, приписывает нерасправу над Вибием и Домицием персонально Тиберию, дескать, не спешившему с казнями некоторых потенциальных жертв, так как Фрасилл, умирая, умышленно предсказал ему ещё 10 лет жизни, – мол, успеется. Посему, скорее, Макрон и тут действовал не без ведома хозяина, к-рый, с др. стороны, несколько сбавил расправные обороты, руководствуясь не исключительно предсказанием о своём откладывающемся аж на целую децению (или поменьше) конце умирающего Фрасилла.

В отличие от Аррунция, нанесшего себе удар твёрдой рукой старого мужа, Альбуцилла, пытаясь покончить с собой, лишь поранилась и была перенесена в темницу, где, согласно не называющему её имени Диону (58,27,4), умерла. Младшее же, так сказать, рангом, не в пример именитым нобилиям, звено заговорщиков-любовников вокруг неё составили Корсидий Сацердот и Понтий Фрегеллан.

Первый знаком нам по делу 23г., когда его обвинили, вместе с Г.Семпронием Гракхом Младшим (сын убитого в 14г. на о. Керкина ненавистного Тиберию ссыльного любовника дочери Августа – Юлии) в тайном снабжении зерном врага римского народа Такфарината (Ан. 4,13) и оправдали благодаря заступничеству экс-проконсулов Африки – Э.Ламия и Л.Апрония (Д.И. 649-51), после чего в 27г. он облакал претуру-urbanus. О Понтии Фрегеллане, возможно, идентичном консулсуф. из CIL 3,8715 в неведомо каком году, дополнительных сведений нет. А в 37г.

обоих исключили из сенаторского сословия и отправили в ссылку на острова, присовокупив к ним ещё и недавнего обвинителя Лелия Бальба, кого, по слову Тацита, сенаторы изгнали с искренней радостью в отместку за его злокозненное красноречие. Позже, в правление Клавдия, он будет амнистирован и станет консулом-суф. 1.07.46г. (или этот консул-суф. – его одноимённый сын).

Не примечательна ли тройственность востребованных-задействованных в 37г. носителей (сколько оскского, столько и «морского») номена Понтий: 1) один из эпонимов года – Понтий Нигрин; 2) исключённый из сената и сосланный – Понтий Фрегеллан; 3) прибывший в Рим (чтобы держать ответ за нерадивое управление провинцией – превышение должностных полномочий – перед императором) позднее кончины Тиберия и приговорённый Калигулой к ссылке в Галлию бывший прокуратор Иудеи (смещённый Вителлием в 36г.) – всадник Понтий Пилат.

О сыне С.Папиния – консула-орд. давешнего 36г. н.э., мы уже беседовали выше. Напомним, юноша покончил с собой, уходя от инцестуально-сексуальных домогательств со стороны родной матери, к-рую выслали из Рима в Падую (куда за ней добровольно последовал её бывший муж) сроком на 10 лет, до возмужалости её второго сына, к-рый, в свою очередь, будет казнён как заговорщик в 40г., при Калигуле (Р.л. 906) (см. ниже).

СМЕРТЬ ТИБЕРИЯ

УВЕРТЮРА

Надо полагать, что всё рассказанное Тацитом в 46-48-м абзацах 6-й кн. «Анналов» происходило в январе/феврале 37г. н.э., т.е. в заключительные месяцы жизни Тиберия, кто, вероятно, в феврале, когда подул (с ок. 8.02.) тёплый весенний ветер Фавоний, снова покинул Капри, высадился на материке, направился (не в первый раз за годы его пребывания на острове) в сторону Рима и, как пишет Светоний, «по Аппиевой дороге доехал до 7-й мили» (Тиб. 72), но, завидев лишь издали городские стены, повернул назад – «из страха перед недобрым знамением. У него была среди других развлечений большая змея; придя однажды, как обычно, покормить её из своих рук, он нашёл её заеденной муравьями и увидел в этом знак остерегаться насилия черни.

И вот, возвращаясь поспешно в Кампанию, в Астуре он занемог. Немного оправившись, он доехал до Цирцей. Здесь, чтобы скрыть своё нездоровье, он не только присутствовал на лагерных играх, но даже в выпущенного на арену кабана метнул сверху дротики. Тотчас у него началась боль в боку, потом его, разгорячённого, продуло ветром, и болезнь усилилась. Но некоторое время он ещё держался, хотя, продолжая свой путь до самого Мизена, он ни в чём не менял обычного образа жизни и не отказывался ни от пиров, ни от иных наслаждений – отчасти по необузданности, отчасти из притворства. И когда врач Харикл, собираясь однажды уходить с пира, взял его руку для поцелуя, он заподозрил, что тот хочет пощупать в ней биение крови, остановил его, вернул к столу и продолжал пир до позднего часа, а потом, как и всегда, встав посреди столовой, с ликтором за спиной, по имени прощался с каждым уходящим.

Между тем, ему случилось прочесть в сенатских отчётах, что несколько подсудимых, о к-рых он в своё время лишь коротко упомянул, что их имена стоят в доносе, теперь были выпущены и даже без допроса. Посчитав это неуважением, он решил во что бы то ни стало вернуться на Капри: только из этого убежища осмеливался он что-нибудь предпринимать. Но непогода и усиливающаяся болезнь

удержали его; и вскоре он скончался на Лукулловой вилле, на 78-м году жизни и 23-м году власти, в 17-й день до апрельских календ, в консульство Гнея Ацеррония Прокула и Гая Понтия Нигрина» (Тиб. 73).

Всё-таки, не всех и не каждого и не все дороги ведут в Рим! В Кампании, с её пепельным ландшафтом, он и на пороге смерти чувствовал себя лучше, чем в Лациуме, где Вечный город, с одной стороны, притягивал его, истинного римлянина, словно магнитом, тогда как с др., отталкивал и ужасал, словно довлеющее проклятие, до умопомрачения.⁶⁰ И между прочим, именно из Астуры покинувший перед тем Рим, чтобы проводить Тиберия в Иллирик, а на деле отправившийся, как оказалось, в своё последнее путешествие (без малого) 76-летний Август отплыл летом 14г., вопреки своему обыкновению, ночью, с целью воспользоваться попутным ветром, из-за чего его прослабило, что и послужило началом его последней болезни (Р.л. 1298/99).

Теперь же, на 23-м году от того памятного лета, в той же Астуре – побережно-островной город в Лациуме – занемог возвращающийся в Кампанию Тиберий. Отсюда он доехал дальше на юг до Цирцей (город на Цирцейском мысе в Лации) – место ссылки (третьего в триумвирате двоих) сдавшегося в 36г. на милость Октавиана понтифика-maximus М.Лепида (+ 13г. до н.э.).

В честь прибытия императора в Цирцеях преторианцы устроили лагерные игры и недомогающий кесарь, демонстрируя, что всё у него в полном порядке, даже пустил сверху, в ходе звериной травли, дротики в кабана на арене, что обернулось для него ещё и болью в боку, к к-рой скоро прибавилась усилившая болезнь простуда, поскольку разгорячённого императора продуло. Тем не менее, путь вдоль моря (от мыса к мысу) до Мизен (Мизенский мыс), на берегу Путеоланского (Неаполитанского) залива, где находилась когдатюшня вилла Г.Мария и потом превратившего её в роскошнейшее поместье Л.Лициния Лукулла, проходил в привычных пирах и утехах с излишествами.

Во-первых, никто не должен заметить болезни Верховного, во-вторых, доживём (до понедельника, или среды, или пятницы), как и обещались-обязались, не отказываясь от утех – в духе и по букве каталогизации удовольствий. Тиранам всегда плоше, чем простым смертным, в последние дни жизни, ибо слишком многие желают им или их смерти, ибо, обессилившие, они, вынужденные любоваться на холуйские рожи вокруг себя, ни у кого не могут найти искреннего элементарно-человеческого сочувствия-сострадания. Ни от кого не могут ждать помощи, и при всём том, смертельно боятся показать окружающим любую крайне опасную для себя слабинку. Если, вдруг, упадёшь, то тебе не только не помогут встать, тебя с готовностью добьют и растерзают, как раненого жоака стаи.

И здесь стоит вспомнить спокойный уравновешенный уход, или переход с этого света на тот окружённого всеобщим почтением либерального диктатора = консенсуалиста-универсалиста Августа (к-рый всегда хотел умереть лёгкой смертью тронного *мещанина во дворянстве* в-на своей постели), дабы сравнить оный с уходом

⁶⁰ И морщинистых лестниц уступки –
В площадь льющихся лестничных рек –
Чтоб звучали шаги, как поступки,
Поднял медленный Рим-человек,
А не для искалеченных нег,
Как морские ленивые губки.
(Мандельштам)

В морозном воздухе, на редкость
прозрачном, око,
Невольно наводя на резкость,
глядит далёко –
на Север, где в чаду и в дыме
куёт червонцы
Европа мрачная. Я – в Риме,
где светит солнце!

(Бродский)

ненавидимого большинством римской знати и нелюбого плебсу Тиберия, мятущаяся душа к-рого продолжала и в его последние дни мрачно куриться-дымиться, как расположенный совсем неподалёку Везувий. Причём до грандиозного извержения Везувия, погубившего, на 43-м году от тиберианской кончины и на следующий день после праздника Вулкана 23.08., Помпеи, Геркуланум, Стабии – 24.08.79г., в 37г. н.э. не случайно оставалось ещё 42 (7 x 6) года.

Если в пору смерти Августа Рим гораздо больше скорбел по предшественнику, чем приветствовал преемника, то в пору смерти Тиберия, напротив, римляне, в куда большей мере, ожидали, в надеждах на лучшее, воцарения преемника, нежели горевали по предшественнику, по к-рому, действительно, мало кто горевал.

Эскулап Харикл не столько оказывал медицинские услуги Тиберию, кто, как нам известно, не пользовался услугами врачей (в молодости и зрелости пренебрегая ими, а в старости, по всему, опасаясь их), сколько входил (иногда давая врачебные советы) в число всегда сопровождавших его в подобного рода поездках и путешествиях учёных греков, с к-рыми высоко- и широкообразованный Тиберий любил литературно и философски побазарить, и к-рых он ласково называл «мои греки».

Но и такого рода окружение – не помеха, когда ты в полной силе на вершине, тогда как теперь Харикла потянуло на доверительные отношения с Макроном, поскольку, понятно, не один Макрон заранее поменял ставки с *заходящего* солнца на *восходящее*. Или говоря проще-циничнее: «Крысы бегут с тонущего корабля». И вот после очередного пира, прощаясь, старик-кесарь заметил, что Харикл прощупывает его пульс, заставил лукавого эскулапа вернуться к трапезе и продолжил пировать допоздна. Мол, – не обольщайтесь до срока: крепка у меня ещё сила!

К слову, тут Светоний синхронизируется с Тацитом, к-рый несколько иначе говорит о Харикле приложительно к Мизенскому мысу и Лукулловой вилле, куда прибыл, переезжая с места на место, Тиберий.

«...Там и обнаружилось, что он на пороге смерти; произошло это следующим образом. Был в его окружении весьма искусный в своём деле врач по имени Харикл, к-рый не то чтобы постоянно его лечил, но находился при нём на случай, если ему потребуются врачебный совет. И вот Харикл, измыслив, что по своим делам отлучается из поместья, и в знак почтения коснувшись его руки, нашупал у него пульс. Но он не обманул принцепса, и Тиберий возможно рассерженный этим и потому тем более постаравшийся не выказать гнева, повелел приготовить пиршество и пробыл на нём дольше обычного, как бы желая оказать внимание уезжавшему другу. Харикл, однако, уверенно заявил Макрону, что жизнь в принцепсе еле теплится и что он не протянет больше двух дней. Это всех переполошило: пошли непрерывные совещания окружающих, и к легатам и войскам помчались гонцы. В 17-й день до апрельских календ дыхание Цезаря пресеклось, и все решили, что жизнь его покинула...» (Ан. 6,50)

Притом, если Тацит выше сообщает о санкционированном Макроном (аж без ведома слабеющего Тиберия) обвинении против ряда видных нобилей, то Светоний даёт отсутствующую у Тацита информацию о, напротив, освобождении в Риме некоторых подсудимых, взятых ранее по доносам, в виду болезни кесаря, даже без допроса⁶¹, что возмутило Верховного. И потому он решил (усмотрев в произошедшем вопиющее непочтение к оскорблённому величеству), в обязательном порядке, поскорее вернуться на Капри, решил добраться до острова сирен, чтобы уже оттуда, с высокой отвесной скалы, где только и чувствовал себя в безопасности, принять

⁶¹ «Свобода – это когда забываешь отчество у тирана» (Бродский).

диктуемые ситуацией репрессивно-карательные меры-решения. Но покинуть сделавшуюся его последним прижизненно-земным пристанищем-убежищем Лукуллову виллу на Мизенском мысу помешали мартовская непогода и всё усиливающаяся болезнь.

ЛУКУЛЛ

О Л.Лицинии Лукулле (три «L»), с данным ему за победы над одним из самых заклятых врагов Рима – Митридатом, по прозвищу «Понтийский» (снова корень «Понт»!), стоит сказать, в связи с кончиной Тиберия именно на Лукулловой вилле, несколько слов.

Представитель одной из ветвей известного плебейско-нобилитетского рода Лициниев – он был внуком одноимённого консула 151г. до н.э., – наместника Испании Citerior, обрушившегося на ваккеев (151г.) и лузитанцев (150г.), – алчного, жестокого и коварного (Аппиан «Ибер.» 49,59-61; Ливий «Periochae» 48) нобилия, плюс – соорудителя в Риме святилища Felicitas (Дион «фргм.» 76,2). А одноимённый сын последнего – претор Сицилии в 102г., сначала успешно усмирлял восстание рабов, затем потерпел поражение от них, плюс – по возвращении в Рим, был осуждён за присвоение казённых денег и наказан изгнанием.

Родившийся ок. 117г. до н.э. интересующий нас Л.Л.Л., отпрыск предыдущего, – эдил 79, претор 78, консул 74гг. до н.э. Отличился в Союзнической войне 91/90 – 89/88гг., историю к-рой сам и запечатлел позднее в не дошедшей до нас работе «Марсианская война». В 87г. – квестор Суллы, в последующие годы – его креатура, близкий друг и, наверное, не столько самый истовый оптимат, сколько наиболее преданный сулланец (кто, кстати, проявляя похвальную умеренность, в щадящем режиме взимал наложенную Суллой на азиатские общины контрибуцию). То-то Сулла (+ 78г.) назначил его опекуном своих детей-близнецов от умершей раньше него супруги Метеллы – Фауста и Фаусты, и посвятил ему свои мемуары.

77г. – проконсул Африки; 74г. – расхождение с соконсулом Л.Квинктием по вопросу восстановления упразднённого Суллой нар. трибуната (как излюбленного орудия демократов-охлократов в их борьбе против олигархическо-аристократической партии за власть), к-рый в 70г. до н.э. парадоксально возродили два некогда отъявленных сулланца – консулы М.Красс и Гн.Помпей.

С началом III-й Митридатовой войны 74 – 63гг., оснащённый чрезвычайными полномочиями Лукулл получил в управление Киликию и Азию, позднее – ещё Вифинию. 74/73гг. – победа над сухопутными силами противника при Кизике; затем – над вражескими морскими силами посредством снаряжённого Лукуллом на собственные средства флота, у Лемноса. 72/71гг. – завоевание Кабирии; 70/69гг. – доведение Митридата до бегства к Тиграну II, к-рый был его зятем, в Армению (Р.л. 607-13). В Азии – максимально благожелательное отношение к местному населению, включая облегчение для него тягот войны, упорядоченное, без грабежа, взимание налогов, борьба со спекуляцией и ростовщичеством (снижение процентной ставки с 48-и до 12 %), что привело к острому конфликту между Лукуллом и нещадно обогащавшимися за счёт ограбления азиатов всаднических налоговых откупщиков-publicani.

В 70г. Понт был в руках Лукулла; в 69г. он разбил союзничавшего с Митридатом Тиграна Армянского (справедливо дивясь тому, что тот не поддержал тестя, когда и пока Митридат был в силе) при Тагранакерте; в 68г. одержал победу у Арташата. Однако, из-за недовольства легионеров, вследствие начавшихся поражений от армян в партизанской войне и роста оппозиции к нему в Риме, был вынужден

сначала отступить, потом — бездействовать, далее, сложить с себя полномочия и передать главнокомандование Помпею (67/66гг.). Последний же, придя на готовенькое, стяжал лавры главного покорителя Востока, победителя Тиграна (66г.) и сокрушителя покончившего в 63г. самоубийством в Крыму Митридата, присвоив, таким образом, сделавшие возможным помпеянский успех, в т.ч., основополагающие Лукулловы победы. Не Помпей, а Лукулл, в реальности, одолел и Митридата, и Тиграна, к-рых Помпей, почив на Лукулловых лаврах, доодолевал.

Тем временем, в Риме сторонники Помпея воспрепятствовали триумфу Лукулла, состоявшемуся лишь 3 года спустя, в 63г. (как раз в год Митридатова самоубийства и взятия Помпеем, по итогам трёхмесячной осады и штурма, Иерусалима), благодаря решению, проведённому консулом Цицероном. В 61г. Лукулл выступил против скандалиста Клодия; в 60/59гг. безуспешно противостоял Помпею и Цезарю. В последние годы жизни, до своей кончины в 57/56гг., отошёл от политики, помутился рассудком и, находясь под опекой мл. брата, не столько жил, сколько, духовно заплутав в мутных ориентальных сумерках, допекаемый бесами, доживал.

Командуя войсками в Азии, он слишком строго обращался с солдатами, к-рые обвиняли его в непомерном личном обогащении при одновременном оставлении их, солдат, с пустыми руками. Богат был сказочно, считаясь богатейшим нобилем Рима, наряду с Крассом, или вторым после Красса. Построил несколько роскошнейших дворцов в Риме, где также разбил знаменитые Horti Luculliani — сады Лукулла; владел поместьями и виллами в Тускуле, Кампании и др. местностях Италии.

Жил в Риме и в поместьях, устраивал вошедшие в поговорку пиры, получившие, из-за фантастического обилия представленных на них блюд, из-за расточительства и обжорства, название «Лукулловых».⁶² Увлекался, как любитель наслаждений, различными утехами, вернее, всем существом отдавался им, щедро меценатствовал, собирал произведения искусства; зная и ценя греко-эллинистическую культуру, создал общедоступные библиотеки, в первую очередь, греческих и иных книг.

При всём том, в памяти потомков остались именно его расточительство, обжорство и сексуальный беспредел, а не полководческие таланты, победы, меценатство или организация общественных библиотек. Увы, память людей обычно не менее похотлива, чем их памятливое любопытство, являясь падкой не столько на истории (о метаистории вообще молчок!), сколько на статистические (в духе книги рекордов) пикантности, например, типа количества клиентов, пропущенных через себя Мессалиной за сутки.

Между тем, Сулла давал высокообразованному Лукуллу для читки и корректуры свои мемуары, в то время как придирчивый Цицерон назвал его именем вторую книгу своего сочинения «Academia» (содержащую учение академиков Антиоха и Филона). Кроме того, покровительствовавший поэту Арцию и прекрасно разбиравшийся в литературе, истории, философии Лукулл привёз в Италию (из Керасы) высаженное и удачно привившееся в Европе вишнёвое дерево.

Впрочем, болезнь этого римского Креза, из числа музейно-экспонатных на 50-е гг. Ив. до н.э., когда звезда Цезаря неумолимо шла к зениту, махровых сулланских оптиматов, была, согласно Корнелию Непу (74,8), вызвана любовным напитком. Зелье любви предложил пожелавшему восстановить-обновить свои *потенциально-оппадающие* силы бывшему хозяину и патрону его заботливый вольноотпущенник Каллисфен (Плутарх «Лукулл» 43,1,2; Плиний 25,2).

⁶² Враг отступает. Жидкий свет зари,
чуть занимаясь на Востоке мира,
вползает в окна, норовя взглянуть
на то, что совершается внутри,
и, натываясь на остатки пира,
колеблется. Но продолжает путь. (Бродский)

Но нам сейчас важно не это, а приход смерти за погружённым в полнейший сумрак духа Лукуллом, что на немецком метко-ёмко называется «geistige Umnachtung». И причиной тому было его подпадение демонам Востока через принятое на Востоке (по примеру Суллы) декадентное посвящение, из-за к-рого не один старо- или новоримлянин слетел с катушек.

(Сулланец) Лукулл возвратился с Востока в 66г., не выбравшись из-под патины и паутины восточной демонии, и оказался с годами, живя царственно, упиваясь-наслаждаясь чувственными удовольствиями жизни, в безостаточном плену у тех сил, к-рые можно образно назвать пагубными для не имеющих противоядия от них (в особенности западных) людей «сумерками богов».

Неспроста нечто похожее случилось и с (преемником цезарианца Августа августинцем) Тиберием, к-рый прошёл через деградантное посвящение ок. 1/1гг. на *острове тельхинов* Родосе, чтобы попасть четверть века спустя на *остров сирен и телебоев* Капри. Не там ли он жил-доживал, неподалёку от дымящегося Везувия, во власти чёрной демонии декаданса, действительно, зная многое и, действительно, разбираясь во многом, но, при всём том, не ведая, к примеру, что ему предстоит умереть ранней весной 37г. н.э. именно на Лукулловой вилле в Мизене.

А разница между ними (между соединёнными вековой связующей нитью дней этими трагически развоенными-расщеплёнными двумя римлянами) в том, что если опальному и безумному Лукуллу выпало умереть в первой половине IV в. до н.э., иначе говоря, до составившей абсолютную середину вселенской истории-метаистории Мистерии Голгофы, то умерший в первой половине IV в. н.э., в 37г., тоже при помутнённом рассудке (в эпоху Души рассудочной), кесарь Тиберий умер после свершившегося в 33г. н.э. Крестно-Воскресенского События Событий.

Умер в иной тотально обновлённой системе мировых координат, при ином раскладе звёзд, в начале той *Прекрасной эпохи*, когда гений и злодейство стали, в результате победоносного Таинства Таинств Христа Спасителя, Который будет царствовать над всечеловеческим домом Иакова веки и Царству Которого (не от мира сего) не будет конца, навсегда несовместными-несовместимыми!

Ни в метаистории, ни в истории человечества не было более значительного времени, чем 30 – 33гг. н.э., и время правления именно Тиберия державно опрарвленными просторами Imperium Romanum не случайно пришлось именно на это всеопределяющее Время (всех Времён и Пространств)!

Atrium mortis – Предзнаменование смерти (могушей сделаться семенем новой спасённой жизни)! Cui podest malum? – Кому полезно зло? В конечном итоге, сколь ни парадоксально звучит, – Добру, ибо Добро (чтобы быть Добром) не может существовать без зла!

ПРОКЛЯТИЕ ПРИНЦИПАТА

Создав, с учётом печального опыта нарвавшегося на кинжалы Цезаря, при завершении-довершении-обновлении его творения, консенсуально-универсальную систему республиканской монархии = монархической республики, стяжавшей наименование Принципата, Август слишком эксклюзивно затесал её, став и будучи имманентным принципсом, под себя. Так, к примеру, в Новое время евробюргерский Наполеон второй половины XIXв. Бисмарк (при к-ром, по слову Вильгельма I, ему трудно было быть кайзером) создал-выпестовал-вырубил для себя пост имперского канцлера, на к-ром ни один из его (кого Вильгельм II отправил в отставку, поскольку его не устроило то, с чем мирился Вильгельм I) преемников не сумел его (этого *великого везира* фундированного милитаристской Пруссией Второго

рейха — детище Бисмарка) достойно заменить, потому что не тянул ни на него, ни на затёсанное им под себя канцлерство.

И более того, повторим в к-рый раз, — главной ахиллесовой пятой августейшего Принципата являлась не выходящая за пределы семейственного клана-синдиката преемственность власти, к-рую системно преодолели только установившие сроком на 84 года следующий после персонально-августовского *золотой век*, в иных условиях соданной-рождённой Цезарем и возвращённой-обтёсанной Августом, на ином её этапе, военной диктатуры, кесари Антонины. Тем временем, при Юлиях-Клавдиях, загнанная ими в гроб «вечно живая» Республика (*restituta*), жестоко мстила каждому из них в вопросе престолонаследования из-за гроба.

К тому же, если Цезарь и Август были, при всём их различии, оба, в т.ч., на индивидуальном уровне, настоящими римскими орлами, то Тиберий, не столько лев, сколько скорпион и волчара по натуре, оказался (как и его ближайшие преемники аж до несколько исправившего положение Веспасиана и освятившего в 80г. символ могущества императорского Рима — Колизей⁶³ — Тита) венценосным могильщиком-падальщиком. Не без оснований зачатый именно под знаком Водолея он родился именно под знаком Скорпиона (16.11) и не без оснований умер именно под знаком Рыб (16.03.), дважды 16-го числа, не добрав до 17-и (и одновременно в 17-й день до апрельских календ!).

Увы, ему, классическому староримлянину, довелось и очень не повезло сделаться духовно-политическим адоптивным (и адаптированным) возвращенцем-выкормышем-преемником Августа, мало того, стать третьим тронным Цезарем. И всё это — в пору, когда Бог совсем не такую троицу любит, в ответственной для любого земного правителя, особенно для властелина мира, пору явления и торжества на Земле совсем другой, не узанной, не опознанной и не услышанной властителями Пятидесятницы-Троицы.

Да, не все дороги ведут в Рим и не всех они туда приводят, как это случилось, в частности, с раздвоенным Тиберием, кто, скажем снова, за все 11 лет, со времени своего удаления на Капри в 26г., ни разу больше не побывал в Риме, ни разу не добрался, не дотянулся до Рима (ставшего для него, кесаря-императора! своего рода мрачным *Петербургом* Гоголя, Достоевского и А.Белого)

Рим шагнул в мир, чтобы принести миру сему *свободу и справедливость*, Рим любил правду-матку, но кому она нужна при Принципате, когда слово разошлось с делом, когда монархия де-факто зовётся (продолжает зваться) республикой-де-юре, когда правда уподобилась проститутке, к-рую все хотят, но никто не любит. И как тут совместить старый Рим с новым, не тронувшись умом. Поистине такое было по силам лишь умевшему усидеть на множестве стульев многоседалищному уникаму Августу!

Нет, Тиберий не для того занял его место, чтобы что-либо менять в его системе, а для того, чтобы лелеять, беречь и хранить, корректируя её, если понадобится, в мелочах, в форме, но никак не в заложенном Августом на века содержании. Он — не творец нового, он — не обновитель, он — всего лишь продолжатель и наследник полученного наследия, и для него вопроса о сути и качестве этого наследия не существует. Впрочем, оно, несмотря на все дальнейшие вариации-интерпретации, продержится, доказав свою живучесть вживе, итого аж 300 лет (!), до тех пор, когда, по миновании разгульного полувекового кризиса IIIв. н.э., Диоклетиан (284 — 305гг.) заменит изживший себя Принципат Доминатом.

⁶³ Покуда Колизей неколебим,
Великий Рим стоит неколебимо,
Но рухнет Колизей — и рухнет Рим,
И рухнет мир, когда не станет Рима. (Байрон)

Не примечательно ли, что Тиберию выпало умереть на 100-м году от воплощения Августа под знаком Козерога в декабре 64г. до н.э. и на 99-м году от его рождения под знаком Весов в сентябре 63г. до н.э. (как раз в дни взятия Помпеем Иерусалима). И уж вовсе не случайно он умер как раз в пору зачатия ок. середины марта 37г. н.э. Нерона, за 9 месяцев до Неронова рождения 15 декабря того же года.

Тиберий родился в год (и даже на следующий месяц после) окончательно похоронившей республиканский Рим, вернее, его идею, исторической октябрьской битвы цезарианцев над республиканцами при македонских Филиппах — 42г. до н.э., в к-рой нашли свой бесславный конец (правильно помещённые у Данте, вместе с Иудой Искарриатом, в предельный 9-й круг ада) Брут и Кассий. Его заделавшийся с убийством Цезаря ярым антицезарианцем отец, Клавдий Нерон, был сторонником Л.Антония и бежал после Перузийской войны (41/40гг.) на Сицилию, к С.Помпею, где сестра последнего подарила маленькому сыну Ливии Друзиллы плащ, пряжку и золотые буллы, к-рые ещё во Пв. Светоний видел в Байях (Тиб. 6).

Из Сицилии семья направилась в Ахайю под покровительство М.Антония и вернулась в Рим не иначе как по вышедшей, вследствие заключения триумвирами с С.Помпеем летом 39г. Мизенского соглашения, мизенской амнистии (!). Затем, в январе 38г., Октавиан лихачески женился на отбитой-уведённой-умыкнутой им у мужа Ливии Друзилле, к-рая тогда была беременна мл. братом Тиберия — Друзом.

В 33г. до н.э. 9-летний Тиберий произнёс с ростральной трибуны лаудационную речь над своим скончавшимся отцом. Это было его первое общественное явление-появление-выступление. В 30г. он, 12-и лет отроду, точнее, на 12-м году, пережил, обретаясь в Риме, эпохальную победу Октавиана над Клеопатрой и Антонием, а летом следующего 29г. сопровождал триумфальную колесницу Августа верхом на левой пристяжной (Тиб. 6). Сравните-сопоставьте период 33 — 30/29гг. до н.э. и (зеркально-противозеркальный оному) период 29/30 — 33гг. н.э. в тиберианской биографии!

Т.е., его жизнь, начиная с жизни в утробе матери, детство и часть отрочества прошли в сумеречное Смутное время беспощадной борьбы старого и нового Рима, беспощадного расщепления римского общества, беспощадного раскола в душах, остаточные симптомы чего он, вернейший августинец-цезарианец, сохранил в своей больной душе, внутри себя, вобрав в себя тысячи осколков, на всю оставшуюся жизнь.

Он женился, уверенно идя до того, внешне и внутренне, ступень за ступенью, по ступеням *cursus honoꝛum*, вверх, в 11г. до н.э. на дочери Августа Юлии, дав, по указке Верховного, (обусловленный целесообразностью гос. резонов) развод своей любимой жене Випсании (дочь М.Агриппы и Помпонии), от к-рой имел сына Друза (род. — 14г. до н.э.), на 31-м году (63 : 2 = 31) отроду. И с тех пор его жизнь медленно поползла под откос. Он (само)удалился в 6г. до н.э. на Родос, отодвинутый на дальнюю скамейку запасных кронпринцев с повозрослением сыновей Юлии (от Агриппы) Гая и Луция, провёл на Родосе, самоссыльно и полуссыльно, 8 лет, до 2г. н.э., и навсегда превратился в отчуждённого островитянина с неисцелимо травмированной душой.

Его сопровождаемая увлечением астрологией *робинзонада* фатально выпала именно на *благовещенско-репатриальную* трёхлетку 2/1 — 1/1 — 1/2гг. до н.э. и н.э. И что включила в себя на метаисторическом уровне эта сознательно недоступная, но растревожившая звёзды, к-рые созерцал, при помощи Фрасилла, островитянин Тиберий, переломная трёхлетка?

Благовещение (апрель 2г. до н.э.) и Рождество (6 января 1г. до н.э.) Иисуса Соломонида; зачатие (9 октября 1г. до н.э.) и рождение (24 июня 1г. н.э.) Иоанна Крестителя; Благовещение (25 марта 1г. н.э.) и Рождество (25 декабря 1г. н.э.)

Иисуса Нафанида; Сретение (2 февраля 2г. н.э.) Иисуса Нафанида; возвращение виффлеемского семейства в Землю Обетования из Египта (апрель 2г. н.э.).

Усыновлённый потерявшим обоих внуков Августом в 4г. н.э. Тиберий сделался младшим сокесарем при Августе в 12г. н.э., когда назаретские отроки, двоюродные братья Иисус Соломонид и Иисус Нафанид, начали свой совместный духовный путь к одухотворительно-слиятельной апрельской Пасхе 14г. н.э. = год Успения Иисуса Соломонида (18 апреля) (знак Овна), год смерти кесаря Августа (19 августа) (знак Льва), с унаследованием ему Тиберия, и год Успения Марии Благодатной (8 сентября) (знак Девы). Засим в 12 – 14гг. н.э. Двое, Иисус и Иисус (*мудрейший* Заратустра и *безгрешный* Второй Адам), становились Одно, чтобы Исцеление пришло в мир, в Палестине! И двое, Август и Тиберий, тоже в это время становились одно, в результате чего жуткий недуг *кесарева безумия* поразил Рим, в Риме! Становились в разных системах координат, становились совсем по-разному, становились не в одних и тех же, но в полярных измерениях-дизенциях.

По итогам первой пятилетки-квинквиналии тиберианского правления, в 19г. н.э., умер в Сирии кронпринц № 1 Германик; спустя 4 года, в 23г., в Риме умер кронпринц № 2 Друз. И с тех самых пор, с 23/24гг., правитель Тиберий начал преобразоваться в тирана, к-рый уединился с 26г. на Капри и пик лютой тирании к-рого пришёлся, с одной стороны, на 26 – 31гг., в сочетании с пиком временщика Сеяна, а с другой, – на 29/30 – 33гг. Т.е., с Сеяном в 29 – 31гг., и главное, без Сеяна, – в 31/32/33гг., когда демоническая *тибериада* достигла своего апогея, пойдя с 34г. на постепенный спад навстречу подступающей смерти.

Да и не есть ли, в сущности, путь навстречу смерти вся человеческая жизнь, к-рую, соответственно, надо прожить, взяв от неё настолько по максимуму, чтобы не было слишком обидно уходить в небытие! И смерть, к-рая никогда не спешит и никогда не опаздывает, пришла (всегда незванная и внезапная гостья) за Тиберием точно в срок, в марте 37г., за, как сказано, 9 месяцев до рождения Нерона, с самоубийством к-рого через 31 год, 9 июня 68г. н.э. (на 98-м году от сражения 2.09.31г. до н.э. у мыса Акций), придёт кирдык всей стартовавшей с Цезаря и Августа династии Юлиев-Клавдиев.

Примечательно, что если Август скончался августовским летом (19.08.14г.), а Тиберий – мартовской весной (16.03.), на следующий день после зловещих мартовских ид (в к-рые 15.03.44г. до н.э. погиб Цезарь), то Калигула будет убит январской зимой (24.01.41г.), тогда как (отравленный грибами) Клавдий умрёт октябрьской осенью (13.10.54г.), и, наконец, Нерон наложит на себя руки июньским летом, после чего роковой круг Принципата Юлиев-Клавдиев, запущенный Августом, смертно пройдя через все 4 времени года, траурно-погребально замкнётся.⁶⁴

Semper mors subest – Смерть всегда рядом; *Memento mori* – Помни о смерти; *Omnia mors aequat* – Смерть уравнивает всех. И ещё (слово Проперция): «*Letum non omnia finit*» – «Со смертью не всё кончается». Воздаяние за гробом неотвратимо. О если бы правители осознанно-осмысленно знали об этом и всегда про это помнили!

⁶⁴ Примечательно, что полярные римскому цезаризму и цезарям-кесарям Евангелия есть (один из ракурсов): от Мф. – *весеннее*; от Мк. – *зимнее*; от Лк. – *осеннее*; от Ио. – *летнее* (Д.И. 1265).

FINITA LA TRAGEDIA

И разумеется, такой несъедобный фрукт, как Тиберий, исходя из того, как он воцарился и дожил в скверне, плюс из того, как его не жалуют античные авторы, не мог для них умереть смертью естественной. По Тациту, после того как (в 17-й день до апрельских календ = 16.03.) дыхание его пресеклось и все решили, что жизнь его покинула, и Гай уже брал бразды правления в свои руки, вдруг Тиберий открыл глаза и к нему возвратился голос. И он попросил принести ему пищи для восстановления сил, и это повергло всех в ужас, и собравшиеся разбежались, снова приняв скорбный вид, и Калигула погрузился в молчание, ожидая для себя самого худшего.

Но Макрон не растерялся и приказал удушить старика, набросив на него ворох одежды (чтобы он под ним задохнулся) и удалившись на порог его спальни (Ан. 6,50). Кушается? Если попытаться реально воспроизвести ситуацию, честно говоря, — не очень: слишком малоестественной получается сцена!

Из тиберианского «Жизнеописания» Светония узнаём — при чём и почему здесь «ворох одежды», поскольку Светоний сообщает о приступе простой лихорадки, после к-рого умирающий попросил есть, а ему не дали, из-за чего-де, согласно одной из версий, он и умер (Тиб. 73). Снова не очень кушается, но, по крайней мере, объясняет «ворох одежды», к-рый набрасывали на зябнувшего старика, тем более, из-за донимавшей его лихорадки, и к-рый теоретически может стать причиной смерти, если больного перезабросать этим пресловутым ворохом, что выглядит игрушечно.

Помимо того, сообразно приводимым Светонием др. версиям, — «Гай подложил ему (Тиберию) медленный разрушительный яд» (73); или «его задушили подушкой, когда он вдруг очнулся и, увидев, что во время обморока у него сняли перстень, потребовал его обратно» (73). А согласно версиям калигулианского «Жизнеописания», Гай через Эннию вкрался в доверие к Макрону и, «как полагают некоторые, извёл Тиберия отравой. Умирающий ещё дышал, когда Гай велел снять у него перстень; казалось, что он сопротивлялся. Тогда Гай приказал накрыть его подушкой и своими руками стиснул ему горло; а вольноотпущенника, к-рый вскрикнул при виде этого злодейства, тут же отправил на крест» (Кал. 12).

По Диону (58,28,2), к-рый частично-обрывочно переключается и со Светонием, и с Тацитом, Гай отказал пришедшему в себя Тиберию в просьбе дать ему поесть, чтобы, мол, пища не нанесла больному вреда, приказав вместо этого накинуть на (поверх) него (к-рого знобило) ворох одежды, от чего, дескать, старик и задохнулся. И помощь в том Гаю оказывал Макрон.

Как видим, античные авторы, ни один из к-рых не современник тиберианской кончины, неуверенно и розно не столько согласуются-синхронизируются, сколько именно переключаются-перезваниваются (по испорченному телефону) друг с другом, заведомо отправляя злодея-кесаря на тот свет насильственной смертью, притом чем дальше от событий, тем — туманнее, в порядке (в пределах I/II/III вв.) хроно-последовательности (Тацит; Светоний; Дион). И ни одна из этих розно-сходных убийственных версий каждого из них не вызывает доверия. Если, с одной стороны, такому махровому тирану никак нельзя позволить умереть естественной смертью, то со стороны др., его должно умертвить смертью для него унижительно-уничижительной.

Однако не тот Тиберий был, как сказано, фрукт, чтобы заведомо не позаботиться о своём, по крайней мере и насколько возможно, непротивоестественном уходе. И искренне преданные ему люди в его окружении имелись. Иное дело, что ему могли не помешать умереть, так как его, необратимо угасавшего старика, на 78-м году

жизни, всё равно неотвратимая смерть, — днями раньше, днями позже, — была желанна большинству его приближённых. Не так ли, к примеру, партийные соратники, опасаясь за свои жизни, всего-навсего, не помешали отбросить хвост (настигнутому на 74-м году отроду инсультом) Сталину (из чего тотчас родились упорно муссирующиеся по сей день версии о его отравительном убийстве).

И поэтому наиболее естественно-убедительной видится донесённая до нас, опять-таки, со слов Светония, версия смерти Тиберия, почерпнутая у современника событий Сенеки, пусть даже неясно, у к-рого из Сенек: у Старшего, — историка, к-рый умер при Калигуле, в возрасте ок. 100-а лет; или у Младшего, — философа (и пестуна-наставника Нерона), к-рому в 37г. ещё не исполнилось и 40-а лет. Так или иначе, Сенека (Старший или Младший) «пишет, что он (Тиберий), чувствуя приближение конца, сам снял свой перстень, как будто хотел его кому-то передать, подержал его немного, потом снова надел на палец и, стиснув руку, долго лежал неподвижно. Потом вдруг он кликнул слуг, но не получил ответа; тогда он встал, но возле самой постели силы его оставили и он рухнул» (73).

Согласитесь, в данной версии нет никакой псевдопикантной интриги, и она же, или именно поэтому она, да ещё из уст современника, и скорее, Сенеки Младшего, чем Старшего, выглядит максимально правдоподобно. И перстень с печатью Тиберий, несомненно, хотел передать Калигуле, к-рого сам и назначил преемником № 1, не намереваясь своё назначение пересматривать, но всё же решил повременить, так и умерев с императорским перстнем на пальце, что и символично, и симптоматично. И Калигула спокойно дождался и дождался его смерти, зная, что власть никуда от него не убежит, и что реальных конкурентов у него нет.

И всё это было прижизненно обделано-обжёвано самим Тиберием, к-рый, с одной стороны, не преступил ни одну из августейших и государственных норм-установок, а с другой — дистанцировался от неминуемой последующей гибели своего родного внука Гемелла (к-рого не мог назначить наследником № 1), за к-рой также просматривалась недолгая эра Гая. *Cessante causa, cessat effectus* — Устрани причину и устранишь следствие. Но Тиберий не был в состоянии устранить ни причину, ни следствие, будучи, правда, в силах позаботиться и наверняка заранее позаботившись о своём собственном (так сказать) естественном конце-учоде.

Плюс к тому, и иной, oprичь Сенеки, современник событий — Филон Александрийский, или родившийся как раз в 37г. Иосиф Флавий (к-рый лет на 20 старше Тацита) ничего не говорят о насильственной тиберианской смерти. Хотя тут есть следующий нюанс. Оба названных автора-иудея дают — Филон — однозначно, а Флавий — умеренно позитивную, в отличие от вышеприведённых античных авторов, характеристику Тиберию.

Дело в том, что для них он — пасынок-преемник иудефила Августа и сын иудефилки Ливии-Юлии на фоне дальнейших тронных иудефобов (и это, несмотря на антииудейские постановления, принятые при Тиберии!). Для Филона («Против Флакка» 1; 3; «Посольство к Гаю» 2; 6; 21; 23/24; 26; 38) — на фоне резко контрастирующего с Тиберием Калигулы; для Флавия (И.д. 18,5/6), к-рый отмечает и позитив, и негатив в двойственном-двойком Тиберии, — на фоне безбашенно-негативных тиранов и антагонистов еврейства — Калигулы и Нерона.

Если кощунник Калигула уподобился Антиоху Эпифану, приказав водрузить свою статую в Иерусалимском храме (40г.), современником чего был Филон, то при кощуннике Нероне началась приведшая к разрушению Иерусалима и гибели Храма катастрофическая Иудейская война (66 — 70 — 73г.), современником и участником к-рой (сперва — с иудейской, затем — с римской стороны) был Флавий. Более того, римские противоиудейские акты (19, 29, 34гг.) и факты времени правления Тиберия связываются и Филоном, и отчасти (плохо информированным по

периоду I – 37гг.) Флавием сугубо с Сеяном (Рим) и с Пилатом (Иудея), к-рые, по (конъюктуристу) Филону, действовали якобы помимо и даже вопреки справедливому, не в пример Калигуле, государю Тиберию, к-рый казнил иудея Сеяна и дал заслуженный нагоняй (а позднее и отставку за злоупотребления) иудею Пилату.

При всех случаях, и Филон, и Флавий молчат о каком-либо убийстве Тиберия Калигулой, о чём Филон явно не умолчал бы, услышь он хотя бы краем уха нечто такое, нечто настолько компрометирующее ненавистного ему Калигулу (пишучи при благоволившем к иудеям и тоже всюю не расположенного к издевавшемуся над ним Калигуле, к-рого он сменил, Клавдии). Следовательно, нам остаётся присоединиться к наличествующей у Светония смертной версии Сенеки, к-рую, к тому же, косвенно подтверждает молчание об удушении или отравлении ядом (и т.д. и т.п.) в писаниях Филона или Флавия.

Между тем, и очень не жалующие Тиберия Тацит или Дион (уж не говоря о положительно-отрицательной портретной мозаике, свойственной Светонию) констатируют эксклюзивную тиберианскую раздвоенность. Тацит: «...жизнь его была безупречна, и он заслуженно пользовался доброю славой, покуда не занимал никакой должности или при Августе принимал участие в управлении государством; он стал скрытен и коварен, прикидываясь высокодобродетельным, пока были живы Германик и Друз; он же совмещал в себе хорошее и дурное до смерти матери; он был отвратителен своею жестокостью, но таил ото всех свои низкие страсти, пока благоволил к Сеяну или, быть может, боялся его; и под конец он с одинаковою безудержностью предался преступлениям и гнусным порокам, забыв о стыде и страхе и повинувшись только своим влечениям» (Ан. 6,51). Дион: «Это был человек со многими добрыми и многими худыми качествами, и когда он выказывал добрые, казалось, что худых у него нет, и наоборот...» (58,28,5)

Ни Тацит, ни др. античные авторы не понимают глубинных причин и мотивов разрушительной извне и саморазрушительной изнутри личностной деградации Тиберия, по-разному, ищучи их в исконной порочности его природы или во взятом им на пагубное вооружение злоупотреблении порочным единовластием, доставшимся ему в наследство от не злоупотребившего им Августа. Античники-язычники не ведают о вселенском Событии Голгофы, и потому не могут, что называется, свести концы с концами, или сводят их неубедительно, оставляя многие вопросы без ответов. Ни один римский кесарь не был столь самокритичен, как Тиберий, и не один не отдавался пороку столь сознательно, как он.

Это был оригинальный двуликий Янус, как и Август, но если для не случайно сделанного прозорливым Цезарем наследником его дела Августа властный иерархический дуализм, с видимостью равенства, являлся естественным состоянием, то Тиберия невыносимая двойственность рассекла надвое заживо. И он был раздвоен всё время своего правления, неумолимо всё больше подпадая, словно медленно погружаясь в зловонное болото, своей тёмной половиной, к-рая со временем перестав быть половиной, почти полностью поглотила его, почти целиком возобладала в нём, над ним, оставив лишь небольшой кармический просвет с надеждой на грядущее.

* * *

Если Август прошёл через эзотерическое посвящение и не злоупотребил оным, то Тиберий (первым, но далеко не последним из римских кесарей) отравился декадентной инициацией, не выдержав испытания и постепенно захлебнувшись-задохнувшись его последствиями. Этот Телемак был хорош при Одиссее, как бы продолжая-довершая после Одиссея избивание-убийство женихов Пенелопы, под к-рой

для него экзистировала уже только Рома, но никак не Амог. Начав *Тиберином*, к-рый спас Рею Сильвию, он сделался затем *утопленником*, к-рый возвратился-восстал со дна реки зомбированной *капитолийской волчицей*. То-то, по одной из версий, от брака Телемака и Кирки родился эпоним латинян – Латин (к-рому преемствовал пращур Юлиев – бежавший из горящей Трои Эней – отец основателя Альба-Лонги – Аскания Юла).

Причём, если Август был декадентом в молодости, впоследствии преодолев пороки и став гораздо лучше в зрелости и старости, то Тиберий, напротив, шёл жизненными путями по нисходящей. Если мастерски огосударствивший дело и обессмертивший имя великого Цезаря (великий комбинатор) Август⁶⁵ умер в Ноле, в спальне, в к-рой некогда умер его отец Г.Октавий, то первый из ряда одиозных кесарей 500-летнего императорского Рима (до конца истории Древнего мира) деградант Тиберий⁶⁶ (к-рый о почитании бессильных старых богов, предпочитая астрологию, мало беспокоился) умер на Мизенском мысу, над Неаполитанским заливом, умер на виле сорвавшегося в беспросветные сумерки ставших демонами старых богов вырожденца Лукулла. Если Август уподобим пчеле (отнюдь не без наличия у него, при необходимости, запасного осинового жала) и делателю пчелиных сот, то уединившийся в свитом им на каприйской островной пасеке осином гнезде Тиберий подобен осе (или шершню) и делателю сот осиных.

Хотя не начались ли несчастья Августа со 2г. до н.э., когда в Палестине инкарнировался апрельской весной Иисус Соломонид, после чего осенью в Риме разразился скандал Юлии Старшей и дальше удары судьбы наносились Августу один за другим – во 2, 4, 8, 14гг. н.э., когда, т.е. в 14г., в Иеруслиме свершилась одухотворительно-слиятельная пасхальная Мистерия соединения-воссоединения феноменов-существ Иисуса Соломонида (*Звёздный Принц*) и Иисуса Нафанида (*Солнечный Дофин*), по весеннем свершении которой, летом, кесарь Август умер.

А оказавшийся политическим современником Иисуса из Назарета и особенно современником посткрещенского Иисуса Христа – Царя Царства не от мира сего – царь царства именно от мира сего кесарь Тиберий в 30 – 33гг., само собой, не мог и не смог, как Христов (Первосвященника вовек по истинно Царскому чину Мел-

⁶⁵ С весёлым ржанием пасутся табуны,
И римской ржавчиной окрасилась долина;
Сухое золото классической весны
Уносит времени прозрачная стремнина.

Здесь, Капитолия и Форум вдали,
Средь увядания спокойного природы,
Я слышу Августа и на краю земли
Державным яблоком катящиеся годы.

Топча по осени дубовые листья,
Что густо стелются пустынной тропинкой,
Я вспоминаю Цезаря прекрасные черты –
Сей профиль женственный с коварною
горбинкой!

Да будет в старости печаль моя светла:
Я в Риме родился, и Рим ко мне вернулся;
Мне осень добрая волчицею была
И – месяц Цезарей – мне август
улыбнулся.
(Мандельштам)

⁶⁶ Светоний: «Телосложения он был дородного и крепкого, росту выше среднего, в плечах и в груди широк, в остальном теле статен и строен с головы до пят. Левая рука была ловчее и сильнее правой, а суставы её так крепки, что он пальцем протыкал свежее цельное яблоко, а щелчком мог поранить голову мальчика и даже юноши. Цвет кожи имел белый, волосы на затылке длинные, закрывающие даже шею, – по-видимому, семейная черта. Лицо красивое, хотя иногда на нём высыпали прыщи; глаза большие и с удивительной возможностью видеть и ночью и в потёмках, но лишь ненадолго и тотчас после сна, а потом их зрение вновь притуплялось. Ходил он, наклонив голову, твёрдо держа шею, с суровым лицом, обычно молча: даже с окружающими разговаривал лишь изредка, медленно, слегка поигрывая пальцами. Все эти неприятные и надменные черты замечал в нём ещё Август и не раз пытался оправдать их перед сенатом и народом, уверяя, что в них повинна природа, а не нрав...» (Тиб. 68)

хиседека) державнейший антагонист-антипод, устоять на высоте своего положения, рухнув в духовную пропасть. Не был ли он верховным (римским) понтификом-маximus, к-рый так и не понял, что же именно произошло в Палестине, мучительно догадываясь вслепую-вглухую, что там случилось нечто из ряда вон выходящее, таинственнейшей весной 33г. н.э.!

Вот, зная что, вот, зная о чём, вот, учитывая что и исходя из чего, следует братья за жизнеописание Тиберия, вот без знания, понимания и осознания чего феномен его эволюции и инволюции, феномен его личностной деградации, феномен разрушения и расщепления его личности невозможно постичь. И не случайно за несколько дней до его кончины башня маяка на Капри, по слову Светония, рухнула от землетрясения (Тиб. 74). Кстати, весной того года Землю вообще трясло, как и весной 33г. н.э. Так, 9 апреля 37г. мощным землетрясением была разрушена Антиохия Сирийская.

При всём том, характерно и то, что если убитого Цезаря горько оплакивали, а по умершему Августу искренне скорбели, то смерти Тиберия радовались и рукоплескали. Светоний пишет: «Смерть его вызвала в народе ликование. При первом же известии одни бросились бегать, крича: «Тиберия в Тибр!», другие молили Землю-мать и богов Манов не давать покойнику места, кроме как среди нечестивцев, трети грозили мёртвому крюком и Гемониями. К памяти о былых неистовствах прибавлялась последняя жестокость. Дело было в том, что по решению сената казнь приговорённых свершалась только на 10-й день; и вот, для некоторых день кары совпал с вестью о смерти Тиберия. Они умоляли всех о помощи, но Гай ещё не появлялся, заступиться и вмешаться было некому, и стража, во избежание противозакония, задушила их и сбросила в Гемонии. От этого ненависть вспыхнула ещё сильнее: казалось, что и со смертью тирана зверства его не прекращаются. Когда тело вынесли из Мизена, многие кричали, что его надо отнести в Ателлу и поджарить в амфитеатре, но воины перенесли его в Рим, и там оно было сожжено и погребено всенародно» (Тиб. 75).

Творец нового императорского Рима Цезарь ушёл диктатором, но не царём и не тираном; создатель имманентно-симбиозно-амальгамированной вертикали⁶⁷ кесарско-республиканского = принципатовского облика-покроя Август – не тираном, а (виртуозно нарекшись им) принцепсом; Тиберий же уходил и ушёл именно мрачным и порочным тираном (человекоубийцей, душегубом, развратником и извращенцем), что было худшим (со дней изгнания Тарквиния Надменного) нарицанием-поричанием в восприятии, в ментальности римлян.

И это именно он отвечал в их глазах за наступление сменившего *золотой* августейший век века *железного*, надежду на преодоление к-рого в пользу века *новозолотого* теперь горячо связывали с сыном принадлежавшего-де *золотому* веку (и угробленного Тиберием) Германика Калигулой. Посему преследовавшая умершего большую часть жизни неприязнь к нему множества окружающих, ныне, превратившись за 22 года и 7 месяцев его правления в глущую ненависть и отвращение, провожала-сопровождала его и в смерть.

Притом он и сам слишком много сделал для того, чтобы его, соглашаясь с ним, боялись и ненавидели, пренебрегая в сумерках богов как старыми богами, так и посмертным бесславием или посмертной славой. И всем было глубоко наплевать

⁶⁷ «Люди становятся тиранами не потому, что испытывают к этому призвание, но и не по чистой случайности. Человек с подобным призванием обычно предпочитает короткий путь и тиранит собственную семью, тогда как настоящие тираны обычно застенчивы и ужасно скучны в быту. Орудие тирании – политическая партия (или армия, чья структура не отличается от партийной), ибо для того, чтобы забраться на вершину чего-то, нужно иметь нечто, чему свойственна вертикальная топография» (Бродский «О тирании»).

на оставляемую им преемнику упорядоченность в финансах или в прочих, внутренних и внешних, делах Рима и Империи, поскольку надо всем доминировал мрак духовного и душевного (что Рим и римляне сводили в одно на уровне души = психики, не различая за ней дух = пневму) кризиса, к-рый инкриминировался (отчасти своеобразному *козлу отпущения*) Тиберию.

И не нашлось для него добрых слов ни у языческих, ни у христианских авторов⁶⁸ вплоть до подчас весьма сомнительного переосмысления истории в новое-новейшее время, когда некоторые (новоязыческие и рационал-атеистические) авторитеты (или отъявленные государственники), бросившись из одной крайности в другую, попытались сделать из него (ставшего-де жертвой тенденциозного пера Тацита и др. античных источников) чуть ли не наилучшего правителя (для к-рого *Staatsrezon* превыше всего) Римской империи (Д.И. 1106-16).

«Тиберия в Тибр», – мол, не кремировать покойника, как положено, но сбросить, ставив крючьями по Лестнице плача (Гемонии), в реку, как сбрасывались для усугубления позора тела казнённых преступников и как годами стаскивались-сбрасывались многочисленные жертвы самого Тиберия (в Риме, не считая тех, кого убивали, в его или не в его присутствии, на Капри). Помимо того, и утопленнику Тиберину в трупном посиневше-позеленевшем тиберианском облике всплывать-оживать негоже! Стало быть, – «Тиберия в Тибр!»⁶⁹

Дальше – больше. Праху таких, как он, либо вовсе (как, например, мавзолейному Ленину) нет места в лоне-утробе Матери-Земли, куда человеческие телестанки возвращаются посмертно (в связи с чем на опыте Ленина можно сказать, что земля, всё-таки, не каждого принимает), либо оно – среди нечестивцев, в аду (в геенне), и потому пусть души умерших (Маны) поступят с ним, изгнав его из своего сообщества, соответственно.⁷⁰

Тем временем, пока некоторые из торжествующего-неистовствующего народа грозили крюком и Гемониями уже мёртвому, эта участь постигла тех, кто на момент его смерти были, как приговорённые к смерти, ещё живы. После скоропалительной казни в 21г. рифмоплёта Клутория Приска, к-рый поспешил написать погребальный плач на смерть выздоровевшего тогда кронпринца Друза, за что был быстро осуждён-приговорён сверхсервильными отцами-сенаторами и казнён, не кто иной как (находившийся в ту пору в кампанской отлучке) Тиберий настоял на (гуманистическом) сенатском постановлении о 10-дневном интервальном сроке между приговором и казнью. Зачем? Дабы принцепс имел возможность приговор смягчить, чего он, согласно Тациту, ни разу не сделал.

И вот кесарь мёртв, в то время как 10-й день для смертников наступил. Спрашивается, что делать? Никаких помиловательных распоряжений не поступило (просто некому было этим заняться) и стража решила, что лучше соблюсти закон (ибо закон есть закон), чем рисковать собственной шкурой посредством его нарушения, в силу чего приговорённые (именем умершего тирана) были казнены и сброшены на Гемонии. Удостоверьтесь, он и с того света продолжает лютовать-зверствовать!

⁶⁸ Если в IVв. язычник Евтропий (7,11) вменяет Тиберию «отталкивающую жестокость, позорную алчность и гнусную похотливость», то в Vв. христианин Орозий (7,4,7) говорит о превращении справедливого государя в неистовую бестию.

⁶⁹ Бобо мартва, но шапки не долой. (Бродский)

⁷⁰ Слух различает в ропоте листья жаргон, которым пользуются души, общаясь в переполненном аду. (Бродский)

Ателла – город, откуда изошли фарсы-ателланы (и к-рый пользовался в римской Италии репутацией болгарского Габрова) находился недалеко от Мизенского мыса, между (грекофильским) Неаполем и (гладиаторской) Капуей. Отсюда насмешливые предложения отнести презренный трупак в Ателлу – на родину пародийных ателлан, и поджарить (что означает заменить форменную кремацию издевательским сожжением тела наполовину) там в амфитеатре, т.е. на потеху зевакам.

Тем не менее, если, с одной стороны, ликующий Калигула, кому сенат уже 18.03. присвоил имя «Август», оснастив его всеми августейшими полномочиями-инсигниями и, главное, объявив тиберианское завещание о равноправном престолонаследовании Калигулы и Тиберия Гемелла, ввиду юности последнего, недействительным, отнюдь не препятствовал насмешкам над погубившим его мать и братьев покойником, то со стороны другой, все внешние траурные приличия в отношении венценосного мертвяка были чинно соблюдены.

Воины-преторианцы перенесли тело в Рим, как в 14г. из Нолы несли тело Августа (с той разницей, что относительно августейшей кончины, люди, в большинстве искренне оплакивая её, не злорадствовали), и 29.03., по прибытии в город днём раньше, его кремировали на Марсовом поле, после чего урну с прахом положили в августовский мавзолей. Гай, как и положено, произнёс лаудационно-погребальную речь.

Но умерший спустя 80 лет (плюс 1 день) после погибельных для Цезаря мартовских ид Тиберий⁷¹ никогда не был ни, подобно Августу, консекрирован-дивинизирован (никто так и не увидел его образ, воспарившим к небесам), ни кем-либо официально осуждён-проклят (*damnatio memoriae*), оставшись в столь присущем ему раздвоенно-расщеплённом, в полуподвешенно-двойниковом состоянии⁷² (как бы зловеще поджаренный наполовину!) и в смерти.⁷³

⁷¹ Он видел, кроме родного Тибра в городе-на-Тибре, и Рейн, и Дунай, и Евфрат, к-рые своими величественными потоками отображают-олицетворяют-воспроизводят Время. Он часами наблюдал с высоких отвесных скал на Родосе и на Капри (превращённое Римом во внутреннюю купель *Impregium Romanum* Средиземное) море – филиал Океана – Пространства и Вечности. И он ушёл в смерть, как в Вечность, м.б., (пере)доверившись звёздам, к-рые снова и не раз искупительно приведут его, великого грешника, во Время, чтобы путём невероятных страданий, через не комедию, но трагедию жизней, всё же пробиться сквозь тернии к истинным Звёздам.

⁷² «Средняя продолжительность хорошей тирании – 10-15 лет, 20 – самое большее. За этим пределом неизбежно соскальзывание в нечто весьма монструозное. Тогда мы имеем дело с величием, проявляющимся в развязывании войн, или террора внутри страны, или того и другого вместе. Природа, слава Богу, берёт своё, иногда, правда, пользуясь как своим орудием соперником тирана и, как правило, вовремя, т.е. прежде чем наш герой задумает обессмертить своё имя чем-нибудь кошмарным. Молодые кадры, к-рые вовсе не так уж молоды, нажимают снизу, выталкивая его в голубые пределы чистого Хроноса...» (Бродский «О тирании»)

⁷³ Зима на Капри выдалась на славу,
Тепло, светло и море не штормит,
Стал остров императорским анклавом,
На нём живёт сановный *эремит*.

Его душа дымится, как Везувий,
На море штиль, серебряная зыбь,
Он как-то и разумен, и безумен,
А смерть к нему идёт под знаком Рыб.

Тиберий, ты – обдолбанный затворник
На острове Венераиных страстей,
Эротике предпочитаешь порно,
Когда зима и лето на хвосте.

Да, ты умён умом не азиата,
Как старый Рим, попавший на Восток,
Но в точке невозврата ты с Пилатом,
И оба вы – навеки под крестом.

(К.3.)

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОХОД ВИТЕЛЛИЯ ПРОТИВ АРЕТА НАБАТЕЙСКОГО И ИЕРУСАЛИМСКАЯ ПАСХА 37г.

«Приготовив для войны с Аретом два легиона и присоединив к ним тех легковооружённых и всадников, к-рых ему предоставили подвластные римлянам царьки, Вителлий между тем двинулся к Петре (столице Аравии) и прибыл (сперва) в Птолемаиду. Когда же он собрался повести своё войско через Иудею, к нему навстречу вышли наиболее влиятельные граждане и умоляли его не проходить через их страну, так как по закону они не вправе разрешить внесение в Иудею тех изображений, к-рые в таком значительном числе имеются на его знамёнах. Вителлий согласился, изменил своё первоначальное решение и, велев войску идти по великой равнине, сам в сопровождении тетрарха Ирода и некоторых друзей своих поехал в Иерусалим, чтобы, ввиду наступления иудейского национального праздника, принести там жертву Предвечному. Здесь он был восторженно принят населением и пробыл там три дня, в течение к-рых отнял первосвященство у Ионафа и поставил на его место брата его Феофила. На четвёртый день он получил письменное извещение о смерти Тиберия и потому привёл население к присяге на верность императору Гаю Калигуле. Вместе с тем он отозвал также своё войско и распустил его на зимние стоянки, так как теперь, с переходом престола к Гаю, Вителлий не имел уже полномочия продолжать войну. Рассказывают, что и Арет, при известии о походе Вителлия, стал гадать по полёту птиц и пришёл к заключению, что неприятельское войско не дойдёт до Петры: из военачальников сторон умрёт либо тот, кто начал войну, либо тот, кто отдал приказание к наступлению войск, либо тот, против кого направлен весь поход.

Таким образом, Вителлий вернулся в Антиохию...» (И.д. 18,5,3)

Итак, получив не ранее осени/зимы, или, скорее, зимы 36/37г. приказ Тиберия покарать набатея Арета за самовольную войну против Антипы, Вителлий выступил весной 37г. из Антиохии, во главе 2-х (из 4-х сирийских) легионов и аукзилиарных пехотинцев, плюс всадников, предоставленных местными династами, в карательный поход маршрутом сначала вдоль сиро-финикийского побережья на Птолемаиду, чтобы затем через Палестину идти на заиорданскую столицу набатеев — Петру Аравийскую.

Однако в Птолемаиде к нему явилось посольство из влиятельных иудеев с просьбой не вести римское воинство с подзапретными для еврейства изображениями на штандартах через Иудею. В ответ иудеофильски настроенный, что явствует из его поведения во время посещения Иудеи весной прошлого 36г. (см. выше), римский легат (зная, к тому же, о конфликте 32/33г. между Иудеями и Пилатом из-за выставления последним принесённых из Кесарии щитов с императорскими вензелями в Иерусалиме) согласился и приказал войску маршировать через долину Изреель, с последующим переходом через Иордан и продолжением пути через Иорданскую долину вдоль восточного берега реки. А сам, в сопровождении обиженного Ирода Антипы (по жалобе к-рого на Арета и вершился санкционированный Тиберием поход) и группы приближённых, проследовал, разумея присоединиться к войску в Заиорданье позже, в Иерусалим, дабы принести там празднично-пасхальную жертву.

Впрочем, на этот раз, в отличие от прошлогоднего, Флавий не называет праздник Пасхи открытым текстом, говоря об иудейском национальном празднике, и, тем не менее, совокупность повествования, во взаимосвязи, равно при синхронизации событий, безошибочно указывает именно на праздник Пасхи, к-рый пришёлся в

37г. на 18/19.04. (14/15 нисана). Т.е., надо понимать, Вителлий выступил из Антиохии ещё до разрушительного землетрясения 9.04., прибыв в Иерусалим если не 14-го нисана, то, во всяком случае, в ходе семидневного праздника опресноков 15-21 нисана = 19-25.04.

Помнившее о возвращении им в прошлом году иудеям на хранение первосвященского облачения (хранившегося с бг. в римской гарнизонной цитадели Антония) местное население встретило его, нынче снова пошедшего иудеям на уступку, само собой, восторженно. Он же, находясь в Иерусалиме, сместил первосвященника Ионафа (сын Анны), к-рого назначил вместо Каиафы (зять Анны) год назад, и поставил на архипастырство брата Ионафа – Феофила (сын Анны). Посему первосвященское верховенство, по-прежнему, осталось за могущественным кланом (Анны), властно-первосвященские prerogatives к-рого очередная вителлианская рокировка не затронула.

Далее, как мы помним, Вителлий нисколько не горел желанием воевать за Антипу, кто был при нём в 36г. на Евфрате, в процессе достижения договорённостей с Артабаном Парфянским, о результатах к-рых галилейско-перейский тетрарх очень поспешил, опередив императорского легата, сообщить Тиберию, из-за чего легат затаил на него обиду.

И вот воевать против Арета, к радости Вителлия, римлянам не пришлось, так как на 4-й день его пребывания в Иерусалиме, следовательно, в 20-х числах апреля, сюда пришла-дошла весть о кончине Тиберия, под ауспигиями к-рого легату войну предстояло вести, и ведение к-рой, со смертью императора, сошло на нет до новых распоряжений от преемствовавшего Тиберию Калигулы. Причём обратим тут внимание на время между смертью Тиберия 16.03. и днями опресноков в 20-х числах апреля 37г. Посему весть об императорской кончине дошла из Италии до Сирии/Палестины за 5 недель – срок вполне достаточный.

Так, если уже предвкушавший наказание Арета Антипа остался, к своей глубокой досаде, с носом⁷⁴, то удовлетворённый Вителлий привёл иудев к присяге на верность нововенченному Калигуле, подтверждение чего имеется, помимо Флавия, также у Филона («Посольство к Гаю» 32), и повёл два готовившихся показать Арету «Кузькину мать» легиона назад, на место их постоянной дислокации (к-рую Флавий кличет «зимними стоянками») в Сирию.

Таким образом, весной 37г. царствовавший с 5г. до н.э. над набатеями Арет IV избежал худшей для себя участи. Мало того, что он не лишился головы и не предстал в цепях перед Тиберием, вскоре Калигула не только откажется от его наказания, но и поощрит набатейского вассала (в пику Ироду Антипе с подачи Ирода Агриппы) присоединением к Аретовым владениям Дамаска.

Да, ничего не скажешь, полёт птиц, по к-рому, согласно Флавию, Арету (кто, следует думать, и раньше, ещё в 36г., перед тем как отмстительно-разорительно вторгнуться во владения Антипы, заручился удачными предсказаниями-предзнаменованиями) довелось гадать об исходе дела, не имея иных возможностей на это дело повлиять, оказался для набатейского царя гадательно весьма благоприятным. Умер не тот, против кого был направлен поход, и не тот, кто отдал приказ к наступлению войск, к-рые, действительно, не дошли до Петры, а тот, кто (как бы) начал войну, т.е. Тиберий.

⁷⁴ Обращает на себя внимание умение Ирода Антипы (Ирод в миниатюре) наживать себе врагов: сначала – Арет, затем – Пилат, потом Вителлий. Причём помириться ему удалось (за счёт Иисуса) только с Пилатом (увильнув, впрочем, по-лисьи, от решения участи уничиженного им Назарянина, в К-ром он напрасно чаял найти мага и волшебника, чтобы увидеть какое-нибудь содеянное Им чудо, и переложив всю ответственность на Пилата).

Хотя, по большому счёту, если уж говорить о начале войны полнообъёмно и начистоту, то блиц-войну против воинства Ирода начал и оперативно выиграл не кто иной как с 30г. точивший на него (экс-зятя) зуб (экс-тесть) Арет. И всё-таки, удача остаться целым-невредимым за совсем немалую по римским меркам провинность (из-за подобной к-рой, повторим, самовольно повоевавший арабов Ирод Старший довольно долго был в 6/5гг. до н.э. в опале у Августа), более того, удача остаться в итоговом выигрыше, улыбнулась в 36/37гг. именно везунчику Арету.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ ИРОДА АГРИППЫ

Ещё одним везунчиком стал весной 37г. протомившийся ок. 6-и месяцев, с лета/осени 36г., в заключении, по тиберианскому велению, длинноязыкий Ирод Агриппа, о сносных условиях содержания-существования к-рого в тюрьме заботилась Антония и к-рому тоже пришла на выручку смерть Тиберия.

В 8/9-м разделах 6-й гл. 18-й кн. «Древностей» Флавий, сообщив о положении заточённого Агриппы, рассказывает достаточно примитивные, скорее, протиберианские пост-байки (что обращает на себя внимание, так как Тацит, Светоний, Дион пользуются, в основном, протитиберианскими источниками) о выборе кесаря между Гаем и Гемеллом, о том, что он якобы склонялся к Гемеллу, но фаталистически, предоставив, дескать, решение предзнаменательной судьбе, вверил царство Гаю, чего, разумеется, не было.

Насколько мало Тиберий видел в Гемелле своего реального, наряду с Гаем, сонаследника-преемника, или реального Гаева соправителя, говорит уже то, что не усыновлённый Тиберием Гемелл, 18-и лет отроду на 37-й г. н.э., всё ещё не надел при Тиберии тогу зрелости, к-рую мог надеть в 14/15/16 лет, и не сделался предводителем молодёжи (*princeps iuventutis*), удостоенный того и другого лишь при Калигуле, к-рый, перед тем как его цинично убить-устранить, проявлял к нему поразительное (троюродно-) братское великодушие. (Правда, Диоскуров из них не получилось!)

Т.е. Тиберий никогда не рассматривал Гемелла всерьёз, завещательно соблюдая приложительно к нему, всего-навсего, завещанные Августом нормы т.н. дуалистического Принципата и дедовской, с позволения сказать, человечности. Гемелл изначально был вместе с Гаем, в отличие от Гая, якобы сонаследником Тиберия, к-рый в его вопросе попросту умыл руки, предоставив дальнейшее решение его участи, скорый убийственный финал к-рой он, бывалый волчара, не мог не предполагать, не просчитать, на усмотрение Гая. Мол, ты, конечно, обречён, внучек (коли ты не выблядок Сеяна), но я тут, извини, совершенно не при чём. Да и не по силам было Тиберию изменить в сложившейся ситуации, при живом Гае, (искони обречённую) Гемеллову долю. Гай был на 7 лет старше и сенат с народом очень хотели видеть-иметь кесарем именно его, воцарение к-рого де-факто по сути и гарантировало составленное Тиберием ещё в 35г. завещание, независимо от того, что оно декларировало де-юре.

В 10-м разделе 6-й гл. 18-й кн. «И.д.» Флавий констатирует кончину Тиберия, равно становление Гая четвёртым, считая с Цезаря, римским императором, и одновременно говорит здесь, словно в противовес сказанному ранее, о преступлениях, совершённых жестоким правителем Тиберием, и о радости римлян, «при извещении об его смерти». Ниже читаем:

«Узнав о смерти Тиберия, вольноотпущенник Агриппы, Марсия, поспешил к последнему, чтобы сообщить ему эту добрую весть. Он застал его отправляющимся на купание, наклонился к нему и по-еврейски шепнул ему на ухо: «Лев умер!»

Агриппа сразу понял смысл этих слов, очень обрадовался и сказал: «Я тебя отблагодарю за все твои услуги и за эту добрую весть. Лишь бы это была правда». Сотник, к-рому было поручено наблюдение за Агриппой, видя, с какой поспешностью прибыл Марсия и какую радость вызвали в Агриппе слова его, подумал, не случилось ли что-нибудь особенное, и спросил их об этом. Те сперва старались уклониться от ответа, но когда сотник стал приставать к Агриппе, последний (успевший уже снискать его благоволение) открыто рассказал ему дело. Сотник разделил радость Агриппы, предвидя выгоду и для себя, и предложил ему вместе пообедать. Пока они ещё сидели за столом и наслаждались вином, пришёл кто-то с известием, что Тиберий жив и через несколько дней вернётся в город. Тогда сотник страшно испугался, совершив проступок, за к-рый полагалась смертная казнь, а именно, что он при известии о смерти императора радостно пировал с арестантом. Поэтому он столкнул Агриппу с ложа и воскликнул: «Да разве ты думаешь, что безнаказанно обманул меня с известием о кончине императора? Ведь ты за это заплатишь мне головой своей». Затем он приказал вновь заковать Агриппу в цепи, к-рые он перед тем снял с него, и усилил за ним надзор. Это была страшная ночь для Агриппы.

На следующий день, однако, по городу распространилось известие, подтверждающее кончину Тиберия; теперь население уже не боялось открыто говорить об этом; некоторые лица даже стали приносить (благодарственные) жертвы. Тем временем были получены послания от Гая. Одно из них было адресовано в сенат, к-рому Гай сообщал о смерти Тиберия и о том, что престол перешёл к нему. Другое письмо было получено городским префектом Пизоном с тем же известием и приказанием освободить Агриппу из военной тюрьмы и перевести его в дом, где он жил до своего ареста. Теперь он мог спокойно ожидать будущего. Правда, он был ещё подвержен аресту и охраняем стражей, но мог жить по своему усмотрению.

Когда затем Гай прибыл с телом покойного Тиберия в Рим и, по римскому обычаю, устроил пышные похороны, он хотел в тот же самый день освободить Агриппу. Однако Антония отговорила его от этого, впрочем, не из нерасположения к арестанту, а потому что заботилась о том, чтобы Гай не скомпрометировал себя и не навлёк на себя обвинения, будто так обрадовался смерти Тиберия, что немедленно освободил человека, подвергнутого покойным императором тюремному заключению. Впрочем, по прошествии нескольких дней Гай послал за Агриппой, велел его привести во дворец, поручил его заботам своего братора и портного, а затем возложил ему на главу диадему и провозгласил его правителем тетрархии Филиппа, к к-рой присоединил ещё тетрархию Лисания. Вместо той железной цепи, в к-рую был закован Агриппа, он подарил ему золотую такого же веса. Начальником стоящей в Иудее римской кавалерии он назначил Марулла» (И.д. 18,6,10).⁷⁵

Должно быть, вольноотпущенник Агриппы Марсия узнал о смерти Тиберия, что называется из первых (калигулианских или антонианских) рук-уст, с чем и поспешил к Агриппе, к-рый, как видим, сидел (заботами пользовавшейся особым тиберианским благорасположением Антонии и, из-за её спины, осторожно-настороженного Калигулы) в военной тюрьме для гос. преступников не без привилегий, могучи якшаться с посетителями, принимать душ и т.д. Сотник же, относившийся к сановному (ввиду его сановной покровительницы) арестанту мягко, ещё ничего не знал о случившемся, узнав от узника, с к-рого (с друга нового кесаря Гая) он расторопно приказал снять цепи и пригласил его совместно отобедать.

⁷⁵ Кстати, из последнего предложения явствует, насколько тут малокомпетентен анонимный источник Флавия, к-рый Флавий без корректуры цитирует, называя *всадника* Марулла, назначенного Калигулой наместником Иудеи, «начальником стоящей в Иудее римской кавалерии».

Однако во время их трапезы внезапно пришла дезинформация, такое нередко бывает, когда умирают затерроризировавшие подданных живучие деспоты (к-рые кажутся бессмертными и свирепо продолжают экзистировать в своих привычках посмертно), что Тиберий жив-здоров и скоро зайвится в столицу собственной персоной. Можно себе представить как ужас сотника, так и ужас вновь закованного, по сотникову паническому приказу, в кандалы Агриппы, к-рый всю ночь, с минуты на минуту, ожидал, как и (готовый расправиться с ним) сотник, расправы над собой.

Но на следующий день всё прояснилось. Деца была опровергнута, о конце Тиберия повсюду (за)говорили открыто, многие приносили благодарственные жертвы, при этом в открытую отнюдь не столько за смерть старого кесаря, сколько во здравие-благо нового, что было, учитывая камуфляж, в сущности, одно и то же. Короче: «Король умер, да здравствует король!»

И вскоре пришли послания от Гая, адресованные – одно сенату, к-рый 18.03., при ворвавшемся в курию народе, сделал Калигулу, можно сказать, по просьбам трудящихся, августейшим единовластником, тогда как другое – городскому префекту Л.Кальпурнию Пизону – с распоряжением перевести раскованного Агриппу из военной тюрьмы под льготный домашний, по месту его проживания в Риме, арест до времени прибытия в город Гая.

Гай же прибыл с подлежащим кремации на Марсовом поле телом Тиберия, как сказано, 28.03. и хотел тотчас торжественно даровать Агриппе свободу, удержанный от этого Антонией, посовествовавшей ему не спешить во соблюдение пресловутых внешних приличий (поскольку Агриппа томился в заточении именно за то, что неосторожно пожелал однажды престолонаследнику Гаю – ни больше, ни меньше – скорейшей кончины Тиберия).

Gesagt – getan. Калигула последовал совету бабки, послав за Агриппой, по Флавию, спустя несколько дней, т.е. оптимально ок.1 апреля 37г., уже являясь, благодаря проявленному различными слоями римского общества-населения (= гражданами республики *restituta*) завидному монархическому единодушию, абсолютным республиканским единовластником.

Если власть (над государством, к-рую сегодня категорически не рекомендуется получать в возрасте моложе 45/50-и лет!) может просто развратить, то абсолютная власть развращает, особенно юнцов-недорослей в возрасте до 25-30-и лет (как и дураков-переростков), абсолютно. Именно это довольно скоро и произойдёт с заболевшим без настоящего выздоровления Калигулой, к-рый первым из римских кесарей всерьёз вообразит себя живым богом (в то время как ни Август, ни Тиберий не допускали своё безудержное божественное почитание в Риме, охотно поощряя оное на непредставимом без обожествления живых правителей Востоке). Впрочем, пока ничего похожего вроде не предвиделось и ничего такой ход развития событий вроде не предвещало.

А касательно Агриппы, Гай велел привести его на Палатин, в императорский дворец, где поручил заботам брадоброя и портного, после чего возложил на него подчёркнуто царскую диадему (к-рую = царский титул не носил ни один из Иродиан с момента смерти в 1г. н.э. Ирода Старшего) и даровал ему власть над тетрархиями умерших в 36г. Филиппа (Трахон) и Лисания (Авилена).⁷⁶ Притом вместо

⁷⁶ В любом случае, присвоения царского титула (= назначения царём) Калигулой Агриппа удостоился до 1 нисана 37г. = 5.04., сообразно чему, он исчислял свои царские годы, по иудейскому счислению венценосных лет, с 1 нисана 36г. «Рош-Хашана» (1,1): «Если царь вступает на престол 29 адара, то с наступлением 1 нисана он считается процарствовавшим целый год» (Р.л. 891; Д.И. 224/25). Практически это выясняется из того, что сохранились монеты с (аж) 9-м (де-юре) годом (де-факто 7-летнего) правления Агриппы (Р.л. 898), к-рый

на протяжении 6-и месяцев сковывавшей его в тюрьме железной цепи Агриппа дарственно получил, в память о своих столь благополучно закончившихся мытарствах, персонально от Гая цепь золотую.

Единовременно или в ближайшее время Гай назначил наместником в Иудею вместо сменившего в 36г. (решением Вителлия) Понтия Пилата Публиция Марцелла некоего всадника Марулла (7-й римский наместник Иудеи, начиная с Копония), о к-ром и о наместничестве к-рого, как и о Марцелле или наместничестве Марцелла, каких-либо иных сведений нет.

Известно только, что Марулл пробудет-пронаместничает в Иудее (в статусе, сродни «начальнику» или «надзирателю» Марцеллу, несколько отличном от прежних наместников?) до 41г., когда Клавдий сделает Агриппу вассальным царём над восставленным (в приблизительных границах царства Ирода I) Иудейским царством-вассалитетом со столицей в Иерусалиме.

Между тем, при Калигуле, Агриппа останется в Риме до лета следующего 38г., о чём Флавий сообщает в последнем 11-м разделе 6-й главы 18-й книги «И.д.», говоря, что «на втором году правления Гая Агриппа просил разрешения отправиться в свои владения, чтобы устроить там дела свои». Разрешение будет ему дано и он, используя летние пассатные ветры, посетит на морском пути из Италии в Палестину (по маршруту, посоветованному ему другом Гаем) Александрию, в свои владения (тетрархии Филиппа и Лисания, к к-рым в 40г. Калигула присовокупит ещё и состоящую из Галилеи с Переей тетрархию сосланного Антипы) проследует. Но разговор об этом у нас впереди.

* * *

А пока завершим эту часть нашего повествования, посвящённую последним годам и концу Тиберия, мрачная фигура к-рого сопровождала нас, начиная с «Рождественской летописи», через «Дорогу на Иордан» и в кульминационном «Таинстве Голгофы», захватив также хрононачало нынешней монографии «Апостолы и Цезари», последним стихотворением И.Бродского (+28.01.1996г.). И перед тем как его привести ещё специально обратим внимание читателя на то, что ни один, в силу (хроно)исторических обстоятельств и (хроно)исторического расклада, римский кесарь не связан с метаисторическим Таинством Голгофы в комплексе (1/1 – 14 – 30 – 33гг.) настолько, насколько с ним оказался связан сурово впряжённый Августом в анналистическую историю Тиберий.

Август⁷⁷

Маленькие города, где вам не скажут правду.
Да и зачем вам она, ведь всё равно — вчера.
Вазы шуршат за окном, поддакивая ландшафту,
известному только поезду. Где-то гудит пчела.

можно заполучить-насчитать, учитывая, с др. стороны, дату агриппианской кончины после 1 нисана 44г., только при отсчёте его царских лет не позднее, чем с 1 нисана 36г. (см. ниже).

⁷⁷ Обратим пристальное внимание снова. И Августу, и его преемнику Тиберию (и прочим, после Тиберия, кесарям поры *кесарева безумия*), выпало жить и властвовать в планетарно-архангельскую эпоху (свинцового) Орифиила/Сатурна (метко характеризующую оккультистами

Сделав себе карьеру из перепутья, витязь
сам теперь светофор; плюс, впереди – река,
и разница между зеркалом, в которое вы глядитесь,
и теми, кто вас не помнит, тоже невелика.

Запертые в жару ставни увиты сплетнею
или просто плющом, чтоб не попасть впросак.
Загорелый подросток, выбежавший в переднюю,
у вас отбирает будущее, стоя в одних трусах.

Поэтому долго смеркается. Вечер обычно óлит
в форму вокзальной площади, со статуей и т.п.,
где взгляд, в котором читается «Будь ты проклят»,
прямо пропорционален отсутствующей толпе.

определением: «ни посева, ни урожая»), на завершающей стадии к-рой (248г. до н.э. – 108г. н.э.), в самый тяжёлый для человечества период-момент времени, и свершилась (1/1 – 14 – 30 – 33гг.) Мистерия Голгофы. Т.е. речь идёт об эпохе, с пагубными силами к-рой не сумели совладать ни (по большому счёту) Август, ни в особенности поглощённый её гибельной свинцовостью Тиберий (уж не говоря о его юлианско-клавдианских преемниках), и к-рая на своеобразном духовном уровне единства и борьбы противоположностей совмещает в себе (полярные) Гибель и Жизнь (Воскресение к Жизни Вечной). Эпоха Анаэль/Венеры – Ненависть и Любовь; Захариил/Юпитер – Порядок и Хаос; Рафаил/Меркурий – Болезнь и Исцеление; Самаил/Марс – Война и Мир; Гавриил/Луна – Рождение и Смерть; Михаил/Солнце – Свет и Тьма.

7 метаисторических ротирующихся архангельско-планетарных эпох, в к-рые силы означенных Планет (Архангелов) импульсируют эволюцию Земли, с *точной* космической продолжительностью в 354 года и 4 месяца каждая (приблизительно – 350 лет), дают в сумме 2480 лет, стартуя (каждый раз) с эпохи Орифиила/Сатурна, кульминируя эпохой Михаила/Солнце, и повторяясь на иных уровнях по завершении круга в 2480 лет. Приведём их (импульсы к-рых на стыках в диапазоне 50-100 лет могут перекрывать друг друга, могут позитивно или негативно вдаваться один в другой) метаисторические сроки от (герольда Первого и Второго Пришествия Христа-Солнце) солярного Михаила до следующего солярного Михаила, в порядке последовательности, с формальной (в историческом ракурсе) прецизацией до месяцев. Михаил-Солнце – июль 602 – ноябрь 248гг. до н.э. (ок.600 – ок.250гг.); Орифиил-Сатурн – ноябрь 248г. до н.э. – март 108г. н.э. (ок.250 – ок.100гг.); Анаил-Венера – март 108 – июль 462гг.; Захариил-Юпитер – июль 462 – ноябрь 816гг.; Рафаил-Меркурий – ноябрь 816 – март 1171гг.; Самаил-Марс – март 1171 – июль 1525гг.; Гавриил-Луна – июль 1525 – ноябрь 1879гг.; Михаил Солнце – ноябрь 1879 – март 2234гг.

И любопытно отметить, что на сегодня (осень 2021г.) прошло 142 года с начала осенью 1879г. (очередной) эпохи Михаила, экстраполяция сроков к-рой на предыдущий михаэлический период приводит в 460г. до н.э.: время судьбоносных для цивилизации Греко-персидских войн (500-449гг.) – после побед греков при Марафоне (490г.), Саламине (480г.), Платеях (479г.); время паринирваны Будды (480г.); время накануне репатриации израэлитов из Вавилонии в Землю Обетования, под предводительством Ездры (457г.); время правовых начал республиканского Рима («Законы XII-и таблиц» – 451/50гг.)...

ЧАСТЬ V

ХРИСТИАНЕ И ЕВРЕИ В ПАЛЕСТИНЕ, СИРИИ, АЛЕКСАНДРИИ 37 – 41 гг. н.э.

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы расстались с героями богословско-метаисторического раздела нашего хроноповествования летом 37г. н.э., когда Савл (Павел) покинул Дамаск, уже переданный Калигулой набатейскому царю Арету (спасаясь от его подстрекнутого иудеями эпитропоса), и прибыл в Иерусалим, но вскоре вынужден был уйти (и) отсюда, схлестнувшись с иудеями-еллинистами, к-рые покушались его убить (Д.Ап. 9,29). Засим, дабы его не постигла прежде времени мученическая участь Стефана, братья-христиане отправили Савла в Кесарию, откуда препроводили в отчий для него киликийский Тарс. В Тарсе же он оставался-пробыл до 40г., когда снаряжённый Апостолами в Сирию, вследствие начатой Кипрянами и Киринейцами проповеди Еллинам (11,19-21), Варнава привёл его в Антиохию (11,22-25) (см. выше и ниже).

Тем временем, с 37г. и позднее, в Палестине, согласно благовествованию Деяпистателя, происходило-творилось следующее:

«Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем, и при утешении от Святого Духа, умножались.

Случилось, что Пётр, обходя всех, пришёл и к святым, живущим в Лидде;

Там нашёл он одного человека именем Енея, к-рый восемь уже лет лежал в постели в расслаблении.

Пётр сказал ему: Еней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей. И он тотчас встал;

И видели его все, живущие в Лидде и в Сароне, к-рые обратились к Господу.

В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: «серна»; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь.

Случилось в те дни, что она занемогла и умерла; её омыли и положили в горницу.

А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышавши, что Пётр находится там, послали к нему двух человек просить, чтоб он не замедлил придти к ним.

Пётр, встав, пошёл с ними: и когда он прибыл, ввели его в горницу, и все вдовицы со слезами предстали пред ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними.

Пётр выслал всех вон и, преклонив колена, помолился и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидевши Петра, села.

Он, подав ей руку, поднял её и, призвав святых и вдовиц, поставил её пред ними живою.

Это сделалось известным по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа.

И довольно дней пробыл он в Иоппии у некоторого Симона кожевника.» (Д.Ап. 9,31-43)

Преследование Церкви, как мы помним, грянуло зимой 33/34г., сигналом к чему послужило каменование Стефана, за к-рым последовал иерусалимский погром и рассеяние первохристиан. Точнее, не Больших Апостолов и части христиан-евреев, а христиан-еллинистов и Малых Апостолов (включая диаконов), к-рые, таким образом, с 33/34 и по 37 – 40/41гг. прошли проповедническими путями-дорогами – «до Финикии и Кипра и Антиохии» (Д.Ап. 11,19). Т.е. 37г. – летняя дата недолгого посещения Савлом Иудеи и его пребывания в Иерусалиме, – является своего рода соединительно-разделительным хроно-фикс-пунктом, попадающим на середину означенного периода.

Причём мир для Церкви установился с 34г., в связи с очередным противо-иудейским постановлением Тиберия (после линчевательского, в обход римской инстанции, убиения Стефана и повлекшего за собой человеческие жертвы иерусалимско-противохристианского погрома, о чём Пилат доложил Верховному в Центр), будучи локально омрачён конфликтом Савла с евреями-еллинистами в 37г., и тем, – с Савловым уходом за пределы Иерусалима и Палестины, – исчерпан.

Далее же, сравнительно мирная экзистенция христиан (не исключая горячие споры с иудеями и, возможно, отдельные локальные эксцессы) продолжалась, в общей сложности, ещё 7 (итого ок. 10-и) лет, до преследования христианской общины в 44г., при Ироде Агриппе, что привело к казни Апостола Иакова Зеведеева (Старшего), к заточению, чудесному избавлению от оков и к уходу из Иерусалима Ап. Петра... (см. ниже)

А в отношении вышеприведённых сроков, касаемо периода 37 – 40гг., весьма важный нюанс Д.Ап. в следующем. События-действия-таинства исцеления Петром Енея и воскрешения Тавифы, к-рые благовествует Дееписатель, относятся ко времени не ранее осени 39г. Этого требуют событийная хроносовокупность и хроно-расклад гл. 9-11, где уход через Кесарию в Тарс Павла имеет место не позднее лета 37г., тогда как предсказание Агава о великом голоде по всей вселенной при кесаре Клавдии (11,28) делается, с одной стороны, уже при кесаре, с января 41г., Клавдии, а с другой, ещё до начала продлившегося не один год разнорегионального (Imperium Romanum) голода в 42г. (с дальнейшим благотворительным приходом Варнавы и Савла в Иерусалим в 44г. – Д.Ап.11,30). Т.е. оптимально Агав предвозвестил великий голод в 41г. н.э. Отсюда – обращение Петром римского сотника Корнилия и события гл. 11 Д.Ап., до 28-го стиха включительно, приходятся на время не ранее и не позднее 40/41гг.

Стало быть, сроки исцеления Енея и воскрешения Тавифы Петром – время не ранее осени 39г., сообразно чему, период с лета 37 по осень 39гг. – это интервал времени, когда церкви (повторим для пушей хрононаглядности вышепротитованное) – «по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем¹, и, при утешении от Святого Духа, умножались» (9,31).

И этого продолжительного времени на (трудоёмкий процесс) становление, укрепление, самоорганизацию (дело не одного дня) находящихся в покое, назидующихся и ходящих в страхе Господнем христианских общин Св. Земли в качестве составных частей Церкви-Экклесии, в мирных, без преследований, условиях, в пределах Иудеи, Галилеи, Самарии, как видим, – и много, и вполне достаточно. Посему в коротком стихе 31 гл. 9 Дееписателем событийно маркирован интервал 37 – 39гг. н.э.

Причём обращает на себя пристальное внимание наличие-наименование в 9,31, в составе трёх известных членов-частей Палестины античной эпохи, впервые в

¹ «Таргум Онкелос» (Быт.5,22): «И ходил Енох в страхе Господнем»; «Таргум Онкелос» = «Иерушалми» – то же о Ное (Б.6,9).

Д.Ап., Галилеи, в то время как раньше, приложительно к 33/34гг., назывались только Иудея и Самария (1,8; 8,1). Соответственно, мы имеем дело с распространением христианства и возникновением христианских общин по всей *трёхчленной* Земле Обетования вдоль западного берега р. Иордан.

Вернее, именно применительно к западному берегу сделан упор, хотя на 37г. и в 37 – 39гг. христианские общины наверняка существовали и в восточнобережной Перее, где базировался, крестил, томился в замёртвоморском заточении и принял мученичество (Махэрус) Иоанн Креститель. И где – на восточном берегу Иордана – Иисус преимущественно обретался осенью/зимой 32/33гг.

Нас же сейчас не случайно фигурирующая в 9,31 между Иудеей и Самарией Галилея интересует и как место, где у происходившего из отчей для Него Галилеи и обретавшегося-действовавшего тут большую часть Своей земной жизни от Крещения до Голгофы Иисуса были первоочаговые приверженцы с 30 – 33гг., и как место, куда вернулись многие Его последователи после иерусалимских гонений 33/34гг. Короче, жизнедеятельная база у христиан и христианства в Галилее (да и где, если не в Галилее?!) имела.

Вместе с тем, и мирный период 37 – 39гг., после ухода Павла из Иерусалима через Кесарию в Тарс и после – надо полагать, во второй половине 37г. – возвращения Петра из Антиохии (в к-рой он – 37г. – учредил тамошнюю первообщину) было использовано христианами Палестины сполна. То-то Пётр вышел осенью 39г. в очередной «обход всех» из Иерусалима и пришёл к святым, т.е. к руководителям местной христианской общины и шире – ко всем сообщинникам-христианам, живущим в Лидде.

В последний раз нам довелось встречаться с Петром весной 34г. в Самарии, куда он прибыл как податель Св. Духа, в паре с Ап. Иоанном Зеведеевым, когда там проповедовал, исцелял и крестил М.Апостол (и диакон) Филипп, кому, как и Петру с Иоанном, пришлось столкнуться с Симоном волхвом (8). И с тех пор речи о Петре в Д.Ап. не было. Затем, в 37г., он побывал, насколько известно из церковно-христианского предания, в Антиохии Сирийской, следовательно, пройдя на сирийско-антиохийский север через Самарию, Галилею, Финикию, и возвратившись обратно в Иерусалим либо тем же, либо побережно-палестинским маршрутом.

Не сказал ли Иисус именно о Петре в день Петрова исповедания Иисуса Христом 6.07.32г.: «...ты – Пётр, и на сём камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её» (Мф. 16,17), согласно чему князь Апостолов, к-рому Сам воскресший Иисус поручил-доверил-велел пасти агнцев Господних (Ио. 21), ныне, т.е. с 33г. и позднее, неутомимо трудился. Сходно, прочие Большие Апостолы активно в означенное время трудились на миссионерской ниве, в основном в границах Палестины, а некоторые Малые² – также за её рубежами. И вот, видимо, октябрьской осенью 39г., на 7-м от Таинства Голгофы году, мы находим Петра в Лидде.

ИСЦЕЛЕНИЕ ЕНЕЯ

(октябрь 39г.)

Лидда, или евр. Лод (*расщелина*) – город в уделе Вениамина, близ Иоппии (Яффа) и недалеко от колыбели Маккавеев – Модина, на дороге из Иерусалима в Кесарию, в 40 км северо-западнее Иерусалима и в 18 км юго-восточнее присредиземноморской Иоппии. Упоминается в перечне палестинских городов Тутмоса

² Скажем, напоминая читателю, снова, что в списке 70-и (72-х) Малых Апостолов позднейшего церковного предания отнюдь не только посланные Иисусом на служение осенью 32г., но и немало тех, к-рые не были в числе 70-и (по числу народов Ойкумены) при жизни Иисуса.

III (XVI/XV вв.), и позднее — как владение Вениаминитов — в I Пар. 8,12. Потом — как город Иудеи — в персидско-ахеменидскую пору после Вавилонского пленения (Езд. 2,33; Неем. 7,37; 11,35). В эллинистическую эпоху (III/II вв.) — относилась к Самарии. Со 145 г., переданная Дмитрием Селеквидом Хасмонею Ионафану, — снова часть Иудеи (I Макк. 1,10; 34; 38; 11,28; 34; 57) (Р.л. 758).

В I/II вв. — центр одной из 10/11-и иудейских топархий (число к-рых при Яннае и Ироде доходило, предположительно, до 24-х), с преимущественно еврейским населением (Р.л. 864/65) (И.в. 3,3,5; Плиний 5,14,70). С Лиддой часть талмудистов (Санхедрин 67а; Евамот 15д) связывали каменение и повешение на древе ересиарха «Бен-Штада», под к-рым, о чём читатель знает, — Иешуа б. Пандира (+ 70 г. до н.э.), накладочно-искажённо совмещаемый талмудистами с Иисусом из Назарета (+ 33 г. н.э.). Притом оба они были казнены не в Лидде, что, однако, вовсе не исключает деятельной сопричастности Иешуа, сына Пандиры, и его учеников к Лидде.

Помимо того, в Лидде принявшая иудаизм благочестивая царица Елена Адиабенская владела, согласно раввинам, особой (большой по размерам) кушей (Сукка 1,1). В дни Иудейской войны 66 — 70 гг. начальником над Тамной, Лиддой и Иоппией повстанцы поставили ессея Иоанна (И.в. 2,20,4). Веспасиан завоевал город в 68 г. Лидда пострадала также при восстании Бар Кохбы в 132 — 35 гг. (Бава батра 10б). Один из центров постхрамовой раввинской учёности I — III вв.: здесь жили р. Елазар б. Гиркан (90 г.) и р. Тарфон (II в.); здесь часто бывал (поддержавший роковое стремя Бар Кохбе) учитель Симона б. Иохаи (+ 150 г.) — мученик 135 г. р. Акиба.

Последующие знаменито-раввинистические насельники «расположенной в дне пути на запад от Иерусалима» Лидды — р. Финеес б. Иаир (200 г.), р. Иошуа б. Леви (250 г.), р. Симлаи (250 г.) (Рош-Хашана 1,6; Таанит 3,9; Бава Меция 4,3; Ядаим 4,3; вав. Санхедрин 32б; Авода Цара 36а; Песахим 62б; Генезис рабба 94 (60а). Согласно Шюреру (2,229), одно время в городе даже резидировал послехрамовый палестинский синедрион, что, правда, перечисляющим места-пункты перемещения-пробытия синедриона из Иерусалима в Тивериаду, или правильнее сказать, между Иерусалимом и Тивериадой, талмудическим источником, где Лидда отсутствует, не подтверждается (RH 31а) (Т.Г. 1536).

В христианской традиции называемый Павлом в Посл. к Титу (65 г.) «Зина законник» (3,13) считается первым епископом Лидды. Эвентуально во II/III вв. римляне переименовали новоотстроенный город, к-рый Клавдий Птолемей (+ 178 г.) ещё называет Лиддой (5,15,5), в Диосполис. На I-м Вселенском соборе в Никее (325 г.) присутствовал лиддский (диоспольский) епископ Аэций. Сначала местные епископы подчинялись митрополиту Кесарии, потом — Иерусалимскому патриарху. Известен поместный Диоспольский собор 415 г. в пользу (ересиарха) Пелагия (Иероним «Ер. ad Alupium»).

Плюс к тому, христианское предание чтит Лидду как место рождения и погребения принявшего мученичество, в ходе Диоклетиановых гонений на христиан, в Никомедии, (ок. 303 г.) Св. Георгия Победоносца (Acta Sanctorum), останки к-рого (по др. версиям, родившегося в Каппадокии) были перенесены в Лод и творили тут чудеса, о чём знают паломники Феодосий (VI в.), Аркульф (VII в.), Виллибальд (VIII в.). Время возведения Георгиевской церкви в Лидде точно неизвестно, возможно, — V в. Аркульф (3,4) рассказывает о виденной им в одном из домов Лидды мраморной колонне, к к-рой был привязан во время бичевания Св. Георгий и к-рая запечатлела его облик. А Иоанн Дамаскин (Ер. de imag. 4) говорит о столпе бичевания Христа, чудесно перенесённом сюда облаком, и присовокупляет к этому информацию о сооружении Петром и Иоанном лиддского храма Богородицы, при освящении к-рого на колонне чудесно явился и отпечатался Её лик.

Не уместно ли вспомнить о прикованном к столбу дракоборце Георгии в

связи с языческим мифом о прикованной к скале для принесения в жертву морскому чудовищу близ соседней с Лиддой³ Иоппии (по др. версии, — в Эфиопии) Андромеды, спасая к-рую драконоборец Персей (единственный *солнечный герой*, к-рого греки изображали лучистым = с исходящими от его головы или всего облика солярными лучами) превратил в камень, направив на него последний взгляд добытой им головы Медузы Горгоны⁴, поднявшегося из морской пучины страшного дракона.

Но до воскрешения неспроста именно в Яффе/Иоппии (откуда некогда отчалил в Фарсис, чтобы попасть в Ниневию, проглоченный китом на 3 дня и 3 ночи пророк Иона) Тавифы Пётр исцелил Енея неспроста именно в (не чуждой ни предварителю Христа Иешуа, сыну Пандиры, ни одному из самых почитаемых христианских Святых Георгию Победоносцу) Лидде.

Итак, расслабленный, т.е. паралитик, Еней был на осень 39г. уже 8 лет прикован к постели. Примечательно, что Пётр обращается к нему по имени и ищет его не от себя, но именем-деянием Иисуса Христа, сродни исцелению (и на 7-м году от исцеления) — «во имя Иисуса Христа Назорея» — безмянного хромого у Красных ворот храма летом 33г. (Д.Ап.3) (см. выше). В князе Апостолов, зывающем к Иисусу Христу, волит Иисус, и это воззвание-призвание, за к-рым следует волеительно-волеизъявительное действие-исцеление, не есть магическая формула.

Дело делается по стопам неодноразового врачевателя, в т.ч., расслабленных, Иисуса (Мф.9,5/6; Мк.2,11; Лк.5,23/24; Ио.5,8). Паралитику даётся волевой импульс, ему предоставляется возможность новорождения. Его покинутая им постель (как покинутая-преодоленная, или скинутая с себя, или выброшенная из себя болезнь) отныне превращается из одра недуга в ложе отдыха. И станет в перспективе одром смерти как семени новой жизни во Христе, к-рое было посеяно в нём Христом через Петра, при даровании больному животворного исцеления-обновления.

Прикованного к постели Енея считали безнадежно больным, и его свидетельствовавший о бедственном состоянии грехопадшего человечества недуг не мог быть исцелён обычными средствами. Христос — источник помощи и врачевания посредством Петра, побуждающего Енея к волевому преодолению недуга силою Христовой благодати как благодати Св. Духа, исходящей от Отца через Сына. Еней обязывается встать употреблением исцелительно данной ему Иисусом Христом великой силы.

Не сказано, кто он, но его греческое имя — *похвальный* — позволяет предположить в нём либо еллина, либо ойкуменического прозелита, причём, скорее, на наш взгляд, второе. И судя по обращению к нему Петра, кто не спрашивает его, даруя исцеление от Иисуса = исцеление во Христе, о вере, к-рая с выздоровлением, метаморфозирует из прозелитическо-еврейской в прозелитическо-христианскую

³ «Мидраш Есфирь» (1,3 (85а): «Бедность — одна из отличительных черт обитателей Лидды. Р. Нафан (ок. 160г.): «10 долей бедности в мире: 9 из них в Лидде и одна — в остальном мире». Наряду с тем, Лидда славилась в древности изобилием медовых фиников, в «финиковый мёд к-рых можно было погрузиться по колена» (вав. Кетубот 111а), и бойкой торговлей (Бава Меция 4,3), плюс, с IVв., — пурпурной индустрией.

Одновременно, талмудисты вменяют жителям Лода высокомерие и невежество. «Санхедрин» (1,18е,66): «Р. Ирма (320г.) спросил р. Цеира (300г.): «Не сопriнадлежит ли Лидда Иудее?» «Да, но почему там не соблюдают високосный год, соблюдающийся в остальной Иудее?» «Потому что они высокомерны и невежественны в Торе».

⁴ Смертная Горгона Медуза, к-рую Персей обезглавил спящей, глядя в медный щит на её отражение (Аполлодор 2,4,2), как и её старшие бессмертные сёстры (грай), Сфено и Эвриала (чудовищные порождения морских божеств Фокия и Кито), обитали на крайнем приатлантическо-африканском северо-западе, у берегов Океана и подножия Атласских гор.

(что остаётся за кадром), больной (как минимум) знает (на момент встречи с Петром) об Иисусе и христианах.

И не замечательно ли наличие у новозаветного персонажа имени Еней, делающего его тёзкой родоначальника (будущих) римлян – героя Э(Е)нея, – того самого вергилианского («Энеида») сына Анхиза и Афродиты, к-рый покинул горящую Трои, откуда вынес парализованного (!) отца, потеряв жену Креузу. И не он ли впоследствии, после тяжких странственных перипетий, побывав, в частности, в Карфагене и оставив-отвергнув покончившую с горя самоубийством Дидону, оказался затем в Италии, в Лациуме, где женился, победив царя рутулов Турна, на дочери местного царя Латина Лавинии, от к-рой у него родился сын Асканий Юл, к к-рому возводили свою родословную Юлии – Цезарь и Август.

И не владели ли на I/II вв. державные Энеады-римляне греко-римской Ойкуменой, куда, на (и за) горизонты к-рой, предстояло выйти из олицетворяемой Иудеей, Галилеей, Самарией *трёхчленной* Земли Обетования вселенскому христианству, первым символически-языческим крестником-репрезентантом к-рого предание именует обращённого Петром в 40г. римско-языческо-италийского сотника Корнилия, хотя отдельные случаи обращения отдельных язычников имелись и ранее (см. выше).

Так вот, не предвзывает ли исцеление наверняка обращённого этим исцелением в истовую веру носителя чересчур горящего греко-римско-ойкуменического имени прозелита Енея скорое обращение язычника Корнилия! При всём том, если обращённый диаконом Филиппом (в дороге на южную приморскую Газу) в 34г. евнух-ефиоплянин⁵, из числа приехавших в Иерусалим на поклонение прозелитов, был хамит, а обращённый в том же 34г. (Дамаск) вениаминит Савл – семит, то исцелённый-обращённый в 39г. предполагаемый прозелит Еней, как и обращённый в 40г. (Лидда) сотник италийского полка язычник Корнилий (Кесария Примоская), т.е. грек и римлянин-италиец, – потомки Иафета = яфетиты.

Значит, в объективе потомство всех трёх сыновей Ноя = совокупное человечество (за к-рое – 70 народов Ойкумены – в Иерусалимском храме возносились молитвы в осенний праздник Кушей). Опять мировые диапазоны на пути Петра из континентально-изоляциянистского Иерусалима (*пуп земли*), через промежуточную Лидду, в портовую Иоппию, из к-рой открываются пути-дороги в Ойкумену по водам ведущего во весь мир моря и вдоль берега на противоположный Газе (Нубии и Аравии) север.

К тому же, исцеление Енея наводит на яркую аналогию с осенне-постюбильным исцелением, после весенне-юбилейного исцеления расслабленного в Капернауме (Т.Г. 391-97), Христом в Иерусалиме, при купальне Вифезда, расслабленного, к-рый находился в болезни аж 38 лет (Ио.5), и к-рого Христос исцелил, по окончании Юбилейного года Господня, в Судный день, в субботу суббот – 15.09.31г. н.э. (Т.Г. 585-604).

Между тем, Еней был болен-расслаблен-парализован на октябрьскую осень 39г. 8 уже лет, т.е. как раз с 31г. (как бы переняв эстафету у чудесно уврачёванного Христом при купальне долгонедужного паралитика, что тогда привело к острому конфликту Иисуса с иудеями). Отсюда спрашивается, – не было ли Енею как раз 38 лет отроду осенью 39г., по числу лет болезни милосердно уврачёванного при купальне (Вифезда), к-рый болел с осени 8г. до н.э., т.е. с даты освящения Иродом новоотстроенного Иерусалимского храма?

⁵ Новозаветное свидетельство активности христианства в южном, наряду с Аравией, куда ходил Савл, направлении в 30-е гг. I в. н.э., к-рое, повторим, подразумевает южную Палестину/Филистию, трёхчленную (?) Аравию, Нубию-Ефиопию и побочно Египет, не миновав к-рый нельзя было попасть сушей в напатско-мероитскую Нубию.

А если так, следовательно, Еней примечательным образом родился в 1г. н.э. — в год Поклонения Иисусу Соломону волхвов с Востока (6.01.1г. н.э.), к-рые в годовалом Царе Царей, К-рый пришёл (6.01.1г. до н.э.), приветствовали Пастыря Пастырей, К-рый грядёт: в год бегства Св. вифлеемского Семейства в Египет; в год избияния вифлеемских младенцев Иродом; в год смерти Ирода; в год Благовещения Марии Галилеянке Иисуса Нафанида (25.03.1г. н.э.); в год рождения Иоанна Предтечи (24.06.1г.); в год убияния Захарии, отца Предтечи, между жертвенником и храмом (5.09.1г.); в год бегства Елисаветы с младенцем Иоанном в пустыню; в год 63-летия кесаря Августа и консульства его внука Гая Цезаря; в год начала санкционированной Августом переписи Квирина; в год Рождества в Вифлееме Иисуса (Нафанида) из Назарета (25.12.1г. н.э.). Удостоверьтесь в метасобытийной и событийной насыщенности 1-го г. н.э., когда, вдобавок к тому, родились Фома и Иуда, и родился 30-летний на 31г. и 38-летний на 39г. Еней, воочию!

Более того, если мы приложим возраст новозаветного проболевшего-отболевшего 8 лет в паралитическом расслаблении Енея в 39г. н.э., т.е. (19 x 2) 38 (актуальных в метаистории Исшествия Израиля из Египта) лет к Энею на момент гибели Трои — 1184г. до н.э., — то получим как дату Энеева рождения — 1222г. до н.э., от к-рого до 39г. н.э. набирается итого 1260 (420 x 3) апокалиптических лет, в то время как 2160 (720 x 3) лет, ретроспектированных от 39 г. н.э., приведут нас в 2122-й г. до н.э., когда отцу Аврааму исполнилось 45 лет и пошёл 46-й год отроду.

Дальше — больше. Увидевшие исцелённого-исцелившегося Енея обитатели Лидды и Сарона (*ровное место*) обратились к Господу. Сарон — обильная водой и богатая растительностью плодородная долина = равнина — 12-15 км в ширину (у Яффы — 20 км) и 70-80 км в длину — северо-западнее Лидды, вдоль морского берега, от Иоппии до Кесарии, славившаяся, в частности, своими цветами (нарциссы, гиацинты, анемоны, тюльпаны, лилии)⁶, виноградниками и использовавшимся для жертвенно-храмовых возлияний крепким вином.⁷ У Исаии сказано: «И будет Сарон пастбищем для овец» (65,19).⁸ Вот Сарон и стал в 39г. пастбищем для обратившихся деянием Петра, кому Христос велел пасти агнцев Господних, овец!⁹

И симптоматично, что в сии метричном Юбилею 31г. = года исцеления 38 лет большого и года начала болезни 30-летнего Енея, 31-м г. до н.э., весной, в Иудее произошло (в дни войны 32/31гг. Ирода с арабами) разрушительное землетрясение (Р.л. 198), от к-рого особенно пострадала Саронская долина.¹⁰ Следовательно, Еней

⁶ «Нарцисс Саронский» фигурирует в Песни песней (Святое-Святых Канона!) Соломона (2,1).

⁷ «Нидда» (2,7): «Саронское вино было настолько крепким, что при его разбавлении требовалось вдвое больше воды, чем вина». «Тосефта Нидда» (3,11 (644): «По крепости тёмно-красное вино от виноградников Сарона (чёрный виноград) равноценно молодому, но не старому вину от виноградников Кармила». В Кн. Исаии сказано о «великолепии Кармила и Сарона». «Менахот» (8,6): «Откуда бралось жертвенно-возлиятельное вино?» «В основном от виноградников Саронской долины».

⁸ «Менахот» (87б): «Жертвенные животные доставлялись в Иерусалим: овны — из Моава; агнцы — из Хеврона; тельцы — из Сарона; юные голуби — из Царских гор».

⁹ Притом интересно, что Евсевий и Иероним («Ономастикон» 296; 154) знают две палестинские местности под названием «Сарон», — вторая из них — в Галилее, между г. Фавор и Геннисаретским озером.

¹⁰ «Йома» (5,42с,7): «Это была молитва первосвященника в Судный день, когда он в мире с Господом выходил из Святого-Святых: «Да будет воля Твоя, Господь, Бог наш и наших отцев, на то, чтобы не пришло на нас пленение как в этот день, так и в этом году. А если такое случится в этот день или в этом году, то пусть мы уйдём туда, где сумеем не оставить Тору... Да будет воля Твоя на то, чтобы этот год был изобильным, будучи благословен на дожди, тепло и росу... Да будет воля Твоя на то, чтобы жилища обитателей Сарона не стали их гробами» (= Левит рабба 20 (119с); Танхума 163а). «Сота» (8,23а,8) Бар: «В течение одной

был исцелён в конце октября 39г. н.э. — на 70-м году от весеннего землетрясения 31г. до н.э. и за 31 год до разрушения Иерусалима и храма римлянами летом/осенью 70-го г. н.э., к-рый отстоит на 39 лет от 31г. н.э. и на 38 лет от Петрова Исповедания Иисуса Христом в июле 32г. н.э. А за 101 год от 39г. н.э. Иерусалим был взят Помпеем в 63г. до н.э., откуда 55 лет до 8г. до н.э., откуда, в свою очередь, 77 лет до 70г. н.э. Кто после этого скажет, что хронология это, всего-навсего, последовательность событий в рамках фиктивного летоисчисления! или вспомогательный элемент датировки! или просто набор дат! и что параллельно исторической хронологии нет места сакрально-спиритуальной метахронологии!

Мало того, древние греки не случайно знали двух богов Времени. Если Хронос (Сатурн) отвечал за количественное, за последовательное, за линейное, за хронологическое, за фатальное (нетварное) время, то Кайрос был божеством времени качественного, вспышечного, божеством мига между прошлым и будущим¹¹, божеством времени счастливого мгновения, божеством озарения-просветления, способного изменить судьбу. Неспроста он изображался в виде крылатого юноши с крыльями на спине и на ступнях, и с (запорожско-казачьим) чубом на голове, (за) к-рый надо успеть (его) ухватить. И не случайно значение имени Кайрос — изначальное Слово, Слово-семя (Логос!). То-то в метафизике есть понятие Онто-Кайроса — Единого Сокровенного Божественного Начала, к-рое находится у истоков всего сущего и импульсирует Космическое Сотворение.

А как в христианстве? Налицо триединство: К(Х)ронос — Кайрос — К(Х)ристос! Две разновидности существования, восприятия и переживания божественного существа Времени, творчески одухотворённые и соединённые исполнившим Времена Христом Спасителем, Который принёс на Землю Чистое Время! Тайнство Голгофы, жертва и Воскресение воцарившегося над количественным и качественным Временем Христа превратили прежнее пожирание своих детей языческим Сатурном в возможность христианского исполнения из индивидуального Импульса свободы воли известного изречения древних: «Произнеси имя «Кайрос» и посмотри, что тебе откроется!»

ВОСКРЕШЕНИЕ ТАВИФЫ

(ноябрь 39г.)

Причём вершения Петра = Христовы через Петра — идут по восходящей. И после исцеления Енея (третье новозаветное исцеление расслабленного) в конце октября 39г. в Лидде, благовестуется первое в Д.Ап. и первое после воскрешения Христом Лазаря Четверодневного, имевшее место, вероятно, ок. середины ноября 39г. воскрешение Тавифы (четвёртое — после юноши из Наина, после дочери Иаира, после Лазаря — новозаветное воскрешение) в Июпии.

седмицы (7 лет) дома обитателей Сарона обновляются не раз, и в Судный день первосвященник молиться, чтобы их дома не сделались их гробами».

Штрак и Биллербек («Apostelgeschichte», S.693-95) говорят о плохом строительном материале (кирпичи) в Саронской долине, из-за чего, мол, дома там приходилось часто обновлять, но, куда скорее, речь тут должно вести об опасности землетрясений в Саронской долине, из-за к-рых дома саронцев могли стать их гробами, как это произошло, например, во время землетрясения 31г. до н.э., когда, по Флавию, погибло 30 (И.в. 1,19,3) или 10 (И.д. 15,5,3) тыс. человек, и после чего, согласно предположению Грэца (В.3, Note 18), появилась специальная первосвященская молитва в день Всепрощения за саронцев.

¹¹ Призрачно всё в этом мире бушующем.
Есть только миг — за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим.
Именно он называется жизнь. (Л.Дербенёв)

Иоппия — евр. Яффа (*высокий = красивый*) — древний город на границе удела Дана (И.Нав.19,46) и гл. средиземноморский порт Палестины (до сдачи в эксплуатацию сооружённой при Ироде Кесарии Приморской — 10г. до н.э.) в, как сказано, 18-и км северо-западнее Лода. В «Амарнских письмах» — Ја — ру. Находился в пределах предназначенной израэлитам и подлежащей подчинению Земли Обетования (Дан), однако, за исключением коротких периодов при Давиде, Соломоне и Иеровоаме II, еврейству этот портовый город не принадлежал.

Здесь сгружали кедровое дерево для сооружения храма Господня, к-рое доставлялось в правление Соломона (971 — 31гг.) морем из Ливана от царя Хирама Тирского, и к-рое отсюда доставляли посуху в Иерусалим, где возводил (968 - 961/60гг.) святилище (Первый храм) Богу Израиля тирский Мастер Хирам (2Пар.2,16). И сюда же, т.е. в Яффу/Иоппию, доставлялся кедровый лес с Ливана по морю, с дозволения Кира, царя Персидского (558 — 29гг.), к-рый, овладев Вавилоном (539г.), позволил (538г.) иудеям Вавилонского пленения возвратиться в Землю Обета и восстановить сожжённый вавилонянами (586г.) дом Господень (Езд.3,7), завершение строительства и освящение к-рого (Второй храм) пришлось на 516г. до н.э.

Из Иоппии в 90/80-е гг. VIIIв. до н.э. отчалил курсом на киликийский Фарсис (Тарс), чтобы попасть, согласно воле Бога, в ассирийскую Ниневию-на-Тигре, обитатели к-рой покалялись от его проповеди, чем спасли город от гибели, пророк Иона (1,3). Часть талмудистов видит в нём возвращённого Илией к жизни сына вдовы из Сарепты (грядущий Мессия б. Иосиф!), или неистового отрока-помазателя, по велению Елисея, в царя над Израилем (манассита) Ииуя (Сукка 5,55а; Берешит рабба 98,16; Ялкупт Иона 550), тогда как для каббалистов (мета)история прошедшего 3 дня и 3 ночи во чреве кита Ионы есть аллегория переживаний человеческой души в пору её нахождения в теле и в пору её отделения от тела (Зохар 11,199а). А для христиан выдающееся *знамение Ионы пророка* (к-рое специально манифестирует, обличая род неверный и прелюбодейный, Иисус) суть прообразование смерти, низложения в могилу земли и Воскресения в 3-й день Иисуса Христа, Сына Божия (Мф.12,38-40) (Д.И. 324-26).

В ахеменидскую эпоху этот жизненно важный для Иудеи город-порт, связывавший её с внешним миром, был передан персами вассальному царю Сидона. В 315г. до н.э., в ходе борьбы диадохов, Антигон отобрал у Птолемея Келесирию и Иоппию, к-рую в 312г. Птолемей, при своём отступлении, срыл. С 301 по 198гг. — под Птолемеями; со 198г. до н.э. — под Селевкидами. Иуда Маккавей (+ 160г.) уничтожил, посредством ночного нападения, огнём порт и флот противника в Иоппии (2Макк.12,3-7). Напавшему на город в 147/46гг. Ионафану Маккавею (+ 143г.) его жители открыли ворота и вынудили сирийцев к уходу (1Макк.1,10,75/76). С тех пор иудеи, исключая короткие перерывы, владели городом до Помпея. Симон Маккавей (+ 134г.) иудаизировал его, расположил в нём гарнизон и изгнал из него язычников (1Макк.1,12,33/34; 14,5;34).

При Гиркане (134 — 03гг.), Антиох Сидет (138 — 29гг.), удовлетворившись выкупом, оставил Иоппию иудеям (И.д. 13,8,3). Яннай (102 — 75гг.), при к-ром внешняя экспансия лаицизированных Маккавеев достигла пика, казалось, прочно владел ею (И.д. 13,15,4). Но Помпей отрезал Иудею от моря, отняв у неё (не в пику изоляционистам фарисеям) все приморские города (63г. до н.э.) (И.в. 1,7,7; И.д. 15,4,4).

Благодаря Цезарю Яффа вернулась в пределы Иуды (И.д. 14,10,6). В 34 — 30гг. принадлежала, с подачи Антония, Клеопатре; с 30г. — решением Октавиана — отошла к Ироду (И.в. 1,20,3; И.д. 15,7,3). В 1г. н.э., учитывая её преимущественно иудейское население, не была, подобно эллинистическим Газе, Гадаре, Иппу, изъята Августом из состава этнархии Архелая (И.в. 2,6,3; И.д. 17,11,4). С 6г. н.э. — в составе провинции Иудея. В 41 — 44гг. — под Иродом Агриппой; затем — снова

под Римом. Во время Иудейской войны разрушена римлянами, вскоре после чего отстроена Веспасианом как Flavia Iorra.

Тавифа – *серна* = *газель* = *лань* – изящное прекрасное создание (на Востоке – воплощение-олицетворение женственности); греч. – Дорка. В В.З. один из 12-и патриархов – быстроногий Неффалим (удел к-рого – Галилея – земля Завулонова и Неффалимова) – назван в благословении Иакова «теревинфом рослым, распускающим прекрасные ветви», или, по др. чтению, – «серной стройной» (Б.49,21). В Притчах Соломоновых, где сказано «Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей», последняя сравнивается с «любезною ланию и прекрасною серною» (5,18/19).

Дееписатель не уточняет по поводу «ученицы», т.е. христианки Тавифы, – девица ли она? замужняя ли женщина? или вдовица? относительно чего можно предположить, что, скорее всего, в объективе добросердечная вдовица, жившая вместе с др. вдовицами иоппийской христианской общины и щедро творившая милости, в т.ч., шившая рубашки и платья для бедных. Жизнь не умерла, а словно замерла в ней, благочестивой рукодельнице, внезапно «занемогшей и умершей», как в усопшей дочери Иаира, к-рую Христос исцелил-пробудил и восставил к новой жизни в августе 31г., на исходе лета Господня благоприятного, в галилейском Капернауме (Т.Г. 547-54-66).

И сходно тому, как тогда Иисус, придя в дом Иаира, по исцелении 12 лет кровоточивой женщины, в сопровождении Петра, Иакова и Иоанна, выслал всех, за исключением отца и матери девицы и бывших с Ним, из горницы, в к-рой лежало тело, так теперь Пётр выслал всех, преклонил колена, помолился и велел Тавифе, пробудительно обратившись (= воззвал) к ней по имени, встать.

«Талифа-куми» – сказал, взяв девицу за руку, 12-летней дочери Иаира Христос, «что значит: «девица, тебе говорю, встань». «Тавифа!» – произнёс Пётр – «встань». И она открыла глаза свои и, увидевши Петра, села. И он подал ей руку, и поднял её (ср. Мк.1,31)¹² и, призвав святых и вдовиц, поставил её пред ними живою. Спрашивается: случайно ли выразительное созвучие спиритуальной-прохристианенной формулы «талифа-куми» и непростого собственного имени «Тавифа»? Отнюдь!

Милосердные благодеяния совершались Тавифой из любви к ближним (2Кор.8,11; 9,7). Не согревала ли шерсть овец Иова чресла бедных (Иов 31,20)! Рукоделие – работа для бедных вдов. «Протягивает руки свои к прялке, и персты её берутся за веретено. / Длань свою она открывает бедному, и руку свою подаёт нуждающемуся» (Пр.31,19/20). Сказано у пророка: «...когда увидишь нагого, – одень его» (Ис.58,7). Умершую во цвете сил и лет Тавифу не торопились хоронить, омыв тёплой водой, что могло исцелить больного, в к-ром теплилась жизнь и что не удалось, после чего её положили в погребальных пеленах в горнице (место собраний верующих в Иоппии). Потому и послали за Петром, ибо, если посылать за медиком, диагностировав смерть (*post mortem medicus*), это – абсурд, то посылать за Апостолом (*post mortem Apostolus*) – не абсурд, поскольку Апостолы Христовы обладали (оснащённые Им ею) силой Христа для воскрешения (благодатью Св. Духа) мёртвых.

Притом, если в случае с Енеем молитва подразумевается, то при воскрешении Тавифы на неё подчёркнуто указывается. Более того, если Петром были высланы

¹² «Берахот» (56): «Р. Хийя б. Авва (280г.) был болен. К нему пришёл его учитель р. Иоханан (+ 279/80гг.) и спросил его: «По душе ли тебе страдания?» «Ни страдания, ни вознаграждение за них». Р. Хийя: «Дай твою руку». Он дал, р. Иоханан взял его за руку и поднял = сделал здоровым. Позднее заболел р. Иоханан. Р. Ханина (225г.) пришёл к нему и спросил: «По душе ли тебе страдания». «Ни страдание, ни вознаграждение за них». Р. Ханина: «Дай твою руку». Но р. Иоханан должен был сам подняться, ибо он поднял р. Хийю. Сказано: «Не может находиться в узах сам освободившийся из уз».

все из горницы, как Иисусом посланы все, помимо самых близких и трёх Апостолов при воскрешении дочери Иаира, то перед воскрешением Тавифы Пётр обратился с молитвой к Богу, как Иисус сделал это при воскрешении Лазаря (Ио.11,41/42). И если Иисус обращается в молитве к Богу как Сын, то молитва Петра есть молитва князя Апостолов Христовых, владеющих словом животворящим, к-рое есть дух и жизнь.

И возванная-восставленная Петром к жизни Тавифа открыла глаза, до того прикрытые-сомкнутые смертью, к-рая сумеречно спеленала-запеленала в ней жизнь. Душа восстаёт-воскресает к жизни по духу и первосвидетельство этого Таинства – *открытые глаза души*. В ответ на Петрово воззвание, она села, сродни возванному и восставленному к жизни в июне 31г. Иисусом юноше из Наина (Лк.7,14/15), вслед за чем Пётр, подав ей руку, поднял её со смертного одра и ввёл, поставленную пред святыми и вдовами, в жизнь новую, в жизнь воскресения во Христе.

Так, все три евангельских воскрешения Христа – юноши из Наина в июне 31г., дочери Иаира в августе 31г., и Лазаря в феврале 33г. незримо присутствуют в воскрешении Петром Святым Духом, К-рый волиет в его обращённом к душе усопшей слове, Тавифы в ноябре 39г. н.э.

Не возвратил ли пророк Илия матери воскрешённого им сына вдовы из Сарепты (3Ц.17,23)! Не возвратил ли пророк Елисей матери воскрешённого им сына сонамитянки (4Ц.4,36)! Не отдал ли Иисус матери воскрешённого Им сына вдовы из Наина (Лк.7,15)! Не возвратил ли Пётр святым и вдовам христианской общины Иоппии воскрешённую им, или, как и при исцелении Енея, по смиренномудрому слову самого Петра, воскрешённую Христом, волящим в Петре, Тавифу!

Три воскрешения в Ветхом Завете, одно – на счету Илии, и два – на счету – как живого – первое, так и почившего – второе – Елисея. И три Христовых воскрешения в Евангелиях. Плюс – четвёртое – воскрешение Петром Тавифы, плюс – пятое – воскрешение Павлом весной 58г., между мартовской Пасхой (29.03) и майской Пятидесятницей (18.05.), в (расположенной близ старой Трои) Троаде юноши Евтиха (Д.Ап.20,9). И в данной связи любопытно, что, согласно Гомеру в «Иллиаде», к-рому о вергилианском исходе Энея (в Италию, на Тибр) ничего не известно, Эней остаётся в Троаде, где господствует, как и его потомки, над остатками троянцев.

Не менее любопытно и то, что если дата воскрешения Тавифы – осень 39г., то дата воскрешения на 19-м году (лунный цикл) от этого события Евтиха – весна 58г. Причём, если Пётр исцелил Енея в Лидде и воскресил Тавифу в Иоппии по дороге из Иерусалима, после чего обращение Корнилия произошло в 40г. в Кесарии Палестинской, то Павел воскресил Евтиха в Троаде по дороге в пятидесятничный Иерусалим, прибыв затем через Тир и Птолемаиду, опять-таки, в Кесарию Палестинскую, где в доме диакона-благовестника Филиппа пророк Агав предсказал ему узы (Д.Ап.21,7-11).

И ещё примечательно то, что до сих пор ни в Ев. от Лк., ни в Д.Ап. до гл. 9 не было названных по имени Дееписателем исцелённых или воскрешённых, за исключением Марии Магдалины, к-рую Иисус исцелил, изгнав из неё 7 бесов (Лк.8,2), и к-рая перед тем помазала 1.07.31г. миром ноги Иисуса в доме фарисея Симона в Магдале, чтобы 1.04.33г., в Страстную среду, миропомазать восходящего на Голгофу Христа в доме Симона прокажённого (к-рого Иисус исцелил от проказы) в Вифании. Таким образом, перед нами весьма замечательная поимённость Марии Магдалины и Тавифы на 9-м от магдальского и на 7-м от вифанского помазания Спасителя году, плюс – исцелившийся, по 8-летнем паралитическом расслаблении, Еней.

Пробуждение дочери Иаира и исцеление 38 лет больного при купальне Вифезда – (юбилейный) август и (постюбилейный) сентябрь 31г. – под знаками Льва и Девы. Исцеление Енея и воскрешение Тавифы – октябрь и ноябрь 39г. – под творческим знаком Скорпиона.

Помимо того, не наводит ли имя Тавифа — *серна / газель*, на аналогию с «газелью Билкис» — имя, к-рым зовётся в мусульманских преданиях царица Савская: Билкис / Балкида (у абиссинцев — Македа). Напомним, именно к ней — носительнице Софии, к-рая посетила Иерусалим в юбилейном 950г. до н.э., авелит Соломон приревновал убитого, по его приказу, каинита — мастера Хирама Тирского (Т.Г. 405-09), в то время как теперь авелит Пётр (карма Авеля!), восстанавливает, являясь носителем Христова Логоса, силой Христа к жизни каинитку-рукодельницу Тавифу, в таинстве воскрешения к-рой со смертного одра восстаёт (гётеанистическая) заповеданность истины всей, т.е. — Вечная Женственность!¹³

Не случайно 39г. н.э. равноудалён от 31 и 47г., когда, в 47г., по одному из преданий, Лазарь-Иоанн (карма Каина!), Мария Магдалина и Марфа покинули Палестину, и когда Ап. Пётр, м.б, впервые (что мы пока оставим под вопросом) побывал в Риме (см. ниже). И не случайно также 39г. равноудалён от 24 и 54гг. н.э., иначе говоря, с одной стороны, от года ойкуменического странствия Иисуса и года кончины Иосифа Нафанида, а с др., — от года Успения Богородицы.

И если воскрешение Тавифы связано с воскрешением дочери Иаира, к-рой на момент пробуждения было 12 лет, то не было ли вдове Тавифе в 39г. 24 года отроду, и следовательно, не родилась ли она в 15г. н.э. — дата соединения назаретского и вифлеемского семейств — вдового Иосифа Нафанида с сыном Иисусом и вдовой Марии Старшей с деями — воедино. Притом именно 39г. н.э. есть год 50-летия Марии Галилеянки и год 55-летия Марии Вифлеемлянки. Не был ли Сын *второй* — Иисус Соломонид (Заратустра) — носителем Софии, а Сын *первой* — Иисус Нафанид (Кришна) — носителем Логоса! Не пожертвовал ли старший брат своё совершенное Я брату младшему на слиятельную Пасху 14г. н.э. — год апрельского, под знаком Овна-Агнца, Успения Иисуса Соломонида и год сентябрьского, под знаком Девы, Успения Марии Младшей, защитные покровы к-рой с тех пор покровительственно распростёрлись над старшей сестрой, сопровождая её, из духовного мира.

Неспроста от 961г. до н.э., когда осенью было завершено строительство освящённого годом позже, в 960г., Соломонова храма, до осени 39г., когда была воскрешена Тавифа, 999 лет., между тем как от освящения в месяце адар 516г. до н.э. Второго храма на ноябрь 39г. н.э. идёт 555-й год (при том, что Второй храм был освящён в 516г. до н.э., на 444-м году от освящения осенью 960г. Первого храма).

¹³ В отпочковавшемся от иудейского источника, предположительно, I/I-го вв., составленном на греческом раннехристианском «Апокалипсисе Илии» (I/Пвв.), к-рый большей частью сохранился только в коптских переводах IV/Vвв., наряду с Енохом и Илией, фигурирует Тавифа — дева-обличительница Антихриста: «Он будет изменяться перед вами. То он будет старше, то снова моложе. Он будет изменяться во всех признаках, но признаки головы своей он не изменит. Благодаря этому вы узнаете, что он сын беззакония. Услышит дева, имя к-рой Тавифа, что бесстыдный явился в места святых. Она наденет одежду льняную и поспешит в Иудею, и будет обличать его вплоть до Иерусалима, говоря ему: «О бесстыдный, о сын беззакония, о ставший врагом всем святым!» Тогда разгневется на деву бесстыдный. Он будет преследовать её до заката солнца. Он высосет её кровь во время вечернее и бросит её на храм, и она станет спасением народа. Она же восстанет во время утреннее живой и будет обличать его, говоря: «О бесстыдный, нет у тебя власти ни над душой моей, ни над телом, потому что я живу всегда во Господе. Моя кровь, к-рую ты излил на храм, стала спасением народа» (4,1-6).

В греко-апокрифических «Деяниях Св.Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, написанных Прохором (один из 7-и диаконов и 70-и Малых Апостолов, данный в служители Иоанну), учеником его» (Вв.) сказано: «Когда же сошли мы (Иоанн и Прохор) из Иерусалима в Иоппию, чтобы отплыть в страны Асийские (т.к. жребий Асийский, по брошенному Апостолами в Гефсимании! жребию уделов миссионирования, пал на Иоанна), то пребыли у Тавифы 3 дня» (1,19).

Плюс к тому, на ноябрь 39г. н.э. шёл: 1080-й год от рождения Давида в 1041г. до н.э.; 490-й год от первого Пурима 451г. до н.э.; 483-й год от назначения Неемии в 444г. до н.э. областеначальником Иудеи...

И примечательно, что князю Апостолов Петру на 39г. н.э. 52 года отроду, т.е. он на 14 лет старше 38-летнего Енея, к-рый, в свою очередь, на 14 лет старше 24-летней (?) Тавифы. Или Тавифа была ровесницей родившейся в 19г. до н.э. дочери Иaira, её в дальнейшем духовной сестры — как по вере, так и, главное, по воскрешению их обеих во Христе?!

ПЁТР У СИМОНА КОЖЕВНИКА

Итак, мы приняли за верное, что Пётр исцелил Енея в конце октября, между тем как дата воскрешения Тавифы — ок. середины или в начале второй половины ноября 39г. н.э. В Д.Ап. не сказано, что последнее имело место сразу-тотчас вслед за исцелением Енея в Лидде, хотя произошло это в Иоппии немногим позднее. И чудо, случившееся-сотворённое с Тавифой, сделалось известно по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа, — на что тоже требуется некоторое время.

А Пётр, между тем, сообразно Дееписателю, «довольно дней пробыл в Иоппии у некоторого Симона кожевника» Неопределённое выражение «довольно дней» означает «немало времени» и вполне может означать в данном контексте — более месяца, или ок. полутора/двух месяцев, предоставляя нам возможность интерваллизировать этот хроноотрезок временем с ноября 39 по (крещенский) январь 40гг. н.э. Тогда, по всей видимости, и свершилось следующее событие Д.Ап. (к-рое, символизируя начало новой эпохи в истории христианства, просто не могло не свершиться в крещенском январе! — месяце порога), а именно: обращение и крещение Петром в Кесарии римского сотника, язычника Корнилия, и нескольких др. язычников из его дома и окружения.

Впрочем, сначала пара слов о Симоне кожевнике, у к-рого, под кровом к-рого Пётр пробыл довольно времени, конечно, в качестве гостя, но одновременно продуктивно используя данное время для проповеди среди иоппийцев, для их, поражённых дарованием Тавифе новой жизни, крещения и обращения, для их просвещения и укрепления в Христовой вере.

Ремесло кожевника считалось нечистым и презренным, из-за постоянного контакта его мастеровых со шкурами убитых животных, строгие предписания относительно к-рых, в частности, относительно соприкосновения с к-рыми (чего иудеи, по возможности, избегали) содержатся в Кн.Левит и Чисел (Лев.11,39/40; Ч.19,9-13). Однако, фарисеи пошли ещё дальше, и потому в Талмуде находим, например, следующее.

«Киддушин» (82а) Бар: «Из кожевников не может выйти ни царь, ни первосвященник, ибо они непригодны для этого из-за их ремесла». Или: «Кожевник делает для женщин меха к платьям и обувь. А кто угождает женщинам (в смысле — бабам), дела того злы». «Кетубот» (7,10): «В Сидоне умер кожевник, у к-рого был брат, к-рый тоже был кожевником и к-рому предстояло левиратно взять в жёны вдову брата. Но она сказала ему: «Твоего брата я могла выносить, несмотря на его ремесло, но тебя — не могу». «Мегилла» (3,2): «Здание синагоги можно продать, но его нельзя использовать как баню, как кожевенную мастерскую, как купальню для ритуальных омовений и как прачечную». «Бава Батра» (2,9): «Могилы и кожевенные мастерские должны находиться на удалении не менее 50-и локтей от города. Кожевенная мастерская может находиться только к востоку от города, откуда ветер

дует реже всего». Р. Акиба: «Может находиться повсюду (на удалении 50 локтей от города), кроме западной части».

Посему, если это положение (из т.н. преданий старцев) на исходе первой половины Ив. н.э. было в силе, значит, дом Симона кожевника — «при море» (Д.Ап.10,6) — располагался на определённом удалении от остальных домов, стоя пригородным «особняком». И пребывание в нём Петра, во-первых, свидетельствует о Петровых кротости и смирении, т.е. о смиренномудрии князя Апостолов (избравшего именно бедный дом презренного кожевника), и во-вторых, говорит о том, что Симон Пётр свободен от фарисейско-талмудических предрассудков-условностей, во всяком случае, такого чисто-нечистотного порядка.

Не сказано ли: «...не высокоумствуйте, но последуйте смиренным...» (Рим.12,16). Пётр предпочёл дом презренного для «законников-благочестивцев» кожевника как страннoлюбивого (1-е Петра 4,9: «Будьте страннoлюбивы друг ко другу без ропота») брата во Христе, поскольку Новый Завет противопоставляет спесивому переумудрению смиренномудрие, иначе понимает благочестие и, ни в коем разе, не делит людей, занимающихся общественно полезным трудом, по роду их занятий, на чистых и нечистых.

Феофилакт Болгарский: «Заметь отсутствие всякого высокомерия в Петре. Совершив столь великое чудо (воскрешение Тавифы), он ищет пристанища не у неё и не у другого какого-либо знаменитого человека, но у кожевника Симона; он не стыдится людей ничтожных и не даёт великим повода превозноситься» («Толк. на Д.Ап.9»).

Кроме того, еврейский тёзка и брат во Христе Симона Петра Симон кожевник выразительно противоположен одноимённому им Симону волхву, с к-рым Петру (и Иоанну) пришлось иметь дело в 34г. в Самарии, и не самарянство, но волхвование и святотатственная корысть к-рого (помыслившего приобрести дары Св. Духа за деньги) делают его антиподом как Симона Петра, так и Симона кожевника. Вспомним также фарисея Симона. Не в его ли доме в Магдале Мария Магдалина миропомазала ноги Иисуса 1.07.31г.! не он ли потом стал Симоном прокажённым, будучи позже исцелён Иисусом! Не в его ли доме в Вифании Иисус вечерил в Великую Страстную среду 1.04.33г.!

Не случайно имя Симон/Симеон означает — *слышание / услышание*. И если Симон волхв не внял истинному слову Божию, в т.ч., из уст Симона Петра, то равноправный член христианской общины Симон кожевник оному полносердечно внял. И если давший нарицательное наименование «симонии» Симон волхв, с его люциферическим, без Христа, гнозисом, суть евангельский персонаж со знаком «минус», то простосердечный Симон кожевник суть евангельский персонаж с однозначным знаком «плюс».

Этот страннoлюбивый Симон, кожевенных дел мастер, предоставил свой кров Симону Петру, и Пётр избрал для своего иопийского местопребывания жилище Симона кожевника, где оставался, как сказано, с ноября 39-го по приблизительно середину января 40г. н.э., когда туда к нему, на берег моря, явились-прибыли из расположенной в ок. 50-и км к северу Кесарии Приморской (где в 37 — 41г. резидировал назначенный Калигулой прокуратор Марулл) посланцы от римского сотника Корнилия.

ОБРАЩЕНИЕ РИМСКОГО СОТНИКА КОРНИЛИЯ

(январь 40г.)

«В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Итальяским.

Благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу.

Он в видении ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия, к-рый вошёл к нему и сказал ему: Корнилий!

Он же, взглянув на него и испугавшись, сказал: что, Господи? Ангел отвечал ему: молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом;

Итак пошли людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром:

Он гостит у некоего Симона кожевника, к-рого дом находится при море; он скажет тебе слова, к-рыми спасёшься ты и весь дом твой.

Когда Ангел, говоривший с Корнилием, отошёл, то он, призвав двоих из своих слуг и благочестивого воина из находившихся при нём

И рассказав им всё, послал их в Иоппию.

На другой день, когда они шли и приближались к городу, Пётр около шестого часа взошёл на верх дома помолиться.

И почувствовал он голод и хотел есть; между тем как готовили, он пришёл в исступление

И видит отверстие небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как-бы большое полотно, привязываемое за четыре угла и опускаемое на землю;

В нём находились всякие четвероногие земные звери, пресмыкающиеся и птицы небесные.

И был глас к нему: встань, Пётр, заколи и ешь.

Но Пётр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого.

Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым.

Это было трижды, — и сосуд опять поднялся на небо.

Когда же Пётр недоумевал в себе, что бы значило видение, к-рое он видел, — вот, мужи, посланные Корнилием, расспросивши о доме Симона, остановились у ворот

И крикнувши спросили: здесь ли Симон, называемый Петром?

Между тем как Пётр размышлял о видении, Дух сказал ему: вот, три человека ищут тебя;

Встань, сойди и иди с ними, ни мало не сомневаясь; ибо Я послал их.

Пётр, сошед к людям, присланным к нему от Корнилия, сказал: я тот, к-рого вы ищите; за каким делом пришли вы?

Они же сказали: Корнилий сотник, муж добродетельный и боящийся Бога, одобряемый всем народом Иудейским, получил от святого Ангела повеление призвать тебя в дом свой и послушать речей твоих.

Тогда Пётр, пригласив их, угостил; а на другой день, встав, пошёл с ними, и некоторые из братьев Иоппийских пошли с ним.

В следующую день пришли они в Кесарию. Корнилий же ожидал их, созвав родственников своих и близких друзей.

Когда Пётр входил, Корнилий встретил его и поклонился, падши к ногам его.

Пётр же поднял его, говоря: встань; я тоже человек.

И, беседуя с ним, вошёл в дом, и нашёл многих собравшихся.

И сказал им: вы знаете, что Иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником; но мне Бог открыл, чтоб я не почитал ни одного человека скверным или нечистым;

Посему я, будучи позван, и пришёл беспрекословно; итак спрашиваю: для какого дела вы призвали меня?

Корнилий сказал: четвёртого дня я постился до теперешнего часа и в девятом часу молился в своём доме; и вот, стал предо мною муж в светлой одежде

И говорит: «Корнилий! услышана молитва твоя, и милостыни твои воспомянулись пред Богом;

Итак пошли в Иопию и призови Симона, называемого Петром: он гостит в доме кожевника Симона при море; он придёт и скажет тебе».

Тотчас послал я к тебе, и ты хорошо сделал, что пришёл; теперь все мы предстоим пред Богом, чтобы выслушать всё, что повелено тебе от Бога.

Пётр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен, Но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему.

Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; Сей есть Господь всех.

Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном:

Как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благоворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним;

И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме, и что наконец Его убили, повесивши на древе.

Сего Бог воскресил в третий день и дал Ему являться.

Не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, к-рые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мёртвых;

И Он повелел нам проповедывать людям и свидетельствовать, что Он есть определённый от Бога Судия живых и мёртвых.

О Нём все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его.

Когда Пётр ещё продолжал эту речь, Дух Святый сошёл на всех, слушавших слово.

И верующие из обрезанных, пришедших с Петром, изумились, что дар Святого Духа излился и на язычников;

Ибо слышали их говорящих языками и величающих Бога. Тогда Пётр сказал:

Кто может запретить креститься водою тем, к-рые, как и мы, получили Святого Духа?

И велел им креститься во имя Иисуса Христа. Потом они просили его пробыть у них несколько дней. (Д.Ап.10,1-48)

Таким образом, Корнилий был сотником-центурионом, неся службу в составе одной из пяти римско-палестинских когорт, одна из к-рых (сменно с прочими) постоянно гарнизонировала в иерусалимско-прихрамовой цитадели Антония, в то время как остальные, или, во всяком случае, большинство из них стационарировались в штаб-квартире римской администрации в Палестине – в резиденции кесарского наместника (префекта или прокуратора) – Цезарее (Кесарии) Maritima. Данный порядок установился с бг. н.э., когда Август сослал сына Ирода этнарха Архелая и провинциализировал Иудею (плюс Идумею) с Самарией, оставив, вместе с тем, Ирода Антипу тетрархом Галилеи и Перее, а его (сводного) брата Филиппа – тетрархом трахонско-заиорданского края.

Напомним, римский легион (5/6 тыс. чел) состоял из 10-и когорт по 500/600 чел.; когорты – из 5/6-и сотен. Т.е. эквивалент сотни в переводе на современность – рота, к-рой командует приблизительно равнозначный центуриону капитан или старший лейтенант. Причём особенность когорты = полка, где служил Корнилий, в том, что этот полк назывался «Италийским», иначе говоря, был одной из 32-х

когорт Империи, в составе *Cohors Italica civium Romanorum voluntariorum*, состоявших из добровольно набранных в Италии римских граждан (и некоторых peregrini, к-рые после 25-и лет службы получали римское гражданство).

С каких именно пор? — с 6г. н.э.? или, скорее, с более позднего времени? Итальянский полк стоял в Палестине — неясно, но судя по тому, насколько Корнилий укоренён в Цезарее, с родными, близкими и домочадцами, он на 40г. служит тут уже как минимум несколько лет, и, б.м., служил в 28 — 30 — 33гг. н.э., что не все-непрерывно так, но что можно вывести-предположить из свидетельства Д.Ап.10,37. Т.е. он, сотник, мог быть в подчинении у Пилата и лично знать «другого» — того самого сотника Кассия Лонгина, к-рый нанёс удар милосердия копьём судьбы в межреберье Распятого 5.04.33г. н.э.

Кроме того, должно оговорить элитность Итальянского полка, к-рый, возможно, постоянно находился в Кесарии, при прокураторе, или использовался им, по своему усмотрению, для выполнения различных особо ответственных задач, в т.ч., по охране префекта, не неся (?), в отличие от 4-х других когорт в прокураторском подчинении, полугодичную гарнизонно-ротационную службу в Иерусалиме (что, правда, весьма подвопросно).

Причём интересно, что 40-й г. н.э. — предельный в хронорамах 6 — 41гг. н.э. срок нахождения Итальянского полка и вообще римских когорт как в Кесарии, так и в Иерусалиме на условиях прокураторского режима, поскольку в начале 41г. Клавдий восстановил иудейский вассалитет в приблизительных границах царства Ирода I, во главе с царём Агриппой, кто, царствуя-резидируя в 41 — 44гг. в столичном Иерусалиме, владел, в частности, Кесарией Приморской.¹⁴

Мы в курсе, что весной 37г. Калигула, освободив Агриппу из тиберианского застенка, сделал его царём над вакантными тетрархиями умерших в 36г. Филиппа и Лисания, куда, т.е. в свои владения, Агриппа отчалил из Италии летом 38г. А в ноябре 40г., не без агриппианских усилий, Калигулой будет сослан, напару со своей женой Иродиадой, Ирод Антипа, после чего Агриппе достанутся также Галилея и Перея. Засим на интересующий нас сейчас январь 40г. Палестина ещё разделена на провинциальную Иудею, включая Самарию с Идумеей, на дуалистическую тетрархию Антипы и на заиорданские владения Агриппы, не считая, вдобавок к тому, коммунального Декаполиса и унаследованных Юлиями-Клавдиями бывших владений сестры Ирода Саломии (+ 10г. н.э.): Ямния, Азот, Фазаилида.

Далее, имя = жентильный номен *Cornelius* (от *cornu* — лук, или — рог; *роговой*) — Корнелий (= Корнилий), о чём читателю известно, есть (давшая имя трибе *Cornelia*) фамилия одного из самых знаменитых римских gens — старопатрицианского (Малугинские, Коссы, Сципионы, Лентулы, Долабеллы, Блазионы, Цетеги, Мерулы и ставшие впоследствии Суллами Руфины), при наличии также позднейших плебейских Корнелиев (Цинны, Маммулы, Сизенны...), наиболее разветвлённого рода, давшего Риму множество принцевов *senatus*, понтификов *maximus*, больших

¹⁴ Не рассматривая 40-й г. н.э. в качестве предельного хронодатировочного фикс-пункта, Цанн склонен отнести корнилианское обращение к 38г., т.к. у него оно последовательно примыкает к уходу Савла из Иерусалима в Тарс в 37/38гг. (AG, S.338-41-63), что вроде бы, на первый поверхностный взгляд, в русле элементарной последовательности деписательского повествования, логично. Но, во-первых, напрасно Цанн датирует этот имевший место однозначно в 37г. павлианский уход из Иерусалима, через Кесарию, в Тарс неопределённо-дробно (37/38-м гг.), а во-вторых, Цанном вовсе не учитывается тот важный фактор-аспект, что продолжительность времени 31-го стиха 9-й гл. Д.Ап., где говорится о (никак не однодневном) умножении (ходящих в страхе Господнем, и, при утешении от Святого Духа) церковью по всей Иудее, Галилее и Самарии (в русле несиюминутной евангелизации Палестины), вполне может составить и (как показывает хроноэкспертиза) составляет срок с 37-го по 39гг.

фламинов, диктаторов, разных магистратов (и даже первого из некоренных римлян – *испанского* консула 40г. до н.э. – Л.Корнелия Балба).

Так вот, Л.Корнелий Сулла, первый из известных предков к-рого (Корнелиев Sullae) был диктатором в 333г. до н.э., побывав всевластным диктатором-беспредельщиком (не в обычном старореспубликанско-диктаторском смысле-амплуа) в 82 – 79гг., проскрибировал, заняв 1.11.82г. Рим, тысячи противников дела оптиматов (из партии марианских и постмарианских популяров). В результате, 10 тыс. рабов, принадлежавших жертвам массовых сулланских репрессий, отпущенные Суллой (как его преданные сторонники), в основном в 81г. до н.э., на волю, стали называться в честь своего освободителя Корнелиями («птенцы Суллы»). И следовательно, вовсе не исключено, что обращённый Апостолом Петром 120 лет спустя сотник Корнилий (римский гражданин не в первом колене) очень даже мог быть потомком одного из тех самых сулланских вольноотпущенников.

Впрочем, займёмся экзегезой благовестовательно-повествовательного слова Д.Ап. Корнилий был благочестивым и богобоязненным молитвенником и богоискателем из язычников на пути к обретению Бога Единого, притом не один, а со всем домом своим, т.е. в сообществе с родными гарнизонного офицера, домочадцами – слугами-рабами, некоторыми подчинёнными по службе и друзьями-товарищами, к-рым тоже были присущи-свойственны благочестие, молитвенность и богобоязненность, что снова свидетельствует о времени-актуальности острого кризиса старых языческих богов-идолов и склонности немалого числа язычников к вероупованию в Бога иудеев.

И при всём том, он продолжал оставаться иноплеменником (Д.Ап.10,28), язычником (11,1), необрезанным (11,3), не являясь прозелитом врат или правды, но творя, сопутственно молитве, милостыню представителям народа Божия от всего сердца и заслужив тем уважение обрезанных богоизбранных, ибо если в Кн.Исаии сказано: «Раздели с голодным хлеб твой...» (58,7), то в Кн.Товита говорится: «Милостыня от смерти избавляет» (12,9).

9-й час – традиционное время вечерне-храмовой иудейской молитвы, означающий в данном деесписательском контексте не столько именно 3 часа дня, по нашему времени, и, тем паче, не столько интервал с 3-х до 6-и часов вечера, сколько время между тремя и четырьмя часами пополудни, когда Корнилию, кто постился (в сём случае) несколько часов перед едой (речь не идёт о суточном посте), с утра и до ок. 4-х часов пополудни (Йома 7,1; Таанит 2,6-8), во время молитвы, к-рую Деесписатель, оговорив 9-й час, открытым текстом оговаривает ниже (10,30) устами Корнелия ретроспективно, явился в сверхчувственном видении-восприятии Ангел Божий (сияние лика небесного вестника).

Соответственно, Господь удостоил этого праведного язычника, исполненного искреннего благоговения пред Богом, как видимого открытому оку его души ангельского (бого)явления, так и обращённого к нему вышнего глагола, назвав его по имени и дав исчерпывающий ответ на правильно поставленный им вопрос: «что, Господи?»

Молитвы сердца, усердно вознесённые и возносимые Корнилием (от чистого сердца), равно творимые им богоугодные-благоугодные милостыни, оказавшись услышанными, именно пришли ныне, записанные в небесной книге, пред Богом на память.

Т.е. они были опамятованы-вспомнянуты Господом¹⁵, что акцентирует, в т.ч., достаточно продолжительный срок молитвенности и благотворительности Корни-

¹⁵ «Таргум Есфирь» (6,1): «В эту ночь (с 14-го на 15-е нисана) Авраам, Исаак и Иаков пришли на память пред их Отцом Небесным, так что свыше был снаряжён Ангел, а именно – Михаэль, князь Израилев...»

лия, его праведности пред Богом, от Ангела-посланника К-рого он получает теперь, в дарованном ему откровении, ясное указание-распоряжение. Послать людей из Кесарии в Иоппию с тем, чтобы призвать оттуда Симона (*слышание / услышание*), называемого Петром (*камень / скала*), к-рый гостит у некоего Симона кожевника, в доме, при (развёрнутом горизонтами на Ойкумену) море, и к-рый скажет Корнилию спасительные для него и его дома слова (от Логоса Божия).

И если Иоппия / Яффа – *высота = красота* – на берегу выводящего из гетто-истического изоляционизма моря олицетворяет-символизирует здесь предварение выхода христианства из (евангелизированной) Земли Обета, через водно-крещенскую купельную стихию, через элемент воды, во внешний мир до краёв земли, то римлянин-италик Корнилий и дом его суть символы-олицетворения как персонального, так и всемирно совокупного обращения язычников (посредством обратительного слова Божия и крещения).

И благоговейно внявший посланцу Бога сотник тотчас повинует, снаряжая в Иоппию двоих из своих слуг-рабов, в сопровождении одного из также нечуждых Богу воинов его подразделения (сотня = центурия), – итого 3-х человек. Воин, – с одной стороны, вероятно, для обеспечения безопасности в дороге, между тем как со стороны другой, в видах наглядного представления Симону Петру – от кого = римского офицера – к князю Апостолов снаряжено-уполномочено столь необычное, с необычным призывом от римлянина-язычника к иудео-христианину, посольство.

Преимущественно иудеонаселённая Иоппия располагалась, как сказано, в ок. 50-и км южнее преимущественно языческой Кесарии Приморской, к-рая была для иудеев-законников сооружённой (нечестивцем) Иродом I-м мерзостью запустения (со скрипом-скрежетом зубов), и от освящения к-рой в 10г. до н.э. на январь 40г. н.э. шёл-завершался как раз 49-й (7 x 7) год. И тут уместно вспомнить, что Иисус не заходил в языческие города – Кесарию Филиппову или Тивериаду Галилейскую, приближаясь к ним не ближе окрестностей, уж не говоря о римско-палестинской штаб-квартире – Кесарии, к к-рой Он даже не приближался.

Не приближался, поскольку в те времена земной жизни Спасителя (30 – 33гг.) ещё не настало время оно, наступление к-рого, наряду с тем, Он предрёк, сказав об «овцах не сего двора» (Ио.10,16), провозвестив в Великий четверг грядущее крещение иноплеменников (Ио.12), и недвусмысленно заповедав Апостолам по Воскресении: «...идите научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф.28,19). Хотя Апостолы ещё в начале 40г. (а многие иудеохристиане и до Апостольского собора 51г.) полагали, что для прихода ко Христу язычникам необходимо миновать интервальную ступень включающего обязательное обрезание еврейского прозелитизма.

* * *

Продолжим. Если снаряжённое Корнилием трио покинуло Кесарию ок. времени полуполуденной (вечерней) молитвы, т.е. до 4-х часов дня, а достигло Иоппии на, о чём мы узнаём ниже (10,9; 19), следующий день, ок. полудня, в 6-м часу, значит, эти три человека проделали ок. 25-и км по Саронской равнине во второй половине первого дня пути и столько же в первой половине дня второго. Иначе говоря, по ок. 6-и часов на каждый из двух дней дороги, к-рую без труда можно преодолеть пешим ходом. Древние путешествовали сушей: либо на своих двоих, либо верхом – на лошадях, ослах, верблюдах; или они пускались в путь по воде – на гребных и парусных судах. Но вряд ли усомнишься в том, что в рассматриваемом нами случае на повестке дня не слишком (по меркам пешеходных времён) продолжительное пешее путешествие.

Между тем, когда путники на др. день уже приближались ок. полудня к Иоппии, Пётр, кто наверняка, подобно образцовейшим благочестивцам, Давиду (Пс.54,18) или Даниилу (6,10), молился (не дважды, сообразно числу и в увязке со временем ежедневно-обязательной храмовой жертвы Тамид, а) трижды в день¹⁶, взошёл на крышу дома Симона кожевника, где гостил, дабы помолиться. Плоские крыши домов на Бл. Востоке представляли и представляют собой весьма удобное место для медитативного уединения и молитвы под открытым сводом или куполом или шатром необъятного неба – обители Бога Всевышнего, без пресловутой перегородки-мембраны, в виде чердака (к-рый, кстати, тоже использовался уходившими от внутридомашней суеты молитвенниками), отделяющего Небо = Бога от взывающего к Нему напрямую человека.

И как Корнилию были давеча видение и голос вышнего посланца в Кесарии в 9-м часу пополудни, так сегодня Петру были явлены сверхчувственная картина и сверхчувственный голос в час полуденный в Иоппии. Однако, вначале он, соблюдая пост, почувствовал во время молитвы голод и захотел, в пору приготовления трапезы внизу в доме, есть. Т.е. он взалкал, ибо основная (пусть двухсмысленная) речь тут, без сомнения, о *пище* духовной, и пришёл в (спиритуальное) исступление, под к-рым – восхитительный восторг (ср. Д.Ап.22,17; 2Кор.12,2/3), восхитивший его (в теле или вне тела) в мир Духа и отверзший ему очи для созерцания-увидения и услышания во Духе.

Отверстое небо – есть распахнувший небесные врата дом Всевышнего, откуда откровением ранее сокрытого сокровения (Рим.14,24) духовному взору Петра представился нисходящий (из небесного Царствия Христа = из Небесного Иерусалима) некоторый сосуд, уподобимый большому полотну, привязанному за четыре угла (четыре стороны света) и опускаемому на землю как своеобразная скатерть-самобранка (невидимой рукой).

Притом в тексте не сказано, что сосуд, подобный большому полотну, привязанному за 4 угла, опустившись на землю, как-то раскрылся (на то он и сосуд!). Стало быть, Пётр созерцает сквозь сделавшееся прозрачным полотно, видя в нём множество четвероногих зверей, пресмыкающихся и птиц небесных, к-рых Моисеев закон строго делит на чистых и нечистых, на дозволенных и запрещённых к употреблению в пищу (Лев.11,1-47; Втор.14,7-19), на оскверняющих и не оскверняющих израэлитя¹⁷, в отношении к-рых к Петру звучит голос (категорический императив), повергающий его в крайнюю степень растерянности: «встань, Пётр, заколи и ешь».

¹⁶ Предположительно, молитва, называвшаяся «вечерней» (в связи с пополудненным = вечерним храмовым жертвоприношением) в пору существования храма, в таннаитский период после разрушения святилища (70г.), сделалась для иудеев пополуденной, уступив наименование «вечерней» молитве, возносившейся (как одна из трёх обязательно-каждодневных молитв постхрамовой эпохи) ок. 6-и часов вечера (Strack / Billerbeck «Apostelgeschichte», Die Gebetszeiten der alten Synagoge, S.697-99).

Старейшее подтверждение требования ежедневной троекратной молитвы («Отче наш») для членов христианской общины содержится в источнике I/Пвв. «Дидахе» (3,8), сходно троекратности «Молитвы 18-и благословений» для синагоги. Тертуллиан говорит о 3-м, 6-м и 9-м часе, причём разумея время ок.9-и (утро), ок.12-и (полдень) и ок.15.00. (пополудни), т.к. к этой предписательно-обязательной утренне-дневной-пополуденной троекратности рекомендательно присовокупляются «рассветная» (по пробуждении) и «вечерне-ночная» (перед отходом ко сну) молитва (ingressu lucis et noctis).

¹⁷ «Санхедрин» (59б): «Р. Иегуда б. Тема: «Когда первый человек возлежал за трапезой в саду Едемском, Ангелы служения доставили ему хлеб и вино. Змей увидел это, и видя, какая честь человеку оказана, возревновал. (Отсюда делался вывод, что человекам изначально дозволялось есть мясное.) Но речь идёт о плоти, спущенной с небес! А существует ли плоть, спущенная с небес? Да, как показывает опыт р. Симона б. Халафта (190г.). Однажды, находясь

До установления обрядового закона человек употреблял в пищу любое из представленных в полотне творений и сейчас, не с отменой, но с новозаветным, при пришествии Мессии, преобразованием закона, ни одна черта из к-рого, преобразаясь-метаморфизируясь, не прейдёт, запреты сего рода, составляющие раздельную черту между евреями и остальными людьми, отменяются, в связи с чем человек вновь обретает, на сей раз, свободу во Христе (Бог человеческого Я).

Не был ли закон дан Моисеем? Да! Но не произошли ли благодать и истина от Иисуса Христа? Так точно. И гораздо важнее отмены пищевых запретов в явленном Петру видении символ новозаветного смешения-взаимопроникновения иносказательно репрезентированных в полотне рас, народов, племён, колен, всякие различия между к-рыми – под знаком Креста, Распятия, Воскресения и Пятидесятницы – отменяются-упраздняются.

Не сказано ли у Павла о необходимости совлечения ветхого человека с делами его и об облечении в человека нового, «к-рый обновляется в познании по образу Создавшего его, / Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всём Христос» (Кол.3,9-11). И ещё не сказано ли: «Чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе посредством благовествования, / Которого служителем сделался я по дару благодати Божией, данной мне действием силы Его. / Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия – благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово / И открыть всем, в чём состоит домостроительство тайны, сокрывшейся от вечности в Боге, создавшем всё Иисусом Христом» (Еф.3,6-9).

Сформулировано, конечно, Павлом, но начиналось-то всё с Петра – в действительности обращения первой группы язычников во главе с Корнилием и с предшествовавшего этому эпохальному обращению Петрова видения и слышания в Иоппии. Примечательный штрих к модной особенно в наше время для всех недоумков-псевдоэзотериков ново-новейшего времени теме мнимого-надуманного (плюс – интриганистого!) антагонизма между (Апостолом обрезанных и первых язычников) Петром и (Апостолом язычников) Павлом, чего в реальности, несмотря на (имевший место и разрешённый) конфликт между ними в 51г., не было (см. ниже).

Более того, если о деятельности Савла в 37 – 40гг. в Тарсе, до его прихода, точнее, до его приведения в 40г. Варнавой в Антиохию (см. выше и ниже) нам ничего конкретно не известно, то деятельность князя Апостолов Петра, первым призванного нести слово Божие, в т.ч., язычникам, что в последующем было столь

в дороге, он повстречал львов, к-рые на него зарычали. Он сказал: «Молодые львы рычат на добычу»: «Пс.: «Львы рыкают на добычу и просят у Бога пищу себе» (103,21). И тут перед ним опустились (свыше) два куска мяса. Один львы съели, другой – не тронули. Он принёс его в дом учения и спросил: «Это – нечто нечистое или чистое?» Ему ответили: «Нечистое не опускается с небес». Р. Цеира (300г.) спросил у р. Абаху (300г.): «Ну, а если бы к нему опустился сверху осёл (нечистое = непригодное в пищу животное – К.З.). Тот ответил: «Даже если бы это был неистовый дракон, р. Симону было ясно сказано: «Нечистое не нисходит с небес».

«Мидраш Пс.145 § 4 (268)»: «Господь разрешает запрещённое (приложительно к Пс.145,7: «...Господь разрешает узников»). Что это значит? Некоторые говорят: «Всех животных, к-рые на сегодня являются нечистыми, Господь сделает в грядущем (= во дни Мессии) чистыми. И ещё сказано: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл.1,9). А что было? Всё было чисто для Ноахидов (сыновей Ноя). Не сказано ли: «Всё движущееся, что живёт, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам всё» (Б.9,3). Изначально все животные и скот были дозволены каждому, как зелень травная. Почему же иные из них попали под запрет? Чтобы увидеть, кто будет придерживаться заповедей, а кто – нет. В будущем же запрещённое станет разрешённым...»

блистательно взято на вооружение и именно ойкуменически продолжено-реализовано-осуществлено Павлом, по благовествованию Д.Ап., в (крещенском) январе 40г. налицо!

И это, согласно верному комментарию М.Генри, – «не Ангелам Бог покорил вселенную (Евр.2,5), а Сыну Человеческому как вседержавному Владыке и сынам человеческим как вестникам и слугам вседержавного Владыки». И первым из этих вестников и слуг закономерно призывается открыть врата к Царствию Божию язычникам ключник-вратарь Симон Пётр. Не его ли Сам Господь Иисус Христос назвал *камнем*, на к-ром воздвигнется неодолимая для врат ада вселенская Церковь! И не ему ли Сам Воскресший Господь – Иисус Христос – поручил пасти агнцев Божиих!

Впрочем, на сей раз, Пётр не сразу повиновался даже голосу свыше, инерционно последовав голосу своей ветхозаветной совести, голосу своего генетического кода, к-рый требовал сказать – «нет». И Пётр возразил Всевышнему, сказав, что (как правоверный еврей-законник) он никогда не ел ничего скверного или нечистого. В ответ же не единожды, но трижды, чтобы не осталось никаких сомнений, прозвучало: «что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» Точка над *i* была поставлена и таинственный полотняный сосуд опять таинственно поднялся на небо.

Нет больше чистых и нечистых животных (1Тим.4,3-5), как нет больше в идеале всякого рода внешних преград для принятия-вступления язычников в общество Господне. И смешанные в полотне опустившегося из Небесного Иерусалима сосуда чистые с нечистыми животные есть прообразование церковно-общинного, в видах благодатной (после опыта богопознания Душой сознательной, к-рая вышла из Души рассудочной) соборности грядущего, симбиоза из вчерашних богоизбранников-иудеев и сегодняшних необрезанных язычников, всякие разграничения между к-рыми во Христе аннулируются-отменяются-упраздняются.

Правда, зашифрованное-закодированное видение и ясное слышание, невзирая на его тройственность, приводят смущённого Петра в глубокое недоумение – «что бы оно значило» (?), как, вдруг, ситуация начинает проясняться. Мужи, посланные Корнилием из Кесарии, прибыли в Иоппию, нашли, распросив местных, дом Симона кожевника на отшибе, при море, и вот стоят у ворот как нечистого для иудеев *дома*, так и предвещающего заморскую Ойкумену *моря*.

И примечательно, что теперь к размышляющему о видении Петру обращается не анонимный голос, а Дух Святой, повелевающий князю Апостолов встать, сойти с крыши дома и с иоппийской *высоты* и идти с ними, вдоль моря, в Кесарию, «ни мало не сомневаясь; ибо Я послал их». Т.е. они, три язычника – два раба и солдат, посланы (ни больше, ни меньше) Святым Духом (через посредство Корнилия).

И Пётр, следуя голосу новозаветной совести от Святого Духа, беспрекословно подчиняется, сошед к людям и представившись им: «я тот, к-рого вы ищите; за каким делом пришли вы?» Они же, со своей стороны и в свою очередь, сообщают ему, – кем присланы-уполномочены и кто есть добродетельный и боящийся Бога, одобряемый всем народом Иудейским сотник Корнилий, к-рый «получил от святого Ангела повеление призвать тебя в дом свой и послушать речей твоих».

И Симон Пётр приглашает их, язычников, в дом страннлюбивого брата во Христе Симона кожевника, как в свой, приглашает (как страннлюбивый хозяин) гостей к трапезе, угощает их и, вдобавок к тому, оставляет на ночлег, а на следующий день выступает совместно с ними в путь. Причём вместе с Петром идут и некоторые из иоппийских иудеохристиан, числом 6 человек (Д.Ап.11,12), сообразно чему, в объективе группа странников из, в общей сложности, 10-и мужей: три языческих посланника Корнилия и семь, включая Петра, христиан.

Даже во времена патриарха Иосифа (XIXв. до н.э.) египтяне и евреи не ели

вместе. (Б.43,32), притом тогда (когда у евреев ещё не было Моисеева закона) это была мерзость для египтян (!). Три еврейских отрока положили в сердце своём не оскверняться в пору Вавилонского пленения (VIв. до н.э.) яствами с языческого стола (Дан.1,8). А тут – на тебе! – Пётр пригласил в дом, угостил и оставил на ночлег скверных-нечистых язычников, продемонстрировав повиновение Богу, вопреки своему (как минимум) недопониманию происходящего, сродни тому как он повиновался Иисусу на Тайной Вечери в вопросе умовения ног.

Дальше – больше. Перед нами 10 человек-путников, – не по числу ли, в частности, лет, прошедших-миновавших на январь 40г. со дней Крещения Иисуса Иоанном Предтечей в Иордане 6.01.30г. н.э.¹⁸ Или семеро христиан, – не по числу ли семерых братьев-мучеников, сыновей вдовы (Маккавейской), к-рые отказались выполнить требования осквернителя храма в декабре 167г. до н.э. Антиоха Эпифана, отказавшись от идолослужительского осквернения, в т.ч., свинойной! Случайно ли на январь 40г. н.э. идёт 196-й год с декабря 167г. до н.э., и не составляет ли срок в 196 лет четыре 49-летних юбилейных периода (в к-рых каждый юбилейно-пятидесятью год одновременно первый год нового спирализирующего цикла)!

* * *

Вновь на повестке дня ок. 50-километровый путь по Саронской равнине, в этот раз, с юга на север, и приход группы из 10-и странников в Кесарию в следующий после их выхода из Иоппии день. Т.е. спустя 3 дня, или на 4-й от явления Корнилию (в час вечерней молитвы) Ангела Господня день – ок. 4-х часов пополудни, что подтверждает, говоря о – применительно к посту – «четвёртом дне», сам Корнилий (10,30), к-рый, тем временем, с нетерпением ожидал дорогих гостей, созвав родственников своих и близких друзей.

И он встретил Петра, поклонившись и упав ему в ноги, что Пётр, справедливо рассмотрев в том неприемлемое и для христианина, и для иудея идолопоклонство (не сотвори себе кумира), решительно отвёл от себя, подняв Корнилия со словами: «встань; я тоже человек». Или, как сказано в манускрипте «А» Д.Ап.: «не делай этого; встань...», поскольку и Пётр, пусть князь Апостолов, тоже, всего-навсего, человек, т.е. один из братьев во Христе, но никакой не преемник, никакой не заместитель Мессии. И беседуя, они, иудео-христианин (с сопровождающими) и язычник-римлянин, вошли в дом, под кров Корнилия, где было много собравшихся из числа родственников и друзей благочестивого богоискателя-сотника.

¹⁸ Пользуемая нами ныне (профанированная) десятичная система пришла из Египта и была (позаимствованная затем у египтян греками и, главное, поделившими время на пятилетки-квинквиналии и десятилетки-деценалии римлянами) священна для египтян (достаточно вспомнить египетский календарь с годом из 360-и + 5 дней, по три декады 10 + 10 + 10 в каждом из 12-и месяцев, с присовокуплением 5-и эпагоменов в конце года), но не для приверженных (спиритуальной) семеричности и седмичному ритму евреев. Не на пустом месте в посвящённой эпохально-веховому обращению Корнилия гл.10 Д.Ап. актуальны как (языческое) число 10, так и (еврейское) число 7.

И ещё, если для В.З. «Египет» олицетворяет покинутый богоизбранниками евреями декадентный-деградантный языческий мир, к-рый обречён на погибель, то согласно Завету Новому, язычник подлежит спасению и имеет не меньшую возможность спастись, нежели иудей. Богоизбранных народов больше нет. Сегодня из «Египта» исходят богоизбранные индивидуальности, а не народы. Или же, по большому счёту, нет *новозаветного Исхода из Египта* (что, к примеру, вообразила себе, покинув Европу, протестантская Америка, на базе к-рой возникли США), но есть христианское преображение-новорождение как в Старом, так и в Новом свете.

Нигде в Ветхом Завете иудеям нормативно не возбранено сообщаться с иноплемениками, что явилось позднейшим продуктом пресловутого «предания старцев» = фарисейско-раввинистического адата, поставленного авторитетами (адептами сегрегации) вровень с положениями закона, против чего, в частности, например, против абсурдных субботних запретов, так ополчался, конфронтируя с иудейскими противниками, в 30 – 33гг. Иисус.

Но ведь суббота для человека, а не человек для субботы, согласно Богу человеческого Я, что, тем паче, распространяется на заскорузлые нормативы старцев, обусловленные стремлением самоизолировать-самогеттоизировать (оправданный в предмессианскую пору радикальный-экстремальный ездраитизм-неемитизм) народ Божий, заморозив его заживо в данном состоянии до пришествия Мессии, к-рый обратит достойных и уничтожит нечестивых, но пришествие К-рого откладывалось у старцев до «греческих календ». И это ныне, по свершении Мистерии Голгофы, превращало самогеттоизацию в мумификацию заживо, в зомбированный труп, с экзистенцией духовного мертвеца в мире живых (своего рода еврейско-иудейский эквивалент «Кодекса Юстиниана!»).

Не открыл ли Бог Петру, чтобы он не почитал ни одного человека, в зависимости от его расовой, этнической, племенной, или какой-либо иной групповой принадлежности, скверным или нечистым. Соответственно, Пётр верно понял-постиг суть явленного ему видения и обращённого к нему слова-логоса от Духа Святого, К-рый есть, в христианском понимании, *безродный космополит*, не ставящий вышеперечисленные ограничения в качестве условия для принятия человека в Новый Израиль, в новозаветное общество Господне.

Если в общество ветхозаветное (подлежащий истреблению) амаликитянин не может войти вовсе¹⁹, тогда как аммонитянин или моавитянин могут войти не раньше десятого колена (в реальности – тоже никогда), а идумеянин или египтянин – не ранее колена третьего, то для новозаветности, для вхождения в общество новозаветное, в построенную идеально на основе благодатной соборности или соборной благодатности Церковь Христову, ни такого рода кровно-сертификатных, ни обрядовых вроде обрезания, ни иных ограничений нет.

Вместе с тем, дело, повторим, было в том, что за годы, прошедшие со времени Таинства Голгофы, причём на январь 40г. шёл именно 7-й ($3 + 7 =$ Троица + дары Св. Духа) год от События Событий, Пётр и остальные Апостолы не сомневались, что в христианство можно прийти из язычества не иначе как в обязательном порядке пройдя через включающий обрезание и соблюдение иудейской обрядовости еврейский прозелитизм. То-то рассеявшиеся после каменования Стефана прошли дорогами до Финикии, Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово Божие, кроме иудеев (евреев и еллинистов), самарян и прозелитов, исключая, возможно, отдельных-единичных язычников в самых исключительных случаях, к-рые только подтверждают правило.

И вот, по прошествии надлежащего срока, не случайно именно в 7-й год от Таинства Голгофы, эта (по большой христианской сути) эфемерная мембрана была Самим Господом Богом в Его явлении-повелении Петру, к-рый явился со словом Божиим в полный язычников кесарийский дом римского сотника Корнилия, устранена-убрана. Отныне промежуточно-интервальная прозелитическая ступень для обращаемых-крещаемых необязательна. Запретно-таможенный барьер снят, металлодетекторы отправляются на свалку истории. Метаистория поднимающегося-восходящего христианства требует открытых границ. Христос искупительно умер за всех, за каждого человека и за всё человечество, в т.ч., за язычников.

¹⁹ Отношение Гитлера к евреям дублирует отношение ветхозаветных евреев к амаликитянам!

И как бы ни сильна была ветхозаветная совесть Петра и проч. Апостолов, явленная-объявленная Петру трижды воля Бога, к к-рой они, пережившие на пике Мистерии Голгофы Пятидесятницу-Троицу, сверхчувственно восприимчивы как благодаря своему иудеохристианскому ясномыслию во Христе, так и в силу свойственного им остаточного стихийного ясновидения, недвусмысленна, и противиться ей никак нельзя-невозможно. Супротив рожна не попрётся. Посему у Петра нет сомнений, ибо Сам Господь Бог открыл ему, чтобы он не почитал ни одного человека скверным и нечистым, и будучи позван в Кесарию, к Корнилию, он пришёл беспрекословно. Это прежде уста Апостолов не открывались перед необрезанными. Теперь обстоятельства изменились и им, обрезанным и необрезанным, есть, что сказать друг другу.

Затем следует дееписательское усиление, через повторение-акцентацию-удвоение, Корнилием от первого лица того, что было благовествовано выше, с важным добавлением о явлении ему, Корнилию, тождественного Ангелу Божию (10,3) «мужа в светлой одежде». Не сделалась ли одежда Иисуса (первосвященника по чину Мелхиседека!), при Преображении Господнем на горе Фавор, «белою блистающею» (Лк.9,29)! Не предстали ли пред жёнами-мироносицами в пустой-початой гробнице у пустого гроба «два мужа в одеждах блистающих» (Лк.24,4)! И Корнилий, обращаясь к Петру, присовокупляет, объединяя иудеохристиан с идушимами к истинному Богу язычниками, в лице его самого, его родственников и друзей-единомышленников, что — «теперь все мы предстоим пред Богом, чтобы выслушать всё, что повелено тебе от Бога».

И уста уполномоченного Богом Петра отверзаются перед необрезанными язычниками в доме язычника, в преимущественно языческой греко-римской Кесарии, гавань к-рой была сооружена амбициозным Иродом по типу и роскошнее знаменитой пирейской. При том, что воздвигнутая в честь кесаря (Августа) Кесария Приморская являлась своего рода ближневосточным греко-римско-ойкуменическим олицетворением державно-космополитических Рима и Греции в (их левантійской) миниатюре.

Язычники также имеют право принять благодать Божию наравне с евреями: «во всяком народе боящийся Его (= благоговейщий-трепещущий пред Ним) и поступающий по правде приятен Ему».²⁰ То-то Пётр манифестирует в истинном познании, пришедшем к нему, что Бог нелицеприятен = не знает лицепрятия в суде, не

²⁰ Прозелитизм праведности требовал неперемного обрезания прозелита (без чего последний не мог есть в обществе иудеев Пасху) и принятия основной иудейской обрядовости (в то время как при обращении в христианство на место ветхозаветного обрезания заступило новозаветное крещение неопита во имя Иисуса Христа, Сына Божия, = во имя Отца и Сына и Святого Духа).

«Исход рабба» (19 (816): «Устав Пасхи: «никакой иноплеменник не должен есть её» (Исх.12,43). Это понимает Исаия: «Да не говорит сын иноплеменника, присоединившийся к Господу: «Господь совсем отделил меня от Своего народа»...» Сказано у Иова: «Странник не ночевал на улице; двери мои я отворил прохожему (неизразлиту)» (31,32). И Господь никого не отвергает, но принимает каждого, и врата Его повсечасно открыты, кто желает войти, тот войди. Потому и сказано: не должно чужаку ночевать на улице, что означает «чужестранца в твоих воротах» (под к-рым принявший через обрезание иудаизм прозелит). Р. Берехия (340г.): «О ком сказано: не должно чужестранцу ночевать на улице? О прозелитах, к-рые однажды станут священниками и будут служить в святилище: «...Ибо помилует Господь Иакова, и снова возлюбит Израиля; и поселит их на земле их, и присоединятся к ним иноземцы, и прилеплятся (в мидрашистском истолковании — сделаются священниками) к дому Иакова» (Ис.14,1). «Присоединятся-прилеплятся» в смысле 1Ц.2,36: «...причисли меня к какой-либо левитской должности, чтоб иметь пропитание». И однажды они вкусят от хлебов приношения, когда их дочери выйдут замуж за священников. Господь «любит пришельца, и даёт ему хлеб и

различая лиц в суде и вынося суждение о лицах по сердцам, по степени их искренности. Быть лицеприятными в суде судьям было запрещено Моисеевым законодательством, чем и руководствуется, переводя стрелки с Ветхого Закона-Завета на благодатный Новый Завет *новый Моисей* — Симон Пётр.

В Кн.Втор. Моисей заповедует израэлитам: «Не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не бойтесь лица человеческого; ибо суд — дело Божие; а дело, к-рое для вас трудно, доводите до меня и я выслушаю его» (1,17). «Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, К-рый не смотрит на лица и не берёт даров, / К-рый даёт суд сироте и вдове, и любит пришельца, и даёт ему хлеб и одежду» (10,17/18). Притчи: «Сказано также мудрыми: иметь лицепрятие на суде — не хорошо» (24,23). В Кн.Пар. царь Иосафат говорит поставленным им над народом судьям: «Итак, да будет страх Господень на вас; действуйте осмотрительно; ибо нет у Господа, Бога нашего, неправды, ни лицепрятия, ни мздоимства» (2,19,7). Иов: «Но Он не смотрит на лица князей и не предпочитает богатого бедному, потому что все они дело рук Его» (34,19).

* * *

И в Новом Завете Господа Иисуса Христа, где «Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну» (Ио.5,22), находим следующее. «И если вы называете Отцем Того, К-рый нелицеприятно судит каждого по делам, то страхом проводите время странствования вашего...» (1Пет.1,17). «Ибо нет лицепрятия у Бога» (Рим.2,11). «А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде: у Него нет лицепрятия» (Кол.3,25).

Благодать даётся Богом произвольно (Вт.7,7/8; 9,5; Мф.20,10); судит же Бог по праведности в смысле вышней справедливости как праведности Господней, не допуская в отношении праведного Корнилия не от семени Авраамова и не из дома Иакова какого-либо лицепрятия, ибо Корнилий богоугодно и благоугодно служит Богу. Богобоязненность и праведность сопутственны. Не род или племя важны новозаветному Богу в человеке, но средоточие его существа в любви к Богу и к ближним. В Царствии Божием нет ни колен, ни языков, ни народов, ни племён.

И сказав о том, что всечеловеческий Бог человеческого Я, принесший жертву за всё человечество (а не только за иудеев, богоизбранничество к-рых в прошлом) истинно нелицеприятен, предпочитая лицу сердце, Пётр коротко воспроизводит перед слушателями известные последним метасобытия Мистерии Голгофы в их хронопоследовательности: «происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном», за чем последовали крещение Иисуса из Назарета, Его благодотворения и исцеления (обладаемых дьяволом) в стране Иудейской = в Земле Обета и в Иерусалиме, наконец, Его распятие и Воскресение в третий день.

И здесь важна акцентация Петром явлений воскресшего Иисуса «не всему народу, но (готовым-предуготовленным к тому) свидетелям, предъизбранным от Бога, к-рые с Ним ели и пили по воскресении Его из мёртвых». Царство Божие не есть

одежду» (Вт.10,18), т.е. приветствует прозелитов, к-рые (их потомки) однажды вкусят от хлебов приношения и наденут священское облачение.

«Мидраш Пс.100 § 1 (2126)»: «Пс.100: «Воскликните Господу, вся земля» (1). Р. Аха (320г.): «Это песнь к исповеданию, ибо Господь говорит, что если Его примут все народы, то Он примет их: «Мною клянусь: из уст Моих исходит правда, слово неизменное, что предо Мною преклонится всякое колено, Мною будет клясться всякий язык» (Ис.45,23). «Пешикта» (107а): «Господь: «Если нечестивец Исав пожелает стать прозелитом, чтобы покаяться и прийти изучать Тору, то пусть приходит и изучает, и Я приму его».

земные-физические пища с питьём, Оно – праведность, Оно – мир, Оно – радость сердец во Духе Святом!

И «когда Пётр ещё продолжал речь, Дух Святой сошёл на всех, слушавших слово». Во-первых, замечательно, что если при Крещении Иисуса сошествие Духа (в виде голубя) следует за крещением, то сейчас оно постпятидесятично предшествует крещению. Во-вторых, Св. Дух впервые излился на язычников так, как на христиан из иудеев в день первой Пятидесятницы-Троицы 24.05.33г. И в-третьих, или, в главных, – иудеохристиане это сверхчувственно восприняли.

Притом понятно изумление верующих из обрезанных – шести братьев, пришедших с Петром, к-рым надлежит свидетельствовать в его пользу перед обрезанными в Иерусалиме. Мало того, столь беспрецедентное сошествие Духа Святого на необрезанных²¹ со всей очевидной истинностью удостоверяло для первых верность-правильность Петрова деяния = проповеди князя Апостолов к язычникам под кровом римского сотника в Кесарии.

И обращение язычника Корнилия с группой родных и близких, чего до сих пор в истории христианства никогда не бывало, не случайно имеет место быть именно на 12-м году от начала проповеди явившегося из пустынь Израилю осенью 28г. Иоанна, через 10 лет после Крещения Иисуса и на 7-м году от Таинства Голгофы.

²¹ Сошествие Духа Святого на группу (сообщество) необрезанных язычников крайне изумило обрезанных израэлитов-иудеохристиан, поскольку такое случилось впервые, ведь ранее местом пребывания и объектом откровения Божия были – либо обрезанные израэлиты, плюс с 33г. различные, но тоже обрезанные иудеохристиане в Эрец-Исраэль, либо, опять-таки, обрезанные израэлиты (плюс – обрезанные иудеохристиане) за пределами Св. Земли. А тут «дар Св.Духа (в первый раз) излился (в Св.Земле) и на (необрезанных) язычников», принятие к-рых в новозаветное общество Господне было, следовательно, без сомнения, делом богоугодным. («Обрезанный» – обычное раввинистическое обозначение = синоним Израэлита; «необрезанный», или «крайняя плоть» – синоним язычника.)

«Мекхильта Исход» (12,1 (16): «До избрания Эрец-Исраэль все страны были приемлемы для слова Божия; после избрания, все остальные отпали. А если ты скажешь, что придержишься иного мнения, поскольку Господь говорил к пророкам и за пределами Эрец-Исраэль, то знай, что это имело место благодаря заслугам их пращуров... Причём Господь говорил к пророкам вне Эрец-Исраэль только у воды (Иез.1,1: река Ховар в Вавилонии; Дан.8,2: река Улай в области Еламской; 10,4: река Тигр). Познай, что Шехина не открывается в чужих странах. Не сказано ли: «И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня...» (1,3). Как хотел он бежать от лица Господня? Не издавна ли известно: «Куда пойду я от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?» (Пс.138,7). Или: «На всяком месте очи Господни; они видят злых и добрых» (Пр.15,3); «Нет тьмы, ни тени смертной, где бы могли укрыться делающие беззаконие» (Иов 34,22); «Хотя бы зарылись в преисподнюю, и оттуда рука Моя возмёт их; хотя бы они взошли на небо, и оттуда свергну их» (Ам.9,2); «Ибо кто может считать день сей маловажным, когда радостно смотрят на строительный отвес в руках Зоровавеля те семь, – это очи Господа, к-рые объемлют взором всю землю?» (Зах.4,10). Не помыслил ли Иона: я хочу уйти в зарубежье, туда, где не открывается Шехина, чтобы язычники, к-рые близки к покаянию, не сделали бы наказуемыми израэлитов. Господь же сказал ему: «у Меня есть посланники, подобные тебе». Не сказано ли: «Но Господь воздвиг на море крепкий ветер...» (Ио.1,4).

«Мегилла» (29а) Бар: «Р. Симон б. Иохаи (150г.): «Удостоверься, до чего израэлиты милы Господу: всюду, где они были в изгнании, Шехина пребывала с ними. Они пошли в Египет и Шехина не покинула их: «...так говорит Господь: не открылся ли Я дому отца твоего, когда ещё были они в Египте, в доме фараона?» (1Ц.2,27). Они ушли в Вавилон и Шехина сопровождала их: «Так говорит Господь, Икупитель ваш, Святой Израилев: ради вас Я послал в Вавилон, и сокрушил все запоры и Халдеев, величавшихся кораблями» (Ис.43,14). И когда они в грядущем будут спасены-избавлены, Шехина будет посреди них: «Тогда Господь, Бог твой, возвратит пленных твоих, и умилосердится над тобою, и опять соберёт тебя от всех народов, между к-рыми рассеет тебя Господь, Бог твой» (Вт.30,3). «Возвратит пленных твоих» в смысле – возвратится с тобой, господьственно обитая посреди экзюлиантов-репатриантов».

Более того, на 12-м году от этого предваряющего ойкуменизацию христианства петрианско-корнилианского события январско-крещенского начала 40г. н.э. состоится Апостольский собор 51г. н.э., к-рый официально откроет-распахнёт перед христианством вселенско-павлианские горизонты.

Времена исполнились и времена исполняются. На январь 40г. исполнилось уже 40 лет со времени Рождества Иисуса Соломонида 6.01.1г. до н.э. и пошёл 40-й год со времени Поклонения волхвов 6.01.1г. н.э., к-рые положили свои короны к стопам Младенца Иисуса, и к-рые, символизируя трёх сыновей Ноя, т.е. совокупное человечество, являются символом абсолютного христианского космополитизма. Плюс к тому, на январь 40г. минуло 38 лет и идёт 39-й год от Рождества 25.12.1г. н.э. Иисуса Нафанида, и скоро исполнится 38 лет от Сретения Господня 2.02.2г. н.э., и вскоре минёт 38 лет от возвращения Св. вифлеемского семейства из бегственного Египта в апреле 2г. н.э. И ещё на январь 40г. идёт 26-й год от слиятельной Пасхи 14г. н.э., от апрельского Успения Иисуса Соломонида и от сентябрьского Успения Марии Благодатной.

И как после, так и вследствие сошествия Духа Святого на необрезанных²², Пётр Великий (Апостол «определённого от Бога Судии живых и мёртвых Иисуса Христа», о К-ром «все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его») задействует крещение водой для тех, — «к-рые, как и мы получили Святого Духа». Он велит им креститься во имя Иисуса Христа²³, а они, крестившись, просят его пробыть у них несколько дней, чтобы наставить их — обращённых-крещённых-новородившихся — в истинной вере на путь истинный.

Итак, скажем снова, не главное больше, не главное отныне — обрезанный или необрезанный, Иудей или Еллин и т.д. Не главное, но соборное принятие этого принятого и практически реализованного-осуществлённого в 40г. Петром *Великим* положения, этой планетарно-христианской максимы воспоследует лишь в 51г., уже благодаря неумолимому подвижничеству в ещё более охватной мере-степени, чем Петрово, ойкуменического Апостола язычников — Блаженного Павла.

А пока, как некогда Моисей был посвящён мадианитянином Иофором (отец Сепфоры — первой жены Моисея), так теперь новый Моисей Пётр обратил крещением вместо былого посвящения-инициации (без интервально-промежуточной ступени еврейского прозелитизма) осенённых сошествием Святого Духа римского сотника Корнилия²⁴ (к-рый, что важно учесть и усвоить, внутренне созрев для этого, сам *искал* Христа Спасителя и христианскую Церковь!) и группу др. язычников.

²² «Седер Олам рабба» (20): «После того как израэлиты получили Тору, Дух Святой отошёл от др. народов. Не сказано ли у Моисея: «Ибо по чему узнать, что я и народ Твой обрели благоволение в очах Твоих? не по тому ли, когда Ты пойдёшь с нами? тогда я и народ Твой будем славнее всякого народа на земле» (Исх.33,16). И из чего следует изъяснение ему (Моисею) Господней воли? «И сказал Господь: вот, Я заключаю завет: пред всем народом твоим соделаю чудеса, каких не было по всей земле и ни у каких народов; и увидит весь народ, среди к-рого ты находишься, дело Господа; ибо страшно будет то, что Я сделаю для тебя» (Исх.34,10).

²³ Интересным образом Пётр не крестит в данном случае сам (что делают пришедшие с ним в Кесарию из Иоппии 6 братьев), как не крестил Сам в 30-33гг. Иисус (Ио.4,2), или как не будет крестить сам в перспективе Павел (1Кор.1,15). При всём том, в случаях с первоверховными Апостолами Петром и Павлом, это обусловлено смиренномудрием обоих, чтобы крещаемые ими не помыслили, что они крестят их во имя своё.

²⁴ Согласно церковному преданию, Корнилий был впоследствии (рукоположенный Петром) епископом Кесарии, затем проповедовал христианство в различных странах и, по одной версии, кончил мученически, а, по другой, дожил до глубокой старости в малоазийском г. Скепсии, куда пришёл из Эфеса и где, явив чудеса (разрушение языческого храма), обратил-крестил (поначалу пытавшегося убить святителя) местного князя, его родных-близких и

УПРЁКИ ОБРЕЗАННЫХ ПЕТРУ В ИЕРУСАЛИМЕ, ЕГО ОТВЕТ И ИХ РАДОСТЬ

(февраль 40г.)

«Услышали Апостолы и братья, бывшие в Иудее, что и язычники получили слово Божие.

И когда Пётр пришёл в Иерусалим, обрезанные упрекали его,

Говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними.

Пётр же начал пересказывать им по порядку, говоря:

В городе Иопнии я молился и в исступлении видел видение: сходил некоторый сосуд, как-бы большое полотно, за четыре угла спускаемое с неба, и спустилось ко мне;

Я посмотрел в него и, рассматривая, увидел четвероногих земных, зверей, пресмыкающихся и птиц небесных.

И услышал я голос, говорящий мне: встань, Пётр, заколи и ешь.

Я же сказал: нет, Господи, ничего скверного или нечистого никогда не входило в уста мои.

И отвечал мне голос вторично с неба: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым.

Это было трижды, и опять поднялось всё на небо.

И вот, в тот самый час три человека стали пред домом, в к-ром я был, посланные из Кесарии ко мне.

Дух сказал мне, чтоб я шёл с ними, ни мало не сомневаясь; пошли со мною и сии шесть братьев, и мы пришли в дом того человека.

Он рассказал нам, как он видел в доме своём Ангела (святого), к-рый стал и сказал ему: пошли в Иопнию людей и призови Симона, называемого Петром;

Он скажет тебе слова, к-рыми спасёшься ты и весь дом твой.

Когда же начал я говорить, сошёл на них Дух Святой, как и на нас вначале.

Тогда вспомнил я слово Господа, как Он говорил: Иоанн крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым.

Итак, если Бог дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа, то кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?

Выслушавши это, они успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь.» (Д.Ап.11,1-18)

Эта делящаяся на три части глава Д.Ап. (11,1-18; 19-27/28; 28-30) благовествует, в частности, события по возвращению *обходчика* церквей = христианских общин Св. Земли (9,30) Петра (9,31), к-рый обходил их не столько как проповедник-миссионер, сколько как, перво-наперво, князь Апостолов (пастырь агнцев), в Иерусалим, куда он, следуя слову Деяписателя, возвратился, обратив-крестив, как мы выяснили, в январе 40г. римского сотника Корнилия и группу родных-близких ему язычников в Кесарии. Хотя можно теоретически предположить, что Петрово возвращение в Иерусалим последовало не прямо из Кесарии, но после посещения им и прочих общин, в т.ч., в Самарии и Галилее, или минимум в нескольких населённых пунктах севернее Цезареи, в каковом случае, Пётр мог вернуться в столицу не ранее февраля, либо (при принятии Самарии с Галилеей), скорее, марта 40г. н.э.

прочих горожан. Это присутствие Эфеса, города в к-ром христианскую общину основал Павел, и города, в к-ром с 67г. (год мученичества Петра и Павла в Риме) обосновался Иоанн Богослов, в апокрифическом жизнеописании обращённого Ап.Петром Корнилия, как и в биографии Ап.Павла весьма симптоматично и показательно, ибо и Пётр, и Павел, по-разному, своеобразно *предшествуют* (Апостолу Апостолов) Иоанну Богослову.

За более поздние (т.е. — мартовские) сроки возвращения князя Апостолов ратует приводимый Цанном (364/65) манускрипт «А» Деяний²⁵, где говорится о возмущении Апостолов и братьев в Иудее тем, что язычники приняли (без обрезания) слово Божие, в связи с чем Пётр возвратился в Иерусалим по прошествии определённого времени, пройдя через др. уделы (Св. Земли) и проповедав там. И тем не менее, останемся верны букве канона — как западного, так и восточного, из к-рой выводится достаточно скорое посткорнилианское возвращение Петра в Иерусалим, т.е. не позднее января/февраля 40г.

Так или иначе, если даже в более близком к канону манускрипте «В» этот конфликт = претензия обрезанных иерусалимских иудеохристиан к Петру, по поводу обращения-крещения им (без требования к ним обрезаться) необрезанных, несколько смягчён, то всё равно конфликт налицо. Ибо, по возвращении Петра, он (несмотря на свой статус) подвергся упрёкам со стороны обрезанной иерусалимско-христианской братии, к тому же, обратил внимание, — не за то, что проповедывал язычникам (согласно заповеди Иисуса: «идите, научите все народы...»), но именно за то, что ходил = зашёл (слишком далеко!) под кров к людям необрезанным и ел-пил с ними.²⁶

Стало быть, нет ещё на 40г. у еврейских иудеохристиан (сверхчувственно открывшегося Петру в Иоппии и под кровом Корнилия в Кесарии) понимания-осознания того, что обращать-крестить язычников (не ограничиваясь проповедью к ним) можно уже без промежуточно-прозелитического соблюдения ими иудейского обрезания как знака Ветхого, однако, не Нового Завета, без соблюдения ими ветхозаветных пищевых запретов и т.д.

Впрочем, Апостолы и братья пока ревнители Моисеева законодательства, к-рое они не отделяют от мессианства Христа Спасителя, не осознавая реалий новозаветного преобразования Закона в качественно иной (потому и Новый!) Завет. Мало того, упорно держась-хватаясь также за отсутствующие и в Древнем Законе-Завете предания (анонимных и самозванных постпророческих) старцев — типа запрета на сообщение с иноплеменниками.

То-то Пётр в своём рассказе-отчёте перед упрекающими его подробно воспроизводит на собрании иерусалимско-христианской общины (вероятно, в Сенакле на Сионе) всё произошедшее с ним — увиденное, услышанное и содеянное им — в Иоппии и в Кесарии. Это Господь велел Корнилию послать за Петром; это Господь велел Петру идти к Корнилию. Притом наиболее важное-существенное в том, что не кто иной как именно Господь ниспослал, освятив-легитимизировав сим всё

²⁵ Текст «Деяний» представлен в трёх основных редакциях, условно называемых: 1) «Александрийская» («А»; кодексы Александрийский — Vv., и Ватиканский — IVv.; кодекс Ефрема Сирина); 2) «Западная» («В»; кодекс Безы — Vv., кодекс Лауда — VIv., и др.); 3) «Византийская». Для реконструкции оригинального текста, согласно доминирующей научной т.зр., имеют значение «Александрийская» и «Западная» редакции, причём с XIXв. приоритетна вторая.

²⁶ В неканонической (православие), или второканонической (католицизм), или апокрифической (протестантизм и иудаизм) Кн.Иудифи (II/Ивв. до н.э.) Иудифь хвалима за то, что она ест за трапезой у язычников свою пищу (12,2; 19). Во IIв. н.э. р. Симон б. Елеазар упрекает внепалестинских евреев Диаспоры: «Евреи, живущие вне Палестины — идолопоклонники: если язычник справляет свадьбу своего сына и приглашает на свадебный обед всех евреев города, они приходят. Правда, они едят кушанья и пьют напитки, принесённые ими с собой, причём им подают их собственные слуги, но, тем не менее, это — идолопоклонство» (Авода Цара 4,6б). В «Есфирь рабба» Аман, настраивая-подстрекая персидского царя царей против иудеев, говорит: «Евреи не едят и не пьют за одним столом с нами: упадёт в кубок муха, они муху выбросят вон, а вино выпьют; а попробуй ты, царь, дотронуться до кубка, выплеснут на пол и пить не станут».

свершённое-свершившееся, на обращаемых Петром необрезанцев, одобвив их крещение, Духа Святого. И если в первый раз рассказ обо всём этом вёлся от имени Деяписателя Луки (гл.10), то теперь (гл.11) второе повествование звучит из уст самого Петра, и усилительно совпадая, по всем основным пунктам, с первым, всё-таки, несколько различаясь с ним, — естественно, не по смыслу, — в некоторых акцентационных нюансах.

В 10,11 «большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое (с неба) на землю»; в 11,5 — «большое полотно, за четыре угла спускаемое с неба, и», в продолжение давешнего рассказа, — (усиление) «спустилось ко мне». В 11,6 Пётр говорит, что «посмотрел в него и, рассматривая, увидел...», чего в непосредственно презентующем увиденное Петром скопище чистых и нечистых тварей Божиих 12-м стихе гл.10 нет. А главное, именно из 12-го стиха гл.11 мы узнаём, что с ним пошли из Иоппии в Кесарию и там вошли в дом Корнилия «сии шесть братьев», на к-рых он указывает и к-рые непосредственно присутствуют в ходе разбирательства в Сенакле в качестве свидетелей и очевидцев упрекаемого обрезанными и произносящего оправдательную речь Петра, к-рый (инициатор всего) суть седьмой.

И не удивительно ли в данном контексте следующее. Если сообразно древне-египетскому праву, требовалось итога 7 свидетелей для полного подтверждения какого-либо весомого факта-аргумента, в то время как римское право требовало 7-и печатей для удостоверения особой важности документа (Баркли), то иудейское законодательство удовлетворялось двумя/тремя свидетелями. Не взаимопроникновенная ли на повестке дня рокировка? Три посланца — двое слуг-рабов и один воин — от Корнилия (Кесария — Иоппия) к Петру; и семь, во главе с Петром, откликнувшихся на их, от Корнилиево имени, призыв (Иоппия — Кесария) иудеохристиан.

Христианство на пороге одухотворённо-продуктивного взаимосмешения (но не вавилонского столпотворения!) в Ойкумене, к-рая идёт к этому неисповедимыми путями Божиими, чтобы не было больше в (идеальном) истинно христианском грядущем еллина, иудея, римлянина, грека, раба, свободного...

И тут, поведав братьям о слове, к-рое надлежало сказать ему, Петру, во спасение Корнилия и всего дома его, и сказав о, вернее, сделав основной упор на Духе Святом, К-рый сошёл на язычников (свидетелями-очевидцами чего, помимо Петра, были шесть братьев), при Петровом слове к ним, Пётр: во-первых, сравнивает это ключевое духосошествие на необрезанных с сошествием Духа на обрезанных в Пятидесятницу 24.05.33г., — «как и на нас вначале» (11,15); и во-вторых, напоминает Апостолам и братьям (про) слово Иисуса (Д.Ап.1,5) в день Вознесения 14.05.33г. о том, что — «Иоанн крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым» (11,16).

И слова эти, в свою очередь, являются исполнением предречения (29г.) Предтечи (Мф.3,11; Мк.1,8) в преддверии (до Его прихода на Иордан) Крещения Иисуса 6.01.30г. н.э. Такова метахронологическая ретроспектива на перспективу в разворачиваемом князем Апостолов перед Апостолами и братьями в Сенакле оправдательном-утвердительном слове.

Итак, если Бог даровал Духа Святого (в январе 40г.) необрезанным язычникам (как обрезанным приверженцам Христа в Пятидесятницу 33г.), чему свидетели-очевидцы семеро обрезанных, то кто есть Пётр, «чтобы мог воспрепятствовать Богу»? Удостоверьтесь, постановка вопроса, с риторическим не столько вопросом, сколько восклицанием в конце, абсолютно правильная. Поди возрази, попробуй оспорь!

Таким образом, христианство не останется одной из разновидностей иудаизма, подобно саддукейству, фарисейству, ессеиству... Оно — сумма, оно — квинтэссенция всего прежнего пути еврейства, и одновременно оно — выход на мировые-вселенские горизонты, с привлечением в общину обращённых-крещённых неофитов без интервального прозелитизма. Приведя неопровержимый святодуховенный аргумент,

подтверждённый шестью свидетелями-очевидцами, Пётр убедил-удостоверил Апостолов и братию в безальтернативной верности осуществлённого им. Зелёная улица открыта!

Но сомнения и споры в собственно первоапостольской-первохристианской среде ещё продлятся, время от времени обостряясь, до, как сказано, Апостольского собора 51г., т.е. до принятия специального (на сей раз, по инициативе пошедших дальше Петра Павла и Варнавы) соборного постановления по означенному вопросу необращения язычников, при их обращении, обрезанием и иудейской обрядовостью.

Однако, и потом споры будут вплоть до Иудейской войны возобновляться, и в дальнейшем иудеохристианами предпочтут остаться отпавшие от Церкви назареи, эбиониты и др. иудействующие, начало появлению-проявлению к-рых в христианстве было положено обращением Корнилия, и к-рые, в отличие от христиан, замкнувшись в своём иудеохристианстве, в перспективе бесследно исчезнут (перестав быть иудеями и не сумев стать настоящими христианами).

Ныне же достоверный-удостоверенный факт сошествия Духа Святого на язычников полагает конец дискуссии. Против защиты, представленной Петром, нечего возразить, так как именно по воле Божией он принял в лоно Церкви необрезанных, что, следовательно, было делом однозначно богоугодным. «...через дела ли закона вы получили Духа, или чрез наставление в вере?» – не случайно, решая вопрос в пользу непреходящей веры перед преходящим-прешедшим законом, риторически вопрошает Павел Галатов в Послании (3,2).

Святой Дух, исходящий от Отца чрез (единосущного Отцу) Сына – дар Христа, следствие и исполнение Его обетования (Д.Ап.1,8). Исполнение язычников Св. Духом – Христово действие-воление, к-рое сделалось выражением Его благоволения (слава в вышних и в человеках благоволение). И Крещение Духом Святым, чего в январе 40г. впервые удостоились деянием Петра также язычники, много превосходнее водного крещения Иоанна Крестителя!

ХРИСТИАНСТВО – ДО ФИНИКИИ, КИПРА И В АНТИОХИИ

«Между тем рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, прошли до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедавая слова, кроме Иудеев.

Были же некоторые из них Кипряне и Киринейцы, к-рые пришедши в Антиохию, говорили Еллинам, благовествуя Господа Иисуса.

И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу.

Дошёл слух о сём до церкви Иерусалимской, и поручили Варнаве идти в Антиохию; Он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался, и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем;

Ибо он был муж добрый и исполненный Духа Святого и веры. И приложились довольно народа к Господу.

Потом Варнава пошёл в Тарс искать Савла и, нашед его, привёл в Антиохию.

Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами.

В те дни пришли из Иерусалима в Антиохию пророки,

И один из них, по имени Агав, встав предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, к-рый и был при кесаре Клавдии;

Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее,

Что и сделали, пославши собранное к пресвитерам через Варнаву и Савла.»
(Д.Ап.11,19-33)

В 19-м стихе 11-й гл. Дееписатель возвращается к рассеявшимся после каменования Стефана (25.12.33г.) и иерусалимского погрома христиан в декабре/январе 33/34гг. общинникам, сообщая, что они (те, к-рые, изойдя из Иерусалима, не обосновались в процессе евангелизации Св. Земли в приморской Иудее, Галилее, плюс – в Перее), прошли до Финикии и Кипра и Антиохии.

Т.е. перед нами подчёркнуто северное от Палестины, вдоль Средиземного моря, направление, включая ближний к сиро-финикийскому и киликийско-малоазийскому берегу островной Кипр. Финикия (Д.И. 759-65) – прибрежный удел севернее Галилеи – от Птолемаиды до Арада, между к-рыми Тир и Сидон, куда, не заходя в эти языческие города, Иисус, как в единственные запалестинские пределы, в период 30 – 33гг., приходил-доходил с учениками Своими, во время между Пасхой и Пятидесятницей 32г., и где Он исцелил бесноватую дочь хананеяники. Так что семена евангельской проповеди в прилегающей к Палестине Финикии (в составе римской провинции Сирия) были посеяны ещё в пору от Крещения до Голгофы Самим Христом.

С др. стороны, открытый морским ветрам остров Афродиты Кипр (где, на колонизованном во II тыс. до н.э. греками острове, побывали ассирийцы, египтяне и персы, до его завоевания в 333г. Александром и владычества с IV до н.э. римлян) был приблизительно равноудалён от побережных Сирии (110 км) и Малой Азии (80 км), от отделяющего оба региона Аманского перевала и Аманского прохода, ведущего из Сирии в М.Азию, или наоборот.

И там, на эллинистическом Кипре, имелась в I/IIвв. значительная еврейская община = заведомо подходящая почва для проникновения христианства. Достаточно вспомнить-напомнить, что киприотами-кипрянами были сродники-родственники – Марк и Варнава – нечуждые греко-ойкуменизму евреи (причём – нееллинисты) Диаспоры (причём из левитского рода).

Не в доме ли отца Марка располагался иерусалимский Сенакль = Пасхальная горница = место Тайной Вечери Христа со Апостолами, место последней Вечери-встречи Земного-Живого и первой Вечери-встречи Воскресшего Иисуса с ними, место первой Пятидесятницы-Троицы и место первых собраний христиан Иерусалимской общины, к-рое стало первым христианским центром и первой христианской Церковью! Не кипрянин ли Иосия, прозванный от Апостолов Варнавой – *сын утешения*, был однокашником тарсянина Савла по иерусалимской школе Гамалиила! Не он ли в 33г., продав свой земельный удел близ Иерусалима, принёс вырученные с продажи деньги и положил к ногам Апостолов!

И далее, не он ли ввёл пришедшего в 37г. из Дамаска Савла, к-рого братия в Иерусалиме опасались (помня его – как ярого гонителя христиан в 33/34гг.) к Апостолам и др. местным христианам, посреднически-благотворно сведя-связав своим поручительским авторитетом будущего Апостола язычников Павла с перво-христианской Церковью! И не Варнава ли, в числе прочих братьев, посодействовал в 37г. отправлению Савла, ради его же безопасности (дабы он не повторил раньше времени мученическую судьбу Стефана), из Иерусалима в Кесарию, откуда последний перебрался в отчий Тарс! Вдобавок к тому, мы не знаем, не побывал ли ок. 34г. на Кипре Лазарь-Иоанн, к-рый в дальнейшем (ок. 47г.) сделался, по христианскому преданию, первым епископом Кипра!

И наконец, третьим из приводимых в Д.Ап. геопунктов, куда дошли рассеявшиеся после Стефана, называется не страна-область (Финикия), не остров (Кипр), а именно город – Антиохия-на-Оронте – «царица Востока» – третий, по величине и значению, город Римской империи, с населением на означенный период от 300 до 500 тыс. чел., вслед за ок. миллионными Римом и Александрией, – резиденция

римских наместников Сирии – главная военно-стратегическая (4 легиона) база Рима в местностях-уделах Imperium Romanum за Ионическим морем.

Антиохия Сирийская, к-рой суждено было стать первой миссионерской базой оуйкуменического христианства, так как именно отсюда стартовали Первое (45 – 48гг.) и Второе (51 – 54гг.) миссионерские путешествия Апостола Павла (тогда как др. Большие Апостолы разошлись, бросив междусобойный жребий, по миру в 45г. из Иерусалима) (см. ниже).

Этот основанный Селевком Никатором, в ознаменование его победы над Антигоном при Ипсе (301г.) и во исполнение воли Александра Великого, 30.05. (день освящения Константином Великим в 330г. н.э. Константинополя) 300г. до н.э. и названный им в честь своего отца город был наиболее крупной и блистательной из, всего-итого, 16-и основанных и названных в разное время эпохи диадохов, в честь разных греко-македонских Антиохов, азиатско-эллинистических Антиохий. И одновременно это был первый из 4-х крупнейших городов Сирии (Селевкия, Апамея, Лаодикея), расположенный в ок. 7-и часах хода от моря (ок. 30-и км), в ок. 300 км от Дамаска и в ок. 500 км от Иерусалима (Д.И. 771-83; 930/31).

Поставленная Селевкидами под покровительство Зевса и (персонально Антионом Эпифаном) богини судьбы Тихе, плюс святилища Ареса, Диониса, Каллиопы, Антиохия-на-Оронте (с её выходом через портовую Селевкю в устье Оронта к морю) простиралась у подножия горы Сильфион и делилась на 4 взаимоотноделённых стенами квартала (Тетраполис).²⁷ Расцвела и выросла при одержимом самобожием, что и запалило бикфордов шнур радикального национал-партикуляризма священной войны Маккавеев, истовом предшественнике Калигулы – бесноватом Антиохе Эпифане (175 – 63гг.). С 64г. до н.э. = через сто лет по новоосвящении Иудой Маккавеем очищенного Храма (164г.), – под Римом.

При Августе и Тиберии в Антиохии, с её обводной крепостной стеной из ок. 300 башен, по 25м высотой каждая, была сооружена украшенная на всём протяжении великолепной мраморной колоннадой центральная городская, в три ряда, протяжённостью в 6,7 км, роскошная улица, вернее, великоимперская авеню (с гигантской статуей Тиберия). И всё-таки, не застрахованную от разгула стихии жемчужину восточного средиземноморья, менее чем через месяц после смерти Тиберия, постигло 9.04.37г. разрушительное землетрясение.

Этот крупный, в плодородной местности, торговый и товарооборотный провинциально-антиохийский центр Римской империи был связующим узловым звеном между греко-римским Западом, иранским, аравийским и индийским Востоком. Богатое антиохийское предместье Дафну Селевк Никатор посвятил Аполлону. Она славилась замечательным храмовым комплексом Аполлона и Артемиды, равно большой пышной дубравой из кипарисов и лавров. Любимое царскосельское местопребывание Селевкидов, Помпея, и позднее – сановных римлян.

Как сам город, так и особенно дафнийский пригород часто служили синонимами распущенности нравов. Порочность, с одной стороны, крайних гедонистов, а с др., – нетерпимых религиозно-языческих фанатиков и одновременно религиозных либералов, весьма разношёрстных антиохийцев, вошла в поговорку. Численность рабов в полиэтническом (составлявшие элитное меньшинство римляне и боль-

²⁷ В появившемся при Селевке I I-м квартале селились македонцы и греческие колонисты из Македонии, Крита, Кипра, Аргоса, Афин, ограждённые стеной от района проживания местных сирийцев. В первой половине IIIв. до н.э. население объединённых с Антиохией близлежащих греч. колоний (Иополь и Паг Боттия) образовало 2-й квартал. При Селевке II (246-26гг.) возник названный Неаполем 3-й квартал, и, наконец, при получившем прозвище «второго основателя» города Антиохе Эпифане, на склонах Сильфиона, – 4-й квартал – Эпифания.

шинство — греко-македоняне, равные с в правах с последними — иудеи, сирийцы, месопотамские этнические группы...) городе-космополите много превышала численность граждан.²⁸

Помимо философских школ, знатной библиотеки, театра, гимназия, лечебных термов (горячие источники), здесь, в украшенном бульварами, цветниками, парками городе, существовало множество оргиастических кумирен, шумно отпраздникись деградантные культы, процветала храмовая и городская проституция. Гостям предлагались все виды наслаждений-удовольствий, порой до того изощрённых, что поэтические блюстители староримской нравственности горько жаловались в Риме и из Рима на «мутные воды Оронта», дескать, безнадёжно испоганившие некогда родниково-«чистые воды Тибра».

Донельзя развращённые антиохийцы славились своим циничным юмором и безудержной насмешливостью. Притом в I/II вв. вряд ли кто-нибудь предполагал возникновение тут в III в. знаменитой Антиохийско-христианской школы-академии *аристотеликов*, к-рая оппонировала не менее знаменитой Александрийско-христианской школе-академии *платоников*. Второе разрушительное землетрясение, унесшее до 200 тыс. жизней, город пережил 13.12.115г., при Траяне (98 — 117г.), достигнув своего восстановленного и превосходного архитектурного пика при трижды побывавшем в нём (115, 123, 129/30гг.) адепте «греческого возрождения» Адриане (117 — 38гг.), к-рому не случайно эта живописная классическо-эллинистическая столица Востока столь живо импонировала.²⁹

Впрочем, об Антиохии, как и о Финикии или Кипре, мы не раз говорили или упоминали их в наших предыдущих книгах, и ещё раз подробнее обратимся к Кипру, когда *придём* туда в перспективе вместе с Варнавой и Савлом (45/46гг.). Сейчас же нас больше интересуют Финикия, Кипр и в особенности Антиохия — как область, остров и город местонахождения крупных еврейских диаспор, где, перво-наперво, и было проповедано слово Божие рассеявшимися от гонения, бывшего после Стефана, с 34г. и позднее.

Прибавим сюда, акцентируя первохристианскую географию, также расположенный в ок. 160-и км от сирийской Антиохии, по ту сторону Аманского перевала, за Аманским проходом, киликийский Тарс (Д.И. 915-18), в к-ром Савл находился (не сидя там, сложа руки) с 37 по 40гг. (см. ниже), плюс — осроэнская Эдесса (северо-восточнее Антиохии и Тарса), в к-рой, как мы помним, один из 70-и — Фаддей — обратил в 34г. прозелита Абгара Эдесского, в то время как обращённый диаконом Филиппом евнух царицы Ефиоплянской приходил в Иерусалим на поклонение в 34г. с нубийско-мероитского юга. А в 34 — 37гг. новородившийся на

²⁸ Город делился на 18 «демов», обладал муниципальной автономией и управлялся декурионами (200 чел. в IV в. н.э.), в нём преобладало греко-македонское население и господствовал греческий язык. И местные греки (до поры) дружелюбно относились к местным иудеям, пактируя с ними (и поощряя их) против составлявших значительную часть населения конкурентных, на к-рых они взирали свысока, сирийцев, регулярно пополнявших свою численность за счёт др., ближних и дальних, сирийских населённых пунктов.

²⁹ В 256 и 260гг. н.э. Антиохию дважды взяли и увели в плен множество жителей персы Шапура I. В 337г. (год смерти Константина Великого) город (родина, помимо Ев. Луки и Игнатия Богоносца, Аммиана Марцеллина, Либания, Иоанна Златоуста, Евагрия) сильно пострадал от очередного разрушительного землетрясения и был заново отстроен Константином II. В начале V в., согласно И.Златоусту, население города составляло ок. 200 тыс. жителей, из к-рых половина были христианами. В 458г. снова случилось серьёзное землетрясение; в 525г. весь центр города уничтожил опустошительный пожар; в 526г. землетрясение и пожары унесли до 250-и тыс. жизней; в 539г. Антиохию взял, почти полностью разрушил и увёл жителей в плен Хосров Ануширван. Юстиниан лишь частично восстановил её под названием Феуполь. В 637г. значительно потускневшим городом овладели арабы.

пути в Дамаск и крестившийся в Дамаске Савл ходил (один ли раз?) в расположенную восточнее и юго-восточнее Палестины Аравию.

Однако, ныне на дееписательской повестке дня, повторим, северное от Иерусалима и Палестины, в сумме за 34 – 40гг., миссионерское направление. И оно на (начально-переломный-веховой в метаистории христианства) 40-й г. н.э. ознаменовывается благовествованием Господа Иисуса некоторыми Кипрянами и Киринейцами, из числа рассеявшихся в 33/34гг. из Иерусалима и Палестины приверженцев-последователей Христа, не только, как прежде, Иудеям, Самарянам, Прозелитам, но и, что внове, что не практиковалось раньше (до обращения Петром в январе 40г. Корнилия с группой язычников), теперь уже и Еллинам = язычникам.

СНАРЯЖЕНИЕ В АНТИОХИЮ ВАРНАВЫ

(40г.)

И вот, как можно (и нужно) побочно вывести из благовествования-повествования Д.Ап., именно после обращения Корнилия, узнав об этом, зная об этом, некоторые Кипряне и Киринейцы начали, по Петрову образцу-сценарию, благовествовать Господа также Еллинам, под к-рыми здесь именно «овцы другого двора», к-рые *есть* у Иисуса и христианизацию к-рых (исцеливший дочь Хананеяники в пределах Тирских и Сидонских весной 32г.) Иисус провозвестил ещё осенью 32г., далее, специально указав на Еллинов перед Голгофой в Великий четверг 33г. Засим в 40г., на 7-летие Голгофы, час пробил!

И пусть Лк. не связывает напрямую обращение-крещение Корнилия с благовествованием Кипрян и Киринейцев, из числа христиан-еллинистов (с к-рыми была рука Господня, и благодаря слову-деянию к-рых, великое число, уверовав, обратилось к Господу), язычникам, но такая связка напрашивается. Т.е. некоторые Кипряне и Киринейцы (более либеральные, чем уверовавшие евреи, или, точнее, христиане из более либеральных, чем евреи-иудеи, иудеев-еллинистов) обратились именно к благовествовательному обращению грекоязычных язычников Антиохии Сирийской. Притом сделали они это как после обращения Петром Корнилия, так и зная об акцептации-одобрении этого январского обращения и крещения со стороны (верхов) иерусалимско-христианской общины.

И, действительно, если возможно обращение-крещение группы необрезанных, без обязательной ступени еврейско-иудейского обрезательно-обрядового прозелитизма, во главе с Корнилием, в Кесарии Палестинской, то почему, спрашивается, не быть в (существующей с 37г. Антиохийской общинной) Церкви (с христианами из евреев, еллинистов и прозелитов, не считая единичных, типа Николая Антиохийца, язычников) неопитам из необрезанных в Антиохии Сирийской!

И обратительная проповедь среди необрезанцев нашла там, сколь наглядно показала развёрнутая грекоязычными Кипрянами и Киринейцами продуктивная миссионерская деятельность, живейший сердечный отклик. Ибо в пору острого кризиса старых богов множество язычников искренне-истово искали-чаяли (найти, задыхаясь в декадентном язычестве) Бога Истинного.

А поскольку многие из них минимум интересовались иудаизмом – единственной религией Единого Бога, минимум симпатизировали иудаизму (даже без прозелитизма врат), снятие отягчающего и нежелательного или маложелательного для многих требования обрезания на пути к Господу в христианстве положило начало всё более массовому превращению-преображению, посредством их обращения и крещения, потенциальных (или отчасти уже состоявшихся, но ещё не отстоявшихся) еврейских прозелитов (врат и праведности) из продвинутых проеврейских язычников в новохристианских неопитов.

Засим врата христианской Церкви начали всё шире, у истоков чего стоял, подчеркнём, князь Апостолов (галилеянин из евреев-израэлитов) Пётр, открываться для Ойкумены, открываться для изголодавшегося-алкающего язычества, к-рое и без того было более предрасположено к вере в более близкого ему, нежели нево-человечиваемый (абстрактный) Бог евреев (зримое изображение незримой сущности К-рого запрещалось) Бого-Человека Иисуса Христа. Ведь Он есть вовсе не чуждый (и) Ойкумене многочаемый Спаситель-Мессия, К-рый вполне мог родиться от Девы (сродни Митре, в гроте), вполне мог креститься от (через) Иоанна в водах Иордана (сродни возрождающемуся из воды Осирису), вполне мог взойти на крест, умереть, спуститься в могилу Земли и (сродни Таммузу) воскреснуть; Кто есть Бог в Трёх Лицах-Ипостасях (Божественно-Тройственная Фигура, к-рая геометрически равна Одному, суть Едина), и т.д. и т.п.

Когда же об успехах обращения-крещения Кипрянами и Киринейцами множества уверовавших (также) из язычников в Антиохии узнала Церковь Иерусалимская, она снарядила туда благодатного *мужа утешения* Варнаву, к-рый происходил с Кипра, будучи, соответственно, земляком части антиохийских миссионеров — обратителей необрезанных (между тем как неизвестно где находившийся в 40г. Симон Киринейянин, понесший-донесший крест Иисуса по *via Dolorosa* на Голгофу, был, напомним, родом из ливийской Килены).

Т.е. Варнава (выпускник престижной фарисейской школы Гамалиила), муж добрый, исполненный Св. Духа и веры, свой и для христиан-евреев, и для христиан-еллинистов, и для христиан-киприотов, в наибольшей мере, умея, кроме того или прежде всего, в силу своих персональных качеств, умиротворить, примирить между собой (пример с Савлом) и расположить людей к себе, объяснить-разъяснить-истолковать сущность христианского вероучения, соответствовал этой деликатной, от к-рой многое зависело, миссии, возложенной на него Центром.

То-то, по всему, близко знавший его и с такой теплотой благовествующий о нём Дееписатель говорит, что, прибыв к месту назначения, он увидел благодать Божию в свершении, на квалификацию к-рого был снаряжён-уполномочен, возрадовался и присовокупил к данности убедительную проповедь о необходимости (вне зависимости от Иудея, или Еллина...) держаться Бога искренним сердцем. И не мудрено, что по прибытии Варнавы, к-рый, не приходится сомневаться, являлся (не входя в коллегию 12-и) подателем (сродни Апостолам) Св. Духа (Которым он был благодатно исполнен), в Антиохии, в продолжение и дополнение обращённых Кипрянами и Киринейцами, «приложилось довольно народа к Господу».

Следовательно, авторитетный репрезентант христианского Иерусалима (= Матери-Церкви) одобрил деятельность антиохийских противников ведущего в пагубный изоляционизм-партикуляризм иудеохристианства прото-эвионитов и прото-назареев. Ведь последних наверняка и в Антиохийской церкви, на первых порах, было множество, и они наверняка противостояли (умеренным) ойкуменистам, или, по меньшей мере, не разделяли их ойкуменизм, относясь к нему, в лучшем случае, сдержанно и подозрительно.

Но уже сама атмосфера полиэтнической-космополитической, многобожной и погрязшей в кризисной языческой скверне Антиохии, где искренние богоискатели из неудовлетворённых-отчаявшихся-простосердечных язычников алкали вдвойне-втройне, весьма способствовала успехам здесь христианской проповеди, христианского миссионерства и христианского (взамен иудейского прозелитизма, не отягощённого его требованиями) неофитства. Так стартовал процесс постепенного отъёма вышедшим из еврейства христианством миссионерской эстафеты у духовно и общинно геттоизированного (ездраитско-неемитского) иудейства, доступ в к-рое

(с его противотанковыми ежами и рвами) для язычников был на порядок затруднительнее, нежели доступ к христианству и в христианство.

Причём в ту пору основными проводниками христианской миссии были именно получившие импульс из Иерусалима Еллинисты из менее ортодоксальной еврейско-эллинистической среды, к-рая к концу IV в. н.э., когда разрушенного римлянами в 70г. храма не станет (а саддукейская элита вымрет-отомрёт), и особенно после краха восстания Бар Кохбы, когда центр экзистенции рассеянного еврейства перекочует в Диаспору, сделается носителем самой оголтело-интолерантной фарисейско-раввинистической ортодоксии. Не её ли фанатичные ростки были представлены и бурно всходили в иерусалимских синагогах Еллинистов (Д.Ап.6,9 – Либертинцы, Киринейцы, Александрийцы...) ещё или уже в 30-е гг. IV в. н.э.!

И, кстати, любопытно отметить, что если в Д.Ап. фигурируют, приложительно к первохристианству за пределами Палестины, и Нубия-Эфиопия, и Аравия, и Финикия, и Антиохия, и Киринейцы, и Кипряне, и Киликия (Тарс), то ни упоминаний расположенного между Палестиной и Киреной-Ливией, к северу от Нубии и западнее Аравии, Египта (за исключением всеокуменического проспективно-перспективного солярно-майского дня первой Пятидесятницы 33г. – Д.Ап.1,10), где в то время существовала аж миллионная еврейская Диаспора, из к-рой ок. 200 тыс евреев жили в Александрии, ни упоминаний каких-либо египетских христиан (будь то из еллинистов или евреев) на 30-е гг. IV в. н.э. пока нет.³⁰

ТАРС КИЛИКИЙСКИЙ

Тем временем, Варнава, одобрив-утвердив, как сказано, содеянное в Антиохии Сирийской Кипрянами и Киринейцами, и приложив сам довольно народа к Господу, решил пойти в Тарс Киликийский, по ту сторону северо-западной Сирии, на юго-западе Малой Азии, где, как он хорошо знал, с 37г. обретался ушедший из Иерусалима от угроз евреев-еллинистов, через Кесарию, урождённый тарсянин Савл.

В свете новых реалий *петрианского* обращения христианства к язычникам, Варнавой совершенно верно виделась-угадывалась исключительная польза-незаменимость (владеющего языком международного общения – греческим, и сопричастного эллинизму) Савла на данном поприще как ойкуменического миссионера. И никакой ошибки в этом пронизательном решении не было, поскольку именно, до определённой меры-степени укоренённому в культурном эллинизме, Савлу было суждено стать вселенским Апостолом язычников, главным оппонентом-оборителем иудейства, и вывести христианское вероучение на поистине масштабно-мировые (до краёв земли) *павлианские* горизонты.

И не случайно приверженец, всё-таки, более умеренного, в сравнении с Павлом, христианского космополитизма-ойкуменизма *первоверховный* Апостол Пётр краткосрочно отступит в 51г. в пользу иудеохристианства перед планетарно-неуёмным христианским космополитизмом-ойкуменизмом *первоверховного* Апостола Павла (Гал.2) (см. ниже), к-рый в одном из последних своих Посланий, а именно в знаменитом Послании к Евреям (66г.), уже, можно сказать, богословски передаёт великоапостольскую эстафету *космическому* Апостолу Апостолов – Иоанну Богослову!

³⁰ В 38-40гг. александрийское еврейство остро конфронтировало с местным населением, с префектом Египта Авилем Флакком и с Калигулой (погром 38г.; посольство, с участием Филона, к Калигуле – 39/40гг.) (см. «Р.л» 892-910; см. ниже). В 41г. дружный (ещё более, чем Калигула) с Агриппой Клавдий, придя (не без его содействия) к власти, издал специальные указы в пользу евреев Александрии и остальных частей Римской империи (см. ниже).

По разнящимся мифам-версиям, (древнюю столицу Киликии) Тарс (отлично от вполне исторического основания во вполне конкретном году Антиохии Сирийской) основал не то Персей, не то Геракл, не то Сарданапал. Одним словом, налицо ареал преданий от Греции до Междуречья. Время царствования легендарного последнего царя Старо- (одноимённого последнему = исторический Ашшурбанипал – полубоготворному царю Ново-) Ассирийского царства (раздвоенного) Сарданапала, сына Нина и Семирамиды, вроде бы – XIIIв. до н.э. – перед Троянской войной (XIIIв.).

И это же, судя по археологическим данным, приблизительное (одна из версий) время основания почти на 1000 лет старшего, чем (эллинистическая) Антиохия, Тарса, первые исторические сведения о к-ром – завоевание Салманассаром III и морское путешествие стремившегося в Тарс (Фарсис), но попавшего (волей Господней) в Ниневию Ионы – относятся к IX/VIIIвв.

Показателен конец, с одной стороны, сурового воина, с др., – изнеженного сладострастника Сарданапала. Он взошёл на костёр и предал себя 15-дневному сожжению. Мотив мифа о боге Солнца Сардоне, к-рый очистился через само-сожжение (выражение высшей силы природы) как через очистительное соединение мужского и женского начал. Видевший Сарданапалову гробницу и статую в киликийской Анхале (основана Анхилой – дочерью Иафета) Страбон приводит содержание надписи на гробнице: «Сарданапал... построил Анхилу и Тарс в один день» (14,672). Вместе с тем, согласно Страбону, «Тарс был основан аргивянами, скитавшимися с Триптолемом в поисках Ио» (14,673).

Киликия с Тарсом (в диагональной к Сирии с Антиохией географической оппозиции) побывали владением хеттов, ассирийцев, персов, македонян, римлян, были транзитным пунктом пересечения мифов, богов, путей, интересов всех и со всех четырёх сторон света, в особенности на оси Запад – Восток, хотя не менее наполненной-насыщенной была и ось Юг – Север. В 101г. до н.э. в прибрежную Киликию Pedia пришли римляне; в 83 – 69гг. Киликией владел Тигран Армянский; в 67г. Помпей разгромил в Нагорной Киликии вертеп морских пиратов; в 66г. центром римской провинции Киликия стал Тарс на реке Кидн (Р.л. 592; Д.И. 916-18).

В 51/50гг. здесь наместничал Цицерон; в 47г. через Тарс проследовал с юга, из Египта, на войну с сыном Митридата Фарнаком (чтобы – *прийти, увидеть, победить*) Юлий Цезарь, и город, вследствие Цезаревых благодеяний, на какое-то время прозвался Юлиополем (как ранее, в честь одного из царственных Селевкидов, ненадолго – Антиохией); в 41г. до н.э. в Тарсе встретились и любвеобильно сошлись Антоний с явившей себя ему в costume Афродиты из пены морской Клеопатрой; в 40/39гг. тут хозяйничал «парфянский император» Лабиев.

Потом, на протяжении аж 300 лет, город жил и процветал без войны, под римлянами, до тех пор, когда после пленения императора Валериана Сасанидом Шапуром в 260г., его, в числе прочих киликийских городов, взяли и разграбили новоперсы (Зонара 12,23). В 362г. сюда прибыл попавший в Киликию, соприродно Александру, через Таврские ворота 30-летний Юлиан Отступник, бранные останки к-рого, по его предсмертному завещанию, принял – 363г. – именно Тарс (Аммиан Марцеллин 23,2,5; 25,9,12).

В грекоязычно-эллинистическом городе-космополите ориентально-окцидентального полибожия, где, на киликийской земле, перекрёстно встретились-встречались малоазийский Аттис, финикийский Адонис и (попавший отсюда в Iв до н.э. к римлянам, очень востребованный ими) иранский Митра, существовало множество различных, в т.ч., сходно Антиохии, оргиастических культов и кумирен, с храмовыми блудницами, священными рощами-дубравами, борделями, термами... Или,

например, Дион Хрисостом (Ог. 33,1,45) указывает в Iв. н.э. на известное святилище Аполлона Тарсийского.

Из славившегося своими соперничавшими с Афинами и Александрией философскими школами и учёностью-образованностью Тарса вышли стойки Антипатр, Архимед и Нестор (наставник племянника Августа – Марцелла), а также два Афинодора: один – друг Катона, прибывший с ним ок. 70г. до н.э. в Рим; другой – учитель Цезаря и Августа (Страбон 14,674).³¹ Плюс к тому, родом из Тарса странствующие философы – Плутиад и Диоген, основатели школ – Артемидор и Диодор, трагический поэт Дионисид (14,675).

В дальнейшем, в IV/Vвв., в Тарсе процветало христианское богословие школы антиохийского направления аристотеликов (тогда как в соседней Каппадокии доминировали проалександрийские платоники), представленной Диодором Тарсийским (+ ок. 392г.), к-рый был учителем, в свою очередь, учителя осуждённого III-м Вселенским собором 431г. ересиарха Нестория (+ 451г.) – Теодора Мопсуестского (+ 428г.).³²

Любопытно привести два (не исключających одно другое) полярно противоположных мнения о тарсянах. Живший в I/IIвв. Страбон (ок. 63г. до н.э. – ок. 25г. н.э.): «Жители Тарса с таким рвением занимались не только философией, но и общеобразовательными предметами, что превзошли Афины, Александрию и любое др. место, какое ни назовёшь, где существовали школы и обучение философии. Отличие этого города от других в том, что здесь все, кто занимается наукой, местные уроженцы, а чужестранцы неохотно переселяются сюда... Далее, в городе Тарсе много всевозможных школ риторики. Вообще же Тарс имеет большое и очень богатое население, занимая положение главного города» (14,673/74).

Однако, младший современник Страбона и современник первохристианства Аполлоний Тианский (ок. 3г. до н.э. – ок. 97г. н.э.), придерживается, со слов его биографа IIIв. н.э. Флавия Филострата, совершенно иного мнения о тарсянах и Тарсе, – «где, как нигде, все жители привержены к роскоши, насмешливы, дерзки, а о нарядах заботятся больше, чем афиняне о мудрости» (1,7). Иначе говоря, на интересующее нас время декаданс и тут был в самом, что ни на есть, действенном разгаре.

Не случайно именно в Киликии, недалеко от Тарса, где-то между Тарсом и Антиохией, в 24г. н.э., имело место столь значительное переживание странственно возвращавшегося в Палестину, через Киликию и Сирию, Иисуса из Назарета у заброшенного-покинутого старыми богами, в храмах к-рых поселяются беснующиеся демоны, языческого алтаря (Д.И. 912-30). Именно после этого, возвратившись в Назарет и похоронив умершего осенью 24г. отца Иосифа, *Сын Вдовы* Иисус, пройдя (19 – 24гг.) через приобщение к мудрости языческой, обратился (перед приходом в январе 30г. на крещенский Иордан) к спиритуальной мудрости ессеев.

Со времени диадохов Тарс – этот «микрокосмос эллинистического Средиземноморья», населяла, как и Антиохию, как и расположенную супротив него (в пер-

³¹ Стоик Афинодор, сын Сандона, из Каны у Тарса (Страбон 14,674), приобщал, как позднее александриец Арей, Августа к философии и пользовался, высоко чтимый ещё Цицероном, с к-рым был хорошо знаком, у него большим уважением. Он прожил 82 года, возвратившись на склоне лет из Рима в Тарс и проведя там, видимо, как раз в годы детства Савла, притом активно занимаясь вопросами конституционного устройства полисно-городского самоуправления, остаток жизни.

³² Последний культурно-христианский всплеск был пережит побывавшими в Ср. века под арабами и сельджуками древнехристианскими очагами Тарсом и Антиохией в эпоху Крестовых походов, с уходом к-рых Антиохия окончательно пришла в упадок, и в пору сделавшего Тарс своей столицей Киликийского Армянского царства (XI-XIVвв.).

пендикулярной географической оппозиции) на египетском юге, с её экстремальным количеством евреев, Александрию, многотысячная еврейская община, поддерживавшая тесный контакт с Иерусалимом.

Согласно 2-й Кн. Макк (4,30-38), при Антиохе Эпифане, тарсийские иудеи, совместно с др. обитателями Тарса и Малла, возмутились по факту их дарственной передачи Антиохом в управление своей наложице. Согласно Д.Ап., в 33г. н.э. со Стефаном спорили еллинисты, в т.ч., из Киликии (6,9). О киликийских, т.е., в первую очередь, тарсийских, иудеях говорит в «Посольстве к Гаю» (36) Филон. Талмуд упоминает из киликийских городов – Тарс, Аман, Зефирион, именуя первый всюду, сродни Флавию, – Тарсис/Фарсис (Берешит рабба 3,71; Мегилла 71б; Таргум Иерушалми к Б.10,4). Ап. Павел не один раз в Д.Ап. называется или называет себя «Тарсянином» (9,11); «Иудеянином, Тарсянином, гражданином небезызвестного киликийского города» (21,39); «Иудеянином, родившимся в Тарсе Киликийском» (22,3).³³

ВАРНАВА ПРИВОДИТ САВЛА ИЗ ТАРСА В АНТИОХИЮ

(осень 40г.)

Если на момент сменовеховского приближения к Дамаску, между Пасхой и Пятидесятницей 34г., когда им был пережит, когда ему (в прямом и фигуральном смысле) ослепительно открылся-воссиял-просиял свыше (из вышних) огненно-соляренный Христос (как некогда Моисею на Синае озарительно открылся в неопалимой купине Господь), Савлу был 31 (или шёл 31-й) год отроду, то при приходе, после Аравии, из Дамаска в Иерусалим летом 37г. (см. выше), он был в возрасте 34-х лет.

А к моменту прихода за ним из Антиохии в Тарс Варнавы, по всей вероятности, осенью 40г. (см. ниже), возраст Савла (на 7-м году от Мистерии Голгофы и на 7-м году от первомученичества Стефана) составлял уже 37 лет (вторые лунные узлы). Т.е. на оба жизненно чрезвычайно важных для него периода, от Дамаска (на пути куда и где Савл просветлительно пережил инициированное просветлившим его Христом *алхимическое* преобразование) до Иерусалима в 34 – 37гг., и от Тарса до Антиохии в (углубительных для прохристианенного неопфита) 37 – 40гг., ушло, оба раза, ок. 3-х, с месяцами, (приблизительно равнопротяжённых) лет.

И оба раза, в оба периода, медитативно-уединённое обращение ко Христу, Которого он сначала свирепо гнал, не могучи уверовать в Воскресение Распятого, но Которого он же, по персональному явлению ему, семимесячному извергу, Христа Иисуса, всем сердцем смиренномудро (не могучи идти против рожна) принял, сочеталось Савлом с практической деятельностью. Иначе говоря, ни его пребывание в Дамаске и Аравии, ни, тем более, в отчем Тарсе не было и не могло быть для него полным отшельническим уединением.

Во-первых, Савл, учитывая его темперамент, наверняка, после события Дамаска, в той или иной мере, проповедовал-миссионировал, обратив или лишь познакомив, пусть даже очень небольшое число иудеев, прозелитов и, м.б., нескольких язычников, с Христовым вероучением. И во-вторых, во всяком случае, в течение 3-х тарсийских лет, он, несомненно, занимался (как, скорее всего, и в Дамаске), зарабатывая себе на жизнь, деланием-плетением палаток = полезным ремеслом, к-рому был обучен с детства (Д.Ап.18,3).

³³ Савл/Павел имел римское гражданство не потому что (как полагает ряд экзегетов) родился в Тарсе, а потому что унаследовал его от отца (см. выше). См. Д.Ап.21,39; 22,24; 27: узнав (58г.), что Павел родом из Тарса, римский сотник, тем не менее, приказал бичевать его; отмена же приказа последовала, когда Павел сказал экзекуторам, что он римский гражданин.

Он ещё не являлся, он пока не стал Апостолом язычников, находясь на пути к этому, беседуя с близкими людьми, к-рых повергал сим, по большей части, в смущение, о Христе, эволюционируя от своего, в сиятельном свете всепобеждающего дамасского откровения, фарисейского посвящения и не оставаясь в стороне от влияния греческой философии и греко-эллинистической культуры. Причём происходило это благодаря присущему-свойственному ему, тарсянину и римскому гражданину, наряду с его потомственно-вениаминитским еврейством и учёным фарисейством, элементу греко-эллинистической ментальности.

Так, в ходе двух равномерно-подготовительных периодов-этапов, дамасского и тарсийского, начали постепенно формироваться-складываться начатки-основы (адресованного впоследствии спутником-сотрудником Павла Лукой к *друзьям Божиим*) эксклюзивного ойкуменическо-павлианского Евангелия.

И одновременно-параллельно с приближением данного подготовительного Савлова периода-этапа (34 – 37 – 40гг.) к концу, христианство, с обращения-крещения Корнилия в 40г., начало постепенно терять свою еврейскую эксклюзивность, подведённое Петром к тернистому пути, на к-рый учение о Христе и веру во Христа широченно выведет в дальнейшем именно Павел, становления Евангелием народов.

Соприкосновение с языческой мудростью приводило Савла (олицетворение мысли и мышления в христианстве), с одной стороны, к большему-лучшему пониманию-осознанию исключительности-беспрецедентности Мистерии Христа, тогда как, со стороны другой, основательное еврейско-фарисейское образование и, главное, христианизированное непосредственным Христовым явлением оккультное посвящение, помогали ему постичь весь масштаб и всю глубину воистину вселенской жертвы и вселенской спасительной миссии Воскресшего.³⁴

Да, без веры именно в Смерть и именно в Воскресение Распятого вера наша (по слову самого Павла) тщетна, в то время как со Христом в сердце истинно верующие, сораспявшись Христу и совоскресши с Ним, живут уже не своей прежней, но прошедшей сквозь *очищение и просвещение* новозаветно-христианской индивидуальностью. Живя ею и индивидуально, вобравши в себя Христа, и в составе не сворачивающейся, в отличие от иудейской, как ёж, но развёрнутой в мир христианской общины-общности.

Савл не вырабатывал в ту пору какую-либо систематическую-стратегическую теологию и не развивал какую-либо павлианскую систему, готовя себя к проповеди, к миссионерской деятельности через свою личную встречу с Иисусом, через своё личное-персональное восприятие Христа (через своё уверование в жертвенного Машиаха, Сына Иосифова, К-рый един с Мессией, Сыном Давидовым).³⁵

³⁴ Можно сказать, что семитические *воля и сила* сочетались в Еврее от Евреев, в гражданине Тарса Киликийского Савле/Павле с эллинистическими *мышлением и мудростью*, дав в перспективе максимально продуктивное сочетание для успешной ойкуменической проповеди павлианского христианства.

К слову, сила и воля присущи семитам и семитской ментальности в особой мере, что доказывают как история иудаизма, так и история ислама. То-то ненавистник евреев Гитлер (по неподтверждённым данным) апеллировал к силе и воле арабизма-исламизма, сожалея, что немцы приняли христианство «с его вялостью и аморфностью», а не ислам, эту, по его мнению, религию настоящих мужей-воителей. И не случайно, при формировании воинских соединений из советских военнопленных, фюрер говорил, что не доверяет, к примеру, ни (единоплеменникам Сталина) грузинам, ни (отъявленным) русофилам армянам, доверяя, в наибольшей степени, именно мусульманам, причём желательнее тюркского происхождения.

³⁵ Если Савл знал, что Машиах, жертвенно умерев, останется в ауре Земли, но не принимал его «позорной» смерти через Распятие, полагая героическую смерть с мечом в руке, то, значит, он, подобно позднейшим каббалистам, верил (мог верить) в жертвенного Мессию, сына

При всём том, и до Тарса, если даже сюда не столько не добрались (единично добравшиеся и до Эдессы), сколько проповеднически здесь не активничали рассеявшиеся после каменования Стефана братья, доходили через регулярно паломничавших в Иерусалим торговых и проч. иудеев вести о приверженцах Иисуса. То-то в еврейском «Иосифоне», в разделе о выпавших на долю евреев испытаниях в посттиберийские годы, при Калигуле (37 – 41гг.), есть любопытные слова: «...И каждый день кипели сражения и споры в Иудее между фарисеями и отщепенцами нашего народа, к-рые следовали за сыном Иосифа...» (6) (Т.Г. 1802).

Притом, пусть даже это сообщение, приложительно ко времени, когда, согласно Д.Ап., где, правда, Иерусалим, в к-ром продолжали подвизаться Большие Апостолы, не называется, «Церкви по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое...» (Д.Ап.9,31), суггерировано и переносит позднейшие реалии на более раннее время, тем не менее, Событие Голгофы и всё возраставшие в численности Иисусовы последователи никак не оставались и никак не могли оставаться для еврейства ни незаметными, ни незамеченными. Тем паче, не оставаясь до поры в еврейском офсайде и ещё всецело сопринадлежа, перед выходом в Ойкумену (несмотря на первую корнилианскую *ласточку*), единобожному еврейству.

Посему и до усиленно работавшего над собой в Тарсе Савла доходили известия о происходившем на расположенном к югу от Киликии сиро-финикийско-палестинском юге. И Савл не мог на доходившие до него сведения внутренне не реагировать, поскольку в нём неуклонно вызревал будущий Апостол язычников Павел. И значит, Варнава заявился из Антиохии в Тарс, прийдя специально за Савлом, точно в срок.

Скажем снова, он знал его с юности, если не с детства-отрочества, знал, как никто другой, о его тяжёлом пути ко Христу, о жертвенно-искупительном обретении им (искренне раскаявшимся-покаявшимся пред Христом соубийцей Первомученика Стефана) Христа Спасителя. И потому, снаряжённый-уполномоченный Апостолами, в связи с антиохийским обращением язычников Кипрянами и Киринейцами, приложив в Антиохии сам довольно народа к Господу, именно Варнава понял, какую пользу на этом новооткрывшемся поприще, на этой плодотворной ниве в состоянии принести христианству именно неутомимый Савл.

И он, т.е. не отягощённый когдатошним преследованием христиан авторитетный и любимый братией Варнава, имея, к месту заметить, большой христианский стаж, чем Савл, привёл последнего (кому предстояло сделаться первым), с к-рым разлучился летом 37г. в (граде Господнем) Иерусалиме (или в Кесарии Палестинской), из Тарса Киликийского – не ранее осени 40г. – в Антиохию Сирийскую.

И как показало время, как показало последующее развитие событий, никакой ошибки Варнавой, решившим, что Савл будет как раз на своём месте в деле проповеди язычникам, допущено не было. Именно в Антиохии они оба, причём поначалу под эгидой благодатного мужа Варнавы, ступили на початую Петром

Иосифова, после жертвы к-рого грядёт победоносный Сын Давидов (?). А событие на пути в Дамаск (ясновидческое явление Христа, К-рого он досадно проглядел при Его земной жизни, но от чего не могушему переть против рожна ясновидцу никуда не деться) открыло перед ним путь к верному пониманию дуалистической Мистерии Христа, азы К-рой позднее могли быть открыты ему посвящёнными в дуализм Рождества Христова (Иисус Соломонид и Иисус Нафанид) Апостолами, тогда как мистерияльное Таинство слиятельной Пасхи 14г. и Таинство Крещения Иисуса Иоанном в 30г. он постиг самостоятельно. (Неспроста именно Павлу и автору Ев. от Павла Луке так важна рождественская Мистерия именно Иисуса Нафанида и дата именно его, в пору ойкуменической переписи Августа, в правление Квириния Сириею, рождения, к-рая затем пестовалась в основанной Дионисием Ареопажитом, кого обратил и посвятил Павел, римской эзотерической школе и на базе даты к-рой, т.е. рождественской Мистерии в Ев. от Лк., учредил в IVв. наше христианское летоисчисление Дионисий Малый).

дорогу. И по этому тернистому пути оба они славно прошествуют, — из них Павел, выйдя в дальнейшем вперёд и превратив христианство в мировую религию, — каждый до конца своих увенчанных мученическим венцом за Христа жизней великих христианских подвижников!

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АНТИОХИИ (40/41гг.) И ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

Пока же на дворе осень 40г., с каких пор Варнава и Савл, придя из Тарса в Антиохию, согласно Деяписателю, «целый год собирались в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами» (11,26) — Χριστιανους.

Т.е. собирались в Антиохийской церкви как с христианами из иудеев, так и с христианами из новообращённых и новообращаемых ими язычников, уча и тех, и других, не делая различия, ставя не столько знак разности, сколько трудясь, в т.ч., под знаком необходимого-насущного равенства между ними. Посему на осень 40г., откуда отсчитывается «целый год», Церковь в Антиохии уже существовала, и стало быть, традиционная дата зачатия-учреждения её в 37г. Петром вполне акцептабельна-реальна.

«Христианами» же называвшие себя на первых порах «учениками», «братьями», «верующими» христиане, надо полагать, назвались не сами, названные-прозванные так, по всему, антиохийскими язычниками. Ведь их, христиан, не могли назвать «христианами» = приверженцами Христа = (греческий эквивалент) Машиаха-Мессии — иудеи, к-рые решительно отвергали Иисуса из Назарета как Мессию. И значит, они, ни в коем случае, не наименовали бы подобным, в их устах сиятельным, прозвищем приверженцев, с их позиции, (распятого) Лже-Мессии, к-рых они, ортодоксально клеймя-клича их «отщепенцами своего народа», позже презрительно нарекли (сопричисленными к язычникам) — «миним», или «назарянами» (ноцри).

Посему «христианами» христиан, скорей всего, назвали язычники: либо — насмешливо, как, мол, последователей Иисуса, к-рого-де они, христиане, считают Христом-Спасителем (антиохийцы славились своим издевательским острословием); либо — нейтрально — как приверженцев Христа, К-рый вправе именоваться, или очень даже может быть (кому как!) чаемым-ожидавшимся в упадническом языческом мире (где небо и земля были полны богов и где «Сотеры» появлялись-объявлялись нередко) Спасителем.

Так или иначе, название-наименование оказалось весьма удачным, объединив вскоре под ёмким термином «Christianoi» и иудеохристиан (из евреев, еллинистов, прозелитов, самарян), и начавших с 40/41гг., чем дальше, тем больше, всё успешнее христианизироваться (благодаря миссионерским усилиям Варнавы, Савла, Киприян, Киринейцев...), вливаясь-входя-интегрируясь в Церковь Христову, — пёстрых, разноэтнических и разномногoboжных, — ойкуменических язычников.³⁶

³⁶ В Книгах Н.З. слово-термин-наименование «христиане» звучит-употребляется итого три раза, помимо Д.Ап.11,26, ещё дважды: из уст царя Агриппы II (Д.Ап.26,28) и в Первом Послании Петра (4,16). Первый, после сирийца-антиохийца Луки (ок. 9 — ок. 93гг.), употребляющий-использующий его христианский авторитет — тоже сириец-антиохиец — Игнатий Богоносец (ок. 27 — ок. 107гг.) — в «Посланиях к Ефесянам» (11,2), «к Римлянам» (3,1), «к Магнесийцам 7,3». Потом идут апологеты-авторитеты II/IIIвв. — Иустин Мученик («Апол.» 1,12; 2,6; «Диалог» 63/64), Тертуллиан (Apol. 3; Ad.Nat. 1,3), Климент Ал. («Стромата» 2,18,3).

Не менее 7-и раз наименование «Christiani» использует имевший дело с христианами в

Теперь займёмся доказательной хронологией. Итак, мы приняли, что Кипряне и Киринейцы приступили к благовествованию Еллинам, или занялись обращением Еллинов (к-рым они могли проповедовать, без обращения необрезанцев, и раньше), зная (узнав) об обращении-крещении Корнилия с присными, имевшем место в январе 40г. Следовательно, если Пётр обратил Корнилия в зимнем январе, а Иерусалимская церковь одобрила-утвердила-подтвердила его деяние в январе/феврале, то обращение язычников в Антиохии стартовало не ранее весны 40г. Летом же руководство христиан-иерусалимлян, до к-рых дошёл слух о сём, поручило Варнаве идти в Антиохию, куда он, опять-таки, летом и пришёл, после чего, одобрив содеянное-делаемое там, и сам приложив довольно народа к Господу, не ранее осени отправился в Тарс, откуда, опять-таки, осенью 40г. привёл в Антиохию Савла.

Стало быть, именно отсюда – с осени 40г. – отсчитывается-исчисляется, простираясь-продолжаясь-дотягиваясь до осени 41г., специально оговариваемый Дееписателем «целый год», в ходе к-рого – «они собирались в церкви и учили немалое число людей», и когда ученики именно в Антиохии впервые наименовались «христианами».

Далее, переместив нас (за кадром) из осени 40-го в осень 41г., Дееписатель сообщает, прилагая данное сообщение именно к последней осени, о приходе в Антиохию (по прошествии «целого года» собраний христиан Антиохийской церкви) из Иерусалима пророков, один из к-рых Агав (*саранча*), «встав предвозвестил духом, что по всей вселенной будет великий голод, к-рый и был при кесаре Клавдии» (11,28).

Из этого предвозвещения-предсказания Агава, с кем мы снова встретимся весной 58г. в Кесарии, в доме диакона-благовестника Филиппа, где он, придя из Иерусалима, предскажет стражное наложение на следующего в пятидесятничный Иерусалим Павла рук в Иерусалиме, Цанн (AG, S.377-80) и проч. исследователи производят, выясняя-устанавливая хронологию, датировочный вывод о том, что оно, дескать, было сделано ещё при Калигуле, разумея голод, вернее, несколько голодных лет при Клавдии.

Притом Цанн проводит аналогию с Ев. от Лк.2,1/2, говоря-утверждая, что, мол, как даты-годы и повеления Августа «сделать перепись по всей земле», и поставление Квиринация наместником Сирии, и собственно перепись Квиринация, не совпадая между собой, хроноразнятся, так и здесь, дескать, хронология предсказания Агава при Калигуле разнится с голодом при Клавдии.

Однако, такая аналогия, даже отставив всё остальное, сама по себе, ошибочна. В «Р.л.» (1021-29-54-62) мы твёрдо установили и убедились, что как повеление кесаря Августа «сделать перепись по всей земле», так и поставление Квиринация легатом Сирии – события сентября 1г. н.э., тогда как Иосиф и беременная Мария идут из Назарета Галилейского записываться в Вифлеем Иудейский, где 25.12.1г. и родился Иисус (Нафанид), в декабре того же 1г. н.э.

А во втором случае, при нашем хронораскладе, предсказание Агава не может датироваться временем убитого 24.01.41г. Калигулы, так как сделанное осенью 41г. оно приходится на время правления Клавдия. И дело тут вот – внимание! – в чём. Предвозвещение Агава разумеет именно «великий голод по всей вселенной» = не

провинции Вифиния, будучи (ок.111-13гг.) её наместником, при Траяне, Плиний Мл. (+ ок.113г.). Общеизвестны места из закончившего «Древности» в 93/94гг. Флавия (И.д.18,3,3) и из умершего ок. (или после) 125г. Тацита (An.15,44), первое из к-рых наука до сих пор тупо шельмует позднейшей христианской интерполяцией (хотя в нём нет ничего невозможного), перестав с недавнего времени гиперкритикански считать таковой также второе. У писавшего несколько позже Тацита Светония (+ после 135гг.), безграмотно – «Хрестос» (Кл.25). Впрочем, если Пётр и Лука, без сомнения, первыми письменно говорят о христианах с 60-х гг. Iв. н.э., то существует ещё надпись на стене дома в Помпеях, сделанная до гибели города (вследствие извержения Везувия) в 79г., на к-рой ясно прочитывается «HRISTIAN».

один = неодноразовый голод в различные годы и в различных частях Ойкумены (= Римской империи) в правление Клавдия (41 – 54гг.). Но это предвозвещение не предвозвещает собственно Клавдиево правление, в к-рое, более того, в начале к-рого оно произносится, хрономаркируя-прецизируя, таким образом, с максимально необходимой точностью, в рамках-формате Святого Благовествования, и отправную (уже начавшееся правление Клавдия), и (ещё) предстоящую событийность-хронологию (голод = голодные годы в пределах Ойкумены в кесарство Клавдия). Удостоверьтесь, Лука, как всегда, предельно достоверен и предельно точен.

Причём осень 41г. н.э., в качестве даты предвозвещения-предсказания, есть, при ближайшем рассмотрении, как оптимально-безальтернативный *terminus post quem* (не позднее), так и оптимально-безальтернативный *terminus ante quem* (самое ранее). Судите сами. Наиболее хроноранняя информация о голоде, постигшем, при Клавдии, по всей вероятности, сначала (первыми) Рим/Италию, содержится под анналистическим 42-м г. н.э. у Диона (60,11,1/2). Т.е. Агав не мог предвозвестить великий, первый акт к-рого стартует в 42г., голод по всей земле, включая Рим/Италию, позднее 41г.

Во-первых, на момент собственно предвозвещения собственно голода ещё нет и не может быть, раз уж речь идёт-ведётся о предвозвещении того, что будет, того, что предстоит. Во-вторых, испытание голодом достаточно близко, сообразно чему, оно делается (никак не в начале и не в конце правления Калигулы, к-рый в Н.З. вообще не упоминается, не фигурирует³⁷, а) ближе к концу 41г. (когда у власти не случайно и многохроногранно называемый-фигурирующий в Д.Ап. Клавдий).

Дальше – больше. Если, согласно Диону, (постигший не названный Дионом вслух Рим, так как провинцию анналист назвал бы) голод приходится, как сказано, на 42г., то у Флавия, приложительно к Палестине/Иудее, это (на чём, прежде всего, делает упор повсемельное предвозвещение Агава) – 43/44 (И.д.20,2,6) и 47 (20,5,2) гг. (см. выше и ниже). Плюс, если Светоний говорит о голоде при Клавдии без локализации и даты (Кл.18), то в армянской «Хронике» Евсевия (S.214) говорится о голоде по всей земле, включая Иудею, под 2/3-м (42/43гг.), у Иеронима (S.153) – под 4-м (44г.) гг. Клавдия, плюс – голод в Греции в «Versio Armenia» (215) под 8-м (48г.), голод в Риме/Италии под 10-м (50г.), тогда как у Иеронима (153) и то, и др. под 9-м (49г.) гг. Клавдия.³⁸

³⁷ Относить предвозвещение Агава на время правления Калигулы отчасти похоже на ползновения горе-экзегетов прочесть, залихватски произвольно переправляя-интерпретируя слово Евангелия, Лк.2,2 в гротескном варианте-версии: «Эта перепись имела место до (!!!) назначения Квириния наместником Сирии» (Р.л. 1046), что делает совершенно непонятным и абсурдным самоё упоминание Евангелистом (словно умышленно ввергающим читателя в заблуждение!) Квириния. Сходно и в Д.Ап.11,28: спрашивается, зачем относить Агавово предвозвещение на время Калигулы, если в тексте называется отнюдь не Калигула, но Клавдий, интервалом-временем правления к-рого, точнее, этапами этого правления, дуалистически-безупречно датируются и предсказание, и его многоразовое-неодновременное-разноместное исполнение!

Станным, мягко говоря, образом, когда Лк. датирует зачатие Иоанна Крестителя временем «во дни Ирода» (Лк.1,5), что совсем не означает Благовещение Ев. от Лк., в шестый месяц от обетования Ангела Захарии (1,26), и рождение Предтечи (1,56/57) также во дни Ирода, потому как между зачатием и рождением человека срок в не менее, чем 7-9 месяцев, академисты и богословы почему-то дружно считают, что зачатие Иоанна во дни Ирода аналогично подразумевает и его рождение во дни Ирода! А вот когда *грядущий* голод при Клавдии предсказывается из *настоящего* времени начала правления Клавдия в одном стихе, это предвозвещение невежественно отодвигается-затягивается учёными и богословскими авторитетами *назад* – во время правления Калигулы!

³⁸ Как в армянском переводе есевианской «Хроники», так и у Иеронима и предсказание Агава, и голод значатся под временем правления Клавдия, без какого-либо намёка на оставшиеся в прошлом годы Калигулы.

Мало того, если Тацит информирует о голоде в Риме под 51г. (Ан.12,43), то Орозий сообщает о голоде в Сирии и в Риме, соответственно, под 4-м и 10-м гг. Клавдия (7,6,12; 17). И тут применительно к последовательности голода в Риме/Италии – 42г., и в Палестине/Иудее – 43/44гг., любопытна параллель со временем правления Августа, когда в 23г. до н.э. был голод (сначала) в Риме (в европейской Италии), а в 22/21гг. – в (азиатско-палестинском) царстве Ирода (Р.л. 314; 321-24).

Как видим, время кесарства Клавдия оказалось богатым на неурожаи и великий-многократный голод-голодомор в различных странах-областях-провинциях ойкуменических пределов-масштабов Imperium Romanum (по всей земле-ойкумене), что не мудрено, более того, что симптоматично. Ведь всю землю, весь земной круг, отвергнувший *Хлеб жизни*, настиг-постиг тогда, в пору всё обостряющегося кризиса старых богов, равно кризиса древнезаветно иудейского Бога и идолов языческих, в пору общего декаданса-упадка, наряду с неурожайным, также, или, в первую очередь, острейший духовный голод!

Физические реалии не могут не быть отражением духовных, история и мета-история (зеркально и зазеркально) взаимоотражаются друг в друге. Дух, а не материя, вернее, Дух, довлеющий над материей, творит историю и правит ею! Земля реагирует на внутреннее состояние людей, на состояние их душ, к-рые в означенное время, как и старые храмы, умершие или умирающие боги покинули или покидали, уступив или уступая свои вакансии демонам; либо – сами став, или становясь беснующимися демонами. Одним словом, процесс распада был в полном ходу и на духовный голод человечества Земля закономерно отвечала, в разных местах и в разные годы, великим неурожайным голодом-голодомором.

Значит, *terminus post quem* сомнению не подлежит. Повторим, голодное предвозвещение не могло быть сделано позднее 41г., из-за первого-начального-стартового, в клавдианское правление, голода в 42г. (постигшего Италию, вероятно, осенью, после летне-осеннего неурожая).³⁹ Касаемо же *terminus ante quem*, на помощь приходит хронология обращения-крещения нашего Деяписателя – Евангелиста Луки. Ведь сообразно анонимно-фрагментарному приложению к тексту III-го Евангелия в ряде древних кодексов, и сообразно старохристианской традиции, он принял христианство в Антиохии, обращённый непосредственно Павлом незадолго до (или накануне) интронизации Клавдия, правление к-рого отсчитывается со дня убийства Калигулы, напомним, 24.01.41г. (Т.Г. 946/47) (см. ниже).

Засим, коли акцептировать обращение в веру Христову (выходца из эллинистической среды) сирийца-антиохийца (медика-врачевателя) Луки (из близкой к римско-антиохийской администрации грекоязычной семьи), к-рый сделался сначала, в 30-е гг. Ив. н.э., иудейским прозелитом, именно Павлом, и непосредственное присутствие к-рого в Д.Ап., со времени прихода в Антиохию Варнавы, отчётливо ощущается, то оптимально это обращение во время до интронизации Клавдия должно и можно датировать не иначе как концом 40-го, или самым началом 41г. н.э.

³⁹ Согласитесь, что предвозвещение предстоящего приклавдианского глобального голодомора, начало (первый акт) к-рого падает на 42г., или, вернее, на вторую половину этого года, куда естественнее звучит из осени 41г., т.е. звучит сравнительно незадолго до *голода* при Клавдии и звучит *уже* при Клавдии, нежели из осени 40г., дескать, *ещё* при (не имеющем никакого отношения к голодным годам в годы Клавдия) Калигуле, откуда до первого голода 42г. неестественно-неоправданно длинная (для начала исполнения актуального провидения-предвозвещения) дистанция. В хронологии Д.Ап. 11,28 – предвозвещение *завтрашнего* и *после-завтрашнего* голода-голодомора, начиная со второго года Клавдия, из *сегодняшнего* = первого клавдианского года, перекликающегося с годом (большая часть к-рого совпадает-коммуницирует-совмещается с первым годом Клавдия) собраний христиан в церкви Антиохии вокруг Варнавы и Савла.

И это, учитывая приведение Савла/Павла Варнавой из Тарса в Антиохию не ранее и не позднее осени 40г. (откуда отсчитывается «целый год», упирающийся в предшествующую первому голоду 42-го г. осень 41-го г.), как вполне приемлемо, так и вполне возможно, не предоставляя, к тому же, возможности какого-либо иного решения (ввиду необходимости хронологизировать данное обращение-крещение сжатыми сроками между осенью 40-го и январём 41-го гг.). И негоже отвергать древнюю освящённую традицию, при полной возможности таковую, убедительно доказав её состоятельность, сохранить.

Подведём итоги. Из рассказа Д.Ап., где ниже предвозвещения Агава говорится о благотворительном денежном пожертвовании антиохийских христиан голодающим — 43/44гг. — единоверцам в Иерусалиме/Иудее, к-рое — собранное в Антиохии пособие — доставили в Иерусалим в 44г. Варнава и Савл (11,29/30), конечно, может сложиться (и у многих сложилось) ошибочное впечатление, что дата приведения Варнавой в Антиохию Савла и «целый год» хронологически повисают в воздухе в пределах от 37/38 до 42/43гг.⁴⁰ Почему? Потому что следующим надёжным хронофикс-пунктом означенного периода времени является для науки — устанавливаемая-известная не по Новому Завету твёрдая историческая дата смерти иудейского царя Ирода Агриппы — 44г. н.э. (Д.Ап.12).⁴¹

Но, насколько мы имели возможность удостовериться, хронология вышеизложенных новозаветных-метаисторических событий, в сочетании с хронологией

⁴⁰ Подвопросная в науке хронология приведения Варнавой Савла в Антиохию может теоретически-эвентуально, по логике, «попроситься» в 42/43гг. (во избежание-заполнение мнимого вакуума в деесписательском Благовествовании), сообразно приходящейся на 43/44гг. хронологии 29/30-го стихов 11-й гл. Д.Ап. Однако, как мы предупредили читателя в «Т.Г.» (947), «die Gründe sind hier nicht zwingend», и при детально-последовательной хроноидентификации материала, безостаточно выясняется, доказывается и показывается, что Варнава привёл Савла в Антиохию именно осенью 40г., именно отсюда и исчисляется (начинающийся с совместной деятельности Варнавы и Савла в Антиохии и заканчивающийся примыкающим к его концу предвозвещением Агава) «целый год» (11,28).

⁴¹ Так думают, например, не имеющие твёрдых опорных хронодат Цанн («AG», S.369-80) и Мертенс (427/28), помещающие пребывание Павла в Тарсе во время ок. 38 — ок. 42гг. Или, к примеру, Кролль (451) переносит как обращение Корнилия, так и приход Савла с Варнавой в Антиохию в 43-й г. Или «Библ. справочник» Геллея датирует обращение Корнилия временем между 35-40гг. (с.560/61), а проповедь Киприан и Кириейцев язычникам в Антиохии временем ок. 42г. (570-72), относя, наряду с тем, дамасское обращение Савла на 32г., его приход (из Дамаска) в Иерусалим на 35г., и его (приведённого из Тарса) пребывание в Антиохии — на (до прихода с Варнавой в Иерусалим) 42-44гг. (583). В «Библ. энц.» арх. Никифора предвозвещение Агава датируется 43-м г. (с.18). Причём и Никифор, и Нюстрем («Библейский справочник», с.7) говорят о предвозвещении Агавом голода 44-го г. Да, оно, перво-наперво, разумеет палестинско-иерусалимский голод 43/44гг., но, важно заметить, что Агав предвозвещает голод именно «по всей земле», т.е. в различных уделах-юдолях Римской империи-ойкумены в различные годы правления Клавдия, как оно и было в исторической реальности-действительности.

«Lexikon zur Bibel» (99/100) вообще забрасывает (непонятно — каким макаром?!) «целый год» из Д.Ап.11,28 во время (почему-то) аж до 48г. н.э. (!), а у профессора К.Г.Тернера в статье «Хронология Нового Завета», в 1-м томе «Библейского словаря» Гастингса, «Варнава приглашает Павла к совместной работе в Антиохии» лишь в 47г. (!). Или, к примеру Дж.Нокс (The Pauline Chronology), датируя обращение Павла аж 37-м г., относит его первый приход (после Аравии) в Иерусалим к 40-у г. и т.д. и т.п. В основе всех этих расхождений-гаданий-предположений и перерастянутого предела колебаний, равно грубо ошибочных и приближительных датировок, лежат вопиющее незнание как даты Голгофы (33г.), так и последующей, минимум до 44г., хронологии Д.Ап., к-рая в сём промежуточном интервале неверно, не умеющими ни правильно прочитать Новый Завет, ни соотнести новозаветную метаисторию с историей, историками и экзегетами псевдовыявляется-псевдоустанавливается.

исторической, одна другой нисколько не противоречат. И правильные даты устанавливаются-идентифицируются, при правильном прочтении истории *sacra*, к-рая вовсе не требует игноранса истории *profana*, в строгой последовательности, без лакун и подвопросных, с подвопросными пределами хроноколебаний (к-рыми, вкупе с грубыми ошибками, изобилуют «Лексиконы» и исследовательские источники), датировок или вопиющих пробелов.

Иное дело, что в Д.Ап. хроноповествовательно отсутствует (ср. сходный т.н. отсутственный период 37 – 39гг.) (см. выше) событийность 42/43гг. – время продолжавшейся активной миссионерской деятельности (к-рая продолжалась и после «целого года» не один день) Варнавы и Савла в Антиохии⁴² – с хронопереходом от предвозвещения Агава осенью 41г. (11,27), плюс – сообщение о голоде (упор на голод 43/44гг.) и о собранном антиохийскими христианами пособии, отправленном в Иерусалим с Варнавой и Савлом (11,29/30), к – в 12-й гл. Д.Ап. – событиям (уже) 44г. н.э.

ХРОНОС И КАЙРОС

Впрочем, вернёмся к наглядно вышеустановленной и наглядно доказанной нами хронологии значительных в апостольской метаистории событий 40/41гг. и скажем, по её поводу, в её пользу, ещё (не для протокола) несколько (интересных, скорее, для спиритуалов-эзотериков, нежели для профанов-рационалов) слов.

От петрианского обращения Корнилия и его крещения в январе 40г. до приведения Савла Варнавой в Антиохию из Тарса осенью 41г. ок. 9-и месяцев. А «целый год» собраний в церкви и роста числа учеников в Антиохии, к-рые стали в 40/41гг. называться христианами, даёт от осени 40г., на момент истечения этого знаменательного «целого года», осень 41г. н.э. Вспомним об *осеннем* Ев. от Лк., благовествование к-рого начинается с осеннего обетования Ангела Господня Захарии в октябре 1г. до н.э.

Обращает на себя внимание следующее поступательное симметрично-параллелистское хронотабло: 33/34гг. (каменение Стефана и рассеяние иерусалимских христиан) – срединный 37г. (приход Савла из Дамаска в Иерусалим и его уход, через Кесарию, в Тарс) – 40/41гг., откуда *хрононить Ариадны* разматывается дальше – до (о чём речь ниже) 44/45-го гг. Не случайно между 33/34 и 40/41гг. срок/сроки в 7/8 лет.

В христианской числовой эзотерике еврейско-ветхозаветная мистика числа 7 переходит-перерастает-превращается-преображается в новозаветную мистику числа (Воскресения) 8, по к-рому вращается-спиралирует планета Земля, к-рое отражает-воспроизводит и поступательность, и цикличность времени, и вращение Земли вокруг окольцованного Сатурном Солнца. А Солнца – вокруг находящегося в центре мироздания на Земле человека, над к-рым и, главное, в сердце (средоточие человеческого сущства) к-рого Солнце Христа = Христос Солнце (Göttliches Licht, Christus Sonne!).

1400г. до н.э. – завоевание Земли Обета 12-ю коленами под предводительством Иисуса Навина. Неспроста от 1400г. до н.э. по 40/41гг. н.э. – 1440 лет (720 x 2). Имя Агав означает – *саранча*. Не питался ли Иоанн, сын Захарии, в пустыне акридами, к-рые, по одной из версий, были именно разрешённой к употреблению

⁴² Эта их плодотворная сирийско-антиохийская деятельность, включающая и умножение-укрепление Антиохийской церкви, и обращение-крещение-назидание принимаемых в церковь язычников, сравнима со временем 37-39гг. в Палестине, когда церкви «по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое (т.е. не преследовались ни римско-прокураторской властью в Иудее и Самарии, ни синедрионом в Иудее, ни Антипой в Галилее), назидаясь и ходя в страхе Господнем, и, при утешении от Святого Духа, умножались» (9,31).

в пищу и не считавшейся еврейскими предписаниями пищей мясной разнообразностью саранчи. От выступления Иоанна Предтечи осенью 28г. до осени 41г. 13 лет. Пятикнижие Ветхого Завета и 8 — как число Нового Завета, как число Воскресения (в воскресенье — 7/8-й день недели) в христианстве; 10 заповедей и Троица; Деяние и Вера. 13 лет — возраст вступления отрока-израэлитянина в пору половой зрелости; возраст от 12-и до 13-и лет — крайний срок приобщения его, ответственного за свои поступки, к обязательности исполнения заповедей закона и к паломничеству пред лице Господне в храм.

Согласно талмудистам и каббалистам, 13 — число Мессии. Однажды Израиль будет разделён на 13 уделов, 13-й из к-рых выпадет-достанется Машиаху. 13 — количество городов для представителей священнического рода Аарона; 13 лет Соломон строил царский дворец (выстроив и освятив за 7/8 лет дом Господень); храмовые ворота имели 13 локтей в длину; 13 небесных источников, 13 врат милосердия и 13 потоков елея. 13 лет создатель Каббалы р. Симон б. Йоханн провёл, скрываясь (вместе со своим сыном) от преследователей, после разгрома восстания Бар Кохбы, в уединительно-спасительном схроне. 13 эонов для гностиков суть совершенство и полнота, к-рые коронационно венчают число (Простанства) 12 (как соляная восьмёрка венчает число Времени — 7).⁴³

⁴³ Причём здесь нам важно как напомнить читателю пройденный, дополняя оный, материал, так и предоставить, в видах на дальнейшее повествование, новую информацию (к размышлению), плюс — учесть и освоить-усвоить следующее. Семеричность *известных-современных нам* Семи метаисторических эпох-культур нашей Пятой Пост-Атлантической стадии эволюции сочетается и коммуницирует с Космическим = Платоновым = Великим (астрологическим) годом, в отношении к-рого охватно *работает* число 12. 12 знаков Зодиака = 12 домов-обиталищ дрейфующего от одного дома к другому, из одного дома в другой (по мере прецессионного смещения равноденствия) Солнца (Р.л. 825; 1376; 1384; Д.И. 109; 125; 710; Т.Г. 243/44; 258/59). И если 7 эпох-культур, длиной в 2160 лет каждая (один Космический месяц), нашей Пост-Атлантической = Пассионарно-Ойкуменической = Арийско-Семитской — Пятой стадии охватывают время от I-й Пра-Индийской культуры, под знаком Рака (7228/27 — 5068/67гг. до н.э.), до VII-й Американской культуры, под знаком Козерога (5733 — 7893гг. н.э.), итого 15 120 лет, то Великий год, совокупной протяжённостью в 25 920 лет, исчисляется, при охвате всех 12-и Космических месяцев, с 13708/07гг. до н.э. по 12213г. н.э. = с начала V-й Пра-Семитской эпохи Четвёртой Атлантической стадии эволюции, под знаком (сменивших Скорпиона) Весов (13708/07 — 11548/47гг. до н.э.), до II-й (пока безымянной) эпохи (следующей после нашей) Шестой (пока безымянной) глобально-семеричной стадии эволюции (к-рую можно условно назвать *Филадельфийской*), под знаком Скорпиона (10053 — 12213гг.), — знака великих катастроф и великого обновления.

Это и даёт сумманду Велико-Космического года величиной почти в 26 тыс. лет. Т.е., кроме семи культур Пятой стадии, три заключительные эпохи (V — Пра-Семитская — Весы, VI — Пра-Аккадская — Дева — 11548/47 — 9388/87гг., VII — Пра-Монгольская — Лев — 9388/87 — 7228/27гг.) Четвёртой Атлантической стадии, и две, I-я и II-я, эпохи-культуры грядущей Шестой стадии (под знаками отмыкающего данную стадию Стрельца — 7893 — 10053гг., и обновительного Скорпиона).

При всём том, если (внимание!) середина нашей Пятой Пассионарно-Ойкуменической стадии приходится на срединную, в составе Семи, IV-ю Греко-Латинскую культуру, под знаком Овна-Агнца (748/47гг. до н.э. — 1413г. н.э.), эпицентр и абсолютная середина к-рой, как и всей Вселенской эволюции — Тайнство Голгофы (1/1 — 33гг.), с упором на 33г. (при арифметической хроносредине IV-й культуры в 333г. н.э.), то половина стартующего в 13707г. до н.э. Великого года, длиной в 12 космических месяцев, выпадает (внимание!) на 747г. до н.э. = на время по истечении 6-го (из 12-и) Платонова месяца (Весы, Дева, Лев; Рак — Пра-Индийская культура Св.Риши, Близнецы — Пра-Иранская культура Заратустры — 5068/67 — 2908/07гг. до н.э., Телец — Египетско-Вавилонская культура — 2908/07 — 748/47гг. до н.э.). Как видим, хроносрединно-хронополовина Великого года из 12-и Зодиакальных месяцев хроноразнится с серединой Пятой стадии из 7-и Космических месяцев, равно как Мистерия Голгофы неравномерно хроноудалена от начала Великого года в первой половине XIV-го тыс.

Если в 1400г. ветхозаветное завоевание Земли Обета и начало ветхозаветного распределения её между коленами, к-рое завершилось в 1393г. – дата учреждения-введения юбилейно-субботного календаря Иисуса Навина, Судей, Давида, Соломона..., то спустя 1440 лет от 1400г. до н.э., в 40/41гг. н.э., с началом обращения язычников, было положено начало новозаветному выходу христианства в (охваченную распротёртыми Христом с креста руками) обетованную Ойкумену («Ich breite die Arme aus...»), за пределы давешней Земли Обета. И потому 13-й удел – удел Мессии – не имеет земных разделительных границ!

В Кн.Быт.41 патриарх Иосиф в Египте предсказывает 7 лет изобилия и 7 лет голода, к-рые падают на 80/70-е гг. XIXв. до н.э., и вследствие чего Иаковиты приходят-переселяются в Египет. В 3Ц.17 пророк Илия, в царствование Ахава (*брат царя*) Израильского, предсказывает бездождие, засуху и голод, продолжительностью в 3,5 года – 870 – 67гг. до н.э. (Карма пророка Илии есть карма Иоанна Крестителя, к-рый родился 24.06.1г. н.э. и был казнён Антипой, по наущению Иродиады, 31.03.32г. н.э. Карма патриарха Иосифа есть карма Иоанна Богослова, к-рый инкарнационно пришёл на землю 31.03.1г. до н.э., на к-ром, нововосставленном Христом Лазаре, гений Иоанна Крестителя, ставший душой 12-и Апостолов, опочил вдвойне, и дата эфесского успения к-рого 24.06.100г. н.э.). Предвозвещённый Агавом в 1-й год правления Клавдия великий голод по всей земле, к-рый совместно лютовал в разные годы продолжавшегося итого 13 лет и 9 месяцев правления Клавдия (41 – 54гг.).

При Ахаве имело место преследование Иезавелью пророков Господних (3Ц.18,4). Ныне имеет место приход в Антиохию пророков из Иерусалима, где с начала 41г. царствовал покровительствуемый Клавдием и реставрировавший благодаря ему вассальное царство Ирода I-го внук последнего – Ирод Агриппа. Как читатель знает, в 41г. профарисейски настроенным Агриппой был упразднён *царский* субботний календарь, восстановленный (после его отмены Вавилонским пленением евреев – 586г.) в 140г. до н.э. Маккавеями, и нововведён *аронидский* седмичный календарь, введённый при Ездре/Неемии в 443г. до н.э., действовавший по 140г. и отменённый в пользу *царского* календаря при Симоне Маккавее (Р.л. 344-56-62-70).

Т.е. после весенне-летних уборки хлебного урожая и сбора плодов в негодолдно-благополучном 41г. н.э., следующий 41/42гг., с осени до осени, был, по агриппианскому почину, непосевным субботним. Кстати, воцарившись в Иерусалиме в 41г., по прибытии из Рима, Агриппа поставил первосвященником вместо Феофила (сына Анана) Симона Канферу (И.д. 19,6,2), сына Симона Боэта (бывшего отцом Мариамны II и тестем Ирода I), к-рый происходил из Александрии.

И не вкладывает ли александриец Филон в уста пишущего в 40г. послание Калигуле Агриппы (к-рый был близок со старшим братом философа Филона – богатым александрийским алабархом Лисимахом) слова: «первосвященник выше царя настолько, насколько Бог выше человека» («Посольство к Гаю» 36). И не отражает ли это (знакомый читателю) аронидско-клерикальный крен приоритетов эпохи Второго храма, и приверженность оному как фарисеев, так и Агриппы, и ещё, по всей вероятности, части александрийской – как светской, так и аронидской

до н.э. до его конца в первой половине XIII-го тыс. н.э., что необходимо учитывать при ряде рассмотрений и к чему мы ещё обратимся ниже.

Между тем, не случайно именно на 747г. до н.э. первый римский анналист Фабий Пиктор относит основание Рима (что вовсе не отрицает дату и эру Варрона ab Urbe – 753г. до н.э.), поскольку именно в 747г. до н.э. были учреждены в основанном Ромулом Риме его сабинским соправителем Титом Тацием культы Януса (бога всех начал и начинаний во времени), Квирина и Януса Квирина (см. ниже), так же, как совсем не случайно именно 747г. до н.э. является стартовой датой эры (царя) Набонассара (Вавилонского).

элиты, в т.ч., представителей (саддукейско-)первосвященского дома Бозта, назначив одного из к-рых первосвященником, Агриппа и восстановил (при поддержке фарисеев и определённой священной части саддукеев) езраитско-неемитско-аронидский цикл-календарь.

Так, м.б., христианские или прохристианские пророки, Агав и др., были вынуждены покинуть Иерусалим и Иудею уже в иерусалимское царствование Агриппы, к-рый позднее поднимет руку и на Апостолов?⁴⁴ Да и само предвозвещение Агава о голодоморе звучит насущнее в 41г., во время начала субботне-непосевного года по небогоугодному, точнее, по неуместно реставрированному Агриппой циклу-календарю⁴⁵, поскольку для христианства первично-существенным был не столько *аронидский*, сколько, в первую очередь, именно *царский* седмично-юбилейный календарь Сына Давидова – Царя Израилева = Первосвященника по царскому-царственному – в формате Царства не от мира сего – чину царя Мелхиседека.⁴⁶

И именно по этому календарю в Ев. от Лк. благовествуется лето Господне благоприятное (30/31г.), и седмицы-шмиты именно этого календаря закадрово, в той или иной мере-степени, присутствуют в Д.Ап.: 37, 44, 51, 58г.⁴⁷ (Хотя, по большому счёту, со свершением-исполнением Вреён в Таинстве Таинств Голгофы,

⁴⁴ В Д.Ап.13,1, среди перечисляемых Дееписателем (на 44/45г.) некоторых пророков в Антиохийской церкви, начиная с Варнавы и кончая Савлом, упоминается некий Манаил (см. ниже) – совоспитанник Ирода Антипы (Т.Г. 174-78), нываемый в ряде древних манускриптов Иродовым «молочным братом». (А Цанн и др. экзегеты даже *назначают* его тем самым капернаумским «царедворцем», сына к-рого Иисус исцелил в начале 31г.) При всех случаях, если принять, что этот (ставший последователем-приверженцем Иисуса в 30-33г. или позднее) пророчествующий (наделённый даром пророчества) Манаил (либо, как стоит в ряде текстов, – Манаим/Менахем) пришёл в Антиохию вместе с несколькими пророками, включая Агава, то можно предположить, что ему, т.е. Манаилу, буде он «молочный брат» Ирода, пришлось покинуть Иерусалим и Палестину (не в 40-м, но) в 41г., по подпадении Иерусалима Агриппе уже при Клавдии, после (возымевших место не без интриги Агриппы) смещения и ссылки Антипы с Иродиадой в конце 40г., ещё при Калигуле, к-рый одарил тогда Агриппу (вдобавок к полученной им в 37г. тетрархии Филиппа) антиповскими Галилеей и Перей. Если преследование христиан Агриппа, по своём иерусалимском воцарении в 41г., начал не сразу, пусть отношение к ним при нём ухудшилось, то «молочный брат» Антипы мог сделаться в пределах царства Агриппы персоной нон-грата почти сразу, и б.м., именно поэтому он, в отличие, скажем, от Агава, к-рый вернулся в Иудею (Д.Ап.21,8), правда, неизвестно, когда именно, остался или вынужден был остаться (с осени 41г.) в Антиохии (?).

⁴⁵ Субботствование (неурочное, не пошедшее во благо) Земли (Обетования, время к-рой и к-рого истекло) в 41/42гг. (шмита по не пошедшему еврейству впрок *аронидскому* календарю Ездры и Неемии) не спасло людей и землю от голода в 43/44гг. (– шмита по оказавшемуся в небрежении при Агриппе *царскому* календарю Иисуса Навина и Давидов)

⁴⁶ Вот в каком смысле и на каком уровне мессианский Первосвященник выше царя, потому что речь идёт о Первосвященнике (вышнем Теократоре-Иерократоре) по царскому чину Мелхиседека, до понимания чего многие иудейские радетели клерикального аронидского крена не поднимались, буквально-благоевейно ставя священство Аронидов, с соподчинением ему мессианской царственности, выше всего прочего.

⁴⁷ Если аронидский Юбилей 1/1гг. (обетование Захарии и зачатие Иоанна Предтечи – октябрь 1г. до н.э.; Благовещение Ев. от Лк. – 25.03.1г. н.э.; рождение Иоанна Крестителя – 24.06.1г. н.э.), шмита (6/7г. н.э. (вторая перепись, повлекшая восстание Иуды Галилеянина) и шмита (13/14г. н.э. (12-летний Иисус в храме на слятельно-жертвенную Пасху (инкорпорационного) обретения Иисусом Нафанидом индивидуальности Иисуса Соломонида) присутствуют в Ев. от Лк. за кадром, причём Иоанн Креститель является Израилу 1 тишири 28г., по истечении *аронидской* шмиты 27/28г., то венчающее закрывые *царские* шмиты 1/2-го (Рождество Иисуса Нафанида – 25.12.1г. н.э.; Сретение – 2.02.2г. н.э.) и 29/30-го гг. (проповедническо-крещенская деятельность Иоанна и Крещение Иисуса 6.01.30г.) лето Господне благоприятное (Юбилей) 30/31г. н.э. благовествуется-манифестируется устами Самого Христа Иисуса в Благовесте от Лк.(4,16) торжественным-открытым текстом.

оба давешних цикла-календаря — как *царский*, так и *аронидский* — теряют, уступая место Чистому Времени Христа Спасителя, всякую давешнюю силу.)

Соответственно, и в данном ракурсе предвозвещение Агавом большого голода приходится не только и не просто на начало правления Клавдия, а и на время (предвозвещающего голод 43/44гг. в Иудее) начала непосевого-нежатвенного 41/42гг., по непропорционально-искусственно введённому Агриппой староседмичному календарю-зомби.⁴⁸

* * *

Далее, налицо примечательная созеркально-семнадцатилетняя симметрия 24 — 41 — 58гг. н.э. 24г. — время возвращения Иисуса из Назврета летом/осенью из Его самого продолжительного странствия и время Его спиритуального потрясения-переживания у языческого алтаря в Киликии, недалеко от Тарса, очень возможно, что между Тарсом и Антиохией, откуда Варнава пошёл в Тарс за Савлом и куда они пришли из Тарса вдвоём.⁴⁹ 58г. — время прихода весной Павла (из-после Третьего

⁴⁸ И потом, куда скорее, предвозвещение Агава о грядущей беде прозвучало во внешне благополучную пору (мимолётного) иерусалимско-иудейского царствования Агриппы (за блестящим фасадом царства к-рого зияла чёрная дыра), осенью 41г., нежели, к примеру, тумултарной осенью 40г., когда иудеи протестовали против попытки Калигулы водрузить императорскую статую в Иерусалимском храме и находились на волосок от войны с Римом (Р.л. 892-910) (см. ниже). Если в 40г. (к-рый не был субботним, несмотря на несостоятельные потуги ново-новейшей учёности углядеть в нём шмиту) с осенним севом произошла задержка на 40-50 дней (в к-рые поля оставались невозделанными, будучи возделаны позже обычного), из-за политико-религиозного противостояния иудеев и римской власти, то в 41г. (когда поля остались седмично-невозделанными) посев не производился вовсе, из-за (агриппианско-аронидской) шмиты, в к-рую, к слову, (пышно справивший невиданно многолюдную Пасху «несметных толп» — 42г.) Агриппа провёл-произвёл (41/42гг.) ещё и (не также ли предвозвещившую бедственный голод?) всенародную перепись (см. «Р.л.»; см. ниже). Дело в том, что, согласно В.З., (нуждающаяся в наказательно-жертвенном искуплении) перепись населения греховна (покушение земной власти на суверенитет Бога) и Господней карой за неё может быть-стать, в т.ч., опустошительный голодомор (2Ц.24; 1Пар.21) (Р.л. 1061).

⁴⁹ Между прочим, в 37/38гг. Калигула восстановил упразднённую Тиберием, по смерти Антиоха III, в 17г. н.э. вассальную Коммагену и поставил в ней царём Антиоха IV Коммагенского, владения к-рого были расширены за счёт присоединения к ним, согласно Диону (59,8,2), киликийского побережья! Этот Антиох дружил с Калигулой, как и Агриппа, почему Дион их обоих кличет, под 39г., наставниками Калигулы по части сноровки в отравлении-применении искусств-навыков ориентальной тирании (59,24,1). Позднее, по всей вероятности, в 40г., Антиохи пришлось лишиться, по неведомо чем мотивированному капризу тирана Калигулы, царства, на к-рое его снова поставил-утвердил в 41г. Клавдий (60,8,1) (см. ниже).

Так вот, если взглянуть на карту римских малоазийско-сирийских владений, то дарственным присоединением к Антиоху царству Калигулой части граничащего с Коммагеной киликийского побережья (географию к-рого Дион не прецизирует) означает, что на повестке дня побережье между Тарсом и границей (с Аманского прохода) Сирии. Но Варнава вряд ли ходил за Савлом из Антиохии в Тарс и пришёл с ним из Тарса в Антиохию через владения Антиоха Коммагенского (что с греко-римско-ойкуменической композицией и репрезентацией-диспозицией соответствующего благовествования Д.Ап. не вяжется). Т.е. оба хождения, туда и обратно, скорее, были предприняты из римской провинциальной Сирии в римскую провинциальную Киликию и из римской провинциальной Киликии в римскую провинциальную Сирию (две части эллинистического мира в составе Римской империи), ввиду чего, скорее, они имели место не в 38/39гг., когда киликийский берег между Тарсом и Антиохией кратковременно принадлежал удельному вассалу Антиоху, а осенью 40г., после того как калигулианским решением вновь возобладал прежний административно-провинциальный расклад-порядок, притом до восстановления Клавдием Антиоха в Коммагене (неизвестно — с присовокуплением ли, на сей раз, киликийского берега, или, скорей всего, — нет) в 41г.

миссионерского путешествия 54 – 58гг.), через Кесарию, где Агав предсказал ему узы, в Иерусалим и время начала двухлетних (58 – 60гг.) Павловых уз в Палестине.

Или интересна симметрия 31 (лето Господне) – 41 – 51 (дата Апостольского собора) гг. Или от начального в Ев. от Лк. архангельского-ангельского (ответственный за генофонд и сертификат крови Гавриил) обетования Захарии в октябре 1г. до н.э. пролегал 40 лет до осени 40г. н.э. и набирается 41 год, с началом 42-го года, осенью 41г. н.э. Или от эдикта Августа о переписи осенью 1г. н.э. 39 лет до осени 40-го и 40 лет до осени 41гг. Или осенью 41г. близится к завершению 40-й год от Рождества Христова 25.12.1г. н.э. Или с весны 2г. до н.э. (Благовещение Ев. от Мф.) исполнилось 42 года весной 41г. н.э. (когда, в свою очередь, исполнилось 40 лет со смерти устроившего в январе 1г. н.э. избиение младенцев Ирода и когда в Иудею/Иерусалим прибыл, получив от Клавдия Иудейское царство со столицей в Иерусалиме в 41г. Ирод Агриппа)⁵⁰ и пошёл 43-й год осенью 41г. н.э.

Или 13 лет от 28 до 41гг. и 13 лет с 41 по 54 (дата завершения Второго миссионерского путешествия Павла и дата Успения Богородицы) гг. Или 40/41гг. равноудалены на 26 (чило Бога) лет от 14-го (слиятельная Пасха) и 67 (дата мученичества Петра и Павла; дата начала эфесской эпопеи Иоанна Богослова) гг. Или начало (первого) голода, при кесаре Клавдии, осенью 42г. случилось на 15-м году от выступления Иоанна Крестителя в 15-м году Тиверия кесаря осенью 28г. Или с Крещения Иисуса в январе 30г. на осень 41г. идёт 12-й год, а с сентябрьской осени 41г. насчитывается 3 года и 3 месяца до Астральной Мистерии Христа на Рождество 44г. н.э. Или с 40-го 56, а с 41гг. 55 лет пролегают до патмосского в 96г. Откровения Иоанна. Или, если на 41г. н.э. минуло 52 года с 12г. до н.э. (дата рождения 1.01. Марии Благодатной), то с 41г. н.э. 52 (13 x 4) года до 93г. н.э. – дата кончины родившегося в субботний и скончавшегося в субботний, по царскому юбилейно-субботному календарю, в возрасте $84-x = 7 \times 12$ лет, Евангелиста и Дееписателя Луки (9 – 93гг.).

Не случайно ни Аарон, ни Моисей не вошли, умерев до истечения 40-летнего Исхода из Египта, в XVв. до н.э., в ветхозаветную Землю Обетования, тогда как в 40/41гг. новый Моисей – Пётр, и новый Аарон – Павел (приведённый из Тарса в Антиохию⁵¹ благодатным Варнавой) инаугурировали новозаветный выход из вчерашней Земли Обетования в простирающуюся на весь свет Обетованную Ойкумену.

И если Пётр – *камень-скала*, на к-рой воздвиглась Церковь Господня, то именно Павлу, к-рый учредил-заложил Пистис (Вера) и Гнозис (Знание) в христианстве, принадлежит сокровенное откровение о ветхом и новом – о Первом и Втором (Кадмон) Адаме, о Третьем и Седьмом Небе, что доведёт до вершины и совершенства, взойдя и указав путь восхождения на вышние Небеса Небес автор Евангелия Евангелий и Апокалипсиса – Иоанн Богослов.⁵²

⁵⁰ В Книгах Нового Завета симптоматично-поимённо (и совсем не случайно!) задействованы три (проникнутых единым негативно-иродианским духом) иудейских (фамильно-династических) Ирода – Ирод Старший, Ирод Антипа и Ирод Агриппа, к-рые зовутся, продолжая, генетически и духовно, в трёх поколениях, друг друга, именно Иродами (в то время как иродианский тетрарх Филипп зовётся просто Филиппом, или Ирод Агриппа II – просто Агриппой), и три миродержавных римских кесаря – Август, Тиберий, Клавдий.

⁵¹ В отличие от Палестины и Александрии, на долю еврейства к-рых выпали в 38-40/41гг. противостоятельные, в силу столкновения еврейско-иудейской сегрегативной самобытности с интегральным язычеством, испытания, в Антиохии (где предрасположенные к христианству эллинисты в ту пору кооперировали и мирно сосуществовали с евреями) всё было спокойно, что немало подействовало успешно миссионерско-ойкуменическому *выходу* иудеохристианства на (алкавших обновления) язычников.

⁵² А за Иоанном другой высочайший посвящённый – (воскрешённый Христом в июне 31г. н.э. – в лето Господне) Юноша из Наина (к-рый, возможно, дожил, как и дочь Иаира, до

Если Павел указал начатый-початый Петром путь преобразования ветхозаветной жизни по Моисееву закону в новозаветную жизнь по благодати и истине от Иисуса Христа, то Иоанн Богослов (воскрешённый и посвящённый Самим Христом Лазарь – брат-близнец Апостолицы Апостолов – Марии Магдалины) постиг осердеченную тайну тайн и восердеченное Таинство Таинств (Агнца и Девы Софии – Матери и Сына) от Генезиса до Апокалипсиса, от Альфы до Омеги, от земного до Небесного Иерусалима!

ВОЗВРАЩЕНИЕ АГРИППЫ В ПАЛЕСТИНУ И АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ПОГРОМ

(лето/осень 38г.)

Итак, читатель, (хроно)разобравшись-определившись с историей христианства и христиан в период 37 – 41гг. н.э., нам необходимо теперь обратиться к истории за тот же период еврейства.

Таким образом, преемствовав Тиберию, Калигула (Гай Цезарь) одарил, о чём мы уже знаем, 46-летнего Ирода Агриппу весной 37г. как царским титулом, так и тетрархиями умерших в 36г. Филиппа (Трахон, Авран, Ватан, Гавлан) и Лисания (Авилена), плюс – удостоил его (решением сената) преторского ранга (Филон «Против Флакка» 6), плюс – вместо железных оков, к-рыми он был скован во время ок. 6-месячного заточения при Тиберии, подарил ему, в напоминание о счастливом исходе дела и победном преодолении несчастья, равную весом цепь золотую (И.в. 2,9,6; И.д. 18,6,10).

Затем Агриппа аж до лета 38г. оставался-обретался при Гае (на положении его привилегированного друга-сображника, с царским титулом вассального «друга и союзника римского народа») в Риме/Италии, т.е. успел застать, во всяком случае, первую перемену в Гае к худшему через 7/8 месяцев от интронизации, вследствие перенесённой императором тяжёлой болезни (или неправомерного декадентно-окультурного посвящения), и начальные репрессии.

Например, устранение Гаева экс-тестя (отца умершей в 36/37гг. Юнии Клавдиллы) М.Силана, принуждённого к самоубийству, или казнь за мнимые злоумышления против кесаря Тиберия Гемелла, и само начало превращения Гая из попервоначально добродетельного правителя в одержимое *кесаревым безумием* форменное чудовище. А таковым его, деградировавшего в два этапа, окончательно сделала смерть его любимой сестры (и сожительницы в кровосмешении) Друзиллы, к-рая умерла от скоротечной болезни в июне 38г., после чего убитый горем Калигула стремительно полетел со всех катушек.

Согласно Флавию (18,6,10), испрошение Агриппой «разрешения отправиться в свои владения, чтобы устроить там дела свои», имело место на 2-м году Гаева правления. Согласно Филону («Пр. Фл.» 5), Гай отсоветовал другу-кунаку плыть из Брундизия через М.Азию и Сирию, «мол, далеко и тяжело», посоветовав короткий путь через Сицилию и Александрию, – «дождавшись летних пассатов». Сообразно Плинию (2,47,124; 18,28,270), эти летне-пассатные ветры дуют с 20.07. на протяжении 30-и дней.

времени Адриана, прожив свыше 100 лет) – в следующей инкарнации – Посланец Света – (исключительный *Апостол Светоносного Иисуса*) Мани, далее кармически сопровождающий Апостола Апостолов в будущее – через века. В т.ч., – через столетие Св. Грааля (IXв. н.э.); через век *летнего солнцестояния* истории-метаистории и *новоотроческое* Иоанново посвящение (12-летнего отрока – как 13-го – 12-ю старцами) в 1250г.; и, наконец, через посвящение Кр. Розенкройца, под духовным предводительством Мани, в *Рыцаря Золотого Камня*, в 1459г. (= 1460-й год от Рождества Иисуса Соломониды 6.01.1г. до н.э.) (см. ниже).

Отсюда вывод, что если Агриппа отпрашивался домой весной 38г. (когда в марте стартовал 2-й Гаев императорский год), то отплыл он не раньше июля, после того как у Гая на руках скончалась 10.06. внезапно заболевшая Друзилла, по всей вероятности, в первой половине месяца, отбив сначала, м.б., в июне/июле, из Рима в Дикеархею (= Путеолы), оттуда – в Сицилию, на дорогу куда тоже требовалось время, и потом – с Сицилии – на Александрию.

Посему, во-первых, авантюрный Агриппа, к кому судьба-фортуна поворачивалась, в течение жизни и задом, и передом, можно сказать, вовремя смотался из всё более мрачающего калигулианского Рима от всё более свирепеющего горемператора; и во-вторых, или, скорее, во-первых, его, надо полагать, порядком достал римско-языческий образ жизни (по беспределу), из-за чего он, приближаясь к своему 50-летию, всё более склонялся (не переставая быть эллинистом и эллинистическим династом) к иудаизму. Всё более, по-своему, пусть на весьма поверхностном (светском) уровне, – обращался к еврейству, интересовался ветхозаветностью, чая найти-обнаружить в нём то, чего не нашёл в язычестве.

Если идумеянин-эдомит-исавит корнями Ирод I, будучи (вслед за своими родителем Антипатром и обрезавшимся, вместе с остальными идумеянами, при Иоанне Гиркане, дедом Антипой) обрезанцем в третьем колене, квалифицировался как полноценный еврей-иудей, по ветхозаветным нормам, то Агриппа, внук Ирода, своеобразно олицетворял собой и (со временем) всё сильнее проявлявшейся в нём приверженностью к иудаизму, завершение процесса иудаизации-ассимиляции идумеян, к-рый и завершился в IV. н.э.

Относительно же плавания от Сицилии до Александрии, любознательный Плиний (19,3) уведомляет нас о рекордно быстром преодолении данного морского пути отчалившим из Мессаны римским префектом Египта Г.Галерием (16 – 31гг.) – всего за 7 дней (Т.Г. 1026). Значит, мы вполне можем принять (нерекордсменское-неторопливое-путешественное) прибытие Агриппы в Александрию в июле/августе 38г. н.э.

Однако, именно этот агриппианский, с помпой, заезд в эллинистическую египетскую столицу спровоцировал яростный всплеск иудефобии среди и без того противоеврейски настроенного местного греко-египетского населения, обернувшись в итоге для местных евреев мрачно знаменитым Александрийским погромом. Притом информацией об этом погроме мы располагаем благодаря современнику событий александрийцу Филону («Против Флакка»; «Посольство к Гаю») и благодаря горячо возражающему врагу еврейства александрийцу Апиону (тоже современнику событий) И.Флавию («И.д.»; «Против Апиона»).

История александрийских евреев восходит к основанию в 332/31гг. до н.э. Александрии Египетской покорителем входившего в состав Ахеменидской державы Египта Александром Великим. Уже в IIIв., в пору усиленно покровительствовавших им (как и персы), с гарантией вероисповедальных свобод и предоставлением гражданских прав, первых Птолемеев, число местных евреев значительно выросло, дойдя со временем до 100 и впоследствии, при римлянах, до свыше 200 тыс. человек (в городе с населением от полумиллиона до миллиона), при 1 млн. евреев в Египте в целом.

Привлекавшимся Птолемеями в страну евреям предоставлялись льготные, наравне с греко-македонянами (против сепаратизма египтян, что ранее делали и персы), условия для занятий ремёслами, торговлей, сельским хозяйством, мореходством; они нанимались на государственную и военную службу. Во главе общины стоял этнарх (или – генарх), к-рый управлял народом, творил суд, заботился об исполнении обязательств и предписаний, посредничал в отношениях между общиной и властью, равно между евреями и другими общинами.

Отношение к евреям начало ухудшаться со времени ослабления Птолемеев-Лагидов, при Птолемее IV Филопатере (232 – 204/03гг.) и Птолемее V Эпифане (204/03 – 181/80гг.), на рубежах III/IIвв. до н.э., когда Египет, во-первых, переживал внутренние, связанные с общеэллинистическим декадансом демонию эпохи Диадочов, трудности. Во-вторых, когда Египет потерял в 198г. в пользу Селевкидов (Антиох III) подвластную ему с 301г. Палестину, плюс – часть Сирии. И в-третьих, когда число египетских евреев заметно выросло за счёт как естественного прироста, так и, главное, – за счёт мигрантов из ставшей аренной войн между Птолемеями и Селевкидами Палестины.

И это ползучее ухудшение положения еврейской общины, с временными переменами-перепадами то в лучшую, то в худшую, включая, к примеру, (первый) погром 88г. до н.э., стороны, продолжалось весь остаточный период декадентного угасания птолемейско-эллинистического Египта – до Клеопатры VII (+ 30г. до н.э.), к-рая перед своим крахом, носилась, в частности, с мыслью об уничтожении (приверженных-де римлянам в лице Октавиана) александрийских евреев.

Приход римлян и установление римского владычества над Египтом сначала однозначно благоприятствовали еврейству Александрии, к-рому, сходно евреям др. частей Империи, покровительствовали и Цезарь, и Август. Дело в том, что они видели в евреях как выгодный державе диаспоральный элемент, к-рый не мог не уповать на центральную имперскую власть, и к-рый, стало быть, можно было продуктивно использовать против сепаратизма автохтонов, так и элемент, ввиду своего повсеместно-диаспорального присутствия, экономически, в условиях постепенного создания единого экономического пространства Imperium Romanum, очень выгодный: ремёсла, сухопутная и морская торговля, градостроительство, финансы.

Да и вассальное еврейство Палестины, в составе самобытного Иудейского царства, было, напомним, первым союзником Рима в опорно-сирийском регионе при Ироде, со смертью к-рого проявились и первые симптомы грядущего смертельного противостояния между всё более интегрально-космополитическим Римом и всё более сегрегально-националистическим, с его специфической изоляционистской религией, еврейством. Так коса начала находить на камень с Iг. н.э., что понемногу, градус за градусом, ступень за ступенью, прогрессировало, подпав со временем ещё и *кесареву безумию*, и в Палестине, и в Diasпоре.

При преемнике Августа Тиберии произошёл дальнейший сдвиг в сторону ухудшения (три противоиудейских постановления – 19, 29, 34гг.), а при потребовавшем для себя особенных божественных почестей, на что с готовностью откликнулся привычный (за исключением иудейства) к таковым весь Восток Римской империи, Калигуле чуть было не разразилась глобальная катастрофа. И пусть она была отложена-оттянута краткочарственностью безумца Гая до 66 – 70гг., но такой исход был для автономного очагово-палестинского еврейства в составе Римской империи, по большому счёту, неизбежным.

Если Рим, как сказано, не поднимался выше уровня человека *психического*, то еврейство стояло на уровне человека *пневматического*. Если Рим, с одной стороны – объединитель-умиротворитель, с другой, – молох народов, заглотив и перемалывал Ойкумену в плавильном котле Imperium Romanum, то еврейство (до пришествия Мессии – закономерно-правомерно, а затем – судорожно-инерционно) хваталось за свою исключительную самобытность. Если древнезаветное и античное еврейство изжило себя, кульминировав в иудеохристианстве, то Риму, совместно с вышедшим из еврейства и изошедшим в греко-римскую Ойкумену Греко-Римской эпохи (под знаком Овна-Агнца) христианством, предстояло ещё выполнение грандиозной миссии-задачи по закладке основ будущей Европы и всей средневековой цивилизации.

Впрочем, александрийский погром вырос из годами накапливавшихся-скапливавшихся-накалявшихся-раскалявшихся споров местных греко-македонян и евреев (пользовавшихся меньшими правами-привилегиями, чем исконные, со дней Александра, обитатели-основатели города – греки, но большими, чем египтяне) о гражданстве, о насущных гражданских правах, с антиеврейским задействованием греками-александрийцами, в качестве противоиудейского инструмента, императорского культа.

Ведь от отправления онога евреи, в силу специфики их религии, были при Августе и Тиберии освобождены, равно защищены в отправлении собственных ритуалов, обрядовости и автономии. Причём непосредственным поводом к резкому обострению ситуации, к взрыву ненависти и к погромным беспорядкам послужило царственное посещение Александрии, по пути в Палестину, Иродом Агриппой.

Город был разделён на 5 кварталов, носивших имена 5-и букв греческого алфавита.⁵³ Два из них назывались «еврейскими», поскольку именно евреи составляли в них большую часть населения (Филон «Пр. Фл.» 8), и первоеврейским из двух являлся четвёртый квартал – Дельта (И.в. 2,18,8), хотя, согласно свидетельству Филона («Пос. к Г.» 20), в описываемое время еврейские жилища и синагоги (некоторые – даже с правом убежища) находились во всех частях города.

Само это – даром что транзитное – явление иудейского, при царских инсигниях, в царском облачении, царя, кто, если верить Филону, во что, правда, не очень верится, хотел избежать всякой помпы, в Александрию, где (уж не говоря о местных евреях) римский префект Авилий Флакк вынужденно (в страхе перед Калигулой) выказал ему подчёркнутые знаки внешнего почтения, привело александрийцев – греков и египтян – в неистовство.

Напомним, в последний раз Агриппа посещал Александрию в 34г., в ранге жалкого просителя, когда удрал от пытавшегося задержать его в Анфедоне, дабы взыскать с него крупную задолженность, императорского прокуратора Ямнии Геренния Капитона, после чего, прибыв в Александрию, обратился здесь за денежной помощью к алабарху Александру Лисимаху (ст. брат Филона). Лисимах же согласился помочь этому повсеместно-неплатежеспособному должнику только ради его супруги Киприды, в результате чего Агриппе таки удалось, обзаведшись деньгами, податься-попасть в Италию.

И вот сейчас, на гребне успеха-удачи, он, конечно, не мог отказать себе в удовольствии снова, на сей раз, победоносным гоголем заявиться сюда, принимая приветственную хвалу как от единоверцев-единоплеменников иудеев, так и от римского наместника, что взбудоражило-подхлестнуло заиклившись на его еврействе, как бык на красной тряпке, александрийцев против и без того стоявших у них костью в горле александрийских евреев вдвойне.

⁵³ Задуманная Александром как Вечный город, что было позднее перехвачено-узурпировано победоносным Римом (Aeterna Urbs), как всемирный духовный центр эллинистической Ойкумены, Александрия, с её уникальной библиотекой и учёностью, действительно, частично стала таковым аж на 7 столетий (до замыкающего Античность и Древний мир Vв. н.э.), правда, в ряду нескольких других избранных городов Греко-Римского мира. А частично (и) она, со временем, подпала гипертрофированному симбиозу римско-эллинистического декаданса, сделавшись одним из центров наиболее уродливых проявлений языческого вырождения. В частности, неспроста свирепость именно александрийской черни (от еврейских погромов Ив. до зверского убийства христианами фанатиками учёной красавицы Гепатии в 415г.) вошла в поговорку. Причём свирепствовала в Александрии I-Vвв. и языческая, и еврейская, и позднее христианская чернь.

Не лыком шитые александрийцы, высмеивая Агриппу, разыграли гротескную пантомиму в здешнем гимнасии, нарядив некоего сумасшедшего бомжа, по имени Карабас, в царско-шутовские одежды и издевательски приветствуя его почётным сирийским обращением «Марин» (мар или марин – «господин») («Пр. Фл.» 5/6). Вспомним о «приветствии» римскими воинами одетого в багряницу и увенчанного терновым венцом Христа, К-рого они били тростью по голове, «Царём Иудейским». Посему, если ныне Агриппе, царю милостью Калигулы, выпали ампула и роль жалкого противобраза Царя не от мира сего = истинного Царя Иудейского-Израильского, то александрийская чернь продублировала, через 5 лет, на 6-м году от Мистерии Голгофы, ампула и роль истязавших Иисуса римских воинов.

Потом, когда Агриппа, на насмешки в адрес к-рого римский наместник Флакк не отреагировал, уже, надо полагать, очень скоро покинул Александрию, не задержавшись тут, греки потребовали установления в еврейских синагогах императорских статуй, в русле своего вклада в дело триумфально шествующего по Империи культа императора, и получили на то наместническое позволение. Филон пишет о Флакке: «...он сознавал, что покушается на всех них, что пагубно расшатывать старинные устои, однако пренебрёг всем этим и позволил поставить скульптуры в молельнях...» (6).

В продолжение начатого, видя минимум потакание со стороны римской власти, ловкачи-александрийцы (продолжая разыгрывать культовую карту как против иудеев, так и против Флакка) почувствовали себя ещё увереннее и решили пойти дальше. Спустя несколько дней по лишению еврейства осквернённых установлением в них скульптурными идолами молелен, к-рые сим превратились в непотребные для единобожников кумирни, Флакком был издан указ о пришлости-чуждости александрийских евреев = о лишении их прав александрийского гражданства (8), что фактически поставило их вне закона и стало благословением на погромные гонения.

Притом в другом своём труде «De somniis lib.» (2 § 18) Филон говорит о приказе египетского наместника, имя к-рого не называется, и кем, судя по всему, (тоже) является Флакк, на запрет евреям праздновать (святое-святых!) посвящённую Всевышнему медитативно-покойную субботу и проводить синагогально-субботнее богослужение (Шюрер 1,498).

Далее, согласно Филону (8/9), еврейские дома, мастерские и торговые лавки, закрытые в связи с трауром по Друзилле, подверглись разгрому, а сами евреи были, подвергнутые ограблению, издевательствам, массовым избиениям и убийствам, согнаны-загнаны из всех прочих четырёх кварталов города в оцепленную римскими солдатами и местной чернью еврейскую Дельту (к-рая – Дельта – была, по иронии судьбы, местом обитания евреев в пору их доисходного пребывания в фараонском Египте). Синагоги были частично, повторим, осквернены, частично разграблены и разрушены-сожжены, тогда как в самой большой из них установили специально доставленную сюда из гимнасия квадригу с бронзовой статуей Гая в виде венце-носного возницы («Пос. к Гаю» 20).

Дальше – больше. В день рождения Калигулы, т.е. 31.08.38г., 38 членов еврейского Совета старейшин, распоряжением Флакка, заключили в оковы, провели через город, загнали в театр и подвергли нещадному бичеванию кнутами по голым телам, от чего часть из них скончались, часть – остались калеками (10). Сообразно Филону, этот, в рамках еврейского самоуправления, Совет старейшин был создан приказом Августа после кончины очередного еврейского генарха, в начале второго-итерационного наместничества над Египтом префекта Магия Максима, к-рый управлял римской императорской провинцией в стране-на-Ниле дважды: в 3 – 10 и в 12 – 14гг. н.э.

Следовательно, речь, в плане создания Совета, идёт о 12-м г. н.э., так как Филон датирует это событие временем поручения Августом Максиму Александрии и Египта вторично (*iterum*). Следует ли отсюда, что прежде еврейская община управлялась генархом (= этнарх) без Совета? или что при Августе совет был как-то реорганизован? — вопросы. В любом случае, видимо, герузия состояла из 70-и членов, 38 из к-рых Флакк предал, под улюлюканье александрийской черни, аппетиты к-рой всё росли, безжалостной и унижительной экзекуции.

Потом пользовавшийся у вошедшего в раж наместника наибольшим доверием центурион Каст получил приказ провести обыски, на предмет обнаружения оружия, в домах евреев, хранение и ношение к-рого гражданским лицам в Египте строго воспрещалось, о чём свидетельствует, в частности, папирусно-фрагментарный эдикт Флакка, выпущенный на 21-м году правления Тиберия = 34/35гг. н.э. (Шюрер 1,496/97; 499).⁵⁴ Т.е. — ещё до описываемых событий, подтверждение чего имеется также у Филона, кто сообщает, что «незадолго до этого» изъятие оружия производилось, поручением наместника, по всему Египту (11). Соответственно, в 38г. не погромщиков, но евреев обвинили в нарушении данного эдикта.

Между тем, издевательства продолжались. Так, еврейских женщин затащили в театр и заставили вкушать строго запрещённую Моисеевым законом к употреблению в пищу свинину. Филон: «Одни, боясь расправ, ели, тогда их отпускали, не мучая более; иные оказывались более стойкими, тогда их отдавали в руки палачей на поруганье...» (11).

Снаряжению же посольства к Калигуле с соответствующим посланием, к-рое евреи постановили отправить, с чем и обратились к Флакку, последний воспрепятствовал. Правда, по слову Филона, жалобное послание было отправлено евреями раньше — с Агриппой (12), к-рый обещался, покидая Александрию, как можно скорее переслать его Гаю.

А в следующих главах — 13/14 — повествуется о взятии Флакка под стражу и препровождении нерадивого наместника в Рим специально присланным из Рима Калигулой центурионом Бассом. К тому же, хотя Филон не связывает этот акт с уведомлением Гая в Риме о творящемся в Александрии беспределе посредством не только письма иудеев, сколько вероятного письменного обращения к императору, в т.ч., лично Агриппы, тем не менее, не будет ошибкой предположить, что так оно в реальности-действительности и случилось.

Из гл. 14 мы узнаём, что Флакк был арестован во время иудейского праздника Кушей, к-рый в 38г. пришёлся на первую декаду октября. Отсюда вывод: Агриппа побывал в Александрии никак не позднее начала августа, поскольку на переслание им письма александрийских иудеев, с приложением к нему своего послания-приписки, в Рим/Италию и на (ответное) прибытие из Рима в Александрию для ареста Флакка специально снаряжённого Калигулой центуриона Басса нужно, в общей сложности, как раз ок. двух месяцев.

Однако, Флаккова судьба и без того была (пред)решена, вследствие чего агрипианско-иудейская жалоба, придя в Рим, дополнительно пришлась только ко двору, ко времени и весьма кстати, что Филон не оговаривает, чтобы не вменить ненароком даже это в невольную заслугу Калигуле, к-рый вскоре (39г.) отдаст преступно-святотатственный, с позиции иудея Филона, приказ (в духе Антиоха Эпифана) водрузить-установить гигантскую императорскую статую в Иерусалимском храме.

⁵⁴ Шюрер (1,497) приводит, кроме того, (фрагментарный) эдикт префекта Египта (сына алабарха Александра Лисимаха) Тиберия Александра (66-69гг.), побывавшего в 46-48гг. прокуратором Иудеи, в к-ром упоминается пребывание Авилия Флакка (неизвестно — по какому именно поводу) 9.08.33г. в египетских Фивах.

АВИЛИЙ ФЛАКК

А.Авилий Флакк был, следуя Филону (19), школьным товарищем и добрым знакомцем внуков и внучек Августа. Т.е. он происходил из близкой ко двору всаднической семьи и родился, по всей видимости, ок. 20 – 15гг. до н.э., поскольку внуки и внучки Августа – дети Юлии от Агриппы – Гай и Луций, Юлия и Агриппина, к-рые, должно быть, приходились Флакку приблизительными сверстниками-ровесниками, родились в 20 (Гай), 18 (Юлия), 17 (Луций) и 14 (Агриппина) гг. до н.э. Более того, он был дружен дружбой-службой младшего рангом товарища с Тиберием и Макроном, получив назначение в Египет в 32г., после падения Сеяна и двух краткосрочных египетских наместников – сменившего в 31г. Галерия – Витразия Поллиона, и сменившего в 32г. Витразия – тиберианского вольноотпущенника Гибера (Т.Г. 1025-27).

Причём не кто иной как непримиримый враг Флакка Филон (3) говорит о его (даже «превзошедшего всех предшественников») безупречном управлении провинцией на протяжении пяти лет, до кончины Тиберия, кто, о чём мы знаем, умел подбирать наместнические кадры для образцово-нешкуродёрского начальствования над провинциями, чему уделял превостепенное внимание, обычно не оставляя изобличённых в чрезмерных злоупотреблениях губернаторов ни на местах, ни безнаказанными.

Но с приходом Калигулы к власти всё изменилось. Близость к Тиберию и Макрону, креатурой к-рых он был, уже сама по себе не сулила Флакку ничего хорошего, что во много раз усугубилось замаячившим перед ним печальным финалом после казни ближе к концу 37г. юного Тиберия Гемелла, с к-рым Флакк себе на беду тоже был близок, и в особенности после принуждения Калигулой в 38г. к самоубийству Макрона.

Помимо того, последний был перед самоубийством (формально) деградирован (в насмешку) из преторианского префекта в префекты Египта (= в преемники Флакка), куда так никогда и не прибыл, вынужденный-принуждённый (вместе с супругой Эннией, к-рую он ранее положил под Калигулу, надеясь с её помощью безраздельно влиять на него) наложить на себя руки, провозвестив тем самым скорый конец и своему египетскому протезе.

Посему на роковом 6-м году своего правления Египтом Флакк в 37/38гг. потерял твёрдую почву под ногами и заметался, не ведая, как спастись. Шансов у него не было изначально, но положение его становилось, чем дальше, тем больше невыносимым, в то время как инстинкт самосохранения диктовал как-нибудь проявить чрезвычайные лоялизм и сервильность, удобным поводом для чего оказался пресловутый еврейский вопрос.

Греки же Александрии умело разыграли представившуюся им двустороннюю возможность задействования-использования Флакка против евреев. Новоимператорский акцентированно божественный культ Калигулы с удовольствием принимался в привычном (сходно всему Востоку) к тому фараонском Египте. Евреи его принять никак не могли, и тем завидно подставились под облачённый в сервильно-лоялизм удар греко-египтян. Заезд Гаева царственного друга Агриппы в Александрию взбудоражил местных неудиеев донельзя, одновременно лишний раз напомнив Флакку о его затянувшемся падении при Гае. И тут греки, потребовав установления императорских статуй в синагогах, тотчас засучили рукава, взявшись за дело. Поди возрази, поди выступи супротив императора!

Даже если бы Флакк хотел это сделать, здесь, зная взбалмошного и скорого на расправу Калигулу, следовало быть вдвойне-втройне осторожным. Но в сложившихся условиях загнанный наместник не увидел и не пожелал искать какой-либо

иной выход, кроме как присоединиться к гонителям, кроме как взять инициативу в, так сказать, законные руки, и тем, зарекомендовавшись сервилитом-лоялистом № 1, как-нибудь оправдаться перед Гаем (за близость к Тиберию, Макрону, Гемеллу), как-нибудь спасти свою шкуру. Вдобавок к тому, запущенный маховик уже нельзя было остановить. Толпа, к-рой власть потворствовала, останавливаться не хотела, день ото дня наглася, а власть в лице Флакка теперь остановиться попросту не могла, увязая в запущенном ею же действе всё глубже.

Разгул беспорядков в провинции был налицо и доставленные в Рим послания как александрийских иудеев, так и Агриппы пришлись, как сказано, Гаю весьма ко двору и по сердцу, придя очень вовремя и очень кстати. Под командой префекта Египта находились (то 2, то) 3 легиона, но своим поведением он ясно показал, что скапутился-выдохся и не окажет центральной власти никакого противодействия. Он истерично кусал-травил-гнобил совместно с александрийцами евреев, мня этим подобострашием по адресу императора уйти от расправы, и вместе с тем, в глубине души понимая, что спасения ему нет, что мышеловка вот-вот захлопнется.

Арестованного в октябре 38г. его доставили в Рим, где яростными обвинителями экс-префекта выступили ещё вчера всячески льстившие ему в Александрии местные подхалимы-иудофобы – (обвинённые в оскорблении величия) гимнасиарх Исидор и некий Лампон («Пр. Фл.» 15), следствие по делу к-рых затянется и к-рые будут казнены, не без усилий-соучастия Ирода Агриппы, в 41г., при Клавдии. Оправдаться Флакку перед императорским судом, естественно, не удалось. В итоге прозвучал приговор: конфискация имущества и ссылка на суровый эгейский остров Гиар, к-рый, по ходатайству супруга умершей Друзиллы М.Эмилия Лепида (за кого Калигула выдал свою любимую сестру в 37г. замуж, разведя её с Кассием Лонгином) (см. ниже), был заменён на менее негостеприимный о. Андрос (18).

А там приобретшего маленький надел земли вконец затюканного и скоромного Авилия Флакка, по приказу памятливого Калигулы, кто однажды подумал, что ссыльные островитяне (сродственно прочим экзюлянтам) ведут чересчур вольготную жизнь в ссылке, в 39г. н.э. присланные из Рима кесарские кнехты благополучно зарезали (20/21).

В Египте его сменил Г.Витразий Поллион, видимо, сын умершего в 32г. на наместническом посту В.Поллиона, кто пронаместничает до 41г., отозванный неопально Клавдием. Поначалу положение александрийских иудеев, на фоне и ввиду явного флакковского перегиба-беззакония, несколько улучшилось, хотя и продолжало до самой гибели Калигулы (41г.), особенно в 39/40гг., когда под удар попали евреи Палестины, висеть на волоске. К примеру, алабарх Александр, с, надо думать, погромного 38-го г. томился, лишённый поста, в заточении, оправданный и выпущенный на свободу лишь в правление Клавдия.

АГРИППА – ИРОДИАДА – АНТИПА

Тем временем, Агриппа благополучно добрался по осени 38г. из осмеявшей его греко-египетской Александрии до отчей Палестины и обосновался, при царских инсигниях, в полученных им от Гая весной 37г. сопредельных тетрархиях покойных с 36г. Филиппа и Лисания = Трахон и Авилена. Т.е. столичной агриппианской резиденцией сделалась (за отсутствием иной) Кесария Филиппова, куда, следует понимать, ещё в 37г., по произведении его в цари, прибыли не отправившиеся с ним в 34г. (из Александрии) в Италию жена Киприда и дети (сын и три дочери), и откуда он с осени 38г. управлял (в царском звании) своими (княжескими) владениями.

При всём том, согласитесь, что властвуя в ранге царя над тетрархиями нельзя не подумать, тем паче, имея перед глазами памятное царство деда, о расширении наличных владений. Не он ли, Агриппа, сын Аристовула Иродовича, внук Хасмонеи Мариамны, т.е. амальгамированный Хасмонеи и Иродианин в одном лице, имеет больше, чем кто-либо иной, прав на царство Иудейское! Что ж, повременим: корешок Калигула у нас в друзьях и время в запасе есть.

Отсюда, из заиорданской Кесарии Филипповой, Агриппе доводилось наведываться как в прокураторскую Кесарию, к наместнику Марулле, так и на большие паломнические праздники (Пасха; Пятидесятница; Поставление кушей) в Св. Иерусалим, проявляя растущий интерес к иудаизму, сближаясь и налаживая связи с первосвященско-священской, плюс со светско-саддукейской, элитой-элитами, и с авторитетными фарисеями. Он умел располагать к себе людей и входить к ним в доверие, обладая достаточным обаянием и навыками завязанного авантюриста, более того, всё более склоняясь с возрастом (и не только конъюнктурно) к иудейской религии в поисках ответов на вопросы, на к-рые не могло ответить язычество.

Между тем, его, можно не сомневаться, что пышные (по царскому чину), иерусалимские вояжи наверняка вызвали чёрную зависть, наверняка вызвали дикое раздражение у аналогично бывавших в Иерусалиме по праздникам тетрарха Галилеи и Перей Антипы, с к-рым Агриппа, после упрёков в нахлебничестве, порвал в 32г., и в особенности у антиповской супруги Иродиады, к-рая (напомним, родная старшая сестра Агриппы) и выпросила (31г.) у мужа-сожителя для непутёвого и нищего брата, по слёзной просьбе Киприды, место агоранома в Тивериаде Галилейской (к-рым Антипа попрекнул бедного родственника, назвав его побирушкой, на совместной пирушке в Тире – 32г.).

И вот этот повсеместный должник-нахлебник возвратился, отсидев там в тюрьме, из Рима, персонально дружный императору, в одночасье увенчанный царской короной, с непомерно задранной сверху головой (кто был никем, тот станет всем), взирая со своего царственного высока и на неё, Иродиаду, и на её старшего-хиреющего мужа, всего-навсего, четверовластника Антипу.

Антипа же продолжал стареть, полнеть, коснеть, и не то, чтобы в ус не дул: конечно, неплохо бы тоже заделаться царём, но как-то собственный покой ближе, тогда как предпринимать что-либо накладно, да и, учитывая дружбу между Агриппой и Гаем, небезопасно. Пусть всё остаётся как есть. Однако, если увальня Антипу такое положение дел не слишком огорчало, то дошедшая до рубежа современного бальзаковского возраста (50 лет) сверхтемпераментная Иродиада мириться со всем этим не желала и покоя себе не находила.

Она полагала, что стоит поискать как дружеские, так и бакшишные подходы к Калигуле, для чего необходимо не с пустыми руками отправиться в Рим, дабы добиться у нового кесаря царского титула, и пилила мужа за пассивность, за нежелание куда-либо ехать, за бездействие. Но Антипа был дружен с Тиберием и художественно яхшался с Сеяном (побывав в 30г. в Риме/Италии), в связи с чем, в частности, считал минимум неуместным напоминать о себе Калигуле. Ну и не тянуло его с периферийно-безмятежных тетрарших хлебов в шумный Рим, не хотелось ему ехать в неизвестно чем могущую обернуться поездку с рискованными намерениями, для реализации к-рых нужны железные противоагриппианские основания-аргументы, к-рых у него, увы, нет.

Ведь Гай не просто отменил приказ Тиберия Вителлию (с к-рым у Антипы после римско-парфянских переговоров на Евфрате, когда тетрарх проинформировал о них императора в обход Вителлия, были натянутые отношения) наказать набатея Арета за самовольную войну против Антипы. Он ещё и присоединил к Аретовым владениям Дамаск (37г.), что ясно показало его (не без влияния Агриппы)

отношение к Антипе. Стало быть, соваться за царской короной к Гаю, коли не представится веская возможность, во всяком случае, сейчас не следует.

И, честно говоря, не хочется ввязываться в римские придворные интриги. Лучше быть первым в *деревне*, нежели вторым в *городе*. Ан, увы, и на *деревне* Агриппа досадно вышел вперед. Тем не менее, игра вряд ли стоит свеч. Но Иродиада думала иначе. Ей царская корона Агриппы мозолила глаза несносно. Её муж, сын царя, видите ли, — не царь, почему и она, извините, — не царица! А Агриппа — сын казнённого отцом-царём (4г. до н.э.) за гос. измену младшего резигнированного кронпринца, к-рый, к слову, был и её отцом, видите ли, выбился-пробился (сумев-сообразив подольстится к римскому кесарю) в венценосные цари!

Правда, если Агриппа, по линии своего казнённого отца, был, как сказано, внуком (сходно Иродиаде) гордой Хасмонейки Мариамны (казнённой Иродом в 29г. до н.э.) и сыном дочери сестры Ирода, Саломии, Береники, то матерью Антипы являлась самарянка Мальфака, что в глазах иудеев вообще никуда не годилось. Иначе говоря, в жилах Агриппы и Иродиады, в той или иной мере, текла маккавейская кровь, в отличие от бывшего сыном самарянки и идумейского обрезанца в третьем колене Антипы.

Впрочем, иерусалимская первосвященско-священская элита и авторитетные фарисеи-законоучители не жаловали ни секулярных-обмирщвлённых Хасмонеев, ни безродных (исавитов-эдомитов) Иродиан, предпочитая синедриональное самоуправление под непосредственно римским господством-протекторатом. Агриппа это знал, и потому, резидируя в Кесарии Филипповой, хитроумно искал подходы к представителям иудейско-иерусалимской элиты, проявляя-демонстрируя свою (паломническую) приверженность именно, в первую очередь, благочестивому иудаизму, и именно к ветхозаветной религиозности с клерикальным аронидским креном-уклоном, без (перво)упора на своём (вторичном) царско-маккавейском и царско-иродианском происхождении.

РАЗРУШЕНИЕ ИУДЕЯМИ ИМПЕРАТОРСКОГО ЖЕРТВЕННИКА В ЯМНИИ (39г.)

Тем временем, дело с божественно-императорским культом, продолжавшим набирать темпы-обороты по провинциям и всяем Империи, всё усугублялось. С одной стороны, Калигула сам, всё более слетая с катушек, всё более удостоверился в своей божественной природе, в к-рую он искренне уверовал и верил, в то время как со стороны другой, греко-римская Ойкумена (в составе Imperium Romanum) наперегонки изошрялась, особенно в восточной её половине-части, угодить в данном вопросе молодому владыке. Изошрялись все, за исключением иудеев, хранивших после кое-как улегшегося инцидента в Александрии (где сложилась, можно сказать, временно-патовая ситуация) глухое молчание.

Наверное, где-то весной/летом 39г. в палестинской Ямнии/Иавнии (Явне/Иамне), с её большинством иудейского и меньшинством языческого населения, местные язычники воздвигли посвящённый Калигуле жертвенник, к-рый иудеи, увидя в том надругательство над Святой Землёй Обетования, в пределах к-рой располагалась Ямния, незамедлительно разрушили. Узнав о произошедшем, прокуратор Ямнии, знакомый нам Геренний Капитон, сразу отправил докладное донесение, по императорскому начальству, в Рим.

В ответ взбешённый Калигула, нисколько не уважив приведённые Капитоном в донесении еврейские доводы, обрушился не на Ямнию, отрегаировав куда глобальнее. Он отозвал летом из Сирии иудофильски настроенного тиберианского

легата Л.Вителлия, назначил на его место П.Петрония и приказал последнему, прибывшему в Сирию осенью, водрузить (ни больше, ни меньше) в Иерусалиме (!), в храме Господнем (!), масштабную-массивную идольско-императорскую статую, причём, в случае сопротивления еврейства, действовать, задействовав легионы, со всей решимостью, силой.

Разберёмся. Относительно инцидента в Ямнии, хитрован Филон («Пос. к Гаю» 30) материт Капитона коррупционером, неверно называя его, наместника, сборщиком податей, к-рый, явившись в Палестину бедным, сумел собрать большое состояние поборами и покращениями, и, боясь-де обвинений в коррупции, изобрёл способ их избежать, оклеветав иудеев, с к-рыми поступил противозаконно. Кстати, безудержная продажность инкриминируется Филоном и Пилату.

Разумеется, наместники, как правило, наживались в провинциях, часто приезжая в них, если и не бедными, то не очень богатыми, а уезжали, непомерно разбогатев. И, возможно, ни Пилат, ни Капитон не были исключением. Наряду с тем, мы в курсе, что Тиберий жёстко контролировал управление провинциями, не оставлял на местах и нередко наказывал коррупционеров, требуя от наместников не душить несущих золотые яйца кур и наживаться в меру, точнее, зная меру. Плюс к тому, он предпочитал подолгу оставлять именно неповоровавшихся губернаторов на их постах, резонно-разумно считая, скажем снова, что сытый (= успевший-сумевший именно в меру, без ущерба для государства, обогатиться-накушаться) волк много лучше волка голодного.

Засим, будь Пилат и Капитон такими уж отъявленными шкуродёрами, какими их выставляет-представляет Филон, не усидеть бы им так долго в наместниках: Пилату – аж 10 лет, с 26 по 36гг., а наместничавшему (неведомо – с каких пор) при Тиберии и не отозванному, по крайней мере, до 39г., при Калигуле, Капитону – минимум 5, с 34 по 39гг., лет. Не Капитон ли требовал с авантюриста Агриппы, к-рого Филон хвалит-перехваливает, уплаты долга императорской казне в 300 тыс. сестерциев, что характеризует Капитона как строгого-ответственного финансового чиновника на императорской службе. И это он доложил Тиберию о бегстве Агриппы, из-за чего Агриппа впал в 35г., находясь на Капри, в кесарскую немилость до погашения его долга Антонией (см. выше). И вдобавок, надо учесть, что Флавий, в отличие от умышленно передёргивающего Филона, ничего не говорит о продажности-коррупционности Капитона или (жестокого) Пилата.

Помимо того, вдумайтесь, как мог Капитон не доложить Калигуле о разрушении императорского жертвенника, установленного ямнийскими язычниками не в иудейской синагоге, как то делалось в Александрии, но в языческой части города, поскольку иудеи и язычники жили отдельно, пусть даже еврейское население составляло в городе большинство. Да и сам город, и весь ямнийский дистрикт являлись, подчеркнём, персональным императорским владением, унаследованным Калигулой от Тиберия.

Т.е. установление здесь, не в еврейской синагоге и не на территории, подвластной еврейско-синедриальной автономии, местными язычниками императорского жертвенника квалифицировалось совсем иначе, чем, к примеру, осквернение еврейских молелен в Александрии. С позиции Калигулы и Капитона, это иудеи совершили вопиюще противозаконный (и противосакральный) акт, что и привело Калигулу в бешенство, обусловив назначение в Сирию Петрония с контрприказом, на сей раз, осквернить Иерусалимский храм, что, несомненно, глупость и святотатство, но за чем стоит не исключительно безумие Калигулы, подвинутого к этому безумному шагу действиями иудеев в Ямнии.

По Филону (30), иудеи углядели в провокационном ямнийском жертвеннике, сооружённом, мол, пришлыми в Ямнию язычниками, «порувание истинной

святости святой земли», отчего и ниспровергли оный, — «не вынеся ниспровержения своих устоев». Почему же тогда иудеи не покушались на языческие жертвенники и храмы в Кесарии Приморской? где еврейское население составляло меньшинство, или в интернациональной Себасте-Самарии? к-рые тоже находились в пределах Св. Земли, и, по филоновской логике, тоже нуждались в искоренении либо их самих, либо языческой скверны в них — алтарей, идолокумирен и т.д.

Да, околориморская филистимская Ямния (Иавнея — *строение Божие*), между Азотом и Иоппией (где Ап. Пётр осенью 39г. воскресил Тавифу и принял-встретил в январе 40г. в доме Симона кожевника посланников сотника Корнилия), с причалом, к-рый Плиний (15,13,68) и Птолемей (5,16,2) правильно отделяют от (расположенного не у самого берега) собственно города, вошла в начертанные и вверенные Богом в XVв. до н.э. еврейству пределы Земли Обетования (И.Нав.15,5-11; 2Пар.26,6): приграничный город между коленными уделами Дана и Иуды, к-рый не был подчинён евреями как город филистимлян ни в эпоху Судей, ни при Давиде и Соломоне, и стены к-рого разрушил, воюя филистимские города, покоривший его аж в VIIIв. до н.э. иудейский царь Озия (792/80 — 41г.) (Д.И. 332/33).

И впоследствии, по меньшей мере, в эллинистическую эпоху Второго храма, при государствах диадохов, Ямния была, или, скорее, по-прежнему, оставалась (со времени минимум Вавилонского пленения), языческой, оттого и преданная вместе с портом и флотом огню Иудой Маккавеем (2Макк.12,8; 40) (ср. 1Макк.4,15; 5,58; 10,69; 15,40) и вошедшая в состав Хасмонейского государства не раньше, чем в правление экспансиониста Александра Янная (102 — 75гг.) (И.д. 13,15,4).⁵⁵ То-то Помпей отделил (эллинистическую) Ямнию (подобно другим неиудейским городам и местностям Палестины) от маккавейско-еврейских владений (И.в. 1,7,7; И.д. 14,4,4), куда Габиний (легат Сирии в 57 — 55гг.) включил её снова.

Однако, лишь после того как она оказалась в составе царства Ирода⁵⁶, с переходом в Iг. н.э., по его завещанию, к Саломии (+ 10г.), к-рая, в свою очередь, завещала свои владения императрице Ливии (от-после к-рой они перешли в 29г. к Тиберию, и уже от-после Тиберия — к Калигуле), иудеи постепенно составили тут, согласно свидетельству Филона (30), подавляющее большинство, что подтверждается событиями времени Иудейской войны 66 — 70гг., когда Веспасиан вынужден был дважды занять город (И.в. 4,3,2; 8,1), и фактом последующего перенесения сюда, под предводительством р. Иоханана б. Заккаи, центра иудейской постхрамовой учёности и экзистенции (ямнийский синедрион). Отсюда (ещё один) вывод о том, что иудеи Ямнии отличались (со дней-лет, возможно, впавшей в заключительные годы жизни в профарисейскую религиозность Саломии и первых префектов-прокураторов) особенно фанатичной религиозностью.⁵⁷

⁵⁵ В И.д.13,6,7 Флавий говорит о взятии Ямнии ещё Симоном Маккавеем (+ 134г.), но это не означает тогдашнее включение города в состав Иудейского царства, к-рое завоевательно последовало при Яннае.

⁵⁶ По Страбону (16,759), (уже, насколько выводится из текста, преимущественно иудейская) Ямния была (в I/IIвв.) столь густо населена, что могла, с окрестностями, выставить, при необходимости, до 40 тыс. воинов.

⁵⁷ Внимание, читатель! Ещё одно косвенное подтверждение смерти Ирода Ст. не в 4г. до н.э., но в Iг. н.э. предлагают хронология и сумма лет правления его сестры Саломии в завещанных ей братом Ямнии, Азоте, Фазайлиде, к-рые она завещала Ливии (+ 29г.), умерев в 10г. н.э. Как мы помним (Р.л. 876-78; 918), фарисейско-равинистическо-талмудическо-народная память, со временем, смешала благоволившую-покровительствовавшую фарисеям иудейскую царицу Саломию Александру (75-66гг.), вдову профарисейского тирана Александра Янная (102-75гг.), с Иродовой сестрой Саломией, к-рая, по смерти брата, смешанного, в свою очередь, оперирующей символами апологетическо-агадической памятью с (распявшим

Но на 39г. н.э. это было личное владение римского кесаря и разрушение посвящённого местными язычниками от своего имени и в месте своего проживания кесарю ямнийского жертвенника, к-рый никоим образом нельзя приравнять к издевательским статуям в александрийских молельнях, понятно, вызвало (пусть даже неадекватную) свирепую ответную реакцию степанутого Калигулы. Кесарь (да ещё степанутый!) усмотрел в содеянном проявление иудеями вызывающей-оскорбительной нелояльности, совершение мятежного преступления, подпадающего под обязательное наказание и подлежащее обязательному наказанию.

Иное дело, что ответственность разъярённый Калигула возложил на палестинское еврейство в целом (групповая ответственность!), желая показать, что не в пример Августу и Тиберию, он, «живое божество и повелитель мира», не намерен терпеть какую бы то ни было иудейскую национально-религиозную специфику. И он сумеет заставить осмелившихся ниспровергнуть его жертвенник дерзких еврейских строптивцев почитать культ императора в самой, что ни на есть, священной для них точке – в Иерусалимском храме! Кто посмел противиться римскому кесарю, не обессудь и пеняй на себя! Посмотрим, чья возьмёт!

И дело даже не в том, что 27/28-летний император вёл себя как 15-летний озлобыш, как мальчиш-плохиш, как шкодящий и восторгающийся своим шкодливым паскудством двоечник, а в том, что система координат подпавшего-подпадающего цезаризму и Востоку императорского Рима, первым классическим продуктом к-рого был именно родившийся и выросший уже в цезаристско-императорскую эпоху Калигула, пагубно-лабильно изменилась, в то время как система координат ветхозаветного иудаизма продолжала оставаться (отторгая-выталкивая из себя христианство) пагубно-фоссильно неизменной. И нарождающемуся Христианству надлежало пройти, лавируя между ними, обречёнными на неотвратимое смертное столкновение языческим Римом и ветхозаветным Еврейством, как между Сциллой и Харибдой.

«ИЗРАИЛЬ СПАСЁТСЯ»

Вместе с тем, основная причина еврей- или иудеифобии⁵⁸ и преследования евреев-иудеев как в Древнем мире, так и позднее, их чуждости-враждебности соседям, их неуживчивости с соседями заключалась-таилась отнюдь не столько в политике, экономике, партикуляризме и т.д., сколько, перво-наперво, в исключительной

ок. 800 фарисеев) Яннаем, освободила весной 1г. н.э. запертых в ипподроме иудейских нотаблей, не предав их, сообразно братниной предсмертной воле, массовому избиению.

Так вот этому смешению двух Саломий, одна из к-рых была благочестивой царицей, а другая, совершив благочестиво-пошадный поступок, правила будущим (70-150гг.) центром иудаизма (до перенесения центра в Тивериаду), способствовало, в т.ч., равное число лет правления обеих. Флавий дважды исчисляет правление хасмонеиской царицы Саломии в 9 (И.в.1,5,4; И.д.13,16,6) (Р.л.354) и один раз – в 10 лет (И.д.20,10,1). В еврейском «Иосиффоне» дважды названы 9 лет (34; 74). О тонкостях и нюансах исчисления царских лет Саломии см. «Р.л.». Т.о., если царица Саломия Александра правила с 75 по 66г., то сестра Ирода Саломия властвовала над Ямнией, Азотом, Фазаилидой никак не с 4г. до н.э. (к-рый наука грубо ошибочно считает годом смерти Ирода), но именно с 1 по 10гг. н.э.

⁵⁸ Термины «антисемитизм» или «антисемит», приложительно как к древности, так и к современности, для обозначения ненависти к еврейству или к евреям, в строгом смысле, – абсурдные, поскольку, по логике этого абсурда, можно назвать антисемитизмом отношение к израэлитам или иудеям уничтоживших государства Израиль и Иуду семитских Ассирии и Вавилона, равно можно назвать антисемитами как ассириян-семитов Тиглатпелессара, Салманассара, Санхериба, так и вавилонян-семитов Навуходоносора и Навузардана. Сходно, в отношении современности, антисемитскими и антисемитами, по означенной логике, делаются

национально-религиозной (включающей взаимосопутственные один другому вероисповедальный и расово-этнический компоненты-аспекты) уникальной самобытности богоизбранного еврейства. Именно она, именно её имманентная-эксклюзивная специфика и вызывала, где инстинктивное, а где рассудочное (уже вторично обусловленное вытекающими из еврейской самобытности политикой, экономикой, партикуляризмом...) отторжение у др. народов и их правителей.

Евреи-Иудеи являлись единственным богоизбранным народом на протяжении двух/полутора тысяч лет, народом, к-рый знал и исповедывал Тайну-Таинство незримого Бога Единого = Бога Израилева. И за это богоизбранничество, к-рое сами евреи – Народ в Законе – неоднократно нарушали и попирали, будучи нещадно бичуемы за отступничество своими праведниками-пророками и жестоко наказуемы Господом, народу Божию приходилось, раз за разом, неизбежно платить очень высокую цену. Если сегодня «одиначество это – человек в квадрате» (Бродский), то тогда этим «одиначеством» был облечён (и обречён) великоизраильский «народ (народов) в квадрате и в кубе».

И эта увенчанная верой в пришествие Спасителя-Мессии богоизбранническая миссия эволюционировала по михаэлической (Архангел Михаил – покровитель-патрон древнезаветного народа) восходящей до Исполнения Времён, приобретя черты-свойства люциферического-ариманического двойникового негатива по Исполнению Времён. Т.е. во время, когда еврейство в большинстве своём отвергло и распяло руками Рима Того вселенского Мессию, К-рый пришёл к своим, и К-рого свои (не распознав в Нём Спасителя), категорически не приняли (как отверг и гнал Его, идя против рожна, до просветления на пути в Дамаск Савл).

С тех самых пор взятая на вооружение в безгосударственную эпоху Второго храма езраитско-неемитская геттоизация, оправданная ранее абсолютной необходимостью самоизоляции-сегрегации (ожидательно-предварительное соблюдение-пестование чистоты веры и крови) начала жить остаточной инерцией, начав выходить наружу, начав проявляться, в т.ч., своей деградантной, пытающейся черпать из исчерпанных ёмкостей и иссякших источников, сущностной стороной.

И александрийский погром, несмотря на всю правоту травимых греко-александрийской чернью и примкнувшей к ним римской державной властью в лице Флакка евреев, стал своего рода первой ласточкой в этом стартующем противоборстве между постмессианским, между просмотревшим-прозевавшим Мессию еврейством и остальным миром. Притом в дальнейшем это противоборство принимало различные формы и наполнялось различным содержанием.

Т.е. еврейско-иудейская ветхозаветная самобытность до Христа и после Христа, с появлением Нового Завета и новозаветности, не есть одно и то же. В данной самобытности после Христа, несмотря на все проявления однозначного героизма и жертвенности ради её защиты, налицо явные элементы как внешнего, так и внутреннего декаданса. Чего стоит, например, уродско-изуверский политический бандитизм зилотов и сикариев (ушедший из под креста бандит Варавва!), в к-рых удивительно узнаются-распознаются через 2 тыс. лет их духовные собратья-революционеры – эсеры, большевики, игиловцы! Или взгляните на зверства диаспоральных повстанцев 115 – 17гг., уж не говоря о бесноватом фюрерстве Бар Кохбы!

Ветхозаветное еврейство не могло простить Иисусу именно отмену-упразднение еврейской национально-религиозной исключительности, с переходом богоизбран-

семитско-арабские Сирия, Ирак, Иордания, или семит-араб Я.Арафат, семит-араб С.Хусейн, семит-араб М.Кадаффи и т.д. Правильно было бы сказать – еврейофобия или иудеофобия (хотя последнее разумеет, в общепринятом смысле, неприятие иудеев как исповедников иудейской религии, но вложить в этот термин можно как конфессиональный, так и этнический смысл).

ничества от прежнего (сделавшегося со дней Ездры/Неемии тождественным Иуде) совокупно-народного Израиля к выросшей из иудеохристианства наднационально-христианской Церкви и к, независимо от их национальной принадлежности, избранным индивидуальностям во Христе.

Если Моисей и Иисус Навин побеждали с песнью победы, а (олицетворяющие выдыхающийся героически-предмессианский Израиль) Маккавеи, — с победоносно-предтечной яростью, то с 33г. н.э. *Песни* у ветхозаветного еврейства больше не было, тогда как остаточная инерция продолжала действовать, и ярость, в стремлении защитить-оградить от посягательств прежнюю самобытность (во имя и до прихода Мессии), продолжала, не перебродив, не иссякнув, бродить, и в соответствующих случаях, порой чудовищно, бурлить, кипеть, изрыгаться-извергаться.

Если на пути к Пришествию Мессии евреям покровительствовали такие гиганты-избранники древности как (позволивший им вернуться в Землю Обета и восстановить Храм) Кир и (ясновидчески склонившийся пред еврейским Богом) Александр, или, пусть в меньшей мере, (очень терпимые к евреям в самый канун Исполнения Времён) Цезарь и Август, то не случайно на момент свершения Мистерии Голгофы и позже ничего подобного больше, в условиях проникнутого *кесаревым безумием* миродержавного Рима, не было, вернее, попросту не могло быть.

И вскоре, в 66 — 70, в 115 — 17, в 132 — 35гг., еврейство как давешней Земли Обетования, так и, при Траяне, отчасти Диаспоры подверглось-подпало тотальному оборонению или разгрому не только потому, что Маккавеи могли победить в хаосе эллинистического мира, в то время как установленный римлянами железный мировой порядок с железной последовательностью крушил иудейские восстания I/Пвв. н.э., но и, прежде всего, потому, что ветхозаветный мессианистический потенциал к сопротивлению-противодействию, при всей его ярости, сошёл по сути на нет.

Мало того, вскоре эта самосохранительная консервация выработала и приняла в Талмудах, Вавилонском и Иерусалимском, раввинистические формы зомбированно-мумифицированного езраитизма-неемитизма, содержательно заточенного-нацеленного на выживание (до мнимого Исполнения в реальности-действительности Исполнившихся Времён) любой ценой.

Вспомните-вдумайтесь в удивительно сменовеховскую (как минимум) симметрию! Ок. 2-х тыс. лет от Авраама, Исаака, Иакова до Христа; ок. 1500 лет от Моисея до Христа; ок. 1000 лет от Давида и Соломона до Христа. И затем ок. 1000 лет от Христа до эпохи Крестовых походов; ок. 1500 лет от Христа до эпохального изгнания евреев из победившей в Реконките Испании; и ок. 2-х тыс. лет (как от времени Авраама до времени Христа!) от Христа до наших дней. Зеркала и зазеркалья!

Но не случайно, если в 1-м Посл. к Фессалоникийцам (53г.) Ап. Павел говорит о евреях: «К-рые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся», то в Посл. к Римлянам (58г.) из уст Павла, кто вопрошает: «неужели Бог отверг народ Свой?» и сам отвечает: «Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова», звучат почерпнутые у Исаии и, главное, новозаветно преображённые загадочные-таинственные слова о том, что «весь Израиль спасётся»:

«Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока выйдет полное число язычников,

И так весь Израиль спасётся, как написано: «приидет от Сиона Избавитель и отвратит нечестие от Иакова;

И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их».

В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божии ради отцев.

Ибо дары и призвание Божие непреложны.

Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, Так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы.

Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать.» (11,25-32)

Речь идёт не о каждом ветхозаветнике, но о тех (нетождественных иудеям, к-рые после Таинства Голгофы не есть эквивалент истинного Израиля) истинных Израильтянах-Израэлитях (о каждом из тех), к-рые придут на индивидуальном уровне — из свободы воли и в свободе воли — ко Христу! Остаточный же заряд богоизбранничества в представителях Древнего Завета проявляется и будет проявляться, могучи действовать и как люциферическо-ариманический негатив, и как еврейско-христианский позитив, причём как позитив в том случае, когда в людях-человеках духотворно волит-работает Импульс Христа, работает порой и тогда, когда они сами об этом не знают, не хотят знать, или даже если они сами это отрицают!

Жертвенный еврейский Голокауст XXв. н.э., без к-рого не было бы государства Израиль (история и метаистория состоят из трагических парадоксов!), был, при всех случаях, великой жертвой репрезентантов ветхозаветного народа, к-рый почти 2 тыс. лет назад дал человечеству Мессию-Спасителя, жертвой как за своё еврейство, смерть за к-рое, согласно Маймониду, суть мученичества, так и (парадокс!) за Христа! и за Его Новый Завет! к пониманию и осознанию чего, с течением времени, придёт всё большее число евреев, всё более понимая и осознавая, что означают адресованные из настоящего в грядущее (ближние и дальние горизонты!) замечательные слова Ап. Павла: «И так весь Израиль спасётся...»

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИУДЕЕВ ПАЛЕСТИНЫ РИМУ КАЛИГУЛЫ (39 – 41гг.) И ДЕТРОНИЗАЦИЯ/ССЫЛКА ИРОДА АНТИПЫ В ПАРЕ С ИРОДИАДОЙ (40г.)

Отображённое Филоном («Посольство к Гаю») и Флавием (И.в.; И.д.) противостояние еврейства Палестины Риму Калигулы в 39/40/41гг. знакомо читателю по «Р.л.» (897-910), в контексте подробно-доказательно выяснявшейся нами хронологии детронизации Калигулой Ирода Антипы, что, напомним, произошло не в академически доминантном сегодня 39-м, но никак не ранее поздней осени (после 1 тишри) 40г. н.э. И нам необходимо сейчас, дойдя до названных событий в хроноповествовательном порядке, обратиться к ним снова, посредством повторения материала пройденного и дополнения-расширения его материалом новым.

Итак, перед своим потешным походом на запад, в Галло-Германию — 39/40гг., (взбешённый разрушением иудеями императорского жертвенника в Ямнии) Калигула отозвал, по всему, летом 39г. (не подходящего, по его мнению, для выполнения поставленного задания) Вителлия из Сирии и послал туда, с повелением водворить императорскую скульптуру-статую в Иерусалимском храме, прибывшего к месту назначения осенью 39г. П.Петрония (внук префекта Египта Г.Петрония; консул.суф. 19г. н.э.; проконсул Азии в 29 – 35гг.). Этот легат получил приказ действовать, при попытке иудеев оказать сопротивление, военной силой.

Иначе говоря, император фактически снарядил Петрония на войну, зная, что установка статуи в еврейско-иудейском святилище совершенно для иудеев неприемлема. Ан — посмеют ли они, сумеют ли они воспротивиться мощи Рима? Уверовавшему в собственную божественность инфантильно-сумасбродному Калигуле

захотелось разыграть такую партию с иудеями как больному и капризному недорослю-переростку с психическими отклонениями. Уподобимся, мол, Антиоху Эпифану: устроим на святилищном алтаре мерзость запустения! поставим в святилище, в Святом-Святых, статую Гая Зевса Новоявленного!

«Петроний — находим у Флавия (И.д. 18,8,2) — поспешил исполнить поручение императора. Он собрал множество союзнических войск, присоединил к ним два римских легиона и явился в Птолемаиду на зимовку, дабы весной начать правильную войну». Согласно «И.в.» (2,10,1), Петронием были задействованы даже 3 (из, в общей сложности, 4-х стационарированных в Сирии в этот период) римских легиона. Т.е. отношения с Парфией Артабана III, к-рый умер как раз в 40г., и до конца калигулианского правления, были вполне мирными (см. выше и ниже), что и дало возможность двинуть целых три легиона в противоположном от римско-парфянской границы (Евфрат) направлении — на юг.

По весне 40г. в Птолемаиду, на границе между Финикией и Галилеей, стеклись толпы иудеев (из Иерусалима, Иудеи, Галилеи), моля Петрония отказаться от совершенно неакцептабельного для них императорского намерения, во избежание их безальтернативного сопротивления и, как следствие, массового кровопролития. Переговоры затягивались, компромисс не предвиделся. Легат имел чёткий приказ, на мирное приведение к-рого в исполнение иудеи, естественно, согласиться не могли.

Видя непоколебимость единобожников и неотвратимость, в случае исполнения начальственных предписаний, страшной резни, — «Петроний — читаем у Флавия — решил в обществе своих приближённых и слуг отправиться в Тивериаду, чтобы на месте ознакомиться с настроением тамошних иудеев. Сознавая всю опасность войны с римлянами, но считая гораздо более опасным и преступным нарушить законы, огромные толпы иудеев встретили Петрония и здесь, на дороге в Тивериаду, и умоляли не доводить их до крайности и не осквернять город постановкой статуи.

«Итак — воскликнул Петроний — вы желаете воевать с императором, не принимая во внимание его боевую готовность и ваше бессилие?» Иудеи отвечали: «Мы вовсе не желаем войны, но мы охотнее умрём, чем нарушим законы». При этом они бросались наземь и обнажали шеи, выказывая готовность принять смертельные удары. Так поступали они в течение 40 дней. При этом они окончательно запустили земледелие, несмотря на то, что было время посева. Они проявили большую стойкость и полную решимость скорее умереть, чем допустить постановку статуи» (И.д. 18,8,3).

Стоп камера! Внимание! Констатируем флавиевскую неувязку. Время посева в Палестине — не весна, но осень. Между тем, Петроний собирается приступить к выполнению императорского приказа весной, о чём письменно уведомляет Гая, тогда как невозделка иудеями посевных площадей каскадёрски-неправоммерно перебрасывает время действия и читателя из весны в осень. Т.е. возникает противостественный летний вакуум, к-рый (благо) помогает заполнить Филон. В «Посольстве к Гаю» вместо осеннего сева фигурирует весенняя жатва. Скомбинируем оба источника и ход драмы из двух частей-актов визуально проясним: весна 40г. — первое отделение; лето — антракт — затишье; осень 40г. — второе отделение.⁵⁹

Зимой 39/40г., пока новоназначенный сирийский легат Петроний примеривался в Птолемаиде и из Птолемаиды к выполнению полученного задания, из Александрии в Италию отплыла отстаивать гражданские права александрийских

⁵⁹ В «И.в.» (2,10), где Флавий более краток, он ограничился кульминационно-осенним противостоянием, не упоминая о весеннем, т.е. повествовательно сплющив всю драму и обобщительно-суммарно сведя два её акта (при констатации именно осеннего посева) к одному, сведя их (сокращённая ретроспектива) воедино.

иудеев, положение к-рых после арестного отзыва осенью 38г. Авилия Флакка, оставалось неразрешённым-патовым и, вероятно, во второй половине 39г. снова несколько ухудшилось, еврейская делегация. Она состояла из, согласно Флавию - трёх, а согласно Филону – пяти мужей, в составе к-рых находился и сам знаменитый Филон. «Мы вышли – пишет он («Пос. к Г.» 39) – в море в середине зимы, не зная какая буря подстерегает нас на суше».

В Италии посланники ждали возвращения Гая из похода на галло-германский-прибританский запад, куда он отправился летом/осенью 39г. и где провалял дурака, имитируя-инсценируя войну по шутовскому покорению Галло-Германии, и поглядывая с берегов Ла-Манша в сторону Англии, до весны. Поздней весной 40г. иудейские делегаты дождались императора в Италии и ранним летом узнали о предельно раскалённой ситуации в Палестине. «Так – говорит Филон – в первый раз он приветствовал нас у Тибра, на равнине, выходя из садов, оставленных ему матерью...» (28). Потом «...мы следовали за Гаем до Дикеархеи, где он, спустившись к морю, проводил время то в той, то в этой из многочисленных и роскошных своих вилл» (29). Здесь, в ПUTEОЛАХ, александрийские иудеи, к-рых Гай удостоил аудиенции далеко не сразу, с ужасом услышали заморские новости «про огромных размеров статую в честь Гая-Зевса» (29).

Стало быть, Калигула приветствовал их у Тибра (на Марсовом поле) майской весной, а после персонального участия в жертвоприношении 29.05. и 1.06. в дубраве Арвальских братьев, о чём безошибочно свидетельствует (подтверждая Гаево репатриальное пребывание на весну/лето 40г. в Италии) эпитафия CIL (6,2030; 15,32347,15) (Р.л. 900), отправился в Кампанию, побывав там, на берегу залива (в ПUTEОЛАХ; в БАЙЯХ), в течение 40г. дважды. Летом – до официального вступления (по т.н. победоносном возвращении из т.н. военного похода) 31.08., в день своего рождения, в Рим; и позже – осенью/зимой (когда, но никак не раньше и случится в БАЙЯХ осенняя детронизация Антипы) – накануне своей гибели, наступившей-постигшей его в январе года следующего.

Тем временем, Петроний, поражённый стойкостью готовых умереть иудеев, искренне желая предотвратить кровавое побоище, не торопился браться за дело, прикрывшись естественной отсрочкой. «Пришлось – по словам Филона – изготовлять статую, так как Гай ни из Рима ничего не послал (верно это Божий промысел незаметно удержал его руку от несправедного дела), ни в Сирии не велел найти чего-либо достойного и отправить в Иерусалим...» (31). Сирийский наместник «распорядился заняться изготовлением статуи в какой-нибудь из сопредельных земель, послал за самыми дельными из финикийских мастеров, дал им материал и те работали в Сидоне...» (31).

Сообразно Флавию, весенние переговоры шли в Птолемаиде, возле границы Галилеи. Сообразно солидарному с Флавием Филону, иудеи единым потоком хлынули в Финикию, где находился Петроний» (32). Следовательно, в Тивериаду весной 40г. действие не переносилось.

Теперь восполним вышемаркированный зиятельный пробел в «Древностях». Проникшись речами и мольбами безоружных противленцев, совестливый римский легат в итоге не разрешил им, ввиду опасности затеи, снарядить послов к принцепсу-самодержцу, однако, сам решил «отправить Гаю письмо, где он не станет ни обвинять евреев, ни открывать истинный смысл их мольб и челобитья, но объяснит задержку с установлением статуи тем, что, во-первых, её изготовление потребует определённого времени, а, во-вторых, время года даёт серьёзные основания для отсрочки, с к-рыми Гай не только может, но и должен согласиться. Ведь хлеб и прочие посевы уже поспели и как бы люди, отчаявшись сберець заветы предков, и не дорожа более своей жизнью, не опустошили и не подожгли поля; так, что он,

Петроний, попросит дать стражу для более тщательного надзора за сбором урожая – не только посевов, но и плодов. Ведь Гай, как стало известно, задумал плыть в египетскую Александрию... избрав кружной путь вдоль Азии и Сирии... А потому необходимо будет заготовить корм для скота и провиант во всех сирийских городах, и прежде всего в прибрежных, ибо за Гаем последует бесчисленное множество народу...» (33).

* * *

Гай, действительно, намеревался посетить путём (не тем, к-рый он посоветовал в 38г. спешившему в Палестину Агриппе) вдоль М.Азии и Сирии, с торжественными остановками там, Александрию, почему, вероятно, и отложил решение (временно замороженного с 38г. в подвешенном состоянии) еврейско-александрийского вопроса, собираясь решить его на месте самолично. Т.е., побывав на крайнем галло-германском (упирающемся в прибританское море) западе империи, Калигула думал посетить затем Восток, куда хотел направиться то ли летом/осенью 40-го, то ли по весне 41г., но куда так никогда и не попал. Эту несостоявшуюся поездку и разумеет Петроний, говоря, приложительно к весенне/летнему сбору урожая 40г. (Пасха – 15/16.04.), о заготовке провианта и кормов для скота по всей, включая Финикию и Палестину, прибрежной Сирии, в ожидании кесаря с огромной свитой.

Само собой, благородный сирийский легат крайне рисковал, затягивая время и питая надежду на разумный отказ неразумного кесаря от – в отношении иудеев и иудейского святилища – им задуманного-декретированного беспредела. Получившим письмо в Кампании летом 40г. Калигулой овладело негодование по адресу Петрония. «Отговаривайся, отговаривайся жатвой! – (литературно негодует от калигулианского имени Филон) – Скоро иную жатву беспременно снимут с твоей шеи. Ссылаться на сбор плодов и приготовление к нашему прибытию! (34). Кстати, сбор плодов, а не собранной весной/летом пшеницы, указывает (может указывать) уже и на летнее, ближе к осени, время.

«И вот немного выждав, Гай продиктовал кому-то из писцов ответ Петронию, где весьма хвалил его за проницательность и умение предвидеть. Ибо Гай весьма опасливо относился к местным властям... особенно в больших провинциях, под чьим началом было большое войско. Так Гай до времени прятал за почтительными словами свой гнев, а был он разгневан страшно. В конце письма он выражал желание, чтобы Петроний заботился прежде о скорейшем водружении статуи, ибо урожай (как подлинная причина или основательный предлог для отсрочки) уже, должно быть, собран» (34).

Как видим, надежды смелого легата на взвешенный подход придурковатого тирана не оправдались, и в конце лета, к осени 40г., Петроний снова имел на руках распоряжение приступить к обожествлению Калигулы в Иерусалиме. Второй – осенний акт – разыгравшейся за 30 лет до завоевания римлянами Иерусалима и разрушения Храма – драмы начался.

Отложим Филона, вспомним вышепротитированную выдержку из «И.д.» и проследим за ходом, плюс за хронологией событий, по «И.в.» (2,10) и «И.д.» (18,8). Иудеи вновь вышли с жёнами и детьми навстречу римлянам в птолемаидскую долину, где умоляли Петрония о том же. Вот теперь, т.е. осенью, а не весной, оставив в Птолемаиде войско и изготовленные за истекший срок статуи (для водружения главной из них в храме, а остальных – по стране), он отправился в Галилею и попытался в Тивериаде (И.в. 2,10,2; И.д. 18,8,3) склонить иудеев к уступчивости.

Но они на угрозы легата решительно ответили: «Мы готовы умереть за закон». Петроний воскликнул: «Так вы в таком случае хотите вести войну с императором?» Иудеи возразили: «дважды в день они приносят жертвы за императора и римский народ; но если он хочет ещё поставить свои статуи, то он должен прежде принести в жертву весь иудейский народ. Они с детьми и жёнами готовы предать себя закланию. Удивление и сострадание овладели Петронием, когда он увидел их несокрушимое благочестие и неустрашимое мужество перед смертью» (И.в. 2,10,4).

При таком положении дел, когда иудеи «выказывали большую стойкость», поля же оставались невозделанными в течение, согласно «И.в.» (2,10,5) – 50-и, согласно «И.д.» (18,8,3) – 40 дней, т.е. уже в октябре/ноябре/декабре 40г., «Аристовул, брат царя Агриппы, и Хелкия Старший, в сопровождении прочих знатных членов семьи и иных влиятельных представителей народа обратились к Петронию с просьбой: так как он видит решимость народа, не доводить последнего до исступления, но написать Гаю, как народ противится постановке статуи...» (И.д. 18,8,4).

В конце концов, редкий римлянин Петроний решился на оправданное неповиновение и обратился к иудеям со следующими словами: «Я хочу лучше рискнуть; или мне с Божьей помощью удастся разубедить императора – тогда я вместе с вами буду радоваться нашему спасению; или же его гнев разразится – тогда ради столь многих я охотно пожертвую своей жизнью» (И.в. 2,10,5). Провожаемый горячими благословениями наместник взял своё войско из Птолемаиды и возвратился в Антиохию, откуда немедленно написал императору, что он, не решаясь на поголовное истребление населения, должен был уступить его настойчивым мольбам оставить закон иудеев неприкосновенным и отказаться от выполнения данной ему инструкции, иначе ему придётся погубить всю страну вместе с её жителями» (2,10,5).

По «И.д.», (младший) брат Агриппы Аристовул и прочие просят Петрония «написать Гаю, как толпа противится постановке статуи, как она бросила даже земледельческие работы, как она не желает и не может вступить в войну, но охотнее соглашается умереть, чем преступить свои законы, и как по причине невозделанности почвы неизбежным следствием этого явятся разбои и невозможность платить повинности. Если же Гай всё-таки будет настаивать на своём прежнем решении начать войну, тогда Петроний сможет приняться за дело» (18,8,4). В итоге Петроний уходит с войском в Антиохию, говоря иудеям: «Позаботьтесь о возделке земли. Сам я отпишу в Рим и постараюсь как лично, так и через друзей своих добиться благоприятного результата» (18,8,5).

Скажем спасибо и Филону, и Флавию за ценную аграрную информацию, благодаря к-рой мы можем без труда прецизировать хронологию. Таким образом, осенью, в октябре/ноябре 40г., над иудейской Палестиной снова, причём в большей мере, чем весной, нависал готовый обрушиться на неё римский меч. Аристовул и представители знати выступили посредниками между державной властью и народом: они активно ходатайствовали за единоплеменников. Уместно спросить: где Антипа? где Агриппа?

В наличных материалах дела ясности нет. Флавий, черпая из разных источников, не связывает происходившие тогда в Иудее события и детронизацию/ссылку Калигулой Антипы, равно представляет дело так, будто Агриппа на момент его ходатайственного, по поводу конфликта со статуей, обращения к Гаю жил в Риме (18,8,7), хотя последнее, что мы перед тем узнаём от Флавия об Агриппе, это – его возвращение в Палестину (через Александрию) в 38г. Спрашивается, когда это он снова успел приехать в Рим и разжиться там?!? о чём нам не сообщается и что не имело место быть до осени/зимы 40г., когда он прибыл в Италию, чтобы просить Гая смилостивиться над храмом и иудеями.

Одновременно, согласно науке, Антипа и Иродида вроде бы аж с 39г. в ссылке,

к чему наука приходит, исчисляя максимальные монеты Антипы, датированные пресловутым 43-м годом его правления, исчисляемым наукой с мнимой-ошибочной даты смерти Ирода в 4г. до н.э., и грубо ошибается как по вопросу смертной хронологии умершего никак не в 4г. до н.э., а весной 1г. н.э. Ирода Старшего, так и по вопросу хронологии смещённого/сосланного никак не в 39-м, а осенью 40г. н.э. Ирода Антипы.

Впрочем, сообразно Диону (59,24), мельком упомянутый калигулианский фаворит Агриппа Иудейский мельком всплывает в 39г. возле Калигулы в Галлии (где Гай псевдополководчески обретался с лета/осени 39-го до весны 40г.), мало того, дескать, наставляет, вместе (напару) с Антиохом Коммагенским, податливого кесаря в нюансах-тонкостях отправления ориентальной тирании. Но этот эпизодический пассаж Диона среди сбивчивых, перемежаемых эпитоматорами, блоков 59-й книги «Р.и.», доверия не заслуживает, поскольку противоречит более предпочтительному, касательно Агриппы, современнику и соучастнику событий Филону. По всей вероятности, возле Калигулы в Галлии находился Антиох Коммагенский, к-рый вскоре, в 40г., почему-то угодил в опалу и лишился вверенной ему в 37/38г. Гаем отчей Коммагены, превращённой при Тиберии (17/18гг.) в провинцию (см. выше и ниже).

При всём том, нижеследующий, после слов об осеннем письме Петрония Гаю, флавиевский абзац начинается словами: «Царь Агриппа, живший пока в Риме, всё более и более сближался с другом своим Гаем...». Однако, повторим, о том, когда это Агриппа, возвратившись в 38г. в Палестину, успел снова прибыть в Рим, зажить там и всё более сблизиться-сближаться с Гаем, к-рый с лета/осени 39г. и по самый конец лета 40г. отсутствовал в Риме (прибыв весной в Италию, но не вступая в столицу до дня своего рождения 31.08.), Флавий оглушительно молчит.

Зато не молчит Филон, у кого, следом за летним письмом Гаю Петронию, где кесарь вновь требует водружения статуи (ибо урожай уже, должно быть, собран), говорится: «Вскоре явился к Гаю царь Агриппа с обычными изъявлениями почтения и восторга. Он совершенно не знал, о чём писал Петроний Гаю и что писал сам Гай в обоих своих письмах (ой ли!? откуда же он, в сём случае, явился, — не из Америки ли?! — К.З.). Однако, порывистые движения и беспokoйные глаза Гаю выдали его скрытый гнев. Агриппа стал раздумывать и спрашивать себя на все лады, обращая свой мысленный взор ко всем предметам, важным и значительным: «Не совершил ли я словом или делом — что-нибудь недозволительное?» (35)

Ишь ты, явился — не запылится: мол, неведомо откуда и, дескать, ни о чём не ведая! Уж не с луны ли свалился?! Соответственно Филону, Агриппа явился к Гаю во второй половине 40г.; соответственно Флавию, был при Гае, во всяком случае, что важно для нас, на рубеже 40/41гг. (и как ошибочно считает Флавий, с неопределённого времени раньше). Разумеется, царствуя в когдатoшней тетрархии Филиппа, он не мог не знать о происходивших на финикийско-галилейской границе событиях, не мог стоять от них в стороне, не могучи одновременно не быть лояльным-верноподанным Гаю и не желая ударить лицом в грязь перед иудеями.

Да и сердцем он держал их сторону, что обуславливало сложную двойственность положения, в к-ром Агриппе довелось оказаться и из к-рого надо было достойно выбраться.⁶⁰ Не смог бы он также стоять в стороне от палестинских событий, даже если бы был при Гае со дней галльского т.н. похода. Т.е. ни в Галлии,

⁶⁰ Потому Филон и Флавий об этом двусмысленном событийном отрезке времени, применительно к царственной биографии Агриппы, молчат, начиная сразу с его полного достоинства ходатайственного демарша перед Калигулой (в Италии). Лично знавший Агриппу Филон молчит, поскольку пишет с апологетическо-иудейских позиций и в проагриппианском ключе, а Флавий, — поскольку пользовался проагриппианским источником.

ни в Италии вплоть до последних месяцев 40г. (покинувшего Рим/Италию летом 38г. и находившегося с тех пор в Палестине) Агриппы не было.

В невооружённых религиозно-политических конфликтах Рима с еврейством иродианские династы обычно вели двойную игру: они старались, насколько возможно, держаться золотой середины: активно демонстрировали преданность державному центру и были (позиционировали себя), по и при возможности, в меру благочестивыми иудеями. Приверженность иудаизму выделяет Агриппу из всех, включая старшее и младшее поколение, представителей династии. Весной 40г. ему пришлось изрядно попотеть, ибо на первом этапе не Аристовул, а именно он должен был вести и, видимо, вёл (под нажимом обстоятельств и единоверцев) робкие переговоры с Петронием, рискуя и страшась, подобно Петронию, возбудить лютый гнев Гая.

Между тем, лукавый Антипа (околоптолемаидские-галилейские владения к-рого вершившиеся события захватывали непосредственно), в противовес умеренно иудофильствующему и кесарефильствующему Агриппе, изначально занимал более осторожную выжидательно-невмешательскую позицию. Когда же осенью 40г. выяснилось, что Гай не уступит, что отсрочка не помогла, что Петроний обязан водворить статую в храме и статуи по стране, Ирод и Иродиада (эти новые Ахав и Иезавель, предавшие в 32г. казни Иоанна Крестителя) решили-вообразили, что их час пробил.

Они положили ехать-плыть к Гаю под предлогом посреднического ходатайства за единоверцев, а на деле для того, чтобы показать свою истовую приимператорскую лояльность, заполучить царский титул и, если получится, свалить (подставив его) «иудейского националиста» Агриппу. Более того, при ещё большем фарте, им хотелось обзавестись агриппианскими владениями, на какие супруги наверняка имели перспективные виды ещё при Тиберии, примирительно отдав в 32г. за (покойного с 36г.) тетрарха Филиппа, давшего, наконец, официальный развод Иродиаде, оборожительную плясунью Саломию – дочь Иродиады и падчерицу Антипы.

Иначе говоря, венценосные супруги решили, по инициативе с 37г. допекавшей Ирода Иродиады, как стяжать царский титул, так и задвинуть или ещё лучше элиминировать Агриппу, используя неблагоприятный для него и благоприятный для них момент, используя удачное, как им казалось, стечение обстоятельств. Под впечатлением от сложившейся ситуации, ранее довольно долго отнекивавшийся Антипа, в конце концов, уступил уговорам-доводам-настояниям приставучей Иродиады, сделав вывод, что сейчас игра стоит свеч и что их хитроумная задумка-комбинация увенчается успехом.

* * *

А Калигула вступил в день своего 28-летия, 31 августа 40г., встреченный овацией, в Рим, где вскоре раскрылся очередной заговор против него и он кровожадно засвиристствовал. В заговоре, о к-ром мы подробнее побеседуем в разделе, посвящённом собственно правлению Калигулы, участвовали кесарский квестор Бетилиен Басс, сын сенатора и консула 36г. С.Папиний, приёмный отец последнего А.Кериалий, другие безымянные сенаторы и всадники. Если верить Тациту (Ан.6,17), заговорщиков выдал Кериалий, если Диону (59,25) от Зонары (11,6), – Папиний. Как бы то ни было, в ватиканских садах донельзя взвинченный Гай, в присутствии сенаторов, жены Цезонии и матрон, наслаждался пытками. Басса бичевали, сорвав с него одежду и бросив под ноги солдатам, опиравшимся на него при нанесении ударов (Свет «Кал.» 26). Его отец попросил позволения закрыть глаза, чтобы не видеть истязаний сына, и был немедленно казнён. Ночью главным заговорщиком, в их числе трём сенаторам, отрубили головы.

В ближайшие дни Калигула заявил в сенате, что удовлетворён и что гневается на очень немногих. Отцы-сенаторы замерли в ожидании грозы, не зная, над кем из них она разразится. Заведомо намеченная жертва – сенатор Скрибоний Прокул, в к-рого ткнул пальцем составитель списка неблагонадёжных Гаев вольноотпущенник Протоген, подвергся стремительной атаке (холуйски вероноподанных сенаторских коллег) и растерзанию прямо в курии. «Гай же насытился только тогда, когда увидел, как члены и внутренности убитого проволочки по улицам и свалили грудой перед ним» (Кал.28).

Чуть позже (сентябрь/октябрь) полоумный император, и вправду поостыв, «провёл три или четыре дня» («Пос. к Гаю» 41) в своих поместьях (сады Мецената и Ламии) возле Рима, где, наконец, принял (дождавшихся аудиенции с весны/лета) александрийских иудеев во главе с Филоном, и их александрийских антагонистов во главе с грамматиком Апионом. В тексте Филона рассказ об этом (44/45) следует после рассказа об усилиях, предпринятых против установления храмовой статуи явившимся к Гаю Агриппой, но по времени данная александрийцам аудиенция римскому появлению Агриппы у Гая, несомненно, предшествует.

И пусть историки до сих пор не пришли к единому мнению о том, когда руководимая Филоном миссия прибыла в Италию и удостоилась высочайшего приёма – в 39-м? или в 40г.? спор тут абсолютно неуместен, ибо даже при неучёте иных аспектов-обстоятельств, из слов александрийских иудеев однозначно явствует, что они разговаривают с Калигулой после его возвращения из (западного) горе-похода, т.е. не ранее 40г.

Парируя обвинение возглавляемых грамматиком Апионом александрийских противников в непризнании божества кесаря (и др.), иудеи говорят кесарю о приносившихся ими ради него жертвах: «...мы приносили жертвы и даже гекатомбы... и не однажды, но трижды: в первый раз, когда ты принял верховную власть, второй, когда избавился от тяжкой болезни... а третий, когда мы уповали на победу в Германии» (45). Принятие верховной власти – весна 37г.; избавление от тяжёлой болезни – осень – 37г.; галло-германский *поход* – 39/40гг.⁶¹

Хронология непритязательна и точна, незачем в ней сомневаться. Шутовской западный военный поход Калигулы позади; на дворе осень 40г. н.э. Не добившись поставленной цели – защиты и гарантии гражданских прав иудеев Александрии, иудейские посланцы, к счастью для них, не лишились головы. Если в начале аудиенции Гая возмутило то, что иудеи поприветствовали его (всего лишь) «самодержцем Августом», не приветствуя «богом» (44)⁶², то в конце её он всё-таки смяг-

⁶¹ На этот довод иудеев о совершавшихся ими жертвоприношениях последовало характерное возражение Гая: «Допустим – сказал он – это правда, вы приносили жертвы, но не мне, хотя бы и ради меня. Так что в этом пользы? Не мне же вы приносили жертвы» (45). Т.е. он однозначно требовал жертв не ради его и римского народа здравия-величия, к-рые иудеи могли приносить и лояльно-регулярно приносили под римлянами, но жертвоприношений своему божеству, своей божественности и божественной природе, чего прежние властные римляне от иудеев не требовали и на что единопольники-иудеи не могли пойти ни при каких, ни на каких условиях. Это и было одной из основных черт пагубной ориентализации нового императорского Рима, к-рому не был присущ какой-либо божественный культ земных правителей при Республике, что отчасти роднило римлян с иудеями (народы Сатурна), и к-рый ещё при Цезаре, Августе, Тиберии, несмотря на стартовавший именно с Тиберия синдром *кесарева безумия*, не покушался на еврейский монотеизм.

⁶² Филон: «Глумливо и с издёвкой он (Гай) сказал: «Вы что, богоненавистники? Уже весь мир признал меня богом, а вы не верите и богом не зовёте?» И воздевши руки к небу, он произнёс такое обращение, к-рое даже слушать нечестиво, не то что пересказывать. Какая радость тут охватила послов противной стороны – они решили, что выиграли дело, и принялись размахивать руками, приплясывать и благословлять Гая, называя его именами всех богов» (44).

чился: «Мне кажется, что эти люди скорее несчастны, чем порочны, и лишь по неразумению не верят, что я божественной природы». И с этими словами — пишет Филон (45) — он удалился, велел уйти и нам».⁶³

Гай откладывал решение александрийского вопроса, планируя, как сказано, самолично прибыть в 41г. в Александрию (куда — из-за раскрытого осенью заговора? — не успел отчалить в 40г.), где этот вопрос, судя по тому, насколько искренне император верил в свою божественность и как он вёл себя в ходе аудиенции, решился бы, скажем снова, явно не в пользу иудеев.⁶⁴ Да и вообще нетрудно представить, что ожидало еврейство не прервись властительская жизнь Калигулы в январе 41г.

Точнее, можно смело сказать, что Иудейская война 66 — 70гг., с её катастрофическим исходом, разразилась бы на четверть века раньше. Но она никак не могла разразиться в 40г., так как не пришло ещё время оно. В истории всё происходит своевременно. В ней нет ни опозданий, ни преждевременных свершений, в ней нет ни событийных случайностей, ни случайных персонажей, ни случайных дат.

И тем не менее, стоит повторить. Если, с одной стороны, история не знает сослагательного наклонения, то со стороны другой, под иным ракурсом/углом зрения, она есть пространство нереализованных альтернатив, к-рые нельзя игнорировать, чтобы постараться не повторить разразившиеся трагедии или допущенные просчёты в грядущем. И пусть, как уверяют, история совокупности того, чего можно было бы избежать, а её главный урок до сих пор в том, что из неё, увы, не извлекаются никакие уроки, всё равно никогда не поздно взяться, что называется, за ум и не пускать всё на, дескать, фатально-неотвратимый исторический самотёк.

Ведь помимо истории, над ней существует-довлеет ещё и метаистория! как помимо физики, над ней существует метафизика! И человеческая индивидуальность обязана действовать из спиритуально одухотворённой *свободы воли*, к-рой и должно творить необезбоженную-небезбожную историю во Духе из метаистории во Боге!

⁶³ Согласно Флавию, если Гай выслушал возведшего против александрийских иудеев тяжкие обвинения в отказе возводить Калигуле алтари и клясться его именем со стороны Апиона, то пользовавшемуся широкой известностью большому знатоку философии Филону он запретил говорить, велел ему удалиться. «Филон, оскорблённый, удалился и сказал при этом своим товарищам-иудеям, что они не должны терять мужества, так как пусть Гай на словах страшно озлоблен против них, но на деле он уже успел восстановить против себя Предвечного» (И.д. 18,8,1). Никакого сущностного противоречия тут нет, поскольку пишущий через полвека после означенных событий, ок.90г., в Риме, видимо, не знакомый с трудом Филона Флавий просто упрощает в своём рассказе тот же нулевой или негативный результат депутации иудеев Александрии на приёме у Калигулы, где Филону, в любом случае, не дали высказаться сполна.

⁶⁴ Филон: «Всё это Гай собирался сделать во время прибрежного плаванья в Египет. Ибо какая-то невыразимая страсть влекла его к Александрии, он всеми силами стремился туда, чтобы прибыв, остаться там надолго, считая, что этот город единственный и породил обожествление, о к-ром он грезил, и дальше поможет взрастить его; при этом, думал Гай, Александрия всем прочим городам дала пример, будучи величайшим и прекраснейшим городом мира, ибо великим — и людям, и городам — все менее значительные люди и народы всегда стремятся подражать» (43).

Не мудрено, что Александрия и александрийцы в привыкшем как к зверобогам, так и к божественным повелителям, от фараонов до Птолемея, Египте особенно усердствовали по вопросу культа Калигулы — как в силу степени своей декадентной ментальности, так и активно-усиленно разыгрывая оный против иудеев. Но и Гаева тяга к Александрии и Египту, в рамках пробравшего Рим синдрома, весьма показательна. То-то Август всячески ограждал римлян от духовного причащения к опасному для них Египту, к-рый, с одной стороны, был главной жемчужиной римской императорской короны, но владение к-рым, со стороны другой, обусловило губительную фараонизацию Рима, когда победитель-сокрушитель староегипетского дракона, сам подпал этому мёртвому дракону. (То-то Нерон, к-рый так схож с Калигулой, тоже будет врать в Александрию и тоже туда не попадёт!)

В октябре 40г. пресыщенный казнями и т.н. гос. заботами Калигула вновь отправился в Кампанию вкушать «заслуженный» отдых (от казней) в Дикеархее и в Байях, т.е. там, куда в ноябре к нему явился сопровождаемый Иродиадой тетрарх Галилеи и Перей Антипа. После наступления в сентябре новогоднего дня 1 тишири монетный двор Антипы отчеканил медяки с 43-м (МГ) годом правления (этого надеявшегося пробраться-подняться, калигулианской милостью, в цари) тетрарха: на них красуется (сервильно-лояльно) увитое лавром официально-державное кесарское имя Калигулы – «Гай Цезарь Германик».

Согласно еврейскому комментарию (I/Пвв.) к (списку непостных дней радости) «Мегиллат Таанит» (11), иудеи узнали о надвигающемся на них из Финикии римском воинстве с предназначенной для осквернения храма статуей в канун праздника Кушей, т.е. в конце первой декады октября 40г., причём известный фарисей Симон Благодетельный (см. ниже) предсказал народу неосквернение святилища и благополучный исход всего дела (Сота 33а), благополучное завершение к-рого ознаменовалось в итоге гибелью Калигулы 22 шевата (январь/февраль).

В октябре супруги Ирод и Иродиада взяли (несмотря на скорое – заход Плеяд ок. 12 ноября – закрытие судоходного сезона) курс на Италию. Агриппа, не будь дураком, тотчас снарядил вослед им, с личным письмом на имя Гая, своего вольноотпущенника Фортуната. В «И.д.» читаем: «...отправил в Рим Фортуната, одного из своих вольноотпущенников, к-рому вручил подарки для императора, а также письмо, направленное против Ирода. Фортунат поехал немедленно вслед за Иродом и плавание его было столь удачно, что он прибыл к императору одновременно с Иродом. Последнего он застал у Гая, к-рому сейчас же вручил письма. Оба корабля пристали в Дикеархее. Гая они нашли в кампанском городке Байях (известный целебными ключами и лечебными термами курорт на северо-западном берегу Неаполитанского залива – К.З.), отстоящем от Дикеархеи на расстоянии пяти стадий... Гай только что разговаривал с Иродом, к-рый явился к нему раньше других, когда ему подано было письмо Агриппы, содержащее обвинение против Ирода. Агриппа обвинял последнего в участии в заговоре Сеяна при императоре Тиверии и в створе с парфянским царём Артабаном, направленном против Гая. Он подкрепил свой донос указанием, что в арсенале Ирода лежит заготовленное для 70-и тыс. воинов оружие. Гай, прочитав письмо, пришёл в беспокойство и спросил Ирода, правда ли то, что сказано в письме об оружии? Ирод ответил, что это так. Тогда Гай поверил также обвинению в соучастии его в заговоре, отнял у него тетрархию и присоединил её к царству Агриппы. Вместе с тем он предоставил последнему также все деньги Ирода, к-рого приговорил к позорной ссылке в галльский город Лугдуну...» (18,7,2)

Вот так в ноябре (или максимум – в декабре, если кто предпочитает хроно-реконструкцию с избыточным запасом) 40-го г. н.э. закончилась политическая биография Ирода Антипы, к-рый стал политическим трупом. Надежды супругов на (псевдо)подходящий момент рухнули, их оказавшиеся провальными и тщетными расчёты не оправдались. Не вышло ни получить царство, ни обвинить дружного Гаю конкурента Агриппу. Последний изучил Калигулу не хуже, чем Берия Сталина, и прекрасно, помимо личной дружбы, недооценённой Иродом и Иродиадой, знал – как, что, когда и о чём именно нужно сказать кесарю, на что его следует навести, к чему подвести, чтобы повернуть дело в нужное себе русло, чтобы добиться нужного себе решения.

Набор инкриминированного племянником дяде гос. криминала, конечно, сущий поклёп. Ни в какие заговоры с Сеяном, с к-рым, всесильным временщиком, он виделся и не мог не увидаться, посетив в 30г. Рим/Италию, Антипа не вступал, да

и не был он, являясь захолустным тетрархом, соответствующей фигурой для участия в каком-либо римском заговоре.

Сходно — с Артабаном, к-рого, как и Вителлия, Антипе довелось угощать на дипломатическом мосту через Евфрат, при державно-переговорной встрече римского легата и царя царей, когда и куда Вителлий взял в 36г. с собой свитского Антипу.

Оружие же было заготовлено Антипой в столь большом количестве не из нелояльности к римлянам, но в видах враждебности к нему араба Арета, к-рый разгромил войнство Ирода в блицвойне 36г. и к-рого Гай (в пику Тиберию, велевшему Вителлию наказать набатейского венценосца) не наказал, но наоборот — поощрил в 37г. Дамаском.

Однако, на Гая и теперь, вопреки противоагриппианским и противоаретовским надеждам Ирода с Иродиадой, ни их логика, ни их доводы не подействовали. Калигула услышав и увидев то, что хотел услышать и увидеть, решил дело в пользу Агриппы. Более того, он сослал опростоволосившегося Ирода в галльскую Лугдуну, где недавно побывал сам, притом сослал именно на 43-м нумизматическо-юридическом году антиповского — де-юре — правления.

В «И.в.» (2,9,6) в качестве места ссылки наказанного за, по слову Флавия, ненасытность Антипы указана Испания. И «Иосиффон», по понятной причине особой связью еврейства с Испанией, предпочитает Лугдуне страну «Сефарад» (58). Посему или в «Войне» ошибка, или на повестке дня не крупный провинциальный центр *Tres Galliae – Lugdunum*, а иная маленькая Лугдуна на галльско-испанской границе, у северного подножья Пиренеев (Т.Г. 688/89). Или, м.б., Клавдий, что маловероятно, перевёл позднее ссыльного Антипу, точнее, ссыльных супругов, за Пиренеи? Скорее же всего, речь идёт о галльской Лугдуне.

И здесь надо присовокупить, что Иродиада (этот злой гений увальня и старого лиса Антипы) гордо отказалась от предложенного ей Калигулой, как сестре Агриппы, помилования, пойдя с низложенным мужем в ссылку, где последний и умер, тогда как она прожила, согласно христианским преданиям, долгую жизнь, увидев ветхой старухой, в возмездие за погубленного ею Иоанна Крестителя, гибель родной дочери Саломии, к-рая провалилась под лёд (озера или реки) и к-рой сомкнувшиеся над ней льдины отсекали голову.

Напомним, по смерти тетрарха Филиппа в 36г., Саломия/Саломея вышла⁶⁵ замуж за сына Ирода (старший брат Агриппы) Аристовула, к-рый в 54 — 72гг. был царём Малой Армении и к-рый изображён с Саломией на монете 54/55гг., в то время как на его монете 61/62гг. её уже нет, т.е. в промежутке она умерла. Как? — неизвестно. И, б.м., действительно, помилованная после кончины Антипы Иродиада (кому некуда было податься) жила в дальнейшем возле дочери, сделавшись где-то ок. 60г. н.э., в возрасте за 70 лет, свидетельницей гибели, при ближе неизвестных обстоятельствах, или кончины Саломии в Армении *Minor*.

* * *

Итак, примем за верное. Агриппа последовал за Антипой по пятам, иначе говоря, отправив Фортуната с письмом, он вскоре отчалил из Палестины самолично и в декабре 40г. нашёл Гая уже в Риме. Когда в ноябре палестинские поля ок. 40 дней стояли невозделанными, переговоры с Петронием в Тивериаде вели Аристовул и Хелкия; Агриппа находился в это время, совместно со старшим братом Иродом,

⁶⁵ См. об Ироде и Иродиаде — «Р.л.» 892-910; 987-91; «Д.И.» 176-78; 1243-51; «Т.Г.» 669-93; 1573-77.

к-рого он взял с собой (и для к-рого выхлопотал в 41г. у Клавдия царство Халкидское), в пути, обнадёжив перед отъездом единоплеменников и твёрдо обещав Петронию замирить-утихомирить Калигулу.

Пишучи (в ноябре) из Антиохии донесение кесарю, Петроний уповал на успех Агриппы, что, надо сказать, немало проясняет ситуацию, ибо в противном случае столь откровенная жертвенность заведомо обречённого легата делается куда менее понятной. Он должен был, кроме своего письма императору, сильно надеяться ещё на кого-то очень Калигуле близкого, кому Калигула не откажет при личной встрече. И таким близким кесарю человеком мог быть только Агриппа, без участия и заверений к-рого, отчавившего в Рим, Петроний вряд ли согласился бы столь откровенно совать собственную голову в заведомую петлю.

Невзаимосвязанность же рассказов о вояже Агриппы в Рим и о смещении Антипы обусловлена тем, что проагриппианский информатор Флавия, героизируя выставленного им в максимально выгодном свете Агриппу, не связал эту его ходатайственную поездку с, в т.ч., его интригой против родственного Антипы, что говорило бы не в пользу Агриппы и, по любому, преуменьшило бы бесстрашно содеянное им перед Калигулой в пользу иудеев, благодаря чему новый Антиох Эпифан отказался от своего пагубного намерения. Зачем, спрашивается, вешивать-приплетать сюда поделом кончившего бесславной ссылкой Антипу? к-рый якобы никакого отношения к заступническому за иудеев и храм деянию Агриппы не имеет.⁶⁶

Тем временем, прибыв глубокой осенью или ранней зимой, через Астуру и Анций, в Остию и Рим, Гай ушёл в загул, обрадовался прибывшему из-за моря кунаку Агриппе, изумился его щедрости-расточительности во славу царственного друга и сказал ему на пиру (как типичный восточный деспот): «Проси, чего хочешь». (Уместно вспомнить обращение Антипы к заморозившей его 1 нисана 32г. своим экстагическим танцем юной Саломии, к-рая, по подстрекательству Иродиады, попросила в ответ голову Иоанна Крестителя). Так, мастерски улучив минуту, Агриппа, рискуя, тем не менее, головой, попросил римского владыку пощадить Иерусалимский храм от отказом от установления в нём гигантской императорской статуи Гая Зевса Новоявленного (И.д. 18,8,7/8).

В выдержанном на высокой ноте описании Филона это ходатайственное прошение представлено как программно-патетическое письмо Гаю, где Агриппа, в частности, благодарит кесаря за дарованную ему великую честь царствовать над Трахоном и над прибавленной к Трахону Галилеей (Пос. к Г.» 41).

Удостоверьтесь, Галилея (и Перея) – во владении Агриппы никак не в 39-м, но в 40г. н.э., мало того, как мы только что установили-уточнили, с конца именно 40-го г., к-рый в качестве даты передачи Галилеи и Переи Агриппе подтверждает Флавий, сообщающий в агриппианском некрологе (44г.) следующее: «При императоре Гае он царствовал в течение четырёх лет, правя три года тетрархией Филиппа, а на четвёртый получив в удел ещё область Ирода. Затем он прожил ещё три года во время правления императора Клавдия. Тут он не только был царём вышеупомянутых областей, но царствовал над всей Иудеей, Самарией и Цезареей» (И.д. 19,8,2) (см. ниже).⁶⁷

⁶⁶ И ещё этот проагриппианский-проримский информатор-аноним хотел воздать максимальную (ничем не затенённую) хвалу сановному римлянину-иудофилу Петронию.

⁶⁷ В «И.Ц.» (пользовавшийся не только трудами Флавия) Евсевий верно хронодифференцирует, в общей сложности, семилетнее (37-44г.) царствование (постепенно обраставшего территориями) протеже как Калигулы, так и, в ещё большей мере, Клавдия – Агриппы: «Четыре года он царствовал при кесаре Гае, три года управлял тетрархией Филиппа, на четвёртом году получил ещё Иродову; три года царствовал при кесаре Клавдии» (2,9).

Три года правления тетрархиями умерших в 36г. Филиппа и Лисания — есть время со дней получения освобождённым из тиберианского застенка Калигулой, по смерти Тиберия, весной 37г., Агриппой, вместе с царским титулом, Трахона и Авилены. Четвёртый же (отнюдь не нумизматический, но фактический) год, в к-рый Агриппа обзавёлся вдобавок антиповскими Галилеей и Перей, никак не может приходиться на 39-й, приходясь, считая с весны 37г., на 40/41гг. н.э. Гай не ссылал, как бы на сём ни настаивала грубо ошибочная академическая хронология, Антипу до своего галло-германского похода, в к-рый он выступил из Рима/Италии летом/осенью 39г., детронизировав и сослав Ирода, в паре с Иродиадой, в пору своего нахождения в кампанских Байях, поздней осенью 40г. н.э.⁶⁸

И представленная-наличествующая сегодня в трёх экземплярах монета с 43-м годом правления Ирода Антипы доказывает вовсе не то, что Антипа, как принято в науке, вокняжился якобы в 4г. до н.э., когда якобы умер его родитель Ирод Старший, и был сослан якобы в 39г. н.э., но совсем иное, что наглядно доказано и показано нами в предыдущих книгах.

Эта монета очевидно подтверждает нумизматическо-юридическое исчисление княжеских лет Антипы, тетрарха Галилеи и Переи, с кончины, в качестве отсчётной точки, его дяди Фероры (мл. брат Ирода Ст.), к-рый был тетрархом Переи с 20-го г. до н.э., во 2-м г. до н.э. Притом Ферора умер до 1 тишири 2г. до н.э., соответственно чему, Антипа исчислял свои княжеские годы, по иудейским летоисчислительным царским нормам, с 1 тишири 3г. до н.э., почему после 1 тишири именно 40г. н.э. начался-пошёл именно 43-й год его правления. И именно этот (пресловутый) 43-й год он успел увековечить на своих прикалигулианских монетах перед отъездом, вместе с Иродиадой, за царской короной в Рим, откуда супругам пришлось, лишившись Галилеи и Переи в пользу Агриппы, проследовать в лугдунскую ссылку.

Посему, если Ирод Старший, ни в коем случае, не был назначен римлянами царём на исходе 40г. до н.э., произведённый Антонием, при согласии Октавиана, в цари иудейские весной 37г. до н.э. в Таренте (после чего он завоевал, с решающей помощью римлян, Иерусалим в 34г. до н.э.), то его сын Ирод Антипа, ни в коем случае, не был лишён тетраршего трона в 39г. н.э., смещённый и сосланный Калигулой на исходе именно 40г. н.э.!

⁶⁸ При всём том, необходимо оговорить, что касаясь «четвёртого года» Агриппы (как года получения им тетрархии Ирода), в правление Калигулы, у Флавия, в объективе вовсе не нумизматическо-юридическое исчисление царских лет, к-рые Агриппа исчислял, согласно официальному иудейско-царскому счёту лет, с 1 нисана 36г., произведённый Калигулой в цари над Трахоном и Авиленой формально до 1 нисана 37г. (см. выше), а именно фактическое исчисление агриппианско-царских лет с весны 37г.

Параллельно в «И.в.» Флавий говорит, что умерший в 44г. Агриппа три года был царём и столько же лет перед тем тетрархом (2,11,6), правильно разумея округлённо-трёхлетнее царствование Агриппы в Иерусалиме при Клавдии — 41-44гг., и неправильно убавляя (на неполный год) общее время его властвования при Калигуле, плюс — неверно *деградируя* Агриппу из царей в тетрархи и не упоминая о присовокуплении к его владениям (на 4-м году властвования при Калигуле) тетрархии сосланного Ирода.

Впрочем, если, с одной стороны, без присоединения к владениям Агриппы в 40г. тетрархии Ирода можно заполучить как раз три, с 37 по 40гг., года, то, со стороны др., если исчислять эту первую прикалигулианскую трёхлетку со времени прибытия Агриппы в Палестину осенью 38г., то на январь 41г., когда Калигулы не стало, получится третий, округлённый до трёх лет, агриппианский год при Калигуле. Хотя усложнять тут незачем: нужно констатировать: в «И.в.» Флавий элементарно ошибся, выпустив (хроно)промежуточный «четвёртый год» (40/41гг.), в к-рый Агриппа обзавёлся ещё и тетрархией Антипы, между тремя агриппианско-царственными трахонско-авилинейскими годами при Калигуле (37-40гг.) и тремя иерусалимско-всеиудейскими царственными годами Агриппы при Клавдии (41-44гг.).

И сим закончилась-завершилась политическая биография последнего из венценосных сыновей Ирода. Детронизация и ссылка этнарха Архелая в галльскую Вьенну, где он и умер (ок. 20г.), в 6г. н.э.; кончина тетрарха Филиппа в 36г.; и релегация — неизвестно как долго прожившего в ссылке — тетрарха Антипы ближе к концу 40г. н.э.⁶⁹, когда со времени назначения Ирода Старшего царём весной 37г. до н.э. прошло 76 лет и шёл 77-й год (сходно тому как на апрель 33г. прошло 76 лет и начался 77-й год со времени убийства Цезаря 15.03.44г. до н.э.).

Продолжим. Поражённый личным бескорытием просителя Агриппы, Гай (нехотя) согласился на удовлетворение его челобитной и державно написал-отписал Петронию: «Если ты уже поставил мою статую (в храме), то пусть она стоит; если же ты не успел сделать это, то не заботься дольше о том... Я не интересуюсь более постановкой статуи и делаю это в угоду Агриппе, человеку, к-рого я слишком высоко чту...» (И.д. 18,8,8).

Правда, великодушия и миролюбия чокнутого тирана хватило не без изъяна (уж не говоря о его пожелании не трогать статую, если она уже установлена), ибо скоро пришло письмо Петрония с отчётом об отчаянном сопротивлении иудеев и с умолительными доводами легата против тотального побоища. Петроний не мог не написать донесение Гаю, думая воздействовать на него с двух сторон, совместно с Агриппой, но послание это, после едва принятого Гаем в угоду Агриппе решения, возымело обратное действие. Разъярившись, самодержец приказал в ответном, отправленном вдогонку предыдущему, письме (не касаясь, на сей раз, решённого вопроса статуи) совершившему должностное преступление кесарскому легату-ослушнику покончить жизнь самоубийством.

«Но доставщики этого письма — пишет Флавий — были три месяца задержаны бурями в море, тогда как другие посланцы, привезшие известие о последовавшей между тем смерти Гая, имели счастливое плавание; таким образом, случилось, что Петроний уже 27 дней имел в руках письмо с этим известием, когда получено было первое обращённое к нему письмо» (И.в. 2,10,5).

Письмо с повелением-разрешением не устанавливать статую в храме Гай послал Петронию в декабре 40г.; письмо с приказом наложить на себя руки — в январе 41г. н.э. 24 января 41г. Калигула был, в результате составленного против него заговора, убит, известие о чём дошло до Петрония (благо) раньше, вероятно, в марте 41г., чем пришедший в Антиохию, надо понимать, лишь в апреле запоздалый калигулианский постприказ о самоубийстве, и сим всё спущенное на тормозах дело, как нельзя лучше, к радости всех, уладилось-разрешилось.

Интронизированный не без помощи находившегося в Риме Агриппы его ровесник и давнишний товарищ Клавдий (сын покровительствовавшей Агриппе Антонии) сделал его, упразднив прокураторскую Иудею, царём Иудейского царства в дедовско-иродианских границах, со столицей в Иерусалиме, а оказавший столь неоценимую услугу иудеям римский наместник Сирии Петроний благополучно остался (до 42г.) на сирийско-легатском посту в Антиохии-на-Оронте.

⁶⁹ О судьбе-конце ещё двух сыновей Ирода Ст., живших (в Палестине как частные лица, без титулов) ещё на 32г. н.э., — Ирода (родной мл. брат тетрарха Филиппа), сына иерусалимлянки Клеопатры, и Фазайла, сына Паллады, к-рые участвовали в протесте иудеев, по поводу выставления Пилатом в Иерусалиме императорских щитов с надписями, сведений нет. И кто бы мог подумать, что из множества Иродовых сыновей лишь казнённые отцом в 4г. до н.э. Александр и Аристовул, сыновья Хасмонейки Мариамны, оставят потомство (к-рое тоже вымрет с концом Ив. н.э., когда ок.100г. умрёт последний известный Иродианин — сын Агриппы I — Агриппа II)!

САМОУБИЙСТВО ПОНТИЯ ПИЛАТА

(39г.)

Согласно «Хронике» Евсевия, в 39г. покончил самоубийством отставной прокуратор Иудеи (26 – 36гг.) Понтий Пилат.⁷⁰ Ему, римскому всаднику, пришлось завершить жизнь, как мы знаем, на Западе, в Галлии, находясь в ссылке во Вьенне, куда его отправил уже Калигула, поскольку он прибыл в Рим из Палестины, смещённый Вителлием весной 36г. (из-за жалобы самарян на устроенное им в 35г. побоище), уже после кончины в марте 37г. Тиберия, почему-то задержавшись (какие-то форс-мажорные обстоятельства?) – либо в Палестине, либо в пути.

Но несмотря на его римско-всаднические корни, на его служение Риму и на его галльскую кончину, т.е. рождение-взросление на Западе, служение Риму-Западу и смерть на галльском Западе, роковая сопричастность Пилата к свершившейся на Востоке⁷¹ Мистерии Голгофы, его связанность с христианством и с еврейством настолько нерасторжима, что о нём, точнее, о его фатальном конце, нельзя не сказать именно в этом посвящённом христианству и еврейству разделе нашего хроноповествования – в рамках событий 37 – 41гг.

Причём, – не без увязки с детронизацией и ссылкой, опять-таки, в Галлию (Лугдуна) на исходе 40г. н.э. Ирода Антипы, к-рый стал дружен Пилату (кого, кстати, «Золотая легенда» тоже *ссылает*, совмещая с Антипой, в Лугдуну) в день Распятия, 3.04.33г., когда они обменялись взаимоуступчивыми любезностями по вопросу несправедного суда над Иисусом Христом (Т.Г. 1573-77).

В евсевиянской «Церковной истории» читаем: «Стоит обратить внимание, что тот самый Пилат, живший во времена Спасителя, впал, по преданию, при императоре Гае в такие беды, что вынужден был покончить с собой и собственной рукой наказать себя: Божий суд, по-видимому, не замедлил настичь его. Это рассказывают греческие писатели, отмечавшие Олимпиады и события, происшедшие в каждую из них» (2,7).

Помимо не уточняющего своих (нехристианских) информаторов – греко-олимпийских писателей-историков – Евсевия, о Пилатовом суициде сообщают Орозий (7,5,8), др. церковные авторы и источники (И.Малала, Г.Синкел, Г.Кедрен, «Суда»...), плюс – апокрифы, говоря, вслед за Евсевием, об удручённости и несчастье, охваченного страхами и раскаяньем Пилата в месте его ссылки – во Вьенне-на-Роне (название к-рой они истолковывают как *via Gehinnae* = пилатовская дорога в Гехинном = в ад). Опасался ли он расправы со стороны не чуравшегося казнить ссыльных Калигулы (пример сосланного в 38г. на о. Андрос и убитого в 39г. в ссылке Авилия Флакка)? наложил ли на себя руки, мучимый совестью за содеянное? Или мучимый вирусом сумеречной демоники, подхваченной им на Востоке?

Не исключено, что перед смертью этому Герострату Новой эры выпало почувствовать всю невыносимую тяжесть предстоящего ему теперь мрачного бессмертия как историческому персонажу метаистории, навсегда (со)ответственному, в числе главных ответчиков, за богоубийство. Поистине Геростратова, вернее, приложи-

⁷⁰ В армянском переводе «Хроники» Пилат кончает с собой в 1-й год Калигулы = 37/38гг. (S.214). У Иеронима – 3-й год Гая (S.151) = март 39 / март 40гг., перед чем, под 38/39гг. (2-й год Гая), сказано о кознях А.Флакка и александрийцев против иудеев Александрии, в то время как после самоубийства Пилата говорится о приказе Гая Петронию водрузить императорскую статую в Иерусалимском храме, что имело место в 39г., т.е., скорей всего, именно этот год был годом Пилатова наложения на себя рук.

⁷¹ Хотя междуреченский Восток считал покровительствуемых Сатурном Палестину и еврейство страной и народом Запада, притом вовсе не только в связи с их георасположением к западу от Месопотамии/Вавилонии.

тельно к Новой эре, именно Пилатова «слава»! Притом в пользу его самоубийства говорит и то, что Филон в специальном, к сожалению, не дошедшем до нас труде, посвящённом гонителям евреев и их жалкому концу (Божья кара), уделил Пилату особое внимание (Шюрер 1,493).

Короче, примем за верное. Жизненный путь жестокого пятого прокуратора Иудеи, к-рый как охватно хрономаркирует своей 10-летней иудейской префектурой Мистерию Голгофы, так и удостоверяет её историчность⁷², и биография последних 13-и лет к-рого вполне поддаётся событийной хронореконструкции (26 – 29 – 32 – 33 – 35 – 36 – 39гг.), оборвался самоубийством, в возрасте ок. 60-и лет, в галльской ссылке (Р.л. 1269/70; Д.И. 1222-43; Т.Г. 837-42; 1551-1722; 1814-16). И ещё обращают на себя внимание хронорамки 6 (провинциализация Иудеи) – 36 (смещение Пилата) – 39 (смерть Пилата) гг., плюс 30 лет от битвы в Тевтобургском лесу – 9г. н.э., в к-рой Пилат, предположительно, участвовал (и, как один из немногих римлян, спасся), до 39г. н.э.

Небезынтересно и то, что, по некоторым апокрифическим преданиям, Понтия Пилата казнят за преступное убийство Иисуса Тиберий, или Клавдий (под к-рым очень может быть-пониматься Тиберий Клавдий Нерон), или даже есть версия его казни как христианина, во время римских гонений на христиан в 64г., (меднобородым) Нероном. Известны различные варианты «Акттов», «Деяний» или «Посланий Пилата» Тиберию, или Клавдию, но, интересным образом, не Калигуле, кто (вследствие ли своей краткоцарственности) нигде в христианских апокрифах (поглощённый предшественниками и преемниками) не фигурирует.⁷³

Оно и понятно, поскольку, во-первых, при Калигуле не было никаких противохристианских гонений, и во-вторых, воспритязав на сомнительные лавры Антиоха Эпифана, более того, кончив, сродни богопротивнику Антиоху, весьма плачевно, он куда больше запомнился не христианам, а иудеям.

Большинство христианских легенд, подчёркивая-акцентируя совершение Пилатом богоубийства против собственной воли (как оно, во многом, и было в реальности-действительности), позиционируют его дальнейшее раскаяние и наказание-возмездие, или самонаказание-самовозмездие за позорное малодушие. Плюс к тому, многие презентуют предсмертное обращение этого раскаявшегося язычника в Христову веру, становление его покаянным христианином и его смерть: или убийственную – казнь, по решению римского кесаря («Обращение Пилата»); или самоубийственную («Смерть Пилата») – как покаянного приверженца-последователя Христа (*stirbt als reumutiger Christ*).

Христианином он, разумеется, в пилатовской инкарнации не стал и стать не мог. Однако, не забудем, что говоривший 3.04.33г. только к нему (инструменту-исполнителю воли высшего Провидения) – как Сын Человеческий к человеку – Иисус произносит знаменательные слова: «...ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше: посему, более греха на том, кто предал

⁷² То-то во всех христианских Символах веры, кроме игнорирующего Пилата Армянского Credo, Событие Голгофы датируется временем «при Понтийском Пилате». Если рождественская перепись, в рамках указа кесаря Августа о переписи по всей (Imperium Romanum) земле (история profana), или перепись по всей земле, в рамках переписи рождественской (история sacra), имела место в правление *Квириния Сириею*, а глагол Божий к Иоанну и его явление из пустынь Израилю – в 15-й год *Тиверия кесаря*, то кульминационный акт Мистерии Голгофы произошёл именно *при* (как представителя в истории sacra от истории profana) *Понтии Пилате правителе*.

⁷³ Зато, любопытным образом, согласно (неплохо знакомому читателю) «Арабскому Иосиффону», именно (злойный властитель) Гай (Калигула) затребовал (из Палестины) в Рим и казнил Пилата (6,3).

Меня тебе» (Ио.19,11). Не кесарский наместник Иудеи Понтий Пилат, всё-таки, распявший именем Рима Иисуса, инициировал Его распятие, к-рое он, позорно смалодушничав и пойдя на поводу у предавших ему Иисуса синедристов, во главе с Каиафой и Анной, не сумел предотвратить!

Вина-созвинность с него не снимается, но она куда меньше, чем виновность тех предводителей в последний раз олицетворявшего, при Распятии, совокупное человечество богоизбранного еврейства, к-рые предали ему Христа. Иное дело, что сегодня вина за Распятие либералистски-иудофильски (толерантность!) возлагается, чтобы не обижать иудеев, на Пилата, за к-рого некому обидеться, тогда как за иудеев обижаются или очень даже могут обидеться иудеи.

Другой пилатофильский крен присущ – где в большей, где в меньшей мере – церковно-христианскому подходу. Так, например, сообразно коптской церковной традиции, Пилат однозначно принял смертное страдание за Христа. Или в пошедшей дальше всех Эфиопской церкви он даже причислен к Св. Мученикам (день памяти – 25.06.). А его просившая мужа не делать зла «Праведнику Тому» благочестивая жена (Мф.27,19) (Т.Г. 1587/88), с апокрифическим именем Клавдия Прокла (Прокула), часто упоминается как (первая обращённая язычница и) богобоязненная христианка. Греческая церковь чтит её память 27.10. У абиссинцев она зовётся Аброклой и почитается вместе с супругом как Святая. В ряде же христианских апокрифов («Обращение Пилата»; «Ев. от Петра»; «Ев. от Никодима»; «Сокровищница») утрированное пилатофильство совмещается с утрированной иудеифобией.⁷⁴

Любопытное истолкование имени Pontius Pilatus предлагает Э.Бок⁷⁵, согласно к-рому, перед нами латинизированно-мистериальное имя, означающее в переводе с греческого «Проливы» или «Врата моря» (Pontos Piletos). У погранично ойкуменических Гибралтара или Босфора человек древности чувствовал себя на границе между земным и духовным мирами, переживая эти водно-отмыкающие и водно-замыкающие Ойкумену Проливы как Порог Духовного мира. Т.е. Понтий Пилат суть человек у врат; привратник; человек порога. Вспомним о статусе Иоанна Крестителя (Илии-Иоанна), – находящегося-привратничающего-действующего между Старой и Новой Эрами, между Ветхим и Новым Заветами, человека Порога, Предтечи, Крестителя, ключника Новой Эры, провозвестника Завета Нового. Иоанн – страж одного порога от Библии и богоизбранного народа; Пилат – страж другого порога от светской истории и миродержавного Рима.

Не случайно и то, что если правитель Сирии и цензор Квирий только маркирует нейтральное присутствие Рима и, главное, точное-точное хроновремя

⁷⁴ «Обращение Пилата»: «Пилат же, придя на место казни (по приговору кесаря, за казнь «праведного Человека, именуемого Христом» – К.З.), взмолился про себя: «Господи, не наказывай меня вместе со зловредными евреями, ибо не схватил бы я Тебя, если бы не вынудил меня народ незаконных иудеев, затеявших мятеж против меня. Ты знаешь, что я совершил это по незнанию. Не уничтожай меня за этот грех и не помни зла мне и рабе Твоей Прокле, к-рая стоит рядом со мной в час моей смерти и к-рую Ты избрал для пророчества о том, что будешь пригвождён к кресту. Не наказывай её за мой грех, но помилуй нас и причисли к сонму праведников Своих».

И как только окончил Пилат молиться, раздался голос с неба: «Благословляют тебя все колена и все отцы народов за то, что из-за тебя исполнились все пророчества обо Мне. И во время Второго пришествия Моего ты сам будешь свидетелем, когда буду Я судить 12 колен Израиля и тех, кто не принял имени Моего».

И как только префект отрубил голову Пилату, тотчас Ангел подхватил её. Жена же его, Прокла, увидев приблизившегося и взявшего голову Ангела, преисполнилась радостью и испустила дух. И была похоронена вместе с мужем своим».

⁷⁵ E.Bock «Die Drei Jahre (Pilatus der Prozess Jesu)», S.254-83, Stuttgart-1949.

Рождества Христова, то Пилат, кроме (закадрово противопоставленной Чистому Времени Христа) охватной хронофиксации 28 – 30 – 33гг., в развороте-свершении Таинства Голгофы непосредственно участвует.

И не случайно именно к нему, в ком шевелится загнанная совесть, а не к проникнутым Ариманом Каиафе или Анне, и не к креатуре Люцифера Антипе Иисус обращается как, повторим, Сын Человеческий к облечённому оказавшейся непосильной для него властью человеку. К человеку, к-рый разошёлся с бесчеловечными требованиями этой власти внутренне, но не нашёл в себе силы чело-вечно распорядиться ею по пресловутому сановно-чиновничьему долгу службы, не выдержав проверку на состоятельность в критической нестандартной ситуации. И тем не менее, именно у него куда больше шансов на спасение, чем у всех прочих, отправивших Христа на крест исторических персонажей новозаветной метаистории.

Общеизвестно, что Рим превратил Средиземное море во внутреннее озеро Империи. Держава сошлась-сомкнулась, пытаясь затем слиться-отождествиться со скованной, с пленённой и – где насильно, где добровольно – оженённой Римом Ойкуменой. Проливы олицетворяли морской доступ в Державу извне и морской выход из неё, за её пределы.

С одной стороны, – в Атлантику, по ту сторону к-рой, в Мексике, в 30 – 33гг. разыгралась параллельная-симметричная-полярная Таинству Голгофы Мистерия Теоутиакана (Т.Г. 232-99). А со стороны другой – через Понт Эвксинский – к горам (юпитерального) Кавказа, и дальше – к скифско-гиперборейским северным просторам⁷⁶, или в разнорегиональные глубины необъятной Азии, дочь к-рой сделалась Европа (похищенная превратившимся в тельца-быка Зевсом не так, как умыкнутая, с её согласия, в обратном – из Европы в Азию – направлении Парисом Елена⁷⁷, что не могло, в конечном итоге, увенчаться удачей).

⁷⁶ Перенесением-перемещением в 1712г. столицы Российской империи (к-рой она, поднятая на дыбы, стала из патриархальной Московской Руси) в основанный в 1703г. (на землях Великого Новгорода, перешедших затем к Швеции – Ингерманландия) державный Петербург, т.е. из *русского* (московского) *сердца* в новую *российскую голову*, что было на том историческом этапе совершенно непреложно-необходимо и без чего Россия (задержись она в и без того застоявшемся царско-боярском «Золотом веке» Алексея Михайловича) погибла бы, Пётр Великий не только новопроложил-новоосвоил верно развёрнутый-повёрнутый им (с *византийского юга на европейский север*) *путь из греков в варяги*.

Приобщая Россию к Европе через прорубленное в неё балтийско-прибалтийское окно (где славяне появились в VIII/IXвв.), он ещё (пусть независимо от себя) приобщил её к сокрытому в ауре-атмосфере-земле берегов-побережий Финского залива, устья и течения Невы, Ладоги соляному наследию древней (постатлантической-последледниковой-последпотопной – 12-10/9/8... тыс. лет до н.э.) Гипербореи (не без таинственной духовной связи этих гипербореев с Гиперборейско-долемурийской стадией эволюции!). Речь о загадочной стране по (как говорили в эпоху античности) ту сторону северного ветра Борей, в пределах снежно-солнечных, северо-сиятельных и белоношных просторов к-рой (от Финляндии до Новой Земли) и поднялся несравненный город Св. Петра (Северная Пальмира), названный так в честь Апостола, а не царя (пусть даже название, несомненно, содержало дуалистический смысл и имело-возымело двойниковое значение и для последующей истории города).

Причём гиперборейско-аполлонический мистериальный импульс оказал влияние, дойдя к ним через Скифию и Сарматии (к северу от Карпат, Тавриды, Кавказа, западного Турана), и на Грецию (о. Делос = Скифиада с его культом Аполлона Гиперборейского, к-рому доставлялись регулярные жертвенные дары с далёкого севера), и на Кельтику (солянный друидизм) и на соляное Парфянство (первые предводители к-рого – иранские скифы Аршака Храброго, при династическом почитании Аршакидами зороастрийско-аполлонического Митры).

⁷⁷ Любопытна версия (Vв. до н.э.), по к-рой Зевс или Гера подменили Елену её призраком, за к-рый (оказывается) и шла Троянская война (XIVв.), тогда как настоящая Елена (Прекрасная) была перенесена в Египет, где всё это время жила под защитой мудрого старца Протея.

Примечательна также т.н. номенклатурная версия вошедших в «Золотую легенду» средневековых (евро)апокрифов, в к-рых отец Пилата – король, или король (астрологических) звездочётов (Майнц) по имени Atus, а мать – дочь мельника – красавица Pila. Отсюда-де и сложносоставное имя «Pilatus». Звёзды открыли бывшему на охоте королю Ату (Атус) грядущее рождение у него сына – правителя-управителя многих стран. Слуги привели к венценосцу прекрасную дочь местного мельника Пилу и она зачала от него ребёнка. Дитя назвали Пилатом. Он убил, взрослея при дворе, другого королевского сына – своего сводного (рождённого королевой брата), быв в наказание за это отправлен заложником в Рим, где совершил ещё одно убийство и получил штрафное назначение на строптивый остров (страна? город?) под названием Понт. В Понте ему удалось привести местных строптивцев в повиновение римлянам, вследствие чего они присвоили ему имя Pontius Pilatus. Потом последовала палестинско-иудейская эпопея.

См. ср. в «Золотой легенде» сходное убийство сводного брата Иудой Искариотом из «Сказания об Иуде», равно его последующее домоправительское служение в Иерусалиме при дворе Пилата. Притом, согласно лихо закрученному (спиритуальному) сюжету, Пилат выдаёт замуж за снискавшего особое правительское расположение хозяина Иуду вдовую Циборею, мужа к-рой Иуда перед тем случайно убил, не зная, что Циборея его мать, и женившись, следовательно, по инициативе Пилата, на собственной матери.

После же этого, когда страшная тайна раскрылась, великогрешный отцеубийца и кровосмеситель подался в глубоком раскаянии к Иисусу, учеником, одним из 12-и Апостолов и предателем К-рого он стал (Т.Г. 1381/82). Обратим внимание на взаимосвязанность с *привратником* Пилатом как *стража* другого межзаветного порога Иоанна Предтечи, так и переступившего через порог предательства Иуды Искариота.

Есть в жизни крайне актуальные для людей, в т.ч., посмертно, грани, за к-рые нельзя переступить ни при каких обстоятельствах-условиях, но за к-рые как Иуда Искариот, так и Понтий Пилат, пусть по-разному, переступили, отчего их обоих постиг, – первого – раньше и непосредственно за содеянным и за содеянное, второго – позднее и опосредованно в отношении к содеянному в 33г., – именно правомерно-суицидальный конец-исход.

И если в кармическом тылу-активе у Иуды Искариота остался Иуда Маккавей, то не предваряет ли Понтий Пилат Кирилла Александрийского (+ 444г.)! – составителя (восходящей к 1г. до н.э.) Пасхалии (436 – 512/31г.), к-рую продолжил учредитель нашего христианского летоисчисления Дионисий Малый (принявший как дату Р.Х. 25.12.1г. н.э., с отсчётом лет по учреждённой им эре *от* 1г. до н.э.).

Не был ли Кирилл непримиримым борцом с отрицавшим космогонию христианства несторианством и одновременно изгнателем иудеев из Александрии, между тем как современник Кирилла (карфагенянин) Августин Блаженный (кармический предваритель к-рого не кто иной как Иуда Искариот) неумоимо трудился над становлением-созиданием института Католической церкви (как стоящий у её идеальных-идеологических истоков церковный кесарь Август) в Африке.

Согласно евролегендам, место рождения Пилата – Германия; или Галлия; или Испания... Он – палестинско-иудейский наместник римского кесаря (Тиберий в миниатюре) – репрезентант Запада. Место же его горемычного самоубийства (реже – казни в Риме) и длительных перезахоронений, ибо ни земля, ни вода его долго, возвращая мёртвое тело назад, не принимали, – или Рим (где Тибр, бурлясь и пенясь разрушительными наводнениями, под громы и молнии, раз за разом

выбрасывал, отказываясь вобрать и унести вниз по течению непотребный труп), или Франция, или Швейцария...⁷⁸

Близ Вьенны до сих пор показывают Пилатову гору; в швейцарских (люцернских) Альпах существует Пилатово озеро, откуда, как рассказывают, время от времени показывается и снова уходит под воду Пилатова окровавленная, с к-рой никак не смоеется кровь, рука. Да, он сказал, что не виновен в крови Праведника Сего и самоустранился, переадресовав решение и ответственность за него Иудеям, перевозложив основную ответственность за него на Иудеев: «смотрите сами» (Мф.27,24). Да, Иудеи приняли всю ответственность за кровь Иисуса на себя, выразительно-решительно ответив всем народом: «кровь Его на нас и на детях наших» (Мф.24,25).

Но это не значит, что у Пилата получилось самоустраниться-оправдаться-увильнуть от высшего суда. И еще говорят, что там, в люцернских Альпах, на мрачной чёрной Пилатовой горе, он ежегодно появляется в Великую пятницу, т.е. в тот самый день, в к-рый он прошёл через точку невозврата. И появившись, тщательно умывает руки, тщетно пытаясь очиститься от обвинения в (бого)убийстве посланного им, посланного именно его решающим верховно-судейским словом-решением на крест Христа.

Сходство этих двух великогрешных самоубийц — канонического Иуды и апокрифического Пилата — весьма показательно. Пилат, невзирая на всю свою роковую связь с (палестинским) Востоком, (греховно) укоренён в ментальной ауре Запада. Иуда, невзирая на всё своё жгучее стремление, на всю свою маккавейско-искариотскую тягу к (римскому) Западу, — (греховно) укоренён в ментальной ауре Востока. Впрочем, иногда они меняются-рокируются — и идущими от мучительно-искупительного воплощения к мучительно-искупительному воплощению ролями, и оккультно-региональной географией.

ИТОГ

Любопытно сопоставить. Уход пришедшего из Дамаска в Иерусалим Савла через Кесарию в Тарс — 37г. Умножение по всей Иудее, Галилее и Самарии бывших в покое, назидующихся и ходящих в страхе Господнем, при утешении от Св. Духа, церковей — 37 — 39гг. Исцеление Петром в Лидде 8 лет расслабленного Енея и воскрешение в Иоппии Тавифы — вторая половина осени 39г.; пребывание Петра у Симона кожевника, в доме при море, в Иоппии — ноябрь 39 — январь 40гг.; посланцы сотника Корнилия и Петрово миссионерское хождение в Кесарию к Корнилию — январь 40г.

Отчёт Петра в Иерусалиме перед членами первохристианской общины — январь/февраль 40г. Благовествование некоторых Кипрян и Киренейцев (христиан из

⁷⁸ «Смерть Пилата»: «А потом привязали тело (мол, приговорённого к смерти советом старейшин, под эгидой кесаря, и предупредившего казнь наложением на себя рук) Пилата к огромному камню и бросили в р. Тибр. Но злые и нечистые духи, радуясь все как один скверному трупу, в волнах бесновались и, наводя ужас на римлян, вызывали на небе громы и молнии, бури и град, так что обьял всех вокруг страх непомерный. И потому выловив труп из Тибра, отвезли его римляне ради насмешки в Виенну и бросили там в Родан-реку, ибо Виенна считалась тогда проклятым местом, да и звучит почти как «дорога в геенну». Однако ж и там отыскались беспутные духи, и точно такие же непотребства там вытворяли. И потому, не стерпев дьявольской той напасти, местные жители сей сосуд зла от себя удалили, отправив его для погребения в землю лозаннцев, а те, кознями сатанинскими изведённые, избавились от него, сбросив в какой-то горный провал, скалами окружённый, где, говорят, и поныне бурлит и клокочет злоба дьявольская».

иудеев-еллинистов) к язычникам и обращение последних в Антиохии – весна 40г.; направление из Иерусалима в Антиохию Варнавы – лето 40г.; одобрение им содеянного братьями в Антиохии и обращение многих; хождение Варнавы в Тарс и приведение оттуда в Антиохию Савла – осень 40г. Целый год собраний христиан в Антиохийской церкви, обращение-крещение-евангелизация немалого числа людей и наименование христиан, среди к-рых уже и иудеохристиане, евреи и еллинисты (и самаряне), и прозелиты, и первые (после обращения Петром Корнилия с прис-ными) обращённые-крещённые-евангелизированные язычники, ХРИСТИАНАМИ – осень 40 – осень 41гг. н.э.

В тот же период – симметрично-параллельные христианским события, связанные с палестинским и диаспоральным еврейством. Дарование Калигулой вызволенному из застенка Агриппе царской короны и вакантных тетрархий Филиппа и Лисания – 37г.; назначение наместником Иудеи Марулла – 37г. Путь Агриппы через Александрию в Палестину и александрийский погром евреев – лето/осень 38г.; арест лишённого египетской префектуры, осуждение и ссылка Авилия Флакка – осень 38г. Установление языческого жертвенника в Ямнии (недалеко от Лидды и Иоппии) и его разрушение иудеями – весна/лето 39г.; назначение Петрония вместо Вителлия в Сирию, с приказом водрузить/установить статую Калигулы в Иерусалимском храме – лето/осень 39г.; приход Петрония с двумя легионами из Антиохии в Птолемаиду на финикийско-галилейской границе, и зимовка там – 39/40гг. Депутация александрийских иудеев к Калигуле, во главе с Филоном, к-рые отплыли из Александрии в зимнюю пору закрытого моря и прибыли в Италию в 40г.

Противостояние Петрония и иудеев на границе Галилеи и Финикии – весеннее время уборки урожая – 40г.; немилостивая аудиенция, данная Калигулой иудеям из Александрии – сентябрь/октябрь 40г.; осеннее противостояние иудеев Петронию на галилейской границе и письмо Петрония Калигуле. Прибытие в Италию Ирода и Иродиады – поздняя ноябрьская осень 40г.: их осуждение и ссылка Калигулой. Прибытие к Калигуле Агриппы и отмена императорского повеления о статуе в Иерусалимском храме – декабрь 40г.

Далее (анонс) – гибель Калигулы в январе 41г., восстановление Клавдием Иудейского царства во главе с Агриппой и решения-эдикты Клавдия в пользу диаспоральных иудеев как Александрии, так и остальных частей Империи – 41г. н.э. (см. ниже); триумфально-царственное возвращение Агриппы в Иерусалим/Палестину – весна 41г. (см. ниже); реставрация-введение Агриппой действовавшего в 443 – 140гг. до н.э. ездраитско-неемитско-аронидского субботного цикла-календаря – осень 41г., и объявление-начало субботного года (шмита) по этому календарю (см. ниже).

На повестке дня следующее. 1) 40 лет метаистории христианства – с 1г. н.э. – Поклонение волхвов годовалому Иисусу Соломону в Вифлееме; бегство Вифлеемского семейства в Египет; Благовещение Ангела Гавриила Марии Галилеянке; посещение Марией Елисаветы; рождение Иоанна Предтечи; гибель Захарии; Рождение Иисуса Нафанида – по 40/41гг. н.э., когда Пётр обратил сотника Корнилия и его ближних, когда были обращены первые язычники, когда из Тарса в Антиохию пришёл приведённый Варнавой Савл, и когда наметилось-началось действие христианского Импульса в Ойкумене, с юга на север, из Иерусалима и Палестины в направлении сирийской Антиохии.

2) 40 лет метаистории и истории еврейства: смерть в 1г. н.э. устроившего избиение младенцев Ирода и провинциализация, после ссылки Августом этнарха Архелая, Иудеи в бг. н.э.; иудейско-первосвященская вассально-автономная иерократия-теократия и римский прокураторский режим 6 – 41гг.; кончина Иродова сына – трахонского тетрарха Филиппа – 36г.; смещение и ссылка последнего

властного сына Ирода – тетрарха Галилеи и Перее Антипы – 40г. Начало в 41г. просуществовавшего всего 3 года и ок. 6/7-и месяцев (короткое интермеццо) последнего, со столицей в Иерусалиме, Иудейского царства эпохи Второго храма, во главе с (калифом на час) внуком Ирода Старшего – Иродом Агриппой.

Если разошедшееся в 33г. н.э., со времени Мистерии Голгофы, с еврейством Древнего Завета христианство Завета Нового начинает постепенный выход из давшей Землю Обетования в Ойкумену, то еврейство наоборот выражает готовность умереть за свою самобытность, за свою, в ожидании провороненного Спасителя, (выжидательную) сегрегацию. И не случайно противостояние Риму в 40г. н.э., когда евреи Палестины (а вместе с ними и христиане) чудом избежали катастрофы (к-рую Господь отложил-отсрочил), имеет место (за 30 лет до разрушения иерусалимского святилища) на границах Галилеи, из к-рой пришёл Иисус и к-рая станет через 26 лет, в Иудейской войне 66 – 70гг., в 67г., приняв на себя первый удар римлян, точкой невозврата в смертельном столкновении-противоборстве между демоническим кесарским Римом и отвергнувшим Христа Иудой.

Если христиане двигаются на север в Антиохию, грядущие миссионерские пути откуда ведут во все страны и ко всем народам мира, то иудеи, напротив, противостоят грозно подошедшим из Антиохии в южном направлении римским легионам на границе Финикии и Галилеи, защищая подступы к неприкосновенной еврейской Палестине. Разность-полярность-противоположность оккультно-географических (пере)движений и направлений!

Если христианство выходит из себя, выходит-разворачивается в мир, смотрит вперёд, осмысливая-осознавая ближние и дальние горизонты, то еврейство продолжает, ошестившись шипами наружу, сворачиваться, черпая перспективу из ретроспективы, мумифицируя и зомбируя былое. Новозаветная ойкуменизация и ветхозаветная геттоизация! Новый Завет как преобразование и продолжение Ветхого от жизни по закону к жизни по совести, от закона – к благодати и истине. И Талмуд – как печать запечатанного-опечатанного семью печатями Древнего Завета-закона, к-рый не знает Завета Нового, в новых условиях.

Противостояние Рима и еврейства как в интолерантной Александрии Египетской, так и в Палестине – 38 – 40/41гг., и консолидация-умножение – 37 – 39/40/41гг. – стартово выходящего-исходящего в Ойкумену христианства как в Палестине, так и в умеренно толерантной Антиохии Сирийской, где пока нет конфликта между язычниками и иудеями. Своего рода географическая восточно-присредиземноморская *подкова* от киликийского Тарса и сирийской Антиохии, через центрально-интервальные, через соединительно-разделительные Палестину и Иерусалим, до египетской Александрии – первоаренал восхождения новозаветно-античного христианства и заката приближающегося к катастрофе 70 – 135гг. ветхозаветно-античного еврейства.

* * *

Данный Симоном Петром в Палестине и из Палестины, на уровне Души ощущающей и Души рассудочной, зелённый свет в деле христианизации язычников и первые ростки грядущей христианской проповеди среди язычников в подходе Савла/Павла на уровне Души рассудочной, с перспективой Души сознательной!

Именно Павел, проделав за 33 года от своего обращения до мученичества (34 – 67гг.) и за 30 лет от своего прихода из Дамаска в Иерусалим до мученичества (37 – 67гг.) и за 26/27 лет от проведённого им в Антиохии судьбоносного – 40/41гг. – года (осень/осень) гигантский подвижнический путь и гигантскую работу, преоб-

разит ветхозаветную максиму жизни по закону в доступную язычникам и в приемлемую-акцептабельную для язычников новозаветную благодать жизни по совести. Через веру во Христа и из самоотрекающей веры во Христа, через своё переживание личной-персональной встречи со Христом на пути в Дамаск.

Не случайно тогда, послепасхальной и предпятнадцатичной весной 34г., внутреннему ослепительно-воскресенскому духовному просветлению озарённого сиятельным явлением ему солярно-эфирного Христа Савла сопутствовала внешняя физическая слепота. Ибо спадение чешуи-пелены с ранее удержанных Савловых глаз требовало его погружения на три дня в могильную тьму, что вполне сравнимо с восстанием из мёртвых низложенного в гробовую могилу Земли Иисуса Христа в третий день.

«Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почёл тщетою. Да и всё почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для него я от всего отказался, и всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа И найтись в нём не со своею праведностью, к-рая от закона, но с тою, к-рая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере: Чтобы познать Его и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, Чтобы достигнуть воскресения из мёртвых.» (Фил.3,7-11)

Не извне приходящая покорность требованиям (открытого-заповеданного рабу Божию и первопророку Господню Моисею Богом на Синае) закона, а реальная жизнь Сына Божия и Сына Человеческого Христа в верующих и верующих во Христе, по благодати Духа Святого, есть основа и путеводная звезда всего!

«Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, И уже не я живу, но живёт во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня.» (Гал.2,19/20)

Христос для Павла — эпицентр-средоточие жизни и богословского мышления над всеми и всякими теологическими системами. Павлу присуще принципиальное несмещение христоцентрического обетования с требованиями закона, Павлу свойственно решительное разотождествление Нового Завета и закона. Отныне не закон, а Христос!⁷⁹

Иудеи, по Павлу, отождествили (непряходящего) Бога с (преходящим) законом и подменили Бога Живого буквой закона. Фарисеи хотят не столько оживить, сколько зомбировать, вдохнув в него т.н. вторую жизнь, мёртвую букву закона (как, например, Маркс в XIXв. дал второе, закващенное на трупном яде, дыхание импотентному рационал-материализму эпохи Просвещения). Христос же преобразил этот закон Своей искупительной Жертвой в Спасение и в веру не в невочеловечиваемого абстрактно-ветхозаветного Бога, времена К-рого исполнились во Христе, но в Бога вочеловеченного-очеловеченного, К-рый умер за всё человечество и за каждого отдельного человека на кресте, и К-рый воскрес в Жизнь Вечную!

Если для иудеохристиан, евреев и еллинистов, признавших-принявших в Иисусе Мессию, бывшее не ушло, поскольку они признали в Нём именно еврейского Машиаха, и живя во Христе (Д.Ап.4,32; 5,11), продолжали цепко держаться за традицию-традиционализм (Д.Ап.2,46; 3,1; 5,12; 10,14; 21,20;24), то Павел, наткнув-

⁷⁹ Жизнь христианина не по закону и не по понятиям, а по совести!

шись на ожесточённое противодействие иудеев, системно вывел из-под этого еврейского традиционализма, системно открыв его также для массового притока в христианство язычников, магистральный путь ко Христу.

Он тоже сначала жил иудеохристианством и проповедовал Того, Кто пришёл к своим, в первую очередь, в синагоге, где раскол и отвержение шли, как мы удостоверимся ниже, не от него, но от отвергавших его слово иудеев (Д.Ап.13,14;45; 14,1; 17,1;5; 18,4;6).

Ветхозаветный народ Божий и Новозаветный народ Божий – не одно и то же, и признание закона не есть, согласно христологии Павла, неременное предварительное условие (к-рое с пришествием Христа выполнено) для Спасения. Христос непреходящ, тогда как закон прешёл, исполнившись-преобразившись и продолжая исполняться-преобразаться во Христе. Во Христе, К-рый отменил все расовые, этнические, национальные и проч. групповые препятствия и предрассудки на индивидуальном или на церковно-общинном пути к обретению человеком, людьми истинного Живого Бога.

В XX в. именно уклонение, особенно в эпоху солярного Михаила (с 1879г.) – Герольда как Первого, так и Второго пришествия Христа, в нацизм и расизм, стало, будучи вопиющей возвратной архаикой, одной из ключевых причин катастрофического поражения Германии.

Будь то иудей или эллин, римлянин или идумеянин, амаликитянин или ефиоплянин, моавитянин или аммонитянин, все они в новозаветном настоящем равны в дороге ко Христу, нуждаясь в персональном, а не в каком-либо генетически-наследственном очищении и оправдании перед Богом. Нет и не может быть новозаветной *Евгеники* тела, наследственности, происхождения, место к-рых, раз и навсегда отменив их приоритеты, целиком и полностью заняла новозаветная *Евгеника* Духа!

Вселенское Событие Голгофы есть Таинство, тайна К-рого открылась еврейским Апостолам и ученикам Христа, понесшим её в сердца человек и в человечество, на путях-дорогах, где наиболее продуктивно-активно-энергично будет подвизаться именно приведённый Варнавой осенью 40г. н.э. из Тарса в Антиохию и обративший там – 40/41гг., в частности, будущего Евангелиста Луку (греко-сирийца-антиохийца родом) тот познавший Христа *разумом сердца* Апостол, кому, по праву, предстоит почётное звание Апостола язычников Павла.

«Тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его, Которым благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников, к-рая есть Христос в вас, упование славы, Которого мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе; Для чего я и тружусь и подвизаюсь силою Его, действующею во мне могущественно.» (Кол.1,26-29)

Если в ветхозаветной метаистории особый статус имеют три патриарха – Левий, точнее, экстракт колена Левия – Аарон (дом Аарона), сильнейший из братьев – Иуда, и лучший из братьев – Иосиф, то в метаистории новозаветной (привратник-ключарь к-рой Аронид Иоанн Предтеча-Креститель) особый статус у троицы Апостолов – у иудея-галилеянина (Симона) Петра, у вениаминита-тарсянина (Савла) Павла и у иосифлянина-эфраимита Лазаря-Иоанна, сестра-близнец к-рого – Апостолица Апостолов Мария Магдалина.

Причём Павел и изошедший от него соборно-ойкуменический павлианизм суть непреложное духовно-соединительное звено, суть золотая равновесная середина между вселенско-церковным петрианским и спиритуально-космическим (таинственно-космологическим) иоаннитским христианством!⁸⁰

Тринадцатый Апостол *исходит* из еврейства,
Корнилий был Петром в Кесарии крещён,
И вот тарсянин Павел вступил в Святое действо,
Чтоб выйти в Ойкумену, накрыв её плащом
Оливкового цвета — аж до Столпов Мелькарта,
Масличные рассветы в ней нанеся на карту.
Не проповедь ли Света, развёрнутая в мир,
Изменит всю планету и изойдёт в Эфир!
Солярен будет Павлов миссионерский жребий,
Кто был когда-то Савлом, постигнет тайны Неба!
Пройдёт он по дорогам, и жаждою томим,
Придёт на смерть за Бога в столицу мира — Рим!

(К.З.)

⁸⁰ Не уместно ли сказать, приложительно к беспрецедентному в истории-метаистории Ив. н.э., как о новокачественном титаническом (безотносительно к доолимпийским титанам) *Прометеизме* христианских Апостолов, так и о неуёмной античной *Фаустиане* знаменитых язычников, — кесарей и прочих.

ЧАСТЬ VI

РИМ И МИР

37 — 41 гг. н.э.

ПРАВЛЕНИЕ КАЛИГУЛЫ

37г. н.э.

Итак, Тиберий умер 16.03.37г. почти, что называется на руках, но, всё-таки, не от рук с нетерпением ожидавшего-чаявшего его смерти внучатого племянника — (без 5-и месяцев) 25-летнего Калигулы — младшего и единственного из уцелевших на 37г. сыновей Германика (+ 19г. н.э.), к-рый, в свою очередь, был, повторим, сыном младшего брата Тиберия — Друза (+ 9г. до н.э.).

Как сказано, над Принципатом, к-рый, став монархией де-факто, продолжал, политическим искусством-мастерством *великого комбинатора* Августа, оставаться т.н. рационально-сакральной республикой де-юре, тяготело своего рода республиканское проклятие, в отместку за цезарско-августейшее, пусть завуалированное, предательство-устранение республики в угоду единовластия-самовластью (военная монархия).

И потому престолонаследной преемственности от отца к сыну у римских кесарей всё никак не получалось, во всяком случае, ни во всё правление Юлиев-Клавдиев (наследовавших один другому в пределах одного клана-синдиката), ни в смуту 68/69гг. И не получилось вплоть до наследования, впервые в пору Флавиев, родному отцу Веспасиану его родного сына Тита. Засим поневоле восторжествовала усыновленческая (адоптивная) преемственность между дедами-дядьями и племянниками.¹

Так, если Октавиан Август был внучатым племянником Цезаря (сыном Атии — дочери Цезаревой сестры Юлии), то Калигула приходился внучатым племянником Тиберию, тогда как Клавдий (мл. брат Германика) был дядей Калигулы, а Нерон (сын старшей Германиковой дочери — Агриппины) — внучатым племянником Клавдия. Единственное исключение в этой витиевато-родственной престолонаследовательной конфигурации составляет связка Август — Тиберий, в к-рой второй — (всего лишь фамильный и династический) пасынок первого (без какого-либо родства по крови).

Иное дело — усыновление-адопция, начиная с дальновидно сделавшего Октавиана своим наследником в первой степени Цезаря (к-рый, скажем снова, прожил столько, сколько Август, в общей сложности, стоял, с 43г. до н.э. по 14г. н.э., в различных амплуа, у руля власти), и т.д., когда избрание адоптированного преемника свершалось в порядке печальной, за отсутствием выбора, необходимости.

¹ Причём, в чём-то сходно тому, как в IV/Vвв., когда церковно-христианская Александрия иерархически конкурировала с Константинополем, Антиохией и Римом, притязая на первенство (египтизация *Imperium Romanum*, в т.ч., в институционально-церковной сфере!), Александрийский патриархат тоже переходил (в эпоху I-го — IV-го Вселенских соборов: 325-451гг.) от дяди-патриарха к патриарху-племяннику: от оборителя Ария — Афанасия — к Петру, от Феофила — к оборителю Нестория — Кириллу, от Кирилла — к Диоскору.

Наследование Августу Тиберия, из-за досрочного ухода августейших внуков — Гая и Луция; наследование Калигулы Тиберию, из-за преждевременной кончины (как Германика, так и) тиберианского сына Друза; наследование Нерона Клавдию, из-за отравления-устранения Клавдиева родного сына — Британника. Пока, наконец, с концом Нерона (68г.), и эта закрученная причудливой спиралью адоптивная преемственность, и собственно (словно проклятая Республикой) династия Юлиев-Клавдиев, подпав, начиная с Тиберия, *кесареви безумию* и необратимому декадансу, закономерно пресеклись-кончились.

Между тем, в марте 37г., сразу после тиберианской, на Лукулловой вилле (Мизенский мыс), кончины, преторианский префект Макрон помчался, в калигулианских интересах, с завещанием умершего-почившего кесаря-принцепса в Рим, где, при содействии консулов, решил-уладил, в нужном Калигуле ключе, все тестаментарно-юридические формальности.

На заседании сената 18.03. завещательный пункт о равноправном наследовании кесарю-принцепсу Тиберию Гая Цезаря и родного тиберианского внука — родившегося в конце 19г. и бывшего, стало быть, в марте 37г. на 18-м году жизни Тиберия Гемелла, был (о чём мы уже читателя предупредили) объявлен недействительным. Как? Как распоряжение недееспособного (понимай — в состоянии старческого маразма) завещателя, сделавшего-де ни разу не переступившего порог сенатской курии безусого юнца равным сонаследником, что, мол, невозможно. И потому единственным наследником должно быть зрелому Гаю, к-рый возьмёт на себя отеческую заботу о несовершеннолетнем троюродном брате до того времени, когда тот войдёт в силу и будет к несению властно-дуалистического бремени подготовлен-готов.

С одной стороны, вообще-то Тиберий составил своё *dua*-завещание ещё в 35г., в состоянии отнюдь не предсмертно-маразматическом, в то время как со стороны другой, он не мог, как отмечалось выше не понимать, что тем самым обрекает Гемелла на гибель и, тем не менее, не мог переступить через завещанный Августом правительский (во избежание опасного для кесарей, насколько выявила судьба Цезаря, сходства-сравнения с монархией) дуализм, к-рый ранее очень и очень тяготил самого Тиберия, вынужденного делить власть с (оставленной Августом ему в соправительницы) мамой Ливией.

Калигула же решил, по всякому, перестраховаться, притом формально у него имелись основания апеллировать к тому, что Гемелл, несмотря на свой 18-й год жизни, до сих пор не надел тогу зрелости, к-рая обычно надевалась в 14 — 16 лет и с надеванием к-рой задержка вышла также у самого Калигулы, к-рому Тиберий позволил-велел надеть её, или, точнее, на к-рого Тиберий надел эту пресловутую одёжу мужа лишь в возрасте 19-и лет, (в преддверии ниспровержения Сеяна) с опозданием и без всяких торжественных церемоний.

Посему, коли уж всё так вышло, так обстоит, предоставим зелёному юнцу возможность сначала спокойно, без спешки, повзрослеть, облечься в тогу *virilis*, сделаться принципсом *iuventutis* и усыновленцем кесаря Гая, а там дальше — будем посмотреть. Короче, в итоге Гемеллу не доведётся пережить 37-й г. н.э., что вполне можно было предвидеть гораздо раньше (о чём не мог не задуматься Тиберий) и что неотвратимо случилось. Но не сейчас, когда время ещё терпит и когда венценосного внука деликатно, сообразуясь с гоз. резонами, как бы временно, до повзроления, лишили завещанного ему венценосным дедом соправительства, чему, кстати, никто из отцов-сенаторов, всадников, плебса не воспротивился, напротив, чему все сословия дружно, сами того желая, рукоплескали. Да и попробуй возрази-воспротивься, если интересы Гая представляет Макрон, за к-рым преторианская гвардия и под командой к-рого 9 стационарированных в Риме и окрест гвардейских когорт.

Впрочем, дело было не только и, главное, даже не столько в грозных преторианцах, сколько в (мыльно-пузырном) мифе Германика и его почти загубленного семейства, продолжавшем упорно жить-функционировать-циркулировать-курсировать, продолжавшем набирать обороты. И особенно – на унылом фоне мрачной концовки правления Тиберия, с к-рым, старым каприйским козлом, связывали и репрессии, и падение нравов, и общий упаднический пессимизм, взывая к *золотому веку* Августа. Взывая и полагая, что вернуть оный сможет не кто иной как молодой и полный сил сын Германика, кто, т.е. Германик, не умри, дескать, он проискал тёмных сил, на беду Риму раньше срока, сумел бы минимум предотвратить Тибериево впадение в безудержную тиранию и т.д.

Люди верят в то, во что хотят (по)верить (идеализируя прошлое, к-рое они не ценили в бытность его настоящим, ибо счастье человек переживает, либо ностальгически оглядываясь в былое, либо надеясь осчастливиться в будущем), и какой бы абсурдной подобная псевдовера ни была, она временно овладевает, сродни затмению, умами, становится властителем не столько дум, сколько чувств-ощущений, чтобы тем болезненнее обернуться разочарованием в скором прозрении-похмелье.

Таким образом, Гай получил все властные полномочия Августа и Тиберия, и даже поболее, поскольку если оба его предшественника всегда придавали значение наличию пусть даже формально-республиканского дуализма, дабы не обижать освящённую традицию мавзолейной Республики, то он, и не помнивший, и не чтивший Республику уроженец Августова (монархического) века, наоборот, от дуализма по завещанию (якобы на время) конституционно избавился-дистанцировался.

При всё том, некоторый юридический конфуз-казус вышел с присвоением ему, без труда обзаведшемся именем-титолом Август, импературы, ибо если закалённый в донельзя надоевших ему походах 55-летний Тиберий на момент обретения в 14г. Принципата уже 6 раз аккламировался императором, то 25-летнему Гаю, никогда не ходившему ни в какие боевые походы, никакая аккламационная импература, естественно, никем не присваивалась. И пускай Цезарь сделал титул *Imperator* частью своего собственного унаследованного Августом имени, титулярное присвоение и ношение этого торжественного звания-ранга принцепсу-кесарю требовалось, к чему в предшествующей короткой жизни Гая ни причины, ни повода не представлялось.

Ну и на момент Гаевой интронизации необходимая для полководческо-войсковой аккламации война нигде римскими легионами (в системе *Pax Romana*) не велась. Поэтому было задействовано нововведение. Императором облечённого как проконсульской, так и трибунской империяльной властью Калигулу сделал-аккламировал сенат (без войска!), и с тех пор воцарение каждого нового принцепса, вне зависимости от его боевых заслуг, сопровождалось автоматической парламентско-императорской аккламацией (тем паче, что и преемники Гая, дебиловатый Клавдий или юный Нерон, на момент их интронизации, ни разу в боевые походы не ходили).

И если императором «*iterum*» = «*imp.* II» Калигула именуется, совершив свой больше потешный, чем реальный галльско-германско-прибританский поход 39/40г., то отчёт его властительско-трибунских лет – *tribunicia potestas* (августейшая абракадабра, обеспечившая принцепсу надноменклатурный выход, в ранге «царя-батюшки», на народ) – вёлся с 18.03.37г., между как во владение менее актуальными (при взяти власти) чинами-титолом-званиями великого понтифика-*maximus* (обер-прокурор синода) и отца отечества (*pater patriae*) он (проявляя-соблюдая должную скромность-поочерёдность-постепенность) нарёкся, в течение 37г., несколько позже.

НАЧАЛО

Тем временем, официальные гонцы понеслись с известием (кесарь умер, да здравствует кесарь!) из (вдохновенно присягающих) Рима/Италии к войскам, к провинциалам и к вассалам, во все концы Римской империи, где повсюду происходило приведение легионеров и аукзилиариев, граждан и подданных к присяге на верность наследовавшему Тиберию молодому повелителю, всюду прошедшее безболезненно, более того, с преобладающим воодушевлением и радостью, так как почти все связывали с новым царствованием надежды на перемены к лучшему.

Филон (суггерированно противопоставляющий атмосферу начала Гаева правления тем большему последующему разочарованию) пишет: «...И всем это было в радость – и римскому народу, и всей Италии, и племенам азийским и европейским. Ведь ни один из самодержцев – предшественников Гая – не вызвал такого восторга, причиной коего была отнюдь не надежда на обретенье благ для общества и для себя и на обладанье ими, нет, все полагали, что удача к ним повернулась полностью – удача, готовая разразиться счастьем.

Да, в те поры что был ни город – то алтари, святилища и жертвоприношенья, белые одежды, цветы в кудрях, и радостно сияющие лица, и благодать, в них светящаяся, и празднества, и всенародные собранья, и состязанья Муз, и конские ристанья, гулянья, флейты и кифары ночь напролёт, услады и всевозможные наслажденья для каждого из чувств. В ту пору богатые не подавляли бедных, безвестных – знаменитые, заимодавцы – должников, хозяева – рабов, то время всех уравнило, так что Кронов век – тот, о к-ром пишут поэты, – уже не казался вымыслом и сказкою: всё было цветенье и изобилие, спокойствие и безмятежность, веселье сердца от утра до утра, везде и всюду, не прерывавшееся семь первых месяцев...» («Пос. к Гаю» 2)²

О беспрепятственном приведении сирийским легатом Вителлием к присяге одними из первых иудеев мы говорили выше. Напомним, тогда, ок. 20.04.37г., Вителлий как раз находился (собираясь воевать, по приказу Тиберия, набатея Арета) в Иерусалиме, куда прибыл на Пасху и когда получил (избавившее его от необходимости проведения военно-карательной акции-операции) известие о смене принципсов.

На германской границе интронизация Калигулы была восторженно встречена самым многочисленным воинством империи – восемью германскими легионами Верхней и Нижней Германии (к-рые, как и легионы иллирийские, бунтовали, о чём мы знаем, в 14г, при смене Августа Тиберием). Не мудрено, ведь именно они дали в 14 – 16гг. маленькому находившемуся с матерью Агриппиной возле отца Германика в левобережной Германии Гаю прозвище «Калигула» – от «калига» – «сапожок» (калиги – сапожки), к-рое, к слову, нигде в документальных свидетельствах-источниках (именующих Калигулу – Гай Цезарь, или Гай Цезарь Германик, или Гай Цезарь Август Германик) не встречается, будучи взято на вооружение (вместо имени и вытеснив все прочие калигулианские имена) историками новейшего времени.

Не странно ли, казалось бы Тиберий оставил преемнику во всех отношениях упорядоченную и умиротворённую – политически, экономически, финансово,

² Эта манифестация Филоном радости (в т.ч.) иудеев (о к-рых он говорит в первую очередь) по поводу интронизации Гая косвенно подтверждает тот факт, что евреям, мягко говоря, не очень сладко приходилось при Тиберии, отношение к-рого к ним не было равным и менялось, но кого в целом Филон, разумеется, не без конъюктуры и ретуши-корректур, резко противопоставляет последующему однозначно минусовому Гаю под знаком плюс.

державу, к-рая, однако, повсеместно, радовалась его смерти, горячо благословляя его наследника-преемника. Увы, атмосфера медлительно-мучительной *смерти старых богов* и повсюду усугублявшееся в связи с процессом духовной деградации-стагнации уныние связывалось толком не осознававшими, что именно происходит (и почему год от года как вокруг, так и в душах человеческих делается всё хуже-безысходнее) людьми с верховной земной властью, с зажившимся островным кесарем, и т.д. и т.п.

Сколь ни удивительно, но в центре и на периферии наивно полагали, что стоит лишь молодому позитивному правителю взять бразды правления в свои руки, как грянет чудо, мол, удручающее *нисхождение* чудесным макаром превратиться в триумфальное *восхождение*. Люди-человеки в подавляющем большинстве просто не заметили явление в правление Тиберия Христа Господня и надеялись на лучшую долю вслепую, плутая в потёмках, гротескно уповая на принятого ими за *прекрасного принца* (уродца) Калигулу (разновидность *голово короля*) в качестве Сотера-Спасителя!

Кроме того, справедливости ради следует отметить, что Тиберий, даже если отставить всё остальное, сам за 22/23 года правления, к-рое гражданам и подданным показалось более долгим и унылым, нежели предолгое правление Августа, не сделал ничего для стяжания-поднятия-поддержания, уж не говоря об умножении, своей персональной популярности, изначально проигрывая по данному вопросу как беспрецедентно популярному предшественнику (первый кесарь-принцепс!), так и (заведомо) преемнику. Вдобавок к тому, Тиберия угораздило ещё подпасть ответственности за застойную атмосферу заключительных лет августейшего правления, переведённую со временем людским восприятием на суммарное тиберианское konto.

И всё это, коли вникнуть, понятно, поскольку власть досталась усталому Тиберию в возрасте 55-и лет, незадолго до старости, когда этот прошедший, можно сказать, сквозь огонь, воду и медные трубы, побывавший и в милости, и в немилости внутренне травмированный человек, особенно такой, как Тиберий, уже мало заботится об имидже и саморекламе, мало интересуется похвалой или мнением окружающих. Он держал власть, словно (как говаривал сам) волка за уши, довольствуясь покорностью и пренебрегая любовью, потому что его самого никто, помимо первой, отобранной у него Августом ради гос. резонов, жены, во всяком случае, так, как ему это было нужно, в жизни не любил. И оттого он вовсе перестал нуждаться в чьей-либо любви, заменив-подменив её служением.

Но не просто служением, а служением вперемешку-вперемежку с приверженностью к тирании и к вулканически вырвавшимся из потаённых уголков его загнанной души (над к-рой слишком долго довлел авторитет папы и мамы) к старости распушенно-чувственным удовольствиям. За принятое им на Родосе, за неправомерно вырванное им у хранителей декадентных мистерий оккультное посвящение пришлось заплатить не менее дорогую цену, чем за оказавшееся ему не совсем по плечу бремя (к-рое окажется гниляку Калигуле совсем не по плечу) власти.

И вот нынче, когда этот старый, мрачный-матёрый, слишком многих доставший, слишком многим (как и себе) опостылевший и просто всем приевшийся облезлый волчара Тиберий умер, всюду царило праздничное ликование, хлынувшее через край. Светоний: «...когда он (Гай) выступил из Мизена, то несмотря на то, что он был в трауре и сопровождал тело Тиберия, народ по пути встречал его грустными ликующими толпами, с алтарями, жертвами, с зажжёнными факелами, напутствуя его добрыми пожеланиями, называя его и «светиком», и «голубчиком», и «куколкой», и «дитятком»...» (16)

Сохранилось множество эпиграфических свидетельств о восторженном принесении присяги Гаю в Умбрии, Ариции, Троаде, Лузитании, Беотии... Или панэл-

линский совет в Аргосе принимал, в присутствии римского наместника (на 37г. это сменивший умершего в 35г. Поппея Сабина знакомый нам консул-суф. 31г. — Меммий Регул — кесарский легат Македонии, Мезии, Ахайи) присягу от приносивших её именем представляемых ими общин различных греческих городов-полисов.

По Светонию (Кал.14), за три месяца ликующим народом было благодарственно забито-заколото аж 160 тыс. жертвенных животных. Через некоторое время в Рим начали отовсюду прибывать посольства с пышными изъявлениями преданности-лояльности и с богатыми дарами-подношениями. В Рим прибывали греческие и азийские депутации, к-рые, согласно археосохранившимся-археобнаруженным эпиграфиям, «поспешали» в столицу мира лицезреть даже не «куколку» и не «светика», но именно «живое божество» (Dittenberger Syll. 364,8. IG 7,2711,60). Ойкумена праздновала сияние лучей «нового Гелиоса Г.Цезаря Августа» (Dittenberger Syll. 365,2). Попробуй не покатись по наклонной, вкушая такое отовсюдошнее — особенно сверхпаточное восточное — поклонение в возрасте 25-и лет.³ И Калигула покатится (откат!), хотя не сразу, зарекомендовавшись поначалу очень великодушным и очень щедрым (чего никак не скажешь о рачительном хозяине или, с народной точки зрения, скупердяе Тиберии) правителем.

Ещё перед прибытием в Рим верноподданнических посольств с дарами и словесиями, Гай, обеспечив себе, как сказано, единовластие при помощи преторианского префекта Макрона и полного одобрения сената, плюс ворвавшегося в курию народа, 28 марта 37г. вступил с останками Тиберия в столицу (CIL 6,2028с, 17). А 29.03. он предал эти останки, произнеся погребальную речь (лаудация), торжественной кремации на Марсовом поле и поместил прах усопшего в августейший мавзолей, где последней упокоилась в 29г. Ливия-Юлия.

Правда, при этом, он не забыл в речи, к-рую начал, не сдерживая горьких слёз, с роскошной похвалы Тиберию (Свет. «Кал.» 15), сделать повышенный легитимистский упор-акцент на своём происхождении именно от (прямого прадеда) Августа (чем не могли похвастать ни Тиберий Цезарь, ни Тиберий Гемелл) и Германика (Дион 59,3,8; Свет. «Кал.» 15,1), после чего торжественно представился в соответственных собраниях сенату, всадникам, плебсу (Дион 59,6,1).

Причём его слова в сенате содержали намерение-обещание править совместно с (обескровленным Тиберием) сенатом не против воли последнего, а единой-единодушной с многчтимыми отцами-сенаторами (к-рых он не собирается ни игнорировать, ни терроризировать, ни чмарить) *первого среди равных* созидательной волей. Одним словом, и то, что не прозвучало открытым текстом, достаточно прозрачно было расслышано в подтексте.

Затем весь этот многозначительный обмен взаимными восторгами и признаниями в любви был умело подкреплён парадом преторианцев, к-рый недвусмысленно показал-продемонстрировал, кто в доме настоящий хозяин = за кем сила. Судите сами — 9/10 тыс. отборных гвардейских воинов, подчинённых непосредственно кесарю через префекта praetorio в Риме, и всего один формально сенатский легион на службе в далёкой Африке, к-рый, к тому же, именно Калигула в 38/39гг. у сената, на всякий случай, отберёт-заберёт-изымет, подчинив сим все без исключения вооружённые силы Империи императору!

³ Пусть Александр Великий в 25 лет уже выиграл решающее противоахеменидское сражение при Гавгамеле (331г.), но, как говорится, то, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку: “Quod licet Jovi, non licet bovi”.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Дальше наступила очередь выплаты дарственных сумм и даров-подарков, по тиберианскому завещанию, лавры от чего тоже следовало пожать непомерно щедрому Гаю. Преторианцы получили вдвое больше завещанного, по 500 (специальной чеканки) медных динариев на человека, воины трёх городских когорт *urbanae* — по 125 динариев, пожарно-патрульные вигилы и легионеры всех легионов — по 75 динариев. Плебсу *urbana* досталось 11 млн. 250 тыс. динариев, плюс 60 конгиарных динариев на душу, к-рые Светоний исчисляет в 300 сестерциев (Кал.17). Сам по себе раздаточный конгиарий был призван заменить-возместить-наверстать не состоявшуюся дарственную раздачу в связи с прошедшим в 31г. без (волей Тиберия) каких-либо празднеств будничным совершеннолетием Гая (Дион 59,2,1;4).

Плюс — завещанные Тиберием подарки Девственным Весталкам (Свет. «Тиб.» 76), плюс — 2 млн. (= 50 тыс. динариев) подарочных сестерциев Клавдию, на к-рого, если верить Светонию, покойный кесарь в завещании специально указал, перечисляя своих родственников, войскам, сенату и народу римскому (Кл. 6). Т.е., повторим, прежде считавший Клавдия недоумком и ни к каким должностям его не допускавший проницательный старик-кесарь в конце жизни с горечью задумывался-подумывал о его возможном, за неимением выбора, грядущем приходе-приведении к власти. Или Клавдий с возрастом несколько, с позволения сказать, поумнел? Или — и то, и другое.

Далее состоялась выплата дарственных сумм по завещанию Ливии, к-рые (решивший, что они нужнее государству) Тиберий придержал (не корысти ради) в императорской казне, выплатив их частично или не выплатив (как, например, и без того богатому Гальбе) вовсе, на чём пиарящийся Гай, проявив столь похвально-запредельную щедрость, собрал дополнительные очки. Его рейтинг зашкаливал и продолжал расти.

Вслед за дарами (во, разумеется, исполнение противоправно аннулированного дуалистического завещания почтённого торжественным погребением предшественника, что, т.е. как бы временное присвоение Гаю всей полноты власти в обход Гемелла, ни у кого не вызвало нареканий) новоуказанному принцепсу (к-рый двояко — не предал Тиберия проклятию и не причислил к сонму богов)⁴ надлежало почтить мученическую память его загубленных происками околотронных врагов отечества матери и старших братьев. Напоминаем, ссыльные Нерон и Агриппина умерли в, соответственно, 31 и 33г. на островах; Друз — в 33г. — в каземате Палатинского дворца.

В апреле 37г. Калигула отправился на Кампанские (у берегов Лациума и Кампании) острова — Пандатерия (место самоубийственной или убийственной смерти, в любом случае, изведённой-угробленной Агриппины) и Понтия (место убийственной или самоубийственной смерти, в любом случае, изведённого-угробленного Нерона), бережно собрал там прах матери и братьев (включая Друза), и торжественно перевёз-перенёс то, что от них осталось в прадедовский августейший мавзолей, где они упокоились возле, в частности, праха их погубителя Тиберия.

⁴ Согласно Диону (59,3,7), Гай ещё до прибытия в Рим с телом покойного Тиберия потребовал предоставления последнему, к-рого он называл дедушкой, тех же посмертно-погребальных почестей, к-рые были в своё время предоставлены Августу, но сенат проявил (заведомую) медлительность (надо полагать, по взаимному, при посредничестве Макрона, молчаливому согласию), отложив дело до прибытия и пресонального присутствия Гая, кто в дальнейшем на своём (приличия ради) требовании больше не настаивал. Т.е. обе стороны, не желая оказывать августейшие почести Тиберию, в чём их намерения-умыслы искренне сошлись, поступили, деликатно передавая похеренную обеими инициативу одна другой, сделав это и вполне дипломатично, и максимально корректно.

Хотя, согласно официальной версии, основная вина за их несчастную судьбу теперь возлагалась на их нещадного преследователя-гонителя — злыдня Сеяна, несмотря даже на то, что Агриппина и Друз умерли аж через два года после падения всемогущего временщика. К тому же, судя по слову Светония (Кал. 15) о прахе старших калигулианских братьев в мн.ч., останки замороженного голодом в римско-палатинском каземате Друза Тиберий в 33г. велел предать земле тоже на одном из вышеупомянутых сыльных островов. Либо — возле праха Агриппины (замороженной именно на Пандатерии как бы в память о сосланной туда Августом его дочери Юлии, к-рая доводилась Агриппине матерью), либо, — скорее, Нерона, поскольку в светониевском «Жизнеописании Тиберия» есть следующие о несостоявшихся кронпринцах Нероне и Друзе слова: «Останки обоих были так размётаны, что их лишь с великим трудом удалось впоследствии собрать» (54).

Светоний: «...он (Гай) отправился на Пандатерию и Понтийские о-ва, спеша собрать прах матери и братьев: отплыл он в бурную непогоду, чтоб виднее была его сыновья любовь, приблизился к их останкам благоговейно, положил их в урны собственными руками; с не меньшей пышностью, в биреме со знаменем на корме, он доставил их в Остию и вверх по Тибру в Рим, где самые знатные всадники сквозз толпу народа на двух носилках внесли их в мавзолей. В память их установил он всенародно ежегодные поминальные обряды, а в честь матери ещё и церковные игры, где изображение её везли в процессии на особой колеснице. Отца же он почтил, назвав в его память месяц сентябрь Германиком.⁵ После этого в сенатском постановлении он сразу назначил бабке своей Антонии все почести, к-рые когда-либо воздавались Ливии Августе...» (Кал. 15)

Дион: «Он сам переплыл море, собственными руками собрал и привёз прах матери и братьев; и одетый в окаймлённую пурпуром тогу, окружённый ликторами, как в триумфе, поместил их останки в гробнице Августа. Он отменил все меры, утверждённые против них, и вернул тех, кто находился из-за них в изгнании...» (59,3,5)

Воспитавшая Гая бабушка Антония, на попечение к-рой он, вместе с мл. сёстрами, Друзиллой и Юлией (старшая, Агриппина, была с 28г. замужем), попал-перешёл после кончины в январе 29г. Ливии Августы (к-рая, в свою очередь, взяла на себя заботу о правнучке и правнучках начиная с опалы в 28г. их матери — Агриппины Ст.), удостоилась теперь всех почестей Ливии, равно — имени-титула Августы, и стала жрицей божественного Августа — *sacerdos divi Augusti* (Свет. «Кал.» 15; Дион 59,3,4).

Дядя императора Клавдий, к-рый в возрасте 46-и лет всё ещё оставался всадником, не введённый Тиберием в сенат и, как сказано, не допущенный (по слабосилию, чтобы не сказать — по слабоумию) к должностям, ныне дезигнировался в консулы, взятый Калигулой в парные сотоварищи-коллеги по консульству. При всём том, Гай отверг льстивое-сервильное предложение тотчас облечь (пост)эпонимическое консульство в паре с Клавдием, конституционно отложив суффиктное облечение одного на второе, с 1.07., полугодие и (с истинно императорским благодушием-благочинием) сохранив-оставив полугодие первое за вступившими в должность 1.01. республиканскими (витринные манекены) эпонимами — Г.Ащеронием Прокулом и Г.Петронием Понтием Негрином (см. выше).

С тех пор облечённый консулярским рангом Клавдий несколько раз, в ходе

⁵ Примечательно, что только названия месяцев «июль» и «август», по именам отцов-основателей императорского Рима Юлия Цезаря и Августа, прижились в 12-месячном круговороте юлианского года, невзирая на не одну последующую попытку наименовать некоторые месяцы именами других кесарей или членов императорской фамилии.

короткого правления Калигулы, заменял его (словно в процессе подготовки к собственному царствованию), распоряжаясь на зрелищах, где народ приветствовал его криками: «Да здравствует дядя императора» и «Да здравствует брат Германика» (Свет. «Кл.» 7).

Тиберий Гемелл в один и тот же день надел тогу мужа, был (престолонаследно) усыновлён-адоптирован Гаем и оснащён званием-титолом всаднического предводителя молодёжи — *princeps iuventutis*.⁶ Упоминание калигулианских сестёр — Агриппины, Друзиллы и Юлии (три сестры — три цесаревны), наделённых, как и Антония, правами Девственных Весталок и правом нахождения на театрально-цирковых представлениях в ложе императора (эмансипация!), вошло в качестве прибавления ко всякой клятве в верности венценосцу: «И пусть не люблю я себя и моих детей больше, чем Гая и его сестёр», в то время как прибавка к консульским предложениям гласила: «Да сопутствует счастье и удача Гаю Цезарю и его сёстрам!» (Кал. 15; Дион 59,3,4; 8,1).

Инициатива каких из перечисленных чествований членов императорской фамилии принадлежала Гаю? а каких — придворным льстецам? — вопросы, ответы на к-рые напрашиваются. По поводу своих (любимой всеми) бабки Антонии, (обиженного-невывинченного Тиберием) дяди Клавдия и (братски-отчески взятого Гаем под крыло) Гемелла, вероятно, активно, при полной поддержке нобилитета с народом, сам Гай, в то время как по поводу его (любимых) сестёр, вероятно, подсуетились отцы нации (от сената и всадничества, не без соучастия народа).

* * *

Внимание! Всеобщим приветственным одобрением римляне встретили заявление голубчика-принцепса о прекращении привлечений-обвинений по пресловутому (искони сулланскому) закону об оскорблении величия (к-рый ставший к старости менее толерантным Август задействовал; к-рый Тиберий вовсю попользовал; по к-рому Калигула позднее казнит массу людей) и широченную амнистию для жертв политических репрессий тиберианского режима. Речь идёт о реабилитации незаконно репресиированных и реабилитированных посмертно, об освобождении из тюрем политических подследственных и осуждённых, о снятии подозрений с подозреваемых и потенциально подозрительных, о возвращении из ссылок релегированных и экзилированных.

Плюс к тому, следственные документы как по делу его матери и братьев, так и прочие материалы, включая доносы, были Гаем публично сожжены на форуме, с призыванием богов в свидетели, что он ничего не читал и не трогал, дабы умиротворить давешних доносчиков и свидетелей. Тем не менее, копии (всех или части) разоблачительных документов император, как выяснилось позднее, тайно приберёт.

Светоний: «В той же погоне за народной любовью он помиловал осуждённых и сосланных; по всем обвинениям, оставшимся от прошлых времён, объявил прощение...» (Кал. 15). Дион: «...он освободил тех, кто находился в заключении, среди

⁶ Сообразно крайне не жалующему Гаю Филону, относительно Гемелла, он (лицемер Гай), — «собрав верхушку», сказал: «Пусть тот, кто по рождению мне двоюродный (на самом деле — троюродный — К.З.), а по любви родной, делит со мной самодержавную власть; так думал и покойный Тиберий. Однако вы и сами видите, что он ещё совсем дитя и надобны ему опекуны, учителя и наставники. А потому не лучше ли будет, когда с души его и плеч некто вставший рядом, снимет часть ноши, ибо власть — тяжкое бремя. А я больше чем наставник, учитель и опекун, отныне я буду ему отцом, а он мне — сыном» («Посольство к Гаю» 4).

них Квинта Помпония⁷, к-рого в течение семи лет после его консульства содержали в тюрьме и плохо с ним обращались. Он покончил с доносами об оскорблении величия, к-рые, как он видел, были самой главной причиной существующего тяжёлого положения с заключёнными и их страданий, и он собрал и сжёг (или притворился, что сделал так) документы, к-рые имели отношение к таким случаям, оставшиеся от Тиберия, объявив: «Я сделал это, чтобы независимо от того, насколько сильно я бы мог пожелать однажды припомнить зло всякому злоумышлявшему против моей матери и моих братьев, я, однако был бы неспособен наказать его» (59,6,2/3).

И точно в подтверждение этих высокоправедных слов, Гай в начальные месяцы своего правления даже не принял донос о покушении на его жизнь, «заявив, что он ничем и ни в ком не мог возбудить ненависти и что для доносчиков слух его закрыт» (Свет. «Кал.» 15,4). Поставление ему статуй, чего потом он будет требовать и санкционировать повсеместно, Калигула поначалу (минимум в Риме/Италии) строго запретил (Дион 59,4,4). Одновременно, с запрещённых и уничтоженных сенатскими постановлениями при Августе (12г.) сочинений (ссылного) Т.Лабиена и Кассия Севера, к-рый умер в островной (на Серифе) ссылке (32г.), а при Тиберии – исторического труда Кремуция Корда, к-рый наложил на себя (во избежание рук палача) руки (25г.) (Р.л. 1276-79; Д.И. 962-72; Т.Г. 1001), были сняты все запреты, с позволением разыскать их, хранить и читать. Ибо Гаю, по его слову-заявлению (видите ли), «важней всего, чтобы никакое событие не ускользнуло от потомков» (Кал. 16,1). Vivat свобода слова (гласность и перестройка)!

С другой стороны, по инициативе взявшегося также за восстановление нравов и строгой нравственности (подобно Августу) Гаю, тиберианско-каприйские изобретатели чудовищных наслаждений, подростки-спинтрии, видимо, перебравшиеся после кончины Тиберия в Рим, где они оказались весьма востребованы, были, согласно Светонию, изгнаны из Рима. Более того, нешуточно осерчавшего на них за непомерное-неуёмное распутство (к к-рому он сам вдосталь приобщался, обретаясь возле развратного дедушки на Капри) Верховного с трудом удалось уговорить не топить их в море (Кал. 16).

Ниже Светоний перечисляет ещё ряд позитивных решений-деяний Калигулы, коротко рисуя в своём «Жизнеописании» сначала портрет положительного героя, чтобы вскоре перейти к обстоятельному изображению чудовища. Т.е. портретист-эссеист игнорирует хронологию, и потому нет гарантий, что всё перечисленное им обязательно относится лишь к начальному периоду правления Гаю. Но мы, всё-таки, приведём кое что из светониевского перечня здесь, приложительно к периоду, к-рому данные решения-деяния, действительно (что частично подтверждает и Дион), в наибольшей мере, соответствуют:

«Отчёты о состоянии державы, к-рые Август издавал, а Тиберий перестал, он вновь приказал обнародовать. Должностным лицам он разрешил свободно править суд, ни о чём его не запрашивая. Списки всадников он проверял строго и тщательно, но не беспощадно: кто был запятнан позором и бесчестьем, у тех он всенародно

⁷ Вероятно, в кадре один из неизвестных-краткосрочных консулов-суф. 29г. н.э., к-рый угодил (за какое-то оскорбление величия тождественного римскому народу императорского «величества»), при ближе неясных обстоятельствах, в застенок в 30г. н.э. и провёл в заточении 7 лет. Под этим Кв.Помпонием не может быть, вопреки распространённому мнению, конс.-суф. 41г. Кв.Помпоний Секунд (ст. брат привлекавшегося в 31г. по делу Сеяна П.Помпония Секунда – консула-суф. 44г.), к-рый в 33г., отнюдь не сидя в тюрьме, привлёк к суду (обвинившего в 31г. его посаженного под домашний арест, но не в тюрьму брата) экс-претора Консидия Прокула (Т.Г.645/66) (см. выше).

отбирал коня, за кем была меньшая вина, тех он просто пропускал при оглашении имён.⁸ Чтобы судьям легче было работать, он присоединил к четырём их декуриям новую пятую.⁹ Пытался он даже вернуть народу выборы должностных лиц, восстановив народные собрания.¹⁰ Подарки по завещанию Тиберия, хотя оно и было объявлено недействительным, и даже по завещанию Юлии Августы, к-рое Тиберий утаил, он отсчитал и выплатил честно и без оговорок. Италию он освободил от полупроцентного налога на распродажи¹¹, многим пострадавшим от пожаров возместил их убытки¹²...» (Кал. 16,1-3)

«Чтобы показать, что никакого доброго дела он не оставит без поощрения, он дал в награду 800 тыс. сестерциев одной вольноотпущеннице, к-рая под самыми жестокими пытками не выдала преступления своего патрона» (Кал. 16,4). Какой патрон и какая вольноотпущенница в объективе – неизвестно. Зато известно, что придерживавшемуся радикально антимонархических взглядов знаменитому кинику Деметрию, к-рый учительствовал в Риме при Гае, Нероне и Веспасиане, Гай хотел подарить за вроде бы его свободолюбие 200 тыс. сестерциев, от чего тот (усмотрев ли в этом даре попытку сделать его придворно-покладистым философом?) дерзко отказался, сказав, что сумма слишком мала, недостойная даже ответа с его стороны, и что Гаю следовало бы предложить ему минимум всю Империю (Сенека «De benef.» 7,11). Кесарь же не обиделся, или сделал вид, что совсем не обиделся, применительно к чему можно себе представить только раннего *либерал-демократа* Калигулу.¹³

Итак Saeculum Aureum = Золотой век – вернулся? Как бы не так! Обождём трошки, присмотримся, проследим и увидим, что из этого «возвращения» вскоре получится!

⁸ Смотры всадническим турмам и проверка списков всадников производились июльским летом. Т.е. речь о проверках 37/38/39гг., когда Гай находился в Риме/Италии, и неизвестно – насколько сказанное Светонием, в позитивном для Гая ключе-контексте, приложимо к проверкам после 37г.

⁹ К трём республиканско-судейским декуриям, одна из к-рых была отменена Цезарем (Юл.41), но восстановлена Антонием, Август прибавил четвёртую (Авг.32).

¹⁰ Выборы должностных лиц перенёс из народных собраний в сенат в 14г. Тиберий и сиюминутная попытка краткоцарственного Калигулы (якобы) вернуть их народным собраниям последствий не имела.

¹¹ Налог на распродажи был введён Августом для пополнения военной казны и колебался, взимаемый при Августе и Тиберии, от 1 до 0,5 %. В честь отмены этого налога Калигулой была выпущена особая серия монет.

¹² Видимо, имеется в виду, прежде всего, грандиозный пожар на Авентинском холме во второй половине 36г., возмещение убытков от к-рого началось созданием специальной комиссии из в основном членов императорской фамилии (см. выше) при Тиберии и было продолжено-завершено при Калигуле.

¹³ Позже Деметрий, надо понимать, ещё при кардинально изменившемся Калигуле покинул (от греха подальше) Рим и перебрался в Коринф, откуда вернулся при Нероне, снова вынужденный, на сей раз, из-за дружбы с Фрасеей Петом, ссыльно податься в 66г. в Грецию (Коринф и Афины), чтобы вернуться уже при Веспасиане (69-79гг.) и быть сосланным за принадлежность к т.н. противотиранической «философской партии», вместе с др. – похожих воззрений – философами, на один из суровых средиземноморских островов (relegatio in insulam) в 71г. Информация Флавия Филострата о ходагтайстве Аполлония Тианского за Деметрия перед Титом (79-81гг.) и о переписке между Аполлоном и Деметрием в правление Домициана (81-96гг.) вряд ли (так как Деметрий был немолод уже в годы кесарства Калигулы) достоверна.

ПЕРВОЕ КОНСУЛЬСТВО

1 июля 37г. н.э. = 790г. а.У.с. Гай (Юлий) Цезарь Август Германик вступил в своё первое (суффектное) консульство в паре с (другим коллегой-суффектом) Тиберием Клавдием Нероном Германиком.

Вступление в высшую (после цензорской) выборную республиканско-магистративную должность *первый среди равных* ознаменовал торжественной речью, в к-рой (порядком укрепившись у власти и чувствуя себя всё увереннее во власти) уже демонстративно противопоставил своё (либерально-демократическое) правление (автократическо-тираническому) тиберианскому, назвав себя, продолжателя-преемника-наследника-потомка Августа и Германика, сыном почтенных отцов-сенаторов, с к-рыми он будет делить и отправлять властные полномочия.

В ответ восторженный сенат (испытыв чуть ли не массовый оргазм) принял неумные чествовательные постановления (сервизм к-рых всячески закладывал калигулианскую тиранию!): 1) зачитывать произнесённую принципсом историческую речь ежегодно (в комментариях к чему Дион ехидно замечает, что мотивировалось это сенатское решение опасением перемены в кесарских настроениях: мол, обратного хода нет) (59,5,7); 2) наименовать день 18.03. (дата вручения Гаю верховной власти) Парилиями¹⁴ и считать его днём второго основания города Рима, с ежегодным празднованием, в частности, посредством несения-внесения посвящённого сенатом Гаю золотого щита на Капитолий, в сопровождении сената и с воспеванием знатнейшими отроками и отроковицами (чадами живых родителей) добродетелей правителя (Свет. «Кал.» 16,4).

Апогеем же превращённого-превратившегося в сплошной праздник Гаева консульства – с июля по начало второй половины сентября – стало освящение храма Августа, воздвигнутого при Тиберии, но не освящённого из-за отсутствия каприйского императора в Риме. Теперь пышное празднество, словно навёрстывая упущенное, началось в день рождения Августа 19.08. и не прекращалось до дня рождения Калигулы, кому 31.08.37г. исполнилось 25 лет (Дион 59,7,2).

К слову, в день августейшей кончины (и, следовательно, начала Августова перехода в 14г. в сонм бессмертных богов) 19.08.37г. Калигула вручил императорский ответ прибывшему в Рим панэллинскому-греческому посольству ахейцев, беотийцев, локрийцев, фокийцев и эвбейцев с выражением глубокой признательности за их выражение преданности-лояльности ему, при его скромном согласии на уже установленные греками кесарские статуи (только) в Олимпии, Немее, Дельфах, Коринфе. Дескать, с него станется и в прочих городах статуи устанавливать необязательно: равно он пообещал не отягощать греков налогами.

Сохранился изображающий долгий праздник 19-31.08.37г. и августейший храм медальон-сестерций, на к-ром святилище с 6-ю колоннами по фронтому, скульптурный ансамбль к-рого состоит из центральной фигуры со скипетром и патерой (чаша для возлияний) в руках, плюс – фигуры справа и слева от центральной. Верх крыши венчают квадрига и скульптуры-статуи Виктории, Марса, Энея, Анхиза, Аскания Юла.

Не удивительно, ведь если Викторина – богиня Победы, а Марс – покровитель римлян, то воспетый Вергилием («Энеида») как историческое олицетворение Августа сын Анхиза и отец Юла – Эней – их (приведший остаток троянцев на место грядущего Рима) прародитель. Однако, интереснее то, что в самом центре храма (на сестерции-медальоне) стоит Калигула с патерой в правой руке перед украшен-

¹⁴ Парилиями (от имени богини Палес) назывался посвящённый основанию Рима ежегодный праздник 21 апреля.

ным гирляндами алтарём, куда вооружённый топором помощник жреца возводит жертвенного быка, тогда как второй помощник стоит слева, позади Калигулы, и держит патеру в руке левой.

В ходе роскошного, без малого, двухнедельно-перманентного торжества имело место всё (и всё превзошло все ожидания истосковавшегося при Тиберии не столько по хлебу, сколько по зрелищам и дарам-раздачам народа): цирковые, включающие гладиаторские бои и травлю зверей, и всякие постановочно-театральные представления; щедрейшие денежные и щедрые продуктовые раздачи; нескончаемое угощение сенаторов и всадников с их семьями; всяческое ублажение зрелищами, едой-питьём, раздаточными деньгами и различными подарками всего плебса (Свет «Кал.» 17/18; Дион 59,7). И желая ещё чем-то угодить обожающему его и обожаемому им народу, Гай прибавил в августе к декабрьским Сатурналиям дополнительный праздничный день, назвав его Ювеналиями.

А 17.09., в день консекрации-обожествления в 14г. Августа, он, отвергнув (из преданности восстановленной Августом Республике *restituta*) многочисленные предложения-пожелания доконсульствовать, с дядей или без дяди Клавдия, до конца года (и облекать ординарные консульства всех последующих лет), сложил, как и Клавдий, консульские полномочия в пользу ожидавших своей очереди суфффектов второго полугодия – А.Цецины Пета и Г.Каниния Ребила.¹⁵

ВАССАЛЬНЫЕ ЦАРИ И ЦАРСТВА

Касаемо внешней политики, как мы уже знаем, где-то летом 37г. сирийский легат Вителлий вторично (на этот раз без участия досадно опередившего его осенью 36г. докладом о проделанной работе на имя Тиберия Ирода Антипы) встретился с (проявившим переговорно-договорную инициативу) Атрабаном Парфянским для подтверждения, на несколько иных-новых условиях, мира в отношениях двух держав, к-рый был заключён между ними в прошлом году и обновлён ныне.

Причём относительно буферной Армении Атрабан получил, неизвестно на что взамен, определённые территориальные преференции (эвентуально – Мигдонию и Софену), поскольку в следующем 38г. он передал своему вассалу Изату Адиабенскому отъятый в пользу Изата у Армянского (или, м.б., у Осроэнского?) царства Нисибин (город в северной Месопотамии, у границы с Арменией), чего царь царей не мог бы сделать, не находясь в означенный период времени часть Армении, не без предварительного соглашения с Римом, в сфере распорядительского влияния Ирана.

К тому же, если царь Осроэны на время правления Калигулы общеизвестен – это (маневрировавший-лавировавший между Римом и Ираном) Абгар Эдесский (+ 50г.), то по поводу армянского царя остаётся гадать, т.к., повторим, видимо, именно в 37г. Калигула вызвал занимавшего престол Армении (ставленника Тиберия) Митридата Иверского в Рим и, при ближе неведомых обстоятельствах, заключил его под стражу. Кем последний был заменён и имела ли Армения, устройство к-рой в 37 – 41гг. неясно, царя? а если имела – то кого, по предположительному компромиссу с парфянами? – вопрос/вопросы.

¹⁵ В 42г. А.Цецина Пет вынужден будет покончить самоубийством, из-за соучастия в восстании Камилла Скрибониана (конс. 32г.), но ему не хватит решимости и его, решившая разделить участь супруга жена Аррия первой заколется кинжалом, подав пример мужества мужу (Плиний Мл. 3,16,6) (см. ниже). Г.Каниний Ребил, дополнительных сведений о к-ром нет, скорее, внук, нежели, как полагают, сын умершего в должности одноимённого суфф. преемника П.С.Квирина в консульстве 12г. до н.э. (Р.л.516/17).

Так или иначе, пусть нюансы в тумане, тем не менее, междержавный мир посредством соглашения 37-го г. был подтверждён-новоустановлен именно при Гае, к-рого (имевший в 18г. дело с Германиком) Артабан, в отличие от враждебного ему (плюс – презираемого им) Тиберия, чтил, и при к-ром он в 37-м, а не в 36г. (когда встреча между ним и Вителлием произошла на мосту через Евфрат) перешёл на правый римский берег Евфрата, где воздал почести римским орлам, значкам легионов и изображениям Цезарей (см. выше) (см. ср. Свет «Кал.» 14; «Вит.» 2; И.д. 18,4,4/5; Дион 59,27,2; 60,8,1; Сенека «Диал.» 9,11,12; Тацит «Ан.» 11,8).

В любом случае, никто в Риме не воспринял соглашение 37г. как проигрышное, иначе до нас дошла бы какая-либо соответствующая информация античных авторов, тогда как они, напротив, пусть неправомерно смыкая два соглашения 36 и 37гг. в одно, говорят о выигрыше. Т.е. (неведомым образом нюансированный) договор 37г. устроил обе стороны, при том, что сын Артабана юный Дарий с 36 или с 37гг. находился в качестве почётного заложника в Риме, в то время как самому Артабану представилась с 37г. полная возможность посвятить себя урегулированию внутренних и восточно-пограничных проблем, что было для него весьма насущно и оказалось весьма кстати.

По всей вероятности, Гай считал, что Армения должна быть под совместным (в определённой, разумеется, не в ущерб Риму, форме-мере и по какой-то определённой формуле-формулировке) контролем двух-обеих держав (кондоминимум), к чему он (своеобразно предваряя Нерона) стремился, и чего частично, пойдя на некоторые (чем-то компенсированные) уступки парфянам, достиг.

Правление Гая вообще характеризуется пересмотром политики Августа и Тиберия по адресу периферии и пограничных вассалитетов. Если Август и Тиберий, продолжая старореспубликанскую линию, понемногу-постепенно втягивали попавшие в римскую орбиту вассальные царства в римскую империальную систему, с целью их конечной провинциализации, притом, что касается Востока, – на территориях до буферно-междержавной Армении (к-рая, как максимальная граница Империи, провинциализации, согласно Помпею и Августу, не подлежала), то Калигула взял на вооружение модифицированную линию своего второго прадеда по бабке Антонии – активного создателя-поощрителя-сторонника именно (буферного пояса из) приграничных вассалитетов – М.Антония. И взял он эту (эллинистическую) линию на вооружение путём не просто неупразднения наличествующих, но более того, посредством возрождения прежних государственно-вассальных единиц, упразднённых Тиберием.

В частности, например, – Коммагены, Понта и М.Армении, к-рые, сродни Каппадокии, предваряли Армению и Осроэну, и восстановление или обновление к-рых в (за исключением Каппадокии) вассальном статусе, провинциализаторски упразднённом (Коммагена и М.Армения) или замороженном (Понт) при Тиберии, отодвигало, таким образом, Армению и Осроэну на более дальний для Рима лимесный рубеж. И контроль над этим рубежом Гай (как-то) новодоговорно (в ранге старшего сверхдержавника) поделил-распределил-новоурегулировал соглашением 37г. с Артабаном (в обмен на, в т.ч., престижное воздание последним, в ранге младшего друга-союзника, на римском берегу Евфрата почестей римским штандартам и римским Цезарям).

Выше мы узнали, что на первом месяце власти (март/апрель 37г.) Калигула освободил из застенка своего дружбана Агриппу Иудейского, предоставил ему вакантные тетрархии почивших годом ранее Филиппа и Лисания (прибавив в 40г. к этим владениям тетрархию сосланного Антипы), плюс присвоил корешу царский титул. Однако, это всё же были действия-изменения в рамках установленных-установившихся правил, в обычном августинско-тиберийском формате, без упразд-

нения в пользу Агриппы учреждённой в бг. н.э. провинции Иудея с центром в Иерусалиме (что сделает в 41г., поставив Агриппу во главе возрождённого Иудейского царства уже Клавдий). Хотя, к примеру, римского вассала Арета IV Набатейского Калигула, о чём нам известно, поощрил весной/летом 37г. присоединением к его владениям Дамаска, выведенного (необычным для имперской власти макаром) из состава провинциальной Сирии.

А вот по факту предоставления Антиоху IV Коммагены (Свет. «Кал.» 16,3; Дион 59,8,2), провинциализированной Тиберием после кончины в 17г. н.э. Антиоха III (Д.И. 135-37), да ещё с присовокуплением части Киликии, да ещё с выплатой коммагенскому венценосцу всех податей и доходов за прошедшие 20 лет, в размере 100 млн. сестерций, тут мы имеем дело именно с восстановлением ликвидированного-аннексированного (при Тиберии, по августейшим лекалам) вассального царства. Кроме того, согласно замечанию Светония, и в остальных подобных случаях, когда Калигула «возвращал царям их царства, то выплачивал им и все подати и доходы за прошедшее время».

Скажем здесь обо всех этих царях и царствах, пусть даже у анналиста Диона под занавес 37г. сообщается только об Агриппе и Антиохе, притом суммарно и только после тяжёлой октябрьской болезни Гая, несмотря на то, что Агриппа, как мы убедились, получил от Гая свои тетрархии ещё в марте/апреле, правда, будучи отпущен Гаем в своё два-тетрархическое царство лишь летом следующего 38г. Впрочем, подобными несущественными для него нюансами-подробностями-детальями державный анналист Дион, панорамно взирая на вассальную периферию, не интересуется, и потому вполне может, по данному вопросу, допускать неточности-ошибки.

Между тем, скорее, Калигула осчастливил, надо полагать, жившего с 17-го или с 18г., (когда прибывший на Восток Германик практически аннексировал Коммагену) в Риме и дружного ему Антиоха пригранично-евфратским царством летом 37г., ок. времени заключения обновлённого мира с парфянами. И пусть калигулианские решения относительно других вассалитетов фигурируют у Диона под концом анналистики 38-го г., о них можно сказать и сейчас, предпочитая, при датировке этих решений-свершений, с учётом дионовской хроноповествовательной манеры, дробную дату – 37/38гг.

Речь идёт, прежде всего, о воспитывавшихся вместе с Калигулой трёх сыновьях Котия Фракийского и Антонии Трифены (дочь Полемона Понтийского и Пифодориды;¹⁶ сестра Зенона-Артасеса Армянского) – Роиметалке, Полемене, Котии. Напомним, со смертью в 12г. н.э. подвассального Риму фракийско-одрисского царя Роиметалка, Август разделил Фракию между его сыном Котием и братом Раскупорием, к-рый в 18г. вероломно убил племянника, за что был хитроумно пленён, по заданию Тиберия, Л.Помпонием Флакком, препровождён в Рим, судим (на суде Антония Трифена выступала обвинительницей) и сослан в Александрию, где погиб.

После этого Фракия была, на сей раз, разделена между его не одобрявшим действия отца сыном Роиметалком и малыми детьми Котия, за к-рых, ввиду их малолетства, правили римляне, пока они сами (большую часть времени) подвизались, проходя воспитание и обучение, в Риме (Д.И. 38/39; 131/32; 157-59). Всего-итога у Антонии Трифены было пятеро родившихся в 11/12 – 18гг. детей от Котия: три сына и две дочери.

¹⁶ Пифодорида была дочерью малоазийского богатея Пифодора Тральского и дочери М.Антония (от его первого брака) Антонии, т.е. она и её дети состояли в родстве с (правнуком Антония) Калигулой.

Роиметалку (Котиевичу) от Калигулы досталась, после кончины до 38г. его тезки — сына Раскупория, вся Фракия. Засим, б.м., Калигула сделал его царём половины Фракии в 37г., прибавив к ней вторую половину раздвоенного с 12г. вассалитета в 38г. (Дион 59,12,2), или, при всех условиях, наметив Роиметалка, как и его братьев (своих друзей детства, отрочества, юности), в царя ещё в 37г. Т.е. старый медлительный Тиберий, невзирая на приемлемую к началу второй половины 30-х гг. Ив. взрослость минимум кого-то из сыновей Котия, не спешил (оставляя решение проблемы тронному преемнику) делать кого-либо из них царём над вакантной частью Фракии. Роиметалк процарствует над Фракией до 45г., когда будет коварно убит своей женой, следом за чем Клавдий приведёт к покорности и провинциализирует заволновавшуюся Фракию в 46г. (см. ниже).

Полемон получил дедовский Понт (Р.л. 431-34; 546-48; 578), к-рый с кончиной в 36г. (наследовавшей в 8г. до н.э. погибшему на Кубани мужу — Полемону Понтийскому) Пифодориды (тоже) оставался (сродни тетрархиям Филиппа и Лисания, или сродни части Фракии) без венценосца, точнее, был (стоя под секвестром) временно бесхозным. Т.е. Тиберием и тут решение принято не было, с тем, чтобы его преемник либо провинциализировал Понтийское царство, либо поставил над ним нового вассального царя.

Далее, Калигула прибавил-прирастил к Понту своего протеже Полемона II (кому помогала в управлении его мать — Антония Трифена) ещё и таврический (крымский) Боспор, к-рый в своё время Полемон I Понтийский униировал, по указанию Августа, с Понтом, женив в 14г. до н.э. внучку Митридата Эвпатора — Динамис. В следующем 13г. она бежала от мужа на Кубань к своему мятежному отпрыску Аспургу (сын Динамис от женившегося её Асандра из Фанагории, к-рого, победителя Фарнака, признал в 30-егг. Ив. до н.э. боспорским царём тогдашний распорядитель Востока — М.Антоний) и затем царствовала, с 7г. до н.э. по 14г. н.э., признанная отказавшимися от унии Понт — Боспор римлянами в Тавриде.¹⁷

Ей наследовал сын Аспург, доцарствовавший до 37/38г., когда, с его смертью, Калигулой была предпринята попытка реставрации Понтийско-Боспорского царства под властью Полемона II, что не удалось, вследствие чего Клавдий вернётся к раздельному господству Рима над расположенными на разных берегах Чёрного моря Понтом и Боспором¹⁸ (компенсировав отказавшегося от претензий на Боспор Полемона частью Киликии). Впоследствии, если Понт Нерон аннексирует в 63/64гг., то Боспор так и пребудет далёким потусторонне-черноморским вассалитетом *Imperium Romanum*.

И, наконец, третьему из фракийских братьев-принцев, одноимённому их родителю — Котию — досталась причерноморская Малая Армения, к-рая с 20г. до н.э. (по смерти владевшего ею с 30г. до н.э. Артавазда Мидийского) входила в состав

¹⁷ В 3/2гг. до н.э. вдовая с 8г. до н.э. Пифодорида Понтийская вышла замуж за соседнего с Понтом римского вассала Архелая Каппадокийского и замужествовала за ним до его кончины (17г.), не притязая на Боспор. Т.е., после гибели не сумевшего в итоге прочно объединить Понт и Боспор Полемона Понтийского, Август, в обмен на признание ею верховенства Рима, признал на Боспоре царицу Динамис, сочтя в перспективе более резонным брачное сближение непосредственных малоазийских соседей — Понта и Каппадокии.

¹⁸ Судя по монетам, на 39г. в Боспоре царствовала некая царица Гепапирия, как полагают, приёмная мать или жена сына Аспурга — Митридата (Дион 60,8,2), монеты к-рого, не признавшего власть Полемона II, идут с 39/40, или с 41/42гг., когда его признал Клавдий. Известно также, что другой сын Аспурга, Котий, интриговал против брата и сделался царём, с согласия римлян, в 45/46гг. (время, до к-рого идут монеты Митридата и Гепапирии), причём Митридатова попытка свергнуть брата провалилась (см. ниже).

Каппадокийского царства, подвергнувшись провинциализации вместе с Каппадокией, при Тиберию, после смерти (17г.) царя Архелая Каппадокийца (Р.л. 232/33; Д.И. 82/83; 131-35).

Теперь же Калигула, не восстановив вассальную Каппадокию, тем не менее, изъял из провинциального резерва М.Армению и вверил её, плюс, согласно Диону (59,12,2), часть Аравии (?), Котию Фракийскому, ставшему отныне Котием Мало-Армянским и Аравийским, кто процарствует в Армении Мiног до 54г., когда ему (либо умершему, либо продолжившему царствовать над какой-то частью Аравии) преемствует на мало-армянском престоле Иродианин Аристовул – муж (дочери Иродиады) плясуньи Саломии.

Итак, Дион уведомляет о трёх последних воцарениях и ещё о воцарении над частью Итуреи некоего Соэма (из рода умершего в 36г. Лисания Авилинейского, бывшего потомком Птолемея Меннея, Лисания Халкидского и Зенодора) собирательно – на событийном исходе 38г. Но, кстати, возможность наличия в дионовской анналистике, в силу плохой информированности этого анналиста-централиста, как сказано, периферийных ошибок-неточностей, усугубляется, помимо вышеприведённых ляпсусов, ещё и следующим.

Под 37г. он, повествуя об Антиохе (Коммагенском) и Агриппе (Иудейском), называет Ирода Антипу то ли братом, то ли аж сыном Агриппы, лишённым Калигулой отеческого наследства и, дескать, убитым по кесарскому приказу, что, как мы знаем, не так. Антипа приходился не братом и уж, тем паче, не сыном, а дядей Агриппе, и у сославшего его в Галлию в ноябре 40г. Калигулы, к-рый сам был убит всего через два месяца, в январе 41г., оставалось слишком мало времени на Антипово (ещё и) убийство в месте ссылки, чего Калигула, стало быть, не делал.

Да и не был Антипа, в отличие от Авилия Флакка, близко дружен ни с Тиберием, ни с Макроном, ни с Гемеллом, не могучи убийственно заинтересовать Калигулу, тем более, что все его деньги-доходы Калигула передал в ведение Агриппы, к-рого также ссылка лишённого в агриппианскую пользу тетрархии Антипы премного удовлетворила. Одним словом, не та потерявший всё к концу 40г. Антипа (в паре с гордо последовавшей за ним в изгнание Иродиадой) фигура, чтобы вызвать чей-либо устранительный интерес в ссылке.

При всём том, надо сказать, что это откатно-аномально-реставрационное возвращение при Калигуле к проантонианской системе вассалитетов вместо интегралисто-провинциализаторского курса Августа и Тиберия не было системно повсеместным. Ибо, например, Птолемей Мавританский (сын Иова и Клеопатры Селены – дочери Клеопатры от Антония, т.е. – тоже родственник Гая) будет прельстившимся на его богатства Гаем в 40г. казнён, с последующим обращением Мавритании в провинцию.

Антиоха же Коммагенского, сопровождавшего Гая в галло-германской экспедиции 39/40-го гг., последний в том же 40г., за что-то осерчав на него, лишит Коммагены и доходов с неё. Посему многое в поступках инфантильно-противоречивого Гая (слишком молодого, сумасбродного и неровного, чтобы искать во всех его действиях продуманную систему и логику) было обусловлено личными пристрастиями, сиюминутными порывами, симпатиями, антипатиями и т.д. Вместе с тем, Рим был интегральной по сути Империей, из-за чего отыграть интеграцию-поглощение вассальных царств назад, по большому счёту, не представлялось возможным, и вскоре, при Клавдии всё, в плане августинско-тиберианской провинциализации вассалитетов, вернулось на круги своя.

Гай же, наряду с Августом, очень чтит и своего другого прадеда (визави Августа) Антония, о чём начал громко говорить не сразу, но по ходу царствования, всячески дистанцируясь от ещё одного своего прадеда – безродного Випсания Агриппы,

считая Акцийскую победу не столько победой, сколько трагедией для Рима, и даже цинично (в полушутку) утверждая, будто его мать Агриппина была рождена не от Агриппы, родившись (ни больше, ни меньше) от кровосмешительного прелюбодеяния Августа с родной дочерью – Юлией («рафинированный» древнеиранский инцест)!)

И потому в отношении к (братоубийственному) противоборству между Октавианом и Антонием, при Гае, была принята (в корректной форме продолженная затем сыном Антонии Мл. – Клавдием) линия толерантно-гражданского примирения, что, кроме личных пристрастий и антонианской наследственности Гаю, к-рого наверняка привлекали гедонизм и экзотическая египтизация-ориентализация-эллинизация Антония, было продиктовано также сроками, прошедшими со времени противостояния Октавиан – Антоний, к-рые позволяли ретроспективно примирить обе стороны (о чём при махровом августинце Тиберии, естественно, не могло быть и речи).

Одновременно, не надо вовсе отказывать Гаю (несмотря на все болезненно-психопатические зигзаги в его поведении, контрастно проявившиеся после болезни осенью 37г.) в вопросе взаимоотношений между центром и окраинами и в сугубо практической мотивации курса на возвращение к системе вассалитетов. Дело в том, что в качестве вассалитетов, со своими институтами, воинством и системой высокого налогообложения, эти окраины часто куда менее, в смысле доходов и расходов, обременяли Рим, нежели в качестве (ложившихся ощутимым бременем на центр и казну) провинций. Ведь в последних римляне обычно, во всяком случае, на первых порах, заметно снижали налоги, при том, что на их полноценную провинциализацию тратились значительные средства¹⁹, включая создание губернаторской инфраструктуры, реорганизацию органов управления, военные нужды-расходы, финансирование и т.д.

А так молодые дружбаны Калигулы, заделавшись царями (в условиях внешнеполитического спокойствия, когда со стороны замирённой Парфии Риму ничего не угрожало), были всем обязаны персонально ему, но не сенату и не нобилитету. Вдобавок скоро он растратит оставленные Тиберием огромные средства и начнёт остро нуждаться в деньгах, в связи с чем щедрые на подношения восточные династы сделаются для него неисчерпаемыми источниками, к-рые и дают много, и требуют, решая собственные внутренние проблемы, так сказать, сами, своими силами, с центра поменьше.

Воспитываясь вместе с Гаем, жизнь и судьба к-рого находились при Сеяне (и отчасти после Сеяна) на лезвии ножа, названные кронпринцы были много ближе Гаю, чем множество его римских ровесников из сенаторского и всаднического сословия, отцы к-рых лебезили перед Сеяном и плели интриги как против Гаевых матери и братьев, так и против него самого. И этим своим однокашникам – кронпринцам-заложникам при римском дворе, великодушно произведённым им в цари, Гай доверял больше, чем нобилитетским римским легатам, особенно в милитаризованных провинциях, откуда, по его мнению, в большей мере, нежели от бесконечно обязанных кесарю царьков в их т.н. ренессансных царствах, могла исходить опасность мятежа.

¹⁹ То-то немалая часть населения многих вассальных царств предпочитала прямую, означавшую менее тяжёлый гнёт, зависимость от Рима более тяжкой двойной зависимости через своих, зачастую несносных, тирановатых монархов-посредников и паразитарно-придворной камарильи вокруг них. Пример – иудейско-палестинская элита, для многих репрезентантов к-рой власть теократическо-иерократического синедриона в Иерусалиме и римского префекта-прокуратора в Кесарии Приморской была предпочтительнее власти неблагоприятных иродианских венценосцев типа Ирода I (учтя опыт и ошибки к-рого Агриппа сумеет зарекомендовать и перед фарисеями, и перед саддукеями истовым ветхозаветным благочестивцем и заботником как об элите, так и о народе).

БОЛЕЗНЬ КАЛИГУЛЫ

(октябрь/ноябрь 37г.)

Всё шло вроде прекрасно. Рим и Ойкумена преискренне и даже почти неистово радовались новонаступлению «Золотого века Сатурна», полагая что все несчастья остались безвозвратно позади, как, вдруг, Гая свалила какая-то, без малого, смертельная болезнь. Если Дион (59,8,1) упоминает о ней вскользь, едко замечая при этом, что Гай заболел-переболел, не умерев от болезни, после чего начинается рассказ о его жестокостях по выздоровлении, то у Филона, за словами о – в первые семь месяцев правления Калигулы – цветении и изобилии, спокойствии и безмятежности, весельи сердца от утра до утра, везде и повсюду (см. выше), читаем:

«А на восьмом месяце Гай был поражён тяжёлым недугом: здоровая умеренность, к-рой он ещё недавно, при жизни Тиберия, был привержен, сменилась излишествами. Тут и крепкое вино, и лакомства, и аппетиты, коих не утолить, хотя пустоты тела более не вмещают, и тут же горячее купанье, рвота, и снова вино без меры, и новое алканье новых яств, и похоть, насытить к-рую могли и мальчики, и женщины, тут было всё, способное разрушить душу, тело и все их скрепы. Кто держит себя в узде, тому наградой сила и здоровье, а плата за распушенность – бессилье и болезни, идущие об руку со смертью» («Пос. к Г.» 2).

Стало быть, Филон точно датирует Гаеву болезнь – 8-й месяц от начала правления со второй половины марта 37г., что даёт октябрь/ноябрь, т.е. время ухода/перехода из равновесного знака Весов под снабжённый ядовитым жалом и единовременно творческий знак Скорпиона (знак, по зодиакально-метаисторическому летоисчислению, – великих катастроф и великого обновления!). Ох неспроста прощательный старик Тиберий (будто бы, или взаправду) предрекал (согласно Светонию), что в Гае «он вскармливает ехидну для римского народа и Фаэтона для всего земного круга» (Кал. 11).

Не испросил ли Фаэтон разрешения у отца Гелиоса сделаться на один раз солярным возничим-колесничим! Не выпустил ли он из рук вожжи, при виде нацелившегося на него своим жалом страшного Скорпиона, под зодиакально-метаисторическим знаком к-рого стартовала за 15/14 тыс. лет до н.э. (продолжившаяся в знаках Весов, Девы и Льва – до IX/VIII тыс. до н.э.) долгая Атлантическая катастрофа, и роковой знак к-рого, предводительствовавший IV-й (срединной в составе Семи глобальных стадий эволюции) Атлантической эпохой (Пра-Туран), отсрочил Мистерию Голгофы до следующей Пост-Атлантической стадии эволюции.

И в результате всего этого (предательство Мистерий в эпоху Пра-Турана) Таинство Голгофы свершилось, во-первых, с *опозданием* на 14 тыс. лет, в Пятую Пассионарно-Ойкуменическую (= в Арийско-Семитскую) стадию эволюции, в её IV-ю Греко-Римскую эпоху (748/47гг. до н.э. – 1413г. н.э.), под знаком Овна-Агнца; а во-вторых, с *ускорением* (из-за достигнутой человечеством критической точки падения) вселенских и земных сроков на 300 лет (сокращение дней = ускорение сроков), – оно свершилось не в 333 (арифметическая середина семеричной Пассионарно-Ойкуменической стадии и IV-й Греко-Римской эпохи), но именно в 33г. н.э.!

Правда, неизвестно, в какой мере Тиберий провидел в Калигуле, к-рого назначил наследником-преемником, погубителя Фаэтона, и в какой Светоний или его источник анахронистически, с оглядкой на постнедужное чудовищное правление Калигулы, приписал такое провидение Тиберию задним числом.

Впрочем, обращает на себя внимание то, что и наставительный (ведущий полемик) Филон безоттеночно красит Гая в два и делит его на два контрастирующих цвета: на белый, не столько до болезни, сколько при Тиберии и отчасти до болезни; и на чёрный, в особенности после болезни (к-рую удивительным образом ни один

античный автор точно не диагностирует, не называет), усматривая — как благочестивый иудей-еллинист — причину его (языческого) недуга в приверженности непомерным излишествам или смертным грехам. В т.ч., — противоестественным, начиная с неуёмного чревоугодия и кончая извращенческим блудом. Короче, — «всё способное разрушить душу, тело и все скрепы. Кто держит себя в узде, тому наградой сила и здоровье, а плата за распущенность — бессилье и болезни, идущие об руку со смертью» («Пос. к Г.» 2).

Оно, разумеется, так, но исчерпывается ли этим, или светониевским помрачением ума (Кал. 50/51), уж не говоря о падучей с детства и о любовном зелье, к-рым-де опоила Калигулу (его последняя жена) Цезония, к-рой в 37г. рядом с Калигулой ещё нет и в помине, странная болезнь кесаря? кто, переболев чем-то (очень серьёзным) во второй половине осени 37г., кардинально изменился по своём т.н. выздоровлении, впад и всё необратимее-безвозвратнее впадая-проваливаясь в чёрную бездну *кесарева безумия!* Спрашивается, чем конкретно заболел-переболел на 8-м месяце своего правления Калигула? — вот вопрос, ответ на к-рый у античных авторов, тогда как авторы ново-новейшие судачат об энцефалите, отсутствует.

Причём, само собой, не надо делать из Гая ангела до этой болезни в октябре/ноябре 37г., что опровергается словами того же Светония (сколько бы последний ни руководствовался заведомо исконной порочностью Калигулы) о времени от как минимум его пребывания, с начала 30-х гг., при каприйском Тиберии. В те дни, по Светонию (10/11), напомним, никому и ни разу не удалось вырвать у Гая выражения недовольства или скорби об изведённых ближних — братьях и матери, «словно с ними ничего не случилось».

И он всё сносил с до того невероятным притворством, что дал повод (юлившему потом перед ним — кесарем) оратору Пассиену Криспу, повторим, сказать о нём в точку уже при Клавдии: «не было на свете лучшего раба и худшего господина». И ещё в те тиберианские годы он (не могучи обуздать свою природную, как полагает Светоний, свирепость, лютый нрав и порочность) с жадным любопытством присутствовал при пытках и казнях, или посещал, в накладных волосах и длинном платье, по ночам, кабаки и бордели, или (не к чести римского аристократа) плясал и пел на сцене.

Иное дело, что Гаева психика не могла не быть глубоко травмированной, если не с самого детства, то, во всяком случае, с отрочества и ранней юности. Вероятно, он себя урывками помнил, с ок. 3-х лет, т.е. уже по смерти 19.08.14г. Августа, когда находился на галло-германском севере, с матерью, сопровождавшей испоходившего в пору своего намесничества правобережную Германию в 14/15/16гг. Германика, к-рый затем возвратился и отпраздновал в мае 17г., что пятилетний Гай должен был запомнить отчётливо, свой (при окончании свёрнутой Тиберием *Тридцатилетней войны*), с участием своих жены и детей, пышный германский триумф.

Можно вообразить яркие детские впечатления, без сомнения, очень впечатлительного ребёнка на хвойном севере от грозных, облачённых в доспехи и вооружённых до зубов легионов-легионеров, к-рые ласково называли его «калигой» (сапожком), от сумеречно лесистых галло-германских просторов, от могучего Рейна и от грандиозного триумфа отца.

А потом Гай вместе с отцом и матерью совершил путешествие на цветистый Восток, в Сирию, став свидетелем пышных приёмов оказывавшихся его назначенному распорядителем римского Востока отцу повсюду, созерцая величественные храмы, города и бирюзовое море по пути следования, но не побывав в Александрии и в Египте (вверх по Нилу), где Германик побывал в 19г. И, побывав, наверняка успел перед своей загадочной кончиной рассказать об этом нильском вояже маленькому Гаю, к-рого столь неотвратимо влекло в Александрию, куда он

намеревался отчалить в 41г., через М.Азию и Сирию, однако, куда так никогда и не попал.

И дальше, с 19/20гг., для потерявшего отца 7/8-летнего Гая началась очень невесёлая, круто изменившаяся жизнь, когда против осиротевшего семейства Германика плелись интриги, особенно усилившиеся с возвышением Сеяна после смерти Друза (23г.), что привело к опале Агриппины, к возвышению и падению старших братьев, Нерона и Друза, а позднее и к Гаеву отъятию от матери в 28г., с передачей его на попечение прабабки Ливии.

Далее же, с 29г., когда Ливия умерла, а Агриппина и Нерон отправились в ссылку на острова, заботиться о внуке, уже помеченном Тиберием (и ненавистном Сеяну) в качестве престолонаследника, стала бабка Антония. Но лишь в 33г. Гай сделался, после голодной смерти в каземате Палатинского дворца его среднего брата Друза, оставшись единственным выжившим из всей семьи Германиковым отпрыском мужеска пола, наследником № 1, в каковом статусе-ранге его (облекавшего лишь квестуру – 33г.), напару с Тибериевым внуком Друзом, официально утвердило тиберианское завещание 35-го г.

И всё-таки, как до, так и по становлении наследником он жил в постоянном страхе за собственную жизнь, наблюдая трусость, сервизм и интриганство вокруг, не имея никакой уверенности ни в сегодняшнем, ни в завтрашнем дне, вынужденный лебезить, лицемерить и притворяться, поскольку судьба его целиком зависела от тирании Тиберия, к-рый одним мановением руки мог сослать его на пустынный остров, упечь в голодный каземат, лишить (убийственно или самоубийственно) жизни. Отсюда его последующее нечеловеческое презрение к людям и ставка на безальтернативный, в его моноархическом понимании Принципата-Кесариата, с циничной насмешкой над камуфляжно-муляжным республиканизмом, незашоренный абсолютизм.

Одним словом, Гай был продуктом отнюдь не столько римской традиции, к-рую знал больше понаслышке и из книжек, чем видел на деле, сколько апологетом восточной деспотии, тиранического беспредела, к-рые он вобрал в себя с детства, что позднее недостаточно в нём восторжествовало и чудовищно, по полной, без тормозов и задних ног, проявилось. Хотя он попытался, воцарившись, встать – и не только конъюктурно, не только набирая себе общественно-политические очки (что тоже, несомненно, имело место быть), но и искренно – на иной путь добродетельного правителя в пику адепту гос. террора Тиберию. Не на последнего ли римское общество списывало уныние последних 30-33-х лет, включая заключительную (не очень *золотую*) 10-летку августейшего правления, гнетущая атмосфера к-рой, скажем снова, переводилась (памятью-восприятием римлян) на konto много усугубившего её Тиберия.

И если Тиберий, придя к власти в 55 лет, совсем не горел желанием кому-либо понравиться, то 25-летний, чересчур долго сжимавший зубы и кулаки, Гай поначалу жаждал угодить всем, кому возможно, облагодетельствовать всех, кого можно, думая попользовать вверенную ему единоличную власть исключительно в благих целях и не ведая (не желая верить), что благими намерениями вымощена дорога в ад. (Не ты первый, не ты последний!) Он любовался собой, как Нарцисс, и очень хотел, чтобы им любовались, чтобы им восхищались, чтобы его, обойдённого любовью, от всего сердца благодарили и, главное, любили другие, любили окружающие, любили римляне и греки, любили варвары. Отсюда его, в первые месяцы и временами позже, щедрость, мягкость, великодушие и т.д.

25 лет слишком неподходящий возраст для воцарения, возраст кипения дерьма в молодом заду, к-рое кажется кипением крови, возраст невозможности совладать ни с собой, ни с противоречиями в себе, тем паче, когда ты совсем не Александр

Великий и не Август, и когда времена как Александра, так и Августа необратимо миновали, когда на повестке упаднического дня жуткий вирус *furor principum*.

Не сходно ли противоречиво вёл себя порывистый внук Августа – тоже Гай Цезарь, в 20 лет прыгнувший в консулы и погибельно выдвинутый дедом в распорядители Востока, но не успевший натворить ни плохих, ни хороших дел, поскольку его, сломанного-сломавшегося под тяжестью сопровительского ярма, к к-рому он оказался неготов, м.б., очень вовремя прибрала-усыновила (пришедшая на смену, увы, крайне недалёковидному в сём вопросе венценосному деду) преждевременная смерть.

ДЕКАДЕНТНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ

Да, Калигула однозначно не выдержал испытания властью, раздавленный *шанкой Мономаха*, что произошло не первый и не последний раз в истории, в связи с чем частично ответ на вопрос об одной из причин его падения кроется здесь. Но всё же, какая-то загадочная болезнь поразила молодого кесаря на 8-м месяце правления? после к-рой он, перед тем перманентно взбираясь-карабкаясь на протяжении 7-и месяцев вверх, круто изменился, и сначала стал сползать, а потом и понёсся-полетел (во весь опор) в бездну, шаг за шагом делаясь сам зверем из бездны.

И тут возникает вопрос, – не явилось ли причиной болезни и дальнейшего падения Гая вырванное им в приказном порядке, без предварительной подготовки, оккультное посвящение? или первое из принятых им от иерофантов различных мистерий посвячительных таинств, с принятием каждого из к-рых его душевная болезнь прогрессировала?

Мы помним, что Август посвятился в Мистерии обеих богинь – Деметры и Персефоны, на 33-м году жизни, в 31г. до н.э. (Р.л. 203/04), после победы над Антонием в сражении у мыса Акций. А Тиберий принял посвящение в возрасте 42/43-х лет, во время своего анахоретства бг. до н.э. – 2г. н.э. на острове (мистериальных) тельхинов Родосе²⁰, ок. 1/1г., когда в Палестине воплотился и родился Иоанн Предтеча-Креститель, к-рый в 28г. н.э., когда Тиберием оваивались деградантные мистерии на острове сирен и телебоев Капри, выступил с проповедью покаяния и прошения грехов.

Выступил с возвещением («покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное») о конце времён древних посвящений, к-рые на I/IIвв. деградировали и вырождались, и к-рые отменила (услав их на свалку как метаистории, так и истории) вселенская Мистерия распятого, поправшего смерть смертию и воскресшего Христа Спасителя. Т.е. Христа – воскресителя праведного Лазаря, кто умер от старого посвящения, новым Христовым посвящением в тайны Царствия Небесного, к-рые Апостол и Евангелист Иоанн запечатлел в Четвертом Евангелии Евангелий и в Книге Книг Нового Завета – в Откровении Иоанна Богослова!

Притом, с др. стороны, если Август не злоупотребил своим, при всех случаях,

²⁰ Родос был островом Гелиоса, к-рый, как говорили, не знает пасмурных дней и на к-ром ни один день в году не бывает без солнца. Родосские автохтоны – тельхины (тотемом к-рых был тюлень), считались мастерами кузнечного дела и обработки металлов, но одновременно пользовались недоброй славой оборотней и кудесников. Не родила ли островитянка Гелия от бога морей Посейдона шестерых наказанных за оскорбление, нанесённое ими Афродите, безумием сыновей, к-рые изнасиловали родную мать, натворили много кровавых бед и были заточены в подземелье (Р.л.1027/28)! Не смотались ли предупреждённые Афиной тельхины, в пору насланного Зевсом потопа, в Ликию, Аргolidу и Беотию! Не основали ли они на Родосе культ Аполлона Тельхинского и Геры, будучи впоследствии убиты Аполлоном как демонические существа!

декадентным посвящением, то современнику и антиподу Мистерии Голгофы Тиберию оно, во многом, иницировав разрушение его личности, дорого обошлось. И, думается, что Тиберий не допускал никакого посвящения Гая и соприкосновения его (помимо привычной-обычной для римлян культовой ритуалистики) с импортными в Риме ориентальными таинствами древности, зная об исходящей от них опасности, до самой собственной кончины.

Когда же Тиберия не стало, Гай кинулся (во все тяжкие) жадно навёрстывать упущенное и в данной сфере. Во-первых, (потерянного) времени для должной оккультной подготовки у него, разумеется, не было. Во-вторых, время посвящений в мистерии Изиды, Митры, Танит и проч. с 33г. н.э. навсегда кануло в Лету, превратившись (пусть не для каждого пост-иницируемого) в чёрную магию. В-третьих же, Гай обладал абсолютной властью и попросту велел (без)ответственным иерофантам ускоренно посвятить себя, в результате чего его и без того больная психика попала под такой (в перспективе сокрушительный) удар, к-рый, в конце концов, сделал его чудовищем и привёл к закономерному летальному финишу.

Вспомним по «Т.Г.» (1114/15): при посвящении в древние мистерии, мистинициант (посвящаемый) погружался иерофантом-инициатором (посвятителем) в посвятельный сон. И этот сон отличался от обычного, в т.ч., тем, что если при обычном сне *астральное тело* и *Я* спящего человека отделяются от *физического* и *эфирного тел* естественно, то, подчеркнём, в ходе уподобимого смерти (смертоподобного) сна посвятельного *эфирное тело* (жизнеобразующих сил) искусственно изымалось из *тела физического*. И дальше всё, что было подготовлено в *теле астральном*, отпечатывалось в *физисе* проведённого через духовные, через космические миры и сим получившего посвящение иницианта, к-рый затем был пробуждаем, обретая второе рождение, жрецом-иерофантом, и так возвращался из вышних миров на землю, в себя, в тело, к (новой) жизни (старопосвящённого).

Однако, говорим опять, время таких посвящений на I/Ивв., на время смерти старых богов и огнеопасного упадка древних таинств, безнадежно ушло, человеческие тела изменились, человеческие души всё более погружались в эпоху Тьмы (Кали-юга), в обездуховленную материю, в декаданс прежней духовности. При этом они оставались-пребывали в полых ёмкостях и деформировались настолько, что былые способы-методы посвящения в избытые-профанированные таинства становились для человека всё более погибельно угрожающими, всё более черномагическими, всё более неприемлемыми и чреватými. Без Импульса Христа человечество было обречено на иссушительную гибель, на вымирание-иссякновение, в то время как Христос принёс на Землю, в люди, упразднив, запечатав и опечатав все былые мистерии, качественно иное, качественно новое христианское посвящение.

Мы не знаем, в какие именно мистерии и как именно, посредством повелительно вырванных посвящений, посвящался Калигула (не в таинства ли, в частности, египетской Изиды, поскольку, согласно Филону, «какая-то невыразимая страсть влекла его к Александрии»? и Юпитера? и Луны-Селены? и Митры? и, м.б., Кибеллы?..). Но из всего, что мы о нём знаем, можно, пожалуй, сделать вывод, что его, что такого человека, как он (страдавшего эпилепсией), в случае принятия древнего посвящения, оно, во-первых, вполне могло свалить с ног, а во-вторых, когда ему чудом удалось выжить, у него просто не могла (от пережитого, от вбранного в себя) не поехать крыша.

А далее, пусть всё совершалось-осуществлялось на внешнем плане легче и безболезненнее, всё равно, с каждым посвятельным разом болезнь не столько иницианта, сколько понемногу превращавшегося из полубезумного в безумного пациента, всё более усугублялась. (Ещё поразительно, как он прожил с октябрьской осени 37г. до своей гибели в январе 41г. равнозначные и антиподные сроку земной

жизни Христа от Крещения до Голгофы именно три года и три месяца!) Разве скудные слова античных авторов о (таинственной) Гаевой болезни и произошедшая с ним после болезни резкая перемена не отвечают всему вышесказанному? разве они не свидетельствуют (даром что косвенно) о свалившей его болезни именно от неправомерно принятого и принципиально неправомерного посвящения?

Обратимся к Светонию, кто, коротко рассказав о позитивном Гае и начиная рассказ о, как говорит сам автор-портретист, «чудовище», всерьёз притязавшем, среди прочего, на божеское величие, пишет: «...Он распорядился привезти из Греции изображения богов, прославленные и почитанием, и искусством, в их числе даже Зевса Олимпийского, чтобы снять с них головы и заменить своими. Палатинский дворец он продолжил до самого Форума, а храм Кастора и Поллукса превратил в его прихожую и часто стоял там между статуями близнецов, принимая божеские почести от посетителей; и некоторые величали его Юпитером Латинским. Мало того, он посвятил своему божеству особый храм, назначил жрецов, установил изысканнейшие жертвы. В храме он поставил своё изваяние в полный рост и облачил его в собственные одежды (...) По ночам, когда стояла полная луна, он неустанно звал её к себе в объятия и на ложе, а днём разговаривал с Юпитером Капитолийским; иногда шёпотом, то наклоняясь к его уху, то подставляя ему своё, а иногда громко и даже сердито. Так, однажды слышали его угрожающие слова: «Ты подними меня, или же я тебя...», а потом он рассказывал, что бог его умилостивил и даже пригласил жить вместе с ним...» (Кал. 22). Или: «...много раз он появлялся с позолоченной бородой, держа в руке молнию, или трезубец, или жезл – знаки богов, или даже в облачении Венеры» (52).

Не менее, а более Светония словоохотлив, по данному поводу самообожествления Гая, требования им для себя божеских почестей, и единобожник Филон («Пос. к Г.» 11), у к-рого (издевательски разводящего руками) находим: «Сначала он стал уподобляться т.н. полубогам – Дионису, Гераклу, Диоскурам, а Трофория, Амфилярия, Амфилоха вышучивал за их прорицания и тайные обряды, сравнивая их могущество с собственным. Потом стал примерять, как на театре, различные костюмы: то шкуру льва наденет, палицу возьмёт (всё позолоченное!) – и готов Геракл, то войлочную шляпу, когда захочет быть Диоскуром, а порою Дионисом делается с плющом, и тирсом, и оленьей шкурой...» («Пос. к Г.» 11). «Потом яд бешенства в его крови и ум, смешавшийся и сбившийся, повлекли его дальше: оставив далеко внизу полубогов, он замахнулся на культы тех, кого почитали ещё более могущественными и чья природа была целиком божественной – Гермеса, Аполлона и Ареса...» (13)

Не налицо ли все признаки помешательства от неправомерно посвящения, от причащения несвятых тайн, от злоупотребления вырванными инициациями! Кроме того, читатель уже знает о намерении Калигулы в 39/40гг. поставить свою гигантскую статую в Иерусалимском храме (что несказанно возмущает Филона и), что чуть было не привело к Иудейской войне и к разрушению Храма на 30 лет раньше (положенного) срока. К тому же, здесь важно оговорить: всё поведенное Светонием и Филоном о калигулянианских притязаниях на божественность произошло, вернее, происходило, конечно, не в одночасье, а в течение в основном 38 – 40гг., по болезненнейшей нарастающей.

И хотя оба античных автора изображают всё это исключительно как сумасбродство, как дурь-блажь бесноватого-помешанного тирана, ни словом не заикаясь о посвящении-посвящениях, интересные сведения о связи прогрессирующего безумия Гая с его приобщением к оккультным тайнам-таинствам мы можем почерпнуть (не без увязки с вышеанонсированной светониевской и филоновской информацией) из антропософии Р.Штайнера.

«Римские Цезари просто приказывали посвящать себя в Мистерии. Первым таким посвящённым был Август, к-рый, впрочем, ещё не употреблял во зло свои знания. Посвящение это сделалось обычаем. Этому, прежде всего, и противился Иоанн Креститель; потому-то и выделял он так тщательно тех, кто хотел креститься, не желая, чтобы они видели спасение в том, что исходило от Imperium Romanum. Один из главных посвящённых в тайны Мистерий был Калигула, а затем Нерон. В их посвящениях заключаются тайны исторического развития, они насильственно принуждали открыть им тайны Мистерий.

Представьте себе душевное состояние тех, кто знал, что надвигается и в то же время чувствовал, ощущал всё значение этого, представьте себе душевное состояние такого человека, как Иоанн Креститель, к-рый вполне мог сказать: «То, что должно прийти и придёт — есть Царствие Небесное, в нём должны искать люди Святых тайн, а не в царстве людей». История часто говорит символами. Диоген ходил по афинским площадям с фонарём в руках в поисках «человека», к-рый потерялся, воззрения к-рого потерялись.²¹ Но почему утерялись они? Не потому, что никто не знал такого человека, но потому, что настали такие времена, что люди перестали искать в древних Мистериях разъяснения тайны человеческого развития.

Калигула и Нерон были посвящёнными в самые основы.²² Но именно поэтому их и объяла тьма. Диоген точно так же, как Иоанн Креститель, чувствовал, по-своему, что приближается время, когда человек будет окутан мраком, вследствие того, что тайна его, хранившаяся в Мистериях, выдана людям. И потому его нужно искать с фонарём. Калигула был посвящённым по всем правилам древних Мистерий в тайны общения с духовным миром. Он умел управлять своим сознанием между засыпанием и пробуждением для того, чтобы общаться в духовном мире с существами, известными в древних Мистериях как лунные боги, как боги Луны. И Калигула владел искусством древних Мистерий беседовать в своём новом сознании с духами Луны. В тайны древних Мистерий входило познание того, что лежит за пределом обычного дневного сознания и знакомство с тем, как изменить обычное дневное сознание, проникнув в тайны того, другого сознания.

Ибо человек, сознающий, что его индивидуальность находится между засыпанием и пробуждением в духовном мире, постигает также то, что эта самая индивидуальность воплощается здесь в физическом мире, как физическое существо, и состоит в связи со всеми другими физическими существами в духовном мире, общается со всеми духовными иерархиями. У человека, познавшего тайны лунных богов, изменяется поэтому его отношение к солнечным богам. Притуплённый Люцифером дневной взор не видит их в окружающем мире, но пробуждённое сознание лицезреет их.

Человек, подобный Калигуле, знает благодаря собственному опыту, что человеческая индивидуальность находится между засыпанием и пробуждением в духовном мире и начинает благодаря этому сознавать, что в дневном сознании эта индивидуальность пребывает не только в оболочке внешней природы, но что она пребывает в

²¹ Не случайно родившийся ок.412г. до н.э. (и живший на пике эпохи Михаила-Солнце — 602-248гг.) Диоген, к-рый спорил с Платоном, а посетившему его, когда он грелся на солнце, и сказавшему ему: «Проси, чего хочешь», Александру Македонскому просто ответил: «Отойди, ты заслоняешь мне солнце», умер, как говорят, в один день с (венчающим эпоху Михаила-Солнце) Александром Великим — 10.06.323гг. до н.э.

²² Примечательно, что Книги Нового Завета, где упоминаются-называются (из Юлиев-Клавдиев) и Август, и Тиберий, и Клавдий, не упоминают ни Калигулу, ни Нерона (или — именно Калигулу и Нерона!).

общении с духами Солнца, что она живёт не только под солнечными лучами, но и под руководством духов солнечной жизни.

Однако Калигула, конечно, не проходил необходимого обучения. Он умел разговаривать во сне с лунными духами и это приводило к тому, что днём он начинал обращаться к Юпитеру, к-рого древние греки мыслили как Зевса, обитающего в другой сфере. Его называл он «Братом Юпитером». Он постоянно говорил о «Брате Юпитере», ибо чувствовал себя гражданином того духовного мира, в к-ром тот обитал. Всем своим внешним видом старался он проявить свою принадлежность к духовному миру. Иногда появлялся Вакхом с тирсом, с дубовым венком на голове и приказывал воздавать себе почести, как Вакху. В другой раз появлялся Геркулесом с палицей в львиной шкуре, и ему поклонялись, как Геркулесу. Потом он являлся в виде Аполлона с блестящим венцом на голове, с луком Аполлона в руке, окружённым хором, воспевающим хвалебные песни в его честь. Как Меркурий, с крылатой головой и с жезлом, как Юпитер...» («Краеугольные камни познания Мистерии Голгофы», цикл из 8-и лекций, прочитанных в Берлине с 27.03. по 24.04.1917г., л.5 от 14.04., ПСС 175)

Таким образом, за всем, что творилось с Гаем, после, повторим, осенней болезни 37г., по нарастающей, стояло не элементарное сумасбродство и не обыкновенное помешательство, к-рые констатируют и высмеивают, на к-рых заикливаются античные авторы, а помешательство (в частности, или на львиную долю) от урванного им на себя, во-первых, без должной предварительно-ученической подготовки (миста-иницианта), посвящения, и во-вторых, что ещё опаснее, от посвящения в выродившиеся-деградировавшие мистерии. Они были деградировавшими, сообразно велению времени, т.е. сообразно Духу смерти старых богов и изменившихся времён Новой Эры, и, следовательно, отправляемые декадентами-иерофантами, ставили (ещё и) неподготовленного-неготового к получению-восприятию подобных посвящений иницианта под многократный удар.²³

При всём том, оба, и Калигула, и Нерон (к-рого, кстати, Штайнер в той же лекции называет, помимо прочего, глубоким психоаналитиком, до к-рого далеко З.Фрейд!) (см. ниже), были аномально молоды — соответственно, 25 и (аж) 17 лет, — на момент облечения их кесарской властью. И примечательно, что в обоих случаях, калигулианском и нероновском, произошёл прыжок через поколение (уподобимый преодолению пропасти в два прыжка). Судите сами. По смерти родившегося в 42г. до н.э. Тиберия (+ 37г. н.э.), в Цезари-кесари вышел, из-за досрочно выпавших-выбывших в офсайт Германика (род. в 15г. до н.э.) и Друза (14г. до н.э.), родившийся в 12г. н.э. Гай. По смерти же родившегося в 10г. до н.э. Клавдия (+ 54г.), к-рому, по (коленно-возрастной) логике, надлежало хронопредшествовать Калигуле в правлении, трон занял родившийся как раз в год смерти Тиберия Нерон.

Более того, если и Тиберий, и Клавдий, всё-таки, достоточно прикоснулись-приобшились к республиканской традиции при немало чтившем её Августе, то ни Калигула, ни Нерон уже никаким республиканизмом, в т.ч., по вопросам самообожествления и божеских почестей себе, традиционно неприемлемых для римлян в Риме, повязаны-связаны не были. Адатолубивая традиция Республики *restituta*,

²³ Ещё цари-волхвы (старец, муж, юнец — олицетворители-носители мудрости предыдущих — Пра-Индийской, Пра-Иранской и Египетско-Вавилонской эпох), положив, вместе с принесёнными Иисусу дарами — золотом, ладаном и смирной, свои короны к стопам Вифлеемского Младенца, а затем вифлеемские пастухи-пастыри, поклонившиеся Царю Царей по первосвященскому (или Первосвященнику по царскому) чину Мелхиседека, и, наконец, Иоанн Предтеча-Креститель, страж врат из Древнего Завета в Завет Новый, оповестили о конце старых Мистерий перед лицом единственного и безальтернативного Таинства (Эона Эонов) Христа Спасителя!

внешние атрибуты к-рой продолжали худо-бедно-мавзолейно сохраняться-соблюдаться, была им обоим (дяде и племяннику) до фени.

Зато они, в силу своей безоглядной-безбашенной молодости и впитанного с детства единовластия, жадно бросились в мистериальный омут всякого деградантного былого, жадно отделись, пронзительно ощущая смерть старых богов, в поисках новых, к-рые вели их к пагубно-вакуумному самообожествлению, ползучей экспансии особенно экзотических восточных таинств, против к-рых не обладали никаким (свойственным ещё и Августу, и отчасти Тиберию с Клавдием) иммунитетом.

Они не умели и, главное, не желали противостоять своими смертельно больными душами вакханалии овладевавшей ими, зачастую, рафинированной демоники, бесовству необратимо пленивших и всё более пленявших-опутывавших их, всё глубже проникавших в них, в самые потаённые уголки-складки их помрачённых душ, люциферических и ариманических существ.²⁴

УСТРАНЕНИЕ ТИБЕРИЯ ГЕМЕЛЛА И ВТОРОЕ СУПРУЖЕСТВО ГАЯ

(декабрь 37г.)

Впрочем, падение Гая вершилось не в одночасье. Во время его неизвестно как долго длившейся (в октябре/ноябре странной-безымянной) болезни Рим и Ойкумена, в подавляющем большинстве, замерли, моля богов, давая обеты и принося бесчисленные жертвы за исцеление молодого принцепса-кесаря. Когда же он встал с не превратившегося для него в смертный одр недужного ложа, при том, что произошедшие с ним и в нём изменения заметили очень немногие, это многожеланное, так сказать, исцеление повсеместно приветствовалось не меньшим ликованием, чем недавнее восшествие Калигулы на престол.

Филон: «Когда повсюду узнали о Гаевом недуге (в ту пору суда ещё ходили — было начало осени, когда купец пускается в морскую дорогу последний раз, стремясь вернуться к родимым гаваням, где б он ни оказался, особенно если задумал не зимовать в чужих краях), люди оставили привычку к роскошествам и сделались угрюмы; в печальное раздумье погрузился каждый дом и каждый город, и общая печаль равнялась весом недавней радости. Ибо весь мир занемог вместе с Гаем, страдая, однако, куда сильней: ведь Гаева болезнь терзала лишь его тело, а общий недуг затронул всё — спокойствие души, покой страны, надежды, право на блага и вкушенья оных. Ибо мысли вертелись вокруг одной оси: как много зла рождается безвластьем, и сколь оно ужасно — голод, войны, опустошенья, грабежи, потеря состояния, плен, страх рабства или смерти, и как неисцелимо это зло, если не прибегнуть к единственному снадобью — выздоровленью Гая.

Так вот, как только Гаю стало легче, слух об этом тотчас донёсся до самых дальних рубежей, ибо молва — отличная бегунья, и каждый город пришёл в волненья и жаждал уже лучших новостей, покуда, наконец, не принесли благую весть: Гай совершенно здоров; и тут все вновь возрадовались сердцем, и каждый остров, каждый материк счёл спасенье Гая собственным спасеньем. И не упомянуть, чтобы

²⁴ Не в пору ли сказать, приложительно к беспрецедентному во все и на времена I-у в. н.э., как о духовно новокачественном титаническом (безотносительно к доолимпийским титанам) жертвенно-подвижническом *прометеизме* христианских Апостолов, так и о неумной драматическо-трагической люциферизованно-ариманизированной античной *фаустиане* знаменитых язычников, кесарей и прочих. Плюс — фанатичная катастрофическая *фаустиана* неистово цеплявшихся (рука об руку с Люцифером и Ариманом) за мёртвые после Мистерии Голгофы культ, храм, Иудею ветхозаветников — саддукеев, фарисеев, зилотов, сикариев.

ещё в какой-нибудь земле какой-нибудь народ так радовался обретению властителя или его спасению, как радовался мир и воцарению Гая, и его исцелению...» («Пос. к Г.» 3)

Светоний (рационально не придавая из Пв. н.э. слишком большое значение кесарской «хвори») краток: «Когда он было захворал, люди ночами толпились вокруг Палатина; были и такие, к-рые давали письменные клятвы биться насмерть ради выздоровления больного или отдать за него свою жизнь» (Кал. 13,2).

Засим, если из Филона выводится, что болезнь Гая длилась сравнительно долго — не менее или долее месяца, с середины октября до второй половины ноября, — так как Империя до окраин успела узнать о ней, пока он ещё не исцелился (несуточный сезон «закрытого моря» в древности начинался, напоминаем читателю, с заходом Плеяд ок. 12 ноября²⁵), то согласно Светонию, Гай хворал в дворцовых императорских апартаментах-покоях на Палатинском холме. Так или иначе, в 20-х числах ноября, или не позднее 1.12., он, под знаком сменившего Скорпиона Стрельца, встал на ноги на порядок другим человеком, что, как сказано, внешне не все окружающие заметили. И как конец 37-го, так и начало следующего 38гг. прошли, в масштабах Италии и Империи, в глазах большинства граждан и подданных, под знаком всё того же, и даже ещё большего — в свете чудесного выздоровления «голубчика-куколки» — кесаря-принцепса — воодушевления-вдохновения.

Между тем, первые симптомы произошедшей с Гаем перемены проявились уже очень скоро, вероятно, в декабре 37г., когда, по его приказу, был убит или принуждён к самоубийству Тиберий Гемелл, а вскоре, вероятно, в начале 38г., перерезал себе бритвой горло Гаев тесть — отец умершей при родах в конце 36, или, скорее, в начале 37г. Юнии Клавдиллы — М.Юний Силан. Если Филон говорит об устранении Гемелла, «по прошествии совсем недолгого времени» после болезни Гая («Пос. к Г.» 4), то у анналиста Диона (сжученно) рассказывается о гибели обоих, и Гемелла (59,8,1), и Силана (59,8,4-6), на исходе 37г., при том, что у Филона, применительно ко времени Силанова самоубийства, говорится о смерти его дочери — «не так давно» (9).

Однако, Тацит в «Жизнеописании Агриколы» утверждает, что отцу тацитовского тестя Агриколы — ритору Юлию Гемину — Гай велел выдвинуть против Силана обвинение в сенате, от чего тот отказался и за что был казнён (4). Т.е., видимо, Гай хотел привлечь к устранению Силана сенат, в к-ром тот пользовался почтением-уважением, и что, соответственно, дало досадную осечку, после чего (впервые взъевшийся на отцов-сенаторов) молодой кесарь довёл Силана до самоубийства, на что вкуче не могло не потребоваться некоторое время, учитывая к-рое, мы окажемся уже в (январско-февральском) начале 38г. (см. ниже), тем более, что, надо полагать, ещё в конце декабря 37г. вдовец Калигула успел жениться, почему экс-тесть стал для него обузой вдвойне.

И можно, конечно, сказать, что Гай сделал-свершил всё это, как только твёрдо встал на ноги, в смысле — у руля власти, но ограничиваться такой квалификацией случившегося и такой формулировкой не следует, ибо Гай сделал всё это, встав на ноги после свалившей его с ног на минимум месяц или долее месяца болезни, обусловленной как различными излишествами, так и, в первую очередь, вырванным им декадентным посвящением в таинства мёртвых языческих богов.

²⁵ Время же начала сезона «открытого моря» — восход Плеяд ок. 5 марта — день открытия навигации, посвящённый Изиде (navigium Isidis), когда в жертву богине, покровительнице мореходов, принесли торжественно сжигавшийся корабль. Возможно, Гай именно в эти мартовские дни намеревался отплыть в вожделенную Александрию в 41г., но был убит сорока днями ранее (см. ниже).

Напомним, троюродный, а не двоюродный, как ошибочно утверждает Филон, мл. брат Гая Тиберий Гемелл (отец к-рого, сын кесаря Тиберия – Друз Средний, приходился двоюродным братом Германику – сыну мл. брата кесаря Тиберия – Друза Старшего) родился в конце 19г. н.э., в паре с братом-близнецом Германиком, к-рый умер 4-х лет отроду (из братьев-близнецов не получились Диоскуры) в 23г. н.э. (год кончины отравленного Ливиллой и Сеяном кронпринца Друза Тибериевича).

И этого Гемелла Гай сначала лишил, по испрошенному им через Макрона решению сената, дуалистического, согласно завещанию Тиберия, совластительства, вскоре после чего облачил в тогу *virilis*, произвел в предводители молодёжи – *principes iuventutis*, и заботливо усыновил, заявив, что будет ему больше, чем наставником, учителем и опекуном, иначе говоря, – отцом-попечителем, не переставая быть преданным братом.

И вот теперь он же, кто назначил во время своей болезни единственной, на случай собственной кончины, согласно Светонию (Кал. 24,1), наследницей свою любимую сестру (дело в истории Рима неслыханное-невиданное) Друзиллу (снова задвинув-отодвинув, под предлогом его незрелости, Гемелла на задний план), своего преданного им брата, равно приёмного сына, к-рого божился-обещался любить и, любя, вывести в люди, безжалостно (чтобы тот больше не путался под ногами) уничтожил. («Каин, Каин, где брат твой Авель?» «Разве я сторож брату моему?» Как видим, на вопрос всегда можно ответить вопросом!)

Согласно Филону, Гай убил брата, по версии самого Гая, – поскольку, «мол, тот злоумышлял против него» (4). Согласно не очень внятному Светонию, – «собираясь казнить брата, к-рый будто бы принимал лекарства из страха отравы, он воскликнул: «Как? противодия – против Цезаря?». Согласно Гаю у Диона, – юный Тиберий заплатил жизнью за коварную надежду извлечь выгоду из кесарской болезни (59,8,1).

Посему, сообразно данной лоскутной информации, при выведении из неё среднего арифметического, Гемелл (за)таил надежду на смерть Гая в болезни, после чего трон мог и должен был в перспективе достаться ему (ведь Друзилле, при всех случаях, пришлось бы недолго попечительствовать над ним). Безусловно, какая-то часть римской элиты, к к-рой Гай тоже изменил отношение после болезни, могла уповать на подобный желанный для неё результат, что не осталось Гаю неизвестным. С др. стороны, категорическое отрицание максимально закрашивающим Гая в чёрный цвет Филоном каких-либо злоумышлений Гемелла только на том основании, что последний, мол, едва вышел из детства, малоубедительно.

Повторим, Гемеллу исполнялось в декабре 37г. не 12-14, но целых 18 лет (когда, да и в возрасте помоложе, теоретически вполне возможно как злоумышлять, так и хотеть царствовать). Не вступил ли Октавиан в 19 лет в беспощадную борьбу за наследие Цезаря! И всё же, по всей видимости, сам Гемелл, если какие-то силы и полагали его использовать, никаких козней против Гая не строил. То-то никаких намёков на нечто похожее в античных источниках не сохранилось. Увы, юноша стал жертвой пресловутой, в условиях деспотии, политической целесообразности и заточенных на становящегося тираном (в рамках персонального и кесарева безумия) единовластника, в системе единовластия, т.н. гос. резонов.

По Филону, оправившийся Гай пошёл-решился на братоубийство, «переменившись круто и, закусивши, как говорится, удила, став дик и неистов, или, скорее, (он) просто открыл свою жестокость, прежде умело скрываемую под маской притворства» (4). Всё так, и всё-таки великодушная добродетельность Гая до болезни была не только маской. И картина в целом делается куда полнее-понятнее, если знать, что кроется под Гаевой «болезнью», о чём Филон не знает (или не хочет знать), уж не говоря о Светонии и Дионе.

Причём неясно, какой именно смертью умер несчастный, не успевший ничем ни ославиться, ни прославиться в своей короткой жизни, едва надевший тогу зрелости 18-летний Гемелл, — принуждённый ли к самоубийству? или казнённый, вернее, убитый без суда и следствия, по кесареву приказу? Согласно Светонию, юноша был не иначе как казнён-убит: «Своего брата Тиберия он (Гай) неожиданно казнил, прислав к нему внезапно войскового трибуна» (Кал. 23), притом неожиданность и внезапность содеянного (посредством хищного выпада Гая) подчёркивается, тогда как дальше говорится (на одном, что называется дыхании) о (надо думать, не заставившем себя долго ждать) принудительном самоубийстве Силана.

Согласно не вдающемуся в подробности Диону, Гай санкционировал смерть Тиберия. И только максимально суггерирующий Гаев чёрный-пречёрный образ весьма заинтересованный современник событий Филон предпочитает, правда, ссылаясь на слухи, принудительно-самоубийственный сюжет с душераздирающими подробностями.

«...И говорят ещё, что этого несчастного заставили наложить на себя руки в присутствии центурионов и хилиарха, коим не велено было брать грех на душу — дескать, потомки самодержца не должны принимать смерть от чьей-нибудь руки (так в беззакониях своих Гай помнил о законе, в делах богопротивных — о благочестии, как будто насмехаясь над самой природой правды); но мальчик, совершенно беспомощный, ибо никогда не видел, как убивают, и не превзошёл искусства сражений, коему обучают ввиду грядущих битв тех мальчиков, к-рых растят для власти, сначала подставил шею и просил бывших при нём воинов — те не смогли; тогда он сам взял меч и в неведении и неопытности своей стал расспрашивать их, куда лучше метить, чтобы ударить наверняка и прервать свою жалкую жизнь. И воины, давая словно бы уроки несчастья, стали наставлять его и указали место, куда он должен направить меч, а бедный юноша, усвоив свой первый и последний урок, стал самоубийцей поневоле» (5).

Так или не так — вопрос, и пусть тенденциозный полемист Филон, особенно по вопросу иудофоба Гая, не самый объективный-надёжный источник, тем не менее, во-первых, ближе всех из имеющихся в нашем распоряжении авторов к событиям стоит именно он. А во-вторых, он прав по сути задезованного Гаем беспредела, до откровенно циничной степени к-рого не доходили, не опускались ни элиминировавший представителей семейства Германика, с более солидным соблюдением внешних приличий, Тиберий, ни, наипаче, не поднимавший руку для убийства членов клана-синдиката Augustana Август. Вот что, в частности, значит неотягощённость взроставшего при Тиберии Гая (или позднее Нерона) и его произвола, его кесарской восточно-деспотической тирании республиканской наследственностью (к-рой, в той или иной мере, были отягощены и Август, и Тиберий, и даже Клавдий).

Ох не случайно впечатлительный Гай вбирал в себя, путешествуя на Восток и пребывая на Востоке, в возрасте 5-7-и лет, в 17 — 19г., роскошество греко-малозазиатских, финикийских, сирийских богов и их ритуалов, или пышно самодержавие подопечных Риму восточных царей и династов в пути и потом в Антиохии Сирийской. Именно там, к слову, Калигула мог видеть богатое дарственное подношение Германику набатейского царя Арета IV, что он запомнил (подарив в дальнейшем Арету Дамаск) и что вызвало откровенное недовольство (сирийского легата) республиканистого (визави Германика) Пизона, к-рый заметил, что такого рода подношения к лицу парфянскому принцу, но не сыну римского принцепса.

Гаю же уже тогда импонировали восточные владыки и восточная деспотия. Неспроста он близко дружил со сделанными им вассальными венценосцами

Агриппой Иудейским, Антиохом Коммагенским и проч. И неспроста Дион даже преувеличенно заявляет, что Агриппа и Антиох были его наставниками в искусствах отправления ориентальной тирании.

Вместе с тем, настойчивому слову Филона о том, что кесарь Тиберий без малого не успел, готовясь-де к тому, устранить «подпавшего под страшные подозрения» (4) Гая в пользу родного внука Гемелла, не очень верится, ибо трагически раздвоенный малопосильным ему унылым наследием Августа Тиберий, блюда оному, как сказано, суровую верность, оставил этот дуалистический вопрос престолонаследия (подозревая, к тому же, Гемелла в незаконнорожденности от Сеяна) по сути нерешённым, не будучи в состоянии, в рамках неписаной августейшей конституции и августейшего завещания, его как-либо иначе как-либо удовлетворительно решить.²⁶

Впрочем, никакого удовлетворительного в формате сложившейся существующей системы решения здесь попросту не было и Гемелл был заведомо политически обречён рано или поздно погибнуть, в то время как непосредственный повод Гаю предоставила его обернувшаяся упразднением для него каких-либо морально-нравственных норм чёрнопосвятительная «болезнь», к-рая сняла прежние запреты и открыла шлюзы. С тех пор убийство врага, прямого или потенциального, труп к-рого всегда хорошо пахнет, стало Гаевой сколько нормой, столько и всё больше раскрепощающейся потребностью, способом (ритуального) утоления жажды пролитием подозрительным деспотом, во имя своего божественного всевластия и своей — назло множеству завистников — безопасности, вражеской крови. Деспотия всегда параноидальна!

Далее, если в «Кал. 13» Светоний говорит, что во время болезни Гая «были и такие, к-рые давали клятвы биться ради выздоровления больного или отдать за него свою жизнь», то в «Кал. 27» сказано о том, как поступил Гай с ними и с их клятвами, выздоровев: «От человека, к-рый обещался биться насмерть за его выздоровление, он потребовал исполнения обета, сам смотрел, как он сражался, и отпустил лишь победителем, да и то после долгих просьб. Того, кто поклялся отдать жизнь за него, но медлил, он отдал своим рабам — прогнать его по улицам в венках и жертвенных повязках, а потом во исполнение обета сбросить с раската».

Дион называет нам имена (59,27,3). Плебея, по имени Афраний Потит, к-рый не только добровольно, но и клятвенно, из простодушной лъстивости, обещался умереть за Гая ради его выздоровления, Гай (во исполнение клятвы) заставил умереть, между тем как всадник Атаний Секунд, поклявшийся, в случае Гаева выздоровления, выйти на арену как гладиатор, был принуждён сражаться, дабы не имело место клятвopеступление.

Дело в том, что клятвенное обещание принять добровольную жертвенную смерть за или во здравие определённой персоны было некогда магическим ритуалом, к-рый строго соблюдался, давно выйдя в означенный период времени из практического употребления. И, естественно, Афраний принёс клятву в надежде на щедрое вознаграждение, если Гай выкарабкается, за свою готовность отдать за него жизнь, как в таких случаях обычно уже не со вчерашнего дня практиковалось.

Но не тут-то было, и просчитавшемуся льстецу пришлось, по насмешливому велению кесаря, взаправду жертвенно умереть. Кесарские рабы, согласно Светонию,

²⁶ Сходным образом не вызывают доверия разглагольствования Филона о нежелании «центурионов и хилярха брать грех на душу, — дескать потомки самодержца не должны принимать смерть от чьей-либо руки», поскольку римский войсковой трибун или римские сотники (носители римской ментальности) в Риме не могли себе мыслить Гемелла (в ориентальном ключе) «потомком самодержца» типа репрезентантов, например, священного для парфян царского рода Аршакидов, к-рым тоже формально нельзя было погибать от чьей-либо руки. Но ведь они довольно часто именно так в Аршакидском Иране, где братоубийцы и отцеубийцы сменялись в I/II вв. на троне, погибали!

провели незадачливого клятводателя в облачении ритуальной жертвы по улицам и ритуально-торжественно сбросили с Тарквиниева раската. Атанию Секунду повезло больше, и несмотря на то, что, согласно Диону, он, гладиаторствуя, погиб, тут, пожалуй, правильнее принять версию ближе стоящего к событиям Светония, сообразно к-рому, Гай всё же отпустил вышедшего победителем Атания после долгих просьб. Или гладиаторских клятводателей было двое, один из к-рых, сражаясь (не с другим), погиб, а второй выжил, согласно чему, если Светоний говорит о выжившем-отпущенном, то Дион разумеет погибшего.

И, наконец, вероятно, в самом конце 37г. Гай увёл со свадебного празднества, на к-рое явился в качестве дорогого гостя, у жениха Г.Кальпурния Пизона²⁷ приглянувшуюся ему невесту, к-рую Светоний кличет Ливией Орестиллой (Кал. 25,1), а Дион — Корнелией Орестиной (59,8,7).²⁸ У Светония читаем: «Ливию Орестиллу, вышедшую замуж за Г.Пизона, он сам явился поздравить, тут же приказал отнять у мужа и через несколько дней отпустил, а два года спустя отправил в ссылку, заподозрив, что она за это время опять сошлась с мужем. Другие говорят, что на самом свадебном пиру, он, лёжа напротив Пизона, послал ему записку: «Не лезь (или — не жмись) к моей жене!», а тотчас после пира увёл её к себе и на следующий день объявил эдиктом, что нашёл себе жену по примеру Ромула и Августа».²⁹

Тем временем, согласно Диону (59,8,8), Гай, кто якобы бросил (на деле уже ок. года покойную) Юнию Клавдиллу, уведя невесту со свадьбы, менее чем через два месяца сослал и её, и Пизона, поскольку-де, они снова прелюбодеятельно сошлись друг с другом. Но такой расклад — ссылка спустя почти два месяца — опровергается эпиграфическим свидетельством о кооптации Пизона (в паре с П.Меммием Регулом) 24.05.38г. в коллегию Арвальских братьев (CIL 6,2028), на собраниях и в различных жреческих мероприятиях к-рых он, следуя дальнейшим эпиграфическим свидетельствам, с 38 по 40гг., присутствует и участвует (CIL 2030; Ephem. epigr. VIII p.324).

Т.е. светониевская информация о ссылке отнятой у Пизона невесты-жены, сосланной вместе с Пизоном не через два месяца, но через два года, с большой долей вероятности, верна. Правда, с др. стороны, скорее, Гай отринул Ливию или Корнелию (никаких точных сведений о к-рой нет) не через несколько дней, а через два месяца, временем до истечения к-рых Дион ошибочно датирует последовавшую через два года после свадьбы, соответственно, ближе к концу 40г., ссылку.³⁰

²⁷ Родословие этого Пизона под вопросом. Ясно, что он принадлежал либо к ветви и потомству консула 15г. до н.э. — префекта Urbis с 12г. н.э. Л.Кальпурния Пизона Фруги (один из сыновей к-рого — погибший в 25г. н.э. легат Тарраконской Испании — теоретически мог быть его отцом) (Д.И.1003-05), кто скончался в 32г. (Т.Г.1022/23); либо этот Пизон — потомок консула 1г. до н.э. Л.Пизона Авгура (его сын или внук), к-рый скоростижно умер в 24г. (Д.И.664-66).

²⁸ Предположительно, — дочь или сестра П.Корнелия Сципиона Орестина (CIL 19,2219), б.м., восходящего к П.Корнелию Сципиону — консулу 16г. до н.э.

²⁹ Если Ромул взял себе в жёны одну из похищенных сабинянок, Герсилию, то Октавиан увёл у мужа Тиберия Клавдия Нерона (отец родившегося в 42г. до н.э. кесаря Тиберия) беременную Друзом жену Ливию и сыграл с ней свадьбу в январе 38г. до н.э., что впоследствии строгим на склоне лет моралистом Августом пуританисто замалчивалось. Т.е., говоря (не без иронии) о находке-приобретении жены по примеру Ромула и Августа, берущий на вооружение вседозволненность Калигула издевался как над римской традицией, предусматривавшей (в память о Похищении сабинянок) ритуальное похищение невесты, так и над недавно почившим кесарем Тиберием, мать к-рого — калигулианская прабабка Ливия, к-рую 17-летний Гай почтил в 29г. лаудационно-погребальной речью и к-рую он называл Одиссем в женском платье, была дерзко уведена-отобрана будущим кесарем Августом у законного мужа — у родного отца Тиберия кесаря (о чём последний вспоминать не любил).

³⁰ Клавдий вернёт Пизона из ссылки; при Клавдии он побывает (неясно — в каком году?) согласно «Схолии к Ювеналу» (5,109), консулом-суф. и, согласно (не прецизирующей хроно-

Иначе говоря, начавшему презирать людей, что постепенно полностью завладеет его существом, насмешнику-пересмешнику Гаю вздумалось оставить найденную им, как (ёрнически) заявил он сам, по примеру Ромула и Августа, недолгую жену (одновременно запретив Пизону и ей сходиться) где-то во второй половине февраля 38г., перед чем он успел в январе/феврале настойчиво, придирика за придижкой, довести до самоубийства (подвести-привести к наложению на себя рук) своего докучливого экс-тестя М.Силана.

38г. н.э.

1 января 38г. н.э. = 791г. а.У.с. в консульство вступили М.Аквила Юлиан и П.Ноний Аспренат.

Если об Аквиле Юлиане ничего, кроме факта облечения им ординарного консульства, неизвестно, то П.Ноний Аспренат — этот тот самый фигурирующий у Флавия сенатор Аспрен, чья тога была забрызгана 24.01.41г. кровью жертвенного животного (дурной знак), к-рую разъярённые убийством Калигулы германские телохранители приняли за кровь императора и изрубили попавшегося им Аспрена, кто хоть и участвовал в заговоре, но в числе непосредственных убийц Калигулы (вроде бы) не был, на мелкие куски (И.д. 19,1,13-17) (см. ниже).

Суффекты второй половины 38г. (консулы к-рого были дезигнированы ещё при Тиберии) — С.Азиний Целлер и С.Ноний Квинтилиан. Первый — сын умершего в 33г. в заточении ненавистного Тиберию Г.Азиния Галла, запомнился тем, что в правление Гая выложил непомерную сумму денег за какую-то диковинную рыбину (Плиний 9,67; Тертуллиан «De pallio» 5; Макробий «Sat.» 13,6,9). Позже дружил с Клавдием, однако, почему-то попал, согласно не уточняющему подробностей Сенеке, в немилость и был казнён (Lud. 13,5).

С.Ноний — сын одноимённого консула 8г. н.э., — вероятно, идентичен нар. трибуну 32г., кто, следуя Тациту (Ан. 6,12), доложил сенаторам о Сивиллиной книге, приобщения к-рой к прочим книгам той же прорицательницы (к-рые Август, став в 12г. до н.э. великим понтификом, сохранил с отбором, параллельно уничтожив множество других писаний-прорицаний), упорно добивался квиндецемвир К.Каниний Галл (конс.-суф. 2г. до н.э.).

Тогда каприйский Тиберий, слегка попеняв в послании сенаторам трибуну Квинтилиану, мол, не осведомлённому в старинных обычаях по молодости лет, единовременно обрушился с целым рядом веских упреков на Каниния за допущенные им, опытным многолетним квиндецемвиром, грубые нарушения против строго установленного порядка в ответственном деле отбора-отсева сакральных книг (Т.Г. 1037-42).

Первый день Нового года был, согласно Диону (59,9,1), омрачён тем, что некий (юродивый) раб Махаон взошёл на ложе Юпитера Капитолийского (в храме на Капитолийском холме), произнёс оттуда множество страшных пророчеств, убил приведённую с собой маленькую собачку и покончил самоубийством.

Новогодние присяги и клятвы, в частности, на верность установлениям-постановлениям-деяниям Августа и на верность Гаю Цезарю были принесены по новому образцу, с клятвенно-присяжным присовокуплением имён трёх Гаевых сестёр. Присяга на верность тиберианскому наследию, без какого-либо официального осуждения «культы личности» Тиберия, отпала (Дион 59,9,1), чем политико-идеологию

эпиграфии CIL (3 Suppl.12794), легатом Далмации. А при Нероне возглавит знаменитый заговор Пизона, с намерением убийства Нерона в апреле 65г., и будет вынужден, когда планы заговорщиков откроются, вскрыть себе вены (Ан.15,48-59) (см. ниже).

ческий мост преемственности перебрасывался от Августа непосредственно к Гаю.

Арвальские братья также обрядово взмолились своими сложенными сатурническим размером песнопениями (*carmen Arvalis*) и ритуальными плясками (к-рые возродил из забвения великопонтификальный Август) о ниспослании здоровья-благоденствия Калигуле и его сёстрам (CIL 6,32344), совершив жертвоприношение 7.01. — *pro salute C.Caesaris A[ug]. Germanici* (CIL 2028a 18).

САМОУБИЙСТВО М.ЮНИЯ СИЛАНА

Но продолжим наш коротко прерванный римским Новогодьем рассказ. Неверно датируя конец покончившего принудительным самоубийством Макрона (и его жены) временем перед устранением Силана, ибо Макрону пришлось наложить на себя руки отнюдь не в самом начале, а Силану, по всему, в январе/феврале 38г. (вскоре после элиминированного в декабре 37г. Гемелла), Филон пишет:

«У Гая был тесть, Марк Силан, муж достойный и славного рода. Хотя дочь его скончалась рано, он относился к Гаю со вниманием, питая к нему привязанность скорее даже отеческую, и думал, что сделав из зятя сына, он не останется внакладе и Гай отплатит ему тем же по закону справедливости. Но Силан, конечно, не знал, что это заблужденье и самообман. Ибо он всё время вёл наставительные речи и не утаивал ничего, что могло бы служить пользе Гая — способствовать улучшению его нрава, образа жизни и правления; основания для такой наставительности были весьма значительные: во-первых, Силан был лучшего, чем Гай роду; потом, конечно, брак дочери связал его с Гаем узами свойства, а дочь Силана умерла не так давно, чтобы его права как свойственника были совершенно забыты; впрочем, они уже были готовы забиться в предсмертных судорогах, хотя последние остатки жизни ещё теплились.

А Гаю вразумления Силана были оскорбительны, ибо, как он думал, никто на свете с ним не сравнится умом и выдержкой, мужеством и справедливостью, а потому он ненавидел поучавших его больше, чем врагов. И вот, решив, что Силан слишком докучлив и станет, пожалуй, сдерживать поток его страстей, Гай, сказав последнее «прости» духам своей почившей жены (пусть, мол, простят его, если он уберёт с дороги её отца и своего тестя), коварно убивает Силана» (9).

Слова о том, что Силан был лучшего, чем Гай роду, — байка. Гай происходил от весьма родовитых патрициев (сабинских корней) Клавдиев — по отцу, и от (возводивших себя к сыну отпрыска Анхиза и Венеры Энея — Асканию Юлу) патрициев Юлиев — по матери (дочери незнатного отца — Виписания Агриппы — от Юлии Августовны³¹), тогда как Силан был из плебейского рода Юниев Силанов (др. юнианская ветвь — Юнии Блезы, прослеживается со времени Второй Пунической войны в конце IIIв. до н.э.), поднятого в патрициат лишь при Августе, несмотря на бездоказательные попытки этих Юниев *Silani* вывести себя от патрицианских Юниев времён царизма и начала Республики.

И пусть Юниями звались (не предок и потомок) два однофамильных-однопрозвищных Брута — один из учредителей Республики в VIв. до н.э. — визави Тарквиния Гордого — Луций³², и один из убийц Цезаря в Iв. до н.э. — Марк, но

³¹ Можно, разумеется, при желании, счесть Октавиана Августа потомком (по крови) не столь знатного всаднического рода Октавиев, но он вошёл, по усыновлении его Цезарем, в *gens Iulia*, а усыновление в Риме приравнивалось к генетическому родству.

³² Сын М.Юния Брута, женатого на сестре Тарквиния Гордого, к-рый убил его вместе с его старшим сыном, оставив в живых притворившегося безумным (и прозванного «неразумным») младшего.

Юлии и Клавдии были, совместно или порознь, однозначно знатнее Юниев Силанов и дали куда больше прославивших Рим деятелей.

Интересующий нас сейчас М.Юний Силан (Р.л. 1209/10; Д.И. 530/31; 576; Т.Г. 660/61; 997/98), родившийся ок. 19г. до н.э., приходился братом (консулу-орд. 10г. н.э. Г.Юнию Силану и) единственному известному по имени любовнику Юлии Младшей Дециму Силану, к-рый после её ссылки на о. Триммер в 8г. н.э. (когда в ссылку отправился также «наставник (римской молодёжи) в делах прелюбодеяния» — Овидий, каким-то боком к скандалу Юлии Minor сопричастный), удалился (не привлечённый к ответственности, чтобы не выносить сор из избы) от греха подалее, с августейших глаз долой, из Рима, куда возвратился лишь в 20г. н.э. благодаря хлопотам его брата Марка (консула-суф. 15г. н.э.) перед Тиберием.

Тиберий вообще держал в чести, по Тациту (Ан. 3,24), знатного и красноречивого М.Силана, к-рого, тем не менее, осадил при принесении последним благодарности в сенате, сказав, что рад возвращению Децима, не сосланного ни сенатским постановлением, ни в силу закона, одновременно хорошо помня нанесённые Августу оскорбления, и что с возвращением самоизгнанника распоряжения Августа отнюдь не отменяются, после чего Децим жил в Риме в (невыносимом для римлянина) статусе магистративно-политического трупа, не допускаемый к занятию каких-либо гос. должностей.

А Марк, в т.ч., лстыиво-сервильно, преуспевал и, например, в 22г. предложил в сенате на будущее время вместо имеющей полутысячелетнюю историю датировки по консулам использовать (монархическую в сущности) датировку по принципсам-кесарям — «...внёс предложение выставлять на общественных и частных строениях, в случае указания на них памятной даты, имена не консулов, но тех, кто облечён трибунской властью» (Ан. 3,57). Не симптоматично ли, не закономерно ли, что через 15 лет ему довелось узнать на собственной шкуре, что значит самодержавное единовластие!

По Диону (59,8,4-6), М.Силан пользовался огромным уважением при часто спрашивавшем его мнение Тиберии и первым как при Тиберии, так и при Гае подавал голос в сенате. Однако, слушаем рассказ анналиста о печальном конце Силана: «...покончил с собой ввиду крайних оскорблений, потому что его добродетель и его родство сделали его обузой для императора, пока он жил. Тиберий, говорят, держал его в такой чести, что всегда отказывался слушать дела о жалобах на его решения и передавал все такие дела к нему назад; но Гай собрал все способы унижить его, хоть и был высокого мнения о нём, вплоть до того, что назвал его «златорунным овном».³³ Поскольку Силан, в силу своего возраста и положения, получал от всех консулов почётное право первым подавать свой голос, Гай, дабы предотвратить это в дальнейшем, отменил обычай первого или второго консульского голоса по усмотрению тех, кто ставил вопрос, и установил правило подачи голосов в порядке занятия должностей».

Затем Дион грубо ошибочно приписывает оставление Гаем дочери Силана, на тот момент уже, как сказано, ок. года покойной, ради женитьбы на Корнелии Орестилле, что в реальности Гай успел сделать до исхода 37г., уведя Корнелию с брачного празднества (и ложа). Т.е. доводя Силана до самоубийства, начиная с декабря, в январе, после декабрьского устранения Гемелла, Гай уже успел оженить привлекающую его Корнелию, из-за чего пытавшийся отечески опекуновствовать над

³³ По Тациту (Ан.13,1), Калигула называл «златорунным овном» другого М.Юния Силана — консула-орд. 46г., к-рый родился в 14г. н.э., будучи внуком внучки Августа (Плиний 7,58) — дочери Юлии Младшей от Эмилия Павла (конс. 1г. н.э.) — Эмилии (Лепиды), и старшим сыном (репрезентанта подветви Силанов со вторым когноменом) М.Юния Силана Торквата (конс. 19г. н.э.).

ним и слишком уважаемый (чаявшими, мол, Гаевой кончины от болезни) отцами-сенаторами Силан (к-рого не получилось легко устранить руками-решением сената и сенаторов, с к-рым и с к-рыми Гай торжественно побожился считаться) стал для него балластом в квадрате.

При всём том, любопытно следующее. Согласно Светонию, Калигула заставил своего тестя Силана «покончить с собой, перерезав бритвою горло», по обвинению в том, что он (не выносивший, как уверяет Светоний, «морской болезни») «в непогоду не отплыл с ним в бурное море, словно надеясь, что в случае несчастья с зятем он сам завладеет Римом» (Кал. 23,3). Следуя Сенеке, Силан умер частым для высокопоставленных римских самоубийц способом, вскрыв себе вены (Арос. 11,2).

Насколько известно, Гай в последний раз перед тем выходил в море весной 37г., когда отправился на ближние острова за прахом матери и братьев (или, в любом случае, последний выход в море случился до его осенней болезни). Следовательно, он инкриминировал Силану январской зимой надуманный-сварганенный криминал апрельской давности. Отсюда явствует, до какой степени Гая изменила октябрьско-ноябрьская болезнь.

Так, в декабре/январе/феврале 37/38гг. состоялись *первые жертвоприношения* на алтарь и на алтаре калигулианско-кесарева безумия. Тиберий Гемелл погиб вследствие династических резонансов, чем принципат третьего Цезаря и второго Августа (моноархиста) Калигулы пренебрежительно сбросил фиговый листок (и без того) мнимого дуализма.

А устранением Силана (плюс – казнью Юлия Гемина, хотя, м.б., последний был казнён несколько позже) Калигула вышвырнул на свалку докучливого экс-тестя и продемонстрировал отцам-сенаторам (некоторые из к-рых, повторим, надеялись на его кончину от осенней болезни в пользу юного Гемелла), что никакие регалии, заслуги и почёт не уберегут каких бы то ни было высокопоставленных недоброжелателей кесаря (вне зависимости от надетых ими на себя масок) от всевидяще карающего кесарского возмездия. Берегитесь и трепещите, враги римского народа, олицетворение-воплощение и квинтэссенция-пик к-рого есть не кто иной как Гай Цезарь Август Германик!

ГАЙ И ЕГО СЁСТРЫ

Надо полагать, тогда же, в феврале 38г., (усиленно занявшийся устройством брачно-семейных дел) Гай, отринув добытую сродни Ромулу и Августу жену, выдал свою любимую сестру Друзиллу, по всей видимости, ещё раньше отнятую им у законного мужа Л.Кассия Лонгина (конс. 30г.), к-рый оженил её в 33г., за своего близкого друга, сверстника и соблудника М.Эмилия Лепида, предположительно, сына консула бг. н.э. М.Лепида (+ 36г.).

В качестве официальной причины развода вполне могла быть использована бездетность Друзиллы, к-рую, напомним, любящий брат назначил, болея, наследницей своих имуществ и власти, в браке с Кассием, тем более, что после её внезапной кончины летом 38г. кесарским наследником станет её супруг Лепид. Но более всего Гай хотел иметь Друзиллу постоянно возле себя, для чего её брак с близким ему Лепидом предоставлял гораздо больше возможностей.

Об отношениях Гая с его сёстрами у Светония читаем: «Со всеми своими сёстрами жил он в преступной связи, и на всех званых обедах они попеременно возлежали на ложе ниже его, а законная жена – выше его. Говорят, одну из них, Друзиллу, он лишил девственности ещё подростком, и бабка Антония, у к-рой они

росли, однажды застигла их вместе. Потом её выдали замуж за Луция Кассия Лонгина, сенатора консульского звания, но он отнял её у мужа, открыто держал как законную жену, и даже назначил во время болезни наследницей своего имущества и власти» (Кал. 24,1).

У автора-бrevиариста IV в. н.э. Евтропия в его коротком компендиуме Римской истории («Бревиарий от основания Города») сказано, что «управлявшему государством с великой беспечностью, ненасытной жадностью и мерзостной похотью» (7,11) Тиберию «наследовал Гай Цезарь, по прозвищу Калигула, преисполненный злодеяний и преступлений, а в порочности превзошедший даже самого Тиберия, учинивший насилие над своими сёстрами и даже имевший ребёнка от одной из них» (7,12).

Писавший во второй половине I в. н.э., т.е. раньше авторов II – IV вв. Светония и Евтропия (или Аврелия Виктора), Флавий выражается, перечисляя злодеяния Калигулы, умереннее: «Так, например, он находился в близких отношениях с родной сестрой своей, что и положило начало особенной ненависти граждан к нему, так как они этому сперва не хотели верить и такой безобразный поступок доселе был в истории ещё неизвестен» (И.д. 19,2,5).

Дион из III в. н.э. говорит о порочной связи Калигулы с родными сёстрами под 39 г. коротко-ретроспективно, приложительно к казни (в Галлии) Эмилия Лепида – соблудника, протеже и потенциального тронного преемника Гая, бывшего мужем Друзиллы, к-рая состояла с братом в инцестуальной связи, сходно двум другим его сёстрам – Агриппине и Юлии (59,22,6).

Но настораживает то, что столь не жалующие Гая непосредственные современники событий, Филон и Сенека, ничего об этом инцесте не знают или оглушительно молчат. Б.м., их молчание объясняется чрезмерной чудовищностью подобного факта и потому нежеланием порочить рассказом о нём, даже после гибели Гая, правящий дом Юлиев-Клавдиев? Ведь Филон писал при Клавдии, когда Агриппина, мать Нерона, здравствовала, мало того, сделалась с 48 г. *первой леди* и с 49 г. супругой кесаря, будучи, к слову, его племянницей, из-за чего пришлось принять специальное постановление о позволительности подобных браков.

Таким образом, при всей его неприязни к Гаю, со стороны иудея-еллиниста Филона, для к-рого кровосмешение особенно чудовишно, было бы некорректно порочить упоминанием ещё и об этом римский императорский дом. Причём похожими соображениями мог руководствоваться и Сенека, ссыльный (41/42 – 49 гг.) при Клавдии (по возведённому на него Мессалиной обвинению в прелюбодеянии с третьей сестрой Гая – Ливиллой), затем возвращённый из ссылки и оказавшийся в императорской фаворе пестун и потом советник Нерона благодаря Агриппине.

Притом кровосмесительная связь Гая с Друзиллой (плюс – Агриппина и Юлия) всё же не могла быть в условиях Рима (или, по крайней мере, не была в первые месяцы Гаева правления) слишком вызывающе открытой, сделавшись максимально-скандально очевидной позднее, в эпоху после Юлиев-Клавдиев, отчего в столь скандальной форме её изображают авторы последующего времени – Светоний, Дион, Евтропий, Аврелий Виктор (II/III/IV вв.). Между тем, писавший при Флавиях Флавий говорит только об инцесте Гай – Друзилла, к-рому, по Флавию, римляне сперва не хотели верить, что косвенно подтверждает нашу версию первоначального сокрытия Гаем этого даже для выдавших виды римлян переходящего все границы безобразия.

С др. стороны, в собственно сексуальной распушенности, в т.ч., в кровосмесительном беспределе, Гая вряд ли усомнишься. С 29 – 31 гг. он находился-обретался на Капри, где процветал изощрённый разврат, культивировавшийся Тиберием, к

чему Гай наверняка, так или иначе, приложился-приобщился-причастился, став со временем и кровосмесителем, и бисексуалом³⁴, и ещё чёрт знает кем-чем!

Хотя, скорее, именно после осенней болезни 37г. он начал (одновременно начал пока единично-выборочно свирепствовать) развратничать-распутничать всё безудержнее, всё неумнее, всё извращеннее, что позднейшие авторы типа портретиста-эссеиста Светония или брeвиариста Евтропия (понятно) не дифференцируют хронологически, в то время как у анналиста Диона связь Калигулы с сёстрами запоздало фигурирует под 39г.³⁵

РАСТОЧИТЕЛЬСТВО И СТРАСТЬ К ЗРЕЛИЩНЫМ КРОВОПРОЛТИЯМ

В то же время восторженно поприветствовавшие чудесное выздоровление молодого властителя Рим, Италия и Ойкумена продолжали пребывать в состоянии эйфории от нового царствования, поскольку первые проявления кесарского расправно-тиранического беспредела подавляющее большинство римлян, провинциалов и вассалов никак не затронули и они ничего не заметили.

Впрочем, если до болезни светлая и тёмные части-стороны Гаева существа пребывали, борясь и уживаясь одна с другой, в своеобразном состоянии неустойчивого равновесия, то после болезни тёмная сторона взяла верх и начала, набирая обороты, необратимо поглощать находившегося на 26-м году жизни кесаря.

Но всем до того осточертели во власти геронтократы – Август и Тиберий, что никто и не подумал призадуматься над неприемлемой для властителя молодостью Гаея (к-рую не забыли вменить юному Гемеллу). Напротив, его, так сказать, цветущая молодость квалифицировалась, с оглядкой на одолевшего Ахеменидскую державу в 25/26 лет Александра и на вышедшего победителем из (выигранной Антонием) битвы при Филиппах в возрасте 21-го года Августа, уставшими от старперов гражданами и подданными исключительно как позитив.

А Гай продолжал, понемногу становясь тираном, одновременно искать популярности, совершать хорошие и дурные, к-рых, т.е. последних, набиралось всё больше, поступки, усиленно заниматься популизмом и остаточно благотельствовать как в Риме, так и на периферии. Например, согласно Диону (59,9,4), при

³⁴ Светоний: «Стыдливости он не щадил ни в себе, ни в других. С Марком Лепидом, с пантомимом Мнестером, с какими-то заложниками он, говорят, находился в постыдной связи. Валерий Катулл, юноша из консульского рода, заявлял во всеуслышанье, что от забав с императором у него болит поясница. Не говоря уже о его кровосмешении с сёстрами и его страсти к блуднице Париллиде, ни одной именитой женщины он не оставлял в покое...» (Кал.36)

³⁵ Относительно цитаты Светония, первая законная жена Гаея Юния Клавдилла умерла на рубеже 36/37гг., ещё при жизни Тиберия, когда (выданные Тиберием замуж в 28 и 33гг.) Гаевы сёстры точно не возлежали на званых обедах ниже него, при жене, возлежавшей выше. С Корнелией же Гай не прожил и двух месяцев, к тому же, по Светонию, даже отринул её через несколько дней брака. А следующая Гаева законная жена, Лоллия Паулина, появилась возле него только после смерти Друзиллы, т.е. не ранее второй половины 38-го, или сообразно «Хронике» Евсевия у Иеронима, даже в 39гг., с каковых пор, соответственно, эти пиршественные возлежания «выше» и «ниже» и могли иметь место (если, конечно, Светоний не преувеличивает и они действительно имели место быть). Относительно компетентности Евтропия, во-первых, Тиберий управлял государством вовсе не «с великой беспечностью» (но как раз наоборот) и не «с ненасытной жадностью», предавшись «мерзостной похоти» отнюдь не с начала своего правления; во-вторых, у умершей бездетной Друзиллы не было никакого ребёнка ни от её двух мужей, ни от Гаея.

очередном столичном пожаре, он лично, вместе с преторианцами, прибыл на место бедствия, принял, совместно с пожарными, участие в тушении пламени и денежно компенсировал всех пострадавших.

И снова им проверялись списки всадников, к-рые, при общем сокращении численности всаднического сословия, он пополнил за счёт обитателей Италии и провинций, введя некоторых всадников, без предварительного облечения ими (как это обычно практиковалось) соответствующих должностей, в сенаторское сословие с видами на последующее членство в сенате, что ранее было доступно только сыновьям сенаторов (Дион 59,9,5).

Наряду с тем, Гаем были возобновлены отчёты о финансовом состоянии государства, к-рые обнародовались при Августе, сойдя на нет при каприйском Тиберию, и ныне были обнародованы за время начиная с 26/27гг., к-рое презентовало, учитывая тиберианскую бережливость, однозначно положительную картину-динамику.

Увы, при Гае дело с финансами обстояло с точностью до наоборот и обнародования отчётов уже за 38г., в следующем 39г., без сомнения, не последовало, поскольку, согласно Светонию (Кал. 37,3), огромное наследство Тиберию – 2 млрд. и 700 млн. сестерциев – Гай промотал, бездумно транжиря оное на щедрые дары, невиданную роскошь, раздачи, зрелища, угощения, возмещения и т.д., меньше чем за год.

Дион (59,2,6), со своей стороны, говорит, что до истечения 3-го года Гаева правления были промотаны 2 млрд. 300 млн., или, сообразно др. источникам, аж 3 млрд. 300 млн., из-за чего уже на 2-м году правления Калигулы дала о себе знать острая нужда в деньгах. Иначе говоря, от оставленного Гаю совсем не беспечным (противником зрелищ) Тиберию, к-рого не любили, в частности, за его прижимистость, финансового благополучия, достаточно скоро не осталось и следа.

Оно и понятно, так как уже в первый и второй годы Калигулы на зрелища, раздачи, роскошества, различные пышные мероприятия-предприятия и проч. было, с бездумным аффектированным афронтом дорвавшегося до вожделенного варенья мальчиша-плохиша, к-рый неизменно спешит, захлёбываясь, жить, словно чувствуя, что за ним гонится скорая смерть, истрачено больше средств, чем на те же мероприятия-предприятия за всё время (солидно-унылого) тиберианского принципата.

Светоний: «Гладиаторские битвы он устраивал не раз, иногда в амфитеатре Тавра, иногда в септе; между поединками он выводил отряды кулачных бойцов из Африки и Кампании, цвет обеих областей. Зрелищами он не всегда распоряжался сам, иногда уступая эту честь своим друзьям или должностным лицам. Театральные представления он давал постоянно, разного рода и в разных местах, иногда даже ночью, зажигая факелы по всему городу. Разбрасывал он и всяческие подарки, раздавал и корзины с закусками для каждого. Одному римскому всаднику, к-рый при таком угощении сидел напротив него и ел с особенной охотой и вкусом, он послал и свою собственную долю, а одному сенатору при подобном же случае – указ о назначении претором вне очереди. Устраивал он и цирковые состязания с утра до вечера, с африканскими травлями и троянскими играми в промежутках; на самых пышных играх арену посыпали суриком и горной зеленью, а лошадыми правили только сенаторы. Однажды он даже устроил игры внезапно и без подготовки, когда осматривал убранство цирка из Гелотова дома, и несколько человек с соседних балконов попросили его об этом» (18).

Всё это, как и прошлогодняя отмена однопроцентного налога или возвращение переадресованных Тиберию сенату должностных выборов (утратившему всякое значение) народному собранию (что не было долговременно-практически, в условиях Принципата, реализуемо), восхищало жадную до сдобренной хлебом и зрелищами псевдодемократии толпу.

Однако, благоразумные, по Диону (59,9,7), люди нешуточно насторожились-забеспокоились, видя с какой катастрофической быстротой тающие на глазах баснословные средства исчерпываются, за чем могут последовать многие бедствия, и что вскоре Гаю, к-рый однажды истратил на праздничный пир 10 млн. сестерциев (!), придётся изыскивать-добывать имеющие свойство убывать-кончаться деньги банальным ограблением сограждан, равно грабежом периферии.

Сенека: «Гай Цезарь, к-рого природа создала словно затем, чтобы показать, на что способны безграничная порочность в сочетании с безграничной властью, однажды устроил пир, стоивший 10 млн. сестерциев; и хотя изобретательность всех была к его услугам, он лишь с трудом добился того, чтобы один обед поглотил доходы с трёх провинций» («Утешение к Гельвии» 10).³⁶

Светоний: «В роскоши он превзошёл своими тратами самых безудержных расточителей. Он выдумал неслыханные омовения, диковинные яства и пиры — купался в благовонных маслах, горячих и холодных,пил драгоценные жемчужины, растворённые в уксусе, сотрапезникам раздавал хлеб и закуски на чистом золоте: «нужно жить или скромником, или цезарем!» — говорил он. Даже деньги в немалом количестве он бросал в народ с крыши Юлиевой базилики несколько дней подряд...» (Кал. 37)

Дион: «Следующие его действия встретили всеобщее осуждение. Он заставил многих людей сражаться в качестве гладиаторов, вынуждая их бороться и отдельно, и группами, составленными в своего рода боевом порядке. В этом случае он испросил разрешение сената, что не мешало ему делать то, чего он желал, вопреки закону, и таким образом обречь на смерть многих людей, среди прочих, 26 всадников, из к-рых одни распрощались с состоянием, в то время как другие просто приняли участие в гладиаторских боях. И не так внушало опасения число тех, к-рые погибли, хотя и оно было достаточно велико, как его чрезмерное восхищение их смертью и его жадное вожделение при виде крови. Та же жестокость привела его однажды, когда не хватило осуждённых преступников, чтобы отдать их диким зверям, к тому, чтобы приказатъ схватить и сбросить им часть толпы, стоявшей возле скамей; а чтобы предотвратить возможность их криков или каких-нибудь упрёков, он приказал сначала вырвать им языки.

Кроме того, он заставил одного из видных всадников сражаться в поединке по обвинению в том, что он оскорбил его мать Агриппину, а когда этот человек вышел победителем, передал его обвинителям и заставил казнить. А отца этого человека, хоть и невиновного ни в каком преступлении, он заключил в клетку, как, впрочем, он обходился и со многими другими, и там прикончил. Он устраивал эти соревнования сначала на поле для народных собраний, раскопав целый участок и заполнив его водой, чтобы иметь возможность ввести туда корабль, но позже перенёс их в др. место, где уничтожил много больших зданий и установил деревянные трибуны; ибо он презирал театр Тавра. За всё это его подвергали порицанию, вследствие трат, а также устроенного кровопролития...» (59,10,1-5)

Как будто Август не знал или не хотел знать какой потенциал тиранического абсолютизма таится в учреждённом-организованном им Принципате с фигурой принцепса-кесаря во главе — над всеми! и во что, в кого однажды, когда наследственный дуализм даст осечку, может превратиться единоличный властитель! Или не хотел до конца знать, облачив монархию в приличествующие республиканские одежды! Кажется, Гай и сам не сразу понял-осознал насколько огромная власть сосредоточена в его кесарских руках, к-рой кесарь ныне упивался.

³⁶ Так точно, тем более, что воспитанник Сенеки Нерон, не случайно родившийся именно в декабре 37г., превзойдёт своего дядю Гаю, пойдя именно по его стопам, в совокупных пороках!

Как любой потомственный римлянин, он впитал с молоком матери пристрастие к боям и сражениям, к ратоборчеству и войне, к-рую никогда, дожив до 26-и лет (при уставшем от войн Тиберии), к своему стыду и великому сожалению, вживе не видел, в к-рых никогда не участвовал, но о к-рых с детства, ещё при живом Германике, слышал, и к-рыми, естественно, по-мальчишески, грезил.

Ну и что, спрашивается, оставалось этому инфантильному мальчишу-плохишу, став полновластным кесарем, никаким боком не тянушим на полководца, делать, если не устраивать массовое цирковое кровопролитие, имитируя в миниатюре сухопутные и морские сражения! Он и их мало видел в зрелищно-сценическом исполнении при Тиберии, а массовые не видел вообще, и вот теперь жадно вбирал кровопролитные шоу, будь то на гладиаторских боях, или на травле зверей, в роли как организатора всяких расточительных побоищ, так и, главное, их маниакального зрителя-созерцателя-сопереживателя. Притом, чем больше крови, тем лучше, тем питательнее, тем сильнее бьётся сердце, тем живее чужая кровь будоражит кровь собственную! Заряд адреналина подобен наркотику, к-рый хочется поглощать и поглощать!

Сооружённый и освящённый при Августе в 13г. до н.э. амфитеатр Статилия Тавра казался Гаю слишком скромным-непросторным, не вмещающая желанные для него исключительно крупные массы бойцов и зверей, из-за чего важнейшие представления были перенесены в надлежащим образом переоборудованную, с подведением туда воды для морских сражений и со строительством там деревянных театральных подмостков, септу.

А так как семи римских акведуков, в необходимом количестве проведённых в своё время Агриппой, его прадедом, к-рого Гай презирал за безродность, и гневался, когда в речах или в стихах кто-нибудь причислял Агриппу к образам Цезарей (Свет. «Кал.» 23), при растущих потребностях города-на-Тибре в воде, в т.ч., для грандиозных навмахических представлений, перестало хватать, Гаем было санкционировано и велено построить два новых акведука. Но осуществление такого рода серьёзных предприятий было не для его в его короткое царствование спонтанных порывов, вследствие чего эти акведуки были сооружены и сданы в эксплуатацию лишь при Клавдии.

СМЕРТЬ АНТОНИИ

Вероятно, в начальные месяцы 38г., в конце зимы или в начале весны, умерла бабка Калигулы Антония, на попечении к-рой он находился с 29г., после опалы и ссылки в 28/29гг. его матери Агриппины и после кончины в начале 29г. его прабабки Ливии. Читатель помнит, что родившаяся в 37г. до н.э. мл. дочь М.Антония³⁷ и любимой сестры Октавиана Октавии (кто замужествовала за Антонием с 40г.), вышла в 16г. до н.э. замуж за мл. брата Тиберия – Друза. Родила ему трёх (выживших) детей – Германика (15г.), Ливиллу (13/12гг.), Клавдия (10г.), и овдовела в 9г. до н.э., после чего, несмотря на уговоры самого Августа (рьяного апологета-радетеля плано-агрегатного повышения римской рождаемости) вторично выйти замуж, настояла на том, чтобы остаться вдовой и полностью посвятила себя сначала – детям, а потом – внукам.

Далее, всегда пользовавшейся за свои целомудрие и семейственность большим авторитетом у Тиберия Антонии довелось стать едва ли не самым близким ему

³⁷ Её замужествовавшая за Л.Домицием Агенобарбом (конс. 16г. до н.э.) старшая сестра - родившаяся в 39г. до н.э. Антония Маюг, мать отца Нерона Гн.Домиция Агенобарба (конс. 32г. н.э.), умерла в 32г. (Сенека Ст. «Contr.» 9,4,18).

человеком на особом доверии. Это произошло, когда разыгралась драма с изобличением и ниспровержением могущественного временщика Сеяна, о перспективных видах-планах к-рого на верховную власть Тиберий был предупреждён-извещён полученным им через вольноотпущенника Антонии письмом. Она и позже часто обреталась на Капри, при Тиберии, заботливо опекая Гая и поддерживая его (как последнего, со смертью в 33г. Друза, из своих внуков) в ранге фаворитарного наследника-цесаревича № 1.

В 37г. Калигула, придя к власти, уравнил любимую бабу в почестях с Ливией, присвоив ей титул Августы, предоставив, как и родным сёстрам, права Девственных Весталок и разрешение смотреть на зрелища из императорской ложи. И Антония же продолжала давать внуку полезные сдерживающие его резкие порывы советы, посоветовав, например, не чересчур спешить, соблюдая траурные приличия, с освобождением и возвышением заключённого Тиберием в застенки Ирода Агриппы. Тогда новотронный внук этому и наверняка другим советам бабки, о к-рых мы не знаем, внял. Она же и дальше увещевала его и, по-бабушкински, выговаривала ему, когда находила нужным.

Но вот, переболев странной болезнью осенью 37г. и всё больше входя во вкус абсолютной власти (к-рая, по меткому выражению Сенеки, развращает абсолютно), он начал всё более тяготиться опекуном и близостью как родной бабки, так и преторианского префекта Макрона (плюс его подложной Макроном под Калигулу жены Эннии), к-рый, главный инструмент Тиберия в деле устранения главного врага семейства Германика Сеяна, немало поспособствовал воцарению Гая.

Абсолютная власть не терпит рядом с собой ни равных, ни особенно тех, кому властитель в прошлом чем-либо обязан, требуя обязательной смены лошадей (к-рых на переправе не меняют) после успешной (благодаря прежним лошадям) переправы.

И постепенно делаясь тираном-беспредельщиком, Калигула (оставляя Макрона и Эннию чуть на потом) сперва перестал прислушиваться к Антонии, вскоре оборвав её не столько угрожающе, хотя Светоний силится создать именно такое впечатление, сколько насмешливо: «Увещаний своей бабки Антонии он не только не слушал, но даже сказал ей: «Не забывай, что я могу сделать что угодно и с кем угодно!» (Кал. 29,1). Мальчиш-плохиш получил любимую игрушку — власть! Ну как тут не упиться ею, как не поиронизировать, как не поиздеваться над старухой-бабкой, к-рая сажала его на горшок и, по-прежнему, видит в нём несмышлёныша, нуждающегося в наставлениях! О нет, кесарь не собирается её, дни к-рой на восьмом десятке и без того сочтены, лишать жизни, однако, пусть она, как и все прочие, знает своё место.

И он вовсе перестал её не просто слушаться, а и слушать, прекратив встречаться с нею наедине, и однажды демонстративно-оскорбительно приняв её, просившую именно разговора наедине, только в присутствии Макрона (Кал. 23,2). То-то, согласно Светонию, «этим и подобными унижениями и обидами, а по мнению некоторых — и ядом, он свёл её в могилу; но и после смерти он не воздал ей никаких почестей и из обеденного покоя любовался на её погребальный костёр».

По поводу изведения ядом — «по мнению некоторых» (на чём Светоний не настаивает), здесь, на наш взгляд, явный противокалигулианский перегиб, дескать, если Нерон приказал убить собственную мать, то, что мешало его (яблоко от яблони недалеко падает) родному (достойному племяннику) дяде извести ядом собственную бабу. Нет, не мешала ему стоящая одной ногой в могиле 74-летняя бабка настолько, насколько Нерону с 54г. мешала (в течение первых пяти лет его правления) полная сил, 44-летняя на 59г., сверхтемпераментная интриганка-мать. Иное дело, что продемонстрированный Калигулой грубый насмешливый игноранс в отношении к бабке ускорил её смерть.

У Диона сказано о принуждении Гаем первоначально всячески почтённой регалиями Антонии к самоубийству (59,3,3-6), из-за нетерпимости внука к упрёкам с её стороны за его (неадекватное) поведение. Притом Дион рассказывает об этом под 37г., сообщая также о перспективной кончине Друзиллы (38г.) и о дальнейшем конфликте Гая с двумя оставшимися сёстрами – Агриппиной и Ливиллой (39г.). Т.е. эта анонсирующая Гаево правление дионовская информация суммарно-собирательна и не может служить основанием для хроноотнесения смерти Антонии к 37г., как поступают, ссылаясь на Диона, многие ново-новейшие историки.

Таким образом, убитая горем, из-за пренебрежения к ней внука, в ком она души не чаяла, Антония умерла в 38г., и к тому же, никак не раньше 31.01., когда, судя по эпиграфической надписи, сохранившейся от коллегии Арвальских братьев, последние праздновали день рождения ещё живой Антонии Августы – «natali Antoniae Augustae» (CIL 2028с, 7).³⁸ Т.е. оптимально смерть Антонии последовала в конце зимы или даже уже весной 38г. А продолжавший дуться на умершую за множество упрёков Гай решил в сердцах не воздавать ей никаких посмертных почестей и из своего обеденного покоя в императорском дворце на Палатине любовался её погребальным костром на Марсовом поле.

На то он и мальчиш-плохиш, чтобы дуться-обижаться на даже покойную бабу, к-рую он, можно сказать, несколько раньше срока свёл в могилу, одновременно, не изводя ядом и не принуждая отбросить коньки.

КОНЕЦ МАКРОНА

Гай сделался принцепсом-кесарем и единовластником не благодаря исключительно Макрону (как дело представлял сам Макрон и как его представляет-позиционирует, намеренно сгущая противогаетские краски, Филон), но, во многом, при его решающей поддержке. Ошибочно приписывать главную заслугу в возвышении Гая Макрону, к-рый-де постоянно его выгораживал перед сомневающимся в нём и уже готовым его устранить Тиберием, словно Тиберий был марионеткой, к-рой, мол, Макрон помыкал, чего в реальности однозначно не было.

Не вообразил ли Тиберия, властителя, дескать, маленького о. Капри, отжившей своё марионеткой Сеян, и сполна за это поплатился, о чём Макрон хорошо помнил, никогда, как сказано, не прыгая выше головы, скромно отводя от себя различные почести и всегда действуя сугубо в угоду Тиберию, будь то прямые распоряжения, намёки, или превентивно-предупредительные пожелания хозяина.

Да, макроновская ставка была на Гая, однако, в рамках ставки тиберианской, отдавшей предпочтение Гаю, за отсутствием реального выбора в пользу Гемелла, за неимением лучшего. И именно взвесивший все за и против медлительно-прагма-

³⁸ Современные источники и энциклопедии относят рождение Антонии Младшей, зная день оно, но не зная точно год, на 31.01.36г. до н.э., поскольку её рождению в этот же день в 37г. якобы мешает отсутствие Антония в Греции возле жены Октавии весной 38г., когда, дескать, он ратно отправился на римско-парфянский Восток (без Октавии, в то время как весной 37г. она была при нём в Таренте), чтобы летом, после победы Вентидия, мол, 9.06.38г., под Гиндаром, осадить Самосату. Никак нет, Гиндарское сражение произошло не в июне 38, а в июне 37г., тогда как (вторая) осада Антонием Самосаты (осаждавшейся в первый раз его полководцем Вентидием в 37г.) имела место не в 38, а в 35гг. Короче, почти весь 38г. Антоний продолжал находиться, вовсю прожигая жизнь, в Греции, лишь однажды коротко отлучившись для несостоявшейся встречи с Октавианом в Брундизий, и потому зачатую Антонии Младшей апрельско/майской весной 38г., равно её рождению 31.01.37-го, а не 36г., ничего не препятствует (Р.л.13-64).

тичный Тиберий, но никак не Макрон сделал Гая наследником № 1. И заблаговременно положивший под овдовевшего Гая свою сексапильную многоопытную супругу Эннию Макрон всячески посодействовал легитимизации как бы временно, до повзреления Гемелла, единовластия Гая после кончины Тиберия.

Посодействовал, полагая и дальше быть поводырём-сталкером-советчиком при молодом и малоопытном Гае, к-рый, мол, без него, без опоры на него и подкомандных ему грозных преторианцев, не обойдётся, не справится. Увы, он не учёл, что твёрже встав на ноги, Гай очень быстро начнёт тяготиться и самим Макроном, и оказанными ему Макроном услугами, и своей связью с Эннией, к-рых, как сделавших своё дело мавров, надлежало с пути просто смести..

И вот не столько *твёрже*, сколько *иначе* встав на ноги после болезни, Калигула вскоре чересчур затяготился Макроном и тяготился им больше, нежели докучливым опекунством Силана или наставлениями-советами Антонии. Если смерти Антонии можно было дождаться и даже ускорить её, оскорбительно игнорируя любимую бабушку, то ок. 55-летний Макрон умирать пока не собирался, почему его требовалось убрать так же, как Силана, принудив к самоубийству, в каком случае с кесаря и взятки гладки, ибо статью за доведение до самоубийства ему инкриминировать некому.

Мало того, ведь избавиться от надоевшего палладина, от нелюбимого большинством элитных сограждан цепного пса, значит, ещё и бросить желанную кость противомакроновски настроенной части элиты, к-рая ненавидела этого выскочку, назначенного Тиберием новым цербером и успешного многим насолить, не меньше, чем ранее выскочку и временщика Сеяна.

Так и отработанный материал Макрон, получивший иронично-почётное назначение перед смертью наместником в Египет, куда он никогда не отправился, и любвеобильная Энния, тоже отработанный материал, и их дети, ни число, ни возраст к-рых неизвестны, пали жертвой калигулианских политических резонов. Муж и жена, – получив предписание «добровольно» умереть, дети – неведомо как, скорей всего, сродни детям Сеяна, от рук палача (Филон «Пр. Флакка» 3/4; «Пос. к Гаю» 6; 8; 10; Свет. «Кал.» 26,1; Дион 59,10,6).

Гай упивался собой и чужой кровью, как волк в овчарне. Ещё вчера Макрона можно было назвать волком, взросшим при волчаре Тиберии, а сегодня он, став в тягость новому вожаку стаи, превратился в затравленного зайца, и сам, уходя от последнего выстрела, прыгнул в бездну. Обычно в политике не убивают, но, как давно известно, устраняют. Хотя некоторые отыгравшие своё политические персонажи, будучи лишены выбора, самоустраиваются.

Национал-полемист Филон даёт Макрону весьма положительную оценку-характеристику, исходя из устранения им иудефоба Сеяна и из ликвидации его самого иудефобом Гаем – фигур с жирным знаком минус, что для Филона означает 2 : 0 в пользу павшей жертвой собственной ошибочной наивности и Гаева коварства-вероломства (якобы) жертвенной фигуры с жирным знаком плюс.

В сочинении «Против Флакка», по Филону, не кто иной как Макрон (на дружбу с к-рым уповал, после конца Гемелла, Авиллий Флакк) спас Гая от расправы со стороны Тиберия, кто-де неоднократно намеревался убрать его, и сделал себе на беду Калигулу кесарем. И дальше, видите ли, именно он неоднократно увещевал Гая, предостерегая его от дурных поступков, из-за чего от него в итоге «избавились вместе со всем домом его, женой и детьми как от тяжкого груза и доуки. Ибо всякий раз, завидев Макрона, Гай говорил: «Сотрём улыбку с уст, потупим взоры – идёт наставник, поборник прямоты, новоявленный воспитатель зрелого мужа и самодержца» (3). По сути верно, но, конечно, не в филоновском художественном воспроизведении.

Причём в следующей гл. 4 трактата Филона содержится ценная хроноинформация. Тут сановные греко-александрийские иудеифобы (гимнасиарх) Исидор и Лампон уже знают о падении Макрона (к чему, согласно папирусным находкам, Исидор сообвинительно приложил руку), убеждая мятушегося Флакка выступить (возглавив от имени власти кампанию) совместно с александрийцами против местных евреев. Александрийский погром и преследования евреев имели место в августе/сентябре 38г. (см. выше), т.е. во второй половине лета и в начале осени, до чего, следовательно, Макрон успел погибнуть, весть о чём успела дойти до Александрии и поспособствовать Исидору с Лампоном в деле привлечения к гонениям на евреев, к-рые противились поставлению статуй императора в своих молельных-синагогах, римско-египетского префекта Флакка.

Ведь именно этим (по Исидору с Лампоном) последний, дескать, сможет (потеряв поддержку в лице элиминированных Гемелла и Макрона) оправдаться в глазах Гая, и, таким образом, спастись! Т.е. падение Макрона случилось (после убийства Гемелла – декабрь 37г., самоубийства Силана – зима 38г., и кончины Антонии – зима/весна 38г.) оптимально – не позднее весны 38г.

В «Посольстве к Гаю» Филон усугубляет Макронову роль на пути Гая к рулю власти, мол, кабы не Макроновы убеждения-уговоры, Тиберий не согласился бы на это, и присовокупляет сюда (распутную) Эннию, к-рая, мол, сбила мужа, наставляя ему рога, с толку, чего, разумеется, в данной филоновской интерпретации, опять-таки, не было (как бы Филону ни хотелось вынести максимально оправдательный приговор и Тиберию, и Макрону за счёт максимальной негативности-безнадёжности Калигулы).

Согласно Филону, Макрон очень заблуждался, считая Гая своим послушным твореньем (тварью), к-рое, выйдя из-под контроля, угрозило, не стесняясь в средствах, своего творца. Конечно, отнюдь не совсем так, и тем не менее, поблагодарим Филона за предоставленную нам возможность реконструировать хронологию событий.

Дальше, если Светоний коротко сообщает о расправе Калигулы над Макроном и Эннией, «доставившими ему власть и награждёнными вместо благодарности жестокой смертью» (26), то у анналиста Диона под событиями 38г. читаем: «...он принудил Макрона вместе с Эннией покончить самоубийством, не помня ни привязанности последней, ни услуг первого, к-рый, между прочим, помог ему приобрести престол для себя одного; и то обстоятельство, что он назначил Макрона управлять Египтом, не имело ни малейшего значения. Он даже впутал его в постыдное происшествие, в к-ром сам был более всех замешан, приводя после среди других обвинений против него то, в чём был пособником. Вслед за этим были казнены многие другие, некоторые, будучи приговорёнными, а некоторые даже прежде, чем были обвинены. На словах они были наказаны из-за зла, причинённого его родителям или его братьям или другим, кто погиб в связи с ними, но в действительности это было сделано из-за их собственности; поскольку казна оказалась исчерпанной, а ему никогда не хватало средств. Эти люди были обвинены на основании не только свидетельских показаний, к-рые появились против них, но также и бумаг, к-рые он, по его прежнему объявлению, сжёг. Иные были обязаны своим крушением болезни императора в прошлом году и смерти (в этом году) его сестры Друзиллы; любой, кто развлекался, или приветствовал другого, или просто купался в течение дней траура, подвергался наказанию» (59,10,7-9)

Ранг префекта Египта не являлся ни де-юре, ни де-факто, по лекалам поры Августа, понижением в сравнении с учреждённой во 2г. до н.э. парной префектурой praetorio. К примеру, один из первой пары преторианских префектов Осторий Скапула, сложив эту префектуру, отправился в первом десятилетии Iв. н.э.

наместничать в Египет. Да и при начальном Тиберии отец Сеяна Сей Страбон тоже получил в 15г., оставив сына преторианским префектом без парного коллеги, назначение в Египет.

Однако, после единоличного при Тиберии начальствования над преторианцами могущественного Сеяна и затем его могильщика-преемника Макрона, когда значительность преторианского префекта *sine collega* зашкалила, такое египетское переназначение, продолжая не быть понижением де-юре, не могло не быть понижением де-факто, и уже само по себе ничего хорошего Макрону (над к-рым Калигула напоследок издевался), предвещая его очень скорый конец, не сулило.

С др. стороны, как мы знаем, Авиллий Флакк с 32г. управлял Египтом и управлял (как тиберианско-макроновский кадр, проследовавший в страну-на-Ниле после ликвидации в 31г. Сеяна) аж до 37/38гг., даже по признанию его непримиримого визави Филона, образцово, готовый в 38г. передать вахту (6 лет наместничества – срок достаточный) преемнику. Ан – дудки! Макрон в Египет не попал, наложив на себя, вероятно, во второй половине весны 38г., руки в Риме, тогда как примкнувшего во второй половине лета к гонениям на александрийских евреев Флакка доставили осенью в Рим, откуда он отправился в островное изгнание, под конвоем.

Тем временем, Калигула и в отношении преторианской префектуры возродил августейшую традицию парности (уравновешивающих один другого, по принципу системы противовесов) префектов, к-рыми назначил М.Аррецина Клемента и Л.Аррунция Стеллу, о деятельности к-рых, отчасти – в связи с их незначительностью, отчасти – в связи с лишением их прежнего (сеяновско-макроновского) статуса, мы почти ничего от авторов древности не слышим и почти ничего не знаем. Только первый из них всплывает у не оговаривающего его преторианско-префектурный ранг Флавия (И.д. 19,1,6/7) приложительно к окончившемуся убийством Калигулы заговору 40/41гг., где он сыграл далеко не первостепенную роль.

Из Диона же следует, что конец Макрона хронопредшествовал кончине Друзиллы, к-рая умерла в июне 38г. Притом ещё до её смерти Гай, расправившись с (впутанным им перед гибелью в какое-то постыдное происшествие³⁹) Макроном, задействовал-запустил, стало быть, со второй половины весны 38г. механизм уже неединичных репрессий, начав карать виновников смерти матери и братьев, по свидетельским бумагам, к-рые он якобы сжёг, в чём год назад клятвенно побожился перед сенатом и народом.

Засим с весны 38г. начался растущий в геометрической прогрессии калигулианский кесарско-государственный террор, или правильнее сказать, террористический беспредел. И Дион (отчасти) верно замечает, что террор этот был обусловлен (остаётся добавить – в частности) прискорбно опустевшей, точнее, буквально вытряхнутой за минувший год баснословными тратами-затратами тиберианской казны.

Правителю-расточителю понадобились денежные средства. И как, спрашивается, их было достать-добыть, если не репрессиями и конфискациями движимого и недвижимого имущества пресловутых оскорбителей величия-величества и всякоразных врагов народа?! Но тот же Дион совсем не случайно именно применительно к задействованному-запущенному Гаем массовым репрессиям упоминает как прошлогоднюю (37г.) болезнь императора, так и кончину летом 38г. его, не по-братски обожаемой им, сестры Друзиллы.

И пусть в отношении той роковой болезни Дионом подразумевается поведение представителей части элиты в их уповании на кончину кесаря, что Калигула сейчас,

³⁹ Б.м., к этому не уточняемому Дионом «постыдному происшествию» как-то сопричастен александрийский гимнасиарх Исидор, обвинивший Макрона (не без соучастия Калигулы) в противокесарском иудефильстве?

в особенности богатым нобилям, смешав виновных и невиновных, инкриминировал, но ведь этой самой *посвященной* болезнью была, о чём мы знаем, обусловлена кардинальная перемена, произошедшая с подпавшим проклятию той загадочной хвори существом кесаря в целом. Посему фраза Диона, даже если он вкладывал в неё иной смысл, по любому, верна. А что касается Друзиллы, её внезапный уход сделался для Гая, во-первых, не меньшим потрясением, чем его прошлогодняя болезнь, и во-вторых, следующей ступенью как его впадения в безумие, так и его дальнейшего падения в пропасть.

ВОСТОЧНЫЕ ВАССАЛЫ

Впрочем, ещё до летней кончины Друзиллы, надо полагать, во второй половине весны, когда Ирод Агриппа, к-рый отправится в Палестину не ранее начала второй половины лета (см. выше), обретался при Гае, Калигула снова занялся восточными вассалитетами и вассалами. Мы помним, как он вверил Агриппе в 37г. тетрархии умерших в 36г. Филиппа и Лисания; или поощрил араба Арета присоединением к его владениям Дамаска; или восстановил провинциализированную Тиберием Коммагену, с Антиохом IV во главе.

Затем идут три брата (дети Котия Фракийского и Антонии Трифены): поставленный во главе сирого после смерти Пифодориды в 36г. Понта – Полемон II Понтийский; поставленный во главе всей вассальной Фракии (после смерти его тёзки – владевшего частью Фракии сына Раскопория) – Роиметалк III Фракийский; поставленный во главе провинциализированной при Тиберии одновременно с Каппадокией Малой Армении (и, после римско-парфянского соглашения 37г., над частью Армении Великой?) – Котий Мало-Армянский.

Сюда остаётся добавить поставленного во главе части Итуреи Соэма Итурейского и ещё поставленного над Спартой в Греции Юлия Лакона – сын сначала фаворитарного, а потом сосланного, при Августе, (с ок. 2г. до н.э.) лакедемонянина Эврикла (интригански подвизавшегося в 6/5гг. до н.э. при дворе Ирода), отпрыск к-рого получил Спарту ещё от Августа, потом был смещён провинциализатором Тиберием и теперь снова введён во владетельные права Калигулой.⁴⁰

⁴⁰ К месту заметить, что суровая ликургическо-аристократическая Спарта, трансформировавшаяся из военной демократии в олигархическую республику с двумя милитантными царями-архагетами, герузией и (позднее) эфоратом (тайная полиция) во главе, держалась, по большей части, либо эксклюзивным особняком в Греции, даже, когда союзничала с другими греческими государствами или доминировала в Элладе, либо демонстративно противопоставлялась прочим демократическим грекам. Например, – выйдя, после бессмертного подвига 300 спартанцев в Фермопилах (480г. до н.э.) и победоносной битвы греков против персов при Платеях (479г.), из Греко-Персидской войны; или, – одержав победу над афинянами в Пелопонесской войне (431-01гг.), благодаря помощи персов, и положив конец «Золотому веку» Афин и афинской демократии; или, – не примкнув к Коринфскому союзу (337г.) и оставшись в стороне от Великого похода (священная война) Александра Македонского (противоперсидский реванш за надругательское разорение Ксерксом Греции)...

Или – не вышла ли Спарта из Ахейского союза (147г.), получив поддержку Рима и поспособствовав полному подчинению Греции Римом (146г.)! или – не воевали ли спартанцы, под предводительством Эврикла, как единственные из греков, в Акцийской войне на стороне Октавиана против Антония (32/31гг.)! Возникает вопрос: нельзя ли назвать этих (мартиальных) спартанцев (пусть не без оговорок) своего рода римлянами среди греков? как в перспективе франки стали своего рода римлянами среди германцев! И это, несмотря на то, что эпохальная война между греками и троянцами (XIVв. до н.э.), предками римлян, началась из-за похищения Парисом жены царя именно Спарты – (Атрида) Менелая – Елены!

Спарта суть абсолют военизированного гос-ва, где высшая добродетель – любовь к

Всё это, скажем снова, калигулианские деяния 37/38гг. и не все они поддаются точной датировочной прецизации, при том, что Дион под 37г. говорит только об Агриппе и Антиохе Коммагенском. Но и Роиметалк, по всему, получил часть Фракии в 37г., с присовокуплением к ней фракийских владений его умершего тёзки и родича в 38г., тогда как к царству Полемона Понтийского Калигула прибавил в 38г. Боспор (овладеть к-рым Полемену так и не довелось), одновременно облагодетельствовав монаршими диадемами Созма Итурейского и Юлия Лакона.

Являясь верховным владыкой, Гай, скажем снова, чувствовал себя вольготно среди этих им же назначенных или поощрённых восточных монархов, часть к-рых была хорошо знакома ему с детства-отрочества-юности, и ментальность к-рых, атмосфера вокруг к-рых была ему, побывавшему в Греции, М.Азии и Сирии (сказки «тысячи и одной ночи») в крайне впечатлительном возрасте 5-7-и лет, много ближе, нежели всё староримское. И наверно частично они (друзья кесаря = римского народа – *amicus Caesaris* = *amicus populi Romani*) собрались у него, при римском дворе, весной 38г. Или – сходно Агриппе, до поры не отпущенные с 37г. в свои владения? или – прибыв по весне в столицу мира Рим на союзническо-верноподданнический поклон к божественному благодетелю и кормильцу с богатыми подношениями?

Здесь всё было обставлено по высшему разряду, сенат принял нужные решения, и торжественная церемония возведения вассальных царей в младшие друзья-союзники великого Рима состоялась на Форуме, где Гай верховенски восседал на трибуне между двумя консулами. Согласно Диону, «некоторые добавляют, что он использовал шёлковый навес» (59,12,2). Доставлявшийся в очень ограниченном количестве из Китая через Иран шёлк стоил в то время огромных денег и был запрещён в правление Тиберия, как предмет излишней роскоши, для подобного расточительного употребления.

Видимо, как раз к данному времени нужно отнести слова из «Жизнеописания» Светония, к-рый, закончив короткий рассказ о Калигуле-правителе, начинает гораздо более пространный рассказ о Калигуле-чудовище словами: «Он присвоил множество прозвищ: его называли и «благочестивым» и «сыном лагеря» и «отцом войска» и «Цезарем благим и величайшим». Услыхав однажды, как за обедом у него спорили цари, явившиеся в Рим поклониться ему, он воскликнул: «Единый да будет властитель, / Царь да будет единый!». Немного недоставало, чтобы он тут же принял диадему и обратил видимость принципата в царскую власть» (22).

Как видим, речь идёт о царях, явившихся в Рим поклониться ему, что без проблем укладывается в событийную канву нашего повествования и прилагается к воспроизводимой нами с помощью, в первую очередь, единственного – по калигулианскому периоду – анналиста Диона хронологии 38-го г. н.э. С одной стороны, именно тогда Калигула, по всей вероятности, разыграл спектаклярную процедуру на Форуме, а с др., – она, как и сам съезд восточных вассалов, вряд ли произошли в отсутствие Ирода Агриппы, к-рый, повторим, отчалил из Рима в Палестину летом 38г. Т.е. речь оптимально идёт о событии, имевшем место весной: как до отъезда в июле одного из союзных царей – наиболее близкого к Гаю Агриппы, так и, главное, до кончины 10.06. Друзиллы, после чего Калигуле стало не до великопраздничных церемоний такого рода.

Отчеству (безостаточно поглотившему Родину), где гражданственность превыше всего, где царствуют консервативный изоляционизм и сугубо мартиальная нравственность, где строго подцензурно воспеваются исключительно воинская доблесть и воинские подвиги, где постыдна всякая чувственность, где обаянная хорошо стрелять из лука и метать копьё атлетическая женщина – пашня (или родильный агрегат), подлежащая засеянию для рождения бесстрашных воинов. Т.е. речь идёт, во вполне определённой мере, о тоталитарном государстве, можно (не без иронии) сказать, – амазонк мужеска пола!

Касательно же стихотворной декламации – в объективе знакомый нам стих из «Илиады» Гомера (2,204), – слова Одиссея (в ином переводе: «Только один должен повелевать»), к-рыми александрийский философ Арей поощрил в 30г. до н.э. покорителя Александрии Октавиана на убийство-устранение 17-летнего сына Цезаря от Клеопатры – Цезариона (Р.л. 225/26). Вариативный эквивалент этого постулата в ново-новейшее время: «Боливар не выдержит двоих».

Помня о судьбе заколотого кинжалами Цезаря, «восстановитель Республики» Август категорически отводил от себя, взывая к римско-республиканским нормам, обращение «государь». Аналогично, идя стопами папы Августа, поступал Тиберий. Однако, Калигула, репрезентируя пацанский молодняк тиберианской эпохи, вовсе не дорожил мавзолейной памятью мавзолейной республики и о соблюдении её норм мало беспокоился. Да и судьба слишком давно павшего от кинжалов Цезаря, что было для Гая далёкой историей, его не пугала. Нет, он не намеревался напялить на себя царскую диадему, и Светоний тут преувеличивает-загибает. Но он был полновластным мон(о)архом де-факто, чего не стыдился, не стеснялся и не хотел по факту, пусть официально продолжая прозываться принцепсом (*primus inter pares* – первый среди равных), избегать.

Более того, чем дальше, тем больше у него захватывало от собственной вседозволенности, распушенности, безнаказанности дух. При всём том, позиционируя себя, не без насмешки над окружающими, в качестве венценосца, он, следует признать, вёл себя, в определённом ракурсе, куда искреннее, чем конституционно лицемерившие всю свою долгую жизнь Август и Тиберий. Своеобразное гротескно-калигулианское срывание всех и всяческих масок! Калигула как никто другой до него показал-продемонстрировал всем своим чудовищным существом и чудовищным правлением-проявлением оказавшегося, – с всеобщего одобрения и по всеобщему пожеланию, – у власти мальчиша-плохиша, во что превратился Рим эпохи Принципата (Юлиев-Клавдиев) в действительности!⁴¹

Вместе с тем, именно для восточных римских вассалов монархическо-калигулианское поведение было саморазумеющейся составляющей высшей земной власти,сосредоточенной в руках и сакрально, и автоматически (само собой) подлежащих обожествлению (что на Востоке отвергали только иудеи) правителей. И потому в их нижестояще царском (со)обществе всем обязанных и бесконечно благодарных ему креатур (никак не исключая эллинизированного еврейского династа Агриппу, к-рый за пределами Иудеи ничего не имел против божественных почестей царям), Гай чувствовал себя столь комфортно, чувствуя себя так, как «своим пенатам возвращенный» (Пушкин) «антропо-божественный» властитель-небожитель.

⁴¹ Если архангельской эпохе Михаила (602-248гг. до н.э.), с присущими ей глобализмом, мультикультурализмом, индивидуализмом, свойственен на её пике демонтаж аристократического (консервативно-элитарного; консервативно-изоляционистского) принципа и аристократических структур, институтов в пользу либеральных и демократических, равно вертикальных объединений – в пользу горизонтальных (история республиканских Греции и Рима с конца VIв. до н.э.), то эпоху Сатурна (248г. до н.э. – 108г. н.э.) отличает обновление аристократических принципов-институтов и их амальгамированное сращивание с демократическими, включая кульминационную замену-подмену гражданской горизонтали военизированной вертикалью.

Не достиг ли михаэлизм своего пика в глобально ойкуменическом деянии, увы, деспотически кончившего, подпав декадансу Востока, в Вавилоне Александра! Не взошли ли первые ростки будущего цезаризма в государстве и культах диадохов! Не стал ли Рим, вроде бы не переставая быть (де-юре) Республикой, и традиционалистски сохраняя многие её черты-атрибуты, на самом деле (де-факто) Моноархией-Империей – как вовне, так и внутри, как понарошку, так и взаправду!

КОНЧИНА ДРУЗИЛЛЫ (10.06.38г.) И ТРАУР КАЛИГУЛЫ

И вот в июне 38г. жадно-всеядно вкушавшего абсолютную власть кесаря-принцепса постиг удар, от к-рого он в дальнейшем, как и от его странной болезни осенью 37г., больше так и не оправился. Внезапно скончалась его сестра Друзилла, к-рую, напомним, он развёл с Л.Кассием Лонгином и выдал замуж М.Эмилия Лепида, назначил своей наследницей, когда болел, и почти открыто держал при себе в качестве сожительницы.

Не мудрено, ибо посвячительно переболев, он сопричислил себя к богам, а языческие боги (или египетские фараоны, или восточные и эллинистические цари), сколь общеизвестно, вступали, неподвластные греху кровосмешения, во вполне позволительную связь со своими сёстрами (плюс – некогда в Иране венценосные отцы даже женились на своих дочерях, или сыновья брали замуж матерей, как, к примеру, в последний раз поступил в начале IV в. н.э., отдавая противоестественную дань староиранскому декадансу, молодой царь царей Фраат V).

И пусть римляне осудительно судачили о преступном инцесте Гая с родной сестрой, его это не волновало. Ведь он, по его собственным словам, мог позволить себе сделать всё, что угодно, и с кем угодно. В отличие от страшившегося зависти богов Суллы, надсмехавшийся над Суллой Гай её не страшился, и накликал её, правда, не столько зависть, сколько горькую насмешку.

Дион: «Друзилла была замужем за Марком Лепидом, одновременно любимцем и любовником императора, но Гай тоже имел её сожительницей. Когда в то время случилась её смерть, муж произнёс лаудационную речь, а брат предоставил ей общественные похороны. Преторианцы с их командиром и сословие всадников по отдельности прошли перед её погребальным костром и мальчики благородного происхождения устроили конное ристание, называемое «Троя», над её могилой. Все почести, к-рые были оказаны Ливии, были оказаны и ей, а далее декретом было установлено её обожествление и поставление её золотого изображения в здании сената, и что в храме Венеры на Форуме должна быть воздвигнута её статуя, что она должна иметь 20 жрецов и жриц. И что женщины, всякий раз, когда они свидетельствуют, должны клясться её именем, и день её рождения должен отмечаться как праздник, равный *Ludi Megallensis*, с устройением пира сенаторами и всадниками. Соответственно, она теперь получила имя Пантеи – «Всебогини», и была объявлена достойной божеских почестей во всех городах.

Сенатор Ливий Геминий объявил под присягой, призывая гибель на себя и своих детей, если он говорит неправду, что видел как она вознеслась в небеса и беседовала с богами. За это заявление он получил миллион сестерциев. Помимо возвеличения Друзиллы таким путём, Гай пожелал отменить праздники, к-рые тогда должны были справляться, и либо отметить их в назначенное время сугубо формально, либо сделать это позднее. Все люди подвергались осуждению одинаково, независимо от того, скорбели ли они о чём-нибудь ином, будучи огорчены, или вели себя так, как будто они были рады. Их обвиняли или в недостаточном оплакивании её как смертной, или в пренебрежении к ней как к богине. Одно единственное происшествие наглядно показывает, что тогда происходило: император обвинил в оскорблении величия и казнил человека, к-рый (в дни траура по Друзилле – К.З.) продал горячую воду» (59,11,1-6).

Светоний: «...Когда она умерла, он (Гай) установил такой траур, что смертным преступлением считалось смеяться, купаться, обедать с родителями, женой или детьми. А сам, не в силах вынести горя, он внезапно ночью исчез из Рима, пересёк Кампанию, достиг Сиракуз и с такой же стремительностью вернулся, с отросшими

бородой и волосами. С этих пор все свои клятвы о самых важных предметах, даже в собрании перед народом и перед войсками, он произносил только именем божества Друзиллы (Кал. 24,2).

Согласно Сенеке (Dial. 11,17,4), потрясённый смертью Друзиллы Гай ещё в ходе погребальной церемонии стремительно покинул Рим и уединился в глубокой скорби, не желая никого видеть, на дачной вилле у подножия Альбанской горы, где на месте когдатошней (основанной сыном Энея Асканием Юлом) Альба Лонги, между Альбанской горой, на вершине к-рой стоял храм Юпитера Latiaris (божества общин Латинского союза), и Альбанским озером, располагались дачные виллы именитых римлян (усадебь к-рых позднее образовали отдельный элитный муниципий).

Родившаяся осенью 16г. и умершая 10.06.38г. Друзилла не прожила и 22-х лет, будучи самым близким Гаю существом, и заменить её впоследствии ему не удалось никем, даже родившей от него дочь его последней супругой Цезонией. Причём ни болезнь, ни причина, судя по всему, внезапной кончины юной Друзиллы ни одним из античных источников не называются. И, возможно, это позволяет предположить смерть от непройденного ею, таким образом, с летальным исходом, оккультного посвящения, на к-ром настоял сам Гай и (через) к-рое она не прошла, не выдержала: не изменившись, подобно Гаю, после *болезни*, но умерев от этой и в этой *болезни*.

А Гай, кто всё более возмневал себя человекобогом, в чём ему всячески потакал Восток и ориентальные вассалы, стремился поднять её, любимую сестру, с кем он позволял себе сожительствовать в ранге божественного властителя, посредством оккультной инициации, на свой властительско-божественный уровень, — в своём роде «великого посвящённого» (в мистериальные тайны-таинства) наоборот. Однако, тут в дело досадно и властно вмешалась, ни у кого не спросившись, смерть.

Астральность и хрупкая индивидуальность Друзиллы, изъятые из её беззащитных физической и эфирной оболочек иерофантом, не нашли дорогу обратно, не сумели возвратиться из деградантных духовных миров, смертельно поражённые пережитым-воспринятым там, назад — к физису и эфиру. Она не пробудилась от мистериально-храмового сна, и сначала Гай обвинил в её смерти себя.

Его потеря была невосполнимой, а горе неуёмным. Он искал и находил в ней, бывшей четырьмя годами моложе него, и преданную сестру, к-рую со временем возмнил (второй) Юноной при (нём) Юпитере, и свою мать — суровую-непреклонную Агриппину, к-рая благоволила к старшему сыну Нерону и пренебрегала средним — Друзом, уж не говоря о меньшом — Гае, кто всегда был для неё — третий лишний.

И ещё он искал в Друзилле, как и в остальных женщинах, к-рых ненадолго выбирал, сообразно их красоте или сексуальности, свою Клеопатру, по примеру очень близкого ему по духу бедового прадеда М.Антония (чья младшая дочь, Гаева родная бабушка, достала его своим пуританисто-адатолобивым воспитательным опекунством). И ещё он искал в ненаглядной Друзилле, к-рую любил куда больше, чем её старшую сестру Агриппину (род в 15г.) или младшую Ливиллу (род. в 18г.), как в божественной сестре-жене, свою верную-неразлучную спутницу-половину Ливию (Одиссея в женском платье), к-рая была долее полувека верной спутницей другого его прадеда — Августа.

Ведь и впрямь, если он, Гай Цезарь, (второй) Юпитер, то она, Юлия Друзилла, (вторая) Юнона (и вторая Венера в одном лице), сестра и супруга Благого и Величайшего, кто есть дети стоящего у сатурнальных праисточков Рима праотца Сатурна. Разве она, чёрт возьми, может умереть?! И потому с её молниеносной смертью жизнь, казалось, кончилась. Жить было незачем. Сначала он не мог расстаться с её мёртвым в досталь умахённым благоуханной смирной телом (как некогда Ирод с

телом казнённой, по его же приказу, Мариамны), из к-рого едва тронутая тлением цветущая молодость вопияла против безжалостной смерти.

Потом он не находил себе места и после короткого уединения на вилле заметался в бессильной скорби: пересёк, как уверяет Светоний, Кампанию, домчался на первой скорости до юга Италии, достиг морем сицилийских Сиракуз и с такой же стремительностью вернулся, успев зарастить траурной щетиной.

Перечисляемые авторами древности множественно-посмертные почести Друзилле, действительно, не знали границ. Ещё ни одна умершая римлянка не удостоивалась таких непомерных чествований, каких удостоилась вознесённая, по слову видевшего это собственными глазами сенатора Л.Геминия, в небеса и беседовавшая там с богами Друзилла, за видение чего, кстати, смекалистый сенатор получил аж миллион сестерциев (и выправил себе надёжную охранную грамоту на всё время обещающего быть часто непредсказуемым царствования сумасброда Калигулы).⁴²

Родившуюся 16.09. Друзиллу официально консекрировали в сакрально-празднично-памятный для римлян день 100-летнего юбилея Августа 23.09.38г., относительно чего сохранилась запись в «Актах Арвальских братьев» (CIL 2028e). Эпиграфические надписи свидетельствуют о праздничных играх во славу Афродиты-Друзиллы, учреждённых в Кизике, или о почитании божества Деметры-Друзиллы в Греции.

С тех самых пор Гай клялся исключительно её («Всебогини») божеством и обратился к поиску утешения в египетской религии (влияния к-рой на римлян очень, как мы знаем, опасался поставивший декадентный Египет под строгий персонально-императорский контроль Август), санкционировав сооружение государственного храма Изиды, чей импортный культ далеко не в первый, но в последний раз был запрещён в Риме в 34г. Тиберием, кому Калигула ныне живо оппонировал, на Марсовом поле (Д.И. 180-88).

Потом он принимал участие в мистериях этой бессмертной египетской богини, облачаясь (к ужасу многих римлян) в женское платье (И.д. 19,1,5), и даже в день его гибели, во время Палатинских игр, 24.01.41г., согласно наверняка разумеющему египетские мистерии Светонию, весьма символично «готовилось представление (мистерияльная пантомима или спиритуальная драма-мистерия с участием кесаря – К.З.), в к-ром египтяне и эфиопы должны были изображать сцены из загробной жизни» (Кал. 57,4) (см. ниже).

Скажите, не восстал ли в возмнившем себя человекобогом Гае прямой агрессивный противоположный Богу Человека Иисуса Христа! Если визави и антипод Христа, Царя (по первосвященскому чину Мелхиседека) Царства не от мира сего, царь царства от мира сего кесарь Тиберий, словно подсознательно чувствуя, Кто есть его современник, не притязал на божественность среди сограждан и искренне отвергал обращение «государь», то Гай, во время после неведомой ему Мистерии Голгофы, всячески пытался-тщился подменить собой божественного Сотера-Спасителя, выставить-позиционировать именно себя таковым.

И одновременно он силился сделать из Друзиллы некое подобие сестры-суженой сотериально-царственного «человекобога», некое божественно-богородичное воплощение Вечной Женственности. Теперь для него всё, потеряв точки опоры и центр тяжести, смешалось: истина и ложь, праведность и неправедность, мужчина и женщина, образы и противоположности!

Неспроста от выступления поднявшего голос против упадочных старопосвящений («покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное») Иоанна Крестителя в

⁴² В написанной в правление Нерона сатире на Клавдия современник и непосредственный свидетель описываемых событий Сенека едко высмеивает сенатора Геминия, не веря его льстиво-конъюнктурным псевдооткровениям под присягой (Aposol. 1,2).

начале сентября 28г. до новопосвятительного воскресения Лазаря в конце февраля и Таинства Голгофы (Воскресение; Вознесение; Пятидесятница-Троица) весной 33г. пролегал четыре с половиной года. И от Таинства Голгофы весной 33г. до таинственной старопосвятительной болезни Гая, плюс произошедшего в нём с октябрьско-ноябрьской осени 37г. коренного перелома, тоже — четыре с половиной года.

Итого 9 лет (28 — 37г.), по прошествии к-рых, на 10-м году, во время — 38г. н.э., когда христианские общины Палестины умножались и назидались, при утешении от Св. Духа, в составлявшем полную противоположность поднимающемуся христианству императорском Риме, где *кесарево безумие* Калигулы превзошло *кесарево безумие* Тиберия, всю бесновались демоны!

БРАК ГАЯ С ЛОЛЛИЕЙ ПАУЛИНОЙ (осень) ИСХОД ГОДА

По мере и в ходе освоения тирании, Тиберий становился для Гая, при оглядке назад и при взгляде вперёд, всё притягательнее, поскольку Гай всё лучше понимал внучатого деда, к-рый не мог в его, Гаевом, нынешнем понимании-восприятии, не стать и не быть тираном. То-то, сообразно эпитафии, уже 25.05.38г. Калигулой, как магистром жреческой коллегии Арвальских братьев, было совершено жертвоприношение памяти Тиберия (CIL 6,2028с, 39), а 16.11.38г. Frater Arvalis отметили торжественной жертвой тиберианский день рождения (CIL 6,2028г, 8).

Между тем, осенью 38г., по-прежнему, не могучи заполнить пустоту, преследующую его после потери Друзиллы, Гай сочетался третьим в своей жизни браком с красавицей Лоллией Паулиной, к-рая была на тот момент замужем за наместником Мезии, Македонии и Ахайи П.Меммием Регулом, что Гая совсем не смутило. Он вызвал их в Рим, развёл мужа с женой и сделал её императрицей, чтобы через некоторое время отринуть от себя, притом запретив разведённым супругам новое-вторичное сближение-соединение-воссоединение.

Не случайно Светоний говорит: «О браках его трудно сказать, что в них было непристойнее: заключение, расторжение или пребывание в браке...» (25,1). И сказав об отнятой у Г.Пизона в день свадьбы Л.Орестилле (37г.), к-рую-де он оженил (как скабрёзно-иронично уверял окружающих) по примеру Ромула и Августа (см. выше), правда, отставив-отринув её спустя несколько дней, портретист-эссеист продолжает: «Лоллию Паулину, жену Гая Меммия, консуляра и военачальника, он вызвал из провинции, прослышав, что её бабушка была когда-то красавицей, тотчас развёл с мужем и взял в жёны, а спустя немного времени отпустил, запретив ей впредь сближаться с кем бы то ни было» (25,2).

Если Светоний ошибается, называя знакомого нам по делу низложения-ниспровержения Сеяна консула-суф. 31г. Публия Меммия Гаем, как звали его сына (консула 63г.), то Дион, ошибочно говоря о женитьбе Калигулы на Лоллии «по истечении нескольких дней» после смерти Друзиллы, хотя в реальности эта женитьба имела место не раньше лета/осени 38г., наряду с тем, сообщает интересные подробности: «...он женился на Лоллии Паулине, принудив её мужа, Меммия Регула, обручить её с собой, чтобы не нарушить закон, ибо женился на ней без помолвки. Но Лоллию он также скоро оставил» (59,12,1).

Т.е. Гай вызвал обоих супругов из провинции, куда жёны со времени правления Тиберия сопровождали мужей (тогда как при Августе свидания наместников со своими половинами разрешались лишь зимой), в Риме спектаклярно развёл их, причём муж, при разводе, оказался в правовом ампула отца невесты (точно так же брал в жёны Ливию в 38г. до н.э. Август), и принудил бывшего мужа торжественно выдать бывшую жену за себя.

Сим была соблюдена обрядовая правозаконность (греческий обычай, перенятый римлянами), не нарушено правило предварительной помолвки и максимально ускорено бракосочетание. Этот мальчиш-плохиш не умел и не хотел ждать. С одной стороны, кесарь может позволить себе всё, в то время как с другой, — молодости свойственно нетерпение и недержание во всём: вынь да положь! Кроме того, пусть предписанный законом 10-месячный (или годичный) траур по Друзилле блюдёт её законный супруг Лепид. Императору же необходимо (как можно скорее) брачно развеяться-утешиться.

По поводу Лоллии, речь идёт о внучке небезызвестного Марка Лоллия (конс. 21г. до н.э.), к-рый (близкий к Августу первый наместник провинциализированной в 25г. до н.э. Галатии) наставнически (*comes et rector*) сопровождал внука Августа Гая Цезаря (настраивая его против родосского анахорета Тиберия) на Восток, где, уличённый в мздоимстве и лихоимстве, лишился расположения юного наместника Востока и, получив унижительную отставку, покончил во 2г. н.э. самоубийством (Р.л. 1133).

Его не лишённый Августом отцовского состояния одноимённый сын, облакавший суф. консульство незнамо в каком году н.э. до кончины Августа, был женат на дочери Л.Волусия Сатурнина — консула-суф. 12г. до н.э., т.е. на сестре Волусия Сатурнина — консула-суф. 3г. н.э. От этого брака родились две дочери — Лоллия Паулина и Лоллия Сатурнина.

Неизвестно о красоте какой из их бабушек услышал Калигула — о красоте жены М.Лоллия, имени к-рой мы не знаем? или о красоте жены Волусия Сатурнина — Нонии Поллы?⁴³ Зато из Сенеки («*De const. sap.*» 18,2) известно, что Гай, утомившись Паулиной, кто в статусе его уведённой у мужа жены фигурирует в «Хронике» Евсевия под 38/39гг. (*Ann. Karst* 214), завёл шашни с её младшей сестрой, бывшей замужем за одним из предстоящих заговорщиков-соубийц Калигулы Д.Валерием Азиатиком, к-рого устранил в 47г. Мессалина

Так или иначе, Лоллия Паулина была не только очень красива, будучи ещё и баснословно, за счёт унаследованных ею дедовских сокровищ, богата, в результате чего Гай одним выстрелом убил двух зайцев. Нашёл красавицу-жену и, главное, значительно пополнил им же растраниженную императорскую казну, к-рую он уже в 38г. пополнял, не гнушаясь ничем и никем. К слову, в 38/39гг. ок. 15/16-летний Плиний Ст. (род в 23/24гг.) лицезрел в Риме блистательную Лоллию в ранге кесарской жены, оставив нам любопытное свидетельство:

«Я видел Лоллию Паулину, жену императора Гая (и это не был большой праздник, торжественная церемония, это был просто обед в честь обручения), я видел её, говорю, покрытой переплетёнными изумрудами и перлами, к-рые сияли, чередуясь; они были у неё на голове, в волосах, в ушах, на шее, на пальцах: всё это стоило 40 млн. сестерциев, и она была в состоянии немедля подтвердить квитанциями, что такова их стоимость. И это не были подарки расточительного принцепса, но сокровища её деда, к-рые являлись добычей из провинций. Вот к чему ведут взятки. Марк Лоллий был опозорен на Весь Восток из-за подарков, к-рые он вымогал у царей, впал в немилость у Гая Цезаря, внука Августа, и вынужден был отравиться для того, чтобы его внучка показалась при свете факелов, обвешанная сорока млн. сестерциев» (9,117/18).

⁴³ Однако, возникают резонные вопросы: неужели Калигула заинтересовался Лоллией П., услышав о красоте её бабушки? неужели он не видел славившуюся своей красотой жену известного консуляра Меммия Регула раньше? Или Меммий, отконсульствовав в 31г., с 32/33гг., сопровождаемый женой, наместничал, не бывая в Риме, в одной из кесарских провинций, отправившись прямо оттуда в 35г., сразу по смерти балканского легата Поппея Сабина, на Балканы?

Согласно «Актам Арвальских братьев» (CIL 6,2028 33), 24.05.38г. в жреческую коллегию были кооптированы (вместо покойного-выбывшего Юния Силана), по рекомендации кесаря (ex tabella imperatoris), что раньше не практиковалось, Г.Кальпурний Пизон, невесту к-рого Ливию или Корнелию Гай увёл со свадьбы в конце 37г., Л.Анний Винициан (тоже один из в 41г. соубийц Калигулы, действующий у искажающего или искажённого переписчиками Флавия под именем Аппий Минуциан) и П.Меммий Регул, жену к-рого Гай прикарманил-оженил летом/осенью 38г.

Дальше, по свидетельству «Актов Frater Arvalis», Регул в конце мая, затем 23.09., 12.10.38г., 6 и 12.02.39г. был в Риме. Т.е. он навещался в Рим, поручая три балканские провинции своим легатам на местах, и, вероятно, в сентябре 38г. при-был в столицу, повинувшись распоряжению кесаря, вместе с супругой, к-рую благо-получно уступил Верховному. Во всяком случае, в 40/41гг. он снова будет, в чём мы удостоверимся ниже, на своём греко-македонско-мезийском посту балканского legata extraordinarius (И.д. 19,1,1), откуда возвратится при Клавдии, образцово отле-гатуриив, всего-итого, 10 лет, в 45г. (в русле как новопередачи в 44/45гг. кесарских с 15г. Македонии и Ахайи обратно в ведение сената, так и с провинциализацией в 45/46гг. Фракии).

А судьба ненадолго (и всё-таки, на дольше, чем Орестилла) взлетевшей до импе-ратрицы Лоллии сложится несчастливо. Отвергнутая капризным Гаем ради корот-кого увлечения её младшей сестрой Сатурниной (или Гай имел обеих сестёр сразу) и затем ради Милонии Цезонии (на к-рую Калигула, попавшись, западёт до конца жизни), скорей всего, в первые месяцы 39г., с запретом возвратиться к прежнему мужу или снова выйти замуж, она (протежируемая влиятельным вольноотпущен-ником Каллистом) будет рассматриваться Клавдием, после падения в 48г. Месса-лины, как одна из брачных кандидатур.

Но в интриганском соревновании этих невест (не первой свежести) для 57-летнего тюти-кесаря победит не она и не (протежируемая влиятельным вольноотпущенником Нарциссом) Элия Петина, но (поддерживаемая влиятельным вольноотпущенником Паллантом) Агриппина (Тацит «Ан» 12,1-3; Свет. «Кл.» 26), в резуль-тате чего Лоллию в 49г., по ложному обвинению, сошлют и вскоре в ссылке убьют, с последующей доставкой её головы мстительной Агриппине (Ан. 12,22; Дион 60,32). Лишь после убийства последней в 59г. Нерон – назло своей мёртвой матери – велит перенести прах её жертвы в Рим и предать достойному погребению по всем правилам (Ан. 14,12) (см. ниже).

* * *

Анналы 38г. Дион завершает предзнаменательным курьёзом или курьёзным предзнаменованием, разыгравшимся по адресу эдильствовавшего в том году и отве-чавшего, в частности, за чистоту городских улиц 29-летнего Т.Флавия Веспасиана – грядущего императора 69 – 79гг.: «...Позже он (Гай) заметил много грязи в пе-реулке, и приказал, чтобы её набросали за тогу Флавия Веспасиана, к-рый был тогда эдилом и отвечал за поддержание чистоты улиц. Этому в ту пору не придали никакого значения, но позже, после того как Веспасиан принял правление в то время, когда всё было в беспорядке и смятении, и восстановил повсюду порядок, это, казалось, произошло благодаря божественному побуждению, и показало, что Гай поручил Веспасиану Город именно для его улучшения» (59,12,3).⁴⁴

⁴⁴ В тексте Диона перед тем рассказывается о предоставлении вассалитетов вассальным династом, что мы датировали весной 38г. (см. выше), временем до смерти Друзиллы, тогда как курьёзу с Веспасианом ничего не мешает случиться осенью.

Светоний говорит проще-прозаичнее и тоже не без предзнаменовательной составляющей: «Потом, когда он (Веспасиан) был эдилом, Гай Цезарь рассердился, что он не заботится об очистке улиц и велел солдатам навалить ему грязи за пазуху сенаторской тоги; но нашлись толкователи, сказавшие, что так когда-нибудь попадёт под его защиту и как бы в его объятия всё государство, заброшенное и погрязшее в междоусобных распрях» (Весп. 5,3).

Впрочем, если в недра предзнаменования, на базе грязи или дерьма за пазухой сенаторской тоги, не вдаваться, то стоит сказать, что в 39г. Веспасиану удастся реабилитироваться, когда он, преторствуя, не упустит ни одного случая угодить Гаю, за что удостоится от него приглашения к обеду и произнесёт перед сенатом благодарственную речь (Свет «Весп.» 2,2).

Относительно осенних событий 38г., нам известно об отконвоировании в Рим из Александрии закованного в оковы и отданного под суд Авилия Флакка, с заменой его на наместническом посту Витразием Поллионом Минор, с каковых пор пережившая летом/осенью еврейский погром и гонения на евреев (что Флакку также наверняка было, в той или иной мере-форме, инкриминировано) Александрия застыла в тревожном ожидании.

Причём александрийским евреям повезло и в том, что в 39г. внимание Гая переключилось, после инцидента со снесением императорского жертвенника в Ямнии, на Палестину/Иерусалим (где он замыслил установить собственную зевсогаеподобную статую в Храме, безуспешно, благодаря Петронию, занимаясь этим в 39/40г.), и в том, что (убитый в начале 41г.) Гай так и не прибыл в Александрию самолично, в каком случае местному еврейству, думается, пришлось бы очень худо.

А (дружный Макрону) Флакк, как сказано выше, был наказан конфискацией имущества и ссылкой на гиблый о. Гиар, к-рый ему, по ходатайству М.Лепида, Калигула заменил на более благоприятный Андрос, чтобы, тем не менее, в следующем 39г. отдать приказ об убийстве ссыльного островитянина.

Некоторые другие события второй половины 38г. можно, зная материал и владея им, попытаться предположительно реконструировать, вычленив их из калигулианского «Жизнеописания» равнодушного к хронологии и часто контрхронологического мастера портретных характеристик Светония.

Например, сказав, как погубительски Гай относился к близким и к тем, кто содействовали его приходу к власти, Светоний продолжает: «Столь же мало уважения и кротости выказывал он и к сенаторам; некоторых, занимавших самые высокие должности, облачённых в тоги, он заставлял бежать за своей колесницей по несколько миль, а за обедом стоять у его ложа в изголовье или в ногах, подпоясавшись полотном. Других он тайно казнил, но продолжал приглашать их, словно они были живы, и лишь через несколько дней объявил, что они покончили с собой...» (Кал. 26,2)

«С такой же надменностью и жестокостью относился он и к остальным сословиям. Однажды, потревоженный среди ночи шумом толпы, к-рая заранее спешила занять места в цирке, он всех их разогнал палками; при замешательстве было задавлено больше 20-и римских всадников, столько же замужних женщин и несчётное число прочего народу. На театральных представлениях он, желая перессорить плебеев и всадников, раздавал даровые пропуска раньше времени, чтобы чернь захватывала и всаднические места...» (26,4)

Он хотел быть добрым и великодушным правителем, но пришлось сделаться грозным (самопроавдание почти всех тиранов)! Он хотел задарить-облагодетельствовать всех, но средства, чьими-то злыми помыслами-пронсками, иссякли! Кто виноват? Да кто угодно, только не сам венценосный мот и транжира! И значит,

надо добыть средства для новых трат, не стесняясь в средствах, ведь цель оправдывает средства, не так ли!

Нельзя, невозможно оставаться добрым в амплуа властителя⁴⁵, особенно в пирамидально-моноархической «Республике», где властитель, где симбиозный принципс-кесарь наделён (по сути) неограниченной властью, в атмосфере всеобщих сервильности, ханжества, лести и лицемерия. Государство есть категорический императив, противоположный Богу, и когда люди предпочли Небесному Богу земного царя (не по чину Мелхиседека), они отвергли Бога, сотворив себе кумира.

И тем контрастнее это должно было проявиться во время, когда земное человечество, в лице его квинтэссенции – Римской империи, при утрате богоизбранического статуса еврейством, поклонилось человекобогу в облике римского кесаря, отвернувшись от (неузнанного, неопознанного, отринутого) БогоЧеловека в облике Плотника из Назарета. И первым таким притязателем на человекобожественность среди римских кесарей в столице мира (сего) Риме был именно Калигула!

А после смерти незаменимой Друзиллы он вообще обиделся на богов, ещё больше обидевшись на людей, совсем перестав отделять «добро» от «зла» (к-рые на уровне его и без того куцых прежних понятий для него вовсе иссякли-слились) и ещё пуще удостоверившись в своей непогрешимости как божественного брата Юпитера, кому (в отличие от предназначенного к закланию быка) позволено всё. Да и не умерла ли любимая Друзилла из-за происков тёмных-чёрных сил?! в связи с чем надо начать поиски чёрной кошки в тёмной комнате!

Зачем ему любовь граждан, к-рые суть ничтожные подданные. Если старику Тиберию было достаточно, чтобы с ним, ненавидя его (коли уж во власти нельзя без ненависти), соглашались, то молодому немолодцу Калигуле хотелось, чтобы его, ненавидя, именно боялись, чтобы перед ним, затравленным-затюканным волчком в детстве, трепетали. И наверное не позднее, чем со второй половины 38г., начав лютовать, он часто повторял слова отца Агамемнона Атрея из одноимённой трагедии римского поэта Акция (170 – 85гг.): «Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

И понеслось, и поехало, точнее, это он – Калигула, с его помутнённым разумом, мрачным сознанием и неизлечимо гибнущей душой, понёсся наперегонки со смертью, набирая скорость, навстречу своей гибели, стремясь за отведённое ему время, по поводу к-рого он звериной чуйкой чуял, что оно коротко, исчерпать весь имеющийся в его распоряжении ресурс (по ту сторону *добра и зла*) сполна и до конца.

39г. н.э.

1 января 39г. н.э. = 792г. а.У.с. консульство облекли Г.Цезарь Август Германик (вторично) и Л.Апроний Цесиан.

1 февраля Гая сменил на посту суффект-iterum К.Санквиний Максим, к-рый, как и конс.-ordinarius Апроний Ц., оставался в должности до 30.06.

А.Цесиан был сыном одноимённого консула-суф. 8г. н.э., легата Германика в 15г. и проконсула Африки в 18 – 21гг., под началом к-рого его сын в ранге войскового трибуна сражался против Такфарината. И это именно Цесиан Младший, являясь в 32г. не лишённым рискованного чувства юмора претором, выставил на Флоралии (апрель/май) 5 тыс. бритоголовых рабов вдоль улиц, дабы, мол, их полированные

⁴⁵ Наполеон: «Когда я слышу о каком-то правителе, что он добрый, я тотчас говорю себе: «Какое неудачное правление».

бошки освещали идущей в поздний час из театра публике дорогу домой. Причём тогда многими это было истолковано как намёк на плешивость Тиберия, на что сиднем сидевший в течение 9-и месяцев после ниспровержения Сеяна на каприйской вилле Ио Тиберий нисколько не обиделся, или решил не обижаться (Т.Г. 1015/16).

Санквиний М. в первый раз суффектно консульствовал в 23 или в 26гг. н.э., вторично — в 39г., что, т.е. неодноразовое облечение консульства, было за последние более чем полвека прерогативой членов императорской фамилии, и следовательно, означает подчёркнутое благорасположение к нему кесаря.

В 32г., когда интриганистый Гатерий Агриппа напустился в сенате с обвинениями на (полярных) консулов знаменательного 31-го г. — Меммия Регула и Фульциния Триона, Санквинию удалось погасить страсти призывом к сенату — «не умножать забот императора, изыскивая для него новые огорчения» (Ан. 6,4). А в 39г. он будет назначен префектом Urbі (Дион 59,13,2), сменив на ответственном посту римского градоначальника (отправленного наместничать в Африку) Л.Кальпурния Пизона — сына визави Германика и городского префекта с 36г. (Т.Г. 1004-06). Сколько времени Санквиний пробудет в градоначальниках — неизвестно, но позднее Клавдий поставит его, вероятно, за лояльность, проявленную в дни клавдианской интронизации 41г., над нижнерейнскими легионами, и там, в Нижней Германии, он скончается в должности ок. 46г.

О скандально отставленных Калигулой за забывчивое неиздание ими эдикта о дне его рождения (31.08.) консулах-суф. с июля 39г., имена к-рых неизвестны, и об их, после того как государство на три дня останется в начале сентября без консулов, преемниках — Гн.Домиции Корбулоне и Гн.Домиции Афре, см. ниже.

При вступлении 1.01. в своё второе консульство и при сложении с себя консульских полномочий 31.01., Гай дал присягу, сходно магистратам, с ростральной трибуны, и, согласно Диону (59,13,1), запретил фламину Юпитера приносить персональную присягу в курии, как это делалось в дни Тиберия. Не очень ясно, как конкретно это понимать, ибо сообразно римским авторам, fl. Dialis не полагалось присягать (Ливий 31,50,7; А.Геллий 10,15,5; 31; Плутарх «Quest. Rom.» 34). Но, как нам известно, место фламина Юпитера после самоубийства вскрывшего себе вены над алтарём Корнелия Мерулы в 87г., к-рый, уходя из жизни от расправы врагов (демократы-марианцы), проклял их, на протяжении следующих 75-и лет, до возрождения юпитерального фламината (ставшим в 12г. до н.э. великим понтификом) Августом, вопиюще-вызывающе пустовало.

И, видимо, при Тиберии (к-рый, кстати, в 22г. занимался вопросом о допустимости-недопустимости облечения-отправления фламинами Юпитера провинциального наместничества) (Д.И. 577-79; 603/04) новогодняя присяга приносилась фламином Dialis за себя не в сенате, правомерность чего Калигула подтвердил и ныне, несмотря на готовность юпитерального жреца присягнуть ему в сенате.

По Диону (59,13,1), уже начало года ознаменовалось множеством обвинительных приговоров и жертв, поскольку многие из амнистированных Гаем в начале его правления «узников совести» были теперь снова привлечены к ответственности и казнены, по тем же обвинениям, к-рые привели к их заточению при Тиберии (59,13,2). А те, кто занимали менее видное положение, т.е. привлечённые из числа всадников и плебса, были приговорены к гладиаторским боям.

Соответственно, Гай вернулся к тиберианским репрессиям, признав правомерность оных сначала косвенно и позднее публичным возвращением к возобновлению им же публично отставленных в 37г. процессов об оскорблении величия/величества (13,8). Притом сделал он это размахистее, чем Тиберий, и с большим количеством смертных приговоров, к-рым отдавал предпочтение перед застенком. Он и не

заметил, как снизошёл на уровень тронного террориста похлеще Тиберия, к тому же, как по адресу высших сословий, так и в отношении переставшего восторгаться капризным деспотом плебса.

Более того, к началу 3-го года его правления, иначе говоря, с весны 39г., степень дефицита средств, столь расточительно прожранных в течение 2-х лет, вопияла о себе настолько пронзительным образом, что это приводило не собиравшегося останавливаться в тратах, с его всё растущими аппетитами, кесаря в бешенство, к-рое выражалось, разумеется, в мерах не против себя самого, но против окружающих. Против сограждан и подданных, вернее, против *подданных сограждан*, к-рые сами пожелали-согласились ещё при прежних Цезарях быть не столько гражданами, сколько подданными.

Засим, приговаривая представителей высшего сословия к смерти, кесарь бесцеремонно присваивал их средства, а посылая иных осуждённых биться гладиаторами или к диким зверям, он и присваивал их средства, и утолял свою персональную жажду крови, к-рая оказалась до того неутолимой, что, наряду с его опасной непредсказуемостью, постепенно оттолкнула от него прежде обожавший его т.н. подлый люд.

За два истекших года ресурс восторга был исчерпан, миф долгожданного «Сотера» из семейства Германика развеван, а сумасбродство, лютость и грабительская бесцеремонность хронически нуждающегося в деньгах властителя отвратили от него слишком многих. И те его черты, к-рые ещё вчера вызывали умиление, сегодня вызывали у людей недовольство и отторжение, или повергали их в ужас. Теперь, начав уставать от его эксцентричных, часто с кровавым исходом, выходок, они были недовольны им и в малом, и в большом. Он же, всё глубже входя во вкус своих деспотического абсолютизма и безнаказанности сорванца-головореза, с к-рого некому спросить за содеянное, словно специально дразнил нижестоящих и делал всё для того, чтобы число недовольных им постоянно увеличивалось.

БЕЗ ТОРМОЗОВ

Например, по свидетельству Диона, римляне больше «не проявляли воодушевления при посещении зрелищ (потому что сам Гай имел обыкновение появляться в театре сначала в один час, потом в другой, независимо от предыдущего оповещения, иногда приезжая на рассвете, а иногда только днём, так что они изнывали и утомлялись в его ожидании), или они не всегда приветствовали тех исполнителей, к-рые ему нравились, и даже оказывали почёт тем, кого он не любил» (59,13,3-5).

У Светония резче: «Свирепость своего нрава он обнаружил вот какими поступками: когда вздоржал скот, к-рым откармливали диких зверей для зрелищ, он велел бросить им на растерзание преступников... (27,1) (...) Многих граждан из первых сословий он, заклеив раскалённым железом, сослал на рудничные или дорожные работы, или бросил диким зверям, или самим, как зверей, посадил на четвереньках в клетках, или перепилил пополам пилой, — и не за тяжкие провинности, а часто лишь за то, что они плохо отзывались о его зрелищах или никогда не клялись его гением...» (3) (...) Надсмотрщика над гладиаторскими битвами и травлями он велел несколько дней подряд бить цепями у себя на глазах и умертвил не раньше, чем почувствовал вонь гниющего мозга. Сочинителя ателлан за стишок с двусмысленной шуткой он сжёг на костре посреди амфитеатра. Один римский всадник, брошенный диким зверям, не переставал кричать, что он невиновен; он вернул его, отсёк ему язык и снова прогнал на арену.... (4) (...)

Всадническое сословие поносил он всегда за страсть к театру и цирку. Когда чернь в обиду ему рукоплескала другим возницам, он воскликнул: «О, если бы у

римского народа была только одна шея!»; а когда у него требовали пощады для разбойника Тетриния, он сказал о требующих: «Сами они Тетринии!» (30,3) (...)

Даже в часы отдохновения, во время пиров и забав, свирепость его не покидала ни в речах, ни в поступках. Во время закусок и попоек часто у него на глазах велись допросы и пытки по важным делам, и стоял солдат, мастер обезглавливать, чтобы рубить головы любым заключённым... (32,1) (...) В Риме на всенародном угощении, когда какой-то раб стащил серебряную накладку с ложа, он тут же отдал его палачу, приказав отрубить ему руки, повесить их спереди на шею и с надписью, в чём его вина, провести мимо всех пирующих. Мирмиллон из гладиаторской школы бился с ним на деревянных мечах и нарочно упал перед ним, а он прикончил врага железным кинжалом и с пальмой в руках обежал победный круг. При жертвоприношении он оделся помощником резника, а когда животное подвели к алтарю, размахнулся и ударом молота убил самого резника... (2/3)

Встречая людей красивых и кудрявых, он брил им затылок, чтобы их обезобразить. Был некий Эзий Прокул, сын старшего центуриона, за огромный рост и пригожий вид прозванный Колосс-эротом; его он во время зрелищ вдруг приказал согнать с места, вывести на арену, сравить с гладиатором, легко вооружённым, потом с тяжело вооружённым, а когда тот оба раза вышел победителем, связать, одеть в лохмотья, провести по улицам на потеху бабам и, наконец, прирезать... (35,2)

«...истощившись и оскудев, он занялся грабежом, прибегая к исхищрённейшим наветам, торгам и налогам. Он отказывал в римском гражданстве всем, чьи предки приобрели его для себя и для потомства, исключая лишь их сыновей, — только к первому поколению относил он название «потомки»; а когда ему приносили грамоты божественного Юлия и Августа, он отбрасывал их как устарелые и недействительные. Он обвинял в ложной оценке имущества всех, у кого со времени переписи состояния почему-нибудь возросли. Завещания старших центурионов, где не были названы наследниками ни Тиберий после его прихода к власти, ни он сам, были им уничтожены за неблагодарность, а завещания остальных граждан, о к-рых он слышал, будто они подумывали оставить наследство Цезарю, — как пустые и недействительные. Этим он нагнал такого страха, что даже незнакомые люди стали его во всеулышанье объявлять сонаследником родственников, родители — сонаследником детей; а он, считая издевательством, что после такого объявления они ещё продолжают жить, многим из них потом послал отравленные лакомства. По таким делам он сам вёл следствие, заранее назначая сумму, к-рую намерен был собрать, и не вставал с места, пока её не достигал... (38,1-3)

Торги он устраивал, предлагая для распродажи всё, что осталось после больших зрелищ, сам назначал цены и взвинчивал их до того, что некоторые принуждённые к какой-нибудь покупке, теряли на ней всё своё состояние и вскрывали себе вены. Известно, как однажды Апоний Сатурнин задремал на скамьях откупщиков, и Гай посоветовал глашатаю обратить внимание на этого бывшего претора, к-рый на всё кивает головой; и закончился торг не раньше, чем ему негаданно были проданы 30 гладиаторов за 9 млн. сестерциев... (38,4) (...)

Налоги он собирал новые и небывалые — сначала через откупщиков, а затем, так как это было выгоднее, через преторианских центурионов и трибунов. Ни одна вещь, ни один человек не оставались без налога. За всё съестное, что продавалось в городе, взималась твёрдая пошлина; со всякого судебного дела заранее взыскивалась сороковая часть твёрдой суммы, а кто отступался или договаривался без суда, тех наказывали; носильщики платили восьмую часть дневного заработка; проститутки — цену одного сношения; и к этой статье закона было прибавлено, что такому налогу подлежат и все, кто ранее занимался блудом или сводничеством, даже если они с тех пор вступили в законный брак. Налоги такого рода объявлены были

устно, но не вывешены письменно, и по незнанию точных слов закона часто допускались нарушения; наконец, по требованию народа, Гай вывесил закон, но написал его так мелко и повесил в таком тесном месте, чтобы никто не мог списать; а чтобы не упустить никакой наживы, он устроил на Палатине лупанар: в бесчисленных комнатах, отведённых и обставленных с блеском, достойным дворца, предлагали себя замужние женщины и свободнорождённые юноши, а по рынкам и больницам были посланы глашатаи, чтобы стар и млад шёл искать наслаждений; посетителям предоставлялись деньги под проценты, и специальные слуги записывали для общего сведения имена тех, кто умножает доходы Цезаря. Даже из игры в кости не погнушался он извлечь прибыль, пускаясь и на плутовство, и на ложные клятвы. А однажды он уступил свою очередь следующему игроку, вышел в атрий дворца и, увидев двух богатых римских всадников, проходящих мимо, приказал тотчас их схватить и лишить имущества, а потом вернулся к игре, похваляясь, что никогда не был в таком выигрыше» (40/41).

* * *

Так, в частности, этот дегенерирующий не по дням, а по часам хулиган на троне, *спеша*, вопреки наказу Августа, не иначе как именно *торопясь*, прожигал жизнь. Со времени буйств Гражданской войны после убийства Цезаря и террора триумвиров (не случайно именно на 39г. н.э. пришлось 80-летие битвы при Филиппах в 42г. до н.э.) Рим не знал такого террористического беспредела, да ещё с таким зловеще шутовским душком. То ли дело обстоятельный террор Тиберия, с его поистине медленными челюстями, не в пример, сценическо-террористическому выпендрёжу Гая, для к-рого жизнь была чем-то вроде компьютерной игры, где он выступал в роли кровожадного шпанёнка-зомби, с потусторонним оскалом, из современных (для недоразвитых олухов) киноподелок про вампиров.

То-то ему, шпане на троне, не столько не нравилось, сколько со временем разонравилось приветствие «молодой Август» (Дион 59,13,6), воспринимавшееся им уже не как хвала великому правителю, но как скрытое порицание, как насмешка над его неопытностью под маской хвалы. «Как-де может этот сосунок управлять державой», — вот что таится под на самом деле подколкой-издёвкой квазиславительного обращения «молодой Август». Мания преследования неизменной спутник мании величия любого тирана и любой тирании в различных формах-вариациях!

При Августе и Тиберии сохранялись хотя бы убыточная видимость и иллюзия республиканизма и дуализма. При презиравшем традицию и легитимизм (антагонисте-разрывателе «связующей нити дней») Гае всего этого не стало. Он, не имея никакого правительского опыта, находился на Олимпе власти совсем один (как многоопытный Тиберий с 29-го — смерть Ливии, или, точнее, с 31-го — падение Сеяна — по 37г.). Однако, он не выдерживал этого абсолютного абсолютистского одиночества, к-рого не избегал, от к-рого не бежал, к-рым чванился и упивался.

Если Август нёс (искусно загримированную под республиканско-фригийский колпак) *шапку Мономаха* с достоинством, не надрываясь, всю жизнь (потому что шапка оказалась по Сеньке), а Тиберий надорвался под её тяжестью, держа волка за уши, но всё же сумев дотянуть до конца, то Гая она (духовно, морально, нравственно) раздавила до исхода его правления длиной в 3 года и 10 месяцев, плюс дни, где-то на середине его тронного пути, к-рый как раз пришёлся на начальную пору 39-го г. н.э.

Отсюда он чем дальше, тем стремительнее нёсся по наклонной, не только не пробуя остановиться, но наоборот, раз за разом, прибавляя в скорости, нёсся во

весь опор. Он не знал — как? не мог, не умел, не хотел останавливаться. И впрямь (люциферический) Фаэтон, — совершенно выпустивший на полпути вожжи колесницы Гелиоса (в пользу притаившегося для броска и укуса ариманического Скорпиона) из неумелых рук!

С одной стороны, он не видел как подданных сограждан держал в бархатной узде степенный Август, с другой, — он и знал, и видел, и можно сказать, постоянно травматически ощущал на себе мёртвую хватку матёрого Тиберия. Август — это, конечно, хорошо, это — отец-основатель, это — идеал (доброжелательно-картавый и даже чуть-чуть придурковатый дедушка Ленин из советских киношек, снятых при Сталине). И тем не менее, ему — Гаю Цезарю Августу Германику, взывая к Августу, надо быть грознее Тиберия, кто чересчур поздно занял место у руля, кто стал в последние годы стар и немощен, тогда как у него, вступающего в пору зрелости правителя, сил в избытке.

Между тем, народ требовал суда над делателями-доносчиками в годы Тиберия, от злоупотреблений к-рого Гай вроде бы клятвенно отмежевался в 37г., и следовательно, доносчики, по вине к-рых погибло множество (реабилитированных) граждан, подлежали наказанию. Но данное требование не просто не было выполнено, напротив, был официально возобновлён или нововведён замораторенный два года назад пресловутый закон об оскорблении величия/величества. А Тиберий, ранее погубитель матери и братьев, на чём восприятие Гая делало упор, день ото дня становился ему всё понятнее, всё ближе по духу.

Дион: «И до этого времени Гай не всегда плохо отзывался о Тиберии, но также был далёк от упреков другим, когда они осуждали Тиберия, будь то в частных беседах или публично, и на самом деле испытывал радость от их слов. Теперь же он вошёл в помещение сената и стал пространно восхвалять своего предшественника, одновременно сурово упрекнув сенат и народ за то, что они поступали неправильно, порицая его. «Сам я имею право делать это, — сказал он, — в своём достоинстве императора; но вы не просто поступаете неправильно, вы допускаете оскорбление величия, позволяя себе такое в отношении того, кто был вашим правителем». Вслед за этим он разобрал по отдельности случаи людей, лишившихся жизни, и попросил показать, что сенаторы были ответственны за смерть большинства из них, осудив их своим голосованием. И подтверждения этого, намекая, что они получены из тех самых документов, к-рые он ранее объявил сожжёнными, он приказал зачитать императорским вольноотпущенникам, добавив: «Если Тиберий поступал неправильно, то вы не должны были чтить его как Юпитера, пока он жил, неоднократно говоря и голосуя тогда так, как вы это делали, чтобы сейчас поворачиваться в противоположную сторону. И не только к Тиберию вы относились двуличным образом; Сеяна тоже вы сначала надули тщеславием и испортили, а потом казнили. Поэтому мне также не приходится ждать ничего хорошего от вас...» (59,16,1-4)

Светоний: «Не раз он обрушивался на всех сенаторов вместе, называя их прихвостнями Сеяна, обзывал их предателями матери и братьев, показывал доносы, к-рые будто бы сжёг, оправдывал Тиберия, к-рый, по его словам, поневоле свирепствовал, так как не мог не верить стольким клеветникам» (30,2).

Дион: «...В завершение этого обращения Гай восстановил обвинение в оскорблении величия, приказал, чтобы его повеления были сразу занесены на бронзовую доску, а затем, торопливо умчавшись из здания сената, ушёл в тот же день в пригород. Сенат и народ были в большом страхе, поскольку они помнили обвинения, произнесённые ими в адрес Тиберия, и в то же самое время осознали разницу между прежними словами Гая и его нынешними высказываниями. В тот момент их тревога и уныние не позволили им как-нибудь отреагировать на

услышанное; но на следующий день они собрались снова и щедро воздали Гаю почести как праведнейшему и благочестивейшему правителю, к-рому они очень благодарны за милость к ним. Соответственно, они проголосовали за принесение ежегодных жертв его Милосердию как в годовщины дня, когда он выступил со своим обращением, так и в день Палатинских празднеств; в этих случаях золотое изображение императора следовало нести до Капитолия, и отрокам самого благородного происхождения петь гимны в его честь. Они также предоставили ему право овации, как будто он победил каких-то врагов» (59,16,8-10).

Гай намеренно сбрасывал с Принципата фиговые листки якобы восстановленной республиканской демократии, к-рыми Принципат, или правильнее сказать, его наготу, столь старательно облепил-прикрыл (мастер, в т.ч., погребального макиажа) Август, и к-рые столь бережно хранил его продолжатель и наследник Тиберий. Оба, и Август, и по августейшим стопам Тиберий, исходили из того, что Рим, ни в коем случае, не должен походить ни на царско-дореспубликанскую тиранию (сходством с к-рой воспользовались убийцы Цезаря), ни на декадентную восточную деспотию. Но на эти внешние нормы староримских приличий Гаю было глубоко наплевать и он предоставил Принципату возможность предстать во всей своей ориентально-пирамидальной красе, с ним, Гаем, в ранге фараонистого владыки, на самой верхушке пирамиды.

И согласитесь, что в его словах, обращённых к сервильным папашам-сенаторам, есть весьма значительная доля правды. И симпатизируя задним числом Тиберию, он наперёд максимально снимал ответственность за всё, что уже, по-хулигански, натворил и за то, что он ещё хулиганисто натворит, с себя. Выхода, действительно, нет и не надо прикидываться, не надо пытаться выглядеть розовыми и пушистыми, пеняя на зеркало, на к-рое, как говорится, неча пенять, коли рожа крива. Опять срывание всех и всяческих масок!

Коллективная псевдоответственность приводит к индивидуальной безответственности и наоборот. Однако Гаю очень хочется, реабилитируя в Тиберии себя самого, перевести стрелки именно на заведомых коллективных ответчиков, тогда как Цезарь (к-рый, сродни его жене, выше всяческих подозрений) ни перед кем и никакой ответственности не несёт, не подпадая под неё в принципе, не подпадая концептуально. Вот в чём стержень и сущность всевластия при пусть закамуфлированно монархическом цезаристском Принципате кесаря-принцепса!

Да, куда проще и яснее структура власти на Востоке, где божественно-непогрешимому властителю не надо перед кем-либо (кроме богов, с к-рыми проще договориться, чем с людьми) отчитываться за свои деяния. И зачем, спрашивается, притворяться-прикидываться «первым среди равных» брату Юпитера?! На то он, Гай, и есть человекобог, чтобы тронно повелевать, могучи прижать к ногтю, по собственному желанию-разумению-усмотрению, — как, когда и где его кесарскому величеству будет угодно, — всякого-каждого. Не обольщайтесь, сенаторы, всадники и плебс, вы все — на деле (даром что ранжированный) *подлый люд*, и потому знайте своё место (знайте, сверчки, свои шестки)!

ЗАБАВЫ КАЛИГУЛЫ

Приведя, приложительно к взбесившему Гаю обращению «молодой Август», его (фигурирующий также у Светония) возглас в сердцах: «О, если бы у римского народа была только одна шея!» (59,13,6), и требование народа выдать тиберианских денунциантов (7), Дион говорит дальше, что разгневанный Гай, не удостоив народ ответом, подался в Кампанию, откуда возвратился в день рождения Друзиллы (7/8),

привезя её статую в запряжённой слонами колеснице в цирк и подарив народу двухдневный зрелищный праздник.

Но Друзилла родилась 16.09. и день её рождения относится не к весеннему ряду событий, о к-рых (или маскимум о летнем времени) у Диона идёт речь. В любом случае, несмотря на подчас путаную дионовскую хронологию в пределах года или в ракурсе событийных накладок-совмещений в рамках пары анналистических лет, с чем мы не раз сталкивались, здесь в объективе явно время до сумасбродной Гаевой затеи с наверняка летним возведением плавучего путеоланского моста из грузовых и пассажирских судов. Или Дион сводит рождественский день Друзиллы (см. ниже) с апрельским временем *Ludi Megallensis* (4-10.04.), к к-рым, т.е. к этим *Ludi*, Калигула, согласно Диону, приравнял посвящённый Друзилле праздник по статусу, в каком-то случае, весенняя поездка Гая в Кампанию и до Сицилии, где он побывал и (коротко) в 38-м (см. выше), и на порядок дольше в 39г., вполне возможна и вполне уместна.

Кроме того, и после рассказа (16,8) о снятии (в течение 39г. наложенного на него в 37г.) моратория с закона об оскорблении величия Дион сообщает о поспешном оставлении Гаем в тот же день Города, с (не первым) выездом в пригород на, вероятно, альбанскую виллу. Этот кесарь вообще имел обыкновенные внезапно-спонтанно-порывисто покидать Город (срывать-вырывать из него) в направлении: либо – уединительной *Ближней дачи* (*Albanum*), либо – прибрежного Анция (место Гаева рождения), либо – обворожительно-курортной Кампании (Мизенский мыс; Путеолы; Байи), что он в ходе своего недолгого, в общей сложности, правления, проделывал, по различным соображениям, исходя из различных импульсов, иногда наперекор всякому разумному объяснению, неоднократно.

Так или иначе, нет оснований вслед за автором фундаментально-энциклопедической статьи «*Julius Caligula*» в RE (10,1, № 133, S.381-423) Г.Гельцером утверждать (S.395/96), что Гай ездил в Сицилию не в 38-м, как-де получается из Светония (24,2), мол, в связи с кончиной Друзиллы, а в 39г., согласно Диону (13,3-7), Сенеке (*Dial.* 11,17,5), и Светонию (20/21; 51). Отнюдь. Негоже сводить *dua* к *mono*. Калигула очень даже мог, сломя голову, сорваться на всех парах до Сицилии и летом 38г., потрясённый кончиной Друзиллы, и весной или летом 39г., либо прямо из Рима, либо из Кампании, в дни, когда через Путеоланский залив сооружался недолговечный понтонный мост и всё к нему развлекательно прилегающее.

При этом в Сиракузах он, по Светонию (21,1), само собой, понимающему тут не траурную блиц-поездку 38г., велел восстановить «рухнувшие от ветхости стены и храм богов».⁴⁶ Дальше, – кесарь, без сомнения, участвовал в отправлении культа, учреждённого и посвящённого (в прошлом году) Всебогине-Пантее – Друзилле, и ещё распоряжался астическими играми, проводившимися в её честь (Кал. 20).

Мало того, именно при втором посещении Сицилии он задумал сооружение новых стоянок для кораблей с зерном из Египта здесь и в калабрийской Региин (место ссылки и смерти в 14г. Юлии Старшей), что Флавий (И.д. 19,2,5) называет единственно полезным-достойным проектом за всё время калигулианского правления. И пусть это начинание не было при Калигуле осуществлено, оно может быть синхронизировано-параллелизировано нами со временем наведения кампанского моста из в основном грузовых, в т.ч., зерновых судов (для подвоза зерна из

⁴⁶ Интересно, что ниже Светоний говорит о других планах Гаия: «...Собирался он и на Самосе отстроить дворец Поликрата, и в Милете довершить Дидимейский храм, и в Альпийских горах основать город, но раньше всего перекопать Истмийский перешеек в Ахайе: он даже посылал туда старшего центуриона, чтобы сделать предварительные измерения» (20). И ничего из перечисленного, помимо восстановления сиракузанских стен и храма, практически претворено не было.

Африки и Египта), использование к-рых по забавно-понтонному назначению привело к серьёзным перебоям в Риме/Италии с хлебом (Сенека «Диалоги» 10,18,5).

Вместе с тем, из Светония узнаём, что неожиданное извержение Этны (51,1) побудило напуганного Калигулу срочно покинуть Сицилию, откуда он возвратился: либо – (через Регию) в Рим, если поездка на сицилийские юга имела место весной; либо – в Кампанию, на берег Неаполитанского залива, если второе посещение им Сицилии случилось в ходе довольно длительных мероприятий по сооружению плавучего моста из ПUTEОЛ в Байи летом. Возвратился тогда, когда, т.е. летом, одновременно шли полным ходом приготовления к военному предприятию (Кал. 19,3) на галло-германском севере (к-рое стартовало лишь осенью 39г.).

Как же сорванец Гай додумался до идеи плавучего моста? Дело в том, что он решил не справлять декретированную ему сенатом (неведомо за какие победы?) овацию = малый триумф, предполагавший вступление триумфатора в Город не на колеснице, но пешим ходом или верхом, и принесение в жертву Юпитеру не быка, но овцы. Ему вздумалось разыграть куда более впечатляющее невиданное-неслышанное представление посредством наведения, как сказано, корабельного моста между ПUTEОЛОМ и Байями⁴⁷, с торжественно-победоносным проездом по нему на триумфальной колеснице в нагрудном шлеме Александра Великого.

Не строил ли Дарий I Ахеменид понтонный мост через ДАРДАНЕЛЛЫ, между 515 и 512гг., во время войны со скифами! Или не построил ли понтонный мост длиной в 1,3 км, опять-таки, через ДАРДАНЕЛЛЫ, в самом узком месте пролива, в 480г., идя (святоотачественно-разорительной) войной на Грецию, Ксеркс! Расстояние же между ПUTEОЛАМИ и Байями – 3,6 км; либо, если исходить из 26-и аттических стадиев (Дион), – аж 4,6 км; или у Аврелия Виктора (3,8) названы 3 мили, составляющие 4,4 км. И пусть сегодня, из-за изменения береговой линии и повышения уровня (поглотившей, к примеру, римские Байи) воды, трудно определить точную длину сооружения Калигулы, в любом случае, оно значительно превосходило, демонстрируя превосходство Рима как продолжателя Греции и Александра над Ираном = Запада над Востоком, инженерные достижения Дария и Ксеркса.

Итак, на берега залива были приведены, в дополнение к местным, с др. стоянок и из различных портов, множество судов, иные были построены на месте, ибо наличных плавучих средств всё равно не хватило. При сооружении моста из кораблей, вдоль него были сооружены места отдыха и развлечений, к ним подведена питьевая вода. И когда всё, наконец, было готово, Гай в нагрудном доспехе (от) Александра, в шёлковой лиловой хламиде, расшитой золотом и усыпанной драгоценными камнями, ступил на мост со стороны Баули и в сопровождении всадников и пехоты промчался по нему, будто преследуя врага, до ПUTEОЛ. Игра тронного комедианта в доблестнейшую войнушку!

Затем последовала остановка в ПUTEОЛАХ до следующего дня, отдых от как бы выигранного как бы сражения, и возвращение по мосту в колеснице одержавшего многозначительную «победу» императора-триумфатора назад в Байи (Баули). При этом перед ним ехал, в числе присланных в Рим ещё при Тиберии в 36/37гг., или частично присланных уже при Калигуле в 37г. (ведь Вителлий дважды – 36 и 37г. – договорно встречался с Артабаном Парфянским), заложников, – Артабанов юный

⁴⁷ Байи – местность и город (Байи, или Баули) на берегу ПUTEОЛАНСКОГО залива, бывший излюбленным местом отдыха и распутного времяпрепровождения представителей высшего римского общества, названный стоиком Сенекой «убежищем порока». За истекшие времена значительная часть древнего города, расположенного в сейсмической зоне, ушла под воду (не уподобившись ли в чём-то палестинским Содому и Гоморре, наказанным за прегрешения другой стихией; или город опустился под воду ради сохранения-упасения античного наследия на дне морском).

сын с символическим именем Дарий. Не так ли звали и строившего корабельный мост через Геллеспонт/Дарданеллы Дария I, и побеждённого Александром Великим последнего царя Ахеменидской державы Дария III, что, несомненно, крайне импонировало ряженому Калигуле, за к-рым тянулась долгая триумфально-мостовая процессия таких же, во исполнение расфуфыренно-спектакулярной кесарской постановки, ряженных.

При всём том, на середине моста он, наделённый недюжинными ораторскими способностями (И.д. 19,2,5; Ан. 13,3; Кал. 53,1), произнёс пламенную речь, поздравил солдат с победой, щедро одарил их, устроил пир на остаток дня и всю ночь, празднично иллюминировал и мост, и окрестные горы. А надравшись, начал сбрасывать своих спутников в море, отталкивая тех, кто пытался схватиться за кормила судов баграми и вёслами, чему очень, как жизнерадостный кретин, радовался, вовсе не обратив внимания на то, что некоторые из сброшенных в состоянии сильного алкогольного опьянения благополучно утонули (см. Дион 59,17; Кал. 34,2).

Тем временем, море во всё время этой затеи было на редкость спокойным-тихим и Гай заявил, что даже Нептун страшится его, уж не говоря о ничтожестве Дария с Ксерксом, к-рые никто перед ним (новым Александром), соединившим гораздо большее пространство моря, чем они оба (вместе взятые) (Дион 59,17).⁴⁸ Одним словом, мы рождены, чтоб сказку сделать былью!

Светоний: «...он выдумал зрелище новое и неслыханное дотоле. Он перекинул мост через залив между Байями и ПUTEОЛАНСКИМ МОЛОМ, длиной почти в 3 тыс. 600 шагов⁴⁹: для этого он собрал отовсюду грузовые суда, выстроил их на якорях в два ряда, насыпал на них земляной вал и выровнял по образцу Аппиевой дороги. По этому мосту он два дня подряд разъезжал взад и вперёд: в первый день – на разубранном коне, в дубовом венке, с маленьким щитом, с мечом и в златотканном плаще; на следующий день – в одежде возницы, на колеснице, запряжённой парой самых лучших скакунов, и перед ним ехал мальчик Дарий из парфянских заложников, а за ним отряд преторианцев и свита в повозках. Я знаю, что по мнению многих, Гай выдумал этот мост в подражание Ксерксу, к-рый вызвал такой восторг, перегородив много более узкий Геллеспонт, а по мнению других – чтобы славою исполнительского сооружения устрашить Германию и Британию, к-рым он грозил войной. Однако в детстве я слышал об истинной причине этого предприятия от моего деда: дело в том, что когда Тиберий тревожился о своём преемнике и склонялся уже в пользу родного внука, то астролог Фрасилл заявил ему, что Гай скорей на конях проскачет через Байский залив, чем будет императором» (Кал. 19,1-3).⁵⁰

⁴⁸ Примечательно, что летом симметричного лету 39-го г. н.э. 39-го г. до н.э. в ПUTEОЛАНСКОМ ЗАЛИВЕ, именно на воде, было заключено Мизенское соглашение между Октавианом, С.Помпеем и Антонием (Р.л. 27), на радостях от к-рого воины (ненадолго) договорившихся между собой сторон тоже прыгали в воду и братались в воде.

⁴⁹ 3 600 шагов = 5,3 км, что, как и цифирь Диона – (26 стадий =) 5,1 км, – преувеличение, несмотря на неясность, в связи с произошедшими с тех пор, как сказано, изменениями ландшафта и поглощения части прибрежной суши морем, точной локализации чудо-моста.

⁵⁰ Внимание! Летом 39г., когда Калигула ездил по потешному плавучему мосту между ПUTEОЛАНСКИМ МОЛОМ и Байями, Ирод Антипа, вопреки мнению академической науки, в частности, (Шюрера, Отто...) Гельцера в статье «Iulius Caligula» (S.398/99) (и др.), к нему в Байи, вместе с Иродиадой, обретаясь, сродни Ироду Агриппе, в Палестине, за царской короной не наведывался и сослан в Лугдуну не был. Это произошло поздней осенью следующего 40г., когда Гай снова (недолго) находился в Байях. В своей хронологии и Шюрер, и Гильцер, и Отто и проч. опираются, с одной стороны, на мнимую дату смерти Ирода (к-рый умер в 1г. н.э.) якобы в 4г. до н.э., а с др., отсчитывают от неё (с 1 нисана 4г. до н.э.) монетный 43-й год Антипы, к-рый падает, при таком отсчёте, на лето 39г. В реальности же, напомним, годы тетрарха Галилеи и Переи Антипы отсчитываются с 1 тишри 3г. до н.э., с

ЭКСПРОПРИАЦИИ И РАСПРАВЫ

Рассказ Светония несколько отличается в деталях от рассказа Диона, но они непротиворечивы по сути. То-то сын многолетнего тиберианского звездочёта Фрасилла, чьей родственницей, вспомним, была угробленная Гаем жена Макрона Энния, на всё время Гаева правления скромно сховався в Египте (или, м.б., временно подался за первые пороги Нила в сторону Напаты и Мероз?), не кажучи оттуда нос. И пусть Тиберий, вряд ли, как сказано, склонялся в пользу Гемелла против Гая, а Фрасиллу вряд ли довелось стоять в какой-либо серьёзной оппозиции к Гаю, всё-таки, реплику о скачках через Байский залив он (ненароком) обронить мог.

Если Тиберий погружался-погрузился в пороки и пустился во все тяжкие рассудочно-обдуманно ближе к концу жизни, навёрстывая, в частности, таким противостественным путём-способом недоданное ему во цвете лет, то Гай, подсознательно зная, что не доживёт до зрелости, постоянно искал свою волну, подобно незадачливому сёрфингисту, и, найдя, с упоением отдавался ей. Причём он делал это, каждый раз взахлёб ищучи волну повыше, как наркоман, не могущий и не пробующий слезть с иглы, до тех пор, пока одна из очередных высоких волн не смыла его (фундаментального посвящённого несправедным посвящением в декадентные таинства, но так и не проникшего за кулисы метаистории) с авансцены истории навсегда.

Увы, из-за молчания по воспроизводимому нами ныне историческому периоду Тацита, мы не в состоянии только по Диону реконструировать хронологию событий 39г. детальнее. Однако, что касается купных римско-италийских безобразий Калигулы, к-рые можно было бы назвать просто чудачествами-мудачествами, кабы не слишком часто взыскуемая ими кровь, все они имели место быть в январе и по сентябрь 39г. Ибо в сентябре, Гай, опостылев Риму, к-рый, в свою очередь, как и Италия, опостылел ему, отбыл в северном направлении, за новым мальчишеско-кибальчишеским адреналином, на початый его отцом и дедом Рейн, в ближнее безопасное Заречье (см. ниже).

Между тем, поведав о грандиозной затее с корабельным мостом, стоившей огромных затрат (ни на что), Дион говорит о необходимости изыскания новых денежных сумм, чем были обусловлены, по возвращении Калигулы из Кампании в Рим, новые судебные процессы, приговоры и различные меры наказания, с изъятием средств, ценностей и недвижимости в масштабах большевистских экспроприаций.

«...ведь, так как Гай исчерпал свои средства на строительстве моста, он принялся злоумышлять против ещё большего числа людей, чем когда-либо, из-за их имущества. Он проводил суды и единолично, и вместе со всем сенатом. Это собрание также рассматривало некоторые дела отдельно; оно, однако, не обладало правом окончательного решения, и было много жалоб на его приговоры. Решения сената обнаружались разными способами, но когда какие-нибудь люди осуждались Гаем, их имена вывешивались, как будто он боялся, что иначе народ не узнает об их участи. Таким образом они были казнены, одни в тюрьме, другие, будучи сброшены с Капитолийского холма, а некоторые покончили с собой заранее. Не было никакой безопасности даже для тех, кто был сослан, но многие из них также распростились с жизнью или по дороге, или находясь в изгнании.

Нет никакой потребности излишне обременять моих читателей, входя в подробности большинства этих случаев, но один или два из них заслуживают особого

опорой на дату смерти не его отца, царя Ирода, но его дяди, тетрарха Переи, Фероры, умершего до 1 тишири 2г. до н.э., и потому 43-й год Антипы стартует не с 1 нисана 39-го, а с 1 тишири 40гг. н.э. (Р.л. 892-914)

упоминания. Так, Кальвизий Сабин, один из выдающихся мужей сената, только что возвратившийся из наместничества в Паннонии, был обвинён вместе со своей женой Корнелией. Обвинение против неё состояло в том, что она проверяла часовых и наблюдала за упражнениями солдат. Эти двое не предстали перед судом, но покончили с собой заранее. Тот же самый путь избрал Тиций Руф, обвинённый в том, что говорил, будто сенат думает одно, а голосует за другое. Также некий Юний Приск, претор, обвинялся в разных преступлениях, но на самом деле его смерть произошла, из-за предположения, что он богат. Гай же, узнав, что у него не было ничего, что оправдало бы его гибель, сделал запомнившееся замечание: «Он меня разочаровал и погиб напрасно, а мог бы сохранить жизнь» (Дион 59,18,1-5).

Относительно нечуждости Калигуле обыкновения (иначе не скажешь!) устранять некоторых сосланных-ссылных, это подтверждают и Филон, и Светоний. Филон, рассказав об Авилии Флакке, сосланном, как мы знаем, вместо пустынного о. Гиарна, по ходатайству кесарского фаворита Лепида, более прихотливый о. Андрос, говорит, что впоследствии Гай пожалел о том, что Флакк сослан, а не казнён («Пр. Флакка» 21). Лепид же, услышав такое, тотчас испуганно отступился в страхе за себя от Флакка, после чего-де, Гаем, возмутившимся философским благополучием изгнанников, вкушающих роскошь мирной жизни на островах, был отдан приказ: «всех самых видных и знаменитых ссылных казнить», с предоставлением списка имён, к-рый возглавил Флакк (21).

Светоний: «Изгнанника, возвращённого из давней ссылки, он (Гай) спрашивал, чем тот занимался; тот льстиво ответил: «Неустанно молил богов, чтобы Тиберий умер и ты стал императором, как и сбылось». Тогда он подумал, что и ему его ссылные молят смерти, и послал по островам солдат, чтобы их всех перебить» (Кал. 28).

Конечно, не совсем так бравурно-карикатурно. Касаемо Светония, амнистированные-реабилитированные жертвы тиберианской тирании вернулись из изгнания ещё в 37г., когда какой-то возвращенец и мог столь сервильно польстить Гаю, о чём последний вспомнил позднее, (уже чтя Тиберия) в 39г. и, сообразно своему нраву, разгневался на релегантов с экзюлянтами. Т.е. Светоний, рисуя неприглядный портрет Гая, литературно-конъюктурно утрирует-анекдотизирует ситуацию. А если верить Филону, то получается, что всадник Авилий Флакк — враг александрийских евреев, — преступник № 1 для Калигулы, что, разумеется, не так. Но сам факт убиения, по Гаеву приказу, определённого числа ссылных и, вероятно, не исключительно на островах, хотя большинство сосланных находились именно на островах, сомнению не подлежит.

Помимо того, согласно Светонию, Гай приказал, например, убить одного сенатора преторского звания, к-рый уехал лечиться в Антикиру (Греция) и несколько раз просил отсрочить, видимо, не желая показываться в небезопасном калигулианском Риме, его возвращение. Во-первых, просьба, сама по себе, подозрительна: не замышляет ли недолечившийся репрезентант первого сословия что-либо против кесаря; и, во-вторых, или в главных, можно, опять-таки, устранив заподозренного, присвоить его состояние. К тому же, отдавая приказ об убийстве, Калигула, кому был присущ юмор висельника, озорно пошутил, «что если не помогает чемерица, то необходимо кровопускание» (29,2). Чемерицу в греческой Фокиде, где обретался злосчастный претор, использовали как лечебное средство.

И ниже Светоний приводит ещё один ряд разбросанных вдоль «Жизнеописания» ярких свидетельств казnelюбивости Гая, к-рые мы хроноприложим к рассматриваемому интервалу времени до осени 39г., несмотря на то, что часть из них можно отнести и к 40г. н.э., когда Гай, возвратившись весной из Галлии в Италию, но не вступая в Рим до дня своего рождения 31.08., а также покидая Город в италийских пределах и позже, тоже часто лютовал-свиристествовал — не дай Боже.

«Каждый десятый день, подписывая перечень заключённых, посылаемых на казнь, он говорил, что сводит свои счёты. Казнив одновременно несколько галлов и греков, он хвастался, что покорил Галлогрецию. Казнить человека он всегда требовал мелкими частыми ударами, повторяя свой знаменитый приказ: «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!». Когда по ошибке был казнён вместо нужного человека другой с тем же именем, он воскликнул: «И этого того стоил!» (29,2; 30,1).

Облекавший консульство-орд. в 26г. н.э. в паре с Гн. Корнелием Лентулом Гетуликом (кто погибнет в 39г. чуть позже – осенью) Г.Кальвизий Сабин был внуком и сыном одноимённых консулов 39 и 4гг. до н.э., притом, если второй известен лишь по эпонимическому консульству в памятный год, к-рым наука грубо ошибочно (из-за ошибок Флавия) датирует смерть Ирода, то первый был убеждённым цезарианцем и потом октавиановцем, флотоководствуя в 38/37гг. и триумфировав ex Hispania в 28г. до н.э.

Интересующий нас Кальвизий привлекался, в числе др. сенаторов-консуляров, по закону об оскорблении величия в 32г., после падения Сеяна, вырученный, сродни Аннию Поллиону, показаниями одного из доносчиков – трибуном городской стражи Цельсом. Затем, в 33 – 39гг., наместничал в Паннонии, где разыгрался обернувшийся для него пагубными последствиями скандал с участием его блудливой жены – Корнелии, и её любовника – войскового трибуна Т.Виния Руфина.

У Плутарха в «Жизнеописании Гальбы» читаем: «Этот Виний был честолюбив, как никто другой в целом свете, и чудовищно похотлив, что иной раз доводило его до преступления. Так ещё молодым юношей, служа под началом Сабина и впервые участвуя в походе, он привёл ночью в лагерь супругу Сабина, женщину распутную и разнузданную, закутав её в солдатский плащ, и совершив соитие прямо перед палаткою полководца, в том месте, к-рое римляне называют «*grincipia*». За это Гай Цезарь посадил его в тюрьму» (6).

Рассказа Плутарха в основном подтверждает, повествуя в «Истории» под 69г. о конце Гальбы и его влиятельных фаворитов, в т.ч., Виния, Тацит: «В самом начале службы он опозорился; жена легата К.Сабина, под началом к-рого Виний тогда состоял, загорелась грязным желанием, во что бы то ни стало посмотреть, как устроен военный лагерь; она сумела пробраться туда ночью, переодевшись солдатом, при помощи этого же постыдного маскарада выведала у ночной стражи всё, что ей было нужно, и наконец обнаглела до того, что стала заниматься любовью на главной площади лагеря. В преступлении этом обвинили Т.Виния. По приказу Г.Цезаря его заковали в кандалы, но вскоре времена изменились, Виния выпустили и он стал беспрепятственно продвигаться по службе» (1,48).

Военный лагерь был для воителей римлян своеобразным сокрытым от женских глаз сакрариумом, а на «принсипии» стояли алтари знамён и собственно боевые знамёна; тут вершился суд. Стало быть, проникновение переодетой солдатом, знающей пароли бабы (как маскарадного соглядатая) в лагерь, да ещё (жутко подумать!) совокупление на предназначенном совсем для др. целей *святом* лагерном месте, означали двойной (второй хуже первого) кошунственный деликт. Исхождение инициативы от распутной Корнелии вовсе не смягчало вину Виния. Вдобавок к тому, роконосец-муж, по римским законам, также подпадал статье, поскольку мужей, закрывавших глаза на распутство жён, полагалось привлекать к строгой ответственности. Неясно, как именно дело обстояло в данном случае, но кончилось оно плохо именно для обоих супругов. Их вызвали в Рим и отдали под суд. Они же, согласно Диону, не дожидаясь разбирательства, покончили самоубийством (Д.И. 1006-09; Т.Г. 1029).

Впрочем, Дион изображает их невинными жертвами, казнёнными Калигулой, насколько выводится из предыдущего контекста, ради присвоения богатств Сабина,

что, конечно, во втором пункте именно так, и одновременно в первом – не так, ибо Сабин и его супруга совершили подсудный сакрилег. Естественно, для Калигулы не было ничего святого и он сам был не прочь посвятотатствовать, что неоднократно, на различных уровнях и в разных ситуациях, проделывал. Но, спрашивается, почему бы не привлечь нерадивого легата, к-рый наверняка разбогател, управляя с 33г. небедной провинцией, за дело, коли уж рыба сама плывёт в руки! И там паче, в сём случае, многожелателен самоубийственный исход, при к-ром кесарское правосудие не в чем упрекнуть. Кошунники осудили сами себя и сами над собой заслуженный приговор исполнили.

Тиций Руф не открыл Америку, сказав, что сенат думает одно, голосуя за другое, так как сенаторы уже давно, отчасти ещё со дней Августа и, наипаче, при Тиберию, думали одно, высказываясь, в частности, при голосовании, совсем иначе. Это как из советского анекдота об отсутствии в СССР врача ухо-глаз, несмотря на то, что глазами люди видели одно, а ушами слышали нечто прямо протвоянное. Да и аналогия с завсегдашней единогласностью Верховного совета СССР, в к-ром многие думали (из тех, к-рые вообще умели думать!) не так, как голосовали, здесь очень уместна. И тем не менее, озвучивать такое положение дел при тоталитаризме не положено, не принято, негоже, наказуемо. Т.е. с Тицием Руфом всё ясно и комментари как к содеянному им, так и к содеянному кесарской юстицией с ним, пожалуй, излишни, в то время как случай с претором Юнием Приском интереснее.

С ним Калигула досадно для себя опростоволосился, думая, что он богат и что его осуждение предоставит кесарю его средства. Ан – вышла промашка. Приск оказался беден, чем разочаровал охочего до денег императора, и потому смерть его, когда она уже последовала, представилась Гаю напрасной-никчемной-бесполезной. Приску надо было как-нибудь заранее дать знать Верховному о состоянии своих финансов, чтобы остаться в стороне и остаться в живых.

Помимо того, в 39г. Калигула сослал оратора Каррина Секунда за то, что тот, согласно Диону (59,20,6), произнёс речь против тиранов, естественно, не разумея кого-либо из Цезарей и являясь гражданином Республики *restituta*, в качестве риторического упрямения. Но ведь на воре и шапка горит!

И, кстати, сообразно Диону, в том же 39г., с получением (сыном визави Германика) Л.Кальпурнием Пизоном, место к-рого в Городе (префект *Urbi*) занял Санквиний Максим, проконсульства в Африке, Гай разделил Африку на две провинции, передав единственный подкомандный сенату африканский легион под начало кесарского легата, в ведении к-рого оказалась Африка ближняя к Нумидии. Правда, сообразно Тациту («История» 4,48), это было сделано Гаем раньше, когда в Африке (с 33 по 39гг.) начальствовал конс. 19г. н.э. М.Юний Силан (Торкват).

Далее, в длинном ряду жертв вопиющего кесарского произвола-беспредела, вероятно, за 39г. можно назвать стойка Юлия Кана, о к-ром сообщает Сенека («Dial.» 9,14,4-10), и сына некоего всадника Пастора, к-рый, согласно Сенеке («Dial.» 4,33,2-6), имел неосторожность вызвать гнев Гая своим чересчур элегантно-внешним видом:

«Гай Цезарь посадил в тюрьму сына блестящего римского всадника Пастора, обиженный тем, что юноша слишком нарядно одевался и слишком изысканно причёсывался; когда отец пришёл просить даровать жизнь сыну, Цезарь, словно ему вдруг напомнили о казни, приказал его вести на казнь тотчас; но чтобы не быть совсем бесчеловечным в отношении отца, пригласил его на этот же день к обеду. Пастор пришёл без тени упрека на лице. Цезарь велел ему пить гемину за своё здоровье, а рядом поставил стража: бедняга выдержал, хотя пил так, словно это была кровь сына. Цезарь послал ему благовония и венки и велел наблюдать, примет ли; принял. В тот самый день, как схоронил сына, более того – когда ещё и не

схоронил сына, подагрический старик возлежал среди сотни других пирующих, накачиваясь вином в таком количестве, какое едва ли было бы уместно даже на празднике в честь сыновнего рождения, и за всё это время не проронил ни слезинки, ни единым знаком не выдал своей боли; он пировал так, словно добился помилования сыну.

Ты спросишь, почему? У него был другой сын. Вспомни Приама: разве он, спрятав свой гнев, не обнимал царских колен, не целовал руку убийцы, ещё забрызганную кровью сына?⁵¹ Разве не обедал с ним? Да, но без благовонных притираний, без венков; свирепейший из врагов долго утешал его, уговаривая хоть немного подкрепиться пищей, а не заставляя осушать громадные кубки, поставив над головой надсмотрщика. Ты был бы вправе презирать этого римского отца, если бы он боялся за себя; но его гнев сдерживала отцовская любовь. Поистине он заслуживал того, чтобы отпустить его с пира собрать кости своего сына; но юноша-хозяин не отпускал его, хотя во всём прочем был чрезвычайно радушен и любезен: он то и дело поднимал чашу за его здоровье, заставляя его пить без передышки, и напоминал не без угрозы, чтобы он развеселился, отбросив все заботы; и старик всем своим видом показывал, что веселится, забыв о том, что произошло в тот день. Чуть-чуть не угоди гость палачу — погиб бы и второй его сын».

Вот вам наглядная иллюстрация состояния римского общества и меры его падения в пору тирании садиста Калигулы. Ни дать, ни взять — *Furor Prinsipum!*

СДВИГИ ПО ФАЗЕ

Не замечательны ли эти параллелизирующиеся-синхронизирующиеся одно с другим усугубление смещений у сумасброда Калигулы в его поведении по фазе и рост-вырост веры в свою божественную непогрешимость нога в ногу с прогрессирующей вседозволенностью. Оно и понятно, ведь превзошедшему скомпрометированных (компрометация ключевых документов!) языческих богов «человекобогу» дозволено всё!

Светоний: «...Средь пышного пира он вдруг расхохотался: консулы, лежавшие рядом, льстиво стали спрашивать, чему он смеётся, и он ответил: «А тому, что стоит мне кивнуть и вам обоим перережут глотки!» Забавляясь такими шутками, он однажды встал возле статуи Юпитера и спросил трагического актёра Апеллеса, в ком больше величия? А когда тот замедлил с ответом, он велел хлестать его бичом, и в ответ на его жалобы приговаривал, что голос у него и сквозь стоны отличный. Целуя в шею жену или любовницу, он всякий раз говорил: «Такая хорошая шея, а прикажи я — и она слетит с плеч!» (Кал. 32/33).

Если дело происходило летом 39-го, а не в 40г., то речь может идти о безымянной паре консулов-суфф., консульствовавших с июля по начало сентября, к-рых Калигула вскоре спихнёт с должности за неиздание эдикта о дне его рождения (31.08.) и за празднование (бывшей у него то не в чести, то в чести) Акцийской победы (2.09.) (см. ниже). Спрашивается, не превратились ли консулы в ничего не решающих цирковых тузиков мавзолейной республики при кесарях! Так, почему бы не сказать им правду-матку в лицо! Разве полномостный кесарь не в состоянии отдать приказ об их, высших республиканских магистратов, казни, к-рый тотчас будет исполнен!

И — о нет! — риторический вопрос к известному трагическому актёру Апеллесу, как раз-таки, несмотря на привычку Калигулы мрачно шутить, не был шуткой.

⁵¹ После убийства Гектора Ахиллом Приам явился в шатёр победителя умолять о возвращении тела сына («Илиада» 24,477-79).

Ведь Гай на полном серьёзе, веруя в это, думал, вернее, был уверен, что в нём куда больше величия, нежели в статуе успевшего за истекшее время стать его «младшим братом» (блекнувшего пред ним) Юпитера! Да и вдумайтесь, разве в живом «человекобоге» не больше величия, чем в какой-то там, пусть даже золотой, статуе кумира!

Не случайно именно летом 39г. стартовало божественное почитание Гая и в Риме римлянами. Дело в том, что весной произошёл знакомый нам инцидент с разрушением иудеями посвящённого, как читатель знает, язычниками императору жертвенника в палестинской Ямнии, на что тамошний кесарский прокуратор Геренний Капитон пожаловался императору, и тот, придя в бешенство, отозвал летом из Сирии легата-иудофила Л.Вителлия, назначив на его место Г.Петрония. И не просто назначив, а с приказом водрузить статую императора в Иерусалимском храме, к реализации чего по весне следующего 40г. Петроний начал основательно готовиться, приведя 2 римско-сирийских легиона на зимовку в Птолемаиду, с осени/зимы 39г. (см. выше).

Так вот, отозванному Вителлию аудиенция у гневавшегося на него (за нажитое им в провинции богатство и за его иудофильство) Калигулы не сулила ничего хорошего. Но этот смекалистый-оборотистый сенатор и консуляр, нашёл (проведя 4 года на Востоке) необычный для сановного римлянина выход из положения, «отличаясь – согласно Светонию (Вит. 2,5) – удивительным искусством льстить. Гая Цезаря он первым (из римлян – К.З.) начал почитать как бога: вернувшись из Сирии, он, чтобы приблизиться к нему, окутал голову, подошёл отвернувшись и простёрся на полу».

Ну чем не ориентальная проскинеза! На «человекобога» нельзя взирать, как на Солнце, сияние к-рого ослепительно; к нему необходимо приблизиться, отвернувшись, с покрытой головой, и покорно пасть ниц. Понятно, что такое не могло не польстить (сохранив жизнь и положение небесхитроственному Вителлию) уверенному и всё более уверявшемуся-удостоверявшемуся в своей божественности внуку *божественного* Августа и сыну *героического* Германика – Гаю Цезарю Августу Германику.⁵²

И однако, всё не так, поскольку божественность римских кесарей, как и прочих первосвященствующих царей не по чину Мелхиседека, в эпоху смерти и разложения (часто заживо) язычества, была ложной, тогда как истинный Сотер-Спаситель из маленького Назарета Галилейского, ниспосланный Всевышним к людям, к-рые

⁵² У Диона в выдержках от Ксифилина (169,11 – 170,6; Exc. Val. 212 (p.670) вителлианская проскинеза (с к-рой, надо сказать, эпохально начинается божественное почитание живых принцев-кесарей римскими гражданами) представлена много гротескнее, чем у Светония. Рассказав об успехах Вителлия на политико-дипломатическом поприще в вопросе заключения мира с Артабаном Парфянским (36 и 37гг.) (см. выше), Дион продолжает:

«...Этот Вителлий теперь был вызван Гаем на казнь. Жалобы против него были теми же самыми, к-рые парфяне имели против своего царя, когда изгнали его (имеются в виду внутренние трудности Артабана III в 36 и 38гг.) (см. выше); ибо зависть сделала его мишенью ненависти, а страх – целью интриг. Гай ведь ненавидел всех, кто был сильнее него, и с подозрением относился ко всем, кто был успешен, будучи уверен, что они ополчатся против него. И всё же Вителлию удалось спасти свою жизнь. Он оделся в платье низшего сословия, затем пал к ногам императора со слезами и жалобами, всё время называя его именами многих божеств и воздавая ему божеские почести; и наконец, поклялся, что если бы ему позволили жить, он бы принёс ему жертву. Таким поведением он настолько успокоил и смягчил Гая, что не только сумел выжить, но даже стал считаться одним из ближайших Гаевых друзей. Однажды, когда Гай утверждал, что наслаждался обществом Луны, и спросил Вителлия, видел ли тот с ним богиню, последний, дрожа будто от страха, потупив взор, ответил полушёпотом: «Только вам, богам, господин (Dominus), дано созерцать друг друга». Таким образом Вителлий положил начало тому, чтобы позже превзойти всех в лести» (59,27,2-6).

Его в подавляющем большинстве не приняли, прошёл по Земле, распятый людьми на кресте, почти незамеченным. И что там для этих людей какие-то суеверные байки горстки тёмных христиан о Его Воскресении!

По поводу же калигулианских смещений по фазе, в объективе ценностная шкала, точнее, потеря ценностных языческих ориентиров в различении «добра» и «зла», что несправедливо посвящённый, в попытке воровски-бандитски присвоить, сходно чужим денежным средствам, Св. Дары Царствия Небесного, Калигула острейшим образом чувствовал. И чувствуя, наполнял эти тревожные чувства извращённым-искажённым-демонизированным содержанием, выражая их в извращённой форме.

Так, например, казнь невиновного с именем виноватого не вызвала у него иной реакции, кроме слов: «и этот того стоил», т.е. невиновный не меньше повинен, чем виновный. Или — судьи ничем не лучше осуждённых. Или, к примеру, вскоре он сделает втык резигнированным магистратам и за празднование, и за потенциальное непразднование Акцийской победы, поскольку первое оскорбительно для памяти его прадеда Антония, а второе — для памяти его прадеда Августа. Нонсенс!

С др. стороны, он (Гай), запретил, согласно Светонию (23,1), «торжественно праздновать Акцийскую и Сицилийскую (в 36г. над С.Помпеем) победы как пагубные и гибельные для римского народа». Т.е. тут иной взгляд на братоубийственную Гражданскую войну (и реверанс порывистого, со сдвигом по фазе, Гая в пользу республиканской традиции), со времени к-рой прошло достаточно времени, чтобы примирить противоположные-полярные некогда лагеря.

И тем не менее, на повестке дня опять отсутствие у сотканного из диаметральных противоречий Калигулы твёрдых ценностных, будь то духовные, нравственные, или идеологические, ориентиров, отсутствие оных, отсутствие точек опоры, камней основания и основ. Стремление поставить под сомнение, желание пересмотреть всё и вся. Алчный до власти и во власти пламенный революционер на троне!⁵³

Светоний: «Зависти и злобы в нём было не меньше, чем гордыни и свирепости. Он враждовал едва ли не со всеми поколениями рода человеческого. Статуи прославленных мужей, перенесённые Августом из тесного Капитолия на Марсово поле, он ниспроверг и разбил так, что их уже невозможно было восстановить с прежними надписями; а потом он и впредь запретил воздвигать живым людям статуи или скульптурные портреты, кроме как с его согласия и предложения. Он помышлял даже уничтожить поэмы Гомера — почему, говорил он, Платон мог изгнать Гомера из устроенного им государства, а он не может? Немного недоставало ему, чтобы и Вергилия, и Тита Ливия с их сочинениями и изваяниями изъять из всех библиотек: первого он всегда бранил за отсутствие таланта и недостаток учёности, а второго — как историка многословного и недостоверного. Науку правоведов он тоже как будто хотел отменить, то и дело повторяя, что уж он-то, видит бог, позаботится, чтобы никакое толкование законов не перечило его воле» (Кал. 34).

Какие законы, какая юриспруденция при деспотическом или революционном произволе, когда «Государство (и, соответственно, право) это — (в реальности — лилипутское) я», когда признание обвиняемого есть лучшее доказательство вины, а презумпция невиновности — продажная девка империализма! На памяти досто-

⁵³ Много раз самолично участвовавший в различных рев. заварухах Бакунин не мог просить Марксу, к-рый, отлично от Бакунина, никогда не ставил на кон свою собственную жизнь, концепцию диктатуры пролетариата, оправданно считая, что всякий революционер, получив диктаторскую власть, станет тираном потираничнее любого свергнутого монарха. Да и какая к чёрту диктатура пролетариата, практическая невозможность к-рой очевидна и к-рая в реальности означает диктатуру партии, урвавшей на себя право этот пролетариат представлять и выдвигающей в итоге из своих рядов несколько не пролетарского, несколько не рабоче-крестьянского, но именно однопартийного диктатора.

славные адвокаты времён уравнившей всех в праве на смерть Французской революции, к-рые на скорострельных судебных процессах (чувствуя лёгкий, по слову доктора Гильотена, ветерок *гуманнейшей* гильотины над шеей) слагали с себя полномочия защиты и полностью присоединялись к мнению обвинения.

Или на памяти война с памятниками в постреволюционной России, где, по слову Сталина, «архивные крысы» мешали большевикам в написании нужной ему истории, к-рая есть для большевиков «продолжение политики, опрокинутой в прошлое» (М.Покровский), и где, «если факты против нас, то тем хуже для фактов» (Сталин).

И куда, спрашивается, подевался-канул тот ранний Калигула образца 37-го г., к-рый разрешил отыскать и опубликовать сочинения Т.Лабиена, Кассия Севера и Кремуция Корда, запрещённые и аутодафированные при Августе (Лабиен; Север) и при Тиберии (К.Корд). Сочинения, авторы к-рых умерли с горя, отправились в ссылку или покончили самоубийством! Для постоянно поспешавшего, как нетерпеливый недоносок, Калигулы образца 39-го г. Гомер, Тит Ливий и Вергилий – не авторитеты (о юристах и юриспруденции, долженствующей обслуживать кесаря, – вообще молчок).

Хотя Гомера (сродни Гесиоду) хотел изгнать из своего идеального Государства за недостаточную почитательность к божественному также Платон («Государство» 2,17). Причём, следует ещё учесть, что Гомер – на стороне ахейцев, между тем как потомок Энея и Аскания Юла Гай (Юлий) Цезарь (Калигула) выводил себя от беглых троянцев! А Вергилию в древности инкриминировали плагиат и подражание Гомеру, в то время как Тит Ливий был первым кабинетным историком-анналистом, к-рый не облакал должностей и не участвовал в войнах, историописание к-рого принимали далеко не все, и к-рого сам Август за его республиканистость называл в шутку «мой помпеянец».⁵⁴

Одним словом, да здравствует, в т.ч., ниспровержение, по усмотрению, божественного кесаря, к-рый не может ошибаться, части прежних устоев и канонов, коли уж прежние духовные и морально-нравственные нормы сметены, коли они не действуют, коли неведомо, что именно есть теперь *добро* и что именно есть теперь *зло*, коли непонятно, где *добро* и где *зло*, коли вокруг туман, распустье, дороги наощупь и гибель богов. Коли вместо богов – предводительствующие расщеплёнными людьми и их вообразившими себя богами земными повелителями лживый *дух дьявольской гордыни* – Люцифер, и лживый *князь сатанинской тьмы* – Ариман! (Не между ними ли держатель спасительного равновесия – Христов Архангел Михаил! не между ними ли проходит по лезвию бритвы тонкий спасительный путь – *Mittendurch* – сокрытого от массы грехопадшего человечества – распятого и воскресшего из мёртвых Христа Спасителя!)

Продолжим вышецитированную 8-ю лекцию Штайнера из цикла «Краеугольные столпы познания Мистерии Голгофы», приложительно к вырванным кесарской властной силой деградантным старопосвящениям Калигулы и Нерона:

⁵⁴ На памяти великий князь Николай Михайлович – известный либерал и больше либеральный историк, нежели член императорского дома, к-рого (члена «великокняжеской фронды») за вольнолюбство (все в верхах, включая самого Николая II) шуточно называли «герцог Эгалитэ», и к-рому пришлось разделить печальную участь отдавшегося революции Филиппа Орлеанского (ставшего Филиппом Эгалите), тоже сделавшись одной из её многочисленных жертв при большевиках, несмотря на изначальное радостное принятие этим незадачливым великим князем Февральского переворота. При этом за него, как за незаурядного историка, ходатайствовали перед Лениным и Академия наук, и М.Горький, однако Ленин («сократовский лоб») подтвердил вынесенный ему (и трём другим великим князьям) в январе 1919г. смертный приговор (коммунистическая ответка-оборотка «невского Дантона» Г.Зиновьева за убитых в Берлине К.Либкнехта и Р.Люксембург), да ещё с неподражаемой («мудрость» Ильича) поистине ленинской формулировкой: «Революция не нуждается в историках».

«...Один трагик, считавшийся знатоком, был приглашён решить, кто более велик, Калигула или Юпитер, статуя к-рого находилась тут же. Он не согласился признать Калигулу более великим, и за это был подвергнут бичеванию. Но обладал ли Калигула правильным суждением? После первых слов люциферического искушения: «И глаза ваши откроются, и вы будете сами, как Боги», — стоит: «и будете познавать добро и зло». Но это распознавание добра и зла внушалось человеческому духу, к-рый мог жить в развитии до известного времени. Это время истекло. И произошло это тогда, когда появился Иоанн Креститель со словами: «Близится Царствие Небесное». Он не прибавлял лишь: «И царство Люцифера пришло к концу». Он говорил только о Царствии Небесном. Из суждения Калигулы явствует, что это царство кончилось. Ибо, когда однажды в его правление произошла одна судебная ошибка — был приговорён к казни один невинный, к-рого по ошибке спутали с виновным, — Калигула сказал: «Это ничего, поскольку невинный был столь же виноват, как и виновный». И ещё, когда некто был присуждён к смерти, от Калигулы услышали: «Те, кто приговорили его, тоже могли бы быть приговорены, ибо они столь же виноваты, как и осуждённый». Вы видите, что различие уже исчезло. В этот момент уже не существовало различия между добром и злом. Мы могли это понять, вникая, как следует, в исторические события...»

Попробуйте вообразить, каково было дышать и жить с подобным калигулианским (мировоззренческим) адом в душе и в голове, когда ты во главе крупнейшей и сильнейшей мировой державы, лишённый внутренней опоры, лишённый какого-либо стержня, пребываешь одновременно в состоянии невесомости и скоростного падения в преисподню! Когда ты сумел, благодаря своему медлительно убийственному посвящению, всмотреться в бездну, к-рая всё пристальнее всматривается в тебя, и спасения от к-рой для тебя нет, и спасения от к-рой без Христа, вне Христа, о Котором ты не ведаешь, Которого ты не видишь и не слышишь, быть не может!

РАЗНОЕ

Примечательно то, как поступил особо пристрастный к ораторскому искусству и к риторике/реторике небездарный в них Калигула (кто заботами Тиберия получил неплохое образование, из к-рого он — носитель ярко выраженного холерического темперамента, нахватавшись отсюда и отсюда, увы, мало что фундаментально усвоил) с Домицием Афром и Аннеем Сенекой.

Светоний: «Из благородных искусств он (Гай) меньше всего занимался наукою и больше всего — красноречием, всегда способный и готовый выступить с речью, особенно если надо было кого-нибудь обвинять. В гневе он легко находил и слова, и мысли, и нужную выразительность, и голос: от возбуждения он не мог стоять на одном месте, и слова его доносились до самых дальних рядов. Приступая к речи, он грозился, что обнажает меч, отточенный ночными бдениями. Слог изящный и мягкий презирал он настолько, что сочинения Сенеки, к-рый был тогда в расцвете славы, он называл «школярством чистой воды» и «песком без извести». На успешные речи других ораторов он даже писал ответы, а когда видные сенаторы попадали под суд, он сочинял о них и обвинительные и защитительные речи и, судя по тому, что получалось более складно, губил или спасал их своим выступлением: на эти речи он приглашал эдиктами даже всадников» (Кал. 53)

Гаево красноречие подтверждает и Тацит: «Даже у Гая Цезаря помрачение ума не ослабило силы красноречия» (Ан. 13,3). А средневековый византийский энциклопедический словарь «Суда» (Хв.) и того больше — приписывает Калигуле авторство «латинского учебника риторики». Далее, если у Светония слово Калигулы о слове Сенеки как о «песке без извести» образно критикует отрывистую сентенциозность

стиля последнего, то согласно Диону (59,19,7/8), за то, что Сенека однажды в сенате, в присутствии кесаря, произнёс блестящую речь, (завистливый к красноречию других) Гай (в сердцах) санкционировал его казнь, но пощадил римского златоуста, узнав от одной из своих (намеренно совравших ему) пассий, что у Сенеки чахотка и что дни его сочтены.

Притом Дион противопоставляет эту историю с чудом избежавшим гибели Сенекой случаю с не менее чудесно, однако, иным макаром избежавшим гибели ушлым Домицием Афром (59,19,1-6).

Родом из Невмаса в Нарбоннской Галлии (отлично от происходившего из Кордубы в Испании Сенеки), ученик Валерия Мессалы Корвина (у кого учился Тибериус) и будущий учитель Квинтилиана Домиций Афр, претор 25г. н.э., оттачивал, распираемый риторико-политическим тщеславием, свой слог на угодных Тиберию и Сеяну обвинительных речах, чем сделал себе имя, разбогател и удостоился тиберианской похвалы за своё, дескать, прирождённое красноречие. В 26г. он обвинил родственную и близкую Агриппине (вдову тевтобургского пораженца Вара) Клавдию Пульхру (Ан. 4,52), а годом позже — её сына от Вара (Д.И. 1020-24; 1055/56). И пусть Агриппина, по её собственным словам, была в обиде не на него, но на Агамемнона Тиберия (Дион 59,19,2), Гай этого не забыл.

И вот жившему с 37г. в страхе за себя медоречивому льстецу и завзятому доносчику Домицию в 39г., когда репрессивно-террористическая машина заработала вовсю, не повезло переборщить в неумелом подобострастии. Он воздвиг молодому императору статую с надписью, прославляющей второе консульство Калигулы в (доконсульском) возрасте всего 27-и лет. Император же, к-рый уже пересмотрел прославление окружающими его августейшей молодости, что ещё вчера воспринималось им как комплимент, усмотрев в содеянном Домицием насмешку, осерчал, привлёк прославителя к суду и произнёс против него грозную обвинительную речь в сенате.

Вроде бы кранты и пора самоубийственно гасить свет. Но нет, не на того напали. Уловив стремление ораторствующего кесаря превзойти в речи оратора Домиция (чья персональная судьба предreshена), обвиняемый выбрал оригинальную и единственно верную линию защиты. Он отказался от защиты, восторженно заявил, что побеждён Гаевым красноречием, публично превознёс оно до небес и распростёрся перед Гаем с покорнейшей мольбой о пощаде-помиловании. Более того, он добавил, что куда больше трепещет перед Калигулой-оратором, чем перед Калигулой-принцепсом.

В ответ растроганный деспот, смягчившись аж до слёз (тираны сентиментальны), помиловал велеречивого прохиндея. И слуга всех господ Домиций Афр сумеет пережить как Калигулу, так и назначившего его в 49г. куратором aquarum Клавдия (Фронтин «Вода для Рима» 102), разомлеет в годы правления Нерона старческими мозгами, при неумении держать язык за зубами, и умрёт в 59г., пережив, сообразно Тациту, за обедом (Ан. 14,19) (см. ниже).

А от, как видно, очень падкого на псевдорафинированную лесть Калигулы столь незаурядно лживо (пусть и зауряднее побившего все рекорды подобострастия Вителлия!) отличившемуся Домицию досталось в 39г., в награду, при достаточно форс-мажорных обстоятельствах, без предварительной дезигнации, в паре с Домицием Корбулоном, консульство-суф.

Снова скажем о лишённых должности консулах, о к-рых Светоний, перечисляя безобразия Гая, пишет: «Консулов, к-рые забыли издать эдикт о дне его рождения, он лишил должности, и в течение трёх дней государство оставалось без высшей власти» (Кал. 26,3). М.б., тех самых консулов, к-рым он сказал на пиру, что может, если пожелает, одним мановением руки и в одно мгновение ока лишить их головы.

У Диона (59,20,1-3) нерадивые анонимные консулы лишаются Гаем консульства как за то, что они забыли торжественно-эдиктно отпраздновать день его рождения (31.08.), хотя преторы отметили его ежегодными скачками и травлей зверей (по образцу празднований прижизненных дней рождения Августа, Тиберия и в 37/38гг. Гая), так и за то что они (слишком) торжественно отпраздновали Акцийскую победу Октавиана над Антонием (2.09.). Во-первых, в 39г. неизданные спец. эдикта о его, «божественного», дне рождения Калигулу уже обидело, будучи, во-вторых, усугублено большей, в сравнении с днём его рождения, торжественностью празднования победы у мыса Акции, да ещё на фоне весьма нестандартного пересмотра им взгляда на неё, сообразно к-рому, её торжественное празднование задевает Антония, а торжественное непразднование оскорбляет Августа, почему и то, то другое подлежит наказанию, (иронично издевательски) требуя поиска консенсуса *universorum*. Поди найди!

Посему любивший висельно юморить Гай обрушился 2-го или 3.09.39г. на пару непредусмотрительных консулов-суф., к-рые заступили на консульскую вахту, по всей видимости, 1.07. и имена к-рых нам, к сожалению, неизвестны. Зато известно, кто их сменил после того как гневающийся император разбил фасции позорных отставников (из-за чего один из них, с горя, покончил самоубийством), соответственно, 5 или 6.09., ибо по Светонию, гос-во 3 дня оставалось без высших магистратов.

Одну суффектную вакансию получил-стяжал вне очереди, и читатель знает как-ким макарон, не в меру льстивый Гн.Домиций Афр, вторая же досталась Гн.Домицию Корбулону, что тоже удивления не вызывает. Поясним. Под событиями 21г. н.э. в «Анналах» Тацита (3,31) отображён инцидент между экс-претором Гн.Домицием Корбулоном и Л.Корнелием Суллой (конс. 33г.), к-рый не уступил на гладиаторских боях много старшему летами Корбулону место, на что тот пожаловался в сенате, и в итоге, поскольку сам молодой Сулла ещё не был, не достигнув 25-летнего возраста, сенатором, за него принёс извинения его родственник – (покончивший в 34г. самоубийством автор разгневавшей Тиберия, с подачи Макрона, трагедии «Атрей») Мам.Эмилий Скавр (Д.И. 540-42) (см. выше).

Кроме того, не удовлетворившись персональной сатисфакцией, Корбулон поднял тогда в сенате (безотносительно к Сулле) вопрос о злоупотреблениях дорожных магистратов и о плачевном состоянии дорог Италии, вследствие чего ему удалось обзавестись для приведения путейских дел в порядок специальными полномочиями от сената, к-рыми он, в свою очередь, немало злоупотребил, беспощадно расправившись с теми, кого нашёл или назначил виновными, – «посредством осуждений и продаж (их имущества) с торга» (Ан. 3,31).

По Диону же, аналогичная ситуация (с почти пушкинскими «дураками и дорогами») возникла в 39г. (59,15,3-6), когда атаковавшего ответственных за состояние дорог Италии магистратов – *quattuorviri viarum curandum* – Корбулона взял в сообщники Калигула, к-рый ополчился на всех дорожных подрядчиков, живых или умерших, кто получали деньги на восстановление дорог. И под предлогом того, что они ничего не сделали или сделали некачественно, Гай оштрафовал их всех (изыскивая промотанные средства) на внушительные суммы.

В «Д.И.» (542) мы предположили, что речь относительно дорог идёт под 39г. снова о Корбулоне, активничавшем в 21г., к-рый одновременно не мог стать, в силу своих преклонных на 21г. лет, консулом-суф. в 39г., где речь, по всей видимости, о его родившемся ок. 6г. н.э. одноимённом сыне (известном полководце при Нероне). Так-то оно так, но вполне возможно также, что приложительно, в т.ч., к дорожной афере Калигулы, в объективе не столько Корбулон-старший, кто на 39г. староват и для дорожной активности, и для консульства, сколько Корбулон-младший.

Во всех случаях, кроме немаловажных гос. денег, выделенных казначейством дорожным магистратам, и денег Калигулы, взысканных, при Корбулоновом

содействии, с дорожных магистратов-растратчиков, есть ещё одна важная причина привилегированного выдвижения ок. 33-летнего Корбулона в суффектные консулы. Дело в том, что если Корбулон *Maior* приходился отцом, то Корбулон *Minor* являлся сводным-единокровным братом Милонии Цезонии (Плиний 7,4), с к-рой как раз в 39г. у Гая завязались бурные любовные отношения, на к-рую, единственную из женщин, опоившую ли его, как говорили, любовным зельем, Гай очень серьёзно запал, и к-рая в начале 40г. родит от него дочь, его единственного ребёнка – Юлию Друзиллу.⁵⁵

«МАЛЬБРУК В ПОХОД СОБРАЛСЯ» // **ЗАГОВОР ГЕТУЛИКА – ЛЕПИДА**

Продолжая анналистическое повествование, Дион (59,21,1/2) заявляет, что растративший все возможные средства Рима и Италии, не находя больше источников дохода, при том, что расходы всё росли, Гай решил податься в Галлию якобы из-за враждебности германцев, а в действительности, чтобы заняться разграблением галльских и испанских богатств.

Однако, по Светонию, пусть родившийся будто бы из пустяшного совета Гаю, дескать, пора пополнить отряд окружающих его батавских телохранителей, поход на германский север был основательно подготовлен – «созванием отовсюду легионов и вспомогательных войск, проведением с великой строгостью нового повсеместного набора, заготовкой стольких припасов, сколько никогда не выдвигали» (Кал. 43). И за осуществлением всего этого, с весны и летом 39г., надо полагать, следил с доверенными лицами на местах, сам Гай, занимавшийся всё это время клоунадой вперемешку с денежными и др. расправами в Кампании, на Сицилии, на понтонном байско-путьеоланском мосту и, само собой, в Риме.

Он, Гай Германик, считал себя обязанным и желал пойти по родительским стопам Германика, т.е. побывать на Рейне и за Рейном, плюс пригрозить (подобно Августу) десантом Британии, где римляне не бывали со дней Цезаря, где им не довелось побывать при вроде бы собиравшемся туда Августе и при даже не помышлявшем о Британии безвыездно-италийском (Рим – Кампания – Капри) в пору своего кесарства Тиберии. Причём этому заведомому триумфальному походу на Запад надлежало, по Гаеву замыслу, предшествовать его преславному путешествию на Восток, через Грецию и М.Азию, в Сирию, где он, как и в левобережной Германии (15/16гг.), побывал в детстве (18/19гг.), и затем – из Сирии в Египет, где он до сих пор не бывал.

Но, спрашивается, кто начинает военные кампании осенью?! Или Гай не успел отправиться на Рейн летом, из-за своего затянувшегося куража? Или он изначально не планировал никаких масштабных и серьёзных боевых походов с собственным осенне-зимним участием, что скорее? в каком случае, псевдопоходное время зимних квартир не имело для него принципиального значения.

И вот здесь нам надо разобраться с хронологией (в ракурсе зависящей от неё истории). Итак, при знании того факта, что Калигула 2/3.09. уволил в гнев обоих консулов-суф. (имена неизвестны), место к-рых спустя три дня заняли Домиций Афр с Домицием Корбулоном, напрашивается вывод о местонахождении кесаря в

⁵⁵ Матерью родившейся ок.4/5гг. н.э. Милонии (об отце к-рой сведений нет) была некая Вистилия, несколько раз побывавшая замужем, в частности, за Домицием Корбулоном. Имя первого мужа Милонии, до Калигулы, неизвестно, но на момент начала романа с Гаем, кто женится на ней только после рождения у них ребёнка, она уже имела трёх дочерей.

начале сентября в Риме. Вдобавок к тому, у Диона (59,13,7/8), порядком выше, имеется (несколько сумбурная) информация о том, что в день рождения Друзиллы Гай привёз из Кампании на запряжённой слонами колеснице в Рим её громоздкую статую и два дня тешил народ бесплатными зрелищными представлениями.

Таким образом, если речь ведётся о дне рождения Друзиллы 16.09. и если Гай справил его в Риме, с учётом двух последующих зрелищных дней, значит, он выступил в направлении Германии, видимо, не ранее 20.09., поскольку, согласно Диону (59,21,2), его неочевидное для окружающих выступление туда предварило короткое камуфляжное уединение в пригороде.

С др. стороны, в распоряжении историков имеется фрагмент из «Актвов Арвальских братьев», сообразно к-рому (или одному из вариантов прочтения к-рого), 27.10.39г. (приложительно к благодарственному жертвоприношению в день 27.10.) был «раскрыт нечестивый заговор» (начальствовавшего с 29г. над верхнерейнскими легионами) Гн.Корнелия Лентула Гетулика против Гая Германика: «...ob detecta nefaria con[silia in C.Caesar(em) Aug(ustum) Germanic]um Gn.Lentuli Gae[tulici]» (CIL 6,2029d) (Д.И. 1006-08).⁵⁶ И произошло это, вероятно, на Рейне, в районе Могунтиака (Майнц), составлявшего удалённый от Рима на ок. 1200 км центр левобережного дистрикта Верхняя Германия, с плацдармом и переправой на правый берег.⁵⁷

Т.е. разгром заговора имел, по всему, место, когда Гай уже успел добраться, м.б., получив известие о заговоре ещё в Риме, до Рейна, и следует думать, что именно в день 27.10. были казнены как глава заговорщиков Лентул Гетулик, так и причастный к заговору фаворит Калигулы, муж Друзиллы, М.Эмилий Лепид, к-рый с кончиной сестры, считался-числился единственным наследником-преемником Гая, и к-рый, скорей всего, был заведомо отправлен Гаем к Гетулику для подготовки военного предприятия к прибытию кесаря.

Во всяком случае, куда логичнее предположить, что Лепид был казнён, согласно Сенеке (Ер. 4,7), центурионом Декстером, находясь возле Гетулика, одновременно с ним, нежели прибытие Лепида в Майнц вместе с Гаем и потом казнь одновременно с Гетуликом. К сожалению, точные обстоятельства дела, из-за дефицита информации, неизвестны, и потому тут раздолье для версий.

Притом 27.10.39г. арвальские братья не могли совершить благодарственное жертвоприношение, мол, получив известие о разгромленном на Рейне заговоре, как полагают некоторые современные исследователи, ибо при данном раскладе получится, что Гай, покинув Рим не ранее 20.09., успел, высунув язык, преодолеть 1200 км, ликвидировать заговор и послать в Рим вестников. Те же, в свою очередь, успели привезти ликвидационную весть, встреченную бурными аплодисментами в сенате (в связи с чем в Риме аналогично начались, по распоряжению Гая, репрессии против римских соучастников заговора), после чего ещё *frater Arvalis* (на космических скоростях) успели 27.10. принести соответствующую жертву. Опять чарли-чаплинские темпы немного кино!

Хотя мы помним, что, например, волхвы с Востока, к-рые спешили к Младенцу Иисусу с дарами — золото, ладан и смирна, точно зная своё палестинское направ-

⁵⁶ Внимание! в «Д.И.» (1008) неверно сказано о жертвоприношении Арвальских братьев 27.10.39г. с участием Л.Гетулика.

⁵⁷ Дистрикт Верхняя (*Superior*) Германия, где стационарировались, сродни Германии Нижней (*Inferior*), 4 легиона, включал современные области западной Швейцарии, французские Юру и Эльзас и юго-западную (по левому берегу Рейна) Германию, с городами — (центр) Могунтиак (Майнц), Везонтио (Безансон), Аргенторатум (Страсбург), Акве Миттаке (Висбаден).

Нижняя Германия (*Inferior*), с центром в Агриппиновой (с 50г. н.э.) колонии (Кёльн), располагалась на рейнском левобережье, включая современные Нидерланды, Бельгию, Люксембург, части северо-восточной Франции и западной Германии.

ление, цель, сроки, вышли из Вавилонии (Сиппар) и пришли в Иерусалим (Вифлеем), используя скороходов-дромедаров (к-рые могли оставлять позади до 170 км за сутки) и преодолев (как раз) ок. 1200 км, за время с 24/25.12.1г. до н.э. по 6.01.1г. н.э.!

Гай тоже очень спешил (но совсем иначе, чем волхвы) в Германию, о чём (неточно) свидетельствует Светоний: «Двигался он то стремительно и быстро, так что преторианским когортам иногда приходилось вопреки обычаям выючить знамёна на мулов, чтобы догнать его, то вдруг медленно и лениво, когда носилки его несли 8 человек, а народ из окрестных городов должен был разметать перед ним дорогу и обрызгивать пыль» (Кал. 43).

Стремительно и быстро — да, в то время как часть пути в носилках, несомых 8-ю носильщиками, вызывает сомнения. В таких носилках, октафорах, передвигались обычно много медленнее преодолевавшие далёкие расстояния женщины. И должно быть, именно в них перемещался на север огромный эскорт Гая, включая двух его сестёр, Агриппину и Ливиллу, беременную сожительницу Цезонию и прочих, к-рых он наверняка опередил во главе верных воинских сил, поспешив в германском направлении на первых верховых скоростях, к-рые вовсе не были ему чужды, судя по кличке его коня «Быстроногий», или исходя из его рывка после смерти Друзиллы летом 38г. в рекордно короткие сроки — из Рима до Сицилии и обратно.

Лишь такое воспроизведение реальной картины случившегося, при наличии известных нам дат и сроков, в к-рые иначе нормально не уложишься, выглядит естественным-достоверным. Т.е. заранее снарядив к Гетулику на север, в видах подготовки похода, (*кронпринца*) Лепида, извещённый о заговоре Гай помчался в Германию, добравшись куда, с места в карьер, опираясь на верные ему силы как сопровождения, так и в Майнце, разгромил заговор, казнил Гетулика с Лепидом и начал чистку в верхнерейнских легионах.

Позднее же, по прибытии в Майнц кесарского эскорта или его части, тогда как другая часть проследовала в Галлию (куда Гай собирался из Германии), привлечению к ответственности подверглись также оказавшиеся, как выяснилось, замешанными в заговор против него Гаевы сёстры, к-рых он приговорил к ссылке на Понтийские острова. Более того, Агриппине было предписано держать всю дорогу на груди урну с прахом её любовника Лепида, к-рого, сродни Гетулику и др., включая казнённых римских заговорщиков, сенат в Риме, по предложению-требованию претора Веспасиана, постановил лишить погребения (Свет «Весп.» 2,3).⁵⁸

А день 27.10. — как день счастливой ликвидации заговора и день падения-казни Лентула с Лепидом, сходно, к примеру, счастливому дню падения (при Тиберии) Сеяна (18.10.31г.), равно совпавшему с ним два года спустя дню смерти Агриппины Ст. (18.10.31г.), стал днём принесения благодарственных жертв (в частности, жреческой коллегией Арвальских братьев).⁵⁹

⁵⁸ Требование Веспасиана о лишении казнённых заговорщиков погребения, безусловно, в первую очередь, касалось заговорщиков (соучастников заговора — реальных и мнимых) и их казней в Риме, наличие к-рых оно подтверждает, поскольку Веспасиан не стал бы требовать из Рима оставления непогребёнными главных заговорщиков, казнённых в Майнце.

⁵⁹ Применительно к определению-уточнению хронологии отъезда Калигулы в 39г. из Рима на Рейн, ей может побочно способствовать возможное установление даты казни отца Тацитова тестя Агриколы — Юлия Грецина. О Грецине Тацит сообщает, что он «принадлежал к сенаторскому сословию; приобрёл известность как красноречивый оратор и как философ и этими дарованиями навлек на себя гнев Гая Цезаря, ибо получив приказание выступить с обвинительной речью против Марка Силана, отказался от этого поручения, за что и был предан смерти» («Агр.» 4). Примем за верное, но — добавим — казнён был Юлий Грецин не сразу, ибо экс-тесть Гая Силан принудительно покончил с собой в начале 38г. (см. выше), а Агрикола родился 13.06.40г. (44), т.е. минимум в сентябре 39г. его отец был ещё жив. Из Тацита известно и место рождения Агриколы (оба деда к-рого были прокураторами, что говорит об их всадни-

Можно, конечно, предположить ещё, что 27.10.39г. был изобличён и казнён один Гетулик, тогда как Лепиду и сёстрам Гая, или только сёстрам участие в заговоре было инкриминировано несколько позже, до истечения 39г., зимой, в ходе Гаева пребывания в Лугдуне. Но подобный вариант выглядит, на наш взгляд, менее правдоподобным, в то время как в подробности о собственно первом по счёту заговоре против Калигулы Гетулика, или (представлявшего сенатскую оппозицию) Гетулика и (рассчитывавшего на принципат) Лепида, при соучастии Агриппины с Ливиллой, мы вдаваться не будем.

При всём том, если Дион называет причиной Гетуликовой казни исключительно зависть Гая к его популярности у солдат (59,22,5), то ни Светоний (Кл.9), говорящий о заговоре прямо, ни Тацит (Ан.14,2) – косвенно, сам факт заговора не оспаривают. Касательно консула-орд. 26г. Гетулика (младший сын Косса Корнелия Лентула – префекта Urbі в 33 – 36гг.), его, обручившего некогда, по совету Тиберия, свою дочь от Апронии с сыном Сеяна, уже пытались свалить в 34г. Однако он отправил тогда Тиберию смелое послание, где не забыл оговорить, по чьему совету намеревался породниться с Сеяном, привёл иные веские доводы (см. выше), произвёл впечатление и остался жив – как, согласно Тациту, единственный из обвинённых в сеянизме.

Что касается Лепида, кого, по Светонию, Гай казнил «за разврат и за соучастие в заговоре против него» (Кал. 24,3), об облечении им каких-либо постов сведений нет, кроме предоставления ему Калигулой (как принцам крови) права облакать различные должности на 5 лет раньше положенного срока. Т.е., вероятно, он, напомним, сын одноимённого консула бг. н.э., был очень молод, наверное, – моложе Гая, являясь приблизительным ровесником родившейся в 16г. Друзиллы, и следовательно, не лишён амбиций, если уж вознамерился, подстрекаемый (насколько выводится из Тацита) Агриппиной, прыгнуть в принцепсы.

В любом случае, изгнание Гаем родных сестёр, именами к-рых до того сановные римляне приносили присягу, на Понтийские острова (где они обе вынуждены были, ищучи пропитание, нырять в море, ловя медуз), с угрозой, что у него есть для них,

чекском достоинстве, Цезарей, соответственно, Августа и Тиберия) – «в древней и знаменитой колонии Форум Юлия» (4). Из основанной в 50-е гг. в. до н.э. в Нарбоннской Галлии Юлием Цезарем колонии Forum Iulium (Фрежюс) происходили получившие при Цезаре римское гражданство предки Агриколы по отцовской и материнской линии.

Наряду с тем, мать Агриколы Юлия Процилла (по Тациту, «женщина редкой нравственной чистоты») родила сына на родине предков – в Форуме Юлия (4), надо понимать, отправившись туда уже после казни, несомненно, обретавшегося с семьей в Риме её мужа-сенатора: либо, по предписанию властей, – в ссылку; либо, поскольку достояние казнённого супруга было конфисковано, и она осталась в столице ни с чем, – на родину предков к своей родне. Мы, разумеется, можем предположить, что Калигула, к-рый затаил обиду на Грецина с начала 38г., не решившись в ту пору с ним расправиться, казнил его зимой 39/40г. – приказом из Майнца (по обвинению в соучастии в заговоре Гетулика-Лепида), или обретаясь в Галлии, куда Грецин с беременной женой был перед тем, в Юлиев Форум, сослан. Однако, такие конструкции будут слишком произвольными и тяжеловесными, без единого намёка на них со стороны Тацита, из к-рого выводится казнь Грецина в Риме, с последующим рождением Агриколы в Галлии.

Стало быть, расправа над Грецином произошла в щедром на казни 39г., когда Гай уже беспредельничал вовсю, причём до оставления им осенью Рима. Отсюда, если с одной стороны, Агрикола родился 13.06.40г., между тем как с др., Гай казнил его отца в Риме, к-рый он сам покинул не ранее или позднее 20.09.39г., значит, эта казнь оптимально пришлась на время ок. середины сентября (днями после зачатия Агриколы) и была одной из последних или последней в череде многочисленных расправ Калигулы в 39г. в Риме, до, повторим, его отбытия во второй половине сентября в Верхнюю Германию.

Как тут не вспомнить Высоцкого: «Их брали в ночь зачатия, а многих даже ранее...»

помимо островов, ещё и мечи, плюс запрет сенату и всадникам на будущее каких-либо чествований членов императорской фамилии (Кал. 29,1; Дион 59,22,5-9), аргументы весомые. Они указывают как на реальность заговора, так и на соучастие в нём Агриппины и Ливиллы, с к-рыми не чаявший прежде в них души Гай никогда бы не поступил столь жёстко, будь они невиновны, или не имей пресловутый комплот с их участием места.

Впрочем, по Светонию, живший в кровосмесительной связи со всеми своими сёстрами Гай, особенно был привязан только к Друзилле (исключительно божеством к-рой клялся после её смерти): «Других сестёр он любил не так страстно и почитал не так сильно. Не раз он даже отдавал их на потеху своим любимчикам. Тем скорее он осудил их по делу Эмилия Лепида за разврат и за соучастие в заговоре против него. Он не только обнародовал их собственноручные письма, выманенные коварством и обольщением, но даже посвятил в храм Марса Мстителя три меча, приготовленные на его гибель» (24,3).⁶⁰

НА РЕЙНЕ

О калигулианской чистке в рейнской армии у Светония (не связывающего её напрямую с заговором) читаем: «Прибыв в лагеря, он захотел показать себя полководцем деятельным и строгим: легатов, к-рые с опозданием привели вспомогательные войска из разных мест, уволил с бесчестьем, старших центурионов, из к-рых многим в их преклонном возрасте оставались считанные дни до отставки, он лишил звания, под предлогом их дряхлости и бессилия, а остальных выбрал за жадность и выслуженное ими жалование сократил до 6-и тысяч» (вдвое против установленного Августом размера) (Кал. 44,1).

Вместо казнённого (любимца солдат) Гетулика во главе верхнерейнских легионов был поставлен строгий С.Сульпиций Гальба (конс. 33г.), к-рый тотчас ужесточил дисциплину и о к-ром среди легионеров пошёл гулять стишок: «Этот Гальба — не Гетулик! привыкай солдат служить» (Свет. «Гальба» 6). Небезынтересно как обложение Гальбой — тронно сменившим Юлиев-Клавдиев кесарем 68/69гг., при Калигуле, легатуры в Верхней Германии, так и привилегированное обложение Флавием Веспасианом, кесарем 69 — 79гг., на следующий год после эдильства, (по кесарской протекции) претуры.

Потом, переправившись в ноябре через Рейн, Гай, в ближних к берегу пределах, заблаговременно покинутых оттянувшимися в леса на восток германцами, как и ожидал, не встретил ни неприятеля, ни чьего-либо сопротивления, скорострельно поиграл там сам с собой (как малые дети) в войнушку без настоящего противника, что сам же (устаами свитских льстецов) квалифицировал как грандиозную победу. И почувствовав себя полководцем высшей пробы, он очень скоро вернулся обратно на комфортный римский левый берег Рейна, откуда направился в декабре (на встречу Новому году и к большой беде для богатых галлов с испанцами) в центр провинции *Tres Galliae* — Лугдуну (Лион).

⁶⁰ За прелюбодеятельную связь с сёстрами Гая (или только с Агриппиной) был осуждён в 39г. на ссылку бывший тогда ещё отроком-подростком низкородный уроженец Аригента в Сицилии (Тацит «Ист.» 1,72) Офоний (Софоний) Тигеллин (Дион 59,23,9) — в 62-68гг. могущественный преторианский префект при Нероне (Т.Г. 608). Сосланный в Грецию, он выживал там рыбной ловлей. При Клавдии стяжал помилование, с условием-предписанием не попадаться на глаза. Обзавёлся землёй в Апулии и Калабрии, где занялся разведением лошадей, на почве чего и сблизился позднее с неравнодушным (сродни Калигуле) к скачкам и скакунам Нероном.

Неясно, по какую сторону Рейна до него, к нему доехала-добралась возглавляемая Клавдием сенатская делегация, с поздравлениями относительно успешной ликвидации заговора, но, независимо от берега, это привело Гая в бешенство. И он, во-первых, видя за спинами казнённых заговорщиков часть притаившихся отцов-сенаторов, и во-вторых, нарушение снаряжением к нему Клавдия запрета на чествование членов императорской фамилии, велел бросить своего слабоумного дядю, в прибытии к-рого усмотрел насмешку над собой, в реку (Свет «Кл.» 9,1).

А сенату и народу сделал гневный выговор специальным эдиктом «за то, что они, между тем как Цезарь сражается среди стольких опасностей, наслаждаются несвоевременными пирами, цирком, театром и отдыхом на прекрасных виллах» (Кал. 45,3). Тем не менее, сенат ещё успел до конца года восторженно откликнуться на требование претора Веспасиана отметить одержанную Гаем в Германии победу предоставлением победителю овации и играми вне очереди (Свет. «Весп.» 2,3), плюс – робко-покорно направил к императору вторую депутацию-делегацию.

О самой «войне» с германцами Светоний, отрицающий даже, в отличие от Диона (59,21,3), очень короткую переправу самого Гая через Рейн (к-рой, к слову, м.б., и не было? или – было?), пишет: «...так как воевать было не с кем, он приказал нескольким германцам из своей охраны переправиться через Рейн, скрыться там и после дневного завтрака отчаянным шумом возвестить о приближении неприятеля. Всё было исполнено: тогда он с ближайшими спутниками и отрядом преторианских всадников бросается в соседний лес, обрубают с деревьев ветки и, украсив стволы наподобие трофеев, возвращается при свете факелов. Тех, кто не пошёл за ним, он разбрал за трусость и малодушие, а спутников и участников победы награждает венками нового имени и вида: на них красовались солнце, звёзды и луна, и назывались они «разведочными». В др. раз он приказал забрать мальчиков-заложников из школы (где сыновья германских вождей получали римское образование) и тайно послать их вперёд, а сам, внезапно оставив званый пир, с конницей бросился за ними вслед, схватил, как беглецов, и в цепях привёл назад – и в этой комедии, как всегда, он не знал меры. Когда он вернулся на пир, солдаты ему донесли, что отряд вернулся из погони; на это он им предложил, как есть, не снимая доспехов, занять места за столом, и даже произнёс, ободряя их, известный стих Вергилия: «Будьте тверды и храните себя для грядущих успехов» («Энеида» 1,207).

Такова была противогерманская «война» этого экзальтированного арлекина на троне, к-рый, повторим, всего-навсего, играл в войнушку, как недоросль, будучи степанутым недорослем, в сравнении с Августом, Тиберием и даже Клавдием, меж тем как в сравнении с Нероном, к-рый наследует Клавдию в 54г., в возрасте неполных 17-и лет, Гай был на осень 39г., вступив в 28-й год жизни, не иначе как задержанным в развитии переростком. Если на понтонном мосту перед ним ехал мальчик Дарий (сын Артабана), как бы олицетворяющий доминанту-превосходство не столько Рима, сколько Гая над Ираном, то на берегу Рейна заложные сыновья германских вождей олицетворяли в очередной игре Калигулы его беспримерную «победу» над Германией Магна.

Согласно рассказу не соблюдающего хронологическую последовательность Светония, демарш Гая на берегу Ла-Манша, в связи с бегством к римлянам сына одного из британских царей, что купно позволило римскому кесарю заявить о покорении им, в т.ч., Британии, предвещает игры в войну на германском фронте. В действительности же, если германские т.н. мероприятия-предприятия приходится на конец 39г., то марш-демарш к Ла-Маншу и бряцание оружием на берегу Ла-Манша состоится в 40г. из Лугдуны, ибо на то и другое у Калигулы, к-рый, без сомнения, находился 1.01., с декабря, в Лугдуне, до конца 39г. нет времени (см. ниже).

А серьёзные столкновения с германцами выпали в дальнейшем — 40/41гг., на долю Гальбы, кто ещё в присутствии Гая на Рейне зарекомендовал себя с лучшей командной стороны и позднее повёл успешные боевые действия против попытавшихся вторгнуться в 40г. на левый берег германцев (Свет. «Кал.» 51,3), победив затем, в 41г., уже при Клавдии, хаттов и вторгнувшись на их правобережную территорию (Дион 60,8,7).

Однако, не Гальба позже, но именно Гай аж 7 раз за свои мифические победы 39/40гг. аккламировался, подавшись на зиму в Лугдуну, императором, не одержав, согласно Диону (59,22,2), ни одной победы и не убив ни одного врага. Диону вторит в двух словах о «доблестном полководце» Гае и Евтропий: «Он предпринял войну против германцев и, вторгшись в Свевию, ничего примечательного не совершил» (7,12,3). «Войну» — громко сказано. Он имитировал войну и победу, как мальчиш-кибальчиш и мальчиш-плохиш в одном лице, устроив на Рейне и потом на Ла-Манше две комедиантские постановки, как одновременный режиссёр и актёр из погорелого театра одного актёра, наделённый, в рамках *кесарева безумия*, возможностью привлекать к своим постановкам в качестве послушных статистов многие тысячи людей.

Тем временем, не всё складывалось однозначно плохо и не совсем всё было напрасно, поскольку легатом Верхней Германии Гальбой, тотчас с отъездом кесаря, к-рый только мешал, путаясь под ногами, была продолжена серьёзная работа по улучшению состояния верхнерейнских легионов, с поднятием, как сказано, в них дисциплины, с военно-полевыми учениями и т.д. Толковый легат взялся за обновление укреплённых пунктов и стоянок, за возведение новых фортификационных сооружений, за институты управления, за финансовую и экономическую экзистенцию вверенного ему милитаризованного дистрикта, к-рый был одновременно особостатурированной пограничной римской провинцией, последствия хулиганского пребывания в к-рой Калигулы подлежали, при всех внешних дифирамбах ему, практичекому нивелированию.

ХРОНОПАРАЛЛЕЛИ

Не примечательны ли следующие духовно асимметричные хронопараллели (мета)истории-saсra и истории-profana. Исцеление Иисусом больного в 38-летнем паралитическом расслаблении (с 8г. до н.э.) при иерусалимской купальне Вифезда в сентябре 31г. н.э. и падение временщика Сеяна в Риме в октябре 31г. н.э. Исцеление Апостолом Петром в октябре 39г. н.э. в Лидде 8 уже лет (с осени 31г. н.э.) лежавшего в расслаблении (38-летнего) Енея (родившегося в 1г. н.э.) и расправа (потомка Энея) Юлия Калигулы над участниками заговора Лентула-Лепида в октябре 39г. н.э.

Воскрешение Петром в Иоппии в ноябре 39г. Тавифы и изгнание Калигулой на Понтийские острова его сестёр — Агриппины и Ливиллы. Заговор против первым из кесарей воспричтавшегося на теократическую монархию Калигулы Корнелия Лентула Гетулика и веховое обращение в христианство (прибывшим из Иоппии) Петром в Кесарии — январь 40г. — римского сотника — язычника Корнилия (= Корнелия), к-рый не обратился перед тем в иудаизм, что требовалось от язычников ранее и обязательность чего ныне инаугурационно, открыв язычеству непосредственные (без промежуточного иудейского посредничества) широкие врата к христианству и в христианство, предупразднил князь Апостолов Пётр.

Если исцелённый от расслабления паралитик Еней (не случайно соименный прародителю римлян троянцу Энею) указывает путь спасения римлян (путь из земного Рима, к-рый, будь то Рим Первый, Второй, Третий, Четвёртый и т.д., не

может быть небесным, не могучи быть путём к Небесному Иерусалиму)⁶¹, то кровавый *furor principum* принявшего и не превозмогшего декадентное посвящение *Энеада* Калигулы, вкуче с его шутовской арлекинадой на троне, олицетворяет путь державного ниспадения в пропасть.

Если олицетворяющая христианское благочестие воскрешённая Тавифа (*серна*) суть носительница спасительной *Вечной Женственности* во Христе, то коварная, развратная и жестокая интриганка Агриппина (*рождённая ногами вперёд*), к-рую, убитую по приказу её сына Нерона, как раз через 20 лет – в 59г., вынесут ногами вперёд, есть воплощение падения римской языческой нравственности до уровня ниже плинтуса.

Если командарм верхнерейнских легионов Корнелий (*роговой; грубый; кизил – копьё из кизилового дерева*) Лентул (*чечевица*) Гетулик и М.Эмилиий (Эмиль – сын Аскания Юла) Лепид (*благоречивый*), представители прославленных староримских фамилий, символизируют деградацию и вырождение старого Рима, то простой римский сотник Корнилий воплощает собой запущенную Ап. Петром *Великим* спасительную христианизацию не нуждающихся более в интервальной иудаизации представителей язычества, воплощает собой (взятое затем на ойкуменическое вооружение Павлом) начало выхода христианства на ближние и дальние вселенские горизонты.

40г. н.э.

1 января 40г. н.э. = 793г. а.У.с. Г.Цезарь Август Германик (Калигула) вступил в своё III-е консульство in absentia, в Лугдуне, без коллеги – sine collega, поскольку накануне Нового года, 31.12, его соконсульски намеченный (безмяннный) коллега в Риме внезапно умер (и никто не посмел, в отсутствие кесаря, ни предложить, ни занять, по республиканским нормам, республиканскую вакансию, что в условиях претензий Гая на теократический абсолютизм «единого царя» выглядит, согласиться, весьма символично).

Уведомляя о Гаевых консульствах, Светоний пишет: «...В третье консульство он вступил в Лугдуне один, но не из надменности и пренебрежения к обычаям, как думают некоторые, а только потому, что в своей отлучке он не мог знать, что его товарищ по должности умер перед самым новым годом» (17,1).

По факту дело обстояло именно так, даром что Гаю (и понятно – почему) постфактум вменили намеренное облечение консульской магистратуры в одиночку, причём Дион (59,24,2), подтверждая информацию Светония, присовокупляет, что никто не мог занять форс-мажорно образовавшуюся консульскую вакансию в отсутствие, т.е. без вехода, императора.⁶²

⁶¹ История не исключает ни Четвёртый (или Пятый) Рим (современные США и Рах Америка), ни появление Четвёртого Рейха, но все они, в отличие от Небесного Иерусалима, земные (пусть даже временно сакральные, или оснащённые псевдо-сакрой) категории-величины, рано или поздно, прейдут и обратятся во прах (как прешли, уйдя в историю, и Три Рима, и Три Рейха). Причём экстракт вселенско-христианской духовно-метаисторической миссии как нынешних богоизбранников – Германии и Германства (V-я Германо-Англосаксонская культура Души сознательной; созвездие Рыб; Рождество), так и грядущих – России и Славянства (VI-я Славянская культура Самодуха; созвездие Водолея; Пасха), или последующих – Америки и Американства (VII-я Американская культура Жизнедуха; созвездие Козерога; Пятидесятница) – это – совсем не исторические Рейхи или исторические Римы.

⁶² Такое повелось с диктатора Цезаря, назначившего в 45г. вместо умершего 31.12. консула на несколько оставшихся часов уходящего года ему замену (над чем издевался Цицерон). В дальнейшем (лишённые реальной власти) консулы были в ведении триумvirата (Октавиан, Антоний, Лепид), потом – единолично Августа, к-рый, так сказать, восстановил Республику

В Риме же ни один магистрат как после неадекватного поведения Калигулы в столице в 39г., так и особенно после его (не принявшего сенатскую депутацию во главе с Клавдием) обрушившегося на них по поводу заговора Гетулика-Лепида гнева, не рискнул созвать сенат. Не воспользовались своими республиканскими правами и преторы, к-рым следовало исполнять консульские обязанности в отсутствие консулов или при невозможности их исполнения консулами.⁶³

Тем не менее, сенат в полном составе, вроде бы стихийно, без созыва и руководства (овцы без пастыря, или правильное сказать, превратившиеся в шакалов волки без вожака), стянулся на Капитолий, где достопочтенные отцы-сенаторы принесли положенные жертвы и поприветствовали пустое тронное кресло (*sella curulis*) Гая в храме Юпитера Капитолийского, сделав это так, как если бы Гай присутствовал здесь вживе, чем выразили ему полную верноподданническую покорность-преданность.

Затем они сходно, без созыва, собрались в курии сената и, не занимаясь никакими конкретными делами, потратили весь день на восхваления кесаря и моления за него. 3.01. сенат, наконец, официально созвали-собрали преторы, и опять весь день, посвящённый молитвам, ушёл на коллективные хвалы и коллективные молитвы, без обсуждения каких-либо насущных проблем или вопросов.

restituta в 28/27гг. И всё-таки, все спорные, в частности, консульские вопросы, типа кончины дезигнированного консула перед январскими календами, находились, в условиях Принципата, в (т.н. арбитражной) кесарской компетенции, как-либо примазаться к к-рой, да ещё при Калигуле, естественно, ни один сановный нобиль, чтобы не сделать себе дорожку, не пожелал, не осмелился.

⁶³ Римская Республика предусмотрительно блокировала возможность любого вакуума власти, как, скажем снова, отработанная с XVIIIв. система (взявших за образец именно Римскую Республику в противовес Римской Империи) США, где не может возникнуть ни конституционный властный вакуум, ни конституционный властный аврал.

Правда, США приняли римско-республиканский (противоцезаристский) образец в плане внутреннего устройства, предпочтя с XXв. (вместо изоляционизма доктрины Монро) римскую империльную гегемонию вовне. И это при том, что (преимущественно) протестантская Америка, будь то изоляционисты или империалисты, считает себя изошедшей-исшедшей (как некогда Израиль из Египта) из старой, с её католическим стержнем, Европы, новой богоизбранницей = Новым Светом.

И здесь надо дополнительно оговорить, что современные США, ни в коем случае, не следует путать с далёкой пока Американской (Северная и Южная Америка) культурой Жизнедуха (5733 – 7893гг. н.э.), поскольку нынешние США суть отпочкование и продолжение (передавшей им мировую эстафету) Великобритании (с к-рой они напару держат в офсайте подконтрольную Германию) в рамках сегодняшней Германо-Англосаксонской культуры (развития) Души сознательной.

А, например, у вертикально структурированной России (где *властная* вертикаль и *народная* горизонталь составляют крест), в к-рой (наоборот) доминирует (о чём уже говорилось выше) цезаристская модель, время от времени возникает (если у власти не революционер на троне) именно великокризисный вакуум власти, и тогда Россия (когда зашедшая = загнавшая себя в тупик власть лишается поддержки всех структур и всех слоёв общества-населения) катастрофически быстро идёт на дно, как «Титаник», однако, позднее восстаёт из пепла, как Феникс. И если даже в перспективе нынешняя РФ распадётся на несколько российских государств, что, когда однажды власть снова подпадёт безальтернативной стагнации, увы, вполне может случиться, это будет отнюдь не конец России, у к-рой, при всех случаях, великое (Соборное) будущее, но это будет одна из её временных, на пути к новому инакокачественному объединению-единению, метаморфоз.

Бисмарк (завещавший Германии вечный мир с Россией и вечный мир с папским Римом) верно сказал: «Не воюйте с русскими. Русские медленно запрягают, но быстро ездят» (*langsam anzuspannen und schnell zu fahren, das liegt im Wesen dieses Volkes*). Плюс: «Какими бы международными трактатами ни расчленишь русских, они сольются между собой так же быстро, как разорванные частички гутти. Это непобедимое свойство русской нации».

И лишь 13.01., когда из Лугдуны пришло известие о сложении Гаем отсутственно принятого им ординарного консульства, дуалистическую консульскую магистратуру облекли до конца года два суффекта – Г.Леканий Басс (сменивший Калигулу) и Кв.Терренций Кулеон. Сведений о них – кот наплакал. Если о первом известно, что он происходил из истрийского г. Пола и в 32г., при Тиберии, побывал городским претором (его одноимённый сын – консул 64г.), позже, предположительно, подвизаясь в Киликии, то отец второго суффекта проконсульски наместничал в Сицилии в правление Августа.

В тот же день 13.01. сенат принял, во исполнение письменного повеления Гая, решение о праздновании дней рождения Тиберия и Друзиллы по образцу дня рождения Августа. Народ, со своей стороны, устроил празднество и освятил воздвигнутые в столице скульптурные изображения Гая и Друзиллы. Дион пишет: «Всё это было сделано, конечно, в связи с посланием Гая; ибо всякий раз, когда он желал чего-нибудь, он сообщал об этом в письменной форме сенаторам и большую часть – консулам, иногда приказывая зачитывать его послания в сенате» (59,24,8).

Далее, необходимо сказать, что по купному и суммарному рассказу Диона (59,21-25) о пребывании и, в основном безобразных, художествах Гая в Германии и Галлии (куда он прибыл из Майнца, блиц-«отгеройствовал» на Рейне, не ранее декабря 39г.), где далеко не везде, при повествовании вразбивку, соблюдена событийная хронопоследовательность, нельзя точно дифференцировать все события на рубеже 39/40гг. Однако, мы расскажем о них под 40-м г., пусть даже некоторые из них могли произойти, либо начаться ещё в конце 39г., тогда как, например, рождение Гаевой дочери Цезонией, или бравый вояж Гая на Ла-Манш имели место точно уже в 40г., хотя безалаберный Дион (к-рого, плюс к тому, увы, в начале 40г. сменяют суммарно-компендиумные выдержки из Ксифилина и Зонары) ошибочно прилагает их к (всё ещё) 39г.

ГАЙ В ГАЛЛИИ

В ходе «продуктивного» кесарского нахождения в Лугдуне параллельно шли как сопровождавшиеся, само собой, конфискации, дальнейшие изобличения-разоблачения (по делу Лентула-Гетулика) «врагов народа» в Риме, так и ограбление паломничавших к кесарско-лугдунскому двору богатых галлов с испанцами. Среди части (наиболее богатых) из них тоже выявлялись якобы сопричастные к заговору, или готовившие национал-мятежи, или кооперировавшие с зарейнскими германцами и т.д. «гос. преступники». Было бы желание обнаружить и изобличить «агентов империализма и иностранных спецслужб», а повод всегда найдётся.

По Диону, к-рый говорит о рейнском и прибританском обезьянничаньях Гая под 39г. купно (59,21,3), он не причинил никакого вреда внешнему противнику, «но подвластным народам, союзникам и гражданам он причинил великие и неисчислимыя беды». Во-первых, он грабил тех, кто чем-нибудь обладал по каждому поводу, да и без повода; во-вторых, и частные лица, и общины вынуждены были делать ему подношения «добровольно» за его элементарное чудо-явление к ним. Некоторых богатеев он казнил, обвинив их в подготовке восстания, иных – за участие в заговоре против него, расправившись с теми и другими в реальности лишь по причине их богатства. При этом он сам распродал их имущество, выкачивая за него суммы по им же установленным много завышенным ценам, пользуясь тем, что для покупателей было смертельно опасно попробовать сбить цену, уж не говоря о том, чтобы не явиться на торги или отказать от покупок.

Помимо того, он придумал распродажу привезённых из Рима семейно-династических реликвий, или того, что представил как реликвии и делал, втянув их по

очень высоким ценам, антикварные пояснения ко всякой из них – вроде: «Это принадлежало моему отцу»; «это – моему прадеду»; «это – египетская ценность Антония – победный трофей Августа» (59,21,6). Пошла с торгов и собственность сосланных сестёр Калигулы: «В Галлии он после осуждения сестёр устроил распродажу их уборов, утвари, рабов и даже вольноотпущенников по небывалым ценам; эта прибыль его так прельстила, что он выписал из Рима всё убранство старого двора, а для доставки собрал все наёмные повозки и всю вьючную скотину с мельниц, так что в Риме и хлеба подчас не хватало и в суде многие, не в силах поспеть к обещанному сроку, проигрывали свои дела. Чтобы распродать эту утварь, он не жалел ни обманов, ни заискиваний: то попрекал покупателей скаредностью за то, что им не обидно быть богаче императоров, то притворно жалел, что должен уступать имущество правителей частным лицам. Однажды он узнал, что один богач из провинции заплатил 200 тыс. его рабам, рассылавшим приглашения, чтобы хитростью попасть к нему на обед; он остался доволен тем, что эта честь в такой цене, и на следующий день на распродаже послал вручить богачу какую-то безделицу за 200 тыс. и позвать на обед от имени самого Цезаря» (Кал. 39).

В той же Галлии Гаем практиковались, согласно Диону (59,22,3), «забавные» казни выстроенных в ряд узников «от лысого до лысого», что, впрочем, согласно Светоний (Кал. 27,1), происходило, при кесарском посещении тюрем в Риме. Или это делалось им и в Риме, и в Галлии. Вместе с тем, подношения и конфискации не принесли ему никакого избытка, позволив, при не уменьшавшихся тратах, всего-навсего, поддержать, как говорит Дион, обычные расходы (59,22,1).

Однажды он играл в кости, обнаружил, что у него закончились деньги и вышел, потребовав список последней переписи галлов, по к-рому велел казнить указанных (и ещё не репрессированных) в ней людей с достатком, после чего вернулся к игрокам, усмешливо бросив: «Пока вы тут играете за гроши, я сумел добыть 150 млн. динариев» (59,22,4). А некий недостаточно богатый Юлий Сацердот был умерщвлён, из-за сходства его имени с именем некоего богатого галла (22,4), к слову, – сходно похожему случаю в Риме, когда оказавшийся, вдруг, бедным осуждённый «деликвент» разочаровал цинично признавшего ненужность-бесполезность подобной излишней расправы над ним Гая.

Пишучи о дававшихся кесарем зрелищах в провинциях, Светоний говорит, в частности, о смешанных играх в Лугдуне, что мимолётно подтверждает и Дион (59,22,1) перед словом о смотре легионам, к-рые аж 7 раз аккламировали Гая (за его игры в войну) императором. У Светония читаем: «Здесь происходило также состязание в греческом и латинском красноречии, на к-ром, говорят, побеждённые должны были платить победителям награды и сочинять в их честь славословия; а тем, кто меньше всего угодили, было велено стирать свои писания губкой или языком, если они не хотели быть битыми розгами или выкупанными в ближайшей реке» (Кал. 20).

Если в размахе призванных потрясти провинциалов расточительных игр, зная Калигулу, не усомнишься, то риторические состязания запомнились своей, так сказать, экстравагантностью, ибо о «реторах, бледнеющих, словно им приходится говорить перед лугдунским жертвенником», иронично пишет сатирик Ювенал (1,44).

Единовременно с произвольными расправами и конфискациями, различные галльские города получили статус колоний, поскольку из них происходили друзья кесаря (Филон «Пос. к Г.» 285). К примеру, вероятно, именно в 40г. родной город сопровождавшего Гая (одного из его будущих соубийц) Валерия Азиатика – Вьенна (куда, напомним, в бг. н.э. был сослан Августом, умерев здесь ок. 20г., сын Ирода Архелай, и где в 39г. покончил самоубийством ссыльно обретавшийся тут с 37г. Понтий Пилат), удостоилась привилегированного статуса колонии – *Iulia Augusta*

Florentia Vienn (Плиний 3,36) – италийского права (Ius Italicum) (Dig. L 15,8,1; Dessau 212, 2, 15).

В то же время, бичуя, как говорено, в посланиях сенат за праздность и леность, Гай продолжал отвергать почести со стороны сенаторов, что, по его мнению, ставило его в подчинённое положение по отношению к сенату, и наряду с тем, бранил членов сената за непочтительность к нему (Дион 59,22,1). Ведя себя очень капризно и противоречиво, он менял капризы с калейдоскопической быстротой, и любой мог внезапно угодить как под горячую расправную, так и под щедрую раздаточную императорскую руку, стяжать награду или лишиться вместе с имуществом жизни (22,5).

И всё же вторая осторожно-осмотрительная депутация-делегация сената, более многочисленная, чем первая, к-рая сообщила кесарю о множестве чествований в его адрес, была им, смягчившимся, надо понимать, в преддверии скорого становления его родителем и триумфального возвращения, милостиво принята (22,6).

В Лугдуне или из Лугдуны он официально развёлся с Лоллией Паулиной, к-рая, б.м., входила в свиту сопровождения, или, скорее, осталась в Риме/Италии, где её нашло разводное письмо (формально – из-за бездетности супруги), и бракосочетался с Милонией Цезонией. А спустя 30 дней она родила от него дочь – Друзиллу, что, т.е. рождение 30-дневного ребёнка от «человекобога», Гай назвал действием небесных сил, заявив, что месячные дети рождаются только от богов и у богов. Так у Диона (59,23,7) и Ксифилина (28,7; 170,6 – 171,13 из Exc. Val. 213/14 (p.670-74)), в то время как согласно Светонию, Калигула женился на Цезонии только и сразу по рождении ребёнка:

«Цезонию, не отличавшуюся ни красотой, ни молодостью и уже родившую от другого мужа трёх дочерей, он любил жарче всего и дольше всего за её сладострастие и расточительность: зачастую он выводил её к войскам рядом с собою верхом, с лёгким щитом, в плаще и шлеме, а друзьям даже показывал её голой. Именем супруги он удостоил её не раньше, чем она от него родила, и в один и тот же день объявил себя её мужем и отцом её ребёнка» (Кал. 25,3).

Наиболее крепкая связь не достигшего 30-летнего возраста Гая с бывшей лет на 7/8 старше него сладострастной Цезонией, в к-рой он, достаточно привередливый, как показывают его короткие браки, в отношении к женщинам, искал и защиту-опеку, и утоление своей болезненной (би)сексуальности, не удивительна.

Кроме того или прежде всего, со времени казни Лепида и ссылки родных сестёр у императора не стало никаких наследников (за исключением разве что велико-возрастно-потешного дядюшки Клавдия, к-рого пока никто не воспринимал в качестве тронного преемника всерьёз) и режиму цезариата-принципата требовался кронпринц, либо, на безрыбье, – кронпринцесса. И матерью родившейся вместо принца принцессы стала не Клавдилла, не Ливия (Корнелия) Орестилла и не Лоллия Паулина, но именно Милония Цезония.

Дальше, если Светоний говорит о пронесении Гаем маленькой дочери по храмам всех богинь и о возложении её на ложе Минервы (25,4), то у Диона перед Минервой фигурируют ещё храм и колени Юпитера Капитолийского (59,22,7), что, следовательно, произошло по возвращении Калигулы в Италию и по его вступлении в Рим, куда он ступил, вернувшись на италийскую землю к концу весны, лишь в день своего рождения – 31.08.40г., и о чём, стало быть, мы скажем позднее. До того же, видимо, Цезония с ребёнком оставалась при нём в Лугдуне (или, при его отбытии на Ла-Манш, они отправились в Рим?).

В 39г. в Галлию из Британии бежал изгнанный отцом, попросив убежище у римлян, сын царя триновантов (Птолемей 2,3,11) Куннобеллина Админ (или Аммин) (Свет. «Кал. 44»; Дион 59,21,3; 60,20,1; Орозий 7,5,5). Куннобеллин (или

Кимбелин — британского предания и у Шекспира), сын ближе неизвестного Таскиована, царствовал в южной Англии, резидируя, согласно Диону (60,21,4), в Камуллуне (один из грядущих Камелотов короля Артура и его рыцарей Круглого стола), и правя со дней позднего Августа до начала принципата Клавдия, во время экспедиции к-рого в Британию (43г.) его уже не было в живых.

Между тем, у Калигулы дальше планов вторжения на заповедный для римлян со времён Цезаря Альбион и шутовских (ещё в Италии — сооружением понтонного моста из Путеол в Байи, с к-рого он грозил Германии и Британии) демонстраций мнимого покорения острова дело, как и в Германии, не зашло (Свет. «Кал. 19»; Ан. «Агрикола» 13; Дион 59,21,3). Зато беглый царский сын, изъявив преданность римлянам, не был Гаем выдан отцу, плюс к тому, Гай во главе римского воинства проследовал во всеоружии до берега Ла-Манша, где разыграл очередную театральнопобедную постановку по покорению, на сей раз, Британии: торжественно побряцал оружием и прогулочко вышел, не отходя далеко от берега, на триремах в Океан.

Светоний: «...когда под его (Гая) защиту бежал с маленьким отрядом Админий, сын британского царя Кинобеллина, изгнанный отцом, он отправил в Рим пышное донесение, будто ему покорился весь остров, и велел гонцам не слезать с колесницы, пока не придут прямо на Форум, к дверям курии, чтобы только в храме Марса, перед лицом всего сената передать его консулам» (43,2). «Наконец, словно собираясь закончить войну, он выстроил войско на морском берегу, расставил баллисты и другие машины, и между тем как никто не знал и не догадывался, что он думает делать, вдруг приказал всем собирать раковины в шлемы и складки одежд — это, говорил он, добыча Океана, к-рую он шлёт Капитолию и Палатину. В память победы он воздвиг высокую башню, чтобы она, как Фаросский маяк, по ночам огнём указывала путь кораблям. Воинам он пообещал в подарок по сотне денариев каждому и, словно это было беспредельной щедростью, воскликнул: «Ступайте же, теперь, счастливые, ступайте же, богатые!» (46).

Если не умеешь и не желаешь воевать, если страшишься настоящей войны и не хочешь славы своим полководцам, к-рых опасешься, то ничего не остаётся, кроме скоморошеской игры в войну и победу!

А римляне, тем временем, были, согласно Диону (59,23,8), встревожены как браком Гая с Цезонией, так и судебными процессами против многих, из-за приязни, к-рую они проявляли к его опальным сёстрам и к др. казнённым гражданам; «даже некоторые эдилы и преторы были вынуждены оставить свои должности и предстать перед судом». Не следует ли отсюда, что (незнатная или менее знатная) Цезония, в к-рой римляне не желали видеть *первую леди*, приложила руку к изгнанию сестёр Гая, не только сопричастных к заговору Гетулика-Лепида, но и, безотносительно к этому, враждебных ей, из-за Гаевой патологической привязанности к ней и её влияния?

ПТОЛЕМЕЙ МАВРИТАНСКИЙ

Однако, в ещё больше мере, римлян беспокоило, по Диону (59,24,1), завершающему, кстати, данным сообщением изложение событий 39г., нахождение возле Гая восточных царей, — Ирода Агриппы и Антиоха Коммагенского, как его наставников (отправлении-осуществлении) тирании.

Оносительно Гаевых наставников в, добавим от себя, ориентальной деспотии (как римляне квалифицировали всякую деспотию/тиранию), речь следует вести не об ошибочно именуемом Дионом Агриппе, а, скорей всего, о, в паре с Антиохом Коммагенским, Птолемею Мавританском, про казнь к-рого Калигулой Дион, назы-

вая причиной расправы его богатство, говорит ниже (59,25,1), на чём, к сожалению, авторский манускрипт 59-й кн. дионовской «Римской истории» обрывается, восполняемый в перспективе эксцерптами из Ксифилина и Зонары.

Впрочем, прежде чем заняться Птолемеем, доразберёмся с Агриппой, точнее, напомним читателю ситуацию с ним, покинувшим Рим/Италию летом 38г. и снова наведавшимся к Калигуле не ранее декабря 40г. (после смещения и ссылки Калигулой Ирода Антипы и Иродиады в ноябре в Байях) (Р.л. 897-910; Д.И. 1243-51; см. выше).

Мы, разумеется, можем предположить, что, отбыв из Италии в июле 38г., Агриппа снова прибыл в Рим к осени 39г., где подключился к свите Гая или к самому сорвавшемуся в сентябре на верхнегерманский север Гаю, затем находился при нём в Лугдуне зимой 39/40г., и возвратился в Палестину (когда Гай вернулся в Италию) весной 40г., чтобы осенью вновь намылиться в Рим, куда прибыл аж декабрьской зимой (вслед за смещённым и сосланным в Лугдуну Антипой), незадолго до гибели Гая в январе 41г., во время к-рой он обретался в Риме.

Теоретически такой промежуточный вояж Агриппы к ходившему в Германию/Галлию Гаю и агриппианское нахождение при нём с осени 39 до весны 40гг. не исключён, но крайне маловероятен. Ибо как раз летом 39г. Гай, продолжая гневаться на иудеев, из-за их поведения в 38г. в Александрии и особенно из-за разрушения ими в 39г. императорского жертвенника в Ямнии, назначил, скажем снова, в Сирию вместо Вителлия Петрония, к-рому приказал водрузить гигантскую императорскую статую в Иерусалимском храме, к чему Петроний начал готовиться, приведя два легиона на зимние квартиры в приграничную Птолемаиду, с осени, для выполнения повеления императора, не исключая форменную войну, по весне 40г.

Так вот благополучно-влиятельное присутствие в этих условиях вассального царя Агриппы возле очень злобящегося на иудеев Гая, да ещё в амплуа одного из наставников в вопросах тирании, без какой-либо позиции, или, тем более, с противокаллигулианской позицией по статуе в храме, при всех известных читателю перипетиях с ней связанных, чересчур трудновообразимо. Ситуация, в смысле реальности касательно её подлинности, попросту не воспроизводится.⁶⁴ Посему Дион, правильно назвав Антиоха Коммагенского, в отношении самого близкого из вассальных царей к Гаю – Агриппы Иудейского, именно из-за этой близости между ними, ошибается, вернее, черпает ошибочную информацию из неведомо какого источника, перепутавшего (по понятной причине) Агриппу, вероятнее всего, с Птолемеем Мавританским.

Можно также, конечно, предположить, что Агриппа спутан-перепутан не с Птолемеем, а с одним из вассальных царей, сродни Агриппе, облагодетельствованных в 37/38гг. Гаем: с Полемоном Понтийским, с Котием Мало-Армянским, с Роиметалком Фракийским... Но они – отнюдь не столько поднаторевшие в восточной тирании ориенталы, сколько молодые, приблизительно одного возраста с Калигулой, балканские фракийцы по происхождению, согласитесь, куда меньше, чем заметный и знаменитый, куда меньше, чем единовластно царствующий с 23/24гг. н.э. (приблизительный ровесник родившегося в 10г. до н.э. Агриппы Иудейского) Птолемей Мавританский тянут на означенное Дионом амплуа и на означенный формат наставников римского кесаря в деле (тонкостях) осуществления деспотии.

Плюс – не подходят на данную роль и вряд ли близкий Калигуле второстепенный вассал Соэм Итурейский, или потомственный спартанец (не азиат и не афри-

⁶⁴ Причём, в сём случае пребывания Агриппы (обретавшегося при Калигуле до лета 38г.) рядом с Калигулой (ещё и) с лета/осени 39-го до весны 40гг., получится, что он, поставленный в царском ранге-статусе весной 37г. над тетрархиями Филиппа и Лисания, к к-рым осенью 40г. прибавилась тетрархия Антипы, большую часть правления Гая провёл вне своих палестинских владений, что, согласитесь, противоестественно (!).

канец) Юлий Лакон. Засим даже методом исключения следует остановиться на Птолемея, к-рый, с наибольшей долей вероятности, может и должен быть возле Гая на месте (отсутствующего) Агриппы.

Притом в пользу этого варианта косвенно свидетельствует и опала Антиоха Коммагенского, к-рый потерял, видимо, ещё в Галлии, свои вверенные ему Калигулой ранее царство Коммагену, часть Киликии и корону (сумев, правда, не потерять жизнь) именно в 40г., чем-то (не считая своего богатства) разгневав взбалмошного деспота, тогда как Птолемей Мавританский лишился, опять-таки, в 40г. как трона, так и, после короткого заточения, жизни.

И тут возникает вопрос о причинах его конфликта с Гаем, помимо его богатства, к-рое в качестве причины приводят и Дион, и, что важно, современник событий, ровесник Птолемея воцарения в 23/24гг. Плиний (5,11). Напоминаем, сей мавританский венценосец, сын «академика на троне» Иова (Юбы) II (кого Август в 30г. до н.э. сделал царём Нумидии, переведя его в 25г. на царство в соседнюю Мавританию) и внук Иова I, потомок выведившего себя от Геркулеса-Мелькарта Массиниссы по отцу, был, играя виднейшую, в сравнении с др. вассалами, роль, к тому же, родственником, точнее, дядюшкой Гая. Ведь он являлся, по материнской линии, внуком Антония и Клеопатры, рождённым их дочерью Клеопатрой-Селеной — сестрой-близнецом Александра Гелиоса, к-рые родились под особой звездой, ок. дней зимнего солнцестояния, в декабре 40г. до н.э. (Д.И. 947/48).

Таким образом, выданная Августом ок. 20г. до н.э. замуж за Иова Мавританского Клеопатра-Селена приходилась сводной сестрой бабке Калигулы Антонии Младшей — дочери триумвира Антония от любимой сестры Октавиана Октавии, в доме к-рой оставшиеся в 30г. сиротами (выжившие) дети Антония и Клеопатры выросли-повзрослели.

Иов II Нумидийский, сделавшийся Мавританским, царствовал в Мавритании, как сказано, с 25г. до н.э. по 23/24гг. н.э., родив вместе с Селеной⁶⁵, возводившей себя к Зевсу-Аммону, сына Птолемея, с 5/6гг. н.э. (по его обучению в Афинах и ещё, вероятно, после подготовки в августейшем Риме) — кронпринца-сорегента, а с 10/11гг. — равноставированного соправителя отца (Д.И. 941).

Единовластно же он, посодействовавший римлянам в 23/24гг. в деле разгрома Такфарината, за что сенат торжественно прислал ему, «другу и союзнику римского

⁶⁵ После 4г. до н.э. и до ок.4г. н.э. за Иовом замужествовала Глафира — дочь Архелая Каппадокийского и вдова казнённого Иродом в 4г. до н.э. старшего (вместе с младшим братом Аристовулом) сына Хасмонейки Мариамны — Александра (Р.л. 1181-83). Моммзен относил кончину Клеопатры Селены на 5г. до н.э., что, казалось бы, датированную нами выдачу вдовой Глафиры ок. 3г. до н.э. замуж за вдового с ок.5г. до н.э. Иова косвенно подтверждает. Но позднее нашлись монеты с изображением вроде бы Селены от аж 11г. н.э., из-за чего появились версии о её временном разводе и потом воссоединении с Иовом, при его промежуточном браке с Глафирой, к-рую, вновь оказавшуюся в Каппадокии ок.5г. н.э., по поводу чего Флавий (И.в. 2,7,4; И.д. 17,3,4) ошибочно уверяет, что она (вновь) вернулась к отцу (на сей раз, из Мавритании, поскольку-де Иов умер), взял, влюбившись в неё, замуж (в нарушение иудейских законов, т.к. Глафира имела от Александра двух сыновей) другой сын Ирода — этнарх Архелай. Может быть, хотя для брака Иова с Глафирой (между 4г. до н.э. и 4г. н.э.) разводить его с (живой) Селеной совсем не обязательно. Если уж Ирод Иудейский имел 10 жён и многих из них одновременно, то, спрашивается, что могло помешать Иову Мавританскому иметь одновременно (минимум) двух жён? одной из к-рых, Глафире, он вполне мог дать в 4г. н.э. развод.

К слову, Архелай Cappadox тоже был писательствующим учёным на троне и тоже, как Иов, входил на рубеже эр в свиту назначенного наместником Востока внука Августа Г.Цезаря (когда два вассала могли конкурентно не поладить между собой? из-за чего, в частности, с самоотставкой и кончиной Гая в начале 4г. н.э., Глафира могла быть отринута Иовом?).

народа», расшитую тогу рiста, жезл из слоновой кости и курульное кресло, правил, наследовав долгоцарственному отцу, ок. 17-и лет. Имеются монеты с максимальным 17-м годом его, кому Калигула позволил чеканить позволенную избранным вассалам (к примеру, при Августе, – Полемону I Понтийскому) золотую монету, правления.

Имя его легитимной супруги, в к-рой некоторые неуверенно предполагают его младшую сестру (одноимённую сестре Гая) Юлию Друзиллу⁶⁶ (что преемники фараонов – египетские Птолемеи, сродственно прочим эллинистическим династам, но с большей помпой, божественно-царственно практиковали), – под вопросом. Зато известны имена трёх любимых царских наложниц: Урания, Хария, Гимния.

Надо сказать, что при этом Птолемеи, несмотря на сказочное богатство царя, Мавритания, сравнительно со *злато вековым* временем Иова при Августе, переживала состояние сползания к упадку и обеднению. Прекратилась процветавшая при Иове добыча и обработка на райских Канарских островах (о-ва Блаженных или Счастливых) символа сакральной власти и богатства – знаменитого королевского пурпура. Регулярная материковая связь с Канарами прервалась; у атлантического берега сновали (выдавленные Римом из акватории ставшего внутриримским имперским озером Средиземного моря) алчные пираты; торговля через пустыню с внутренней Африкой сократилась; поставка из Мавритании первоклассных цитрусов в Италию пошла на убыль.

Но вернёмся к теме. Вторая, после богатства, причина калигулианского гнева на Птолемея очень даже может заключаться в его исключительной родовитости и претензии на божественное происхождение от (так сказать, вопреки решительно утверждавшему с 38/39г. собственную божественность Гая) Осириса и Изиды, на такое тесное родство с к-рыми, на такую близость к к-рым никто, за исключением Калигулы, притязать не вправе.

Ведь в 39г., при Калигуле, в Риме был освящён храм Изиды (поставленной под запрет в 34г. Тиберием) и Гай особенно трепетно относился к культам Египта, куда с 40г. собирался. И Птолемей очень даже мог (*окультно*) разгневать, вызвать (спиритуальную) зависть капризного-претенциозного-непредсказуемого (не чуждого «зависти богов») кесаря, в т.ч., своей слишком родственной сопричастностью к столь именитой, будь то по матери или по отцу, сакре, к (так сказать) *sancto-sanctorum!*

Наверное, он присутствовал на собрании созванных Гаем в Рим весной 38г. вассальных царей, из к-рых лишь его, воцарившегося при Тиберии, Гай не облагодетельствовал тронем, и к-рые в Риме спорили о знатности, на что, повторим, представший пред ними Калигула, согласно Светонию (22), гомерически пафосно произнёс-продекламировал: «Единый да будет властитель, / Царь да будет единый».

Светоний разрозненно и, само собой, без хронологии, говорит о Птолемеи в «Жизнеописании Калигулы» трижды. В первый раз, числа его, наряду с Макроном и Эннией, среди тех, кто «вместо родственного чувства и вместо благодарности за заслуги награждены были жестокой смертью» (25). А ниже по тексту побочно подтверждается как то, что Птолемей погиб из-за своих богатств, на к-рые расточительный Гай позарился, так и (пусть сумбурно-побочно) то, что он пал жертвой соперническо-сакральных претензий Гая: «Птолемея, о к-ром я уже говорил, он пригласил из его царства и принял в Риме с большими почестями, а умертвил

⁶⁶ Впоследствии она была одной из жён «мужа трёх царей» – прокуратора Иудеи в 52-60гг. прохиндея Феликса (брата влиятельного при Клавдии вольноотпущенника Антонии – Палланта), к-рый с 58 по 60гг. держал в заточении, в Кесарии Палестинской, Ап. Павла (см. ниже).

только потому, что тот однажды, явившись к нему на бой гладиаторов, привлёк к себе все взгляды блеском своего пурпурного плаща» (35).⁶⁷

Божественно-королевский пурпур, притязающий затмить божественность-царственность беспримерного теократора Калигулы! И всё-таки, слишком упрощённую светониевскую версию расправы нужно принять с оговорками. Да, Гай призвал Птолемея (в 39, как и ранее в 38гг.) в Рим, но инцидент на гладиаторских боях, либо, скорее, во время какой-то сакральной церемонии-процедуры (?), произошёл (не иначе как) в Лугдуне.

Заметьте, из приглашения Птолемея в Рим не обязательно выводится его взятие под стражу и неоднородное, что можно умозаключить из информации Сенеки (Транс. ап. 11,12), заточение (исключительно) в Риме. Реконструируем события следующим образом. Птолемей прибыл (не в первый раз), приглашённый-затребованный Гаем в Рим летом 39г. (на освящение храма Изиды?), удостоился роскошного приёма, и в сентябре, сходно Антиоху Коммагенскому, отправился, сопровождая кесаря, на германско-галльский север, откуда потом попал в Лугдуну (поскольку Дион толкует о наставниках в тирании приложительно к стыку 39/40гг., когда Гай находился именно в Галлии – в Лугдуне). Или мавританский венценовец прибыл в Галлию, не приезжая в Рим, прямо из Мавритании, пересекши Средиземное море, поздней осенью (рагневав Гая декабрьской зимой), в каком случае придётся пренебречь информацией Светония, кто, с др. стороны, возможно, сводит два гостевых посещения Птолемеем Рима, в 38 и в 39гг., воедино.

Однако, предпочтём первый вариант – прибытие в Рим летом 39г. и путешествие с Гаем обоих царей, Птолемея и Антиоха, в Германию и Галлию, где Птолемей и вызвал гнев повелителя как своим богатством, так и культово-окультирной пурпурной мантией-хламидой, публично репрезентировав-позиционировав себя, в болезненном восприятии-истолковании Гая, теократором более знатно-божественным и более знатно-царственным, нежели возомнивший себя кульминационной манифестацией всех богов и богинь Гай. Разве деспоты-тираны, тем паче, Гаева покроя, прощают такое?! разве они в состоянии подобное, внушив себе неотступную навязчивую мысль о преднамеренном покушении или подвохе, снести?!

Никак нет. В результате Птолемею пришлось очутиться в застенке ещё в Галлии (приблизительно одновременно с лишившимся Коммагены и попавшим в опалу, или аналогично в застенки Антиохом), чтобы быть доставленным под стражей в Рим, где также провести некоторое время в заточении. И, наконец, – подвергнуться, сообразно неважно чем и как официально мотивированному присуждению-осуждению (за оскорбление величия/величества) со стороны так и не смягчившегося по отношению к нему (глубоко задетого) владыки-родича, форменной казни. Вот какой расклад видится нам наиболее заслуживающим доверия, наиболее не игнорирующим античные источники и наиболее оптимальным.

С казнью последнего мавританского венценовца, соседняя Африке (где Калигула недавно лишил сенат последнего переподчинённого кесарю легиона) Мавритания была провинциализирована, но там вспыхнуло поднятое вольноотпущенником Птолемея неким Айдемоном, к-рого царь оставил, отбыв в Рим, за регента-управителя,

⁶⁷ В третий раз Птолемей упоминается у Светония при перечислении безобразных выходов любившего нестандартно поюморить или задать небезопасную загадку нижестоящим Калигулы: «Одному римскому всаднику, к-рый (в сенате? или в каком-то собрании?) шумел, он через центуриона прислал приказ тотчас отправиться в Остию и отвезти царю Птолемею в Мавританию императорское письмо, а в письме было написано: «Человеку, к-рый это привёз, не делай ни добра, ни худа» (55,1). Т.е. Гай решил так озадачить Птолемея, заставить его поломать голову над, возможно, чем-то чреватой для него загадкой, что лишней раз свидетельствует о чреватом интересе неадекватного кесаря к нему.

восстание. Подавить же его удалось лишь в 41/42г., уже при Клавдии, кто в 44г. разделил аннексированную Гаем страну на две провинции – Mauretania Tingitana, с центром в Тинги (Танжер), и Mauretania Caesarea, с центром в Кесарии (Шершель), сделав границей между ними р. Молуха (см. ниже).

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГАЯ В ИТАЛИЮ

По весне 40г. аккламированный, само собой, «Германиком», плюс ещё и «Британником» (сценический «покоритель-умиротворитель» Германии и Британии) Гай, «обратившись, – согласно Светонию, – к заботам о триумфе» (Кал. 47)⁶⁸, двинулся с берега Ла-Манша, теперь через ближнюю Нижнюю (Inferior) Германию (центр – Oppidum Ubiorum) (Кёльн), где он в 39г. не побывал, и потом – через Германию Верхнюю (Superior; центр – Монгутиак) (Майнц), где он осенью «героически» подвизался, обратно в Италию.

Этот вывод о Гаевом возвращении из Галлии через обе Германии можно сделать на основании, в частности, сумбурного слова Светония о том, что прежде чем покинуть провинцию (в смысле – провинциальную периферию, включая Tres Galliae и два примыкающих к Галлии особостатуированных левобережно-германских дистрикта), он, дескать, «задумал ещё одну чудовищную жестокость: истребить все легионы, бунтовавшие после смерти Августа, за то, что они держали в осаде его самого младенцем и его отца Германика, своего полководца...» (Кал. 48,1)

Гай не мог задумать, прямо-таки, истребить все нижнерейнские легионы, но если уж говорить о бунте германских легионов по смерти в 14г. Августа (Д.И. 16-19), то речь идёт о 4-х подкомандных А.Щецине легионах Нижней Германии – I-м, V-м, XX-м и XXI-м, к-рые взбунтовались, причём первомятежными и особенно упорными в требованиях были V-й и XXI-й легионы, в то время как 4 верхнерейнских легиона, II-й, III-й, IV-й и XVI-й, под командой Г.Силия, к мятежу выжидательно не присоединились.

Дальше у Светония читаем: «Его с трудом отговорили от этого безумного намеренья, но ничем не могли удержать от желанья казнить хотя бы каждого десятого. И вот, созвав легионеров на сходку безоружных, даже без мечей, он окружил их вооружённую конницей; но заметив, что многие догадываются, в чём дело, и пробираются к своему оружию, чтобы дать отпор, он бежал со сходки и прямо направился в Рим» (48,1/2).

Б.м., Гай и задумал казнить каждого десятого, скажем, из V-го и XXI-го легионов, за бунт 26-летней давности в 40г., когда и прежних-то служивых в рядах войск уже не осталось, что, с одной стороны вызывает сомнения, тогда как с другой, степень прогрессирующей неадекватности сумасброда Калигулы позволяет допустить и такое. Короче, оставим вопрос открытым. Так или иначе, он усмотрел со стороны войска, к к-рому имел претензии, опасность и, трусливо отказавшись в панике от глупой карательной затеи, поспешно проследовал вверх по течению, вдоль левого берега Рейна, к подвергнутому в прошлом году чистке легионам верхнерейнским.

⁶⁸ Светоний: «Не довольствуясь варварскими пленниками и перебежчиками, он отобрал из жителей Галлии самых высоких и, как он говорил, *пригодных для триумфа*, а также некоторых князей: их он приберёт для торжества, заставив не только отрастить и окрасить в рыжий цвет волосы, но даже выучить германский язык и принять варварские имена. Триремы, на к-рых он выходил в Океан, было приказано все доставить в Рим сухим путём. А казнохранителям своим он написал, чтобы триумф они подготовили такой, какого никто не видел, но тратились бы на него как можно меньше, ведь в их распоряжении имущество всего населения» (47).

Светоний (усугубляя гротескный портрет) пишет о его бегстве напрямик со сходки в Рим. Однако, если скомбинировать «Кал. 51,3», где сказано про слух о восстании германцев, при панической Гаевой готовности бежать морем аж в заморские провинции (т.е., понимай, вдоль галльской Атлантики, через Гибралтар, — в Африку, Египет, или Сирию!), и «Гальба 6,3», где говорится, что Гальбе удалось остановить германцев, прорвавшихся до самой Галлии и удостоиться высшей похвалы от Гая, устроив ещё и смотр, в присутствии кесаря, приведённым с осени в лучшее дисциплинарное состояние войскам, то можно умозаключить следующее.

Во-первых, после отъезда Гая из Верхней Германии ближе к концу 39г. в Лугдуну и на весну 40г. Гальба предотвратил вторжение правобережных германцев (хотя прорвались они до самой Галлии и были побеждены-отброшены им уже при Клавдии, что Светонием неправоммерно сводится воедино). А во-вторых, при явлении держащего курс на Италию Калигулы весной 40г. из города Убиев в Монгутиак, здесь были проведены полевые учения, после чего верный императорский командарм Гальба, дополнительно демонстрируя свою непоколебимую лояльность, «пробежал за колесницей императора целых 20 миль» (6,3).

Между тем, сенат в Риме был очень встревожен противоречивыми, нередко взаимоисключающими одно другое распоряжениями кесаря, в условиях растущего глухого недовольства среди высших слоёв общества по его адресу. Он слал победные реляции и единовременно не отменил запрет на чествования сенаторами как его самого (чтобы не выглядеть подчинённым сенату), так и его (скомпрометировавших себя соучастием в заговоре Лепида-Гетулика сестёр). То, вдруг, приказал бросить присланного к нему во главе депутации Клавдия в реку; а то, вдруг, соизволил-снизошёл до предоставления милостивой аудиенции очередному сенатскому посольству. Попробуй разберись, попробуй пойми, — чего он хочет, как вести себя с ним и как не навлечь на себя беду?!

В то же время до находящегося в пути Гая доходили донесения и слухи о, как замечено, симпатиях к его осуждённым-сосланным сёстрам, о недовольстве им, санкционированными им преследованиями и процессами, о насмешках над ним и его «военными подвигами». В ответ он, гневно жалуясь на недостаток почтения к себе, рассвирепел, начал сыпать противосенаторскими угрозами, и в глубокой обиде, инфантильно надув губы, но, по-взрослому, стиснув зубы, отказался от триумфа, в к-ром недоброжелатели будто бы отказали ему из зависти (Кал. 48,2; Дион 59,25,4). Т.е. он и яростно гневался, и исходил ядовитым сарказмом, продолжая ставить соотечественников-подданных в безвыходное положение и ставя перед ними неразрешимые задачи-загадки, от чего получал почти животное удовольствие.

А когда сенаторы прислали к нему коленопреклонённую делегацию, умоляя осчастливить своим скорым прибытием в столицу, как некогда сенат просил о возвращении долго отсутствовавшего (16 — 13гг. до н.э.) Августа, Гай ответил трепещущим посланникам «громовым голосом: «Я приду, да, приду, и со мною — вот кто», и похлопал по рукояти меча, висевшего на поясе» (Кал. 49,1). Не сходно ли в 43г. до н.э., когда сенат медлил сделать 19-летнего (тогда возраст для консула неслыханный!) Октавиана консулом, центурион Корнелий, сжав рукоять висевшего у него на поясе меча, заявил: «Вот кто сделает его консулом, если не сделаете вы».

Далее, вероятно, пересекши границу Италии, Калигула специальным эдиктом объявил, что «возвращается только для тех, кто его желает — для всадников и народа», добавив, что не будет больше для сената ни гражданином, ни принцепсом и запретив кому-либо из сенаторов выходить к нему навстречу (Кал. 49,1/2). Не налицо ли как конъюнктурное стремление политика рассорить сенаторов с всадниками и народом, так и открытый вызов старореспубликанскому нобилитету,

с явной претензией на приоритеты моноархического кесарско-императорского статуса, на единовластный цезаризм.

Не этого ли всячески избегали, не через это ли категорически не переступали, придерживаясь золотой середины августейшего консенсуса *universorum*, «свято» блюдя иллюзию идеального императорско-сенатского двоевластия-дуализма-сожительства — как отец системы Принципата — сам Август, так и верный продолжатель-хранитель его дела и детища — Тиберий.

И так, запретив встречу своего кесарского величества сенатом, Гай не спешил вступать в собственно Рим. В конце мая и в начале июня, 29.05. и 1.06.40г., он, магистр Арвальских братьев, участвовал в жертвоприношении жреческой коллегии в святилище, расположенном на *via Campana*, в 7-и км от Города (CIL 6,2030; 15,32347,15) (Р.л. 900).

12 Арвальских братьев считались-почитались (сводными) братьями первого римского царя Ромула (к-рого, вместе с Рэмом, взрастили их отец и мать — пастух Фаустул и его жена Акка Ларенция). И это в сложившейся ситуации стало своеобразной калигулианской манифестацией приверженности царизму, грозящей (чем-то, мягко говоря, крайне нехорошим) республиканскому сенату, триумфом со стороны к-рого он пренебрёг, чтобы вступить в Рим с декретированной ему в прошлом году оvationей, но не раньше 31.08., времяпрепроводительно обретаясь перед тем в окрестностях Вечного Города, в Лациуме и в Кампании.

Сим Калигула вызывающе попирает как старательно выверенный фасад, так и саму систему Августа, с её мирной уравновешенной коэкзистенцией (двух половин) принцепса-кесаря и сената, что не могло в итоге не привести его, постепенно терявшего поддержку и у прочих, помимо высшего, слоёв населения, к бесславной гибели.

КАЛИГУЛИАНСКИЙ КУРАЖ

Где-то именно в мае/июне 40г. делегация александрийских иудеев, возглавляемая Филоном, видела Гая «у Тибра, на равнине (он как раз выходил из садов, оставленных ему матерью...») («Пр. Флакка» 28). Он ответил на их приветствие и выслал к ним начальника посольской службы, к-рый сказал, согласно Филону, — «мол, самодержец сам выслушает вас при удобном случае» (28). Потом посланники проследовали «за Гаем до Дикеархеи (Путеоли), где он, спустившись к морю, проводил время то в той, то в этой из многочисленных и роскошных своих вилл...» (29). Однако, в итоге делегатам пришлось ждать императорской аудиенции, состоявшейся в одном из поместий, в садах Мecenата и Ламии, близ Рима (44), аж до осени 40г. (Р.л. 900-10).

Причём речь идёт однозначно о 40-м г. н.э., хотя, например, Вильрих (Клио 3, 410,1) и за ним Гельцер (S.397-401) грубо ошибочно относят путь еврейско-александрийских посланников в Италию на зиму 38/39-го и, соответственно, их (уни-зительный) приём Гаем на 39г. н.э., что, по правде сказать, опровергается элементарно. На момент нахождения делегатов в Италии, их долгого следования за Калигулой и, в конце концов, неудачной для них аудиенции, т.н. германский (вкуче с т.н британским) поход и пребывание Гая в Галлии, согласно Филону (44/45), уже позади.

Посему еврейско-александрийские делегаты вышли в море, «в (как говорит Филон) середине зимы» никак не 38/39-го, а именно 39/40г., прибыв в Италию не ранее весны 40г. (когда, т.е. в 40г., им стало известно в Италии ещё и о намерении Калигулы поставить статую Гая-Зевса Новоявленного в Иерусалимском храме, о

чём Гай распорядился не ранее второй половины прошлого 39г., и о чём, следовательно, посланники, никоим образом, не могли знать-узнать зимой 38/39гг.). Удостоились же они беседы с императором, к-рый раз за разом издевательски откладывал аудиенцию (ведя в то время переписку с Петронием относительно установления кесарской статуи в Иерусалимском святилище), лишь сентябрьско/октябрьской осенью 40г.

При всём том, в 40г. притязние Калигулы на то, чтобы быть манифестацией всех богов и богинь, требование от окружающих проскинесиса с падением ниц перед императором и целованием его ног или рук (или пола перед ногами), что первым из римлян, подав пример прочим лизоблюдам, проделал летом 39г. Вителлий (см. выше), сделалось неприемлемым уже не только для иудеев, но и для римлян.

И пусть в Риме существовал, вероятно, с 38/39гг. храм *pupini* Гая, в к-ром приносились экзотические жертвы павлинами, фламинго, цесарками, это ещё не перечило римской традиции. Ныне же Калигула лелеял сооружение посвящённого персонально его универсальному божеству храма (Плиний 35,18; Павсаний 9,27,3; Дион 59,28) (см. ниже), строительство к-рого начнётся по его вступлении в Рим, что для римлян, никогда не почитавших, в отличие от привычного к тому Востока, в живых правителях богов (в каком качестве Риму, скажем снова, не навязывали себя ни конскрированные посмертно Цезарь и Август, ни Тиберий), было чересчур, было за гранью.

Гай воспритязал на куда большее, нежели культ кесаря, являясь окружающим в облачениях различных богов и богинь, эксцентрично переживая себя (на всеобщее обозрение) как их, независимо от пола, проявление, и крайне болезненно реагируя на непризнание в нём (старшего брата) Юпитера или Венеры, Изиды или Осириса, Аполлона или Меркурия со стороны представителей именно высших слоёв общества, тогда как вера или неверие в его рафинированную божественность недоросших-де до её восприятия простолюдинов-ватников императора мало интересовали.

К примеру, если безграмотный галльский сапожник, усмешливо не поверивший в Гаеву юпитеральность, наказания избежал (Дион 59,27,6), дескать, с дремучего невежды взятки гладки, то трагик Аеллес, как мы помним, подвергся бичеванию и заточению, помедлив признать в Гае больше величия, чем в Юпитере, а Вителлий (к-рого Гай отозвал из Сирии, намереваясь казнить), воздав ему желанное идолопоклонство, оказался в числе привилегированных фаворитов.

В 40г. Гаем — как *Аполлоном* — была расширена на два милиария территория храмового убежища при святилище Дидимийского Аполлона в Милете (провинция Азия), строительство к-рого ещё раньше он велел завершить. Правда, тут, в Азии, он выступил продолжателем традиции Августа, к-рый имел соответствующий храм в азийском Пергамоне, и Тиберия, к-рому был посвящён храм в азийской Смирне, никого подобными притязаниями не шокируя, в то время как Рим перед лицом прижизненного превращения принцепса (первый среди равных) в натуральное божество (о двух ходячих ногах), да ещё в облике всех богов и богинь, (минимум) застыл в нерешительности.

Не притязал ли принявший, о чём мы знаем, основательное оккультное посвящение Гай, в своём духовном помрачении, на универсальный статус и ранг *бога богов и царя царей*, или *ВсеБога Сотера*, о К-ром, как и о Тайнстве Голгофы, он не ведал на интеллектуальном уровне. И Которые, т.е. Христос Спаситель и Его Мистерия, тем не менее, не давали ему покоя на уровне (анти)духовном, не давали покоя в мире (анти)духа, где его неприкаянная душа, по вине его декадентных посвящений, плутала в прижизненных муках ужасающего *кесарева безумия* вслепую.

Если, например, у Дионисия Ареопагита воспринятое им в египетском солярном Гелиополе 3.04.33г. солнечное затмение/затемнение, случившееся в день Мистерии

Голгофы, вызвало духовное потрясение, обусловившее его последующее обращение и крещение, то у деградантно посвящённого-опрокинутого в выродившийся оккультизм Калигулы (больная душа к-рого, встретившись, при посвящении, со Христом в духовном мире, оттолкнула Его от себя, о чём, возвратившись в тело, забыла) смутное ощущение наличия одновременно с ним во вселенной Бога Истинного, Кто был его конкурентом, вызывало, сводя его с ума, жгучую ненависть.

И всё-таки, он всё ещё пользовался до лета 40г. (понемногу убывающей) популярностью у плебса, к-рому даровал зрелища, при вызывавших недовольство перебоих с хлебом, и у солдат, к-рых щедро одаривал, покупая их лояльность-преданность выкачиваемыми из имущих и не столь имущих (слоёв населения) конфискационными и налоговыми средствами.

Притом и репрессии с конфискациями, и всевозможные, включая самые нелепые, налоги постоянно росли, а средства всё быстрее таяли, пока на протяжении всего лета 40г. неугомонный Гай куражился на альбанских виллах, на оз. Неми, или в месте своего рождения – Анции, куда вроде бы мечтал перенести столицу, выбирая между Анцием и Александрией (в к-рую он, по стопам Антония и Августа, собирался), или в своей излюбленной приморской Кампании.

Светоний: «К царю озера Неми, к-рый был жрецом уже много лет, он подослал более сильного соперника» (Кал. 35,3). При кратерном оз. Неми, в усеянных богатými виллами римской знати Альбанских горах, в священной дубраве располагалось древнее святилище Дианы, жречество в к-ром отправлял, по старинной ритуальной традиции, беглый раб-преступник, обязанный для облечения оногo одолеть в смертельном поединке своего предшественника.

Но, вероятно, со дней августейшего либерализма, этот ритуал перестал практически действовать, и на 40г. в жречестве при святилище Дианы, видимо, со дней Августа, подвизался старик, к-рому, по принципатовским лекалам, предстояло мирно дожить долгую жизнь, что взбило-взмывило-взбесило Гая – очередной кураж с жадной крови! И он, так сказать, возродил старинный обычай, в результате чего, старый многолетний жрец пал в бою жертвой своего преемника, чему Гай с камарильей, вдосталь насладившись неравным поединком, шумно порадовались.

Кстати, построенные Калигулой два роскошных судна для плавания и времяпрепровождения на оз. Неми затем использовались, без изменения функций, Нероном, после чего, неизвестно когда и при каких именно обстоятельствах, оказались, пришедшие в негодность, разграбленные и ветхие, под водой. Оттуда их безуспешно пытались извлечь-поднять на поверхность тяготевшие в эпоху Ренессанса к античности папы и кардиналы XV/XVIвв., что удалось лишь в XXв. усилиями (1927 – 32г.) тоже очень интересовавшегося великоримской древностью Муссолини. Ан, увы, поднятые со дна, отреставрированные и музейно выставленные два калигулианских судна погибли в огне боёв у оз. Неми в годы Второй Мировой войны.

Между тем, озёрными плаваниями на двух судах прогулочно-развлекательные мероприятия-предприятия лета 40г. не исчерпывались. «Он (Гай) построил либурнские галеры в 10 рядов вёсел (вспомним плавучие крепости Антония в сражении у мыса Акций!), с жемчужной кормой, с разноцветными парусами, с огромными купальнями, портиками, пиршественными покоями, даже с виноградниками и плодовыми садами всякого рода: пируя в них средь бела дня, он под музыку и пенье плавал вдоль побережья Кампании. Сооружая виллы и загородные дома, он забывал про всякий здравый смысл, стараясь лишь в том, чтобы построить то, что построить казалось невозможно. И оттого поднимались плотины в глубоком и бурном море, в кремневых утёсах прорубались проходы, долины насыпями возвышались до гор, и горы, перекопанные, сравнивались с землёй, – и всё это с невероятной быстротой, потому что за промедление платились жизнью...» (Кал. 37,2/3)

Разумеется, тут речь о купных Гаевых художествах 38 – 40гг., но мы делаем сейчас упор именно на 40-м г. н.э., когда Гай слишком активно отдыхал в Италии, вне Рима, не забывая о, в его понимании, делах и зорко следя за ситуацией в Риме, по своём будто бы победоносном весеннем возвращении из заиталийских кампаний, плюс – инспекции, якобы приведших: к покорности Германии! к дальнейшему процветанию Галлии! к невиданному покорению Британии!

И именно в 40г. обложение непомерными налогами и пошлинами, к-рые теперь взимались даже не откупщиками, но преторианскими центурионами и войсковыми трибунами, всего и вся – торговых лавок, ремесленнических артелей, носильщиков паланкинов, игроков в кости, проституток и т.д., резко снизило ранее, несмотря ни на что, достаточно высокую популярность, пусть уже не «куколки» и не «голубчика», Гая, в т.ч., у весьма падкого на зрелища и раздачи простонародья.

Ведь, если репрессии и конфискации, необходимость покупки должностей или жрецеств, необходимость делания дорогих подарков и добровольно-обязательных пожертвований касались элиты и богачей, то налоги на всё и вся били, в первую очередь, по римскому люду, к-рый начал стонать под ними, к-рый начал роптать против них.

Светоний: «Поистине не было человека, такого безродного и такого убогого, к-рого он ни постарался бы обездолить» (Кал. 35,3). Более того, на недовольство и требования отмены или снижения непосильного налогового бремени, к-рые простой народ несколько раз бурно высказывал в цирке, власть отвечала либо откровенными издевательствами (Кал. 26,5), убирая навес над зрителями во время несносной жары, либо прямым вмешательством солдат и кровопусканием-кровопролитием (Дион 59,28,11). Не случайно первое, что сделали консулы после убийства Гая, пообещали специальным эдиктом отменить эти ненавистные налоги, что Клавдий тотчас по приходе к власти и исполнил (Дион 60,4,1).

Калигула всё поставил на службу исключительно своему *эго*, своим инстинктам и сиюминутным порывам-пожеланиям, не думая о последствиях, не просчитывая, да и не умея просчитывать шаги и ходы вперёд. Он вёл себя с римлянами, как повелитель с рабами, толкуя Принципат как даже не столько плавную вертикально-диагональную египетскую пирамиду, созданную Августом и сохранённую Тиберием, сколько как абсолютную вертикаль под прямым углом, к-рую фараонски венчает тождественный принцепсу непогрешимый владыка-кесарь (кто суть *царь царей* и *бог богов*).

Одной из ахиллесовых пят августейшего принципата, помимо отсутствия механизма преемственности власти, была его заикленность на персоне принцепса, была его затёсанность на кесаря, от к-рого, от воли или произвола к-рого зависело абсолютно всё, в частности, обращение с т.н. конституцией экзистенции Рима по собственному усмотрению. И вот стоило режиму Принципата споткнуться на принцепсе-кесаре в лице Калигулы, у к-рого, в отличие от Августа или Тиберия, не хватало ни ума, ни такта сохранять минимум видимость дуализма-двоевластия с сенатом-парламентом, как всё, медленно сползая вниз уже при не удержавшемся от свирепой тирании Тиберии, понеслось по наклонной во весь опор.

А сам Гай, что важно отметить, не отменил или не успел или не пожелал отменить ни одно из консенсуально-принципатовских положений де-юре, отправляя и цинично притязая на абсолютную монархию в толкуемых им таким образом форматах системы Принципата де-факто. Система, точнее, её цезаристская по содержанию и августейшая по форме модель, сама, являясь далеко не совершенной (и наряду с тем, безальтернативной для империяльного Рима I/IIвв.), предполагала всегда чреватое своей неподконтрольностью полновластие кесаря-принцепса, будучи полностью зависимой от его личности-персоны, от его достоинств или недостатков.

К тому же, если на первых порах, до 38г., гос. дела вёл с Гаем или, скорее, за него, поскольку у гедониста Гая не было на них времени, принимая взвешенные решения, поднаторевший на гос. службе Макрон, то, по устранении Макрона, с 38-го и особенно с 39гг., его влиятельное место возле лишившего двух (в рамках созданной Августом дуалистической преторианской префектуры) его преемников (М.Аррецин Климент и Л.Аррунций Стелла) политического влияния императора, к-рому, чем дальше, тем больше сносило крышу, заняли сомнительные авантюристы-вольноотпущенники.

Среди них – прожжённый александрийский интриган Геликон, к-рого поделом клеймит Филон, и иные влиятельные александрийцы (тёмного греко-египетского происхождения), чьих имён мы не знаем. Далее – рвачи и хапуги – Каллист и Нарцисс, к-рые ещё развернутся при Клавдии, и др., одним словом, – неведомая преждему Риму придворная камарилья.

ЗАГОВОР ПАПИНИЯ И ЦЕРИАЛИЯ

31 августа 40г. н.э., в день своего (7 x 4) 28-летия (возраст, достигнутый Иисусом Нафанидом 25.12.29г. – перед Его иорданским Крещением в день 30-летия Иисуса Соломонида 6.01.30г.), нагулявшийся-насладившийся за три летних месяца лихорадочной жизнью, со всеми излишествами, на просторах от окрестностей Рима до Кампании, Калигула (при действующем запрете отцам-сенаторам выходить ему навстречу, при отменённом или отсроченном триумфе, к-рый остался под вопросом) только с овацией, но всё равно с великой pompой вступил в Рим (Кал. 49).

И если сенат, по Диону (59,25,5), он (запретивший сенаторам себя чествовать), разноречивый «бог богов», чуть было не истребил за «неутверждение ему божеских почестей», то т.н. великодушно-жестиккулярным приветствием с его стороны (в пику сенату) простого народа стало долгое, на, как уверяет Светоний, протяжении дней, бросание в толпу золотых и серебряных монет (монетный дождь) с Юлиевой базилики: «...деньги в немалом количестве он бросал в народ с крыши Юлиевой базилики несколько дней подряд» (37,1).

А Дион (59,25,5) явно наговаривает на Калигулу, уверяя, что при этом многие в толпе нашли смерть, поскольку «он смешал с монетами маленькие кусочки железа». Спрашивается, почему многие должны были погибнуть от (понимай – нанесения увечий) «маленькими (с монеты) кусочками железа», не погибая одновременно от монет металлических? Такая картина не воспроизводится. Иное дело, что люди вполне могли погибнуть в (*ходьинской*) давке за монетно-царскими милостями-подачками.

Так или иначе, обиженную грабительскими налогами простонародную толпу не очень удалось умиловить-ублажить обернувшейся давкой и смертями монетной раздачей. А для знати сумасбродный император сделался ещё ненавистней не только, кроме всего прочего, ультимативным требованием для себя божеских почестей, обострившим его конфликт с сенатом, не только тем, что он отнял, вероятно, именно тогда «у всех знатнейших мужей древние знаки родового достоинства – у Торквата – ожерелье, у Цинцината – золотую прядь, у Гн.Помпея из старинного рода – прозвище Великого»⁶⁹ (Кал. 35), но и санкцией на предоставление рабам,

⁶⁹ Когномен «Торкват» – *ожерелье*, носили потомки Т.Манлия Империзоа Торквата (диктатор 353 и 349гг.; конс. 347, 344, 340гг.), к-рый, героически одолев в поединке, в ходе войны римлян с галлами, в 361г., кельтского вождя (Голиаф!), снял с поверженного врага драгоценное ожерелье (*torquis*). Собственно Манлии Торкваты иссякли в IV до н.э. с их последним – дружным Горацию – представителем, чей преномен неизвестен, после 20г. до

помимо вольной, за оправданные доносы на своих господ (И.д. 19,1,2), 1/8 от их конфискованного имущества, из-за чего рабское доношительство приобрело невиданные размеры.

И ясно, что в ситуации значительного увеличения числа процессов об оскорблении величия/величества (обвинения в чём, по доносу раба, не избежал, в т.ч, с трудом оправдавшийся-откупившийся дядя кесаря – Клавдий), в сентябре 40г., т.е. спустя год после заговора Лепида-Гетулика, возник очередной заговор против Калигулы.

В заговоре участвовали сын сенатора и консула 36г. Папиния Алления – С.Папиний (мать к-рого была в 36г. выслана из Рима сроком на 10 лет – до повзрсления её младшего сына, после самоубийства старшего, к-рого она сексуально домогалась) (см. выше), его приёмный (адоптивный) отец – Аниций К(Ц)ериалий, кесарский квестор – Бетилиен Басс, плюс – какие-то ближе неизвестные сенаторы и всадники.

Конкретные цели, по всей видимости, убийство-устранение Гая (кого-де дольше нельзя-невозможно терпеть) и подробности этого заговора, из-за скудной и отчасти противоречивой информации античных источников, неясны. Однако, согласно (ретроспективному) Тациту (Ан. 16,17), заговорщиков выдал, т.е. Калигула (сходно прецеденту с Гетуликом-Лепидом) заблаговременно узнал о заговоре и принял меры, (покончивший с собой в ббг., при Нероне) Цериал(ий); согласно Диону (59,26,5б) от Зонары (11,6), – Папиний.

Как бы то ни было, в садах Ватикана донельзя взвинченный Гай, в присутствии сенаторов, своей жены Цезонии и матрон, наслаждался пытками. Повторим то, о чём уже говорилось выше, и продолжим. «Своего квестора – пишет Светоний (Кал. 26,2) – он велел бичевать, сорвав с него одежду и бросив под ноги солдатам, чтобы тем было на что опираться, нанося удары». Принуждённый смотреть на муки сына отец Басса, прокуратор Augusti Бетилиен Капитон, попросил позволения закрыть глаза и был казнён. Ночью главным заговорщикам, в их числе трём сенаторам, отрубили головы (Сенека «Диал.» 5,19,2; Свет. «Кал.» 26,3), чем Гай с Цезонией и матронами любовались.

У Сенеки находим: «Только недавно Гай Цезарь сёк розгами и пытал Секста

н.э. Но они находились в родстве с Юниями Силанами, репрезентанты к-рых и стали наследниками-носителями когномена *Torquatus*: М.Силан Торкват – конс. 19г. н.э.; его сыновья – М.Силан (конс. 46г.), Л.Силан (зять Клавдия, обручённый с его малолетней дочерью Октавией и покончивший с собой, из-за ненависти Агриппины, в 49г.), Д.Силан Торкват – конс. 53г. н.э., и племянник последнего – Л.Силан Торкват – конс. 65г. н.э. (сын правнука Августа М.Силана – консула 46г. н.э.). Вот кого, т.е. консула 19г. н.э. и его сыновей, Калигула лишил, в его истолковании, чересчур амбициозно-претенциозного, в условиях калигулианской теократии, когномена «Торкват», возвращённого позднее Силанам Клавдием.

Л.Квинкий Цинцинат (прозвище к-рого означает – *кудрявый*; *курчавый*) – конс.-суф. 460г. до н.э., диктатор 458 и 439гг., образец римской добродетели и простоты, призванный от плуга в диктаторы в 458г., чтобы прийти на помощь окружённому эквами в Алгиде воинству Л.Минucia Эсквилина, что он и сделал, принудив эквов к капитуляции, триумфовав и сложив диктатуру на 16-й день от её принятия. На 40г. н.э. прославленный когномен «Цинцинат», вызвавший неприятие озлобленного на именитых римлян первого сословия Калигулы, видимо, носил ближе неизвестный сын консула 2г. н.э. Т.Квинкия Криспина (Валериана).

Имя Гн.Помпея Магна (прозвище к-рого, присвоенное Помпею, победителю Митридата и покорителю Востока, означает – *Великий*), парадно носил в 40г. приёмный сын давшего ему это имя адоптивного отца М.Лициния Красса Фруги (конс. 27г.) и Скрибонии (дочери консула 16г. н.э. Скрибония Либона, восходившей по материнской линии к дочери Помпея Великого), к-рый при Клавдии, в 41г., женится на его дочери от второго брака (с Элией Петиной) Антонии и будет убит пройсками Мессалины в 47г. (см. ниже). Почему ношение кем-либо полностью дублирующего имя (*tria nomina*) визави Цезаря Помпея (Магна) имени, да ещё с претензией на «величие», было при Г.Цезаре (= Калигуле) неприемлемо, объяснять излишне.

Папиния, чей отец был консулом, и Бетилиена Басса, своего собственного квестора и сына прокуратора, и др. римских сенаторов и всадников, всех в один день, — и не для того, чтобы получить сведения, но для развлечения. Затем он был нетерпелив с отсрочкой своего удовольствия — удовольствия столь великого, что его жестокость беспрестанно требовала его, что обезглавил некоторых из своих жертв при свете светильников, в то время как сам прогуливался с некоторыми знатными женщинами и сенаторами на террасе садов своей матери, к-рая идёт между портиками к реке» (De ira 3,18,1).

Согласно Зонаре, Капитон перед смертью вызвался назвать имена всех участников Komplota, и то ли, чтобы спасти себя и сына, то ли, чтобы забрать с собой на тот свет самых близких Калигуле людей, то ли, чтобы ужаснуть Калигулу и заставить его остановиться-задуматься-одуматься, назвал: и двух преторианских префектов — М.Аррецина Клемента и Л.Аррунция Стеллу, и влиятельного Гаева вольноотпущенника Каллиста, к-рый, богатея за счёт грабительских конфискаций, подстрекал императора к репрессиям⁷⁰, и даже якобы посвящённую в заговорщические планы Цезонию.

Всё это, действительно, настолько повергло Гаю в ужас, что он отозвал оговоренных Капитоном Каллиста и обоих префектов в сторону, начал в истерике поносить их, сообразно Диону (59,25,7/8) от Зонары (11,6), самыми жестокими словами, обнажил перед ними «меч с клятвой, что готов умереть, если даже в их глазах он достоин смерти, и с тех пор не переставал обвинять их друг перед другом и ссорить» (Кал. 56,1), мало того, повадился в страхе носить, вопреки традиции и запрету, меч на поясе в Городе.

CAESAR DEUS NOSTER

Вместе с тем, в ближайшие дни Калигула заявил в сенате, к-рому сам велел примирительно собраться, что удовлетворён и гневается на очень немногих. Старейшины замерли в тревожном ожидании грозы, не зная над кем она разразится на сей раз. Внезапно вольноотпущенник Гаю Протоген, «споспешник императора во всех его самых жестоких делах» (Дион 59,26,1/2) (Ювенал 3,120,1), к-рый носил с собой две тетрадки, под названиями «Меч» и «Кинжал», со списками лиц подлежащих экзекуции, в ответ на приветствие в его адрес сенатора Скрибония Прокула, воскликнул: «И ты, ненавистник императора, приветствуешь меня!». После этого Скрибоний подвергся стремительной атаке верноподданных отцов нации и растерзанию прямо в курии, с последующей передачей трупа для глумления придворной челяди и наглядного предъявления изувеченных останков Гаю (Кал. 28) (см. выше).

Затем последовало официальное заявление удовлетворённого свирепой холуйской расправой Гаю о его полном примирении с сенатом, на что благодарные отцы-сенаторы, наверняка прослезившись, постановили, «что император должен сидеть на возвышении даже в самом здании сената, чтобы восперпятствовать любому приближению к нему, и даже там должен иметь вооружённую охрану; они, кроме того, постановили, что и статуи его должны охраняться» (Дион 59,26,3).

Более того, именно сейчас изо всех сил демонстрирующим свою верность-лояльность кесарю раболепным сенатом было принято постановление о воздании

⁷⁰ Дочь заступившегося в 39г. за Домиция Афру Каллиста, Нимфидия, была одной из пассий Гаю. Медик Скрибоний Ларг посвятил Каллисту книгу врачебных рецептов «De compositionibus medicamentorum». О Каллистовых богатстве и расточительности говорит Плиний (33,134; 36,60); о его заносчивости и самонадеянности — Сенека (Ep.47,9).

божеских почестей (невоздание к-рых Гай, вступив в Рим, сенату гневно инкриминировал) и о сооружении впервые в истории (во всяком случае, республиканского) Рима святилища персональному божеству – *Caesar Deus noster* – (бога богов и царя царей) Калигулы, с жречеством, ритуалами, жертвоприношениями и т.д. (см.ср. Сенека «Диалоги» 9,14,9; Свет. «Кал.» 22, Дион 59,26,5; 59,28,2).⁷¹

В ответ, вернее, ответным жестом, Гай (к-рый как бы в обмен на заключение мира с сенатом, вырвал у республиканских сенаторов признание своей абсолютистской теократии) помиловал обвинённого в оскорблении величия, насколько можно судить, преклоннолетнего сенатора и (облекавшего консульство-суф. неизвестно в каком году) консуляра, к-рого Сенека («О благодеяниях» 2,12) кличет Помпеем Пенном⁷², Флавий – Помпедием (И.д. 19,1,5), а Дион – Помпонием (59,26,4).

Если, по Диону, этот Помпониий готовил покушение на кесаря и был выдан другом, во что мало верится, ибо, в случае реальной подготовки покушения, Калигула не смягчился бы до помилования, то по версии Флавия, на «имевшего ранг сенатора и прошедшего почти все общественные должности» Помпедия, – «эпикурейца, ведшего праздный образ жизни», донёс его враг Тимидий, «будто он позволял себе неприличные отзывы о Гае», во что верится больше.

И Тимидий ещё призвал в свидетельницы любовницу Помпония – красавицу-актрису Квинтилию, кто отказалась лжесвидетельствовать против возлюбленного, была, по требованию Тимидия и велением пришедшего в исступление Гая, подвергнута жестокой пытке, что пришлось проделать пытавшему её против воли преторианскому трибуну Кассию Херее. Но всё равно никаких признательных показаний на Помпония она не дала.

В итоге умиротворённый Гай, поражённый, как и все прочие, стойкостью истерзанной Квинтилии, проникшись жалостью к ней (такого рода тираны сентиментальны), а главное, надо понимать, уверившись в невинности обоих, оправдал-отпустил их и даже распорядился о щедрой денежной компенсации – «в утешение за испытанные страдания и в награду за выказанную стойкость» (И.д. 19,1,5).

Впрочем, согласно Сенеке, милость оказалась с громадным для римского гражданина, уж не говоря о сенаторе и консуляре, унижительным изъяном и с двойным

⁷¹ Если по Сенеке, культовое имя Гая – *Caesar Deus noster*, то по Светонию (Кал.22) и Диону (59,28,5-8), – *Caesar Optimus Maximus*, или *Iupiter Latiaris*. Стоит ли сомневаться, что манифестировавший себя как кульминационный бог всех богов и герой всех героев, «сверхчеловек» Гай, притязал на все культовые имена! с храмами на и во имя своё – как на Палатине, так и на Капитолии, с вступлением божественного императора в божественное семейство, что выразилось обратством с Юпитером, браком с Луной, превращением капитолийского храма Кастора и Поллукса, к-рые стали Гаевыми привратниками, в вестибюль императорского дворца, дальнейшим переселением Юпитера в Палатинский дворец кесаря и т.д. и т.п. Притом Калигула сам сделался верховным жрецом своего божества, включив в жреческую коллегия Цезонию, Клавдия и виднейших сенаторов, обязанных приобрести это жречество за весьма внушительные денежные суммы, к-рые некоторых, например, дядюшку Клавдия, разорили или довели до крайней бедности.

⁷² Этот Помпей, носитель специфического когномена Пенн (*крыло; перо*), не идентичен, вопреки мнению некоторых, правнуку тётки Августа Атии, дружному Германику, Овидию и Валерию Максиму – С.Помпею – консулу 14г. н.э., к-рый умер ок. 32/33гг., и, м.б., сына к-рого приходивший ему (неведомо через кого) родственником Гай, из-за его богатства, ещё в 39г. заманил, согласно Сенеке («О душевном покое» 10,11), к себе в гости, где уморил, лишив свободы и пищи, голодом, после чего устроил родственному покойнику гос. похороны и преспокойно завладел его (унаследованным) состоянием (Р.л. 1294/95). Или речь должно вести о (ближе неизвестном) потомке младшего сына Гн.Помпея – (сицилийского пирата) Секста (+ 35г. до н.э.), женатого на племяннице Скрибонии – доливянской жены Октавиана и матери единственного ребёнка Августа – Юлии (+ 14г. н.э.) – матери Агриппины и бабки Гая.

дном, поскольку на принесение искренней-горячей благодарности стариком Помпеем, Калигула милостиво-снисходительно протянул ему, по подобию восточных деспотов, для поцелуя даже не руку, но неприлично обутую в усыпанный золотом и жемчугами лёгкий женский башмак (даже не правую, но) левую ногу.⁷³

Сенека: «Кесарь Калигула подарил жизнь Помпею Пенну, если можно так сказать про того, кто только не отнимает; и затем, после освобождения, когда тот благодарил его, протянул для поцелуя левую ногу. Те, к-рые оправдывают этот поступок и утверждают, что он был сделан не по высокомерию, говорят, что Гай имел желание показать позлащённый, или, вернее, золотой башмак, изукрашенный жемчугом. Итак, продолжают они, что же, в самом деле, унижительного, если консуляр, не находя для поцелуя более чистого места на всём теле, поцеловал золото и жемчуг? Человек, рождённый на то, чтобы обычаи свободного государства заменить персидским деспотизмом, не придавал значения тому, что престарелый сенатор, несмотря на свои заслуги, на виду сенаторов умолял его, повергшись таким образом, как повергались побеждённые неприятели пред своими врагами: он ниже колен нашёл нечто такое, чем мог попить достоинство свободного человека. Не значит ли это попить государство — и притом (как заметит иной, ибо и это может относиться к делу) попить левой ногой? Ещё было бы небольшим проявлением постыдной и наглай надменности со стороны императора — в лёгкой обуви слушать уголовный процесс бывшего консула, если бы он не поднёс своей подошвы к лицу сенатора» («О благодеяниях» 2,12).⁷⁴

АРЛЕКИН НА ТРОНЕ

В том же сентябре 40г. «божественный» Гай положил свою не достигшую годовалого возраста дочь Юлию Друзиллу на колени храмовой статуи Юпитера Капитолийского (Дион 59,28,7), пронёс её «по храмам всех богинь и, наконец, возложил на лоно Минервы, поручив божествам растить её и вскармливать» (Свет. «Кал.» 25,4). И вдобавок к требовавшимся им со времени рождения дочери (в начале года в Галлии) приношений на её воспитание и приданое, теперь он заранее объявил эдиктом (Кал. 42), что на Новый год ждёт щедрых подарков для неё и для себя с Цезонией, в отношении к-рой, к слову, «не раз грозился, что уж дознается от своей милой Цезонии хотя бы под пыткой, почему он так её любит» (Кал. 33).

Светоний: «Одежда, обувь и остальной его обычный наряд был недостоин не только римлянина и не только гражданина, но и просто мужчины и даже человека. Часто он выходил к народу в цветных, шитых жемчугом накидках, с рукавами и запястьями, иногда в шелках и женских покрывалах, обутый то в сандалиии или котурны, то в солдатские сапоги, а то и в женские туфли; много раз он появлялся с позолоченной бородой, держа в руке молнию, или трезубец, или жезл — знаки богов, — или даже в облачении Венеры. Триумфальное одеяние он носил постоянно даже до своего похода, а иногда надевал панцирь Александра Великого, добытый из его гробницы» (Кал. 52).

И, следует думать, именно осенью 40г. «божественному» Калигуле взбрело в голову отправить приказ балканско-кесарскому легату трёх провинций П.Меммию

⁷³ Единовременно, протягивая сенаторам (или всадникам) для поцелуя руку или ногу, он целовался (как с равными) с актёрами (Дион 59,27,1).

⁷⁴ У римлян было принято являться в общественные места в сапогах (calceati). Гай же (незвизрая на своё ласково данное ему рейнскими легионами детское прозвище — Калигула — «сапожок») явился, футуристически попирая все нормы («пощёчина общественному вкусу»), на суд даже не в лёгкой домашней, но в женской обуви.

Регулу о транспортировке из Греции в Рим гигантской статуи (золото и слоновая кость) Зевса Олимпийского работы Фидия. С намерением, надо полагать, заменить на этой статуе, по её прибытии в Рим, при её установлении в Риме (на Палатине или Капитолии, вернее, между Капитолием и Палатином, где, судя по всему, универсально объединяя республиканский Капитолий и императорский Палатин, располагалось святилище универсального «бога богов», «кесаря кесарей» и «принцепса принцепсов» Гая), голову Зевса на свою. (См. ср. сродственный инфантильно-экзальтированный калигулианский приказ сирийскому легату Петронию об установлении статуи Гая-Зевса Новоявленного в Иерусалимском храме.)

А Меммий, со своей стороны, будучи не в силах (и, по всему, не желая) выполнить (чреватый волнениями местного населения) приказ, отписал кесарю, что статуя, по заключению компетентных экспертов, совершенно нетранспортабельна.

Хотя такова версия ошибочно называющего Меммия Манлием Регулом Флавия (И.д. 19,1,1). У Светония – статуя Юпитера в Олимпии, «к-рую он (Калигула) приказал разобрать и перевезти в Рим, разразилась вдруг таким раскатом хохота, что машины затряслись, а работники разбежались» (Кал. 57).⁷⁵ У Диона – специально построенный для перевозки статуи корабль был разрушен ударом молнии (59,28,3/4) (Т.Г. 612/13). И сходно везучему Петронию, Меммий избежал гибели лишь благодаря убийственному концу бесноватого деспота в январе 41г.

В сентябре/октябре 40г. Гай «провёл три или четыре дня» в своих поместьях (сады Мecenата и Ламии) ок. Рима, где, как читатель уже знает, в конце концов, принял и ожидавших высочайшей аудиенции с весны александрийских иудеев, во главе с Филоном, и их греко-египетско-александрийских антагонистов, во главе с Апионом («Пос. к Гаю» 44/45) (Р.л. 907-09) (см. выше).

Не добившись поставленной цели – восстановления, защиты и гарантии гражданских прав иудеев Александрии, посланцы Диаспоры, к-рые, разумеется, являясь иудеями, не могли, в отличие от их языческих оппонентов, принять божественную природу Гая, к счастью для себя, не лишились, имея дело со смягчившимся после сентябрьских событий в Риме императором, головы.

Причём, заканчивая приём, Калигула, смягчившись и по отношению к ним, изрёк (свои знаменательные вышепротитированные нами слова, к-рые стоит привести снова): «Мне кажется, что эти люди скорее несчастны, чем порочны, и лишь по неразумению не верят, что я божественной природы». И с этими словами – пишет Филон (45) – он удалился, велел уйти и нам».

В октябре же Гай отдался цирковым зрелищам и скачкам, на к-рых в каждом заезде участвовали 4 колесницы с одетыми в белое, зелёное, красное и синее возницами, из к-рых наиболее влиятельными партиями были «синие» и «зелёные». «В цирке он был так привержен и привязан к партии «зелёных», что много раз и обедал в конюшнях, и ночевал, а вознице Евтиху⁷⁶ после какой-то пирушки дал в подарок 2 млн. сестерциев. Своего коня Быстроногого он так оберегал от всякого беспокойства, что каждый раз накануне скачек посылал солдат наводить тишину по соседству; он не только сделал ему конюшню из мрамора и ясли из слоновой кости, не только дал пурпурные покрывала и жемчужные ожерелья, но даже отвёл ему дворец с прислугой и утварью, куда от его имени приглашал и охотно принимал гостей; говорят, он даже собирался сделать его консулом» (Свет. «Кал.» 55,2/3).

Насчёт калигулианского намерения сделать коня Быстроногого консулом, сходно высказывается также Дион (59,14,7). Конечно, это сарказм, ядовитая насмешка Калигулы над свадебно-генеральским консульским достоинством, вперемешку с

⁷⁵ Светоний говорит об этом, перечисляя предзнаменования, возвестившие гибель Калигулы, т.е. разумет время ближе к январю 41г.

⁷⁶ Не путать с другим возницей Евтихом, донесшим на Ирода Агриппу в 36г. (см. выше).

очередной вызывающей демонстрацией собственного кесарского всевластия над мавзолейной Республикой, чего, повторим, категорически не допускали в столь уродливо-оскорбительной для триадицы Рима форме ни отец цезаризма Цезарь, ни основатель-инаугуратор Принципата Август, ни его верный блюститель Тиберий.

И опять-таки, в октябре 40г., пресытившись Римом, гос. и прочими делами-заботами, Гай снова подался в свою любимую Кампанию, в Дикеархею и в Байи, т.е. туда, куда в ноябре к нему явился сопровождаемый Иродиадой тетрарх Галилеи и Переи Ирод Антипа, монетный двор к-рого отчеканил, по наступлении в сентябре иудейского новогоднего дня 1 тишири, до отъезда Антипы за царским титулом к императору, медяки с 43-м (МГ) годом правления тетрарха: на них увитое лавром имя Калигулы – «Гай Цезарь Германик» (Р.л. 892-914).

Но достичь успеха и добыть царские короны, о чём читателю известно, Антипе с Иродиадой не удалось. Оба они были сосланы Гаем в Лугдуну, с передачей антиповской тетрархии Агриппе, кто и сам, снарядив до того в Италию с посланием к Гаю против Антипы своего вольноотпущенника Фортуната, прибыл в Рим (ходатайствовать об отмене распоряжения об установлении Гаевой статуи в Храме) в начале зимы, в то время как Гай возвратился в столицу (где он вполне мог бывать короткими наездами и в октябре/ноябре) из Кампании, через Астуру и Анций, видимо, к концу ноября 40г. н.э.

Тем временем, против продолжавшего стремительно нестись в пропасть навстречу гибели Калигулы, к-рый умудрился достать (дальше некуда) чересчур многих римлян из всех сословий, к-рый перешёл все красные линии и все точки невозврата, и спазматическо-паталогическое поведение к-рого несколько, невзирая на его демонстративное примирение с сенатом, не менялось к лучшему⁷⁷, становясь всё более непредсказуемым и опасным, сложился новый дворцовый заговор, о к-ром в этот раз, никто не донёс и доносить не собирался.

Рим смертельно устал от эксцентричных выходов и от в целом беспрецедентного правления этого перешедшего все границы и не думающего остановиться-остепениться безумно-инфантильного, разбойного и кровожадного арлекина на троне. Ныне он, скомпрометировав за последние месяцы себя окончательно⁷⁸, опостылел как слишком многим, так и уже порядком самому себе, опостылел до невозможности, почему римляне всё явственнее желали от него избавиться, желая вышвырнуть его за борт, желая поскорее забыть его, как ночной кошмар, и почему твёрдо решившие убить несносного тирана избавители в избыточном количестве нашлись.

⁷⁷ Даже калигулианский мир и т.н. новосближение с сенаторами были издевательскими. Согласно Светонию, любивший подвизаться как сценический актёр (предваряя кифареда Нерона, кому, кстати, сенат тоже воздаст божеские почести после ликвидации в 65г. заговора Пизона) Калигула «однажды за полночь вызвал к себе трёх сенаторов консульского звания, рассадил их на сцене, трепещущих в ожидании самого страшного, а потом вдруг выбежал к ним под звуки флейт и трещоток, в женском покрывале и тунике до пят, проплясал танец и ушёл» (Кал.54,2).

⁷⁸ Любопытно, что, вероятно, под самый конец своего бесславного правления перепробовавший всевозможные излишества и жаждавший новых невиданных-неслыханных развлечений, но, тем не менее, порядком утомлённый Гай, сообразно Светонию, «даже не скрывал, как жалеет о том, что его время не отмечено никакими всенародными бедствиями: правление Августа запомнилось поражением Вара, правление Тиберия – обвалом амфитеатра в Фиденях, а его правление будет забыто из-за общего благополучия (!); и снова он мечтал о разгроме войск, о голоде, чуме, пожарах или хотя бы о землетрясении» (Кал. 31,3). Пример того, до какой степени упоённый своей неадекватностью, с к-рой он не желает и не в состоянии порвать, поехавший умом правитель может, во-первых, пасть, и во-вторых, совершенно утратить чувство реальности. Удивительно ещё, как при нём не случился грандиозный пожар Рима, чтобы он мог полюбоваться катастрофическим пожарищем, подобно Нерону (64г.)!

ПОСЛЕДНИЙ ЗАГОВОР

Последний заговор был разветвлён и состоял не то из двух, не то аж из трёх, следуя разнящимся античным источникам (к-рые приходится комбинировать) групп-партий заговорщиков, объединившихся между собой, в составе сенаторов, всадников, преторианцев, императорских вольноотпущенников. И все они, в свою очередь, делились на непосредственных участников заговора и на посвящённых в планы заговорщиков, на сочувствующих им, ради достижения на первом и главном этапе единой для всех многожеланной цели – устранения-убийства (вконец девальвировавшего себя) тирана-деспота.

При всём том, если сенаторов и всадников довели до ручки постоянно нависающая над ними опасность разорения, казни, тюрьмы, ссылки, то гвардейско-преторианских префектов и офицеров оскорбляли как недоверие кесаря к ним, как его издевательства, в т.ч., над ними, элитными воинами, главной его опорой и защитой, так и унижительное использование их в качестве собирателей-вышибал налогов и недоимок разного рода. Или как заплочных дел мастеров, как палачей, вынужденных пытаться или казнить, на глазах у кесаря, либо в застенках, привлечённых или осуждённых императорским произволом граждан.

И вот два трибуна двух преторианских когорт, отвечавших, в частности, за безопасность императора, Кассий Херея и Корнелий Сабин, при одобрении посвящённых в их планы обоих префектов-*praetorio*, к-рым Гай, после заговора Папиния и Цериалия, перестал доверять (но, при этом, не сменил их), объединились между собой, полные решимости покончить с чудовищем на троне, и вошли в сговор с двумя также объединившимися группами высокопоставленных заговорщиков.

Херея служил в 14г. центурионом в нижнегерманских легионах и спасся во время мятежа последних лишь благодаря своему личному мужеству и решительному поведению, мечом проложив себе дорогу сквозь обступившую его толпу бунтующих легионеров (Ан. 1,32) (Д.И. 16). Несмотря на своё богатырское телосложение и недолжностную физическую силу, он, успевший поседеть на государевой службе старый служака, имел тонкий голос и был мягкого нрава, из-за чего постоянно вызывал, являясь, согласно Диону, «храбрейшим из мужей», оскорбительные, да ещё в присутствии подчинённых, публичные насмешки Калигулы (Сенека «Диал.» 2,18,3; Свет. «Кал.» 56; Дион 59,29,1/2; Авр.Виктор 3,13).

Светоний пишет: «Главную роль взял на себя Кассий Херея, трибун преторианской когорты, над к-рым, несмотря на его пожилой возраст, Гай не устал всячески издеваться: то обзывал его неженкой и бабнем, то назначал ему как пароль слова «Приап»⁷⁹ или «Венера», то предлагал ему в благодарность за что-то руку для поцелуя, сложив и двигая её непристойным образом» (56,2).

Корнелий Сабин пользовался полным доверием Хереи и это именно он нанесёт второй удар Калигуле, выступив, как и Херея, как и часть др. заговорщиков против нового кесаря за реставрацию угробленной Цезарями Республики, что не найдёт поддержки ни у большинства римлян, в верхах и низах, ни, прежде всего, у военных. Ибо Принципат над Римской империей размером с половину мира не мог не быть пирамидально-военной монархией, к-рую, с др. стороны, ни в коем случае, не следовало превращать в слишком уничижительную для Рима царско-теократическую калигулианскую вертикаль власти.

Впрочем, в отличие от Хереи, Сабин будет Клавдием не только помилован, но и оставлен в ранге трибуна на службе, однако, он не пожелает пережить казнь своих

⁷⁹ Бог плодородия у греков, или полей и садов у римлян, Приап изображался с чрезмерных размеров половым членом в *виагристом* состоянии т.н. перманентной эрекции.

соратников и бросится на меч (см. ниже). К Херее и Сабину примыкали младшие преторианские офицеры – Юлий Луп и Аквила.

Из высокопоставленных заговорщиков следует назвать, перво-наперво, Анния Винициана, М.Виниция (конс. 30г.), Д.Валерия Азиатика (конс.-суф. 35г.; конс. 46г.), Эмилия Регула, за к-рыми идут отчасти соучастники и отчасти минимум осведомлённые о заговоре: Ватиний, Клувий Руф, Ноний Аспренат, Норбанн, Антей, Павел Аррунций и др.

Анний Винициан (Т.Г. 992; 1027/28), по всему, тождественный искажённому у Флавия Аппию Минуциану (И.д. 19,1,3-13; 4,3), был консуляром (год облечения консульства-суф. неизвестен) и сыном консуляра Анния Поллиона, к-рый консульствовал как суффект ок. 20г. н.э. и являлся мужем сестры консула 30г. М.Виниция (или Виниция замужествовала за самим Виницианом?). В 32г. и отец, и сын обвинялись в оскорблении (тиберийского) величия (Ан. 6,9), сумев уцелеть. А главное – Винициан был дружен М.Эмилием Лепидом, к-рого Гай казнил в 39г., и желал, согласно Флавию (И.д. 19,1,3), «отомстить за близкого друга», тем более, что после казни Лепида находился под подозрением, не забыв угрозы Гая (наверняка в форме присущего Калигуле юмора висельника) однажды казнить и его, и небезосновательно опасаясь за собственную жизнь.

Как мы помним, М.Виницию – сыну одноимённого консула 2г. н.э. (оратора, адвоката, декламатора) и внуку консула-суф. 19г. до н.э. (легата Германии в 1 – 4гг., друга Августа), консульствовавшему в 30г. в ординарной паре с Л.Кассием Лонгином, Веллей Патеркул посвятил свой эскиз «Римской истории» (Т.Г. 179/80). Далее, если в 33г. соконсул Виниция Л.Кассий Лонгин оженил одну из дочерей Германика и сестёр Калигулы – Друзиллу, с к-рой Гай его в 37/38гг. развёл (по официальной версии – за бездетность), то Виниций взял в жёны младшую Германикову дочь – Юлию Ливиллу, к-рая с 39г., в паре со старшей сестрой Агриппиной, пребывала (за соучастие в заговоре Лепида-Гетулика) в островной ссылке, что на (вовремя дистанцировавшемся от жены) Виниции (вроде бы) опально не отразилось.

Тем не менее, и над ним, отпроконсульствовавшим в 38/39гг. в Азии, постоянно нависал домоклов меч расправы, тем паче, что в 40г., когда муж Агриппины, отец Нерона, Гн.Домиций Агенобарб (конс. 32г.), умер в своём поместье Пирги (Этрурия) от водянки, Виниций остался единственным из здравствующих зятьёв кесаря. И, соответственно, он вполне мог рассматриваться Калигулой в качестве следующего в династическом клане Augustana – непосредственно за дядюшкой Клавдием – потенциально опасного престолопреемника.

К тому же, и разведённый с Друзиллой экс-зять Калигулы Кассий Лонгин едва не погиб, хотя по иной причине. Дело в том, что незадолго до гибели Гая, к-рую, согласно античным авторам, предвещали многие знамения, оракулы Фортуны Анцийской (коих Гай спросил, по всему, возвращаясь в Рим из Кампании в ноябре/декабре 40г.), «указали ему остерегаться (некоего) Кассия» (Свет. «Кал» 57,3). Из-за этого он вскоре, даже не подумав, что (какого-то ничтожного) Херею тоже зовут Кассием, послал убить (как бы вычисленного-узнанного-опознанного им) Кассия Лонгина (из рода соубийцы Ю.Цезаря), кто в 40/41гг. проконсульствовал в Азии. Т.о., не погибни Калигула в январе 41г., о чём посланные узнали раньше, чем достигли Азии, Кассий Лонгин непременно лишился бы жизни (Т.Г. 179-81).

Д.Валерий Азиатик (конс.-суф. 35г.; конс. 46г.) происходил из Вьенны-на-Роне, недавно получившей от Калигулы престижный статус колонии италийского права, предоставленный вьеннцам ради близкого императорского друга (Сенека «Диал.» 2,18,2; И.д. 19,1,20; Дион 59,30) и родственника, поскольку в жёнах Азиатика ходила Лоллия Сатурнина – сестра третьей (перед Цезонией) жены Гая – Лоллии Паулины. Его, согласно Сенеке, упряма и гордеца, Гай однажды глубоко задел за

пиршеством, сказав при всех, что оприходованная им Сатурнина разочаровала императора в постели. И, м.б., в т.ч., это сделало Валерия одним из, согласно Тациту (Ан. 11,1), главных вдохновителей Гаева убийства.

И возможно именно он вошёл в сговор с др. представителем провинциальной знати — с ближе неизвестным Эмилием Регулом, родом из Кордубы в Испании, к-рую, вернее, знать к-рой, как и знать галльскую, весьма болезненно затронуло разорительное нахождение Гаия в 39/40гг. в Лугдуне, куда богатые галлы и испанцы вынуждены были к нему паломничать, и где многие из них лишились больших денег, или имущества, или свободы, или жизни, или всего сразу. Следуя Флавию, Эмилий Регул «собрал товарищей, имея в виду либо при их помощи, либо самолично умертвить Гаия» (И.д. 19,1,3), самоличная инициатива чего в итоге изошла от наиболее решительного из заговорщиков — Хереи.

Кроме того, примечательно, что если из главных противокалигулианских заговорщиков Анний Винициан покончит с собой в 42г., подстрекнув к мятежу против Клавдия легата Далмации Камилла Скрибониана (конс. 32г.), после того как этот мятеж провалится, то и Виниций, и Азиатик падут жертвами интриг Мессалины в 46/47гг. (см. ниже).

Из числа созаговорщиков второго эшелона — М.Клувий Руф — конс.-суф. 45г., кто в 66 — 68гг. будет сопровождать Нерона, заделавшись его герольдом, в Греции, а в 68г. сменит призванного в императоры Гальбу в ранге легата Тарраконской Испании. Известен — как оратор (Тацит «Ист.» 4,43) и историк — автор исторического труда — живописатель истории от калигулианского правления до 69г. (Плиний Мл. «Письма» 9,19), к-рым, предположительно, пользовались в I — IIIвв. и (опосредованно) Флавий, и, при описании правления Калигулы в утерянной части «Анналов», Тацит, и после Тацита — Светоний, и позднее — Дион.

Ватиний, бывший в ранге претора, сенатор или всадник, знал, как свидетельствует Флавий (И.д. 19,1,14), о заговоре и был на стороне заговорщиков. Л.Норбанн Балб — конс.-суф. 19г. н.э., приходился сыном Г.Норбанну Флакку — консулу 24г. до н.э., и в день убийства Калигулы погиб, дорого продав свою жизнь, от рук германских телохранителей кесаря (см. ниже). Ноний Аспрен(ат) — конс. 38г., эвентуально, один из трёх сыновей Л.Нония Аспрената (консула-суф. 6г. н.э.; легата Вара в Германии — 7 — 9гг.; проконсула Африки в 14г.), также стал жертвой германских телохранителей (И.д. 19,1,15) (см. ниже). Павел Аррунций мог приходиться сыном Л.Аррунцию, консулу 6г. н.э., к-рый покончил с собой в начале 37г., отказавшись, привлечённый в очередной раз к суду, дожидаться скорой смерти Тиберия, т.к. ожидал ещё худших уродств при Калигуле (см. выше).

В отношении сопричастных к заговору влиятельных вольноотпущенников, речь идет о Каллисте и, с большой долей вероятности, о Нарциссе, к-рые, как сказано, всю развернутся позднее, при Клавдии, составив могущественный прикесарский триумвират алчных либертов в составе Каллиста, Палланта, Нарцисса.

Каллист был рабом частного лица. Выкупленный Гаем, получивший от него свободу и вошедший в ближайшее окружение, он всячески третирует своего прежнего господина (Сенека «Epist.» 47,9). О степени влиятельности Каллиста говорит его ходатайство в 39г. за имевшего неосторожность оскорбить Гаия неуместным упоминанием кесарской молодости Домиция Афра, к-рый, о чём читатель в курсе, ловко вывернулся из смертельно опасной ситуации сам, благодаря собственной пронырливости (см. выше).

После заговора Папиния, Цериалия и Басса фантастически богатому и расточительному Калисту не повезло попасть под оговор Капитона и с тех пор находиться под постоянным подозрением. Поэтому он, боясь и за себя и за свои богатства, примкнул к заговорщикам, заискивая перед Клавдием, на к-рого, как на

преемника Калигулы, сделал правильную ставку, уверяя Клавдия при этом, что Калигула поручил ему, Каллисту, сведущему в медицине и ядах, его, т.е. Клавдиево, отравление-устранение (И.д. 19,1,10).⁸⁰

Кому как раб принадлежал Нарцисс Антонии, Гаю, или Клавдию? и от кого из них он получил вольную? – вопрос. Скорее, от Гая, так как сохранилась эпитафия, где фигурирует *Narcissus C.Caesaris Augusti Germanici* (CIL 5,6641). Примечательно, что «Схология к Ювеналу» кличет его евнухом (14,329д). В триумвирате либертов, при Клавдии, он одно время будет, в ранге «советника по делам прошений» (Свет. «Кл.» 28), самым влиятельным, пытаясь, по устранении, в первую очередь, его решимостью, Мессалины выдать за Клавдия (во второй раз) замуж Элию Петину (кандидатура Каллиста – Лоллия Паулина). Но проиграет Палланту, кто сведёт безвольного императора с Агриппиной, по интриганистой инициативе к-рой владельца огромного состояния в 400 млн. сестерциев Нарцисса (назидательно) казнят в самом начале правления Нерона – 54г., притом, по издевательско-мстительному велению Агриппины, над могилой Мессалины (см. ниже).

Заговор сложился и созрел ещё осенью/зимой 40г., однако, согласно Флавию (И.д. 19,1,11), вследствие нерешительности большинства заговорщиков, планы Хереи, к-рый, несомненно, был душой и главной движущей-убойной силой всего предприятия, откладывались со дня на день. Заговорщики медлили и выжидали удобного случая, чтобы нанести, чреватый для них, в случае неудачи, однозначной погибелью в несказанных муках, удар без промаха. А старому воину Херее, кого Гай не прекращал регулярно унижать, словно заведомо напарываясь на его меч, не терпелось покончить всё дело разом.

Между тем, Калигула и не думал униматься, продолжая жить в прежнем ритме и духе, пиршествуя и расточительствуя, казня и милуя, грабя и реже одаривая сограждан, превращённых им уже даже не в подданных, нет, – в бессловесных рабов вызывающе ориентального повелителя, с претензией на абсолютную теократию. И теперь к нему в его забавах в декабре 40г. в Риме присоединился ещё прибывший из-за моря Ирод Агриппа, к-рому, как мы узнали, удалось подвигнуть взбалмошного монарха на отказ от установления императорской статуи в Иерусалимском храме.

Синхронизируя события, напомним, что в связи с этим Гай написал Петронию, но получил затем письмо последнего с отказом установить статую во избежание массового иудейского восстания и жуткого кровопролития, гневно приказал ему новым письмом покончить самоубийством, чего Петроний, по счастью, избежал, уведомленный о гибели Гая до получения им (задержанного зимней непогодой и закрытым морем) последнего кесарского приказа – наложить на себя руки (см. выше).

41г. н.э.

1 января 41г. н.э. = 794г. а.У.с. в консульство вступили Г.Цезарь Август Германик (Калигула) (cos IV) и Гн.Сентий Сатурнин.⁸¹

Согласно Плинию (11,190), облечение в календы января IV-го и последнего консульства Гаем сопровождалось несчастливым предзнаменованием: у жертвенного животного не оказалось печени. Светоний же, приложительно к овационному

⁸⁰ По слухам, Г.Нимфидий Сабин – (парный с 65г. Тигеллину) префект претория при Нероне, был незаконнорожденным сыном дочери Каллиста Нимфидии от Гая (см. ниже).

⁸¹ Сын одноимённого консула-суф. 4г. н.э., одного из трёх сыновей Г.Сентия Сатурнина (конс. 19г. до н.э.). Это его жену, красавицу Паулину, соблазнил в 34г. камуфляжно выдавший себя, при помощи мошенницы Иды и вороватых жрецов храма Изиды, за Анубиса, некий

вступлению Гая 31.08.40г. в Рим, говорит (округляя сроки и, – что с ним часто бывает, – гиперболизируя): «Четыре месяца спустя он погиб, совершив великие злодеяния и замышляя ещё большие. Так, он собирался переселиться в Анций, а потом – в Александрию, перебив сперва самых лучших мужей из обоих сословий...» (Кал. 49,2).

Вряд ли Гай серьёзно планировал так уж и перебить лучших сенаторов и всадников, и так уж навсегда переселиться в Анций и в Александрию. Правда, его отношение к сенаторам со всадниками, да и, при его прогрессирующей мизантропии, ко всем людям, к-рых он с нечеловеческой силой презирал, было, пожалуй, не то истребительно-потребительским, не то потребительско-истребительным.

С др. стороны, место своего рождения – Анций, он обожал и частенько туда навещался, в то время как посещение возжеленной египетской Александрии планировалось им давно. И, возможно, потеряв терпение, он собирался отчалить из Италии курсом на Грецию, М.Азию, Сирию и Александрию, не дожидаясь сезонно судоходного открытия постзимнего моря с восходом Плеяд в первой декаде марта, после 8 февраля, когда начинается дуть ранний февральский предвестник весны – тёплый ветер Фавоний.

К слову, такой расклад косвенно подтверждает и рассказ Флавия, согласно к-рому, Кассий Херяя торопил медлящих единомышленников с покушением, говоря о намерении Гая «совершить морское путешествие», о его «готовности отплыть в Александрию, чтобы посетить Египет» (И.д. 19,1,12). А Светоний пишет: «Среди этих безумств и разбоев многие готовы были покончить с ним; но один или два заговора были раскрыты и люди медлили, не находя удобного случая» (Кал. 56,1).⁸²

Так или иначе, 1.01.41г., в календы января, заблаговременно объявив эдиктом, что в Новый год он ждёт подарков себе и своей приближающейся к годовалому возрасту дочери, словно в ус не душий Гай – «встал на пороге дворца и ловил монеты, к-рые проходящий толпами народ всякого звания, сыпал ему из горстей и подолов. Наконец, обуянный страстью почувствовать эти деньги на ощупь, он рассыпал огромные кучи монет по широкому полу и часто ходил по ним босыми ногами или катался по ним всем телом» (Свет. «Кал.» 42).

7.01. он сложил ординарное консульство в пользу суффекта и собразника К.Помпония Секунда, к-рый ещё успеет накануне убийства Калигулы 24.01., в ходе предсмертной трапезы, согласно Диону (59,29,5), не раз поцеловать ему ноги, но после убийства неожиданно выступит рьяным сторонником реставрации полноценной Республики (Т.Г. 645/46) (см. ниже).

И Светоний, помимо предсказания оракула Фортуны Анцийской⁸³, и Дион сооб-

Деций Мунд (И.д. 18,3,4) (Д.И. 182/83) (см. выше), за что Тиберий, проведя, по жалобе Сатурнина, строгое расследование, приговорил Иду и жрецов к смертной казни через распятие, Мунда – к ссылке, а храм Изиды приказал разрушить.

⁸² Под двумя заговорами – не (вопреки распространённому мнению) сравнительно давний заговор Лепида-Гетулика (осень 39г.), о к-ром у Светония сказано отдельно, плюс заговор Папиния-Цериалия (осень 40г.), но заговор Папиния-Цериалия и, надо думать, мнимый заговор Помпедия (Помпония? Помпея?), о к-ром Светонию неизвестно, и к-рый он, видимо, счёл за один из двух неудавшихся заговоров 40-го г. н.э.

Далее, по Светонию, «наконец, два человека соединились между собой и довели дело до конца, не без ведома влиятельных вольноотпущенников и преторианских начальников». Два человека – т.е. преторианские трибуны Кассий Херяя и Корнелий Сабин, действовавшие не без одобрительного ведома обоих префектов-praetorio. Влиятельные вольноотпущенники – Каллист и, предположительно, Нарцисс. Как видим, Светоний ни здесь, ни ниже, в сцене убийства, где упор сделан на главных убийственных фигурантах – Херее и Сабине, не называет заговорщиков из числа сенаторов и всадников.

⁸³ Два древних храма Фортуны с оракулами в Анции Марциал именует «Вещими сёстрами» (5,1,13).

щают, в привычной для античных авторов манере, об имевших место ещё в 40г. грозных предзнаменованиях. Не считая того, что статуя Зевса в Олимпии, к-рую Гай велел разобрать и перевезти в Рим, и к-рую балканский легат Меммий Регул объявил нетранспортабельной, разразилась раскатом хохота, «случившийся при этом человек по имени Кассий заявил, что во сне ему было велено принести в жертву Юпитеру быка. В Капуе в иды марта (т.е. марта 40г. н.э., напомним о мартовских идах 44г. до н.э., когда был убит Ю.Цезарь) молния ударила в Капитолий, а в Риме – в комнату дворцового привратника; и нашлись толкователи, уверявшие, что одно знаменьё означало опасность господину от слуг, а другое – новое великое убийство, как некогда в тот же день. Астролог Сулла на вопрос о его (Гаевом) гороскопе объявил, что близится неминуемая смерть...» (Кал. 57,1/2).

По Диону (59,29,4) от Ксифилина (171,18 - 172,8), смерть Гаю напрозорчил некий египтянин Аполлоний, к-рый был доставлен в оковах из Египта и предстал перед отложившим судилище над ним Гаем как раз в день его гибели, что спасло предсказателю жизнь.

Короче, неизвестно, как дело с предсказаниями и предзнаменованиями обстояло в действительности-реальности, какие из них были сделаны или случились до покушения, а какие появились-объявились постфактум, но заговорщики, по настоянию наирешительного из них Кассия Хереи, решили, не откладывая долее (или, правильнее сказать, устав откладывать задуманное), убить тирана в дни Палатинских игр.

Эти ежегодные праздничные игры-торжества были учреждены Ливией, к-рая стала, по августейшему завещанию, Юлией Августой, в 14г., после кончины Августа, в память о нём, и приходились изначально то ли на 17-21, то ли на 19-21.01. (см. ниже). В 41г. Калигула, должно быть, присовокупил к ним три дополнительных дня и в последний день пролонгированного празднества – 24.01. – пал от рук заговорщиков.

Так, когда режим персональной теократической тирании Гая сделался невыносимым для всех римских сословий, дни его оказались сочны. Причём в последние месяцы жизни у него даже притупился элементарный инстинкт самосохранения, и он, увязая в своей необузданности всё больше, словно подсознательно или почти осознанно звал на свою голову верную гибель, по Флавию, считая что всё обустроенно им наилучшим образом и не веря в покушение на себя (И.д. 19,1,11). Или он всерьёз не верил, что его, универсальное «боговоплощение», можно убить-погубить?

Или, правильнее будет сказать в целом, что после вырванного им осенью 37г. декадентного посвящения, он был запрограммирован (этим посвящением) на самоуничтожение, к к-рому шёл, вернее, нёсся («чуть помедленнее, кони!»), постоянно прибавляя в скорости на протяжении 3-х лет и 3-х месяцев. Вдобавок к тому, он внутренне стремился к погибельному концу, как маньяк-убийца, к-рый, совершая каждое очередное преступление, стремится, устав от собственного беспредела и оставляя идущим по его следу завуалированно-опознавательные знаки, быть пойманным. Не жаждал ли он, сам не отдавая себе в том отчёт, найти смерть от чьей-либо руки, либо от яда, и тем избавиться от permanently нарастающего в нём, в его издёрганной, в его безнадежно больной душе кошмара, от к-рого некуда было бежать, кроме как в смерть. В небытие! или в Лету! чтобы кануть в неё навсегда! или до новой жизни!

Важно отметить, что, по Флавию, Херея, к-рому пуще всех не терпелось убить Калигулу и к-рый торопил-подбадривал остальных, добровольно поставил себя в подчинение Аннию Винициану, назвав именно его руководителем и объявив ему о своей готовности следовать его приказам и идти, куда он скажет (И.д. 19,1,9). Посему Винициан и был, можно сказать, главой или душой заговора от предста-

вителей первого сословия, и к нему в разной мере примыкали прочие сановные и рангом пониже заговорщики со приспешники.

Притом, пусть Эмилий Регул из Кордубы и выражал готовность сам покончить с Гаем (И.д. 19,1,3), в итоге практическая реализация предприятия легла на плечи именно первоинициативного Хереи. Ведь именно он являлся не только самым решительным из заговорщиков, но и имел прямой вооружённый доступ к телу Калигулы, отвечая, сродни Сабину — оба трибуны двух (задействованных для охраны императорской персоны и соблюдения порядка во время *Ludi Palatini*) из четырёх гвардейско-преторианских когорт, — за безопасность императора.

И это, напомним, не кто иной как Гай лишил двух преторианских префектов, преемников устранённого в 38г. Макрона, предварительно раздвоив-дуализировав (по августейшим лекалам) саму префектуру, всякого политического влияния, превратив их исключительно в церберов, мало того, приблизив к своему телу (что рассердило преторианцев) отряд германских телохранителей, во главе с бывшим гладиатором Сабиним. Последние не разбирались в римских реалиях и были очень преданы императору, часто получая от него щедрые денежные вознаграждения и подарки.

УБИЙСТВО КАЛИГУЛЫ

Итак, было решено осуществить замысел и привести смертный приговор деспоту в исполнение в дни Палатинских игр. Сходясь на них как на времени покушения, античные источники противоречивы в отношении дня, поскольку о конкретных январских днях игр и их совокупном количестве, приложительно к 41г. н.э., точных сведений нет. Если, согласно Флавию, дело было сделано, по миновании 3-х праздничных дней, на 4-й и последний день праздника (И.д. 19,1,12), то согласно фиксированно-точечной информации не называющего общее количество дней праздника Светония (58,1), убийство совершилось в 8-й день до февральских календ = 24.01.

А по эпитомированному Ксифилином Диону (exs. 59,29,6), снедаемые позорищем творившегося вокруг безобразия Херея и Сабин, сдерживались, выжидая подходящего момента, целых 5 дней праздника, но когда Гай, пожелав сам станцевать и сыграть в одной из трагедий, объявил 3 дополнительных дня развлечений, они, более не в силах это выносить, совершили покушение в 6-й день.

Следовательно, Дион утверждает, что праздник состоял из, всего-итого, 8-и дней. Однако, он говорит из IIIв. н.э., тогда как письменное свидетельство «Календаря Филокала» в IVв. (354г.) отводит на *Ludi Palatini* дни с 17 по 22.01. Т.е. общее число дней праздника, учреждённого в 14г. в память о почившем и причисленном к сонму богов Августе Ливией, в ходе веков менялось. Судя же по тому, что Август и уведённая им у/от живого мужа Ливия официально бракосочетались 17.01.38г. до н.э., логично предположить начало Палатинских игр в день 17.01. и их, во всяком случае, первоначальную продолжительность до 21.01.

Далее же, комбинируя неточного Флавия⁸⁴ с точечным свидетельством Светония, а также с информацией о трёх дополнительных игришных днях у Диона, можно

⁸⁴ Не исключено, что в пору пребывания Флавия в Риме, в период после 70 и до ок.100гг., игры *Palatini* были четырёхдневными. Но, в сём случае, остаётся непонятным, почему они продолжались именно с 21 по 24.01.? Или учреждённые Ливией в 14г. *Ludi* были (безотносительно к дню её бракосочетания с Августом в 38г. до н.э.) трёхдневными (Р.л. 1315) — 19-21.01.? с присовокуплением Калигулой в 41г. 3-х дополнительных дней — 22-24.01.?

вывести в качестве оптимальной даты покушения (мартиальный вторник!) 24.01.41г. н.э. (ибо работавший в секретариате Адриана Светоний, называя-акцентируя именно 8-й день до февральских календ, вряд ли мог во Пв. н.э., менее чем через сто лет после означенных событий, в отношении столь важного дня убийства кесаря, грубо ошибиться).⁸⁵

Прокламировавшие и позиционировавшие участие членов императорской фамилии и римского народа в культе божественного Августа Палатинские игры проходили-проводились на восходящем к Ромулу древнейшем обитаемом холме Рима – Палатине («Roma quadrata»), на территории дворцового комплекса (к-рый в рассматриваемое время занимал фактически весь холм, название к-рого – Палатин/Палаций/Палаццо – сделалось синонимом резиденции Цезарей).

Там специально сооружался зрелищный театр с императорской ложей и местами-трибунами для нобилитета и плебса. Флавий: «Эти игры установлены в честь первого императора, присвоившего себе власть, и тут присутствуют, кроме самого императора, римские патриции с детьми и с жёнами, причём недалеко от царской ложи для них сооружается особая трибуна...» (И.д. 19,1,11)

В заключительный день игр 24.01. на долю опоясанного коротким всадническим мечом преторианского трибуна Хереи, по слову Флавия, «выпала очередь принять пароль» (19,1,13). «Народ в большом количестве с громким криком и толкотнёй уже стекался к театру, чтобы запастись местами на зрелище. Гай с удовольствием смотрел на эту толпу и нарочно распорядился не оставлять свободных мест ни для сенаторов, ни для всадников (чтобы унижить их – К.3.). Все садились вперемежку, мужчины рядом с женщинами и рабы рядом со свободными гражданами...» (там же).

Утром, перед началом зрелищного представления, Гаем было совершено жертвоприношение божественному Августу, во время к-рого кровь одного из жертвенных животных забрызгала тогу (соучастника заговора) сенатора Нония Аспрена(та), что вызвало смех Гая, не предвещая одновременно, как дурной знак, Аспрену (над замешательством к-рого Гай потешился, не подумав о дурном знаке для себя) ничего хорошего (19,1,13). Впрочем, по Светонию, не (отлично от Флавия) Аспрену, но самому Гаю, кто накануне ночью видел сон, будто он стоит на небе возле Юпитера, и бог, толкнув его большим пальцем левой ноги, низвергает на землю, довелось быть (дурнопредзнаменательно) забрызганным кровью жертвенного фламинго (57,3).

Флавий: «Вообще рассказывают, что Гай в этот день, вопреки своему обыкновению, был особенно обходителен и настолько ласков и доступен, что все видевшие это были поражены. После совершения жертвоприношения он направился к своему месту (в императорской ложе) и сел там, окружённый наиболее выдающимися из приближённых. Театр, к-рый ежегодно сооружался, был следующего устройства: он имел два выхода, из к-рых один вёл на улицу, а другой оставлял вход и выход к портику, дабы находившиеся внутри зрители не подвергались стеснению; здесь же

⁸⁵ День 24.01. в качестве даты убийства = конца принципата Гая дополнительно подтверждается приводимым у Светония общим совокупно-дифференцированным временем калигулианского правления – «прожил он 29 лет, правил 3 года, 10 месяцев и 8 дней» (Кал. 59), к-рые, т.е. число лет, месяцев и дней правления Калигулы, в точности набираются с 16.03.37 (дата смерти Тиберия) по 24.01.41гг.

Флавий дважды ошибочно говорит о гибели Гая, процарствовавшего «3 года и 8 месяцев» (И.в. 2,11,1), и о «4-летнем без 4-х месяцев правлении Калигулы» (И.д. 19,2,5). У Диона (от Ксифилина) тоже неверно – «3 года, 9 месяцев и 28 дней, по правительском истечении к-рых Гаю пришлось узнать, что он совсем не Бог» (ехс. 59,30,1). Неверно и у Евтропия: «был убит на Палатине в возрасте 29-и лет, на 3-м году, 10-м месяце и 8-м дне своего правления» (7,12,4). У Орозия: «Гай Калигула оставался у власти неполные 4 года» (7,5,1).

был выход для актёров и для музыкантов, к-рые могли удаляться в особое отдельное для них помещение.

И вот, когда толпа уселась по своим местам, а Херея со своими трибунами поместился недалеко от Гая, к-рый занимал правую сторону театра, Ватиний, один из сенаторов и бывший претор, спросил сидевшего рядом с ним консуляра Клувия, не слышал ли он чего-нибудь нового? При этом Ватиний нарочно говорил так тихо, чтобы никто другой не расслышал его слов. Когда сосед ответил на это отрицательно, Ватиний сказал: «А между тем, Клувий, имеется в виду представить убиение тирана», на что Клувий ответил: «Помалкивай, милый друг, дабы кто из ахеян не услышал твоего слова». Затем стали кидать на зрителей огромное количество редких фруктов и разных дорогих птиц; Гаю доставляло удовольствие смотреть на борьбу и драку, происходившую из-за них среди зрителей...» (19,1,13)

Ватиний и Клувий – соучастники заговора из числа заговорщиков второго эшелона. Говоря (эзоповым языком) о представлении убиения или гибели тирана, первый из них открытым текстом имеет в виду день предстоящего театрально-сценического представления трагедии «Кинир и Мирра», а текстом закрытым намекает на предстоящее покушение, в детали к-рого оба этих созаговорщика не вдаются. Фигуральное же (произнесённое с аффектацией) слово Клувия об «ахеянах» взято из Гомера и советует «троянцу» (потомку троянцев – римлянину) Ватинию держать язык за зубами (быть осторожнее), поскольку вокруг множество недружественных ушей.

По Диону (59,26,5), Гай пировал, упиваясь театральным предствлением (к-рые он очень любил, часто пританцовывая, подпевая с места, или выбегая на сцену) и угощал свою свиту. В ногах у него сидел консул Помпоний Секунд, кто, чревоугодничая, не уставал, при этом, непрерывно склоняться и осыпать Гаевы ноги поцелуями. Выше императора располагался Анний Винициан, где-то рядом, по ближнему соседству, – Клавдий, Виниций, Валерий Азиатик, Павел Аррунций и др.

Любимый мим Гая и (по совместительству) его гомосексуальный партнёр Мнестер, кого он ранее не раз целовал, восторгаясь им, «даже среди представления» (Свет. «Кал.» 55,1), и сегодня блистал на сцене.⁸⁶ По сюжету знаменитой трагедии «Кинир и Мирра», главные герой и героиня кончают печально. Царь Кипра (или - первоначально Библа, перенесший финикийскую культуру и финикийские таинства на Кипр)⁸⁷ Кинир – отец Адониса, рождённого от него царской дочерью Миррой. Именно с ней, мечтавшей утолить свою страсть к отцу, родитель вступил в кровосмесительную связь, не зная, что она его дочь, а узнав о кровосмешении, покончил с собой, в то время как убитая горем Мирра превратилась в мировое дерево, из коры к-рого и родился Адонис (Овидий «Метаморфозы» 10,298-514).

Этот сюжет был интимно близок Гаю, к-рый похвалялся, что он родился от кровосмешения Августа с дочерью Юлией и тем как бы элиминировал из своей знатной «божественно-царской» генеалогии безродного Агриппу (как и Ливию,

⁸⁶ В 40-е гг. в Мнестера влюбится императрица Мессалина (к-рая даже велит превратить переплавленные медяки Калигулы в его металлические изображения!), но он откажется ответить ей взаимностью, пока она не обратится к своему супругу Клавдию с настоятельнейшей просьбой воздействовать на него, и тютя Клавдий, не зная, в чём дело, воздействует, велев Мнестеру повиноваться императрице, после чего последний отдаётся ненасытной Мессалине, за что с её концом в 48г. поплатится (как её креатура) жизнью (Ан.11,36; Дион 60,22,3-5; 28,3; 31,5) (см. ниже).

⁸⁷ Острова Кипр и Крит были в древности теми транзитными мостами, по к-рым не только мореходная Финикия, а и Египет, и Междуречье, их влияния, веяния, или, точнее, и Древний Египет и междуреченская Месопотамия-Вавилония, через интервальную Финикию, проникали по воде в Грецию.

незнатные латинские предки к-рой обрели римское гражданство лишь после роспуска в 338г. до н.э Латинского союза). Более того, не сам ли Гай сожительствова с родной сестрой Друзиллой⁸⁸, мечтая занять от неё ребёнка, и не случайно назвав дочь от Цезонии её именем!

Так-то оно так, но в результате самоубийства Кинира на сцене было пролито много искусственной крови. И не только это, ибо та же трагедия, к-рую играл ныне пантомим Мнестер, оказывается (на что, в частности, и намекал Ватиний, обращаясь к Клувию), давалась в январе 336г. до н.э., когда был убит отец Александра Великого Филипп Македонский на играх в честь свадьбы его дочери.

Дальше – больше. В миме некоего Катулла (тёзка известного поэта IV до н.э.)⁸⁹ «Лавреол» одноимённый атаман разбойничьей шайки (грабивший одиноких путников на Аппиевой дороге и казнённый в правление Калигулы), к-рый выбегал из-под обвала и обильно харкал кровью, предавался казни через распятие, с последующим поеданием его дикими зверями, что обернулось изрядным количеством, на сей раз, по-настоящему, пролитой человеческой крови. Потому что главную роль исполнял взаправду распятый на сцене и затем растерзанный медведем (приговорённый к казни через распятие) преступник.

Плюс к тому, на ночь египтянами и эфиопами готовилось какое-то таинственное мистериальное, поскольку не чуждый культуре Изиды Гай ввёл в Риме (в т.ч.) египетские драмы-мистерии (И.д. 19,1,11; 13), в к-рых нередко участвовал самолично, представление с изображением сцен из загробной жизни (Кал. 57,3).

* * *

«Между тем – читаем у Флавия – Гай был в нерешимости, оставаться ли ему до конца игр в театре, т.к. то был последний день, или же пойти искупаться и позавтракать, а затем вернуться назад...» (19,1,13). По несколько иначе мотивирующему Гаеву нерешимость Светонию, в 8-й день до февральских календ (= 24.01.), ок. 7-го часа, т.е. между ок. 12 и 13.00 (в переводе на наше время), – «он колебался, идти ли ему к дневному завтраку (поздний завтрак = полдник), т.к. ещё чувствовал тяжесть в желудке от вчерашней пищи⁹⁰; наконец, друзья его уговорили и он вышел...» (Кал. 58,1)

Согласно Флавию, видя, что Гай собирается покинуть представление, внимательно (и нетерпеливо) наблюдавший за ним Херея встал и пошёл к выходу. Увидев это, сидевший, как сказано, выше Гая Винициан также поднялся, чтобы подойти к Херею и ободрить его, однако был удержан снизу за одежду (на удивление ласковым и обходительным в тот день со всеми) Гаем, к-рый спросил: «Куда же ты, милейший?». И Винициан, дабы не возбудить каких-либо подозрений, в волнении опустился на место, снова поднявшись некоторое время спустя, когда Гай уже не

⁸⁸ То-то не лыком шитый и отстроязыкый Пассиен Крисп, в ответ на калигулианский вопрос-запрос (38г.) – сожительствоет ли и он со своей сестрой? находчиво ответил: «Ещё нет», чем, согласно Светонию, сумел выйти из затруднительного положения «весьма пристойно и осторожно, чтобы не оскорбить императора отрицанием и не опозорить себя лживым подтверждением» («Пассиен») (Т.Г. 1013).

⁸⁹ Б.м., тот самый любовник Гая – Валерий Катулл, юноша из консульского рода, к-рый заявлял во всеуслышанье, что от забав с императором у него болит поясница? (Свет. «Кал.» 36,1) (см. выше).

⁹⁰ Излишествуя, в т.ч., в пиришественном трапезничании, римляне имели обыкновение, обожравшись, шекотать себе нёбо гусиным пером, чтобы рвотно опорожниться и наброситься на жратву снова (в связи с чем крайне удивительно наличие у них пострвотного аппетита).

воспрепятствовал его отшествию. «Между тем Аспрен, к-рый тоже участвовал в заговоре, стал советовать Гаю, по примеру прошлых дней, пойти искупаться и позавтракать, а затем уже вернуться. Этим он думал ускорить исполнение задуманного плана» (19,1,13).

Таким образом, Гай всё задерживался с выходом-уходом, беся тем Херею, к-рый готов был кинуться в ложу и там покончить с ним, но сдержался, поскольку заговорщики хотели непременно выманить жертву из многолюдного театра, в видах ударить наверняка, чтобы избежать непредвиденных препятствий, суматохи, чьего-либо вмешательства и большого кровопролития. Вместе с тем, Херея тяготился провололочкой, тем паче, что, сообразно Флавию, «наступил уже 9-й час дня» (19,1,14), в чём нет непримиримого противоречия со Светонием, ибо Гай, нерешительно намереваясь покинуть театр в 7-м часу, вполне мог задержаться до часа 9-го = до времени между ок. 14-и и 15.00.

И вот, наконец, Калигула встал с места, а заговорщики стали отгонять и отеснять столпившийся у входа народ, уверяя, что такое скопление-столпотворение рассердит императора, на деле же, прокладывая ему дорогу к смерти, т.е. убирая со своего пути препятствия и торопя долгожданное-многожеланное событие.

Впереди Гая шли вставшие и двинувшиеся к выходу одновременно с ним его (ни о чём не подозревавший) дядя (и тютя) Клавдий, равно участники заговора — зять кесаря — М.Виниций, и близкий друг — Валерий Азиатик. Гай следовал за ними, беседуя с Павлом Аррунцем. Но если Клавдий, Виниций и Азиатик, покинув театр, прошли через главный вход императорского дворца, где были выставлены рабы-прислужники, и проследовали дальше во дворец, — в дворцовые покои-апартаменты, то шедший за ними Гай, вероятно, по-прежнему, в паре с Аррунцем, «свернул в узкий и темноватый проход, ведущий в ванную комнату» (19,1,14).

Светоний: «В подземном переходе, через к-рый ему нужно было пройти, готовились к выступлению на сцене знатные мальчики, выписанные из Азии. Он остановился посмотреть и похвалить их; и если бы первый актёр не сказался простуженным, он уже готов был вернуться и возобновить представление» (Кал. 58,1).

По Флавию, в помещении (гроте?), находившемся при тёмном (сводчато-грото-подобном?) проходе (ведшем к купальне), Гай «хотел взглянуть на мальчиков, прибывших из Азии, к-рые должны были во время устраиваемых им мистерий петь гимны или выступать в театре в качестве танцовщиков» (19,1,14). Т.е. Гаем практиковались-устраивались не только египетские мистерии, отправление к-рых (сцены из загробной жизни) египтянами и эфиопами было назначено на время ближе к ночи, а и таинства азиатские.

Впрочем, эпитомированный-эксцерпированный Дион (Ксифилин; Зонара; Иоанн Антиохийский), не углубляясь в мистериальные подробности, говорит о мальчиках, к-рым надлежало петь гимны, посвящённые Гаю, — представителях видных фамилий из Греции и Ионии (ехс. 59,29,6), что означает небезразличие Гая, в частности, к греко-ионическим мистериям.

И тут, по двум приводимым у Светония (кто предупреждает, что о дальнейшем рассказывают двойко) версиям, как раз, когда Гай «разговаривал с мальчиками, Херея, подойдя к нему сзади, ударом меча глубоко разрубил ему затылок с криком: «Делай своё дело!»⁹¹ — и тогда трибун Корнелий Сабин, второй заговорщик, спереди пронзил ему грудь. Другие передают, что когда центурионы, посвящённые в заговор, оттеснили толпу спутников, Сабин, как всегда, спросил у императора пароль; тот сказал «Юпитер»; тогда Херея крикнул: «Получай своё!»⁹² — и когда Гай обернулся,

⁹¹ «Нос age!» — ритуальный возглас жреца, подающего знак к жертвоприношению.

⁹² «Accipe ratum!» — т.е. получай то, что ты пожелал (заслужил) — внезапную смерть, подобную смерти от молнии Юпитера; или — получай его (Юпитера) гнев. Соответственно,

рассёк ему подбородок. Он упал в судорогах, крича: «Я жив!» – и тогда остальные прикончили его тридцатью ударами – у всех был один клич: «Бей ещё!» Некоторые даже били его клинком в пах. По первому шуму на помощь прибежали носильщики с шестами, потом – германцы-телохранители; некоторые из заговорщиков были убиты, а с ними и несколько сенаторов» (Кал. 58,2/3).

Согласно не очень внятному Флавию, ещё не дошедшего до помещения, где находились мальчики из Азии, или миновавшего оное, при всех случаях, в полутёмном проходе-переходе, Гая «встретил Херея и спросил у него пароль; когда же тот ему опять ответил насмешкой, Херея, не задумываясь, произнёс проклятие по его адресу, извлёк меч и нанёс ему жестокий, впрочем, не смертельный удар...» (19,1,14).

Ниже Флавий достаточно убедительно не соглашается с мнением о том, что Херея умышленно нанёс Гаю несмертельный удар, дескать, дабы заставить его подольше страдать от множества ударов⁹³, и продолжает рассказ: «...Гай, терзаемый болью (меч проник между плечом и горлом, остановленный на пути ключицей), даже не вскрикнул в первую минуту и не позвал никого на помощь из друзей своих, потому ли, что не доверял им, или просто потому, что не догадался. Застонав от страшной боли, он сделал попытку к бегству. Тут его встретил Корнелий Сабин, к-рый уже приготовился к этому. Он толкнул его, Гай упал на колени, и тут, по данному знаку, заговорщики окружили его и стали рубить мечами, ободряя друг друга. Известно, что последний, окончательно смертельный удар, нанёс ему Аквила. Однако Херею нужно рассматривать как настоящего виновника всего дела...» (19,1,14)

По выжимочно скомканному эпитоматорами Диону, заговорщики перегородили Гаю дорогу в крытом дворцовом переходе уже после того как он посмотрел на мистериально-гимнических мальчиков из Греции и Ионии, и накинулись на него, нанося удары мечами: «...они перехватили его в узком проходе и убили. Когда он упал, ни один из присутствовавших при этом не оказал ему помощи, но все принялись с жестокостью наносить удары, продолжая наносить их и тогда, когда он был уже мёртв; а некоторые даже рвали его плоть зубами...» (ехс. 59,29,7)

Как видим, античные авторы частично разнятся. На наш взгляд, свидетельство автора Ив. Флавия, к-рый, к тому же, пользовался, даром что, как полагают, опосредованно, т.е. в чьём-то пересказе, свидетельством очевидца и участника событий (историка) Клувия Руфа, заслуживает, в сравнении с рассказами авторов II/III вв. – Светония и (представленного выжимками позднейших хронистов) Диона,

заговорщики импровизаторски-издевательски инсценировали (человеческое) жертвоприношение (самого) возмнившего себя воплощением всех богов (= и владыки Юпитера) «бессмертного» Калигулы.

При жертвоприношении жертвенное животное окроплялось святой водой и вином, его голову посыпали жертвенной мукой (*molla salsa*; *immolatio*) и ладаном. Отдавав вина и дав отпить участникам жертвоприношения, жрец отрезал на лбу животного пучок волос и бросал его в огонь. Потом, проводя ножом от лба животного до хвоста, он говорил, повернувшись лицом к востоку: «Животное освящено» (*macta est – magis aucta*). Тогда помощник жреца виктимарий спрашивал его: «Agone?» (можно), и если жрец отвечал «Nos age!» (приступай = делай своё дело), он убивал животное. При этом, чтобы жертва была благоприятной, надо было убить животное сразу. Затем подходили культрарии и ножом перерезали животному горло. Причём, если в жертву приносились не бык или корова, а свинья или овца, то действовал только культрарий (ножом) без (молота) виктимария.

⁹³ По Флавию, в таких экстремальных ситуациях (в к-рых сам Флавий бывал) человеку, тем более, когда от его действий зависит слишком многое и всё поставлено на карту, не до подобных размышлений.

наибольшего доверия. Но правильнее все три свидетельства скомбинировать, не пренебрегая ни одним из них.⁹⁴

По всей видимости, Гай, действительно, успел миновать помещение, где обрелись мальчишки – участники готовившихся драм-мистерий (коротко пообщавшись с ними), причём в сопровождении, кроме преторианцев и Павла Аррунция, ещё и Винициана, и ряда других сановных свитских, тогда как ушедших вперёд, точнее, не свернувших или не сошедших с Гаем в тёмный подземный проход-переход, Клавдия, Виниция и Азиатика среди них не было. И скорей всего, это Сабин преградил Гаю путь, выйдя на него и спросив у него, согласно установленному порядку, пароль, в то время как Херея был в числе сопровождавших кесаря, находясь позади него.

Так и произошло, поскольку комбинируя Флавия со Светонием, можно вывести, что Херея нанёс колотый, но не рубленый, вонзив меч в Гая, удар первым, к тому же, сзади (если уж меч проник между плечом и шеей-горлом, остановленный ключицей), а Сабин, толкнув жертву или проткнув мечом, ударил вторым. После этого Гай с криком: «Я жив!» рухнул на колени и стал получать удары, наносимые преторианцами (Херея, Сабин...), сенаторами (Винициан, Аррунций...), всадниками (Аквила?...), безмянными центурионами отовсюду.

Притом они наносились ему и тогда, когда, неизвестно на каком (из, в общей сложности, ок. тридцати ударов) окончательно смертельном ударе, нанесённом, сообразно Флавию, неким Аквилей, он распластался в луже крови на полу, будучи уже мёртв (успев ли понять, что он – очень даже смертный малый – никакой не бог?!). И, если верить Диону, ярость заговорщиков была столь сильна, что иные, не утолив жажду крови ударами клинков, принялись (словно волки или гиены) рвать его ещё бьющееся в предсмертных судорогах-конвульсиях тело зубами.

⁹⁴ Из двух как философски, так и люто отторгающих Гая персонально знакомых-общавшихся с ним (сходно Клувию Руфу) современников событий – Сенеки и Филона, пишущий Луцилию об изменчивости Фортуны Сенека замечает: «...Гай Цезарь приказал (казнённому в 39г. по делу о заговоре Гетулика-Лепида – К.3.) Лепиду подставить шею под меч трибуна Декстра – и сам подставил её под удар Хереи...» (Ер. 4,7). В «Диалогах» (2,18,3) констатируется убийство (совершившего множество злодеяний безумца) Гая Хереей. Что касается Филона, то он, помимо «Посольства к Гаю», написал специальный труд, посвящённый, повторим, роковому печально-закономерному концу всех верховных или сановных врагов еврейства, среди к-рых и Сеян, и Пилат, и Гай, но к-рый, т.е. этот труд, к сожалению, до нас не дошёл.

Труды языческих авторов-бreviarистов IVв. Аврелия Виктора и Евтропия содержат общую короткую информацию. Авр. Виктор: «...по почину Хереи, люди, в к-рых ещё жила римская доблесть, замыслили спасти Республику от гибели путём его (Гая) устранения...» (3,13). Евтропий: «...И поскольку всем он (Гай) являл свою великую жадность, похоть и жестокость, он был убит на Палатине...» (7,12,4). Христианский автор Орозий в Vв. говорит о Калигуле как о человеке «наипостыднейшем, превзошедшем в этом всех, живших до него» (7,5,1), и ниже сообщает: «...Но Калигула, враждебный ко всем людям, а к иудеям и подавно, презрев посольство Филона, приказал осквернить языческими жертвоприношениями все священные места иудеев и, в числе первых, тот древний храм в Иерусалиме, наполнить их статуями и изображениями богов, а также повелел почитать себя как бога. Пилат же, наместник, к-рый вынес обвинительный приговор в отношении Христа, после того как он вызвал и претерпел в Иерусалиме множество волнений, был подавлен такой тревогой, исходившей от Гая, что, пронзив себя собственной рукой, в скорой смерти искал сокращение мучений» (7,5,7/8).

Интересно, что Орозий косвенно подтверждает 39-й г. н.э. и как дату калигулианского приказа Петронию водрузить императорскую статую в Иерусалимском храме, и как дату самоубийства в галльской ссылке Пилата.

Потом, удостоверившись, что Калигула, к-рому было нанесено больше ножевых ударов (30), чем Ю.Цезарю (22/23), не жив, что устроенное ими сафари на деспота увенчалось успехом, его убийцы ретировались, – в пределах общего палатинско-императорского дворцового комплекса, включая (соединённые между собой) дворцы Августа, Тиберия и др. членов клана Augustana: из дворца Калигулы в расположенный по соседству дворец его отца Германика (И.д. 19,1,15).

Тем временем, весть о минимум покушении на императора (с неведомым исходом), через разбежавшихся рабов и слуг-привратников, к-рые были повсюду, равно через испуганно бросившихся врассыпную певчих мальчиков, пошла гулять-просачиваться по дворцовым коридорам и палатам, обрастая в пути самыми невероятными слухами и приводя одних – в восторг, других – в страх и трепет (будь то за себя, за близких, или за Город с державой), третьих – в ярость, приправленную стремлением незамедлительно отмстить за злодейское преступление и покарать убийц.

Среди первых было множество ненавидевших Гая соучастников заговора, посвящённых в него и не посвящённых, однако искренне обрадовавшихся случившемуся, разумеется, без выброса радости, из соображений безопасности, поначалу наружу. Вторые в основном представляли публику в театре, к-рая ужаснулась при вести о произошедшем, боясь-трясаясь за себя и за всё вокруг. Третьими же были, перво-наперво, телохранительные германцы (т.к. относительно какого-либо касательства к этому заговору в день 24.01. патрульно-пожарных вигилов или воинов городских когорт-*urbanae*, во главе с их префектами, сведения отсутствуют).

И именно они, не разбираясь, повторим, в политической кухне Рима, по сути, единственные, возгорелись мстостью за покушение на всегда денежно и подарочно щедрого к ним Гая, кто в этот роковой для него день имел, сопровождаемый преторианцами и т.н. друзьями, неосторожность не иметь преданных ему германцев в момент покушения рядом.

Относительно преторианцев, – в Риме, в казармах на Виминале, с 22г. н.э. стационарировались 9 гвардейских когорт (Д.И. 622) и, насколько известно, Калигула (увеличивший их кол-во до 12-и?) не сокращал их численность в Городе (если, конечно, он не распределил часть когорт, сходно Августу, к-рый не держал в столице больше 3-х когорт, по постам в ближних италийских городах), но в то же время Флавий, опять-таки, не очень внятно говорит, приложительно к январю 41г., о (всего) 4-х когортах (И.д. 19,2,3).

Т.е., в Риме было больше 4-х когорт, следуя чему, можно сделать вывод, что 4 когорты были задействованы в дни *Ludi Palatini*, а остальные пребывали в казармах, и отнюдь не факт, что их офицеры и воины тоже знали о заговоре, между тем как трибуны двух когорт – Херея и Сабин, при однозначном одобрении их действий со стороны двух преторианских префектов, являлись главной убойной силой заговора и заговорщиков. Иначе говоря, не удивительно, что при подобном раскладе плотного преторианского участия и соучастия в комплоте гвардейские когорты в целом сохраняли спокойствие, правда, оставалось неясным, как они (не в полном составе и не тотально интегрированные в заговор) себя поведут (дальше), если ситуация изменится или выйдет из-под контроля.

При всех случаях, повторяем, безальтернативными мстителями за Гая выступили-оказались, не считая светониевских носильщиков с шестами, грозные и свирепые германцы, готовые порвать за своего благодетеля всех и каждого. Оповещённые о покушении, они, в унисон с носившимися вокруг слухами, будто Гай лишь ранен, «бросились по всему зданию разыскивать убийц императора» (И.д. 19,1,15), чтобы незамедлительно покарать их.

Первым им попался Аспрен, к-рый, приближая, как один из участников заговора, развязку, судя по Флавию, убедил в театре колеблющегося Гая пойти искупаться, но сам ни к прошедшим дальше во дворец Клавдию, Виницию и Азиатикку, ни к Гаю, в числе его убийц, вроде бы осмотрительно не присоединился. Но это его не спасло, так как его забрызганной (утренней) кровью (жертвенного фламинго) тоги оказались достаточно; германцы увидели в ней кровь Гая и остервенело изрубили Аспрена мечами, не дав ему опомниться, на мелкие куски.

Второй жертвой германцев стал аналогично попавшийся им на дальнейшем пути мести сенатор Норбанн, кто несмотря на свой преклонный возраст (ок. 60 лет?), обладая незаурядной физической силой, вступил в неравный бой с нападавшими, выхватил у первого из них меч и нанёс удар, но сбитый с ног массой противников, сродни Аспрену, был изрублен ими. Третья сенаторская жертва — некий ближе неизвестный Антей, к-рый, непосредственно не участвуя в заговоре, поспешил во дворец, прослышав о покушении и желая радостно удостовериться в смерти Гая, кто ранее сослал и позже велел убить в ссылке Антеева отца (19,1,15).

Единовременно, в театре, куда дошли и затем приумножились вызвавшие у различных людей из публики различные эмоции путаные известия о случившемся, царили смятение, недоверие и нарастающая всеобщая тревога перед угрозой расправы со стороны германцев. Ибо они, расправившись с названными тремя сенаторами и несколькими др. безмянными персонажами, окружили театр с мечами наголо, пока вокруг продолжали распространяться нелепые байки, что Гай лишь ранен, а не убит, и, мол, уже явился, залитый кровью, на Форум, где говорит с народом (19,1,16).

Между тем, подогреваемые этими слухами германцы грозили театральной публике, полагая нахождение Гаевых убийц именно здесь, откуда целый и невредимый император вышел в сопровождении группы зрителей, резнёй, с трудом уступили (наконец) отчаянным воплям разношёрстных зрителей о пощаде, но при этом назидательно возложили головы Аспрена и прочих убитых на алтарь в театре (19,1,17). Вместе с тем, и соучаствовавшие, и не соучаствовавшие в заговоре преторианцы, повинувшись своим командирам, сохраняли спокойствие, что грозило их столкновением с требовавшими мести германцами, к-рые очень хотели верить, что Гай уцелел и вот-вот объявится.

Ситуацию верно оценил и хитро разрядил некто Еварест Аррунций, по Флавию, аукционный глашатай, ненавистник Гая и один из крупнейших богачей Рима (19,1,18), надо полагать, родственник Павлу Аррунцию. Притворившись «в высшей степени опечаленным», он пришёл в театр в трауре и с (крокодиловыми) слезами на глазах объявил о смерти кесаря, вскоре после чего явился с трибунами и Павел Аррунций, за к-рым послали и к-рый через трибунов приказал германцам вложить мечи в ножны, поскольку все их отмстительные (не без видов на императорскую благодарность-щедрость) потуги бесполезны, так как Гай совершенно точно мёртв. И раз уж он *совсем* мёртв, значит, германцам незачем больше рассчитывать на вознаграждение. И германцы понемногу угомонились.

А Херея, признав ранее, как мы помним, в Аннии Винициане вождя и выразив готовность идти за ним до конца, беспокойно искал ныне повсюду потерянного им в суматохе Винициана, боясь за его жизнь и всячески стараясь узнать что-нибудь о его судьбе. Однако опасения оказались напрасными, так как Винициан был приведён к преторианскому префекту Клименту, кто «отпустил последнего и тем самым вместе с прочими сенаторами явно засвидетельствовал правильность совершённого (заговорщиками) поступка и доблесть всех тех лиц, к-рые задумали его, хотя и не все из них могли лично принять участие в этом деле» (19,1,18).

POSTSKRIPTUM

Так началось официальное одобрение благой ликвидации тирана, следом за чем сенат собрался на заседание-совещание демонстративно в сенатской курии храма Юпитера на (противопоставленном императорскому Палатину) республиканском Капитолии, «а народ, по своему обыкновению, двинулся к Форуму и расположился там» (19,1,20).

Недалёкий оптимист (в отличие от мрачного пессимиста и последнего староримлянина Тацита) новоримлянин Светоний из ок. 120 — 30гг. н.э., полагая, что всё плохое в римской истории благодаря «умеренности и справедливости» правителей Антонинов, подаривших-де Риму «счастье и благополучие» (Дом. 23) нового «Золотого века» (Дом. 23), осталось позади, в конце «Жизнеописания Калигулы» пишет:

«Каковы были те времена, можно судить уже по тому, что даже вести об убийстве люди поверили не сразу: подозревали, будто Гай сам выдумал и распустил слух об убийстве, чтобы разузнать, что о нём думают люди. Заговорщики никому не собирались вручать власть, а сенат с таким единодушием стремился к свободе, что консулы созвали первое заседание не в Юлиевой курии, а на Капитолии, и некоторые, подавая голос, призывали истребить память о Цезарях и разрушить их храмы. Но прежде всего было замечено и отмечено, что все Цезари, носившие имя Гай, погибли от меча, начиная с того, к-рый был убит ещё во времена Цинны» (Кал. 60).⁹⁵

По Диону⁹⁶ (exс. 59,30,1a), и сенаторы (на Капитолии), и собравшийся (на Форумe) народ, принялись поносить Гая, к-рому они перед тем, клича его «Юпитером» и «Богом», приносили жертвы, и охотно занялись ниспровежением его статуй и изображений, вспоминая о причинённых им римскому народу несчастьях. Присутствующие вспоминали его слова: «О если бы у римского народа была одна шея!» Теперь же выяснилось, что это у него всего одна шея, тогда как у них много рук. Тем не менее, некоторые преторианцы взволновались, ищучи убийц (59,30,1с; 2). И тут появился (известный дружбой с Гаем) консуляр Валерий Азиатик, к-рый вышел к народу и на прямой вопрос: «Кто убил Гая?», воскликнул: «О если бы убийцей был я сам!» (т.е. — им хотел бы быть я).

По Флавию, волновались и шумели не преторианцы, а народ, — «недовольный тем, что до сих пор ещё не найдены убийцы императора», и успокоенный словами Азиатика (19,1,20). Противоречия здесь нет, так как волноваться и шуметь с требованием назвать или предъявить убийц, к-рые быстро превратились из вроде бы преступников во вроде бы героев, могли и часть преторианцев, и народ.

Далее консулы Г.Сентий Сатурнин и (совсем недавний целователь ног Гая) Кв.Помпоний Секунд велели перенести казнохранилищные сокровища (из храма Сатурна) на Капитолий, выставили охрану из сенаторов и преторианцев, чтобы

⁹⁵ «Все Цезари» — т.е. ранние Юлии и носители, до конца в 68г. н.э. с Нероном династии Юлиев-Клавдиев, как собственного, так и фамильно-династического когномена «Цезарь» (*слон?*), — это: 1) родственный Ю.Цезарю Г.Юлий Цезарь Страбон (Юл. 55,2), убитый марианцами в 87г. до н.э.; 2) сам Г.Юлий Цезарь, убитый 15.03.44г. до н.э.; 3) внук Августа Г.Цезарь, умерший, как получается по Светонию (что отчасти верно), от последствий ранения, нанесённого ему коротким мечом (или кинжалом) командира армянской крепости Артагира 9.09.3г. н.э. (Р.л. 1140-42); 4) Г.Цезарь Август Германик (Калигула).

⁹⁶ Если Тацит, время творчества к-рого совпадает с концом ротационной архангельской эпохи Кроноса-Сатурна (248г. до н.э. — 108г. н.э.), последний латинский анналист, между тем как живший-творивший в П.в. до н.э. и писавший (ещё) на греском Фабий Пиктор — первый, то замыкающий античную анналистику Дион — последний (уже) греко-римский анналист (как своеобразное, вдогонку, дежавю сатурнальной эпохи историков-анналистов в эпоху Анаэль-Венеры — 108-462гг. н.э.).

избежать возможных грабежей со стороны черни, и занялись, при участии преторианских префектов, равно заговорщиков (соратников Сабина и Хереи), вопросом о том, как быть дальше (59,30,3).

Согласно Флавию, «консулы издали прокламацию с обвинениями против Гая, в к-рой предлагали народу и войскам разойтись по домам и казармам; при этом они обещали народу значительное сокращение налогов, а войску почётное вознаграждение, если только они соблюдут обычное спокойствие и не будут прибегать к насилиям. Дело в том, что возникло опасение, как бы народ и войска не обратились к грабежу и разорению храмов и город таким образом не пострадал бы при таком возбуждённом состоянии их. Впрочем, скоро все собравшиеся сенаторы, особенно же заговорщики, учинившие убиение Гая, стали выказывать большую смелость и решимость, как будто бы власть уже перешла в их руки» (19,1,20).

На заседании сената смелеющий-храбреющий на глазах Сентий Сатурнин произнёс зажигательную республиканскую речь, в к-рой поставил избавителя Рима от тирана доблестного Кассия Херею выше Брута и Кассия, к-рые-де «своим поступком посеяли смуту и междоусобные распри в государстве», в то время как Херея, «убив тирана, тем самым избавил город от всяких бедствий» (19,2,2).

И хотя некто Требеллэн Руф, вскочив с места, насмешливо совлёк с пальца пламенного оратора «перстень с камнем, на к-ром было выгравировано изображение Гая» (19,2,3), к-рое Сентий, захлебнувшись нахлынувшей на него свободой, в пылу забыл снять, речь его была с восторгом принята присутствующими сенаторами и всадниками, выступившими в большинстве за то, чтобы покончить с династическо-принципатовской тиранией Цезарей и возвратиться от мнимой Республики де-юре к возрождённой Республике — де-юре и де-факто.

Своим экстремально и экстремистски деструктивным менее чем 4-летним правлением Гай умудрился до такой степени опустить в дерьмо цезариат-принципат, скомпрометировав оный больше, чем все цезари-кесари до него вместе взятые, что предыдущие свыше 80-и лет римской истории, в к-рые убийство Цезаря Брутом и Кассием считалось подло-предательским преступлением, как бы сошли на нет. А фактический труп Республики, давно (с почестями) зарытый Августом, при всех внешних республиканских атрибутах Империи, в могилу, был, на сиюминутном порыве, извлечён из неё, объявлен с высокой парламентской трибуны образцом-идеалом добродетели и (несмотря на исходивший от него трупный смрад) бравурно поднят на прославительный щит. Ну разве не умора!

Но это была только карикатура, финишировавшая на другой день, поскольку Рим размером с половину мира не мог существовать без пирамидального, неосмотрительно и глупо превращённого уродцем Калигулой в теократическую вертикаль, режима военной диктатуры с Принципатом кесарей на её пике (без альтернативы иного выхода из пике). Т.е. сенаторы со всадники напрасно (без всяких на то серьёзных оснований) усмотрели, коротко упиваясь т.н. свободой, в произошедшем (не более чем) дворцовом перевороте «великую революцию».

И не случайно на следующий день 25.01.41г. именно от немислимого без командирского единоначалия (прежде всего, столично-преторианско-гвардейского) воинства (часть к-рого в первый день поддалась общей пустозвонно-республиканской эйфории) и от племса (для к-рого вождь всегда предпочтительнее олигархов) изойдёт твёрдая инициатива поставления во главе империяльного государства нового кесаря. Но об этом мы побеседуем позже, в соответствующем разделе нашего повествования. А пока закруглимся с историей и концом Калигулы.

Тем временем, вечером 24.01. преторианцы, на всё той же волне элитного оргазма от пьяного ветра мнимых свобод, получили от консулов, по запросу героя дня Кассия Хереи, пароль «свобода». Причём, сообразно Флавию, консулы даже уди-

вились своей консульской смелости, так как им впервые, спустя «сто лет после утраты власти» (19,2,3), пришлось назначать пароль. Примечательно, что убийство Калигулы случилось (о чём Флавий не знает, вольно округляя до сотни число лет от Рубикона 49г. до н.э.) как раз на 100-м году от облечения в 59г. Цезарем (его первого) консульства, того самого, к-рое в шутку называли не консульством Цезаря и его парного коллеги Бибула, но «консульством Юлия и Цезаря», потому как единовластный Цезарь настолько затретирировал Бибула, что тот даже не выходил из дома, что символически предрекло грядущую цезаристскую диктатуру.

Херея же, вообразив себя истовым революционером и тотальным избавителем Рима от тирании во всех её проявлениях, прямых и косвенных, теперь, «желая довести дело до конца» (19,2,4), снарядил трибуна (или центуриона) Юлия Лупа (к-рый приходился родственником префекту Клименту и горел желанием постпри-мазаться к славе борцов за свободу) на убийство вдовы Гая, Цезонии, и её (без ок. недели) годовалой дочери Друзиллы.

Это одобрили не все, углядев в намерении убить вдову и ребёнка чрезмерную жестокость. Однако, высказавшиеся в поддержку Хереи винили в безумии Гая именно Цезонию, мол, опоившую его любовным зельем и сделавшую из него послушную игрушку своих прихотей, включая совершение им множества преступлений и казней многих выдающихся граждан. Увы, в день звёздного часа Хереи верх, разумеется, взяло его (Кассий в позе обоих – Луция и Марка – Брутов) непоколебимое слово (тираноубийцы).

Уже к ночи Луп, в сопровождении нескольких воинов, заявился во дворец Калигулы, найдя несчастную и полную отчаяния Цезонию, возле к-рой на полу сидела её маленькая дочь, горько причитающей над окровавленным трупом Гая, лежавшим, согласно Флавию, «на земле и совершенно не удостоившимся того, что закон повелевает оказывать мёртвому» (19,2,4). Притом Цезония всё время повторяла, что Гай не послушался её, «когда она неоднократно уговаривала его».

Насчёт последнего, мнения позже разделились: «Одни истолковывали эти слова в том смысле, что она уговаривала его отказаться от своей безумной жестокости по отношению к гражданам и мягко и добропорядочно править делами, чтобы не погибнуть от руки сограждан. Другие же уверяли, будто, когда стали распространяться слухи о существовании заговора, она советовала Гаю, не откладывая, перерезать всех заговорщиков, даже если они не успели причинить никакого зла, и тем обезопасить себя...»

Но Гай явно ничего не знал о стоившем ему жизни заговоре, иначе не преминул бы превентивным ударом обезопаситься. Так или иначе, увидев и подумав сперва, что Луп пришёл её утешить, Цезония, указывая на труп мужа, со слезами и стонами попросила пришедшего подойти поближе, а поняв, по его (кто взялся за меч) поведению, зачем он пришёл, – «с полной готовностью обнажила шею, умоляя его в полном отчаянии готового к смерти человека не медлить дольше и привести в исполнение то, что ему поручено».

Затем, если она умерла от меча, то Гаеву крохотную дочь взяли за ноги и размо-жили ударом о мраморную колонну или о стену, с к-рой, как говорят, кровь потом не смывалась, или появлялась на ней снова и снова аж до времени гибели Нерона.

Сим, по истечении дня 24.01.41г. н.э., где-то ок. полуночи, завершилась история принципата и деспотии Калигулы, вместе с к-рым, вернее, после убийства к-рого, погибли также его жена и ни в чём не повинная, не успевшая дожить считанные дни до своей первой годовщины дочь. Этим жестоким, типичным для «пламенного революционера» убийством женщины и ребёнка, непоколебимый Херея, с его примитивно-эфемерными идеалами абстрактной свободы, показал и доказал, кто он (ядовитая бабочка-однодневка) есть на самом деле.

Показал-доказал, ещё не ведая, что не далее как днём 25.01.41г. и он, всего лишь сделавший своё дело мавр-убийца, и вместе с ним (палач) Луп, по (вновь зарывшем-похоронившем смрадную республику) провозглашении императором Клавдия, умрут — императорским велением — от меча.

А труп Калигулы, плюс, вероятно, трупы Цезонии и Друзиллы, предал сожжению в Ламиевых садах на Эсквiline Ирод Агриппа. Дело в том, что, если Флавий, увы, вновь невнятно-бессвязно, говорит о «сносении трупа Гая на его ложе (понимай — погребальное) и покрытии его там одеялами» Агриппой (19,4,1), не распространяясь относительно кремации, то у (не упоминающего Агриппу) Светония сказано: «Тело его тайно унесли в Ламиевы сады, сожгли наполовину на погребальном костре и кое-как забросали дёрном. Потом уже его вырыли, сожгли и погребли возвратившиеся из изгнания сёстры...» (Кал. 59).

Т.е., скомбинировав (невзирая на разночтения) Флавия со Светонием, можно умозаключить, что находившийся в то время, с конца 40г., в Риме Агриппа единственный озаботился погребением никого не волновавших или умышленно оставленных на поругание останков его друга Гая, что, впрочем, было сделано им ночью, впопыхах и наспех (из опасения подвергнуться нападению со стороны ненавистников убитого).

И, кстати, не удивительно ли отсутствие рядом с Гаем Агриппы в заключительный день Палатинских игр — с утра, в театре, в императорской ложе? не удивительно ли само агриппианское появление только ночью, только в связке-увязке с трупом и погребением? Спрашивается, почему он отсутствовал (чем был неотложно занят? или чем отговорился? б.м., что-то зная о предстоящем покушении?) и где шарился весь день? к-рый не был ни покойной для иудеев субботой, ни постно-иудейскими понедельником или четвергом, став для Гая роковым чёрным вторником, под знаком именно багрового Марса!²⁷

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём итоги. Итак, если Август сопровождал нас на протяжении всей первой книги нашей трилогии («Р.л.»), а Тиберий на протяжении всех трёх книг («Р.л.»; «Д.И.»; «Т.Г.»), что не удивительно, так как долгожил Август — кесарь-современник Р.Х., а долгожил Тиберий — кесарь-современник собственно Таинства Голгофы, то на воспроизведение, в формате взятого нами на вооружение хроноповествования, короткого, в Век Апостольский, правления и персоны погибшего всего на 29-м году жизни и всего на 4-м году властвования Калигулы, нам, понятным образом, понадобилось гораздо меньше места и времени.

Причём его короткие, поднятой не на своих крыльях бесперспективной (квази)звезды, восход, взлёт и полёт, за к-рыми последовали катастрофические срыв (Фаэтона) с орбиты, падение и гибель, в свете всего узнанного нами о нём, согласитесь, не удивляют.

²⁷ Либо совсем недавно небезуспешно заступившийся перед (отозвавшим свой приказ об установлении императорской статуи в храме) Гаем за иудеев и храм, в рамках (уважавшейся Августом и Тиберием) иудейской самобытности, Агриппа не пожелал присутствовать на языческих *Ludi* как (правоверный) иудей, в каковом ампула он (по делу установления-неустановления кесарской статуи в храме) себя позиционировал, и в понимание чего Гай вошёл? Позднее же узнавшему о совершенном где-то ближе к 15.00. убийстве кесаря Агриппе не было резона и виделось очень опасным соваться во дворец Калигулы до наступления ночи (до того как всё — и с Калигулой, и с его женой и дочерью — было кончено).

Если Ю.Цезарь, продиктаторствовав всего 5 лет, навсегда остался отцом-основателем имперского цезаризма (модель, к-рая, например, в России, до сих пор в наивысшей цене и в ходу) и великим Цезарем, то Калигула, невзирая на то, что был его трианоминальным тёзкой, плюс — Августом, так никогда и не стал ни Цезарем, ни Августом (ни даже Тиберием), навсегда оставшись даже не *цезарёнком* или *августёнком* (как, к примеру, замыкающий историю Древнего мира последний император Западной Римской империи — Ромул Августул), а, скорее, — жалким (да ещё кровожадным и кровавым) *цезаришкой* и *августийшкой!*

При всём том, за неполных 4 года пребывания у власти Гаю удалось до такой степени дискредитировать власть Цезарей и Принципат, что, говорим снова, считавшееся на протяжении аж ок. 80-и лет преступным и постыдным коварное убийство Ю.Цезаря Брутом и Кассием снова превратилось (пусть с оговорками) в героизм и в пример для (дегенеративно-народовольческого) подражания.

И вот даже часть обязанных своим рождением и существованием режиму Принципата преторианцев выступили, на волне охватившей Рим моментальной эйфории, приверженцами доцезарской республики, к-рую они никогда не видели и к-рую уже вообще никто из живущих на 41г. н.э. толком не помнил. Но к-рая, вдруг, обратилась (в эйфорическом восприятии римлян) из беспредела олигархов (многожеланный конец чему положили Цезарь и Август) в олицетворение *свободы и справедливости*, ради к-рых Рим пришёл в мир, и к-рые Рим, распростёршись на половину мира, империально похоронил. «Республика — пустое имя без звука и запаха» — правильно сказал, подписав ей смертный приговор своим великоисторическим переходом через Рубикон, гениальный Цезарь.

То-то республиканское дежавю части преторианцев во главе с заигравшимся в цереубийственную свободу солдафоном Хереей и части пришедших в испуганный восторг от короткого ощущения собственной значимости-значительности и тоже заигравшихся сенаторов продлилось не более суток. До 25.01.41г., когда большинство преторианцев и плебса, а главное, сама необратимость режима Принципата быстро свели игры в Республику на нет.

Хотя и эта карикатурная апелляция к навсегда почившему прошлому в имевшей место форме явилась следствием чересчур деструктивного, чересчур перешедшего все границы правления Калигулы, кто, впрочем, сумел пустить под откос самого себя, не сумев и не могучи извести Принципат. Ибо последний проживёт, метаморфизируя, ещё почти два с половиной века, с достижением модифицированной кульминации при (взывавших к консенсуалисту-универсалисту-дуалисту Августу) Антонинах, и придёт, после падения Северов, к долгой агонии 235 — 84г., к-рая завершится установлением-учреждением Домината. И установитель-учредитель последнего Диоклетиан делается своего рода новым Цезарем, а его преемник Константин (при к-ром Рим обратится к церковному, в видах на государственное, христианству) — своего рода новым Августом.

Но сейчас речь не о том. Если 3 года и 3 месяца Иисуса Христа от Крещения до Голгофы были восхождением Царя Иудейского, восхождением первосвященника вовек по (особостатуированному царскому) чину Мелхиседека, восхождением Царя Царей не от мира сего в Смерть, Воскресение и Бессмертие, то 3 года и 3 месяца Калигулы, после его болезни и губительного посвящения осенью 37г., стали временем его чудовищного, в ускоренном темпе, поступательно-поэтапного ниспадения в бездну.

И ниспадение это сопровождалось террористическим беспределом, казнями, репрессиями, претензией на абсолютистскую теократию, разрывом с дуалистической (принцепс и сенат) системой Августа, финансовым крахом, грабительским

налогообложением и т.д.⁹⁸ Созданная Августом *египетская пирамида* Принципата в республиканском гриме – да! Однако, негоже столь вызывающе, требуя чуждого Риму ориентально-деспотического проскинеза, превращать (новофараонскую) *пирамиду* в оскорбительную для Рима откровенно абсолютистскую вертикаль!

Расставшись на три с половиной дня, при приказным порядком вырванном им без должной подготовки и без того декадентным-деградантным посвящением, со своей извлечённой из его тела посвятивателями-иерофантами душой, Гай поднялся с одра на 4-й день, как анти-Лазарь, другим человеком. Вернее, недочеловеком, обречённым, в отличие от Лазаря, не на новую-обновлённую жизнь во Христе, но на самоуничтожение, навстречу к-рому он с тех пор рвался, от раза к разу увеличивая скорость, пока не нарвался на мечи-кинжалы заговорщиков-убийц, буквально подставившись под них и не сумев, не успев – «хоть немного ещё постоять на краю».

В политике, как и в жизни, очень важно не перегореть раньше срока (почему, в частности, и не следует пускать в руководство государством неперекипевший молодняк), а Гай не только саморазрушительно перегорел за означенные 3 года и 3 месяца недужной власти, но и безостаточно пожог все пробки. Наличествуй в его эпоху электрические лампочки, они бы непременно взрывались в его присутствии от источавшейся им самоубийственно-чёрной энергии.

Он всё стремительнее летел вниз, и после изобличения-разгрома заговора осенью 40г. у него как бы наступило кислородное голодание зрительного нерва, закрывшее периферийный обзор, из-за чего он (мнимое воплощение всех богов и богинь) полностью лишился чувства самосохранения и полностью потерял чувство меры. С одной стороны, – подсознательно спеша в объятия смерти, а с другой, – всё более и всё болезненнее воображая себя божественно неуязвимым. Воспаление мозга и ад в душе! Неоправданная игра на погибельный разрыв аорты!

Если Христос 3 года и 3 месяца побеждал мир, чтобы крестно искупить человечество и взойти, одолев смерть, к Отцу, то Гай 3 года и 3 месяца, губя себя и Рим, зигзагами нисходил в преисподнюю, чтобы отдаться её мраку (вселенная разорвалась и всё поглотила тьма) до нового неприкаянного воплощения.

Тиберий сделал из него, из последнего запасного кронпринца семейства Германика (в условиях довременного ухода представителей промежуточного поколения – Германика и Друза), своего кланово-фамильного преемника, увы, не взрастив в нём (и не торопясь возвращать, и не имея для этого нужного времени), маломальски адекватного правителя, не сродни тому как Август (всё-таки) взрастил принцепса-кесаря из (при всех его недостатках) унаследовавшего власть в возрасте 55-и лет Тиберия. И приходится констатировать, что Тиберий был прав, когда незадолго до смерти сказал-напророчил высмеивавшему Сулле (недорослю и переростку) Гаю, что он будет иметь все недостатки-пороки Суллы (и не только Суллы), не имея при этом ни одного из его (и не только его) достоинств.

Гай – первый римский кесарь, воспритязавший на (само)обожествление среди римлян, между тем как его кесарские предшественники довольствовались статусом великих понтификов, т.е. обер-прокуроров синода, не притязая на божественность

⁹⁸ Если принципатовское детище Августа – моноархия за официальным фасадом и витриной республики – можно образно сравнить с тем самым анекдотом, согласно к-рому – «у меня на дверце сарая три буквы написано, а там дрова лежат», или правильнее, по Августу, сказать наоборот, «у меня на дверце сарая написано «дрова», а там на самом деле – три буквы», то Калигула пожелал, имея в сарае «три буквы», запечатлеть-увековечить их также на официальном фасаде с витриной, попытка чего провалилась, поскольку даже при самой абсолютной моноархии необходимо соблюдать некоторые внешние приличия (традиционные-освящённые нормы), не нарушая установившиеся правила игры.

в Риме, не случайно был (младшим) современником Иисуса Христа, К-рого он, акцентируем ещё раз, оттолкнул от себя, встретившись с Ним, во время своего мистериального посвящения, в духовном мире.

Оттолкнул и стал тем самым Его преемствовавшим Тиберию, Его притязующим, в пику Христу Все-Спасителю, на универсальную всебожественность мирским и оккультно-таинственным антиподом № 1 в беспрецедентный Век Апостолов и Цезарей. Ещё никто из правителей, после противопоставившегося Богу Древнего Завета Антиоха Эпифана, не противопоставлялся Богу Нового Завета так, как противообраз Христа Господня, как противообраз истинного Сотера-Спасителя – одержимый демонией мрака – Гай Калигула.⁹⁹

* * *

О внешности Калигулы нас информируют (современник-очевидец) Сенека и зависящий от него Светоний.

Сенека: «...омерзительная бледность, выдающая безумие; дикий взгляд глубоко спрятанных под старческим лбом глаз; неправильной формы безобразная лысая голова с торчащими там и сям жалкими волосёнками; прибавь к этому шею, заросшую толстенной щетиной, тонюсенькие ножки и чудовищно громадные ступни» («О стойкости мудреца» 18,1). Светоний: «Росту он был невысокого, цветом лица очень бледен, тело грузное, шея и ноги очень худые, глаза и виски впалые, лоб широкий и хмурый, волосы на голове – редкие, с плешью на темени, а по телу – густые. Поэтому считалось смертным преступлением посмотреть на него сверху, когда он проходил мимо, или произнести ненароком слово «коза».¹⁰⁰ Лицо своё, уже от природы дурное и отталкивающее, он старался сделать ещё свирепее, перед зеркалом наводя на него пугающее и устрашающее выражение» (Кал. 50,1).

Сегодня говорят, что эти свидетельства враждебно-тенденциозные и не полностью отражают реальность, так как, мол, на дошедших до нас изображениях и монетах Калигула выглядит минимум не столь отталкивающе: высокий лоб, не совсем правильной формы и не совсем римский нос, острый подбородок, немного выпяченная нижняя губа.

Вероятно, как лично обиженный на Гая Сенека, так и апологет (выхваченного)

⁹⁹ Ново-новейшие (ничего не ведающие о метаистории) историки, разумеется, никак не рассматривают феномен Калигулы в (противо)связи с Таинством Голгофы, со Христом (при чём, мол, тут «плотник из Назарета?»), с христианством, или в ракурсе тёмного оккультного посвящения Гая, ограничиваясь его исторически зафиксированной-завизированной враждебностью к иудаизму и оппозицией иудаизма к нему. Характерна работа Г. Вильриха («Caligula» Klio III – 1903, S.85-118; 288-317; 307-470) – апологизирующего Калигулу (с попыткой учёного превращения всего известного о нём негатива в позитив), как Моммзен апологизирует (дескать, лучшего римского кесаря) Тиберию, в свете чего не только политические, но и морально-нравственные, и ментальные катастрофы и кризисы XXв. (последствия к-рых влияют и на век XXI-й) становятся куда понятнее. Объёмная статья М.Гельпера в RE («Iulius Caligula» V.10, S.381-423; 1917) фундаментальна, информативна, сделана на совесть и, одновременно, проникнутая рационал-материализмом, во многом, поверхностна и скучна.

H.Dessau «Geschichte der römischen Kaiserzeit» – 1924; 2,1, S.104-36; P.V.R.Balsdon «The Emperor Gaius» – 1934.

Современные монографии: Д.Нони «Калигула», Ростов-на-Дону – 1998г.; Э.Баррет «Калигула» (силится показать-доказать, что оболганный Гай, вопреки, дескать, давешним и современным утверждениям, не был деспотом), М-1999г.; И.Князький «Калигула», М-2009г.

¹⁰⁰ Capra – коза и одновременно парик – накладка (из козьих волос) на лысину. Capra pelata (итал.) – лысый козёл.

гротескного портрета Светоний несколько сгущают негативные краски, подтягивая внешний облик (не подлежащего реабилитации деспота) к внутреннему, но ведь монеты, чеканившиеся при Калигуле и др. сделанные в его правление изображения просто обязаны были изображать его привлекательнее, нежели он был в реальности!

Вспомните изрытое оспой уродливое лицо Сталина (во френче) на редких кадрах без ретуши (узколобий кинто) и бравого базарного орла, при импозантных звёздах белокительного генералиссимуса, на официальных портретах! Или вспомните повсеместные портреты членов политбюро ЦК КПСС (времени брежневского застоя), на к-рых эти пронафталиненные геронтократы (в составе чёртовой дюжины, по алфавиту, кроме первенствующего генсека) выглядели лет на 25 моложе и на порядок привлекательнее (красуясь с телеэкранов или в серых-скучных предкиношных выпусках «Новости дня»), чем в реальной жизни.¹⁰¹

Далее, некоторые современные авторы сомневаются в бездумном расточительстве и в катастрофической финансовой политике Калигулы, ибо, мол, до конца его правления чеканились золотые монеты, что-де свидетельствует о благополучном состоянии экономики, о правильном финансировании и о полной казне. Но, во-первых, такие предположения грубо противоречат всем античным авторам, и во-вторых, чеканка золотых монет очень даже может свидетельствовать о полной беспечности банкрота Калигулы. При Николае II тоже чеканились золотые монеты, однако будь из рук вон плохо ведомая-руководимая им (кто не тянул на царя) страна благополучной, она, невзирая на все прочие факторы, не слиняла бы, как метко выразился Розанов¹⁰², «в три дня», и люди не принялись бы в ней с таким беспримерным взаимоостервенением массово уничтожать друг друга.

Кроме того, – одна из излюбленных современно-исследовательских тем – здоровье-нездоровье Гая, с насчитыванием у него часто разнящимися между собой ново-новейшими авторами целого букета различных заболеваний-болезней: алкоголизм, гипертериоз, психопатия, шизофрения, эпилепсия, осложнение после летаргическо-эпидемического энцефалита.

Пристрастие к алкоголю античные источники специально не оговаривают, вывод же о злоупотреблении алкоголем делается опосредованно, на основании присущего Калигуле гедонистического времяпрепровождения и чревоугодия, что не обязательно означает, в т.ч., злоупотребление алкоголем, к-рое в отношении, например, Тиберия (Биберия) фиксируется-констатируется открытым, как общеизвестный факт, текстом. Признаки-симптомы гипертериоза (расстройство щитовидной железы) усматривают в Гаевой, несмотря на волчий аппетит, худобе, в неугомонности, плюс – низкая потребность в сне и изменчивость в поведении. На шизофрению и психопатию, понятно, пеняют, исходя из его (в нашем понимании) часто шизофреническо-психоптического поведения и соответствующих поступков. Энцефалит предполагают-диагностируют, приводя свидетельство ссылающегося на слова самого Гая Светония о насущной для него потребности-необходимости очистить (воспалённый) мозг.

Слово Светонию: «Здоровьем он не отличался ни телесным, ни душевным. В детстве он страдал падучей; в юности, хоть и был вынослив, но по временам от внезапной слабости почти не мог ни ходить, ни стоять, ни держаться, ни прийти в себя. А помрачённость своего ума он чувствовал сам и не раз помышлял удалиться от дел, чтобы очистить мозг. Думают, что Цезония опоила его зельем, к-рое должно было возбудить в нём любовь, но вызвало безумие. В особенности его мучила

¹⁰¹ Можно сказать, что советские мазила, искусно-искусственно омолаживавшие на повсеместно висевших портретах престарелых членов Политбюро были своего рода первыми пластическими хирургами.

¹⁰² «Это не царь отрёкся от России, это Россия отрёклась от царя».

бессонница. По ночам он не спал больше, чем три часа подряд, да и то беспокойно: странные видения тревожили его, один раз ему приснилось, будто с ним разговаривает какой-то морской призрак. Поэтому, не в силах лежать без сна, он большую часть ночи проводил, то сидя на ложе, то блуждая по бесконечным переходам и вновь и вновь призывая желанный рассвет.

Есть основания думать, что из-за помрачения ума в нём и уживались самые противоположные пороки – непомерная самоуверенность и в то же время отчаянный страх. В самом деле: он, столь презиравший самих богов, при малейшем громе и молнии закрывал глаза и закутывал голову, а если гроза была посильней, вскакивал с постели и забивался под кровать...» (Кал. 50,2; 51,1)

Неправильно механически экстраполировать на человека Древнего мира медицинские болезни человека современного и ставить римлянину IV н.э. врачебные диагнозы новейшего времени. Падучая, о к-рой говорит Светоний, – очевидна¹⁰³, но ведь (содействовавшей их величю) падучей страдали и Александр, и Цезарь. В остальном же, причины безумия, сумасбродств, экзальтации (и т.д.) следует, не делая упор на вышеперечисленных, в проекции на древность из современности, клинических недугов, искать, настаиваем, прежде всего, в оккультно-посвятительной болезни Гая, случившейся с ним в октябре/ноябре 37г. (задолго до контакта с Цезонией) и в её последствиях, куда вполне укладываются и шизофрения, и психопатия, и воспаление души с мозгом впридачу...

Отсюда гипертрофированно присущие ему, конечно, безумцу-сумасброду, что, наряду с тем, нисколько не умаляет и не оправдывает его (никогда не бывшего ангелом, но бывшего до болезни на порядок более адекватной и позитивной личностью) персональную порочность, черты. Отчасти они были обусловлены кармически, отчасти – развились в атмосфере дворцовых интриг. Семейная – в детстве, отрочестве, юности – гонимость-затравленность-травмированность и постоянно нависавшие над ним опасности, постоянно довлевший над ним, в нём комплекс пережитого и непреодоленного страха-ужаса...¹⁰⁴

Притом всё это достигло апогея под невыносимой тяжестью шапки *Мономаха*, вкуче с всемерно подчинившим его личность спиритуальным погужением в непосильные для него таинства. В нём уживались, иногда соседствуя, иногда калейдоскопически быстро, с женской алогичностью-непредсказуемостью-непостоянством, сменяясь-переменяясь: дерзость, инфантильность, мания величия, безрассудство, жестокость, коварство, хитрость, наивность, кровожадность, подозрительность, бесшабашность, лицедейство, шутовство-комедианство, и, наконец, почитавшаяся им самим лучшей чертой – невозможность – в смысле – безоглядное-непомерное бесстыдство.

И потом у поистине больших правителей нет стремления выглядеть-казаться великими, что сопутствовало Гаю в строгой арифметическо-геометрической прогрессии все 3 года и 3 месяца его однозначно больного, его однозначно деградирующего полновластия.

Он алчно стремился во власти к полному, за счёт присвоенной себе вседозволенности, раскрепощению своей личности, он обратил свободу воли в произвол-беспредел и закономерно пришёл к полному нигилизму, потерпев в итоге, помимо внешнего, полный внутренний крах (см. А.Камю «Калигула»). Он любил оскорблять людей (Сенека «О стойкости мудреца» 18,1), к-рых глубоко презирал, зачастую, вроде бы просто озорничая и проказничая. А зачастую, продолжая переживать себя

¹⁰³ Отсюда, в частности, неумение Гая плавать, чему римляне обязательно обучались с детства, но что смертельно опасно при эпилепсии, т.к. приступ может случиться в воде.

¹⁰⁴ Человек рождается как индивид, тогда как личность формируется.

в жизни на сцене и аналогично на сцене в жизни, не будучи — чем дальше, тем больше — в состоянии отличить реальность от спектаклярно-цирковой игры, отличить жизнь от представления-зрелища-балагана.

Не случайно он так живо сопереживал театральные постановки, подпевая актёрам и пританцовывая с ними, не случайно частенько выбегал, покинув императорскую ложу, на сцену и включался в игру. Он тоже мог бы, если бы успел, или если бы покончил с собой, пафосно воскликнуть о себе (до чёртиков жалея себя) перед смертью, как его (до конца игравший по жизни так и не сыгранную им главную роль) наидостойнейший продолжатель и племянник Нерон: «Какой актёр погибает!»¹⁰⁵

* * *

Науками Гай, знамо дело, не интересовался, за исключением риторики/ретирики, почитавшейся в античности одной из 7-и важнейших наук. И его пристрастие к ней, при учёте гипертрофированно присущих ему пафосности и позёрства, а также при его признававшей даже противниками незаурядной способности к краснобайству, вполне объяснимо. Желание же изгнать из библиотек Гомера или Т.Ливия может свидетельствовать как о деструктивной компетентности в отношении их трудов, так и о псевдомолодецко-нигилистическом апломбе по адресу многопризнанных авторов-авторитетов.

Стоит ещё вернуться к (шокирующей Филона, Флавия, Светония, Диона) экстравагантности в одежде, к экзотическим нарядам, украшениям и обуви этого экзальтированно эксцентричного арлекина на троне. От париков и простолюдинских плащей, практиковавшихся докесарским Гаем, при посещении кабаков и притонов, до божественных, причём и мужских, и женских, облачений опрокинутого-погружённого в вязкий Восток императора-теократора, временами терявшего не только чувство реального, но и чёткое переживание своей половой принадлежности.

Если гомосексуализм — постыдный, согласно традиционной и официальной римской морали, порок — практиковался в Риме отнюдь не только Гаем, широко практикуясь многими римлянами как до, так и после него, то открыто задействованный им инцест с сёстрами вышел за рамки всякой допустимо-недопустимой

¹⁰⁵ В «Диалогах мёртвых» французского священника, писателя, педагога и богослова Ф.Фенелона (1651-1715гг.) Калигула и Нерон сравнивают свои правления, кончившиеся для них обоих внезапной катастрофой («49-й диалог»). Оперы Д.М.Пальярди «Калигула в бреду» (1672г.) и Г.Ф.Телемана «Гай Калигула» (1704г.) упирают на безумие правителя. Примечательна драматургическая популярность темы Калигулы в XIXв. в разыгрывавшей историю Древнего Рима в миниатюре (не от Республики к Империи, но наоборот) пост-великореволюционной Франции, к-рая не угомилась, пройдя через итога 5 противомонархических революций (1789-94, 1830, 1848, 1870, 1871гг.), до окончательного установления в 1875г. республиканского строя: Н.Бразье, Т.М.Дюмерсан, Ш.д'Утрепон, А.Дюма-отец. Или, например, в Англии депутаты-виги (Г.Петти-Фицморис) критиковали высокое налогообложение консерваторов, сравнивая его с калигулианским (1822г.).

Или в России А.Пушкин (несправедливо) сравнил (самодура и Дон Кихота, но никак не кровожадного деспота) Павла I с Калигулой («Вольность»), не обойдя, однако, вниманием и его недостойных убийц: «Идут убийцы потаенны, / На лицах дерзость, в сердце страх». Или в Германии в 1894г. памфлет Л.Квидде «Калигула. Исследование о безумии римского императора» был истолкован как сатира на Вильгельма II и нравы II-го Рейха. В 1905г. вышла изображающая сцену убийства тирана историческая миниатюра шведского писателя и публициста А.Стриндберга «Кровожадный зверь». В 1917г. польский писатель К.Г.Растворовский в психологической драме «Г.Цезарь Калигула» впервые заострил внимание читателя на глубокой личной порочности Калигулы, а не на его безумии. Пьеса Камю «Калигула» (лучшее литературное произведение на тему) писалась в 1938-44гг., что уже говорит само за себя.

толерантности, являясь даже для повидавших виды глубоко порочных язычников-римлян *Ив. н.э.* столь же неприемлемым, как прижизненное обожествление какого-либо римского правителя. Согласитесь, эта гомосексуально-инцестуальная порочность Калигулы (или Нерона) весьма близка современно-языческому Западу, к-рый сегодня узаконивает однополые браки, а завтра очень даже может начать толерировать или узаконить (чего уж там!) и инцест, и педофилию, и скотоложество. Причём сегодняшние выступления представителей западной творческо-интеллектуальной элиты в поддержку гомосексуализма чем-то очень напоминают её кокетливо-жеманную моду в ХХв. на коммунизм, на левачество, на симпатии к Ленину со Сталиным, к Тито, к Фиделю с Чегеварой, и даже к Пол Поту с Иенг Сари.

О калигулианских браках и бесчисленных неразборчивых шашнях-связях с женщинами, независимо от их семейного положения, по сиюминутным прихотям императора, к-рый нередко уводил понравившихся ему замужних матрон в соседние покои в присутствии их мужей, или был одно время безумно влюблён в некую блудницу Париллиду см. выше. Здесь стоит сказать о его наиболее обращающих на себя внимание двух романах порывистого *пионера* и опытных *пенсионерок*, а именно о связи Калигулы с женой Макрона Эннией (после кончины умершей в родах Клавдиллы), и о последнем браке Гая с бывшей ок. семью годами старше него Цезонией, с кем он, всё-таки, нашёл и альковно-постельное, и семейное счастье.

Спрашивается, не была ли тяга к поднаторевшим в постели и в жизни женщинам на порядок старше него годами обусловлена его и инфантильностью, и неуёмной, при абсолютной распущенности в чувствах, чувственностью, и подсознательным поиском недополученного материнского тепла, равно материнской защиты?!

В дополнение к тому, следует снова обобщительно обратить внимание на обожаемые инфантильным Калигулой как театральные, так и цирковых развлечений: кровавые гладиаторские бои, колесничные скачки, умножение количества заездов, фанатичное боление за «зелёных», культ коня Быстроногого. Или закладка в Риме нового личного цирка императора, к-рый иногда давал цирковые или театральные представления ночью, имея обыкновение освещать весь город, или откладывать ради посещаемости цирка с театром дневные судебные заседания и сокращать сроки массового траура.

Мало того, бросается в глаза лихорадочное калигулианское строительство, сравнимое, как полагают ново-новейшие историки, со строительной активностью Августа, в отличие от пассивности Тиберия. Но Август с полным на то основанием говорил, что его зять Агриппа достаточно построил водопроводов, чтобы никто в Риме (в дома к-рого подавалась, в т.ч., горячая вода, чему в Ср. века никто не верил) не страдал от жажды, или, что он, Август, принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным. Между тем, практико-ориентированные сооружения Гая — зерновые пристани на Сицилии и в Калабрии, или акведуки Aqua Claudia и Anio Novus были при нём лишь начаты, сооружённые уже при Клавдии. Или вдохновивший было Калигулу цезарианский план прорытия канала через Коринфский перешеек так и остался в проекте. На такого рода полезные сооружения у него не хватало ни охоты, ни терпения.

Зато он преуспевал в строительстве дворцовом, — сооружение дворца Калигулы и расширение дворца Тиберия на Палатине, или в развлекательном — театральное и цирковое, например, возведение нового амфитеатра недалеко от Пантеона, или вышеупомянутого цирка с ипподромом на Ватиканском холме.¹⁰⁶ Или он отличился в излишественно-расточительном строительстве роскошных загородных домов,

¹⁰⁶ Для украшения данного цирка был выписан обелиск из Египта, доставленный в Рим из Александрии специально построенным судном. С 1586г. этот египетский обелиск стоит в центре площади Св.Петра в Ватикане.

вилл, пиршественно-прогулочных озёрно-морских судов, понтонного моста (Пу-теолы – Байи), проходов-туннелей в кремневых утёсах. Или он заложил, по образцу и подобию маяка Фаросского (одно из 7-и судес света) в Александрии, на берегу Ла-Манша Булонский маяк, к-рый символизировал не то свершившееся при Гае, не то предстоящее покорение потусторонней Британии.

Да, сюда надо также присвокупить реконструкцию Мамертинской тюрьмы, особенно любой Гаю, при к-ром количество узников резко увеличилось, из-за казни в ней в 31г. Сеяна. Относительно храмового строительства, в объективе храм Изиды на Марсовом поле, или разделение на две части, в результате чего между ними образовался снабжённый воротами проход в императорский дворец, храма Кастора и Поллука, где Юпитер-Гай принимал посетителей, стоя между статуями Близнецов, к-рых уверенно называл своими привратниками.

И снова отметим театральную-постановочную имитацию Калигулой военных походов с завоеваниями, поскольку для настоящей войны он, во-первых, был труслив и, во-вторых, начисто лишён полководческих как талантов, так и навыков. Иное дело – его политика в отношении вассалитетов, характеризующаяся, скажем снова, не августовско-тиберианской линией на провинциализацию, но возвращением к антонианской системе (см. выше). По поводу же кадровых назначений царей, по примеру крайне симпатичного и духовно близкого ему своей ориентальностью Антония, тут Гай, упоённо играя в царя царей, сверх меры руководствовался личными симпатиями и антипатиями.

А самым заметным-существенным из его внешнеполитических предприятий стал новый подход к решению Армянского вопроса. Он своеобразно-проигрышно поделился с парфянами (тяготевшей к Парфии) Арменией, частично ослабив в ней римское влияние, что дойдёт до кондоминимумной кондиции при Нероне, когда последний коронует представителя парфянских Аршакидов Тиридата (Трдата) царской короной Армении в Риме (66г.), чем будет достигнут новокачественный консенсус-паритет в междержавной коэзистенции Римской империи и Парфянского Ирана.

Засим, после коротко подведённого нами итога не менее короткого, нежели бесславного-позорного правления Калигулы, вновь вспоминается сделанное Тиберием сравнение Гаю с Фаэтоном. Ибо тронный Гай Калигула, действительно, очень похож на в ужасе выпустившего-выронившего, при виде Скорпиона и его страшного жала, из рук вожжи огненной колесницы Гелиоса Фаэтона, из к-рого, т.е. из Гаю, получился никудышный возничий-колесничий, и к-рого – полного банкрота во власти и по жизни – постигла закономерная катастрофа.¹⁰⁷

* * *

Не случайно в начале 40г., когда Гай (якобы победив Германию и готовясь якобы завоевать Британию) выёживался-куражился в Галлии, Апостол Пётр, напомним, обратился-крестил в Кесарии Палестинской римского сотника Корнилия и др. язычников, инаугурировав начало выхода христианства на вселенско-оёкуменические горизонты, с доступом язычникам в Церковь Христову без их предварительной прозелитизации = обращения в иудаизм (см. выше).

Не случайно по стопам Петра пошли с весны 40г. некоторые Кипряне и Киринейцы (из числа ранее обратившихся-крестившихся Иудеев-Еллинистов), «к-рые пришедши в Антиохию, говорили Еллинам, благовествуя Господа Иисуса» (Д.Ап. 11, 20). Не случайно летом 40г., когда Калигула уже безобразничал-обезьянничал в Италии,

¹⁰⁷ Владыки! вам венец и трон
Даёт закон – а не природа,
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон. (Пушкин)

Апостолы снарядили из Иерусалима в Антиохию Варнаву, к-рый одобрил ойкуменическо-миссионерскую деятельность братьев в Антиохии, после чего осенью, когда одержимый демонией самоуничтожения Калигула, войдя 31.08.40г. с овацией в Рим, доходил, неистово несясь навстречу своему концу, до ручки-точки, Варнава привёл из Тарса Киликийского в Антиохию Сирийскую Савла-Павла.

И дальше братья-христиане целый плодотворный год, т.е. с осени 40-го по осень 41г., собирались в Антиохийской церкви и учили немалое число людей, в т.ч., обращаемых из язычников, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами (Д.Ап.11,26). И не случайно единственный из Апостолов и Евангелистов неиудей по рождению – грекоязычный сириец-антиохиец Лука, (кармически прошедший через египетское посвящение) автор (буддийского) Евангелия от Павла, обратился-крестился, согласно преданию, именно на рубеже 40/41гг. н.э. – совсем незадолго до или где-то накануне гибели в Риме Калигулы. Два полярно противоположных, духовно противостоящих один другому мира – кесарско-римский и апостольско-христианский. Поистине – Апостолы и Цезари!

Неспроста Каулигула держал погребальную речь на похоронах своей прабабки Ливии-Юлии, к-рую он позднее назвал Улиссом в женском платье, на 17-м году жизни, в начале 29г. н.э. (год ссылки его брата Нерона и матери Агриппины), когда выступивший осенью 28г. Иоанн Креститель проходил, проповедуя крещение покаяния и прощение грехов, по всей окрестной стране Иорданской. Неспроста Калигула надел тогу зрелости, торжественно побрился и обручился с Юнией Клавдиллой в возрасте 19-и лет, в 31г., в год смерти Нерона и падения Сеяна, в знаменательный Юбилейный год *Лета Господня благоприятного*. Неспроста Калигула женился на Клавдилле и облёк квестуру в возрасте 21-го года, в 33г. н.э. – в год Таинства Голгофы.

Неспроста Калигуле именно в 40г. исполнилось 28 лет – возраст (7 x 4), достигнутой Иисусом Нафанидом 25.12.29г. – накануне Иорданского Крещения. И неспроста Калигула погиб как спустя 40 лет после Поклонения 6.01.1г. н.э. (принесших в дар золото, ладан и смирну) волхвов с Востока истинному Царю Царей Иисусу Соломону в Вифлееме, так и (родившись в 12г. н.э., когда стартовало завершившееся на слиятельную Пасху 14г. н.э. Таинство становления братьев Иисусов, Соломонида и Нафанида, Единством во Христе) именно на 29-м году своей жизни. И неспроста Иисус Нафанид именно в начале 29-го года жизни – 6.01.30г. н.э. – принял, прирав в Себя Дух Солнца, в день 30-летия Иисуса Соломонида (истинные Кастор и Поллукс!), космическое и земное Крещение (от-через Иоанна Предтечу-Крестителя) в водах Иордана!

То-то 41г. н.э. равноудалён на 27 лет от 14-го – смерть Августа – и 68-го (конец с Нероном династии Юлиев-Клавдиев) гг. н.э. Притом, если Калигула был убит на 27-м году от августовской кончины Августа, то самоубийство Нерона в июне 68г. имело место на 28-м году от январской гибели Калигулы, к-рая, в свою очередь, случилась на 70-м году от египетской победы взявшего Александрию Октавиана над Антонием и Клеопатрой. Не случайно окружившему себя влиятельными египетскими вольноотпущенниками апологету египетских культов, таинств и драматистрий, в частности, из загробной жизни, Гаю так не терпелось отплыть-отчалить в 41г. именно в Египет.

То-то гибель погибшего на 8-м году от Таинства Голгофы Калигулы последовала на стартовавшем 90-м году от Рубикона (10.01.49г.) и на 84-м году от мартовских ид 44г. до н.э., в то время как на 56-м году от убийства Гая будет убит в сентябре 96г. Домициан, с гибелью к-рого и концом династии Флавиев, начнётся (вторая «золото-вековая», после первой – августейшей) эпоха Антонинов (следующий этап, в общей сложности, ок. 300-летнего – от Августа до учредителя Домината Диоклетиана – режима Принципата).

А приложительно к историческо-метаисторической преемственности, если прошлое Гая (пришедшего к власти весной 37г., на 200-м году от Обновления Иудой Маккавеем в декабре 164г. до н.э. осквернённого в 167г. храма Господня) как нового Антиоха Эпифана лежит, можно сказать, на поверхности, то его менее очевидное кармическое будущее неожиданно натывается (если пристально всмотреться) на мл. брата австрийского императора Франца Иосифа (1848 – 1916гг.) – Максимилиана фон Габсбурга (1832 – 67гг.), ставшего в авантюрном амплуа-ранге (по его отречении от австрийского эрцгерцогства) французского протеже (Наполеона III) экзотическим императором Мексики (1863/64 – 67гг.).¹⁰⁸ Вернее, горе-императором, к-рого Наполеон бросил на произвол судьбы, к-рый потерпел поражение от республиканцев, был пленён, приговорён к смерти и расстрелян ими (Т.Г. 268/69).¹⁰⁹

Впрочем, данное (актуальное для антропософии) утверждение обязывает вникнуть-проникнуть в тему, занявшись драматической-трагикомической Максимилиановой историей вплотную, что читатель вправе предпринять-проделать самостоятельно. Не всё коту масленица! От себя же добавим: не удивительным ли образом (убитый заговорщиками) Калигула приходится дядей (самоубийце) Нерону, как расстрелянный-убитый (мексиканскими республиканцами-революционерами) Максимилиан (Калигула) приходится дядей покончившему самоубийством (1889г.) сыну Франца Иосифа – кронпринцу Рудольфу (Нерон)!

¹⁰⁸ С 1854г. (22-летний) главнокомандующим австрийского флота Максимилиан сделался в 1857г. (в возрасте 25-и лет) вице-королём Ломбардии-Венеции и вступил в брак с Шарлоттой Бельгийской (1840-1927гг.), поселившись с ней в Милане. В 1859г. был смещён с поста вице-короля возмущённым его либеральной (попытка, в т.ч., уйти от абсолютистской автократии, к-рую Август виртуозно сумел уложить на одно брачно-супружеское ложе с Республикой, и к-рая сверх всяких приличий восторжествовала в Риме, издевательски насиливая республиканскую традицию, при Калигуле) политикой в Италии Францем-Иосифом. В 1863г., при поддержке Наполеона III, получил титул Императора Мексики, куда торжественно прибыл в 1864г. На холме Чапультепек в Мехико воздвиг величественный дворец. Дружил с американскими конфедератами, чем резко настроил против себя победивших северян, к-рые не собирались терпеть в соседней Мексике французское влияние и начали оказывать активную помощь мексиканским республиканцам.

В марте 1867г. Наполеон III, отказавшись от своего искони бесперспективного мексиканского проекта, отозвал французский экспедиционный корпус, после чего участь Максимилиана, проводившего и тут (под хрусталь, шампанское, балы, танго) либеральный, вопреки призвавшим его на трон мексиканским консерваторам, курс, была предрешена. Не имели успеха ни попытки договориться с республиканцами, ни запоздалый поворот в сторону консерваторов, ни поползновения организовать собственную боеспособную армию. Окружённый с остатками своего воинства при Хереро, по истечении 71-го дня обороны, преданный одним из полковников, несостоятельный император попал в плен. Просьбы всех европейских монархов, президента США Э.Джонсона, Дж.Гарibaldi и В.Гюго о помиловании не помогли. Вынесенный Максимилиану и двум до конца оставшимся верными ему генералам военным судом революционных республиканцев расстрельный приговор был приведён в исполнение 19.06.1867г. на холме Лас-Кампанас.

Перевезённое в Европу тело расстрелянного австро-мексиканского императора (французский протеже) упокоилось в родовой усыпальнице Габсбургов в Вене. Покинувшая Мексику ещё в 1866г., чтобы найти в Европе высоких заступников за мужа, пока он сам нашёл себе в Мексике «красавицу густой индейской крови» (Бродский), с к-рой танцевал танго, его несчастная супруга Шарлотта Бельгийская тронулась умом (диагноз: шизофрения) и доживала жизнь под присмотром врачей в замке под Брюсселем.

¹⁰⁹ И ещё, говоря о бедовом Максимилиане ф. Габсбурге XIXв., нельзя не вспомнить его тезку – родившегося в 1459г. (год посвящения Кр.Розенкрейца) Максимилиана ф. Габсбурга (+1519г.) XV/XVIвв. – императора Священной Римской империи с 1493г., к-рая при нём стала Священной Римской империей германской нации (1512г.), и к-рый заложил основы многонациональной Австрийской (с 1867г. – Австро-Венгерской) империи XIX/XXвв.

ЧАСТЬ VII

ЦАРСТВОВАНИЕ АГРИППЫ ИУДЕЙСКОГО И ИСТОРИЯ / МЕТАИСТОРИЯ ХРИСТИАНСТВА

41 – 44 гг. н.э.

ИНТРОНИЗАЦИЯ КЛАВДИЯ И АГРИППА

(январь 41г.)

В этом разделе нам предстоит отправиться-перебраться в Палестину вместе с Иродом Агриппой, к-рый, как мы знаем, в данный момент – январь 41г. – находится (с конца 40г.) в Риме, вследствие чего начало нижеследующей части нашего повествования примыкает, совпадая с ней тематически и непосредственно продолжая её, к части предыдущей.

Агриппа не только в ночь с 24 на 25.01.41г. (вынырнув словно из ниоткуда) наспех кремировал кинжально проткнутый во многих местах, обескровленный труп недосожжённого им в спешке Гая, он ещё и активно содействовал 25.01. интронизации Клавдия (причём занявшись кремацией Гаева трупа уже после контакта с Клавдием и своей ставки на, в свою очередь, стоявшего за его спиной Клавдия). Будучи ровесниками-одногодками – оба родились в 10г. до н.э., – они знали друг друга задолго до рождения Калигулы (12г.), с детства, с тех пор, когда 10-летнему Агриппе впервые довелось после смерти его деда Ирода I, прибыть весной 1г. н.э., вместе с бабкой Саломией (к-рая дружила с Ливией) и матерью Береникой (дочь Саломии), к-рая дружила с Клавдиевой матерью Антонией Мл., в Рим, где Агриппа, как иродианские принцы до него, учился и впоследствии не раз бывал-живал.

Мы потеряли Клавдия из виду после того как он с М.Виницием, Валерием Азиатиком (и др.), покинув Палатинский театр одновременно с Гаем, прошёл во внутренние апартаменты императорского дворца, тогда как шедший позади них Калигула с П. Аррунцием (и др.) свернул и спустился (на входе во дворец) в роковой для себя подземный переход (чтобы взглянуть на певчих мальчиков), откуда ему не суждено было выйти живым, потому что именно там, в переходном подземелье, он был атакован и убит заговорщиками.

Так вот в начавшейся затем дворцовой суматохе и панике, явно не посвящённый в планы считавших его недоумком заговорщиков Клавдий, как-то отделившись перед тем от Виниция и Азиатика, в страхе кинулся искать какое-нибудь убежище для себя. По Флавию, – «услышав, что весь дворец огласился криками и стонами по поводу смерти Цезаря, он стал беспокоиться относительно своей личной безопасности и спрятался в узком проходе...» (И.д. 19,3,1).

У Светония несколько иначе: «...скрылся в комнату, называемую Гермесовой; оттуда при первом слухе об убийстве он в испуге бросился в соседнюю солнечную галерею (верхний, под крышей, этаж дворца – К.3.) и спрятался за занавесью у дверей...» (Кл. 10,1). У Диона (от Ксифилина и Зонары) – «спрятался в каком-то тёмном углу-закоулке дворца» (ехс. 60,1,2/3). У Авр. Виктора – «укрылся в постыдном (= отхожем) месте» (3,15).

Так или иначе, именно там, примем светониевский вариант, – в одной из

дальних дворцовых галерей, за занавесью, — его обнаружил (согласно Флавию и Светонию, случайно) и излѣк оттуда некий солдат преторианской гвардии, родом из Эпира, по имени Грат. Притом, по слову Флавия, это обнаружение произошло уже ночью, под к-рой вполне может подразумеваться-пониматься время после ок. 6-и вечера 24.01. «...под покровом ночи он стал на возвышении, к к-рому вели несколько ступеней. Тут его увидел Грат, один из дворцовых солдат, и так как он не мог разглядеть в темноте лицо его, с другой же стороны, думал, что имеет, вероятно, дело с человеком злонамеренным, подошёл к нему поближе и, когда Клавдий просил его удалиться, стал наступать на него. Схватив его, он, однако, признал Клавдия и, обратившись к товарищам, воскликнул: «Да это Германик; возъмём и провозгласим его императором...» (19,3,1)

Светоний: «Какой-то солдат, пробегавший мимо, увидел (за занавеской) его ноги, захотел проверить, кто там прячется, узнал его, вытащил, и когда тот в страхе припал к его ногам, приветствовал его императором и отвѣл к своим товарищам, к-рые попусту буйствовали, не зная, что делать дальше. Они посадили его на носилки, и так как носильщики разбежались, то сами, поочерѣдно сменяясь, отнесли его к себе в лагерь, дрожащего от ужаса, а встречная толпа его жалела, словно это невинного тащили на казнь...» (10,2)

Эксцерпированный-эпитомированный Дион краток, однако, тоже, в унисон Светонию, говорит об уведении-препровождении солдатами Клавдия в преторианские казармы, к-рые Флавий подтверждает ниже в путаной хронопоследовательности (19,3,3), на Виминале, где, по словам Светония, Клавдий провѣл «ночь, окружѣнный стражей, успокоившись за свою жизнь, но тревожась за будущее. Дело в том, что консулы, сенат и городские когорты заняли Форум и Капитолий в твѣрдом намерении провозгласить всеобщую свободу. Его также приглашали через народных трибунов в курию, чтобы участвовать в совете, а он отвечал, что его удерживают сила и принуждение...» (10,3)

Не в одночасье. Вечером 24.01. консулы и сенат, обратившиеся к, с позволения сказать, (совершенно бесперспективным) пробам по восстановлению Республики де-факто, опираются уже на 3 городские когорты-urbanae, преждее участие к-рых в событиях этого дня не зафиксировано, так как Флавий явно говорит выше (не очень различая преторианцев, городские когорты Urbi и вигилы) о 4-х когортах преторианцев (19,2,3), к-рым (т.е. своим преторианцам) преторианский трибун Херея и сообщил данный консулами пароль — «свобода».

В отношении как этих когорт, так и (9-и или аж 12-когортного) преторианского воинства в целом возникла опасность их столкновения с (вставшими на сторону консулов и сената) городскими когортами (под началом префекта-urbi Санквиния Максима) и ещё, возможно, в случае общей неразберихи, — с остававшимися какое-то время нейтральными сотнями-центуриями вигилы (под командой, в кол-ве итого 7-и сотен, знакомого нам по свержению Сеяна префекта-vigilum Греция Лакона).

Ситуация осложнялась ещё и тем, что далеко не все из находившихся на Палатине преторианцы, о чём свидетельствует поведение Грата и его сотоварищей, уж не говоря об остававшихся в казармах, были готовы поддержать зареспубликанствовавших консулов с сенатом, предпочитая (как военная элита-структура) иметь над собой и над Римом нового единоначального императора-командира-главкома (Т.Г. 629-33). Императора, — к-рый будет щедрее и уважительнее к ним, плюс лучше и разумнее, сумасбродного Гая. О гибели последнего никто из них не сожалел, но после его гибели их дороги с Хереей, Сабином, Лупом и частью сотоварищей, в свете «вольнoлюбивой» инициативы консулов и сената, как выяснилось, разошлись.

Впрочем, в «И.в.» Флавий безграмотно говорит о поддерживавших сенат 3-х легионах (2,11,1), хотя никаких легионов в Риме не было, что дополнительно

подтверждает флавиевские некомпетентность и путаницу в данном вопросе (размежевания-различения гвардейских, *urbi*-полицейских и пожарно-полицейских воинских подразделений Города).

В итоге большая часть из бывших на Палатине преторианцев удалились вместе с Клавдием, на кого они, б.м., напоролись во дворце совсем не случайно, в преторианские казармы, оставив и сенат, и консулов, вместе с меньшинством из преторианских офицеров (Херея, Сабин, Луп...) и солдат, под охраной городских когорт, к к-рым, м.б., примкнули также (или остались нейтральными?) пожарно-патрульные вигилы. Но воины гор. когорт ни сами, ни совместно с вигилами не могли тягаться со спецназовцами-преторианцами, тем паче, что и большинство римлян стояли, давно забыв о республике, не жалуя алчный олигархат и желая иметь, в противовес безликому сенату, персонального и персонифицированного *царя-батьюшку*, (всего-навсего) за нового (неподобного Гаю) хозяина-кесаря.

Т.е., как видим, из-замогильный республиканизм-парламентаризм вырвался наружу импровизаторски, на волне вдохновенного царевбийства слишком несносного тирана, топорный режим к-рого быстро изжил себя, вовсе не изжив монархический Принципат в его гибком консенсуально-универсальном августейше-дуалистическом формате. Иначе говоря, – созидательно-продуктивное сожительство-существование, без вызывающих признаков-проявлений адюльтера, принцепса и сената. И всё это Гай, замахнувшись на абсолютистскую теократию = на теократический абсолютизм, чересчур резко и чересчур цинично разорвал-нарушил-осквернил (не разрушив), чем вырыл себе могилу и столкнул себя в неё, лишь подтолкнутый туда (пинком под зад) кинжалами заговорщиков, сам.

К тому же, с убийством Гая, Клавдий, увы, был-остался единственным представителем фамилии Юлиев-Клавдиев, т.к. Виниций, или В.Азиатик, или Анний Винициан лишь, в той либо иной мере, состояли в родстве с Юлиями-Клавдиями. И именно Клавдия (последнего носителя-олицетворителя «мифа Германика») Калигула не ликвидировал сугубо из-за его дебилоидности (Р.л. 1243-45), оставив в живых, что называется, на потеху себе и в наглядное доказательство-подтверждение своего превосходства (перед собой) и своей незаменимости (перед другими).

Флавий: «Тем временем, однако, произошёл разлад во взглядах народа и сенаторов. Последние добивались прежней власти и, пользуясь представившимся случаем, хотели свергнуть с себя иго, к-рое наложили на них насилия тиранов. Народ между тем относился к этому недоброжелательно, так как понимал, что в лице императора имел сдерживающее начало против притязаний знати и мог опереться на личность императора, и потому радовался уходу Клавдия, предполагая, что избрание его на престол положит конец междоусобной смуте...» (19,3,3).

В «И.в.» говорится о том, что после того как войска повлекли на трон Клавдия, сенат, по предложению обоих консулов, Сентия Сатурнина (забывшего снять перстень с изображением Гая! – К.3.) и Помпония Секунда (многократно целовавшего ноги-башмаки Гая в театре! – К.3.), «возложил охрану города на оставшиеся верными сенату 3 легиона (!), собрался в Капитолии (храм Юпитера Капитолийского – К.3.) и решил за жестокости Гая начать войну с Клавдием. Имелось в виду достигнуть одного из двух: или восстановления старого аристократического правления, или же избрания на престол вполне достойного человека посредством голосования» (2,11,1).

Таким образом, уже с вечера и в течение ночи 24/25.01. чаша весов постепенно всё больше клонилась в пользу пребывавшего в преторианском лагере, под надёжной охраной-защитой, Клавдия (кто понемногу перестал трястись, поняв, что его не собираются убивать), на стороне к-рого оказались подавляющее большинство преторианцев и всё больше (форумного) народа, в то время как число сторонников

сената (где не было ни особой решимости, ни чёткого плана действий, ни выдающихся персон, ни единства) и консулов постепенно уменьшалось-таяло.

Тем не менее, сенаторы, до поры ещё пыжась, снарядили к Клавдию депутацию, к-рая увещевала его не принимать власть и удовлетвориться прежним покоем жизни частного человека (19,3,3), пугая его примером Гая и войском, к-рое на стороне сената, количеством имеющегося у сторонников сената оружия, денег и рабов, к-рых сенат может, при необходимости, вооружить.

Посланцами были народные трибуны-plebis Вераний и Брокх (19,3,4), к-рые, видя степень приверженности преторианцев к Клавдию, даже упали на колени, прося его не навлекать на государство войн и бедствий. И если поначалу Клавдий на призыв явиться в курию неуверенно отвечал, что его удерживают в лагере сила и принуждение, а позже, вероятно, начал ссылаться на обстоятельства, то теперь, когда воины всем своим видом показывали парламентам парламентариев, что шутки с ними, спецназовцами, плохи, посланцы начали просить Клавдия никак не отказаться от власти, но, если уж принимать её, то принять (во соблюдение августейшей конституции = адата) из рук сената.

Между тем, оглушённый-огорошенный тем положением, в к-ром он столь внезапно (нежданно-негаданно для себя и других) очутился, совершенно неготовый к такому повороту Клавдий, к-рый на 50-м году жизни никогда не занимал никаких гос. постов, не допускаемый к ним (считавшими его неполноценным) ни Августом, ни Тиберием, ни, за исключением свадебно-генеральского консульства, постоянно потешавшимся над ним Калигулой, колебался.

С одной стороны, он вроде бы был готов пойти на уступки сенату, а с другой, начал чувствовать себя, при опоре на стольких стоящих за него агрессивной горой-стенной преторианцев, всё увереннее. И теперь уже колебался, с оглядкой на гвардию, идти на какие-либо уступки сенаторам. Наряду с тем, хорошо зная новейшую историю Рима, поскольку не допускаемому к гос. делам изгою выпало серьёзно заниматься науками и, перво-наперво, историей, он всячески стремился избежать междоусобного кровопролития.

* * *

И тут настал звёздный час Агриппы, к-рый, повторим, появился на авансцене не раньше, чем ставки Клавдия (наверняка не без ведома к-рого Агриппой был в спешке кремирован труп Гая) поползли вверх, причём Агриппа, согласно Флавию, советовал уведённому преторианцами в казармы Клавдию, ободряя его, «не упускать власти» (19,4,1). В «И.в.», если Агриппу пригласил на совещание сенат, то одновременно «звал его к себе из лагеря и Клавдий, к-рый тоже желал воспользоваться его услугами» (2,11,1).

Разумеется, проагриппианский источник, к-рым пользовался Флавий, роль Агриппы (о к-рой державные римские авторы, не замечая её, оглушительно молчат) несколько преувеличивает. На памяти паточный флавианский пассаж Н.Дамасского о том, что Август после Випсания Агриппы, так же, как и Випсаний Агриппа после Августа, (якобы) больше всего любили Ирода (следовательно, чуть ли не третью, по значимости и значению, фигуру в Imperium Romanum!). Но всё равно посредническая роль близкого Клавдию Агриппы была в деле интронизации первого достаточно существенной, являясь, что важно учесть, заведомо проклавдианской. Не случайно в «Войне» сказано: «Агриппа видел, конечно, что Клавдий силой уже (фактически – К.З.) сделался императором и отправился поэтому к последнему» (1,11,2).

Иное дело, что Агриппа прикидывался на переговорах между Клавдием и сенатом (не столько шлангом гофрированным, сколько) «честным маклером», как, к

слову, называл себя на Берлинском конгрессе 1878г. Бисмарк, озабоченный в реальности умалением результатов русской победы (1877/78гг.) над Турцией, по условиям Сан-Стефанского договора, но делавший вид, что он («честный маклер») беспристрастно посредничает между Турцией, Россией и, главное, между Россией и вдвойне озабоченной умалением российских выгод от победы Великобританией.

Правда, в отличие от Бисмарка, к-рый мечтал столкнуть Россию и Англию лбами ради дивидендов Германии¹, Агриппе хотелось мирной победы Клавдия, чтобы сорвать в ранге его, Клавдия, вассальной креатуры увесистый, ещё больший, чем сорванный им при Гае, куш для себя.

¹ В итоге не Бисмарк столкнул Россию и Англию, а оказавшиеся куда хитрее-дальновиднее Англия и Франция весьма посодействовали столкновению Германии и России, к-рые сшиблись так, что последствия этого сшиба-столкновения, с искрами из глаз, ушей, ноздрей и т.д., аж дважды (где второй *сшиб* вытекает из первого) в ХХв., не преодолены до сих пор. Ещё в 1875г. снова опрокинуть разгромно побеждённую Пруссией в 1870/71гг. Францию Германии не позволила Россия, избавившаяся от обременительных статей подытожившего Крымскую войну Парижского договора 1856г. и англо-французского противороссийского альянса именно благодаря победе Пруссии над Францией, и в большем-дальнейшем чрезмерном усилении Германии за счёт Франции не заинтересованная.

Причём, по установлению-учреждению во Франции III-й Республики (1875г.), Бисмарку напрасно казалось, что прочный союз между Россией и Францией невозможен, поскольку-де «царь и «Марсельеза» несовместимы» (и что вообще республиканское гос. устройство изолирует Францию в монархической Европе). Увы, когда в 1885г. (через 33 года после чего Германия проиграла в 1918г. I-ю Мировую войну, а Россия полыхала в огне самоистребительной Гражданской войны) русские банковские активы были переведены из Берлина в Париж (сама же Россия постепенно подседа на кредитную франко-английскую иглу) вопрос был, в сущности, (пред)решён.

И отставленный (бездарным, но весьма амбициозным барабанщиком-фанфароном) Вильгельмом II (кто, в отличие от Вильгельма I, не пожелал быть кайзером при Бисмарке) Бисмарк (1890г.) ещё узнал о том, как при заключении франко-русского союза (1893г.) оркестр попеременно играл «Долой тиранов» и «Боже, царя храни», относительно чего Александр III велел передать музыкантам, чтоб не стеснялись, ибо он «для французов новых гимнов сочинять не намерен».

Коли уж Германия желала снова непременно одолеть реваншистскую Францию, то это надо было делать в интервале 1904-07гг., когда Россия была занята Русско-японской войной и потом (первой) Революцией, в то время как англо-русского союза 1907г. ещё не существовало (и Англия, невзирая на англо-французский союз 1904г., не могла оказать действенную помощь Франции на континенте без России, могучи серьёзно навредить Германии разве что в её считанных заморских колониях: Того, Камерун, Восточная Африка – Танзания; Юго-Западная Африка – Намибия; часть Новой Гвинеи; острова в Океании).

А после 1907г. воевать против сложившейся тройственной Антанты (Англия, Франция, Россия) в долгой изморной войне для Германии было невозможно (хотя тут надо учесть, что и П.Столыпин, российский премьер до сентября 1911г., был решительным противником войны между Россией и Германией). Или теоретически (!) победа для Германии могла (бы) быть возможной лишь посредством успешного осуществления молниеносного «плана Шлиффена» = взятие Парижа глубоким охватным ударом-окружением с правого фланга за 39/40 дней и принуждение разгромленной Франции к миру до того, как «русский паровой каток» будет приведён в движение на полную мощность. И реализовывать это следовало даже (внимание!) ценой временного отступления на Востоке за Вислу и сдачи Восточной Пруссии (плюс ценой допущения французов обманным маневром в вожделенные для них Эльзас/Лотарингию), что предусматривал (в крайнем случае) план Шлиффена, и от чего его преемник с 1905г. на посту германского ген. штаба Мольтке Младший, под давлением кайзера и восточно-прусской элиты, пагубно отказался, считая одновременно возможными как блиц-победу над Францией, так и эффективную оборону Восточной Пруссии.

Таким образом, 7 германских армий, сосредоточенных на (французском) западе, при всего одной армии на (российском) востоке, были сначала, ещё до войны, ослаблены (Вильгельмом и) Мольтке на 2 армейских корпуса в пользу усиления востока, и затем, уже в ходе войны,

По «И.в.», «Клавдий уполномочил его (Агриппу) изложить перед сенатом свои виды и намерения», сказав, что возведён на престол войском против своей воли, но считает несправедливым пренебрегать мнением солдат, одновременно обещая править мягко, довольствоваться титулом и предоставить народу (через сенат) право участия в гос. делах, всегда помня об умеренности как в силу кротости своей натуры, так и с постоянной оглядкой на участь Гая (2,11,2).

роковым решением (запаниковавшего в ответ на донесения о стремительном восточно-прусском наступлении русских) Мольтке от 25.08.1914г., сокращены ещё на 2 (срочно переброшенных в Восточную Пруссию) корпуса (совокупно 4 корпуса – 120 батальонов и 36 эскадронов), к-рых как раз и не хватало для взятия Парижа. 86-и германских дивизий против 85-и франко-англо-бельгийских оказалось недостаточно. Между наступающими на Париж 1-й и 2-й германскими армиями образовалась брешь, к-рую нечем было, из-за отсутствия резервов, заполнить, в связи с чем пришлось остановить наступление, проиграть в сентябре 1914г. сражение на Марне и принять навязанную противниками окопно-позиционную войну, чем 1-я Мировая война была для Германии (по сути, заранее – с осени 1914г.) проиграна!

Так, несмотря на убедительную победу Гинденбурга над русскими под Танненбергом (сентябрь 1914г.) и на удержание Восточной Пруссии, к-рое, став, всего-навсего, локально-престижной победой, по большому счёту, ничего не решило, Германия в изнурительную заведомо проигрышную для себя войну на два фронта была, всё-таки, втянута. Будь на месте Мольтке Младший выдающийся военачальник и стратег-генштабист Мольтке Старший, уж не говоря о Бисмарке на месте посредственного канцлера Т.Бетмана-Гольвега (про Вильгельма и говорить нечего!), м.б., такого погибельного расклада удалось бы избежать! Роль личностей в истории!

При всё том, опять-таки, по (неразумно откорректированному Мольтке Младшим первоначальному) плану Шлиффена, после выведения Франции из игры и блокировки дальнейшего активного участия в континентальной войне островной Англии, Германии надлежало в союзе с Австро-Венгрией всей мощью обратиться против России, к-рая в первые десятилетия XXв. была в военном отношении однозначно слабее их вместе взятых. Россию же, добавим от себя, необходимо было одолеть в пограничной-приграничной войне, ни в коем случае, не углубляясь в собственно российский пределы. Далее, требовалось, как можно скорее, заключить с ней почётный (но никак не грабительский Брестский!) мир и сделать её из противника союзником в том самом мощнейшем политическом союзе, к-рый был бы неодолим, и против к-рого (всячески подталкивавшая в июле 1914г. Сербию к войне с Австро-Венгрией, и, перво-наперво, остро конкурентную ей Германию к войне с Россией) Великобритания (с США или без США) ничего не смогла бы поделаться.

Или Германии (если не «ястребу», то «голубю», к-рыми одновременно быть невозможно!) надо было любой ценой сохранять-сохранить, в союзе с Австро-Венгрией, свою (установленную Бисмарком) центрально-державно-континентальную гегемонию-доминанту (на просторах от Северного и Балтийского морей до Адриатики), категорически побудив-принудив своего младшего союзника Австро-Венгрию спустить на тормозах убийство Франца Фердинанда, и терпеливо выжидать, всячески избегаая войны, когда недолговечная Антанта даст трещину (активно работая со своей стороны на эту трещину-разрыв по всем каналам). Судите сами: если совокупное население Антанты на 1914г. составляло ок. 800 млн. человек, при территории в ок. 70 млн. кв. км (Британская и Российская империи, плюс Франция с колониями и их союзники, плюс ещё примкнувшие к Антанте в апреле 1917г. вместо фактически выбывшей России США), то территория Четверного блока исчислялась всего в ок. 6 млн. кв. км, при населении всего в ок. 150 млн. чел. В общем и целом, на момент начала войны 1/4-й частью всей земной суши владела Великобритания, 1/6-й – Россия, 1/13-й – Франция, и только 1/33-й – Германия.

И вдобавок к тому, если Антанта объединяла три/четыре великие державы, то союзники Германии (лоскутная Австро-Венгрия, к-рую Франц Фердинанд намеревался основательно реформировать, издыхающая-полутрупная Османская империя и хилая Болгария) являлись более балластом, нежели союзниками. Поэтому просто поразительно, как, при столь явной конфигурации не в свою пользу, Германия вообще рискнула начать войну с расчётом разгромить Францию на западе до того как Россия завершит мобилизацию, вместе с тем, вовсе (повторяем, крутя пальцем у виска) не желая временно жертвовать ни частью Восточной Пруссии, ни Эльзасом, ни частью (австро-венгерской) Галиции на востоке!

Поначалу сенат отверг это компромиссное предложение, не желая добровольно подчиниться рабству. «Когда Агриппа донёс Клавдию об этом ответе, он послал его вторично» (2,11,3), заявив, что не может оставить тех, кто присягнули ему в верности и вынужден против воли начать борьбу с теми (т.е. с сенатом), «с к-рыми ему меньше всего хотелось бы бороться», и что, если уж иначе никак, нужно выбрать место для сражения вне стен Города.

После принесения Агриппой и этого ответа, по призыву одного из солдат, верных сенату, остальные перешли на сторону Клавдия, вслед за чем, видя себя

Когда же взорванная революцией Россия в 1917/18гг. выбыла из Антанты, уступив место и победу США (к-рые за годы войны превратились из должника Европы в её кредитора), ресурс Германии был уже исчерпан. И взять Париж она всё равно, даже преступно посодествовав (в т.ч., себе на беду) приходу большевиков к власти в России и прикрывшись Брестским миром с востока, не смогла. Рейхсмарки для диктатуры пролетариата и Ленин в запломбированном вагоне не помогли. Да и, главное, немцам Второго рейха, с прусским милитаризмом в качестве одного из его основных стержней, не достало, им просто не хватило духовных ёмкостей ни для того, чтобы одержать, ни для того, чтобы (и это важнее!) вместить мировую победу! И всё это, несмотря на все позитивный (духовный, культурный, экономический) заряд опережавшей по множеству показателей Великобританию и прочие великие державы кайзеровской Германии.

Засим у неё, как сказано, изначально не было победных шансов при одновременном долго-изморном противостоянии (крупнейшим державам мира) Великобритании и России, что, между прочим, отлично от кайзеровских политиков, хорошо понимал Гитлер (правда, имея за плечами опыт проигранной войны), пусть сумевший (за 35 наступательных дней с 10.05. по 14.06.1940г.) взять Париж, до того нейтрализовав СССР пактом о ненападении со Сталиным (1939г.), однако, тем не менее, не сумевший избежать (отчасти будучи поставлен, отчасти загнав себя сам в шахматное положение Zugzwang и Zeitnot) именно такого безальтернативно пагубного для Германии длительного противостояния на два фронта. Об антидуховном стержне нацизма *gag zu schweigen!*

Впрочем, кабы Англия знала наперёд, что в результате двух Мировых войн она одержит именно Пиррову победу и потеряет Британскую империю (ради сохранения к-рой эти войны ею велись!), вынужденная передать лидерскую эстафету (своему отпочкованию) США, она, скорее, предпочла бы договориться в XIX/XXвв. о разделе мировой гегемонии с Германией. И в том, что эта (естественная в Германно-Англосаксонскую эпоху Души сознательной) договорённость между ними так и не была достигнута, в равной мере виноваты обе стороны. Сходно, если бы Германия и Россия знали, что итоговое сокрушение (Великобританией и США) Германии (1914 – 45гг.) руками и жизнями (преимущественно) России проложит дорогу мировому господству США, то и они, скорее, предпочли бы договориться между собой. И хотя, как говорится, у истории нет сослагательного наклонения, у неё, согласитесь, есть пространство (целого ряда) трагически неиспользованных-нереализованных альтернатив!

Так или иначе, англосаксам придётся, рано или поздно, поделиться мировой гегемонией (не с Россией, время к-рой ещё не настало, и не с Китаем, время к-рого давно прошло, и к-рый, в силу своей изоляционистско-экссклюзивной культуры-ментальности, не может быть мировым гегемоном, но) именно с Германией. Иначе без Германии они надорвутся, и уже надрываются, тогда как за Россией и Славянством пока ещё далёкое будущее Славянской Соборной культуры-эпохи Самодуха (между тем как нынешний взлёт Китая уподобим взлёту Арабского Халифата, Монгольской или Османской империй).

Любопытно, что из трёх моделей, предложенных миру в XXв., германской, российской и англосаксонской, первые две мир закономерно отверг, так как германская модель кульминировала в человеконенавистническом (без маски) нацизме, а российская – в человеконенавистническом (под обусловившей её/его дольшую живучесть хитрой маской) большевизме-коммунизме. Тем временем, (умеющая загребать жар, в т.ч., чужими руками) модель англосаксонская (экономический космополитизм вместо пролетарского интернационализма, глобализм, капитализм, мультикультурализм), невзирая на все её вопиющие минусы, представ наиболее человечной и наименее, в сравнении с нацизмом и большевизмом-коммунизмом, преступной, закономерно победила. Но сейчас (и) она (после победы и триумфалистской эйфории) в глубоком кризисе, что тоже закономерно (мир становится многополярным), и нуждается (дабы быть ведущей силой) в фундаментальном качественном обновлении.

покинутыми, многие сенаторы тоже устремились за ними и едва не наткнулись на солдатские мечи. И дело закончилось бы кровью, не поспеши Агриппа к Клавдию, к-рый «обуздал ожесточение войска» (2,11,4/5), затем дружелюбно принял сенаторов, «и, немного погодя, отправился вместе с ними для принесения богу благодарственной жертвы за полученное владычество».

По «И.д.», посоветовав ободрённому Клавдию не упускать власть, Агриппа отправился домой, куда сенаторы, т.е. противоположный клавдианскому лагерю, прислали за ним, и когда он явился в сенат, спросили его мнение. Он дипломатично ответил, что охотно готов умереть (ой ли!) за сенат (неужели!), но предупреждает о многочисленности войска в подчинении Клавдия. Когда же сенаторы стали апеллировать к множеству оружия, денег, войска и рабов в их распоряжении, Агриппе пришлось, воздав уважение сенату, указать на боеспособность испытанного долголетней службой спецназовского воинства Клавдия. А далее он, как мнимый приверженец сенаторов (царь в роли радетеля республики!), посоветовал не извлекать меч из ножен, но послать к Клавдию новое посольство с предложением отказаться от власти (19,4,1).

С ним согласились и он возглавил депутацию, совсем не имея в виду подвигнуть Клавдия на отказ от власти, наоборот, продолжая в реальности содействовать обретению им власти: «Говоря с ним наедине, он советовал ему отвечать потвёрже, как достойно будущего императора, и опираться при этом на могущество императорской власти. Поэтому Клавдий отвечал, что он нисколько не удивляется, если сенат неохотно подчинится этой власти, так как настрадался от жестокости прежних правителей (т.е. Гая и Тиберия – К.З.); теперь же настали более благоприятные времена, сенаторы испытают его, Клавдия, мягкость, так как он лишь по имени будет правителем, на деле же готов делиться с ними властью. С такими данными депутаты были отправлены назад. Затем Клавдий потребовал от собравшихся воинов присяги на верность и подарил каждому из них по пяти тысяч драхм; начальствующим лицам он сделал соответственно бóльшие подарки и обещал всем частям войск, где бы они ни были расположены, подобное же вознаграждение» (19,4,2).

По немногословному, приложительно к этому вопросу обличения Клавдия властью, Светоний: «...Однако на следующий день, когда сенат, отомлённый разногласиями противоречивых мнений, медлил с исполнением своих замыслов, а толпа стояла кругом, требовала единого властителя и уже называла его имя, – тогда он принял на вооружённой сходке присягу от воинов и обещал каждому по 15 тыс. сестерциев – первый среди цезарей, купивший за деньги преданность войска» (Кл. 10,4). Что верно, то верно, и в будущем преданность преторианцев, к-рые – придёт время – даже выставят императорский трон на торги, ещё не раз будет покупаться кесарями за деньги!

Но продолжим по более подробному, хоть и не всегда внятно последовательному рассказу (черпавшего, напомним, предположительно, из пересказа-переложения-выжимок? труда Клувия Руфа) Флавия, согласно к-рому утро следующего дня ещё не наступило, а «консулы, несмотря на поздний ночной час, созвали совещание сенаторов в храме Юпитера Победоносца. Однако, при известии об ответе Клавдия, одни испугались и спрятались в городе, другие поспешили уехать в свои поместья, предвидя, к какому печальному концу придёт всё дело, и потому они отказались от мысли о свободе и предпочли в безопасном положении вести бездеятельный образ жизни... И всё-таки собравшихся было 100 человек...» (19,4,3)

Т.е. в ночь с 24 на 25.01.41г. число сенаторов, упорствовавших в приверженности старой республике, к-рых и изначально было никак не 600 (приблизительная общая численность сената) (Р.л. 252/53; 384/85), поскольку не все сенаторы стояли за «восстановление старого аристократического правления», уменьшилось до 100 человек, чем дело фактически решилось-разрешилось. Пусть даже остаточные собравшиеся

продолжали, можно сказать, для форсу, блюдя престиж, рассматривать и обсуждать альтернативные преторианско-войсковой т.н. сенатские кандидатуры в принцепсы, чего требовало до поры не переметнувшееся к Клавдию сенатское воинство.

Но если против М.Виниция были представлены «всевозможного рода возражения», то Валерия Азиатика удержал Анний Винициан, отказавшись от всяких претензий на принципат и сам, так как понимал отсутствие в сложившейся ситуации каких-либо практических шансов на успех.

ЦЕЗАРЬ УМЕР – ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЦЕЗАРЬ!

Тем временам, и (по слову Флавия) «ночная городская стража», под к-рой то ли городские когорты, то ли вигилы (то ли и те, и другие), устав от бесплодия сената и пустобрёхства сенаторов, потянулась в лагерь преторианцев, на Виминал, к Клавдию.

Не смирились лишь самые отчаянные республиканеры – Херея с сотоварищи, к-рые (внимание!) на рассвете (19,4,4) отправились, видимо, к части преторианцев (четыре когорты, упомянутые у Флавия применительно к Палатинским играм? или уже две?), вероятно, находившихся (как следует из нижесказанного) не в лагере и державших нейтралитет, с целью агитации и пропаганды за республику.

При этом Херея не мог удержаться от гнева относительно требования преторианцев дать им единовластного правителя и издевательски сказал, что даст им его, если получит удостоверение от Евтиха. Речь о любимом возникшем-колесничем Каллигулы от ипподромно-скачечной партии «зелёных» (см. выше), к-рого Гай щедро вознаграждал и в распоряжение к-рого, при сооружении царских конюшен, он предоставил в качестве рабочей силы гвардейско-преторианских воинов, к-рых фаворитарный возникла «обременял всякими позорными для них работами».

Но и это насмешливое напоминание, с воззванием к гордости и достоинству (немыслимой без императора императорской) гвардии, не подействовало, несмотря на то, что Херея не унимался, говоря, что принесёт воинам голову Клавдия и предостерегая их от опасности поменять сумасшедшего властителя на слабоумного. Увы, солдаты, не смутившись такими речами, извлекли мечи и направились к Клавдию, чтобы присоединиться к прочим, успевшим принять присягу (19,4,4).

Так сенат остался без защитников. Херея пал духом. Сабин же, сказав, что скорее убьёт себя, чем согласится с клавдианским избранием, стал укорять его в трусости и услышал в ответ от Хереи о его готовности умереть за (несколько фигурально выражаясь) республиканскую демократию против кесарской автократии. Императорский гвардеец, нанесший удар своему верховному командиру (к-рому он присягал на верность) сзади, инициатор жено- и детоубийства, в ранге «пламенного революционера» – чаятеля-делателя республиканской демократии!²

² Что едва ли не больше всего поражает в истории российской революции (к-рую, из-за потоков пролитой ею крови, не следует, сходно революции французской, называть «великой»), так это предательство лично присягавших на верность императору генералов. Для людей в погонах лучше умереть от расстрельной пули за преданность, чем заслужить виселицу за предательство. А совершённое генералами в отношении Николая II и российского престола было именно низким предательством. С думских болтунов, к-рые только и умели, что изрыгать кубометры пустословия и для к-рых не было ничего святого, нечего было и взять. Император же, при всём его персональном, увы, несоответствии короне, больше всего надеялся на армию и гораздо увереннее чувствовал себя в войсках, между тем как его отречение стало делом решённым лишь тогда, когда за это инициированное либеральными думцами отречение высказались все командующие фронтами.

Т.е. потеряв именно их поддержку, потеряв именно эту основную военную опору, монар-

В то же время к Клавдию явился с группой сенаторов ещё один башмачно-целовальный приверженец республики консул Кв. Помпоний, к-рого солдаты непременно убили бы, не останови их Клавдий, усадивший Помпония рядом с собой, но позволивший, наряду с тем, намять бока др. сенаторам, так что, например, сенатор «Апоний должен был удалиться, совершенно израненный, и все вообще сенаторы подверглись крайней опасности» (19,4,5).

М.б., в кадре тот самый незадачливый сенатор Апоний Сатурнин, к-рый (вспомним) однажды, при Гае, задремал, сидя на скамьях покупателей, в ходе аукционных торгов: «и Гай (увидя это) посоветовал глашатаю (м.б., Эваресту Аррунцию?) обратить внимание на этого бывшего претора, к-рый на всё кивает головой; и закончился торг не раньше, чем ему (соне Апонию) были негаданно проданы 13 гладиаторов за 9 млн. сестерциев» (Кал. 38,4) (см. выше). Да, вновь не повезло обиженному императорской властью бедолаге (коли речь о нём), на сей раз, попасть под горячую-тяжёлую руку императорских гвардейцев!

И опять Агриппа, выступив на передний план, проявил себя, прося Клавдия оградить сенаторов от опасности, после чего Клавдий, по Флавию, вняв агриппанскому совету, «предложил сенаторам собраться в палатинском дворце, куда он затем велел снести себя в носилках через весь город, причём войско сопровождало его и по пути позволяло себе совершать различные насилия над народом...» (19,4,5).

Итак, противостояние *преторианского* Виминала и *республиканского* Капитолия было примирительно-объединительно перенесено победителем Клавдием на *императорский* Палатин. Против выступили только, как говорит Флавий, вышедшие на улицу Херея и Сабин с сотоварищи, невзирая на запрет нового префекта-*praetorio* (в ед.ч.) Руфрия Поллиона, кого Клавдий (беря власть) назначил вместо Аррецина Климента и Аррунция Стелы. Ведь им, одобрявшим действия противокалигулианских заговорщиков, не пристало при новом императоре из Юлиев-Клавдиев возглавлять императорскую гвардию, так же, как главному убийце Калигулы, Херее, или убившему Гаевых жену и дочь, Лупу (родственник Аррецина Климента), не пристало оставаться в живых.

Вернее, власть императора, так или иначе, преемствовавшего Гаю властно и династически, не могла (не имела права) ради самой себя оставлять Херею и Лупа, амнистировавав всех прочих высокопоставленных участников и пособников убийственного заговора (сенаторов и всадников), в живых.

Кому-то надлежало за, при всех случаях, лютое, по беспределу, цареубийство (кесаря-беспредельщика) ответить головой-головами, чтобы другим на будущее неповадно было. И, значит, пусть этими ответчиками (по всей строгости закона) будут не сенаторы (и всадники), с к-рыми Клавдий мирится-милуется, но низшие чины, руки к-рых непосредственно в крови.

Такова необходимая жертва на алтарь категорического императива государства и государственности, к-рые, по требованию единоначально настроенных-ориентированных воинства и народа, остались (не имея иной альтернативы) на августейше принципатовских принципах цезаристской моноархии!

Соответственно, всего-навсего, дворцовый переворот 24/25.01.41г. н.э. не стал и

хия рухнула. И дело даже не в том, что генералы были недовольны главнокомандованием «полковника Романова» и далеко не самым удачным (невзирая на современное мифотворчество) ведением войны, в к-рой, обратим внимание, русская армия не одержала ни одной победы, терпя поражения, на германском фронте (и одерживая победы только против Австро-Венгрии и Турции), но в крайне недостойном предательском поведении подлейшим образом изменивших присяге генералов, к-рых советская пропаганда напрасно клеймила отъявленными монархистами. На деле они, изменив своему монарху и монархии, оказались генералами без чести (уж не говоря о совести)!

не мог стать революцией (Калигула поплатился за свой автократическо-теократический перегиб и беспредел, а не за режимно-принципатовскую автократию как таковую), не ознаменовавшись, к тому же, и сменой династии, поскольку ресурс (ещё не окончательно скомпрометировавших себя и пока не иссякших) Юлиев-Клавдиев ещё не был до конца исчерпан.

«...Когда Клавдий прибыл во дворец, он собрал приближённых и предложил им решить участь Хереи. Хотя те и признали в поступке последнего много благородства, однако вместе с этим они обвиняли его также в известном вероломстве (по отношению к Гаю) и решили подвергнуть его смертной казни, как пример на будущее время...» (19,4,5) Засим, если сенаторы больше нисколько не возражали против присяги на верность Клавдию, то Херею, Лупу и ряд других, из числа трибунов и центурионов, участников убийства Гая и его семьи повели на казнь. Короче, благородные тираноубийцы (да и благородные ли!) не должны убивать женщин и детей!

Кассий Херея вёл себя мужественно и не изменился в лице, осыпая упрёками Лупу (как Дантон, по дороге, в повозке для приговорённых, на гильотину, стыдил размякшего и слёзно молившего о пощаде, взывая к Робеспьеру, кто, мол, крестил его ребёнка, К.Демулена), к-рый теперь раскис и разрыдался, мало того, начал жаловаться, сняв одежду, на холод, в ответ на что услышал от не без иронии подбодрившего его Хереи, что холод ведь привычен волку (*lupus* – волк), кому-де не пристало распускать нюни. Дальше он спросил палача-солдата, хорошо ли тот умеет делать своё дело («делай своё дело») и попросил меч, к-рым сам убил Гая, желая погибнуть именно от него, в чём ему, не дрогнувшему пред лицом смерти, отказано не было, в то время как не сумевшему спокойно подставить палачу шею Лупу пришлось нанести повторный удар.

Сабина (в данном случае, не столько царе-, каким предстал убийца № 1 Херея, сколько тираноубийцу № 2) Клавдий, напротив, простил (по чьему-то ходатайству? или, скорее, в подтверждение благородной составляющей убийства перешедшего все границы деспота Гая, к-рые он, Клавдий, побожился не переходить? или – совмещающая карательную секиру с царской милостью?) и даже оставил-новоутвердил его в прежней преторианско-трибунской должности. Но Сабин, не пожелав пережить своих товарищей по царе-тирано-убийству, «покончил с собой, бросившись на меч, к-рый вонзился в его тело вплоть до самой рукоятки» (19,4,6).

«Несколько дней спустя наступил праздник поминовения усопших, когда римский народ приносит жертвы в память покойников.³ Тогда же римляне почтили и память Хереи, бросив в честь его лепёшки в огонь и умоляя его быть милостивым к ним и не воздавать злом за народную неблагодарность» (19,4,6).

Под «праздником поминовения усопших» и сожжением жертвенных лепёшек (*ferctum stures*) для задобрения-замирения манов (загробных духов-хранителей покойника) у, опять-таки, не ахти как разбирающегося в римских, в т.ч., празднествах Флавия (хотя на момент завершения «Древностей» – 93/94гг. – он уже свыше 20-и лет живёт в Риме), по всей видимости, одно из двух.

Это – либо происходившие на 9-й день («несколько дней») после погребения новемдиалии (*novemdiaria feriae novemdiaris*), состоявшие из жертвоприношений и из трапезного угощения умершего, к-рое ставилось-оставлялось на могиле и называлось *gena feralis* – поминальный обед. Либо, что вероятнее, пусть даже в объективе больше, чем «несколько дней» после 25.01., речь должно вести о фералиях (*feralia*) – римском празднестве в честь мёртвых, к-рое справлялось 21.02. Т.е. – в заключительный (посвящённый, в частности, покойникам) месяц нуманского календаря,

³ Римляне практиковали два вида погребения: *crematio* – сожжение, за к-рым следовало погребение урны с бережно собранным прахом, и (менее распространённый) *humatio* – погребение останков.

по, согласно преданию, введении Нумой Помпилием (VIII/VII вв.) в римский календарь января с февралём и установления вместо прежнего 10-месячного 12/13-месячного года, с вставкой високосного (для уравнивания лунного года с солнечным) месяца (мерседония) между 23 и 24.02.⁴

НЕБЫВАЛЫЙ ВЗЛЁТ ИРОДА АГРИППЫ

К собственно принципату-правлению Клавдия мы обратимся ниже – в следующем – посвящённом Риму разделе. А сейчас займёмся Агриппой, в отношении благоволения к к-рому Клавдия Флавий, сообщив сначала, что, став кесарем, «Клавдий немедленно удалил из войска все ненадёжные элементы», пишет, что затем он «издал указ, к-рым утверждал за Агриппой власть, дарованную ему Гаем, причём отозвался о царе в весьма лестных выражениях. Он прибавил к его владениям все области, к-рыми правил дед Агриппы Ирод Великий, а именно Иудею и Самарию. Эти области он предоставил ему как принадлежавшие ему по праву рождения. Кроме того, Клавдий предоставил ему ещё Авилу, к-рой управлял некогда Лисаний, и всю местность в пределах Ливанского хребта. Затем он на Форуме в Риме заключил клятвенный союз с Агриппой...» (И.д. 19,5,1).

«И.в.»: «...Вскоре после этого (после прихода к власти – К.З.) он (Клавдий) вознаграждал Агриппу всем царством, на к-рое последний мог претендовать по родственному праву, и прибавил ему ещё области Трахонею и Авран, уступленные Августом Ироду, а также царство Лисания. Об этих дарах он объявил народу в приказе, а сенату он велел вырезать эту дарственную грамоту на медных досках и возложить их на Капитолий. И брату Агриппы, Ироду, к-рый женитьбой своей на Веренике сделался также его зятем, император подарил царство Халкиды» (2,11,5).

Посему изменчивая по жизни, пошедшая в гору ещё при Калигуле звезда всячески содействовавшего интронизации (своего ровесника-однокашника) Клавдия Агриппы, к к-рому фортуна поворачивалась то задом, то передом, и кому тоже исполнялось, сродни Клавдию, в 41г. 50 лет, достигла зенита. И именно отсюда, с января/февраля 41г., начался его короткий «золотой век», или короткое интермеццо длиной в 3,5 года.

Вспомним, как некогда этот завзятый должник, по к-рому плакала долговая яма (применительно к древности, – тюремная башня), бегло прибывший в 34/35гг. в Италию, угодивший осенью 36г. (через 3,5 года после Таинства Голгофы) в тиберианский застенок, вызволенный оттуда весной 37г. Калигулой, стал, прыгнув, милостью Калигулы, в дамки-цари, коронованным «джентльменом удачи». Если от Гая он получил в 37г., наряду (не с тетраршим, а) с царским титулом, сырые тетрархии умерших в 36г. Филиппа (заиорданский Трахон) и Лисания (Авилинея), к к-рым осенью 40г. Калигула присовокупил тетрархию (сосланного вместе с Иродиадой в Лугдуну) Антипы (Галилея и Переея), то теперь Клавдий поднял Агриппу на небывалую высоту, сделав его царём (кончившегося 40 лет назад – в 1г. н.э.) Иудейского царства, со столицей в Иерусалиме, в прибрежных границах владений (успевшего к 41г. стать легендой) агриппианского деда Ирода I (+ 1г. н.э.).

⁴ В 451г. до н.э. законы децемвиров улучшили-упорядочили нуманский календарь. Со 191г., по закону М.Атилия Глабриона, понтифики были уполномочены вставлять добавочный месяц по собственному усмотрению, а на Ив. до н.э. весь, и без того далёкий от совершенства, этот календарь пришёл в полное расстройство. Т.о., по-настоящему, уточнил и учредил римское время, по к-рому жил тогдашний мир, введением в 45г. до н.э. юлианского календаря Ю.Цезарь, к-рый дал миру (почти) точное время, тогда как Чистое Время принёс на Землю Христос!

Т.е. существовавший с бг. н.э. (после ссылки Иродова сына этнарха Архелая) прокураторский режим в Палестине – над областями Иудея, Самария, Идумея, объединёнными в провинцию Иудея – был Клавдием упразднён, а всеиудейско-вассальное царство, во главе с Агриппой, впервые со смерти Ирода (казалось бы навсегда похороненное), почти чудесно восстановлено.

Относительно Авилены, якобы переданной Агриппе в 41г. Клавдием, это по факту – неверно, ибо выше Флавий (противореча себе) сообщает о получении Агриппой авиленийской тетрархии почившего (36г.) Лисания в 37г. от Гая. Впрочем, с др. стороны, Клавдий мог подтвердить владение Агриппы Авиленой, или несколько расширить её, в каких-то случаях речь надо вести не столько об ошибке, сколько о неуклюжей-небрежной флавианской формулировке. К тому же, прибывший в конце 40г. вместе с Агриппой в Рим (ходатайствовать за иудеев перед Гаем) его ст. брат Ирод (тоже) не остался в накладе, произведённый Клавдием (по ходатайству Агриппы) в цари над ливанской Халкидой, к-рая, соседствуя с находившейся между Халкидой и Дамаском Авиллой, ранее Иродианам не принадлежала.

В Iv. до н.э. Халкида (город и область южнее Гелиополя) (И.д. 1,9,2; И.в. 14,7,4) являлась столицей экспансивного (сходно Александру Яннау) итурейского венецноса Птолемея Меннея (ок. 85 – 39гг.), к-рый остался в 64г. на троне Итуреи (могущей быть в определённом историко-геополитическом контексте эквивалентом Халкиды), сумев откупиться от рассерженного Помпея, лишённый своих завоеваний. А его сын Лисаний Халкидский был казнён в 35г. Антонием, отобравшим у него ещё перед тем (37/36гг.) сначала часть Итуреи, а потом и всё царство в пользу Клеопатры в наказание за сотрудничество-коллаборацию Лисания в 39/38гг. с парфянами (Р.л. 70). С тех пор единое итурейское гос-во, на к-рое Клеопатра наложила свою когтистую лапку, больше никогда не возродилось.

При Августе, частью территории, входившей некогда в состав Итуреи, владел Зенодор (сын или родич казнённого Антонием Лисания), у к-рого в 24г. до н.э. Август отобрал и передал Ироду Трахон, а в 20г., со смертью Зенодора, предоставил Ироду также весь т.н. удел Зенодора (Улафа и Панаеда) (Р.л. 305-09; 335), тогда как в Iv. н.э. когдатойшей малой частью Итурейского царства – Авиллой-Авиленой – владел, неизвестно точно с какого времени, до своей кончины в 36г., наверняка происходивший из рода Птолемея Меннея, Лисания Халкидского и Зенодора – упомянутый в знаменитом шестизначном синхронизме Ев. от Лк. (3,1) Лисаний Авиленийский (Д.И. 1254-57).

Далее, в 38г. н.э., предоставивший годом раньше (вакантную, сродни тетрархии Филиппа, под временным управлением легата Сирии) Авилу Агриппе Калигула поставил вассальным царём над северной частью бывшей Итуреи, между Гелиополем и Лаодикеей, некоего, без сомнения как-то родственного покойному Лисанию, Соэма (Дион 59,12), по, стало быть, (ливанскому) соседству с к-рым в 41г. обзавёлся, милостью Клавдия, вассальным царством брат Агриппы – Ирод (отныне) Халкидский. Соответственно, Агриппа позаботился о царстве для старшего брата, сходно тому как в 20г. до н.э. Иродом Старшим была испрошена у Августа перейско-заиорданская тетрархия для Иродова мл. брат(ц)а – Фероры.

Ниже в «И.д.» сказано, что Ирод Халкидский женился на дочери Агриппы Беренике, чей первый муж, сын александрийского алабарха Александра Лисимаха, по имени Марк, (безвременно) умер (19,5,1). Близко знакомый с Агриппой его кредитор (см. выше) Александр Лисимах (мл. брат Филона, управлявший в Египте владениями Антонии) угодил в застенки в связи с противоеврейскими событиями в Александрии в 38г., освобождённый и восстановленный в алабаршем рангедостоинстве при Клавдии.

Дочь же Агриппы, Береника, кому на момент смерти отца в 44г. было ок. 15-и

лет, родилась не ранее 28/29гг., поскольку её ст. брату, одноимённому отцу Агриппе (II), было в 44г. 17 лет (17-й год), т.е. он родился в 27/28гг. Следовательно, вероятно, на 40/41гг. Береника была лишь помолвлена с Марком, кто умер, не успев оженив её, после чего она, по возвращении царей Агриппы и Ирода в 41г. в Палестину, и вышла замуж за своего дядю Ирода, согласно решению, принятому её отцом ещё в Риме, где он, видимо, и узнал в начале 41г. о кончине жениха (и несостоявшегося мужа) своей дочери – Марка.

Ведь, если, с одной стороны, она не могла выйти замуж раньше 12/13-летнего возраста, то со стороны (не менее актуальной) др., Агриппа вряд ли спешил, при Гае, выдавать дочь за сына посаженного Гаем (при Гае) в тюрьму опального алабарха, с сыном к-рого 9/10-летнюю отроковицу Беренику её отец, надо полагать, заочно-досрочно помолвил на-по пути из Рима/Италии в Палестину, через Александрию, летом 38г. Т.е. помолвил ещё до заточения летом/осенью того же года египетским наместником Авилием Флакком Александра, к-рого Калигула, несмотря на отставку-осуждение Флакка (осень 38г.), из застенка не выпустил. Таким образом, Агриппе не улыбалось, учитывая одновременно возраст Береники, поспешить с выдачей дочери в 40г. замуж, в то время как на 41г. кончина юного Марка автоматически решила этот вопрос, и так размолвленная Береника досталась своему дяде – Ироду.

Женой этого Ирода в первом браке была Мариамна – дочь племянника Ирода Старшего Иосифа (одноимённый сын одного из трёх Иродовых братьев: Фазаил, Иосиф, Ферора) и Олимпии (дочь Ирода Ст. и самарянки Мальфисы – матери Архелая и Антипы), от к-рой он имел сына Аристовула, оженившего овдовевшую после кончины в 36г. тетрарха Филиппа дочь Ирода Боэта и Иродиады – Саломию/Саломею (Филиппова жена с 32г.). Засим до 41г. Мариамна скончалась и на момент получения во владение Халкиды Ирод был вдовцом. Можно, конечно, предположить его супружество с Береникой в качестве второй жены, или его развод с Мариамной, но никаких сведений ни о том, что какой-либо из сыновей или внуков Ирода Ст., имевшего 10 жён, был полигамным, ни о разводе Ирода (Халкидского) и Мариамны нет.

Вот так, повторим, переменчивая-авантюрная-капризная звезда авантюрного (и прохиндейского) Агриппы взошла в начале 41г. н.э. в самый зенит. Никогда, ни до, ни после него, ни одному иудею не удавалось сыграть в державной истории Рима столь значительную роль, какой была роль посредника, сыгранная именно им при интронизации Клавдия. И ни один вассально-иудейский династ ни до, ни после него, исключая разве что дружбу Ирода Старшего с Випсанием Агриппой (но не с Августом, к-рый не более чем благоволил к Ироду, однажды жёстко поставив его на место), не сходилась настолько близко с верховными римлянами, насколько Агриппа сумел (персонально) сойтись-подружиться (в ранге младшего друга-союзника) и с Калигулой, и с Клавдием.

До чего докатился-скатился державный Рим! Какой-то династ-сателлит из далёкой Сирии/Палестины, царство к-рого едва заметно, как пятнышко на карте Империи, подбадривает задержанного в развитии представителя императорской династии занять трон и посредничает между великоримским кесарем и великоримским сенатом! Могло ли такое присниться в кошмарном сне Цезарю, Августу и даже Тиберию?! Нет, пожалуй, не могло.

Да, этот звёздный взлёт оказавшегося в нужное время в нужном месте Агриппы можно, не без иронии, сравнить со (в чём-то) звёздным часом Муссолини на большой известной как сговор (или предательство) Мюнхенской конференции 1938г., где дуче самовлюблённо блистал (своей лысой, словно полированный самовар, головой), поскольку свободно владел и французским, и немецким языками, между тем как Гитлер не знал (во всяком случае, на переговорном уровне) ни французского,

ни английского, а Чемберлен (Англия) и Даладьё (Франция) не гутарили по-немецки. И это делало (самовлюблённого гусака-индюка) Муссолини, в силу сложившихся обстоятельств, точнее, в силу их стечения, прежде всего, в его собственных глазах, политико-дипломатической конференц-фигурой (вершителя судеб Европы и мира) № 1!

Так-то оно так, и тем не менее, в 41г. н.э. Агриппа, согласитесь, чем-то напоминая незабвенного дуче, действительно, в какой-то момент стал одним из главных вершителей кесарско-сенатских судеб Римской империи!

И, следует сказать, что на достигнутом им, подобно серфингисту, гребне удачливой волны, он сумел извлечь из неё максимальные, правда, краткосрочные (длинной всего в три с половиной года) выгоды-дивиденды и для себя лично, и для иродианской династии, и для заполученного им, царём иудейским, в подданство, со столицей в Иерусалиме, всего палестинского еврейства, и для евреев диаспоры.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КЛАВДИЯ В ОТНОШЕНИИ ИУДЕЕВ АЛЕКСАНДРИИ И ПРОЧЕЙ ДИАСПОРЫ

(весна 41г.)

И как Агриппа удостоился при Калигуле ранга-статуса преторского, так, став царём иудейским при Клавдии, он, римский гражданин, обзавёлся, поднявшись (и) на римскую ступень выше, рангом-статусом консулярским, между тем как его брат Ирод Халкидский стяжал, идя (невзирая на старшинство в возрасте) по младшебратным стопам, ранг-статус преторский.

Всё это было легитимизировано-оформлено согласно римскому закону и римской традиции, соблюдению-отправлению-восставлению к-рых *историк* Клавдий в ранге кесаря придавал очень большое значение. В Риме, на Форуме, был торжественно заключён политический союз, к-рый не столько сделал, сколько *правильно* обновил Агриппу (ибо, по всему, нечто сходное, пусть с меньшей традиционалистской ритуалистикой, имело место в 37г., при не жаловавшем традиции Гае) в качестве как «друга и союзника римского народа» (*amicus populi Romani*), так и (что в условиях Принципата было много важнее) «друга Цезаря» (*amicus Caesaris*), с последующим процедурно-ритуальным положением медных договорных скрижалей в храм Юпитера на Капитолии.

О приверженности Клавдия к антикварному оформлению договоров с союзными венценосцами Светоний пишет: «Договоры с царями он заключал на Форуме, принося в жертву свинью и произнося древний приговор фециалов» (Кл. 25,5). Состоявшая из 20-и пожизненных членов жреческая коллегия фециалов (шедшая после коллегий понтификов, авгуров, квиндецемвиров, эпулонов) ведала международными отношениями (Р.л. 178-80). Интересно, — была ли принесена в жертву (нечистая) свинья при заключении договора с Агриппой, в его, иудея, присутствии?! или её заменили другим (чистым) животным!?

Затем, пока венценосные братья Иродиане находились-оставались в Риме, где они, возможно, пребывали до мая 41г. (см. ниже), Агриппа не преминул заступиться-походатайствовать перед Клавдием также за иудеев Диаспоры, и в первую очередь, разумеется, за евреев Александрии, судьба к-рых при Гае продолжала, после погромных событий 38г., висеть на волоске.

И хотя их положение, с подстражной отставкой Флакка, при новом наместнике (наместничавшем в стране-на-Ниле до ноября 41г.) Витразии Поллионе, поначалу несколько улучшилось, тем не менее, в 40г., в свете упорного повеления Гая от 39г. (сирийскому легату Петронию) установить кесарскую статую в Иерусалим-

ском храме и, как следствие, балансирования палестинского еврейства на грани истребительной войны с Римом, ситуация с евреями и в Александрии, где они были лишены в 38г. гражданских прав и всех прежних привилегий, снова обострилась.⁵

Равно нарастало противоеврейское напряжение в иных частях-юдолях почти повсеместно диаспоральной Империи, поскольку местное население было непрочь поквитаться (и поживиться за его счёт) с имманентно-эксклюзивным, в смысле его исключительной самобытности, еврейством, к-рое своей эксклюзивной самобытностью, своим изоляционизмом всё больше раздражало как аборигенов, так и греко-римлян (в условиях усиливающейся интегральной космополитизации державно спаянной Греко-Римской Ойкумены), и к-рое никак не могло пойти на почитание в римском кесаре живого бога...

Стало быть, узнав о гибели Калигулы евреи воспряли духом⁶, притом, б.м., эта весть пришла в феврале 41г. в Александрию одновременно с вестью о близости Агриппы к Клавдию, что вдохновило местное еврейство (ок. 200 тыс.) взяться за оружие, вернуть-возместить потерянное и отмстить греко-александрийцам, устроив своим врагам, образно-фигурально выражаясь, новый Пурим, т.е. кровавую баню. Ан — не тут-то было: в Египте стационарировались 3 легиона, префект-наместник оперативно запросил Клавдия и римская власть быстро пресекла беспорядки, но, на сей раз, в отличие от дней Флакка, не занимая чью-либо сторону и действуя строго во соблюдение спокойствия и порядка.

Сам же острый вопрос требовал решения и Клавдий, вне сомнения, не без заинтересованного (со)участия близкого-дружного ему Агриппы, издал следующее постановление: «Так постановляет император Тиберий Клавдий Германик Август, верховный жрец, облечённый властью народного трибуна: принимая во внимание, 1) что александрийские иудеи, называющиеся александрийцами, были поселены в Александрии вместе с первыми жителями этого города и пользовались благодаря распоряжению царей одинаковыми (с греками) гражданскими правами, как то явствует из писанных документов и имеющихся на сей счёт указов; 2) что во время нашего (римского) владычества Александрия была подчинена Августу и при этом в различное время дарованные тамошним иудеям права были соблюдаемы посылаемыми туда наместниками, к-рые не нарушали этих прав; 3) что вместе с этим в то время, когда в Александрии находился Аквила и умер иудейский этнарх, Август не препятствовал избранию новых этнархов, так как желал, чтобы все его подданные невозбранно пользовались самоуправлением и не были принуждаемы к нарушению своих исконных религиозных обрядов; и, наконец, 4) что возмущение александрийских греков против тамошних иудеев датируется временем императора Гая, к-рый в своём великом безумии и недомыслии притеснял иудеев за то, что они не желали отречься от религии своих предков и признать его самого богом, — принимая всё это во внима-

⁵ К тому же, повторим, еврейское дело было бы совсем табак и в Палестине, и в Александрии, успей дуролом Гай прибыть в 41г., как он планировал, через М.Азию и Сирию/Палестину, в Александрию!

⁶ Примечательна талмудическая информация о калигулианском конце, соотнесённая с информацией из иудейского свитка 35/36-и календарных, в течение года, «дней радости, в к-рые нельзя поститься» — «Мегиллат Таанит» (I/Пвв.). «Сота» (33а): «Симон Благочестивый внял голосу из Святого-Святых (Храма): «Отменено (идоло)служение, к-рое *ненавистник* велел учредить в храме. Тогда Калигула был убит и его распоряжение потеряло силу. Они записали время, когда прозвучал голос, и оно точно совпало со временем убийства Калигулы». «Мегиллат Таанит» (26) — к одному из непостных дней радости: «22 шевата было отменено то, что *ненавистник* велел установить в храме». Любопытно, что день 22 шевата (январь/февраль), по иудейскому календарю, пришёлся в 41г. на 23.01., без малого соответствуя дню убийства Калигулы 24.01.

ние, я не желаю, чтобы, вопреки глупому распоряжению Гая, иудейский народ был чем-либо стеснен в своих правах, но требую, чтобы за ним были утверждены все прежние права его, дабы иудеи могли жить по своим обычаям. При этом я требую, чтобы с обеих сторон было приложено всяческое старание избегнуть каких бы то ни было волнений после обнародования этого моего распоряжения» (И.д. 19,5,2).

Этим постановлением, как видим, римский кесарь подтвердил-новоутвердил гражданские права александрийских иудеев, дарованные им – либо, по флавиевской версии, ещё основателем Александрии Александром Великим в IVв., либо, как принято считать, в начале IIIв. до н.э. Птолемеем I, когда первые иудеи, после далеко не последней птолемейско-селевкидской войны (диадочов), были приведены основателем династии Птолемеев в Александрию, поселены тут и с тех пор неуклонно умножались в численности. В городе и стране, где царила атмосфера высокой культурно-эллинистической терпимости, евреи, осуществившие здесь в IIIв. перевод на греческий язык Библии («Септуагинта»), чувствовали себя до поры лучше-вольготнее, чем где бы то ни было.

Не обошлось, конечно, в перспективе и без антиеврейских эксцессов, но при Птолемеях они были, скорее, эпизодическими, например, два предположительных конфликта, при осерчавшем на иудеев Птолемею IV Филопатере (221 – 05гг.)⁷, или в 145г. до н.э.⁸ Или – серьёзнее – первый античный погром, устроенный александрийскими греками иудеям в 88г. до н.э.⁹; или гнев на александрийских евреев гро-

⁷ Согласно «Третьей Кн.Маккавейской», Птолемей IV (прозванный «филопатером» = «отцелюбивый» – в насмешку за убийство им отца и матери), победив Антиоха III летом 217г. в битве при (палестинской) Рафии (несмотря на то, что доставленные из Сомали боевые африканские слоны Птолемея не могли противостоять лучше подготовленным боевым индийским слонам Антиоха), обиделся-озлобился, прибыв в Иерусалим, на евреев, к-рые не позволили ему войти в Святое-Святых Храма, и решил, по возвращении в Александрию, выместить свою обиду-злбу на иудеях египетских, к-рых он приказал собрать в александрийском ристалище, чтобы перетоптать слонами. Но слоны перетоптали врагов иудеев, после чего испуганный царь помирился с последними, в память о чём египетским еврейством был учреждён особый праздник. Правдивость этого рассказа под большим сомнением, и всё-таки, конфликт между первым декадентным царём Птолемеем, при к-ром эллинистический Египет начал приходить в необратимый упадок, вслед за блистательным правлением весьма благоволивших к иудеям первых трёх Птолемеев (Сотера, Филадельфа, Эвергета), вполне возможен.

⁸ В 145г. Птолемей VII Фискон разгневался на евреев, поддерживавших его скоропостижно умершего старшего брата Птолемея VI Филометра и затем Филометрову вдову Клеопатру II (сына к-рой Фискон, женившись на его матери, убил в её объятиях), в связи с чем, согласно Флавию: «Он схватил всех находившихся в городе (Александрия) евреев вместе с жёнами и детьми и, связав их, раздетых донага, бросил под ноги слонам, чтобы те растоптали их; для этого он даже напоил животных вином, но случилось противное тому, что он ожидал. Слоны, не тронув евреев, устремились на его приближённых и истребили многих из них. Вслед за тем ему было ужасное видение, к-рое повелело не причинять этим людям никакого вреда. Также его любимая наложница (одни говорят, что её звали Итака, другие – Ирина) умоляла его не совершать такого ужасного святотатства, и он уступил ей и раскаялся в том, что уже сделал или только собирался» («Против Апиона» 2,5).

Сходство повествований в «III-й Кн.Макк.» и у Флавия, при разнице Птолемеев, IV-го и VII-го, налицо, в чём усматривают либо дублет-удвоение, предпочитая одного из Птолемеев, либо объявляют весь этот *слоновий* сюжет апологетической выдумкой. Но, вне зависимости от слонов, предположение о конфликте евреев Александрии как с Птолемею IV, так и особенно с Птолемею VII, в пору продолжающейся деградации птолемейского Египта (когда в Иудее уже сияет звезда очистивших – 164г. до н.э. – осквернённый Антиохом IV в 167г. храм Хасмонеев-Маккавеев), без труда допустимо.

⁹ В этот раз власть в лице Птолемея X Александра и его супруги Береники III, напротив, чересчур благоволила к иудеям, что вызвало резкое недовольство александрийской черни, её выступление, изгнание царственных супругов и еврейский погром.

жившей им тотальным избиением последней Клеопатры, к-рая взъелась на них за их проримско-прооктавиановские симпатии на излёте её катастрофического правления, — в роковом для неё и для кончающегося Птолемейского Египта 30г. до н.э.

Однако, в целом, если Вавилон и Вавилония являлись с VIв. до н.э., после репатриации пленников Вавилонского пленения, неоспоримым национально-религиозным *анклавом* Иерусалима в Диаспоре, то Александрия была в эллинистическую и в последующую греко-римскую эпоху, можно сказать, грекоязычно-культурной столицей еврейского Рассеяния.

И это именно александрийско-еврейские мудрецы, последним крупным представителем к-рых стал Филон Александрийский (+ ок. 50г. н.э.), истово пытались свести-совместить иудейскую Библию с греческой мудростью. Да и сама по себе еврейская эллинистическая культура пришла к своему концу в I/IIвв., ибо с разрушением храма, с гибелью еврейской автономии в Палестине (70г.) и с мировым рассеянием еврейства после восстания Бар Кохбы (132 — 35г.), диаспора, отринув эллинизм в пользу внутренней геттоизации ради выживания-самосохранения, превратилась, в эпоху экзистенции лишённого Иерусалима безгосударственного и безземельного мирового еврейства, перво-наперво, в консервативную хранительницу национально-религиозной традиции.

Тем временем, при постепенно принявших-отобравших державно-ойкуменическую эстафету у упавочных государств диадохов римлянах, будь то при поздней Республике, или при Цезаре и Августе, отношение римских властей к евреям было повсюду и, в частности, в Александрии, не раз подтверждавшимся соответствующими эдиктами, — толерантным, позитивным, союзническим (Р.л. 459-65). Например, Клавдий верно апеллирует в своём постановлении ко времени правления Августа, приводя в пример беспрепятственное избрание нового иудейско-александрийского этнарха (= генарха) в наместничество Г.Юлия Аквилы (10/11гг.). Предположительно, тогда Август позволил местным евреям иметь-избрать совет из 70-и (или — 72-х) старейшин, по образцу Иерусалимского синедриона.

При не покушавшемся на общие предоставленные иудеям Августом гражданские права Тиберии, тем не менее, вышли, о чём мы знаем, три не столько, строго говоря, собственно противоеврейских, сколько ограничительных постановления — от 19, 29 и 34гг. (Д.И. 180-88), к-рые Филон напрасно приписывает исключительно иудофобу Сеяну. Но в какой мере данные постановления или какое-либо из них коснулись (и коснулись ли?) еврейства Александрии — неизвестно. Так или иначе, в правление Тиберия еврейская сегрегальность, еврейский национал-партикуляризм всё ошутимее входили (впервые проявившись ещё по смерти в 1г. н.э. Ирода) в острое противоречие с прогрессирующей римско-имперской интегральностью, с наступательно эволюционирующим римско-имперским космополитизмом.

Наряду с тем, после казни в 31г., действительно, иудофоба (из-за тиберианской спины) Сеяна (кто планировал нанести удар по всему, согласно Филону, еврейскому народу) часть евреев, изгнанных из Рима в 19г. (когда Сеян ещё не был в большой силе), возвратилась в Рим, где на начало правления Клавдия проживало, вероятно, свыше 10-и тыс. иудеев (в 1г. н.э. — 8 тыс.). А в 33г. Тиберий (напомним) резко выговорил Пилату за неуважение к иудейской самобытности, что, вместе с тем, не помешало тому же Тиберию годом позже издать (видимо, в связи с самочинно учинённым иудеями — линчевателями Первоумученика Стефана в декабре 33г. — противохристианским погромом в Иерусалиме/Иудее) очередное (без Сеяна) ограничительное — по адресу евреев — постановление (см. выше).

Т.е., если в годы Тиберия бывшее империльное иудофильство Рима времён Цезаря и Августа понемногу сходило на нет, то при обожестьвившем себя Калигуле иудофобия, по хорошо известным нам причинам, резко вырвалась наружу, обру-

шившись и на Александрию, и на едва не подвергшиеся опустошению Палестину с Иерусалимом, и, в той или иной мере, на всю остальную имперскую диаспору, к-рая, в отличие от испытавшей погром и притеснения диаспоры александрийской, стояла на грани погромов в масштабах Империи.

Ныне же Клавдий, надо полагать, детально, с подачи Агриппы, изучив проблему, и, сколь явствует из эдикта, изучив её (с дотошностью историка) комплексную (пред)историю, прямо указал на безумие и глупость распоряжений Гая, торжественно восстановил иудеев Александрии во всех утраченных ими (отобранных у них) в 38г. правах и в довесок строго поставил обеим противоборствующим сторонам на вид недопустимость каких-либо междусобойных столкновений-волнений.

* * *

Теперь, спрашивается, когда именно вышло это клавдианское постановление? То, что в первой половине 41г., вне сомнений, но вот раньше месяца мая? или в мае? – вопрос, т.к. ок. 1 мая (= 6 пахона¹⁰), в Риме состоялся, сообразно (обнаруженному в начале XXв. в Египте) фрагментарному папирусу плохочитабельных (т.н.) «Исидоровых актов», судебный процесс над двумя махровыми греко-алеξανдрийскими иудеофобами – Исидором и Лампоном. Оба контрастно-гротескно фигурируют в произведениях Филона – «Против Флакка» (4; 15-17) и «Посольство к Гаю» (45).

Впрочем, приведём сначала сильно подпорченный рукописный текст (ок. 200г.) двух интересующих нас столбцов папируса:

«Строка 2: «На второй день, 6 пахона, Клавдий Цезарь Август выслушивает (Исидора), гимнасиарха города Александрии, против царя Агриппы в Лукулловых садах в сопresутствии (24-х? 23-х?) сенаторов, в т.ч., 16-и консуляров, в присутствии императрицы с матронами. (Когда ввели) Исидора, Исидор сказал: «Прежде всего прошу тебя, господин мой Цезарь, припадая к твоим стопам, благосклонно выслушать мои злоключения». Император сказал: «Я уделяю тебе этот день». С этим согласились и все заседавшие с ним сенаторы, хорошо понимая каково...»

Стр. 3: «...Лампон Исидору: «...я увидел смерть»... Клавдий Цезарь: «Многих моих друзей ты убил (погубил). Исидор: «Я слушался царя, повелевавшего тогда. И для тебя могу обвинить, кого хочешь». Клавдий Цезарь: «Несомненно, ты (отродье) музыкантши». Исидор: «Я не раб и не сын музыкантши, а гимнасиарх славного города Александрии. А ты от Саломеи иудейки ...кидыш...». Сказал Лампон Исидору: «Что нам остаётся, как не... сумасшедшему царю?» Клавдий Цезарь: «Сим я изрёк смертный приговор Исидору и Лампону» («184 Р. Оху I 33 = W.20.»).

Удостоверьтесь, на повестке дня (6 пахона) суд (в Лукулловых садах) и смертный приговор, вынесенный александрийцам Исидору и Лампону кесарем Клавдием.

Притом, если относительно дня 6 пахона всё ясно, то по поводу года в науке разброд. Согласно одной версии, на дворе начало клавдианского правления – 41г. н.э.; согласно другой, – время ок. 53г., приложительно к к-рому, под императрицей с матронами – вышедшая замуж за Клавдия в 49г. Агриппина Minor (мать Нерона), а под царём Агриппой – не умерший в 44г. Агриппа I, но его сын – (носитель царского титула с 49/50гг.) Агриппа II.

Теоретически второй подход-расклад не исключён, но слишком маловероятен. Неужели Исидор аж через 12 лет после гибели Гая ссылается на «царя, повелевавшего тогда», говоря о нём, насколько явствует из контекста, как о повелевавшем совсем недавно!? И неужели процесс над Исидором и Лампоном, обвиняющимися в преступлениях, совершенных ими, насколько, опять-таки, явствует, из контекста,

¹⁰ Пахон – 9-й (апрель/май) месяц египетско-алеξανдрийского стабильного календаря (Алеξανдрийский календарь), год по к-рому начинался 29/30 августа (= 1 тотa).

при Гае, состоялся спустя аж 12 лет после гибели Гая?! А касаясь присутствия императрицы с матронами, речь вполне может идти не об Агриппине, но о Мессалине, на к-рой Клавдий был женат с 38/39гг., и к-рая пользовалась при нём и на него не меньшим влиянием, чем впоследствии Агриппина. Короче, при внимательном рассмотрении, куда больше оснований датировать этот судебный процесс 41-м, нежели 53-м гг. н.э.

И в этом случае придётся принять, что Агриппа I, против к-рого выступает Исидор (тогда как о каких-либо заступничестве-ходатайстве Агриппы II за александрийских евреев, или о его конфликтах с греко-александрийцами, сведений нет), задержался в 41г. в Риме до месяца мая, принятию чего ничего не препятствует.¹¹

Между тем, если невнятный Филон кличет противоеврейского «кляузника» Исидора и «гимнасиархом» (Александрии), и «предводителем черни», и «сутягой» и «злодеем», и «возмутителем городов», и «председателем пира», и «председателем ложа», и «возмутителем спокойствия», то Лампон у Филона проходит как «крючок-котвор», как судебный «секретарь», как «писарь-палач».

И тот, и другой, по Филону, интриганы, коррупционеры, мздоимцы, лихоимцы, пройдохи и рвачи (клейма ставить негде), похоже, сначала преследовались Авилием Флакком во время его образцового правления в Египте (с 32г.), при Тиберии. Потом сблизилась с Флакком на совместной иудеофобской ниве в 38г. и всячески лебезятнически превозносили его, манипулируя им; потом, вроде бы будучи сначала привлечены вместе с ним к суду, обрушились на него в Риме с обвинениями. Далее, отлично от Флакка, выкрутились, и почётно возвратились в Александрию, или вошли в окружение Гая, к-рый окружал себя греко-александрийцами (типа Геликона) в Риме (возвратившись в Александрию позднее?)

Так или иначе, неясно, прибыли ли Исидор с Лампоном в 41г., при Клавдии, в Рим из Александрии (либо были доставлены в Город-на-Тибре, взятые в Александрии под стражу?) судиться с Агриппой, после клавдианского постановления в пользу александрийских иудеев? что, скорее всего; или они выступили против Агриппы (в связи с данным постановлением), находясь в Риме? что менее вероятно. Если известие о гибели Гая пришло в Александрию во второй половине февраля (или в феврале/марте) 41г., а проиудейское постановление Клавдия вышло в марте, то греко-александрийские делегаты очень даже могли прибыть в Рим (чтобы обвинить исходатайствовавшего это постановление Агриппу) как раз к концу апреля.

При всех случаях, первомайский судебный процесс завершился не в их пользу, так как по его проагриппианско-проиудейскому итогу, (заведомо настроенный против греко-александрийцев, как некогда Калигула был заведомо настроен против иудейской делегации во главе с Филоном¹²) Клавдий вынес Исидору и Лампону смертный приговор.¹³

¹¹ Вспомним, что произведённый Гаем в цари над тетрархиями Филиппа и Лисания весной 37г. Агриппа, продолжая подвизаться при Гае, отбыл в Палестину из Рима только летом 38г.

¹² Кстати, у Евсевия Кесарийского о Филоне сказано: «Филон прибыл в Рим при Гае и своё сочинение о богоненавистничестве этого императора озаглавил в насмешку «О добродетелях». Рассказывают, что при Клавдии он прочёл его всему римскому сенату, и книги Филона удостоены были помещением в библиотеках» («И.Ц.» 2,18).

Согласно (еврейскому) «Иосиппону», после смерти Тиберия Гай велел воздвигнуть по всей земле алтари во имя своё, чему подчинились все, кроме иудеев, к-рые решились скорее умереть, чем последовать этому приказу. А возглавлявший посольство александрийских иудеев Филон, аудиенция к-рого у Калигулы потерпела крах, сказав иудеям, что наступают времена притеснения, объявил 3-дневный пост и 3-дневное собрание. И на третий день Господь возбудил против Гая гнев (римских) воинов, к-рые набросились на него с обнажёнными мечами и изрубили его на куски так, что нечего было хоронить и псы сожрали его останки. Вот как Господь воздал Гаю! Клавдий же с честью проводил Филона и иудеев из Рима, и они

И, мало того, по всей вероятности, той же весной 41г., царственные братья-Иродиане, Агриппа и Ирод, до их победоносного отъезда-оплывтия в Палестину в мае, исходатайствовали у Клавдия ещё одно проиудейское постановление касательно иудеев диаспоры в пределах всей Римской империи:

«Я, Тиберий Клавдий Германик, император, верховный жрец с трибунской властью и вторично консул, постановляю: так как любезнейшие мне цари Агриппа и Ирод обратились ко мне с просьбой утвердить за всеми римскоподданными иудеями те же права, к-рые я утвердил за иудеями александрийскими, я с удовольствием согласился на это, и притом не только в угоду просителям, но и потому что счёл того достойным тех, за к-рых они просили, ибо они всегда соблюдали верность римлянам; поэтому я решил распространить эти права на все греческие полисы, где есть иудейское население, поскольку права эти были признаны ещё божественным Августом. Пусть поэтому иудеи, живущие на всём пространстве нашей славной империи, невозбранно соблюдают свои исконные обычаи, причём я, по своему великодушию позволив им это, требую, чтобы они держали себя спокойнее, не глумились над религиозными обрядами иноверцев и соблюдали в точности свои собственные законы. Это моё распоряжение пусть будет сообщено всем правителям городов, колоний и муниципий не только в пределах Италии, но и вне её, а также царям и князьям через их собственных посланников. Пусть этот указ будет вывешен в течение 30-дневного срока на видном месте, где каждый легко сможет прочесть его» (И.д. 19,5,3).

Вторично или во второй раз (суффектно консульствовавший в 37г., в паре с Калигулой) Клавдий облёк ординарное консульство 1.01.42г., но уже с начала его принципата в его титулатуре перечислительно, помимо понтифика-*maximus*, обладателя *tribunicia potestas* и императора, значится — «*consul designatus II*». Т.е. он был дезигнирован в консулы II одновременно с принятием принципата 25.01.41г., что и подразумевает под неточно переданным им выражением «вторично консул» (не лучший знаток римских нюансов) Флавий.

Плюс — ходатайственное, за иудеев римско-имперской диаспоры, обращение к Клавдию любезнейших ему царей Агриппы и Ирода говорит о времени их совместного пребывания в Риме до, как мы выше выяснили, мая 41г., после чего ни Агриппа (+ 44г.), ни Ирод Халкидский (+ 48г.), возвратившись к концу мая, или в мае/июне 41г. в Палестину, больше (насколько известно) ни вместе, ни порознь в Риме не бывали.

прибыли в Иерусалим и разрушили алтари в честь Гая. И царь Агриппа пользовался большим почётом у Клавдия (58). Т.е., по автору «Иосиппона», получается, что Филон не покидал Рим после неудачной аудиенции у Калигулы осенью 40г. и находился в Риме в пору убийства Гая — январь 41г., во что трудно поверить. Но, с др. стороны, резонно задаться вопросом: что мешало Филону снова посетить Рим в 40-е гг. при Клавдии? (см. ниже).

¹³ Обращают на себя внимание противоклавдианские оскорбления Исидора, прозвучавшие, надо понимать, в момент, когда исход кесарского арбитража был ясен-предрешён и без пяти минут приговорённому (приговорённому) уже нечего было терять. Обзывая дружного Агриппе иудеофила Клавдия «(вы)кидышем иудейки Саломии», Исидор, видимо, путано насмехается над дружбой (матери Агриппы) Береники (дочь дружной Ливии-Августе сестры Ирода Саломии) и Клавдиевой матери Антонии (к-рая, м.б., симпатизировала иудаизму). Вспомним: 10-летний Агриппа впервые прибыл в Рим (где проходил обучение-подготовку в компании Германика, близко дружного ему Друза, и, главное, своего ровесника Клавдия) с матерью Береникой и бабкой Саломией (к-рая, б.м., нянчилась, находясь в Риме, со ставшим другом её внука малахольным Клавдием) в 1г. н.э.

ИУДЕИ И РИМ

Как Александр I, после убийства (сравниваемого Пушкиным с Калигулой) Павла I, на к-рое он не дал согласие, но и не сказал «нет», обещался править по законам и сердцу своей бабки Екатерины II¹⁴, так и задолго до него Клавдий (к-рый в ходе своего правления никогда не упускал случая акцентировать безумие и недомыслие предшественника, хоть и запретил сопричислить день его убийства к праздникам), взял, будучи *дядюшкой* Клавдием, за образец безупречное правление *дедушки* Августа. Именно от консенсуально-универсального (и тем гениального!) принцепса-кесаря Августа, но не от тирана Тиберия (кого одновременно Клавдий не материл), уж не говоря о сумасшедшем деспоте Калигуле, ему, брату Германика, братство с к-рым он также всегда подчёркивал, хотелось выводить и позиционировать свою преемственность.

¹⁴ Екатерина II (урождённая София Августа Фредерика Анхальт-Цербстская) ко всему подходила, по-немецки, фундаментально, будь то политика (как внешняя, так и внутренняя) или секс, плюс подходила с (точно просчитанным ушлой немкой) русским размахом, идя стопами Петра Великого, более того, в ряде пунктов, на порядок превзойдя его. И не случайно она, помимо политики, философствовавшая, соучаствовавшая в составлении словарей, в написании статей, писавшая и ставившая пьесы, публиковалась под столь экзотическими для неё, немки, исконно русскими псевдонимами: Патрикей Правдомыслов; Пётр Угадаев; Любо-мудров из Ярославля; Разносчик Рыжий Фролка. Поверхностной в её царской биографии была разве что только (пресловутая) «дружба» с Вольтером и Дидро, к-рые, к слову, (деятель-деляги весьма сомнительной персональной морали-нравственности и весьма широкой совести) неплохо вошли на этой «дружке», небезвозмездно прославляя-пиаря «северную Семирамиду» и ведомую ею Россию в Европах. (Читайте, кроме того, их бездарные повестушки: например, «Кандид» Вольтера, или «Монахиня» Дидро, к-рый, к слову, говаривал: «Везде, где признают бога, существует культ, а где есть культ, там нарушен естественный порядок нравственного долга, и нравственность падает.»)

И не удивительно, что немку на российском троне, большую почитательницу Фридриха Прусского, так влекло (помимо блистательных русских побед над Османской империей на юге) к общей границе с Пруссией и Австрийской империей на западе. Влекло за счёт слабеющей Польши, к-рую Россия трижды расчленила-разделила с Пруссией и Австрией (1772, 1793, 1795гг.), ставя себе (удивительным образом) сегодня в заслугу то, что напоследок она, отлично от Пруссии и Австрии, образовала на своей части Польши (после её четвёртого раздела) «Царство Польское» (1815г.), т.е. иначе говоря, — свою часть расчленёнки с почётом (в отличие от пруссаков и австрияков) похоронила! И это, т.е. разделы Речи Посполитой, с одной стороны, небывало двинуло-выдвинуло Россию в Европу (продолжая балтийское выдвигание Петра), тогда как, со стороны другой, и для России, и для Пруссии, и для Австрии Польша стала тем кусманом, к-рый они, вроде бы проглотив, не сумели переварить, плюс, в конце концов, (пусть не без подстрекательских интриг Англии и Франции) подавились им и столкнулись, во многом из-за него, лбами.

Относительно же Вольтера с Дидро и прочей просветительской братии (хорошо хоть, что Руссо, на к-рого молился Робеспьер, среди «друзей» Екатерины нет!), данный *любовный* роман «просвещённых» монархов XVIIIв. с (апологетами отнюдь не спасительного в перспективе рационал-материализма) «просветителями» очень напоминает дегенеративный роман образованных слоёв российского общества в XIX/XXвв. с сожравшей их вскорости Революцией (к-рую они манерно величали своей «Прекрасной дамой»). Причём для Вольтера (кто, как бы деист, изрекал в размыслах, что Бога, конечно, нет, но не надо, чтобы об этом знали его жена и слуга, ибо, в сём случае, жена выйдет из повиновения, а слуга его зарежет), честно говоря, много чести зваться «дьяволом во плоти», как его называла Католическая церковь, по адресу к-рой он, «терпимейший из смертных» («Я могу не соглашаться с тем, что вы говорите, но я готов биться насмерть за ваше право говорить это»), любил повторять лишь два слова: «Раздавите гадину».

Куда точнее, приложительно к Вольтеру, (даром что солдафонская) характеристика Николая I, назвавшего его категорично и просто «старой обезьяной». И ведь это именно Николай I (как-то метко заметивший, что революция есть попытка перепрыгнуть из понедельника в

Скажем снова, в отношении иудеев Imperium Romanum (число к-рых на 40-е гг. Ив. н.э., видимо, составляло, включая Палестину, ок. или свыше 5,5 млн.?) (Р.л. 460/61; 1408) их жаловал поначалу и Рим республиканский, при к-ром Иуда Маккавей заключил во Пв. до н.э. эпохальный противоселевкий союз с олицетворявшими тогда *свободу и справедливость* римлянами (в то время как поднявшиеся на войну за *свободу совести* Маккавеи олицетворяли *истину и праведность*), и Рим императорский.

А до римлян богоизбранников-иудеев жаловали и Кир, позволивший им репатрироваться из Вавилона в Землю Обета, чтобы восстановить храм, и др. ахеменидские венценосцы, и поклонившийся в лице иудейского первосвященника еврейскому Богу Александр Великий, и первые (до ниспадения в декаданс) Птолеми и Селевкиды.

Далее, отношение к иудеям и Цезаря, и Августа, к еврейству Диаспоры, было, о чём читателю известно, терпимым, благожелательным, покровительственным. И персидско-ахеменидскому, и раннему греко-македонскому, и римскому державно-оικουμενическим котлам-конгломератам объективно споспешествовало денациона-

среду) запретил Вольтера в России (сделав ему дополнительную пиар-рекламу), да так сурово, что Пушкину потребовалось специальное разрешение для доступа к трудам из приобретённой Екатериной за большие деньги вольтеровской библиотеки. И если Екатерине довелось остыть к просветителям и даже слечь в болезнь после казни Людовика XVI (к-рого она безуспешно пыталась спасти), то, увы, за слишком многие просчёты (заморозившего страну) Николая I пришлось впоследствии слишком дорого расплачиваться Николаю II, кто, кстати, чрезвычайно опрометчиво заявлял о себе, что он хотел бы быть не столько Николаем II-м, сколько вторым Николаем. Не Николай ли I-й пагубно заморозил-остановил (взнуздав коней Росси на Аничковом мосту) страну (что позднее повторил Александр III), безнадежно при нём отставшую! И дальше, допустив целый ряд непростительных просчётов, триумфалистски вогнал Россию в международную изоляцию, обернувшуюся её горьким поражением от евро-турецкой коалиции в Крымской войне, при начале к-рой император всё не верил, не хотел верить в чьё-либо нападение (после изгнания Наполеона) на Россию даже тогда, когда анло-франко-турецкие войска уже десантировались-высадились в Крыму.

Между тем, в любви венчающая т.н. бабий век в тронной истории государства Российского Екатерина II сменила ок. 13-и фаворитов (сетуя, что ежели бы встретила своего единственного избранника, то всю жизнь была бы ему верна). Притом не столько они (сначала, после их тщательного осмотра лейб-медиком Роджерсоном, испытывавшиеся-дегустировавшие в постели графиней Брюс или статс-дамой Протасовой) имели-поимели её, сколько она, умевшая быть, прежде всего, государыней (и) для них, поимела-отымела их всех. И, к слову, последнему из них, Платону (Платоше) Зубову, было всего 25, когда императрице перевалило хорошо за 60. А вскоре она, очень грузная в закатные годы жизни, умерла, садясь на отхожее судно, с к-рого её долго не могли поднять-снять. (Опять — от великого до смешного всего один шаг.) Однако, предоставим заключительное слово по Екатерине (Великой) Пушкину и А.К. Толстому (не путать с «красным графом» А.Н.Толстым, к-рый, уместно добавить, устами одного из своих персонажей врал, будто «Катьку» убили копьём снизу из нужника).

Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ читала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
(Пушкин)

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветёт, —
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот, —
Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорее волю дать.»
Она им отвечала:
«Messieurs, vous me comblez»,
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле. (А.К.Толстой)

лизаторское разбавление покорённых стран не отягощёнными чувством автохтонной-исконной родины и, значит, подчёркнуто лояльными к державе диаспорально-экстерриториальными евреями в пределах империяльных территорий.

Ведь эти евреи выгодно, в понимании Центра, препятствовали подмене державного космополитизма местническим национализмом; будучи партикуляристами, служили великогосударственному универсализму; нейтрализаторски мешали растащить Римскую империю по декадентно-эллинистическим или по варварско-национальным квартирам.

Отличаясь торгово-финансовой предприимчивостью вне Палестины (большинство еврейского населения к-рой занималось земледелием и ремёслами), диаспоральные иудеи приносили Империи интересную прибыль. Являясь потенциально чуждым (если не враждебным) местному населению слишком самобытным меньшинством, они искали защиту у центральной власти и преданно ей служили. Благодаря мировому государству, могли, как члены одной национально-религиозной «коллегии», беспрепятственно общаться между собой. Не симптоматично ли, что запретившие иные «коллегии» Цезарь и Август не тронули иудеев (Свет. «Цез.» 42; «Авг.» 33).

Таковы некоторые рациональные причины и мотивы, с одной стороны, временного проеврейства великих предводителей и держав древности, с другой же, — иудеифобии, то сдержанно недолголюбивавших, то яростно ненавидевших особую еврейскую исключительность, сплочённость, и, соответственно, особое еврейское обособленчество разнородных и разновременных правителей-язычников и языческих масс.

Однако, кроме рационально объяснимых критериев т.н. державной иудеифилии Кира, Александра.... Цезаря, или Августа, равно почтительности к каждому из них евреев, следует констатировать и иные, помимо сугубо гос. резонансов, причины-мотивы данного взаимотолерирования-взаимопонимания. Т.е. и Кир, и Александр, и Цезарь, и Август, правомерно прозванные-признанные Великими, неосознанно тянулись к авраамитическому монотеизму, к истинному иудейскому мессианизму, неосознанно способствовали приближению и Исполнению Времени, чему они все, беря евреев Земли Обета и Диаспоры под державное покровительство, оберегая народ Бога Единого и его исключительную религию от посягательств, в той или иной мере, содействовали.

И не случайно «особенно» скорбящие иудеи, как подчёркивает Светоний, много ночей собирались на погребальном пепелище Цезаря (84). И не случайно временем Августа датировано столько эдиктов в пользу иудеев, в защиту иудейской имманентности-эксклюзивности. И не случайно Август в письме к Тиберию уважительно отзывается об иудейских посте и субботе (Свет. «Авг.» 76).

В 28/27гг., при Августе, исполняя его волю, эдикты в защиту иудеев издавал проконсул Азии Г.Норбанн Флакк; в 14г. евреев Ионики, Азии и Кирены, по ходатайству Ирода, взял под защиту «наместник Цезаря в местностях за Ионическим морем» М.Агриппа, кто в 15г. посетил Иудею-Иерусалим и пришёл в восторг от иудейского храмового культа; в 7/6гг. соответствующий указ издал римский проконсул Азии Ю.Антоний; в 1/2гг. — проконсул Азии — Г.Марций Цензорин.

В то же время, с иудейской стороны постоянно щедрейшим образом благотворительствовал эллинистическим городам царь иудейский (милостью Рима) Ирод — самый верный союзник римлян на Ближнем Востоке, со смертью к-рого в 1г. н.э., т.е. неспроста как раз в рождественскую пору (начала) Исполнения Времени (и времени старта комплексной Мистерии Голгофы), римско-еврейские отношения впервые дали серьёзную трещину, и с тех пор медленно, но неуклонно пошли по наклонной-нисходящей.

По наклонной – через похвалу Августа внуку Гаю (к-рый не посетил бунтовавший в 1г. н.э. Иерусалим) за несовершенство молебствия в Иерусалиме (по пути в Сирию) – 2г. н.э.; через три ограничительно-протоиудейских (как бы предупредительных) эдикта при Тиберии – 19, 29, 34гг., с учётом параллельного Мистерии Голгофы проиудейского реверанса (выговор Пилату за щиты) 33г. И, наконец, через иудефобский эпатаж римского Антиоха Эпифана – Калигулы, из-за к-рого свирепая Иудейская война 66 – 70гг., к-рая закончится разрушением Иерусалима и храма, чуть было не разразилась (что было бы пагубно, в первую очередь, для становящегося и ещё не завершившего свою миссию в Земле Обета первохристианства!) на три десятилетия раньше.

Посему после Мистерии Голгофы, с её свершением, по Исполнении Времён, римско-иудейские взаимотолерантные ёмкости были, в сущности, исчерпаны, лишь доживая свои сроки и дальше обновляясь по инерции. Обновляясь не на глубинном уровне вселенско-ойкуменического Таинства Христа Спасителя, к-рое лишило евреев прежнего богоизбраннического статуса, но обусловленные теперь уже нарастающим антагонизмом между всё менее терпимым римско-державным космополитизмом и всё более нетерпимым еврейским национал-клерикализмом, в рамках отстаивания отвергнувшими истинного Мессию евреями уже псевдомессианизма, или мессианизма постфактум.

И пусть внешне еврейство правомерно отвергало всякое демоническое обожествление Цезарей, как в случае с Калигулой, в реальности оно противопоставляло ему, не ведая о том, в отличие от времён Маккавеев, фанатичную вакуумную пустоту, к-рая не могла победить в схватке с языческим Римом, к-рый в перспективе, без войны, изнутри одолело именно христианство.

И характерно, что как толерантные эдикты Клавдия, так и короткое (интермеццо!) восстановление при нём царства Иудейского, во главе с внуком Ирода Агриппой, были в новых условиях, всего-навсего, эпилогом, остаточным инерционным зарядом былого союза между Римом, к-рый перестал олицетворять свободу со справедливостью, и Иудеей во плоти, к-рая после Мистерии Голгофы перестала быть Израилем во духе. То-то этот возобновлённый квазиальянс продлится всего три с половиной – символизирующих в еврейской и христианской сакральной традиции сроки (сходно срокам Бар Кохбы столетием позже) не Христа, но Антихриста – года.

И по прошествии этих 3,5 агриппианских лет, со смертью Агриппы в 44г. и новопровинциализацией Иудеи-Иерусалима, римско-иудейские взаимоотношения выйдут на финишную прямую к последовавшей 26 (число Яхве) лет спустя катастрофе разрушения Иерусалима и Храма, конца Иуды и начала мирового Рассеяния.

Да и обратите внимание на собственно толерантный эдикт Клавдия, строго призывавшего перед тем иудеев Александрии, вознамерившихся на радостях погромно отомстить греко-александрийцам (что недопустимо в условиях установленного Римом мирового порядка) к порядку: в отличие от прежних римско-проеврейских эдиктов, здесь и самим евреям имперской диаспоры предписывается повсеместно «держаться себя спокойнее и не глумится над религиозными обрядами иноверцев», что, следовательно, имело, в русле нарастающей нетерпимости между еврейством и язычеством, место быть и на недопустимость чего Рим властно указывает.

Более того, после отбытия из Рима Агриппы, Клавдий, вероятно, ближе к концу 41г., санкционирует также (очередное, считая эдикты Тиберия, минимум один из к-рых касался иудеев Рима) ограничительное постановление по адресу римских иудеев (Дион 60,6,6) (см. ниже). А позднее, в 50г., именно Клавдием будет издан указ об изгнании («волнуемых – согласно Светонию – Хрестом») римских иудеев (или их части) из Рима (см. ниже).

Засим краткосрочная дружно-союзная римско-иудейская коэкзистенция времени Клавдия и Агриппы сравнима (больше напоминая дежавю) с коэкзистенцией времён Цезаря и Антипатра, или (в особенности) многолетнего альянса Августа и Ирода, не без существенных оговорок, не без учёта кризисных симптомов и признаков, проявлявшихся, как видим, даже в покровительственных диаспоральных эдиктах, что само по себе не сулило в скором будущем иудеям ничего хорошего.

По правде сказать, то был, в большей мере, персональный альянс, будь то уния Калигула – Агриппа, или уния Клавдий – Агриппа, первая из к-рых предотвратила иудейскую катастрофу в 40г., а вторая позволила ненадолго реанимировать или, точнее, зомбировать, в последний раз в эпоху античности, либо – шире – в эпоху Древнего мира, кончившееся за 40 лет до того (1г. н.э.) вассальное Иудейское царство, с последним подвасаальным Риму иудейским царём на иерусалимском троне в 41 – 44гг. н.э.

АГРИППА – ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ

Флавий: «Этими распоряжениями, разосланными в Александрию и вообще по всей империи, Клавдий достаточно ясно выказал свой взгляд на иудеев. Затем он с величайшим почётом отпустил Агриппу в его царство, причём послал всем преторам и наместникам письменные указы с требованием принимать его любезно. Агриппа, в свою очередь, как это и было вполне естественно со стороны человека, судьба к-рого приняла самый благоприятный оборот, поспешил воспользоваться разрешением уехать. По прибытии своём в Иерусалим он принёс благодарственные жертвы и исполнял все предписания законов. Так, например, он распорядился остричь волосы множеству назиреев. Подаренную ему Гаем золотую цепь, к-рая весила столько же, сколько железная, некогда отягчавшая его царственные руки, он повесил внутри храма над входом в ризницу в память тяжёлой участи своей и в доказательство того, как судьба человека может перемениться к лучшему; эта цепь служила напоминанием, что и великие мира сего могут когда-нибудь пасть и что Предвечный может поднять павших. Посвящение этой цепи Богу показывало всем, что Агриппа по маловажной причине утратил свою прежнюю власть и попал в темницу, откуда некоторое время спустя вышел, чтобы сделаться ещё более могущественным, чем был прежде. Всё это являло наглядный пример того, что среди людей великое могло быть унижено, а униженное вновь возродиться к прежнему величию.

Исполнив все ритуальные предписания, Агриппа сместил первосвященника Феофила, сына Анана, и поручил его должность сыну Боэта, Симону, носившему также имя Канферы. У этого Симона было два брата и отец Боэт, дочь к-рого, как нами было упомянуто выше, была замужем за царём Иродом. Таким образом, и Симон, и его отец, и его братья были первосвященниками, подобно тому, как некогда, во времена македонского владычества, первосвященство переходило последовательно к трём сыновьям Симона, сына Онии. Впрочем, об этом мы уже упоминали в предшествующих книгах.

Устроив таким образом дела, касавшиеся первосвященнического достоинства, царь задумал вознаградить иерусалимцев за их преданность ему. Поэтому он, желая воздать им за любовь их, освободил каждый из домов их от специального налога. Затем он назначил начальником над всем войском Силаса, человека, к-рый некогда разделял с ним все его бедствия...» (И.д. 19, 6, 1-3)

Итак, мы приняли выше издание Клавдием двух, соответственно, по адресу иудеев Александрии и иудеев прочих частей Империи, эдиктов в марте (или первого – в марте, второго – в апреле) 41г. н.э., после чего 1.05. свершился клавдианский суд над Исидором и Лампоном, вслед за чем Агриппа и, следует полагать, вместе с ним его брат Ирод (если, конечно, последний не отчалил раньше, пока Агриппа дожидался суда над Исидором), не теряя времени, отбыли из Рима в Палестину.

И добрались они туда, без задержек, в пору «открытого моря», под парусами и на вёслах, через Путеоли, Сицилию и (гоголями-победителями!) через Александрию, как сказано, либо в мае/июне, либо, скорее, до истечения мая, поскольку майский вариант, в судоходный (с марта) сезон, по означенному маршруту, вполне допустим-представим-приемлем (даже несмотря на то, что дело происходило не во время дующих на протяжении ок. месяца, с ок. 20.07., наиболее благоприятных для скоростного плавания в александрийском направлении пассатных ветров).

Надо сказать, что за те 7 лет, к-рые прошли со времени его памятного неприкаянного отъезда-отплытия в 34г. из Палестины в Италию, Агриппа, возвратившийся в Палестину и подвизавшийся здесь с 38 по 40г. в качестве царя над тетрархиями Филиппа и Лисания, к к-рым в 40г. прибавилась тетрархия Антипы, на порядок изменился-переменился. С 34г. из хронического должника и транжиры, из безразличного к религии авантюриста-эллиниста, он постепенно-поэтапно метаморфозировал, превратившись-преобразившись, если и не в правоверного, то, при всех случаях, пусть в определённой, но в немалой мере, в искреннего иудея-иудаиста.

И этот некогда более чем либеральный иудей, само собой, не отвергая, не могучи и не желая отвергнуть державно-языческий Рим ни конъюктурно, ни по духу, тем не менее, обратился к еврейству лицом, обратился сердцем и душой, обратился в куда большей степени, чем все иродианские династы до и даже после него (так как его сын Агриппа II настолько иудеем, как отец, никогда не был).

Вспомним, Ирод Старший приходился внуком обрезавшемуся, должно быть, где-то ок. 125г. (при принудившем идумеев-эдомитов к обрезанию-иудаизации их покорителе Иоанне Гиркане) Антипе (к-рого недоброжелательно-протоиудианская еврейская молва сделала эллинистическо-языческим жрецом Аполлона в Аскалоне) и сыном назначенному Цезарем в 47г. наместником Иудеи (идумеянина иудейского вероисповедания) Антипатру (отцу братьев – Фазаила, Ирода, Иосифа, Фероры, плюс – их мл. сестры – Саломии).

Следовательно, уже Ироду Старшему, царю иудейскому (решением Антония и Октавиана) в 37/34г. до н.э. – 1г. н.э., довелось числиться-считаться, по иудейским нормам, полноценным евреем-иудеем в третьем колене (необходимом для полноценного вхождения-принятия идумеянина в общество Господне). Иное дело, что он («раб дома Хасмонеев») так и не стал для иудеев своим, да и сам, невзирая на все, в царском амплуа, попытки сделаться новым Давидом и Соломоном, сердцем и душой всегда больше тяготел к греко-римлянам, нежели к евреям.

Агриппа же, будучи внуком Ирода Ст., как сын Аристовула и Береники, т.е. как отпрыск младшего сына Хасмонеи Мариамны и дочери Иродовой сестры Саломии, потомок, стало быть, (по материнской линии) харизматичных Маккавеев, являлся иудеем в шестом иродианском (по отцовской линии) колене. Вследствие этого, с данной стороны претензий к нему быть не могло, разве что в отношении царского достоинства, на к-рое в идеале могли притязать только потомки Давида, но к-рое ещё до Иродиан узурпировали (начиная с присвоившего царский титул в 103г. до н.э. Аристовула Хасмонея) Арониды Маккавеи (Р.л. 371-77).

Таким образом, на Ив. н.э., можно сказать, завершилась как по сути, так и в восприятии иудеев иудаизация идумеян (к-рые проявят себя фанатичными иудеями

в Иудейскую войну), лучшей иллюстрацией к чему как раз предстаёт уровень приобщения к еврейству, уровень слияния с еврейством, к-рое, не приняв-отвергнув (в конечном итоге) Ирода I, приняло его внука, царя Агриппы.

Однако, дело тут отнюдь не единожды в генезисе аж 6-го колена, а в личностной иудаизации Агриппы. Да, разумеется, обладая политическим чутьём, он проводил проиудейский курс, мало того, с фарисейским креном, блюдя-соблюдая, одновременно, паритет между синедрионально верховенствующими саддукеями и влиятельными в народе фарисеями, — и конъюктурно, и инструментально, и расчётливо. Но, вместе с тем, негоже отказывать Агриппе, как это делает, например, Шюрер (1,549-63), в произошедшем с ним в период 34 — 37/38 — 41гг. поступенчато-поэтапном душевном преобразении-перерождении.

И обусловлено оно было, далеко не в последнюю очередь, тем, что он пережил в языческом Риме, той глубиной комплексного падения кризисного Рима при позднем Тиберии и при Калигуле, под влиянием чего и на ярком фоне чего Агриппу, в возрасте под 50 и позднее, чем дальше, тем сильнее убежишно тянуло к единобожному еврейству. Тянуло к исключительной религии этого еврейства, к его укладу, к его духовным ёмкостям. Иначе говоря, ко всему тому, чего не было, что деградировало в наглядно разочаровавшем его язычестве, к тому, что представляло собой в глазах взрослого мужа Агриппы спасительную альтернативу римскому декадансу-вырождению, и что, наряду с тем, конечно, не означало какую-либо политическую нелояльность к Риму.

И подобный поворот, при всей его поверхностности, при всей его, напоминающей «золотое десятилетие» фарсейства в правление Саломии Александры (75 — 66гг.), когда был казнён Иешуа б. Пандира (70г.), профарисейской ветхозаветности, к-рая вскоре проявится в приятственной иудеям-ветхозаветникам, — и саддукеям, и множеству фарисеев, — агриппианской реакции на христианство, к 41г. возымел место.

И поворот этот возымел место быть не без вышеговоренного элемента близорукой искренности в поисках, в потьмах и наощупь, Бога истинного, К-рого, казнившему Апостола Петра Агриппе I, по большому счёту, найти так и не удалось (см. ниже).¹⁵ Причём также не обретший Бога Истинного Агриппа II, к-рый благосклонно выслушав — 60г. — Апостола Павла, скажет ему: «ты не много не убеждаешь меня сделаться Христианином», продвинется в этом вопросе на порядок дальше отца. Но не будем торопить события.

Короче, когда Агриппа I получил от (близкого и благодарного ему за посредническое содействие при интронизации слабака) Клавдия Иудейское царство в рубежах времён Ирода I (предел мечтаний иродианского династа из числа недавних злоключенцев), он уже был готов к царствованию над иудеями. Он уже успел-сумел сблизиться с ними, посещая Иерусалим в 38 — 40гг., приобшившись к иудейской национально-религиозной ментальности, приобретя полезный опыт с нужным кругозором, и зная, как управлять, в границах одного царства, и евреями, и язычниками.

¹⁵ Иисус из Назарета тоже соприкоснулся на тяжком пути познания в 19-24гг. с язычеством, но пришёл после этого, перед дорогой на крещенский Иордан — 30г., в соприкосновение с ессейством — 24-29гг., тогда как Агриппа I так и не поднялся на уровень выше поверхностно фарисейского.

То-то при своём возвращении в Иерусалим царь принёс благодарственные жертвы во благодарение за всё, произошедшее с ним, включая испытания судьбы, свои падение и восстание на благо как себе, так и еврейству в целом. И дальше исполнял, согласно Флавию, все предписания законов.

Напомним и дополним о назиреях/назореях. Назореи или назиреи – отделённые-обособленные = посвящённые = *отрасль* и посвящение (плюс – «незер» – диадема на кидаре первосвященника; термин встречается также в значении – *князь-предводитель; избранный; наилучший*) давали обет воздержания от винопития (и всяких крепких напитков), от употребления в пищу виноградных ягод и чего-либо от-из виноградной лозы; не употребляли пищу мясную и обязывались на время обета не стричь волосы, что являлось признаком назирейского посвящения Богу. Назорейство/назирейство выражало необходимость освобождения от оков плотской жизни и бритва не должна была касаться головы назиреев как знак неподверженности плотским влияниям.

Они постигали Бога через древнее ясновидение, одним из знаков-символов чего были длинные волосы, в то время как, наоборот, брившие головы рассудочники-коряхиты пробивались к познанию Предвечного интеллектуально (как, в первом случае, – православное; во втором, – католическое, монашество!).

Кроме того, посвящённый Господу назирей не имел права подпасть ритуальному осквернению, например, прикосновением к мёртвому телу, в случае чего ему предписывалось принести на 8-й день, ритуально очистившись, жертву всеожжения, жертву повинности и снова дать назирейский обет на аналогичный срок. Так, к примеру, назиреат подпавшей случайному осквернению истовой прозелитки – царицы Елены Адиабенской, был, согласно Талмуду, оказавшись аннулированным, (дважды) возобновлён, каждый раз на очередные 7 лет (см. выше).

По благополучном окончании назиреата, следовало принести жертву всеожжения, жертву за грех, жертву мирную, жертву хлебную и жертву возлияния, после чего надо было остричь волосы и положить их в огонь под мирной жертвой. Совершение всего перечисленного освобождало назирея от исполненного обета.

И вот весьма богоугодным делом в Израиле считалось взятие на себя издержек за жертвы назиреев, к-рые требовались для освобождения от обета (Ч.6) и составляли немалую сумму, учитывая количество обетников и число различных жертв, что и было сделано в 41г., при возвращении в Палестину, воцарившимся здесь Агриппой. Сообразно Флавию, он любил, с безупречным соблюдением ритуалов и принесением всех положенных жертв, подолгу жить в (граде Божиим) Иерусалиме (И.д. 19,7,3), резидируя (наряду с тем) обычным политико-административным порядком в давешней (6 – 41гг.) резиденции римских префектов-прокураторов – Кесарии.¹⁶

¹⁶ Примечательно, что виноградные лозы, к-рые не срезали, не обрезали в субботние и юбилейные годы, назывались «назореями земли» (в русском – Лев.25,5; 11 – «необрезанные лозы»), в связи с чем обращает на себя внимание взятие Агриппой на себя издержек по острижению назиреев летом 41г. – накануне введения-реставрации им осенью *аронидского* ездраитско-неемитского седмично-юбилейного цикла-календаря, действовавшего с 443 по 140гг. до н.э. и отменённого восстановившими-реставрировавшими, а главное, обновившими *царский* цикл-календарь Иисуса Навина, Давида и Соломона духовно-храмовыми обновителями предмессианистического еврейства на его заключительном этапе Маккавеями (с последним субботним годом по этому циклу-календарю, после шмиты 29/30 и Юбилея – лето Господне благоприятное – 30/31гг., в 36/37гг.).

Золотую цепь, в точности воспроизводившую ту железную, к-рая отягчала ещё совсем не царственные руки Агриппы во время его ок. шестимесячного (притиберианского) заточения (36/37гг.), ему подарил, вызволив его весной 37г. из застенка, в память о его злключениях со счастливым исходом, Калигула (см. выше). Теперь эта цепь была ещё более осчастливленным при Клавдии Агриппой торжественно повешена-вывешена внутри храма, над входом в ризницу, к-рая – сокровищница-корбан, находилась, как мы помним, в (при) одном из внутренних притворов двора Женщин (Д.И. 1237; Т.Г. 1311). И цепью этой акцентировалась отнюдь не изменчивость языческой фортуны, но вселила еврейского Бога, к-рый милостив к несчастным и вполне может как вызволить (смирившегося пред Ним; воззавшего к Нему) узника из уз, так и (даже) возвести на трон того, кто является Его истовым исповедником.

Затем, по тщательном исполнении всех ритуальных предписаний, Агриппа лишил первосвященского сана произведённого в перевосвященники в 37г. Вителлием Феофила, сына Анана, и назначил вместо него Симона Канферу, бывшего третьим сыном Симона Боэта – отца оженённой Иродом в 25г. до н.э. Мариамны II (мать Ирода Боэта – первого мужа Иродиады и отца Саломеи), к-рый первосвященствовал с 25 по 1гг. до н.э., и два старших сына к-рого, Иоазар (дважды) и Елеазар, побывали первосвященниками, назначенные Иродом и Архелаем, на рубеже эр и в начале н.э., с 1 по бгг.

А со смещением-ссылкой в бг. Иродова сына Архелая и с провинциализацией Иудеи, право назначения-смещения иудейских архипастырей перешло, как мы знаем, к осуществлявшим его в 6 – 41гг. римским прокураторам. Впрочем, первым из сановно-чиновных римлян данным правом воспользовался августейший экстраординарный легат Сирии (4 – 7гг.) П.С.Квирий, произведший в бг. в патриархи Анана.

Читатель в курсе, что в IV н.э. патриаршее достоинство в основном облекали представители 4-х саддукейско-первосвященских кланов: Боэт, Анан, Фавит, Камит (Д.И. 169/74). Причём первосвященниками перебивали аж пять (плюс его зять – Каиафа) сыновей Анана (Елеазар, Ионафан, Феофил, Матфий, Анан Младший) и все три сына происходившего из александрийских Аронидов Симона Боэта (Иоазар, Елеазар, Симон Канфера), к-рых Флавий сравнивает, по рангу и последовательности облечения ими патриаршества, с сыновьями Симона Праведного (III/IIIв. до н.э.).

И если Боэт Старший попал в 25г. до н.э. в первосвященники благодаря царственному замужеству его красавицы-дочери, то применительно к Агриппе, стоит, пожалуй, акцентировать его связку-увязку, его тесные связи-контакты с александрийским еврейством (алабарх Александр; ходатайства за александрийцев в 38, в 41гг. и т.д.).

Далее, Агриппой были великодушно освобождены от специального налога обязанные безвозмездно предоставлять кров паломникам, к-рых в дни трёх больших паломнических праздников (в считавшийся надколенным уделом всех Израэлитов) Св. Город стекалось великое множество, иерусалимские домовладельцы (Тосефта Маасер Шени 1).

Агриппианское назначение «начальником над всем войском», т.е. главноком ВС (восстановленного Клавдием) царства Иудейского, Силаса обуславливалось тем, что он был тем близким другом Агриппы, к-рый находился с ним рядом в дни его бедствий и мытарств. И это не кто иной как он посещал Агриппу (вместе с вольноотпущенниками Марсией и Стойхеем) в тиберианском застенке в 36/37гг., всячески (с ведома Макрона и под прикрытием Антонии) заботясь о привилегированном узнике (И.д. 18,6,7).

«Спустя некоторое время», – вероятно, летом 41г., «несколько юношей из города Дора, решивших поглумиться над священными вещами и по природе своей отличавшихся необычайной смелостью, задумали поставить в одной из синагог статую императора. Это привело Агриппу в страшную ярость, потому что тем могло быть положено начало попиранию исконных иудейских законов. Поэтому он немедленно отправился к сирийскому наместнику Публию Петронию и выступил перед ним с жалобой на доритян. Петроний не менее самого Агриппы рассердился на этот поступок последних (дело в том, что он сам считал нарушение законов верхом безбожия) и в гневе своём послал доритским отступникам письмо следующего содержания...» (И.д. 19,6,3)

Дор – древнее финикийское побережное поселение (Плиний 5,75; Птолемей 5,15,5) в 8/9-и милях севернее Цезареи (Евсевий/Иероним «Ономастикон»), располагавшееся на полуостровном выступе между Цезареей и Кармелом, у подножия Кармела («Против Апиона» 2,116; Артемидор у Стефана Византийского). Упоминается в Кн.Нав. как владение хананейского царя, отданное колену Манассиину (12,23; 17,11). Но манасситы не сумели изгнать тутошних обитателей (Суд.1,27), или сумели частично овладеть городом позднее (1Пар.7,29), между тем как при Давиде и Соломоне, к-рый поставил здесь одного из своих начальников (3Ц.4,11), Дором владели израэлиты.

Впоследствии персы подчинили этот неизвестно когда после Соломона потерянный израильтянами город, фигурирующий ок. 500г. у Гекатея Милетского, финикийскому Сидону. В 219г. эллинизированных-эллинизируемых доритян безуспешно осаждал Антиох Великий (Полибий 5,66); в 139/38гг. опять безуспешно – Антиох Сидет (1Макк.15,11-37). Позднее, однако, у Дора появился хозяин – тиран Зоил, к-рого одолел на рубеже II/Ивв. до н.э., с присоединением города к маккавейским владениям, Александр Яннай (И.д. 13,12,2). Позже отрезанный в 63г. Помпеем от маккавейских владений и вскоре восстановленный Габинием (легат Сирии в 57 – 55гг.) Дор (И.в. 1,7,7; И.д. 14,4,4; 5,3), где иудеи составляли меньшинство от населения смешанных греко-финикийско-эллинистических кровей, оставался под прямым римским управлением, не войдя ни в царство Ирода, ни в царство Агриппы.

Суть конфликта ясна. Местные язычники попытались сделать то же, что и в 38г. александрийцы, вознамерившись поставить в иудейской синагоге статую императора. Но если в правление Калигулы, к-рый потребовал для себя божеских почестей без-каких либо оглядок и исключений, такие комсомольско-хуньвенбинско-добровольческие, относительно иудеев, починь-инициативы не в меру ретивого язычества в пределах Imperium Romanum пользовались и не могли не пользоваться поддержкой римской власти, то при издавшем, по агриппианскому ходатайству, два, в поддержку евреев Александрии и евреев прочих частей Империи, эдикта Клавдии, о чём, доритяне, видимо, не ведали, или в чём они не разобрались, ситуация однозначно изменилась.

Сейчас еврейская религиозная самобытность охранялась римской державной властью, по образу и подобию времён Августа. Посему, узнав о случившемся, Агриппа тотчас отправился к памятному нам своим благородным по адресу иудеев недавним поведением сирийскому легату Петронию (благодаря к-рому Иудейская война, как сказано, не разразилась на четверть века раньше уготованных ей сроков), и вопрос, включая официально-региональную манифестацию еврейских гарантий от имени кесарского наместника Сирии, плюс – наказание виновных, быстро решился.

АГРИППА В ТАЛМУДЕ И В АГАДЕ

Талмудическо-агадические предания-свидетельства об Агриппе столь же лестны и похвальны (Кетубот 17а; Песахим 88б; 107; Сота 7,8...), как почерпнутые из иудейско-проагриппианских источников отзывы-характеристики флавианские (или как мнение лично знавшего Агриппу Филона). Правда, строго говоря, неизвестно, о каком из Агрипп, т.е. о I-м? или о его одноимённом сыне – II-м (49/50 – 100гг.)? в каждом отдельном случае предания идёт речь? где и насколько они оперирующей символами памятью слиты? и т.д.

Но в наличных примерах, к-рые мы приведём ниже, в объективе, по всей вероятности, именно (или в большей мере) Агриппа I, поскольку у фарисейско-раввинистического предания гораздо больше оснований хвалить именно профарисейски настроенного Агриппу I. Во-первых, о профарисействе или о благочестии Агриппы II (к-рый одно время, по слухам, кровосмесительно сожительствовал со своей сестрой Вереникой) сведений нет, в то время как, во-вторых, когда речь идёт о царе Агриппе приложительно к Иерусалиму, важно помнить, что (пусть заведовавший до 66гг. назначением-смещением пресвященников) Агриппа II в собственно Иудее и в собственно Иерусалиме никогда не царствовал.

Стало быть, перед нами тот парадоксальный и редкий случай, когда, несмотря на свою правительскую, в сравнении с сыном, кратковременность, это именно Агриппа I ассимилировал-абсорбировал в позитивной памяти национально-религиозного предания носившего титул царя ок. полувека Агриппу II (49/50 – 100гг.), но не наоборот, как, например, в памяти негативной долгоцарственный Ирод Старший ассимилировал (и похожие примеры в истории есть) своего краткоцарственного сына-преемника этнарха (Ирода) Архелая, или менее яркого, чем он сам, пусть даже долгоцарственного, своего другого сына – тетрарха (Ирода) Антипу.

Весьма симптоматично, например, предание об участии царя Агриппы в праздничном принесении в храм первин плодов, точнее, злаков и плодов, с упором на первины плодов – Бикирим, что начиналось со дней после (майско/июньского) празднования (сиван) Шавуот-Пятидесятницы и продолжалось, на протяжении лета/осени, до (сентябрьско/октябрьского) праздника (тишри) Суккот (Поставление кушей); или в крайнем случае, при опоздании, – до (уже без произнесения ритуальных формул) праздника (кислев/тевет) Ханукки (декабрь).

Бикирим – злаки и плоды, выросшие на земле и деревьях и созревшие первыми (числом, не считая прочие, 7): ячмень, пшеница, виноград, инжир, гранаты, маслины, финики. Причём, если созревание-уборка ячменя и пшеницы связаны с Пасхой и Пятидесятницей, то приношение плодов, первины к-рых могут быть отложены, но не принесены в храм до Пятидесятницы, имело место в обязательном порядке по принесении двух пятидесятничных хлебов, с каковых пор и начиналось приношение плодов нового урожая.¹⁷

По описанию Филона («De festo sophini»), к-рый, надо полагать, посетил Иерусалим (не единожды за жизнь) в период 41 – 44гг. (= в пору иерусалимско-иудейского царствования Агриппы), в течение всего лета владельцы садов в городах и сёлах собирались в группы и с первинами плодов в корзинах (у богатых корзины – из золота и серебра) сходились в центрах (10/11-и) округов-топархий (на к-рые, предположительно, Иудея делилась и при Ироде, и при прокураторах, и при Агриппе) (Р.л. 864/65). Там предводитель группы (про)возглашал паломничество на Сион – к храму, и оттуда, под флейты и свирели, стартовало радостное восхождение в Иерусалим.

¹⁷ В «Краткой истории евреев» В.Дубнов ошибочно отождествляет Бикирим с Шавуот (с.284).

Специально полномочные иерусалимляне встречали паломников у врат Города и сопровождали их на Храмовую гору. Корзины в венках передавались священникам, произносилось благословение Богу за избавление из египетского рабства и за приведение Израиля в (текущую молоком и мёдом) Св. Землю. Одновременно хоры левитов на ступенях между святилищными притворами пели благодарственный Псалом 29. Как и все (простые смертные), Агриппа, со своей корзиной на плечах, скромно паломничал в храм: «Пришли к Храмовой горе – каждый, даже царь Агриппа, берёт свою корзину на плечо и заходит, пока не достигнет храмового двора» (Бикурим 3,4; Тосефта Бикурим 2,10 (102)).

Итак, если речь, судя по всему, об Агриппе I, т.к. в объективе похвальная скромность-народность (не отрывающегося от народа) царя, к-рый царствует в Иерусалиме, то, спрашивается, когда, в пределах 41 – 44г., это происходит, вернее, когда это происходит столь подчёркнуто народно, плюс – при-все-народно? Или, иначе говоря-вопрошая, – поддаётся ли происходящее уточнённой хроноидентификации-хронолокализации? Ответ: оптимально на повестке дня 41г. н.э.

Судите сами. Следующий 42-й г. будет, согласно восставленному осенью 41г. Агриппой езраитско-неемитскому седмично-юбилейному циклу-календарю, субботним, без посева (41г.) и сбора урожая (42г.) = без урожайных первин, тогда как предание толкует именно об урожайно-плодовых первинах-бикурим. Позднее, в 43 и в 44г., в Иудее было голодно, почему атмосфера этих голодных лет с праздничной атмосферой плодово-приносительного предания никак не сводится, не стыкуется.

Наконец, летом 44г. царь Агриппа скоропостижно умрёт в Цезарее, почему 44-й г. н.э., в качестве года радостного летнего принесения им плодовых первин-бикурим в храм, не подходит, не проходит вдвойне. Засим перед нами именно (выхваченное-запечатлённое преданием) лето 41г. = время накануне (ново)введения умножающим (в т.ч. бикуримически) свою популярность среди иудеев совсем недавно воцарившимся в Иерусалиме (благочестивцем) Агриппой однозначно импонирующего еврейским клерикалам *аронидского* седмичного цикла-календаря.

Два других комплекситарно-агадических рассказа о еврейско-фарисейском благочестии царя иудейского Агриппы гласят:

«Как-то раз, следуя со свитой по улицам Иерусалима, Агриппа столкнулся со свадебной процессией. Узнав, в чём дело, он приказал уступить новобрачным дорогу. Придворные возразили: «Царь не может уступить дорогу!» Агриппа улыбнулся и ответил: «Я ношу венец ежедневно, а невеста надевает его только на час. Так пусть же целый час она будет настоящей царицей» (Кетубот 17а; Шемахот 11,176).

В другой раз «Агриппа решил принести 1000 добровольных жертвоприношений и велел передать первосвященнику: «Пусть сегодня никто больше не приносит жертв. Едва царский посланец покинул храм, туда зашёл некий бедняк и протянул первосвященнику двух горлиц, на что услышал: «Царь приказал приносить сегодня только его жертвы». Бедняк: «Господин первосвященник, каждый день я ловлю 4-х горлиц, двух отдаю в храм, а двумя кормлю мою семью. Если ты не возьмёшь у меня этих птиц, то мне не будет удачи и моя семья умрёт с голоду». Растроганный первосвященник согласился принять голубей. Узнав об этом, Агриппа спросил через гонца, почему его приказ нарушен? Первосвященник объяснил в чём дело и царь велел передать ему: «Ты правильно поступил» (Вайикра рабба 3,4; Левит рабба 3,107а).

О нет, царь Ирод Агриппа не был ни инсургентом, ни диссидентом в отношении Рима, милостью к-рого он стал при Калигуле – (заиорданско-итурейско-галилейско-перейским) царём, а при Клавдии – царём над Иудейским царством со столицей в Иерусалиме, ловко (ловчее своего деда Ирода) умея быть-выглядеть,

более того, являясь (по своей сути), когда надо – иудеем, и когда надо – подвассальным Риму проримско-эллинистическим венценосцем. Одним словом, он мастерски умел быть слугой двух господ, умея сохранять необходимый консенсус-паритет и корректно лавировать между ними.

И если, с одной стороны, Шюрер (1,560), повторим, несправедливо или слишком категорично отказывает Агриппе, авантюрному «джентльмену удачи», в искренности его проиудейского перерождения в возрасте аж 50-и лет, то со стороны другой, национальные еврейские историки XIX/XXвв. Грэц и Дубнов явно загибают, делая из него большого еврейско-иудейского национал-патриота, олицетворителя, увы, мимолётного «золотого века» незадолго до повлекшей за собой гибель Иудеи и Второго храма катастрофы 70г. Грэц (т.3, с.354) даже восторженно сравнивает Агриппу и его время правления с Иосией Благочестивым (!) и со временем Иосии (640 – 09гг.), предшествовавшим концу Иуды и гибели Первого храма (586г.).

Пусть некоторое внешнее сравнительное сходство и наличествует, но в ракурсе-разрезах подлинной реальности «благочестивец» Агриппа суть такая же пародия на поистине Благочестивого Иосию, как его мнимо великий дед Ирод Старший суть зловещий гротеск-карикатура на поистине Великих Давида и Соломона. Хотя, впрочем, если Ирода поднимает в «цари Израилевы» не (сионист до сионизма) Грэц, к-рый его (представляя-продолжая традиционную раввинистическо-талмудическую т.зр.) терпеть не может, а еврейско-израильские либеральные-светские историки времени возникновения гос-ва Израиль (и противостояния евреев арабам, к-рых Ирод убедительно побеждал) в XXв. (А.Шалит), то профарисейски ориентированный Агриппа пользуется популярностью и у тех, и у других. Наш пострел везде поспел!

И тем не менее, нельзя, как сказано, полностью отказывать Агриппе в его достаточно искреннем стремлении прислониться в зрелом возрасте мужа 50-и лет к единобожному иудаизму, после опыта переживаний и разочарований в римских язычестве, укладе, нравах, нравственности и т.д. Вместе с тем, это не есть основание для сомнений в политической лояльности Агриппы к державе и кесарю, несмотря на то, что некоторые агриппианские начинания (не будучи нелояльными, всё-таки) вызовут (не более чем) подозрения у римлян (см. ниже).

Помимо того, Агриппа, без сомнения, обладал личным обаянием, позволившим ему снискать расположение, с оговорками, проницательного Тиберия и близкую дружбу Калигулы или Клавдия, т.е. очень разных властных римлян. Не был он лишён и политического чутья, умения правильно разобраться в сложной ситуации и своевременно сделать нужную ставку. И в то же время это именно ему, пожалуй, единственному из Иродиан удалось стать, не переставая быть другом и союзником римских кесарей и народа, царём иудейским для иудеев не исключительно презренной милостью Рима, перестав, при том, единовременно быть и выглядеть в глазах иудеев, отлично от предшествующих ему Иродиан, презренным чужаком.

Соединив в себе иродианский и маккавейский генезис, он, во многом, благодаря своим персональным качествам, добился того, чтобы почитаться евреями именно еврейским венценосцем, чего не удостоились со стороны своих еврейских подданных ни Ирод Старший, ни Архелай, ни Антипа – до него, ни Агриппа II – после него.

Только у него, у отнюдь не выдающегося гос. деятеля или иудейского венценосца, но у, без сомнения, незаурядного малого и у незаурядного вассального царя (и не более того) лучше и круче всех Иродиан получилось – как пригнуться-полюбоваться евреям-иудеям, так и превзойти всех прочих иродианских династов в умении сближаться с верховными римлянами.

Хотя масштабы Августа и Ирода несопоставимы с масштабами Калигулы, Клав-

дия и Агриппы. И потом, если обладатель железной политической воли Ирод слишком многого достиг сам, то Агриппе, в очень немалом, содействовало-сопутствовало счастливое стечение обстоятельств.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ АГРИППОЙ СУББОТНЕ-ЮБИЛЕЙНОГО ЦИКЛА ЕЗДРЫ/НЕЕМИИ (осень 41г.)

Итак, являясь примерным римско-эллинистическо-вассальным венценосцем в преимущественно языческой Цезарее, где он устраивал для язычников гладиаторские бои и др. зрелищно-цирковые представления, царь Агриппа, наряду с тем, не ограничился в своём иудейском благочестии скромным приношением летних плодов-бикурим в храм для передачи священникам, или ежедневными жертвоприношениями и строгим исполнением, в дни пребывания в Иерусалиме, предписаний закона.

Так, в середине сентября 41г., с наступлением месяца тишири, в Иудее начался субботний год, по нововведённому-реанимированному Агриппой езраитско-неемитскому = *аронидскому* седмично-юбилейному циклу-календарю. К этой, уже, надеемся, хорошо знакомой читателю теме наличия в еврейской истории-метаистории не одного, но двух седмично-юбилейных циклов-календарей (между тем как наука сомневается даже в одном, а если и пробует его реконструировать, то – неверно) (Р.л. 344-54-62-70; Д.И. – «Израиль и Иуда»), мы не раз обращались в наших предыдущих книгах.

Здесь коротко освежим читательскую память. Семилетне-сорокадевятiletние шмиты и юбилеи (в к-рых каждый 50-й год есть одновременно первый год следующего 49/50-летнего, из 7-и семилеток + 1, без нарушения семеричности, цикла), установленные при Иисусе Навине (1407 – 1379гг.), после завоевания (7 лет: 1407 – 1400гг.) и распределения (7 лет: 1400 – 1393гг.) Св. Земли между коленами Израиля, стартовали в 1393г. до н.э. И данный, условно названный нами *царским*, цикл-календарь действовал с переборами, то соблюдаясь, то не соблюдаясь, однако, в строго седмичном ритме, весь период Судей и период Царей, до самого конца Иуды, гибели Первого храма и Вавилонского пленения евреев (586г. до н.э.), на протяжении к-рого Земля субботствовала, и с какого времени соблюдение суббот Господних прекратилось (Арахин 13а).

Далее, в 443г. до н.э., т.е. в следующем, по репатриации евреев под предводительством Зоровавеля с Иисусом и по восстановлении ими дома Господня (538 – 16гг.), столетии, календарём занялись сведущий в законе Моисеевом первый книжник и первый (после последнего Малого Пророка – Малахии – первая половина Вв. до н.э.) раввунин (духовный отец раввинистического иудаизма) Аронид-Елеазарид-Садокид Ездра (пришедший с очередной массой – второй поток – репатриантов в Иудею в 457г.), и в паре с ним областеначальник Иудеи (ахеменидско-персидский назначенец Артаксеркса I) Неемия (444 – 33/32гг.).

Именно они учредили-ввели, в пору клерикально-чистокровных-чистоверных-геттоистических приоритетов эпохи Второго храма, новый – сменивший закончившийся в 586г. (последняя шмита – 588/87гг.) и не совпадающий в семилетнем ритме с прежним (*царским*) – *аронидский* (как мы его условно назвали, и что, сродни наименованию *царский*, верно по сути) цикл-календарь.

Соответственно, если первый из этих сакральных циклов-календарей действовал при (Иосифлянине-Эфраимите) теократоре Иисусе Навине, при царственных (Иудеях) Давиде (его мл. брате – Нафане – репрезентанте таинственного царст-

венно-неаронидского священства *мужей жребия Мелхиседекова*), Соломоне, Иосафате, Езекии, Иосии, то освящённый-запущенный особостатуированным (Аронидом) Ездрой второй цикл-календарь был актуален в дни поклонения (в лице иудейско-аронидского первосвященника) еврейскому Богу Александра Великого (IVв. до н.э.), при первосвященнике (Арониде) Симоне Праведном и его сыновьях (Шв.), при очистителе-обновителе (осквернённого Антиохом Эпифаном) дома Господня (Арониде) Иуде Маккавее (164г. до н.э.).

А спустя три столетия (303 года) от нововведения Ездры/Неемии (443г.), в 140г. до н.э., последний из пяти героических братьев Маккавеев Аронид (чреда Иегоиарив) Симон (+ 134г.), при к-ром было окончательно свергнуто селевкидское иго, приняв, помимо первосвященского достоинства, титул этнарха (князь народа Божия в Земле Обета), в дни, когда маккавейская Иудея вышла на финишную прямую Времени навстречу Исполнению Времён = навстречу восстанию Пророка верного = навстречу Пришествию Мессии-Царя из дома-рода Давида = первосвященника по вышнецарскому чину Мелхиседека, сделал следующее. Он правомерно вернул мессианистическому еврейству именно (временно отложенный строжайшим геттоизатором еврейства-иудейства Ездрой) *царский* цикл-календарь Иисуса Навина, Давида (Нафана), Соломона...¹⁸

Но с секуляризацией-лаицизацией Маккавеев, при вступившем в конфликт с фарисеями Иоанне Гиркане (134 – 103гг.), при принявшем царский титул в 103г. до н.э. (через 483 = 69 x 7 года после гибели Иудейского царства и Первого храма в 586г.) Иуде Аристовуле (103/02гг.) и, наконец, при безоглядном завоевателе-расширителе Иудеи (вопреки фарисейскому изоляционизму) и противоборце фарисеев Александре Яннае (102 – 75гг.), исповедовавшее теоцентрический мессианизм с клерикально-аронидским креном (включая *Пророка* из Аарона и *Двух Помазанных* от Давида и Аарона) фарисейство встало в оппозицию к обмиршвлённым Хасмонеям. И естественно, оно ностальгировало по, дескать, неправоммерно упразднённому Хасмонеями-Маккавеями езрайтскому циклу-календарю.

Притом десятилетний «золотой век» фарисейства пришёлся на время правления вдовы Янния царицы Саломии Александры (75 – 66гг.), при к-рой, о чём читатель знает, был казнён замечательный предваритель Исполнения Времён, предтеча христианства – Иешуа бен Пандира (70г. до н.э.).

К тому же, наверняка и среди части клерикального саддукейства, и среди именно аронидского (о чём необходимо помнить) духовенства изначально имелись (стоявшие за, фигурально выражаясь, удержание ситуативной доминанты Аарона во времени и пространстве) (Р.л. 379–81) противники календарно-циклической реставрации-нововведения Симона Маккавея, что усугубилось позднее.

Т.е. вопрос был неоднозначный-спорный. Однако, нововведённый-возобновлённый *царский* цикл-календарь продолжал функционировать и при последних Маккавеях, и при не пересмотревшем его их т.н. продолжателе-преемнике – царе Ироде, к-рый, никак не могучи претендовать и не претендуя на аронидское происхождение, даже воспритязал (возомнив себя пришедшим еврейским Мессией!) на генеалогию (ни больше, ни меньше) от царя Давида!

И вот римляне, рангово-титулярно понизив сначала Иродова сына Архелая, кому

¹⁸ Феномен-уникум Мелхиседека (*Царь Праведности*), мужей жребия Мелхиседекова (из колена Иуды, дома-рода Давидова – по линии Нафана) и Первосвященника вовек по чину Мелхиседека – ЦАРЯ-ПАСТЫРЯ Иисуса Христа (происходившего из колена, из к-рого никто не приступал к святилищному жертвеннику) – не в преходящем аронидском храмовом священстве и не в преходящем земном царстве, а именно в вышнем непреходящем Царстве не от мира сего и неразъемлемом с ним вышнем непреходящем Священстве – от Господа Бога и царя Давида.

отец завещал в 1г. н.э. царское достоинство, до этнарха, в 6г. н.э. упразднили-провинциализировали иудейский вассалитет, в связи с чем во внутренней жизни Иерусалима/Иудеи на первый-передний план вышла-выдвинулась иудейская синедрионально-теоцентрическая иерократия (в отличие от безгласно-покорного синедриона при Ироде).

Причём её влияние в пору отсутствия национальной светской власти неизмеримо возросло и, надо полагать, в её среде голоса за, в частности, возвращение к аронидскому циклу-календарю усилились. Вопрос актуализировался. Впрочем, для его практического решения потребовалась царская, в условиях восстановленной вассальной государственности, воля.

Посему, став царём иудейским, иродианско-хасмонейский венценосец (благочестивец) Агриппа, к-рый не случайно в письме Калигуле (40г.) ставит (устаами Филона) еврейского первосвященника выше царя, идя навстречу пожеланиям многих представителей (благочестивой) иерусалимской иерократии (с её ярко выраженными аронидскими приоритетами), восстановил-восставил (отчасти – зарабатывая себе иудейские очки, отчасти – искренне веруя в богоугодность содеянного) отменённый в 140г. (в, повторим, преддверии Исполнения Вреён = в преддверии Пришествия Мессии Христа) Симоном Маккавеем седмично-юбилейный цикл-календарь Ездры/Неемии.¹⁹

Примечательно, что Таинство Голгофы, с летом Господним Юбилейным в жизни Христа Иисуса (30/31гг.), свершившись в 33г. н.э. (Исполнение Вреён), в сущности, исчерпало учреждённые при Иисусе Навине субботы и Юбилеи, спустя 8 лет после чего и произошло в 41г. осуществлённое Агриппой возвращение (запутавшего во Временах, Исполнение к-рых оно проигнорировало) еврейства постфактум к исчерпавшему себя ещё в 140г. до н.э. циклу-календарю. И символично, что именно в постфактум-субботный год по этому мёртвому-зомбированному (пост)седмично-(пост)юбилейному графику падёт в 70г. н.э. (покинутый Богом Живым в 33г. н.э.) Иерусалимский храм!²⁰

Но пока царь иудейский Ирод Агриппа нежил в лучах и дивидендах (от) своего (в царской компетенции) реставрационного нововведения. Данным жестом он сделал выразительный реверанс в сторону части еврейской элиты из духовенства, саддукейства, старейшин, книжников и, главное, столь симпатичных ему и столь многовлиятельных в народе клерикальных фарисеев. Взгляните, мол, и удостоверьтесь в мере-степени моего благочестия, в искренности моей приверженности истинным

¹⁹ Если Симон Маккавей упразднил седмично-юбилейный цикл-календарь безгосударственного-иерократическо-теократического Израиля (с его апологией евгеническо-клерикальной геттоизации еврейства, с его иерархическим разделением иудейства на Аронидов, Левитов, Израэлитов, Прозелитов) по возрождении гос-ва Иудея-Израиль во главе с первосвященником и этнархом в одном лице (до восстания Пророка верного), то Агриппа восставил иерократическо-теоцентрический езраитско-аронидский цикл-календарь, (как бы) восстановив (через 40 испытательных лет после конца в 1г. н.э. царства Ирода) государство-царство Иудея-Израиль. И сделано это было при Агриппе так, словно в промежутке не пришёл Пророк верный! словно не было в израильско-вселенской метаистории величайших Событий 1/1-14-28-30-33гг.! И совершил Агриппа это, одновременно демонстрируя-манифестируя свою как иродианско-хасмонейскую, так и персональную царскую приверженность аронидской иерократии-теоцентричности, её идеалам и ценностям.

²⁰ Интересно, что этот восставленный Агриппой *аронидский* цикл-календарь Ездры/Неемии (в 10-й юбилейный период по к-рому – 1/1 – 49/50гг., когда и ожидали Мессию тоже одержимые клерикальным креном кумраниты, свершилась Мистерия Голгофы) (Р.л. 936) просуществовал, в общей сложности (443 – 140гг. до н.э. = 303 года + 41 – 70гг. н.э. = 29 лет), итого 332 года, пресекавшись, с разрушением Иерусалима, храма и концом иудейской автономии, на пороге своего 333-го года.

еврейско-иудейским идеалам! что присуще мне, взывающему к новому Моисею Ездre венценосцу поболее всех моих предков – Хасмонеев и Иродиан – вместе взятых!

И не любопытно ли в свете рассмотренной нами агриппианской календарной реставрации-реновации-реанимации возведение царём в начале лета 41г., по его возвращении из Рима, в первосвященники Симона Канферы, сына Симона Бозта – выдающегося, согласно Флавию (Р.л. 301-03), священнослужителя родом из Александрии (первосвященствовавшего в 25 – 1гг. до н.э.).

Обратим внимание на то, что в результате назначения Симона Канферы прервалось аж 24-летнее непрерывное первосвященское господство представителей могущественного клана Анны (архипастыря в 6 – 15гг.) в лице его сыновей и зятя Каиафы (Елеазар – 17/18гг.; Каиафа – 18 – 36гг.; Ионафан – 36/37гг.; Феофил – 37 – 41гг.). Означает ли это, что смена-замена циклов-календарей осенью 41г. была произведена с опорой на поднаторевшего в учёном аронидстве сына александрийского Аронида, с его архипастырского благословения?

Скорей всего, да, но из этого не обязательно делать вывод об оппозиции к агриппианскому старо-нововведению (аронидского) клана Анны, тем более, что сын Симона Канферы Элионей, к-рый сделается первосвященником в 43г., на 41г., по всей видимости, уже был женат на дочери Каиафы (Т.Г. 1817-24). Т.е. кланы Анан и Бозт состояли, вероятно, с 30-х гг. IV н.э., в близком родстве.

Притом лучше отставить зыбкие-эвентуальные-виртуальные, за дефицитом информации, гадания о происхождении, дескать, религиозно-политических боэтозеев от Бозта (?), или о неременной сопринадлежности Симона Бозта к выводимым из талмудического предания боэтозеям (?), о проиродианстве, противофарисействе последних (?) и т.д., поскольку тут, как говорится, сам чёрт ногу сломит.

Кроме того, даже такой расклад не обязательно будет означать антагонизм между названными партиями по седмично-юбилейному вопросу, в к-ром мастер компромисса и умелец угодить, если не всем, то многим, конформист-популист Агриппа явно поступил в духе и по запросу (разнопартийного) множества репрезентантов выпавшей из Времени иерократическо-геоцентрической иудейской элиты. Последняя же, при исчерпанности после вселенского События Голгофы обоих, не считая их остаточного заряда, циклов-календарей, осталась, увы, вне, осталась, увы, за бортом принесённого Христом на Землю, в люди-человеки, Чистого Времени!

Плюс к тому, по флавиевскому повествованию трудно в точности установить-определить, когда именно Агриппой был смещён Симон Канфера, с возведением вместо него в первосвященники четвёртого сына Анана – Матфия (И.д. 19,6,4) (см. ниже), о чём говорится следом за разрешением, при участии сирийского легата Петрония, иудейско-дорийского конфликта (см. выше). Т.е. эта смена-замена может относиться как к осени/зиме 41-го, так и к весне 42г., при всех случаях, ко времени до сдачи римско-сирийским наместником Петронием легатской вахты Вибия Марсу, д.б., весной/летом 42г. н.э. (19,7,1) (см. ниже).

И тем не менее, вероятнее всего, первосвященство Симона Канферы закончилось не ранее весны 42г., приложительно к чему важно заметить, что с 41 по 44г. царь Агриппа сменил трёх первосвященников, не позволяя им задерживаться (на фоне несменяемого, но меняющего патриархов царя) в архипастырстве долее года.

«ПАСХА НЕСМЕТНЫХ ТОЛП» И ЧТЕНИЕ ЦАРЁМ ВТОРОЗАКОНИЯ В ХРАМОВОМ ПРИТВОРЕ ИЗРАЭЛИТОВ В КОНЦЕ СУББОТНЕГО ГОДА

(весна — осень 42г.)

Эту связываемую с царём Агриппой (необычную) Пасху еврейское предание называет «Пасхой несметных толп», или «Пасхой раздавленных» (Тосефта Песахим 4б; 64б; Тос. Песахим 4,3 (163); Мидраш «Эха рабба» 1,2).

«Однажды царь Агриппа захотел узнать, сколько народонаселения (в Израиле). Он сказал священникам: «Отделите для меня по одной почке от каждой пасхальной жертвы». Они отделили ему 600 тыс. пар почек — вдвое больше против числа евреев, вышедших из Египта; а в каждой пасхальной жертве участвовали не менее 10-и человек, и сюда не вошли ещё находившиеся в дальней дороге и нечистые. В этот день Храмовая гора не могла вместить всех вошедших евреев; и Пасха была названа «Пасхой раздавленных».

Отставим параболические толкования данной Пасхи (хотя её второе наименование «Пасха раздавленных» не обязывает усматривать в нём и в них, вопреки мнению некоторых, аллюзию на угнетённых перед Иудейской войной римлянами, плюс на разбитых-раздавленных в этой войне иудеев) и сосредоточимся на её, по нашему мнению, вполне поддающейся идентификации хроноисторичности.

Вернее, выявим исторический стержень и фон задействованного преданием сюжета, пусть даже (символические) числовые пасхальные показатели оно, сродни пасхальной цифири Флавия (И.в. 6,9,3) применительно к одной из Пасх 60-х гг. Ив. н.э. (на к-рой, согласно Флавию, было заклано аж 256 тыс. Агнцев на аж 2 млн. 700 тыс. человек), сильно преувеличены (Т.Г. 1420).

В основе иудейского предания о столь знаменательной Пасхе с необычно большим количеством её празднователей-паломников — не мифология, поскольку и особо торжественная праздничная *Пасха несметных толп*, и народная перепись в Израиле очень даже могли прийти, более того, имели место быть во время иудейского царствования Агриппы, а именно — в 42г. н.э. (когда, кстати, Пасха выпала на 24/25.03. = 14/15 нисана, с днём 15 нисана в пролептическое воскресенье 25.03.).

В «Р.л.» (359) мы предположили, что под означенной великоторжественной Пасхой еврейского предания — две, соединённые преданием воедино, исключительно праздничные Пасхи 41 и 42г., по восстановлении-возрождении Иудейского царства во главе с Агриппой, первая из к-рых вряд ли была отпразднована едва возвратившимся в Палестину из Рима царём с подобающей помпой, вследствие чего великоторжественный упор пришёлся на вторую, т.е. на Пасху субботнего 42г.

Теперь же, когда нами принято участие Агриппы в суде над Исидором и Лампоном в Риме 1.05.41г., ясно, что его персональное иерусалимское участие в праздновании апрельской Пасхи этого года, к-рая, несомненно, тоже была (по получении иудеями хороших проиудейских вестей из Рима) торжественной, отпадает. Засим великоторжественный упор нужно-должно сделать именно на Пасхе следующего 42г., к-рый, повторим, был (ещё и) празднично-субботним²¹, и ведь именно в субботние годы, при Ироде, в Иудейском царстве (по всей вероятности) проводились (в годы субботаствования земли, заключения арендных договоров, отпущения рабов на свободу и т.д.) переписи народонаселения (Р.л. 1032; 1061).²²

²¹ «Песахим» (1076): «И царь Агриппа, к-рый принимал пищу в 9-м часу (= ок.15.00), решил в тот день (14 нисана) воздержаться от приёма пищи до наступления вечера» (= до наступления 15 нисана, когда вкушался пасхальный агнец).

²² Греки жили в 4-летнем *олимпийском*, римляне — в 5-летнем *люстральном*, иудеи — в 7-летнем *седмичном* (субботне-юбилейном — 7x7+1) ритме.

Следовательно, у нас есть все основания принять историчность «Пасхи несметных толп» иудейского предания. Во-первых, — как первого, и потому подчёркнуто великаторжественного, с непосредственным участием в нём, по возрождении еврейско-иерусалимской государственности, пасхального праздника царя иудейского Агриппы. И во-вторых, можно принять, что в год празднования этой Пасхи 42г. (к-рая была частично омрачена давкой несметных толп на Храмовой горе, в результате чего погибло какое-то, видимо, немалое число паломников), Агриппа провёл (41/42гг.) во вверенном ему Клавдием царстве перепись населения.

И сделал он это в шмиту по введённому-реставрированному им *ездраитско-аронидскому* циклу-календарю (тогда как Ирод проводил переписи в шмиты по действительному в его правление *царскому* циклу-календарю, сообразно к-рому, последний субботний в правление Ирода год пришёлся на 7/бгг. до н.э.).

Опять, как видим, наш пострел Агриппа везде поспел. Причём в народонаселенческих переписях есть, сообразно (мудрости) В.З., (требующее искупительной жертвы) совершение их производителями-реализаторами греха (примеры Моисея и Давида), ибо счисление душ человеческих человеками суть покушение на суверенитет-прерогативу-компетенцию Господа Бога (Р.л. 1061), из-за чего (двойкая-неоднозначная) память о той великаторжественной Пасхе — как о, в т.ч., «Пасхе раздавленных» (при столпотворении) — не удивляет.

Дальше — больше. В Талмуде (Сота 7,8; 41б) шмита в приложении к Агриппе всплывает и следующим образом. По окончании субботнего года, на осеннем празднике Поставления кушей (15-22 тишри), царю полагалось читать в храме, со специально возведённой для него эстрады в притворе Женщин, определённые стихи из Второзакония (31,10), что царь мог делать и сидя, но благочестивец Агриппа прочитал эти стихи стоя, за что был премного хвалим (наверняка не только фарисейскими, как того хочет Талмуд) законоучителями — ревнителями благочестия (Р.л. 356/57).

Мало того, при словах: «из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою царём иноземца, к-рый не брат тебе» (17,15) — внук Антипатрида Ирода, дед к-рого идумеянин-исавит Антипа обрезался при Иоанне Гиркане, и внук Хасмонейки Мариамны, сын их отпрыска Аристовула и дочери Иродовой сестры Саломии (от казнённого Иродом в 22г. до н.э. идумеянина Костобара) — Береники, вспомнив свой низкий преимущественно идумейский генезис, горько, согласно талмудистам, заплакал. Однако, он царствовал богоугодно²³, был, в отличие от безбожного деда, богобоязненным радетелем-исполнителем предписаний Закона, и пользовался любовью-расположением иудеев, отчего народ (устами присутствующей элиты) принялся громко ободрять его словами: «Не печалься, Агриппа, ты — наш брат, ты — наш брат».²⁴

Вот вам наглядное свидетельство-подтверждение завершения процесса иудаизации идумеев-эдомитов в IV н.э., равно степень акцептации еврейством (внука

²³ О благочестивости-богоугодности Агриппы в трактате «Йома» (20а) находим: «Какие слова (распевно) произносил герольд Гебини (храмовый служитель, будивший священников ночью для принесения утренней жертвы)? Он возглашал: «Восстаньте, о священники, ко служению; и вы, левиты, взойдите на святилищные ступени для пения Псалмов; и вы, изразлиты, восстаньте к жертвоприношению». И его голос был слышен на удалении 3-х парасангов. Однажды царь Агриппа находился в дороге и услышал голос Гебини в 3-х парасангах. А возвратившись домой, он послал ему подарки».

²⁴ «Сота» (7,8): «Как происходило чтение мест из Втор. царём? На исходе первого дня праздника Кушей (15-22 тишри) в храмовом притворе (Женщин) возводили деревянную трибуну и царь всходил на неё. Смотрящий синагоги брал свиток Торы и передавал его предстоятелю синагоги, тот — предстоятелю священства, тот — первосвященнику, к-рый, в свою очередь, протягивал свиток царю. И царь, сидя на трибуне, читал со свитка. Агриппа же

Ирода) Агриппы (6-е колено от первообрезанца Антипы), правда, разумеется, не следует забывать о важном присутствии в агриппианском генезисе аронидско-хасмонейской составляющей.

И тут снова спрашивается: на когда собственно может выпасть субботный год в царствование Ирода Агриппы – 37 – 41 – 44гг.? Попробуем приноровить приведённую сцену из Талмуда к маккавейскому циклу-календарю: 29/30, 36/37, 43/44гг. Не получается. Агриппа не мог читать Второзаконие в Иерусалимском храме осенью 37г., поскольку прибыл в Палестину, отпущенный из Рима другом-сображником Калигулой лишь в 38г. Вдобавок к тому, «Сота» явно повествует о времени-периоде царствования Агриппы над всей, включая столичный Иерусалим, Иудеей в 41 – 44гг. Но царь иудейский Агриппа не мог читать Второзаконие в храме и осенью 44г., так как умер никак не позднее лета этого года.²⁵

Т.е. и методом исключения из рассказов вовсе не антиисторичных (как полагают многие) Талмуда или иудейского предания, если, конечно, их правильно читать, понимать и соотносить с историей (с исторической реальностью в её подлинности), делается следующий вывод. Царь Агриппа читал в храмовом притворе Женщин Второзаконие по окончании первой, сообразно восставленному им езраитско-неемитскому седмично-юбилейному циклу-календарю, шмиты 41/42гг., а именно – осенью – на празднике Поставления кушей – 42г. н.э.!²⁶

поднялся, взял свиток и читал стоя, за что был хвалим законоучителями...» Читались места Втор: 1,1-6,3; 6,4-9; 11,13-21; 14,22; 26,12; 17,14/15 (S Dt 17,15 §157 (105в)).

Впрочем, позднейшие талмудические авторитеты выражаются о похвале Агриппе «Ты – наш брат» отрицательно. «Госефта Сота» (7,16 (308): «Именем р. Нафана (ок.160г.) сказано: «Израэлиты этим (обращённым к царю похвальным) возгласом обрекли себя на погибель, ибо они польстили (подольстились к) Агриппе» (= Бар Сота 41б).

²⁵ Более того, и 40-й г. н.э., несмотря на все попытки науки сделать его субботным, по грубо ошибочному научно-академическому графику, таковым, ни в коем случае, не был, с чем Шюрер почти готов согласиться (Р.л. 357/58), ибо и Филон, и Флавий (предельно чётко) говорят о посеве и урожае в этом памятном году противостояния палестинских иудеев Риму, в ракурсе приказа Калигулы Петронию установить императорскую статую в храме.

²⁶ Притом, стоит оговорить, что Агриппа был первым еврейским царём, т.е. носителем именно царского титула, к-рый читал Второзаконие в храмовом притворе Женщин по завершении субботного года, согласно иерократическо-аронидскому седмично-юбилейному календарю. Удостоверьтесь! Сей календарь действовал с 443 по 140гг. (с последней календарной шмитой по нему в 142/41гг.), когда у евреев не было царя (и соответствующие места из Кн.Втор читал в храме, следует понимать, первосвященник)! Помимо того, и в отношении царского цикла любопытно заметить, что введший-восставивший его Симон Маккавей стал в 140г. этнархом, а не царём, к-рым лишь в 103г. заделался Иуда Аристовул. Отсюда получается, что последний, до Ирода, святилищный чтец Второзакония, в царском ранге, после шмиты 77/76гг., – Александр Яннай (102-75гг.), а чтица – его супруга и царственная преемница – Саломия Александра – после шмиты 70/69гг. (при наступлении 10 тишри юбилея 69/68гг.).

Далее, взяв Иерусалим сентябрьской осенью 63г., как раз при наступлении шмиты 63/62гг., Помпей утвердил сына Саломии Гиркана в достоинстве первосвященника и этнарха, но не царя. Позднее же именно в субботный год, по царскому циклу, случилось завоевание Иерусалима римлянами и Иродом, к-рый, таким образом, мог читать места из Кн.Втор. в храме осенью 34г. в ранге именно царя иудейского (даром что милостью римлян), при поставленном им первосвященнике Ананиле (из вавилонских Аронидов), до назначения в ноябре/декабре первосвященником юного Аристовула Маккавея (Р.л. 148).

И вряд ли справедливо умозаключать, что при Ироде это чтение Втор., дескать, из-за Иродова непотребно-идумейского происхождения, вообще не практиковалось (Грэц). Повторим, Ирод был, по иудейским нормам, полноценным иудеем в третьем колене, на чём он, без сомнения, да ещё легитимистски возведя себя к Давиду, настаивал (да и кто посмел бы громко сказать ему: «ты не наш брат!»), и значит, он непременно читал в притворе Израэлитов Кн.Втор. по окончании шмит, последняя из к-рых в его царствование пришлась на 7/6гг. до н.э. (время первосвященства, с 25г., Симона Боэта). Посему вовсе не исключено, что осенью

АГРИППА В 42/43гг.

Между тем, вероятно, в первые месяцы 42г. Агриппой был смещён назначенный им в начале лета прошлого года первосвященник Симон Канфера, с поставлением на его место, после самоотвода Ионафана, по данной царю Ионафаном рекомендации, младшего брата последнего — Матфия (И.д. 19,6,4) — четвёртого из, в общей сложности, пяти, побывавших архипастырями сыновей (*Кащея*) Анны (начиная с Елеазара — 17/18гг. и кончая Ананом II, по подстрекательству к-рого будет каменнован в 62г. Иаков, брат Господень).

Иначе говоря, если введение-восстановление аронидского субботне-юбилейного цикла-календаря Ездры/Неемии произошло при Симоне Канфере из дома александрийского Аронида Симона Боэта, то особо торжественная *Пасха несметных толл* была отпразднована при Матфии из дома палестинского Аронида Анана (брачно породнённого на то время с домом Боэта). Одним словом, (в общем доме) всем сестрам (от царя) по серьгам! Царь — вот кто назначает и смещает первосвященников, проявляя максимум богобоязненного благочестия и компромиссно разделив-подедив архипастырский штурвал в великую шмиту (по нововведённому им циклу-календарю) между двумя самыми влиятельными архипастырскими кланами.

В то же время из флавиевского текста не очень ясно, почему именно Ионафан отказался облечь, по назначению царя, первосвященство вторично. Похоже, что он подпал какому-то ритуальному осквернению, и потому не считал себя достойным надеть патриаршее облачение снова, сказав царю: «Если ты желаешь, чтобы ныне эта честь была оказана человеку, более достойному её, то позволь дать тебе совет. У меня, царь, есть брат, к-рый совершенно чист от всякого греха как относительно Бога, так и относительно тебя. Его я предлагаю тебе как лицо, достойное этой чести» (И.д. 19,6,4).

Царь внял этому самоотводному совету, по Флавию, — «высоко почтил мнение Ионафана», и утвердил в первосвященническом достоинстве Матфия, как сказано, ещё одного очередного сына *пахана* Анны, к-рого, впрочем, как и ок. 60-летнего на 40-й г. н.э. Каиафы, в 42г., видимо, уже не было в живых.

Очередную 7-ю гл. 19-й кн. «Древностей» Флавий начинает с сообщения о смене-замене П.Петрония на посту легата Сирии Вибием Марсом, по назначению Клавдия, что, т.е. заступление Марса в должность, надо понимать, датируется весной/летом 42г. Обычно (пусть не всегда и не во всех случаях) наместники провинций сменялись ок. середины года, в летнее время. Однако, как раз под анналистическим 42г. у Диона (60,11,6) имеется информация о клавдианском решении, обязывавшем провинциальных губернаторов отбывать из Рима к месту службы до 1.04. (см ниже).

Впрочем, согласно Диону, решение касалось (или касалось в первую очередь) наместников, выбранных по жребию, т.е. наместников (благополучных) сенатских провинций, а не, — во всяком случае, по букве дионовского текста, — кесарских легатов в провинциях императорских (где легат мог быть сменён кесарским велением в любой момент), одной из к-рых являлась Сирия.

Так или иначе, Марс, по всей видимости, сменил Петрония не ранее весны и не позднее начала лета 42г., что, вместе с тем, событийно открывая новую главу «И.д.», вовсе не обязательно хронопредшествует излагаемому Флавием ниже конфликту между Агриппой и его главкомом Силасом, к-рый, скорей всего, случился до Марсова прибытия в Сирию.

бг. до н.э. 4-летний Агриппа был или мог быть (на руках своего отца Аристовула, казнённого Иродом в 4г. до н.э.) свидетелем этого (впечатляющего) чтения (Иродом из Кн.Втор. — сидя).

Напомним читателю, Г.Вибий Марс облакал консульство-суф. во второй половине 17г. н.э., и передав до истечения года фаски своему суффектному преемнику, вошёл в свиту отбывшего на Восток Германика, где, в Сирии, подвизался в качестве его легата. А после того как Германик внезапно осенью 19г. умер, сместив перед тем с сирийско-легатского поста отправленного им в Рим тиберианского назначенца Г.К.Пизона, Вибий вступил в спор с др. свитским легатом Гн.Сентием Сатурнином (конс.-суф. 4г. н.э.) за вакантную сирийскую легатуру, вынужденный уступить её старшему возрастом товарищу (Д.И. 168).

Затем Вибию довелось, в числе прочих друзей-amigo покойного Германика, сопровождать отчалившую с прахом мужа и с детьми Агриппину из Сирии в Рим. В 26г. он предложил в сенате придать в помощь проконсулу Азии М.Эмилию Лепиду (конс. бг. н.э.) специально ответственного за воздвижение в Смирне посвящённого Тиберию и Ливии святилища легата (Ан. 4,56,3) (Д.И. 1027; 1034), тогда как сам с 26/27 по 29/30гг. (продолгованно) наместничал в Африке (CIL 8,10568 = 1,4386). В 37г. едва не стал, привлечённый по делу Альбуциллы (вдова Сатрия Секунда), жертвой интриг Макрона (против Л.Аррунция), но отказался от пищи, как бы желая добровольно умереть, сумел, правильно разложив пасьянс, пережить Тиберию и сохранить жизнь (Ан. 6,47,2; 48,1) (см. выше). При Калигуле – не высывался, получив при Клавдии, с к-рым он через одну из клавдианских экс-жён Плавтию Ургуланилу, сестру Вибиева зятя, состоял в родстве, легатское назначение в знакомую ему с 18/19гг. Сирию.

Тем временем, в 42г. агриппианский главком Силас, известный нам, по его, повторим, нахождению при Агриппе, в пору заточения последнего в тиберианском застенке – 36/37гг., когда он (с ведома Макрона, под прикрытием Антонии), вместе с вольноотпущенниками Стойхеем и Марцием, всячески заботился об облегчении участи узника, ныне, сделанный Агриппой в 41г. главкомом царских ВС, чересчур возгордился. Держал себя с царём, да ещё на людях, слишком фамильярно, и слишком часто, слишком неуместно напоминал венценосцу как о его бедствиях в прошлом, так и о том, чем он именно ему, Силасу, обязан. Делать же такое прежним друзьям в отношении прежних друзей, сделавшихся правителями, категорически не рекомендуется, ибо это весьма чревато.

В конце концов, Агриппу вызывающее поведение Силаса достало, он лишил его поста главкома, велел заключить в оковы и, согласно Флавию, (И.д. 19,7,1), «отправить (из Цезареи или из Иерусалима) на родину», что не поясняется, свидетельствуя о происхождении Силаса либо из какого-то полиса в Иудее, либо – из Галилеи, где смещённого-скованного царского друга поместили, за несносно длинный и дерзкий язык, в крепость.

И пусть несколько позже, в праздничный день своего рождения, царь, смягчившись, сам попытался пересмотреть опалу, но его опальный друг, продолжая горделиво упорствовать, отклонил приглашение и предпочёл остаться («узником совести») в крепости. Обращает на себя внимание этот оговариваемый Флавием «день рождения» Агриппы, к-рый отмечался, либо, попадая на весну, сродни дню рождения Антипы, 1 нисана, либо, при всех случаях, во время не позднее весны/лета.

Судите сами. Отец Агриппы Аристовул (младший брат Александра) родился не ранее 33г. до н.э.; в 16г. женился на дочери Саломии Беренике; в 15г. у них родился сын Ирод (Халкидский); в 13/12гг. – дочери – Иродиада и Мариамна; в 10г. – сын Агриппа; ок. бг. – сын Аристовул. Агриппа умрёт летом 44г., на 54-м году жизни. А так как называя суммарные годы жизни исторических персонажей, Флавий обычно имеет в виду годы неполные-текущие, значит, рождение Агриппы должно приходиться на первые месяцы или максимум на первую половину 10г. до н.э.

Отсюда вывод об оптимальном праздновании весеннего дня рождения Агриппы

в торжественный иудейский день царей и праздников — 1 нисана (тем более, что удостоившись царского титула от Калигулы накануне 1 нисана 37г., он, как мы знаем, исчислял свои царские годы с 1 нисана 36г., получив, к тому же, и от Клавдия царство Ирода с Иерусалимом до 1 нисана 41г.).

ТРЕТЬЯ СТЕНА ИЕРУСАЛИМА

Далее, в 42г. н.э. Агриппой было начато укрепление «стен Иерусалима со стороны нового города. Делал он это за счёт государственной казны, расширяя стены и значительно возвышая их. И ему удалось бы придать этим стенам окончательную неприступность, если бы сирийский наместник Марс письменно не сообщил о том императору Клавдию. Последний, усмотрев в этом предприятии некоторое опасное новшество, приказал Агриппе немедленно приостановить постройку стен. Агриппа не считал возможным ослушаться» (И.д. 19,7,2).

По «И.в.», несколько иначе: в счёт хлынувших к нему от обширных владений богатств, употреблявшихся им на немаловажные предприятия, царь «начал окружать Иерусалим такой крепкой стеной, что если бы она была окончена, римская осада не могла бы иметь никакого успеха» (2,11,6), чему, т.е. завершению строительства, помешала (не инициатива, по донесению Марса, Клавдия, о чём в «Войне» нет ни слова, но) скорая кончина Агриппы.

Тут Флавий, конечно, погибает, ибо в 70г. никакие стены спасти Иерусалим не могли. Ведь для римлян, как и впоследствии для большевиков, не было не берущихся, особенно влоль берегов державно присвоенной Римом средиземноморской купели, крепостей, разве что осада Иерусалима Титом могла бы, выражаясь флавиевским сослагательным наклоном, всего-навсего, затянуться-продлиться дольше.²⁷ И тем не менее, факт подозрительной реакции отправившего соответствующее донесение Клавдию легата Марса, к-рый, отлично от его предшественников — Вителлия и Петрония, иудефильством не отличался, характерен, пусть даже Агриппа наверняка не вкладывал в укрепление столичных стен ничего противоримского.

Он начал строить т.н. третью иерусалимско-крепостную стену (Т.Г. 1534; 1622; 1890-96), расширив город с северной стороны вовлечением в его пределы новгородского предместья Визафа, к северу от цитадели Антония, и, в частности, Голгофы с запада, к-рые сим оказались в городской черте. Вследствие этого Голгофа перестала с 42/43гг. быть (непостоянным) местом казней, ибо последние надлежало производить, в обязательном порядке, за стенами города (примеры: распятие Иисуса; каменование Стефана).

Основательное строительство третьей стены (17м высотой, при 90 башнях) и, вероятно, укрепление-переоборудование двух старых крепостных стен вокруг наиболее уязвимого именно с севера, откуда римляне и предпримут в 70г. решающий штурм, Иерусалима, финансировались не скупившимся на средства Агриппой за счёт казны. И размах всего предприятия внушил подозрения-опасения Марсу: кто, дескать, угрожает Иерусалиму? И, стало быть, против кого возводятся новые и укрепляются старые стены, если не из тайных инсургентских соображений-побуждений? если потенциально не против римлян?

Разве не так всё это выглядит со стороны, несмотря даже на то, что никакое антиримское содержание Агриппа в свои защитные стены, скажем снова, сознательно не вкладывал, могучи опасаться или минимум сослаться на прецедент втор-

²⁷ В конце концов, всякую, даже самую неприступную, крепость, отрезав её от остального мира и набравшись терпения, можно взять (если не приступом, то) голодным измором.

жения в Сирию/Палестину в 40 — 38гг. до н.э. (единственных врагов-соперников Римской мировой державы в регионе) парфян. И наряду с тем, он подсознательно ощущал всеми фибрами своей (всё-таки) еврейской души нарастающий кризис языческого Рима и его грядущее столкновение не на жизнь, а на смерть с палестинским еврейством.

Симптоматична и реакция Клавдия, пусть по донесению сверхбдительного-сверхподозрительного Марса. Т.е. и Клавдию агриппианское предприятие не пришлось по душе. Извини, меньшей брат и друг, но дружба дружбой, а служба службой. И на строительство стены было наложено императорское вето: не стоит-де иудеям, во главе с Агриппой, волноваться, поскольку они под надёжной державной защитой.

Кроме того, ограничив после весеннего отъезда Агриппы из Рима, ближе к концу 41г., римских иудеев, Клавдий, надо полагать, на 42/43гг. несколько охладел, в сравнении с приагриппианским иудофильством начальных месяцев своего правления, к еврейству. Он предоставил управление иудеями, в рамках восстановленного Иудейского вассалитета, царю Агриппе и сим возвратился к августейшей политике и модели времён Ирода (+ 1г. н.э.).

Возвратился, потому что, по его, знатока истории, мнению, за последние 70 и более лет эта модель была, при деятельном царе иудейском в качестве посредника между Римом и иудеями, эффективнее-приемлемее, нежели непосредственное прокураторское управление слишком имманентными евреями. Ведь отношения между ними и Римом, после (выдающегося посредника) Ирода (при выдающемся кесаре Августе), особенно в годы Тиберия (медленные челюсти) и, наипаче, в короткую пору (безумца) Калигулы, заметно омрачились-ухудшились.

И если у вынужденного сослать-сместить бездарного Архелая (бг. н.э.) Августа не нашлось подходящей для замены Ирода кандидатуры, то в 41г. такая вполне подходящая кандидатура, в лице персонально близкого Клавдию Агриппы, кто помог ему взойти на престол, в наличии имелась.

То же, что Рим не мог подняться, как говорено, выше уровня человека *психического*, тогда как еврейство и христианство вззошли на уровень *пневмы*, или то, что растущие противоречия были обусловлены прогрессирующей римско-имперской интегральностью, глобализмом, державным ойкуменизмом, с одной, и иудейско-геттоистической сегрегальностью, замкнутостью, изоляционизмом, с противоположной стороны, и тем более, то, что с Мистерией Голгофы иудейское богоизбранничество кончилось, как Клавдию, так и Агриппе было невдомёк.

Ни Клавдий, ни Агриппа, ни прочие римляне и иудеи не понимали, что воспроизведённое в границах («нового Давида» Ирода I) Иудейское царство Агриппы I есть лишь заточенная под его, баловня фортуны, персону, краткосрочная — не столько реанимационная, сколько зомби-вспышка, аномальное дежавю, к-рое, не могучи предотвратить уже различимую за ближними горизонтами катастрофу, сойдёт в могилу с самим Агриппой, чтобы больше из гроба уже не восстать. Тут впору говорить о неслучайном стечении обстоятельств и об отсрочке, так как в 40-е гг. Ив. римско-иудейский антагонизм ещё не дошёл до крайней температуры кипения, до ядерно-взрывной ручки-точки.

Причём глубинную духовную основу этой отсрочки составила не столько внешняя забота о еврействе, к-рое, случись катастрофа в 40г., выжило бы (будучи внутренне готово к существовавшей на тот момент диаспоральной экзистенции) приблизительно так же, как оно выжило после 70г., сколько основу этой судьбоносной отсрочки составило, скажем снова, вышнее попечение о становящемся христианстве, для к-рого палестинская катастрофа в 40г. могла оказаться роковой.

Почему? Потому что перво-христиане (невзирая на веховое крещение Петром Корнилия и на веховые новаторские успехи Варнавы и Савла в Антиохии) ещё не

успели так утвердиться в Палестине, чтобы, апостольски пережив именно на Масличной горе Астральную Мистерию Христа в Рождество 44г. н.э., изойти в мировое пространство великоапостольским числом 12, начиная с 45г. н.э., при последующей эпохальной *планетаризации-ойкуменизации* христианства на 7-м от этой Астральной Мистерии году, по эпохальному решению-постановлению Апостольского собора 51г. н.э. (см. ниже).

СРАВНЕНИЕ АГРИППЫ С ЕГО ДЕДОМ ИРОДОМ

Ниже, в 3-м абзаце 7-й гл. «Древностей», Флавий резко противопоставляет Агриппу его деду Ироду, подчёркнуто акцентируя положительное проиудейство внука в сравнении с римско-эллинофильским отрицательным космополитизмом деда, и шире, отдавая, под данным углом зрения, явное-однозначное предпочтение Агриппе во всём.

«Этот царь был по природе своей весьма щедр на подарки и любил одаривать подчинённых. Расходуя на это часто значительные суммы, он снискал себе славу, находя удовольствие в своей щедрости и в том, что жизнь его от этого лишь выигрывала. Этим он совершенно не походил на своего предшественника Ирода (Великого). Последний отличался страстной мстительностью и неудержимой ненавистью ко всем противникам своим и в то же время открыто признавался, что симпатии его скорее на стороне греков, чем иудеев. Иностранные города Ирод одарил значительными денежными суммами, сооружая термы, театры и всякие другие здания; в одних он строил храмы, в других портики. Между тем он решительно ничего не сделал ни для одного иудейского города и не подарил ему ничего, что было бы достойно упоминания.

Агриппа, напротив, был мягкого характера и одинаково щедр ко всем. С иноземцами он был предупредителен и любил одаривать их, но зато он не менее щедрым являл себя своим единоплеменникам и даже старался особенно выказывать им сочувствие и благоволение. Поэтому он любил подолгу жить в Иерусалиме; он всегда в точности исполнял предписания законов. Во всём он старался с точностью соблюдать требования ритуала, и не проходило дня, чтобы он не совершил установленного законом жертвоприношения».

Этот столь резко противопологающий Агриппу Ироду пассаж Флавия, с опорой на проагриппианский источник, не во всём верен и корректен и не во всём справедлив. Да, неистовый Ирод воспринимался ещё не забывшими Маккавеев иудеями, ещё при живых Маккавеех, последних из к-рых, будь то млад или стар, будь то мужи или жёны, он (подстрекнув Антония непременно казнить царя Антигона) безжалостно угробил (Аристовул, Гиркан, Мариамна, Александра). Угробил – как чужак-эдомит, как узурпатор престола, к к-рому, однако, часть радикальных мессианистических фарисеев относилась толерантнее (как к приближающему Исполнение Времён *бичу Божию*), чем к узурпировавшим царский престол (безальтернативных потомков Давида) и к недостойным первосвященства секулярным Аронидам Маккавеев (см. «Р.л.»). Т.е. не всё тут так однозначно-просто и не всё окрашивается двумя цветами – чёрным и белым, требуя учитывать игнорируемые (конъюктурно-фарисейским) Флавием оттенки.

Да, Ирод, можно фигурально выразиться, вошёл на римских штыках (или въехал на римском танке)²⁸ в Св. Город Иерусалим, пролив потоки крови и подвергнув

²⁸ Как Я.Кадар «въехал на советском танке» в 1956г. в Будапешт (построив во вверенной ему Москвой Венгрии «самый комфортабельный барак социализма»), или Г.Гусак в 1968г. – в Прагу.

иудеев большевистско-сталинскому террору, — как при приходе к власти, так и строя затем (в ходе *иродианских пятилеток*) своё подвассальное Риму иродианское государство, отличное от национал-религиозного еврейского гос-ва Маккавеев (создателей иудейской теократической государственности в пору до поры восстания «пророка верного»).

Да, Ирод святотатственно воспритязал на Исполнение Времён в своём (карикатурного «нового Давида» на службе у Рима) лице. Да, он опирался на грекоязычных ойкуменистов (сделанных им чуждой народу придворной элитой), и своей варварско-эллинистической душой обладающего отменной политической чуйкой (безродного) космополита больше тяготел к греко-римлянам, искренне восхищаясь мировой державностью Рима и истово (в ранге верхней регионального вассала) служа Риму (всяческим блюжением его интересов).

Да, Ирод отстроил-новообстроил, во многом, в пику иудеям самарянскую Себасту (где он базировался, воюя Антигона) и позднее заложил-выстроил интернациональную (при доминанте греков) Кесарию Приморскую — языческую (на Обетованной Земле) крепость (в интерпретации раввинов) дьявола (достоевский Скотопригоньевск), конкурентную Иерусалиму, и т.д. и т.п.

Но не забудем и то, что на протяжении своего долгого царствования Ирод очень пытался сблизиться с иудеями, очень старался легитимизироваться в их глазах и стать для них царём-батюшкой. Причём, если он был, действительно, премного щедр к эллинистическим городам собственного царства, а также к полисам за его пределами (будучи щедрее Агриппы и действуя в геодиапазонах шире агриппианских), то не он ли, спрашивается, одновременно, с небывалым великолепием, новоотстроил храм Господень и Иерусалим! о чём Флавий (завершая работу над «Древностями») намеренно забывает-молчит. Ведь даже ярые враги Ирода, талмудисты, уверяют, что тот, кто не видел беломраморного великолепия подобного гребню морской волны храма Ирода, не видел красивого сооружения в жизни своей.

Соответственно, долгоцарствуя над иудеями, Ирод худо-бедно, на промежуточном этапе, (кнутом и пряником) замирил их, снова испортив отношения с еврейством к концу своего царствования, когда он обрушился с репрессиями на (истосковавшихся по Исполнению Времён) фарисеев, к к-рым прежде благоволил в противовес старой промаккавейско-саддукейской элите. А после того как иудеи ниспровергли (в конце декабря 1г. до н.э.), уже в дни смертельно больного Ирода (по подстрекательству авторитетных фарисейских законоучителей Иуды и Матфия), водружённого им ранее над фронтоном храма золотого императорского орла, в ответ на что последовали репрессии, разрыв между ними возобновился-усугубился.

И не случайно отчаявшийся (изъеденный червями) тиран (к-рый в январе 1г. н.э. устроил избиение вифлеемских младенцев), умирая, слёзно просил сестру Саломию и её мужа Алекса ознаменовать его поминки жертвоприношением-избиением заранее собранных в ипподроме знатных иудеев, дабы в еврейские дома (волей-неволей) пришёл (причитающийся царственному покойнику) погребальный (не в радость оказавшимся недостойными его иудеям) плач по нём.

Дело в том, что поздний Флавий в «И.д.» гораздо менее терпим к Ироду (чем в «И.в.»), так как «Древности» писались в Риме при Домициане, в мрачную пору тирании, когда, в 90-е гг. 1в. н.э., стареющего Флавия всё более тянуло назад — к еврейским корням-истокам, назад — к еврейству, при его, более того, непраздном интересе (и внутренней склонности) к иудеохристианству. И в этом, кстати, т.е. в разочаровании от кризисного языческого Рима, есть частичное сходство между Флавием и склонившимся к иудаизму в возрасте 50-и лет, по становлении царём иудейским, Агриппы (к-рый, с др. стороны, не в пример Флавию, к христианской

общине отнёсся в конце своего короткого царствования, притом не столько принципиально, сколько, чтобы сделать приятное иудеям, крайне враждебно).

Однако, что касается сравнения между Иродом и Агриппой, кто пробился в цари иудейские как бы вопреки элиминированному Иродом потомству Хасмонейки Мариамны, два сына к-рой, в т.ч., родитель Агриппы Аристовул, были казнены, здесь надо оговорить несопоставимость их личностных масштабов.

Если Ирод боролся за власть и самоутверждение фактически со времени становления его отца Антипатра, по назначению Цезаря в 47г. до н.э., этнархом, ступень за ступенью, в необычайно суровых условиях-обстоятельствах, поднимаясь к царству по трупам, то на тепличного авантюрного принца, на беспечного транжиру и должника Агриппу царский титул свалился в возрасте 46-и лет, по милости его дружбана Калигулы, как улыбка изменчивой фортуны, превратившаяся в дальнейшем в царствование над Иудейским царством в границах царства Ирода волей другого агриппианского дружбана – Клавдия.

И отчасти сходно тому как масштаб Августа несравним с масштабами карикатур на него – Калигулы или Клавдия, так и масштаб Ирода несравним с масштабами его сыновей – Антипатра, Архелая, Антипы, Филиппа, или его внука – Агриппы, сравнивать к-рого, невзирая на его воцарение в Иудее в пределах дедовского царства, с Иродом, это всё равно, что сравнивать Сталина с последующими советскими генсеками, ни один из к-рых и не дорос, и не пал до Сталина.

Плюс к тому, если неуёмный Ирод мог себе позволить и позволял, когда находил нужным или когда не сдерживался, в отношении подданных иудеев тираническо-террористический беспредел, то баловень судьбы, сдержанный и конъюнктурный Агриппа всячески каких-либо обострений с еврейской элитой избегал, всячески её обхаживал, угождал ей и не желал с ней ссориться.

К тому же, ему очень неплохо удалось жить-царствовать на две столицы, иудейскую – Иерусалим, и языческую – Цезарея, ему удалось быть иудейским царём – для иудеев, и эллинистическим венценосцем – для язычников, не ущемляя ни одних, ни других. Усадил на двух стульях и седалища хватило! Хотя после его кончины его языческие подданные дадут волю проявлению своей ненависти к нему, кто отдавал предпочтение евреям, к к-рым, повторяем, он, в противоположность Ироду, больше тяготел (на заключительном отрезке жизненного пути) душой и сердцем.

И потом, при сопоставлении деда и внука, следует помнить-учитывать следующее. Одно дело – Иудея во плоти = Израиль во Духе и богоизбранное еврейство при (искавшем в 1г. н.э. убить годовалого Младенца Христа) Ироде, т.е. до Таинства Голгофы. И совсем другое дело – Иудея и еврейство при (убившем-казнившем Апостола Иакова Зеведеева и намеревавшемся казнить-убить, во приятственную уgodу иудеям, Апостола Петра) (см. ниже) Агриппе, т.е. после Мистерии Голгофы, когда Израилем во Духе и богоизбранниками-израэлитами были уже не иудеи, а христиане!

ЦАРЬ АГРИППА И ФАРИСЕЙ СИМОН // ИУДЕЙСТВО И ЯЗЫЧЕСТВО АГРИППЫ

Между тем, в 43г. Агриппа и из преимущественно языческой Цезареи, комфортно резидируя там во дворце Ирода (как в Иерусалиме он не менее комфортно резидировал то во дворце Хасмонеев, то во дворце Ирода), бдительно, через согладатаев, наблюдал за всем происходившим в Св. Городе, где всё же не всем благочестивцам-ветхозаветникам импонировал, так сказать, дуалистический иудейско-языческий (смешанных кровей и нравов) царь.

«В Иерусалиме в это время жил иудей, считавшийся особенно глубоким знатоком законов. Его звали Симоном. Когда однажды царь уехал в Цезарею, он собрал народ на сходку и решился выступить тут с обвинениями против Агриппы, говоря, что последний не религиозен и что ему следовало бы запретить доступ в храм, куда могли входить лишь природные иудеи. Эти речи Симона к народу были (немедленно) письменно сообщены царю военачальником города. Тогда Агриппа послал за Симоном и по прибытии его велел ему сесть рядом с собой (Агриппа в это время был в театре). Затем он мягко спросил его: «Скажи мне, что делается тут противозаконного?» Симон не нашёлся, что ответить на это, и стал просить у царя прощения. Царь простил его раньше всякого другого; вообще он считал мягкость особенно царственным качеством и понимал, что великим мира сего более приличествует доброта, чем гнев. Затем он дал Симоны ещё кое-что в подарок и с этим отпустил его» (И.д. 19,7,4).

Речь о фарисейском законоучителе Симоне, к-рого предание накладочно именует *Праведным* (из-за его тезоименитства знаменитому первосвященнику Симоны Праведному из Шв. до н.э.), и к-рого правильно титуловать, согласно его почётному прозвищу, Симоном Благочестивым (тем паче, что до Симона Праведного ему далеко). Именно он подбадривал иудеев, призывая их к стойкости, в дни тяжёлого противостояния еврейства распоряжению Калигулы установить императорскую статую в храме, и внял голосу из Святого-Святых храма, к-рый возвестил перед убийством Гая неосквернение святилища (чего в Риме добился от Гая Агриппа) и благополучный исход правого дела (Сота 33а).

Понятно, что после всего этого авторитет Симона, видимо, строгого последователя радикальной школы Шамай, неизмеримо возрос. И вот Симон, надо полагать, уже в 43г., обвинил на, судя по Флавию, фарисейском сходняке (не в храмовом ли притворе Соломоновом?) находившегося в то время в Цезарее царя Агриппу в недостаточной религиозности, сказав при том, что такому царю надо бы запретить доступ в храм, причём — как неприродному иудею.

По поводу недостаточной религиозности тщательно исполнявшего в Иерусалиме все предписания законов, совершавшего все положенные жертвоприношения (и сверх того) Агриппы, на Симоновой повестке дня, по всему, эллинистическое поведение царя в преимущественно языческой Цезарее. Т.е. устройство им зрелищных представлений, его строительная щедрость к неиудейским городам в Иудее и за её пределами и т.д., за что язычники, в свою очередь, благодарили (не слишком искренне) Агриппу установлением его и его детей статуй, чеканкой в его честь монет с царскими изображениями и т.д.

Так, если (дошедшие до нас) иерусалимские агриппианские монеты не содержат никаких человеческих изображений или изображений живых существ, то на монетах, отчеканенных в Цезарее Пании (Филипповой) до 41г., когда Агриппа владел тетрархиями Филиппа и Лисания, красуется изображение Калигулы и его имя, а на монетах, отчеканенных в полисно-эллинистической Тивериаде с 41г., имеется профиль Клавдия, плюс там чеканились монеты, посвящённые союзу Агриппы с римским кесарем и римским народом.

Сходно обитатели Трахана и Аврана, к к-рым царь тоже проявлял щедрость, посвятили ему изображения и надписи, прославляющие его спасение и счастливое возвращение, с приписками — «друг Цезаря и друг римлян». Отсюда, согласно не допускавшим ни плюрализма, ни толерантности, согласно отвергавшим дуализм Агриппы как царя иудеев и царя язычников, Симоны и группе его приверженцев, царь пытался быть двуликим римским Янусом, к-рым, скажем от себя, он не мог не быть, являясь римским вассалом в чресполосно-многонациональном-многоконфессиональном царстве, но что нетерпимым Симоном было, как видим, раскритиковано.

Одновременно, Симон не удовлетворился этим, высказавшись за возбращение Агриппе доступа в храм ещё и как природному иудею, чем указал на его иудейский генезис, к-рый, напомним, по всем иудейским нормам-меркам, сошёл на нет с иудаизацией в третьем колене Ирода, уж не говоря о 6-м колене внука Хасмонейки Мариамны – Агриппы, за что последний даже формально мог привлечь (поступившего и не по закону, и не по понятиям) Симона (как вполне природный иудей) к ответственности.

Но быстро оповещённый в Цезарее о враждебных словесах против него царь к репрессиям прибегать не стал. Нет, он послал за Симоном, по прибытии к-рого (доставленного ли? препровождённого ли?) в Цезарею, усадил его рядом с собой, обратим внимание, в театре (в царской ложе), где на тот момент не происходило ничего (в глазах иудейских благочестивцев) богопротивного (пусть даже строгому шамаиту, честно говоря, вообще не следовало бы входить в театр), и мягко спросил, что, мол, конкретно им, царём иудейским делается противозаконного?

Ну и что, спрашивается, было делать поставленному в столь сложное положение Симону? Не уподобляться же законоучителю пророкам Илии, Захарии, Исаии, Амосу, Урии, к-рые перечили царям вплоть до своего мученического исхода! Своя голова ближе. И обескураженный как мягкостью царя, так и ситуацией, в к-рой он оказался, Симон, не найдясь, что ответить, принялся просить прощения. И Агриппа великодушно простил его, более того, щедро одарив, отправил назад в Иерусалим, чем, несомненно, превратил своего оппонента в ещё одного влиятельного сторонника и не в первый (равно не в последний) раз сделал иудеям приятное.

Предпочитающий кнуту пряник мастер компромисса он и есть мастер компромисса! Да, и Ирод чтит Гилеля, считаясь с ним, или ессея Менахема, или др. авторитетов. Но в подобных вышепредставленному случаях Ирод мог отреагировать, как дёрнутый за хвост тигр, тогда как для Агриппы больше приемлемо сравнение с лисой, или правильнее сказать, с лисом. Притом с лисом несколько иного склада-толка, нежели лисица Антипа, к-рый никогда не царствовал в Иерусалиме и душой к иудаизму не тяготел, пребывая иудеем в гораздо меньшей мере, в то время как об Агриппе можно, пожалуй, сказать, с позиции незаконового ветхозаветного благочестия, словами Ветхого Завета о царе Амасии (Д.И. 315-24): «И делал он угодное в очах Господа, но не от полного сердца» (2 Пар.25,2).

Вспомним о кармических связках: Гофолия – Ирод; Охозия – Антипатр; Иоас – Архелай; Амасия – Агриппа. Не случайно (низвергнувший 10 тыс. пленных идумеян со скалы) Амасия – последний из потомства дочери Ахава (Антипа) и Иезавели (Иродиада) Гофолии (к-рая, устроив избиение младенцев, едва не погубила дом-род Давида), вслед за её сыном Охозией и внуком Иоасом, дисквалификант во втором *эфирном* перечне 14-и (14 + 14 + 14) царственных прашуров Мессии Христа в генеалогическом регистре Ев. от Мф. (1)! (Р.л. 726-30; Д.И. 315-22).

Посему, как видим, не преодолел прикивавший к иудаизму и оказавшийся враждебным (в угоду иудеям) христианству Агриппа, не сумев внять ни времени, ни Солнцу Христа, свою отягощённую кармическую наследственность и в Iв. н.э.!

* * *

И словно в подтверждение слов Симона о недостаточной иудейской религиозности царя Агриппы звучит нижеследующий рассказ Флавия:

«Среди множества воздвигнутых Агриппой сооружений те, к-рыми он почтил город Берит, занимают особенно выдающееся место. Тут он воздвиг роскошный театр, к-рый мог равняться с любым зданием этого рода, а также необычайно красивый амфитеатр, равно как термы и портики. Не желая стеснять себя в смысле

красоты и объёмов всех этих зданий, он не щадил средств для них. Освящение этих зданий он обставил особенной торжественностью. В театре он велел устроить представления, во время к-рых дал зрителям всевозможную музыку и поэтические состязания. Масса гладиаторов в храме должна была служить доказательством необычайной щедрости царя. Желая доставить зрителям особенное удовольствие, Агриппа распорядился устроить бой двух отрядов по семисот человек в каждом. Для этого он отрядил решительно всех имевшихся в стране преступников, дабы некоторые из них получили тут заслуженное наказание, и это воинственное зрелище положило основание продолжительному миру. Так он избавил страну от злодеев» (И.д. 19,7,5).

Берит (*колодец; источник?; родник?*) – на месте современной столицы Ливана (Финикии) Бейрута – был в финикийские времена II/I тыс. до н.э. ничего не представлявшим из себя, в сравнении с Тиром и Сидоном, незначительным поселением, к-рое, известное по его наименованию со времени задолго до похода Александра Великого, в источниках древности, в связи с какими-либо событиями, не упоминается. Лишь в эпоху междоусобных распрей в слабеющем государстве Селевкидов – Трифон, Деметрий II, Антиох Сидет, мы узнаём, приложительно ко второй половине III в. до н.э., от Страбона (16,735) о разрушении Берита Трифоном.

При римлянах процветание города начинается со дней посетившего его в 15г. до н.э., поселившего здесь ветеранов V-го (Macedonica) и VIII-го (Augusta) легионов и основавшего тут колонию италийского права наместника Августа в местностях за Ионическим морем в 23 – 12гг. до н.э. – (старшего Иродова друга, в честь к-рого был назван родившийся в 10г. до н.э. Агриппа) М.Випсания Агриппы (Р.л. 446).

То-то в «И.в.» Флавий, перечисляя благодеяния Ирода языческим городам, говорит, в частности, о дарственном сооружении им в Берите и Тире (75 км юго-западнее) колоннад, галерей, храмов и рынков (1,21,11). То-то Август посоветовал Ироду в 5г. до н.э. устроить суд над сыновьями Александром и Аристовулом (отцом Агриппы) именно в своеобразном римско-имперском центре Финикии Берите, что Ирод и сделал в 4г. до н.э., когда авторитетное беритское судилище приговорило обоих сыновей Хасмонейки Мариамны (по Иродову настоянию) к смерти (Р.л. 635-37).

В последующем же Берит, где процветала римско-ветеранская Colonia Iulia Augusta Felix Berytus, строительно украшали и Агриппа I, и позднее его отпрыск Агриппа II, к-рый также воздвиг здесь в 60-е гг. I в. н.э. театр (И.д. 20,9,4). И, к слову, в этих сооружённых обоими Агриппами, отцом и сыном, театрах, где устраивались противные иудейской религиозной ментальности гладиаторские бои и др. представления, после падения в 70г. н.э. Иерусалима, нашли смерть на арене, в ходе массовых боёв гладиаторов, устроенных разрушителем Города и Храма Титом, множество еврейских пленников (И.в. 7,3,1).²⁹

Таким образом, сообщение Флавия о благотворительности Агриппы I Бериту характерно следует в продолжение рассказа о компромиссно-расчётливом разрешении Агриппой в свою пользу вопроса оппозиции к нему фарисейского законоучителя Симона. В этих строительно-беритско-меценатских предприятиях-мероприятиях Агриппа выступает в амплуа-роли эллинистическо-ойкуменического вассального венценосца, к-рыми, в той или иной мере, были, начиная с Ирода I, все льнувшие к Риму Иродиане (цари или тетрархи исключительно милостью Рима).

²⁹ В III в. н.э. Берит, где существовала всемирно известная школа римского права, какое-то время именовался, согласно одной из монет Каракаллы (+ 217г.), Antoniniana; в 529г., при Юстиниане, город был руинирован страшным землетрясением, от к-рого так больше и не оправился, без труда занятый в 635г. халифатскими арабами.

Но с той, повторим, разницей, что Агриппа более их всех склонялся к иудаизму, тем не менее, оставаясь, и не могучи не оставаться, не могучи не быть одновременно эллинистическим вассалом на державной службе, в ранге царственного *друга кесаря и римского народа*, у *Imperium Romanum*. А это не могло не вызывать нареканий у некоторых национал-радикал-клерикалов типа Симона, к-рых, впрочем, ловкачу Агриппе, в чём мы убедились, удавалось замирить-задобрить-умиротворить.

Характерна и флавиевская ремарка об отржении Агриппой в Берит на гладиаторские бои приговорённых к смерти преступников из царства Иудейского, с тем, чтобы, мол, избавить страну от злодеев и так одним выстрелом сразить, что называется, двух зайцев. Интересно только, были ли среди названных злодеев (для побоища двух отрядов по 700 человек в каждом), в т.ч., преступники-иудеи, тешившие зрителей-язычников? или в объективе исключительно преступники-язычники из пределов многонационального-неодноконфессионального царства Агриппы?

Так или иначе, время его благотворительности Бериту и прочим языческим городам, например, Анфедону и Газе, к-рые в благодарность отчеканили монеты в его честь, приходится на 41 – 43гг. Причём речь должно вести о времени до второй половины весны 43г., когда на Иудею обрушился голод 43/44гг. (к-рый Флавий накладочно смешивает с дальнейшим голодом 47г.) (см. выше и ниже), когда всё внимание было обращено на борьбу с голодомором (помощь прибывшей как раз в 43г. в Иерусалим прозелитки Елены Адиабенской) и когда царю иудейскому явно стало-было не до благотворительности по адресу городов за пределами Иудеи.

АГРИППИАНСКИЙ КОНГРЕСС РИМСКИХ ВОСТОЧНЫХ ВАССАЛОВ В ТИВЕРИАДЕ

(43г.)

Сходно и наличествующий в 1-м абзаце следующей 8-й гл. 19-й кн. «И.д.» любопытный флавианский рассказ о созванном Агриппой в Тивериаде Галилейской весьма своеобразном конгрессе римских вассальных-ориентальных венценосцев относится ко времени не позднее весны 43г. н.э.

«Поступив в Берите так, как нами было рассказано, Агриппа отправился в галилейский город Тивериаду. В это время Агриппа пользовался уже большим уважением в глазах прочих царей. Поэтому к нему сюда съехались Антиох, царь Коммагены, Сампсигерам, царь эмесский, Котий, царь Малой Армении, Полемон, владетель Понта, и, наконец, его собственный брат Ирод, царь Халкидский. Всех этих лиц Агриппа принял радушно и любезно, выказывая тем самым большое великодушие, почему эти цари и считали его достойным своего почётногo посещения. Пока гости ещё были у него, прибыл сирийский наместник Марс. Желая почтить в его лице римлян, Агриппа выехал ему навстречу за 7 стадий от города. Впрочем, этот же самый поступок его относительно Марса послужил поводом к недоразумению. Дело в том, что Агриппа выехал к нему навстречу в сообществе прочих гостивших у него царей. Однако это согласие между последними и такая их дружба показали Марсу подозрительными, так как он полагал, что столь тесное общение нескольких правителей между собой не может быть особенно полезно в римских интересах. Поэтому Марс вскоре послал к каждому из царей по одному из своих приближённых и советовал каждому немедленно вернуться в своё владение. Агриппа отнёсся к этому поступку Марса с крайним неудовольствием и с этих пор между ними установились дурные отношения. Впоследствии царь лишил Матфия первосвященнического сана и поставил на его место Элионея, сына Канферы».

По Флавию, Агриппа отправился на юг, в галилейскую Тивериаду, из Берита (где он, следовательно, обретался, строительно меценатствуя, в 42/43г.), и произошло это, т.е. собрание ориентальных венценосцев, приглашённых Агриппой в Галилею, м.б., не позднее зимних месяцев начала 43г., или же в период между Пасхой и Пятидесятницей, т.к. в дальнейшем, когда на агриппианское царство обрушился голод, его царю было, как сказано, явно уже не до строительного меценатства в Берите и не до собраний-потчеваний восточных вассалов Рима в Галилее.

Авторитет Агриппы в глазах этих царей, с некоторыми из к-рых он был знаком ещё со времени своего времяпрепровождения в Риме, обуславливался как его персональной близостью к Клавдию (а до того — к Калигуле), так и его строительной благотворительностью, в т.ч., наверняка в пределах Сирии и, возможно, М.Азии. Об этом источник Флавия, упоминая лишь Берит (плюс — известные благодаря монетам Анфедон и Газа) молчит, но это, помня о широком геодиапазоне строй-меценатства Ирода, от к-рого внук, сравнившись с дедом рангом и размерами царства, не хотел отстать, можно предположить.

И здесь в пору также вспомнить, что строительная горячка монументалиста Ирода, в частности, в отношении едва заложённой им в 22г. до н.э. Кесарии Приморской, прервалась из-за поразившего Иродово царство в 22/21гг. голода (после продовольственного кризиса в Риме/Италии в 23/22гг.), будучи возобновлена, по преодолении голодомора и его последствий, в 20г. до н.э. Сродственно сему, Агриппа, без сомнения, вынужден был притормозить-заморозить строительную деятельность в 43г., чтобы бросить все силы-средства на борьбу с голодом 43/44гг., однако, не успев, отлично от деда, снова обратиться к созидательным предприятиям в силу собственной кончины летом следующего 44г.

И кстати, интересно заметить, что иудейский голод 43/44гг., к-рый, скажем снова, Флавий накладочно путает с голодом 47г., по всей вероятности, был, применительно к Агриппе, обойдён молчанием в проагриппианском источнике Флавия. Т.е. данному источнику, б.м., не за что было не очень-то справлявшегося с голодомором Агриппу хвалить, тогда как, например, Ирод переплавил всё своё дворцовое золото и т.д., добывая средства для борьбы с голодом, льготно покупая у египетского префекта Петрония хлеб и т.д.

Между тем, касательно 43г., мы знаем о благотворительной помощи голодающим евреям (прибывшей именно в 43г. в Иерусалим) адиабенской прозелитки — царицы Елены (к-рая закупила хлеб в Александрии и сушёные финики на Кипре), подозрительным образом ничего не зная (ни из Флавия, ни из Талмуда) о действиях по борьбе с голодом иудейского царя Агриппы (см. ниже). И значит, скорей всего, он оказался тут, щедро поистратившись перед тем на разноместное строительство и не имея достаточных средств для оборонения голодомора, не на высоте.

Впрочем, пока речь не о том. Пока Агриппа собрал своих коллег, ориентальных вассалов Рима, в галилейской Тивериаде, где он, теперь царь иудейский, был, о чём читатель знает, в 31/32гг., благодаря ходатайству (перед Иродом Антипой) его ст. сестры Иродиады (созительницы Антипы), к-рую, в свою очередь, попросила жена Агриппы — Киприда, всего-навсего, тивериадским агораномом (смотритель рынков; взиматель рыночной подати) на хлебах Антипы.

Первым из пяти агриппианских царственных гостей Флавий называет Антиоха IV Коммагенского, кто, как мы знаем, был сделан Калигулой царём восстановленного им коммагенского вассалитета (упразднённого Тиберием — 17г.), в 37г., потом лишился, по неизвестной причине, (как минимум) власти над Коммагеной (если не свободы), решением (капризом), опять-таки, Калигулы, в 40г. И снова был восстановлен на троне, с присовокуплением к его коммагенским владениям

части Киликии, Клавдием в 41г., чтобы доцарствовать до вторичной, и на сей раз, окончательной провинциализации Коммагены Веспасианом в 72г.

С сыном этого Антиоха, Эпифаном, Агриппа обручил в 41г. свою младшую родившуюся никак не ранее 39г. (см. ниже) дочь Друзиллу, к-рая позднее, по достижении ею половозрелости, будет в 53г. выдана родным братом Агриппой II-м замуж за эмесского царя Азиза, поскольку Эпифан откажется, вопреки первоначальному обязательству, сделать обрезание, что являлось обязательным условием для брака с иродианской принцессой (И.д. 20,7,1). Вспомним, как от набатея Силлея, вознамерившегося (8г. до н.э.) жениться на сестре Ирода Саломии, потребовали сначала обрезаться (Р.л. 557-59).

Так вот, отцом и тронным предшественником на ту пору ещё кронпринца Азиза был второй из называемых Флавием тивериадских гостей Агриппы I – Сампсигерам, царь эмесский, династию к-рого, как и сирийский город Эмессу (современный Хомс в Сирии), вскользь упомянутые нами в «Р.л.» (189; 217; 335), стоит представить-отрекомендовать подробнее.

Первые сведения о Сампсигерамидах относятся к середине IIв. до н.э., когда выдававший себя за сына Антиоха IV Эпифана узурпатор трона Селевкидов Александр Балас (+ 145г. до н.э.) отдал своего сына под опеку арамейско-арабского шейха племени эмисенов Ямвлиха (Малх = Эль-Малех), кочевавшего в р-не Апамеи (Диодор 33,4а; «И.д.» 13,5,1). Затем, в первой половине Iв. до н.э., эмисены осели на западе северной Сирии, возможно, основав на месте прежнего поселения город Эмессу.

Авторитет царствовавших в Эмессе Ямвлиховых потомков, в состав владений к-рых (временами доходивших до Пальмиры) входила также Аретуза³⁰ (Страбон 16,753), зиждился на нахождении в их теократическом ведении святилища Элагабала – солярного божества очень востребованного тогдашними аравитянами культа, верховными жрецами к-рого и были эмессинские пилархи, влияние к-рых распространялось на Пальмиру и Баальбек.

Показательны их теофорные имена: Ямвлих (Малх) – *бог-царь* или *бог правит*, и Сампсигерам (греч. транскрипция арамейского имени Шамши-Герон) – *солнце решило*. Притом сначала они признавали верховенство слабеющих Селевкидов, потом договаривались против них с Тиграном Армянским, с римлянами, и понемногу усилили свои позиции в Сирии. Первый известный по имени властитель = пиларх (шейх) Эмессы и Аретузы в 69 – 65гг. Сампсигерам воспользовался селевкидским хаосом после гибели в войне с набатеями Антиоха XII (+ 84г.), потери Селевкидами в пользу набатеев Дамаска и занятия Сирии (Антиохия) Тиграном Армянским (83г.). В зависимости от последнего он находился до победы над Тиграном в 69г. Лукулла и дальнейшей переориентации сирийских династов на Рим.

Посаженный римлянами на сиро-селевкидский трон Антиох XIII Азиатик вступил в конфликт с антиохийцами и те выставили против него другого претендента Филиппа II, к-рого поддержал арамейский шейх Азиз, приведший его в Антиохию и короновавший там, тогда как изгнанный Антиох обратился за помощью к Сампсигераму, с к-рым «связал все свои надежды» (Диодор 40,16). Далее, Азиз и Сампсигерам, покида Лукулл воевал армян, заключили тайный союз с целью положить конец власти Селевкидов и взаимоподелить Сирию. Антиох был взят Сампсигерамом под стражу, а Филиппу удалось бежать от Азиза. Так последние репрезентанты некогда владевших всей Передней и частью Центральной Азии могущественных Селевкидов обращались ныне за поддержкой к арабским князькам-шейхам и бегали от них!

³⁰ Эр-Растан – третий по величине город провинции Хомс в Сирии, после Хомса и Тадмора (Пальмира), в 25-и км от Хомса.

С появлением на Востоке сменившего Лукулла Помпея (66г.) Сампсигерам предпринял попытку восстановить Антиоха на троне, но после презрительного помпеянского отказа приказал (64/63гг.) убить узника (Диодор 40,16), изъявил лояльность Помпею, признал верховенство римлян и сумел небезвозмездно удержаться в качестве римского вассала в пилархах. То-то, по утверждениям в комических в 59г., благодаря настойчивости консула Цезаря, восточных распоряжений-достижений Помпея, Цицерон в «Письмах к Аттику» (2,16,2) усмешливо присваивает Помпею неблагозвучно-экзотическое и смешное для западного слуха имя – «Сампсигерам». И из его же, Цицерона, проконсула Киликии в 51/50гг., «Писем к родным» (15,1,2) мы узнаём о пребывании на эмесском престоле в 51г. уже Ямвлиха, что, следовательно, говорит о Сампсигерамовой кончине ранее 51г. до н.э.

В перспективе этот Ямвлих оказался в числе подвассальных распорядителю римского Востока Антонию ориентальных венценосцев, был, по доносу своего брата Александра, заподозрен Антонием в сговоре с Октавианом и казнён в 31г. перед Акцийским сражением (Р.л. 189), с предоставлением Александру его владений. В 30г. за Александра тщетно ходатайствовал прибывший одновременно с ним к Октавиану на Родос Ирод (Р.л. 217). Александр, кого Октавиан клятвенно обещался казнить, был взят под стражу, проведён в триумфе Октавиана, к-рый упразднил автономию Эмессы с Аретузой, и казнён в Риме. Десятилетием же позднее, в 20г. до н.э., Август, посетив Сирию, возвратил сыну казнённого Антонием вассала Ямвлиху II владения отца (Р.л. 335).

Вероятно, ок. 14/15гг. н.э. преемником Ямвлиха II стал Сампсигерам II, первое упоминание о к-ром, пышно титулуемом «верховным царём-владыкой» и «первым из царей Сирии», имеется в арамейской надписи из Пальмиры, относящейся ко времени притиберианского наместничества на Востоке (аннексировавшего Пальмиру) Германика – 17 – 19гг. Другая надпись из Баальбека кличет Сампсигерама «великим царём».

Таким образом, наряду с царями и князьями Набатеи, Иудеи (Палестины), Итуреи, Коммагены и (временами попадавшей в сферу влияния Парфии) Осроэны, он входил в число подвассальных Риму венценосцев сиро-финикийско-палестинско-аравийского региона, где римляне в IV в. н.э. то упраздняли, то восстанавливали, то урезали, то расширяли отдельные вассалитеты, оснащая или лишая их вассалов титулами и (не всегда одними и теми же) владениями, по римскому усмотрению.

Согласно Флавию, получается, что Сампсигерам являлся полноправным членом «восточной династической сети» *Imperium Romanum* и имел римское гражданство. От дочери Митридата III Коммагенского (20 – 10гг. до н.э.) у него родились два сына – Азиз и Соэм, и дочь Иотапа, к-рую оженил мл. брат Ирода Агриппы – Аристовул (И.д. 18,5,4). Засим эмесско-аретузских Сампсигерамидов связывало родство с Иродианами.

Азиз наследует отцу, надо полагать, где-то ок. 45г.; в 53г. женится (сделав обрезание) на красотке Друзилле (к-рая вскоре бросит его ради прокуратора Иудеи Феликса) и скончается в первый год правления Нерона – 54г., оставив престол брату Соэму (не путать с поставленным Калигулой в 38г. царём над частью Итуреи Соэмом Итурейским), кто, в свете римско-парфянской войны, получит от Нерона ещё и Софену (Ан. 13,7). Последний примет участие на стороне римлян в Иудейской войне, поддержит в 69г. выступление Веспасиана против Вителлия, в 72г. поспособствует римской аннексии Коммагены и, предположительно, доживёт-доцарствует до начала 80-х гг., так как провинциализация Эмессы и Аретузы имела место при Домициане, следует думать, после смерти Соэма.³¹

³¹ К связке с династией эмесских жрецов Солнца взывал живший в правление Марка Аврелия (161-80гг.) в Армении Ямвлих Сириец – автор романа «Babyloniaca», фрагменты к-рого

Котий из Малой Армении, напомним, был, как и его старшие братья Роиметалк (Фракийский) и Полемон (Понтийский), сыном фракийско-одрисского царя Котия Фракийца и Антонии Трифены (дочери Полемона I Понтийского и Пифодориды), к-рый после гибели отца в 18г. подвизался вместе с (родившимися не ранее и после 12г. н.э.) братьями в Риме, где сдружился с Калигулой и был сделан им в 38г. царём мало-армянским. Помимо того, согласно Диону (59,12,1), в состав его владений несколько позже (при Калигуле) вошла ещё и какая-то ближе не идентифицируемая местность (присирийской) Аравии, что регионально связывало его с приглашёнными Агриппой в Тивериаду династами.

Мало того, приложительно к Котиеву приезду, по приглашению Агриппы, в Галилею, в наибольшей мере, подходит именно 43г. н.э., ибо, как выводится из (ретроспективного) Тацита (Ан. 11,9), в 41/42гг. он (при неизвестных обстоятельствах) конфронтировал с Митридатом Иверским (брат иверского царя Фарасмана). Как мы помним, этого Митридата (поддержанного в 36г. Тиберием на троне Великой Армении) Калигула, договорившись в 37г. по Армянскому вопросу с парфянами, вызвал в Рим и интернировал-заточил. А Клавдий в 41г. вызволил из застенка и снарядил назад – противопарфянски утверждать в статусе римского вассала в Армению, в видах восстановления докалигулианского статус-кво.

Почему конкретно Котий и Митридат поцапались, предположительно, на почве пригранично-территориальных недоразумений-взаимопретензий, – неясно. Но вмешательство римлян (в пользу поощряемого ими супротив парфян Митридата) урезонило обоих. Царствование Котия продолжалось до (его кончины в) 54г., когда в Малой Армении ему преемствовал, по назначению (уже) Нерона, сын Ирода Халкидского – Аристовул – второй муж дочери Иродиады – Саломии.³²

Удостоверьтесь, в Ив. н.э. римляне проводили в отношении Армении (Большой

сохранились у патриарха Фотия («Библиотека»): митраистские таинства; победа героя Родана (Трэтаона «Авесты» и Феридун из «Шахнамэ» Фирдоуси) над драконом. В III/IVвв. От Сампсигерамидов выводил себя известный неоплатоник Ямвлих Халкидский (ок. 250 – ок. 330гг.) – ученик перипатетика Антония и неоплатоника Порфирия, основатель в Апамее сирийской ветви неоплатонизма, теологизатор оригинального сплава из греческого и ориентального политеизма, совмещённого с пифагорейской мистикой чисел и теургией во исцеление душ.

Дочерью солярного жреца Бассиана из Эмессы была вторая жена Септимия Севера (193–211гг.) Юлия Домна (+ 217г.) – мать Каракаллы и Геты, правительски замещавшая Каракаллу (при к-ром Эмесса стала римской колонией) во время его отсутствия с 214г., резидируя в Никомедии и позже в Антиохии, где она покончила с собой, узнав об убийстве сына. Именно Юлия Домна была первой «сирийской» императрицей и сорегентшей, носившей титул *Pia Felix Augusta mater Augusti et senatus et patriae*.

Её сестра – Юлия Маеза – мать сводных сестёр – Соэмии – матери Элагабала, и Юлии Мамеи – матери Александра Севера. В 218г. – способствовала приведению своего дегрантного юного внука Элагабала – верховного жреца в солярном святилище Эмессы, к императорской власти; совместно с дочерью правила за него; в 222г. содействовала приходу к власти другого своего внука – родившегося в Эмессе Александра Севера (+ 235г.). Носила титул *Augusta avia Augusti mater castrorum et senatus*. Посмертно (+ 223/24гг.) консекрирована.

Юлия Мамея – *Augusta mater Augusti et castrorum et senatus et patriae* – заботилась о достойном воспитании сына, назначила префектом претория и кесарским советником юриста Ульпиана. Была убита вместе с сыном, с гибелью к-рого кончилась династия Северов и началась полувекковая агония Принципата (на излёте к-рой Аврелиан разбил в 273г. войско Зиновии у Эмессы), мятежными солдатами в Германии. Толерантно и сочувственно относилась к христианству, из-за чего Орозий (7,19), перегибая, называет её христианкой.

³² Не исключено, что женой Котия была (могла быть) сестра Аристовула (единственного ли ребёнка Ирода Халкидского от Олимпии?), о к-рой Флавий забыл упомянуть (И.д. 18,5,4)?

и Малой) знакомую Западу и взятую им на учёно-политическое вооружение линию времён Александра Великого: балканско-фракийский генезис армян и, соответственно, право на армянские престолы венценосцев *фракийско-фригийских* корней-кровей, к-рые в лице (погибшего в 8г. до н.э. на Кубани) Полемона I Понтийского, сына ритора Зенона из Лаодикеи Фригийской, утвердились в IV до н.э. в Понте. И дали в IV н.э., в лице потомков (женатого на внучке Антония – Пифодориде Тралльской) Полемона (дочь к-рого вышла замуж за Котия Фракийского), его сыновей и внуков, царей обеих Армений (сын – Зенон-Арташес³³; внук – Котий), Понта (внук – Полемон II) и Фракии (внук – Роиметалк).

Произведённый другом детства-отрочества юности Калигулой в цари (по августейшей модели в отношении Полемона I) Понта и Боспора Полемон II не сумел утвердиться на Боспоре, от чего Клавдий (по позднему августейшему примеру) отказался (предоставив Боспор внуку внучки Митридата Эвпатора, Динамис, и сыну её сына Аспурга – Митридату – муж или приёмный сын Гепапирии) и компенсировал Полемона присовокупленной к Понту частью западной (Ольба) Киликии (Дион 60,8,2).

Согласно монетам, на к-рых с Полемоном соседствует изображение его матери Антонии Трифены, какое-то начальное время после интронизации, она помогала ему в управлении царством. В 60г., при Нероне, в пору очередного обострения римско-парфянских отношений, понтийские Полемоновы владения были расширены за счёт части Малой Армении (Ан. 14,26), но несколько позже, в 63/64гг., Нерон аннексировал созревший для провинциализации Понт (Светоний «Нер.» 18; Тацит «Ист.» 3,47; Евтропий 7,14), соединённый-слитый с Галатией, оставив Полемену часть Киликии, к-рой тот владел до своей, где-то в 70-е гг., кончины.

На 43г. его, владетеля Понта и части Киликии, родственные отношения с Иродианами не связывали, однако, впоследствии за ним побывает замужем старшая дочь Агриппы Береника, к-рую, впрочем, вряд ли правильно, как поступает ряд историков, *выдавать* за Полемона почти сразу по смерти её мужа (и дяди) Ирода Халкидского – в 48г. Во-первых, сообразно Флавию, после Иродовой кончины, Береника «долго оставалась вдовой» (И.д. 20,7,1), живя под крылом брата Агриппы II, что породило слухи об их кровосмесительной связи³⁴; во-вторых, согласно тому же Флавию, позднее она уговорила Полемона, «царя киликийского, принять обрезание и жениться на ней» (на что Полемон, вскоре ею оставленный, согласился ради её богатства).

Т.е., если он оженил Беренику в статусе-ранге «царя киликийского», значит, брак между ними был заключён не ранее 63г., с каковых пор лишённому Понта Полемену пришлось быть царём лишь киликийским. И это же, в плане и в пользу поздней брачной хронологии, косвенно подтверждают Деяния Апостольские, где Агриппа II и Береника, следует понимать, в то время всё ещё живущая вдовой на

³³ Брат Зенона-Арташеса и Антонии Трифены, имя к-рого неизвестно, помогал своей матери Пифодориде (+ 36г. н.э.), к-рая, овдовев в 8г. до н.э., вышла во 2/1гг. замуж за Архелая Каппадокийского (+ 17г. н.э.), управлять Понтом, и, по всей видимости, умер на порядок раньше неё.

³⁴ В «Сатирах» Ювенала (ок. 60 – ок. 130гг.) есть намёк на этот инцест: «...алмаз драгоценный, тем знаменитый, / Что красовался на пальце самой Береники: когда-то / Дал его варвар блуднице, – сестре он подарен Агриппой / Там, где цари обнажением ног отмечают субботу, / И по старинке ещё доживают до старости свиньи» (2,6,156-60). Типичный для образованного античного язычника, с его отношением к иудаизму (или к христианству) как к грубому варварскому суеверию, безграмотно-издевательский пассаж, высмеивающий празднование субботы и запрет на свинину, но показывающий, какое впечатление Береника произвела на римлян, коли Ювенал знает и поминает её аж ок.116/17гг. (время написания Второй книги «Сатир»).

попечении брата, слушают в Кесарии Палестинской, на суде прокуратора Феста, в 60г. н.э., Апостола Павла (25/26).

В отличие от своего (произведённого в понтийские цари Антонием и не лишённого царства Октавианом) энергичного-незаурядного деда Полемона I (привилегированного римского вассала с правом чеканки золотой монеты), сумевшего (пусть ненадолго) униировать Понт и Боспор, Полемон II (от кого, слитого с дедом, до византийских времён сохранилось только георегиональное наименование «Pontos Polemoniakos») был, по всему, жадным-охочим до удовольствий и богатства размякшим (эллинистическим) декадентом. За ним не водилось никаких славных деяний, он польстился, в частности, на богатое приданое Береники, ради чего принял иудаизм, от к-рого, с её скорым уходом от него (65г.)³⁵, тотчас отказался, вслед за чем женился на принцессе из дома пилархов Эмессы и успел занять с ней двух сыновей.

Так или иначе, в 43г. он был в числе пяти собранных Агриппой в Тивериаде Галилейской венценосцев, последним из к-рых Флавий называет Ирода – царя ливанской Халкиды, старшего брата Агриппы, кто, о чём мы в курсе, выпросил для него царство у Клавдия в 41г. и выдал за него замуж свою старшую дочь (см. выше). После смерти Агриппы и новопровинциализации Иудеи в 44г. этот Ирод (отец рождённого в его первом браке с Мариамной Аристобула) исходатайствует кесарское разрешение назначать и смешать первосвященников (И.д. 20,1,3), доживёт-доцарствует в Халкиде до 48г. и умрёт в возрасте за 60, оставив рождённых в браке с Береникой двух сыновей – Береникиана и Гиркана (И.д. 20,5,2).

Разумеется, пригласив к себе в гости на т.н. конгресс перечисленных и коротко охарактеризованных нами римских вассалов, Агриппа Иудейский не замыслил ничего противоримского (боги упаси!), охотно демонстрируя одновременно степень собственных авторитетности и проримской значимости на Переднем Востоке Imperium Romanum. Вспомним, что Август очень любил соединять вассальных династов брачными-родственными узами и строго пёкса о мире-дружбе между ними, категорически возбраняя им ссориться-воевать между собой.

Но если вооружённая вражда вассальных друзей-союзников римского народа была совершенно недопустима, то оказалось, что и их чересчур тесная дружба, на уровне несанкционированного римской верховной властью конгресса (шести монархов), подозрительна-нежелательна (являясь, или, всего-навсего, выходя потенциально опасной для Рима потенциальным сепаратизмом потенциального альянса).

Правда, в реальности Агриппа, несколько, повторим, не злоумышляя супротив Империи, просто переоценил свою близость с Клавдием, себя и свой статус, не сочтя нужным заранее уведомить сирийского легата Марса о венценосном сборище, тогда как Марс, со своей стороны, наверняка осведомлённый о религиозно-националистическом крене Агриппы, и без того относясь к нему с подозрением, более того, оскорблённый игнорансом в свой адрес, отреагировал соответственно. Хотя будь на его месте благорасположенные к иудеям и к Агриппе Вителлий или Петроний, м.б., такой негативной реакции и не последовало бы.

К тому же, сама тивериадская встреча, безусловно, пришлось на время до полу-

³⁵ В 67г., в ходе Иудейской войны, когда Агриппа II содействовал римлянам, 38-летней Беренике удалось очаровать Веспасиана и закрутить роман с бывшим на 10 лет моложе неё Титом, при к-ром, однако, она – Клеопатра Minor, в перспективе не смогла закрепиться и стать римской императрицей. И не только потому что была всего лишь (внушавшей чрезмерные, по аналогии, опасения римлянам) маленькой Клеопатрой, притом достигшей на 79г. 50-летнего (бальзаковского) возраста, но и, главное, потому что (давший ей от ворот поворот) кесарь Тит не был Антонием. Т.е., если попавший в сети Дидоны-Клеопатры Эней-Антоний осел в Александрии и навсегда остался там, при Клеопатре (в жизни и в смерти), то качественно иной Эней-Тит попросту выпроводил Дидону-Веренику из Рима.

чения Агриппой клавдианского (по Марсову донесению) запрета на сооружение третьей иерусалимской крепостной стены, при наличии к-рого на начало 43г. царь иудейский поостерёгся бы устраивать (ещё и) несанкционированный конгресс.

Причём важно учесть, что именно в 43г. Вардану Парфянскому сдалась Селевкия-на-Тигре, после чего он собирался вторгнуться в Армению, удержанный от этого решительностью Марса, кто, стало быть, мог явиться в Тивериаду из Антиохии не позднее начальных месяцев 43г., в последующем грозно противостоя парфянам (угрозе парфянского вторжения в Армению) из приграничной северной Сирии. И не мудрено, что в условиях очередного обострения римско-парфянских отношений сборище ориентально-вассальных династов в Палестине показалось перестраховщику Марсу вдвойне нежелательным-подозрительным.

При любом раскладе, почтительный выезд Агриппы совместно с пятью царями навстречу региональному легату кесаря возымел обратный эффект, закончившись не торжеством, а настоятельным (начальственным) советом Марса через специальных посланников каждому из вассалов возвратиться в свои владения (= убираться восвояси), что, само собой, донельзя раздосадовало поставленного в крайне неловкое (глупое и смешное) положение Агриппу. Ан – ничего не поделаешь, одно дело быть независимым монархом и совсем другое – находиться под Римом и римским Цезарем, представленным в Сирии императорским легатом (под командой к-рого 4 легиона) = под региональным распорядителем и региональной верховной властью де-факто.

Поведав об этом обусловившем враждебность между Агриппой и Марсом конфликту с сорванным тивериадским форумом, Флавий завершает 1-й абзац 8-й гл. 19-й кн. «И.д.» сообщением о лишении «впоследствии» царём (Агриппой) первосвященского сана Матфия, сына Анана, и поставлении вместо него Элионея (женатого на дочери Каиафы), сына Симона Канферы из дома Бозта.

Это событие надо датировать второй половиной 43г. н.э., когда Иудея уже вовсю боролась с поразившим её голодом, к-рый, акцентируем снова, скорей всего, застал Агриппу не во всеоружии, застал врасплох, поскольку источники, Флавий и Талмуд, хвалят за борьбу с голодомором отнюдь не его, имени к-рого в данной весьма важной связи предание не сохранило, но благочестивую прозелитку Елену Адиабенскую.

КАЗНЬ ИРОДОМ АГРИППОЙ АП. ИАКОВА ЗЕВЕДЕЕВА И ЗАТОЧЕНИЕ АП. ПЕТРА

(весна 44г.)

Если в «И.в.» Флавий скомканно и неверно сообщает о кончине Агриппы в Цезарее – «после того, как он три года был царём и столько же лет перед тем тетрархом» (2,11,6), то в «И.д.», после фиаско с тивериадским конгрессом досрочно разъехавшихся вассалов и короткого сообщения о первосвященской замене Матфия Элионеем, говорится – «между тем исполнилось три года царствования Агриппы над всей Иудеей», следом за чем идёт рассказ о его скоропостижной кончине во время игр в честь императора Клавдия в Кесарии (19,8,2). И опять Флавий комкает-проглатывает-пропускает интервальную событийность 43/44гг. (за исключением архипастырского назначения Элионея).

Причём, повторим, причина здесь не только во флавианском накладочном сведении воедино голода 43/44-го и голода 47г., куда (т.е. в 47-й г.) Флавием «перекладывается» благотворительная помощь иудеям царицы Елены, к-рая, как и помощь тоже перешедшего к 47г. в иудаизм её сына Монобаза, вероятно, имела место как в 43-м, так и в 47гг. (при 43-м годе в «И.д.» 20,2,6, неправоммерно сводимом в

одно с 47-м г. в «И.д.» 20,5,2). Дело в том, что проагриппианский (комплиментарный) источник Флавия (кто сам, родившись в 37г. и живя в Иерусалиме, наверняка видел там в раннем детстве блистательного царя Агриппу, сохранив о том времени светлые детские воспоминания), в отношении минимум второй половины 43-го и ок. 7-и месяцев 44гг., т.е. до смерти Агриппы в августе 44г., приложительно к событиям данного периода общей протяжённостью более года, почему-то оглушительно молчит.

И потому спрашивается: не застало ли голодное бедствие 43г. щедрого-меченатистого-транжиристого Агриппу, к-рый, извлекая из своего царства 12 млн. талантов дохода, вынужден был, при своих размахистых тратах, прибегать ещё и к займам, врасплох? И ответ напрашивается. Следовательно, во второй половине 43г. различные стройпредприятия были заморожены-свёрнуты-приостановлены, однако, средств на преодоление поразившего Иудею голодного бедствия, несмотря на помощь извне, всё равно не хватало. Вследствие же происходящего, авторитет царя, в возникшей форс-мажорной ситуации, не мог не пострадать, не мог не начать падать, о чём проагриппианский источник Флавия, решив закончить повествование о царствовании Агриппы на мажорной ноте, рассказывать не захотел.

И вот, желая угодить иудеям, желая задобрить иудеев, желая вновь вернуть себе их тающее расположение, Агриппа, в сложившихся обстоятельствах, в условиях борьбы с голодом 43/44гг., отводя критику от себя и ищучи козлов отпущения, задействовал репрессии против всё больше раздражавшей иудейскую иерократическую элиту (синедристов, садукеев, многих фарисеев, старейшин, книжников) христианской общины. Конечно, причина его не со вчерашнего дня назревавших репрессий против христиан, община к-рых росла в количестве и усиливалась, не подвергаясь гонениям с 34г., была не только в конъюнктуре, создавшейся из-за голодомора, но голодомор сыграл в противохристианских выпадах царя не последнюю роль.

Теперь дадим перерыв Флавию и вовлечём в наше повествование новозаветные Деяния Апостолов, с героями к-рого мы расстались, закруглившись с раскладом-разбором 11-й главы, в 40/41гг. н.э. Напомним, осенью 40г. снаряжённый перед тем летом из Иерусалима в Антиохию (в связи с успехами христианской проповеди среди язычников и обращения последних, после прорывного обращения Ап. Петром в январе 40г. римско-италийского сотника Корнилия в Кесарии) Варнава привёл туда из Тарса Киликийского, куда он пошёл из Антиохии специально для этого, (находившегося с 37г. в отчем Тарсе) Савла. И далее, они с братьями, о чём читатель знает, «целый год», т.е. до (в перспективе) осени 41г., собирались вместе и учили немалое число людей, в т.ч., язычников, «и ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами» (11,26).

Тогда же, осенью 40г., «пришли из Иерусалима в Антиохию пророки, и один из них, по имени Агав, встав предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, к-рый и был при кесаре Клавдии» (11,27/28). Обращает, как говорилось выше, на себя внимание предвозвещение Агавом масштабно-ойкуменического голода, идентифицируемого в различных регионах Империи в различные годы правления Клавдия. Причём наиболее хронологически раннее упоминание голода относится под 42г. к Риму (Италии) (Дион 60,11,1), после чего голодное бедствие обрушилось в 43/44гг. на Ближний Восток, или, во всяком случае, на очень пострадавшее от голода Иудейское царство Агриппы.

И по данному поводу Деесписателем констатируется сбор пожертвований христианами антиохийской общины, члены к-рой – «ученики, положили каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее, что и сделали, пославши собранное пресвитерам через Варнаву и Савла» (11,29/30).

Итак, Варнава и Савл плодотворно трудились в Сирии и дальше на успешно початой ими проповеднической-миссионерской ниве, уже с ойкуменической составляющей, по 43/44-й гг., когда, по всей вероятности, ещё зимой, в начальные месяцы 44г., им было доверено-поручено доставить собиравшиеся (что было делом не одного дня) с 43г. вспомоществовательные средства для единоверцев в Иудее, куда они и прибыли не позднее февраля/марта 44г. н.э.

«В то время царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло,

И убил Иакова, брата Иоаннова, мечом;

Видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра, — тогда были дни опресноков, —

И, задержав его, посадил в темницу и приказал четырём четверицам воинов стеречь его, намереваясь после Пасхи вывести его к народу.» (Д.Ап.12,1-4)

Примечательно, что все благовестуемые в Д.Ап. события — от казни Иакова Зеведеева, затем чудесного спасения Петра, и до впоследствии смерти в Кесарии пораженного Ангелом Господним Агриппы — выразительно окаймляются, с одной стороны, прибытием в Иудею доставившими пожертвования Варнавы и Савла, а с другой, их возвращением (по исполнению поручения) из Иерусалима в Антиохию (12,25).

Отсюда вывод: в продолжение этого времени = во время названных событий они находились в Иудее — со времени не позднее зимы/весны и по смертный для Ирода август 44г. н.э. Соответственно, их деятельность в Палестине (включая Иудею, куда они к весне или по весне прибыли, и Иерусалим, откуда они, через почти полгода, не ранее августа, взяв с собой Иоанна Марка, отбыли) не исчерпывалась доставкой благотворительной денежной помощи...

Однако, обратимся к тому, что Ирод поднял руки на некоторых принадлежащих к Церкви, чтобы сделать им зло, и убил = обезглавил видного члена руководящего апостольского ядра христианской общины — одного из ближайших, в составе (особо приближенной-посвященной) троицы — Пётр, Иаков, Иоанн, — ученика Христа — Иакова Зеведеева — мечом.

Выше мы удостоверились, что быстро умножавшаяся с 33г., пережившая в 33/34г. гонения после каменования Стефана, иерусалимско-христианская община не была в еврейской общественно-религиозной жизни-реальности крохотно-незаметным явлением, переживая как в 34 — 37гг., так и с 37 по 41гг. относительно спокойный благополучный период становления на ноги и умножения без гонений, хотя противоречия между христианами и иудеями (к-рые, например, покушались убить в 37г. Павла, из-за чего он и ушёл через Кесарию в Тарс) росли. То-то не в христианском источнике, но в еврейском «Иосиффоне» сказано о каждодневных, при Калигуле (37 — 41гг.), яростных сражениях-спорах «в Иудее между фарисеями и (именно — К.З.) отщепенцами нашего народа, к-рые следовали за сыном Иосифа» (6).

И тем не менее, ни о санкционированных римской властью до конца эпохи первых семи прокураторов в 41г., ни о санкционированных синедриональной иерократией гонениях на христиан, после гонения 33/34гг. и ограничительного в отношении иудеев тиберианского постановления 34г., ни в еврейских, ни в христианских источниках сведений нет.

Не было их, т.е. гонений, и, судя по всему, в первые годы короткого — 41 — 44гг. — всеиудейского царствования Агриппы, к-рый вряд ли не слышал об Иисусе ещё занимая должность агоранома в Тивериаде Галилейской в 31/32гг., на службе у Антипы. Да и позднее он вряд ли мог не слышать, не (у)знать о христианах, по своём возвращении в 38г. из Рима в ранге царя над давешними тетрархиями

Филиппа и Лисания, с резиденцией в Кесарии Филипповой (в окрестностях к-рой Пётр исповедал Иисуса Христом). Просто не мог Агриппа (ещё до своего воцарения в Иерусалиме) ничего не услышать о последователях Иисуса из Назарета как в Кесарии Филиппа, так и в ходе своих паломнических посещений Иерусалима.

Естественно, национал-религиозность этого Ирода была акцентированно иудейской, к тому же, о чём мы уже говорили, не с чётко форматированным профари-сейским уклоном, и понятно, что его отношение к приверженцам Иисуса, как к иудеохристианской секте, не могло быть положительным. Но, наряду с тем, оно не было репрессивным до 43/44гг., сделавшись репрессивно-противохристианским в ситуации поразившего Иудею голода. Или, точнее, перейдя в репрессивную стадию во время голода, когда Агриппа, т.е. высшая светская власть в Иудее, поднял руку на некоторых принадлежащих к Церкви (что не есть массовые гонения), чем очень угодил (подфартил) иудеям (саддукеям, части фарисеев, книжников, старейшин), чем заработал очки в глазах иудеев. «Поднятие рук» и «делание зла» означает заточение в темницу, применение телесных наказаний и т.д.

Дальше – больше: последовало убийство Иакова Зеведеева, обезглавленного (по царскому приговору) мечом. Дальше – ещё больше: доставленное этой расправой иудеям удовольствие побудило Агриппу взять под стражу в дни опресноков (князя Апостолов) Петра и посадить его в темницу, чтобы вывести узника (во продол-жение, по нарастающей, угождения противоборствующим христианству иудеям) после праздника Пасхи – на публичные (царские) суд и казнь – к народу.

Таким образом, царь иудейский Ирод Агриппа обрушился в 44г. на (некоторых видных) христиан не столько – важный нюанс – от себя, сколько во угождение ветхозаветным противникам христианства из различных слоёв иудейской элиты и дирижируемого ею народа.

* * *

Об Иакове Зеведееве (= Иаков Старший), сыне Саломии, родном брате Иоанна и сводном брате Марфы, Лазаря, Марии (Магдалины), к-рые были детьми капер-науумского рыбака (родом из вифсаидского *дома рыбной ловли* – галилейского Израэ-лита-Завулонита) Зеведея от разных браков, мы подробно беседовали в «Т.Г.» (322-25-340).

Скажем снова, если старшие дети Зеведея от первого брака – Марфа и близнецы – Лазарь с Марией, родились, Марфа – в 3-м, Лазарь и Мария – в 1гг. до н.э., то сыновья-пагодки от второго Зеведеева брака с (двоюродной сестрой Марии Виф-леемлянки и Марии Галилеянки) Саломией (родная сестра Марии Клеоповой), галилейские рыбаки – Иаков и Иоанн, – троюродные братья Иисуса, появились на свет, первый – во 2-м, второй – в 3гг. н.э. Т.е. на 44г. Иакову было 42 отроду года (или на предпасхальную весну 44г. ему шёл 42-й год). Притом, согласно одному из преданий, его (обезглавленного, сродни Иоанну Крестителю = Вододей-Купало, мечом) зодиакальный (= рождественский?) знак – Водолей (январь/февраль)!

Принадлежность этого Иакова, называемого Старшим (в отличие от Иакова Младшего = Алфеева и Иакова, брата Господня, = Праведного), к ближнему до-веренному кругу Христа проявляется-определяется в Четверо-Евангелии его неиз-менным избранническим (по выбору-призыву-избранию Господню) присутствием-соучастием в важнейших действиях-тайнствах-чудесах Христа.

Он был, вместе с Петром, Андреем и братом Иоанном, свидетелем исцеления тётки Петра в 31г., и далее – свидетелем-участником трёх поступенчато-посвя-тительных – как по возрастающей сути, так и в хронопоследовательности – мисте-риальных событий-свершений: Пробуждение-Воскрешение дочери Иаира – август

31г.; Преображение Господне – июль 32г.; Гефсиманское моление-борение – апрель 33г.

Иакова и Иоанна Зеведеевых Иисус, за (в т.ч.) их холерический темперамент, за их порывистость и горячность, нарёк (31г.) Воанегрес – «сыны громовы» (Мк.3,17). Оба они хотели в гневе низвести огонь на головы отказавших Иисусу в крове-гостеприимстве самарян (32г.), чем заслужили решительную отповедь пришедшего не губить, но спасти Учителя (Лк.9,54-56). О них не понимавшая до времени, как и они сами, смысла-сути Царствия Христова = Царствия Небесного не от мира сего, их мать, Саломия, просила 26.03.33г. восходящего в Иерусалим на крестную Пасху Христа предоставить им обоим привилегированные места в Его Царствии – по одесную и ошую = по правую и левую стороны от Него. Это вызвало негодование прочих учеников, на что Иисус (в частности) сказал изъясвившим готовность пить чашу, к-рую будет пить Он, и креститься крещением, к-рым крестится Он, братьям: «чашу Мою будете пить и крещением, к-рым Я крещусь, будете креститься...» (Т.Г. 1182-90).

И вот время испить до дна мученическую чашу Христа, равно креститься его мученическим крещением, для Иакова, как первого из круга 12-и Больших Апостолов и как второго (из тех, имена к-рых известны), после мученичества 25.12.33г. Первомученика Стефана (диакон и Малый Апостол от 70-и), христианского мученика за веру, на исходе 11-го года от апрельского Таинства Голгофы 33г., незадолго до Пасхи 44г. (31.03./1.04. = 14/15 нисана), наступило-настало. А время мученичества Иаковлева родного мл. брата, Иоанна Зеведеева, (второго из круга 12-и) придёт-настанет (спустя ещё 11 лет) в 55г. н.э. (см. ниже).

Таинства Преображения Господня – 13.07.32г. и Моления в Гефсимании – 2/3.04.33г. – качественно иной уровень, иная посвятельная ступень, чем исцелительные таинства излечения тёщи (вобравшая Импульс Христа человеческая Память) Петра и пробуждения от смертной летаргии 12-летней (связанной с исцелённой перед тем Иисусом 12 лет кровоточивой женщиной, к-рую одно из преданий отождествляет с сестрой Марии – Марфой) дочери Иаира. Космизм Преображения – в пройденной Христом на горе Фавор конечной ступени Просветления Гаутамы Будды. Космизм же Гефсиманского борения, когда солнечное существо Небесного Христа едва не покинуло Сына Давидова – Иисуса – «и был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк.22,24), – прообразует 4 буквы на кресте Голгофы – INRI – ИИСУС НАЗАРЕЯНИН ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ.

И означают они – по начальным буквам соответствующих еврейских слов – JHVJ: Вода, Огонь, Воздух, Земля. Огонь – Иисус; Воздух – Иоанн; Земля – Пётр; Вода – Иаков.³⁶ Любопытна инициально-содержательная собуквенность в спиритуальной четверице *огненно начинающего* Иисуса и *водно замыкающего* Иакова: взаимокон-

³⁶ Замечательны соответствия стихий, круга зодиакальных созвездий, драгоценных камней и иных символов коленам Израилевым, согласно различным еврейским традициям, преданиям, источникам. «Сефир Езира»: Гад – Овен – шатёр; Иссахар – Телец – осёл; Симеон и Левий – Близнецы – меч и кирка; Вениамин – Рак – волк; Ефрем – Лев – виноград; Асир – Дева – ветвь оливы; Манассия – Весы – пальма; Дан – Скорпион – змея; Иуда – Стрелец – лев; Неффалим – Козерог – олень; Рувим – Водолей – солнце на воде; Завулон – Рыбы – корабль.

«Die Sagen der Juden» (S.634-38): При Исходе Израэлитов из Египта, они сгруппировались, странствуя по пустыне, в четыре коленные троицы, каждую из к-рых возглавляло одно ведущее колено, по три колена под одним знаменем, при – внутри одного стана – четырёх станах-лагерях, к-рые делились, в свою очередь, каждый на три стана, вокруг Скинии, в пространстве между к-рой и 12-ю станами располагались-обитали Левиты. Причём, наряду с (печатами) трубами (чашами) и огненным столпом (предварение грядущего Апокалипсиса!), шествовавшим перед Израэлитами и указывавшим дорогу, их покровительственно сопровождали обе-

муницирующие-взаимодейственные на уровне сага элементы взаимоисключающих-антагонистичных на уровне рофана стихий – *крестного* Огня и *крестной* Воды!

О деятельности Иакова Старшего – единственного из Апостолов, мученичество к-рого благовествуется в Деяниях Апостольских, – между 33 и 44гг. в Н.З. ничего не сообщается. Хотя, интересным образом, в 1-й гл. Д.Ап., в дни между Вознесением 14.05. и Пятидесятницей 24.05.33г., он в попарном (за исключением одиноко завершающего список Иуды-Фаддея) перечне 11-и Апостолов не случайно именуется в паре не с братом Иоанном, а с Петром (1,13), заточению и чудесному спасению к-рого спустя 11 лет не случайно предшествует его, Иаковлево, мученичество, к-рое, несомненно, спасению Петра жертвенно сопутствовало.

Между тем, апокрифические предания об Иакове поры после 33 и до 44гг. как событийно насыщены, так и богаты доводящими Апостола аж до Испании географией и красками. На самом деле ни Индии, ни Испании, блистательный патронат над к-рой именно за ним, в его прижизненной биографии не было, поскольку до жребия 45г. н.э., последовавшего после веховой Астральной Мистерии Христа в Рождество и Святки 44г., мужи Апостольские не удалялись за рубежи ближнего – дальше Сирии, Финикии, Аравии, Киликии, Кипра, Эдессы – к Палестине ареала, выйдя за пределы оного с весны 45г. и всеокуменически пойдя (разойдись) по миру (не без интервальных посещений Палестины) после Апостольского собора 51г.

То-то, согласно одному из геореалистических преданий, Иаков, кто, отлично от Петра и Иоанна Зеведеева, вплоть до своего мученичества предпасхальной весной 44г., в Д.Ап., с мая 33г., больше ни разу не фигурирует, проповедовал в синагогах Палестины. При этом обращение и крещение им множества народа вызвало ярость иудеев, к-рые схватили его и привели к Ироду Агриппе, велевшему обезглавить Апостола. Евсевий в «И.Ц.» дополняет, ссылаясь на 7-ю книгу (не дошедших до нас) «Очерков» Климента Александрийского (+ ок. 215г.), дееписательскую цитату об усечении Иакова мечом следующим «достойным запоминания и переданным ему (Клименту) его предшественниками» сообщением:

«...Он (Климент) повествует, что человек, приведший его (Иакова) на суд, видя, как он свидетельствует о своей вере, был потрясён и заявил, что он также христианин. И вот повели их обоих на казнь. И по дороге тот решил попросить прощения у Иакова. Последний, немного подумав, сказал: «Мир тебе» и поцеловал его. Обоих обезглавили одновременно» (2,9,1-3).

регали 7 эфирных облаков: одно – впереди, два – сзади, два – по обе стороны, одно – в огненном столпе, и одно, седьмое, экстракт великолепия Господня, – над знамёнами.

Во главе четырёх троиц: Иуда – Восток – Огонь; Рувим – Юг – Земля; Ефрем – Запад – Вода; Дан – Север – Воздух. На знамени Иуды – Лев; Рувима – Человек; Ефрема – Рыба; Дана – Змея. Свет с Востока – Иуда; Роса и Дождь с Юга – Рувим; Снег и Град, Холод и Тепло с Запада – Ефрем; Тьма с Севера – Дан. Четыре троицы: 1-я: Иуда – Лев – рубин; Иссахар – Овен – топаз; Завулон – Стрелец – бирюза; 2-я: Рувим – Телец – сардоникс; Симеон – Дева – сапфир; Гад – Козерог – алмаз; 3-я: Ефрем – Близнецы – гиацинт; Вениамин – Водолей – аметист; Манассия – Весы – агат; 4-я: Дан – Рак – изумруд; Асир – Скорпион – оникс; Неффалим – Рыбы – яспис.

Стан Моисея и Аарона, с их сыновьями, находился на восточной стороне Скинии, супротив знамени Иуды; левитские сыны Кагата – на южной стороне – супротив знамени Рувима; левитские сыны Герсона – на западной стороне – супротив знамени Ефрема; левитские сыны Мерари – на северной стороне – супротив знамени Дана. Над Скинией посередине, окружённой со всех 4-х сторон Левитами, постоянно парило звучавшее музыкой и песней благоухающее облако великолепия Господня. Чудесный родник Мариами, к-рый окружали 12 огненных столпов, бил возле куши Моисея, и воды этого родника омывали Израиль, превращаясь в реку, к-рая делилась на ручьи. И один поток омывал стан Левитов, а другой, более крупный, – всех Израэлитов, и рукава родниковых ручьёв разделяли колена, протекая между ними. И пряное благоухание, распространяясь вокруг, наполняло воздух...

При всём том, интересно, что, согласно Цанну (AG, S.383-94), речь у Климента и Евсевия, по верному прочтению текста, или по одному из вариантов текста, или по одному из преданий, должно вести о приставленном к Иакову стражном солдате-воине (Агриппы), конвоировавшем деликвента к месту казни и обратившемся-крестившемся под впечатлением от исповедания веры Апостолом.

Данная история получила развитие в апокрифическом латинском «Мученичестве Иакова» (III/IVвв.), где виновный иудей-противоиаковит, ставший неофитом-сомучеником, превращается в фарисейского писца Иосию, чему предшествует обращение Иаковом поначалу жёстко противостоящего ему некоего мага Гермогена и множества иудеев.

В своей знакомой нам работе «Апостолы и Евангелисты в ориентальных преданиях» Ф.Гаазе, сетуя на неоднократное смешение в апокрифах трёх Иаковок (Зеведеева, т.е. Старшего, Меньшого, т.е. Алфеева, и Праведного, т.е. брата Господня) (Д.И. 196/97), коротко-обзорно представляет восходящие к IVв. апокрифические «Акты Иакова Зеведеева» («Проповеди» и «Мученичества») на коптском, арабском, эфиопском яз. (S.253). В них говорится, в частности, о проповеди Апостола в Индии, куда вместе с ним отправился, по его просьбе, также Пётр.

Сообразно др. версиям-вариантам, на повестке дня проповедь в малоазийской Лидии, или в палестинской Лидде, или в сирийской Антиохии. По арабскому и эфиопскому «Мученичествам», Иаков проповедует 12-и коленам в Рассеянии, находящимся, тем не менее, под (каким-то макарром) властью Ирода Агриппы (!), и претерпевает мученичество при Нероне. Дата маририума – в разных версиях – околопасхальные дни – 2-е, 12-е, или 24.04. У арабского историка Масуди (IX/Хвв.) приказ о казни отдаёт Калигула; у друзского философа и богослова Хамзы (X/ХIвв.) – Клавдий. У разновременных христианских авторов – Евсевия, Михаила Великого, Бар-Еврея, ответственный за усечение Иакова мечом, в соответствии с Д.Ап., – Ирод Агриппа.

По латинским спискам «Breviarium Apostolorum» (VIIв.) и согласно армянским «Апостольским Житиям» VII/VIIIвв. (Матенадаран 993, 2678), Иаков был сыном Зеведее, происходившего из колена Завулонова, родом из Вифсаиды; проповедовал в Палестине, принял смерть в Иерусалиме или в Иоппии. Притом, согласно жизнеописанию армянского апокрифа, Апостол взял частичку Св. Креста у Фаддея, отправился в Испанию, затем возвратился в Палестину и погиб, быв усечён мечом по приказу царя Агриппы, в Иоппии (Яффа), в то время как тело его, брошенное в море, прибило волнами к берегу Испании, проповедь в к-рой продолжил Ап. Павел. Иаковлеву память (как и память отождествляемого с Иоанном Зеведеевым Иоанна Богослова, Армянская церковь чтит в святочном конце декабря – 28/29.12.).

Греческие «Деяния Иакова Зеведеева» относятся к позднему периоду (IX/Хвв.?), будучи составлены-скомпилированы-скомбинированы на основе новозаветных текстов, Флавия, Климента Ал., Евсевия, «Ипполита Фиванского». В них Апостол проповедует в Иерусалиме и предаётся казни в Кесарии Палестинской. День памяти – 30.03. или 30.04. В ряде византийских календарей «убиение Ап. Иакова, брата Иоанна Богослова», поминается под 15.11. Сирийский маририолог 411г. даёт 27-е число месяца Канун I = 27.12 (дата Иоанна Богослова у католиков и масонов), хотя в дальнейшем день памяти у сирийцев переместился из декабря в май. В маририологе Иеронима и вслед за ним в римском маририологе XVIIвв. – 25.07. и 15.03.

Июльская дата связана с Испанией, предание о к-рой в связи с Иаковом получило в Ср. века бурное развитие-распространение. Так, следуя Гонорию Аугустодонскому (XIIв.), ученики казнённого Иродом Апостола, взяв его тело, сели в предоставленную воле волн лодку, прибитуую за ночь к берегу Испании. Местный язы-

ческий царь приказал схватить и заточить их, но Ангел Господень чудесно освободил узников, после чего потрясённый царь принял крещение, а тело Иакова торжественно предали земле. В дальнейшем, однако, могила пришла в запустение и была снова обретена в период борьбы с арабскими завоевателями (Реконкиста) — в 825г.

В «Золотой легенде» Иаков Ст. проповедует, по Вознесении Господнем, в Иудее и Самарии, потом отправляется в Испанию, где собирает всего 9 учеников, мало чего достигает, оставляет в Испании двоих из девятки и с семью учениками возвращается в Палестину. Здесь маг Гермоген подсылает к нему своего ученика Филета, чтобы тот изобличил Апостола во лжи. Но Филет, видя совершённые Апостолом чудеса, требует, обратившись-крестившись, того же от Гермогена, к-рый в итоге называет Иакова спасителем душ и кается перед ним, что приводит в бешенство иудеев, многие из к-рых, вняв изъяснённому Иаковом писанию, обращаются в веру Христову.

Видя это, первосвященник Авиафар приказывает взять исповедника под стражу, вслед за чем царь Агриппа повелевает обезглавить его. По дороге к месту казни Иаков именем Христа исцеляет безымянного калеку, при виде чего у исцелителя просит прощения свидетельствовавший против него фарисей Иосия. Приказом первосвященника последнего берут под стражу и запрашивают Ирода, санкционирующего казнь обоих. На месте казни Апостол просит у палача сосуд с водой и крестит Иосию. День казни — благовещенская дата 25.03.; день перенесения мошей в испанскую Компостеллу — 25.07.; день погребения — 30.12. («Von Jakobus dem Grossen», S.375).

По ещё одному «испанскому» преданию, останки первого ученика из круга 12-и покоились до 70г. (разрушение Иерусалима римлянами) на месте его казни — местонахождение Армянского кафедрального собора Св. Иаковов в Иерусалиме (Старый город; Армянский квартал), откуда были перенесены учениками на Синай и обретались позднее при сооружённом там монастыре Св. Иакова (в последующем — Св. Екатерины). В VIIIв., из-за угрозы со стороны сарацинов, мощи перенесли в Испанию, на галисийский север, поместив их в красивый реликварий при посвящённой Апостолу церкви, освящение к-рой состоялось 25.07.816г.

С Хв. Сантьяго-де-Компостела — всемирно известная христианская святыня и место паломничества, привлекавшее в своё время больше паломников, чем Рим и Иерусалим, символ священной освободительной войны христианской Европы против арабо-мусульманской экспансии. Сюда ведут множество дорог пилигримов с монастырями и церквями, построенными в стиле одного из красивейших в мире кафедрального собора (начат в 1075г.).

Если 25.07. попадает на воскресенье, этим днём открывается год Св. Иакова — патрона Испании, не давшего стране, на века заслонившей собой Европу, когда мусульмане захватили почти весь Пиренейский полуостров, пасть духом, приведшего её к победе в самой продолжительной в истории человечества войне (711 — 1492гг.) — в многовековой Реконкисте, и покровительствующего ей по сей день (Д.И. 1351-54).³⁷

³⁷ По легенде, в IXв., когда север христианской Испании вёл беспощадную борьбу с маврами, небесная звезда указала пастухам (утерянное) захоронение мошей Иакова в местности Campus stellae — «Звёздное поле»; отсюда — Compostella. Могилу обнаружил епископ Теодомир. А в 844г. (спустя 800 лет от мученичества Апостола!), в битве при Клавихо, когда испанцы под предводительством дона Рамиро I терпели поражение от сарацин, перед ними явился всадник на белом скакуне со знаменем — белым полотнищем с красным крестом, при виде к-рого сарацины обратились в паническое бегство. Испанцы признали во всаднике Иакова и прозвали рыцаря «Matamoros» — «поражающий мавров», к-рый стал с тех пор небесным покровителем Реконкисты. (Вспомним «тысячелетнюю войну» метаисторической Пра-Иранской эпохи, под знаком Близнецов, — Иран — Туран!)

То-то как в мистериях рыцарей-храмовников – тамплиеров, так и в «Божественной комедии» современника разгрома ордена (1307 – 14гг.) великого Данте (1265 – 1321гг.) существовали-практиковались три градуса посвящения = три экзаменатора на пути в Царствие Небесное: Св. Пётр – **Вера**; Св. Иаков – **Надежда**; Св.Иоанн – **Любовь**!

* * *

Четыре вида иудейской казни по мишнаистской кодификации: каменение (скила), сожжение (срефа), усечение мечом = обезглавление (херег), удушение-удавление (хенек) (Санхедрин 7,1) (Т.Г. 881). Казни через усечение мечом подпадали убийцы и обитатели отпавшего (совращённого) в идолослужение города (Санхедрин 9,1), к-рые (10,4), а именно – их совращённое совратителем-единоплеменником – мужем или мужами, отпавшее большинство, не имеют доли в будущем мире (Вт.13,15).³⁸

Но Иаков не мог быть казнён ни как убийца, ни как совратитель в идолопоклонство большинства обитателей какого-либо города, если, конечно, не допустить, что он обратился к 44г. в христианство (квалифицированное Агриппой и Иудеями как идолопоклонское почитание в Распятом Иисусе Бога) большинство жителей отчей Вифсаиды Галилейской (откуда происходил его отец Зеведей), или Капернаума (где галилейские рыбаки Иаков и Иоанн трудились в 30г. в рыболовецком хозяйстве Зеведея).

Последнее (лишь) теоретически не исключено, особенно, учитывая темпы роста не подвергавшихся репрессиям с 33/34-го и, по большому счёту, вплоть до 44гг. (несмотря на эвентуальное ухудшение их положения с 41г. при Агриппе) христианских общин в Иудее, Самарии, Галилее (Д.Ап.9,31) (см. выше). Однако, никаких подтверждений этому нет, т.е., по имеющемуся в нашем распоряжении фактическому материалу, казнь Иакова не отвечает требованиям, кодифицированным в Мишне.

Впрочем, требования последней нельзя автоматически и всецело прилагать ни ко времени до 70г. н.э., ни ко времени заменившего собой римское правление и синедриональную иерократию короткого царствования Агриппы. Ведь при нём, несомненно, действовало смешанное и не успевшее за срок с 41 по 44гг. прочно устояться законодательство из скомпилированных (волей-произволом царя, преимущественно в угоду монарху-монархии и определённым кругам иудейской элиты) правовых положений хасмонеи, иродианской, прокураторской поры.

Согласно армяно-христианской традиции, Иаков Зеведей был обезглавлен на месте сооружённого впоследствии армянского собора Св. Иаковов (Сурб Акопц – мн.ч.) – Старшего, Праведного и Алфеева (к-рого восточная традиция смыкает с Праведным, чтобы закрепить за ним место в кругу 12-и Больших Апостолов ещё при жизни Иисуса). И это о нём – первом из мученически обезглавленных за

³⁸ «Санхедрин» (7,3): «Голову отсекают мечом, применяя способ, практикуемый римской властью. Р. Иегуда (150г.): «Не должно отрубать голову преступнику в положении стоя, после чего он падает. Следует положить его голову на плаху и отрубить её топором». Ему отвечают: «Нет более позорной казни, чем эта».

В период Республики римляне обезглавливали топором, практикуя перед казнью бичевание. Сходно – в начальный период Империи; позднее – топор заменили на меч. Видимо, в IV в. н.э. применялись и меч, и топор (Сенека «De ira» 2,5,5; Свет. «Кл.» 25,3).

В «Бар Санхедрин» (52б) раввины настаивают, что казнь через отсечение головы предусмотрена Торой и не является чужеземным заимствованием: Исх.21,20; Лев.26,25; Вт.13,15/16; Суд.7,25; 2Ц.4,7; 4Ц.10,6.

Христа, и о нём, в частности, в Откровении Иоанна, приложительно к дальнейшему Тысячелетнему царству Христову (когда скован будет сатана), сказано: «И увидел я престолы и сидящих на них, к-рым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, к-рые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертание на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет» (20,4).

Правда, собор расположен внутри Города, где, т.е. в черте Иерусалима, как мы знаем, казни не производились. Но вполне возможно, что на месте в дальнейшем собора располагалось вынесенное Иакову в 44г. смертный приговор царское судилище Агриппы, ибо приговор Апостолу вынесла и казнила его, выведенного, надо понимать, за городские ворота, на лобное место (не Голгофа), сообразно, Д.Ап., на сей раз, в лице царя иудейского, светская еврейская власть. И не случайно приведённые нами выше неканонические источники рассказывают об обращении Иаковом казнённого вместе с ним доносчика на него, или стражного солдата, попросившего у него прощения в ходе их совместного пути следования к (лобному) месту (за городскими воротами) казни.

В предыдущих книгах мы не раз говорили, опираясь на христологию Штайнера, о кармической преемственности 12-и Апостолов как 5-и сыновей Маттафии – братьев Хасмонеев – (в возрастном порядке) Иоханана (Гаддис – *Удачливый?*), Симона (Фасси – *Учреждающий?*), Иуды (Маккави – *Молот*), Елеазара (Аваран – *Бледнолицый?* или *Всадник?*), Ионафана (Апфус – *Плодородный?* или *Желанный?*), и 7-и сыновей Вдовы, оговорив-анонсировав, что если Иоанн Зеведеев – один из 7-и, то Иаков – один из 5-и, двое из к-рых нам уже известны.

Это: 1) наиболее выдающийся из сыновей Маттафии – очиститель-обновитель осквернённого в 167г. Антиохом Эпифаном в 164г. дома Господня – Иуда Маккавей (пал в сражении в 160г.) – как Иуда Искарот; 2) свергнувший селевкидское иго, равно провозгласивший независимость Израиля в сане первосвященника и принятого им на себя титула этнарха – Симон Хасмоней (142/41/40 – 34гг.) – как Симон Пётр (Симон Маккавей погиб – в результате подлого убийства – на 33-м году от начала героической эпопеи выведших Израиль на финишную прямую к Исполнению Времени Хасмонеев-Маккавеев).

Притом в год гибели Иуды, в том же 160г., погиб в схватке с заиорданскими аравитянами и Иоханан, между тем как гибель Елеазара последовала ещё раньше, в 162г., когда он поразил в сражении копьём снизу вражеского боевого слона, думая, что на нём восседает сам царь Антиох V Эвпатор, и погиб, раздавленный тяжестью рухнувшего на него гигантского животного. Иуде же преемствовал Ионафан, к-рый стал признанным Селевкидами первосвященником в 152г., торжественно вступив в Иерусалим в осенний праздник Кушей, и к-рый затем, после ряда успехов, был в 143г. сначала коварно плёнён и потом вероломно умерщвлён селевкидским узурпатором Трифоном (142/41 – 38гг.), – убийцей, в частности, подопечного ему несовершеннолетнего Антиоха VI Эвпатора.

Не напоминает ли этот Трифон Ирода Агриппу (на три четверти Иродианина и на одну четверть Хасмоней)?³⁹ – метаисторическую персону постфактум и персону нон-грата в качестве узурпаторски воспритязавшего (нонсенс) на трон (единственно легитимных в царском ранге в Израиле Давидидов) царя иудейского, уже по Исполнении Времени, уже по пришествии истинного Сына Давидова (К-рый учредил Царство не от мира сего, К-рый будет царствовать над домом Иакова вовеки и единственно Царству К-рого не будет конца)!

³⁹ Агриппа – кармический Амасия – последний из дисквалификантов среди трёх царей Иуды – Охозия, Иоас, Амасия – в генеалогическом табло 14+14+14 Ев. от Мф.

И снова обратимся к связанной с Иаковом промежуточной между **Верой** (Пётр) и **Любовью** (Лазарь-Иоанн, дублёром к-рого выступает Иоанн Зеведеев) ступенью – к **Надежде**, к-рая коммуницирует с присущим Иакову через призму titulo INRI элементом Воды, приложительно к расположенной по другую от Палестины сторону средиземноморской купели – Испании – страны под покровительственным патронажем Св. Иакова Старшего (не побывавшего там при жизни).

Во-первых, в Испании теоретически мог побывать в 50-е гг. Ив. н.э., ещё до Павла (посетившего Испанию в 63/64гг.), двоюродный брат Иакова Зеведеева – Иаков Алфеев = Младший – сын Марии Клеоповой – родной сестры матери сыновей Зеведеевых – Саломии, в связи с чем мотив одного из (одноимённых) братьев и одного из Апостолов мог быть перенесён на другого. (Иаковитский – Иаков Старший, Иаков Праведный, Иаков Младший, и Иоаннитский – Иоанн Креститель, Иоанн Зеведеев, Иоанн Богослов, – триализм! Тайна-Таинство-загадка трёх Иаковых и трёх Иоаннов!)

Во-вторых, Гесперия-Испания (Иберия – на противоположном от Кавказской Иверии конце-полюсе римско-приримского мира) олицетворяла в древности и в Ср. века приатлантическую средиземноморско-западную оконечность цивилизованного мира, перед Великим Океаном, откуда, с одной стороны, началась исходно-исущественная метаистория постатлантического человечества, и к-рая, с др. стороны, наряду с Сирией/Палестиной, своеобразно охватывает бассейн средиземноморской цивилизации, куда в Ив. н.э. из Палестины, точнее, от Палестины до крайнего испанского Запада, изошло-дошло христианство. Более того, именно Испания нависает над Атлантикой, по ту – американскую – сторону к-рой в I – 30 – 33гг. свершилось симметрично-асимметричное и полярно-параллельное Таинству Голгофы Таинство Теотиуакана (что уравнило в духовном мире чашу спиритуально-вселенских весов)!

И наконец, в-третьих, или, во-первых, становление первоапостольского мученика за веру Иакова патроном именно Испании было мотивировано тем, что именно заслонившая собой Европу Испания стала авангардом и форпостом европейской цивилизации, вследствие самой продолжительной в истории человечества войны миров (вполне сравнимой с праисторической войной Иран – Туран: свет и тьма: космос и хаос) – героической Реконксты. Отсюда первоапостольский мученик не мог не сделаться патроном именно Испании, где он претерпел ещё одно мученичество в следующем, до арабского нашествия, воплощении (III/IVвв.), и в к-рой, на Пиренеях, посвящённая ему церковь была освящена в век Св. Грааля – в IXв. н.э. – не случайно 25.07.816г. – в год (хроно)смены ротационно-архангельской эпохи Захарила-Юпитера (462 – 816гг.) ротационно-архангельской эпохой Рафаила-Меркурия (816 – 1171гг. н.э.)!

И неспроста это произошло на 106-м (53 x 2) году от рокового, с чего началась многовековая Реконкста, для вестготской Испании сражения при Гвадалете – 19.07.711г., к-рый, т.е. 711-й г. н.э., в свою очередь, отстоит на 667 лет от 44г. н.э., от к-рого, в свою очередь, 666 лет до первой разведывательной высадки арабомусульманских завоевателей в Испанию в 710г. н.э.! Плюс – на 112-м (28 x 4) году от установления маврами – 714г. – контроля над большей частью Пиренейского полуострова была в 825г. новообретена пришедшая в запустение усыпальница при-явшего под своё духовное покровительство христианскую Испанию и Реконксту до её победного завершения в XVв. Св. Иакова!⁴⁰

⁴⁰ Не выступил ли в XXв. продолжателем Реконксты генерал Франко! фалангисты к-рого разгромили едва не погубивших Испанию леворадикалов – социалистов, коммунистов (сталинистов и троцкистов), анархистов, (хвалёные) интернациональные бригады... И здесь важно следующее сравнение. Если *православная* Россия капитулировала перед безбожным большевизмом, то *католическая* Испания одержала в беспощадной Гражданской войне 1936-39гг.

ЧУДЕСНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ АП. ПЕТРА

(апрель 44г.)

Теперь перейдём к Петру, уточнив сначала дату мученичества Иакова, связанную, согласно Д.Ап., со временем заточения — в дни опресноков — и ангельского — днями — спасения Петра. Впрочем, сначала слово Дееписателю, к-рый говорит, что Пётр был посажен Иродом⁴¹ в темницу, с приказом четырёх четверицам воинов стеречь его, и с намерением после Пасхи вывести его (на судилище и казнь) к народу (см. выше).

«Итак Петра стерегли в темнице; между тем церковь прилежно молилась о нём Богу.

Когда же Ирод хотел вывести его, в ту ночь Пётр спал между двумя воинами, скованный двумя цепями, и стражи у дверей стерегли темницу.

И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу; Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его.

убедительную победу над леваками-безбожниками. Причём сродственно этой победе, в 1920г. красную большевистскую орду (командовавший к-рой М.Тухачевский обещал вскоре победоносно процокать по Парижу!) разбила на подступах к Варшаве (не пустив её дальше в Европу) католическая Польша, неспроста составляющая вместе с Испанией два христианских бастиона Европы.

При всех случаях, мировая цивилизация никак не могла уступить Испании, — ключ, к-рым Европа отмыкается с запада (как Польшей — с востока), коммунистам, Сталину, к-рые, не выступи Франко, непременно установили бы просталинский террористический режим в стране (с прицелом на большевизацию Западной Европы из опорной Испании). И несмотря на всю жестокость Гражданской войны, несмотря на то, что Франко помогли Муссолини и Гитлер, правда в этой войне (при том, что на совести Франко и Муссолини нет геноцида евреев, цыган, поляков, белорусов, русских) была на стороне христианской Испании, за к-рую храбро сражались именно (столь ненавидимые демократами и либералами всех, в т.ч., творческих, мастей) франкисты-фалангисты. Не они ли продолжатели как противарабской Реконкисты, так и не смирившихся с наполеоновским беспределом героических герильясов начала XIXв. (когда именно католическая Испания и православная Россия не склонили голову перед венчающим безбожную Французскую революцию Наполеоном!)

Притом леваки в Испании XXв. первыми начали, под руководством заплечных дел мастеров из НКВД (якобы добровольцев), зверские массовые расправы над своими противниками, много превзойдя их в бесчеловечности (например, 8 тыс. убитых в 1936г. противников левого режима в тюрьмах Мадрида! или 7 тыс. расстрелянных за годы войны священников! или повальные расстрелы с 7.11.1937г. — в ознаменование 20-й годовщины Октября), чем и оттолкнули от себя большинство сделавших однозначно оправданный выбор, при отсутствии в той ситуации иного выбора, в пользу не левой, но правой диктатуры, испанцев. И дальнейшая судьба страны, к-рая, в отличие от социалистического барака, будь то СССР или Югославия, выжила, стала процветающей и продолжает, пусть не без проблем и трудностей, жить, подтвердила правильность этого выбора.

⁴¹ Совершенно несостоятельны упреки в адрес Лк. со стороны рационал-критиканов относительно того, что он-де безграмотно кличет Иродом царя Агриппу, к-рый, мол, больше Иродом нигде не зовётся. Неужели не ясно (!!), что фамильным-родовым именем Ирод в Н.З. зовутся 3 Ирода, в 3-х поколениях, как 3 противоборца Христа и христианства: 1) Ирод Старший, устроивший в 1г. н.э. избиение младенцев; 2) (сын Ирода Старшего) Ирод Антипа, казнивший в 32г. н.э. Иоанна Крестителя и униживший переадресованного им, Иродом, на суд Пилата Иисуса; 3) (внук Ирода Старшего; племянник Ирода Антипы) Ирод Агриппа, убивший в 44г. Иакова и намеревавшийся убить Петра. Прочие же Иродиане подчёркнуто зовутся в Н.З. не фамильными-родовыми, но именно их индивидуальными именами: Архелай; Филипп; Агриппа (II).

(Кстати, любопытно, что в древнем сахидском кодексе-манускрипте в Д.Ап.12,1 — Ирод Агриппа, а в 12,21 — Агриппа; или в сирийском кодексе — в 12,1 — Ирод Агриппа.)

И сказал ему Ангел: опояшься и обуйся. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною.

Пётр вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение.

Прошедши первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, к-рые сами собою отворились им; они вышли и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним.

Тогда Пётр, пришед в себя, сказал: теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский.

И, осмотревшись, пришёл к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились.

Когда же Пётр постучался у ворот, то вышла послушать служанка, именем Рода; И, узнавши голос Петра, от радости не отворила ворот, но вбежавши объявила, что Пётр стоит у ворот.

А те сказали ей: в своём ли ты уме? Но она утверждала своё. Они же говорили: это Ангел его.

Между тем Пётр продолжал стучать; когда же отворили, то увидели его и изумились.

Он же, дав знак рукою, чтобы молчали, рассказал им, как Господь вывел его из темницы, и сказал: уведомяте о сём Иакова и братьев. Потом вышел пошёл в другое место.

По наступлении дня между воинами сделалась большая тревога о том, что делалось с Петром;

Ирод же, поискав его и не нашед, судил стражей и велел казнить их; потом он отправился из Иудеи в Кесарию и там оставался.» (Д.Ап.12,5-19)

Итак, Иаков был казнён мечом незадолго до Пасхи, к-рая пришлась в 44г. н.э. на 31.03./1.04. = 14/15 нисана, с днями опресноков (14/15-21 нисана = 1-7.04. Вспомним вышеприведённые весенне-поминальные дни мученичества Иакова, с датой «Золотой легенды» – 25.03. (многозначительный в христианской традиции день Сотворения мира; день Благовещения Ев. от Лк.; день, на к-рый часть преданий, в частности, «З.л.», относит казнь Иоанна Крестителя), или с датой «Римского мартиролога» – 15.03. И пусть это произошло не именно 15 или 25.03., но, при всех случаях, кань Иакова оптимально могла иметь место где-то ок. середины марта 44г.

А попытки перенести её в 42/43гг., чтобы «предоставить» чудесно спасённому Петру «возможность» до срока прибыть в Рим и быть там по 67/68гг., т.е. на протяжении 25-и лет, как того упорно хочет удревнительно-конъюнктурное церковное предание, епископом Рима, лишены всякого основания. Ибо, во-первых, из повествования-благовествования Д.Ап., ни в коей мере, не следует, что (следующие одно за другим) мученичество Иакова и чудесное спасение Петра случились за год или аж за два года до однозначно датируемой 44-м г. н.э. смерти Агриппы, и вторых, Пётр, при всём желании, не может (настолько досрочно) сделаться епископом = первым папой Рима в первой половине 40-х гг. Iв. н.э.

Далее, Деяписатель чётко указывает на время взятия-заточения в темницу, *вслед* (12,3) = вскоре за одобренной иудеями казнью Иакова, *и Петра, – тогда были дни опресноков* (3), что подразумевает именно дни опресноков, т.е. либо начало апреля – после 1-го и до 7.04., либо – с 31.03. = 14 нисана (день пресного хлеба). Поскольку, с одной стороны, Пётр вряд ли был взят-заточён в собственно пасхально-праздничный день 15-го нисана, тогда как, с другой, Агриппа, вероятно, собирался вывести его к народу (незамедлительно) по прошествии (всех) дней опресночных, т.е. 22 нисана = 8.04. – в непостную судилищную постопресночную среду, ко времени ухода большинства паломников из Города.

Напомним, что если на осенние Куши 15-22 тишри предписывалось находиться все дни праздника в Иерусалиме, то на Пасху, в случае безотлагательных дел, разрешалось возвращаться домой – по вкушении пасхального агнца – с 16 нисана (Т.Г. 862). Одновременно, если в Куши предписательно-выходными были лишь первый и восьмой дни праздника, то на Пасху выходными являлись все (часть из них непредписательно) дни опресноков. И судилище над Петром (по прошествии дней опресноков), сродни казни Иакова (до дней опресночных), адресовалось Агриппой (адресуемое не паломнической диаспоре) Иудеям, в первую очередь, Иерусалима (или – несколько шире – Иудеи-Иерусалима).

И вот в истекающие-убывающие дни опресноков четыре четверицы стражных воинов = 4 стражи по 4 стражника каждая, сменяясь, надо понимать, каждые 3 часа – 6-9, 9-12, 12-3, 3-6... или по ночам – каждые 6 часов, стерегли Петра в темнице, делая это, в т.ч., в последнюю ночь перед выведением его на суд к народу = в ночь с 7 на 8.04., когда князь Апостолов спал между двумя воинами, скованный двумя цепями (6).⁴² И ещё два стража (из четверицы) стерегли первую и вторую двери (10), ведущие вон из темницы (или ведущие снаружи, с внешнего тюремного двора, в темницу).

Мы не знаем, – кто именно были эти воины? Во всяком случае, пять когорт продолжали, насколько следует из «И.д.» 19,9,2, стационароваться в Иудее при царе Агриппе, как при прокураторах, находясь ныне под агриппианской командой, в агриппианском подчинении, набранные из кесарийцев и самарян. Т.е. на 44г. Итальянского полка, где в 40г. служил сотник Корнилий, в Иудее не было, что говорит о произошедших в 41 – 44г. изменениях (передислокациях).

К тому же, воины данных когорт из язычников, как выяснится после смерти Агриппы, плохо относились к нему, из-за его, «царя и друга (перво-наперво) евреев», проеврейского курса. Однако, вместе с тем, в 41 – 44г., он, царь иудейский, вполне мог обзавестись и иудейским царским воинством, к-рое стационарировалось в Иерусалиме.

Кроме того, неясно, – о какой иерусалимской темнице, в случае с Петром, идёт речь: при (храмовой) цитадели Антония? или, м.б., при дворце Ирода? либо при расположенном между дворцом Ирода в Верхнем городе и Храмом дворце Хасмонеев?, к-рые, и тот, и другой, служили в 41 – 44г. царскими резиденциями царю Агриппе. Или в объективе, что маловероятно, специальное здание городской тюрьмы не при цитаделях?

Антония, пожалуй, отпадает, так как после выхода в Город из антонианской цитадели Петру на пути в Сенакль пришлось бы миновать через соответствующие ворота внутреннюю городскую стену (Вторая стена) между храмом и дворцом Ирода, что из слов Д.Ап., где сказано лишь об одних наружно-железных воротах узилища (10) и об одной пройденной улице, с последующим (скорым) Петровым приходом (без минования каких-либо врат) к Сенаклю, не выводится (Т.Г. 1891/92; 1894).

Засим, скорее, на повестке дня, точнее, ночи, дворец Ирода (или дворец Хасмонеев), где, на территории дворцового комплекса, в дни праздника, тоже располагались паломники, и наружные врата к-рого (как и городские ворота), в канун паломнических праздников и в праздничные дни, не запирались (на засовы), из-за

⁴² В ватиканской росписи Рафаэля – Stanga dell' Eliodoro – одна цепь на правой ноге, другая – на правой руке Петра.

Кн.Суд: «Филистимляне взяли его (Самсона), и выкололи ему глаза, привели его в Газу, и оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников» (16,21). 2Ц. (Давид, оплакивая убитого Авенира): «Руки твои не были связаны, и ноги твои не в оковах, и ты пал, как падают от разбойников...» (3,34). 4Ц.: «И сыновей Седекии закололи пред глазами его; а самому Седекии ослепили глаза, и сковали его оковами, и отвели его в Вавилон» (25,7).

постоянного передвижения людей, из-за прихода и ухода масс паломников (частично ночевавших в Иерусалиме, частично – в пригородах). Притом ночь на 22 нисана, видимо, была последней такой ночью дней открытых, вернее, незапертых (железных) врат-дверей.

Явление возвещающих людям волю Бога и приводящих в исполнение Его повеления Ангелов Господних (*посланник; вестник*; евр. – *малак*), пусть сверхчувственных существ из небесных сфер, в человеческом облике – для иудейской ангеологии – дело, хоть и сверхчувственно-необычное – чудесное, но, тем не менее, нередкое-небеспрецедентное. Чистые и светлые, как небо, состоящие из огня и окружённые сиянием (Иов 15,15), сотканые из солнечного света или снега, Ангелы (могучи быть и в бестелесной оболочке) могли являться и часто являлись (не лишённым, в частности, на рубеже эр угасающего атавистического видения и восприятия) людям в образе-облике человеческих существ, мужей необычайной красоты, ангельскую природу к-рых люди распознавали-признавали не сразу (Б.18,2; 19,5; Суд.6,17; 13,6; 1Ц.29,9).

Священное Писание оснащает разнокачественных Ангелов специальными миссиями – «избавитель от зла», «ходатай», «хранитель», «истребитель», «Ангел Завета», «представитель лица Его» (Б.48,16; Иов 33,23; 2Ц.24,16; Ис.63,9; Мал.1,3). В Кн.Дан. Ангелы-Архангелы одарены индивидуальностью, именами, титулами. Саддукеи ангеологию и Ангелов отвергали; фарисеи – признавали; таинственная ангеология ессеев была доступна посвящённым членам секты. В талмудических, мидрашистских и каббалистических источниках ангеология заняла особое место и получила особое развитие. Если маккавейские воины призывали на помощь Ангела, поразившего ассирийское войско Саннхериба (706г. до н.э.), то, согласно Талмуду, три Ангела, явившихся Аврааму (Б.18,2), были – (Архангелы) Михаил, Гавриил, Рафаил (Йома 37а; Бава Меция 86б).

В Послании к Евреям Ап. Павла (об Ангелах, над к-рыми Христос) сказано: «Кому когда из Ангелов сказал Бог: «седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих»? / Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, к-рые имеют наследовать спасение?» (1,13/14).

Да и не брали ли Ангелы, сыны Божии (воздание божественных почестей к-рым, однако, недопустимо) в жёны дочерей человеческих, к-рые рожали от них исполинов (Б.6,1-4)! И не сказывается ли в апокрифической «Книге Еноха» о 200 Ангелах, у к-рых 20 начальников, из к-рых поимённо «Енох» называет только 18 (2,6). В Каббале же разнородных-иерархизированных Ангелов насчитывается (всего-итого) от 100 тыс. до аж 49 млн.! Правда, в Каноне и Второканоне названные по именам фигурируют лишь верховенско-архангельские Силы Небесные – Михаил (Дан.10,13; 21; 12,1; Посл. Иуды 9; Откр.12,7), Гавриил (Дан.8,16; 9,21; Лк.1,19; 26), Рафаил (Книга Товита).

Не сопровождал ли предстоящий пред Богом Ангел (Архангел) Рафаил (Меркурий) благочестивого Товию в человеческом облике-образе его спутника! Не явился ли Ангел Гавриил (Луна) Моисею как Плотник (тектон), чтобы открыть ему форму семиветвенного свещника-меноры (Сога 10а; 12б; Исход рабба 1,28)! Не обитало ли ангельское существо Илии в Навуфее Изреелетянине!⁴³ Не сошла ли, согласно апокрифическому «Еврейскому Евангелию», избранная Господом на небе сила, по имени Михаил (Солнце), на землю, дабы быть наречённой именем Мария (8), от К-рой родился Мессия!

Не явился ли, согласно мидрашистскому преданию, Архангел Гавриил жене благочестивого р. Иосе в облике-образе её мужа, от к-рого она (долго неплодная,

⁴³ «Килим» (9,326,35): «Илия явился Равви в облике-образе р. Хийи Старшего (ок. 200г.).

пройдя через многократное купально-очистительное омовение), после этого явления, родила прекрасного ликом и сущностью р. Исмаила (один из 9-и мудрецов-мучеников 135г. н.э.) (Бет ха-Мидраш 2,65) (Р.л. 939-44). Посему бестелесные Ангелы-Архангелы как сила Божия действуют через, в т.ч., конкретных людей-избранников, могучи, в т.ч., принимать их облик.

И между прочим, в гностическом (из Библиотеки Наг-Хамати) апокрифе «Беседа Иисуса с учениками» (П/Швв.?) – не иначе как о пасхальном заточении и чудесном спасении-освобождении Ангелом Господним Петра – читаем: «...Когда же настанет праздник Пасхи, тогда один из вас будет заключён в темницу за имя Мое, и он [буд]ет в печали и горе, потому что вы совершали Пасху, в то время как он в темнице в [разлуке] с вами. Ибо он будет печалиться, потому что не совершит Пасху с вами. Я же пошлю Мою силу в обра[зе] Ангела Гавриила, и откроют двери темницы, и он выйдет, и придёт к вам, и совершит бдение с [вами], и пребудет с вами, пока не закричит пет[ух]...» (7/8)

* * *

Как же, спрашивается, или в каком человеческом облике-обличье Ангел Господень предстал и действовал в осиянной темнице, где разбуженный толчком (в межреберье) Пётр, повторим, спал между двумя воинами, скованный двумя цепями, когда (ещё) два стража у двух дверей стерегли (стоя на часах) темницу?

Мы помним, что прибытие (с собранными в Антиохии вспомоществовательными пожертвованиями) Варнавы и Савла в Иудею и их окаймляющее события 12-й гл. Д.Ап. пребывание в Иудее, включая, само собой, посещение Иерусалима, имело место до казни Иакова и затем во время заточения-спасения Петра, продолжившись позднее до смерти летом Ирода Агриппы, и заняв, в общей сложности, время в ок. или чуть меньше полугода.

Скажем снова, Ирод задействовал выборочные противохристианские репрессии, подняв руку на некоторых (особенно раздражавших иудеев лиц) принадлежащих к церкви, в связи с чем для покинувшего Иерусалим аж в 34г. и лишь коротко посетившего его в 37г. Савла, как и для ушедшего в Антиохию в 40г. Варнавы, прямой угрозы не было, хотя они наверняка соблюдали в Иудее необходимые меры предосторожности.

Помимо того, вспомним об апокрифическом обращении под впечатлением от исповедания веры Иаковом – то ли стражного солдата, конвоировавшего его к месту казни, то ли доносчика на него, то ли некоего фарисея Иосии. Стало быть, не могли ли под впечатлением от поведения и казни Иакова обратиться душой ко Христу обращённые-крещённые вскоре после этой казни Варнавой и Савлом два иродианских воина-стража, к-рые, в свою очередь, возмogli повернуть лицом к христианству двух своих товарищей из состава той самой четверицы стражников, к-рая стерегла Петра с полуночи до 3-х утра, или с полуночи до 6-и утра, в ночь с 7-го на 8.04.44г.? Или Варнавой и Савлом был обращён-крещён один страж, приобшивший ко Христу остальных?

Так или иначе, не вошла ли, проникнув-пронизав его, сила Господня в образе Ангела (Архангела), приняв человеческий облик, в одного или двух или в четырёх (уже как минимум не чуждых Христу и христианству) воинов, благодаря к-рым цепи упали с рук толкнутого в бок (куда римский сотник нанёс Иисусу удар копьём) Петра!

Пётр же, откликнувшись на слово-призыв Ангела, избавленный от вериг, встал, опоясался, обулся, надел одежду свою, последовал за Ангелом (в облике человека),

не осознавая (в своём имажинативном восприятии) до поры *вторую* (параллельную) сверхчувственно-спиритуальную реальность, но думая, что видит видение. Затем он прошёл в ангельском сопровождении первую и вторую стражи, вышел за ведущие в город наружно-железные ворота, к-рые (будучи незаперты) сами собой отворились⁴⁴, и ещё прошёл одну улицу, после чего вдруг Ангела не стало с ним.

И он, придя в себя, т.е. осознав произошедшее чудо и более не думая, что видел видение, сказал (не столько себе, сколько в себе): «теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода, и от всего, чего ждал народ Иудейский».

Причём всё это осознал-понял, да и то, как видим, не сразу, посвящённый Самим Христом князь Апостолов Пётр, в то время как ангельское воздействие на простосердечных стражей было сновидческим (или атавистическо-ясновидческим). И позже они (действовавшие, выражаясь современно, в гипнотическом или в сомнамбулическом или в экстатическом состоянии, что неверно по сути, так как речь должно вести именно об их действии по наитию, именно об овладевшем их жертвенно не чуждыми Христу душами вышним существом Ангела за счёт присущего им рудиментарного сновидения-ясновидения), очнувшись (от пережитого) в момент смены караула в 3 часа ночи-утра, или в 6 часов утра, не помнили, не понимали, что именно произошло. Не осознавали, что случилось с ними ночью, и каким образом охранявшийся ими узник исчез.

Их пробуждённое на добровольно-бессознательное действие по наитию, на благое дело высшее Я было пробуждено Ангелом Господним в их незрелых (едва просветлённых) душах лишь ситуативно-временно. И оно снова уснуло (до следующей инкарнации) по совершении ими этого благого дела, к-рое они наутро, утратив ночное сверхчувственное сновидение-ясновидение (словно восстав от сна, словно придя в себя в прежней *первой* реальности, о том, что произошло с ними и в них в ангельски осиянной *иной* духовной реальности – наяву), *забыли* – не памятовали!

То-то по наступлении дня, т.е. утром, между воинами стражной четверицы (и прочими) сделалась большая тревога о том, – что сделалось с Петром. А раздосадованный Ирод, поискав Петра и не нашед, судил стражей и велел казнить их, т.е., по всему, именно стражей ответственной, в течение 3-х или 6-и часов (за таинственно исчезнувшего узника), одной четверицы, мужей из состава к-рой (буде они, или, при всех случаях, кто-то из них были перед тем обращены-крещены) можно, в свете их, пусть неосознанного самопожертвовательного деяния и принятой за него казни, назвать мучениками.

Между тем, чудесно избавленный Пётр пришёл ночью к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие (в т.ч., возможно, и Савл с Варнавой, к-рый приходился двоюродным братом Марку) собрались и молились. Иначе говоря,

⁴⁴ Об открывшихся сами собой (железных) вратах храма, как о предзнаменовании разрушения святилища, говорят и Флавий (И.в. 6,5,3), относящий это дурнопредзнаменательное событие на Пасху 66г. н.э. (год начала Иудейского восстания), и Талмуд, датирующий оное временем за 40 лет до (последовавшей в 70г.) гибели дома Господня (Йома 39б; Авода Цара 8б) (Р.л. 407/08; Д.И. 1235; Т.Г. 1673). В противоположность Флавию и Талмуду Деесписатель благовествует «сами собой отворившиеся» перед Петром в 44г. н.э. (спустя 14 лет от Крещенского 30-го, когда иудеи на Пасху указывают Иисусу на 46 лет храмового строительства, не понимая Его слово о восстановлении храма Тела Господня в три дня, и за 26 лет до гибели для Иерусалима и храма 70-го гг. н.э.) внешние (железные) врата узилища.

«Таргум к Пс.85,17»: «Давид: «Покажи на мне знамение во благо: когда мой сын Соломон внесёт ковчег завета в святилище, да откроются врата его ради меня сами собой, чтобы видели ненавидящие меня и устыдились, потому что Ты, Господи, помог мне и утешил меня». Согласно Агаде, эта просьба Давида была исполнена (Танхума Б §6 (11а); Исход рабба 8 (72д); Числа рабба 14 (178д).

перед нами дом Тайной Вечери Христа со ученики = Пасхальная горница = Сенакль = место первого явления Апостолам на Вечери 5.04.33г. Воскресшего Христа, место собраний иерусалимско-христианской общины в доме, принадлежавшем в 33г. отцу в будущем особо близкого Петру Евангелиста Марка⁴⁵, к-рого, т.е. Маркова отца, на 44г. не было (так как владелицей дома называется его жена) в живых.

И примечательно, что собравшиеся и молитвенно бодрствующие в доме христиане не верят узнавшей голос Петра (и поспешившей радостно сообщить им об этом) служанке-привратнице именем Рода, говоря: «это Ангел его».⁴⁶ Но не поверить вошедшему в дом собственной персоной и персонально поведавшему присутствующим о случившемся с ним чуде Петру нельзя!

Причём ни, вероятно, вынужденно покинувших до того, из-за угрозы со стороны Ирода, Иерусалим (и Иудею?) Иакова, брата Господня, ни других братьев Апостолов среди присутствующих нет, ибо Пётр просит тех, к-рые в Сенакле, уведомить о сём Иакова и братьев, после чего он инкогнито покидает (смешавшись утром с множеством уходящих паломников) в неизвестном направлении (вышед пошёл в другое место) Город и дальше Дееписатель ничего не сообщает о нём вплоть до Апостольского собора 51г. н.э.

Плюс к тому, весьма симптоматично закадрово-благовестовательное противопоставление Дееписателем как собственно персоны-фигуры Петра, так и его поведения в эту апрельско-постопресночную ночь (его чудесного избавления «из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский», при начале 12-го от Таинства Голгофы года) Петрову облику и поведению в роковую со 2 на 3.04.33г. ночь ареста Иисуса в Гефсиманском саду. Т.е. в ночь того самого троекратного отречения Петра от Христа Господня, ныне волящего в Ап. Петре, к-рому предстоит стать камнем, на к-ром воздвигнется вселенская Церковь Христова, и к-рому предстоит стать Петром воистину-поистине *Великим!*

СМЕРТЬ ИРОДА АГРИППЫ

(август 44г.)

Итак, после слов об осуждении Иродом и казни приставленных к искомому и не найденному им Петру стражей, Лк., сообщив об Ироде: «...потом он отправился из Иудеи в Кесарию и там оставался» (12,19), продолжает:

«Ирод был раздражён на Тирян и Сидонян; они же, согласившись, пришли к нему и, склонивши на свою сторону Власта, постельника царского, просили мира, потому что область их питалась от области царской.

В назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним,

А народ восклицал: это голос Бога, а не человека.

Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер.

⁴⁵ Если Ев. от Луки есть *Ев. от Павла*, то Ев. от Марка есть *Ев. от Петра*, к-рый не случайно в своём Первом Послании говорит: «...Марк, сын мой» (5,13).

⁴⁶ Согласно иудейской традиции, Ангелы-хранители могут являться в облике хранимых ими людей. «Мидраш к Пс.55 §3 (1466)»: «Р. Иошуа б. Леви (250г.): «Что означает: «Избавит в мире душу мою от восстающих на меня?» Ангельские образ-подобие человека шествуют впереди него, и небесные сущности (Ангелы) требуют от демонов, к-рые человека окружают: «Прочь с дороги образа и подобия Божия». «Генезис рабба» (78 (50а): «Р. Хама б. Ханина (260г.): «Это был Ангел Исава (с к-рым Иаков боролся в Пенуэле). Не сказано ли: «...ибо я увидел лице твое, как бы кто увидел лице Божие, и ты был благосклонен ко мне» (Б.33,10).

Слово же Божие росло и распространялось.

А Варнава и Савл, по исполнении поручения, возвратились из Иерусалима (в Антиохию), взявши с собою и Иоанна, прозванного Марком» (Д.Ап.12,20-25).

Во-первых, из этого неопределённого «потом» не следует, что Ирод отправился из Иерусалима в Кесарию тотчас следом за казнью стражей (хотя отправился в сравнительно скором, — как при внимательном рассмотрении выясняется, — менее, чем через пару месяцев, — времени) (см. ниже). Во-вторых, из слов «там оставался» совсем не обязательно выводится, или, точнее, вопреки распространённому научному мнению, никак не выводится очень скорая, дескать, весенняя кончина Ирода в Кесарии.

Однако, прежде чем начать разбираться в этом, предоставим слово Флавию, к-рый, вопреки мнению гиперкритиканов, не противоречит Дееписателю, ибо они рассказывают иногда об одних и тех же свершениях из разных импульсов, руководствуясь различными соображениями-мотивами, ставя перед собой различные, один — благовествовательную, другой — повествовательную, задачи, благовествуя и повествуя иногда об одном и том же, по-разному, и не под одним и тем же углом зрения!

Флавий: «Между тем исполнилось 3 года, что Агриппа царствовал над всей Иудеей. Однажды он поехал в город Цезарею, к-рая раньше называлась Стратоновой башней. Тут он устроил игры в честь императора, так как наступил какой-то праздник, установленный в честь Клавдия. На эти игры стеклась масса лиц начальствующих и таких, к-рые занимали видное общественное положение. На второй день игр, рано утром, царь явился в театр в затканной серебром одежде, удивительным образом блиставшей и сверкавшей. Серебро дивно переливалось в лучах восходящего солнца, так что все были ослеплены и с содроганием должны были отвращать свои взоры от Агриппы. Сейчас же несколько льстецов с разных концов стали, впрочем, не на благо царю, громко возносить его и называть его богом, говоря: «Будь милостив к нам! Если мы до сих пор преклонялись перед тобой, как перед человеком, то теперь мы готовы признать, что ты по природе своей выше всякого смертного». Царь не особенно был поражён этими заявлениями и не думал остановить кощунствующих льстецов. Когда же он, немного погодя, поднял взор кверху, то увидел на перекладине сидящего там филина. Он немедленно признал в нём предвестника грядущих бедствий, как эта же птица некогда принесла ему счастье; скорбь обуяла сердце царя. Вскоре затем Агриппа почувствовал, что во внутренностях его начинается сильнейшая боль. Он поднялся с места и обратился к своим со следующими словами: «Я, к-рого вы признали своим богом, теперь готов расстаться с жизнью. Судьба неожиданно изобличила мне всю лживость ваших уверений, ибо я, к-рого вы только что назвали бессмертным, теперь должен умереть. Впрочем, следует покорно отнестись к решению Предвечного. Я рад, что прожил не как бездеятельный ленивец, но счастливо и с блеском».

Лишь только Агриппа сказал это, как его охватила особенно сильная боль. Тогда его поскорее перенесли во дворец. Быстро повсюду разнеслась весть, что царю придётся вскоре умереть. Тогда масса народа с жёнами и детьми облеклась в мешки и по исконному обычаю стала молить Господа Бога о здравии царя. Везде раздавались плач и стенания. Царь же тем временем лежал в верхнем этаже дворца и мог видеть толпу коленапреклонённых. При виде этого зрелища он не был в состоянии удержаться от слёз. Затем, промучившись ещё пять дней страшными болями в желудке, царь умер в возрасте 54-х лет, на 7-м году своего правления. При императоре Гае он царствовал в течение 4-х лет, правя 3 года тетрархией Филиппа, а на 4-й получив в удел ещё область Ирода. Затем он прожил ещё 3 года во время правления императора Клавдия. Тут он не только был царём вышеупомянутых

областей, но царствовал над всей Иудеей, Самарией и Цезареей. Он извлекал из своих владений крупнейшие доходы, доходившие до двух миллионов. Однако, несмотря на это, ему пришлось делать крупные займы; так как он был очень щедр, то доходы не покрывали его расходов, тем более, что он не умел сдерживать свою щедрость» (И.д. 19,8,2).

Относительно того, что Флавий не во всём хроно- (и не только хроно-) точен и хронокорректен, достаточно вспомнить (оригинал «Древностей») «Bellum» (2,11,6), где он, как нам известно, вообще отводит Агриппе (всего) 3 властительских года при Клавдии и 3 тетрарших года при Калигуле (хотя Агриппа был произведён Калигулой не в тетрархи, а в цари над двумя тетрархиями, что и взбесило Иродиаду с Иродом).

В «Древностях» же (как бы уточнительно) говорится об исполнении 3-х лет царствования Агриппы, до его внезапной кончины, над всей Иудеей, при Клавдии, плюс – ниже – о (правильно) 3-х + 1 (4-й год) гг. при Калигуле. Тут сказано несколько корректнее и опять, если быть до конца точным, не без изъяна, поскольку продолжительность агриппианского царствования при Клавдии, по любому, дольше 3-х округлённых Флавием (вернее, его источником) лет. Впрочем, буква текста, строго говоря, не требует устройства Агриппой праздника в клавдианскую честь и его смерти незамедлительно по исполнении 3-х лет с начала его царствования при Клавдии.

Кроме того, учтём следующие обстоятельства, к-рые могли (бы) привести к различиям по вопросу царственных агриппианских хроносумманд-сроков в различных источниках. Ведь при Калигуле он, Агриппа, сделанный царём весной 37г., прибыл в Палестину, в свои тетрархии, воцарившись в них де-факто, аж летом/осенью 38г. (откуда меньше 2,5 лет до убийства Калигулы), тогда как при Клавдии, ему, Агриппе, обзаведшемуся Иудейским царством в дедовских границах в конце января 41г., довелось прибыть в Иерусалим где-то не ранее июня. Т.е. под «исполнением 3-х лет» в контексте И.д. 19,8,2 можно усмотреть-углядеть и 3 года с мая/июня 41-го по лето 44г., когда (притом не тотчас по исполнении этих 3-х лет, каковой вывод текст сделать позволяет) Агриппа и помер.

Но даже не это главное. Дело в том, что Грэк, Шюрер, Отто, Цанн, Мертенс и большинство др. авторов слишком безоговорочно-однозначно-уверенно, на основе (ужато-округлённых) хроноисходных данных Флавия (и Д.Ап.), снисходительно притягивая косвенно-хронологическую информацию Дееписателя (в, так сказать, последнюю очередь), датируют агриппианский летальный исход весенним временем – вскоре после Пасхи 44г.

Однако, повторим: если Флавий, как мы убедились, здесь минимум нехроно-корректен, то слова Лк. о том, что «потом» (после дней опресноков и казни Петровых стражей не ранее второй или третьей декады апреля) Агриппа «отправился в Кесарию и там оставался» – неведомо сколько времени – до того как умер, конечно, вовсе не означают, что смерть его последовала спустя годы или год, вместе с тем, вполне могучи означать месяцы – протяжённостью до середины или второй половины лета 44г. н.э. Не так ли?!

Касаемо же устройства Агриппой цезарейских игр в честь императора, при наступлении какого-то праздника, установленного в честь Клавдия, по не очень внятному Флавию (и по неуклюжему переводу Генкеля), отсюда производится вывод о празднике и играх, посвящённых британскому триумфу Клавдия, к-рый датируется в RE 3,2 (Claudius S.2797) и у Шюрера, в его разделе «Herodes Agrippa» (1,562/63), неопределённо – началом (Frühjahr) 44г. При этом Шюрер подвергает критике т.зр. Визелера («Chronologie des Apostolischen Zeitalters», S.129-36), кто-де ошибочно апеллирует к праздничным играм, учреждённым Иродом Старшим по поводу освящения Цезареи, с предпосылкой старта этих игр 1.08., и, соответственно, мол, ошибочно элиминирует-хоронит Агриппу – с опозданием – в августе.

Приложительно к установленным Иродом 4-летним, по образцу олимпийских, играм, в знак освящения в 10г. до н.э. размашисто отгроханной им (за 12/10 лет – с 22/20гг. до н.э.) Кесарии Приморской, оно и верно, так как отсчитанные от 10г. до н.э. 4-летки приводят не в 44, а в 43гг. н.э. (Визелер просчитался). Но сие не означает, что Агриппа умер не в августе 44г., празднуя британский триумф (и общее кесарское празднество) Клавдия, скажем-анонсируем так, начиная с дня клавдианского рождения – 1.08.10г. до н.э., а именно – с 1.08.44г.!

Иначе говоря, Агриппа совместил празднование, посвящённое завоеванию Клавдием Британии, по стопам триумфального праздника в Риме, и (выбранный им в качестве даты начала праздника из нескольких или ок. 7-и дней) день кесарского рождения, к-рый, так или иначе, в провинциальных и вассальных пределах-широтах Римской империи ежегодно (где с большей, где с меньшей помпой) отмечался-праздновался.⁴⁷

* * *

Теперь попробуем вкратце ответить на вопросы: когда именно, в какие оптимально месяцы-сроки, состоялась британская кампания Клавдия (подробная речь о к-рой пойдёт в римском разделе нашего повествования)? и на когда, стало быть, оптимально пришёлся посвящённый этой британской победе римлян – то и другое события 43/44гг. – римско-клавдианский триумф? Это позволит нам (точнее) выявить-определить-прецизировать пресловутое время последовавшего за римским праздником праздника в Палестине и скоропостижной кончины во время оногo Ирода Агриппы.

Из (единственного в нашем распоряжении) анналистического рассказа о британском походе у Диона (60,19-22), на рассказе к-рого хроноумозаключения науки и базируются, назначенному полководцем-завоевателем Туманного Альбиона кесарскому легату А.Плавтию с трудом удалось переправить не желавшие ходить войной за галльские морские границы (цивилизированного мира) римские войска из Галлии через Ла-Манш в Британию, вследствие чего собственно военная кампания, по Диону, началась – 43г. н.э. – гораздо (на порядок) позже (отодвинутая-оттеснённая в глубину года) запланированного срока (60,19,3).

Если военные кампании начинаются, как правило, весной, или, во всяком случае, не позднее раннего лета, значит, само слово Диона = его специально акцентированная оговорка, требует датировать запоздалое начало британского похода (не самым ранним) летом. Далее идёт описание непрогулочных военных действий против оттянувшихся в леса и болота, против избравших тактику партизанской войны британцев, что, при всех случаях, заняло и не могло не занять какое-то необходимое (не очень малое) время, по прошествии к-рого Плавтий, при успехах, не без трудностей и потерь, проинформировал обо всём Клавдия, кто решил спектаклярно-самолично полководчески (за)явиться в Британию.

Решил и отправился-заявился (ещё один Мальбрук!), через Остию, затем – Массилию на юге Галлии, оттуда – сушей и реками до Ла-Манша на галльском

⁴⁷ Невнятное флавиевское «устроил игры в честь императора, т.к. наступил какой-то праздник, установленный в честь Клавдия» (И.д. 19,8,2), подразумевает (или подразумевает в т.ч.) какой-то (если уж «установленный») постоянный праздник, к-рым, с наибольшей вероятностью, являлся именно ежегодно празднуемый день рождения императора, в то время как праздник на вассальной периферии в честь британско-клавдианского триумфа был праздником одноразовым, оптимально совмещённым Агриппой с кесарским днём рождения, с к-рого стартовало большое-неоднoдневное празднество, посвящённое как (начавшись с него) дню рождения кесаря, так и его победе в Британии.

севере, и, наконец, с переправой за Ла-Манш — к войскам (19,3-21,1). При всём том, по Светонию, из-за бурных северо-западных ветров, он два раза едва не утонул, один раз — у берегов Лигурии, второй раз — близ Марселя⁴⁸, после чего (наверняка оба раза не сразу тронувшись с места) до Гезориака (Булонь) следовал по суше (Кл.17,1/2).⁴⁹

На острове, в присутствии кесаря и как бы под его главнокомандованием, британцы были разбиты в решающем сражении на Темзе, в результате чего Клавдий аж трижды аккламировался императором и, проведя в Британии всего 16 победоносных дней, поручив дозавоевывать войну своим легатам, отправился в обратный путь, добравшись до Рима, согласно Диону (60,23,1), уже в 44г., причём после шестимесячного отсутствия.⁵⁰

Таким образом, если Рим был походно покинут Клавдием, что следует из вышеприведённого хронорасклада, не раньше августа 43г. (после начала кампании летом, боевых действий и получения депеши от Плавтия)⁵¹, значит, он возвратился, с

⁴⁸ Мистраль — сильный и холодный северо-западный ветер на средиземноморском побережье Франции — бывает во все времена года, особенно — зимой.

⁴⁹ Представьте себе: сначала легионеры (в составе 4-х легионов) отказывались весной переправляться в Британию, о чём Плавтий сообщил в Рим и в ответ на что Клавдий снарядил из Рима к Ла-Маншу либерта Нарцисса (Дион 60,19,1-3), по прибытии к-рого воины, пренебрегши его попыткой вдохновить их на переправу, всё-таки переправились; потом, после (неоднородных) боевых действий, Плавтий направил гонцов с призывом прибыть лично к Клавдию, и Клавдий, претерпев штормовые перипетии, морем, сушей, морем, в конце концов, прибыл... Всмотритесь-вдумаетесь, грамотно распределишь потребовавшееся на преодоление всех вышеназванных расстояний время, в его хронопоследовательности, и поймёшь, что Клавдий выступил в поход из Рима не ранее августа 43г.

Дополнительные подтверждения запоздалого начала британской кампании и понадобившегося на неё до прибытия Клавдия немалого времени имеются у Светония, к-рый в «Жизнеописании Гальбы» говорит, что «из-за его (Гальбы) внезапной и тяжкой болезни был отсрочен даже поход в Британию» (7), а в «Жизнеописании Веспасиана» указывает на Веспасианово участие в 30-и боях с неприятелем, на покорение им 2-х сильных племён и 20-и британских городов в сражениях под началом Плавтия и (затем) самого Клавдия (4).

⁵⁰ У Орозия — «на шестой месяц после отъезда возвратился в Рим» (7,6,9).

⁵¹ Дело в том, что по букве дионовского текста (60,21,2), откликнувшийся на призывное донесение (о трудностях) из завоевательно початой римским воинством Британии А.Плавтия (никакой полководец) Клавдий намылится туда, чтобы персонально возглавить войско, оставив вместо себя в столице своего соконсула Л.Вителлия, к-рый, как и он сам, облакал (ординарное) соконсульство, дескать, всё первое полугодие 43г. н.э. Отсюда создаётся ошибочное впечатление (и многими делается неправильный вывод), что Клавдий, по любому, покинул Рим не позднее июня 43г., соконсульски-управительски оставив за себя Вителлия. Но это в отношении вителлианского заместительства не совсем так, а в отношении времени его начала совсем не так. Да, в 43г. Клавдий и Вителлий, действительно, облакали с 1.01., один — в III-й, другой — во II-й раз, консульство-орд. Однако, уже 1.03. их сменили суффекты Л.Педаний Секунд и С.Папеллий Гистер (у к-рых, вероятно, 1.07. приняли парную вахту А.Габиний и некий Аноним, к-рым осенью преемствовали Кв.Курций Руф и Спурий Оппий) (Свет. «Кл.» 14,1; CIL I p.247 = 10,6638 Fast. Ant.).

Т.е. Клавдий и Вителлий, являясь ординарными эпонимами года, наряду с тем, не консульствовали всё первое полугодие. Да и оставление Клавдием Вителлия как властного кесарского заместителя на время кесарского отсутствия (absentia) было его назначенским оставлением отнюдь не столько как соконсула-орд., сколько как властного доверенного лица-репрезентанта кесаря в Центре — наподобие Мецената или Агриппы, к-рым Октавиан (на базе персональных дружбы и доверия) доверял вершить верховные власть и суд в пору своего отсутствия в Риме. Посему это облечение Клавдием Вителлия широкими заместительско-властительскими полномочиями, никоим макаром, не обязывает датировать оное и отъезд Клавдия непременно первой половиной 43г., поскольку Клавдий очень даже мог оставить-поставить за себя особо приближённого к императору Вителлия в Риме и в августе 43г. н.э.

учётом, всего-итого, полугодичного отсутствия, не раньше февраля/марта 44г. Следовательно, празднование декретированного сенатом завоевателю Британии триумфа выпало на время не ранее марта/апреля 44г. н.э.

Засим время празднования клавдианской победы на периферии – в восточных провинциях и вассалитетах, оптимально попадает на лето 44г. И тут (не столько спрашивается (сколько восклицается): в какое именно время, в какие летние дни пожелал отпраздновать в Кесарии победу своего кесарского друга *amicus Caesaris* Ирод Агриппа!? Естественно, в августе, (без сомнения) начав совмещённое (длиной в несколько дней) празднество с праздничного дня кесарского рождения – 1.08.!

Примечательно также, что «Хроника» Евсевия, вернее, «*Versio Armenia*», датирует римский триумф Клавдия 4-м годом 205-й (41 – 45гг.) Олимпиады (= 4-й год клавдианского правления, но с января 41г.), к-рый приходится на интервал времени с лета по лето 44/45гг. (Arm. Karst 212), в то время как у Иеронима (153) клавдианский триумф датирован аж (перебор) 5-м годом Клавдия = 45/46гг. Притом, если «Армянский» Евсевий датирует тем же временем, т.е. 4-м годом 205-й Ол., равно 4-м годом Клавдия, и смерть Агриппы после его 7-летнего царствования, то Иероним относит эту смерть на время до триумфа – на 4-й год Клавдия, (тоже) после 7-и лет агриппианского правления.

Соответственно, «Хроника» Евсевия/Иеронима (пусть не самый надёжный источник), при всех случаях, ратует за триумф Клавдия во время никак не ранее весны, если не лета (как получается из её датировочной буквы в армянской версии) 44-го г., и отсюда – за кончину Агриппы, в ходе послеримско-палестинского празднества, многогранно посвящённого Агриппой Клавдию, не ранее августа 44г. н.э.

Плюс к тому, ведь Клавдий родился в Лугдуне 1.08.10г. до н.э. как раз в круглую 20-ю годовщину знаменательного вступления 1.08.30г. до н.э. (день смерти Антония) победителя Антония и Клеопатры Октавиана в Александрию Египетскую и во 2-ю годовщину освящения отцом Клавдия Друзом 1.08.12г. до н.э. алтаря Августа и Рому в Лугдуне.

Да и Ирод в 10г. до н.э., возможно, опраздновал освящение Цезареи в праздничный для Августа день 1.08., хотя армянский вариант «Хроники» Евсевия датирует это освятельное событие 2-м годом 192-й Олимпиады, истекающим в июне 10г. до н.э. (у Иеронима – 1-й год Ол. = 12/11гг.) (Р.л. 531), к-рый – как и август 10г. – синхронизируется с 28-м (освятительным) годом Иродова царствования у Флавия, исчисляемым с весны 37г. до н.э. (Р.л. 318; 528-31).

И пусть учреждённые Иродом (весной/летом или в августе) 4-летние цезарейские игры ведут из 10г. до н.э. в 43г. н.э., почему (скажите на милость) это должно было помешать Агриппе начать универсальный праздник, посвящённый Клавдию и его британскому триумфу, в 44г. именно в многопамятно-многопраздничный день 1.08.?!

И ещё 1.08.2г. до н.э. (с тех пор ежегодно праздничный день) Август освятил в Риме святилище Марса Мстителя, посвящённое возвращению парфянами римлянам в 20г. до н.э. трофейных знамён Красса и Антония, чему, т.е. празднику (с грандиозной навмахией) 2г. до н.э., 1.08.44г. н.э. исполнилось 45 лет.

Дальше, если родившийся весной 10г. до н.э. Агриппа умер в 44г. н.э. на 54-м году жизни, значит, скорее, его смерть последовала позднее весны (см. выше). Помимо того, сообщая об оставленных умершим дочерях, Флавий (И.д. 19,9,1) говорит, что младшей из них Друзилле было на момент смерти отца 6 лет = ей шёл 6-й год. Но Друзилла (буде она родилась 9-месячной) не могла родиться раньше лета 39г. н.э., поскольку Агриппа возвратился в 38г. в Палестину из Рима и сошёлся со своей супругой Кипридой (расставшись с ней в 34г.) не ранее сентября 38г., т.е. 6-й год Друзилле пошёл лишь летом 44г.

В дополнение к сказанному, Римская церковь издревле (по преданию, с начала Пв. н.э.) празднует 1.08. (официально учреждённое в Vв. н.э. папой Львом I) падение вериг Петра (и память 7-и братьев Маккавеев = не 5 хасмонейских сыновей Маттафии, а 7 принявших мученичество при Антиохе Эпифане сыновей вдовы Маккавейской), что может, в частности, содержать в себе хроноисторический отглоток кончины в первой декаде августа 44г. Ирода Агриппы, из рук к-рого Господь чудесно избавил весной 44г. н.э. Апостола Петра.⁵²

Вдобавок к тому, в «Мегиллат Таанит» (12), в перечне непостных дней, в некоторые из к-рых траур запрещён, фигурирует непостный день (в к-рый траур не запрещён) 24 ава (на 44г. — вторая половина первой декады августа) как «день новообретения Израилем Закона», что вполне может содержать позднейшую отголосочную метаморфозу кончины Агриппы в качестве дня-даты возвращения еврейства к — в рамках вассальной автономии — иерократическо-синедриональной системе внутреннего самоуправления-экзистирования.

Последняя же, по всякому, была куда более богоугодной в глазах еврейских ортодоксов (первосвященник выше царя), нежели царская власть (долгой самодержавие) в лице представителя (на троне Давида) иллегитимных Хасмонеев или Иродиан, в т.ч., по большому счёту, и благочестивца Агриппы. Ведь он, при всём том, оставил по себе двоякую-двойственную память, в т.ч., у евреев, и отдал концы вовсе не богоугодно, опустившись до дозволения категорически непозволительного (для иудеев) идолопоклонства (божеских славословий) в свой персональный адрес.

Дальше — больше: именно срок в 3 года и 6 месяцев (знакомое еврейской традиции время, согласно Флавию, мерзости запустения при Антиохе Эпифане; или роковое время, согласно Откровению Иоанна, власти, в течение 42-х месяцев, Антихриста), сообразно 4-й Книге гностического трактата «Пистис София» (4, 145), отводится на небесное возмездие грешной душе убийцы (к-рую «...ведут в место

⁵² По одной из версий, праздник вериг Петра отмечался римской общиной христиан с начала Пв. н.э., установленный папой Александром (105?-115?гг.) в память о веригах Петра в Мамертинской тюрьме перед его мученичеством в 67г. в правление Нерона. А в Vв. к этим «римским» веригам присовокупилась «иерусалимские» вериги Петрова заточения в 44г. Агриппой. Императрица Евдокия, супруга восточно-римского императора Феодосия Малого (408-50гг.), совершила паломничество в Иерусалим (439г.), где получила, не то от какого-то иудея, не то от местного патриарха Ювеналия, в дар две цепи Петра (предназначенные Иродом для укрощения духа князя Апостолов, но чудесно упавшие с рук его).

По возвращении в Константинополь, одна из цепей была принесена Евдокией в дар константинопольскому храму Св.Петра, другая — дарственно послана в Рим — её дочери Евдокии — супруге западно-римского императора Валентиниана (425-55гг.), или папе Льву I (441-61гг.), устами к-рого, как впоследствии говорили, Пётр изрёк Халкидонское Сredo на IV-м Вселенском соборе 451г. Либо, в любом случае, не без участия папы Льва, «иерусалимские» вериги оказались вместе с «римскими» в построенной Евдокией на Эсквилинском холме церкви Св.Петра, в связи с чем папа Лев учредил (или новоучредил-обновил) праздник в память вериг Петра и 7-и маккавейских мучеников.

Возникает вопрос. Не был ли день 1.08., б.м., действительно, принятый в Риме со Пв., отголоском памяти весеннего Петрова заточения в 44г. (к-рое христианская память соединила-сомкнула с позднейшим предсмертным заточением 67г.), когда игры в честь Клавдия, начавшиеся 1.08., провозвестили скорый конец не воздавшего хвалу Богу Агриппы, кто, как мы помним, возвратившись в 38г. царём в Палестину из Рима, повесил свои цепи-вериги, к-рыми он был скован ок. полугода (36/37гг.) при Тиберии, над входом в ризницу в Женском притворе храма, и от к-рых, как и от храма, ничего не осталось?

Интересно усвоить, что от гибели последнего из 5-и братьев Хасмонеев-Маккавеев (ради победы к-рых приняли мученичество 7 сыновей Вдовы Маккавейской) Симона в 134г. до н.э. до года падения и казни Антонию, по настоянию Ирода, последнего маккавейского царя и первосвященника Антигона в 34г. до н.э. — 100 лет. И ещё 100 лет с 34г. до н.э. по 67г. н.э. — дата мученичества князя Апостолов Симона Петра (и Апостола языков Павла) в Риме.

иней и снега и наказывают её там 3 года и 6 месяцев», после чего она препровождается «в Хаос к Иалдабофу и его 49-и Демонам, и его Демоны побивают её ещё 3 года и 6 месяцев»).

И потому источник, из к-рого Флавий почерпнул 3 года царствования Агриппы при Клавдии, коли речь идёт не просто об элементарном округлении (б.м., с репатриального для Агриппы июня = уже лета 41г.), мог не пожелать указать месяцы, вкупе с к-рыми агриппианское царствование при Клавдии насчитывает (с конца января 41-го по первую декаду августа 44г.) роковые-испытательные или роковые-карательные (две разновидности) 3 года и 6 месяцев (или 3 года и 7-й месяц).⁵³

* * *

Теперь спрашивается, — когда Агриппа отправился из Иерусалима в Кесарию, не найдя после поисков бесследно исчезнувшего в ночь с 7-го на 8-е апреля Петра и судив-казнив четверицу его стражей во вторую или третью декаду апреля 44г.? С большой долей вероятности, не позднее 20-х чисел мая. Т.е. после пришедшегося в 44г. на 21.05. праздника Шавуот-Пятидесятницы, в к-ром иудейский царь-благочестивец (кто любил подолгу жить в Иерусалиме), перед отбытием в преимущественно языческую Цезарею на роль эллинистического монарха, ну, согласитесь, просто не мог не принять участие (если уж ничего не мешает ему не умирать раньше срока весной и дожить до августа)!

Вместе с тем, не исключено, что именно в мае 44г., между праздниками Пасхи и Пятидесятницы (или до конца мая днями после Пятидесятницы), в условиях начала преодоления голодно-испытательных тягот-трудностей 43/44г., состоялось исключительное, по своей важности и редкости, жертвоприношение рыжей телицы: 6-е, или, скорее, 8-е, из, всего-итого, 7-и, или, скорее, 9-и подобных жертвоприношений «пара-адумма» за всю 1,5-тысячелетнюю историю Израиля, начиная с Моисея (и до разрушения Второго храма), о чём мы подробно беседовали в «Т.Г.» (1817-24).

И эта принесённая в первосвященство Элионея Боэта, зятя («сын в законе») Каиафы, и в царствование (Иродианина-Хасмонея) Агриппы (при принесении к-рой он, как пить дать, был-подвизался в Иерусалиме) жертва на Масличной горе означала, в частности, астральное очищение Ветхого Израиля, тогда как Астральная Мистерия Христа в формате и по сути Израиля Нового (с освобождением-избавлением *пленённой* и с восстанием *падшей* Софии) состоится на Масличной горе в рождественско-святочном декабре 44г. н.э., на 9-м месяце от чудесного избавления Ап. Петра.

И пусть, с одной стороны, на Ив. н.э. де-факто обязательным сделалось иерусалимское посещение-участие только одного, только в одном из трёх больших паломнических праздников в храмовом Иерусалиме, но при как искреннем, так и показушном иудейско-религиозном рвении, присущем Агриппе (царю с иудейской столицей в Св. Городе), нелегко вообразить его удаление из Иерусалима в Цезарею

⁵³ 3 года и 6 месяцев бездождия при Ахаве и Иезавели (870-67гг.), связанные с пророком Илией. 3 года и 6 месяцев (плюс 7-й месяц) новопришедшего Илии — Иоанна Предтечи-Крестителя — с 8 сентября 28 по 31.03.32гг. (3 года и 6 месяцев от начала Веспасианом боевых действий против иудейских повстанцев по весне 67г. в Галилее до полного взятия Иерусалима Титом — Верхний город — в сентябре 70г.)

В эфиопском апокрифе «Вознесение Исаии» сроком в 3 года 7 месяцев и 27 дней измеряется продолжительность властвования (зловещего двойника Христа) антихриста Велиала (4,12) (Т.Г. 1827).

до Шавуот-Пятидесятницы, тем паче, если принять-акцептировать уникальную жертву пара-адумма в 49-дневном интервале от Пасхи до Пятидесятницы.

Напоминаем, что, согласно раввинам, даже премудрый царь Соломон не знал определённо причины того, почему телице надлежит быть непременно рыжей – единственная жертва, в отношении к-рой оговариваются масть, единственная обязательная жертва женского пола и единственная жертва для жертвоприношения вне храма, не на храмовом алтаре, глубинный смысл к-рой оставляется талмудистами под вопросом.

По Кн.Ч.19, для осквернённых, прикоснувшихся к могиле или к мёртвому телу предписывалось особенное очищение. Ритуально приведённая-проведённая с Храмовой горы на гору Елеонскую рыжая телица без порока, не носившая ярма, в возрасте не менее 3-х лет, закалалась там, с последующим сожиганием жертвы на костре и кроплением её кровью в направлении святилища 7 раз, с бережным собиранием пепла жертвы, хранением оногo «в чистом месте» и использованием вместе с очистительной водой, для приготовления к-рой пепел размешивался в сосуде с водой проточной (Ч.19). В эту воду погружали пучок иссопа, к-рым и кропили осквернённых, соприкоснувшихся с мертвецами, их жилища, утварь...⁵⁴

Если Псалмопевец Давид взывает к Богу: «Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега» (50,9), то Ап. Павел об очистительно-искупительной для совести человеческой Крови Христа в Посл. К Евреям, манифестируя смену Ветхого Завета Новым Заветом во Христе (К-рый есть Первосвященник по непреходящему именно Царскому чину Мелхиседека), проникновенно говорит: «Ибо, если кровь тельцов и козлов, и пепел телицы через окропление освящает осквернённых, дабы чисто было тело, / То кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принёс Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мёртвых дел, для служения Богу живому и истинному!» (9,13/14).

М.б., масть телицы олицетворяла кровь греха (Ис.1,18), а её жертва и (на духовном уровне) астральное очищение осквернённых её смешанным с водой пеплом – предварение грядущей мессианистической победы над силами смерти!? Так или иначе, на 12-й год от свершения Таинства Голгофы, в 44г. н.э., то было анахронистическое жертвоприношение из минувшей эпохи Тельца (когда Израилю был дан Закон) в эпоху Овна, после свершившейся Мистерии Агнца, паства К-рого, как Пастыря, удостоится Астральной Мистерии Христа (спустя 7 месяцев) в Рождество 44г.

Впрочем, продолжим. Далее и христианин Лука, и иудей Флавий (по-разному) повествуют (хотя один – именно благовествует, другой – именно повествует) о недопустимости допущенных Агриппой (в театре, в ходе клавдианских праздничных игр, на второй их день, т.е. 2.08.) в Кесарии божеских почестей и славословий в царский адрес, чем царь, успев поменять обстановку-атмосферу с иудейско-иерусалимской на языческо-кесарийскую, особенно удивлён не был, и чему он, даже не

⁵⁴ Обращает на себя внимание как введение-восстановление при Ироде Агриппе *аронидского* седмично-юбилейного календаря (41г.), так и жертвоприношение рыжей телицы (44г.) в первосвященство представителей (александрийско-аронидского корнями) дома-клана Боэта – Симона Канферы (41/42гг.) и его сына – (зятя Каиафы) Элионея (43/44гг.). Если на время до падения Иерусалима и разрушения храма александрийская еврейская диаспора (отчасти – строго ортодоксальная, отчасти – подчёркнуто эллинистическая-эллинизированная) пока влиятельнее диаспоры междуреченской, то в период после 70 и особенно 135гг. пальма еврейско-диаспорального первенства перемещается за пределы Римской империи, в Вавилонию, где (и откуда) веротерпимость Парфянского Ирана, в сущности, позволила мировому еврейству выжить, что без вавилонского анклава Иерусалима в Диаспоре и без Талмуда Бавли вряд ли бы удалось.

думая остановить кощунствующих льстецов (из язычников), не препятствовал. (С *иудейским* уставом в *языческий* театр не ходят!).

Причём, если Флавий локализирует-уточняет место и время действия – театр, второй день игр в честь императора (на празднике, установленном в честь Клавдия), говоря о льстецах, возносивших осанну царю, явившемуся на зрелища в блистательном серебряном (луна!) облачении (с переливами серебра в утренних лучах восходящего солнца), то Лука сообщает конкретный факт, к-рого у Флавия нет, о просителе явившихся (насколько следует из флавианского дополнения к рассказу Луки) в театр, к царю, тирянам и сидонянам.

Последние склонили на свою сторону, видимо, подкупив его, некоего Власта (*отпрыск; побег; росток*) – постельника (*постельничий; спальник*) царского, и стремились примириться с за что-то гневавшимся (за что – Евангелист не уточняет) на них Агриппой, поскольку их область = приграничная с севера к Палестине финикийская область Тира и Сидона – питалась от области царской.

Иначе говоря, Тир и Сидон (судьбы к-рых разнознаменательным образом – царь Хирам и Мастер Хирам; Ифобал, Ахав и Иезавель, Гофолия – переплетались в прошлом с судьбами Израиля), в пределах к-рых Иисус 12 лет назад, в мае 32г. н.э., исцелил бесноватую дочь Хананеянки (Т.Г. 737-44), зависели от зернового хлеба (и убойного скота), ввозившегося туда из пажитной-плодородной Галилеи в составе царства Агриппы, что приобретает дополнительную актуальность в свете хроноидентифицированного нами голода 43/44гг. и начала его преодоления во всё ещё голодном 44г.

* * *

Зададимся вопросом. За что Агриппа был раздражён на тирян и сидонян? не грозя, правда, им войной, как напрасно полагают некоторые теологи и историки, ибо у римских вассалов не было права воевать друг друга, и Агриппу, без сомнения, не привлекала перспектива вызвать гнев Центра, подобно рассердившему Августа его деду Ироду, или сходно рассердившему Тиберию набатею Арету.

С другой стороны, учитывая информацию Флавия об особенной (на IV. н.э.) застарелой ненависти финикийцев-тирян к иудеям («Против Апиона» I, 13), помня об иудофильстве Агриппы, о его ходатайствах за евреев Диаспоры и о его успешном демарше перед сирийским легатом Петронием, из-за посягательства доритян на установление в иудейской синагоге статуи императора (41г.) (см. выше), можно, пожалуй, не сомневаться в следующем. Конфликт между Агриппой и тирянами-сидонянами был вызван каким-то конфликтом между ними и обитающими в их пределах иудеями, к-рые обратились за поддержкой к Агриппе, и из-за к-рых он на тирян с сидонянами осерчал. Им же, *пропитательно* зависевшим от области царской, ничего не оставалось как снарядить к царю в Кесарию посольство и в обязательном порядке, в видах зернопоставки, выпросить мир.

И вот, как сообщает Лк., в назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним, из чего мы, привлекая Флавия, можем умозаключить, что это происходило в театре (предположительное место кесарийского мученичества в 135г. казнённого римлянами р. Акибы) на второй день праздничных игр = 2.08., где и когда Агриппа, сидя в царской ложе, в своём затканном ослепительным сверкающим серебром облачении, обратился к тирско-сидонским посланникам-просителям. При этом, народ, т.е. не только тиряне и сидоняне, а и прочая театральная публика из язычников, воздавал ему, купающемуся в лучах своей сомнительной славы, как сказано, божеские, соответствующими славословиями, почести, что, пусть не слово в слово, констатируют и Лука, и Флавий.

И тут, согласно пользующемуся преданием Флавию, поднявшего взор Агриппу заморозил-приворожил сидящий на перекладине филин, к-рый один раз, в 36г., возвестил ему, тогда тиберианскому арестанту в цепях, через предсказателя-германца (И.д. 18,6,7), грядущую славу и счастье, одновременно, предупредив, что второе появление этой птицы будет означать для него смерть спустя пять дней (см. выше). А согласно Луке, вдруг Ангел Господень поразил Ирода — «за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер».

Т.е., если, сообразно преданию у Флавия, на авансцене появляется, на сей раз, зловещий филин, к-рый, следуя Плинию (10,12,34/35), как и сова, и иные ночные птицы, — предвестник несчастья, то по Лк., Агриппа, коли уж он был смертно-смертельно изъеден червями, сродни (в прямом и в мистическо-фигуральном смысле) Ироду I (и другим отъявленным грешникам) (Р.л. 872-74), делается жертвой какого-то острого желудочно-кишечного недуга.

Мало того, последнее, никоим образом, не противоречит его поражению Ангелом Господним и смерти в, согласно Флавию, верхнем этаже кесарийского дворца⁵⁵, куда внезапно поражённого острой болезнью внутренностей царя из театра перенесли, и где он, после пяти дней или на пятый день страшных мучений в животее-желудке, т.е. считая со 2.08., 6 или 7 августа 44г. н.э. умер.

Вот так со смертью последнего — от деда к внуку (в 3-х поколениях) — *червивого* Ирода, на сей раз, Агриппы, незадолго до к-рого, надо полагать, где-то в 41 — 43г., в Галлии (или, м.б., в Испании), неизвестно от чего (не от червей ли?) умер сосланный Калигулой в 40г. вместе с Иродиадой Ирод Антипа, своеобразный иродианско-династический круг противоборцев Христа и Христианства замкнулся. Ибо, повто-

⁵⁵ Кесария Палестинская = Цезаря Maritima (известная с IVв. до н.э. как Стратонова башня; завоёванная в 90-е гг. Ив. до н.э. Яннаем, отторгнутая от Иудеи в 63г. Помпеем и включённая в 30г. до н.э. в состав царства Ирода Августом), с её портом роскошнее пирейского, была, как мы помним, ударной-масштабной стройкой победившего природу (строительного *беломорканаловца*) Ирода. Сегодня её руинами занимаются археологи, обнаружившие там, в частности, фрагменты мраморной статуи *Доброго Пастыря* (IVв.) и руины восьмигранной византийской церкви (ок. 500г.) близ руин синагоги. Смешаннонаселённый, при (умышленно предусмотренном Иродом) большинстве греко-сирийского населения, город (испорченных языческих нравов), где Ирод воздвиг знаменитый храм Ромы и Августа, расположенный вдоль морского берега ипподром (для гладиаторских боёв, травли зверей, конеристаний) и множество др. строений. Город, где остро конфликтовали иудеи и язычники; город, где в 198г. состоялся поместный церковный собор (с кафедрой регионально второй по влиятельности после Антиохии); город, где жили-трудились-священствовали Ориген (его «Гексапла» хранилась в богатой кесарийской библиотеке, погибшей от пожара в 600г.), Евсевий Кесарийский, Иероним, Прокопий Кесарийский; город, к-рый продолжал, пережив свой языческий пик во II/IIIвв., но затем потеряв былой блеск, существовать, значительно уменьшившись в размерах, и при арабах (с 640г.).

В 1099г. крестоносцы, идя на Иерусалим, обложили Кесарию налогом, а в 1101г., под предводительством Балдуина, взяли её, атаковав с суши и моря. Обитаемой в то время была лишь малая часть прежнего спорного между христианами и мусульманами города, к-рый несколько раз переходил из рук в руки (1187г. — Саладин; 1191г. — Ричард Львиное сердце; 1220г. — султан Эль-Малик: разрушение и опустошение), восточнее порта. В 1251г. Людовик IX новоотстроил разрушенную в 1220г. крепостную стену. В 1265г. мамелюк Бейбарс взял-разрушил и окончательно обезлюдил этот город, сделавшийся с тех пор руинированным городищем.

Обнаруженный археологами в XXв. кесарийский дворец Ирода, в к-ром с 6 по 41 (и с 44-го) гг. резидировали римские прокураторы, находился на рифе, вдающемся в море, и состоял из двух уровней: в нижнем (западном) дворце были обнаружены мозаичные полы с геометрическими узорами и остатки высеченного в камне бассейна, но лучше всего сохранилась северная часть дворца, где располагался большой зал (тронный?), с трёх сторон окружённый рядом комнат.

рим, не убивавшие и не преследовавшие христиан Агриппа II и Вереника, в отличие от Ирода Старшего, Ирода Антипы, Иродиады и (её младшего брата) Ирода Агриппы, в Книгах Нового Завета Иродами не называются, не зовутся, не квалифицируются.

И не примечательно ли, что Ирод Агриппа нарёкся царём и умер – 37 – 44гг. – именно в субботние годы, согласно исполнившемуся – в 30-м (шмита) / 31-м (Юбилей) – 33-м (Голгофа, Воскресение, Вознесение, Троица-Пятидесятница – 3-й год 30-го Юбилейного цикла) гг. – царскому циклу-календарю. По календарю (Иисуса Навина и Иисуса Христа), к-рый он, Ирод, в 41г., поставленный царём иудейским, отменил в пользу цикла-календаря по преходящему-плотскому-алтарному чину Аарона, к-рый на 41г. уже был прешедшим и прейдёт окончательно вместе с необратимым разрушением храма в 70г. н.э.

И короткое царственное интермеццо Агриппы не было, как того хотят еврейские историки Грэц (3,320-64) или Дубнов (284/85) в XIX/XXвв., «золотой вечерней зарёй» еврейско-иудейской государственности в эпоху Древнего мира, сделавшись её заключительным и, во многом, гротескно-карикатурным отплеском или пост-всплеском!⁵⁶ Поскольку, скажем ещё раз, по свершении вселенского Таинства Голгофы 33г. н.э., облагодетельствованный римлянами, Калигулой и Клавдием, титулом царя иудейского и царством в родовых границах Ирод Агриппа (37 – 40/41 – 44гг.)⁵⁷, никак не являясь царём истинного Израиля, был не более чем царём-призраком постфактум и не более чем метаисторической персоной нон-грата.

⁵⁶ Из еврейских авторов только ортодоксально-махровый талмудист (и одновременно революционист) Я.Черток (переводчик флавиевской «Войны» не столько с греческого, сколько с немецкого на весьма ущербный русский язык) не жалуется Агриппу, в к-ром для него приримский язычник-коллаборационист (по всякому) перевешивает еврейско-иудейского патриота (героические образцы коего – комиссары революции 66-70гг.).

⁵⁷ Симптоматичны следующие (хроно)накладки и взаимные (хроно)перекрытия. 37 лет Ирода Старшего, к-рый царствовал 37 лет от его назначения в 37г. до н.э. царём римлянами, и 40 лет Ирода Антипы, к-рый был смещён-сослан Калигулой осенью 40г. н.э. на 40-м году своего княжения, считая от смерти Ирода I в марте 1г. н.э. Отсюда и берутся 37-40 апокрифических лет, соединённых оперирующей символами памятью двух, под эгидой Ирода Старшего, Иродов. Или 40 апокрифических лет Ирода Старшего, к-рый царствовал 34 года от завоевания им, совместно с римлянами, в 34г. до н.э. Иерусалима, и ещё ассимилировал-аккумулировал 6 лет ассимилированного-аккумулированного им сына Архелая, к-рый был смещён и сослан Августом на 6-м году своего этнаршего правления (1-6гг.). Или знаменательна переключка 7-и исчислительно-юридических лет (7-й год) Архелая, к-рый отсчитывал свои правительские годы с 1 нисана 1г. до н.э. (т.к. его предшественник Ирод Старший умер до 1 нисана 1г. н.э.) и 7-и лет царствования Ирода Агриппы (у к-рого с конца марта 37-го по 6/7.08.44гг. фактически набирается 7 лет и 4 опущенных Флавием месяца).

Причём как 7 юридических, так и 9 (10) мнимых правительских лет резигнированного-эксилированного на мнимо 9-м (или 10-м) году Архелая, у Флавия и в апокрифах, могут переключаться-смежаться-накладываться на 7 реальных и 8/9 юридическо-нумизматических лет Агриппы, от к-рого остались монеты с 9-м годом его правления, т.к. он получил от Калигулы царский титул до 1 нисана 37г. и исчислял свои царские годы с 1 нисана 36г. Притом, если Архелай (хроно)преемствовал Ироду Старшему, то Агриппа своеобразно (хроно)преемствует сосланному Калигулой не без его соучастия Ироду Антипе. Не тут ли, в частности, одна из причин накладок и смешений в апокрифических суммандах и хроноданных 37-40 правительских лет двух Иродов и 7-9-и правительских лет двух Иродиан – (Ирода) Архелая и (Ирода) Агриппы (Р.л. 898; 1179-99).

Любопытно также, что цепочечно выстроенные-сплюсованные сумманды лет правления иродианских венценошев после смерти Ирода и до падения Иерусалима как в «Арабском», о чём читатель знает (Р.л. 1188), так и в «Еврейском» (при одной очевидной корректуре) «Иосиффонах» занимают интервал времени с 1-го (реальная дата неопровержимо доказанной нами в «Р.л.» смерти Ирода Ст.) по 70гг. н.э. Так, в «Еврейском Иосиффоне» (несмотря на

И сама судьба смела его так же быстро и походя, как изменчивая фортуна перед тем внезапно подбросила его вверх, чтобы вскорости, не позволив ему как следует расцарствоваться и почувствовать себя новым Давидом или новым Соломоном, тем болезненнее грохнуть оземь.

Казалось не имевший никаких шансов на престол сын казнённого отцом кронпринца, элиминированный-выбывший из династической наследственности (как из пищевой цепочки) хронический должник и неудачник, он взмыл в цари, и позднее аж в цари иудейские! За счёт чего? Как благодаря, в первую очередь, счастливому для него, авантюриста, стечению авантюрных обстоятельств, так и за счёт некоторых своих личных качеств, сумев угодить иудейской иерократии, части еврейства, и успев поднять руку на христиан, но больше, по сути, ничем не сумев и не успев отметить-зарекомендоваться ни в истории, ни, тем паче, в метаистории. Разве что, став, (опять-таки) волею обстоятельств, последним еврейским царём эпохи Древнего мира, царствовавшим в Иерусалиме (к-рый, как и храм, будет разрушен не случайно спустя именно 26 – число Яхве – от 44г. н.э. лет).⁵⁸

У этого анахронистического государства-эпитафии Ирода Агриппы, возникшего и вскоре исчезнувшего волей-произволом-капризом одержимых *кесаревым безумием* римских Цезарей, без внутреннего ресурса и потенциала внутри необратимо идущей навстречу гибели Иудеи, у к-рой было лишь сиюминутное настоящее, не было и не могло быть никакого мало-мальски устойчивого будущего. И оттого оно, едва всплыв со дна, словно вспышечный призрак царства Ирода Старшего, к-рое, в свою очередь, якобы воспроизводило-продолжало царство Давида и Соломона, не менее вспышечно лопнуло-кончилось-угасло.

Из этой искры не разгорелось и не могло разгореться никакое новогосударственное пламя, так как *под* обречённой античной Иудеей, к-рая, в большинстве категорически отвергла Распятого Мессию Христа, одновременно входя своей национально-территориально-религиозной сегрегальностью во всё более непримиримый антагонизм с империльной интегральностью космополитическо-языческого

фактическую ошибочность всех нижеследующих сумманд), 9 лет (9-й год) Архелая, 11 лет, где явная описка и вместо 11 надо читать – 21 = 21-й год Антипы, 23 года (23-й год) Агриппы I и 20 лет (20-й год) Агриппы II (§56-58) ведут именно из 1-го в 70-й гг. К тому же, б.м., в этом непрерывном счёте-подсчёте сплошняком пресловутые аж 23 (перебор) года Агриппы I исчисляются с ок. 31г., т.е. с его (смотритель рынков; взиматель рыночной подати) агораномства (первая, облечённая в возрасте 40 лет, должность в жизни никчемного принца) в Тивериаде, на службе у Антипы.

А относительно носившего царский титул, отлично от краткоцарственного отца, на протяжении полувека (49/50-100гг.) Агриппы II, его 20 (недобор) лет («Евр. Иосиффон») или 21 правительский год («Арабский Иосиффон»), если их примкнуть к мнимым 23-м (с ок.31г.) годам Агриппы I, могут вести из 53г., когда Клавдий предоставил Агриппе Младшему, отобрав у него (предоставленную ему в 49/50гг., после смерти в 48г. Ирода Халкидского) Халкиду (И.д. 20,7,1), экс-тетрархию Филиппа, плюс Авилу, во время ок. 73г. – дата падения последнего оплота еврейских повстанцев – Масады – и конца Иудейской войны.

⁵⁸ От Исшествия израэлитов в 1447г. до н.э. из Египта до 44г. н.э. – 1490 (1000 + 490) лет; от уничтожившей династию Амвридов в Израиле революции Ииуя в 845г. до н.э. и избияния Гофолией младенцев Давидидов в Иудее, когда чудесно спасся один малютка Иоас, до 44г. н.э. – 888 лет; от 734г. до н.э. – года пленения Тиглатпелессаром первых трёх заиорданских колен, до 44г. н.э. – 777 лет; от 597г. до н.э. – года прихода Навуходоносора в Иерусалим и пленения Иехонии, до 44г. н.э. – 640 лет; от 457г. до н.э. – года выхода Ездры из Вавилона и прихода с репатриантами в Иудею, до 44г. н.э. – 500 лет; от 167г. до н.э. – года осквернения Антиохом Эпифаном дома Господня, за чем последовала священная война Хасмонеев-Маккавеев, до 44г. н.э. – 210 лет; от 37г. до н.э. = года назначения Ирода царём римлянами, до конца его внука Ирода Агриппы в 44г. н.э. – 80 лет; от 17г. до н.э. = года начала иродианской реконструкции храма, до 44г. н.э. – 60 лет.

Рима, тлею опустошительно-истребительное пламя скорой Иудейской войны (66 – 70 – 73гг.).

Войны, к-рая положила катастрофический конец всякой, уж не говоря о государственности, иудейско-палестинской автономии (70г.) и начало усугублённому в дальнейшем восстанием Бар Кохбы (132 – 35гг.) мировому рассеянию обезгосударственного-безземельного еврейства. Ведь вселенско-богоизбранническая миссия одного была, с мессианистическим Исполнением в Ив. н.э. Времени, выполнена, тогда как трагический пост-эпилог к ней, с передачей эстафеты выживания-самосохранения талмудическому иудаизму, дописывался в I/Пвв. н.э.

НОВОПРОВИНЦИАЛИЗАЦИЯ ИУДЕИ

(лето/осень 44г.)

Итак, Дееписатель Лука, поведав о бесславном кесарийском конце изъеденного червями преследователя христиан Ирода, к-рый, не препятствуя лъстецам творить кумира из себя самого, не воздал славы Богу, за что и был поражён Ангелом Господним, следом за тем благовествует – как (противопоставленные жалкому Иродову исходу) рост и распространение слова Божия, так и возвращение, по исполнении возложенного на них поручения, Варнавы и Савла из Иерусалима в Антиохию вместе с взятым ими с собою Иоанном Марком (Д.Ап.12,24/25).

Причём Варнава и Савл пребыли в Палестине, куда они прибыли с благотворительными пожертвованиями голодающим единоверцам из Антиохии, всего-итого, ок. полугода, начиная с Иудеи в феврале/марте и завершая Иерусалимом, откуда они отбыли не ранее августа/сентября 44г. И характерно, что, если при их прибытии Дееписатель говорит о прибытии в Иудею (под к-рой можно понимать и собственно локальную Иудею, и пределы Иудейского царства Агриппы), то при их отбытии после, надо понимать, прекращения гонений на христиан с Иродовой смертью, ясно говорится об их отбытии именно из Иерусалима.

И, заострим на этом внимание снова, их полугодовое пребывание в Св. Земле слишком выразительно *обрамляет-окольцовывает* призошедшие в данном интервале, на данном отрезке, времени вышевоспроизведённые-разобранные нами в хронопоследовательности события, из чего надлежит сделать вывод о, в той или иной мере, сопричастности к ним (явно не терявших времени даром и славно потрудившихся на подвижнической ниве в очень непростых условиях гонений, при необходимости соблюдать осторожность и конспирацию) Варнавы и Савла (см. выше). Хотя открытый текст Д.Ап. об этой их причастности-сопричастности, не оставляя сомнения в ней, многозначительно молчит.

И здесь важно ещё усвоить, что именно в субботнем, по отменённому Агриппой (41г.) царскому циклу-календарю, 44-м г. н.э. – в год посещения Ап. Павлом Иерусалима, было почато и предварено как *достижение* им Третьего Неба в очередном седмичном 51г. – год Апостольского собора, так и последующее *восхождение* Апостола язычников на Седьмое Небо в очередном *субботнем* 58г. – год прибытия (после Третьего миссионерского путешествия) Павла в Иерусалим, его конфликта с иудеями и начала его двухлетних кесарийских уз (Д.И. 1361-65) (см. ниже).

Между тем, у Флавия к рассказу о кончине Агриппы примыкает короткий абзац о санкционированном царём Иродом Халкидским и влиятельным агриппианским вельможей Хелкией⁵⁹ убийстве враждебно-конкурентного им опального агриппиан-

⁵⁹ Этот Хелкия Старший, за сына к-рого позднее выйдет замуж средняя дочь Агриппы Мариамна, находился, как и агриппианский младший брат Аристовул, в числе иудейских переговорщиков с Петронием в 40г., в ходе римско-иудейского конфликта по вопросу распо-

ского друга Силаса, к-рого, о чём мы в курсе, Агриппа за длинный язык заточил в крепость (в Кесарии? или близ Кесарии?) и к-рый теперь был умерщвлён в месте заточения якобы согласно предсмертному распоряжению самого царя (И.д. 19,8,3).

А ниже, в заключительной 9-й гл. предпоследней 19-й книги «Древностей», читаем:

«Таким образом окончил жизнь свою царь Агриппа. Он оставил после себя сына, Агриппу, к-рому шёл тогда 17-й год, и трёх дочерей: 16-летнюю Веренику, вышедшую замуж за своего родного дядю Ирода, и двух девочек, Мариамну и Друзиллу, из к-рых первой было 10, а второй 6 лет. Отец предназначил Мариамну в жёны Юлию Архелаю, сыну Хелкии, а Друзиллу Епифану, сыну коммагенского царя Антиоха.

Когда распространилось известие о смерти Агриппы, жители Цезареи и самаряне забыли о полученных от него благодеяниях и позволили себе поступить как отъявленные враги его. Они стали осыпать усопшего насмешками, не поддающимися описанию, а все находившиеся там (в довольно значительном количестве) солдаты отправились домой, вытащили статуи царских дочерей, понесли их в торжественной процессии в дома терпимости и, поставив их там на крышах, стали изо всех сил издеваться над ними, так что и рассказывать о том неприлично. Затем они расположились пировать на площадях и устроили всенародные празднества, причём надевали венки, умасались благовонными мазями и совершали возлияния в честь Харона, чокаясь между собой по поводу кончины царя, так неблагодарны были они не только к памяти Агриппы, щедростью к-рого они столь часто пользовались, но и к памяти его деда, Ирода Великого, отстроившего им город их и с крупными издержками соорудившего им гавани и храмы.

В это время сын усопшего Агриппа находился в Риме, воспитываясь при дворе императора Клавдия. Когда последний узнал о кончине Агриппы и о том, как издевались над ним жители Цезареи и Самарии, он глубоко опечалился и страшно разгневался на их неблагодарность. Клавдий сперва немедленно хотел послать молодого Агриппу на место отца его и вместе с тем собрался возобновить с ним клятвенный союз. Однако от этого удержали его пользовавшиеся огромным влиянием вольноотпущенники и приближённые, указывавшие на то, что было бы рискованно поручить юноше, едва вышедшему из детского возраста, управление таким обширным царством, с к-рым ему невозможно будет справиться и к-рое даже для взрослого человека представляло бы значительные затруднения. Император вполне признал правильность их доводов. Поэтому он отправил в качестве наместника над Иудеей и всеми владениями Агриппы Куспия Фада и оказал тут честь покойному царю, не поручив это Марсу, с к-рым, как узнал Клавдий, усопший находился в натянутых отношениях. Раньше всего он приказал Фаду наказать жителей Цезареи и Самарии за оскорбление памяти умершего и за глумление над его дочерьми. Затем Фаду было поручено перевести эскадрон, состоявший из граждан Цезареи и Самарии, равно как сформированные из них 5 когорт, на службу в Понт, и выбрать в качестве заместителей сосланных соответственное число из расположенных в Сирии римских легионеров. Однако это приказание не было приведено в исполнение, потому что виновные отправили депутацию к Клавдию, смягчили его гнев и добились того, что им было разрешено остаться в Иудее. Впрочем, с течением времени эти именно люди положили начало величайшим бедствиям для иудеев, потому что они посеяли смуту, из-за к-рой впоследствии произошла война Флора. Поэтому, когда Веспасиан, как мы вскоре расскажем, подчинил себе эту страну, он распорядился выслать их из пределов данной области» (19,9,1/2).

ряжения Калигулы Петронию установить императорскую статую в храме (И.в. 18,8,4) (Р.л. 901-10). Иных сведений о нём нет.

Если смерть Ирода I, кому, как сказано, так и не удалось стать для иудеев (ни царём-батюшкой (ни Мессией – сыном Давидовым), обрадовала иудеев, то смерти Ирода Агриппы, сердце к-рого слишком очевидно для его разнонациональных-разноконфессиональных подданных принадлежало еврейству, наоборот, обрадовались язычники. И если царство безродного похитителя престола милостью Рима (эдомита и «раба дома Хасмонеев») Ирода Старшего было закономерным предварением (в ключе-русле предшественных Исполнению Вре́мён мерзости запустения, плача и скрежета зубов) Рождества Мессии, на к-рого узурпатор устроил охоту, то трёхлетнее (точнее – *время, времена и полвремени* = 3,5 года), со столицей в Иерусалиме (и Кесарии), царство Ирода Агриппы явилось не столько закономерностью, сколько мимолётной аномалией (короткое интермеццо!), вариантом зомби в (мета)истории обречённых на скорую гибель Иерусалима, храма и Иудеи. (Не от них ли предстояло остаться, с одной стороны, изошедшему в Ойкумену христианству, а с другой, – свернувшемуся, как ёж, и самосохранительно ушедшему в себя раввинистическо-талмудическому иудаизму – во главе импульсированного, в первую очередь, фарисейством раввинистическо-талмудического еврейства!)

Притом поздний царственный Агриппа, с его еврейско-иудейскими приоритетами, умудрился, проводя консенсуально-паритетную линию в отношении всех ветхозаветно-иудейских партий-направлений, временно (под момент) угодить, пожалуй, всем: и большинству фарисеев, и большинству саддукеев, и большинству ессеев, за исключением (не считая приверженцев революционизма Иуды Галилеянина, о к-рых в годы агриппианского правления не слышно) новозаветников-христиан. Ведь их распятого и «якобы» воскресшего Учителя, «якобы» Сына Давида, в качестве Бога (Богочеловека) и Царя Израилева, он, царь иудейский из (якобы Давидов) Иродиан и (Аронидов) Хасмонеев, с его персональными симпатиями к фарисеям, признать-принять (ну) никак не мог.

И никто, следует сказать, этого Ирода Агриппу, вопреки очень поздним (и беспардонно переоценивающим его масштаб) маргинально-поделочным байкам XX/XXI вв. о его, мол, еврейского патриота-независимца, предположительном отравлении-устранении, не травил, не устранил. Не напоминает ли данная горегипотеза недавние (активно муссирующиеся по сей день) сенсационные (вынырнувшие в мутные-смутные 80/90-е гг. XX в. одновременно с кашпировскими и чумаками) байки об убийствах (вместо самоубийств) Есенина или Маяковского, усомниться в суициде к-рых современники почему-то не додумались, не догадались, тогда как несовременники поделочно усумнились и всурьёз за версии «загадочных убийств», словно чёрные гробкопатели, взялись.

В чём-то сходно и с Агриппой, – дескать, внезапно-скоропостижно умершего, при невыясненных обстоятельствах, последнего иерусалимского царя евреев заказали-отравили. Или, мол, во всяком случае, могли заказать-отравить, мол, недовольные его чрезмерным иудейским патриотизмом-национализмом римляне.

Отнюдь. Именно римляне потеряли в лице личного (меньшого) друга кесаря Клавдия, плюс верного друга-союзника Imperium Romanum, Ирода Агриппы (к-рый и не помышлял отпадать от Рима) последнего (пусть, несмотря на некоторые претензии к нему) туземно-продуктивного посредника в отношениях между Римом и еврейством (взимонесовместимость к-рых продолжала расти, и в край коса всё болезненнее находила на камень).

Агриппа, конечно, никогда не дорос (и не пал), по своей личностной значимости-значительности, до Ирода Старшего, и тем не менее, именно он сделался вторым по масштабу иудейско-иродианским венценосцем после Ирода, к-рый полезно устраивал (куда более декадентный при Калигуле и при Клавдии, нежели при Августе) державный Рим, и к-рый, мало того, в куда большей мере, чем его дед,

(проиудейски) импонировал иудеям. При всём том, импонировал, вовсе не будучи для еврейства безоговорочно-идеальным благочестивцем: и как не-Давидид на троне, и как, во всех случаях, не чуждый язычеству подримский эллинист и т.д. Однако, всё-таки, если уж говорить о вассальной монархии в Иудее, именно он как никто иной подходил и римлянам, и иудеям.

Наряду с тем, как видим, его благодеяния по адресу языческого большинства обитателей Кесарии, будь то греко-сирийцы или самаряне, под к-рыми самарянская община города-космополита, и проч., не сделали его популярным, из-за его ярко выраженного проиудейства, среди какой-либо из групп-общин местных язычников. Напротив, узнав о кончине царя – (отъявленного) друга евреев, эти язычники, к-рым было при нём минимум дискомфортно и к-рые явно ностальгировали по недавнему режиму римских префектов-прокураторов, возликовали до неприличия.

Отсюда издевательства над статуями царских дочерей и обильные возлияния в честь перевозчика мёртвых душ в царство мрачного Аида – Харона. Дескать, ты, Ирод, выставлял себя мнимым другом греков, являясь махровым иудеем, так пусть нынче твоей еврейской душой по дороге в *ваш* еврейский шеол займётся *наш* Харон. Туда тебе (тысяча чертей!) и дорога (через Стикс) скатертью.

Где упокоились останки Агриппы (в родовой усыпальнице Хасмонеев?) – неизвестно. Никаких сведений о его, вероятно, просуществовавшем лишь до Иудейской войны некрополе нет. Мы знаем место погребения царя Ирода – Иродион (собственно царская могила обнаружена в 2007г.); место погребения – (сосланного Августом в бг. н.э. в Галлию) этнарха Архелая – Вифлеем, где его братья, родной – Антипа, и сводный – Филипп, перезахоронили прах умершего в (галльской) ссылке старшего брата; место погребения тетрарха Филиппа – Юлиада – в построенном им самим мавзолее.⁶⁰

Видимо, Агриппа нашёл покой где-то в Иудее, близ (в окрестностях) Иерусалима (но не в царских – присенаклианских! – гробницах Св. Города, где последним из еврейских царей был погребён в 609г. до н.э. Иосия Благочестивый), археологические сведения о чём, м.б., когда-нибудь появятся-проявятся.

Скончавшийся царь оставил после себя одноимённого сына и трёх дочерей. И если Агриппе Младшему, к-рый в 44г. воспитывался при дворе Клавдия в Риме, шёл на момент смерти отца, согласно Флавию, 17-й год, значит, его рождение оптимально приходится на 28г. н.э., тогда как старшая из его сестёр, Береника (жена Ирода Халкидского), к-рой на 44г. шёл 16-й год, родилась в 29г. (см. выше). Помимо них, у Агриппы Младшего был ещё умерший в детстве младший брат Друз (И.д. 18,5,4), кто, следовательно, родился ок. 31/32г., в то время как их младшие сёстры – и 10-летняя (10-й год) в 44г. Мариамна, и бывшая на 6-м году отроду Друзилла родились, соответственно, в 35 и в 39г. н.э. (см. выше).

О (маленькой Клеопатре) Беренике и её (несостоявшейся римской императрицы) дальнейшей судьбе см. выше и ниже. Мариамна будет в 53г. выдана братом Агриппой замуж за Архелая – сына вышеназванного агриппианского сановника Хелкия, позднее оставит его и станет женой александрийского алабарха Димитрия. Младшая и самая красивая из сестёр, Друзилла, к-рой Береника немало досаждала за её красоту, не сделавшись, как сказано, женой сына Антиоха Коммагенского – Эпифана, с к-рым она была помолвлена, но к-рый позже отказался перейти в иудаизм и тем расторг предстоящий брак, делается – 53г. – супругой Азиза Эмесского, от к-рого – 54г. – уйдёт к (женолюбивому) прокуратору Иудеи – Феликсу (И.д. 20,7,1-3) (см. ниже). А впоследствии она и её сын от Феликса, Агриппа, погибнут в Италии, при погубившем Помпеи и Геркуланум знаменитом извержении в 79г. Везувия.

⁶⁰ Ни один из этих некрополей не сохранился.

В продолжение темы торжества язычников Кесарии по поводу конца Ирода Агриппы I необходимо сказать ещё несколько слов. Составлявшие в этом интернациональном городе-космополите, согласно установке его основателя — Ирода Старшего, большинство, в сравнении с иудеями и самарянским меньшинством, греко-сирийцы пользовались равными с местным иудейством гражданско-управленческими правами, однако, каждая из враждебных друг другу общин тянула одеяло на себя. И если при иудофиле Агриппе чаша весов, так или иначе, перевешивала (в смысле привилегий) в сторону иудеев, то после него, при новопрокураторском режиме, межобщинный конфликт обострился, что привело к кровавым столкновениям уже в конце наместничества Феликса (52 — 60гг.).

Причём в 60г., уже при Порции Фесте (60 — 62гг.), Нерон лишил иудеев Цезареи равноправия и предоставит всю полноту местной власти греко-сирийцам. Это и послужит одним из запалов к неотвратимому спустя несколько лет пожару войны 66 — 70гг. (с началом к-рой тысячи кесарийских евреев будут в течение нескольких часов остервенелыми язычниками зверски перебиты) (см. ниже).

Тем временем, в 44г. глубоко, как говорит Флавий, опечаленный досрочным концом своего друга Агриппы Клавдий весьма разгневался за их поведение на языческих обитателей Кесарии и хотел тотчас посадить на царский отцовский трон своего воспитанника — молодого Агриппу. Но Клавдия отговорили от этого (опрометчивого шага) влиятельные вольноотпущенники (Нарцисс, Паллант, Каллист...), разумно возражавшие, что сын умершего царя слишком юн и не справится с управлением столь сложным царством.

Кесарь (к-рым, по Светонию, помыкали жёны и вольноотпущенники) внял доводам советников (на сей раз, впрочем, небезосновательным) и в сложившихся обстоятельствах решил восстановить в его основных чертах существовавший в Иудее с 6 по 41гг. прокураторско-префектурный режим. С той, правда, разницей, что, во-первых, оному ныне подпали, кроме Иудеи, Самарии, Идумеи, также территории прежних тетрархий Антипы (Галилея, Перей) и Филиппа (Трахон, Ватан, Гавлан, часть Итуреи), и во-вторых, режим 44 — 66гг. не во всём копировал-дублировал режим 6 — 41гг., отличаясь от него в ряде нюансов.

Первым префектом-прокуратором новопровинциализированной (обширной) Иудеи был назначен всадник Куспий Фад (44 — 66гг.), к-рый, стало быть, прибыл к месту служебного назначения и обосновался в Цезарее, чтобы минимум по паломническим праздникам = трижды в год посещать Иерусалим, осенью 44г. Притом пассаж Флавия о назначении Фада Клавдием, не поручившим управление Иудеей сирийскому наместнику Марсу, с оглядкой на конфликт последнего с покойным Агриппой в качестве дани уважения к покойнику, мягко говоря, некорректен.

Во-первых, Клавдий, по донесению Марса, запретил Агриппе в 43г. продолжать сооружение Третьей иерусалимской стены, т.е. одобрил действия легата, но не Агриппы. И во-вторых, доверить Иудею прямому управлению римско-сирийского наместника всё равно было бы временным решением, поскольку эксклюзивно-самобытная палестинская Иудея пока не исчерпала ни статус, ни ресурс, ни ёмкости отдельной всадническо-прокураторской провинции.

Да и приказ Клавдия «наказать жителей Цезареи и Самарии за оскорбление памяти умершего», был, по всему, спущен на тормозах, хотя Флавий об этом прямо не сообщает, замечая лишь, что клавдианское распоряжение о служебном переводе-передислокации укомплектованных кесарийцами и самарянами 5-и палестинских когрот и кавалерийской алы, за их недостойно-оскорбительное поведение, в отдалённый Понт не был приведён в исполнение. Ибо виновные отправили депутацию

в Рим, исходатайствовали себе прощение и добились императорского разрешения остаться на прежнем месте службы (чтобы, опять-таки, послужить, по иронии судьбы, в перспективе запалом к катастрофической Иудейской войне).

И снова оговорим тот факт, что, судя по информации Флавия о 5-и римско-палестинских (из кесарийцев и самарян) когортах в 44-м г., с, по всей вероятности, 41-го г. (т.е. после иерусалимско-кесарийского воцарения над царством Иудейским Ирода Агриппы), в расположенной между прибрежными Иоппией (где осенью 39г. Ап. Петром была воскрешена Тавифа) на юге и Дорой (где Агриппа предотвратил в 41г. установление в местной синагоге императорской статуи) на севере Кесарии/Цезарее Палестинской (= Maritima) больше не стационарировался неизвестно куда переведённый отсюда (за пределы Палестины) Италийский полк (когорты). Сотника же этого полка Корнилия (с домочадцами) Ап. Пётр обратил в христианство в, о чём читатель знает, начале знаменательного этим крещением-обращением для судеб христианства 40-го г. н.э.

АСТРАЛЬНАЯ МИСТЕРИЯ ХРИСТА

(декабрь 44г.)

Это (не первое, но своего рода заключительное-закруглительное в метаистории первохристианства) Таинство Масличной горы свершилось в Рождество (на Святки) 44г. н.э. = 24/25.12. = 15/16 тибхи (по плавающему египетскому календарю), при завершении 15-го года от Крещения Господня (6.01.30г.), через 11 лет после каменования Первомученика Стефана (25.12.33г.), и, главное, — на 12-м году от Таинства Голгофы весной 33г. н.э. Плюс — через 9 месяцев от мученичества до Пасхи 15/16 нисана 44г. Иакова Старшего, и на 9-м месяце от чудесного избавления Петра после Пасхи 15/16 нисана.

И сколько бы Е.Блаватская или др. мистики и т.н. мистики (хотя о какой истинной мистике-эзотерике может идти речь, если грубо ошибочно совмещать Иешуа б. Пандира и Иисуса Христа?! как то практикуют теософы — Блаватская, Безант и т.д.!) ни изощрялись, ни исхитрялись в истолковании этих 11-и лет и 12-го года применительно к гностическому трактату «Пистис София»⁶¹, как, мол, согласно теософам, исключительно ступеней посвящения у подножия (посвятительной) Масличной горы, в данной связи важно усвоить следующее. Речь здесь, вместе с тем (и в определённом смысле-ключе, в первую очередь), идёт-ведётся именно о 12-м годе после Мистерии Голгофы, хотя теософы (уж не говоря о том, что они неверно идентифицируют главное действующее Лицо) упорно не желают замечать метаисторический-метахронологический аспекты-контексты!

Точнее, в объективе Мистерия, не случайно свершившаяся именно в пору святочно-солнцестоятельного-солнцеворотного Рождества именно 44-го г. н.э. Да, 11 ступеней у подножия горы Елеон суть годы к 12-й ступени вышней инициации, но

⁶¹ Манускрипт сохранился в пергаментном кодексе, к-рый называется Аскевианским по имени лондонского врача и библиофила А.Эскью, приобретшего рукопись в 1750г. Куплена Британским музеем в 1785г. Язык оригинала — коптский, возможно, перевод с греческого. 4 Книги — 384 страницы. 4-я Книга стоит особняком, её события датируются, скорее, годом-временем Воскресения (136), и, м.б., она является последующим присовокуплением. Первый частичный перевод с коптского на латынь был осуществлён в 1848г.; с латыни на английский — в 1887г.; 1895г. — французский; 1896г. — полный английский перевод с комментариями; 1905г. — немецкий.

См. К.Р.Кöstlin «Das gnostische System des Buches Pistis Sophia», Tübingen-1854; К. Schmidt «Pistis Sophia, ein gnostisches Originalwerk», Leipzig-1925; Е. Блаватская «Пистис София» («Тайная Доктрина»); М. Трофимова «Гностицизм Пистис Софии»; А. Мома «Немного о Пистис Софии»; Р. Хазарзар «Пистис София»; И. Протопопова «Пистис София», или Мистерия Истолкования».

сие не означает, что в них нет (опорного) метахронологического ключа, приложительно к не раз упоминавшейся нами в предыдущих книгах именно Астральной-Звёздной-Космической Мистерии Христа Спасителя!

Примечателен метаисторический символизм дней 15-го (плавающий календарь) и 11-го (стабильный египетский год) месяца тиби (Тобе – декабрь/январь) в качестве дат Рождества, Крещения и Космо-Рождественского Таинства 44г. в египетской древнехристианской традиции, с совмещением-связкой-увязкой 12-и Св. Ночей между 6.01. и 25.12., – в метакалендарной параллелизации сокровенных дней 15/16 нисана (33г.) и 15/16 тиби (евр. – тевет), в сочетании, к тому же, с *пост*полнолунием (на сей раз, – *святочным*) Таинством Св. Грааля (Д.И. 767).

И любопытно, что если за 15-е тиби плавающего египетского года-календаря принять 6.01. (11-е тиби по стабильному александрийскому календарю)⁶² в 1г. до н.э., то оно *отступательно* (из-за отсутствия 366-го високосного дня в календаре-годе Сотис)⁶³ придётся-попадёт-сместится (хроно-дрейф!) на 25.12. спустя 48 (24 x

⁶² Тиби/Туба/Тубе – пятый месяц египетского календаря, стабильно-александрийский (коптский) вариант к-рого, введённый в 26г. до н.э., по покорении Египта в 30г. Октавианом, ежегодно стартовал 29/30.08. – 1-е Тота, тогда как стартовая дата староегипетского плавающего года каждые 4 года смещалась на 1 день.

Любопытна информация армянского историка М.Хоренаци, побывавшего в Александрии Египетской в Vв. н.э., и сообщающего, в частности, следующее: «Ныне здесь господствует не пятиглавый Плотениос (Плутон?), охвативший весь мир, а проповедник Евангелия Марк, и нет более гробниц богородных героев из племени драконов, но красуются часовни святых. И нет нелепого праздника 25-го (числа месяца) тубы с возложением венков на вьючных животных, поклонением ужам и раздачей пирогов, но 11-го того же (месяца) тубы отмечается праздник Богоявления, восхваляют победоносных мучеников, принимают чужестранцев и подают милостыню беднякам. И не приносят милостыню злому демону Серапису, а предлагается кровь Христова...» (3,62).

⁶³ Напомним, древние египтяне пользовались (данным им Гермесом Трисмегистом) календарным годом (к-рый не подлежал профанации-изменению) из 360-и (36 декад) дней (12 – разделённых каждый на 3 декады – месяцев по 30 дней) + 5 эпагоменов в году, категорически не вставляя (отвергая) 366-й високосный день, из-за чего их календарь каждые 4 года (так сказать) *отставал* на 1 день, превращавшийся за 1460 лет (Великий период Сотис-Сириус) в 1 год (Р.л. 1328).

Кстати, в отношении 5-и високосов-эпагоменов, согласно мифу, Гелиос изблещил супругу Рею (богиня круговорота года) в супружеской неверности и проклял её, к-рая ни при Луне, ни при Солнце не должна была суметь родить внебрачных детей. Но Гермес-Меркурий, один из возлюбленных Реи, сыграл с Луной в кости и выиграл у неё от каждого дня соляного года из 360-и дней по 20 минут, что дало в сумме 5 дней. Приплюсованные к году, эти дни оказались неподвластны ни Луне, ни Солнцу, и Рея родила в эти дни своих детей. С тех пор у лунного года 355, а у солнечного – 365 дней (Т.Г. 1335).

Взяв солнечный египетский календарь как основу для юлианского, Цезарь (так сказать) усовершенствовал его (в римском понимании): волевым порядком прибавил к 360 + 5 дням 366-й високосный день и пустил в ход-оборот с 1.01.45г. до н.э., дав, таким образом, человечеству исправленное-упорядоченное и почти *точное время*, в то время как *Чистое Время* на Землю принёс Христос. К тому же, из-за нерадивости квелога верховного понтифика Лепида (+ 13г. до н.э.), поначалу високосные дни вставлялись каждые три года вместо четырёх лет (с 42г. до н.э.), почему Августу (к-рый стал понтификом-*maximus* в 12г. до н.э.) пришлось в 8-8гг. исправлять юлианский календарь, временно элиминировав (как раз в пору Р.Х.!) високосы, а в XVIв. папе Григорию XIII понадобилось даже превратить-преобразить юлианский календарь (вследствие накопившейся в нём неточности) в григорианский (= новый стиль).

В то же время *Чистое Время* Христа Спасителя (Хронос – Кайрос – Христос) никаких присущих календарю Цезаря (или кумранско-ессейскому механическому календарю из 364-и = 52x7 дней) неточностей-погрешностей не знает, и неспроста интересующая нас Астральная Мистерия Господня свершилась именно в симметричном году-дате гибели Цезаря в 44-м г. до н.э. (с появлением хвостатой кометы) 44-м г. н.э., причём свершилась в святочный канун

2) лет (12 x 4) – в 48г. н.э., с переходом от 26.12. к 25.12. в интервале 44 – 48гг. н.э.! А с др. стороны, последнее декабрьско-астрономическое полнолуние 44г. попадает на 23.12., к-рое напару с днём 26.12. (*софиологический* «Собор Пресвятой Богородицы» у православных!) защитно-прикровенно *окольцовывает-окаймляет* сочельник и Рождество 24/25.12.44г.!

Дело в том, что 24/25.12.44г. своеобразно спиралируют-замыкаются по спирали круги, стартовавшие (взаимопреемствуя – не без секрета *слоёной матрёшки* – друг другу) в следующие дни-месяцы-годы. 6/7.04.2г. до н.э. – Благовещение Ев. от Мф., на 46-м – число Адама – году от к-рого свершилась Астральная Мистерия Христа⁶⁴; 6.01.1г. до н.э. – Рождество Иисуса Соломонида; 9.10.1г. до н.э. – зачатие Иоанна Крестителя; 24/25.12.1г. до н.э. – выход в дорогу из Вавилонии трёх волхов-дароносцев – золото, ладан и смирна; 31.12.1г. до н.э. – рождение близнецов – Лазаря и Магдалины; 6.01.1г. н.э. – Поклонение волхвов; 25.03.1г. н.э. (Благовещение Ев. от Лк.); 24.06.1г. н.э. (рождение Иоанна Предтечи); 25.12.1г. н.э. – Рождество Иисуса Соломонида; 2.02.2г. н.э. – Сретение Иисуса Нафанида; апрель 2г. н.э. – Возвращение вифлеемского Семейства из Египта. 3-5.04.14г. н.э. – пасхальная жертва Я, принесённая Иисусом Соломонидом мл. брату Иисусу Нафаниду.

6.01.30г. н.э. – Крещение Господне; 31.03.32г. н.э. – казнь Иоанна Крестителя; 3-5.33г. н.э. – Распятие и Воскресение Христа; 14.05.33г. – Вознесение Господне – Эфирная Мистерия Христа; 24.05.33г. – Пятидесятница-Троица – праздник свободных индивидуальностей во Христе – Мистерия Св. Духа!

«Пистис София»: «Это случилось, после того как Иисус воскрес из мёртвых и [провёл 11 лет], говоря со своими учениками и поучая их только до Мест [Первых заповедей и] Первой Тайны, к-рая внутри Покрова, к-рая внутри Первой Заповеди, т.е. до 24-й (12 x 2 – К.З.) Тайны Внешних (Частей) и Ниже, – (из) тех [24-х Тайн], к-рые пребывают во Втором Пространстве Первой Тайны, к-рая прежде всех Тайн – (до) Отца в форме голубя (а). И говорил Иисус своим ученикам: «Я взошёл из этой Первой Тайны, к-рая Последняя Тайна, а именно 24-я, а ученики не узнали и не поняли, что есть нечто внутри этой Тайны, но они думали об этой Тайне, что она – Глава Всего и Глава всех Сущих, и они думали, что она – Совершенство всех Совершенств, потому что Иисус говорил им об этой Тайне, что она – та, к-рая окружает Первую Заповедь, и Пять Скрижалей, и Великий Свет, и Пять Парастатаи (Помощников) и всё Сокровище Света...» (...) (1)

Это случилось, когда ученики сидели друг возле друга на Оливковой горе, говоря эти слова и радуясь великой радостью, и веселясь чрезвычайно, и говоря друг другу: «Мы блаженные пред всеми людьми, к-рые на земле, ибо Спаситель открыл всё это нам, и мы получили Плерому и всё Совершенство», – в то время, когда они говорили всё это друг другу, Иисус сидел, слегка удалившись от них.

Это случилось, однако, в 15-й (день) Луны месяца Тобэ, т.е. в день, когда Луна становится полной – тотчас же в этот день, когда Солнце вошло в своём движении,

симметричного календарно-обновленческому году Цезаря 45-го г. н.э., когда, бросившие жребий Апостолы, миссионерски (проповеднически-крещенски) изошли – именно по Христову *Чистому Времени* – в ойкуменический мир, в Ойкумену!

⁶⁴ И не примечательно ли, что если гематрия имени Адам на греческом даёт число (1+4+1+40) 46 (46 x 6 = 276 дней – время утробного формирования телесности Христа = время чревоношения Марии; 46 лет, с 17г. до н.э. по 30г. н.э., строился на Пасху 30г., согласно Ио.2, храм Господень), указывая на человеческую природу Иисуса, то на еврейском числовая сумма имени Адам – 45! И если 44 – число предупреждения, с надписью на шите: «Сначала думай, потом действуй!», то 45 в христианской традиции – символ сообщества избранных!

[...] за ним взошла Великая Сила Света, светясь чрезвычайно, и не было меры Свету, охватившему её, ибо она вышла из Света Светов и вышла из Последней Тайны, т.е. из 24-й Тайны от Внутренних (Частей) до Внешних (Частей), – из тех (24-х Тайн), к-рые пребывают в чинах Второго Пространства Первой Тайны. Она же, эта Сила Света, снизошла на Иисуса и окружила всего Его, сидевшего вдаль от учеников своих, и Он светился чрезвычайно и не было меры Свету, пребывавшему в Нём, и ученики не увидели Иисуса из-за Великого Света, в к-ром Он пребывал, но они видели только Свет, отбрасывавший множество Лучей Света. И Лучи Света не были равны друг другу, и Свет был разного рода, и он был разного рода снизу доверху, один (его Луч) был избраннее другого [...] в великой неизмеримой Силе Света; он простирался от глубин земли до Небес. И когда ученики увидели этот Свет, они пребывали в великом страхе и в великой тревоге (2).

Тогда же случилось, что когда эта Сила Света снизошла на Иисуса, постепенно она окружила Его. Тогда Иисус поднялся или взлетел в Вышину, светясь чрезвычайно в Свете Неизмеримом. И ученики смотрели на Него, и никто из них не заговорил до тех пор, пока Он не взошёл на Небо, но все они пребывали в великом безмолвии. Тогда же это случилось в 15-й день Луны, в день, когда Луна полная, когда завершился месяц Тобе.

Тогда же случилось, когда Иисус взошёл на Небеса, после 3-х часов, что все Силы Небес встревожились и все двинулись друг на друга, – они и все их Эоны, и все их Места, и все их Чины, и вся земля сдвинулась, и все живущие на ней. И все люди, к-рые в мире, встревожились, а также ученики, и все они думали: «Пожалуй, этот мир свернётся». И все Силы, к-рые на Небесах, не переставали тревожиться, – они и весь мир, и они все двинулись друг против друга с 3-го часа 15-го (дня) Луны [месяца] Тобе до 9-го часа следующего дня. И все Ангелы, и их Архангелы, и все Силы Вышины – все воспевали (Внутреннюю) Часть (Внутренней) Части, так что весь мир слышал их голос, и они не прекращали (этого) до 9-го часа следующего дня» (3).⁶⁵

Как видим, гностический текст (пожалуй, самого гностического из апокрифов!) «Пистис Софии» (Вера-Премудрость) II/III вв., с его (прикровенными) корнями, несомненно, в Веке Апостольском, уже искони-изначально перенасыщен мистикой-эзотерикой и непросто-незапросто дышит (взадых) спиритуализмом (Гнозис – Знание; Пистис – Вера). Этим, однако, ни в коей мере, не умаляются и не сводятся на нет его метаисторизм и метахронология, при восприятии-рассмотрении истинной спиритуальной реальности в её истинной сокровенно-откровенной подлинности!

При всём том, на сей раз, у нас нет оснований говорить-толковать, как в случае явления воскресшего Спасителя 7-и ученикам *при море Тивериадском* (19.04.33г.), или как в случае явления Христа 11-и *в Галилее* (3.05.) (Т.Г. 1781-95), о *море Тивериадском* или о *Галилее* исключительно (поскольку, напомним, названные Мистерии вершились в иерусалимско-сионском Сенакле) во Духе, ибо Астрально-Святочное Таинство (Таинств) Христа в Рождество 44г. свершилось на Масличной горе (Апокалипсиса Масличной горы – 31.03.33г. и) дуалистического апрельско-майского

⁶⁵ Неизвестно – как именно, от какой отправной часовой точки (коптский) апокриф (составленный на греческом? коптском? или переведённый с греческого? коптского? в Египте) (см. ниже) исчисляет-считает-отсчитывает называемые 3-й и 9-й часы, но при определённом счёте-подсчёте (Т.Г. 1627-31), таковой очень даже может (послеполнолуно) привести-вывести, приложительно к «9-у часу следующего дня», и в (как плавающий- дрейфующий эквивалент 16-го тиб) 25/26.12.44г.

Вознесения Господня. Т.е. свершилось на г. Елеон (где за 7 месяцев до того, между иудейской Пасхой и иудейской Пятидесятницей, в мае 44г., иудеями была принесена очистительно-пепельно-кропительная жертва рыжей телицы) как во Духе, так и в реальности физической.⁶⁶

Мало того, если в другом гностическом апокрифе «Sophia Christi» (II/III вв.) сказано о явлении Иисуса ученикам не в своём земном образе-облике, а в невидимом Духе на Оливковой горе в Галилее, то мы, не оспаривая возможность подобного исключительно мистического явления Спасителя ученикам на духовной горе Елеон в духовной Галилее, не примем оный применительно к Мистерии 25.12.44г. (к-рая, повторим, вполне могла иметь место и имела место именно на Масличной горе Иерусалима), приняв, наряду с тем, информацию апокрифа «Sophia Christi» о явлении Иисуса из апокрифа «Пистис София» 12-и Апостолам и 7-и жёнам.

12 – число Пространства; 7 – число Времени. И не любопытно ли, что, в этом случае, Пространство олицетворяет число именно мужей, а Время – именно жён. Самое время-место вспомнить о тайнах-таинствах становления (взаимопроникновенных) Пространства Временем и Времени Пространством! о тайнах-таинствах *поцелуйного* соединения Неба и Земли на Пятидесятницу-Троицу!

Притом в отношении Апостолов, во-первых, не все 12 (а всего 7 – Лазарь-Иоанн, Пётр, Филипп, Фома, Матфей, Андрей, Иаков...) называются-фигурируют в «П.С.» 1-3 (к к-рым в стоящей, как сказано, особняком 4-й Книге «присоединяются» Варфоломей и Симон Кананит) поимённо (тогда как не называются, помимо принявшего мученичество весной 44г. Иакова Старшего, Иоанн Зеведеев, Варфоломей, Фаддей, Симон).

Во-вторых, (двенадцатеричное) отсутствие в сакральном составе Апостолата Иакова Зеведеева *восполняет* в круге 12-и основное, в паре с Марией Магдалиной, апостольское лицо апокрифа – Лазарь-Иоанн, что одновременно не означает (или

⁶⁶ Оливковое-масличное дерево – символ-предвестие индивидуализации человека, рождения Я в мышлении (как и Кентавр = кентаврированный конь-лошадь – символ интеллектуализации, обусловленный, опять-таки, рождением мыслительного Я). Если Авраам (XXII – XX вв.) и Авраамит Иаков (XXI – XIX вв.), отец 12-и колен, богоугодно перехитривший Исава в праве на первородство, (опережая остальное человечество) олицетворяют (на эксклюзивном пути богоизбранного Израиля) рождение мыслительного сознания, то (и) убийство Семом Тифона (XIX в. – середина Египетско-Халдейской культуры – 1828/27г.) есть возвешение о конце имажинативной эпохи, есть предтеча рассудочного интеллектуализма в переходе от Души ощущающей к началам Души рассудочной (от знака и в знаке Тельца к знаку и в знак Овна), с 747г. до н.э. = с начала IV-й из Семи Пост-Атлантических культур-эпох (15 120 лет) нашей Пассионарно-Ойкуменической стадии эволюции под 7-ю знаками Зодиака, и с середины Великого года (25 920 лет) из 12 домов Солнца в знаках Зодиака (13708/07г. до н.э. – 12213г. н.э.; XIV тыс. до н.э. – XIII тыс. н.э.).

Не знаменательно ли, что брачное ложе (кентаврированного) хитрована Одиссея (этого греческого Иакова), предложившего грекам (весьма хитроумный) план использования против (имажинативной азиатской-азиатской) Трои «Троянского коня», было сделано из оливы, кипариса (физическое тело), кедра (тело души) и пальмы (тело жизненных сил). Не греческая ли культура стала *бракосочетанием* духовного и физического, что сделало возможным явление Христа!

И отсюда переключка ветхозаветно-иаковитского и древнегреческо-одиссейского интеллектуализма с одухотворённым Импульсом Христа интеллектуализмом Ап. Павла, к-рый был Савлом из киликийского Тарса = эллинизированным евреем-иудеем Диаспоры, не случайно столь плодотворно миссионировавшим именно в маслично-оливковых странах-широтах Средиземноморья (см. ниже) – от (учитывая также Киликию, где он родился и вырос) Палестины, через М.Азию, Грецию, Италию, и аж до Испании (страны Гесперид), на самом приатлантическом Западе, где побывали-перебывали и ишественные Атланты (в миграции как с Запада на Восток, так и позднее с Востока на Запад), и колонизаторы финикийяне (сидоняне; тиряне), и карфагеняне (отпочкование финикийян-тирян), и греки, и римляне.

не обязательно означает) отсутствие среди учеников (не входящего в круг 12-и) Иакова, брата Господня (то-то в апокрифе действует Иаков *Благоразумный*, под к-рым может быть и Иаков, брат Господень, и, прежде всего, Иаков Алфеев – один из круга 12-и). И тем не менее, сакрально-пространственное число 12 здесь не может быть нарушено. Касаемо же 7-и жён, тут всё ясно: это – Мария Богородица (София) и Мария Магдалина (над к-рыми и в к-рых духовные *Покрова* 1-й = 8-й Девы-Жены – Марии Благодатной), Мария Клеопова, Марфа, Саломия, Сусанна, Иоанна.

Нет также среди учеников ни Савла, ни Варнавы, ни Марка, к-рые ушли из Иерусалима в Антиохию не позднее августа/сентября 44г. (ни Луки, к-рый, по всему, находится в Антиохии Сирийской), о чём автор апокрифа наверняка в курсе, тем более, что на отсутствие Павла указывается в 3-й кн. «П.С.», где наиболее активный участник апокрифических диалогов с Иисусом Мария Магдалина, обращаясь ко Христу, говорит об искупительно-печатных воздаяниях души «всем тем, кто принадлежит местам Света», в частности, такие замечательные слова (из к-рых явствует, что пролептический Павел, к-рый на 44г. ещё Савл, при сих словах, не присутствует): «...об этой мысли, Господь мой, ты сказал устами Павла, нашего брата, когда-то: «Воздайте кому подать – податью, кому страх – страхом, кому оброк – оброком, кому честь – честью, и восхвалите того, чья хвала, и не оставяйтесь должными никому ничем» (3,113).

13-й и 2-й – *оую* Христа – Апостол Павел – Пистис! 1-й и 14-й – *одесную* Христа – Апостол Лазарь-Иоанн – Гнозис! Мария Богородица – Пречистая Астральность = *Золотое Руно* (солярная мудрость) *Овна-Агнца*, и Апостолица Апостолов Мария Магдалина – совершенство совершенств – Пистис и Гнозис!

Вдобавок к тому, со смертью Ирода Агриппы в августе 44г. и с новопровинциализацией префектурно-прокураторской Иудеи, гонения на христиан (временно) прекратились, и потому нет ничего невозможного в пребывании Больших Апостолов, в т.ч., скрывшегося от преследования в апреле 44г. Петра, на рождественский декабрь в Иерусалиме (в Вифании; в Гефсимании). Именно отсюда – скажем снова и дополним – они, прошедшие через декабрьское елеонское посвящение (12-я ступень) в 24-ю Тайну, бросив весной жребий, проповеднически изойдут (не все разом) летом 45г. н.э., подготовленные-готовые к тому, в Ойкумену (не без возвращений в Иерусалим), уже и за (помимо ближних) сравнительно дальние горизонты.

И они снова соберутся-сойдутся в Иерусалиме на веховой Апостольский собор 51г. н.э, чтобы после него изойти из Иерусалима и Палестины до краёв Земли. В 45г. начнётся освящённый Астральной Мистерией в Рождество 44г. очередной Апостольский этап христианства, к-рый стартовал в 33/34 – 37 – 40/41 – 44г., и к-рый будет целокупно инаугурирован-утверждён в 51г. н.э.

Согласно апокрифу «Пистис София» (название к-рого можно перевести и как – «Верующая Премудрость»), 11 лет Воскресший Иисус учил учеников и в 12-м последнем году Его (специфического-спиритуального-посвятительного) пребывания с ними (в Астральном) на Земле им должна быть открыта величайшая – (12 x 2) (8 x 3) 24-я (48 : 2) (72 : 3) – Тайна-Мистерия. Темы бесед Учителя с учениками: о Мистерии Света, о происхождении греха, о необходимости покаяния, о наказании грешников по ту сторону смерти, о чуждом для церковно-христианской ортодоксии, но само собой разумеющемся для христианского Гнозиса феномене христианизированной реинкарнации...

И примечательно, что главное действующее лицо трактата – СОФИЯ, под к-рой в христианской эзотерике понимают катарсисно просветлённое-очищенное (про-христианенное) Астральное тело (и из импульса К-рой в Ев. от Иоанна, где Иисусова Мать ни разу не зовётся Марией, Лазарю-Иоанну, при кресте Иисуса,

поручается Господом взять Её, Софию, к себе, т.е. в себя, составить Евангелие Евангелий и стать в дальнейшем автором сокровеннейшего Откровения Откровений) впервые появляется лишь в 29-й главе.

Иисус говорит, что возвращаясь из странствий в высших мирах, Он встретил опечаленную, оставленную Софию в 13-м Эоне. Магдалина спрашивает, почему Она в трауре и почему печальна? на что даётся ответ: ибо 13-й эон ниспал в материю (в вещественное). Но Иисус смилостивился над Ней, спас Её и возвратил (поднял-вознёс-восхитил) в прежнее Место Вышнего Обитания.

Перед нами как Таинство восстания-спасения Христом падшей Софии⁶⁷, так и Мистерия мистического бракосочетания Христа (Эона Эонов) со спасённой Софией, с Вечной Женственностью (за к-рую, за спасение к-рой была принесена самопожертвовательная Жертва Мужа на Голгофе), с Вечно Женственным в человеке и человечестве... Падение как совокупного человечества, так и его квинт-эссенции – тройственной телесности Давидидов (14 + 14 + 14), с её кульминацией в Теле Астральном, было целокупно искуплено Непорочным зачатием = дуалистическим Благовещением – градуированным в Ев. от Мф. и в Ев. от Лк., по восходящей; далее – дуалистическим Рождеством Христовым⁶⁸; далее – самопожертвовательно-слиятельной Пасхальной Мистерией 14г. н.э.; далее – Крещением – воплощение Духа Солнца.

И, наконец, – Жертвой Христа на Голгофе, за К-рой последовали Воскресение, Вознесение, Пятидесятница-Троица, с мистериальным завершением этого искупительно-спасительно-бракосочетательного Таинства в святочное Рождество 44г. н.э. Ведь именно тогда завершилась прижизненная и посмертная таинственная эпопея трёхчленной Иисусовой телесности, к-рую, с одной стороны, формировали поколения от Авраама до Христа, К-рый, с другой стороны, начал как Второй Адам = Адам Кадмон в 1 – 14 – 30/31 – 33г. восхождение от Иисуса к Богу, от Иисуса до Бога!

Родившийся от Марии Вифлеемлянки (Старшей) Иисус Соломонид – Сверх-Человек. Родившийся от Марии Галилеянки (Младшей) Иисус Нафанид – одухотворённый на Пасху 14г. Индивидуальностью Иисуса Соломонида – ЧеловекоБог = Иисус из Назарета. И родившийся в Крещении на Иордане (зачатый в ауре Земли, к-рая разродилась Им на Голгофе) посредством инкарнации Духа Солнца Иисус Христос – БОГОЧЕЛОВЕК, К-рый был распят на кресте, низложен в могилу Земли и воскрес из мёртвых к Жизни Вечной!

⁶⁷ В (отличных от «П.С.») представлениях гностических последователей Валентина (Пв.) падшая София (Ахамот – от евр. *Naḥachmoth* – премудрость), к-рая (Эпинойя) на правах 12-го Эона замыкала Плерому (Полнота), в страстном порыве устремилась непосредственно к недостижимому «Отцу Эонов», что привело к нарушению плеромической иерархии в её целостной замкнутости и к излиянию части существа Софии, из к-рой возникла Ахамот (перемудрение). Порождённая одной Софией, без участия мужского Эона, она являла собой неоформленную субстанцию и всё её существование сводилось к аффективно-страдательным состояниям (печаль, страх, недоумение, неведение). Из страстей пленённой духовной субстанции – Ахамот – родилась материя, из её «обращения» – стихия души. Чтобы остановить растекание Плеромы через Ахамот и порабощение света тьмой, «Отец Эонов» создал новый Эон, не имеющий четы, после чего «в оплот и укрепление Плеромы» родилась чета Эонов – Христос – не Богочеловек, а внеисторическое духовное существо, сообщившее Ахамот оформленность, – и Церковь. В свою очередь, оформленная Ахамот, желая оформить душевно-телесный уровень бытия, произвела из духовной субстанции демиурга, к-рый при её тайном, неведомом ему содействии, творит материальный космос (см. «Мифы народов мира», «Ахамот», т.1, с.136/37).

⁶⁸ Два брата Иисуса, Соломонид и Нафанид, были вскормлены их Матерями, Марией (Старшая = Вифлеемлянка) и Марией (Младшая = Галилеянка) молоком Пречистой Девы, к-рое и К-рая есть Свет Сияния, даруемый Божественной Софией.

Не сказано ли в Быт.3,15, что семя жены поразит змея в голову, а он будет жалить его в (ахиллесову!) пяту, исполнение чего было зачато в двух градуированных, по восходящей, Благовещениях и Рождествах, плюс Сретение и Возвращение из Египта – 2/1 – 1/2гг. н.э., завершившись победой над змеем в солнцеворот 44г. н.э.

И если за Христом на Земле выступает любимый ученик – Иоанн Дева = Иоанн Девственник = (Лазарь) Иоанн Богослов (*друг Жениха*, по преемству от Иоанна Крестителя, чей гений опочил на Лазаре, как гений Илии на Елисее, вдвойне), то спасённую Христом Софию, в её прекрасном земном облике-обличье, олицетворяют эманулирующие одна в (из) другой Мария Богородица – духовное **материнство** (*Матерь*), и Мария Магдалина – духовное **супружество** (*Супружница*)... Не есть ли именно воскрешённый-посвящённый Христом во Иоанна Лазарь позитивный *двойник* Иисуса (вместе с исключительно статуированным Юношей из Наина, кто пока в тени и кого нет на Масличной горе), его таинственный (перво)преемник, к-рый стал под Крестом Голгофы сыном Девы Софии и духовным братом-близнецом Христа!

И это при том, что близнецы Лазарь и Магдалина взаимоотражаются в зеркале *сиамских* Близнецов во Духе – братьев Иисусов, о К-рых в этом единственном из знакомых нам христианских апокрифов гностическо-христианском апокрифе (в апокрифе апокрифов!) говорится, несмотря на некоторый мистическо-завуалированный контекст (и несмотря на прочие люциферические перехлёсты гнозиса)⁶⁹, не столько скрыто-скрытно, сколько именно явственно-открыто.

Т.е. безымянному (не Василид! и не Валентин!)⁷⁰ автору трактата (к-рый торопится сообщить зашифрованные Тайны, включая «Последнюю», в преддверии

⁶⁹ Интересны приводимые в трактате Ириней Лионского (+ 202г.) «Против ересей» некоторые положения «Учения (гностической секты – К.3.) офитов» (к-рое называют *змеиным* = люциферическим *гнозисом*):

«...Когда же низшая Премудрость (София – К.3.) узнала, что к ней нисходит её брат (Иисус), возвестила через Иоанна Его прибытие, установила крещение покаяния и предуготовила Иисуса, чтобы Христос при Своём сошествии нашёл чистый сосуд, и чтобы через сына того Иалдаваофа была возведена Христом Жена. И Он, говорят они (офиты – К.3.), сошёл через 7 небес, уподобился детям их и мало-помалу лишил их силы. Потому что ему сообщили всё орошение света, и Христос, сошедши в этот мир, сокрылся прежде всего в своей сестре Премудрости, и оба радовались друг о друге; и это, утверждают они, представляет жениха и невесту. Иисус же, так как был рождён через действие Божие от девы, был мудрее, чище и праведнее всех людей; Христос, соединённый с Премудростью, сошёл в него и таким образом произошёл Иисус Христос.

Многие из его учеников, по словам их, не знали о сошествии в Него Христа; когда же Христос сошёл в Иисуса, Он начал творить чудеса, исцелять, проповедовать неведомого Отца и явно выдавать Себя за Сына Первого Человека. На это разгневались Силы и Отец Иисуса и постарались умертвить Его; и когда дошло до этого, Христос вместе с Премудростью удалился в состояние нетленного зона; Иисус же был распят. Впрочем, Христос не забыл Своего Иисуса, но свыше послал в Него Иисуса силу, воскресившую его в теле, к-рое они называют душевным и духовным телом, потому что мировые стихии он оставил в мире. Ученики же Его, увидав, что Он воскрес, не узнали Его, ни даже самого Иисуса, через к-рого Он воскрес из мёртвых. И между Его учениками, говорят они, было то величайшее заблуждение, что они думали, будто Он воскрес с мировым телом, так как они не знали, что «плоть и кровь Царствия Божия не получают» (1Кор.15,50) (1,30,12/13).

⁷⁰ Не Василид и не Валентин – уже хотя бы потому, что (египетские гностики Пв.) Василид (родом из Антиохии) и (чуждый «П.С.») Валентин (василиане и валентиниане) грубо ошибочно измеряли земную жизнь Христа от Крещения до Голгофы всего одним годом + месяцами (30 больших эонов – 30 лет; 12 малых эонов – 12 месяцев) (Климент «Строматы» 145/46), между тем как «Пистис София», повествуя о Мистерии 44г., очень хорошо осведомлена как о (за кадром) Крещении в 30-м, так и о Распятии-Воскресении (в хронокадре и за кадром)

наступления времён церковно-христианской ортодоксии) была, в той или иной мере, ведома или минимум не чужда тайна дуалистического (земного) Рождества Христова, о чём и свидетельствуют не раз приведённые нами в трилогии «Таинство Голгофы» загадочные слова (о двух братьях Иисусах!) Марии Богородицы.

* * *

Если в «П.С.» 1,60 фигурирует Мария Магдалина, в «П.С.» 1,61 – Мария, Мать Иисуса, то в «П.С.» 1,62 (из тени) выступает некая «сокрытая вуалью» «другая Мария» (за К-рой в различных мистериальных действиях-ситуациях может закодированно таиться: и взятая из земной жизни Успением 8.09.14г. н.э. Мария Благодатная = Мария Младшая = Мария Галилеянка; и спиритуально *замещающая* «сестру Матери Его» двоюродная сестра дочерей Иоахима и Анны – Мария Клеопова...) (Т.Г. 1810-13).

Дальше, очевидное Сретение в «П.С.» Иоанна Предтечи и Спасителя предваряется (по метаисторическому времени) Сретением двух отроков = двух братьев Иисусов, о чём в действе на Масличной горе, в рождественско-полнолунную пору 44г. н.э., рассказывает Мария, Мать Иисуса, и за чем, т.е. за Иисусом и его *братом*, кроется (в т.ч.) глубинная тайна дуалистического Рождества Христова. Кроется Таинство братьев Иисусов – Соломонида и Нафанида.

Приведём снова заслуживающее того елеонское откровение адресующейся в декабрьское Рождество 44г. (Святочно-Астральная Мистерия Христа) к Иисусу Марии, Матери Его: «...Когда ты был мал, до того как Дух снизошёл на тебя, пока ты был в винограднике с Иосифом, из Вышины снизошёл Дух, он вошёл ко мне, он был похож на тебя. И я не узнала его, и я подумала, что он был тобою. И Дух сказал мне: «Где же Иисус, брат мой, чтобы мне встретить его (= встретиться с ним)?» И когда он сказал мне эти слова, я была смущена, и я подумала, что это призрак, искушающий меня. Но я взяла его и привязала к ножке кровати в доме моём на то время, пока я выходила к тебе в поле, к тебе и к Иосифу, и я нашла тебя в виноградном саду, так как Иосиф огораживал виноградный сад тростником. Тотчас же случилось, когда услышал ты меня, молвившую слово Иосифу, ты понял это слово и обрадовался. И ты сказал: «Где же он, чтобы я мог его увидеть? Иначе я жду его в другом месте». Но случилось, когда Иосиф услышал тебя, произносящего эти слова, (что мы) уговорили его, и мы взошли в то же самое время, и мы вошли в дом. Мы нашли Дух привязанным к кровати. Мы взглянули на тебя и на него, и мы сочли тебя похожим на него. И он, привязанный к кровати, был освобождён, он обнял тебя, он поцеловал тебя. И ты тоже, ты поцеловал его, и вы стали одним (стали – Одно)» (1,61).

Не были ли родившийся 6.01.1г. до н.э. (день рождения, согласно некоторым, бога Гора; и день рождения нетленного Эона девственной богиней Коре) Иисус Соломонид и родившийся 25.12.1г. н.э. (день рождения Митры; и день рождения, согласно некоторым, бога Гора) Иисус Нафанид (двоюродными) братьями, поскольку их матери – Мария Старшая (новая *прекрасная* Рахиль, к-рая род. – 31.12.17г. до н.э.) и Мария Младшая (новая *светлоглазая* Лия, к-рая род. – 1.01.12г. до н.э.) – были родными сёстрами!⁷¹

именно в 33г. н.э. Да и в целом василианам с валентинианами неведомо слишком многое из зашифровано или открыто (смутно-сумбурно или отчётливо-очевидно) наличествующего-сообщаемого в «П.С.».

⁷¹ Не предрекает ли «Книга Сивилл» воплощение под знаком Овна, соответственно, в апреле (2г. до н.э.) и в марте (1г. н.э.) Иисуса Соломонида и Иисуса Нафанида, близнецов во

Не возвратилось ли вынужденное бежать в Египет после Поклонения годовалому Иисусу Соломону 6.01.1г. н.э. волхвов (к-рые в лице Царя Царей, Кто пришёл, поклонились, поднеся ему золото, ладан и смирну и положив к его стопам свои короны, Пастырю Пастырей, К-рый грядёт) вифлеемское семейство весной 2г. н.э., по смерти душегуба Ирода (март 1г. н.э.), в Эрец-Израэль! Не поселилось ли оно теперь не в Вифлееме Иудейском, находившемся под властью лютоватого этнарха Архелая, но в Назарете Галилейском (владение тетрарха Антипы), где постоянно проживало назаретское семейство! И, стало быть, именно в Назарете оба брата росли-взросли, обитая брат подле брата, до, соответственно, 12-и (Иисус Нафанид) и 14-и (Иисус Соломонид) лет, вместе (совместно).

Притом младший из братьев, Благовещение К-рого Марии Галилеянке = Марии Благодатной Архангелом Гавриилом имело место 25.03.1г. н.э. (после кончины ок. 5.03.1г. н.э. царя Ирода), в шестый месяц беременности беременной Иоанном с октября 1г. до н.э. Елисаветы (родной сестры Анны), наречённый 1.01.2г. н.э., в день обрезания Господня, Иисусом, был в Иерусалиме на Сретение 2.02.2г. н.э. И пришлось это Сретение (Симеон и Анна) на время за два (с днями) месяца до возвращения вифлеемского семейства из Египта в апреле. И этот апрель 2г. н.э., замыкает (благовещенско-рождественско-репатриальную) трёхлетку, стартовую в благовещенском апреле 2г. до н.э., с датой зачатия родившегося 24.06.1г. н.э., за полгода до Рождества Иисуса Нафанида, (соединителя двух рождественских Мистерий) *Часового Времени* и *Привратника Нового Завета* Иоанна Предтечи 9.10.1г. до н.э. ровно посередине между Благовещенским и Репатриальным апрелями 2 – 2гг.!

Не стали ли по итогам одухотворительно-слиятельной апрельской Пасхи 14г. н.э. (Малое Крещение и Малое Преображение), когда Иисус Соломонид (Заратустра) пожертвовал свою самую совершенную-высокоразвитую индивидуальность безгрешному Второму Адаму (пречистая-негрехопадшая душа к-рого хранилась в Великой Материнской ложе человечества, будучи принесена на Землю в Марию Благодатную из лона Отца) – Иисусу Нафаниду (Кришна), поистине Одно! Не стали ли Они поистине Единством во Христе-Мессии Земном, К-рый сделался Христом-Мессией Небесным, приняв в Себя в Крещении на Иордане 6.01.30г. н.э., при посредничестве Иоанна Водолея-Купалы, Дух Солнца = Божественный Дух Солнечной системы!

И пусть «Пистис София» (не случайно – Вера-Премудрость, или Верующая Премудрость, на основах Пистиса и Гнозиса!) говорит о двух Иисусах, говорит о братьях Иисусах смутно-шифровано-прикровенно, говорит (не совсем прямым текстом) о Них (как о встретившихся-сретившихся братско-мессианских линиях-потоках Заратустры и Кришны) *пистически-гностически*. Но не эта ли метаисторическая тайна и не это ли Таинство сокрыты, или, правильнее сказать, почти открыты в сокровенном откровении или в откровенном сокровении Марии Богородицы, однозначно сретенски предшествуя встрече/встречам Иоанна Предтечи и Иисуса как до Крещения, так и в Мистерии Крещения на Иордане! Судите сами. Имеющий уши, да (у)слышит (или – внемлет)! Имеющий глаза, да (у)видит (или – зрит)! «Милость и истина сретятся, правда и мир облюбываются!» (Пс.84,11; П.С. 60).

А выше – в «П.С.» 1,7 – в слове Спасителя к ученикам – находим: «...Я нашёл Елисавету, мать Иоанна Крестителя, прежде чем она приняла его. И Я заронил в неё силу, к-рую взял от Малого Иеу Благого, к-рый в середине, чтобы он был в

Духе, К-рые были двоюродными братьями, Сыновьями двух родных сестёр – Марии и Марии, старшая из К-рых стала с 14/15гг. приёмной матерью одухотворённого пожертвованной Ему индивидуальностью брата Иисуса из Назарета, чтобы стать в свете крещенского рождения Иисуса Христа на Иордане Марией Богородицей: «Дева судьбу Близнецов в созвездье Овна изменила» (5,521).

состоянии проповедовать прежде Меня и приготовить Мне путь, и крестить в воде (во имя) отпущения грехов. Тотчас же эта сила оказалась в теле Иоанна. И опять же, в месте души Архонтов, к-рую ему следовало получить, Я нашёл душу Илии пророка в Эонах Сферы, и Я принял его и получил его душу, снова отнёс её Деве Света, а она дала своим Пралемптаи (Приёмщикам). Она отнесла её в Сферу Архонтов и заронила её в чрево Елисаветы. Сила же Малого Иеу, к-рый из середины, и душа пророка Илии были связаны в теле Иоанна Крестителя. Вот потому вы и усомнились однажды, когда Я сказал вам: «Иоанн сказал: я не Христос», – и вы сказали Мне: «Написано в Писании: «когда Христос придёт, Илия придёт прежде и приготовит путь Его». Но Я, когда вы сказали Мне это, Я сказал вам: «Именно, Илия пришёл и приготовил всё сообразно тому, как написано, а поступили с ним, как хотели. И когда Я узнал, что вы не поняли, что Я сказал вам о душе Илии, к-рая связана в Иоанне Крестителе, Я ответил вам в слове открыто, лицом к лицу: «Если хотите принять Иоанна Крестителя, он и есть Илия, о к-ром Я сказал, что он придёт».

И ниже – в 1,8 – читаем: «Иисус снова продолжил говорить и сказал: «Тотчас же случилось после этого, (что) по велению Первой Тайны Я снова взглянул вниз, на мир человечества, нашёл Марию, ту, к-рую называют Матерью Моей по физическому телу. Я заговорил с ней снова в облике Гавриила и, когда она обратилась в Вышину, ко Мне, Я заронил в неё Первую Силу, к-рую взял у Барбело, т.е. тело, к-рое Я носил в Вышине. А вместо души Я заронил в неё Силу, к-рую взял у Великого Саваофа, Благого, того, к-рый пребывает в Месте Правой (Части), и 12 Сил от 12-и Спасителей Сокровища Света, к-рые Я взял у 12-и Слуг, к-рые в Середине (Месотес), – Я заронил из (Силы) в Сферу Архонтов. И Деканы Архонтов, и их Литургии думали, что это были души Архонтов. И вы получили вашу часть от Силы, к-рую вдохнул в Смесь (Керасмос) Последний Парастатес (Помощник) – ту (Силу), к-рая смешана со всеми Невидимыми, и всеми Архонтами, и всеми Эонами. Словом, она смешана с миром погибели эта самая Смесь. Эта (Сила), к-рую Я извлёк из себя от начала, – Я заронил её в Первую Заповедь, а Первая Заповедь заронила часть её в Великий Свет, а Великий Свет заронил часть от того, что получил, в Пять Парастатаи (Помощников), а Последний Парастатес (Помощник) взял часть от того, что получил и бросил её в Смесь, и она (часть) – со всех тех, кто пребывает в Смеси, как Я вам уже сказал об этом».

Вот об этом говорил Иисус своим ученикам на Оливковой горе. Иисус тотчас же снова продолжил рассуждение со своими учениками: «Возрадуйтесь же и возвеселитесь, и приложите радость к вашей радости, ибо исполнились времена, чтобы облачился Я в одеяние Моё, уготованное Мне от начала, к-рое оставил Я в Последней Тайне до времени исполнения её. Время же её исполнения – это время, когда Мне будет велено Первой Тайной говорить вам от начала истины до её совершенства, и от Внутренней (Части) Внутренних (Частей) до Внешней (Части) Внешних (Частей), ибо мир спасётся через вас. Так возрадуйтесь же и возвеселитесь, ибо блаженны вы перед всеми людьми, к-рые на земле, ибо именно вы спасёте весь мир».

Не станем углубляться в собственно гностическо-пистические сложности-тонкости перенасыщенного эзотерикой текста и в, как сказано, люциферические заклёсты-перехлесты его автора-авторов (подставляющиеся под удары современных Кураевых). Но удостоверься самостоятельно, читатель, – не предельно ли ясно в тексте говорится именно об Иоанне Крестителе именно как о (пере)воплощении⁷²

⁷² Не ведётся ли в Третьей книге «П.С.» беседа о спасении души преимущественно с (Лазарем) Иоанном (102-07) и (особенно) с Марией Магдалиной (108-35)! не обсуждается ли природа греха и участь в данной связи различных людей – пневматиков, психиков, соматиков = духовных, душевных, плотских, включая доктрину метемпсихоза (реинкарнация), сродни

(что поначалу не воспринимали, насколько следует из трактата, также ученики Христа) пророка Илии! Вглядитесь-вслушайтесь в «П.С.» 3,135: «...А когда Я появился у места Эонов, Я вернул Илию, (и) Я отправил его в тело Иоанна Крестителя...»

Илия – Иоанн выступил помазателем Христа Спасителя, в К-ром через крещенско-посредническое (между Небом и Землёй) великодеяние Иоанна воплотился-вочеловечился Дух Солнца Праведности, и Иоанн завершил свой земной путь (31.03.32г. н.э.), проведя 15 месяцев в темнице, в расплату за обличение порочного мезальянса Ирода Антипы (Ахав) и Иродиады (Иезавель), через добытое Иродиадой у Ирода посредством экстатического танца Саломеи усекновение Иоанновой главы (за 12 лет до казни мечом, по велению брата Иродиады – Ирода Агриппы, Ап. Иакова Старшего).

Не был ли Навуфей Изреелетянин побит камнями (860г. до н.э.)! (Не свершилась ли Астральная Мистерия Христа в декабре 44г. н.э. на 900-м году от восхищения живым на небо Илии пророка в 856г. до н.э., на 888-м году от чего свершилась Мистерия Голгофы 33г. н.э.)! Не лишился ли пришедший восстановить чистоту брачных уз в Израиле Иоанн, *страж порога* Нового Завета, к-рый запечатал древне-профетическую эру Завета Ветхого, головы! И если тогдашняя дочь Иезавели и Ахава Гофолия реинкарнационно пришла как устроивший охоту на Младенца Христа и избивший вифлеемских младенцев (первые христианские мученики) Ирод Старший, то ныне дочь Иродиады и падчерица Антипы Саломея добыла у Антипы и поднесла на кровавом блюде матери Иоанна!⁷³

концовке другого гностического (из Наг-Хаммади) текста (предположительно Пв. н.э.) «Апокриф Иоанна» (22)! (Т.Г. 1830-40).

В «П.С.» 3,111 Иисус (обращаясь к Магдалине) открывает ученикам: «...А Дева Света налагает печать на сию душу и передаёт её одному из Приёмщиков (Паралемптаи) и заставляет (Приёмщика) заронить её в тело, достойное грехов, к-рые она совершила. И истинно говорю вам, она не отпустит эту душу из её перевоплощений (метаболий) согласно тем (телам), к-рых она достойна. Обо всём этом Я поведаю вам, – об их (перевплощений) Типе и Типе тел, в к-рые их (души) бросают согласно грехам каждой души, – обо всём этом Я поведаю вам, когда расскажу об Эманации Всего...»

«Апокриф Иоанна» (диалог между Спасителем и Ев. Иоанном): «...Но те, на кого дух обманчивый спускается, совращаются им и впадают в заблуждение». Я же сказал: «Господи! а эти души, когда они выйдут из плоти, куда они направятся?» И Он улыбнулся и сказал мне: «Душа, в к-рой сила станет больше духа обманчивого, – она сильна, и бежит от лукавства, и попечением нерушимого спасена, и взята в покой эонов». Я же сказал: «А те, кто не понял, кому он принадлежит, – где будут их души?» И Он сказал мне: «В тех обманчивый набрал силу, когда они впали в заблуждение. И он томит душу и совращает её к делам лукавства, и бросает в забвение. И после того как он выйдет (из тела), её отдают властям, тем, к-рые произошли от архонта, и они сковывают её оковами, и бросают её в темницу, и кружат её до тех пор, пока она не пробудится от забвения и не достигнет знания. И подобным образом, когда станет она совершенной, она спасена». И я сказал: «Господи, как может душа умалиться и возвратиться в естество своей матери или в человека?» Тут Он возрадовался, когда я спросил Его об этом, и сказал мне: «Воистину блажен ты, ибо ты понял! Эта душа должна следовать за другой, в к-рой есть Дух жизни. Она спасена через него, её не бросают в другую плоть» (26,20-35 / 27,1-20).

⁷³ Отрубленная человеческая голова на блюде – символ чёрной дьявольско-сатанинской мистерии (чёрная месса) Анти-Грааля, тогда как чудодейственная *Чаша*, в к-рую Иосиф Аримафейский собрал кровь Распятого Христа, или чудодейственный *Камень* – выбитый Михаилом ударом меча *Алмаз* из короны низвергнутого Люцифера, как и чудесное *Копьё* Лонгина, пронзившее межреберье Христа, – символы-атрибуты Таинства Св. Грааля (от gradalis – *поступенчатое снисхождение*), к-рое нельзя постигнуть, не постигнув Тайну Времени (епархия Кроноса-Сатурна), не пройдя путь Парсифаля. Не был ли высочайшим посвящённым Мани (*Алмаз* из короны Люцифера, христианское преображение к-рого – Christus verus Luziferus – суть Св. Дух!) – реинкарнация Юноши из Наина и карма хранителя Грааля –

Кроме того, обращает на себя внимание (неэлементарное) созвучие имени Иеу (Иао) избраннику Или и Елисея, к-рый поручил помазать его в царя над Израилем безымянному отроку (по иудейскому преданию – пророку Ионе), Ииуу = Ие(г)у (*Бог есть Он*) – отмстителю дому Амвридов, дому Ахава (+ 857г.) в лице сына последнего – Иорама, и его любодетальной матери – вдовой Иезавели, и прочих 70-и сыновей Ахава, к-рые были безжалостно истреблены мстителем Ииуем, приказавшим, более того, убить царя Иуды Охозию и его 42-х родичей (70 + 42 = 112). А после этого мать Охозии царица-демоница Гофолия (дочь Иезавели и Ахава) велела избить всех своих внуков, не дотянувшись лишь до чудотворно спасшегося-спасённого, благодаря чему чудом не погиб оказавшийся на грани гибели дом-род Давидов, годовалого Иоаса.

И происходило всё это, т.е. вековая революция Ииуу = Ие(г)у в Израиле, потрясшая также Иуду, в пору Двухцарствия дуалистических Израиля и Иуды, совсем не случайно именно (через 11 лет по вознесении Или – 856г.) в 845г. до н.э., отстоящем на (тайна числа Мелхиседека – преобразителя материи = «Приимщика, очищающего Свет»!)⁷⁴ 888 (число Христа!) лет от 44г. н.э. – года Астральной Мистерии Спасителя, к-рая не случайно свершилась спустя именно 30 лет и 9 месяцев (земной возраст Иоанна Предтечи!) от малокрещенской и малопреображенной (от одухотворительно-слиятельной) апрельской Пасхи 14г. н.э.

Парсифаля, имя к-рого (не столько перс. – Perseval, сколько парф. – Parzival) означает *Проходящий сквозь дол* – Mittendurch!

Неспроста *макрокосмическое* повествование о Граале Вольфрама фон Эшенбаха, в отличие от *микрокосмического* у Кретьена де Труа, ведёт читателя по знакам Зодиака, через зодиакальные созвездия (зороастрийские Амшаспанды Великого-Космического-Патонава года из 12-и Космических месяцев, включающих 7 месяцев нашей Пост-Атлантической стадии эволюции) к *Чистому Времени* Христа Спасителя!

⁷⁴ Проживший 365 лет и вознесённый живым на небо Енох предваряет Мелхиседека, как Мелхиседек (согласно Филону, – «воплощённый Логос»), предваряет первосвященника вовек по чину Мелхиседека – Иисуса Христа!

У Филона, кто в своём обычном амплуа мудро, правда, постфактум, посредничает между мудростью иудейской и мудростью греческой, София – женский принцип Триады: Богоотец-Богоматерь-Богосын (Космос-Логос); ОНА – космическая сущность, обитающая одновременно в душах людских; ОНА родилась из головы Бога, сходно рождённой из головы Зевса (*кесарево сечение* во духе!) Деве Афине; ОНА – питающий души человеческие манной небесной, т.е. Божественным Духом и изошедшим из НЕЁ Логосом, родниковый источник; ОНА – творческая потенция Бога; ОНА – свет Солнца... (Р.л. 469).

Между прочим, вовсе не чуждая иудаизму женская репрезентация-ипостась Единого Бога различается под духовными именами: Шехина (видимый знак эфирно-облачного присутствия Божества над ковчегом завета), Рахиль и Лия (вознесённые в духе праматери-устроительницы дома Израилева = дома Иакова = дома Иосифа, в к-ром *лучший из братьев* Иосиф – *сердце*, а *сильнейший* – Иуда – *разум*: оба – предварители мессианистического дуализма: двух братьев Иисусов из колена Иуды = дома Давида – сыновей Иосифов, Соломонида и Нафанида, и одновременно сыновей двух сестёр, по имени Мария, из дома Иосифа, колена Ефрема), Хокма (София), Малхут (Царица), Мишна (Мудрость-Премудрость)... Теснейшим образом связанная с Духом = Пневма София = Божественная Премудрость Древнего Завета прославляется в Песни Песней (к-рая, сообразно р. Акибе, есть Святое-Святых Канона!), в Книге Притчей Соломоновых, в «Книге Премудрости Соломоновой», в «Книге Премудрости Иисуса Сираха», или в апокрифических «Одах Соломона», где Мудрость уподоблена «Совершенной Деве» (33).

Р.С. Классические книги Каббалы «Бахир» и «Зохар» содержат, среди прочего, отвержение-неприятие возрождения веры в сотворённую Матерью мира женскую ипостась Бога – Матронит (от римского «матрона»), К-рая некогда торжественно сочеталась браком (со своим

И если возмездно-отмстительная ветхозаветная революция Иеу произошла через 15 лет от гибели Навуфея и через 11 лет от вознесения (взятого живым на небо) Илии, то Астральная Мистерия Христа в Рождество 44г. свершилась на 15-м году от Крещения Иисуса в январе 30г. и спустя 11 лет и 9 месяцев = на 12-м году от Тайнства Голгофы. И если Илия (Навуфей) родился (в дохристианский век Св. Грааля – IXв. до н.э.) в 888г. до н.э., т.е. за 43 года до революции Ииуя, то Астральная Мистерия Христа = Христово светосно-осеменительное соединение с одушевлённой Землёй в облике звёздно-золотого, в облике пронизанного солярностью и хрустальной голубиной небесного дождя вершилась спустя 43 года от Рождества 25.12.1г. н.э. Иисуса Нафанида!

Если в основе духовности Ветхого Завета групповая вера общины в рамках непреложного закона, если Ветхий Завет понимает-принимает-допускает в качестве сына Божия только совокупный-коллективный-коллективистский Израиль (народ-богоизбранник), исключая саму возможность (святотатственного) Сына Божия в любом отдельном индивидууме, в т.ч., в Мессии (к-рый тоже *раб* Божий, пусть под № 1), то в основе идеала Нового Завета и максимально христианского Гнозиса (Мудрого Знания), вкупе с Пистис (Мудрой Верой), – свободный союз свободных индивидуальностей во Христе! Союз свободных с верой в познаваемого на имигинативно-инспиративно-интуитивном уровне Бога Единого – во имя Отца и Сына и Святого Духа (пятидесятичная Троица), хула на К-рого, т.е. на Дух Святой (женский род в семитских языках – Руах Эллоим), не прощается, и К-рый (исходящий от Отца через Сына)⁷⁵ суть **Вечная Женственность** – суть *дочерняя* субстанция Отца и *суженая* (сизигия = андрогинное единство) Сына!⁷⁶

братом) Яхве. Земным домом новобрачных был Иерусалимский храм. В благодатные времена Яхве каждую Субботу (день Сатурна) прилетал-нисходил на землю и овладевал-обладал Матронит (Зохар Тикуним 34,77), поддерживая принцип благочестивого соединения иудейских мужей и жён по субботам, что продолжалось до гибели храма, после чего Яхве перестал прилетать-(с)нисходить, став недоступным для людей, а Матронит продолжала помогать людям. Яхве охладел к ней и Матронит, утешая бедных еврейских мужей, не устояла перед настойчивыми приставаниями Сатаны, сила к-рых возростала пропорционально падению нравов народа Израиля, рост распушенности к-рого давал дополнительные силы Сатане, от к-рого не было защиты. В то же время Бог, лишившись благословенного брачного сообщества с Матронит-Шехиной, терял божественное могущество. При этом особая опасность заключалась в том, что Богиня являлась составной частью имени Бога Яхве в форме тетраграмматона (YHWH), определяясь четвёртой буквой (H). С потерей одной терялся смысл тетраграмматона = Бог переставал быть единым и неделимым. Чтобы избежать такой перспективы, Яхве в срочном порядке воспользовался услугами служанки Матронит – красавицы Лилит, с удовольствием заменившей Богиню на божественном ложе. Однако Лилит никогда не сделалась настоящей любовью Яхве, служа для энергии-потенции Бога всего лишь «громоотводной» (эрзац) заменой (пустоты) (Зохар 3,69а), из-за чего она уходила по субботам в пустыню, где горько плакала от безысходности...

Не сродственно ли это представление каббалистами женской ипостасной божественности в резко отрицательном (компрометирующем её) свете (супротив утраченной Софии-Премудрости былого как подчинённой Всевышнему женской субстанции Божества, как Его дуалистической половины) в пользу безраздельно мужского (господьственного) Единобожия (к-рым и в к-ром безостаточно интегрированы-поглощены Шехина, Хокма, Мишна, Св. Дух женского рода) пасквильантским байкам Талмуда и «Толдотов Иешу» о якобы Непорочном зачатии «сына блуда» (мамзер бен ниддах) от то ли порочной, то ли опороченной, временами сумбурно совмещаемой с Магдалиной («магдала наши»), матери, и т.д. и т.п.

⁷⁵ «От Отца», или «от Отца через Сына» (II-й Вселенский собор 381г.) – для восточных христиан; «от Отца и от Сына» (Filioque) – (начиная со времени Толедского собора 589г. и иницировавшего позднее введение Filioque в Credo Карла Великого – этого нового исторического, сменившего прежнего метаисторического, *короля Артура*) – для христиан западных (Д.И. 921/22). Последние не могли, по ходу эволюции западного христианства (с его упором-

Дальше – больше. Астральная Мистерия Христа вершится на горе (дуалистического) Вознесения Господня, на склоне к-рой располагалась Вифания – обитель сестёр Лазаря – Марфы и Марии. На горе, к-рую можно назвать *Марфо-Мариинской* или *Лазаревой*, где, по преданию, в Вифании, в доме Лазаря, жила после Таинства Голгофы Богородица. На горе, на к-рой в таинственное Рождество, в зимний солнцеворот 44г. Иисус открывает ученикам, что Апостолица Апостолов Мария Магдалина (из 46-и вопросов, заданных Иисусу в апокрифе, 39 ставятся ею), названная «Чистым Духом» (2,87), и Апостол Апостолов Иоанн Девственник, кому уготовано Царство Света, поднимутся выше всех Его учеников:

«Где буду Я, там будут Мои 12. Но Мария Магдалина и Иоанн Девственник (Возлюбленный Иоанн = Воскрешённый Лазарь) возвысятся над всеми людьми, кто получит Тайну Неизречённого. Они будут от Меня по правую и левую руку. И Я суть они и они суть Я (Он – в них, и они – в Нём)...» (2,96). А ранее, в «П.С.» 1,19, Иисус не случайно говорит: «...Мария – блаженна ты пред всеми жёнами, к-рые на земле, ибо станешь ты Плеромой (Полнота) всякой Плеромы и Совершенством всех Совершенств».⁷⁷ Марианская – *вечная женственность* – субстанция *солярной* Елеонской-Масличной-Оливковой (супротив *лунарной* Храмовой) горы.

Под крестом Голгофы 3.04.33г. с получающей, как и (её брат-близнец) Лазарь-Иоанн, непосредственную инспирацию от Распятого Марией Магдалиной произошло то, что произошло с Марией Старшей – в становлении Её Мадонной – при Крещении Иисуса в Иордане, когда существо Марии снова стало девственным, обретя новодевственность (новодевственную конституцию тела, души и духа) во Христе.⁷⁸

И как под крестом Голгофы ушедший за 19 лет до того в Успение (18.04.14г.) Иисус Соломонид (Заратустра) *аполлонически* восстал (осенив его мудростью Заратустры) в Лазаре-Иоанне, попечению к-рого Христос поручил-доверил с креста Деву Софию, так над Магдалиной под животворным древом Креста Господня охранительно сораспростёрлись *Покрова* парившей со времени Крещения над Марией Софией (её ушедшей в Успение 8.09.14г. н.э. младшей сестры) Марии Благодатной!

Т.е. ото дней Таинства Голгофы Магдалина делила вышнее покровительство (Покрова) Богородицы с Девой Марией, чтобы сделаться, по Её Успению 15.08.54г. н.э.,⁷⁹ Её земным, в составе марианской троицы, сестрински-дочерним олицетво-

перевесом на Сына), в вопросе исхождения Св. Духа (при постижении-исповедании Св. Троицы) не уравнивать Отца с Сыном. Если на Западе человек восходит к Богу, переживаемому во Времени, то на Востоке переживаемый в Пространстве Бог нисходит к человеку.

P.S. Если на Западе – нет гнезда выше орлиного, как нет праздника краше Рождества (хотя главный праздник и на Западе – Пасха), то на Востоке – нет праздника ни выше, ни краше Пасхи. (Причём Пятидесятница-Троица и там, и там – в тени – под вуалью грядущего!)

⁷⁶ Три дочери Вечной Женственности в греко-римской античности это – рождённая девой Реей Кроносу-Сатурну (сыну Урана и Геи): Гера = Юнона (Водолей); Гестия = Веста (Козерог); Деметра = Церера (Дева с колоском в руке).

⁷⁷ «Ев. от Филиппа»: «София, к-рая называется бесплотной, – Мать Ангелов. И общница Сына – это Мария Магдалина» (55).

⁷⁸ Пролит кровью Авеля на Землю-Мать, Каин лишил её девственности, к-рую испуительно восставила (голубая) кровь, пролитая (примирившим Авеля и Каина, авелитизм и каинитизм) Христом на кресте и с креста Голгофы.

⁷⁹ По обе стороны от 44г. н.э. (до к-рого, к слову, 113 лет от мученичества в 70г. до н.э. Иешуа, сына Пандиры) отстоят: 24г. н.э. – переживание Иисуса из Назарета, при Его возвращении в Палестину из самого дальнего ойкуменического странствия 23/24г., у языческого алтаря в Киликии: макрокосмический «Отче наш»; 34г. н.э. – обращение Савла, по явлении ему эфирного Христа (в ауре Земли), в результате и после чего ярый гонитель христиан Савл свято уверовал в Распятого и Воскресшего Спасителя, на пути в Дамаск; 54г. н.э. – Успение Богородицы; 64г. н.э. – окончание (начатого Иродом в 17г. до н.э.) обновленческого строительства Иерусалимского храма (за 6 лет до его разрушения в 70г. римлянами) и первые нероновские гонения на христиан в слепожарищном Риме.

рением и продолжением (Т.Г. 1368/69). И как Лазарь-Иоанн стал сыном Девы Софии и духовным братом-близнецом Христа⁸⁰, Его земным олицетворением-продолжением⁸¹, так сестра-близнец Лазаря-Иоанна Мария Магдалина – земное олицетворение-продолжение Новой Лии и Новой Рахили, (проникнувшись благодатной Софией, сделавшись общницей Сына) стала дочерью, сестрой и небесно бракосочетавшейся с Ним супружницей Христа во Духе!

Два брата Иисуса и Лазарь-Иоанн! Две сестры Марии (Матери Иисусов – Соломонида и Нафанида) и (заступившая в час Мистерии Голгофы на место их двоюродной сестры Марии Клеоповой, матери Иакова Меньшого и Иосии) Мария Магдалина, кто в христоносно-рафаэлическую Страстную среду сакраментально-помазательно (Т.Г. 1359-69) явила преображение земной любви в небесную, физической в духовную, плотской в жертвенную, тленной в нетленную, смертной в бессмертную! Близнецы Лазарь и Магдалина как новые Аполлон и Латона, как новые Аполлон и Артемида, как искупленный Каин и искупленная Лебуда! Не на них ли опочил дух безгрешного Второго Адама и спасённой-искупленной Евы вдвойне!

Не им ли первым – как первой удостоившейся явления верующей жене и как первому уверовавшему мужу – Воскресший Христос и Воскресение Христа открылись-предстали в светлое Христово воскресенье 5.04.33г. н.э.! Не они ли первыми восприняли обезвещественное (дематериализованное-деминерализованное) Фантомное Тело Воскресения Христа, (дуалистическая) Эфирная Мистерия К-рого (Таинство Эфирного тела Христа) свершилась-завершилась на 40-й день от Мистерии Физической (Таинство Физического тела Иисуса, разродившегося Христом с креста Голгофы) – на горе Елеон, в день Юпитера, 14.05.33г. Свершилась за 10 дней до пятидесятничного Сошествия Св. Духа в день Солнца, чтобы Мистерия Астральная (Таинство Астрального тела Христа) кульминировала на той же Масличной горе (посвящения) в полнолунно-солнцестоятельное-солнцеворотное Рождество (на Святки) 44г. н.э.!

Климент Александрийский: «За очищением следуют малые мистерии, к-рые создают в себе основоположения учения и подготавливают к следующим за ними великим мистериям, к-рые уже ничему не учат, подводя к непосредственному созерцанию и осмыслению начал природы и вещей» («Строматы» 5,11,7).⁸²

Если Астральная Мистерия Христа свершилась на 17-м году от выступления осенью 28г. Иоанна Предтечи-Крестителя (усечённого мечом в 32г.), то на 17-м году от Астральной Мистерии Христа весной 61г. Ап. Павел (усечённый мечом в 67г.) прибыл в (столицу мира сего) Город Рим.

⁸⁰ Согласно одному из пониманий-толкований соединения Иисуса и Христа (= Христа Небесного с земным Иисусом) в гностическом «мифе о падшей Софии» (метафора человеческой души, *выпавшей* из брачных чертогов и вновь обретшей их; ср. розенкрейцерско-алхимическое бракосочетание просветлённой человеческой души с Богом), «Христос, в объятиях Софии (с её помощью), вошёл в Него (Иисуса) и так родился Иисус Христос».

⁸¹ Притом венцу Века Апостольского Лазарю-Иоанну предстоят ещё в грядущем два важнейших посвящения: 1) как 12-летнему (безмянному) Отроку 12-ю Старцами – 1250г. (на 1260-м году от 7-летия в 10г. до н.э. родившейся 31.12.17г. до н.э. Марии Старшей) – в пору летнего солнцестояния всемирной истории; в год кончины Фридриха II Гогенштауфена; в год пленения мусульманами Людовика Святого; в год начала Мамелюкского султаната в Египте; год перенесения *Копья Лонгина* из Гегарда в Эчмиадзин; 2) как (основателю в 1407г. *первого* Ордена Розы и Креста) Кр.Розенкройцу – в рыцаря Золотого Камня – высочайшим, в его очередной инкарнации, посвящённым Мани-Парсифалем – 1459г. (*второе – граалическое* основание Ордена Розенкрейцеров, спустя 26 x 2 или 13 x 4 = 52 года от 1407г.; на 1460-м году от рождества 6.01.1г. до н.э. Иисуса Соломонида; в пору 7-летия Леонардо да Винчи, к-рый родился в пору – 1452г. – первого видения-призыва Кр.Розенкройца на *алхимическую свадьбу*).

⁸² Называя Иисуса мистагогом, возвращающим гностиков посредством мистерий, Климент

Р.Штайнер: «Жизнь Иисуса есть одновременно и символ, и факт. Доказательство жизни Иисуса может дать только Духовная наука. Исторические доказательства не найдены, ибо Христос как высокий посвящённый не был знаком тогдашним историкам».

«Внутреннее слово развивается после того, как человек уже научился созерцать астральное. Затем он приходит к деваханическому состоянию, в котором он слышит звучащие в нём мировые тайны, а также имена, к-рые имеет каждая вещь. Позднее посвящённому сообщается и его собственное имя, и медитация над ним является исключительно действенной. Это и есть внутреннее Слово. Это внутреннее Слово становится надёжным водителем для последующего развития».

О «Пистис Софии»: «Эта книга написана на коптском языке и содержит множество речей Христа при посвящении Его учеников, много внутренних истолкований притч. Самой важной является 13-я глава. Naimarmene (Гаймармена) – это Девахан.⁸³ Ведь сверхчувственный мир поделён на 12 Эонов – 7 разделов астрального плана и 5 низших разделов Девахана.⁸⁴ Заблудшие духи могут быть очищены с высот Девахана. Очищающий светом дух Христа – это Мелхиседек. Подразумевается он, когда речь идёт о Епископе Света. Под Архонтами надо понимать злые силы».⁸⁵

говорит: «Гнозис, завещанный Апостолами немногим избранным, дошёл до нас в виде устной традиции».

Ориген: «Получившие харизму гнозиса и Софии живут уже не в вере, а в созерцании. Это пневматики, к-рые уже не в теле, а во духе с Господом».

И опять обратим внимание на расцвет (и закат) христианского гнозиса именно в архангельскую эпоху Анаэль-Венеры (II-Vвв.; 108-462гг.). Ана – божественный принцип Софии; Анна – историко-метаисторическое и мистериальное имя матери сестёр Марии и Марии (новая Лия и новая Рахиль) – Св. Анны. Не примечательно ли в связи с этим то, что единство высшего и нижнего духовных миров халдеи называли «Ану» (имя принесённой в Карфаген из промежуточно-интервальной между Египтом и Вавилонией Финикии карфагенской Венеры).

Если (венериальная) халдейская астрология делала упор на звёздной мудрости между рождением и смертью, то (герметическая) египетская – на звёздах между смертью и новым рождением. Зиккураты – архитектурно выражают стремление человеческой души к Небу, а Пирамиды олицетворяют её привязку к земле, как созерцание (чистилищной) Камалоки, через к-рую человек должен пройти. Культура Иштар-Венеры и культура Гермеса-Меркурия, осенявшие в Греко-Римскую эпоху Овна-Агнца последний всплеск эллинизма – от Адриана (+ 138г.) до Юлиана Отступника (+ 363г.) и христианских Вселенских соборов Vв. н.э. (III-й Эфесский – 431г.; IV-й Халкидонский – 451г.) – на излёте истории-метаистории Древнего мира.

⁸³ «И Я оставил позади себя это Место, подойдя к Вратам Второй Сферы, к-рая суть Геймармена (Судьба). Врата же все встревожились и распахнулись сами собой, и Я вошёл в Дома Судьбы, светясь чрезвычайно и не было меры Свету, пребывавшему во мне, ибо Я светился в Геймармене (Судьбе) в 49 раз сильнее, чем в Сфере. И встревожились все Архонты, и все те, кто пребывают в Судьбе, и они упали друг на друга и находились в очень сильном испуге, увидев Великий Свет, пребывавший на мне. И они посмотрели на моё Одеяние Света, увидели тайну их имени на моём Одевании и преумножили смятение, они пребывали в великом страхе и они сказали: «Каким же образом Господь Всего прошёл мимо нас, а мы не узнали?» И развязались все Узы их Мест, и их Чинов, и их Домов; они подошли все разом, пали ниц, поклонились предо мною и они воспели все вместе разом Внутреннюю (Часть) Внутренних (Частей), пребывая в великом страхе и в великой тревоге» (1,13).

⁸⁴ В «Апокрифе Иоанна» (10,28-11,8) и в «Ев. Иуды» (51/52) речь идёт о «властях», к-рых 12: 7 царят над 7-ю небесами, 5 – над бездной ада (бездна/хаос и ад не различаются).

⁸⁵ Е.Григорьева «Царь Правды Мелхиседек»: «С текстом «Пистис София» был хорошо знаком антропософ Р.Штайнер. В комментариях к Евангелию он упоминает «Пистис Софию» и говорит о Мелхиседеке, как об «очищающем Святом до Христа». По мнению Штайнера, Авраама встретил великий посвящённый Солнечных Мистерий, явившись перед ним в эфирном теле Сима – родоначальника семитов. Сим – один из трёх сыновей Ноя. Именно от него произошёл весь семитский народ, так как в эфирное тело Сима «было вткано существо

Не без веских оснований в «П.С.», где говорится о 12-и Спасителях Сокровищницы Света как о 12-и новых силах, к-рые получают те, кто воспринимают единственно истинный Свет Христа, Иисус открывает ученикам: «Все люди этого мира приняли свои души из силы Архонтов Эонов. Но сила, к-рая в вас – от Меня. Ибо ваши души принадлежат горнему».

* * *

Значительная часть текста «Пистис София» (дошедшего до нас в, как полагают часть исследователей, коптском переводе с утраченного греческого оригинала) посвящена падению, покаянию и спасению сущности высшего мира – Пистис Софии = горней Софии, в сочетании с постановкой и разрешением вопросов о мытарствах и путях спасения человеческой души.

В центре внимания анонимного автора-авторов – тема Света, его единства и очищения, сопротивления его отторжению и рассеянию, представленная как на уровне космического бытия, так и единичного существования. Произведение построено как беседа Иисуса с учениками, в обычном для гностицизма формате, с описанием пути в Вышине, участия Софии, с требованием от учеников, первые среди к-рых, как сказано, Мария Магдалина и Лазарь-Иоанн, исчерпывающего истолкования услышанного.

13 покаянных Гимнов Софии, обращённых к Свету, перемежаются интерпретациями учеников, ссылающихся на Псалмы Давида, при посредстве к-рых (более связанных с «Септуагинтой») толкуются Гимны (более близкие к еврейским текстам Псалмов) и наоборот, – с присущим Гимнам космизмом и с присущим Псалмам молитвенным покаянием. Падение в вещественное-материальное (сходно в «Апокрифе Иоанна») есть заблуждение, оборачивающееся наказанием. Выход – в катарсическом очищении Света, в спасении падшей Софии и духовном бракосочетании с Ней, в бракосочетании Христа с покаявшейся, спасённой и искупленной челове-

аватара». Эфирное тело каждого семита стало точным отображением эфирного тела Сима. По мнению Штайнера, эфирное тело Сима было после его смерти сохранено в духовном мире, и именно в него облёкся при воплощении на Земле Царь Праведности Мелхиседек. По мнению Штайнера, ритуал, к-рый совершал жрец Адонаи Мелхиседек перед жрецом древних иудеев Авраамом имеет глубокий сакральный смысл.

Мелхиседек принёс в жертву хлеб и вино, к-рые в науке посвящения идентичны соли (вспомним, что финикийский Сидик ввёл в употребление соль!) и сере (фосфору). Через соль (хлеб) человек соединяется с Землёй, через вино (фосфор) – отрывается от неё. Соединение соли и фосфора ставит человека в правильные отношения с земным бытием. Древние еврейские жрецы заменили хлеб, содержащий соль, опресноками. Тем самым они поставили себя над землёй, признавая лишь небесное жречество. Евреи времён Христа не понимали, что Мессия может явиться в земном теле (т.е. в теле Воскресения – К.3.). Эту ошибку первым понял Павел, к-рому (Распятый и Воскресший – К.3.) Христос открылся в своём эфирном облике. Во время знаменательной встречи с Авраамом Мелхиседек дал ему (через жертву соли и фосфора) учение о повторных воплощениях. Те, кто участвовал в его жертвоприношениях, узнавали, что зло, совершаемое в этой жизни, переходит с данного тела на тело в следующей земной жизни. Именно это перенесение и развивает мировую судьбу человека – карму. Если бы земные дела завершались в одной жизни, то плоды доброго и злого унаследовал бы после смерти человека «князь мира сего» – люциферическо-ариманический дух. Штайнер пишет: «Жертва Мелхиседека состоит в том, что исцеление, спасение от грехов сохраняется за людьми, но так, что они постоянно вырываются из власти князя мира сего, обретая возможность из собственного существа в дальнейших жизнях изгладить собственные грехи».

ческой душой! «Пистис София» – гимн Вечной Женственности как (гётеанистической) «заповеданности истины всей».⁸⁶

⁸⁶ Знайте же: Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идёт,
В свете немеркнушем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.

Всё, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, –
Всё совместит красота неземная
Чище, сильней, и живей, и полней.
(В.Соловьёв)

«Бог Отец по самому существу своему не может быть без Слова, Его выражающего, и без Духа, Его утверждающего. [...] Теперь необходимо определить и назвать самую безусловную объективность, единую субстанцию божественной Троицы. Эта единая субстанция есть всеединство (tout dans l'unité), это абсолютное единство есть мудрость, София Божества. Это «всё» в противоположность Богу, как безусловно Единому, есть множественность, но множественность, как содержание безусловно Единого, как усиленная Единым, как сведённая к единству. Множественность, сведённая к единству, есть целое, живой организм в вечном Боге, и это объединение множественности вечно...» (Соловьёв)

«София, или Мудрость Божия, постоянно вызывает к бытию бесчисленное множество возможностей из недр внебожественного существования и вновь поглощает их во всемогуществе, истине и благодати Божией. Однако, ежели всемогущество и истина Бога могут довольствоваться тем, чтобы Бог был всем, то благодать Его требует, чтобы «всё стало Богом» (Соловьёв)

«Логос на основе механической причинности обнаруживает всеединство в законе всемирного тяготения, дабы внутренняя сила соединила разрозненные частицы хаоса и создала бы единое компактное тело, первую материализацию мировой души, первую основу для действия Премудрости Божией» (Соловьёв)

В христианской философии София, как понятие, отражающее представление об одухотворённости всего сущего, иногда тождественно понятию Логос, а в некоторых системах заменяет понятие Мировой души. Софиология – течение русской богословской мысли на рубеже XIX/XXвв.: В.Соловьёв, П.Флоренский, С.Булгаков. Центральное понятие софиологии – София-Премудрость, используется ими весьма неоднозначно, как сущность Бога, как Четвёртая ипостась (Троицы, не превращающейся в Четверицу!), как грань между Богом и миром, как организующее начало противопоставленной индивидуализму и коллективизму соборности. И время раскрытия-расцвета этой софиологической соборности = Соборной Софии грядущего – VI-я Славянская эпоха Самодуха (3573-5733гг.), под знаком Водолея-Купалы, к-рая, будучи созеркальна II-й Пра-Иранской (противостояние Иран – Туран) эпохе (5068/67-2908/07гг.) развития-эволюции (искупленного-просветлённого спасшим падшую Софию = Ахамот Христом в эпоху Овна-Агнца) Астрального тела, под знаком Блинецов, придёт на смену нашей Германо-Англосаксонской эпохе Души сознательной, под знаком Рыб.

«София есть Великий Корень цело-купной (всецелостной) твари, к-рым тварь уходит во внутри-Троическую жизнь и через к-рый она получает в себе Жизнь Вечную от Единого Источника жизни; София есть перво-зданное естество твари, творческая любовь Божия» (П.Флоренский)

«В отношении к твари София есть Ангел-Хранитель твари, Идеальная личность мира. Образующий разум в отношении к твари, она – образуемое содержание Бога-Разума, «психическое содержание» Его, вечно творимое Отцом через Сына и завершаемое в Духе Святом: Бог мыслит вещами. Поэтому существовать – это и значит быть мыслимым, быть памятуемым или, наконец, быть познаваемым Богом» (Флоренский)

«Если София есть вся Тварь, то душа и совесть Твари, – Человечество, – есть София по преимуществу. Если София есть всё Человечество, то душа и совесть человечества, – Церковь, – есть София по преимуществу. Если София есть Церковь Святых, то душа и совесть Церкви Святых – Ходатаица и Заступница за тварь пред Словом Божиим, судящим тварь и рассекающим её надвое, Мать Божия, – «миру Очистилище», – опять-таки есть София по преимуществу. Но истинным знамением Марии Благодатной является Девство Её, красота души Ея. Это и есть София» (Флоренский)

Этот *солярный* (с прикладной *лунарностью*) трактат, к-рый смело можно назвать гностическо-апокрифическим Евангелием № 1, в к-ром задействованны «Плерома» (Полнота), «Гистерма» (Неполнота), Гаймармена (Судьба = Девахан) и проч. во множестве гностические термины-понятия-категории, — как сотериологический, так и космогонический, нуждающийся сегодня, для его верного-правильного восприятия-понимания (при условии неперемного отчленения зёрен от плевел), посредством одухотворённого интеллекта, именно в антропософском ясномыслии-яновидении!

Однако сейчас нас интересует не временами сходящийся и временами расходящийся с метаисторизмом люциферизм «П.С.», а то, — насколько, в какой мере, автор-авторы произведения Пв. были посвящены в позаимствованные им/ими именно метаисторические и метахронологические тайны-тайнства Века Апостольского. Среди них — как плавающая-дрейфующая (хронодрейф!) увязка дуалистически-округлительных-закруглительных (в круге Святых Ночей) сакральных дат 6.01. — 25.12. в объятно-спиритуальном интервале 1г. до н.э. (1, 14, 24, **30 — 33**, 34, 37, 40/41гг. н.э.) — 44г. н.э. (см. выше), так и собственно Астральная Мистерия Христа — как Таинство Астрального Тела (нетленной телесности) Спасителя. И в связи с этим весьма примечательно следующее.

Посмертный распад астрального тела (тело ощущений) обычного человека происходит по прошествии трети времени от купного срока его земной жизни. Но в единичном беспрецедентно-феноменальном случае со Христом Его не подверженное (не подвергнувшееся) распаду, Его просветлённое Астральное тело *объяло* своими защитными покровами (подобно тому, как Он объял, раскинув руки — *Ich breite die Arme aus* — по концам креста, искупаемое-спасаемое Им человечество) планету Земля. Его Астральное тело пролилось на Землю оплодотворительно-одухотворительным плеском *голубого ливня* и сделалось Совестью человечества!

Эфирная Мистерия Христа (не распавшееся на 3-й от смерти воскресенский день Эфирное тело К-рого было способно уплотняться — в Христовом явлении избранным ученикам, в явлении тем, кому Он желал явиться, и на протяжении 40 дней являлся — до обезвещественного *фантомного* физиса) имела место (Малое Вознесение) в светлое Христово воскресенье (в ночь с 5 на 6.04.33г.) и (Большое Вознесение) в вознесенские сороковины 14.05.33г. А время послевознесенского (и послепятидесятничного) Астро-Таинства Христа — это Святочное Рождество 44г. н.э., таинственно *отдрейфовавшее* сюда — в митраисткий конец декабря (*рождение* вышедшего из скалы Митры Девой в гроте — 25.12) — от Святочного Рождества 1г. до н.э. (*возрождение* Осириса из воды, как и рождение Гора, — 6.01.).

Не явился ли астральный Иисус (в своего рода) последний раз подготовленным-готовым к исшествию в мир (за дальние горизонты) ученикам, по миновании трети земной жизни Спасителя, на Масличной горе, где беседовал с ними, расставляя многие точки над многими *i*, через 11 лет, вернее, через 11 лет и (без малого) 9 месяцев от События Событий Голгофы! Явился после полнолуния 15 тибби, после великих небесных потрясений, от 3-го часа 15-й луны в месяце тибби до 9-го часа следующего дня = дни и часы, к-рые, в зависимости от их не до конца ясного истолкования-понимания, выпадают, при всех случаях, на интервал 24/25/26.12.!

Не распростёрлось ли тогда Астральное тело Иисуса защитными покровами над человечеством, не опоясало ли оно золотым кольцом, золотым ливневым звездопадом = солнцепадом планету Земля! Вот в чём Тайна-Таинство Астральной Мистерии Христа, свершившейся на рождественско-святочном декабрьском исходе 44г. н.э.¹⁸⁷

¹⁸⁷ Если Таинство Голгофы весной 33г. свершилось в 3-й год (32/33гг.) первой седмины (30-37гг.) 30-го (30/31-79/80гг.), по царскому седмичному календарю, юбилейного цикла, то

Итак, 11 лет и почти 9 месяцев от Таинства Голгофы, тогда как треть от 33-х лет и 3-х месяцев – классический купный возраст (Единого – из Двух Один!) Христа Господня от (в то время как физический возраст родившегося 25.12.1г. н.э. Иисуса Нафанида на весну 33г. – 31 год и 3 месяца) возраста (родившегося 6.01.1г. до н.э.) Иисуса Соломонида (+ 14г. н.э.) – составляет на апрель 33г. 11 лет и 1 месяц. А 11 лет и 9 месяцев – это треть земной жизни длиной в 35 лет, точнее, в 35 лет и 1 месяц, т.е. на 36-м году, при начале 36-го года (Т.Г. 1771).

И здесь нельзя не вспомнить, что согласно (всё ещё) ожидающим постфактум пришествия двух Машиахов (бен Иосифа – из дома-колена Иосифа, и бен Давида – из колена-дома Давида, с возрастной разницей между ними в – без инаугурированного Христом спасительного ускорения сроков! без сокращения дней! – 4 года) талмудистам-каббалистам (между тем как уже пришедшие Иисус Соломонид и Иисус Нафанид, при возрастной разнице в 2 года, оба были сыновьями Иосифов из дома Давида!)⁸⁸, нечестивцы-ересиархи типа (колченого) Валаама или («амаликитянина-аманита») Иисуса⁸⁹, не достигают середины-половины возраста патриарха (Пс.54,24), погибая в 33/34 года (Санхедрин 106б). Классический возраст патриарха

(постседмичное-постюбилейное) время Астральной Мистерии Христа в рождественско-святочном декабре 44г. – 1-й год (44/45гг.) 3-й седмины (44-51гг.) 30-го юбилейного цикла. Плюс к тому, если время Таинства Голгофы – 280-й год от начала осенью 248г. до н.э. ротационной эпохи Орифиила-Сатурна (354 года и 4 месяца), за 75 лет до её истечения весной 108г. н.э., то время Астральной Мистерии Христа – 292-й год от начала этой эпохи Сатурна, за 64 года до её (на 64-м году) истечения.

⁸⁸ «Теилот»: «Через 40 дней после гибели Машиаха, сына Иосифа (к-рый – с Земли), придёт (четырьмя годами младший) Машиах бен Давид (к-рый – с Неба) отомстить за смерть Мессии, сына Иосифа, и оживить его» (5). Нет ли, в частности, тут глухих отзвуков (впотьмах и наощупь) переигранной-перереформированной последующими иудеями уже свершившейся еврейской Мистерии Христа, к-рая превращена-переделана ими в событие *ещё* грядущее-чаемое-ожидаемое? См.ср. христианское Вознесение на 40-й от Воскресения день; Таинство «Двух Божьих свидетелей» в Откр. Иоанна (11).

⁸⁹ Обращает на себя внимание то, что когда Вербное-Масличное воскресенье приходится на 25.03. (дата Благовещения Ев. от Лк. и фиксированный благовещенский праздник по григорианскому календарю), то Великая суббота (день *мёртвого солнца*) пасхального цикла выпадает на 31.03. – исторический день казни Иоанна Крестителя в 32г., к-рый может быть днём мученичества Предтечи как первая послепасхальная суббота, согласно плавающим-передвижным датам армяно-христианского календаря, сообразно к-рому суббота перед Вербным воскресеньем, симметричная субботе Предтечи (обе равноудалены от Великой субботы), называется Лазаревой и посвящена Лазарю (в то время как день 24.03., по календарю Западной церкви, посвящён Архангелу Гавриилу). А отстоящая на 7 дней от 31.03. дата 7.04. есть фиксированный день Благовещения по календарю Армянской церкви (в то время как в «Армянском Евангелии детства» это – 6.04. = дата – 6/7.04. – Благовещения Ев. от Мф.), и может быть первой послепасхальной субботой в случае воскресной Пасхи 1.04. (день помазания Иисуса Магдалиной в Страстную среду и день предательства Иуды).

Интересно также как то, что у армян субботне-сатурнальные дни воскрешения Лазаря и мученичества Предтечи-Крестителя равноудалённо окольцовывают Великую пятницу, Великую субботу и солярное Воскресенье Воскресения Христова, так и то, что, когда Вербное воскресенье приходится на 25.03., они выпадают на 24-31.03.-7.04., охватывая, в свою очередь, благовещенский круг 25.03.-6.04.

Сходно в отношении рождественско-крещенского святочного круга: 24/25.12. (Сочельник и Рождество по григорианскому календарю) Армянская церковь помнит царя Давида, Св. Семейство и (Давидида) Иакова, брата Господня (к к-рому возводят себя, как его преемники, армянские иерусалимские патриархи, и каменный патриарший трон к-рого находится в Армянском соборе Св. Иаковов в Иерусалиме), а 6.01., по армяно-христианскому календарю, фиксированный святорождественский (тройственный) праздник Рождества (среда 6.01.1г. до н.э.), Поклонения волхвов (четверг 6.01.1г. н.э.) и (спустя 30 лет от Рождества) Крещения-Богоявления (пятница 6.01.30г. н.э.) (Р.л. 816; 987; Т.Г. 1804-08).

– 70 лет; эзотерический – 72 года (длина одного Космического дня в составе одного Космического = Платонова месяца длиной в 2160 лет, в составе одного Космического-Мирового-Великого Года протяжённостью в 25 920 лет).⁹⁰

То-то талмудисты гадают, было ли Валааму или Иисусу на момент смерти 33 или 34 года, а, например, некоторые еврейские средневековые авторы (трактат «Юхасин»; Симеон Дуран) (Р.л. 758-60) числят за Иисусом 36 лет жизни. Т.е. 11 лет и 9 месяцев⁹¹ есть треть земной жизни в (необходимой) проекции на 35 лет или 36-й год, до к-рого Иисус не дожил в свете спасительного для судеб человечества *сокращения сроков* (сокращение дней). Не 333-й, но 33гг. н.э.; не 35/36 лет, но, повторим, 33 года и 3 месяца (родившегося 6.01.1г. до н.э.) Иисуса Соломонида = на время Мистерии Голгофы – 31 год и 3 месяца (родившегося 25.12.1г. н.э.) Иисуса Нафанида.

И при этом нельзя не учесть, что 31 год и 3 месяца есть метаисторический возраст космического Человека (К-рому в срединную-центральную эпоху Овна-Агнца – 748/47гг. до н.э. – 1413г. н.э. – 28-35 лет, с учётом того, что на 30 – 33гг. Ему 30 лет и 6 месяцев, а на 333г. – 31 год и 6 месяцев = половина от 63-х лет) в пору 40-летия родившегося в 216г. н.э. Посланца Света и Апостола Иисуса Христа – Мани – во второй половине 50-х гг. Шв. н.э. А 33 года и 3 месяца есть метаисторический возраст космического Человека на время становления Парсифаля хранителем Св. Грааля ок. 870г. н.э. – в век новозаветного Грааля (IXв. н.э.), симметричный веку ветхозаветного Грааля (IXв. до н.э.), с рождением Или пророка (Навуфей) в 888г. до н.э. и с *вознесением* Чаши Грааля на Небеса, по усупении Парсифаля, в 888г. н.э. (и с рождением Кристиана Розенкройца – через 490 лет после усупения Парсифаля и вознесения Чаши Грааля – в 1378г. н.э.)

И не любопытно ли, что если распределить столетия от 748/47гг. до н.э. между знаками Зодиака, начиная с Овна, то *век* Скорпиона (знак Великих катастроф и Великого обновления) придётся на время с 48/47гг. до н.э. по 53/54гг. н.э. Если же считать с (варроновской) даты основания Рима – 753г. до н.э., то придёшь во время с 53г. до н.э. по 48г. н.э. И двигаясь дальше от 53г. н.э., получишь как 453-й г. н.э. – начало Европы, с возникновением германских варварских королевств, после смерти Атиллы и распада его державы, так и, спустя ровно тысячелетие, – 1453-й г. н.э. – падение, через 2000 тыс. лет от 748/47гг. до н.э. и через 40 лет от 1413г. н.э.

И тут впору вспомнить снова: расположенные между 25.12. и 6.01. (защитное кольцо) дни 31.12 и 1.01. суть дни рождения Марии Старшей – 31.12.17г. до н.э., и Марии Младшей – 1.01.12г. до н.э., при том, что близнецы Лазарь и Магдалина родились 31.12.1г. до н.э., когда (вышедшие из Вавилонии) цари-волхвы были в дороге (посередине пути – с 24/25.12.1г. до н.э. по 6.01.1г. н.э.) на Иерусалим.

⁹⁰ Не смешается ли в результате прецессии точка весеннего равноденствия через каждый знак Зодиака за 2160 лет, а на 1 градус – за 72 года, а на полградуса – за 36 лет! Не составляют ли 12 знаков Зодиака 360 градусов небесной эклиптики, т.е. на каждый знак по 30 градусов!

И не занимательно ли, что число Зодиака, в т.ч., и 11, поскольку из 12-и созвездий одно всегда за Солнцем и невидимо. То-то в Быт.37,9 (сновидец) Иосиф видит во сне склонившиеся пред ним (лучшим из 12-и братьев) солнце, луну и 11 звёзд. Или 11 – сумма 1 (Бог) + 10 (мир). Связка: 11 = 5 (2+3) и 6 (2х3).

Хотя в христианских толкованиях 11, в отличие от 12-ти, в русле предательства Иуды, число неполноты, несовершенства, греха; или – число грешников и покаяния. По Августину, оно символ нарушения 10-и заповедей. Похоже у Шиллера: «11 есть грех, 11 есть преступление 10-и заповедей» («Пикколомини» 2,1).

⁹¹ Не на пустом месте 3 раза по 3 года и 11 месяцев дают время с пасхальной весны 33 по Рождество 44гг. (Или 3 раза по 12 лет и 6 месяцев есть время с весны 33 по осень 70гг. н.э. Или 3 раза по 8 лет и 3 месяца – время с декабря 44-го по известным падением Иерусалима, после гибели храма в августе, сентябрь 70г. н.э.)

(начало V-й Германо-Англосаксонской культуры = Космического месяца длиной в 2160 лет, под знаком Рыб), Второго Рима – Константинополя.

Или – не делится ли Космический месяц из 2160-и лет на двенадцать 180-леток, а 1260 апокалиптических дней (42 месяца из 30-и дней каждый), переведённых в годы, на, соответственно, семь 180-леток (или двенадцать 105-леток).⁹² И неспроста от расположенного посреди ишественных израэлитских сороковин 1447 – 07гг. до н.э. 1427г. до н.э. – дата введения нового года-периода-периодов Сотис длиной в 1460 лет реформатором Аменхотепом Эхнатоном⁹³ – до 44г. н.э. набирается именно 1470 (юбилейных) лет = 490 x 3. Не состоял ли египетский год из 365-и (360 + 5) дней (без вставки 366-го високосного дня). Не сказано ли в трактате «Пистис София», что 365 тыс. лет мира сего суть 1 Год Света (2,99)!⁹⁴

И неспроста ещё от 1917г. до н.э. – год рождения патриарха Иосифа = Иосифа-Израиля (*лучший из братьев* – Рахилит Иосиф – сердце; *сильнейший из братьев* – Лиит Иуда – разум; голова), до 44г. н.э. 1960 (юбилейных) лет (490 x 2 = 980 x 2)! И неспроста ещё от впадения-отпадения Соломона в язычество ок. 937г. до н.э. до 10-летия Ездры в Земле Обета (с 457г. – за 490 лет до Мистерии Голгофы) в 447г. до н.э. 490 лет, как от этой ездраитской даты до 44г. н.э. тоже 490 лет! И неспроста ещё от месяца адар 516г. до н.э. – год освящения Второго храма – на Рождество 44г. идёт-истекает именно 560-й год (70 x 8), к-рый истечёт в 45г. н.э. И неспроста ещё именно на 52-м (13 x 4; 26 x 2) году от Рождества 44г. н.э., в 96г. н.э., будет внято-услышано Лазарем-Иоанном на Патмосе Откровение Иоанна Богослова!

И если в знаменательном 44г. н.э. было предварено-заложено грядущее восхождение Апостола Павла до Третьего (51г.) и Седьмого (58г.) Небес, то с Рождества знаменательного 44г. н.э. (и со святочного круга из 12-и Святых Ночей 44/45гг.) началось восхождение вобравших в себя Астральную Мистирию Христа Спасителя, равно спасённую и духовно осупруженную (сизигия) Христом Софию, близнецов Марии Магдалины и Иоанна Богослова (аж) на Двенадцатое Небо Небес! Самопожертвовательный агничный Ойкуменизм Павла и самопожертвовательный агнично-апокалиптический Космизм Иоанна и Магдалины!⁹⁵

⁹² Шестая 180-летка от 748/47гг. выпадает на 28г. до н.э. – 153г. н.э. (+ 180 = 333), с серединой в 63г. н.э., к-рый (созеркальный помпеянскому взятию Иерусалима в 63г. до н.э.) удалён на 30-33 года от 30-33гг. и на 19 лет от 44г. н.э. Седьмая 105-летка (возраст Иудифи и, согласно некоторым евангельским манускриптам, пророчицы Анны) от 748/47гг. это – период 13г. до н.э. – 93г. н.э., первый из к-рых отстоит на 56, а второй на 49 лет от 44г. н.э.

⁹³ В связи с кармой Аменхотепа Эхнатона как каменованного 25.12.33г. н.э., на 1460-м году от – стоящего посередине между ишественно-обетованными 1447 (спустя 1460 лет от начала Египетско-Вавилонской эпохи в 2907г. до н.э.) и 1407 (за 1460 лет до слятельной Пасхи 14г. н.э.) гг. – 1427-го г. до н.э., ровно за 11 лет до Астральной Мистерии Христа, Первомученика Стефана (см. выше) замечательно, что в коптском апокрифе «Книга Гавриила» (VIв.?), авторство к-рого приписывается Первомученику Стефану (или Евангелисту Иоанну), воскресший Спаситель посвящает 12 учеников в тайну 12-и Ангелов, тождественных суточным часам дня. Каждый из Ангелов, беря слово, представляется самостийно. Гавриил даёт подробный отчёт о себе и торжественно называет день принятия его в ангельский сонм: 22-е число 4-го египетского месяца хойак (предшествующего 5-у месяцу – тиб), к-рое *почему-то (плава-тельно)* попадает на 31.12. (фиксированный день рождения Марии Софии в 17г. до н.э. и день рождения близнецов Лазаря и Магдалины в 1г. до н.э.; середина Святочного круга от 25.12. до 6.01.).

⁹⁴ Если от начала в 1322г. до н.э. последнего древнеегипетского периода Сотис-Сириус (Д.И. 742) до 44г. н.э. 1365 лет, то от даты кончины Аристотеля в 322г. до н.э. до 44г. н.э. 365 лет, а от даты кончины Платона в 347г. до н.э. до 44г. н.э. 390 лет.

⁹⁵ Продолжатель ученика Ап.Павла (новый Дионис) Дионисия Ареопагита (к-рый поднялся до 9-го Неба!) – учредитель – 525г. – непреходящего христианского летоисчисления (по христоцентричному Времени) от дуалистического Рождества Христова (последний вели-

То-то от 44г. н.э. 23 года до мученичества в Риме в 67г. н.э. (когда Иоанн Богослов обосновался на следующие 33 года в Эфесе) Петра и Павла. То-то от 44г. н.э. 33 года до (эфесского) Успения в 77г. н.э. Магдалины (из к-рой Иисус изгнал 7 бесов и к-рая дважды – юбилейно и пасхально-жертвенно-предпогребально – помазала Его, вступив, как спасённая, как прошедшая через Христов катарсис София, в духовный брак с Ним): «всеблаженная Плерома, к-рую будет ублажать все роды». То-то от 44г. н.э. 56 лет до Успения (Эфес) 24.06.100г. н.э. (в день рождения в 1г. н.э. Иоанна Предтечи-Крестителя) автора Евангелия Евангелий и Откровения (Откровений) = Книги Книг в Книге Книг – Иоанна Богослова.

Не он ли есть воскрешённый и посвящённый Самим Иисусом Христом в тайну грядущего Агнца Божия и в тайну Жены, облечённой в Солнце (под ногами к-рой луна, а на голове венец из 12-и звёзд), любимый ученик Господа – Лазарь-Иоанн! (перед к-рым другой таиннейший ученик – первовоскрешённый Христом Юноша из Наина – грядущий Мани-Парсифаль! в то время как между Юношей из Наина (июнь 31г.) и Лазарем (февраль 33г.) Иисус воскресил (август 31г.) дочь Иаира (за 888 лет до бракосочетания сына Парсифаля, Лоэнгринга, с Эльзой Брабантской – 919г., и за 1560 = 520 x 3 лет до загадочной гибели в 1591г. царевича Дмитрия)!

* * *

Несмотря на то, что в Древней Греции имя «София» впервые встречается у Гомера (Ном. 2,15,411/12) в комбинации с (непорочно рождённой из головы Зевса девой) Афиной – олицетворением божественной мудрости, тем не менее, Мудрость (мастерство; знание; премудрость) для греков безлична. Но в Ветхом Завете, где раскрытие Бога богоизбранных, в эволюции от (ветхозаветного) «мы» к (новозаветному) «Я», немисливо без лица, – она = Мудрость – приобретает личностный облик, становится вторым (соподчинённым первому) Я Всевышнего, выступает как олицетворённая Премудрость Божия.

«Она есть дыхание силы Божией и чистое изливание славы Вседержителя» («Премудрость Соломона» 7,25), «вышедшее из уст Всевышнего» (Иисус Сирах 24,3). Она –

кий космополит Древнего мира) Дионисий Малый, при к-ром и благодаря к-рому, архивариусу (и не только) папской библиотеки в Риме, явились на свет писания Дионисия Ареопагита. Продолжатель-правопреемник Иоанна Богослова (новый Аполлон) – Кристиан Розенкройц, год *рыцарско-златокаменного* посвящения к-рого – 1459г. – есть одновременно, повторим, год 7-летия великого Леонардо да Винчи, к-рый (как никто другой) запечатлел в своих бессмертных творениях вышнудуховное бракосочетание (Сизигия) спасённой Софии и Христа Спасителя! Не восходит ли *вечная женственность* Иоанна Девы в «Тайной Вечери» Леонардо именно к (Иоанновой сестре-близнецу) Марии Магдалине?!

Спрашивается-восклицается: зачем, выясняя, кому принадлежит т.н. авторство вынырнувших (словно из ниоткуда) в VIв. н.э. эзотерических трудов Дионисия Ареопагита, искать-выявлять какого-то Псевдо-Дионисия, если в V/VIвв. жил и творил непсевдо- Дионисий Малый (ок.460 – ок.540г.), к-рый – (без сомнения) представитель (спиритуальной) школы посвящения Дионисия Великого = Ареопагита (в духовном авторстве к-рого, приложительно к соответствующим богословским трудам, не усомнишься), назвался Малым по истинно христианской формуле смирения!?

И не случайно в 534г., т.е. спустя 490 лет от 44г. н.э., когда уже действовали с 532г. Пасхалия и Большой Миротворный круг (Великий индиктион) протяжённостью в 532 года Дионисия Малого (подвижническая деятельность к-рого в 525-32гг. небезосновательно хроно-созеркальна вековым датам жизни Гаутамы Будды – 532-525гг. до н.э.), в Константинополе полным ходом шло строительство храма Святой Софии – Аяя-София, к-рый был закончен в 536 и освящён в 537гг. (ок. времени смертельного ранения в битве при Камлане и перенесения на о. Авалон короля Артура).

Мудрость-Дева или Мудрая Дева – созеркальна Богу, как зеркало Его деяний, как Его (в-из Его *мастерской*) созидательная (творческо-художественная) воля-потенция.

А далее, в вышедшем-изошедшем из Древнего Завета христианстве Нового Завета Иисуса Христа, для ойкумениста Павла (еврея Савла – галилеянина-тарсянина из колена Вениаминова) Христос (Распятый, К-рый соблазн для Иудеев и безумие для Еллинов) есть (для призванных-избранных) Божия сила и Божия премудрость (1Кор.1,24), связанная и идентифицированная христианами с третьей ипостасью Троицы – Духом Святым (= гностическая Дева Света)!

Причём, если в греко-христианской традиции – в Византии и позднее на Руси – София получила именно софиологическое развитие под знаком христианства, к-рое, к примеру, пришло на Русь в таинстве крещения Руси «Премудростью Божией», что выразилось благоговейным посвящением в Византии или на Руси храмов именно олицетворённой Софии, то на Западе Софию (без софиологии) олицетворило мистическое понимание-восприятие Церкви – *Ekklesia-Sophia*.

Однако впоследствии и католическая (на исходе Средних веков), и православная мистика (XIX/XXвв.) свели Её (возвращаясь к апостольским истокам), в ключе первохристианского спиритуального слияния-соединения, с Девой Марией = Дева София = Просветлённое (Пречистое) Астральное Тело (тайна-таинство христо-солярного Золотого Руна в эпоху Овна-Агнца) Богородицы и Иисуса. Христос сошёл в мир из того региона, из к-рого Солнце светило в Деве. И рождение двух братьев Иисусов, Соломонида и Нафанида, Вифлеемлянина и Галилеянина, нового Аполлона и нового Диониса⁹⁶, было рождением Солнца Близнецов в знаке Девы!

Так, если для уже достаточно оторванного от павлианского и иоаннитско-магдалинианского христианства Оригена (+ 253/54гг.) на греческом Востоке София – «одушевлённое и как бы живое» начало – есть «бестелесное бытие многообразных мыслей, объёмлющее логосы мирового целого», то (для произносящего правильные слова и одновременно церковно-ортодоксального) Ириней Лионского (+ 202г.) на латинском Западе: «Только от груди Церкви можно быть вскормленным к жизни. Сопричастным Св. Духу не может стать тот, кто ищет убежище не в (у) Церкви. Кто отделяет себя от Церкви, отделяет себя от Духа Святого». То же подтверждает (западник-латинянин) Киприан Карфагенский (+ 258г.): «Из лона Церкви мы родились, вскормленные её млеком и одушевлённые её Духом». И то же (тоном, не терпящим никаких возражений) манифестирует-запечатывает-опечатывает Августин (+ 430г.): «*Roma locuta, causa finita*».⁹⁷

Анна (*Благодать Божия*) – не только земное, но и мистическое (в ключе верно

⁹⁶ Не без оснований гробница Диониса почиталась при храме Аполлона в Дельфах. Аполлон (Рыбы) – макрокосмос; Дионис (Дева) – микрокосмос. Аполлон – божественная Мудрость; Дионис – божественная Любовь. Аполлон – *извне*; Дионис – *изнутри*. И оба они смыкаются во Христе. Аполлонизация дионисианского и дионисианизация аполлонического.

⁹⁷ Не симптоматично ли христианское «Мученичество Софии» – матери (Мудрость) трёх дочерей = трёх добродетелей – Веры, Надежды, Любви, к-рые были казнены в Риме в правление (адепта деградантного «греческого возрождения») Адриана (117-38гг.). Ведь именно при Адриане (дело к-рого в IVв. безнадежно пытался продолжить последний тронный эллинист-мистериалист умирающего язычества Юлиан Отступник), начиная со времени его правления, после кончины самых последних живых свидетелей-современников Мистерии Голгофы (некоторые из к-рых прожили более ста лет) с угасанием спиритуального знания (завершившегося успехом в 100г. 99-летнего Иоанна Богослова) и познания Века Апостольского, с одной стороны, взойшли и расцвели (согласно преданию) различные (гностические) ереси (Климент Ал. «Строматы» 7,106,4), а с другой, – стартовал завершившийся в IVв. процесс формирования-становления-окаменения (чего нельзя было на том этапе избежать и без чего невозможно было обойтись) институционально-ортодоксальной Церкви (к-рая заменила эзотерические Таинства юридически, в духе римского права, сформулированными догматами).

толкуемой *Concertio Immaculata*) имя матери (Пренепорочной) Марии, точнее, матери (Пречистых) Сестёр – Марии Старшей и Марии Младшей = Марии Вифлеемлянки и Марии Галилеянки = Марии Софии и Марии Благодатной, Которые в (со)единстве (ибо Две Сестры, как и Два Брата, духовные Близнецы во Духе, двуедины)⁹⁸ суть Богородица-Богоматерь-Мадонна. И в нём, т.е. в имени Анна, в сочетании с именем Мария (*Морская Звезда; Возвеличенная*), – космический принцип, связываемый христианской эзотерикой с безграничной возвышенной Любовью. Вспомним, что если Будда принёс на землю учение о Любви, то Христос есть сама Любовь!

Не случайно священная птица Афродиты – голубь – христианское воплощение Св. Духа!⁹⁹ Не случайно Венера в мире планет есть Небесная Дева, именно в день к-рой = в Великую пятницу Христом на кресте была принесена величайшая Жертва Мужа во спасение спиритуального принципа *Девы*, во спасение (неисчерпаемо-неиссякающей) *Вечной Женственности*, во спасение *вечно женственного* (добра и любви) в человеке и в человечестве!¹⁰⁰

И уж совсем не случайно Астральная Мистерия (Марианско-Иоаннитское Таинство!) Христа Спасителя (Царя Праведности по непреходящему чину непреходящего первосвященника вовек Мелхиседека, Царство К-рого не от мира сего) свершилась на Масличной горе Святого Града Иерусалима именно в светоносно-святочное Рождество 44г. н.э. Свершилась во время, когда в столичном центре мира сего, в (ставшем гигантским лупанаром) державном Риме, в этом (полярном Небесному Иерусалиму) новом Вавилоне, в этом городе-спруте, где кесарствовал вырожденец Клавдий, безудержно вакханалила (в амплу императрицы) *вавилонская*

⁹⁸ От пасхального импульса 45г. н.э. в мир – по решению бросивших жребий Апостолов о шествии с проповедью по ойкуменическому, правда, пока, до вселенского Апостольского собора 51г., в основном через всё ещё еврейскую диаспору, миру – изойдёт то, что закладывалось за 32 года и 3 месяца до того – в Рождество 12г. н.э., с каких пор началась мистерия духовного (со)единения двух братьев Иисусов, к-рая завершилась на слиятельно-одухотворительную Пасху 14г. н.э. Не тогда ли (Сыну 14-летней в Благовещении Марии Старшей, на её 30-м году жизни) Иисусу Соломону было 14 (в мужском возрастном ритме Заратустры: 7-14-21-28-35...) лет и 3 месяца, а (Сыну 12-летней в Благовещении Марии Младшей, на её 26-м году жизни) Иисусу Нафаниду – 12 (в женском возрастном ритме Кришны: 5-12-19-26-33) лет и 3 месяца. И последней связующей ступенью к тому, что произойдёт (на 33-м году от Рождества 12г.) после Пасхи 45г. н.э. стало то посвятельное Таинство, к-рое свершилось в Рождество 44г. н.э. (через 32 года от Рождества 12г. н.э.)

⁹⁹ Не родила ли в вышних осенённая вселенским Св.Духом сиятельная Дева-Солнце (Жена, облечённая в Солнце), ок. середины Четвёртой срединной (в составе Семи) Атлантической стадии (Эон) эволюции, из Себя небесно-светоносного Сына-Солнце (Мадонна с Младенцем), К-рый тогда (под знаком Скорпиона) не снизошёл (укрытый облаками) на Землю, из-за предательства Мистерий и последующего гибельно-очистительного Потопа, снизойдя по становлению (в знаке равновесных Весов) нашего Времени, как податель Чистого Времени, – с одной стороны, многими тысячелетиями позднее, а с другой, – на 300 лет – 333 года ранее срединного 333г. н.э. (в знаке и под знаком Овна-Агнца).

¹⁰⁰ Твоим хрупким плечам под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.

Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать, да верёвки вязать.

Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком.

Ну, а мне за тебя чёрной свечкой гореть,
Чёрной свечкой гореть, да молиться не сметь. (Мандельштам)

блудница Мессалина, на смену к-рой позднее придёт (мать Нерона) *римская волчица* Агриппина! (Неспроста *lupa* на латыни – и блудница, и волчица!)

Церковь Божия может быть видимой и невидимой, материальной и нематериальной, земной и небесной, притом *вторая* (идуший на свет вторым становится первым!), в отличие от *первой* (к-рая со временем правомерно-временно заняла место *второй*, бывшей при Христе и в Век Апостольский) не преждёт никогда! И сегодня остро необходимо алхимическое преобразование головного интеллектуального знания (проникнутый оттеснившим Люцифера Ариманом материалистический интеллектуализм), головного познания в Веру и Мудрость, в Веру и Премудрость (Пистис и Гнозис во Христе).

А достигнуто это может быть только посредством сердечно одухотворённого, посредством осердеченного = просердеченного = прохристианенного интеллекта, посредством истинно внятого истинного Логоса Божия = Бога-Слово = Слова воплощённого, крещённого, распятого, воскресшего, вознесшегося и ниспославшего отчий Св. Дух Иисуса Христа.¹⁰¹

И для этого требуется новое понимание-восприятие вне(над)конфессиональной Новой Церкви Божией. Требуется её обновлённое-новорождённое понимание-восприятие как благодатной Софии Христа Спасителя (из Импульса Христа Господня) в оснащённом современным (под христианским знаком Рыб) интеллектом сердечном эпицентре человеческого существа, в сердце каждой свободной индивидуальности и сообщества (под знаком грядущей софийной Соборности) свободных человеческих индивидуальностей во Христе!¹⁰²

¹⁰¹ Небезынтересна цитата из сохранившегося в армянском переводе трактата Филона «Вопросы и ответы на Кн.Исход» (2,117), часть к-рой (выделена курсивом) считается позднейшей христианской интерполяцией (хотя в ней не сказано ничего, что не могло бы принадлежать – пусть даже проглядевшему Иисуса из Назарета как Христа Господня – Христову современнику Филону, с его смелым творческим совмещением еврейско-иудейского верования и эллинистической мудрости): «Глава всего сущего вечный Логос. Под ним, как ноги или другие члены (человеческого существа), – весь мир, над к-рым Он движется и на к-ром Он стоит. (*Иисус*) *Христос есть Господь, К-рый одесную Его Отца и Бога. Но не поэтому Он над миром и правит миром, а потому, что Он есть полнота (исполненность) мира. И потому мир из приверженности Богу имеет нужду в Божественном Логосе, как живые существа нуждаются в голове (разум), без к-рой они не могут жить*».

¹⁰² Если спустя 56 лет от мученичества первого из Большого Апостолата Иакова Старшего (весна 44г.) и на 56-м году от Рождества 44г. имело место в июне 100г. н.э. Успение последнего из Б.Апостолов и Евангелистов Иоанна Богослова, то 56-летний интервал времени, с 44-го до 100г. н.э., и стал, в определённом смысле (и в одном из ракурсов), Веком Апостольским из 8-и 7-леток. Причём, что примечательно, – в ритме юбилейно-субботного пост-календаря (по царскому седмичному циклу), вернее, в ритме его апостольско-христианской метаморфозы, когда Апостолатом были духовно пережиты семь членов изменившего ауру Земли Существа Христа: от Физиса до Жизнедуха. 44-51гг. – Физис; 51-58гг. – Эфир; 58-65гг. – Астрал; 65-72гг. – Душа осязающая; 72-79гг. – Душа рассудочная; 79-86гг. – Душа сознательная; 86-93гг. – Самодух; 93-100гг. – Жизнедух.

Возникает вопрос: почему от Физиса (1-7) до Жизнедуха (49-56), а не от Физиса до Духочеловека (56-63)? Потому что, при шестивии Христа-Солнце (Божественный дух Солнечной системы; экстракт Духовного Солнца) на Землю, ДУХОЧЕЛОВЕК предводительски остался на Солнце, тогда как 8 членов Христового Существа нерасторжимо связались с Землёй, с человеком, с человечеством, побывав, воплощённые в Иисусе Христе (Кто жертвенно умер в срединном возрасте Души рассудочной – 28-35 лет), на Земле, в людях, и богочеловечески одухотворив её, богочеловечески одухотворив их ауру.

И весьма интересны в данной связи пути-дороги и даты мученичеств (к-рые мы частично идентифицируем, частично постараемся идентифицировать) Больших Апостолов и Евангелистов из круга 12-и, 14-и (плюс – Павел и Лазарь-Иоанн), 17-и (плюс – равнозначный Б.Апостолам Иаков Праведный; Марк; Лука), плюс *Апостолица Апостолов* Мария Магдалина,

Штайнер: «...Церковь является собственно представительницей девственной Марии. Но затем эта девственная Мария, эта Церковь, непрестанно, вечно рождает Христа. Она должна непрестанно, вечно зачинать Христа от Святого Духа, т.е. она находится под постоянной инспирацией Св. Духа, а то, что она должна явить, есть Слово – Логос. Такова вполне правомерная католическая вера. Инспирирующий Св. Дух возжигает в католической церкви то, что является непрестанным, вечным Словом, к-рое было вначале, и к-рое благодаря Церкви, девственной Марии, непрестанно порождается.

(...) Трое: инспирирующий Дух, девственная Мать и Логос или Слово, – Они, несомненно, должны держаться вместе; их следует искать посредством антропософски ориентированной духовной науки. В эти дни я пытался на имажинативном уровне указать на эти вещи при обсуждении перехода от старых мистерий к новым мистериям. Я говорил, что в древних мистериях заходили лишь настолько, что могли почитать в Палладе Афине девственную мудрость. В Палладе Афине имели тогда девственную мудрость; но эта мудрость тогда не порождала Логос.

Характерно то, что, например, эллинизм остановился на девственной мудрости, однако новое время перешло к Сыну девственной мудрости, к Логосу, к-рый существует на физическом плане благодаря своему представительству: человеческому слову, человеческой речи. Ибо эта человеческая речь обязательно должна рассматриваться в своей связи с мудростью. Мудрость в земной человеческой жизни реализует себя посредством человеческого мышления. Воздух, к-рый выдыхается через нашу гортань, воздух, к-рый получает конфигурацию благодаря нашей гортани и её движениям, вступает в брак с мудростью, заложенной в наших мыслях. И то, что мы выражаем как содержание есть инспирирующий дух. Каждый раз, когда вы говорите, сколько бы ни был импульс вашей речи обычен, вы выражаете земное представительство Троичности: мысль в вашей голове, получающий конфигурацию воздух, к-рый проходит через вашу гортань, к-рый вступает в брак, связывается под влиянием духа: для высказывания о чувственном мире посредством восприятия. Это и есть земное представительство Троичности.

То, что должно стоять за этим, – это Божественная духовная Троичность, охватывающая мудрость, к-рая становится учением для человечества и выражает для него мировое содержание. Антропософски ориентированная духовная наука не может признавать и исповедовать какие-либо земные учреждения, институции, ибо эти земные учреждения со своими запросами развивали бы притязания на власть. Антропософски ориентированная духовная наука серьёзно принимает девственную мировую Мудрость. Если человек думает в смысле антропософски ориентированной духовной науки, он видит в том, что является содержанием высказываний этой духовной науки, то, что является не просто суммой абстракций, суммой абстрактных представлений, но видит нечто живое, то, что наполняет нас, то, что действительно может наполнить нас импульсами в душе, к-рые затем становятся словом, учением; не только в школьном смысле, но в том смысле, что эта духовнонаучная мудрость может служить на социальном уровне, как служит на социальном уровне слово, выраженное содержанием, к-рое из сверхчувственных миров вводится в чувственный мир, становясь тем самым основой наших импульсов; это и есть инспирирующий дух.

Мне хотелось бы сказать: мы ищем Палладу Афины, мы ищем девственную Мудрость Космоса. Но мы также ищем и Сына, К-рый происходит от Неё, К-рый выражает себя посредством того, что во всём, что мы делаем или хотим в социальной жизни, эта мудрость содействует нам и даёт нам то, что задаёт направленность для того, что мы хотим и делаем. Тогда мы в земных деяниях, разыгрывающихся на физическом плане,

в период от 44 до 100гг., с успешным выходом в седмичном ритме на уровень перехода от Жизнедуха к Духочеловеку Апостола Апостолов Иоанна Богослова, успение к-рого пришлось (завершив Век Апостольский) на пору летнего солнцестояния 100г. н.э.

выражаем дух и даже Святой Дух, К-рый является сверхчувственным...» («Мистериальные истины и импульс Рождества»; 16 лекций, прочитанных в Базеле и Дорнахе с 23.12.1917 по 24.01.1918гг.; лек. 4 от 27.12.1917г.; ПСС 180)

Астральная Мистерия Христа, к-рая постигается ныне, в *новорождественскую* эпоху Души сознательной (зеркало Души ощущающей – Египет и Вавилон), под знаком Рыб (1413 – 3573гг.), когда необходимо новое-обновлённое постижение Рождества, ещё раскроется-развернётся в *новопасхальную* эпоху Самодуха (зеркало Астрального тела – Пра-Иран), в пору VI-й Славянской культуры нашей Пятой стадии эволюции¹⁰³, под знаком Водолея (3573 – 5733гг.), и в *новоятидесятичную* эпоху Жизнедуха (зеркало Эфирного тела – Пра-Индия), в пору VII-й Американской культуры, под знаком Козерога (5733 – 7893гг.).

Раскроется-развернётся, чтобы полномерно выступить (после «Войны всех против всех» – *Vellum omnia contra omnes* – и спасения избранных свободных индивидуальностей во Христе) в начале следующей Шестой (Филадельфийской) стадии эволюции. Выступить в её I-ю кульминационную (и новостартовую) эпоху грядущего Духочеловека = ДУХОЧЕЛОВЕКА ГРЯДУЩЕГО (7893 – 10053гг.; VIII – XI тыс. н.э.)¹⁰⁴, под знаком Стрельца (знак III-й Атлантической эпохи Пра-Тольтеков, предшествовавшей IV-й катастрофической эпохе Пра-Турана, под знаком Скорпиона – знака великих катастроф и великого обновления).

Выступить-восторжествовать – как плод и апофеоз (перед новым вступлением Солнца в разрушительно-обновительный дом-знак Скорпиона и конца почти 26-тысячелетнего периода вселенской эволюции) Семи эпох-культур современной Пост-Атлантической = Арийско-Семитской = духовно, в свете Таинства Таинств Голгофы, надрасовой (без всякого колена и языка, и народа и племени) Пассионарно-Ойкуменической фазы метаистории.¹⁰⁵

¹⁰³ Именно в эту Славянскую эпоху Самодуха, в знаке Водолея (Купалы), взойдёт метаморфоза (астрального) откровения (под знаком Близнецов) Заратустры и состоится, в рамках духовной дифференциации *Ирана и Турана* (Космоса и Хаоса), духовное христосолярное бракосочетание западного интеллектуализма и восточного спиритуализма.

¹⁰⁴ С ок. середины XIIIв. н.э. Земля и её история/метаистория пройдя через летнее (*июньское*) солнцестояние Иванова дня (Hochsommerpunkt der Weltgeschichte) (см. выше), медленно сползают к новому Ледниковому периоду, время начала к-рого – IX/X тыс. н.э., т.е. между окончанием нашей Пятой Пост-Атлантической = Пассионарно-Ойкуменической стадии эволюции (VII-я Американская культура) в 7893г. и истечением Великого Космического года (12213г.) Впрочем, сегодня, в XXIв., мы находимся (миновав летний солнцеворот – XIIIв.) лишь в *первой декаде июля*, и потому на протяжении ещё долгого земного времени климат будет становиться теплее (глобальное потепление!).

¹⁰⁵ При этом, в рамках (со)зеркальных семеричностей и семеричных созеркальностей, современная Пятая эволюционная стадия – зеркало Третьей – Лемурийской (выход Луны из Земли); дальнейшая – Шестая (Агничная; Печати) – зеркало Второй – Гипербореической (выход Солнца из Земли); Седьмая (Солярная; Трубы) – зеркало Первой – Полярной.

И не любопытно ли, что наши Семь Пост-Атлантических культур (Пра-Индийская – Эфирное тело – Рак; Пра-Иранская – Астральное тело – Близнецы; Египетско-Вавилонская – Душа ощущающая – Телец; Греко-Римская – Душа рассудочная – Овен; Германо-Англосаксонская – Душа сознательная – Рыбы; Славянская – Самодух – Водолей; Американская – Жизнедух – Козерог) метагеографически дрейфуют-перемешаются (под знаками, в знаках прецессионного Зодиака) с Востока на Запад. И только VI-я из них, Славянская Соборно-Софийская культура Самодуха (созеркальная II-й – Пра-Иранской культуре инаугуратора астрономии, астрологии, астрософии, хронологии и метахронологии Заратустры) составляет единственное, историко-метаисторическое и геоспиритуальное, исключение!

ЧАСТЬ VIII

РИМ И МИР

41 — 44 гг. н.э.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ КЛАВДИЯ

41г. н.э.

Выше, в разделе, посвящённом Риму, читатель узнал, как Клавдий после убийства Калигулы (в заговор против к-рого этот считавшийся слабоумным представитель дома Цезарей посвящён не был) не столько пришёл к, сколько (волею судеб и силою стечения обстоятельств) оказался у власти. Теперь освежим в памяти кое-какую знакомую читателю информацию, узнаем о Клавдии побольше и пойдём, перейдя ко времени его кесарства, дальше.

Итак, он был сыном мл. брата Тиберия Друза (к-рого Ливия родила в 38г., уйдя в интересном положении от Тиберия Клавдия Нерона к уведшему её у-от мужа Октавиану) и мл. дочери М.Антония от любимой мл. сестры Августа Октавии — Антонии Мinoг. Т.е. он приходился внуком как, с одной стороны, Ливии Августе, так и, с др. стороны, Антонию, являясь одновременно внучатым племянником Августа, племянником Тиберия, мл. братом Германика (род. в 15г. до н.э.) и Ливиллы (род. в 13/12гг. до н.э.), и принадлежа, следовательно, по отцу — к знатному патрицианскому роду Клавдиев (ветвь Неронов), а по матери — к знатному плебейскому роду Антониев.

Он родился в Лугдуне, в Галлии, 1.08.10г. до н.э. (Р.л. 523/24), в день освящения его отцом Друзом двумя годами ранее, 1.08.12г. до н.э., знаменитого лугдунского алтаря Ara Romae et Augusti (Р.л. 515), родился в разгар августейшего *Золотого века*, в год, когда его отец, любимый пасынок Августа Друз ратоборствовал за Рейном, в правобережной Германии, между тем как сам Август плодотворно распоряжался на территориях по левому берегу Рейна, в Галлии и левобережной Германии. Беременная же Антония облюбовала для родов провинциальный центр Tres Galliae Лугдуну, дожидаясь там победоносного мужа и венценосного свёкра, м.б., в обществе свекрови Ливии.

В годовалом возрасте Клавдий потерял отца, к-рый умер 14.09.9г. до н.э., в своём очередном германском походе, где-то в районе между Везером и Рейном, от гангренозных последствий сломанного в результате случайного падения с лошади бедра, в наскоро разбитом подкомандным ему воинством лагере, прозванном с тех пор «Проклятым» (castra Scelerata), успев перед смертью попрощаться со спешно снаряжённым к нему Августом ст. братом Тиберием (Р.л. 539/40).

Вдова Друза Антония, несмотря на все уговоры Августа, категорически отказалась снова выйти замуж и посвятила себя воспитанию детей, старшего из к-рых Германика, Август, потеряв во 2 — 4гг. н.э. обоих своих внуков, младшего — Луция, и старшего — Гая (сыновья Агриппы и Юлии), всячески поощрял и продвигал. Так, Тиберий, усыновленец и наследник Августа с 4г. н.э., должен был, в свою очередь, усыновить Германика, за к-рого кесарь выдал замуж свою любимую внучку Агриппину, как старшего, в сравнении с тиберианским родным сыном Друзом (род. в

14г. до н.э.), за к-рым с 5г. н.э. замужествовала овдовевшая после смерти Гая Цезаря Ливилла, кронпринца № 1.

И сим, с усыновлением 45-летнего Тиберия 66-летним Августом и 18-летнего Германика Тиберием в семейство Юлиев, названному при рождении Тиберием Клавдием Друзом 13-летнему Клавдию также достался когномен «Германик» – Tiberius Claudius Drusus Germanikus.

Но если Германик и Ливилла при августейшем дворе, на исходе т.н. Золотого века, да и в начале правления Тиберия, процветали, то Клавдий – семейно-клановый изгой и паршивая овца в стаде, вернее, болезный-болезненный отщепенец в (волчьей) стае, оставался, выведенный в офсайд, в стороне и не у дел. По Светонию, мать его Антония, к-рая, сообразно Плинию, испытывала больше нежности к своей любимой мурене в пруду, чем к нему, говорила, что он урод среди людей, что природа начала его и не кончила, и желая укорить кого-либо в тупоумии, резюмировала: «Глупей моего Клавдия». Бабка его Ливия Августа относилась к нему презрительно, редко удостоивала разговора, а замечания делала через рабов в коротких и резких записках. Сестра же его Ливилла, узнав о предсказании относительно его грядущего кесарства, «громко и при всех проклинала эту несчастную и недостойную участь римского народа» (Кл. 3,2).

Так или не совсем так, но, при всех случаях, он, как видим, не пользовался любовью ни родной матери, ни родной бабки, ни родной сестры, не окружённый какой-либо заботой с их стороны, в к-рой очень нуждался, и всю последующую жизнь искал (не находя) у различных женщин эти самые недоданные ему в детстве и отрочестве любовь, ласку, заботу.

Дело в том, что в древности больные или неполноценные дети воспринимались как обуза и позор для всего семейства, в особенности для находящегося постоянно на виду и в эпицентре общественного внимания императорского клана-синдиката, не вызывая (в основном) у близкой родни ни сострадания (чувства язычникам малознакомого), ни элементарного сочувствия. И пусть в Риме таких детей уже не убивали, как некогда в ликургической Спарте, всё равно они были изгоями и оставались таковыми всю жизнь.

Казалось, что дело сходно обстоит и с обречённым жить (пока живётся) в тени, на задворках, Клавдием, к к-рому лучше всех относился сам великодушный патриарх Август, кто, однако, и помыслить не мог, что через 27 лет после его смерти именно Клавдий, к-рого он знал как задержанного в развитии слабоумника, унаследует, за отсутствием других в значительно поредевшем и продолжающем редеть (вымирать) доме Augusti наследников, Принципат!

У Светония читаем: «...В младенчестве он (Клавдий) потерял отца, в течение всего детства и юности страдал долгими и затяжными болезнями, от к-рых так ослабел умом и телом, что в совершенных годах считался неспособным ни к каким общественным или частным делам. Даже после того как он вышел из-под опеки, он ещё долго оставался в чужой власти и под присмотром дядьки: и он потом жаловался в одной своей книге, что дядькой к нему нарочно приставили варвара, бывшего конюшего, чтобы он его жестоко наказывал по любому поводу. Из-за того же нездоровья, он и на гладиаторских играх, к-рые давал вместе с братом в память отца, сидел на распорядительском месте в шапке, чего никогда не водилось, и в день совершеннолетия был доставлен на Капитолий в носилках, среди ночи и без всякой обычной торжественности. Правда, в благородных науках он с юных лет обнаруживал незаурядное усердие и не раз даже издавал свои опыты в той или иной области; но этим не мог он ни добиться уважения, ни внушить надежды на лучшее своё будущее» (Кл. 2/3).

Давая вместе с братом Германиком в 6г. н.э. гладиаторские бои в память отца,

он сидел на распорядительском месте в шапке, так как у него временами неуправляемо тряслась-дёргалась голова, плюс, согласно Диону (60,1,1), тряслись руки, что призван был несколько скрыть-смягчить, во избежание насмешек, соответствующий головной убор. По тем же причинам, в том же бг. н.э., Клавдия, речь к-рого временами отличалась бессвязностью (Дион), поскольку язык его заплетался, принесли на Капитолий, чтобы надеть на него, 15-летнего юношу, в день совершеннолетия, тогу *virilis*, в носилках, ночью, и без всякой обычной помпы.

А в 10г. н.э. (Р.л. 1244/45), когда ему было уже 19 лет, постоянно пекшийся о чести императорской семьи *пахан* Август (этот Дон Корлеоне клана-синдиката Augusti), по его поводу, писал (видимо, находившейся вместе с невесткой Антонией где-то на загородной вилле, либо – в ПUTEОЛАХ – на кампанско-неаполитанских водах) Ливии: «По твоей просьбе, дорогая Ливия, я беседовал с Тиберием о том, что нам делать с твоим внуком Тиберием (= Клавдий) на Марсовых играх. И оба мы согласились, что надо навсегда установить, какого отношения к нему держаться. Если он человек, так сказать, полноценный, и у него всё на месте (= все дома – К.З.), то почему бы ему не пройти ступень за ступенью тот же путь, какой прошёл его брат? Если же мы чувствуем, что он повреждён и телом, и душой, то и не следует давать повод для насмешек над ним и над нами тем людям, к-рые привыкли хихикать и потешаться над вещами такого рода. Нам придётся вечно ломать себе голову, если мы будем думать о каждом шаге отдельно и не решим заранее, допускать его к должности или нет. В данном же случае – отвечаю на твой вопрос – я не возражаю, чтобы на Марсовых играх он устраивал угощение для жрецов, если только он согласится слушаться Сильванова сына, своего родственника, чтобы ничем не привлечь внимания и насмешек. Но смотреть на скачки в цирке со священного ложа ему незачем – сидя впереди всех, он будет только обращать на себя внимание. Незачем ему и идти на Альбанскую гору, и вообще оставаться в Риме на Латинские игры: коли он может сопровождать брата на гору, то почему бы ему не быть и префектом Рима? Вот тебе моё мнение, дорогая Ливия: нам надо обо всём этом принять решение раз и навсегда, чтобы вечно не трястись между надеждой и страхом. Если хочешь, можешь эту часть письма дать прочесть нашей Антонии» (Кл. 4).

И в другом письме к Ливии, написанном, вероятно, позднее 10г. н.э., патриарх пишет: «Юного Тиберия, пока тебя нет, я буду каждый день звать к обеду, чтобы он не обедал один со своими Сульпицием и Афинодором. Хотелось бы, чтобы он осмотрительней и не столь *рассеянно* выбирал себе образец для подражания и в повадках, и в платье, и в походке. Бедняжке не везёт: ведь *в предметах важных*, когда ум его твёрд, он достаточно обнаруживает *благородство души своей*.

И в третьем письме: «Хоть убей, я сам поражён, дорогая Ливия, что декламация твоего внука Тиберия мне понравилась. Понять не могу, как он мог, декламируя, говорить всё, что нужно, и так *связно*, когда обычно говорит *столь бессвязно*» (Кл. 4,5/6).

Удостоверьтесь, отношение Августа, считающего Клавдия неспособным быть даже номинально-каникулярным (в дни Латинских игр на Альбанской горе) префектом (опустевшего) Рима, к недополноценному внучатому племяннику вполне ясное. И, кстати, примечательно то, как патриарх прибегает в своих адресованных любимой супруге-матриарху семейных письмах на латыни к греческим (переводные русские эквиваленты выделены италой) выражениях для деликатно-завуалированного обозначения клавдианского слабоумия.

Отсюда не удивительно, что «великий кормчий» отстранил, проявляя при этом трогательную персонально-родственную заботу о нём, обузно-слабоумного внучатого племянника от всех должностей, уж не говоря о невозможности для него

военной карьеры, допустив его только к жреческому авгурату. И потом — оставил его наследником по завещанию — «только в третью очередь, среди людей совсем посторонних, и только в шестой части, а в подарок отказал лишь 800 тыс. сестерциев» (Кл. 4,7).

Сулпиций и Афинодор, надо понимать, вольноотпущенники, с к-рыми лишённый высшего общества Клавдий, кто, согласно Диону (60,2,5), рос у бабки Ливии и у матери Антонии, выйдя из-под жёсткой опеки приставленного к нему в детстве дядьки-варвара, обычно проводил время (что вызывало неодобрение, вследствие их не лучшего влияния на него, Августа), тогда как Сильванов сын это — сын консуляра (и обладателя триумфальных инсигний за Паноннскую войну 6 — 9 гг.) М.Плавтия Сильвана (конс. 2г. до н.э.) и внук близкой подруги Ливии Ургуллани, на сестре к-рого Плавтии Ургуланилле Клавдий был в 10г. н.э. женат, и к-рая родила ему в 10/11гг. сына Друза, а позднее — дочь Клавдию.

По Диону, не столько немощи обусловили порчу-испорченность Клавдия, сколько «вольноотпущенники и женщины, с к-рыми он был близок, ибо он больше, чем любой равный ему, управлялся рабами и женщинами. С детства он рос постоянной жертвой болезней и большого страха, и по этой причине притворялся более глупым, чем был на самом деле (обстоятельство, к-рое он сам признал в сенате); и он прожил долгое время со своей бабкой Ливией и другой долгой срок со своей матерью Антонией и вольноотпущенниками, и кроме того, имел любовные отношения с различными женщинами. Поэтому он не приобрёл никаких качеств, приличествующих свободному мужу, и хоть и был правителем всех римлян и подчинённых им, сам оставался рабом, чем максимально пользовалось, извлекая из этого выгоды для себя его ближнее окружение, особенно тогда, когда он был склонен пьянствовать или развратничать, предаваясь обоим порокам ненасытно...» (60,2,5/6).

Дион несколько упрощает и преувеличивает. Болезни — да, но большой страх Клавдий, задвинутый, при стыдившихся его Августе и Тиберии, в самый задний ряд императорского семейства, испытывал лишь при извлечении его из политического небытия и державшем его подле себя на потеху себе и своей шобле неуравновешенном Калигуле. В пору кесарства последнего жизнь Клавдия подвергалась реальной угрозе и он вынужден был усугублять свою репутацию шута горохового, к-рый, мол, настолько глуп, что никакому кесарю в качестве потенциального конкурента и заговорщика совершенно не опасен.

Это подтверждает и Светоний, ссылаясь на несколько мелких речей Клавдия, кто в ходе своего правления, доказывая свою, так сказать, полноценность, уверял, «будто он нарочно притворялся глупцом при Гае, так как иначе не остался бы жив...» (Кл. 38,4), в ответ на что, впрочем, появился анонимный памфлет «Вознесение дураков», в к-ром говорилось, «что притворных глупцов не бывает».

А насчёт женщин, в браках и на стороне, повторим, он, обойдённый в детстве-отрочестве любовью именно близких женщин, более того, презираемый-пренебрегаемый-осмеиваемый матерью, бабкой и сестрой (ещё больше, нежели не замечавшими его родичами-мужами), всю жизнь искал женской любви¹, становясь помываемым именно женщинами и ещё вольноотпущенниками (сомнительной репутации), к-рыми был окружён с ранних-юных лет и к-рыми продолжал окружать себя, став кесарем в 50-летнем возрасте, но, при том, оставаясь и увечным недо-рослем, и увечным переростком.

¹ Весьма примечательно, что отсутствие у Клавдия, в отличие от большинства бисексуальных кесарей и множества римлян, гомосексуальных наклонностей, Светоний отмечает чуть ли не как аномалию и отклонение от нормы (!): «К женщинам страсть он питал безмерную, к мужчинам зато вовсе был равнодушен» (Кл. 33,2).

КЛАВДИАНСКИЕ БРАКИ

Небезынтересно реконструировать браки Клавдия, к-рых у него набирается больше, чем у любого из кесарей дома Юлиев-Клавдиев, равно их хронологию. В первый раз он был помолвлен с родившейся ок. 3г. до н.э. Эмилией Лепидой, правнучкой Августа, дочерью Юлии Младшей и её мужа – Л.Эмилия Павла – соконсула-орд. Г.Цезаря в 1 г. н.э., оказавшегося, напомним читателю, заговорщиком вместе с Плавтием Руфом во 2г. н.э. и кончившего эшафотно (Р.л. 1135-37). Юлия же, вероятно, сопричастная к политической интриге лишь как-то косвенно, была сначала сослана, затем, в 4г. н.э., прощена-возвращена из ссылки, а спустя 4 года, в 8г., снова сослана, на сей раз, пожизненно, за прелюбодеяние и разврат, на о. Тример, где она в 28г., после 20-и лет изгнания, скончалась.

Стало быть, расторжение помолвки с Лепидой (Р.л. 1245) оптимально последовало в 8г. н.э., после второй ссылки её матери Юлии. По Светонию, Лепиду «он отверг ещё девушкой, так как её родители были врагами Августа» (Кл. 26). Правильнее сказать, не столько он, сколько за него, 17-летнего обалдуя, её отверг *domus Augusti*, расторгнув в 8г. н.э. запланированный брак с ещё 10-летней отроковицей.

Второй клавдианский брачный союз с Ливией Медуллиной из дома Фуриев Камиллов не состоялся, поскольку юная невеста умерла от какой-то болезни как раз в день, на к-рый была назначена свадьба (Кл. 26), ок. 9г. н.э. Третьей избранницей Клавдия (или за Клавдия) сделалась Плавтия Ургуланилла, родившая ему ок. 10/11гг. сына Друза, к-рый ок. 20г. был помолвлен с крохотной дочерью Сеяна, но умер ок. 23г., ещё в отрочестве, поперхнувшись грушей. Также Плавтией была рождена, но от Клавдия ли? уже в 20-е гг. IV в. н.э., дочь, к-рая, сходно старшему брату, видимо, рано умерла, ибо никаких дополнительных сведений о ней нет.

Притом именно в связи с её рождением Клавдий обвинил Ургуланиллу в супружеской измене, настаивая, что она родила дочь от его вольноотпущенника Ботера, развёлся с прелюбодеятельной женой, из-за её, как уверяет Светоний, «наглого разврата» (Кл. 26), плюс подозрения в каком-то убийстве, и отказался признавать второе дитя от неё (Кл. 27).

К месту вспомнить, что брат этой Плавтии – «Сильванов сын» – выбросил в 24г. из окна собственного дома, при невыясненных обстоятельствах, свою жену Апронию (Д.И. 670-72), и, обвинённый её отцом, уходя от наказания, по делу, расследованному лично Тиберием, покончил с собой (присланным ему бабкой Ургуланией кинжалом). М.б., подозрение Клавдия по адресу Ургуланиллы касалось её возможного соучастия именно в данном убийстве? Если так, значит, он развёлся с ней в 24г.

Следующей его женой, должно быть, в период ок. 26 – 31гг., была Элия Петина – дочь (одна из дочерей) С.Элия Ката (конс. 4г. н.э.) (Р.л. 1144), к-рую, по смерти её отца, удочерил отец Сеяна Сей Страбон, т.е. она приходилась сводной сестрой Сеяну, заделавшись женой Клавдия в наиболее могущественную пятилетку временщика и будучи оставлена мужем не позднее 31г. Причём отставлена, следует полагать, не столько (внешний повод) «из-за мелких ссор» (Кл. 26), как уверял сам Клавдий, сколько (что побочно подтверждает второбрачное рассмотрение кандидатуры Петины в качестве жены для вдового кесаря после казни Мессалины в 48г.), вследствие падения Сеяна, превратившегося из ближайшего друга-наперсника Тиберия во врага народа = врага кесаря № 1 (от каких-либо связей с к-рым, после его казни, все и всячески дистанцировались).

Впрочем, Петина успела родить Клавдию дочь Антонию², к-рая, судя по всему, родилась ок. 28/29г., ибо в 41г. отец выдал её замуж за Гн.Помпея Магна, к-рого Калигула лишил когномена знаменитого предка «Magnus» и едва не казнил, а Клавдий вернул ему фамильное прозвище и сделал своим зятем (чтобы, однако, в перспективе, всё-таки, казнить, и затем выдать Антонию за Фавста Суллу).³

Далее, ок. 38г., уже при Калигуле, 47-летний Клавдий сочетался браком с дочерью М.Валерия Мессалы Барбата Валерией Мессалиной, дедом к-рой был М.Валерий Мессала Барбат Аппиан (умерший в должности соконсул Квирина – 12г. до н.э.), женатый на дочери сестры Августа Октавии – Марцелле Младшей. Т.е. Мессалина, как и сам Клавдий, доводилась внучатой племянницей Августу, при том, что её матерью была тоже родственная дому Цезарей Домиция Младшая – сестра отца Нерона Гн.Домиция Агенобарба (конс. 32г. н.э.), дочь Л.Домиция Агенобарба (конс. 16г. до н.э.) и Антонии Старшей.

Сама Мессалина родилась ок. 24г. н.э. и родила в 39/40гг. от Клавдия дочь Октавию, к-рую отец помолвил в 41г. с (получившим от Клавдия назад отобранный у него Калигулой когномен) Л.Юнием Силаном Торкватом (родившийся ок. 25/26/27гг.? сын консула 19г. н.э. М.Юния Силана и отвергнутой Клавдием в 8г. н.э. правнучки Августа Эмилии Лепиды, т.е., как и его родившийся в 13г. н.э. старший брат – конс. 46г. М.Юний Силан, внук внучки Августа).

Сын же Клавдия от Мессалины Тиберий Клавдий Цезарь Германик, кто в 43г., после покорения Британии, удостоится прозвища «Британник» (Дион 60,22,2), родился, если верить Светонию (Кл. 27), на 20-й день Клавдиева правления, иначе говоря, 12.02.41г. н.э., став, таким образом, в первый раз в истории императорского Рима, сыном правящего кесаря, появившимся на свет в пору кесарства отца. Ведь у Цезаря, Августа и Калигулы сыновей не было вовсе, в то время как единственный сын Тиберия Друз родился в 14г. до н.э., когда его отцу, запасному кронпринцу заднего эшелона Тиберию, было ещё далеко до наследования Цезариата-Принципата.

И, наконец, последней Клавдиевой супругой, после устранения в 48г. Мессалины, делается, официально с 1.01.49г., его племянница (мать Нерона) Агриппина, к-рая, дабы проложить путь сыну (от Гн.Домиция Агенобарба) Нерону на трон, отравительно спровадит в 54г. своего супруга, начавшего склоняться в пользу Британника (к-рого в 55г. отравит Нерон), на тот свет (см. ниже).

КЛАВДИЙ ПРИ ТИБЕРИИ И КАЛИГУЛЕ

Но вернёмся к жизнеописанию Клавдия. На арке в Павии, сооружённой в 7/8гг., ему хоть и нашлось место среди скульптур-статуй членов императорской фамилии, но последнее, и потому при скрупулёзно придерживавшемся августейшей завещательной буквы-линии (всюду, где её можно было не нарушать) Тиберии этому

² В «И.в.» Флавий ошибочно называет Петину, родившую Клавдию Антонию, его первой женой (20,8,1) (ср. «И.в.» 2,12,8).

³ Этот Гн.Помпей Магн был сыном консула 27г. М.Лициния Красса Фруги (Д.И. 1048), к-рый, являясь, предположительно, сыном Л.Кальпурния Пизона Фруги (конс. 15г. до н.э.; префект Рима в 12-32гг.), усыновился в gens Licinia, сам женился на дочери консула 16г. н.э. Л.Скрибония Либона – Скрибонии, числившей среди предков Гн.Помпея Великого, и претенциозно (вопреки римским нормам) назвал сына от Скрибонии, в честь её прославленного предка, Гнеем-Помпеем-Магном, или просто «Магном» (позднее усыновившимся в gens Pompeia?), что, в частности, очень разгневало Калигулу, пощадившего лишённого прозвища юношу только в силу его юного возраста (род. ок. 25/26/27гг.?).

отстранённому Августом от облечения каких-либо должностей изгою дома Augusti ничего не светило. На его просьбы о должности Тиберий предоставил ему только внешние знаки консульского достоинства (*ornamenta consularia*), а в ответ на упорствование коротко написал, «что уже послал ему 40 золотых на Сатурналии и Сигилларии» (Кл. 5), поставив тем самым дорогого племянничка, в связи с его должностной недееспособностью, на место много резче, чем Август, после чего тот дядю больше ни о чём не просил.

Светоний: «Тогда лишь он оставил всякую надежду на возвышение и удалился от дел, укрываясь то в садах и загородном доме, то на кампанской вилле; и так он жил в обществе самых низких людей, усугубляя позор своего тупоумия дурной славой игрока и пьяницы» (Кл. 5).

Тем не менее, если Тиберий, новый заботливый глава мафиозно-императорского клана-синдиката, мог и должен был неполноценному (компрометирующему кесарскую фамилию) родственнику (с позиции римской морали) письменно ответить именно так, то римское общество (сродни вассальным кронпринцам, подвизавшимся в Риме, как, например, учившийся вместе с Клавдием и друживший с ним его ровесник Ирод Агриппа)⁴, со своей стороны, не могло отказать одному из членов дома Augusti, каким бы он ни был, тем паче, что он был не совсем и далеко не во всём дебил, в, по крайней мере, ограниченно почтительных (ради приличия) знаках внимания-уважения.

Так, в 14г. всадническое сословие выбрало его главой посольства, снаряжённого просить дозволения перенести тело скончавшегося в Ноле Августа в Рим. Затем он вошёл в учреждённую для отправления августейшего культа жреческую коллегию *sodales Augustales*, точнее, в её элитно-родственный состав, что тоже было ему по силам, если уж сам Август допустил его в прошлом до августства. Позднее, в 31г., снова всадники выбрали его, кого (породнённого с Сеяном) репрессии, обрушившиеся на семейство Германика, не коснулись, главой посольства для принесения поздравлений Тиберию по поводу ниспровержения Сеяна.

Светоний: «...а когда он входил в театр, они (всадники) всегда вставали и обнажали головы. А сенат со своей стороны причислил его сверх счёта (из состава членов дома Augusti) к избранным по жребию жрецам Августа, а потом постановил отстроить на гос. счёт его дом, сгоревший во время пожара, и дать ему право голосовать в числе консуляров. Впрочем, Тиберий отменил последнее постановление, сославшись на слабосилье Клавдия и обещав возместить ему убыток из собственных средств. Однако, умирая, он назначил его наследником в третью очередь и в третьей части, отказал ему в подарок 2 млн. сестерциев и вдобавок особо указал на него войскам, сенату и народу римскому, перечисляя в завещании своих родственников» (Кл. 6,1/2).

Как видим, и римское государство, и римское общество проявляли к негодному для государственно-общественных дел Клавдию уважительную терпимость-почтительность, деликатно предоставляя ограничивать его аппетиты на данном поприще самому кесарю, в чём, соответственно, обе стороны (моноархия, в лице кесаря, и её-его подданные = вольные граждане свободной Республики) обменивались, так сказать, любезностями.

При всём том, проводя время преимущественно на вилле за Городом, или на вилле в Кампании (известные своими вольными нравами Помпеи), Клавдий не

⁴ И Клавдий, и Калигула сблизились-сближались с обретавшимися в Риме вассальными кронпринцами, во многом, как отщепенцы императорской фамилии, низведённые на второ-разрядный уровень этих вассалов. Но если Клавдий был низведён как не(до)полноценный дебилоид, то Калигула, младший сын Германика, являлся, в пору могущества Сеяна, кронпринцем (лишним и) опальным.

только играл в кости, бражничал и развратничал⁵, но усиленно занимался благородными науками-искусствами, особенно историей, более того, по совету аж самого Тита Ливия (+ 17г. н.э.), начал с помощью некоего Сульпиция Флава, согласно выражению Светония (Кл. 41), её сочинять.

Причём, по всему, ему не чуждо было модное в высшем римском обществе (и в меру толерируемое при «восстановителе» Республики *restituta* Августе, к-рый шуточно называл маститого Т.Ливия «мой помпеянец») фрондирование традиционалистским республиканизмом, вернее, республиканским вольнодумством. Правда, за это его бранили, как пишет Светоний, «и мать и бабка» (Кл. 41,2), почему он (учтя критику) «о предшествующих временах» (начиная с убийства диктатора Цезаря) оставил всего 2 книги, а о последующих (*золотой век* Августа) – 41-у». ⁶

Мало того, помимо исторических трудов на латыни, клавдианскому авторству на греческом принадлежали истории – этрусская – в 20-и книгах, и карфагенская – в 8-и книгах (Кл. 42), где любознательный автор мог разойтись без оглядки, или, во всяком случае, с меньшей оглядкой как на семейную цензуру, так и на политическую конъюктуру, пишучи-сочинительствуя без столь знакомой и творческим, и псевдотворческим советским людям (среди к-рых было немало Клавдиев) внутренней самоцензуры. А о том, насколько клавдианские труды были ценны, можно судить по тому, что от них ничего не сохранилось, ибо, стоит сказать снова, остаётся в веках и не переходит только то, что имеет истинную ценность и что нужно людям.

Написал он, кроме прочего, и весьма учёное, по свидетельству Светония, сочинение-произведение «В защиту Цицерона против писаний Азиния Галла» (41,3), проявив свои профессиональные познания также в искусстве реторики/риторики, поскольку угробленный Тиберием в палатинском каземате (30 – 33гг.) Азиний Галл (конс. 8г. до н.э.), а речь, по всему, идёт именно о нём (пнуть кого при Тиберии было делом кесареугодным-нетрудным), ставил ораторство своего знаменитого отца Азиния Поллиона выше ораторства Цицерона.

Засим этим учёным занятиям Клавдий, по преимуществу, предавался в 23-летнее правление Тиберия, во-первых, в возрасте старше 23-х лет, достигнутых им на момент смерти в 14г. Августа, и во-вторых, или, скорее, во-первых, отставленный, как сказано, от всех должностей и от какой-либо надежды на их получение.

Стабильная и авторитетная вертикально-пирамидальная, в рамках цезаристской модели и августинской системы, власть, к-рую олицетворяет-репрезентирует и презентует венчаемая Цезарем-Августом династия, клан, семья, синдикат, не может себе позволить и не желает выглядеть в лице кого-либо из своих представителей смешной, карикатурной, гротескной. Выглядеть или быть смешным – такую рос-

⁵ Согласно Тациту, одним из клавдианских дружанов-сображников тех лет был Юлий Пелигн, в начале 50-х гг. прокуратор Каппадокии, «одинаково презираемый как за низость души, так и за телесное безобразие, но тем не менее весьма близкий к Клавдию, ибо в былое время, будучи ещё частным лицом, тот проводил свой бездеятельный досуг в обществе прихлебателей» (Ан. 12,49). В «Псевдоапофеозе божественного Клавдия» у Сенеки фигурирует некто Публий Петроний (возможно, не облакавший консульство П.Петроний Турпилиан – сын Г.Петрония, префекта Египта в 26-23гг. до н.э., и отец П.Петрония – легата Сирии в 39-42гг.) – «старый его собутыльник, знаток Клавдиева языка» (Arosol. 14).

⁶ Не созвучен ли этот клавдианский «либерализм» поведению великокняжеской «фронды» некоторых членов семьи Бурбонов, при Людовике XVI, или семьи Романовых, при Николае III! Не эта ли «фронда» одобрительно потешалась над памфлетными фразочками типа: «Гражданин, если ты хочешь увидеть рогносоца (Людовик XVI) и шлюху (Мария-Антуанетта), приезжай в Париж и посмотри на королевскую чету», или над стишками типа: «Царь Николашка вином торговал, / Гришка Распутин с царицей гулял». И не эту ли пресловутую «фронду» людоедские Революции затем тупо сожрали, отправив на гильотину, поставив к стенке, изгнав в эмиграцию!

кошь вообще далеко не каждый может себе позволить, тем паче, не хочет этого допускать власть моноархическая (лицо и жопа нации), к-рой следует быть грозной и для к-рой менее ущебно выглядеть страшной, нежели показаться (и уж, наипаче, быть) смешной, так как, где гротеск, там мишурность и предсказуемый конец ставшего смешным синдиката.

Не была ли советская власть страшной от кровожадного ленинского начала и до смерти кровавого диктатора Сталина, став смешной и уже не сумев порвать со смехом над собой, начиная с Хрущева и при его, один гротескнее другого (за исключением Андропова), преемниках, пока Советам не пришёл кирдык с Горбачёвым или при Горбачёве (с его хотя бы «Таджикией» и «Азедбаржаном»)⁷, что, по большому счёту, одно и то же!

Потому-то ни Август, ни Тиберий, заботясь о чести семьи и престиже власти, не допускали Клавдия в первые ряды, строго задвигая-отодвигая его на зады-задворки (в офсайд), но допуская некоторые знаки почтения в его, какого-никакого члена синдиката, адрес от имени государства с обществом. И лишь под конец собственного правления, с тяжёлым сердцем, предчувствуя короткий век обоих своих наследников — Гая (Калигулы) и Тиберия Гемелла, кесарь Тиберий, может быть, присовокупив эти горькие слова в 37г. к завещанию 35г., «особо указал на Клавдия войскам, сенату и народу римскому, перечисляя в завещании своих (остающихся в живых) родственников».

Указал, за неимением лучшего выбора и лучшей перспективы, на безрыбье (когда — и раком — рыба), в условиях вымирания Юлиев-Клавдиев, с одной стороны, не могучи выйти за установленные Августом рубежи-рамки кланового престолонаследования, а с другой, уже, пусть теоретически, допуская-предвидя возможный приход Клавдия к власти (чему Август в 14г. ужаснулся бы). В довесок к тому, нельзя не учесть, что физическое и особенно психическое состояние Клавдия со временем несколько улучшилось, и это от пронизательного Тиберия наверняка не ускользнуло.

* * *

И всё же Клавдию ещё предстояло перенести-пережить отнюдь не лучшие, если не худшие дни за весь период жизни до его прихода к власти, при Калигуле, к-рый, с одной стороны, извлёк его из праздного уединения и из политического небытия, сделав в 37г. своим, с июля по сентябрь, соконсулом-суф., санкционировав его жречество в коллегии *sodales Titii* и т.д. Но, со стороны др., чем дальше, тем больше и обиднее Калигула измывался над ним, держа его возле себя на потеху себе и позволяя при этом издеваться над убогим «дядюшкой Клавдием» также своей, включая придворных шутов, шакалистой челяди.

Ведь позиционируемый шутом гороховым Клавдий самим фактом своей жалкой придворной экзистенции как бы пенял на безальтернативное превосходство пове-

⁷ Небезынтересна, к слову, первая реакция невежественных кремлёвских верхов и советской элиты на весьма досадный для них (в разгар горбачёвской перестройки) армяно-азербайджанский конфликт «в (как тогда говорили-писали) Нагорном Карабахе и вокруг него», по поводу чего все, от членов Политбюро до И.Кобзона и т.д., тупо советовали «собрать аксакалов» обеих сторон, помириться и подружиться. И некому было объяснить этим горсоветчикам, что у армян (немусульман, о чём тоже далеко не все из них знали) нет института аксакальства, и что просто так помириться-подружиться не получится. То ли дело Сталин, к-рый разобрался бы в данном конфликте (возникшем, во многом, из-за проведённых, именно по его инициативе, границ Закавказья в Закавказье в 1920-23гг.) сходу. А решение? Если не без юмора, то очень просто: карабахских армян и азербайджанцев — в Сибирь; Карабах же отдать-передать Грузии, как третьей стороне.

лителя Калигулы, к-рому было наплевать на престиж династии. И к-рый, акцентировав-утрируя слабоумие Клавдия (с позиции противоположной августовской и тиберианской), тем самым эпатажно демонстрировал римскому нобилитету с народом, что заменить-сменить его, единственного и неповторимого Гая Цезаря Августа Германика (кто в реальности, всего-навсего, Калигула), некем и некому. Не Клавдию же, в конце концов, быть принцепсом-кесарем!

Светоний: «Только в правление Гая, его племянника, когда тот по приходе к власти всяческими заискиваниями старался приобрести добрую славу, был он допущен к высоким должностям и два месяца разделял с ним консульство; и случилось так, что когда он впервые вступал на Форум с консульскими фасками, то на правое плечо ему опустился пролетевший мимо орёл. Назначено ему было и второе консульство, по жребию, через три года. Несколько раз он заменял Гая, распоряжаясь на зрелищах, и народ приветствовал его криками: «Да здравствует дядя императора» и «Да здравствует брат Германика!»

Но и это не избавляло его от оскорблений. Так, если он опаздывал на обед к назначенному часу, то находил себе место не сразу, да и то разве обойдя всю палату. А когда, наевшись, начинал дремать — это с ним бывало частенько, — то шуты бросали в него косточками фиников или маслин, а иной раз, словно в шутку, будили хлыстом или прутиками; любили они также, пока он храпел, надевать ему на руки сандалии, чтобы он, внезапно разбуженный, тёр себе ими лицо.

Не миновал он и настоящих опасностей. Прежде всего, в самое своё консульство он едва не лишился должности за то, что недостаточно быстро распорядился приготовить и поставить статуи Нерона и Друза, братьев Цезаря. Потом его не оставляли в покое разные доносы, не только от людей посторонних, но даже от собственных слуг. А когда после раскрытия заговора Лепида и Гетулика он с другими посланцами поехал в Германию поздравить императора, то едва не погиб: Гай был в диком негодовании и ярости, оттого, что к нему нарочно прислали его дядю, словно к мальчишке для надзора, и некоторые даже сообщают, будто его, как он был, в дорожной одежде, бросили в реку. И с тех пор в сенате он всегда подавал голос последним из консуляров, так как в знак бесчестия его спрашивали позже всех. Даже одно завешание, на к-ром стояла и его подпись, было принято к обжалованию как подложное. Наконец, его заставили заплатить 8 млн. сестерциев за новый жреческий сан, и это так подорвало его средства, что он не мог вернуть свой долг гос. казне, и по указу префектов казначейства его имущество было предложено с торгов безоговорочно, согласно закону о налогах» (Кл. 7-9).

Сел ли ему, при вступлении 1.07.37г. на Форум с консульскими фасками, на правое плечо предзнаменательный орёл или нет, оставим на совести Светония и его информатора. Ну, а касаясь издевательств над Клавдием Гая, у Сенеки (апологета посмертного «отыквления» вместо обожествления «божественного Клавдия»), к-рый при Клавдии был сослан, и потому терпеть его, презирая всеми фибрами своей стоической души, не мог (см. ниже), читаем: «Вдруг появляется Гай Цезарь и требует Клавдия себе в рабство, ссылаясь на свидетелей, к-рые видели, как Клавдий принимал от него побой и хлыстом, и кулаком, и розгою...» («Апоколокинтосис» 15).

Консульствуя в паре с Гаем в июле-сентябре 37г., Клавдий опоздал с распоряжением о поставлении статуй мученически кончившим при Тиберию (один — на острове; другой — в палатинском каземате) старшим братьям Гая — Нерону (+ 31г.), и Друзу (+ 33г.), за что едва не поплатился своим первым в жизни, 46-и лет отроду, (без предварительных ступеней *cursus honorum* — квестуры и претуры) консульством. Распределяя же в 38 или в 39г. последующие консульства, Гай, колеблясь между Клавдием и каким-то другим кандидатом, издевательски решил дело в пользу Клавдия насмешливым жребием.

Дальше – больше. С раскрытием заговора Гетулика-Лепида в 39г., после ссылки Гаевых сестёр – Агриппины и Юлии, после Гаева запрета на почести его родичам и на почести родичей ему, плюс – нежелательность почестей от сената, Клавдий во главе поздравительного посольства был воспринят им как двойное-утрированное издевательство (со стороны сената) над ним, кесарем, и едва уцелел, отделавшись непредусмотренным купанием в реке, куда его, по приказу негодующего Гая, под общий гогот придворной камарильи, швырнули (см. выше). И вот после этого он до самого конца правления Калигулы оскорбительно выкликался в сенате, во время опроса консуляров, последним.

Вдобавок ко всему, по присвоении осенью 40г. Калигуле (Калигулой) божественного лика-облика и сана-статуса Юпитера Латинского (воплощением к-рого Гай-Юпитер себя возомнил), Клавдию пришлось (разумеется, «добровольно», в ключе советской добровольности как осознанной необходимости) выложить-заплатить за сан жреца при этом Юпитере, согласно Светонию – 8, согласно Диону – аж 10 млн. сестерциев (см. выше), к-рые он вынужден был занять у казны под залог своего имущества, но не смог вернуть долг. В результате его имущество пошло с торгов, притом даже не льготно, а безоговорочно, оставив его, разорившегося-разорённого, в финансовом вакууме-коллапсе, и, что называется, с большим носом.

Так он оказался в очень глубокой, извините, жопе, с жизнью, постоянно висящей, возле сумасбродно-непредсказуемого царственного племянника, на волоске. И неизвестно, чем бы всё кончилось, кабы не убийство доставшего всех Калигулы и не внезапное, по инициативе преторианцев, возвышение провозглашённого (неожиданно для себя и для многих) императором Клавдия.

Повторим, он сам о противокалигулианском заговоре ничего не знал и в качестве кандидатуры принцепса заговорщиками не рассматривался, спонтанно всплыв в ходе короткой смуты на поверхность, как не утонувшее, как не утопленное (по никчемности-неопасности) клановое дерьмо. Как дерьмо, поднятое на щит предпочитавшей, при всех случаях, (вертикальную) императорскую власть (республиканским горизонталям) преторианской военщиной и поддержанное (не в первый раз) отдавшим предпочтении порядку монархии перед беспределом олигархов римским демосом-плебсом.

Т.е. иногда не только от великого до смешного, но и от смешного до великого, к-рое в клавдианском случае, не перестаёт быть смешным, всего один шаг. Как трон и эшафот, зачастую, близнецы-братья, так и комедия с трагедией слишком часто идут в политике (да и в жизни, к-рая может быть продолжением лицедейской политики, или наоборот) рука об руку! Лилипут сделался титулярным Гулливером, не престав быть лилипутом ни душой, ни телом. Судьба вознесла на трон придурковатого малого, кто – и оказавшись на троне – не перестал (да и не мог перестать) быть придурковатым малым, никак не созданным для каких-либо руководящих постов, уж не говоря о принцепсе при принципате!

У ВЛАСТИ

Клавдианские полные имя и титулатура по принятии власти: *Tiberius Claudius Drusi f(ilius) Caesar Augustus Germanicus / pontifex maximus / tribunicia potestate / imperator / consul designatus II* (иные формы на монетах и надписях: *Ti. Claudius Caesar Augustus Germanicus; Ti. Claudius Caesar Augustus; Ti. Claudius Augustus; Ti. Claudius Caesar*).

Он сразу же стал дезигнированным на следующий 42г. н.э. консулом-*designatus II* (*cos I – 37г.*), словно в пику насмешливому жребию Калигулы, и аккламировался императором (неясно за – формально – какую победу кесарских легатов – в

Мавритании? или в Германии? где тогда шли боевые действия) (см. ниже). К тому же, надо заметить, что не приняв (соблюдая меру) титул «император» в качестве преномена (Свет «Кл.» 12), что сделал, выводя себя от Императора Цезаря, Август, Клавдий аж, всего-итого, 27 (!) раз (кесарский рекорд, продержавшийся до Константина II в IVв.) за своё правление аккламировался-выкликался императором, не одержав ни одной полководческо-военной победы реально-персонально на поле брани, и ничего не смыслил в военном деле.

Однако, он придавал особое значение именно манифестирующим воинскую славу полководца победоносно-аккламационным импературам – как играющий в 50-летнем возрасте и старше в войнушку пацан-пострелёнок, у к-рого: непроизвольно дёргалась голова, тряслись (то больше, то меньше) слабые руки и ковыляющие ноги, заплетался язык, в гневе выступала пена на губах и т.д..

Отсчётная клавдианская дата *dies imperii* – 24.01.41г.; годы *tribunicia potestas* – с 25.01.41г. Сан (эквивалентного обер-прокурору синода) верховного жреца – *pontifex maximus* – присутствует на всех дошедших до нас надписях (мол, в вопросах *сакры* мы тоже совсем не лыком шиты!). А почётный (августейший) титул *pater patriae* (отец отечества), поначалу скромно им отклонённый (Дион 60,2,3), был принят Клавдием почти годом позже – (согласно фрагментам «Актвов Арвальских братьев») между 6 и 12.01.42г. н.э. (CIL 6,2032 Acta Arv.).

В дальнейшем он ещё взойдёт в 47/48гг. на 18 месяцев (помня о лаврах Катона Старшего) в цензоры, с включением «цензуры» (высшая – надконсульская – староримская магистратура) в свою постоянную титулатуру, но отклонит в 48гг. титул *pater senatus* (отец сената), как ранее в 43г., по покорении римлянами (как бы благодаря его полководчеству) части Британии, им будет отклонено прозвище *Britannicus*, великодушно переданное-переадресованное отцом-кесарем своему родившемуся, как сказано, 12.02.41г. сыну от Мессалины.

Казнил он, о чём мы знаем, придя к власти, только преторианского трибуна Херею, центуриона Лупа (плюс – покончивший с собой трибун Сабин) и ещё нескольких их товарищей – непосредственных исполнителей-реализаторов царевубийства от военных гвардейцев, к-рых, в частности, Херею, грозившего убить также Клавдия, просто нельзя было, сохраняя-блюды режим (и престиж) Цезариата-Принципата (против требований восстановить докесарско-олигархическую Республику), не казнить. И одновременно Клавдий не тронул ни одного заговорщика высшего эшелона из числа сенаторов или всадников, более того, объявил (покарав самый минимум виновных) необратимую помиловательную амнистию всем прочим – как за всё содеянное, так и за всё сказанное в тумултарные дни 24/25.01. (Светоний «Кл.» 11; Дион 60,3,4/5; Орозий 7,6,4/5).

Светоний: «Утвердившись во власти, он раньше всего иного позаботился изгладить из памяти те два дня, когда под сомнением была прочность гос. устройства. Поэтому всё, что было сказано и сделано в это время, он постановил простить и предать забвению, и постановление это выполнил: казнены были лишь несколько трибунов и центурионов из участников заговора против Гая – как для примера, так и оттого, что они, как открылось, требовали умертвить и его» (11,1).

Дион: «...Он приговорил Херею и некоторых других к смерти, несмотря на радость по поводу гибели Гая. Ибо он заботился, глядя вперёд, об обеспечении собственной безопасности, и потому испытывал не благодарность к тому, чей поступок возвёл его на трон, но продемонстрировал гнев на него за убийство императора, действуя в этом случае не как мститель за Гая, но как избалованный Херею за заговор против себя. И вскоре покончил с собой также Сабин, не желая жить после казни товарища.

Что касается, однако, прочих, из тех, кто открыто проявили своё стремление к

демократии или рассматривались в качестве претендентов на престол (М.Виниций, В.Азиатик, А.Винициан... – К.З.), Клавдий, далёкий от того, чтобы преследовать их, напротив, предоставил (умиротворяя нобилитет – К.З.) им почести и должности...» (60,3,4/5).

Орозий: «...Клавдий, лишь только он утвердился во власти, боясь, как бы месть, если вспыхнет, не обрушилась на такое множество знатных мужей, изгладил из памяти те два дня, в ходе к-рых несчастным образом обсуждалось и замышлялось об учреждении Республики, простил и предал забвению всё сказанное и содеянное тогда, явив тем самым великую и неведомую Риму прежде мягкость...» (7,6,4)

Да, мягкость, конечно, была Клавдием проявлена, но не столько из-от осознания силы, сколько от-из слабости и трусости, что, впрочем, не есть основание для того, чтобы, всё-таки, не поставить её ему (искренне попытавшемуся быть «добрым царём») в заслугу. Рим и римляне устали как от унылой своим (медлительно-челюстным) постоянством садистской тирании Тиберия, так и от порывно-пацанского и оттого не менее ужасного «королевского терроризма» Калигулы.

Риму и римлянам, не считая, само собой, непреложных-незаменимых хлеба и зрелищ (опиум *для* народа), снова требовался августейший пароль *Pax et Concordia*, снова требовались общественно-политические «Мир и Согласие». И не лишённый историко-политической чуйки Клавдий, с готовностью пошёл (не будучи настолько дураком, чтобы не пойти) согражданам (дав подданным почувствовать себя в, по-августовски, деликатном, в противопоставленном тиберианско-калигулианскому, императорском подданстве гражданами) навстречу.

Потом он, согласно Диону, отменил обвинение за (пресловутое) оскорбление величия и не наказал никого по нему ни за былые проступки, ни в будущем. Сходно он отказался от наказания тех, кто унижали его, не ставя ни во что, в бытность его частным человеком, думая тем самым угодить Тиберию или Гаю (60,3,6/7). По поводу Тиберия, здесь преувеличение, ибо Тибериус, к-рый не был Гаем, явно не нуждался в чьём-либо угождении посредством унижения Клавдия.

Далее, введённые при Калигуле бесчисленные, среди них – крайне одиозные-непопулярные, налоги и различные встретившие сопротивление распоряжения, были, по рассмотрении каждого из них, не все разом, разумно отменены. Многих сосланных Калигулой Клавдий амнистировал и возвратил из ссылок, первыми (томившихся на Понтийских островах за соучастие в заговоре Лепида-Гетулика) сестёр Гая (своих племянниц) – Агриппину и Юлию, с возвращением им и другим амнистированным или их детям (т.е. детям казнённых, либо умерших в тюрьме или в ссылке) конфискованного у них Гаем имущества (Дион 60,4,1).

«Из множества заключённых в тюрьмы он освободил тех, кто брошен был туда за оскорбление величия и по подобным обвинениям, но наказал действительно виновных в настоящих преступлениях. Ибо он очень тщательно расследовал все случаи, чтобы те, кто совершил преступления, не были освобождены вместе с теми, кто был обвинён ложно, и чтобы последние не погибли вместе с первыми. Почти каждый день, то вместе с сенатом, то в одиночку, он заседал в трибунале, рассматривая дела, обычно на Форуме, ибо он возобновил суды с участием (со)заседателей, в порядке, оставленном со времени удаления Тиберия на остров. Он также часто поддерживал консулов и преторов, особенно тех, кто надзирал за финансами, в их расследованиях, редко передавая такие дела другим судам. Он уничтожил яды, к-рые в изобилии были найдены в резиденции Гая, и списки Протогена, к-рого велел казнить. Равно бумаги, к-рые Гай якобы сжёг, и др. (доносы) он сначала показал сенаторам, затем, как тем, против кого они были направлены, так и тем, кто их написал, после чего приказал сжечь всё. И всё же, когда пожелали предать память Гая проклятию (*damnatio memoriae*), он лично воспрепятствовал этому, но по

собственной инициативе сделал так, что все изображения его предшественника в одну ночь исчезли...» (Дион 60,4,2-5).

К судейскому делу Клавдий вообще проявлял повышенный интерес, как апеллируя к староримскому и к римскому традиционно юридическому прошлому, так и доказывая своим активным личным (по августейшим стопам-лекалам) участием во всегда, согласно его мнению, справедливых публичных судах-судилищах, себе и всем прочим собственную, в ранге-амплуа «Первого среди равных», репрезентанта неммыслимого без юриспруденции Рима, именно римскую полноценность. Не случайно Сенека столь едко высмеивает клавдианское увлечение судопроизводством (Arosol. 7; 12).

Относительно калигулианских списков подлежащих репрессиям, к-рые вёл Гаев вольноотпущенник Протоген, с чьей подачи, например, в 40г. отцы-сенаторы растерзали прямо в курии своего несчастного коллегу Скрибония Прокула (см. выше), Светоний называет эти списки (в двух – с пронзительно говорящими названиями – тетрадях) «Меч» и «Кинжал»: «в обоих были имена и заметки о тех, кто должен был умереть» (Кал. 49,3).

Причём не только Протоген, но и другой скандально-влиятельный вольноотпущенник Гая Геликон (Филон «Пос. к Гаю» (30), и, в сходном русле-контексте, кляузные александрийцы Исидор с Лампоном, дела к-рых, по почину и в пользу (способствовавшего приходу Клавдия к власти) Ирода Агриппы, были, как мы знаем, рассмотрены в первой половине 41г., подверглись, велеием-судом-приговорами императора, казни.

А о ядах, использовавшихся Гаем (к-рый, оказывается, разбирался в них не хуже, чем когдатощний помощник аптекаря Г.Ягода, создавший при ВЧК целую лабораторию ядов для изведения «врагов народа»), у Светония сказано: «Обнаружен был и огромный ларь, наполненный различными отравками. Клавдий потом велел бросить его в море, и зараза, говорят, была от этого такая, что волны прибывали отравленную рыбу к окрестным берегам» (Кал. 49,3).

Рабы и вольноотпущенники, донесшие на своих господ и давшие показания против них (при Гае и Тиберии), были наказаны: либо – отданы в гладиаторы, либо – возвращены для наказания реабилитированным-амнистированным хозяевам (Дион 60,13,2). Пытки свободнорождённых были запрещены (Дион 60,15,6).

* * *

Поддержал-поддерживал Клавдий на должном высоком уровне и – возданием почестей прославленным предкам-предшественникам – славу-пиетет дома Augusti, и свою (порфирородную) сопринадлежность к нему. «Имя Августа стало у него самой священной и самой любимой клятвой» (Свет. «Кл.» 11; Плиний 35,94). В честь своих отца и матери, Друза и Антонии, он назначил поминальные жертвы и учредил цирковые игры (Дион 60,5,1), присвоив матери отвергнутое ею при жизни имя «Августа» (Кл. 11,2), и не забыв одновременно почтить память своего брата Германика (к-рого славил при каждом удобном случае) вкупе с его женой Агриппиной.

Бабку же свою Ливию Августу (на августейшую ступень к-рой была посмертно поднята Антония Мл.) он велел причислить к сонму богов, что произошло несколько позже – 17.01.42г. – в годовщину бракосочетания Августа и Ливии в 38г. до н.э., с весталками при её культе, с регулярными жертвоприношениями, с колесницей (в цирковой процессии), запряжённой четырьмя слонами, как у Августа, и с обязательным использованием её имени в женских клятвах (Кл. 11,2; Сенека «Arosol.» 9; Дион 60,5,2) (CIL 6,2032 Acta Arv.).

Памяти Германика в Неаполе Клавдием была поставлена (в 41 или в 42г.), сообразно Светонию (11,2), греческая комедия, авторство к-рой, по всей вероятности, принадлежало самому пробовавшему себя в литературе Германику, с награждением, решением судей, самим императором венком за неё. И даже дед кесаря по матери – М.Антоний (элиминированный из памяти Рима при Августе и Тиберии), не был обойдён знаками памятного не столько признания, сколько внимания (Кл. 11,3), в чём Клавдий фактически продолжил линию Калигулы на, так сказать, гражданско-историческое пост-примирение Августа и Антония, не посягая на безусловные приоритеты первого, задним числом, за исторической давностью лет.

Хотя Сенека, приписывая Клавдию слова: «Дед мой М.Антоний был ничуть не ниже своего победителя» («Утешение к Полибию» 16), похоже, желая этого тронного *лузера* дополнительно скомпрометировать, дополнительно его *отысквает*, преувеличивая-загибая. Исторически амнистировать Антония за давностью лет и снять с него проклятие памяти как со своего родного деда – да, но делать его ровней несравненного Августа, ликом к-рого не кто иной как Клавдий велел заменить лик Александра Великого на двух картинах Апеллеса (Плиний 35,36,94), – никак нет.

Вместе с тем, Тиберию была посвящена мраморная арка близ отстроенного-восстановленного Тиберием после пожара 22г. н.э. театра Помпея (к-рую сенат, несмотря на своё постановление, не построил), тогда как касательно Гая, невзирая на отмену его постановлений, переплавку монет с его именем и удаление его публичных изображений, предложения считать день его гибели = день клавдианского прихода к власти праздником не нашли у Клавдия одобрения, сродни тому, как и проклятием памяти умеренно осуждённый-отвергнутый-дисквалифицированный Гай обложен не был (Кл. 11,3).

При всём этом, в отношении себя руководствующийся благими намерениями Клавдий, славя одних почивших репрезентантов дома Августа и не отправляя на мусорную свалку истории других, в той или иной мере, скомпрометировавших кесарский *Domus*, «держался – по Светонию (12,1) – скромно, как простой гражданин». По Диону (60,5,3), цирковые скачки в праздничный день Клавдиева рождения 1.08. прошли в 41г. как бы в память об освящении в сей, праздничный в последующие годы, (многопамятный) день (при Августе) храма Марса Мстителя (1.08.2г. до н.э.).

Кроме того, было запрещено воздание каких-либо божеских почестей Клавдию (по грубо попоранному Калигулой примеру-образцу Августа и Тиберия), с принятием отклонившим имена «Августа» и «Август» для жены Мессалины и новорождённого сына (60,12,5) кесарем лишь трёх, по постановлению сената, посвящённых ему, кесарю, статуи – из серебра, бронзы и мрамора (60,5,4). Плюс к тому, он запретил новогодние подарки-подношения себе (к-рые Калигула вымогательски требовал) и назначение себя сонаследником в завещаниях (что нормативно-принудительно практиковали и Тиберий, и Калигула), если у завещателя имелись живые родичи (60,6,3).

Однако, хотя новое «благословенное» правление тотчас восславили соответствующие монеты с надписью «*Libertas Augusta*», тем не менее, сообразно Диону (60,2,2), порог сенатской курии новоявленный кесарь впервые переступил только на 30-й день властвования, т.е. 22 или 23.02. Переступил, заметим, в канун вставки 24.02., по отменённому с 45г. до н.э. Цезарем староримскому календарю, високосного месяца мерседония = перед ритуальным бегством наутёк кукольного, не без черт Тарквиния Городого, царя (*rex sacrogitum*) от как бы навсегда одолевших монархическую тиранию сената с народом.

Сам по себе, установившийся при Клавдии режим был минимум никак не враждебным сенату, с постоянными демонстрациями взаимоуважения-почтения, но без близости-взаимопонимания-совместности времён непревзойдённого гения

консенсуализма-универсализма-дуализма Августа. И именно эта взаимонастороженность обуславливалась едва не перешедшим в большое кровопролитие противостоянием при приходе Клавдия к власти.

Так, он испросил, естественно, полученное им парламентское разрешение вводить с собой в курию охранных преторианского префекта или войсковых трибунов (Свет «Кл.» 12; см. ср. Ан.4,7), боясь покушений и заботливо принимая меры предосторожности. В ходе его судейства в сенате, возле него, восседавшего между консулами на *sella curulis*, постоянно дежурили преторианские префекты, трибуны и активно соучастливые в почти всех его делах фаворитарные вольноотпущенники (Дион 60,16,3). Гвардейским преторианцам было запрещено, во предупреждение-избежание противокесарского заговора, переступать пороги домов сенаторов для приветствий (Свет. «Кл.» 35).

Вдобавок к тому, все приближавшиеся к императору мужи или жёны подвергались тщательному предварительному обыску на предмет спрятанного под облачением холодного оружия, а во время трапез-пиров и иных мероприятий-предприятий возле персоны кесаря безотлучно бдили два вооружённых телохранителя (Кл. 35; Дион 60,3,3).

В 41г. Клавдий помолвил ок. 14/15-летнего Л.Юния Силана Торквата – младшего (из трёх? сыновей) сына М.Юния Силана – консула 19г. н.э. (Д.И. 144)⁸, и правнучки Августа Эмилии Лепиды, со своей ок. годовалой дочерью от Мессалины Октавией. А за ок. 14/15-летнего Гн.Помпея Магна, сына консула 27г. н.э. М.Лициния Красса Фруги (Д.И. 1048) и Скрибонии – выдал замуж свою ок. 13-летнюю дочь от Петины – Антонию, отпраздновав помолвку и свадьбу без помпы, в узком семейном кругу (правя в дни помолвки и свадьбы, как обычно, суд и участвуя в заседаниях сената).

Следом за этим он сделал обоих зятьёв вигинтивирами (коллегия 20-и) и позднее испросил для них льготное для представителей императорского дома право облечения должностей на 5 лет раньше положенного срока (Дион 60,5,7; Свет. «Кл.» 12). Оба, помимо того, получили привилегию облечения римской каникулярно-городской префектуры в дни Латинского праздника на Альбанской горе.

Серьёзную угрозу в момент прихода Клавдия к власти представлял дефицит зерна, запасов к-рого, из-за бездумных выходов и неадекватного поведения Калигулы, оставалось в городских закромах всего на 7/8 дней. Но угрозу голода и бунта удалось, согласно информации, пусть ничего не сообщающих о конкретных мерах, Сенеки (*De brev. vit.* 18,5) и Авр. Виктора (4,3), тогда предотвратить-обуздать. Вместе с тем, именно при Клавдии разразится фигурирующий в Д.Ап. «великий голод» «по всей вселенной» (11,28), и вообще за его почти 14-летнее правление набирается наибольшее, в сравнении с правлением прочих кесарей, число разнорегионально голодных лет (см. выше и ниже).

В Неаполе, этом прогреченном-грекофильском центре Италии, где Клавдий провёл какое-то время в 41г., он жил обычным гражданином, «ибо, как он, так и его домочадцы восприняли греческий образ жизни во всех отношениях, нося плащ и высокие башмаки, к примеру, на музыкальных представлениях, и пурпурную мантию с золотой короной на гимнастических состязаниях» (Дион 60,6,1).

Здесь надо заметить. Если речь идёт о 4-летних, по олимпийскому образцу, с 1.08., музыкально-гимнастических Августалиях, учреждённых неаполитанцами в

⁸ Его (или – не его?) старший сын М.Юний Силан (к-рый, м.б., являлся сыном Г.Аппия Юния Силана – конс. 28г.?) – конс. 46г., родился в 14г. и был тем самым «внуком внучки» Августа, т.е. сыном дочери замужествовавшей на 13/14гг. за одним из многочисленных родовитых-разветвлённых Ю.Силанов Юлии Младшей – Эмилии Лепиды, к-рого успел увидеть до своей кончины 19.08.14г. пра-прадед Август (Плиний 7,158).

честь Августа во 2г. н.э. (Р.л. 1305/06), то на повестке дня не 41, а 42г., одно из событий к-рого Дион, в своей нередкой манере, вполне мог суммарно присовокупить к событиям 41г., правда, это из слов Диона выводится не обязательно, поскольку речь очень даже может идти и не об Августалиях.

«Что касается иудеев, число к-рых опять выросло настолько, что по причине их многочисленности, было бы тяжело, не вызывая волнений, оградить от них город, он не стал изгонять их, но приказал им, если они продолжают придерживаться своего старинного образа жизни, не устраивать собраний» (Дион 60,6,6).

Т.е. в объективе римские иудеи, принятие относительно к-рых ограничительного постановления Клавдием, вероятно, ближе к концу 41г., во всяком случае, после отъезда в мае оснащённого ещё в январе Иудейским царством Агриппы, не входит в противоречие с проиудейскими клавдианскими эдиктами первой половины 41г. по адресу иудеев Александрии и Диаспоры в пределах Римской империи.

Как мы помним, число римских иудеев в пору смерти Ирода – 1г. н.э. – составляло 8 тыс. В 19г. н.э. часть из них, по одному из ограничительных в отношении иудеев эдиктов Тиберия (к-рых было итого три – 19, 29, 34г., без чёткой ясности по поводу того, каких именно, совместно или в отдельности, иудеев – римско-италийских, диаспоральных, палестинских – каждое из данных постановлений касалось), была выслана из Рима (Д.И. 180-88), и возможно, какая-то часть вернулась в Город после падения в 31г. Сеяна.

Так или иначе, надо полагать, что число римских иудеев составляло на 41г. более 10-и (ок. 12/15-и?) тыс., притом запрет на синагогальные собрания, согласно тексту Диона, означал бы запрет на собственно экзистенцию иудейской общины, в связи с чем правильнее будет ограничиться констатацией наложения каких-то ближе неизвестных клавдианских, сугубо на римских иудеев, ограничений, к-рые Дион, точнее, его источник упрощённо истолковал как запрет на любые синагогальные собрания (что трудно представить).

Далее, злоупотребления, допускавшиеся при Гае во время различных празднеств, в частности, в ходе конных состязаний, были устранены; разрешение на бесчисленное повторение праздничных мероприятий, в случае каких-либо нарушений, чем пользовались мошенники, – аннулировано (60,6,4/5); проведение преторами в неограниченном количестве гладиаторских побоищ во т.н. славу кесаря, – запрещено (60,5,6). Предусловием принятия в состав сената сначала стало наличие римского гражданства в пятом, потом – в третьем колене (Свет. «Кл.» 24).

«Он вернул различным городам статуи, к-рые Гай затребовал в Рим, приказал восстановить храм Кастору и Поллуксу», к-рых Калигула сделал своими, как Юпитера Латинского, привратниками, по сути профанировав их святилище (см. выше), и поместил недостающее имя Помпея на театре его имени, поместив на нём также имя Тиберия, к-рый отстроил сгоревший помпеянский театр (60,6,8).

«Своё собственное имя он присовокупил не потому что отстроил театр, а потому что освятил его.⁹ Кроме того, он не надел триумфальное императорское облачение в течение всего праздника (освящения), несмотря на соответствующее дозволенное решение сената, но появлялся в нём только при совершении жертвоприношений, нося в остальное время окаймлённую пурпуром тогу» (60,8,9), чем показательно подчёркивалась его приверженность-преданность римскому традиционализму (соблюдения чего от сограждан требовал ещё Август).

Выписанные-собранные Гаем из Греции и М.Азии мальчишки-танцоры, после одного выступления-представления, были награждены гражданством и отправлены

⁹ Если по Диону, речь идёт об имени кесаря Тиберия, отстроившего сгоревший помпеянский театр, то по Светонию, на повестке дня личное имя освятившего этот театр Клавдия – Тиберий. Сойдёмся на том, что Клавдий разумел под данным именем и Тиберия, и себя.

по домам (60,7,1). В цирке были даны сражения между всадниками на верблюдах, и 12 сражений между всадниками на конях. В результате травли зверей, погибли 300 медведей и столько же диких животных из Африки (60,7,3).

Если перед этим представители каждого из трёх сословий — сенаторы, всадники, плебеи — сидели в цирке отдельно без специально отведённых для них мест, то теперь Клавдий, делая реверансы сенату, закрепил определённые места за сенаторами, одновременно, позволив членам сената сидеть, где угодно, и даже появляться в облачении простых граждан, после чего он дал щедрый пир сенаторам с их жёнами, всадникам и трибам (60,7,3/4).

ВАССАЛЫ И ПЕРИФЕРИЯ

Ниже Дион (напомним, наш единственный анналистический источник, из-за молчания по периоду 37 — 47гг. утерянного Тацита) сообщает (60,8,1-7) о вассальных и периферийных предприятиях пришедшего к власти Клавдия, о к-рых мы ранее уже не раз беседовали и теперь коротко повторим.

Лишённый в 40г. (ранее ошачливившим его короной и возрождённым вассалитетом) Калигулой трона и, возможно, свободы Антиох IV Коммагенский (к-рый чем-то разгневал Гая, или на богатства к-рого Гай позарился) был восстановлен Клавдием в своём престольном статусе «друга и союзника», во-первых, «кесаря-Цезаря» (*amicus Caesaris*), — т.е., на сей раз, Клавдия, и во-вторых, — «римского народа» (*amicus populi Romani*), снова зацарствовал над Коммагеной и (предоставленной ему Гаем) частью Киликии, над к-рыми он процарствует, как сказано, до 72г.

Единоновременно, интернированного при Калигуле и (похоже) заточённого в Риме Митридата Иверского (брат царя Иверии Фарасмана), к-рый, по поощрению и под эгидой Тиберия, стал в 35г. проримским царём Армении (супротив воспритязавших на неё, по смерти в 34г. Зенона-Арташеса, парфян), Клавдий освободил и снова снарядил (оснадив его римской поддержкой) в Армению. Ибо относительно Армении клавдианский Рим решил восстановить т.н. помпеянско-августовский (и тиберианский) проримский статус-кво, к-рый Калигула частично пересмотрел, пойдя на некоторые уступки парфянам.

Во-первых, для возвратившегося к курсу Августа Клавдия калигулианская линия была неприемлема, а во-вторых, у Клавдия имелся веский внешний повод для пересмотра прежних договорённостей. За истекшее время переговорный партнёр Калигулы Артабан III успел ещё в 40г. скончаться, после чего внутренняя ситуация в Иране, где в борьбе за трон соперничали Артабановы преемники-контрпретенденты Вардан и Готарз, каждый из к-рых рассчитывал, в т.ч., на более весомые иранские преференции в Армении, вновь дестабилизировалась, и потому заключённое с Артабаном соглашение сошло на нет.

В то же время другому Митридату — Боспорскому, — сыну Аспурга (+ 38г. н.э.) и внуку внучки Митридата Эвпатора (+ 63г. до н.э.) Динамис, Клавдий предоставил царство Боспорское. Точнее, по всей вероятности, он признал его царём в этом царстве, стоя перед фактом и чтобы не выпустить оное из римской орбиты, так как Калигула даровал право на Боспор Полемону II Понтийскому, к-рый утвердился там не смог, да и серьёзных попыток, надо думать, не предпринимал, клавдиански компенсированный ныне вместо потерянного Боспора частью Киликии (Ольба). Между тем, напомним, в Боспоре, после смерти в 38г. (сына Асандра) Аспурга, царствовала царица Гепепаيريا, кому в 41г., при ближе неясных обстоятельствах, преемствовал её приёмный сын (или супруг) Митридат. Последний изображён вместе с ней на монетах 42 — 46гг., и против него Рим поддержит в 45/46гг. его мл.

брата Котия, к-рый затем, одолев с помощью римлян Митридата, основательно воцарится над Боспором (см. ниже).

О получении в 41г. Иродом Агриппой царства Иудейского в приблизительных границах царства Ирода Старшего, равно о клавдианском наделении агриппианского старшего брата Ирода царством Халкидским, мы подробно рассказали выше.

Тем временем, не лучшим образом обстояли дела в Мавритании, царя к-рой Птолемея, сына Иова II (+ 23г.) и внука Антония с Клеопатрой, Калигула в 40г. подло умертвил, с одной стороны, наверняка решив прибрать к рукам его богатства, а с другой, сочтя, что Мавритания созрела для провинциализации и даже планомерно разделив её на две провинции – Цезарейскую и (приатлантическую) Тингитанскую (Плиний 5,2). Впрочем, это, если само разделение – инициатива ещё Калигулы, было практически осуществлено-реализовано лишь при Клавдии. Ведь тотчас по приходе в Мавританию известия о Птолемеевой гибели оставленный последним перед (на собственную погибель) отъездом за управителя его вольноотпущенник Айдемон (Плиний 5,11) поднял восстание (Д.И. 941; 947/48).

Как именно развивались дальнейшие события, в точности неизвестно. Но предположительно, ещё до конца правления Калигулы над мавританскими повстанцами одержал первую победу (эвентуальный) римско-африканский легат (40/41гг.) М.Лициний Красс Фруги (конс. 27г.), кого в 41г. сменил Г.Светоний Паулин (конс.-суф. 43г.). Именно он, согласно Плинию (5,14/15) и Диону (60,9,1), перешёл-форсировал реку Гер и первым из римлян победоносно перевалил через Атласские горы – 41/42г., передав в 42г. начальствование-командование Гн.Госидию Гете (конс.-суф. 47г.).

Госидий, в свою очередь, победил в двух сражениях нового предводителя мавританских повстанцев (или предводителя новых повстанцев) некоего Салаба и тоже перешёл, преследуя разбитых инсургентов, через Атласский хребет, дойдя до пустыни (Сахара). Правда, там он и его воинство чуть было не погибли, из-за отсутствия-недостатка воды, спасённые чудесно пролившимся дождём, каковой изумлённые мавританцы-повстанцы квалифицировали как божественный знак-умысел-промысел и вскорости, сложив оружие, добровольно покорились (повелителям мира) римлянам (Дион 60,9,2-4).

А в Европе в 41г. легаты обеих Германий – *Germania Superior* – (похвально отмеченный ещё Калигулой, не воспретендовавший на престол после его убийства и фаворитарный при Клавдии) С.Сулпиций Гальба (конс. 33г.), и – *Germania Inferior* – А. (или П.) Габиний Секунд (конс.-суф. 43г.), – успешно отразили натиск и отбросили за Рейн грабительски сунувшихся (в русле и под впечатлением от смены власти в Риме) с правого берега на левый германцев. Гальба одолел хаттов; Габиний – хавков. Причём, в результате боевой операции, Габинию, к-рому Клавдий «позволил принять даже прозвище Хавка» (Свет. «Кл.» 24,3), посчастливилось вернуть последнего из трёх римских орлов, трофейно захваченных германцами при поражении ими в 9г. в Тевтобургском лесу Квинктилия Вара, сообщение о чём было встречено римлянами с большой радостью.

Приложительно к названным победам в Мавритании и Германии, или, скорее, за две, габинианскую и галбанскую, победы в Германии, Клавдий удостоил легатов-победоносцев триумфальными отличиями, не забыв при этом, разумеется, и себя, дважды аккламированного императором. Хотя, по Диону (60,8,6), первая мавританская победа, – следует понимать, имеется в виду победа Красса, – была одержана ещё до прихода Клавдия к власти, тогда как на момент клавдианской аккламации Светоний Паулин никаких побед в Африке одержать ещё не успел.

Т.е. правильно будет принять две клавдианские аккламации в 41г. (CIL 12,5493; 5586) – за Германию, и первое присвоение *ornamenta triumphalia* Лицинию Крассу – за Мавританию. Плюс – третья клавдианская аккламация до 25.01.42г. (CIL 8 Suppl.

11002) — в связи с успехами Светония Паулина в Мавритании, потому как за участие в британской кампании 43г. Красс Фруги — особостатуированный участник британско-клавдианского триумфа 44г., будет, согласно Светонию (Кл. 17,3), удостоен знаков триумфального отличия вторично¹⁰ (см. ниже).

При всём том, Дион (60,8,6/7) специально оговаривает, что как триумфальными отличиями за Мавританию, так и двумя императорскими аккламациями за Германию, принятием (присвоением) к-рых (себе) император, по (иронизирующему) Диону, отблагодарил своих одержавших победы легатов, он обзавёлся по настоятельному совету своих влиятельных вольноотпущенников, о к-рых, разбирая специфические черты-признаки-симптоматику правления Клавдия и клавдианского принципата, надо рассказать подробно.

ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКИ ПРИ КЛАВДИИ

Именно при Клавдии возник императорский т.н. секретариат из т.н. коллегий, или, скорее, дворцовых канцелярий, во главе к-рых оказались преданные лично ему вольноотпущенники-либерты (придворная камарилья!), к-рым он доверял больше, чем представителям сенатского и всаднического нобилитета, и к-рые пользовались огромным влиянием как на самого слабовольного (и временами слабоумного) императора, так и в важнейших гос. делах, чего Рим в подобных масштабах и на таком уровне ещё никогда не видывал.

Тиберий Клавдий Нарцисс стал постоянным секретарём-советником, ответственным за кесарскую корреспонденцию — послания, прошения и т.д. (ab epistulus). Будучи вольноотпущенником Антонии, Гая, или собственно Клавдия — Narcissus C. Caesaris Augusti Germanici (CIL 5,6641), он являлся, в значительной мере, душой клавдианского правления. Согласно «Комментарию к Ювеналу» (14,329д), — евнух, что, впрочем, не совсем ясно, и не исключено, что тут путаница с фаворитарным евнухом-вольноотпущенником Посидом, к-рого (кастрата) кесарь пожалует в британском триумфе 44г. (к возмущению староримлян) наградным копьём, как мужа-воина (Свет. «Кл.» 28). В триумвирате либертов при Клавдии — Каллист, Паллант, Нарцисс — последний суть первый = наиболее влиятельный (Дион 60,30,6б).

По перечисляющему императорских вольноотпущенников-фаворитов Светонию

¹⁰ Прямых фактических подтверждений африканской или мавританской легатуры Лициния Красса нет. Предположение о ней, вернее, о нём, как о первом назначенном в 40г. ещё Калигулой легате провинциализированной (подлежащей практической провинциализации) Мавритании, делается опосредованно: 1) на основании эпиграфического фрагмента (CIL 6,31721 = Dessau 954), где Licinius Crassus Frugi назван легатом Клавдия Цезаря Августа Германика «in M [...] ia», что, строго говоря, можно понять-дополнить-прочсть и как «Mauretania», и как «Makedonia», и как (менее вероятно) «Moesia» (чересчур коротко); 2) наличие у Красса первых, приобретённых им при (как выводится из Светония) уже Клавдии, триумфальных отличий до 43/44гг., в сочетании с информацией Диона о победе какого-то анонимного легата в Мавритании в 40/41гг., и отсутствие приемлемой (соприименительно к фрагменту CIL) информации о каких-либо иных победах (в «М.») в означенном интервале времени (что, однако, какую-то не удостоившуюся упоминания локальную победу, например, в Македонии, над, скажем, вторгшимися из-за Дуная варварами, не исключает); 3) начальствование над Македонией, Ахайей и Мезией в 35-45гг. П.Меммия Регула, под началом к-рого, как консулярского легата, Лициний Красс Фруги, тоже консуляр, притом и рангом, и летами старший, так как Меммий облакал консульство не орд., но суф. в 31г., состоять (в качестве подчинённого Меммию легата Македонии или Мезии) не мог, или, если даже теоретически мог, то слишком вряд ли.

в «Жизнеописании Клавдия», — «...выше всех он ставил Нарцисса, советника по делам прошений, и Палланта, советника по денежным делам. Этих он с удовольствием позволял сенату награждать не только большими деньгами, но и знаками квесторского и преторского достоинства, а сам попускал им такие хищения и грабежи, что однажды, когда он жаловался на безденежье в казне, ему осторожно было сказано, что у него будет денег вдоволь, стоит ему войти в долю с двумя вольноотпущенниками» (Кл. 28).

На совести и в активе бессовестного и весьма деятельного Нарцисса не одна интрига и не одно преступление в кесарство Клавдия, с к-рыми, например, с устранением Г.Аппия Юния Силана в 42г., или с противонабилитетскими репрессиями после провала мятежа Фурия Камилла Скрибониана (42г.) и т.д., мы столкнёмся дальше, по ходу нашего хроноповествования.

О нарциссианском придворном весе свидетельствует уже то, что в 43г. Клавдий снарядит его в Галлию повлиять на легионы, не желающие переправляться «за край света» в Британию. Но этого бывшего раба и евнуха (кого знатные римляне опасались, одновременно испытывая к нему, за его непомерное влияние, мздоимство, алчность, лихоимство, ненависть и презрение) суровые воины-легионеры *сатурнально*, — мол, «кто был ничем, тот станет (стал) всем» — осмеют-засмеют (см. ниже). Надо сказать, что весьма охочий до чужой собственности, он, прирождённый коррупционер, сколотил рекордное состояние в аж 400 млн. сестерциев, сравнявшись своим богатством с ранее недосыгаемым консулом 14г. до н.э. Корнелием Лентулом Авгуром (+ 25г.).

В 48г. именно Нарцисс выступит инициатором ниспровержения-устранения Мессалины, за осуществление-реализацию чего Клавдий удостоит его преторских инсигний. Однако затем он подаст Клавдию совет вторично жениться на Элии Петине и попыбует продвигать-защищать (оба раза поставив не на тех лошадак) интересы Британника, из-за чего стяжает лютую вражду выигравшей соревнование трёх претенденток на брак с кесарем — (креатуры Палланта) Агриппины.

А в 54г., по смерти Клавдия, Нарцисса, успевшего уничтожить компроматные письма из императорского архива, расторопно князят, мстительной агриппианской инициативой, против воли молодого Нерона, прямо на могиле низвергнутой им шестью годами ранее Мессалины (Ан. 13,1; Дион ехс. 60,34,6; Сенека «Аросол.» 13,2).

М.Антоний Паллант — в 31г. раб Антонии, тайно доставивший Тиберию на Капри из Рима её письмо с разоблачениями в адрес Сеяна (И.д. 18,6,6) и, видимо, после этого получивший свободу, хотя античные источники неточно называют его, возвысившегося при Клавдии, вольноотпущенником Клавдия (Свет. «Кл.» 28; Плиний Мл. «Epist.» 8,6,12; Авр. Виктор 4,9). Этот Паллант приходился старшим (сводным) братом авантюрно-любвеобильному прокуратору Иудеи (52 — 60гг.) Антонию Феликсу (Ан. 12,54; Ист. 5,9). Выводил себя от аркадских царей.

Заведовал финансами (а *rationibus*) (Св. «Кл.» 28; Плиний Мл. 8,6,7; Зонара 11,9). Впервые упоминается Тацитом под 48г. как инициатор брачной выдачи (не столько) Агриппины за Клавдия (сколько Клавдия за Агриппину) (Ан. 11,29). В 50г. ратовал за состоявшееся усыновление Клавдием Л.Домиция Агенобарба = Нерона (Ан. 12,25). Состоял в любовной связи с Агриппиной (Ан. 12,25; 65; Дион 61,3,2). Владел состоянием в 300 млн. сестерциев.

23.01.52г. он удостоится от сената (по представлению консула К.Марция Барей Сорана) преторского ранга — *ornamenta praetoria* (Плиний Мл. 8,16,13; Свет. «Кл.» 28; Авр. Виктор 4,9), плюс — вознаграждения в 15 млн. сестерций. Какое-то время останется на плаву и после кончины Клавдия (Дион 61,3,2), но, не импонируя Нерону, вынужденно сложит с себя в 55г. заведование финансами (Ан. 13,2; 14), единовременно, по выдвинутому против него обвинению, оправданный (Ан. 13,23;

Дион 61,10,2). В 60г. сумеет исходатайствовать непривлечение к ответственности за злоупотребления при отправлении наместничества для отозванного Нероном из Иудеи своего брата Феликса (И.д. 20,8,9). А в 62г. будет, велеием равнодушного к его богатству Нерона, отравлен (Ан. 14,65; Дион 62,14,3). Горделивая надпись на его гробнице на *via Tiburtina* упомянута и с издевательским возмущением прокомментирована, вкпе с данной Палланту убийственной характеристикой, у (в «Письме к Монтану») Плиния Мл.:

«Ты будешь смеяться, затем негодовать, затем опять смеяться, прочтя слова, к-рым ты не сможешь поверить, не прочтя их. Есть на Тибуртинской дороге, на первой миле, я недавно это заметил, памятник Палланта с такой надписью: «Ему сенат за верность и преданность по отношению к патронам постановил дать преторские украшения и 15 млн. сестерций, каковой честью он был доволен». Я никогда не восхищался тем, что посылает чаще судьба, чем здоровое суждение, но эта надпись особенно напомнила мне о том, как комичны и нелепы почести, бросавшиеся иногда этому грязному подлецу, к-рые этот висельник осмеливался и принимать и отвергать и даже выставлять себя потомкам как образец воздержанности...» (7,29) (см. также следующее изобилующее противопаллантовскими выпадами «Письмо к Монтану» 8,6).

Г.Юлий Каллист (см. выше) был рабом частного лица, у к-рого его выкупил-перекупил давший ему вольную Калигула, и к-рого, т.е. своего прежнего патрона, он, войдя в силу, всячески третировал (Сенека «Ер.» 47,9). Разбогател за счёт грабительских конфискаций, подстрекая Гая к репрессиям, и близко сошёлся с ним, подложив под него свою дочь Нимфидию (см. выше). В 39г. небезуспешно ходатайствовал за разгневавшего Калигулу, однако сумевшего ловко вывернуться из очень затруднительного положения (при помощи льстивой капитуляции перед ораторским «гением» императора) медоречивого пройдоху Домиция Афры (см. выше).

Позднее — 40г. — соучаствовал в заговоре против Калигулы (Св. «Кал.» 56,1; Дион 59,25,7/8), умудрился уцелеть, пусть, утратив прежнее доверие. Потом примкнул — 40/41гг. — к заговору Хереи (И.д. 19,7,10), и вскоре втёрся в доверие к Клавдию, заверив того, что вопреки калигулианскому поручению-распоряжению, мысленно не отравил его. Возглавил, при Клавдии, канцелярию по делам прошений (*a libellis*), приобретае ещё большее влияние, чем при Калигуле (Ан. 11,29; Дион 59,29,1).

И он будет интриговать против Мессалины, но, сродни Палланту, не рискнёт, в отличие от Нарцисса, выступить против неё открыто, после чего посоветует Клавдию жениться на бездетной красавице Лоллии Паулине, к-рую ранее Калигула взял (до Милонии Цезонии) в жёны, беспардонно отобрав её у Меммия Регула. Умрёт своей смертью в начале 50-х гг., ещё при Клавдии. Кстати, он имел отношение к медицине, так как медик Скрибоний Ларг специально посвятил ему книгу врачебных рецептов. О богатстве и расточительности чуть менее богатого, чем Нарцисс, Каллиста сообщает Плиний (33,134; 36,60); о самонадеянности и заносчивости — Сенека (Ер. 47,9).

* * *

Ещё один немалозначительный приклавдианский вольноотпущенник — находившийся поначалу в большой фаворе у Мессалины и поднятый во всадническое сословие — Г.Юлий Полибий. Он осуществлял референтуру при императоре как «советник по учёным делам (*a studiis*)», к-рого, согласно Светонию, «даже на прогулках нередко сопровождали по бокам оба консула» (Кл. 28), и кроме того, заведовал императорской библиотекой. Переводил Гомера с греческого на латынь и

Вергилия с латыни на греческий (Сенека «Диал.» 12,8,2; 11,5).

Адресат сенеккианского «Утешения к Полибию» (43г.). Причём Сенеке очень напрасно казалось, что Полибий поспособствует его возвращению из корсиканской ссылки. Был нелюбим в народе, устранённый в 47/48гг. проискамы Мессалины (Дион ехс. 60,31,2), что резко настроит против неё вышепредставленный триумвират либертов, к-рые испугаются за себя. Часть канцеляарско-учёных функций Полибия перейдет с его гибелью к Каллисту; др. часть — к некоему ближе неизвестному вольноотпущеннику — Тиберию Клавдию Лемнию (СІЛ 6,8636).

О других фаворитарных в правление Клавдия либертах в «Жизнеописании» Светония читаем: «...не менее (чем Посида) любил он и Феликса, к-рого поставил начальником когорт и конных отрядов в Иудее, супруга трёх царик; и Гарпократа, к-рому дал право ездить по Риму в носилках и устраивать всенародные зрелища...» (Кл. 28).

Посид был вольноотпущенником Клавдия или, м.б., Ливии, если некий фигурирующий в надписи СІЛ M.Iulius Aug(ustae) l. Posides (6,20216) идентичен с ним.

Клавдий, как замечено выше, наградит его, всего-навсего (презренного для римлян не в пример Востоку, где придворные евнухи — персоны многовлиятельные), евнуха, аж почётным копьем — *hasta pura* — за участие, в составе императорской свиты, в британском походе 43г. Эта награда обычно присваивалась представителям всаднического сословия, т.е. можно говорить о из ряда вон выходящем награждении Посида всаднической наградой (не путать с принадлежностью к всадническому сословию).

Информацию Светония повторяет Авр. Виктор (4,9), именующий немужа-копьеносца Посидонием. А «Комментарий к Ювеналу» (14,91) сумбурно смыкает его с называемым Светонием после него Антонием Феликсом воедино. Тем не менее, Ювенал (14,91) говорит о затмившем-затенившем Капитолий роскошном дворце Посида, кто, помимо того, в Байях владетельно соорудил богатые термы-купальни, роскошество к-рых ведомо Сенеке (Ер. 86,7), подведя к этим купальням, с огромными финансовыми затратами, местные горячие источники.

Антоний Феликс, названный и у Светония, и у Авр. Виктор (4,8) либертом Клавдия, был, по всему, сходно его ст. брату Палланту, вольноотпущен матерью Клавдия Антонией. В 52г., когда сенат почтит протееже Агриппины Палланта преторскими инсигниями (чем возмущается Плиний Мл.), Феликсу выпадет, явно не без протекции брата, сделаться прокуратором (всей) Иудеи (И.в. 2,12,8; И.д. 20,7,1) (см. ниже).

Притом, согласно невнятному Тациту (Ан. 12,54), он уже до этого какое-то время подвизался в Палестине одновременно с прокуратором Вентидием Куманом (48 — 52г.), соревнуясь в злоупотреблениях с ним, кому-де подчинялись галилеяне, тогда как у Феликса были в подчинении самаритяне. Не очень понятно, в каком именно ранге-статусе Феликс действовал одновременно с Куманом, видимо, заведя с ок. 50г. именно (вопреки Тациту) Галилеей, тогда как Куману, с к-рым он конфликтовал, подчинялись Иудея и Самария (см. ниже).

Однако, после вмешательства в дело легата Сирии Умидия Квадрата и после разбирательства дела в Риме, Куман за злоупотребления будет сослан, Феликс же благодаря Палланту не только не подвергнется наказанию, но получит — 52г. — в прокураторское управление всю провинциальную Иудею, включая Галилею, Самарию, Перею.

Так или иначе, при нём, в 50-е гг. Ив. н.э., Иудея начнет усиленными темпами погружаться в хаос: по Флавию, «дела в Иудее приходили со дня на день в больший упадок» (И.д. 20,8,5; И.в. 13,2-6). Феликс, согласно Тациту, отличавшийся «особой жадностью и сластолюбием» «раб на троне» ловил, сажал, казнил, отправлял на суд в Рим мятежников, разбойников, обманщиков, — в частности, давнего бандитского атамана Елезара, к-рых всё равно не становилось меньше, и что не помешает

Феликсу сговориться с кинжальными террористами-сикариями, к-рые убьют, по его наущению, законфликтовавшего с ним первосвященника (ранее ходатайствовавшего о его назначении) Ионафана. Затем, во второй половине 50-х гг. Ив., прокуратору выпадет бороться с неким иудеем-чародеем из Египта, 400 сторонников к-рого падут, умерщвлённые римским конным отрядом, а 200 угодят в плен, в то время как пресловутому египтянину, о к-ром говорится также в Д.Ап. (21,28), всё-таки, удастся улизнуть. Потом Феликсом будет разбираться конфликт между иудеями и язычниками Кесарии Палестинской (см. ниже).

При Феликсе же, в 58г., стартуют 2-летние (58 – 60гг.) кесарийские узы Ап. Павла (Д.Ап.23/24), причём мздоимцу-лихоимцу наместнику вздумается получить от Павла взятку за его освобождение, хотя, наряду с тем, он будет не прочь иногда послушать речи Апостола (язычников). В Д.Ап. находим: «...надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его: посему часто призывал его и беседовал с ним» (24,26). Впрочем, когда до того Павел в 58г. впервые предстанет перед Феликсом, пришедшим послушать его вместе со своей женой Друзиллой, и заговорит о правде, воздержании и будущем суде, неправдивый, невоздержанный и не раз творивший несправедливый суд Феликс придёт в страх и скажет: «теперь пойдёшь, а когда найдёшь время, позову тебя» (24,25).

Эта красотка Друзилла, дочь Ирода Агриппы, к-рая появляется в Д.Ап., была не первой женой сластолюбивого «мужа (поочередно) трёх цариц» Феликса, ушедшей к нему ок. 54г. от Азиза Эмесского, за к-рым она недолго прозамужествовала. Ещё он был женат – неясно в какой последовательности – на одноимённой ей дочери Птолемея Мавританского – внучке Клеопатры Селены (Ист. 5,9), т.е. на правнучке Антония и Клеопатры, и на какой-то «третьей» «царице», имя и «царство» (царственная генеалогия) к-рой не установлены. От Друзиллы Агрипповны у него родится сын, погибший, о чём мы упоминали, вместе с матерью, в 79г., при извержении Везувия, и дочь – Антония Клементиана.

Наконец, в 60г., по не первой жалобе иудеев, запятнанного всеми пороками Антония Феликса (первый иудейский наместник из вольноотпущенников = давешних рабов – на всаднической должности) Нерон отзовет, но он опять, по заступничеству брата Палланта, избежит наказания. Как, где и когда кончит? переживёт ли Палланта? – вопросы. Впрочем, подробности о суммарно предотрекомедованном нами читателю сейчас Феликсе, точнее, о его деятельности в Палестине см., в русле хроноповествования, дальше-ниже.

А последний в нашем обзоре из перечисляемых у Светония наиболее фаворитарных клавдианских вольноотпущенников (к-рыми их общий длинный перечень не исчерпывается) – Гарпократ (Сенека «Аросол.» 13,5) – либерт самого Клавдия и прокуратор кесаря, удостоится (ни больше, ни меньше) консульского права передвигаться по Риму в (несомых рабами) носилках. Плюс – обзаведётся позволением устраивать всенародные празднества, что, увы, впоследствии не уберёжет его, банально казнённого Клавдием, вследствие имеющего обыкновение быть, сродственно барской любви, чрезвычайно опасным барского гнева.

Таким образом, в руках всех этих людей (вчерашних или позавчерашних, повторим, рабов), к-рыми Клавдий окружил себя, не без системы взимоуравновешивающих противовесов и гарантийной для первого лица конкуренции между ними, начиная с горстки самых влиятельных либертов, оказались гос. рычаги и гос. ресурсы: финансы, юриспруденция, корреспонденция, законотворчество, армия. Именно они (часто своекорыстно) советовали императору: как, в каком кол-ве и на что тратить средства; кого произвести в наместники, кому доверить легионы или вассалитеты, куда сходить в поход; кого репрессировать, кого выдвинуть, кого задвинуть; где, что и на какие шиши соорудить, и т.д.

Так практическое отправление власти не столько самим Клавдием, сколько при Клавдии (кем, как выражается Светоний, помыкали жёны, о к-рых разговор впереди, и вольноотпущенники), нередко происходило в обход сената. И тем не менее, парадная видимость верховенства герузии, постоянно, как бы в пользу августейшей модели и в противовес единоличному тираническому произволу Тиберия или Калигулы, поддерживалась-соблюдалась-подчёркивалась, с обязательной августейшей презентацией-манifestацией принцепса не иначе как *первого среди равных*.

Просто при Августе всем было ясно, кто есть *первый* и насколько он *первое равных* (среди к-рых, в свою очередь, имеются те, кто *ровнее*)! Равно, если при Августе всё и было, и выглядело умеренно-серьёзно, то при Тиберии и Калигуле многое сделалось страшным. А вот в правление Клавдия верховная власть, словно в интервале между разнокачественным беспределом Тиберия с Калигулой и максимальным беспределом Нерона, словно взяв тайм-аут, передышку, стала смешной, стала анекдотом, стала карикатурой.

Посему рост влияния внесенатского аппарата и семьи кесаря, бюрократизация режима – характерные черты-признаки клавдианского авторитаризма, в пору к-рого, с его специфическим временщицеством либертов и жён, дальнейшая (с прогрессирующим эллинистическим душком) египтизация-ориентализация, селевкидизация-птолемизация (= сползание в восточную тиранию-деспотию) императорского Рима продолжала набирать обороты.

Ибо подобное ранее неведомое Риму временщицество (придворной камарильи) было типичным именно для Востока, но не для Запада, к-рый в лице Рима, ещё при Республике завоевательно сунувшись на Восток и подхватив там восточные вирусы, продолжал в эпоху Империи, по-разному, в зависимости от специфики тирании каждого отдельного правителя, пагубно подпадать Востоку.

Разумеется, при Клавдии, в составе совета при принцепсе – *consilium principis* (коллегиальный орган при Августе и всё более незначительный, значительно поредевший из-за репрессий, при позднем единоличном тиранозавре Тиберии, или при деспоте-единоличнике, со второго года его правления, Калигуле) – состояли и видные сенаторы, и различные императорские чиновники – префекты претория, префекты аннонае, прокураторы и др. (тоже влиятельные и тоже деятельные).

Но камарилья из кесарских вольноотпущенников и двух поочерёдных кесарских жён, Мессалины (41 – 48г.) и Агриппины (49 – 54г.), слишком часто играла как в государственных, так и особенно в придворно-интриганских делах более существенную роль, чем сенаторы со всадниками. Для последних же главный позитив Клавдия заключался в том, что он, несмотря на то, что за годы его правления, согласно Светонию (Кл. 28), репрессивно погибли 35 сенаторов и 400 всадников, был всё же сноснее, всё же (за неимением лучшего) получше, нежели Тиберий, и наипаче – Калигула, не будь беспредела к-рого, Клавдию никогда бы не стать кесарем!

МЕССАЛИНА

Итак, – в объективе Валерия Мессалина, на к-рой Клавдий, как сказано, женился в 38/39г., при Калигуле, и к-рая родила ему в 40г. дочь Октавию, а 12.02.41г., т.е. уже в ранге-достоинстве кесарши-императрицы, – сына – позднее наречённого Британником. Если её отец В.Мессала Барбат (сын Мессалы Барбата Аппиана, консула 12г. до н.э., и Марцеллы Младшей, дочери Октавии) (Р.л. 505), умер не позднее 24/25г. (успев ли побывать консулом-суф. в 12-м? или в 20г.?), то её мать – Домиция Лепида (Младшая) – успела после него побывать замужем за Ф.Корнелием Суллой (конс.-суф. 31г.) и до 41г. снова овдоветь (или развестись),

будучи на означенное время либо *весёлой вдовой*, либо вакантной разведённой.

Напомним, эта Домиция Л. была дочерью Антонии Старшей и Л. Домиция Агенобарба — конс. 16г. до н.э., т.е. находилась в родстве с двоюродным дядей Мессалины Клавдием — сыном Друза и Антонии Minor, приходясь ему, соответственно, двоюродной сестрой по материнской линии.

В 40г., когда Агриппина отбывала вместе с мл. сестрой Юлией Ливиллой калигулианскую ссылку на Понтийских о-вах, а её супруг Гн. Домиций Агенобарб (конс. 32г.) умер в своём поместье, в Пиргах (Этрурия), от водянки, обвиняясь перед смертью во многих преступлениях, в частности, в кровосмесительном прелюбодеянии с сестрой, последняя взяла к себе на воспитание 3-летнего Нерона, своего племянника. Но им она (до возвращения в 41г. из ссылки его матери Агриппины) пренебрегала, не уделяя порученному попечению «двух дядек, танцовщика и цирюльника» (Свет. «Нер.» 6), ребёнку должного внимания (Д.И. 1081-84).

Между прочим, Тацит, сравнивая Домицию с Агриппиной, к-рая, вместе с сыном, добьётся в 54г. санкции Клавдия на её казнь, пишет: «Внешностью, возрастом, богатством они мало чем разнились; обе распутные, запятнанные дурною славой, необузданные — они не меньше соперничали в пороках, чем в том немногом хорошем, к-рым их, возможно, наделила судьба» (Ан. 12,64). По сути верно; насчёт возраста — перегиб, т.к. Домиция Мл. — мл. сестра родившегося на рубеже эр Гн. Домиция и родившейся ок. 3г. н.э. Домиции Ст. (отравительно изведённой Нероном в 59г. — в год реализованного им матереубийства Агриппины), родилась ок. 5г. н.э. И была, следовательно, лет на 10 моложе родившейся в 15г. Агриппины, родив от первого брака с В. Мессалой Барбатом дочь Мессалину ок. 24г. н.э.

Когда был заключён и сколько времени между ок. 25 и ок. 40гг. продлился второй брак Домиции с Корнелием Суллой Феликсом, — неизвестно. Во всяком случае, она, по всей видимости, не родная, но приёмная мать его одноимённого сына — консула 52г., названного у Зонары (сводным) братом-adelphos Валерии Мессалины (не по крови), поскольку их родители состояли в браке.

В 41г. Клавдий отозвал из Тарраконской Испании легатски снаряжённого туда ещё Калигулой (консула 28г.) Г. Аппия Юния Силана (Д.И. 1066; Т.Г. 992; 998) и (благоволив к влиятельным-многочисленным-разветвлённым старобогиям Юниям Silani) выдал за него замуж свою вакантную тещу (бывшую, к слову, лет на 14 моложе тронного зятя).

Этот Силан — носитель личного имени Аппий — эксклюзивного родового преномена первенцев в роду Клавдиев Пульхров, был, скорее всего, сыном какой-то Клавдии, приходясь одновременно братом или, при всех случаях, родичем трём братьям Ю. Силанам — консулам 10 и 15гг. — Г. Силану и М. Силану, плюс — Децим Силан (не облакавший консульство любовник Юлии Мл.), м.б., побывав, к тому же, с 13г. н.э., мужем (родившей от него? внука внучки Августа) дочери Юлии Minor — (отвергнутой в 8г. Клавдием) Эмилией Лепиды, что подвопросно-сомнительно (?).

Зато не вызывает сомнения другое. Если брат или родич Аппия — Марк — конс. 15г. — имел несчастье стать тестем Калигулы, первая жена к-рого, дочь Марка (Юния Клавдила), умерла в 36/37гг., и к-рого (весьма уважаемого Тиберием) Калигула, тяготясь им, довёл в 38г. до самоубийства (см. выше), то Аппий сделался в 41г. тестем (немногим старшего) Клавдия, ещё не зная, что его ждёт не менее горемычная судьба, чем тестя Калигулы. Правда, ждёт, на сей раз, по инициативе не столько тюти-кесаря, сколько его патологически неудовлетворённой (прорва-оторва) жены Мессалины, на похоть к-рой к нему, мужу её матери, он вскоре откажется, погибельно для себя, ответить взаимностью (см. ниже).

Другая жертва чрезвычайно ревнивой Мессалины, что, вероятно, случилось ещё,

согласно Диону (60,8,4/5), в 41, или в начале 42г., это – вернувшаяся совместно с Агриппиной из ссылки третья дочь Германика – Юлия Ливилла (жена М.Виниция – конс. 30г. н.э.). Она вызывала нестерпимую ревность императрицы как своей красотой, так и, прежде всего, частыми встречами-пребыванием с дамским угодником дядюшкой Клавдием наедине. Мессалина взъелась на неё, в результате чего Юлию обвинили в прелюбодеянии с философом Сенеккой, или, в т.ч., с Сенеккой, и обоих сослали. Но если Сенека из ссылки на Корсику после падения в 48г. Мессалины вернётся, то (неизвестно куда сосланная) Ливилла будет в 42г. мессалианским распоряжением в месте изгнания убита.

У Мессалины, в отличие от её преемницы Агриппины, никогда не было политических амбиций, однако, при всё том, ею безудержно руководили перехлёстывавшие через край похоть, жестокость, алчность, ревность. Она, классическая нимфоманка, нимфомания к-рой с годами лишь усугублялась и имя к-рой превратилось в синоним самого неумного разврата, была так и не нашедшей искомого для своей ненасытной утробы удовлетворения августейшей потаскухой на троне, была своеобразным вариантом-разновидностью воплощённой *авилонской блудницы* в римско-императорской оправе!

Притом, судя по её изображениям как на монетах, так и на сардониковой камее (Париж) в профиль, или глядя на статуи юной императрицы с ребёнком (противообраз Мадонны с Младенцем!), либо – с двумя детьми (дочь и сын), красоткой (уж не говоря о красавице) её никак не назовёшь. Юное полное лицо с мясистым чуть горбатым носом, круглая форма головы, пробор посередине матронально убранных волос.

Более того, её непривлекательность косвенно подтверждается отсутствием у античных авторов сведений об уделении ей какого-либо внимания известным сладострастником Калигулой. Гай не только не взял её себе (как он брал тех красавиц, к-рых возжелал, независимо от их семейного положения) или за себя (как, например, отобранную у Меммия Регула Лоллию Паулину), а (всего-навсего) *выдал за неё*, 14/15-летнюю девицу, именно своего домашнего шута – потешного тютю Клавдия. *Выдал*, даже не распечатав (по неписаному кесарскому «праву» первой брачной ночи) юную невесту самолично (о чём, возымей нечто похожее место быть, античные авторы не преминули бы смаковательно поведать).

На 41г. н.э. ей было не больше 16/17-и лет, в то время как дядюшке Клавдию, с его ковыляющей, при слабых ногах, походкой, временами трясущейся головой и трясущимися руками, не считая проч. физических и психических ущербностей, – 1.08.41г. исполнилось 50. И понятно, что этой молодухе-голодушнице такого мужа (да ещё имевшего свойство быть элементарно омерзительным) катастрофически не хватало!

Но их объединял престол (гос. резон!) и рождённый, повторим, 12.02.41г. едва сделавшейся императрицей Мессалиной, что не удавалось ни одной кесарше дома Юлиев-Клавдиев до неё и ни одной после неё, первый в истории Рима *престононаследник* живого-действующего кесаря – Клавдий Тиберий Германик, к имени к-рого позже прибавился когнотен Британник, под к-рым он и останется в истории. Причём о его рождении – не в первый раз суммарный и не в первый раз невнятный – Дион ошибочно сообщает под 42г. н.э. (60,12,5)¹¹, к рассказу о событиях к-рого мы сейчас переходим.

¹¹ По различным вариантам прочтения текста Светония в «Жизнеописании Клавдия», либо: «Британник родился на 20-й день его правления во второе консульство», где одно противоречит другому, поскольку 20-й день его правления приходится на февраль 41-го, а второе консульство – на 42г., либо, что (конъектурно) правильно: «Британник родился на 20-й день его правления; во второе своё консульство Клавдий не раз ещё младенцем поручал

42г. н.э.

1 января 42г. н.э. = 795г. а.У.с. в консульство вступили кесарь Клавдий = Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик (cos II) и Г.Цецина Ларг.¹²

Если сам Клавдий облакал консульство всего два месяца (Св. «Кл.» 14; Дион 50,10,1), то его ординарный коллега проконсульствовал весь год, что уже свидетельствует о привилегированном положении входившего в ближний сенаторский круг принцепса Цецины. Как *frater Arvalis* он упомянут в 38, 39, а также между 43 – 48 и 50 – 54гг. (CIL 6,2028–30; 6,2032; 6,2035).¹³ В 48г., после разоблачения интриги Мессалины, будет сопровождать Клавдия из Остии в Рим вместе с Л.Вителлием и Нарциссом (Ан. 11,33/34) (см. ниже). Владел дворцом на Палатине, где любил показывать выращенный им лотос, виденный Плинием Ст. (17,5). Умер до 57г., с каких пор в списках пожизненных Арвальских братьев его больше нет.¹⁴

Вступая в консульство в новогодний день и слагая консульские полномочия два месяца спустя, кесарь принёс в сенате клятву-присягу верности деяниям-имени и деяниями-именем Августа и велел то же сделать остальным, не позволив, однако, принести сходную присягу своим деяниям (Дион 60,10,1).

Далее, он пересмотрел-отменил-видоизменил традицию нравоучительно-поучительного чтения 1.01. влух некоторых речей Августа и Тиберия, что задерживало отцов-сенаторов в курии в праздничный день до вечера (можно себе представить, как они, глотая зевоту, мысленно чертыхались), решив вполне достаточным вырезать эти – в открытом доступе – речи на медных дощечках: мол, пусть читает тот, кто (и когда) пожелает (60,10,2).

Затем, как сказано, между 6 и 12.01. Клавдием был принят почётный титул отца отечества – *pater patriae*; 17.01. произошло обожествление его бабки Ливии Августы; до 25.01. он обзавёлся третьей императорской аккламацией. 25.01. – в годовщину своего властвования = день начала второго года кесарско-трибунской власти – *tribunicia potestas*, «он не сделал ничего сверх обычного, за исключением того, что раздал по 100 сестерциев преторианцам» (60,12,4), к-рых, возведших его на трон, щедро вознаградили деньгами и в прошлом году, сделав с 42г. праздничным обычаем раздачу им по сотне сестерциев 25.01. ежегодно.

Согласно Диону, «некоторые преторы, впрочем, по собственной воле и безо всякого постановления, устроили общественное празднование не только этого

его вниманию народа и солдат...» (27,2). Второй верный вариант подтверждает и Тацит, согласно к-рому, в пору убийства Британника (Нероном) в начале 55г. н.э. он стоял на пороге своего 14-летия (Ан. 13,5), между тем как тацитовское (или переписчиков) замечание о том, что он двумя годами старше (родившегося 15.12.37г.) Нерона грубо ошибочно (Ан. 12,25). Британник был на три с лишним года младше Нерона.

¹² В 41г. (убитому 24.01.) консулу-орд. Калигуле преемствовал 7.01. суффект (хамелеонистый) Кв.Помпоний Секунд (Т.Г. 645/46) (см. выше и ниже), к-рого позднее сменил (предположительно) Кв.Фузий Лузий Сатурнин, тогда как второго консула-орд. Гн.Сентия Сатурнина заменил в течение года (с 1.07.?) суффект М.Сей Веран. Сведений о них, как и о том, были ли в 41г. иные суффекты? и если были, то кто? – нет.

¹³ Цецины (от названия этрусской реки Цецина) происходили из прибрежного города Волатерр в Этрурии: они – *gens Caecina* – впервые появляются в римской истории в первой половине IV в. до н.э. и присутствуют в ней по вторую половину IV в. н.э.

¹⁴ Консулы-суф. 42г., сменщики Клавдия, это: 1) Г.Цестий Галл – печально известный легат Сирии в 63-66/67гг., при к-ром в 66г. началась Иудейская война и к-рому иудеи нанесли позорное поражение, что и обусловило долгую упорную войну (см. выше и ниже); 2) Корнелий (Лентул) Луп – проконсул Крита и Кирены при Тиберии, казнённый, по обвинению П.Суиллия Руфа, ок. 46г. (Сенека «*Arocol.*» 13; Тацит «Ан.» 13,43).

события, но и дня рождения Мессалины» (60,12,4). Т.е., следуя Диону, либо день рождения Мессалины это, по совпадению, день трибунско-императорской интронизации Клавдия, либо Мессалина родилась в ближайшие январские дни. К тому же, Клавдий отклонил предложение о присвоении ей и его сыну титулов-имён «Августа» и «Август», что случилось или в 42, или ещё в 41г., в любом случае, анналистически попав у не во всём ясного-точного Диона в 42г. (см. выше).

МАВРИТАНИЯ

Между тем, анналы 42г. Дион начинает с новой войны мавров-мавританцев против римлян. Иначе говоря, после гибели (коварано позванного-заванного в гости и убитого Калигулой) в 40г. (дата, с к-рой начинается провинциальная эра формально провинциализированной ещё при Калигуле Мавритании) царя Птолемея Мавританского и выступления мавританцев под предводительством его одолённого ещё в 40/41гг. Лицинием Крассом Фруги вольноотпущенника Айдемона, во второй половине 41г. вспыхнуло новое инсургентское восстание, к-рое возглавил некий Салаб.

В ответ (преемствовавший Крассу Фруги) кесарско-преторский легат Светоний Паулин прошерстил-опустошил Мавританию и первым из римлян, перейдя реку Гер, перевалил, сообразно (заслуживающему доверия современнику событий) Плинию (5,14/15), через Атласские горы (Солин 24,5). Хотя Дион называет Салаба только в связи со следующим победоносным походом против него преемника Светония Паулина (в отношении к-рого у Диона не сказано явно о его переходе через Атлас) Гн.Госидия Геты – 42г.:

«Преторий Светоний Паулин опустошил их (мавританцев) страну вплоть до Атласских гор, а за ним Гн.Госидий Гета, муж того же (преторского) достоинства, совершил поход, без промедления выступив против их полководца Салаба и победив его в двух сражениях. Когда же Салаб затем оставил немногих воинов у границы, чтобы задержать преследователей, а сам укрылся в пустыне, Гета рискнул последовать за ним. Поставив сначала часть своего войска напротив затаившегося в ожидании вражеского отряда наблюдателей, он двинулся вперёд после того как запаса, насколько возможно, водой. Но когда она подошла к концу, а больше он не мог её раздобыть, то обнаружил себя в крайней нужде. Ибо варвары, со своей стороны, могли противостоять жажде долгое время, приспособленные к тому, и кроме того, могучи всегда найти, по крайней мере, немного воды, хорошо знакомые с местностью. И так они умудрялись выживать, в то время как для римлян, наоборот, оказалось невозможным продвигаться дальше вперёд и сложно даже возвратиться назад.

И вот, когда Гете пришлось туго, один из туземцев, к-рые были в мире с римлянами, убедил его попробовать добыть воду заклинаниями и чарами, к-рые не раз помогали в подобных случаях местным. И как только Гета последовал этому совету, такой обильный дождь пролился с небес, что полностью утолил жажду воинов и одновременно устрашил врагов, уверенных, что небеса пришли на помощь римскому полководцу. Вследствие этого они добровольно покорились римлянам и война закончилась. Клавдий же разделил подчинённых мавров на две провинции: первая охватывала область вокруг Тингиса, а другая – область вокруг Кесарии, и по этим городам, провинции, под управлением двух (всаднических) прокураторов, были названы. В ту же самую пору некоторые части Нумидии подверглись нападению соседних варваров, и затем, когда последние потерпели поражение не в одном бою, снова обрели спокойствие» (60,9,1-6).

Таким образом, помогла? или не помогла? эта атавистическо-атлантическая – в виду не чуждых Атлантиде Атласских гор – магия с чудодейственным вызыванием спасительно-утолительного для римлян дождя в пустыне, во всех случаях, в 42г. мавры сложили оружие и легли под Римскую державу. Рим же разделил Мавританию или утвердил её уже ранее учреждённое разделение на две провинции, при границе между ними по р. Мулаха: М. Tingitana (совр. Марокко), с центром в Тингисе (Танжер), и М. Caesarea (совр. Алжир), с центром в (ранее столичной) Кесарии/Цезарее (Шершель) (Д.И. 948).

Одновременно, т.е., надо понимать, в 42г., согласно Диону (60,9,6), берберские пустынноики Сахары атаковали Нумидию (между Мавританией и провинцией Африка), но побеждённые не в одном бою (ударами римлян из Африки и Мавритании) отступили-ретировались назад в пустыню.

Атлас – снежные горы большой горной системы на северо-западе Африки, тянущиеся вдоль западной части северного берега Мавритании и атлантического побережья Марокко до берега Туниса. Или это вся горная система от мыса Котей (совр. Спартель ок. Танжера) до Сиртов. Различают две главные цепи: Атлас Большой (Maior) – западная часть совр. Высокого Атласа – высокая крутая цепь гор в Тингитанской Мавритании, заканчивающаяся мысом у Атлантического океана, получившая своё название от Атласа, и Атлас Малый (Minor) – на северо-западе от предыдущей цепи.

Впервые античный мир узнал об Атласских горах от путешественников финикийцев, а затем из «Перипла (карфагенского путешественника) Ганнона» (Vв. до н.э.) и благодаря плаванию Полибия, предпринятому им в 146г. до н.э. Подробное описание – в трудах географа Максима Тирского (IIв. н.э.).

Атлас или Атлант – титан, держащий на плечах небесный свод, сын Яфета (Иапета) и Океаниды Климены (или Асии), брат Менoitия, Прометея и Эпиметея. Гомер (IXв.) называет его «коварным, ведающим глубинами всего моря и держащим огромные столбы, разделяющие (поддерживающие) Небо и Землю». Он – могучий великан, стоящий в Западном море и олицетворяющий силу морской стихии. Его эпитет – Олоофрон (*устрашающий; свирепый*) – указывает на демоническую природу моря, к-рому присущи и мудрость, и коварство. Сродственное представление у первого достоверно известного древнегреческого рапсода Гесиода (VIII/VIвв.): наказанному за участие в битве Титанов Атланту суждено стоять впереди Гесперид, поддерживая небо головой и усталыми руками.

В легендах его местопребывание – крайний Запад, близ Океана и Гесперид. По сказаниям же позднейших времён, он – африканский царь, к-рый отказал в гостеприимстве Персею, превратившему его посредством взгляда (головы) медузы Горгоны в г. Атлас (Овидий «Метаморфозы» 4,627-61). Также его местопребывание – Аркадия, где он – царь, отец Майи и дед Гермеса. От Плейоны и Афры имел детей – Плеяд и Гиад; от Гесперы – Гесперид, к-рые забыли о сохранении золотых яблок (их страж – змей Ладон), подаренных Геей Гере в день её свадьбы с Зевсом.

Геракл добыл эти яблоки (11-й подвиг) с помощью добывшего их для него Атланта¹⁵, переложившего, при этом, на него свою ношу, но обманутого им, предложившим, по совету Прометея, ему снова – как бы на время – подержать её, что превратилось для держателя в вечность или, скорее, в безвременье. Превратилось в проклятие удержания, в виду Атлантического океана, памяти об атлантических катастрофах (вулканический огонь; потопная вода; падение небесных тел), о погибшей Атлантиде и о великом исходе спасшихся групп древних атлантов через крайне западные, перед Атлантическим океаном, Гесперию и Мавританию дальше – на

¹⁵ Др. вариант: яблоки были добыты самим Гераклом, убившим стражного змея-дракона.

европейский, азиатский и египетский Восток, тогда как сам Атлант должен стоять здесь до скончания (наших) времён.

То-то, согласно Геродоту, атланты – наиболее отдалённый из известных ему, при взгляде из Греции Vв. до н.э., на западе народов Африки, живущий у подножия г. Атлас в хижинах из соляных глыб. Ведь Атлантида, о к-рой Солон узнал-услышал от египетских жрецов, находилась некогда, по представлениям древних, на океаническом Западе от Геркулесовых столпов (Гибралтар), представляя собой остров, равный М.Азии и Ливии (Африка), или даже больше них. И последние части Атлантиды, напомним, катастрофически ушли под воду за ок. 9,5 тыс лет до н.э., в последние Атлантические эпохи под знаками Девы (XII – X-е тысячелетие до н.э.) и Льва (X – VIII-е тыс. до н.э.), в преддверии I-й Пра-Индийской культурной эпохи Пост-Атлантической стадии эволюции под знаком Рака (7228/27 – 5068/67гг. до н.э.).

В РИМЕ И ИТАЛИИ

Когда против некоторых преторов было выдвинуто обвинение в плохом финансовом управлении, Клавдий вместо их наказания, предпочёл лично проверить совершение ими продаж и сдач в аренду, и исправил то, что квалифицировал как злоупотребления. Сродни этому, он поступал и во многих др. случаях (Дион 60,10,3). Число назначенных преторов колебалось между 14-ю и 18-ю. Кроме упомянутых мер, в отношении финансов, была учреждена коллегия из 3-х преториев для взимания долгов с задолжавших государству, с приданием этим преториям ликторов и обычного вспомогательного персонала (60,10,4).

«По случаю жестокого голода, он (Клавдий) задумался над вопросом продовольственного снабжения не только в связи с этим кризисом, но и на будущее...» (60,11,1). Т.е. у Диона 42-й г. н.э. презентуется как первый голодный год при Клавдии. Выше мы выяснили-уяснили время голодного кризиса в Риме (Италии) и ещё неизвестно где на Западе в 42/43гг., с подпадением тому же бедствию восточных регионов Империи, в частности, Палестины, в 43/44гг. (по аналогии с голодом 23/22/21гг. до н.э.) (Р.л. 314-28). Так исполнялось пророчество Агава о «великом голоде» в правление кесаря Клавдия, датируемом в «Хронике» Евсевия (Арм. и Иероним) 2/3-м, 4-м (Ойкумена), 8-м (Эллада) и 10-м (Рим) годами клавдианского правления, при том, что Флавий информирует также о голоде (накладочно совмещающая оный с голодом 43/44/45-го гг.) 47-го г. (в правление прокуратора Тиберия Александра – 46 – 48гг.) в Иудее (см. выше и ниже).

Что касается Клавдия, то он всячески пытался обуздать это ставшее настоящим бичом его правления бедствие, и пытался обуздать его глобально, на перспективу. Дело заключалось в том, что потребляемый более чем миллионным Римом и прочей Италией, за исключением (хлебной) Сицилии, зерновой хлеб был в основном, не считая малую сицилийскую долю, ввозным-привозным из житничных Африки и Египта (см. «Р.л.»). Зерно доставлялось отсюда в Италию/Рим через Сицилию, Путеолы и морские ворота Рима (в устье Тибра) – Остию.

А в Остии, при растущем Риме, недоставало соответствующих размеров гавани и порта, как вообще возле устья Тибра не было безопасных пристаней и подходящих гаваней. Вдобавок к тому, зерно доставлялось и сгружалось в закрома (как правило) летом, в пору открытого моря, или шире – от восхода до захода Плеяд – с марта по ноябрь, в то время как зимой море закрывалось и плавание по нему считалось опасным, чреватым частыми кораблекрушениями, гибелью судов и их, чтобы избежать крушения, долгим стоянием-простаиванием в несудоходный сезон в портах.

Засим Клавдию ничего не оставалось, как попробовать улучшить снабжение римлян хлебом в рамках существующих норм-способов и найти какое-то иное качественно новое решение. Светоний: «А когда со снабжением начались трудности из-за непрерывных неурожаев и однажды его самого среди Форума толпа осыпала бранью и объедками хлеба, так что ему едва удалось чёрным ходом спастись во дворец, — с тех пор он ни перед чем не останавливался, чтобы наладить подвоз продовольствия даже в зимнюю пору. Торговцам он обеспечил твёрдую прибыль, обещав, если кто пострадает от бури, брать убыток на себя; а за постройку торговых кораблей предоставил большие выгоды для лиц всякого состояния: гражданам — свободу от закона Папия-Поппея; латинам — гражданское право; женщинам — право 4-х детей. Эти установления в силе и до сих пор» (Кл. 18/19).

Однако, всего этого было мало и Клавдий пошёл дальше. Он взялся построить-соорудить отвечающие всем запросам-потребностям современной гавань и порт в Остии, невзирая на протесты указывавших на невыполнимость этого грандиозного проекта специалистов и на огромные денежные затраты. И гавань с портом, действующие, согласно пишущему в Шв. н.э. Диону (60,11,2-5), по сей день, действительно, были сооружены-построены. Впрочем, свершилось сие, разумеется, не сразу в 42г., когда строительство началось, будучи доведено до конца в последующие годы (не один из к-рых, выдался, как сказано, неурожайным и голодным в различных частях Империи в ходе без малого 14-летнего кесарства Клавдия), с освящением сооружённой гавани уже при Нероне.

«...Ввиду такого положения Клавдий принялся строить гавань и не остановился даже тогда, когда зодчие на его запрос, сколь велики могли бы быть затраты, ответили: «И не думай делать этого!» — так как они были уверены, что громадные расходы, к-рые были необходимы, должны отвести его от этого намерения. Он, однако, замыслил предприятие, соответствующее достоинству и величию Рима, и осуществил его. В первую очередь он выкопал очень существенный участок земли, построив защитные стены с каждой стороны выкопанного, а затем запустил внутрь море, затем в самом море построил огромные молы с обеих сторон от входа и т.о. заключил в них огромное водное пространство, посреди к-рого воздвиг остров и поставил на нём сигнальный маяк...» (60,11,3/4).

У Светония, к-рый говорит в «Жизнеописании Клавдия», в т.ч., о строительстве гавани в Остии, что, оказывается, обдумывалось ещё Цезарем (кому, увы, катастрофически не хватило времени ни на начало, ни, тем паче, на реализацию множества грандиозных проектов), «но было остановлено из-за трудностей», находим: «Гавань в Остии он (Клавдий) построил, выведя в море валы слева и справа, а при входе поставив на глубоком месте волнолом: чтобы утвердить его, он затопил на этом месте тот корабль, на к-ром был из Египта привезён огромный обелиск¹⁶, укрепил его множеством свай и на них возвёл высочайшую башню по образцу александрийского Фароса, чтобы по ночам на её огонь держали путь корабли» (20,3).

«Он (Клавдий), кроме того, пожелал сделать сток в р. Лирис из Фуцинского озера в стране марсов, с тем, чтобы не только земли вокруг него могли бы возделываться, но и для того, чтобы река стала судоходной...» (Дион 60,11,5)

Сообразно Светонию, не новый (как и гавань в Остии) план водостока из Фуцинского оз., т.е. план его осушения, тоже рассматривался для получения плодородных полей вместо заболоченно-малярийных берегов ещё Цезарем (Цез. 44), был отвергнут по неотступным просьбам почитавших божество озера марсов, в стране

¹⁶ Этот корабль — чудо античной техники — для перевозки при Калигуле из Египта в Рим поставленного в цирке на Ватикане огромного (по сравнению с двумя меньшими, привезёнными и воздвигнутыми при Августе) обелиска, сообразно Плинию, вмещал 120 тыс. мер балласта и мачта его была в четыре охвата.

к-рых оно находилось (Кл. 20,1), и снова взят на вооружение Клавдием: «За Фуцинское оз. он взялся в надежде не только на славу, но и на прибыль, так как были люди, обещавшие взять расходы по осушению на себя, чтобы получить за это осушённые поля. Местами перекопав, местами просверлив гору, он соорудил водосток в 3 мили длиной за 11 лет, хотя 30 тыс. работников трудились над ним без перерыва» (20,2).

Мелководное озеро — Fucinus lacus — площадью в ок. 150 кв. км, наиболее известным поселением при к-ром был Маррувиум, располагалось к востоку от Рима, в центральной Италии, не имея естественного водостока, время от времени затопляя пашни и поселения, и порождая заболоченностью своих берегов малярию. В 89г. до н.э., во время Союзнической войны, здесь произошло сражение между римлянами и союзниками; дальше Цезарем планировалось экономическое развитие области, в частности, за счёт осушения и для окончательного замирения марсов, что со временем, при Августе, по обусловленным сакрально-озёрными соображениями, просьбам марсов, (толерантно) отпало, невзирая на сельхозэкономические выгоды, за осуществление к-рых и ухватились при Клавдии, когда марсы успели уже ассимилироваться. Причём предприятие было частным, с требованием частниками осушённых ими полей для себя. А для осушения = спуска озёрных вод в р. Лирис следовало прорыть сточный тоннель (канал) через Монте-Сальвиано.

Работы продолжались 11 лет, иначе говоря, с 42 по 53гг., завершившись осушением большей части поверхности озера. Но если Плиний полон восхищения перед их грандиозностью, пишучи о сооружении «...невозможно вообразить его, не видев, и невозможно рассказать о нём человеческим языком» (36,15,124), то Тацит куда критичнее пишет о негодности канала, из-за чего Агриппина «обвинила ведавшего работами на канале Нарцисса в алчности и хищениях» (Ан. 12,57). Солидарен с Тацитом и Дион, говоря, приложительно к клавдианскому сооружению, о вылетевших в трубу денежных средствах (60,11,5; 33).

Но какое-то время канал, всё-таки, худо-бедно действовал-проработал, придя в негодность, вследствие нерадивости и небрежения казнокрада Нарцисса, позднее, почему вода снова частично затопила осушённые площади, и Траяну с Адрианом пришлось тоннель вновь отстраивать («Historia Augusta» «Hadrian» 22).

В VIв., с падением Римской империи (Vв.), водосток был заброшен и озеро достигло прежних размеров. В 1240г. к тоннелю и осушению попробовал вернуться, не успев сделать что-либо практически, Фридрих II Гогенштауфен (1212 — 50гг.). А полностью озеро, наконец, осушили в 1875г., и сегодня оно в озёрном виде-наличии отсутствует. На его месте, как и планировалось издревле, плодородные поля и фруктовые сады. Посему сказка вроде бы сделалась былью, из чего видно, что древности тоже не были чужды проекты типа «поворота северных рек» (см. ниже).

Ещё одно, на сей раз, целиком удавшееся строительное предприятие Клавдия — доведение им до конца и освящение — 52г. — начатого при Калигуле в 38г. водопровода (см. выше) в Рим из Тибура (длиной 59 км, с суточным объёмом воды — 191 200 кубометров, при стоимости в 55,5 млн. сестерциев), о к-ром Плиний пишет: «Нет ничего более достойного восхищения в целом мире» (36,15,124).

* * *

Продолжая, Дион сообщает о введении Клавдием многих законов, конкретно упоминая-оговаривая следующий: так как избранные по жребию наместники провинций имели обыкновение подолгу задерживаться перед отъездом к месту службы в Риме, было постановлено, чтобы они отныне отбывали из Рима до 1.04. Далее,

кесарь отменил принесение императорскими назначенцами (легатами кесарских провинций и т.д.) практиковавшейся ранее благодарности персонально кесарю, сказав, что не они должны благодарить его, но, скорее, он их — за хорошую службу и за разделение с ним тяжёлого бремени правления (60,11,6/7).

С др. стороны, не добиравшим до сенаторского ценза сенаторам он позволил добровольную отставку, открыв одновременно некоторым всадникам доступ к обложению нар. трибуната (карьерно-сенаторская ступень *cursus honorum* не для патрициев, к-рые облакали эдильство).

Надо сказать, что являясь принципиальным принципатовским «демократом», опиравшийся на, по августовским лекалам, (абракадабральную) народно-трибунскую власть (*tribunicia potestas*) Клавдий практиковал демонстративное заседательское сидение как между консулами, так и между народными трибунами. И сим он чтил, подобно Августу (пренебрегавшийся Цезарем) народный трибунат, ёмкости к-рого, о чём наш читатель знает, предоставляли принцепсу возможность надноменклатурно выходить на народ и быть-слыть (без преступного в Риме и для римлян царского титула) заботливым и добрым (в пику «злым боярам») «царём-батюшкой».

Вместе с тем, пренебрегавшим явкой в (ничего по сути не решавший) сенат отцам-сенаторам было строго вменено явление в курию, по специальному извещению-уведомлению, причём ленивцы и уклонисты подверглись настолько суровой критике кесаря, что иные из них покончили самоубийством (Дион 60,11,8). В остальном, однако, император проявлял подчёркнутое дружелюбие и внимание к сенаторам, охотно общаясь с ними, посещая-проведывая их, когда они болели, и участвуя в их празднествах (60,12,1).

Трибун, избивший императорского раба, избежал наказания, лишённый только свиты, к-рую вскоре получил обратно. А кесарский раб, оскорбивший знатного гражданина, был отослан кесарем на Форум и, по его приказу, там публично выпорот (60,12,2). В сенате император старался вставать, когда полагалось, как все прочие, и оставаться в положении стоя, несмотря на свои слабые ноги и возможность-позволение не подниматься с места, что одновременно было им позволено престарелому Луцию Сулле (60,12,3).

Какого Корнелия Суллу разумеет Дион? — неясно. Во всяком случае, речь, вопреки предположениям, не может идти о Л.Корнелии Сулле Феликсе — консуле-орд. 33г., к-рый на 42г. был совсем не стар (Т.Г. 606; см. выше), и вряд ли может идти о его эвентуальном одноимённом отце — консуле 5г. до н.э. в паре с Августом, к-рому на 42г. н.э. должно быть больше 80-и лет отроду. Хотя последний расклад теоретически вполне допустим, пусть даже о парном Августу консуле 5г. до н.э. никаких, после его консульства, сведений нет.

Затем, — что немаловажно усвоить, — для Клавдия, природную свирепость и кровожадность к-рого отмечает Светоний (34,1), было характерно пристрастие к частому устройству-даче кровопролитных, со множеством жертв, гладиаторских сражений, от к-рых он испытывал, согласно Диону, «большое удовольствие, так что даже вызвал нарекания (в свой адрес) на сей счёт» (60,13,1). И ещё ему особенно нравились травли зверей, с гибелью человеческих существ, растерзанных дикими животными. В них массово задействовались рабы и вольноотпущенники, доносившие при Тиберии и Калигуле на своих хозяев или на бывших господ. Ныне они продолжали, с 41г., привлекаться к ответственности, подпадали осуждению и приговаривались сражаться на арене: либо — между собой; либо — с голодным зверьём.

Мало того, клавдианское правление было щедрым и на казни — как за преступления, настоящие или мнимые, совершённые при прежних правителях (Тиберий и Калигула), так и за различные деликты в настоящем. Для примера, Сенека уверяет, что всего за 5 лет правления Клавдия жестокой казнью за отцеубийство (зашитого

в мешок вместе с несколькими животными — собака, кошка, петух, обезьяна — деликвента бросали в море) было казнено больше преступников, чем за все века до него («О милосердии» 1,23).

Общее же число всех казнённых, по Диону, под 42г., оказалось настолько велико, что стоявшую недалеко от места экзекуции статую Августа, специальным кесарским распоряжением, на время множества казней, либо временно удаляли оттуда, либо накрывали-закрывали покрывалом, дабы избавить отца-основателя от лицемерия нелицеприятного зрелища.

«Этим поступком — продолжает Дион — Клавдий навлёк на себя насмешки, ибо он жадно насыщался теми зрелищами, на к-рые, по его мнению, не подобало смотреть даже неодушевлённой бронзе. Он испытывал особое удовольствие, наблюдая за теми, кого истребляли в перерывах между представлениями в трапезное время; и всё же он приказал умертвить льва, натасканного пожирать людей на превеликую потеху толпы, заявив, что не к лицу римлянам глазеть на такие зрелища. Но за некоторые деяния его громко хвалили, к примеру, за свободное и дружественное общение с народом на представлениях, или за то, что он охотно шёл навстречу их пожеланиям...» (60,13,4/5)

По поводу полуденных (трапезных) побоищ между представлениями: когда знатная публика уходила перекусить, на потеху демосу-плебсу в цирке устраивались, так сказать, менее эстетичные (адресованные обделённому «утончённым вкусом» простонародью) кровавые бои гладиаторов без щитов и доспехов (Сенека «Ер.» 7), к-рые, стало быть, *не отрывавшемся от народа* Клавдию очень импонировали (надо понимать, — и их кровожадностью, и их, так сказать, народностью).

Светоний: «Гладиаторские битвы показывал он много раз и во многих местах. В свою годовщину давал он их в преторианском лагере — но без диких зверей и богатого убранства, и в септе — полностью и обычным образом. Там же давалось и внеочередное представление, короткое и немногочисленное, к-рому он дал название «Закуска», потому что, объявляя о нём в первый раз, он пригласил народ эдиктом «как бы к угощению неожиданному и неподготовленному». На играх такого рода держался он всего доступней и проще: даже когда победителю отсчитывали золотые монеты, он вытягивал левую руку и вместе с толпой громко, по пальцам, вёл им счёт. Много раз он призывал и приглашал зрителей веселиться, то и дело называя их «хозяевами» и отпуская натянутые и деланные шутки: например, когда у него требовали вольной для гладиатора Голубя, он сказал, что даст, «если его изловят».¹⁷ Впрочем, однажды поступил он и уместно и хорошо: одному колесничному гладиатору он дал почётную отставку по просьбе его 4-х сыновей и под шумное одобрение всех зрителей, а потом тут же вывесил объявление, указывая народу, как хорошо иметь детей, если даже гладиатор, как можно видеть, находит в них защитников и заступников» (Кл. 21,4/5).

«Природная его свирепость и кровожадность обнаруживалась как в большом, так и в малом. Попытки при допросах и казни отцеубийц заставлял он производить немедля и у себя на глазах. Однажды в Тибуре он пожелал видеть казнь по древнему обычаю, преступники уже были привязаны к столбам, но не нашлось палача; тогда он вызвал палача из Рима и терпеливо ждал его до самого вечера. На гладиаторских играх, своих и чужих, он всякий раз приказывал добивать даже тех, кто упал случайно, особенно же ретиариев: ему хотелось посмотреть в лицо умирающим. Когда

¹⁷ Не так (не столь *гуманно*) Калигула, к-рый, согласно Светонию, когда один из гладиаторов-мирмиллонов, тоже по прозвищу «Голубь», одержал победу и был лишь слегка ранен, Гай «положил ему в рану (смертельный) яд и с тех пор называл этот яд «голубиным» — по крайней мере, так он был записан в списке его отрав» (Кал. 55,2).

какие-то единоборцы поразили друг друга насмерть, он тотчас приказал изготовить для него из мечей того и другого маленькие ножички. Звериными травлями и полуденными побоищами увлекался он до того, что являлся на зрелища ранним утром и оставался сидеть даже когда все расходились завтракать. Кроме заранее назначенных бойцов, он посылал на арену людей по пустым и случайным причинам — например, рабочих, служителей и тому подобных, если вдруг плохо работала машина, подъёмник или ещё что-нибудь. Однажды он заставил биться даже одного своего раба-именователя, как тот был, в тоге» (34).

Посему главный убийца Калигулы Кассий Херея был в немало прав, насмешливо заявляя, что Рим меняет безумного кесаря на слабоумного. Иначе говоря, Рим поменял кровожадного безумца в лице Калигулы на отнюдь не безвредного тронного доходягу телом, умом и сердцем в лице Клавдия, к-рый тоже умел, хотел и любил бывать свирепым-кровожадным, болея, при том, строительной гигантоманией, проявляя заботу о повышении рождаемости и перемежая свою свирепость иногда полезными, иногда глупыми предприятиями-начинаниями.

У него не было никакой персональной харизмы и уж, тем паче, харизмы правителя, помимо устойчивой репутации шута горохового, и он вынужден был делать себе репутацию, вынужден был различными способами её создавать: в т.ч., отчасти показной, отчасти искренней народностью, или приверженностью к крови-кровопролитию, за к-рой угадывается нереализованный и нереализуемый в его, знатока истории, случае римский комплекс стального-волевого полководца.

Вероятно, лично ему не под силу было зарезать и курицу (как кабинетным убийцам — Ленину или Гиммлеру)¹⁸, но он жаждал крови, воображая себя победоносным Александром и Цезарем, в образе-облике мудрого кесаря-принцепса, по стопам Августа. «Славного роста, весь седой» — как описывает его, крайне неблагоприятный к нему (ссылный при нём до 49г.) Сенека (Aprocol. 5) — он любовался собой, когда, по его приказу, или ради него, или в его присутствии проливалась кровь, постоянно гнетомый своим доправительским прошлым штатного и заштатного заморыша, о чём знали вся римская элита и дворян, и что преследовало его по пятам. Как же тут не *побить* грозным, уверяя и себя, и окружающих, что ты настоящий властелин, властный и казнить, и миловать (короче, творить беспредел и показывать, когда потребуется, всем вокруг, не забывая меру, Кузькину мать).

Конечно, клавдианский портрет, данный у Сенеки, Светония, Диона, суммарный, однако именно в ходе и по ходу событий 42г. Клавдий постепенно вошёл во вкус крови, давая почувствовать в себе кесаря (в эпоху *кесарева безумия*) и научившись в досталь насыщаться кровопусканием, будь то обильное пролитие крови гладиаторов на арене, или властно-судейское пролитие крови осуждённых на смерть и казнимых.

¹⁸ На памяти советский анекдот о «гуманизме» Ильича. Ленин в Разливе брется безопасной бритвой. Подходит подросток и просит у дяденьки сверкающую на солнце бритву, желая поиграть с ней, в ответ на что слышит: «Отойди, малец, не мешай». В чём гуманизм? Как в чём?! А ведь мог и бритвой полоснуть!

Ленин: «... я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (1920г.).

Гиммлер: «Жизнь и смерть 10-и тыс. русских баб при сооружении противотанковых рвов для нужд германской армии интересует меня лишь в той мере, в какой качественно и в срок будут готовы противотанковые рвы для нужд германской армии» (1943г.)

КАЗНЬ АППИЯ СИЛАНА, УБИЙСТВО ЮЛИИ ЛИВИЛЛЫ И МЯТЕЖ КАМИЛЛА СКРИБОНИАНА

Дион: «После того как он (Клавдий – К.З.) приучился таким образом вдоволь насыщаться кровью и резнёй, ему легче было перейти к другим видам убийств, за к-рые несут ответственность императорские вольноотпущенники и Мессалина, ибо всякий раз, когда они желали добиться чьей-либо гибели, они запугивали Клавдия, и как следствие им позволялось делать всё, чего бы они ни пожелали. Причём не раз в миг внезапной тревоги и охватывавшего его страха он санкционировал чью-либо казнь, а впоследствии, придя в себя, бывало проводил разыскание о казнённом человеке, и изучив, что же произошло в действительности, оказывался огорчённым и раскаивающимся.

Этот ряд убийств он начал с Г.Аппия Силана, к-рый происходил из благородной семьи и был наместником Испании, за к-рым (м.б., его другом детства-отрочества-юности – К.З.) Клавдий послал и женил его, по прибытии, на матери своей супруги Мессалины, после чего некоторое время держал в чести среди самых близких и дорогих себе людей. А затем внезапно убил, из-за того, что Силан оскорбил Мессалину, самую распутную и похотливую из баб, отказавшись переспать с ней, что испортило отношения Силана также с (потакавшим Мессалине и союзным ей – К.З.) императорским вольноотпущенником Нарциссом...» (60,14,1-4).

Напоминаем, Г.Аппий Юний Силан – конс. 28г., в 32г., при Тиберию, привлекался по закону об оскорблении величия/величества, но был оправдан. Состоял членом коллегии Арвальских братьев, отправился ещё при Калигуле наместничать, видимо, в кесарскую Тарраконскую Испанию, откуда был вызван Клавдием, чтобы сделаться третьим супругом Домиции Лепиды Младшей (см. выше). А в 42г. он «героически» отказался перепихнуться с новоиспечённой падчерицей, чем навлёк на себя её (нимфоманки) яростный гнев, к-рый вместе с ней разделил могущественный Нарцисс (кто был не прочь убрать слишком близкого к кесарю знатного нобия?). Но у обоих не было никакого правдоподобного обвинения против Аппия, в результате чего Нарциссу «приснился» сговоренный заговорщиками (вещий) сон, будто Аппий хочет убить Клавдия.

Утром Нарцисс поделился своим «сном» с Клавдием, к-рый затрясся от страха в постели, тем более, что Мессалина тотчас подбавила масла в огонь, заявив о виденном ею аналогичном сне. И тут императору доложили о приходе вызванного им давеча как раз на этот час Аппия, к-рый-де с нетерпением ждёт и даже требует аудиенции. В ответ насмерть перепуганный паникёр Клавдий отдал приказ тотчас схватить и казнить визитёра (Д.И. 1066).

У Светония о не единственном, как следует из предшествующих слов, казнённом похожим образом, по приказу весьма внушибельного (плюс – на редкость трусливого и суеверного) Клавдия, Аппии находим: «...Уничтожить его сговорились Мессалина и Нарцисс, поделив роли: один на рассвете ворвался в притворном смятии в спальню к хозяину, уверяя, будто видел во сне, как Аппий на него напал; другая с деланным изумлением стала рассказывать, будто и ей вот уже несколько ночей снится тот же сон; а когда затем по уговору доложили, что к императору ломится Аппий, к-рому накануне было велено явиться в этот самый час, то это показалось таким явным подтверждением сна, что его тотчас было приказано схватить и казнить. А на следующий день Клавдий без смущенья рассказал сенату, как было дело, благодарно восхваляя своего отпущенника, к-рый и во сне печётся о его безопасности» (Кл. 37,2).¹⁹

¹⁹ О подстроенной Нарциссом расправе над Аппием сказано и у Тацита (Ан. 11,29).

Хотя столь деятельное участие именно политически влиятельного Нарцисса в интриге против Аппия может указывать на наличие ещё какого-то, помимо похоти и мщения Мессалины (не политического ли ?), мотива в деле его оперативного устранения, что могло остаться за пределами внимания сосредоточившихся исключительно на пикантно-клубничном (втянувшись в его соблазнительную орбиту) мотиве античных авторов. То-то Аппиева казнь побудила к противодействию нобилитетские силы (см. ниже).

В том же 42г., на этот раз, инициативой именно памятной Мессалины, была убита в неизвестном месте ссылки изгнанная год назад Юлия Ливилла – мл. дочь Германика, к-рая имела неосторожность навлечь на себя гнев императрицы подозрительной близостью к дядюшке Клавдию, и как ссылка, так и последующее убийство к-рой не могли свершиться, пусть не по его инициативе, без его санкции, или минимум без его (каким бы тютей он ни был) ведома.

Сестра же Ливиллы, старшая и последняя из живых дочерей Германика, Агриппина, к-рая ок. 42г. безуспешно силилась брачно захомутать (вернувшегося противогерманским героем с пограничного Рейна) вдового Гальбу, должна была теперь вести себя, что называется, тише воды, ниже травы. И судя по тому, что она сумела выжить, более того, выйти ок. 43/44гг. замуж за богатея Пассиена Криспа, ей это удалось, тогда как дочь Тибериева сына Друза, Юлия, погибнет, опять-таки, происками ревнивой Мессалины, в следующем 43г.

Между тем, убийство Аппия подвигло на выступление группу нобилей. Один из созаговорщиков против Калигулы Анний Винициан, бывший, как мы помним, в 41г. также одним из кандидатов в принцепсы (см. выше), испугавшись, после скорострельной расправы над видным нобилем Аппием Силаном, за себя, совместно с некоторыми др., причастными к событиям января 41г представителями нобилитета, снарядил вестников к располагавшему воинской силой (2 легиона и союзнические подразделения) легату Далмации Л. (Фурию) Аррунцию Камиллу Скрибониану. Тот, в свою очередь, был ранее оговорен перед Клавдием и небезосновательно опасался за свою жизнь. Но эта (даже не столько мятеж, сколько) бездарная попытка мятежа быстро провалилась.

Камилл Скрибониан, о чём нам известно, облакал консульство-орд., в паре с (мужем Агриппины) Гн.Домицием Агенобарбом (+ 40г.), в 32г. н.э. (Т.Г. 989). Ок. 40г. отправился, назначенный Калигулой, наместничать – как консулярский *legatus Augusti propraetore* – в легионизированную кесарскую Далмацию. В 42г., войдя в сговор со столичными заговорщиками и будучи уверен, что трусливого Клавдия можно запугать без всякой войны, отправил ему, сообразно Светонию, «письмо, полное надменных оскорблений и угроз, с требованием оставить власть и частным человеком удалиться на покой, – и действительно, Клавдий, созвав первых лиц в государстве, стал делиться с ними сомнениями, не послушаться ли ему Камилла» (35,2).

В то же время Камиллу взбрело в голову крайне никчемно-неуместно предложить-пообещать легионерам восстановление Республики и давних свобод, что, как раз-таки, легионеров вовсе не интересовало, не вдохновляло, в чём они заподозрили смуты с раздорами, в чём они углядели угрозу невыплаты им жалованья, угрозу их обеспеченной демобилизации. И не захотели, по слову Диона (60,15), следовать за таким командиром, к-рый, оставшись ни с чем, бежал на адриатический о-в Исса (совр. хорватская Лисса), где, не видя выхода из безвыходной ситуации, покончил самоубийством.

Для, с одной стороны, целиком зависевших от щедрой к ним императорской власти, а, с другой, державшейся на них воинов, Республика была более чем для всех прочих фикцией, пустым звуком. Повторим, строгая армейская вертикаль не

терпит демократии.²⁰ Армии нужны были совсем не абстрактные республиканские (в необратимую эпоху Империи) вольности для граждан, но, по возможности, максимально щедрые кесарские вознаграждения, подачки и надёжно гарантированное ветеранирование-пенсионирование (с упорядоченным выведением ветеранов в колонии, наделением их землёй и т.д.).

Не они ли, воины, кормились с руки императоров и служили опорой режиму! Не перепутал ли их Камилл с жаждавшей свобод-вольностей и власти для себя пресловутой аристократическо-сенатской оппозицией! (Т.Г. 992/93).

* * *

Впрочем, согласно не знающему ни про какое бегство на остров и суицид Тациту (Ист. 2,75), плюс, согласно Плинию Мл. (Ер. 3,16,7-9), Камилла убил некто, в числе набросившихся на него солдат, Волагиний (легионер? трибун?), кто, ввиду этого, дослужился впоследствии до высоких воинских должностей. Ранее Тацит замечает, что «восстание Скрибониана против Клавдия было уже подавлено, когда весть о нём достигла Рима» (1,89). А Светоний, сходно умалчивая о (дионовском) острове, говорит, что Скрибониан был убит через 4 дня (с начала мятежа) легионерами, «к-рых чудо заставило раскаяться в нарушении присяги: то ли случайно, то ли божественной волей, когда приказано было выступить в помощь новому императору, они никак не могли ни увенчать своих орлов, ни вырвать из земли и сдвинуть с места свои значки» (Кл. 13,2).

Подстрекатель Камилла Винициан и немало др. нобилей тоже совершили самоубийство. Многие были снарядившим строгое небеспристрастное следствие-расследование и весьма осмелевшим, весьма расхрабрившимся, весьма расхорохорившимся Клавдием, – кто теперь смаковал карательные акции, при активном соучастии помыкавшими им Нарциссом и Мессалиной, к-рые не упустили случая свести свои с неугодными персонами счёты, – казнены.

Короче, бездарно поднятый Скрибонианом, по не менее бездарной инициативе или с подачи Винициана (и т.д.), горе-бунт, чересчур стремительный провал к-рого даже понудил искать причину этого провала в чудесах, достаточно ярко характеризует обоих его делателей как ничтожных малых, как не способных на какие-либо настоящие, на какие-либо инициативно-созидательные самостоятельные действия (во множестве плодящихся при вертикальной деспотии) серых посредственностей с претензиями. Да и что говорить о полноценности римской элиты, при к-рой и над к-рой кесарем мог стать-быть неполноценный (дядюшка) Клавдий (место к-рого было не столько во главе государства – на троне, сколько – периодами – в психлечебнице)!

Дион: «...Клавдий некоторое время находился в большом страхе, и уже готов был добровольно отказаться от власти в пользу Камилла, но затем к нему вернулось мужество. В первую очередь, он разными способами вознаграждал воинов, побудив сенат дать легионам, составленным из граждан – VII-у и XI-у – прозвание Клавдиевых, Верных и Любящих Отчизну. Потом он произвёл розыск тех, кто заговорщически примкнул к Камиллу, и по этому обвинению многих приговорил к смерти,

²⁰ Это только с подачи товарищей революционеров, преступно разваливавших в 1917г. на фронтах I-й Мировой российскую армию, командиры смешались и выбирались солдатским голосованием, равно решение ходить или не ходить в атаку принималось большинством голосов, чтобы вскоре, при наркомвоенморе Троцком, уже в войне Гражданской, перейти к драконовским расстрельным мерам, применяя, в частности заградотряды и (древнеримскую) децимацию.

среди них одного претора, причём дождавшись сложения им с себя преторских обязанностей. Некоторые, правда, включая Винициана, совершили самоубийство. Ведь Мессалина и Нарцисс и остальные вольноотпущенники ухватились за этот случай, чтобы дать выход своей самой злобной мести. Они использовали, например, рабов и вольноотпущенников как доносчиков против их собственных хозяев. Эти хозяева и др. лица самого высокого происхождения, одинаково иностранцы и граждане, и не только плебеи, но и некоторые всадники и сенаторы были подвергнуты пыткам, вопреки тому, что Клавдий в самом начале своего правления поклялся не подвергать пытке ни одного свободного человека» (60,15,4-6).

Помнится, совсем недавно, в 41г., хозяевам были возвращены для наказания или сосланы-посланы на гладиаторскую арену рабы, доносившие на хозяев при Тиберии с Калигулой (см. выше). И вот теперь снова повторялось то же самое: показания-доносы рабов и вольноотпущенников были всюду задействованы против их сегодняшних и вчерашних господ. Равно клятвенное клавдианское обещание 41г. не подвергать впредь пыткам свободных граждан было грубо похерено.

Судя по словам о некоем анонимном преторе-созаговорщике, сложения штатных преторских полномочий к-рым, что имело место в конце или к концу года, Клавдий (следуя прецедентам в истории законников-римлян) терпеливо дождался, дата заговора Винициана-Скрибониана, при всех случаях, — вторая половина, или даже последняя осенне-зимняя четверть 42г. н.э. Причём, видимо, укомплектованные исключительно гражданскими уроженцами Рима/Италии VII-й и XI-й иллирийские (далмацкие) легионы, к-рые отказались идти за Камиллом, почему и были, надо понимать, не только эпатажно-наименовательно, но и щедро денежно (за верность кесарю) вознаграждены.

Покончил самоубийством или был казнён также Кв. Помпоний Секунд, сменивший Калигулу 7.01.41г. консул-суф. 793г. а.У. (Т.Г. 645/46) (см. выше) — целователь калигулианских ног и брат привлекавшегося при Тиберии П. Помпония Секунда (конс. 44г.). То ли он бежал к Камиллу и кончил, самоубийственно либо убийственно, в Далмации? то ли это случилось в Риме?

В Риме же принудительно наложил на себя руки доставленный из Иллирии в столицу А. Цецина Пет (конс.-суф. 37г.), жена к-рого Аррия, о чём читатель уже знает, не желая пережить мужа, но видя, как он колеблется, первой пронзила себя кинжалом, к-рый после этого успела протянуть мужу, что стяжало посмертную похвалу им обоим (60,16,6/7). Увы, — скорбно продолжает Дион, — из-за долгой череды бедствий, когда ничего иного не оставалось, доблестью и добродетелью стало считаться умение достойно умереть от собственной руки.

Выше у Диона (60,16,1/2) говорится о казни по этому мятежному делу множества не только мужчин, но и женщин, с приведением и тех, и других к месту казни в цепях, плюс о (вы)брошенных на Гемонии (Лестница Стенаний) трупах тех и других, что в отношении женщин для Рима не было правилом. Кроме того, головы казнённых, в городе или вне города, выставлялись на публичное (во устрашение и назидание) обозрение.

Тем не менее, ряд привлечённых сумели спастись посредством услуг и взяток, при помощи умиловителенных Мессалины, Нарцисса и др. оборотистых вольноотпущенников. Одновременно, всем детям приговорённых к смерти, гарантировалась неприкосновенность, а некоторым даже выдали денежное пособие. Сим Клавдий и клавдианское правление выгодно (по стопам Августа) дистанцировались (реализацией формулы: дети за родителей не отвечают) в глазах римлян от случаев противоположной практики при Тиберии и Калигуле.

«...Обвиняемых судили в сенате в присутствии Клавдия, префектов и вольноотпущенников. Он зачитывал обвинения, сидя между консулами на председа-

тельской трибуне или на скамье, затем переходил на своё обычное место, а трибуну занимали консулы. Такому же порядку следовали в др. случаях особой важности. И случилось в то время, что Галес, вольноотпущенник Камилла, будучи приведён в сенат, оправдываясь очень свободолюбиво вообще, сделал, среди прочего, замечание, достойное того, чтобы быть упомянутым. Нарцисс взял слово и спросил его: «Что бы ты делал, Галес, если бы Камилл стал Цезарем?». Тот ответил: «Стоял бы позади него и помалкивал» (Дион 60,16,3-5).

При тирании, более скрытой или более открытой, оно всегда так: если слово — серебро, то молчание — золото.²¹ Смолчишь-промолчишь, найдёшь нужную-выгодную диспозицию и устоишь за спиной ведущего как ведомый, благоговейно дыша ему в затылок и помалкивая. Рим, будь то августинский, тиберианский, калигулианский, или клавдианский, был уже, независимо от качественных оттенков каждого из них, Римом рабов, Римом подданных, а не Римом свободных граждан и *свободы* в паре со *справедливостью*. И эпоха Клавдия, несмотря на присущие ей контрастно карикатурные черты, была отнюдь не чужда тирании, со всеми её уродливыми проявлениями-причинами, пусть даже анекдотичность фигуры самого императора несколько сдвигала-отодвигала его тиранию с переднего плана на задний.²²

Знарок истории, т.е. былого, тютя Клавдий, своеобразно переживая своим слабым умишком, на уровне не столько рассудка, сколько ощущений (пагубные последствия египтизации-ориентализации-эллинизации нового Вавилона — Рима!), себя в ней и её в себе, тоже мог, умел и хотел быть, когда надо (и когда не надо), под маской смакующего судопроизводство «справедливого» рефери-повелителя (к-рый, кстати, имел, согласно Сенеке, обыкновение выслушивать лишь одну сторону обвинения!), и жестоким, и мстительным.

Да и нововавилонская блудница Мессалина возле него, точнее, на нём и над ним, окружённым алчными ментальными рабами-прихлебателями из давешних вольноотпущенников, сексапильно стимулируя, так сказать, коллегиальное = псевдоколлегиальное Клавдиево правление, премного преуспевала.

И, по Диону, император до того был сосредоточен на мести-отмщении-возмездии излюбляемым участникам-соучастникам заговора, что неизменно давал преторианцам в качестве пароля строку из «Одиссеи» Гомера (шеголяя также иными, в ключе-русле его образованности, греко-классическими репликами-замечаниями) относительно необходимости для мужа, каковым он себя всурьёз возмнил и остро переживал, — «суметь отомстить тому, кто напал первым» (16,133).

Он очень хотел быть настоящим мужественным мужем и использовал всякий удобный повод для демонстрации этого (самому себе и окружающим), сполна воспользовавшись, в частности, предоставившим ему такую возможность картонным заговором-мятежом 42г. н.э., разгром к-рого, действительно, позволил Клавдию

²¹ Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоду...
А мочальники вышли в начальники,
Потому что молчание — золото. (А.Галич)

²² Не были ли и Хрущев, и Брежнев как клоунами (после весьма мрачного, но без его чёрного юмора, тирана Сталина), так и умеренными деспотами, при режиме, в любом случае, советского тоталитаризма = деспотии. Причём деспотии, к-рая с Хрущева превратилась, в процессе своего очеловечивания и, одновременно, вымирания-отмирания, из террористической при Ленине и Сталине в преимущественно бюрократическо-милицейскую (не без элементов перманентного анекдота) при Хрущеве, Брежневе и так (уж не говоря о живом трупе Черненко) до Горбачёва (включая короткий синдром беспомощной попытки новообразования к возвратной репрессивной архаике при Андропове).

возомнить себя истинным гос. мужем-деятелем и почувствовать в себе полномочного правителя.

Тем временем, муляжно-камуфляжная остаточность прежнего Рима не в первый и не в последний раз вырвалась наружу: анналистику 795г. а.У.с. Дион (60,16,7) завершает (республиканским) уведомлением о кончине одного из нар. трибунов и о созыве др. инициативными нар. трибунами, без задействования = в обход консулов, сената для назначения умершему преемника.

А в Далмации окончательно восстановил жёсткой рукой порядок направленный туда в ранге кесарского легата Клавдием непреклонный службист Л.Сальвий Отон²³ (консул-суф. 33г., отец будущего кесаря М.Сальвия Отона – калифа на час в год трёх/четырёх кесарей – в 69г. н.э). В то же время на восточно-анатолийской окраине Империи, вероятно, именно в 42г. снаряжённый туда из Рима годом раньше (41г.) Митридат Иверский, при помощи римского воинского контингента (с запада) и войск своего ст. брата, царя Фарасмана Иверского (с севера), вновь обосновался-воцарился в Армении (Арташат-на-Араксе?), разбив и вытеснив из неё парфянского сатрапа Демонакса.

Вспомним, Клавдий пересмотрел (нестандартный) калигулианский (в преддверии нероновского) подход к междержавному Армянскому вопросу в пользу традиционного подхода Августа и Тиберия: проримский режим в буферной стране Ара-ратской. И даже урезонил специальным письмом-распоряжением заимевшего, в сложившихся обстоятельствах, противомитридатовские виды на часть велико-армянских земель Котия Мало-Армянского (см. выше).

Притом быстрому успеху римского ставленника Митридата (Иверского, ставшего, с подачи римлян, Армянским), поддержку к-рого обеспечил на Армянском нагорье оставшийся там (в крепости Гарни) для его поддержки римский воинский контингент, очень способствовало острое гражданское противоборство в Иране. Противоборство между преемниками-наследниками Артабана III (+ 40г.) – Варданом и Готарзом, к-рым, занятым братоубийственной войной за престол царя царей, было в 42г. не до Армении.

В 43г. Вардан, утвердившись в Парфии и овладев сдавшейся ему Селевкией-на-Тигре, между тем как Готарз, по взаимной договорённости, удалился в Гирканию (42г.), будет готов вторгнуться в Армению, чтобы восстановить вроде бы достигнутый при Калигуле и желанный для парфян статус-кво, однако, так и не решится на это из-за угрозы со стороны римско-сирийского легата, при 4-х подкомандных ему легионах, Вибия Марса.

43г. н.э.

1 января 43г. н.э. = 796г. а.У.с. консульство облекли кесарь Клавдий (cos III) и (консул 34г.; легат Сирии в 35 – 39г.) Л.Вителлий (cos II).

По Диону (60,17,1-3), облекши консульство в третий раз, Клавдий упразднил-отменил многие дни благодарения и празднества, так как их чрезмерное количество в течение года наносило ущерб общественной жизни. Ввёл он и др. ограничения повсеместно, где только это было возможно. Помимо того, он затребовал назад всё

²³ Эвентуально Л.Сальвий Отон наместничал в Далмации в 42/43, если не с 42 по 44гг. (сдав вахту Г.Уммидию Квадрату – легату Сирии в 49-60гг.). И, согласно Светонию, отличаясь большой твёрдостью, он приказал казнить в Иллирике, посреди лагеря, нескольких солдат, к-рые сначала отложились от Клавдия, после чего в порыве раскаянья убили своих начальников, «якобы подстрекнувших их к отложению», «хотя (Отон) и знал, что Клавдий за это повысил их в чине» (Отон 1).

бездумно и расточительно розданное-раздаренное из императорской и гос. собственности Калигулой, к-рый, без стеснения грабя и отдельных граждан, и государство, одновременно, задаривал своих любимчиков тем, что, никоим образом, не подлежало разбазариванию-раздербаниванию, и пагубные последствия чего теперь всячески давали о себе знать.

Вместе с тем, Клавдием были, по справедливости, возвращены дорожным магистратам те штрафы, к уплате к-рых их принудил (из своекорыстных соображений) Гай, по (своекорыстному) подстрекательству Домиция Корбулона (см. выше).

Вдобавок к тому, кесарь откорректировал-подкорректировал прошлогоднее постановление о времени отбытия наместников сената в провинции, перенеся крайний срок оногo с кануна 1-го (календы) на канун 15.04. (иды) = на день, до наступления к-рого провинциальным губернаторам предписывалось покинуть Рим (вероятно, с оглядкой, в т.ч., на сроки мореплавательного сезона, к-рый хоть и открывался в первой половине марта – восход Плеяд, и даже частично-выборочно допускался с 8.02., но входил в полную силу и считался безопасным с середины апреля).

ΛΙΚΙΑ ΕΤ ΠΑΜΦΙΛΙΑ

Далее, согласно слову Диона, именно в 43г. Клавдий обратил малоазийскую Ликию, где вспыхнули волнения, стоившие жизни нескольким римским гражданам, в римскую провинцию, объединив её с Памфилией (60,17,3). У Светония коротко: «Ликийцев за пагубные междоусобицы он лишил свободы...» (Кл. 25,3).

Местонахождение Ликии – области и полуострова – присредиземноморский юго-запад Малой Азии. Отделённая горами Тавра от Фригии и Писидии, она (как в своей географической основе полуостров на полуострове), омываемая Ликийским морем, граничила на севере и северо-востоке с Памфилией, на западе – с Карией. Самая значительная река – Ксанф, в долине к-рой располагались важнейшие города: Глос – у подножия Мисикита; Ксанф – на одноимённой реке, известный храмами в честь Сарпедона и Аполлона Ликийского; Пинара (ныне Минара) – у подножия г. Краг, Патара, со знаменитым храмом и оракулом Аполлона Патарского. В 20-и стадиях от морского берега, на высокой скале, стоял город Мира (Миры Ликийские).

Сообразно Геродоту (1,173), ликийцы, самоназвание к-рых – трамилы (термилы), мигрировали в М.Азию с Крита, и не исключенно, что «лукки», – называемые в древнеегипетских «Амарнских письменах» морские пираты, тождественны с ними. Наряду с тем, ликийцы известны ещё Гомеру, и зовутся так по имени афинянина Лика – брата Эгея.²⁴ К тому же, древнейшее название страны – Милия – от её когдатoшних обитателей – милийцев и солимов, предположительно, – финикийского происхождения. Так или иначе, ок. 700г. до н.э. на ликийском п-ве появилась греческая колония – Фазелис. В этой плодородной гористой области росли высокие кедры, ели, платаны, производилось вино, выращивались хлеб, шафран, добывались губки.²⁵

²⁴ Любопытно, что в «Илиаде» фигурируют две группы союзных Трое ликийцев: 1) выходцы из Элеи – к северо-востоку от Илиона, в долине р. Эсел, во главе с сыном *Ликаона* Пандаром, называемые «племенем троянским»; 2) предводительствуемые Сарпедоном и Главком собственно (этнические) ликийцы – из «далёкой» «пространной» Ликии на юго-западе М.Азии.

²⁵ Ликия – *страна света* («lux-lux»), насельников к-рой греки называли ликийцами, по одному из преданий (Гляйх), за особое почитание ими солнечно-светового (сиятельного) Аполлона Ликейского, культ к-рого принёс им Лик, дядя Тесея и внук реформатора фиванских мистерий Кабиров Кекропа (II), бежавший сюда из Греции к Сарпедону (изгнанному с Крита своим братом Миносом – сыном Европы и внуком финикийца Кадма). Согласно Гляйху, лелеги, карийцы, лидийцы, ликийцы, троянцы, как и армянские алародии (S.203), принадлежат к древнейшим критянам и к прочим пеласгам – ветвям-ответвлениям VI-й

В царство Креза Ликия не входила, однако подчинилась Киру, военачальник к-рого Гарпаг победил ликийцев и завоевал Ксанф (Геродот 1,171; 176; Аппиан «Гр.в.» 4,80). Затем, при Ахеменидах, вошла в состав I-й Сардской сатрапии, с отделением позднее от неё Карии (Геродот 3,90; Ксенофонт «Анабасис» 1,9,7). В

атлантической расы Пра-Аккадцев (VI-я Атлантическая эпоха под знаком Девы – 11548/47 – 9388/87гг., – в пору к-рой последний остров Атлантиды Посейдон ушёл, следуя Платону, под воду за ок. 9500 лет до н.э.)

Дочерний по отношению к Аполлону Делосскому (Гиперборейскому) индивидуально-патриархальный солярный культ Аполлона Ликийского (= Стреловержца; = Гиперборейского) был призван преодолеть в Ликии, как и из Ликии – шире – в малоазийском регионе – господствовавший здесь во II тыс. до н.э. теллурический матриархат.

Живший до Орфея, его предтеча-предваритель, полупоэтический ликийский бард-песнопевец Олен (XIVв.?) – *сновидец-провидец* (мотив ветхозаветного *сновида* Иосифа), кто «пришёл на о. Делос из Ликии» (Геродот), будучи жрецом гиперборейского Аполлона, автором культово-прославительных гимнов (прославителем, в частности, Аполлоновых жриц-служительниц) и первым создателем гекзаметра, воспел светловолосый народ с далёкого севера, представители к-рого однажды прибыли на о. Делос (Скифиада) и учредили тут культ Аполлона (рождённого Латоной, вместе с его сестрой-близнецом Артемидой, на Делосе и побывавшего, сообразно Олену, в таинственной Гиперборее). Не родилась ли Латона на Ладогe? Или – не побывала ли она там? А кем были воспетые Оленом белокурые северяне? Гляих: либо загадочными скифами, либо скифскими киммерийцами (одна ветвь – киммерийские крымчаки; другая – кимвры Ютландии). Павсаний: «...Олен: он первым пророком был вешего Феба, Первый, песни к-рый составил из древних напевов» («Описание Эллады, Атика» 5,8). Более того, делосская пифия Бойо даже называла песнопевца Олена среди прибывших на Делос гиперборейцев и приписывала ему (изобретателю размера для эпической поэзии) введение культа Аполлона.

Примечателен миф о Беллерофонте – сыне коринфского царя Главка и внуче Сизифа. Первоначально звавшийся Гиппоной он убил коринфянина Беллера, после чего стал называться «убийца Беллера» – Беллерофонт. Опасаясь кровной мести, бежал в Арголиду, где нашёл дружелюбный приём у тирифского царя Прета. Затем отверг любовь жены последнего, в отместку за что был ложно обвинён ею в покушении на её честь (мотив ветхозаветного Иосифа, отвергнувшего домогательства жены первого Потифера) и направлен (не пожелавшим нарушать законы гостеприимства) Претом к царю Ликии Иобату (приходившемуся зятем Прету) с тайным письмом, к-рое содержало приказ погубить Беллерофонта. Однако Беллерофонт выполнил одно за другим опаснейшие поручения Иобата, получив в дар от богов-покровителей крылатого коня Пегаса: уничтожил в горах Ликии трёхглавую огнедышащую химеру; потом – опустошавшее страну чудовище; отбил нападение воинственного племени солимов; одолел вторгнувшихся в Ликию амазонок. Далее, перебил засаду, устроенную Иобатом, в результате чего тот отказался от погубительных планов, отдал Беллерофонту в жёны свою дочь Филонию и, умирая, завещал зятю Ликийское царство. От этого брака родились Гипполох (наследовавший корону Ликии), Исандр (погибший в войне с солимами) и Лаодамия (родившая Зевсу Сарпедона).

Сам Беллерофонт решил вернуться в Тиринф, чтобы отомстить оклеветавшей его Сфенебее; притворился влюблённым в неё и уговорил бежать с ним, всед за чем поднявшийся ввысь Пегас сбросил её в море (Еврипид). Или она сама покончила с собой (Гигин). В дальнейшем гордыня побудила Беллерофонта достигнуть на Пегасе вершины Олимпа, из-за этого он утратил расположение богов и подпал безумию. Зевс наслал на Пегаса овода, почему взбесившийся конь сбросил седока, к-рый хромой и слепой до самой смерти скитался по Алейской долине («долина странствий») (Гомер «Илиада» 2,6,200; Пиндар «Истм.» 7,44). Или небезнадёжный безумец исцелился от непомерной гордыни и помирился с богами (Еврипид). Беллерофонтов культ (героя, подобного Персею, Тесею, Ясону – античных языческих предвестников христианского Св. Георгия) был широко распространён в Ликии и в Коринфе, откуда позднее распространился по всей Греции.

Посему Ликия, с её культом, в первую очередь, светозарного Аполлона, – амальгамированная малоазийская страна яркого-утончённого критско-финикийского, финикийско-греческого, персидского и эллинистического симбиоза, доставшаяся в итоге, как и вся Средиземноморская Ойкумена, Римской мировой державе.

противогреческом походе Ксеркса ликийцы участвовали 50-ю судами под предводительством некоего Киберна (Геродот 7,92; 98) – старейшего из местных подвассальных Ахеменидам династов, к-рые известны, по нумизматике и эпиграфиям, на протяжении V/IVвв., с временным обретением некоторыми из них независимости, вплоть до похода Александра.

Македонское завоевание обусловило эллинизацию страны и полное исчезновение старолийского элемента. Тем не менее, на ликийском языке, принадлежащем к хеттско-лувийской группе индогерманской языковой семьи, сохранились 153 эпиграфические надписи V/IVвв., не считая легенд на 50-и дошедших до нас монетах.

После смерти Александра, Ликией, Памфилией и Великой Фригией завладел Антигон (Диодор 18,3,1; 39,6; Аппиан «Сир.» 53). С ок. 295 по 197гг. страной владели египетские Птолемеи, вытесненные отсюда Антиохом III, ото дней поражения к-рого римлянами при Магнесии (190г.) Ликия подпала со 189г. гегемонии Родоса (Полибий 21,24; 22,5; Диодор 30,11; Ливий 37,55). Недовольство ярмом родосцев обернулось воззванием к Риму и объявлением, под покровительством Рима, свободы в 168г. до н.э., по окончании последней Македонской войны (Ливий 44,15,1; 45,25,6; Полибий 30,5,12). Управление страной взял в свои руки Ликийский союз из 23-х самостоятельных городов-полисов: важнейшие – 6: Глос, Ксанф, Пинара, Патара, Мира, Олимпия. Каждый из них имел по 3 голоса в союзе; остальные города – второго и третьего классов – по два и по одному. Во главе синедрионально собиравшихся раз в год представителей союза стоял ликиарх.

В Первую Митридадову войну (88 – 84гг.) дружественных римлянам ликийцев беспощадно атаковал Митридат, в ответ и в награду за что Сулла торжественно обновил-возобновил их «независимость» (Аппиан «Митр.» 20; 24; 27; 61). В 78г. Ликия принимала участие в борьбе Сервилия Исаврика против предводителя памфилийских пиратов Зеникета. В ходе Гражданской войны, после убийства Цезаря, она очень пострадала от разрушившего в 43г. до н.э. Ксанф Брута и не была забыта признанием её свободы в награду за верность со стороны Октавиана и Антония (Аппиан «Гр.в.» 5,7; Дион 47,36; Плутарх «Брут» 30). При Августе, Тиберии и Калигуле эта дважды полуостровная «страна благоденствия» процветала.

И вот в 43г. н.э. время для её провинциализации, в русле-ключе римско-империального поступательного проглатывания-заглатывания созревших для того вассалитетов (курс Августа и Тиберия, вновь взятый на вооружение при Клавдии, в отличие от преимущественно поощрявшего и даже возрождавшего уже провинциализированные вассалитеты Калигулы), чему волнения и убийство римских граждан, в качестве удобного повода-предлога, весьма поспособствовали, пришло.

Памфилия (Мопсопия) – известная обширными масличными плантациями область на южном побережье М.Азии, граничившая на западе с Ликией, отделённая от неё горным хребтом Климакс; на востоке – с Киликией, отделённая от неё р. Мелон; на севере – с гористой таврской Писидией. Важнейшие реки – Эвримедонт и Мелон. Важнейшие города – Атталя (Анталья), Аспенд – на кряжистой горе над Эвримедонтом, Перг – на р. Кнестр, со знаменитым храмом Артемиды, Сид – эолийская колония и гавань, с культом Паллады и 4-летними (по типу-образцу Олимпийских) играми-состязаниями. Важнейший мыс – Левкорей, у Сиды. Памфилы или памфилийцы – смесь из древнейших обитателей подвопросного (финикийского?) происхождения, киликийцев и греков-колонистов.

Согласно (греческому) преданию, они сопринадлежали к грекам, ушедшим после Троянской войны под предводительством Амфилоха и Калха, после чего часть из них, по смерти Калха, перевалила под верховенством Мопса через Тавр и осела в Памфилии (Геродот 7,91; Страбон 14,668; Павсаний 7,3,4), с чем и связано первоначальное название страны – Мопсопия.

Подчинённая в VI в. Крезом, эта страна отошла позднее к его одолителям персам (Геродот 1,28; 3,88), войдя, как и Ликия, в состав I-й сатрапии. Впрочем, автономная монетная чеканка Аспенда и Сид свидетельствует об их широкой автономии. В походе Ксеркса памфилийцы соучаствовали 30-ю судами. В 334/33гг. Александр Великий пришёл в Памфилию через Ликию и, овладев городами Перг, Аспенд, Сид, греческое население к-рых (и ранее восстававшее против персов) встретило его как освободителя, стал её хозяином. В 323г. она попала под власть Антигона; ок. 295г. была занята основавшим тут Селевкию Памфилийскую Селевком I-м; спустя приблизительно 20 лет сделалась владением Птолемеев, позже – снова Селевкидов, и снова – Птолемеев.

Ок. 197г. досталась Антиоху III, а после его поражения при Магнесии (190г.), отлично от Писидии и Ликаонии, к-рые волей Рима оказались во власти Пергама – 189г., поначалу обрела самостоятельность, но вскоре тоже подпала, к-роме (чеканивших свою монету) вольных городов Аспенд и Сид, Пергаму.

После 133г., когда Аттал III Пергамский завещал свои владения Риму, передавшему Ликаонию Каппадокии, статус Памфилии, ставшей в последующие годы гнездом морских пиратов, неясен. В состав провинции Азия она не вошла и, вероятно, была в какой-то форме самостоятельной-автономной, м.б., частично войдя в 101г. в состав учреждённой Римом провинции Киликия, откуда римляне воевали неугомонных корсаров. При всех случаях, в 51/50гг., когда в Киликии проконсульствовал Цицерон, Памфилия составляла часть его провинции («Письмо к Аттику» 5,21,9).

В 48г. до н.э. памфилийцы сражались в армии Помпея (Аппиан «Гр.в.» 2,71); в 43г. их страна относилась к провинции Азия. В 37/36гг. Антоний передал часть Памфилии Аминту Галатскому (Дион 49,32,3) (Р.л. 71/72; 190; 204; 290-92; 590-96). Тот же порядок сохранялся поначалу и при Августе. Однако с провинциализацией Галатии, после гибели Аминта в 25г. до н.э., Памфилию Август в состав последней не включил, предоставив ей в её исторических границах статус отдельной провинции.

Тем не менее, с 12г. до н.э., по смерти августинского наместника Востока М.Агриппы, она была объединена с Галатией (*Galatia et Pamphilia*); снова отделена от неё в 7г. до н.э. (после победы легата – 10 – 7гг. – Галатии и Памфилии П.С. Квирина над таврскими гомонадами); вновь временно объединена с ней в первом десятилетии IV в. н.э., когда легат Галатии/Памфилии (4 – 7гг. н.э.) М.Плавтий Сильван (конс. 2г. до н.э.)²⁶ привёл отсюда на Балканы, в дни Паннонского восстания 6 – 9гг., римское воинство (Р.л. 1202); и снова отделена от неё...

И далее, во всяком случае, на 43г. н.э.²⁷, т.е. на момент присоединения к Памфилии провинциализированной Ликии, первая была самодостаточной провинцией, кесарский прокуратор к-рой эпиграфически зафиксирован под 50г. н.э., и к-рая опять в 69г. (без Ликии) будет (ненадолго) объединена Гальбой с Галатией (Тацит «Ист.» 2,9), тогда как вновь самостоятельную Ликию вновь лишит свободы (и вновь объединит с Памфилией?) в 70-е гг. IV в. н.э. Веспасиан (Свет. 8,4).

Впоследствии – 135г. – Адриан передаст Памфилию (с Ликией) из кесарского управления в сенатское взамен на перешедшую под прямое управление кесарей Вифинию (Дион 69,14,4). При Антонине Пии (138 – 61гг.) и М.Аврелии (161 – 80гг.) известны кесарские легаты *Lykiaie-Pamphiliae*.

²⁶ Любопытно, что этот Плавтий Сильван был легатом отделённой от Галатии преторской Памфилии в 7-4гг. до н.э.

²⁷ Первый преторский легат – 43-47/48гг. н.э. – Ликии и Памфилии – Кв.Вераний, позже – конс. 49г., при Клавдии, и скончавшийся на посту легат Нерона в Британии – 57/58гг. где он воевал сиулов. (Был сыном одноимённого ему отца, поставленного в 18г. Германиком наместничать над провинциализированной Каппадокией и выступившего в 20г. одним из обвинителей Гн.Пизона.)

РАЗНОЕ

И когда в связи с делом Ликии в сенате производилось расследование, Клавдий задал одному из ликийских посланников вопрос на латыни. Посланник не понял и был за это лишён римского гражданства, что сопровождалось замечанием Клавдия о недопустимости для римского гражданина незнания языка римлян. Также и многие др. лица, найденные недостойными, потеряли римское гражданство, в то время как иным он, наоборот, даровал его: частично — отдельным персонам; частично — целым общинам. И поскольку римляне = римские граждане имели множество привилегий перед всеми прочими, множество обитателей Империи искали-изыскивали возможность заделаться римскими гражданами: либо непосредственно — через кесаря, либо посредством денег-подкупа — через Мессалину и кесарских вольноотпущенников (Дион 60,17, 4/5).

Так, данная милость, приобретавшаяся ранее дарственно или за большую сумму денег, постепенно обесценилась, перейдя в разряд не слишком сложно приобретаемых благ по сниженной таксе, из-за чего император навлёк на себя насмешки, одновременно, за некоторые поступки хвалимый. Приложительно к доносам на граждан, не принявших (при получении римского гражданства) имя Клавдия, или на одиноких граждан, не назначивших его сонаследником в завещании, он запретил привлекать кого-либо к ответственности на этих основаниях (60,17,6/7).

А тем временем Мессалина и хамоватые кесарские вольноотпущенники наживательски (рас)продавали и право на гражданство, и военные, и прокураторские, и наместнические должности, и всё вообще, причём в таких масштабах (оптом и в розницу), что возникла, в частности, проблема дефицита товаров, почему Клавдий вынужденно собрал недовольный народ на Марсовом поле и с возведённой трибуны установил (твёрдые) цены на отдельные товары. Затем он дал гладиаторские бои в лагере преторианцев, надев сам полководческий плащ, между тем как день рождения его сына преторы отметили, по собственному почину, праздничным представлением и трапезами — порядок, к-рый соблюдался и в дальнейшем (60,17,8/9).

Касательно Мессалины, её выставляемая напоказ распушенность становилась всё более вызывающей, развратный выпендрёж — всё неуёмней. Мало того, к устраиваемым ею оргиям она привлекала прочих матрон, побуждая их прелюбодействовать прямо во дворце, в присутствии их мужей. И таких мужей она поощряла почестями-должностями, параллельно преследуя ненавистью и губя тех, кто отказывался как предоставлять своих жён для оргий, так и самолично участвовать в них.

Притом, согласно Диону (60,18), подобное поведение императрицы долгое время «ускользало» (!) от её супруга, под к-рого законная жена, резвясь вовсю на стороне, старательно подкладывала исполнительных молодух-служанок, в то же время нейтрализуя тех лиц, к-рые могли сказать ему правду, либо милостями, либо их устранением. К примеру, она погубила намеревавшегося открыть глаза Клавдию преторианского префекта Катония Юста, или дочь Друза — некогда супругу загубленного Тиберием (сына Германика) Нерона, замужествовавшую с 33г. за Рубеллием Бландом — Юлию, к к-рой приревновала Клавдия, как ранее — к дочери Германика — Ливилле.

Центурион паннонских легионов в 14г., снаряжённый к Тиберию (Ан. 1,29), Катоний Юст и (его дуалистический коллега) Руфрий Поллион напару облекали преторианскую префектуру с 41г. (сменив М.Аррецина Клемента и Л.Аррунция Стеллу) (см. выше). Если о казни Катония информирует Дион, то об умерщвлении, согласно императорскому приказу, обоих, первого, как видим, — в 43г., а второго — позднее, сообщает Сенека (Apol. 13).

Кроме того, в *тыквительной* сатире Сенеки разгневанная тень Августа о клавдианской причастности также к смерти обеих (загубленных Мессалиной никак не без, мягко говоря, участия её венценосного супруга) Юлий – Ливиллы и дочери Друза – заявляет: «Он убил двух Юлий, моих праправнучек, одну – холодной сталью, другую – голодом» (Аросол. 10).

Какая из этих Юлий была убита холодной сталью, т.е. мечом или кинжалом? а какая умерла в застенке, уморённая, насколько следует из сказанного, голодом? – неизвестно. Вероятно, мечом или кинжалом убили в месте островной (?) ссылки в 42г. сосланную (41г.) дочь Германика, а от голода умерла в Риме заточённая в 43г. дочь Друза, про ссылку к-рой Дион ничего не сообщает. И обе эти инициированные Мессалиной расправы, сродни казни Катония, естественно, были санкционированы самим Клавдием, к-рый якобы пока ничего о прелюбодеяниях жены не ведал.

Полноте! Спрашивается, как роносец Клавдий мог совсем не знать о том, что (по слову Диона) творилось открыто, с вызовом общественному мнению и римской морали, без сокрытия бесстыдств. Иное дело, что, находясь на вершине власти, властитель сышит и замечает только то, что хочет услышать и заметить. Мессалина родила наследника и как бы выполнила возложенную на неё венценосно-супружескую миссию. В остальном – пусть куражится: он в ней пока, что называется, души не чаял!

Да и как 52-летнему мямле кесарю угнаться за ней, за патологически неудовлетворённой нимфоманкой, за передовицей-ударницей на фронте стахановско-сексуального перевыполнения всех планов (пятилетку за сутки!), в возрасте всего 18/19-и лет отроду. Нехай тешится, довольствуясь неполитическими амбициями. Репутация роносеца этого кесаря не смущала, плюс к тому, пресыщенный Рим его времени уже не со вчерашнего дня переживал сдвиг по фазе, отправив (разве что не матом) прежнюю римскую мораль к чертям собачьим.

По поводу всадника, обвинённого в 43г. в заговоре против Клавдия и сброшенного нар. трибунами и консулами с Тарпейской скалы (на Капитолии), его имя у Диона не названо (60,18,4). Вместе с тем, Светоний, перечисляя противоклавдианские разговоры и покушения, называет, в числе прочих, два различных покушения двух представителей всаднического сословия, один из к-рых пытался напасть на кесаря с кинжалом, спрятанным в палке-посохе, на выходе из театра, тогда как другой хотел совершить нападение во время жертвоприношения перед храмом Марса (Кл. 13,1).

С др. стороны, выше мы упомянули о казни сменившим в Далмации мятежного легата Камилла Скрибониана в 42г. непреклонным Л.Сальвием Отоном нескольких солдат, к-рые (как бы) в порыве раскаянья убили нескольких своих начальников (дистанцируясь этим от участия в мятеже), несмотря на то, что перед тем они были поощрены-награждены Клавдием.

Вследствие содеянного, принципиальный Отон попал в императорскую немилость, но, согласно Светонию, – «вскоре он вернул расположение Клавдия, раскрыв по доносу рабов измену одного римского всадника, замыслившего убить императора» (От. 1,3). Идентично ли одно из двух вышеприведённых всаднических покушений на Клавдия с этим Отоновым разоблачением, в случае, если Отон, восстановив порядок в Далмации в 42г., вернулся в Рим уже в 43г.? и далее – идентично ли оно с покушением на Клавдия в 43г. сброшенного с Капитолийского холма всадника, о чём повествует Дион? – есть вопросы, в отношении к-рых можно делать соответствующие предположения, при отсутствии возможности дать на них, по наличному материалу, точные ответы.

НАЧАЛО ЗАВОЕВАНИЯ БРИТАНИИ

43г. н.э. исторически знаменателен римским десантом в Британии и началом основательного римского завоевания-колонизации Туманного Альбиона (с последующим римским присутствием там до Vв. н.э.), что явилось самым значительным внешнеполитическим (всеримского масштаба-значения) событием клавдианского правления.

Как известно, воевавший в 58 – 51гг. Галлию Цезарь дважды небесславно высаживался в юго-восточной Британии в 55/54гг., не став там, однако, в отличие от покорённой им Галлии (к-рую, вместе с тем, он оградил своими островными высадками от набегов британцев), твёрдой гарнизонно-крепостной ногой, и втянув, по сути, Британию отнюдь не столько в состав, сколько в орбиту (непосредственно познакомившихся с ней римлян) *Imperium Romanum*.

Хотя часть южных британцев признала номинальное верховенство Рима, правда, в дальнейшем, вплоть до кесарства Клавдия, всё больше забывая о нём, ибо на протяжении следующих почти 100 лет ни руки, ни ноги занятых собой и множеством континентально-присредиземноморских дел-проблем римлян до отшибно-островной Британии не дотягивались, не доходили. Да и непривычно-несподручно было обраставшему сухопутно, раз за разом, сопредельными территориями континентальному экспансионисту Риму ходить походами и колонизировать большие (на выходе в Океан) острова.

И в этом смысле римский экспансионизм-империализм был подобен китайскому или османскому или российскому, но не давешнему английскому и французскому или современному американскому. С др. стороны, если экспансия Рима не удалась в зарейнской Германии, у к-рой (в восприятии римлян), вытянутой (из центральной Европы) необозримо далеко на (европейский) восток, не было ни конца, ни края (как у России, *пространственное* измерение к-рой Запад, с его армиями *времени*, не понимал и не понимает), то достаточно небольшая островная Британия имела вполне охватные и конец, и край, в чём Рим в завоевательной перспективе (пусть так и не завоевав её до крайнего шотландского севера) удостоверяется.

Впрочем, пока британцы, после коротко почавшего их Цезаря, временами напоминали Риму о себе как нерегулярными подношениями, так и беглыми, из-за внутренних распрей, под римское покровительство, на континент, местными кельтско-британскими племенными вождями и опальными представителями знати (к-рых римляне, в расчёте использовать беглецов по надобности, как правило, не выдавали назад тем, от кого беглецы бежали).

Прагматичный (куда прагматичнее охочего до всякого экстрима державного романтика Цезаря!) Октавиан Август собирался (или вроде бы собирался) сходить (по цезарским стопам) походом в забывчивую Британию дважды, в 34 и 27гг., сначала так и не сходяв, а потом вообще отложив форменные завоевание и колонизацию лежащего на краю (или за краем) света неактуального острова в долгий ящик (Р.л. 148; 264-67; 289/90) (Т.Г. 453/54). Если из «*Res gestae*» (6,32) мы узнаём, к сожалению, без подробностей, что, надо полагать, ок. 27 – 25гг. под августейшую защиту бежали (от кого? чего?) британские династы Думнобеллан и Тинкомий, то пишущий при Тиберии Страбон (4,200) говорит о посольствах британцев, искавших и нашедших, торгово-товарооборотную дружбу Августа, плюс – о нерентабельности оккупации римлянами, дескать, послушно-проримского острова.

Оно и понятно, поскольку именно принявший верховную власть в возрасте аж 55-и лет (14г. н.э.) и под завязку уставший от военных за предыдущие годы походов домосед-италосед Тиберий, к-рый облюбовал с 26/27гг. другой прибрежно-среди-

земноморский остров поминиатюрнее, за далёкий Ла-Манш никогда не совался и соваться не намеревался. Он был уверен, что излишняя-ненужная оккупация Британии не принесёт Риму ни пользы, ни вреда (Тацит «Ан.» 4,34; «Агрикола» 13).

Калигула, к кому под крыло, как мы узнали выше, сбежал с острова изгнанный отцом (царём катувеллаунов, подчинившим также триновантов) Куннобелином мятежный сын Админ (Админий), громко фанфаронил о предстоящем британском походе и даже (находясь в Галлии) потешно побряцал в 40г. оружием на Ла-Манше, не (умея – в прямом смысле – плавать и не) доплыв при этом до запроливной Британии ни потешно, ни, тем паче, всурьёз. Одним словом, на начало клавдианского правления Туманный Альбион продолжал оставаться для римлян за завесой тумана.

И вот, если с одной стороны, фундаментальная военная экспедиция в Британию, на сей раз, в плане её основательного завоевания, действительно, политически и экономически, империально назрела, то, со стороны другой, британская кампания предоставляла возможность поднять престиж принципата Клавдия, достижением сенсационного внешнеполитического результата-успеха, на небывалую высоту. И в этом очень неравнодушно именно к воинской славе (невояку) кесаря убедили влиятельные-небезмызлые (или не всегда безмызлые, но всегда интриганистые и хапужистые) советчики-вольноотпущенники.

Сказано – сделано. И так, повторим, в 43г. н.э., т.е. почти через 100 лет после Цезаря (55/54гг.) и почти за 1000 лет до Вильгельма Завоевателя (1066г.)²⁸, римляне силами четырёх легионов, не считая вспомогательные соединения, высадились-десантировались в Британии. Десантировались, чтобы начать её завоевание с юго-востока, понемногу дойти до границ Шотландии и задержаться на активно ими культивируемом-романизируемом (но – менее Испании и Галлии) кельтском острове до ок. 410г., когда последние римские гарнизоны (после раздела Римской империи – 395г. – на отмирающую Западную и трансформирующуюся Восточную; ок. времени потрясшего весь мир взятия-разграбления готами Алариха Рима – 410г.), перед началом англо-саксонского вторжения на уже давно кельтско-британско-романский остров, навсегда покинут Британию (открыв дорогу веку короля Артура и его 12-и рыцарей Круглого стола).

И неспроста Британию в ново-новейшее время весьма нравится считать-почитать себя, противопоставляясь в превосходной степени континентальным романству и германству, уж не говоря о юном славянстве, духовно-политической, – ментальной и культурной, – правопреемницей (как оно отчасти и есть), по цепочке и симбиозно, – Атлантиды, пост-атлантической культуры Стоухенджа, Кельтики-друидизма, великодержавного Рима, Англо-саксов и, наконец, хозяев-владык морей (ярлы!) – даровитейших государственников – Норманнов.

Под наименованием-термином Британия или Британские острова (insulae Britannicae) первоначально понимали-подразумевали все острова, расположенные на севере от Галлии, между Атлантическим океаном и Северным морем. Самый большой из них – населённый бриттами (составлявшими основное население кельтского о-ва в период с минимум VI/Vвв. до н.э. по V/VIвв. н.э.) – Британия (второе название – Альбион).

«Бретан/претан» – олово – из-за богатых оловянных залежей острова? или «претан» – «раскрашенные» – в смысле – «татуированные»? что было принято у

²⁸ Плюс – за 100 лет до Каледонского вала Антонина Пия в середине IIв. н.э., и через 1000 лет после древнейшей пра-друидической мистериальной цивилизации за ок. 1500 – ок. 1000гг. до н.э. (?), к-рая, коренясь во времени Египетско-Халдейской культуры (2908/07 – 748/47гг.), полномерно разворачивается – как таинственный друидизм – в эпоху Овна-Агнца (748/47гг. до н.э. – 333 – 1413гг. н.э.)

дикивинно татуировавших лица и тела местных кельтских племён. Альбион – от alb – *высокий* (кельт.)? или от «алба-ини» – горный (горный!) остров? или – от (гор) Альп? или от р. Альбис – в Галлии? От Альбия/Эльбы – в Германии? от кельтов-альбионов – обитателей побережья испанской Астурии? от albus – белый = белые меловые утёсы? Помимо того, не случайно в греческой мифологии Альб – сын бога и хозяина морей-океанов Посейдона (Помпонию Мела 2,78).

Другое название – Касситериды = Оловянные (Британские) о-ва, к-рые стали известны грекам благодаря финикийским мореплавателям, вывозившим оттуда (с VII вв. до н.э.?) олово и свинец (богатые месторождения), особенно – из цинково-оловянного Корнуэлла, открытого финикийцами или гадесскими карфагенянами, долго державшими известные только им морские маршруты в тайне. Вот почему Геродот (V в. до н.э.) в достоверности сведений о данных путешествиях и островах не уверен (3,115). А по Плинию (7,197), некий грек привёз олово ок. 600 г. до н.э. с Касситерид, что сомнительно, тогда как лишь некий римлянин П.Красс ок. 95 г. до н.э. впервые открыл-обнародовал *оловянный* морской маршрут.

Причём Страбон в I вв. знает всего 10 Касситерид (к-рых в реальности, всего-итого, включая крупные и мелкие о-ва, ок. 30-и). Короче говоря, римляне узнали о Британских островах и заинтересовались ими не ранее I в. до н.э. И примечательно, что если у Клавдия Птолея в «Альмагесте» (ок. 147/48 г.) называются (ещё) Большая и Малая Британия = Британия и Ирландия, то в «Географии» (ок. 150 г.) уже фигурируют Альвион (Альбион), Иверния (= Гиберния = Ирландия) и Мона (о-в Мэн).²⁹

²⁹ Предания сообщают о 4-х земных проекциях Небесного Рая, при взгляде из палестинско-иерусалимского духовно-мирового центра: юг – в глубинах центральной Аравии (оазисный Неджд – *возвышенность; благодетство души*); север – у истоков (берущего начало в раю) Евфрата и Тигра в приараратской Армении; запад – в атлантической Ирландии; восток – на лемурийском Цейлоне (к-рый отделяет от материка загадочный *мост Адама*). Азия – страна богов; Европа – дочь Азии – страна людей. Примечательны также в этой и продолжающей её метагеографической конфигурации – *горизонтальный* (к западу от страны Араратской) п-ов Малая Азия, с античной границей Европы до реки Галис (в центре М.Азии), п-в Крым-Таврида на севере Чёрного моря и р. Танаис (Дон). Равно – три *вертикальных* азиатских и три *вертикальных* европейских полуострова: Аравия, Индостан, Индокитай – с запада Азии – на дальний китайско-идокитайский предтихоокеанский восток; Балканский, Апеннинский, Пиренейский – с востока Европы – на дальний гесперийско-мавританско-атлантический запад. Равно – *диагональная географическая оппозиция* – от Гибернии к Арарату, Аравии, Цейлону, или в обратном направлении. Причём Европа, в определённом смысле, кончается на Испании, Галлии-Франции, Скандинавии, между тем как островные Британия и Ирландия принадлежат уже Атлантике и простирающемуся как до Америки, так и на Америку измерению Атлантическому. (То-то Черчилль говаривал об Англии и англичанах: «Мы с Европой, но не в Европе!»)

И как Неджд расположен в песчаном океане (*жёлтый шёлк*), а истоки Евфрата – в окрашенной хриплой охрой *платановой* Армении (хранитель тайн к-рой – соляно-белоснежный Арарат), а Цейлон-Шриланка – в бирюзовых водах (накрывшего некогда древнюю Лемурию) океана Индийского, так Гиберния – остров (к северу от Испании по пути за Гибралтаром) – лежит (на плаву) в океанских водах Атлантики (*синий шёлк*). И, возможно, там – в стране, на острове древнейших и святейших мистерий (одно из ключевых связующих звеньев между Атлантидой и Пост-Атлантической цивилизацией), первые финикийские мореплаватели побывали (от чего не осталось никаких следов), выйдя за Столпы Мелькарта, на рубеже II/I тыс. до н.э. (?), в пору-эпоху Давида, Соломона, царя Хирама и Мастера Хирама (б.м., передав-поведав богоизбранникам-израэлитам некоторые тайны-таинства *Зелёного Трилистника*). Неспроста меркуриально-венериальные (рафаэлиты-анаэлиты) финикийцы (духовно-региональные предшественники-предтечи израэлитов) – носители импульсов Рафаэля-Меркурия (архангельская эпоха – XVII-XIV вв. о н.э.) и Анаэль-Венеры (XXIV-XXI вв. до н.э.), посредничали, в Египетско-Халдейскую эпоху, под знаком Тельца, между Египетской

От финикийцев, через греческих моряков, размытые полуфантастические сведения о загадочных Британских о-вах достигли Ионии. Хотя, коли олово и цинк, к-рыми у Гомера украшаются оружие и повозки, привозились из Британии, следовательно, северный, с его светлыми ночами, город царя листригонов Ламос в «Одиссее» (10,81-86) должно искать где-то на этих о-вах (?), в то время как людоеды-листригоны могут оказаться насельниками Гибернии-Ирландии (Страбон 3,157; 4,201; Диодор 5,32).

Более точные сведения о Гибернии и Альбионе содержит источник первой половины VI в. до н.э. «Массилиотский перипл» (Массилия – Марсель). Следующий ценный свидетель – Пифей из Массилии (греческая колония), современник Аристотеля и Александра, отважный мореплаватель-путешественник IV в. до н.э. Пока Александр походно геройствовал, ищучи путь к *последнему морю*, в Иране и Индии, вернее, через Иран и Индию, на востоке, Пифей объехал окраинные западные и северные берега Европы: от океанской Испании до Касситерид, Оркад, Янтарного берега и Фулы, результаты чего он изложил в своих сочинениях, вызывавших у древних, из-за множества фантастических рассказов в них, как веру, так и недоверие. Его сочинениями пользовались Тимай и Эратосфен, потом – Страбон, Исидор Харакенский, Плиний и Птолемей (от к-рых названия «Альбион» и «Гиберния» стали известны в Ср. века Беде Достопочтенному и др.).

А в одном из трудов, вернее, в дошедших до нас фрагментах-отрывках сочинения жившего-творившего в (симметричном веку Пифея Массилийского) IV-м в. н.э. римского поэта-дидактика Авиена Руфа (потомок стоического философа IV в. н.э. Музония Руфа), родом из Вольсини (Этрурия), – «Ora maritima» (ямбические сены) – сохранилось (составленное на основе древнего греч. первоисточника) интересное описание атлантического побережья Британии, Галлии и Испании до (колонизованной римлянами во II в. до н.э.) Массилии (Марсель).

Как полагают, с периодом окончания последнего Ледникового периода – за 9,5 (– 8/7) тыс. лет до н.э. = время ухода под воду последних частей Атлантиды – Ирландия (с поднятием уровня Океана) отделилась от Британии, к-рая, в свою очередь, оказалась отрезанной от материка – за 7 или 6,5 тыс. лет до н.э. Относительно времени заселения этих островов (к-рые, в определённом спиритуальном смысле, раньше прочих частей пра-Европы освоили, импульсировав отсюда пост-атлантическую Европу, атланты) кельтами учёные мнения разнятся в хронопределах колебаний от XVI/XV (?) – XII до VI вв. до н.э.

Притом поздние сроки также акцептабельны, в случае и при условии, если ок.

культурой Гермеса-Меркурия и Вавилонско-Халдейской (Вавилон – экстраверсия; Халдея – интроверсия) культурой Иштар-Венеры.

И ещё совсем неспроста Диоген Лаэртский (1,22-24) утверждает, что предки основоположника греческой философии и греческой математики Фалеса Милетского (VII/VI вв.) прибыли из Финикии вместе с Нейлеем – легендарным или полубогатырем основателем Милета: «Фалес, как говорят Геродот, Дурис и Демокрит, происходил от отца Эксамия и матери Клеобулины, из рода Фелидов, а Фелиды – финикийцы, благороднейшие из потомков Кадма и Агенора. Милетское гражданство Фелиды получили, когда – изгнанные из Финикии – прибыли в Милет вместе с Нейлеем». Нейлей был сыном Кодра – царя Аттики до ок. 1068 г. до н.э. Возникает вопрос: так не посетили ли первыми Гибернию-Ирландию (именно) финикийцы (и именно) из Милета?!

При всём том, согласно эзотерикам, загадочное спиритуальное бытие Гибернии восходит к предельным *пра-временам* аж до искусительного люциферического соприкосновения с райскими пажитями = до вступления (получения доступа) в Рай духа гордыни Люцифера, впоследствии низвергнутого Архангелом Михаилом на землю.

600/500гг. до н.э. большинство населения Британских о-вов, докельтские обитатели к-рых, с их неведомыми этническими корнями (потомков атлантов – пра-аккадцев?), условно зовутся «пиктами» (пра- или протокельты? были ли среди них пра-иберы?), говорили на различных диалектах кельтского языка. Жили они племенными группами, под предводительством вождей. Из ок. 2-х тыс. до сих пор открытых-обнаруженных островных городищ Железного века древнейшее относится к ок. 1500г. до н.э. К 350г. до н.э. многие из этих обиталищ были заброшены.

Согласно Пифею, британцы славились выращиванием пшеницы, экспортом металлов, охотничьих собак и шкур животных. В заключительном веке до римского вторжения в Британию имел место, с появлением римлян в Галлии и Германии, приток (вытесненных Римом и беглых от римской завоевательно-цивилизационной экспансии) галлов (в основном – белгов) из Галлии и германцев с Рейна. С ок. 100г. до н.э. британцы начали использовать железные пруты в качестве денег в торговле внутренней и в торговых отношениях с континентальной Европой. Чеканка монеты производилась на наиболее развитом-передовом юго-востоке острова, на основе монет континентального типа, но с именами местных вождей. (И, к слову добавить, как раз в I/IIвв. британские залежи олова и цинка, после открытия богатых месторождений в Испании, утратили своё прежнее значение.)

Тем не менее, если о Британии-Альбионе римляне толком или понаслышке что-либо узнали не ранее IV. до н.э., то о ещё более загадочной Ирландии-Гибернии, куда державная нога Рима так и не ступила, и к-рая римскому владычеству, сохранив чистое кельтское наследие (во многом, обусловившее эксклюзивность-уникальность ирландского христианства), никогда не подпала, Рим собрал сведения не ранее III. н.э. (Птолемей).

К тому же, и римские сведения о Туманном Альбионе были туманно-противоречивы. Сообразно некоторым данным, Альбион имел в окружности свыше 40 тыс. стадий (по Цезарю – 2 тыс. римских миль, или 16 тыс. стадий; по Плинию – 3825 р. миль). Форма же острова считалась треугольной до тех пор, пока сначала Ливий и потом Тацит не сравнили его с ромбом (*scutula*), или с двойной секирой (*bipennis*).

Галлы не смогли сообщить римлянам сколько-нибудь точные-конкретные сведения об острове и островитянах, что дополнительно подзадорило предпринявшего туда, как сказано, две экспедиции Цезаря, не столько империально-завоевательный, сколько престижный успех к-рых превзошёл все ожидания. То-то Клавдию, на 43г. н.э. уже как бы сравнивавшемуся с мудрецом Августом (новый Нума Помпилий), захотелось ныне и эффектно, и эффективно превзойти самого воителя воителей (гипер-ромулисто) Цезаря!

В IV. н.э. главные кельтские племена Британии составляли: катувеллауны (юго-восток и восток), кантии (юго-восток), белги (южное побережье), корновии (Корнуэлл), коританы (восток и центр), добуны или бодуны (запад), икены (восток), бриганты (Йорк), силуры (Уэльс), тринованты – Эссекс и Сафолк (соседи икенов/иценов)...

Куннобеллин, сын Таскиована, был царём-вождём обитавших на территории современного Герфордшира катувеллаунов, подчинившим себе в первом десятилетии IV. н.э. триновантов, населявших современный Эссекс. Далее, до 40г. н.э., он, своего рода британский Арминий, или, скорее, Маробод, предводитель-объединитель британства (шекспировский король Цимбеллин), возглавил обширное племенное объединение, включившее, помимо двух вышеназванных племён, атребатов, добунов (Глостершир и Уилтшир) и кантиев (Кент).

Резиденция этого царя – (город триновантов) Камулудун (Птолемей 2,3,11), название к-рого (впоследствии – Камелот, или один из неуловимых британских

Камелотов короля Артура и его рыцарей Круглого стола?)³⁰, согласно позднейшей легенде, происходит от *старого короля* Коля, к-рый возглавил восстание против римлян. В 39/40гг. один из сыновей Кунобеллина, Админ (Админий), — следует думать, — мятежный, — бежал, изгнанный отцом, к Калигуле.

Видимо, в начале правления Клавдия сам Кунобеллин, царствовавший при позднем Августе, Тиберии и Калигуле, не позднее 41/42гг. умер (не успев, в отличие от Арминия или Маробода толком соприкоснуться с Римом), вследствие чего в 43г., по вторжении римлян, им пытался оказать сопротивление не он, но, согласно оговаривающему его кончину Диону (60,20,1), два царских сына — Каратак и Тогодумн.

Впрочем, внешним поводом-предлогом для ратного римского десанта послужило бегство к римлянам предводителя атребатов Верики (сына современника Цезаря — Коммия), неизвестно как связанного с Каратаком и Тогодумном? изгнанного с острова каким-то восстанием? или, скорее сыновьями Кунобеллина (инспирированным ими восстанием?). Во всяком случае, он обратился к Клавдию за помощью, чем ожидавший соответствующего (не заранее ли отрежиссированного?) повода-предлога Клавдий не преминул продуктивно воспользоваться. Вперёд — за Ла-Манш!

* * *

Итак, в юго-восточной Британии (на берегу современного графства Кент) высадились, пересекши пролив, сосредоточенные до того на галльском побережье, в Гезориаке (Булонь), под общим командованием (ранее кесарского легата Паннонии — 39 — 42гг.) А.Плавтия Элиана (конс.-суф. 29г.)³¹, 4 римских легиона (плюс — аукзилиарные соединения) — II-й — *legio Augusta*, IX-й — *Hispana*, XIV-й — *Gemina*, XX-й — *Valeria Vietrix* (итого ок. 35-и тыс воинов), одним из к-рых командовал будущий император Веспасиан.³²

Однако, обратимся сначала к уже рассматривавшейся нами выше (в связи с выяснением-уточнением даты смерти Ирода Агриппы) хронологии этой высадки и дальнейших событий, повторяя пройденный материал, предоставляя читателю (одновременно с информацией к размышлению) новый, и поступательно продолжая наше (хроно)повествование.

³⁰ Если Камулудон есть Камелот (один из Камелотов), то — Камелот более — экзотерический, в то время как Камелот эзотерический это — уникальный замок Тинтагель в Корнуолле (крайний, полуостровной и приатлантический, юго-запад Англии) — таинственная соляная резиденция короля Артура и его (вокруг него, на троне посреди них) 12-и рыцарей (12 знаков Зодиака) Круглого стола. Тинтагель — место, откуда (в преддверии Атлантики, или на пути из Атлантиды и — как *полу*-атлантической, так и *полу*-послеатлантической — Гиббернии) мистериально изошла цивилизация Европы (см. ниже).

³¹ Сын А.Плавтия — консула-суф. 1г. до н.э., и ст. брат Кв.Плавтия — консула-орд. 36г. н.э. Матерью А.Плавтия Элиана была Вителлия (из рода близких Клавдию Вителлиев), а женой — Помпония Грецина, к-рая 40 лет носила траур по близкой ей и угробленной в 43г., происками Мессалины, дочери Друза — Юлии (род. ок. 6г. н.э.), Кстати, в 57г. Помпонии, согласно Тациту (Ан.13,32), инкриминировали обвинение в приверженности какому-то чуждому (римлянам) суеверию — *extrem supersititio* (м.б., — христианство?), из-за чего она предстала перед домашним судом мужа и была им (стало быть, в 57г. ещё здравствовавшим) оправдана, пережила затем супруга на приблизительно четверть века (их одноимённого отцу сына, одного из любовников Агриппины Младшей, погубил Нерон) и скончалась в 80-е гг. 1в. н.э., при Домициане (см. ниже).

³² II-й и XIV-й легионы пришли-подошли к Ла-Маншу из Верхней Германии, XX-й — из Нижней, IX-й — из Мезии. Нижнерейнскую армию пополнили два новосформированных легиона — XV-й и XXII-й, а IV-й легион *Macedonica* был переведён в Верхнюю Германию из Испании, воинство к-рой отныне составляли два легиона (RE 20 «Legiones», S.1363/64).

Поначалу всё пошло не так, как планировалось, ибо, согласно Диону (60,19,2/3), легионеры отказались переправляться за «границу цивилизованного мира» — куда-то *на* или *за* неведомый островной край света (к чёрту на кулички)³³, в связи с чем Плавтию пришлось отправить с галльского берега Ла-Манша (Гезориак) гонцов к Клавдию, к-рый в ответ снарядил на Ла-Манш, к легионам, Нарцисса, чтобы тот уговорил-убедил строптивых солдат не опасаться переправы не в никуда и следовать за своим командиром.

Снаряжение к ним вольноотпущенника, давешнего раба (и, б.м., евнуха?!), произнесшего (посмеявшегося произнести) речь с трибунала полководца (!), разгневало и одновременно рассмешило-раззадорило легионеров, к-рые в итоге (смешливо) воскликнули «Io Saturnalia!» (возглас в пору декабрьских Сатурналий, когда рабы и рабовладельцы коротко-празднично менялись ролями и местами), после чего решили подчиниться своему командиру (а не вольноотпущеннику) и взошли на суда. Из-за всего этого, говорит Дион (60,19,3), британская кампания началась на порядок позже запланированного срока.

Отсюда вывод. Если военные кампании стартуют весной — в апреле/мае, особенно с учётом необходимости морской переправы через пролив (в период надёжно «открытого моря»), и если, по Диону, экспедиция в Британию стартовала значительно позднее, значит, она переправно стартовала (из Гезориака) никак не раньше (середины?) июня 43г. (иначе не было бы смысла оговаривать её заметно запоздалые, её именно сдвинутые далеко в глубину года сроки).

Да и судите сами: противление легионов апрельской весной; уведомление Плавтием с Ла-Манша, за более 1600 км (причём — по прямой, между тем как в древности путь из Рима в Гезориак — морем до Массилии и сушей-реками на галльский север из Массилии — не был прямым) Клавдия в Риме; снаряжение Клавдием в Булонь Нарцисса; время, требовавшееся на дорогу в Рим и из Рима; и, наконец, — (внимание!) «отодвинутая далеко в глубину года», сообразно тексту Диона, собственно переправа. Посему на повестке дня десантный июнь 43г. н.э.!

Слово Диону: «...Они (войска) отчалили тремя группами, чтобы избежать препятствий, к-рые могли ожидать единое войско, при высадке. И во время переправы сначала ими, сбившимися с пути, овладело уныние, но затем они собрались с духом, поскольку луч света, взошедший с востока, двинулся на запад, в направлении, в котром они плыли. Так они высадились на острове, не встретив никого, кто бы сопротивлялся им. Ибо британцы не предвидели такого развития событий, и потому заблаговременно не собрались. Но и дальше они избегали открытых столкновений, оттягиваясь в болота и леса, в надежде сломить (партизанским ведением войны — К.З.) бесплодные усилия противника и тем самым вынудить римлян отплыть назад, без достижения (завоевательной — К.З.) цели, как при Юлии Цезаре.³⁴

Плавтий, соответственно, столкнулся с большими трудностями в поисках противника (для фронтального сражения с ним по всем правилам военного искусства, в чём римлянам не было равных, и чего их неглупые противники, при возможности, обычно избегали — К.З.). Но когда, наконец, он всё же его (противника) нашёл (= вынудил к бою — К.З.), то сначала нанёс поражение Каратаку, а затем Тогодумну, сыновьям Кунобеллина, к-рый к тому времени успел умереть. Британцы не были свободными и самостоятельными, будучи разделены на части между

³³ Для древнего Рима запроливная-заморская Британия была приблизительно тем же, чем для позднесредневековой Европы конца XVв. являлась заокеанская Америка.

³⁴ Любопытно, что Дион, пишущи в IIIв., когда римляне хозяйничают в Британии, реальное завоевание к-рой началось при Клавдии, считает экспедицию Цезаря (не неудачной, но) безрезультатной (каковой она и была в прагматическо-перспективной — до клавдианского завоевания — реальности).

разными царями.³⁵ После бегства этих царей (Каратака и Тогодумна) Плавтию удалось привлечь на свою сторону часть подвластных катувелланам бодуннов (добунны?): он оставил у них (в местности их, к-рые тяготились властью доминантных катувелланов, примкнув теперь к римлянам, обитания – К.3.) сторожевой отряд, сам продвинулся дальше и достиг реки (р. Медуэй).

Варвары подумали, что римляне будут не в силах переправиться через неё без моста и беспечно расположились лагерем на противоположном берегу. Но Плавтий послал переправиться подразделение германцев, к-рые были привычны легко преодолевать в полном вооружении вплавь самые бурные потоки. Последние неожиданно набросились на врагов, но не поражая воинов противника, ограничились тем, что ранили (вывея из строя) лошадей, запряжённых в их повозки, что привело к свалке и хаосу во вражеском стане. Вслед за тем Плавтием были посланы для переправы Флавий Веспасиан (грядущий император) и находившийся в его подчинении брат Сабин, к-рые переправились через реку и поразили множество врагов, застав их врасплох. Уцелевшие, однако, не обратились в бегство, но на следующий день вновь вступили в схватку. И исход борьбы был неопределённым, пока (известный читателю по его походу – 42г – в Мавритании – К.3.) Гн.Госидий Гета, кто перед тем едва избежал плена, не нанёс, в конце концов, настолько убедительное поражение врагу, что получил за это, ещё до облечения консульства, триумфальные украшения. Оттуда британцы отступили к р. Тамес (Темза), недалеко от места, где она впадает в океан и образует залив. Её они легко преодолели, зная, где найти удобные броды с твёрдой почвой, тогда как римляне в попытке преследовать их не имели успеха. Впрочем, германцы опять переплыли реку, в то время как другие воины одолели её по мосту выше по течению, после чего набросились на варваров с разных сторон и истребили многих из них. Хотя неосторожно преследуя отступающего противника, римляне углубились в непроходимые болота и понесли серьёзные потери.

По этой причине и после гибели Тогодумна, так как британцы были далеки от того, чтобы покориться, но наоборот теснее сплотились, дабы отомстить за него, озабоченный создавшейся ситуацией и трудностями, с к-рыми он столкнулся (на Тамесе), Плавтий стал осторожнее, решил не двигаться дальше, занялся укреплением достигнутого и послал (гонцов) к Клавдию. Ибо он имел предписание поступить так, в случае, если встретит упорное сопротивление...» (60,19,4-21,2).

Спрашивается, – когда Плавтий снарядил гонцов-вестников к Клавдию? и, следовательно, когда Клавдий, пусть заведомо решив пожать главные победоносно-полководческие лавры самолично, отбыл из Рима в направлении Британии? Ответ напрашивается: коли переправа римлян в Британию состоялась, как мы выяснили выше, в июне 43г., то, принимая во внимание вышеописанные Дионом военные действия и необходимое на всё это время, отбытие Клавдия из Рима следует датировать временем не ранее августа 43г. н.э.³⁶

Тем временем, по букве последующего дионовского текста (60,21,2), откликнувшийся на призывное (наверняка заранее договоренное) донесение (о трудностях) из завоевательной тронной римским воинством Британии, грошовый полководец Клавдий, не забыв (перед самоличным выступлением в поход) в IV-й и в V-й раз

³⁵ Т.е. после смерти Кунобеллина объединённые им в единый протогосударственный, под сильной царской властью, союз британские племена (снова) распались (чем, в частности, и воспользовались информированные о хаосе и распрях на острове римляне).

³⁶ Помимо того, отбытие Клавдия в Британию имело место во второй половине 43г., когда продовольственная ситуация в Риме (Италии) улучшилась и (не последний в клавдианское правление) голод 42/43гг. (при перемещении *голодного* центра тяжести в 43/44гг. с запада на восток Империи, в т.ч., в Палестину) был преодолен.

аккламироваться (за победы своих легатов) императором (RE 3,2 «Claudius», S. 2796), намылился туда в видах персонально возглавить на месте главную победу римского войска, заместительски оставив вместо себя в столице соконсула-орд. Л.Вителлия, к-рый, как и он сам, облакал орд.-консульство, дескать, всё первое полугодие 43г. Сим создаётся ошибочное впечатление и многими делается грубо ошибочный вывод, будто оставив за себя Вителлия, Клавдий покинул Рим не позднее мая/июня 43г., мол, до истечения первого полугодия.

Но уже 1.03. (Плиний 10,35; Свет. «Кл.» 14; CIL 6,2015; CIL 1p.247 10,6638) Клавдия и Вителлия сменили в консульстве суффекты Л.Педаний Секунд и С.Папеллий Гистер, к-рым преемствовали 1.07. А. (П.?) Габиний Секунд (победитель хавков) и некий Аноним, к-рых сменили осенью Кв.Курций Руф и Спурий Оппий. И Клавдий управительски оставил вместо себя Вителлия отнюдь не столько (де-факто) как властного соконсула, сколько как близкого-доверенного нобия-наперсника. Оставил по примеру оставления отлучным Октавианом Августом за себя, с властными полномочиями в Риме (в качестве фактических властителей-временщиков), друзей-наперсников – Мецената и Агриппы, независимо от их официального статуса, к-рый (к тому же), т.е. статус, у позднего Агриппы (совластителя Августа), как и у (верховного орд.-консульско-соконсульского магистрата) Вителлия в 43г., нисколько не противоречил конституции Респубблики *restituta*.

Засим это обложение Клавдием Вителлия (и соконсула-орд, и приимператорского фаворитарного нобия) широкими заместельско-властельскими полномочиями, никоим макаром, не обязывает датировать оное, как и отъезд-отбытие самого Клавдия, непременно первой половиной 43г., поскольку Клавдий вполне мог оставить-поставить за себя и оставил-поставил особо приближённого к нему (и к Мессалине) Вителлия (родственника А.Плавтия) управительствовать в Риме (равно – из Рима) где-то с августа 43г.³⁷

Плюс к тому, согласно Светонию, «из-за внезапной и тяжёлой болезни» клавдианского любимца (одолителя германцев) Гальбы, «был отсрочен даже поход в Британию» (Гал. 7). Гальба входил в блистательный штаб сопровождения императора, т.е. он отбыл в Британию именно из Рима и именно с Клавдием (а не из Гезориака с легионами Плавтия), и, стало быть, из-за его болезни, клавдианский отъезд несколько задержался, что дополнительно свидетельствует в пользу реконструированной нами хронологии.

Кроме того, Светоний говорит о 30-и боях (легата-командира одного из 4-х плавтианских легионов) Веспасиана с британским неприятелем, о покорении им 2-х сильных племён и 20-и городов (населённых-укреплённых пунктов) в сражениях под началом Плавтия и (затем) – под началом прибывшего на остров Клавдия (Весп. 4), на что (снова) требуется, – удостоверяться воочию читатель! – (как пить дать) немало времени. Хотя эти совокупные-суммарные веспасиановские подвиги, по всему, имели место, начиная с 43-го и в ближайшие годы, когда Веспасиан продолжал, при римско-британском легате-наместнике Плавтии, командовать одним из 4-х римско-британских легионов.

А с др. стороны, если согласно Диону (60,23,1), Клавдий победоносно провёл в Британии всего 16 дней, то согласно Диону (60,23,1) и Орозию (7,6,9), он отсутствовал в Риме итого 6 месяцев (по менее надёжному-достоверному Орозию, –

³⁷ Напомним, о лъстивости Вителлия перед Калигулой и после него Светоний, в частности, пишет: «...Перед Клавдием, к-рым помыкали жёны и вольноотпущенники, он также не упускал ни одного способа выслужиться: у Мессалины он попросил, как величайшей милости, позволения её разуть и, сняв с неё правую сандалию, всегда носил её на груди между тойой и туникой, то и дело целуя; золотые изображения Нарцисса и Паланта он почитал среди домашних ларов...» (Вит. 2,5)

возвратился на 6-й от отъезда месяц).³⁸ Посему большая часть времени у него ушла на (помпезную) дорогу (как) туда (так) и обратно, из чего можно и нужно умозаключить следующее. Отбыв-отчалив в Британию из Рима к концу августа 43г., он оказался на острове не ранее ноября, и спектаклярно-полководчески «отгеройствовал» там (в запоздалый канун запоздалых зимних квартир) 16 дней, в к-рые его легаты, дождавшись его прибытия, одержали решающую победу и взяли столицу Кунобеллина Камулодун³⁹, приложительно к чему, кесарь аккламировался императором аж три раза (VI; VII; VIII)!

И вот после этого, возомнив себя почти Александром или Цезарем, к-рый «пришёл, увидел, победил» (*veni, vidi, vici*)⁴⁰, император возвратился в Рим (чествуемый на обратной дороге повсюду) не ранее февраля/марта 44г. И, сообразно этому, не ранее, подчеркнём, марта (или, возможно, даже апреля) 44г. он пышно отпраздновал-справил декретированный ему сенатом британский триумф — *ex Britannia*.⁴¹

К тому же, согласно Светонию, отплыв из Рима по Тибру, через Остию, Клавдий дважды попадал в шторм у побережья Лигурии и у Стохайдских (Йерских) о-вов, близ Массилии (Кл. 17,2), из-за чего чуть не погиб, продолжив затем путь, надо понимать, не в одночасье, но — отдышавшись-оправившись-успокоившись. И дальше путешествуя из Массилии, через всю Галлию, с юга на север, сушей-реками-сушей (сухопутным «оловянным путём»), до Гезориака, откуда его помпезно переправили через Ла-Манш одновременно с ожидавшими его в Гезориаке, согласно Диону, боевыми слонами.

Сходно и с дорогой назад, по истечении 16-и «генералиссимусовских» островных дней (главкома), к-рая, несмотря на замечание Диона, что император спешил (пожать лавры в столице), тоже, учитывая зиму, замедленные темпы передвижения по тому же (некороткому) маршруту (сушей — в носилках, реками — на судах, морем — с ожиданием благоприятной погоды) и учитывая клавдианскую болезненность, была вовсе не однодневной.

И в довершение, чтобы к данной теме больше не возвращаться, повторим, что «Хроника» Евсевия (*Versio Armenia*) датирует британский триумф Клавдия 4-м годом 205-й Олимпиады (41 — 45гг.) и 4-м годом его правления, к-рый, в олимпийском случае, приходится на интервал времени между июнем и июнем 44/45гг., а во втором — кесарско-хроноправительском — на интервал между январём 44-го и январём 45гг. (*Arm. Karst* 212), тогда как у Иеронима (*S.153*) триумф датирован аж и

³⁸ Зато Орозий говорит о походе Клавдия в Британию в 4-й год его правления, что косвенно свидетельствует о клавдианско-британском триумфе после 25.01.44г. (когда начался 4-й год правления Клавдия), т.к. Клавдий начал и, так сказать, лично осуществил-доосуществил британскую кампанию в 3-й год своего правления (43г. н.э.).

³⁹ Местонахождение Камулодуна — графство Эссекс, на р. Колн, на вершине возвышенности. Лежал на дороге от *venta Isenorum* на Лондиний, на месте современного Колчестера. Был римским центром и колонизаторской опорой (с храмом Ромы Виктории и кесаря), наподобие галльской Лугдуны, испанской Таррагоны и германского города Убиев — *oppidum Ubiorum* = Кёльн (Агриппинова колония с 50г.). Население современного Колчестера (где сохранились руины древней крепостной стены) составляет ок. 100 тыс. чел.

⁴⁰ Интересно, что в христианском отличии от Цезаря, польский король Ян Собеский, разбив турок в знаменитом сражении 1683г. под Веной (и тем спася Центральную Европу от османского вторжения), сказал: «Мы пришли. Мы увидели. Господь победил!».

⁴¹ По Светонию, «он за несколько дней подчинил себе часть острова без единого боя или кровопролития, через несколько месяцев после отъезда возвратился в Рим и с великой пышностью отпраздновал триумф. Посмотреть на это зрелище он пригласил в столицу не только наместников провинций, но даже некоторых изгнанников» (Кл. 17,2/3). Это приглашение в столицу наместников и изгнанников (прибывших, в т.ч., из-за моря-морей, без сомнения, по весне) добавочно ратует за то и подтверждает то, что триумф Клавдия был отпразднован весной (не ранее весны) 44г.

даже (ошибочно запоздалым) 5-м годом правления Клавдия (45/46гг.). И всё это, опять-таки, хроносвидетельствует в пользу выявленной-реконструированной нами более поздней, в сравнении с научно-академической, хронологии клавдианских британского похода, к-рый начался не ранее лета 43-го, и британского триумфа, к-рый состоялся не ранее весны 44гг. н.э. (см. выше и ниже).⁴²

* * *

Возвращаемся-десантируемся совместно с Клавдием в Британию. Таким образом, решающая победа была одержана римским воинством в сражении на Темзе, в результате чего последовало взятие (или сдача противником) столичного Камулодуна, по прибытии сюда, к войскам, лично кесаря, и как бы благодаря его непосредственному полководчеству (60,21,4). То-то за британскую победу он, вопреки римской традиции, предписывавшей за одну и ту же победоносную войну императорскую аккламацию не более одного раза, аккламировался целых пять раз (!) – дважды до своего отъезда из Рима и трижды в Британии, как за своих легатов, так и, главное, за себя. (Своего рода аккламационное недержание императора-засранца!).

Его сопровождал из Рима блистательный штаб: в составе кесарских зятьёв – Гн. Помпея Магна и Л. Юния Силана, преторианского префекта Руфрия Поллиона, Гн. Сентия Сатурнина (конс. 41г.), Валерия Азиатика (созаговорщик против Калигулы и один из претендентов на Принципат), М. Лициния Красса Фруги, С. Сульпиция Гальбы, П. Грециния Лакона (префект отличившихся при низложении-свержении Сеяна пожарников-вигилов, ставший после британской победы прокуратором *Tres Galliae*) (Т.Г. 640) и известного медика-фармацевта Скрибония Ларга.

Согласно Диону, провозглашённому-де, вразрез с обычаем, несколько раз (на острове) императором кесарю-победоносцу подчинились многие местные племена, одни – по договору (федераты), другие – силой. Он принял трофейное оружие побеждённых и передал его Плавтию, приказав ему продолжать покорение прочих британских областей, а сам отправился-заспешил (через, скажем снова, 16 дней после прибытия на остров) в Рим, послав вперёд себя с вестью об эпохальной победе своих зятьёв – Магна и Силана (60,21,5).

Первоначальная римская граница на включённых в учреждённую Клавдием на кельтско-бриттских островных землях кесарскую провинцию *Britannia* простиралась не севернее = не дальше Темзы. Второй клавдианско-британский наместник, преемник А. Плавтия (43 – 47гг.), Осторий Скапула (47 – 52гг.), будет с боями, медленно продвигаться на север, воевать икенов и побеждённого Плавтием Каратака (Кунобеллиновича).

Через 8 лет (с 43г.) этот Каратак, как предводитель силуров, восстанет против римлян, но проиграет Скапуле, причём в плен угодит его родня, а сам он сбежит к царице бригантов Катримадуге, к-рая (в 9-м, согласно Тациту, году от начала римского завоевания Британий) выдаст его – 51/52гг. – римлянам. Пленника проведут в триумфе и удостоят помилования. Он же, поражённый красотой, богатством, великолепием и величием дворцово-державного Рима – столицы мира, восклицательно-недоуменно спросит римлян: «Зачем вам, владетелям такого великолепия,

⁴² Правда, авторы от науки, игнорируя реальную хронореконструкцию и пренебрегая важными нюансами, датируют начало похода весной 43-го, а триумф – зимой (январь) 44гг., предлагая абстрактную датировку, к-рая, при детальной, на основе синхронизации сведений античных источников и т.д., хронореконструкции событий в их реальности-последовательности-подлинности, рассыпается, как карточный домик, не выдерживая элементарной критики.

наши соломенные хижины?!» (Ан. 12,36/37; 38-40; Ист. 3,45; Дион 61,33,3с = Зонара 11,10) (см. ниже).

При Нероне в Британии будут заложены две первые ветеранские колонии, созданы таможня и флотская база в Лондинии (Лондон). Наместничавший на острове после строивших кастеллы Дидия Галла (52 – 57гг.) и Веррания (58г.), знакомый нам покоритель Мавритании и Атласских гор (41/42гг.) до похода Госидия Геты (42г.), Светоний Паулин (58 – 61/62гг.) упряднит с кончиной икенского венценосца Паратага, царство икенов и подавит – 61гг. – отчаянное восстание неистовой царской вдовы Боудикки, к-рая, захлебнувшись первыми успехами – взятие и разрушение римских Камулодуна (Колчестер), Лондиния, Веруламия (Сент-Элбанс) – потерпит сокрушительное поражение и, не желая попасть в плен, отравится.

Мирная декада при легатах Петронии Турпиллиане (61/62 – 63гг.), Требеллии Максиме (63 – 69гг.) и Веттии Болане (69 – 71гг.) ознаменуется дальнейшим цивилизаторско-организационным обустройством и романизаторскими успехами. В 72г. первый британский легат Веспасиана Петилий Цериалий (71 – 74гг.) покорит бригантов и заложит Эбурак (Йорк). Легат 74 – 78гг. Фронтин приведёт в полное повиновение силуров. Дальше – капитальное покорение о-ва до Шотландских гор и самую основательную с 43г. административно-территориальную организацию-реорганизацию римско-британских владений уже успешно состоявшейся провинции *Britannia Romana* осуществит в 78 – 84гг., при Флавиях – Веспасиане, Тите и Домициане, незаурядный гос. муж (тесть Тацита) Гн.Юлий Агрикола.⁴³

⁴³ Благодаря Агриколе римские владения в Британии были продвинуты на север до каледонских Клоты и Бодотрии и на о-ве установилось миротворное спокойствие до времени правления Адриана (117-38гг.), к-рый оставил территории нынешней южной Шотландии и (перейдя по всей Империи к обороне) велел соорудить (Адрианов) вал (нынешний «Пиктов»), длиной в 80 римских миль, от Карлайта до Ньюкасла. При Антонине Пии (138-61гг.) граница снова продвинулась на север до Антонинова вала в Каледонии (от *Clota Aestuarium* на западе до *Bodotria Aestuarium* на востоке), к-рый был оставлен в 184г., при Коммодe (180-92гг.), а Адрианов вал – ок. 195гг., при Септимии Севере (193-211гг.), разделившем позднее восстановленную *Britannia Romana* на две провинции – *Inferior* – Нижняя – на востоке, и *Superior* – Верхняя – запад. Полное восстановление границы по Адрианову валу – в годы Каракаллы (211-17гг.), и в правление выстроившего вдоль вала укрепленную стену Александра Севера (222-35гг.). При позднейшем делении Империи на области, Британия делилась на 4 части: *Prima* – Первая – на юг от Темзы; *Secunda* – Вторая – Уэльс; *Maxima Caesariensis* – между Темзой и Гумбертом; *Flavia Caesariensis* – самая северная часть до пограничного вала.

В IVв. в слабеющую римскую Британию, к-рая в 259-68гг. оказалась подвластной узурпатору Постуму, отпав затем, в 286-97гг., при Карраузии и Аллекте, от Римской империи и будучи вновь возвращена в её состав Констанцием Хлором (+ 306г.), начали вторгаться племена пиктов и скоттов из Шотландии, а также германцы с континента. После ухода римлян ок.410г. овладевшие Британией англ, саксы и юты образовали в V/VIвв. на её территории 7 варварских королевств, объединённых, под властью Уэссекса, в королевство Англия Альфредом Великим (871-99гг.). С 793г. на Британию обрушились и продолжали обрушиваться, временно захватывая некоторые северные и восточные области страны, викинги-норманны. В первые десятилетия XIв. Англией правили датские короли. В 1042г. королевский престол вернулся к саксу – Эдуарду Исповеднику, вскоре по смерти к-рого в 1066г. Британия подпала нормандскому завоеванию Вильгельма Завоевателя (последнее успешное завоевательное вторжение на остров извне).

Ок. 97/98-100гг. Тацит в «Жизнеописании Юлия Агриколы» пишет: «О местоположении Британии и об обитающих в ней народах сообщалось уже у многих писателей; остановлюсь на этом и я, но не с тем, чтобы состязаться с ними в учёности и дарованиях, а потому что только тогда было завершено её покорение (в наместничество Агриколы – К.3.). Итак, располагая более точными данными, я поведу речь о том же, о чём с таким блеском и красноречием писали мои осведомлённые предшественники. Британия – наибольший из известных римлянам о-вов, с востока по своему положению и по разделяющему их расстоянию ближе всего

Следовательно, повторим, победоносно-спектаклярное явление Клавдия в Британию⁴⁴ и его пребывание там в течение всего 16-и дней как бы воспроизводило молниеносное-тройственное цезарское кредо «Пришёл / Увидел / Победил», при непонимании Клавдием и, во всяком случае, частью его окружения, всей анекдотичности-гротескности этого воспроизведения в отношении сравниваемого с

к Германии, с запада – к Испании, с юга – к Галлии, откуда она даже видна; у северного её побережья, против к-рого нет никакой земли, плещется беспредельное открытое море... (...)

Кто населял Британию в древнейшие времена, исконные ли её уроженцы или прибывшие сюда чужестранцы, как обычно у варваров, никому не известно. Внешность же у британцев самая разнообразная, и отсюда обилие всевозможных догадок... (...) Взвесив всё это, можно считать вероятным, что в целом именно галлы заняли и заселили ближайший к ним остров. Из-за приверженности к тем же религиозным верованиям, здесь можно увидеть такие же свяшеннодействия, как у галлов; да и языки у тех и других мало чем отличаются; больше того, британцы так же отважно рвутся навстречу опасностям и, столкнувшись с ними, столь же малодушно норовят от них уклониться. Правда, в британцах больше упорства и дикости, ибо их ещё не укротил длительный мир. Но мы знаем, что и галлы так же славились доблестью, но, с той поры, как у них установилось спокойствие и вместе со свободой ими было утрачено мужество, угасла и их воинственность. То же произошло и с теми британцами, к-рых мы уже давно покорили, тогда как все прочие и ныне остаются такими, какими были когда-то галлы.

Их главная сила в пешех; впрочем, некоторые народности сражаются и с колесниц. Начальствует возничий; подчинённые ему воины оберегают его от врагов. Прежде британцы повиновались царям; теперь они в подчинении у вождей, к-рые, преследуя личные цели, вовлекают их в междоусобные распри. И в борьбе против таких сильных народов для нас нет ничего столь же полезного, как их разобщённость. Редко, когда два-три племени объединятся для отражения общей опасности; таким образом каждое из них сражается в одиночку, а терпят поражение – все. Климат в Британии отвратительный из-за частых дождей и туманов, но жестокой стужи там не бывает. Продолжительность дня больше, чем в наших краях; ночи светлые и в оконечной части – короткие, так что вечерняя и утренняя заря отделяются лишь небольшим промежутком времени... (...)

Теперь о самих британцах. Они не уклоняются от наборов в войско, столь же исправны в уплате податей и несении других налагаемых римским гос-вом повинностей, но только пока не чинятся несправедливости; их они не могут стерпеть, уже укрошённые настолько, чтобы повиноваться, но ещё недостаточно, чтобы проникнуться рабской покорностью...» (10-13)

⁴⁴ Не примечательна ли неслучайная сравнительная (хроно)симметрия двух величин-измерений по обе стороны от Рождества Христова: кельтский Альбион (Британия), плюс – Гибберния (Ирландия) – с VI/V-го вв. до н.э. по V/VI вв. н.э., и Парфия (Парфянский Иран) – с III в. до н.э. по III в. н.э. Если христианские общины появились на британской земле в III в. н.э., а в IV в. британские епископы присутствовали на Вселенских соборах, то традиционная дата христианизации Св. Патриком Ирландии (куда христианство проникло с I/II/III вв.), где нетронутая романизацией *Кельтика* сохранилась в наиболее чистом первозданном виде, это – 432г. н.э., на 390-м году от завоевательной высадки в Британии римлян (43г.), с уходом к-рых отсюда в V в. романизация, с одной стороны, ощутимо отступила, оставив, со стороны другой, на Альбионе (или в галльской Бретани), в отличие от Гиббернии, свой достаточно заметный след, пусть, менее веский, чем в куда более романизованных континентальных Галлии или Испании. Притом здесь необходимо оговорить, что убывающее кельтское христианство держалось в Британии, Уэльсе, Шотландии до второй половины VII в. (век отпадения Грузинской церкви от Армянской – 607г.; век выступления павликиан и павликианства в Армении – с ок. 630г.), когда католический обряд стал там (после Уитбийского собора 664г.) однозначно преобладающим, между тем как в Гиббернии Кельтская церковь просуществовала аж до XIII в., т.е. до (норманнского) завоевания Ирландии Англией.

В 432г., после III-го Вселенского собора 431г., с его *богородичными* – в эпоху Анаэль-Венеры – догматами Кирилла Александрийского, Александрия перешла на рождественскую дату 25.12., тогда как Армянская церковь осталась верна дате 6.01.; в 432г. был восстановлен армянский католикосат опущенного персидским шахиншахом в Армению внука Григория Просветителя – Саака Партева = Партевакана-Парфянина, прерванный в 428г. – год упразднения персами армяно-аршакидской государственности и год истечения, по армянскому

Цезарем (или с Августом) самого Клавдия! Хотя он, тем не менее, был вполне закономерным детищем учреждённого Цезарем и Августом гос. устройства = новой республиканско-монархической модели императорского, в присошедшей к его лицу маске мавзолейно-сакральной Республики, Рима и римского мироустройства.

календарю-летоисчислению от праотца hАйка, *великого года-периода* протяжённостью в, как и египетский Великий год Сотис-Сириус, 1460 лет.

Далее, если Парфия политически кончилась, уничтоженная новоперсидскими Сасанидами, в III в. н.э., завещав человечеству Парфянида Мани (кармический предваритель Парсифаля/Парцифаля – одного из рыцарей Круглого стола короля Артура) и идущую к христианству Армению (христианизированная Парфянидом Григорием Просветителем с 301г. страна Араратская), то духовные врата старокельтских мистерий символически (как и Врата Мистерий древности в целом-общем) затворились в 333г. н.э. (середина семеричной постатлантической Пассионарно-Ойкуменической стадии эволюции и середина её центрально-срединной IV-й Греко-Римской эпохи под знаком Овна-Агнца, равно – дата Великого эзотерического Собора великих посвящённых – Мани, Заратустры, Скифиана, Будды...).

С этого времени глубинная спиритуальная *Кельтика* метаморфизировалась-трансформировалась в духовное христианство (в частности, импульс короля Артура – V/VI вв.), отчасти подобно тому, как это ранее произошло с Парфией и с как манихейско-парфянским, так и с парфяно-армянским христианскими импульсами. (Дуалистическое разделение *Парфянского* христианства на космополитически-манихейское и на армяно-григорианское!) Макрокосмический крест-камень кельтско-христианской Ирландии и микрокосмический крест-камень парфяно-христианской (Аршакидской) Армении (в качестве-облике эксклюзивной составной части Дома Иранского = Иранско-Арийской Ойкумены) на двух – находящихся в диагональной (мета)географической оппозиции – охватных концах-окраинах Арийского мира. *Страна Зелёного Трилистника* и *Страна Трилистника Платанового!* Духовное восприятие Таинства Голгофы – 33г. н.э. – в кельтско-друидических мистериальных центрах атлантической Гибернии и в митраистских оккультных центрах Араратской Армении – местонахождение первого слепопотопного алтаря Ноя на (ковчезном) Арарате. (Об исповедовавших бессмертие души и перевоплощение душ «науучённейших» жрецах-мудрецах друидах, о друидизме, его расцвете и деградации-вырождении, о запрете требовавшего человеческих жертвоприношений декадентного друидического культа-священнослужения в 48г. Клавдием см. ниже.)

Римская империя от Иберии до (втянутой в 30/40-е гг. IV в. н.э. в великоримскую державную орбиту) Иверии, мл. брат царя к-рой (Парнавазида Фарасмана) Митридат сделался, протезируемый-поддерживаемый Римом (против Парфии Аршакидов), царём проримской Армении в 35/36-м и снова – с 41/42гг. При этом, в 43г., когда римляне воевали Британию на конечном западе, римский легат Сирии Вибий Марс, бряцая оружием на другом конце Imperium Romanum, у римско-парфянской границы, предотвратил вторжение в Армению, с целью вернуть её в парфянскую орбиту, (не поддержанного Изатом Адиабенским) царя царей Вардана (см. выше). Миссионирование Апостола Симона Кананита (брата Господня) в Британии и в Грузии, патриарший престол к-рой неспроста есть престол Св. Симона (к-рый в 70-е гг. IV в. миссионерски побывает в Британии), как патриарший престол Армении – престол Св. Апостолов Фаддея (Иуда – брат Господень = брат-близнец Симона) и (Апостола Тайн Господних) Варфоломея. Христианизация из Армении и через Армению южно-кавказских Иверии с Албанией и достижение армянскими монахами-миссионерами Ирландии.

Посвящённые друиды (нечуждые индийским дравидам) и друидизм в Британии: Туманный Альбион – страна воздвигнутого потомками атлантов ок.3100г. до н.э. – конец 10-тысячелетней Двапара-юги в 3102г. до н.э. и начало истекшей в 1899г. н.э. 5-тысячелетней Кали-юги – мистериального центра Стоухендж. Или – в имманентной Гибернии, созерцательно-островного отражения к-рой, страны дальнего европейского Запада, сродни британскому отражению – островной Японии, на Дальнем Востоке (в отличие от прииндийского Цейлона) нет! Или друиды и друидизм в Галлии и посвящённые митраистские жрецы и митраизм в Парфии и в Армении, к-рая была отделена римской Каппадокией от населённой малоазийскими кельтами = хранителями кельтских традиций Галатами провинциализированной римлянами в 25г. до н.э. Галатии. По соседству же с Арменией – страна прикованного Прометея – южно-кавказская Иверия (выпавшая, по апостольскому жребию, Богородице, но не початая Ею), западная *сестра* к-рой – страна (Таинства) Золотого Руна (соляная мудрость и пречистая астральность Богородицы) – причерноморская Колхида (удел сына Гелиоса – Аэта – отца сестёр Медеи и Халкиопы).

Следующие ниже слова Диона о присвоении Клавдию и членам императорской семьи почестей за британскую победу предлагаются под всё ещё 43г. н.э. Однако, мы в курсе, что анналист Дион нередко выдаёт суммарную информацию (и распределяет повествовательные блоки прагматически), в т.ч., в ущерб строгой анналистике, почему то, о чём сообщается под всё ещё 43-м г., вполне могло произойти и, вероятно, произошло уже в начале 44г. н.э.

И действительно, если Клавдий ступил на британскую землю в ноябре 43г., покинув её, скажем, в декабре, с предварительным отправлением-снаряжением вперёд себя, с победными реляциями, Юния Силана и Помпея Магна, то сенат мог принять соответствующие постановления, в зависимости от того, когда посланники достигли Рима, не ранее (если не включать чарли-чаплинские темпы немого кино) начала 44г. И даже, исходя из дионовского текста (с контекстом), — ок. времени третьей годовщины прихода Клавдия к власти — 25.01.41г., и ок. времени третьей годовщины рождения клавдианского сына — 12.02.41г.

Вывод: переместимся в 44г. и продолжим повествование, передав слово Диону (невзирая на его, повторим, не всегда строго-точно соблюдаемую анналистику), отсюда, т.е. фактически — с января 44г. н.э. = во время, по нашему мнению, декретирования римским сенатом, узнавшим из доставленного Помпеем и Силоном послания о достижениях римлян в Британии, императору триумфа и присвоения как ему, так и его сыну (в преддверии близящегося трёхлетия последнего) прозвища-когномена «Британник». Т.е. в январе 44г. клавдианско-британский триумф не столько состоялся, как думает многоумная наука, сколько был Клавдию декретирован, состоявшись, по его возвращении из похода, весной.

44г. н.э.

1 января 44г. н.э. = 797г. а.У.с. в Риме в консульство вступили Г.Саллюстий Крисп Пассиен (вторично) и Т.Стагилий Тавр.⁴⁵

ТРИУМФ КЛАВДИЯ

Дион: «Там (в Риме), прочитав о его (Клавдия) достижениях, дали ему прозвание Британника и даровали ему позволение справить триумф. Они установили также ежегодный праздник в память об этом событии и постановили возвести две триумфальные арки, одну — в Городе, а другую — в Галлии, потому что именно из этой

⁴⁵ Г.Пассиена Криспа — сына консула 4г. до н.э. Л.Пассиена Руфа и внука известного оратора, декламатора, ритора Пассиена (+ 9г. до н.э.), усыновил Г.Саллюстий Крисп (+ 20г.), внучатый племянник и усыновленец историка Саллюстия, советчик позднего Августа и раннего Тиберия, инициатор убийства (гос. резон) в 14г. н.э. Агриппы Постума (Р.л. 1312). Его пасынок стал наследником огромного состояния, в 27г. облакал консульство-суф., в 43-м или, вероятнее, в 44г. женился, дав развод Домиции Лепиде Старшей (др. тётке Нерона), на вдовой Агриппине Мл., будучи впоследствии (48г.), предположительно, отравлен ею, завладевшей всем его состоянием (см. ниже).

Т.Стагилий Тавр — сын одноимённого консула 11г. н.э. и дочери знаменитого Валерия Мессалы Корвина (+ 13г. н.э.) Валерии Мессалины. Не он, а его мл брат, конс. 45г. (см. ниже), участвовал в заговоре против Клавдия в 46г. совместно с Азинием Галлом (внуком Азиния Поллиона), к-рого в качестве отделавшегося ссылкой заговорщика против Клавдия называет Дион (60,27,5), и к-рый у Светония (Жл. 13,2) фигурирует, без хронологии, как заговорщик против Клавдия в паре с не называемым у Диона Стагилием Корвином (см. ниже). В 52/53гг. — проконсул Африки, он был обвинён, по возвращении из провинции, в

страны он переправился в Британию. Его сыну они пожаловали то же прозвание, что и ему, и оно – Британник – стало обычным именем мальчика (= стало употребляться как обычное имя мальчика – К.3.). Мессалина была пожалована предоставленной некогда Ливии привилегией девственных весталок занимать передние места (в театре и цирке на зрелищах – К.3.) и правом пользоваться двуколкой» (60,22,1-3).⁴⁶

И впрямь, ведь со дней Цезаря и Августа не было на счету у римлян подобных ратных успехов. Вот к кому взывает уподобившийся им Клавдий через головы Тиберия и Калигулы! вот чьи традиции он пестует-лелеет-продолжает! Океан – не препятствие для победоносных легионов победоносного кесаря! И разумеется, как словоохотливые поэты, так и отчеканенные во славу британской победы монеты щедро прославили историческое деяние оттриумфовавшего в амплу великого полководца (сообразно его мечтам с детства, без какой либо надежды на их осуществление) Клавдия.⁴⁷ Сбылась мечта идиота! Победа и пацификация! *Paci Augusti* и *Paci Claudiae! Vivat Pax (Claudiana-Augustana) Romana!*

Причём к сказанному Дион присовокупляет ремарку о степени ненависти сенаторов к памяти Калигулы настолько сильной, что они специально постановили переплавить все бронзовые монеты с его изображением, в связи с чем добавляется: «И всё же, хотя это было сделано, бронза нашла не лучшее применение, поскольку Мессалина велела сделать из неё статуи актёра Мнестера, к-рый некогда состоял в гомосексуальной связи с Гаем, в благодарность за его согласие переспать с нею» (60,22,3-5).

Плюс к тому, пикантность сюжета в том, что Мнестер поначалу уклонялся от опасной близости к неуёмной (и иногда непредсказуемой) венценосице, кто, грезя быть затраханной-отыметой им, в итоге обратилась к мужу, к-рый, в свою очередь, своей императорской властью велел лицедею беспрекословно исполнять все прихоти (похоти) повелительницы, и так-де Мессалине удалось заполучить вожделенного-желанного хахаля (см. выше и ниже).

вымогательстве и сношениях с магами, происками желавшей завладеть роскошными садами Тавра Агриппины, в свете чего, не дожидаясь приговора, покончил с собой (Ан. 12,59; 14,46). Его дочь, Статилия Мессалина, была последней женой Нерона (66г.), выжила, пережила смуту 68/69гг. и оставалась в чести при Веспасиане.

Если Статилий Тавр консульствовал весь год, то Пассиена Криспа в мае сменил суффект П.Помпонию Секунд – мл. брат консула-суф. 41г. (сменщика Калигулы) Кв.Помпония Секунда, примкнувшего к мятежу Скрибониана в 42г. и покончившего самоубийством (Т.Г. 645/46) (см. выше). В садах этого П.Помпония Секунда прятался, был настигнут и убит в октябре 31г. старший из детей Сеяна – Элий Галл. Сам Помпонию привлекался в 31г. претором Консидием Прокулом (осуждения и казни к-рого добился в 33г. его брат Квинт), отданный под надзор брата, уцелел и был полностью реабилитирован при Калигуле. К скрибониановскому мятежу касательства не имел, находясь далее в почёте у Клавдия. С 47 по ок.54 гг. наместничал в Верхней Германии, удостоился триумфальных отличий. Дружил с Плинием Старшим (7,39; 7,80), увлекался драматургией и был, согласно Тациту, известен как выдающийся поэт, автор, в частности, не дошедшей до нас трагедии «Эней» (Ан. 12,27/28; «Диалог об ораторах» 13).

⁴⁶ Это наделение Мессалины правами и привилегиями девственных весталок было полной насмешкой-издёвкой над римской традицией! Не менее забавно – триумфальное награждение Клавдием почётным копьём (как храброго воина) его любимца – внуха-вольноотпущенника Посида (Свет. «Кл.» 28).

⁴⁷ Он британцев настиг
На далёких берегах
Запредельных морей,
Голубые щиты
У бригантов он взял
И на шею надел

Всем римскую цепь;
Даже сам Океан
Заставил дрожать,
Показуя права
Рима мощных секир.

(«Anth. Lat.»; Сенека «Apol.» 12)

Убедитесь, всё это с капризом Мессалины, если, конечно, Дион тут, под формально-анналистическим концом 43г., не ретроспектирует, чего он, в сём случае, не делает, могло случиться только по прибытии Клавдия в Рим в 44г., в ходе 44-го г., в пору эскалации мессалианского нимфоманства по нарастающей.

То-то дальше у Диона сообщается, что тот же способ принуждения – прелюбодеятельно перепихнуться с ней, посредством полученного от Клавдия приказа – она избрала и в отношении других мужей, к-рым, дополним, тютя Клавдий мог отдать такой (курёзный) приказ, лишь возвратившись в Рим из британской экспедиции в 44г. Лишь справив (не тотчас по возвращении – как это нередко делали основательные победоносные триумфаторы – не сразу вступая в собственно Город) свой триумф и почивая в Риме, как ему казалось, на лаврах, пока его всё более прожорливая супруга всё ожесточнее, насмешничая надо всем, надо вся и надо всеми, тщилаь (всё-таки) утолить своё неутолимо безбашенное сексуальное бешенство.

Но повременим со сладострастницей-стахановкой на сексфронтах Мессалиной и обратимся к собственно клавдианскому триумфу, к-рый, по всему, имел место, как сказано, не ранее марта 44г. н.э. (в год симметричный году убийства Цезаря мартовской весной 44г. до н.э.), и о к-ром Дион, под годом облечения консульства Г.Криспом и Т.Статилием, говорит:

«Клавдий прибыл в Рим после шестимесячного отсутствия, из к-рого он провёл в Британии только 16 дней, и справил свой триумф. И при справлении-праздновании оногo, он (неравнодушный к истории её знаток – К.З.) следовал всем старинным обычаям, даже поднявшись по ступеням Капитолия (к храму и алтарю Юпитера Капитолийского) на коленях, поддерживаемый с обеих сторон своими зятями (Помпей и Силан – К.З.). Сенаторам, участвовавшим в походе вместе с ним, он даровал триумфальные украшения, и не исключительно консулярам, но и всем остальным, что щедро делалось им, в т.ч., по ничтожным поводам, и в иных случаях. Руфрию Поллиону, префекту преторианцев, он пожаловал статуя и место в сенате всегда, когда тот будет приходиться с императором в курию. И чтобы не показалось, что он вводит здесь новшество, он заявил, что сходно, в случае некоего лигурийца Валерия, поступил Август.⁴⁸ Он также отличил Лакона, бывшего префекта ночной стражи, а в то время прокуратора Галлии, дав ему, кроме того, сан консуляра.

Урегулировав эти дела, он справил собственно триумфальное празднество, приняв по сему случаю некоторые консульские полномочия. Оно было проведено в двух театрах одновременно, и в ходе представлений он сам часто отсутствовал, в то время как другие исполняли обязанности вместо него. Он объявил о стольких конных состязаниях, сколько вообще можно было провести в один день, и всё же их было проведено не более десяти. Ибо между разными ристаниями травили медведей, соревновались атлеты, а мальчики, вызванные из Азии⁴⁹, исполняли пиррический танец. И другое празднество в честь его победы тоже было дано актёрами на сцене с согласия сената. Всё это было сделано в связи с успехами в Британии. И чтобы остальные народы легче приходили к мирному соглашению (с Римом), было

⁴⁸ Насчёт «лигурийца Валерия» и его статуса – не очень понятно, потому что такой префект praetorio при Августе неизвестен. Иное дело, что на сопровождение его вооружённым преторианским префектом в курию (куда запрещалось входить с оружием), для обеспечения императорской безопасности, испрашивал у сената специальное разрешение Тиберий (см. выше).

⁴⁹ На этот (по калигулианскому образцу-почину) вызов (танцорно-певчих) мальчиков и на их прибытие в Рим (морем-сушей-морем, в Италию, через Грецию) из Азии (что Клавдий санкционировал в связи с предстоящим триумфом, т.е. как минимум после победоносных 16-и дней в Британии) тоже требовалось время (и приемлемые судоходно-погодные условия), что дополнительно ратует за триумф именно весной 44г.

принято постановление о соблюдении всех договоров, заключённых Клавдием или его заместителями с каким бы то ни было народом так, как если бы они были заключены между (римским) сенатом и этим народом» (60,23,1-6).

У Светония об отпразднованном Клавдием с «великой пышностью» британском триумфе читаем: «...Посмотреть на это зрелище он пригласил не только наместников провинций, но и некоторых изгнанников. На крышу своего палатинского дворца он среди остальной вражеской добычи повесил и морской венюк рядом с гражданским в знак того, что он пересёк и как бы покорил Океан. За его колесницей следовала жена его Мессалина в крытой двуколке, следовали и те, кто в этой войне получили триумфальные украшения, все пешком и в сенаторских тогах — только Марк Красс Фруги, удостоенный этой почести вторично⁵⁰, ехал на разубранном коне в тунике, расшитой пальмовыми ветками» (Кл. 17,3).

Одним словом, не приходится сомневаться, что Клавдий справил-отпраздновал свой пышный триумф, тщательно подготовленный к его прибытию и не менее тщательно подготовившись-изготовившись к нему, по прибытии, до торжественно-триумфального вступления в Город, сам. При всём том, — справил-отпраздновал со знанием и учётом как дела, так и римской истории (триумфальных традиций), с учётом различных нюансов и т.д., смакуя своё победоносное полководчество, тютелька-в-тютельку.⁵¹

Интересен заключительный штрих этого блока-абзаца у Диона, откуда следует, что заключение договорных соглашений с друзьями-союзниками римского народа отныне сделалось в равной мере прерогативой сената и могущего обойтись без сената кесаря (к-рым, в лице Клавдия, к месту и времени вновь будь замечено, помыкали его заместители, т.е. вездесущие влиятельные вольноотпущенники).

В ответ на такой прокесарский реверанс со стороны сената, Клавдий возвратил под сенатское управление, с выборными, по жребию, наместниками-проконсулами от сената, провинции Македонию и Ахайю (Дион 60,24,1), к-рые, как мы помним, перешли под управление кесарское в 15г. н.э., при Тиберии (Д.И. 37/38), когда кесарско-тиберианский легат Мезии Г.Поппей Сабин (конс. 9г. н.э.) оказался во главе трёх провинций — Мезии, Македонии и Ахайи, с легатской резиденцией в Коринфе. В 35г. умершего на посту, после рекордной, по своей общей продолжительности, итога 24-летней (с 11/12гг. в Мезии) легатуры, Поппея Сабина сменил Г.Меммий Регул (конс.-суф. 31г.) — близкий Тиберию активный участник ниспровержения Сеяна, супруг отбитой-отобранной у него Калигулой красавицы Лоллии Паулины (см. выше), к-рый, таким образом, в 44г., передав Македонию и Ахайю наместнику от сената, стал-остался легатом Augusti в сугубо кесарской Мезии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАКЕДОНИИ И АХАЙИ СЕНАТУ

Македония (греч. «μακεδνός» — *высокий*) — историческое название страны или области, лежавшей в северной части Древней Греции, к северу от Фессалии. Причём греки издавна сомневались в полноценном этнико-культурном родословии полуварваров македонян и смотрели на них пренебрежительно, свысока (на *высоких*), хотя династия Тимонидов, из к-рой происходили Филипп II и Александр (III) Великий,

⁵⁰ В первый раз М.Красс Фруги (конс. 27г. и отец клавдианского зятя — Помпея Магна) (см. выше) получил триумфальные украшения (41г.) за, как полагают, (аннексированную и одолённую, но до времени не умиротворённую римлянами) Мавританию 40/41гг.

⁵¹ Тем более, что Рим не знал, не видел форменных-чинных триумфов (прерогатива членов императорской фамилии), не считая обезьянничаний Калигулы, уже 27 лет, с 26.05.17г. н.э. — дата германского триумфа Клавдиева брата — Германика.

вела себя от Гераклида Тимона Аргосского. В неархаичный период античной древности с соседней грекам Македонией граничили Фессалия – на юге, Эпир – на юго-западе, Иллирия – на северо-западе, Поион – на севере, Фракия – на востоке. Возникший в следующие после воинственной миграции (восходивших к атлантическим пра-аккадцам?) дорийцев (ок. 1100г.) столетия македонский очаг располагался по западному и северному берегам Салоникского залива, от Олимпа и *каменных отрогов Пиэрии* на юге – до р. Стримон (фракийская граница) на севере.

Легендарным основателем Македонского царства считался Каран, к-рого отождествляли с сыном аргосского царя Тимона (или Темена) Архелаем и от к-рого, согласно Юстину (Помпей Трог), до последнего царя Македонии – побеждённого и пленённого римлянами Персея (168г.) – аж 924 года (33,2,6), что ведёт из II-го в XI-й вв. до н.э., тогда как более умеренная традиция относит македонское протогосударственное начало к VIII/VII вв., связывая его с греческой династией Аргеадов (Аргосидов) – родом из Аргоса, при родословии от Геракла. Первый царь – Пердикка, бежавший, согласно преданию, в Македонию с двумя братьями и поначалу бывший-нанявшийся пастухом.

Парадоксально, но факт: подвассальные персидским Ахеменидам (так как македоняне покорились полководцу Дария I Мардонию) цари Тимониды – Аминт I (VI в.) и Александр I (ок. 490 – 50гг.), с одной стороны, раздвинули (при помощи персов) потомственные владения, а с другой, дали импульс ползучей эллинизаторской цивилизации. Ок. 490г. (дата Марафонского сражения) греки-олимпийцы высокомерно попытались отстранить Александра Македонского от участия в Олимпийских играх как варвара, однако сведущие организаторы Олимпиад, расследовав инцидент, официально признали за царём македонян удовлетворительный аргосский генезис.

В ходе Греко-персидских войн V в., как и в Пелопоннесской войне Афин со Спартой (433 – 04гг.), лавирующие Тимониды занимали неоднозначную скользкую позицию, и после поражения персов продолжали македонскую экспансию. Аминт (Архелай) III (413 – 399гг.), кому Платон не вполне заслуженно инкриминирует жестокость дикаря, реформировал гос. аппарат, беззастенчиво вмешивался в фессалийские дела, меценатствовал, позиционировал себя просвещённым монархом, привлёк ко двору Еврипида и Агафона, придал столичной Пелле блеск центра искусств, полноходно эллинизировал страну.

Тем не менее, окончательное превращение Македонии, ослабленной после убийства Аминта и оказавшейся на грани развала, при часто сменявшихся – 399 – 59гг. – венценосцах, в централизованное государство завершилось лишь при позднее победившем и подчинившем греков в сражении у Херонеи (338г.) волевым отце Александра – выдающемся (несмотря на его брутальность) правителе – Филиппе II (359 – 36гг.). В правление Филиппа в состав его царства на севере вошла вся Пеония, так что горы Скордиск и Орбел составили границу с Мезией. На востоке македонская граница достигла р. Нест, на юге к Македонии был присоединён п-ов Халкидика, на западе – части Иллирии. Страна славилась добычей золота, серебра и драгоценными камнями.

Её фауну отличало множество львов (!), к-рые (водясь в тогдашней Европе, как и в Палестине) очень досаждали местным скотоводам, одновременно составляя предмет гордости сравнивавших себя со львами македонян, к-рых греки, по-прежнему, упорно дразнили варварами. И вправду, македоняне имели весьма смешанное происхождение, представляя собой пёстрый сплав-конгломерат из этнически нечистых потомков различных варварских, фракийских и иллирийских, племён, с к-рыми в более южных равнинных местностях и в прибрежных областях издревле смешивались греки.

Чуждые греческому менталитету остаточнo-варварские, типа нательных татуировок, македонские обычаи, в бытность ставшего Александрoвым наставником (343/42 – 40гг.) Аристотеля, усиленно изживались. Некоторые, правда, демонстрировали поразительную живучесть. К примеру, ни один взрослый македонянин не имел права почётно-привилегированно возлежать за трапезой, не убив, без охотничьей сети, дикого вепря, и должен был (сродни нам сегодняшним) трапезничать сидя.

Наверное только деяние уложившего персидско-ахеменидского *вепря* напoвал Александра (что намеревался осуществить его павший жертвой покушения отец Филипп – создатель Коринфского союза и инициатор греко-македонско-противоперсидской отмстительной кампании, оставивший сыну сильное государство и сильную армию) сняло остроту этого древнего ритуала. Не случайно именно в день и год рождения (6.02.?) *Мужа великой души* (356г. до н.э.) Герострат, как бы провозглашая смерть старых богов и древних мистерий, швырнул свой роковой факел в храм Артемиды Эфесской!

Жена (одна из семи разнoстатуированных жён полигамного) Филиппа эпитротка Олимпия была убеждена, что зачала своего сына не столько от законного мужа, сколько от самогo Зевса, чем навлекла на себя ревность Геры. А в дальнейшем Филипп предпочёл ей македонянку Клеопатру. И озлобленная опальная брошенка, эта царица-демониа, к-рую Александр не любил, одновременно, всю свою недолгую жизнь напрасно ища в женщинах её копию, не забыла обиду. С Филипповой гибелью (+ 336г.) она заставила молодую соперницу покончить самоубийством и собственноручно швырнула в костёр её малое дитя.

Стремясь на крайний Восток, чрез подлежащий ликвидации-ойкуменизации-эллинизации Ахеменидский Иран в сказочную Индию и к последнему (жёлтому) морю, *Муж великой души* простёр Греко-Македонию на половину мира, размечтался о создании единой эллино-иранской цивилизации (михаэлический глобализм и мультикультурализм! в архангельскую эпоху Михаила-Солнце – 602 – 248гг.!), массово пережил своих греко-македонских воинов на персиянках, восхотел, вернувшись из Индии в сделанный столицей его Империи Вавилон, завоевать загадочную Счастливую Аравию... И, вдруг, скоростижно скончался в (декадентном) Вавилоне (поглощённый-проглоченный Востоком) – 10.06.323г., будучи всего 33-х лет отроду (не то от лихорадки, не то чуть ли не от тайно присланного Аристотелем, мол, в наказание-отместку за его, Александра, непростительное уравнение эллинов с варварами, особого яда).

После распада открывшей в эпоху Михаила-Солнце плодотворной соляной эллинизации дорогу на Восток космополитической державы Александра на возглавляемые диадохами царства, Македония стала одним из крупнейших эллинистических государств, на территории к-рого часто велись опустошительные войны. Беспризорные диадохи перегрызлись между собой. Сначала Олимпия – 316г., затем Роксана Бактрийская и (родившийся в 323г. по смерти отца) единственный законный сын-наследник Александра III-го 12-летний Александр IV – 311г., были (велением Кассандра) умерщвлены, вследствие чего семья Тимонидов иссякло.

* * *

Македония и Греция отошли к одному из диадохов – Антигону Монофтальму (Циклоп или Одноглазый) (+ 301г.) – (павшему в битве при Ипсе) основателю династии Антигонидов (к-рого ненадолго сменил жестокий убийца Олимпии, Роксаны и малолетнего Александра – Кассандр, умерший в 297г. от водянки). В 287г.

ещё не одержавший свои знаменитые Пирровы победы над римлянами Пирр из Эпира и Лисимах Фракийский междусобойно разделили страну. В 280г., по итогам долгого кровопролитного сумбура, македонский трон узурпировал Птолемей Кераун (убийца Селевка I, сын Птолемея Сотера и Эвридики).

Год спустя север Балкан и Грецию принялись, мигрируя с запада на восток, опустошать кельты. Часть их дошла до Дельф, где потерпела поражение; другая часть осела во Фракии; третья – переправилась в Малую Азию и в дальнейшем освоила Фригию-Галатию, заложив там, в самом центре М.Азии, государство кельтов-галатов, сделавшееся при Августе одноимённой римской провинцией.

Тем временем, воюя незваных кельтских пришельцев, македонский узурпатор Птолемей Кераун пал. В 277г. внук Антигона I Монофтальма Антигон II Гонат разбил галлов у Лисимахии и прочно утвердил в Македонии династию Антигонидов – 276г. Его прямой потомок – амбициозный честолюбец Филипп V (221 – 179гг.) проложил, сам того не желая, вернее, желая как раз обратного, дорогу в Македонию и Грецию Риму. В 216г., в пору Второй Пунической войны (218 – 01гг.), он внезапно атаковал римский флот в иллирийских водах; в 215г. заключил союз с Ганнибалом, чем крайне возмутил римский сенат и спровоцировал две Македонские войны (215 – 05; 200 – 197гг.).

Но если первая партия завершилась вничью, не аннулировав господствующее положение Македонии в Греции, то во второй Т.Квинктий Фламинин разгромил Филиппа в сражении на Киноскефальских высотах (197г.), мобильно-легионерски одолев ошестившуюся копьями и, казалось, неприступную фалангу с флангов, и тем положил конец региональной гегемонии македонян. В следующем 196г. тот же Фламинин торжественно провозгласил свободу Греции от их тирании, между тем как Рим отбросил Филиппа к дохеронейско-македонским границам.

Наконец, после четвертьвековой паузы, последняя Третья Македонская война (172/71 – 168/67гг.) привела к поражению в сражении при Пидне (168г.) и пленению Филиппова сына Персея, к ликвидации монархии и к республиканскому обустройству «освобождённой» Македонии. (Первый Рим, как и Третий, ведя исключительно «освободительные» войны, вырос, пусть не до 1/6-й части суши, но всё-таки: от Рейна и Дуная – до Нила и Нубии; от Иберии – до Армении и Иверии; от Мавритании – до Боспора, от Аравии – до Британии.)

Победители разделили покорённую Македонию на 4 поднадзорно-некоммуникабельные части с центрами: 1. Амфиполь – области между Стримоном и Нестом и к западу от Стримона; 2. Фессалоника – между Стримоном и Аксием, с п-овом Халкидика; 3. Пелла – между Аксием и Пенеем; 4. Пелгония – горные области запада. Подавление (параллельно завершившейся разрушением Карфагена в последней Третьей Пунической войне 149 – 46гг.) выступления авантюриста Андриска, к-рый назвался сыном Персея, возымело следствием провинциализацию в 148г. Македонии, 4 области к-рой, вместе с присоединённым к ним Эпиром, и составили одноимённую провинцию (148г. – начало провинциальной эры), объединённую, по разрушении в 146г. Коринфа (как и в том же году, поверженного в прах Карфагена), с Грецией.

На западе эта провинция упёрлась в иллирийскую Адриатику; на востоке протянулась до р. Нест. Римский наместник резидировал в Фессалонике. Свободные-вольные города – *liberae conditio* – Фессалоника, Амфиполь, Абдера, Аин. Римские колонии – Дион, Пелла, Филиппополь, Кассандрея.

Во II/III вв. до н.э. римско-македонские проконсулы неоднократно защищали приобретённые Римом балканские (выражаясь современным геополитическим языком) владения от вторжений скордисков, дарданов и др. варваров. В 80-е гг. до н.э. страну коротко прибрал к рукам Митридат Понтийский. Позже наместникам

пришлось отражать нападения воинственных фракийцев, вести оборонительно-наступательные и разведывательные бои в северном направлении. В проконсульство Пизона Цезония (57 – 55гг.) дарданы, бессы и денделеты дорвались до Фессалоники, были разбиты и изгнаны. Осенью 42г. до н.э., при македонских Филиппах (в последующем – Филиппополь), цезарианцы сокрушили республиканцев. С 27г до н.э., по разделении Августом римских провинций на кесарские и сенатские, (фессалоникской) Македонией, как и отделённой от неё Грецией, составившей провинцию Ахайя с центром в Коринфе, ведал сенат (Р.л. 257/58; 1118-21; 1151; Д.И. 37-39). С 15 по 44гг. н.э. – кесарь.

В качестве причины перехода Македонии и македонян из сенатского ведения в кесарское Тацит называет просьбу провинциалов облегчить бремя налогов (Ан. 1,76). Дело в том, что при сенатском управлении налоги поступали в общегосударственную (Fiscus Aerari), при кесарском – в императорскую (Fiscus Caesaris) казну. Стремление провинциалов быть в прямом императорском подчинении понятно.

Лучше иметь одного, в центре и из центра, верховного распорядителя, тем более, такого строгого и требовавшего от своих наместников нешкуродёрского отношения к провинциям, как Тиберий, равно подоотчётного персонально ему наместника и наместнических подчинённых на местах, нежели губернатора от имени множественного сената и, соответственно, его баскаков. Короче, прямой выход на реального властителя дел (и дум) кесаря менее обременителен и более предпочтителен-рентабелен, чем зависимость от говорильни-сената и, в большей мере, чем кесарский аппарат, алчной сенатской бократии.

Кроме того, или прежде всего, принятие Македонии и Ахайи в 15г. под императорскую десницу обуславливалось следующим. 1) Очередной активизацией взявших крепость Трезмы (восточнее Эгисса) задунайских гетов, к-рых одолел, отвоевав её, находившийся с 13г. – как легат Поппея Сабина – в милитаризованной (2 легиона) Мезии, а с 15г. подчинённый Сабину мезийский пропретор Л.Помпоний Флакк (знакомый нам легат Сирии в 32 – 34гг.). 2) Распрей между фракийско-одрисскими венценосками – ст. сыном Роиметалка (+ 12г.) – царём Котием, и мл. братом покойного царя – династом Раскупорием. Последний считал себя обделённым территориальным разделом по смерти брата и неравным с племянником статусом династа, что привело в итоге к убийству им Котия, к вмешательству римлян, к захвату-пленению и к осуждению на ссылку Раскупория – 18/19гг (Д.И. 157-60), с поставлением Фракии под – до поры – прямое опекунство Рима.

Притом, если объединение в 15г. кесарских Мезии (провинция со 2г. н.э.), Македонии и Ахайи под единоначальной легионизированной властью кесарского легата охватило = взяло в клещи неспокойную Фракию, к-рую в последний раз разделил между местными правителями в 37/38гг. Калигула (см. выше), то на 44г. последняя, миновав предшествующие этапы, почти созрела для провинциализации, к-рая и последует в 45/46гг. (см. ниже). Последует – с превращением её в кесарскую провинцию, в преддверии чего необходимость держать непосредственно под кесарем Македонию, с примыкающей к ней (культурной) Ахайей, к-рые теперь вполне могли быть великодушно возвращены-переданы сенату с народом (над к-рыми, так или иначе, стоял-возвышался кесарь), отпала.

Впрочем, – не забудем сказать несколько слов об Ахайе = об этом очаговом, в ключе глобального имперско-эллинистического мультикультурализма, резервуаре греко-римской державной Ойкумены в составе мировой-глобальной сверхдержавы Imperium Romanum.

Ахайя – у Гомера – совокупное обозначение Греции («Ил.» 1,254; 7,124; «Од.» 11,166; 481; 13,249; 23,68), позаимствованное римлянами и восстановленное для наименования покорённой ими во Пв. до н.э. Эллады – provincia Achaia (Страбон

17,840), без Фессалии, Акарнании и Аэтолии, провинциально относившихся тогда к Македонии.

Первоначально Айгиалея (прибрежная страна), область на севере Пелопонесса, населённая ахейцами, граничившая на юге — с Элидой, на востоке — с Сикионом, на севере и западе — упиравшаяся в Коринфский залив. Древние обитатели — пеласги и ионийцы, изгнанные в ходе завоевательного переселения дорийцев ахейцами под предводительством Тисамена, сына Ореста, и переселившиеся в Аттику. От ионийцев ведёт своё происхождение деление страны на 12 городов-областей, к-рое, с их демократическим устройством, продолжало существовать и при ахейцах. Города: Пеллена, Айгира, Айги, Бура, Гелика, Айгион, Рипы, Патры, Фары, Олен, Дима, Тритайя. Позже: вместо разрушенных Рип — Леонтион; вместо Айг — Киринея.

Эти 12 областей оставались отдельными равноправными кантонами, воздерживаясь от вмешательства в политику, долго сохраняя независимость, не принимая участия в Персидских войнах и в Пелопонесской войне, предпочитая сохранять (швейцарский!) нейтралитет. Связь между ними носила, в первую очередь, религиозный характер: особенно — совместное поклонение Посейдону и Гелене. Подчинившись в IVв. Филиппу и Александру, ахейцы, в эпоху диadoхов, в 281г. до н.э., перед лицом угрозы со стороны Македонии, образовали (вынужденно союзный с ней) Ахейский союз. 4 города — Патры, Дима, Тритайя и Фары, к к-рым вскоре присоединились ещё 6 городов. В 198г. они отпали от нелюбого им союза с македонянами и примкнули к Риму, под покровительством к-рого овладели почти всем Пелопонессом и отчего значение их объединения вроде бы упрочилось.

Но когда в 147г. римляне, всё более навязчивое союзное покровительство к-рых успело ахейцам осточертеть, потребовали исключения из союза Коринфа, Охромена, Аргоса и Гераклеи, ахейцы решили, что благоприятный час для войны с (окончательно покорившими Македонию) римлянами пробил, в чём жестоко просчитались. Л.Муммий Ахаик занял Истм и разбил их при Левкопетре — 146г., после чего карательно разрушил Коринф, между тем как римский сенат вовсе упразднил Ахейский союз (см. выше).

Далее, как сказано, в 27г. до н.э. декадентная Греция, к-рая перед тем, на протяжении IV в. до н.э., понапрасну надеялась на Митридата и затем, каждый раз ставя на проигрышную лошадку, ошибочно, в большинстве своём, поддерживала сначала Помпея против Цезаря, потом Брута и Кассия против цезарианцев, потом (кроме Спарты) Антония против Октавиана, была отделена Августом от Македонии и стала провинцией Ахайя. В составе греческой очаговой территории и островов, плюс — Фессалии (к-рая во IIв. н.э., при Антонине Пии, отойдёт к Македонии, в то время как Эпир будет превращён в отдельную провинцию), Аэтолии, Акарнании и Эпира. Этой сенатской провинцией, с центром в Коринфе, управлял наместник-проконсул преторского ранга, при помощи легата *propraetore* и квестора.

Осенью 67г. Нерон, кифаредски куражась (с 66г.) в любимой Греции, помпезно объявит её свободной-независимой (см. ниже), что фактически освободит её, как Италию, от налогообложения, будучи пересмотрено в пользу прежнего статуса его прагматичным восстановителем Веспасианом. Адепт «греческого возрождения», влюблённый в эллинизм Адриан, учредит-образует Панэллинский союз с центром в Афинах (город обучения молодого — до его призвания в большую политику в 355г. — языческого солнцепоклонника и пока церковного христианина лишь внешне — Юлиана Отступника). В IVв. Ахайю иногда будут относить к западной части идущей к окцидентально-ориентальному раздвоению-размежеванию Империи.

И так до 395г., когда, со смертью Феодосия Великого и с разделением Imperium Romanum между его сыновьями Аркадием и Гонорием на Восточную и Западную части, она окажется в составе Восточной Римской империи. Более того, в перспективе, вместе М.Азией, составит её, как Византия, новогреческую сердцевину, на к-рую, после последнего латинизатора-мумификатора Юстиниана (кто в VIв. в последний раз политико-территориально объединит остатки Римской империи канувшего и расплзающегося Древнего мира), сделает ренессансный упор первый выдающийся византиец-новогрек Средних веков – Флавий Гераклий (610 – 41г.).

Да и Клавдий, составитель на греческом языке (ещё до своего кесарства) «Истории этрусков» и «Истории Карфагена», знаток культуры-наследия Греции, был особо расположен к ней, особенно в год своего триумфального уподобления, как покоритель окраинной Британии, македонянину Александру, возглавившему поход греко-македонян на Восток и побывавшему в северо-западной Индии (мол, – восточный полюс окраинно-западной Британии).

То-то, если один раз Светоний в клавдианском «Жизнеописании» просто констатирует, что «провинции Ахайю и Македонию, к-рые Тиберий взял под своё управление, он вернул сенату» (25,3), то ниже говорится: «Предлагая вниманию отцов-сенаторов провинцию Ахайя, он говорил, что она дорога ему из-за их учёных связей» (42,1). И дальше: «А греческим послам в сенате он нередко отвечал целыми речами».⁵²

ОТЪЯТИЕ АВТОНОМИИ У РОДОСА

В 44г. Клавдий, согласно Диону (60,24,4), лишил родосцев пользующейся Родосом при Риме (точнее, – под Римом) свободы в наказание за казнь посаженных ими на кол нескольких римских граждан. Читатель в курсе, что римляне практиковали как сохранение или предоставление «свободы», т.е. автономии-самоуправления, различным городам-полисам (с прилегающей к ним местностью) или островам в составе Римской империи, так и её отъятие: последнее – либо за различные проступки, либо в ключе дальнейшей нерентабельности, либо из-за их, туземцев-автономов, неспособности (с позиции римлян) к самоуправлению.

Однако такое решение могло быть в последующем, в пользу снятия наказания и

⁵² Начиная с Августа, Этолия, Акарнания, Эпир и Фессалия относились к Ахайе. Но Птолемей (3,13,44-46) во Пв. н.э. числит Фессалию в составе провинциальной Македонии, а Эпир, Акарнанию и ближние острова, вероятно, со дней Антонина Пия (138-61гг.), – в составе отдельной, под управлением прокуратора, провинции. В Эгейском море Спорады, плюс – из Киклад – Астифалайя и Аморг, относились к Азии; прочие Киклады с Эвбеей – к Ахайе; Скирос, Пепарифос, Скиафос, Лемнос – к Македонии. В Димах римскую колонию конституировал Помпей, в восставленном Коринфе – Цезарь, в Патрах – Август – основатель в честь Акции победы Никополья, с установлением тут пентатерического Агона при святилище Аполлона.

И если первым с проповедью христианства, зёрна к-рого упали в Элладе на весьма благодатную почву, в Афинах выступит в 52г. обративший здесь Дионисий Ареопагита Ап. Павел, то впоследствии такие христианские учителя, как Климент Александрийский, Василий Кесарийский, Григорий Назианзин считали близкое знакомство с эллинской культурой необходимым условием нравственного совершенствования верующих. Во второй половине Iв. н.э. в Македонии и Ахайе возникли, а во Пв. умножились и выросли христианские общины (см. ниже).

Вместе с тем, Пв. н.э. был блестящим закатным временем («греческое возрождение») для языческих Афин, к к-рым особую щедрость проявил Адриан, и знаменитых афинских школ, к-рым М.Аврелий дал новую организацию (вслед за Адрианом щедро вознаграждая их преподавателей), и в к-рые молодёжь съезжалась учиться из различных мест Римской империи.

возобновления автономии (городов или островов), пересмотрено. Например, если Август отнял самоуправление за междоусобные распри у Тира и Сидона (впоследствии им возвращённое), то Тиберий лишил свободы за не прецизируемое Светонием оскорбительное насилие над римскими гражданами кизикийцев (Тиб. 37,3).

И вот в 44г. провинились, при ближе неизвестных, с казнью римских граждан, обстоятельствах родосцы, к-рые в перспективе будут прощены и вновь автономизированы: или (хронология под вопросом) ещё при Клавдии – благодаря ходатайству кронпринца Нерона – в 51-м, или без его ходатайства – в 53г., или – уже кесарем Нероном – в 55г. (см. ниже).⁵³ Причём позднее родосяне снова лишаться автономии и попадут под прямое римское управление при Веспасиане (69 – 79г.), к-рый отнял *свободу* у Ахайи, Ликийи, Родоса, Византия, Самоса, и снова получают автономию в 79/80гг. от Тита.

Родос не раз упоминался в нашем повествовании – в предыдущих книгах и выше. Но обратим на него читательское внимание снова, поскольку одно из значений его присходящего от имени нимфы Роды наименования – *остров Роз*. И ведь именно в 44г. на стук чудесно упасённого Ангелом Господним от казnelюбивого Ирода Агриппы Ап. Петра в двери-врата Сенакля (иерусалимско-сионский дом Марии – матери Иоанна Марка), где многие христиане собрались и молились, откликнулась служанка именем Рода (*Роза*) (Д.Ап.12,13).

И не она ли сообщила молящимся радостную-благую весть, что Пётр стоит у ворот! И не она ли, в ответ на их изумление-неверие, чётко распознав Петров голос, продолжала утверждать своё! И не она ли в итоге отворила ворота, через к-рые князь Апостолов проследовал в дом и взошёл в Пасхальную горницу! В том-то и дело, что она – (привратница) Рода-Роза! А где *Роза*, там, как известно, и *Крест!*

Итак, «жемчужина Средиземноморья» Родос – большой (эллипсоидный) остров, самый южный и крупнейший из (спорадических) Спорад (Додеканес = 12 – основных – замыкающих Эгейское море на юго-востоке островов, к-рых, в общей сложности, не меньше 17-и: по одной из легенд, живописные остатки ушедшей на дно некогда материковой Эгеиды), расположенный у южного берега М.Азии, супротив Кари и Ликийи.

Издревле славился благоприятным климатом, как о-в (под солярным покровительством) Гелиоса, где не бывает ни дня в году без (особо сиятельного) солнца и ясного неба, богатой растительностью (из хвойных – платан, дуб, темьян, каперсы, цикламены), щедрым плодородием и удобными бухтами. Последние делали его, наряду с транзитно-узловым географическим положением, важным центром мореходства и торговли – в плавательно-путевых направлениях (с европейско-эгейского Запада и из М.Азии) на сирийско-засирийско-азиатский Восток и Египет.

⁵³ Светоний сообщает о возвращении Клавдием «покаявшимся в былых провинностях» родосцам «свободы» (Кл. 25,3), ничего не сообщая о лишении им их этой свободы, а в «Жизнеописании Нерона» противоречиво сказано, что в год его совершеннолетия – 51г., т.е. его усыновления Клавдием, с облачением в тогу *virilis*, и первого неронового консульства – 55г., «он говорил речь за жителей Бононии по-латыни, а за родосцев и илионян по-гречески» (7,2), из чего и делаются выводы, что либо Клавдий возвратил свободу Родосу, по Неронову ходатайству, в 51г., либо – Нерон сделал это уже после смерти Клавдия (+ 54г.), будучи кесарем и консулом I – в 55г. Кроме того, у Тацита говорится, что «родосцам были возвращены их вольности» под 53г. (Ан. 12,58), т.е. при Клавдии, без уточнения о ходатайстве за них Нерона, к-рый, к слову, став кесарем, грозился, согласно Светонию (Нер. 34,1), в ответ на чересчур обременительную опеку со стороны матери, «отказаться от власти и удалиться на Родос». А согласно Диону (61,48), Нерон, из особого почтения к Родосу, не разграбил его произведения искусства, в отличие от Олимпии, Дельфы и Пергамона. При всех случаях, современник событий – поэт Антифил Византийский – льстиво вознёс *освободительное* благодеяние Нерона в отношении родосцев выше благодеяний Гелиоса! (Ant. Pal. 9,178).

В центре известняково-сланцевого о-ва (одноимённая галилейскому Фавору!) горная система Атабирион с тремя вершинами: Акрамит (823м), Атабирий (1215м), Пророка Илии (798м). Отличительность лесной фауны – особая разновидность оленя-платони, ветвистые рога к-рого могли олицетворять (как и у культивировавших оленей кельтов или армян, для к-рых король-олень, с его арийскими миндалинами глаз, в рамках оккультно-тотемической зоологии, животное священное) *Древо жизни* на челе Вселенной. Остров изобиловал перлитом, специфическим видом чистого мела, корабельным лесом, вином, сочными чёрными смоквами и чрезвычайно приятной на вкус рыбой.

Плотное заселение Родоса – как минимум с Микенской эпохи. Ок. 1400г. до н.э. занят ахейцами, к-рых ок. 1000г. вытеснили, после недолгого пребывания на о-ве финикийских колонистов, (предводительствуемые тремя потомками Геракла) дорийцы, поделившие его территорию между тремя (возникшими ещё до Троянской войны XIIв.) городами-полисами – Линдом, Иалисом и Камиром. Эти три города-полиса составили вместе с малоазийскими Галикарнасом, Книдом и о. Кос, при и попутно активной колонизации родосцами материка до отдалённого запада, дорийский Гексаполис (союз 6-и городов): культовый центр – храм Аполлона Триопийского. В правление тирана (Линда) Клеобула (610 – 585гг.), перспективно сопричисленного к 7-и мудрецам, Родос достиг значительного процветания.

Был оккупирован персами, новообретя свободу благодаря победам афинян (480/79гг.) в 478г., и вскоре города о-ва стали членами Афинского морского союза (симмахии). На самом о-ве возобладали могущественное семейство Эратидов, к к-рым принадлежал Диагор. В 411г. родосская знать подняла против них восстание и призвала на помощь пелопонесский флот. Сын Диагора Дорифей разбил повстанцев и восстановил статус-кво, вслед за чем, соединив на северо-востоке три полиса, основал в 408г. островную столицу под названием Родос, спланированную Гипподамом (Гипподамова система) по образцу Перея, что быстро превратило остров в торговый центр мирового значения.

Во время Союзнической войны 358/57/56гг. островитяне окончательно освободились от Афин, затем в 340г. опять подверглись персидской оккупации (попав в зависимость от Галикарнаса) и были в 334г. освобождены Александром Македонским, кто оставил здесь македонский гарнизон, изгнанный родосцами после его смерти (323г.). Тогда они начали отстаивать самостоятельность посредством строгого нейтралитета и непрерывной торговли, приобретая владения на малоазийском берегу и выступая как законодатели морского права, нашедшего всеобщее признание-применение и действенного в римско-императорскую эпоху аж до византийских времён.

В 305/04гг. город Родос успешно выдержал осаду со стороны Деметрия Полиокрета, в память о чём на входе в столичную гавань была воздвигнута в 304 – 292гг. гигантская бронзовая статуя бога-покровителя Гелиоса – высотой в 37м (изготовлена Харетом из Линда) – Колосс Родосский, считавшийся одним из 7-и чудес света и разрушенный землетрясением в 227/26гг. Родосцы союзничали с Римом против Филиппа Македонского (200 – 197гг.) и Антиоха III (190/89гг.), в награду за что получили, по Апамейскому миру 188г., (в дополнение к своему материковому владению – Перею) Карию и Ликию, к-рых лишили за непроримскую позицию в ходе последней Македонской войны римлян с Персеем (168/67гг.).

Со 164г. до н.э. о. Родос – верный союзник Рима. В 88г. родосцами была выдержана осада Митридата; в 42г. до н.э. их разорил и ограбил вывезший отсюда множество произведений искусства и разрушивший островную столицу Г.Кассий. Зимой 38/37гг. тут, напомним, сбежав из Палестины от Антигона Маккавея и парфян, останавливался, из-за кораблекрушения, на пути к Антонию в Афины, а

оттуда — с Антонием — в Тарент, сделавшийся в Таренте (назначением Октавиана и Антония) царём Иудейским — Антипатрид Ирод.

В 6г. до н.э. — 2г. н.э. на о. Родос обретался, сначала в анахоретской самоссылке и позже в (де-факто) ссылке, приобщаясь, в частности, к греко-культурному островному наследию и к местным мистериальным тайнам, в пору своей 7-летней родосской *робинзонады*, в т.ч., в обществе (примкнувшего к нему) астролога Фрасилла (Пятница при Робинзоне), вольно-невольный анахорет — будущий кесарь Тиберий.

Притом его грядущий декаданс на другом (созеркальном Родосу) острове — сирен и телебоев — Капри, где он провёл заключительные тронные годы жизни — 26/27 — 37г., — во многом, коренился в его посвятителном пребывании на рубеже эр, в пору Рождества Христова, именно на острове тельхинов (подземное местопребывание «демонов Востока») Родосе.

В эллинистическую эпоху Родос также славился как один из мировых центров науки, литературы, искусств, ремёсел: керамика, живопись (Паррасий; Протоген), скульптура, поэзия, философия, астрономия, физика, география. Скульптурная группа «Лаокоон», изображающая смертельную борьбу (троянского жреца Аполлона) Лаокоона и его сыновей со змеями⁵⁴, — за авторством Агесандра, Полидора и Афинодора; изваянная Аполлоном Тарлесским и Тавриском из Тралл — группа «Фарнезский бык»⁵⁵; Ника Самофракийская — изваяние (Пв. до н.э.) Пифокрита Линдийского для святилища кабиров на о-ве Самофракия. Представители отличавшейся напыщенностью слова родосской школы красноречия — Аристип Киренский, Эвдем Родосский, Эсхин, Бриаксид Афинский, Лисипп из Сикиона, Аполлон Родосский, Аполлон Молосский, Панетий и Посидоний из Апамеи, Дионисий Фракийский, Гиппарх...

На Родосе бывали, учились, приобщались к мудрости известные римляне: Тиберий Гракх, Помпей, Цицерон, Цезарь, Лукреций, Тиберий. На Родосе Октавиан новоутвердил (после победы над Антонием и Клеопатрой в морском сражении у мыса Акции — 2.09.31г.) весной 30г. до н.э., по пути на клеопатридско-антонианскую Александрию, отпавшего от Антония Ирода царём Иудейским. Через Родос проследует, направляясь весной 58г. в Иерусалим, где его ждали арест и двухлетние, перед отконвоированием в Рим на суд кесаря, узы, Ап. Павел.

* * *

Согласно одному из мифов, первыми обитателями острова Тельхинов (Родоса) = Тельхинида были тельхины (тюлени) — сыновья Талассы (моря) — необычайно

⁵⁴ Была выполнена в бронзе ок.200г. до н.э. названными родосскими ваятелями в Пергаме. Оригинал, к-рый Тит выставил в своём дворце, едва придя к власти, т.е. летом 79г., так как Плиний Ст., погибший спустя два месяца после июньской интронизации Тита, 24.08., при извержении Везувия, успел восхититься этой скульптурой, виденной им именно в Титовом дворце (36,37), увы, не сохранился. А копия первой половины Iв. до н.э. сегодня находится в ватиканском музее Пия-Климента. Она была раскопочно обнаружена в 1506г. в виноградниках Эсквилина, на месте «Золотого дома» Нерона, после чего, по поручению папы Юлия II (1503-13гг.), её идентифицировали как «Лаокоона, к-рого упоминает Плиний», архитектор Дж.Сангалло и Микеланджело, определивший, что скульптура сделана из двух кусков мрамора, хотя у Плиния — из единой глыбы.

⁵⁵ Изображает казнь привязанной к рогам разъярённого быка братьями Амфионом и Зефом (за жестокое обращение с их матерью Антиопой) Дирцей (жены царя Фив Лика, золовки Антиопы). Оригинал был обнаружен в 1546г. в термах Каракаллы и отреставрирован под руководством-наблюдением Микеланджело. Дополненная же копия, находившаяся на Родосе и впоследствии перевезённая Рим, долгое время хранилась на вилле Фарнезе, откуда и получила своё название.

искусные в ремёслах, связанных с огнём и металлами, плюс — в магии — в колдовстве-чародействе. Именно им Рея передала на воспитание новорождённого Посейдона, подменив его жеребёнком и введя в заблуждение прожорливого Кроноса-Сатурна. Или загадочные тельхины — жречество о-ва Родос — инаугураторы культа Аполлона Тельхинского и Геры, убитые Аполлоном как существа, враждебные богам! Или они — оборотни, превращавшиеся в собачьеголовые и в ластоногих полуживотных-полулюдей! Или они — колдуны-чародеи, к-рые губили животных и растения, поливая их смешанной с серой водой из Стикса. Седая (не допотопная ли?) древность — в покровах из влажных потёмков, в разноречиях, в атлантических туманах. Тельхины — как злые кобольды и мастера сглаза! И тельхины — как искусные кузнецы, выковавшие серп для оскотления Урана! (Страбон 4,2,7) (Д.И. 1060).

Посейдон влюбился в сестру тельхинов Гал(л)ию, к-рая родила от него шестерых сыновей и дочь — Родос. Однажды её братья отказали Афродите в гостеприимстве, воспрепятствовав посещению ею благодатного острова, в наказание за что она наслала на них безумие. Безумные, они изнасиловали родную мать и натворили много кровавых бед. Разгневанный Зевс наслал потоп на покинутый тельхинами остров, где, на незатопленной потопом самой высокой островной горе, осталась-уцелела лишь их сестра, к-рую полюбивший её Гелиос согрел своими лучами, отчего потопная вода испарилась. По др. варианту мифа, драма между братьями и матерью совершилась уже после потопы, тогда как Посейдон заточил безумцев, ставших хранителями чёрных тайн и злыми духами Родоса (восточные демоны), в подземелье (Р.л. 1027/28).

Или — любимая дочь Посейдона от нимфы Галии, Рода, спаслась от всемирного потопы на вершине родосской горы Атабирий, в храме Зевса Атабирийского, и осталась единственной наследницей-обитательницей давешнего острова тельхинов. В неё влюбился Гелиос, к-рый стал владельцем-покровителем этого переориентированного с Луны на Солнце и сделавшегося его земной резиденцией-обителью солнечного острова, в месте *поцелуя* Эгейского и Средиземного морей, под вечно ясным синим-синим Небом. У Гелиоса и Роды родились шестеро сыновей — Гелиады, и дочь — Электрия. Они правили послепотопным островом, были премудрыми астрономами и астрологами. При этом один из братьев основал город Гелиополь в долине Нила и передал египтянам космогоническую мудрость, как того пожелал Гелиос.

Ещё одна версия: любимая дочь Посейдона и нимфы Галии (или Амфитриты; или Афродиты) нимфа Рода стала возлюбленной Гелиоса. Когда боги делили между собой Землю, бог Солнца, совершая свою ежедневную колеснично-круговую поездку-объезд, отсутствовал. Зевс же, не желая видеть его обделённым, решил произвести делёж заново. Но именно в это время Гелиос увидел, как из воды поднимается большой прекрасный остров и попросил его для себя, решив вступить на нём в брак с нимфой Родой.⁵⁶ От их брака родились 7 сыновей, названных Гелиадами, и дочь Электриона. У Гелиосова первенца Киркафа было 3 сына — Линд, Камир и Иалис. Братья разделили между собой отцовские владения и каждый из них основал город, к-рому дал своё имя.

⁵⁶ Прощенье испросив у Гелиоса,
Темнеет потревоженный пролив,
И водной глади зыбкий перелив,
Прощенье испросив у Гелиоса,
Находит фиолетовый отлив,
Когда в вечернем сумраке Родоса,
Прощенье испросив у Гелиоса,
Темнеет потревоженный пролив. (К.З.)

6 или 7 сыновей и одна дочь. Вспомним 12 сыновей Иакова (персонифицированная совокупность богоизбранного Израиля) и их единственную сестру – Дину. Или – 12 Христовых Апостолов (персонифицированная совокупность всего искупленного-спасённого Христом человечества – без, согласно 13-у Ап. Павлу, эллина, иудея, римлянина, грека, раба, свободного), плюс – особотауированные Христом (Астральная мистерия Христа на Масличной горе в святочное Рождество 44г. н.э.) Лазарь-Иоанн и его сестра-близнец-спутница Мария Магдалина.

Вдумайтесь и согласитесь: всё-таки, не случайно Клавдий лишил Родос (розовый остров королевы цветов)⁵⁷ автономии-самостоятельности-самоуправления именно в 44г. – в год, когда неспроста одноименная прекрасной нимфе Роде (Родос) привратница Рода (роза) отворила чудесно избавленному от спавших с него вериг и чудесно выведенному-вызволенному Ангелом Господним из темницы Ап. Петру двери в Сенкаль – в Пасхальную горницу – место – с 33г. – мистериальных собраний 12-и и 120-и (христиан иерусалимско-христианской общины).

Причём на тот момент, т.е. в послепасхальном апреле 44г. н.э., в Сенакле не было покинувших Иерусалим, в преддверии начала годом позже их ойкуменическо-миссионерской миссии, 12-и, но были их ученики и ученицы, др. многие, к-рые собрались и молились. И выйдя оттуда, Пётр (сходно 12-и) покинул вместе с пасхальными-опресночными паломниками пределы уходящего в прошлое старого Иерусалима на христосолярном пути христианства в Иерусалим Новый – в (полярный граду земному – Вавилону) Иерусалим Небесный, к-рый манифестирует и метаисторическо-мистериальную дорогу куда укажет в Книге Книг Священного Писания, в Откровении-Апокалипсисе, Иоанн Богослов!⁵⁸

⁵⁷ Уже во Пв. н.э. на Родосе, где иудейская община существовала минимум со Пв. до н.э. (1Макк.15,23), зафиксирована община христианская. Родосский епископ Ефросин присутствовал в 325г. на Никейском соборе. В конце IVв. епископы Родоса сделались митрополитами, к-рым подчинялись общины Самоса, Хиоса, Коса, Теры, Пароса, Лероса, Андроса, Теноса, Мелоса, Тессины. В 476г. (падение Западной Римской империи) в Константинополе была разрушена статуя Афины Линдийской. 620г. – разорение Родоса персами Хосрова Парвиза. 653г. – разорение будущим основателем династии Омейядов (661г.) Муавией, к-рый собрал и продал руины-обломки Колосса Родосского, причём покупатель - некий еврей из Эдессы, погрузил их на 900 верблюдов. С 672г. – остров под сарацинами, позднее отбит византийцами и снова захвачен в 717г. арабами, флот к-рых был уничтожен в 718г. «греческим огнём». В 807г. Гарун аль-Рашид высадился на Родосе, но не смог взять столицу и удовлетворился опустошением острова.

В 869г. родосский епископ Михаил – на соборе в Риме, осудившем (непримиримого противника умершего в 867г. римского папы Николая – адепта превращения на последнем VIII Вселенском соборе трихотомии в дихотомию) константинопольского патриарха Фотия, а в 879г. родосский епископ Леонтий присутствовал на соборе в Константинополе, восстановившем Фотия в патриаршем сане-достоинстве. В 1097-99гг. родосский флот поддержал в ходе Первого Крестового похода 1096-99гг. (взявших Иерусалим в 1099г.) крестоносцев. С 1306-09гг. (в пору разгрома тамплиеров – с 1307г.) Родос – под иоаннитами-госпитальерами: резиденция (19-и) великих магистров (Кастелло).

1522г. – после героической обороны остров передан турецкому султану Сулейману Великолепному (1520-66г.), к-рый с почестями перевёз в январе 1523г. иоаннитских рыцарей на Мальту, сохранив стены и башни их существующего и сегодня красавца-замка с гербом грессмейстера в неприкосновенности. В 1912г. Родос, по итогам Итало-турецкой войны, достался, в составе архипелага Додеканес, Италии. В 1943г., с выходом итальянцев из войны на стороне Германии, подвергся германской оккупации. В 1948г. был передан англичанами грекам и воссоединён с Грецией.

⁵⁸ Рода (Родос) и Пётр – 44г.; Савл/Павел и Кипр – 45/46гг.; Лазарь-Иоанн и Кипр – 47г.; Павел на пути в Иерусалим через транзитный Родос – 58г.; прибытие Лазаря-Иоанна с Кипра (?) в Эфес в год римского мученичества Петра и Павла – 67г.; Иоанн Богослов и Патмос – 96г.: усение Иоанна Богослова – 100г.: 44/45/46/47-58-67-96-100гг.

АЛЬПИЙСКОЕ ВОЦАРЕНИЕ М.ЮЛИЯ КОТТЫ // ИЗГНАНИЕ ИЗ СЕНАТА УМБОНΙΑ СИЛОНА // НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ СОБЫТИЯ ГОДА

Перед сообщением о наказательном лишении родосцев в 44г. самостоятельности Дион уведомляет о поощрительном увеличении Клавдием владений М.Юлия Котты, унаследованных им от отца и находящихся в Альпах, плюс о присвоении Котте царского титула (60,24,4).

Предком этого Юлия Котты был Донн – царь лигурийцев в той части Альп, к-рая позднее, по имени его сына Юлия Коттия, называлась *Alpes Cottiae* (Страбон 4,204). Донна оснастил-наградил римским гражданством ещё Цезарь или уже Август, о чём свидетельствует эпитафическая надпись (CIL 5,7231), где фигурирует *C.Iulius Donnus*, на триумфальной арке в Сузигене, дедичированной его прокладывавшим дороги в Альпах сыном уже после смерти отца – в 9/8гг. до н.э.

Сузигена = Суза = совр. Сегузио – врата в Италию – город, расположенный в Лигурии, у подножия Коттиевых (или Коттийских) Альп – западной, от Эбуро(ду)на до Сегузио (или от М. Визо до М. Сениса), части Альпийских гор, отделяющих сегодня Италию от Франции, а в древности – от южной Галлии, на подходах-подступах в направлении Массилии. К данной горной цепи принадлежит высочайшая гора – Матрона или Янус.

Невзирая на наличие и известность альпийских троп ещё с эпохи Бронзового века и на интенсивный товарообмен через них, собственно Альпы (от кельтского *Alb* – *Высокий/Высокие*), через к-рые, кстати, первым, по легенде, перешёл-перевалил Геракл, и через к-рые в Италию вторгались в IVв. до н.э. кельтско-галльские полчища, помимо хозяйственных нужд (добыча древесины, золота, железа), научно и стратегически заинтересовали-заинтриговали античный мир только после воинского перехода через них (Карнийские Альпы) во Вторую Пуническую войну Ганнибала (сообразно Полибию – через М. Бернар; сообразно Ливию – через М. Сенис).

Тем не менее, до I/IIвв. дороги, связывавшие Юг и Север, шли в обход Альп с Запада (Массилия; Ронеталь) или с Востока (через Паннонию). Со времени войн Цезаря, проложившего путь через Венетские = Юлиевы Альпы, альпийские перевалы стали играть большую дорожную роль. Однако основательное освоение Альп, к-рые тянулись выпуклой дугой от Лигурийского до Адриатического морей через Лигурию, Галлию Транспадана, Венету, и прокладка дорог через них начались уже после многолетнего покорения при Августе альпийских племён (салазы – в 25 – 14гг.), в ознаменование чего сенат и народ Рима посвятили в 7/6гг. до н.э. Цезарю Августу сохранившийся по сей день 30-метровый обелиск (возле Монако). Обелиск, воздвигающийся о приведении, под августейшими auspiciis, в повиновение Риму всех – итого 46 племён – альпийцев на территории от Адриатического до Тирренского морей (Плиний 3,136) (Р.л. 605).⁵⁹

⁵⁹ В широком понимании, совокупные Альпы – высочайший горный хребет Европы, образуют большую дугу вокруг Италии от Лигурийского залива к северу, и своими восточными отрогами соприкасаются с горами Балканского п-ва. 1) Приморские (или Лигурийские) А. – начинаются у моря и тянутся от истоков Вара на горе Цема до горы Везула (М. Визо); 2) Коттиевы А. – от Эбурдона до Сегузио, от М.Визо до М.Сениса; 3) Грайские А. – от М. Сениса до Августы Претории (Аоста), в составе Кремонийского горного хребта и Центральных Альп (группа Малого Сен-Бернара); 4) Пеннинские А. (вместе с Леонтийскими), к-рые тянутся до Сен-Готарского узла, и где, на высочайшей вершине Большой Сен-Бернар, находился храм Юпитера Пеннинского; 5) Ретийские А. (с Сен-Готаром включительно), откуда берут начало мн. реки, в т.ч., Рейн, и к-рые доходят до современного Ортлеса; 6) Триденские (Тирольские) А., с истоками р. Этч; 7) Норические А. – в Норике; 8) Карнийские А. – с

Коттию, сыну Донна, подчинялись 14 альпийских племён, во главе к-рых он сначала противился, потом подчинился римлянам и прославил Августа (локальной) триумфальной аркой 9/8гг. в Сузе (Страбон 4,6,6), причём 6 из называемых им племён названы также на (глобальном) обелиске 7/6гг. – *Troaeum Alpium* (CIL 5,7817) (Плиний 3,135-38). Впрочем, если Коттиев отец был ещё лигурийским венценосцем, то он сам, владения к-рого называются (всё ещё) царством (*regnum*) у Витрувия (8,3,17) – 25 – 23гг., и к-рого кличет царём (*rex*) Аммиан Марцеллин (15,10,2), вероятно, в последнем десятилетии старой эры, сложил с себя царский титул (лишился оного) и стал римским «чиновником» всаднического ранга – *praefectus civitatum* – управителем своих вчерашних владений.

Хотя, например, у Светония (Тиб. 37,3) эти владения, в рассказе об инциденте в период правления Тиберия (14 – 37гг.), анахронистически именуется «Коттиевым царством» во время, приложительно к к-рому правильнее-точнее было бы сказать – «бывшее Коттиевое царство», поскольку при Тиберии упразднённого-провинциализированного Августом собственно Коттиева царства, к-рое великодушно восстановил Клавдий, в качестве вассально-монархического римского сателлита («друга-союзника»), строго говоря, не существовало.⁶⁰

А вот одноимённый сын или внук М.Юлия Коттия (кто умер, видимо, при Августе), первоначально получивший в управление альпийско-лигурийскую вотчину предков в амплуа-ранге римско-всаднического префекта, стяжал, как сказано, милостью Клавдия, в 44г. как царскую корону, так и терриориальные приращения к своим владениям. Он умрёт при Нероне, а царство его будет аннексировано в 60-е гг. Ив. н.э. (см. ниже), при том что постоянные римские провинции кесарско-императорской эпохи на севере западных Альп – (ведущие из Италии в Нарбоннскую Галлию) Альпы *Cottiae*, Альпы *Maritimae* (прибрежные) и Альпы *Roenniae*⁶¹ – известны со времени Нерона (54 – 68гг.) до времени Диоклетиана (284 – 305гг.).

истоками р. Сава; 9) Юлиевы (Венетские) А.; 10) Паннонские А., связанные с Карпатами; 11) Далматинские А., с горами Окра и Альб.

⁶⁰ Светоний повествует об инциденте в лигурийском городе Полленция (близ Коттийских Альп): там чернь долго не выпускала с площади процессию с прахом старшего центуриона, нагло требуя у его наследников большие деньги на гладиаторские зрелища, проинформированный о чём Тиберий велел тайно подвести к Полленции одну когорту из Рима, другую – «из Коттиева царства»; обе когорты, с обнажёнными мечами, под звуки труб, внезапно вступили в город и бросили немалую часть поднявшей бузу и продолжавшей бузить черни вместе с местными декурионами «в вечное заточение». Можно, конечно, теоретически предположить, что Тиберий восстановил Коттиевое царство, вновь упразднённое при Калигуле и вновь восстановленное при Клавдии, но, во-первых, это будет слишком тяжеловесная конструкция; во-вторых, сам упразднивший-провинциализировавший ряд вассалитетов (Каппадокия; Коммагена; Таркондимотова Киликия) Тиберий обычно такого рода решения Августа не пересматривал; в-третьих, имея нечто подобное место, Дион или кто-либо из античных авторов, в особенности Дион, применительно к 44г., скорее всего, об этом упомянул бы. Посему правильно принять ошибку-анахронизм Светония.

⁶¹ На высоте, на снеговой вершине
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни, быть может, и доньне
Снега хранят мой одинокий след.

На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.

И весело мне думать, что поэт
Меня поймёт. Пусть никогда в долине
Его толпы не радуется привет!

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полдневный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.

(М.Волошин)

Далее, после уведомления – под событиями 44г. – о Коттии в Коттийских Альпах и о потере автономии родосцами, у Диона (60,24,5/6) говорится о поставлении перед судом и исключении, инициативой Клавдия, из сената наместника-проконсула (образцово благополучной) сенатской Баэтики (Hispania Ulterior) Умбония Силона. Следуя Диону, – официально за то, что он поставил из Испании недостаточное зерно (провианта) для нужд римского воинства в аннексированной-провинциализированной в 40г. и покорённой-одоленной в 40/41/42гг. Мавритании, между тем как, дескать, в реальности Силон имел неосторожность оскорбить нескольких (надо понимать, близких к Клавдию или к его влиятельным либертам) вольноотпущенников, из-за чего и подвергся наказанию под «мавританским» предлогом.

Ну, во-первых, последний, т.е. «мавританский» предлог, так или иначе, в той или иной мере, должен был иметь место, а во-вторых, RE и ряд историков, по нашему мнению, напрасно-ошибочно полагают, что недопоставка зерна в Мавританию непременно связана с боевыми операциями римлян в Мавритании в 41/42гг.: кампании-походы Светония Паулина и, главное, столкнувшегося с острой проблемой отсутствия воды (но не продовольствия) в пустыне Госидия Геты (см. выше).

Куда скорее, Силон недопоставил или поставил в недостаточном количестве зерно римско-мавританскому воинству из благодатной-плодородной (жемчужина Андалузии) и наилучше (среди римских провинций) возделанной Баэтики (родина Сенеки, Лукана, Марциала), заведую ею в 42/43, или в 43/44гг. = в голодные или продовольственно-кризисные поры 42/43/44гг., и представ перед судом в 44г. Иначе говоря, – либо на следующий год по окончании наместничества 42/43гг., либо, будучи отозван из Испании, где он наместничал с 43г., в 44г.

В любом случае, эту недопоставку, возложенную на изгнанного из сената в 44г. легата, неверно связывать-соотносить с военными кампаниями 41/42гг. Касаясь же оскорблённых Силоном вольноотпущенников, вследствие отсутствия у Диона их имён и какой-либо дополнительной информации о них, замнём несущественное расследование по ним, как говорится, для ясности.

К тому же, ниже о, похоже, не очень опечаленном изгнанием из сената Силоне Дион сообщает: «В связи с этим он вынес всё своё домашнее убранство, к-рое было многочисленным и весьма роскошным, на место распродаж, как если бы собирался назначить цену за всё это, но продал только своё сенаторское облачение, показав таким образом, что понёс не самый большой ущерб и может наслаждаться жизнью как частное лицо» (60,24,6).

О прочих различных Клавдиевых решениях-мероприятиях-предприятиях 44г. у Диона (перечислительной скороговоркой) читаем, что финансовое управление гос. казной (Aerarium Saturni при храме Сатурна, в отличие от императорской казны – Fiscus Caesaris) он отобрал у преторов и поручил, как это практиковалось в прошлом, двум квесторам, к-рым, одновременно, теперь предстояло отправлять данные обязанности не так, как прежде, сродни преторам, в течение одного года, но на протяжении трёх полных лет. И некоторые из этих квесторов, сразу по прошествии трёх лет, в дальнейшем получали претуру, в то время как другие – жалование, соответственно оценке их деятельности.

Кроме того, с квесторов отныне снимался ряд обязанностей, выполнявшихся ими за пределами Рима и Италии, а к преторам вместо их прежних забот перешли некоторые судебно-правовые дела, к-рыми раньше занимались консулы. Военным, к-рые не могли официально вступить в брак, были предоставлены привилегии женатых. Помимо всего перечисленного, в 44г. еженедельный рыночный день не раз переносился на разные дни недели из-за религиозных празднеств, что делалось и во многих иных случаях (60,24,2/3; 7).

В дополнение к этой не во всём внятной скороговорке Диона в отношении клавдианских решений о квесторах и преторах, у Тацита и Светония имеется следующая информация. Рассказывая под 56г. о, в частности, злоупотреблениях при взыскании квесторами казначейства долгов с гос. должников и о расправно-бесцеремонном использовании против бедняков права продажи (их) имущества с торгов, Тацит продолжает:

«...После этого принцепс (Нерон) освободил квесторов казначейства от ведения списка гос. должников и взыскания с них задолженности и возложил эти обязанности на префектов.

Это дело в разное время велось по-разному и претерпевало частые изменения. Так, выбор префектов Август предоставил сенату; затем, во избежание злоупотреблений при голосовании, их стали избирать жребием из числа преторов; но и этот порядок продержался недолго, так как жребий часто впадал в заблуждение и благоволил к людям малопригодным. Тогда Клавдий снова возложил это дело на квесторов казначейства и, дабы они из опасения вызвать чьё-либо неудовольствие не относились нерадиво к своим обязанностям, пообещал им внеочередное выдвижение на почётные должности; но для получения их они были чрезмерно молоды, ибо это была их первая магистратура. И Нерон назначил для отправления тех же обязанностей бывших преторов испытанной опытности» (Ан. 13,28/29).⁶²

А у Светония в «Жизнеописании Клавдия» читаем: «Коллегии квесторов вместо заботы о мощении дорог он поручил устройство гладиаторских игр; и, освободив квесторов от обязанностей в Галлии и в Остии, он вернул им заведование казной при храме Сатурна, принадлежавшее до того преторам или, как и теперь, бывшим преторам» (24,2).

Место квестора *Ostiensis* занял в 44г. один из доверенных кесарских вольноотпущенников, с титулом *procurator portus Ostiensis*, в русле строительства нового порта в (продовольственно и т.д. насыщенной) Остии (морские ворота Рима, через к-рые в Город доставлялось зерно). Кесарский префект *annonae* полностью вытеснил сенаторских префектов (*frumenti dandi*) для раздачи хлеба. Надзор за дорогами, улицами и акведуками был целиком передан императорским кураторам и прокураторам. Функции морских квесторов (*classici*) получили императорские префекты флота в Равенне и Мизене.

Вдобавок к тому, в 44г. началась, сообразно датированной эпитафии (СІЛ 6,1254), реставрация водопровода *aqua Virgo* (*вода Девы*) – шестого римского акведука (из итога 11-и античных акведуков Вечного города), сооружённого М.Випсанием Агриппой (о к-ром Август сказал, что «мой тесть Агриппа достаточно настроил водопроводов, чтобы никто в Риме не страдал от жажды») для снабжения водой (в т.ч.) агриппианских термов на Марсовом поле. По преданию, некая дева указала Агриппе источник чистой воды в 13-и км от Города.

Сегодня этот – *Aqua Vergine* – акведук (длина – 21км), дважды приходивший в полную негодность и дважды восстановленный, в первый раз – в VIII-м, во второй – в XVIвв., – снабжает водой римские фонтаны Треви, Баркачча и фонтан Четырёх рек. Принятое ещё при изобильно обеспечившем Рим водой Августе постановление 11г. до н.э. гласило, что фонтаны Рима должны функционировать-водоизливаться, звуча-журча непрерывно, днём и ночью!

⁶² О квестуре и претуре см. «Д.И.» 70-72. Квестура – нижняя-начальная ступень *cursus honorum*. При Сулле квесторский возрастной ценз – 30 лет, с Августа – 25 (для привилегированных льготников – 20). Стало быть, в 44-46гг. квестуру могли (с 20-го года жизни) облекать (на 5 лет раньше положенного срока) родившиеся ок.25/26/27гг. н.э. Клавдиевы зятья – Л.Ю.Силан и Помпей Магн.

Предположительно, в 44г. было принято сенатское постановление запрещавшее (вошедший с недавнего времени в, так сказать, корыстную моду) умышленный снос домов и вилл в Риме и Италии с целью наживы за счёт выгодного строительства на их месте новых сооружений, или посредством продажи дорогостоящих земельных участков.

АГРИППИНА MINOR БРАЧУЕТСЯ С ПАССИЕНОМ КРИСПОМ

По всей вероятности, именно в 44г. н.э. последняя из живых (выживших) к тому времени дочерей (и вообще всех детей) Германика Юлия Агриппина (Мл.) вышла или была выдана её (весь год нежившимся в лучах своей триумфальной славы) дядюшкой Клавдием замуж за (успешного побывать консулом-суф. в 27г.) консулард. 44г. (к-рый в мае сдал консульскую вахту суффекту П.Помпонию Секунду), Г.Саллюстия Криспа Пассиена (см. выше).

Итак, он приходился внуком знаменитому декламатору Пассиену, кончину к-рого Иероним («Хроника») относит на 9г. до н.э., и к-рго Сенека Ст., сохранивший некоторые из его речей, называет самым значительным ретором своего времени (Contr. 2,5,17; 7,1,20): «vir eloquentissimus et temporis sui primus orator». А у Сенеки Мл. в слове, адресованном дружному ему внуку этого ритора-оратора-декламатора, о последнем сказано: «maxima tacundo vel avo vel gloria patri». И даже злоязыкий-ядовитый (ссылный с 12г. н.э., сначала – на курортном Крите, потом – на голоскальном Серифе) Кассий Север (+ 32г.) отдаёт Пассиену должное, величая его *pater poster* (3 рг. 10), ставя рядом с прославленными златоустами Поллионом и Месалой, но, всё-таки, оговаривая присущее ему многословие, из-за чего-де его ученики охотнее внимали его прологам и эпилогам, нежели речам в целом. Также Август почитал Пассиена и держал в (*златовековой*) чести.

Сын декламатора Л.Пассиен Руф консульствовал в ординарной паре с Г.Кальвизием Сабинном в 4г. до н.э., затем проконсульствовал в Африке ок. 3/4гг. н.э., где стяжал *ornamenta triumphalia* (Веллей 2,116,3), позднее пережил *золотой век* Августа и умер при Тиберии аж в 38г., если, конечно, ошибочно приводимый Иеронимом 38-й г. н.э. в качестве даты смерти его интересующего нас сейчас сына, как видим, на 44г. живого-здорового, относится именно к Пассиену-отцу, дожившему, в сём случае, до лет запатриарше-преклонных. Или, скорее, иеронимовская смертная дата относится к, по всей видимости, старшему из двух сыновей консула 4г. до н.э., – к одноимённому отцу Л.Пассиену Руфу, о к-ром только известно, что он был-побывал (незнамо, когда именно) войсковым трибуном XII легиона в Африке (CIL 8,26580).

Между тем, его, по всему, мл. брат – Г.Саллюстий Крисп Пассиен – был, как сказано, усыновлён Г.Саллюстием Криспом (+ 20г. н.э.), усыновленцем (и внучатым племянником) историка Саллюстия (86 – 34гг. до н.э.), кого (адепта субстратных идей просвещённого абсолютизма-цезаропапизма) последний великий римско-латинский историк-анналист Тацит считает самым блистательным историком Рима. И вот от этого Саллюстия его пасынок – сменивший Мецената (+ 8г. до н.э.) наперник-советчик сперва Августа, потом – Тиберия и Ливии (закадровый убийца в 14г. н.э. ссыльного Агриппы Постума), унаследовал очень и очень солидное состояние, доставшееся, таким образом, по адоптивной премственности от историка-небессребренника, пасынку его пасынка.

При Тиберии Пассиен Крисп – родной внук декламатора и адоптивный историка, выступал в центумвиральных процессах и удостоился статуи в Юлиевой базилике. Известна была его адвокатская речь на судебном процессе за некоего Волусена Катула (Квинтилиан 6,1,150). Он входил в жреческие коллегии *sodales Augustales*,

sodales Titii и септемвиров Epulonum. Кормил светские верхи Рима (почти так, как К.Радек московско-большевистский бомонд), едкими-меткими остротами, анекдотами и крылатыми выражениями (Сенека «Benef.» 1,5,15; Плиний Мл. «Ер.» 7,6,11), умел-сумел льстиво поладить (почти, как А.Микоян, проживший «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича»), со всеми кесарями-современниками, включая Тиберия, Калигулу, Клавдия.

Светоний: «Пассиен Крисп из муниципия Визеллия так начал свою первую речь в сенате: «Отцы сенаторы и ты, Цезарь!» — отчего его лицемерная речь очень понравилась Тиберию» (...) Его состояние доходило до двух миллионов сестерциев. Он приобрёл благосклонность всех правителей, особенно же Гая Цезаря, за к-рым он следовал пешком во время поездок» (П.К.). Верные Калигуле палладины следовали-бежали за его колесницей, (столь ориентально для Рима) демонстрируя свою преданность повелителю, одни — добровольно, другие — по принуждению (Кал. 26). Не пробежал ли (рысцей-трусцей) командовавший рейнскими легионами Гальба, проведя учения вверенных ему войск перед Калигулой (40г.) и удостоенный от него похвалы, согласно Светонию, «за колесницей императора целых 20 миль» (Г. 6,3)! (см. выше).

Или, когда однажды (38г.) Калигула спросил Пассиена наедине, о чём читатель тоже знает, сожительствует ли и он со своей сестрой, как сам Гай живёт с Друзиллой, находчивый «Пассиен ответил: «Ещё нет», — по Светонию, — весьма пристойно и осторожно, чтобы не оскорбить императора отрицанием и не опозорить себя лживым подтверждением». Впрочем, дружба с Гаем не помешала ему (белому и пушистому) при Клавдии, наверняка к вящему удовольствию императора, запустить в обиход известное читателю едкое словцо о том, что, мол, в лице Гая «никогда не бывало ни лучшего раба (при Тиберии), ни худшего господина (на троне)» (Тацит Ан. 6,20).

В 42/43гг. находившийся в нобилитетской фаворе у Клавдия Пассиен проконсульствовал в престижной Азии, эфесская эпитафия (RE 18,4, Passienus № 2, S. 2097) откуда знает его в ранге проконсула-наместника как консула II designatus, т.е. — перед обличением им второго консульства, на сей раз, ординарного, сообразно чему, его проконсульско-наместническая хронология — однозначно 42/43гг. — подается точной хронореконструкции-хронопрецизации.

Посему он вряд ли оженил Агриппину до 44г., к-рая, напомним, овдовела в 40г., обретаясь в калигулианской ссылке, из к-рой возвратилась в 41г, после чего обихаживала женатого на Эмилии Лепиде (дочь М.Эмилия Лепида — консула 11г. н.э.) Гальбу (за что теща Гальбы обругала её в собрании матрон и даже ударила), кто, в свою очередь, возвратился в Рим с Рейна, одержав там победу, ок. 42г. и отправился с Клавдием в Британию в 43г. Следовательно, пассиеновско-агриппианский брак оптимально просится во время не раньше (и не позднее) 44-го г. н.э. Причём этот острослов-богачей и завидный жених не первой молодости был женат на родственной Агриппине Домиции Старшей (одна из сестёр отца Нерона Гн.Домиция Агенобарба, ст. сестра знакомой нам матери Мессалины — Домиции Мл.), с к-рой он развёлся, либо до 44г., либо, поддавшись чарам Агриппины, именно в 44г., чтобы жениться вторично.

С одной стороны, Агриппину прельщало его богатство, с др. — она таким макаром усыпляла бдительность зорко следившей за ней и за её 7-летним в 44г. сыном (Нерон) Мессалины, к-рая уже элиминировала её мл. сестру (Юлию Ливиллу) по подозрению в чрезмерной близости к женолюбивому дядюшке Клавдию. И теперь Агриппина как бы всем своим видом показывала, что занята новой семейственностью, не имея никаких видов (ни для себя, ни для сына) на кесаря Клавдия. Клавдий же, как её дядько-опекун (к-рый, по тогдашнему римскому закону, не мог

жениться на родной племяннице)⁶³ и император, дал, со своей стороны, добро на этот брак, в отличие, кстати, от Тиберия, кто не позволил снова выйти замуж вдовствовавшей после Германика матери Агриппины Младшей – Агриппине Старшей (обратившейся в 26г. к Тиберию с просьбой дать ей второго мужа).

Однако Мессалина всё равно держала с Агриппиной и Нероном ухо востро. По неподтверждённым слухам, она даже попыбует подослать к Нерону убийц в дом Пассиена, но убийственный умысел-замысел сорвётся, тогда как Агриппина, полюбобно сойдясь в 47г. с влиятельным Паллантом, отравит Пассиена, сделавшись единственной наследницей всех его богатств по предусмотрительно (с её стороны) составленному им (в неведении), с её подачи, перед смертью, в её пользу, завещанию. Об отравлении говорит «Ком. К Ювеналу» (4,81), в то время как Светоний, не уточняя, пишет: «Он (Пассиен) умер в результате интриг Агриппины, к-рую оставил наследницей, и был удостоен общественных похорон» (П.К.). А в следующем 48г. вновь *весёлая вдова* Агриппина сочтёт, что её час пробил после падения (усилиями Нарцисса) Мессалины, казнь к-рой откроет Нероновой матери дорогу к трону.

Впрочем, не станем забегать вперёд. Скажем лишь ещё раз, что не в пример сугубо *вавилонской блуднице* Мессалине, у к-рой, невзирая на всё её интриганство, алчность, жестокость, не было никаких политических амбиций, более разборчивая в блуде и не менее порочная Агриппина была именно, перво-наперво, снedaемой честолюбивыми, в т.ч., политическими амбициями, а именно стремлением всепременно сделаться полновластной императрицей и сделать императором своё чадо, *римской волчицей*. И потому слово «lupa», означающее на латыни как волчицу, так и блудницу, максимально точно характеризует её испорченное существо и полномерно выражает в обоих значениях её погибельную (для себя и для других) сущность.

Не случайно, согласно легенде, переданной Дионом (61,2), после рождения Нерона, к-рый, как мы помним, родился 15.12.37г. (под знаком Стрельца – в самую тёмную пору года), спустя 9 месяцев по смерти Тиберия, когда астролог сказал, что этот младенец станет царём, но убьёт свою мать, у Агриппины вырвался крик души: «Пусть убьёт, лишь бы царствовал!».

Тем временем, если в 44г. Агриппина пока, на 29-м году жизни (род. 6.11.15г.), расставшись со статусом-положением *весёлой*, или, по крайней мере, не слишком грустной вдовы, степенно обзавелась ок. 50-летним супругом-юмористом⁶⁴, то ок. 20-летняя императрица Мессалина в этом же триумфальном и для неё (сродни её супругу) году решила (удостоенная почестей девственных весталок) неистовее, чем прежде, превзойти себя, поражая даже выдавший виды (новый Вавилон) Рим, в рекордах на блудилищном фронте.

СКАНДАЛЬНАЯ МЕССАЛИНА

Мессалине стало теперь мало дворцовых вакханалий, с участием в её, персональных и массовых, прелюбодеятельных утехах жён высокопоставленных римлян на глазах у их мужей (за что, повторим, по римским законам, привлечению к ответственности и осуждению подлежали обе стороны – как прелюбодейка жена, так и муж, закрывающий глаза на её блуд, или, наипаче, способствующий-пoтворствующий этому подсудному безобразию).

⁶³ И значит, перспектив такого подзапретного брака между дядей и племянницей Мессалина не опасалась.

⁶⁴ В 27г. он облакал консульство-суфф. в возрасте ок. 33-х лет.

Но, в конце концов, разнородные вакханалии позволяли себе и Тиберий — на Капри, и Калигула — в Риме (и в прочих местах его пребывания). Мессалину же (как своего рода Калигулу в юбке, с её неудержимым желанием *поиметь-отыметь* весь Рим и весь мир) привлекало-завлекало то, чего не позволял себе ещё никто из римлян и, тем более, ни одна знатная (да и незнатная) римлянка. Превзойти всех нарицательных-максимальных сексбомб древности (современности и последующих времён), таких, как, например, Семирамида или Клеопатра, — вот мессалианский девиз и идеал!

Т.е. дальше — больше. Не надо ограничиваться обычными хахалями из состава сенаторско-всаднического нобилитета, из числа вольноотпущенников или из числа репрезентантов персонала постоянного любовного обслуживания императрицы — типа актёра Мнестера (кому сам рогоносец рогоносцев Клавдий велел своей кесарской волей исполнять все её прихоти). Надо идти за наслаждениями дальше и глубже в народ — к униженным и обездоленным (своеобразное — чем-то сходное с революционным — пародирование христианства)!

При всём том, интересно, что если в 41 — 43гг. Мессалина расправилась с мужем своей матери Г.Аппием Силаном, с обеими Юлиями — дочерьми Германика и Друза, с преторианским префектом Катонием Юстом, то приложительно к 44г. — к году её соучастия в британском триумфе венценосного супруга и присвоения ей льгот-привилегий девственных весталок, античные источники о расправах с её участием, как и приложительно к 45г., молчат. Лишь в 46/47гг. жертвами, в частности, её интриг, её нимфоманства, ревности, алчности, жестокости, страха, падут М.Виниций, Валерий Азиатик, Пoppея Сабина, Гн.Помпей Магн.

Однако, не так в 44/45гг., когда, покуда Агриппина осваивалась в роли богатой жены-матроны дряхлеющего мужа, Мессалина целиком посвятила себя, можно сказать, достижению сверхплановых рекордов в разврате. Более того, выйдя за пределы императорского дворца, она пошла в бордели-лупанарии (*хождение в народ*), где отдавалась в рубище, в амплуа обычной проститутки, гоня(я)сь в клиентах, к-рые всё равно не были в состоянии её удовлетворить, не столько за качеством, сколько за количеством. Саркастическую память об этом сохранили, помимо писавшего в IIIв. анналиста Диона, современник событий Плиний Ст., и младший современник Плиния — сатирик Ювенал. (Но всего этого нет, что обращает на себя внимание, ни у Тацита, анналы к-рого, правда, за, скажем снова, 37 — 47гг. отсутствуют, ни, что много удивительнее, у обычно столь падкого на всякие патологические пикантности Светония.)

Так, если согласно (в т.ч., собирателю-фиксатору различных рекордов древности) Плинию (10,172), однажды Мессалине приспичило вступить в состязание с самой количественно-результативной (и следовательно, с самой затраханной) потаскухой Рима, по имени Сцилла, к-рая пропустила через себя 24 клиента (то ли за ночь, то ли за сутки) и выиграть спор-соревнование, доведя число своих клиентов до 25-и, то у язвительного Ювенала находим:

Ну, так взгляни же на равных богам, послушай, что было
С Клавдием: как он заснёт, жена его, предпочитая
Ложу во дворце Палатина простую подстилку, хватала
Пару ночных с капюшоном плащей, и с одной лишь служанкой
Блудная эта Августа бежала от спящего мужа;
Чёрные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась
В тёмный она лупанар, увешанный ветхим лохмотьем,
Лезла в каморку пустую свою — и, голая, с грудью
В золоте, всем отдавалась под именем ложным Лициски;

Лоно своё, благородный Британник, она открывала,
Ласки дарила входящим и плату за это просила;
Навзничь лежащую, часто её колотили мужчины;
Лишь когда сводник девчонок своих отпускал, уходила
Грустно она после всех, запирая пустую каморку:
Всё ещё зуд в ней пылал и упорное бешенство матки;
Так, утомлённая лаской мужчин, уходила несёткой,
Гнусная, с тёмным лицом, закопчённая дымом светиляни,
Вонь лупанара неся на подушки царского ложа. («Сатиры» 6,115-33)

Посему Мессалину интересовало-привлекало амплуа отнюдь не изысканной гетеры, но самой обычной прошмандовки, к-рую (инкогнито) поколачивали и с к-рой расплачивались медяками представители низших сословий — гладиаторы, ремесленники, рабы. Несветловолосые римские проститутки становились в париках блондинками, и она, желая ничем не отличаться от них, делала то же самое. Они золотили, как было положено, соски для клиентов, и она не отставала от них. Клиенты нередко били проституток, и она не желала отставать от последних, мало того, старалась получить от этого максимальное мазохистское удовольствие.

У жриц любви были характерные клички (типа, в проекции на недавнюю современность какого-нибудь одесского борделя «эпохи» Мишки Япончика, — Мими, Зизи, Жужу...), и она, в унисон им, нареклась Лициской. Но последние (истово-неистово трудясь на сексуальном поприще) не были нимфоманками, каковой она, увы, на муку и несчастье, в первую очередь, для самой себя, была. И никакие, с её стороны, пощёчины общественному вкусу или вконец затоптанной ею римской морали, к-рую она топтала яростно, с особой свирепостью, как никто до неё (и после неё), не могли ей, утомлённой и всегда алчущей голодушнице, её, по-волчьи, голодной утробе, помочь.

Она выскальзывала ночами из дворца в поисках увеселений и удовлетворения своей ненасытной похоти в самых низкопошибных лупанариях, каждый раз чая найти его в фундаментальном сексе или в перепихах с пропахшими потом и провонявшими луком-чесноком гладиаторами (сама, подобная неутомимому гладиатору на арене, гладиаторша в постели), уж не говоря о прочих, в т.ч., об экзотических рабах из глубин Африки или Азии... Но, увы, она не находила, не могучи напиться, не могучи утолить постоянную неуголимую жажду, того, чего жаждала, всякий раз возвращаясь обратно, во дворец, пока (старосветский помещик) Клавдий (опорожнившись после очередного пиршества при помощи гусиного пёрышка), спал (в ночном чепчике) и зевотно-дремотно делал вид, что ничего не замечает.

Он занимался гос. делами, прилежно и с особенной любовью судопроизводствовал, посещал зрелища, к-рые обожал, пировал, жадный до еды и питья во всякое время и во всяком месте (Свет. «Кл.» 33,1), писал книги, на латыни и греческом, произносил заплетающимся языком (с пеной у рта в прямом смысле) речи, носился с идеей перенесения, б.м., как раз в 44г., (пришедших в Греции в ветхость) Элевзинских мистерий в Рим и т.д. Он, по-прежнему, всё ещё пользовался, невзирая на своё (частое) слабоумие, популярностью у всё ещё не уставших отдыхать как от слишком угрюмой кровопускательной тирании бирюка Тиберия, так и от безумной кровожадности Калигулы сограждан, и игнорировал (политически безопасные) похождения супруги.

Тем временем, она продолжала, в сообществе с вольноотпущенниками или без, при различных назначениях, наградах, наказаниях и т.д., иногда небезуспешно влиять на мужа. Он же, несмотря ни на что, до поры продолжал пылко любить

(какую-никакую) молодую жену (для него – капризную девчонку), мать его любимых детей!

Её миссия, как родильного агрегата, чего требовал от своей дочери Юлии ещё Август, была выполнена – произведённый ею на свет наследный принц Британник и впридачу дочь Октавия подрастали. Остальное Клавдия, к-рого, как сказано, не забывали ублажать специально подобранные Мессалиной молодые служанки, бывшего аж на 35 лет старше сверхтемпераментной 20-летней супруги, до поры (сродни Августу в вопросе Юлии) не трогало, не чесало, не тревожило. (Чем бы т.н. дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.). С детства шут гороховый, он критиковал распушенность нравов знати, предпочитая не замечать, что творится у него дома, под носом и боком, и (так сказать) не замечал, что делает по ночам его законная жена, мать его детей, вне дома = вне Палатинского дворца.

Да, насколько Клавдий (детище августейшего Принципата) хотел быть или казаться Августом, являясь в реальности карикатурой на него, настолько же Мессалина была зловещей карикатурой на Ливию, став на деле не Ливией, а Юлией (Августовной) в квадрате и в кубе, тогда как Агриппина Младшая в перспективе реализуется в том, в чём не удалось самореализоваться не менее амбициозной (по матери и дочь) Агриппине Старшей. Династия Юлиев-Клавдиев начиналась, при Августе, (почти) *весталками* Октавией и Ливией, чтобы закончиться при Клавдии и Нероне гипертрофированно амазонистыми *вакханками* – Мессалиной и Агриппиной.⁶⁵

Впрочем, сейчас на повестке дня именно Мессалина, непомерная даже для выдавшего виды Рима разнузданность к-рой не случайно столь клокочуще (само)реализовывалась-стимулировалась-осуществлялась именно в 44г. н.э., к-рый завершился, как мы знаем, в Палестине Астральной Мистерией Христа Спасителя – в действе-таинстве на Масличной-Елеонской горе, в-на Рождество-Святки зимнего декабрьского солнцеворота. Не тогда ли Мария Богородица поведала ученикам таинственную (мета)историю-мистирию Сретения двух мальчиков Иисусов в Назарете Галилеи? Не тогда ли Иисус открыл ученикам (не открыв им тайн в отношении *Юноши из Наина* и *Дочери Иаира*), что Его любимые ученики – Мария Магдалина (*совершенство совершенств*) и Иоанн *Дева* пойдут-взойдут дальше всех остальных («Пистис София»). То-то дошедшее до нас скульптурное изображение Мессалины с сыном на руках (Париж, Лувр) суть очевидный языческий противобраз христианской Мадонны с Младенцем!

И совсем не случайно именно со свершившейся на 12-м году от Таинства Голгофы (весна 33г. н.э.) Астральной Мистерией Христа в рождественско-святочном декабре 44г. н.э. связано спасение и искупление Христом (падшей) Софии, к-рая

⁶⁵ Изучаешь феномены Мессалины с Агриппиной и ловишь себя на мысли, что напрашиваются сравнения-анalogии не столько с историческими фигурами-особами царских-королевских-императорских кровей, сколько с нимфоманистами Мессалинами и Агриппинами двух пламенных революций, с их т.н. музами или валькириями. Вот они: Теруань де Мерикур, Олимпия де Гуж, мадам Ролан («единственный мужчина Жиронды»), мадам Тальен (= Тереза де Кабарус = Notre-Dame de Thermidor); плюс превзошедшие названных рев. феминисток (как можно, провинциально подражая ей, копируя её, не превзойти столь возбуждающую Французскую революцию!) – «русские страдалицы за народ»: Е.Брешко-Брешковская, В.Фигнер, А.Коллонтай («красная Мессалина»), Е.Стасова (подпольные клички – «Категорический императив» = «товарищ Абсолют»), В.Засулич, Л.Рейснер, Р.Залкинд («Землячка», или «товарищ Демон»). А позднее этих кровожадных, гиперсексуальных, чахоточных «героинь» (недевы бледные со взором горящим) сменили в унылой советской действительности скандальные кремлёвские т.н. принцессы (хотя какие из них к чёрту принцессы!) – С.Сталина и Г.Брежнева, или (ни больше, ни меньше!) «Екатерина III» – ткачиха, интриганистая аппаратчица и (по совместительству) министр культуры – Е.Фурцева.

была (бы) немислима и невозможна без жертвы Христа на Голгофе = без (поистине рыцарской) жертвы Мужа Мужей за *Вечную Женственность* и *вечно женственное* в человеке и в человечестве, земными носительницами-олицетворительницами К-рых выступают именно Богородица и Магдалина, К-рые абсолютно антиподны *ави-лонской блуднице* Мессалине и *римской волчице* Агриппине.

Засим наш хронорассказ о событиях первых лет правления Клавдия окончен.

Остаётся, прежде чем перейти к стартовавшему в 45г., приблизительно одно-временно с (послепятидесятичным?) уходом из Иерусалима на проповедь христианства 12-и Больших Апостолов, Первому миссионерскому странствию-путешествию Ап. Павла, коротко подвести итоги.

ИТОГИ ПЕРВЫХ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ КЛАВДИЯ

При Клавдии, Римская (формально) Республика, при этом (чем-то сродственным Брежневу) «генсеке в параличе» (Бродский) – кесаре, превратилась, образно и не без юмора выражаясь, из, по-своему, *президентской* в *парламентскую*. Почему? Потому что сенат и нобилитет своеобразно подменили собой (более влиятельные, чем прикесарский совет из нобилей) фаворитарные вольноотпущенники в роли, так сказать, всесильных (олигархического подобия) министров, плюс – разнокалиберная императорская бюрократия (= государственная сволочь).

Клавдианское девизно-программное возвращение к августейшей модели в позитивную противоположность разнящимся единовластным тираниям беспредельщиков Тиберия и Калигулы, с августейшей манифестацией дуалистического взаимоважания-взаимодействия принцепса и сената, было и реальным, и, не могучи не быть иным, с учётом не(до)полноценности Клавдия, анекдотическим. Но факт есть факт, при Клавдии кесарь и сенат сосуществовали куда лучше, куда взаимотерпимее, чем при перманентно державшем в крепкой-обременительной узде ничем не гарантированных отцов-сенаторов Тиберии, или при откровенно игнорировавшем их Калигуле.

И всё-таки, нельзя не констатировать, что если в чересчур гениальном Цезаре Рим имел *горячую голову, горячее сердце и горячие руки*, а в прагматике Августе – *холодную голову, холодное сердце и холодные руки*, то Клавдий – обладатель слабой головы, слабого сердца и слабых рук, не перестав воплощать собой поднятое на щит Тиберием и Калигулой *кесарево безумие*, точнее, в его специфическом случае, не столько безумие, сколько, перво-наперво, слабоумие, воплотил ещё и вопиюще карикатурный гротеск.

Ибо в его правление верховная власть, не прекратив быть страшной, пусть даже при сбавленных, в сравнении с двумя прошлыми кесарствами, оборотах, сделалась, подчеркнём, вопиюще комичной, сделалась вопиюще смешной. Вернее, она позволила себе как бы расслабиться, передав это расслабление и народу, особо приверженному именно в клавдианские (с их продвольственными кризисами) годы зову-паролю-ребованию – «*panem et circenses*» («хлеба и зрелищ»), перед кульминационно деградантизм для эпохи Юлиев-Клавдиев правлением Нерона.

Клавдиев Рим как бы возвратился в августовский «золотой век» из «железного полувека» Тиберия, совсем «проржавевшего» при Калигуле. Но фасад и содержание клавдианского «златовека» были в жёсткой реальности желчной насмешкой над кесариатом-принципатом Цезаря и Августа, были закономерно пришедшим к Клавдию через Тиберия и Калигулу сатирическим жиромордым мурлом. Плохо, когда лидеры грозны и страшны, однако, немногим лучше (хотя, поверьте, без сомнения, лучше!), когда они (приемущественно) смешны, а власть всё равно, увы, в обоих

случаях, — «отвратительна, как руки брадобрея» (Мандельштам). И у гениально упорядоченного Августом, как *принципат*, (консенсуально-универсального) *кесариата* не было (иногое) выхода из постигнутого в эпоху Таинства Голгофы *кесарева безумия!*

Deus et Dominus = Властитель и Бог, какими якобы становились (в одном лице) кесари-принцепсы, к-рых, в полубожественном или в божественном ранге, будь то их обожествление на Востоке (Август и Тиберий), или повсюду (Калигула), Римская мировая держава пыталась духовно слить в одно, пыталась сплавить, соединить, амальгамировать (вне зависимости от позиции каждого отдельного принцепса-кесаря).

И пыталась-силилась-тщилась (шутка ли сказать!) сделать это во Время (Вре-мён), когда на Землю, в Люди, в Человека уже пришёл и остался с ними, в них, пожертвовав Собой, сойдя в могилу Земли и восстав-воскреснув к новой бессмертной Жизни из Смерти (без к-рой нет Спасения и Воскресения), истинный и безальтернативный Живой Бог! Господь, пришествия К-рого, Рим, распяв Его напару с (по их почину-инициативе) ветхозаветными Иудеями, не заметил, продолжая молиться старым мёртвым богам, превращая в богов-идолов кесарей и всё больше погружаясь во мрак. Если Иисус носил и выносил в себе Христа Господня, К-рый слился с ним воедино, и К-рым Он *разродился* на кресте, с креста Голгофы, то римские Цезари — щенки-пашенки римской волчицы — были носителями демонов мрака преисподней!

Рождение Я — есть рождение в человеке спиритуальной субстанции Христа, поскольку встреча человека со Христом есть встреча человека с его высшим Я (к-рое он волен, в силу данной ему Богом свободы воли и права выбора, принять или отвергнуть). В 44г., со времени постпасхального чудесного спасения Ап. Петра, пошёл 12-й год от свершившегося События Голгофы. И на этом 12-м году рождественско-святочная Астральная Мистерия Христа завершила (по прошествии трети срока земной жизни Иисуса из Назарета) совокупное физическое, эфирное и астральное Таинства Первого Пришествия Спасителя, параллельно чему дальнейшее вырождение языческого Рима, в условиях смерти и декаданса старых богов, в условиях деградации древних мистерий, эскалировало, и не могло не эскалировать.

Притом, можно не сомневаться, что в период 41 — 44гг. Клавдий (в приказном императорском порядке) прошёл через (не одно) посвящение в эти языческие оккультные таинства. Не по стопам ли, в первую очередь, Августа, к-рый, как мы знаем, велел посвятить себя в Элевзинские мистерии Обеих богинь (Деметры и Персефоны), правда, в отличие от Клавдия, на месте — в Элевсии (после Акцииской победы над Антонием и Клеопатрой).

Клавдий же за всё время своего правления только раз, походно сходя в Британию, покинул Италию, и значит, не исключено, что он хотел (псевдо)посвятиться в них здесь, в Риме-Италии, куда он, как сказано, планировал переместить обветшавшие в Греции Элевзинские мистерии. Планировал, не понимая, что они, как и все прочие таинства, будь то языческие или ветхозаветно-иудейские, кроме сменившего их все отныне безальтернативного Таинства Христа Всеспасителя, обветшали и вырождались-выродились, перестав отвечать запросам Духа, перестав соответствовать духу времени, выпав из Гармонии Сфер.⁶⁶

⁶⁶ Вполне возможно, что именно в 44г., при Клавдии, был восстановлен сицилийский храм Венеры Эрицийской, к-рый взялся восстановить в 25г. ещё Тиберий (Ан. 4,13), да так и не восстановил, и к-рый принялся восстанавливать Клавдий. Эрике (Эрикс) — окружённая малыми холмами гора высотой в 751м на западной оконечности Сицилии. Эрицина — сицилийская богиня азийских мигрантов элимов (древнейших обитателей западной Сицилии, совместно с секванами и секулами — потомков беглого троянца Элима — побочного сына

И пусть Клавдий не посвящался на островах тельхинов или сирен, как Тиберий, и не звался «братом Юпитера», как обезумевший от неправомерного посвящения Калигула, тем не менее, и он наверняка прошёл через какие-то антиподно-противообразные Мистерии Голгофы (римские, греческие, ориентальные) языческие посвящения, к-рые лишь усугубили его (в рамках *furor principum*) природное и персональное слабоумие-скудоумие.

Старый мир кончился, но владевший половиной мира Рим императорский этого не знал и не понимал, одновременно тревожнейшим образом переживая смерть-умирание старых богов, в попытках их зомбировать как на уровне египетско-вавилонской Души ощущающей, так и на уровне Греко-Римской Души рассудочной. И не удивительно, что именно Клавдий несколько позже запретит культ друидов (с к-рым он познакомился, путешествуя в Британию через Галлию и обратно в 43/44г.), выплеснув вместе с водой (декадентные проявления этого требовавшего человеческих жертвоприношений культа) живого (мистериального) ребёнка (см. ниже).

Наряду с тем, удивительно то, что, в частности, этот запрет обусловит последующий переход духовно-мистериальной *Кельтики*, её плодотворного наследия, в спиритуальное христианство, в к-ром эта *Кельтика* одухотворительно растворится, когда в (хроносрединном) 333г. н.э. *врата древних мистерий*, передав эстафету мистериям спиритуального христианства, затворятся-закроются.

И отсюда не менее удивительно, что на (симметричный времени назначения Неемии персами областеначальником Иудеи в 444г. до н.э.) 444-й г. н.э. придётся кончина Кирилла Александрийского (весьма противоречивой, надо сказать, сродни

Анхиза, брата Энея и Эрикса), почитавшаяся также финикийцами на горе Эрике как Астарта. Греки отождествляли её с Афродитой, римляне – с Венерой. По одному из мифов, она родила Посейдону сына Эрикса, – давшего имя горе основателя одноимённых города и храма. По другому преданию, Венера спасла замороженного пением сирен и бросившегося в море аргонавта Бута – отца рождённого ею Эрикса. Или она – мать Бута, от к-рого родился будущий основатель храма – Эрикс. Или она покровительствовала прибывшим на Сицилию троянцам (и среди них сыну Анхиза Эриксу), благодарно посвятившим ей культ и святилище.

В римский период возобладала версия посвящения Энеем, сыном Анхиза, культа и храма на горе Эрикс (где находилась-почиталась Анхизова могила) своей матери – Венере. В «Энеиде» Вергилия сказано: «Был заложен и храм Идалийской Венеры на высях / Эрикса, близ облаков; окружил могилу Анхиза / Рошей священной Эней и жреца приставил к святыне» (5,759-61). Согласно Полибию (1,55,8) и Павсанию (8,24,6), это было самое богатое и значительное сицилийское святилище, издревле не уступавшее знаменитому храму Афродиты Пафосской. При храме с охраной из 200 стражей имелось множество голубей Афродиты; 17 верных Риму сицилийских городов поочерёдно отправляли здесь богослужение. Главный праздник символизировал уход-отлёт, со священными голубями, прекрасной богини восвосяи, а через 9 дней праздновалось её предвараемое прилётom первого голубя возвращение.

В 25г. н.э. сицилийский город элимов Сегеста обратился к Риму с просьбой о восстановлении обветшалой кумирни (Д.И. 994/95). Эней был предком усыновленца в роду Энеидов Юлиев Тиберия, кого – потомственного Клавдия – усыновил, усыновлённый, в свою очередь, Юлием Цезарем Октавиан Август, кто перебрался таким образом из рода Октавиев в род Юлиев. Т.е. Тиберий принял на себя почётную заботу по восстановлению названного святилища как потомок его основателя – троянско-доромуловского праотца-первопращура (грядущих) римлян – Энея. Однако, ни при медлительном Тиберии, ни при мятущемся торопыге Калигуле дело сделано не было, поскольку в «Жизнеописании Клавдия» у (нехронологического) Светония находим: «...сицилийский храм Венеры Эрицийской, рухнувший от ветхости, по его предложению был восстановлен из средств римской гос. казны» (Кл. 25,5).

Ну и, спрашивается, не могло ли завершиться это восстановление, с торжественным освящением кумирни (да ещё в продовольственно важной – и как зерновая и, главное, как хлебно-транзитная, по дороге в Рим из Африки и Египта, – Сицилии), именно в победоноснотриумфальном для возвратившегося во славу из британского похода (Энеида) Клавдия 44-м г. н.э.? Ответ: могло и вполне.

Понтию Пилату, фигуры), в памятное патриаршество к-рого (412 – 44гг.) была, не по его приказу, однако, в атмосфере созданной им в Александрии инквизиторской нетерпимости, растерзана прекрасная Гепатия (415г.).

А с др. стороны, именно кириллианскую пасхалию возьмёт на вооружение и продолжит, параллельно определив дату Рождества Христова и ювелирно учредив ювелирно-точное христианское летоисчисление, римский монах или аббат Дионисий Малый, благодаря к-рому – как носителю непростого имени «Дионисий», к-рый нарёкся «Малым» по формуле смирения – появились в письменном виде и были обнародованы таинственнейшие сочинения Дионисия Ареопагита.

Далее, не случайно именно в 555г. н.э. мумификатор-латинизатор Юстиниан (527 – 65гг.) в последний раз полностью подчинит зомбируемой им (извлечённой-эгсгумированной его полководцами Велизарием и Нарсесом из могилы) Римской империи, с центром в Константинополе, Италию. В 666г. на мир, с выходом ислама за пределы Аравии и с разрушением вобранного аравитянами новоперсидского Гондишапура, обрушится мощный ариманический импульс (присущего Иуде – вору, предателю и самоубийце, числа зверя – 666), к-рый затем повторится-возобновится спустя ещё 666 лет – в 1332-м, и спустя ещё раз 666 лет – в 1998гг.!

777г. н.э. – время-эпоха Каролингского возрождения, инаугурированного (духовным преемником Короля Артура и его Рыцарей Круглого стола) Карлом Великим (768 – 814гг.). 888г. н.э. (симмертичный году рождения пророка Илии в 888г. до н.э.) – дата успения Парсифаля и дата духовного взятия-восхищения Св. Грааля (хранителем к-рого был сменивший Амфортаса отец Рыцаря Лебеда – Лоэнгрин – Парсифаль = Parzifal = Parther = *Парфянин* Мани = Посланец Света – Апостол Иисуса Христа)!⁶⁷

⁶⁷ В данной связи интересно вспомнить легенду о папессе Иоанне = о женщине (по одной из версий легенды) английских корней, родившейся в Майнце (Германия), то ли в год смерти Карла Великого (814г.), то ли позже, и в 50-е гг. IXв., на протяжении 2-х лет с месяцами, якобы занимавшей, под именем Иоанна VIII, папский престол. По легенде, кардиналы (не ведая, что перед ними переодетая в мужское платье женщина) избрали папой молодого человека, по имени Иоанн (монаха из монастыря Фульды, совершившего паломничество на Афон), поражённые его глубокими познаниями в теологии и красотой. Причём обман открылся, когда, державшая в тайне свою беременность папесса, во время праздничной процессии, неудачно упала с лошади, в результате чего у неё случились преждевременные роды и она умерла, или, по др. версии, была убита (каменована) возмущёнными участниками процессии. Конечно, ничего подобного в реальности не могло быть, тем более, что рассказ о папе-женщине вынырнул (из доминиканских монастырей?) в (переломном – от Ср. веков к началу Возрождения) XIIIв., возникнув, скорей всего, на почве последующих напластовательных воспоминаний о периоде т.н. Порнокрации в истории папства в Xв. – *saeculum obscurum* (904-63гг.) – «эпоха (влиятельных) блудниц» (при папском дворе).

Хотя с XIIIв. этот рассказ усиленно смаковался-муслировался как (будто бы) очень даже достоверный, обрастая, на волне поднимающегося в Италии Ренессанса в XIVв. всё новыми пикантно легендарными подробностями. И ещё в пору Констанцского собора 1415г. как сама Католическая церковь, так и её яростные оппоненты, в лице Яна Гуса и др., в мнимом факте существования папессы Иоанны не сомневались. Но дело даже не в собственно (изначально, по всему, шифрированном) предании, превратившемся-превращённом со временем в забавный анекдот, сколько в том, что под ним может таиться-скрываться.

Вспомним, ведь IXв. н.э. – есть время известного противостояния римского папы Николая I Великого (858-67гг.) и константинопольского патриарха Фотия (858-67гг.; вторично 878-86гг.), это век острого спора между Николаем и Фотием об исхождении Св. Духа «от Отца» через Сына (Фотий), или «от Отца и от Сына» (Николай) – *Filioque* (Д.И. 921/22). Это век низведения, по инициативе папы Николая, трихотомии человека – дух, душа, тело, до дихотомии души и тела (= отмена ещё ранее отменённого языческим Римом человека *пневматического*), с толкованием человеческого духа как (всего лишь) высшего свойства души, догматическое положение о чём было принято на VIII (последнем) Вселенском соборе (не

Впрочем, сейчас речь не о том. Речь о том, что противоречивый даже в своём скудоумии Клавдий, обожая обильные пиры – обжираловку с виновозлияниями, или цирковые скачки-заезды, число к-рых выросло при нём до 24-х против прежних 10-и, или обожая насладиться казнями по старинному обычаю, вместе с тем, например, был способен проявить трогательную заботу о больных рабах, к-рых часть рабовладельцев, – «не желая тратиться на лечение больных и истощённых рабов, выбрасывали их на Эскулапов остров⁶⁸: этих выброшенных рабов он объявил свободными: если они выздоравливали, то не должны были возвращаться к хозяину, а если хозяин хотел их лучше убить, чем выбросить, то он подлежал обвинению в убийстве» (Свет. «Кл.» 25,2).

Согласитесь, в объективе, в свете данного императорского распоряжения, б.м., от 44г. н.э., неплохие гуманистические заявки-тенденции для рабовладельческого общества, в к-ром ещё Катон, Цицерон и Варрон считали рабов говорящими предметами, кого, как «холопьев своих, мы вольны казнить и вольны миловать» (Иван Грозный). Между тем, Клавдий, переобщавшийся, в результате своего унижительного положения до 50-летнего возраста на задворках, с множеством, в т.ч., рабов, нашёл в себе желание и силы проявить к ним неподдельное сострадание.

Или, к примеру, заметив однажды на пиру, что какой-то гость украл золотой сосуд, он лишь велел на следующий день поставить перед ним глиняную чашку (в то время как Калигула за такое приказывал отрубать руки). Хотя, словно в очередное подтверждение собственной посмеищности, (недоумка на троне) Клавдием то ли готовился к изданию, то ли был издан специальный эдикт, позволяющий «испускать ветры на пиру, так как он узнал, что кто-то занемог оттого, что стыдился и сдер-

признанном Восточной церковью) уже после кончины папы Николая, в 869г. А именно – при папе Адриане II (867-72гг.), когда снова вошёл в милость и занял должность начальника папской курии кардинал Анастасий (библиотекарь; антипапа ок. 855г.), сходно (его ортодоксальному антагонисту) Фотию, – один из (как Фотий на христианском востоке) образованнейших (западных) людей своего времени – адепт-апологет Дихотомии и Filioque. И именно в сульбоносном IXв. начался завершившийся в 1054г. разрыв между католиками и православными. Кроме того, в IXв. (век начала Древней Руси – 862г.) Кирилл и Мефодий изобрели славянскую письменность, равно активно миссионировали среди славян.

С другой же стороны, в ракурсе эзотерического христианства, IXв. н.э. есть век Св. Грааля, и не иначе как ок. 870г. Парсифаль (Мани) стал хранителем Св. Грааля. Так вот, не отражает ли (сначала, вероятно, зашифрованная, а потом распространившаяся в искажённом пародийном виде) легенда о папе Иоанне VIII, как о папессе Иоанне, иную (помимо линии Мани-Парсифаля) иоаннитско-предрозенкрейцерскую линию в метаистории спиритуального христианства? Не воспроизводит ли это (за)кодированное и затем профанированное предание своеобразный уход из Католической церкви в IXв. таинственного Импульса Иоанна *Девы*, Импульса Иоанна *Девственника* = Апостола Апостолов Лазаря-Иоанна?

При всём том, внешняя событийность здесь вполне может быть связана с очередной (параллельной инкарнации Мани-Парсифаля) имевшей (ближе неясное) отношение к Риму (мистическое противление Filioque и дихотомии?) женской инакарнацией Иоанна Богослова (разумеется, не в комичном облике конъюктурно переиначенной «папессы Иоанны»). Космическое христианство Иоанна как вышнее христианство тайны-таинства Св. Духа, тайны-таинства Сокровенной Женственности (даосистская предельная реальность)! Иоаннитское христианство в IXв. (на Западе, и иоаннитское христианство X-XII/XIIIвв. с тайной Грааля на Востоке), предваряющее (кармически и духовно) – как особое посвящение индивидуальности Лазаря-Иоанна (12-летнего *Отрока* 12-ю мудрыми *Старцами*) в середине XIIIв. (1250г.), так и Кр.Розенкройца (1378-1484гг.) и Розенкрейцерство (Роза и Крест) в XVвв. (1407г. – *первое* основание Братства Розенкрейцеров; 1459г. – посвящение Кр.Розенкройца высочайшим посвящённым *Мани-Парсифалем* в *Рыцаря Золотого Камня* и *второе* основание таиннейшего Ордена).

⁶⁸ Остров на Тибре, где находился храм бога врачевания Эскулапа, при к-ром доживали и умирали свезённые туда отовсюду рабы.

живался» (Свет. «Кл.» 32). Короче, можно, пожалуй, сказать, что при нешуточно озаботившемся, в т.ч., проблемами пердежа Клавдии на римской деревне повсеместно пердёж стоял.

И всё-таки, завершим наше подведение итогов по первой трёхлетке клавдианского правления на внешнеоптимистической ноте его внешнеполитических достижений. С падением последнего крупного эллинистического гос-ва – птолемейско-клеопатридского Египта (30г. до н.э.) – космополитический эллинизм никуда не исчез, доставшись в наследство покорителю средиземноморской Ойкумены Риму и продолжая эволюционировать в его державной оправе, дабы, пережив следующий взлёт-метаморфозу при Адриане, язычески финишировать (сверхлиберальным) актом предоставления (тираном) Каракаллой в 212г. римского гражданства всему (если быть точным, проживавшему на землях городов) населению (урбанистической) Империи.

И одним из этапов этой эволюции на её ранней августейше-поставгустейшей стадии явился период императорствования ярко выраженного римского эллиниста и римско-державного эллинизатора-романизатора ойкуменических просторов Imperium Romanum кесаря Клавдия – адепта продуктивно-плодотворного симбиоза римской формы и эллинистического содержания. Гибридизация победившей империальной государственности-державности и державно-завоевательно побеждённой культуры!

Если духовный потенциал старого Рима (*свобода и справедливость*) давно исчерпал себя (обратившись в горькую насмешку над свободой и справедливостью), то потенциал Римской мировой державы был ещё далеко не исчерпан. При Клавдии Империя дотянулась на крайнем Западе до Британии, куда Рим, наконец, ступил с 43г. твёрдой ногой, под руководством самого императора, и где на 44г. успешно закреплял плоды римских побед, одновременно расширяя завоевания, кесарский легат А.Плавтий. В то же время на континентально-германском Западе граница по Рейну была закреплена успехами Гальбы и Габиния, что позволило дополнительно обезопасить усиленно романизируемую и романизирующуюся (как ранее Испания) Галлию.

Тем временем, на Востоке, о чём мы знаем, вновь под римским протекторатом оказалась (кратковременно поделённая Калигулой с парфянами) Армения, включая расположение в ней римского гарнизона. Плюс к тому, в империальную орбиту Рима была, так или иначе, вовлечена Иверия, поскольку, напомним, освобождённый Клавдием из калигулианского заточения брат иверского царя Фарасмана Митридат новоутвердился в предоставленной ему ещё Тиберием Великой Армении, вторжение в к-рую парфянского царя Вардана предотвратил в 43/44гг., бдя во главе восточных легионов близ границы двух сверхдержав, римско-сирийский легат Вибий Марс.

В Африке аннексия, провинциализация и одоление-покорение восставшей Мавритании (современные север Марокко и запад Алжира), с разделением её на две провинции, с переходом римлян через Атласские горы, с непосредственным выходом Рима на Атлантику и к границам песков Сахары, с опорными пунктами защиты из Мавритании Нумидии, во взаимодействии с (полноценно возвращённой при Клавдии сенату, у к-рого Калигула отобрал её легион) провинциальной Африкой, с основанием в провинциализированной стране римских колоний, всё это, начавшись в 41-м, дало свои фундаментально-умиротворительные плоды в 44г. н.э.⁶⁹

В Палестине, как мы помним, со смертью в августе 44г. царя иудейского Ирода Агриппы, все его владения (в границах царства Ирода I) подверглись аннексии-провинциализации, причём, на сей раз, в отличие от 6г. н.э., без сохранения вассалитетов в заиорданском Трахоне (тетрархия Филиппа) или в Галилее с Переей

⁶⁹ Важнейшие города (колонизировавшейся с конца II тыс. до н.э. сначала финикийцами, потом – кафагенянами) Мавритании Caesarea: Цезарея, Игилгилида при Нумидийском заливе (ныне Джебжели), Солды (Бужия) у мыса Карбон, Икозий, Картенна (Тенес), Ситифис (Се-

(тетрархия Антипы), за исключением (не принадлежавшего Ироду I) вассального царства Ирода Халкидского (старший брат Агриппы) в Ливане, с новопоставлением над расширенной кесарской провинцией Иудея в качестве императорского наместника префекта-прокуратора из всадников.

И это именно влиятельные кесарские вольноотпущенники уговорили Клавдия не вверять в 44г., к чему Клавдий склонялся, владения Агриппы I ещё слишком юному на 44г. его воспитывавшемуся в Риме сыну Агриппе II (род. в 28г. н.э.), к-рый так никогда и не воцарится в Иерусалиме, до разрушения к-рого римлянами, сходно разрушению-сожжению покинутого Богом в 33г. Иерусалимского храма, оставалось всего 26 лет, оставалось ок. четверти века.

Как клавдианский Рим справил в 44г. н.э. декабрьские Сатурналии мы не знаем, но можно не сомневаться, что, на фоне успехов-достижений и как бы возвращения «золотого века», Сатурналии были отпразднованы подчёркнуто весело. Во время этого празднества, продолжавшегося с 17-го по (включая примыкавшие к Сатурналиям Сигилларии) 23.12.⁷⁰ (когда, кстати, фламий Квирина чародействовал над гробницей Акки Ларенции), общественные дела приостанавливались, школьные занятия прекращались, рабы не наказывались.

Напротив, они получали на 5-7 дней особые льготы, освобождаясь от обычного труда, пользуясь правом носить *pilleus* (головной убор – символ освобождения), есть за общим столом в облачении господ и даже принимать от них услуги, что делалось в память о Золотом веке Сатурна, когда не было разделения на господ и рабов, когда все, всё и вся, в век всеобщих свободы, равенства, братства, благоденствовали, и когда ещё не успевшая устать от людей и их деяний-злодеяний-злоупотреблений (благословенная) Земля (*край золотой Эльдорадо*) приносила (вергилианский) урожай без распашки.

Общественное празднество начиналось с жертвоприношения перед храмом Сатурна на Форуме. Затем устраивалось сакральное пиршество, в к-ром участвовали одетые в специальные праздничные костюмы сенаторы и всадники. В семьях день начинался жертвоприношением-закланием свиньи и проходил в веселье, родственники и друзья обменивались подарками. На запруженных народом улицах раздавалось «Io Saturnalia!». Повсюду царил смех, в компаниях выбирались ряженые-шуточные «царица бала» и «царь Сатурналий». Люди взаимозадаривались подарками, среди к-рых, в числе прочего, непременно присутствовали *cerei* – восковые свечи, и *sigillaria* – фигурки из теста или терракоты. Первые символизировали зимнее солнцестояние (*bruma*), вторые – напоминали о когдатошних человеческих жертвах (прожорливому) Сатурну (кто со дней умилиостивившего его Нумы Помпилия довольствовался эрзац-фигурками из терракоты и теста).

Вспомним, что когда Клавдий упорствовал, требуя для себя (как член императорской фамилии) настоящей должности у предоставившего ему без какой-либо должности (из-за его недееспособности) только внешние знаки консульского достоинства Тиберия, последний «коротко написал, что уже послал ему 40 золотых на Сатурналии и Сигилларии», чем весьма красноречиво отбил у обузного племянника всякую охоту к каким-либо дальнейшим должностным требованиям, поползновениям, просьбам.

тиф); города Мавритании Tingitana: Тинги, Руссидар (Мелилла) – с прекрасной гаванью; Ликс (Эль-Ариш), Тимматерий (первая колония, основанная на местном побережье карфагенином Ганноном). Горы страны принадлежали к системе горного хребта Атлас: Бузара, Фрурсон, Дурд, Дирин (ныне Эр-Риф, Телль, Антиатлас, Высокий Атлас).

⁷⁰ Под 45г. н.э. Дион (60,25,8) маловнятно сообщает о присовокуплении Клавдием к Сатурналиям (вкуче с Сигиллариями) пятого праздничного дня, к-рый, мол, ввёл и снова отменил Калигула, что подвопросно и обусловливает различные предположения-гадания на сей счёт.

Однако, удостоверьтесь, насколько фортуна изменчива: где сейчас в декабре 44г. (даже не обожествлённый) бирук Тиберий, по адресу к-рого, римляне узнав о его смерти, ликующе кричали: «Тиберия в Тибр»! Или – где сейчас отовсюду ниспровергнутый, всеми проклинаяемый безумец Калигула, к-рый без усталости издевался над извлечённым им из политического и фамильно-кланово-синдикатного забвения Клавдием!

И в каком качестве, на какой высоте, с каких венценосно-императорских высот празднует (поимевший, сродни Мессалине, Рим и римлян) Сатурналии и Сигилларии кесарь Клавдий, посмертное обожествление к-рого памятливым Сенека, формируя авторитет своего воспитанника Нерона за счёт, в т.ч., унижения его (славшего Сенеку) предшественника, ехидно и метко назовёт «отыквлением»! Кабы только посмертно! Не «отыквлялся» ли Клавдий, «отыквляя» Рим, при жизни, во все годы своего беспримерного цезариата-принципата!⁷¹

Ох неспроста, по иронии судьбы, часть хроновремени его кесарства (41 – 54гг.) выразительно симметрична времени диктатуры Цезаря в 49 – 44гг. до н.э., будто бы в горькую насмешку-усмешку над деянием не побоявшегося перейти через Рубикон «божественного Юлия», убитого в мартовские иды 44г. до н.э., т.е. весной = во время года, когда хронозеркальной той весне весной 44г. н.э. покорителю (дважды початого Цезарем) Туманного Альбиона Клавдию воздавались триумфальные почести.

И неужели Август столько сделал для спасения и утверждения им в качестве Принципата цезарского творения для того, чтобы оно досталось, методом династического исключения, Клавдию, про к-рого он при жизни, будучи к нему максимально милостивым, думал, что в семье, увы, не без урода, и к-рого он никак и никогда не мог вообразить принципсом!

И ещё сравни-сопоставь, читатель, (*психическое*) празднование предновогодних декабрьских Сатурналий-Сигилларий, с их символическим, на несколько дней, освобождением рабов в столице мира (сего) Риме, в триумфальном для Клавдия 44г., и (*пневматическое*) новозаветное-предновогоднее Астральное Таинство испугателя людей и освободителя рабов на все грядущие времена Христа Спасителя – 24/25/26.12. – на Масличной горе (у) Иерусалима, в безгосударственной-новопровинциализированной Римом, после кончины царя Агриппы, Иудее, на исходе 44г. н.э., на 12-м от вселенского Таинства (Таинств) Голгофы году.

Определённо языческо-императорский Рим и Новый, в лице христианства, Израиль – пока в основном-главном обретавшийся в миниатюрной Земле Обетования, невзирая на уже имеющиеся успехи христианской миссии также вне Палестины, широкую дорогу куда, в Ойкумену, отворила, в преддверии воскресенского 12-летия События Голгофы, именно рождественско-святочная Мистерия 44г., жили-обитали в различной, в антиподной, в противопоставленной одна другой системе координат!

⁷¹ На памяти, пусть не родившийся идиотом, но впавший со временем в прогрессирующий идиотизм, английский король Георг III (1760-1820гг.), при к-ром Англия окончательно выиграла у французов Индию, но проиграла северо-американцам Америку, затем победила своими силами на море, но силой России на континенте Наполеона, и стала мировой державой № 1, инаугурировав эру анлосаксонской гегемонии в мире, эстафету к-рой она передала в XXв. США, после того как державная Европа, в составе Германии, Франции и самой Англии-Великобритании (к-рая с Европой, но не в Европе), поэтапно покончила, с 1914 по 1945гг., самоубийством. (Пиррова победа *наследников* короля Артура, на владение чудесным мечом к-рого – Эскалибур – воспритязал толстяк Черчилль). Вернее, в 1945г. два новых мировых гегемона США и СССР заполнили (в частности) державно-европейский вакуум, отодвинув Англию с Францией на вторые роли и элиминировав Германский центр. И так продолжалось до 1991г., когда СССР спёкся, а Россия отодвинулась к доекатерининским и аж к допетровским границам (XVIIв.) на Западе. Посему, в плане-ракурсе преемственности: Pax Romana / Pax Anglo-saxonica / Pax Americana!

Рим же готовился к встрече очередного Нового года = 45г. н.э., в первый день симметричного к-рому 45-го г. до н.э.⁷² Юлий Цезарь, упорядочивая-прецизируя римское и мировое время, ввёл юлианский календарь. Но о римских событиях 45г. н.э. = 798г. а.У.с. речь у нас пойдёт ниже, тогда как сейчас на очереди хронопоставительное продолжение — приложительно к 45 — 48гг. н.э. — истории и метаистории христиан и христианства.

⁷² Неспроста 1889г. — год самоубийства кронпринца Рудольфа фон Габсбурга и год рождения Гитлера отстоит на 56 лет как от года убийства таинственного Каспара Хаузера (Дитя Европы) в 1833г., так и от 1945г. И сходно неспроста 1833г. — дата усновения Серафима Саровского — отстоит на 112 лет как от 1721г. (принятие Петром Великим императорского титула, — начало Российской империи), так и от 1945г. (мартиальный пик взявшей Берлин и Вену Советской империи).

И тут необходимо присовокупить ещё следующее. Если в XXв., в т.ч. (и в очень немалой мере), германско-славянские противоречия (Центр и Восток) стали (не без интриг Запада) роковой завязкой (конфликт Сербии и Австро-Венгрии — 1914г.; конфликт Германии и Польши — 1939г.) двух Мировых войн (где II-я вырастает из I-й), то сегодня, на наших глазах, идёт драматический процесс размежевания восточного славянства (русские, украинцы, белорусы). Причём этот процесс вступил в силу позднее размежевания славян западных (поляки, чехи, словаки) и южных (народы и страны давешней Югославии, плюс стоящая особняком среди южных славян Болгария). При этом, если давнее размежевание западных славян окончательно завершилось с концом Австро-Венгрии и с территориальным умалением после I-й Мировой войны Германии, то окончательный развод славян югославских произошёл в результате (к сожалению, кровавого) распада в 80-90-е гг. XXв. Югославии.

А вот (брако)разводный процесс восточных славян, первые ростки к-рого в Новейшее время показали в 1917/18-20гг. и жёстко проявились в пору II-й Мировой войны, ныне, после развала в 1991г. СССР, в ходу и крайне болезненно переживается не умеющими справиться с ним Россией, (националистически гиперактивной) Украиной, Белоруссией (проблемы с к-рой у России ещё впереди). Но всё это, увы или не увы, на данном этапе, в той или иной мере-форме, с тем или иным содержанием, неизбежно. Ведь для того, чтобы сменить в грядущем у мирового штурвала англосаксов-германцев (и дать человечеству Мировую Соборность, дать качественно иные, новые, включая форматы и содержания, образцы объединения-единения стран и народов), Славянству нельзя-невозможно не пройти через внутриславянское размежевание-сепаратизацию-индивидуализацию (через к-рые ранее прошли германцы).

Далее, следует заметить, что если западные славяне находились достаточно долгое время (чехи и словаки — дольше; часть поляков — менее длительные сроки) в подчинении у германства, к-рое (немцы и австрийцы) несло им и цивилизацию-культуру и ассимиляторское порабощение, то славяне южные, точнее, югославские (без Болгарии), делясь на католиков, православных, мусульман (к-рые тяготели, соответственно, к австро-германской Европе, к России, к Турции) не могли долгосрочно существовать в составе (довольно искусственно) созданной по итогам I-й Мировой войны Югославии (на к-рую, со столицей в Белграде, под эгидой Сербии, Антанта пошла лишь постольку, поскольку Советская Россия была временно вытеснена в период между двумя Мировыми войнами с Балкан). Между тем, по окончании II-й Мировой войны, Югославия (с её двумя основными сочленами-игроками — Сербией и Хорватией) экзистировала, во-первых, за счёт незаурядной личности диктатора Тито (этнический хорват с политической опорой на Сербию), и, во-вторых, ловко-независимо балансируя между Советами и Западом, к-рый, со своей стороны, толерировал строптивного (в отношении Кремля) Тито (тогда как Албания Э.Ходжи ориентировалась на маоистский Китай), не желая, чтобы Советы имели через Югославию базовый выход к Средиземному морю.

Касаемо же славянства восточного, здесь связь между (одноконфессиональными) русскими и (восточными) украинцами (малороссами), уж не говоря о русских и белорусах, гораздо теснее, нежели междусобойные связи и западных, и южных славян. При этом, необходимо напомнить, что умные люди в окружении последнего русского царя Николая II, имевшего панславистские виды на (австро-венгерскую) Галицию, ещё до I-й Мировой войны, настойчиво предупреждали о нежелательности и опасности аннексии Западной Украины, так как она ещё в XIII/XIVвв. (противомонгольски) крепко связалась с польским и австрийским Западом, почему присоединённые к России т.н. западенцы (к-рых, всё-таки, присоединил в 1939-45гг. Сталин) могут противороссийски увлечь-утащить за собой на Запад также Украину Восточную, что с развалом СССР и возымело место (и чему Россия сегодня, на целом ряду причин, не может не противодействовать).

ЧАСТЬ IX

ОЙКУМЕНИЧЕСКАЯ ПРОПОВЕДЬ ХРИСТИАН И ИУДЕИ 45 – 48 гг. н.э.

ПЕРВОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АП. ПАВЛА

(лето 45 – лето 48гг. н.э.)

«В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учителя: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринеянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четверовластника, и Савл.

Когда они служили Господу и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их.

Тогда они, совершивши пост и молитву и возложивши на них руки, отпустили их.

Сии, бывши посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр,

И, бывши в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских; имели же при себе и Иоанна для служения.» (Д.Ап.13,1-5)

Мы снова возвращаемся к христианской церкви в Антиохии Сирийской, к-рая, как помним, возникла-организовалась с 37г., и куда, напомним, в 40г., после обращения Ап. Петром в Кесарии Палестинской в начале 40г. (на 7-м от Мистерии Голгофы году) римского сотника Корнилия (с ближними), Иерусалимской матерью-церковью был снаряжён в Антиохийскую (скажем так) *миссионерскую* церковь (обратившийся-обращённый в 33г.) кипрянин Варнава (сродник Иоанна Марка). И это именно он осенью 40г. привёл туда, в Антиохию Сирийскую, из Тарса Киликийского (своего однокашника по школе Гамалиила) тарсянина Савла. И там, т.е. в Антиохии Сирийской, «целый год – с осени 40-го по осень 41г. – собирались они в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами» (Д.Ап.11,26) (см. выше).

Освежим в памяти, к тому же, что этому предшествовала проповедь некоторых Кипрян и Киринейцев (из числа обратившихся в христианство иудеев-еллинистов Диаспоры), на сей раз, не только Иудеям, как то делали (не без единичных исключений) рассеявшиеся (из Иерусалима и Палестины) от гонения, бывшего после каменования Первомученика Стефана (25.12.33г.), дошедшие до Финикии, Кипра и Антиохии (11,19) иудеохристиане (из иерусалимско-иудейских еллинистов), но и Еллинам. Т.е. – разноэтническим грекоязычным язычникам, к-рым названные Кипряне и Киринейцы благовествовали Господа Иисуса Христа...

И такому миссионерству – как в Св. Земле, так и из Св. Земли за её пределами – дал зелёный апостольский свет обращением необрезанного язычника Корнилия князь Апостолов Пётр, когда «верующие из обрезанных, пришедшие (из Иоппии к Корнилию в Кесарию Палестинскую) с Петром, изумились, что дар Святого Духа излился и на язычников» (10,45).

После же столь важного в истории-метаистории христианства «целого года» собраний в Антиохии, к-рый – 40/41гг. (7/8 лет от Таинства Голгофы) – является одним из осевых связующих хроно-фикс-пунктов в композиции и повествовательно-благовестовательной архитектуре Д.Ап., мы узнаём о разразившемся при кесаре Клавдии голоде, к-рый, о чём читатель помнит, в 42/43гг. поразил как минимум Рим/Италию (на Западе), а в 43/44гг. – как минимум (интересующую нас) Палестину (на Востоке).

Вследствие этого голода, в 44г. Варнава и Савл были отряжены Антиохийской церковью с собранными пожертвованиями в Св.Землю, где, в свою очередь, допасхальной весной 44г. был казнён царём Иродом Агриппой, в угоду нетерпимым евреям-иудеям, Ап. Иаков Старший (Зеведеев), и где постпасхальной весной чудесно спасся (в Иерусалиме и из Иерусалима) – благодаря Ангелу Господню – Ап. Пётр. Тем временем, Варнава и Савл, по исполнению возложенного на них антиохийской братией поручения и по смерти в августе 44г. поражённого Ангелом Господним Ирода Агриппы, возвратились осенью в Антиохию, «взявши с собою и Иоанна, прозванного Марком» (12,25).

И вот, если в святочное Рождество декабря 44г. н.э. (на Масличной горе Иерусалима) имела место (на 12-м году от Таинства Голгофы) знаменательная Астральная Мистерия Христа, то пасхально-апрельской весной 45г. н.э. исполнилось 12 лет от крестно-воскресенской Мистерии Спасителя, с исполнением в мае 45г. 12-и лет от Вознесения Господня и от первой христианской Пятидесятницы-Троицы.

По прошествии же оных, т.е. по исполнении 12-и лет от святодуховенной Троицы (отправной-отсчётный финс-пункт), Большие Апостолы (и часть обретавшихся на тот момент в Иерусалиме Малых), бросив, согласно преданию, жребий (кому куда идти), не ранее июня 45г. миссионерски изошли (парно или в одиночку) из Иерусалима и Палестины, ведомые вселенским духом именно (подчеркнём) Троицы, на ойкуменическую проповедь.

Причём об этом исходе-исшествии из Иерусалима/Палестины репрезентантов Большого Апостолата 12-и известно из (заслуживающего доверия) предания, тогда как в отношении Антиохийской церкви, к-рая (параллельно), видимо, не ранее лета 45г., отделила, вняв (пятидесятнично-сощественному) Святому Духу, на проповедническо-миссионерское дело-служение (за пределами Сирии) Варнаву и Савла, данная информация черпается из канонической (за авторством Евангелиста Луки) Книги Нового Завета – Деяния Апостолов.

И примечательно, что (обращённый на рубеже 40/41гг.) Дееписатель (прозелит Лука – сириец-антиохиец родом) начинает свой очередной благовестовательный рассказ с наименования-перечисления некоторых пророков и учителей Антиохийской церкви, список-пятерицу к-рых (к коим в ряде манускриптов присовокупляется апокрифический шестой – Тиций) выразительно открывает Варнава и не менее выразительно (нежели скромно) замыкает Савл (касаемо к-рого не случайно говорят, что Ев. от *павлианского* спутника-сотрудника Лк. есть своего рода Евангелие от Павла, сходно тому как Ев. от *петрианского* спутника-сотрудника Мк. есть своего рода Евангелие от Петра).

Хотя в перспективе Варнаве, несмотря на все его заслуги, суждено остаться одним из 70-и (Малых) Апостолов, в то время как не входящему в круг 12-и Павлу, тем не менее, суждена, по его масштабам и заслугам, доля особостатуированного 13-го в круге Большого Апостолата, и даже Первоверховного, в паре с Петром, Апостола (язычников).

Впрочем, пока, т.е. на 45г. н.э., между ними = между отмыкающим перечень пяти инициатором приведения-прихода Савла из Тарса в Антиохию (40г.) Варнавой и замыкающим антиохийский профетическо-учительский *квинтет* собственно

Савлом, кто смиренно кличет себя «наименьшим из Апостолов» (1Кор.15,9), мало того, — «недостойным называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию» (в 33/34гг.), три антиохийско-христианских, как выражается Дееписатель, пророка и учителя: Симеон Нигер, Луций Кириянин и Манаил (Манаим).

Подобно синагоге, первохристианская церковь имела как своих пророков, так и своих учителей, — обладателей особенных даров Св.Духа, богоизбраннически удостоившихся их (1Кор.12,28; Ефес.4,11). Или — пророков и учителей в одном лице (совмещение дара пророческого и дара учительства-наставничества), каковыми-которыми (и) были как наделённые даром пророчества (по наитию-откровению Св.Духа), так и оснащённые (ординированными предстоятелями-пресвитерами?) правом учительствовать (называемые Лукой в Д.Ап.13,1) лица.

И среди них, кстати, могли находиться (кто именно?), в т.ч., пришедшие из Иерусалима в Антиохию (41г.) пророки, один из к-рых, по имени Агав (вероятно, покинувший затем, в отличие от некоторых иных пророчествующих прозорливцев, Антиохию), предвозвестил Духом вселенский голод при кесаре Клавдии (11,27/28).

Итак, если пророки-прозорливцы познавали и возвещали волю Божию, то учителя-наставники обучали новообращённых и прочих членов раннецерковной общины. Информации о Симеоне, по прозвищу «Нигер», немного. Имя его означает — *слушание/услышание*. Симеоном звался второй (после Рувима) сын Иакова от Лии, т.е. один из 12-и патриархов, положивший начало Симеонову колену. А 2.02.2г. н.э., на Сретенье, старец Симеон, как и старица-пророчица Анна, приветствовал принесённого родителями в храм 40-дневного Иисуса Нафанида.

Обращает на себя внимание прозвище антиохийского пророка и учителя Симеона: «Нигер» — *чёрный*, что может указывать либо на его ливийско-африканское происхождение, либо просто на тёмный-смуглый цвет его кожи или чёрных волос, безотносительно к генезису, так как различные римляне (римские граждане) когноминально звались «Нигерами», не будучи неграми, из-за присущего им необычно тёмного для римлян цвета кожи, либо — волос. Однако, возможно, в нашем случае, это латинское прозвище намекает на пребывание (в течение какого-то времени) Симеона Нигера в Риме/Италии? или оно было дано ему римлянами на Бл. Востоке?

Так или иначе, на наш взгляд нет оснований отождествлять его (невзирая на попытки-потуги ряда экзегетов) с Симоном из Кирены, к-рый, как читатель помнит, помог в Страстную пятницу 3.04.33г. н.э. Иисусу Христу донести до Голгофы крест Господень, и к-рый зовётся в Евангелиях Симоном Кириянином, без единого намёка на его тождество с Симеоном Нигером из Д.Ап.

Равно нет никаких оснований видеть в этом Симеоне одного из еммаусских путников — Симеона (сына Клеопы), к-рый станет епископом иерусалимско-христианской общины после каменования в 62г. Иакова, брата Господня, и примет мученичество в застолетнем возрасте, ок. 107г., при Траяне (Т.Г. 1753-62). Иное дело, что Симеон Нигер (по современной толерантной терминологии, не столько «чёрный», что *попахивает* для либерально-демократического Запада расизмом, сколько именно «тёмный») фигурирует в списке-перечне 70-и Малых Апостолов (составленном не ранее IV/Vвв. н.э.).

Не больше известно и о Луции или Лукии (*светящийся*) из Кирены, попытка идентифицировать к-рого как Евангелиста Луку (Ориген и др.) столь же несостоятельна, как превращение Симона Кириянина в Симеона Нигера, или Симеона Нигера в Симеона Клеопова. И опять бросается в глаза используемая Дееписателем не греческая (Лукий/Лука), но римская форма имени — «Луций», исконное место рождения и (или) обитания к-рого — ливийская Кирена — до его прихода на Ближний Восток — оговаривается чётко-прямо.

При всём том, он вполне может быть как одним из Кипрян и Кириянцев,

рассеявшихся от гонения, бывшего после Стефана (33/34г.), и прошедших с проповедью (сначала исключительно Иудеям) до Финикии, Кипра, Антиохии (11,19), так и (или) одним из пророков, пришедших в 41г. вместе с Агавом из Иерусалима в Антиохию (с дальнейшим пребыванием в-при Антиохийской церкви в рангестатусе-призвании пророка-прозорливца и учителя-наставника).

Также в нем предполагают упоминаемого Ап. Павлом в написанном из Коринфа в 58г. Послании к Римлянам Луция, от имени к-рого, как и Иасона и Сосипатра, «сродников моих», Павел приветствует римских единоверцев во Христе (16,21). Притом неясно, кто под «сродниками»: Павловы родичи? или, куда скорее, христиане из числа иудеев-израэлитов? И здесь аналогично предположение о тождестве, сродни (притянутому за уши) прецеденту Симон Киринаеянин – Симеон Нигер, либо Симеон Клеопов – Симеон Нигер, вряд ли верно. С др. стороны, как и Симеон Нигер, Луций Киринаеянин числится среди 70-и Апостолов. По различным преданиям, впоследствии он епископствовал в Кирене или в Лаодикее Сирийской.

Отлично от них обоих, Манаил (ветхозаветная форма Менахем/Манаим – *учитель*), в списке 70-и отсутствует. Зато некоторые тшятся-силятся угдядеть в нём того самого капернаумского, при галилейском тетрархе Ироде Антипе, царедворца, сына к-рого Иисус чудесно исцелил (Ио.4,46-54) в начале 31г., по возвращении из Иудеи, через Самарию (где Спаситель узнал в конце декабря 30г. о взятии Предтечи под стражу), в Галилею (Т.Г. 175). Но эта идентификация писана вилами по воде, между тем как Манаил в амплуа совоспитанника (или, согласно ряду текстов, молочного брата) Антипы (к-рый, мл. брат Архелая, родился у Ирода Старшего от самарянки Мальфаки в 19г. до н.э.), должен быть, происходя, вероятно, из знатного еврейско-иудейского рода-семейства, приблизительным ровесником последнего. Т.е. на 45г. н.э. он – пожилой муж в возрасте ок. 63-х лет, что очень даже вяжется с умудрённым опытом пророком и учителем.

Плюс к тому, если из казнившего 31.03.32г. Иоанна Крестителя, пусть по наущению Иродиады, и уничтожившего-осмеявшего 3.04.33г. Иисуса Ирода Антипы (к-рого, сосланного напару с Иродиадой осенью 40г. Калигулой в Галлию, по всей видимости, в 45г. уже нет в живых) получился нечестивый богопротивник, то обратившийся-крестившийся Манаил, как видим, вышел в авторитетные христианские пророки и учителя.¹ То-то Феофилакт Болгарский, сравнивая его и тет-

¹ О некоем апостате-отступнике Менахеме, современнике Гилеля Ст. (+ ок.10г. до н.э.) и, следовательно, Ирода Ст. (37/34г. до н.э. – 1г. н.э.), сообщает в любопытном контексте его выхода из Синедриона, мол, одновременно с началом синедрионального членства (заменившего-сменившего его радикала) Шамаля, Талмуд (Хагига 2,2; Бар 166): «Менахем вышел, Шамай вступил. Куда он вышел? Абай (338/39г.): «Он предался дурному образу жизни». Раба (+ 352г.): «Он поступил на службу к царю (Ироду) и вместе с ним ещё 80 пар учеников (законоучителей), одетых в шёлк». (Пал.) «Хагига» (2,77д): «Куда он вышел? Одни говорят, что он предался другому учению, став отлучником, между тем как иные уверяют, что он против своей воли сделал это с 80-ю парами учеников, облачённых в золото, чтобы поддержать (царскую) власть. Ибо правда сокрылась от лика этих израэлитов, к-рым было сказано: «Напишите на рогах вола, что вы не имеете доли в Боге Израиля». Имеет ли данный закодированный пассаж какое-либо отношение к обращению в христианство родившегося при царе Ироде Ст. и пользовавшегося влиянием в Антиохийской христианской общине при царе Ироде Агриппе (37-41-44гг.) совоспитанника тетрарха Ирода (три поколения властных Иродов) Манаима/Манаила – вопрос.

Кроме того, у Флавия упомянут прозорливый ессей Манаим/Менахем, к-рый сначала предсказал мальцу Ироду (род. в 70г. до н.э.), направлявшемуся в школу, что тот в будущем делается царём иудейским (чем немало удивил не поверившего ему сына идумеянина Антипатра Ирода, к-рый не чаял в детстве занять еврейско-царский престол), а много позже, призванный Иродом, сделавшимся царём иудейским, на его вопрос (ессейскому прозорливцу Манаиму, к-рый не ошибся) – сколько продлится его царствование? ответил, к Иродову

рарха Ирода, восклицает: «...посмотри, каким нечестивцем остался Ирод, а его совоспитанник Манаил так изменился, что удостоился даже дара пророчества» («Толк. на Д.Ап.13»).

И не бросается ли в глаза (мета)географический разброс-ареал мест рождения-происхождения и (или) деятельности-обитания действующих в 45г. в Антиохии и из Антиохии пророков-учителей в Д.Ап.13,1 – Кипр (Варнава), Кирена/Киринея (Луций), Палестина (Манаил), Тарс (Савл) – в преддверии ойкуменическо-миссионерского, согласно велению Духа Святого, странствия-путешествия Варнавы (*Сын утешения*) и Савла (*Малый*)!

ВАРНАВА И САВЛ СЛЕДУЮТ НА КИПР

(лето 45г.)

Примечательно, что Дух Святой обратился ко всем пятерым пророкам-учителям, или, при дифференциации, к троим = к трио, без открывающего этот пророческо-учительский *квинтет* Варнавы и без замыкающего его Савла, когда они евхаристически служили Господу и постились. Т.е. – в ходе мистериального служения и поста названных персон (в составе христиан антиохийской общины) ради получения наставительно-указательного откровения Господня, они удостоились слова Всевышнего.

Или, правильнее сказать, они вняли (*утешительное светящееся услышание*) божественной индивидуальности Третьей ипостаси Троицы, они восприняли **Я** Святаго Духа, К-рый сказал (глаголение свыше) им (троице из пятерицы): «отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к к-рому Я призвал их». Иначе говоря, – отделите посвящённых и избранных на особенное апостольское служение.

Не так ли трое из пяти, удостоившись святодуховенного – на майско/июньскую Пятидесятницу-Троицу 45г. н.э. – откровения, Симеон Нигер, Луций Киринеянин, Манаил, надо думать, старшие возрастом-опытом, совершили пост и молитву, и, возложивши руки на Варнаву и Савла = (предстоятельски) рукоположивши их, отпустили – июнь 45г. – обоих отделённых (Святым Духом) избранников. Отпустили для проповеди-миссионирования среди иудеев и язычников, теперь за рубежами Антиохии и Сирии, как ранее проповедническо-миссионерская деятельность вышла за рубежи Иерусалима и Палестины.

И вновь Дееписатель выразительно акцентирует, что Варнава и Савл, бывши посланы-уполномочены не произвольно, а именно Духом Святым (восприемники К-рого – Симеон, Луций, Манаил и они сами), пришли (служительски сопровождаемые Иоанном Марком) в побережно-портовую сирийскую Селевкию, откуда отплыли-отчалили на (бывший родиной Иудея Диаспоры Варнавы) о. Кипр.

Основанная или, вернее, новооснованная к концу IVв. до н.э. на месте древнего поселения Селевком Никатором Селевкия Пиэрия (в отличие от основанной им ранее – после 312г. – Селевкий-на-Тигре), в 40 стадиях севернее устья Оронта (Страбон 16,751), служила, подобно Остии для Рима или Пирею для Афин, морскими воротами находившейся в ок. 8-и км от неё (вглубь материка) и заложённой после неё (ок. 300г. до н.э.) Антиохии Сирийской.

Ок. 245г. до н.э. эту Селевкию (в пору векового – 301 – 198гг. – подчинения египетским Птолемям Палестины и части Сирии) завоевал Птолемей III Эвергет;

удовлетворению, что – и двадцать и тридцать и больше лет (И.д. 15,10,5). С др. стороны, одна из талмудических традиций (постфактум) присвоила говорящее (утишительное) имя «Менахем» еврейско-иудейскому *мессии*, к-рый-де родился в день разрушения храма римлянами (9 ава 70г.) и пребывает – до времени явления его Израилю – таинственно сокрытым.

ок. 219г. — отвоевал у Птолемея Антиох III Селевкид; в 83 — 69гг. ею владел Тигран Армянский. С 64/63гг. она была под римлянами. Важная флотская база римской Сирии. Наряду с Антиохией, портовой Лаодикеей и Апамеей, входила в число 4-х крупнейших сирийских городских центров. Причём в Д.Ап.13,1 о пришедших из Антиохии в портовую Селевкию Варнаве и Савле буквально сказано: «снизложили спустились в Селевкию», что указывает на её прибрежное географическое положение — ниже расположенной на материковой возвышенности Антиохии.

И оба посвящённых-избранных-отпущенных для проповеди Евангелия в миры — в диаспорально-иудейский, и, главное, — в языческий, Апостолов, Варнава и Савл, рукоположенные на проповедническое апостольство, чтобы проповедовать со властью (И.Златоуст), покинув Антиохию-на-Оронте, отчалили из Селевкии к Кипру. Это был ближний к Сирии средиземноморский остров, к-рый, повторим, являлся отчим для происходившего оттуда Варнавы, и где имелась многочисленная еврейско-иудейская Диаспора, при том, что первые беглые иудеохристиане появились там уже-ещё после каменования Стефана (поначалу — «никому не проповедуя слова, кроме Иудеев», из среды к-рых и вышли первые, внявшие благовестнической проповеди, обратившиеся и крестившиеся островные иудеохристиане).

Кипр — третий по величине, вслед за Сицилией и Сардинией, остров Средиземного моря, размером в 9284 кв.км, протяжённостью в 240 км с востока на запад и 100 км — с севера на юг, в 65-и км к югу от Киликии (через Киликийский пролив) и в 96-и км к западу от Сирии. На преимущественно, за исключением Саламинской равнины, гористом острове имеются две параллельные, с высочайшим пиком — Троод (1952м), горные цепи, отделяющие узкие-цветущие низменно-береговые полосы от глубокой (райской) долины — Мессария — посередине острова. На склонах гор растут виноград, масличные и рожковые деревья. Близостью материка обусловлен континентальный климат. Плодородие богатого (кораблестроительным) лесом, а также обильными залежами меди и железа Кипра, от медных месторождений к-рого и происходит латинское название меди (cuprum; англ. — copper; нем. — Kupfer), известно издревле.

Транзитно-узловой связующий-перевалочный пункт между греческим Западом, сирийско-засирийским Востоком, малоазийским Севером и египетско-африканским Югом, — чем и определялось важнейшее значение перекрёстного — для или со всех направлений, во и на все стороны света — острова. И пусть донныне открытые ранние островные архитектурные памятники датируются серединой VI-го тыс. до н.э., а первые следы цивилизации эпохи неолита свидетельствуют о потопно-послепотопно-постатлантической фазе X/IX тыс. до н.э., нам сейчас важно усвоить следующее. Ещё в I-м тыс. до н.э. и уже в I-м тыс. н.э. Кипр не случайно сравнивали с раскинутой воловьей шкурой, что выразительно соотносится с его значением, точнее, с ростом его значения в Египетско-Вавилонскую культуру (Души ощущающей), под знаком Вола-Тельца (2908/07 — 748/47гг. до н.э.).

Согласно Библии, первые насельники-киприоты — Кит(т)им — потомки Иафетида Иавана (Б.10,4; 1Пар.1,7). Притом от города Китион на южном берегу данное название распространилось на весь остров (Ис.23,1; 12), обитателей к-рого основавшие тут ок. 800гг. колонию финикийцы называли «китти», могучи, впрочем, подразумевать и др. о-ва Средиземного моря (Иер.2,10; Иез.27,6 — острова Хиттимские/Киттимские). Корабли от-из Киттима или Киттимские (Ч.24,24; Дан.11,30) — неясно — откуда (помимо Кипра) именно? В Иер.2,10 о-ва Киттим — Запад; Кидар — Восток.

Новая стадия открытия и широкого применения меди в Бронзовом веке (1600 — 1050гг.), равно появление на Кипре микенских торговцев имели место ок. 1400гг., в то время как до того остров подопечно фигурирует ок. 1500гг. в надписях победоносного Тутмоса III. С ок. 1300гг. — миграционные волны-потоки ахейцев, колонизация,

культовое, культурное и языковое влияние, определившее, в особенности после Троянской войны начала XIIв. до н.э., весь последующий, в основном греческий, облик-характер Кипра, при сильном смешении с исконно автохтонным и сирийско-анатолийским элементами. С ок. 900г. — активная торговля через Родос с Грецией; с ок. 800г. — развёрнутые торговые связи с Востоком благодаря экспансивной финикийской колонизации.² Мощное финикийское и малоазийско-килийское влияние через тирскую колонию Китион и через экспортные для киприотов порты — Тир, Сидон, плюс — киликийский Тарс.

На исходе VIIIв. до н.э. Кипр подчинился ново-ассирийскому царю Саргону II, к-рому воздвиг прославительную колонну в Китионе; позднее — VIIв. — островитяне прославили от лица-имени 10-и полисных царей Ассаргадона и Ашшурбанипала, начав отсчитывать (после ок. 40-летней ассирийской доминанты) с ок. 668/67гг. ок. столетний период фактической независимости и расцвета культуры, что выразилось в архитектуре (храмы, дворцы, гробницы), в керамике, в поэзии.

Между тем, новоактуализация угрозы, по ослаблении во второй половине и падении в конце VIIв. Ассирии, со стороны Египта дала о себе знать при фараонах 26-й династии — Вафрии (588 — 69гг.), безуспешно пытавшемся покорить остров, и Яхмосе (Амасис) II (569 — 26гг.), всё-таки вассализовавшем его обложенных египетской данью правителей. В ответ кипряне добровольно подчинились Ахеменидам, изъявив ещё в 535г. лояльность Киру Великому (+ 529г.), т.е. до завоевания Египта в 525г. Камбизом (+ 522г.), и стали при Дарии Гистаспе частью V-й персидской сатрапии.

И любопытно, что в последующих восстаниях греков против персов и в ходе знаменитых Греко-персидских войн греческие кипрские полисы — Хитрой, Курион, Кирения, Марион, Пафос, Саламин держали сторону греков, в то время как финикийские колонии Китион и Амафа сражались на стороне персов. Так, 150 кипрских судов участвовали в походе Ксеркса. Примечателен политико-культурный пик при объединившем весь остров, в пору малообременительной вассальной зависимости от Персии, саламинском царе Евагоре (411 — 374гг.), в ком, например, Исократ видел образец идеального правителя. Ловкое лавирование кипрян между Персией и Спартой закончилось их восстанием, при поддержке Афин, против персов в 386г. и его подавлением персами, с помощью финикийян, в 380г.^{2а}

Затем, в 351г., вспыхнуло новое противоперсидское восстание, в этот раз, под предводительством Саламина, более того, при участии Тира и Сидона (закончившееся осадой и взятием Саламина), в связи с чем Диодор (16,42,4) называет 9

² Ещё в Xв. до н.э. часть Кипра временно подпала финикийцам при (снарядившем к Соломону таинственного Мастера Хирама) царе Хираме I Тирском и остров был, таким образом, втянут-вовлечён в орбиту (дохристианского) Грааля, хранилищем к-рого, по некоторым преданиям, являлся храм Мелькарта-Геркулеса в Тире, где обретались чудесный *Изумруд* (камень из короны Люцифера), к-рый сиятельно светился ночью, и полумесячной формы *Чаша*, в к-рую мистериально опускалась соляная гостия. От венценосного (хозяина морей, помогавшего Израилю ходить морем в страну Офир) Хирама (поставщика кедрового и кипарисового дерева, каменщиков, плотников и золота для строительства Мастером Хирамом Соломонова храма и дворцов в Израиле) эта *Чаша* попала к Царице Савской, от неё — к Соломону... и спустя 1000 лет досталась, после Тайной Вечери, Пилату, велевшему передать её собирателю Крови Распятого под крестом Иосифу Аримафейскому, к-рому после Голгофы Пилат отдал тело снятого с креста Иисуса... А сиятельный *Изумруд* (сведения о дальнейшей судьбе к-рого разнятся) Хирам (вроде бы) приказал сокрыть на Кипре, чтобы Грааль не достался в следующем IXв. до н.э. (симметричный христианскому IX-у в. н.э. дохристианский век Св.Грааля) дегрантантному Тиру Ифобала и Иезавели.

^{2а} Если Египет древности мореплавательно связывался с М.Азией и Грецией через Кипр (и Крит) с юга на север, а греки — с севера на юг, то Тир контактировал с Карфагеном тоже через Кипр (и Крит) с востока на запад, а Карфаген, соответственно, с запада на восток.

наиболее значительных полисов о-ва, с царём в каждом из них: Лапет, Китион, Керинея, Амафа, Марион, Солои, Саламин, Паф(ос), Хитрои, Курион.³

После битвы при Иссе – 333г. – Кипр добровольно подчинился Александру Великому, со смертью к-рого, в результате борьбы диадохов, достался – 294г. – египетско-александрийским Птолемаем, оставаясь далее, не считая короткого периода независимости в 107 – 89гг., во власти птолемейского Египта. С 80г. – под властью вице-царя из династии Птолемеев, до перехода в 58г. до н.э. во владение и под долгое управление (повелителя мира –) Рима.

Именно в 58г. практическими усилиями Катона (Утического), с подачи использовавшего благовидный предлог для удаления его из Города скандалиста Клодия (lex Clodia), последовало превращение Кипра римлянами⁴, к-рые давно положили на него глаз⁵, в разделённую на 4 округа (Пафия – на западе; Лапетия – на севере; Саламиния – на востоке; Амафусия – на юге) преторскую провинцию.⁶

До 47г. остров был провинциально объединён с Киликией; в 47 – 31/30гг. снова находился (по проклеопатридскому великодушью начала Цезаря и потом Антония) в связке с Египтом (где с 51 по 30гг. правила Клеопатра); в 27г. сделался, при разделившем провинции на кесарские и сенатские Августе, владением кесарским; и, наконец, с 22г. до н.э. перешёл в ведение сената, под начальствованием годовичного (не без прецедентов пролонгирования) сенатского проконсула преторского ранга.

Со дней римского владычества – главный город переориентированного отныне со всякого Востока на римский Запад острова, город, в к-ром резидировал наместник-проконсул, больше не Саламин (крупнейший полис на островном востоке), как ранее, а Паф(ос) – на западе. В 15г. до н.э. последний был разрушен мощным землетрясением, восстановился стараниями Августа и получил наименование Augusta Sebasta (Дион 54,23).⁷

В 115/16/17гг., в ходе восточного противопарфянского похода аннексировавшего Армению, Месопотамию, Ассирию Траяна, на острове, где издавна имелась (значительно умножившаяся при Птолемах и римлянах) многочисленная иудейская диаспора (1Макк.15,23; Филон «Пос. к Гаю» 36), вспыхнуло (как и в Месопотамии, Кирене, Египте) ожесточённое еврейско-противоримское восстание, жертвами

³ В Минойскую эпоху (Крито-Минойская цивилизация – ок. 2700 – ок. 1400гг.) на Кипр было занесено минойское письмо, на базе к-рого для записи кипрского (этеокипрского) языка был разработан кипрский силлабарий (слоговое письмо). Его форма напоминает клинопись, состоящую из знаков для гласных и знаков для сочетания «согласный плюс гласный». Позднее оно было приспособлено для записи греческого языка и существовало на Кипре одновременно с греческим письмом финикийского происхождения вплоть до IVв. до н.э.

⁴ Римляне – Цезарь – продвинули в цари Кипра безропотно предоставившего им остров отца Клеопатры Птолемея Авлета в противовес его строптивому брату, к-рый ответил на предложение Катона сделаться, сложив с себя царский титул, верховным жрецом храма Афродиты в Пафосе самоубийством.

⁵ В чём-то очень сходно Риму, принадлежавшим Османской империи Кипром в 1878г. завладели, под предлогом защиты проигравших Русско-турецкую войну 1877/78гг. турок и их владений, англичане, к-рые весьма выгодно для себя контролировали отсюда Восточное Средиземноморье и обретались на (ставшем в 1925г. частью Британской империи) острове, не покидая его вплоть до провозглашения независимости Кипра в 1960г.

⁶ Аннексия Кипра навлекла ярость александрийцев на Авлета, к-рого, отправившегося в Рим с жалобой на собственных подданных и с мольбой оказать ему против них военную помощь, Катон удостоил той самой (из ряда вон) аудиенции на Родосе, демонстративно сидя в ходе опорожнения кишечника на толчке-стульчаке, чем продемонстрировал римско-республиканское презрение к известному своей распущенностью нравов и расточительностью декадентно-восточному «царю-тирану» (Плутарх «Кат.» 35).

⁷ Интересно, что, согласно сообщению Флавия, в 12г. до н.э. Август «подарил Ироду половину доходов с кипрских медных рудников и поручил ему (эффективному менеджеру) заведование другой половиной» (И.д. 16,4,4) (Р.л. 509).

к-рого, вернее, жертвами устроенной иудеями беспощадной резни, согласно Диону, пали аж 240 тыс. зверски убитых киприотов-язычников.

И если даже эта цифирь (как полагают, сильно) преувеличена, то, в любом случае, после подавления восстания, ни одного иудея, при восстановившем разрушенные-опустошённые ими кипрские города Адриане, на острове не осталось. Мало того, иудеям было под угрозой смертной казни категорически возбранено любое приближение к острову с целью высадки на нём, невзирая на какие-либо уважительно-вынужденные причины-обстоятельства, будь то шторм или кораблекрушение (Дион 68,32,2).

По разделении в конце IVв. Империи на Западную и Восточную (395г.), Кипр — один из выдающихся центров средиземноморского христианства (почтённый — Vв. — особым статусом равнопатриаршей автокефалии, наряду с Римским, Александрийским, Антиохийским, Константинопольским и Иерусалимским патриархатами — Пентархия⁸), к-рый серьёзно пострадал от землетрясения при велевшем восстановиться названный Констанцией Саламин Константине Великом (+ 337г.) (см. ниже). В правление Константина 15 влиятельных городских общин образовали Коинон, тогда как сам остров с 395г., естественно, оказался в сфере-составе Восточной Римской империи, связав свою дальнейшую религиозную и культурно-политическую судьбу с Византией.⁹

⁸ И в том же Vв. возле вселенской Пентархии, плюс Кипр, появилась автокефалия Армянской (патриархат) церкви, к-рая в IVв. была частью Церкви вселенской, в Vв. стала Церковью регионально-кавказской, а с VI/VIвв., после двух Двинских соборов VIв. и отпадения от неё в начале VIIв. (перешедшей из армяно-кавказского миафизитства в православно-вселенское диафизитство) христианской Иверии, сделалась (включая не отпавшую от Армянской, отлично от Иверской, Албанскую епархиальную церковь, с дальнейшей ассимиляцией армянами большей части кавказских албанцев) Церковью национальной.

⁹ С 650г. халифатские арабы начали нападения на Кипр. В 688г. Юстиниан II и халиф Абд аль-Малик заключили беспрецедентный договор, согласно к-рому, остров управлялся арабами и византийцами совместно, как condominium, несмотря на постоянные материковые войны между ними, что продолжалось до 958г., когда Никифор II выбил арабов и подчинил-вернул Кипр Византии целиком.

В 1191г. властелином Кипра сделался, в ходе III-го Крестового похода, Ричард I Львиное сердце, уступивший остров за плату тамплиерам, потом выкупивший его у них и перепродавший Ги де Лузиньяну (родом из Пуату), королю (взятого Саладином в 1187г.) Иерусалима в 1186-92гг. и сеньору Кипра с 1192г. Мужская линия династии Лузиньянов (царствовавшей, к слову, до 1375г. и в Армянской Киликии, где первой представительницей рода Лузиньян была жена коронованного царём Киликийской Армении 6.01.1198г. Левона II — Сибилла — дочь кипрского короля Амори Лузиньяна и Изабеллы Плантагенет), прервалась на Кипре в 1267г., когда престол перешёл к представителю антиохийского княжеского рода Гуго III (сын Генриха Антиохийского и Изабеллы Лузиньян). А с 1393/94гг. (время пребывания на Кипре, по пути в направлении Св.Земли, юного Кристиана Розенкройца) король Кипра Жан I Лузиньян стал, после смерти в Париже (1393г.) последнего царя (завоёванного мамелюкским Египтом) Киликийского Армянского царства Левона VI Лузиньяна (к-рый с 1375 по 1382гг. находился в плену у египетских мамелюков) именоваться, в т.ч., царём Армении.

Причём здесь интересно заметить, что как выходцы из Пуату (в составе Аквитании, доставшейся в качестве приданого Алиеноры Аквитанской Генриху II Плантагенету — 1154г.) Лузиньяны (к-рые в пору Крестовых походов связались и с Иерусалимом, и с Тиром, и с Кипром, и с Киликийской Арменией — последнее христианское государство армян и крестоносцев в материково-средиземноморской Азии) выводили своё происхождение от кельтских пиктонов, от королей готов, бургундов, франков (Каролинги) и от обитательницы (вместе с двумя младшими сёстрами) о. Авалон — феи (водная дева) Мелузины (дочь феи Пресины — сестры короля Артура и феи Морганы). То-то они (связанные с тамплиерами, госпитальерами, тевтонами) притязали на долю в (эзотерическом) наследии Круглого стола и на рыцарство хранителей Св.Грааля (тогда как очаговая Вандея именно в Пуату оказала впоследствии столь яростное сопротивление безбожной Французской революции).

Наивысшего расцвета Кипрское королевство достигло в правление королей аквитанско-

ОСТРОВ АФРОДИТЫ

Религиозно-(мета)историческое значение языческого Кипра (через к-рый восточные культы проникали-просеивались на Запад, а западные – на Восток) также очень (сродни промежуточной Киликии) велико. Ведь именно здесь, на острове, посвящённом Афродите, богине любви и красоты, второе имя к-рой Киприя/Киприда, кто, согласно одному из мифов, вышла (взошла; была вынесена морем) на остров (родившись во всей своей обворожительной красоте-нагоде) из пены морской, и главное святилище к-рой – кумирня Афродиты Пафосской – находилось в древнем (Старом) кипрском Пафе.

Впрочем, если у Гомера Афродита – дочь Зевса и (незначительной) Дионы («Илиада» 5,370), то сообразно (представляющей раннюю версию) «Теогонии» Гесиода (189-206), она (чьи теокорни в Малой Азии) родилась из крови оскопленного Кроносом Урана, попавшей в море и образовавшей пену (греч. «афрос»; отсюда – «пеннорождённая»). Ей был присущ космизм всепроницающей мир любви, сил вечной юности, весны, цветения, жизни. Её изображали в окружении роз, миртов, анемонов, фиалок, нарциссов, лилий, в сопровождении харит, ор, нимф. Она – богиня браков, родов (Павсаний 1,1,5), питательница детей. Любовной власти Афродиты подчинены и боги, и люди, за исключением (ратно приоритетной) Афины, (матерински приоритетной) Артемиды и Гестики (Гомер «Гимны» 4,7-33).

Однако в Греции восточные черты богини, близкие свойствам-качествам финикийской Астарты (но известной финикийцам и как – *голубица*), вавилонско-ассирийской Иштар, египетской Изиды и малоазийской (Великой Матери) Кибелы, смягчаются и, метаморфозируясь, приводят Афродиту (как дочь Зевса и Дионы) на Олимп. Приводят в состав классических греко-олимпийских богов и богинь, перемещая центры свойственной ей (ориентальной) тяжести со стихийной сексуальности и плодovitости на ответственность за антично-романтическую любовь, за силу-силы красоты и любви.

То-то в Гомеровском гимне (6) она появляется (не из кроваво-оскопительной, но) из воздушной морской пены вблизи Кипра (Киприда = «кипророждённая»; Анадиомена – *рождённая из пены*). Горы даруют прекрасной богине золотой венец и золотое ожерелье, а боги мечтают взять красивейшую из Зевсовых дочерей в жёны. В итоге знатная невеста достаётся самому некрасивому из богов – искусному в кузнечном деле хромцу (железный хромец!) Гефесту. Её любви домогались Посейдон и Арес, от внебрачной связи Афродиты с к-рым родились Эрос, Деймос, Фобос и Гармония («Теогония» 934-37), тогда как от её законного брака с Гермесом на свет появился Гермародит.

И важно оговорить, что покровительство Афродиты героям, в отличие от других богов, распространяется только на сферу любви. Она помогла протянувшему ей, как самой прекрасной из богинь, роковое яблоко (искусительницы Евы) Парису в деле Елены, кто влюбился в троянского принца, и похищение к-рой ему удалось благодаря Афродите. Она спасла Париса во время его поединка с Менелаем. Она спасительно сопутствовала своему любимому (ещё одному внебрачному) сыну от троянского героя Анхиза – Энею – праотцу римлян, к-рые поэтому чтили её как Венеру Прародительницу.

норманнско-лузиньянской династии Гуго IV (1324–58гг.) и Петра I (1358–69гг.). В 1489г. вдова последнего из этой династии, продолжавшей зваться в лице её венценосных репрезентантов, «королями Иерусалимскими», плюс, после падения Киликии под ударами египетских мамелюков (1375г.), ещё и «Царями Армении», кипрского короля Иакова II, венецианка Катерина Корнаро, передала остров своему родному городу (Д.И. 1346-50). В 1570/71гг. Кипром овладели, одолев венецианцев, турки-османы.

Но помогая любящим, она в то же время преследует тех, кто отвергает любовь: кара смертью Ипполита и Нарцисса; внушение противоестественной любви к белому быку Пасифае. Дальше – больше: именно Афродита внушила греховную любовь к собственному отцу, царю Кипра Киниру, его дочери Мирре, от кровосмесительной связи к-рых родился Адонис. И это покончивший, когда кровосмешение открылось, в горе и ужасе, самоубийством Кинир (Овидий «Мет.» 298), сын Аполлона, был родоначальником Киприадов – потомственных жрецов Афродиты Пафосской, учредителем в городе Пафос культа богини (Тацит «Ист.» 2,3). Он научил обитателей Кипра музыке, танцам, литью бронзы и пользованию металлическими орудиями (Страбон 16,2,18).

Хотя, по др. варианту мифа, он был правителем левантийского Библоса, откуда перенёс финикийские мистерии и мистериальные тайны на Кипр. Вдобавок к тому, с кипрско-пафосским культом Афродиты спорил о знатности и первичности тоже имевший общегреческое значение её критско-пафосский культ. Ведь, согласно одному из вариантов мифа, осмеянная богами, как и её любовник Арес, из-за подстроенной им обоим Гефестом ловушки, Афродита однажды удалилась на Крит, в тамошний Пафос (в то время как Арес умчался во Фракию), где её искупали и натёрли нетленным маслом хариты, после чего на Крите, в Пафосе, и был учреждён знатный культ богини любви.

Далее, многочисленные святилища Афродиты имелись в Коринфе, Беотии, Мессении, Ахайе, Спарте, на о. Кифера (где её храм – как Урании – считался самым древним из эллинских и самым священным), в Сицилии (гора Эрикс; отсюда – А. Эрикния), в Эфесе (культовый центр Артемиды), Абидосе, в Сирии, в Библе/Библосе (чему посвящён трактат Лукиана «О Сирийской богине»). Геродот сообщает, что (древнейшую) Афродиту Уранию почитали в Сирии (1,105), в Персии (1,131), у арабов (3,8) и даже скифов (4,59).

У римлян она, как сказано, – Венера – «рода Энеева мать» (Лукреций), выступает постоянной покровительницей Энея и после Трои, по его и с ним беглых троянцев прибывши в Италию, за что Вергилий («Энеида») не жалеет слов для её – матери-покровительницы римлян – идеологически-прародительского прославления в (новый) «Золотой век» Принципата под верховенством (Энеида) Августа.

И крайне примечательно, что уже (одному из великих духовных провозвестников грядущего христианства) Платону в «Пире» принадлежит (из IV в. до н.э.) противопоставление пурифицированной (проведённой через платоновско-дохристианский *катарсис-фотисимус*) Афродиты Урании – как «Небесной», Афродите Пандемос – как – «всенародной». Т.е. (образно выражаясь) уже Платон (по сути) различает (и призывает различать) вышнюю – рождённую от Неба (Уран) – (исконную) небесную Афродиту – как прознаменуемое им предварение христианской Вечной Женственности, от Афродиты (дочь Зевса и Дионы) чувственной-эротической, от Афродиты греко-языческой, от Афродиты позднейшей – заземлённо-профанированной.

Не бил ли пенистый родниковый источник Мариами, сообразно иудейскому преданию, посреди моря (или озера)! Не означает ли имя Мария – (*Возвеличенная*) Морская звезда! Не есть ли новозаветные сёстры Мария Старшая и Мария Младшая = Мария Вифлеемлянка и Мария Галилеянка = Мария София и Мария Благодатная – преемницы ветхозаветных сестёр-праматерей Рахили и Лии, носительницы-олицетворительницы рафинированной (очищенной от языческих излишеств и наслоений) Вечной Женственности в человеке и человечестве!

Не принёс ли Иисус вселенскую духовно-рыцарскую жертву на кресте за и во спасение-обновление (как заповеданности истины всей) Вечно Женственного в человеке и человечестве! Не манифестирует ли себя вышняя Вечная Женственность (Её кульминация) в Третьей (дочерне-сестринской) ипостаси Троицы – в (трихо-

томически исходящем от Отца через Сына) Святом Духе (К-рый неспроста в семитских языках женского рода)! Не есть ли Богородица Мария Мадонна, равно как и любимая ученица Христа Иисуса Мария Магдалина, – истинная Афродита Небесная! Не стало ли марианско-христианское воплощение любви и красоты предугаданной ещё Платоном метаморфозой Афродиты Небесной, Её высшим проявлением! Любовь и Красота как пречистая (Матерь; Сестра; Невеста) марианская субстанция-составляющая Духа Святаго! как Жена, облечённая в сиятельное Солнце! с венцом из 12-и Звёзд и с Луной под ногами!

И совсем не случайно кипрянин Варнава и тарсянин Савл, оба выпускники иерусалимской школы Гамалиила, христиане с 33/34гг., начали в 45г. н.э. (единовременно с исшествием палестинско-иерусалимских Апостолов в Ойкумену) свой миссионерско-христианский, с Востока на Запад, путь именно с Кипра (где, повторим, языческая Афродита некогда вышла-явилась людям-человекам из пены морской), – с острова Киприды-Киприи-Афродиты.

Не Павел ли, к-рого знаменательным образом во время Второго миссионерского путешествия (51 – 54гг.) Дух Святыи не допустит на Восток (Д.Ап.16,6/7), где (в ориентальном направлении) он (по)бывал не дальше Галатии, и чьи передвижения, в ходе его Трёх павлианско-миссионерских путешествий (45 – 48гг.; 51 – 54гг.; 54 – 58гг.), неуклонно тендируют-смещаются-перемещаются именно с Востока на Запад! Не он ли дойдёт в своё последнее, после первых (61 – 63гг.) римских уз, (Четвёртое) путешествие до Испании на крайнем европейском Западе (63/64гг.) и в итоге примет-претерпит мученичество в столице мира (сего) – Риме (67г.)!

И не должно ли было миссионерски-служительски подвизаться на (транзитно соединяющем-разделяющем сирийский Восток и греко-римский Запад, малоазийский Север и египетско-африканский Юг, острове Афродиты) Кипре как Савлу/Павлу, так и (брату-близнецу) Марии Магдалины Лазарю-Иоанну (Кр.Розенкройц), кто, побывав (?), или бывая (?) на о. Кипр с 33/34гг., обоснуется здесь с ок. 47г., не будучи, при этом, как того хочет (не желающее знать о тождестве Лазаря и Иоанна) ошибочное апокрифическо-церковное предание, рукоположен тут Павлом (кому предстояло подняться до 7-го Неба) и Варнавой.

Ибо, во-первых, последние отчалили с Кипра в 46г., т.е. до прибытия сюда годом позже Лазаря, а во-вторых, или, скорее, во-первых, он не нуждался в их рукоположении, поскольку был (как особостатуированный Апостол) – Иоанн Богослов (кому предстояло восхождение до 12-го Неба) – рукоположен Самим воскресившим-посвятившим Его (во и на особое-особенное апостольское служение) Иисусом Христом.

Иное дело, что пребывание Савла, ставшего именно здесь Павлом, на Кипре в 45/46гг. симптоматично предшествует-предваряет кипрско-епископскую не столько оседлость, сколько *прописку* Лазаря с ок. 47г. И не произойдёт ли это сродни (в плане последовательности) тому, как римское великомученичество созиждителя эфесской общины христиан (50-е гг.) Павла в 67г. соответствует дате начала эфесской деятельности Иоанна Богослова, успение к-рого (единственного из Больших Апостолов умершего своей смертью) имело место (спустя 33 года) в Эфесе (в день – 99 лет – рождения Иоанна Крестителя) 24.06.100г. н.э.!

САЛАМИН

Однако (анонсировав будущее) продолжим (начав с относительно недавнего прошлого). Итак, если в 46/45гг. до н.э., при протежируемой Цезарем подвассальной Риму Клеопатре, на Кипр декадентно вернулся (с 47г. до н.э.) птолемейский Египет, то в 45/46гг. н.э. через (початый христианами с 34г.) Кипр, в направлении Восток – Запад, от Саламина на востоке острова до Пафа на его западе (ок. 150

км), проходили с проповедью, обращая ко Христу иудеев и язычников, трое: Варнава и Савл, плюс – служительски находившийся при них Иоанн Марк.

Саламин – самый крупный и в доримскую эпоху истории острова самый важный (хорошо укрепленный) город-порт (5 км северо-западнее современной Фамагусты) Кипра, при р. Педней, с удобной гаванью, где несмотря на узкий вход, мог разместиться целый флот, – был, про преданию, основан (XIIв. до н.э.) Тевкром, сыном Теламона, и назван в честь острова и города, откуда – с и из Саламина в Аттике – он прибыл. Дубль и дуализм! После Троянской войны её участник на стороне троянцев Тевкр, обвинённый отцом в небережении от гибели Аякса и в неотмщенности за него, был изгнан с родного острова и долго скитался, пока не попал на Кипр, где основал в память о родных острове и городе одноимённый город-порт.

Если с (родиной Теламонидов) аттическим Саламином (захваченным в VIIв. мегарцами и возвращённым – VIв. – афинянами под руководством Солона), расположенным между восточным берегом Аттики и южным мегарским побережьем, связано сокрушительное поражение, нанесённое в 480г. греческим флотом, под командованием Фемистокла, морским силам Ахеменидов (Ксеркс)¹⁰, то у кипрского Саламина в 450г. афинский флот, под предводительством Кимона, вновь разгромил персов, к-рые вынуждены были заключить мир.

Некоторые слышат-распознают наиболее раннее имя-наименование «Саламис/Саламинос» – *мир вам; миротворение*, в гомеровском гимне Афродите (10,4) и в слове кипрского (догомеровского) предсказателя Евкла у Павсания (10,24,3); потом – у Эсхила («Персы» 895). При всём том, (вторая наименовательная) форма «Саламинос», наличествующая на монетах, в сочетании с упоминаемым у Флавия (И.в. 2,20,6; Vita 37) галилейским местечком «Селамис» (от – евр. *шолом*; у арабов – *салам*), предположительно, наводит на семито-хамитское происхождение названия: от ассирийцев (VIIв.) – Silua или Siilu; от позднейших египтян (VIв.) – «Саломаски». Затем – у автора Vв. Геродота (4,162) и в «Канопском декрете» (IIIв.) Птолемея Эвергета – Саламин-на-Кипре.

Первый зафиксированный по имени (добровольно признавший верховенство персов) царь города и части острова – Эвелтон (ок. 560 – 25гг.) (Геродот 4,162; 5,104). К тому же, эвентуально как городом, так и частью острова какое-то время распоряжался (ок. середины или во второй половине VIв.) Хирам III Тирский, к-рый мирно сменил верховенство вавилонян на верховенство Кира Великого, и к-рого Геродот, возможно, путает-совмещает-комбинирует с (почерпнутым из иного списка царей) Эвелтоном. О резидировавшем в столичном Саламине царе Евагоре (411 – 374гг.), при ком город и остров достигли, в пору слабой вассальной зависимости от персов, высокого процветания, см. выше.

А последним доптолемейским самостоятельным правителем Саламина был Никокреон (331 – 10гг.), решительный сторонник Птолемея I, подчинившего ему, в награду за союз в борьбе с Антигоном (Монофталмом), также Керину, Китион,

¹⁰ Состоявший из габоритных судов персидский флот не смог противостоять маленьким и юрким греческим триерам, как в 31г. до н.э., в сражении у мыса Акции, плавающие крепости Антония оказались бессильны перед быстроходными либунами Агриппы.

Интересно отметить, что создавшие мировую державу от Эгейского моря до севера Индии зороастрийцы Ахемениды, в лице первопродвигавших их персов (из очагово-прибрежного Фарса/Парса), не располагали собственным персидским флотом, используя в качестве военно-морских сил в борьбе против греков покорённых Персидской державой искусных флотоводцев-финикиян.

Римляне же, столкнувшись с державно-морскими пуниками-карфагенянами (потомки финикийцев), приняли-переняли военно-морскую эстафету у италийских греков (Magna Graeca), боровшихся на море против Карфагена ещё до Рима. А благодаря эпохальной победе над Карфагеном, одержанной по сути во II-й Пунической войне (218–01гг.), Рим, научившись воевать и на море, стал как сухопутной, так и морской державой.

Лапет, Марион, властители к-рых, напротив, проштрафились, помогая Антигону. Но с кончиной Никокреона, кому преемствовал в качестве больше не царя, а птолемейского островного стратега-наместника его младший брат Менелай, при том, что Птолеми прочно завладели островом лишь в 294г., локальное Саламинское полисное царство кончилось. Служившие Птолемям кипрские островные стратеги (последнего из к-рых, кстати, казнил, заподозрив в контактах-коллорабии с Октавианом, Антоний), как и с 80 по 58гг. птолемейско-династические вице-цари, продолжали резидировать в главном до периода римского владычества городе-полисе Кипра – Саламине.

Впоследствии, окончательно с 30 – 22гг. до н.э., римские наместники резидировали, как сказано, в Пафосе, тогда как Саламин остававшийся крупным городом-портом острова, трижды – в 77, 332 и 342гг. – оказывался опустошённым мощными землетрясениями. Притом последнее из них усугубило почти полностью разрушившее город, к-рый, по именам (строго говоря) двух его поочерёдных восстановителей, Константина и Констанция, в дальнейшем назывался Констанцией, мощное цунами. И от этого несчастья восстановленному в гораздо меньших, сравнительно с прежними, масштабах, Саламину оправиться так и не удалось.

Тем не менее, он пребывал, несмотря на стихийные бедствия-катастрофы, главным городом церковно-христианского Кипра, поскольку его (представленные на Вселенских соборах, начиная с Никейского – 325г.) епископы, нося почётный титул «Саламинские» и после переименования города в Констанцию, притязали на апостольскую преемственность от Павла и Варнавы, к-рые, согласно Д.Ап., «бывши в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских». Т.е. на 45г. в этом преимущественно греческом городе римско-эллинистического мира, со значительной еврейской общиной в нём, имелась не одна иудейская синагога, с к-рых и в к-рых начали проповедь слова Божия на (достаточно предрасположенном к восприятию-приятию христианства) острове-космополите Кипре прибывшие сюда летом 45г. н.э. Варнава и Савл.

Среди глубоко декадентных в IV в. н.э. языческих культов и святилищ Саламина можно назвать исторически, археологически, нумизматически и эпиграфически засвидетельствованные следующие. Не менее известное, чем храм Афродиты Пафосской, святилище Зевса Саламинского, также основанное, согласно преданию, Тевкром (Тацит «Ан.» 3,62; Юстин 18,5,1; Аммиан Марцеллин 14,8,4). Саламинские культы Аполлона, Геракла, Артемиды известны по монетам. О культе Сераписа, б.м., учреждённом Никокреоном, сообщает Макробий («Сатурналии» 1,20,16).

О совмещённом храмовом комплексе аргонидской Афины и Диомеда, где некогда приносились человеческие жертвы, информируют и языческие, и христианские авторы. Среди них Порфирий (De abstin. 2,54), Евсевий (Praep. Evang. 4,16), Кирилл Александрийский («Против Юлиана» 4), Лактанций (Inst. div. 1,21), к-рый, правда, связывает жертвоприношение людей в Саламине с культом Зевса. О (родственном культу финикийской Астарты) храмовом культе Афродиты Саламинской уведомляют нумизматика, Овидий («Мет.» 14,759), Плутарх (Amat. 20).

Если перед битвой при Саламине (480г.) греки принесли в жертву трёх персидских пленников, то на о. Саламин, вплоть до IV/III вв. до н.э., в кумирне Афины и Диомеда (или Зевса), жрец ритуально протыкал копьём через рот перед тем трижды обегавшего святилищный алтарь жертвенного мужа, труп к-рого потом торжественно сжигали. На IV в. н.э., при римлянах, к-рые боролись с человеческими жертвоприношениями повсюду, оные на Кипре, в Саламине, где с местными язычниками, как и в иных городах острова, обитательно соседствовали диаспоральные иудеи, похоже, не практиковались. Хотя, согласно Лактанцию, они приносились саламинскими язычниками Зевсу аж до дней правления Адриана (Д.И. 583/84), но, так или иначе, все языческие культы Кипра пребывали (как и везде на ойкуменических просторах) в интересующее нас время в глубоком упадке.

УВЕРОВАНИЕ СЕРГИЯ ПАВЛА

(весна 46г.)

Дееписатель не уточняет, как долго Варнава и Савл миссионировали в Саламине (проповедуя слово Божие), но указывает-констатирует, что в Паф на островном юго-западе они попали с саламинского северо-востока, «прошедши весь остров» (13,8). Стало быть, учитывая размеры этого острова, величиной в ок. 10 тыс. кв.км, заходы и остановки Апостолов Христовых, в ходе их фундаментальной миссионерской деятельности как среди иудеев¹¹, так и (негрупповым-индивидуальным образом) среди язычников¹², в кипрские города (Китры, Лапетос, Ледра, Идалион, Китион, Тамасос, Солы, Амафус, Курион...),¹³ на непрямых пеших путях-дорогах с востока на юго-запад, мы вполне можем сделать следующий вывод. Дата прихода Варнавы с Савлом в Паф и их проповеди там приходится на время не ранее, чем по истечении более полугода от их прибытия на Кипр летом (до середины лета) 45г., т.е. — на первые месяцы уже 46г. н.э.

«Прошедши весь остров до Пафа, нашли они некоторого волхва лжепророка, Иудейнина, именем Вариисуса,

Который находился с проконсулом Сергием Павлом, мужем разумным. Сей, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать слово Божие;

А Елима волхв, — ибо то значит имя его, — противился им, стараясь отвратить проконсула от веры.

Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор,

Сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! Перестанешь ли ты свращать с прямых путей Господних?

И ныне, вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого.

Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню.» (Д.Ап. 13,6-12)

Под Пафо(со)м принято (в строгом смысле) понимать два города на западном берегу Кипра: Старый и Новый Пафос. Старый (ныне Куклия) лежал в 10-и стадиях от берега, на холме близ мыса Зефирион, при устье р. Бокар, в плодородной местности с хорошей гаванью, будучи, по преданию, основан прибывшими морем к Кипру после Троянской войны греками-аркадцами под предводительством Агапенора, при наличии здесь также древней финикийской колонии и прогреченного догреческого культа (финикийской) Афродиты (Астарты) (Д.И. 583/84).

Ведь именно сюда очень розово-пенистое у Пафоса море вынесло её под порывами влажного ветра, и именно тут, в излюбленном месте пребывания прекраснейшей из богинь, поднялся знаменитый, при курящемся над его алтарём чародейски ароматным ладаном, храм с оракулом, главный жрец к-рого обладал духовной властью над всем островом (Гомер «Гимны» 4,59; 6,1; «Одиссея» 8,362; 373; Страбон 14,683).

¹¹ И Варнава, и Савл — оба выпускники высшей школы Гамалиила, в возрасте за 40 лет, однозначно имели полное право на учительствование среди иудеев.

¹² Открытым текстом в данном контексте язычники у Дееписателя (в качестве адресатов проповеди) не оговариваются, но напрашиваются в связи с последующим обращением Сергия Павла.

¹³ В каких из данных городов Апостолы побывали и в каких не побывали — вопрос. Плиний (5,130) перечисляет 15 кипрских полисов.

А основанный греками неизвестно когда, но отделяемый от своего старшего собрата с Ив. до н.э. Новый Пафос (у нынешнего Баффа) лежал в 3-х часах пути вглубь острова, в ок. 15-и км (60 стадий) от Пафоса Старого. Последним доптолемейским царём в (новом) Пафосе был Никокл (Диодор 20,49,1; Страбон 14,683; Плиний 5,130; Птолемей 5,13,1).

С 30 – 22гг. сравнявшийся или почти сравнявшийся по размерам, и уж точно по значению, с Саламином этот город – резиденция римского наместника, был, как отмечено выше, в 15г. до н.э. разрушен землетрясением (Дион 54,23,7), и восстановленный усилиями местного (сенатско-преторского) проконсула П.Пакувия Скаевы (15/14/13гг.) – благодаря щедрости Августа – получил второе имя – Августа Себаста. А в перспективе к данному имени прибавились ещё почётные имена-прозвища – *Claudia* и *Flavia*, соответственно чему, городу в Ив. н.э. успели поблагодарить и кесарь Клавдий, и кесари Флавию.

И вот как раз при кесаре Клавдии (пока в Пафосе старом, в увядающем внешнем блеске, безнадежно вымирал языческий храмовый культ Афродиты Пафосской, к-рая, к слову, согласно свидетельству Климента Александрийского, тут и умерла, и была погребена)¹⁴, в новом Пафосе, куда в 46г. пришли христианские ловцы человеков Варнава и Савл, наместничал римский проконсул (Л.) Сергей Павел.

Gens Sergia Pauli в составе сенаторского сословия (освидетельствованно) появляется с I-го в. н.э. и не связан ни происхождением, ни родством со старопатрицианским *gens Sergia* (значение этого родового-жентильного имени: *высокий, высококочтимый, почтенный, ясный*)¹⁵, к-рому чужд когномен *Pauli* и последним известным представителем к-рого является в Ив. до н.э. непомерно раздутый его одолителем-визави («заговора Катилины») Цицероном Сергей Катилина (+ 62г. до н.э.).

Касательно же Сергиев Павлов, имеющиеся в распоряжении науки эпиграфические надписи (RE 2A2, *Sergii Paulli*, S.1714-18) свидетельствуют об их тесной связи с основанной в 25/24гг. до н.э., при провинциализировавшем Галатию Августе, римской (триба *Sergia*) ветеранской (с ок. 11г. до н.э.) колонией в М.Азии – Антиохией (*Caesarea Augusta*) Писидийской, куда Павел с Варнавой проповеднически придут после Кипра через Памфилию (б.м., не без протекции Сергия Павла) (см. ниже).

По всей вероятности, Сергии *Pauli* были (стоя у её истоков) знатнейшей фамилией этой колонии (или происходили из неё), между тем как интересующий нас Сергей Павел – веховой в (мета)истории Ап. Павла и поэтапного (перво)христианства персонаж-фигурант Д.Ап. – первым из них стал сенатором. Его (к слову, тождественный имени вышеупомянутого Луция Киринаеянина) преномен «L.» значится в эпиграфии CIL 6,31545, согласно к-рой он состоял в Риме членом (один из пяти) коллегии речных кураторов (*curatores riparum et alvei Tiberis*), отвечавших за терминацию (уровень воды) протекавшей через Рим (и часто доставлявшей потопные проблемы-хлопоты римлянам) р. Тибр, при кесаре Клавдии.

Причём, исходя из того, что в данной надписи Клавдий, кесарь с 41г., не назван цензором (*sensores*), в каковом – высшем магистративном – ранге он подвизался в 47/48гг., облечение Сергием Павлом речной куратуры датируется временем в интервале 41 – 47гг. Кроме того, первым в ранжированном списке пяти коллегиальных кураторов назван П.Фабий Персик – конс. 34г. н.э., вторым – Г.Эггий Марулл, и

¹⁴ Не случайно при превратившем Иерусалим в Элиа Капитолину Адриане на месте Голгофы и Гроба Господня были воздвигнуты кумирня и храмовый комплекс именно Афродиты!

¹⁵ Вергилий выводит патрицианских Сергиев от их троянского предка Сергеста («Энеида» 5,121). В римских «Фастах» они появляются с децемвиральных времён середины Vв. до н.э., в IVв. исчезают и снова выходят на авансцену в дни Второй Пунической войны (конец IIIв. до н.э.). (Плиний 11,158).

третьим (среди пяти) Л.Сергий Павел, бывший, следовательно, в максимум преторском ранге, необходимом для облечения как речной куратуры, так и кипрского наместничества.

Т.о., оптимально он сделался и побывал (преторским) проконсулом Кипра во время после своей речной куратуры и до цензорства Клавдия, иначе говоря, в 45/46-м, или в случае пролонгированного проконсулата, в 45 – 47гг. н.э., что идеально ложится-укладывается в реконструированную нами павлианскую хронологию, сообразно к-рой, Павел и Варнава проповедовали-миссионировали на Кипре именно в 45/46гг., прийдя в Паф(ос), повторим, в первые месяцы 46г. н.э. и представ перед римским проконсулом, надо полагать, весной – где-то незадолго до или ок. времени Пасхи.

В Д.Ап. римско-кипрский наместник назван «мужем разумным». Примечательно, что в перечне 2-й и 18-й книг «Естественной истории» Плиний Старший называет некоего Сергия Павла (или в др. менее приемлемом прочтении – Плавта), компетентной информацией-сведениями к-рого, в частности, именно по Кипру, он пользовался, почему отождествление этого римско-эллинистически образованного Павла с дееписательским неофитом видится, с оглядкой на «мужа разумного», очень даже возможным-реальным.

Т.е. перед нами репрезентант той части-прослойки римско-эллинистической (провинциальной) элиты (из числа энергичных-недекадентных *homo novus*), кто, в условиях-обстоятельствах углубляющегося декаданса язычества и вымирания-смерти старых богов, искренне искали-чаяли обновления кризисной духовности, искали выхода из острого кризиса-тупика, проявляя живой интерес (в т.ч.) к еврейскому единобожию. Или, выражаясь общо, проявляя интерес с сугубо римской языческой позиции к тому, что Тацит кличет «распространением чужеземных суеверий» – «*superstitiones externae*» (Ан. 11,15), среди к-рых наиболее разумные (в христианско-дееписательском смысле-понимании) римляне должны были, естественно, (за)интересоваться (монотеистическим) еврейством-иудейством (а ещё более продвинутые из них) и изошедшим из него христианством.

То-то при взлукавшем-ищущем-алкающем проконсуле (средних лет) подвизался-обретался некий «волхв лжепророк, Иудеянин, именем Вариисус» (кого Апостолы нашли в Пафе), к-рый характеризуется этими тремя ёмкими определениями-характеристиками Дееписателя сполна. И имя его – В(Б)ар Иисус¹⁶ – выразительно говорящее, означающее в данном – одновременно прямом и фигуральном – тексте-контексте, что этот волхв лжепророк из Иудеян был сыном некоего Иешуа/Иисуса (напомним значение имени Иисус: *врачеватель; духовный врач-исцелитель*) и, главное, притязал на спиритуальное наследие-преемство (в т.ч.) от Иисуса Христа!

Вспомним о притязании на Иисусово наследие уверовавшего и даже крестившегося в 34г. в городе Самарийском от диакона Филиппа Симона волхва, к-рый «перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого» (Д.Ап.8) (см. выше), а после взвождедел получить-приобрести Духа Святого – дар Божий – у Ап. Петра и Иоанна (Зеведеева) за деньги (симония), в чём и за что был бескомпромиссно изобличён Петром.

* * *

И вот теперь, через 12 лет, Варнаве и Савлу противостал (немало схожий с Симоном волхвом!) некий (кипрский родом? или пришедший сюда извне – из Палестины? из Диаспоры?) волхв-лжепророк (Иудеянин) Елима, как он, вероятно,

¹⁶ См.ср. Варфоломей (собственное имя к-рого Нафанаил) = Бар Толмай = сын Талмая (Д.И. 864).

сам себя называл, и что на арамейском означает – «могучий/могущественный», а на арабском – «мудрый», или – «мудрец». Углядев в Апостолах конкурентов, Елима заперечил их слову, стараясь отвлечь проконсула, к-рый до прихода Варнавы, Савла и Марка, в поисках духовного обновления, если не внимал ему, то как минимум слушал его, от веры. Но Сергей Павел, муж разумный, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать слово Божие, что Елимою, боявшимся утратить авторитет в глазах наместника, само собой, было воспринято в штыки и чему он активно воспротивился.

Необходимо оговорить следующее. Несмотря на своё (по всему, урождённое = непрозелитическое еврейство-) Иудейство, этот Елима, ни в коем случае, не был ортодоксальным иудеем, поскольку был волхвом (лжепророком), каким правоверный иудей (садукей; фарисей; ессеи) быть не мог, являясь, стало быть, отщепенцем-компилятором, вовлекшим в свою волховскую-лжепророческо-учительскую орбиту, в частности, элементы христианства, и считая-почитая именно себя «законнорожденным» (по духу) «сыном (в т.ч.) Иисуса»!

Не предупреждал ли Спаситель, что многие придут именем Его (или от Его имени)! И не истекло ли время древних волхвов с приходом-поклонением последних (истинных) из них, принесших золото, ладан и смиру 6.01.1г. н.э., в лице Царя Царей, К-рый пришёл в мир (родился на свет Божий) 6.01.1г. до н.э., Пастырю Пастырей, К-рый грядёт (родится на свет Божий) 25.12.1г. н.э.!

Противленца Елиму надлежало осадить-обезвредить, и Савл, относительно к-рого Дееписатель здесь впервые небезосновательно маркирует-уточняет – «он же и Павел», сказал, исполнившись Духа Святого и устремив на него (пронзительный) взор, своё весьма веское слово. После же оногo Елима, на глазах у (слушательски и арбитражно присутствующего) Сергея Павла, лишился зрения, временно ослеп, окутанный мраком и тьмой, потерявшись и заметавшись в поисках вожатого, в то время как (изумлённый-восхищённый) «проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь слову Господню». Т.е. уверовал как под впечатлением свершившегося от волевого Павлова слова чуда (временного) ослепления лжепророка (не Савлом, но Всевышним), так и, в первую очередь, уверовал, вняв (разумным сердцем) истинному апостольскому слову учения Господня.

Посему тут перед нами одна из веховых перекоп Д.Ап., сосредоточенная на событии, благовествующая-маркирующая событие, по результатам к-рого Савл отсюда и далее зовётся-называется Павлом и становится – прежде неизменно второй в паре с Варнавой – отныне неизменно первым.

Согласно Иерониму («De viris illustr.» 5; «Comm. in epist. ad Philem.» Migne L.26, p.640) и Августину («De spir. et litt.» 7,12), он изменил-переменил имя Савл на Павел по обращении-уверовании Сергея Павла, в воспоминание этого события. Фигурально-образно, символически и мистически можно-должно выразиться и так, или, точнее, нужно сказать именно так. Однако, практически имя Павел – римский (с греческого?) когномен, эквивалентный еврейско-иудейскому имени Саул/Савл (к-рое в обоих случаях раскодируется-означает – *Малый* – формула смирения)¹⁷, наверняка было (должно было быть) с рождения (формально-паспортно) вторым (следуя римским законам) римским именем урождённого римского гражданина – иудея-тарсянина Савла (вне зависимости от того, звался он им или нет, чего ученик

¹⁷ Если в одной из ветвей патрицианского рода Эмилиев Лепидов имя Павел – когномен (например, Эмилий Лепид Павел – конс. 1г. н.э.), то в патрицианском роду Фабиев оно использовалось как преномен (П.Фабий Максим – конс. 11г. до н.э.; П.Фабий Персик – конс. 34г. н.э.).

фарисейской школы Гамалиила наверняка не делал), унаследовавшего (потомственное) римское гражданство от родителей.¹⁸

И пусть начало его становления из иудея-фарисея (гонителя христиан) Савла ойкуменическим Апостолом языков-язычников Павлом было положено его чудесным обращением в свете события на пути в Дамаск весной 34г. н.э. (на 31-м — возраст Иисуса Нафанида — году его жизни), но кульминация этого духовного перерождения-новорождения-переименования своеобразно свершилась-исполнилась-завершилась, открывая новый этап, спустя 12 лет, в событии и с событием обращения-уверования Сергия Павла. Ибо с уверованием последнего, как первого знатного римлянина-неофита, Савл, сделавшись Павлом, ступил на пути-дороги обращения языческой Ойкумены, проповедь христианства (в) к-рой эволюционировала веха за вехой.

И одной из важнейших её вех явилось именно уверование на Кипре римского проконсула Сергия Павла — благодаря слову и деянию, по слову и деянию ойкуменического Апостола язычников Павла, ок. времени христианско-воскресенской Пасхи 46г. н.э. И не случайно эта Пасха отстоит на ок. 1080 лет (половина Великого космического месяца протяжённостью в 2160 лет) от эпопеи последнего израильского судьи-пророка Самуила и помазанного им ок. 1035 — 30гг. до н.э. первого израильского царя из колена Вениаминова Саула (карма Вениаминита Савла, называвшегося-называвшегося с 46г. н.э. Апостолом Ойкумены Павлом)!

И не надо искать-вынюхивать несостыковки, не надо цепляться к Дееписателю Луке, для к-рого (спиритуально-сакрально) важно в его благовествовании (манifestировать-передать) не то, что Савл как римский гражданин мог с рождения носить второе римское имя Павел¹⁹, но важно именно то, что он, по уверовании Сергия Павла — знатного римлянина из числа эллинистически образованных греко-римских ойкуменистов, духовно *стал* из Савла Павлом. Стал на своём пути от иудейско-фарисейского посвящённого к поступенчатому христианству, к-рое, начавшись с иудео-христианства евреев (Пётр) и еллинистов (Савл), выросло-переросло в христианство ойкуменическо-павлианское, предваряя собой космического Христа Иоанна Богослова (к-рый знаменательно пришёл вслед за Павлом, на почву, вспаханную Павлом: в 47г. — на Кипр, и в 67г. — в Эфес).

Посему истоки крылатого выражения «стать из Савла Павлом» кроются именно в прогрессирующем исшествии Павла из исчерпанного Мистерией Голгофы обетованного еврейства в обетованную Ойкумену, в обетованное человечество, кроются в исшествии, событийно маркированном состоявшимся в 46г. н.э. павлианским феноменом обращения в веру = приобщения к вере Христовой Сергия Павла.

¹⁸ «Золотая легенда» приводит три, по её словам, различные версии переименовательного превращения Савла в Павла, к-рые, если присмотреться, (сущностно) не противоречат друг другу: «Ориген полагает, что он искони носил два имени — Савл и Павел. Рабан (Мавр — IXв.) говорит, что ранее он звался Савлом по имени гордого царя Саула, а после своего обращения назвался Павлом, что означает «Малый», и тем подчёркивает самоумаление того, кто сам называет себя «наименьшим из Апостолов» (1Кор.15,9). Беда Достопочтенный считает, что он принял имя Павел, обратив проконсула Сергия Павла» («Von S.Paulus dem Apostel», S.338).

¹⁹ Кстати, ещё Ориген, пусть не в оригинале, а в переводе Руфина, в «Толк. Посл. к Римлянам» (1,1), говорит именно о совсем не невозможном для иудея двойном имени, о возможности ношения иудеем двух имён (Александр или Яннай; Кифа или Пётр; Иуда или Фаддей; Фома или Дидим), в отношении к-рого/к-рых Иероним, приложительно к Савлу/Павлу, додумывает по логике (не по факту) верную историю смены-перемены имени/имён Савлом/Павлом от себя.

И неспроста Ап. Павлу исполнялось в 46г. н.э. 43 года. Как действие закона наследственности кончается-исчерпывается на 42 колене (14+14+14), рождая не отягощённую наследственностью индивидуальность в 43 колене, так возраст 42/43 года – своего рода рубеж для начала выхода-перехода свободной индивидуальности во Христе от Души сознательной к Самодуху, от учительства-проповеди-апостолата на уровне Души сознательной к учительству-проповеди-апостолату на уровне восхождения Самодуха.

* * *

Сотериология Ап. Павла не в законе (к-рый, как и пророки, – до Иоанна), но в вере в поставленного во главу угла, в пребывающего в эпицентре Христа – нетленного Второго Адама, заступившего на место тленного Адама Первого. В вере в Адама Кадмона, Сына Человеческого и Сына Божия, без веры в спасительные смерть (на кресте, во что фарисей Савл некогда не мог поверить) и, главное, в Воскресение К-рого (из мёртвых – к бессмертному, из тления – в нетление), вера наша тщетна!

И сердца не повязанных Законом грекообразованных, в т.ч., из состава римской элиты, язычников ближе ко Христу, к восприятию Христа, нежели закосневшие-захлебнувшиеся (на цепи) в законе, нежели зацикленные на мёртвой букве закона сердца фоссильных иудеев, – вот что манифестирует своим примером завершающий превращение-преображение Савла в Павла Сергей Павел! Мысль Ап. Павла от еврейско-христианской к ойкуменической и от ойкуменической к космической сотериологии структурирована ситуативно, в зависимости от обстоятельств и местонахождения её носителя, без какой-либо догматической-догматизированной теологии. Язычники избраны быть Израилем Божиим (Гал.6,16) и семенем Авраамовым (Гал.3,29; Рим.4,12; 16). Им – Новому Израилю – суждено занять место стагнирующего Старого Израиля, к-рый, тем не менее, тоже в конце времён спасётся (Рим.11,25)!

И очень напрасно рационал-материалисты усматривают в отвергаемом ими уверовании Сергия Павла, всего-навсего, дееписательскую апологетику (начала торжества павлианской проповеди язычникам): дескать, никак не мог римлянин ранга Сергия, сенатор и преторский наместник на императорской службе, уверовать во Христа. Во-первых, у Лк., строго говоря, не сказано ни об обращении, ни о крещении Сергия Павла, а сказано о его *уверовании*, что может быть понято как его, перво-наперво, духовное преобразование, как произошедшая с ним, под впечатлением услышанного, увиденного, пережитого, метаморфоза. Во-вторых, никаких запретов на учение Христа в 46г., при Клавдии, пока нет, да и не требовал Клавдий, отлично от Калигулы или Нерона, божественных почестей для себя от римских (со)граждан, к к-рым Сергей Павел сопринадлежал.

Т.е. частное уверование римско-кипрского проконсула (в учение Того, Кого Тиберий хотел причислить аж к сонму богов и включить в римский пантеон, мало того, угрожая смертью гонителям христиан, в учение Того, Кто призывал отдавать кесарю кесарево, а Богу Богово, и Кого сенат не сопричислил к богам, предварительно не рассмотрев дело) Сергия Павла не содержит в себе (ни в дееписательском контексте, ни, в означенных нами рамках, по факту) ничего невозможного! Что не запрещено, то разрешено, при том, что Сергей Павел не нарушал каких-либо римско-противохристианских запретов, к-рых на 46г. ещё попросту не существовало.

Отсюда, спрашивается-восклицается, почему этот эллинистически образованный римлянин, в поисках выхода из конвульсирующей старой духовности, в

поисках духовности новой, не мог *уверовать* в изумившее его учение Христа, не мог уверовать во Христа, в подробности персоны и учения К-рого римская власть, распяв Его, по настоянию иудеев, в лице покончившего самоубийством за 7 лет до приобщения ко Христу наместника Сергия Павла наместника Понтия Пилата, до поры не успела толком вдаться и не вникала?!

В отношении же Савла, первое из чудес к-рого есть совершённое Богом от (вследствие) его слова временное ослепление волхва Елимы²⁰, кто тем самым получил шанс спастись и, возможно, в перспективе прозрел, уроровав-обратившись, скажем снова. Именно уверование Сергия Павла сделало из Савла Павла как лично, как индивидуально, так и выведя его на очередной уровень мировых эллинистических горизонтов-диапазонов в масштабах Римской империи. И именно, повторим-усвоим, после этого события, именно в связи с этим событием, он перерос как объективно, так и в благовествовательном-богословском понимании-толковании Дееписателя своего спутника Варнаву.

Потому-то дальше именно он именуется в паре с Варнавой, заняв главенствующее апостольско-проповедническое положение, первым, тогда как Варнава, без возражений, делается вторым (добровольно отходит на второй план), в то время как (их спутник-служитель) Марк (благовествование мистериальной Жертвы Голгофы в Евангелии к-рого весьма примечательным образом тождественно учению о Ней Павла!) остаётся-подвизается третьим.²¹

При всём том, если многие исследовательские источники правильно датируют Первое миссионерское путешествие Ап. Павла 45 – 48гг., реже – 45/46 – 48/49-м гг. (поскольку тут трудно ошибиться, с одной стороны, зная точную, в пределах года, дату смерти Ирода Агриппы – 44г. н.э., а с другой, несложно определив-измерив общую продолжительность означенного павлианского Путешествия временем в ок. три года)²², то по поводу отдельных событий этого отрезка времени точности-согласия во мнениях нет. Так, «Lexikon zu Bibel» датирует уверование С.Павла 47/48-м гг. (S.1207); RE (Sergius Paullus) помещает, оговаривая приблизительность спорной павлианской хронологии и не вдаваясь в подробности, кипрскую проповедь Варнавы и Павла в широкий интервал 42 – 51гг.; Тальберг – обращение Сергия – 45г. (с.14); Нюстрем – ок. 45г. (с.298); Мертенс – лето/осень 45г. (S.429).

Мы же, придя к ней в ходе хронопоследовательного повествования, предлагаем читателю точную-прецизированную хронологию-датировку сергианского уверования не ранее и не позднее весны 46г. н.э., вскоре после чего, сделав своё начатое

²⁰ Цанн («AG», S.419/20) безосновательно полагает-предполагает-предлагает тождество этого волхва-иудея-кипрянина Елимы (м.б, родом из Елама/Элама?) др. волхву-иудею-кипрянину, по имени Симон, к к-рому, подвизавшемуся в Палестине, обратился в 50-е гг., желая заполучить замужнюю красотку Друзиллу (мл. дочь Агриппы Иудейского), за чародейской помощью римский прокуратор Феликс (И.д. 20,7,2) (см. ниже). С одной стороны, оснований для такого отождествления нет, тем более, если временно ослеплённый-ослепший Елима прозрел, обратившись ко Христу. А со стороны др., наличие двух приблизительно одновременных кипрских иудеев-чародеев, в Д.Ап. и у Флавия, достаточно характеризует кипрско-еврейскую диаспору IV в. н.э. в смысле: 1) выхода из её среды христиан-еллинистов; 2) её дальнейшего упадка и катастрофы во IV в. н.э.

²¹ Р.Штайнер: «...То, что особенно хотелось изобразить автору Ев. от Мк., является, в сущности, дальнейшим разъяснением того, чему учил тот, кто одним из первых, благодаря непосредственному сверхчувственному познанию понял сущность и природу Христа, – речь идёт об Апостоле Павле. Нужно понять, чему собственно учил Павел и что он воспринял в себя через откровение в Дамаске...» («Экскурсы в область Ев. от Мк.», л.б от 16.01.191г., с.295)

²² Геллей – 45-48гг. (S.573); «Брюссельская Библия – 45-49гг. (с.2112); Кроль – 45-48гг. (S.451).

летом 45г. дело на Кипре, от Саламина до Паф(ос)а, Павел, Варнава и Иоанн Марк отчалили из Пафа в Малую Азию.²³

P.S. Метагеографический-метаойкуменический мир Павла, уроженца-воспитанника *оливковой* Киликии и выпускника школы Гамалиила в *оливковой* Палестине, носителя *маслично-оливковой* проповеди и *масличного* (с *оливковой* ветвью) христианства, не случайно простирается через всю Ойкумену, с ближнего Востока на дальний европейский Запад, через *оливковые* Кипр, М.Азию, Грецию и Италию аж до *масличной* Испании (оставляя в стороне, например, Египет, где масличные-оливковые деревья не растут, и где суждено было миссионировать не Павлу)...

ПРОПОВЕДЬ ПАВЛА В АНТИОХИИ ПИСИДИЙСКОЙ

(весна/лето 46г.)

«Отплывши из Пафа, Павел и бывшие при нём прибыли в Пергию, в Памфилии; но Иоанн, отделившись от них, возвратился в Иерусалим.

Они же, проходя от Пергии, прибыли в Антиохию Писидийскую и, вшедши в синагогу в день субботний, сели.

После чтения закона и пророков, начальники синагоги послали сказать им: мужи братия! Если у вас есть слово наставления к народу, говорите.

Павел, встав и дав знак рукою, сказал: мужи Израильтяне и боящиеся Бога, послушайте:

Бог народа сего избрал отцов наших и возвысил сей народ во время пребывания в земле Египетской, и мышцею вознесённою вывел их из неё,

И около сорока лет времени питал их в пустыне;

И, истребив семь народов в земле Ханаанской, разделил им в наследие землю их,

И после сего, около четырёхсот пятидесяти лет, давал им судей до пророка Самуила;

Потом просили они царя, и Бог дал им Саула, сына Кисова, мужа из колена Вениаминова: так прошло лет сорок;

Отринув его, поставил им царём Давида, о к-ром и сказал, свидетельствуя: нашёл Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева, к-рый исполнит все хотения Мои.

Из его-то потомства Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя Иисуса;

Пред самым явлением Его Иоанн проповедывал крещение покаяния всему народу Израильскому.

При окончании же поприща своего Иоанн говорил: за кого почитаете вы меня? я не тот; но вот, идёт за мною, у К-рого я не достоин развязать обувь на ногах.

Мужи братия, дети рода Авраамова, и боящиеся Бога между вами! Вам послано слово спасения сего.

Ибо жители Иерусалима и начальники их, не узнавши Его и осудивши, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу,

И, не нашедши в нём никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его;

Когда же исполнили всё, написанное о Нём, то, снявши с древа, положили Его во гроб.

Но Бог воскресил Его из мёртвых;

Он в продолжение многих дней являлся тем, к-рые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и к-рые ныне суть свидетели Его пред народом.

²³ Мертенс полагает, что это отплытие случилось осенью 45г. (S.429), мол, до закрытия судоходного сезона. Отнюдь: оно случилось весной 46г., по открытии судоходного сезона (хотя расстояние от Кипра до М.Азии не столь значительное, чтобы, в рамках уточнения хронологии, весомо аргументировать её, оперируя судоходным-несудоходным сезоном).

И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса,

Как и во втором псалме написано: «Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя».

А что воскресил Его из мёртвых, так-что Он уже не обратится в тление, о сём сказал так: «Я дам вам милости, обещанные Давиду, верно».

Посему и в другом месте говорит: «не дашь Святому Твоему увидеть тление».

Давид, в своё время послужив изволению Божию, почил, и приложился к отцам своим, и увидел тление;

А Тот, Которого Бог воскресил, не увидел тления.

Итак, да будет известно вам, мужи братия, что ради Его возвещается вам прощение грехов,

И во всём, в чём вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается им всякий верующий.

Берегитесь же, чтобы не пришло на вас сказанное у пророков:

«Смотрите, презрители, подивитесь и исчезните; ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, к-рому не поверили бы вы, если бы кто рассказывал вам.» (Д.Ап.13,13-41)

Внимание! В современных – XX/XXI вв. – русских переводах Н.З.²⁴ стихи 17-21 гл. 13 Д.Ап. (эквивалентно западным текстам) звучат, отлично от синодального текста, применительно к 450-и летам-годам, точнее, к охвату ими не одного и того же, сообразно разным манускриптам и текстам Д.Ап., периода времени (о чём мы неоднократно беседовали с читателем и о чём речь снова пойдёт ниже), следующим образом:

«Бог израильского народа избрал наших отцов. Он возвысил народ во время пребывания его в Египте и могучей рукой вывел их оттуда.

Сорок лет Он терпел их в пустыне.

Он истребил в Ханаане семь народов и отдал их землю в наследие нашим предкам.

На это ушло около четырёхсот пятидесяти лет. Затем, до времени пророка Самуила, Бог давал им судей.

Потом народ попросил себе царя и Бог дал им из рода Вениамина Саула, сына Киша. Саул правил лет сорок.»

Пергия – прибрежный город в Памфилии, северо-восточнее Атталеи, у сегодняшней Муртаны (Турция; Анталья). Неизвестно – ни точно, ни приблизительно, – когда этот город был – I-е тыс. до н.э. – основан или колонизован греками из Аргоса и Лакедемона. Первое письменное упоминание – середина IV в. до н.э. В 334 г. подчинился идущему на Восток Александру Македонскому и предоставил ему своих поднаторевших в знании местности обитателей как проводников (Арриан «Анабасис» 1,25,9; 26,1; 27,5). Далее им владели Птолемеи, потом – с 218 по 189/88 г. – Селевкиды (Полибий 5,34,7; 22,22,1; Ливий 38,27,9).

А со 188 г., когда командир местного гарнизона открыл, по приказу своего царя, ворота победителям Антиоха III римлянам (Манлию Вулсо), Пергией завладел проримский Пергам, с аннексией к-рого в 133 г. Римом, она оказалась в составе Памфилии, границы к-рой (бывшей во II/I вв. одно время гнездом морских пиратов) менялись, к-рая в I/I вв. временами объединялась с Галатией, и к-рую, т.е. Памфилию, Клавдий, как мы помним, административно-территориально объединил в 43 г. н.э. с провинциализированной при нём Ликией (см. выше). Население города

²⁴ «Новый русский перевод»; «Библейской лиги ERV»; «Современный перевод WBTC»; «Под редакцией Кулаковых»; «Русского Библейского Центра»; «Слово Жизни».

в основном состояло из греков и римлян, в соотношении 2 : 1, при незначительном малоазийском элементе.

Главное городское божество – Артемида Пергейская (вероятно, – древняя малоазийская богиня плодородия, ассимилированная греческой Артемидой), большой храмовый комплекс к-рой (Страбон 14,667) был разграблен в 80/79гг. Верром. В кишевшем разнородными-перемешавшимися, занесёнными сюда из различных пределов Ойкумены языческими культами небольшом городе также поклонялись Зевсу, Аполлону, Афине, Гефесту, Афродите, Асклепию, Серапису, Гарпократу, Пану, Гекате, Нике, Тихе, Гераклу.

О какой-либо пергейской проповеднической деятельности, видимо, очень скоро двинувшихся отсюда вглубь материка Павла и Варнавы в Д.Ап. ничего не сообщается, но, в любом случае, Апостолы побывали тут, в ходе Первого павлианско-миссионерского путешествия дважды. Побывали на их малоазийских путях-дорогах туда и обратно (13,13; 14,25), в связи с чем понятно, почему известная со Пв. н.э. пергийская христианская община выводила себя от посещения, уточним, в 46г., Павлом и Варнавой этого города, где в 250/51гг., во время гонений на христиан при императоре Деции (249 – 51гг.), приняли мученичество за веру святомученики Нестор и Трибиний.

Важно оговорить следующее. Именно в Пергии от Павла и Варнавы отделился, возвратившись в Иерусалим, Иоанн Марк. Мы не знаем причину размолвки, к-рую гадательно полагают в, дескать, испугавших его трудностях пути в горы Тавра? Или причина в его (на то время) несогласии со слишком смелыми-новаторскими Павловыми намерениями вольной проповеди, в т.ч., язычникам и в готовности расширенно обращаться необрезанных, без требования обязательного соблюдения ими отягчающих положений Моисеева закона?

Так или иначе, не забудем вышеприведённое слово Штайнера о развитии Ев. Марком во Втором (противоримском!) Евангелии (от Петра!) именно павлианского (одно другому нисколько не противоречит!) сверхчувственного познания сущности и природы Христа. Равно о том, что если при начале Второго миссионерского путешествия Павел, помня о размолвке в ходе путешествия Первого, не пожелал брать Марка с собой (15,38-40) (см. ниже), то впоследствии Марк стал-был одним из его близких сотрудников (Фил.23; 2Тим.4,11).

Между тем, путь Павла и Варнавы из памфилийской Пергии лежал на север, в Писидию, точнее, в расположенную, можно сказать, в таврско-анатолийском горном сердце М.Азии Антиохию Писидийскую, к-рую они, надо понимать, избрали, ввиду наличия там иудейской общины, связанные родством или близкими отношениями с кем-то из её представителей? Или, скорее, ввиду наличия там горстки иудео-христиан из числа обращённых иудеев-еллинистов? (в ходе их паломничества на большие праздники в Иерусалим – 30/40-е гг. Ив. н.э. – Апостолами? либо Савлом и Варнавой – в Антиохии Сирийской – в 40 – 45гг.?).

Писидия – историческая горная область М.Азии в материковом тылу граничащей с ней на юге Памфилии, при границах: на юго-западе – с Азией; на западе – с Фригией; на востоке – с Ликаонией, Исаврией, Киликией; на севере – с кельтской Галатией. При всём том, как география названных областей, так и география границ между ними не являлась прецизированно точной или фиксированно устойчивой, меняясь-смещаясь в ходе времени в зависимости от конкретной политической конъюнктуры и ситуативных административно-территориальных делений-изменений, почему детальному определению политическая география Писидии не поддаётся, оставаясь приближительной.

Сама по себе страна представляла собой суровую гористую область-местность, перерезанную во многих местах чёрствыми таврскими отрогами, с преимущественно

континентальным, поскольку горы заслоняли её от моря, климатом: местами – плодородную, местами – альпийско-пастбищную и лесистую. Продукты – соль, гумми из ароматического дерева стиракс, благовонный корень ириса, употреблявшееся в медицине амбладское вино, маслины.

Во всех случаях, горы этой достаточно дикой, никем и никогда, в т.ч., повелителями мира римлянами, окончательно не покорённой, применительно к её самым труднодоступным племенам, страны, к-рую, правда, Рим, в отличие от прежних владык, сумел умиротворить, принадлежали к системе Тавра. Особенно замечательны среди них Сардемис и Климакс. Писидийскими являются истоки трёх текущих в Средиземное море через Памфилию рек – Катаракта, Кестра и Эвримедона. Важнейшие города – Сагаласс, с крепостью Кремна, Педнелис, Селга при Эвримедоне, Термес-на-Катаракте.

После поражения Селевкидов у Магнезии, римляне вернули Писидию Пергаму (Эвмен II), с аннексией к-рого, по завещанию Аттала III, Римом (133г.), она отошла к Каппадокии, но из-за беспредела гнездившихся тут морских пиратов и вмешательства Рима, была ок. 100г. объединена с провинциализированной в 101г. частью Киликии, превращённая в специальный военный лагерь-полигон для борьбы с морскими корсарями (к-рую успешно завершил в 60-е гг. Ив. до н.э. Помпей). В 37/36гг., решением Антония, Писидией завладел Аминт Галатский, с гибелью к-рого от рук таврских гомонадов в 25г. до н.э. Август провинциализировал Галатию, в состав к-рой входила и Писидия, бывшая, соответственно, с тех пор и на интересующий нас 46-й г. н.э. частью римской провинции Галатия.

В 10 – 7гг. до н.э., о чём читатель знает, легат (объединённых тогда) Галатии и Памфилии П.С.Квириний покорил обитавших на неприступных горных кручах вдоль Киликии («*reg Cilicium*»), вернее, на разделительной таврско-скальной границе Киликии Трахея, Писидии и Ликаонии, убийц Аминта Галатского – гомонадов. Их 44 кастелла (Плиний 5,94) – орлино-осиные гнёзда – были римлянами частично взяты измором, а частично штурмом, и разорены, с переселением Квиринием 4-х тыс. гомонадов (Страбон 12,569), в русле поступательного регионального культивирования Галатии и замирения её отдалённых уделов-уголков, в окрестные города (Р.л. 590-96).

Антиохия Писидийская – город на границе Фригии, римская опора в Писидии²⁵, у подножия современной горы Султан-даг (1200м над уровнем моря), близ горного озера Эгердир (35 км в длину и 16 км в ширину), восточным берегом к-рого или по водам к-рого надлежало добираться в Антиохию Павлу с Варнавой. Добираться на их, в общей сложности, 4/5-дневном или недельном пути небезопасного восхождения через глубокие ущелья и бурные-быстрые горные реки в таврские горы (где пошаливали разбойники) из приморской Пергии. Город был основан в начале IIIв. до н.э. Селевком I Никатором, построенный переселенцами из Магнезии-на-Меандре и названный в честь отца Селевка – Антиоха из Орестии.

Полис сделался оживлённым, несмотря на бедную водой горную местность северо-западного Тавра, центром торговли, с развитой кожевенной индустрией. А его местоположение на важной для торговых операций дороге из Эфеса к Киликийским воротам обусловило появление, оседлость и процветание тут евреев, освоивших, в частности, Писидию, начиная с переселения во внутренние фригийско-лидийские районы М.Азии в конце IIIв. до н.э. 2-х тыс. иудейских семей из

²⁵ Страбон (16,557, 569, 577) сопричисляет эту Антиохию к Фригии; сходно Ефрем Сирий в «Комм. на 2Тим.3,11»; Плиний (5,94) колеблется между Фригией и Писидией; Птолемей говорит об Антиохии Писидийской (5,4,11) и о городе во Фригии/Писидии (5,5,4). Яркое подтверждение геонакладок и лабильности межобластных границ.

Вавилонии Антиохом III – в расчёте на их имперско-космополитическую (против сепаратизма местного населения) лояльность к Селевкидам.

Именно эта Антиохия была, как центр его почитания, знаменита богатой кумирней и разнузданным оргиастическим культом лунарного фригийского божества плодородия Менарка, изображавшегося (лунная трансформация солярного Митры) в виде воина с головой тельца, при фригийском колпаке. Со 189/88гг., по протекции одолевших Антиоха III и приступивших к освоению М.Азии римлян, – вольный полис, к-рый в 25/24гг., после провинциализации Галатии Августом, стал, при её первом легате М.Лоллии, римским провинциальным городом в статусе колонии италийского права, с наделёнными особыми прерогативами римскими гражданами во главе.

С 11/10гг., т.е. при Л.Кальпурнии Пизоне Фруги, легате Галатии-Памфилии в 12 – 10гг., или при П.С.Квиринии – галатско-памфилийском легате в 10 – 7гг., – римская ветеранская колония (*Augusta Caesarea*). Следствие – сооружённые, с немалыми затратами, термы, водопровод, храмы, колоннады, августейшая триумфальная арка, акведук, свидетельствующие о былом расцвете руины к-рых можно лицезреть и сегодня.

Население города, составившего в цивилизационной перспективе перекрёсток дорог не только из Эфеса в Киликию (запад – восток), но и из Севастии в прибрежную Ликийю-Памфилию (север – юг) – смесь римлян, греков, потомков фригийцев, обособленных иудеев, писидийцев. Плюс, надо думать, в небольшом количестве, основных насельников (очаг к-рых располагался севернее) одноимённой провинции – потомков пришлецов в М.Азию в IIIв. до н.э. – кельтов-галатов (хотя данных об их обитании в Антиохии Писидийской нет).

И так эта процветавшая в I/II/IIIвв. (с 295г. – столица провинции Писидия) римская Антиохия *Pisidiae* эффективно выполняла роль и функцию центра распространения-поддержания имперского влияния в регионе, придя в упадок лишь в начале Средних веков, в VIв., когда она оказалась в стороне от основных торговых путей, будучи позднее, в 713г., разрушена и обезлюжена воевавшими Византию арабами, от чего уже никогда не оправилась.

Любопытно, что в 3г. н.э., т.е. как раз год рождения в Тарсе Киликийском Савла/Павла, почётным дуовиром (городской голова) Антиохии Писидийской был, согласно эпитафиям, наставнически (*comes et rector*) находившийся в том году при заведовавшем Римским Востоком (*orienti praepositis*) внуке Августа Г.Цезаре (кто как раз в том году ходил походом в Армению, получив там роковое ранение) П.С.Квириний. За какие заслуги? В благодарность антиохийцев за обуздание десятилетием раньше свирепых гомонадов и в свете его высокопоставленного ректорства при кронпринце Гае. Причём на месте Квириния представлял в должности, практически отправляя её, видный римский гражданин колонии – Каристианий Фронто (Р.л. 1142/43).

При этом фамилию *Caristianus*, судя, опять-таки, по обнаруженным в XXв. антиохийским эпитафиям, связывали родственные узы с фамилией (также происходивших из относившейся к трибе *Sergia* Антиохии *Pisidiae*, или из прочно обосновавшихся в Антиохии) Сергиев *Pauli*. К примеру, дочь знакомого нам проконсула Кипра (45/46гг.) Сергия Павла (чей сын служил войсковым трибуном VI-го сирийского легиона *Ferrata*) замужествовала за (потомком фактического дуовира 3г. н.э.) Г.Каристианием Фронто – легатом Ликии и Памфилии при Домициане (81 – 96гг.).

Итак, прибыв, следует думать, весной/летом 46г. н.э. в Антиохию Писидийскую, где, как говорено, имелась иудейская община, к к-рой, помимо потомственных евреев-иудеев, примыкали прозелиты «правды» и «врат» (последние суть богобоязненные, сродни сотнику Корнилию, язычники), Павел и Варнава, «вшедши в синагогу в день субботний, сели».

Основу синагогального богослужения составляли чтение и толкование, символически выражаясь, *Закона и Пророков* = на практике частей Торы, исторических, пророческих и проч. Книг Писания (к-рые задававшие синагогальный тон фарисеи, отлично от отвергавших, например, пророков ортодоксальных саддукеев²⁶, премного акцептировали), включая Кн. Иисуса Навина, Царств, Паралипоменон...²⁷ и ещё не окончательно установившиеся-устоявшиеся на IV н.э. версии-варианты Кн. Больших и Малых Пророков.

Если в Палестине и в еврейских синагогах Диаспоры, вернее, в местах, где таковые, наряду с синагогами еллинистов, в единичных количествах имелись, древнееврейские тексты Писания изустно переводились для слушателей знающими раввинами на арамейский, то во множестве синагог эллинистического мира, где использовалась греческая «Септуагинта» (перевод IIIв. до н.э.), такой необходимости не было.

Из слов Д.Ап. явствует, что ещё накануне богослужebной субботы (дня священного собрания) Павлу и Варнаве выпало представиться начальнику (антиохийско-писидийской) синагоги и старейшинам местной иудейской общины, к-рых и надлежит понимать под начальниками во мн.ч., поскольку о собственно синагогальном начальнике надо (строго говоря) говорить в числе ед.

При всём том, и тарсянин Савл (из колена Вениаминова), и кипрянин Иосиф Варнава (левит), как, скажем снова, дипломированные выученики-выпускники высшей фарисейской школы Гамалиила (наверное, котировавшейся в тогдашнем фарисейско-профарисейском еврействе, сходно Кембриджу или Оксфорду), оба в возрасте за 40, имели полное право законоучительствовать и в качестве квалифицированных учителей-равви произносить «слово наставления к народу».

Оба они происходили из диаспоральных иудеев-евреев, гармонично совмещавших эллинистическое и потомственно-традиционалистское еврейство-иудейство, сопринадлежа в глазах единоверцев-соплеменников к раввинистической элите, к-рая на 46г. н.э. ещё не успела кардинально разойтись с христианством, не успела радикально отмежеваться от него, пребывающего до поры одним из ответвлений еврейства-иудейства, отношение к к-рому пока не определилось. Или определилось не окончательно-бесповоротно (как это случится-произойдет после 70г.), и, стало быть, сопринадлежность Павла и Варнавы к, в любом случае, до поры иудеохристианству не противоречила в восприятии иудеев, их рангу (креативных) учителей-равви.

Таким образом, в просторной-вместительной синагоге, в тот день субботний, находились как антиохийские иудеи-еллинисты, так и прозелиты, и (занимавшие отведённые им специальные места) богобоязненные язычники (и присутствовавшие

²⁶ В Диаспоре фактически не было повязанных Землёй Обета и связанных с иерусалимско-храмовым культом саддукеев, в то время как ессеи экзистировали обособленными общинами и в Земле Обета, и за её пределами (Д.И. 1117-27), в свете чего диаспоральное представительство повсеместно и преимущественно принадлежало фарисеям.

²⁷ Напомним, что, согласно иудейской традиции: автор 1-й и 2-й Кн.Ц. — Самуил (как они называются — Кн.Самуила — в лат. и в западных Библиях); 3-й и 4-й Кн.Ц. — Иеремия; а автор 1-й и 2-й Кн.Пар. — Ездра.

на синагогальных собраниях женщины). И Павел, обращаясь к ним ко всем (не называя, при этом, в обращении женщин), начал свою проповедническую речь, по предложению начальствующих в народе новоприбывшим братьям сказать слово наставления, коли это слово имеется.

Оказалось, что имеется, да ещё какое веское! Притом слово не столько наставления, сколько, на сей раз, обращённого к «израильтянам и боящимся Бога» = как к израэлитам, так и к богобоязненным язычникам = к иудеям, прозелитам и язычникам (в скорой перевёрнутой перспективе – язычники, прозелиты, иудеи!) Учения (к-рому недавно подивился, уверовав во Христа Иисуса, римский проконсул Кипра Сергей Павел).

Не бросается ли в глаза сходство и различие, параллелизм и созеркальность речи к иудеям 25.12.33г. Первомученика Стефана, каменованье к-рого одобрял слышавший оную в синедрионе фарисей Савл, и речи, спустя 12 с половиной лет, на 13-м году от убийства Стефана (без мученичества к-рого у христианства не было бы Павла!), Ап. Павла. И происходило это через 13 лет (Мессии выпадет число 13!), при начале 14-го от Мистерии Голгофы года.

Стефан начинает свою развёрнутую вглубь веков, из глубины веков, во времени и в пространстве, метаисторическую панораму-диораму с отца Авраама, доводит её до законодателя-исхитвенника Моисея, после чего от Моисея, три 40-летки (120-летней) жизни к-рого тождественны вековым 40-леткам Израиля (1527 – 1487 – 1447 – 1407гг.), и манифестации взявшего-добывшего для израэлитов Землю Обетования Иисуса Навина²⁸, перебрасывается мост к обретшему благодать пред Богом Давиду и к Соломону. К Соломону, воздвигнувшему храм Всевышнему, Кто, в ракурсе Исполнения мессианских Времени, не в рукотворённых храмах живёт.

Павел же, начав с исшествия (выведенного вознесённой десницей Господней) Израиля из земли Египетской, без упоминания Моисея, переходит к Самуилу, Саулу и Давиду, сыну Иессееву, к-рый исполнит все хотения Мои, и от к-рого перебрасывается через тысячу лет мост к Иисусу Христу, Кому предшествует Иоанн Предтеча-Креститель. Архитектура и композиция исповедальной речи Стефана вдохновляет родственную ей, импульсированную ею и различную с ней, идущую дальше и глубже неё апостольско-проповедническую речь Павла.

Более того, в Д.Ап. (13,20/21) приводятся хроносроки, к-рые в различных библейских манускриптах присобытийно разнятся, являясь спорными, к чему мы уже не раз, читатель, обращались (см. «Д.И.» 455-57; см. выше), и мимо чего, естественно, нельзя пройти сейчас, когда данный вопрос вновь актуализируется в хроно-последовательно-хроноповествовательном порядке.

Освежаем в памяти и продолжаем, приводя не подвопросно разнящуюся научную или церковную, но выявленную-установленную нами хронологию и даты еврейской метаистории-истории (Р.л. 344-70; Д.И. 217-504). И так, в части наиболее древних и следующих им позднейших манускриптов (в ряде греческих, славянских и в русском синодальном текстах) эти пресловутые *лет 450* (Д.Ап.13,20) прилагаются ко времени после пересечения изошедшими из Египта (1447г.) и оставившими позади 40 лет в пустыне (1447 – 07гг.) израэлитами, под предводительством (по смерти Моисея) Иисуса Навина, Иордана (1407г.), с последующим завоеванием ими Земли Обета (1400г.), до последнего судьи (пророка) Самуила и первого израэлитского царя Саула. Иначе говоря, они прилагаются (в основном) к периоду Судей Израилевых.

А в др. части манускриптов, в частности, в сирийской и армянской Библиях,

²⁸ Моисей – Пётр; Аарон – Павел; Иисус Навин – Лазарь-Иоанн. Моисей – Луна; Манна; Аарон – Меркурий; Оливковое дерево; Иисус Навин – Солнце; Луна; Виноградная гроздь.

или в западных версиях Д.Ап. (с латыни), эта сумманда в *лет 450* относится к периоду до эпохи Судей и завоевания израэлитами Земли Обета. Или, точнее, ко времени от прихода Израиля во время/времена до середины XIXв. до н.э. (с 1877г.) из Ханаана в Египет (под крыло великоегипетского везиря, при фараонах XII-й династии, патриарха Иосифа) и до перехода изведённых-выведенных из Египта Моисеем израэлитов, к-рые через 40 лет перешли, предводительствуемые в 1407г. Иисусом Навином (карма патриарха Иосифа!), через Иордан, и за 7 лет завоевали, изгнав 7 (Вт.7,1) деградантных ханаанских народов (не полностью и не отовсюду)²⁹, Землю Обетования – 1400г.

Посему, как видим, различные варианты-версии ранних новозаветных текстов и переводов, при том, что дошедшие до нас древнейшие фрагменты и манускрипты Д.Ап. датируются временем не ранее IV/V вв. н.э., прилагают означенные 450 лет к различным периодам времени – одни – (ко временам) после, другие – (ко временам) до – перехода Израиля через Иордан и завоевания Ханаана.

Засим здесь важно освоить и усвоить следующее. Первый вариант хроно- и суммандно несостоятелен-ошибочен при всех случаях, ибо сумму-сумманду в 450 лет, будь то от перехода Израиля через Иордан (1407г.), или, вернее, от завоевания Палестины (1400г.) до начала судейства ок. 1050г. Самуила (последний судия), к-рый ок. 1030г. помазал в цари Саула, нельзя-невозможно-нереально набрать-наскрестисплюсовать, в рамках воссоздания хронореальности в её (мета)исторической подлинности, никак.

И не надо оправдывать эту текстуальную числовую, в наличном виде, явную (при ближайшем-внимательном рассмотрении) ошибку скудоумной-беспомощной апелляцией к, дескать, (символической) хроноцифири (какого-то) устного предания, к-рое якобы тут используется Павлом и вслед за ним Лукой («Т.Б.», т.3., Д.Ап., с.102; Т.Zahn «Apostelgeschichte», S.430-440). Дудки! – поскольку ни Павлу, ни Луке какое-либо скудоумие не присуще. И тем паче, – поскольку никаких ошибок-накладок, в т.ч., хронологических или хроносуммандных, в исконном благовествовании Нового Завета, в чём мы с читателем имели возможность не раз удостоверить, коли это благовествование правильно читать, понимать, воспроизводить (в т.ч., там, где оно может быть отнюдь не его апостолько-евангелистскими авторами-благовестниками IV в. н.э. невольно – лингвистически или профанаторски – искажено), нет.

Иное дело, что эпоха Судей очень даже укладывается в сроки протяжённостью в ок. 350 (но не 450) лет – сумма, к-рая набирается от завоевания Ханаана (ок. 1400г.)

²⁹ 7 народов в земле Ханаан, согласно Вт.7,1/2 («Когда введёт тебя Господь, Бог твой, в землю, в к-рую ты идёшь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, Хеттеев, Гергесеев, Аморреев, Хананеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, семь народов, к-рые многочисленнее и сильнее тебя, / И предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их: тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их»); И.Нав.3,10; 24,11; согласно Вт.20,17 – 6 народов.

Интересна раввинская вольная экзегеза по данному поводу. «Генезис рабба» (44,28): «Р.Хелбо (ок. 300г.) именем р.Абба (ок. 290г.), именем р.Иоханана (+ ок.279г.): «И пришло на ум Богу дать израэлитам землю 10-и народов во владение (Б.15,19-21), и он дал им землю 7-и народов, названных последними... Кто же есть те три, земля к-рых им не была дана? Рав: «Аравия, Шламия (?) и Набатая». Р.Симон б. Иохаи: «Дамаск, М.Азия и Апамея». Р.Елезар б. Иаков (150г.): «Азия, Фракия и Карфаген». Равины: «Эдом, Моав и первый из детей Аммоновых. Это те трое, к-рых он не предал в их руку в этом мире: Эдом – Вт.2,5; Моав – Вт.2,9; Кенезеи – от Исава (Б.15,19), Кенеи и Кедмоней – от Едома (Моава?) и Аммона. Но во дни Мессии они будут преданы Израилю, дабы исполнилось слово Господне (при заключении завета с Авраамом): «...потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата:» (Б.15,18)».

до начала судейства ок. 1050г. (плюс-минус) Самуила. Или, точнее, сумма в ок. 350 лет набирается от кончины в 1380/79гг. Иисуса Навина, кто (особостатуированный предводитель и князь Израиля в течение, согласно еврейской традиции, 28-и пост-моисеевских лет: 1407 – 1379гг.), стоя особняком, к собственно Судьям не причисляется (в их число не входит), до помазания последним судьёй Самуилом в цари над Израилем ок. 1030г. (плюс-минус) Вениаминита Саула.

Отсюда вовсе не исключено обнаружение в будущем манускрипта Д.Ап. старше IV/V/VI-го вв., в к-ром вместо 450-и будет (может быть) проставлено – *лет 350*. И это при том, что идущие далее по тексту *лет* (приблизительно) *40* (13,21) есть и могут быть хроноисторически только купной суммой лет (последнего судьи) Самуила и (первого царя) Саула (вместе взятых). Т.е. ок. 20-и (округление) лет судейства Самуила (с ок. 1050г.) до помазания Саула (ок. 1030г.), и ок. 20-и (округление) лет царствования Саула до его гибели (ок. 1011г.) и тронного преемствования ему Давида (к-рого умерший ок. 1014/13гг. Самуил, отринув Саула, помазал несколько раньше – ок. 1017/16гг.) (Д.И. 457).

И не случайно Иосиф Флавий, пусть схематично и неточно, тем не менее, подтверждает разделение-дифференциацию *лет* Самуила и Саула в пределах купной 40-летки (И.д. 6,14,9: Саул царствовал 18 лет при жизни Самуила и 22 года после его смерти; 10,8,4: 20 суммарных лет Саулова царствования). При всяком реальном-реалистическом раскладе, Саул царствовал, ни в коем случае, не 40 лет, но ок. приблизительно 20-и лет после его помазания Самуилом. И при любом раскладе, Саул царствовал больше 2/3-х лет (с месяцами), к-рые отводит на его царствование талмудическая расчётная традиция, к-рой 450 лет из Д.Ап. неизвестны, но к-рая пытается экстремальным ужатием-сокращением-умалением царственных лет именно Саула «спасти» 480-летний интервал времени от Исхода, или 440-летний – после (40-летнего) Исхода, до закладки на 4-м году правления Соломона дома Господня (3Ц.6,1).

Эти 480-й или 440-й гг. вполне хроноисторичны-восстановимы-восставимы – 1447 – 1407 – 968гг. до н.э. Однако для их получения-спасения вовсе не требуется искусственное сокращение царственных лет Саула, к-рых, никоим макаром, в сумме не 2 и не 3 года с месяцами («Седед Олам» 11-13 и Талмуд с Таргумом предоставляют Саулу, всего-итого, 2 или 3 царственных года при жизни Самуила, мол, судействовавшего итого 12/13 лет, и 4 месяца после его смерти)³⁰, а на порядок больше. Хотя их в сумме (без судейских лет Самуила перед помазанием Саула),

³⁰ Из наличного масоретского текста Библии, к-рый (считаясь испорченным) не даёт сумму лет правления Саула и где сказано: «Год был по воцарении Саула, и другой год царствовал он над Израилем, как выбрал Саул себе три тысячи из Израильтян» (1Ц.13,1), нельзя сделать вывод о, в общей сложности, 2/3-летнем правлении Саула, каковой, т.е. именно такой вывод, еврейская хроноумалительная традиция, тем не менее, очень пожелала сделать и сделала.

И эта тенденция проникла также в позднюю христианскую редакцию «Септуагинты» (III/IVvv.), в к-рой искажённо и (к тому же) бессмысленно (по переименованному в пользу урезанной хронологии еврейскому тексту) сказано: «Год был Саулу, когда он стал царём, и два года правил он в Израиле» (пусть даже слова «два года правил он в Израиле», строго говоря, вовсе не обязательно означают правление протяжённостью всего-итого в два года), что Таргум силится понять-истолковать образно: дескать, Саул, при воцарении, был невинен, как годовалый младенец.

Между тем, в сирийском переводе «Пешитто» (сродни русскому синодальному тексту в данном месте с масоретского) правильно: «И царствуя в Израиле один и два года, Саул выбрал себе три тысячи из Израильтян» (см. Zahn «AG», S.433). Т.е. два (или три) года, ни в коем случае, не есть общая сумма лет царствования (продолжающего царствовать) Саула, если, разумеется, не захотеть (очень и очень) истолковать их, невзирая ни на что, именно (и только) так.

разумеется, никак не 40 (как читается в текстах Д.Ап.), но на порядок (вдвое или, без малого, вдвое) меньше.

Относительно же второй версии 450-летней сумманды – от прецизированного прихода Израиля в Египет (1877 – 1447г.) и до завоевания, после 40-летнего Исхода (1447 – 07гг.), израэлитами Ханаана (1407 – 1400гг.), если принять, что Израиль пришёл в Египет ок. (хроноарифметически) 1877г. до н.э. (за 430 лет до Исхода в 1447г.), и пересёк Иордан в 1407г., завоевав Ханаан на 1400-й г. до н.э., то получится сумма в 470-80 лет. И она вполне округляется минусовым-умалительным образом до лет 450-и³¹, по аналогии, например, с библейском минусовым округлением 430-и хрестоматийно-хронохаризматических лет (Гал.3,17) египетской эпопеи израэлитов до *круглых* 400 лет (Б.15,13; Д.Ап.7,6).

Впрочем, правильнее будет хроноисторизировать-воспроизвести = уложить в историю-метаисторию хроно(мета)историческую сумманду протяжённостью в лет 450 несколько иначе, и вот как. Сирийский, армянский и западные тексты Библии исчисляют эти лета-годы от пребывания крепчающего Израиля в Египте до завоевания израэлитами Ханаана. Т.е. надо оптимально взять интервал времени от ок. 1850г. до н.э. = после неоднодневного прихода-миграции израэлитов из Палестины в Египет, равно их обустройства в Египте, до покорения ведомыми Иисусом Навином пост-исшествными израэлитами в 1400г. Ханаана, что и даст, что и даёт в сумме как раз нужные – *лет 450*.³²

Дальше хронология-хроносумманды весьма сложной для прецизированной хронореконструкции эпохи Судей (вследствие их важности, повторим: либо – ок. 350-и лет от 1400г. до начала ок. 1050г. судейства Самуила; либо – ок. 350-и лет от кончины в 1380/79гг. Иисуса Навина до помазания Самуилом ок. 1030г. Саула) в означенных манускриптах Д.Ап., соответственно, не оговариваются (пропускаются-опускаются), тогда как, скажем ещё раз: время длиной в *лет 40*, приложительно к Самуилу и Саулу, есть и может быть лишь приблизительным-округлённым суммарным временем-сроками их обоих. И это особенно чётко явствует из оснащающего временем-сроком в лет 40 Самуила и Саула купно-совместно древнеармянского текста³³, в то время как греческие и в особенности латинские тексты приписывают лет 40 именно-однозначно Саулу.³⁴

³¹ Если для Иоанна Златоуста (+ 407г.) «лет 450» – время-период эпохи Судей («Толк. на Д.Ап.», «Беседа 29»), то для Иеронима (+ 420г.) это – время-период до пост-исшествного завоевания Израилем Ханаана («Вульгата»). И совсем не обязательно, как повелось, приписывать Иерониму отсебятинское искусственное исправление греческого текста, т.к. он вполне мог пользоваться не дошедшим до нас ранним греческим текстом Д.Ап., где период в «лет 450» относился ко времени Израиля до завоевания Ханаана. С др. же стороны, если у И.Златоуста «лет 40» повисают в воздухе, могучи быть истолкованы как общий срок судейства Самуила и царствования Саула, то у Иеронима это – венценосные лета-годы только Саула.

³² Стоит заметить, что при плюсовом арифметическом подсчёте непрерывным сплошняком (якобы) 450-и лет периода Судей от вступления Израиля в Ханаан (без учёта округлений и перекрытий сложной хронологии и сумманд эпохи Судей в Кн.Судей), плюс 40 лет (якобы одного) Саула, плюс 40 лет Давида, плюс 4-й год Соломона (закладка храма), получится общая сумма лет в 534 года. То-то у известного своими числовыми преувеличениями и разноречивого Флавия этот период исчисляется аж в (как отголосок летосчисления сплошной и отголосок сумманд, наличествовавших-апробировавшихся в иудейской не умалительной, но наоборот традиции) 552 (И.д.8,3,1; 10,8,5), или даже 572 (И.д.20,10) года. А в «И.д.» 11,4,8 на весь период Судей, от кончины Иисуса Навина до Саула, отводится 500 лет.

³³ «...давал им судей до пророка Самуила, к-рый, по просьбе народа дать им царя, помазал Саула, что продолжалось (понимай – судейство Самуила и царствование Саула вкупе-суммарно) лет 40».

³⁴ Из различных текстов Д.Ап.13,20/21, где сказано о судьях до пророка Самуила и о данном затем народу царе Сауле, что – Самуил и Саул – заняло, или на что, в общей

Следовательно, важно констатировать сроки от (акцентируем) начала судейства ок. 1050г. преемствовавшего первосвященнику Илию Самуила до гибели помазанного Самуилом ок. 1030г. Саула, к-рому в 1011г. преемствовал царствовавший 40 лет, до 971г., сын-отрасль Иессея – (копьеносец и псалмопевец) Давид (сын и преемник к-рого, Соломон, соорудивший в 968 – 61/60гг. дом Господень, правил, в свою очередь, 40 лет после Давида – с 971 по 931гг. до н.э.).³⁵

* * *

И, спрашивается, не Павлу ли (учёному дипломанту престижной школы Гама-лиила), к-рый являлся первоначально тарсянином Савлом из колена Вениаминова, было знать о, в т.ч., сроках судейства Самуила и царствования Вениаминита Саула, к-рый (о чём читатель в курсе) связан с Савлом (через Иеремию!) кармически!³⁶

сложности, ушло (*так прошло*) лет 40, можно предположить их (смысловую и лингвистическую) купность в прошлом, на раннем этапе новозаветных манускриптов, и сделать вывод о когдатой купности прочтения-понимания этих «сорока (инклюзивных – самуиловских и сауловских) лет». Во всяком случае, «40 лет» синодального русского текста, приложительно к купному сроку = к совместным срокам Самуила и Саула, звучат (пусть в достаточно неопределённой форме – «так прошло») правильнее-вернее, чем «40 лет» в новых русских переводах, по западным образцам-лекалам с латыни, чётко-недвусмысленно-отчётливо приписывающих эту 40-летку одному Саулу. Зато западные (с латыни) тексты (отлично от греческих и русского) правильно относят сумманду в лет 450 ко времени до завоевания Израилем Ханаана.

³⁵ Три 40-летки в метаистории-жизни-истории давшего Израилю импульс исторического времени, указавшего Израилю путь из метаистории в историю (куда израэлитов ввёл, через Иордан, в Землю Обета, Иисус Навин) Моисея и Израила (1527-1487-1447-1407гг.) до Иисуса Навина и Судей; и три сорокалетки Самуила с Саулом, Давида и Соломона (ок. 1050-1011-971-931гг.).

³⁶ И потому Павел мог бы сказать в своей антиохийско-писидийской синагогальной речи-проповеди, приводя метаисторическую хроноцифирь Израиля, по смыслу так: лет 450 от прихода-обустройства Израиля в Египте до послеисшествянного завоевания израэлитами Ханаана (ок. 1850 – ок. 1400гг.); плюс – лет 350 эпохи Судей (включая заключительные 20 лет Иисуса Навина – 1400-1380/79гг.) – от завоевания Ханаана до начала судейства Самуила (1400 – ок. 1050гг.) [или – лет 350 после смерти Иисуса Навина до помазания Самуилом Саула – 1380/79 – ок.1030гг.]; плюс – лет 40 (судейства) Самуила и (царствования) Саула (ок. 1050 – 1011гг.). Итого 450 + 350 + 40 лет = 840 (плюс 40 лет Давида, плюс 4-й год Соломона – закладка в 968г. храма, и его 7-летнее сооружение, дадут завершение строительства в 961 и освящение святилища осенью 960гг., что, в свою очередь, может дать-обозначить, всего-итого, 888 суммарных лет, при отсчёте времени от пребывания обустроенного Израиля в Египте с осени 1848г. до н.э. – как с 30-го года прихода евреев в страну-на-Ниле).

Обращают на себя также пристальное внимание okayмляющие период 1400-1050гг. симметрично созеркальные хроносроки: 40 лет Израиля в пустыне (1447-07гг.), плюс 7 лет на завоевание Ханаана (1407-1400гг.); и 40 лет Самуила с Саулом (1050-30-11гг.), плюс 7 лет царствования Давида в Хевроне (1011-04гг.) до завоевания Давидом Иерусалима – с ок. 1004г. столицы Израиля. И замечательно как значение имени Самуил – *испрошенный от Бога*, так и значение имени Саул – *выпрошенный; вымоленный*. И не знаменательно ли, что если уполовиненная 40-летка Самуила и Саула halвирует-маркирует-разделяет судейство (особостатуированного, сходно Иисусу Навину) пророка и последнего израильского судьи Самуила и царствование помазанного им на царство первого израильского царя Саула, то уполовиненная 40-летка Исхода маркирует начало в 1427г. до н.э. реформы Аменхотепа Эхнатона и старт учреждённого Эхнатоном, по новому-обновлённому им циклу-календарю, великого года-периода Сотис (истекшего – 1460 лет – в год дамасского просветления-обращения Савла – 34г. н.э.).

Кроме того, если Аменхотеп Эхнатон кармически связан с Первомучеником Стефаном, то не связана ли прекрасная-таинственная Нефертити (*Вечная Женственность* Египетско-Халдейской эпохи, под знаком Тельца, – Душа ощущающая), к-рую некоторые считают

И не симптоматично ли, что если родившийся ок. 1070 – 67/65гг. до н.э. (1067г. до н.э. отстоит на 1080 лет – Космический полумесяц – от пасхально-слиятельной Мистерии 14г. н.э.) Саул был помазан на царство в возрасте ок. 37-и (или 40) лет (ок. 1030г. до н.э., если не несколько раньше), то 37-летнего Савла – 40г. н.э. – Варнава привёл из Тарса в Антиохию, где Савл начал активную деятельность и где ученики ок. 40г. стали называться христианами.

А вот 46г. н.э. – год окончательного становления (переросшего Варнаву) Савла Павлом примечательным образом равноудалён на 12 лет от просветления Савла явлением ему (Эфирного) Христа на пути в Дамаск и его обращения-крещения в Дамаске – 34г., и на 12 лет от начала в Иерусалиме – 58г. – двухлетних (58 – 60гг.) палестинских уз Павла в Кесарии. Далее – на повестке дня 1080 лет от гибели Саула в 1011г. до н.э. до разрушения храма в 70г. н.э., и 1080 лет от помазания (Самуилом) Саула ок. 1030г. до н.э. до пропавлианских решений эпохального Апостольского собора 51г. н.э.³⁷

Однако, продолжим. Характерна манифестация Павлом в его синагогальной речи поставления Давида из корня Иессеева над отринутым Богом Саулом, как мужа по сердцу Господню, к-рый исполнил все хотения Божии и из потомства к-рого Бог по обетованию воздвиг Израилю спустя тысячу лет (к-рые у Господа Бога, – «как один день») Мессию-Спасителя Иисуса. Саул и Павел (характерно выразительное поставление Павлом Самуила и Давида выше Саула)! Давид и Иисус! Если Саул предшествует Давиду, то Павел – Апостол-последователь Христов! И предварил Иисуса Иоанн Предтеча-Креститель, усечённый, как впоследствии выпадет быть мученически усечённым Павлу (67г. – через 35 лет, на 36-м году от казни Иоанна 31.03.32г.), мечом.

Пока же Павел снова взывает к иудеям, прозелитам и к богобоязненным язычникам (полупрозелитам) в писидийско-антиохийской синагоге, на сей раз, словами – «мужи братия, дети рода Авраамова, и боящиеся Бога между вами». Стало быть, – и семиты-авраамиты (ибо израэлиты, строго говоря, – Иаковиты-Иосифляне), и богобоязненные язычники, т.е., в т.ч., Иафетиты, к-рые составляли значительную часть населения входившей в состав провинции Галатия Антиохии Писидийской (см. выше), находясь-обретаясь также среди прозелитов и полупрозелитов.

И Павел возвещает им всем (не делая между ними разницы) слово спасения от Иисуса Христа, К-рого еврейские жители-обитатели Иерусалима, не узнавши Его, не распознав в Нём обетованного Мессию, осудили Его, невольно исполнив слова пророческие о Нём, читаемые ежесубботне. И не нашедши в Нём никакой вины,

вдохновительницей (грандиозной реформации) Эхнатона, с пророком Самуилом (карма Марии Старшей = Мадонны! как Давид – карма Марии Младшей = Благодатной! как Соломон – карма Петра! как Иисус Навин – карма Мастера Хирама!), тогда как Саул кармически связан с Савлом/Павлом!

Нефертити и Эхнатон; Самуил и Саул; Первомученик Стефан и фарисей Савл, сделавшийся из обращённого-крещённого неопита Савла великохристианским Апостолом Павлом. Согласись, (нервнодушный к антропософии) читатель, тут есть, при наличии мозгов и способности к ясномышлению, глубокое основание для размыслов!

³⁷ Если один (зодиакально-прецессионный) Великий (= Космический = Платонов) *Месяц* составляет 2160 лет (два *Месяца* – 4320 лет), а *Полмесяца* – 1080 лет, а один *День* – 72 года, то одна Неделя-Седмица даёт (ведь в месяцах не 28, кроме февраля, но 30/31 день! 28-30/31) 504 (72 x 7) года (причём 504 x 2 = 1008; 1008 x 2 = 2016; 2016 x 2 = 4032...); хотя половина от 1080 есть 540. Налицо счётно-числовые тайны Таинств дателя-первооткрывателя (постатлантического) человечеству (в Пра-Иранскую культуру-эпоху, под знаком Близицево – 5068/67 – 2908/07гг.) историко-метаисторического (мета)Времени и учредителя (мета)Хронологии – Заратустры (за 6/5 тыс. до н.э.) (см. ниже)! То-то многочисленные эры «от Сотворения мира» восходят к VI-у тыс. до н.э.

достойной смерти, предали Его язычникам-римлянам и распяли, по приговору и руками наместника Иудеи Пилата (мужа, в отличие от наместника Кипра Сергия Павла, неразумного, покончившего с собой в галльской ссылке, в горе и унынии, за 7 лет до уверования Сергия Павла).

Удостоверьтесь, метаистория Мистерии Голгофы рассказана-отблаговестована, точки над *i* метаисторически и метаюридически = включая метаправовой аспект, расставлены – и дуалистически, и недвусмысленно. Иудейские начальники предали Иисуса Пилату на распятие. Мессию Иисуса казнили богоизбранники-евреи, богоизбранничество к-рых пресеклось-иссякло-исполнилось в день Таинства Голгофы (открывший перспективу богоизбраннического обращения ко Христу уверованием во Христа язычников), и повелители мира – римляне. Языческий Рим и ветхозаветное еврейство = старый Израиль; ветхозаветное еврейство = старый Израиль и языческий Рим (народы *старого* Сатурна).

И теперь следует кульминационное апостольско-проповедническое прославление снятого с древа, положенного во гроб и воскресшего-воскрешённого Богом из мёртвых Христа Иисуса. Таким образом, Павел прославительно проповедует Воскресение Того, распятого на кресте и умершего Иисуса, Воскресение К-рого он, посвящённый фарисей, некогда гневно отвергая восстание смертельно пригвождённого ко кресту Христа из мёртвых, в своё время прощёпшил. Воскресение К-рого (в Фантомном теле Воскресения) он не принимал, в К-рого он не мог поверить-уверовать! И потому гнал-преследовал Церковь Божию вплоть до персонального явления ему, семимесячному (недоокостенелому) *извергу*, что и сделало возможным это явление-восприятие, Воскресшего Иисуса на пути в Дамаск, с чего в 34г. и началось завершившееся в 46г. становление Савла Павлом.

И как Он, Иисус, являлся вышедшим с Ним из Галилеи в Иерусалим приверженцам в Фантомном Теле Воскресения в течение 40 дней до Вознесения, в Эфире, уплотнявшемся до невещественного-обезвещественного Физиса, так Он явился – милостию Божией – не знавшему Его, Иисуса, в земной жизни – наименьшему, по его собственным словам, из Апостолов, гонителю Церкви, на дороге в Дамаск, явился повинному в убийнии Стефана 30/31-летнему Савлу. Явился, чтобы ослепительно просветлить и просветить его, Самолично-Персонально наставив его (кому невозможно идти против рожна) на путь веры и истины (к-рым Савл/Павел восходительно шествовал затем к своему мученическому венцу все последующие 33 года)!

Нет Христа Спасителя без смерти и Воскресения, и Павлом благовестуется именно в Воскресении (без веры в К-рое после смерти христианская вера тщетна) исполнение обетования, данного Богом Израилю. Первый *тленный* Адам и Второй Адам = Адам Кадмон, к-рый воскрес, воскрешённый Богом, и тем самым победил тление, став Адамом Новым, Адамом *Нетленным*. Вот в чём сущность павлианского богословия, вот в чём суть обращения к иудеям и к более предрасположенным воспринять-принять это сокровенное откровение язычникам, что Павел уже предчувствует, проповеднически-апостольски-богословски разворачиваясь в державно оправленную Римом грекоязычную – в космополитическую греко-римскую Ойкумену!

И неспроста в конце слова-проповеди (приоритетному перед Саулом) Давиду, мужу по сердцу Господню, ныне противопоставляется Иисус. Ибо «Давид, в своё время, послужив изволению Божиию, почил, и приложился к отцам, и увидел тление», что произошло – 971г. до н.э. – за 1000 лет до Крещения Иоанном Иисуса в Иордане – 30г. н.э., в то время как Иисус, Сын Давидов, ставший в Крещении на Иордане Сыном Божиим, ставший из Христа Земного Христом Небесным, и по-смертно, в результате Таинства Голгофы, воскресший-воскрешённый Богом, не

увидел тления! И сим Христос, отлично от Давида, победил смерть, что мог свершить-осуществить-реализовать только Мессия, – едиnorodный Сын Божий, и без чего нет ни Искупления, ни Спасения!

Не говорит ли Иоанн Креститель дважды в Ев. от Ио., при начале и при конце своей проповеднической-крещенской деятельности, к-рая кульминировала в водном Крещении Иисуса из Назарета = Христа земного во Христа Небесного: «я не Христос» (1,20), и «не я Христос, но я послан пред Ним» (3,28). Если тленый Давид был прообразом Мессии, то его потомок Иисус, обретя нетление в Воскресении, исполнил данное Богом Давиду обетование.

И не чудесно ли, что в эпилоге *то*, оправдание чего невозможно законом Моисеевым (закон и пророки до Иоанна – предтечи Христа), оправдывается Христом. Т.е. Им оправдывается всякий верующий в Него, превосходящего Закон, ни одна буква из к-рого, конечно, не пропадет, но всякая буква к-рого, скованная-замороженная мёртвым преданием старцев, Событием Голгофы, Событием исполнителя-преобразителя Закона Христа, прошедшего через смерть и Воскресение, при и по Исполнении Времён, отменяется-упраздняется. Вера в поистине умершего и воистину воскресшего Иисуса, Воскресение К-рого суть Воскресение в Нетление – в Жизнь Вечную, – во главе угла, в эпицентре, в сердце-сердцевине павлианской теологии и проповеди, она – её стержень!

И не случайно проповедь, начатая обращением к мужам Израильтянам и к боящимся Бога заканчивается (в частности, упоминанием слова пророка конца VII-го или VII/VI-го вв. Аввакума о халдеях, к-рым предстоит вторгнуться в Иуду и положить конец эпохе Первого храма)³⁸ своеобразным смещением центра апостольско-проповеднической тяжести в сторону полупрозелитов-язычников, переходя = переводя стрелки со *старого* Израиля на Израиль *Новый*: с народа в законе на Ойкумену во Христе, с исчерпанного ветхозаветного еврейства на новозаветных Человека и Человечество!

Такова была содержащая в себе семена конфликта (между Павлом и Иудеями) первая публичная проповедь Ап. Павла, озвученная в Новом Завете Благовестником Лукой, к-рая прозвучала в синагоге Антиохии Писидийской весной/летом 46г. н.э., и к-рая имеет сменовеховеховское значение как один из этапов, как один из эволюционных фикс-пунктов в истории-метаистории раннего христианства, в процессе его поэтапного выхода из старообетованного еврейства в новообетованную Ойкумену. В процессе становления Апостолом языков-язычников осособстатуированного Христова Апостола Павла, необоримо-необратимо ставшего через 13 лет после События Голгофы и через 12 лет после просветлительного пути в Дамаск из Савла Павлом!

И как в распоряжении Саула было ок. 20-и лет царствования от помазания его Самуилом до его трагического конца в пользу Давида, так Павлу (без к-рого нет и не было бы всемирного христианства) в 46г. н.э. оставалось два десятка лет, или, точнее, 21 (7 x 3) год беспорочной христоносной деятельности в его беззаветно-новозаветном служении Иисусу Христу, к-рое ему надлежало увенчать славным мученичеством – 67г. н.э. – за непоколебимую веру во Христа Иисуса!³⁹

³⁸ Аввакум – современник страшного духовного кризиса в Иудее после царя Иосии (640-09гг.) и провозвестник скорой катастрофы 597-86гг. Его сердце вопрошает Бога: «почему?» и «как долго ещё?». На вопросы (одного из 12-и Малых пророков) Аввакума к Богу звучит ответ, к-рый есть в Посл. Павла к Римлянам (1,17). Пророк – молитвенный ходатай пред Господом за безвинных и наибольшее значение его книги в благовестовании праведности веры (см.ср. Рим.1,17; Гал.3,11; Евр.10,38), как предупреждение тем, к-рые отвергают милость Бога.

³⁹ Если Саул пощадил амалекитского царя Агага, за что лишился милости Бога, проиграл и потерял трон, доставшийся помазанному Самуилом Давиду, то тысячелетие спустя Савл,

ИЗГНАНИЕ ПАВЛА И ВАРНАВЫ ИЗ АНТИОХИИ ПИСИДИЙСКОЙ

(осень 46г.)

Возвестив-проповедавав веру в воскресшего Христа, Павел предложил ветхозаветным евреям-иудеям выход через крещение-обращение на иной новозаветно-христианский уровень, а генетически не отягощённым поколениями законничества полупрозелитам-язычникам – уверование. И неспроста большинство иудеев, хотя и отнюдь не все, встретили это новое субботнее слово *воскресенца* Павла пока, сразу по его произнесении-услышании, насколько выводится из Д.Ап., (глухим настороженным) молчанием. Увы, они в большинстве не могли принять это слово, не могли принять Иисуса как Мессию (будь то Спасителя – умершего и воскресшего; или будь то Спасителя *над* Законом).

Между тем, в большей мере, позитивно впечатлённые-заинтересованные язычники просили Павла и Варнаву, после этой первой синагогальной проповеди, говорить не о чём-то ином, но о том же, что этих изголодавшихся по духовному обновлению алчущих потенциальных неопитов явно задело-зацепило за живое, через неделю (в ближний-предстоящий день Кроноса-Сатурна).

«При выходе их из Иудейской синагоги, язычники просили их говорить о том же в следующую субботу;

Когда же собрание было распущено, то многие Иудеи и чтители Бога, обращённые из язычников, последовали за Павлом и Варнавою, к-рые, беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати Божией.

В следующую субботу почти весь город собрался слушать слово Божие;

Но Иудеи, увидевши народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел.

Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию; но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам;

Ибо так заповедал нам Господь: «Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли».

Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, к-рые были представлены к вечной жизни;

И слово Господне распространялось по всей стране.

Но Иудеи, подстрекнувши набожных и почётных женщин и первых в городе людей, воздвигли гонение на Павла и Варнаву и изгнали их из своих пределов.

Они же, оттрясши на них прах от ног своих, пошли в Иконию.

А ученики исполнились радости и Духа Святого.» (Д.Ап.13,42-52)

Если, согласно Д.Ап.13,42, язычники – это и есть прозелиты «врат», на к-рых (более, чем на большинство иудеев) произвела впечатление проповедь Павла, особенно её концовка, то согласно следующему стиху (43), многие иудеи и прозелиты «правды» последовали за Павлом и Варнавой, к-рые продолжали проповеднически беседовать с ними = миссионерски работать с ними в русле-процессе-ключе их христианизации = обращения-крещения, и тем самым «пребывания в благодати Божией».

взойдя в Павлы и *выйдя* из старого Израиля в Израиль Новый, обратился с проповедью о превзошедшем закон Христе (К-рый – как Иисус – родился от жены и подчинился закону) ко всей Ойкумене, – без Елина, Иудея, Амаликитянина (Гал.3,28; 4,4) и т.д., – в чём заключается метаморфоза ветхозаветного греха Саула, новозаветно искупленного Павлом!

Значит, в Д.Ап.13,42/43 присутствуют-представлены все три группы-категории участников синагогального собрания или шире – членов писидийско-антиохийской иудейской общины и примыкающих к ней: иудеи и прозелиты, к-рые, при упрощённом делении, делятся на, как сказано, прозелитов и полупрозелитов, равнозначных богобоязненным язычникам, частично придерживающимся заповедей и склоняющимся к обращению в иудаизм. Ныне же, с Павлом и Варнавой, в иудейскую общину пришла сумятица. Большая часть иудеев ополчилась против Апостолов, меньшая последовала за ними, или минимум проявила к ним благосклонный интерес, тогда как среди прозелитов и в особенности среди полупрозелитов павлианско-апостольская проповедь нашла наиболее благодатную почву и наиболее благоприятный отклик.

Засим можно вообразить, каким, мягко говоря, неприятием к незванным пришлецам-проповедникам преисполнились правоверные иудейские ортодоксы-традиционалисты, у к-рых не могла не вызвать отторжение-противление еретическая павлианская возможность оправдания человеков (распятым!) Христом, дерзновенно противопоставленная невозможности оправдания законом.

Притом это христоцентрическое благовествование шло дальше допустимого, в т.ч., для множества иудеохристиан, для к-рых со Христом, с уверованием во Христа не кончалась приверженность закону и обрезанию, в чём Павел уже усмотрел неоправданное (тормозное) препятствие для обращения язычников, в к-рых для него всё отчётливее различалась основная христианская паства недалёкого будущего, над чем он и начал, сделав, так сказать, языческий крен, без какого-либо отказа от иудейского поля деятельности, сеятельскую-посевную работу.

И вот по прошествии недели, как говорится у Лк., – «почти весь город собрался слушать слово Божие». Иначе говоря, помимо иудеев, прозелитов и богобоязненных язычников, не считая обращённых-крещённых за истекшую седмицу, в синагоге и, надо понимать, возле неё собралось множество людей, в т.ч., привлечённые к происходившему разошедшейся за минувшую неделю благой вестью язычники. Они либо слышали проповеди Апостолов Христовых в течение недели собственными ушами; либо слышали о них и об их проповеди в передаче-пересказе своих близких, друзей, знакомых.

Так или иначе, в Антиохии Писидийской царил вызванный Павлом и Варнавой, вернее, их словами и делами, для одних – здоровый, для других – нездоровый, ажиотаж. Короче, слово Божие, в той или иной мере, вышло за пределы еврейства и однозначного прозелитизма, находя живой отклик или минимум интерес в языческих массах. Последним было ведомо много старых божеств, ни одно из к-рых не отвечало их потребностям, ситуация с чем продолжала усугубляться, почему благая весть о новом Боге пришлось весьма ко времени и к месту.

В то же время выросло и противление ортодоксально-синагогальных иудеев. Из текста Д.Ап. неясно, произнесли ли Павел и (или) Варнава вторую субботнюю проповедь в синагоге? или она прозвучала, из-за иудейского противодействия, где-то поблизости? Или – и там, и там? Неясно также, как долго, где именно и сколько раз исполнившиеся зависти иудеи противоречили-перечили, злословили и сопротивлялись тому, что проповедывали Апостолы, поскольку, как можно умозаключить из Д.Ап., речь идёт-ведётся не об одноразовом конфликте только «в следующую субботу».

Надо понимать, начавшееся противостояние заняло какое-то время, при всех случаях, дольше одной недели, завершившись в итоге разрывно-манифестационным словом к (антиохийско-писидийским) иудеям Павла и Варнавы, с горьким упреком относительно того, что это именно им, Иудеям, следовало первым принять слово Божие и понести его дальше (не был ли Мессия послан Богом, перво-наперво, к

погибшим овцам дома Израилева!). Но они этого не сделали, отвергнув слово Божие, чем сделали себя недостойными жизни вечной, и потому отныне Павел с Варнавой обращаются к язычникам.

Заострим внимание на том, что такая открытая противопоставительная манифестация предпочтения язычников иудеям, из-за противления иудеев слову истины, имеет место летом 46г. н.э. впервые. Именно Павел её инициирует и Варнава сопутствует Павлу.

Посему это первый в Д.Ап. в павлианской биографии прецедент вовсе не столько полного предпочтения язычников иудеям, сколько, с сих пор, обращения христианской проповеди (вследствие глухоты-слепоты агрессивно отвергающих её иудеев), в первую очередь, к язычникам, наивные сердца к-рых, не отягощённые узами-путами закона и традиционалистских преданий старцев, восприимчивее к слову Божию. Вот вывод, к к-рому пришёл Павел, и в чём с ним согласился Варнава.

Отныне центр миссионерской тяжести смещается с еврейства-иудейства, никоим образом, не отрекаясь от него, на язычество, смещается-перемещается со вспаханного-перепаханного оскудевшего-иссякшего поля на (субботные) поля, лежащие под паром, на поля, требующие новых (воскресенских) семян, влаги и всходов, на деревья, жаждущие новой влаги в видах произведения новых плодов взамен непотребных-несъедобных прежних. По Павлу, жало смерти – грех, а семья греха – фоссильный закон (уж не говоря о часто подменяющих собой даже закон самозванных преданиях старцев), препятствующий пути ко Христу.

И не случайно Дееписатель приводит здесь (павлианские) слова наиболее мессианистического ветхозаветного пророка – Исаии (42,6; 49,6) – советчика реформатора Езекии (720 – 691гг.) и современника гибели царства Израильского (715г.), слово к-рого, т.е. Исаии, о положении грядущего Христа Господня во свет язычникам, чтобы спасение Божие простёрлось до края земли, начало исполняться сейчас – в эпоху не знающего этнических и конфессиональных преград Израиля Нового.⁴⁰ И должно сему слову исполниться не так, – что всё больше понимает-осознаёт Павел, – т.е. не через закон и обрезание, как полагают закосневшие в законе и помешанные на обязательности обрезания иудеи.

Ну и, спрашивается, как могли они не сопротивляться подобному подходу к христианству и к христианизации – в перспективном развороте оных на все стороны света, до краёв земли, к-рый стартовал (от обращения – 40г. – Петром римского сотника Корнилия) в 45/46гг. и будет (про)павлиански утверждён на Апостольском соборе 51г. н.э.!

Тем временем, многие язычники Антиохии Писидийской обрадовались и прославляли слово Господне, к-рому внимали из уст Павла и Варнавы, к-рые, отойдя-удалившись от синагоги, где их проповеди препятствовали, проповедовали теперь им. И представленные к вечной жизни уверовали, а слово Господне распространялось от и через слышавших его, выйдя за пределы Антиохии, по всей, следует понимать, писидийской, в составе провинции Галатия, стране. Удостоверьтесь, в дееписательском объективе не одна «следующая суббота», но как минимум лето 46г. н.э.

Позднее же, по всей вероятности, уже осенью, антиохийско-писидийские иудеи, не могучи противостоять проповедующим язычникам Павлу и Варнаве своими собственными внутрииудейскими силами (к-рые на язычников влияния не имели), и одновременно не могучи смириться с растущим-ширяющимся успехом деятель-

⁴⁰ «Кн.Еноха»: «...Он будет жезлом для праведных и святых, чтобы они опёрлись на Него и не падали; и Он будет светом народов и чаянием тех, к-рые опечалены в своём сердце. Перед Ним упадут и поклонятся все живущие на земле, и будут хвалить и прославлять, и петь хвалу имени Господа духов...» (8,48).

ности миссионеров, подстрекнули против них видных местных городских прозелитов (о чём говорит форма выражения – «набожные и почётные женщины») (Zahn «AG», S.455) и (через них) властную римскую администрацию города. Последнее обернулось гонением на Павла и Варнаву, приведшим к их изгнанию как из Антиохии, так и, судя по тексту, из областных пределов Писидии.

Хотя, как видим, Павел и Варнава не подверглись тут какому-либо суровому наказанию, объявленные персонами нон-грата, и вынужденные удалиться. Впрочем, во 2-м Посл. к Тимофею (заключительное из Павловых Посланий, написанное в пору его вторых уз, в 66г.) Антиохия (Писидийская) называется первой в числе городов, где на долю Павла выпали гонения и страдания, от к-рых избавил его Господь (3,11).

Стало быть, осенью 46г. Апостолы-миссионеры оттрясли на своих гонителей прах ног своих, как заповедал ещё Иисус Большим и Малым Апостолам, посылая первых осенью 31-го, а вторых осенью 32г. на служение (Мф.10,14), покинули Антиохию и направились в расположенную в ок. 150-и км Иконию (1030м над уровнем моря), тогда как как их последователи-ученики, оставленные ими в Антиохии Писидийской, – христианские неопиты из числа обращённых-крещённых Павлом и Варнавой новообитников – давешних язычников, прозелитов и иудеев, – «исполнялись радости и Духа Святого».

ИЗ ХРИСТОЛОГИИ ШТАЙНЕРА

«...Таким образом, Павел требует от всех, кто называет себя христианами, чтобы они позволили возникнуть в себе тому, возможность чего в них действительно заложена и что, подобно тленному телу, ведущему обратно к Адаму, ведёт к тому, что на третий день поднялось из гроба, в к-рый было положено тело Христа Иисуса. Кто с этим не согласится, тот не сможет найти никакого подхода к Павлу, не сможет сказать, что он понимает Павла. Происходя в отношении своего тленного тела от первого Адама, тем не менее, как раз тем, что делаешь существо Христа своим собственным, имеешь возможность приобрести второго родоначальника, Того, Кто на третий день после предания тела Иисуса Христа земле поднялся из гроба. Пусть, таким образом, для нас прежде всего будет ясно, что это является требованием Павла, как бы неудобно оно ни было для современного мышления. Мы ещё подойдём ближе от этого установления Павла к современному мышлению; но только нельзя строить себе другие убеждения по поводу того, что так ясно выступает нам навстречу у Павла, нельзя истолковывать превратно как раз им так ярко выраженную мысль. Конечно, аллегорические объяснения удобны; удобно говорить, что он имел в виду то или это; но все такие толкования не имеют никакого смысла. Если же мы хотим связать с этим смысл, то нам не остаётся ничего иного – даже если современное сознание сочтёт это за суеверие – как представленный Павлом факт, что Христос воскрес на третий день. – Но пойдём дальше.

Здесь я бы теперь хотел привести одно замечание, а именно, что такое утверждение, какое сделал Павел после того как сам силой события под Дамаском достиг вершины своей инициации, такое утверждение относительно второго Адама и его воскресения мог сделать лишь тот, кто всем своим образом мышления и своим мировоззрением вышел из Греции; только человек, коренящийся в эллинизме, несмотря на свою принадлежность еврейскому народу; лишь тот, кто в некотором отношении всё своё еврейство принёс в жертву греческому миропониманию и миронастроенности. Ибо – если мы ближе подойдём к этому вопросу – что, в сущности, утверждает Павел? – То, что любили и ценили греки: внешнюю форму человеческого тела, о чём они испытывали трагическое ощущение, что оно кончается, когда человек проходит через врата смерти,

об этом из глубины своего воззрения Павел говорит: оно торжествуя восстало из гроба с воскресшим Христом! — Перебрасывая мост между двумя мировоззрениями, мы лучше всего сможем сделать это следующим образом: греческий герой говорит из глубины своего греческого ощущения: «Лучше быть нищим на Земле, чем царём в царстве теней!» Он это говорит, будучи убеждён в своём греческом ощущении: то, что он так любит, внешняя форма физического тела, при прохождении через смерть, теряется навсегда. На ту же самую почву, на к-рой взросло это упоённое красотой трагическое настроение, на ту же почву ступил Павел, провозвестник Евангелия сначала у эллинов. И мы не отклонимся от его слов, если мы их переведём следующим образом: «То, что вы больше всего цените, физическая форма человека — в будущем не погибнет; Христос же восстал как первый из тех, кто будут пробуждены из мёртвых! Физическая форма тела не потеряна, но возвращена человечеству силой Воскресшего Христа!» То, что больше всего ценили греки, это вернул им обратно до мозга костей гречески образованный иудей Павел вестью о Воскресении! Только грек мог так думать и так говорить, но грек, ставший греком благодаря всем тем предпосылкам, к-рые одновременно давались иудейским происхождением. Только ставший греком иудей мог говорить так, и никто другой...» («От Иисуса ко Христу», лекция 6 от 10.10.1911г., ПСС 131)

«...Но чем дальше отступаешь назад, тем больше находишь, что фактически как раз в еврействе во время Мистерии Голгофы жило ещё наряду с внешним Ветхим Заветом то, что можно назвать воззрением Мистерии, истинным воззрением Мистерии.

И это воззрение состояло во многом, и в том, что давало возможность читать правильным образом Ветхий Завет. Но читать его правильным образом возможно только тогда, когда в основу всех его положений кладётся духовное. Отрицательнее всех относились, во времена Мистерии Голгофы, к этой особой окраске тайного еврейского учения римляне. И действительно, вряд ли существовало на всём протяжении развития Земли большее противоречие, чем между римскими воззрениями и охраняемыми палестинскими посвящёнными воззрениями Мистерий. Но это воззрение Мистерий, существовавшее в Палестине, нельзя брать просто, в его тогдашнем виде, ибо тогда не найдешь в нём христианства, а лишь пророческое провозвестие христианства. Но, с др. стороны, то, что живёт в христианстве, понятно лишь тогда, когда его рассматривают на фоне, на историческом фоне существовавших в Палестине Мистерий. Но это учение Мистерий было полно тайн о пневматическом человеке, полно тем, что указывает человеческому сознанию искать путь в духовный мир. Многое из того, что жило в этом тайном учении, жило, более или менее разветвляясь, в Греческих Мистериях. Но в Римских Мистериях жило от них весьма мало. Римлянам как раз вовсе не надо было основного нерва этих палестинских Мистерий. Они не нуждались в нём, потому что в Римской среде развивалось сообщество людей совсем особого рода, к-рое могло существовать тогда, когда оно не думало о пневматическом человеке. *В том-то и состоит тайна римской истории, что в ней было положено основание такому человеческому сообществу, из к-рого более или менее исключается пневматический человек.* Здесь основывалось нечто, перед чем не имело никакого смысла говорить о человеке в его трёхчленной сущности: как о теле, душе и духе. И чем дальше назад, тем более ясно, что древнейшее понимание Мистерии Голгофы основано именно на этом разделении всего человека на тело, душу, дух, как это встречается у Павла, говорящего о физическом человеке, духовном и душевном. Но именно это и должно было наиболее отталкивать римлян...» («Краеугольные камни познания Мистерии Голгофы», цикл из 6-и лекций, прочитанных в Берлине в марте/апреле 1917г., л.1 от 27.03., ПСС 175)

«...Мы все знаем, что Павел исходит из События на пути в Дамаск. И мы знаем также, что это было для него великим откровением, — в то время как всё, что он мог слышать в Иерусалиме — на физическом плане — как непосредственное сообщение, не могло превратить Савла в Павла. Убедило его откровение из духовных миров. Лишь благодаря этому Христианство действительно возникло; отсюда Павел черпал силы проповедовать Христа. Но получил ли он лишь одну абстрактную идею, противоречивую в себе? Нет, из того, что он узрел в духовных мирах, он вынес убеждение, что Христос Жил на Земле, Страдал, Умер и Воскрес. «Если бы Христос не воскрес, моё учение было бы пустым», — так по праву сказал Павел. Он получил из духовных миров не одну идею Христа, но уверенность в действительности Христа, Умершего на Голгофе. Тем самым для него был доказан исторический Христос (Иисус).

Что же необходимо теперь, если приближается время, когда из-за материализма эпохи исторические источники теряют свою ценность, и каждому легко доказать, что они стали так шатки для критики, что внешним историческим образом ничего нельзя доказать? Тогда люди должны научиться понимать, что можно и без исторических источников познать Христа как исторического Иисуса, благодаря тому, что Событие Дамаска может возобновиться для каждого человека через ученичество, а в ближайшем будущем даже для всего человечества, так что станет возможным увериться в историческом Иисусе. Вот новый путь, ведущий к историческому Иисусу, к-рый должен открыться в мире. Дело не в том, правильны или нет совершившиеся факты, а в том, что они существуют...» (...)

«...Важно верить в развитие души от воплощения к воплощению, от эпохи к эпохе. Этому мы научаемся, научаясь пониманию Истинного Христианства. И нам остаётся ещё многому научиться у Павла. Оглядитесь, во всех восточных религиях, а также и в буддизме, вы найдёте учение: внешний мир — Майя. Это, несомненно, так. Но на Востоке это ставится, как абсолютная истина. Павел также знаком с этой истиной, он её достаточно выдвигает. Но Павел оттеняет ещё и нечто другое, а именно: человек не видит истины, не видит действительности, когда он смотрит глазами вовне. Почему? Потому что, опускаясь в материю, он сам обратил в иллюзию внешнюю действительность. Сам человек своим поступком сделал из внешнего мира иллюзию. Назовите теперь вместе с Библией «грехопадением» или как хотите иначе то, что превращает для него внешний мир в иллюзию. «Богам» приписывает восточное вероучение вину, почему мир является майей для человека. «Бей себя в грудь, — говорит Павел, — ты спустился и так помрачил своё собственное созерцание, что цвет и звук не представляются в действительности, как духовные. Ты полагаешь, что цвет и звук существуют материально сами по себе. Майя всё это. Ты сам обратил это в майю. Человек, ты должен сам освободиться от этого. Ты снова должен овладеть тем, что потерял. Ты спустился в материю, теперь ты должен освободиться от неё, спасти себя, но не так, как учит Будда: «укроти жажду существования». Нет, ты должен познать настоящее бытие Земли. То, что ты сам обратил в майю, ты должен исправить в себе. И ты это можешь, вобрав в себя силу Христа, к-рая покажет тебе истинный внешний мир»

В этом заключается великий Импульс, Импульс западной жизни, новый момент, к-рый ещё далеко не проведён во всех областях. Что знает мир о том, что в одной области даже была сделана попытка, так сказать, в духе Павла создать теорию познания. Подобная теория познания не могла бы сказать в духе Канта: вещь в себе необъяснима; она могла бы только сказать: дело за тобой, человек. Тем, что ты теперь есть, ты создаёшь неправильную действительность. Ты должен пережить в себе внутренний процесс. Тогда майя превратится в истину, в духовную действительность. Поставить таким образом теорию познания на Павловскую основу было задачей двух моих книг: «Истина и наука» и «Философия свободы». Эти две книги стоят на почве того, что

является великим достижением Павлова воззрения на человека для западного мира...» («Импульс Христа и развитие Я-сознания», 7 лекций, прочитанных в Берлине в 1909/10гг., л.7 от 8.05.1910г., ПСС 116)

«...Будущее будет не только понимать Христа, оно должно будет проникнуться Им. Большинству из вас я уже объяснял, каким образом в процессе земной человеческой эволюции сможет прогрессировать эта причастность ко Христу. В «розенкрейцерской мистерии» [«Врата посвящения» Р.Штайнера] ясновидящая Теодора, развив в себе способность видения ближайшего, непосредственного будущего, говорит, что мы идём к тому, действительно, близкому времени, когда люди — сначала немногие, затем всё более и более многочисленные — смогут видеть Христа не только на пути духовных упражнений, но благодаря тому, что всё человечество поднимется на известную ступень развития.

Но на этот раз люди будут иметь Христа не в физическом мире: они узрят Его в эфирном теле, а в более отдалённом будущем они смогут видеть Его ещё в новом аспекте. В физической же форме Он был виден всего лишь однажды: люди, живущие на физическом плане, должны были лишь однажды пройти через это переживание.

Однако Импульс Христа не достиг бы цели, если бы он перестал действовать, если бы он не развивался всё дальше. Мы приближаемся к эпохе, — и это надо воспринять как провозвестие, — когда внешние способности человека позволят ему созерцать Христа. Ещё до конца XX-го века на Земле будет небольшое число людей, к-рые действительно уподобятся Теодоре, т.е. их взору, открытому навстречу духу, будет доступно переживание Ап. Павла на пути в Дамаск, видение, пережитое им ещё в ту отдалённую эпоху, потому что он до срока родился на Земле. Ещё до конца XX-го века известное число людей переживут явление Христа, как оно раскрылось Ап. Павлу перед Дамаском, и им, в такой же мере, как и Ап. Павлу, для понимания Христа не нужны будут ни Евангелия, ни какие-либо другие памятники. Им всё будет известно из внутреннего опыта, и Христос явится им в эфирном облике.

Таким образом, в эфирном аспекте произойдёт своего рода возвращение Христа, и Он явится людям, как Он раньше явился предвосхитившему это Павлу. Мы обязаны совершенно недвусмысленно заявить, что явление в эфирной форме Того, Кто жил в начале нашей эры в физическом теле, как это имело место с Ап. Павлом, в конце нашего века — необходимо вытекает из самой природы Христова Пришествия. И если люди будут развивать в себе всё более высокие духовные способности, они смогут во всей полноте познать сущность (природу) Христа. Если бы Христос явился вторично в физическом теле, в этом не было бы никакого свершения, и это значило бы, что Он напрасно приходил на Землю в первый раз. Это значило бы, что в человеке, благодаря его Первому Пришествию, не развились высшие способности. А результатом Пришествия Христа должно быть именно развитие в человеке высших способностей, к-рые позволят ему видеть Христа там, где Он действует в высших духовных мирах...» («Ев. от Матфея», 12 лекций, прочитанных в сентябре 1910г., л.10 от 10.09., с.172-74, ПСС 123)

«...Кришна, т.е. дух, к-рый действует через Кришну, появился опять в мальчике Иисусе Нафановой линии дома Давидова в Ев. от Лк. И в этой личности объединились, в сущности, все импульсы к самостоятельности человека, к освобождению от внешней действительности. Чего же хотел Кришна, или, скажем мы, эта душа, не вступившая в эволюцию человечества и действовавшая в Кришне, а затем в мальчике Иисусе Ев. от Лк., чего, собственно, она хотела? Она должна была пережить тот факт, что некогда она должна была остаться вне развития человечества, потому что пришёл враг Люцифер, к-рый сказал: «откроются глаза ваши и вы будете, как боги, знающие добро и зло». В древнем индийском смысле Люцифер выступил перед людьми и сказал: «Вы

будете как боги и сможете найти в мире состояния саттва, раджас и тамас».⁴¹ — Люцифер указал людям на внешний мир. Так, по указанию Люцифера люди должны были познать внешнее, должны были пройти эволюцию вплоть до эпохи Христа. Потом в лице Кришны и мальчика Ев. от Лк. появился тот, кто некогда отступил перед Люцифером. Теперь он в двух этапах учил тому, что должно было быть обратным полюсом учения, данного в Раю Люцифером: «Он хотел открыть вам глаза на состояния саттва, раджас и тамас; закройте глаза на состояния саттва, раджас и тамас, тогда вы найдёте себя самосознающими людьми». — Так перед нами выступает имажинация: с одной стороны, имажинация Рая, где Люцифер открывает людям глаза на состояния саттва, раджас и тамас и временно отступает тот, кто является противником Люцифера. Потом люди проходят развитие и достигают той точки, где навстречу им в двух этапах приходит другое, учение о самосознании, но так, что при этом они должны закрыть глаза на состояния саттва, раджас и тамас. Оба учения являются односторонними. Если бы оставалось только влияние Кришны-Иисуса, того, что жило в мальчике Иисусе Ев. от Лк. — тогда одна односторонность соединилась бы с другой, тогда человек распрощался бы с тем, что его окружает, потерял бы всякий интерес к внешнему развитию, тогда каждый на Земле искал бы только своего отдельного совершенства. Стремление к совершенству правомерно, но стремление ценой потери ко всему общечеловеческому есть такая же односторонность, как односторонностью был бы люциферический импульс в Раю. Поэтому выступило Всеобъемлющее, Импульс Христа, вышедший синтез двух односторонностей. В мальчике Иисусе Ев. от Лк. в течение трёх лет жил затем Импульс Христа, к-рый пришёл, чтобы соединить эти две односторонности. В этих двух односторонностях человечество впало бы в слабость и грех; через Люцифера оно было бы осуждено на одностороннюю жизнь во внешнем в состояниях саттва, раджас и тамас; через Кришну оно должно было быть воспитано в другой односторонности; закрыть глаза и искать только собственного совершенства. Христос взял на Себя грех, дав людям то, что уравнивает обе односторонности. Он взял на Себя грех самосознания, к-рое хотело закрыть глаза на внешний мир; Он взял на Себя грех Кришны, и всех, кто хотел совершить грех Кришны. Он взял на Себя грех Люцифера и всех, кто хотел его совершить, направив свой взгляд только на состояния саттва, раджас, тамас. Взяв на Себя односторонности, Он даёт людям возможность постепенно снова найти созвучие между внешним и внутренним миром, ибо только в этом созвучии люди могут найти благо.

⁴¹ Три Гуны (Гуна — качество; нить; прядь) в индуизме (философия санкхьи). Саттва — уравнивающая, гармонизирующая и одухотворяющая сила; Раджас — страсть, возбуждение, деятельная и побуждающая сила; Тамас — бездеятельная, тормозящая и негативная сила, тянущая вниз к невежеству. Саттва — знание, чистота, непорочность; Раджас — действие, страсть; Тамас — инерция, невежество.

В древнейших версиях эпической санкхьи Гуны — три рода ментальных состояний: 1) саттва — радость, приятность, наслаждение, счастье, спокойствие ума; 2) раджас — неудовлетворённость, расстройство, печаль, алчность, беспокойство; 3) тамас — неразличение истины, ослепление, небрежность, сонливость, инертность («Махабхарата»). В более поздней доклассической санкхье Гуны соотносятся с Первоматерией мира (Пракрити) и производными от неё космическими «сутями» (таттвами) и противопоставляются духовному началу (Атману, Пуруше), задача к-рого освободиться от обусловливаемых Гунами состояний сознания, с к-рыми оно себя ошибочно отождествляет («Бхагавадгита»). В тексте «Санкхья-карик» Ишваоакришны (V/IVвв.) саттва, раджас, тамас проявляются в трёх основных эмоциональных состояниях — радости, страдании, безразличии.

Тримутри: Вишну олицетворяет действие саттвы; Брахма — раджаса; Шива — тамаса.

Гуны (силы, свойства) — три начала — в буддизме: благое начало — саттва; подвижное деятельное начало — раджас; косное, инертное, тёмное начало — тамас.

Отсюда предлагаются три класса людей в гностицизме: духовные (саттва); душевные (раджас); плотские (тамас).

Но развитие, к-рое началось, не может сразу окончиться. Развитие к самосознанию, начатое Кришной, продолжалось дальше, и всё больше возвышало самосознание, вызывая всё большее и большее отчуждение от внешнего мира. Это развитие имеет тенденцию продолжаться и в настоящее время. В ту эпоху, когда импульс Кришны был воспринят мальчиком Иисусом Ев. от Лк., человечество было как раз вовлечено в это развитие, вызывавшее всё большее возвышение самосознания и всё большее отчуждение от внешнего мира. Это познали люди, к-рые приняли крещение от Иоанна в Иордане. Они увидели, что самосознание стремится стать всё сильнее. Поэтому они поняли слова Крестителя, когда он им сказал: «Изменитесь, не идите только путём Кришны». — Хотя он и не употреблял этих слов, мы можем назвать путь, начало к-рому было положено тогда, путём Иисуса, если мы хотим говорить в оккультном аспекте. И фактически этот путь исключительно Иисуса продолжился дальше в течение столетий, ибо во многих областях человеческой культуры в века, следовавшие за основанием христианства, следовали только за Иисусом, а не за Христом, К-рый жил в Иисусе в течение трёх лет, начиная с Крещения, полученного от Иоанна, до Мистерии Голгофы. Но всякое развитие доходит до известного напряжения. Это стремление к индивидуальному совершенству дошло до того, что люди известным образом впадали в трагизм всё возрастающего отчуждения от Божественной природы, от внешнего мира. И теперь мы ещё встречаемся с этим трагизмом оторванности от окружающего, так что среди нас есть много душ, к-рые уже многого не понимают. Поэтому в наше время должно войти понимание Импульса Христа: к пути Иисуса должен присоединиться путь Христа. Путь одностороннего самосовершенствования приобрёл слишком большую силу. В наше время он уже таков, что люди во многих отношениях далеко отстоят от Божественности окружающего мира. Когда возникает какое-нибудь направление, оно сразу же чрезмерно усиливается, и тогда пробуждается стремление к противоположному полюсу, отчего в наше время многие души чувствуют, как мало способен теперь человек освободиться от чрезмерно окрепшего самосознания. Это порождает стремление познать божественность внешнего мира. И в наше время именно такие души будут искать открытого чрез истинную антропософию понимания Импульса Христа, того Импульса Христа, к-рый ведёт не только к одностороннему совершенствованию отдельного человека, но к-рый связан со всем человечеством, со всем человеческим процессом. Понять Импульс Христа означает не только стремиться к совершенству, но воспринять в себя то, что выражается в словах Ап. Павла: «Не я, но Христос во мне!». «Я» — это слово Кришны; «Не я, но Христос во мне», — это слово христианского Импульса. Итак, мы видим, что каждое человеческое духовное течение имеет своё известное оправдание. Пусть никто не подумает, что импульс Кришны мог бы не приходить, но никто не должен думать, что какое-нибудь духовное течение должно быть оправдано в своей односторонности. Обе односторонности, люциферическое течение и течение Кришны, должны найти своё высшее единство в христианском течении.

Кто в истинно антропософском смысле хочет понять то, что должно господствовать теперь как необходимый импульс дальнейшего развития человечества, тот должен видеть в антропософии инструмент, к-рый может освещать все религии. В этом цикле мы старались показать, как происходит человеческая эволюция, и как отдельные течения вносят свой вклад в эту общую эволюцию. Но было бы дилетантством, если бы кто-нибудь захотел то, что имеется в христианстве, отыскать в учении Кришны. Можно, конечно, беспрепятственно возглашать: «Во всех религиях содержится одна и та же основная сущность». — Та же самая основная сущность содержится в корнях, стволе, листьях и цветах, тычинках и плодах. — Это правильно, но это абстрактная правда. Это не более остроумно, чем если сказать: «Зачем нужны различия? Ведь соль, перец, уксус, молоко — всё это одинаково стоит на столе, всё это одно, всё это вещество». — Тогда замечают абстрактность, недостаточность такого способа рассмотрения.

Но в области различения религий её сразу не замечают. Нельзя так абстрактно сопоставлять буддизм, брахманизм, учение Кришны, религию персов, магометанство и христианство; нельзя говорить: посмотрите, везде те же принципы, везде Искупитель! Абстрактные вещи можно искать повсюду; это дилетантство, потому что это бесплодно. Можно учредить общества, союзы для изучения религии, и проводить это изучение наподобие того, что кто-нибудь скажет: перец, соль, уксус и масло — это одно, поскольку они все стоят на столе, и все они представляют собой вещество. — Дело не в этом. Дело в том, чтобы рассматривать вещи в их истине, в их действительности. Для того способа рассмотрения, к-рый в оккультном дилетантизме заходит так далеко, что непрерывно провозглашает сходство всех религий, может быть безразлично, является ли то, что живёт в Импульсе Христа, центральным моментом эволюции человечества, или же оно может появиться опять в любом встречном на улице, или где-нибудь ещё. Но для того, кто живёт в истине, и для кого имя Христа осталось тем, чем оно поистине является, центральной точкой эволюции Земли, будет кошунством связывать с тем Импульсом, к-рый связан с Мистерией Голгофы, что-то другое.

В этих докладах я попытался показать вам на одном особом примере картину того, как современный оккультизм должен постараться пролить свет на различные духовные течения, к-рые выступили в современной эволюции, причём каждое из них имеет свою определённую точку приложения, но к-рые необходимо различать, как стебель отличаются от зелёного листа, а зелёный лист от окрашенного лепестка, хотя все они вместе опять-таки образуют единство. Кто с помощью этого истинно современного оккультизма попытается проникнуть в то, что в различных течениях влилось в человечество, убедится, что отдельные вероисповедания поистине ничего не теряют ни в своём величии, ни в своей возвышенности. Какое величие выступило перед нами в образе Кришны, когда мы попытались в смысле конкретного понимания эволюции человечества ввести его в эту эволюцию человечества! Каждое такое исследование, к-рое может быть, конечно, только беглым очерком, является, разумеется, недостаточным, весьма недостаточным. Вы можете быть уверены, что никто так не сознаёт этой недостаточности, как тот, кто позволил себе выступить здесь перед вами. Но целью этих слов было показать вам, как проходит истинное рассмотрение отдельных духовных течений человечества. Как раз в связи с далёким от нас произведением духа, в связи с «Бхагавад-гитой», я имел возможность показать, как западный человек может почувствовать и ощутить, чем он обязан Кришне. Но, с др. стороны, то духовное направление, к-рое мы здесь представляем, должно требовать, чтобы с любовью конкретно углублялись в особенности каждого течения. Это представляет известное неудобство, потому что тогда перед каждым встанёт мысль, как, собственно, мало люди проникают в глубину. И к этой мысли присоединяется другая: мы непрестанно должны стремиться вперёд. Это создаёт двойное неудобство! То духовное течение, к-рое здесь называется антропософией, доставляет многим известное неудобство — на это оно обречено. Оно требует энергичного углубления в конкретные факты мировых событий, и одновременно того, чтобы человек сказал себе в своей душе: да, я могу достигнуть высшего и я хочу этого, но я всегда дойду только до известной точки, и должен стремиться всё дальше и дальше. Конца нет!

Такое неудобство всегда было связано с принадлежностью к тому духовному течению, к-рое стремится через нас влиться в то, что мы называем антропософской жизнью. Это действительно неудобно, когда необходимо учиться всё глубже и глубже проникать в священные тайны. Мы не можем, взяв чьего-либо сына или дочь, сказать: нужно лишь подождать, пока в этом сыне или в этой дочери явится физически воплощённое спасение, — и спокойно дожидаться этого. — Мы бы этого не могли; это было бы действительно невозможно, потому что мы должны быть правдивыми. И для того, кто постигает сущность вещей, всё то, что в конце концов обнаруживается, является только

последней гротескной квинтэссенцией тех дилетантских толков о равенстве религий, к-рое так удобно можно установить и к-рое всегда утверждает простую очевидность, предельную тривиальность: все религии содержат одно и то же!...» («Оккультные основы Бхагавадгиты», цикл из 9-и лекций, прочитанных в Гельсингфорсе в мае/июне 1913г., л.9 от 5.06., ПСС 146)

«...Теперь же мы рассмотрим, как Павел стоит посреди мира, в к-ром происходит нечто и помимо его слов, помимо того, что он мог принести своими мощными, огненными словами для понимания Мистерии Голгофы. Но всё же — позвольте мне высказать в конце своей сегодняшней лекции ещё это — по отношению к Павлу возникает чувство, и именно тогда, когда примешь во внимание явление, охарактеризованное выше как борьба Христа с сивиллами — по отношению к Павлу возникает чувство, — к-рое я хотел бы выразить в следующих словах: у Павла всё представляется так, словно в его слова вложено гораздо более того, что читаешь в них: точно сила, сошедшая на него в явлении в Дамаске, находит в себе через него выражение, и словно всё же в человечество проникают через него выражения и слова, тон, к-рый противоположен пророческому тону сивилл; точно в нём продолжается нечто, что лежало в тоне древних пророков, к-рых Микеланджело так прекрасно изобразил в своих фигурах. Я сказал, что в сивиллах было нечто, исходившее от элементарных сил Земли, нечто, что не могло бы в них быть, если бы с ними не говорили элементарные духи Земли. У Павла мы находим нечто подобное, нечто, что заметила уже, как это ни странно, но совершенно экзотерически, внешняя наука, но что — хотелось бы сказать — ставит нас, если рассматривать его духовно-научно, перед поразительным миром.

В известном отношении и Павел черпал из элементарного царства Земли. И конечно, можно очень хорошо понять Павла теологически-рационалистически-абстрактно, если не принимать во внимание то, что я сейчас хочу сказать и что не может быть объяснено внешней наукой. Если хочешь понять Павла исключительно с точки зрения обычной рациональности, то легко можно объяснить это, но если хочешь понять, что жило в Павле духовно, спиритуально, в его словах и между его слов, если хочешь понять, почему благодаря его словам чувствуется нечто подобное пророчествам сивилл, но чувствуется у него, исходя из благого элемента земного развития, если хочешь понять это, то надо обратить внимание на явление, отвечающее на вопрос: как далеко простирается мир Павла? как ограничивается мир Павла? И удивительно, что у нас получается ответ: Павел возвысился во всём том мире, к-рый простирается на столь же далеко, как и культура масличного дерева. Я говорю нечто странное, я это знаю, но мы увидим, что это странное разрешается всё же в известном отношении, когда мы рассмотрим завтра немного поближе облик Павла. И географически Земля полна тайн. Иная та область Земли, на к-рой произрастает масличное дерево, иная та, на к-рой растёт дуб или ясень. Человек же, как физическое существо в физическом воплощении, находится в связи с элементарными духами. В мире масличного дерева по-иному шелестит и шумит, и ткётся всё, нежели в мире дуба, или ясения, или тиса. И если хочешь понять связь сущности Земли с сущностью человека, нелишне будет обратить внимание и на такое своеобразное явление, как то, что Павел доходит своим словом на Земле ровно настолько далеко, как масличное дерево. Мир Павла есть мир масличного дерева» («Христос и духовный мир. Поиски Святого Грааля», цикл из 6-и лекций, прочитанных в Лейпциге в декабре/январе 1913/14г., л.1 от 28.12.1913г., ПСС 149).

«...Итак, мне бы хотелось обратиться к вашей душе, чтобы вы в словах, к-рыми я буду теперь пользоваться, поняли нечто несказанно более духовное, чем понимает в этих словах ныне сухая наука. С принятой здесь во внимание точки зрения я хотел бы назвать мировоззрение Заратустры «Хронологией». Над обоими существами Аура-Маздао

и Ариманом — Заратустра видит деятельность времени — *Зервана-Акарана* (Царуана Акарена). *Деятельность Времени!* Но не абстрактного времени, как мы его понимаем в современности, время здесь мыслится как живое, сверхличное существо. Мирозозрение Заратустры видит это существо, к-рое я должен обозначить словом «Время», таким образом, что от этого существа исходят правители Времени, прежде всего те духовные существа, к-рые символизируются в мировом пространстве через знаки Зодиака — *Амшаспанды*. Своим числом 6, или, мы можем сказать, если мы прибавим их антиподов, — 12, они управляют *Азатами*, по числу 28-31, к-рые стоят под этими Амшаспандами. Они духи более низкого рода, слуги высокого существа Времени, в месяце они управляют днями. Сознание Заратустры взирало в ту удивительную гармонию, к-рая действует в мире через силы и к-рая символизирует себя в числах, через всевозможные соотношения и комбинации, получающиеся из отношения 28-31 к 12. Оно взирало во всё то, что как бы звучит в мир и вливается в него благодаря тому, что в большом мировом оркестре инструменты приходят в созвучие в этих числовых соотношениях. Мирозозрение Заратустры рассматривало это как нечто, что устраивает и гармонизирует мировой порядок. Я хотел бы лишь указать на эти отношения. И потому что это так, потому что в том, что творит, и творя, одновременно питается, что воспринимает в себя воззрения мира, как бы духовно их переваривая и перенося на другие ступени, — потому что воззрение Заратустры видит во «Времени» нечто живое, нечто сверхличное, — поэтому мы смеем, одухотворяя это слово, назвать это мирозозрение «Хронологией», причём мы одновременно мыслим и бога Хроноса, правителя времени.

Затем мы переходим к III-й После-Атлантической эпохе, к-рую мы уже вчера охарактеризовали как такую, где души приближались к своим знаниям сило-существами, сиявшими из звёзд, где мировую тайну не видели лишь в господствующих в сверхчувственных отношениях существах Времени, но где уже входили в бытие чувств — и в бытии чувств, в ходе звёзд и в их сменах, к-рые они чертят в мировом пространстве, видели гармонизирующее начало, приводящее к природе мирового становления. Это мирозозрение мне хотелось бы назвать «*Астрологией*». За Хронологией следует Астрология. И всё то, что открывает подлинная, истинная Хронология зороастризма, что открывает подлинная, истинная Астрология египетских и халдейских Мистерий, всё это возбуждено было тайнами, к-рые до великой Атлантической катастрофы действовали над миром через тройкое деяние Христа.

А что последовало в Греции в Греко-Римское время? То, что я скажу теперь, имеет силу не только для Греции и Рима, но и для остальной Европы. Вчера я старался лишь на единичном случае пояснить это. Оно касается всего Запада. Мы можем ещё раз оглянуться на то, как грек почитал Аполлона, этот отблеск нафановского мальчика Иисуса, такого, каким он был ещё в конце Атлантического времени, — как почитал грек Аполлона. Мы сказали, что из гиперборейской страны, с севера, Аполлон приходил к Дельфийскому Оракулу. Летом через Пифию он говорил то значительное, что должен был слышать грек. Осенью он возвращался в страну гипербореев. Мы связали этот путь Аполлона с путём Солнца, но так как это духовное Солнце, к-рое говорит через Аполлона, то он свой путь направляет на Север, в то время как физическое Солнце идёт на Юг.

Бесконечно мудрыми оказываются мифы, когда их рассматривают в свете истинного оккультизма. И тем не менее, не это взирание к звёздам символизировало для грека Аполлона. Грек, собственно, обращался не к Солнцу, как к своему внешнему звёздному символу, когда он преклонялся перед Аполлоном. Аполлон не символизировал внешнее Солнце, — Аполлон не бог Солнца, для этого греки имели Гелиоса, к-рый управлял ходом Солнца на небе. Даже когда мы принимаем во внимание только физическое, Солнце действует на наше земное бытие не так, что имеет действие на человека только

то, что притекает непосредственно через солнечные лучи, но Солнце действует прежде всего в воздухе и воде, в водяных парах, также и в парах, о к-рых мы сказали, что они поднимались из пропасти Кастальского источника и драконообразно обходили соседние горы, и этот дракон был убит греческим Св. Георгием. Во всех элементах действует Солнце, и уже после того, как оно вошло, пропитало земные элементы, оно из них, как бы через слуг, к-рых мы обозначаем элементарными духами, действует на человека. *Живя в элементах, действует Дух Солнца.* И эту деятельность видел грек в своём Аполлоне.

Для него Аполлон был богом Солнца, — не тем, к-рый как Гелиос катил солнечную колесницу по небу и управлял временами дня, — смотря вверх к Аполлону, обращаясь к нему духовно. И так было со многими богами и существами, к-рых мы находим на Западе. Можно хотя бы указать — я мог бы указать на многое — на Вотана, мчащегося в буре, и на его буйное войско.

Чем стало в IV-ю После-Атлантическую эпоху мировоззрение, к-рое находилось под влиянием тройного события Христа, как его отзвук? Опять-таки, я должен употребить педантичное, ставшее сухим слово. За Астрологией последовала «Метеорология». ХРОНОЛОГИЯ — АСТРОЛОГИЯ — МЕТЕОРОЛОГИЯ. Мы должны ещё только привести в связь окончание «логия» с ЛОГОСОМ. Но в то время, когда всё это происходило в западном мире, во всю После-Атлантическую культуру влилось нечто, что с совершенно др. стороны было отзвуком тройного события Христа. И это четвёртое вошло как бы параллельно, рядом с Метеорологией IV-го После-Атлантического периода, это было нечто, что — я прошу опять привести в связь «логию» с ЛОГОСОМ — стало «ГЕОЛОГИЕЙ». Геология, где встречаемся мы с ней?

Никогда не смогут понять подлинные тайны древнееврейского культурного развития, если не примут их как Геологию в том смысле, как мы рассмотрим их, как Геологию, теперь. Как прежде всего выступают перед нами Эллохимы? Как выступает перед нами бог Яхве? Он выступает перед нами так, что Он хочет преобразовать перед нами в человека то, что берётся от самой Земли. Он хочет облечь новым покровом, земным покровом то, что пришло от прежних времён — от Сатурна, Солнца и Луны. Яхве тот бог, к-рый формирует человека из Земли, т.е. из сил, из элементов Земли. Поэтому древнееврейская мудрость как последовательница бога Яхве должна была стать Геологией. И учение о человеке, к-рый образован из сил Земли, есть «Геология». Разве не высказывается нам сейчас, как только произносится имя первого человека, геологический характер древнееврейского учения? *Адам — из Земли образованный.* Вот то, что имеет значение, что надо принять во внимание. Всё, что другие народы с метеорологическим мировоззрением рассматривали как душу. Они по-иному говорили и о созидании человека.

Посмотрим в греческом мировоззрении: Прометей сидит и образует человека; подходит Афина Паллада и даёт соединиться с человеком искре духа из духовных высот. Прометей образует душу в символе бабочки. Бог Яхве образует человека из Земли, и Он, бог Яхве, к-рый в течение своего развития стал Господином Земли, Он, бог Яхве, из собственной своей субстанции вдыхает в человека живую душу. Так Яхве соединяется через своё дыхание с тем, что он образует из Земли. И Он хочет жить в своём сыне, в своём живом духе, в Адаме и его потомках, сынах Земли, тех существах, оболочку к-рых образовать из Земли бог Яхве считал своей задачей.

И если мы пойдём теперь дальше, попробуем вызвать перед нашей душой всё то, что мы находим переданным Библией в самой еврейской древности. Мы знаем, мы подчёркиваем это, что Земля развивает известные силы. Гёте, Джордано Бруно и др. сравнивали эти силы с силами вдыхания и выдыхания у человека. Земля развивает известные силы, силы вдыхания и выдыхания, к-рые производят приливы и отливы, поднятие и понижение воды, это внутренние силы Земли, но в то же время это те же

самые силы, к-рые ведут Луну вокруг Земли. Вот эти силы Земли. В действии воды выступают нам навстречу эти силы как деятельность Земли. В символах воды Библия указывает нам на потоп, как на дальнейшее важное событие после создания Адама, человека Земли. — А потом, во времена Моисея! Если мы правильно исследуем, в чём всюду дело, то найдём везде деятельность Земли. Моисей с жезлом подходит к скале и даёт воде бить ключом из Земли. Моисей восходит на гору. То, что связано наверху, на горе, с действиями Земли и что совершается именно у этой горы, есть деятельность Земли, — ибо эту гору следует представлять себе как вулканическую, или по крайней мере подобной вулкану, потому что это не Синай, к-рый обычно имеют в виду. Это есть деятельность Земли. В огненном столпе, в к-ром стоит Моисей, мы должны усматривать нечто подобное тому, как если бы в серных холмах Италии сжигали кусок бумаги, и восходил дым. Так исходит из горы деятельность Земли, огненный дым, и в деятельности Земли евреи всегда видели символы. Впереди их шла туча или огненный столп, деятельность Земли. Мы могли бы войти глубоко в детали, везде мы нашли бы, что Дух Земли господствует в том, о чём Моисей говорит как об откровении бога Яхве. Весть Моисея есть Геология.

Никогда не поймут глубокой разницы между еврейским и греческим мировоззрением, если не захотят познать, что греческое мировоззрение есть Метеорология, а еврейское — Геология. Всё то, что чувствует раскрывающимся вокруг себя грек, то он мыслит в связи с силами, излившимися из космоса в элементы Земли, в окружение Земли, во всё, что находится вблизи Земли. Всё то, чем чувствует себя окружённым еврейское мировоззрение, связано с силами, к-рые развиваются из Земли вверх, к-рые прикованы к Земле. Да и страдания еврейского народа, они происходят от характера пустыни, от того, что связано с Землёй и её деятельностью. В судьбе еврейского народа господствует геология. Геология, плодородность Земли — вот то, что в рассказах разведчиков манит их в Землю Обетованную.

И Павел хорошо знает, что это сознание связи с Духом Земли есть следствие предземного события Христа, ибо Павел обращает внимание на то, что Христос был тем, к-рый шёл впереди евреев и влиял так, что в пустыне изошла вода из скалы. И если бы мы перешли от Библии к значительным сказаниям еврейского народа, мы бы нашли, насколько проникнуты подразумеваемой тут геологией эти сказания. Там рассказывается, как Яхве, когда он образовывал из Земли человека, послал служебных Ангелов, чтобы со всех концов Земли они собрали разную по окраске землю, разноцветные земли, чтобы вмешать в оболочку Адама всё то, что причастно Земле. Ныне же сказали бы, что Иегова позаботился поставить человека на Землю таким, чтобы человек в своём истинном существе был высшим цветом, венцом земного творения. Мы можем сказать, что самым важным в человеке для халдеев, римлян, для европейских народов средней и северной Европы было то, что приходило из духовного мира. Для евреев самое важное в человеке есть то, что связано с Землёй и её силами. Богом, духовно господствующим на Земле, чувствует себя Яхве.

Итак, в После-Атлантической эпохе важным было то, что рядом с Метеорологией становится Геология. И это чудесно выражается в своём духовном отображении в древнееврейских пророках.

К чему стремились пророки? Попробуем заглянуть некоторым образом в самое внутреннее души этих пророков: Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Иоила, Ионы и Захарии. К чему они стремились? Да, если действительно непредвзято изучать души этих пророков, тогда находишь, что, в сущности, они стараются поставить на первый план душевной жизни одну особую человеческую душевную силу и как бы в глубины душевной жизни оттеснить другую. Я уже обращал ваше внимание на то, как в произведениях Микеланджело, на к-рые я указал, пророки всегда изображаются так, что они сидят, углубившись в думы, точно поддерживаемые внутренним душевным покоем,

так что видно, что то, чему преданы их души, связано как бы в своих подземных основах с вечным. Как контраст Микеланджело выделяет своих сивилл, на к-рых воздействуют элементы Земли, воздействуют, например, так, что у одной волосы подхватываются ветром, ветер развеивает даже синеватое верхнее облачение, — под этим влиянием ветра она произносит свои пророчества. Другую мы видим охваченную внутренним горением, в своеобразном показывающем жесте руки мы видим огонь, земной элемент. И так мы могли бы ещё раз рассмотреть сивилл. Они живут душевными силами, к-рые непосредственно из элементарного окружения Земли входят в души. Именно эти силы сивилл, к-рые, так сказать, всасывают в души дух элементов Земли и выражают его, эти силы сивилл хотели вытеснить из себя пророки древнего еврейства. Если вы действительно непредвзято прочтёте всю историю пророков, то вы найдёте, что пророк старается — в этом состоит его обучение — подавить в себе характер сивиллы, не дать ему ходу.

Характер сивиллы у Пифии Аполлон преобразует тем, что он сам погружается в неё и говорит через сивиллу. Пророки хотят подавить также и начало Пифии в своей душе и культивировать единственно то, что действует в ясной силе Я, того Я, к-рое есть духовное отражение геологического элемента. Это Я хотят культивировать пророки. Как проявляется в невомутимом покое в Я вечное, когда молчат элементы сивилл, когда прекращается всякое внутреннее неистовство, когда всё это подавлено, когда господствует только невозмутимое и взирает в основы вечного, — вот что хотели развить еврейские пророки. Их пророчества должны были исходить из такого построения души, к-рое искало в душе то, что в высшей степени соответствует геологии. Так то, что увлекает у этих пророков, звучит нам навстречу как излияние этого геологического элемента, и именно то, что потом произошло не так, как пророчествовали пророки, доказывает нам, что элемент пророков есть геологический. Царство грядущего, к-рое должно быть связано внешним видом с Землёй и должно следовать за теперешним царством, Небо на Земле, вот что пророки возвещают прежде всего, на самом же деле это всё совсем не столь тесно связано с геологией.

Ещё в первые времена христианства звучит этот геологический элемент пророков в том, что ожидается пришествие Мессии, но так, что Он должен сойти с облаков и основать на Земле земное царство. Только тогда поймут то, что сияет в еврейской культуре, если поймут его в этом роде, как Геологию. Вот почему томилась пророки, вот чему учили они своих учеников: подавлять элемент сивилл, всё то, что ведёт душу в подсознательные глубины, и развивать то, что живёт в Я. У всех остальных народов другая связь со своими богами, чем у евреев со своим Яхве. Связи других народов были даны, ибо это были отзвуки того, что образовалось как отношение человека к духам высших иерархий во времена Сатурна, Солнца и Луны. Еврейский же народ должен был развить особо то, что должно было развиться в земное время. Но когда Я из себя самого приходит в связь со своим Богом, как это выражается? Не как наитие, не так, чтобы, например, моральное было бы результатом проникновения души божественными силами, не как наитие, но как *заповедь*. Форма заповеди, к-рую мы встречаем в Декалоге, впервые встречается у еврейского народа, какие бы странные вещи (вернее, — тупоумные глупости! — К.З.) ни сочиняла наука о прежнем существовании заповедей у Хаммурапи и т.п., — я не могу теперь останавливаться на бессмыслицах новейшей науки. Но то, что выступает как заповедь, где Я непосредственно стоит перед Богом и получает от Бога норму, предписание, таким образом, что Я должно следовать ему из внутренней воли, это впервые встречается нам у еврейского народа.

Точно также впервые у еврейского народа мы встречаемся с тем, что Бог вступает в союз со своим народом. Другие боги действуют через силы, к-рые имеют всегда какое-то отношение с подсознательным души. Сравним снова, как Аполлон действует через Пифию, как душа должна была подготавливаться, отправляясь к Пифии, чтобы

бог мог говорить к ней. Аполлон говорил Пифии через погружающуюся в подсознательное душевную связь. Против этого выступает говорящий через заповеди, заключающий со своим народом союз, договор, бог Яхве, к-рый непосредственно говорит к Я души. И эти пророки сразу же восстают, когда происходит то, что происходило в еврейском народе, когда на евреев начинала влиять деятельность языческих народов. Не должны были входить в евреев подсознательные силы, всё должно было покоиться на союзе с Богом, всё должно было покоиться на принципе заповеди. Об этом особенно заботились пророки. А теперь попробуем оглянуться немного назад, причём в этот обзор сказанного вплетётся то, что дают нам оккультные понятия, — сделаем обзор того, что мы старались как бы иллюстрировать только что данным.

Вчера мы познали событие Христа, относящееся к Атлантическому времени.⁴² Мы видели как Христос три раза пронизал существо, к-рое позднее явилось как нафановский мальчик Иисус, но пронизал его так, что это существо не было воплощено в земном теле, но осталось в духовных мирах. И если мы обратим взор на то, что произошло, то мы должны сказать: «То, что свершилось в Атлантиде, то перенеслось затем на Восток». Одним из пророков был Илия. Но о чём пророчествует Илия? Он служит богу Яхве, он служит ему так, что в его душе живёт отзвук этого троякого события Христа. В его душе живёт сознание: « Как пророк Яхве я должен возвещать о Яхве прежде всего так, что в Яхве живёт Христос, К-рый позднее должен свершить Мистерию Голгофы. Он живёт действиями, к-рые при третьем переживании в конце Атлантического времени Он излил в космос». Илия возвещал пронизанного Христом Иегову. В Иегове, в боге Яхве, уже жил Христос, но Он жил словно в Своем отблеске. Так же, как свет Луны есть отражённый свет Солнца, так Яхве отражает то Существо, к-рое жило затем в Христе. Христос отразил Свою Сущность в Яхве, или в боге Иегове. В духе же воздействия этого троякого события Христа действовал подобный вестник как Илия, к-рый шёл как бы впереди существа нафановского Иисуса, как оно шло прежде всего духовно с Запада на Восток, чтобы пронизать культуры и быть затем рождённым как один из мальчиков Иисусов. В качестве провозвестия у всех народов ощущалось то, что следовало как бы в переизбытке из Метеорологии, особенно если она соприкасалась с Геологией.

Мы переживаем своеобразное явление, что в том месте, к-рое стало затем столь важным для раскрытия христианства, что в этом месте произошёл один из тех прежде возвещённых фактов. Мы видим, как в самых разных местах Малой Азии, также и в Европе справлялись праздники как бы предвещающие событие Христа, предвещающие Мистерию Голгофы. Культ Адониса или культ Аттиса правильно толковали так, будто они были пророческими провозвестниками События Голгофы. Но если мы как следует рассматриваем эти празднества, то мы видим, что они изображают будущее собственно ещё как метеорологическое. Бога, к-рого как Адониса убивают и к-рый воскресает снова, не представляют себе воплощённым во плоти, но то, что имеют как бога, есть прежде всего картина того ангелоподобного существа, к-рое в духовных высотах было пронизано Христом в конце Атлантического времени и к-рое затем стало нафановским мальчиком Иисусом. В Адонисе, в культе Аттиса справляли судьбу нафановского мальчика Иисуса. И — скажем теперь — это было всемирно-исторической Кармой. Быть может, вы будете искать за этими словами ещё большее. Было всемирно-исторической Кармой, что на том месте, куда по известному праву Библия относит рождение мальчика Иисуса, что в Вифлееме прежде справлялся культ Адониса. Там часто праздновали умирающего и воскресающего Адониса и подготавливали таким образом ауру, вызывая воспоминание, что когда-то в духовных высотах было существо, к-рое тогда

⁴² См. Р.Штайнер «Христос и духовный мир. Поиски Св.Грааля», ПСС 149, л.3 от 30.12.1913г.

принадлежало к иерархии Ангелов, существо, к-рое позднее должно было прийти на Землю как нафановский мальчик Иисус, существо, к-рое тогда, в конце Атлантического времени, было пронизано Христом...

Что свершилось тогда для приведения в гармонию мышления, чувствования и воле-ния, то справлялось на празднике Адониса, в месте будущего рождения нафановского мальчика Иисуса. И слова приходят в удивительную связь, мои дорогие антропософские друзья. В то время как мы отыскивали троякое событие Христа, сверхземное событие Христа, разве мы не видим как с Запада на Восток идёт Христос к тому месту, где должна быть свершена Мистерия Голгофы? Разве мы не видим, как Он же в Илии высылает своего вестника, и разве мы не знаем, что этот вестник снова является, в следующей инкарнации, как Иоанн Креститель? И разве нам не говорится о нём в удивительной связи слов дословно: «Он послал впереди Себя своего Ангела, чтобы он возвестил Его». Это можно одинаково сказать как об Иоанне, так и об Илье. Об Илье ещё скорее, что поймут те, к-рые вспомнят моё описание Илии, где я представил, что Илия остался в духовных высотах и имел лишь представителя, при посредстве к-рого он обретался, так что он никогда и не находился на Земле. Если вы это примете, то выражение: «Он послал впереди Себя своего Ангела» подходит ещё больше к Илье, чем к Иоанну. Такие вестники были всегда вестниками идущего с Запада на Восток Христа.

Теперь же то, что было Геологией у еврейского народа, должно было быть проникнуто этим духовным существом, к-рое со вчерашнего дня мы научились рассматривать в его собственной деятельности для Земли. Геология должна была быть как бы пронизана Христом. Должны были в новом роде ощутить Духа Земли, некоторым образом смочь отделить его от Земли. Но это было возможно, только если пришла сила, к-рая освободила этого Духа Земли от сил Земли. Это произошло благодаря тому, что аура Земли пронизалась силами Христа, и сама Земля тем самым стала чем-то другим. В силы, к-рые освободил бог Яхве, вошёл Христос и сделал сам эти силы чем-то иным.

Когда мы видим всё это, мы понимаем одно, мы понимаем, мои милые друзья, почему лавры были символом Аполлона. Кто немного проникает при помощи духовной науки в учение о растениях, для того лавр есть растение, к-рое прочно связано с метеорологическими условиями. Лавр весь образуется и строится из того, чем является метеорология. Другие растения гораздо более тесно привязаны к Земле, они есть, так сказать, выражение геологических условий. И если действительно ощущают, как проникает масло в масличное дерево, таким образом, что чувствуют возбуждёнными элементарные силы собственной души тем, что масличное дерево может быть растением, к к-рому прививают другой побег, к-рый хорошо прорастает на этом растении, — тогда чувствуют тесное проникновение масличного древа маслом Земли. В масле чувствуют пульсирующим проникающее Земли. А теперь вспомним нечто, чего я коснулся в первой лекции, вспомним Павла, к-рый призван был возвести мост между еврейской древностью и христианством, между *геологией* и *христорогией*. Деятельность Павла проявляется, как мы сказали, в сфере масличного дерева. И если мы воспринимаем Аполлона в поднимаящихся из горной пропасти парах, в к-рых он возбуждает Пифию и мудро предсказывает человеческую судьбу, то мы можем почувствовать также и элементарные силы, к-рые изливаются через масличное дерево в окружение и в к-рых вжилась элементарная душевная сила Павла. Мы можем ощутить её в словах. Он как бы погружается в геологию, чтобы почувствовать в элементах, в ауре местности дерево, и дать инспирировать себя этой ауре, в геологической области, в к-рой лежит его деятельность.⁴³

⁴³ Сформулируем, в свете сказанного Штайнером, так: Хроно-зодиакально-солярная мудрость (мировоззрение) Заратустры (Хронология = Мета-Хронология); звёздно-планетарно-зодиакальная мудрость халдеев и египтян (Астрология); лунарно-солярная, плюс 4 стихии,

Да, слишком абстрактно читаются иные вещи, думают, что настолько же абстрактны, лишь с мозгом связаны вещи, к-рые высказывали более древние авторы, что они настолько же абстрактны, как то, что часто говорят более новые авторы. Не думают о том, что не только рассудок и разум, что все силы души могут иметь связь, изначально Землёю связанную с тем, что даёт печать известной области. Масличное дерево дало печать области Павла. И через то, к чему его воодушевляло масличное дерево, он говорил самое значительное об отношении исполненных Христом людей к тому, чем являются далёкие от Христа люди так, словно он хотел поднять в себе еврейскую геологию. Разве мы не слышали от Павла необычные слова, к-рые нельзя принимать абстрактно, но надо принять как нечто, что коренится элементарно в его душе, как нечто, что из этого элементарного своей души он хочет запечатлеть в слово, через к-рое он хочет привести в связь христиан из язычников с евреями, — разве мы не слышим необычные слова:

«Вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников я прославляю служение моё.

Не возбужу ли ревность сродников моих по плоти и не спасу ли некоторых из них?

Ибо, если отвержение их мира, то что будет принятие, как не жизнь за мёртвых?

Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви.

Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины,

То не превозносишься пред ветвями; если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень — тебя.

Скажешь: «Ветви отломились, чтобы мне привиться».

Хорошо, они отломились поверием, а ты держишься верою: не гордись, не бойся.

Ибо, если Бог не пощадил природных ветвей, то, смотри, пощадит ли тебя.

Итак видишь благодать и строгость Божию; строгость к отпадшим, а благодать к тебе, если пребудешь в благодати Божией; иначе и ты будешь отсечён.

Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силён опять привить их.

Ибо, если ты отсечён от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине» (Рим.11,13-23).

(«Христос и духовный мир. Поиски Св. Грааля», ПСС 149, л.4 от 31.12.1913г.)

ПАВЕЛ И ВАРНАВА В ИКОНИИ

(осень 46 / весна 47гг.)

«В Иконии они вошли вместе в Иудейскую синагогу и говорили так, что уверовало великое множество Иудеев и Еллинов.

А неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников.

Впрочем они пробыли здесь довольно времени, смело действуя о Господе, Который, во свидетельство слову благодати Своей, творил руками их знамения и чудеса.

Между тем народ в городе разделился, и одни были на стороне Иудеев, а другие на стороне Апостолов.

Когда же язычники и Иудеи со своими начальниками устремились на них, чтобы посрамить и побить их камнями,

Они, узнавши о сём, удалились в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их, и там благовествовали.» (Д.Ап.14,1-7)

мудрость греков (Метеорология); лунарно-земная — на пути к Солнцу Христа — мудрость евреев-иудеев — от старого Израиля, с его общинным прихрамовым человеком Земли и Луны (тленный Адам), к Новому Израилю Человека Солнца (Нетленный Адам Кадмон) и высшего Неба.

Находившаяся к юго-востоку от Антиохии Писидийской и тоже входившая в означенное время в состав римской провинции Галатия – Икония (Ксенофонт «Анабасис» 1,2,19; Страбон 12,568; Плиний 5,95; Птолемей 5,6,15; Аммиан Марцеллин 14,2,1) – сопричисляется различными источниками и у различных авторов – то к Фригии, то к Ликаонии, то к Писидии. Причём, если по Ксенофону она есть ещё самый восточный город Фригии, то согласно всем позднейшим свидетельствам, это главный город Ликаонии, со смешанным (от посталександровских времён и в интересующее нас время) грекоязычным и иудейским населением.

Любопытно, что название города, следуя Стефану Византийскому, происходит от фигур, вылепленных Прометеем после Потопа, пощадившего лишь Девкалиона и Пирру, тогда как по др. версии («Пасхальная хроника» р.71; Георгий Кедрен 1,40,14), оно произошло от головы медузы Горгоны, с помощью к-рой (отрубленной им) Персей одолел ликаонцев, и за что ратуют иконийские античные монеты, содержащие изображение Персея с головой Горгоны (чей страшный взгляд, напомним, превращал живые существа в камень).

Икония, к-рую и Ксенофонт, именуя её последним-окраинным городом Фригии, и Лука, у к-рого Павел и Варнава удаляются отсюда в Ликаонские города (14,6), выразительно отделяют от Ликаонии, находилась в области, где (в означенное время) говорили на греко-фригийском диалекте (фриг. – Кавания – как город назывался ещё при хеттах), и, сообразно Иоанну Малале (Хр. 8,36), первоначально носила имя Амандия.

К тому же, если на I/II вв. Ликаония считалась страной варварской, то в Иконии преобладали греческий язык и культура. При Клавдии она была переименована в (не прижившееся название) *Claudiiconium*, что означает либо основание здесь Клавдием римской колонии, либо оказанное в его правление городу существенное благотворительно-благодетельное внимание. Правда, неизвестно, – до 46/47гг. (возможно, одновременно с провинциализацией в 43г. Ликии, присоединённой к Памфилии?)? или позже? Между тем, *Colonia Aelia Hadriana Augusta Iconiensium* исторически зафиксирована (эпиграфическими находками) лишь со дней правления Адриана (117 – 38гг.), в интервале 130 – 38гг.

Фригия – внутренняя историческая область (во II-м тыс. до н.э. часть Хеттского державного государства) как на западе, так и в центральной части М.Азии, и могущественное царство. Или, точнее, – известная грекам со времени Троянской войны держава пришлых (сообразно греческому взгляду-пониманию) в Анатолию с Балкан (Македония, Фракия, Фессалия) родственных индоевропейским фракийцам фригийцев, к-рые содействовали в греко-троянском противоборстве троянцам.

Хотя сами фригийцы (сыгравшие значительную роль в, не являясь его основой, этногенезе, в частности, армян) считали себя автохтонами и, несомненно, могли притязать, миграционно придя основной массой в М.Азию с Балкан в XIII/XII вв., на, в т.ч., яфетические = индоевропейско-азиатские (пра)корни.

При всех случаях, предела территориальной экспансии их царство достигло в VIII в. до н.э., охватив Анатолию от верховий р. Рындака и Меандра до Галиса и оз. Татта, соприкоснувшись с Ассирией на юго-востоке, а с Урарту (Тушпа) и Домом Тогармы (Мелитена) на северо-востоке и востоке, и имея с X/IX вв. своей столицей Гордион, по имени сльвишего основателем Фригийской державы царя Гордия.

Соответственно мифу, его, простого землепашца, ехавшего в повозке к храму Зевса, выбрали царём по предсказанию-указанию оракула. Он же, в основанной им и названной собственным именем столице установил повозку, благодаря к-рой получил верховную власть, опутав её ярмо сложнейшим узлом из кизилового лыка. И предание гласило, что тот, кто распутает «гордиев узел», воцарится над всей Азией. Занявший в 334г. Гордию Александр Македонский, тоже попытался сей

замысловатый узел распутать, не сумел, попросту разрубил его (своеобразный переход через Рубикон до Рубикона!) и сделался (силаясь державно, духовно, культурно, генетически соединить греко-македонскую Европу с Азией) царём Азии (плюс Египта) аж до Индии (Плутарх «Александр» 18).

С др. стороны, в античном мифологическом Мидасе, от соприкосновения с к-рым всё превращалось в золото (что, в частности, свидетельствует о богатстве владевшей золотыми месторождениями, сделавшими впоследствии сказочно богатым Креза Лидийского, Лидии на р. Пактол), видели сына Гордия (Геродот 8,138) и Кибелы. И это ей, Великой Матери, страстно-оргастически поклонялись очень музыкальные, сродни дионисианским фракийцам, фригийцы (к-рые, к слову, ок. 1100г. даже перешли на востоке Евфрат и вторглись в Куммуху = Коммагену, изгнанные оттуда Тиглатпелессаром I-м, после чего и приступили к основательному освоению Анатолии).

Именно сын Гордия Мидас, кому ещё в детстве муравьи таскали пшеничные зёрна, возвратил сбившегося с пути Силена (из Дионисовой свиты) Дионису, за что Дионис предложил ему исполнение любого желания, на что Мидасу захотелось, чтобы всё, к чему бы он ни прикоснулся, превращалось в золото, из-за чего ненасытного золотолюбца едва не постигла голодная смерть, поскольку в золото стали превращаться даже подносимые ему яства. Пришлось заложнику собственной алчности попросить Диониса об очередном вмешательстве и тот приказал царю искупаться в водах Пактола, к-рый сделался золотоносным, избавив Мидаса от банального конца с голодухи, мало того, предоставив ему возможность начать, согласно преданию, впервые в истории человечества чеканку золотой монеты.

Далее, он же, кто, следуя Диодору (3,58), позднее почитался как спутник Кибелы, выступил судьёй на музыкальном соязании между Аполлоном и Паном и присудил победу Пану, в наказание за что Аполлон наделил его ослиными ушами. И несмотря на то, что эти уши скрывались Мидасом под фригийской шапочкой (не путать с фригийским колпаком, превращённым в символ свободы Французской революцией), о них сделалось известно (по секрету) всему свету.

Тем временем, саму державную Фригию ослабили и затем разрушили в VIII/VIIвв. войны с ассирийцами (Саргону II противостоял в союзе с Писири Каркемишским Митта Мушкский – то ли фригиец? то ли фригийский мушк-протоармянин?) (Д.И. 404; 418), урартами и нашествие разоривших Гордию киммерийцев, жестокое поражение от к-рых (Евсевий – 696/95гг.; Ю.Африкан – 676г.) привело к самоубийству последнего фригийского царя Мидаса. Первый из негреческих царей, принесший дар всегреческому святилищу в Дельфах – золотой трон, он выпил, сводя счёты с жизнью, бычью кровь.

И если в середине VIIв. Фригия (где де-факто хозяйничали её опустошители – киммерийцы) уже числилась ассирийцами одной из провинций Ассирии, то в начале VIв. лидийцы, ранее бывшие под верховенством фригийцев, завоевали часть Фригии. А несколько позднее уже вся Фригия оказалась во власти (баснословного богатея) Креза Лидийского (+ 546г.), кого властительно сменили персидские Ахемениды (Кир Великий), кому на смену пришёл два столетия спустя Александр Великий.

Поначалу вроде бы, сообразно изобразительным свидетельствам, единственным (!) и дальше главным божеством фригийцев была Великая Мать Кибела; затем – Аттис, с его оргиастическими обрядами и экстатическим самооскоплением жрецов, плюс – Сабазий (Вахх) и лунно-солярный Ман (Митра? Менарк?). Позднее имело место позаимствованное у финикийцев поклонение Астарте.

Примечательна присущая фригийцам особенность жить в скалах, высекая в них жилища и целые города со скальными святилищами. Равно известны фригийские

храмы под двухскатной крышей, в к-рых сохранилось изображение ранней (безальтернативно-единобожной?) Кибелы в качестве-облике фланкирующей богини, сопровождаемой двумя музыкантами с двойными свирелями и кифарой.

С IX/VIII вв., в пору оседлости фригийцев, появляется фригийское искусство, с красочными изображениями на рельефах, амфорах и вазах львов, оленей, коз, одетыми в длинные полосатые рубахи с кисточками по подолу, в высоких сапогах, в плетёных шлемах, с короткими копьями и круглыми небольшими щитами.

Впрочем, в постгосударственную античную эпоху обитавшие на плоских возвышенностях или в предгорьях и горах фригийцы пользовались репутацией миролюбивых земледельцев, к-рые, помимо того, занимались овцеводством, разводили знаменитых ангорских коз с пушистой дорогостоящей шерстью и одновременно — декоративные фригийские розы особого аромата. Они бойко торговали в масштабах региона и знали толк в деле чеканки монеты.

Вдобавок к тому, сохранилось 25 старофригийских надписей VII/VI вв. на имевшем свой алфавит фригийском языке и 100 позднефригийских надписей II/III вв. фригийскими буквами на греческом языке. При всём том, наиболее родственный фракийскому и армянскому, но отличный от них фригийский язык представляет собой самостоятельную ветвь индогерманских языков.

Под Великой Фригией, пределы к-рой частично смещались-менялись, античность разумела малоазийско-анатолийскую область, окружённую Карией, Мизией, Лидией, Вифинией, Галатией, Ликаонией и Писидией. Малой или Геллеспонтской (или Епиктетской) Фригией называли, со дней ахеменидского владычества, прибрежные области к югу от Геллеспонта и Пропонтиды, с распространением данного названия и на часть Великой Фригии до р.Галиса (города Дорилем, Пессинунт, Гордий, Анкира). При этом оно сохранялось до 70-х гг. III в. до н.э., когда центральную часть М.Азии заняли пришлые галаты, а (мало-)фригийский север достался вифинцам. Были ещё два названия двух областей — Фригия Нагорная, с гл. городами Тириеем и Филомелием, и Фригия Писидийская, с гл. городом Антиохия.

После 190г. (битва при Магнесии) большая часть южных владений когда-тошней Фригии, носившей теперь наименование Великой, перешла-отпала от Селевкидского царства, по инициативе-протекции победителя Антиоха III-го Рима, к союзнику римлян — Пергаму, и в период со 133 (завещание Аттала Пергамского) по 116гг. частями вошла в состав римской провинции Азия.

Таким образом, никакой политической или административно-территориальной единицы под названием Фригия (будь то — одна, или — четыре) и на каких этнических фригийцев на IV в. н.э. в Римской империи не существовало. В то же время наименование Фригия, кстати, блистательно олицетворяющее-отражающее историко-космополитический котёл и сплав-смешение-взаимоассимиляцию автохтонных и пришлых народов-народностей-племён М.Азии, продолжало (купно или градуированно-разделительно) различными авторами-источниками, не всегда тождественно и не всегда применительно к одним и тем же территориям-землям-границам, употребляться-использоваться — как историко-географически, так и культурно-этнографически.

Засим, вероятно, осенью 46г. н.э. в (преимущественно греко-культурную) Иконию, бывшую, повторим, крайне восточным, согласно Ксенофону, городом бывлой Фригии⁴⁴, к-рый Лука, в отличие от прочих вышеназванных античных авторов, не

⁴⁴ Примечательно, что по раздроблении провинции Азия при Диоклетиане (284-305гг.) на малые территориально-административные единицы, в дальнейшем, при Констанции (337-61гг.), появились провинции Фригия *Pacatia* и Фригия *Salutaris*, а при Флавии Гераклии (610-41гг.) византийские Верхняя и Нижняя Фригии вошли в состав фемы Анатоликон.

сопричисляет (косвенно соглашаясь с Ксенофонтом) к Ликаонии, и к-рый, согласно Плинию (5,95), был богат, но не густо населён, пришли вошедшие в местную синагогу и говорившие-проповедовавшие здесь так, что от их проповедей, уверовало, согласно Дееписателю, множество Иудеев и Еллинов, Павел и Варнава.

* * *

Следуя слову Дееписателя, успех павлианско-варнавианского проповеднического слова сначала в иконийской синагоге, а потом и за её пределами, о чём сказано не прямо, но что из сказанного побочно выводится, превзошёл миссионерские успехи на Кипре и в Антиохии Писидийской. Ибо, если об успехах на Кипре Д.Ап. молчит (13,5), то в Антиохии Павел предупреждает против пренебрежения словом Божиим, против переченя оному (40), чему нет места в Иконии, где от красноречивого слова Апостолов, где по слову красноречивых Апостолов, «уверовало великое множество Иудеев и Еллинов».

Под Еллинами тут, разумеется, перво-наперво, грекоязычные полупрозелиты из числа богобоязненных язычников, однако, во-вторых, — по всему, также просто язычники, к к-рым Апостолы обратились несколько позднее, расширив аудиториаальный диапазон своей проповеди от синагогальных и околосоинагогальных пределов в широкий языческо-эллинистический мир. Не сделали ли они это соответственно их собственной декларации в Антиохии П. об их обращении отныне (вследствие глухоты-слепоты большинства Иудеев, отвергнувшихся Евангелия) к язычникам!

А вставшие в оппозицию к Апостолам и к обращённым-крещённым ими неопитам из Иудеев и Еллинов иконийские иудеи-ветхозаветники объединились против них с местными язычниками, вернее, согласно меткому дееписательскому определению, возбудили сердца последних против как проповедников, так и обращённых ими. Т.е. в городе произошло разделение на два лагеря по две группы в каждом.

Указание же на то, что Павел и Варнава пробыли в Иконии «довольно времени» (14,3) вполне позволяет нам сделать хроновывод об их местонахождении в иконийских пределах, куда они пришли, скажем снова, осенью 46г., в течение зимы 46/47гг. Вот когда, стало быть, здесь и вершились плодотворные труды обоих Апостолов на миссионерской ниве, между тем как Господь — «во свидетельство слову благодати Своей, творил их руками знамения и чудеса» (3), в подорожности о к-рых Дееписатель не вдаётся.⁴⁵

И, по всей видимости, уже весной 47г. н.э. иконийским язычникам и иудеям из числа противленцев Апостолам и неопитам удалось привлечь на свою сторону в противостоянии «великому множеству» уверовавших, число к-рых продолжало увеличиваться, городскую администрацию = магистративных начальников этого провинциального галатийского города (римской колонии?), к коим, надо полагать, обратилось, проявив первоинициативу, иудейское синагогальное начальство (предстоятель со старейшинами) и жречество языческих культов.

Иудейскую инициативу (подхваченную язычниками) подтверждает намерение,

⁴⁵ По христианскому преданию, из Иконии, из знатной и богатой языческой семьи, происходила проникшаяся тут проповедью Павла и обратившаяся Св.Фёкла (см. красочные апокрифические «Деяния Павла и Фёклы» — Пв. н.э.). Само по себе обращение Павлом Фёклы не содержит ничего невозможного, пусть неясно, во время какого, Первого или Второго (Д.Ап.16,1-6), павлианско-миссионерских путешествий это могло произойти. Согласно апокрифу (невзирая на неупоминание Варнавы), — это произошло во время Первого путешествия, после Антиохии Писидийской.

помимо посрамления, побить Апостолов камнями, иначе говоря, казнить Павла и Варнаву иудейской казнью за богохульство, за святоатство (проповедь Богочеловечества Распятого и Воскресшего Машиаха/Мессии/Христа Иисуса, проповедь веры в Святую Троицу и т.д.).

Следовательно, (на 14-м году от 25.12.33г.) с Павлом и Варнавой в малоазийской Иконии хотели поступить так, как некогда в Иерусалиме было поступлено, по личневательскому порыву синедриона, с каменованным, при соучастии фарисея Савла, за городскими воротами Первомучеником Стефаном (когда и где 30-летний Савл охранял одежды побивавших Стефана камнями).

Но, судя по тексту, вовремя предупреждённые о нависшей над ними опасности доброжелателями из местных (неофитов) Апостолы, перед лицом готовящейся расправы, удалились отсюда⁴⁶ «в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их» (6), и там продолжили благовествование (7).

Не взросли ли укоренённые в глубинном еврействе (диаспоральные) Вениаминит Савл и Левит Варнава (тем не менее) в эллинистических Тарсе и на Кипре, сопричастные также эллинизму – греческому языку и культуре, в той или иной мере, знакомые с языческими культурами, с амальгамированно-мозаичной языческой религиозностью киликийского Тарса и Кипра – мест многовекового средиземноморского пересечения Востока и Запада, Севера и Юга, различных духовных (и антидуховных) течений и веяний!

И как сейчас им обоим позитивно сопутствовали их сопричастность эллинизму, знание ими языка международного общения – греческого (койне), их знакомство с эллинистическими традициями и с пёстрой ойкуменической религиозностью, острый кризис к-рой, как и кризис ортодоксального иудаизма, со своей стороны, весьма способствовали миссионерскому успеху Апостолов!

Не несли ли они жаждающим язычникам и Иудеям Бога Живого, не несли ли они людям живое слово о Живом Боге, К-рый и к-рое потому и находили столь живой,

⁴⁶ Иконийская христианская община выводила себя, своё основание, от времени первой проповеди в Иконии Павла (и Варнавы), т.е., по реконструированной нами хронологии, с 46/47гг. н.э. Одним из её первых епископов считается Третий – Апостол от 70-и. Икония – одно из центрально-анатолийских мест благоговейного почитания ученицы Ап. Павла Св. Феклы. Евсевий, приложительно ко времени правления Галлиена (253–68гг.), упоминает Иконийскую кафедру и епископа Никомаса среди наиболее выдающихся на Востоке, наряду с Кесарией Каппадокийской, Неокесарией Понтийской, Тарсом, Иерусалимом и Кесарией Палестинской (И.п. 7, 28, 1). В III/IV вв. – в составе диоклетиановской провинции Писидия – второй по значению город после Антиохии Писидийской. В 70-х гг. IV в. – центр новоорганизованной провинции Ликаония, объединившей части Писидии, Фригии и Каппадокии. Расцвет христианской общины – в епископство Амфилохия (с 373г.): обретение Иконией статуса ликаонской митрополии и участие её митрополитов во всех Вселенских соборах.

В VIII/IX вв., в условиях арабских вторжений, – один из важных центров византийской военной фемы Анатолик. Город и его окрестности неоднократно разорялись арабами. С 1077г. – под турками-сельджуками; с 1096г. (год начала Первого Крестового похода) – столица Иконийского (Румского; Конийского) султаната. Не единожды бывал занят крестоносцами, в последний раз Фридрихом Барбароссой – 1190г., после чего, несмотря на наличие в городе значительной доли греческого и армянского населения, получив тюркизированное название Конья, стал и остался преимущественно мусульманским городом. С 1468г., окончательно занятый турками-османами (впервые взявшими его в 1391г.), при завоевателе Константинополя (1453г.) Мехмеде II (1451–81гг.), – в составе Османской империи и потом Турецкой республики (Конья).

В сельджукскую эпоху в тюркско-персидской Конье жил и творил Омар Хайям (1048–1131гг.). В 1244г. (год окончательной потери крестоносцами Иерусалима и год падения катарского Монсегора в Лангедоке) Джелаледдин Руми и Шемса Тебризи основали тут, в (с XIII в.) конийском центре суфизма, откуда импульсировалось создание суфийских орденов по всему Востоку, небезызвестный орден Мевлеви («танцующих дервишей»).

более того, уже массовый отклик-отзыв, в истосковавшихся по животворной духовности душах и сердцах человеческих!

Нет, Апостолам не мешала, наоборот, помогала эта переплетённая метагеография, в рамках греко-римской Ойкумены, крайне благодатных, как выяснялось, для христианских проповеди-миссионирования, малоазийских городов и пределов — фригийских или ликаонских, мифологические, метаисторические, культурные и этнографические наименования к-рых весьма своеобразно отзеркаливали Таинство Голгофы и христианскую спиритуальную реальность Ив. н.э. в её истинной подлинности!

ЛИКАОНИЯ

Ликаония — покрытая невысокими горными цепями (отроги писидийско-килийского Тавра) и плоскими степями область центральной Анатолии между Каппадокией, Киликией, Писидией и Фригией, с изменчивыми границами (юго-восток провинциальной Галатии). На её севере лежал Тавр, на северо-востоке — горный хребет Парорей. Северо-восточная часть этой страны, где занимались в основном овцеводством, до р. Галис являла собой безлесную солончаковую степь-полупустыню, в самой низкой части к-рой находилось солёное оз. Татта.

В античную эпоху, при Селевкидах, главными городами области были Икония и основанная Селевком Никатором Лаодикея Катакумена. Мимо них проходила знаменитая «царская» (сооружённая ещё Ахеменидами) дорога из Сард в Каппадокию. Известны также города-полисы Тираон, Листра, Дерба, Ларанда, Парлая. Через Ликаонию в 401/400гг. прошли 10 тыс. греческих воинов Ксенофонта, мужеством и стойкостью к-рых так восхищался в 36г. отступавший из Атропатены, драпая от парфян, М.Антоний.

Только в городах население говорило по-гречески, тогда как в сельских местностях использовался ближе неизвестный анатолийско-ликаонский горский язык. Часть местного населения, предположительно, составляли потомки лувийских племён, первоначально заселившие северные склоны Тавра, потом смешавшиеся с писидийцами, и после персидского завоевания освоившие земли-уделы недалеко от Иконии. Во всяком случае, насельники Ликаонии, представители смешанных корней-кровей подвопросного происхождения, поклонялись своим, пусть грецизированным, богам, славились меткой стрельбой из лука, нередко сбивались в разбойничьи банды, идеальным убежищем для к-рых служили труднодоступные ущелья и скалы (Кара-дага — Чёрной горы), и совершали оттуда быстрые вылазки-набеги, нещадно грабя как окрестные, так и соседние земли-территории.

Их подчинение персам можно считать, во многом, номинальным-формальным. После Александра страна вошла в состав державы Селевкидов; в 189г. до н.э. подпала Пергаму; в 133г. отошла к Риму, к-рый передоверил её Каппадокии, сначала — Ариарату V, погибшему в борьбе против мятежного Аристоника, и потом — 129г. — его сыновьям (Юстин 37,1). Но с ослаблением Каппадокийского царства Ариаратидов, когда Ликаония оказалась во власти сплошной анархии, Рим реорганизовал её, под верховенством Киликии, как военную базу для борьбы с морскими пиратами и горными разбойниками.

В 80-е гг. Ив. до н.э. страну захватил, воюя римлян, Митридат Понтийский. С 37/36гг. ею владел, решением Антония, Аминт Галатский, после гибели к-рого в 25г. до н.э. она стала частью римской провинции Галатия, в составе к-рой Листра и Парлая ещё до 6г. до н.э. получили, инициативой Августа, опорные римские колонии. Клавдий экспериментировал тут для укрощения-умиротворения разбойного нрава и бескультурья диковатых внутривинциальных ликаонцев с

основанием новых колоний. Антонин Пий (138 – 61гг.) отделил Ликаонию вместе с Исаврией от Галатии и присоединил к Киликии.

Согласно греческим преданиям, родоначальник ликаонцев – сын Пеласга и океаниды Мелинеи (или Киллены) – Ликаон Аркадский, имя к-рого происходит от «ликос» – волк, на одноимённой Ликаонской (= Волчьей) горе к-рого в Аркадии когда-то приносились человеческие жертвы, в то время как в М.Азии греческие ликаонцы появились, следует думать, в связи с Троянской войной и последующими притоками сюда греков.

Замечателен миф об аркадском царе Ликаоне, к-рый от своих многочисленных жён имел 50 (или 49) сыновей (племена и города), превосходивших всех людей дерзостью и безбожием, слухи о чём дошли до Зевса, к-рый, желая проверить это, явился под видом странника в дом Ликаона (Р.л. 1136). Последний же, в свою очередь, заподозрив в госте божественность, велел, в створе со старшими сыновьями, по совету первенца Менала, дабы разрешить сомнения, подать-поднести загадочному гостю в качестве угощения мясо одного из своих малолетних сыновей (Климент Ал. «Протр.» 2,36), или своего внука Аркаса («Псевдо-Эратосфен» 8), смешав внутренности мальчика с внутренностями священной жертвы. В ответ донельзя разгневанный Зевс опрокинул стол с безбожной едой и поразил-испепелил Ликаона со всеми его сыновьями, за исключением младшего Никтима, к-рого спасла Гея, удержав занесённую над ним Зевсову руку с молнией (Аполлодор 3,8,1). Следуя др. версии, сам Ликаон успел выскочить из горящего дома и превратился в волка (-оборотня, скрывшегося на аркадской горе Ликей, или – Ликеон/Ликаон).

Далее, в правление уцелевшего-спасённого Геей Никтима (Ликаоновича) случился насланный на человечество Зевсом (когда чаша божественного терпения переполнилась) Всемирный Потоп, причиной к-рого многие считали именно грехопадение одержимых безнравственностью Ликаона и его сыновей (Овидий «Метаморфозы» 1,220-39). У Гомера Ликаоном зовётся юный сын Приама, убитый в ходе Троянской войны Ахиллом («Илиада» 21,34-119), что, возможно, отзеркаливает связь малоазиатской Ликаонии с Троей и (пращурами римлян –) троянцами.

Не смптоматично ли смешение мотивов глобальной Атлантической катастрофы, к-рая началась за 15/14 тыс. лет до н.э., закончившись гибелью последних частей Атлантиды за (по Платону) ок. 9500 лет до н.э. (великопотопная Двапара-юга – Большая –10 тыс. лет – эпоха Тьмы, с 13102г. до н.э.), и Великого Потопа в (затопленных начавшим своё ползучее наступление материализмом) человеческих душах. Притом этот духовный Потоп знаменуется-маркируется сменившей Двапара-югу в 3102г. до н.э. (гибель Кришны от поразившей его в «ахиллесову пята» стрелы охотника Джары⁴⁷), почти одновременно с началом в 2908/07гг. (III-й Пост-Атлантической) Египетско-Халдейской (Душа ощущающая) культуры (под знаком Тельца), Кали-югой – Малой – протяжённостью в 5 тыс. лет – эпохой Тьмы, к-рая (начавшись с цивилизаций на Ниле и в Междуречьях Евфрата и Тигра, Амударьи и Сырдарьи, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы) истекла в 1899г.

Не случилось ли в Атлантиде, с середины её эволюции (IV-я Атлантическая эпоха Пра-Турана), в пору второго ариманического грехопадения человечества (под знаком Скорпиона – знаком великих катастроф и великого обновления), предательство Мистерий (Вулкана), обусловившее (вместе с перенесением отложенного Таинства Голгофы на следующую Пост-Атлантическую стадию развития) после-

⁴⁷ Не был ли ок. 60-летний на 3102г. до н.э. охотник Джара (*старец*) инкорпорацией Люцифера, предвозвестившей инкарнацию последнего спустя ок. 100 лет (в Китае), как современная (третья от времени Р.Х.) инкорпорация Аримана (две предыдущие: первосвященник Анна – I/II вв., и венецианский дож Э.Дондоло – XII/XIII вв.) провозвещает его инкарнацию ок. 2160г. н.э.? (см. ниже)

дующий декаданс старых богов, предательство мистерий, вырождение культов, человеческие жертвоприношения, вампиризм, оргиастический беспредел и т.д.!

Не в гибнущей ли (в загубленной грехом) Атлантиде было заложено грядущее тысячелетнее противостояние Иран – Туран, противостояние космоса и хаоса, оседлого мира кочевому, культуры варварству, что обрело свои послеатлантические содержание и форму в предшествовавшую Египетско-Халдейской II-ю Пра-Иранскую культуру (Заратустры), с её развитием Астрального тела под знаком Ближнецов, когда и с каких пор мифологический и спиритуальный образ волка (как одного из олицетворений деградантных атлантических таинств) стал *разрушительным* туранским противоположением *созидательного* Ирана (к-рый олицетворял, в частности, волк, человеком прирученный и превращённый в верного четвероногого друга человека – собаку).

Волк (из созвездия Волка, к-рое китайцы называют созвездием Тигра, у знака Скорпиона) – как смертельный враг Человека-Пастыря и доверенных ему овец; волк – как разоритель овчарни, к-рый режет овец, пьянея от крови; волк – как лунно-затменный враг солнца, пытающийся в полнолуние нагнать и поглотить сиятельное светило; волк – как оборотень-вампир!

Какими именно узами и в какой мере царь Ликаон Аркадский, волчья гора Ликаон в Аркадии⁴⁸ и Ликаония в М.Азии взаимосвязаны-взаимопронизаны, конечно, – большой вопрос. Но не приходится сомневаться, что идущая из тёмной глубины веков мрачная подлежащая непременно искуплению эзотерическая связь между ними существовала и в Срединную IV-ю Пост-Атлантическую культуру Овна-Агнца. Т.е. – в эпоху Таинства Голгофы, когда фатальное противостояние Иран – Туран (Добро и Зло), перешло из геополитической сферы внутрь сделавшихся ареной борьбы Добра и Зла, прогресса и регресса, эволюции и инволюции человеческих душ, человеческих сердец.

И потому проповедь-деятельность Павла с Варнавой в грекоязычных ликаонских городах и в прочих околородских суровых пределах, где говорили на неведомо

⁴⁸ Алкман («фрг.» 1-8), Пиндар (Ол. 7,84; 9,96; 13,104) и Фукидид (5,16) свидетельствуют как о наиболее древнем и выдающемся в Аркадии культе Зевса на горе Ликаон; см. также Павсаний (8,38). Причём, согласно Страбону (8,348), Каллимаху (1,4), Цицерону («Nat. deог.» 3,53) и Клименту Ал. («Protrep.» 2,28,24), Зевс родился (одно из проявлений сил Зевса) именно на Ликаоне, будучи взращён-воспитан здесь нимфами. Его святилище находилось на самой вершине горы и в него, где ни люди, ни животные не отбрасывали тени (Павсаний 8,38,8; Полибий 16,12,7), с его закрытым-тайным культом, категорически нельзя было вступать непризванным-непосвящённым. Воздвигнутый, сообразно Павсанию (8,2,1), самим царём Ликаоном алтарь представлял собой земляную насыпь, при двух повернутых на восход солнца колоннах, с орлами Зевса на них (Павсаний 8,38,7).

А приношение на этом алтаре в жертву детей, к-рое инаугурировал Ликаон, в то время как мудрый афинский царь Кекроп «решил не приносить ему (Зевсу) в жертву ничего, что имеет душу, сжигая на его алтаре в виде жертвы местные лепёшки», продолжалось по IVв. до н.э. К тому же, считалось, что тот, кто совершал жертвоприношение и вкушал человечину, превращался в волка, обязанный дальше жить 9 лет (Большой год) вдали от людей, в дикой природе, для искупления вины и дальнейшего возвращения себе, при условии невкушения человечины, человеческого облика, и возвращения себя в общество людей.

Λυκάων – Λυκος (волк). Плюс к тому, есть версия о происхождении имени «Ликаон» (сходно «Ликург») от слова-слов φαος – «lovs; leuc; luc» (интересно, что на армянском «свет» – լույս – «луйс»), использовавшихся некогда для обозначения *света старого* (см. выше) и божества *Света*, к-рый на вершине горы Ликаон не знал тени, вследствие чего тут и зывали к возобладавшим над силами света силам тьмы (как известно, различные оборотни и призраки, вампиры, вурдалаки, волкодлаки народных поверий-сказаний не отбрасывают тень). Кроме того, словом «ликаон» назывались африканские гиеновые собаки, к-рые использовались египтянами для охоты на антилоп до времени фараонов 12-й династии (при к-рых Израиль пришёл в Египет, чтобы уйти из него при фараонах династии 18-й).

каком ликаонско-горском наречии, имела, в свете кризиса-ухода старых декадентных культов и пришествия к лишь частично-поверхностно эллинизированным ликаонцам (под верховным патронатом державного Рима) несомого им Павлом и Варнавой христианства, особенно важное-актуальное значение.

Малая Азия (Анатолия), с космополитическим сплавом её обитателей, с её кельтско-галатским в III – IIIвв. сердцем и провинциально-галатским центром при римлянах, есть уникальный регион сретения-перекрёстка импульсов (со) всех сторон света. И этот регион не только географически, а и сакрально-мистически не мог не стать после Финикии, Сирии, Набатеи, Нубии, Киликии и Египта (или одновременно с Египтом, куда христианство впервые проникло ещё в 30-е, основательнее придя туда уже в 40-е гг. Ив. н.э.), одним из главных (эллинистических и проч.) адресатов христианского миссионирования и проповеди.

Именно через початую в Первом миссионерском путешествии промежуточно-интервальную Малую Азию путь Павла лежал – дальнейшие путешествия – в Европу – до Греции, Рима/Италии и даже предатлантической Испании, в к-рой он побывает после своих первых римских уз 61 – 63гг.!

ИСЦЕЛЕНИЕ ХРОМОГО В ЛИСТРЕ

(весна 47г.)

Город Листра (1230м над уровнем моря) в Ликаонии, сопричислявшийся и к Писидии, располагался в ок. 40 км на юго-запад от Иконии (Плиний 5,147; Птолемей 5,4,9), на дороге, идущей в гору через степной песчаник и болота. Его местоположение известно с 1833г., когда американские протестантские миссионеры обнаружили у турецкой деревни Катын Сераи каменный обломок языческого алтаря с надписью «Lustra». Здесь (как и в находившейся неподалёку отсюда Парле) Август основал римскую колонию *Iulia Felix Gemina Lustra* (СІЛ 3,6786), что было связано с сооружением тут соединившей Антиохию Писидийскую с римскими колониями Листрой и Парлой стратегической дороги *via Sebasta*.

Последнюю строил в бг. до н.э. кесарский легат Галатии Корнелий Аквила (Р.л. 593-96), кто, как мы знаем, преемствовал в управлении Галатией П.С.Квиринию, легату Галатии и Памфилии в 10 – 7гг., после победы к-рого над гомонадами Галатия была снова отделена от Памфилии и предоставлена, как и Памфилия, преторскому легату, тогда как в пору их объединения двумя объединёнными провинциями управляли легаты консульские (12 – 7гг.). Т.е. основание римских колоний в Листре и Парле, вероятно, в интервале 12 – 7гг., Л.Кальпурнием Пизоном Фруги (легат Галатии и Памфилии в 12 – 10гг.) или П.С.Квиринием, предшествовало сооружению (в этой основательно умиротворённой-замирённой Квиринием местности горских разбоев) вышеназванной дороги преторским легатом Корнелием Аквилой.

В свою очередь, Дервия (Дерба) – город-крепость в Ликаонии, на границе с Исаврией, включаемая Птолемеем (5,6,17) во Пв. н.э. в писидийскую область Антиохиана, располагалась дальше в гору, в ок. 35 км на юго-восток от Листры. Она, как и соседняя Ларанда, была владением дружного управлявшему в 51/50гг. Киликией Цицерону (*Ad. fam.* 13,73,2) местного тирана Антипатра Дербета (Страбон 12,535; 569; 14,679), к-рого впоследствии, при раннем Августе, одолел и убил-ликвидировал, в наказание за практиковавшиеся им разбои, «друг и союзник римлян» – вассальный *amicus populi Romani* – Аминт Галатский (царственное верховенство к-рого ставший лишним Антипатр попробовал игнорировать), кто, согласно современнику событий Страбону (12,569), «владел Исаврией и Дербой в наше время» (Р.л. 590-92).

И вот, напоминая, в весенние дни 47г., сначала в ликаонскую Листру пришли удалившиеся из Иконии, где их хотели посрамить и побить камнями, от преследования иудеев и язычников, с благовествованием слова Божия, обратившие-крестившие в Иконии множество язычников и иудеев, – притом в особенности (насколько косвенно выводится из апокрифических «Деяний Павла и Фёклы») молодых людей, чем они особенно возбудили-возмутили против себя их родителей, – Павел и Варнава.

«В Листре некоторый муж, не владевший ногами, сидел, будучи хром от чрева матери своей, и никогда не ходил.

Он слушал говорившего Павла, к-рый взглянув на него и увидев, что он имеет веру для получения исцеления,

Сказал громким голосом: тебе говорю во имя Господа Иисуса Христа: стань на ноги твои прямо. И он тотчас вскочил и стал ходить.

Народ же, увидев, что сделал Павел, возвысил свой голос, говоря по-Ликаонски: боги в образе человеческом сошли к нам.

И называли Варнаву Зевсом, а Павла Ермием, потому что он начальствовал в слове.

Жрец же идола Зевса, находившегося перед их городом, приведши к воротам волов и принесши венки, хотел вместе с народом совершить жертвоприношение.

Но Апостолы Варнава и Павел, услышавши о сём, разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили:

Мужи! Что вы это делаете? И мы – подобные вам люди, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу живому, Который сотворил небо и землю, и море и всё, что в них;

Который во всех родах попустил народам ходить своими путями,

Хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исцеляя пищу и веселием сердца наши.

И говоря сие, они едва убедили народ не приносить им жертвы и идти каждому домой. Между тем как они, оставаясь там, учили.» (Д.Ап.14,8-18)

Обращает на себя внимание то многозначительное обстоятельство, что ни в Листре, ни в Дервии (ни, тем более, в их ликаонских окрестностях), как в, согласно Дееписателю, местах послеиконийского пребывания-благовествования Павла и Варнавы, в отличие от Иконии, Антиохии Писидийской и всех прочих предыдущих мест-пунктов миссионерско-апостольской деятельности обоих, не было иудейских общин (отсутствие там к-рых ясно из молчания о них Д.Ап.). Т.е. в этот раз Павел и Варнава впервые проповедывали не (как обычно прежде) иудеям, прозелитам, богобоязненным язычникам и уже потом язычникам прочим. Нет, они проповедывали именно язычникам без иудеев и прозелитов *правды* или *врат*, к-рые ранее были их основными слушателями-адресатами, в то время как теперь таковыми стали простосердечные ликаонцы – обитатели названных полисов и крестьяне окрестностей.

Причём Дееписатель только тут подчёркивает речь – по-Ликаонски, а не по-Гречески, что не означает непонимание ликаонцами греческого, на к-ром проповедывали Апостолы, одновременно означая, что, понимая и владея (языком) койне (его местным диалектом), больше – в городах, меньше – в окрестностях, здешнее население в общении между собой и особенно при отправлении местных (частично эллинизированных культов) пользовалось, продолжало пользоваться ликаонским (= одним из наречий фригийского?). Не случайно до сих пор известные-обнаруженные фригийские эпиграфические надписи – либо наполовину греческие, либо часть из них составлены греческими буквами на фригийском.

И эта апостольская проповедь, на сей раз, к сердцам не подверженных никакому иудейскому влиянию грубоватых ликаонцев (детей природы) имела успех, пусть даже не приводя к массовому крещению-обращению тутошних, городских и окрестных, м.б., до границ Каппадокии, провинциальных язычников. И как самаритяне в Израиле первыми из неиудеев (но израэлитов, к-рых, однако, ортодоксальные иудеи считали нечистокровными кутимитами) живо откликнулись в 34г. на благовестование дьякона Филиппа, а затем – на прибывших в Самарию Петра и Иоанна (Зеведеева), так теперь ликаонцы, к-рых можно сопричислить к индоевропейским фригийцам в составе провинции Галатия, первыми из компактной группы малоазиатских (без Киликии) язычников, откликались-отзывались на слово Божие из уст Павла и Варнавы. И как Иоанн (Зеведеев) в 34г. сопутствовал в Самарии Ап. Петру, так теперь (ставший ещё на Кипре из *первого вторым*) Варнава сопутствовал Ап. Павлу.

И вот весной 47г., спустя 7 лет от обращения в 40г. Петром сотника Корнилия в Кесарии, в Листре, точнее, перед городом (14,13), по всему, в многолюдном святилищном месте (на территории храмового комплекса? перед входом в него? у врат?), Павел совершил своё первое чудесно-врачевательское исцеление некоего безымянного хромца от чрева матери, напоминающее исцеление хромого от чрева матери Петром за почти 14 лет до того, летом 33г., при вратах Иерусалимского храма, называемых Красными, где хромец просил милостыню у входа в храм (см. выше). Там – Пётр и Иоанн (Зеведеев), из к-рых Пётр – (словом и делом) первый (на переднем действенном плане); тут – Павел и Варнава, из к-рых целительное действо-таинство – за сильным в слове и деле Павлом.

Там нищий калека пристально смотрит на Апостолов, надеясь получить милостыню, а получает вместо золота и серебра, к-рых нет у Петра, действенное словоповеление – во имя Иисуса Назорея – встать и ходить. Т.е. Пётр, узрев в нищем потенциал к уверованию, исцелил его волевым словом и именем (от имени) Христа Иисуса, исцелил, взяв калеку за правую руку и подняв-оторвав его с-от земли, в ходе-процессе чего укрепились его ступни и колена. И он, встав, начал ходить, и вошел с ними (с Петром и Иоанном) Красными воротами в храм, хваля Бога.

Тут Павел различает во внимающем ему хромце веру для получения исцеления, т.е. слушающий Апостола калека уже верует, и вера его, вкупе со словом-велением Павла, делается силой (сгусток павлианской воли в обращённом к калеке слове; данный хромцу посредством категорического императива импульс), исцеляющей его во имя Господа Иисуса Христа. И он впервые в жизни, – будучи, вероятно, сродни калеке 33г. у Красных ворот, немолод, – становится прямо, становится вертикально, выпрямляясь от земли к небу, и начинает (о чудо! наглядно-воочию представшее окружающим!) ходить! Поди не подивись, поди не угляди в Павле носителя минимум сверхъестественной силы, чудотворных качеств-способностей, (сродственного Петру) чудотворца в силе!

Если в 46г. на Кипре зловердный Елима волхв, противившийся Апостолам и силившийся отворотить от них проконсула Сергия Павла, временно (накрытый тьмой), по Павлову слову, ослеп, то ныне, Павловым словом-деянием, колченогий (и казалось, по всем признакам, пожизненный) сиделец от рождения обрёл (благодаря своей вере) способность ходить. Вспомним о непереломанных благодаря римскому сотнику Кассию Лонгину голенях Иисуса на кресте. Кость его (оставшись в целости) да не сокрушится! А истинная вера в Него, выявленная и укрепленная в верующем Христовым Апостолом, может поднять хромого от рождения на ноги (ибо истинная даже с горчичное зерно вера способна сдвигать горы!)

Впрочем, тёмный народ в большинстве, само собой, не сразу постигает настоящую суть произошедшего, поскольку, видя содеянное Павлом, восклицает (по-

Ликаонски, на чём заостряет внимание Лк.), что боги в человеческом облике сошли на землю. Оно и понятно: кто, спрашивается, ещё, коли не боги, в состоянии, в одночасье, сиюминутно, поставить на ходячие ноги многолетнего хромца от чрева матери!? К тому же, для античности явление богов людям, к людям, их зримое вмешательство в дела человеческие, пусть, чем дальше, тем реже, пусть не каждодневно, тем не менее, — дело вовсе не невозможное.

Таким образом, повторим и дополним: неведомо, какое именно, предположительно, фригийско-анатолийское наречие имеет в виду под «Ликаонским» Лк., но потому как он таковое или таковой язык специально оговаривает-акцентирует, значит, речь идёт не о греческом койне, к-рый Дееписатель не назвал бы Ликаонским, благовествуя на Греческом.

При всём том, хоть в Листре и имелась со дней Августа римская колония, Павел и Варнава имеют дело никак не с ней, да и вообще, когда в объективе колониальные Римляне, на это у Лк. указывается прямо, например, в пору Второго миссионерского путешествия Павла, в 52г., в бывших римской колонией македонских Филиппах (16,12) (см. ниже).

Следовательно, как сам чудесно исцелённый хромец, так и большинство листрийцев, к-рые случившееся видели, были ликаонцами местного горского разлива, общавшимися между собой по-Ликаонски, служившими своим (частично эллинизированным кумирам на Ликаонском) и, в той или иной мере, знавшими-понимавшими язык международного общения — греческий (на к-ром, напомним, вряд ли говоривший на арамейском Пилат спрашивал Иисуса, и точно не знавший римскую латынь Иисус отвечал Пилату).

И — о да! — эти, в первую очередь, ликаонскоязычные язычники = провинциальные галаты, являясь менее цивилизованными, чем грекоязычные эллинисты-ойкуменисты и римляне, были много наивнее, чем последние. И они не преминули, пока не веруя в безвестного Иисуса Христа, а веруя в старых богов, принять сильных в слове и деле Апостолов за сошедших к ним Зевса — Варнава, и Гермеса (= Ермий) — Павел (к-рые в некоторых латинских версиях-вариантах и в некоторых европейских переводах Библии, к примеру, у Лютера, фигурируют как эквивалентные греческим и греко-ойкуменическим = греко-римским Зевсу и Гермесу — римские Юпитер и Меркурий).

* * *

Почему Варнава Зевс (глава и царь богов)? а собственно сотворивший чудо, что и обусловило стремление ликаонцев воздать Апостолам божественные почести, Павел — Гермес (сын Зевса и Майи)?

Самое элементарное объяснение-истолкование — более внушительное внешнее представительство, бóльшая визуальная достопочтенность-импозантность Варнавы (что предполагает, к примеру, уже Иоанн Златоуст), плюс, возможно, выглядевшее значительным, но в реальности незначительное его возрастное старшинство.

Старейшим Павловым ликом считается изображение с большого бронзового медальона, к-рый был найден на кладбище Домициллы в Риме и (хранимый в Ватиканской библиотеке) датируется концом I-го или началом II-го в. н.э. Т.е. временем, когда ещё были живы некоторые люди, лично знавшие-помнившие претерпевшего мученичество в 67г. в Риме Павла, кто, изображённый на означенном медальоне вместе с Петром, менее представителен. Короче, — лысый и невзрачный (местечковый) еврей с густой бородой и, как полагают, с недужными-подслеповатыми глазами. Дальше — больше: в датирующихся II-м в. н.э. апокрифических

«Деяниях Павла и Фёклы» он назван-охарактеризован «мужем низкорослым, лысым, с ногами кривыми, с осанкою достойною, с бровями сросшимися, с носом, немного выступающим» (3).

Стало быть, медальон и ранний апокриф побочно подтверждают предположение о большей внешней респектабельности Варнавы. Но в то же время чудесное целительство-исцелительство, прилюдно осуществлённое Павлом, а не Варнавой, — *епархия* не столько Зевса-Юпитера, сколько именно Гермеса-Меркурия, к-рому в еврейской ангелологии не случайно соответствует (планетарный) Архангел Рафаил, сопровождавший, о чём читатель знает, в ампула спутника, в человеческом обличе, благочестивого Товию из замечательной (рафаэлической) «Книги Товита».

Кроме того, или прежде всего, не был ли именно Гермес Трисмегист (Трижды Величайший) = Тот Гермес, к-рому (первый) Заратустра (живший-творивший за 6/5 тыс. лет до н.э. инаугуратор-учредитель II-й Пра-Иранской культуры под знаком Блиźнецов) пожертвовал своё уникальное астральное тело, основателем-инаугуратором ок. 3100/3000гг. до н.э. Древне-Египетской культуры (или шире — Египетско-Халдейской культурной эпохи под — 2908/07гг. до н.э. — знаком Тельца, без к-рой была бы невозможна следующая культурная эпоха под знаком Овна-Агнца = Греко-Римская — с 748/47гг. до н.э. — эпоха Мистерии Голгофы).

Засим увиденные-воспринятые, смутно п(р)очувствованные и смутно пережитые ликаонцами проявления целителя-врачевателя Гермеса и таинственной герменевтики в (их носителе-олицетворителе) Павле отнюдь не означают какую-либо его деградацию, в сравнении с увиденным ликаонцами проявлением светоносно-царственного Зевса в Варнаве!

Итак, Зевс был восходящим к индоевропейскому божеству Неба отцом богов и людей. Репрезентант третьего поколения богов, младший сын Кроноса (Сатурн) и Реи, он, по преданию, родился не то на Крите, не то в Аркадии. Его отцу, Кроносу, свергнувшему (и оскопившему на Кипре) своего отца, Урана, было предсказано свержение одним из сыновей, к-рых он (в видах предотвращения своей детронизации) пожирал при рождении. То-то К(Х)ронос-Сатурн в астрологии олицетворяет принцип Смерти. Ведь (нетварное вечное) Время, к-рого боится всё (и даже пирамиды), само по себе, олицетворяет для всех прочих и для всего прочего (во времена-эпохи — от Скорпиона до Скорпиона) временность-преходящность и Смерть (не говоря о предельном апокалипсическом *времени* = Надвремяе, когда, согласно Иоанну Богослову, *времени* больше не будет!).

И не должно ли было овладеть смертным временем божественное пространство, чтобы, вочеловечившись как пространство и время, как Пространство, ставшее в Крещении Иисуса Иоанном на Иордане Временем (тайна-таинство сверхчувственного уровня), обусловить затем становление искупленного-спасённого Времени искупленным-спасённым Пространством (тайна-таинство *цветка Лотоса*) в Воскресении и Вознесении Иисуса, увенчанных-венчаемых *трижды великой* Троицей-Пятидесятницей.

На Крите (где Павел побывает, отбыв — 61 — 63гг. — первые римские узы, по посещении — 63/64гг. — Испании, в 64г. н.э.) (см. ниже) новорождённый Зевс был сокрыт Реей от Кроноса в гроте и вскормлен-взращён (козьим молоком) нимфой Амалфеей, или отдан на воспитание куретам и корибантам (Д.И. 106-11), вскормившим его молоком и мёдом. Возмужав, он лишил отца власти и принудил его вернуть на свет ранее проглоченных детей. Зевсом были получены в удел Небо и Земля; одному его брату Посейдону достались моря-океаны; другому — Аиду — подземное царство мёртвых.

Зевсово местопребывание — г. Олимп, точнее, облачный-заоблачный вершинный эфир Олимпа у небесных порогов. У него различные весьма многочисленные

проявления-свойства-функции. Он, в частности, бог погоды, породитель-хранитель-насылатель плодоносного дождя (и могущей карать светоносной молнии), о чём, кстати, говорит ликаонцам Павел (17), правильно переводя стрелки с греко-ойкуменического, при всех случаях, локального Зевса, на глобально-монотеистического еврейского Все-Творца-Всевышнего – Единого Бога богоизбранных – до Первого Пришествия Христа!

Между тем, если Зевс Каталибот у греков отвечал за погодный дождь, громы и молнии, то Зевс Лафистий в Ахайе или Зевс Ликейский (Ликаонский) в Аркадии некогда требовал – как завораживатель-делатель сакрального эфира, цветения и аграрной погоды – младенческо-человеческих жертвоприношений (см. выше). Плюс к тому, древние знали также воплощавшего природную мощь земли Зевса Хтония; ответчика за земледелие – Зевса Георгия; покровителя домашнего очага – Зевса Геркия; защитника собственности – Зевса Ктесия; защитника свободы – Зевса Элевтерия; спасителя людей – Зевса Сотера, и т.д.

При всём том, в эллинистическую эпоху сплава религий, культур, этносов верховные боги др. народов идентифицировались греками и эллинизированными ойкуменистами различных уделов с Зевсом, называемые его (перед своим исконным) именем. Например, Зевс Аммон, или Зевс Мардук. И не тронные ли преемники диадохов, в пору декаданса эллинизма, начали безумно идентифицировать себя с божественными *сотерами*, как в перспективе римские кесари, в пору демонии цезаризма, позиционировали себя божественными отцами и спасителями человечества (почитание себя в каковом качестве-облике Калигула первым из кесарей потребовал и от римлян).

От связи (одолителя Гигантов и Тифона) Зевса с богинями родились Афина, Мойры, Афродита (от Дионы), Хариты, Музы, Аполлон и Артемида (мать – Лато-на), Персей (его мать – Даная, с к-рой Зевс соединился в облике золотого дождя), Арес... От связи с нимфами и героинями – Аякс, Геракл, Дардан, Ясон, Минос, Сарпедон и Радамант – последние трое – дети (похищенной Зевсом в образе молодого быка-тельца, в знаке Египетско-Халдейской культуры, под знаком Тельца, в сени и тени к-рой медленно зарождалась грядущая Европа) Европы.

Далее, – Елена и Диоскуры, Аргос и Пеласг, Дионис (от Семелы), наконец, Гермес – сын дочери (глядящего с Атласских гор в Мавритании на поглотившую Атлантиду Атлантику) Атланта (сын Иапета) и океаниды Плейоны – Майи (соименницы матери Гаутамы Будды) – старшей из Семи Плеяд. Она превосходила сестёр красотой и, являясь нимфой гор, сошлась с Зевсом в гроте аркадской горы Киллена, где и родила от верховного олимпийца сына Гермеса.

И не примечательно ли, что если Аполлон (как и Артемида), кто впоследствии несколько потеснил на Олимпе Зевса, активно вступающего из божественной метаистории в человеческую историю со дней и во дни Троянской войны, родился от *богини*, то Дионис – сын *героини*. Майя же может быть как воплощением плодотворной земли (на Западе), так и иллюзии (на Востоке). И не удивительно ли, что, согласно одному из мифов, именно Гермес спасительно отнёс преследуемого Герой младенца Диониса (к-рого Зевс защитно превратил в козлёнка) к нимфам – в палестинскую Нису-Скифополь (Диодор 4,2,3), где нимфы спрятали принесённого Гермесом ребёнка, накрыв его колыбель ветками плюща. На памяти Иисус Соломонид – как новый Аполлон, и Иисус Нафанид – как новый Дионис! (к-рые взаимопроникнуты друг другом – брат братом! Аполлонизация дионисианского и дионисианизация аполлонического!). *Дионисианское* (не без элементов *аполлонического*) христианство Апостола Павла и *аполлоническое* (не без элементов *дионисианского*) христианство Апостола Иоанна Богослова! Гермес и младенец Дионис работы Праксителя (IVв. до н.э.).

Если изображавшемуся с орлом, скипетром и пучком молний тронному Зевсу

были посвящены царь дерев — дуб, и вестник богов — солярный орёл, то часто изображавшемуся с овцой на плечах пастырскому Гермесу (Криофор — символ доброго пастыря и покровителя пастырей-пастухов) посвящались вертикально поставленные камни = гермы (этимология имени) — дорожные вехи, поскольку он был покровителем путников, их сталкером-проводником, отвечавшим за терминацию дорог, за расстояния, за вестовые столбы и придорожные метки. Отсюда Гермесово изображение в дорожном шлеме и — как стремительного посланника богов — в крылатых сандалиях. Неспроста метивший в сотеры-спасители Калигула мнил себя как Зевсом-Юпитером, так и крылато-сандальным Гермесом-Меркурием, один из атрибутов к-рого — полученный им от Аполлона жезл — кадуцей божественного герольда.

Этот Гермес-Меркурий не действовал грубо, предпочитая мягкую силу и дружескую беседу, нередко используя хитрость и чародейство, внезапные появления и исчезновения. Хитрован и обманщик, выгожник и мастер счастливой находки, он мог проявляться и как покровитель купцов-дельцов, но это не мешало ему быть параллельно покровителем наук и открытий, хранителем эзотерических тайн, богом письма, значения чисел и красноречия. А сплетение египетской мистики с синкретизмом эллинистической эпохи подняло связанного, в т.ч., с культом мёртвых (проводника душ умерших в потусторонний мир) Гермеса на небывалую высоту и привело к его интерпретации как хозяина Гнозиса и как (не уступающего Зевсу) мистического Всебога. То-то Гермес Трисмегист — позднеантичное наименование (ответственного за высочайшую мудрость и таинственнейшее знание) египетского бога(-таинника) Тота (Платон «Федра» 274) (см. ср. «Илиада» 24,343; «Одиссея» 5,47; 14,435; Диодор 1,16,1; 1,27,4; Геродот 2,67; Аполлодор 3,112; Ant. Lib. 23; Цицерон «Nat. deor. 3,56; Гораций «Carm.» 1,10,12).

Посему разве случайно как раз в I/II вв. явился на свет многозагадочный «Corpus Hermeticum», составителем к-рого, с его теологическими откровениями и сокровенностями, считался не кто иной как учредитель герметики-герменевтики Гермес Трисмегист (Logios) — носитель откровений-сокровений (Логос и Нус), покровитель греко-египетских таинств в герме(нев)тике. Этот «Corpus» есть собрание оккультных сочинений в виде диалогов, представляющее собой сплав-смесь-синтез гностицистских, греческих, египетских и проч. таинств-идей и их интерпретаций, преимущественно, в назидательно-проповеднической форме. В центре — сотворение мира Духом, падение Души и пути её спасения-избавления...

А, тем временем, ликаонцы Листры приняли Варнаву за Зевса и Павла за Ермию не потому, что Варнава якобы молчал, между тем как Павел якобы, всего-навсего, его «посланник», говорил и действовал, под каким соусом беспомощно пытаются представить дело «Т.Б» (т.3, Д.Ап., с.109) или «Lexikon zur Bibel». Подойдём иначе. Не показательно ли еврейско-спиритуальное проявление Архангела Рафаила именно как целителя-врачевателя души и тела (Иисус — *Духовный врач; Исцелитель*)? Не в данной ли взаимосвязи в Варнаве ликаонцами подсознательно распознаётся Зевсово *отеческо-михаэлическое* начало, в Павле же — Гермесова — *сыновья* — рафаэлическо-михаэлическая субстанция-функция! И не в свете ли именно этого герметического стержня они, тёмные — не лишённые атавистическо-рудиментарного сверхчувственно-визионерского восприятия — язычники (дети природы), пытаются совершить благодарственное языческое жертвоприношение?!

Ибо они пока не видят, не ведают за и над произошедшим, за и над павлианским чудом безальтернативного Христа Спасителя, с Пришествием, Жертвой и Воскресением Которого нет больше ни Зевсов-Юпитеров, ни Гермесов-Меркуриев (как нет больше ни Еллина, ни Иудея...), но везде и во всём Христос, с К-рым и в К-ром, именем К-рого творит чудо человек-христианин, место личности в душе и существе к-рого заступил Христос!

Помимо того, весьма интересно, что в появившихся в начале IV н.э. (3 – 8 гг.) «Метаморфозах» Овидия (8,617-724) повествуется о приходе в ветхую хижину неких благочестиво престарелых супругов – Филемона и Бавкиды, «на фригийских холмах» Малой Азии, в облики смертных людей – Юпитера и его сына, к-рый, «отвязавший крыла жезлоносец» (внук Атланта и правнук Иапета по матери), назван (не иначе как просто) «Атлантовым потомком». И когда на безбожных соседях падает насланная пришлыми богами кара потопа, ветхая хижина великодушно давшей им, бедным странникам, приют бедной старческой пары превращается в сверкающий золотом храм, вернее, в святилище/святилища служения Юпитеру и его (по тексту, равностатуированному-парному с ним) сыну, где Филемон и Бавкида делаются жрецами-служителями и умирают, в соответствии с их исполненным богами пожеланием, оба в один день.

Спрашивается, – не идёт ли тут речь о Зевсовом (меркуриальном) святилище в прифригийско-ликаонской Листре? или, как следует из Д.Ап. (14,13), о святилище непосредственно за городом, вне города? где жрец идола Зевса, «находившегося перед их городом, приведши к воротам волов и принеся венки», к-рыми венчали жертвенных животных, хотел вместе с народом совершить жертвоприношение. Хотел принести жертву во славу принятых людьми за богов в человеческом облики Варнавы и, главное, совершившего изумившее всех чудо исцеления хромца Павла, почему собственно у ликаонцев и возникло стремление принести пришлецам благодарственную жертву.⁴⁹

ЛИСТРА, ДЕРВИЯ И ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

(47/48 гг.)

С трудом Апостолам удалось, бросившись в народ, уговорить-убедить суеверных-восторженных ликаонцев не благодарить их жертвой. Пришлось обоим разодрать одежды в знак глубочайшей скорби и громогласно заявить: «мы – подобные вам человеки», благовествующие, чтобы вы обратились от ложных идолов и идолопоклонства к Богу Истинному – к творцу неба, земли, моря и всего, что в них. В конце концов, народ, всё-таки, внял и нехотя отказался от принесения жертвы человекам, следом за чем Деяния добавляет об Апостолах: «Между тем, как они, оставаясь там, учили» (что указывает на требовавшееся для этого – оставаясь, учить, – время = указывает на определённый интервал времени), и продолжает:

⁴⁹ Если Заратустра (за 6/5 тыс. лет до н.э.) постиг сверхличное живое существо Времени и открыл законы его движения (метахронология-хронология; дрейф Солнца через дома-знаки Зодиака – Амшаспанды – духи формы – регенты Времени), то носитель *эфирного тела* Заратустры (как инаугуратор ок. 3000г. до н.э. Египта Гермес Трисмегист стал носителем его *астрального тела*) египетский посвящённый Моисей, выведя богоизбранный Израиль из обречённого Египта в 1447г. до н.э. (по истечении 1460-и сотисных лет от начала Египетско-Вавилонской культуры Тельца в 2907г. до н.э.), дал человечеству родниковый пульс-импульс Времени (в рамках метаистории-метахронологии) исторического-хронологического.

Малая Азия – под влиянием меркуриальных культур Египта и Финикии, равно венециальных культур Вавилонии и Сирии, плюс потоки влияния из лунарно-солярной Малой Азии на Грецию, или с евроочагового Крита и солярно-лунарной Греции-Эллады на Малую Азию и дальше. Азия/Асия – страна богов; Европа – дочь Азии – страна людей. Малая Азия до р. Галис в её центре-середине – своего рода оконечность Европы в Азии, и полуостров Малой Азии, ограниченный на западе, севере, юге Эгейским, Чёрным, Средиземным морями – без чёткой границы на сухопутном востоке – от Киликийских ворот на север – без Армении или с частью западной Армении, до Понта Эвксинского. А при римлянах, в соответствии с державно-политическими границами – до аннексированных-провинциализированных Римом в течение IV н.э. Каппадокии, Понтийского царства, Малой Армении и даже присирийской Коммагены

*«Из Антиохии и Иконии пришли некоторые Иудеи и, когда Апостолы смело пропове-
дывали, убедили народ отстать от них, говоря: они не говорят ничего истинного, а всё
лгут. И, возбудивши народ, побили Павла камнями и вытащили за город, почитая его
умершим.*

*Когда же ученики собрались около него, он встал и пошёл в город, а на другой день
удалился с Варнавою в Дервию.*

*Проповедавши Евангелие сему городу и приобретши довольно учеников, они обратно
проходили Листру, Иконию и Антиохию,*

*Утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере и поучая, что многими
скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие.*

*Рукоположивши им пресвитеров в каждой церкви, они помолились с постом и
предали их Господу, в Которого уверовали.*

Потом, прошедши через Писидию, пришли в Памфилию;

И проповедавши слово Господне в Пергии, сошли в Атталию,

*А оттуда отплыли в Антиохию, откуда были преданы благодати Божией на дело,
к-рое и исполнили.*

*Прибывши туда и собравши церковь, они рассказали всё, что сотворил Бог с ними,
и как Он отверз дверь веры язычникам;*

И пребывали там не малое время с учениками.» (Д.Ап.14,19-28)

Т.е., предотвратив идолопоклонство в свой адрес, Павел и Варнава учили, оста-
ваясь в Листре, по ходу чего наступило и, м.б., прошло-минуло в апостольских
трудах лето 47г. н.э., когда — осенью — из Антиохии Писидийской и Иконии к
язычникам в Листру пришли (специально снаряжённые антиохийской и иконий-
ской еврейскими общинами?) иудеи, убеждая обращённых-крещённых из местного
населения и внимающих павлианско-варнавианским проповедям язычников отстать
от Апостолов, не слушать их, потому что они, мол, — «не говорят ничего истинного,
а всё лгут» (14,19).

Как видим, иудеев Антиохии и Иконии настолько взбудоражило плодотворное
миссионерство Павла и Варнавы, настолько не оставляли в покое результаты их
миссионерской деятельности, что они, обеспокоенные апостольскими успехами,
даже уполномочили посланников к гоям-язычникам. Уполномочили-снарядили, не
желая, чтобы к вере во Христа приобщались и язычники, так как рассматривали
языческое население в качестве объекта-цели потенциального еврейского миссио-
нирования, предполагающего обрезывательное обращение в иудаизм, к-рый всё
больше разотождествлялся с христианством, всё меньше отождествлявшимся (пусть
до времени для единиц) с одним из ответвлений-разветвлений еврейства. И едино-
божники-христиане, обращая-крестя как евреев, так и представителей-репрезен-
тантов ойкуменического язычества, покушались, в глазах иудейских ортодоксов,
как на Израиль в настоящем, так и на подлежащую иудаизации часть языческого
мира в еврейско-мессианистическом будущем.

Касаемо же листрийских язычников, отказ Павла и Варнавы от принятия бо-
жественных почестей у многих из них вызвал разочарование, обернувшееся обрат-
ным эффектом, и то, что ранее вменялось мужам Апостольским как проявление
божественности, теперь, после их отказа, могло быть кфалифицировано, и навер-
няка было многими квалифицировано, как проявление чародейства-колдовства-
магии. И, б.м, прибывшие из Антиохии и Иконии противохристианские иудеи

— без не вошедших в состав Imperium Romanum Великой Армении (соединительно-разде-
лительный мост между Римской империй, Парфянским Ираном, Кавказом) и (сирийской-
присирийской) Осроэны.

сыграли именно на этом, возбудив народ Листры, к-рый, надо понимать, совместно с иудейскими коммивояжёрами, однажды столпотворительно-лицевательно сбросился в гнев на сильного-начальствующего в слове Павла, вытащил его за город и побил иудейской карой за святотатство — камнями. Причём побил до полусмерти, поскольку, полагая каменованного мёртвым, стихийные каменователи-лицеватели удовлетворённо удалились.

Вспомним толпу, восторженно кричавшую Иисусу, при входе в Иерусалим 29.03.33г., «Осанна!», и истошно вопившую спустя считанные дни (обращаясь к Пилату) — 3.04.33г. — «Распни!». Более того, вспомним ещё раз каменение Первомученика Стефана 25.12.33г., на 14-м году от чего каменования, правда, не с летальным исходом, подвергся один из Стефановых гонителей Павел, смертный час к-рого ещё далеко не пробил, и к-рому ещё много предстояло послужить Христу, претерпевая за Истину!

И примечательно, что Варнава не подвергся спонтанной экзекуции вместе с Павлом, вероятно, находясь в это время не с ним, кто очнулся, когда ученики собрались около него. Значит, ученики из местных неопитов сопровождали толпу, не могучи предотвратить суд Линча, вслед за чем остались, в отличие от каменователей, на месте, где позаботились о пришедшем в себя Павле, перевязав его раны. После же этого он вновь вошёл в город, откуда на следующий день ушёл уже в паре с Варнавой в расположенную, как сказано, в ок. 40 км от Листры Дервию.

Там они оба, сходно предыдущим пунктам пребывания, согласно лаконичному слову Деяпистателя, тоже благовествовали Евангелие и приобрели довольно учеников, в трудах над чем прошли осень и зима 47/48г., по истечении к-рой, весной 48г. н.э., Апостолы, славно потрудившись на миссионерской ниве, выступили в обратный путь, идя назад пройденным маршрутом — из Дервии через Листру, Иконию и Антиохию Писидийскую.

Листра была родиной Тимофея, к-рому адресованы два Послания Павла, второе из к-рых, последнее по времени, было написано им во время вторых римских уз — в 66г. И не исключено, что Тимофей, сын отца-грека и еврейской матери Евники, к-рая с юных лет наставляла его в слове Божиим (Д.Ап.16,1/2; 2Тим.1,5; 3,11; 15), уверовал во Христа ок. этого времени. Во всяком случае, при начале своего Второго миссионерского путешествия, Павел, вновь посетив осенью 51г. Дервию и Листру, взял его, кому листрийско-дервийские братья-христиане дали отличную рекомендацию, как спутника-сотрудника, с собой, что предполагает Тимофеево уверование-обращение, бывшее на 51г. (когда он был Павлом «ради иудеев» обрезан) свершившимся фактом, раньше.

Когда? Либо в пору благовествования в Дервии самих Павла и Варнавы, либо — несколько позднее, по их отшествии.⁵⁰ Не был ли юный Тимофей свидетелем-очевидцем павлианского исцеления хромого в Листре и устроенного позже пришлыми иудеями в альянсе с листрийскими язычниками Павлова каменования?

А из Дервии происходил некий Га(и)й (Д.Ап.20,4) — неопит (неизвестно с какого времени), к-рый, сходно Тимофею и др. ученикам, сопровождал Павла в пути из Македонии в Асию в 58г., по окончании Третьего миссионерского путешествия (54 — 58г.), при возвращении Павла в Иерусалим. Вдобавок к тому, сообразно «Деяниям Павла и Фёклы», в Иконии проживал Онисифор, кто, следуя Второму Посл. к Тимофею, сотрудничал Павлу в Эфесе (в период 54 — 57г.) и посетил его во время вторых римских уз (1,16-18; 4,19), в к-рых Павел узичествовал в 66/67г.

⁵⁰ В 1-м Послании Павла к Тимофею, к-рое датируется 65г. (см. ниже), сказано: «Никто да не пренебрегает юностью твоею...». Т.е. возраст Тимофея на 65г. или ок.30-и лет, или, если Павел разумет под юностью молодость в широком смысле, 30-34/35 лет (см. ниже).

К тому же, форма выражения «дом Онисифора» (1,16) употреблена и в апокрифе, где данный «дом» обнаруживается Павлом как христианский на момент его первого прихода в Иконию, что вряд ли верно, и, скорее, должно быть отнесено ко времени после посещения им и Варнавой Иконии в 46г.

Так или иначе, первохристианские общины в означенных малоазийских полисах были основаны ими в 46/47/48гг., и, идя обратно, Апостолы увещевали учеников пребывать в вере, поучая-наставляя их в том, что дорога в царствие Божие не намазана мёдом, что это вовсе не земной рай, и что тем, к-рые взяли на себя крест, предстоит в их вере во Христа претерпеть много скорбей и страданий за Христа.

Важно обратить внимание на рукоположение Апостолами пресвитеров в переносных (обратно-путевой порядок), начиная с крайнего-конечного пункта – Дервии, Листре, Иконии и Антиохии, где, следовательно, с сих пор функционировали христианские общины – состоявшие из христиан-язычников в Дервии и Листре, и – как из иудео-христиан, так и из христиан-язычников – в Иконии и писидийской Антиохии. Причём, судя по молчанию Дееписателя, каких-либо преследований Апостолов на обратном пути, по прошествии определённого времени, весной 48г., ни со стороны иудеев, ни со стороны язычников не было, или, точнее, вероятно, дело до гонений, при соблюдении Апостолами нужных мер предосторожности, не дошло.

Т.е. ни о каком системном преследовании христиан, будь то иудеями в еврейской Диаспоре, или римской властью пока говорить не приходится. Такой проблемы на постоянной повестке дня в рассматриваемое время не существовало, хотя время от времени то тут, то там вспыхивали ситуативные эксцессы. И отсутствие оных на обратной дороге Павла и Варнавы говорит о том, что со дней последнего инцидента в Листре прошёл какой-то достаточный срок, за к-рый, с одной стороны, страсти поулеглись, тогда как, со стороны другой, Апостолы проявили некоторую осторожность, стремясь не подставиться сами и тем не подставить под удар достигнутые миссионерские результаты.

Теперь этим нововозникшим малоазийско-галатским общинам, под предводительством рукоположенных «в каждой церкви (за к-рые основавшие их мужи Апостольские помолились с постом) пресвитеров», надлежало умножиться и твёрдо встать на ноги (для чего требовалось некоторое время мирной экзистенции в спокойствии).

Между тем, путь Апостолов из Писидии (Антиохия), или правильнее сказать, через Писидию, лежал снова в Памфилию, где они, на сей раз, проповедали слово Господне и в прибрежной Пергии, о чём, т.е. о проповеди там, при прибытии их в 46г. с Кипра в Пергию (где от них отделился возвратившийся в Иерусалим Марк) морем, в Д.Ап. нет ни слова. Т.е. это имело место ныне, в 48г., когда к вышеназванным полисам, в к-рых были основаны христианские общины, прибавилась и Пергия. Но Павел и Варнава отчалили в Сирию не отсюда, а из расположенной немногим западнее (и ниже) Атталии, куда они, согласно, Дееписателю, – «сошли».

Атталия (ныне знаменитая курортная Анталья в средиземноморской Турции) в Памфилии (наличествовали также Атталия в Лидии и портовая Атталия восточнее Пергамона) была основана (не месте древнего памфилийского Корики) ок. 150г. до н.э. Атталом II Филадельфом (159 – 38гг.) и завещательно отошла к римлянам в 133г. вместе с Пергамским царством (Страбон 14,167; Плутарх «Помпей» 76; Птолемей 5,5,2). Позднее сделалась вертепом морских пиратов, одолённых П.Сервилием Исавриком в 80/79гг. до н.э. Имела, окружённая крепостной стеной, многочисленные башенные руины к-рой сохранились поныне, лучшую гавань на южном берегу М.Азии, став известной во Пв. н.э. красивыми каменными воротами, сооружёнными в связи с посещением города ок. 130г. Адрианом, мраморной

триумфальной аркой и неведомо чьей монументальной гробницей середины Пв. н.э.

О проповеди здесь Павла и Варнавы Д.Ап. ничего не сообщает, однако, её, в той или иной мере, можно предположить. При всех случаях, в дальнейшем местная христианская община выводила себя от времени посещения Атталии Апостолами Павлом и Варнавой. Тут они взошли, по всей вероятности, летом 48г. н.э. на судно, доставившее их (без посещения на обратном пути Кипра, миссионерски початого ими в 45/46гг) в сирийскую портовую Селевкию. И оттуда они проследовали в Антиохию Сирийскую, из к-рой вышли в своё миссионерское путешествие-странствие, как мы помним, раннелетней порой 45г. н.э., и к-рое, таким образом, продолжилось, в общей сложности, три года, или ок. трёх лет, – с лета 45 по лето 48гг. н.э., – в течение к-рых Апостолами были оставлены позади, согласно подсчётам кропотливых теологов, ок. 2200 км (морских и сухопутных) путей-дорог.

Повторим, реконструкция хронологии этого странствия-путешествия достаточно проста и альтернативных решений не допускает. Оптимально оно не могло продлиться дольше, теоретически могучи продлиться разве что чуть меньше трёх лет, скажем, по весну 48г. Впрочем, и ужимать принятую нами трёхлетку негоже, поскольку в следующей главе Д.Ап. повествуется о состоявшемся не ранее и не позднее зимы/весны 51г. н.э. (см. ниже) в Иерусалиме, с участием Павла и Варнавы, Апостольском соборе, к-рый, с одной стороны, состоялся спустя 14 лет после посещения Павлом Иерусалима весной 37г. (Гал.2,1) (см. выше), и к-рый, с др. стороны, вряд ли отстоит дальше, нежели на 3 года от возвращения Павла и Варнавы в Антиохию Сирийскую.

Прибыв же туда, они рассказали Церкви всё, что сотворил Бог с ними, и то, как Он отверз двери веры именно язычникам, после чего, пребывали там, в Антиохии (и шире – в Сирии), продолжая свои плодотворные апостольско-учительские труды, по слову Дееписателя, – «не малое время с учениками». Отсюда оптимально не дольше и не меньше, чем, всего-итого, с лета 48 по 51г., т.е. до их, Павла и Варнавы, отряжения зимой/весной 51г. Антиохийской церковью (по спорному ключевому вопросу обрезания-необрезания христиан из язычников) к Апостолам и пресвитерам на (первый в истории христианства) Собор в Иерусалим.

ИТОГ

Первое миссионерское путешествие 45 – 48гг. н.э. суть одна из веховых составных частей-матриц долгого великоапостольского и великомученического пути Апостола языков-язычников Павла (без грандиозных трудов-достижений к-рого не было бы вышедшего из еврейства, вышедшего из иудеохристианства в мир христианства мирового-ойкуменического), от его дамасского, на 31-м году жизни, обращения – 34г., до его, спустя 33 года, мученичества в Риме – 67г., на его персональную Голгофу!

И он не случайно (воссоединительно обретается) между Апостолами Петром и Иоанном (что не означает чиновничью иерархию), ибо, если (князь Апостолов) Пётр поднялся до Третьего Неба, то (ойкуменист) Павел взошёл на Небо Седьмое, а (космист) Иоанн Богослов – на предельное – Двенадцатое! И здесь уместно вспомнить слово Шеллинга о том, что Пётр – Апостол Отца, Павел – Сына, а Иоанн – Духа Святого! Имеющий уши да слышит!

Со времени христосолярного ослепления-просветления на пути в Дамаск и крещения в Дамаске Христос стал **жизнью** Павла, вытеснив его я **Собой** и всё полномасштабнее овладевая всем его существом. Ведь не столько его, не участ-

вовавшего непосредственно в каменовании Стефана *руки*, сколько его страстно ратовавшего за осуждение-убиение Стефана *совесть* была обгарена кровью Перво-мученика, и этой кровью, безостаточно присовокупив к ней кровь (носитель-выразитель Я) свою, он крестился, служа (сделавшемуся его личностным я) Христу Спасителю с 34г., на протяжении всей оставшейся (протяжённостью в следующие 33 года) жизни.

Ему приходилось странствовать сушей и морем, через города и сёла, где против него ополчались, с ним спорили, на него покушались различные противостоятельне-друзи-враги. Притом злейшие гонения он претерпевал от иудеев и от тех иудео-христиан, к-рые категорически стремились совместить христианство с еврейством (не полагая ли – часть из них, – что распятый Иисус – страдательный Мессия б. Иосиф, за к-рым грядёт победоносный Мессия б. Давид?!) и отвергали веру во Христа без обязательного обрезания плоти, не понимая и не принимая павлианское требование обязательного новозаветного обрезания сердца во Христе, при избывшем себя и необязательном для язычников обрезании плоти.

Иначе говоря, они, по существу, отвергали Новый Завет Господа Иисуса Христа, видя в Нём и в Его учении не более, чем усовершенствование Завета Ветхого, без существенного, без качественно основополагающего духовного Обновления, без поступательного дуализма двух единых именно во Христе, во Времени и Пространстве, Заветов, проникнутых-пронизанных христианской Троицей! И первым начавший дело (взявшись за гуж, не говори, что не дюж) глобального выхода христианской проповеди в языческий мир Павел, к-рый никогда, ни до, ни до после, не отрекался от своего еврейства, и кто, несмотря ни на что, уверен, что остаток старого Израиля спасётся (Рим.9), не мог не противостоять, в первую очередь, именно им. Именно необрезанным сердцем ветхозаветникам, закосневшим в своей окаменелой (геологической) ветхозаветности и грозившим низвести христианство и христиан на уровень иудейского сектантства, на уровень одной из еврейско-иудейских сект.

Так и после сообщения Павла и Варнавы братьям в Антиохии о результатах их деятельности, равно после сообщения братьев о дальнейших успехах проповеди в Сирии, где за три прошедших года (45 – 48гг.) общины урепились и умножились, последующие три года (48 – 51гг.) были, в условиях, насколько можно судить по неналичию какой-либо соответствующей информации у Лк., отсутствия преследований со стороны римских властей, помимо успехов, полны забот и тревог. Почему? Потому что конфликт внутри христианских общин, среди христиан, в отношении норм и форм христианизации-обращения язычников, не будучи (соборно-церковно) квалифицирован-разрешён, углублялся-нарастал-обострялся.

Мы помним, что иерусалимские Апостолы, приблизительно в одно время со странственным выходом Варнавы и Савла летом 45г. из Антиохии Сирийской, изошли (бросив метагеографический жребий) в запалестинский мир на проповедь из Иерусалима, что, скажем снова, не означает их, или части из них, промежуточного невозвращения в Иерусалим по 51г. Притом после второй провинциализации Иудеи, по смерти в августе 44г. Ирода Агриппы, при прокураторах (см. ниже), положение (лояльных к власти) христиан (кесарю кесарево, а Богу Божие) улучшилось и было лучше, чем при их (в угоду Иудеям) гонителе (иудейском «благочестивце») Агрппе, кто, напомним, казнил до Пасхи 44г. Иакова Зеведеева мечом и планировал, по прошествии Пасхи, казнить (выведа к народу) чудесно упасённого Ангелом Господним (князя Апостолов) Петра.

О предполагаемых апокрифических странственных маршрутах Больших Апостолов (к к-рым, разумеется, надо прибавить также 70 Малых, имена-персоны, судьбы, веси и хроновехи к-рых менее различимы) см. посвящённые им разделы в «Д.И.» и «Т.Г.». Здесь заметим-оговорим только (не впервые) то, что, предполо-

жительно, в 47г. (14 лет от Таинства Голгофы) на Кипре (где в 45/46гг. побывали Павел и Варнава) обосновался (в Ларнаке?), ещё не безвозвратно покинув Иерусалим, Лазарь-Иоанн = грядущий Иоанн Богослов.

Плюс (внимание, читатель!) анонсируем тут возможность первого миссионерского посещения Ап. Петром (через Александрию, Африку, Сицилию – 46г.) Рима в 47/48гг. н.э., т.е. во второй половине 40-х гг. Ив., что мы отвергли в «Т.Г.» (375-85), предполагая (с опорой на панорамно-перспективное видение) более поздние римские сроки Петра, и принятие чего оказалось возможным в ходе детально-хроноповествовательного исследования материала при анналистическом написании нижепредставленной монографии («Апостолы и Цезари»). Впрочем, об этом см. ниже в специально посвящённой путям-дорогам Петра (к-рого церковная традиция неправоммерно «отправляет» в Рим уже в первой половине 40-х гг.) главе.

Тем временем, на 45г., когда стартовали миссионерские путешествия бросивших жребий Апостолов, в Иерусалиме братьями и сётрами во Христе продолжал руководить первый, с 33г., предстоятель Иерусалимской церкви – Иаков, брат Господень, кто из Св. Города (да и вообще за-во всю жизнь – из Палестины), по всей видимости, ни разу не отлучался. В иерусалимской первообщине соблюдались иудеохристианские нормы и большинство её членов из евреев-христиан видели-воспринимали-осознавали себя как последователи-приверженцы Иисуса – еврейского Мессии, приверженность К-рому требует непременно исполнения предписаний Моисеева закона, в т.ч., заветного с Богом обрезания, что препятствовало притоку в христианство язычников.

Однако необходимость решения вопроса назревала. И Павел с Варнавой, удостоверившись в ходе своего миссионерского путешествия в плодотворности проповеди язычникам, в широких перспективах приобретения неопитов именно среди них, но на условиях ненавязывания им обременительных ветхозаветных норм, к-рые были, по-прежнему, непреложны для примкнувших к христианам фарисеев и т.д., всё чаще обсуждали между собой и с другими единомышленниками насущность принятия нормативного общецерковного решения по данной нарастающей проблеме.

Засим в период 48 – 51гг., когда труды на проповеднической и учительской ниве повсеместно продолжались, в то время как обращение-крещение язычников в Иерусалиме и в Антиохии Сирийской понималось неодинаково и не во всём тождественно, расхождения становились всё явственнее, вследствие чего атмосфера взаимонепонимания-недопонимания делалась всё нервнее-накалённее. И время терпело не долее чем до начала второй половины Ив. н.э. как Века Апостольского, о чём мы подробно побеседуем, непосредственно обратившись (по Д.Ап.15) к Иерусалимскому собору 51г. н.э., в следующем соответствующем разделе нашего хроноповествования.

РАЗНОЕ

ГАЛАТИЯ И ГАЛАТЫ

А сейчас несколько слов о сопричастных загадочной Кельтике и кельтскому христианскому Импульсу Галатии и Галатах (см. выше и ниже), поскольку Павел с Варнавой побывали в 46 – 48гг. в Антиохии Писидийской, во фригийско-ликаонской Иконии и в ликаонских Листре с Дервией, к-рые входили в состав римской провинции Галатия. И поскольку Павел снова побывает в Дервии, Листре и Иконии (?), – «пройдя затем через Фригию и Галатийскую страну» (6), в 51г., с проповедью на греческом, в начале своего Второго миссионерского путешествия (Д.Ап.16,1/2). И ещё постольку, поскольку он снова пройдёт «страну Галатийскую» в начале своего

Третьего миссионерского путешествия в 54г. (Д.Ап.18,23; 1Кор.16,1), вскоре после чего им будет написано в Ефесе и отправлено из Ефеса его знаменитое Послание к Галатам — 55г.

И пусть богословам издревле не очень ясно, кому именно это Послание (без к-рого, содержащего, кстати, важную хроноинформацию, реконструкция охватываемого Деяниями Апостольскими периода 33 — 63гг. была бы куда сложнее) адресовано: Галатам ли — в смысле всем христианским обитателям провинциальной Галатии (в т.ч. Писидии, части Фригии и Ликаонии)? или собственно кельтам-галатам очагово-исторической галатско-кельтской Галатии, расположенной севернее? или и тем, и другим?⁵¹

Но, при всех случаях, сопричастность ко всем Трём павлианским путешествиям-странствиям провинции, страны, термина «Галатия» (и, соответственно, — «Галаты»), будь то в широком или в узком, в специфическом или в общем, смысле/смыслах, учитывая значение и роль (плодотворно *изошедших* в христианство, жертвенно-самопожертвовательно растворившихся в нём) Кельтики и кельтов, кельтского Импульса в метаистории раннего (спиритуального) христианства, обязывает нас рассмотреть в них (присмотреться к ним) зорче.

Кельты — группа племён индоевропейского (яфетического) происхождения, занимавших обширные территории в Западной Европе.⁵² Греки называли их галатами, римляне — галлами, или позднее кельтов-галатов (эллинизированной) малоазиатской Галатии — галло-греками. Средиземноморский античный мир узнал о них через основанную ок. 600г. до н.э. Массилию (из чего вовсе не следует, что их метаистория начинается с VII/VIвв. до н.э.).

Они (наименование к-рых означает — *высокие*; или — *скрытные* — от древнеирландского *kelid*; или *жар* — от *kiel*; или — *побуждать-принуждать* — от *kil*) обитали в (насколько очаговой?) Галлии (придя туда с востока? или сначала, в лице своих пращуров, мигрировав с атлантического запада на — какой именно? — восток, и впоследствии снова — с востока на запад?), в южной и западной Германии, на территории современной Швейцарии (гельветы) и Чехии (бойи). А затем большими

⁵¹ Деесписатель не может или вряд ли может называть «Галатийской страной» (16,6), либо «страной Галатийской» (18,23) только области Писидии и Ликаонии в составе римской провинции Галатия, без галатов-кельтов собственно Галатии, обитавших к северу от Ликаонии, Фригии, Писидии, могучи называть так — либо всю провинцию, либо населённую собственно кельтами-галатами малоазиатско-очаговую Галатию. И уж тем паче, сам Павел не может восклицать в Послании — «О бессмысленные Галаты» (Гал.3,1), обращаясь к писидийским антиохийцам, ликаонским иконийцам, листрийцам, дервийцам, или обращаясь исключительно к ним, без обращения только или, в первую очередь, к галатам-кельтам (к-рых он упрекает за отпадение в уклонизм — в пользу иудео-христианского соблюдения ветхозаветных норм типа обрезания и т.д.).

Посему давнишний спор о том, посещалась ли, миссионировалась ли Павлом собственно галатско-кельтская Галатия? или, мол, под «Галатийской страной» следует понимать лишь юг провинции Галатия? равно спор о том, идёт ли в Послании к Галатам речь об обитателях южной (писидийско-ликаонской) части провинциальной Галатии? или — о кельтах-галатах части северной? — неуместен. Речь не может не идти о кельтах-галатах, у к-рых Павел побывал дважды, в 51 и в 54гг., скорее, идя о них в первую очередь, а о южных некельтских насельниках провинции Галатия — во-вторую.

К слову добавить, предостережения по поводу опасности отпадения в ветхозаветный иудаизм (под маской иудеохристианства) наиболее актуальны в павлианских Посланиях к Галатам (55г.) и к Римлянам (58г.), т.е. к крайним (мета)географическим адресатам Павловых Посланий (не считая его стоящего особняком Послания к Евреям) на Востоке (Галаты) и на Западе (Римляне).

⁵² Или правильнее сказать — поздние Кельты, т.к. ранняя Кельтика, в т.ч., метагеографически, под завесой тумана.

племенными потоками устремились в северную Италию (Gallia Cisalpina) (V/IVвв.)⁵³, Испанию (где смешались с иберийцами – кельто-иберы), на Британские о-ва, плюс – IVв. до н.э. – и в придунайские (Австрия; Венгрия) области.

Оттуда ими совершались набеги на Балканский п-ов (IV/IIIвв.) и, наконец, они вторглись в М.Азию (IIIв. до н.э.) – галатийско-анкирский центр к-рой стал крайней восточной границей их обитательного ареала (расселения), в то время как границей Кельтики крайне западной, за материком, в море и Океане, были островные Альбион и, главное, – (гипертрофированно) кельтская Гиберния-Ирландия (Кельтика к-рых восходит к куда более древним временам).

Первоначально очень воинственные, к примеру, незабываемо для римлян взявшие и разграбившие в 390г. Рим, более того, уничтожившие все римские исторические записи, они понемногу размякли и подпали декадансу в очаговой Галлии во II/IIIвв. до н.э., с одной стороны, теснимые ещё более воинственными германцами, и с др., – покорённые-пацифицированные Римом, к-рый окончательно умиротворил их в I/IIвв. усиленной провинциализацией-романизацией.

Ранее же издававшие перед битвой оглушительные кличи-вопли и трубившие в боевые трубы – карниксы (раструбы к-рых были сделаны в виде голов животных), не знавшие пощады к врагам (чьи головы они бережно хранили в спец. растворах) кельты, предводитель к-рых Бренн, взяв Рим, произнёс свои знаменитые слова: «Горе побеждённым!», приводили в ужас противников и соседей. Единовременно их таинственные жрецы-друиды, пестуя, в т.ч., реинкарнацию (и отправляя культовые, в т.ч., человеческие жертвоприношения), передавали своё тайное знание и посвященные обряды – из поколения в поколение – исключительно устно.

Однако, займёмся кельтами-галатами, оговорив, впрочем, сначала, что в 279г. до н.э. часть кельтских племён, загадочно разошедшихся, начиная с или после 300г., (по зову своих богов через посвящённых жрецов-друидов) не первой миграционной волной из Галлии, проникши ок. 281г. во Фракию, намеревались, ведомые тёмной когдатой покорителя Рима Бренна (м.б., титул?), захватить и разграбить храм Аполлона в Дельфах, к-рый спасла невиданно мощная гроза, сочтённая ими зловещим предзнаменованием.

А в 278/77гг. др. часть балканско-фракийско-македонских кельтов, под предводительством Лутария, откликнулась на приглашение нуждавшегося в свирепом воинстве братоборца Никомеда Вифинского, пересекла Геллеспонт и вскоре компактно заселила центральную часть Малой Азии. Греки называли их, вернее, всех кельтов – γάλαται – «галатаи» (Страбон 2,566), или реже – κελτάι – «кельтаи». У Цицерона – «галлогреки» (De harusp. resp. 13,28), или – «галаты» (Ad Atticus 6,5,3).

Предполагают, что природно суровый (эпи)центр (своего рода солнечное сплетение) Анатолии отвели пришлецам под местожительство соседние властители, думая тем самым как-нибудь урезонить беспокойный нрав и решить сложный жилищно-квартирный вопрос в отношении немилых большинству местных домохозяев эпохи государств диadoхов и их вассалов гостей. Гости же, призванные вифинцами, как выяснилось, на свою и соседние головы, в составе трёх племенных союзов – толитобогги, трокмы, тектозаги, – акклиматизировались, адаптировались, и ввиду весьма неуживчивого характера, постоянно тревожили соседей, причиняя региону массу беспокойств (Р.л. 290-92).

Три племенных союза заняли-освоили три разные пограничные области-территории-земли в сердце Малой Азии уже в первое десятилетие своего пребывания на полуострове. Места их дальнейшего обитания располагались к востоку, северо-

⁵³ Не знаменательна ли хроносиметрия Великого переселения кельтов в V/IVвв. до н.э. и Великого переселения народов в IV/Vвв. н.э.!

востоку, к северу и к северо-западу от оз. Татта. Западнее всех — граничившие с Епиктетской Фригией и Вифинией — толистобоги (гл. город Пессинунт); восточнее них, в центре, — тектозаги (Анкира), к-рые упирались на юге в Ликаонию (к западу от оз. Татта) и в Пафлагонию на севере; а восточнее тектозагов — трокмы (Тавия), владения к-рых окаймляли (отделяя их от Армении Великой и Армении Малой) Каппадокия (к-рая в перспективе, при римлянах, доминантно, в плане административно-территориального деления, сливалась с Галатией, становившейся, соответственно, непосредственной, в составе провинции Каппадокия, соседкой Армении) и Понт.

Это и есть исконная анатолийская география-этнография собственно кельтов-галатов, с к-рой, как сказано, далеко не везде и не во всём совпадают границы последующей, на порядок большей-крупной размерами (особенно в южном направлении), римской провинции Галатия.

Ок. 270г. галатскую конницу одолели, смяв её в сражении, боевые слоны Антиоха I Селевкида. Между тем, галатские семьи были, согласно Юстину (25,2), очень многодетными, из-за чего численность кельтов-галатов быстро увеличивалась. Антиох II Теос располагал в середине IIIв. галатскими телохранителями; с помощью галатов Антиох Гиеракс победил в сражении при Анкире, в самом центре Галатии (тектозаги), своего конкурентного брата, уплатил галатам денежную компенсацию и заключил с ними предусмотрительный союз.

Первым же малоазийским владыкой, к-рый решил пресечь практику воинственных галатов взимать с соседних городов и земель, в обмен на оставление их в покое, откупительную дань, стал Аттал I Пергамский, кто несколько раз победил толистобогов в интервале 240 — 30 — 28г., подчинив недавних мигрантов Пергаму. В то же время процесс смешения пришлых кельтов с грекоязычными малоазийцами и сопутственный процесс эллинизации первых шёл по восходящей. Эпиграфические надписи за 223 — 18гг. свидетельствуют о множестве галатов с греческими именами.

В битве при Магнесии — 190г., они, противясь, в первую очередь, Атталидам, союзникам Рима, союзничали с Антиохом III, воюя на его стороне. Рим отреагировал штрафной резнёй и способствовал превращению Галатии в провинцию-удел Пергама — положение, к-рое продлилось со 183 по 166гг. Тогда, в 166г., римляне предоставили галатам (в своей *освободительной* манере) свободу, к-рая в период после 133г. (завещательная аннексия Римом Пергамского царства) вылилась в подпадение трёх галатских племён власти 12-и (раздробленных — «разделяй и властвуй» — тетрархий и) тетрархов (по трое на каждое племя), соориентировавшихся в пору Митридатовых войн Iв. до н.э. на противоримский Понт.

Притом в 86г., согласно Аппиану («Митр.» 46; 58), 9 из этих 12-и тетрархов, включая их семьи, Митридат Эвпатор, вовсе не собираясь потворствовать, входя в силу, партикуляризму галатов, безжалостно предал мечу, между тем как 3 уцелевших четверовластника бежали, изъявили полную лояльность римлянам, организовали сопротивление, позже поддержали Лукулла и выдворили Митридатовы гарнизоны из страны.

В 66г. Помпей признал начальствование Деиотара над толистобогами, Бругитара — над трокмами, Кастора — над тектозагами, плюс — расширил владения первого и второго, присвоив обоим царский титул. Но стремление царя толистобогов, в условиях занятости Рима гражданским противоборством, единовластвовать над всеми тремя вассалитетами привело к затяжной кровавой междоусобице. В 47г. Цезарь одёрнул-урезал едва не достигшего цели амбициониста и перепоручил-переподчинил трокмов Митридату Пергамскому.

Гибель диктатора — 44г. — помогла Деиотару осуществить заветный замысел, причём римско-сенатское добро обусловил солидный бакшиш Антонию. Правда,

не успев насладиться вверенной властью, тройственный единоличник, чей сановник Аминт в Филиппийской войне 42г. своевременно перешёл на сторону цезарианцев, в 41г. был убит. Спустя же год Антоний сделал-назначил царём его внука и единовременно одноимённого отцу сына не поднятого Помпеем из тетрархов в цари Кастора Таркондария, смерть к-рого между 41 – 38гг. способствовала галатской интронизации триумвиральным распорядителем римского Востока Антонием в 37/36гг. вышеназванного Деиотарова сановника-секретаря – Аминта.

В то же время одноимённый-однопрозвищный прадеду правнук Деиотара, по прозвищу Филадельф, удовлетворился царством в скромной, в сравнении с владениями Аминта (Галатия, Писидия, части Фригии, Исаврии, Ликаонии и Памфилии), Пафлагонии (по итогу антонианской рокировки с поначалу поставленным над Пафлагонией Аминтом), к-рая, к слову, после его кончины аж в последнее десятилетие IV. до н.э., вошла в состав провинциальной Галатии.

Перед Акцийским сражением 31г. расторопный Аминт, как и при Филиппах, вовремя поменял, покинув обречённого Антония, фронт. Октавиан оставил его на галатском троне, ценя в сродственном Полемону Понтийскому или Ироду Иудейскому тронном нуворише деятельного-полезного малого. И талантливый назначенец-переназначенец не подвёл, принося, с опорой на лояльных ему и Риму галатов, огромную пользу Империи неустанным замирением различных диких племён в малоазийских горах.

Например, в Исаврии, он ликвидировал терроризировавшего округу атамана Антипатра – властителя Дервии и Ларанды (см. выше); в Писидии взял и приструнил Кремну. Кроме того, строил дороги, водопроводы, благоустраивал города. И так до 25г. до н.э., когда ему удалось ликвидировать вождя считавшихся неуязвимыми и постоянно грабивших окрестности свирепых таврских гомонадов, обитателей недоступных горных высот на границах Писидии, Ликаонии, Киликии, после чего он угодил в хитро подстроенную вдовой убитого западню и был отмстительно убит ею.

В ответ Август не стал назначать Аминту, на к-ром несостоявшаяся династия первого и последнего галатского венценосца Аминтида закончилась, тронного преемника, ибо время провинциализовать, время вчленишь-интегрировать именно в провинциальную систему Imperium Romanum вполне эллинизированную-замирённую Галатию в опорном сердце Малой Азии (перед вассальными Каппадокией, Пафлагонией, Понтом), с её опорным центром Анкирой, вполне пришло-приспело. Сказано, решено, сделано. В 25г. до н.э., о чём мы уже не раз говорили, римская кесарская, под управлением наместника обычно преторского ранга, провинция Galatia (к-рая, напомним, иногда, по обстоятельствам, объединялась с Памфилией и вверялась консуляру), появилась на свет (Р.л. 290-92).

Её первый кесарский легат М.Лоллий воздвиг в Анкире, где резидировал римский наместник и где находился, в т.ч., сакральный, центр тройственно-коммунально объединённых (communi Galatiae) толистобогов, тектозагов, трокмов, знаменитый – от имени всех народов Азии/Асии – региональный алтарь Ромы и Августа, на к-ром галатами регулярно приносились благодарственно-прославительные жертвы Роме и Августу.

Каким именно образом и насколько, в какой мере малоазийские галаты совмещали поклонение Роме с Августом (и затем – прочим кесарям), далее, с позаимствованными ими в Анатолии местными, эллинистическими, и наконец, со своими друидическими культами? – неизвестно-неясно. И сходным образом неизвестно-неясно то, насколько доминантные провинциальные галаты влияли, задавая в качестве (надо понимать, наиболее лояльных к Риму) ведущих общепроvinciaлов тон, на сопредельных ликаонцев, писидийцев, исаврийцев...

Зато известно другое. Как в галльской, под Римом, Галлии, на крайнем континентальном западе обитания кельтов-галлов (не считая островные кельтские Альбион и Гибернию) романизация в I/II вв. прогрессировала, так на полуостровном малоазийском востоке крайнего восточного обитания кельтов-галатов в Галатии усиленно прогрессировала подримская (в рамках греко-римской державной Ойкумены) эллинизация.

КЕЛЬТИКА И ПАРФЯНСТВО

Итак, Ап. Павел проповедовал-благовествовал христианство на греческом-койне (и учредил христианские общины в пределах римской провинции Галатия, где существовала иудейская Диаспора) итого трижды, в 8-летнем интервале 46 – 51 – 54гг. н.э., побывав в собственно кельтской Галатии (на провинциальном севере) в 51(52) и в 54гг.

И проповедь взрослого в эллинизированной-эллинистическом киликийском Тарсе Павла неспроста звучала именно на языке Ойкумены койне-греческом, так как с пришествием и жертвой Христа само эллинистическое-греческое, в его наивысшей духовной составляющей, начало распадаться и оплодотворительно уходить-исходить в христианство, ойкуменическим носителем-распространителем к-рого оно через лучшие и самые духовно продвинутое силы в эллинизме становилось.

То-то эзотерик-тайновидец Павел, без деятельности к-рого всемирное христианство не имело бы успеха, никогда бы не преобразился из иудея-Вениаминита Савла в Апостола языков-язычников Павла, не будь он укоренён в эллинизме и не звучи его благовествование на языке международного общения – греческом, к-рым, на к-ром эллинизму предстояло выполнить основополагающую миссию в становлении христианской ойкуменической (на базе греко-полисной) общины по дороге к институциональному церковному христианству.⁵⁴

Вместе с тем, всходы посеянного Павлом христианства встретились-сомкнулись в Галатии с эллинизированной Кельтикой, с её спиритуализмом, с её таинствами, во многом, подобно тому, как принесённое в Галлию христианство встретилось-срослось там с Кельтикой романизированной. И со временем, всё более исчезая географически, исторически, геополитически, этнографически (хотя кельтский

⁵⁴ После Троянской войны (XI в. до н.э.) Греция-Эллада вышла из-под сени-тени Азии и стала (в определённом смысле) Европой (дочь Азии)! Именно с Троянской войны началось становление колыбельной греческой Европы, к-рую Рим довёл до мировых кондиций, сделавшись тем (объединённым языком международного общения – греческим) имперским Океаном, в к-рый впадает история всего предыдущего человечества и из к-рого берёт начало история человечества последующего (над к-рым и над к-рой Тайнство снизошедшего в люди-человеки Христа Спасителя). И не случайно Павел двинется в 52г. на Запад, в Европу, отчалив из-от Трои (близ древней Трои), в обратном Александру Македонскому направлении, – не из Македонии в М.Азию и дальше на Восток, но наоборот – из М.Азии (из Трои) в Македонию, Грецию (52-54; 57/58гг.) и дальше (не без интервального возвращения в Иерусалим; не без долгого пребывания в Эфесе) на Запад – в Рим и до Испании.

Если Александр стремился (по стопам Диониса) в Индию, то носителя новодионисианского христианского импульса, сопричастного эллинизму римского гражданина (еврея-вениаминита) Павла его (западно направленная) странственно-путешественная «Одиссея» (от оливковых Киликии и Палестины, через оливковые Кипр, М.Азию и Грецию, до оливковой Испании) должна была провести весьма важными-актуальными для него и для судеб христианства путями-дорогами через малоазийскую Галатию-Галлогрецию, и довести, минуя Македонию, балканскую Грецию, Рим, до крайнего евро-испанского Запада, чтобы потом он принял положенное ему – как одному из Первоверховных Апостолов – мученичество именно в столице мира сего – Риме.

язык, постепенно отмирая, сохранялся как в Галлии, так и в Галатии до Vв.)⁵⁵, Кельтика, с её Мистериями, с её солярной духовностью, став своеобразным синонимом раннего доцерковно-эзотерического христианства, плодотворно изошла в него, благотворно растворилась в нём.

Растворилась как на оплодотворившем-одухотворившем сопредельные земли-территории и их христианских обитателей-населенников галатском Востоке, так и на кельтском Евро-Западе, к-рый подлежит дифференциации: Галлия, (кельто-иберская) Испания (сделанная римлянами полигоном романизации ещё до Галлии); центральная романо-германская и придунайская Европа; восточно-европейские эллинистические Македония и Фракия; особостатуированные островные Альбион (Британия), Альба (Шотландия) и Гибберния (Ирландия).

При всём том, сходным с Кельтикой синонимом внутреннего интимного христианства на Востоке стала со временем сошедшая с политической арены (приблизительно одновременно с распадом-исчезновением-растворением материальной Кельтики) в IIIв. н.э. (сметённая Сасанидско-Персидским Ираном = демонической Персидой – в 224 – 26гг.) зороастрийско-митраистская Парфия.⁵⁶ Не она ли завещала человечеству Апостола Иисуса Христа – Посланца Света – Парфянина Мани (216 – 76гг.), и крещённую Пафянином Григорием Просветителем (+ ок. 333г.) в 301г. н.э. христианскую Армению! Армения же во Христе (как продолжение духовно-христового *Парфянства*) суть полярность-противоположность основанной в Персиде ок. 310г. (черно)магической академии Гондишапур (к-рую в VIIв. вберёт в себя, сокрушив Персиду, халифатско-арабский ислам, к-рому армянство противопоставится светозарным *иоаннитским* Храмом Бдящих Сил – Звартноц).

И когда в ходе IVв. н.э., начиная с Миланского эдикта Константина Великого (313г.) и потом – с Первого Вселенского собора 325г., на место прежнего общинного повсеместно заступит церковное, мало того, с Феодосия I (379 – 95гг.), огодударственное-государственное христианство, – и христосолярная Кельтика, и христосолярная Парфия, окончательно-растворительно исчезнут с материально-физического плана. Но исчезнут, продолжая, после маркирующего середину IV-й срединно-центральной культурной эпохи Овна-Агнца, равно маркирующего арифметическую середину всей Пост-Атлантической = Пассионарно-Ойкуменической стадии эволюции 333-го г. н.э., благотворно волишь в альтернативном христианству

⁵⁵ Уже при Нероне (54-68гг.) Гн.Домиций Корбулон побывал в 54-60 и в 63-66гг. легатом (временно-обстоятельно) объединённых (в условиях противостояния Рима и Парфии из-за Армении) Каппадокии и Галатии. При Веспасиане (69-79гг.), Галатия (в последний раз объединённая с Памфилией при Гальбе – 68/69гг.) была снова временно объединена с Каппадокией и снова отделена от неё, что, т.е. такое объединение, повторилось в 96-99гг. при Нерве (96-98гг.) и при раннем Траяне (98-117гг.), к-рый в 99г. оставил Малую Армению, Понты – Каппадокийский, Полемонов, Галатский (Пафлагония), и (отделённую от провинциальной Галатии) Ликаонию в составе разросшейся-укрупнённой Каппадокии.

В пору новоурегулирования провинциального административно-территориального деления при Диоклетиане (284-305гг.), под 297г., перечисляются (Notitia) как самостоятельные провинции – Писидия, Ликаония, Исаврия, Pontus Polemoniacus, Diospontus, Пафлагония. Следовательно, похоже, что поначалу значительно редуцированная в пользу новоорганизованных провинций Саррадоσία I и Саррадоσία II Галатия, позднее, в качестве провинциальной единицы, подверглась полному упразднению. Но в перечне провинций за 381г. упоминаются, на сей раз, Galatia prima, с центром в Анкире, и Galatia secunda (или Salutaris), с центром в Пессинунте; или – просто (дуалистическая) Galatia – в списке за 385/86гг. Соответственно, это было уже чисто административно-территориальное наименование-деление, произведённое во время, когда более не существовало ни кельтско-этнической Галатии, ни этнических галатов-кельтов.

⁵⁶ Примечательно, что кельтскую знать составляли *всадники* (военная аристократия) и друиды (жречество), а парфянскую – (созвучные кельтской) *всадники* и маги.

институционально-церковному христианстве эзотерическом-таинственном-спиритуальном.

Не случайно в армянской традиции три утвердителя христианства в Армении, католикосы Григориды, первый из к-рых родился ок. 239г., а последний умер в 439гг., зовутся именно Парфянидами – Григор Партев (= Парфянин), Нерсес Партев, Саак Партев, при том, что слово-имя «Партев» тут означает гораздо больше, чем этноним, гораздо больше, нежели этническую принадлежность. Точнее, оно означает собственно Христианин-Христоносец, именуя-тителуя парфянских христианизаторов Армении и армянства.

И не удивительно ли, что историко-метаисторическое время Галатии-Кельтики в симметричных III-м в. до н.э. – III-м в н.э.⁵⁷ столь пронзительно перекликается-синхронизируется с историко-метаисторическим существованием-экзистенцией именно в тех же симметричных IIIв. до н.э. – IIIв. н.э. Парфии и Парфянства, к-рые тоже плодотворно-благотворно изошли, распавшись-исчезнув из внешней летописной истории, в Христиан и Христианство.

И эти галатско-кельтский христианский импульс с малоазийского запада и парфянский христианский импульс с иранского востока встретились-срелились (не могли не встретиться-среститься) в промежуточно-интервальных между Греко-Римской Галатией-Кельтикой и Парфянским Ираном Армении, Каппадокии⁵⁸, Понте, Киликии (плюс – в Эдессе, Коммагене, Месопотамии, уникально сомкнувшись там с христианством сирийским), откуда изошли на Южный Кавказ – в Иверию,

⁵⁷ Неспроста в древних кельтских мистериях летнесолнцеворотное время Иоаннова дня, время максимального выдоха Земли и максимальной силы внешнего Солнца, считалось наиболее подходящим для экстатического проникновения в духовный мир. Не является ли время рождения Иоанна Крестителя (как и сам Иоанн Предтеча) своеобразным *метрономом* метахронологии (и *часовым* кайросологии!) дуалистического Рождества Христова! Не равноудалено ли Иоанново воплощение в октябре 1г. до н.э. от маркирующих-окаймляющих Таинства Благовещения и Рождества двух (братьев) Иисусов Благовещения Иисуса Соломонида (Ев. от Мф.) в апреле 2г. до н.э. и Возвращения Св. (вифлеемского) Семейства из Египта в апреле 2г. н.э. (Ев. от Мф.), между К-рыми Благовещение Иисуса Нафанида в марте 1г. н.э. (Ев. от Лк.) и Его Рождество в декабре 1г. н.э. (Ев. от Лк.)!

Не находится ли воплотившийся в октябре 1г. до н.э. и родившийся в июне 1г. н.э. Иоанн Креститель (Ев. от Лк.) одной частью своего (вплоть до физиса!) существа в Старой и другой – в Новой Эре! Не является ли его, прошедшего через нулевое мгновение (местонахождение Януса Квирина!) между 31.12.1г. до н.э. и 1.01.1г. н.э. (когда волхвы с Востока, идя из Вавилонии в Вифлеем, обретались в Пальмире) в утробе матери исходная (зачатие и рождение) отправная-отсчётная точка метрономической осью начинающего Мистерию Голгофы дуалистического благовещенско-рождественского Таинства, в рамках соединяемых-объединяемых Иоанном двух благовещенских и двух рождественских Мистерий, целокупной Мистерии Рождества Христова!

⁵⁸ Между прочим, именно в соседней с галатской Ликаонией Каппадокии, совсем не так далеко от Листры и Дервии, находилась Тиана – родина известного чудотворца Аполлония Тианского – носителя, в отличие от творившего чудеса силой Христовой Павла, суггестивной (но белой, а не чёрной!) магии древних посвящений, к-рый не случайно родился в 3г. до н.э., симметричном павлианскому рождению в 3г. н.э., и к-рый не случайно дошёл на Востоке до ойкуменически-окраинной (не считая заойкуменический-загималайский Китай, куда Аполлоний не добрался, хотя некоторые ново-новейшие эзотерики мнят его добравшимся до Гималаев) Индии, тогда как Павел добрался на Западе до ойкуменически-окраинной (до упирающейся в памятьющую об Атлантиде Атлантику) Испании.

И вообще – не поразительна ли современность-параллельность Павла, с одной стороны, Аполлонию Тианскому, с другой, – Филону Александрийскому, с третьей, – Сенеке! И не впору ли сказать об *инспиративном* христианстве Павла, равно об *имагинативном* христианстве Петра и об *интуитивном* христианстве Лазаря-Иоанна, к-рые павлианское христианство, к-рые павлианский христианский Импульс благотворно-посреднически объединяет!

Колхиду, Албанию (что, в свою очередь, не могло не запечатлеться в их христианских традициях, не могло не наложить на них особую христианскую печать).

То-то *микрокосмический* крест-камень (хачкар – крест, высеченный в камне) есть в Армении, а *макрোকосмический* – в (не чуждой Галатии малоазийской) кельтской Ирландии.⁵⁹ Или шире – то-то индоевропейские корни «Ир» и «Ар» (Ирландия; Армения; Ариана-Иран) родственны. То-то, если (Кельто-)Иберия имеется на пиренейско-испанском Западе, то созвучную ей (крещённую из Армении) Иверию (сестру златорунно-солярной Колхиды) можно найти на Южном Кавказе. То-то Мистерия Голгофы, в пору Её палестинского свершения, была духовно пережита высокими посвящёнными как в кельтско-ирландском друидизме, так и в парфяно-армянском митраизме.

То-то Апостол Иисуса Христа – учредитель манихейского христианства духовной свободы – Парфянин Мани, и хранитель Св. Грааля – квинтэссенции христианской духовности – (искони кельтский) Парсифаль (рыцарь Круглого стола искони кельтского короля Артура) суть одна индивидуальность на путях известных и кельтам-галатам, и парфянам, на путях кельтского и парфянского христианских Импульсов, на путях тайн-таинств христианизированных реинкарнации-перевоплощения, на путях христианского манихейства, коммуницирующих-взаимодействующих с путями христианского розенкрейцера...⁶⁰

ШТАЙНЕР О КЕЛЬТИКЕ

Впрочем, предоставим (предлагая читателю дополнительную информацию к дополнительному размышлению) слово по кельтско-христианскому (и не только) Импульсу Р.Штайнеру, к-рому есть, что на данную тему сказать, и к-рый говорит о (европейских) кельтах (что не мешает нам помнить о – с их уникальной специ-

⁵⁹ Армянских монахов, проповедников христианства в Ирландии, упоминает древняя ирландская литания. Епископом в Сел Ашите называется, в т.ч., Херувим из Армении («Masis», London, Vol. 6, № 49, March-April 1934, «Ireland and Armenia»).

В своём труде «Армянская миниатюра XV.» (Москва-1979г.) Т.Измайлова, описывая сцену Рождества Христова и Поклонения волхвов из «Красного Евангелия» (909г.), пишет, что эта миниатюра «отличается крайней архаичностью редкого иконографического типа... Фигуры, исполненные графично, коричневым контуром на фоне пергамента, лишены какого-либо объёма. Известный монументализм композиции сочетается с предельной условностью и ярко выраженной орнаментализацией изображаемого. Фигура Богородицы превращена в растительный узор. Крайняя стилизация заставляет вспомнить ирландскую миниатюру...» (с.10).

Относительно «Евангелия из Ани» от 1053г., у Измайловой сказано: «Наиболее близкие параллели иконографической трактовке Евангелистов Марка и Луки из Евангелия 1053г. можно найти только в англо-ирландских докаролингских и в некоторых каролингских кодексах. Однако, одновременность скрипториев, находившихся при этом столь далеко друг от друга, исключает возможность влияния. Правильней предположить общность образов в Евангелиях, завезённых миссионерами на Запад и в недошедших до нас ранних армянских манускриптах» (с.117) (см. Р. Егiazарян «Кельтский символ и армянская традиция», Ереван-2005г.)

⁶⁰ Хотя здесь уместно оговорить, что самая первая христиано-миссионерская волна могла (оставшись умышленно сокрытой) докатиться до Ирландии (*Изумрудный остров*) уже в IV н.э. (Не проповедал ли Ап. Симон Кананит ок. второй половины 60-х гг. в Британии, куда кто-то из Малых Апостолов мог попасть и раньше Симона.) И тут возникает крайне интересный вопрос. Не облёк ли Ап. Павел в 58г. (на пути в Иерусалим из своего Третьего миссионерского путешествия) (см. ниже) особую группу из нескольких эфесских пресвитеров (именно) в Милете (откуда Ирландия была почата финикийцами в XI/XVв. до н.э.) специальным заданием миссионерски добраться (именно) до Ирландии (о Кельтике к-рой и её друидическом значении Павлу могло стать известно от малоазийских галатов), куда эти (эфесско-милетские) миссионеры, возможно, добрались ещё в начале 60-х гг. IV н.э.? (см. ниже)

фикой — кельтах галатских), к к-рым = к галльским кельтам, мы ещё обратимся, разбирая ниже запрет кесаря Клавдия на отправление (декадентного) культа друидов (48г.), среди прочего, следующее:

«...Импульс Христа был дан. Мистерия Голгофы свершилась. Постепенно, в течение последующих столетий и тысячелетий данному тогда Импульсу надлежало распространиться по Земле. Для этого был необходим не только сам факт свершения этого События, но была необходима и деятельность определённых правящих Существ из ряда Иерархий. И здесь произошло замечательное, исключительно интересное явление: в определённый момент, к-рый приблизительно совпадает с нисшествием на Землю Христова Импульса, Дух Времени Греции отказался на весь наш теперешний период времени от наступившей для него тогда возможности восхождения в область Духов Формы и стал особым руководящим Духом всех дальнейших времён. Он стал представителем, руководящим Духом экзотерического христианства. Т.о. перед Импульсом Христа предстаёт Архай, ведущий Дух Греции. Поэтому в период развития христианства так быстро распадается Греция, — потому что она, так сказать, отдала ведущего её Духа Времени, чтобы он смог стать вождём экзотерического христианства. Дух Времени древней Греции стал миссионером, инспиратором, или, вернее, интуитором распространяющегося экзотерического христианства. Здесь перед нами конкретный пример высокого зрелища одного из таких отречений, о к-рых мы уже говорили раньше. Выполнив исключительно хорошо свою миссию в IV-м После-Атлантическом культурном периоде, Дух Греции мог подняться в высшую область; самоотверженным отречением от этого он становится руководящим Духом распространяющегося экзотерического христианства, действуя как таковой во временах и народах.

Подобное отречение мы встречаем ещё один раз, и это второе отречение, опять-таки, представляет собой совсем особый интерес как раз для учеников современной Духовной науки. В то время, когда в Азии и вплоть до Египта и Греции единичные Архангелы развиваются до Духов Времени, в Европе перед нами единичные народы и племена, к-рые, в существенном, ведутся их различными Архангелами. Так, когда соответствующие Архангелы, посланные некогда с Запада на Восток, уже поднялись в ряды Духов Времени, в Европе мы всё ещё застаём Архангела, к-рый был деятелем в германских и, прежде всего, в кельтских народах; в народах, к-рые ещё в начале распространения христианства были расположены в большей части Западной Европы — через южную Германию и через Альпы вплоть до теперешней Венгрии. Архангелом этих народов был кельтский Дух народа. Также далеко к северо-востоку Европы были расположены народы кельтского Духа. Их вёл значительный Архангел, к-рый вскоре после того, когда человечеству был дан христианский Импульс, отказался стать Архам, стать Духом Личности, приняв решение остаться на ступени Архангела и подчиниться в грядущем различнейшим Духам Времени, к-рые, например, появлялись бы в Европе. Поэтому соединённые до тех пор кельтские народы рассыпаются, — именно благодаря этому значительному отречению их Архангела и принятию им на себя особой миссии. Это характерный пример того, как такое отставание в данном случае способствует привнесению особых миссий.

Что же стало с этим Архангелом кельтских народов после его отречения стать Духом Личности? Он стал инспирирующим Духом экзотерического христианства и от его инспирации исходят особенно те Учения и Импульсы, к-рые лежат в основе этого экзотерического христианства, истинного экзотерического христианства. Для тех, кто бывал посвящён в эти тайны, это таинственное место — место инспираций этого ведущего Духа — находилось в Западной Европе; Духа, к-рый будучи Архангелом кельтства, этим самым прошёл значительную школу, и к-рый отказался от своего повышения, приняв иную миссию — миссию стать инспиратором экзотерического христианства, к-рое должно было действовать дальше через тайны Св. Грааля, действовать дальше через

Розенкрейцерство. Здесь перед вами пример отречения, отставания такого иерархического Существа, и одновременно перед вами такой пример, на к-ром вы непосредственно и конкретно можете понять значение такого отставания. Несмотря на то, что этот Архангел мог бы подняться к рангу Архая, он остался в ранге Архангела и повёл значительное течение эзотерического христианства, непрерывно действующее через все периоды господства различных Духов Времени. Эти Духи Времени могут влиять так, или могут влиять иначе, — но это эзотерическое христианство будет источником всего, что, опять-таки, может меняться, метаморфозироваться под влиянием различных Духов Времени...» («Миссия душ различных народов в связи с северо-германской мифологией», цикл из 11-и лекций, прочитанных в 1910г., л.7 от 12.06., ПСС 121)

«...Проследив северный поток развития, перешедший из старой Атлантиды, прошедший через Европу в Азию, мы найдём в древнем индийском народе самый передовой пост, образовавший в соединении с другими элементами Древне-Индийскую культуру (I-я Пост-Атлантическая Пра-Индийская культура — 7228/27 — 5068/67гг. до н.э. — Семи Святых Риши, под знаком Рака — К.3.). Пройдя же несколько более к Северу, в область Персов, мы найдём Древне-Персидскую культуру, ту, к-рая выступает перед нами как культура Заратустры (II-я Пра-Иранская культура — 5068/67 — 2908/07гг. — Заратустры, под знаком Блинецов).

Уже эта культура Заратустры, исследованная оккультными средствами, обнаруживает перед нами ту особенность, что люди больше смотрят на внешний мир и стараются проникнуть через покров внешнего мира для того, чтобы таким образом пройти вперёд к духовному миру. Из этой особенности характера персидского народа вы поймёте, что вождь этой Древне-Персидской культуры мало ценил внутреннее мистическое погружение, что он даже стоял в известной противоположности к этому внутреннему мистическому погружению, направляя взор более на внешний, чувственный мир, прежде всего вверх к чувственному Солнцу, чтобы обратить внимание людей на то, что за чувственным Солнцем стоит нечто, как духовный Солнечный мир, что за ним стоит Аура-Маздао. Здесь уже вполне выражен тот путь, к-рым проходили посвящённые северных народов. И именно в Древне-Персидской культуре, под водительством старшего Заратустры (за 6/5 тыс. лет до н.э.), образовалась высшая форма этого видения духовного мира за внешним. Эта форма внешнего видения становилась всё менее совершенной, чем далее народы отставали от персов, проникавших вперёд до Передней Азии.

Другие народы отставали от персов вплоть до самой Европы. Однако все эти народности имели ту особенность, что их взор был более обращён на внешнее. Все посвящённые этих народностей также выбрали этот путь, чтобы указать своим соплеменникам на духовный мир, лежащий за порогом чувственного мира. Мы имеем ещё, исследуя средствами духовного исследования, в Европе, в удивительной — возникшей на почве всех других европейских культур — в кельтской культуре, пережитки всего, что возникло из совместного действия народного чувства и исследования посвящённых. Того, что теперь большею частью утеряно и может быть ещё рагадано во внешнем чувственном мире лишь тем, кто знает пути, чтобы искать в Акаша-Хронике. Всё, что мы знаем как кельтский элемент, — где бы он ни просвечивал нам как основная почва остальных европейских культур, — всё это суть отзвуки ещё более древних культур Европы, отставших известным образом от великой, возвышенной культуры Заратустры⁶¹, но шедших, в сущности, тем же самым путём, смотря по характеру народов...» («Восток в свете Запада», цикл из 9-и лекций, прочитанных в 1909г., л.5 от 27.08., ПСС 113)

⁶¹ Штайнер: «...душа ребёнка Заратустры была в раннем детстве подвержена большим опасностям; но в то же время рядом с ней находились помогающие ей (как утверждает легенда) небесные коровы, к-рые укрепляли её.

Во всех великих мировоззрениях при их основании, от Каспийского моря до Западной Европы,

ИУДЕЯ ПРИ КУСПИИ ФАДЕ

(44 – 46гг.)

Как мы помним, после внезапной кончины (изъеденного желудочно-кишечными червями) в августе 44г. н.э. Ирода Агриппы, Клавдий поначалу хотел вернуть царство покойного его сыну (к-рый, будучи на 17-м году жизни, воспитательно-обучительно обрелся в пору кончины родителя в Риме) и возобновить с ним торжественно заключённый с воцарённым в 41г. над всей Палестиной Ирода I-го Агриппой клятвенный союз.

Но от этого намерения кесаря отговорили-отвадили влиятельные императорские вольноотпущенники (Нарцисс, Паллант, Каллист...), пеня на юность агриппианского отпрыска и на сложность управления Иудеей, почему страна снова подпала провинциализации, в составе провинциальных с 6 по 41гг. Иудеи, Самарии, Идумеи, плюс – доставшихся Агриппе ещё в 37г. от Калигулы – Филиппова Трахона, и в 40г. – антиповских Галилеи с Переей.

Короче, на повестке дня земли-уделы Палестины, к-рые вкупе составили в 44г. административно-территориальную единицу под названием – провинция Иудея, с всадническо-кесарским прокуратором-префектом во главе.

Причём эта провинциальная Иудея (№ 2) не во всех нюансах копировала-дублировала учреждённую сославшим этнарха Архелая Августом префектуру-прокуратуру (№ 1) 6 – 41гг., тем не менее, идентичная ей как по своей сути-основе, так и в основных чертах. И просуществует она до 66г., т.е. до начала приведшей в 70г. к гибели Иерусалима, храма и всякой еврейско-палестинской автономии Иудейской войны (66 – 70 – 73гг.). А первым наместником новоучреждённой Клавдием провинции стал, вероятно, прибывший в Кесарию Палестинскую осенью 44г. Г.Куспий Фад, время наместничества к-рого приходится на 44 – 46гг. н.э.⁶²

Пассаж Флавия о непредоставлении Иудеи верховенству легата Сирии (сменившего П.Петрония в 42г.) Г.Вибия Марса, с к-рым-де Агриппа находился в натянутых отношениях и о чём-де Клавдий только сейчас узнал, представляется мало-достоверным-преувеличенным и неоправданно почерпнутым Флавием из тенденциозно-апологетического проримского-проагриппианского источника (И.д. 19,9,1/2) (см. выше).

Судите сами. По докладу-донесению Марса, Клавдием было заморожено-запрещено в 43г. предпринятое Агриппой (42/43гг.) строительство третьей иерусалимско-крепостной стены, в связи с чем Клавдий на Марса не только не обиделся, но согласился с его опасениями-доводами (пренебрегши в данном пункте дружбой с

вы обнаружите, что такие личности, к-рые не поднялись вверх благодаря собственному развитию, пронизываются некоей Духовной сущностью, чтобы стать водителями человечества. Кельтский народ обладал многими подобными сказаниями. Так, в них рассказывается об одном основателе кельтской религии – Хабихе, к-рый также подвергался опасностям и был выкормлен небесными коровами; он подвергается преследованию врагов, и животные отступают от него. Эти описания опасностей, грозивших кельтскому вождю Хабиху, таковы, что можно сказать: здесь были выбраны некоторые из семи чудес Заратустры, потому что именно Заратустра является величайшей личностью такого рода. Отдельные черты чудес Заратустры вы найдёте повсюду – от Греции до кельтских стран...» («Экспурсы в область Ев. от Марка», 13 лекций, прочитанных в 1910/11гг., л.5 от 19.12.1910г., с.284/85, ПСС 124)

⁶² Первый из известных представителей всаднического gens Cuspia это – некий П.Куспий – налоговый сборщик-publicani в Африке, к-рого под 56г. до н.э. упоминает Цицерон (Ad fam. 13,6; 16,17,2). Второй – наш Куспий Фад, преномен к-рого у Флавия отсутствует, наличествуя в эпитафической надписи его вольноотпущенника – С.Cuspia Fadi I. Euphemus (CIL 6,16691). Во Пв. н.э. Куспии – уже сенаторы, и среди них есть консулы: Л.Куспий Пактумей Руфин – конс.142г., и Л.Куспий Руфин – конс.197г.

Агриппой: дружба дружбой, но служба службой). Далее, в том же 43г. Марс велел созванным-собранным в Тивериаде, по инициативе Агриппы, ориентальным династам незамедлительно возвратиться по домам, ибо такое сборище показалось ему подозрительным (потенциально иллюялистским), и нет никаких сведений насчёт недовольства этой Марсовой мерой со стороны Клавдия.

Да и о каком, спрашивается, подчинении Иудеи легату Сирии идёт речь? Иудея была особостатуированной самобытной прокураторско-префектурной кесарской провинцией под управлением наместника всаднического ранга, к-рая и так, более или менее, подпадала иерархическому верховенству кесарского консулярского легата в главной на римском императорском Востоке Сирии (4 легиона), при определённых обстоятельствах могучи административно подчиняться ему временно, в пору, скажем, отсутствия местного префекта-прокуратора.

Хотя, не сместил ли кесарско-сирийский, правда, широкополномочный (сродни Квиринию) тиберианский легат Вителлий в 36г. Пилата, отправив его (восвояси) держать ответ перед кесарем в Рим и поставив на его место преемника (Марцелл) из своей свиты. Вместе с тем, неизвестно, обладали ли сходными полномочиями в каких-либо случаях Петроний или Марс, однако, в любом случае, новорегулирование положения Иудеи после смерти Агриппы было выше Марсовой легатской компетенции-юрисдикции. И он максимум мог взять на себя непосредственный управленческий контроль за ситуацией в Иудее до кесарского решения и до прибытия в Палестину назначенного кесарем иудейского наместника (что им наверняка и было сделано), тогда как вопрос о поставлении Иудеи под постоянное прямое управление легата Сирии (к чему буквально клонит текст Флавия) в Риме попросту не рассматривался.

Иное дело, что Марс, возможно, не был вправе кесарского наместника Иудеи сместить, как Вителлий, но Флавий говорит не об этом, говоря в 1-й главе следующей 20-й книги «И.д.», что Марс был отозван кесарем из Сирии и заменён Г.Кассием Лонгином будто бы исключительно в память об Агриппе и его плохих взаимоотношениях с Марсом, о чём-де неосведомлённый Клавдий, видите ли, вдруг, лишь с кончиной Агриппы, узнал-проведал.

Снова (отъявленная) несурязица. Получается, будто Клавдий обиделся за Агриппу на Марса после смерти Агриппы, не обижаясь за то же при его жизни, несмотря, к тому же, на то, что Агриппа, при жизни своей, (якобы) неоднократно обращался к Клавдию с просьбой не оставлять Марса во главе Сирии. Ну и как, в сём случае, Клавдий лишь по смерти Агриппы, к-рый, к слову, не того масштаба (вассально-венценосная) фигура, чтобы ходатайствовать перед императором о смене-замене консулярско-кесарского легата (милитаризованной) Сирии (базовой римской провинции на Востоке), узнал об их конфликте? Сплошные несостыковки. Но приведём сначала текст Флавия на интересующую нас тему, а именно – процитируем 1-ю главу заключительной книги «Древностей», и затем продолжим.

«Когда умер царь Агриппа, император Клавдий послал, как мы рассказали в предшествующей книге, преемником Марсу Кассия Лонгина. Это он сделал в угоду памяти покойного царя, так как Агриппа неоднократно при жизни своей обращался к императору с просьбой не оставлять Марса во главе Сирии. Когда же в Иудею прибыл новый наместник, Фад, то нашёл здесь распрю между переискими иудеями и жителями Филадельфии из-за границ области Мин, причём население уже взялось за оружие. Между тем жители Переи, помимо ведома своих начальников, успели перебить множество филадельфийцев. Узнав об этом, Фад очень разгневался на то, что они не предоставили ему разрешение своего спора, если считали себя обиженными со стороны филадельфийцев, но немедленно приступили к военным действиям. Поэтому он велел схватить трёх начальников их и заковать в кандалы,

как виновников всей этой смуты. Одного из них, Аннибала, он затем приказал казнить, а двух других, Амарама и Елеазара, приговорил к изгнанию. Немного спустя к нему привели также схваченного атамана разбойников, некоего Феломея, к-рый причинил много вреда Идумее и арабам. Фад распорядился казнить его. Таким образом, благодаря заботливости и усердию Фада вся Иудея и Аравия была избавлена от разбойников...» (И.д. 20,1,1)

В предшествующей книге о назначении Марсовым преемником Кассия Лонгина нет ни слова. И отозван был Марс, по всему, не тотчас после смерти Агриппы (к-рая в деле отзыва-смены сирийского легата решающей роли не играла), т.е. не в 44г., но, надо полагать, не ранее весны 45г., когда его сменил Г.Кассий Лонгин – знакомый нам конс.-суф. 30г. н.э. (Т.Г. 179/80-82)⁶³, две сирийско-антиохийские монеты к-рого как раз датируются, самая ранняя – 45/46-м, а более поздняя – 47/48г. н.э. (= 94-й и 96-й гг. эры Caesariāna – с «сирийской» эпохой эры Ю.Цезаря – 1.10.49г. до н.э.).

Напомним, в 43/44гг. Марс успешно блокировал из Сирии, угрожая парфянам сирийско-евфратскими легионами, попытку царя царей Вардана покуситься на Армению. В 44г. Вардан выяснял отношения с братом Готарзом, уступившим ему в 42г. Парфянское царство взамен на прикаспийскую Гирканию, и на Армению не покушался, занятый борьбой с Готарзом также в 45г., когда он, т.е. Вардан, взяв верх над отступившим в Среднюю Азию братом, всё-таки, в результате придворного заговора (чересчур возгордившись) погиб (его позднейшие монеты относятся к 45/46гг.). И погибнув, тем самым поспособствовал воцарению Готарза над Парфией, что, следует думать, произошло уже в пору легатуры Кассия Лонгина над Сирией, ближе к концу 45-го, или в начале 46гг. (см. ниже).

Так что смена сирийских легатов была произведена Клавдием в пору сравнительного спокойствия в междержавных отношениях, под к-рую весна 45г. подходит вполне, тем более, что не позднее мая этого года, едва заступив на антиохийскую вахту, Кассий Лонгин, согласно Флавию, во главе значительного римско-сирийского войска (не боясь, стало быть, за парфянскую границу на севере) явился в (расположенный на юг от Сирии) Иерусалим.

Впрочем, ещё до этого, в 44/45гг., Куспию Фаду пришлось разбираться с конфликтом между перейскими иудеями и филиладельфийцами, а также обезвреживать грабившего Идумею и арабов иудейского разбойника Феломея (Талмай/Толомей). Вступив в должность осенью 44г., Фад, как мы знаем, похоже, не наказал (или наказал не слишком строго) жителей Цезареи за их издевательства над памятью умершего Агриппы и над его дочерьми, изображения к-рых они, мстя мёртвому царю за его акцентированное иудофильство, выставили на крышах домов терпимости. Равно Фад не сослал пять палестинских когорт (плюс – кавалерийская ала), на вербованных из кесарийцев и самарян, вопреки первоначальному порыв-

⁶³ Сменивший старшего брата – консула-орд. первой половины 30г. (в паре с М.Виницием, к-рого сменил 1.07. Л.Наэвий Сурдин) – Л.Кассия Лонгина Г.Кассий Лонгин (внук Элия Туберона и правнук Сульпиция Руфа) был претором-urbanus ок.27г. н.э. В 32г. усердствовал в сенате вместе с братом и др. сенаторами за предание «проклятию памяти» (дочери Германика) Ливиллы (пассии Сеяна и отравительницы совместно с ним в 23г. Тибериева сына Друза, к-рую её мать Антония уморила в конце 31г. голодом) и за пополнение конфискованным имуществом казнённого Сеяна императорской казны. В 40/41гг. проконсульствовал в Азии, куда напуганный предсказанием об уготованной ему от руки некоего Кассия гибели Калигула, не подумав, что и Херею зовут Кассием, отправил по его душу убийц, но был сам убит Хереей и др. заговорщиками раньше, чем снаряжённые им убийцы достигли Азии. Сирией в 45-49гг. руководил образцово, много внимания уделял боевой подготовке легионов и дисциплине. (Возможно, дал имя апокрифическому Кассию Лонгину – римскому сотнику, нанесшему удар копьём в межреберье распятого Христа.) (см. ниже)

ному требованию Клавдия, в Понт. Ведь Клавдий, в ответ на их ходатайства, простил-помилвал тех и других (что лишний раз подтверждает его, скажем так, не чересчур глубокую обиду лояльных к кесарю и Риму кесарийцев и себастийцев за перебравшего в своих чрезмерных симпатиях к иудаизму, — с римской т.зр., на грани сепаратизма, — Агриппу).

Расположенная к востоку от Переи, близ истоков притока Иордана Яббока, эллинизированная Филадельфия, южнее Герасы и севернее Есевона, стояла на месте древней столицы аммонитян — Раббат-Аммона (Шюрер 2,105-08). У Полибия (5,71) — Раббат-Амана; у Евсевия («Ономастикон») — Амман. Своё эллинистическое название (*братская любовь*) она получила от Птолемея II Филадельфа (III в. до н.э., когда египетские Птолемеи довели над Палестиной и окрестным Заиорданьем), к которому и восходит начало её быстро преуспевшей эллинизации. При Антиохе III Селевкиде Филадельфия была сильной крепостью, к-рую он сначала безуспешно пытался в 218г. взять, и овладел ею только после того как один пленник открыл ему тайный подземный ход, обеспечивавший снабжение крепости водой. Антиох его перекрыл, оставив крепость без воды, и вынудил её к сдаче (Полибий 5,71).

В 134/33г., в пору трагических событий вокруг гибели последнего из братьев Хасмонеев — этнарха и первосвященника Симона (134г.), Филадельфией владел некий ближе неизвестный тиран Зенон Котила. Именно у него нашёл убежище (133г.), спасаясь от Иоанна Гиркана, убийца самого Симона, а также его двух сыновей и матери, — вероломный Симонов зять — Птолемей (1Макк.16) (И.в. 1,2,4; И.д. 13,8,1) (Р.л. 350-52; Т.Г. 18/19).

Александр Яннай (102 — 75г.) не сумел завоевать-аннексировать Филадельфию, почему она и не числится среди эллинистических городов, отсечённых от владений Маккавеев Помпеем в 63г., с каковых пор этот полис находился в составе коммунального Декаполиса (Плиний 5,18,74; Птолемей 5,15,23), о чём свидетельствуют монеты с помпеянской эрой — 63г. до н.э. В 31г. до н.э. в районе Филадельфии Ирод победоносно сражался с набатейскими арабами (И.в.1,19,5; И.д. 15,5,4) (Р.л. 198-200).

А в 44г. н.э. между (считавшими себя при иудофиле Агриппе привилегированными хозяевами положения) иудеями Переи и обитателями, по-прежнему, входившей в состав Десятиградия Филадельфии, с её, видимо, грекоязычным смешанным-космополитическим населением, возник пограничный, к западу от истоков Яббока, конфликт у деревни Миа (или — Зия), вследствие к-рого обе стороны взяли за оружие. Причём переицы, помимо, как говорит Флавий, ведома лиц над ними начальственных, проявив инициативу, перебили множество филадельфийцев.

Надо понимать, ситуация вышла из-под контроля через какое-то время по смерти в августе 44г. Агриппы, в царство к-рого входила заиорданская Перея, и до прибытия осенью в Палестину Куспия Фада. Т.е. в короткий переходный период, в дни безвластия в Иудее, когда давешнего агриппианского вассалитета не стало, а новообразованная провинция Иудея ещё не успела образоваться-появиться практически, или минимум её первым кесарским наместником на месте представлена не была.

По прибытии же во вверенную ему провинцию, Фад очень осерчал, что конфликтующие стороны не дождались его, кому надлежало-полагалось принимать арбитражные решения по подобным вопросам. А поскольку ответственность за кровопролитие была на (считавших себя обиженной стороной и первыми взявших за оружие) переицких иудеях, он приказал взять под стражу и заковать в кандалы трёх их (не сумевших удержать ситуацию под контролем) начальников, один из к-рых подвергся затем казни, тогда как двое других были приговорены Фадом к изгнанию.

Чуть позже, вероятно, уже в начале 45г., воины наместника схватили-обезвредили некоего иудейского атамана Феломея (Талмай), грабившего, согласно Флавию, идумеян и пограничных аравитян. Т.е., исходя из географии расположенной к югу от Иудеи Идумеи, речь должна идти либо о банде, опять-таки, из южной Переи, либо, скорее, о банде из южной (район Хеврона) Иудеи, к-рая совершила набеги на сёла идумеян и аравитян к юго-востоку от Идумеи, в районе Мёртвого моря. Во всяком случае, Фад велел казнить пленённого его солдатами вожака Феломея и тем заботливо-усердно избавил, по слову Флавия, Иудею и (прииудейскую Аравию) от разбойников.

В этом контексте противостояния переян и филиладельфийцев, или разбоев на иудейско-идумейско-аравийской границе обращает на себя внимание и то, как скоро по смерти Агриппы дало о себе знать непродолжительное безвластие, и то, насколько хрупкой была державшаяся на его персоне (притом с его еврейско-иудейским креном) власть. Судите сами. Ведь его кончина тотчас распоясала по беспределу как пограничных национально-религиозно-территориальных спорщиков, так и банальных, явно с национал-религиозно-политическим душком, разбойников.

И, к слову, не случайно в обоих поведанных Флавием случаях-прецедентах, в той или иной мере, видна иудейская реакция на смерть хотевшего быть царём иудейским не меньше, если не больше, чем римским вассалом, еврейского царя, конец к-рого не замедлил обернуться-прорваться пока локальной дестабилизацией.

Как известно, рвётся там, где тонко. А тонко было на 44г. и в отношениях между палестинскими иудеями и язычниками, и в отношении до поры неорганизованного, дремавшего, но одновременно понемногу набиравшего силу уголовно-политического зилотизма, ибо в таких случаях уголовщина всегда шагает рука об руку с политикой, даже когда эта шагистика в ногу, в к-рой рука руку моет, (политикой) не признаётся.⁶⁴

Не сказано ли в речи Гамалиила в 33г. перед синедрином, что слушатели-приверженцы погибшего в 7г. н.э. отца революционного зилотизма Иуды Галилеянина рассыпались, однако, не исчезли. И не был ли ушедший в 33г. из-под креста бандит Варавва одним из них = одним из политиканствующих бандитов-человекоубийц, празднично-пасхальную пощаду-амнистию для к-рого руководимое синедристами еврейство принципиально и целенаправленно предпочло, вырвав её у Пилата, жизни распятого Пилатом Христа.

И не удивительно, что первые после гибели Иуды Галилеянина бандиты, объединённые в разбойничьи шайки (к-рые, как и кооперирующие с ними политические заговорщики, наводнят Иудею в 50-е гг. Ив. н.э.), объявились именно после События Голгофы = после Распятия в 33г. Иисуса Христа, не ранее 34/35гг. н.э.

Не верите? Удостоверимся. Не говорится ли ниже у Флавия о пленении римским прокуратором Феликсом (52 – 60гг.) некоего галилейского разбойничьего атамана Елеазара (Ив. 2,12,4; 13,2), к-рый в течение 20-и лет разорял страну. И поскольку это пленение имело место не ранее 54/55гг., получается, что Елеазар начал атаманствовать-разбойничать в 34/35гг.! (см. ниже)

Но не будем забегать вперёд. Сейчас речь о первых погашенных Фадом постагриппианских инцидентах – пограничном и разбойном, после чего, зимой/весной 45г., случился конфликт по вопросу великопраздничного облачения первосвященника иудейского.

⁶⁴ И чёрная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслышанные перемены,
Невиданные мятежи. (Блок)

РЕШЕНИЯ РИМА О ПЕРВОСВЯЩЕНСКОМ ОБЛАЧЕНИИ И О НАЧАЛЬСТВОВАНИИ НАД ХРАМОМ ИРОДА ХАЛКИДСКОГО (45г.)

«...Затем он (Фад), сообразно предписанию императора, призвал первосвященника и наиболее именитых иерусалимских граждан и предложил им доставить, как то практиковалось прежде, головной убор и священную ризу, к-рую мог надевать на себя лишь один первосвященник, в крепость Антонию, чтобы они там находились под контролем римлян. Собравшиеся, правда, не осмелились противоречить требованию наместника. Но вместе с тем они просили Фада и Лонгина, также явившегося в Иерусалим во главе значительного войска из боязни, чтобы требования Фада не вызвали волнений среди иудейского простонародья, сперва разрешить им отправить послов к императору с просьбой оставить священную одежду в их распоряжении. При этом они умоляли Фада подождать с исполнением своего требования, пока не получится ответ Клавдия на их ходатайство. Римляне отвечали, что они готовы разрешить иудеям отправку делегации при условии выдачи им детей в качестве заложников. На это иудеи охотно согласились и, выдав заложников, отправили своих послов. Когда последние прибыли в Рим и Агриппа Младший, сын умершего царя, узнал о причине их приезда (Агриппа, как мы уже раньше упоминали, жил при дворе императора), он стал просить Клавдия исполнить просьбу иудеев относительно священного облачения и написать в этом смысле письмо Фаду.

Призвав затем депутатов, Клавдий сообщил им, что исполняет их просьбу, и велел им благодарить за это Агриппу (по ходатайству к-рого он, император, это делает). При этом он вручил им в виде письменного ответа бумагу следующего содержания: «Император Клавдий Германик, в пятый раз облечённый властью нар. трибуна, в четвёртый раз консул и в десятый раз главный военачальник, отец отечества, сим посылает привет начальникам, членам совета, населению иерусалимскому и всему еврейскому народу. Так как любезный мне Агриппа, к-рого я воспитал и к-рый так предан мне, представил мне ваших послов, поблагодаривших меня за мою заботливость о вашем народе и усердно и почтительно просивших меня предоставить в ваше собственное распоряжение священную одежду и головной убор первосвященника, я сим выражаю своё на это согласие, подобно доблестному и любезнейшему мне Вителлию. На эту вашу просьбу я согласился, во-первых, как вследствие своего благочестия, так и желая, чтобы каждый мог исполнять по своему требованию своей религии; а во-вторых, я согласился на это, зная, что этим я доставляю удовольствие царю Ироду и младшему Аристовулу, преданность к-рых мне и заботливость к-рого о вас мне одинаково известны. К тому же, я особенно расположен к этим отличным и милым людям. Вместе с тем, я послал своему наместнику Куспию Фаду соответственное распоряжение. Это письмо вручено Корнелию, сыну Керона, Трифону, сыну Февдиона, Дорофею, сыну Иоанна. Составлено оно за четыре дня до июльских календ, в консульство Юлия Руфа и Помпея Сильвана» (И.д. 20,1,1/2).

Фад потребовал выдачи-передачи ему, иное дело, по предписанию ли Клавдия? или именем Клавдия (насколько тут Флавий корректен?)? сочтя, что это в компетенции кесарского наместника, как оно и было в действительности, праздничного первосвященского облачения (тюрбан, ризы и проч. прилагающиеся атрибуты). В него первосвященник торжественно облачался трижды-четырежды в год – на (в) три великопаломнических праздника – Пасха (14/15-21 нисана), Пятидесятница (6 шевата), Поставление Кушей (15-22 тишри), плюс – (не нуждающийся в спе-

циальном наименовании и в спец. презентации) праздник Иудейский = Судный день Искупления-Всепрощения (10 тишри).

Вспомним, данное облачение хранилось при Ироде в прихрамовой цитадельной крепости Антония (где Пилат приговорил Иисуса и откуда начался путь Спасителя на Голгофу – *via Dolorosa*), перейдя с бг. н.э., когда Иудея была в первый раз, после ссылки Августом Иродова сына этнарха Архелая, провинциализирована, вместе с крепостью, в к-рой расположился постоянный римский гарнизон (сменная кесарийская когорта), под надзор римлян. И они за неделю до наступления каждого из названных празднеств передавали тюрбан с ризой иудеям = первосвященнику, возвращавшим оные, по прошествии праздника, римлянам, под их надзор, обратно.⁶⁵

Причём это имело как властно-импераиальное, так и сакральное значение, подчёркивая, грубо говоря, кто в доме хозяин = кому принадлежит верховенство над иудеями, первосвященник к-рых не мог служить в храме в означенные определявшие национально-религиозное лицо еврейства праздничные дни без (поднадзорного-подконтрольного Риму) сакрального облачения.

А спустя 30 лет, в 36г., широкополномочный тиберианский легат Сирии Л.Вителлий, посетив весной Иерусалим, по смещении с наместнического поста Пилата и по отстранении от первосвященства Иосифа Каиафы, в ответ на просьбы иудеев, предоставил им право хранить первосвященское облачение у себя (см. выше), почему был чрезвычайно хвалит благодарными иудеями за проявленное благочестие.

Потом, при воцарившемся в Иерусалиме в 41г. Агриппе, ситуация, само собой, оставалась неизменной, т.е. тюрбаном и ризой распоряжались еврейско-иудейские инстанции-институты – первосвященство, храм, синедрион, с к-рыми никогда не упускавший возможность продемонстрировать евреям свою приверженность иудаизму наиболее иудейский из всех Иродиан царь, царствуя-главенствуя над ними (милостью отнюдь не столько Господа Бога, сколько Рима) подчёркнуто считался.

И вот, надо понимать, в 45г. н.э., после праздника Пасхи, Куспий Фад, за спиной к-рого стоял прибывший не без сопровождения воинского контингента из Сирии в Иерусалим сменщик Г.Вибия Марса Г.Кассий Лонгин (если Фад был на Пасху в Иерусалиме, то Лонгин, по всей видимости, прибыл к окончанию, или по окончании дней опресноков), потребовал от иудеев вернуться к положению, действовавшему в 6 – 36гг. Тогда, о чём мы знаем, при первом прокураторском режиме, ризы и тюрбан хранились в Антонии – месте дислокации римско-кесарийского гарнизона, что вернулось на круги своя ныне, с осени 44г., при втором прокураторском режиме.

Иначе говоря, предоставленная иудейству 9 лет назад, при Тиберии, вителлианская привилегия, не тронутая при Калигуле и, разумеется, действенная при Агриппе, теперь Фадом, точнее, вверенной ему кесарем наместнической властью, и если верить Флавию, прямым распоряжением Клавдия, (дабы держать иудеев в более надёжной-крепкой римской узде) отменялась-упразднялась.

Спрашивается, почему, по нашему мнению, это случилось после Пасхи 45г.? о чём у Флавия молчок. Потому что Ирод Агриппа умер в первой декаде августа 44г. и Фад явно не успел прибыть в Иудею (из Рима) до Судного дня в сентябре, да и занимался он, прибыв, следуя Флавию, сначала конфликтом между переярцами и филадельфийцами, и затем поимкой Толомея, лишь позднее занявшись первосвя-

⁶⁵ Применительно к осеннему дню Всепрощения и к следующему на пятый день после него празднику Кушей, первосвященское облачение передавалось римлянами иудеям за неделю до Судного дня, видимо, возвращаемое иудеями в цитадель Антония по миновании дней Поставления кушей.

шенским облачением, притом уже в пору сирийской легатуры, да ещё успевшего прибыть в Иерусалим, Кассия Лонгина, к-рый сменил Вибия Марса не раньше марта/апреля 45г. (см. выше).⁶⁶

Более того, в 45г. еврейская Пасха приходилась на 19.04. (18/19.04. – 14/15 нисана), с окончанием дней опресноков 25.04. (21 нисана), по истечении к-рых (когда многочисленные паломники разошлись) Фада, вероятно, и рассчитывал на исполнение (в не столь многолюдном Иерусалиме) предъявленного им (заранее проинформированным) иудеям облаченного требования.

Посему, с одной стороны, едва вступив в сирийскую должность, Кассий Лонгин отправился во главе воинского контингента (его первое деяние на легатском посту) в Иерусалим, в то время как, со стороны другой, ниже из Флавия мы узнаём, что иудеи умолили Фада повременить и послали делегацию к Клавдию с ходатайством позволить им продолжать хранить первосвященское облачение у себя. К этому же ходатайственно присоединился находившийся в Риме юный Агриппа, Клавдий решил ответить удовлетворительно, направив в Иерусалим своё письменное решение, принятое, согласно приводимому Флавием документу, за 4 дня (4-й день) до июльских календ, т.е. – 28.06.45г. н.э.

Удостоверьтесь. Если иудеи направили ходатайственную делегацию в Рим в мае, как вполне получается из нашего предыдущего хронорасклада, то, следовательно, удовлетворительно, по их ходатайству, решение вполне могло быть принято Клавдием и письменно оформлено-засвидетельствовано 28 июня. Мало того, представленная событийная канва вписывается в – таким образом – реконструированную нами хронологию безупречно. Интервального времени не слишком много, но его на всё про всё – как раз или очень даже – хватает.

Притом конец июня 45г. н.э. в качестве даты письменного клавдианского ответа подкрепляется у Флавия рядом синхронизмов: 1) V-й трибунский (tribunicia potestas) год власти Клавдия, к-рый есть именно 45г. н.э.; 2) его IV-е консульство, к-рое, после консульств 37, 42, 43гг., Клавдий облёк по факту не в 45-м, а в 47гг., однако, являясь с 44г. официально-документальным консулом-designatus IV, что и разумеет источник, к-рым пользовался не вдавшийся в эти сугубо римские консульские подробности-нюансы Флавий, между тем как Марк, правда, не Юлий, но Антоний Руф и М.Помпей Сильван Стаберий Флавиан, действительно, одна (последняя) из пар консулов-суф. (с июня) 45г. (см. ниже); 3) далее – десять на 45г. клавдианско-императорских аккламаций (к-рые Клавдий, воображая себя меченосным ратоборцем, обожал, и потому аккламировался, что называется, впрок, по двойной, как выясняется, в сравнении с годами его трибунской власти, ставке).⁶⁷

Итак, на просьбу иудеев о сохранении за ними этой религиозно-автономистской льготы-привилегии кесарь согласился, о чём и уведомил как синедрионально-иудейскую, во главе с первосвященником (председатель синедриона), так и римскую провинциальную инстанцию в Иудее, в лице префекта-прокуратора Куспия Фада, письменно.

Кроме того, Клавдием были подчёркнуты в его послании иудейскому верховенству и (ведущая) роль-заслуга в сём деле (прочимого, с повзрослением, в

⁶⁶ Скажем снова. Принятые при Клавдии в 42/43гг. решения-постановления, обязывавшие провинциальных наместников отъезжать-отбывать из Рима в провинции не позднее 1.04., по постановлению от 42г., или – не позднее 15.04., по откорректированному постановлению 43г. (см. выше), касались (не без обусловленных возможными обстоятельствами исключений) легатов-проконсулов сенатских, а не императорских провинций, кесарские назначенцы-наместники к-рых сменялись в сроки-сезоны по усмотрению кесаря.

⁶⁷ В 45/46гг. за (ненасытным) Клавдием три аккламационные импературы: IX, X, XI (см. ниже).

династы) Агриппы Младшего, вступившегося за единоплеменников-единоверцев в Риме, и расположение императора к здоровствовавшим на 45г. братьям покойного Агриппы Старшего – к Ироду Халкидскому и Аристовулу, преданность к-рых император ценил. Плюс, Клавдий не забыл упомянуть и Вителлия, к-рому иудеи были обязаны облаченной привилегией (при Тиберии) и к-рый был-пребывал у Клавдия с Мессалиной в большой фаворе.

Оно и верно, поскольку, по недолгом размышлении, кесарь с фаворитарными вольноотпущенниками и нобилиями а-ля Вителлий решили, что лишение иудеев политической автономии = вассального статуса надлежит компенсировать сохранением за ними и даже некоторым расширением, в сравнении с периодом первого прокураторского режима, безопасной и полезной для Рима автономии религиозной, к-рая-де, прежде всего, гарантирует лояльность еврейства и его иерократическо-теократической верхушки Риму.

Не предпочитали ли иудейские клерикалы власть Рима власти хасмонейских и особенно (безродных) иродианских династов, к-рые, впрочем, успели достаточно иудаизироваться и стать для иудеев своими, что наглядно продемонстрировало царствование (пусть несколько перегнувшего палку в сторону еврейского национализма) Агриппы, из-за чего иудофильство Клавдия ограничилось теперь сферой религиозной.

Засим, в том же духе, вслед за облаченным, было в 45г. принято постановление о предоставлении права заведовать Иерусалимским храмом старшему брату покойного Агриппы Ироду, к-рый с 41г. был, по агриппианскому ходатайству перед Клавдием, династом ливанской Халкиды, между тем как мл. брат Агриппы Аристовул жил в Палестине частным человеком.

«Тогда же Ирод, брат покойного Агриппы, управлявший в это время Халкидой, обратился к императору Клавдию с просьбой предоставить ему право заведования (иерусалимским) храмом, его суммами и назначением первосвященников. Клавдий согласился на это. С этого времени право это оставалось за всеми его потомками вплоть до конца (Иудейской войны). Между прочим, Ирод сместил первосвященника, прозванного Канферой, и предоставил его сан Иосифу, сыну Камея» (И.д. 20,1,3).

Думается, что Ирод Халкидский (кто, к слову, на монетах именует себя «Филокайсар» и даже «Филоклавдий»), отпраздновав Пасху 45г. в Иерусалиме, обратился к Клавдию по поводу храма (к-рый он взял под неофициальную-неформальную опеку тотчас по смерти Агриппы) одновременно с ходатаями о первосвященском облачении. И сделано это было им, само собой, по согласованию с еврейской иерократической элитой, к-рая предпочла иметь в сане заведующего храмом не римского прокуратора, как дело обстояло в 6 – 41г. (и что обернулось острыми конфликтами с Пилатом), но, – если уж нельзя иначе, – иродианского династа.

Ведь и покойный благочестивец Агриппа, как показал опыт 41 – 44гг., и его в меру благочестивый, в глазах иерократов, брат, подходили на эту роль больше, нежели любой из язычников-прокураторов, к-рые в ходе первого прокураторского режима произвольно назначали-смещали архипастырей и могли (сходно Пилату) сунуть руку в храмовую сокровищницу, или как-то иначе бесцеремонно сунуть нос туда (образно выражаясь, – за завесу), куда им его совать не следовало. Нет, уж лучше, в любом случае, больше свои, нежели язычники-римляне, Иродиане последнего поколения.

После смерти Ирода Халкидского, к-рая датируется у Флавия 8-м годом Клавдия (И.д. 20,5,2), т.е. в 48г. н.э., заведование храмом досталось не его потомкам, как некорректно выражается Флавий, но сыну Агриппы I Агриппе II, к-рый отправлял эту функцию, в частности, назначая и смещая первосвященников, до начала в 66г.

Иудейской войны, в ходе к-рой повстанцы поставили в 67г. последнего первосвященника, и с концом концом к-рой, точнее, с гибелью разрушенного римлянами в 70г. Иерусалимского храма, всякое храмовое первосвященство сошло на нет.

А лишение Иродом Халкидским первосвященского сана знакомого нам по жертвоприношению рыжей телицы в 44г. Элионея, сына Канферы (и эвентуального зятя Иосифа Каиафы), в пользу Иосифа из, на сей раз, первосвященского клана Камит, по всему, последовало в 45г., вскоре по предоставлении Ироду храмового начальствования. Причём два года спустя, в 47г., он сместил Иосифа Камита и назначил вместо него Ананию, сына Небедея, — (вероятного ответчика за гибель Иоанна Зеведеева в 55г. и) визави Ап. Павла во время его противостояния иудеям в Иерусалиме в 58г. (см. ниже).

ФЕВДА

(46г.)

Впрочем, об этом поставлении первосвященником Анании Флавий информирует нас ниже, в 5-й главе 20-й кн. «Древностей», поведав сначала ещё об одной конфузной вспышке в (непродолжительное) наместничество Куспия Фада, рассказ о к-ром раздробленно преподносится читателю аж в трёх главах двух книг «И.д.» (19,9,2; 20,1,1-3; 5,1/2), при том, что между последними двумя, 1-й и 5-й гл. 20-й книги, во 2-4-й главах полуагадически презентуется полуагадическая история обращения в иудаизм адиабенской царицы Елены и её сыновей — Изата и Монобаза, о чём мы беседовали выше.

«Во время наместничества Фада в Иудее, некий Февда, обманщик, уговорил большую массу народа забрать с собой всё имущество и пойти за ним, Февдой, к реке Иордан. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить их. Однако Фад не допустил их безумия. Он выслал против них отряд конницы, к-рая неожиданно нагрянула на них, многих из них перебила и многих захватила живём. Остервенившись, воины отрубили самому Февде голову и повезли её в Иерусалим. Это было всё, что случилось выдающегося у иудеев во время наместничества Куспия Фада» (И.д. 20,5,1).

Здесь во флавиевском объективе инцидент 45/46гг., к-рый мы разбирали и в предыдущих книгах (Р.л. 962-67), и выше (с.134-37), в связи с тем, что этот пресловутый Февда, к-рого Флавий кличет обманщиком, выдававшим себя за пророка, а Евсевий — чародеем («И.Ц.» 2,11), одноимёнен Февде из Д.Ап. (5,36), к-рого в своей речи перед синедрионом называет в 33г. н.э. Гамалиил, датируя его мятежное выступление временем до выступления (в пору *второй* квиринской переписи — 6/7гг.) Иуды Галилеянина в 6/7гг. н.э. (5,37).

В «Р.л.» нами наглядно доказано и показано тождество первого Февды, бунтовавшего до Иуды Галилеянина (962-67; 1179-94-96-99), Иуде, сыну Езекии, к-рый, бунтарски выступивший после смерти Ирода Старшего в 1г. н.э. — незадолго до *первой* переписи Квирина (1/2гг.) и Рождества Иисуса Нафанида (25.12.1г. н.э.), в свою очередь, ни в коем случае, не идентичен, вопреки общепринятому мнению, Иуде Галилеянину (Февда — одна из эллинизированных форм весьма распространённого еврейского имени Иуда).

Притом он, этот Февда-Иуда, погиб, о чём и сообщается в Д.Ап., тогда же, в 1г. н.э., и никак не может быть тождествен (ни Иуде Галилеянину, погибшему в 7г. н.э., ни, наипаче) лжепророку Февде в 45/46гг. (см. выше). Хотя большинство авторов-авторитетов от науки уверены, что речь у Дееписателя и у Флавия идёт об одном и том же Февде в ед.ч., что прав тут, разумеется, куда, мол, более авторитетный Флавий, и что, дескать, малокомпетентный Ев. Лука попросту (мол, залихватски-

безответственно) отодвинул-отбросил одного-единственного (мол, безальтернативного) флавианского Февду из времени наместничества Фада аж на полвека назад.⁶⁸

Спрашивается-вопрошается – не проще ли вдуматься, и даже если не прийти к выводу о тождестве Февды из Д.Ап.5,36 Иуде, сыну Езекии, действовавшему в Iг. н.э. (что однозначно, в соответствии с безупречной хронопоследовательностью Д.Ап., верно), всё равно (что куда правильнее) предположить наличие двух различных персон, по (тоже не столь уж редкому в эллинистическую эпоху среди иудеев) имени Февда, между к-рыми почти полвека разницы, нежели инкриминировать (более чем компетентному) Дееписателю настолько грубый, настолько по сути сводящий всякий его авторитет к нулю анахронизм?!

Увы, именно анахронизм косвенно вменяет Луке ещё (задолго до рационал-критиканов) апологет Евсевий (2,11), пусть не упрекая его в нём открыто, но говоря, что («наш») Лука в Д.Ап.5,36 и Флавий в И.д. 20,5,1 разумеют одно и то же лицо. Причём явная хронологическая несостыковка Евсевия не смущает, ему важнее мнимое подтверждение информации у Луки информацией у Флавия (евсевиянская *медвежья услуга* Луке), к-рые, повторим, представляют-презентуют совсем не одно и то же событие и совсем не одно и то же лицо. Ибо – повествуют о двух разновременных событиях и о двух разных лицах-тёзках, тезоименитство к-рых (как и тезоименитство идентичного с дееписательским Февдой флавианского Иуды, сына Езекии, с Иудой Галилеянином) не есть основание для безграмотного сведения их воедино, для (очередного) примитивного превращения *dua* (или *tria*) в *mono*.

При всём том, например, хорошо знакомый нам евангелистский теолог-богослов Шюрер (1,565/66) оговаривает собственно вопиющую хрононесостыковку, побудившую-де ряд теологов предположить наличие двух разновременных носителей имени Февда, дееписательского и флавианского, но, мол, такое предположение неоправданно-несправедливо, из-за (буквально!) «слабого авторитета» (*schwache Autorität*) Деяний Апостольских. Подумать только! К тому же, в кадре не называемые Шюрером (1844 – 1910гг.) наверняка старые-архаичные теологи маскимум (из) XIXв., т.к. богословы ново-новейшие Шюреру в данном вопросе, соглашаясь с наукой, вторят! Кто, дескать, такой этот полуграмотный Евангелист Лука, чтобы не усумниться в возможности допущения им грубейшей ошибки? Ничего себе теология! И стоит ли при таковом квази-либеральном псевдо-богословии удивляться торжеству рационал-материализма с атеизмом!⁶⁹

⁶⁸ Любопытно, что Ориген (ничего не зная о тайне-таинстве рождественского дуализма), как получается, верно датирует выступление (весной/летом Iг. н.э.) идентичного Иуде, сыну Езекии, Февды (из Д.Ап.5,36) временем «до Рождества Христова» (если разуметь Рождество Иисуса Нафанида 25.12. Iг. н.э.): «до Рождества Христова между иудеями действительно жил Февда, к-рый выдавал себя за кого-то великого» («Против Цельса» 1,57). Но Ориген делает это, исходя (как и Евсевий) из неверной предпосылки мнимого тождества переписи, во время к-рой явился (после Февды) Иуда Галилеянин (6/7гг.), рождественской переписи Квириния (1/2гг.) (Лк.2,1/2; Д.Ап.5,37), не будучи, правда, уверен, в верности своих (грубо ошибочных) выводов: «И после этого, в дни, когда совершалась народная перепись, – если не ошибаюсь, тогда, когда должен был родиться Ииусус, – некто Иуда Галилеянин увлѣк за собой многих...». Вот, что значит путаться в хронологии, не суметь восстановить последовательность событий и не уметь свести хроноконцы с хроноконцами!

⁶⁹ Приложительно к переписи Квириния, Шюрер аргументирует вполне, дескать, допустимые грубейшие просчёты-ошибки у Лк. тем, что Иустин Мученик (IIIв.), по Шюреру, не самый безграмотный из авторитетов, мог считать Птолемея Филадельфа (IIIв. до н.э.) современником Ирода Старшего! Но разве можно сравнивать Иустина Мученика (+ ок. 165/66гг.), или Ириней Лионского (+ ок. 202г.), или Тертуллиана (+ ок.220гг.), равно многоавторитетных восточно-христианских авторитетов – Оригена (IIIв.) или Иоанна Златоуста (IV/Vвв.), либо многоавторитетных западно-христианских мэтров – Иеронима (IV/Vвв.) или Августина

Не будем сейчас снова возвращаться к детальной аргументации в пользу, в частности, правоты Дееписателя, к-рый, как выясняется при ближайшем внимательном рассмотрении, ни в чём не противоречит ни истинной истории-метаистории, ни её верной хронологии. Читатель может самостоятельно обратиться к указанным нами страницам из соответствующих разделов наших книг, где на означенные спорные для унылой науки и не менее унылой теологии вопросы неоднократно даются исчерпывающие ответы.

Однако, пару слов о Февде – авантюристе-лжепророке в правление Иудеей Куспия Фада, вынырнувшем на четыре с лишним десятка лет позднее Февды, к-рый был Иудой, сыном мятежного, кстати, в 40-е гг. Ив. до н.э. галилейского атамана Езекии (обезвреженного-ликвидированного в ту пору галилейским тетрархом Иродом Старшим) сказать тут (пусть мы и об этом беседовали выше), в ключе-русле нашего хроноповествования, необходимо.

В его лице перед нами отнюдь не столько бунтарь-атаман, как Февда-Иуда в Iг. н.э. (или Иуда Галилеянин в 6/7гг.), сколько, скорее, чародей, подобный Симону или Елиме волхвам, или сплав-симбиоз из, в большей мере, превращённого обстоятельствами в горе-бунтаря лжепророчествующего чародея, воспритязавшего на ранг-уровень Иисуса Навина, либо Илии пророка, перед к-рыми и вправду чудесно расступился Иордан. Во всяком случае, этим Февдой 45/46-го гг. двигали мессианистические-апокалипсические цели-мотивы (освобождения-избавления от рабства), почему он и взывал к столь знаковым событиям еврейской метаистории, пеняя на их, дескать, невозможное для него повторение-нововоспроизведение, за к-рым, понимай, предстояло последовать грандиозным освободительным деяниям.

Иначе зачем, спрашивается, расщеплять спиритуально-рубежный Иордан, если не для того, чтобы пройти по его дну посуху-немокрено не в никуда и не куда-нибудь, но дорогой к чаемому большинством еврейства Исполнению Вреён (к-рые уже исполнились-свершились, чего большинство еврейства и, в т.ч., Февда 45/46-го гг., не увидело, не восприняло, не приняло, отвергло-отторгло).

А у римского наместника Фада, тем временем, имелись все основания увидеть в активности Февды смуту и потенциальное антиримское выступление иудеев, что надлежало решительно-незамедлительно пресечь. Потому-то Фад и поспешил выслать против замороженных и ведомых обманщиком Февдой толп кавалерийскую алу (себастийцев), к-рые внезапно, на скорости, атаковали-рассеяли этих февдистов, вероятно, на берегу никак не расступавшегося Иордана, более того, захватили самого Февду в плен, в остервенении обезглавили и повезли его голову в Иерусалим.

Надо думать, дабы выставить её напоказ, показав этим, во-первых, что инцидент исчерпан (так как вожак мёртв: нет человека – нет проблемы), и во-вторых, предостеречь-предупредить эвентуальных подражателей от какой-либо попытки содеянное-несодеянное этим пресловутым Февдой (к-рый оказался банально смертным *невсадником без головы*) повторить.

(IV/Vвв.), у к-рых, у тех и других (и у проч.), в их писаниях, масса различных ошибок, с Апостолами и Евангелистами Ив. н.э. (по 100г. н.э. – рубежная дата успеха последнего из Апостолов и Евангелистов Иоанна Богослова)?!

Категорически нельзя, поскольку в богодухновенном-боговдохновенном слове-логосе (Новый Завет) Апостолов и Евангелистов (непосредственно от Христа – на уровне имажинации, инспирации, интуиции – в куда большей спиритуально-качественной мере, чем писания всех последующих апологетов-авторитетов) нет и не может быть никаких ошибок, что наглядно доказывается и показывается! См. «Рождественская летопись»; «Дорога на Иордан»; «Таинство Голгофы»; «Апостолы и Цезари». (Исключение – некоторые лингвистические накладки, обусловившие неправильное прочтение некоторых мест Нового Завета с течением времени, в связи с языковыми метаморфозами, в чём вины Апостолов и Евангелистов нет.)

В «Войне» Флавий, по означенному периоду первых двух наместников времени второй иудейской прокуратуры-префектуры, только коротко информирует читателя, что превративший Иудею в римскую провинцию (из-за молодости Агриппы II) «Клавдий послал туда в качестве правителей сначала Куспия Фада, а за ним Тиверия Александра, при к-рых народ хранил спокойствие, так как они не посягали на туземные обычаи и нравы» (2,11,6).

Правильнее сказать, посягали в меньшей мере, чем их предшественник Пилат и, главное, — большая часть их преемников до начала Иудейской войны. И тем не менее, если при них римско-иудейские взаимоотношения неуклонно сползали к грядущей войне, то при их преемниках они к ней гораздо быстрее понеслись-покатились.

Заложенный в самой сути, в самом существе, в самой ментальности Рима и еврейства-иудейства взаимный антагонизм двух (полярных) народов Сатурна прогрессировал. Повторим, с одной стороны, возрастала-усиливалась, теряя присущую былому Риму толерантность, державно-римская интегральность, к-рой сопутствовала усиливающаяся космополитизация. С другой же, всё более усиливалась исподволь подпитываемая якобы не свершившимся, якобы стоящим на пороге еврейским мессианизмом и наступлением мессианской эры всё менее терпимая к языческо-ойкуменическому миру негативно-разрушительная и, в первую очередь, саморазрушительно-самоубийственная ветхозаветно-иудейская сегрегальность.

Рим волил в мире на уровне, как сказано, человека *психического*, не могучи ни понять, ни принять человека *пневматического*, тогда как еврейство отталкивало углубляющийся декаданс Рима языческого, тоталитарно противопоставляя ему Ветхий Завет без Нового, чая в качестве оборителя Рима воительного Машиаха-сокрушителя.

В сложившейся ситуации все прежние позитивные, сблизившие некогда (сатурнальный) Рим и (сатурнальное) Еврейство (во имя приближения-свершения солярного Тайнства Голгофы! — к-рое в 33г. свершилось-исполнилось) точки соприкосновения отошли на задний план, взаимнесовместимость нарастала, коса, как сказано, постепенно набирая обороты, всё неотвратимее находила, сыпля искрами из глаз, на камень. И близящаяся катастрофа была неизбежна, была лишь (едва не разразившись уже в 39/40гг., при Калигуле) вопросом недалёкого времени.

Вернее, она откладывалась до поры ради становления христианства, в условиях уже стартовавшей в 45г. н.э. плодотворной ойкуменической проповеди и широко развёрнутой в мир миссионерской деятельности Апостолов! Особенно Апостола языков-язычников — Павла, к-рому предстояло совершить с 45г. несколько миссионерских странствий-путешествий и составить своё знаменитое Послание к Евреям — ббг., уже в год начала роковой Иудейской войны, перед самым её началом, но ещё до трагической еврейской катастрофы 70г. н.э.!

ИУДЕЯ ПРИ ТИБЕРИИ АЛЕКСАНДРЕ

(46 — 48гг.)

«Преемником Фада стал Тиверий Александр, сын александрийского алабарха Александра, к-рый выдавался среди своих сограждан как знатностью происхождения, так и богатством. Вместе с тем алабарх отличался также благочестием, тогда как сын его не остался верен древним традициям (= иудейскому вероисповеданию предков). В это же самое время случился в Иудее и тот большой голод, когда, как я рассказал выше, царица Елена на большие деньги закупила хлеба в Египте и раздала его нуждавшимся. Тогда же были казнены и сыновья галилеянина Иуды,

Иаков и Симон, к-рый, как мы упомянули выше, во время переписи Квиринация возбудил народ к отпадению от римлян. Александр велел их пригвоздить к кресту. Тогда же и халкидский царь Ирод сместил первосвященника Иосифа, сына Камея, и передал эту должность Ананию, сыну Небедея» (И.д. 20,5,2).

Тиберию Юлию Александру довелось сменить Куспия Фада (оптимально) в 46-м и пронаместничать до 48гг. н.э. (в греч. тексте констатируется-уточняется опущенное-пропущенное в неточном русском переводе его короткое-непродолжительное наместничество), т.е. два первых прокуратора вторично провинциализированной Иудеи пронаместничали по ок. два года каждый – первый с 44 по 46, второй – с 46 по 48гг.

Если gens Cuspiā, к моменту Фадовой префектуры, ничем заметным отличиться-зарекомендоваться не успел, то у этого перешедшего в язычество урождённого александрийско-египетского иудея Тиберия была небесславная еврейско-эллинистическая родословная. Он, акцентируем снова, приходился сыном знакомому нам александрийскому алабарху Александру Лисимаху и племянником его старшему брату Филону Александрийскому, к-рый, о чём читатель в курсе, возглавлял беспешную делегацию александрийских иудеев (39/40гг.) к Калигуле и пользовался почётом-уважением при Клавдии (с кем, следует думать, тоже встречался).

А судя по личному имени Тиберий, сын Александра Лисимаха, вероятно, унаследовав римское гражданство от отца, родился не ранее 4/5гг. н.э. = при всех случаях, после того как Тиберий был усыновлён Августом (4г.) и стал бесспорным-безальтернативным престолонаследником № 1, и не позднее 14/15гг., по унаследовании Тиберием Империи умершего Августа. К слову, более приемлем второй вариант, т.к. вряд ли Т.Ю.Александру, активно участвовавшему вместе с Титом в штурме Иерусалима, на 70г. н.э. стукнуло аж ок. 65-и лет. Согласитесь, куда скорее ему исполнилось в 70г. не более 55-и лет. Кроме того, его ст. брат Марк был обручён в 41г., не успев жениться, на дочери Ирода Агриппы Беренике, к-рая родилась в 29г. н.э. (т.е. Марк вряд ли был больше, чем на 15/16 лет старше неё), что также косвенно ратует за рождение бывшего ненамного младше своего брата Марка Т.Ю.Александра ок. 15г. н.э., и за назначение его клавдианским прокуратором Иудеи в 46г. н.э. = в деятельно-энергичном возрасте перспективного молодого мужа едва за 30.

Напоминаем, богач Александр Лисимах близко общался как с Иродом Агриппой, являясь его кредитором, так и с матерью кесаря Клавдия Антонией (управляя её поместьями в Египте и ссужая ей денежные суммы под льготные проценты). Однако, успешный при Тиберии, он оказался в застенке при не ладившем с (в т.ч.) александрийским еврейством Калигуле (см. выше), откуда его почтительно вызволил в 41г. Клавдий, с каковых пор звезда Александра и членов его семьи взошла ещё пуше, чем когда-либо прежде.

И хотя с Агриппой ему довелось предпородниться на недолгий срок, поскольку в том же году его старший сын Марк, обрученник Береники, скончался, но его мл. сын Тиберий, к-рый, в отличие от отца, сохранявшего приверженность иудаизму, перешёл в язычество, уже в 42г. сделался на римской службе эпистратегом в египетских Фивах, о чём свидетельствует греко-эпиграфическая надпись с датой 3.04.42г. (IGR 1,165; Prosop. Imp. Rom. 2,10,75).

Далее, за Тиберием Юлием – в его всадническом послужном списке – ок. двухлетнее наместничество в Иудее, к-рое теоретически можно продлить до 49г., (либо поставить дробно-подвопросную дату – 48/49гг.), как нами несколько раз в предыдущих книгах представлялось-делалось, но к-рое, с большей долей вероятности, (что выявляется-проявляется при хронопоследовательном повествовании) окончилось в 48г. (см. выше и ниже).

Затем мы находим Тиберию, спустя 15 лет, в 63г., под верховно-командным началом Домиция Корбулона в Армении (Ан. 15,28), в ранге высокопоставленного штабного офицера. Потом, с 66г., — в должности императорского префекта-наместника Египта (где им было подавлено — 66г. — выступление александрийских иудеев), к-рую он облакал (И.в. 2,15,1; 18,7; 4,10,6; Тацит «Ист.» 1,11; 2,74; 79; Светоний «Весп.» 6) по начало 70г., первым из наместников привел в июле 69г. два римско-египетских легиона (и александрийцев) к присяге на верность провозглашённому императором Веспасиану.

И, наконец, в 70г. Тиберию Юлий совместно с Титом, входя на первых военных ролях в титовский штаб и совет, брал Иерусалим (И.в. 5,1,6; 6,4,3)⁷⁰, удостоившись, по итогам всего предприятия, преторских (или консулярских) инсигний и доживая свой дальнейший-остаточный век, видимо, в Риме, не чуждый философии с богемой, на почётном пенсионном покое, в сенаторском сословии.⁷¹ Его предположительный внук, сенатор Т.Ю.Александр Юлиан, участвовал в Парфянском походе Траяна (114 — 16гг.) (Дион 68,30), облакал консульство-суф. в 117г. н.э., и членствовал в коллегии Аравальских братьев (Акты «Arvalis» за 118/19гг.).

Внимание! Флавий указывает на большой голод, случившийся в Иудее при Тиберии Александре, накладочно путая-совмещая оный (и сходно — вслед за Флавием — Евсевий в «И.Ц.» 2,12), с вышеразобраным нами (как и флавиевская ошибка-накладка) голодом 43/44гг., когда иудеям очень помогла прибывшая в Иерусалим неопитка — царица Елена Адиабенская (И.д. 20,3,6). Не приходится сомневаться в оказанной Еленой еврейству помощи и при Тиберии Александре, когда, к тому же, иудеям наверняка существенно помог в борьбе с голодом её младший сын, принявший с приближёнными иудаизм после матери и старшего брата — адиабенского царя Изата, сделавших это ещё в 30-е гг. Ив. н.э., Монобаз, к-рый перешёл в еврейство в 46/(47г.)г. н.э.

Но в первый раз Елена помогла иерусалимлянам (и проч. иудеям), несомненно, в 43г., впервые прибыв тогда в Иерусалим и обосновавшись там (см. выше), что Флавий невнятно-неуклюже свёл как бы к одноразовому акту, превратив два в одно. Между тем, произведённый нами расклад позволяет умозаключить, что новый второй голод, отделённый от первого негодными 45/46-м гг., постиг Иудею, в наместничество Тиберию Александра, не ранее 47г. н.э. (частично захватив и 48г.?). И не надо ни смыкать его с первым голодом, сводя два в один, ни (безосновательно) продлевать до конца 48-го г., к-рый, мол, согласно предположению науки, эвентуально был (с осени 47г.) непосевным-субботним, что, дескать, усугубило кризисную ситуацию и т.д.

Мы помним, — субботние, по *царскому* седмичному циклу, к-рый Ирод Агриппа упразднил в 41г., это — 43/44 и 50/51гг., а по восстановленному-задействованному Агриппой *аронидскому* седмичному календарю, это — 41/42 и 48/49гг. (осень/осень), между тем как (псевдо-)научные шмиты, по (псевдо-)научному моно-календарю, якобы в 40/41 и, соответственно, в 47/48гг., совершенно неприемлемы-несостоятельны (Р.л. 344-70).

Посему ни 47-й, ни большая часть 48г. на субботние не тянут и приплетать сюда какую-либо шмиту незачем, тем более, что, на сей раз, иудейский голод, по

⁷⁰ По Флавию, Тиберию Ю.А. поддержал Тита, предлагавшего не разрушать Иерусалимский храм, что-де произошло вопреки Титовой воле, но что большинством ново-новейших историков, со ссылкой на противоположное мнение Тацита (у Сульпиция Севера), в отношении Тита, отвергается.

⁷¹ Тиберию Ю.А. было посвящено неким александрийским иудеем философско-аристотелистское сочинение «О Вселенной», авторство к-рого Моммзен числит за самим Тиберием Ю.А., а некоторые — и за самим (!) Аристотелем.

всей видимости, (отлично от голода 43/44гг., во время к-рого, как мы знаем, Савл и Варнава доставили собранные антиохийской братией пожертвования в Иудею в 44г.) ограничился 47-м г. И тогда, в 47г., повторим, Елена Адиабенская (в Иерусалиме) вторично, плюс — её сыновья, Изат (царь) и Монобаз (из Адиабены), оказали иудеям (предоставлением/отправкой им денежных средств и закупкой хлеба) посильную помощь в преодолении очередного неурожайного бедствия, к-рые при Клавдии обрушивались на различные регионы Империи в разные годы несколько раз.

Посему Дееписатель Лука, говоря о «великом голоде по всей вселенной (греко-римская Ойкумена) при кесаре Клавдии», под чем подразумевается, в первую очередь, масштабно-охватный голодомор 42 — 44(/45?)гг. (с Запада на Восток), а во вторую очередь, прочие — не один — голодные годы клавдианского правления, нисколько, вопреки язвительным возражениям науки (Шюрер 1,567/68), не преувеличивает и не загибает, будучи однозначно — и (мета)исторически прав, и (мета)исторически корректен (см. выше и ниже).

Ещё одно событие в наместничество Тиберия Александра — казнь им сыновей возглавившего в 6/7гг., вместе с фарисеем Садоком, сопротивление квинринской переписи в провинциализированной Иудее (под лозунгом непозволительности для иудеев уплаты подати кесарю; и шире — борьбы против римского владычества) Иуды Галилеянина (действовавшего сначала в Галилее уроженца Гамалы в Гавлане) — ближе неизвестных Иакова и Симона (Р.л. 1189-96). Именно этот («софист») Иуда Галилеянин стал учредителем-основателем т.н. четвёртой (несадукейской, нефарисейской, неессейской) философии революционно-заговорщического зилотизма, точнее, зилотствующего фарисейства, к-рая в итоге ввергла (не имевшее ветхозаветного шанса на спасение в Земле Обетования после События Голгофы 33г.) античное еврейство в катастрофы 66 — 70 — 73 и — напоследок — 132 — 35гг.

И не случайно история этих сделавшихся своего рода противоположными псевдо-Маккавеями еврейской истории (не случайно одноимённого как Иуде Маккавею, так и Иуде Искариоту) Иуды Галилеянина и его потомков (итога в трёх поколениях Ив. н.э.) охватывает весь период 6 — 66, и до 70 — 73гг.

В 6/7гг. выступил сам Иуда, к-рый, увлекши за собою довольно (загубленного) народа, погиб, в результате подавленного Квинрием восстания, после чего его уцелевшие приверженцы рассыпались, но не исчезли, продолжая (втайне) пестовать (преступную) философию (самоубийственного) политического бандитизма-зилотизма (под маской национально-освободительного движения). В 47г. Тиберий Александр распял двух, вероятно, пошедших по заговорщическо-революционным стопам (профессионального революционера) отца сыновей Иуды, в подробности о конкретной деятельности, поимке и осуждении к-рых Тиберием Александром на распятии Флавий не вдаётся.

А в 66г. третий сын этого Иуды, первый из вереницы свирепых рев. тиранов-комиссаров Иудейской войны, минимум ок. 60-летний (т.к. Иуда погиб в 7г.) Менахем (Манаим — *утешитель*)⁷², напялит на себя царский венец и воспритязает на мессианское достоинство, вскоре бесславно погибнув от рук своих же иудеев за несусветную жестокость и тиранию (см. ниже), и тем как бы завершив в 66г. семейную (по отцу и сыновья) эпопею, начатую его родителем в 6г. н.э. и продолженную его старшими братьями в 40-е гг. Ив.

Но — дальше — больше. Родственник Манаима (надо понимать, племянник?)

⁷² *Утешительным* именем Менахем/Манаим некоторые талмудисты и агадисты называют мнимого Мессию, будто бы родившегося в день разрушения Иерусалимского храма (70г.) и до поры сокрытого ожидающего своего трубного часа.

т.е. внук (?) Иуды = сын Иакова? или Симона?, Елеазар возглавит оборону Масады – последнего оплота иудейских повстанцев. Падение же этой крепости в 73г., при массовом трагическом взаимосоубийстве (насколько добровольном?) её защитников и почти всех, включая женщин и детей, находившихся там людей, закономерно увенчает приведшую к разрушению Иерусалима и гибели тысячелетнего Храма Иудейскую войну 66 – 73гг. (первыми зёрнами-всходами к-рой были мятежи 1-го и 6/7гг. н.э.).⁷³

И как первая провинциализация с налогообложением римлянами Иудеи в 6г. н.э. обусловила выступление Иуды Галилеянина, так вторая римская провинциализация 44г. (и, м.б., налогообложение-перепись в 46/47/48гг.?) повлекла за собой революционную активность его сыновей, Иакова и Симона, к-рых римский наместник Тиберий Александр, нужно понимать, за сопровождавшиеся какими-то насильственными (обернувшимися гибелью каких-то римских граждан) действиями призывы-попытка отпадения от Рима, вооружённого восстания против Рима, приговорил к кресту, что имело место в (том же голодном) 47г. н.э.

Одновременно, по всему, опять-таки, в 47г., как выводится из флавиевского текста, Ирод Халкидский сменил, о чём мы упомянули выше, назначенного им в 45г. первосвященником Иосифа Камита на Ананию, сына Небедея, кто, предположительно, ни к одной из 4-х ведущих первосвященских фамилий (Анан, Боэт, Фавит, Камит) не принадлежал.

Ниже у Флавия читаем: «Преемником Тиберия Александра стал Куман. При нём умер Ирод, брат царя Агриппы Великого, на 8-м году правления императора Клавдия. Он оставил после себя троих сыновей: Аристовула, к-рого родила ему первая жена, Береникиана и Гиркана – от дочери своего брата – Береники. Царство Ирода император Клавдий передал Агриппе Младшему» (И.д. 20,5,2).

Такова концовка 2-го абзаца 5-й гл. 20-й книги «Древностей». Однако, о преобладававшем Тиберию Александру прокураторе Вентидии Кумане (к-рый с 49/50 до 52гг., если свести-синхронизировать взаимопротиворечивых Флавия и Тацита, делил управление Палестиной по областям с Антонием Феликсом) мы побеседуем ниже – в разделе, посвящённом событиям (в т.ч., палестинским) 48 – 51гг.

А смерть ст. брата Агриппы (кто, как видим, с незадачливой подачи Флавия успел сделаться «Великим») – Ирода, тетрарха ливанской Халкиды с 41г., женатого с тех самых пор на своей (родившей ему двух сыновей) племяннице Беренике, последовала на 8-м году правления Клавдия, т.е. в (без иных вариантов) 48-м г. н.э. Вместе с тем, есть веские основания полагать, что его халкидскую тетрархию Клавдий, вопреки флавианской скороговорке, предоставил Агриппе II не сразу по смерти дяди, а несколько позже – не ранее 49/50гг., к чему мы аналогично обратимся ниже.

⁷³ Если бы слишком многие евреи со второй половины XIXв. не апологизировали удивительно напоминающих беспощадных комиссаров Французской и Российской революций комиссаристых атаманов-предводителей Иудейской войны, как и саму эту гиблую войну, и если бы еврейские дети (XIX/XXвв.) не играли в (бесноватого) Бар Кохбу, то, б.м., дело не дошло бы ни до победы преступного большевизма в России (упоительное сокрушение местечковыми комиссарами, к-рых в российской революции переизбыточно много, Третьего Рима), ни до преступного уничтожения евреев нацистами (истребительная непримиримость к-рых к евреям XX-го в. чудовищно дублирует, как сказано, непримиримую ненависть древних и позднейших евреев к амаликитянам). Однако, с др. стороны, если бы не было великожертвенного Голокауста, то не стало бы возможным и уникальное создание уникального государства Израиль! (тогда как жертва I/Пвв. ничего не дала).

ЧАСТЬ X

РИМ И МИР 45 — 50 гг. н.э.

КЛАВДИЙ ЦЕЗАРЬ

45г. н.э.

1 января 45г. н.э. = 798г. а.У.с. в консульство вступили М.Виниций (вторично) и Т.Стагилий Тавр Корвин.

Напомним, в первый раз (дружный с Веллеем Патеркулом) Виниций, сын одноимённого консула 2г. н.э. — известного оратора, адвоката, декламатора, и внук персонально дружного Октавиану консула-суф. 19г. до н.э. — легата-воителя-замирителя Иллирии в 13 — 8гг. до н.э. и легата Германии в 1 — 4гг. н.э., консульствовал в многопамятном читателю 30г. н.э. (Т.Г. 179/80). В 33г. он оженил мл. дочь Германика Юлию Ливиллу, к-рая в 39г., вместе со старшей сестрой Агриппиной, была сослана за участие в заговоре против Калигулы (= за прелюбодеяние с заговорщиком Эмилием Лепидом) на Понтийские острова. Причём самого несопричастного к заговору Виниция, к-рый в 38/39гг. отпроконсульствовал в Азии, опала не постигла.

В 41г. Виниций участвовал, о чём читатель знает, в заговоре против Калигулы и рассматривался в качестве кандидата в принцепсы, но забракованный консулами, без труда, присягнув на верность Клавдию, кто тотчас после своей интронизации возвратил из ссылки Агриппину с Ливиллой. Однако вскоре Ливилла была проискама Мессалины, опасавшейся её, видной (и менее осторожной, чем Агриппина) красотицы, влияния на Клавдия, сослана (теперь за прелюбодеяние с философом Сенекой, тоже ссыльно изгнанным) и в ссылке умерщвлена (42г.). В 43г. входившему в ближний императорский круг вдовцу Виницию довелось участвовать, в кесарской свите, в британском походе и затем нобилитетски здравствовать, в частности, вторично облекши в 45г. консульство-орд., чтобы годом позже пасть жертвой интриги безответно домогавшейся его нимфоманки Мессалины (см. ниже).

Т.Стагилий Тавр Корвин приходился правнуком выдвинувшемуся при Октавиане (основателю новонобилитетского gens Стагилиев Tauri) homo novus Т.Стагилию Тавру, консулу 37 и 28гг., — командарму октавиановских сухопутных войск во время морского сражения у мыса Акции (31г.) и городскому, с 16г. до н.э., префекту августейшего Рима. При всём том, консульствовавший в 45г. Стагилий, видимо, был мл. братом консула-орд. предыдущего 44г. (без когномена «Корвин»), т.е. одним из сыновей консула 11г. н.э. и внуком знаменитого златоуста — Валерия Мессалы Корвина (+ 13г. н.э.), по линии замужествовавшей за консулом 11г. дочери последнего (Валерии Мессалины), в честь к-рого и получил славное прозвище «Корвин».

В 46г. ему приведётся участвовать, напару с Азинием Галлом, в заговоре против Клавдия и неизвестно как-чем кончить, ибо дальнейших достоверных сведений о нём нет, хотя, предположительно, он (сродни Галлу, пощаждённый Клавдием) пережил покончившего в 53г. самоубийством своего ст. брата, к-рый перед тем прокон-

сульствовал в Африке (52/53гг.) (Ан. 12,59; 14,46), угробленный затем позарившейся на его роскошные сады алчной Агриппиной (см. ниже).

Надо сказать, что оба ординария консульствовали в 45г. в январе/феврале, сменённые в марте/апреле парой суффектов, имя одного из к-рых – Тиб.Плавтий Сильван Элиан¹ (второй неизвестен), кого, в свою очередь, сменила безымянная майская пара суффектов, кому на смену пришли с июня (и до конца года) М.Антоний Руф и М.Помпей Сильван Стаберий Флавиан², к-рые знакомы нам по приводимому у (ошибочно называющего Антония Юлием) Флавия распоряжению Клавдия от 28.06.45г. о позволении иудеям (продолжать) хранить первосвященское облачение у себя (см. выше).

Свой короткий рассказ о событиях этого, судя по скороговорке нашего единственного информатора, небогатого событиями года Дион начинает с дачи-принесения Клавдием всех положенных клятв-присяг, одновременно с кесарским освобождением прочих клятвотприносителей-присягателей от принесения ими присяги каждым в отдельности (60,25,1). Но по (обожаемому кесарем – знатоком и возродителем, стопами дедушки Августа, подзабытых традиций-обычаев) образцу прежних времён, один из преторов принёс-произнёс присягу за всех преторов, один из трибунов – за всех трибунов, и т.д. Т.е. представитель каждой группы магистратов присягнул купно за всех коллег. И такого нового-старого порядка приерживались, согласно Диону (60,25,2), ещё некоторое время, надо понимать, – при Клавдии и после него.

В том же году вышел запрет на произвольное-бесконтрольное установление гражданами в общественных местах собственных изображений (живописных, в бронзе, мраморе...), так как Рим оказался переполненным таковыми, вследствие того, что всякий волен был выставлять их повсеместно. Пришлось Клавдию часть из них удалить в др. места, часть вернуть установителям и предписать гражданам на будущее ставить себе статуи-скульптуры исключительно с разрешения сената, либо – в случае очевидных (документально оформленных-зафиксированных) гражданских заслуг по полезному сооружению новых или по полезной реставрации старых общественных зданий (60,25,3).

Кроме того, в 45г. кесарь показательно осудил и сослал одного провинциального наместника-коррупционера (имени и провинцию к-рого Дион не называет), более

¹ Этот Т.Плавтий С.Элиан – вероятный кровный сын Л.Элия Ламия – консула 3г. н.э., и усыновленец М.Плавтия Сильвана – претора 24г. Родился ок. 10/11гг. *Cursus honorum* известен по могильной надписи в мавзолее Плавтиев в Тибуре (CIL 14,3608): 35г. – триумвир-*monetalis*; 36г. – квестор Тиберия; ок. 39/40гг. – легат V-го легиона *Alauda* (Жаворонки); 42г. – претор *urbanus*; 43/44г. – в Британии; после консульства-суф. 45г., ок. 47/48гг. (в цензорство Клавдия), возведён в патрициат. Уже при Нероне, ок. 55/56гг., – проконсул Азии; 61-66г. – кесарский легат Мезии, откуда, силами двух подкомандных легионов (VII-й – Клавдиев, и VIII-й – Августов), совершил поход в Северное Причерноморье для оказания помощи Херсонесу против скифов и сарматов; в связи с римским пожаром 64г., отправил мезийское зерно в охваченную продовольственным кризисом столицу. Триумфировал при Веспасиане – 70г.; представлял императора в ранге понтифика, руководя работами по восстановлению храма Юпитера Капитолийского; 71-73гг. – легат Тарраконской Испании; 74г. – конс.-суф. *iterum*; скончался до 79г.

² Если об М.Антонии Руфе данные отсутствуют, то его суффектный коллега (сын М.Помпея Приска из Терентинской трибы) сопринадлежал к Помпеям – выходцам из Арелата в Нарбоннской Галлии. Начал карьеру при Тиберии и Калигуле. После консульства-суф. 45г., с 53 по 56гг., при Клавдии и Нероне, наместничал в Африке; в 69г. был назначен Гальбой легатом Далмации; в 71-73гг., при Веспасиане, ответственный за водоснабжение Рима куратор *aquarum*; 74г. – конс.-суф. вторично; дезигнирован в конс.-суф. 83г. в третий раз, при Домициане, но скончался до вступления в должность.

того, конфисковал на общественные нужды все его доходы за время нахождения в должности. А дабы продажные или недобросовестные чиновники не могли впредь ускользнуть от правосудия, было, как то практиковалось ранее, запрещено обложение ответственных должностей без перерыва. Дело в том, что закон запрещал выдвижение обвинений против магистратов в ходе отправления ими магистративных обязанностей, и потому коррумпированные хитрецы стремились занимать одну (доходную) должность за другой.

Во-первых, они уходили-ускользали таким образом от возможного преследования со стороны потенциальных обвинителей (срок за сроком, до тех пор, пока, как говорится, – либо ишак сдохнет, либо шах умрёт), тогда как, во-вторых, не желали делать перерыв, при возможности непрерывного рвачества-обогащения (60,25,4/5). Вдобавок, коррупционерам сопутствовало и то любопытное обстоятельство, что всё меньше изнеженных-декадентных римлян стремились облекать ответственные должности, предпочитая паразитарное существование за счёт безответственных доходов.

То-то Клавдий, вместе с тем, официально позволил некоторым прилежным сенатским наместникам управлять провинцией в течение двух лет вместо одного года (что также практиковалось кесарями ранее) и в ряде неординарных случаев назначал наместников в сенатские провинции сам (и такая практика встречалась у прежних кесарей) (60,25,6). Вдобавок к тому, было принято к рассмотрению, по настоянию кесаря, специальное постановление, официально одобрявшее необходимость получения гражданами персонального кесарского разрешения для временного-отпускного оставления Италии. Де-факто оно действовало и прежде, но теперь Клавдию захотелось позволить римлянам отлучаться из Италии, так сказать, с согласия заочно одобряющего все его подобные соизволения, или, наоборот, разнопричинные отказы, сената. И такое постановление будет принято, посредством голосования в сенате, в следующем году (60,25,6).

Далее, в 45г. состоялось празднество благодарения, к-рое Клавдий обещался справить в знак успешного исхода своего (незабываемого) британского похода. Плебс, подпадавший под благотворительные раздачи зерна, получил, в дополнение к тому, по минимуму 300 сестерциев на душу, иные – даже до 1250-и сестерциев. Все эти (поднимающие его популярность) раздачи были произведены Клавдием самолично, при помощи зятьёв – М.Помпея Магна и Л.Юния Силана. Ибо раздача длилась несколько дней, в к-рые император не хотел отказывать себе в одном из любимых своих занятий – править суд во время, когда его раздаточно подменяли-заменяли зятья. Ниже говорится о восстановлении пятого дня Сатурналий, вроде бы присовокупленного к четырём праздничным дням Калигулой (17-20/21.12), и потом вроде бы отменённого, не очень внятная информация о чём, имеющаяся у Диона (60,25,7), подвопросна (см. выше).

Наконец, небезынтересно представленное Дионом (60,26,1-5) под 45г. специальное заявление Клавдия приложительно к солнечному затмению, к-рому предстояло случиться в день его рождения, иначе говоря, – 1.08. И относительно этого, он, обеспокоенный перспективой эвентуальных беспорядков (также ввиду некоторых других предзнаменований), почти как учёный рационалист ново-новейших времён решил объяснить-разъяснить тёмным народным массам, во избежание всяких эксцессов-недоразумений, истинно научные причины солнечных и лунных затмений (к-рые-де не оставляют место для невежественных суеверий). И (худо-бедно) объяснил-разъяснил, акцентировав, что Луна затмевается только в полнолуние, как Солнце – только в новолуние.

Мы не знаем, насколько грамотный римско-гражданский плебс внял сказанному, по крайней мере, сведений о каких-либо беспорядках нет, в то время как

само заявление-объяснение ясно показывает, что в IV н.э. хорошо знали о невозможности астрономического затмения в полнолуние, и что Евангелист Лука, манифестируя не столько затмение, сколько (грандиозное-таинственное) *затемнение* померкшего солнца в часы Христа на Голгофе 3.04.33г. н.э. (23,45), когда вечером произошло *полнолуное* затмение луны, понимает никак не обычное астрономическое солнечное затмение (Т.Г. 1656-67)!

Сим достаточно скудная дионовская анналистика по событиям 45г. исчерпывается. Между тем, сообразно эпиграфическим источникам, сообщающим применительно к 45г. не только о доведении до конца дела восстановления водопровода aqua Virgo (CIL 6,1252), Клавдий в этом году, вступив в него «императором VIII» (CIL 5,25; 2,4645: trib. pot. V), трижды обновлял, в V-м году своей трибунской власти (январь 45 / январь 46гг. – 25.01.) аккламационную импературу: imp. X (CIL 2,569; 6,916 = 31201) и imp. XI (6,1252; 3751 = 31182), при отсутствии свидетельств-подтверждений по поводу imp. IX.

Следовательно, на повестке дня, точнее, года, боевые действия и успехи римского оружия (следует думать): 1) в Британии, где первый римский легат учреждённой там в 43г. провинции А.Плавтий (43 – 47гг.) продолжал покорение-оккупацию юга острова; 2) в Африке, где наместничал Гальба; 3) во Фракии, где, по всей видимости, именно в 45г. начались драматические события, приведшие к упразднению тамошнего одрисского вассалитета и к появлению кесарско-прокураторской провинции Фракия в следующем 46г. н.э.

Впрочем, если о конкретных британских успехах-победах Плавтия, к-рые на 45г. очень даже предположительны и за к-рые (весьма, как мы знаем, падкий на победоносные импературы) Клавдий вполне мог аккламироваться императором, сведения отсутствуют, то в отношении Гальбы они черпаются из скомбинированных Светония (Гальба 7/8) и Авр.Виктора («О Цезарях» 4,2). В 45 – 47гг. Гальба в течение двух лет (Свет. «Г.» 7) управлял Африкой, где отличился (правя крайне строго и справедливо), в т.ч., на военном поприще, по всему, победой над воинственными мусулами (к-рых в 5/6гг. побеждал-победил, сходно гетулам, Косс Корнелий Лентул, и к-рых, под предводительством пирата пустыни Такфарината, римляне долго воевали-одолевали в 17 – 24гг.).

Хотя только Светоний прямо говорит от триумфальных украшений, полученных Гальбой за Африку, что не может не свидетельствовать о какой-то военной победе, тогда как Плутарх (Гальба 3) лишь фиксирует «самые высокие похвалы (Гальбе) на посту наместника Африки», а Тацит («Ист.» 1,49) – «умеренное и осторожное (гальбанское) управление Африкой». И лишь Авр.Виктор коротко сообщает об истреблении, при Клавдии, отряда мусуламов, что можно уверенно соотносить с триумфальными отличиями Гальбы за Африку в правление Клавдия, согласно Светонию.

ФРАКИЯ

На Фракии же, к-рая поэтапно созрела к середине 40-х гг. IV н.э. для провинциализации, должно, освежая пройденный материал, остановиться подробнее.

Под Фракией древности (на территориях современных в основном Болгарии, а также – северной Греции и европейской Турции) понимают пространство Балканского п-ва от Дуная на севере до Пропонта, Геллеспонта и Македонии на юге; от Иллирии на западе до Чёрного моря и Византия на востоке. Или, если сказать-соориентироваться несколько иначе, – от Карпат до Эгейского моря и от Понта Эвксинского до р. Аксий (Вардар), служившей границей, отделявшей Фракию от

Македонии. Главные горные цепи страны-области – Родопи и Гем; реки – Аксий, Стримон, Нест, Гебр, Истр.

От фракийских индогерманцев ведут родословие малоазийские мигранты (ок. 1200г. до н.э.), выходцы из юго-восточной Европы – вифинцы, мизийцы, фригийцы. Весьма значительна доля пришлое фракийско-фригийского элемента в генезисе (этногенезе) и в индоевропейском языке автохтонного араратского армянства. Позднее, после массового разгрузочно-мигрантского оттока, до взлёта Эллады и в эллинистическую эпоху, туземную Фракию населяли разобщённые племена и крупные племенные союзы легендарно драчливых автохтонов – бессы, одрисы, трибаллы, сатры, мезийцы, плюс – в широком смысле – геты и даки (Фракия – обиталище происходящего отсюда Ареса-Марса!).

В «Илиаде» фракийцы – союзники Трои, одоление к-рой есть начало взлёта (выход дочерней Европы из-под опеки матери Азии) Эллады, с к-рой, собственно, продолженной впоследствии Римом, Европа зачиналась-начиналась. Прирождённые ратоборцы, фракийские воины свирепо набрасывались на врага, не знали пощады к нему, очень ценились, из-за своей жестокости и неукротимости, как наёмники, жили дико, бедно, беспретенциозно. Край глухих дебрей, с редкостью суровыми зимами, пользовался дурной славой вертепа разбойников и чародеев. Тем не менее, в стране процветали земледелие, скотоводство, коневодство («фракийский всадник»); в природно защищённых местах возделывались виноградники.

То-то здесь издревле водили дружбу с Вакхом, вперемешку с пристрастием к игре на музыкальных инструментах, к разного рода экстатическим песнопениям (Фракия – родина Орфея³) и неистовым пляскам, были гипертрофированно-ритуально привержены алкоголю, особо чтити специфического Диониса, главное святилище к-рого располагалось в лесистой долине Марицы (Гебр). Греки считали фракийцев ещё более безнадёжными, чем македонян, варварами. Культурные гре-

³ Если для современных энциклопедий Орфей – сын фракийца Эагра (бог одноимённой реки во Фракии), или Онагра и музы Каллиопы (брат Лина), то на эзотерическом уровне в пору говорить об Орфее (песнопевческий предтеча к-рого – Олен) – мистическом отпрыске (*аристократического*) Аполлона, явившегося, как и (*демократический*) Дионис, одной из дохристианских манифестаций Христа (в историко-метаисторических воплощениях К-рого – Иисусе Соломониде и Иисусе Нафаниде, Аполлон и Дионис, аполлоническое и дионисаанское, макрокосмос и микрокосмос, солнце и виноградная лоза, преодолев полярности, кульминационно-примирительно взаимопрониклись-слились, – отчасти подобно Авелю и Каину, авелитизму и каинитизму, – воедино).

Непосредственное земное проявление Орфея надлежит отнести к XIV/XIIIвв. до н.э., т.к., согласно преданиям, во-первых, он участвовал в походе Аргонавтов (ок. середины XIIIв.) уже в преклонных летах (усмиряя игрой на форминге и молитвами волны, помогая гребцам «Арго»), и, во-вторых, – жил за два (долгих) поколения до Троянской войны (1194/93 – 1184/83гг.). Или были *два* Орфея – *старший* и *младший*, как *два* Диониса, *Старший* – Загрей, и *Младший*, второй из к-рых побывал в Египте, Сирии, Аравии, Фригии, Фракии, и 3 года провёл в Индии (приобщившись в Аравии и Индии к таинствам, мудростям и землепашеству), куда так рвался (по его стопам) Александр Великий (исторический Дионис и Аполлон до Христа Спасителя!), дошедший до северо-восточной Индии, однако, так и не побывавший (по преданию, из-за недостатка невозможного бех христианства благочестия) в заветной Аравии.

Притом, в отличие от Аполлона, сына Зевса и Латоны, к-рый никогда не воплощался физически, будучи для греков ангельской сущностью, одушевлённой Христом Небесным в конце Атлантической стадии эволюции и не могучи перейти грань между божественным и человеческим, с Дионисом дело обстоит иначе. Если (ранний) божественный Дионис Загрей (точнее, Дионисова испостась) – сын Зевса и Персефоны, действовавший из духовных миров на закате Атлантиды, то Дионис Младший – сын Зевса и смертной-земной Семелы, физически живший на земле *полубог-полугерой*, относится ко времени ок. XVI/XVвв., выступив,

ческие колонии имелись в регионе лишь вдоль побережья: эгейского, фракийского, мраморного, понтийского. Греческие побережные колонии Фракии доэллинистического периода – Тапс, Галепс, Неаполь, Кренид (Филиппы), Абдера, Маронея; на западном берегу Чёрного моря – Истр, Одесса, Аполлония, Мессамбрия. Города, основанные в эллинистическую эпоху, – Филиппы, Филиппополь, Лисимахия.

Имена местных фракийских богов – Коттито, Бенди, Сабаци. Согласно Геродоту (5,7), простонародье почитало Ареса, Диониса и Артемиду; цари – (преимущественно) Гермеса. И здесь до такой степени верили в райские пажиты загробного мира, что кончине человека празднично радовались, а его рождение на свет – для жизни в муках-лишениях – траурно оплакивали. Вот откуда, в частности, исходили знаменитое фракийское бесстрашие и полное презрение к смерти.

согласно Штайнеру, в следующей инкарнации как великий Платон (V/IVвв.), что, добавим от себя, никоим образом, не препятствует его предшествующему воплощению как патриарха Исаака (XXI/XIXвв.)!

В Орфее – носителе импульса Аполлона *Исцелителя-Врачевателя* (не означает ли имя Иисус – *Духовный врач – Исцелитель*!) полагают (со ссылкой на мифы-предания) основателя аполлонических мистерий в Дельфах и обновителя Элевсинских таинств Обеих богинь – Деметры и Персефоны, что стало возможным благодаря его (посещению Египта и) посвящению в древнефиникийские мистерии. Не он ли стал первым из эллинов в теологии, обрядах, поэзии, музыке! Не он ли запретил пролитие крови! Любопытна этимология Орфеева имени: от ar – arder – гореть; пылать; сиять; светиться; agies – Овен; aga – алтарь; arete – добродетель; Archal – огненный свет; Rpha – Рафаэль (Гермес; Меркурий) – *Целитель*; от финикийского слова – aurgorpha – арфа – *исцелительный свет*.

Он прошёл через посвящение в принесённые финикийцем Кадмом на Самофракию таинства Кабиров, сходно метаисторическим Персею, Гераклу, или позднее историческим Гомеру, Ферекиду Сиросскому, Фалу Милетскому, Пифагору Самосскому (причём родословные двух последних, предположительно, уходят в Финикию). Посредством Орфея, кто вроде бы не почитал (тем не менее, являясь носителем, в т.ч., его сокровений!) Диониса, считая величайшим богом Гелиоса (внешнее Солнце), называемого им Аполлоном, грекам открылось существо Аполлона, к-рый своим мистериальным словом в Дельфах «Познай самого себя» положил начало не только мировой философии, но и классическому гуманизму (Гляйх 176/77). И ещё – мистический сын Аполлона – Орфей был сопрячен к тайне аполлонических Таинств о спиритуальной созерцальности II-й Пост-Атлантической Пра-Иранской культуры Астрального тела, под знаком Близнецов, на более высоком уровне VI-й Славянской культуре Самодуха, под знаком Водолея, что выражалось в этих таинствах таинственным *словом-логосом* (в переводе на нашу речь звучавшим так): «В VI-ю культуру песнь Аполлона на земле достигнет своей цели».

Не Орфеем ли были заложены начатки *логического мышления* в человеке, в пору культуры Души осязающей, навстречу Душе рассудочной, через одухотворяющую гармонию музыки! Не он ли явился предготовителем того, что дала человеку Мистерия Голгофы: возможность истинного постижения сверхчувственных высот в физическом мире! Неспроста Штайнер называет его путь отображением сошествия Бодисаттвы к Будде, с глубинным переживанием Орфеевой инкарнацией трагедии «Я»!

К тому же, вовсе не случайно (окультиный) Орфизм – система религиозно-философских взглядов, весьма востребованных в VIв. до н.э. (архангельская эпоха Михаила-Солнце), возник на основе именно спиритуально-плодотворного аполлоническо-дионисианского синтеза («Орфические гимны»)!. И то-то Орфей был растерзан менадами, насланными на него Дионисом, к-рый наказательно превратил этих менад в дубовые деревья, тогда как 12 частей тела (12 органов чувств) Орфея (оплаканного людьми, животными, растениями, камнями) собрали и погребли Музы. Кроме головы, выплывшей по р. Гебр в море и оказавшейся на о. Лесбос, где она пророчествовала и творила чуда.

А в мифе о растерзанном Титанами Дионисе Загрее, телесность к-рого была вознесенски упасена Зевсом для вышей жизни – тайна Орфических таинств! Мало того, он – репрезентант ясновидческих сил в человеке, олицетворение одухотворённого интеллекта-интеллектуализма, представленного его спасённым Афиной Палладой и принесённым Зевсу сердцем!

В 517 – 12гг. персы сочли Фракию частью Ахеменидской державы. Через неё Дарий Гистасп двинулся в свой неудачный поход против скифов (тактику «скифской войны» к-рых в 1812г. Барклай де Толли, максимально избегая лобового генерального сражения с превосходящими силами французов, к-рых он, изматывая их, заманивал вглубь российских просторов, искусно навязал Наполеону). Наряду с тем, экспансия Ахеменидов, сатрапизация ими южнофракийских прибрежных территорий способствовала пробуждению идеи этнической общности, приведя к объединению в Vв. до н.э. – 480/79гг. – и к усилению Фракии под предводительством одрисских династов Тера (ок. 450 – ок. 440гг.) и Ситалка (ок. 440 – ок. 424гг.), к-рым греческие приморские полисы, заискивая перед ними, платили дань. Наибольшее территориальное расширение – при Ситалке, кто выдал родную сестру замуж за знатного гражданина Абдеры – посредника в переговорах Ситалка и афинян.

С конца Vв. – распад на ряд удельных владений и междоусобица. Потом – недолговременный подъём при одрисе Котии (383 – 59гг.), новый кризис и падение Македонии Филиппа II (359 – 36гг.). Чуть позже фракийцы воевали против его сына Александра, к-рый в 335г. достиг Истра, нанеся поражение трибаллам и гетам. После смерти *Мужа великой души* (+ 323г.), когда диадохы растащили созданную им универсально-михаэлическую империю по регионально-континентальным (Передняя и Средняя Азия; Балканская Европа; Сирия, Финикия, Палестина; Египетская Африка) квартирам, Фракия досталась Лисимаху (+ 281г.).

Но не господство македонян, а кельтское нашествие IIIв. до н.э. страшно ослабило одрисов и, нарушив прежний региональный баланс, обусловило перегруппировку сил в пользу бессов, к-рых Геродот именуется родичами сатров, ревнителями

Дионис же Младший, в продолжение (ипостаси) Старшего, – полная противоположность современного материалистическо-интеллектуалистского «я», был рождён, повторим, Семелой от Зевса, или Зевсом от Семелы, к-рая, добавим, выпила любовное зелье, приготовленное именно из сердца растерзанного Диониса!

Между тем, лира Аполлона (воспроизведение человеческого мозга и его нервных окончаний), бога муз и особенно музыкальных инструментов, посеявшего зёрна гармонизированной музыкой логического мышления ещё в III-ю Египетско-Халдейскую культуру Души ощущающей, под знаком Тельца, действовала дальше через (его мистического сына) Орфея. Если Дионис (*Виноградная Лоза*) – (вложенное в человека) интимнейшее Я Христа-Спасителя, стоит посередине 12-и Олимпийских богов (как дата Рождества Христова – абсолютная середина вселенской метаистории – евхаристическое *вино жизни* выдержки 1/1-14-30-33гг.), то 9 Муз (предваряющих 9 Небесных иерархий Дионисия Ареопагита) окружают Аполлона (предварителя *евхаристического хлеба жизни*), преобразившего *внешнее* солнце Гелиоса во *внутреннее* солнце Сердца и предваряющего собой великого христианского михаэлита Св.Георгия Победоносца!

Не изошли ли небесные музыка, поэзия и пение, вернее, цветомузыка и цветопение просветителя-просветителя душ Орфея из сиятельно-световых регионов, из соляно-меркуриального царства Света! Не есть ли Орфеева лира – астрологический знак созвездия Льва – дома Солнца-Сердца: 7 струн лиры – гармония Семи Планет, к-рая откликается в душах! Не Орфей ли открыл тайные обряды Диониса, установив-учредив их на горе, названной от его кифары Кифероном! Не Орфей ли отправился (путь инициации) за своей умершей от укуса змеи женой (за квинтэссенцией своей души!) Эвридикой в ад, где укротил музыкой Цербера, Эриний, покорил Персефону и самого Аида, но по пути из ада (не выдержав испытания сроком-временем) обернулся (как жена Лота) и (хотя сам не превратился в соляной столп) потерял Эвридику навсегда (трагедия потери невинной части человеческой души), соединившись с ней лишь после смерти! Или он посмертно был перенесён-вознесён-помещён на Небо, превращённый в (увенчавшее в пролептическое воскресенье 8.01.30г. в зените над Иерусалимом Иорданское Крещение Иисуса 6.01.) крестообразное созвездие Лебедя (рыцарская суть и эмблема сына Парсифаля – Лоэнгрин! рыцари Св. Грааля – «рыцари Белого Лебедя»), вытянутое вдоль Млечного Пути, неподалёку от Лиры!

культы и священством Диониса в центральном святилище на р. Гебр. Причём в локализации бесского очага Страбон и Плиний расходятся. У Страбона (7,318) – это верхняя Марица между Балканами и Родопи; у Плиния (6,40) – междуречье Стримона и Неста. Одрисы же изначально обитали по обоим берегам Тунджи и до Понта Эвксинского, а на северо-востоке – до окрестностей Аполлонии.

В конце проигрышного царствования потеснённого римлянами Филиппа V Македонского (221 – 179гг.) бессы-бистоны уже доминировали во Фракии и много более агрессивные-неуживчивые, чем одрисы, доставляли массу хлопот македонянам, при том, что Фракию раздирали межплеменные противоречия, в к-рых начали играть заметную роль и племена поменьше: дентелеты, паионы, авториаты, асты, при каждом удобном случае, грабившие и резавшие друг дружку.

Впрочем, с появлением в регионе римлян, с подчинением ими Македонии (148г.) и пергамской Азии (133г), ближне- и дальнеперспективная участь политически важной – приморской, придунайской и континентальной – Фракии была предreshена. Хотя процесс втягивания страны-региона, где первенство продолжали горячо оспаривать ведущие племенные союзы одриссов и бессов (к-рых римляне попеременно использовали на пользу себе, нередко одних против других), в орбиту Римской империи, её вассализации и, в конце концов, аннексии, растянулся, эволюционируя этап за этапом, до почти середины IV в. н.э.

Так, в 148г. до н.э. предводитель астов Бица выдал римлянам Лже-Антигоноида Андрииска, поначалу фракийцами обласканного и с энтузиазмом поддержанного. В 129г. римляне территориально расширили провинциальную Македонию за счёт эллинизированного берега до галлипольского Херсонеса. Позже римские фессалоникские легаты много раз отражали нападения, терпели ущерб, карательно наказывали приграничную, а иногда, при возможности, и глубинную Фракию. Во II/I вв. часто вторгавшихся в римские владения фракийцев воевали Т.Дидий, М.Ливий Друз, Манлий Вулсо, Терренций Варрон Лукулл, Скрибоний Курион, победитель бессов (отец Августа) Г.Октавий, Пизон Цезоний, Лициний Красс, М.Лоллий, П.С.Квириний, (сын Пизона Цезония) Л.Кальпурний Пизон Фруги (префект Рима в 12 – 32гг.).

Временные успехи Митридата Понтийского усилили внутрифракийский хаос и подхлестнули стихийное сопротивление Риму. Ратный сулланский перелом у Хероней (86г.) и Охромены (85г.) внёс качественные изменения в ситуацию, наглядно выявил друзей и недругов римлян. Стойкий прозападный курс вождя восточных одрисов Садала, их воинское содействие римлянам, обусловили магистральный розыгрыш Римом одрисской карты.

В 72г. Т.В.Лукулл чувствительно раздолбал у подножия Балкан, однако не угомонил бессов; в 60г. против них успешно сражался Г.Октавий; в 57/56гг. – Пизон Цезоний, к-рый захватил и выдал за мзду на расправу сыну Садала Котию бесского вождя Рабукента.

В мятежные 40-е гг. IV в. до н.э. на первенство среди одрисов сделала заявку западная (ближняя к Македонии) ветвь сапаев. Рим откликнулся положительно. Сперва помпеянцы, потом цезарианцы узаконили во властительских правах сына некоего сапайского Котия – Раскупория – поначалу пособника Помпея и Брута, затем – сторонника триумвиров. Амнистию ему выхлопотал веправший в упряжке цезарианцев брат Раск. Триумвират признал за амнистированным царский титул. Раскупорий умер, вероятно, ненасильственно, в 30-е гг. и его династически сменил одноимённый деду Котий, к-рый тронно пережил дуэль Октавиан – Антоний.

Тем временем, в 29/28гг. македонский проконсул Лициний Красс разбил задунайских вторженцев бастарнов и передал отобранное у бессов святилище Диониса римлянолюбивым одрисам. Успехами Красса воспользовался развивший их Август,

тогда как римская ставка на одрисских династов продолжалась до самой провинциализации Фракии.

Судьба Котия неизвестна, но в пору македонского наместничества М.Лоллия (19/18гг.) его уже не было в живых, поскольку Дион, говоря под событиями 16г. до н.э. об изгнании из союзной Риму одрисской Фракии задунайских сарматов, пишет, что «до того, во Фракии, Лоллий, придя на помощь Роиметалку, дяде и опекуну сыновей Котия, одолел бессов» (54,20). Т.е. в 19/18гг. Роиметалк — родственник (брат?) покойного (с каких пор и при каких обстоятельствах?) Котия, регентствовал при его малолетних детях. Этот регент, должно быть, идентичен фракийцу Роиметалку — перебежчику к Октавиану от Антония в дни сухопутного противостояния 31г. до Акцийской битвы, к-рый, командуя антонианскими одрисами, вовремя поменял лагерь и бесппроблемно подружил Октавиана со своим царственным родичем Котием.

И дальше верные кесарю Августу сенатские проконсулы Македонии продолжали политику собирания фракийских земель под нужным Риму сапайско-одрисским скипетром. В 24/23гг. враждебность к одрисам проконсула М.Прима (в связи с чем и погиб Котий?) вызвала острое недовольство кесаря. В 18/17гг. бессов, предположительно, воевал во Фракии, сменив в македонском проконсульстве Лоллия, Квириний (Р.л. 491/92), к-рый не мог не померяться силами с бессами-бистонами и не мог не посетить Дионисову кумирню в долине Марицы! В 12 — 10гг. строптивых фракийцев воительню громил приведший сюда легионы из Памфилии Кальпурний Пизон Фруги (Р.л. 525/26).

С учреждением Августом во 2г. н.э. зоны чрезвычайного режима и особого военного дистрикта в милитаризованной Мезии (охватывала в основном современную Сербию, северную Болгарию и румынскую Добруджу), к-рая через 10 лет была — 11/12гг. — превращена в регулярную кесарскую провинцию, под управлением консулярского легата Поппея Сабина (получившего в 15г., при Тиберии, в подчинение также Македонию и Ахайю, возвращённые Клавдием сенату в 44г.), вассальная Фракия, одрисский династ к-рой Роиметалк (II) и его мл. брат Раскупорий воевали за римлян в дни Иллирийской войны 6 — 9гг. и одновременного вторжения в пределы Римской империи задунайцев (Р.л. 1172; 1203), оказалась провинциально блокированной. С севера и с северо-запада — Мезией; с юга и юго-запада — Македонией; с востока и юго-востока — мраморноморскими и черноморскими подримскими полисами. Теперь её аннексия сделалась поставленным в план вопросом времени (Р.л. 1118-24; Д.И. 549/50).

Роиметалк умер в 12г. н.э., после чего Август разделил Фракию между его сыном Котием и братом Раскупорием. В свою очередь, отвоевавший у гетов захваченную ими дунайскую крепость Эгисс Котий, к-рого, друга муз и отважного воителя, славит ссыльный фракийский Овидий (Д.И. 38), был с ок. 12г. женат на дочери Полемона Понтийского и Пифодориды — Антонии Трифене. От неё он имел сыновей — Роиметалка, Полемона и Котия, ставших, при Калигуле, в 37/38гг., царями, соответственно, Фракии, Понта и Малой Армении.

Самого Котия Старшего в 18г. вероломно убил его дядя Раскупорий, в ответ на это заманенный римлянами в ловушку, представший в Риме перед судом и сосланный в Александрию (Д.И. 157-60), в то время как опекуном над малолетними детьми погибшего фракийского династа сначала был поставлен специальный римский легат-регент Требеллен Руф. А в перспективе — в 30-е гг. IV н.э., при Тиберии, два Роиметалка, сын Котия и неповинный в интриганстве родителя сын Раскупория, правили разделённой на две части Фракией, к-рую римляне воительно замиряли в 21 и 26гг., до 37г., когда Роиметалк Раскупориевич умер, по итогам чего Калигула вверил всю Фракию (37 или 38гг.) своему сверстнику и однокашнику Роиметалку Котиевичу.

И вот в 45г. н.э. этот оставленный Клавдием на троне калигулианский протееже Роиметалк (III) был, при невыясненных обстоятельствах, устранён (отравлен?) своей ближе неизвестной супругой, что обернулось волнениями в стране, в т.ч., противоримскими, к-рые Рим погасил, чтобы в ближайшем 46г. вполне созревшую для этого Фракию форменно провинциализировать. И ликвидировать таким макаром последний крупный вассалитет в регионе между образовавшими над Фракией своеобразную волчью пасть (см. карту), к-рая ныне закономерно смыкалась-захлопывалась, провинциальными Македонией и Мезией (Д.И. 1010-20).⁴

Дата аннексии имеется, отсутствуя, как и сам факт, у Иеронима (153), в армянской версии «Хроники» Евсевия (Arm. Karst 215): 6-й год правления Клавдия (январь 46 / январь 47гг.), под к-рым сказано, что Фракия, бывшая до того царством, с сих пор сделалась провинцией.

Неясно, как именно действовал во Фракии, прокураторской с 46г. (см. ниже) провинции (центр – Перинф), наводя в 45г. там порядок, легат соседней милитаризованной (при 2-х, или 3-х легионах) Мезии (преемник с 45г. Меммия Регула, кто до 44г. управлял Мезией, Македонией и Ахайей) А.Дидий Галл⁵, но, при всех случаях, фракийские, включая ратные коллизии, события предоставили Клавдию возможность принять одну из вышепредставленных нами императорских аккламаций 45г. н.э.

ВАРДАН – ГОТАРЗ

(и граф Сен-Жермен Античной эпохи – Аполлоний Тианский)

Теперь надо прояснить ситуацию на Востоке, в соседнем с Римской мировой державой Парфянском Иране, к-рый не раз упоминался нами выше, в основном в связи с буферной между Римом и Ираном Арменией (вновь превращённой с 41/42гг., при Клавдии, в проримский вассалитет-протекторат под властью Митридата Иверского), и с историей к-рого, т.е. Ирана, в первой половине 40-х гг. Ив. н.э. нам сейчас необходимо разобраться подробнее.

Итак, в Иране, по всей вероятности, в начале 40г. Артабан III (11/12 – 40гг.), кто, основатель династии Младших Аршакидов, завершил на мажорной ноте как своё долгое неперманентное противостояние Риму, так и собиранье земель Арианы, худо-бедно открыв ренессансный этап в истории Парфянского Ирана (отсюда – незапамятованный традицией собирательный Ардеван Великий), после 28-летнего царствования, умер (более того, умер естественной смертью, что с парфянскими царями царей случалось не столь часто).

Сведения по дальнейшей иранской истории, из-за отсутствия в нашем распоряжении аутентичных источников «немой» Парфии, плюс – вакуумных за 37 – 47гг. «Анналов» Тацита, плюс – молчание (по постартабановскому Ирану) анналиста Диона, скудны, обрывочны, разноречивы, разрознены, отчего эта история реконструируется посредством комбинирования (трёх) античных источников, с привлечением нумизматики, эпиграфики и целым рядом подвопросных эвентуальностей.

Дело в том, что, если согласно Иосифу Флавия (И.д. 20,3,4) и автору (ареталогического) «Жизнеописания Аполлония Тианского» (1,21-40; 2,1,17,40; 3,58) Флавию Филострату (ок. 170 – 247гг.)⁶, Артабану наследовал его сын (один из сыновей)

⁴ Внимание! В «Д.И.» на с.1018 Роиметалк (III) ошибочно назван Котием.

⁵ В «Д.И.» на с.1017 окончание наместничества Меммия Регула в Мезии ошибочно (опечатка) отнесено на 47г.

⁶ Это «Жизнеописание» было составлено Флавием Филостратом по поручению Юлии Домны (+ 217г.) – супруги Септимия Севера, матери Каракаллы и Геты, завершённое, пред-

Вардан, то согласно суммарному Тациту (Ан. 11,8-10), ретроспектирующему данные события (широкой оглядкой) из 47г., не столько получается, сколько может, при большом желании, умозаключительно получиться-показаться, будто Артабану сначала наследовал Готарз, будучи затем изгнан призванным против него парфянскими баронами Варданом.⁷

положительно, в 20-е гг. Шв., при Александре Севере (222-35гг.), к-рый выставил в своём ларарии статую Аполлония Тианского (ок.3г. до н.э. – 97г. н.э.) рядом со статуями Христа, Авраама и Орфея. Об Аполлонии, жизнь к-рого со временем обросла всевозможными легендами, говорили даже, что он – превзошедший Пифагора живой бог, к-рый в облике человека побывал среди людей на Земле. То-то его так не жалуют церковно-христианские авторы-авторитеты – Иустин, Ориген, Лактанций, Евсевий, Иероним, Августин, неправомерно и несправедливо видя в нём (в ком некоторые язычники видели большего, чем Христос, создателя) антиподного-конкурентного Христу колдуна и чародея (от дьявола), творившего, мол, свои чародейские-колдовские-магические чудеса силою Веельзевуловой. Однако, это суть поклёп-клевета на посвящённейшего таинственника, истинного философа и истинного чудесника Аполлония, кто, пусть языческий-нехристианский мудрец, персонально преодолевший в себе и в своих деяниях всякое язычество, своеобразно замыкает перечень великих дохристианских посвящённых, являясь, удивительным образом, современником Христа со Апостолами в век Таинства Голгофы и в век Апостольской, но не являясь, никоим образом, ни Христовым противоборозом-антиподом, ни врагом христианства.

Впрочем, прислушавшись к словам об Аполлонии Тианском Р.Штайнера, мы узнаём о сходстве метаисторий, посвящённых его, выдающегося *аденна*, чудесному рождению, чудодеяниям на Земле, его успению и его явлениям после смерти, с метаисторией евангельского Иисуса Христа. Единоревременно, при всём этом, существенная различие между Аполлонием Тианским и Христом Иисусом в том, что жизнь Аполлония была жизнью и делом его индивидуальности, «прошедшей через множество инкарнаций, достигшей высоких сил и в инкарнации в начале нашего летоисчисления стоящей в некотором отношении в их апогее» («От Иисуса ко Христу», л.3 от 7.10.1911г.). А жизнь Христа Иисуса определяется (передаём штайнеровскую мысль своими словами) той Космической Индивидуальностью (Дух Солнца), К-рая овладела (усыновленцем Отца) Иисусом из Назарета (Сыном Божиим), тремя Его (Сына Человеческого) телесными оболочками (покинутыми перед тем Заратустрой), при Крещении в Иордане, и (божественно-сиятельно-солярно) жила-обитала в Нём на протяжении 3-х лет (и 3-х месяцев). Т.е., в отличие от достигнутого апогея посредством земных инкарнаций Аполлония, это было Деяние-Свершение не Земли, не земного, а Вышнего – сверхчувственного – Мира.

В следующей лекции цикла «От Иисуса ко Христу» Штайнер вновь возвращается к Аполлонии, категорически не соглашаясь с инвективами раздражающихся бранью по его адресу церковных авторов (к-рые, к слову, сходно чехвостят-чернят Апостола Иисуса Христа – Мани): «Вчера мы обсуждали, каким образом на почве христианства надо говорить, например, об Аполлонии Тианском, мы вызвали перед собой величие и значение Аполлония Тианского и даже назвали его адептом. Если же мы перелистаем первоначальную христианскую литературу, то, напротив, мы повсюду встретим направленные против Аполлония Тианского обвинения в том, что всё, что он сделал, что он совершил, совершено им лишь под влиянием дьявола. Здесь перед нами уже не только недоразумение, но искажение личности и деяний Аполлония Тианского» (л.4 от 8.10.1911г.).

Р.С. Годы жизни Аполлония – оптимально 3г. до н.э. – 97г. н.э., т.к., с одной стороны, известно, что он умер в Эфесе при (открывающем *золотой век* Антонинов) кесаре Нерве, к-рый правил с сентября 96 по январь 98г., а со стороны др., на момент кончины Аполлонии было 100 лет, или, скорее, шёл 100-й год отроду. И здесь весьма уместно вспомнить, что в Эфесе имело место в 100г. н.э. успение (также прожившего почти 100 лет) в 99-летнем возрасте – Иоанна Богослова. И одна из именно его последующих Иоанновых инкарнаций – (выдающийся оккультист XVIIIв.) христианский посвящённый граф Сен-Жермен, ярким – не кармическим, но именно историко-метаисторическим предшественником-предварителем к-рого являлся выдающийся языческий посвящённый Аполлоний Тианский!

⁷ Родные сыновья Артабана: Аршак, Ород, Дарий, Артабан, Вардан, Мегабат (?). Старшие – Аршак и Ород, пали, сражаясь за Армению во время бурных событий 35/36гг. (см. выше). Дарий с 36/37гг. был (по договорённости между Артабаном и Тиберием) заложником в Риме, и, м.б., идентичен с появляющимся лишь у Филострата Мегабатом (1,31), если, конечно, он

На этой второй платформе стоит, например, Р.Ханслик, автор статьи «Vardanes» в RE (8A1, S.368-71), апеллирующий к Тациту и к монетам Готарза, к-рые датируются, начиная с 40/41гг. (352-й год эры Селевкидов: эпоха эры – осень 312г. до н.э.), тогда как, мол, от Вардана есть монеты не раньше, чем с 41/42гг. (353г. эры Селевкидов).

Но, во-первых, отсутствие в распоряжении науки монет Вардана за 40/41гг., само по себе, отнюдь не доказывает, что он не наследовал отцу Артабану в 40г., а во-вторых, придерживающийся иного мнения, нежели Ханслик, автор статьи «Gotarzes» в RE (7,2, S-1674-83) А.Stein приводит спорную (трудночитательную) монету Вардана от месяца горпайос (август) не 354-го, как полагают, но – вполне возможно – 351-го года эры Селевкидов (39/40гг.) = август 40г. н.э. (когда, т.е. в 40/41гг., тронные конкуренты Вардан и Готарз очень даже могли, в разных городах, параллельно чеканить каждый свою царскую монету).⁸

Далее, Тацит оглядывается из 47г. на события целого ряда лет (группируемые-сгруппированные им, в присущей ему, когда речь идёт о периферии, манере, под одним годом), отнюдь не утверждая, что, дескать, Артабана изначально сменил не Вардан, а Готарз, о чём речь наверняка шла в утраченной части «Анналов», поскольку под 47г. оба названных лица фигурируют как персонажи, читателю выше представленные и неплохо знакомые.

Сам же рассказ начинается с ретроспекции в отношении Армении, царь к-рой, Митридат Иверский, брошенный Калигулой в оковы, – «возвратился по повелению Клавдия в своё царство, рассчитывая на содействие Фарасмана. Этот последний, царь иберов и брат Митридата, сообщал ему, что между парфянами идёт распря и при ожесточённой борьбе за престол они пренебрегают менее важными делами. Надо сказать, что Готарз наряду со многими другими жестокостями, совершил убийство своего брата Артабана, его жены и его сына, и, трепеща перед ним, парфяне призвали Вардана. А тот, склонный к дерзким предприятиям, в два дня преодолевает 3 тыс. стадиев и прогоняет поражённого неожиданностью и страхом Готарза; не медлит он и с захватом ближайших префектур, и только жители Селевкии не пожелали признать его своим повелителем. Следуя более гневу против людей, изменивших ранее и его отцу, чем требованиям целесообразности при сложившихся обстоятельствах, он ввязался в осаду неприступного города, хорошо защищённого одновременно и рекою и стенами и располагавшего обильными запасами продовольствия. Между тем Готарз, получив помощь от дагов и гирканов, возобновляет военные действия, и Вардан, вынужденный отступить от Селевкии, переносит свой лагерь на поля Бактрии.

И так как силы Востока были расчленены и оставалось неясным, кто подчинит их своей власти, перед Митридатом открылась возможность занять Армению; римские воины овладевали мощными крепостями, а войско иберов рыскало по полям. И после того как был разбит решившийся на битву префект Демонакт, армяне не выдержали. Некоторое промедление вызвал царь Малой Армении Котис с несколько-

как-нибудь возвратился (что маловероятно) в 40-е гг. в Иран. Артабана Младшего, с его семьёй (жена и сын), убил Готарз (Ан. 11,8), согласно одной из версий, – приёмный сын Артабана Старшего – из гирканского дома Гевпурана (сам себя он называет в надписи на Бехистунской скале «сыном Гева»), усыновлённый царём царей за ценные услуги? оказанные домом Гевпурана Артабану в борьбе против ближе неизвестных внутренних мятежников или внешних вторженцев (с востока? с северо-востока?) в 20-е гг. Ив. н.э.

⁸ Вспомним монету с 26-м годом царствования набатейского царя Обода (30-5гг. до н.э.), к-рая помешала науке, *пожелавшей* поместить Ободову смерть, в русле-ключе ошибочной хронорекострукции, во время не позднее 9/8гг., как сегодня значится во всех источниках, и была напрочь забыта-элиминирована, несмотря на то, что в реальности Обод умер вовсе не в 9/8, но в 5гг. до н.э., – именно на 26-м году своего правления (Р.л. 559/60).

кими присоединившимися к нему сановниками, но затем и он был укрощён письмом Цезаря, после чего уже все армяне отдались под власть Митридата, выказавшего себя, однако, более жестоким, чем подобало бы только что взошедшему на престол царю. Между тем оба парфянских властителя, готовившиеся к решительному сражению, узнав о направленных против них кознях соотечественников, о чём сообщил брату Готарз, заключают союз; и встретившись, нерешительные вначале, они затем протянули друг другу руки и торжественно поклялись перед жертвенником богов отомстить врагам их коварство и прийти к соглашению; и так как Вардан оказался сильнее, он удержал Парфянское царство, а Готарз, дабы устранить возможность соперничества, удалился в Гирканию. По возвращении Вардана в Парфию, на седьмой год после своего отпадения, ему сдаётся Селевкия, так долго к стыду для парфян от них ускользавшая.

Затем Вардан посетил важнейшие префектуры: он был полон желания отвоевать Армению и предпринял бы такую попытку, если бы легат Сирии Вибий Марс не грозил ему войною. Между тем, раскаиваясь в уступке царства Вардану и призываемый знатью, для к-рой подчинение чужой власти особенно тяжело в мирное время, Готарз собирает войско. Противник вышел навстречу к р. Эринду; столкнувшись при переправе через неё с упорным сопротивлением и разгромив врагов, Вардан после ряда удачных сражений покорил народы, обитавшие между названной рекою и рекой Синдом, к-рая отделяет дагов от ариев. На этом закончились успехи парфян, ибо, несмотря на победы, они не желали вести войну вдалеке от родины. Итак, установив памятники и начертав на них надписи, возвещавшие о его могуществе и о том, что ни один Аршакид до него не облагал эти племена данью, Вардан возвращается в Парфию, оваянный громкою славой и по этой причине ещё более необузданный и несносный для своих подданных. Против него был составлен заговор, и во время охоты его убили, увлечённого ею и ни о чём не подозревавшего. Он был ещё совсем молод, но его чтили бы как немногих из старых годами царей, если бы он столько же думал о снискании любви своих соотечественников, сколько о внушении страха врагам. После убийства Вардана Парфию охватывает смута вследствие разногласий, кого призвать властителем этого царства. Многие склонялись к Готарзу, некоторые отдавали предпочтение Мегердату, потомку Фраата, отданному нам когда-то в заложники. В конце концов одержал верх Готарз; но завладев царскою властью, он жестокостью и произволом вынудил парфян тайно обратиться к римскому принцепсу с просьбой разрешить Мегердату принять отцовский престол» (Ан. 11,8-10).

Засим, ставший, о чём мы знаем, по подстрекательству Тиберия (в пику Артабану, к-рый послал в Армению, по смерти Зенона-Арташеса – 34г., своего старшего сына Аршака – 35г.) царём Армении в 35/36гг. Митридат Иверский, вызванный в Рим и заточённый там при Калигуле в 37г., был освобождён Клавдием и снова снаряжён в Армению в 41г., где он (сопровожаемый римским контингентом) рассчитывал на поддержку (из Иверии) своего брата Фарасмана, к-рый и сообщил ему, что между парфянами идёт жестокая распря.

Разве отсюда выводится, что умершему в 40г. Артабану (к-рый не умер, вопреки распространённому мнению в 38г., и монеты преемников к-рого начинаются с 40/41гг.) наследовал не Вардан, а Готарз? Никак нет, но из сказанного следует, что в 41/42гг., когда и пока Митридат Иверский проримски утверждался и утвердился в Армении (причём Клавдий даже одёрнул письмом, следует думать, заимевшего свои виды на часть Великой Армении царя Малой Армении Котия⁹), между Варданом и

⁹ Как сын дочери Полемона (+ 8г. до н.э.) и Пифодориды (+ 36г. н.э.) Понтийских, Антонию Трифены, этот Котий Мало-Армянский (сын Котия Фракийского; назначенец в

Готарзом в Иране польхала весьма облегчавшая задачу Рима вернуть всю Великую Армению (в качестве буферного проримского вассалитета) под римское державное крыло междоусобная распря.

У Флавия же вслед за сообщением о передаче Артабаном, к-рый получил, по соглашению с Калигулой (37г.), преференции-преимущества в Армении, одному из своих вассалов Изату Адиабенскому, кто поддержал Артабана в момент его внутренних трудностей, армянского Нисибиса (38/39гг.), чем парфянский царь отличил Изата (см. выше), имеется следующая информация: «Вскоре затем, однако, Артабан умер и оставил царство своему сыну, Вардану» (И.д. 20,3,4).

Сказано яснее ясного, не так ли? в то время как у Тацита об оставлении Артабаном царства Готарзу нет ни слова. И пусть Флавия не интересуют подробности долгого-неодноразового конфликта между Варданом и Готарзом, к-рый сведён флавиевской скорговоркой к умерщвлению парфянскими заговорщиками Вардана якобы за его намерение начать войну с римлянами, чем поэтапные события 5/6-летнего интервала неуклюже и неверно смыкаются в одно псевдоцелое, тем не менее, Флавием констатируется первонаследование Артабану именно Вардана, что также косвенно подтверждает Флавий Филострат в «Жизнеописании Аполлония». В то же время никакие подтверждений искусственно конструируемой-предполагаемой частью ново-новейших авторов первоинтронизации Готарза в античных источниках нет.

По Филострату, Аполлоний и его спутник (равно автор использованных Филостратом записок о нём) Дамид, прибывают, держа путь в «страну чар» Индию для того, чтобы приобщиться к тамошним (брахманско-браминским) премудростям-тайнам, в подвластную парфянам (страну халдейских магов) Вавилонию. У Филострата читаем: «Оставив позади Ктесифон, Аполлоний (неоооифагореец, строгий вегетарианец, чудотворец, исцелитель, не стригший волос и бороды аскет, экзорцист, звездочёт, воскреситель мёртвых – К.3.) подошёл к границе Вавилонии» (1,21). Притом подошёл, надо полагать, не ранее и не позднее (осени) 42г. н.э., и ниже со всей очевидностью хроновыяснится – почему.

Кстати, обращает на себя внимание непосещение Аполлонием и его спутником Селевкии-на-Тигре (к-рая, как мы помним, располагалась на противоположном от Ктесифона правом берегу Тигра), что не удивляет, поскольку в 36г. Селевкия отпала от Артабана (Ан. 6,42) (см. выше), и только на 7-й год после своего отпадения сдалась (перед тем – 42г. – победоносному над Готарзом) Вардану в 43г. (Д.И. 806). Т.е. на осень 42г. город (ещё) был в осаде (сохранились монеты независимой Селевкии за 39 – 42гг.) и посещение его (путешественниками извне) не было возможным (или было крайне затруднительным).

Дальше – больше. На границе Вавилонии Аполлоний говорит наместнику области, – сановному евнуху («царёво око»), о Вардане: «Я Аполлоний из Тианы, а путь держу к индийскому царю, любопытствуя о тамошних делах. Впрочем, и с твоим царём я желал бы познакомиться – знающие люди говорят, что человек он неплохой, ежели только это тот самый Вардан, к-рый некогда лишился власти, а ныне воротил её себе» (1,21).

Потом, уже в Вавилоне (или в Вавилонии, сведённой к достославному в прошлом Вавилону¹⁰, но не в Ктесифоне, ибо лежащая супротив Ктесифона Селевкия

М.Армению Калигулы; брат Роиметалка III Фракийского и Полемона II Понтийского) был племянником приходившегося Антонии Трифене родным братом – Зенона-Артасеса – царя Великой Армении в 18-34гг. (см. выше).

¹⁰ В означенное время, к середине IV в. н.э., Вавилон ещё не лежал в руинах (как во II/III вв.), но был скромным (в сравнении с былыми временами) поселением и продолжал оставаться сакральным (в т.ч., легитимистским-легитимационным) центром (где, по традиции, короновались Аршакиды).

всё ещё осаждена), перед встречей-аудиенцией (в царской резиденции) с Варданом, Аполлоний спрашивает: «А сколько лет миновало с тех пор, как он восстановил свою державу?», и получает ответ: «Уже два месяца, как пошёл третий год». Т.е. на осень 42г. *с тех пор* прошло 2 года и 2 месяца (идёт 3-й месяц).

Разумеется, Флавий Филострат — и фабулянт, и прославленный-восславитель своего героя-кумира Аполлония (жизнеописание к-рого он составлял, когда в 216г. н.э. в Вавилонии родился Парфянид Мани!), за что его посвящённый таиннику Аполлонию (этому *графу Сен-Жермену древности!*) античный роман даже, не во всём безосновательно, сравнивают с «Путешествием Гулливера».

Кроме того, в романе также имеет место идеализация Вардана как собирательного образа позитивного-положительного парфянского царя из династии Аршакидов, к-рого и к-рую Филострат идеализирует в 20-е гг. Шв. н.э., когда место (продолжающих царствовать в Армении) Аршакидов в Иране заступают или уже заступили уничтожившие их хищные персидские Сасаниды (из области Фарс/Парс). Ардашир Папакан из семени Сасана (жреца культа богини Анаит в Стахре, возле Персеполя) одолел в 224г. павшего в сражении последнего тронного Аршакида Артабана V и казнил в 229г. его пленённого сына Артавазда (чем был дан *зелёный свет* Сасанидскому Ирану = Персида = мёртвый противобраз Ирана Ахеменидского, с поклонением Люциферу-Ормузду в эпоху Христа-Солнце!).¹¹

¹¹ И сходно тому, как персидские Сасаниды зывали именно к персидским Ахеменидам, обывив себя наследниками-продолжателями истинного Ирана (Ариана), в пику отброшенным ими парфянкам Аршакидам и парфянкам (дескать, — полуиранскому) периоду великоиранской истории, так в пору мусульманских Аббасидов (с 750г. н.э.), когда произошла гибридизация победившей исламской религии и побеждённой, но возобладавшей над куда менее культурным арабизмом древней иранской культуры, последовало, с иранизацией Халифата, с перенесением столицы (763г.) из сирийского Дамаска в месопотамский Багдад (близ Ктесифона) и т.д., обращение, через головы свергнутых Аббасидами арабских Омейядов (661-750гг.), к персидско-сасанидской традиции (ренессанс и возвратная архаика!).

И именно тогда ослепительно взошла на полвека звезда знатного персидского дома-рода Бармаки. Бармак — личное имя? или, скорее, сан? наследственных верховных жрецов буддийского? или зороастрийского? храма Новбахар, около Балха. Бывшие, по (позднейшему?) преданию, великими везирями (вузург; ферзан) ещё при Сасанидах Бармакиды вновь поднялись при Омейядах, в VII/VIII вв., и достигли, в лице Халида ибн Бармак и особенно его сына Яхья ибн Халид (плюс 4 отпрыска Яхьи — Фадла, Джафара, Муса, Мухаммед), своего пика при Аббасидах. После вступления на престол Харун аль-Рашид (786-809гг.), Яхья, к-рого поддержанный им халиф называл «отцом», был назначен везирем, наделённым неограниченными полномочиями, и в течение 17-и лет правил державой, опираясь на сыновей.

А падение Бармакидов, вроде бы внезапное, однако, по всему, заранее спланированное и тщательно подготовленное, произошло в 803г., когда отрубленная голова Джафара была поднесена халифу на блюде (анти-Грааль), выставленная затем на «среднем мосту» Багдада (две половины туловища — на двух других мостах), тогда как сам Яхья и три остальных его сына, враз лишившись всех конфискованных богатств и владений, оказались в тюрьме, откуда больше не вышли. Причём в качестве обвинений могущественному семейству Бармакидов, к-рое Харун аль-Рашид (чей блистательный багдадский двор не уступал версальскому двору Людовика XIV почти тысячу лет спустя) элиминировал очень похоже на ликвидацию пять столетий спустя Филиппом Красивым ордена Тамплиеров, инкриминировались гос. измена, подготовка переворота и преступной реставрации зороастризма.

Впрочем, это не остановило дальнейшую иранскую реакцию ни в халифатском гос-ве Аббасидов, ни позднее. Не случайно в перспективе в таких выдающихся иранских классиках, как Фирдоуси, Омар Хайям, Низами и др., ирано-персидский ойкуменизм-национализм боролся с правоверным мусульманским исламизмом (без араба, перса и т.д.). Не случайно Иран — имеющий обыкновение восставать из праха Феникс-Симург — парировал все экспансионистско-ассимиляторские поползновения арабов и тюрок защитной бронёй как иранизма, так и шиизма (иранизированный ислам). И продолжалось всё это, начиная с Бармакидов,

Иначе говоря, Парфия, с её ок. 500-летней историей-местаисторией по обе стороны от Рождества Христова, драматически-трагически уходит в прошлое (оставляя от или после себя Аршакидскую Армению¹² и Апостола Иисуса Христа – светоносца Мани). При всём том, удивительно задействие в контексте у Филострата не долгоцарственного (основателя династии Младших Аршакидов) Артабана, а достаточно краткоцарственного Вардана¹³, что, вместе с тем, с др. стороны, подтверждает историчность интересующей нас филостратовской информации по Вардану. Плюс к тому, эта информация аж дважды хронологически настолько интервально точна, что не может быть голословной выдумкой, в свете чего ею, ни в коем случае, нельзя пренебрегать.

* * *

Таким образом, Артабану наследовал в начале 40г. (351-й = 39/40гг. н.э. – год парфяно-аршакидской эры Селевкидов) Вардан, к-рый вскоре лишился власти и снова воротил её себе. Приложим-уложим сюда (ретроспективный) рассказ Тацита из Ан.11,8 и выйдем, что Вардан почти тотчас потерял власть в пользу изгнанного его Артабанова усыновленца? (или, всё-таки, сына от др. жены – из дома Гевпурана?) – Готарза. Готарз же, захватив власть, убил одного из (младших?) Вардановых братьев (потенциального тронного конкурента) – Артабана, с его женой и сыном, в то время как сам беглый Вардан укрылся в Мидии-Атропатене, где (с 12г.) царствовал мл брат Артабана III – Вонон.¹⁴ То-то Ф.Филострат (отголосочно) кличет Вардана «Мидянином, лишь недавно пришедшим к власти».

В результате этих жестокостей Готарза, парфянская знать, разочаровавшись в нём и, сообразно Тациту, трепеща перед ним, призвала назад легитимного перво-наследника и законного царя Вардана, к-рый, «склонный к дерзким предприятиям» молодой человек в возрасте не старше 22-25-и лет,¹⁵ в два дня (экстремально)

через Тахиридов, Саффаринов, Саманидов..., до (минуя Сельджукидов, Чингизидов, Тимуридов, туркоманов) Сефевидов, Афшаридов, Каджаров, Пехлеви. Причём и тюрки по происхождению – Сефевиды (?), Афшариды, Каджары, правя Ираном, делались (иранизация Турана! – один из уникалов Ирана!) державными иранцами поправовернее самих иранцев! Да и сегодня в Исламской республике Иран иранцам ближе и дороже память о державном (пусть языческо-зороастрийском) персидско-сасанидском, нежели об (исламском) омейядско-арабском (уж не говоря о сельджуках, монголах, или Тимуре) славном былом!

¹² То-то *Вардан* – имя всего одного-единственного краткосрочного парфянского венценосца, к-рое в Иране напрочь забыто, одно из самых освящённых, после павшего в сражении (451г.) за *свободу совести* Вардана Мамиконяна (армяно-христианский Иуда Маккавей), армянских имён.

¹³ И, к слову, царствовавший в 12-40гг. Артабан больше подходит по биографическому времени, поскольку в 40-е гг., в пору царствования Вардана, Аполлоний – зрелый муж старше сорока лет, между тем как, согласно (противоречивому романисту) Филострату, он отправился в Индию (по исполнению взятого им на себя 5-летнего обета молчания) в молодом задвадцатилетнем возрасте (Д.И. 910).

¹⁴ С 5/6гг. н.э. Артабан – Аршакид только по линии матери (из дахов/дагов по отцу), царствовал в Мидии-Атропатене (Д.И. 46/47; 836), оставив её в 11/12гг. своему мл. брату Вонону и заняв престол царя царей, с к-рого парфяне изгнали другого (из Старших Аршакидов) Вонона (8-12гг.) – сына Фраата IV (37-2гг. до н.э.), римского (в числе прочих Фраатовых сыновей и внуков) заложника с 7г. до н.э., побывавшего с 12 по 16гг. н.э. царём Армении, откуда он бежал, изгнанный армянами, в Сирию, и погиб, при попытке вернуться в Иран, сбежав из римской Киликии (куда его переместил-удалил-интернировал из ближайшей к Парфянскому Междуречью Сирии, по просьбе Артабана, Германик), в 19г. (Р.л. 586-89; Д.И. 160-63).

¹⁵ Ниже у Тацита он, на момент своей гибели в 45/46гг., назван «совсем молодым» (11,10).

преодолеет во главе конной (коронной) парфянской рати 3 тыс. стадий (ок. 500 км!), и прогнал «поражённого неожиданностью и страхом Готарза». Так Готарз бежал, вероятно, в отчужденную прикаспийскую Гирканию-Гевпурацию, а победоносный Вардан захватил «ближайшие префектуры», за исключением отпавшей, повторим, ещё в 36г. (от Артабана) Селевкии.

Стало быть, резонные вопросы: о каком времени в данном рассказе Тацита ведётся речь? и когда стартуют 2 года и 2 месяца в первый раз восстановившего свою державу Вардана (к-рый, стремительно явившись из атропатенской Мидии, прогнал Готарза) у власти? Речь идёт о первом противостоянии между Варданом и Готарзом в 40г., после бегства Вардана весной в Мидию (к дяде Вонону) и его (призванного парфянами) победоносного возвращения летом. Отсюда, т.е. с лета 40г., 2 года и 2 месяца до прихода Аполлония Тианского не позднее сентября/октября 42г. в Вавилон (к царю царей Вардану), когда, скажем снова, прошло 2 года и 2 месяца с тех пор, как (не единожды за все годы своего, в общей сложности, 5/6-летнего царствования дуэлировавший с Готарзом) Вардан (в первый раз) восстановил свою державу.

Тем временем, Готарз, согласно скороговорке Тацита, опершись на помощь дагов и гирканов, возобновил военные действия, и Вардан, вынужденный отступить от Селевкии, к-рую он в первый раз летом 40г. осадил и осаждал, перенёс свой лагерь на поля Бактрии. Т.е., – теснимый Готарзом, отступательно ушёл в Среднюю Азию, на северо-восток Ирана, что произошло-происходило уже в 41г., как раз, когда снаряжённый Клавдием для нового проримского воцарения в Армении Митридат Иверский, пользуясь внутрипарфянской распрей-смутой, овладевал, при помощи римского контингента, и овладел Арменией (пока Готарз и Вардан выясняли отношения между собой на внушительной дистанции от снова потерянной при Клавдии охваченным междоусобицей Ираном в пользу Рима Армении).

И лишь в 42г. два венценосных иранских визави, готовившиеся к решительному сражению, узнав о направленных против них обоих кознях соотечественников, о чём заблаговременно проинформированный Готарз сообщил Вардану, помирились-примирились, по итогам чего Готарз удовлетворила Гирканию, куда он и удалился, а Вардан зацарствовал над Парфией в Вавилонии (= месопотамское Междуречье), где обосновался, надо полагать, летом 42г. (отсюда его летние монеты 42г. = 353-й год эры Селевкидов = 41/42г.), и куда осенью пришли к нему Аполлоний Тианский и его спутник Дамид.¹⁶

То, что это случилось не позднее 42г. подтверждается нижеследующим сообщением Тацита о сдаче Селевкии Вардану, к-рая, скажем снова, имела место на 7-й, соответственно Тациту, год со времени её отпадения (от Артабана) во второй половине 36г., на сей раз, в первой половине (по всему, весной) 43г. н.э. Более того, в Ан.10,11 сказано о намерении Вардана отвоевать Армению (где с 41/42г. царствует ставленник Рима Митридат Иверский, при поддержке расположившегося в крепости Гарни римского гарнизона), т.е. восстановить выгодный для Ирана прикалигулианский статус Армении. Но этому воспрепятствовал, угрожая Вардану сирийскими легионами с римской стороны Евфрата, римский легат Сирии Вибий Марс

¹⁶ Обратим в данной связи внимание на вышеприведённые слова Аполлония о «том самом Вардане, к-рый некогда лишился власти, а ныне воротил её себе» (1,28). Они произносятся осенью 42г., накладочно разумея как потерю Варданом власти в первый раз в 40-м, так и его изгнание – вторая потеря власти – Готарзом до полей Бактрии в 41г., равно Варданово возвращение к власти как летом 40-го, так и летом 42г., после чего, осенью, Аполлоний у Филострата, сводя два в одно (dua к mono, хотя Вардан и Готарз ратно противоборствовали друг другу, точнее, враг врагу, итого трижды: в 40, в 41/42 и в 44г.), что для не вникающего в эти нюансы-тонкости Филострата не суть важно, и говорит об этом.

(42 – 45гг.), что, как мы знаем, происходило в 43г. н.э. (см. выше), почему данный синхронистический хронорасклад не оставляет и не предполагает какого-либо альтернативного хронорешения, мало того, идеально укладывается в реконструируемую нами хронологию.

И, продолжая хронореконструкцию, вновь берём в помощники Флавия Филострата, у к-рого Аполлоний говорит Дамиду (в Вавилоне): «знай, Дамид, мы будем оставаться у царя в продолжение года и восьми месяцев, ибо ранее ни он нас не отпустит, ни нам не к чему уходить» (1,22). И пусть этот срок выводится Аполлонием (согласно романисту Филострату) из необычной годичной беременности львицы, чудесно родившей аж восьмерых львят, всё равно (хроно)интервал продолжительностью в год и 8 месяцев слишком конкретный-точный, что не позволяет им пренебречь.

Вдобавок к тому, ниже у Филострата срок в 1 год и 8 месяцев дополнительно подтверждается по прошествии года и 4-х месяцев словами Аполлония к Дамиду о том, что сверхгостеприимный «царь всё равно не отпустит нас прежде восьмого месяца» (1,39).¹⁷ А в самом начале Второй книги читаем: «Итак, с наступлением лета путешественники выехали из Вавилона» (2,1). Следовательно, если отсчитывать год и 8 месяцев (8-й месяц) с осени 42г. н.э., то наступление лета – (оптимально) май, когда Аполлоний и Дамид, направляясь в Индию (через Армению и Кавказ? и Гиндукуш!?), выехали из Вавилона (= из Вавилонии = из Междуречья), мы оптимально получим весной 44г. н.э.

Вот когда, вернее, вскоре после чего, а именно летом 44г. противоборство между Варданом и Готарзом, к-рый раскаивался в уступке царства Вардану и призывался частью парфянской знати, возобновилось (о чём Тацит в верной ретроспективной последовательности сообщает по сообщению о блокировании В.Марсом посягательств Вардана на Армению в 43-м, или в 43/44гг.). Вследствие этого Вардан выиграл несколько сражений на северо-востоке Ирана – р. Эринду (Птолемей 6,2,2; Аммиан Марцеллин 23,6,40), между р. Эринду и Синдом, и преследовал противника до Бактрии (р. Синд: западная Бактрия – граница дагов и ариев), установил там памятники, начертал на них надписи, возвещавшие о его могуществе, и возвратился домой с победой.

¹⁷ Интересно, что обратившийся к Аполлонию, при встрече, по-гречески царь Вардан (1,29), к-рый собирался приносить в жертву Солнцу чистопородного белого нисейского (Ниса – первая столица Аршакидов, у нынешнего Ашхабада, где, в Нисейской долине, со дней Ахеменидов, располагались царские конные заводы) жеребца (митраистское жертвоприношение, м.б., в осенний праздник «Митракана»?) (1,31), выказывал всяческое почтение своему гостю, и, в частности, сказал, «что счастлив приходу Аполлония больше, чем если бы присоединил к своим владениям Индию и Персию» (1,33). Т.е. индо-парфянские гос-ва на (афганско-пакистанском) востоке (Гедрозия, Арахозия) и (подчинённый Артабаном III наиболее оппозиционный Аршакидам) Фарс/Парс (на берегу Персидского залива) находились в то время (отпад от Парфянского Ирана) не под властью Вардана. Притом последний (не чуждый, на парфяно-аршакидский манер, эллинизму, пусть даже его отец Артабан первым из Аршакидов сделал ставку на *авестийское* возрождение Ирана) был политеистом и призывал в свидетели Зевса (1,33), беседуя с Аполлонием (мудрость к-рого была от Пифагора), кто отвергал человекоубийство, кровавые жертвоприношения, мирские удовольствия, не ел, строго вегетарианствуя, убойнину, питался хлебом и сушёными плодами...

Между прочим, именно в одном из индо-парфянских государств – в Арахозии (к юго-востоку от очаговой Парфии в Средней Азии, на пути в Индию) – ок. 19 – ок. 45гг. н.э. царствовал подвассальный царю царей Гундоферн, в к-ром в ново-новейшее время некоторые (несмотря на хронологическое противоречие) пытаются найти прототип одного из вифлеемских Царей-Волхвов (с Востока) – Гаспара/Каспара (выводя армянское имя Гаспар/Каспар из индо-иранского Гундоферн). (Д.И. 143).

Далее же у Тацита говорится о заговоре против непомерно возгордившегося совсем молодого Вардана и о его убийстве во время (одного из самых излюбленных занятий парфянской знати) охоты, что подтверждает Флавий (И.д. 20,3,4), правда, называя причиной заговора как характер царя, так и его намерение вступить в борьбу с римлянами, в чём-де его ещё раньше отказался поддержать подвассальный ему Изат Адиабенский. Ведь мать Изата, принявшая, как и он сам, иудаизм царица Елена, прибыла, о чём мы рассказали выше, в 43г. н.э. в подримский Иерусалим, из-за чего (в частности) Изат, отправивший в 44г. также пятерых своих сыновей в Иерусалим, не имел ни малейшего желания враждовать (в компании Вардана или без) ради Армении с Римом.

Удостоверься, читатель, хронологически и тут всё сходится, всё верно. Реконструированная нами последовательная и параллельная хронология тацитовских, флавианских и филостратовских повествований-событий, с участием Вардана и Готарза Парфянских, Вибия Марса, Изата и Елены Адиабенских, Аполлония Тианского и Дамида очень даже синхронизируется-взаимостыкуется-параллелизируется между собой.

Остаётся выяснить-уточнить дату гибели Вардана, о к-рой Тацит сообщает в двух словах, присовокупляя, что Парфию охватила смута, с разделением голосов в пользу потомка Старших Аршакидов (жившего в Риме) Мегердата (внук Фраата IV, сын Вонона) и Готарза, что по факту произошло (не сразу, но) уже в 47г. (приложительно к к-рому, из-от к-рого и ведётся не всегда удачно перемежаемое ретроспективной тацитовско-анналистическое повествование), в то время как Флавий говорит о передаче парфянскими баронами власти (именуемому им Котардом) Готарзу (что по факту свершилось, повторяем-акцентируем, после гибели Вардана и за определённое время до планов по призыванию в пику Готарзу, с обращением к Риму, Мегердата).

Между тем, у Флавия Филострата имеется информация о том, что Аполлоний и Дамид на обратном пути из Индии, где Аполлонию выпало-довелось провести-прогостить 4 (посвятительных) месяца у мудрейших индийских мудрецов (3,50)¹⁸, доплыв до устья Евфрата, — «отправились вверх по Евфрату в Вавилон, чтобы снова навестить Вардана, коего и застали точно таким, каким знали прежде» (3,58).

Посему, если принять, что на путешествие из Вавилонии в Индию (да ещё через Армению¹⁹ с Кавказом и Гиндукушем!?) и обратно у (приобщившегося к индийским

¹⁸ По Филострату, что важно, индийские мудрецы мудрее египетских учителей Пифагора и эфиопских гимнософистов, у к-рых Аполлоний (прибыв в 69г. в Египет) побывает позднее.

¹⁹ Филострат: «в ту пору царём Армении был Аршак» (2,1). Простительный для пишущего в IIIв. н.э. неисторика Филострата, к-рый, например, приписывает Дарию II Ноту аж 60 лет царствования (1,28), несмотря на то, что Дарий I (522-486/85гг.) и Дарий II (424-04гг.) даже вместе-суммарно-совокупно процарствовали меньше, анахронизм, так как именно в ту пору царём Армении был (в 35-37 и в 41-51гг.) Митридат Иверский. Аршакиды же царственно-надолго (до 428г.) утвердились в Армении с 66г. н.э., хотя первый (ещё из Старших Аршакидов) Аршакид Вонон (отец Мегердата) царствовал в Арташате-на-Араксе в 12-16гг. (см. выше), а Тиридат — один из сыновей брата Артабана III Вонона, ставшего царём царей Ирана в 51г., получил Армению от своего ст. брата Вологеса, царя царей с 51г., ещё в 51/52гг., проборовшись за неё (с переманным успехом) аж до 66г., когда Нерон короновал его на Форуме, признав царём Армении от имени Рима.

Впрочем, неисторику Филострату негоже предъявлять счёт за киксы такого рода, тем паче, что и армянская аршакидско-проаршакидская традиция (в условиях эксклюзивной близости парфян и армян, равно — духовно-политической преемственности армянских Аршакидов от парфянских) поглотила традицию арташесидскую, *сделав* (Хоренаци 1,8/9) основателем царства армянских Аршакидов во IIв. до н.э. (когда в реальности возникло — 190/89гг. — царство Арташесидов) Вагаршака (греч. — Вологес), дескать, младшего брата основателя (середина IIIв. до н.э.) Парфянского царства Аршака Храброго (Д.И. 851).

тайнам-таинствам) Аполлония²⁰ и Дамида ушло (не могло не уйти) на порядок более года²¹, значит, (победивший в 44г. в третий раз Готарза) Вардан был ещё в добром царственном здравии осенью 45г. н.э., когда наши путешественники вновь навестили его в Вавилоне/Вавилонии (под к-рыми здесь наверняка обобщительно-объединительно-центральное для центробежно-державных парфян месопотамское Междуречье, и, м.б., дело происходило, на сей раз, в Ктесифоне или в Селевкii?).²²

²⁰ Во Второй книге «Жизнеописания» Вардан характеризуется как благодетель Аполлония, снабдивший его охранными письмами для безопасного прохода до самой Индии: «...И показал им нарочно предназначенное для такого случая послание, заставившее их вновь подивиться человеколюбию и дальновидности Вардана. Послание это было к наместнику прибрежной области Инда: хотя он и не подчинялся Вардану, однако тот напоминал об услугах, ему оказанных, и не требуя за них воздаяния — ибо не в его-де обычае торговаться за благодарности, — писал, что будет весьма признателен, ежели наместник (б.м., Гундоферн — ?! — К.З.) окажет Аполлонию гостеприимство и поможет продолжить путешествие. Кроме того, царь снабдил проводника золотом, дабы передать Аполлонию в случае нужды — да не доведётся тому ожидать благодеяний от кого другого» (2,17).

²¹ Вспомним освещённое-прослеженное нами в «Д.И.» странствие-путешествие (ведомого своей кармой индивидуальности Заратустры в Иисусе-Кришне с 14 по 30г.) Иисуса из Назарета — 23/24гг. — дорогой Царей-Волхвов (обратное направление): через Дамаск и Пальмиру (где Цари-Волхвы с Востока провели ночь с 31.12.1г. до н.э. на 1.01.1г. н.э.) — в Вавилонию; затем — через Вавилонию/Месопотамию в Мидию-Атропатену (родина Заратоса-Заратустры); потом — из Атропатены, берегом Аракса (Вахви-Датия), — к подножию Арарата (начало — с Ноя — постоптного человечества) в Армении; дальше — из Армении, через Каппадокию (с заходом в Тиану?) и Киликию (место судьбоносного переживания Иисуса у покинутого язычниками алтаря), Киликийскими вратами в Сирию, и, вдоль сир-финикийского берега, домой — в Галилею. Не симптоматичен ли этот *Круговой* (все 4 стороны Света) *Путь*, отчасти — попутный пути Аполлония (Вавилония; Мидия-Атропатена; Армения), отчасти — перпендикулярный (Юг — Север; Север — Юг) путям Аполлония и Ап. Павла, соответственно, с Запада на Восток и с Востока на Запад.

²² Не примечательно ли филостратовское возвращение из Индии, через (с заездом в него) Междуречье (для вторичного посещения Вардана), в Сирию Аполлония и Дамида, к-рые «из Ниневии спустились к морю, в Селевкию, а не в Антиохию, потому что в Антиохии живут одни наглецы и об эллинских обычаях не радеют» (3,58). Подчеркнём, дело происходит во второй половине 45г. н.э., и вспомним, что именно летом 45г. (после Пятидесятницы) Варнава, Савл и Марк, бывши посланы Духом Святым, пришли (из Антиохии) в Селевкию, а оттуда отплыли на Кипр (Д.Ап.13,4), где проповедовали, пройдя весь остров от Саламина до Пафоса, в 45/46гг., и куда, в свою очередь, по всей видимости, весной 46г., опять-таки, из Селевкii, прибыв сюда (в 45г.) с Востока, Аполлоний и Дамид «отплыли на Кипр и причалили в Пафосе, где находился кумир Афродиты и где Аполлоний много поучал жрецов о храмовых обрядах» (3,58).

Убедитесь, налицо единовременное (параллельное) пребывание на Кипре в 45/46гг. Савла/Павла, Варнавы, Марка, с одной стороны, и (возвратившегося из Индии) величайшего мудреца и чудотворца Ів. н.э. Аполлония Тианского (в обшестве спутника Дамида) — со стороны другой. И не примечателен ли сам путь (побывавшего позднее и в Египте, и в Эфиопии) Аполлония (сродни Дионису!) в Индию Семи Св.Риши, через Иран Заратустры, Междуречье Гильгамеша, Армению Ваһагна и Митры, Кавказ Прометейя, с Запада на Восток, в отличие от встречного-противоположного пути Павла, крайней восточной точкой пребывания к-рого была в период 34–37гг. Аравия, с Востока на Запад — через М.Азию (Антиохия Писидийская, Икония, Листра, Дервия), Македонию, Грецию, Италию/Рим — до приатлантической Испании.

Если Аполлоний (кто не случайно родился в 3г. до н.э.), пришедший в 42г., когда Савл действовал в Антиохии Сирийской, в парфянско-халдейскую (страну магов) Вавилонию и покинувший ее, чтобы добраться до (страны браминов) Индии, в 44г., когда Савл и Варнава побывали (с благотворительными пожертвованиями по случаю голода) в Иудее/Иерусалиме, шёл за древнейшей языческой мудростью на Восток, то Павел (кто не случайно родился в симметричном году рождения Аполлония 3-м г. н.э.) понёс-пронёс Солнце Христа Спасителя

Т.е. Вардан погиб не столько ближе к концу 45-го, сколько, скорее, уже в 46гг.²³, и не случайно его максимальные отчеканенные в Селевкии-на-Тигре монеты идут до 357-го года эры Селевкидов = осень 45 / осень 46гг. н.э. – годичный интервал времени, к-рым одновременно датируется начало отчеканенных в Селевкии монет (призванного-посаженного парфянской знатью на трон вместо убитого на охоте Вардана, соответственно, до истечения этого 357-го года) Готарза (к-рые, в свою очередь, пресекаются 362-м годом Селевкидской эры = 50/51гг. н.э.) (см. ниже).

46г. н.э.

1 января 46г. н.э. = 799г. а.У.с. консульство облекли Д.Валерий Азиатик (вторично) и М.Юний Силан.

С активным участником заговора против Калигулы Валерием Азиатиком (родом из Вьенны-на-Роне), к-рый был консулом-суф. в 35г. н.э., к-рый метил в принципсы в 41г. и выразил публичное сожаление в том, что не самолично убил Калигулу (кто спал с его женой – Лоллией Сатурниной, сестрой Лоллии Паулины), к-рый, наконец, сопринадлежал к штабу Клавдия в британском походе 43г., мы уже

и новейшую солярно-христианскую мудрость на Запад! Если путь Аполлония был путём индивидуального самосовершенствования и достижения высших сфер путём Кришны (от Будды – *назад* – к Кришне), путём Я (эго), то путь Павла это (именно) – «не я, но Христос во мне!»

Могли ли они, пути к-рых позднее приведут их обоих в Италию в 66г. (см. ниже), когда-либо встретиться-пересечься? Вполне. Узнали ли друг друга (поднявшийся – 58г. – до 7-го Неба) Апостол язычников и великий пифагорец, своего рода последний истинно таинственный-мистериальный (архи)мудрец (№ 1) дохристианской древности в (христианский) век Таинства Голгофы и в век Апостольский – вопрос/вопросы – ??? Во всяком случае, чудесно исчезнув из судилища, при враждебном к нему Домициане, в Риме (95г), Аполлоний (успев предсказать гибель убитого в 96г. Домициана) преставился в возрасте ок. 100 лет, в 97г., спустя 30 лет после римского мученичества Павла (67г.), в Эфесе (где Павел впервые оказался в 54г.).

И именно в Эфес в 96/97г. возвратился из патмосской ссылки (сосланный на Патмос из Рима в 95г.), с внятым-воспринятым-записанным в 96г. на Патмосе Откровением-Апокалипсисом, (взошедший на 12-е Небо), возможно, тоже знакомый с Аполлонием Тианским, (носитель *новоаполлонического* христианства, как Павел – носитель христианства *новодионисианского*) Иоанн Богослов, дата эфесского успения к-рого, на 100-м году жизни, 24.06.100г. н.э. Плюс к тому, 96г. н.э. – дата мученичества взошедшего на 9-е Небо эзотерического ученика Ап. Павла Дионисия Ареопагита, кому, по преданию, Павел открыл тайну 9-и Небесных иерархий, открытую ему при его восхищении-восхождении (51г.) до Третьего Неба (2Кор.12,2) (см. ниже).

²³ Эту гибель Вардана в 45/46гг. Тацит (11,10) всё ещё ретроспектирует из 47г., когда Готарз (с 46г.) уже царствовал, а среди парфян возник (в 47г.), не тотчас по воцарении (снова успевшего разочаровать их) Готарза, заговорщический замысел тайно обратиться к Риму с (противоготарзовской) просьбой прислать им в цари Мегердата, что (обращение части парфянской знати к Клавдию и снаряжение в Парфию Мегердата) практически воспоследовало в 48/49гг. (см. ниже), и к чему Тацит, продолжая (после перерыва) рассказ о римско-парфянских коллизиях, возвращается (вновь не без ретроспективы) под 49г. (Ан.12,10-14).

Здесь уместно наспоследок ещё раз отметить-подчеркнуть-конкретизировать, что ни хронология, ни общая продолжительность царствования Вардана никак не укладываются в предлагаемый рядом ново-новейших источников (искусственно сконструированный авторитетами от науки несостоятельный) интервал 38-47/48гг., т.к. Артабан III умер отнюдь не в 38, но в 40гг., а Вардан погиб отнюдь не в 47/48, а в 46гг.

См. Н.Дибвойз «Политическая история Парфии», СПб-2008г.; М.Колледж «Парфяне», М-2004г.; RE 18,4 «Parthia» S.1968-2029

познакомились выше и ещё встретимся с ним ниже, когда интриганистая Мессалина инициирует его осуждение-устранение в следующем 47г.

А пока ставший (избранный-назначенный) консулом на весь год, как и его коллега, Валерий, по своей инициативе, сложил консульские полномочия перед мартовскими идами (15.03.) в пользу (ближе неизвестного) суффекта – Камерина Антистия Вета, кому позднее преемствовали – до конца года – суффекты Кв.Сулпиций Камерин²⁴, Д.Лаэлий Бальб²⁵, Г.Теренций Туллий Гемин.²⁶

Относительно досрочно сложившего консульство Азиатика, Дион (60,27,1-3) замечает, что и некоторые другие поступали также, однако, из бедности, ибо ложившиеся на консулов расходы, связанные с цирковыми играми, сильно возросли (и чем дольше консул пребывал в должности, при фасках, тем больше он тратился). К примеру, при получавшем удовольствие от игр, сходно императорским аккламациям, Клавдии, к-рый тем ещё и угождал плебсу, компенсируя зрелищами частые хлебные кризисы, устраивались скачки в, как сказано, аж 24 заезда супротив прежних-обычных 10-и (похоже и с кровопролитными гладиаторскими боями, весьма импонировавшими *ратному* зрителю Клавдию).

Но («богатенький Буратино») В.Азиатик решил раньше срока отойти в консульскую тень, не испытывая никаких финансовых трудностей, наоборот, как раз таки, из-за своего богатства, к-рое вызывало, усугубляемые его почётным ординарным консульством, зависть и неприязнь к нему в среде могущественной придворной камарилы. Впрочем, это ускорнение-самоотстранение его не спасло, так как Мессалина уже положила глаз не столько на него, сколько на его деньги и владения (в т.ч., на роскошные сады Лукулла), прикидывая как бы его поприемлемее-поубедительнее устранить.

Второй консул-орд. М.Юний Силан приходился сыном одноимённому консулу 19г. н.э. и внуком внучки Августа (Юлии Младшей) – Эмилии Лепиды. Он родился в 14г. н.э., увиденный Августом совсем незадолго до кончины 76-летнего патриарха (Плиний 7,158). А младшим братом этого Силана был Л.Юний Силан Торкват, помолвленный-обручённый в возрасте 15/16-и лет с (годовалой на 41г.) дочерью Клавдия от Мессалины – Октавией (до её бракосочетательного повзросления). И, следовательно, его, кесарского зятя, фаворитарно родственного императорской семье старший брат проконсульствовал, не стеснённый ни в средствах, ни враждой со стороны самых верхов, весь год.

²⁴ Вероятный сын одноимённого консула 9г. н.э., (предположительно) к-рого, – «Камерина, воспевшего Троя после гибели Гектора» (т.е. автора соответствующей поэмы?), Овидий упоминает в «Письмах с Понта» (4,16,9) (Р.л. 1215), и годом консульства к-рого, в паре с Г.Поппеем Сабинном, пасхальный калькулятор Аниан датировал в Vв. Рождество Христово, чтобы *заполучить* Голгофу в пятницу 23.03., а Воскресение – в воскресенье 25.03.42г. (невзирая на Клавдия вместо Тиберия, уж не говоря о пропущенном-опущенном Калигуле, у власти в Риме! и невзирая на Ирода Агриппу вместо Пилата у власти в Палестине!) (Р.л. 1240).

²⁵ Сын одноимённого консула 6г. до н.э., достаточно известный «злокозненностью своего красноречия» (Ан.6,47) ритор, добившийся осуждения привлечённой им к суду – 37г., по обвинению в оскорблении величия, вдовы (одного из 4-х братьев Вителлиев) П.Вителлия (Т.Г. 643-45) Акуции, он вскоре сам, будучи с удовольствием осуждён исключившими его из сената, по делу Альбуциллы, сенаторами, отправился в ссылку на пустынный остров (см. выше); затем, амнистированный, вернулся в Рим при Калигуле, и облёк консульство-суфф. с 1.07.46г. при Клавдии.

²⁶ Искавший смолоду поэтической славы автор талантливых эпиграмм (Ant. Pal. 9,707), немалое число к-рых Филипп Фессалоникский включил, в правление Калигулы, в свой стихотворный сборник. Возможно, в 44/45г. – легат снова сенатской Македонии; с 1.10.46г. – консул-суфф.; и не ранее 47/48г. – эвентуальный легат кесарской Мезии (как преемник А.Дидия Галла и предшественник Т.Флавия Сабина).

Плохие времена для него (кого Калигула пренебрежительно называл «золотой овечкой» = безвредный фрайер) наступят позже, при Нероне, когда в 54г. (едва устранившая Клавдия) Агриппина, к-рую беспокоил знатный генезис Силана от Августа и опасение мести за вынужденного покончить самоубийством мл. брата (49г.), прикажет его, проконсульствовавшего тогда в Азии, даром что вялого и бездеятельного, (не ставя в известность Нерона) отравить. Причём это охотно проделают (в наглуго) за пирашественной трапезой (почти открыто) её шестёрки – всадник Целер и вольноотпущенник Гелий, отправив проконсула к праотцам с помощью того же, подмешанного в то же грибное блюдо яда, к-рым ранее будет отравлен Клавдий (Ан. 13,1; Плиний 7,158; Дион 61,6,4/5) (см. ниже).

Подвопросно отнесение на 46г. н.э. закона Юния/Веллея (к-рый рядом авторов относится на 26 или 28г.), что требует присовокупления к довольно длинному перечню суффектов, преемников В.Азиатика, также некоего Веллея (Тутора?), о ком дополнительных сведений нет.²⁷ Означенный же закон регулировал, в рамках закона о наследовании по завещанию правила лишения завещательного наследства (*exhereditio*), с уравнением лиц, родившихся после смерти наследодателя (постумы), и лиц, родившихся при его жизни.

С большой долей вероятности, именно в 46г., сообразно резолюции (= консулт) сената – *Senatus consultum Velleianum*, было постановлено-установлено, что, по договору поручительства, где в качестве лица, дающего формальное обязательство (*promissor*), выступает женщина, не может быть предъявлен иск. По крайней мере, так истолкован главный результат этого установления в суждениях юристов (*responsa*) и в императорских конституциях, донесённых до нас Ульпианом («Дигесты» 16,1,2). Если женщина уплачивала чужой долг, ответственность за к-рый она взяла на себя, не зная о правах, предоставленных ей данным консултом, то у ней была возможность вернуть деньги путём истребования недолжно уплаченного (*condictio indebiti*) (Dig. 12,6,40).

Однако в ряде случаев она лишалась защиты этого постановления: если была виновна в обмане (*dolus*) кредитора (16,1,2,3); если кредитор не имел причин считать поручителя женщиной (16,12); если поручительство было дано за плату (Cod. 4,29,23) или за долг, к-рый фактически являлся долгом самой женщины; или если кредитор был несовершеннолетним, а основной должник – неплатежеспособным (Dig. 4,4,12).

Другой консулт сената – *S.C. Ostorianum*, – как полагают, также от 46г., был нацелен на урегулирование завещательно-патрональных прав в отношении вольноотпущенников («Дигесты» 38,4,1). Помимо того, в 46г. было принято инициированное Клавдием к рассмотрению годом раньше специальное сенатское постановление о передаче права на разрешения покидать Италию отцами-сенаторами (*первому в сенате* – *prinseps senatus*, и, по совместительству, *отцу отечества* – *pater patriae*) кесарю (Дион 60,25,6), чему, т.е. демократическому получению им этого права от сената, кесарю, как видим, придали особое значение (см. выше). Светоний, не вдаваясь в подробности, краток (и не совсем точен): «Разрешения на отпуски, с к-рыми обычно обращались к сенату, он стал давать по собственному усмотрению» (Кл. 23,2).

Не прослеживается ли тут типично августейшая (демонстративно преемствованная также Тиберием) линия: отправлять-осуществлять авторитаризм, непременно обзаведшись его легитимизацией со стороны парламента. Т.е. (и) клавдиан-

²⁷ В 28г. консулом-орд. был Г.Аппий Юний Силан (будущий, с 41г., тесть Клавдия, муж Домиции Лепиды, матери Мессалины, погубленный Мессалиной в 42г.), а одним из консулов-суфф., согласно Р.Сайму, – Л.Юний Силан (фламин Марса с 22г.), к-рый, согласно эпиграфическим надписям, суффектно консульствовал в 26г., куда, эвентуально, помещается также суффектное консульство (некоего) Г.Веллея Тутора, помещаемое некоторыми в 28г. н.э.

ский режим, с акцентированным равнением *дядюшки* Клавдия на *дедушку* Августа (в обход Тиберия и особенно Калигулы), был махрово кесарским, махрово авторитаристским, всего-навсего, с большей толерантностью, с большими внешними признаками уважения, без резких выпадов-движений (в сравнении с двумя предыдущими кесарствами) к совокупному сенату, к продолжающим иметь прежний официальный статус республиканско-аристократическим-олигархическим формам, при вопиющем монархическо(-монархическо) императорском содержании.

В 46г. Клавдий утвердил право римского гражданства за анаунами, тулиассами и синдунами во втянутом в пределы (одиннадцатирегиональной с Iг. н.э.) Италии Южном Тироле (CIL 5050) – X-й регион – Venetia et Istria. Тогда же была восстановлена и достроена дорога из Алтина через Тироль до Дуная, начатая ещё клавдианским родителем Друзом, и ныне названная *via Claudia Augusta* CIL 5,8002; 8003). Единновременно в Риме, в связи со строительством нового порта и расширением гавани в Остии, проложили каналы от Тибра к морю, с целью предотвращения в дальнейшем городских наводнений (CIL 14,85).

В 46г. Клавдием был издан специальный эдикт, разрешающий проведение судебных процессов в назначенный срок, несмотря на отсутствие-неявку одной из сторон (Дион 60,28,6). Дело в том, что предполагавшая своё поражение сторона предпочитала (многократно), под разными предлогами, не являться в суд и сим затягивала процесс на максимально долгий срок, изыскивая способы какого-либо обходного решения проблемы, что постоянно умножало число затянувшихся-недоведённых до конца процессов.

Впрочем, здесь кесарским решением была возобновлена давно вышедшая из употребления практика вынесения судебных решений *in absentia*, предусмотренная ещё «Законом XII-и Таблиц» (Vв. до н.э.). Клавдию очень импонировало, как сказано, персонально творить суд, и ему нравилось, как истинному римлянину-законоведу (крючоктворцу-буквоеду), судопроизводство вообще, в связи с чем, к слову, он сделал оное, ранее разделённое на летнее и зимнее полугодия с перерывом, непрерывным в течение всего года (Свет. «Кл.» 23,1).

Далее, в 46г. Клавдий запретил правовую поддержку вольноотпущеников, выступающих с обвинениями против давших им вольную господ, чем снискал одобрение народа. По Диону, когда некий вольноотпущенник обратился к нар. трибунам против своего бывшего хозяина (ныне – патрона), попросив их быть обвинителями и получив положительный ответ, кесарь немедленно наказал как самого дерзкого либерта, так и его домочадцев, вместе с тем, запретив, «чтобы кто-нибудь в будущем оказывал содействие лицам подобного рода против их бывших хозяев под угрозой лишения права выступать с исками против других» (60,28,1). У Светония несколько иначе: «Вольноотпущенников, выдававших себя за римских всадников, он лишал имущества, а тех, на кого патроны жаловались за неблагодарность, возвращал в рабство, заступникам же их заявил, чтобы они после этого уже не подавали жалоб на собственных вольноотпущенников» (25,1).

Понятно, что прыгнувшие из грязи в князи вольноотпущенники, как то нередко свойственно давешним рабам, не в меру борзели, почему кесарское решение и встретило однозначное одобрение в (римском) народе-обществе (свободных граждан). Но тут присутствовала и иная составляющая. Среди римлян росло недовольство всемогуществом (всё более наглеющих и умножающихся в количестве) придворных либертов, к-рые (как и баба-кесарша Мессалина) никогда ранее не пользовались таким значительным влиянием в Риме. Да и самому Клавдию, бывшему в подчинении (кроме Мессалины) у *одних* вольноотпущенников, доставила удовольствие возможность (компенсаторски) одёрнуть *других* (зарвавшихся вольняшек).

ЗАГОВОР СТАТИЛИЯ ТАВРА И АЗИНИЯ ГАЛЛА

То-то именно в 46г. раскрытие заговора Т.Стагилия Тавра Корвина и Г.Азиния Галла, похоже, привело к смерти ряда императорских либертов, к-рых – Мирона, Гарпократа, Амфея и Феронакта – называет в числе лиц, изведённых Клавдием, правда, не уточняя конкретные обстоятельства, Сенека (Arosol. 13).

С др. стороны, если Светоний, перечисляя противоклавдианские заговоры и покушения, говорит, в частности, о (не углубляясь в детали) заговоре с целью гос. переворота, к-рый «составляли Азиний Галл и Стагилий Корвин, внуки ораторов Поллиона и Мессалы, с участием множества императорских вольноотпущенников и рабов» (Кл. 13,2), то у Диона говорится про заговор (без упоминания С.Т.Корвина) Азиния Галла, кто, однако, лишь планировал комплот, не успев, надо понимать, приступить к каким-либо практическим действиям по реализации убогого замысла. Ибо был (кем-то как-то, или само-) изобличён, но не казнён, а только услан в изгнание:

«Азиний Галл, сводный брат Друза по матери, злоумышлял против Клавдия, но вместо того, чтобы быть приговорённым к смерти был изгнан. Одной из причин этого, возможно, явилось то обстоятельство, что он не располагал ни воинством, ни денежными средствами, воодушевляясь единственно своей крайней глупостью, к-рая вдохновила его на мысль, что римляне пожелают покориться ему исключительно из-за его знатности. Притом он был (внешне) чересчур тщедушным и уродливым человечком, отчего вызывал презрение, более смешной, нежели опасный» (60,28,5).

Этот Азиний Галл приходился сыном известному персональному заточенцу Тиберия Г.Азинию Галлу, к-рый, напоминаем читателю, сын знаменитого Азиния Поллиона, родился в 40г. до н.э. и всю жизнь (ничего из себя толком не представляя) тешил себя мыслью о том, что он и есть вергилианский «Сотер» из IV-й эклоги. Но его, 70-летнего старика, взяли (под белы ручки) в 30г. н.э. прямо из-за пиршественной тиберианской трапезы на Капри и уморили в палатинском каземате жалкой голодной смертью в 33г.

Помимо прочего, Тиберий не жаловал весьма говорливого в сенате (и иногда к досаде кесаря) пустомелю Галла, поскольку последний оженил Випсанию Агриппину (дочь М.Агриппы от Помпонии – дочери Помпония Аттика), – первую и единственно любимую жену-женщину Тиберия, с к-рой Август последнего развёл, чтобы женить его в 11г. до н.э. на своей (вдовой с 12г., по смерти М.Агриппы) дочери Юлии. У Галла же от Випсании родились минимум три сына, приходившиеся, стало быть, сводными братьями единственному сыну Тиберия от Випсании – Друзу, к-рый, в свою очередь, был двоюродным братом Германика, Ливиллы и Клавдия (детей родного брата Тиберия – Друза Ст.). Отсюда троюродное родство между сыновьями Галла-Випсании и Клавдием.

Притом, если старший из Галловых сыновей М.Азиний Агриппа облакал консульство-орд. в 25г. н.э. (Д.И. 962), после чего скончался молодым – естественной смертью – в следующем 26г. (Ан. 4,61), то интересующий нас тезокогноминальный отцу Азиний, к-рый родился ок. 6г. до н.э., как полагают, суфффектно отконсульствовал в интервале 27 – 37гг. (хотя документальных подтверждений тому нет). А вот младший сын Галла, Сер.Азиний Целер, побывал консулом-суф. в 38г., при Калигуле (см. выше), запомнился тем, что купил за баснословные деньги какую-то редкую рыбину (Плиний 9,67; Макробий 3,16,9), и, несмотря на дружбу с Клавдием, сообразно не вдающемуся в подробности Сенеке (Lud. 13,5), подвергся в клавдианское правление – неизвестно когда именно – казни.

Не так со средним из братьев, кто был ничтожнее Клавдия, и кого Клавдий

(просто) не мог, набирая себе очки, не пощадить, не только как родственника и внука Азиния Поллиона, но, главное, как безопасного недоумка, чем воочию продемонстрировал своё августейше-кесарское милосердие (*clementia*), тогда как Азиний, наоборот, выказал своим горе-заговором свою полную несостоятельность. Этот противник был не опасен, а смешон (смешнее Клавдия), и потому сохранение ему жизни в изгнании оказалось пиар-выгоднее кесарю для поднятия собственной популярности, чем его казнь.

Вероятно, аналогичная изгнательная участь постигла и Азиниева созаговорщика Т.Стагилия Тавра Корвина, консула 45г. (см. выше), о соучастии к-рого в заговоре свидетельствует лишь Светоний и дальнейшие сведения о к-ром отсутствуют, но к-рый скорее запомнился бы, будь он казнён (тем паче, что Агриппина устранит в 53г. Стагилиева ст. брата – консула 44г.).

Посему не будет ошибкой предположить его, однокогноминального внука многопрославленного Валерия Мессалы, сходное с Азинием, внуком многопрославленного Азиния Поллиона (двух самых красноречивых римлян минувшей сменовеховеховской эпохи конца забальзамированной Республики и начала монархическо-республиканского Принципата), ссыльное изгнание, способствовавшее удвоенным дивидендам «милосердного-великодушного» кесаря.

И народ, соответственно Диону (60,28,1), воздал громкую хвалу Клавдию, к-рый, проявив (популистское) снисхождение к нобилитетским заговорщикам, одновременно казнил ряд участников заговора из числа вольноотпущенников и рабов, об участии в заговоре множества к-рых упоминает Светоний (Кл. 13,2), в то время как Сенека называет вышеприведённые нами вольноотпущеннические имена (Аросол. 13). И, таким образом, если скомбинировать Сенеку со Светонием, можно предположить, что речь у Светония ведётся, приложительно к данному заговору, о Мироне, Гарпократе, Амфее и Феронакте = о кесарских вольноотпущенниках не первого (за исключением Гарпократа, тоже, впрочем, стоявшего ниже Нарцисса, Палланта, Каллиста) влиятельного эшелона.

Т.е. Клавдий казнил их, завидовавших либертам первого эшелона (и наверняка интриговавшим против них), бросив, что называется, кость римлянам, среди к-рых – и в верхах, и в низах – росло недовольство беспределом, властью и мздоимско-лихоимской алчностью (аппетит приходит во время еды) императорских либертов. Да и не всех же за заговор супротив кесаря милосердно изгонять-ссылать, кое-кого надо и на плаху отправить! Во-первых, чтобы другим неповадно было, и, во-вторых, чтобы несколько разгрузить паразитарную придворно-вольноотпущенническую ораву, к-рая всё сильнее раздражала римлян.

Ни дать, ни взять – «Село Степанчиково и его обитатели!» с Клавдием в роли Фомы Фомича и с вольноотпущенниками в ампула ненасытных приживалов! При всём том, к казни перечисленных *младших* либертов, по всему, приложили руку, по-прежнему, всемогущие либерты *старшие* – те же Нарцисс, Паллант, Каллист.

УСТРАНЕНИЕ МЕССАЛИНОЙ М.ВИНИЦИЯ И «ПРИВАТИЗАЦИЯ» МНЕСТЕРА

Но в римском обществе росло недовольство не только влиянием либертов, а и, в ещё большей мере, – вседозволенностью и бесстыдством продолжавшей (в альянсе с влиятельными вольноотпущенниками) свои безобразия-художества как на сексуальном, так и на рваческом, в отношении чужих денег-богатств, фронтах-поприщах Мессалины. Так, в 46г., она согласно Диону (60,28,4), извела ядом дважды консула (30 и 45г.) М.Виниция (против к-рого Клавдий ничего не имел) за, если

верить Диону, виницианский отказ сделаться одним из её любовников. Вспомним, супруга Виниция Юлия Ливилла – младшая дочь Германика, была интригой Мессалины сослана в 41г. за прелюбодеяние с Сенекой и в 42г. убита в ссылке. О потомстве супругов ничего неизвестно.

Сам Виниций, участник заговора против Калигулы и претендент на Принципат, участвовал в клавдианско-британском походе 43г. и, оставаясь вдовым, без претензий на власть, оставался, тем не менее, членом клана Augustana. Следовательно, Мессалина, во-первых, убрала в его лице (какого-никакого) потенциального принцепса и, значит, потенциального врага-конкурента, если даже не Клавдия, то, при всех случаях, её сына (от Клавдия) Британника (буде Виниций переживёт кесаря). А во-вторых, она сделала это, чтобы унаследовать недюжинное Винициево, кому были устроены знатные гос. похороны, состояние. Узнал ли, догадался ли Клавдий о его устранении Мессалиной, или нет, или сделал вид, что ничего не знает и ни о чём не догадывается, – вопрос/вопросы.

Вдобавок к тому, в 46г., когда, по слову Диона, недовольство народа рабской зависимостью императора от вольноотпущенников и Мессалины возрастало, мессалианским вмешательством удостоился помилования командир германских телохранителей при Калигуле по имени Сабин (60,28,2)²⁸, к-рый вышел на гладиаторскую арену, проиграл бой и должен был, согласно опустившим большой палец вниз зрителям, в т.ч., согласно Клавдию, умереть. Но избежал смерти, ибо в дело вмешалась Мессалина, милостивая к Сабину, как к одному из её бесчисленных хахалей, что, разумеется, вызвало противомессалианскую реакцию большинства зрителей и дало дополнительный повод кривотолкам-насмешкам, к к-рым Клавдий, теперь уже, на 46г. н.э., 55-летний тютя, предпочитал быть до времени глухим.

Не меньшие кривотолки-смешки-недовольство порождала и история со сценическим красавцем Мнестером, кто возбудил Мессалину до такой степени, что она взяла его в прямом смысле со сцены к себе (в дом и альков) и держала при себе в императорском дворце на Палатине. Причём это было сделано ею аж при содействии (законного мужа) Клавдия, велевшего капризному лицедею, к-рый поначалу упорно не желал, в видах собственной безопасности, становиться опасным любовником взбалмошной кесарши, во всём повиноваться её (римско-вавилонской блудницы) венценосной воле (без разницы – будь то прихоти, похоти и т.д.).

Ниже, в путаной начинающейся с полуслова выдержке, завершающей анналы 46г. и 60-ю книгу «Римской истории» Диона (60,28,3-5), к-рая здесь прерывается-обрывается, передавая эстафету снова обретающему с 47г. голос Тациту, присо-вокуплено, что на вопросы типа – почему Мнестер больше не танцует? Клавдий клятвенно заверял, что он находится не в его доме, где, мол, лицедей обретался на женской половине, пользующийся, по её усмотрению, Мессалиной. И об этом, мол, по убеждению народа, не было известно одному лишь Клавдию, к-рому римляне искренне сочувствовали-соболезновали.

Впрочем, – продолжает эпитомированный Дион, – никто не открывал ему глаза на истинное положение дел, отчасти из страха перед Мессалиной, и отчасти из опасений за судьбу Мнестера, к-рого народ любил за его искусство, как Мессалина – за его красоту. А, дескать, он, искусный лицедей (и в жизни = по жизни), когда зрители однажды страстно просили его выйти на сцену и исполнить какую-то

²⁸ Произведённого Калигулой в трибуны над германскими телохранителями, к-рые (вторыми, после носильщиков с шестами) прибежали 16.03.37г, вняв известию о покушении на Гая (Свет. «Кал.» 58,3), и бросились мстить за него, убивая настоящих и мнимых заговорщиков налево-направо, гладиатора Сабина, кого, при Клавдии, снова вернули в гладиаторы, где, на арене, его и заприметила Мессалина, отличала, согласно Флавию (И.д. 19,1,15), огромная физическая сила.

знаменитую пантомиму (что Мессалина ему запрещала, не желая, безразлично как, делить его с кем-либо), шутливо ответил, свесив голову за сцену: «Я не сумею, потому что делю ложе с Орестом» (под кем, коли Мнестер – Пилад, можно разглядеть и Мессалину, к-рую он, не смея отказать ей, *дружески* трахает, и Клавдия, во дворце к-рого он *дружески* обитает).

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

Как мы помним, в 41г. Клавдий, оставив неудачно примеренный было Калигулой августейший вариант возобновления Понто-Боспорской унии, с доминантным центром в малоазийском Понте (из Понта) над крымским Боспором, признал царём Боспорского царства, где не сумел (да и пытался ли всерьёз?) утвердиться Полемон II Понтийский (к-рого Рим компенсировал Ольбой в Киликии), сына Аспурга (+ 38г.) Митридата, кто зацарствовал в Крыму вместе с Гепацирией – его женой, или матерью.

Аспург был сыном фанагорейца (Фанагория – греч. колония на Таманском п-ве) Асандра и внучки Митридата Эвпатора, дочери Митридатова сына Фарнака (+ 47г. до н.э.), – Динамис (Р.л. 431-34; 454-56; 546-48; Д.И. 131). Её в 14г. до н.э. оженил (в видах угодной Августу понто-боспорской унии) Полемон I Понтийский, но в следующем 13г. до н.э. она бежала из Крыма к своему мятежному сыну Аспургу на Кубань, а затем, после кубанской гибели Полемона в 8г. до н.э. (и отказа Августа от означенной унии), в 7г. до н.э. – 14г. н.э., царствовала, признанная римлянами, в Боспоре (Пантикапей), по обе стороны Керченского пролива. И была сменена процарствовавшим, в свою очередь, с 14 по 37/38гг. сыном Аспургом, по смерти к-рого у Калигулы и его протееже Полемона II Понтийского (сына Полемона I от Пифодориды) ничего с возрождением-реанимацией понто-боспорской унии не получилось.

Потому Клавдий и сделал, решая проблему, оставленную ему Калигулой, рациональную ставку на Митридата, к-рый по отцу Аспургу возводил свою генеалогию к Евмолпу и Евмолпидам, а по бабке Динамис – к Митридату VI и Ахеменидам (к Дарию I Гистаспу). Уместно вспомнить, что от сына Посейдона и Хионы Евмолпа, к-рый считался учредителем-инаугуратором Элевзинских мистерий, выводили себя как все фракийские, в частности, одрисские, венценосцы, так и элевзинские жрецы.²⁹ И ещё (добавим) боспорские цари: как старейшие – Архаинактиды (о к-рых сведений нет), так и позднейшие – (утвердившиеся у власти в 438/37гг. до н.э.) Спартокиды, с гибелью последнего из к-рых (108г.), власть над Боспором перешла

²⁹ Евмолп (*хорошо поющий*), согласно разным версиям, – сын Посейдона и Хионы, или Посейдона и Терпсихоры, или Аполлона и Астикомы. Родив сына, мать Хиона бросила его в пучину, чтобы скрыть от своего отца Борей связь с Посейдоном, к-рый спас младенца, выросшего в Эфиопии, откуда тот был изгнан за попытку совершить насилие над сестрой жены, призванный после становления царём Фракии в Элевзин (основатель таинств и родоначальник наследственных жрецов элевзинского святилища Деметры). Очистил в мистериях Геракла перед его сошествием в ад; воевал с афинянами; был убит афинским царём Эрехтеем.

Но согласно одной из (многоходовых) версий, Евмолпов было три: старший – отец Керики; второй – внук первого, отец Антифема; третий – правнук второго, сын Мусея (причём последний и есть посвяtitель в мистерии). Так или иначе, если, сообразно Овидию, (тройственному или расстроенному-троичному-тройничному) Евмолпу, сыну Мусея, завещал таинства своих оргий Орфей («Метаморфозы» 11,92), то, сообразно тому же Овидию, знакомый ему царь фракийцев и друг муз Котий Одрисский (+ 18г.) выводил себя от (Посейдонида) Евмолпа – царя Фракии («Письма с Понта» 2,9,2).

к подавившему мятеж скифа Савмака (отцу первой понто-боспорской унии) Митридату Эвпатору (107г. до н.э.).

Не любопытно ли вообще это, можно сказать, обилие римских вассальных династий с фракийской генеалогией Евмолпидов в 30 – 40-е гг. в. н.э.: три сына Котия Фракийского – Роиметалк во Фракии, Полемон в Понте, Котий в М.Армении, плюс – Евмолпиды Митридат и Гепацирия, с к-рой он изображён на боспорских монетах 42 – 46гг., в Крыму и на Кубани.

Его умысел отпасть от Рима содержится в вышеупомянутой нами невнятной выдержке из Диона (exс. 60, 28,7), к-рая путает Митридата Боспорского с ивером Митридатом, кому ошибочно и приписано стремление отмежеваться-отложиться от римлян (но кто в то время благополучно, с 41г., царствовал в Армении), чему, дескать, воспротивилась его мать. Далее сказано, что ей не удалось отговорить сына от пагубных намерений, и поэтому она планировала бежать от него, между тем как он, думая скрыть от римлян свои истинные сепаратистско-инсургентские поползновения, снарядил в Рим, с дружеским посланием, своего младшего брата Котия.

Котий же, напротив, открыл римлянам предательские планы брата старшего и был вместо него поставлен царём над, видите ли, (согласно эпит. Диону) Иверией (где на означенное время в реальности царствовал ст. брат Митридата, сделавшегося из Иверского Армянским, – Фарасман). Т.е. накладка-ошибка тут очевидна, и речь, без сомнения, должно вести о Митридате Боспорском и о делах-сложностях в расположенном не слишком близко от Иверии и Армении, на северном берегу Понта Эвксинского, Боспорском царстве (тем паче, что никакой сын или брат, по имени Котий, у Фарасмана Иверского и у Митридата Армянского, родом ивера, нигде и никем не засвидетельствован).

Наряду с тем, вероятно, в объективе сговор между несогласной с мятежными планами Митридата Боспорского его матери, или супруги-соправительницы Гепацирии (к-рая, всё-таки, бежала от него?) с его братом Котием. Последний, посольски прибыв в Рим, довёл до сведения римлян совсем не то, что, пытаясь усыпить бдительность державы, поручил ему царственный ст. брат Митридат. В награду за это («Донос на гетмана злодея / Царю Петру от Кочубея») Клавдий произвёл римлянофила Котия в цари, одновременно с чем, естественно, сместил его задумавшего измену интриганистого брата старшего. Сместил и велел легату наиболее близкой к Боспору из милитаризованных провинций причерноморской Мезии (2/3 легиона)³⁰, в ведении наместника к-рой был контроль над северным побережьем Понта, А.Дидию Галлу посадить новоиспечённого Римом венценосца на пантикапейский – керченско-таманский или крымско-кубанский – трон.

Неизвестно, в какие годы, при Тиберии, этот Дидий Галл побывал наместником Сицилии, облекши потом, как полагают, в 36г., консульство-суф., став куратором aquarum в 38г., при Калигуле, и занимая данный ответственный пост до 49г., когда его сменил Домиций Афр. Тем не менее, водная куратура не помешала Дидию, следует полагать, в 45г., после возвращения-переведения годом раньше Македонии и Ахайи из кесарского (с 15г.) ведения в сенатское, сменить отлегутившего на Балканах итогом 10 лет Меммия Регула (из них 9 лет, с 35 по 44г., легатом объединённых Мезии, Македонии, Ахайи) на посту мезийского, с подкомандными легионами, консульского легата.³¹

³⁰ В мирных малоазийско-римских провинциях, с территориями, в частности, вдоль южного берега Чёрного моря, – Азия, Вифиния и Понт, – легионы не стационарировались.

³¹ Отбыв в Мезию, Дидий, чей *cursus honorum* предстает эпиграфически (CIL 3,7247), к сожалению, без дат и соблюдения хронопоследовательности, передал кураторские обязанности по водоснабжению Рима своим заместителям – младшим сокураторам – Т.Рубрию Непу и

Прибыл ли Котий Боспорский в Рим ещё в 45 или уже в 46г., сказать трудно. Во всяком случае, никак не позднее (и, думается, не раньше) 46г. он был удачно воцарён Дидием, доставившим его в Крым морем, в сопровождении легионеров, над Боспорским царством. А лишённому власти Митридату VII пришлось оттуда бежать к племенам по ту сторону Азовского моря, на Дон = Танаис (пространство между к-рым и Волгой римляне именовали, по имени Митридата VI, далёкой «Митридатовой страной», или Сарматией).

Засим, подчеркнём, впервые римские легионеры, под командой легата регулярной римской провинции, высадились и развернули военные действия в Крыму, куда ранее нога римского легионера ещё не ступала и докуда в своё время так и не добрался М.Агриппа вместе с Иродом из Синопа (14г. до н.э.). Таким образом, при Клавдии Римская мировая держава записала в свой актив как завоевание юга Британии на крайнем Западе, где, к слову, в 46г. А.Плавтий продолжал боевые действия, так и первую непосредственную римско-легионерскую высадку в Тавриде и окрест – на крайнем северо-черноморском Востоке.

Однако, когда Дидий с основными силами, оставив для поддержки молодого и неопытного Котия несколько когорт под началом всадника Юлия Аквилы, о чём Тацит, опять ретроспективно-суммарно (как он практикует это приложительно к периферии, иногда скупывая под одним анналистическим годом ретроспективу и перспективу), рассказывает под 49г. (Ан. 12,15-21), ушёл, вернее, отчалил из Крыма назад в Мезию, Митридат вознамерился, видимо, в 47/48г., возвратить трон, в чём потерпел неудачу, о к-рой, впрочем, мы подробнее сообщим читателю ниже.

Пока же, как сказано, оптимально в 46г., римляне помогли взойти на боспорский трон, усилиями Дидия Галла, кто получил за крымские успехи триумфальные отличия, в то время как Клавдий обзавёлся очередной (XII-й) (CIL 10,1558) императорской аккламацией, Митридату мл. брату Котию. И если Митридат, в конце концов, после неудачной попытки реванша, попадёт в 49г. в руки римлян, предстанет в Риме перед Клавдием, будет продемонстрирован народу и проживёт в столице мира почти 20 лет, до 68г. н.э., убитый, по приказу кесаря Гальбы, как за издевательства-намешки над его плешивостью, так и, главное, за конспиративный контакт с преторианским префектом Нимфидием Сабином (Плутарх «Гальба» 13; 15)³², то молодой Котий будет успешен.

Продолжатель фактически основанной Аспургом евмолпидской династии Аспургиан-Раскупоридов или Савроматидов (к-рые, начиная с Аспурга? были, став ими при Тиберии? римскими гражданами и звались Тибериями Юлиями), он процарствует на Боспоре больше четверти века – до 69/70гг. н.э.³³ Дальнейшая судьба исчезающей в 45/46гг. из поля видимости, или, при невыясненных обстоятельствах, – из жизни, Гепапирии – неизвестна.

М.Корнелию Фирмию (что не было исключительным случаем, поскольку куратура *aquarum* такую возможность допускала). Позднее, по возвращении из Мезии (47г.), Дидию доведётся побывать между 49-52гг. проконсулом Азии (или Африки), и потом, в 52-57гг., – кесарским легатом Британии, где он, воздвигнув несколько кастеллов, скончается, при Нероне, на посту (см. ниже).

³² Плутарх родился в 46г. н.э.

³³ Монеты этого Котия начинаются с 342-го и заканчиваются 365-м гг. Боспорской эры (эпоха эры – 297/96гг. до н.э.), что и даёт оптимальный хроноинтервал 46-69/70гг. (хотя годы его преемника Раскупория I – 71-92гг., сообразно чему, если между ними нет короткого промежуточного правителя, то, возможно, Котий царствовал по 71г.).

ПРОВИНЦИАЛИЗАЦИЯ ФРАКИИ

Причём, прежде чем отправиться в 46г., во главе, видимо, не менее 5-и когорт (или целого легиона?)³⁴, помогать Котию взойти на трон Боспорского царства в Крыму, Дидий, без сомнения, умиротворил в 45г., когда царя Роиметалка Фракийского устранила свобственная супруга, соседнюю с Мезией Фракию, к-рая, следовательно, на 46г. была пацифицирована из Мезии³⁵ и подверглась провинциализации, с превращением в кесарскую провинцию прокураторского ранга = с поставлением над ней всаднического наместника-прокуратора.

Резиденция римско-фракийских наместников – Перинф – на берегу Пропонтиды – самосская колония у подножия горы при одноимённом заливе, стяжавшая известность упорным сопротивлением Филиппу Македонскому. В последующем локальные фракийские волнения не причинят державе много беспокойства, их подавление не составит большого труда. До Траяна Фракия пребудет одной из самобытно-особорезимных провинций, став при Траяне, наряду с разделённой на Верхнюю и Нижнюю ещё при Домициане (ок. 85г.) Мезией, плацдармом для завоевания задунайской Дакии (101-106гг.), и обретёт статус регулярной провинции преторского ранга под управлением кесарского легата *Augusti propraetore*.

С IV н.э. и впоследствии опорными пунктами в деле эллинизации и романизации аннексированной провинции, к-рая претерпит их в значительной мере, но никогда не достигнет уровня высококультурных провинций Империи, мало того, обезлюдует в результате постоянного набора отсюда рекрутов и массового вторжения в IV/Vвв.³⁶ варваров извне, сделались, в первую очередь, эллинистические города между Нестом и Гебром (Марица), вдоль берега Чёрного моря (к-рые начали основывать с VIIв. до н.э. милетские колонисты). Абдера (родина Демокрита), Дикел, Маронея, Месамбрия; на востоке – Эн; фракийский Херсонес: Кардия, Клеунт, Каллиполь, Сест, Лисимахия; у Пропонтиды: Гай, Бисанфа, Перинор, Селимбрия; у Понта: Салмидес, Аполлония, Анхиал, Мессембрия; внутри страны: Филиппополь, Траянополь, Адрианополь. Римские колонии: *Argi – Colonia Claudia Aepensis, Deultum – Colonia Flavia Pacis Deultensium*. Со IIв. н.э. общепроvincialный центр кесарского культа фракийских племён – Тримонтий («Город трёх холмов») – Филиппополь (названный так завоевавшим в 342г. до н.э. Евмолпию Филиппом II).

И всё-таки, при римлянах, в первые века н.э., эта экстремально экстравертированная некогда страна, очаг-лежбище племён-народов, откуда вышло в мир множество миграционных волн-потоков древности, страна, оплодотворившая Переднюю Азию, исчерпав свой прежний ресурс-потенциал и поэтапно угасая, оставалась полуварварской периферией. Здесь, в условиях ранней суровой зимы, большинство

³⁴ При Тиберии на Балканах стояли 6 легионов (Д.И. 633): IV-й и V-й – в Мезии; VIII и XV – в Паннонии; VII и XI – в Далмации. В 43г. один из четырёх легионов, высадившихся в Британии, а именно – IX-й, подошёл из Мезии, где, стало быть, в 40-е гг. стояли 3 легиона. И думается, что место ушедшего воевать Британию мезийского легиона занял (новосформированный?) другой. Т.е. в Мезии на 44/45/46гг. (учитывая возвращение Македонии и Ахайи сенату, провинциализацию Фракии и содействие римско-мезийского воинства в воцарении Котия Боспорского), скорее всего, стационарировались 3 легиона.

³⁵ Первоначально составлявшая часть провинциальной Македонии Мезия – кесарская провинция, под управлением консулярского легата, со 2-11/12гг. н.э. Границы: в нижнем течении – Дунай; на западе – Далмация и короткая граница с Паноннией; на юге – Македония и Фракия; на востоке – Чёрное море (см. выше). Вдоль Дуная – плодородные пшеничные поля; ещё в IIIв. н.э. – *horreum Cereris*; на западе – богатые рудные месторождения. При Домициане – Верхняя – *Moesia Superior* – запад (примерно – территория Сербии), и Нижняя – *Moesia Inferior* – между Дунаем и Балканами.

³⁶ После эвакуации римских войск, при Аврелиане (270-75гг.), из Дакии.

населения предпочитало земледелию, к-рым, как и виноградарством или коневодством, занималось элитное меньшинство, охоту, а ремёсла и торговля оставались уделом колониальных городов со смешанным населением.

Неспроста во Фракии, цари к-рой, повторим, гордо возводили себя к инаугуратору элевзинских мистерий Посейдониду Евмолпу, так культивировался Дионис, вернее, его винно-музыкальные таинства и пары, его вакхические проявления: знаменитое святилище с оракулом на р. Марица, в к-ром отец Августа Г.Октавий внял пророчеству о великом будущем своего сына. И тут нужно особо оговорить по-особенному свойственные фракийцам экстатические культы, особое ритуальное музицирование, сокровенные и грозные песнопения, формулы, заклинания, клятвы, особое сакральное и функциональное значение вина, пения, игры на музыкальных инструментах.

Если воитель Арес/Марс чувствовал себя здесь, в мартиальном обиталище, как дома, если фракиец Эниалий слыл архивоинственным, то происходивший из Фракии Орфей являл собой полную противоположность Аресу или Эниалию. Сын, скажем снова, речного бога Эагра, или Аполлона и Каллиопы, певец и музыкант, он покорял волшебной силой искусства и богов, и людей, и природу. Участвуя в походе аргонавтов, умиротворял игрой на форминге волны и помогал гребцам «Арго». Снизойдя в Аид за умершей от укуса змеи Эвридикой, укротил нежной музыкой свирелого Цербера и злобных Эриний, очаровал Аида и Персефону.

Однако он, как мы знаем, нарушил Аидов запрет, взглянул раньше срока, до возвращения домой, на возвращённую к жизни Эвридику, вследствие чего она навсегда исчезла в царстве смерти. С тех пор Орфеевым кумиром стал не Дионис, но (как бы тождественный Гелиосу, хотя их разнокачественные божественные проявления необходимо дифференцировать) солярный Аполлон, и насланные разгневанным Дионисом менады растерзали его. Или, по др. версии, они растерзали его как (из-за потери жены) женоненавистника. Правда, некоторые уверяют, что не желавший такого исхода Дионис наказал кровожадную самодеятельность вакханок, превратив их в дубовые деревья.

Природа (человеческий, животный, растительный, минеральный миры) оплакала гибель своего любимца. Облачённые в траур Музы собрали части растерзанного-разбросанного тела (мотив Осириса!) и предали торжественному погребению. Голова же Орфея приплыла, несомая волнами Марицы (Гебр), в Средиземное море, где попала, странствуя по морским волнам, на Лесбос. Там её и принял Аполлон. При всех случаях, на Лесбосе существовал орфический оракул.

Орфей почитался как учредитель вакхических мистерий и всяческих обрядов; ему посвящались мистерии в Самофракии. Или, с др. стороны, орфика как теогоническо-космогоническая поэзия представляла собой учение о судьбе бессмертной души в смысле достижения потустороннего блаженства посредством умеренности и воздержания на земле. И ещё орфизмом или орфикой называют, как сказано выше, систему религиозно-философских воззрений на базе целительного аполлоническо-дионисианского синтеза. Самое время (в к-рый раз) вспомнить двух (братьев) Иисусов – Вифлеемлянина и Галилеянина, Соломонида и Нафанида – носителей-преобразителей *аполлонического* и *дионисианского* импульсов-начал.

Вот какими, помимо беспощадно-мартиальных, путями-дорогами шёл слепой поиск истины во Фракии; вот что исходило из Фракии; вот на чём, в т.ч., споткнулась амальгамированная и амальгамирующая Фракия; вот какую, б.м., главную, лепту она – как родина-цитадель орфизма – внесла в подготовку вселенского Таинства Голгофы. Единоновременно перед нами глубокая трагедия: не найденная смычка, не найденное промежуточное звено между Дионисом и Аполлоном. Фракия и Орфей не сумели пройти по *лезвию бритвы* (аристон), не смогли, острее прочих

восприняв Музыку Солнца, вняв ей, совладать с нею; не различили, не расслышали, не разглядели *экстракт* Музыки Солнца и полетели кубарем!

Сходно и другой фракийский (мета)герой (сын Филамона и нимфы Аргиопы) Тамир почитался, наряду с Орфеем, одним из отцов-инаугураторов эпической поэзии. Отличаясь необыкновенной красотой и великолепной игрой на кифаре, он одержал ряд побед на Пифийских играх, после чего возгордился и вызвал на состязание самих Муз. Более того, потребовал, в случае победы, права любить каждую из них, а в случае поражения, согласился отдать им всё, что они пожелают. Победив, Музы, в наказание за дерзость, ослепили Тамира, лишили его голоса и умения играть на кифаре. Увы, и он оступился.

Засим метаистория, подвергнувшейся внутреннему опустошению-ослепению Фракии, сродни её истории, достаточно трагична. Отсутствие взаимодействия между подлежащими сведению-взаимопроникновению субстанциональными силами; не столько сближение, сколько поляризация сил; не столько сведение, сколько разведение мостов; не столько заключение, сколько расторжение союзов. Эта страна подпала упадку, разорванная между полюсами, завещав миру имманентную загадку Диониса и Аполлона, необыкновенные звуки музыки, печальную повесть Орфея и Эвридики, драму слепого музыканта Тамира, тайны Диомеда и Эниалия, тайну и Таинство Гармонии Сфер.³⁷

Музыка, под воздействием к-рой силы Марса превращаются в силы Любви! Сфера Диониса: виноградарство, виноград и вино! Год изготовления, год выдержки вина – есть своеобразное зеркало Кроноса/Сатурна, есть одно из проявлений запечатлённого виноградной лозой поступательного Времени! Не был ли виноградарем патриарх Ной! Не врачевал ли раны солнечный Аполлон! Не говорит ли Иисус: «Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой – Виноградарь» (Ио.15,1).

Не случайно Мезия стала римской провинцией после Рождества Христова в 1/1гг. до н.э. и н.э., во 2 – 12гг. н.э., а Фракия обратилась в римскую провинцию по свершении Таинства Голгофы 33г., после имевшей место в святочное Рождество 44г. н.э., на 12-м году от Голгофы, Астральной Мистерии Христа. Вот когда – с весны 33 по декабрь 44гг. – смутно воспринятый Орфеем, Тамиром и Евмолпом *экстракт* Христовой Музыки Духовного Солнца, *экстракт* Гармонии Сфер, к-рой жертвенно овладел победоносный Христос-Солнце, во всю беспрецедентную мощь раздался и прозвучал (для имеющих уши и души, чтобы внять) над Вселенной. Т.е. время провинциализации Фракии в 45/46гг. суть 12 (число Пространства; число Патриархов; число Апостолов) и 13 (число Мессии) лет от Таинства Христа Спасителя!

Не случайно в далёкой Фракии умер (готовясь к христианской реинкарнации) автор «Метаморфоз» опальный Овидий. Не случайно именно через Скифию Minor во Фракии пришёл в Рим учредитель непреходящего христианского летоисчисления (носитель имени Дионисия Ареопагита, к-рое носили посвящённые ученики

³⁷ Если черпавший музыку из своего высшего Девахана и взошедший до услышания Гармонии Сфер (к-рые не может слышать ни один смертный), что и звучит в его бессмертном «Реквиеме» (мрачная торжественная мистика трагического ухода в вечность, солнечное затмение и посмертное сердечное просветление), гениальный Моцарт (певец Солнца – как Сердца Вселенной) – новый Орфей в музыке, то не менее гениальный поэт поэтов О.Мандельштам (Он опыт из лепета лепит / И лепет из опыта пьёт) – новый Орфей в поэзии (Он сказал: – довольно полнозвучья, – / Ты напрасно Моцарта любил, / Наступает глухота паучья: / Здесь провал сильнее наших сил)!

О, широкий ветер Орфея,
Ты уйдёшь в морские края –
И несозданный мир лелея,
Я забыл ненужное «я».

Я блуждал в игрушечной чаше
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придёт?

основанной Ап. Павлом и возглавленной Дионисием Ареопагитом эзотерической школы) Дионисий Малый (в бытность к-рого папским архивариусом в Риме таинственно явились на свет богословские труды Дионисия Ареопагита).

НИЖНЯЯ ГЕРМАНИЯ

Судя по легендам на реверсе римских монет за 46г. н.э. — *de Britann(is)* и *de Germanis* — в этом году как продолжалось боевое покорение (А.Плавтием) юга Британии (главной жемчужины внешнеполитической клавдианской короны), так и начались военные действия на прирейнской римско-германской границе в Нижней Германии. И пусть Тацит повествует об этих германских событиях под кульминационным для них 47-м г. (Ан. 11,18), стартовали они, по всему, в году предыдущем, когда на своём посту скончался нижнегерманский легат Кв.Санквиний Максим, кто, напомним, в первый раз облакал консульство-суф. в 20-е гг., при Тиберии, впоследствии сменив — как суффект — 1.02.39г. в консульстве ординария Калигулу, к-рый в том же 39г. доверил ему ответственную магистратуру римско-городского префекта Urbī. А уже Клавдий, видимо, в 42г. назначил Санквиния (как преемника А.Габиния Секунда) кесарско-консульским легатом Германии Inferior.

Последняя, с центром, о чём читатель знает, в будущем Кёльне (*oppidum Ubiorum*), включала рейнское левобережье — современные Нидерланды, Бельгию, Люксембург, части северо-западной Франции и западной Германии. В 41г. здесь против вторженцев хавков успешно сражался Габиний Секунд, удостоившийся триумфальных отличий и победного прозвища «Хавк», и с тех пор в регионе царило спокойствие. В 43г. один из 4-х нижнегерманских легионов — XX-й — участвовал в британском десанте, тогда как нижнерейнскую армию пополнили 2 новосформированных легиона — XV-й и XXII-й (при том, что всего в Германии Inferior легионов, по-прежнему, оставалось 4, их число не доходило до 5-и, т.е., возможно, один легион был именно отсюда передислоцирован в 44г. в Мезию). И вот в 46г. положение на нижнем Рейне изменилось-обострилось.

«Тогда же хавки, свободные от внутренних смут и осмелевшие по причине смерти Санквиния, подошли на лёгких судах к Нижней Германии и до прибытия Корбулона опустошали её набегами; их предводитель Ганнаск, родом из племени каннинефатов, ранее служивший у нас во вспомогательном войске, а затем перебежавший к германцам, грабил и разорял главным образом галльский берег, хорошо зная, что обитатели его богаты и невоинственны...» (Ан. 11,18)

Многочисленные, делившиеся на Больших и Малых, к-рых разделяла р. Везер, известные своим искусным мореходством, рослые западно-германские хавки (*hauhai* — *высокие*) обитали вдоль берега Северного моря между Эмсом и Эльбой. Покорив соседних им с запада, ближних к Галлии фризов, против них ходил во время своих знаменитых германских походов 12 — 9гг. до н.э. Друз. В 5г. н.э. они выразили покорность Тиберию. И в их владениях, так же, как во владениях фризов, даже после поражения Вара (9г. н.э.), стоял римский ограниченный контингент, с поставлением ими, как и фризами, рекрутов для аукзилиарных частей.

Притом, если земли фризов римляне оставили после неудачи-поражения Л.Апрония в 28г. н.э., то из владений хавков, утрата к-рых после Тевтобурга и потери Римом правобережья Рейна была лишь вопросом времени, они, видимо, удалились десятилетием раньше (с окончанием, по приказу скептика Тиберия, ратоборческо-реваншистской деятельности-кампаний Германика в Германии — 16г. — ?).

Посему предоставленные самим себе, свободные, и свободные, как говорит Тацит, от внутренних смут, хавки к 40г. достаточно окрепли-осмелели, чтобы

замахнуться на римско-гальские владения левобережья, почему Габинию пришлось преподать им в 41г. урок, к-рого хватило на пятилетку. В 46г. воспользовавшимися смертью Габиниева преемника Санквиния искусными, как сказано, моряками-мореходами хавками была взята на вооружение стратегия-тактика скоростных пиратских набегов на гальский берег. Ведь насельники этого побережья были изнежены подримской-романизаторской жизнью в достатке и, подобно большинству растерявших при римлянах свой прежний боевой дух и пыл галлов, невоинственны.

При всём том, хавкианское пиратство возглавил некто Ганнаск, каннинефат родом, ранее служивший, сходно херуску Арминию, в аукзилиарных частях на левом римском берегу Рейна, потом дезертировавший на правый берег, окопавшийся у хавков и воодушевивший-возглавивший их в деле грабительских пиратских набегов на римско-гальское – нидерландско-бельгийское – побережье. Плюс, вероятно, – на устье Рейна и нижнелевобережную Германию близ устья, вверх по Рейну.

Каннинефаты – союзное римлянам германское племя северного берега нижнего Рейна, родственное соседним к ним с юга батавам – обитатели Батавского о-ва – *insula Batavorum* (Плиний 4,101): *nobilissima Batavorum insula et Cannenefatium*. В прошлом, при Августе, они изъявили покорность Тиберию вместе с аттуариями и бруктерами. Во множестве состояли на римской службе во вспомогательных подразделениях, о чём свидетельствуют Плиний, Тацит и эпитафка. Имя каннинефатов сохранилось в наименовании северо-голландской местности *Kennenmerland*.

Но новым Арминием пирату Ганнаску стать не доведётся, ибо назначенный в 46г. легатом Нижней Германии вместо умершего Санквиния Гн.Домиций Корбулон (кому суждено будет сделаться самым знаменитым римским полководцем времени позднего Клавдия и Нерона), энергично взявшись за обуздание обнаглевших германцев, не гнушаясь кинжальных методов, посредством посланных с левого на правый берег убийц (или убийцы), оперативно устранил его.

Впрочем, это произойдёт уже в 47г., в то время как, возглавив Германию *Inferior* где-то летом/осенью 46г., новый легат, согласно Тациту, деятельно, а вскоре и со славою для себя, приступил к управлению провинцией, готовя нанесение удара воемездия и заведомо собираясь (вопреки завещанию завершившего в 16г. *Тридцатилетнюю войну* Тиберия – не соваться за Рейн) снова перенести римскую завоевательную активность (в пику печальному уроку Тевтобурга) на заповедный (для Рима) правый берег Рейна.^{37а}

^{37а} Если в 406г. алеманны (по имени к-рых французы называют Германию Алеманнией) окончательно осели в Эльзасе, то с 496г. (после битвы при Толбиаке – победа Хлодвига над алеманнами) Страсбург попал в сферу влияния германских франков. И как в древности, в результате Тевтобурга (9г. н.э.), римско-германская граница прошла по Рейну (за невозможностью для Рима экспансировать дальше), так с Вестфальского мира (1648г.) Франция стремилась иметь именно Рейн (возвратная архаика!) в качестве опорной границы между Французским королевством и различными германскими государствами.

Причём Французская революция и Наполеон выполнили-перевыполнили пограничную задачу сначала границей по Рейну и затем наполеоновским созданием подвассального Франции Рейнского союза (1806г.). Только Венский конгресс (1815г.) пересмотрел эту границу в пользу германства. А по итогам Франко-прусской войны 1870/71гг. Эльзас и Лотарингия были включены в состав Германской империи (вернувшей германству захваченный Людовиком XIV в 1681г. Страсбург).

Тем не менее, по итогам I-й Мировой войны, на Версальской конференции (1919г.), и Ж.Клемансо, и французские генералы (вернувшие Франции снова отобранные у неё 1940г. Гитлером Эльзас/Лотарингию) настаивали на том, что именно Рейн – естественная граница между Францией и Германией (природная «линия Мажино»).

Таким образом, лишь подписанный в 1963г. Ш. де Голлем и К.Аденауэром Елисейский договор (о дружбе) окончательно (окончательно ли?) урегулировал пограничные вопросы и похоронил долгую-предолгую как романо-германскую, так и германо-французскую вражду.

47г. н.э.

1 января 47г. н.э. = 800г. а.У.с. в консульство вступили Тиб.Клавдий Цезарь Август Германик (в 4-й раз) и Л.Вителлий (в 3-й раз).³⁸

УСТРАНЕНИЕ МЕССАЛИНОЙ ГН.ПОМПЕЯ МАГНА

По Светонию, будучи консулом в третий раз, из четырёх (не считая прикалигулианское консульство 37г.) консульств за время своего кесарства (42, 43, 47, 51гг.), «Клавдий замещал в этой должности умершего предшественника, чего ещё ни один правитель не делал» (Кл. 14). Но тут явно светониевская ошибка, будь то приложительно к 47 или к 43гг. (к-рый, т.е. 43г., предпочитает в качестве третьего клавдианского консульства, считая оные с 37г., в примечаниях к своему русскому переводу Светония, например, Л.Гаспаров), поскольку ни Фасты, ни какой-либо иной источник эту дезинформацию не подтверждают.

Более того, замещение кесарем Клавдием некоего умершего ординария в ранге суффекта, да ещё в год празднования юбилейного 800-го года от основания Рима, да ещё в год форменного облечения Клавдием (высочайшей) цензуры, что имело для него (большого любителя истории и легитимистского воспроизведения отечественных антикварных древностей) особое значение, просто невозможно вообразить. Тютя-то он, конечно, тютя, ан – только не в таких принципиальных для него вопросах-делах и не до такой именно в них самооглупительной степени.

И пусть ему, напару, как и в 43г., с Л.Вителлием, довелось быть при *рабочих* фасках всего два месяца, до 1.03., но, обновив свою трибунскую власть 25.01. – *tribunicia potestas VII*, – он одновременно стал цензором-*designatus*, официально облекши магистративную цензуру (не облекавшуюся в Риме с 22г. до н.э.) после апрельского праздничного юбилея и приуроченных к нему Секулярных торжеств (см. ниже), на базе, в частности, ординарно-консульской номенклатуры-эпонимии года. Ведь цензор и (эпонимический) консул-орд. суть две высшие магистратуры (мавзолейной) Республики (*restitutata*), и облечение одной из них без другой было (бы) для Клавдия совершенно непредставимо-немыслимо.

Продолжим. Итак, если Тацит вновь обретает после 10-летнего перерыва анналистический голос, причём, что важно оговорить, не с самого начала 47г. н.э.³⁹, то Дион, напротив, авторски умолкая, далее, как раз с 47г., представлен выдержками эпитоматоров – Ксифилина, Зонары и т.д. Засим, знамя анналистики, выпадающее из рук одного (увы, последнего греко-римского) анналиста (II/IIIвв.), к немалой для нас удаче, подхватывается другим (увы, последним великим римско-латинским анналистом, жившим-творившим в I/IIвв. н.э.).⁴⁰

Между тем, стартующая с полуслова анналистика Тацита начинается, точнее,

³⁸ Суффекты 47г.: Г.Калпетан Ранций Седат и М.Гордеоний Флакк (март/апрель). Первый – приёмный сын Г.Стация Руфа, с 45г. куратор гос. архивов – *curator tabulariorum publicorum* (CIL 6,916); после консульства – кесарский легат Далмации; его приёмный сын – конс.-суф. 71г. – Г.Калпетан Ранций Квиринал Валерий Фест. О Гордеонии Флакке данные отсутствуют. Следующая пара: Гн.Госидий Гета и Т.Флавий Сабин. Гета успешно воевал в Мавритании, перевалив через Атласские горы – 42г., и не менее успешно оперировал под началом А.Плавтия в Британии – 43г. (см. выше). Сабин – неизвестен. Дальше идут не парно, но один за другим – некто Л.Вагеллий (сентябрь/октябрь) и Г.Волассена Север (ноябрь/декабрь), пары к-рых, как и сведения о них самих, под вопросом.

³⁹ 6-я книга «Анналов» завершается смертью Тиберия в 37г., а 11-я не столько открывается, сколько продолжается правлением Клавдия с 47г. Книги 7-10 и часть кн. 11 – правление Калигулы (37-41гг.) и первая клавдианская пятилетка (41-46гг.) – отсутствуют.

⁴⁰ Не случайно время жизни и творчества Тацита (ок. 55 – ок. 125гг. н.э.) приходится на конец классической для анналистики и анналистического историописания ротационно-архан-

продолжается кознями Мессалины против Валерия Азиатика (Ан. 11,1-7), что, как выходит по Тациту, предшествовало апрельскому юбилею ab Urbe (день основания Рима – 21.04.) и Секулярным торжествам (11,11), случившись, соответственно, в первые месяцы 47г. А с др. стороны, в выдержке Зонары из Диона (61,29,6а) коротко-суммарно говорится об осуждении-устранении интригой Мессалины как Валерия Азиатика, так и женатого на дочери Клавдия, Антония, Клавдиева молодого зятя – Гн. Помпея Магна. И поскольку у берущего слово с полуслова Тацита о конце в 47г. Помпея нет ни слова, значит, скорей всего, интрига против него (о чём Тацит рассказал в не дошедшей до нас начальной части кн. 11) имела место перед интригой против Азиатика, логично предположить, в том же 47г. – в первые месяцы года. И, видимо, даже – в первые два месяца, когда Клавдий (напару с закадычным Вителлием) был в консульской тоге, при фасках.

По (даром что сплетнику) Светонию, – «Помпей был заколот в объятиях любимого мальчика» (Кл. 29,2). Насколько это правда? или се есть воспроизводимый Светонием постсхлх о Помпее? – неясно.^{40а} Во всяком случае, поднаторевшую в разврате кровожадную распутницу Мессалину (к-рую трудно было удивить или возмутить какой-либо разновидностью порока) подвигла к противополопомпеянскому выпадку наверняка не его, буде таковая имела место быть, слабость к мальчикам. По Диону от Зонары, если Азиатик не угодил ей своим богатством, то Помпей – своим знатным происхождением и родством с кесарем, хотя внешним поводом к устранению обоих послужило нечто иное (во что Дион от Зонары не углубляется).

На 47г. Помпею было едва за 20 (или как раз 20) лет и в ранге кесарского зятя он не мог не вызывать подозрений (перед лицом 56-го года жизни стареющего Клавдия) у Мессалины как потенциальный враг-соперник её пятилетнего сына Британника. Вот в чём должна состоять главная причина его устранения, к тому же, насколько выводится из Светония, без какого-либо суда, келейным решением.⁴¹

Следовательно, Мессалиной был прагматично ликвидирован в его лице вполне предсказуемый Британников конкурент, к-рый наверняка был ещё и не беден, тем паче, что вместе с ним погибли и его adoptивные родители – лихо гарцевавший на коне во время клавдианского триумфа 43г., особостатуированный, дважды обладатель триумфальных украшений Лициний Красс Фруги (конс. 27г.), убитый в паре с супругой Скрибонией.

Дальше – больше. Овдовевшую Антонию выдали замуж, в этот раз, за приходившегося сводным братом Мессалине одноимённого сына консула 31г. н.э. (второго мужа матери Мессалины – Домиции Лепиды Мл.) Фавста Корнелия Суллу Феликса (конс. 52г. н.э.), кому она вскоре родила сына (Ан. 13,23), в то время как в браке с Помпеем у них детей не было.

гельской эпохи Орифиила-Кроноса-Сатурна (ок. 250г. до н.э. – ок. 100г. н.э.; 248г. до н.э. – 108г. н.э.), тогда как время жизни Диона (ок. 170 – ок. 235гг. н.э.) есть уже её отзвук в эпоху Анаэль-Венеры (ок. 100-450гг.; 108-462гг.).

^{40а} Т.н. сексуальный компромат на венценосных и др. высоких особ был одним из основных в истории столь сестрински похожих Французской и Российской революций. И неважно, что никакой порочной связи между Г.Распутиным, в помощи к-рого нуждался большой гемофилией царевич Алексей, и царицей не было, зато это дополнительно помогло сделать-слепить и из императрицы-немки, и из противника войны с Германией Распутина (кто в ходе войны ратовал за сепаратный мир с немцами) махровых германских шпионов.

Впрочем, увы, если, по-настоящему, мужской решимостью во французских королевских верхах отличалась только Мария Антуанетта, то не менее настоящая мужская решимость в российских романовских верхах оказалась присуща только Александре Фёдоровне. (Ни один из великих князей последнего властного поколения Романовых не тянул, как и сам Николай II, на настоящего царя!)

⁴¹ Ибо, в случае осуждения и убийства (казни) по суду, Помпея не пришлось бы закалать-убивать «в объятиях любимого мальчика».

РАСПРАВА НАД ВАЛЕРИЕМ АЗИАТИКОМ И ПОППЕЕЙ САБИНОЙ // СУИЛЛИЙ И СОСИБИЙ

Об интриге же против Азиатика и расправе над ним у (обретающего голос) Тацита читаем: «...ибо, сочтя, что Валерий Азиатик, к-рый дважды занимал должность консула, был когда-то любовником той, а вместе с тем зарясь на сады, разбитые в своё время Лукуллом и доведённые Азиатиком до поразительного великолепия, она выпускает для обвинения их обоих Суиллия. Наряду с ним, воспитатель Британника Сосибий, выполняя её поручение, якобы из доброжелательства советует Клавдию остерегаться могущественных и богатых людей, так как они неизменно враждебны принципсам: вдохновитель убийства Гая Цезаря Азиатик не побоялся в собрании римского народа признаться в этом, больше того – притязал на одобрение этого злодеяния; прославленный этим в Риме и даже в провинциях, он собирается отправиться к стоящим против германцев войскам и, будучи уроженцем Виенны, может легко возмутить, опираясь на многочисленных и влиятельных родичей, также племена своей родины. Клавдий, не утруждая себя дальнейшим расследованием, спешно послал вместе с воинами, как если бы предстояло подавить мятеж силой оружия, префекта преторианцев Криспина, и тот, обнаружив Азиатика в Байях, заковал его и препроводил в Рим» (Ан. 11,1).

Мы в курсе, что В.Азиатик, один из главных вдохновителей заговора и убийства Калигулы (кто переспал с его женой, Лоллией Сатурниной, затем публично назвав её бревном в постели), сам в последнем не соучаствовал, так как в компании Клавдия и некоторых других успел проследовать (из театра) во дворец, когда Калигула, импровизаторски изменив маршрут, спустился и ступил в роковое для него придворцовое подземелье. И всё-таки, именно он, Валерий, публично произнёс, оправдывая-восхваляя своим авторитетом произошедшее перед согражданами-римлянами, знаменитые слова, что был бы счастлив убить тирана самолично, чем, как и своим активным участием в заговоре, с одной стороны, не мог не стяжать популярность у части нобилитетских верхов и народа, а со стороны другой, не мог, сродни прочим заговорщикам, не оказаться минимум под подозрением у преемника Калигулы в качестве кесареубийцы.

Почему? Да потому что на смену Калигуле пришла не республика, но следующий очередной кесарь, кто не мог, кем бы он ни был, в той или иной мере, не опасаться убийц кесаря предыдущего, невзирая на то, что именно они фактически проложили-расчистили ему дорогу к власти. Тем паче, не мог, став кесарем, скажем так, по меньшей мере, внутренне симпатизировать цареубийцам Клавдий, – наименее достойный из них полуумок, спрятавшийся за занавеской (или аж в отхожем месте) и извлечённый оттуда, волею судеб или стечением обстоятельств, (едва ли не случайно заметившим его) преторианцем Гратом. Неспроста почти все, поначалу героизированные, главные высокопоставленные заговорщики против Калигулы кончили плохо: Анний Винициан, М.Виниций (пусть устранённый не Клавдием, но Мессалиной), и вот теперь – В.Азиатик.

По Тациту, помимо его привлекавшего Мессалину (и приклавдианских-примессалианских вольноотпущенников-прихлебателей) богатства, включая доведённые им до изумительного великолепия роскошные Лукулловы сады (*horti Luculli*), обрушившись на него, мстительная и ревнивая кесарша обрушилась одновременно, убивая одним выстрелом двух зайцев, на красавицу Поппею Сабину. Последняя некогда была прелюбодеятельной любовницей Валерия, но бесила Мессалину не этим, а тем, что в настоящее время или совсем недавно тайно встречалась-перепихивалась

с лицедеем Мнестером, к-рый, как видим, всё же ухитрился сходить от императрицы, державшей его почти на цепи в императорском дворце при себе, налево.

В отношении Поппеи Сабини, речь идёт о дочери консула 9г. н.э., к-рый побил все наместнические рекорды, отлегутив на Балканах (Мезия, Македония, Ахайя) итогу 24 года, и скончавшись на посту (35г.). В первом браке она замужествовала за казнённым по делу Сеяна в 31г. Т.Оллием – отцом одноимённой матери Поппеи Сабини Младшей – её дочери – будущей жены Нерона. Второй муж Поппеи Старшей – П.Корнелий Лентул Сципион – конс.-суф. 24г. н.э., сын к-рого (и Поппеи) – родившийся ок. 35г. П.Корнелий Сципион Азиатик, побывает консулом-суф. в 68г. н.э.

На 47г. отличавшаяся редкостной красотой Поппея Старшая продолжала замужествовать за входившим в ближний клавдианский круг Сципионом и, насколько следует из дальнейшего рассказа Тацита, тайком встречалась с оборотистым Мнестером в доме неких знатных римских всадников, «носивших фамильное имя Петра» (II,4), что сделалось известно Мессалине, решившей в ярости сплести-связать (принцип «амальгамы» в коронных обвинениях Фукье Тенвиля или Вышинского!)⁴² два удара по Азиатике и Сабине. Притом на-при домашнем разбирательстве придворной камарильей – не столько во главе с Клавдием, сколько при его участии-соучастии – данного плана, за осуществление одного взялись две мессалианские шестёрки – Суиллий и Сосибий.

⁴² К слову, если согласно обвинительной судебной-процессуальной лексике А.Вышинского на сталинских процессах 30-х гг. XXв. (пыточно добытое «признание обвиняемого – царица доказательств»), люди хрюкали (подхрюкивали), твякали, мычали, жевали сопли и вообще – не менее уничижительно, чем безвкусно-примитивно – сравнивались с различными представителями фауны (например: «трус и изменник Ягода, помесь лисы и свиньи»), то его достойный юридический предшественник, железный якобинец А.Фукье-Тенвиль (с к-рым Ленин комплиментарно сравнивал «якобинца революции» Ф.Дзержинского), бахвалился тем, что он за 60 минут может вынести 60 смертных приговоров.

Причём в одном «большом контрреволюционном заговоре» (с целью свержения Республики – реставрации монархии) Фукье умел (мастерски) *соединить* («принцип амальгамы», согласно формулировке Фукье) незнакомых между собой фрейлину королевы и проститутку из Пале-Рояля, герцога и сапожника, химика и жестянщика (к-рые все скопом становились агентами Питта и главного врага Революции – *британского империализма*). Дальше – больше: Фукье искренне возмущался тем, что приговорённые, в результате его виртуозного общественного обвинительства, к смерти, после вынесенных приговоров, ещё живут долгие дни, а иногда – даже недели, и что на них неоправданно переводится народный хлеб, в связи с чем предлагал поставить гильотину прямо в зале суда, и тут же, незамедлительно по вынесении приговора, рубить врагам народа головы.

И пусть он ещё успел, предав Робеспьера и его шоблу, поддержать термидорианский переворот, это его не спасло. Те вчерашние робеспьеристы, у к-рых самих руки были по локоть в крови, сделали его, после казни Робеспьера и робеспьеристов ближайших, одним из козлов отпущения и одним из главных ответственных (второго эшелона) за якобинский террор. Они сфабриковали-амальгамировали очередной заговор, на сей раз, с его участием, и с удовольствием, хотя он и сказал в своём последнем слове, что «оказался (был назначен) главой заговора, к-рого никогда не знал», отправили этого (протомившегося перед тем аж 8 месяцев в заточении) некуртуазного «рыцаря революции» на гильотину (7.05.1795г.). При этом, по пути группы осуждённых на эшафот, бежавшая за везшей их связанными спина к спине телегой толпа именно его, Фукье, больше всех прочих осыпала проклятиями, тогда как он активно переругивался с толпой, кричал «ступайте за хлебом, каналы», и изрыгал страшные пророчества, гильотинированный на Гревской площади последним из 16-и приговорённых.

Между тем, Вышинский, назначенный после смерти Сталина представителем СССР в ООН, всё острее предчувствуя, чем для него может обернуться начавшая понемногу, пока внутренним порядком, набирать обороты (навстречу XX-у съезду КПСС – 1956г.) хрущёвская (даром что туфта) десталинизация, *поспешил* умереть в ноябре 1954г. (во избежание худших для себя последствий) от сердечного приступа.

С П.Суиллия Руфа, начавшего жизненный путь и карьеру ещё при Августе, а закончившего в возрасте за 80 (extrema senectae) уже при Нероне, можно, пожалуй, писать яркий портрет эпохи Принципата Юлиев-Клавдиев. Его, первого из известных в римской истории Суиллиев, отпрыска неизвестного отца, т.е. homo novus по отцу (и матери?), первой женой была, согласно Плинию (7,39), некая Вистилия – возможно, впоследствии мать рождённых ею от др. мужей сводных брата и сестры: родившейся в 4/5гг. н.э. Милонии Цезонии (последняя жена Калигулы) и давеча отресоменодовавшегося нам с читателем, в ранге легата Нижней Германии, Гн.Домиция Корбулона (род. ок. 6/7гг.).

Ок. 5г. н.э. Суиллий женился на падчерице Овидия, к-рый, маясь (с 8г. н.э.) ссылкой в Томи, адресовал ему (родственнику и другу – как поэта, так и муз), в 15г. квестору Германика, одно из «Посланий с Понта» (4,8,1; 8,9-11; 89/90) (Д.И. 957/58), прося о, вскоре после смерти Августа (14г.), заступничестве и ходатайстве, в напрасной надежде на пересмотр своего дела и минимум на смягчение места ссылки, с переводом из римско-фракийской Сибири куда-нибудь на солнечные Крит или Кипр. В 24г., при Тиберии, этого Суиллия, по требованию (неплохо разбиравшегося в людях) Тиберия, сослал – «за получение взятки при судебном разбирательстве» (Ан. 4,31) – на пустынный остров, откуда он возвратился в Рим при Калигуле, и (облекши, в возрасте за 50, консульство-суф. – в интервале 38 – 44гг.) всю развернулся при Клавдии. По Тациту, – всемогущий, продажный и долгое время, всегда в неблагих целях, своекорыстно пользовавшийся дружбой с кесарем Клавдием.

Добавим, – не менее с Клавдием, чем с Мессалиной, к-рая его всячески против негодных ей персон пользовала. Так, в 42г. он обвинил соконсула Калигулы (41г.) Кв.Помпония, к-рый, напомним, целовал в день убийства тирана Калигуле ноги, а потом горячо ратовал за Республику, именно в попытках противокесарски восстановить республиканский строй, обвинения в чём Помпоний избежал в 41г., когда Клавдий почти всех простил, не избежав его в следующем 42г. Тогда Суиллий, сообразно слову Тацита, «непомерностью предъявленного им обвинения вынудил Кв.Помпония прикнуть к поднявшим противоправительственный мятеж» (Ан. 13,43) = «вынудил» бежать к мятежному легату Далмации Камиллу Скрибониану, и там, в результате провала бездарного мятежа, наложить на себя руки.

Позднее, в 43г., не без участия-соучастия (клеветника) Суиллия, Мессалиной были загублены (сосланная и убитая в ссылке) дочь Друза Юлия, и в связи с делом Юлии – консуляр (консул-суф. при Калигуле или Клавдии) Кв.Лутеций Лузий Сатурнин (Ан. 13,32; 43; Сенека «Арос. 13), подробности расправы над к-рыми и суиллианской причастности к ней неизвестны. Потом, как полагают, в 46г., – не в связи ли с заговором Азиния Галла и Статилия Корвина? Суиллием был погублен или сопогублен, по (какому-то) ложному обвинению, консуляр Корнелий (Лентул?) Луп – проконсул Крита и Киренаики при Тиберии, конс.-суф. 42г. в паре с Г.Цециной Ларгом (Сенека «Арос.» 13; Ан. 13,42). Вдобавок, возможно, по тому же делу 46г., был казнён упоминаемый, без подробностей и хронологии, Сенекой и Тацитом в ряду жертв приклавдианских репрессий преторианский префект Катоний Юст.

* * *

Засим на 47г., когда Мессалина выпустила (фас!) Суиллия против В.Азиатика и Поппей Сабины, он обладал достаточным делаторско-обвинительским стажем, мало того, нынче вышел из тени и из вторых-третьих закулисных ролей в прошлом на роли первые, участвуя в келейно-дворцовом императорском, без вынесения этого

дела в сенат, судилище в качестве, напару с пестуном Британника Сосибием, главного обвинителя.

А судя по тому, что префект преторианцев Руфрий Криспин обнаружил Азиатика в курортных Байях, заковал и препроводил в Рим, последний, отбив январско-февральской зимой на свою виллу в Байи, с их мягким бархатным климатом, не ожидал такого выпада против себя, или смирился в ожидании скорого удара (не со вчерашнего дня). Вспомним: в 45г. Валерий досрочно сложил консульство-орд., чтобы не раздражать примессалианские верхи своим благополучием и богатством (как будто это сложение могло что-либо изменить!).

Короче, сейчас на него, доставленного в оковах (что уже предопределяло его судьбу) в палатинские покои принцепса, в присутствии самого Клавдия, Мессалины и придворной камарильи — как из сенаторов, так и из влиятельных вольноотпущенников, посыпалось нагромождение множества обвинений.

«...Суиллий обвинял Азиатика в разращении воинов, к-рые, получая от него, по словам Суиллия, деньги и предаваясь разврату, превратились в толпу разнузданных негодяев, затем в прелюбодейной связи с Поппеей и, наконец, в недостойном мужины разврате. Тут подсудимый не выдержал и, нарушив молчание, к-рое до того упорно хранил, сказал: «Спроси своих сыновей, Суиллий, и они признают, насколько я — мужчина»; после этого он приступил к своей значительной речи, глубоко взволновавшей Клавдия и исторгнувшей слёзы даже у Мессалины. Выходя из покоя, чтобы их смыть, она наказывает Вителлию никоим образом не дать подсудимому ускользнуть. Сама же торопится погубить Поппею, подослав к ней своих приспешников, чтобы те, внушив ей страх перед темницею, побудили её к добровольной смерти; причём Цезарь до того не был об этом осведомлён, что спустя несколько дней спросил обедавшего у него мужа её Сципиона, почему он без жены, и тот ответил, что она по воле рока скончалась» (Ан. 11,2).

Как почти всегда в подобных случаях фабрикация обвинения с заведомо поставленной целью и заведомо известным результатом, невероятная ложь перемешивается с полуложью, к к-рой, в свою очередь, примешивается немного правды. И чётко дифференцировать их, особенно по прошествии времени, в условиях отсутствия живых свидетелей (да и со свидетелями, каждый из к-рых обычно тянет одеяло на себя), крайне нелегко. Где? когда? и каких именно воинов якобы разращал-подкупал Валерий? — неизвестно. Но речь, вероятно, идёт о его участии, в составе приклавдианского штаба, в британском походе 43г. (Ан. 11,3), или, что менее вероятно, об эвентуальном возглавлении им какой-то легионизированной провинции в 41/42-м, либо в 44/45гг., т.е. в интервале между приходом Клавдия к власти в 41г. и вторым (itegum) валерианским консульством 46г.

К этому явно ложному обвинению-поклёпу, если не считать, неведомо в каких условиях-обстоятельствах, проявленную Валерием (скорей всего, в ходе британской кампании? по её победоносном окончании через 16 дней, в смысле отплытия из Британии совместно с Клавдием?) щедрость по отношению к римским воинам, тотчас прибавилась прелюбодейная связь с Поппеей, к-рая наверняка в прошлом имела место. И ещё в довесок к этой связи — мужеложство, обвинение в к-ром, судя по ответу Валерия Суиллию (с сновьями к-рого, его приблизительными ровесниками, обвиняемый, м.б., дружил и вместе с ними ходил по бабам)⁴³, аналогично обвинению в разращении воинов, тоже было наглою ложью.

⁴³ Известны три сына Суиллия: 1. (от Вистилии) П.Суиллий Руф — конс.-суф. ок.47г.; 2. Суиллий Цезоний (с когноменом в честь жены Калигулы Цезонии) (Ан.11,36); 3. (от падчерицы Овидия) М.Суиллий Неруллин (с когноменом в честь Нерона) (Ан.12,25) — конс. 50г., проконсул Азии в 69/70гг.

Кроме того, ведь ни прелюбодеяние, ни даже мужеложство и педофилия, не смотря на официальную-формальную подсудность и того, и другого, и третьего (плюс – позорность второго и третьего), давно не являлись в Риме, мягко говоря, необычными-редкими деликтами и не считались ужасающими преступлениями. Не считались, если, конечно, их не требовалось использовать, с опорой на правовую систему, против кому-либо неугодных лиц, когда хвалёное римское правосудие тотчас включалось в дело, а суровая староримская мораль тотчас призывалась в свидетели.

Тем не менее, невзирая на безвыходность ситуации, о чём он прекрасно знал, оказавшийся крепким орешком Валерий, не потеряв самообладание, произнёс, в ответ на ушаты помоев со стороны негодяя Суиллия, настолько достойную защитительную речь, что взволновал даже своих погубителей – Клавдия, и главное, – Мессалину, к-рая аж пустила (крокодилица крокодилу) слезу. Жестокости и беспределу ничтожеств как правило сопутствует почти всегда присущая им сентиментальность (младшая сестра жестокости), и удивляться тут, коли поразмыслить, нечему.

Однако Мессалина не поддалась минутной слабости, поскольку, выходя из покоев, чтобы как можно скорее погубить Поппею, кого следовало убедить в необходимости «милосердного» самоубийства (во избежание темницы), она не забыла поручить лизоблуду Вителлию (носившему на груди её тупельку) не допустить помилования Азиатика размякшим Клавдием, точнее, не допустить смягчения приговора подсудимому, к-рый, согласно Мессалине, должен был (уж извините) непременно умереть.

И Вителлий, к-рый некогда дружил с Азиатиком, входя совместно с ним в ближний круг матери Клавдия Антонии, действительно, не допустил благополучной развязки, притом весьма изворотливо и, по-восточному, хитро. Четыре года на Востоке в ранге легата Сирии (35 – 39гг.) не прошли для него даром. Судите сами. На вопрос Клавдия – не оправдать ли им Азиатика? он, перечислив заслуги Валерия, дабы, казалось, и впрямь снискать к нему высочайшее милосердие (clementia – одна из кесарских добродетелей), кончил тем, что в награду за эти заслуги предложил позволить Валерию «самому избрать для себя род смерти» (Ан. 11,3), т.е. предоставить ему возможность избежать рук палача и покончить самоубийством.

Чем не милость! Чем не царская милость! Тем самым как бы признавалась полная виновность Азиатика, к-рый, понимая бессмысленность дальнейших словопрений, возражать не стал, и с чем Клавдий, вполне удовлетворённый таким исходом, наложив на домашне-судебное решение свой кесарский вердикт, как бы принципиально-примирительно (сохраняя не столько хорошую, сколько идиотскую мину при плохой игре) согласился.

Впрочем, не перегибает ли здесь Тацит, полностью возлагая ответственность на Мессалину, так как в частично дошедших до нас эпиграфических надписях из Лугдуны (т.н. «Лионская речь Клавдия» = «Клавдиевы таблицы» в связи с предоставлением римского гражданства галлам – 48г.) (см. ниже) именно тщедушный Клавдий полон (и после казни Мессалины) персональной ненависти к Валерию, уроженцу Галлии, клеймя «отвратительного (царе)убийцу» (надо понимать, – Калигулы), к-рого он избегает называть по имени, «гимнастическим (из-за валерианского атлетического телосложения и приверженности к гимнастическим упражнениям) чудовищем».

Стало быть, не такому уж иногда безропотному и не такому уж дураковатому Клавдию тоже было свойственно обижаться на людей, к-рые его как морально, так и физически превосходили, и оттого становились ему, правителю-принцепсу-кесарю, проштрафившись самим фактом своего существования, глубоко ненавистны.

Иначе говоря, стремление Мессалины избавиться от Валерия Азиатика, чтобы

одновременно избавиться от (о ужас!) приглянувшейся Мнестеру Поппеи Сабины и завладеть богатством, в т.ч., вожделенными Лукулловыми-валерианскими садами, нашло, по меньшей мере, сердечное понимание у уродца Клавдия. Нашло и обусловило, приправленное своеобразным царским *милосердием* (находчивость Вителлия), его полное согласие с избавлением от этого, по всем параметрам, неугодного клавдианско-мессалианскому (блудилищному) Принципату деградантов государственного мужа.⁴⁴

А Д.Валерий Азиатик, тем временем, отклонил совет друзей тихо угаснуть отказавшись от приёма пищи, насмешливо заметив, что отказывается от кесарского благодеяния, после чего проделал обычные-каждодневные гимнастические упражнения, обмылся, весело пообедал в последний раз, и сказав напоследок, «что для него было бы гораздо почётнее погибнуть от коварства Тиберия или от вспышки ярости Гая Цезаря, чем из-за того, что его оболгали женщина и мерзостный рот Вителлия», сам, ничуть не дрогнув, вскрыл себе вены (Ан. 11,3) .

Причём перед тем он осмотрел свой погребальный костёр и приказал перенести его на другое место, чтобы от жара не пострадала густая листва деревьев в сделанных им великолепными Лукулловых садах (на холме Пинчо), к-рым с его смертью предстояло достаться не только развратной и кровожадной, но и непомерно алчной Мессалине.

* * *

«После этого был созван сенат, и Суиллий, продолжив начатое, выдвинул обвинение против двух выдающихся римских всадников, носивших фамильное имя Петра. Истинною причиною их умерщвления было то, что они предоставляли свой дом для свиданий Мнестера и Поппеи. Но на суде одному из них вменили в вину приснившийся ему ночью сон — он будто бы видел Клавдия в венке из колосьев, к-рые были перевернуты вниз, и на основании этого сновидения предсказывал дороговизну съестных припасов. Некоторые передают, что он видел венок из виноградной лозы с поблекшими на ней листьями и истолковал свой сон как предвещающий принцепсу смерть в конце осени. Но бесспорно одно, каково бы ни было его сновидение: и ему, и его брату оно принесло гибель. Криспину были определены полтора млн. сестерциев и преторские знаки отличия. Вителлий добавил к этому миллион сестерциев для Сосибия в награду за то, что он наставляет Британника и помогает советами Клавдию. Когда спросили и Сципиона о его мнении, он сказал: «Так как о поступках Поппеи я думаю то же, что все, считайте, что и я говорю то же, что все», — искусно найдя слова, одинаково совместимые и с его супружескою любовью, и с его долгом сенатора» (Ан. 11,4).

⁴⁴ У эпитамированного Ксифилином Диона (61,29,4-6) указывается на целый ряд безымянных свидетелей (в состряпанном процессе) против Валерия, относительно к-рых обвиняемый заявил: «Я не знаю их и не знаком ни с одним из тех, кто свидетельствовал против меня». А дававший показания против него некий воин, от к-рого потребовали указать на Азиатика, даже показал на какого-то стороннего лысого мужа, так как лысина была для него единственным отличительным признаком Валерия. Естественно, всё столь спектаклярно разыгранное (что говорит о поспешности сфабрикованного без должной подготовки «процесса») вызвало смех. И, по Диону, Клавдий уже готов был освободить Азиатика, когда Вителлий сделал заявление в пользу Мессалины, будто подсудимый посылал-обращался к нему с просьбой позволить ему выбрать для себя способ ухода из жизни, что-де убедило Клавдия в его виновности. Согласитесь, ситуация неубедительно воспроизводится, усугубляя дебилизм Клавдия, с возложением стопроцентной ответственности на Мессалину (и её подельника Вителлия).

Теперь, когда основное дело было сделано, его легитимизация и долелывание = доведение до законного-узаконенного конца были вынесены на сенат. Нехай Верховный Совет старейшин примет необходимое-насушное решение: одобрит, подтвердит, утвердит, иначе говоря, соблюдет-реализует (хорошо знакомым советскому и постсоветскому читателю *большинством голосов*) все положенные республиканские процедуры-нормы-формы-нюансы.

Тело «добровольно» ушедшего из жизни под тяжестью-де собственной вины, посредством вскрытия кесарской милостью вен, основного фигуранта Валерия уже сторело на погребальном костре, и дальше двусоставную комбинацию-операцию можно было солидно завершать. Ближе неизвестные римские всадники, братья Петра, подлежали обязательному умерщвлению, так как осмелились предоставить альков своего дома Мнестеру и Поппее, что обусловило участь как, в первую очередь, Поппеи, так и их самих. С сохранением жизни только Мнестеру, от интимных услуг к-рого экстремально полигамная нимфоманка Мессалина, начав, впрочем, в 47г. переключаться на нового фаворита Силия, так или иначе, отказываться не хотела.

И опять в обвинительный ход пошёл (как в случае с устранением Мессалиной её тестя Аппия Силана в 42г.) не заранее ли сговоренный? *вещий* сон, согласно к-рому одному из злосчастных братьев Петра вменили сновидение Клавдия в венке из перевёрнутых колосьев, к-рый-де он, Петра, истолковал как грядущую дороговизну съестных припасов, что (чему мы с читателем свидетели) в нередко голодные годы правления Клавдия происходило довольно часто.

Плюс сновидцу инкриминировали ещё и видение во сне виноградной лозы с поблекшими листьями, мол, предвещающее, по его зловещему истолкованию, смерть принцепсу в конце ближайшей осени 47г., когда и пока Клавдий умирать вовсе не собирался. Если попытаться восставить ситуацию, то получится абсурд, требующий соответствующего видения и соответствующего противоклавдианского истолкования собственных слов одним из всаднических братьев Петра. Т.е. в реальности, вероятно, были задействованы (лже)свидетели, к-рые под присягой сообщили сенату, будто они слышали от братьев Петра рассказ-истолкование сна или снов одного из них, что сенат нашёл достаточным для вынесения обоим смертного приговора.

Между тем, если Мнестер продолжил оставаться-обитать в амплуа то ли Ореста, то ли Пилада на женской половине императорского дворца, во ублажение императрицы, то Поппея предпочла казематно-тюремному заточению на хлебе и воде т.н. добровольное самоубийство, что, как и самоубийство Азиатика, нашло позитивный отклик у переставшей кипеть возмущённым разумом Мессалины. И любопытно, что в своём мнении о Поппее и её (не уточняемых у Тацита) проступках, спрошенный-запрошенный о нём её супруг Корнелий Сципион максимально, как сказали бы сегодня, корректно (и осторожно) присоединился к мнению общему = к мнению высокопоставленного большинства. Более того, как сказано, через несколько дней, Клавдий, словно ни в чём не бывало, спросил у него на обеде, почему он без жены, и удовольствовавшись тактичным ответом вдовца, — «что она по воле рока скончалась», тактично не стал задавать никаких лишних вопросов.

Преторианского префекта Руфрия Криспина, за бдительный-расторопный арест Валерия Азиатика в Байях и доставление его в оковах в Рим, равно за сходное взятие под стражу и доставку куда надо братьев Петра, равно за обеспечение верности преторианцев императору и императрице, наградили-поощрили — как за образцовое исполнение долга, так и за верность — впрок — полутора миллионами сестерциев и преторскими инсигниями.

Щепетильный Вителлий (и он, и Клавдий, следует полагать, коли дело происходило, как мы приняли, в январе/феврале 47г., красовались, учитывая *turnus*, с

клавдианским первенством-председательством в январе и с вителлианским — в феврале, на публике в консульских тогах) предложил наградить одним миллионом сестерциев Сосибия. За что? Как за его труды по наставлению маленького (кронпринца) Британника, так и за его, философски обосновавшего необходимость (гос. резон) выписать В.Азиатику путёвку на тот свет, полезные (учёные) советы Клавдию.

Этот Сосибий, своего рода эрзац-Сенека, был воспитателем-наставником Британника и, возможно, Веспасианова сына Тита (будущего императора), к-рые вместе росли и очень дружили (Свет. «Тит» 2). Известно о Сосибии немного, при всех случаях, в 47г. он выступил послушным орудием Мессалины в интриге против Азиатика и Пoppеи. Помимо того, насколько выводится из контекста с его поощрительным вознаграждением, означенным случаем сосибиянские услуги (ни до, ни после) не ограничиваются, не исчерпываются.

Но когда Мессалину сменит возле Клавдия в 48/49гг. Агриппина, к-рая вернёт из корсиканской ссылки Сенеку (49г.) и сделает его пестуном Нерона, благополучно-привилегированная придворная лафа для пестуна престолонаследника и неофициального императорского советника, креатуры Мессалины, Сосибия, дни к-рого будут сочтены, что он сам вряд ли вовремя поймёт, закончится. Люди такого покроя в определённых вопросах оторваны от реальности и считают свою многоучёность надёжной гарантией-защитой. Не проканает. В 51г. его обвинят в происках-интригах против (нового) кронпринца (№ 1) Нерона, расторопно осудят и расторопно казнят (см. ниже). Сложно удержаться от повторения мудрого наказа: не рой яму другим (да ещё будучи высококультурно учёным наставником престолонаследника), — попадешь в неё сам!

СУИЛЛИЙ И СИЛИЙ

«С этой поры Суиллий становится постоянным и злобным обвинителем подсудимых, и у него появились многочисленные последователи, соперничавшие с ним в наглости. Присвоив себе все права и обязанности законов и магистратов, принципс тем самым открыл неограниченные возможности для любых злоупотреблений. Но ничто из доступного подкупу не было столь продажным, как бессовестность судебных ораторов. Так, влиятельный римский всадник Самий, узнав о двурушничестве Суиллия, к-рому он дал 400 тыс. сестерциев, покончил с собой, бросившись на меч у того в доме. И вот по почину избранного на следующий срок консулом Гая Силия, о могуществе и конце к-рого я расскажу в своём месте, сенаторы встают и в один голос требуют восстановления в силе закона Цинция, со стародавних времён воспрещавшего принимать деньги или подарок за произнесение в суде защитительной речи...» (Ан. 11,5)

Не с этой поры, но уже раньше мерзавец Суиллий зарекомендовался как злобный обвинитель (неугодных — Мессалине, или Клавдию, или кому-либо иному за мзду, или себе — персон), достигнув увенчавшимся т.н. блистательным успехом открытым обвинением против весьма видного нобилия Валерия Азиатика своего рода 96-й, разумеется, в кавычках (ибо речь идёт о дерьме, а не о золоте) обвинительской пробы.

И Тацит прав: само по себе, де-факто присвоение-узурпация властными принципсами (когда они того пожелают) всех прав и обязанностей магистратов фундаментально-узаконивало возможность множества подобных злоупотреблений, к-рые на данной почве (сменив ничем, честно говоря, не лучшие злоупотребления эпохи республиканско-сенаторского беспредела олигархов) бурно расцвели. Само наличие

власти кесаря-принцепса, к-рая, как (почти) абсолютная (неподконтрольная) власть развращает и его, и всё общество абсолютно, создало замечательные условия, создало идеальную (не столько *атмосферу*, сколько) *микробиоту* для появления явных креатур паразитарной болотной фауны типа Суиллия.

Дальше следует рассказ о вопиющем лихоимском измождении-корыстолюбии особенно заживовавших при принципате (любителя-радетеля судов Клавдия) судебных ораторов, в связи с чем мы впервые слышим о Г.Силии, к-рый в следующем году (ослепительно взлетев *полукаллом* на *полчаса*) станет причиной падения и гибели чересчур зарвавшейся Мессалины, не забыв при этом погибнуть и сам. Причём Тацит называет его «избранным на следующий год консулом» = дезигнированным консулом = консулом-*designatus*. И потому, в частности, так как консулы (предстоящего года) обычно избирались (назначались) летом⁴⁵, и ещё потому что дальнейшая событийность (по делу обуздания судебного-ораторского беспредела) кажется современным авторам более приложимой ко времени облечения Клавдием цензуры, к-рую он облёк после апрельских Секулярных торжеств, эта дуэль между Суиллием и Силием датируется временем цензурства Клавдия – не раньше мая 47г.

Возможно, – однако очевидных-неопровержимых оснований-обоснований для в обязательном порядке такого – цензурско-клавдианского – расклада нет. Поскольку быть (предназначенным) консулом-*designatus* на латыни не означает, как мнится при переводе (правда, «следующий срок» не есть эквивалент следующего года), быть дезигнированным в 47г. на следующий 48г., тем паче, что Силий фигурирует (у Тацита) как консул-дезигнатус и в 47, и в 48г., согласно чему получается, что его дезигнировали в консулы-суф. на 47г. в предыдущем 46г.⁴⁶

Иное дело, что он, по какой-то причине, не сделался консулом в 47г., оставшись дезигнатом на 48г., и погиб осенью 48г., так и не успев облечь своё (предназначенное ему) суффектное консульство. М.б., сойдясь с (не ограничивавшейся ни одним, ни двумя партнёрами) Мессалиной ещё в 47г., он (дезигнированный годом раньше по её протекции) решил, пуще сблизившись с ней, (до поры) консульски не высовываться, не мозолить глаза римской верхушке раньше срока (вспомним досрочное сложение престижного консульства В.Азиатиком в 46г., чтобы не возбуждать излишнюю зависть), из-за чего, под приемлемым предлогом, от ношения консульской тоги и фасок (в 47г.) уклонился? Или причина какая-то чисто техническая и незачем ломать над ней голову, так как пребывание в дезигнатах на протяжении не одного года (в течение ряда лет), по римским законам, допускалось и прецеденты имеются (см. ср. консульства-дезигнатуры креатур Октавиана и Антония с 39г. до н.э.: или см. ср. консульства и эпиграфические дезигнатуры Клавдия).⁴⁷

При всех случаях, на наш взгляд, никаких веских оснований нарушать анналистическую последовательность тацитовского повествования и переносить вопрос о корыстолюбии судебных ораторов на позднейшие сроки, после Секулярного празднества, во дни клавдианской цензуры, в данном случае (невзирая на частые прагматические перетасовки анналиста Тацита, особенно в пределах одного года), нет. Посему и не станем этого делать, датируя означенный суиллианско-силиан-

⁴⁵ С тех пор, когда они стали со 153г. до н.э. заступать в должность 1.01., в то время как при прежнем заступлении в должность с 15.03. выборы (в центуриатных комициях) имели место осенью/зимой (что, т.е. время-сроки выборов, как до, так и после 153г., не всегда, в силу различных обстоятельств, соблюдалось).

⁴⁶ Теоретически консулом-*designatus* (орд. или суф.), т.е. предназначенцем в консулы, можно было стать (не путать с избранием-назначением в консулы – орд. и суф., в год, предшествующий консульству) за пару-другую лет до облечения консульства.

⁴⁷ В эпоху Цезариата-Принципата списки кандидатов в консулы, по назначению кесарей или по согласованию с ними, обычно предварительно составлялись на ряд лет вперёд.

ский инцидент, равно вынесенное по нему (цензором-designatus) Клавдием решение-постановление, мартовским началом весны 47г. (после зимней расправы над Азиатиком и Поппеей). И кроме того, заранее обратим внимание читателя на то, что к апрельским Секулярным торжествам Тацит обращается ниже, с 11-го абзаца 11-й книги «Анналов», посвятив промежуточные абзацы 8-10 вышеразобранном нами событиям на Переднем Востоке – в пятилетку 41 – 46гг. (Митридат Иверский; Вардан; Готарз...).

Идём дальше. Понятно, что столь присущее-свойственное римлянам в разных сферах, в т.ч., в коронной для них юридической, красноречие-пустобрехство, особенно при придававшем особое значение и уделявшем особое внимание судебным разбирательствам Клавдии, несказанно, перевалив за всякие рамки приличия, возросло. Спрос рождает предложение, как предложение тоже очень даже может родить (особливо при тоталитаризме) спрос. И чем больше было судебных разбирательств, тем плодороднее становилась почва для коррупции, для наживательства ораторов, обвинителей и адвокатов, к-рые и прежде не отличались совестью-разборчивостью, и полное отсутствие (расширение до космических объёмов!) совести у к-рых, циничных рвачей и хапуг, ныне зашкалило.

Так, едва свалив могущественного Азиатика, неутомимый Суиллий выдвинул, неведомо по какому поводу-делу, обвинение против видного римского всадника Самия (совсадника также погубленных Суиллием братьев Петра). Тот попытался откупиться от липучего обвинителя крупной взяткой в 400 тыс. сестерциев (видимо, дело было серьёзное), к-рые Суиллий с готовностью взял-принял, но, вопреки предварительной договорённости, выдвинутое обвинение, тем не менее, в наглую, не снял. В итоге отчаявшийся Самий бросился на меч прямо в доме Суиллия, куда, вероятно, пришёл выяснять отношения и где ничего не добился. К тому же, столь неожиданного суицидального поворота не ожидал и сам весьма раздосадованный Суиллий. Дело получило широкую огласку.

И тут молодой, готовый бодаться головой, словно конь, красавчик Г.Силий, дезигнированный, не по протекции ли Мессалины! в прошлом году в консулы (на 47 или 48гг.), ринулся в бой, вынеся на сенат поддержанное отцами-сенаторами предложение о возобновлении закона Цинция на (давно вышедший из употребления) староримский запрет денежно-подарочных вознаграждений за речи в суде.

* * *

Таким образом, не успев ещё толком насладиться своей громкой победой над Валерием Азиатиком и Поппеей Сабиной (что там всадники Петра!), Суиллий сам попал под удар, поскольку столкнулся с куда более фаворитарным, чем он (всею-навсего, рабочий инструмент в мессалианских руках), Силием. Ведь именно в 47г. к последнему, красивейшему, как ниже говорит Тацит (Ан. 11,12), из молодых людей Рима, Мессалина воспыкала необузданной страстью. Поди потягайся с подобным противником, инициатива к-рого вдобавок встретила поддержку в сенате как среди желающих угодить всемогущей императрице прихлебателей, так и среди искренних ненавистников чересчур разошедшегося Суиллия, час возмездия в отношении к-рого, казалось, пробил.

Г.Силий – внук дружного Августу П.Силия Нервы (конс. 20г. до н.э.)⁴⁸, был

⁴⁸ Отец трёх сыновей: 1. П.Силия – консула 3г. н.э. (отец П.Силия Нервы – конс. 28г.); 2. (усыновившегося в род Лициниев) А.Лициния Нервы Силана – конс. 7г. н.э.; 3. Г.Силия Цецины Ларга – конс. 13г. н.э.

сыном Г.Силия Цецины Ларга (конс. 13г. н.э.) и Сосии Галлы (внучки? бравшего Иерусалим в 34г. до н.э. Г.Сосия). Именно на этого Силия Цецину Ларга – легата в 14 – 21гг. Верхней Германии (в 14 – 16гг. – легат Германика), в 24г. н.э. обрушился один из первых ударов Сеяна (после смерти в 23г. отравленного им и Ливиллой Друза), начавшего, с подачи-одобрения Тиберия, интригу против семейства Германика.

С Германиком дружил Силий, в то время как его жена Сосия дружила с Агриппиной, к к-ругу к-рой супруги продолжали принадлежать и по смерти Германика (Д.И. 660-63). И если тогда Силий, не дождавшись заведомого приговора, покончил самоубийством, то Сосию присудили к ссылке, почему их сын стал отпрыском «врагов народа», получившим возможность вернуться в нобилитетский строй и сделать карьеру с приходом в 37г. к власти Германикова сына – Калигулы.

Когда Силий Младший родился? Как известно, Тиберий позволял, в отличие от Августа, легатам брать жён с собой, по месту службы, в провинцию. И Сосия находилась (могла находиться все годы его 7-летнего наместничества) в 14 – 21гг. при муже в Трире (*Augusta Treverum*), где у них, ок. 15/16гг., вполне мог родиться сын (как, например, Агриппина Мл. родилась у Агриппины Старшей в 15г. в Кёльне), к-рого Тацит называет, приложительно к 47г., *juvenis*. Или же он родился ещё до назначения Силия, ок. 13г., будучи на момент льготной-привилегированной дезигнации в консулы в 46г., 33-х (ок. 30-и – ?) лет отроду (на 33-м году жизни).

Во всяком случае, этим Силием, вопреки себе, слабая на передок Мессалина была в 46/47гг. так безоглядно покорена, что это подвигло его, имеющего за спиной императрицу, ринуться в бой против могущественного и слишком многим ненавистного Суиллия, погубившего Самия, отлично от Азиатика, в угоду себе, а не Мессалине. И вот отцы-сенаторы, не убоившись встать на силианскую сторону, потребовали в сенате возобновления закона Цинция.

М.Цинций Алимента⁴⁹ – нар. трибун 204г. до н.э. (время II-й Пунической войны 218 -01гг.), снаряжённый в составе сенатской комиссии к П.Сципиону на Сицилию (Ливий 29,20,11), – автор-инициатор одобренного Фабием Кунктатором закона – *lex Cincia de donis et muneribus* (Цицерон «Катон» 10; Ливий 34,4,9), воспрещавшего адвокатам получать какое-либо вознаграждение. Но не по одному Суиллию ударило предложение возобновить Цинциев закон против адвокатской коррупции, и потому противники этого закона подняли шум, что только подзадорило входящего в раж темпераментного Силия, кто горячо настаивал на своём требовании, приведя в пример не одних бескорыстных ораторов древности, а и краснобаев относительно недавних: Поллиона, Мессалу, Эзернина, Аррунция.

Впрочем, примеры Азиния Поллиона (+ 5г. н.э.) и Валерия Мессалы Корвина (+ 13г. н.э.), к-рые-де «достигли вершины почестей безупречной жизнью и незапятнанным красноречием» (Ан. 11,6), не очень убедительны, ибо и Поллион, и Мессала были детьми своего времени – эпохи Гражданских войн, умевшими вовремя помянуть лагерь, плюс к тому, сумевшими обогатиться военной добычей как возле Антония, так и потом возле Октавиана, по поводу чего оппоненты Силия и его сторонников парировали силианскую эскападу о «честных и принципиальных коммунистах-ленинцах» Поллионе и Мессале – и уместно, и правильно. Ни Поллион, ни Мессала не были в действительности образцами той, точнее, до такой степени, добродетели и порядочности, какими они позиционировали себя сами и какими их

⁴⁹ Возможно, брат Л.Цинция Алимента – старейшего, наряду с Фабием Пиктором, римского анналиста, от к-рого до нас дошло 7 коротких фрагментов, и к-рый, пишучи (сходно Пиктору) на греческом языке, каковым он овладел наместничая в (грекоязычной) Сицилии, оригинально относил основание Рима на одну из редких поздних дат – 729г. до н.э.

сделали мифотворческая постмолва и поствосприятие, на фоне беспредела тиберианских и калигулианских времён.

Не Мессала ли своевременно перебрался от Антония к Октавиану! Не Мессала ли *свободолюбиво* отказался от прикесарской префектуры Urbī! Не Мессала ли преподнёс Августу почётный титул *pater patriae*! Не симпатизант ли Антония Поллион, позднее комфортно обустроившись в Риме при Октавиане, на деньги, нажитые при Антонии, отклонил участие на чьей-либо стороне в Акцийской войне, сказав, что хочет достаться в качестве (чуть ли не главного) приза победителю!

И вообще не очень сложно слыть неподкупным, успев сделаться очень богатым, да ещё получив, при в меру терпимом Августе, возможность стать красноречивыми эмблемами нового «Золотого века». Язык без костей предполагает как широкую душу, так и широкую совесть, обладателями к-рых и Поллион, и Мессала, конформисты с чувством собственного достоинства, никогда не забывавшие о собственных безопасности, выгоде и богатстве, умея сохранить благородную фронтёрскую мину при диктатуре, без разумно-расчётливого перехода границ допустимого, в более чем достаточной мере являлись.

Они и дожили каждый свой век, представители двух различных краснобайскориторских школ-направлений, в *Золотой* августейшей *век*, в достатке, почёте, уважении и благополучии. Поллион, «гневно и резко» жалуясь в последние годы жизни, что его внук Эзернин, наследник ораторских дарований деда, сломал или подвернул ногу во время Троянской игры с участием элитных отроков (Свет. «Авг.» 43,2). А Мессала – в своих поместьях, донятый склерозом и не могучи (муж феноменальной памяти!) в последние годы жизни вспомнить даже собственное имя.

И оба обеспечили потомков вдосталь. Правда, самым выдающимся отпрыском одного был бездарный, всю жизнь мнивший себя вергилианским «сотером» Азиний Галл, в то время как наиболее запомнившийся сын второго – завзятый негодяй – Аврелий Котта Мессалин, выступавший за самые суровые приговоры «врагам народа» и гордившийся дружбой с «Тиберушкой», кто, мол, всегда, случись что, за него заступится.

Далее, в числе примеров богатства и сопутствующего ему красноречия оппоненты Силия привели вышеназванного внука Поллиона М.Клавдия Марцелла Эзернина, к-рый приходился сыном Поллионовой дочери и (одноимённому) консулу 22г. до н.э. Притом этот самый (подвернувший/сломавший ногу) внук, как сказано, учился у деда и выказывал настолько яркие дарования, что дед видел именно в нём своего красноречивого преемника (Сенека Ст. «Contr.» 4,3). В 19г. он облакал префектуру *peregrinus*; в 20г. отказался защищать в суде визави Германика – Л.Пизона (Ан. 3,11). Дата смерти неизвестна; потомства не оставил, так как когномен «Марцелл» носили в дальнейшем потомки его не ставшего вергилианским «сотером» дяди – умершего от голода в Палатинском каземате Азиния Галла (+ 33г.).

И кстати, в паре с Эзернином Старшим, в 22г. до н.э. консульство облакал Л. Аррунций – участник Акцийской битвы на стороне Октавиана (вступившийся после неё за прощённого благодаря его заступничеству антониянца Г.Сосия) – отец одноимённого консула бг. н.э., к-рого силианские оппоненты называют в 47г. рядом с Эзернином Младшим, и к-рый, как мы помним, покончил самоубийством десятью годами ранее, на исходе правления Тиберия, преследуемый Макроном. Стало быть, и Эзернин, и Аррунций Младшие были, хотя в виднейших ораторах своего времени, наследниками богатых, унаследованных ими от предков состояний, почему им и было легко соблюдать бескорыстие в адвокатуре, бывшей для них не столько средством заработка, сколько любимым делом (почти – хобби).

Иное дело – крайне охочие до вознаграждений – П.Клодий и Скрибоний Курион, имена к-рых, честно говоря, Суиллий и Коссуциан, кого здесь называет Тацит

(11,7), лучше бы, возражая Силию, не приводили! — уж настолько оба они скомпрометированы полнейшей беспринципностью, коррумпированностью, алчностью и действиями по циничной формуле: цель оправдывает средства.

Не Клодий ли проник в женском платье в дом великого понтифика Цезаря во время празднества «Доброй богини» (*Bona Dea*), на к-рое мужи не допускались, относительно чего сенат назначил следствие по делу об оскорблении святынь, однако обвиняемый сумел, подкупив судей, откупиться! Не Клодий ли перешёл (как первый из Клавдиев) из патрициата в плебс, чтобы добиться (и добился) изгнания Цицерона! Не Клодий ли возглавлял банду наёмных гладиаторов-беспредельщиков, терроризируя Рим, и будучи, в конце концов, убит (52г.) главарём противоположной банды Милоном, что неотвратимо приблизило Рим к Рубикону Цезаря!

Между тем, женившийся в 52/51гг. на вдове Клодия Курион был, как трибун, сначала на стороне сената, но затем переметнулся к Цезарю, когда тот заплатил его долги, после чего воспрепятствовал отзыву Цезаря из Галлии и потребовал одновременного роспуска армий Помпея и Цезаря. По истечении же трибуната, — отправился к Цезарю, за Рубикон, советовал немедленно начать Гражданскую войну и прибыл с цезарским ультиматумом в Рим, к-рый как бы бегственно покинул 7.01.49г., дабы Цезарь спустя 3 дня действительно пересёк 10.01. пресловутый Рубикон. Затем, при Цезаре, Курион пропреторствовал в Сицилии и погиб в Африке, побеждённый Иовом I Мавританским (49г.).

Второй из оппонентов Силия Коссуциан Капитон (в паре с Суиллием) — персонаж новый. Он наживательски злоупотреблял адвокатурой при Клавдии и ещё больше обнаглел при Нероне, женившись на дочери Г.Офония Тигеллина, к-рый немного знаком нам как (в отроческом возрасте) любовник Агриппины и Ливиллы, сосланный при Калигуле. В дальнейшем Тигеллину доведётся очень сблизиться с сыном Агриппины Нероном, к-рый, кесарствуя, сделает его могущественным преторианским префектом по смерти в 62г. Афрания Бурра, предоставив тем самым своему выдвигенцу пост, на к-ром Тигеллин стяжает мрачную репутацию алчного и кроважского палача.

Но это произойдёт позже, а пока Суиллий и Коссуциан, именуя себя скромными сенаторами в государстве нерушимого спокойствия, «не домогающимися для себя иных благ, кроме доставляемых миром», т.е. возможностью «честно» зарабатывать средства к существованию речами в суде, призвали принципса подумать и о (небогатых-бедных) плебеях, — «чтобы и они могли отличиться на этом поприще: если не вознаграждать тех, кто проявляет усердие, от их усердия ничего не останется» (Ан. 11,7).

Одним словом, негоже удовлетворяться-довольствоваться при Империи старореспубликанской «грамотой в рамке»! Необходим рационально-материальный денежный стимул для усердных обвинителей (всяческих врагов кесаря и государства), иначе охотники попросту переведутся и императору с императрицей не на кого будет уповать, что чревато печальными для них последствиями. Посему предложению молодого и горячего Силия, несмотря на наличие у него множества сторонников, не должно пройти (резоны гос-ва и кесаря, к-рый и есть гос-во, — превыше всего!).

И пусть эти доводы поборник благородной старины дядюшка Клавдий счёл менее благородными, чем доводы их противников, он был, всё-таки, не настолько глуп, чтобы супротив себя безостаточно согласиться с Силием. То-то, выслушав обе стороны, кесарь принял компромиссное «Соломоново» решение, установив «предел для вознаграждения адвокатов в размере 10-и тыс. сестерциев, с тем, чтобы превысившие его привлекались к суду по закону о вымогательстве» (Ан. 11,7).

Впрочем, это было формальное торжество компромиссной, с уклоном в благо-

родные времена старого Рима, справедливости, поскольку, помимо официальной суммы предельного вознаграждения, всегда можно было договориться, в зависимости от важности и значения дела-деликта, о сумме неофициальной, что называется, в обход кассы, с рук на руки (из рук в руки).

LUDI SAECULARI

«При тех же консулах (Тацит понимает ординариев-эпонимов 47г. — Клавдия и Вителлия — К.З.) были устроены секулярные игры, в 800-й год от основания Рима и спустя 64 года после того, как их впервые дал Август. Не буду останавливаться на соображениях того и другого принцепсов, ибо я достаточно рассказал об этом в тех книгах, в к-рых описал деяния императора Домициана. Ведь и он также дал секулярные игры, и в их устройстве я принимал деятельное участие, облечённый званием жреца-квиндецемвира, и тогда, сверх того, претор; говорю об этом не ради похвалы, а потому что эта забота издавна возлагалась на коллегия квиндецемвиров. И занимались отправлением религиозных обрядов преимущественно те из них, кто был магистратом. Во время игр, происходивших в цирке в присутствии Клавдия, подростки из знатных семейств, и среди них Британник, сын императора, и Луций Домиций, впоследствии через усыновление унаследовавший императорскую власть и имя Нерона, давали на конях троянское представление, и то, что народ благосклоннее отнёсся к Домицию, было воспринято как предсказание. Ходила также молва, будто в младенчестве его в качестве стражей охраняли драконы — вымысел, позаимствованный из чужеземных сказок; во всяком случае он сам, отнюдь не склонный себя умялять, говорил, что в его спальном покое была обнаружена всего лишь змея» (Ан. 11,11).

О Секулярных торжествах, их предыстории, истории и об их разнящихся хроноперечнях, искусственно пост-сконструированных и исторических, мы подробно беседовали, повествуя о празднике, устроенном в 17г. до н.э. в знак (помимо ритуального искупления, как бы практически искупленного прошлого) наступления нового (августейшего) «Золотого века» Августом (Р.л. 390-99/400-403).

Причём, напомним, что если сегодня и уже не со вчерашнего дня под секуляризмом-секулярностью-секуляризацией понимается противоцерковный антиклерикализм, под знаменем превращения религиозного (идушего из «тьмы средневековья») отсталого общества в общество современное, прогрессивное, обмирщённое (выбрасывая вместе с протухшей водой сакрального ребёнка), то на древнеримской латыни — *saeculum, seculum* от *serere* — сеять — означало — *посев/сеяние/сев*.

Либо, следуя М.Т.Варрону («О латинском языке» 6,11), — несло, в т.ч., спиритуальное содержание, обозначая человеческий посев сменных поколений и приблизительно вековые юбилейные интервалы времени в пределах максимальной продолжительности жизни старейшего из представителей очередной посевно-секулярной эпохи. А согласно автору Шв. н.э. Цензорину («*De die natali*» 17,2): «Под одной секулярной эпохой разумеют предельную продолжительность маркированной рождением и смертью человеческой жизни».

Возрастным же пределом (своего рода границей) *века человеческого*⁵⁰ (не самые) древние наши предки (времен после прожившего 120 лет Моисея) считали с

⁵⁰ Этот «век человеческий» кажется в детстве-отрочестве-юности бесконечно долгим, а чем ближе к старости, — тем всё более коротким: изменчивое, зависимое от возраста, переживание всё *сокращающегося* времени, к-рое, со временем, с возрастом, сжимается-скукоживается и в ретроспективе, и в перспективе, наверняка кажущийся перед смертью всего лишь одним — подобным карусельному кругу — эпизодом-мгновением.

ок. 1000г. до н.э. (как и спустя 3 тыс. лет мы – сегодняшние) 100 округлённых или приблизительных лет. Отсюда и исходит символическая 100-летняя цикличность римских секулярных юбилеев, бывших в практике у этрусков (у кого таинственную секулярность римляне позаимствовали) отнюдь не всегда и не обязательно кругло-столетними (см. «Р.л.» 391). Об окончании же этих сменявших один другой календарно-регенеративных циклов людей оповещали – или непосредственно боги (трубными звуками с неба), или боги через (бывшие в ведении квиндецемвиров) «Сивиллины книги».

Между тем, данные древних источников относительно хронопериодизации-ритмизации секулярных эпох-юбилеев различны. Сопоставленные Цензорином (17,10,11) свидетельства или даты римских анналистов II/Ivv. до н.э. не совпадают с протокольными сведениями жреческой коллегии квиндецемвиров. Если, например, анналисты (Пизон Цензорий, Г.Геллий, Кассий Гемина, Валерий Анций) презентуют (с грехом пополам) 100-летний график, то у квиндецемвиров – стабильный 110-летний перечень.

Притом последний, т.е. 110-летний, интервал и интервализация не так просты, если вспомнить, что прошедшие через египетское посвящение патриарх Иосиф Прекрасный (1917 – 1807гг.) и князь Израйля Иисус Навин (1489 – 1379гг.), под предводительством к-рого исштвенный Израиль перешёл через Иордан, овладел Землёй Обетования и учредил царский субботне-юбилейный цикл-календарь (7x7+1), прожили именно по 110 лет каждый.⁵¹

Отсюда резонен вопрос: не пришла ли к этрускам сакральная 110-летняя интервализация – либо через Малую Азию? либо непосредственно – из Египта? И хотя Тацит – член коллегии квиндецемвиров, плюс претор 88г. н.э., непосредственно участвовал в подготовке и устройстве Секулярного праздника при Домициане осенью 88г., часть тацитовской «Истории», посвящённая правлению Домициана (81 – 96гг.), где автор исчерпывающе рассказал про Столетние торжества, несомненно, затронув все аспекты, до нас, увы, не дошла, из-за чего многое остаётся непонятным и о многом приходится гадать-догадываться.

Однако, не симпатичен ли сам уход Секулярных торжеств их римско-историческими корнями к присвоенному в перспективе государством фамильному культу знатного патрицианского рода Валериев⁵² в связи с расправой над Валерием Азиатиком (родом из Вьенна в Галлии) именно в год устройства Клавдием (очередных-внеочередных) *Ludi Saeculari* 47г. н.э.!

Не прибыл ли родоначальник прославленного в будущем *gens Valeria*, тогда ещё сабинянин Валесий, у к-рого опасно заболели дети, повинуясь голосу свыше, не в Тарент на юге Италии, куда он первоначально наострил лыжи, но на тоже загадочно именуемую Тарентом северо-восточную оконечность Марсова поля, где прогрел зачерпнутую из Тибра воду над дымящейся вулканической расселиной и дал её испить своим больным детям, к-рые погрузились от испитой волшебной влаги в сладкий целебный сон. Не велел ли им во сне божественный голос, во-первых, заколоть чёрных жертвенных животных на алтаре Отца Диса (*Dis Pater*) и Прозерпины, во-вторых, справить искупительное ночное празднество в Таренте, при Марсовом поле.

⁵¹ То-то Иосиф Обрученник, согласно апокрифу «Жизнь Иосифа Плотника», прожил на год больше – 111 лет (Д.И. 932)!

⁵² Один из ранних представителей *gens Valeria* – соконсул Л.Брута в год рождения Республики – П.Валерий Попликола – 509г. до н.э., а один из позднейших носителей номена «Валерий» – вряд ли как-либо связанный с древним патрицианским родом учредитель (сменившей Принципат) системы Домината – Г.Аврелий Валерий Диоклетиан – 284-305гг.

И Валесий, по вешему слову своих детей, нашёл под марсово-тарентской землёй потаённый алтарь Плутона и Прозерпины, и принёс положенную жертву: богу — чёрных тельцов, богине — чёрных телиц. И устроил, возблагодарив богов за чудесное выздоровление троих детей, трёхночный роскошный праздник, и стал из Валесия Манием Валерием Тарентином — родоначальником рода Валериев и инаугуратором *ludi Tarentini* (Валерий Максим 2,4,4; Зосима 2,1), превратившихся со временем в *ludi Saeculari*.

Засим, если связь искони жентильного культа с основанным спартанскими колонистами в конце VIII в. до н.э. (после основанного в 753 — 747 гг. Рима), ок. 706 г., Тарентом (овладев к-рым в 272 г. до н.э. Рим завершил покорение Италии и вышел на средиземноморско-протвокарфагенские, а там и на мировые горизонты), в свете таинственного алтарного Тарента при Марсовом поле (дуализм!) очевидна, будучи вместе с тем покрыта глубокой тайной, то пересказанное выше предание имеет яркое валерианское продолжение.

Не то в I-е (509 г.), не то в IV-е (504 г.) консульство П. Валерия Попликолы на Вечный город обрушилась эпидемия мертворождений. Несчастные римлянки рождали мёртвых детей до тех пор, пока Валерий, вняв правильно истолкованному сивиллическому оракулу, не умилился нужными жертвоприношениями потусторонних богов и устроил праздничную люстрацию. По поводу этого Цензорин говорит о секулярных торжествах (у В. Максима — люстральные), устроенных Валерием в первый год Республики — 509 г. до н.э., когда Попликола сменил на консульском посту вынужденного покинуть, совместно с прочими (родственными Тарквинию Гордому) Тарквиниями, Рим соконсула Л. Ю. Брута — Л. Тарквиния Коллатина.

Следующие секулярные *ludi* занотированы в «Хронике» (неизвестно у кого почерпнувшего их) Евсевия под 449 г. до н.э. (= 1565 г. ad Abr.), в консульство внука брутовского соратника — Л. Валерия Попликолы. Дальше у римских анналистов фигурируют в качестве секулярных, уже с большим или меньшим соблюдением (ок.) 100-летней интервализации, 348, 249 и 149, либо — 146 гг. до н.э. Одним словом, на повестке дня, даже при не вызывающей нареканий допустимости 99/100-летней цикличности, тем не менее, ритм сбивчивый, точнее, — форменная (хроно)аритмия. Причём в её рамках можно поручиться за историчность *Ludi* 249-го (во время Первой Пунической войны 264 — 41 гг.) и, скорее, выламывающегося из графика 146-го (год ознаменовавшего начало нового времени для Рима и Мира разрушения Карфагена и Коринфа), нежели 149 гг.

Не так в актах квиндецемвиров, согласно к-рым, Цензорин сопоставительно противопоставляет (заплетаящемуся) сек. перечню анналистов (стройно) предшествующие августейшему празднеству 17 г. до н.э. «торжества» 126, 236, 346 и 456 гг., к-рые, как видим, отстоят одно от другого, исключая, в строгом арифметическом русле, празднество 17 г. (отдалённость к-рого — на 110-м году — от 126 г. до н.э. 110-летнему ритму — не помеха), на 110 лет. И данное именно 110-летнее интервализование подтверждается: 1) протоколами квиндецемвиральной коллегии 15-и; 2) эдиктами кесаря Августа; 3) специально составленным к празднеству 17 г. «Секулярным гимном» = «Юбилейной песнью» Горация Флакка — «*Carmen saeculare*», где воспеваются, в частности, сменные эпохи длиной-протяжённостью в 11x10 лет.

Короче, — в объективе и налицо высочайший (в видах пресловутых государственно-сакральных резонансов) фальсификат, ретроспектирующий (по заказу Августа) из 17-го г. до н.э. иначе, чем у анналистов, искусственно сконструированный придворными августовскими юристами, в альянсе с чиновными жрецами-квиндецемвирами, график секулярных торжеств, якобы предшествовавших *златовековому* празднику, содержанием к-рого, наряду с идеей искупления, Август сделал

выдвинутую на передний план идею очищения перед началом «новой счастливой эры».⁵³

Ибо теперь на кону не только искупление и искупительные жертвы за достойно спроваженное (в Лету) *былое* (вчера), но и наглядные принципатовские *врата* из уже счастливого *настоящего* (сегодня) в ещё более счастливое *грядущее* (завтра). Поступательный прогресс! И оттого на праздничной повестке праздничных дней не только умиловителение загробных Отца Диса и Прозерпины, но привлечение к торжеству, но вовлечение в торжество судьбоносных Мойр, Айлийций, плодотворной-плодородной Матери Земли Теллуры, Юпитера, Юноны, (столь сердечно близкого Августу) Аполлона и (его сестры) Дианы.

Дело в том, что, сказав новое слово и сделав новое притязание на тотальность-конечность дело в политике, обновив гос. устройство, или влив молодое вино в старые реновированные мехи, необходимо узурпировать не только *настоящее* и подогнанное под себя, под своё детище (либо отринутое) *прошлое!* Куда важнее присвоить *будущее!* Ведь политизированная-задействованная-действующая история есть – как продолжение политики, опрокинутой в прошлое, так и нацеленность, так и держание под оптическим прицелом будущего, к-рое нужно суметь присвоить. И суметь с пользой распорядиться им в настоящем для оправдания-удержания оногo (с правильной рассчитанной опорой на полезные элементы как из былого, так и из скормленного людям грядущего).

Таков противоположный Богу категорический императив подминаемой политиками (во имя своё) трёхмерности времён, трёх измерений тройственного Времени, не став хозяином-распорядителем к-рого, нельзя учредить как бы венчающую конец истории инаугурацией нескончаемого «Золотого века» долгоиграющую государственно-политическую пластинку-систему (недолговечность-преходящесть к-рой в начале её пути от большинства смертных сокрыта).⁵⁴

⁵³ Сравните эти сконструированные-додуманные римскими следопытами-анналистами в поисках истины (благие намерения!), или выполненные-исполненные, по заказу кесаря (= великого понтифика), чиновными жрецами-квиндецемвирами искусственные секулярные (хроно)перечни (поистине секуляризация!) с еврейскими субботне-юбилейными циклами-календарями, Царским и Аронидским, в к-рых нет и не может быть никакой подгонки-подтасовки, никакого фальсификата. *Психический* Рим, в отличие от *Пневматического* древне-заветного Израиля, к-рому преемствует *Пневматический* новозаветно-христианский Израиль, суть рассудочный (сокрушитель и) профанатор (компрометация ключевых документов!) Таинств-Мистерий!

⁵⁴ Не узурпировали ли большевики (узурпировав власть) Будущее, оправдывая пролитые ими потоки крови, каторжный труд и лишения в настоящем байкой о необходимости всего этого комплекса человеческих жертвоприношений во имя и ради «светлого коммунистического будущего»! Русские – народ будущего, к-рый сравнительно легко отрекается от своего прошлого (примеры: отречение от допетровщины в результате реформации Петра Великого; или отречение от добольшевистских, в частности, православных ценностей, в результате марксистско-ленинско-большевистского переворота), и чтобы их обоснованно возглавить, оснастить-заразить идеей, нужно всенепременно *освоить-задействовать* Грядущее.

Впрочем, если на своей начальной ленинско-троцкистской стадии оседлавшие Россию (как вязанку хвороста в топку Мировой революции) большевики-коммунисты полностью отмежевались от былого (порвав-разорвав связующую нить дней-времён, как, согласно Троцкому, сознательные негаметовцы), то при Сталине, особенно в пору Отечественной войны 1941-45гг., с её опорой частично именно на русскую патриотическую традицию, начался процесс (во многом, карикатурного) т.н. усвоения коммунистами части, по возможности большевизированных-ленинизированных, добольшевистских ценностей, началась их метаморфоза в пользу коммунистического режима (самодержавие – православие – народность = генсек – марксистско-ленинская идеология – родная коммунистическая партия и советский народ вокруг объединяющего его русского народа.)

Сегодня же путинский режим (к-рый и Россия при к-ром ничем не хуже современного

И всё-таки, почему премудрый Август, санкционировав подгонку к сложившейся конъюнктуре обращённого вспять пророчества о пресловутых 110-летних юбилеях, отпраздновал свой юбилей не в 16, а в 17г. до н.э. Не верно ли предположение, что в начале 17г. до н.э. произошло обусловившее ускорение намеченных в 18-м г. на 16-й г. праздничных сроков непредвиденное событие? Какое? Появление в небе, о чём уведомляет позднеантичный автор IVв. н.э. Юлий Обсеквен («Книга предзнаменований») виденной перед тем летом 44г. хвостатой кометы-звезды Юлиев — той, к-рую в 44г. до н.э. (за 27 лет до 17г. до н.э. и за 90 лет до 47г. н.э.) сочли душой обожествлённого Цезаря и закрепили за ним как постоянный астральный атрибут. И подобное смещение сроков, в соответствии с веской причиной, вполне возможно, как, впрочем, и празднование 110-летнего юбилея в-на текущем 110-м году.

С одной стороны, не отпраздновал ли Клавдий именно 800-й год (но не 800 лет) от основания Рима (по эре Варрона), тогда как, со стороны другой, не справил ли Домициан своё секулярное торжество 88г. н.э. по истечении всего 104-х лет от торжества Августа в 17г. до н.э., вероятно, вследствие какого-то имевшего место в 87/88гг. особого ускорившего праздничные сроки предзнаменования.⁵⁵

Помимо того, любопытно заметить, что 17г. до н.э. отстоит ровно на 730 (365 + 365) лет (300 + 65 — число — пусть в днях — Януса) (Р.л. 235) от астровыдающегося 747г. до н.э. — дата прецессионно-астрологического вступления Солнца в знак Овна (с началом в 748/47гг. сменившей эпоху Тельца эпохи Овна-Агнца) и (астроспиритуального? года *ab Urbe condita*, согласно первому римскому анналисту Фабию Пиктору). Отсюда вопрос: не содержала ли эта дата для крайне небезразличного к астротайнствам кесаря Августа, к-рый, как мы знаем, принял в 31г. до н.э. посвящение в Элевзинские мистерии, какой-то скрытый от профанов мистический смысл?

При всём том, согласно принимающему эру Варрона Плутарху (Ромул 23), соправитель Ромула с ок. 752/51гг. сабинянин Тит Таций, учредивший в Риме культ Януса — бога всех начал и начинаний во времени (владыки *мира света* до Юпитера и Сатурна) — погиб на 5-м году их совместного с Ромулом правления (погребённый на Авентине, в лавровой роще, где ранее упокоился Рэм).⁵⁶ И не удивительно ли,

постмодернистско-декадентного Запада, с его уныло-либеральным единомыслием), надев на Россию обновлённый ошейник вертикально-державной государственности (без к-рого — куда!) и делая ставку на «светлое (мол, исконно российское) настоящее», вместо скомпрометированного советского «светлого будущего», силится, наспех творя постсоветскую «мифологию», поставить в одну великорусскую шеренгу и Столыпина, и (выигравшего войну «великоросса») Сталина (без критикана-противника «великорусских держиморд» Ленина), и т.д. и т.п., из чего вряд ли что-нибудь путное получится. А впрочем, как говорится, чем чёрт не шутит!

⁵⁵ И потом вспомним об исторических *ludi Saeculari* 249-го и, скорее, 146-го, чем 149гг. до н.э., между к-рыми 103 года (неординарный интервал времени в еврейской истории!).

⁵⁶ То-то, по одному из преданий, предводитель сабинян Тит Таций (Ромулов соправитель в 752/51-47гг.) выдал свою единственную дочь Тацию замуж за сабинянина Нуму Помпилия (Плутарх «Нума» 3/4), к-рый овдовел после 13-и лет (на 13 году) брака, стал вторым римским царём (717/16гг. до н.э.) и сделался, инспирируемый нимфой Эгерией, инаугуратором сакральной экзистенции Рима, в частности, учредителем культа Квирина-Ромула («Нума» 7) (Р.л. 396/97). Причём два праздничных дня Квирина приходились в римском календаре 1в. н.э. на 3.04. и 29.06., т.е. на дату Таинства Голгофы в 33г. (3.04.) и на дату мученичества Ап. Петра и Павла в 67г. (29.06.) (см. ниже). Хотя, по тому же Плутарху, Нума родился в день основания Рима (Ромулом) 21.04.753г. до н.э., и, значит, Тит Таций мог, перед тем как в 747г. погибнуть, максимум помолвить или обручить маленького Нуму с маленькой Тацией.

Если Таций, по всему, учредил в Риме сабинские культы Януса, Квирина и Януса Квирина, открыв тем самым сакральную *эру-эпоху* основанного Ромулом Рима, притом, б.м., как

что именно с 747г. до н.э. по 17г. до н.э. набираются 4 столетия, по 100 лет, до 347г. (к-рый отделяет 348-й г., в качестве секулярного у анналистов, от 346-го г. — в облике секулярного в августейшем цикле-графике квиндецемвиров), и 3 столетних периода — по 110 лет каждый — от 347 до 17гг. до н.э. (Р.л. 397/98).

Так или иначе, впору спросить: не связал именно Август своё секулярное торжество, в частности, с феноменом *ab Urbe*? поскольку всегда взывавший к Августу, бывшему наибольшим для него авторитетом, Клавдий отпраздновал в 47г. 800-й год от основания Города посредством торжеств, называвшихся «секулярными» или «столетними», как нечто, само собой, смежно разумеющееся.

У Светония читаем: «Отпраздновал он и столетние игры под тем предлогом, будто Август справил их раньше времени, не дождавшись положенного срока, — хотя в своей «Истории» он сам заявляет, что Август после долгого перерыва восстановил их точный срок, тщательно расчислив все протекшие годы. Поэтому не мало смеялись над тем, как глашатай созывал всех на праздник, какого никто не видел и не увидит, ведь ещё были в живых выдавшие его, и некоторые актёры, выступавшие в то время, выступали и в этот раз» (Кл. 21,2). Удостоверьтесь, речь, бесспорно, идёт об идентифицируемом (совмещённом) с сек. торжествами юбилее *ab Urbe*, к тому же, повторим, Клавдий справил не круглое 800-летие, а текущий 800-й год (от) экзистенции Рима (по эре Варрона), соприродно тому, как Август справил не 110 лет, но текущий 110-й год, в рамках-русле-ключе установленных при нём секулярно-циклических сроков.

Хотя всмотримся зорче. Обращает на себя внимание то, что если по поводу светониевской версии празднования Августом столетних игр, будто бы, да ещё сообразно Клавдию, раньше положенного срока — в объективе уровень дошедшей до Светония, к-рый сам толком не знает — в чём дело, молвы-сплетни, то по поводу точного расчисления сроков при Августе, Светоний ссылается на «Историю» за авторством (историка) Клавдия.

Более того, посвящённый в суть дела, в отличие от Светония, квиндецемвир Тацит ни намёком не критикует приводимые им вопиюще не-столетние сроки между празднествами Августа и Клавдия, из чего можно заключить, что насмешники над клавдианским праздником, по Светонию, точнее, по пользуемому им источнику, как и сам Светоний, не понимают, почему Секулярные *ludi* при Клавдии отделены вовсе не 100/110-летней от Секулярных торжеств Августа.

Тем временем, Тацит говорит, приложительно к празднику 47г. н.э., о 800-м годе от основания Рима, присовокупляя: «...и спустя 64 года после того, как их впервые дал Август» (Ан. 11,11). Не примечательна ли акцентация этого «впервые» в связке с 800-м годом от основания Города, что свидетельствует как об августейшем секулярном новаторстве, так и о его подхваченной-продолженной (на свой лад) Клавдием связи с юбилейным феноменом *ab Urbe*. Правда, если быть точным, то от праздника Августа в мае/июне 17г. до н.э. до приуроченного к традиционному (соответственно Варрону) дню основания Города 21.04. апрельского праздника Клавдия в 47г. н.э. насчитывается не 64, но 63 года, вернее, в 20-х числах апреля 47г. н.э. шёл к концу 63-й год от мая/июня 17г. до н.э. Или Тацит (буде он не ошибается), пользуясь документами квиндецемвирата, исчисляет эти 64 года, точнее, 64-й на апрель 47г. н.э. год, не от собственно майско/июньского празднества 17г. до н.э., а от сенатского постановления от 17.02.17г. до н.э. о его проведении (?).⁵⁷

раз незадолго до своей гибели — в знаменательном 747г. до н.э. (год начала стартовавшей в 748/47гг. IV-й Пост-Атлантической культуры, под знаком Овна-Агнца, и год начала эры Набонассара — 26.02.747г.), то (продолжатель-преемник Ромула и Тация) Нума отождествил Квирина с посмертно обожествлённым Ромулом (см. ниже).

⁵⁷ Интересно принятие этого постановления 17.02.17г. до н.э. — в день посвящённого

Дальше – больше. Коли мы согласимся с тем, что Клавдий был не настолько придурок, чтобы секулярно обсчитаться-просчитаться аж на полвека, значит, его дата – 47г. н.э. – была (непрерывно должна была быть!), помимо 800-го года ab Urbe, веско мотивирована чем-то ещё, имела ещё какое-то веское основание. И действительно, – не насчитывается ли от 23.12.64г. до н.э. – дата зачатия под сoterиальным знаком Козерога (родившегося 23.09.63г. до н.э.) кесаря Августа (чему сам Август придавал большое значение), именно 110-й год на апрель 47г. н.э.!

Вот где и в чём секулярно-столетний (вернее, 110-летний) опорно-отсчётный секрет и потаённый смысл (совмещённо-дуалистического) клавдианского торжества! Не сделался ли Август учредителем нового Золотого века (и Януса, и Сатурна, и Юпитера), зачинателем нового времени и, соответственно, новых, заслуживающих того, чтобы стартовать от даты его («Сотера-Спасителя») зачатия-воплощения Секулярных эпох!⁵⁸ Иначе Клавдиеву привязку 47-го г. к (профанированным секулярным перечням анналистов и квиндецемвиров) *ludi Saeculari* (в их сакральном возрождении-обновлении) не объяснишь, не истолкуешь, не растолкуешь.

Плюс – не составляет ли интервал между празднествами 17г. до н.э. и 47г. н.э. 63 года = девять семилеток = достижение человеком в возрасте 63-х (56 лет – 63 года – Духочеловек) лет сферы Сатурна, особенно актуального для основанного на месте древней Сатурнии Рима и римлян как – классического народа Сатурна. Мало того, – особо актуального в ротационно-архангельскую эпоху Орифиила-Сатурна (248г. до н.э. – 108г. н.э., с началом к-рой латинские анналисты, в лице Фабия Пиктора – Шв. до н.э., начинаются, и с концом к-рой, они, в лице крупнейшего из них, Тацита – I/Швв. н.э., завершаются). Не называет ли сам Август в письме к внуку Гаю, в 9-й день до октябрьских календ, 23.09.1г. н.э., в свой 64-й (считая с 23.09.63г. до н.э.) день рождения, счастливо пережитый им 63-й год жизни – «годом порога» (Р.л. 1019).⁵⁹

Знаменательно и замечательно ещё то, что если от интервала 753 – 747гг. до н.э.

триадному богу Квирину праздника Квириналий (Р.л. 490), через полгода после к-рого (не без связи с к-рым) фламин Портуна производил 17.08. елосвящение оружия, смазывая извлечённым из специальной капсулы елеем «копье (символ римского права и римской власти) судьбы» – *arma Quirini!* Вдобавок к тому, 17.02. – в римском праздничном календаре – фернакальный день *Stultorum Ferae* – для не успевших или не сумевших отпраздновать праздник Фернакалий в своих трибах сборных «глупцов», и середина недельных Паренталий (дни поминовения усопших: 13-21.02.), когда храмы стояли закрытыми.

⁵⁸ На памяти введение-учреждение Аменхотепом Эхнатонном новоотсчётной периодизации и новых периодов *великих лет* Сотис-Сириус (см. выше).

⁵⁹ К слову, сек. торжества Домициана в сентябре 88г., эстафетно-(аритмично) продолжившие августейший юбилей, отстоя от него, как сказано, на 104 года, одновременно, отстоят на 110 лет от 23г. до н.э. – год начала империяльного трибуната кесаря Августа – *tribunicia potestas* – дальнейшей опорно-правовой основы власти римских императоров эпохи Принципата, и вершатся на 100-м году (99 лет) от весны 12г. до н.э., когда Август стал великим понтификом *maximus* (6.03.) (Р.л. 505), когда он освятил палатинско-дворцовую капеллу Весты (28.04.), куда перенёс Палладиум (Р.л. 506), и когда он велел сохранить из всех пророческих писаний (предав огню ок.2-х тыс. из них, ходивших в народе) только Сивиллины книги, да и те с отбором, помещённые в двух позолоченных ларцах под основанием храма Аполлона Палатинского (Р.л. 518). И ещё между 88г. н.э. и 753г. до н.э. – 840 лет.

Далее, в 147г. н.э., столетием позднее Клавдия, Антонин Пий секулярно отметил 900-й год от основания Рима (Авр.Виктор «Цез.» 15). В 204г. = 957г. а.У. – Септимий Север, спустя 220 (110x2) лет от торжества Августа, строго хронопреемствовал празднику 17г. до н.э. И в заключение, в 248г., Филипп Аравитянин, говорят, тайный христианин, усугубляя сек. перемену Клавдия и Антонина Пия, отпраздновал – как последний секулярно-языческий юбилей в истории Рима – не 1000-й год, но полное юбилейное (от 753г. до н.э.) 1000-летие Вечного города.

отсчитывать по 100 лет, под сменными знаками Зодиака, начиная с Овна, в противоположном прецессионному ритме-направлении круговорота года, то интервал с 53г. до н.э. по 47/48гг. н.э., или интервал с 47г. до н.э. по 53/54гг. н.э. окажутся (в зодиакально-метаисторическую эпоху Овна-Агнца и в архангельскую эпоху Орифила-Сатурна) под знаком Скорпиона!⁶⁰

Августейшее собственно Секулярное празднество = религиозные торжества, к-рые воспроизведены нами в «Р.л.» (402/03), продолжались в 17г. до н.э. с ночи 31 мая / 1 июня по 3 июня включительно. Точные дни клавдианского торжества – в 20-х числах апреля (21.04.) 47г. н.э. – неизвестны. В какой мере оно было сродственно торжеству Августа и чем / в чём с ним разнилось – вопрос. Однако, в помпезности второго, как и первого, включая жертвоприношения, моления, возлияния, воскурения, песнопения, сомнений нет. И как в 17г. до н.э. к религиозному празднику примкнули-продолжили его, после однодневного перерыва, игры-игриша, сценические представления, музыкальные состязания, конеристания, травли зверей, так и в 47г. *дядюшка* Клавдий, преемствуя *дедушке* Августу и желая быть вторым Августом, наверняка не ударил, по части праздничного роскошества, в грязь лицом.

Мы же располагаем применительно к празднику 47г. лишь конкретной информацией Тацита о Троянском представлении, к-рую частично подтверждает Светоний (Кл. 21,3), правда, упоминая Троянские игры (мн.ч.) среди прочих цирковых представлений, не раз дававшихся (их большим-пребольшим любителем) Клавдием в Большом Цирке (Circus Maximus).

Эти Троянские *ludi* представляли собой показательные конные выступления мальчиков и отроков из благородных семей, о чём свидетельствуют античные авторы, сообщающие об их устройстве-проведении в пору диктатур Суллы, Цезаря и ещё чаще-активнее – в правление Юлиев-Клавдиев (время наибольшей популярности *ludi Troiaie*): Августа (Свет. «Авг» 43,2; Дион 48,20,2; 49,43,3), Тиберия (Тиб. 6,4), Калигулы (Кал. 18,3), Клавдия (Ан. 11,11; Кл. 21), Нерона (Нер. 7,1).

Внешне игры выглядели как состязательный турнир двух отрядов, сочетавший элементы упражнений в верховой езде и имитации конного боя. Действо было развлекательным, именуясь «потехой», с участием мальчиков, отроков и юношей в возрасте от 5/6-и до 15-17-и лет. Так, клавдианскому сыну от Мессалины Британнику в 47г. – всего 6 лет, в то время как сыну Агриппины – Домицию (будущему Нерону) – уже 10 лет. Причём именно в 47г., видимо, не ранее второй половины года, Агриппина, сошедшись с влиятельным вольноотпущенником Паллантом, отравила своего второго мужа – богатея Пассиена Криспа – и унаследовала его огромное состояние (зарясь отныне на амплуа *первой леди*, препятствием на пути к чему оставалась Мессалина).

И символично, что именно в ходе последовавших за Секулярным празднеством, в частности, Троянских игр, народ, т.е. публика в Большом Цирке, радостнее-благодарнее приветствовал 10-летнего сына Агриппины = внука Германика – Домиция (последний Германиков потомок мужского пола), нежели 6-летнего сына Мессалины и Клавдия – Британника. И это, при остаточном заряде вновь воспринятого «мифа (семейства) Германика», под впечатлением от превысивших все нормы допустимого (даже в рамках либеральной римской морали *Ив. н.э.*) поведений-поведения Мессалины и тюфячества Клавдия, не сулило ни Мессалине (в ближней), ни Британнику (в более отдалённой перспективе) ничего хорошего.

⁶⁰ Творческий знак великих катастроф и великого обновления (знак Иуды Искариота), под к-рым, – в означенном (хроно)ракурсе, – свершилась Мистерия Голгофы!

МЕССАЛИНА И СИЛИЙ

Между тем, Мессалина, враждебность к-рой к Агриппине лишь способствовала усилению симпатий к последней, на время упустила-выпустила и её, и многое другое из виду, так как полностью отдалась своей неумной, близкой, согласно Тациту, к помешательству (Ан. 11,12), влюблённости в красавчика Г.Силия, к-рый недавно публично заявил о себе сенатским выступлением по вопросу бескорыстия адвокатов, столкнувшись с сопротивлением его предложению Суиллия и Коссуциана, что завершилось патовым (чтобы и волки были сыты, и овцы целы) вердиктом Клавдия (см. выше).

Теперь Мессалине стало уже невозможно делить Силия с его красивой супругой. Она развела ненаглядного фаворита с ней – Юнией Силаной (предположительно, мл. сестра Клавдиллы, т.е. дочь конс. 15г. н.э. – покончившего в 38г. самоубийством тестя Калигулы – красноречивого М.Юния Силана), к-рая, кстати, близко дружила с Агриппиной, начала открыто посещать его дом, «повсюду следовала за ним по пятам, щедро наделяла его деньгами и почестями, и у её любовника, словно верховная власть уже перешла в его руки, можно было увидеть рабов принцепса, его вольноотпущенников и утварь из его дома» (Ан. 11,12).

Согласно Тациту, Силий понимал, какими опасностями такая любовная связь чревата, но решил черпать наслаждение в настоящем, не видя иного выхода, ибо отвергнуть Мессалину означало для него верную гибель, а продолжение связи оставляло некоторые надежды на благоприятный исход, впрочем, не по Тациту, сообразно к-рому, силианская надежда зиждилась на том, что эта связь останется тайной. Она не была тайной ни для кого, если, как говорит сам Тацит, Мессалина открыто посещала дом Силия (и т.д.), в т.ч., для 56-летнего Клавдия, к-рый делал вид, что ни о чём не ведаёт, до поры не распознавая в происходящем реальную опасность и предпочитая (ублажаемый на кесарском ложе юными рабынями-наложницами) не ссориться с неукротимо похотливой супругой, – тем не менее, матерью его наследника Британника.

В то же время от чересчур увлекшейся Силием, от ослеплённой этой страстью (к-рая станет её «лебединой песней») Мессалины, вероятно, ускользнуло начало интриги Агриппины, именно в 47г. отравившей, как сказано, своего мужа и снюхавшейся с Паллантом, чему полностью оказавшаяся во власти своей похоти Мессалина, надо полагать, не придавала должного значения.

Она недооценила Агриппину, мня, образно выражаясь, *римскую волчицу* подобной себе *авилонской блудницей*, в то время как Агриппина никогда не отдавалась альковным-астральным страстям безостаточно, умея считать и просчитывать ходы, умея поставить политику выше страсти. И сейчас ей суждено было сполна воспользоваться благоприятной для неё ситуацией, тем паче, что позиции Мессалины делались всё более шаткими-уязвимыми как в глазах народа, к-рому её чрезмерный разврат надоел, так и в придворных кругах.

В купно-компендиумной выжимке Ксифилина (143,16-31) и Зонары (11,10, р.30,20-31, 14D) из Диона (29,31,2) говорится, что ею был ложно обвинён (в чём именно?) и по её подстрекательству осуждён-казнён многоучёный кесарский вольноотпущенник Полибий (см. выше), с к-рым, возведённым ранее по её протекции во всадническое сословие, она также ранее крутила шуры-муры. Причина случившегося неясна, но Ксифилин сообщает об этом перед сообщением о вопиющем публичном романе между Мессалиной и Силием, и хотя в изданиях Диона данные события отнесены издателями к 48г., их авторской-дионовской датировки в нашем распоряжении нет. Следовательно, они вполне могут относиться и ко второй половине или к концу предыдущего 47г. н.э., под, вероятно, началом к-рого

Ксифилин приводит анекдотический пассаж с участием Полибия в театре (Дион 61,29,3).⁶¹

Притом казнь Полибия, кто, б.м., поставил потерявшей всякое чувство меры Мессалине на вид недопустимость настолько откровенного разгула, оттолкнула от неё ранее нередко действовавших заодно с ней прочих влиятельных вольноопущеников, чем её участь была по сути предрешена и чего она упорно не замечала. Вернее, всё это она, день за днём теряя чувство реального, в своём прогрессирующем нимфоманстве, начав усиленными темпами рыть яму (в угоду Агриппине) самой себе, упорно игнорировала.

А тютя Клавдий, пышно отпраздновав торжество *ludi Saeculari*, как бы поставившее его вровень с Августом, облёк, следует думать, не раньше апреля/мая 47г. н.э., сроком (по республиканским-традиционалистским меркам-лекалам) на 18 месяцев (до осени 48г.), в паре с соконсулом-орд. Л.Вителлием, высшую римскую магистратуру – (архаичную) цензуру, к-рая, как сказано, не облакалась в Риме с 22г. до н.э. (Август устраивал переписи и чистки цензорской властью, не оснащаясь вышедшей из употребления магистративной цензурой.)

В дошедших до нас эпитафиях, перечисляющих властную оснащённость Клавдия в 47г., «*sensor*» (гордо) соседствует с «*trib. pot. VII*» (CIL 3,6024; 5,8002; 6,918; 12,5666). И на фоне любовного треугольника, с участием роконосца кесаря в амплу строгого цензора, в компетенцию к-рого входило, в т.ч., блюжение-соблюдение высокой нравственности, чистоты нравов и сурового порицания-наказания всякой безнравственности, Клавдий *Sensor* (никак не походя на Катона Цензора, на к-рого он, без сомнения, тоже хотел походить) выглядел посмешишным чучелом вдвойне-втройне.

ЦЕНЗОРАТ КЛАВДИЯ

Тацит: «Между тем Клавдий, оставаясь в полном неведении о своих семейных делах, отправлял цензорские обязанности и осудил в строгих указах распущенность театральной толпы, осыпавшей бранью и поношениями бывшего консула Публия Помпония (ибо он давал для сцены свои стихи) и ряд знатных женщин. Тогда же ради обуздания произвола ростовщиков он издал закон, воспрещавший ссужать деньги сыну при жизни отца с погашением долга после смерти отца. Дал он Риму и воду, проведя её из ключей на Симбруинских холмах. Он прибавил также новые буквы и ввёл их в обращение, установив, что и греческий алфавит был создан не сразу» (Ан. 11,13).

Светоний: «Был он и цензором – должность, к-рую никто не занимал уже давно, со времени цензоров Планка и Павла. Но и здесь обнаружил он непостоянство и

⁶¹ Речь ведётся о свирепом наказании Клавдием за разные проступки чужих вольноотпущенников и, напротив, о его снисходительности к либертам своим, в подтверждение чего приводится казусный случай с Полибием: «Однажды, когда некий актёр произнёс в театре хорошо известную строчку: «Преуспевающую плеть с большим трудом можно стерпеть», и все собравшиеся обратили взоры на Полибия, императорского вольноотпущенника, последний выкрикнул: «Да тот же поэт сказал: «Кто раньше козопасом был, / Тот ныне царь». И всё же Клавдий не причинил ему вреда».

Цитируемый поэт, имя к-рого Дион опускает, неизвестен, но, видимо, в кадре унижения, выпавшие некогда Полибию как рабу, на напоминание публики о чём он дерзко пошутил-отшутился (словами того же поэта) в адрес Клавдия, к-рого до его кесарства никто ни во что не ставил. И, как видим, эта дерзость сошла Полибию с рук, однако, пережил он её, пусть даже устранённый не Клавдием, а Мессалиной (при всех случаях, – с клавдианского согласия или без клавдианского противления), ненадолго.

неустойчивость, как в намерениях, так и в поступках. Во время смотра всадников он отпустил без порицания одного юношу, запятнанного всеми пороками, так как отец его уверял, что сыном он совершенно доволен; «у него есть свой цензор», — сказал он. Другому юноше, слышшему обольстителем и развратником, он посоветовал быть в своих вожделениях сдержанней или хотя бы осторожней: «Зачем мне знать, кто твоя любовница?» — прибавил он. Стерев по просьбе друзей пометку при чьём-то имени, он сказал: «А след пусть всё-таки останется». Виднейшего мужа, первого во всей греческой провинции, он вычеркнул из списка судей и даже лишил римского гражданства за то, что тот не знал латинского языка, так как давать отчёт о своей жизни разрешал он только собственными словами, без помощи защитника. Порицания объявлял он многим, подчас неожиданно и по небывалым поводам: некоторым за то, что они без его ведома и позволения уехали из Италии, а одному — за то, что он сопровождал царя по провинции; при этом он напомнил, что во времена предков даже Рабирий Постум был обвинён в оскорблении величия римского народа за то, что сопровождал в Александрию царя Птолемея, чтобы получить с него долг. Он пытался и ещё чаще налагать взыскания, но по небрежности следствия и к его великому позору почти все заподозренные оказались невинными: кого он упрекал в безбрачии, в бездетности, в бедности, те доказали, что они и женаты, и отцы, и состоятельны, а тот, о ком говорили, будто он мечом хотел лишить себя жизни, откинул одежду и показал тело без единого шрама. Цензорство его было замечательно и тем, что серебряную колесницу богатой работы, выставленную на продажу в Сигилляриях, он приказал купить и изрубить у себя на глазах, и что однажды за один день он издал 20 эдиктов, в т.ч. такие два, из к-рых в одном предлагал получше смолить бочки для богатого сбора винограда, а в другом сообщал, что против змеиного укуса нет ничего лучше, чем тиссовый сок» (Кл. 16).

Вспомним, читатель, дуалистическая парно-цензорская магистратура возникла (при Республике), отпочковавшись от консульской, в Vв. до н.э. (Р.л. 253/54) — 443г. В обязанности цензоров — в ранний период только патрициев — входили перепись и оценка имущества римлян для разделения населения на податные разряды и в видах несения ими воинской повинности. Census осуществлялся каждые 5 лет. Окончание его сопровождалось обязательным совершением ответственными магистратами обряда люстрации — искупительное очищение через жертвоприношение.

Искони 5-летняя продолжительность цензуры, уже сообразно закону 434г., сократилась до 18-и месяцев (к-рые и взял на вооружение любитель исторического антиквариата Клавдий); в дальнейшем — до года. Закон Овиния от 312г. до н.э. поручил цензорам ведение сенаторских списков, уполномочил их надзирать за моральным обликом сенаторов и всадников (равно — прочих граждан), порицать и исключать недостойных, поддерживать высокую нравственность в государстве и обществе.

Прежде всех прочих старореспубликанских учреждений данная кульминационная в *cursus honorum* магистратура (к-рую, по республиканским меркам, возбранялось облекать дважды) пришла во II/Iвв. до н.э. в упадок. Всё настойчивее звучали голоса за её переустройство. Сулла упразднил застарелый институт, урвав в пору диктатуры 82 — 79гг. всю цензорскую власть (по-царски!) на себя. Официально-оптимальная традиционалистская реставрация 70г. до н.э. (в консульство отпетых сулланцев Помпея и Красса, с возвращением досулланских норм) продолжилась до Цезаря, к-рый (конгениальный преемник Суллы!), сделавшись в 46г. префектом *togum*, наделился-оснастился исключительными цензорскими полномочиями (в сущности, — пожизненного цензора *perpetuum*).

Реанимированный Октавианом в 28г. до н.э., в свете проведения переписи и чистки сената, властно-сакральный институт цензорства-цензората манифестировал один из предваривших рождение Принципата ренессансных, в деле создания (тавтологической) республиканской моноархии (под главенством *первого среди равных*) или монархической республики (*restituta*), сплавов.⁶² Ведь традиция возводила инаугурацию цензуры (слово, вызывающее весьма малоприятные ассоциации у советских граждан!) к шестому (предпоследнему) римскому царю Севрвию Туллию — к антиподу (последнего) седьмого римского царя Тарквиния Гордого (VIв. до н.э.). И проведённый при Октавиане в 28г. — год «возвращения» им всей полноты власти сенату с народом, накануне его становления в следующем 27г. до н.э. Августом, впервые по истечении 42-х лет с 70г., *sensus*, воззвал к жизни, так сказать, очищенное и искупленное римское общество (в составе выявленных переписью 4-х млн. римских граждан).

Дальше, в 22г. до н.э., корректно-щепительно-кокетливо отведя от себя пожизненную диктатуру, требовательно предлагавшуюся-навязывавшуюся ему народом, Август, твёрдо опершись с 23г. на (авуарно беспредельную) трибунскую (*tribunicia potestas*) власть (царя-батюшки), отвёл также пожизненную цензуру, назначив цензорствовать Л.Мунация Планка (конс. 42г.; хорошо знакомый читателю «дядюшка Мунаций») и П.Эмилия Лепида (конс.-суф. 34г.), в цензорство к-рых (критикуемых Веллеем, в т.ч., за проф. непригодность) ни *sensus*, ни *lustrum* не имели места (Р.л. 320/21).

И это была последняя в истории Рима пара сугубо гражданских, в смысле непринадлежности их обоим к императорскому дому-клану, цензоров, ибо впоследствии, до последнего облечения магистративной цензуры Веспасианом в паре с Титом (73г.), один из цензорской пары (если цензоров двое) — непременно кесарь, другой — содиарх или цесаревич, за исключением 47/48гг., когда коллегиальную пару кесарю Клавдию составлял (*amicus Caesaris*) Л.Вителлий.

Август, о чём читателю известно, не раз чистил сенат и проводил разнородные-разномасштабные переписи — как один, так и в паре с Агриппой или Тиберием, опираясь при этом на высшую цензорскую власть (*ensoria potestas*), однако ни разу не облакая (отставленную после неудачного реанимационного опыта Мунация и Павла) магистративный цензорат. Погружённый в историю Клавдий (предпочитая её, по ряду вопросов, унылой современности, уходя от проблем последней) — решил облечь. И, призвав в напарники Вителлия, степенно, с бережным соблюдением отдельных норм и форм антикварной архаики, купаясь в её воображаемых лучах, облёк.⁶³

⁶² Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверушку. (Пушкин)

⁶³ Как сапожник без сапог, в условиях собственных семейных сложностей, — безнравственности, прочих непотребств и собственной неполноценности, он с удовольствием учил высокой нравственности, морали и полноценности окружающих. Не бывал ли по временам Маркс (2/3 писем к-рого к Энгельсу содержат просьбы, либо одолжить ему денег, либо дать ему нужную сумму без возврата) лишён, из-за хронического безденежья, возможности купить даже 1 кг картошки, т.е. «великий экономист», притязавший, в т.ч., на новоэкономическое спасение человечества, не мог наладить свою семейную экономику. И, к слову, тот же большой любитель буржуазного комфорта с достатком, когда у него заводились (не свои) деньги, Маркс, призывая пролетариев (к-рым нечего терять, кроме своих цепей) всех стран соединяться, сам ни разу не всходил на баррикады и не участвовал ни в одном восстании, ставя на кон множество жизней других людей (расходный человеческий материал для марксистского эксперимента), но никогда свою собственную.

Чего уж там! Ведь другой учёный столп XIXв. Дарвин своей столь приглянувшейся Марксу «обезьяней» теорией ликвидировал (в глазах *высокопросвещённого* человечества) Бога и поста-

Называемый у Тацита, приложительно к цензорской деятельности Клавдия, консуляр П. Помпоний Секунд есть знакомый нам консул-суф. 44г. н.э. (см. выше). Он родился ок. 10/11гг., был дружен с настигнутым-убитым в Помпониевых садах старшим сыном Сеяна Элием Галлом, привлекался по делу Сеяна в 31г., и отданный под надзор ст. брата Квинта (к-рый в 33г. добился казни его обвинителя Консия Прокула), получил окончательную реабилитацию при Калигуле. Кв. Помпоний Секунд, соконсул Калигулы в 41г., примкнув годом позже, возможно, спровоцированный Суиллием, к мятежу Камилла Скрибониана, покончил, вследствие разгрома мятежной авантюры, самоубийством. Младший из братьев, «отличаясь – по Тациту (Ан. 6, V, 8) – большой изысканностью в образе жизни и блестящими дарованиями», к мятежу касательства не имел, пользуясь почётом и уважением при Клавдии (Т.Г. 645/46).

В «Ан. 12, 27/28» П. Помпоний фигурирует под 50г. – как удостоенный *ornamenta triumphalia* за отражение набега зарейнских хаттов кесарский легат Верхней Германии, где он наместничал с ок. 47 по ок. 54гг. Сказав о его триумфальных украшениях, Тацит добавляет: «...но в них лишь малая доля его известности у потомков, к-рые чтят его как выдающегося поэта». Сочинения, среди них утерянные трагедии «Эней» и «Атрей», П. Помпония Секунда, как и посвящённое ему «Жизнеописание», за авторством дружного ему Плиния Ст. (7, 39: «*clarissima civis*»; 7, 80: «*consularia poeta*»), до нас не дошли.

А в тацитовском «Диалоге об ораторах» (13) сравниваемый с не гнавшимся за почестями прославленным Вергилием Помпоний Секунд выгодно противопоставляется, как знаменитость, не уступающая «ни в значительности занимаемого им положения, ни в прочности славы», неразборчивому кесареугоднику и пройдохе, общепризнанному мэтру латинского красноречия и учителю Квинтилиана – Домицию Афру (к-рый жил, не брезгуя ни низкопоклонством, ни подлостью) (Д.И. 1023/24; 1055/56) (см. выше и ниже). Более того, тот же Квинтилиан (X, 1, 98) ставит Помпония Секунда выше (стяжавшего известность и как философ, и как политик, и как автор ряда трагедий) Сенеки Мл. в качестве выдающегося трагика. И здесь ещё важно заметить, что если первые трагедии Сенеки датируются временем не ранее 49г. (по возвращении из корсиканской ссылки), то Помпоний выступил – как трагик – до 47г.

За какие именно стихи и почему конкретно известная своей разнузданностью римская театральная толпа осыпала в 47г. бранью-поношениями и Помпония, и ряд знатных женщин, видимо, его экзальтированных поклонниц, Тацит не уточняет, но цензор Клавдий строго осудил как произошедшее, так и недопустимость подобных театральных эксцессов вообще, в специальных цензорских указах, об общем обилии к-рых в пору его цензората свидетельствует Светоний, говоря, что «однажды в один день он издал 20 эдиктов».⁶⁴ Не лучший показатель для правителя, так как чем больше им издаётся постановлений (в т.ч., самых нелепых), тем хуже и меньше они (оставаясь, в конечном итоге, на бумаге) претворяются в жизнь.

вил во главу угла (подразумевающую упразднение совести) биологическую борьбу за существование (вот из каких дарвинистско-марксистских, плюс худшая сторона нищестанства, саженцев произросли большевизм и нацизм!). То-то Маркс хотел посвятить 2-й том «Капитала» именно Дарвину, но согласие от последнего так и не получил. «Мы построим общество разума, в к-ром не будет места никакой религии» (Энгельс).

⁶⁴ Для сравнения: за 5 лет правления (самодура и Дон-Кихота) Павла I (1796-1801гг.), в, по-детски-отрочески-юношески, противоречивой персоне к-рого плюсы и минусы до неприличия трагикомично сошлись-слились, было издано на порядок больше указов, чем за 36 лет реального правления (после отстранения от власти царевны Софьи) великого реформатора Петра I (1689-1725гг.)! И несостоятельность умудрившегося настроить против себя почти всю российскую верхушку общества Павла в качестве правителя настолько очевидна, что в разговор

Клавдианское осуждение чрезмерной роскоши выразилось, например, в купле выставленной на продажу в Сигилляриях (название улицы) и изрубленной у кесаря-цензора на глазах серебряной колесницы. Впрочем, специальные постановления против излишней роскоши, к-рую осуждали (облагая её налогом) и пуританский старореспубликанский Рим, и Август с Тиберием, признавшим в то же время нерентабельность борьбы с ней, похоже, при Клавдии (жёны к-рого, и Мессалина, и Агриппина, обожали роскошествовать), не принимались. Зато им не были забыты смеление бочек при сборе винограда и тиссовый сок против змеиного укуса.

Светоний: «Говорят, он даже собирался особым эдиктом позволить испускать ветры на пиру, т.к. узнал, что кто-то занемог, оттого, что стыдился и сдерживался» (Кл. 32). Вероятно, и этот, увы, насколько выводится из Светония, так и не изданный (важнейший!) эдикт относится ко времени цензурства Клавдия, к-рый, к месту заметить, был очень жаден до жратвы и питья, а, значит, понимал актуальность и толк как в отрывке (к-рой у некоторых народов принято благодарить хозяина дома за вкусное-изобильное угощение), так и (в вольно-бескомплексном) пердеже.⁶⁵ Продолжением же взятой на вооружение ещё Августом борьбы с бездетностью стала отмена Клавдием добавленной Тиберием (неизвестно — когда именно?) в закон Папия-Поппея (9г. н.э.) «статьи о том, что 60-летний человек к производству потомства уже неспособен» (Свет. Кл. 23,1).

И, между прочим, отпустив без порицания, во время смотра васадническим турмам, т.е., по всему, в июле 47г., одного запятнанного всеми пороками юношув-экви, к к-рому его родной отец не имел никаких претензий, со словами — «у него есть свой (в лице родителя — *pater familias*) цензор», Клавдий (как пить дать) видел

против него совершенно незачем *вовлекать* (задним числом) *зловещего* английского посла, к-рый, конечно, мог знать о заговоре и одобрять его, так как Павел в пику Англии якшался с Наполеоном и даже анекдотично двинул подразделение казаков против англичан в Индию, куда они никогда не дошли (и не дошли бы). Но Павла устранила никак не Англия, у к-рой, кстати, было гораздо больше оснований устранить Александра I — во избежание или после его Тильзитского мира (1807г.) с Наполеоном, чего она почему-то не сделала и даже не попыталась сделать (умно выжидая, когда Наполеон и Россия, в конце концов, неизбежно сшибутся, так же, как в 1940/41гг. Черчилль делал ставку на столкновение Германии и России, к-рого таки дождался).

Сходно незачем и к заговору против Г.Распутина (1916г.) приплетать (кто бы об этом ради доходной квазисенсации сегодня ни писал) *зловещего* английского резидента, к-рый-де произвёл (после десятка выстрелов заговорщиков) чуть ли не контрольный выстрел Распутину в голову (опять очередной Высоцкий «мистер Джон Ланкастер Пек»), и про к-рого почему-то никто из непосредственных участников покушения ни тогда, ни позже не обмолвился ни словом.

Похожим образом, излишне, говорим снова, псевдоприключенчески искать-выискивать предумышленные убийства в явных самоубийствах Есенина или Маяковского, закономерный суицидальный конец к-рых «мифологически» начал метаморфизироваться-конспирологизироваться в их, дескать, тайнозаговорщические убийства через много-много лет после суицида обоих. Советская власть (к-рая — кому — мать, кому — твою мать), разумеется, совсем не паинька, однако, Есенина и Маяковского (не доживших до 1937г.) она руками переодетых чекистов не убивала, не убирала. Они сами убили себя, солидаризовавшись с ней и пойдя к ней (вполне прибравшей их, манифестировавших себя большевиками, к рукам) на службу (в услужение).

⁶⁵ У Светония находим: «До еды и питья был он жаден во всякое время и во всяком месте. Однажды, правя суд на Форуме Августа, он соблазнился запахом угощения, к-рое готовилось в соседнем Марсовом храме для салийских жрецов, сошёл с судейского кресла, поднялся в храм и вместе с ними возлёг за трапезу. От стола он отходил не раньше, чем отяжелел и взмокнув, и тут же ложился навзничь, чтобы во сне ему облегчили желудок, вставив пёрышко в разинутый рот» (Кл. 31).

перед собой супружницу Мессалину, к к-рой (тоже запятнанной пороками дальше некуда) он тоже до поры предпочитал не иметь претензий.

Вот вам в его поведении, пусть косвенное, но убедительное подтверждение того, что распутство Мессалины не было и не могло быть (в условиях Рима) для него тайной, однако, было терпимо (иногда поневоле), пока не угрожало его жизни и власти. Хотя тот факт, что он никогда не был, во всяком случае, полным хозяином (*pater familias* = домовладыка) в своём доме, ни при Мессалине, ни при Агриппине, не мог (как минимум) быть ему в радость, о чём он однажды даже (когда?), не углубляясь в подробности, сказал в сенате.⁶⁶

Ещё более прозрачный зеркальный намёк на положение дел в кесарском доме содержится в цензорском совете Клавдия (не с явной ли оглядкой на свой дом!) другому юноше, обольстителю и развратнику, соблюдать в своих вожделениях-похождениях меру, сдержанность и осторожность. «Зачем мне знать, кто твоя любовница?» = «Зачем мне знать, кто любовники моей жены?» — доколе речь идёт, всего-навсего, о сексе. Пусть только не переходит последних границ допустимого, пусть не посягает на кесарство и на жизнь венценосного супруга, остальное, мол, (если и не слюбится, не склеится, то как-нибудь) стерпится.

Примечательно также строгое цензорское исключение Клавдием некоего видного провинциального грека из списка судей и лишение его римского гражданства за незнание латинского языка. И тут на памяти приказ Тиберия одному солдату (к-рого по-гречески попросили дать показания) говорить в суде только по-на-латыни, равно светониевское сообщение о том, что легко и охотно говоривший (в отличие от Августа) по-гречески, прекрасный знаток эллинской культуры Тиберий всячески избегал употребления греческого в сенате, настаивая на обязательном приискивании греческим терминам латинских эквивалентов (Тиб. 71).

Рим относился к великой греческой культуре и к великому эллинскому наследию с должным пиететом, начав подпадать постепенной эллинизации тотчас по покорении Греции, но при этом всегда осознавая свою государственно-имперскую доминанту и своё римское державное превосходство над декадансом греков. И это отношение римлян к грекам вполне можно сравнить с отношением немцев XIX/XXвв. (Второй и Третий рейх, к-рый, к слову, с 1940г. себя «Третьим»^{66а} не называл, предпочитая зваться именно и сугубо «Тысячелетним») к французам, уподобимое отношению молодого хамоватого плебея к стареющему декадентно-лощёному аристократу, к-рого плебей чтит и к-рому, во многом, подражает⁶⁷, одновременно твёрдо уверенный в своём бесспорном превосходстве над ним. Т.е., — отдавая ему дань за былое, но не сомневаясь в принадлежности себе настоящего и особенно будущего.

При всём том, не меньший, чем Тиберий, знаток и ценитель эллинства Клавдий, пошёл в своём благоговении перед латынью куда дальше своих предшественников, введя в 47г. н.э. (опять-таки, цензорской властью) в действующий римско-латинский алфавит три новые буквы: $\text{O} \text{I} \text{F}$. Он придумал их ещё частным человеком (следует думать, при Тиберии), посвящая себя, отстранённый от должностей, учёным занятиям, и даже издав об этом книгу. Ныне же кесарь-цензор — «без труда добился принятия этих букв во всеобщее употребление» (Свет. «Кл.» 41,3). Но употреблялись они всего 7 лет, до его смерти, выйдя из пользования сразу после

⁶⁶ Светоний: «Об одной свидетельнице, вызванной в сенат, он заявил: «Это отпущенница моей матери, из горничных, но меня она всегда почитала как хозяина, — говорю об этом, потому что в моём доме и посейчас иные не признают меня за хозяина» (Кл. 40,2).

^{66а} Т.е. продолжателем-преемником Священной Римской империи (962-1806гг.; с 1512г. — Священная Римская империя германской нации) и кайзеровской Германии (1871-1918гг.).

⁶⁷ Немцы до сих пор, с несказанным провинциальным апломбом смакуя романскую речь, любят упоительно шеголять, произнося их на французский манер, французскими словами или целыми фразами.

неё. Иначе говоря, схоронив Клавдия в 54г., Рим пошлёт эти три нововведённые им буквы именно (пардон) на три буквы!⁶⁸

* * *

Египетские (как и, по всей видимости, китайские) иероглифы древнее финикийских букв, но Тацит неправ или некорректен, говоря, что «впоследствии финикийцы, поскольку им принадлежало первенство на море, перенесли их в Грецию и присвоили себе славу изобретателей букв, хотя в действительности они их не придумали, а только заимствовали...» (Ан. 11,14).

Есть существенная разница между, в пределах III-й Пост-Атлантической Египетско-Халдейской культуры, под знаком Тельца (2908/07 – 748/47гг.), изображительными иероглифами (египтян) и буквами алфавита. Вернее, – пра-алфавита, из 7-и гласных и 12-и согласных звуков, к-рый действительно восходит (на исторической стадии) к (посредникам) финикийцам (представляя корнями халдейско-вавилонскую половину дуалистической III-й культуры), метаисторически заложенный в звёздных письменах и почерпнутый оттуда (из Мистерий Кабиров). 7 (хевронских) Кабиров как 7 планетарных Архангелов; 12 Амшаспанд (Заратустры) как архангельские сущности (духи формы), стоящие за ночными (5 или 5/6) и дневными (6 или 6/7) знаками Зодиака⁶⁹; 7 гласных (вокальных) и 12 согласных (консонантных) звуков, превращённых божественно-человеческой мудростью в наглядно озвучивающие их (архангельско-зодиакальная Гармония Сфер!) буквы.

Греческий (индо-европейский = яфетический) алфавит возник на базе (семитского) финикийского (идушего, как и еврейский, из XIV/XIII вв. до н.э.) в IX в. до н.э. (симметричном IX-у в. н.э., когда возник алфавит славянский); латинский – на базе греческого – в середине I тыс. до н.э. (древнейшие надписи датируются VII-м в. до н.э.). Существуют две гипотезы его происхождения: по одной, латинский язык заимствовал алфавитное письмо напрямую из греческого; по другой, – своеобразным посредником выступило письмо этрусское.⁷⁰

⁶⁸ Не считал ли себя (семинарист-недоучка) Сталин («в иных науках просто корифей») специалистом (в частности) в области и вопросах русского языкознания! познав в нём, как поётся у Ю.Олешковского, «высший толк», и полагая (не без характерного для него лёгкого акцента, к-рый подчеркнуто усугубляется грузинскими исполнителями его роли в кино), «что именно курско-орловский диалект лёг в основу русского литературного языка». Отсюда не удивительно, что не могучи простить Троцкому, к-рый, с др. стороны, распространял поклёпные байки о сталинском дремучем невежестве, в т.ч., знание европейских языков, Сталин приписывал себе в анкетах способность читать прессу на немецком и английском.

И в данной связи приходит на память явное живописное фуфлю (сталиниста) Сикейроса (визави троцкиста Ривверы), согласно к-рому, на его встрече со Сталиным в Москве присутствовал Маяковский – в амплуа (видите ли) переводчика! Т.е. из этого выходит-выводится, что Сталин, беседуя с Сикейросом (и очаровывая его, как он очаровывал очень хотевших быть небезвозмездно очарованными Барбюсов, Ролланов, Фейхтвангеров...), неожиданно перешёл с русского на грузинский, а выросший в Кутаиси Маяковский (кто грузинский хорошо знал) стал переводить с грузинского на (неведомый ему) испанский.

⁶⁹ Если Пра-Индия 7-и и Св.Риши сосредоточена ещё на 7-и (6-и) дневных знаках Зодиака, то Пра-Иран Заратустры знает уже 12 Амшаспанд, 28-31 календарных дней Азатов, законы экзистенции-движения Времени, хронологии, календаря и т.д. Если в Пра-Индии, с её *эфирным* ясновидением, внутреннее и внешнее ещё едино, то в дуалистическом Пра-Иране, с его *астральным* ясновидением, и в позднейшем Иране (визави Турана) от пра-монотеистического верховного божества Церван и Царуана Акарена (нетварное вечное Время и круг Зодиака) – Ормузд (Свет) и Ариман (Тьма) – солнце и мрак, причём Ормузд – солнце внешнее, тогда как Митра – светило внутреннее.

⁷⁰ Любопытен подбор Тацитом (11,14) героическо-(полу)мифологических и даже литературно-исторических персонажей – передатчиков или изобретателей римского письма – с

В обоих случаях основой латинского алфавита является западногреческий (южно-италийский — Magna Graeca) вариант греческого алфавита, от которого латинский обособился в VII в., поначалу включая только 21 букву. Буква Z (аналог греческой дзеты Z) была исключена (позже восстановленная) из алфавита цензором Аппием Клавдием в 312 г. до н.э. (так как звук между двумя гласными, передаваемый ею, к этому времени перешёл в др. букву). В 234 г. до н.э. на месте исключённой Z появилась отдельная буква G путём добавления к C поперечной чёрточки (автор модификации Спурий Карвилий Руг — конс. 234 г.).

В IV в. до н.э., после покорения Греции Римом (146 — 86 г. до н.э.), в латиницу были добавлены буквы Y и Z для записи слов, заимствованных из греческого языка. Большинство букв называлось не греческими названиями их восходящих к финикийскому алфавиту аналогов, а просто по их произношению для гласных или для согласных с помощью добавления соответствующих звуков. В итоге получился классический латинский алфавит из 23-х букв, к которым в 47 г. н.э. Клавдий, как сказано, (не могучи не отличаться и на данном не початом ни одним из предыдущих кесарей поприще) присовокупил 3 дополнительные буквы.⁷¹

метаисторической географией от Египта и Финикии через Грецию и Этрурию с Сицилией. Кадм — сын Агенора, брат Европы и Фойникоса с Киликосом, финикиец-тирянин, родиной отца которого некоторые считали Египет, и к-рый, быв снаряжён, как и его братья, отцом на поиски похищенной Зевсом Европы, побывал во Фракии (где умерла его мать Телефасса), в Греции, в Иллирии. Или Кекроп — первый афинский царь, аттический автохтон, древнепеллагический герой — изображавшийся со змеиным туловищем сын Земли; основатель Афин и соорудитель Акрополя (Кекропия), к-рого поздние греки называли выходящим из египетского Саиса, к-рый разделил греков на 12 общин, первым просветил народ и учредил культы Зевса и Афины. Или Лин Фиванец — сын Исмения (либо Аполлона), обучавший Геракла пению и игре на гитаре и убитый им. Или Паламед — сын Навплия и Климены, либо изобретший, либо упорядочивший алфавит, учредивший числа, меры длины и веса, счёт времени по годам, месяцам и дням, участник похода против Трои, погубленный хитроумным Одиссеем, действовавшим в альянсе с Диомедом. Или Симонид (не столько живший-творивший в VII в. ямбом — Самосский-Аморгский, сколько, скорее, —) Кеосский (556-468 г.) — основатель мнемоники и преобразователь греческого алфавита, зачинатель эпиграмм и элегии, умерший или погибший (при невыясненных обстоятельстве) в Сиракузах, где он провёл последние 10 лет жизни. Или Демарат Коринфский, к-рый бежал из Коринфа от тирана Кипсела в этрусский город Тарквинию, стал отцом Тарквиния Древнего и изобретателем римского письма.

Или Эвандр — не то сын, не то внук аркадского царя Палланта (вариант — Гермеса) и Никостраты (или Карменты), прибывший в Италию в царствование Фавна и основавший за 60 лет до Троянской войны на месте будущего Рима укрепленное поселение Палатин, давшее название (по имени отца; или дочери Эвандра — Палланты) Палатинскому холму. Здесь он принял Энея, к-рому предсказал великую судьбу Рима, союзничал с ним против предводителя рутулов Турна и предоставил Энею отряд под командой своего сына Палланта, к-рый пал в бою. Эвандру был посвящён алтарь у Авентина, где ему регулярно приносились жертвы. Не символично ли могущество при дворе Клавдия вольноотпущенника Палланта (брата Феликса), к-рый выводил себя от аркадских царей, и благодаря к-рому именно Агриппина, мать Нерона, озамужит (после падения Мессалины) Клавдия!

⁷¹ Lingua Latina — индо-европейский язык латинов, населявших территорию Лация с царских времён Рима, к-рый сделался языком римлян и поступательно вытеснял остальные языки италийской группы на Апеннинском п-ве вплоть до начала н.э. Плюс экспансия Рима в Западной Европе и Северной Африке (со II в. до н.э.) привела к проникновению латинского языка туда и к его преобладанию над местными языками (где, в странах, среди народов более низкой и менее устоявшейся культуры или бескультурья, ему не составляли, как к востоку от Италии, конкуренцию гораздо глубже укоренённые греческий, сирийский, египетский). При этом интенсивность распространения латинского языка привела к тому, что уже в IV в. н.э. романизированная Испания (романизаторский полигон Рима) стала родиной римско-латинских писателей — Сенеки, Лукана, Марциала. И вполне естественно, что на становление-развитие латинского языка (как и алфавита) повлиял греческий через многочисленные гре-

Тацит в начале Пв. н.э. пишет: «...и начертание латинских букв было таким же, как и древнейших греческих. И у нас также их было сначала меньше, а остальные добавлены позднее. Опираясь на этот пример, Клавдий прибавил три буквы, бывшие в ходу в годы его властвования, а затем вышедшие из употребления; их можно увидеть ещё и поныне на бронзовых досках (времени его правления – К.З.), прибитых на площадях и храмах» (Ан. 11,14).⁷²

* * *

Надо сказать, что наряду с мотивированными кесарским тщеславием пусто-рожными, или наряду с продиктованными клавдианским скудоумием анекдотическими деяниями-предприятиями, цензором, как и кесарем, Клавдием делалось, было сделано (также) немало дельного и полезного. К примеру, проведение в Рим не первого и не последнего водопровода из ключей на Симбруинских холмах в Лации, у подножия к-рых находилось селение Сублаквей (совр. Субьяко), где остатки

ческие колонии в Италии, где, особенно в Южной Италии и на Сицилии, грекоязычие сохранялось на протяжении всей Античной эпохи и в начале Средних веков.

Тем временем, по мере развития латинского языка, произошло его разделение на – народно-разговорную вульгарную латынь и язык литературный. Первая не представляла единого языка, делясь на диалекты, обусловленные географией и принадлежностью её носителей к социальным группам ремесленников, купцов, селян, легионеров... А второй делился на «высокую латынь» поэзии и «высокую латынь» прозы. Наиболее же значительного уровня классический латинский язык достиг в творчестве Цицерона, к-рый считается одним из его создателей – образцом классической латинской прозы, сродни Вергилию, – канону классической латинской поэзии (золотая латынь).

«Серебряный век» латыни – эпоха ранней Империи – создание единых языковых нормативов для поэзии и прозы. Для Пв. н.э. характерна тяга к латыни архаической. Христианские латинские писатели часто использовали латынь *vulgaris*, чтобы сделать её доступной верующим. Ириней и Тертуллиан – создатели церковной латыни, доведённой до кондиции Амвросием Медиоланским, Иеронимом, Августином. С Пв. н.э. классическая латынь переживала упадок в условиях политического и экономического кризисов, вызвавших дальнейшее развитие народно-разговорного языка, дробление на диалекты по территориальному признаку и возникновение в перспективе дочерних романских языков. Конец VIв. – окончательное прекращение функционирования латинского как народно-разговорного языка, с последующим развитием и переходом к средневековой церковной и учёной латыни.

⁷² Клавдиевы буквы: С (С?) Ꞥ I I) зеркальная С (точный вид к-рой неизвестен, т.к. ни одного примера её использования в надписях не сохранилось), со значением *bs* и *ps*, по одной из версий, в виде двух С, прислонённых спинками друг к другу; 2) перевёрнутая F со значением согласных V и W (буквы позднейшего происхождения), созданная, как полагают, под влиянием греч. буквы «дигамма» с аналогичным звуковым значением и F-образной формой; 3) половинная H (без вертикальной половины справа) для передачи значения греч. буквы «ипсилон», читавшейся средне между U и I в заимствованиях.

Интересно, что гораздо позднее, в XVIв., когда о буквах Клавдия все давно забыли, латиница претерпела дифференциацию слоговых и неслоговых вариантов букв I и V (I/J и U/V), в результате чего получился алфавит из 25-и букв, причём примерно тогда же стал считаться отдельной буквой возникший в XIVв. диграф W, с добавлением к-рого в алфавит латиница и обрела свой окончательный состав из 26-и букв. Т.е. – из, в общей сложности, 26-и букв, как и в течение 7-и лет при Клавдии, о к-ром в Пв. н.э. рассказывали небылицу, будто его мать Антония Младшая (кто, вспомним, желая упрекнуть кого-либо в тупоумии, говорила: «глупее моего Клавдия») как-то пошутила, что он не станет императором, пока не изменит алфавит. И он его изменил, правда, уже в ранге-достоинстве императора и цензора, придумав эти три буквы ещё при Тиберии или Калигуле, но терпеливо дожидаясь для их обнародования-легитимизации своего, – потому, мол, как уверяли острословы, и реанимированного-облечённого им, – цензорства.

клавдианских акведуков можно видеть и сегодня. Или – принятие противоростовщического закона, запрещавшего ссужать деньги сыну при жизни отца с погашением долга после смерти родителя, что приводило, в силу неотрегулированности, предоставляя свободу рук алчным ростовщикам, к вопиющим ссудно-взыскательским злоупотреблениям.

Вдобавок к тому, согласно Диону (61,29,7) от Ксифилина (142,26-29), на – застарелая проблема рабовладельческого Рима – отказ многих хозяев заботиться о своих постаревших или заболевших рабах (к-рых отправляли умирать при храме Эскулапа на одном из островов Тибра), был принят закон, по к-рому всякий раб, переживший такое обращение, становился свободным.

У Светония, при отсутствии хронологии, указывающей, согласно epitome из Диона, на время цензората Клавдия, сказано подробнее: «Так как иные, не желая тратиться на лечение больных и истощённых рабов, выбрасывали их на Эскулапов остров, то этих выброшенных рабов он объявил свободными: если они выздоравливали, то не должны были возвращаться к хозяину; если хозяин хотел лучше убить их, чем выбросить, то он подлежал обвинению в убийстве» (Кл. 25,2). Достойный упоминания и похвалы гуманизм эпохи рабовладельческого общества, очень даже сравнимый с гос. заботой о крепостных рабах в России до отмены крепостного права, или о чёрных рабах в САСШ до отмены рабства (и то, и другое – 60-е гг. XIXв., когда Маркс говорил об освобождении белых рабов в России и чёрных в Америке). И тут, треба уточнить, что являясь долгие годы изгоем в римских верхах, Клавдий много общался, в т.ч., с рабами, именно в то время проникнувшись более человеческим отношением к ним.

Дальше, сообразно черпающему из Диона (61,29,7а) византийскому энциклопедическому словарю «Суда» (Хв.), Клавдием был издан закон, следуя к-рому, ни один сенатор не имел права удалиться из Рима на расстояние более 7 миль без кесарского разрешения. У Светония несколько иначе: «Ввёл он также новый род ссылки, запретив некоторым лицам отлучаться из Города дальше чем на 3 мили» (Кл. 23,2). И одновременно вышел запрет на передвижение внутри Города (запряжённым тягловой силой) возке (Дион 61,29,7б = «Суда»). Светоний *распространяет* запрет на всю Италию: «Путешественникам он запретил эдиктом проходить через города Италии иначе, чем пешком, в качалке или в носилках» (Кл. 25,2).

А у Диона (61,29,1) от Ксифилина (141,30 – 142,25), где речь явно идёт, в контексте подпадающей под census чистки сената, о цензорате Клавдия в 47г., сказано: «Клавдий тогда удалил из сената ряд его членов, большинство из к-рых отнюдь не сожалели, что исключены, но добровольно отказались ввиду своей бедности; и он назначил большое число новых лиц на их места. И когда некий Сурдиний Галл, избранный для того, чтобы стать сенатором, уехал в Карфаген, Клавдий поспешно вызвал его назад, заявив, что он наложил на него золотые оковы».

Сенат давно ничего важного практически не решал, в связи с чем многие не хотели (а иные, наоборот, хотели) быть его кукольно-чучельными марионеточными членами, что было финансово накладно и облячивало к облечению ряда магистратур. К этому тоже далеко не все, имея достаточно средств для безбедного-беззаботного существования, при декадентной Империи и общих декадентных настроениях, стремились, от чего многие, предпочитая беззаботную-свободную от какой-либо ответственности экзистенцию, отлынивали-увивали.

Данная тенденция проявилась ещё при Августе, прогрессируя при Тиберии и Калигуле, когда пресловутое членство в (придворном) сенате сделалось, помимо прочего, в эпоху *кесарева безумия*, вовсе небезопасным. И вот сейчас Клавдий, установив, так сказать, толерантный режим *взаимосотрудничества взаимотерпимых* кесаря и сената, пытался (тиберианко-калигулианское) конфликтное наследие (в

духе Августа) исправить. Да, быть сенатором означало наложить на себя (наложенные кесарем) золотые оковы, что и было замечено Клавдием не без юмора возвращённому им в Рим из (Нового) Карфагена (вздумавшему улизнуть туда от рутинных сенаторских обязанностей) Сурдинию Галлу. Верность традиции – превыше всего. Республиканский Рим непредставим без сената (под кесарем). И значит, блюдём-соблюдаем республиканско-кесарские = кесарско-республиканские – лицо, жопу, достоинство, престиж.

В том же 47г. н.э. началась перепись римских граждан, к-рая закончится в следующем 48г., насчитав-исчислив 5 млн. 984 тыс. 72 квирита. Для сравнения: от 80-и тыс. римлян периода Царей, завершившегося в 510/09гг., до 910-и тыс. в 70/69гг., и свыше 4-х млн. позднее, при трижды цензировавшем римских граждан Августе (в первый раз в паре с Агриппой, во второй – в одиночку, в третий – с Тиберием): 4 млн. 63 тыс. – 28г. до н.э. (Р.л. 253/54); 4 млн. 233 тыс. – 8г. до н.э. (Р.л. 548); 4 млн. 937 тыс. – 14г. н.э. (Р.л. 1296). Причём в этот (римско-квиритский) августейший перечень, само собой, не входят – ни «перепись по всей земле», указ о к-рой вышел в сентябре 1г. н.э., ни провинциально-налоговые переписи, ни частичная перепись римлян в 4г. н.э. (Р.л. 1029-31/32-40-49-62).

Итак, к середине IV н.э., после почти 5-и млн. римлян накануне кончины Августа, спустя 33/34 года, набралось почти 6 млн. римских граждан (на, предположительно, ок. 100-миллионное? население всей Империи). Такова тенденция и динамика роста числа-количества римлян в I/IV н.э. – от почти 1-го млн. в 70/69гг. до почти 6-и млн. в 47/48гг. К сожалению, результаты переписи 73г., проведённой Веспасианом в паре с Титом, неизвестны.

* * *

«Выступил Клавдий в сенате и с докладом об учреждении коллегии гаруспиков, дабы не заглохла по нерадивости древнейшая наука Италии: к ним часто обращались в трудные для государства дни, по их указанию восстанавливались священные действия и в последующем более тщательно управлялись; этрусская власть по собственному желанию или побуждаемая римским сенатом хранила преемственность этих знаний; теперь, однако, это делается гораздо небрежнее из-за всеобщего равнодушия к благочестию и распространения чужеземных суеверий. И хотя ныне во всём установилось благополучие, всё же должно воздать благодарение богам за их благосклонность и не допустить, чтобы священные обряды, усердно почитавшиеся в тяжёлые времена, оказались преданными забвению в счастливые. Исходя из этого и был составлен сенатский указ, предписывавший верховным жрецам рассмотреть, что необходимо для сохранения и закрепления искусства гаруспиков» (Ан. 11,15).

Дивинация – римский термин, обозначающий искусство гадания посредством индукции (наблюдение) или интуиции (экстаз; сон). Римляне различали 4 официально принятых способа гаданий: 1) жребий (sortes); 2) книги сивилл (libri Sibyllini); 3) гаруспииции (haruspicia); 4) гадание авгуров (auguria). Учреждения первого рода-способа находились в городах Пренесте (Пренестинские жребии) и Цере; дубовые палочки с вырезанными на них буквами хранились в храме Фортуны; их вынимал мальчик, после чего по ним давались ответы. Или, высыхая, палочки становились тоньше, и когда какая-нибудь из них случайно выпадала из связки, вырезанная на ней надпись принималась за предсказание.

Второй способ: «Книги сивилл», в кол-ве 3-х (или 9-и), к-рые приобрёл у знаменитой Кумской сивиллы – либо Тарквиний Древний, либо Тарквиний Гордый.

Они сгорели при пожаре храма Юпитера Капитолийского, где хранились, в 83г. до н.э., затем были восстановлены, позже дифференцированы-отобраны при великом понтифике (с 12г. до н.э.) Августе и помещены в двух золотых ларях под постаментом храма Аполлона Палатинского, подведомственные жреческой коллегии из 15-и членов – *sacerdotes Sibyllini* = квиндецемвиры *sacris faciundis*. Четвёртое гадание – авгуральное – по полёту птиц и погодным знамениям.

Третий гадательный способ – гаруспикальный. Гаруспики (*haruspex* – от *hiraе* – внутренности, и *spetio* – наблюдаю) – гадатели по внутренностям жертвенных животных, равно толкователи ударов молнии; в широком смысле – провидцы-прорицатели и истолкователи знамений. Это были жреческие предсказатели из Этрурии, с её (главной таинственной посредницы между молодым Римом и уходящей корнями в ветхую Азию старой Грецией) издревле развитым учением, вернее, наукой о гаданиях – *disciplina Etrusca*, к-рая считалась божественным даром. По преданию, эту спиритуальную дисциплину сообщил посвящённым этрускам Тагет, сын Юпитера. Отсюда название учёных книг: «*Libri Tagetici*», или «*Libri Etrusci*». Гаруспикальная дисциплина издавна, со дней эпохи царей (этрусское происхождение Тарквиния Приска), была принята в Риме и соединена со жреческим учреждением авгуров (авгурат).

Вместе с тем, за всё время существования Республики ни один римлянин не был гаруспиком (притязания такого рода отвергались), это достоинство принадлежало исключительно этрускам (все прочие считались самозванцами и шарлатанами), на к-рых в Риме смотрели с подозрением, как на мрачных (посвящённых) чужеземцев⁷³, к-рые не имели достоинства равного достоинству избравшихся из знатных римских семейств авгуров, но к-рые, тем не менее, пользовались большим почётом, при благоговейном трепете римлян (особенно римской аристократии) перед ними, и к-рых, в случае соответствующей провидческо-предсказательной надобности, специально вызывали-призывали из Этрурии (*haruspices et Etruria acciti*).

И римский сенат проявлял заботу о сохранении науки-искусства гаруспиков. Так, например, если в 186г. до н.э. консул Постумий хвалит их за, совместно с (синодальными) понтификами, защиту традиционной римской религии от посягательств и проникновения в Рим чужеземных суеверий (Ливий 39,16,7), то в IV до н.э. Цицерон говорит про заботу римского сената о блюжении дисциплины гаруспиков (к-рая угасала) способствованием посвящению себя ей знатных этрусских мужей из 12-и этрусских городов («О дивинации» 1,92).

В пору Республики гаруспики не составляли жреческую коллегию, каковую в составе 60-и членов, с магистром *publicius* (гос. смотритель) во главе, учредил, включив её в число (поднадзорных верховному понтификату и понтификальным чиновникам) римских жреческих коллегий, как коллегию особостатуированную, в 47г. знаток (древностей) Этрурии и автор этрусской истории аж в 20-и книгах – кесарь Клавдий (Свет. 42,2).

Несмотря на то, что римские полководцы и провинциальные наместники при Республике обязательно брали с собой в походы или в провинции (в т.ч.) гаруспиков, придавая толкованию ими предзнаменований по жертвенно-животным внутренностям очень важное значение, давшая италикам римское гражданство Союзническая война 90 – 88гг. и её унификаторско-италийские последствия нанесли по слишком самобытной самобытности Этрурии смертельный удар.

Далее, испытывавший страх перед громом и молнией, веривший в вещи сны, в некоторые приметы и в прочие нуждающиеся в верном истолковании предзна-

⁷³ Катон у Цицерона (*De divinatio* 2,51) удивляется, что они при встрече друг с другом (и с кем бы то ни было) никогда не улыбаются.

менования Август, к примеру, назначил, по совету Мецената, нескольких гаруспиков самолично (Дион 52,36,3). Или, по рекомендации гаруспиков, он воздвиг храм Аполлона Палатинского (Свет. «Авг.» 20), где, согласно Сервию («Энеида» 6,72), этрусские священные книги хранились вместе с «Libri Sibyllini». Но тот же Август запретил вопрошать пользовавшихся репутацией самых загадочных (и небезопасных) предсказателей гаруспиков по поводу чьей-либо предстоящей смерти (Дион 56,25). А Тиберий пошёл ещё дальше, запретив гражданам обращаться с запросами-вопросами к гаруспикам по любому вопросу без участия ответственных свидетелей.

И вот Клавдий, цензуруя (жрецы не были ответственны перед гражданскими чиновниками, за исключением цензора), решил гаруспикальную проблему реструктурировать-упорядочить созданием ходящей под понтификом-*maximus*, понтификами и обер-понтификатом (эквивалент Святейшего Синода на императорской службе) специфической коллегии в составе 60-и подчинённых гос. смотрителю мужей. Сим затухающая, в условиях нивелировки-ассимиляции давешней Этрурии и этрусков, язык и самобытность к-рых необратимо исчезали, (архаичная) сакральная дисциплина, с одной стороны, подпадала гос. опеке, тогда как с другой, полностью привязывалась к императорско-синодальной машине, поставленная, что называется, под официальный гос. контроль и на официальное гос. служение-довольствие. Так она и пережила себя, дотянув до IV/Vвв., при последовательных ограничениях-запретах – от частичных до полного – в эпоху христианских императоров, начиная с Константина и кончая предавшим огню все гаруспикальные писания Гонорием (409г.). Хотя искусство гаруспиций тайно практиковалось в стадии ухода-отмирания (осуждаемое церковью как мантика-магия-колдовство) ещё до VI/VIIвв.

Итак, таинственные гаруспики умилоствляли богов по случаю появления предзнаменательных продигий-признаков (*procuratio prodigorum*) и истолковывали их, давая свои ответы (помимо устно иносказательных и часто неоднозначных) в письменном виде. Например, в случае гадания по молнии (*ars fulgatoria*), римляне зывали к гаруспикам для её погребения и умилоствления в связи с ней богов, прибегая к помощи гадателей каждый раз, когда молния (громоверзца Юпитера) поражала известные места. Такую молнию погребали, *собирая её* повсюду в месте удара и зарывая вместе с кремнем – символом молнии. Само же место удара ограждалось, оставаясь открытым сверху, по принесении на нём животной жертвы.

Экстипия (*extipicio*) – собственно гадание по внутренностям принесённого в жертву для вопрошения богов (*hostia consulatore*) животного – способ возобладавший-преобладающий в доцицероновские времена, когда к птицегаданию потеряли доверие. При гаруспикальном гадании рассматривались печень жертвы с желчью, в основном чёрного барана или чёрной овцы, лёгкие, сердце, селезёнка, сальник. Однако первостепенную важность имела именно печень – как микрокосмическое отражение вселенной и состояния общества. По ней гаруспиками истолковывались чудесные знамения и упорядочивались различные предсказания.

Всеобщий ренессанс, манифестированный при Августе, разумел, среди прочего, крайне актуальное возрождение религиозное, и, следовательно, – ренессанс, в т.ч., гаруспикальный. Посему гаруспикальная дисциплина попала в августейший восстановительный перечень, тем паче, на фоне наступления ориентальных культов, когда Рим, покорив Восток посредством экспансии военно-политической, получил от него – как мощную ответку-оборотку (эффект бумеранга) – контрэкспансию духовную. В создавшейся ситуации *мутные* воды Нила или Оронта не могли наркотически не влиться в некогда *свежие-чистые* воды Тибра, заметно испоганив послед-

ние и всё больше подминая под себя души (исподволь ориентализирующихся) римлян.

Посему требовалась реанимация, к-рая на деле, ибо в мире уже свершилась профуканная Римом (и миром) Мистерия Голгофы, оборачивалась (очередным) вариантом зомби, очередной возвратной архаикой. И Клавдий (эпатажно) действовал (выразительнее, нежели Тиберий или Калигула) в этом запущенном-инаугурированном преемником не только Ромула, а и инаугуратора сакральной сущности-экзистенции Рима Нумы Помпилия Августом «возрожденческом» ключе-духе-направлении. Сквозь призму оного и надобно рассматривать учреждение при, повторим, возглавляемом кесарем в ранге понтифика-*maximus* понтификальном синоде в Риме (Рим и Этрурия, Рим и освоенное-усвоенное-ассимилированное римлянами этрусское наследие – едины!) престижной жреческой коллегии гаруспиков.⁷⁴

ГЕРМАНСКИЕ СЛОЖНОСТИ

«В том же году племя херусков испросило царя из Рима, так как их знать была истреблена во время междоусобных войн и оставался в живых лишь один единственный потомок царей, находившийся в Риме и носивший имя Италика. Отцом его был брат Арминия Флав, матерью – дочь Актумера, вождя хаттов; сам он обладал красивой наружностью и хорошо умел управляться с конём и оружием как на отеческий лад, так и по-нашему. Итак, Цезарь, снабдив его деньгами и дав ему охрану, призывает его воодушевиться исполнением наследственного почётного долга: он – первый родившийся в Риме, и не заложник, а римский гражданин, отправляется на чужеземное царствование...» (Ан. 11,16).

Тиберий не ошибся, когда, отзывая в 16/17гг. Германика из Германии (где возвращение Римом потерянного в результате Тевтобурга доальбийского правобережья Рейна оказалось и нереальным, и, по убеждению Тиберия, ненужным), говорил, что нужно предоставить правобережных германцев (к-рым Германик в 14 – 16гг. отомстительно воздал должное) их внутри- и межплеменным распрям. Поскольку, если войны Рима с ними только консолидируют их как внутри отдельных племён, так и в отношениях между племенами, делая варваров сильнее и опаснее для Рима, то уход римлян, наоборот, способствует, при отсутствии могущественного внешнего врага, росту усобиц, к-рые, в свою очередь, значительно ослабляют германцев и отвлекают их, вынужденных заняться собой, от массивных посягательств на левобережье.

Уничтоживший три римских легиона в Тевтобургском лесу *liberator Germaniae* (Тацит) Арминий (Р.л. 1224-37), как мы помним, был (одолев конкурентного ему конунга маркоманов Маробода) убит своими же единоплеменниками (при невыясненных обстоятельствах) за стремление к царскому венцу (Д.И. 152-57), что означало для дороживших своей первобытной свободой консервативных херусков сакральное преступление и обернулось даже для героя Арминия погибелью. Напоминаем, его жизненный путь начался в 19г. до н.э., а закончил он его 37-и лет

⁷⁴ За верховным понтификом шли 8 старших понтификов и множество младших; 3 назначавшихся понтификом-*maximus* фламينا-*maior* (Юпитера, Марса, Квирина) и 12 фламинив-*minor*; *rex sacrorum* и *regina sacrorum*; (не в порядке старшинства) авгуры; квиндецемвиры; септемвиры-*epulonum*; весталки – со старшей (*maxima*) во главе; гадатели-гаруспики; 30 курионов во главе с «максимусом»; 12 салиев *Palatini* на службе у Марса; 12 салиев *Collini* на службе у Квирина; фециалы; Арвальские братья; собратство тициев; 60 общественных жрецов – *sacerdotes publici*; *sodales Augustales*; луперки; греческая жрица Цереры; галлы; жрецы отдельных богов; жрец Доброй богини (*Bona Dea*); настоятели храмов...

отроду, в 19г. н.э., 12 лет провластвовав над херусками, из них 10, с 9г. н.э., в освобождённой им от Рима правобережной Германии.

А вот Арминиев мл. брат, Флав, поступив на римскую военную службу, вероятно, в 4/5гг. н.э. (когда, в частности, правобережные херуски изъявили покорность Тиберию), так до конца жизни и не изменил, имея ранения и награды, римлянам, к-рым служил верой и правдой. В 16г., во время последнего германского похода Германика, братья едва не сцепились в поединке после жаркой перепалки с разных берегов Везера (Д.И. 48-55). Но дальше след Флава теряется. Впрочем, из контекста «Ан. 11,16» явствует, что на 47г., когда херуски испросили, по иронии судьбы, у Рима царя⁷⁵ в лице Флавова сына Италика, спустя 30 лет после германского триумфа Германика 26.05.17г., сам Флав уже (давно?) был мёртв.

Его женой, т.е. матерью Италика, Тацит называет, не называя её имени, дочь вождя хаттов Актумера (кто ниже – 11,17 – назван Катумером). И интересно заметить, что у Страбона (7,292), среди знатных германцев проведённых в триумфе Германика, фигурирует дочь вождя хаттов Укромера, возможно, тождественного Актумеру (Катумеру). Т.е. женой находившегося на римской службе Флава вполне могла стать именно эта пленная дочь предводителя хаттов. И в сём случае, Италик вполне мог родиться ок. 18г. н.э., являясь на 47г. молодым человеком во цвете лет – 29-и лет отроду = на 30-м году жизни.

И не менее интересно то, что в 19г. н.э. предводитель именно хаттов Адгандестрий (Ан. 2,88) предложил римлянам прислать ему яд для отравления Арминия, на что Тиберий не согласился, со староримским благородством ответив, что Рим побеждает противников в честном бою лицом к лицу, не изводя их ядами (Д.И. 153/54). Стало быть, на 19г. хаттами предводительствовал не Актумер, б.м., умерший к тому времени отец (коварного) Адгандестрия (брата жены Италика)?

Так или иначе, дочь вождя хаттов вышла замуж за знатного (царских кровей) херуска Флава и подарила ему родившегося в римском гражданстве сына именем (Юлий) Италик, к-рого (как первого рождённого в Риме незаложника) кесарь Клавдий в 47г. снарядил, решив удовлетворить запрос уставших от кровавых междоусобиц херусков, на вождистское предводительство, или на (форменное варварское) конунг-царство (буде, конечно, херуски к 47г. для такового, за стремление к к-рому они 18 лет назад убили легендарного дядю Италика Арминия, выросли-созрели).

Однако, не всё оказалось настолько просто, или, правильнее сказать, всё повернулось совсем не просто. Встреченный поначалу восторженно, чуждый местным распрям, одинаково благосклонный ко всем и вовсе не чуждый бражничанью-разгулу, статный, полный сил молодости Италик вскоре навлек на себя недовольство консерваторов как чужак. Ему инкриминировали, среди прочего, что его отец – не герой Арминий, но отказавшийся возвратиться на правый берег (невзирая на уговоры брата и родной матери), всего-навсего, римский лазутчик Флав. Согласитесь, налицо обычная для призванных на трон воспитанников чужбины история. Достаточно вспомнить снаряжённого Августом в Ктесифон Вонона (сына Фраата IV), к-рого парфяне сначала бурно приветствовали, а потом изгнали; или – снаряжённого Тиберием в Парфию Тиридата (сына Вонона), кто тоже поначалу был встречен с восторгом, а потом одолён и изгнан Артабаном.

И пусть в высокородном генезисе Италика херуски не сомневались, тем не менее, его противникам удалось склонить часть единоплеменников на свою сторону,

⁷⁵ Правда, из Тацита неясно – был ли испрошен херусками у Рима такой гех-царь, каким хотел стать убитый за это Арминий? или, скорее, речь следует вести о не противоречащем херусским традициям конунге, как о вожде-предводителе, без погубившего Арминия царского венца?

расщепить варварское общество и вызвать к жизни очередную жестокую распрю. Вызов был Флавам принят, он не спасовал, ввязался в драку и даже одержал победу в ожесточённом, согласно Тациту (11,17), сражении. Далее последовало упоение успехом и высокомерие, что, как читатель знает, тоже очень часто случается – повторяется в истории.

В результате настроившему против себя единоплеменное большинство Италику пришлось бежать к лангобардам, чтобы с их помощью возвратиться на царство, по слову Тацита, – «утесняя племя херусков и когда судьба благоприятствовала ему, и когда она от него отворачивалась» (11,17). Это последняя информация о Флаве, дальнейшая судьба к-рого неизвестна.

Нелишне вспомнить, что впервые упоминаемые Цезарем в «Галльской войне» (6,10) херуски (от *herut* – *олень*) обитали в Средней Германии между Везером и Эльбой, притом конец ареала их обитания заходил даже за Везер, где они граничили с бруктерами и хаттами – последние жили в верховьях Лана (приток Рейна), Эдра (приток Фульды) и Верры (современный Нижний/Верхний Гессен), на равнине Фрицлар-Ваберн и в районе Касселя. Перспектива же обоих некогда известных племенных союзов, включая их конец, была следующей.

Если остатки безнадёжно ослабленных внутренними распрями херусков, покорённых хаттами, впоследствии вошли (всплывая в последний раз в IVв., при Константине) в племенной союз саксов, то (не случайно одноимённые и дальнеродственные малоазийским яфетитам хеттам – индоевропейцы) хатты, к-рые после гибели Арминия (одолеваемые римлянами в 41, 50 и в 69г., когда – 69г. – они примкнули к восстанию батавов) и окончательно в пору правления Домициана (81 – 96гг.) возобладали над херусками, вторгнувшись ок. 170г. в Бельгику, позднее растворились во франках и внесли свой вклад в этногенез голландцев с фламандцами.

Иначе сложилась судьба надолго переживших херусков и хаттов лангобардов (*длиннобородые*), к-рые обитали в левом берегу нижнего течения Эльбы и участвовали в 166 – 80гг., при Марке Аврелии, в Маркоманнской войне. В IV/Vвв. они переселились на средний паннонский Дунай, приняли здесь арианское христианство, вторглись в 568г. в Италию и образовали в Ломбардии Лангобардское королевство, со столицей в Павии, побеждённое и завоёванное в 774г. Карлом Великим. При всём том, на юге Италии лангобардские герцогства существовали аж до XIVв., когда последнее из них было завоёвано норманнами.

* * *

В 47г. назначенный ещё летом/осенью 46г., о чём мы говорили выше, легатом Нижней Германии (вместо умершего на посту Санквиния Максима) энергичный Домиций Корбулон основательно продолжил обуздание опустошавших пиратскими набегами римско-галльское морское побережье и римско-нижегерманский берег близ устья Рейна не столько воинственных, сколько охочих до лёгкой добычи наглых хавков. Причём ими предводительствовал состоявший ранее на римской службе и позже дезертировавший на правый берег Рейна каннинифат Ганнаск (не столько второй Арминий, сколько второй Такфаринат, к-рого, пирата пустыни, как и речного пирата Ганнаска, запомнили именно как разбойника и дезертира, но не героя).

И так как вражеские ладьи укрывались в разливах и рукавах Рейна, в районе устья, Корбулоном были высланы против них боевые суда римско-рейнской речной флотилии, к-рые уничтожили суда противника, вследствие чего Ганнаску пришлось ретироваться вглубь правобережья. После этого Корбулон взялся за устроение

дисциплины в войсках, чего добился, используя, в т.ч., меры показательного наказания за проступки, в видах устрашения, с чрезмерной суровостью. По Тациту, одного солдата легат велел казнить за то, что тот копал землю для вала, сняв (для удобства в работе), несмотря на уставной запрет, меч, «а другого, так как он был вооружён только кинжалом» (Ан. 11,18).

«Эти меры устрашения по-разному воздействовали на римских воинов и на врагов: у нас они укрепили мужество, у варваров убавили спеси. И племя фризов, к-рое после восстания, начавшегося с поражения Луция Апрония, относилось к нам с откровенной враждебностью и было весьма ненадёжным, выдав заложников, осело в отведённых ему Корбулоном местах; он же назначил им старейшин и должностных лиц и предписал законы. И чтобы они не нарушали его приказаний, он поставил у них гарнизон, а к Большим хавкам направил своих людей, дабы те склонили их сдать на его милость и обманным образом убили Ганнаска. Эти козни против перебежчика и нарушителя клятвы имели успех. В них не было в сущности ничего бесчестного. Но его убийство глубоко возмутило хавков, и Корбулон сеял среди них семена мятежа, что большинством одобрялось, но некоторыми было встречено с осуждением. Зачем возбуждать врага? Неудача тяжело отразится на государстве, а если этот выдающийся муж добьётся успеха, то станет опасно угрозою для гражданского мира и непосильным бременем для столь вялого принцепса. Итак, Клавдий решительно воспретил затевать в Германии новые военные предприятия и, более того, повелел отвести войска на нашу сторону Рейна» (Ан. 11,19).

Фризы – ближние к Галлии соседи хавков с запада, обитали по левому и правому берегам Рейна, в районе рукавов устья и вдоль северо-западного побережья Германского моря – от впадения в него Рейна до устья Эмса и вокруг Флевосского озера. Традиционно дружественные к римлянам со дней походов Друза Старшего в 12 – 9гг., и даже после Тевтобурга в 9г. н.э., они изменили к ним отношение, из-за, как признаёт Тацит, римской алчности – непомерное поборно-податное обложение, при Тиберии, в годы после отзыва Германика (16/17гг.), что в итоге привело к казни ими в 28г. явившихся за податью (не в меру прожорливых) римлян и к разрыву союза с Римом (Д.И. 1074–78). Попытавшийся было покарать их за расправу над римлянами тогдашний легат Нижней Германии Л.Апроний потерпел прославившее, согласно Тациту (Ан. 4,74), фризов среди германцев, поражение, относительно к-рого Тиберий, не желая снова ввязываться в германские сложности, не дал добро на реванш.

И вот в 47г. во Фризии со всей решимостью реваншировался Корбулон, к-рый предписал фризам возобновлённое-новокачественное подчинение, вынудив выдать заложников, расселив их, по собственному, с выгодой для Рима, усмотрению, сам назначив им старейшин и должностных лиц, т.е. новопокорив их, мало того, расположив на восточно-фризской территории за дельтой Рейна римский гарнизон. Но не остановившись и на этом, он направил своих людей дальше, к восточным соседям фризов хавкам, где они или нанятые-перевёрбованные ими хавки, неизвестно как точно и при каких обстоятельствах, убили беглого Ганнаска, в чём = в убийстве нарушителя клятвы и пребежчика – Тацит не усматривает ничего предосудительного. Так-то оно так, но ведь и служивший в римском войске Арминий нарушил клятву-присягу, хотя Тиберий отказался от предложения вождя хаттов отравить его римским ядом. И всё-таки, Ганнаск несравним с Арминием, сравнимый, скажем снова, гораздо более с Такфаринатом, предложенные к-рым (дезертиром) Тиберию переговоры на равных глубоко оскорбили Тиберия.

Одним словом, Корбулонова операция по Ганнаскову устранению удалась, однако убийство дерзкого пирата-каниннефата крайне возмутило хавков, среди к-рых

Корбулон умело сеял семена мятежа, готовясь также их новоподчинить Риму посредством прямой военной интервенции, что означало бы возобновление остановленных Тиберием в 16г. масштабных резаевательных операций за Рейном.

Мнения в Риме по данному вопросу разделились. Большинство, как следует из Тацита, вероятно, представителей нобилитета, одобряло действия решительного нижнерейнского легата, в то время как меньшинство, надо понимать, в основном приклавдианских вольноотпущенников и придворных нобилей типа Вителлия, высказывалось против. Во-первых, как показывает либо печальный, либо безрезультатный опыт, опасно снова завоевательно соваться за Рейн, увязать там (не стоит рисковать природной «линией Мажино»). И во-вторых, или, вернее, во-первых, успех чересчур решительного ок. 40-летнего незаурядного полководца Корбулона грозит затмить совсем невояку и тронного тюфяка Клавдия. Зачем дразнить разнородных гусей?

Да и не протянулась ли Римская империя на 47г. от Боспора, где римляне в 46г., впервые легионерски ступив на землю Тавриды, успешно посопутствовали Котию Боспорскому супротив его брата Митридата, аж до основательно-завоевательно початой с 43г. Британии! И как раз оттуда в 47г. возвратился с победами (первый римско-британский легат) А.Плавтий, удостоенный овации — *ovatio* (Свет. «Кл.» 24: Ан. 12,32; Дион 61,30,2; Евтропий 7,13). Возвратился после передачи наместническо-полководческой эстафеты П.Осторию Скапуле, кому тоже предстояли как мирно-обустроительные, так и военные дела-предприятия за Ла-Маншем. В частности, ему пришлось, как следует из Тацита, тотчас по вступлении в должность отражать натиск британцев (Ан. 12,31).

Засим незачем перенапрягать силы Империи и без того напряжённой под завязку на просторах от Британии до Боспора, при наличии тревожной парфянской границы в Сирии через Армению, ещё какими-либо неведомо чем чреватými операциями-предприятиями за пресловутым Рейном (откуда, мол, римляне ушли-оттянулись, как бы сохранив или восстановив потерянное-непотерянное лицо, — и баста).⁷⁶

Таким образом, Клавдий велел Корбулону, «когда он уже укреплял лагерь на земле неприятеля» (Ан. 11,20), свернуть готовившуюся им военную кампанию в правобережной Германии и отвести расположенный ранее во Фризии римский гарнизон назад, с правого берега Рейна на левый. Это поразило и обидело рвавшегося в бой незаурядного полководца, кто был полон энергии. Но он подчинился, даже не думая бунтовать против кесаря. Кстати, сходно он поступит и при Нероне, имея, очень популярный в армии, все возможности выступить против тирана и не сделав решающий шаг, что будет стоить ему жизни (67г.) (см. ниже).

Пока же, найдя куда девать взнуданную воительную энергию, Корбулон, невзирая на горечь, «чтобы не дать воинам закоснеть в праздности, провёл канал между Мозой и Рейном длиною в 23 тыс. шагов, к-рый избавлял от необходимости под-

⁷⁶ В Европе римлян, веками *напрягавшихся* на просторах от Британии до Тавриды (а в Азии — до Кавказа и Армении), географически превзойдёт на очень-очень короткий срок, длиной всего в пару месяцев, разве что Гитлер, при к-ром немецкие войска захватили территории от приатлантических Франции и Норвегии до Волги, с максимальной растяжкой фронтов летом/осенью 1942г., когда танки Маннштейна были в 100 км от Астрахани, а танки Роммеля в 100 км от Александрии, — и когда на большее у (тщетно пытавшегося вовлечь в войну Испанию Франко) обречённого Гитлера не хватило ни людских, ни военно-технических ресурсов, ни иных сил.

Впрочем, война была проиграна Гитлером ещё раньше, когда он, ловко по(д)ставленный англичанами в положения «*Zugzwang*» и «*Zeitnot*», вознамерился, по «Плану Барбаросса», выйти к зиме 1941г. на линию Архангельск — Казань — Астрахань. Причём вознамерился, не понимая, что тем самым вторгнется в Святое-Святых России и будет побеждён как (несмотря на отнюдь не менее преступных, нежели нацисты, коммунистов) русским народом, так и (непостижимым для Европы с Америкой) российским пространством (география, *сведающая* историю!).

вергаться превратностям плавания по Океану.⁷⁷ И Цезарь даровал ему триумфальные отличия, хотя и не позволил вести войну» (11,20). В отличие от позднего Нерона, Клавдию не нужна была смерть Корбулона, к-рого он похвалил за прорытый полезный канал, равно за достигнутые ратно-победные результаты, удостоил триумфальными украшениями и – как победителя, видимо, к осени или осенью 47г., отозвал (подалше от соблазнов) из Нижней Германии. Притом за римские победы в Британии и Германии самим Клавдием в 47г. были приняты императорские аккламации, к-рых, к слову, итогу – за праздничный 800-й год от основания Рима – у него набирается три – XIII, XIV, XV: одна из них – за замирение к концу 46г. Фракии? и две – за победы Корбулона в 46 и 47гг.?

Либо одна из аккламаций – за какие-то ближе неизвестные, м.б., совсем незначительные, военные успехи тоже награждённого триумфальными отличиями, по Тациту, «немногим позже», опять-таки, в 47г., Курция Руфа, о ком в «Анналах» сказано, что он «построил в области маггиаков рудник для разработки серебряносных жил...» (11,20). Но только за строительство рудника Курций Руф, легат на 47г. Верхней Германии (где его в 47/48гг. сменил П.Помпоний Секунд), не мог (как и Корбулон сугубо за прорытие канала) стяжать *ornamenta triumphalia*. Т.е. тут в тацитовском тексте кикс и, следует думать, Курцию Руфу предоставился в пограничной Германии *Superegio*, помимо его строительной активности, какой-то незначительный военный повод для снискания триумфальных украшений. Повод, к-рый Клавдий, со своей стороны, счёл вполне достаточным и для (коллекционируя оные), дабы набрать их три (в комплекте) за (цензорский) год, ещё одной аккламации.

⁷⁷ Чем не своего рода предтеча Беломорканала, протяжённость к-рого, построенного заключёнными (а не комсомольцами-добровольцами, как и прочие стройки коммунизма) в рекордно-ударные сроки, ценой десятков тысяч жизней (по различным оценкам, от 12-и до 50-и тыс. человек), всего за 20 месяцев (1931-33гг.), – 227 км. Для сравнения: Суэцкий канал, длиной в 160 км, строился 10 лет (1859-69гг.); сходно, 10 лет понадобилось на строительство Панамского канала, протяжённостью в 81,6 км (1904-14гг.). Так что советское курево «Беломор» вполне уподобимо (виртуальному) куреву «Освенцим»!

Ещё обращает на себя внимание «черта еврейской оседлости» высокопоставленных советских чекистов, ответственных за строительство Беломорканала: Г.Ягода, Н.Френкель, М.Берман, Я.Рапопорт, И.Коган..., к-рые словно поменялись тут ролями с древнеегипетскими надсмотрщиками, гнобившими евреев, отправлявших *Frondienst* в египетском рабстве. Не пришли ли советские экономисты-марксисты к поддержанному Сталиным заключению, что байка о большей продуктивности вольнонаёмного труда, по сравнению с трудом рабским, выдумка английских буржуазных экономистов! Вот и внедрился в сталинском СССР, с его государственным рабовладением (по типу древнеегипетско-древнеавилонского), рабский труд заключённых (навстречу «светлому будущему»).

А советские писатели и того хлеще: в составе аж 36-м ведущих мэтров слова (А.Толстой, Л.Леонов, В.Катаев, М.Шагинян и др.) отправились в организованную органами ОГПУ не менее плодотворную, чем пиршественную (в голодном 1933г.) поездку на север (давась в дороге чёрной-красной икрой, осетриной, бужениной и т.д.), после чего выпустили коллективную монографию (замысел к-рой возник у Горького и Ягоды), посвящённую Беломорканалу, «где впервые была применена рабочая сила исключительно заключённых» (227-километровый канал был пробит за 600 дней силами почти 100 тыс. заключённых, на голодном пайке, при нормах выработки, многократно превышавших декабристские и при практически полном отсутствии тех. средств, в условиях Приполярья). И мастера слова (инженеры человеческих душ) не подкачали, красочно восславив как эту грандиозную стройку коммунизма (сделавшую одну из сказок былью), так и гуманность советской власти, прежде всего в лице доблестных чекистов, в благородно-благодарном деле трудовой перековки врагов народа.

КУРЦИЙ РУФ

А о соорудителе в области маттиаков (родственные хаттам обитатели земель между Нижним Майном и Нижним Ланом, в районе Висбадена) среброносного рудника (археологически засвидетельствованного во Фридрихзегене, в 3-х км от Рейна) Курция Руфе ниже у Тацита читаем: «Добыча в нём (руднике) была незначительной и вскоре иссякла. Копать водоотводные рвы и производить под землёю работы, тяжёлые и на её поверхности, не говоря уже об изнурительности труда, было сопряжено для легионеров также с материальным ущербом. Выведенные этим из терпения, воины тайно составляют от имени нескольких армий, поскольку их товарищам приходилось претерпевать то же самое в различных провинциях, письмо императору, умоляя его заранее жаловать триумфальные отличия всякому, кого он собирается поставить во главе войска» (Ан. 11,20).

Как видим, Курций Руф, не считая свои локальные военные подвиги достаточными, поспешил, на примере ли своего провинциального соседа Корбулона, или поспешил самостоятельно, отличиться, вдобавок к начальствованию над легионами в прирейнской провинции, сооружением руками подчинённых легионеров среброносного рудника, чтобы, так сказать, увереннее притязать на триумфальные отличия. И его усердие было вознаграждено, тем более, что оно дало Клавдию повод для очередной импературы. Если поначалу бывшие триумфы римских полководцев были заменены, при Августе и Тиберию, триумфальными украшениями, с правом на триумфы исключительно для членов императорского дома, то теперь эта заменившая ратный триумф военная награда метаморфизировала-деградировала до, образно выражаясь, звезды героя соц. труда на ударных коммунистических стройках Империи.

И потому горькая ирония военных (к-рых легаты пользовали для собственных лавров и общественной пользы не по прямому назначению), обратившихся к кесарю с просьбой заранее награждать наместников (за подвиги типа прорытия рвов и строительства рудников) триумфальными украшениями, дабы последние не слишком усердствовали за счёт армии для их получения на местах, очень даже понятна. Они не хотели становиться стройбатом.

С др. стороны, увы или не увы, Рим не вёл больше крупных войн, продолжая, тем не менее, держать огромную армию для удержания Imperium Romanum, к-рую следовало в преимущественно мирные времена чем-то занять. И вот (тщеславные, либо сгорающие от военной бездеятельности) легаты, лишённые возможности или неспособные отличиться на ратном поприще, добывали (себе и кесарю; точнее, кесарю – аккламационные, себе – орнаментально-триумфальные) награды и знаки отличия приведённым способом. Не только голь на выдумки хитра!

Примечательна персона этого Курция Руфа, вопрос о тождестве или нетождестве к-рого с автором знаменитого античного романа об Александре Македонском «*Historia Alexandri Magni Macedonis*» остаётся спорным и не решён до сих пор. В Руфе у Тацита предполагают одного из гипотетических консулов-суф. 43г. н.э., или фигурирующего у Флавия (И.д. 20,1,2), мол, с искажённым номеном, Юлия Руфа в качестве одного из консулов-суф. 45г., к-рого иные именуют (всплывающим в подвопросных фрагментарных надписях) М.Антонием Руфом.

Так или иначе, тацитовский Курций, если он начальствовал в 46/47гг. над консулярской Германией Superior, до того (в предыдущие годы) наверняка облекал консульство. Тацит говорит о его низком происхождении чуть ли не от гладиатора и о его нахождении в зрелом возрасте в свите квестора провинции Африка, где, а

именно в Адрумете (ныне Сус в Тунисе),⁷⁸ ему довелось пережить сверхъестественное явление исполинской бабы (не сродни ли явлению похожей бабы Друзу Ст. в Германии!), к-рая напророчила ему (отлично от Друза, получившего предсказание о своей скорой гибели) успешное будущее: «В эту провинцию, Руф, ты (когда-нибудь) вернёшься проконсулом» (Ан. 11,21).⁷⁹

Предсказание открыло низкородного homo novus, к-рый, по возвращении в Рим, взялся делать, при, согласно Тациту, поддержке друзей и остром уме, карьере, облекши, поочерёдно, квестуру, затем нар. трибунат (или эдильство-plebis), т.к. курульное эдильство было ему, безродному нуворишу, недоступно, и претуру. Причём все три магистратуры, судя по всему, при Тиберии, кто умел ценить-подбирать-отбирать кадры, (не без юмора) заметив о Руфе, чтобы не касаться его постыдной родословной, что тот, — «как мне, кажется, родился от самого себя» (11,21). И здесь важна акцентация в придиричивых тиберианских устах даровитости этого Руфа, обязанного своими достижениями (в т.ч.) самому себе.

Т.е. он, доживший, следуя слову и нелестной характеристике Тацита, «до глубокой старости, с высшими отвратительно льстивый, с низшими надменный, с равными — неуживчивый» (что типично для прыгнувшего из грязи в князи быдла) родился, надо думать, ок. 15г. до н.э. (при Августе). Ибо в дальнейшем — начал с квестуры (для к-рой требовался минимум 25-летний возраст) в возрасте не моложе 30-и лет, при Тиберии (14 — 37гг.), достиг консульства в 40-е гг. Ив. н.э., при Клавдии, и умер в ранге (престарелого-деятельного) проконсула Африки (сообразно исполнившемуся предсказанию) не ранее 60-х гг., при Нероне (Плиний Мл. 7,27,2/3).⁸⁰

Касаемо же автора одного из наиболее полных жизнеописаний «Александра Великого Македонского» за авторством Кв.Курция Руфа, оно было составлено в 10-и книгах, из к-рых две первые, плюс части 5-й, 6-й и 10-й, к сожалению, утеряны. И поскольку ни вступление, ни посвящение не сохранились, в науке предлагается датировка по косвенным признакам в пределах охватного периода от Августа и до Септимия Севера, или даже до Феодосия Великого. Но большая часть исследователей стоит за Ив. н.э.: одни — за годы правления Клавдия — ок. 50г.; другие — за десятилетие Веспасиана (69 — 79гг.); третьи — за время Нервы (96 — 98гг.), или начальные годы Траяна (98 — 117гг.).

И действительно, в 10-й книге Курций, говоря о хаосе после кончины Александра, сравнивает его с похожим состоянием дел в Риме, воспроизводя (воспроизведением, обусловленным конъюнктурой верноподданного историка-ритора-льстеца) за-под риторической метафорой конкретную историческую ситуацию, отзеркаливающую интронизацию (мудро) предпочтённого (Римом) нескольким альтернативным кандидатам в принцепсы, скорее всего, не кого иного как Клавдия.

«...Но судьба готовила македонскому народу гражданские войны, ибо царская власть неделима, а добивались её многие. Итак, сначала силы были собраны, потом они рассеялись, и так как брали на себя бремя выше своих сил, отдельные части тела отказались служить, и империя, прочно державшаяся на плечах одного, распалась, когда её стало подпирать несколько человек. Поэтому по праву и справед-

⁷⁸ Финикийская колония в Африке, один из центров Карфагенской державы, жители к-рого выступили в III-ю Пуническую войну (149-46гг.) на стороне Рима. С правления Траяна — в статусе колонии.

⁷⁹ По версии несколько разнящегося в деталях с Тацитом Плиния Мл. (7,27,2), фортунальное явление представилось-отрекомендовалось Курцию как «Африка» = гений страны-провинции.

⁸⁰ С одной стороны, «глубокая старость» (longa senecta) означает — не меньше 75-80-и лет, с др., трудно вообразить проконсула-наместника в возрасте старше 80-и лет (к-рые и без того трудно представимы для наместничества).

ливости римский народ признаёт, что обязан своим спасением принцепсу, явившемуся как новое светило в ночи, к-рую мы считали уже своей последней. Именно его появление, а не восход солнца вернул свет миру, погружённому во мрак, лишённому головы, трепещущему всеми членами от распрей. Сколько факелов пожара оно тогда погасило, сколько мечей вложило в ножны! Какая буря внезапно сменялась ясной погодой! Империя не только оживает, она процветает! Да не коснётся его никакая зависть! Да процветает на долгие годы – о, если бы и на вечные времена – благополучие его дома!» (10,9,1-6).

Согласитесь, с учётом мнения экспертов о том, что язык и стиль К.Руфа выдают в «Жизнеописании» свежее влияние Сенеки, при отсутствии архаизмов, почему всякая датировка позднее Ив. отпадает, приложительно к Ив. н.э., конкуренцию Клавдию в амплу столь чтимого-хвалимого Курцием сотера-принцепса может составить лишь Веспасиан, к-рый вроде бы на эту роль, с бóльшим, чем (карикатурный гусак) Клавдий, основанием просится-претендует, но у к-рого, если присмотреться, меньше шансов, чем у Клавдия.

Ночь, к-рую, – как патетически восклицает Курций, – «мы считали уже своей последней», это (в прямом смысле) беспокойная (со слов очевидца) ночь после убийства Калигулы с 24 на 25.01., во время, когда в принцепсы, до интронизации Клавдия 25.01., метил ряд кандидатов (В.Азиатик, М.Виниций, А.Винициан – на момент написания книги уже мёртвые в статусе «врагов народа»), тогда как предшествовавшие Веспасиану Гальба, Отон, Вителлий не подпирали Империю (несколько человек) одновременно (уж не говоря о времени смены Домициана Нервой), коротко откесарствовав один за другим. И это интронизация Клавдия погасила готовый вспыхнуть от факелов пожар гражданской войны и вложила ещё массово не пущенные в ход мечи в ножны, в то время как с приходом к власти Веспасиана пожары (68/69гг.) вдосталь отпыхали-отгорели, а мечи успели избыточно обагриться и затупиться.

Тем временем, Курций явно ведёт речь (противопоставляя римское решение проблемы пост-александровскому хаосу) о невспыхнувшем пожаре и о неупившихся (мол, благодаря мудрому постановлению в главе Рима мудрого принцепса) кровью мечам. Кроме того, пожелание благополучия императорскому дому вряд ли может разуметь при Веспасиане не успевший состояться-устояться дом-клан-синдикат Флавия Веспасиана, много скорее могучи разуметь (и, по всей вероятности, разумей) восходящий к Цезарю и Августу знатный-харизматичный (идуший от Энея, от Юла Аскания и от самих Цезаря с Августом) дом Юлиев-Клавдиев.

Конечно, по своим личным качествам (и при сопоставлении ситуаций 41 и 68/69гг.) сверху, с высоты времени, Веспасиан подходит на роль *sotera* куда больше, но если принять, вкупе с нелестной портретной характеристикой сервильного Курция Руфа, что книга пишется ок. 50 – 53гг. н.э., в пору (т.н.) процветания Империи, при спасительно сменившем Калигулу (к-рого Руф избегает называть, делая упор на сходно не называемых им по именам элиминированных «врагах народа») Клавдии, в паре же с Агриппиной (правнучкой основателя династии Августа), то всё (при учёте риторическо-патетической гиперболизации фигуры Клавдия льстивым современником-очевидцем, пред взором к-рого нет никакого кесаря Веспасиана) становится на свои места.

Плюс к тому, в книге присутствует характерный именно для риторической школы (а Светоний числит Курция среди реторов/риторов) мотив неприятия абсолютизма (мотив неприемлемости абсолютистской глорификации) Александра и внутреннего поворота в нём к беспределу деспотии, к тираническому негативу (3,2,18; 6,6,1), маркируемому смертью Дария (восточный деспотизм к-рого он, заболев на декадентном Востоке Востоком, преемственно вобрал в себя).

Не такой ли именно подход очень соответствует позиции возвращённого Агриппиной в 49г. из ссылки и сделанного ею учителем Нерона (в видах вырастить из него образцового правителя) Сенеки, к-рый был сторонником просвещённой принципатовской Мон(о)архии, дуалистически сосуществующей с Республикой *restituta*, с почитанием-уважением принцепса к (не пустому месту) сенату. И это не столько Веспасиан (любивший повторять, что ему наследуют либо его сыновья, либо никто), сколько Клавдий выразительно позиционировал-демонстрировал-манifestировал (в пику террористическому беспределу Тиберия и Калигулы) своё («равноправное» – в духе Августа) соправительство с сенатом и своё почтение к нобилитету.

Т.е., по всей вероятности, этот «александровско-биографический» роман (с множеством неточностей и ошибок), пользовавшийся, между прочим, гораздо большим спросом в Ср. века, когда им зачитывались, нежели в античной Древности, когда его считали чтивом-бестселлером, и м.б., поэтому не удостоили упоминанием ни Тацит, ни Плиний, ни Светоний, ни Дион, был: во-первых, скажем снова, написан во второй половине (т.н. благополучного) правления (т.н. идеального принцепса-государя) Клавдия; и во-вторых, написан-составлен именно упоминаемым у Тацита и Плиния Мл. (в др. связи) Курцием Руфом, к-рый (родившись-повзрослев при Августе) сделал необычную (при помощи-содействии мистики) карьеру (при Тиберии, Калигуле, Клавдии, Нероне), и идентификации к-рого с одноимённым автором знаменитого античного романа Кв.Курцием Руфом, по нашему мнению, ничего не препятствует.⁸¹

В РИМЕ

«Между тем в Риме в толпе явившихся приветствовать принцепса был обнаружен имевший при себе меч римский всадник Гней Ноний, причём ни тогда, ни позднее не были выяснены причины задуманного им преступления. Истерзанный пытками, он признался в своей злокозненности, но не назвал сообщников, и неизвестно, утаил ли он их, или их не было» (Ан. 11,22).

Иных сведений об этом покушении, всаднике Гн.Нонии, помимо короткой информации Тацита, нет. Впрочем, надо полагать, что данное покушение относится к одному из противоклавдианских заговоров, не очень внятно перечисляемых у Светония, кто, в частности, говорит, без хронологии, о двух различных покушениях на Клавдия анонимных представителей всаднического сословия, к-рые были схвачены: «– на улице, один с кинжалом в палке, другой с охотничьим ножом: первый подстерегал его у выхода из театра, второй хотел напасть во время жертвоприношения перед храмом Марса» (Кл. 13,2). Похоже, речь в обоих случаях идёт, как следует из текста-контекста, о покушениях-одиночках, один из к-рых вполне может быть тацитовским Нонием, затесавшимся в толпу, приветствовавшую императора, притом, если синхронизировать Светония с Тацитом, скорее, у выхода из театра, чем «во время жертвоприношения перед храмом Марса» (хотя приветственная толпа могла собраться и там).

⁸¹ За идентификацию дополнительно ратует (единичное) сочетание номена и когномена «Курций Руф», иные носители к-рого в Древнем Риме времён Республики и Империи неизвестны. И потом, в противном случае разотождествления, придётся принять-признать маловероятный факт, что о римском авторе романа (мол, отличном от его однопрозвищного однофамильца, умершего при Нероне), жившем-творившем в IV н.э. (дескать, в правление Веспасиана), мы почему-то (почему?) совсем ничего и ни от кого не знаем.

Есть ещё, аналогично под 47г, ущербное свидетельство от Диона (61,29,4) из выжимки Ксифилина (141,30 – 142,25), где сказано: «Когда были получены сведения, что некоторые лица составили заговор против Клавдия, он не обратил внимания на большинство из них, сказав: «Негоже принимать те же самые меры против блохи, какие принимаются против дикого зверя», перед чем говорится о дерзости Полибия (см. выше), а после чего рассказывается о погублении Валерия Азиатика (см. выше). Связан ли как-то данный дионовско-ксифилиновский пассаж с покушением всадника Нония – вопрос.

«При тех же консулах Публий Долабелла внёс предложение, чтобы избранные на должность квесторов ежегодно давали на свои средства представление гладиаторов. У наших предков магистратура была наградой за добродетели, и каждому гражданину, полагавшему, что он справится с нею, дозволялось её домогаться; и даже возраст не мог быть препятствием к получению консульства или диктаторских полномочий, хотя бы в ранней молодости. Квестура была учреждена ещё при власти царей, что доказывает возобновлённый Луцием Брутом куриатский закон. Право их выбора оставалось за консулами, пока и на эту почётную должность не стал избирать народ. Первыми избранными им квесторами были Валерий Потит и Эмилий Мамерк, на 63-м году после изгнания Тарквиниев; им было вменено в обязанность сопровождать отправляющихся на войну консулов. Затем в связи с возрастанием числа дел и их усложнением было добавлено ещё двое квесторов, к-рым поручалось вести лишь городские дела; в дальнейшем количество квесторов было удвоено, так как к тому времени уже вся Италия платила нам подати и к этому присоединялись кроме того, поступления из провинций: ещё позже, по закону Суллы, было избрано 20 квесторов для пополнения состава сената, к-рому было поручено вершить правосудие. И хотя всадники снова получили в своё ведение суд, квестура предоставлялась без каких-либо иных оснований, кроме достоинства кандидатов или расположения тех, кто их избирал, пока по предложению Долабеллы она не стала как бы продаваться с торгов» (11,22).

Если Ливий и Дионисий Галикарнасский о квестуре в царский период Рима молчат, то Тацит относит её учреждение к эпохе царей, а Ульпиан (Dig. 1,13,1) уточняет время третьего римского царя Туллы Гостилия (VIв. до н.э.). Квесторы (в буквальном переводе: сыскари) при царях – это – расследователи преступлений и судьи по уголовным делам; при Республике – магистраты – помощники консулов, к-рые поначалу назначались консулами, как ранее царями,⁸² выбираясь впоследствии в трибутных комициях (народом), под надзором консулов (Д.И. 71/72).

Первые поимённо известные избранные (обязанные сопровождать консулов на войну) – в 447г. до н.э. (63-й год от изгнания Тарквиния Гордого в 509г.) – Валерий Потит и Эмилий Мамерк. Квесторы не наделялись империем. В 421г. их число выросло, при допуске к квестуре плебеев, с 2-х до 4-х (2 квестора-urbani по делам городского управления и мероприятий: мощение улиц, устройство игр, контроль за порядком...); с 267г. к ним прибавилось ещё 4 квестора – для флотских и интендантских нужд. Со временем появились также квесторы для отправления квесторских функций-нужд в провинциях.

Тацит, в присущей ему манере, противопоставляет добродетельность бывшего республиканерства (ностальгируя по безвозвратному, о чём сам прекрасно знает,

⁸² Полномочия как выборных (пожизненных) царей, так и выборных (уже всего на год) консулов утверждались, по возобновлённому (в отношении консулов) отцом Республики Л.Брутом куриатскому закону, народным собранием.

признавая безальтернативность Принципата, прошлому) дальнейшему декадансу-вырождению эпох поздней (геронтократической) Республики и республиканской моноархии Юлиев-Клавдиев и (или) Флавиев, точнее, Домициана, тиранией к-рого историк был травмирован персонально.

Возрастной ценз для облечения магистратур при ранней молодой Республике не был юридически регламентирован (хотя принятые в последующем нормы старались преимущественно, чем дальше, тем больше, соблюдать и тогда), отступая перед личными качествами и ситуативной необходимостью (что, впрочем, давалось гораздо проще в пределах Города-государства или даже Италии, никак не сравнимых с магистративностью в империяльных дименсиях Рима как державной столицы мира).

Но ко Пв. до н.э. Республика (завладев в Пв. всей Италией – 270г., а также после двух Пунических войн – конец II-й – 201г.) значительно остепенилась (на пути к своему пику – разрушение Карфагена и Коринфа в 146г. – по прошествии шести столетий от основания Рима – 753 – 47г., и начала необратимо стареть, метаморфозируясь в Империю вовне, что одновременно означало неминуемость императорской метаморфозы внутри. Своего рода экстраверсия и интроверсия!

Принятие в 180г. до н.э. Виллиева закона (lex Villia) установило строгий иерархический порядок должностей (certus ordo magistratum = cursus honorum) и минимальный возраст, достижение к-рого открывало доступ к занятию магистратур: квестор, курульный эдил, или (для плебеев) плебейский эдил, либо нар. трибун, претор, консул. Для облечения квестуры кандидат должен был предварительно отбыть 10-летнюю воинскую повинность (или в течение 10-и лет предьявлять себя к набору) (Полибий 6,19,4), и поскольку отбывание повинности начиналось с (16/)/17-и лет, квестором можно было сделаться не ранее (26/)/27-и лет. И ещё Виллиев закон определил-предусмотрел обязательный 2-летний интервал между магистратурами. Означенные пункты преследовали цель – не допустить молодых неопытных римлян к ответственным высшим постам-должностям.

Однако в дальнейшем закон потерял своё значение из-за изменений порядков воинской повинности: фактическое прекращение обязательного привлечения граждан к её отбыванию-отправлению, создание Марием профессиональной армии, укомплектование войска из волонтеров. В итоге реставратор Республики и одновременно её предмогильщик – оптимат Сулла (парадоксальный предшественник-предваритель, вопреки себе и делу оптиматов, популяра-марианца Цезаря) – откорректировал-обновил Виллиев закон (спустя 99 лет после его принятия) законом lex Cornelia de magistratibus от 81г. до н.э., где прямо указывался минимальный (без максимального) возраст для занятия должностей: квестура – 30 лет; претура – 40 лет; консульство – 43 года.

С Цезарианской Революции и Гражданской войны, как всегда бывает в таких омолодительных случаях (когда всё смешивается-перемешивается), все возрастные приоритеты сместились в пользу молодости (Октавиан стал в 43г. до н.э. консулом в 20 лет!), с последующим остепенением-осолиднением в *золотой век*, при остепенившемся (новаторе и реставраторе в одном многоликом лице) Августе, с возрастным цензом для квестуры – 25, для претуры – 30 лет, для консульства – 33 года (или 33-й год).

Впрочем, это относилось к привилегированным нобилиям (или к патрициям), тогда как для обычных-непривилегированных граждан продолжали действовать прежние сулланско-республиканские нормативы, а члены императорской фамилии пользовались льготами привилегированнее привилегированных (внук Августа Г. Цезарь, идя по стопам деда, консульствовал в 1г. н.э на 20-м году жизни). И Август не был бы консенсуалистом-универсалистом (преемником и Мария, и Суллы, и Помпея, и Цезаря, если бы не нашёл именно такое консенсуально-универсальное решение!).

Но вернёмся к квесторам. Сулла (в условиях роста бюрократического аппарата, размеров Империи, увеличения гос. забот) довёл их общее число – до 20-и; Цезарь (45г.) – до 40; Август – возвратился к 20-и. Итак, на IV н.э. квестура – нижняя ступень *cursus honorum*, доступная римским мужам в возрасте не моложе 25-и лет (за исключением неподвозрастных принцев крови, и ещё, при Калигуле или Клавдии, – особо приближённых императорских фаворитов). Помимо того, в кесарскую эпоху каждый сенатский наместник имел в своём распоряжении одного квестора (наместник Сицилии – традиционно двух), в ведении к-рого находились провинциальные финансы и к-рый мог замещать наместника в его отсутствие.

Не одобряемое Тацитом предложение Долабеллы обязать дезигнированных квесторов давать на свои средства гладиаторские бои несколько иначе, применительно к квесторам и гладиаторским боям, представлено, в русле нововведений Клавдия, у Светония: «Коллегии квесторов вместо заботы о мощении дорог он поручил устройство гладиаторских игр...» (24,2); и дальше говорится, что, «освободив квесторов от обязанностей в Галлии и Остии, он вернул им заведование казной при храме Сатурна, до того принадлежавшее преторам» (см. выше).

По Тациту получается, что это поставление облечения квестуры в зависимость от финансового положения-состояния дезигнатов открывало доступ к ней (и дальше – по служебной лестнице) более состоятельным карьеристам, к-рые, таким образом, оказались в выигрышном положении перед способными, но недостаточно богатыми кандидатами, что Тацит критически приравнивает к продаже квестуры с торгов, в отличие от времени, когда она «предоставлялась без каких-либо иных оснований, кроме достоинства кандидатов или расположения тех, кто их избирал».⁸³

Знакомый нам П.Корнелий Долабелла был, если речь идёт о престарелом на 47г. консуле 10г. н.э., а не о его (безвестном) сыне, внуком одноимённого консула 44г. до н.э. и сыном не облакавшего консульство того самого Долабеллы из свиты Октавиана, к-рый, по падении Александрии в августе 30г. до н.э., шепнул Клеопатре об ожидающей её участи проведения в октавиановском триумфе, чем подвигнул её (или умышленно спровоцировал) на самоубийство. В 13 – 20гг. н.э. он наместничал в Далмации. Потом, в Риме, в сенате, отличался противоберберской сверхсервильностью, за что Тацит его упрекает (Ан. 3,47; 4,19), а Веллей превозносит (2,125). В 24г. окончательно победил Такфарината, не удостоенный триумфальных украшений, дабы не умалять противотакфаринатовские заслуги его предшественника по африканскому проконсульству – родственного Сеяну Юния Блеза (Д.И. 560; 939-42-44-46).

И вот в 47г. этот минимум ок. 70-летний (коли он консульствовал в 10г. н.э. в привилегированном возрасте ок. 33-х лет) Долабелла, о к-ром ничего не было слышно с 24г., вылез на авансцену истории, на излёте своей долгой жизни, с (не первой по жизни) сомнительной инициативой, в заключительный раз (позднейших упоминаний о нём нет), сызнова.⁸⁴

⁸³ В определённом смысле Долабелла опередил своё время, так как со дней Константина Великого квесторы в Риме и Константинополе – исключительно муниципальные чиновники, главная задача к-рых – именно устройство зрелишных игр («Кодекс Феодосия» 6,4).

⁸⁴ По Диону (61,29,7) от Ксифилина (142/25/26), под 47г., сообщается о всплытии со дна моря (вследствие подводных вулканических процессов), близ острова Тира, маленького островка (Палеа-Камени). «Хроника Евсевия» от Иеронима говорит о появлении островка между о-вами Тира и Тирасия, датируя это событие 8-м годом Клавдия = 48г. н.э., в то время как в «Versio Armeniā» – 5-й клавдианский год = 45г. н.э. (152/53; *Arm. Karst* 214).

Тира (Фера, Тера, Санторин) и Тирасия – вулканические о-ва в Эгейском море, в архипелаге Киклад, из группы кольца вулканических островов (Тира – самый южный, Тирасия, Палеа-Камени, Неа-Камени, Аспрниси), называемого Санторин. По одной из т.н. мозговитых

48г. н.э.

1 января 48г. = 801г. а.У.с. консульство в Риме облекли А.Вителлий и Л.Випстан Попликола.

Если троекратный консул и соцензор Клавдия в 47/48гг. Вителлий Старший (младший из 4-х братьев Вителлиев – сыновей римского всадника из Нуцерии) облекал своё первое консульство в 34г. н.э., в возрасте ок. 43-х лет (второе – 43г.; третье – 47г.), то его старший сын А.Вителлий, будущий кесарь 69г., сделал это в 48г. 33-х лет отроду (на 33-м году). Ибо, скорее, он родился в 15, нежели в 12гг. н.э., так как приложительно к 15-у г. у Светония фиксированная консульская датировка (3,2), между тем как 12-й г. н.э. вычисляется-выводится косвенно, по 58-у году жизни, (якобы) достигнутому, согласно противоречащему себе Светонию (18), Вителлием, на момент его гибели в конце 69г.

Да и трудно представить, чтобы сын едва ли не самого привилегированного клавдианско-мессалианского нобилия Вителлия стал консулом в возрасте старше, чем на 33-м году жизни.⁸⁵ К тому же, во второй половине года его сменил мл. брат Луций (Свет. «Вит.» 3,1), с к-рым они, следует понимать, были пагодки. И в том, что родившийся, соответственно, в 16г. н.э. Луций сделался консулом-суфф., преемствовав брату, на 32-м году жизни, тоже (при Принципате) нет ничего невероятного. Сколько раз повторять: сами поём! сами танцуем! сами заказываем музыку!

О втором эпониме года – консуле-орд. Випстане Попликоле известно немного. Впервые он появляется под 46г. в муниципальных фастах кампанского города Теан, в связи с превращением оного в колонию, как преторий и эмиссар сената. В 48г., в ранге консула, выступает со сверхсервильной инициативой в сенате по адресу Клавдия (см. ниже). Позднее, в 50-е гг., при Нероне, был проконсулом Азии. В консульстве же 48г. его суффектно сменил некий, неизвестно насколько ему родственник, Випстан Мессала, к-рый (отец родившегося ок. 46/47гг. Випстана Мессалы из «Диалогов» Тацита) тоже проконсульствовал в Азии, в конце 50-х гг., после Випстана Попликолы, но перед консулом-орд. 49г. Гн.Помпеем Лонгом Галлом (см. ниже), и скончался на посту. Иные консулы-суфф. 48г., если таковые наличествовали, остались за кадром.

ново-новейших версий, именно извержение вулкана Санторина привело к гибели (ок. 1500г.) Минойской цивилизации на Крите и легло в основу предания о гибели Атлантиды, относительно чего Платон, дескать, перепутал X-е тысячелетие до н.э. со II-м тыс. до н.э. Версия по поводу Атлантиды (гибель к-рой негоже путать с гибелью Минойской цивилизации, к-рую можно, при желании, фигурально назвать Малой Атлантидой), несостоятельна, поскольку Платон ничего не перепутал (последние части Атлантиды, действительно, ушли под воду за ок. 9500 лет до н.э.), но само по себе вулканическо-санторинское образование-появление крохотного островка Палеа-Камени между кикладскими островами Тира и Тирасия, к-рый, уместно заметить, отделился от о-ва Тира (в результате подводной вулканической активности) в 237г. до н.э., в интервале 45-48гг. н.э. обращает на себя внимание.

⁸⁵ Кроме того, в «Жизнеописании Вителлия» Светоний сообщает, что он на всю жизнь сохранил позорное прозвище «спинтрия», так как ранние годы «провёл на о-ве Капри среди любимчиков императора Тиберия» (3,3). А «спинтриями», как известно, звались «девки и мальчишки» – «изобретатели чудовищных сладострастий», к-рые наперебой совокуплялись по трое перед Тиберием, «возбуждая этим зрелищем его угасающую похоть» (Тиб. 43,1). Но этими самыми «спинтриями», к-рые, следуя Светонию, были подростками, Тиберий обзавёлся на Капри не сразу, а не ранее 29/30гг., после кончины Ливии (29г.), пустившись во все тяжкие ещё позднее. И если (бы) Вителлий родился в 12г., значит, на роль подростка «спинтрия» он не подходит, поскольку в 29/30гг. ему (было бы) уже 17/18 лет, тогда как при рождении в 15г. ему на 29/30гг. всего 14/15 лет, т.е. возраст для подростка «спинтрия» вполне (или более) подходящий.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ РИМСКОГО ГРАЖДАНСТВА ЧАСТИ ГАЛЛОВ

Тацит: «В консульство Авла Вителлия и Луция Випстана, когда было намечено пополнение римского сената и знатные из той Галлии, что зовётся Косматою, давние наши союзники, получившие наше гражданство, стали домогаться для себя права быть избранными на высшие должности в государстве, этот вопрос начали горячо обсуждать и было высказано много различных мнений. И в окружении принцепса голоса разделились. Многие утверждали, что Италия не так уж оскудела, чтобы не быть в состоянии дать сенаторов своему главному городу. Некогда единокровные с нами народы довольствовались уроженцами города Рима, и никто не стыдился нашего государства, каким оно было в древности. Больше того, и посейчас вспоминают об образцах доблести и величия, явленных римским характером при иных нравах. Или нам мало, что венеты и инсубры прорвались в курию, и мы жаждем оказаться как бы в плену у толпы чужеземцев? Но какие почести останутся после этого для нашей ещё сохранившейся в небольшом числе родовой знати или для какого-нибудь небогатого сенатора из Лация? Всё заполнят те богачи, чьи деды и прадеды, будучи вождями враждебных народов, истребляли наши войска мечом, теснили под Алезией божественного Юлия! Это — из недавнего прошлого. А если вспомнить о наших предках, к-рые пали от тех же рук у подножия Капитолия и крепости в Риме! Пусть, пожалуй, галлы располагают правами граждан; но никоим образом нельзя делать их достоянием сенаторские отличия и воздаваемые высшим должностным лицам почести!» (Ан. 11,23).

Под Косматой Галлией (Comata) Тацит понимает учреждённую Августом в 16 — 13гг. трансальпийскую (Transalpina — к северу от Альп), кроме Нарбонны, Тройственную Галлию, в составе Аквитании, Лугдунии и Бельгики, историю поэтапного подчинения-освоения-провинциализации к-рой Римом, начиная со IIв. до н.э., мы подробно рассказали в предыдущих книгах (Р.л. 441-44; Д.И. 550-59), как в связи с восплением поступенчатом обустройством Галлии при Августе, так и в связи с восстанием Флора и Сакровира (21г. н.э.) при Тиберию.

Покорённая-провинциализированная в 58 — 51гг. Цезарем, помимо побережной Нарбоннской Галлии, покорённой-провинциализированной римлянами ещё до Цезаря, она, о чём читатель знает, была любимым романизаторским детищем кесаря Августа (кто, вдобавок к тому, неправомерно распространял сценарий галльской романизации, списанный с Испании, на провинциализированную им в 4г. до н.э., до Тевтобургского поражения 9г. н.э., правобережную Германию — от Рейна до Эльбы). Галлия была пущена и пошла в дело романизации по стопам иберо-кельтской Испании, к-рая оказалась под эгидой приступившего к её колонизации Рима ещё со времени победы над Карфагеном на Западе в определившей (сродни битве при Магнесии — 190г. — на Востоке) мировое будущее Римской империи II-й Пунической войны (218 — 01гг.) (Р.л. 278-81).

И как Испания первой (за пределами Италии), ещё до Союзнической войны 91/90 — 89/88гг., итоги к-рой слили-сплавили Италию с Римом, начала (со IIв. до н.э.) ползучим образом романироваться из побережной Баэтики, сделавшись для Рима заиталийским романским резервуаром № 1, с первыми неиталийско-римскими гражданами именно из Испании (Iв. до н.э.), так теперь приспело время Tres Galliae. А это — заиталийский романский резервуар № 2, куда ползучая романизация шла (с Iв. до н.э.) из побережной Галлии Narbonnensis, переданной, напомним, в 22г. до н.э. кесарем сенату, тогда как Тройственная Галлия находилась под управлением кесаря (сходно — в Испании: Баэтика — под сенатом; Тарракона и Лузитания — в

ведении кесаря). Рим хирел, не могучи обойтись без провинциальных (интегративных-генеративных) подпиток-вливаний (пока) из наиболее подходящих для романизации Испании с Галлией.⁸⁶

И вот в 47/48гг. знатные галлы, точнее, представители 64-х общин – 60 лугдунско-бельгийских (галльских) и 4 (кельто-иберских) аквитанских *civitas* – выступили с ходатайством перед прогалльски настроенным кесарем и цензором Клавдием (кто родился в Лугдуне 1.08.10г. до н.э., через 2 года после освящения там его отцом Друзом 1.08.12г. до н.э. всегалльского алтаря Ромы и Августа – сакрального центра 64-х общин) о предоставлении им полного римского гражданства.

Ибо оно открывало новоявленным гражданам, уравнивая их во всех правах с (коренными) римлянами (плюс – с италиками, плюс – с многими уже прошедшими этот путь испанцами) доступ в сенат и возможность занятия высших должностей. И как давнишние римские союзники – эдуи (гедуры), так и члены некоторых знатных галльских семейств из др. племён получили в 48г. благодаря твёрдой позиции Клавдия право такого гражданства – *civitas cum suffragio*, несмотря на сопротивление консерваторов из ближнего кесарского окружения и в сенате.

Причём последние приводили обычные для изоляционистов в подобных случаях опасные аргументы, противопоставляя Галлию Италии, с её-де недостаточными ресурсами, словно забыв о её довольно долгом покорении римлянами и о даровании италикам римского гражданства только в результате вышеупомянутой Союзнической войны. И здесь примечательно указание на венетов и инсубров,⁸⁷ получивших полное римское гражданство после латинского – в 89г. до н.э., т.е. позднее (остальных) италиков, спустя 40 лет, от Цезаря, – в год Рубикона – в 49г. до н.э.

Иначе говоря, не они ли «ворвались в курию» (= заделались сенаторами) последними «из чужеземцев» (= из некоренных римлян): дескать, их с нас до поры достаточно и незачем интегрировать (блюдя, насколько можно, сертификат крови, чистоту исконно римских традиций и т.д.) «чужеземцев» новых. Мол, лучше небогатый сенатор из Лация (дескать, потомственный римлянин, как будто не римляне покорили города Латинского союза и распустили в 338г. сам союз!), нежели богатей-

⁸⁶ Эллада и Восток, будь то малоазийский, сирийский, или египетский, не могли подпасть культурной романизации, т.к. были много древнее и культурнее Рима. Плюс к тому, на Востоке после Александра господствовала эллинизация, к-рой со Пв. до н.э., едва покорив Грецию и утвердившись в М.Азии, подпал и всё более подпадал, как и ориентализации, сам (вобравший равно державный импульс сокрушённого Карфагена и его декаданс) Рим (гибридизация победившей державности и побеждённых культур). Иное дело с еврорегионами, странами и их обитателями к западу и к северо-западу от Рима – иберо-кельтская Испания, кельтская Галлия, (подверженная кельтизации и романизации) левобережная Германия (тогда как чисто германская правобережная Германия римлян отторгла), и ещё с IV н.э. – кельтская Британия. Будучи покорены Римом, они, в первую очередь, именно романизировались, чтобы с I/Пвв. поддерживать романскую составляющую в усиленно эллинизирующейся и ориентализирующейся, включая романски оскудевающие Рим и Италию, Римской империи дальше.

⁸⁷ Мигранты, предположительно, из М.Азии в Верхнюю Италию в XII/XIвв. (ещё до этрусков и кельтов) адриатические венеты (Плиний 6,2) обитали к северо-востоку от р. По, в области, получившей впоследствии название Венеция (отсюда в дальнейшем – Венеция). Гл. города – Атесте (Эсте) и Патавиум (Падуа). Союзники римлян в борьбе с кельтами (IVв.) и во время II-й Пунической войны. В начале Пв. до н.э. началась римская колонизация области, вошедшей в 183г. до н.э. в состав провинции Цизальпинская Галлия. С Iг. н.э., по разделении Августом Италии на регионы, – самый северо-восточный (пограничный – к Альпам и Иллирии) римско-италийский регион X – Венеция и Истрия.

Инсубры – мигрировавшее в долину р. По в начале IVв. до н.э. кельтское племя (Полибий 2,17; Ливий 5,34/35) в Галии Транспадаана, с гл. городом Медиолан (Милан). В 232-22гг. побеждены Римом. Во II-й Пунической войне – союзники Ганнибала. В 199-94гг. окончательно подчинены римлянам; 89г. – латинское право; 49г. – право гражданства.

нувориш чужеродных корней-кровей из Галлии, из кельтов-галлов, (видите ли) чуть было не погубивших в 390г. Рим, когда они, разбив римлян при Аллии, захватили его, за исключением Капитолия, и когда Город чудом спасли гуси!

Или – не галлы ли яростно сопротивлялись божественному Юлию с 58 по 51гг., тесня его при (взятой в 52г.) Алезии (к-рая своеобразно маркирует контакты римлян и галлов – от времени почти полного поражения первых в 390г. до н.э. до почти полного покорения вторых в 52г. до н.э.)! Не был ли галлом противленец-повстанец Версингеторикс! Не подняли ли всего четверть века назад противоримскую бучу Флор с Сакровиром! и т.д. и т.п.

Короче, консерваторы предлагали сегрегацию в противовес интеграции в эпоху прогрессирующих глобализма и мультикультурализма, к-рые достигнут своего апогея и найдут своё завершение, на излёте Принципата, в предоставлении Каракаллой в 212г. римского гражданства всем свободным городским насельникам-обитателям Imperium Romanum. В результате этого границы Рима и Римского мира, в рамках торжества синтетического процесса интеграции, космополитизации, глобализации, мультикультурализации (параллельно политическому слабению и декадансу Империи) сольются воедино. То был поступательный процесс-прогрессия, и у суперконсервативных оппонентов Клавдия, к-рый в данном вопросе не ошибался, у изоляционистов не было шансов.

Да и не являлись ли (испанцы или) галлы для Рима чем-то наподобие персов для Александра, к-рый хотел сплавить греко-македонян с персами, мечтая создать единый народ персо-эллинов, правда, с той разницей, что в отличие от римских лидеров, вынужденных поступать так, Александр стремился к этому, в чём не нашёл понимания даже у Аристотеля, считавшего неприемлемым уравнение (*истинных арийцев*) греков с варварами.

Или – не уподобимы ли интегрируемые Римом галлы татарам для России, к-рые сначала покорили Русь, а потом, век за веком, отступали перед обратно-экспансионистски входившей-вступавшей в права моноголо-татарского наследия-наследства (и территориально, и ментально) Россией, к-рая, преемствуя (отнюдь не только Византии, но и) Золотой Орде, дотянулась аж до Тихого океана и благотворно-цивилизаторски сделала кочевой Туран оседлым, цивилизовала-культуривировала его (обратив *хаос* в *космос*).

Не от романизованных ли Римом Италии, Галлии, Иберии произошли позднейшие Италия, Франция, Испания, Португалия, где романский элемент оказался настолько силён-доминантен, что со временем одолел и поглотил-растворил-ассимилировал победоносных в IV – VI вв. германцев. Да, именно римская Галлия стала тем феноменом, к-рый обусловил рождение-появление в Ср. века Прекрасной Франции.⁸⁸ А в древности этот процесс постепенного втягивания в римское гражданство, с ростом Рима (до половины мира), неримлян, начиная с Цезаря и Августа до Каракаллы и Диоклетиана, во многом, распахал ту космополитическую почву, на к-рой затем взошло сначала взятое гос-вом под покровительство (313г.), и потом, в течение (по аналогии с Вавилонским пленением) 70-и лет (325 – 95гг.: от I-го

⁸⁸ Не Италия ли провозвестила в XIII в. н.э. начало новой Европы и Нового Времени! Не за Испанией ли, к-рая, перед тем заслоняла Европу от арабизма много столетий (за что Европа у неё в неоплатном долгу), изгнала мавров и открыла-освоила Америку, остался XVI в.! Не Франция ли (изгнав англичан с континента в результате Столетней войны) в лице-лицах кардинала Ришелье, Короля-солнце, наконец (остаточный заряд!), своей Великой революции и Наполеона, подняла Романизм на максимальный пик, за последним державным всплеском к-рого (Наполеон), последовали его необратимые, продолжающиеся поныне, спад, откат, отступление и сдача прежних позиций в пользу Англосаксов и Германства (после к-рых, на сегодня ещё очень отдалённые, маячат приоритеты грядущего Славянства).

Вселенского собора до кончины Феодосия I), огосударствленное (пленённое державой) вселенско-церковное христианство.⁸⁹

И хотя, повторим, Клавдию страстно возражали, что Италия не настолько оскудела, чтобы не дать Риму сенаторов, но в реальности она именно оскудела и её ресурсов, её потенциала, её резервов не хватало, они иссякали (как по причине низкой рождаемости среди римлян, так и в условиях гигантских масштабов Римской империи). Оскудевая же, Рим/Италия нуждались в пополнении и обновлении, к-рые в означенное время могла дать только интегрально созревшая для этого принятия-вобрания Римом в себя часть, в наибольшей и наилучшей мере, приобшнённых и приобшившихся к Риму галлов и Галлии.

* * *

И, созвав сенат, Клавдий произнёс речь, взвешенную, правильную, вовсе не выдающую в нём недоумка, из к-рой явствует (несмотря на тацитовскую стилизацию), что он – в своей исторической стихии и совсем неплохо в ней ориентируется, при всём том, хитро-конъюктурно не упоминая, в угоду собственной прогальской настроенности-ориентированности, противоримское выступление Флора и Сакровира (21г.), словно такового и не было.

Однако, действительно, не произошли ли Клавдии от Атты Клавса, сабинянина родом (Д.И. 12/13), возведённого, с присвоением ему римского гражданства, и в патрициат! Не совластвовал ли ещё до него сабинянин Тит Таций в паре с Ромулом!

⁸⁹ Если, с одной стороны, появление пригосударственного христианства в правление Константина обусловило начало доминанты латинизированной-институциональной Церкви над ранее доминировавшим греко-христианским зарядом, то со стороны другой, после смерти сделавшего христианство церковно-государственным Феодосия (379-95г.), Римская империя разделилась (395г.) на Западную (из к-рой взошла латинско-церковная и германо-романская Европа) и Восточную (из к-рой взошла Византия, где новогреческое содержание возобладало с VIв.: ярый *латинист* Юстиниан – в VIв., и *новогрек* Флавий Гераклий – в VIв.).

С одной стороны, Константин перенёс центр Римской державы в греко-эллинистическую восточную часть Империи (что начал ещё Диоклетиан), на Босфор, а с другой, – это обусловило институционализацию-латинизацию западного христианства с его перспективным церковно-духовным центром в *оставленном-предоставленном* папству Рима. И если в своё время Рим постепенно подпал эллинизации, покорив во IIв. до н.э. Грецию (гибридизация победившей державности и побеждённой культуры), то позднее, с уходом-миграцией державного центра в Константинополь, христианский Запад подпал латинизации, что акцентированно усилилось с разделением Империи в 395г. на Западную и Восточную, и особенно с падением Западной Римской империи, под ударами германцев, в 476г., после чего Римская католическая церковь, через католиков (правовернее папы) франков (этих римлян среди германцев) взяла на себя духовно-церковную, равно культурную опеку над варварскими германскими королевствами и над нарождающейся средневековой Европой.

А дальше-позднее, в продолжение романизации-латинизации-догматизации христианства на Западе, случилась, после обретения арабами единого (ветхозаветность без Нового Завета; классическая возвратная архаика) Бога и политического взлёта Халифата, – арабизация эллинистического наследия на Востоке, к-рое в дальнейшем, через арабско-еврейское посредничество (ментальное и переводческое), пришло (отягощённое саженцами-семенами материалистического интеллектуализма) в Европу.

Вообще в истории можно выделить (при всей нюансированной разнице между ними) три народа *Закона* (= три *народа в Законе*): евреи, римляне, арабы. Причём наблюдается их хронопременность. Если Рим (царский и республиканский) начался в пору конца еврейских царств Израиля и Иуды (VIII-VIвв.), равно в пору Второго храма (с VIв. до н.э.), то арабы и арабизм заступили в VIIв. н.э. на *законническую* вахту вскоре после последнего (пост)всплеска *Imperium Romanum* в VIв. н.э., в правление кодификатора римского права, адресовавшего оное средневековой Европе, Юстиниана.

И ведь родовые гнёзда прославленных gentes – Юлиев, Корунканиев, Порциев – соответственно, Альба-Лонга, Камерий, Тускул!⁹⁰ И есть сенаторы – выходцы из некогда враждебных Риму Этрурии или Лукании! Одним словом, (Первый) Рим (не веря слезам) не сразу строился, явившись плодом синтеза-смешения множества усвоивших-освоивших римскую ментальность италийских и далее заиталийских (перво-наперво, в западном и северо-западном от Рима-Италии кельто-иберском направлении) этнокультурных элементов.

Рим не обособливался и не мог, (не являясь Китаем и) притязая на мировое господство, обособиться-самоизолироваться, Рим не чурался животворного космополитизма-интернационализма, не возводил вокруг себя (даже всячески ограничивая вредоносные чужеземные культы и др. влияния) ни Великую Китайскую стену, ни железный занавес! Рим это – мир, как мир это – Рим!

И Риму (в к-рый впадает вся предшествующая история человечества, и из к-рого берёт начало вся история последующая) сами боги велели (не без ведома сената, а позднее – кесаря с сенатом) абсорбировать-перемолоть покорённые пространства и народы. В т.ч., пополняя за счёт самых приемлемых из них экстратк-квинт-эссенцию Империи – господствующее римлянство, задача к-рого – народами править, покорённых шадить, сражать непокорных и т.д. Притом всё сие можно-

⁹⁰ Альба-Лонга – в Лациуме, к юго-востоку от Рима, в Альбанских горах, легендарная родина Ромула и Рэма, центр Латинского союза; по преданию, основан сыном Энея Асканием Юлом – родоначальником рода Юлиев. В VIIв. до н.э., при Тулле Гостилии, был разрушен римлянами, но находившееся в городе святилище Юпитера *Latiaris* осталось сакральным центром союза. А альбанцы были переселены в Рим, дав Риму патрицианские роды Юлиев, Сервилиев, Квинктиев, Геганиев, Куриациев, Клелиев.

Камерия – в Лациуме, по преданию, колония Альба-Лонги (Диодор 7,5,10); частое упоминание в царский период Рима (Ливий 1,38; Плутарх «Ромул» 33; Дионисий Гал. 2,50; 3,51); разрушена консулом Вергинием в 502г. до н.э. (Дионисий Гал. 5,21,40,49) и с тех пор – в руинах (Плиний 3,68). Местоположение: между Тибром и Анио в Сабинских горах; или между Тиволи и Виковаро; 8 пеших часов от Рима (Дионисий Гал. 5,49).

Тиб.Корунканий – конс. 280г. – сражался против этрусков и Пирра (Евтропий 2,12), и в 252г. первым из плебеев вышел в понтифики-*maximus* (Ливий «Ерп.» 18; Цицерон «Брут» 14,55). Пользовался глубоким уважением за свои политическую мудрость, благочестие и познания в юриспруденции. Г. и Л.Корунканий – два брата, посланники к илирийской царице Тевте, поданные к-рой, пиратствуя, причиняли Риму много вреда. Один из братьев говорил с такой (недипломатической) откровенностью, что Тевта приказала вернуть уже отбывших посланников и убить его (Полибий 2,8; Ливий «Ерп.» 20; Аппиан «Иллир.» 3,7; Орозий 4,13). По Флору (2,5), – были умерщвлены оба брата.

Тускул – город в Лациуме, на (Альбанские горы) Тускуланской горе (сегодня – Фраскати), основанный по преданию, Телегоном, сыном Одиссея и Кирки; 670м над уровнем моря, – с прекрасным видом на Рим (в ок.25-и км). Наименование связано с господством этрусков. Местный правитель Октавий Мамилий, зять Тарквиния Гордого, образовал Латинский союз и в 496г. до н.э. погиб в Регилланской битве у одноимённого озера. После того как Тускулом овладели эквы, их изгнал в 459г. Л.Квинкций Цинцинат. Соединённый с Римом дорогой *via Latina*, с поздних республиканских времён и в период Принципата, Тускул привлекал множество состоятельных римлян, имевших тут виллы, в частности, любимое местопребывание (на вилле, ранее принадлежавшей Сулле) автора «Тускуланских бесед» Цицерона.

Из Тускула происходили Порции – Лицинии и Катоны. Л.Порций Лициний – претор, участник битвы с Гасдрубалом при Сене (207г. до н.э.). Л.Порций Лициний – его сын: в 193г. – претор; в 184г., в ранге консула, вёл войну с лигурийцами. Л.Порций Лициний – в 172г. командовал римским флотом в начале войны с Персеем. Тускуланцы М.Порции Катоны: от Старшего (*Priscus*; *Super*; *Цензорий*), больше известного как престрогий цензор (и писатель) Катон Цензорий (234-149гг.) и автор знаменито-безоговорочного изречения-требования: «Карфаген должен быть разрушен», до его правнука – Младшего – несгибаемого республиканца и заклятого врага Цезаря – Катона Утического (+ 46г. до н.э.), дочь к-рого была женой М.Брута.

нужно и умом понять, и аршином общим измерить, даже если у Рима и римлян особенная статья, что не подлежит сомнению, и даже если в них обязательно можно-нужно (не только) верить.

Разве Бальбы⁹¹, Сенеки, или Лукан с Марциалом, к-рые грядут! или, в конце концов, Траян с Адрианом, или Марк Аврелий не из семей испанского происхождения! разве Антонин Пий не из семейства происхождения галльского (*золотой век испано-галльских Антонинов!*)! Разве мало выдающихся мужей дала Риму Нарбоннская Галлия (Валерий Азиатик, Помпей Трог...), где, с её давней привязкой к Риму и с её римскими колониями, романизация шла гораздо быстрее, чем, из-за общинной системы *civitates*, в завоёванной Цезарем и упорядоченной Августом *Tres Galliae* (в пределах к-рой ещё христианским проповедникам II/III вв. приходилось проповедовать в чуждых латыни сельских местностях на галльском-кельтском)! И всё приведённое-перечисленное никак не обедняет, наоборот, обогащает умеющий справиться с контролируемым притоком извне Рим, вовремя давая ему свежие жизненные силы, своевременно омолаживая его.

И симптоматично, что Клавдий здесь противопоставляет Рим и римлян обособленцам-изоляционистам – лакедемонянам и афинянам, справедливо усматривая одну из причин их заката и декаданса в их обособленчестве. Не пошёл ли Александр дальше Аристотеля, категорически несогласного равнять греков с варварами, женившись, как сказано, на Роксане Бактрийской и массово женив своих фалангистов на персиянках! чего ещё не могла принять-сделать элитная-элитарная Греция, что начала делать, завоевав полмира (до Индии) на Востоке Греко-Македония, и во что всё более включался-втягивался, завоевав полмира и на Востоке, и на Западе, феноменально-интегральный и международно-империальный Рим!

Рим, к-рый интегрировав-перемолов итальянских сенонов, вольсков, эквов, самнитов⁹², этрусков, венетов, инсубров, не может ограничиваться региональной Италией, к-рая в I/IV в. стала собственно властелином мира – РИМОМ, закономерно

⁹¹ Корнелий Бал(ь)б Старший, получивший римское гражданство в 72г. от Помпея, под началом к-рого он служил, – гадесский испанец; впоследствии – цезарианец и октавиановец; первым римский консул-иностранец – 40г. до н.э., в то время как его племянник К.Бальб Младший разбил в 21/20гг., проконсульствуя в Африке, гарамантов, и стал первым триумфатором (19г. до н.э.) неримско-испанских корней-кровей. Позднее – построил в Риме освящённый в 13г. до н.э. Бальбов театр.

⁹² Сеноны – могущественное племя в (Лугдунской) Галлии, жившее между областью паризиев на севере, карнутов – на западе, эдуев – на юге, лингонов, бойев и мандубиев – на востоке (Иль-де-Франс и Шампань). Гл. город – Агединк (Сан). Ок.400г. до н.э. двинулись в северную Италию, поселились между Равенной и Анконой и основали там г. Сену. С 390г. вели войны с Римом. В 283г. были побеждены консулом Долабеллой и частично истреблены, частично довобраны Римом.

Вольски – древнее итальянское племя умбро-сабельского происхождения, обитавшее, соседствуя с латинами, по берегам р. Лирис, до побережья Тирренского моря. Гл. города – Свесса Помеция (Сецце) и Привернум (Приворно). Под натиском этрусков – отступили в горы, затем снова овладели своей областью; часть вольсков признала власть Тарквиниев, но с их изгнанием отложилась от Рима, после чего вольски в союзе с родственными эквами повели упорную-продолжительную борьбу с римлянами, окончательно побеждённые в 338г. до н.э. Потом их города получают право римского гражданства = статус муниципиев, а они сами романизируются и перестают упоминаться.

Эквы – земледельческое и одновременно воинственное племя, населявшее земли к востоку от Рима, до Тибура, Пренесте и Фуцинского озера, между областями сабинян, латинян, марсов и герников. Вместе с латинами, вольсками, рутулами, герниками и авзонами принадлежали к пеласгической племенной группе опиков (осков). В союзе с вольсками вели кровопролитные войны с Римом, покорённые в IV в. до н.э.

Самниты – см. «Д.И.» с. 1224-27.

распространяя свою интеграцию, сообразно своим мировым масштабам-размерам-дизименсионам-гегемонии, на Испанию, Галлию и так далее.^{92a}

И кесарская речь в сенате была увенчана Клавдием достойной концовкой (словно говорил не стареющий рогоносец и бонвиван, со слюнявой пастью и трясущейся головой, но сам Цезарь или Август взяли слово с того света!)⁹³:

«...Пусть же связанные с нами общностью нравов, сходством жизненных правил, родством, они (галлы) лучше принесут к нам своё золото и богатство, чем владеют ими раздельно от нас! (Вот в чём одна из основных причин обогатительного привлечения-вовлечения в римлянство богатых галлов! – К.З.) Всё, отцы сенаторы, что теперь почитается очень старым, было когда-то новым; магистраты-плебеи появились после магистратов-патрициев, магистраты-латиняне – после магистратов-плебеев, магистраты из всех прочих народов Италии – после магистратов-латинян. Устаревает и это, и то, что мы сегодня подкрепляем примерами, также когда-нибудь станет примером».

За речью принцепса последовало сенатское постановление, в силу к-рого эдуи (гедуры) первыми получили право становиться сенаторами, в уважение к старинному союзу и к тому, что они единственные именовались братьями римского народа» (Ан. 11,24/25).

Итак, (убеждённый глобалист) Клавдий манифестировал-предложил (не поступаясь модифицированным римским *богоизбранничеством*) своей речью в сенате интегральное превращение, на сей раз, всей Галлии в партнёра Италии, с вовлечением галлов Трёх Галлий в романство и с привлечением галльской знати (не без её внушительных денежных средств) к гражданственному становлению её представителей полноценными римлянами и к соуправлению из Рима миром. Причём по этой (чересчур откровенной для кесаря) новаторской декларации Клавдия (в духе на этот раз, скорее, Цезаря, чем Августа), римляне – не есть «чистая (в смысле – закрытая-сегрегальная) нация», и возвысились, воспринимая достижения др. народов.

Хотя, решение сената было, как видим, всё-таки, ограниченным-компромиссным. *Ius civitas* как полное право римского гражданства, с допуском в сенат, получило пока только племя традиционных союзников римлян – эдуев (= гедуры), к-рые, плюс ко всему, как и римляне, вели происхождение от троянцев, называемые римлянами ещё со дней приветственно встреченного эдуями Цезаря, братьями и родичами («Галльская война» 1,33/34; Помпоний Мела 3,20; Плиний 4,107).⁹⁴

^{92a} Впрочем, эта интеграция в Рим/Италию варварской периферии привела к перспективе от равновесия, достигнутого во Пв. н.э. (когда, с др. стороны, элитные слои Рима составило преимущественно потомство либертов), к перевесу *варварства* в Шв. н.э.

⁹³ Правда, Клавдий не удержался от того, чтобы вставить в свою речь, для несостоятельного сравнения, слова о привлечении к совластвованию тех, кого не должно привлекать, т.е. слова, к-рые наверняка вызвали не у одного нобилиа соответствующую (внутреннюю) реакцию (и усмешку): «...детям вольноотпущенников поручается управление магистратур не с недавних пор, как многие ошибочно полагают, но не раз так поступал народ и в давние времена». Как говорится, на воре и шапка горит! Пусть Август, к примеру, и назначил многоучёного (ученика Александра Полиистора) вольноотпущенника Юлия Гигина начальствовать над Палатинской библиотекой, но ни Гигин и никто из либертов никогда до времени Клавдия в Риме не взбирался на аномальные верхи-высоты Каллиста, Нарцисса, Палланта...

⁹⁴ Эдуи (гедуры) – племя Лугдунской Галлии между Лигером (Луара) и отделявшим их от секванов Араром; гл. город – Бибракта (Аутун), переименованный римлянами на рубеже эр в Августодун. А приложительно к более ранним временам, Ливий (5,34) числит эдуев среди галльских племён северной Италии. На время эпопеи Цезаря в Галлии они – виднейшее среди лугдунских галлов племя, чей подорванный секванами авторитет восстановил Цезарь («Галльская война» 6,12) (Д.И. 553).

ЗАПРЕЩЕНИЕ ДРУИДИЗМА

Одновременно, в 48г. н.э., вовлекая в статусе-амплуа кесаря, цензора и великого понтифика галлов-кельтов в романскую (державную-ментальную-религиозно-культурную) орбиту, Клавдий, по Светоний, совершенно запретил-уничтожил «богослужение галльских друидов, нечеловечески ужасное и запрещённое для римских граждан ещё при Августе» (25,4) (Р.л. 471/72).

Друиды (галл. — druidae; древнеирланд. — drui; известное в употреблении только во мн.ч. — druid; по различным этимологическим версиям, от drus — дуб — священное древо друидов; или от морских нимф — дриады; или, в рамках общеиндоевропейских корней, от древнеиндийского этнонима — дравиды; ср. маги/магои) — высшее, наряду с аристократическими всадниками, сословие у кельтов. Точнее, кельтское жречество = жреческая каста, организованная в виде замкнутого наследственного сословия, представители к-рой выполняли, помимо непосредственного богослужбно-священнодейственного жречествования, также функции судей, занимались магией, врачеванием, прорицаниями, календарными вычислениями, астрономией и астрологией.

Опрich того, они были хранителями героических преданий и сказаний, к-рые передавали изустно (предварив собой бардов и скальдов), сходно чему, вернее, первично по отношению к чему, была строго запрещена всякая письменная фиксация древней религии друидов: будь то обряды и ритуалы, или знание друидическими посвящёнными тайн бессмертия души, её перевоплощения и т.д., сведения о чём дошли до нас либо в обрывочных откликах античных авторов, либо из ирландской мифологии.

Центром друидизма была, согласно Цезарю (Гал. в. 6,13), Британия, с последующим его проникновением из неё в Галлию. Плюс, добавим (о чём Цезарь может не знать), — Ирландия (не в большей ли мере, чем Британия, если, конечно, друидизм пришёл из Ирландии в Британию, а не наоборот? или, как полагают, некоторые, — из Скандинавии — и в Ирландию, и в Британию?).⁹⁵

Мало того, институт друидизма ограничивается Британией (главный друидский жрец к-рой звался — *великий журавль*)⁹⁶, Ирландией, частью Галлии и (малоазийской) Галатией (где, к слову, жрецы Кибелы, Аттиса или Сирийской богини Атаргатис назывались «галлами»), кельты-галаты к-рой отпочковались-отделились от нечуждых друидизму северных и среднегалльских галлов. Причём этот институт был совершенно неизвестен ни кельтам Испании, южной Галлии, северной Италии и правобережья Рейна, ни германцам (Гал.в. 6,21; Страбон 12,567). Хотя *Кельтика* в комплексе немало повлияла как метаисторически, так и исторически, как духовно, так и мифологически на формирование, становление, развитие более молодого германства и его отличительных тайн-таинств-феноменов.

⁹⁵ Или в Британии был (всё-таки) менее, в рамках закрытых-герметических собственно Друидизма и собственно Кельтики, скрытый центр, нежели более таинственное (и более обособленное) кельтско-друидическое сакральное средоточие на Изумрудном острове — в Гибернии-Ирландии (земная проекция кельтского Авалона?! либо упавшего-сорвавшегося с Небес в Океан гео-изумруда из короны Люцифера!?).

⁹⁶ На о. Делос (Скифиада) — *журавлиным танцем* (Журавль — соляренный Феникс!) назывался ритуально-обрядовый танец, посвящённый ежегодному, в мартовское равноденствие, весеннему возвращению с лапландско-ладожско-беломорско-скифского севера Аполлона Гиперборейского, к-рый, соответственно, мистериально-духовно осенил во II/I тыс. до н.э. и Элладу, и Кельтику, и вслед за ними ютландско-скандинавско-североевропейское Германство.

И весьма примечательно, что древнейший свидетель-употребитель термина-наименования «друиды» – не кто иной как Аристотель⁹⁷ у Диогена Лаэртского («Роом.» 1), а первый свидетель святилищного названия места собраний друидов, применительно к малоазийским кельтам-галатам, – не кто иной как Страбон. Повествуя о галатах, он говорит (о чём читатель в курсе), что они делились на 3 племени (трокмы, толистобогы, тектозаги), к-рые, в свою очередь, делились на 4 тетрархии, каждая из к-рых состояла из тетрарха, судьи и военачальника, подчинённых тетрарху, и двух низших военачальников, после чего сказано: «Совет этих 12-и тетрархов состоял из 300 человек, собиравшихся в т.н. Дринемете...». Стало быть, «Дринемет» (drunemeton) – место собраний кельтско-галатского (Галло-Греция) верховенства в III в. до н.э. – слово-обозначение, однокоренное со словом «друиды».

В качестве жрецов друиды (глава к-рых выбирался пожизненно) руководили священнодействиями-жертвоприношениями, – общественными и частными: 1) в дубравах под открытым небом; 2) в четырёхугольных – шанцевого типа, либо в полигональных – деревянных кумирнях, позднее заменённых каменными постройками, где также происходили культовые церемонии (Гал.в. 6,13,4; 16,2,3; Диодор 5,31,4; Страбон 4,198; Лукан 1,453; Плиний 16,249).

Особенное место в обрядах друидов (уделявших особенное внимание растительному миру и деливших людей на доминантно растительных и доминантно животных, при приоритете первых) занимал процесс сбора омелы, к-рая использовалась при вытягивании жребия для предсказаний будущего, для лечения. Притом для использования годилось лишь специально выбранное подходящее растение, с отправлением церемонии на шестой день луны.

Обряд животного жертвоприношения, за к-рым следовала торжественная трапеза, требовал приготовлений у подножия священного дерева, куда приводили двух белых быков с впервые связанными рогами. Одетый в белое жрец, взобравшись на дерево, золотым серпом срезал омелу и складывал её в плащ. Затем быков приносили в жертву, вознося хвалебную молитву божествам.

В особых случаях отправлялись-практиковались считавшиеся эксклюзивным способом умилостивления богов человеческие жертвоприношения (Цезарь 6,16; Диодор 5,32; Страбон 4,198; Лукан 1,44; Ан. 14,20), для к-рых использовались преступники, или пленники, или, в случае отсутствия таковых, невинные люди из своих. Против этого Цезарь ещё (воздерживаясь от вмешательства во внутренние дела галлов) не возражает; участие-соучастие в этом действе-таинстве Август римлянам возбраняет; а Клавдий (м.б., возобновляя запрет также ограничивавшего друидизм Тиберия) тотально, вместе со всяким жреческим друидизмом = друидским жречеством, – запрещает.⁹⁸

И здесь необходимо учитывать следующее. Пользовавшиеся огромным авторитетом в народе кастовые друиды являлись опорой национально-религиозной консолидации (олицетворителями национального самосохранения, блюстителями кельтской самобытности, хранителями-охранителями собственно *спиритуальной*

⁹⁷ Первый античный информатор о друидах и друидизме – современник Аристотеля – греко-массилиотский путешественник Пифей (ок.381-10гг.) (см. выше).

⁹⁸ Некоторые полагают, что человеческие жертвоприношения кельтов, иногда включавшие ритуальный, с извлечением у жертв костного мозга и т.д., каннибализм, были, не являясь, мол, регулярными-постоянными, обусловлены-мотивированы критическо-апокалиптической для введомой друидами и друидизмом Кельтики ситуативностью (Галльская войной Цезаря в 58-51гг. до н.э.; или последовательным завоеванием римлянами с 43г. н.э. Британии), в поисках защиты от экспансии Рима и противодействия ей.

Кельтики) и центром сопротивления римской экспансии. Именно вокруг друидов группировались местные национал-сепаратисты, чем на 40-е гг. Ив. н.э. создавались-обуславливались препятствия как дальнейшему тесному, с предоставлением гражданства, вовлечению в римскую орбиту галлов и Галлии, так и находящемуся в ходу завоеванию (с 43г.) Британии, где, сходно Галлии, римскому экспансионизму духовно-идеологически противился, возглавляя местную кельтскую духовность, прежде всего, друидизм.

Да и не мог рассудочно рациональный Рим, почти патологический сокрушитель или профанатор-похититель древних мистерий, унифицируя-универсализируя Империю, срачивая её в единый империальный организм-механизм, долго мириться с подобным друидизму, при всей его духовно-позитивной (сновидческо-ясновидческой), или глубоко декадентной таинственности, эзотерическим явлением. Римляне (поздней Республики и Империи) не принимали (и очень правильно делали) ни человеческих жертвоприношений (хотя чем, в сущности, были гладиаторские побоища?!), ни, в ещё большей мере-степени, всяких проявлений древнего спиритуализма, придя в мир для борьбы, в т.ч., с таинствами былого (во имя рассудочного интеллектуализма и интеллектуалистской рассудочности), независимо от того, что именно под ними крылось, и часто выбрасывая вместе с противоположной водой ещё живых детей.

Рим был призван в мир для того, чтобы (рационал-материалистически) уничтожить древнюю мистериальность-спиритуальность и тем, сколь ни парадоксально звучит, проложить дорогу как церковному христианству (к-рое римские венценосцы пленили, одновременно сами оказавшись в перспективе в церковном плену) к человечеству, так и человечеству из Древнего мира в Средневековье!

Или, например, Плиний сообщает, в ключе магических искусств друидов, о приготовлении ими мистического *змеиного яйца* как талисмана для победы в судебном процессе (29,52-54), равно о друидском растительном врачевании (24,103/104) людей и домашних животных, к-рое, т.е. чародейское целительство, вскоре после запрещения друидизма, сделалось основным занятием тех (выходивших из лесов и снова уходящих в леса бродячих чудотворцев), к-рые продолжали именовать себя и именоваться в народе друидами, уже без какого-либо облучения подзапретного жречества, в сельских местностях. А Цезарь говорит об обучении друидами, к-рых греческие авторы нередко называют «философами» (Диодор 5,31; Мела 3,18; Ориген «Против Цельса» 1,16), юношей из высшего кельтского сословия (6,13,4; 14,2), иногда на протяжении аж 20-и лет, с поступенчатым посвящением их в тайное недоступное профанам учение.

Сам по себе индо-германский в основе теопантеон кельтов делился на множество божеств. Цезарем, к примеру, насчитывается 5 главных (6,18,1), среди к-рых верховного бога, родоначальника галлов Кернунна, он называет (именем римского божества подземного мира) *Dis Pater*.⁹⁹ Друидическое богословие учило, повторим,

⁹⁹ Версия основана на одной из идентификаций найденного в 1710г. под хорами парижского собора Нотр-Дам алтаря (ныне в музее Клуни) с надписью «*Cernunnos*» и рельефным изображением божества, от к-рого сохранились брадатая увенчанная оленьими рогами (король-олень!) голова, с уродливым (для нас) лицом, и верхняя часть туловища, при отсутствии части нижней, относительно к-рой небезосновательно предполагается сидение фигуры в ориентальной позе лотоса (друиды – дравиды?!), или со скрещенными на восточный манер ногами. На трёх прочих сторонах этого «парижского алтаря» изображены Диоскуры и галльский Геркулес в схватке с Гидрой. Ряд кельтологов видит в «оснащённом (оленьими) рогами» кумире кельтского Юпитера; иные полагают в нём, со ссылкой на Цезаря, галльского Плутона; или – Юпитера Кернена, аналогичного датируемому 167-м г. н.э. Юпитеру из Дакии. Или, сообразно Моммзену, речь должно вести о Юпитере Кернене – по названию лежавшей близ

строго изустно, благочестию пред богами, борьбе со злом и воспитанию храбрости (Диоген Лаэртский «Проем.» 5). Одной из его важнейших составляющих было, как сказано, учение о бессмертии души и о переселении-перевоплощении (реинкарнационно меняющих тела после физической смерти людей) бессмертных человеческих душ (Цезарь 14,4,5; Тимаген у Аммиана Марцеллина 15,9,8; Страбон 4,197; Мела 3,19; Лукан 1,454-56). Отсюда фабулянтские фантазии древних насчёт, дескать, заимствования-перенятия друидами учения Пифагора (Александр Полиистор у Диодора 5,28,6; Валерий Максим 2,6,10; Климент Ал. «Стромата» 1,15; Ориген «Философумена» 2,25; Кирилл Ал. «Против Юлиана» 4).

Друидские рефери имели полный авторитет в судебных процессах и при решении всяких спорных вопросов. Отказ подчиниться их решению частного лица или общины означал отлучение, понимавшееся как бесчестие и несправие отлученца/отлученцев (Цезарь 6,13,6/7). Соборные-судейские сакральные собрания, к примеру, галльских друидов проводились ежегодно, в священном (по аналогии с галатским Дринеметом!) месте (согласно Цезарю, — *in loco consecrato*) земли-области (центрально- или эпицентрально-кельтских) карнутов¹⁰⁰ (6,13,10; 13). Более того, им принадлежало решающее слово в вопросах войны и мира (Диодор 5,31; Страбон 4,197).

места находки деревни Корн. И всё-таки, версия идентификации Кернунна с главным кумиром (апологетов одухотворённой, проникнутой небесной солярностью, божественной Земли) кельтов, к-рого Цезарь кличет *Dis Pater*, видится наиболее предпочтительной.

¹⁰⁰ Карнуты центральной (в данном случае, без Аквитании) Галлии населяли область по берегам Луары, между реками Шером и Эррой. Гл. город — Аутрикум, с *Vb.* — Карнутум, ныне — Шартр, где, возможно, как раз на месте знаменитого Шартрского собора (к-рый олицетворяет именно эзотерическое христианство, в отличие от коронационного Реймского собора, олицетворяющего державную экзотерику), с его исключительной святилищной энергетикой, и проводились (в древнем святилищном комплексе) ежегодные священные собрания друидов?! (Интересно, что статус гл. города карнутов Шартр сохранял до 275г., когда центр перенесли в Орлеан, освободив к-рый в 1429г. Орлеанская Дева спасла оказавшуюся на краю гибели Францию и короновала Карла VII в Реймсе — в Реймском соборе! тогда как в 1589г. популярнейший из французских королей Генрих IV, нарушив традицию, короновался — за 200 лет до падения Бастилии — в предварающем Париж, к-рый «стоит мессы», Шартре!)

На памяти учителя знаменитой Шартрской школы христиан-платоников (Аланус бен Инсулис и др.), к-рая процветала в XII/XIIIвв., когда, а именно в 1260г., в присутствии короля Людовика Святого, был освящён в своём современном великолепии один из красивейших готических соборов (уникальный архитектурный шедевр, чьи архитектурные тайны, по преданию, принесли с Востока тамплиеры), на месте к-рого издавна, с ок.350г., стояли его церкви-предшественницы, в одной из к-рых с 876г. (век Св.Грааля) хранилась и хранится сегодня в Соборе плащаница Св.Девы Марии (пожертвованный посвящённой Деве Марии Шартрской церкви королём франков Карлом Лысым дар византийской императрицы Ирины его деду Карлу Великому).

И этот чудесным образом ни разу не пострадавший в огнях войн и революций Собор до сих пор, как говорят, одна сплошная — не загаданная устно, но воплощённая в камне загадка, таящаяся в его насыщеннейших (равных к-рым нет) витражах и в выложенном на его полу Лабиринте, к-рый, при диаметре в 13м, с дорогой к центру в две сотни метров, воспроизводит-отражает путь христианина к Богу.

Посвящённые в тайны природы и земли друиды остановили свой выбор на этом месте для закладки тут в I-м тыс. до н.э. святилища, восприяв исхождение отсюда священной энергии, от к-рой каждый входящий внутрь дольмена обретал новую жизнь благодаря природным силам Земли. И уже тогда, как полагают, при культовом комплексе появилась учреждённая-открытая кельтскими друидами Галлии и Британии специальная школа друидизма. Легенда рассказывает, что друидам было видение, после к-рого они вырезали из дерева статую девы с младенцем и поклонялись ей, называя её «Дева под землёй». Христиане нашли эту статую в IIIв. и стали почитать как Чёрную Мадонну, построив здесь церковь в честь Девы Марии.

Алтарь собора первоначально располагался в пролёте между второй и третьей колоннами хоров, в точности над священным колодцем друидов. До воды от пола храма 37м в глубину и

Или там, где галлы, например, эдуи, выбирали ограниченных годичным сроком предводителей-царей, в условиях междоусобицы, друиды руководили выборами (Цезарь 7,33). То-то Дион Хрисостом (ог. 49) даже полагает, что цари на золотых тронах занимались тем, что проводили в жизнь их, обладателей реальной власти, решения. Престижнейшая принадлежность к овечьному ореолу друидскому сословию избавляла от налогообложения и воинской службы (Цезарь 6,14,1).

Иначе говоря, теперь понятно, чем, как и почему предводительствовавший галльской кельтикой друидизм так мешал римской интеграции Галлии, подпадая последовательным-поступательным ограничениям со стороны Августа (Дионисий Галикарнасский 1,28; Свет. «Кл.» 25,4), Тиберия (Плиний 30,13 говорит о полном запрете Тиберием друидского жречества с его колдовским врачевательством, что, вероятно, есть преувеличение реального запрета на колдовское врачевательство) и, наконец, целиком и полностью отменившего-упразднившего-запретившего друидизм-druidentum, – в первую очередь, отправление им человеческих жертвоприношений, с элементами каннибализма, Клавдия (Кл. 25,4; Авр.Виктор «Цезарь» 4,2). По Плинию, некоего знатного галла-воконта Клавдий казнил за задействование (ношение) друидского амулета для достижения успеха в судебном процессе перед кесарем (29,54).

Хотите поклоняться богам, вот вам лугдунский алтарь Рому и Августа! – место ежегодных собраний представителей 64-х галльских общин (60 галльско-кельтских и 4 аквитанских), сакральный центр римской Тройственной Галлии! Равняйтесь на него и черпайте духовность, с руководством к действию, из него. Незачем цепляться за бесчеловечный друидизм (варварское суеверие), тем паче, когда Рим нуждается в пополнении романства галлами-кельтами (включая их денежные средства), и когда Рим покоряет-осваивает (центр друидизма) Британию (откуда связанные между собой друиды могут вредоносно влиять на галлов в Галлии).

столько же от алтаря до верхней точки готического свода. Облагораживающая дух человека симметрия идущей снизу таинственной энергии земли и нисходящей сверху божественной благодати! В соборе также находится Гематрия – древнееврейское шифрованное письмо, к-рым пользовались для записи ритуальных фраз, где каждой букве соответствовало число, чтобы слова могли быть уравнины с композицией и фразы эквивалентной ценности могли быть произнесены с целью эквивалентного значения. Подобные зашифрованные символы расположены во многих уголках собора наряду со ссылками на Ковчег завета Господня.

Предание рассказывает, что в 1128г. 9 французских рыцарей-храмовников вернулись из Св.Земли с «таинствами», к-рые они обнаружили под руинами находившегося в ведении тамплиеров храма Соломона в Иерусалиме. «Таинства» – заветный ларец с тайнами божественного закона, управляющего числами, весами и мерами, включая «Золотое число» – 1,1618, от к-рого пропорция 1 : 1,1618 – «Золотое сечение» или «Золотая середина» (в эпоху Ренессанса идеал эстетического восприятия произведений искусства и архитектуры), положенная в основу сооружения как Соломонова храма, так и Шартрского собора.

Нотр-Дам де Шартр насчитывает, в общей сложности, 10 тыс. скульптурных изображений из камня и стекла. Ансамбль его удивительных создававшихся столетиями витражей занимает 2 тыс. кв.м. Самый известный витраж – Notre Dame de la Belle Verrege – Богородица из красивого стекла. О непревзойдённых витражах Шартрского собора сказано: «Когда солнце горячо, плиты пола и поверхность столбов покрываются огненными, ультрамариновыми и цвета граната пятнами, разтёсываемыми на зернистой поверхности как от прикосновения пастели. В серую погоду вся церковь наполняется голубоватыми мерцаниями, придающими большую глубину перспективе, сводам – больше таинственности» (Ж.Вийет). Центральное место среди витражных комплексов по праву занимают большие оконные розы с размещёнными непосредственно под ними поясами витражных просветов в виде пяти и более узких витражных окон. Такие (розенкрейцериеские!) розы расположены на всех трёх фасадах этого поистине божественного христианского Святилища (с его древнейшими скульптурными изображениями Марии Магдалины) во славу Пресвятой Девы или Божественной Дамы.

Правда, на реализацию кесарского решения потребовалось время. Ещё в 70г. н.э. (не вымершие) галльские друиды, согласно Тациту (Ист. 4,54), толковали (в дни восстания Юлия Цивилиса) пожар Капитолия как божественный знак скорого конца римского могущества и предрекали мировое господство кельтов¹⁰¹, в то время как Плиний, приложительно приблизительно к тому же времени, несколько раз свидетельствует о разнородной живучести галльского друидизма в 70-е гг. Ив. н.э. (16,249; 24,103; 30,13).

Тем не менее, во IIв. н.э. друидизм и друиды в Галлии исчезают из истории, переходя в метаисторию, продолжая тайно от римлян существовать в римской Британии, открыто эзистуруя к северу от неё, в части Альбиона, Римом не покорённой, и главное, продолжая эзистировать, если не процветать, – при уникальном-оригинальном соседстве-коэзистенции внутри самого друидизма глубокого декаданса и истинной спиритуальности, – в недоступной-неподвластной Риму Гибернии-Ирландии.

А дальше, как мы знаем, в III/IVвв., лучшее-остаточное в ушедшей-уходящей-отмирающей друидической Кельтике (Ирландия, Британия, Галлия, Галатия), в загадочном кельтско-друидическом феномене – его (полярная римской *химии*) спиритуальная (*алхимическая*) квинтэссенция – жертвенно-одухотворительно-оплодотворительно *исходит* (посредством прощального превращения-метаморфозы) в рафинированное эзотерическое христианство! (см. выше)

АНТРОПОСОФИЯ О ДРУИДАХ И ДРУИДИЗМЕ

Штайнер: «...Сегодня, используя средства, имеющиеся у внешней науки, человек будет тщетно спрашивать, кем, собственно, были эти жрецы-друиды, – я мог бы с тем же успехом назвать их друидами-учёными, ибо эти выражения совершенно подходили к тому времени, хотя, конечно, эти выражения не существовали в то время – какой строй души тогда, собственно, имели эти жрецы друидов? Что жило в побуждениях, благодаря к-рым они руководили своей общиной?»

То, что часто сообщается о них в истории, справедливо по отношению к тому, что было во времена их упадка, во времена гибели их культуры. То же, что я хочу охарактеризовать здесь, связано с тем, что предшествовало этим временам падения и действовало во времена расцвета. Ибо этот кромлех, эти различные солнечные круги, о к-рых я говорил вчера, напоминают как раз о том, что было в действительности, о том, что существовало во времена расцвета Мистерий друидов. И мы уже сегодня определённым образом, используя средства, к-рые предоставляет нам антропософская духовная наука, можем проникнуть в целом в то, как действовали эти жрецы-друиды. Они ведь были в определённом отношении народом, лучше сказать, основой народа, всем. Именно они определяли религиозные потребности, насколько можно говорить о таковых в то время. Именно они в значительной степени определяли и социальные потребности. Они были также и теми, кто был компетентен, например, в методах лечения того времени. Они одни были всем тем, что позднее распространилось на многие области человеческой цивилизации.

¹⁰¹ «Одержимые нелепыми суевериями друиды, твердили им (галлам, к-рых крайне впечатлил спаливший храм Юпитера пожар Капитолия – К.З.), что Рим некогда был взят галлами, но тогда престол Юпитера остался нетронутым и лишь поэтому империя выстояла (в 390г. до н.э. кельты, взяв Рим, не сумели взять последний оплот римлян – Капитолий с храмом Юпитера – К.З.); теперь, говорили они, губительное пламя уничтожило Капитолий, а это ясно показывает, что боги разгневаны на Рим и господство над миром должно перейти к народам, живущим по ту сторону Альп» (Ист. 4,54).

Мы правильным образом взглянем на эту культуру друидов — мы абсолютно вправе так её называть — лишь тогда, когда мы взглянем на её сущность в более ранние эпохи, как на то, что послужило основой северных мифологических представлений, связанных с именами Вотана или Одина. То, что связано с именем Вотана, — это, по сути, эпоха после расцвета культуры друидов. Можно сказать, что в кругу мудрости, указывающем на имена богов Вотана или Одина, нужно увидеть то, что прежде пришло с Востока, из сферы Мистерий, к-рые существовали вблизи Чёрного моря, а затем их духовное содержание влилось с Востока в западные места, при этом можно сказать, что места Мистерий были основаны самым различным образом в колониях от Чёрного моря и дальше на Запад.

Но всё это в глубочайшем смысле излучалось в обозначенную таким образом возвышенную культуру, прамудрость, мудрость друидов. Эта мудрость друидов была на самом деле неосознаваемым откликом, неким неосознанным воспоминанием всего того, что Земля получила от Солнца и Луны, до того как Солнца и Луна отделились от Земли. Посвящение в Мистерии друидов было, по существу, солнечным посвящением, связанным с тем, чем могла стать лунная мудрость благодаря солнечному посвящению. Для чего же тогда, собственно, предназначены эти кромлехи, круги друидов? Из вчерашнего изложения вытекает, что они, собственно, были рассчитаны на то, чтобы духовно посмотреть на отношения между Землёй и Солнцем. Если мы посмотрим на отдельные долмены, то ведь обнаружим, что в них имеется что-то вроде инструментов, благодаря к-рым исключаются внешние физические воздействия Солнца, так что посвящённый с даром ясновидения может наблюдать то, что остаётся от солнечного воздействия в тёмном пространстве. Внутреннее качество солнечного, пронизывающего Землю и отражающегося от Земли во Вселенную, — именно это наблюдали жрецы-друиды через отдельные кромлехи. Итак, можно сказать, что задерживалась физическая суть солнечного света. Я говорил вам вчера, что тёмное пространство создавалось за счёт камней, скрытых в Земле, к-рые сверху были закрыты поверхностной породой, и в этом тёмном пространстве благодаря способности видеть сквозь камни было как раз возможно наблюдать духовное существо солнечного света.

Так что жрец-друид, стоя перед культовым алтарём, занимался внутренними свойствами солнечного света, поскольку ему было нужно, чтобы в него вливалось нечто, исполненное мудрости — но вливалось таким образом, что мудрость была ещё и природной силой, — это было ему нужно, чтобы управлять своей общиной.

Мы должны ведь уяснить себе, что мы говорим о том времени, когда нельзя было посмотреть в календарь, чтобы посеять семена в правильное время, когда то или иное семенное зерно доверяли Земле. Срок посадки предсказывал жрец по действию Солнца. Под рукой не было никакой книги, чтобы уточнить время. Единственной имеющейся книгой была сама Вселенная. И буквы, образующие слова, образовывались из наблюдений за тем, как Солнце действовало на то или иное устройство. Сегодня, если вы хотите что-либо узнать о том или ином, вы справляетесь в книге; жрец-друид смотрел на то, что делает Солнце, в его кромлехе. Там он читал о тайнах Вселенной. Там он читал о том, что с ним случилось, когда сеять пшеницу, рожь и т.д. Это лишь примеры. Для всего, что следовало сделать, прочитывали импульсы от Вселенной. Значительные импульсы, необходимые для составления годового календаря, получали из наблюдения теней друидического круга. Так что в то время, когда ничего ещё не исходило из человеческого интеллекта, существовала лишь одна Вселенная. И вместо печатных станков у человека были кромлехи, чтобы извлекать тайны, содержащиеся во Вселенной. Таким образом, читая, так сказать, космическую книгу, человек должен был иметь дело с солнечным. А лунное человек воспринимал как противоположное солнечному. Силы, сконцентрированные в Луне, некогда были связаны с Землёй.

Но они ушли не полностью, часть этих сил осталась в Земле. Если бы были только

солнечные силы, то возникли бы, например, только бурно растущие, увеличивающиеся клетки. Живое же всегда существует с малым или большим размером клеток. Многообразие, формообразование основывается не на солнечных силах, а на совместно действующих солнечных и лунных силах.

И теперь, когда жрец-друид подвергал себя воздействию того, что давали ему дриидический круг и кромлехи, то у него не складывалось такого абстрактного впечатления, к-рое мы, по праву, получаем сегодня, когда входим в духовное именно по пути интеллекта, но с ним напрямую говорили силы Солнца. В солнечных тенях непосредственно действовало духовно-солнечное и оно действовало намного интенсивнее, чем сегодня на нас воздействует чувственное впечатление, ибо оно было связано с намного более глубокими силами. Когда жрец стоял перед культовым местом, наблюдая эти солнечные явления, при наблюдении менялось его дыхание: оно становилось безжизненным, заземлялось, закручивалось, так что один поток дыхания входил в другой. Он сосуществовал с тем, чем он как человек был благодаря своему дыханию, жил в том, что получал от действия Солнца. Он получал для себя не абстрактное знание, а нечто, что работало в нём, как работает циркулирующая кровь, пульсируя в нём внутренне, что возбуждало в нём человеческое вплоть до физического. Но это действие вплоть до физического было именно духовным. И эта внутренняя инициация, к-рую он переживал, была, на самом деле, знанием.

Нужно представлять себе это знание как переживание, очень живым, интенсивным образом. Это знание он получал только в определённое время. С меньшей силой это знание пробуждалось каждый полдень, но когда нужно было открыть великие тайны, то жрец должен был подвергать себя таким воздействиям в то время, к-рое мы сегодня называем временем Иоанна (время летнего солнцестояния – К.З.). Тогда к приёму ежедневных небольших волн знаний добавлялась большая волна. И при этом благодаря особому, искусственно созданному способу через улавливаемые на Земле солнечные воздействия он переживал нечто такое, что ощущал как посвящение, солнечное посвящение, и он мог понимать, узнавать лунные силы, к-рые остались в Земле после выхода Луны. Это было его природным знанием, к-рое он приобрёл под влиянием солнечного посвящения. А то, что открывалось на поверхности вещей, было для него неважным. Важным было то, что поднималось снизу как лунные силы Земли. Подобно тому, как благодаря принципу посвящения, следы к-рого ещё и сегодня сохранились в этих памятниках, он был в состоянии познать, так и затем, особенно когда на ночном небе появлялись звёзды, а Луна восходила на небе, он узнавал то, что действует в природе.

Солнечное посвящение давало ему духовный мир, духовный импульс, и он затем обладал знанием природы. Наше естествознание – это земная наука, его естествознание было лунной наукой. Он ощущал лунные силы, лежащие в основе, к-рые излучались в растения из глубин Земли, действовали в ветре, грозе и в других элементах. Он ощущал их не абстрактным образом, как мы сегодня ощущаем природные силы, имея земное естествознание, он ощущал их жизненную силу в их сущности и ткани... (...)

Жрец-друид читал также то, что мог извлечь из космоса о космических событиях посредством своих устройств и благодаря солнечному посвящению, и мог тогда приобрести из лунного знания о природе под действием импульса солнечного посвящения. Но со всем этим было связано социальное, вся религиозная жизнь. Ибо то, что мог тогда сказать жрец людям, было ведь содержанием, к-рое простиралось до духовных основ того, что включало, охватывало этих людей. Лучше всего это можно заметить, если указывают на то, что существовало как своего рода медицинское знание у этих жрецов-друидов... (...)

Мы должны предположить, что эта цивилизация распространилась на большей части Северной и Средней Европы приблизительно 3 или 3500 лет назад. Тогда не было ничего подобного письменности, тогда было только космическое письмо. И затем с Востока, прежде всего из областей Мистерий Чёрного моря распространилось то, что обычное сознание теперь больше не может разгадать, то, что содержится в северной мифологии в той мере, как оно связано с Вотаном.

Ибо кто такой Вотан? Мистерия, из к-рой произошла культура Вотана, была Мистерией Меркурия, Мистерией, к-рая к импульсам Солнца и Луны добавила импульс Меркурия. Так что можно сказать, что эта древняя культура в своей солнечно-лунной сияющей невинности и наивности была тогда не затронута тем, что могли сказать человечеству импульсы Меркурия. На Востоке уже были эти импульсы Меркурия. Оттуда они распространились затем на Запад, колонизируя его. Вотан-Меркурий перенёс своё влияние на Запад.

И при этом проливается свет на то, что характеризует Вотана как носителя рунического искусства, рунического письма, а также носителя того, что в искусстве расшифровки Вселенной первым совсем примитивным интеллектуальным способом человек создаёт из себя самого. Это самый первый интеллектуальный удар молнии, удар Вотана. И поэтому можно было сказать, что теперь к солнечным и лунным силам добавились меркуриальные, вотанические.

Во всём том, что теперь из вотанического оказывало влияние на самом деле, во всём том, что существовало в прежних переживаниях, действовало это вотаническое. Из этого вотанического всё получило определённое воздействие, определённый импульс. Ибо одна вещь была особой тайной культуры друидов. Конечно, всходы проявляются везде, прорастает также и то, что не относится к этому, и на полях растут сорняки. В цивилизации друидов лишь солнечное и лунное признавалось, так сказать, хорошим культурным растением. В более поздние времена, вырываясь вперёд, появилось интеллектуалистическое, к-рое тогда рассматривали как сорняк. И среди множества лекарств, имеющих у друидов, было одно против размышления, против меркуриального. Как это ни парадоксально для современного человека, в то время существовало лекарство от раздумья, от самопогружения в свой внутренний мир, в своё собственное погружение души. Друиды хотели, чтобы человек жил с природой, чтобы он не хоронил себя в своём внутреннем мире, и они рассматривали человека больным, даже если он пытался что-то выразить иначе, чем, самое большее, подражая природным вещам в примитивном искусстве, например, если он рисовал знаки Зодиака. Тот, кто рисовал знаки, был больным, к-рого нужно было исцелить. И, таким образом его считали чёрным человеком, а не белым. Да, если бы нас с нашими современными знаниями переместили в культуру друидов, то мы все попали бы в госпиталь для исцеления!

И вот цивилизация Вотана перенесла сюда эту болезнь с Востока. Это воспринималось как болезнь вотанической цивилизации. Но она принесла с собой значительно, гигантски выросшую силу для того, что раньше встречалось лишь как аномальная способность к размышлению. Вот что она принесла. Она принесла руны в то, что прежде извлекалось лишь из космического письма. Она внесла то, что человек вложил в знак свой разум, она внесла всё то, что воспринималось как культура Меркурия. И не удивительно, что теперь то, что вышло из культуры Вотана, что было ещё проявлением лучших имеющих в культуре Вотана сил, было воспринято как существо Бальдура, рождённого последним солнечного существа (*младшего из детей Одина*), к-рое ассоциировалось не с жизнью, а лишь со смертью. Бальдур должен был отправиться к Геле (*Гела или Хель — богиня смерти*), к тёмным силам смерти, в обитель смерти.

И снова об этом сначала думали прежде всего, — а это исходит ещё из преданий Эдды — это не о том как освободить сына вотанических сил Бальдура от Гелы, это, собственно, лишь более позднее представление — а это о том, как его исцелить. И это

обращает на себя внимание, когда говорят, что есть много лекарств, но для Бальдура, т.е. дья интеллекта, к-рый выступает из вотанической силы рун, никакого средства нет, это может вести лишь к смерти.

И тогда мы видим то, на что я уже указывал с различных точек зрения при рассмотрении развития человечества, говоря вам, что в древние времена инстинктивное понимание людей ничего не знало о смысле смерти, потому что человек вспоминал предземную жизнь и знал, что смерть — это лишь трансформация. Смерть воспринимали не как какое-то коренное изменение. Прежде всего, в смерти не было ничего трагического в древние времена. Оно вошло только с приближением Мистерии Голгофы, к-рая и была ведь как раз спасением от страха смерти. В саге о Бальдуре вы видите самое наглядное представление того, что внесение интеллектуализма приводит к такому строю души, к-рый считается со смертью, что благодаря этому интеллектуализм вошёл в развитие человечества. И таким образом, то, что видели в смерти Бальдура, к-рый не смог воскреснуть, исцелено только духовно-душевым способом, когда смерти был противопоставлен образ Христа, к-рый смог снова воскреснуть.

Удивительно, как на Севере подготавливалось восприятие импульса Христа под влиянием меркуриальных сил на солнечные и лунные силы. В Бальдуре — боге, преданном смерти и не сумевшем воскреснуть, мы видим северного предтечу Христа, к-рый был предан смерти, К-рый был предан смерти, но смог воскреснуть, потому что Он происходил непосредственно с Солнца, в то время как то, что пришло от Вотана как солнечная сила — Бальдур, является отражённой от Меркурия солнечной силой, это засверкавшая из рун солнечная сила, сверкающая солнечная сила из знаков (Зодиака), к-рые человек формирует из своего разума...» («Наука посвящения и познание звёзд. Человек в прошлом, настоящем и будущем с т.зр. развития сознания», 8 лекций, прочитанных с июля по сентябрь 1923г. в различных городах; л.10 от 10.09.1923г. «Солнечное посвящение жрецов-друидов и познание ими лунных существ».)¹⁰²

¹⁰² Примечательно следующее. По Штайнеру, расцвет солярно-лунарного друидизма, о к-ром он говорит, выпал на время с ок. 1500 по ок. 1000гг. до н.э., в III-ю Пост-Атлантическую культуру, под знаком Тельца, будучи в I-м тыс. до н.э. сменён-вытеснен меркуриально-вотаническим (*мыслительным* вместо *природного*) импульсом, меркуриально-вотанической культурой. И в этой связи обращает на себя внимание то, что очередная ротационно-архангельская эпоха, под предводительством Рафаила-Меркурия, это период ок. 1650 — ок. 1300гг. до н.э. (время Исхода израэлитов из Египта и время Эхнатона). Соответственно, импульс Меркурия (= Рафаил = Вotan) победоносно пришёл с Востока на Запад (причём из области Мистерий на берегах Чёрного моря!) в I тыс. до н.э., в течение к-рого он овладел кельтским и скандинавским западом и северо-западом (приведя к смерти старосолярного Бальдура), что, вместе с тем, обусловило упадок древнего друидизма, оказавшегося в глубоком декадансе в пору античности на рубеже эр (смерть старых богов), и особенно после Таинства Голгофы.

В меркуриальном таинстве Вотана-Бальдура наличествует мистериальная трагедия смерти (ухода) Бальдура без воскресения, тогда как в солярно-лунарном, в христосолярном Таинстве Голгофы представлено именно таинство Смерти и Воскресения, таинство живоносной победы Христа-Солнце над смертью.

Но былая солярно-космическая инициация ещё долго действовала-волила в Кельтике (и в Германстве), и в эпоху после того как солярно-лунарная — друидическая, равно ранее сменившая её вотаническо-меркуриальная — руническая, Кельтика сошла в Шв. н.э. (как и солярно-митраистское Парфянство) с внешней исторической сцены, изойдя в эзотерическое христианство.

Притом последнее проявилось, в частности, в спиритуальном феномене (солярного) короля Артура и его 12-и рыцарей (знаки Зодиака) Круглого стола из мистериального замка Тинтагель в Корнуолле. Проявилось, репрезентируя собой проникнутую импульсом Христа новосолярность и новомеркуриальность (= христосолярность), в качестве доблестно-рыцарского воинства Михаила-Архангела. И не стал ли один из рыцарей Круглого стола, Парс(ц)ифаль (реинкарнация Парфянида Мани), *континентальным* хранителем Св.Грааля, поднявшись на более высокую ступень посвящения! С последующей передачей Парсифалем таинственной

ПОПОЛНЕНИЕ ПАТРИЦИАТА И ЧИСТКА СЕНАТА

«В те же дни Цезарь возвёл в патриции старейших сенаторов, — и тех из них, чьи отцы прославили себя выдающимися деяниями, ибо уже оставалось немного родов, названных Ромулом старшими, и тех, к-рых Луций Брут назвал младшими; угасли даже роды, причисленные к патрицианским диктатором Цезарем по закону Кассия и принцепсом Августом по закону Сеня; эти благодетельные для государства мероприятия Цезарь проводит с большим удовлетворением. Озабоченный удалением из сената покрывших себя бесчестьем, он применил недавно придуманный и мягкий по сравнению с былою суровостью способ, обратившись к ним с увещанием поразмыслить над своими делами и добровольно заявить о своём выходе из сенаторского сословия; дозволение на это будет дано без труда, и он одновременно назовёт как исключённых из сената, так и тех, кто сам себя осудил, дабы сопоставление приговора цензоров, с раскаянием ушедших по своей воле, послужило к умалению их бесславия. По этому поводу консул Випстан предложил поднести Клавдию титул отца сената: ибо титул отца отечества стал обыденным и заслуги нового рода должны быть отмечены ранее неведомым наименованием. Но сам Клавдий остановил консула, сочтя, что тот слишком далеко зашёл в лести...» (Ан. 11,25)

Говорят, что в раннем Риме патриции включали всё коренное население = родовая община = римский народ, противостоявший плебейам из некоренных римлян. Или конкретнее — патриции — это 100 первых в составе царского сената сенаторов Ромула, положивших начало старейшим патрицианским фамилиям. При этом ещё в конечный царский период, или во всяком случае, в пору начала Республики, при Л.Ю.Бруте, к-рый присовокупил к *старшим* патрицианским фамилиям *младшие* (Дионисий Гал. 5,13), сенат вырос до 300 членов.

До Сервия Туллия патриции были единственными гражданами, к-рые назывались *ingenui* — свободные от рождения, делясь на 3 трибы и 30 курий. Со дней же предпоследнего римского царя Сервия Туллия и до Константина патрициат (с учётом множества изменений и нюансов) есть, в общем, обозначение римской аристократии, в противоположность плебейам, к-рым Сервий Туллий дал право гражданства, кстати, относясь к ним много лучше, нежели ранняя подчёркнуто аристократическая Республика.

Поначалу плебейство составляло конкретное сословие, при том, что в пору поздней Республики и в эпоху Принципата, когда родовые патриции и плебеи почти ничем не отличались, плебейами или плебсом уже именовался весь несенаторский и неведический плебейский (богатый; среднего достатка; бедный и люмпенский)

блюстительской эстафеты своему сыну — рыцарю Лебеда — Лоэнгрину — хранителю уже дематериализованной (вознесённой) Чаши Грааля и (золотого) Камня особой породы, оккультно задействованного (по *возвращении* оногo с Востока — XII/XIII вв.) при таиннейшем посвящении индивидуальности Иоанна Богослова — как 13-го (меченый солнечный Отрок) — 12-ю Старцами-мудрецами — 1250г., и как Кр.Розенкройца — нововплощённым Мани-Парсифалем — 1459г.! Не столько «химическая», сколько именно «алхимическая свадьба» (бракосочетание просветлённой человеческой души с Богом)!

А михаэлическое рыцарство Артура продолжало сражаться против демоническо-драконических сил за Христа-Солнце, за Гармонию Сфер против дисгармонии. И этот эзотерический *Круглый стол* экзистировал (параллельно рыцарству-сообществу Св. Грааля), как спиритуальное сообщество, в (некогда кельтском) Уэльсе (к-рый последний раз восстал против англичан в 1403г.), аж до времени правления в Англии королевы Елизаветы Тюдор (1558-1603гг.), упразднённый из политических соображений и заменённый-подменённый в XVII/XVIII вв. (во многом, профанированным, с претензией на истинную эзотерику) масонством.

городской римский (и со дней после Союзнической войны – итальянский) люд, т.е. основная масса народа, в первую очередь, от-из населения всего миллионного или замиллионного Рима.

А в более ранней древности родовой патриций оставался патрицием даже в крайней бедности, плебей – плебеем, несмотря на богатство, поскольку знатность-родовитость мерялась не деньгами. Но родовой патриций, к-рый передавал детям патрициат по праву их рождения (не по наследству), мог сделаться плебеем по усыновлению (поздний пример происходившего из патрицианского рода Клавдиев Клодия, перешедшего в плебс), или посредством брака с плебейкой, между тем как в патрициат можно было подняться-зачислиться по определению сената или куриата, что, к примеру, произошло, после изгнания царей, с отцом (поначалу аристократическо-патрицианской) Республики Л.Брутом, кто затем сам пополнил перечень патрицианских фамилий.

Засим принадлежность к патрицианской аристократии (родовая земельная знать, предки к-рой составляли царский сенат) обуславливалась: 1) правом рождения; 2) получения патрициата по усыновлению; 3) посредством бракосочетания (плебейка или иностранка – *peregrina*, выйдя замуж за патриция – *per confarreatio*), становилась патрицианкой); 4) обретение-приобретение патрициата, как в случае с Брутом, по награждению-присвоению.

С началом Республики в конце VIв. патриции – господствующее сословие, экономическое (латифундистское) могущество к-рого базировалось на исключительном праве пользования общественной землёй (*ager publicus*). После долгой упорной борьбы и уравнивания плебеев в большей части прав с патрициями, те и другие, с IIIв. до н.э., совместно образовали (сенаторский – из патрициев и плебеев; и всаднический – из патрициев и плебеев) нобилитет, заседаая вместе во II/IVв. до н.э. фактически на равных в сенате (где патрициев отличала особая обувь), облекая одни и те же должности-магистратуры (за исключением сугубо патрицианских: *princeps senatus*; *interrex*) и большинство постепенно ставших доступными также плебеем жреществ (за исключением некоторых оставшихся прерогативой патрициев: три старших фламины; *rex sacrorum*; салии *Palatini*).

Вместе с тем, напротив, патриции не могли – как при Республике, так и при Принципате – быть народными (весьма влиятельными, с правом вето) трибунами, или плебейскими эдилами, сходно чему плебеи не могли облекать патрицианское курульное эдильство. Ещё у патрициев было преимущественное право облечь после квестуры, по истечении соответствующего срока, претуру, пропустив эдильство, что давало им преимущество более быстрого карьерного – *cursus honorum* – роста, и очень желанного для нобилей более раннего = в более молодом возрасте наместничества в провинциях.

Плюс – в деле льготного облечения консульства в 33 года (на 33-м году) в кесарские времена патрициат этому, как сказано, дополнительно сопутствовал (или мог, на усмотрение кесарей, посопутствовать). Как не делавший общеримскую погоду аномальный-обратный пример наперекор поэтапной-поступательной демократизации можно привести нововведение происходившим из старопатрицианского gens *Cornelia* реакционером-оптиматом Суллой (кто ненавидел нар. трибуна) забытой Троянской игры (*ludi Troiae*), в к-рой участвовали исключительно сыновья и внуки патрициев.

С (продолжателем дела популяра Мария) демократическим диктатором Цезарем, право возведения-поднятия в престижный патрициат, право присвоения достойным гражданам патрициата, когда число склонных к вымиранию патрицианских родов-фамилий сократилось с более 50-и в Vв. до всего ок. 20-и и их надлежало пополнить-пополнять, перешло к кесарям. В 45г. до н.э. Цезарь произвёл первое такое

пополнение по закону *lex Cassia*; с 30 (точнее, даже с 33-го) г. Октавиан Август производил в патриции (или производил-делал аристократов-патрициев) по закону *lex Saenia*.

Посему от поддержания патрицианской традиции и необходимости иметь в наличии патрициат Рим (из традиционалистско-сакральных соображений) не отказывался. Сродни Цезарю и Августу (о Тиберии и Калигуле сведений нет), поступали, причём в магистративном ранге цензоров, — Клавдий, произведший в патриции Л.Сальвия Отона, М.Гельвия Гемина, П.Плавтия Пульхра¹⁰³, и после Клавдия — Веспасиан с Титом. К слову, если Гальба был последним римским кесарем (68/69гг.) из древних патрициев = из старопатрицианского рода Сульпициев, то (Флавий) Веспасиан стал первым римским императором Принципата из плебеев, к-рого, по становлении принципсом-императором, сенат возвёл в патрициат. (Принцепсом, как *первым среди равных*, сродни принципсу-*senatus* = *первый в сенате*, мог быть только патриций.)

Так возле старой вымирающей аристократии появилась «аристократия по письму» = по венценосному (начиная с Цезаря) присвоению-предоставлению-назначению-дарованию сделавшимися цензорами *perpetuum*, с облечением или без облечения магистративного цензората, кесарями римским и провинциальным неофитам (само собой, в обязательном порядке римским гражданам) в награду за службу и заслуги.

И эта присвоенческая, кесарской волей или произволом, новая аристократия постепенно вытеснила-сменила старую, к-рая ко времени эпохи Домината вымерла-иссякла окончательно, перед тем крайне ценя свою потомственную родовитость, что демонстрируют, например, некоторые могильники, на к-рых значится-акцентируется — *patricius natus* = урожденный (в отличие от неофита-присвоенца) патриций. Акцентация виделась носителям врождённого патрициата важной, поскольку (беспредельщики) кесари, при желании, могли произвести в патриции и вольноотпущенника. Не подобным ли образом поступали (если ещё не Клавдий, то впоследствии) Коммод, Каракалла, или краткосрочные императоры (калифы на час) хаотичного ШВ. н.э.!

При Константине ни патрициев *pati*, ни патрициев «по письму» больше не осталось и патрициат превратился-преобразился в личное = почётное = титулярное достоинство — *dignitas*, к-рым императоры IV/V/VIвв., западные (пресекавшиеся в 476г.) и восточные, награждали, с правом соответствующего титулования как правило римских граждан, помимо присвоения патрицианского достоинства, в виде исключения, остготскому королю Теодориху (+ 526г.), или его военачальнику Рукимеру; или — пример возведения Юстинианом в патрицианки своей супруги Феодоры.

Далее, в ходе неизменного атрибута цензората — *lectio senatus*, — Клавдий исключил некоторых, недостойных, обедневших, скомпрометировавших себя, проштрафившихся, или не вытягивавших на необходимый ценз сенаторов из сената, без,

¹⁰³ Об Отоне (конс.-суф. 33г.), отце будущего кесаря М.Отоне, информирует Светоний (От.1). М.Гельвий Гемина был поднят в патрициат в молодом возрасте, до получения претуры, облечённой им (с пропуском эдильства) после квестуры, о чём свидетельствует эпитафия из Эфеса (CIL 3,6074); после 44г. он, незнамо, когда именно, — легат (уже) сенатской Македонии и позднее — проконсул Азии. Плавтий Пульхр — сын консула 2г. до н.э. — М.Плавтия Сильвана, брат первой (после его не дошедших до брака помолвок с Эмилией Лепидой и Ливией Медуллиной) жены Клавдия — Плавтии Ургуланиллы. Он род. ок.6г. н.э., ок.33г. обладал нар.трибунат, в 36г. — претуру *ad aerarium*, ок. 44-46гг. наместничал в Сицилии, в 48г. — *curator viarum sternendarum* (дорожный магистрат); умер до смерти Клавдия, неизвестно, — побывав ли консулом-суф. в интервале 49-54гг.?

насколько можно судить, радикальной смены состава и какого-либо сопротивления со стороны исключенцев, часть к-рых он миролюбиво уговорил-убедил покинуть герузию (ср. Дион 61,29,1/2; см. выше). Мы помним, что в 28г. Август, вернее, пока Октавиан сократил выросший с 600 членов при Сулле до 900 при Цезаре и более чем до 1000-и при триумvirате сенат до снова 600 членов, преодолевая ожесточённое сопротивление. А в 18г. Августу вообще пришлось сидеть в курии, при очередной чистке герузии, в доспехах под тогой и в окружении охраны из верных ему отцов-сенаторов.

Но те времена начального-стартового принципата давно прошли, остаточный заряд олигархического беспредела времён Республики сошёл на нет, кесари стали куда полновластнее, да и членству в ничего по сути не решавшем сенате придавалось куда меньшее значение. Более того, оно сделалось как денежно накладным, так и, в условиях произвола Мессалины и влиятельных придворных вольноотпущенников, небезопасным, и потому для части нобилей попросту нежеланным. Да и коснувшаяся, вероятно, немногих клавдианская чистка была проведена с максимальной деликатностью, почему тоже всё обошлось без эксцессов.

При всём том, эта чистка настолько вдохновила консула Випстана, что он даже предложил Клавдию наречься отцом сената — *pater senatus*. Мол, обычного (с Августа) для кесарей титула отца отчества — *pater patriae* — за подобные заслуги «нового рода» (безболезненно-либеральная чистка сената!) слишком мало: надо, дескать, обзавести-оснастить императора чем-то предыдущими кесарями до сих пор непочатым, чем-то из ряда вон выходящим. Однако лесть была чересчур сально-льстивой и не вдохновлённый предложенным титулом (от к-рого за версту несёт оголтелым монархизмом, без соблюдения завещанных Августом норм республиканских приличий) Клавдий (приверженец ратных отличий) от него отмахнулся, не забыв поставить Випстану на вид, что тот переусердствовал в лесть.

Ниже Тацит сообщает о результатах переписи, произведённой в 47/48гг. цензором Клавдием, о чём мы уже беседовали выше, и, следует думать, речь идёт о времени до истечения первой половины 48г.,¹⁰⁴ ибо консул Випстан Попликола, кто, предположительно, передал консульскую вахту суффекту не ранее (сходно своему ординарному напарнику А.Вителлию) второй половины года, ещё консультирует.¹⁰⁵

Вдобавок к перечисленному, в столь любом ему магистративном ранге цензора, во время цензората, к-рый, к слову, Клавдий и Л.Вителлий (фигурирующий на императорских монетах его сына как *sensoг II*), согласно эпиграфиям и нумизматике, официально облекали, не складывая его с себя, до начала 49г. (хотя дата торжественного акта люстрации — *Lustration* — 48г.), кесарь принял следующие меры. Ограничение ростовщичества; улучшение снабжения Рима (чем он, честно говоря,

¹⁰⁴ Необходимо оговорить, что количество цензированных в 47/48гг. римских граждан у Тацита — 5984072 — расходится аж на 1 млн. с количеством в «Хронике» Евсевия («*Ann. Karst*» S.214 под 45г.; Иероним — р.152/53 — 48г.) — 6844009, и у Г.Синкела (р.629 Bonn) — 6941000. (Возможно, Тацит, несмотря на его приоритет стоящего гораздо ближе к событиям компетентного автора I/Пвв. и крупнейшего римского аналита, тем не менее, в данном случае, владел неполными сведениями, пользовался неполным источником, так как иначе объяснить расхождение с ним Евсевия, буде, конечно, последний и вслед за ним Синкел не ошиблись аж на миллион, сложно? Либо ошибку на миллион должно инкриминировать Тациту? или его переписчикам? Либо ошибаются Евсевий и Синкел?)

¹⁰⁵ Правда, Тацит может называть его на 48г. консулом как эпонима-ординария, независимо от момента передачи им фасок сменщику-суффекту. И всё-таки, из контекста, скорее, явствует, что Випстан Попликола (если в кадре не суффект Мессала Випстан Галл?) проявляет свою сервильную инициативу именно как действующий консул.

занимался на протяжении почти всего своего беспрецедентного числом продолжительности лет правления);¹⁰⁶ установление чётких ступеней военно-всаднической карьеры: префект когорты, ала и предоставление всадникам прежде не практиковавшегося права командовать легионами.

Светоний: «Для всадников он установил такой порядок прохождения воинской службы, чтобы они получали под начало сперва когорту, потом конный отряд и наконец легион; он назначил им жалованье и ввёл условную службу, названную «неуставной», к-рую можно было отслуживать заочно и только по имени» (Кл. 25,1).

Для сакральной сферы, разумеется, обязательное облечение цензората не обязательно, ведь кесари одновременно – верховные понтифики. Но коли уж Клавдий учредил коллегия гаруспиков в цензорстве, можно предположить, что и другие его утверждённые или обновлённые установления, о к-рых сообщается у Светония, датируются 47/48гг. н.э.: «В коллегии жрецов, предлагая к принятию новых членов, он при всяком имени непременно произносил клятву; тщательно следил, чтобы при малейшем землетрясении претор созывал собрание и приостанавливал дела, а при появлении над Капитолием зловещей птицы устраивалось молебствие; и на правах великого понтифика он сам возглавлял его перед народом с ростральной трибуны, удалив заранее толпу служителей и рабов» (Кл. 22).

Одним словом, в деятельности Клавдия, будь то цензорат или нет, действительно, деятельные меры и толковые решения не в первый и не в последний раз перемежаются придурковатыми проявлениями. А тем временем Тацит, сообщив о результатах переписи 47/48гг., приступает к рассказу об имевшем место осенью 48г. последнем падении, крахе и конце Мессалины, к-рый снова вынуждает дать Клавдию, не умеющему ни на йоту быть цензором, перво-наперво, в собственном доме, весьма нелестную характеристику суперрогоносца, полудурка, чмошника и гофрированного шланга на троне.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ МЕССАЛИНЫ – СИЛИЙ И КРАХ

Наш главный информатор по этому противоклаudianскому бракосочетанию Мессалины и Силия (к-рое не было классическим заговором) – Тацит (Ан. 11,26-38); плюс – едкие штрихи к биографическому портрету Клавдия у Светония (26; 28; 29; 36; 39) и эпитомированный Дион (61,31,3-5); плюс – Сенека (Арос. 1,13/14), Ювенал (10,330-45; 14,329-31), «Схолия к Ювеналу» (2,29) и Авр.Виктор (4,11/12).¹⁰⁷

Однако, несмотря даже на подробный рассказ Тацита, реконструировать всё произошедшее и весь ход событий достоверно-подробно достаточно сложно, многое вызывает недоумение, прячется под покровом недосказанности и остаётся немало вопросов. Поэтому сосредоточимся на главном.

Итак, Мессалина с 47г. вызывающе сожительствовала с Силием, не пытаясь таиться, и в 48г. уже предоставляла в его распоряжение рабов кесаря, а также утварь

¹⁰⁶ Сообразно эпитафии CIL 9,573, в 48г. было завершено строительство дороги via Claulia Valeria, соединившей Рим с берегом Адриатического моря.

¹⁰⁷ Можно упомянуть ещё и Флавия, к-рый в «И.д.» 20,8,1, в связи с кончиной Клавдия (54г.), во-первых, неверно говорит, что его супруга Агриппина после замужества за (умершим в 40г.) Домицием Агенобарбом долго вдовела до того как вышла замуж за Клавдия (между Домицием и Клавдием она успела побывать замужем за Пассиеном Криспом), и, во-вторых, ошибочно уверяет, что ради брака с Агриппиной Клавдий развёлся с женой своей Мессалиной (к-рая в действительности не пережила брак с ним).

и проч. собственность из императорского дома, открыто принимала-оставляла любовника у себя на женской половине императорского дворца (где в то же время обретался, словно домашний пудель, лицедей Мнестер), или посещала Силия в его доме. Короче, если прежде палатинские палаты-хоромы превратились в блудилище, в к-ром Мессалиной устраивалось нечто вроде «голубых вечеров» т.н. эпохи Регентства (Франция 1715 – 23гг.), но с гораздо большей разнузданностью, то ныне она всё больше заикливалась на пленившем её Силии.

Клавдий же, и цензорствуя, продолжал делать вид, что не знает о положении дел в своём доме, продолжая одновременно, согласно Светонию, испытывать пылкую любовь к Мессалине (36) и прощая ей разврат, в к-ром не видел политической опасности. Кроме того, в 48г., он, в возрасте 57-и лет, впервые сделался дедом, так как его выданная годом раньше (после казни Помпея Магна) замуж за сводного брата Мессалины Фавста Корнелия Суллу дочь Антония родила сына, что, впрочем, тактичным, по слову Диона от Зонары (61,30,6а), со стороны кесаря образом, помпезно (в год цензората) отпраздновано (на староримский манер) не было.

Если сначала, как мы помним, Силий против воли пошёл на близость с Мессалиной, осознавая с какими рисками это связано (что понимал и Мнестер), то теперь он вошёл в раж, и, не видя иного выхода из ситуации, к-рая слишком далеко зашла, решил поставить на кон всё – или пан или пропал! Являясь, согласно Тациту, консулом-дезигнатом «на следующий срок» = на конец 48г.? либо, скорее, на 49г. (год его 33-летия)? он, не в меру (за отсутствием выхода) оборзев, как видно, вознамерился сразу прыгнуть из дезигнатов в кесари (мол, с консульством успеется)! и, потеряв терпение, поскольку неизмеримо трудно постоянно ходить по лезвию ножа, сам стал подвигать Мессалину к решительным действиям.

Сколько, дескать, этот спектакль может продолжаться?! негоже им дожидаться, пока не столь уж старый Клавдий (пусть мучающийся иногда сильными болями в желудке, из-за к-рых он подумывает о самоубийстве) окоцурится от старости (дождаться чего, вероятно, предлагала нетерпеливому Силию, у к-рого не выдержали нервы, Мессалина), что может быть чересчур долго и что чересчур рискованно. Ведь «доверчивость и беспечность» Клавдия в любой момент чреваты переменной в пользу аналогично присущего ему «неистовства во гневе» (Ан. 11,26).

Нет, ждать больше нельзя, нужно им с Мессалиной форменно бракосочетаться, после и в результате чего всё (как бы само собой) разрешится, т.е. совершится гос. переворот (странный способ переворота!), слабоумный и трусливый Клавдий (что, мол, не секрет и в чём все наглядно удостоверятся) добровольно отойдёт от дел? или уйдёт и из жизни? или его уйдут? Дальше Силий адаптирует-усыновит-удочерит детей Мессалины и прорегентствует вместе с ней на правах её супруга до совершеннолетия Британника.

Так или примерно так должны были выглядеть (мутные-смутные) силианские планы, нюансы-подробности к-рых неизвестны, и к-рые (или неведомые нам существенные моменты к-рых) виделись непонятными, виделись превосходящими всякое вероятие уже античным авторам, на чём недопонимающие интригу Тацит (11,27) и Светоний (29,3) делают (разводя руками) в своих рассказах специальный упор.

Ну и как, спрашивается, воспроизвести картину хотя бы в целом? как воссоздать реальность (какой бы гротескной она ни была) в её подлинности? По всей видимости, инициатива с бракосочетанием, исходившая от Силия, предполагала сыграть на суеврии Клавдия, обеспокоенного возмущённым ему кем-то заказным предсказанием-предзнаменованием смерти, дескать, уготованной (анонимному) супругу (анонимной) императрицы.

Не сказано ли у Светония: «...его (Клавдия) убедили, будто это нарочно разыграно, чтобы отвести и перевести на другого угрозу опасности, возмещённую ему какими-то знаменьями» (29,3). Более того, Светоний сообщает об этом, говоря, будто сам Клавдий, что, по Светонию, и превосходит всякое вероятие, был на свадьбе Силия и Мессалины в числе подписавших брачный договор свидетелей!!! Нет, такое, действительно, превосходит всё допустимое (= допустимый уровень клавдианского дебилизма), и не случайно никто из античных авторов, за исключением Светония, об участии Клавдия в-на свадьбе, как свидетеля, не заикается.

Но, с др. стороны, суеверного Клавдия вполне могли убедить допустить, удалившись в Остию, куда он и отправился по делам и для отдыха в начале октября 48г., мол, маскарадное-карнавальное бракосочетание Мессалины и Силия, чтобы отвести предзнаменательную угрозу для мужа императрицы от себя и подставить под неё (под покушение? или под удар молнии?) Силия, чем-де маскарад и закончится. Вот такую или приблизительно такую интерпретацию всего случившегося есть возможность (пусть с натяжкой) акцептировать-принять.

Согласно Тациту, Мессалина была не в восторге от силианской инициативы-затеи, небезосновательно подозревая, что, завладев властью, любовник охладет к ней, т.е. её больше всего волновало именно это, и всё-таки, следуя тацитовскому слову, мысль о браке с любовником при живом муже «привлекла её», кому нравилось попирать все нормы, при всех давно погранных нормах и побитых рекордах, «своей непомерною наглостью, в к-рой находят для себя последнее наслаждение растратившие всё остальное» (11,26).¹⁰⁸

И свадебный обряд был справлен-разыгран, как только Клавдий, естественно, не присутствуя на нём в амплуа свидетеля (по поводу чего любитель анекдотическо-гиперболических сплетен Светоний явно погибает) отбыл, играя свою роль, или думая, что играет свою роль в этом (отводящем от него, с переводом на Силия, удар) маскараде для инспекции и жертвоприношения в Остию.

В Остии (морские ворота Рима в 30-и км от Города), при Клавдии, как мы знаем, велись масштабные работы по расширению гавани, в свете решения проблемы бесперебойного подвоза зерна (из Египта, Африки, Сицилии) и сооружения новых закрмов. Помимо того, приближался праздник Виналий, притом не августовский (празднование – в день кончины Августа! – поспевшего винограда – 19.08., с к-рым обычно ассоциируются Виналии), но праздновавшийся «осенней порой» (Ан. 11,31) октябрьский (празднество нового виноградного сока Юпитеру – 11.10.), к-рый, возможно, и был связан с клавдианским жертвоприношением в Остии, параллельно чему развернулась мессалианско-силианско-дионисианская вакханалия в Риме.

Впрочем, до этого, в клавдианское отсутствие, молодожёны, с соблюдением обрядовости, как сказано, бракосочетались. По республиканскому римскому праву, расторжение брака (*divortium; sine manum*) допускалось по соглашению сторон и по свободному волеизъявлению (в царский период только мужа, а со времени «Закона XII-и таблиц» – Вв.) одного из супругов (за исключением нерасторжимых сакральных браков жрецов и жриц, где бракосочетательная конфарреация требовала разводной диффареации).¹⁰⁹

¹⁰⁸ Увы, рядом с Мессалиной не нашлось Н.Панина, к-рый нашёл возле Екатерины II, кто однажды решила было перестать менять фаворитов и выйти замуж за одного из них – графа Орлова, на что Панин (не менее) деликатно (чем убедительно) заметил, что императрица может позволить себе всё, но графиня Орлова не может царствовать.

¹⁰⁹ Если Дионисий Гал. (2,25) говорит о нерасторжимости (принятых в древности у патрициата и обязательных для высшего жречества) конфарреированных браков, то Плиний (14,89) и Плутарх («Нума» 3) оговаривают зависимость развода от различных причин-оснований, установленных Ромулом, в то время как согласно Плутарху в «Биографии Ромула» (22),

И Мессалина как бы развелась-разошлась, или во всяком случае, должна была (спектаклярно) разойтись-развестись с Клавдием, к-рый – то ли дал, то ли не дал ей (добро на мнимый) развод, для заключения брака с Сицием, поскольку никакой бигамии римское брачное право не знало. И независимо от того, насколько далеко зашло маскарадное шоу, ещё ни одна римлянка, будь то в истории царского, республиканского или императорского Рима, не поступала до такой степени нагло-дерзновенным образом: фактически, при живом муже-императоре, она официально вышла-выскочила замуж за своего любовника! Иначе говоря, актёры этого шоу (с соучастием в нём до какой-то черты полудурка Клавдия), к-рое они намеревались превратить в одностороннюю реальность, явно заигрались, начав переигрывать самих себя, и их маски приросли к их лицам!

Однако во время пока поженившиеся-бракосочетавшиеся любовники проводили в жарких объятиях первую «законную» брачную ночь, имея на своей (полузаговорщицкой) стороне из силовиков, как выясняется ниже по слову Тацита (11,35), префекта вигилов Декрия Кальпурниана, начальника школы императорских гладиаторов Сульпиция Руфа и, как, во всяком случае, новобрачным казалось, префекта преторианцев Лузия Гету (11,33), забеспокоились влиятельные императорские вольноотпущенники.

Они вовсе не беспокоились, когда объектом страсти Мессалины был лицедей Мнестер, к-рый не представлял никакой угрозы и благодаря к-рому императрицанимфоманка вроде бы перестала шастать ночами по борделям. Да и Сиция в ранге просто любовника опасаться было нечего, между тем как при регенте Силии, без Клавдия, влиянию властных либертов мог прийти конец. Не был ли Мессалиной в 47г. казнён один из них – Полибий, что стало предупреждением для остальных. И вот теперь самые влиятельные из вольноотпущенников – Каллист, Паллант, Нарцисс (с подачи последнего) – заёрзали всерьёз.

Каждый из них в создавшейся ситуации был не прочь устранить Мессалину и Сиция, правда, завидную-напористую активность проявил только Нарцисс, а двое других, скорее, дистанцировались (в созерцатели), будучи на его стороне, и, по крайней мере, не мешая ему, одновременно, без проявления каких-либо инициатив со своей стороны. Каллист, согласно Тациту, – из чрезмерной многоопытной осторожности; Паллант – из трусости.

Второе – не совсем верно. На 48г. Паллант уже сожительствовал с отравившей в 47г. своего богатого мужа Пассиена Криспа дочерью Германика Агриппиной. И ныне он дальновидно предоставил свободу рук и поле действия Нарциссу (не привлекая внимание к себе и к нелюбой Мессалине Агриппине), чтобы потом, если у Нарцисса всё получится, с выгодой для себя разыграть Агриппину и тем заполучить роль осторожного фаворита при новой императрице (к-рую большинство в Агриппине не провидели, так как римские законы запрещали браки между дядьями и племянницами). Буде же всё сорвётся, ибо речь идёт о деле более чем

безосновательные разводы влекли за собой имущественные штрафы. Первый же случай римского развода, как получается из Валерия Максима (2,9,2), имел место в (пуританистом) старом Риме аж в 308г. до н.э., что противоречит легенде о первом случае даже не ранее 231г., когда инициатор одного некто Сп.Карвилий Руга находчиво привёл в качестве уважительного основания для расторжения брака бесплодие жены (А.Геллий 4,3; 17,21).

А в дальнейшем – в позднереспубликанские и в кесарские времена, когда конфарреированные браки почти полностью вышли из употребления (не считая малое число обязательных – жреческо-сакральных браков), разводы среди римлян сделались настолько частыми, сплошь и рядом безосновательными и произвольными (эмансипация пресыщенного декадентного общества!), что Август, по Юлиевым законам, попытался их частично новоурегулировать-ограничить (Свет. «Авг.» 34).

рискованном, можно надеяться минимум остаться в стороне, не утратив позиций, или, в худшем случае, просто уцелеть (за счёт головы Нарцисса).

* * *

Так или иначе, Нарциссу (к-рому коллеги и конкуренты-либерты не препятствовали) пришлось действовать в одиночку. И он, первый евнух в истории Рима, от к-рого зависела судьба Рима, действовал (сродни некоторым энергичным евнухам в гаремах восточных владык) с максимальной решимостью. Покуда Мессалина, Силий и их беспечное окружение играли в свой маскарад и заигрались так, что, нельзя не повторить, их маски приросли к их лицам, Нарцисс задействовал в Остии, где Клавдий, по-прежнему, подвизался-задерживался, двух доверенных наложниц императора – пользовавшихся полным доверием стареющего бонвивана его ублажительниц – Кальпурнию и Клеопатру (Не напоминают ли они верных рабынь Клеопатры Египетской – Шармион и Ирас!)

И последние, вторя одна другой, подтверждая одна другую, открыли в интимной альковной обстановке дядюшке Клавдию (отнюдь не столько глаза на поведение Мессалины, о чём он не мог не знать, сколько) истинные мотивы бракосочетательных действий-замысла-поступков Мессалины и Силия по совершению несущего ему, кесарю, погибель гос. переворота. И тут же, куя железо, что называется, не отходя от кассы, в дело вмешался находившийся за дверью Нарцисс, на к-рого доверенные императорские наложницы доверенно сослались.

Не теряя времени, он начал умолять принцепса простить его за столь долгое молчание относительно измен и непотребств императрицы. Будто Клавдий о них ни сном, ни духом! Но ведь никто не хотел знать, что андерсеновский король голый до соответствующего вскрика-выкрика мальчика из толпы! Сейчас же время пришло и (подобный Кисе Воробьянинову мальчик-либерт) Нарцисс (кто скажет, что это девочка?) подал громкий голос.

Предполагаемый набор Нарциссовых аргументов: на повестке дня совсем не игра; предзнаменование – выдумка (ловушка для дурака); в реальности имеет место противоклавдианский заговор. Бракосочетание Силия и Мессалины произошло на глазах народа, сената и войска! ты, Клавдий, получил развод на полном серьёзе! здесь не до шуток, принцепс и Рим висят на волоске, необходимо действовать незамедлительно, промедление смерти подобно!

Затем Нарциссом были созваны влиятельные лица из окружения принцепса – сопровождавшие его в Остию префект по снабжению продовольствием престарелый аксакал Гай Турраний¹¹⁰ и начальник преторианцев Лузий Гета (11,31), к-рый, пусть считаясь ненадёжным сторонниками Клавдия (11,33), надо полагать, оказался ещё более ненадёжным для рассчитывавших на него Мессалины и Силия (уж не говоря о втором префекте претория Руфрии Криспине), хотя открытым текстом Тацит об этом не говорит.

¹¹⁰ Полагают, что в кадре может быть префект Египта в 7-4гг. до н.э., при Августе, всадник Г. Турраний, к-рый был продовольственным префектом annonaе в 14г. н.э., в начале правления Тиберия, уволенный в отставку через почти четверть века, в 90-летнем (!) возрасте (Сенека «Диалоги» 10,20,3), Калигулой, но оплакивавший себя как покойника столь долго, горько и безутешно, что Калигула (37-41гг.) восстановил его в должности, после чего он-де ещё в 48г., т.е. в ок. столетнем возрасте, заведовал снабжением (RE 7, A2, Turranius, S.1441/42). Теоретически не исключено, да и на момент отставки при Калигуле Турранию могло быть (если Сенека ошибается) не 90, а 80 лет. Но, б.м., речь должно вести, приложительно к 48г., об одноимённом сыне (или даже внуке) Туррания, что, согласитесь, выглядит и смотрится (не притязая на рекорд) как-то естественнее.

Из состава поимённо известных влиятельных нобилей, при принцессе в Остии обретались сопровождавшие его Л.Вителлий и (конс. 42г.) Цецина Ларг (11,34), позиция и двусмысленное поведение к-рых не являлись ни решающими, ни решительными. А разыгрывавший ранее сентиментального поклонника Мессалины (хамелеон) Вителлий, кто, напомним, носил за пазухой её туфельку и берёт во рту её слюну, лишь аффективно повторял: «Какая дерзость! Какое преступление!», не уточняя, что и кого он имеет в виду, и готовя тем самым пути отхода для себя при любом развитии событий, при любом раскладе, дабы и его, чем бы всё ни кончилось, ненароком не поимели в виду.

Тем временем, Нарцисс получил от впавшего в очередной приступ трусости Клавдия чрезвычайные полномочия (на один день) в чрезвычайных обстоятельствах! Евнух во главе (олицетворения мировых мужества и мужественности) Рима! И возглавил операцию по препровождению кесаря в лагерь преторианцев на Виминале, что Клавдию было знакомо по времени его прихода к власти в 41г. после гибели Калигулы (закончившись для него победой).

И случилось это, следует думать, именно 11.10.48г., так как дальше Тацит рассказывает об устроенном в то же время Мессалиной в Палатинском дворце, в винальном «осеннем пору», безбашенном представлении, «изображавшем сбор винограда, к-рый выжимали в давилнях. В чаны струилось сусло, и женщины, облачившись в звериные шкуры (свита Диониса – К.З.), тут же плясали и прыгали как приносящие жертвы и иступлённые вакханки; сама Мессалина с распущенными волосами, размахивая тирсом, и рядом с нею увитый плющом Силий, оба в котурнах, закидывали голову в такт распевавшему непристойные песни хору. Передают, что в порыве весёлости Веттий Валент (личный эскулап и один из бесчисленных хахалей императрицы – К.З.) взобрался на очень высокое дерево, и когда его спросили, что же он видит, ответил, что со стороны Остии надвигается страшная гроза: то ли в самом деле она там начиналась, то ли случайно сорвавшиеся с его языка слова стали вещими» (11,31).

Одним словом, в объективе дионисианская винальная вакханалия с выжиманием (Юпитеру) псевдоевхаристического виноградного сока, к-рый вот-вот обернётся эшафотом и кровью для его карнавально-маскарадных выжимателей! Они даром теряли время, думая, что дело на мази, или даже, что оно уже почти сделано, в то время как основа успеха любого переворота – всенеизбежно наступательная внезапность, решительные действия и, главное, неупущение инициативы.¹¹¹ При всём том, следует думать, что кто-то, какие-то силы не столько не выполнили своих предварительных обязательств по отношению к Мессалине и Силию, сколько не оправдали напрасно возлагавшихся (при ближе неясных обстоятельствах) Мессалиной и Силием на них надежд.

По всей вероятности, преторианцы (мощнейшая воинская сила в Риме, без поддержки к-рых при перевороте нельзя было обойтись), на одного из префектов к-рых, а точнее, на Л.Гету, или – на обоих? заговорщики надеялись, повели себя, вопреки их надеждам-расчётам-ожиданию, иначе, встав, – и Л.Гета, при Клавдии в Остии, и Р.Криспин в Риме, – на сторону Нарцисса, или войдя по ходу событий в соглашение с Нарциссом.¹¹²

¹¹¹ Горе тем, кто задумав, спланировав и начав гос. переворот, действует от обороны!

¹¹² И Л.Гета, и Р.Криспин, к-рый в 47г. взял под стражу в Байях и доставил в Рим Валерия Азиатика, за что получил денежную награду, были креатурами Мессалины, но остались префектами praetorio, несмотря на события 48г., проявив, стало быть, сохранившую им должности-посты лояльность к Клавдию, точнее, посодействовав Нарциссу (и не засветившись связью с заговорщиками). Их отставки добьётся в 51г. у Клавдия (в пользу Афрания Бурра) Агриппина, подозревая обоих в тайной приверженности Британнику перед Нероном, после

И это под его руководством-предводительством Клавдий в сопровождении свиты направился под охраной отряда преторианцев, к-рый, судя по нахождению при императоре Л.Геты, сопровождал его в Остию (тогда как большинство гвардейцев оставались в казармах под началом Руфрия Криспина), из Остии в Рим. Но направился не во дворец, а, как сказано, в преторианский лагерь, чтобы там и оттуда, где за ним главная воинская сила, (у)чинить суд-расправу над виновными и, так сказать, равномерно восстановиться у власти.

Со своей стороны, узнав о движении-приближении императора к Риму, Мессалина и Силий никаких реальных контрмер не предприняли: как оказалось, — им не на кого опереться, и, как выяснилось, — никакой силы за ними нет (что-то пошло не так; расчёт не оправдался; планы рухнули). Преторианцы не на их стороне, и, в сём случае, ни вигилы, к-рым не по плечу тягаться с гвардией, ни гладиаторы императорской школы, у предводителя к-рых они тоже, как и у командира вигилов, вроде бы заручились предварительной поддержкой (11,35), их, разумеется, не поддержат (не смогут, не в силах поддержать).

И вот, поняв, наконец, что дело табак, Мессалина удалилась в знаменитые Лукулловы сады изведённого ею в прошлом году ради завладения ими Валерия Азиатика, а Силий, выказывая в безнадежном положении последнюю храбрость, подался на Форум, — «чтобы показать, что ничего не боится» (11,32). Их сторонники разбежались, но прибывшие, по Нарциссову приказу, центурионы захватили, кого на улицах, кого в потаённых убежищах, и заковали пойманных в цепи. Сим угроза не успевшего начаться, если не считать акт бракосочетания венценосной блудницы и её фаворита, т.н. переворота была ликвидирована.

Только Мессалине сдаваться так просто не хотелось и она, всё ещё делая ставку на пылкое чувство к ней Клавдия (мол, увидит, меня, обнимет, расцелует, растает и всё простит!), решила побороться, во-первых, торопясь навстречу мужу сама, во-вторых, распорядившись, чтобы её дети, 7-летний Британик и 8-летняя Октавия, «также поспешили в объятия отца», и в-третьих, упробив старшую весталку «Вибидию добиться беседы с великим понтификом (Клавдием) и склонить его к снисходительности» (11,32). *Вавилонская блудница* и *Virgo Vestalis Maxima* в одной упряжке!

Мессалине удалось выйти навстречу Клавдию за пределы Рима, по дороге в Остию, вернее, из Остии, по к-рой (мало пригодный к верховой езде) Клавдий приближался к городу, видимо, в носилках (паланкин)? или в крытом возке? в сопровождении Вителлия и Цецины Ларга, от к-рых, осторожных нобилей из ближнего круга приимператорских сенаторов, Нарцисс в дороге всё не мог добиться недвусмысленной позиции и оценки происходящего.

Зато он сумел не допустить беседы Клавдия и Мессалины один на один, с глазу на глаз, невзирая на её мольбы, точнее, сумел, потому что, на сей раз, Клавдий так захотел: захотел-пожелал не слушать её наедине, предпочтя внимать оглушительным-обвинительным словам Нарцисса про Силия, про преступную свадьбу; захотел ознакомиться с представленным ему Нарциссом наверняка очень длинным и внушительным списком-перечнем любовников и любовных связей своей жены, время для ознакомления с к-рым (в конце концов) настало. Таким образом, император *прозревал* в прямом и в переносном смыслах на ходу и на глазах, возжелав, наконец, принуждённый к тому обстоятельствами, спасительно для себя (и, само собой, для всего римского народа вкупе со всей вселенной) *прозреть!*

чего Гета отправится наместничать в Египет (до минимум 54г.), а Криспин, кто, к слову, был женат на Поппее Сабине, к-рая ушла от него к Отону (чтобы потом уйти от Отона к Нерону), будет в 65г. обвинён в соучастии в заговоре Пизона, сослан и покончит в ссылке принудительным самоубийством (66г.).

Не состоялась на въезде в Рим и его встреча с детьми, к-рых Нарцисс заблаговременно распорядился удалить (чтобы встреча с ними, вдруг, не растопила сердце папаши в пользу мамыши). Лишь встречу с весталкой Вибидией предотвратить не получилось, однако и её непреклонный вольноотпущенник успокоил, заверив, что «принцепс непременно выслушает жену и она будет иметь возможность очиститься от возводимого на неё обвинения; а пока пусть благочестивая дева возвращается к отправлению своих обязанностей» (11,34).

Дальше дороге в столь желанный для Нарцисса лагерь преторианцев ничего не препятствовало и Клавдий благополучно, притом перед тем предусмотрительно доставленный-завезённый Нарциссом, дабы простимулировать его состояние-умонастроение, в дом Силия, где императора потрясло перекочевавшее к последнему наследственное достояние Неронов и Друзов, туда прибыл. Судьба же всего дела по сути была решена ещё когда он отказался в дороге допустить пред свои светлые очи Мессалину для беседы тэт-а-тэт, дав тем самым понять, что прежние выкрутасы не пройдут и что пощады ей ждать больше неоткуда. Увы, она, пусть мать его детей, пусть (некогда) пылко любимая им (наивным супругом) изменщица, в этот раз прошла-перешла всякую точку невозврата и потеряла всякое право и всякую надежду на снисхождение.

Согласно инкриминирующему Клавдию не один случай проявления позорной трусости Светонию, — он «в жалком трепете бежал в лагерь, всю дорогу только и спрашивая, крепка ли ещё его власть» (36). По Светонию, и в дни мятежа Камилла Скрибониана (42г.), к-рый в полном надменных угроз письме требовал от Клавдия оставить верховную власть и удалиться в частную жизнь, тот, «созвав первых лиц в государстве, стал делиться с ними сомнениями, не послушаться ли ему Камилла. А ложный слух о каком-то заговоре привёл его в такой ужас, что он и впрямь попытался отречься от власти» (35/36) (см. выше).

Отсюда более понятно, на что могли рассчитывать, хорошо зная Клавдия, Силий и Мессалина. Этот идиот не был, как сказано, рождён для верховной власти, к-рая сама нашла его прятавшегося за занавеской, извлекла оттуда и посадила (как сына Друза, брата Германика) руками преторианцев на трон (за неимением лучшего), при весьма комичных обстоятельствах. И недалёким любовником-новобрачным казалось, что поставленный перед столь очевидным фактом, перед видом законно бракосочетавшихся императрицы Мессалины и отныне регента Силия (без пяти минут принцепса), Клавдий сам драпанёт от власти, в чём ему можно будет помочь.

Или, если не удастся отстранить венценосца мирно, то, как говорится, — нельзя приготовить омлет, не разбив яиц: придётся тогда болезному дядюшке Клавдию самоубийственно умереть от чего-то типа апоплексического удара в висок.¹¹³ Ан — не вышло, не выгорело, и не могло у этих ряженных горе-заговорщиков, к-рых и заговорщиками серьёзно назвать нельзя, выгореть.

¹¹³ «Нельзя приготовить омлет, не разбив нескольких яиц» — слова инициатора массового террора в рев. Франции 1793/94гг. Робеспьера, к-рые произнёс в 1801г. один из главных заговорщиков против Павла I граф П.Пален (петербургский генерал-губернатор и глава тайной полиции), в ответ на вопрос другого заговорщика, — что они станут делать, если Павел не подпишет отречение? как заговорщики планировали, и на что, т.е. именно на отречение, (вроде бы) дал молчаливое согласие (не сказав перевороту ни да, ни нет) цесаревич Александр (к-рого затем мысль о его соучастии в отцеубийстве гнобила всю жизнь).

Причём весь XIXв. официальная романовская версия упорно твердила (блюда гос. престиж династии) о Павловой кончине от апоплексического удара, к чему неофициально обычно с салонной иронией прибавлялось — «в висок», куда Павел (как полагают), действительно, получил удар табакеркой, задушенный после этого шарфом. Интересно отметить, что когда заговорщики ночью ворвались в его покои, они нашли императора спрятавшимся за занавеской.

КАЗНИ МЕССАЛИАНЦЕВ

Следовательно, в преторианский лагерь прибыл уже распалённый гневом и раздражающийся угрозами, во-первых, благодаря заботам позаботившегося о том Нарцисса, во-вторых, или правильнее сказать, во-первых, почувствовав себя в лагере, в окружении зычно приветствующих его преторианцев, много увереннее, Клавдий. Он был очень щедр к посадившей его на трон гвардии и гвардия, видя в нём своего (коварно обманутого блудницей-женой и её авантюрным любовником) императора, не желала кого-либо другого, выказывая готовность порвать на куски его врагов. Неспроста всю дорогу молчавший кесарь именно после посещения дома Силия начал храбриться и именно в преторианском лагере дал, вконец осмелев, волю своему августейшему гневу. Распетушился!

Тацит: «После этого распалённого гневом и разразившегося угрозами Клавдия он (Нарцисс) увлекает в лагерь, где воины уже были выведены на сходку; тут, после предварительного обращения к ним Нарцисса, принцепс произнёс всего несколько слов, ибо стыд помешал ему высказать своё справедливое негодование. Когорты ответили на его выступление долго не смолкавшими криками, требуя назвать имена виновных и подвергнуть их наказанию; приведённый пред трибунал Силий не пытался ни оправдываться, ни оттянуть вынесение приговора: больше того, он попросил, чтобы ему ускорили смерть. Такую же твёрдость проявили и знатные римские всадники. И Клавдий повелел предать казни приставленного Силием к Мессалине в качестве стража и предлагавшего дать показания Тития Прокула, признавшегося в прелюбодеянии с Мессалиной Веттия Валента и знавших о его виновности Помпея Урбика и Савфея Трога. Той же каре подверглись префект пожарной стражи Декрий Кальпурниан, начальник императорской гладиаторской школы Сульпиций Руф и сенатор Юнк Вергилиан» (11,35).

Принцепс кокетливо покрылся краской стыда, но понял, имея как за спиной, так и защитно перед собой Нарцисса, что он, Клавдий, может (всё ещё облакая цензорат) приступить к (своему любимому судейству и) решительной расправе. К сожалению, о большинстве из перечисляемых Тацитом деликвентов, преданных казни, мало что известно. Перечисление есть также в издательском помфлете «Отыквление бож. Клавдия» у Сенеки, где, в т.ч., казнённые Клавдием персоны во главе с Силием, торжественно встречают его в преисподней (13).

веской (как Клавдий! кого, однако, вытащив из-за портьеры-укрытия, не убили, но, наоборот, провозгласили императором!).

Отказался ли Павел подписать отречение в пользу своего старшего сына Александра? или был убит, несмотря на поставленную подпись? — остаётся загадкой. Во всяком случае, как говорят, когда Александру сообщили о (внезапной) кончине родителя (от инсульта), на что он в сердцах воскликнул: «Да вы с ума сошли! — я никогда не хотел этого!», из уст именно графа Палена (вскоре сосланного) цинично-иронично прозвучало: «Да будет Вам, Ваше Величество, ступайте-ка царствовать». А в 1825г., после смерти (или становления старцем Фёдором Кузьмичом) Александра, его мл. брат, великий князь Константин (к-рого их бабка Екатерина II, нарекла Константином, прочила в византийские императоры в Константинополе), подвизаясь «царём Польским» и находясь в Варшаве, категорически отказался наследовать корону в пользу третьего из братьев — Николая, по неподтверждённым сведениям, с тихо обращёнными к своему ближнему кругу словами: «Я не хочу, чтобы меня, как отца, задушили шарфом». Редкий в истории случай нежелания порфирородных братьев царствовать! Если тяжела уже *шапка Мономаха*, то императорская корона *Медного всадника* тяжела втрое!

То-то известный большевистский виршеплёт и баснюк Д.Бедный (кто считал своим предшественником дедушку Крылова, чувствуя его словами: «Скотов, к-рых ты гонял на водопой, / Я отправлял на живодёрню»), написал после революции (с позволения сказать) стих, выбитый на постаменте ещё не низвергнутого памятника Александру III (Московский вокзал в Петербурге): «Мой сын и мой отец при жизни казнены, / А я пожал удел бессмертного бесславия, / Стою здесь пугалом чугунным для страны, / Навеки сбросившей ярмо самодержавия».

Силий фигурировал в Нарциссовом карательном списке-перечне, естественно, первым и повёл себя достаточно мужественно, умея достойнее умереть, чем жил: игра вчистую проиграна, тянуть незачем и, значит, надо поскорее подставиться под меч палача. Всё, по иронии судьбы, случилось, сообразно одному из актов его и Мессалины подсунутого Клавдию сценария, к-рый, т.е. пресловутый сценарий пресловутого гос. переворота, (якобы) подставлял Силия в качестве предзнаменованательно обречённого «мужа императрицы» под удар вместо Клавдия. И натурально подставил – не вместо! Кто же, спрашивается, так перевороты планирует-устраивает-осуществляет?!

Победа Нарцисса, кому в решимости и умении не откажешь, тем не менее, свидетельствует не столько о его достоинствах, сколько о неполноценности (иначе не скажешь!) его противников. Если отцу Силия Гаю (Д.И. 660-62), статуя к-рого сын, несмотря на постановление сената от 24г. об уничтожении изображений «врага народа», держал в доме, довелось, предупреждая руки палача, покончить самоубийством, то сыну избежать встречи с палачом не удалось: выбора у него не было, вернее, он сам себя его лишил, сам себе его не оставил.¹¹⁴

Титий Прокул ходил в стражниках-камергергах (custo) при Мессалине, приставленный к ней, по Тациту, Силием, и ныне тшился дать показание, вероятно, не числясь среди её любовников, думая как-то оправдаться и надеясь на какое-то снисхождение. Но, насколько явствует из Тацита, слушать его никто не стал, да и не собирался, соответственно чему, под снисхождение он не попал.

Потом настал черёд Веттия Валента, к-рый упоминается у Тацита выше, в эпатажной тираде Нарцисса перед подготовленным к ней Кальпурнией и Клеопатрой Клавдием в Остии, где Нарцисс умоляет «принцепса простить его за молчание в прошлом, за то, что он скрывал любовные связи его жены с Веттиями и Плавтиями» (11,30). Этот Веттий – небезызвестный в своё время медик, был, сродни Скрибонию Ларгу (см. выше), учеником Апуллея Цельса (Larg. 94), по Плинию (29,8; 20), – основателем медицинской школы. Как признанный авторитет в медицине, он стяжал право быть личным врачом Мессалины, превысил, что называется, полномочия, сделавшись одним из её любовников, теперь признался в прелюбодеянии (надеясь ли на милость?) и был казнён. Вслед за ним та же участь постигла, сооб-

¹¹⁴ Ювенал: «..... Что же

Ты посоветовать мог тому, кого хочет супруга
Цезаря взять в мужа? Он всех лучше, всех он красивей,
Родом патриций, – и вот влечётся несчастный на гибель
Ради очей Мессалины: она уж сидит в покрывале,
Будто невеста: в саду у всех на глазах постилают
Ложе тирийским бельём, по обряду в приданое будет
Выдан мильон, и придут и жрец, и свидетели брака...
Думаешь, это секрет, и доверено это немногим?
Хочет она по закону венчаться. Ну, что же тут делать?
В повиновенье откажешь – придётся погибнуть до ночи;
На преступленье пойдёшь – ты получишь отсрочку, покуда
Дело известное всем, до ушей не достигнет владыки;
Он о позоре своём домашнем узнает последним.
Ну, а тем временем ты подчиняйся, раз столько стоят
Несколько дней. Что бы ты ни считал легчайшим и лучшим, –
Нужно подставить под меч свою нежную белую шею.» (4,10,330-45)

Обращает на себя внимание, что Ювенал, отлично от приоритетного Тацита, приписывает инициативу бракосочетания целиком и полностью *демониче* Мессалине. По поводу же патрициата Силия, скорей всего, оный был предоставлен Августом, по закону Саения, ещё его деду – дружному Августу П.Силию Нерве (конс. 20г. до н.э.)

разно Тациту, знавших о его виновности, в чём, по всему, и состояла их вина (т.е. в недонесении), Помпея Урбика и Савфея Трога.

М.б., Помпей Урбик идентичен Помпею Педону, к-рый наличествует у Сенеки как обвинитель (казнившего его друга) Клавдия, в числе, в общей сложности, не только по делу Мессалины, 30-и сенаторов, 200 всадников и 221 простых граждан, в аду, называя Клавдия «убийцей друзей» (Арос. 14,2). Однако, с др. стороны, Помпей Педон был сенатором и консуляром, в то время как Тацит ведёт здесь речь о всадниках, всадничество к-рых, не называя между казнёнными Урбика, оговаривает, представляя-перечисляя клавдианскую свиту в загробье, Сенека (13).

О префекте *vigilum* Декрии Кальпурниане и начальнике императорской гладиаторской школы – прокураторе *ludi* – Сульпиции Руфе, к-рые тоже подверглись смертной экзекуции, сказано выше. Повторим, видимо, они оба, имевшие под началом вооружённых вигиллов и гладиаторов, открыто стояли на стороне Мессалины и Силия, так и не выступив из-за позиции преторианцев, надежды заговорщиков на к-рых не оправдались, но к-рым ни вигилы, ни гладиаторы, ни городские когорты (про к-рые античные источники в данной связи молчат)¹¹⁵ противостоят были не в силах.

Сенатор Юнк (или Юний) Вергилиан, упоминаемый Сенекой как *Iuncus praetorius* (13,4), т.е. достигший преторского ранга и, стало быть, не успевший облечь консульство, был, надо понимать, казнён не за что иное как за прелюбодеяние с Мессалиной и соучастие в заговоре.

После них пришла очередь лицедея Мнестера и, как говорит Тацит, лишь с ним «возникла задержка» (11,36). Ох неспроста он поначалу отбрыкивался от домогательств Мессалины и сейчас не преминул, взывая к Цезарю, напомнить, что выполнял его повеление неукоснительно повиноваться императрице во всё. Если прочих соблазняли её щедроты или надежда возвыситься, то он прелюбодействовал поневоле, не могучи не повиноваться приказу сверху. Мессалина обращалась с ним как с собственностью, давала ему плетей, на следы от к-рых он, разорвав одежду, призывал взглянуть Цезаря и прочих, держала его при себе почти на привязи (как декоративную собачонку). И Клавдий, вряд ли осознавая собственную карикатурность, заколебался и уже начал склоняться к помилованию лицедея. Но, продолжает Тацит, «был удержан от этого вольноотпущенниками».

Как видим, приимператорские либерты уже во множ. числе. Т.е. стоило Нарциссу взять верх и они вновь появились, повылезав из нор, возле Клавдия: по всему, – и Каллист, и Паллант и др. (гос. сволочь), к-рые убедили императора в том, что «истребив стольких именитых мужей, незачем жалеть какого-то лицедея; совершал ли он столь тяжкое преступление по своей воле или по принуждению – несущественно». Лес рубят – щепки летят. Да и нельзя этого Мнестера – живое свидетельство кесарской посмешищности, оставлять в живых. И несчастного актёра, согласно Сенеке, «Клавдий благолепия ради, укоротил на голову» (13). Можно было бы, в проекции на современное кино, сказать: «ничего личного». Увы, ни на что, в отличие от Силия, не зарившемуся Мнестеру, просто крупно не повезло оказаться любовником императрицы и попасть под горячую государственную руку массовой расправы над её любовниками. Он стал жертвой пресловутого гос. резона.

¹¹⁵ С 42 по 56гг. префектом *Urbi*, под началом к-рого состояли городские когорты, был Л.Волусий Сатурнин (конс.-суф. 3г. н.э.), сын одноимённого консула-суф. 12г. до н.э. и легата Сирии в 7-12гг. н.э., родившийся ок.38г. до н.э., т.е. на 48г. н.э. ему было ок.85-и лет. Он отличался лояльностью ко всем кесарям, успев послужить всем Юлиам-Клавдиям – от Августа до Нерона, и умер в должности 93-х лет отроду, пережив всех сенаторов времён своего консульства. На него и его когорты Силий и Мессалина, без сомнения, не могли рассчитывать.

Не сумел избежать эшафота и молодой римский всадник С.Травл Монтан, судя по жентильному номену, корнями из Этрурии. Это был, как сообщает Тацит, юноша скромного поведения и замечательной красоты, к-рого привели к Мессалине по её повелению, и к-рого она в ту же ночь (почему? — остаётся догадываться) прогнала от себя, по Тациту, «не зная удержу ни в любовной страсти, ни в отвращении!» (11,36). Во всех случаях, явная подневольность поведения Монтана его перед скорострельным судом почти рев. трибунала не оправдала, не спасла. Пришлось и ему укоротиться на голову.

Смерти избегли только двое, по всей вероятности, отправленные в ссылку — «Суиллий Цезонин и Плавтий Латеран — последний благодаря выдающимся заслугам своего дяди со стороны отца, тогда как Цезонина защитила его собственная порочность, ибо на этих омерзительных сборищах он, словно женщина, предоставил своё тело чужой похоти» (11,36).

Плавтий Латеран (поминаемый вместе с Веттием, как «Веттии и Плавтии», Нарциссом среди т.н. безобидных любовников Мессалины) приходился сыном консулу-орд. 36г. Кв.Плавтию и племянником герою Британии А.Плавтию (конс.-суф. 29г.), к-рый сделался в 43г. первым британско-кесарским легатом, успешно покорил часть острова и возвратившись ещё в 47г., вступил в Рим, по инициативе Клавдия, с овацией. У Светония читаем: «Авлу Плавтию он назначил даже овацию, а когда тот вступил в Рим, то он вышел ему навстречу и сопровождал на Капитолий и с Капитолия, шагая по левую руку от него» (Кл. 24,3) (Ан.13,32; Дион 61,30,2; Евтропий 7,13).

Так вот эта недавняя овация бывшего в клавдианской фаворе дяди ныне спасла жизнь незадачливому племяннику. Его исключили из сената и выслали из столицы, куда — и в столицу, и в сенат — он вернётся в 55г., при Нероне, чтобы спустя 10 лет быть обвинённым в участии в заговоре Пизона и, всё-таки, претерпеть мучительную казнь. И это именно его дворец, подаренный впоследствии Константином Римской церкви, дал название высшаемуся на его месте сегодня Латеранскому дворцу.

Что касается Суиллия Цезонина, то речь идёт об одном из сыновей скандального делатора Суиллия Руфа, к-рый в 47г., по заказу Мессалины, погубил Валерия Азиатика. И как выясняется, Цезонина (отец к-рого находился в родстве с женой Калигулы Цезонией) спасла от казни его же порочность, т.е. он не совершал прелюбодеяния с Мессалиной, являясь не то трансвеститом, не то бисексуалом, не то «голубым», и подставляя на её «голубых вечерах» (групповуха), по стыдливому слову Тацита, словно женщина, своё тело чужой похоти. Иначе говоря, доказанное несовокупление с блудливой императрицей спасло этого «честного куртизана» от смертного приговора, заменённого ему ссылкой.¹¹⁶

КАЗНЬ МЕССАЛИНЫ

Следующей, после казнённых и сосланных мужей и полумужей, предстояло умереть Мессалине. Впрочем, её волочь в преторианский лагерь, судить и казнить здесь никто не намеревался. Нарцисс категорически решил не дать ей как-нибудь пересечься с Клавдием.

¹¹⁶ Ещё у Сенеки (Арос.13) называются среди казнённых Нарциссом по мессалианско-силианскому делу: некий М.Гельвий — однозначно не М.Гельвий, поднятый в 48г. в патрициат; некий Котта, к-рого не пристало путать с Коттой Мессалином (конс. 20г.), к данному скандалу несопричастным; и некто Фабий, к-рый, сопринадлежащий ли к gens Fabia (?), ближе неизвестен.

«Между тем Мессалина, удалившись в сады Лукулла, не оставляла попыток спасти свою жизнь и сочиняла слёзные мольбы, питая некоторую надежду и порою впадая в бешенство, — столько в ней было надменности даже в грозных для неё обстоятельствах. И не поспеши Нарцисс разделаться с нею, она обратила бы гибель на голову своего обвинителя. Ибо, воротившись к себе и придя от обильной трапезы в благодушное настроение, Клавдий, разгорячённый вином, велит передать несчастной (как утверждают, он употребил именно это слово), чтобы она явилась на следующий день представить свои оправдания. Услышав это и поняв, что гнев принцепса остывает, что в нём пробуждается прежняя страсть и что в случае промедления следует опасаться наступающей ночи и воспоминаний о брачном ложе, Нарцисс торопливо покидает пиршественный покой и отдаёт приказание находившимся во дворце центурионам и трибуну не медля умертвить Мессалину: таково повеление императора. В качестве распорядителя и свидетеля её умерщвления к ним приставляется вольноотпущенник Эвод. Отправившись тотчас в сады Лукулла, он застаёт Мессалину распостёртую на земле и рядом с ней её мать Лепиду, к-рая, не лая с дочерью, пока та была в силе, прониклась к ней состраданием, когда она оказалась на краю гибели, и теперь уговаривала её не дожидаться прибытия палача: жизнь её кончена и ей ничего не остаётся, как избрать для себя благопристойную смерть. Но в душе, извращённой лубоострастием, не осталось ничего благородного. Не было конца слезам и бесплодным жалобам, как вдруг вновь прибывшие распахнули ворота и перед нею предстали безмолвный трибун и осыпавший её площадными ругательствами вольноотпущенник...» (11,37)

Засим, по Тациту, произведя суд и расправу, упокоенный Клавдий воротился к себе, в Палатинский дворец, впал в благодушное настроение от (большой охотник пображничать) обильной трапезы, разгорячился вином, смягчился и велел передать «несчастной» Мессалине, чтобы она явилась на другой день для представления оправданий. У Нарцисса не было в намерениях оставлять её в живых по любому, поскольку сохранение ей жизни означало его вполне обозримый конец.

Если она выживет, то сумеет снова завладеть и сердцем, и причинными местами Клавдия, в русле чего едва не погубившему её Нарциссу, раньше или позднее, а скорей всего, без отсрочек, несдобровать. Значит, необходимо её догубить без промедлений. И сделанный Клавдием вечерний экивок стал для делового либерта сигналом к действию.

Возникает вопрос: не подвигнул ли его к этому сам Клавдий, к-рый отложил разбирательство с Мессалиной на другой день, столь выразительно не затребовав её к себе тотчас? Или смертельно уставший от всего навалившегося на него тютя хотел сначала выспаться, отдохнуть? Пожалуй, вряд ли. С Мессалиной всё было кончено, но ему хотелось, чтобы она умерла как-нибудь помимо него, как-нибудь не по его прямому велению.

Нарцисс (не дурак) так и сделал. Покинув пиршественный покой, он отдал центурионам и трибуну, придав им ещё доверенного вольноотпущенника, приказ умертвить Мессалину от имени императора, по приказу императора, к-рый сам такого приказа (прямым текстом) не отдавал (или, если быть до конца точным, — недоотдал). Мессалина же, не сумев добиться перед тем аудиенции у возвращавшегося в Рим Клавдия, к-рый не вылез из возка или паланкина, и к к-рому её не допустили, снова вернулась в роскошные сады Лукулла. И именно этим садам, преступно доставшимся ей полтора года назад, не случайно теперь надлежало выйти ей боком — стать местом её гибели.

В несчастье падшую экс-императрицу все покинули, за исключением её матери — Домиции Лепиды, кто, как говорит Тацит, не ладила с дочерью, пока та была в

силе, проникшись состраданием к ней сейчас. Оно и не мудрено. Ведь именно дочь отняла у матери в 41г. новоиспечённого супруга Аппия Силана, к-рого, не сумев затащить в койку, она, напару как раз с закадычным тогда другом Нарциссом, посредством заказного сновидения, оклеветала перед Клавдием и лишила жизни. Кроме того, будучи сама развратной матроной, Лепида, в отличие от дочери, всё-таки, знала меру и не одобряла художеств потерявшей всякий стыд Мессалины.

А ныне мать сострадательно уговаривала дочь покончить с собой до прибытия палача. Но Мессалина слишком любила жизнь, цепляясь за неё всеми силами, всё ещё надеясь самооправдательно запудрить мозги Клавдию при личной встрече с ним, и не могучи ни на что иное решиться. В свои всего 24 года или в 25 лет она, не успев состариться, успела стать как старой, со стажем и с огромным послужным списком, распутницей, так и старой, причём кровожадной, когда того требовали её непомерные инстинкты и аппетиты, интриганкой. Она перешла-пересекла все последние черты и сбросила все фиговые листки.

Её звезда (порнозвезды) ослепительно взошла в 41г. и сексапильно прополыхала 7 лет, чтобы, так и не сменив орбиту, что не по силам астралу, но по силам нашедшей точку опоры человеческой индивидуальности, смрадно сгореть. Ещё более безбашенной, чем дочери Августа Юлии, ей удалось как побить все мыслимые и немыслимые рекорды распутства в Риме прошлого, настоящего, будущего, так и занять одно из первых мест, если не первое место, среди венценосных блудниц всех времён и народов.

Во всяком случае, ни одно другое имя не сделалось настолько нарицательным для обозначения максимальной степени падения коронованной блудницы, как её. И действительно, в её лице новый Вавилон – языческий Рим времени *кесарева безумия*, в эпоху противостоявшего этому безумию Таинства Голгофы, узнал и познал именно (предварительную) *вавилонскую блудницу* (одна из предтеч *блудницы* апокалиптической) во плоти и по духу.

Только вот взлёты такого рода мимолётны, и за недолгим мнимым полётом на крыльях Люцифера неизменно следует сокрушительное падение в очень вонючие смертные объятия Аримана. Мессалине ещё не исполнилось даже 25-и лет, а смерть уже пришла за ней в облике снаряжённых по её душу евнухом Нарциссом молчаливых исполнителей – центуриона с трибуном, и свидетеля-распорядителя всего экзекуционного дела – вольноотпущенника, к-рый, что обычно для лиц холуйского звания («сущих псов иногда»), ранее, вероятно, всячески лебезивший перед ней, ныне крыл её площадным матом. Кстати, не исключено, что этот Эвод идентичен одноимённому тиберианскому либерту, к-рый фигурирует у Флавия (18,6,8/9) в сцене приказа угасающего в 37г. Тиберия Эводу привести к нему сонаследников – Калигулу и Гемелла (когда в явлении первым Гая преданный учению о предзнаменованиях император увидел знак судьбы).

Поняв, что конец неотвратим, Мессалина схватила кинжал. Впрочем, отправив на тот свет довольно многих, сама она убивать не умела, тем более, не умея убить себя, отчего беспомощно прикладывала клинок то к горлу, то к груди, не решаясь нанести удар. И тогда трибун, хладнокровно делая своё дело, пронзил её ударом меча. Тело палачи отдали для погребения матери убитой (Ан. 11,38). Так, во второй декаде, до середины октября 48г. н.э., невиданная по своим скандальным масштабам эпопея Валерии Мессалины в истории Древнего Рима завершилась.

Клавдий же, когда ему сообщили о смерти матери его детей, не вдаваясь в подробности (или опустив их для ясности) о том, была ли она добровольно-самоубийственной или насильственной, продолжил пирашествовать (упиваться и обжираться). И он не спросил ни о чём, узнав всё, что (и не более того) хотел знать, с одной стороны, не отдавая распоряжение о казни, напротив, вроде бы велел несчастной

предстать пред ним на следующий день, а с другой, и не подумав ни узнать детали, ни кого-либо за случившееся (как бы не по его воле-велению) наказать.

Нет, согласно Тациту, уведомленный о произошедшем, он «потребовал чашу с вином и ни в чём не отклонился от застольных обычаев». Ох неспроста он говорил, что притворялся при Калигуле дураком, чтобы выжить. И ох неспроста ему в анонимной сатире «Вознесение дураков» (не называя имён) возразили, что притворных глупцов не бывает. Бывает, ещё как бывает! И Клавдий — наглядный тому пример. Он и был дебилом и умел дебилом, когда того требовали обстоятельства, мастерски прикинуться.

Тацит: «...Да и в последовавшие дни он не выказал ни малейших признаков радости, ненависти, гнева, печали, наконец, какого-либо иного из движений души человеческой, ни при виде ликующих обвинителей, ни глядя на подавленных горем детей. Забыть Мессалину помог ему и сенат, постановивший убрать её имя и её статуи из всех общественных мест и частных домов. Нарциссу были определены квесторские знаки отличия — весьма незначительная награда сравнительно с его упованиями — ведь в этом деле он превзошёл своими заслугами Палланта и Каллиста» (11,38). От себя добавим-повторим: не без злой иронии судьбы через 6 лет, в октябре 54г., со смертью Клавдия, сказочно богатого Нарцисса, инициативой Агриппины, казнят, пусть не за казнь Мессалины, именно на её могиле (см. выше и ниже).¹¹⁷

У Светония в его ярких саркастических штрихах к клавдианскому портрету всё выглядит гротескнее: «...людей удивляла его забывчивость и бездумность — то, что греки называют *рассеянностью и незрячестью*. Так, после убийства Мессалины, садясь за стол, он спросил, почему же не приходит императрица? И многих других, приговорённых к казни, он на следующий же день звал на совет или на игру в кости, а так как они не являлись, то обзывал их через посланных сонливцами» (39,1).

Родиться задержанным в развитии, потом стать, под насмешки окружающих, к-рые стыдятся тебя, передержанным! Отчасти быть дураком, отчасти быть вынужденным таковым, т.е. шутком гороховым, притворяться, чтобы выжить! И вдруг оказаться на самой вершине пирамиды, не избавившись ни от одного из своих врождённых и накопленных комплексов, всё время привыкать к короне и осваиваться в условиях закона джунглей на троне! Попробуй не рехнись, попробуй удержи крышу! А если ты и без того степанутый, то и подавно!

Он дистанцировался от казни Мессалины самолично, предпочтя остаться как бы с чистой совестью, частично и вправду являясь шлангом гофрированным, а частично таковым, как сказано, по нужде и обстоятельствам, прикидываясь. Он жил то в реальном, то в параллельном абстрактном мире. Он вроде и знал, что ни Мессалины, ни прочих казнённых нет и не может быть в живых, а вроде и забывал, потому что не хотел постоянно помнить об этом, предпочитая и без того присущие ему (от рождения) *рассеянность и незрячесть*, к-рые значительно облегчали жизнь, к-рые очень даже позволяли приглашать убиенных к обеду или на игру в кости. Разве так не удобней играть (по завещанию самого Августа) комедию жизни!

И дальше предана проклятию памяти — *damnatio memoriae* — Мессалина, мать его детей, была по решению не его, а постановившего забыть о ней сената. Он, кесарь, цензор, завоеватель Британии, покоритель Мавритании, многократный император и т.д. и т.п. здесь опять (как бы) не при делах. И, всего-навсего, квесторские

¹¹⁷ Ювенал: Значит тебе никогда ни Креза сокровищ не хватит,
Ни достоянья персидских царей, ни богатства Нарцисса,
Коему Клавдий уж так потакал и так подчинялся,
Всем приказаньям его, что убил и жену Мессалину. («Сатиры» 4,14,328-31)

инсигнии (*ornamenta questoria*) либерту Нарциссу в награду за содеянное тоже определил сенат. Хватит с него, с евнуха-вольнотпущенника, и этой (уж не говоря о более высоких) предусмотренной для мужей награды. Слишком не столько славным, сколько позорным было всё свершившееся вкуче, чтобы кого-либо, тем паче, евнуха-либерта, к-рый не должен прыгать выше головы, чересчур отличать-награждать. Пусть довольствуется своим серо-кардинальским влиянием и крезовским богатством.

Тем временем, сам Клавдий поначалу заиграл (не заигравшись) в скорбно-скорбящего вдовца, точнее, закрутил шарманку несчастного, дескать, едва не сведённого своими жёнами-супружницами в могилу вдовца не столько *чёрного*, сколько *серого*. И даже, сообразно Светонию, по всей видимости, в ближайшие после казни Мессалины октябрьские дни 48г., он «на сходке перед преторианцами (наверное – в сердцах – К.З.) поклялся, что так как все его супружества были несчастливы, то отныне он пребудет безбрачным, а если не устоит, то пусть они заколют его своими руками» (26,2).

КЛАВДИЙ НА ВЫДАНИЕ

Но, как говорится, недолго музыка играла (или – на ловца и зверь бежит). Клавдию очень не хотелось в душе и особенно не хотелось на 58-м году жизни = на пороге старости (с 60-и лет римлянин – *senex* – старик) безбрачия, к к-рому он был совершенно не готов, одновременно, «подпадая – согласно начинающему с этого 12-ю кн. «Анналов» Тациту (12,1) – под власть каждой своей супруги». Оно и верно: именно при нём Рим, с его завсегдашней доминантой западной воли и могучего мужского начала, заделался феминистическим, или, выражаясь проще-доступнее, обабился, как никогда прежде.

Вновь разошедшиеся вольнотпущенники, – и Нарцисс – первый в триумвирате, и Каллист, и Паллант – засучили рукава и принялись приискивать новую спутницу-супружницу для Клавдия, предлагая каждый свою кандидатуру-креатуру, чтобы через неё заполучить исключительное влияние на внушибельного увальня-кесаря. А их креатуры, соответственно, тоже загорелись желанием и начали свою страстную игру за сказочно соблазнительную вакансию *первой леди*.

И тут час выхода из-под тени Нарцисса на первую сценическую роль для хитрована Палланта пробил-настал. Если Нарцисс предлагал снова почувствовавшему себя глухарём на токовище Клавдию самый простой вариант – взять в жёны испытанную Элию Петину, с к-рой Клавдий уже делил супружество (ок. 26 – 31гг), имея от неё дочь Антонию (см. выше), к-рая совсем недавно родила ему первого внука, а Каллист ратовал за бездетную красотку Лоллию Паулину, бывшую жену Меммия Регула, уведённую у него и затем оставленную Калигулой, то Паллант смело и настойчиво сватал за венценосного дядюшку, шокируя многих, его же родную племянницу – недавно овдовевшую дочь (Клавдиева брата) Германика – 33-летнюю (кровь с молоком) Агриппину.

И любопытно, что каждый из столь чутко заботливых (прежде всего, о самих себе) пронырливых либертов мотивировал правильность выбора рекомендуемой им кандидатуры заботой о подрастающих детках Клавдия, к-рые остались без матери: о 8-летней, вступившей в 9-й год, Октавии и о 7-летнем, на 8-м году, Британнике. По вескому слову (лаврового) Нарцисса, Петина, мол, не станет питать обычной для мачехи неприязни к ним, поскольку они сводная родня её собственных детей, из к-рых нам известна только Антония.

Т.е., по Нарциссу, – негоже расширять императорский клан-синдикат: вернуть Петину, от дочери к-рой кесарь уже заимел внука, счастливое наличие к-рого даёт

возможность обеспечить будущий дуализм в паре с Британником (по августейшим конституционным нормам), и баста. Пусть Клавдий убрал из закона Папия/Поппея тиберианскую статью о том, что 60-летний человек к производству потомства уже не способен (ибо крепка у виагристого Клавдия ещё сила!), но ему от Петины больше детей не родятся. Ну и не надо, ведь всё и так в ажуре. Остаётся дожидаться повзрелости Британника и сына Антонии от Фавста Корнелия Суллы. Вероятно, Нарцисса связывали особые отношения с Петиной и с её дочерью, на к-рых он имел влияние, думая этим браком потвёрже и подольше удерживать за собой статус наиболее влиятельного либерта (Ан. 12,2).

Каллист возражал против возвращения принципсом раз отторгнутой-отвергнутой сварливой жены, мол, и без того неуживчивой (да ещё родня Сеяна), мало того, могущей (от свалившегося на неё счастья) возгордиться, последствия чего будут далеко не лучшими. Стоит ли съевшему столько собак на брачных делах и ложах Клавдию рисковать!? Зачем наступать дважды на одни и те же грабли, тем более, когда есть кандидатура явно не успевшей утратить за прошедшее время свой шарм Лоллии Паулины, к-рою ранее, хоть и ненадолго, так пленился взбалмошный Калигула, что отобрал её у законного мужа, после чего она, отринутая Калигулой и не вернувшаяся к Меммию, кажется, больше замужем не была, или побывала и овдовела, оставшись бездетной?! Не ей ли и заменить родную мать для осиротелых Октавии с Британником!

Вероятно, Лоллия была тесно связана именно с Каллистом и находилась под его влиянием, что позволило бы ему, в случае победы его брачной кандидатуры-креатуры, быть ближе всех к кесарю и, следовательно, сделаться влиятельнее прочих конкурентных либертов.

Но как шансы, так и ставки Палланта с Агриппиной были выше и оказались предпочтительнее. Агриппина – последняя внучка Германика и последняя правнучка Августа. У неё подрастает сын – на 48г. 11-летний Нерон – отпрыск Домициев. Кому, как не ему составить брачную пару Октавии, равно дуалистическую властную пару и опору Британнику, крый страдает эпилепсией и к-рому нужна поддержка именно старшего брата! Остаётся спросить: неужели совсем недавняя парность Калигулы юному Тиберию Гемеллу Клавдия ничему не научила? Неужели Клавдий не подумал, что, при таком раскладе, его сына Британника ждёт, или, по крайней мере, вполне может ожидать печальная судьба (заранее обречённого) Гемелла? Нет, ему было не до таких мыслей, да и супротив освящённого римско-августейшего дуализма не попрёшь.

В истекающие осенние месяцы 48г. вдовый дядюшка Клавдий воспылал отнюдь не дядюшкиной страстью к обворожительной племяннице, к-рая на правах близкой родственницы часто навещала и утешала его, почти не отходя от него, в его скорбном сером вдовстве. Улучив момент, она начала утешать его внутренне готового к тому вовсе не родственными ласками и получать в ответ ласки аналогичные. Светоний: «Собираясь вопреки обычаю взять Агриппину в жёны, он продолжал во всякой речи называть её и дочкой и питомицей, к-рая была рождена и взлелеяна на его груди» (Кл. 39,2).

В отличие от Мессалины, Агриппина не была безбашенной *вавилонской блудницей*, являясь, как сказано, хищной *римской волчицей*, к-рая, наряду с тем, очень даже могла всю развернуться, по и при надобности, в также отнюдь не чуждой ей, хоть и не в первичной для неё, роли куртизанки. Вспомним, *лупа* на латыни – и блудница, и волчица. А Паллант в то же время, пока его протее убажала старого похотливца Клавдия, что было козырным тузом всего плана, приводил кесарю в пользу брака с ней (его любовницей), со своей стороны, неопровержимые – мотивированные государственными резонами-интересами – доводы.

И они, подкреплённые, как говорит Тацит, агриппианскими чарами (силу к-рых нельзя умалять), возобладали (11,3). То, что браки между дядьями и племянницами для Рима внове и до сих пор считались кровосмесительными – не беда. Рим за последнее время и не такое повидал, римлян ничем не удивишь. Разве гос. резоны не выше условностей и ветхих-отживших законоположений! Не существуют ли законы, в частности, для того, чтобы их менять, если они устаревают, или благо-видно обходить, если они мешают. Было бы желание!

Рим благоволит к внучке Августа и к внуку Германика! Рим не возразит против подобного альянса и не назовёт его мезальянсом! Общественное мнение держало сторону Агриппины и Нерона. Если Нарцисс верно действовал на ближней дистанции в критической ситуации, то Палланта отличала более острая чуйка и умение правильно просчитывать дальнедистанционные шахматные ходы.

Таким образом, Клавдий, у к-рого, по несколько погибающему Тациту, «не было др. мыслей и др. неприязни, кроме подсказанных и внушённых со стороны» (12,3), уже был у него, Палланта, и у Агриппины в кармане, или на крючке, или, вернее, под агриппианской юбкой. И уверенная в своей победе, Агриппина сразу начала действовать в пользу спланированного ею брака между Нероном и маленькой Октавией, для реализации чего, т.е. для обручения (как нельзя лучше подходивших друг другу) 8-летней Октавии и 11-летнего Нерона, надлежало сначала сделать следующее. Убрать с дороги юного кесарского зятя Л.Юния Силана Торквата, к-рый, обручённый с Октавией ещё в 41г., терпеливо дождался её совершеннолетия, облакая как раз в 48г., в (привилегированно-великокняжеском) возрасте не старше 22-х (вместо 30-и нормативных) лет, по льготному ранжиру (сочлена императорской фамилии), городскую претуру-urbanus.

Юный Силан (сын женатого на правнучке Августа консула 19г. н.э., т.е. праправнук Августа) (см. выше) сопровождал Клавдия в британском походе. Вместе с покойным Помпеем Магном (тогда мужем Антонии) был снаряжён кесарем из Британии впереди себя в Рим с реляцией о блистательной победе, участвовал в британском триумфе, удостоился (в возрасте ок. 17-и лет, почему античные источники и называют его юнцом на момент их присвоения) триумфальных украшений. И отлично от казнённого в 47г. Магна, продолжал находиться на плаву и в фаворе. Но теперь, с переменной обстоятельств, при изменившемся раскладе, он сделался досадной помехой. В свете предстоящего становления императрицей Агриппины и обустройства судьбы её дитяти Нерона, Силану больше не было места ни в императорской фамилии, ни в свите, ни поблизости от неё, ни, уж не обессудьте, вообще в жизни.

«И вот, прикрывая своим званием цензора подлые козни и предвидя, кто станет истинным властелином, Вителлий, дабы снискать признательность Агриппины, принимается содействовать её замыслам и возводить обвинения на Силана, сестра к-рого, красивая и своенравная Юния Кальвина в недавнем прошлом была невесткой Вителлия. Отсюда и пошла клевета; отнюдь не преступную, но неосмотрительно откровенную братскую привязанность между ними он представляет кровосмесительной связью. А Цезарь из любви к дочери с тем большей готовностью прислушивался к этим наветам о своём будущем зяте. Между тем Силан, ничего не подозревавший о подстроенной ему западне и именно в этом году бывший претором, указом Вителлия внезапно исключается из сенаторского сословия, хотя незадолго перед тем был оглашён и окончательно утверждён список сенаторов на ближайшее пятилетие. Одновременно Клавдий объявляет ему, что его брак с Октавией не состоится; Силана принуждают сложить с себя преторские обязанности, и на один день, оставшийся до срока окончания его претуры, их возлагают на Эприя Марцелла» (Ан. 12,4).

Вителлий, надо думать, оперативно избавился от туфельки Мессалины, к-рую он однажды нежно разул, чтобы больше с этой её «золушкиной» туфель «никогда» не расставаться, и «героически» поставил себя на службу Агриппине, перед к-рой ему, дабы уцелеть и сохранить своё высокое положение, требовалось спешно реабилитироваться-выслужиться-зарекомендоваться. И реабилитировался, и выслужился, и зарекомендовался. Ему ли привыкать менять хозяев и превосходить самого себя как в лесте с хамелеонством, так и в интриганской низости! Его сын, по всей вероятности, младший – Луций – конс.-суф. 48г., сменивший в консульстве старшего брата – ординария Авла, в числе жён к-рого Светоний Юнию не называет (Вит. 6), был в прошлом женат на сестре Силана Юнии Кальвине, с к-рой, по какой-то не имевшей отношение к её очень связанному с ней брату причине, развёлся. Но это теперь послужило поводом для экс-теста Кальвины цензора Вителлия измыслить заведомую кровосмесительную связь между сестрой и братом.

Ну и что требуется от строгого цензора (да ещё парного пылко влюблённому в родную племянницу цензору-кесарю)? Блюсти чистоту нравов в староримском патриархальном доме, чем Клавдий с Вителлием усердно, с апреля 47г., подчищая сенат и т.д., занимались и продолжали заниматься, в частности, можно сказать, в ключе-русле дела Силия, Мессалины и их приспешников, от каковых (благодаря решимости Нарцисса) ничего не осталось. Чем не наистрожайший цензорат (на зависть самому Катону Старшему!)! Гулять так гулять! И обвинение, выдвинутое Вителлием против Силана (и его сестры) в угоду Агриппине, к-рое нашло горячий отклик у Клавдия, кто пожелал в него поверить, сделало своё чёрное дело. Такой инцестуально скомпрометированный нобиль как безнравственный кровосмеситель Силан не может в перспективе жениться на девственной крон(-)принцессе, и ждать ему её совершеннолетия незачем.

Посему указом цензора Вителлия (всё в рамках правового поля) Силана исключили из сенаторского сословия = из совсем не так давно, после (безболезненной) чистки сената, утверждённого теми же – Клавдий и Вителлий – цензорами списка сенаторов на ближайшую квинквиналию-пятилетку. Затем ошеломлённому, совершенно не ожидавшему удара молодому человеку объявили, что его брак с Октавией никогда не состоится, что почти 8-летнее обручение аннулируется, и принудили оскорбительно сложить с себя преторский сан за день до истечения срока претуры. Т.е. в конце декабря (у Светония – за 4 дня до январских календ – «Кл.» 29,2), с вызывающим возложением магистративных обязанностей в короткое остаточное время года (опять всё по закону) на сменщика Эприя Марцелла.¹¹⁸

¹¹⁸ Стяжавший известность и как талантливый ритор, и как не менее талантливый делатор Т.Клодий Эприй Марцелл происходил из Капуи; при Калигуле перебрался в Рим; при Клавдии начал карьеру. Запомнившаяся современникам его мимолётная эрзац-претурa 48г. открыла перед ним возможность преторской легатуры в кесарской провинции Ликия и Памфилия – ок. 53-56гг., после к-рой провинциалы обвинили его, отозванного Нероном (как креатуру Клавдия?), в вымогательствах, но ему удалось в сенате добиться обвинения и осуждения своих обвинителей. В 61г. – конс.-суф.; ок. 64г. аграрник Колумелла посвятил ему книгу «De arboribus»; в 66г. Нерон поручил Эприю выступить, совместно с Коссуцианом Капитоном, против Тразея Пета, за что успешный обвинитель получил 5 млн. сестерциев (см. ниже). В 69г. вернувшийся из изгнания зять покойного Тразея Гельвидий Приск обвинил Эприя в пособничестве Нерону, но безуспешно.

Позднее Эприй поддержал Веспасиана, к-рый на 3 года сделал его проконсулом Азии – 70-73гг., вслед за чем, в 74г., nepoтoпляемoму Эприю снова выпало облечь консульство-суф. и потом сопринадлежать к ближнему кругу советников императора, больше не занимаясь общественной риторикой (Тацит «Диал.» 8). Однако, он отплатил чёрной неблагодарностью Веспасиану, составив в 79г., вместе с Аллиеном Цециной, заговор против него (Дион 66,16), был изобличён Титом и, приговорённый к смерти, перерезал себе горло. Из его некогда

Издеваясь в «Отыквлении» над «божественным» Клавдием (кого, забегая вперёд, скажем, посмертно не забудут, уподобив Августу, причислить к сонму богов!), Сенека говорит: «Ведь зятя своего Силана он казнил как раз за то, что тот свою сестру, самую соблазнительную из всех красавиц, к-рую все называли Венерой, предпочёл назвать Юноной» (Арос. 8,2). Т.е. современником событий Сенекой вполне подтверждается информация Тацита о лживости кровосмесительного поклёпа, если уж сам Силан относился к своей своенравной и нежно любимой им сестре Кальвине, к-рую все называли *гиперсексуальной* Венерой, как к *целомудренной* Юноне (по-братски).

Впрочем, гиперболически вправленная в контекст памфлета информация Сенеки о казни Силана фактически неверна, поскольку он, предупреждая казнь, покончит самоубийством в новогодний день непубличной семейственной свадьбы Клавдия и Агриппины – 1.01.49г. (Свет. «Кл.» 29,2). А его сестра Кальвина, высланная из Италии, получит Нероново разрешение вернуться после убийства Агриппины в марте 59г. (Ан. 14,12), и будет ещё жива, согласно Светонию, спустя 30 лет после событий 48/49гг., к концу правления Веспасиана, – в 79г. н.э. (23,4).

49г. н.э.

1 января 49г. н.э. = 802г. а.У.с. в консульство вступили Г.Помпей Лонг Галл и Кв.Вераний.¹¹⁹

БРАКОСОЧЕТАНИЕ КЛАВДИЯ И АГРИППИНЫ

Если, по Светонию, Клавдий и Агриппина отпраздновали свадьбу в новогодний день, то, согласно Тациту (Ан. 12,5-8), это произошло в начале 49г., но после того как незаменимый *нужник* Вителлий уладил юридическую-правовую сторону дела, сделав женитьбу дяди на племяннице (дочери родного брата) из, по прежнему закону, незаконно-кровосмесительной вполне правомочно-легитимной – по закону новопринятому-нынешнему. С Тацитом солидарен эпитомированный Дион (61,31,6; 8), хроносвидетельство к-рого черпается из выдержек Ксифилина (143,31 – 144,3) и Зонары (11,10).

Однако, мы, пожалуй, примирим анналистов Тацита и Диона с точно-фиксированной информацией Светония. 1.01.49г. вполне могло свершиться, ещё до официального бракосочетания, после стараний Вителлия, – как семейное, в узком кругу, домашне-*обручально-брачное* (соединительное-сочетательное) торжество Клавдия и Агриппины, так и самоубийство (во избежание скорой казни) несчастного Ю.Силана. А потом, в течение января, вполне могла быть улажена (по горячим просьбам трудящихся) и вся юридическая-правовая проблема, формальное решение к-рой

знаменитых речей, о к-рых, как и об ораторском искусстве их автора, свидетельствует только Тацит (Квинтилиан обошёл Эприя молчанием, чтобы не вызвать гнев Домициана) (Диал. 5; 8; Ан. 16,26; 29; Ист» 4,8; 43), ничего не сохранилось. А галло-римский писатель, поэт и епископ Клермона Сидоний Аполлинарий в Вв. упоминает его лишь как тип недостойного доносчика-делатора (Epist. 5,7).

¹¹⁹ О Помпее Лонге сведений нет. Кв.Вераний – одноимённый сын первого (с 18г. н.э.) легата провинциализированной Тиберием Каппадокии, находился в свите восточного сопровождения Германика; в 20г. выступил одним из обвинителей на процессе Пизона; в 57/58гг. – легат Британии, где и скончался в должности. Консулы-суф. с мая по июнь 49г. – Л.Маммий Поллион и Кв.Аллий Максим. Суффекты второй половины года – подвопросны.

было ясно заранее, не составляя особого секрета и не имея серьёзных противников. Но римляне — прирождённые законники-крючкотворы, и потому всё следовало надлежащим законным образом (чтобы комар носа не подточил) легитимизировать-оформить-обставить.

Тацит уже под 49г. сообщает, что «брачный сговор Клавдия и Агриппины подкрепляла и распространявшаяся об этом молва и вышедшая за пределы дозволенного близость; но они ещё не осмеливались торжественно справить свадебные обряды, так как женитьба дяди на племяннице была делом неслыханным; такой союз считался кровосмесительным, а пренебречь этим они не решались из опасения, как бы их поступок не навлёк несчастья на государство. Конец этому промедлению был положен Вителлием, к-рый взялся уладить дело с помощью привычных для него ухищрений. Задав вопрос Цезарю, подчиниться ли он требованию народа и совету сената, и получив ответ, что он такой же гражданин, как все прочие, и не может противиться общей воле, Вителлий предлагает ему подождать во дворце. Сам он между тем прибывает в сенат и, заявив, что дело идёт о вопросе величайшей гос. важности, просит разрешение выступить первым и начинает речь следующим образом: «Неся на себе тяжчайшее бремя попечения обо всём мире, принцепс испытывает нужду в поддержке, дабы избавленный от забот о семье он мог всецело отдаться служению общему благу. Но есть ли более высоконравственная отрада для по-цензорски непреклонной к себе души, для того, кто никогда не предавался роскоши и наслаждениям, но с ранней юности неуклонно повиновался законам, чем взять жену, с к-рой он мог бы делиться своими самыми сокровенными мыслями, кому доверил бы малых детей?...» (12,5)

Это идущее ещё со времён принципатовско-императорского Рима «гражданственное» фуфло (собачье), что глава государства (будто бы) всего лишь «такой же (пусть первый) гражданин, как и все прочие», снова поднятое на щит Французской революцией, актуально и сегодня, когда почти все политические лидеры прикидываются «такими же гражданами, как и все прочие», на самом деле таковыми (само собой) не являясь. Ибо (и) там, где все равны, некоторые всё равно, как известно, ровнее-первее. Но политические лидеры, к-рым подыгрывает (через номенклатуру, или посредством т.н. общенародных референдумов, результаты к-рых заранее известны) народ (к-рому якобы принадлежит вся власть в стране, в то время как в реальности она ни в одной стране народу, где — больше, где — меньше, не принадлежала и не принадлежит), тем не менее, продолжают играть, одни — хуже, другие — лучше, (в) августейшую комедию жизни!

Правила хорошего эпатажного тона не могли быть не выдержаны, требуя именно риторическо-делового вопроса цензора Вителлия цензору Клавдию (то-то они оба не спешили, при ликвидации Мессалины с Силием и в видах узаконения клавдианско-агриппианского брака, складывать широкополномочную цензуру, несмотря на истечение 18-и цензоратских месяцев ещё осенью 48г.) о его готовности подчиниться именно требованию народа и именно совету сената. И Клавдий с Агриппиной остаются ждать в Палатинском дворце, пока соцензор Клавдия Вителлий отправляется в сенатскую курию, где его уже ждут, и просит слова вне очереди, к-рое ему, разумеется, предоставляют. Попечителю мира — кесарю, отцу малолетних детей, нужна опорно-подпорная супруга, к-рая возьмёт на себя заботу о них и о семейно-домашнем очаге (*первого среди равных*).

И кто, спрашивается-восклицается, лучшая кандидатура, чем Агриппина?! — самая из матрон знатная, самая вдовая-свободная, растящая родного сына, дважды образцово побывавшая замужем, и многоопытная в семейственности! Не уводил ли Калигула чужих жён у мужей ради собственной прихоти. (А если вспомнить, то

даже Август, уж не говоря о *приватизировавшем* замужнюю сабинянку Герсилию Ромуле, увёл беременную Ливию Друзиллу у мужа, что обернулось благом и для него, и, главное, для государства.) Клавдий же никого ни у кого не уведит, он-де скромн, он, мол, никогда не предавался роскоши и безоглядным наслаждениям.

Колоссальную ложь в политике непременно следует сочетать с долей правды, сопоставляя то и другое, естественно, в пользу здравствующего правителя, с наглядными сопоставительными примерами из прошлого. Ведь Клавдия, действительно, по степени приверженности к роскоши, наслаждениям, извращениям (так же, как к бешенству и кровожадности), не сравнить ни с Калигулой, ни с Тиберием. И разве Клавдий отбивает у кого-либо жену, как сам Август (или Ромул), к-рого Вителлий, конечно, не имеет в виду, но сравнение Клавдия с к-рым в пользу Клавдия в подтексте кесарской галереи Юлиев-Клавдиев, так или иначе, (со)присутствует. Всё, как говорится, ясно и без слов, либо с полуслова.

Единственное препятствие для такого бракосочетания – в кровном родстве. Но у других народов (представители некоторых из к-рых женятся аж на своих родных или сводных сёстрах!) подобные браки дядьёв с племянками совершенно обычны. Хорош Рим, ничего не скажешь: то римляне превыше всех – и греков, и варваров, и, мол, не римлянам копировать их декаданс! а тут, видишь ли, у др. народов кровосмесительные браки в обычае-норме, и почему бы на них не сослаться! Более того, как видно из речи Вителлия, одно время у шепетильных римлян были также под запретом браки кузенов и кузин, впоследствии дозволенные и имевшие на Ив. н.э. широкое хождение-распространение. Т.е. новшество не несёт в себе ничего предосудительного и нет никаких существенных препятствий для его легитимизации (Ан. 12,6).

Эта spectacularная постановка была заведомой и в решении по её итогам никто не сомневался. Кандидатура Агриппины в качестве императрицы, следом за к-рой в кесарский дом войдёт Нерон в качестве сопрестолонаследника, на фоне приближающегося к своему 60-летию гусака и тюфяка Клавдия, устраивали и влиятельных вольноотпущенников, и нобилей. Пусть креатуры Нарцисса и Каллиста не прошли, но Нарциссу никак не светило престолонаследие сына Мессалины Британника, к-рый, если успеет повзрослеть и завладеть властью, непременно захочет отомстить ему за (угробленную им) родную мать. Да и Каллист, молча поддержав Нарцисса, не поддержал Мессалину и ему тоже теперь незачем было сопутствовать Британику. О Палланте, наперснике Агриппины, и речи нет. Не он ли рекомендовал Клавдию именно её, а не Лоллию Паулину и не Элию Петину.

Сходной мотивацией руководствовались и нобили типа Вителлия или Цецины Ларга и др., имён к-рых приложительно к этому делу мы не знаем, но к-рым сходно, поскольку всем осточертевшей-настоебенившей Мессалине никто не оказал поддержку в роковую для неё минуту, имело смысл теперь принять, в видах на перспективу, сторону партии (Палланта) Агриппины и её сына.

А народ и подавно желал видеть императрицей дочь Германика, внук к-рого в апмлуа перспективного престолонаследника № 1 больше импонирует римскому плебсу, нежели отродье блудницы Мессалины, к-рая (бордельная подстилка) сама сделала всё для того, чтобы стать негативной притчей во языцех.

Посему дело за совсем малым. Дозволить брак, запрет на к-рый всем мешает. Было бы о чём толковать! Поди удиви и не такое переживший-переваривший Рим, видишь ли, бракосочетанием (да ещё с самыми благими намерениями) дяди и племянницы (ради всеобщих пользы и процветания). Чего не сделаешь для блага государства, к-рое с Цезарем-кесарем, в условиях всенародного Принципата, суть едины, суть одно.

И воодушевлённые-вдохновлённые вителлианской пафосной речью гос. мужа отцы-сенаторы закудахтали-раскудахтались, — «воскликая, что если Цезарь промедлит, то они женят его насильственно» (12,7). И бросились вон из курии, вызывая к народу, к-рый тотчас собрался-сбежался в беспорядочную толпу и обратился с соответствующей мольбой к Цезарю. «И Клавдий, дольше не дожидаясь, выходит на Форум и предстает перед поздравляющими его, а войдя в сенат, требует, чтобы было вынесено постановление, к-рым раз и навсегда дозволялись бы браки между дядьями и племянницами...» (12,7)

У Светония: «...он (Клавдий) нашёл людей, к-рые на ближайшем заседании предложили сенату обязать Клавдия жениться на Агриппине, якобы для высшего блага государства, и дозволить подобные браки для всех, хотя до той поры они считались кровосмесительными. И чуть ли не через день он справил свадьбу; однако примеру его никто не последовал, кроме одного вольноотпущенника и одного старшего центуриона, свадьбу к-рого он с Агриппиной сам почтил своим присутствием» (26,3). Тацит же называет единственным последователем аналогичного брака «римского всадника Алледия Севера, о к-ром многие говорили, что его толкнуло на это желание угодить Агриппине» (12,7).

Короче, три случая по стопам Клавдия и Агриппины уже набираются. Иное дело, что люди консервативны и начали пользоваться-использовать нововведение, дозволенное кесарю, вернее, дозволенное кесарем, по требованию сената с народом, не сразу, не в одночасье. Как тут не сказать: то, что позволено Юпитеру, не позволено (его) быкам. Вместе с тем, у знаменитых римских юристов II/III вв. Гая (Inst. 1,62) и Ульпиана (5,5,6), такого рода брак числится как правозаконный. Т.е., по прошествии времени, на II/III вв., узаконное нововведение устоялось и стало обычным-привычным.

Далее, по Тациту, Силан покончил самоубийством в день официального свадебного торжества, а его, напомним, обвинённую в кровосмесительной связи с братом, сестру Юнию Кальвину изгнали из Италии. Плюс к тому, — «Клавдий добавил к этому предусмотренные законами царя Тулла священнодействия и умиловительные жертвоприношения в роще Дианы, совершение к-рых возлагалось на понтификов, причём все потешались над тем, что кара за кровосмешение и очистительные обряды, чтобы его искупить, были назначены именно в это время...» (12,8).

Силан, как выше сказано, мог покончить с собой и в называемый Светонием новогодний день, когда, как мы предположили выше, могло состояться домашнее-семейное бракосочетальное торжество, тогда как Кальвину осудили и изгнали после официального бракосочетания. Хотя, м.б., прав Тацит, и при таком раскладе надо констатировать ошибку Светония, чего мы, попробовав примирить авторов древности, делать не стали. При всех случаях, инициативный заход Вителлия, принятие соответствующего закона и, наконец, официальная бракосочетательная церемония, после к-рой была сыграна официальная свадьба императора и новоиспечённой императрицы, — события января 49г. н.э.

И изгнание в то же время Кальвины за кровосмешение с покончившим самоубийством братом, к-рого они не совершали, с воспоследовавшими затем, велением Клавдия, умлостивительно-очистительными жертвами в роще арицийской Дианы, по установлениям благочестивого римского царя Сервия Туллия (учредителя цензуры), были, можно сказать, симптоматичными. Трудно (в очередной раз) не сказать: на воре и шапка горит (особенно, если и когда шапка не по Сеньке).

Тацит: «...Этот брак принцепса явился причиной решительных перемен в государстве: всем стала заправлять женщина, к-рая вершила делами Римской державы отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием, как Мессалина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке. На людях она выказывала суровость и ещё чаще — высокомерие; в домашней жизни не допускала ни малейших отступлений от строгого семейного уклада, если это не способствовало укреплению её власти. Непомерную жадность к золоту она объясняла желанием скопить средства для нужд государства» (12,7).¹²⁰

Да, она не была Мессалиной и блуд у неё стоял не на первом месте, вовсе не затмевая иные более существенные сферы жизни, нужды и интересы. Впрочем, её главная слабость заключалась в том, что все гос. интересы для неё упирались в её дитяту Нерона и её наиважнейшей целью было любой ценой проложить ему дорогу к власти, в к-рой она сможет (желательно — подольше) побыть-пробыть при нём регентшей. А дальше, как, говорят, сказала она сама, — пусть даже сын её убьёт, лишь бы царствовал! Т.е. всё в её действиях в и за пятилетку с 49 по 54гг. было подчинено одной единой цели и обусловлено ею, путями её достижения, средства для чего, стопроцентно оправдывая цель, не имели значения, и ради чего с дороги убирались любые — реальные, мнимые, потенциальные — препятствия.

С др. стороны, Агриппина Мл. не случайно была внучкой Юлии и дочерью Агриппины Ст. Она в достаточной мере унаследовала от первой её развращённую натуру (по бабушке и внучка), но отлично от Юлии, всегда знала меру, умея, без утраты контроля над собой, держать себя в узде, и предаваясь разврату исключительно с выгодой для реализации своих политических планов.

И она же в полной мере унаследовала от неподверженной, согласно Тациту, женским слабостям Агриппины Маиог её завидные, по силам отнюдь не всякому мужику, волевые мужские качества, с особым смаком развернувшись во всём том, в чём не удалось полномерно проявить себя её загубленной Тиберием и Сеяном властной своенравной матери. А в плане наследственности по мужской линии, о себе давала (не могла не дать) знать яркая суммарная потомственность (от) Германика, Друза, Агриппы, Августа.

Её, Агриппину, ожидала 10-летняя историческая эпопея: 5 лет всемогущества при жизни Клавдия — до 54г. (наиболее, как окажется, счастливое для неё время); и (без малого) 5 лет поступенчатого сползания-ниспадения в пору стартовой кесарской квинквиналии её сына Нерона, до её, по его приказу, убийства-устранения в марте 59г. Одним словом, первому столетию Принципата предстояло в последних Юлиях-Клавдиях Агриппине и Нероне кульминировать, чтобы одновременно стать точкой глубочайшего декаданса, падения и бесславного конца первой императорской династии в истории Древнего Рима.

То-то Агриппина, женив на себе обворожённого ею Клавдия, изначально стала его властной дуалистической соправительницей, что не удавалось ещё ни одной римлянке при (уж не говоря о Республике) прежних кесарях¹²¹, и взяла в свои крепкие руки многое в государстве, непосильное для её рохли-супруга. Она умела найти общий язык с представителями всех слоёв общества, держа под контролем

¹²⁰ Агриппина могла бы, приложительно к современному ей Риму, повторить слова Ю.Тимошенко: «Беда не в том, что в политике мало женщин, беда в том, что в политике нет мужчин».

¹²¹ Ведь Ливия, несмотря на свои вес и влияние, соправительницей не была ни при Августе, ни фактически при Тиберии, оставаясь, прежде всего, в первом случае — супругой кесаря, а во втором — вдовствующей королевой-матерью, да и Цезония являлась не больше, чем женой Калигулы.

(при помощи советника № 1 Палланта) придворных вольноотпущенников, сенаторов, всадников: кого – милостями, кого – угрозами, кого – репрессиями, и умело пользуюсь (как внучка Германика) расположением к ней народа.

Едва ли не первой её инициативой было возвращение из корсиканского изгнания многоучёного авторитетного мужа Сенеки, сосланного, как мы помним, в 41г. настоянием Мессалины, по обвинению в прелюбодеянии с мл. сестрой Агриппины Юлией Ливиллой. Теперь ок. 52-летнего философа торжественно вернули и поручили его, выдающегося мудрого наставника, попечению 12-летнего отрока Нерона, дабы пользующийся всеобщим почтением учитель воспитал в нём (из него) будущего правителя. Причём Агриппина делала ставку на преданность обиженного Клавдием Сенеки персонально ей, и на первых порах не ошибалась.

Потом, вероятно, в феврале 49г., Маммий Поллион, к-рый вступил в суффектное консульство в мае, и к-рого Тацит приложительно ко времени до мая называет «консулом на будущий срок» (12,9), внёс «предложение, чтобы сенат обратился с просьбой к Клавдию просватать Октавию за Домиция, что, принимая во внимание возраст обоих, было вполне уместно-своевременно и открывало возможности для далеко направленных замыслов. Поллион высказывается в почти тех же словах, в каких это сделал недавно Вителлий; Октавию просватывают за Домиция, и он, сделавшись в добавление к прежним родственным связям женихом дочери принцепса и будущим его зятем, стараниями матери и ухищрениями тех, кто, осудив на смерть Мессалину, боялся мщения со стороны её сына, уравнивается в правах с Британником» (12,9).

До замужества с 9-летней отроковицей Октавией, недавний обрученец к-рой Юний Силан так и не дождался её половозрелости, т.е. 12-летнего брачного возраста девицы, 12-летнему Нерону оставалось ждать ещё 3 года (римские отроки могли жениться, считаясь половозрелыми, с 14-и лет). Впрочем, в следующем 50г. Клавдий, по настоянию Агриппины, усыновит её сына, и Нерон враз обойдёт-обскачет меньшого-малого (эпилептика) Британника, в отношении к-рого уже мало кто питал иллюзии насчёт его престолонаследия. Оно и понятно, поскольку ни вольноотпущенники, ни нобили перед Нероном ничем не провинились и мстить ему им было не за кого. Агриппина знала толк в деле манипуляции как придворными настроениями, так и общественным мнением.

Сенека же впоследствии, с 62г. (год убийства Октавии) отставленный и полупопальный, в своей написанной (недописанной) в стол, при позднем Нероне, трагедии «Октавия», о содержании к-рой узнают лишь после его, Сенеки, по предписанию Нерона (65г.), и после самого Нерона (68г.) самоубийств, скажет о Клавдии: «Родному сыну предпочёл чужую кровь, / Дочь брата взял на ложе нечестивое» (140/41). Думал ли Клавдий, что возвышая Нерона, подписывает смертный приговор Британнику? Зачем думать о том, о чём очень не хочется думать! Не удобнее ли слышать и видеть лишь то, что хочешь (у)слышать и (у)видеть! Легче всего навязать людям именно ту ложь, в к-рую они сами (засунув страусиную голову в песок или в задницу) уж очень хотят поверить!

МЕГЕРДАТ И ГОТАРЗ

Оптимально уже весной 49г. Клавдий принял парфянских послов, к-рых часть не столько проримски, сколько противоготарзовски настроенной парфянской знати снарядила в Рим раньше, ещё в 47/48г., к-рые прибыли с Тигра на Тибр ещё в 48г., и к-рых Клавдий с сенатом удостоили официальной аудиенции, решив удовлетворить их прошение-обращение, не ранее весны 49г. н.э.

Тацит: «Тогда же сенат принимает парфянских послов, прибывших, как я уже сообщил, просить о возвращении им Мегердата. Они в следующих словах приступают к выполнению своего поручения: они явились, помня о существующем с нами союзе и храня верность династии Аршакидов, лишь для того, чтобы пригласить к себе сына Вонона, внука Фраата, и таким образом освободиться от тирании Готарза, одинаково нестерпимой как для знати, так и для простого народа. Уже все его братья, близкие и даже дальние родственники истреблены казнями; теперь к этому добавляются убийства их беременных жён и малых детей, ибо нерадивый внутри страны, неудачливый в войнах, он прикрывает свою слабость жестокостью. У них с нами давняя и скреплённая договорами дружба, и мы должны прийти на помощь союзникам, нашим соперникам в силе, склонившимся перед нами только из уважения. Для того и отдают они нам заложниками царских детей, чтобы иметь возможность, если властитель их родины станет им в тягость, обратиться к принцепсу и сенаторам и получить от них более приемлемого и усвоившего наши нравы царя...» (Ан. 12,10)

Мы в курсе, в 45/46гг., в результате заговора парфянских баронов, был убит во время охоты (одного из излюбленных занятий пафян) царь царей Вардан, до того соперничавший со сводным? двоюродным? братом Готарзом, по смерти их отца Артабана (40г.), и в итоге одолевший его, удалившегося в 42г. в родную для него (по материнской линии?) Гирканию-Гевпурацию (охватывавшую своеобразной геоподковой крайний юго-западный, южный и крайний юго-восточный берег Каспийского моря). А с гибелью Вардана, скорее всего, в 46г., Готарз снова воспритязал на всеиранский престол и, преодолев сопротивление, утвердился на нём в 46/47гг. Однако его легитимность была признана не всеми, в связи с чем часть конъюктурно-прозападно ориентированных парфянских баронов (грекофилов) отправила посольство в Рим с тем, чтобы просить оттуда на трон последнего представителя Старших Аршакидов – внука Фраата IV и сына Вонона.

Этот сын Фраата Вонон, находившийся, повторяем, в числе прочих фраатовских сыновей и внуков в Риме с 7г. до н.э., был испрошен парфянскими верхами у самого Августа в 8г. н.э.: ок. 4-х лет, до 12г., процарствовал в Иране, затем, изгнанный парфянами (Артабаном), 4 года царствовал в Армении, и изгнанный также армянами нашёл в 16г. убежище в Сирии. Отсюда Германик, посадив в 18г. на армянский престол Зенона-Арташеса, по просьбе Артабана, придя в 18г. к междержавному соглашению с последним, переместил Вонона подальше от римско-парфянской (Сирия) границы – в Киликию. Там Вонону пришлось в 19г., при попытке бегства из Киликии в Иран (вроде бы в видах не санкционированного Римом возобновления борьбы за престол), от руки приставленного к нему римского стража погибнуть (после чего, кстати, Тиберий прибрал к рукам Вононову казну, возвращения к-рой Артабан требовал от римлян в 35г.).

Т.е. вононовский отпрыск Мегердат, к-рого Тацит кличет «юношей» = молодым человеком, родился никак не позднее 19/20гг. н.э., и соответственно, имел на 49г. 29/30 лет отроду, являясь, в нашем понимании, вовсе не юношей, а именно молодым человеком. И, как сказано, это был последний претендент на иранский престол из линии царствовавших в Иране с середины IIIв. до н.э. непосредственных потомков Аршака Храброго, к-рые с Мегердатовым концом окончательно переведутся в пользу Младших (побочных) Аршакидов.

Речь идёт об Артабане и его брате Вононе, к-рые были родственны закаспийским дахам, состоя одновременно в родстве с мидо-атропатенским домом родственных Аршакидам Атропатидов, и начав своё восхождение на трон царя царей именно из Мидии-Атропатены, где Артабан правил с 5/6 по 11/12гг., оставив ок. 12г., по занятии им всеиранского престола, Атропатену своему младшему брату Вонону,

к-рый и продолжал, в годах преклонных, при наличии нескольких взрослых сыновей – среди них Вологез, Пакор, Тиридат, править Мидийской Атропатеной на 49г.

Но пока часть парфянской знати делала ставку на Мегердата, чая с его помощью, используя его славную родословную и поддержку римлян, (любой ценой) убрать ненавистного в её глазах узурпатора Готарза, к-рый избавился от всех своих братьев, не гнушаясь убийствами их жён и детей, терпел неудачи в войнах против кочевников на северо-востоке Ирана, и вообще достал-затерроризировал, после гибели Вардана, парфянских баронов своим лютым беспределом.

Со своей стороны, Клавдий не спешил в 48г. принимать парфянских послов и вмешиваться во внутренние дела второй сверхдержавы – Ирана, занимаясь цензором, зорко следя-наблюдая за ситуацией в Боспорском царстве, где римский сателлит Котий и римское воинство противостояли Митридату VII (см. выше и ниже), и, наконец, – осенью/зимой – всецело поглощённый сначала бракосочетанием Мессалина – Силий, потом – наказанием их и их окружения, и потом – обустройством своей собственной новосемейной жизни (в ходе чего он превратился из подкаблучника падшей и павшей-сгинувшей Мессалины в подкаблучника расцветшей-процветающей Агриппины).

А вот по весне 49г. время, согласно разумению Клавдия, ответа, к-рого терпеливо дожидались заранее обнадёженные парфянские послы в Риме, для (завещанного Августом непрямого, при необходимости) вмешательства римлян в иранские дела пришло-приспело. Не шёл ли он по стопам именно Августа, возрождая повсеместно его нормы. Не склонился ли некогда Фраат IV именно перед августейшим авторитетом, без войны признав приоритет Рима как супердержавы № 1 над супердержавой № 2 – Ираном, чему монополист Рим (ни с кем официально не деля мир) придавал огромное значение. Не у Августа ли парфяне испрашивали царя Вонона! И у кого, спрашивается, если не у Клавдия, испрашивать им ныне в цари Мегердата! Посему Тиберия в сенатской речи можно опустить-пропустить, хотя в 35г. и он снаряжал к парфянам (против Артабана) одного за другим: сначала умершего в дороге преклоннолетнего Фраата, и затем Тиридата, соответственно, сына и внука Фраата IV.

* * *

И сейчас прибывшие в Рим парфянские посланцы (от партии т.н. грекофилов-римлянофилов) демонстративно склонились перед авторитетом Рима и римского кесаря: они сами просят «усвоившего наши нравы царя». И Клавдий смело поставил себя в сенатской речи рядом с божественным Августом, опустив Тиберия и Калигулу, как, например, Хрущев или Брежнев взывали к позапрошлому (к-рый, согласно пропагандистской маяковщине, – «живее всех живых») Ленину, пропуская – Хрущев – вчерашнего Сталина, а Брежнев – вчерашнего Хрущева и позавчерашнего Сталина.

И из уст Клавдия прозвучали напутствия-наставления Мегердату (в духе обычных либеральных наставлений вышестоящего Запада, с его чувством неизменного превосходства, нижестоящему Востоку) – править цивилизованно, милосердно, видя в подданных не рабов, но сограждан, и блюдя, наряду с милосердием, справедливость, – «к-рые тем желаннее для варваров, чем менее им знакомы» (12,11).¹²²

¹²² Налицо привычная либеральная схема Запада, без мысли о том, насколько она приложима к Востоку и осуществима-реализуема практически. Не обернулось ли свержение одиозных и кровавых (с чем никто не спорит) диктаторов С.Хуссейна в Ираке или М.Кадафи в

И римский кесарь похвально отрекомендовал взращённого-воспитанного в Риме (как херуск Италик — сын Флава, брата Арминия) Мегердата послам, и, сказав напоследок, что пресыщенное славой римское государство желает мира (в римском понимании) во всём мире (Pax Romana) для всех народов, дал римско-кесарское добро на Мегердатово воцарение в Иране. И отправил легату Сирии, куда Мегердат должен был из Рима податься, чтобы оттуда попасть в парфянскую Месопотамию, Г.Кассию Лонгину приказ торжественно-почётно сопроводить тронного претендента (проримского ставленника) до Евфрата (12,11).

Это тот самый Кассий Лонгин, к-рый знаком нам по консульству 30г., к к-рому Калигула, кому предсказали, что его убьёт некто Кассий, за несколько дней до своей гибели, подсылал (выпустив из виду Херею) не успевших выполнить поручение убийц, когда Лонгин проконсульствовал — 40/41гг. — в Азии, и к-рый в 45г. сменил на посту кесарского легата Сирии Г.Вибия Марса. Известный законовед, он не был, как верно замечает Тацит, искусным военачальником (12,12), но компенсировал отсутствие у себя полководческих талантов и навыков, поддерживая в 4-х сирийских легионах строгую-суровую дисциплину, постоянно муштруя и натаскивая на случай войны войска.

Сопровождение же им Мегердата, по распоряжению Клавдия, до переправы через Евфрат, у Зевгмы, вероятно, летом 49г., стало заключительным деянием Кассия Лонгина на посту сирийского наместника, так как не позднее лета/осени 49г. его сменил в наместничестве, видимо, более сведущий в военных делах (в видах актуализации Восточного вопроса) Г.Умвидий Квадрат — наиболее долгосрочный римский легат Сирии в IV н.э., к-рый, так и не будучи отозван ни Клавдием, ни Нероном, скончается, отлегатуривав аж 11 лет, в 60г., в Антиохии Сирийской, на посту.

Кассий дождался с Мегердатом у Зевгмы прибытия сюда знатных парфян и римского дальнелимесного союзника — царя Эдессы (Осроэна) Абгара V (кто у Тацита, не с руки ли средневековых переписчиков? зовётся, или заделался Акбаром), к-рый, как читатель помнит, отправил знаменитое послание Иисусу Христу и первым из венценосцев в истории был обращён в 34г. в христианство Ап. Фаддеем — одним из 70-и (см. выше). Вспомним, — он царствовал в Эдессе с 4г. до н.э. (с перерывом в 7 — 13г.), и следовательно, на 49г., процарствовав, в общей сложности, долее полувека, был в годах преклонных, находясь в слабой, к-рую даже толком вассальной назвать нельзя, зависимости от Рима и стараясь во внешней политике искусно лавировать между державными Римом и Ираном. Ибо (поскольку география страны, чересчур во многом, определяет её историю), когда ты оказываешься между двумя жерновами, следует вести себя, при твоих малых размерах и мощностях, крайне осторожно, чтобы ни один, ни другой не стёрли, не перемололи тебя в порошок.

Абгар, царствуя в промежуточно-междержавной, в буферной Осроэне, само собой, не горел желанием ввязываться в войну с Готарзом за воцарение Мегердата, что могло выйти ему боком в случае победы Готарза, однако он не мог и уклониться в создавшейся ситуации от союзного приёма римско-парфянского тронного претендента в Эдессе, за пограничным Евфратом, откуда тому предстоял путь на Тигр для вступления в борьбу за престол. Причём, по Тациту (12,12), и Кассий Лонгин

Ливии ещё большей кровью и большим хаосом как в отношении этих стран, так и регионов их местонахождения в целом. И в сём случае, резонен вопрос, стоило ли свергать названных диктаторов вмешательством извне и навязывать народам названных стран слишком мало-приемлемую для них, слишком чуждую им западную модель демократии? к-рая принесла и им, и другим больше страданий и жертв, чем многолетние диктатуры!

советовал Мегердату, не мешкая, поспешить с завершением начатого, и сановный парфянин Карен (представитель дома-рода Карена – одного из 7/8-и знатнейших парфянских домов-родов) поскорее звал его, обещая несомненный успех, в, как получается из Тацита, близлежащую Месопотамию. Т.е., надо понимать, – в поход на Селевкию и, главное, на столичный Ктесифон, расположенные (в юго-восточном направлении от Эдессы) по обе стороны Тигра (Селевкия – на правом, Ктесифон – на левом берегу реки).

И, дескать, как мудрый совет Кассия, так и призыв Карена были оставлены Мегердатом «в пренебрежении из-за коварства Акбара, к-рый на много дней задержал в Эдессе простодушного юношу, возомнившего, что высокое положение равнозначно сплошным удовольствиям. И хотя его звал Карен, обещавший в случае скорого их прибытия несомненный успех, Мегердат направился не в близлежащую Месопотамию, а окольным путём в Армению, в ту пору малодоступную, потому что начиналась зима» (12,12).

Но тацитовское обвинение тут, пусть желавшего, по возможности, уклониться от войны Абгара, во всяком случае, в коварстве, тенденциозно, малоубедительно и не выдерживает критики. Достаточно вспомнить, что во время похода Красса в 54/53гг. до н.э. именно совет эдесского царя Абгара II (предка Абгара Укамы) идти против парфян напрямик (короткой дорогой) – через безлюдную и безводную месопотамскую степь, тогда как армянский царь Артавазд II предлагал отвергнутый Крассом много более безопасный обходной путь через Армению, привёл в итоге к страшному поражению римлян в 53г. в сражении при Каррах.

Открытое пространство месопотамской степи (полупустыни) позволяло (очень рискованно подставляя римлян под удар) полномерно развернуться блестящей парфянской коннице, задействовать тактику притворного отступления, дальнобойной артиллерии метких лучников и внезапного поворота-разворота, с последующими атакой – окружением-уничтожением лишённого возможности маневрировать противника (коронная фишка парфян), как это мастерски осуществил разгромивший Красса выдающийся парфянский полководец Сурен. Поход же из Эдессы вдоль южных границ армянских, под защитой гор, Софены и Гордиены, до стыка последней с Адиабеной, и переправа через Тигр там, где Готарз этого не ожидал, да ещё под прикрытием со стороны воинства (пришедшего-подошедшего из Мидии) Карена, открывал возможность дальнейшего похода на Ктесифон вдоль левого берега Тигра с севера.

Т.е. – возможность похода-прохода через, в сложившихся обстоятельствах, формально-вынужденно дружественную Мегердату и Карену Адиабену, во главе к-рой стоял также хорошо знакомый нам царь Изат Адиабенский, – кто, напомним, в 30-е гг., приблизительно одновременно с крещением Абгара, обратился в иудаизм, мать к-рого, Елена, с 43г. находилась, о чём мы знаем, в Иерусалиме, и брат к-рого Монобаз вместе с прочими родственниками и домочадцами тоже приняли иудаизм в 46г. (см. выше).

И пусть речь приложительно к Мегердату, с его отрядами парфянских перебежчиков и с воинством Абгара, идёт не о римской армии, тем не менее, сравнение с ситуацией середины IV в. до н.э. вполне уместно и корректно, поскольку Абагр V, сам участвуя в походе, руководствовался, в первую очередь, именно данными соображениями (прежде всего, собственной) безопасности, правда, с др. стороны, всячески стараясь свести к минимуму своё и своего войска участие в этой ненужной ему, мало того, в небезопасной для него и его царства войне.

Так или иначе, они поздно, с опозданием, выступили вышеназванным маршрутом вдоль (под прикрытием с севера) армянских гор из Эдессы (вкушение прелестей

к-рой задержало тут ок. 30-летнего немальчика Мегердата)¹²³, так как Тацит оговаривает начало зимы, под к-рой может подразумеваться только зима 49/50г., вследствие чего соединение с войском Карена (где-то на гордиенско-адиабенском стыке) и переправа через Тигр в пределы Адиабены имели место не ранее весны 50г. н.э., когда, при прохождении через Адиабену, местный царь Изат, по слову Тацита (12,13), вступил в показательный союз с Мегердатом, втайне склоняясь к Готарзу.

Попробовал бы не вступить! Семитские цари (царьки) Адиабены (столица — Арбела) были слабо подвассальны парфянским царям царей (в рамках, при лучшем раскладе — нецентралистского, при худшем — децентрализованно-центробежного в парфянский период державного Ирана), сродни подвассальности сиро-семитских (не без примеси армянской крови) царей (царьков) Эдессы-Осроэны Риму. И понятно, что у Изата не лежало сердце к активному участию в войне на стороне римского ставленника Мегердата против Готарза (с приёмным? отцом к-рого Артабаном Изат был связан особыми отношениями). В общем, и он, и Абгар ныне — от некуда деваться — союзничали с Мегердатом и Кареном, готовые не столько перейти на сторону Готарза, при перемене обстоятельств, сколько охотно выйти из ненужной им игры, самоустраниться от борьбы (с участием Рима) за парфяно-иранский трон царя царей и (стусшевавшись) спокойно властвовать в своих миниатюрных владениях.

* * *

Тем временем, объединённое, как говорит Тацит (12,13), войско из подразделений Мегердата, отрядов Абгара и воинства Карена заняло Ниневию (*город крови*) — столицу когдатощнего (*логовища львов*) Ново-Ассирийского царства (супротив расположенного на правом берегу Тигра нынешнего Мосула), разрушенную в 612г. до н.э. объединёнными усилиями вавилонян и мидян. С тех пор на месте некогда роскошного столичного города существовало постоянно уменьшавшееся в размерах упадочное поселение, возле ниневийских развалин к-рого Флавий Гераклий одержит в 627г. н.э. (в хроновремя, симметричное падению Ассирии в VIIв. до н.э.) эпохальную победу над сасанидскими (ново)персами Хосрова II Парвиза. Далее последовало занятие крепости Гавгамела (в 120-и км к северо-западу от Арбелы), где Александр Македонский одержал в 331г. до н.э. решающую в битве за Азию и предопределившую судьбу Ахеменидов победу над (старо)персами.¹²⁴

Между тем, Готарз уходя от решающего сражения, по Тациту (12,14), ещё не вполне собрав войско, и, добавим, вероятно, всё-таки, застигнутый врасплох вторжением противника через Адиабену с севера, вопреки Готарзову ожиданию похода из Эдессы через месопотамскую степь, принёс обеты и совершил жертвоприношение на горе Санбул, — «где важнейшим был культ Геркулеса» (12,13). Согласно

¹²³ Тут стоит снова вспомнить слова Наполеона о том, что если потерянную (боевую) позицию вернуть можно (и в политике, и в войне, к-рая, сообразно Марксу, есть продолжение политики иными средствами), то потерянное время (как в политике, так и, добавим от себя, — в жизни) вернуть нельзя никогда.

¹²⁴ Оснащённый ветхозаветным Кораном в новозаветную эпоху Арабский Халифат, выступив на мировую авансцену в VIIв. н.э., стал как своеобразным новосемитским державным зеркалом кончившихся в VII/VIвв. до н.э. старосемитских Ассирии и Вавилона, так и их, а также, в определённом смысле, ветхозаветного еврейства, продолжением, сочетая в себе элементы мусульманского прогресса (религия Бога Единого) и возвратной архаики (религия Отца без Сына).

одним, Тацит понимает здесь под Геркулесом иранского бога-громовника Веретрагну (у армян – Ваһагн); согласно другим, – ассирийского бога Сандана. И то, и другое возможно, так как зороастристы-парфяне и их цари Аршакиды, с династическим богом Митрой (парфянский Аполлон; у армян – Мгер/Михр), были единовременно, проводя политику полной веротерпимости в подвластной им державе¹²⁵, классическими политеистами-синкретистами, поклоняясь, при доминанте зороастризма, как традиционно иранским богам, так и семитским божествам Междуречья.

Причём интересно, что в «Анналах» говорится об определённом ритуале, связанном с культом этого, с его святилищем на горе близ берега Тигра, (иранского? ассиро-адиабенского?) Геркулеса, к-рый, мол, является жрецам в сновидении в определённое время (года?), после чего они нагружают коней полными стрел колчанами, отпускают их разбрестись по горным лесам, а поутру принимают их, возвратившихся с пустыми колчанами. И тогда бог снова является им в сновидении, указывая леса, в к-рых он побывал и славно поохотился, о чём в лесах свидетельствуют множество убитых, дескать, стрелами божественного стреловержца, животных. Поскольку тут ритуально присутствуют стрелы и луки – грозное оружие именно всадников-парфян, о меткости стрельбы к-рых знал весь Древний мир, то не ископно ли парфянское, из очаговой Парфии, божество в кадре? тем более, что Готарз был тесно связан с соседней ей Гирканией.¹²⁶

Впрочем, совершив означенное жертвоприношение, он пока «отсиживался за рекой Кормой (приток Тигра близ Ниневии) как за крепостной стеной, хотя его вызывали на битву оскорбительными насмешками и посылали к нему гонцов» (12,14). Нет, ещё не пора! И он всячески тянул время, меняя стоянки, собирая своё

¹²⁵ С использованием в Парфянском Иране, помимо пехлеви (язык парфян), греческого и арамейского языков в качестве государственных; или – греко-македонских институтов, при широком самоуправлении греческих полисов и подвассальных семитских либо индо-парфянских царств-княжеств.

¹²⁶ Митра/Михр/Мгер – под знаком кентаврированного (защитника) Стрельца – знака у греков Артемиды, к-рая – сестра-близнец Аполлона – покровительствуется ещё и, вместе с братом-близнецом, созвездием Близнецов.

Если Заратустра открыл-приоткрыл 7/6 дневных Амшаспанд – зодиакальных созвездий, и 5/6 – ночных, то в Афинах, при отсчёте года с поры летнего солнцестояния-солнцеворота, 12-и месяцам (юлианского) года соответствовали следующие зодиакальные знаки и греко-римские божества: Июнь – Рак – Гермес = Меркурий; Август – Лев – Зевс = Юпитер; Сентябрь – Дева – Деметра = Церера; Ноябрь – Скорпион – Арес = Марс; Декабрь – Стрелец – Артемида = Диана; Январь – Козерог – Гестия = Веста; Февраль – Водолей – Гера = Юнона; Март – Рыбы – Посейдон = Нептун; Апрель – Овен – Афина = Минерва; Май – Телец – Афродита = Венера; Июнь – Близнецы – (общий для греков и римлян) Аполлон и (вновь) Артемида.

Интересно начало *магического* года в зороастризме – всегда в весеннее равноденствие 21/22 марта, с делением года на 12 месяцев по 30 дней в каждом = в сумме 360 дней (= длительность года до вторжения нарушившего мировую гармонию Ангро-Майнью), как и градусов в зодиакальном круге, тогда как 5/6 дней-эпагоменов (ангардах) посвящаются фравашам, считаются днями скорби по утраченной гармонии (родиться в один из к-рых – несчастье) и не входят ни в один месяц, примыкая к мартовскому времени до весеннего равноденствия в новогодне-счастливый день 21 марта. Отсюда – вставка високосного месяца раз в 120 лет, когда в году 13 месяцев, причём 13-й – под знаком Змееносца, к-рый наличествует в зодиакальном круге (между Скорпионом и Стрельцом), но, по авестийским представлениям, ещё не проявил себя.

Согласно же 32-летнему тотемическому зороастрийскому календарю, покровителем каждого года является определённое животное, и при этом важно заметить, что в «Авесте» человек, в отличие от животного, получает кармическое воздаяние, почему за пределы заданного кармического круга ему легче выйти через тотем.

войско и, наряду с тем, засылая лазутчиков в стан врага, чтобы одних путём подкупа склонить к измене и переходу на свою сторону, а других побудить покинуть Мегердату с Кареном и убраться восвояси.

Маневр удался. Вскоре Изат Адиабенский и вслед за ним Абгар Эдесский снялись со своими отрядами и ушли: Абгар – назад – в Эдессу; Изат, – дистанцировавшись от участия в противостоянии, и, видимо, удалившись в столичную Арбелу. И Тацит (12,14) напрасно сетует на «привычное для народов тех стран своеволие...», потому что не столько какие-то там подкупы, сколько обречённость всего дела чересчур медлительного и, по всей вероятности, не отличавшегося соответствующими личными качествами (в чём и Абгар, и Изат персонально удостоверились) Мегердату, побудили как адиабенского, так и осроэнского династов, к-рые, скажем снова, изначально участвовали в совершенно ненужном им противостоянии поневоле, выйти, пока не поздно, из проигранной игры (своя голова ближе).

А судя по дальнейшему рассказу, Мегердат, «лишившись значительной части вспомогательных войск и опасаясь предательства со стороны остальных, решается на единственное, что ему оставалось», (12,14) – кинуться в битву (как с головой в омут!) и попытать счастья в сражении. Т.е. и он, и Карен, к-рые упустили стратегическую инициативу, (запоздало) бросились теперь в бой больше от отчаяния, отнюдь не с тем психологическим настроением, с каким можно победить, перед этим не сумев вызвать ловко уклонявшегося от неё до времени Готарза на битву и своими неумелыми или бездарными действиями оттолкнув от себя союзников.

Посему и битва, чего следовало ожидать, была ими проиграна. Притом поначалу сражение шло с переменным успехом, Карен даже опрокинул «противостоявших ему врагов», но увлёкся их преследованием, был обойдён с тыла свежими силами противника, разбит и, надо понимать, пал на поле брани. По всему, молодой, горячий и неопытный, он, сам парфянин, всё-таки, попался на известную парфянскую военную хитрость, состоявшую, как ведомо, в том, чтобы заставить окрылённого мнимой победой противника увлечься наступлением, обойти его, взять в кольцо и уничтожить.

«...Тогда Мегердат, увидев, что всё потеряно, доверился клиенту своего отца Парраку, но был коварно обманут и в оковах выдан победителю. А тот, не признавая в нём ни своего родича, ни Аршакида, но именуя его чужеземцем и римлянином, велит, отрезав пленнику уши, оставить его в живых, дабы показать этим своё милосердие и нанести нам бесчестие. Вскоре после этого Готарз заболел и умер, и на парфянский престол был призван Вонон, правивший мидянами. На его долю не выпало ни особой удачи, ни особых бедствий – ничего достойного упоминания; царствование его было кратковременным и бесславным, и после него Парфянское государство перешло к сыну его Вологесу» (Ан. 12,14).

Итак, потерпевший поражение, так и не успев воцариться, Мегердат доверился давнишнему вассалу своего отца Вонона – некоему Парраку, к-рый вероломно заковал его в цепи и выдал победителю Готарзу, к-рый, в свою очередь, позиционируя себя, в противоположность этому жалкому римскому ставленнику, истинным Аршакидом, чтобы не делать из пленника мученика или легенду, и не плодить всяких Лже-Мегердатов, велел, одновременно издеваясь над ним и проявляя милосердие к нему, не казнить его, но отрезать ему уши. Это делало вечного Мегердату негодным для трона царя царей и вдвойне полезно снимало (не без пощёчины Риму) всю остроту актуальной для Готарза проблемы.¹²⁷

¹²⁷ Победу над Мегердатом Готарз увековечил изображением и надписью на Бехистунской скале, рядом с изображениями-надписями Дария Гистаспа и наиболее знаменитого из парфянских царей Митридата II Великого (123-87гг.). Рельеф изображает верхового Готарза

Относительно обрезания ушей, очевидно в объективе типично парфянская, в видах, так сказать, десакрализации-профанации (претендующего на облечение сакрального достоинства) наказуемого деликвента, унижительная, посредством телесного увечья, экзекуция. Вспомним, к слову, что в 38г. до н.э., в пору оккупации Сирии парфянами (40 – 38гг.), Антигон Маккавей, вторгнувшись в Иудею при поддержке 500 парфянских всадников, велел отрезать именно уши захваченному в плен (вместе со ст. братом Ирода Фазайлом) первосвященнику Гиркану (Р.л. 30–36). Иначе говоря, как противоримский ставленник-протезе парфян (кронпринца Пакора), он покарал-наказал Гиркана на парфянский манер, сделав его тем самым непригодным для превосвященства, к-рое, вкупе с царским достоинством на маккавейский теократический лад, облёк, заняв Иерусалим, сам.

* * *

Засим противостоятельная дуэль Мегердат – Готарз, после переправы Мегердата и Карена через Тигр (в Адиабену-Ассирию) весной, свершилась-завершилась не позднее осени 50г. н.э., под к-рым, следует добавить, мы в последний раз слышим об Абгаре, кто, как небезосновательно полагают, в том же 50г., в летах преклонных (в ок. 75-летнем возрасте), скончался (тогда как Изат Адиабенский жил и царствовал до 57г.) (см. выше).

Причём уже сыновья первого в истории царя-христианина Абгара V – Ману V (50 – ок. 57гг.) и Ману VI (ок. 57 – ок. 71гг.) – предпочли, правя Осроэной, христианству отца язычество.¹²⁸ Тем не менее, Эдесса (на перекрёстке путей)¹²⁹ оставалась одним из выдающихся центров раннего христианства, с покровительством христианам в перспективе со стороны крещённых осроэнских царей Абгара VIII и Абгара IX (к-рых ряд историков, ещё и упрощенчески перенося на них принятие христианства Абгаром V-м, упростили сводит в одну персону) на рубеже II/III вв. н.э. (ок. 177 – 212гг.).

Касаемо же Тацита, он заканчивает посвящённый этой неудачной попытке Рима поддерживать в борьбе за иранский престол Мегердата раздел «Анналов» сообщением-скорговоркой о скорой естественной смерти (в то время как у Флавия – гибель в результате заговора) (И.д. 20,3,4), после одержанной победы, Готарза, о воцарении Вонона и о скором преемствовании ему сына Вологеса, опять охватывая-объединяя под одним, на сей раз, 49-м г. н.э., в реальности события 49 – 51гг.

атакующим врага с пикой наперевес; над головой царя нависает крылатая Победа (Нике), венчающая его венком, при сопроводительной надписи «Готарз, сын Гева», по поводу к-рой нет единого мнения, что именно она разумеет под «сыном Гева» (родственный Аршакидам гирканский дом-род Гевпурана)? (см. выше).

¹²⁸ У представляющего Абгара как армянского царя Хоренаци (2,34/35), с Абгаровой смертью Армянское царство делится на две части между его сыном Анануном (*Безымянный*), коронованным в Эдессе, и племянником (сыном сестры) Санатруком, получающим в удел (Великую) Армению, где они оба, один – в Осроэне, другой – в Армении, преследуют христиан. (Согласно энциклопедически принятой и армянской историографической конструкции, Санатрук – великоармянский преемник умершего ок. 79/80гг. н.э. Тиридата/Трдата I Аршакуни) (Д.И. 862; 868) (см. ниже).

¹²⁹ Разноэтнические *эдесситы* первых веков н.э. были не меньшими космополитами, чем черноморские *одесситы* (от давнего наименования Дерibasовской улице основателя Одессы в 1793-95гг., испанского, на русской службе, маркиза Дерibasа до известного уголовного Мишки Япончика и т.д.) в ново-новейшее время.

По Тациту, действительно, кончина Готарза, к тому же, как сказано, естественная (в чём Тацит заслуживает больше доверия, чем Флавий), учитывая тот факт, что рассказ идёт под 49г., просится во время до конца 50г., и потому во многих источниках значится именно 50г. Но сохранилась Готарзова максимальная монета, датированная месяцем даисий (май) 362-го года Селевкийской эры, к-рый даёт годичный интервал времени с осени (сентябрь/октябрь) 50-го по осень 51г. Стало быть, если верить данной монете, то минимум до мая 51г. Готарз (умерший не раньше мая – *terminus ante quem*) дожил.

А с др. стороны, есть монета Вологеса I, датированная месяцем горпайос (август), опять-таки, 362-го года эры Селевкидов, к-рый означает, что максимум в августе 51г. престарелый Вонон Мидо-Атропатенский (мл. брат Артабана), едва воцарившись над всем Ираном не раньше мая, умер и, следовательно, не позднее (*terminus post quem*) августа 51г. ему наследовал его старший сын Вологез I (51 – 79/80гг.).

Таким образом, коли прецизировать хронологию в точном соответствии с нумизматикой, получается, что Готарз, сменив (убитого на охоте) Вардана, царствовал в 46 – 51гг. А призванный после кончины Готарза парфянскими баронами и жречеством из Атропатенской Мидии Вонон побыл-пробыл царём царей всего пару месяцев – с мая/июня по июль/август 51г. И наконец, наследовавший Вонону Вологес (сын греческой наложницы) взшёл на всеиранский престол в августе 51г. н.э.

При всём том, можно сказать, что в 51г. 40-летняя, в общей сложности, борьба за утверждение на иранском престоле Младших Аршакидов, начиная с воцарения над Ираном в 11/12гг. Артабана III, завершилась. Родственная восточно-иранским дахам и мало-мидийским (= мидо-атропатенским) Атропатидам династия побочно родственных (пресекшимся) Старшим Аршакидам (последним из них был Мегердат), к-рые выводили себя от авестийских героев (возводя свою пра-родословную к божественному Кави Аршану), Артабанидов, точнее, Вононидов, так как в дальнейшем в Иране царствовали потомки именно Вонона (живых сыновей Артабана на 51г. не осталось), окончательно победила.

Став царём царей (главой Арийско-Иранского Дома), Вологес поставил царём *второго* (при парфянах) в глобальном Доме Иранском *престола* – Мидия-Атропатена – своего младшего брата Пакора (если, конечно, Пакор не сделался царём Малой Мидии вместо отбывшего в Ктесифон царём царей Вонона ещё в мае 51г.). А *третий престол* – Армению (Дом Армянский в орбите Арианы-Ирана = Дома Иранского) – царь царей предоставил своему второму младшему брату – Тиридату, продемонстрировав этим, что не признаёт доминанту (продвигавшего на иранский трон, в пику Артабанидам-Вононидам, своего ставленника Мегердата) Рима в Армении, где, правда, Тиридат ещё должен был суметь, используя неизбежную тягу армян к парфянам, утвердиться.

И именно в 51г. ситуация в Армении и с Арменией снова осложнилась-обострилась в связи с убийством там Митридата Иверского его племянником – сыном царя Иверии Фарасмана Радамистом, из-за чего римско-иранское междержавное равновесие в перманентном Армянском вопросе, как раз в пору утверждения в Парфянском Иране Вононидов, снова опасно нарушилось (см. ниже).

Теперь, предоставив Тиридату (арм. Трдат) Армению, Вологес транспарировал, что Иран Аршакидов-Вононидов намерен (возобновляя эту фатальную в *Большой игре* римско-парфянскую борьбу) за неё бороться. Пусть Рим признает право Аршакидов на армянский престол, после чего уже на этих условиях можно будет договариваться. Так оно в перспективе и случится, когда, по итогам продолжительного противоборства с переменным успехом, Нерон в 66г. коронует царской

диадемой Тиридата на римском Форуме, признав со стороны Рима утверждение обязавшейся быть лояльной к Риму парфянской династии Аршакидов-Аршакуни в буферной между Римом и Ираном Армении.¹³⁰

В заключение любопытно заметить, что с первого по последнее десятилетия Ив. н.э. произошли коренные изменения в истории всех трёх великих держав древности. С переворотом Ван Мана в Китае — 8/9гг. н.э. — кончилась Ранняя империя и ранняя династия Хань, а с воцарением Гуан У-ди — 25г. н.э. — началась история Поздней (или Младшей; или Восточной) Хань. С 11/12 по 51гг. в Иране шёл небезболезненный процесс преемствования Старшим (или Ранним) Аршакидам Аршакидов Младших (или Поздних), с к-рыми стартовала вторая половина истории Парфянского Ирана, как в Китае, начиная с Поздней Хань, началась вторая половина истории Ханьского Китая. Параллельно в Риме, с 14г. н.э., по смерти Августа, началась вторая половина истории династии Юлиев-Клавдиев, в к-рой находившийся итого 56 лет на вершинах власти Август (43г. до н.э. — 14г. н.э.) в одиночку хроносоммарно перевешивает аж четырёх своих династических преемников — Тиберия, Калигулу, Клавдия и Нерона, правивших, всего-итого, 54 года (14 — 68гг.).

Плюс к тому, после смутного времени трёх кесарей — 68/69гг. — и 27-летнего правления Флавиев — Веспасиана, Тита, Домициана, — с 69 по 96гг., в Риме, со ставшего принципсом-кесарем в 96г. Нервы началась история Среднего Принципата Антонинов, или вторая половина истории инаугурированного Цезарем и установленно-учреждённого Августом режима Принципата в целом. Точнее, начался его 84-летний *Золотой век-пик* при Антонинах, к-рый кончится со смертью Марка Аврелия, при Коммодe (180 — 92гг.). Кончится, чтобы в последний раз подняться-выплеснуться при Северах (193 — 235гг.) и закончиться полувекowym, с 235 по 284гг., (интервальным-переходным) хаосом принципатовской агонии (солдафонских императоров), до начала учреждённого (новым Цезарем) Диоклетианом (284 — 305гг.) и унаследованного-модифицированного (новым Августом) Константином (306 — 37гг.) режима Домината.

И примечательно то, что именно в 20 — 30-е гг. Шв. н.э., т.е. приблизительно в одно время, пересекут свою финишную черту в истории Древнего мира — и исчерпавший себя Ханьский Китай (ок. 220г.), и сметённый Персидскими Сасанидами¹³¹

¹³⁰ Этих трёх братьев, сыновей Вонона, искажённое-легендаризированное армянское предание у Хоренаци (2,27/28) знает как трёх сыновей Аршавира (к-рый смыкает-совмещает в себе Артабана и Вонона): «первый — сам Арташес (царь персов = Ирана), второй — Карен, третий — Сурен». Из дома-рода Сурена (Суренова Пахлава), по Хоренаци, происходит Григор Партев = Григорий Прсветитель; из дома-рода Карена (Каренова Пахлава) — Камсараканы (к-рые, возможно, исторически ответвились-отпочковались в Парфии от Каренидов во II/Ивв. до н.э.?). Но армянская традиция накладочно путает-смежает, смыкая воедино, начало Младших Аршакидов в Ив. н.э. с началом Старших Аршакидов в Шв. до н.э., от к-рых, вернее, от мнимого младшего брата основателя гос-ва и династии парфян Аршака Храброго — Ваһаршака (греч. Вологес) (Д.И. 851), с кем (отзвучивающим Вологеса I-го в. н.э.), одновременно, накладочно отождествляется помещаемый во II-й в. до н.э. Тиридат I-го в. н.э., и выводится, во-первых, удревнённые и, во-вторых, безостаточно поглощающие (в предании) Арташесидов II/I/1-го вв. парфяно-армянские Аршакиды-Аршакуни.

И здесь важно обратить внимание как на происхождение *Посланца Света* Мани (216-76гг.) из дома-рода Камсаракан (один из 7/8-и знатнейших парфянских домов-родов, к-рый, с исчезновением Парфии в Шв. н.э., продолжил существование как армянский нахарарский род Камсаракан), по линии его матери — Мариам, так и на происхождение крестителя армянства, в правление царя Тиридата III (286/87-330гг.), Григора Лусаворича (ок. 239 — ок. 333гг.), из дома-рода Сурена (родственных — будь то Сурениды или Карениды или Камсараканы — собственно царскому дому-роду Аршакидов, к к-рому сопринадлежал отец Мани — Патик).

¹³¹ Интересно заметить, что если на переходном этапе из Древнего мира в Средние века Сасанидский Иран (Персида; новоперсы) избрал в качестве образца для подражания Иран

Парфянский Иран (224г.), и фактически сошедший на нет с гибелью (235г.) Александра Севера (и началом переходного периода) Римский Принципат.

БОСПОРСКИЙ ВОПРОС

Но возвращаемся в середину IV в. н.э. Покончив (до поры) с парфянским, Тацит переходит к боспорскому вопросу и вновь охватывает (сжимая их в кулак) под 49г. н.э. (периферийные) события ряда лет.

«Между тем Митридат Боспорский, к-рый, лишившись трона, не имел и постоянного пристанища, узнаёт об уходе основных сил римского войска во главе с полководцем Дидием и о том, что в наново устроенном царстве остались лишь неопытный по молодости лет Котис и несколько когорт под начальством римского всадника Аквилы; не ставя ни во что ни римлян, ни Котиса, он принимается возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков и собрав в конце концов войско, прогоняет царя дандаров и захватывает его престол. Когда это стало известно и возникла опасность, что Митридат вот-вот вторгнется в Боспорское царство, Котис и Аквила, не рассчитывая на свои силы, тем более, что царь сираков Зорсин возобновил враждебные действия против них, стали искать поддержки извне и направили послов к Эвнону, правившему племенем аорсов. Выставляя на вид мощь Римского государства по сравнению с ничтожными силами мятежника Митридата, они без труда склонили Эвнона к союзу. Итак, было обусловлено, что Эвнон бросит на врага свою конницу, тогда как римляне займутся осадой городов...» (Ан. 12,15)

Кесарский легат Мезии А.Дидий помог молодому Котису взойти на боспорский трон в 46г. и отбыл назад в свою провинцию, оставив в помощь римскому ставленнику на троне Боспора, в Пантикапее (Керчь), несколько когорт под командованием всадника Юлия Аквилы (см. выше). Но бежавший из Крыма и ближнего кубанского Приазовья (средоточие Боспорского царства – Керченский и Таманский п-ва: Пантикапей и Фанагория) в сторону Кубани и Дона Митридат VII¹³²

Персидско-Ахеменидский (староперсы) и (противопарфянски-противо-Аршакидски) уподобился ему (считая себя именно его правопреемником-продолжателем), то на пороге Нового времени и в Новое время Иран Сефевидский (с 1502г.), во многом, уподобился Ирану именно Сасанидскому, правда, не без элементов-черт (иранизатора Турана) Ирана Парфянского.

Ведь, с одной стороны, под предводительством (кровных тюрок) Сефевидов Иран в очередной раз восстал (иранский Феникс!) из праха, снова став иранской осью земли на штрече Запад – Восток и расчленив протянувшийся с XI по XVвв. до Босфора и дальше в Европу тюркско-монгольско-туранский мир, чем было восстановлено нарушенное в XIV в. равновесие (тюркские и монгольские вторжения-нашествия с Востока), тогда как со стороны другой, на вооружение этим (сильно разбавленным тюркско-монгольской кровью) Ираном была взята исламско-шиитская как защитная, так и наступательная броня-составляющая. Причём – взята отчасти по подобию государственно идеологизированного и акцентированно политизированного Сасанидами зороастризма.

Не случайно, к примеру, именно в эпоху Сефевидского Ирана, в результате массовых депортационно-переселенческих мероприятий шаха Аббаса (1587-1629гг.) в начале XVIIв. в Армении, что, т.е. насильственное переселение армян в Иран, практиковали и Сасаниды, страна Араратская была обезлюжена и армяне впервые на территории нынешней Республики Армения оказались и оставались в меньшинстве до времени создания и экзистенции Армянской области в составе России (1828-40гг.), когда региональная демография снова изменилась, и затем, под эгидой Российской империи (несмотря на упразднение ею ассимиляторски включённой в губернскую административно-территориальную систему Армянской области), продолжала неуклонно меняться в пользу армян. Сходно Сефевидский Иран осуществлял массовые депортации населения, ведя против неё опустошительные войны, в отношении Восточной Грузии.

¹³² Некоторые нумеруют его Митридатом VIII-м, считая Митридатом VII-м Митридата Пергамского, к-рому Цезарь, разбив в 47г. до н.э. Фарнака, поручил овладеть Боспором, но

не смирился с поражением, собрал войско из перебежчиков, прогнал, как говорит Тацит, царя дандаров и готовился к вторжению в пределы Боспора.

Дандары (дандарии) – группа племён меотов (приазовчан), обитавших на правом берегу Кубани и юго-восточном берегу Азовского моря (Меотидское озеро). Их наименование выводится от иранского «дан-дар» – «владеющие рекой»; или, согласно гипотезе «индо-арийского субстрата» (славист О.Трубачёв), – от древнеиндийского «данда-ария» – «тростниковые арии».

Впервые они упоминаются в IVв. до н.э. Гекатеем Милетским (у Стефана Византийского). С первой половины IVв. до н.э. – пребывали временами в составе Боспорского царства, часто отпадая от него или пользуясь фактической независимостью, при номинальном признании верховенства Боспора. Значатся среди подчинённых венценосцам Боспора народов, начиная с эпиграфической титулатуры Паирисада I (348 – 10гг.) и позднее. В 60-е гг. IVв. до н.э. изъявили лояльность победителю Митридата VI, кому перед тем содействовали в борьбе против римлян, Помпею (Плутарх «Лукулл» 16). Далее, – не поладили с Митридатовым сыном Фарнаком (63 – 47гг.), кто «однажды, очистив какой-то старый канал, провёл через него реку Гипанис (Кубань) в страну Дандарию и затопил её» (Страбон 11,495).

По Страбону: «Все азиатские меоты были подвластны частью владельцам торгового центра на Танаисе (Дон), частью же – боспоранам. Однако иногда те, то другие поднимали восстание против своих властителей. Нередко правители боспоранов захватывали области вплоть до Танаиса, в особенности же последние их владыки – Фарнак II, Асандр и Полемон...» Мы помним коллизии с гибелью в 16г. до н.э. 93-летнего Асандра, с воцарением над униированным с Понтом Боспором ожившего Асандрову вдову, дочь Фарнака – Динамис, Полемона I Понтийского (14г.), к-рому противостал сын Асандра Аспург, и к-рый, т.е. Полемон, погиб в 8г. до н.э., воюя мятежных меотов-аспургиан, на Кубани... (см. выше).

Впрочем, сейчас уместно обратить внимание на информацию Страбона о том, что дандары колебались между двумя центрами силы – каким-то «торговым центром на Танаисе», т.е. на Дону, и Боспорским царством, подвластные то одному, то другому, и нередко, как можно умозаключить, посредством лавирования между одним и другим, либо в условиях ослабления одного или другого, – свободные-независимые. Теперь же беглый Митридат, пользуясь перебежчиков и местных коллаборационистов, прогнал их царя, воссел на его трон, и готовясь к операциям против боспоранцев, привлёк на свою сторону также царя сираков Зорсина.

Сираки – сарматы, кочевавшие с IVв. до н.э. в приазовских степях севернее р. Кубани. На I/IVв., по слову Страбона, «аорсы и сираки простираются на юг до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (11,492; 506) (Птолемей 5,8,12; Мела 1,19). В 47г. до н.э. их царь Абеак (Страбон 11,5,8) командовал в войске Фарнака армией в 20 тыс. всадников, тогда как более могущественные аорсы, обитатели земель Придонья (Страбон), смогли выставить войнство числом в 200 тыс. В 35г. н.э. сиракские наёмники воевали на стороне вторгнувшихся в Армению иверов против парфян. Если первый из известных царей сираков Арифарн относится к концу IVв. до н.э., то последний (или последний из известных) – Зорсин – к середине IVв. н.э.

В ответ на союз возглавившего дандариев Митридата с сираками, Котис и Аквила привлекли на свою сторону родственников сиракам аорсов с их царём Эвноном, коему красочно поставили на вид империльную мощь Рима, против к-рой, мол,

к-рый в 46/45гг. погиб в Крыму, воюя Фарнакова одоителя Асандра. Или, если стартовое нумеровать Митридаатов Боспорских со времени понто-боспорской персональной унии 107г. до н.э., то её учредитель Митридат VI Понтийский (+ 63г.) становится Митридатом I-м Боспорским, а дальнейшие боспорские Митридааты нумерационно следуют за ним.

ничтожный мятежник Митридат бессилен. Т.е. Котис и Аквила сыграли на опережение: заручившись поддержкой Эвнона, обязавшегося соединиться с ними и бросить на врага свою многочисленную конницу, они предупредили Митридатово вторжение в Крым, перенеся боевые действия на азиатско-приазовскую территорию противника, где силами римских когорт и вооружённых римским оружием боспорцев посередине, под прикрытием аорских всадников с фронта и тыла, развернули наступление на крепостной центр дандариев – Созы.

Между тем, прогнавший дандарского царя Митридат, не чувствуя в Созах, «вследствие ненадёжности горожан» (Ан. 12,16), себя уверенно, покинул оные, отступив в расположенную на высоте и укреплённую стенами-рвами, более, как ему казалось, надёжную крепость Успе. А Аквила и Котис, оставив в Созах гарнизон, её, по всем правилам военного искусства, оперативно осадили и начали забрасывать с высоких осадных «башен пылавшими головнями и копьями» (12,16).

Это привело осаждённых, крепостные стены к-рых «были не из камня, а из сплетённых прутьев с насыпанной посередине землёй», в полнейший ужас и уже на следующий день они прислали парламентёров с условиями сдачи, прося о пощаде для свободных горожан и предлагая победителям 10 тыс. рабов (12,17). Однако последние, с одной стороны, не имея возможности принять и сторожить такую массу капитулянтов, с другой же, не желая убивать сдавшихся, что, по Тациту, «было бы бесчеловечной жестокостью», предпочли, отклонив выдвинутые условия, убить их по законам войны, в результате и по итогам штурма. В итоге войны с помощью лестниц ворвались в Успе и подвергли всех, кто попался им под руку, беспощадной резне.

Так осада продлилась всего пару дней, закончившись полной победой римлян и боспоранцев, в то время как «истребление жителей Успе вселило страх во всех остальных, решивших, что больше не стало безопасных убежищ, раз неприятеля не могут остановить ни оружие, ни крепости, ни труднодоступные и высокогорные местности, ни реки, ни города» (12,17).

Стало быть, если от римлян нет спасения, не правильнее ли покориться, тем паче, что победив, они вместе с Котисом, оттянуться в пантикапейский Крым и на Тамань, вслед за чем можно будет жить на азиатских границах подримского Боспорского царства, как прежде, почти самостоятельно, признав номинальное верховенство над собой Рима через Боспор. И царь сираков Зорсин, после долгих, согласно Тациту, раздумий, решил не поддерживать долее Митридата, но, предпочтя заботу о собственном царстве, выдал заложников, явился в лагерь Аквилы и Котиса и «простёрся ниц перед изображением Цезаря, что принесло великую славу римскому войску, к-рое одержав почти без потерь победу, остановилось, как стало известно, в трёх дня пути от реки Танаиса» (12,17).

И только возвращение победоносного воинства в Крым морем не было столь успешным, поскольку несколько кораблей «выбросило к берегу тавров», к-рые окружили оказавшихся на диком берегу и напали на них, убив одного «префекта когорты и множество воинов из вспомогательного отряда». Т.е. корабли выбросило штормом (или они сели на мель) у южного горного побережья Тавриды, где, в крутых горах, обитали разбойные тавроскифы, к-рые, по Страбону (6,4,2), в гавани Символон (Балаклава), недалеко от Херсонеса, собирались в банды и грабили корабли, и к-рых в Ив. н.э. воевал-покорял знакомый нам боспоранский царь Аспург (+ 38г.).

* * *

Тем временем, Митридат, видя себя покинутым и своё дело проигранным, всё-таки, не решился, всталась поколебавшись, довериться милосердию своего брата

Котиса. Безопаснее было сдаться непосредственно римлянам и пасть перед ними ниц, но, увы, среди них, подкомандных всаднику Ю.Аквиле, не было предводителя такого ранга, к-рый мог бы гарантировать ему пощаду. И тогда Митридатом был сделан достаточно хитрый расчётливый ход. Он облачился во вретисе и явился к союзнику римлян с боспоранцами царю аорсов Эвнону, к-рый, с одной стороны, не был с ним в личных враждебных отношениях, а с другой, пользовался авторитетом, оказав ценную союзническую услугу державе, у римлян. Впечатление усилила, видимо, вообще присущая Митридату и довольно убедительно разыгранная им театральщина. Заявившись к царю аорсов, он вошёл в его покои, «и припав к коленам Эвнона, сказал: «Перед тобою добровольно явившийся Митридат, к-рого на протяжении стольких лет на суше и море преследуют римляне; поступи по своему усмотрению с потомком великого Ахемена – лишь одного этого враги не отняли у меня» (Ан. 12,18).

Ахемен – славное имя родоначальника-эпонима (персидских) Ахеменидов, от к-рых, через Кира и Дария Великих, повелителей мира до Александра (при том, что Кир пользовался на Востоке не меньшим авторитетом и почитанием, чем Искандер Двурогий), выводил себя (по отцовской линии) учредитель понто-боспорской унии (грозный враг Рима) Митридат VI Эвпатор (по линии матери, Лаодики, – внук Антиоха Эпифана – потомка Селевка Никатора) и, соответственно, его потомок – внук Митридаевой внучки Динамис – Митридат VII Боспорский. Отпадение Митридата от Рима имело место в 45/46гг.; воцарение Котиса – в 46г.; следовательно, вышепредставленные нами события прились на 47/48гг.¹³³; и значит, дата сдачи экс-царя Митридата Эвнону – 48/49гг.

Приазовско-донской варвар Эвнон был впечатлён таким обращением и ещё больше польщён тем, что Митридат сдался-передался не Аквиле и не Котису, но именно ему – царю (захолустных) аорсов, и решил хлопотать за царственного пленника, снарядив к Клавдию послов с письмом, в к-ром просил о великодушии к побеждённому, кто-де вовсе не просится снова на царство, смея просить лишь о том, чтобы не поплатиться головой и не быть проведённым в триумфе (12,19).

Клавдий немного поколебался, слишком сильно было искушение примерно наказать обманувшего доверие, совершившего предательство, более того, пытавшегося вернуть себе потерянный трон силой венценосного инсургента за содеянное. Однако, поразмыслив, он решил всё-таки принять условия сдачи, за, в противном случае, нецелесообразностью ведения затяжных военных операций в столь экстремальной дали от Рима, в труднодоступной местности, на границах Европы и Азии, Скифии и Сарматии, в отрыве от коммуникаций и т.д. и т.п. Победа одержана, дальнейшая (затяжная) игра (с подвопросным исходом) не стоит свеч, поэтому разумно «удовлетвориться предложенным и оставить жизнь изгнаннику, к-рый, чем больше проживёт в унижении, тем большие мучения испытает» (12,20).

И Эвнон получил соответствующий ответ: Митридат-де, конечно, заслужил строжайшее наказание, но непреклонный в борьбе с врагами Рим умеет подарить благосклонность молящим о пощаде, после чего и состоялась, без сомнения, в 49г., официальная выдача доставленного в Город-на-Тибре прокуратором Понта Юнием Цилоном¹³⁴ знатного пленника римлянам (12,20/21).

¹³³ То-то в 48г. Клавдий не забыл принять XVI-ю императорскую аккламацию (в свете боспоранской победоносности Юлия Аквилы) (CIL 2,1302; 5,6969; 9,5973; 10,1416).

¹³⁴ Обращает на себя внимание то, что этот доставивший Митридата в Рим Юний Цилон – прокуратор римской (прокураторской) провинции Понт и Вифиния – на южном берегу Чёрного моря, наместник-проконсул к-рой в (согласно упоминающей Мессалину и Британика нумизматике) 43-48гг. Кадий Руф (к-рого вернёт в сенат Отон в 69г.) был осуждён, «по закону о вымогательствах, привлечённый к ответу вифинцами», как раз в 49г., о чём Тацит

Причём, согласно Тациту, последний говорил с Клавдием «более гордо, чем надлежало бы в его положении», сказав-подчеркнув, что предался Риму, кесарю, и, посему, прибыл добровольно. Плюс, – вероятно, рискованным образом настаивая на почтительном к себе отношении, достаточно дерзко присовокупил: «а если ты считаешь, что это неправда, отпусти меня и потом ищи» (12,21). Мол, умогаю в заазовские степи, в «страну Митридатию», за тридевять земель, попробуй достань меня там, попробуй извлеки меня оттуда! Риск вызвать гнев кесаря, конечно, был, но довольный результатом Клавдий обижаться не стал, продемонстрировав (вместо проведения в триумфе) окружённого стражей экзотического восточного царя весьма охочему до подобной триумфальной экзотики римскому народу у ростральных трибун и оставив его жить в качестве почётного пленника в Риме. «Цилону были определены консульские отличия, Аквиле – преторские» (12,21).

У эпитомированного Диона (exc. 61,32,4a) Митридат Боспорский, ибо речь идёт однозначно о нём (как свидетельствует синхронизация с Тацитом), опять ошибочно зовётся Митридатом Иверским (к-рый на 49г. продолжал царствовать в Армении) и мнится царём иверов (к-рыми на 49г. правит Фарасман): «Митридат, царь иверийцев, будучи побеждённым в сражении с римским войском и потеряв надежду на жизнь, просил, чтобы ему дали возможность быть выслушанным, а не просто без разбирательства казнили или провели в триумфальном шествии. Когда эта просьба была удовлетворена, Клавдий принял его в Риме, сидя на трибунале, и обратился к нему с угрожающими словами. Но царь отвечал смело и закончил, сказав: «Я не приведён к тебе, а пришёл сам. Если ты сомневаешься в этом, отпусти меня и попробуй найти».

Таким образом, Тацит и откорректированный по нему неаутентичный Дион взаимоподтверждают друг друга. Остаётся повторить то, о чём уже говорилось выше: если Митридат Боспорский проживёт в Риме до 68г., когда его убьют, по велению обидевшегося на него за насмешки над своей плешью и за его конспирацию с Нимфидием Сабином Гальбы, то Котий процарствует на Боспоре долго, как мы отметили выше, – до 69/70гг. И дальше Аспургианиды-Раскупориды – Раскупорий I (71 – 92гг.), Тиберий Юлий Савромат (92 – 124гг.), Тиберий Юлий Котий II (124 – 131/32гг.), Тиберий Юлий Роиметалк (131/32 – 153/54гг.) и др. – будут царствовать как дальнеримские вассалы в крымско-таманско-приазовском царстве.¹³⁵

сообщает ниже (Ан. 12,22). И не Цилона ли, в частности, разумеет Светоний, говоря о Клавдии, что «консульские украшения он предоставлял даже провинциальным наместникам второго разряда» (Кл. 24,1).

Во всяком случае, в 49г. получивший наградные консульские инсигнии Цилон вернулся в Вифинию и Понт, где пронаместничал аж до 55г., о чём свидетельствует анекдотичный рассказ эпитомированного Ксифилином Диона (exc. 61,33,5) об издевательствах Нарцисса над Клавдием. В 53г., когда вифинцы обвинят в вымогательствах, на сей раз, Цилона, судействующий-стареющий глуховатый Клавдий, не поняв причину шума, задаст Нарциссу вопрос – о чём они кричат? и тот, видимо, небезвозмездно спасая Цилонову шкуру, скажет, что они выражают благодарность Юнию, на что из уст Клавдия раздастся «соломоново» решение: «Хорошо, пусть тогда будет прокуратором на два года дольше».

¹³⁵ Сопринадлежит ещё Европе, Крым считался в античности, скажем ещё раз, границей Европы и Азии, условно проходившей (согласно различным и нюансированно различающимся сведениям-свидетельствам) по р. Танаис (Дон), через Азовское и Чёрное моря (Керченский п-ов – в Европе; Тамань – в Азии) на малоазийский (М.Азия – Азия/Асия в Европе!) Синоп, дальше – по р. Галис (Кызыл-Ирмак) и, с диагональным уклоном, до Киликии – местонахождение отчего для Ап. Павла Тарса Киликийского. Так что пограничные Киликия и Кипр были ещё Европой (в Азии), а Сирия – уже (собственно) Азией, или более глобально (ракурсно-спиритуально) метагеографическая граница между Западом и Востоком шла-проходила сироп-финикийско-палестинским берегом моря (то-то междуреченско-месопотамский

Во II/III вв. туда проникнет христианство и начнут (III в.) вторгаться (помимо привычных заперикопских скифо-сарматов) готы; потом – в IV/V вв. – аланы и гунны. Притом против вторженцев III – V вв. слабеющий и тоже теснимый вторженцами державный Рим Боспору уже оказать помощь не сможет. Время последнего из известных боспорских царей, перечень к-рых прерывист с IV в., представителя той же династии, христианина, по имени (Тиберий Юлий) Доптун, – V-й в. н.э. Так, начавшись в V в. до н.э., Боспорское царство просуществовало до V в. н.э.,

Вавилон и нильско-североафриканский Египет считали Палестину и евреев-иудеев сатурнальными страной и народом Запада!

Причём в глубокой древности (во II-ю и III-ю, Пра-Иранскую и Египетско-Вавилонскую, эпохи, под знаками Близнецов и Тельца) на берегах Азовского моря (Меотида/Майотида), на р. Кубань (Корокондам) и на черноморском побережье от Керченского и Таманского п-овов (Киммерийский Боспор) до (через позднейшие Синдику, земли гениохов, абазгов) Колхиды (в видении-понимании-восприятии поздних греков и римлян – далёкая варварская периферия) существовали мистериальные центры, в к-рых плодотворно встречались таинственные индо-эфиопские (I-я Пост-Атлантическая Пра-Индийская = Индо-Эфиопская культура, под знаком Рака) потоки с юга и гиперборейские мистерии (времен Пра-Иранской и Египетско-Вавилонской культур-эпох) с севера. Не случайно ещё в V в. до н.э. говорили об индо-эфиопах в Колхиде и на берегах Азовского моря, иногда называя северо-черноморское побережье к востоку от него «внутренней Индией» (см. выше)!

Не с райского ли Цейлона, соединённого с индийским субконтинентом «мостом (изгнанного из рая) Адама» соляренный культ Кур/Кор и культ матери-земли Маха-Майи (мать добуддийского Гермеса-Меркурия, высшим проявлением к-рого стал Гаутама Будда!) был принесён преемниками индо-эфиопской пра-древности на берега Азовского моря (Аз/сгард – обитель богов, населённая азами – на небе, при земных проекциях!), к-рое могло получить от Майи своё наименование Майотида (Меотида), дойдя отсюда, равно через М.Азию (Ма-Кибелла), до Европы (Асгард – над Средней-Центральной Германией и на среднегерманских просторах)! От Кур/Кор – индо-иранское (великовластное) Солнце – сыновья Куру в «Махабхарате», Кир Великий (Куруш) и Кура – река Кира – северная граница Персидской империи = цивилизованного мира при Ахеменидах, и граница Армении и Грузии в пору античности. Кстати, индо-иранский соляренный корень «кор/кур» можно расслышать также в наименованиях средиземноморских о-вов Корфу и Корсика, или в названии прибалтийской (прискифско-пригиперборейской) Курляндии.

Плюс к тому, спиритуальная нить от древнемистериальных центров на Азовском море, на скифской Кубани и в киммерийском Боспоре не может не тянуться к святилищным таинствам северо-черноморского побережья в христианскую эпоху (см. выше). От индогерманских киммерийцев (потомки Иафетида Гомера) скифское искусство кубанских и причерноморских курганов (золото скифов – золотой олень). Не принесли ли загадочные киммерийские скифы гиперборейские культовые дары севера в Синоп?! откуда они попали в Аттику, присланные затем афинянами на гранитный Делос (Скифиада), с его культом Аполлона Гиперборейского. При этом древнейшая дорога священных гиперборейских даров могла пролегать из Финляндии? с Ладогой? с Новой Земли? по Волге, Дону, Кубани на Азовское, Чёрное, Эгейское моря, будучи затем перерезана кочевниками (туранскими скифами? сарматами?), и пролегая в дальнейшем через Карпаты, Дунай, Истрию, Адриатику, Фессалию, Фермопилы на о. Эвбея и до Делоса.

Засим вовсе не на пустом месте метаистория-история русского христианства, крещения Руси, её христианизации, проникнутости её и её народа (вместе с тем, ещё не проповеданным) христианством (христианин – крестьянин) начинается именно с Крыма/Тавриды (где Орест нашёл свою сестру Ифигению как жрицу сестры-близнеца Аполлона – Артемиды) – Корсунь/Херсонес Таврический. Не сюда ли в конце IV в. н.э. был сослан Климент Римский! Не здесь ли в 988г. принял крещение распространивший его потом на Русь киевский князь Владимир! И неспроста, повторим, Пётр Великий проделал путь (не по обратной, не в русле возвратной архаики, но именно на пути в грядущее, на пути в созерцательною II-й Пра-Иранской эпохе-культуре Близнецов VI-ю Славянскую культуру Самодуха, под знаком Водолея) из греков в варяги, основав новогиперборейский Петербург (город Св. Петра) именно в устье Невы!

погибнув в ходе и в результате конца истории Древнего мира, под знаком и в топке-вареве Великого переселения народов.¹³⁶

РАЗНОЕ

«При тех же консулах Агриппина, беспощадная в ненависти и считавшая своим врагом Лоллию, так как и она ранее притязала на замужество с Цезарем, измышляет ей преступления и выставляет против неё обвинителя, приписывающего ей обращение к халдеям и магам и запрос относительно бракосочетания Цезаря, направленный ею оракулу Аполлона Кларосского...» (Ан. 12,22)

Прошло совсем немного времени от январского бракосочетания Клавдия и Агриппины, и вот Агриппина, не забыв, что её соперницей в борьбе за (руку и сердце) кесаря на выданье была поддерживаемая Каллистом Лоллия Паулина, к-рая недолго пробыла замужем за Калигулой, показала свои волчьи зубы и когти. Агриппине не внушала опасений бывшая старше неё и вряд ли красивая Петина, к тому же, отвергнутая некогда самим Клавдием (из-за мелких дрызг), да ещё мать клавдианской дочери Антонии, что защищало Петину. Но красавица Лоллия, вряд ли успевшая за 10 лет безнадежно увянуть, была, помимо того, ещё фантастически богата, если уж только одно ожерелье, к-рое видел на ней Плиний, стоило 40 млн. сестерциев. И не в богатстве ли состояла главная причина её устранения?

Так или иначе, Лоллии инкриминировали обращение к халдеям и магам, само собой, во вред императорской фамилии, и вопрошение из Рима кларосского Аполлона, надо понимать, по поводу надёжности-долговечности клавдианско-агриппианского брака, в ракурсе, мол, злого умысла насчёт его желанной самой вопрошательнице кратковечности.

Напомним, местонахождение знаменитого святилища-прорицалища Аполлона Кларосского – близ Колофона – города средней Ионики северо-западнее Эфеса, в ок. 35-и км от Смирны (Д.И. 111/12). Храмовый комплекс, в составе дорического храма, ионической кумирни, др. зданий и прорицалищного подземного грота располагался в 13-и км южнее Колофона, в 2-х км от берега моря, в узкой ложине. Кларосс – древний карийско-критский культ и оракул. С ним связана история гадателя и провидца греков в пору Троянской войны – Калха, к-рый на обратном пути из Трои повстречал в роще кларосского Аполлона более сведущего прорицателя Мопса и, проиграв ему, то ли умер от огорчения, то ли наложил на себя руки.

Сообразно ритуалу, по совершении алтарного жертвоприношения, жрец-муж (тогда как в Дельфах прорицала пифия), почти всегда из Милета, из определённых жреческих семейств, не знающий ни грамоты, ни стихосложения, осведомившись у желающих обратиться к оракулу только об их числе и именах (Ан. 2,54), спускался в грот и, испив воду из таинственного источника, поднимался вверх с (медиумическим) ответом складными стихами на мысленно заданный ему вопросителями вопрос.

В какой мере это таинство было профанировано на Ив. н.э., могучи, в т.ч., обслуживать заведомыми ответами на актуальные вопросы интересы определённых заинтересованных лиц или кругов – неясно. В любом случае, согласно ссылаю-

¹³⁶ В IVв. остаточные боспорцы искали и нашли помощь, сделавшись владением Византии, у императоров Юстина (518-27гг.) и Юстиниана (527-65гг.). Но византийский период их специфической боспоранско-постантиничной истории продлился только до 576г., когда всю причерноморскую территорию от современной Грузии до Крыма завоевал после войны с Византией Тюркский каганат.

щемся на рассказы современников Тациту, когда Германик, следуя в 18г. на Восток, в Сирию, специально пристал к Колофону и добрался до Аполлонова прорицалища, ему «иносказательно, как это в обычае у оракулов, была возвешена преждевременная кончина» (2,54).

Действительно ли Лоллия каким-то образом направляла какой-то запрос Аполлону Кларосскому? — неизвестно. Но судя по рассказу Тацита о ритуале, к-рый предусматривал не собственно вопрос для ответа, а число и имена присутствующих вопрошающих, какой-либо запрос-вопрос из Рима через посредников не представляется возможным. Или кроме указанного существовали и иные способы вопрошения, не оговоренные Тацитом?

Не должна ли ложь быть колоссальной, чтобы в неё поверили! Несуразности не смутили ни Агриппину, ни Клавдия, к-рого наверняка в данной связи привело в ужас то обстоятельство, что некогда именно оракул Аполлона Кларосского предвозвестил его брату Германику преждевременную кончину. И он, подстрекаемый Агриппиной, даже не выслушал подсудимую, выступив в сенате с пространной речью, в к-рой сначала перечислил знатное родство Лоллии¹³⁷, потом упомянул её замужество за Меммием Регулом (умышленно не вспомнив о замужестве за Гаем, т.е. не вспомнив о том, что и она, пусть недолго, была-побывала императрицей, чем тоже бесила Агриппину), а затем сказал о пагубности её злодейских намерений для государства. И потребовал (вынеся вердикт) высылки виновной (чья вина, конечно, неопровержимо доказана) из Италии с конфискацией имущества.

И осуждённую на изгнание выслали из Италии (незнамо куда?), оставив ей «из её несметных богатств всего 5 млн. сестерциев» (12,22). Но Агриппина на этом не успокоилась и, как некогда Мессалина сначала организовала изгнание её сестры Юлии Ливиллы, чуть позже подослав к ней убийц, так теперь и она, коротко обождав, в том же 49г., отправила к Лоллии трибуна, к-рый принудил её к самоубийству. Устранён человек — устранена проблема! Да и последние 5 млн. лоллианских сестерциев неплохо бы загрести на пользу государства-отечества, равно — прокладывая родному сыну недешёвую дорогу к будущему трону. Деньги не пахнут ни дерьмом, ни кровью!

Примечателен рассказ Диона (51,32,3) от Ксифилина (144,7-16), где после слов о скоплении Агриппиной неслыханных богатств, об изыскании ею невообразимых источников дохода и о погублении ради денег многих, сказано, что (из ревности) «она убила Лоллию Паулину, поскольку та была женой Гая и тешила себя надеждой стать супругой Клавдия. И так как она не узнала принесённую ей голову этой женщины, она своей рукой открыла ей рот и осмотрела зубы, имевшие некоторые особенности». Чем не жена Антония — первая римская волчица — Фульфия, любовавшаяся в 43г. до н.э. принесённой ей головой Цицерона, поганый язык к-рого, множество раз бичевавший её супруга, она не отказала себе (перед тем как голову выставили на Форуме) в удовольствии изрезать ножницами!

¹³⁷ Клавдий у Тацита утверждает, «что она — лочь сестры Луция Волусия, что Котта Мессалин — брат её прадеда...» (12,22). Отец Лоллии М.Лоллий, конс.-суф. неизвестно в каком году при Августе, был женат на Волусии — сестре (по удочерению? сводной?) консула-суф. 3г. н.э. Л.Волусия Сатурнина. Однако родившийся ок. 15г. до н.э., и, м.б., на 49г. н.э. ещё живой М.Аврелий Котта Максим Мессалин, конс. 20г. н.э. (Д.И. 515-17; Т.Г. 1006-08), один из сыновей В.Мессалы Корвина и Аврелии (усыновлённый кем-то из Аврелиев), не может быть братом прадеда Лоллии, дед к-рой, небезызвестный наставник Г.Цезаря на Востоке, позорно отставленный за зздоимство-лихоимство и покончивший самоубийством во 2г. н.э., М.Лоллий, облекая консульство в 21г. до н.э. Иное дело, что, по возрасту, именно он (а не его отец, т.е. дед, а не прадед Лоллии) мог состоять в (каком-то) родстве с Коттой Мессалином? Или это родство с дружным Овидию и «Тиберушке» одиозным Коттой М. надо искать по линии Волусиев? либо Аврелиев?

Одновременно не настолько печально сложилась судьба некой знатной Кальпурнии, красоту к-рой похвалил Клавдий, «безо всякого — как уверяет Тацит — любо-страстного чувства и в случайной беседе, что несколько сдержало гнев Агриппины и она не дошла до крайних пределов мщения» (12,22). Кальпурнию, всего-навсего, выслали без последующего принуждения к самоубийству или убийства, хотя Дион (61,33,2б) от Зонары (11,10) ошибочно говорит о её не ссылке, но убийстве. А 10 лет спустя, после убийства самой Агриппины (59г.), матереубийца Нерон разрешит как предать достойному погребению в Риме преданный земле в месте ссылки прах несчастной Лоллии, так и возвратиться из изгнания живой (сумевшей выжить) Кальпурнии (Ан. 14,12) (см. ниже).

И события 49г. анналист Дион (61,33,2) в выжимке Ксифилина (144,16-18) завершает словами: «Агриппина быстро стала второй Мессалиной, удостоившись (сходно Мессалине), наряду с прочими почестями от сената, права праздничного использования (для торжественных публичных выездов почётной) *двуколки* (*carpentum*)».

Аналогия не совсем и не во всём корректна. Скажем ещё раз, если Мессалина была, по своей сути, сначала *вавилонской блудницей* и только потом *римской волчицей*, то Агриппина, наоборот, была, по своей сути, прежде всего, именно *римской волчицей*, и только, во вторую очередь, *вавилонской блудницей*. Или, короче говоря, — *лура* она и есть *лура*! Ясно одно: ещё никогда «эмансипация» римлянок не заходила так далеко. Увы, пора *кесарева безумия* означала безумие не только кесарей, но и цесарок-кесарш! при том, что и Мессалина, и Агриппина обе были, пусть по-разному, злобными стервозными фуриями.

* * *

Анналы 49г. Тацит замыкает следующими сообщениями: «Ввиду того, что Нарбоннская Галлия неизменно оказывала сенату беспрекословное повиновение, на неё было распространено положение, существовавшее для Сицилии, а именно сенаторам из этой провинции было разрешено посещать её по своим имущественным делам, не испрашивая дозволения принцепса. Итуреи и иудеи по смерти царей Сохема и Агриппы были присоединены к провинции Сирии. Тогда же сенат постановил возобновить после 75-летнего перерыва гадание о благе государства и впредь устраивать его ежегодно. Помимо этого, Цезарь расширил пределы города Рима, поступив в соответствии со старинным обычаем, согласно к-рому тем, кто увеличил размеры империи, предоставлялось право отодвинуть и городскую черту. Но, кроме Суллы и Августа, никто из римских военачальников, и среди них покорители великих народов, не использовал своего права.

Видеть ли в этом тщеславие царей или благородное честолюбие, судят по-разному. Но как бы то ни было, я считаю, что нелишне знать, как возник этот город и какие пределы установил для него Ромул. Итак, борозда для обозначения черты города была начата от Бычьего рынка, от того места, где мы теперь видим бронзового быка (ибо этих животных впрягают в плуг), в таком направлении, что большой жертвенник Геркулесу остался по эту сторону от неё; далее, на известном расстоянии друг от друга, были установлены камни, шедшие вдоль подножия Палатинского холма до жертвенника Консу, Старых курий, небольшого святилища Ларов и Римского форума; согласно преданию, Форум и Капитолий были включены в черту города не Ромулом, а Титом Тацием. В дальнейшем город Рим расширялся по мере роста римской державы. А границы, установленные для него Клавдием, хорошо известны и указаны в государственных документах» (Ан. 12,23/24).

Наиболее романизированная южно-побережная часть Галлии — *Narbonensis* (сродни и по стопам Базтики в Испании), переданная, как мы знаем, Августом ещё в 22г. до н.э., ввиду её умиротворённости и полной лояльности, из кесарского ведения в сенатское, — продолжала, обладая римским гражданством, с представительством её знати в сенате, быть очагом и импульсатором романизации прочих галльских уделов в пределах *Tres Galliae*. Касательно данной Тройственной Галлии, Клавдий, о чём читателю известно, в 48г.¹³⁸ хотел предоставить *ius honorum* повсеместно многим общинам, но уступил сенату, ограничившему пока это (самое престижное — уравнительное) предоставление римско-гражданского статуса т.н. троянскими братьями-сородичами римлян — традиционно союзными им гедурами (эду).

Теперь же (в год 100-летия падения Алезии) был сделан очередной шаг по дальнейшему втягиванию галльского элемента, — правовым, ментальным и территориальным образом-порядком, — в римско-романскую Италию. Шаг по их дальнейшему (глобалистско-мультикультуралистскому, для пополнения романских резервов и авуаров) интегральному сращиванию. Сенаторы из Нарбоннской Галлии, число к-рых множилось, получили право посещать её без дозволения принцепса, по правовому образцу не входившей в состав Рима/Италии, в основном грекоязычной, ближней к Риму/Италии, провинциальной Сицилии, к-рая (отобранная римлянами в своё время у Карфагена) не вошла в состав учреждённых Августом в Iг. н.э. 11-и романско-италийских регионов, включивших зато давешнюю, на италийском севере, Цизальпинскую Галлию.

Да и во всё остальном Галлия и галлы пользовались при Клавдии, получая льготнее и чаще прочих права римских граждан или статус латинов, особым вниманием-покровительством: из всех провинций именно там, в наибольшей мере, шло строительство городов и дорог, огромное значение придавалось улучшению коммуникаций, плюс — римской (из Италии и Испании) культурной экспансии.

Оно и понятно, ведь Клавдий экспансионистски перебрался из Галлии в кельтскую Британию, и именно Галлия была континентальной базой для завоевания-колонизации Британии, подлежа в свете этого максимальному слиянию с безостаточно римской на середину Iв. н.э. Италией, подлежа максимальной, так сказать, интеграции в романскую Италию. Отсюда, в частности, запрещение друидизма, с к-рым на британской земле предстояло бороться из Галлии; отсюда романизаторское окультуривание галльской знати; отсюда стопроцентная интеграция нарбоннских верхов и т.д.

Далее, в 49г., по Тациту, умер династ Соэм (Сохем), властитель, о чём мы в курсе, с 38г., милостью Калигулы (см. выше), части Итуреи — бывшего царства противившегося Помпею Птолемея Меннея (+ 39г.) и его казнённого (в угоду положившей глаз на Итуруе Клеопатры) Антонием сына Лисания (+ 35г.), части владений к-рых, при Августе и позднее, частью единовременно, частью разновременно, составляли: 1) удел (Лисаниева отпрыска?) Зенодора (+ 20г. до н.э.), доставшийся с его кончиной Ироду I; 2) Авилена (Зенодорова сына?) тетрарха Лисания (+ 36г. н.э.), вверенная Калигулой в 37г., вместе с тетрахией Иродова сына Филиппа (+ 36г.), Ироду Агриппе; 3) вышеоговоренное княжество Соэма, в ливанских границах — от Лаодикеи до (невключительно) Гелиополя (римской ко-

¹³⁸ В своей (фрагментарно-эпиграфически донесённой до нас «Клавдиевыми таблицами» из Лиона = Лугдунум) сенатской речи через 99 лет (к 100-летию) от покорения Цезарем (падение Алезии — 52г. до н.э.) Галлии, Клавдий в 48г. н.э. говорит, настаивая на гражданстве для галлов, что они уже 100 лет не нарушали мир, забывая о галльских волнениях в связи с переписью 12г. до н.э. (когда Друз увещательно собрал галльских нотаблей в Лугдуне перед лицом освящённого им алтаря Ромы и Августа), или о волнениях, оперативно погашенных Тиберием во Вьенне в 12г. н.э., уж не говоря о форменном восстании Флора и Сакровира в 21г. н.э.

лонии); 4) подвластное с 41 по 48гг., при Клавдии, старшему брату Агриппы Ироду – царство Халкидское. В какой мере и где именно их границы накладываются-находят или могут накладываться-находить друг на друга? – сказать трудно.

По поводу (потомка итурейской династии?) Созма, кто в 49г. умер, после чего его владение было присоединено к Сирии, всё ясно, но относительно смерти последнего царя иудейского Ирода Агриппы, к-рый, как мы помним, умер (быв изъеден червями) летом 44г., Тацит явно путает его тут с его братом Иродом, царём выхлопотанной Агриппой для него у Клавдия в 41г. Халкиды, к-рый умер в 48г.

И хотя Флавий говорит, что «царство Ирода император Клавдий передал Агриппе Младшему» (И.д. 20,5,2; И.в. 2,12,1), по всей видимости, это произошло не сразу, а не ранее 49/50гг. (или Агриппа II был отпущен из Рима на царствование в Халкиду лишь в 49/50гг.), соответственно чему, какое-то короткое время – 48/49/50гг. – Халкида (стоя под секвестром?) управлялась из Сирии. Т.е. ошибка-накладка не слишком интересующегося подробностями-детальями ливанско-иудейской периферии Тацита, слившего смерти Агриппы и Ирода, в 44 и 48гг., да и самих двух братьев, воедино, здесь очевидна и нуждается в обязательном исправлении.

Сенатское постановление 49г. возобновить после 75-летнего перерыва церемонии ежегодного авгурально-ауспикального птицегадания о благе государства – *augurium salutis*, – типичная инициатива в клавдианском (знатока истории и театрального не столько постановщика, сколько подборщика декораций для своего царствования) духе бережного возрождения римских сакральных традиций – как вообще, так и по лекалам дедушки Августа.

Причём, если из 49г. н.э. вычсть 75 лет, мы окажемся в 27г. до н.э., когда Август собственно и стал Августом, точнее, когда сенат преподнёс ему глаорифицированное имя «Август» (*возвышенный; богоизбранный; богоданный*). И происходит оно, по одной из версий, от почитаемых мест, где именно авгуры (жрецы-гадатели по полётам птиц, как гаруспики – по внутренностям животных) совершали обряд освящения, и к-рые, т.е. эти места, назывались августейшими (*augusta*); либо происхождение августейшего имени – от полёта или кормления птиц (*avium gustus gustusve*). Не сказано ли у гомераида Энния – крупнейшего римского эпика до Вергилия: «По августейшем гадании основан был Рим знаменитый» (Свет. «Авг.» 7,2). Не отверг ли Август в 27г. имя основателя Рима Ромула (от к-рого за версту разило царизмом), начав новую историю загранированного под мавзолейную Республику Рима принципатовско-императорского, вверенного его персональному попечению сенатом и народом под его благоговейно августейшим именем Август (Р.л. 258-63)!¹³⁹

Это авгуральное птицегадание на благо римского государства связывалось, помимо прочего, с сакральной городской чертой Города Рима – *Pomerium* – и с правом на её торжественное ритуально-спиритуальное отодвижение-расширение теми, «кто увеличил размеры империи», о чём Тацит повествует ниже. И понятно, что к числу её расширителей завоевательно оперировавший в Британии и на Боспоре Клавдий причислял также себя, поскольку именно он впервые после Цезаря и Августа (оставив в офсайде Тиберия и Калигулу) победоносно раздвинул имперские границы и сферы влияния *Imperium Romanum*.

¹³⁹ Впрочем, если Дион говорит про авгуральное гадание о благе государства под 29г. до н.э. (51,20), в то время как предыдущее свидетельство относится к 63г. до н.э. (Дион 37,24; Цицерон «De div. 1,105), то Светоний, перечисляя восстановленные Августом в сане великого понтифика, т.е. с 12г. до н.э., «некоторые древние обряды, пришедшие в забвение», называет, в т.ч., «гадание о благе государства» (Авг. 31,4), что противоречит, с одной стороны, гаданию/гаданиям в 63 и 29гг., а с другой, – 75-летнему перерыву (с 27г. до н.э.) на 49г. н.э. Или эта церемония, проведённая в последний раз в знаменательном 27г. до н.э. (несмотря на её декретное обновление великим понтификом после 12г. до н.э.) больше до 49г. н.э. ни разу не проводилась?

РАСШИРЕНИЕ ЧЕРТЫ ПОМЕРИЯ

Pomerium – Померий (*загородная межа*) – античная граница, обозначавшая священные пределы Города Рима. Этимология – *romoerium* (*romerium*) – стяжение слова *post moiro* – *то, что за стеной; загородное место*. Восходит, вероятно, к этрусскому ритуалу (*Etrusco ritu*) проведения сакральной контурной черты перед закладкой города (*Varro «De lingua latina» 5, 143; Ливий 1, 44, 4; Дионисий Гал. 2, 63, 5; А.Геллий 13, 14*), к-рая продолжала, связанная с определёнными ритуалами, функционировать как его (символическая) религиозно-политическая граница и в дальнейшем. Кроме римского, известны ещё Померии в Ариции и в Капуе, но иных дополнительных сведений о них нет.

Относительно же Рима это – изначально священная *борозда Ромула*, вспаханная им перед основанием Города. Когда (вскормленные волчицей) братья-найдёныши Ромул и Рэм решили построить город на том самом (принявшем их) месте – Палатинский холм, куда они были выброшены водами Тибра в счастливой корзине, между ними разгорелся спор – откуда начать постройку, чьим именем город будет назван и кто в нём будет царствовать. Они решили ждать предзнаменательного указания богов и стали наблюдать-гадать по полёту птиц (ауспиции; авгуральная ауспикация).¹⁴⁰ Рэм первым увидел 6 коршунов и издал радостное восклицание. Однако мимо Ромула пролетели сопровождаемые громовыми раскатами с неба 12 коршунов (Ливий 1, 6/7; Плутарх «Ромул» 9-12).

Братья снова заспорили. Ромул принял за копоть ров, чтобы очертить контуры будущего города (священной чертой-бороздой), а Рэм начал насмешничать над ним, легко перепрыгивая через ров и насыпанный вал и говоря, что никогда не видел

¹⁴⁰ *Avis* – птица; *speculare* – наблюдать. В узком смысле – наблюдение и гадание авгуров за предзнаменательными поведением и полётом птиц. В смысле же широком – ауспиции делились, как полагают, на 5 видов: небесные – наиболее важное (*maximum auspic.*) наблюдение и предзнаменательное толкование природных явлений: молнии, громы, грозы; 2) наблюдение за птицами, к-рые делились по пению, голосу, полёту: вороны, совы, куры, орлы, грифы; 3) наблюдение за поведением первоначально любой птицы, позже – цыплят при кормлении (делалось обычно при военных экспедициях: хороший цыплячий аппетит – хорошее предзнаменование; плохой или, тем паче, отсутствие аппетита, – плохое, либо очень плохое); 4) наблюдение за четвероногими (домашними и дикими) животными; 5) гадание по наконечникам копий во время походов.

Авгуры – жрецы, чьи ритуалы первоначально были связаны с божеством плодородия, поданные к-рым знаки они улавливали и толковали. С течением времени выработалась целая наука – авгуральная дисциплина, к-рая применялась для прорицаний и толкования предзнаменований. Особое значение придавалось гаданию по птицам (собственно ауспиции). Облечённые властью римские магистраты обязаны были прибегнуть к ауспициям перед каждым политическим и военным актом, с условием совершения-реализации оных при благоприятном исходе гадания. В ходе веков всё это превратилось в формально-ритуальную процедуру. Согласно Цицерону (106-43г. до н.э.), в его время авгуры не могли без улыбки смотреть друг на друга при наблюдениях и гаданиях, сами не веря в них. Отсюда ироничное выражение – «улыбка авгуров». (В сущности, с I/IIв. язычники-римляне формально и по вялой инерции, несмотря на некоторые искусственные всплески-рецидивы, продолжали поклоняться языческим богам, в к-рых сами больше, по большому счёту, не верили!)

Маэстро Август как бы возродил традиционалистскую сакру, в реальности замариновав-мумифицировав её и торжественно уложив в республиканско-императорский мавзолей симбиозного Принципата, в процессе учреждения-создания консенсуса *universorum*, с его взаимоповязанными реставрацией и модернизацией, с их комбинаторским совмещением великим комбинатором-совместителем принципиальных несовместимостей: по стопам Ромула и Нумы, Л.Брута и Республики, патрициев и плебеев, Мария и Суллы, Помпея и Цезаря (и даже – Антония с Клеопатрой!).

столь мощных укреплений. В ярости (*каинит*) Ромул убил (*авелита*) Рэма (за святотатство) и сказал: «Так да погибнет всякий, кто перескочит через мои стены» (Ливий 1,7). Затем, похоронив брата, принеся искупительные жертвы и тщательно выполнив все обряды, он и его спутники прошли очищение огнём, совершив – каждый – ритуальный прыжок через разведённый костёр. После этого братоубийца вырыл яму и бросил в неё взятую из родного города близнецов Альба-Лонги горсть земли, а затем устроил алтарь священного очага с возжжённым на нём живым огнём.

Далее вспаханная Ромулом священная борозда вокруг Палатинского холма очертила Город. Запряжённые в плуг с белым сошником белый бык и белая телица направлялись шедшим за плугом пахарем-основателем в жрецеском облачении с покрытой головой. Его спутники следили, чтобы комья взрытой лемехом земли были отброшены внутрь проведённой черты. Переступить её запрещалось, считаясь святотатством, в наказание за что и погиб Рэм (в *каинитском* городе не нашлось места, пусть вскормленному волчицей, *авелиту!*).¹⁴¹ В тех местах, где должны были находиться входы и выходы из Города, борозда прерывалась, обозначая неспаханым простором местонахождение предстоящих городских ворот (Р.л. 255).

Не символизируют ли 6 коршунов Рэма первые 6 столетий Рима, с 753 – 47гг. по 146г. до н.э., когда разрушены Карфагена и падение Коринфа ознаменовали, с одной стороны, начало вершины могущества всё ещё прежнего (пришедшего в мир ради *свободы и справедливости*) старого Рима, а с другой, – стали предвозвещением (несмотря на державно-политические высоты II/I – I/Iвв.) его декаданса и вырождения!

И не олицетворяют ли 12 коршунов Ромула 12 столетий от основания Рима до битвы на Каталаунских полях в 45г. н.э., когда Рим фактически погиб, заслонив собой (благодаря подвигу Аэция, римского воинства и героически проломивших оборону непобедимого Аттилы германцев Теодориха) нарождающуюся Европу. И ещё до низложения в 476г. Ромула Августула, когда Западная Римская империя (отослав знаки императорской власти во Второй Рим – Константинополь) официально перестала существовать! *Каинит* Ромул убил *авелита* Рэма и заложил *каинитский* город, у истоков к-рого стояли *изнасилование* Марсом весталки Реи Сильвии, к-рая родила от бога войны братьев-близнецов, и *братоубийство* братом-близнецом Ромулом брата-близнеца Рэма! А *авелитский* импульс пришёл в Рим через Грецию, еврейство и, наконец, христианство!

И не существовало ли на месте Рима задолго до Рима поселение Сатурния (Р.л. 399-401), обитель Януса, к-рый уступил её спасающемуся от сына Зевса Кроносу-Сатурну, гостеприимно встретив его и перебравшись на (внесемихолменный) Яникул. Притом Янус, Сатурн, Пик, Фавн и Латин властвовали в Сатурнии за 150 лет до прибытия сюда троянских беженцев во главе с Энеем. Т.е., если троянцы прибыли на Тибр ок. 1180г. до н.э., значит, Сатурн основал Сатурнию ок. 1330г. до н.э. = в XIVв. до н.э., когда шло первое столетие пребывания Израиля (с 1407 – 1400гг.) в Земле Обетованной, куда изошедших из Египта (1447 – 07гг.) и доведённых до Иордана Моисеем (сатурнальных) израэлитов ввёл через эпохально пересечённый Иордан Иисус Навин (+ 1380/79гг.).¹⁴²

Между тем, Янус уступил Сатурну не Палатин, но Капитолий, к-рый, по преданию (на к-рое ссылается Тацит), вовлёк в черту (Ромулова борозда) Померия (расширив её) не Ромул, а его соправитель – (сабиняни) Тит Таций. Дальше – больше.

¹⁴¹ Ср. *авелит* Соломон и *каинит* Хирам, где (двумя столетиями ранее) наоборот – второй погибает, став жертвой покушения, по воле первого.

¹⁴² И не тогда ли, т.е. как раз ок. 1330г. до н.э., в упадочном Египте (19-я династия) началась декадентно-империалистическая эпоха Рамзеса II (пытавшегося превзойти могущественнейшего фараона 18-й династии – Тутмоса III).

Согласно творившему при Антонине Пии (138–61 гг.) и Марке Аврелии (161–80 гг.), во второй половине II в. н.э., автору «Аттических ночей» А. Геллию (род. ок. 130 г.), кто апеллирует к авгуру и учёному писателю Ив. до н.э. (современнику Варрона) Валерию Мессале Руфу (+ 27/26 гг. до н.э.)¹⁴³, Квиринал, Виминал и Эсквилин включил в помериальную черту царь Сервий Туллий (VI в. до н.э.) (13,4,5) (Сенека «Brev. vit.» 13,8).

Последний строил знаменитую Сервиеву стену вокруг Города, правда, её известные сегодня руины относятся ко времени не ранее IV в. до н.э. и, предположительно, были возведены после галльского штурма 390 г., когда, кстати, кельты-галлы взяли Рим и владели им, за исключением Капитолия, где укрепились римляне, на протяжении 7-и месяцев, после чего никакой враг больше не брал Вечный город до его сдачи без боя в 410 г. н.э. готским варварам Алариха.¹⁴⁴

Тем не менее, сейчас для нас важно не это, а то, что, если по Тациту, во весь республиканский период (!) до (диктатора) Суллы и позже (кесаря) Августа пределы сакрального Померия не расширялись, то сообразно Геллию, во-первых, их расширяли Сулла, Цезарь, Август, Клавдий, Траян, и во-вторых, Авентин был взят-вовлечён в Померий только Клавдием. Плюс к тому, молчок о расположенном по соседству с Палатином, к востоку от него и к юго-западу от Эсквилина, Целии (хотя Геллий говорит об Авентине в офсайде в пору нахождения 6-и, а не 5-и холмов в черте Города)¹⁴⁵, к-рый, скорей всего, вошёл в (за) спиритуальную черту именно при Республике.

¹⁴³ М. Валерий Мессала Руф (ок. 103 – 27/26 гг.) – в юности авгур; участник битвы при Утике (46 г. до н.э.) на стороне Цезаря («Африканская война» 86,3); закончил полит. карьеру в 45 г., посвятив себя с тех пор литературе и науке; вероятный автор трактата «Об ауспигиях», послужившего основным источником для Геллия, в труде к-рого, в частности, читаем: «Авгуры римского народа, написавшие книги «Об ауспигиях», дали следующее определение тому, что такое Померий: «Померий есть освящённое августейшее место внутри территории Города, охватывающее всю его окружность позади стен и определённое чёткими рубежами, к-рые образуют границу городских ауспигий». Древнейший Померий, определённый Ромулом, оканчивался у подножия Палатинского холма. Однако этот Померий по мере роста государства несколько раз выдвигался вперёд, и так он окружил собой многочисленные высокие холмы Рима. Правом же расширять Померий обладал тот, кто увеличил владения римского народа за счёт захваченных у врага земель» (14,1-3).

¹⁴⁴ Авгуральные ауспигии имели силу исключительно в пределах священной помериальной черты. Померий нельзя было пересекать с оружием, за исключением триумфа, предусматривавшего-позволявшего её пересечение триумфатором (с его парадным воинством), обязанным взойти к алтарю Юпитера Капитолийского (к-рого – информация к размышлению! – римляне сделали главным богом (не видя ли в нём зеркальное проявление Солнца! и не предвкусывая ли далёкое юпитеральное грядущее Земли!), будучи народом Сатурна, тогда как иудеи, другой народ Сатурна, продолжали поклоняться в лице незримого (лунарно-рефлекторная соларность) Яхве именно Отцу-Сатурну! Во всех остальных случаях военный империй – *imperium militiae* – начинался и имел силу строго за помериальной чертой; носители любого империя вне Рима должны были сложить его перед ней (Дион 39,63,4; 65,1; 40,50,2; 55,8,1). Права нар. трибунов кончались на помериальной границе (Цицерон «*Divin.*» 2,35,75). *Sensus*, связанный с набором-смотром войск и люстрацией, производился на Марсовом поле – *extra pomerium*. Чужеземные боги получали культовые сооружения за чертой Померия, изгоняясь сенатскими решениями вон, в случае проникновения вовнутрь, за отдельными исключениями, по, – опять-таки, специальному постановлению сената. Внутри Померия запрещались, по «Закону XII-и таблиц», какие-либо захоронения и могильники.

¹⁴⁵ Геллий: «По какой причине, когда из 7-и холмов Города 6 находились внутри Померия, лишь Авентин, не являясь ни отдалённым, ни малонаселённым, находился вне Померия? Ни царь Сервий Туллий, ни Сулла, стремившийся достичь почётно права перемещать Померий, ни впоследствии божественный Юлий, к-рый передвинул Померий, не включили его внутрь освящённой границы Города...» (14,4). Ниже же имеется следующая ссылка на Мессалу:

Почему? Потому что, если правом на расширение черты Померия обладали именно расширители рубежей римского государства, то, спрашивается, как она могла (имея сакральное содержание-значение) оставаться-оставляться без изменений-перемещений республиканскими покорителями Италии, Испании, Галлии, Африки, Азии, одолителями Карфагена, Антиоха Магна, Пира из Эпира, Филиппа и Персея Македонских, Югурты, тевтонов и кимвров?!¹⁴⁶

И уж коли Авентин был помериально интегрирован аж Клавдием, по поводу чего Геллий (14,7) опирается на некоего ближе неведомого грамматика Элида, резонен вопрос: почему об этом столь глухо и неестественно молчит специально указывающий на клавдианское расширение Померия Тацит? Таким образом, по всей вероятности, авентинская интеграция имела место раньше. А поскольку о ней молчит и умерший в 27/26гг. Мессала (у Геллия), то – не при Сулле (+ 79г.) и не при Цезаре (+ 44г.), но оптимально при (новом Ромуле и новом Нуме) Августе, о к-ром мы знаем, что он (расширивший пределы римского гос-ва присовокуплением к нему правобережной Германии до Эльбы)¹⁴⁷, согласно Диону (55,6,6), передвинул черту Померия в 8г. до н.э. (Р.л. 545), т.е. во время, по к-рому «Анналов» Тацита нет, и что скороговорщик Дион вполне мог, приложительно к Померию, говоря в общем, анналистически не уточнить.

И не надо удивляться молчанию самого Августа об этом в «Деяниях», так как, во-первых, провинциализированная в 4г. до н.э. правобережная Германия была в связи с поражением Вара в 9г. н.э. потеряна, и во-вторых, Август в «Res gestae» молчит о многом: к примеру, о разделении Рима на 14 округов (7г. до н.э.); или Италии – на 11 регионов (1г. н.э.); или о нереализованной в задуманном им ключевом масштабе вселенской переписи и т.д.

Тем временем, помериально-подвижную инициативность-активность Суллы подтверждают Сенека (Brev. vit. 13;8), Геллий (13,14,4), Дион (43,50,1); о Цезаре и Августе – информация у Диона (43,49,2; 55,6,6). Сулланская и цезарианская расширительная хронология под вопросом. Думается, что как (успешно пововававший Митридата) Сулла, так и (завоевавший Галлию) Цезарь (сакрально-политически) раздвигали-отодвигали Померий каждый в пору своей диктатуры (справившись как

«...Мессала писал, что, судя по всему, есть несколько причин такого положения, однако из них всех он выделял одну, а именно, что на этом холме Рэм проводил ауспиции, ввиду предстоящего основания Города. Гадание у него оказалось безрезультатным, и в ауспициях его победил Ромул. «Вот почему – пишет Мессала – все те, кто перемещали Померий, оставляли этот холм за его пределами, словно таящий в себе зловещее предзнаменование» (14,5/6).

Добавим, на Авентине были погребены (*каинитом*) Ромулом и (*авелит*) Рэм, к-рый, по Плутарху хотел начать строительство города с Авентина, и (сакрализатор Рима до сакропреемствовавшего ему Нумы Помпилия, к-рый не случайно был женат на его дочери, *продолжившейся* в нимфе Эгерии) Тит Таций (Плутарх «Ромул» 7; 11; 23) (см. ниже), а захоронения и могильники внутри Померия запрещались.

Местонахождение Авентинского холма, предоставленного в середине Vв. до н.э. плебейцам и оказавшегося включённым, по нововозведению-обновлению Сервиевой стены в IVв., в черту городских стен (к-рая не тождественна сакральной черте Померия) – южная часть Города. Холм был заселён плебейцами и считался плебейским кварталом. При Августе, с храмами и проч. постройками, составил XIII-й округ Рима. В Ср. века – уединённая возвышенность с несколькими храмами и монастырями.

¹⁴⁶ К тому же, завоевательно-наступательно-расширительный империализм был (сколь ни парадоксально звучит), в большей мере, присущ Республике (Рим на – *вдохе*), нежели Империи (Рим на – *выдохе*), к-рая, при Августе и с Августа (исключая глобально завоевательную аномалию Траяна), взяла на вооружение (не исключая дальнейших локальных завоеваний) империализм преимущественно оборонительный.

¹⁴⁷ Уж не говоря, например, о покорении и аннексии Египта в 30г. до н.э.!

с внешними, так и с внутренними врагами), т.е., соответственно, в 82 – 79 и в 49 – 44гг., или, точнее, – ок. 80 и ок. 45гг.¹⁴⁸

Относительно Клавдия, имеются также эпитафии, обнаруженные на остатках помериального частокола (*cippi*) из белых камней, причём на (внимание!) достаточно отдалённом расстоянии к югу от Авентина, датированные интервалом времени между маем 49-го и 24.01.50гг.: «T.Claudius Drusi f. Caesar Aug. Germanicus pont. max. trib. pot. VIII imp. XVI cons. IV censor p.p. auctis populi Romani finibus pomerium ampliavit terminavitq» (CIL 6,4,231537). Засим, по всему, покоритель Мавритании, расширитель римской сферы влияния на керченско-таманском Боспоре и, главное, завоеватель Британии Клавдий торжественно продвинул-раздвинул Померий (через 56 лет после Августа) во второй половине 49г. н.э.¹⁴⁹

Впоследствии подобную обновительную терминацию проделывали-производили Нерон, Веспасиан, Траян, Адриан, Коммод и Аврелиан (270 – 75гг.), к-рый воздвиг новую Аврелианову стену, включившую территории, ранее располагавшиеся вне помериальной черты. А в IVв. н.э., от Константина до Феодосия, востребовавших, как известно, христианскую церковно-религиозную сакру, и Померий, и давно (не позднее, чем при возродившем мёртвый ритуал Сулле) профанированное таинство его (таинственно обставленного-декорированного) расширения-раздвигания полностью утратили всякое – и сакральное, и политическое – значение.¹⁵⁰

50г. н.э.

1 января 50г. н.э. = 803г. а.У.с. консулами стали Г.Антистий Вет и М.Суиллий Нерулли.

Антистии – римский плебейский род, известный с IVв. до н.э., самые именитые предстители к-рого – ветвь носителей когномена *Vetus*, появляются в истории Рима в Iв. до н.э. Г.Антистий Вет – сын пропретора Испании *Uterior* в 69/68гг., был квестором Цезаря в Испании в 61г., нар. трибуном – в 56г.; в 45г. осаждал, как легат Цезаря, Апамею; в 33г. сражался, как легат Октавиана, против салазов в Альпах; в 30г. облакал (совместно с М.Туллием Цицероном Младшим) консульство-суф.; в 20-е гг. Iв. до н.э. воевал, как легат Августа, кантабров в Испании. Запомнился современникам и потомкам тем, что после гибели Цицерона владел его знаменитой кампанской виллой – *Puteolana* (Плиний 31,6).

¹⁴⁸ Любопытно отметить, что хроносередина ротационно-архангельской эпохи Орифила-Сатурна – 248г. до н.э. – 108г. н.э., в к-рую свершилась Мистерия Голгофы, это – симметричные датам падения Иерусалима, разрушения Храма и римского триумфа Тита в 70/71гг. н.э. – 71/70гг. до н.э. – даты подавления восстания Спартака (71г.), неизвестного «контр-сулланского» (реставрационного) консульства любимцев Суллы Красса и Помпея (70г.), казни в Иудее Иешуа, сына Пандиры (70г.), и ещё осады достигшим своего короткого экспансионистского апогея Тиграном Армянским, последним державно-эллинистическим монархом Азии (к-рый в 66г. передал державную эстафету на Переднем Востоке качественно новому державнику Риму), за год его поражения от Лукулла (69г.), в Птолемаиде (у границ Палестины), Клеопатры Селены (70г.).

¹⁴⁹ К слову, осенью 49г. Клавдий нарёкся консулом-*designatus* V (CIL 5,5804), в видах облечения очередного консульства в 51г., и принял, предположительно, две императорские аккламации, XVII-ю и XVIII-ю, за успехи Остория Скапулы в Британии (см. ниже).

¹⁵⁰ Примечательно, что если в армянском переводе «Хроники» Евсевия (Arm. Karst 215) говорится о тяжёлом голоде в Элладе на 8-м году правления Клавдия = 48г., и о голоде в Риме на 10-м клавдианском году = 50г., то у Иеронима (153) – и элладский, и римский голод датируются 9-м годом Клавдия = 49г. Т.е. в период 48-50гг., при Клавдии, опять имели место голодно-продовольственные проблемы, притом как в Греции, так и в Риме.

Антистиев одноимённый сын — консул-орд. бг. до н.э., проконсульствовал ок. 3/4гг. в Азии, удостоился прославительной статуи от афинян и был жив ещё на 29/30гг. н.э. (Веллей 2,43,4), родив сыновей — одноимённого консула-орд. 23г. н.э., и Л.Антистия Вета — консула-суф 26г. (?). Сын первого из них и есть интересующий нас конс. 50г., к-рый больше ничем не отличился, тогда как его мл. брат (буде он не сын консула 26г.) — Л.Антистий Вет — парный Нерону конс. 55г., покончит самоубийством, предупреждая смертный приговор, в 65г. И, наконец, последний Г.Антистий Вет, сын консула 50г., побывает консулом-орд. в 96г. н.э. Так, придя в римскую историю в первой половине IV в. до н.э., Антистии Веты, сделав своё дело в нескольких поколениях, уйдут из неё к концу IV в. н.э.

В отношении Суиллия Неруллина, если второй сын скандального делатора П.Суиллия носил когномен Цезонин в честь жены Калигулы Цезонии, то этот, — третий суиллианский отпрыск (от падчерицы Овидия), — назвался и был Неруллином уже на момент облечения им консульства (?) в честь Нерона. Стало быть, назвался, заранее зная, что сын Агриппины Л.Домиций Агенобарб, вот-вот, в 50г., примет, усыновлённый Клавдием, имя-прозвище — Нерон (*храбрый*) Клавдий Друз Германик Цезарь?!

Или, что скорее, сей Суиллий обзавёлся когноменом «Неруллин» как раз в 50г., приветствуя таким макаром ставшего Нероном Нерона! В 58г., после ссыльного изгнания престарелого отца, держащему нос по ветру Неруллину удастся избежать благодаря заступничеству Нерона репрессий и унаследовать часть родительского состояния; при Веспасиане, ок. 69/70гг., он сделается проконсулом Азии и, возможно, благополучно доживёт до кесарства Тита (79 — 81гг.).

УСЫНОВЛЕНИЕ НЕРОНА И АВГУСТИЗАЦИЯ АГРИППИНЫ

Итак, в начале 50г., а именно 25.02. (CIL 6,2041 Acta arg.), т.е., по истечении первого месяца X-го года своей государственно-трибунской власти (с 25.01.), Клавдий adoptировал-усыновил сына Агриппины, на 13-м году жизни отрока, согласно Тациту, «по настоянию Палланта» (Ан. 12,25), к-рый устроил её замужество и позднее вступил с ней в преступное сожительство. Здесь Тацит вряд ли прав, поскольку в тайное сожительство с Агриппиной Паллант, вероятно, вступил ещё в 47/48гг., после отравительного устранения ею богатого законного мужа — Пассиена Криспа, когда их обоих, Палланта и Агриппину, толкнула в осторожные объятия друг друга оппозиция к Мессалине, в пору падения к-рой усилиями Нарцисса, они, оба, страстно желая этого, опять-таки, осторожно выжидали, активно выступив затем на авансцену в дни подбора-выбора новой жены для Клавдия.

И Паллантова невестинская кандидатура прошла, так как Агриппина умело обошла соперниц и успешно составила брачную императорскую пару Клавдию, в связи с чем Палланту (фавориту и подельнику) властной императрицы подфартило выйти во влиятельные императорские вольноотпущенники № 1.

Настаивая на усыновлении юного Домиция, «...Паллант всячески увещевал Клавдия подумать о благе Римского государства, о том, чтобы было кому поддержать Британника, пока он ещё в отроческом возрасте; ведь и при божественном Августе, невзирая на то, что он располагал опорой в лице внуков, были в силе и пасынки; да и Тиберий, имея родного сына, принял Германика в лоно своего семейства; так пусть же и он, Клавдий, приблизит к себе юношу, готового взять на себя часть лежащих на нём забот. Убеждённый этими доводами, Клавдий предпочёл собственному сыну Домиция, к-рый был тремя годами старше

Британника¹⁵¹, и, выступив с соответственной речью в сенате, повторил в ней выслушанное им от вольноотпущенника. Осведомлённые люди отмечали по этому поводу, что в роду патрициев Клавдиев не было раньше ни одного случая усыновления и что кровная преемственность не прерывалась у них от самого Атта Клавса» (Ан. 12,25).

Август выдвинул пасынков Тиберия и Друза на первые престололюбительские роли по смерти в 12г. до н.э. своего зятя (и друга) М.Агриппы, на время пока сыновья последнего, дети Юлии, (родившийся в 20г.) Гай и (родившийся в 17г.) Луций (не считая родившегося в 12г. Агриппу Постума) Цезари, подрастали. Но Август усыновил Тиберия и сделал первонаследником только после смерти Луция (2г. н.э.) и Гая (4г. н.э.) Цезарей, в 4г. н.э., велев, вместе с тем, Тиберию усыновить сына его покойного брата Друза (+ 9г. до н.э.) – Германика (15г. до н.э. – 19г. н.э.), к-рый был на полтора года старше Тибериева сына Друза (14г. до н.э. – 23г. н.э.), в видах составления ему перспективной дуалистической пары.

Т.е., во-первых, сыновья Ливии были избраны временной гос. опорой Августом, без их усыновления, до повзросления усыновлённых им Гая и Луция (относительно к-рых беспощадная судьба распорядилась иначе), а во-вторых, и Германик, и Друз, в пору усыновления Августом Тиберия и Тиберием Германика, были в возрасте, один – 18-и, другой – 17-и лет, при том, что между ними и Августом (к-рому на 4г. н.э. оставалось жить ещё 10 лет) стоял 45-летний, на 4г. н.э. полный сил, Тиберий.

Так что у Августа, по данному актуальному вопросу поступенчатого-иерархического обустройства престолонаследования, всё было детально продумано-рассчитано (хотя человек предполагает, а Бог располагает). Клавдий же, сам на 59-м году жизни, усыновлением вступившего в 13-й год Нерона, фактически, да ещё имея перед собой печальный опыт-исход Тиберия Гемелла (цинично ликвидированного-устранённого по приходе к Калигулы к власти), приносил 9-летнего Британника (у к-рого, со смертью Мессалины, не было никакой иной опоры, кроме Клавдия, и к-рого, как будущего потенциального мстителя за мать, многие опасались) Нерону и Агриппине в жертву.

Посему надо было очень не хотеть всё это (что не составляло особого труда) предвидеть, как, делаем вывод, не захотел, предпочтя кривое зеркало прямому, Клавдий. Но был ли у него выход? Пожалуй, нет, если уж он похотливо женился на Агриппине, не сумев ни, в первую очередь, себе, ни ей отказать. И значит, сыну Агриппины, внуку Германика, к-рый был старше Британника, уже самим фактом брака его матери с кесарем открывалась перводорога к трону. Всё остальное – дело техники! Ибо такой брак *сегодня* сам по себе ставил на повестку дня усыновление *завтра*, к-рое и возымело, с логической последовательностью, место быть, без видения-увидения Клавдием всего того, пусть лежащего на поверхности, чего он, довольный-удовлетворённый настоящим, не (за)хотел (до поры) видеть, и о чём не хотел (до поры) думать. А когда захочет, будет уже поздно! (Или он полагал, что Агриппина родит ему наследника! что, в обстоятельствах, когда не только третий, но и второй – лишний, ещё более усложнило бы ситуацию!)

Впрочем, побудительным мотивом Клавдия, помимо вспыхнувшей в нём страсти похотливого дядюшки к любимой племяннице, являлся, как сказано, августейший дуализм престолонаследования, в неписано-конституционных рамках к-рого он действовал, не могучи и не желая выйти за них, и в рамках к-рого сын Агриппины Нерон был единственной приемлемой в настоящем парой Британнику, к сожалению, будучи старше Британника. Остальное же – либо приложится, либо не

¹⁵¹ Нерон родился 15.12.37г., Британник – 12.02.41г., т.е. разница между ними – 3 года и 2 месяца.

приложится. Авось пронесёт. Политики почти всегда хотят верить в то, что худшее из случившегося с их предшественниками, их самих и их потомство обойдёт стороной.

Светоний: «...собираясь усыновить Нерона — словно мало его осуждали за то, что имея сына на возрасте, он заводит ещё пасынка! — он много раз заявлял во всеуслышание, что в род Клавдиев ещё никто никогда не вступал через усыновление» (Кл. 39,2).

Сабиняне Клавдии, родом из Регилл, согласно Светонию, переселились в Рим — либо по почину соправителя Ромула Тита Тация, либо инициативой главы рода (= клавдианского родоначальника) Атта Клавса — в самые первые годы Республики = в последнее десятилетие VI в. до н.э. (Тиб. 1). В Риме они были приняты в число патрициев, и с тех пор многие представители патрицианского gens Claudia (не путать с одноимённым плебейским родом) стяжали множество лавров, занимая множество ответственных постов и прославившись множеством, во славу и на пользу Римского государства, деяний-достижений (Д.И. 12/13).

Одновременно, были известны их надменность, патрицианская гордыня и отказ от общепринятой как в республиканском, так и в императорском Риме практики adopции. Засим, если первый Клавдий, перешедший в 59 г. до н.э. (при содействии консула Цезаря) из патрициата в плебс, это — исключительный в среде оптиматов Клавдиев суперохлократ и авантюрист Клодий, то первый (и последний) усыновленец в роду (вымирающих) Клавдиев — урождённый Домиций — Нерон. Причём его — и по становлении Клавдием — недоброжелатели будут, когда у него вырастет медного цвета борода, дразнить «меднобородым Агенобарбом»: отличительный признак и когномен, со времени битвы на Регилланском озере в 496 г., после к-рой близнецы Диоскуры потеряли за покрасневшую-помедневшую бороду домицианского родоначальника, Домициев Agenobarbi (Р.л. 1156).

Соответственно adoptивно-престолонаследному положению её сына, (королева-мать) Агриппина удостоилась титула Августа, сравнившись так статусом-рангом с Ливией — матерью престолопреемника Тиберия при кесаре Августе, к-рая, правда, стала Августой, удочерённая в gens Iulia, завещательно, по смерти Августа. Однако, сверхкорректная Ливия, ни как Ливия, ни как Юлия Августа, никогда не выходила (пользуясь значительным авторитетом) из-за спин Августа или Тиберия на передний план, а волевая целесустремлённая Агриппина, напротив, обладала возле тюти Клавдия властью, какую, как сказано, не имела ни одна римлянка до неё.

И дальше Тацит скорбит о заведомо предсказуемой участи несчастного Британика, кто, отодвинутый актом Неронова усыновления на задний план, постепенно лишился даже рабских услуг и «воспринимал как насмешку неуместные ласки мачехи, понимая их лицемерие» (12,26). Обладал ли он, очень дружный, как говорят, с сыном Веспасиана Титом (род. в 39 г.), природными дарованиями? или в кадре опять постмолва о не успевшем как-либо проявить себя и трагически кончившем в юные годы кронпринце? — вопрос. В любом случае, по данному поводу, поскольку природные дарования были ему, невинной жертве коварства недлюда Нерона, приписаны задним числом, сквозь призму всего произошедшего позднее, ничего определённого сказать нельзя. Ведь с тем же успехом можно контафтологически предположить отягощённую наследственность у сына дебилоида и нимфоманки, к-рая тоже в нём, кого Нерон отравит в 55 г., в возрасте 14-и лет, никак не проявилась или проявиться не успела.

Эпитамированный Дион (61,32,2) в выжимках Зонары (11,10) и Ксифилина (144,19-22), сообщив об удочерении, по усыновлении Нерона, обручённой ему дочери Клавдия от Мессалины Октавии в другой род, чтобы уйти от видимости предстоящего (по достижении Октавией в 52/53 г. брачного возраста) брака брата и

сестры, делает упор на дурных предзнаменованиях: «Когда Клавдий усыновил Нерона, взятого в зятя, сделав сначала так, чтобы его дочь была принята в другую семью, во избежание видимости брака брата и сестры, случилось множество знаменений. Небо в тот день казалось объятым пламенем».

Между тем, августейшая Агриппина добилась предоставления статуса ветеранской колонии городу убиев – *oppidum Ubiorum*, где, в центре Нижней Германии, в к-ром она 6.11.15г. н.э. (у её матери Агриппины Ст., находившейся при заведовавшем Германией Германике) родилась, имелся августейший алтарь *Ara Ubiorum*, и к-рый отныне получил название *Colonia Agrippinensis* = Агриппинова колония (современный Кёльн).

В IV в. до н.э. убиев обитали на правом берегу Рейна, от реки Зиг через р. Лан до нижнего течения Майна, по соседству с треверами и сигамбрами. Цезарь называет их «цивилизованными германцами», и действительно они первыми установили торговые и культурные отношения с римлянами, проявляя дружелюбие к ним, равно ориентационную тягу к Риму, и предоставляя в распоряжение римлян отряды своей лёгкой кавалерии. Это обернулось для них рядом конфликтов с германскими соседями, почему они в 38г. до н.э., договорившись с М.Агриппой, к-рый оперировал на Рейне, переселились с правого берега, под крыло Рима, на берег левый, в пределы будущего римского дистрикта Нижняя Германия. Тут они расселились в районе нынешних Бонна, Кёльна, Аахена, с центром в Городе убиев.

С провинциализацией же в IV в. до н.э. правобережной Германии предполагалось, что здесь, в местонахождении августейшего алтаря *Ara Ubiorum (Romae et Augusti)*, будет сакрально-политический центр двоебережных Германий, по типу-образцу лугдунского центра Трёх Галлий (*Tres Galliae*). И, возможно, для освящения этого алтаря сюда в IV в. до н.э. прибыл, в последний раз в жизни покинув пределы Италии, сам (59-летний) Август (Р.л. 643).

Но глобальным германским планам-проектам Августа не суждено было сбыться из-за сокрушительного тевтобургского поражения в 9г. н.э. Квинтилия Вара и потери Римом правобережной Германии. Тем не менее, Город убиев продолжал оставаться военно-политическим и административным центром управлявшейся кесарско-консульскими легатами левобережной Германии Нижней (4 легиона), особого, как и Германия Верхняя (4 легиона) с центром в Могунтиаке (Майнц), римского милитаризованного владения-дистрикта, до учреждения на месте этих дистриктов, при Домициане, двух регулярных провинций.

И вот теперь, в 50г. н.э., сакрально-алтарный Город убиев (через 35 лет от рождения в нём Агриппины Мл.), с выведением в него римской ветеранской колонии, назвался именем удостоенной, повторим, титула Августа правнучки Августа и внучки Агриппы. Нет, не по случайному, как полагает Тацит (12,27), совпадению принял здесь (за 52 года до рождения в *oppidum Ubiorum* Агриппины Minor) переправившееся через Рейн племя убиев под римское покровительство М.Агриппа, ибо случайные совпадений в истории не бывает. Зато в ней часто случаются неслучайные случайности, и Агриппина, притязая на выразительную (не без сакры) правопремущественность, в демонстрации «своего могущества и союзным народам», решила как поставить одну из жирных периферийных точек, так и расставить недостающие (от Рима до самых до окраин) точки над *i*.

НАБЕГ ХАТТОВ

«Около этого времени Верхнюю Германию охватили страх и смятение, вызванные грабительским набегом хаттов. Против них легат Публий Помпоний вызывает когорты вангионов и неметов с приданной им союзной конницей, к-рым приказывает перехватить грабителей на обратном пути или, если они разбредутся, внезапно зажать их в кольцо. Старательно выполняя предписания полководца, воины разделились на два отряда, и те, что направились левой дорогой, устремились со всех сторон на недавно возвратившихся из похода врагов, к-рые после безудержного, поглотившего их добычу разгула, были объаты глубоким сном. Эта победа над хаттами доставила римлянам тем большую радость, что почти через 40 лет после поражения Вара ими были вызволены из плена несколько его воинов...» (Ан. 12,27)

П. Помпоний Секунд – знакомый нам конс.-суф. 44г. н.э., философ, поэт, драматург, гос. муж, что римляне (иное дело – хорошо или плохо) совмещать умели (см. выше), был с, как сказано, ок. 47г. легатом Верхней Германии. Хатты – мощнейшее, по ослаблению херусков с гибелью в 19г. Арминия, из близких к рейнской границе, правобережное германское племя на территории современных Нижнего и Верхнего Гессена. Оно – то мирно сосуществовало с римлянами, чей тиберианский отказ в 16/17гг. (после 30-летней войны 16г. до н.э. – 16г. н.э.) от притязаний на правый берег упростил ситуацию, то портило с ними, продолжавшими соучастием в межгерманских распрях интриговать за Рейном, политические отношения. Да и более богатый-культурный (окультуренный римским господством и соседством с Галлией) левый берег был лакомым кусманом для германских набегов, один из к-рых, а именно – хаттский, имел место в 50г.

По обычной грабительской схеме, хатты, совершив-завершив стремительный набег и захватив богатую добычу, повернули назад, но на обратном пути, безудержно забражничали, потеряв бдительность, чем не преминули воспользоваться римляне, к-рые, насколько выводится из рассказа Тацита, решили наказать обнаглевших варваров, силами левобережных союзников, и на левом, и на правом берегу. Помпоний снарядил против т.н. возвращенцев союзно-аукзилиарные когорты вангионов и неметов с приданной им аукзилиарной конницей, а сам с легионами выжидательно расположился у горы Тавн.

Вангионы, неметы и трибоки – германские племена, в составе собирательного свевского союза племён (Цезарь «Галльская война» 1,52,2; Плиний 4,106; Тацит «Германия» 28), к-рые перешли в 71г. до н.э. вместе со свевами Ариовиста через Рейн, совместно с ним были в 58г. Цезарем одолены и частично ушли назад, чтобы потом снова мигрировать на левый берег, с проримским расселением вдоль Рейна. Их центры с юга на север: Броккомаг (Брумат) – трибоки; Новиомаг (Шпейер) – неметы; Борбетомаг (Вормс) – вангионы. Притом и вангионы, и поклонявшиеся, в частности, богине Nemetona (CIL 13,6131; 7,36) неметы, поселившиеся между Пфальцем и Боденским озером, по соседству с вангионами и треверами, быстрыми темпами романизировались.

И хотя происхождение наименования неметов традиционно возводится к кельтскому *nemed* – *благородный*, по одной из не столько спорных, сколько маргинальных версий-теорий, именно к ним восходит русское – «немцы», тогда как по другой, слово «немец» происходит от – «немой» (в смысле – не говорящий по-русски), к-рым, кстати, в допетровской Московии называли всех не знающих местного языка

европейцев (неславянской Европы), в т.ч., точнее, в первую очередь (наиболее многочисленных европришлецов в Россию), немцев.¹⁵²

Так или иначе, на Ив. н.э. левобережные вангионы и неметы (сходно трибоки) были романизованными и романизирующимися верными союзниками римлян (*civitas*), из к-рых набирались аукзилиарные пешие когорты и кавалерийские алы.¹⁵³ Вот и сейчас они, тщательно выполняя распоряжения-предписания Помпония, обрушились «на недавно возвратившихся из похода врагов», застав последних, объятых глубоким постбражническим сном, своим внезапным нападением врасплох.

В итоге Помпонию даже не пришлось пускать в дело изготовившиеся к битве, по всем правилам, легионы, — «на случай, если бы побуждаемые жаждою мщения хатты (разбитые вангионами и неметами) доставили ему возможность сразиться с ними» (Ан. 12,28). Нет, — такую возможность они ему не предоставили, поскольку, опасаясь быть окружёнными, с одной стороны, римлянами, а с другой, враждебными им, вероятно, предводительствуемыми Италиком, херусками, отправили в Рим, признав своё поражение, обязавшись компенсировать нанесённый ущерб и изъявив лояльность, послов и заложников.

Им было не с руки и не по плечу основательно тягаться с римлянами, к-рые в то же время могли активно задействовать против них стремившихся вернуть себе утраченные лидерские позиции на правом берегу херусков. Одновременно, римляне, по-прежнему, не желали (согласно, можно сказать, доктрине Тиберия) ввязываться в какую-либо длительную войну с правобережниками и милитантно оперировать крупными силами за Рейном.

Поэтому такой исход-расклад удовлетворил-устроил обе стороны, тем паче, что в результате победы были вызволены из 40-летнего плена некоторые уцелевшие римско-тевтобургские пораженцы, относительно чего Тацит, говоря «почти через 40 лет», ошибается, ибо Арминий разгромил Вара в 9г. н.э., с каковых пор на 50г. прошло не почти 40, а больше 40-а лет. Соответственно, речь идёт о нескольких выживших и доживших до 50г. стариках (ветераны трёх погибших в Тевтобургском лесу легионов), получивших ныне возможность возвратиться из долгого, длинной в большую часть жизни, германского рабства домой.

¹⁵² Остаётся спросить, каким образом русское слово «немец» может восходить к неметам (и добраться до Русского государства, даже считая с начала Древней Руси Рюрика в IXв.), если неметы (христианский епископ к-рых *Jesses Nemetum* зафиксирован под 346г.) (*Collectio conciliorum ed Mansi 2,1371*) исчезли из истории, окончательно поглощённые алеманнами и франками, ещё до первого упоминания каких-либо славян, в Vв. н.э.?! Славянские племена впервые появляются в византийских источниках середины VIв. под именем склавинов и (подвопросных ранних славян) антов (с ретроспективным упоминанием последних, возможно, балтов, ассимилированных славянами в VIв., приложительно к событиям IVв.).

И, к слову, здесь не мешает присовокупить для сравнения следующее. Если в IV-ю Греко-Римскую эпоху (748/47гг. до н.э. — 1413г. н.э.), по прошествии шести столетий с её начала (когда Рим, сокрушив Карфаген и разрушив Коринф, был на своём державно-республиканском пике), Германство, к концу IIIв. до н.э., только впервые выступило на историческую авансцену (кимвры и тевтоны — 113-01гг.), то сегодня, с начала в 1413г. V-й Германо-Англо-саксонской культуры, тоже прошло всего 600 с гаком лет. Т.е. грядущее Славянство VI-й (новопасхальной) эпохи Самодуха, Славянство IV-VI тыс. н.э., пока находится в (не поддающемся реконструкции) зачатке-начатке. (Так что не надо искусственно торопить события!) И можно, кстати, именно под этим углом зрения услышать-расслышать слова (задумавшись над ними) К.Леонтьева о том, что «христианство в России ещё не проповедано».

¹⁵³ В последний раз все три племенные общины выступят против римлян в 70г. н.э., поддержав восстание батавов, после этого вкушая мир и вбирая в учреждённой Домицианом (80-е гг. Ив.) на месте Верхней Германии провинции *Germania prima* залимесную (ото дней Адриана) римскую культуру до опустошительных вторжений правобережных алеманнов со второй половины IIIв. н.э. (Аммиан Марцеллин 15,11,8; 16,2,12).

В награду за одержанную победу Помпоний стяжал триумфальные украшения, «но в них – как уважительно присовокупляет автор «Анналов» – лишь малая доля его известности у потомков, к-рые чтят его как выдающегося поэта» (12,28) (см. выше). Ну и Клавдий, наверное, не упустил случая принять-вкусить очередную императорскую аккламацию.¹⁵⁴

¹⁵⁴ Интересно отметить, что если херуски (herut – олень), главная миссия к-рых, осуществлённая Зигфридом-Арминием, заключалась в изгнании Рима/римлян с заповедного правобережья Рейна, покинули историческую сцену, подпав в Ив. хаттам, уже во II-IVвв. н.э., то (нечуждые малоазийским хаттам/хеттам) германские хатты продолжали здравствовать ещё долго, мало того, они сохраняли верность старогерманским богам, в составе гос-ва франков, до VIIIв., когда – 723г. – Св.Бонифаций срубил дуб Донара, у Гайсмара, чем было положено начало обращению хаттов в христианство.

По верованию древних германцев, солнце прибывало со дней зимнего солнцеворота *прыжками оленя* (золотой олень – священное древнегерманское животное, как и в находках из скифских курганов, как и у связывавших свои яфетические корни с овном и оленем армян), а 4 оленя времени (Даин, Двалин, Дуниер, Дуратор) питались почками (часы), цветами (дни) и ветвями (времена года) мирового ясеня – Иггдрасил (= мировая ось – Ирминсул) – создателя царств богов, великанов и гномов, из-под корней к-рого бьют три источника: Хвергелмир (творение), Мимир (божественная мудрость), Урд (судьба) (Р.л. 1224; 1235-37). Кроме того, согласно германо-скандинавской мифологии, род человеческий возник от осины, вяза, тиса, чем указывается на родство исконно безгрешного астрального тела (первочеловека Имира) с растительным миром.

Туистон (Twisto – Zvist) – разделение; раздвоение – андрогинный германский Адам (или – близнец? двойник? Второй Адам? Имир – первочеловек-гермафродит). Его потомок – Манн = Ману (Ной), сыновья к-рого – Ингвац, Иствац, Ирминац (Аствац – у армян – «Бог» – слово хеттских корней). Гл. божество – Тайвац, чьи последующие эманации: Циу – сначала Юпитер, потом – Марс; Донар/Тир – Юпитер, у Тацита – Геркулес; Вотан (скандинавский Один) – Меркурий; (сын Одина) жертвенный солярный Бальдур (Аполлон и Дионис)... Братская триада германских богов – Вотан, Лёдур, Гёнир.

В вертикальной космогонической-космологической проекции мироустройства Асгард – вышняя обитель богов (связанный с Асгардом радужным мостом Биврёст – Мидгард – мир, населённый людьми; Хельхайм – нижнее загробье), местонахождение Валгаллы (небесно-загробного, во главе с Одином, рая для избранных, и в первую очередь – для героически павших, не выпустив меч из рук, воинов, души к-рых Валькирии забирают в Валгаллу), над средней-центральной Германией. При сакральной земной проекции Асгарда – в средней-центральной (сердце) Германии Magna и окрест (Гессен? Саксония-Анхальт? Тюрингия?). Не там ли Зигфрид-Арминий не допустил утверждения изгнанных за Рейн римлян (9-16гг.)! Не оттуда ли полутысячелетняя история/метаистория тянется как к Дитриху Бернскому – чей земной прототип – остготский король Теодорих Великий (+ 526г.) – убийца и преемник положившего конец Западной Римской (476г.) империи Одоакра (+ 493г.), так и аж до VIII/IX/Хвв. – время, по к-рое имела место адаптация германцев к языческому пантеону – отчасти параллельно и вперемешку/впережку с христианизацией германства. И именно Асгард – центр таинственных германо-скандинавских инспираций-мистерий (подвергшихся также благотворному спиритуальному влиянию Кельтики) – впоследствии передал скрытую эзотерическую эстафету (окультному) центру Св. Грааля (одно из земных проявлений – Монсальват), из к-рого и от (у) к-рого её в дальнейшем приняло (особенно после разгрома тамплиеров в начале XIVв.) Розенкрейцерство.

Из Асгарда получали инспирации Архангелы-покровители Скандинавии, и оттуда – Архангелы-предводители германских – запада, центра и севера Европы. Дело в том, что старый мир древних богов до вмешательства архангельских и ангельских сущностей в человеческую эволюцию, западные народы, до пробуждения в них импульса Я, называли Ванам, а Ангелов и Архангелов – Азами. Причём как в горизонтальной, так и в вертикальной пространственной модели мира, присущих как скандинавским, так и континентальным германцам, наличествует мотив 4-х карликов-цвергов, носителей имён 4-х сторон света (Аустри, Вестри, Нордри, Судри), поддерживающих Небо по углам.

Вотан-Меркурий (вытеснитель Циу/Тиу-Марса; доминанта меркуриального импульса над тоже очень мощно представленным мартиальным!) принёс германцам дар речи, приобщил

ИЗГНАНИЕ ВАННИЯ

«Тогда же свебы изгнали Ванния, к-рого поставил над ними царём Цезарь Друз; вначале хорошо принятый соплеменниками и прославляемый ими, а затем вследствие долговременной привычки к владычеству впавший в надменность, он подвергся нападению со стороны возненавидевших его соседних народов и поднявшихся на него соотечественников. Борьбу с ним возглавлял царь гермундуров Вибиллий и сыновья сестры Ванния Вангион и Сидон. Несмотря на неоднократные просьбы Ванния о поддержке, Клавдий не вмешался силой оружия в усобицы варваров, но обещал Ваннию надёжное убежище, если он будет изгнан из своего царства, а

их к логосу-слову и даровал им искусство рунического письма. Он – властитель языка и носитель новой мудрости, сменил старомудреца Мимира. К нему (к его священному золотому мёду) восходят, от него изошли скальды и священные руны. При этом, его начала следует выводить из архангельской эпохи под знаком врачевателя Рафаила-Меркурия (XVII-XIVвв. до н.э.), предварившей эпоху воительного Самаила-Марса (XIV-Xвв. до н.э.), что обусловило *вотанизацию* германства в перспективе I/I тыс. до н.э. и н.э. Гёнир – датель-податель силы представлений, понятий, во многом, благодаря к-рому северо-германская (нордическая) мифология содержит ясную картину всемирной эволюции. Лёдур отвечал за расовый аспект: цвет кожи, законы, сила, чистота крови, евгеника (евгенический оккультизм), что, правомерное в прошлом, в последний раз противоположно-драконически восстало в германстве XIX/XXвв., достигнув своего разрушительного апогея в нацизме-гитлеризме. Внутридушевные германо-скандинавские нордическо-древнеязыческие силы репрезентировали Вилли и Ве. Судьбу олицетворяли судьбоносные Валькирии и Норны.

Тор (Донар) – посредник между Архангелами и людьми, гармонизатор-сочетатель сил души и тела, душевности и телесности в переживании человеческого Я. Германцы переживали Вотана (Одина) в дуновении ветра (дух), формировавшего их речь (под грифом 7-и Планет и 12-и знаков Зодиака) своим (ис)целительно-меркуриальным дыханием!

Нифел(ь)хайм (один из девяти вселенских миров к северу – средоточие демони, от бездны Гиннунгагал) – царство туманов (Nebelheim), льда, ночи, мрака, смерти – проекция-образ погибшей Атлантиды – откуда тянутся нити к мартиальности нибелунгов, к гвельфам и гибеллинам, к Фридриху II (Nibelungenfürst) – прусский милитаризм, к Вильгельму II (барabanщик), к Гинденбургу, Людендорфу, и наконец, – к национал-социализму – к Гитлеру с Гиммлером. Мустел(ь)хайм (один из девяти вселенских миров к югу от бездны Гиннунгагал) – царство огня. В германской мифологии удивительно взаимонакладываются-смыкаются эсхатологические ретроспектива и перспектива. Ретроспектива: бывшее неоднотайное падение человечества: первое – лемурийско-люциферическое грехопадение на переходном этапе от Лемурии к Атлантиде, сопровождавшееся огненными и вулканическими катастрофами; и второе – ариманическое грехопадение – на переходном этапе от Атлантиды к нашей – первой После-Атлантической (семеричной) стадии эволюции: гибель мира от воды и огня, от вод всемирного потопа (Нифелхайм – Атлантида) и вулканических извержений-землетрясений. Перспектива: обновительная грядущая катастрофа – от апокалипсического пламени (стадия-эон Земля – Вулкан: преобразование 9-и подземных миров = 9-и кругов ада до самого ядра Земли – от сил-импульсов, в т.ч., 9-и христоносных Небесных иерархий).

Отпрыски (инспиратора первого грехопадения) насмешника-пересмешника Локи (дух гордыни – Люцифер), сводного брата Тора, – змей Мидгарда (люциферическое влияние на астральное тело человека); страшный (хтонический) волк Фенрир (подпадение Люциферу эфирного тела), богиня смерти Хель (люциферизация смертного физического тела). То-то солнечное затмение олицетворяло в ментально трагическом восприятии древних германцев преследование и поглощение Волком сиятельного Солнца.

Локи убил жертвенного солярного Бальдура (к-рый, отлично от Христа, не одолел Люцифера) руками слепого Гёдура, выпустившего в его сердце стрелу из единственного незаговорённого растения – омылы (или смертельно ранившего его мечом). Удивительно, но не протупает ли в (пассивном-невоскресающем) страдальце-мученике Бальдуре (*прекрасный, светловолосый, благостойный*) переживание древними германцами своего рода инкорпорационного прообраза Христа, первое пришествие к-рого в середине Четвёртой срединно Атлантической семеричной стадии эволюции Земли, в эпоху Пра-Турана, было отсрочено-отложено

вместе с тем написал правившему тогда Паннонией Палпеллию Гистру, чтобы он выставил вдоль Дуная один легион и набранные в той же провинции отряды вспомогательных войск для оказания помощи побеждённым и устрашения победителей, если, подстрекаемые удачей, они попытаются нарушить мир и в наших владениях. Ведь надвигалась несметная сила – лугии и др. народности, – привлечённая слухами о богатстве царской казны, к-рую за 30 лет накопил Ванний грабежами и пошлинами. Пехота у Ванния была собственной, конница – из сарматского племени язигов, и поскольку его войска уступали в численности вражеским полчищам, он решил уклоняться от открытого боя и отсиживаться за стенами укреплений...» (Ан. 12,29)

на 14/15 тыс. лет, из-за предательства мистерий Вулкана и тайн евгенического оккультизма, из-за второго, от импульса Аримана, грехопадения?! Не случайно покойный Бальдур (ностальгия по Иисусу) был сожжён в ладье, столкнутой в море, а его гибель привела к гибели богов и к последовавшей за последней битвой между богами и хтоническими чудовищами гибели всего старого мира: Рок богов – судьба богов – сумерки богов – Рагнарёк (пророчество о чём было произнесено мёртвой провидицей Вэльвой, специально для этого вызванной из могилы Одином). Второе ариманическое грехопадение – следствие влияния насмешника-перемешника (Люцифера) Локи (дублёра, двойника и противоположения Одина, провокатора первого грехопадения)!

Тор (Донар) и его супруга Сив дали людям восприятие Я, к-рое переживалось как дар духовных миров. Нордические народы были очень долго связаны с групповой душой. Сив (отсюда Sippe – род; закон рода, родовых отношений, сертификата крови) в оккультном смысле и есть – групповая душа (к-рая, именно как возвратная архаика, но без умелых манипуляций знакомых с сутью дела англосаксов, заинтересованных в устранении германского конкурента, вновь катастрофически сработала в XXв. – в феномене нацизма, обернувшись катастрофой для, со своей стороны, не сумевших избавиться от отягощённой наследственности нибелунгов Германии и германства.

Неспроста Гитлер и его окружение видели-слышали в падении Берлина (1945г.) «Рагнарёк» под звуки музыки «Сумерек богов» (Götterdämmerung) Вагнера. Увы, континентально заступившие на место французов (самый мартиальный народ Европы до его поражения в результате Наполеоновских войн) немцы (к-рых до Франко-прусской войны 1870/71гг. В.Гюго считал самыми миролюбивыми обитателями Европы, народом поэтов, композиторов и философов) совершили в XIX/XXвв. (когда на баварско-вюртембергско-баденский юго-запад и не гессенско-саксонско-анхальтско-тюрингский центр, но воинственный прусский север-восток объединил Германию) пагубный сдвиг от целительной христианской меркуриальности к воинственно-разрушительной новоязыческой мартиальности, с к-рой они не смогли справиться и правильно совладать!

Фрей и его сестра Фрейя (дети вана Ньёрда – мужская ипостась и противоположность или пара богини плодородия – Нерты) – блюстители прежнего утерянного сновидчества-ясновидчества, в ведении к-рых возможности и способности его развития-преображения как нового эфирного ясновидения, отвергающего удержание прежних изжитых форм.

Не без оснований германо-скандинавская = нордическая мифология перенасыщена пронзительнейшим трагизмом экзистенции языческих божеств, героев и их гибелью, провозвестием к-рой стала смерть юного Бальдура. Тор и змей Мидгарда Ёрмунганд убивают друг друга = враг врага в сражении; сходно Один и чудовищный волк Фенрир; плодородный-плодоносящий Фреир погибает от огненного меча выросшего из земли Сурта (чёрный), к-рый, пламенный великан, придя с юга, убивает его в последней битве богов и чудовищ, после чего сжигает мир. Волк Фенрир глотает солнце, тогда как другой волк похищает месяц (луну). Видар, сын Одина и великанши Грид, молчаливый бог, отмщает Фенриру, разорвав ему пасть или разрубив его мечом. Солнце чернеет, звёзды падают с неба. Радужный мост Биврёст рушится. Вода заливают землю. Из Хель, царства мёртвых, приплывает корабль мертвецов, сделанный из их ногтей...

Выживают и селятся на месте, где ранее был Асгард, преодолевший стихийное ясновидение былого ради эфирного ясновидения грядущего – путь к Солнцу Христа-Спасителя! к Христу-Солнцу! Видар и Вали (сыновья Одина), Магни и Модри (сыновья Тора), унаследовавшие его молот Мьёллнир; возвращаются из царства мёртвых (христианское влияние) и примиряются Бальдур и Гёдур (Второй и Первый Адам; Авель и Каин; Иисус Соломонид и

Напомним, в 18/19гг., когда Германик занимался Востоком, где он практически провинциализировал Каппадокию и Коммагену, поставив над ними легатов, короновал армянским царём Зенона-Арташеса, договорился с царём царей Артабаном и, наконец, отправился в путешествие в Египет, чтобы возвратившись оттуда, умереть осенью 19г. в Сирии, Друз из Иллирии занимался задунайской Германией. Проводил отсюда тиберианскую политику по внутреннему ослаблению германцев поощрением межплеменных распрей и одновременно обеспечивал надёжность римско-имперской границы на Верхнем и Среднем Дунае.

В 18/19гг. готон Катувальда, нашедший ранее убежище у проигравшего в 17г. Арминию Маробода, — хорошо знакомого читателю предводителя маркоманов, с его центром в Геркинском лесу (Богемия), вошёл в сговор с недовольными Марободом вождями и вынудил последнего бежать за Дунай к римлянам, где Маробод, получив убежище в Равенне, прожил, сделавшись в 19г. политическим трупом, до 36/37гг. (Д.И. 150-57). Но и Катувальде, изгнанному несколько позже силами, под предводительством Вибиллия, гермундулов (Страбон 7,290), к-рые, ведя свое происхождение от гермионов (Плиний 4,95) и обитая по обе стороны Альбия, были в 3г. до н.э. поселены Л.Домицием Агенобарбом, по оставлении ими прежних очагов обитания, на землях перебравшихся в Богемию маркоманов — верхний и средний Майн, тоже пришлось ок. 20г., ненадолго пересидев подсиженного им Маробода, искать убежище в пределах Римской империи.

И если как Маробод, так и Катувальда были поселены в качестве почётных поднадзорных азыюлянтов в Италии, то для бегственно сопровождавших их в драпе многочисленных германцев (не допущенных за пограничный Дунай) римляне отвели под место поселения земли между левыми притоками Дуная — Маром (Морава) и Кузом (Вач), поставив царём над новопоселенцами Ванния из германского племени квадов (на территории Богемии и Моравии). Сим на ограниченных Маром и Кузом (с запада и востока), собственно Дунаем (юг) и хребтом Явоник в Белых Карпатах (север), землях возникло созданное усилиями-стараниями Друза, по указке Тиберия, дальнеподконтрольное Риму (к-рый проводил подобную политику и на Рейне, и на Дунае) своеобразно буферное (между Римом и задунайскими варварами) царство-предгосударство — во главе со ставленником Рима — квадом Ваннием.

Иисус Нафанид). Выживают, укрывшись в роше Ходдмир и два человека — Лив и Ливтра-сир (новые Адам и Ева) — датели нового начала всему роду человеческому.

Примечательно, что последней битве-развязке (перед новой завязкой-обновлением) Рагнарёк предшествует трёхлетняя великанская зима. Не отзвук ли (в ретроспективе) конца Ледникового периода и трёх заключительных Атлантических расовых эпох: Пра-Семитской, Пра-Аккадской и Пра-Монгольской, под знаками Весов, Девы и Льва! Не соответствуют ли 12 астральных потоков из Нифел(ь)хайма, текущие в Муспел(ь)хайм (притом в Лемурии и на первых этапах Атлантиды это были потоки эфирные) 12-и Амшаспандам (знаки Зодиака и Великого года) Заратустры, по числу 12-и главных нервов головного мозга человека, равно по числу 12-и органов чувств!

Не породили ли искры из Муспел(ь)хайма (ретроспектива и перспектива) жизнь в талой воде! не из искр ли асы создали звёзды, часть из к-рых неподвижны, между тем как часть, наоборот, подвижны, и размещены так, что они двигаются по кругу, чтобы определять и узнавать по ним вселенское время. Т.е. Время — как за один юлианский год, так и за (начиная с одного Космического дня длиной в 72 года; 2 дня = 144 года; 3 дня = 216 лет...) 15 120 зодиакально-прецессионных лет (7 Пост-Атлантических = Пассионарно-Ойкуменических культур)! Плюс — в пределах Великого Космического = Платонова года — продолжительностью в 25 920 лет, к-рые включают 3 Атлантические эпохи, 7 После-Атлантических культур, и 2 эпохи-культуры следующей, по окончании нашей Пятой, Шестой стадии эволюции: от Скорпиона и Весов до Стрельца и Скорпиона — круговая, под эгидой встречных — ответственных за ход Времени правокрыльной и левокрыльной свастики, конфигурация великих метаисторических катастроф и великого метаисторического обновления!

И этот порядок просуществовал-продержался до 50г., когда, по Тациту, воцарённого Друзом Ванния изгнали (в широком смысле) свебы (собирательное название родственных племён), под к-рыми, в данном случае, верховодимые всё тем же одолителем 30 лет назад Катуальды Вибилем гермундуры, в стоворе с Ванниевыми племянниками – Вангионом и Синдоном. Т.е. впавший в надменность, что было присуще долгим диктаторам всегда¹⁵⁵, Ванний, с одной стороны, вызвал к жизни внутреннюю оппозицию, а с др., рассорился с соседями, вследствие чего они совместно выступили против него. Он же, попав в пагубное положение, обратился с мольбой о помощи к своему римскому патронату в лице Клавдия.

Однако Клавдий не намеревался посылать легионы за крайний пограничный Дунай, так же, как за крайний пограничный Рейн. Не целесообразнее ли предоставить Ваннию, буде его всё-таки изгонят, убежище (сродни, по тиберианским стопам, Марободу с Катуальдой) и найти общий язык с его противниками. Ведь всё происходящее – (не более чем) внутреннее дело задунайских варваров. Риму важнее сохранить статус-кво на речной державной границе (вдоль Ретии, Норика, Паннонии и Мезии – от истоков до устья Дуная), не влезая в заречные варварские распри силами легионов.

То-то легат Паннонии Палпеллий Гистр¹⁵⁶, под началом к-рого, было, видимо, 2 легиона, получил приказ занять позиции силами одного легиона и вспомогательно-аукцилярных соединений по течению рубежной реки, чтобы контролировать, при помощи римской дунайской флотилии, принятие беженцев и предотвратить любые попытки вторжения в римские владения с левого берега на правый. Тем более, что, по полученным сведениям, на Ванния надвигалась несметная сила – лугии и др. племена, привлечённые слухами о накопленном-награбленном им за 30 лет властвования огромном богатстве. И эта сила вполне могла, в случае победы, преследуя противника, не устоять перед искушением вторгнуться-углубиться в пределы Imperium Romanum.

* * *

Лугии – крупное племенное или, перво-наперво, культовое объединение из пяти этнически родственных вандалам германских племён – гариин, гельвеконы, манимы, гелизии, наганарвалы (Тацит «Германия» 43), упоминаемое римскими авторами между 100г. до н.э. и 300г. н.э. в Центральной Европе, к северу от Карпат и Судет, в бассейне Одера и Вислы. Их этногенез, по римским источникам, – однозначно германский (Плиний 4,99; Тацит «Герм.» 43/44), хотя в ново-новейшие времена некоторые стремятся разглядеть в них пра-славян.

Или, например, (еврокатолитический экстракт славянства) поляки, точнее, часть поляков, не желая быть пра-корнями (ни) из славян (ни из германцев), выводят себя именно от лугиев (лигийцев), дескать, от загадочного элитного народа – либо кельтской (связка с галлами и последующей, приоритетной для поляков перед

¹⁵⁵ Вовсе не каждому удаётся стать из железного диктатора (на склоне своих и своей диктатуры лет) для большинства граждан страны патриархом, как, например, это, во многом, удалось составляющему исключение испанскому диктатору Франко.

¹⁵⁶ С.Палпеллий Гистр – один из консулов-суф. 43г. (СII 6,215; Плиний 10,35) (см. выше): сын некоего П.Палпеллия из трибы Велина (СIL 5,35), предположительно, родом из Истрии. В юности сопровождал, видимо, в германских предприятиях 9-12гг. и в несостоявшемся, из-за кончины Августа, посещении Иллирика в 14г., Тиберия. Был войсковым трибуном XIV-го легиона Gemina; нар. трибуном при кесаре Тиберии; позднее – претором; и потом – легатом одной из преторских провинций. В 50г., неизвестно с каких и до каких пор, – legatus propraetore Pannoniae.

германством и славянством, Францией)¹⁵⁷, либо ближе неизвестной (во всех случаях) индоевропейско-этнической принадлежности.

Тем временем, лугии, в 80-е гг. Ив. н.э., в пору правления Домициана, подчинили себе квадов, а в III/IV вв. н.э. исчезли в водовороте Великого переселения народов, поглощенные вандалами и готами, ведать не ведая, что их кто-нибудь и когда-нибудь свяжет-увяжет, из соображений политической конъюнктуры, поставив ей на службу (псевдо)историю, с кельтами.

Если Плиний распространяет этническое наименование «Vandili» на купных восточных германцев (в т.ч. – лугиев), то Тацит (43) говорит об обитателях Свебии за разделяющей её сплошной горной цепью, расчленяющихся на различные племена – лугиях (за к-рыми живут готы), называя 5 наиболее значительных из них (у автора Пв. н.э. Птолемея 2,11,10 – всего 3). При всём том, первое-главенствующее культовое место-положение занимают не самые сильные и свирепые из них – гарии, а названные последними – наганарвалы. «У наганарвалов показывают рошу, освящённую древним культом. Возглавляет его жрец в женском наряде, а о богах, к-рых в ней почитают, они говорят, что если сопоставить их с римскими, то это – Кастор и Поллукс. Такова их сущность, а имя их – Алки. Здесь нет никаких изображений, никаких следов иноземного культа; однако им поклоняются как братьям, как юношам» («Герм.» 43).

Эквивалентные Кастору и Поллуксу (или Касторам) боги-близнецы, носящие оба таинственное имя Алки, и отправляющий ближе неизвестный культ длинно-волосый жрец в женском наряде! Их святилище в священной дубраве находилось, как полагают, у современного польского (с 1945г., – по Потсдамскому соглашению) города Еленя-Гура (немецкая Силезия).¹⁵⁸

¹⁵⁷ Реакция из знаменитой польской комедии «Марыся и Наполеон» престарелого графа Вавельского на сделанное ему сообщение: «Во дворе солдаты!». Вавельский: «Какие солдаты, прусские или русские? Скажи им, что мы, поляки, всегда предпочитаем французов». Весь XIX в. расчленённая Россией, Пруссией и Австрией (4 раздела: 1772, 1793, 1795, 1815гг.) Польша ждала нового Наполеона, помня об учреждении Наполеоном I подвассального Французского герцогства Варшавского (французский опорный плацдарм в Восточной Европе против Пруссии, Австрии, России). Но Наполеон III (1852-70гг.) ничего для порабощённой Польши сделать не сумел, а его сын – юный Наполеон (IV), к-рого, надеясь на его приход к власти в Париже, французские и польские бонапартисты нежно называли Лулу, погиб в 1879г., воюя на стороне Англии (к-рая предоставила политическое убежище разгромно проигравшему Франко-прусскую войну 1870/71гг., пленённому пруссаками и свергнутому французами Наполеону III) против зулусов в Южной Африке. И лишь I-я Мировая война, вернее, её ход и исход, открыли перед поляками возможность возродить в 1918г. независимость Польши (фактическое начало чему положило создание Германией в 1916г. польской автономии, правда, как антироссийского плацдарма, на территории отъятых немцами в ходе войны у Российской империи части Царства Польского).

¹⁵⁸ В будущем славянство возобладает над германством, как некогда германство возоблаго над Римом-романизмом и покорёнными Римом галлами-кельтами, хотя чрезмерное выдвигание славянства на Запад, по итогам войны 1939-45гг. (когда Сталин, во-первых, урезав довоенную Польшу в пользу СССР на востоке, компенсировал её за счёт Германии на западе, и во-вторых, максимально отодвинул германские границы от СССР), было избыточным и преждевременным, как, впрочем, до того избыточной-излишней была чрезмерная северо-восточная прусская вытяжка на Восток. Парадокс!

И вообще плохо, когда менее развитая цивилизация до срока, раньше времени одолевает более развитую. Если взять две Мировые войны XX в. в комплексе и уход центра мировой цивилизации из бывшей им в V – XX вв. Европы (к-рая с 1914 по 1945гг. совершила саморубиство!), то разгром Германии Россией (к-рую именно Германия больше всех цивилизаторски приобщала к Европе с XVIII в.) был бы для человечества худшим исходом, не приди в Германии к власти Гитлер! Приход же его вызвало поражение немцев в I-й Мировой войне, желанное, прежде всего, для Англии, к-рая (в союзе с наиболее ратовавшей за гиперграби-

М.б., они некогда пришли сюда из Скандинавии, где, в южной Норвегии, также имеются следы почитания божественных братьев-близнецов, и соприкоснулись во Пв. до н.э. с мигрирующими кимврами, имя одного из предводителей к-рых у Орозия – Lugius (5,16,20). Но первое зафиксированное появление лугиев в истории, в подчинении у Маробода, относится к I/IIвв., наличествуя у Страбона (7,290), после чего следует их многочисленное участие в 50г. в выступлении против сменившего беглых Маробода и Катувальду в 20г. (квада) Ванныя, против к-рого, как сказано, поднялись его вошедшие в сговор с северными лугиями и др. народностями племянники (сыновья сестры) – Вангион и Сидон.¹⁵⁹

Вторженцы в Ванныевы владения извне, поддерживаемые внутренней оппозицией, обладали значительным численным превосходством, и потому Ванний, не получив помощь от не пожелавшего вмешиваться римскими силами в межгерманскую распря Клавдия, решил, не видя иных возможностей протвостоять врагам, укрыться, во избежание открытого сражения, вынужденно избрав оборонительную тактику, за стенами укреплений.

тельский противогерманский Версальский мир 1919г. упадочной Францией) сделала больше всех для того, чтобы столкнуть лбами (как мальчиков для битья) Германию и Россию.

Впрочем, первая крайне болезненная осечка внешне победоносной после 1918г. Британской империи последовала очень скоро, когда она не сумела расчленив мёртвую Османскую империю по (сорванному сыгравшими в четыре руки кемалистами и всячески поддерживавшими их большевиками) Севрскому договору 1920г., за реализацию к-рого (в т.ч. в пользу Греции и Армении), перво-наперво и дольше всех, ратовала именно Великобритания. Причём – не сумела как покинутая-кинутая в этом турецком вопросе своими союзниками – вышедшими из игры Францией и Италией плюс Америкой (в лице сменивших в 1920/21гг. демократа В.Вильсона республиканцев, к-рые отвергли мандат на Армению), так и потому что победный ресурс надрывающейся Британии, к-рая затем, в 1945г., фактически уступила-передала мировое первенство США, уже тогда оказался на пределе.

А Россия, со своей стороны, не могла и не сумела в XXв. ни духовно, ни потенциально-глобально вместить победу над Германией, ни в чёрном свете злейшего из зол тоталитарного коммунизма (к-рый, как зло в маске, живучее, коварнее и опаснее нацизма – зла без маски), ни в свете рухнувшего меньше чем через полвека после победы 1945г. державно перенапрягшегося в противостоянии англосаксонскому Западу (без Германии) Советского Союза. Россия (Восток) не может, не в силах противостоять американизму-англиканизму (Запад) без Германии (Центр), как и Германия без России! Однако, в XXIв., рано или поздно, ведущими мировыми игроками, соответственно Германно-Англосаксонской культуре (Души сознательной), станут, повторим, именно немцы и англосаксы, причём последние, надорвавшись, что проявляется уже сегодня, не смогут не поделиться с германской цивилизацией (к-рой ещё предстоит вновь сделаться самостоятельной цивилизацией элиминированного после 1945г. Центра) гегемонией в мире.

¹⁵⁹ В 91/92гг. южные лугии, сцепившись со свевами, обратились за помощью к Домициану (Дион 67,5,2). В 278г. с в последний раз упоминаемыми лугиями воевал, одержав победу и пленил их предводителя Семнона Проб (Зосима 1,67,3). В III/IVвв. сакральный союз 5-и племён распался, вслед за чем последовало и этническое исчезновение, возможно, первично культового сотоварищества-объединения (Lugii; готское luigan – бракосочетаться; древнеирландское luige – клятва) лугиев. Позднее предводители одного из вандальских племён звались Hasdingi – мужи с женскими волосами, т.е. длинноволосые (как лангобарды – «длиннобородые»), что может быть отголоском обслуживавшегося длинноволосым, в женском облачении, жрецом лугийского культа (братьев-близнецов) Алки. Уместно, к тому же, вспомнить (не забывая о библейском Самсоне) длинноволосых франкских Меровингов, в волосах к-рых таилась спиритуальная сила, почему последний Меровинг, был, при его отречении от престола в пользу Каролингов, коротко острижен (VIIIв.).

И, между прочим, тут не мешает добавить, что совсем не случайно ликвидатор в 1806г. (космополитичной) Священной Римской империи (пусть и *германской нации*) с австрийским императором во главе оной, Наполеон, коронуясь до того, в декабре 1804г., императором (именно) французов («да здравствует нация»), во-первых, вырвал корону из рук папы Пия VII

Но если, по Тациту, пехота у Ванния была собственная, то его конницу составляли сарматские язиги¹⁶⁰, к-рые, прирождённые всадники, не желали, спешившись, выносить осаду, и решили произвести-совершить верховую вылазку, рейд, атаку. Пусть даже Тацит выражается неопределённо — «рассеялись по окрестным полям» (12,30), из чего создаётся впечатление, что язиги, не настолько преданные Ваннию, чтобы в заведомо обречённом противостоянии умереть за него, попробовали ретироваться, убраться восвояси. Впрочем, последнее опровергается нижеприведёнными словами Тацита: «и так как их настигли лугии и гермундуры, то Ванний решил сразиться». Т.е. маневр конницы не удался, из-за чего пешее войско под предводительством Ванния, идя ей на выручку, вынуждено было ринуться в бой, чего оно не сделало бы, будь язиги предателями.

Причём Ваннию, в любом, судя по раскладу, случае, не светил успех, однако он пожелал проиграть с достоинством, не бросая в беде своих и сразившись с противником лицом к лицу, в открытом бою, что, несомненно, делает ему честь, и что Рим не мог не оценить. В итоге разгром был полным и, тем не менее, бросившийся, согласно Тациту, в рукопашную схватку, израненный в ней царь, не показал тыл врагам, проиграв, таким образом, вполне достойно, после чего — «всё же ему пришлось бежать к поджидавшему его на Дунае нашему флоту; вскоре за ним последовали туда и его приближённые и им были отведены земли в Паннонии» (12,30).

Посему в 50г. н.э. поставленный Друзом в 20г. проримским царём задунайско-германского царства на землях между притоками Дуная Маром и Кузом квад Ванний лишился власти и бежал, повторив судьбы Маробода и Катуальды, к римлянам, обретя вместе с приближёнными политическое убежище в римской Паннонии. А его царство поделили между собой поддержанные (щедро вознаграждёнными из

и короновал как себя, так и Жозефину сам. Почему? Чтобы, по откорректированной им аналогии (или по аналогии обратной) не уподобиться (вернее, не во всём уподобиться) Карлу Великому, коронованному (римской) императорской короной в Аахене 25.12.800г. (притом, по неподтверждённым данным, неожиданно для себя) именно папой Львом III, чем папа и папство, по-своему (опекунски), поставили себя над императорами и монархиями. А во-вторых, Наполеоном были умышленно геральдически взяты на вооружение именно пчёлы (более сакральных) Меровингов (к-рые, согласно некоторым масонам, происходили чуть ли не от Иисуса и Марии Магдалины), а не лилии преемствовавших Каролингам Капетингов, от к-рых, начиная со ставшего королём в 987г. Гуго Капета, наследственность-преемственность тянулась через, с 1328г., Валуа и, с 1589г., Бурбонов, к свергнутому и гильотинированному революцией, правопреемником-продолжателем к-рой Наполеон, император французов, себя (симбиозно-амбициозно) считал-позиционировал, Людовику XVI.

¹⁶⁰ Язиги — верховые скифо-сарматские кочевники (иранского? происхождения) — первоначально обитали восточнее Дона («Митридатия»), являясь южными соседями роксоланов, и в Приазовье. В III в. до н.э., эвентуально, часть из них сокрушила на западе скифов и добралась до Карпат. В IV в. до н.э. язигские всадники-скотоводы спустились из района Придонья? или от Карпат? в низовья Дуная; к концу IV в. н.э. частично обосновались на территории современной Венгрии, между Дунаем и Тиссой, где перешли к оседлости, что положило начало развитию их культуры (Овидий «Trist.» 2,191; «Ep. ex Ponto» 1,2,79; 4,7,9; Страбон 7,297; 306; Плиний 4,80; Тацит «An.» 12,29; «Ист.» 3,5; Арриан «Анабасис» 1,3,2; Птолемей 3,7; 8,6,2; Аппиан «Митридат» 69).

Птолемей во II в. очерчивает их границы: западнее и южнее Дуная; восточнее Тиссы; севернее Карнунта и до Карпат (3,7). Нельзя сказать точно, когда они сюда миграционно пришли. Сосланный в 8г. н.э. в Томи Овидий знает язигов на нижнем причерноморском Дунае: «...Понт сковывается льдом... // ...свирепый пастух-языг ведёт нагруженную повозку по водам Истра»; у Тацита — на 50г. — язигские всадники Ванния; Плиний (до Тацита) в завершённой в 77г. «Естественной истории» пишет (отражая ситуацию середины IV в. н.э.): «Выше между Данувием и Герцинским лесом вплоть до паннонских зимних стоянок Карнунта и границы германцев, поля и равнины занимают язиги-сарматы, а даки, изгнанные ими, — горы и леса до р. Патисс» (4,80).

царской казны) лугиями и гермундурами Вангион и Сидон, к-рые, со своей стороны, тотчас изъявили лояльность Риму. Рим же интересовало именно это.

Какая разница, кто там за Дунаем, на буферной территории, на предшествующей пограничной реке земле царствует: главное сохранить устоявшийся-устойчивый статус-кво. И таковой сохранился. Ненависть к зажавшемуся Ваннию была направлена против него, а не против Рима. Никакого вторжения в римские пределы, бдительно охранявшиеся флотилией и легионами, из-за Дуная не произошло. Тацит говорит о сохранении Вангионом и Сидоном, в ходе их (незнамо как долго продолжившегося) властвования, «по отношению к нам безупречной честности». Т.е. проблема разрешилась, с позиции римлян, вполне положительно-удовлетворительно.

Не следует цепляться за отслуживших своё политических ставленников, к-рым, особенно засидевшимся в своих креслах = на своих варварских тронах, время от времени надлежит сменяться. И им, битым козырным шестёркам, не должно, при правильной оценке ситуации, помогать удержаться у власти. Резоннее договориться о неизменном продолжении прежнего курса с их преемниками. Но и негоже бросать, как отработанный материал, своих на произвол судьбы, вернее, не должно отдавать их на съедение их врагам. Рим политически верно не оказал помощь Ваннию в его внутренних трудностях и политически честно помог ему как в бегстве через Дунай, так и в предоставлении политического убежища.

РИМЛЯНЕ В БРИТАНИИ

«Назначенный пропретором Британии Публий Осторий нашёл её охваченную брожением, ибо враги, сочтя, что новый военачальник, не ознакомившись со своим войском и ввиду наступившей зимы, не решится противодействовать им, с тем большей дерзостью вторглись в пределы наших союзников. Но Осторий, хорошо зная, что страх, или самоуверенность в неприятеле порождаются успешностью или неудачей первых боевых действий, незамедлительно устремляется на главе легковооружённых когорт на противника; истребив оказавших сопротивление и преследуя разбежавшихся, дабы они снова не собрались вместе и ненадёжный мир не угрожал постоянными осложнениями полководцу и воинам, он решает отобрать оружие у подозрительных и, разбив лагерь, держать в узде область между реками Авоною и Сабриной. Первым воспротивилось сдаче оружия сильное племя иценов, не испытывавшее разгрома на поле битвы, ибо оно добровольно заключило с нами союз. По их наущению обитавшие по соседству народы, задумав сразиться с нами, избрали местом расположения своего войска огороженное земляной насыпью поле с настолько узким проходом в него, что он был недоступен для нашей конницы. Римский военачальник, невзирая на то, что вёл за собой лишь отряды союзников и не имел при себе основных сил легионов, подступает к вражеским укреплениям с намерением овладеть ими и, расставив когорты для приступа, велит и всадникам изготовиться к бою в пешем строю. Затем по данному знаку его воины преодолевают насыпь и приводят в смятение неприятеля, стеснённого своими же заграждениями. Понимая, что их ждёт заслуженное возмездие за мятеж, и так как пути к бегству были для них отрезаны, они совершили тут много доблестных и славных деяний. В этой битве сын легата Марк Осторий заслужил боевое отличие за спасение жизни римского гражданина.

Поражение иценов образумило тех, кто колебался между войной и миром, и Осторий повёл войско на декангов. Были опустошены их поля, захвачена повсюду добыча, но враги так и не решились на битву, а если и пытались порою исподтишка нападать на наш походный порядок, то их коварство не оставалось без наказания. И наши уже приблизились к морю, омывающему остров Гиберию, когда вспых-

нувшие у бригантов раздоры вынудили римского полководца повернуть вспять, ибо он твёрдо решил не предпринимать новых завоеваний, пока не закреплены старые. Бригантов удалось усмирить, истребив небольшое число взявшихся за оружие и даровав прощение остальным; но ни строгостью, ни снисходительностью нельзя было удержать от открытых военных действий племя силуров, и для подавления нужно было располагать находящимся поблизости укреплённым лагерем. Стремясь возможно скорее достигнуть этого, Осторий под прикрытием значительного отряда ветеранов выводит на захваченные им земли колонию в Камулодун, чтобы создать оплот против мятежников и внушить союзникам покорность законам» (Ан. 12,31/32).

Здесь, в абзацах 31/32 12-й кн. «Анналов», Тацит опять, обращаясь к периферии, рассказывает под анналистическим 50г. о событиях ряда лет, а включая все посвящённые Британии абзацы, с 31-го по 40-й, ретроспективная и перспективная речь ведётся (под 50г.!) аж о десятилетке-деценалии 47 – 57гг., т.е. до кончины Осториева, с 52г., преемника на посту британского легата – А.Дидия (см. ниже).

Но сосредоточимся на хронологизации интересующих нас сейчас абзацев 31/32. Трудность в следующем. Если согласно эпитомированному-эксцерпированному Диону (61,30,1) от Ксифилина (142,29 – 143,3), о чём мы беседовали выше, первый, с 43г., римский легат Британии А.Плавтий удостоился за свои наместнические успехи-достижения овации в Риме в 47г., будучи, соответственно, сменён в этом году в Британии Осторием Скапулой¹⁶¹, то согласно рассказу Тацита в 12,31 (с учётом нижеследующей – 12,36 – выдачи мятежного вождя катувеллаунов Каратака бригантами римлянам «на 9-й год после начала войны в Британии», т.е., считая с 43г., в 51/52гг.) (см. выше и ниже), получается, что наместничество Плавтиева сменщика Остория стартовало не ранее второй половины 48г., в преддверии «наступившей зимы» (12,31) 48/49гг.

Почему? Потому что дальнейшие события, рассказанные в абзацах 31-35, до экстрадиции Каратака не ранее второй половины 51г., можно уложить во время с зимы 48/49 по 51гг., или локальнее – события вышепротитированных нами абзацев 31/32 укладываются в (с зимы 48/49 гг.) 49-й (31) и 50-й (32) гг. (по абзацу на каждый). Но эти события нельзя, по букве-рассказу Тацита, в синхронизации с датой Диона (47г.), растянуть на время (годом дольше) – с зимы 47/48 по 50-й (включительно) гг.

Иначе говоря, вопрос в том, – когда всё-таки Осторий легатски сменил Плавтия в Британии: в 47-м (сообразно Диону)? или в 48-м (как выходит-умозаключается из Тацита) гг.¹⁶² Впрочем, вспомним, что в Ан. 11,8-10 Тацит под 47г. повествует о возвращении «около этого времени» на трон Армении, по почину Клавдия, (армянского царя с 35г.) Митридата Иверского (к-рый при Калигуле до 41г. томился в застенке), что произошло не позднее 41/42гг. (см. выше). Следовательно, Тацит может, скучивая периферийные события, ошибаться на годы, в свете чего ошибочная дифференция (всего) в один год (47/48гг.) не удивляет.

¹⁶¹ О смене-замене Плавтия Осторием Дион не сообщает, однако она следует из последовательности римских легатов Британии в «Жизнеописании Юлия Агриколы» у Тацита (до времени легатуры тацитовского тестя Агриколы в 78-84гг.): «Первым правителем Британии был назначен консуляр Авл Плавтий; непосредственно за ним ту же должность занял Остроий Скапула, оба – выдающиеся военачальники...» (14).

¹⁶² Других, помимо Тацита и Диона, синхронистических свидетельств нет. Светоний свидетельствует об устроенной Клавдием Плавтием овации (см. выше) без даты (24). Авр.Виктор (4) и Евтропий (13,7), компендиумно констатируя клавдианское завоевание Британии (Евтропий, упоминая Плавтия), тоже не вдаются в хронологию.

Правда, с др. стороны, 47г. в качестве даты возвращения из Британии и овации Плавтия черпается из неаутентичного Диона в выжимке Ксифилина, где тут же сообщается о мнимых подвигах малолетнего Тита, якобы под началом его отца Веспасиана (кто командовал одним из британских легионов при Плавтии), в Британии, что очень даже позволяет усомниться также в правильности-корректности дионовско-ксифилиновского 47-го г. как даты смены-замены Плавтия Осторию. Не отлегал ли Плавтий 5 квинквинальных лет, с 43 по 48гг.? не передал ли он кесарско-легатскую вахту Осторию в 48г.? в каком случае надо признать хроно-ошибку допущенную (эпитомированным-эксцерпированным) Дионом.¹⁶³ Оба варианта-решения возможны.

И всё-таки, отдадим, в данном случае, предпочтение фиксированной хронологии-дате Диона, одновременно признав очередную (сходно рассказу в Ан. 11,8) некорректность-ошибочность-небрежность повествовательного слова у Тацита. Стало быть, П.Осторий Скапула сменил А.Плавтия в Британии в 47г., но обострение ситуации случилось не (как выходит по Тациту) наступившей сразу в год назначения нового легата зимой 47/48-го, а годом позже, зимой 48/49гг., когда враги дерзко вторглись в пределы римских союзников. Т.е. ещё не покорённые британские племена атаковали на юге и юго-востоке Туманного Альбиона племена-общины, уже союзные (приступившим к поэтапному-постепенному покорению Британии с 43г.) римлянам.

* * *

Итак, высадившийся летом 43г. в Британии (район Кента) с четырьмя легионами А.Плавтий, поставленный наместничать над Альбионом, по отбытии оттуда в конце 43г. (чтобы отпраздновать свой пышный триумф в 44г.) Клавдия (см. выше), планомерно расширял римские завоевания, возводя одновременно кастеллы, сея между британцами распри и делая отдельные племена союзниками, из юго-восточной части острова во всех направлениях.

На 47 – 50гг., при Плавтии и Остории, укреп. линия римско-британских владений простиралась от Линда (Линкольн) – место дислокации IX-го легиона, через Врочестер (Virocomum) и Экстер (Иска), где стационарировались XIV-й и XX-й легионы, до Глочестера (Glevum) – стоянка II-го легиона (под командованием при Плавтии, – неизвестно до какого точно года? – Веспасиана). Корнуолл и Девоншир оставались пока или частично непокорёнными.

П.Осторий Скапула приходился внуком Кв.Осторию – одному из двух первых преторианских префектов при Августе, облакавшему эту гвардейскую префектуру в период 2г. до н.э. – 3г. н.э., и потом бывшему префектом Египта – 3 – 10гг. н.э. (в то время рангом выше префекта praetorio). Ок. 46г. П.Осторию довелось консультировать-суф. и в 47 (если не в 48-м) г. отправиться наместничать (вместо славно-овационно завершившего свою легатуру Плавтия) в Британию. При нём начался второй этап покорения острова Римом. Причём сначала (47/48гг.) он обезопасил равнинную часть завоёванных территорий супротив гор Уэльса на западе созданием 3-х укреплённых лагерей.

Затем, отбив (во главе легковооружённых когорт) в начале 49г. грянувшее зимой нападение с запада и севера независимых племён на племена, союзные римлянам (о чём и повествует Тацит), энергичный наместник велел ряду британских племён,

¹⁶³ Напомним, в 48г. Клавдий запретил богослужение галльско-кельтских друидов (с прицелом, в т.ч., на Британию, друиды к-рой, похоже, авторитетно стояли над галльскими).

в т.ч., (некоторым? или всем?) подозрительным ему союзникам (судя по нижеследующему слову о союзных иценах/икенах), разоружиться (сдать-выдать наличное боевое оружие-вооружение римлянам), и приступил к возведению лагеря в области между реками Северном и Эйвоном (чтобы, сообразно Тациту, — «держать её в узде»).

Северн (лат. Sabrina) — самая длинная река Великобритании (354 км) — берёт начало у восточного склона Плинглимона в Уэльсе, образует в верхнем течении на северо-восток несколько водопадов, становится от Уэлшпула, в 244-х км от устья, судоходной. Направляясь далее к востоку, течёт по долине шириной в 1,5 км, пересекает плодородную равнину Шрусбери, ниже Вустера вступает в равнину Глостера, при устье разливается в широкий лиман, и между мысом Брин-Даун и селением Лавернок впадает в Бристольский залив (отделяющий Южный Уэльс от английских графств Сомерсет и Девон).

По поводу Эйвона (по-кельтски — *река*; лат. — Avon), — в тацитовском объективе не приток Северна (длина 154 км), впадающий в него, протекши через пять графств¹⁶⁴ в графстве Глостершир, а р. Эйвон на юге Англии, берущая начало в графстве Уилтшир, протекающая через Солсбери и графство Гемпшир и впадающая в Ламанш в районе Крайстчерч-Харборн в графстве Дорсет. К реке ведёт древняя дорога Стоухенджа, спускающаяся от известного мегалитического комплекса, к-рая, как и находящаяся на берегу реки, близ Блухенджа, городище *Vespasian's Camp*, относится к всемирному наследию Юнеско.

Распоряжение Остория о сдаче оружия привело к возмущению римских союзников, их добровольных вассалов с 43г. — восточно-британских иценов (населяли территории графств Норфолк и Суффолк)¹⁶⁵, к-рое было, согласно рассказу Тацита, подавлено Скапулой силами аукзилиарных соединений, без задействования легионов. В битве с иценами отличился награждённый за спасение в бою жизни римского гражданина короной *civita* сын легата — Марк, кто в 59г. побывает консулом-суф., а после неудавшегося заговора Пизона (65г.) будет обвинён в соучастии и покончит, по предписанию опасавшегося его незаурядной физической силы и воинской доблести Нерона, находясь в своём поместье в Лигурии, самоубийством (66г.) (Ан. 14,48; 16,14/15) (см. ниже).

Так, поражение иценов в, надо понимать, 49г. (Ан. 12,31) образумило других, к-рые, сообразно не называемому их Тациту, колебались между войной и миром, тогда как Осторий повёл своё воинство уже — насколько выводится из реконструированной нами хронопоследовательности — в следующем 50г. н.э. против декангов (Ан. 12,32), — по всему, одно из племён юго-западной Британии, к-рое больше ни разу не упоминается, и потому более точной идентификации не поддаётся. Полагают, что деканги обитали на территории современных уэльских графств Конуи, Флинт, Динбих. Центр — в районе р. Конуи, где в дальнейшем была стоянка римской кавалерии — Канувий (*Conovium*) (совр. Кайрин).

¹⁶⁴ Одно из них — графство Уорикшир, где, в Стратфорде, родился и провёл заключительные годы жизни Шекспир, кого (тоже своего рода «рыцаря Лебеда») называют «Эйвономским Лебедем». Любопытно отметить, что если у (солярных) итальянцев есть Данте, у (мартиально-меркуриальных) англичан — Шекспир, у (меркуриально-мартиальных) немцев (к-рым англичане хитро делегировали-привили в XIX/XXвв. избыточную конкурентную мартиальность) — Гёте, то у (лунарных) французов, при всём богатстве их литературы и творческой мысли, фигуры такого масштаба нет! (Обаяние романтизма суть обаяние декаданса!)

¹⁶⁵ Центр иценов — *Venta Icenorum* (Птолемей 2,3,11) — ныне Честер Норвик. Возможно, они идентичны с племенем *Senimagni* (Цезарь «Галльская война» 5,21). Имеются кельтско-доримские серебряные монеты из Норфолка и Суффолка с надписью «Esen» и с именем некоего Антедрига — икенского предводителя (?) в эпоху до римлян.

Верно предпочитая не сходиться с воинством (хотя это были, как сказано, вспомогательные соединения) Остория в открытом бою, они делали ставку на партизанские нападения исподтишка. Их поля подверглись опустошению, была захвачена богатая добыча, коварство врага не оставалось безнаказанным и римляне вплотную приблизились к самому берегу моря, ведущему в Гиберию. Т.е. речь должна идти, в зависимости от того, где именно обитали деканги, либо о Бристольском заливе и Корнуолле, либо, скорее, коли уж речь об Уэльсе, о его береге и проливе Св.Георга (ширина 75 км), к-рый непосредственно отделяет Ирландское море на севере от Кельтского на юге = Альбион/Британию от Гибернии/Ирландии (куда римляне завоевательно так и не ступят).

И тут Остория вынудило повернуть назад известие о раздорах у бригантов – наиболее могущественного, с самым широким ареалом расселения, племени (союз племён) средней Британии, к-рые жили аж до будущего каледонско-шотландского вала Антонина на севере, с центром Эбурак (Йорк) в очаговом Йоркшире. Что Тацит понимает под раздорами у, следует думать, южных бригантов? – не очень понятно. Как будто на повестке дня их внутренние раздоры, – не обусловленные ли разделением на противников и сторонников римлян? Так или иначе, бриганты были усмирены истреблением, согласно Тациту, небольшой части взявшихся за оружие и дарованием прощения остальным.

Иначе с силурами, к-рых нельзя было удержать ни кнутом, ни пряником, без находящегося поблизости для подавления их враждебности, вылившейся в открытые военные действия, «укреплённого лагеря» (Тацит). Силуры (от *silex* – валун, камень, кремь; *люди скал*) обитали в гористом Южном Уэльсе, приблизительно на территории современных графств Monmouth, Brecknock, Glamorgan. Тациту хочется видеть в них не кельтов, в ракурсе их смуглых лиц, вьющихся волос и расположения (Уэльса), по Тациту, «против Испании» (с юга), но иберийских пришельцев из Испании («Агрикола» 11).¹⁶⁶ М.б, стоит поразмыслить об их иберо-кельтском = кельто-иберском генезисе? На 50г. они укрывали у себя не складывавшего оружие с 43г., и время от времени напоминавшего о себе Риму, беглого Каратака, сына Кунобеллина (+ 41/42гг.), и решили оказать ожесточённое сопротивление завоевателям.

И вот, готовясь к решающей в 51г. борьбе с ними, Осторий выводит значительный отряд хорошо вооружённых ветеранов (*valida veteranorum manu*) всех 4-х британ-

¹⁶⁶ Тацит ок.100г. пишет: «Кто населял Британию в древнейшие времена, исконные ли её уроженцы или прибывшие сюда чужестранцы, как обычно у варваров, никому не известно. Внешность же у британцев самая разнообразная и отсюда обилие всевозможных догадок. Русые волосы и высокий рост обитателей Каледонии говорят об их германском происхождении; смуглые лица силуров, их чаще всего курчавые волосы и места поселения против Испании дают основание предполагать, что они – потомки некогда переправившихся отсюда и осевших на этих землях иберов; живущие в ближайшем соседстве с Галлией похожи на галлов, то ли потому, что всё ещё сказывается общность происхождения или одинаковый климат в этих расположенных друг против друга странах придаёт обитателям те же черты. Взвесив всё это, можно считать вероятным, что в целом именно галлы заняли и заселили ближайший к ним остров. Из-за приверженности к тем же религиозным верованиям здесь можно увидеть такие же священнодействия, как у галлов; да и языки тех и других мало чем отличаются; больше того, британцы так же отважно рвутся навстречу опасностям и, столкнувшись с ними, столь же малодушно норовят от них уклониться. Правда, в британцах больше упорства и дикости, ибо их ещё не укротил длительный мир. Но мы знаем, что и галлы так же славились доблестью, но с той поры как у них установилось спокойствие и вместе со свободой ими было утрачено мужество, угасла и их воинственность, то же произошло и с теми британцами, к-рых мы уже давно покорили, тогда как все прочие и ныне остаются такими, какими были когда-то галлы»

ских легионов в созданную им укрепленную колонию Камулодун (Colonia Castra), чтобы создать оплот против мятежников и внушить союзникам покорность законам» (12,32). Т.е., вероятно, во второй половине 50г. н.э. была учреждена римская ветеранская колония Samulodunum (Колчестер; Эссекс) – в прошлом столица триновантов (Птолемей 2,3,11), потом – центр объединителя британцев Кунобеллина, и затем – резиденция Каратака с Тогодумном, взятая римлянами на исходе 43г., по прибытии в Британию Клавдия, а теперь (в один год с превращением-переименованием города Убиев в ветеранскую Агриппинову колонию на Рейне) ставшая первой ветеранской колонией римлян и опорным-крепостным центром-пунктом римского владычества в Британии.¹⁶⁷

Однако до покорения островитян было ещё далеко. Между прочим, весьма примечательно-подозрительно, что аж три (!) римско-британских легата – Осторий Скапула (47 – 52г.), А.Дидий (52 – 57г.) и Кв.Вераний (57/58г.), поочередно умрут, начальствуя над Туманным Альбионом, на посту, и отнюдь не в сражениях, но каждый от какого-то недуга. Возникает вопрос: не от друидских ли заклятий-проклятий? не в отместку ли за завоевание и сокрушение или профанацию римлянами кельтско-друидских мистерий?

Не смотрели ли, не взирали ли (затаив дыхание) галльские друиды (подзапретные с 48г.) на британских, а британские – на (самых таинственных) ирландских (недоступных железной пяте и воле Рима)? Не из прешедшей ли в спиритуальное христианство британской Кельтики, с уходом из неё в Вв. римлян, вышел *Круглый стол* короля Артура и его рыцарей! Не звали ли одного из них, искателя, в поисках катарсиса сердца, Св. Грааля на континенте, Парсифаль! Не находят ли Грааль, устояв перед искушениями, сильные духом и чистые сердцем во Христе! Не христианизированная ли, не прохристианенная ли Кельтика Гибернии, Альбиона, Галлии, Галатии, в симбиозе с другими духовно родственными ей эзотерическими синонимами-величинами христианства – парфянством, манихейством, армянством, грузинством, алв(б)анством импульсировали грядущий девиз-пароль Розенкрейцеров: «От Бога рождаемся. Во Христе умираем. Воскреснем в Духе Святом».¹⁶⁸

¹⁶⁷ В 61г. Камулодун возьмут и разрушат британские повстанцы под предводительством царицы иценв Боудикки (см. ниже). После восстановления, – лагерь – сначала XX-го, затем – XIV-го легиона, к-рый в 70г. будет отозван из Британии и новостационарирован в Могунтиаке (Майнц). Во Пв., под новым, по восстановлению, названием – Colonia Victricensis, с перемещением римской границы на север – Адрианов, максимальный – Антонинов (Каледонский), и Северов (между Адриановым и Антониновым) – оборонительные валы, потерял прежнее значение. В результате камулодунских раскопок обнаружены остатки храма, посвящённого Клавдию (?), Митреума и западных крепостных ворот.

¹⁶⁸ В начале XVIIв. розенкрейцеры планировали (христианское) новообустройство Европы (и мира), как ранее (разгромленные в начале XIVв.) тамплиеры. Но этому помешала Тридцатилетняя война (1618-48гг.), ставшая последней крупной религиозной войной в Европе и породившая, с заключением Вестфальского мира 1648г., Вестфальскую систему международных отношений, продолжение к-рой и преемственность от крой прослеживается дальше, на протяжении трёх веков, до Потсдамских соглашений 1945г.

И не случайно именно к первому десятилетию XVIIв. относятся: 1) Начало меркуриально-исцелительной великохристианской миссии духовного существа Будды в отношении Марса, с целью умиротворения-пацификации Красной планеты, ради проходящих через её сферу в интервале между смертью и новым рождением на Земле человеческих душ. 2) Появление тоталитарно-пракоммунистической «Утопии» Т.Кампанеллы (1602г.). 3) Создание (в духе Контрреформации) просуществовавшего с 1609 по 1768г. также (в немалом) пра-коммунистического индийского (гуарани) гос-ва иезуитами в Парагвае, где всё было организованно гуманно и, во многом, идеально, но за счёт лишения человека/человеков индивидуалистического импульса развития, лишения общинно-государственно объединённых человеческих существ импульса «Я», лишения их индивидуального самосознания и всякой свободы воли в

Впрочем, сейчас не об этом. Поход Остория Скапулы против силюров, возглавленных Каратаком, его поражение, бегство к царице бригантов и выдача римлянам — на (повторим) 9-м году от начала завоевания Британии, о чём Тацит повествует в Ан. 12,33-36, есть события, как сказано, 51г. н.э. (при показе-демонстрации выданного бригантами Каратака в Риме в 52г.). См. ниже.

пользу коллективно-группового «Мы». Пусть даже — (на внешнем уровне, во внешних проявлениях) «мы — не рабы, рабы — не мы», хотя в реальности это было именно формой обезличенного рабства если не тел, то душ и духа, что противно духу эпохи-культуры стартовавшей с 1413г. Души сознательной.

Относительно же поэтапной Тридцатилетней войны (унесшей жизни до 8 млн. человек), то шедшая на территориях в основном Священной Римской империи против (со стороны, перво-наперво, окольцованной Габсбургами Франции) её (и союзной ей — закатной после разгрома в 1588г. англичанами «Непобедимой армады» — Испании, где с 1519г. тоже корольствовали Габсбурги) доминанты в Европе, она максимально обескровила именно германство и разорила именно германские земли, к-рые потеряли, в различных областях, от 20 до 40/45% населения (или до 40 % сельского и ок. трети городского населения), после чего восстанавливались, преодолевая глубокий кризис, на протяжении времени дольше века.

Между тем, гегемония над Европой перешла к воспользовавшейся ослаблением центрально-европейского германства (в первую очередь, ею и ослабленного) Франции, тогда как Англия (ловко манкируя континентально-европейскими противоречиями) добилась прогрессирующего ослабления и упадка, метя на её место, крупнейшей колониальной державы — Испании. И в результате этой войны как над Францией, так и над Европой взойшла полярная-противоположная розенкрейцерскому Солнцу Христа откатная абсолютистская звезда «короля-солнца» Людовика XIV. Не от него ли («Государство — это я») и его долгой эпохи пролегал (импульсированная-заложенная кардиналами Ришелье и Мазарини) дорога к последнему мировому всплеску державно-мартиального романизма в лице Французской революции и Наполеона I! Сам же Людовик «Солнце» ещё успеет до конца своей тронной жизни в 1715г. выиграть для Бурбонов Испанию (сказав: «Нет больше Пиренеев!») в войне за Испанское наследство (1701-14гг.), но, вместе с тем, оставит, умирая, Францию в глубоком кризисе, причём оставит бездарному преемнику (своему правнуку) Людовику XV, к-рому принадлежат знаменитые слова «После нас хоть потоп», и к-рый явно не подозревал, какой мощности революционное супер-цунами породит квазисолярный абсолютизм его предшественника.

Причём с Тридцатилетней войной, на хвост к-рой хронологически наступает Английская революция (1640-49гг.), в Европе по сути закончилась эпоха Религиозных войн и стартовала (предварённая ещё Нидерландами во второй половине XVIв.) эпоха Революций. Мало того, именно роковая Тридцатилетняя война (к-рая зажгла на 60 лет погашенную Петром Великим в Северной войне 1700-21гг. великодержавную звезду Швеции) положила начало конца старо-христианской цивилизации Европы на её дальнейшем пути, вместо розенкрейцерско-новохристианского духовного обновления-переустройства общества и государства (сходно сорванному в XIVв. еврообновленческому проекту тамплиеров), к секуляризации и к рационал-материализму (французского) Просвещения, к хищническому капитализму и колониализму (пальма первенства у Англии)! Не из них ли позднее вылупились как вирусно-чахоточная атеизация-дарвинизация человечества в XIX/XXвв., так и безбожно-расстрельный социализм-коммунизм-тоталитаризм (куда более антигуманный, чем «Утопия» Кампанеллы, уж не говоря о, по-настоящему, человечном иезуитско-индейском гос-ве в Парагвае) — возродитель государственного рабства, по лекалам древних Египта и Вавилона, с лишением расчеловеченного человека Я-сознания в пользу обезбоженной анимализированной групповой души! (1314г. — казнь тамплиеров; 1614г. — манифестационное начало приоткрывшего забрало Розенкрейцерства; 1914г. — I-я Мировая война).

Увы, марксизм-энгельсизм-сталинизм был продуктом возникшей в атеизирующейся Германии красно-минусовой еврейско-немецкой мысли, нашедшей в перспективе наиболее подходящее поле для бесчеловечного практического эксперимента именно в России, на землях и территориях трагически рухнувшей в 1917г. Российской империи (к-рая, как выяснилось, так и не переварила полностью петровскую, с её перегибами, реформацию, перейдя в лице *вернувшихся* из Петербурга в Москву большевиков на державный евразийский проект в худшем его проявлении).

УКАЗ КЛАВДИЯ ОБ ИЗГНАНИИ ИЗ РИМА «ИУДЕЕВ, ПОСТОЯННО ВОЛНУЕМЫХ ХРЕСТОМ»

Об этом (несколько менее ажиотажном, чем «*Testimonium Flavianum*», и всё-таки...) указе Клавдия мы уже беседовали в предыдущих книгах (Д.И. 1268/69; Т.Г. 1801-03). Закавыченные нами в подзаголовке данной главы слова принадлежат Светонию, к-рый приводит их, перечисляя различные клавдианские мероприятия (как обычно) без хронологии: «*impulsore Chresto assidue tumultuantis... expulit*» (Кл. 25,4). Притом, пишучи безграмотно «Хрестос» вместо «Христос» (греч. Мессия), Светоний наверняка не очень вникает (и не очень понимает) суть дела, тем не менее, предоставляя читателю весьма ценную информацию, о к-рой издавна и по сей день спорят, — что-де имеется в виду? А в ново-новейшее время (под разными соусами деградируя-принижая всё христианское) ещё и всё больше судачат о несопричастности этого светониевского пассажа к Иисусу из Назарета.

Более того, высказываются догадки о том, что, дескать, у Диона (60,6,6), говорящего под 41г. о запрете Клавдия в отношении иудеев Рима (к-рых он хотел выслать, но не выслал, из-за их многочисленности) на собрания (см. выше), и у Светония речь, мол, по-разному, идёт об одном и том же указе 41-го г. н.э. Однако, если по Диону, в 41г. иудеи Рима, или какая-то их часть, подпав определённым ограничениям, высланы не были, то согласно Светонию, они, к тому же, массово, что подтверждает информация Д.Ап. (18,2), высланы были.

Стало быть, речь никак не может идти об одном и том же постановлении. Да и не могли споры о Христе (небезотнositельно к свершившейся в 33г. Мистерии Голгофы) взволновать иудейскую общину Рима в 41г., когда христианство едва вззошло-расцвело с 40/41гг. в Антиохии Сирийской (основание общины — 37г.), дойдя, таким образом, пока до Сирии, но никак не до Рима. Зато на 50г., со второй половины 40-х гг., когда — 47/48гг. — в Риме, предположительно, побывал Ап. Пётр (см. ниже), об Иисусе Христе, без сомнения, спорили уже и в 10/12/15-тысячной (?) иудейской среде-диаспоре столицы мира. И хотя о Мессии, пришествие к-рого ожидалось, споры среди иудеев шли и раньше, но, честно говоря, приложительно к (пусть безграмотному) слову Светония, надо просто очень-очень не хотеть видеть и слышать взаимосвязь между этими римско-иудейскими внутриобщинными волнениями и Христом Иисусом! Гиперкритицизм на уровне (противохристианского) кретинизма (противохристианских) кретинов!

Если при Калигуле (37 — 41гг.), как сообщает еврейский «Иосиффон» («Иосиппон»), «каждый день кипели сражения и споры в Иудее между фарисеями и отщепенцами нашего народа, к-рые следовали за сыном Иосифа...» (6), если в 40/41гг. и позднее христиане, начав именоваться христианами, собирались вокруг Варнавы и приведённого им из Тарса Савла в Антиохии, где «учили немалое число людей» (Д.Ап. 11,26), то после 45-го (когда Апостолы изошли-двинулись из Палестины в пределы ойкуменические, на ойкуменическую-миссионерскую проповедь) и до 50г. н.э. вся эта и без того актуальная для еврейского мира тема-проблема, тем паче, многократно усугублённая (не оставшимся вне внимания еврейства) Событием 33г., вполне могла докатиться и, несомненно, докатилась до Рима, до местной еврейской диаспоры. Соответственно, означенный указ Клавдия не может быть идентичен фигурирующему у Диона ограничительному клавдианскому указу второй половины 41г.

Засим разберёмся, повторяя аргументацию, приведённую нами в «Д.И.», с хронологией высылного указа, информация по к-рому, помимо Светония, содержится в Д.Ап. и у Павла Орозия, кто, ссылаясь на Флавия, к-рый об этом указе молчит,

датирует оный 9-м годом Клавдия (7,6,15/16), что даёт 49/50гг., тогда как в реальности, по нашему убеждению, на повестке дня 10-й клавдианский год = январь 50/январь 51гг., т.е. речь должно вести (откорректировав Орозия) не о 49-м, но о 50гг. н.э.

Почему? Потому что выше Орозий датирует интронизацию Клавдия 795-м вместо 794-го гг. ab Urbe, т.е. ошибочным 42-м вместо правильного-верного 41-го гг. н.э.¹⁶⁹ Следовательно, приплюсованный к орозианскому 42-у г. 9-й Клавдиев год приходится не на 49/50, а на 50/51гг. (январь/январь), или оптимально — на 50г. н.э. Помимо того, в Д.Ап. сообщается об иудео-христианах Акиле и Прискилле (муж и жена), «недавно» пришедших из Италии в Коринф, куда к ним из Афин пришёл в 52г. (см. ниже) Павел, поскольку «Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима» (18,2). Значит, если на 52г. Акила и Прискилла пришли в Коринф из Рима, точнее, из Италии (на к-рую изгнательный эдикт, предположительно, не распространялся? и где супруги некоторое время, оставив Рим, пребывали) «недавно», то, вероятнее, они покинули Рим в 50-м, нежели в 49гг. Не так ли?!

Плюс к тому, по Д.Ап., буквально выходит, что, на сей раз, вся иудейская община (или её большинство) подверглась изгнанию из Рима.¹⁷⁰ Какие уж тут запреты на собрания или прочие ограничения! И у нас есть основания полагать, что тогда же сходная участь постигла римских набатеев (Т.Г. 1801-03), к-рые, как и иудеи, получили разрешение вернуться в Рим уже после смерти Клавдия, при Нероне, ок. 54/55гг., так как, сообразно Павлову Посланию к Римлянам, Акила и Прискилла (обретавшиеся с 54 по 57гг. в Эфесе) на зиму 57/58гг. (время написания Послания из Коринфа) — снова в Риме (16,3) (см. ниже).

И излишне гадать по поводу того, как-де в Клавдии уживались про- и противо-иудейство, учитывая его благорасположение к Агриппе I, к-рому он вверил Иудейское царство в дедовских границах Ирода, предоставив также его брату Ироду Халкиду и издав в первой половине 41г. два проиудейских указа в пользу иудеев Александрии и римско-ойкуменической еврейской Диаспоры.

Одно другому не помеха, потому как и то, и другое делалось очень даже в духе великоимперской политики Рима, тонкости и нюансы к-рой мы, читатель, не раз разбирали. Ведь дружба с Агриппой I не помешала Клавдию согласиться с аргументами сирийского легата Вибия Марса и наложить запрет на продолжение

¹⁶⁹ При том, что даты прихода к власти Тиберия и Калигулы у Орозия даны верно — 767 (14г. н.э) и 790 (41г.) гг. ab Urbe (7,4,1; 7,5,1).

¹⁷⁰ Орозий; «В 9-й год своего правления, как сообщает Иосиф, Клавдий изгнал из Рима иудеев; однако меня поражает Светоний, к-рый говорит следующим образом: «Клавдий изгнал из Рима иудеев, постоянно возмущаемых Христом», ибо никак нельзя понять или он приказал усмирить и укротить иудеев, возмущавшихся против Христа, или же решил изгнать вместе с иудеями христиан как людей близкой к ним религии». Во-первых, как сказано, у Флавия никакого изгнательного указа под 9-м годом Клавдия (ни в «Войне», ни в «Древностях», ни в «Contra Apionem») нет; во-вторых, Орозию из Vв. н.э. кажется, что христианство на время ок. 50г. уже было для римлян самостоятельной религией, являясь в действительности только одним из ответвлений (одной из сект) иудаизма, о существовании к-рого Рим ещё толком не знал и над к-рым, включая короткий эпизод с Тиберием (попытка причислить Иисуса к сонму богов), при Калигуле и Клавдии, не задумывался; в-третьих, Орозий, надо понимать, пользовался другим текстом Д.Ап., где (относительно повеления Клавдия) не было ясно сказано — «всем иудеям удалиться из Рима». Или, возможно, в сём случае, правы неканонические манускрипты Деяний, и в 50г. из Рима была изгнана лишь часть именно «волнуемых Христом» иудеев? или находящихся на пути-пороге отделения от них иудеохристиан? Хотя и Светоний, судя по тексту, разумеет под изгнанниками римских иудеев (иудейскую общину Рима) в целом.

строительства третьей иерусалимской стены. Дружба дружбой, а служба (для службистов римлян) службой. Равно очевидное благорасположение Клавдия к его воспитаннику Агриппе II, или принятие определённых решений в отношении иудеев Палестины по его просьбе, не помешало римскому кесарю изгнать в 50г. постоянно волнуемых мессианскими чаяниями евреев Рима (не столько из центра Империи, сколько из Города).

И спорили римские иудеи, повторим, в первую очередь, об актуализировавшем их мессианизм Событии 33-го г., о его главном Герое (о К-ром, т.е. конкретно об Иисусе, может не знать и не знает Светоний, но не могут не знать в 50г. римские иудеи), сообразно иудео-христианам, — распятом и воскресшем. Не прошло ли на 50г. н.э. с Мистерии Голгофы аж 17 лет. И срок в 17 лет более чем достаточный для того, чтобы о Ней, свершившейся в Палестине и отнюдь не канувшей бесследно, отнюдь не прошедшей для, во всяком случае, мирового еврейства незамеченной, узнали в Риме, куда, говорим снова, уже в 47г. впервые пришёл Ап. Пётр! И если бы даже он туда в ту пору не пришёл, всё равно сведения об Иисусе никак не могли с 33 по 50гг. не дойти до представленного в Городе-на-Тибре еврейской диаспорой Рима. Разве не все дороги вели тогда в Рим!

ЧАСТЬ XI

ИУДЕЯ ПРИ ПРОКУРАТОРАХ И ВЫХОД ХРИСТИАНСТВА НА МИРОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

48 – 54 гг. н.э.

КОНФЛИКТЫ ИУДЕЕВ И РИМЛЯН ПРИ (наместнике Иудеи с 48г.) ВЕНТИДИИ КУМАНЕ (весна 51г.)

Итак, скорее, в 48, чем в 49гг., Тиберия Александра сменил в наместничестве над Иудеей префект-прокуратор Вентидий, к-рого под когноменом (прозвище) Куман представляет Флавий (И.в. 2,12,1; И.д. 20,5,2), а под номеном (фамилия) Вентидий – Тацит (Ан. 12,54), в то время как преномен (личное имя) римского всадника Вентидия Кумана неизвестен.

И именно со времени (исходной стадии) его наместничества, продлившегося, в общей сложности, с 48 по 52гг., маховик иудейской катастрофы 70г., начавший раскрутку ещё, по смерти Ирода, в 1г. н.э., вновь заработавший в 6/7гг. (ссылка Архелая, провинциализация, перепись, восстание Иуды Галилеянина), трижды давший о себе знать при Тиберии (противоиудейские постановления императора; конфликты Пилата с иудеями – 26, 29, 32гг.), едва не прошедший через точку невозврата при (велевшем водрузить собственную статую в Иерусалимском храме) Калигуле (39/40гг.), и несколько отыгранный назад в пору царствования Агриппы (41 – 44гг.), завертелся, выходя на финишную прямую к трагедии 66 – 70гг., много быстрее-проворнее.

Флавий: «Во время наместничества Кумана в Иудее в Иерусалиме произошли волнения, причём погибли многие из иудеев. Но сперва я расскажу о причине этого волнения. Когда наступил праздник Пасхи, в к-рый у нас принято есть опресноки, и когда отовсюду в город стеклось большое количество народа, Куман стал опасаться, как бы не произошли беспорядки. Поэтому он приказал одному отряду солдат с оружием в руках занять галереи храма и подавлять в случае необходимости всякий беспорядок. Так обыкновенно поступали во время празднеств и прежние наместники.

На четвёртый день праздника какой-то солдат позволил себе непристойную выходку в храме перед народом, к-рый при виде этого рассвирепел, говоря, что солдат оскорбил не их, но самого Господа Бога. Некоторые из более смелых иудеев стали даже поносить Кумана, указывая на то, что он разрешил это солдату. Когда Куман узнал об этом, он сам крайне рассердился и стал увещевать народ успокоиться, не волноваться и избегать смут и волнений. Но он не мог убедить их; они ещё больше поносили его. Тогда он собрал все войска и повёл их в полном вооружении в замок Антонию, к-рый, как мы уже раньше упоминали, примыкал к самому храму. При виде солдат толпа испугалась и бросилась бежать. Но улицы были узки, и народ, предполагая погоню врагов, стал тесниться и толкаться, и таким образом

на улицах были задавлены в ходе этого бегства многие; число человеческих жертв тут было исчислено в 20 тыс. Таким образом праздник обратился в печаль. Народ оставил свои молитвы и жертвоприношения, плакал и предавался горю. Вот какое бедствие навлек на народ святотатственный поступок одного солдата» (И.д. 20,5,3) (ср. И.в. 2,12,1).

Речь здесь, по всему вероятно, — к чему обязывает хронология последующих событий, а точнее, — весны 52г. (И.д. 20, 6,2/3; И.в. 2,12,6-8), маркированной концом наместничества Кумана, более того, к чему ещё больше обязывает параллелизация-синхронизация истории *prophana* у Флавия с историей *sacra* в Кн. Нового Завета (см. ниже), — идёт (не может не идти!) о Пасхе 51-го г. н.э. Т.е. о кумановском наместничестве в период 48 — 51гг. Флавий почему-то (не располагая информацией? или не имея сообщить ничего существенного?) молчит, повествуя лишь о событиях 51/52гг. = последнего года префектуры Кумана.

Если Шюрер от точной датировки вышепредставленной трагедии на Пасху в пределах 48 — 52гг. воздерживается (1,568/69), то RE (8 A1 Ventidius S.816-18) предполагает 49-й г., к-рый, с учётом сказанного-анонсированного нами, как и 50-й г., неверен, что однозначно выяснится по ходу нашего повествования дальше. Т.е. — в объективе весенний праздник Пасхи или опресноков (15-21 нисана = 15-21.04.) 51г. н.э., когда, на 4-й день опресноков = 18 нисана, один из солдат стационарной в цитадели Антония римской когорты, отряды к-рой блюли, по приказу Кумана, в дни праздника и огромного стечения народа, порядок в галереях притвора Язычников (надо полагать, в основном близ ворот), — «поднял — согласно «И.в.» — свой плащ, неприличным нагибанием тела обратился к иудеям задом и издал звук, соответствующий принятой им позе» (2,12,1).

Иначе говоря, бесстыжий солдат-язычник одной из палестинских когорт (ок. 500/600 чел.), к-рые, как мы знаем, набирались из не ладивших с иудеями кесарийцев, себастийцев (греков, сирийцев, греко-сирийцев, сиро-финикийцев...) и самарян, решил хулигански издеваться над иудеями, над их законом, храмом, верой. А для этого он (вдруг! — на эмоциях) не нашёл ничего лучше, как, во всеушное и всеуслышание, оголив зад, оскорбительно пёрнуть в толпу на священной, пусть во внешнем Языческом притворе, территории, — в обители (сакро-пространство), согласно иудеям, Всевышнего. (Вполне сравнимо с безобразной выходкой группы «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя в 2012г.!).

И естественно, что приведённый в ярость народ стал требовать от Кумана, кто, сходно прочим доагриппианским и постагриппианским наместникам, пребывал в дни (чреватых беспорядками) больших паломнических праздников, для блюжения порядка и контроля над ситуацией, в Иерусалиме, сурового наказания дерзкого обидчика-оскорбителя. Но Куман, как умозаключается из Флавия, промедлил, не спеша с наказанием, из чего иудейские горячие головы сделали вывод, что он сам поощрил на это солдата, или минимум, что он принял сторону кощунника.

Далее, обращённые к иудеям увещевания наместника, вроде бы опять без обещания удовлетворить их требование (во всяком случае, Флавий об этом молчит), разумеется, ничего не дали. Напротив, обстановка продолжала накаляться. И тогда обеспокоенный-напуганный прокуратор, выведя из казарм в цитадели Антония тяжеловооружённых, двинул против поносившей его толпы солдат.

Их грозное (с обнажёнными мечами) появление на галереях повергло народ в панику и люди бросились к выходу из храма в сторону города, за чем последовала жуткая столпотворительная давка в воротах, на тесных улицах, в узких переулках-проулках, следствием к-рой стала (без применения солдатами оружия) гибель множества людей. Известный своими числовыми преувеличениями Флавий говорит о 10-и тыс. погибших в «Войне» и аж о 20-и тыс. в «Древностях».

При всех случаях, если даже не 10 и, тем паче, не 20 тыс., тем не менее, погибших было очень много, счёт, без сомнения, шёл на тысячи. Надо сказать, что с тех пор, когда едва сменивший на троне отца сын Ирода Архелай весной 1г. н.э. перебил в Иерусалиме, в храме, до 3-х тыс. бунтующих иудеев на мартовскую Пасху, и позднее, летом того же года, Квинктилий Вар, подавив восстание иудеев, небескровно занял Город (приказав распять 2 тыс. виновных), Иерусалим, на протяжении полувека, не знал столь массового храмового кровопролития.¹ Сим светлый весенний праздник 51г. превратился в траур.

Если в армянской версии «Хроники» Евсевия данное событие датировано 6-м годом Клавдия = 46г. (Arm. Karst 215), то у Иеронима – 8-м = 48г. (153). Орозий предпочитает 7-й = 47г., и пишет: «В 7-й год его (Клавдия) правления, при проконсуле Иудеи Кумане, в дни Пасхи, вспыхнуло такое возмущение, что, как передают, когда народ был зажат в воротах (на выходе из притвора Язычников – К.З.), было убито в ходе избиения и в результате давки 30 тыс. чел.» (7,6,14).² Справедливости ради следует заметить, что Флавий о каком-либо избиении молчит. К тому же, повторяем, эта трагедия на Пасху не могла иметь место раньше 48/49гг. – время начала наместничества Кумана, а при комплексной хрононереконструкции, в связке с событиями евангельской метаистории, она имело место не ранее именно 51г. н.э.

Затем постахальной, судя по тескту-слову Флавия, опять-таки, весной 51г. случился другой инцидент, в к-ром теперь виноватой оказалась уже не римская сторона, но иудеи: «Ещё не успели люди успокоиться от постигшего их горя, как произошло новое бедствие...» (И.д. 20,5,4; И.в. 2,12, 2). В 19-и км северо-западнее Иерусалима, у местечка Ветхорон (Бефорон), был ограблен проезжавший там императорский чиновник Стефан, на что Куман отреагировал карательной акцией против близлежащих селений: «...немедленно выслал воинов с приказанием разграбить ближайшие местности и, схватив наиболее видных представителей населения, доставить их в оковах к нему, чтобы он мог привлечь их к ответу за содеянное» (И.д. 20,5,4). По «И.в.» (конкретнее и точнее), жителей близлежащих деревень забрали «за то, что они не преследовали и не задержали разбойников».

И тут, в ходе карательного рейда римлян, один молодой солдат, найдя в одной из иудейских деревень свиток Торы, – «бессовестно разодрал его на глазах у всех, причём глумился, ругался и всячески издевался над ним» (20,5,4). По «И.в.», – «разорвал его и бросил в огонь». В ответ возмущённые толпы иудеев двинулись в резиденцию наместника Кесарию Приморскую, опять требуя наказать святоотатца. В этот раз, Куман, имея перед глазами давешний горький опыт трагедии в пасхальном Иерусалиме, чтобы утихомирить иудеев, велел провести виновного солдата (следует понимать, там же – в Цезарее) через ряды его обвинителей и отрубить ему голову.

Но противостоятельный маховик уже крутился всё шибче, сходя, что называется, с катушек. Как будто лопнул гнойный нарыв. И дальше, вплоть до взрыва в ббг. Иудейской войны, от раза к разу, ситуация будет делаться всё хуже. С одной стороны, Рим, известный профанатор и сокрушитель мистерий, вступал в закатную полосу кризиса принципатовской эпохи (*кесарева безумия*) кончающихся-вырождающихся Юлиев-Клавдиев. Однако, со стороны другой, ветхозаветно-античное еврейство Палестины, где Мистерия Голгофы свершилась, выполнив свою мессианистическую миссию (чего заплутавшее во времени и пространстве еврейство в подавляющем большинстве, проигнорировав это выполнение = Исполнение Времени, не осознавало), тоже вступив в завершающую стадию декаданса и вырождения

¹ Не считая куда менее масштабное подавление в Иерусалиме Пилатом Галилеян в 32г., кровь к-рых «Пилат смешал с жертвами их» (Лк.13,1) (Т.Г. 963-70).

² Евсевий в «И.Ц.» (2,19,1) также суммировал разное число погибших, согласно Флавию, в «Войне» и «Древностях», и получил 30 тыс.

эпохи (покинутого в 33г. Богом) Второго храма, неотвратно приближалось к гибели. Согласитесь, после 33г. н.э. Старый Израиль словно лишился, в свете Исполнившихся Вре́мён, защитной историко-местаисторической длани свьше, лишился своего прежнего богоизбраннического иммунитета, своих вышних покровов.

Да, нетерпимость росла с обеих деградирующих сторон, и в то же время Рим — как бы инстинктивно — особенно остро чувствовал пустоту еврейских духовных ёмкостей именно после (абсолютно срединного во вселенской летописи) 33-го г. н.э., 33-37-летняя (36 лет — половина одного Мирового дня длиной в 72 года) передышка от к-рого, до опустошительного пожара 66 — 70гг., была дана не столько исчерпавшему себя ветхозаветному еврейству Палестины, Иерусалима и храма, сколько становящемуся христианству. Ибо оно могло, не будь этого необходимого для его становления в Палестине, с последующей эллинистической ойкуменизацией, отрезка времени, попросту не выжить. Точнее, оно могло не состояться, по крайней мере, так, как оно выжило и состоялось благодаря этой бесценной отсрочке.

Да, Рим нёс в себе и с собой рассудочное миропонимание, гипертрофированно усугублённое в эпоху Империи, не поднимаясь выше души (*психе*) и отвергая (ненавистный ему) дух (*пневма*), чем и был вскормлен конфликт (*сатурнально-юпитерального*) Рима как с (*сатурнально-лунарным*) еврейством, так и с вышедшим из еврейства-иудейства (*солярно-юпитеральным*) христианством. Но по свершении Таинства Голгофы иерусалимско-храмовое еврейство сделалось вакуумным и от когдатошнего внутренне-подсознательного благоговения перед ним Рима не осталось и следа. По миновании Мистерии $2/1 - 1/1 - 1/2 - 14 - 30 - 33$ гг., богоизбранного народа не стало, Старый Израиль передал эстафету Израилю Новому (богоизбранной общине из богоизбранных индивидуальностей во Христе, что Рим звериным чутьём, на подсознательном уровне, воспринял и понял-истолковал как команду «фас»!).³

Вспомним, не обратился ли Иуда Маккавей во Пв. до н.э. за помощью и союзом к республиканскому Риму (свобода и справедливость!), к римлянам, настолько добродетельным, — что «нет между ними царя»: «...никто из них не возлагал на себя венца и не облакался в порфиру, чтобы величаться ею» (1Макк.8,14)!⁴ Не поспособствовали ли римляне независимости хасмонейско-маккавейского гос-ва, к-рое вывело Иудею-Израиль на заключительный этап в дороге к Исполнению Вре́мён, ко времени пришествия Пророка верного! Не относились ли к еврейству

³ Во все предшествующие времена, у всех народов до греков и римлян (да и у многих одновременно-параллельно с ними и после них), над юриспруденцией приоритетно довлело сакральное право. И если греки положили начаток азам гражданской юриспруденции, то республиканский Рим и римляне стали первыми в мире юристами-учредителями (гражданского общества и) первично гражданского права, в к-ром юриспруденция размежёвана с (часто отодвигаемыми на задний план) заповедями, требуя дифференцированного подхода. (Т.е. — сенат выше пекущихся о благе римского народа богов, делающих это по решениям и под контролем сената!)

⁴ Ведь и (последнему судье Израилеву) пророку Самуилу (XIV. до н.э.), помазателю на царство Саула и затем Давида, не понравилось, когда израэлиты обратились к нему с требованием поставить над ними царя, на что Господь (скорбно) сказал ему: «... послушай голоса народа во всём, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними» (1Ц.8,7). Т.е. царь над народом (отвергнувшимся Бога и Его *прямого* царствования) отнюдь не идеал; царизм-монархизм вместо боговластия — как истинного народовластия — есть печальная необходимость. Да и само государство (категорический императив, противный Богу) существует, по меткому слову Н.Бердяева, вовсе не для того, чтобы на земле был рай, но для того, чтобы на земле не было ада. (Роковая преступная ошибка революционеров разных мастей именно в том, что они пытаются *спустить-опустить* Царство Божие на землю, тшятся-тужатся создать-родить т.н. рай на земле, что невозможно, и что, как показывает опыт, приводит, через новые виды-формы, в сущности, человеческих жертвоприношений на т.н. алтарь т.н. свободы, к миллионам человеческих жертв.)

покровительственно, с почтением, и не пользовались ли у еврейства уважением — и Цезарь, и Август, и М.Агриппа! И не прошла ли между двумя народами Сатурна первая трещина как раз в 1г. н.э., в год Поклонения волхвов годовалому Иисусу Соломону, в год избияния вифлеемских младенцев нелюдем Иродом, в год смерти тирана Ирода, в год рождения Иоанна Крестителя и, наконец, в год Рождества в граде Давидовом Вифлееме Иисуса Нафанида — Христа Господня!

И не хвалил ли Август своего внука Гая, к-рый на пути в Сирию, минуя Палестину (2г. н.э.), не посетил (недавно мятежный) Иерусалим (к-рый кровный отец юного Гая М.Агриппа празднично посетил в 15г. до н.э., когда ситуация была иной). А позже взаимоотношение Рима и еврейства постоянно, исключая короткое аномальное интермеццо Ирода Агриппы, шло, с 1 до 70гг., этапами по нарастающей.

Не случайно и то, что если евреи-иудеи поклонялись в лице своего незримого Бога Отцу-Сатурну, Сына К-рого (явление Всевышнего в Человеке) они отринули, то верховным божеством сатурнальных римлян был (сын Кроноса-Сатурна) Юпитер (как противоречивое римское *зазеркалье* и христианское *зеркало* Солнца)! То-то Рим, в конце концов, после жестоких преследований христиан и христианства, падёт ниц перед Крестом и придёт к нему, тогда как изошедшее из (наследовавшего-преемствовавшего храмовому) раввинистического иудаизма талмудическое еврейство так и останется с христианами и христианством в контрах и во вражде.

И опять-таки, не случайно на 49/50гг. н.э. пришёлся Юбилейный год по восстановленному в 41г. Агриппой *аронидскому* циклу Ездры и Неемии. И то был 10-й ездраитско-неемитский Юбилей (1/1 — 49/50гг.), в к-рый или максимум при завершении к-рого кумраниты (Р.л. 938) и, вероятно, не только они чаяли-ожидали пришествия Мессии (К-рый, действительно, пришёл в этот 10-й Юбилей и К-рого, как сказано, еврейство, осудив Его на смерть и послав на крест руками язычника Пилата, не узнало, не приняло, отвергло). Мало того, если Мистерия Голгофы свершилась при начале 30-го Юбилейного периода по *царскому* календарю-циклу Иисуса Навина, Давида и Соломона (30/31 — 79/80гг.), по к-рому 51г. н.э. был седмичным-субботным, то эпоха Второго храма закончилась на излёте 30-го Юбилейного цикла!

КОНФЛИКТ ИУДЕЕВ И САМАРЯН

(осень 51 — весна 52гг.)

В следующей 6-й гл. 20-й книги «И.д.» Флавий повествует о серьёзном конфликте между самарянами и иудеями, к-рый в «Древностях» не датирован, в то время как в «Войне» его хронология, приложительно к связанному с конфликтом по поводу разорванного римским солдатом (осуждённым Куманом на казнь) свитка Торы, правильно определена временем — «немного позднее» (2,12,3), т.е. «немного позднее» предыдущих коллизий весны 51г.

«Между самарянами и иудеями произошла распря по следующей причине: галилеяне, к-рые отправлялись во время праздников в священный город, имели обыкновение проходить через пределы Самарии. И вот, когда они однажды держали таким образом путь свой из деревни Гинеи, лежавшей между Самарией и Великой равниной, на галилеян напало несколько человек и перебило множество их. Узнав об этом происшествии, именитые галилеяне явились к Куману и просили его отомстить за смерть невинно погибших. Однако Куман дал себя подкупить крупной суммой денег, полученной от самарян, принял их сторону и отказался от наказания виновных. На это галилеяне рассердились и стали уговаривать народ иудейский взяться за оружие, перебить врагов и тем отстоять свою свободу, потому что, как говорили они, рабство само по себе уже тяжело и становится совершенно нестер-

пимым, если связано с глумлением. Хотя начальники и пытались умиротворить их и положить предел волнениям и обещали склонить Кумана к наказанию убийц, однако они ничего не добились: иудеи взяли за оружие, призвали к себе на помощь Елеазара, сына Динея (то был разбойник, уже много лет хозяйничавший в горах), подожгли несколько самарянских деревень и предали разграблению.

Когда весть об этом деле дошла до Кумана, он взял себастиийский отряд и 4 роты пехоты, вооружил также самарян и двинулся против иудеев. Сойдясь с ними, он многих из них перебил, а ещё большее количество их взял в плен. Видя до какого ужасного бедствия дожил народ, наиболее почитаемые и родовитые граждане облеклись во вретище, посыпали головы пеплом и все вместе стали уговаривать возмущившихся успокоиться. Они наглядно представляли толпе, как погибнет от этого родина, как будет предан пламени храм, как их жёны и дети попадут в рабство, и убеждали их опомниться, бросить оружие, успокоиться на будущее время и разойтись по домам. Эти увещания имели успех. Народ разошёлся, а разбойники вновь удалились в свои неприступные убежища. С той поры вся Иудея наполнилась разбойниками» (20,6,1).

По «И.в.», у деревни Гема = Гинея, на границе Галилеи и Самарии, был убит один галилейский пилигрим, направлявшийся на праздник в Иерусалим, причём к Куману обратились не галилеяне, как в «И.д.», а влиятельные самаряне, прося его наказать виновников убийства, чтобы дело не дошло до межобщинной-межнациональной бойни, на что Куман, занятый-де текущими делами, никак не отреагировал, отпустив ходатаев без ответа. Между тем, по «И.д.», он получил взятку от самарян и отказался от наказания виновных, чем спровоцировал иудеев на выступление натравленного ими на самарянские деревни разбойника Елеазара. По «Bellum», это иерусалимляне, бросив праздник, направились к Самарии, где атаман Елеазар и некий Александр «напали на ближние к акрабатской топархии (Р.л. 865) самарийские деревни, убили всех жителей, не щадя никакого возраста, а самые деревни предали огню» (2,12,4).

Противоречия, как видим, имеются, и не только в работах Флавия, но и в противоречиях между Флавием и Тацитом (Ан. 12,54) (см. ниже). Разберёмся. Таким образом, не первый самарянско-иудейский конфликт произошёл у пограничной галилейско-самарянской деревни Гинея (где, как читатель помнит, в 32г. самаряне отказали в гостеприимстве шедшему из Галилеи Иисусу со Апостолами) (Т.Г. 824-29), через к-рую, как и через отделявшую Галилею от Иудеи Самарию вообще, пролегал (если не идти в обход через заиорданскую Перею) прямая и самая короткая дорога из Галилеи на Иерусалим, к-рой иудейские пилигримы пользовались, паломничая на большие храмовые праздники.

И время от времени, в ходе паломнического пути, на территории Самарии, между иудеями и самарянами, в свете их то более активного, то более пассивного перманентного конфликта, происходили стычки. Притом в этот раз убийство одного (И.в.) или многих (И.д.), — что, судя по иудейской реакции, правильнее, — галилеян, и, главное, самоустранение подкупленного самарянами Кумана, привело к тому, что галилейские и иудейско-иерусалимские евреи взяли дело отмщения в свои руки. В результате, натравленный ими на самарян разбойник Елеазар (в паре с Александром), хозяйничавший, во главе ватаги лихих людей, в горах, напав на самарянские деревни, предал их огню и мечу.

Интересно, что ниже Флавий, сообщая о пленении ок. 55г. этого Елеазара прокуратором Феликсом (И.д. 20,8,5) при Нероне, говорит, что он «разорял страну в течение 20-и лет» (И.в. 2,13,2). Т.е. Елеазар удалился в горы, позиционируя себя оттуда в качестве национал-разбойного гайдука где-то с ок. 35г. н.э. Удостоверьтесь, не со времени ли после Таинства Голгофы (33г.)! А ведь с 6/7гг., по подавлении Квири-

нием выступления Иуды Галилеянина, кто увлѣк за собой «довольно народа» и приверженцы к-рого, с его гибелью, рассыпались (Д.Ап. 5,37), но не исчезли, в Иудее ничего не было слышно о бандах, первая из к-рых во главе с атаманом Елеазаром появилась ок. 35г. И как знать, не был ли среди её членов амнистированно ушедший 3.04.33г. из-под креста (на к-рый взошёл Иисус) бандит-заговорщик (политиканствующий уголовник и душегуб-политикан *народовольческого* национал-покроя) Варавва!?

Теперь выясним, когда вышеизложенный иудейско-самарянский инцидент случился? Всплывающая у Флавия дальше Пасха 52г., на к-рую римский наместник Сирии Уммидий Квадрат, разобрав перед тем, по прошению обеих сторон, самаряно-иудейский конфликт, прибует в Иерусалим (И.в. 2,13,6), обязывает отнести убийство самарянами галилейских паломников, с чего вся заваруха началась, на предшествующий означенной Пасхе большой паломнический праздник, т.е. на осенний праздник Кушей 51-го г. н.э. Стало быть, – через полгода после инцидента с мерзостной выходкой римского солдата в пасхально-опресночные дни 51г. н.э. Т.е. датировка Флавия в «Воине» – «немного позднее» – и корректна, и правильна.⁵

Если по «И.д.» создаётся впечатление, что представители самарян буквально сразу после подавления Куманом, во главе аж 4-х (за исключением иерусалимской) римско-палестинских когорт, плюс – отряд себастийцев, плюс проч. вооружённые прокуратором самаряне, в их пользу противосамарянского выступления иудеев, направились к (находившемуся в Тире) Уммидию Квадрату (20,6,2), то по «И.в.» – это не так. Тут вразумлённые увещеваниями своих же влиятельных лиц иудейские горячие головы (после приведшей к множеству жертв карательной операции Кумана) соглашаются, во избежание ещё большей крови, разойтись и успокоиться, вслед за чем Флавий пишет: «Но многие, в надежде остаться безнаказанными, обратились к разбойничьему ремеслу. Грабежи и мятежные попытки со стороны более отважных бойцов распространились по всей стране. Вследствие этого выдающиеся представители Самарии отправились к Уммидию Квадрату...» (2,12,5).

Если в «И.д.» сказано общо, что «с той поры вся Иудея наполнилась разбойниками», то из рассказа «И.в.» видно, что между подавлением со стороны Кумана иудеев и хождением влиятельных самарян в Тир к Квадрату прошло определённое время, за к-рое отдельные отряды не смирившихся с произошедшим и не сложивших оружие, или снова взявшихся за него иудеев успели достаточно досадить самарянам, к-рые и подались искать защиту у (оказавшегося по наместническим делам в Тире) Квадрата. Иначе говоря, от убийства в Самарии галилеян, паломничавших на Куши 51г., т.е. до устроенного Квадратом разбирательства, вернее, до его прибытия после этого разбирательства в Иерусалим на Пасху (см. ниже), согласно тексту «Bellum», вполне могло пройти ок. полугода.

ПАРНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ НАМЕСТНИЧЕСТВО КУМАНА И ФЕЛИКСА

(49/50 – 52гг.)

Следующий вопрос в разрешении противоречий между Флавием и Тацитом. Дело в том, что в «Анналах», под 52г. (см. ниже), Тацит, отмечая устами Клавдия «старинную неприхотливость и довольство малым» обладателя состояния в 3 млн.

⁵ Пятидесятница 51г. слишком близка от пасхальных и постпасхальных весенних событий этого же года, чтобы приурочивать к ней конфликт иудеев и самарян, а, в свою очередь, Пасха 52г., событийная привязка к к-рой выяснится ниже, слишком от Пятидесятницы года предыдущего далека, соответственно чему, паломнический праздник Кушей 51г. безальтернативен.

сестерциев — влиятельного вольноотпущеника (корнями от аркадских царей) Палланта, посвящает затем нелицеприятный абзац его порочному братцу М.Антонию Феликсу:

«Но подобной умеренности не обнаруживал его брат по имени Феликс, к-рый, уже давно пребывая правителем Иудеи, считал, что при столь могущественной поддержке может творить беззакония. Среди иудеев, действительно, возникли волнения и начался мятеж, когда..., и хотя после того как стало известно о его (Калигулы — К.З.) умерщвлении, это исполнено не было⁶, их тем не менее не оставлял страх, как бы кто из принцепсов не повелел им того же. Между тем Феликс неуместными мерами толкал их на новые беспорядки, причём в злоупотреблениях всякого рода с ним соревновался Вентидий Куман, ведавший частью провинции, к-рая была поделена между ними так, что Вентидию подчинялся народ галилеян, а Феликсу — самаритяне; те и другие издавна враждовали, а тогда, из презрения к обоим правителям, и вовсе перестали сдерживать взаимную ненависть. Итак, они принялись грабить друг друга, посылать друг к другу шайки разбойников, подстраивать засады, а порою затевать и подлинные сражения, делясь с прокураторами награбленным и захваченною добычею. Те вначале были очень довольны, но когда смута угрожающе возросла, вмешались в неё военной силой; наши воины были перебиты бунтовщиками, и провинция запылала бы в пожаре войны, если бы ей на помощь не явился правитель Сирии Квадрат. Он недолго раздумывал, как поступить с иудеями, дерзнувшими на убийство воинов, и они поплатились за него головой; медлил он лишь в отношении Кумана и Феликса (прослышав о причинах восстания, Клавдий предоставил ему свершить правосудие и над обоими прокураторами), но Квадрат, дабы умерить рвение обвинителей, взял Феликса с собою на трибунал и посадил его среди судей, и за преступление, совершённое ими обоими, был осуждён только Куман, после чего в провинции восстановилось спокойствие» (12,54).

Проблема в том, что Флавию (кто, напомним, молчит о Кумановом прокураторстве 48 — 51гг.) ничего (судя по его текстам) не известно о параллельном начальствовании над различными частями Палестины Кумана и Феликса, к-рый, согласно рассказу Флавия, преемствует в управлении «Иудеей, Галилеей, Самарией и Переей» смещённому Клавдием и отправленному в ссылку Куману (И.в. 2,12,8; И.д. 20,7,1).⁷ Да, Тацит, конечно смотрит на всё дело с державной башни-макушки (как великоримский держиморда), не очень вникая в нюансы периферии и нередко ошибаясь, но мы не можем полностью пренебречь его информацией в пользу Флавия, как это делает, например, Шюрер (1,570). Ибо, если в ней Тацитом очень даже могли быть допущены ошибки-неточности, то просто выдумать её от начала и до конца он никак не мог.

Иное дело, что Флавий почему-то проигнорировал параллельное заведование Палестиной Кумана и Феликса. Значит, правда где-то посередине и необходимо двух авторов древности взаимоприемлемо свести, синхронизировать, совместить.

С др. стороны, исходя из смысловой логики флавиевского рассказа, Вентидию не могли подчиняться (согласно Тациту) галилеяне, а Феликсу — самаритяне, хотя, к примеру, Моммзэн («Römische Geschichte» 5,525) принимает именно такой тащи-

⁶ В тексте Тацита пропуск, но из контекста ясно, что речь идёт о калигулианском повелении водрузить императорскую статую в храме.

⁷ И эта неосведомлённость Флавия тем более удивительна, что на 48-52гг. ему, проживавшему в Иерусалиме, 11-15 лет отроду, в к-рые он, юный вундеркинд, поражал, по его собственным словам в «Автобиографии», бывалых стариков-книжников своими знаниями и феноменальной памятью, притом настолько, что сам первосвященник (понимай — Анания, сын Небедея, — первосвященник в 47-59гг.) приходил в иерусалимский дом родителей Иосифа б. Маттафии справиться у него относительно некоторых мест из Писания.

товский расклад. Однако, как, спрашивается, Вентидий мог чресполосно управлять Галилеей и Иудеей, резидируя в Кесарии, при подчинении промежуточной Самарии Феликсу, да ещё подкупаться самарянами, у к-рых вроде бы был другой начальник, и т.д. и т.п.?!? Короче, — получается театр абсурда.

И вместе с тем, всё становится на свои места, если принять, что Феликс управлял стоящей на отшибе Галилеей, в то время как Вентидий заведовал (продолжал заведовать) из Кесарии, регулярно посещая по большим праздникам Иерусалим, Иудеей и Самарией. Такой вариант принимает Грэц («Geschichte der Judäer» S.435-38) и он прав, поскольку, коли уж акцептировать откорректированного Тацита, другой расклад невозможен.

Не назначил ли иудеянин Антипатр, произведённый в 47г. Цезарем в иудейские этнархи, одного из своих сыновей, Ирода, правителем именно Галилеи. Не составила ли по смерти Ирода Галилея (в паре с непограничной ей заиорданской Переей) основную часть тетрархии Ирода Антипы. Т.е. прецеденты обособленного управления Галилеей наличествуют. Наряду с тем, прибытие в неё Феликса, по всему, имело место не одновременно с назначением в 48г. Кумана начальствовать поначалу над Иудеей, Самарией, Галилеей, Переей.

Нет, Галилея досталась Феликсу не ранее 49/50гг., после брака Агриппины с Клавдием и усиления позиций Феликса ст. брата Палланта, к-рого его любовница Агриппина (осыпая милостями), в частности, так, братниным (по его ходатайству) назначением, великодушно поощрила. И Клавдий, м.б., проинформированный о трудностях, с к-рыми Куман, б.м, сталкивался ещё до трагедии на Пасху 51г. в Иудее, не нашёл ничего невозможного в том, чтобы просьбу Агриппины и Палланта в отношении назначения Феликса благонамеренно (ох уж эти благие намерения!) удовлетворить-уважить, с мыслью (к тому же) несколько разгрузить (перезагруженного) Кумана.

Ан — не вышло. Между прокураторами, естественно, возникло соперничество (к-рое можно было бы предвидеть!). И если одного произведённое назначение ущемило, то другой (с его волчьим аппетитом) метил в наместники всей Палестины, сообразно чему, Куман должен был быть из неё (скомпрометировав себя) отозван. И кто знает, не подстрекались ли во вспыхнувшем конфликте самаряне (мздоимцем-лихоимцем) Куманом, как галилеяне — (мздоимцем-лихоимцем) Феликсом? Это в итоге дестабилизировало обстановку по всей стране, обусловило наполнение Иудеи разбойниками и мотивировало обращение как самарян, так и иудеев — до наступления весны 52г. — к легату Сирии Квадрату (кому проинформированный, как явствует из Тацита, об осенних событиях 51г. Клавдий, предоставил арбитражно-судейское решение спорного вопроса).

СУД УММИДИЯ КВАДРАТА И ВЕРДИКТ КЛАВДИЯ

(52г.)

«В это время главные представители самарян отправились к сирийскому наместнику Уммидию Квадрату, к-рый тогда находился в Тире, с жалобой на то, что иудеи сожгли и разграбили их деревни. При этом самаряне заявляли не столько о своём личном неудовольствии, сколько указывали на то, что иудеи отнеслись презрительно к римлянам; им бы следовало обратиться к их суду, если они почувствовали себя обиженными, вместо того, чтобы самостоятельно совершать набеги, как будто не римляне хозяева страны. Ввиду всего этого они, самаряне, и явились к нему с просьбой взыскать с виновных. Так формулировали обвинение самаряне, иудеи же, со своей стороны, говорили, что виновниками всей смуты и военных действий

являются самаряне, уже потому что они задобрили Кумана дарами, так что тот не дал хода делу об умерщвлении галилеян. Когда Квадрат узнал об этом, он отложил постановление своего решения, сказав, что сделает это, когда приедет в Иудею, в точности расследует всё дело и узнает истину. Таким образом те уехали ни с чем.

Немного погодя Квадрат прибыл в Самарию, где предполагал найти виновных в смутах самарян. Когда же он узнал, что и некоторые иудеи находились в числе бунтовщиков, он распорядился пригвоздить к кресту тех, к-рых забрал Куман. Отсюда он поехал в деревню Лидду, к-рая, впрочем, по величине своей не уступала целому городу. Здесь он вторично стал публично творить суд над самарянами. Тут ему сообщил один самарянин, что некий влиятельный иудей, по имени Дорт, и вместе с ним четыре бунтовщика уговаривали народ отложиться от римлян.

Квадрат распорядился казнить виновных, первосвященника же Ананию и военачальника Анана велел заковать в цепи и отправить в Рим, чтобы они там дали ответ императору Клавдию о всём случившемся. Вместе с тем он предписал наиболее влиятельным самарянам и иудеям, равно как заместнику Куману и трибуну Целеру, отправиться в Италию к императору, к-рый-де разберёт их жалобы друг на друга. Сам же он, опасаясь новых волнений со стороны иудеев, поехал в Иерусалим. Однако он нашёл город спокойным и занятым отправлением праздника в честь Предвечного. Убедившись таким образом, что ему нечего бояться волнений, он покинул иудеев и вернулся в Антиохию.

Когда Куман и влиятельнейшие самаряне и иудеи прибыли в Рим, император назначил день для разбора их взаимных жалоб друг на друга. Императорские вольноотпущенники и приближённые тем временем усердно хлопотали за Кумана и самарян, и те, наверное, одержали бы верх над иудеями, если бы случайно находившийся в Риме Агриппа Младший, видя интриги против иудеев, не обратился к императрице Агриппине с настоятельной просьбой уговорить мужа внимательно и беспристрастно отнестись ко всему делу и так наказать настоящих виновников смуты. Подготовленный этим путём, Клавдий выслушал дело, признал самарян главными зачинщиками и приказал казнить тех из них, к-рые явились к нему. Кумана он приговорил к ссылке, трибуна же Целера велел отвезти в Иерусалим, позорно провести по всему городу, чтобы все видели его, и затем подвергнуть казни» (И.д. 20,6,2; И.в. 2,12,5/6).

Начнём с конца. Поскольку следующую 7-ю гл. 20-й кн. «И.д.» Флавий начинает с назначения заместником всей Палестины (Иудея, Самария, Галилея, Перейя) Феликса вместо Кумана (ничего, как сказано, не сообщая о периоде их разноместно параллельного заместничества), а далее рассказывает о событиях уже на 13-м году (или по истечении 12-го года) правления Клавдия (53г.), не приходится сомневаться в том, что разбирательство Квадрата имело место в предыдущем 52г. Причём, если в «И.д.» праздник иудейский, во время к-рого Квадрат после этого разбирательства посетил Иерусалим, не уточняется, то согласно «И.в.», посещение имело место в праздник опресноков, т.е. на Пасху 52г. (опресночные дни 15-21 нисана = 3-9.04.).

Как видим, инициатива обращения к Квадрату (к-рому Клавдий в период между праздником Кушей 51-го, когда началась самарянско-иудейская свара-буча, и праздником Пасхи 52г. предоставил из Рима, так сказать, свободу судейских рук) исходила от самарян. Последние, сами начав конфликт, более того, подкупив Кумана, теперь больше страдали от ответных акций иудеев⁸, каковые, несмотря на противоиудейскую (до конца 51г.) кумановскую расправу, в локальных масштабах не прекращались.

⁸ Иудеи были намного более многочисленны и окружали (не сплошным кольцом) самарян с иудейского юга, галилейского севера и перейского востока (см. карту).

И при этом самаряне хитро спекулировали на сепаратизме радикальных иудеев, настаивая на их нелояльности к Риму, в попытках придать всему конфликту иной смысл — не межнациональной распри, но политической, со стороны иудеев, инсurreкции. Одновременно и знатные иудеи, прибыв (зимой — ближе к весне — 52г.) в Тир, обвинили перед Квадратом и самарян, и Кумана: первых — за то, что они всё, убив галилейских паломников, начали, и потому ответственность на них; второго — за получение взятки от них и за его тенденциозную позицию в конфликте.

При всём том, и геопоследовательность судебных перемещений Квадрата, согласно не во всём созвучным флавианским «Древностям» и «Войне», разнится. Если в «И.д.» это — Тир, где Квадрат выслушал обе стороны, отложив разбирательство, потом — Самария, Лидда (в к-рой, напомним, в 39г. Ап. Пётр исцелил расслабленного Енея), Иерусалим, то в «И.в.» — Тир, Кесария, Лидда, Иерусалим. И повсюду, кроме Тира и Иерусалима, строгий судья Квадрат щедро карал распятием или рубкой голов как самарян, так и иудеев, приказав, по итогам заключительного, весной 52г., разбирательства в Лидде, некоторым высокопоставленным иудеям и самарянам проследовать в Рим на суд непосредственно кесаря. И отправив также держать ответ перед кесарем наместника Кумана и некоего трибуна Целера, к-рый, насколько следует из вынесенного ему Клавдием в Риме смертного приговора, особо отличился притеснением именно иудеев.

Примечательно, что среди отправленных Квадратом к Клавдию знатных иудеев Флавий в «Войне» называет первосвященников Ионафана и Ананию, равно как сына последнего Анана, в то время как в «Древностях» из первосвященников называется только Анания и с ним некий военачальник (храмовая стража?) Анан. Наименование и Ионафана, и Анании первосвященниками на 52г. часто приводит к путанице, мол, кто из них был в тот момент первосвященником и первосвященствовал по возвращении из Рима? Но последний назначенный в 47г. Иродом Халкидским первосвященник — есть Анания, сын Небедея, о смещении к-рого до 52г. ничего не сообщается, к-рый в 58г. фигурирует в Д.Ап. как визави Ап. Павла (23,2), и на место к-рого не ранее 59г. царь Агриппа II назначит Исмаила б. Фаби (И.д. 20,8,8) (см. ниже).

Касаемо же Ионафана, — в кадре один из пяти сыновей Анана (Анны), первосвященник 36/37г., к-рого Вителлий (единовременно со смещением Пилата) назначил вместо Каиафы (зятя Анны), и к-рый впоследствии, не облекая больше штатное первосвященство-архипастырство, однако именуясь почётно-пожизненно первосвященником (что у иудеев, о чём читатель знает, практиковалось), продолжал пользоваться огромным влиянием, между тем как штатным первосвященником с 47 по 59гг. был (отправленный вместе с Ионафаном в 52г. в Рим) Анания, сын Небедея. Он и вернулся, после нескольких месяцев отсутствия, из Рима (где Клавдий разрешил конфликт в пользу иудеев), не потеряв первосвященское достоинство, как Ионафан не утратил своё влияние. Вот в чём заковыка и незачем делать (серого кардинала) Ионафана штатным архипастырем на 52г. н.э., что грубо ошибочно.

А относительно судьбы Квадрата, согласно Тациту, оно не было беспристрастным, поскольку Квадрат — «взял Феликса с собою на трибунал и посадил его среди судей, и за преступление, совершённое ими обоими, был осуждён только Куман» (12,54). Где сие произошло — в Кесарии? в Самарии? или в Лидде? — не суть важно. Важнее то, что Квадратом, при его строгом судействе, была наверняка учтена фаворитарность Феликса (брата Палланта — любовника Агриппины), почему вопрос о выборе крайнего из них обоих для него вряд ли стоял, тем паче, что оба гуся были «хороши», и Куман вовсе не был безвинен.⁹

⁹ Не удостоился ли Паллант как раз в январе 52г., по предложению Марция Барей Сорана (конс.-суф.), преторских инсигний — *ornamenta praetoria* — и щедрого денежного вознаграждения в 15 млн. сестерциев (Ан. 12,53; Плиний Мл. 7,29,2; 8,6,13) (см. выше и ниже).

Тем временем, В Риме за иудеев принялся хлопотать не случайно находившийся там (согласно слову Флавия), но прибывший туда весной 52г. по своим делам Агриппа II, кто, как выясняется ниже (И.д. 20,7,1), с 49/50гг. правил ливанской Халкидой, т.е. доставшейся ему, о чём мы знаем, по смерти в 48г. Ирода Халкидского, тетрархией, куда он прибыл (отпущенный его опекуном Клавдием) из Рима и где, на месте, вокняжился не ранее 49/50гг. (см. выше и ниже).

Впрочем, надо думать, даже не столько заступничество Агриппы (как того, опять-таки, хочет Флавий), к-рое сыграло определённую роль, сколько замешанность в деле Феликса, за назначение к-рого вместо Кумана хлопотал (ещё и) экс-первосвященник Ионафан (И.д. 20,8,5), обусловила (клавдианско-агриппианское) решение всего спора в пользу иудеев и Феликса.

Трое из знатных самарян получили вышку. Куман, несмотря на заступничество за него некоторых придворных вольноотпущенников (куда им тягаться с Паллантом и стоящей за ним Агриппиной!), проследовал (за злоупотребления служебным положением) в ссылку. Войсковой трибун Целер, повторим, по всей видимости, особо отличившийся при подавлении иудеев, был приговорён к обезглавлению в Иерусалиме. А Феликс (как будто он, отлично, мол, от Кумана, не мздоимствовал, не лихоимствовал и, добавим, как будто он не подстрекал, копя под Кумана, галилеян, к-рыми правил, против самарян и т.д.!) оборотисто стяжал наместничество над всей Палестиной – в комплектном составе Иудеи (Идумеи), Самарии, Галилеи, Переи.

Первый вольноотпущенник в ранге наместника всаднической провинции Иудея! что специально отмечает-оговаривает Светоний (Кл. 28), и по поводу чего Тацит говорит: «...Клавдий превратил Иудею в провинцию и поручил управление ею всадникам или вольноотпущенникам. Среди последних особой жестокостью и сластолюбием отличался Феликс – раб на троне...» (Ист. 5,9).

Таким образом, после Квадратова разбирательства Феликс, судя по всему, остался в Палестине на своём служебном посту в Галилее, заведомо примеряя *мундир* прокуратора всея Иудеи, тогда как штатный первосвященник Анания и почётный архипастырь Ионафан возвратились в Иерусалим в течение 52г. н.э., приблизительно в одно, или точно в одно время с приходом в Палестину приказа о новом назначении Феликса.

И, кстати, тот же Феликс, за назначение к-рого ратовал Ионафан (сын Анана), когда последний станет слишком часто напоминать ему о необходимости лучшего управления страной, сделавшись Феликсу в тягость, подошёл к нему в 55/56гг. наёмных убийц из числа кинжальщиков-сикариев (И.д. 20,8,5; И.в. 2,13,3). Сим впервые первый римский прокуратор вступит в (выгодную для себя) сделку с иудейскими национал-радикалами (ненавистниками Рима), и вообще всё его на ту пору беспрецедентно порочное наместничество – 52 – 60гг. – сыграет роковую роль в деле приближения (пусть неотвратимой) Иудейской войны. Но это произойдёт позже и потому см. ниже. А сейчас продолжим по Флавию.

НАЗНАЧЕНИЕ ФЕЛИКСА, АГРИППА II И БРАКИ/СУДЬБЫ ИРОДИАНСКИХ ПРИНЦЕСС

(52/53/54гг.)

«После этого Клавдий послал в качестве правителя в Иудею Феликса, брата Палланта. На 13-м году своего правления император отдал Агриппе тетрархию Филиппа, и Батанею, и Трахон с Авилою (входившие некогда в состав тетрархии Лисания). Вместе с тем, однако, он отнял у него Халкиду, после того как Агриппа правил ею в течение 4-х лет. Получив эти области в удел от императора, Агриппа

выдал свою сестру Друзиллу замуж за эмесского царя Азиза, пожелавшего принять обрезание. Дело в том, что Епифан, сын царя Антиоха, отклонил брак с ней, не желая принимать иудаизм, хотя он раньше и обещал её отцу сделать это. Мариамну Агриппа выдал за Архелая, сына Хелкия; она уже раньше ещё отцом Агриппы была объявлена невестой Архелая. От этого брака родилась дочь Береника.

Впрочем, немного спустя расстроился брак Друзиллы с Азизом. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство. В то время наместником Иудеи был Феликс. Когда он увидел Друзиллу, отличавшуюся необыкновенной красотой, он захотел сблизиться с этой женщиной. Поэтому он подослал к ней некоего Симона, иудея, происходившего с острова Кипра и выдававшего себя за мага, и стал уговаривать её бросить мужа и выйти замуж за него, Феликса. При этом он, в случае её согласия, обещал сделать всё для её счастья. Друзилла была настолько испорчена, что дала себя уговорить переступить закон и выйти замуж за Феликса. К этому её, между прочим, побудило также желание избавиться от постоянного выражения зависти со стороны её сестры Береники, к-рая немало досаждала ей за её красоту. Она родила затем Феликсу сына, к-рого назвала Агриппой. О том, каким образом этот юноша погиб вместе со своей матерью при извержении горы Везувий во времена императора Тита, я расскажу впоследствии...» (И.д. 20,7,1/2; И.в. 2,12,8).

Итак, если Феликс управлял всей Иудеей-Палестиной с 52г. н.э.¹⁰ (12-й год Клавдия), побывав перед тем, с 49/50гг., прокуратором Галилеи (а не Самарии), то, немногим позже, на 13-м году своего правления = 53г., Клавдий отдал Агриппе бывшую тетрархию Филиппа = Трахон, Ватан, Гавлан, плюс – тетрахию Лисания = Авилы, плюс, согласно «И.в.», «бывшую епархию Вара». Точнее, Клавдий перевёл его, Агриппу II, с унаследованным им от отца, Агриппы I-го, царским титулом, из ливанской Халкиды, «после того как Агриппа правил ею в течение 4-х лет», в названные более масштабные, и главное, в палестинские (с резиденцией в Кесарии Филипповой) области. Эти 4 на 53г. года означают, что Агриппа правил Халкидой с 49-го, или (буде в объктиве 4-й год) с 49/50гг., в то время как сообразно «Войне» (2,12,1) и «Древностям» (20,5,2), он получил Халкиду по смерти своего дяди Ирода – на 8-м году Клавдия, т.е. в 48г. н.э.

Отсюда вывод, что Клавдий, патронируя подготовку (родившегося в 28г.) Агриппы Младшего в Риме к царствованию в Палестине, не сразу отпустил его на княжение в (интервально-промежуточный) Ливан, как, к примеру, в 44г. он не отпустил его, слишком юного, прислушавшись к вольноотпущенникам, на царство Иудейское в Иерусалим и Кесарию, хотя поначалу хотел поступить именно так. Однако противоречия тут нет, так как прибытие Агриппы в Халкиду в 49/50гг. не означает, что он не получил её в 48г. Вспомним также о том, что Калигула, назначив вызволенного им из тиберианского застенка Агриппу I царём весной 37г., отпустил его на царство в Палестину (в сирию с 36г. тетрархию Филиппа) лишь летом 38г.

Царство, вернее, княжество Лисания – Авилена, с центром в Авиле, суть (околопалестинская) тетрархия умершего (как и Филипп) в 36г. Лисания Авилейского (потомка итурейских венценосцев – Птолемя Меннея, Лисания и Зенодора), к-рое в 37г. досталось, вместе с тетрархией Филиппа, Агриппе I, а ныне, в 53г., – Агриппе II. «Эпархия Вара» – нечто непонятное. Полагают, что – не Вара (и в любом случае – не Квинктилия Вара – легата Сирии во 2г. до н.э. – 1г. н.э., единственный сын к-рого, осуждённый в 27г., умер, не оставив потомства) (Д.И. 1055/56), но некоего Ноара, возможно, сына умершего в 49г. Созма Итурейского (см. выше), крохотная

¹⁰ В армянской «Хронике» Евсевия назначение Феликса наместником Иудеи отнесено на 51г. (Arm. Karst 215); у Иеронима – 50г. (153).

часть не поддающихся точной идентификации владений к-рого (в северном Ливане?) могла достаться его сыну или родичу Ноару, кто, в свою очередь, до 53г. её лишился.¹¹

В том же 53г. н.э. Агриппа выдал замуж свою младшую и самую красивую из трёх сестёр 14-летнюю Друзиллу (род. в 39г.) за царя Эмессы Азиза из династии Сампсигерамидов, к-рых мы отрекомендовали читателю выше. Правда, немногим позже, не позднее (и вряд ли ранее) 54г., т.к. в первый год правления Нерона = октябрь 54 / октябрь 55гг. – Азиз умер (И.д. 20,8,4), Друзилла ушла от него к Феликсу, к-рый, увидев её, влюбился и не уgomонился, пока не увёл жгучую-пахучую красотку у мужа, «обещав сделать всё для её счастья» («Он говорил мне – будь ты моею...»).

Ещё Агриппа I предназначил Друзиллу, кому на момент смерти отца в 44г. шёл 6-й год, в жёны сыну Антиоха IV Коммагенского (38 – 72гг.) Эпифану. Но тот ко времени половозрелости 12/13-летней невесты – 51/52гг. – отказался, вопреки предварительной договорённости, сделать обрезание, что было обязательным условиям для заключения династических браков с еврейско-иродианскими принцессами, и поэтому брак не состоялся. Между тем, Агриппа II нашёл коммагенцу замену в лице менее значительного, и тем не менее, венценосного жениха – эмессца. К тому же, если Эпифан ходил на 53г. в кронпринцах, то Азиз, пусть в своих миниатюрных владениях, всё-таки, царствовал.

Увы, не сложилось. Феликс был бойкий малый, к-рый за свою жизнь успел, будучи вольноотпущенником (!), побывать супругом аж трёх цариц (Светоний «Кл.» 28), в каковом (клубничном) пикант-амплуа больше всего современникам со помтки и запомнился. Если Светоний говорит о трёх царицах, не называя их, а Флавий именует Друзиллу, то у Тацита (Ист. 5,9) – тоже Друзилла, но дочь угробленного Калигулой Птолемея Мавританского (+ 40г.), и следовательно, внучка Иова Мавританского и Клеопатры Селены – дочери Клеопатры Египетской и М.Антония. Потому-то Тацит и констатирует, что посредством этого брака «он (Феликс) стал внучатыми зятем того самого Антония, внуком к-рого был Клавдий» (сын Друза и Антонии Младшей).

Т.е. уже браком с Друзиллой Птолемеевой, к-рый, вероятно (как и брак с другой анонимной царицей), был заключён до брака с Друзиллой Агрипповой (поскольку, если бы брак иудейки Друзиллы и Феликса позднее распался, еврейский моралист Флавий не преминул бы об этом назидательно упомянуть), Феликс породнился с Клавдием.

И чтобы добиться страстно желанной Друзиллы Феликсу даже пришлось прибегнуть к магическому содействию некоего подвизавшегося тогда в Палестине чародея родом с Кипра – Симона, к-рого, как сказано выше, незачем и негоже отождествлять-путать с Симоном волхвом из Д.Ап. Друзилле же, со своей стороны, чтобы выйти за Феликса, пришлось нарушить два еврейских запрета. Запрет на развод (разводное письмо), по инициативе жены, и запрет на брак с язычником, так как Азиз для брака с ней наверняка сделал обрезание, тем формально приняв иудаизм, чего Феликс наверняка не делал. Отсюда замечание Флавия относительно испорченности Друзиллы, о, повторим, разводе к-рой с Феликсом Флавий не смол-

¹¹ В «И.в.» 2,18,6, под повстанческим ббг., говорится о друге Агриппы (к-рому он временно вверил управление своими владениями, сам подавшись к Цестию Галлу в Антиохию) Ноаре – родственнике царя Созма (Vita 11). В отношении этого Ноара неясно, – родственником какого Созма он был: умершего ли в 49г. Созма Итурейского? или царствовавшего при Нероне и Веспасиане в Эмессе Созма Эмесского? (И.д. 20,8,4; И.в. 3,4,2; 7,7,1; Тацит «Ист.» 2,81; 5,1) (см. ниже).

чал бы. Иначе говоря, именно она, по всему, и являлась последней из трёх супружниц-цариц этого многочувственного сперматозавра-вольнотпущенника.

Кроме того, Друзилле досаждала за её красоту 10-ю годами старшая сестра Береника, кто, по смерти мужа (и дяди) Ирода Халкидского (+ 48г.), с 49/50гг., обреталась, сродни младшим сёстрам, при брате Агриппе, сначала – в Халкиде (а до того – в Риме?), потом – в (бывшей) тетрархии Филиппа. Хотя она могла доставать Друзиллу не до её брака с Феликсом в 54г. (небрежность Флавия), но до её брака с Азизом в 53г., когда Друзила перебралась в Эмессу (с какого времени больше не ходила под Береникой).

И, к слову, дальше, если судьба Друзиллы и её с Феликсом сына Агриппы, погибших при извержении Везувия в августе 79г., нам благодаря Флавию известна, то конец самого Феликса под вопросом. Его ст. брат Паллант потеряет свой пост министра финансов (без портфеля) в 55г. при Нероне, оставшись, однако, в почтении и сумев избавиться в 60г. от осуждения-ссылки отозванного Нероном из Иудеи брата младшего. Тем не менее, в 62г. Палланта, из-за его богатства, всё-таки, князят, в то время как о Феликсе и его конце сведений нет.

Далее, видимо, опять-таки, в 53г. средняя из трёх сестёр Агриппы II, Мариамна (род. в 35г.), вышла замуж за Архелая – сына сановника Агриппы I – Хелкия, родив ему дочь Беренику, а в дальнейшем ушла от него к богатому Александрийскому алабарху Дмитрию (из рода знатных Александрийских евреев – Александра Лисимаха и философа Филона).

По поводу же Береники, выше мы упомянули, что римско-имперская Ойкумена наполнилась дошедшими аж до Ювенала слухами о её кровосмесительной связи с братом, при к-ром она «долго оставалась вдовой» (И.д. 20,7,3), после чего «угворила (стремясь покончить со сплетнями) Полемона, царя киликийского, принять обрезание и жениться на ней», на что он согласился «особенно ввиду её богатства». Брак продлился недолго и она снова вернулась к брату Агриппе.

Полемон Понтийский остался царём сугубо Киликийским (владея частью Киликии с 41г. в качестве клавдианской компенсации за отказ от предоставленного Митридату Боспора, где протеже Калигулы Полемену не удалось зацепиться-утвердиться) с 63г., когда Нерон аннексировал Понт. Т.е., если принимать слова Флавия за чистую фактическую монету, брак между Полемоном Киликийским (в смысле – уже не Понтийским) и Береникой был заключён не ранее 63/64гг. Стало быть, в 60г. она, ещё не выйдя за Полемона, внимала напару с Агриппой, в кесарийской резиденции прокуратора Феста (преемник Феликса), Ап. Павлу (Д.Ап. 25,13), а в 66г., при начале Иудейской войны, мы снова (у)видим её, уже после развода с Полемоном, (возле Агриппы) в Палестине.

Или, если наименование Полемона Киликийским у Флавия – ляпсус-анахронизм-неточность, б.м., Береника бракосочеталась с Полемоном (достаточно долго прожив при Агриппе – с 49г.) ок. 54/55гг., и успела уйти от него, вернувшись в Палестину под крыло брата, либо до, либо не позднее 60г., что тоже теоретически возможно, или минимум не исключено.

Сам Агриппа II, последний тронный представитель династии Иродов, удостоится территориальных приращений от Нерона, переименует Кесарию Филиппову в Неронию (61г.), отпразднует завершение (80-летнего – с 17г. до н.э.) строительства Иерусалимского храма (64г.), будет смещать-назначать первосвященников (до 66г.), твёрдо стоять на стороне римлян, всячески содействуя Веспасиану и Титу, в Иудейскую войну (66 – 70гг.), примет вместе с сестрой Береникой участие со стороны римлян в триумфе Тита (71г.), переживёт всех своих сестёр, не потеряет благосклонность Рима также при Домициане, и умрёт, согласно современнику (и визави) Флавия Иусту Тивериадскому, со слов патриарха Фотия («Bibliotheca» cod. 33), к-рым

у нас нет оснований не верить, аж в 3-м году правления Траяна = в 100г. н.э.¹²

Причём умрёт, по всей видимости, неженатым (во всю жизнь) и бездетным, после чего его палестинские владения войдут в состав Сирии, а династия Иродиан на нём и с ним кончится. Столько пока об этом последнем царственном Иродианине, с к-рым мы в следующих частях нашего повествования ещё не раз встретимся.

АПОСТОЛЬСКИЙ СОБОР

(51г. н.э.)

Мы расстались с Павлом и Варнавой по их возвращении из Первого (кипрско-малоазиатского) миссионерского путешествия (45 – 48гг. н.э.) в Антиохию Сирийскую, прибыв куда летом 48г. и рассказав на собрании, в общине, «всё, что сотворил Бог с ними, и как Он отверз дверь веры язычникам» (Д.Ап.14,27), они «пребывали там не малое время с учениками» (14,28), продолжая как учить, так и обращать местных и окрестных язычников, не требуя от них соблюдения обряда обрезания наряду с прочей ритуальной обрядовостью. И, надо заметить, что если эта 14-я гл. Д.Ап. (с разделением, напоминаем, евангельских текстов на главы в XIIIв. н.э.) уполовинивает состоящую из 28-и глав Кн. Деяний Апостольских, то 48-й г. н.э. стоит посередине охватываемого Деяниями купного периода продолжительностью в итоге 30 лет – с 33 по 63гг. н.э., а гл. 15 благовествует метаисторию после 48-го, начиная – Апостольский собор – с 51гг.

Далее, читатель помнит, что ещё Пётр в начале (январь) 40г. обратил-крестил в Кесарии Палестинской римского сотника – язычника Корнилия, его домочадцев и близких, провозвестив-маркировав тем самым (хотя исключительные случаи обращения отдельных язычников – всех ли с предварительным переходом в иудаизм? – имелись и ранее) начало принятия в Церковь Божию необрезанных. Ибо, если прежде язычники обращались-крестились, пройдя предварительно через интервальную иудаизацию (обрезание и присяга на верность Моисееву закону), то Корнилий был, так сказать, официально, во всяком случае, по евангельскому тексту, первым, от кого (надоумленный видением-откровением) Пётр обрезания не потребовал и в правомерности чего Петру удалось, несмотря на упрёки обрезанных, убедить иерусалимскую братию (см. выше).

Однако разворачивалось вышедшее из еврейства-иудейства христианство в Ойкумену, естественно, не в одночасье, поэтапно преодолевая сопротивление части иудействующих (= иудео-христиан) и откаты назад, будучи более успешным, разумеется, в языческой-космополитичной Антиохии (нежели в Земле Обетования и

¹² Ни Фотий, ни, тем паче, Иуст не могли столь точную информацию (3-й – приложительно к летальному исходу Агриппы – год Траяна) измыслить. Убедительную аргументацию в пользу кончины Агриппы II не ранее 100г. н.э. приводит Шюрер (1,585-600), между тем как все побочные, в свете диагнозов по косвенным признакам, «многоучёные» доводы-домыслы (немалого ряда-числа авторитетов) относительно мнимого агриппианского конца, дескать, не позднее 92/93гг. (к-рый всё чаще фигурирует в новых источниках), нисколько не убеждают. Мол, Флавий не мог, или не стал бы негативно высказываться об Агриппе, будь Агриппа на момент окончания-дописания «Древностей» (93/94гг.) жив, – на что Шюрер резонно возражает: кто сказал и откуда известно о хороших-дружеских отношениях между Флавием и Агриппой до самого конца написания «И.д.»? Или ещё говорят, что агриппианских монет позднее 92/93гг. нет. Но, во-первых, отсутствие (археологически обнаруженных) монет Агриппы после 92/93гг., ни в коей мере, не означает его смерть в 92/93гг., а во-вторых, – и это не так, поскольку одна из бесспорных монет, датированная 35-м годом, исчисляемым по эре от переименования Агриппой Кесарии Филипповой в Неронию в 61г., говорит о том, что он продолжал здравствовать на 95/96гг. (вполне могучи доцарствовать-доздравствовать и до 100г.).

особенно в Иудее-Иерусалиме). Именно там ученики впервые стали называться «христианами» и именно там с 40/41гг. вели свою продуктивную деятельность (всё ближе подбираясь-примериваясь к ойкуменизации христианства) как Варнава, так и приведённый им в 40г. из Тарса Киликийского (где он обретался с 37г.) тарсянин Савл (см. выше).

Притом Варнава и Савл проповедовали как иудеям, так и язычникам – Еллинам = греко-сирийцам, греко-македонянам и т.д., часть к-рых обращалась-крестилась не обрезываясь, на почве чего наверняка имели место конфликты с, условно выражаясь, ортодоксальными иудео-христианами, считавшими непреложным для всех неопитов соблюдение всех положений Моисеева закона. И это превращало христианство в не более, чем одно из ответвлений иудаизма, или правильнее сказать, оставляло-держало его на уровне иудейской секты, перекрывая ему кислород, препятствуя массовому выходу в Ойкумену и закрывая перед ним вселенские горизонты.

Дело зашло ещё дальше, и соответственно, внутриобщинный конфликт сделался острее в свете первого миссионерского странствия Варнавы и Савла, к-рый не случайно в ходе оного назвался Павлом, и когда чаша весов сместилась в сторону язычников, о чём Павел и Варнава с горьким упрёком дерзновением заявили в 46г. иудеям в Антиохии Писидийской: «вам первым надлежало быть проповедану слову Божию; но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот мы обращаемся к язычникам; / Ибо как заповедал нам Господь: «Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли» (Д.Ап. 13,46/47) (см. выше).

А по возвращении посетивших также (47г.) Иконию, Листру, Дервию (города-полисы Ликаонии в составе провинции Галатия) обоих миссионеров в Сирию, процесс обращения Еллинов вышел на новый этап и необрезанных в Антиохийской церкви становилось всё больше, информация о чём от несогласных с таким подходом местных иудео-христиан и посетителей из Иудеи постоянно доходила до Иерусалима, где натыкалась на оппозицию со стороны обратившихся в иудео-христианство в основном давешних фарисеев.

Т.е. столкнулись, говоря на современном языке, сиро-килийский либеральный подход к вербовке неопитов и подход иудейско-иерусалимский консервативный, вернее, противление (новому – инаугурированному ещё Петром и взятому на полное системное вооружение уже Павлом – подходу к христианизации новобранцев) консервативного крыла Иерусалимской общины. Короче, вошли в противоречие интегральный и сегрегальный, творческий – устремлённый в будущее, и догматический – цепляющийся за прошлое, подходы. Впрочем, внимаем слову Дееписателя Луки:

«Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись.

Когда же произошло разногласие и не малое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим.

Итак, бывши провозжены церковью, они проходили Финикию и Самарию, рассказывая об обращении язычников, и производили радость великую во всех братиях.

По прибытии же в Иерусалим, они были приняты церковью, Апостолами и пресвитерами, и возвестили всё, что Бог сотворил с ними, и как отверз дверь веры язычникам.

Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезать язычников и заповедывать соблюдать закон Моисеев.

Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения всего дела.

По долгом рассуждении Пётр, встав, сказал им: мужи братия! вы знаете, что Бог

от дней первых избрал из нас меня, чтоб из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали;

И Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святого, как и нам, И не положил никакого различия между нами и ими, верую очистив сердца их.

Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, к-рого не могли понести ни отцы наши, ни мы?

Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасёмся, как и они.

Тогда умолкло всё собрание и слушало Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников.

После же того, как они умолкли, начал речь Иаков и сказал: мужи братия! Послушайте меня:

Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Своё;

И с ним согласны слова пророков, как написано:

«Потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падишую, и то, что в ней разрушено, воссоздам и исправлю её,

Чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между к-рыми возвестится имя Мое, говорит Господь, творящий всё сие».

Ведомы Богу от вечности все дела Его.

Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников,

А написать им, чтоб они воздерживались от осквернённого идолами, от блуда, удушения и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе:

Ибо закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу.

Тогда Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избравши из среды себя мужей, послать их в Антиохию с Павлом и Варнавою, именно: Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей начальствующих между братьями,

Написавши и вручивши им следующее: Апостолы и пресвитеры и братия, находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братьям из язычников: радоваться.

Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали;

То мы, собравшись, единодушно рассудили, избравши мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом,

Человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа.

Итак мы послали Иуду и Силу, к-рые изъяснят вам то же и словесно.

Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого:

Воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удушения и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите; соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здравы.

Итак отправленные пришли в Антиохию и, собравши людей, вручили письмо.

Они же, прочитавши, возрадовались о сём наставлении.

Иуда и Сила, будучи также пророками, обильным словом преподали наставление братьям и утвердили их.

Пробывши там некоторое время, они с миром отпущены были братьями к Апостолам;

Но Силе рассудилось остаться там, (а Иуда возвратился в Иерусалим).

Павел же и Варнава жили в Антиохии, уча и благовествуя вместе с другими многими слово Господне.» (Д.Ап. 15,1-35)

Таким образом, антиохийская братия уполномочила-снарядила главных инициаторов новообращения язычников (без обременения их иудейскими нормами), плюс

— «с некоторыми другими из них», идти разбираться с оппонентами из состава Иерусалимской матери-церкви (под председательством Иакова, брата Господня) в Иерусалим.

Спрашивается, когда сие произошло? (вопрос, на к-рый мы не раз как в наших предыдущих книгах, так и выше обоснованно отвечали). Оптимально — зимой/весной, или, точнее, б.м., в марте 51г. н.э., после того как Павел и Варнава, вернувшись из странствия 45 — 48гг. в Антиохию Сирийскую, повторим, «пребыли там не малое время с учениками» (продолжая активную деятельность по обращению языческих неопитов), что вполне позволяет датировать их вышеозначенный приход в Иерусалим ранней весной 51г., к-рый, с др. стороны, подтверждается следующими знакомыми читателю хроносроками из Посл. Ап. Павла к Галатам. Павлианский приход спустя 3 года от дамасского обращения майской весной 34г. в Иерусалим, что даёт весну (или весну/лето) 37г. н.э., когда Павел, коротко пребыв в Иерусалиме (1,15-24), покинул его, после чего он — «потом, через 14 лет, опять ходил в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита» (1,18; 2,1).

Причём полнолетние хроносроки здесь идут (о чём читатель в курсе) в поступательной последовательности, по нарастающей: 34г. + 3 года = 37г. + 14 лет = 51г. (в русле элементарной арифметики, без неполнолетних хронообломков). И кроме того, — эти сроки не позволяют оставить, вопреки некоторым исследователям, под-вопросными вопросы типа: дескать, не очень понятно, исчисляет ли Павел 14 лет от времени своего (первого по обращении) пребывания в Иерусалиме? или, м.б., эти 14 лет тоже исчисляются, включая в себя 3 года, от обращения? Никак нет, т.к. выражение «потом, через 14 лет, опять ходил я в Иерусалим» ясно-недвусмысленно указывает на посещение Иерусалима «опять», т.е. во второй *апостолический*, т.е. в следующий *апостолический* раз, после предыдущего первого (апостолического) хождения-посещения, к-рое имело место в 37г. н.э.¹³ И если знать точную дату Таинства Голгофы весной 33г., равно дату обращения Савла весной 34г., то любое другое решение хронопроблемы отпадёт-отпадает. Как говорят в таких случаях немцы: «Die andere Lösung ist nicht möglich und kommt nicht in Frage».

А с др. стороны, события после Апостольского собора, от начала Второго путешествия Павла (51 — 54гг.) до окончания путешествия Третьего (54 — 58гг.) и начала 2-летних кесарийских уз Апостола язычников летом 58г. н.э., не укладываются в промежуток времени меньший, чем в 7-летку 51 — 58гг. (т.е. Апостольский собор не мог состояться позднее 51г., или вернее, позднее весны 51г.), что мы доказательно не раз обосновывали выше и в чём читатель будет иметь возможность обстоятельно удостовериться-удостовериться ниже.

И хроносроки, наличествующие в первых 2-х главах (составленного не ранее 55г.) Послания к Галатам¹⁴, следует рассматривать параллельно-симметрично с

¹³ Приход Варнавы и Савла в Иудею в 44г., со средствами, собранными антиохийской братией в помощь голодающим в Иудее, не без короткого посещения пришлецами Иерусалима по смерти Ирода Агриппы (август), в августе/сентябре, был не *апостолическим* (как приходы Савла/Павла в Иерусалим в 37 и 51гг.), но *благодетельным*, отчего Павел этот приход 44-го г. н.э. в Посл. к Гал. (где ведётся борьба с ортодоксальным иудео-христианством) не упоминает.

¹⁴ Байки о написании Павлом Послания к Галатам — не то до, не то сразу после Апостольского собора, дескать, по возвращении из Первого миссионерского путешествия (45-48гг.), но до путешествия Второго (51-54гг.), должно отбросить с порога.

Во-первых, в первый раз Павел и Варнава побывали в Писидии, Памфилии и Ликаонии, к обитателям к-рых, пусть в составе провинции Галатия (административные границы к-рой не совпадают с этнической Галатией), Павел не может обращаться со словами: «О несмысленные Галаты!», в к-рых под Галатами — кельты-галаты (= галло-греки) — обитатели «Галатийской страны» (Д.Ап.16,6), или «страны Галатийской» (18,23), т.е. собственно этнической

благовествованием 15-й гл. Д.Ап. (прилагая их к ней), где Павел и Лука представляют-позиционируют (не, мол, возможно, различные, как предполагают некоторые, а) одни и те же события, но под разными углами зрения, с (акцентацией) разных сторон. Ни в чём, вместе с тем, не противореча друг другу, однако решая разные апологетические задачи, в зависимости от к-рых благовествовательльно задействуются различные центры тяжести и делаются различные упоры.

Если Лк. благовествует (30-летнюю) историю-метаисторию именно Деяний Апостольских (сосредоточившись на Петре и эстафетно перенимающем у него инициативу Павле – первоверховные Апостолы Д.Ап.), то цель (особо любимого протестантами) павлианского Послания к Галатам – приоритет новозаветной веры во Христа над ветхозаветным законом, есть утверждение спасения через веру без зависимости от соблюдения или несоблюдения обращёнными из язычников связанных с внешней обрядовостью-ритуальностью отягчающих заповедей-положений закона.

* * *

И то, что в Посл. к Гал. называется взятый Павлом и Варнавой в Иерусалим Тит – Еллин (= грек, или грекоязычный, подобно Луке, сириец-антиохиец) из необрезанных неофитов, тогда как в Д.Ап. – «некоторые другие», не означает, что Павел и Лука взаимопроверчивы, поскольку (позиционированный в Гал. необрезанец) Тит – среди (неименуемых Дееписателем) «некоторых других». И напротив, полагать, что в Д.Ап.15 и в Гал.2 речь может идти о разных-разновременных событиях, дескать, в Д.Ап. – одно посещение Иерусалима, а в Гал. – другое, означает никакой не дуализм, но фальшивый дублет, фейк, с вопиющей накладкой очевидного фальшака на реальность в её подлинности (своеобразный «Баден-Баден»! к-рый в истории-местаистории неуместен). Удивительный квазинаучный или псевдобогословский синдром! – в упор не хотеть замечать дуализм там, где таковой наглядно присутствует, и наоборот, измышлять таковой (для поддержания высосанных из пальца искусственных головных конструкций) на (что называется) пустом месте!

Да и судите сами: неужели Павел и Варнава, возвратившись в 48г. из миссионерского путешествия, в промежутке 48/49 и 50/51гг. ходили в Иерусалим по одному и тому же делу-вопросу дважды (?!), что само по себе ещё куда ни шло, в то время как дважды принятое по этому *одинаковому* вопросу в Иерусалиме *одинаковое* решение, пусть даже рассказы Д.Ап. и Гал. (апологетически) несколько разнятся, уж, извините, не лезет ни в какие ворота! Незачем искать-выискивать-варганить протвоекестественные дубликаты в живой истории!

Галатии в сердце-центре М.Азии, где Павел побывал, соответственно, при начале своих Второго и Третьего (54-58гг.) миссионерских путешествий – в 51 и в 54гг.

Во-вторых, в Гал.4,13 ясно сказано – «Знаете, что хотя я в немощи плоти благовествовал вам (= Галатам-кельтам) в первый раз», из чего следует, что на момент написания Послания Павел благовествовал Галатам дважды. Т.е., не считая посещения им Антиохии Писидийской, или ликаонских Иконии, Листры, Дервии (провинция Галатия) в 46/47 и в 51гг., – благовествовал именно Галатам в 51 и 54гг. (см. ниже).

Следовательно, Послание к Галатам написано не ранее и, видимо, не позднее 55г., из Эфеса, где до Павла дошли сведения, что среди Галатов, у к-рых он (совсем) недавно побывал во второй раз, взяли силу иудействующие поборники соблюдения норм Моисеева закона, что и побудило Апостола язычников обратиться к Галатам со страстным увещательльно-наставительным Посланием (Гал.1,6: «Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатию Христовою так скоро переходите к иному благовествованию»), к-рое, например, Лютер называл именем своей жены «Кете», подчёркивая важность этого Послания и аж супружескую близость его себе как постоянного спутника. Протестанты же называют Посл. к Галатам (проводя аналогию с их уходом из-под власти-опеки католического Рима) «великой хартией христианской свободы».

При всём том, не смутительно и то, что Павел в Гал. перебрасывает мост длиной в 14 лет от посещения им Иерусалима в 37г. до его прибытия в Иерусалим в 51г., пропуская промежуточный, свой и Варнавы, приход в Иудею в 44г. (год смерти Ирода Агриппы), когда они, повторим, пришли, принеся собранные иерусалимской братией вспомоществовательные средства, во время голода (взяв с собой, при уходе из Иерусалима, Марка). Ибо этот иерусалимский приход не был (в биографии Павла) приходом, условно выражаясь, Апостолическим и сущностно не связан с взаимокоммуницирующими, по смыслу (к-рый вкладывает в слово Послания Павел), между собой посещениями им Иерусалима в 37 и 51г.

К тому же, не отстоит ли осевой (субботный, по – упразднённом в 41г. Агриппой в пользу *аронидского* – *царскому* циклу-календарю) 51г.¹⁵ – год Третьего Неба Апостола Павла под знаком Козерога или Водолея (январь/февраль), перед его приходом в Иерусалим под знаком Рыб (март), на 14 лет как от (седмичного) 37-го, так и от (седмичного) 65г. н.э. (Д.И. 1266-72; 1361-65; см. выше)! Откуда, т.е. с 65г., (ретроспективно) отсчитывается дата Третьего Неба Ап. Павла (2 Кор.12,2) (см. ниже). И не на 17-м ли году от обращения Павла в мае 34г. состоялся Апостольский собор в марте 51г., (сродни тому) как на 17-м году от Апостольского собора в марте 51г. Ап. Павел принял мученичество в Риме в июне 67г. н.э. (см. ниже).¹⁶

Посему всякие версии о том, будто в Посл. к Гал. говорится о посещениях Павлом и Варнавой Иерусалима в 44, или в 48/49г., а в Д.Ап., дескать, речь о другом посещении – ок. 50г., совершенно несостоятельны. После обращения-крещения в 34г. и начала его первых уз в (седмичном) 58г. (год Седьмого Неба Ап. Павла!) Павел итого 5 раз приходил в Иерусалим: в 37, 44, 51, 54 и 58г. (см. выше и ниже). Причём в Д.Ап.15 и в Гал.2 – посещение в первые месяцы (март) 51г. н.э. (после Третьего Неба в Антиохии в феврале) – не ранее и не позднее (на 12-м году от обращения Петром Корнилия в Кесарии в январе 40г.).

Помимо того, версионный 44-й г. н.э., мол, выводимый-получаемый из Гал.2,1, отпадает по всякому, поскольку базируется на грубо ошибочной предпосылке прошествия 14-и лет (14-й год) от обращения Павла якобы ок. 31г. якобы после Голгофы в 30г. н.э. Отпадает и 48-й г., поскольку, как сказано, 3 года (34 – 37г.) и 14 лет (37 – 51г.) суммируются по хрононарастающей (34г. + 3 года = 37г. + 14 лет = 51г. – в объективе полнолетние сроки!), ни в коем случае, не исчисляясь с 34г., т.е. не исчисляясь противоестественно розно и по отдельности.

Правда, тут может возникнуть соблазн гипотетически датировать, дескать, первый (при присовокуплении к пяти, в общей сложности, павлианским посещениям Иерусалима дополнительного шестого) приход Павла и Варнавы в Иерусалим 48-м г. (П. к Гал.), после чего, дескать, Павел одёрнул ренегата Петра в Антиохии, почему, дескать, позднее, ок. 50/51г., когда Павел и Варнава снова пришли в Иерусалим, и Пётр – ахрипастырь Вселенской церкви, и Иаков – предстоятель поместной Иерусалимской церкви, с готовностью поддержали их (!!!).

¹⁵ 51г. н.э. – как сменеховская дата Иерусалимского собора Апостолов слишком важен, чтобы не быть косвенно датированным в Книгах Н.З., что уточнительно делает в Гал., в синхронизации с Деяписателем, именно Павел, между тем как в Д.Ап. точной датировки нет.

Не был ли, при своём приходе в 51г. в Иерусалим, Павел оснащён новыми неисчерпаемыми силами, по его восхищению на Третье Небо (за 7 лет до его восхищения на Седьмое Небо!). Не этим ли восхищением, в частности, обусловлены его могущество и триумф в 51г.! Не перерос ли он богоизбранный народ, в к-ром был рождён, богоизбранно выйдя из него во Христе в обетованную Ойкумену!

¹⁶ Третье Небо Павла в 51г. н.э. через 14 (7 x 2) лет от 37г. и за 14 (7 x 2) лет до 65г.; веховые в павлианской и христианства биографии субботние семилетки: 37 – (44) – 51 – (58) – 65г. (см. ниже).

Нет, не годится, потому что и в сём случае фальшак не дуализма, но искусственного удвоения не выдерживает критики, не воссоздавая в реальной (взаправдашной) действительности. Скажем снова, Павел и Варнава не могли дважды, в интервале 48/49 и 50/51гг., ходить в Иерусалим с *одинаковой* миссией, и в Иерусалиме не могло дважды приниматься *одинаковое* решение-постановление, что следует как из Д.Ап., так и из Гал., пусть даже Павел в Гал. открытым текстом это соборное решение-постановление не констатирует. (Ему незачем ссылаться на авторитет Собора, ему незачем упоминать Собор, ведь он призван откровением Самого Воскресшего Христа, К-рый ослепительно явился персонально ему на пути в Дамаск!) То-то при реконструкции-воспроизведении событийности в её подлинности, *dua* здесь никак не реконструируется, не воспроизводится, превращаясь в анекдот (мнимый дуализм).

Стало быть, квазидетективная раскрутка с «поставлением» Петра Павлом «на место» в якобы первое посещение, обусловившем-де Петрову покладистость при посещении якобы втором, внимания не заслуживает. И тем не менее, чем объяснить всё-таки, как ни крути, столь противоречивое поведение Петра, к-рый однозначно поддержал инициативу Павла с Варнавой в Иерусалиме, а затем, придя в Антиохию, повёл себя иначе: «Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устранился, опасаясь обрезанных» (Гал.2,12)?

Да, пусть это личная поведенческая позиция Петра, к-рый, напомним, в ночь со 2 на 3.04.33г. сказал Учителю, что положит за Него жизнь, а потом трижды отрёкся от Него. Да, не всегда сильному Петру свойственно колебаться, расщепляться, стущёвываться. И всё-таки, чем ещё может быть, вернее, чем должно быть мотивировано не столько изменение его позиции, к-рая осталась неизменной, сколько достаточно разительная перемена в его поведении (проигнорировать к-рую нельзя). Притом *опасается* он, Пётр, некоторых от Иакова, т.е. не самого Иакова, кто тоже на собрании решительно поддержал линию-курс Павла, но некоторых иудействующих из окружения Иакова. Чем же обусловлена перемена в поведении? Согласитесь, причина должна быть более веская и конкретная (чем присущее Петру, кто, кстати, тут колеблется в последний раз, колебание).

И она, эта пресловутая причина-мотивация, находится-обнаруживается, если привлечь, если принять во внимание факты истории *profana*, к-рую, как читатель много раз убеждался, не стоит рассматривать в полном отрыве от (мета)истории *sacra*, и к-рой нельзя пренебрегать.

Не удостоверились ли мы выше, разбирая материал И.Флавия, что на Пасху 51г. в Иерусалиме произошла настоящая масштабная трагедия: пердёжное кощунство римского солдата возмутило иудеев; прокуратор Куман двинул против них войска, и в результате страшной давки погибли тысячи людей (вскоре после чего другой римский солдат разорвал и бросил в огонь в одном из иудейских селений, к-рые карательно, разорвались, по приказу Кумана в наказание за убийство иудеями императорского чиновника Стефана, экземпляр Торы). Т.е. впервые со времени пасхального кровопролития 1г. н.э., когда сын Ирода Архелай подавил выступление иудеев, погубив 3 тыс. чел., спустя 50 лет, случилась (выведшая еврейство на заключительный отрезок пути к Иудейской войне и к глобальной катастрофе) драма, вследствие к-рой погибли минимум вдвое больше людей (по гиперболизатору Флавию, – аж 10, или 20 тыс.), нежели в побоищную Пасху 1г.

Отсюда, если Апостольский собор состоялся в марте 51г., а пасхальная трагедия – в апреле (дни опресноков в 51г. – 15-21.04.) (см. выше), и если Пётр пришёл из Иерусалима в Антиохию в июне, когда взаимоотношения между еврейством и Римом, между иудейством и язычеством, сильно испортились-ухудшились, то (зная внешний исторический фон, по Флавию, и синхронизировав его с метаисторией

Книг Н.З. — Д.Ап. и Гал.), можно очень даже хорошо понять, почему в радикально изменившейся с марта по июнь 51г. ситуации-обстановке последовала (столь разительная) перемена, или, скорее, временное ситуативное изменение в поведении Петра. Пасхальные события в Иудее вызвали резкое отторжение языческого Рима в еврейской среде и откатную реакцию в среде консервативных иудеохристиан, позиции к-рых резко усилились, с чем Петру (и Иакову) пришлось считаться.

Вот в чём секрет непонятной для истолкователей перемены в его антиохийском поведении в июне (по сравнению с допасхальным иерусалимским мартом) 51г., с оглядкой на прибытие некоторых от Иакова. Мало того, «вместе с ним (Петром) лицемерили и прочие Иудеи, так что (оказывается!) даже Варнава был увлечён их лицемерием» (Гал. 2,13). Заметим, в кадре не сам Иаков, об изменении взглядов-подходов к-рому ничего не сообщается, но иудействующие (из давешних фарисеев) консерваторы его окружения. И уж совсем вроде бы непонятно отпадение в иудеохристианский консерватизм Варнавы, к-рый до того выступал единым фронтом-дуэтом с Павлом, что, тем паче, однозначно свидетельствует в пользу нашей версии-аргументации, потому что ранее Варнава (отлично от Петра) ни в каких колебаниях замечен не был. И согласитесь, что перемену в его, на означенное время антиохийца (представителя иерусалимской церкви в Антиохии), поведении, без принятия предложенного нами решения проблемы, объяснить попросту невозможно.

Итак, за прошедшее с марта по июнь 51г. время случилось нечто из ряда вон выходящее (чем в данные хроносроки является именно новая пасхальная «Ходынка» 51г.), притом настолько, что даже Варнаву вовлекло в откатную реакцию. И только Павел, Апостол язычников, остался непоколебим, сочтя колебание братьев не иначе как лицемерием и продолжая твёрдо придерживаться избранного курса (несмотря ни на какие препятствия), продолжая непоколебимо стоять на своём. Оно и понятно. Ведь именно на него была возложена миссия выведения Нового Израиля из-под ярма Моисеева закона, к-рому Моисей в своё время, на полторы тысячи лет, старый Израиль категорически подчинил.

Ведь именно Павел, призванный Самим Воскресшим Христом, К-рый явился ему в солярном Эфире, в воскресенском Фантоме, есть первоокрыватель мировых горизонтов веры во Христа Спасителя и первый великий космополит христианства!¹⁷

* * *

Теперь синхронизируем повествования Д.Ап. и Гал. Если Дееписатель говорит о прохождении снаряжённых (в феврале 51г.) антиохийцами в Иерусалим Павла, Варнавы и «некоторых других» через Финикию и Самарию (где они рассказывали об обращении язычников как в путешественных 45 — 48, так и в сирийско-антиохийских 48 — 51г., «производя радость великую во всех братиях»), то Павел в П. к Гал. заявляет о хождении по откровению (дамасское откровение 34г. и Третье Небо 51г.) с предложением «знаменитейшим» (= первым лицам) в Иерусалиме павлианского благоговения язычникам (2,2). И оговаривает-подчёркивает, что *знаменитейшие*, т.е. в широком смысле — иерусалимское церковно-общинное верховенство

¹⁷ А учредитель нашего христианского летоисчисления Дионисий Малый (выходец из инаугурированной Павлом эзотерической школы Дионисия Ареопагита) есть последний великохристианский космополит распадающегося-расползающегося Древнего мира и первый великохристианский космополит-подвижник становящегося Средневековья (к-рое, вопреки узколобым рационал-материалистам ново-новейшего времени, никогда не было *клерикально-реакционными* «тьмой» и «мраком» — ни в истории, ни, наипаче, в сакральной метаистории человечества).

(Апостолы, пресвитеры, епископы, диаконы), — «и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезаться» (2,3).

Тит, вероятно, как сказано, грек, или грекоязычный сириец из Антиохии, был, по всему, обращён-крещён Павлом (и Варнавой), по их возвращении из Первого путешествия, — в 48 — 50гг.¹⁸ Причём несколько позже, во второй половине 51г., Павел, отправившись во Второе путешествие и взяв с собой в Листре (обращённого никак не позднее 49/50гг.) Тимофея, «к-рого мать была Иудеянка уверовавшая, а отец Еллин» (Д.Ап.16,1), наоборот, обрежет его «ради Иудеев, находившихся в тех местах» (3).

Т.е. Тимофей будет обрезан для облегчения его миссионерской деятельности среди иудеев и ради консервативных иудео-христиан, для облегчения ему доверительного доступа к ним. Как видим, решение о необязательности обрезания (для неопитов из язычников), принятое на мартовском соборе 51г., не являлось ни догматическим, ни абсолютным. И Тимофей (пусть с учётом того, что его мать была уверовавшей во Христа Иудеянкой) был (отлично от язычника Тита) обрезан, как того потребовали, с т.зр. Павла, обстоятельства, во время однозначно после Собора. Плюс к тому, это обрезание Тимофея дополнительно свидетельствует о вышеоговоренном нами влиянии кровопролитного пасхального (римско-иудейского) инцидента 51г. на дальнейшее миссионерство и о той самой откатной реакции, к-рой подпали Пётр и Варнава, и с к-рой даже Павел вынужден был в данном аспекте (обрезав Тимофея) до известной меры-степени считаться.

Прибывши же в Иерусалим в марте 51г., Павел, Варнава и бывшие с ними, принятые церковью, по всей видимости, в Сенакле на Сионе, рассказали о своей плодотворной деятельности и о том — «как Бог отверз дверь веры язычникам». И если Лк. дальше говорит о восстании некоторых из фарисейской ереси уверовавших (= иудеохристиан из фарисеев)¹⁹, к-рые требовали сохранить обрезание для язычников и соблюдение ими закона (15,5), то у гораздо более резкого Павла — «вкравшиеся лжебратия», подсматривавшие за свободой, «к-рую мы имеем во Христе, чтобы поработить нас» (Гал.2,4).

Ибо Лк. благовествует (в 60-е гг. Ив. н.э.) крайне важное метаисторическое событие Иерусалимского собора и его эпохального значения-решения, тогда как действующий по откровению непосредственно от Христа Павел, к-рый к авторитету

¹⁸ Тит (Titus — *благородный; достойный уважения*) — Апостол от 70-и, согласно церковному преданию, родился на Крите, сын знатных язычников, получил хорошее образование, изучал эллинскую философию и вёл добродетельный образ жизни. В 20-летнем возрасте внял голосу свыше, к-рый велел ему оставить эллинскую мудрость и искать истинную. Год спустя приобщился к Св.Писанию, потом отправился в Палестину, где как раз в то время (30-33гг.) жил и действовал Христос, обратившись в день Пятидесятницы 33г. Но насколько выводится из Кн. Н.З., он был обращён Ап. Павлом (Тит 1,4) не ранее 48г., видимо, попав с Крита в Палестину в 40-е гг. Ив. н.э. Впоследствии — сотрудник Павла, снаряжённый им в первый раз во впервые початый Павлом в 52-54гг. Коринф (перед вторым павлианским приходом туда) в 57г. (см. ниже). После своих первых римских уз (61-63гг.) Павел снарядил его (из Италии) в Коринф во второй раз (см. ниже), а потом встретился с ним на Крите (к-рый посетил по пути из Испании в 64г.), где оставил Тита, чтобы он поставил во всех (критских) городах пресвитеров (Тит 1,5). Затем они встретились в Никополе, где Павел провёл (перед отплытием отсюда в Италию) зиму 65/66гг. (Тит 3,12) (см. ниже). Позднее Тит отправился в Далмацию (2Тим.4,10). Далее, опять согласно преданию, он епископствовал на Крите аж до ок.110г. и мирно почил в возрасте ок.95-и лет.

¹⁹ Для интолерантного церковно-христианского богословия Дееписателя, к-рое не может быть толерантно-плюралистическим-либеральным (претензии какого рода к нему — клинические!), с 33г. н.э. всякие иные направления в еврействе, иначе говоря, фарисейство и саддукейство (так как прочие в Евангелии не упоминаются), — ересь!

Собора не апеллирует²⁰, настоятельно наставляет (ок. 55г.) соблазвившихся (что чревато отпадением чрезвычайно актуальной для Христова Импульса *Кельтики* от христианства) Галатов. Отсюда ясно, почему он и Дееписатель говорят (один – благовествует метаисторию, другой – бескомпромиссно наставляет-дискутирует-полемизирует), по-разному. Не с различных духовных позиций, но не под одним и тем же углом зрения, освещая разносторонний феномен с разных сторон.

Лк. повествует собственн о Соборе и его решении, Павел – об одобрении-подтверждении-утверждении его миссионерской деятельности в Иерусалиме (спустя 14 лет от посещения им Иерусалима в 37г. = через 3 года после его обращения в 34г.) и о протянутой ему и Варнаве «столпами» (матери-церкви), в лице Иакова (брат Господень) и Кифы (Пётр) и Иоанна (Зеведеев), в 51г. «руке общения» (9).

Внимание! Здесь в Д.Ап. в последний раз упоминается Пётр, в то время как в Гал. фигурирует и Иоанн (тоже в последний раз упоминающийся в Н.З.), под к-рым никак не воскрешённый Христом Лазарь-Иоанн, а мл. брат принявшего мученичество в 44г. Иакова Старшего – Иоанн Зеведеев, мученичество к-рого, как второго из Больших Апостолов (круг 12-и), последует ок. 55г. н.э. (Т.Г. 325-40) (см. ниже).

Притом мы помним, что 12, бросив (метагеографический) жребий, миссионерски разошлись из Иерусалима в 45г. н.э. Кто ещё из них, кроме Петра и Иоанна (плюс председатель Иерусалимской церкви Иаков, брат Господень, к-рый – не из круга 12-и – не покидал Иерусалим и к-рого называют и Лк., и Павел), присутствовал на соборе 51г.? – неизвестно. Но вполне возможно, что большинство Больших Апостолов (если не все), поскольку в первые миссионерские годы, или, м.б., в первую десятилетку, они (и 12, и часть из 70-и), время от времени (пока не доходя до дальних-крайних пределов земли), возвращались в Св. Город, где (на собраниях в Сенакле) давали отчёт о проделанной работе.

И Собор 51г., точнее, то, что впоследствии условно назвали Собором, разумеется, не был таковым в смысле последующих поместных или, тем более, Вселенских соборов, и не принимал ни обязательные к исполнению декреты в позднейшем церковном смысле, ни какие-либо догматы, являясь собранием верующих, объединённых матерью-церковью, и разослав, по итогам этого собрания, нисколько не похожие на папские энциклики послания, скорее, рекомендательно-увещательного характера. В противном случае, постанови соборные отцы не обрезываться неопитам в декретном порядке, Тимофей (даром что сын матери-еврейки и отца-язычника) спустя ок. полгода не должен был бы делать обрезание ни под каким предлогом.

Т.е. неопитам, будь то евреи или язычники, предоставлялась-оставлялась свобода выбора, при, главное, упразднении прежней обязательности-всенепременности (иудео-христианского) обрезания, что широко распахнуло врата христианства перед язычниками и, по большому счёту, положило начало становлению вне иудейства инакокачественно-самостоятельной христианской Церкви.

²⁰ И не случайно тут Павлом, кто в иных случаях называет себя «наименьшим из Апостолов» (к-рый гнал церковь Божию), специально констатируется, что «в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека. И знаменитые не возложили на меня ничего более» (6). Т.е. на повестке дня снова его христианское откровение по персональному призванию (явлению ему) Христа, К-рый взирает не на лице, не на ранг-статус, а зрит сердце и зрит в сердце человека. И «знаменитые» не возражают, видя, что Павлу «верено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных (хотя именно Пётр обратил-крестил в 40г., без предварительного обрезания, язычника Корнилия, дав тем самым зелёный свет, или провозвестив вселенско-павлианское обращение язычников) – ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников...» (7/8).

Причём эта Церковь окончательно дистанцируется от еврейства, с упором на язычество и с опорой в язычестве, после приведшей к гибели Иерусалима, Храма и храмового культа Иудейской войны, и далее – после кастастрофы восстания Бар Кохбы и мирового рассеяния евреев, когда существование и сосуществование христианства и еврейства качественно и кардинально изменятся.

* * *

Ныне же, «по долгом рассуждении», на соборе-собрании в марте 51г. прозвучали проникновенные слова главы Вселенской церкви Петра и епископа Иерусалимской церкви Иакова, к-рые поддержали линию Варнавы и Павла, к-рые, в свою очередь, рассказали христианам-иерусалимлянам, – «какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников» (15,12). Пётр вспомнил об услышании от него первого, по божественному избранию, слова Евангелия язычниками (Корнилий и др.), к-рые уверовали, и к-рым дарован Богом «Дух Святой, как и нам» (8), и к-рые вправе уповать на спасение благодатью Духа Святого, как и (обратившиеся ко Христу) евреи (11).

Между тем, после рассказа-отчёта о содеянном ими, о чудесах и знамениях, сотворённых Богом через них среди язычников Варнавы и Павла, слово взял Иаков. И привёл в подтверждение сформулированных им слов Петра о призрении Бога «на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое» (14), замечательные слова пророка Амоса о воссоздании падшей скинии Давидовой, что означает, в толковании Иакова, основание царства Мессии, куда войдут все народы.

И как Пётр, так и Иаков нашли правильным «не затруднять обращающихся – по павлианско-варнавианским лекалам – к Богу из язычников» (19) ничем, помимо соблюдения четырёх обязательных, согласно Древнему Завету, не только для иудеев, но для всех Ноахидов (живущих среди Израиля, или сообщающихся с Израилем) запретов: на вкушение идоложертвенного мяса; на кровосмесительные браки и всякие половые извращения, на удуленину, т.е. на вкушение удуленного, а не заколотого или зарезанного животного, из к-рого должна вытечь вся кровь; и на собственно всячески подзапретную кровь (носитель – и жизни, и демонии) (Быт.9,4; Исх.34,15; Лев.17,7-9;10-12;13;15; 8,6-18).

И решили снарядить с Павлом и Варнавой начальствующих между братьями – Иуду, прозванного Варсавою, и Силу²¹, полномочных представителей Иерусалим-

²¹ В представителях Иерусалимской церкви Иуде Варсаве и Силе (пресвитеры?) – «мужи, начальствующие между братьями» (15,22) и «пророки» (32) – предполагают репрезентантов, соответственно, еврейско-иудейского и эллинистическо-иудейского христианства.

Варсава = бар Савва = сын Саввы (патронимическое прозвище). Возможно, брат Иосифа Варсавы Иуста, к-рый уступил в мае 33г., по жребию, вакансию 12-го Апостола Матфию (Д.Ап.1,23-26) (см. выше). В XIX/XXвв. предпринимались не имеющие под собой никаких оснований попытки (либеральной теологии) либо отождествить его с Иудой Фаддеем (братом Господним), либо сделать из него одно лицо с Иосифом Варсавой. Как один из 70-и Малых Апостолов он называется не в византийских, а в сирийских списках. Упомянут также в средневековых армянских календарях, в Соборе 70-и Апостолов, под поминальным днём 9.04., и – вместе с Силой, Силуаном, Крискентом, Епенетом, Аристархом, Аристовулом – под днём 30.07. Сообразно сирийскому преданию, – проповедывал в Галатии, где и был (приняв ли мученичество? почив ли мирно?) погребён.

Сила (Силуан/Сильван – лат. – *лес*) – греч. форма еврейского имени Саул (*испрошенный; малый*) – Апостол от 70-и. Был, как и Павел (Савл/Саул), римским гражданином (Д.Ап.16,37). Выполнив совместно с И.Варсавой возложенную на них Иерусалимской церковью миссию в Антиохии, решил, отлично от Варсавы, не возвращаться в Иерусалим и примкнул, став его

ской церкви, с соответствующим посланием о принятом соборном постановлении — «находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братьям из язычников» (22/23).

Примечательно это наименование Антиохии Сирийской в качестве отдельной задающей тон особостатуированной величины — как в её отношении к прочей Сирии и зааманской Киликии, так и в их тройничном единстве, что позиционирует на середину Ив. н.э. единый взаимодейственный антиохийско-сирийско-киликский ареал как внепалестинского первохристианства в целом, так и первохристианства из язычества.

Тем временем, в Посл. к Гал. Павел лишь коротко замечает заповедание ему и Варнаве «столпами» (Иерусалимской церкви) Иаковом и Кифой и Иоанном, — «чтобы мы помнили наших, что и старался я исполнять в точности» (2,10). А затем переходит к ренегатским проявлениям со стороны Петра, к-рый, несколько позднее (насколько явствует из текста и контекста) Собора, придя в Антиохию, повёл себя двоедушно: «Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных. / Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечён их лицемерием» (12/13).

Сопоставьте речь (не сомневающегося) Петра в Иерусалиме и его отнюдь не противодекретное относительно принятого Собором решения, но личностно иное поведение в Антиохии. Более того, он опасается прибывших от Иакова, т.е. из окружения Иакова. И уж вовсе сенсационно поведение павлианского напарника Варнавы! Притом ведут они так себя не в цитадели иудаизма Иерусалиме, где они вели себя иначе, но в языческой Антиохии Сирийской. Убедитесь воочию, что если не учитывать влияние на перемену в поведении Петра и Варнавы имевшей место между постановлением Иерусалимского собора в марте и приходом Петра в Антиохию в мае/июне апрельско-пасхальной иерусалимской давки 51г., то, скажем ещё раз, разумно объяснить эту перемену в их поведении будет невозможно.

Однако, как говорилось выше, Апостола языков Павла не могли поколебать ничего и никто. И пишучи Кельтам-Галатам (без к-рых нет эзотерического христианства), джуде обеспокоенный контрпроповедью среди них иудео-христиан, он,

верным сотрудником-спутником, к (своему, можно сказать, еврейскому тёзке) Павлу (что, с оглядкой на кармическую связку между первым Апостолом язычников Павлом и первым израильским царём Саулом, примечательно). Б.м., Силе выпало быть сначала учеником Иоанна Крестителя, как полагают, — одним из двух, кого заточённый Предтеча послал в июне 31г. к Иисусу с запросом: «Ты ли Тот, К-рый должен придти, или ожидать нам другого?» (Мф.11,3; Лк.7,18/19) (Т.Г. 472-82).

Во Второе миссионерское путешествие Павел отправится в 51г. с Силой (вместо Варнавы) и далее мы будем говорить о нём, встречаясь с ним по ходу нашего повествования. Тут достаточно сказать, что, по одному из преданий, он был рукоположен Павлом (кто от своего и Силуана, и Тимофея имени написал в 53г. два Послания к Фессалоникийцам из Коринфа) в епископы Коринфа, и совершив многие знамения и чудеса, мирно окончил в Коринфе, в глубокой старости, жизнь.

Хотя из 1-го Послания Петра следует, что на рубеже 50-60-х гг. Ив. Сила присоединился к Петру, к-рый в этом адресованном общинам М.Азии Послании из Вавилона/Вавилонии называет его, доставившего Послание по адресу, «верным братом» (5,12) (Т.Г. 379). Впрочем, нахождение Силы при Петре не мешает ему впоследствии (с 60-х гг.) снова оказаться в Коринфе и окончить жизнь (после римского мученичества Петра и Павла — 67г.), в преклонных годах, именно там. Б.м., он был рукоположен Павлом в епископы Коринфа не в дни Второго миссионерского странствия, когда Павел оставался в Коринфе с осени 52 по весну 54гг. (см. ниже), но после первых (и до вторых) Павловых уз в Риме (61-63гг.), т.е. в интервале 63-66гг.(?). Или Сила/Силуан, спутник-сотрудник Павла, и Силуан, спутник-сотрудник Петра, разные (как в Соборе 70-и Апостолов) лица?

не ведая компромисса, вменяет Петру²² лицемерие и произносит знаменательнейшие слова поистине павлианского исповедания веры. Вернее, перед нами наглядная манифестация христианства (от в прошлом еврея евреев – Вениаминита Савла, о чём Павел прекрасно помнит и от чего, ни в коем случае, не отрекается, не уклоняется, а нынче) Ап. язычников Павла, с упором на оправдание и спасение именно через новозаветную веру во Христа, безостаточно противопоставленную ветхозаветному оправданию законом!

«Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники;

Однакоже, узнавши, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдывается никакая плоть.

Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, – то неужели Христос есть служитель греха? Никак!

Ибо, если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником.

Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу.

И уже не я живу, но живёт во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня.

Не отвергаю благодати Божией. А если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (Гал.2,15-21).

Вот как неопровержимо манифестирует-декларирует своё христианство новый Сиф, новый Вениамин, новый Аарон, новый Саул и новый Иеремия – солярно просветлённый-прохристианенный Воскресшим Христом фарисей Савл, преобразившийся во вселенского Ап. Павла, с возложенной на него миссией евангелизации мира! Пусть обращению необрезанных положило начало обращение Петром Корнилия, но (порывающая с ветхозаветным еврейством) глобальная новозаветная евангелизация язычества – *епархия* Павла!

И как Моисей (Пётр) за 1500/1460 лет до того вывел еврейство из Египта, захомутав его необходимым-безальтернативным ярмом Закона, так теперь (Аарон) Павел освобождает-избавляет вышедшее из еврейства христианство от этого ярма, выводит Новый Израиль из-под вседвелеющего закона на пути-выи оправдания и спасения через веру во Христа, К-рый умер законом для закона, воскреснув во Боге, и веруя в К-рого, каждый истинный христианин должен сораспяться Христу, Сыну Божию, Кто возлюбил человека и предал Себя за человека на искупительную Смерть (семя Жизни Вечной)!

Засим не удивительно, что после этих обращённых уже не столько к Петру, сколько к иудеохристианам и ко всем христианам вообще слов Блаженного Павла никаких дальнейших сведений о колебаниях Петра (*Великого*), кто не случайно примет мученичество в одно время с Павлом в столице державного мира Рима, нет. На памяти картина (*павлианца*) Эль-Греко «Апостолы Пётр и Павел», зеркально-гениально отражающая-отображающая-передающая состояние Павла и Петра по 2-й главе Послания к Галатам!²³

²² Не Петру ли перед обращением Корнилия Господь явил в видении нечистых животных, велел встать, заколоть и есть, и – в ответ на противление Петра – сказав: «что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Д.Ап.10,13-15) (см. выше).

²³ Не по случайному стечению обстоятельств, если 1-е Посл. Петра пишется (адресованное общинам М.Азии) ок.61г. из междуреченской Вавилонии (Азия), то своего рода *первый европеец* Павел дошёл в 60-е гг. на крайнем Западе до приатлантической Испании, а мученичество они оба приняли в столице мира и в столице мира сего – Риме. Крайние же миссионерские пункты 12-и Апостолов, приложительно к 4-м сторонам света, это: Британия – на Западе,

И незачем разводить, как повелось в ново-новейшее время среди дубоголовых рационал-атеистов и некоторых невежественных псевдомистиков, антимонии о, дескать, пожизненной враждебности Петра и Павла со дней (минимум) Апостольского собора. Не сказано ли яснее ясного в написанном в 67г. н.э., незадолго до римского мученичества обоих первоверховных Апостолов, 2-м Послании Петра (последнее по времени из новозаветных Посланий перед составленными уже в 90-е гг. н.э. Тремя Посланиями и Апокалипсисом Иоанна Богослова): «И долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, / Как он говорит об этом и во всех посланиях, в к-рых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутверждённые, к собственной своей гибели превращают, как и прочие Писания» (3,15/16) (см. ниже).²⁴

Иран и Индия – на Востоке, Эфиопия – на юге, Рейн, Дунай, Армения, Кавказ, северное Причерноморье – на Севере.

²⁴ Ок. 50/51гг. было составлено Послание (первого предстоятеля иерусалимско-христианской общины) Иакова (брата Господня), традиционно считавшееся старейшим из Посланий Нового Завета и лишь в ново-новейшие рационал-времена модернистски перемещённое рядом исследователей минимум на десятилетие позже – во время ок. или после 60г. н.э. («Lexikon zur Bibel», S.775-77). В качестве основания для такого революционного хроносмещения (к-рое на рубеже XIX/XXвв. иные гиперкритиканствующие недоумки, в т.ч. из числа теологов, доводили аж до Пв.), кроме общей тенденции секулярной эпохи всячески (либерально-дискредитаторски – под видом поиска истины) омолодить (и параллельно уничтожить-профанировать) Книги Н.З., называется, в частности, знакомство адресатов Послания с основными моментами (ойкуменической) теологии Павла. И это, мол, предполагает знакомство с некоторыми из его Посланий (составленных в 50/60-е гг.). Но это знание ок. времени Апостольского собора основных (как выражаются оппоненты) моментов павлианской теологии вовсе не означает неперемённое знакомство с некоторыми из павлианских Посланий и, значит, не свидетельствует в пользу времени ок. или после 60г.!

Ведь, если непосредственные адресаты Посл. (кончившего мученически в 62г. в Иерусалиме) Иакова (из Иерусалима) – иудеохристиане (12 колен) Рассеяния (1,1; 2,1;5;7) (с чем согласны сторонники как ранней, так и поздней хронологии) = в первую очередь – ближних Сирии и Киликии, то они вполне могли познакомиться и наверняка познакомились с ойкуменизированной теологией Павла после его возвращения из Первого миссионерского путешествия (лето 48г.) и до Апостольского собора (весна 51г.). Т.е. в период его активной проповедническо-миссионерской деятельности в Сирии, к-рая была тесно связана и с Палестиной на юге, и с Киликией или Месопотамией-Вавилонией (на севере), откуда связь шла дальше (М.Азия и т.д.), в 48-51гг. Выражение «12 колен» в качестве обращения тут и сакрально, и глобально, и образно, и фигурально, разумея и наличествующий, и потенциальный Новый (христианский) Израиль = квинтэссенцию старого – обращённого-крещённого и подлежащего обращению-крещению – Израиля из состава (давешних)12-и колен.

Одновременно собрание диаспоральных адресатов-иудеохристиан зовётся «синагогой» (2,2), из чего делается вывод, что они ещё не отделены от иудейской общины и синагогального богослужения, однако, в то же время говорится об учителях (3,1) и старейшинах их (сообщников во Христе) общины (эклесия) (5,14), что тоже ратует за раннюю хронологию. Помимо того, отсутствие в Послании каких-либо указаний на христиан из язычников и на степень их привязки к Закону не может служить основанием для датировки Послания временем, как, с др. стороны, полагают приверженцы экстремально ранней хронологии, обязательно до Апостольского собора, в принятии положений к-рого, мол, участвовал и Иаков, т.к. в данном случае последний обращается именно к двенадцатиколённым иудео-христианам Рассеяния и очень даже может не касаться темы-проблемы христиан из язычников. Следовательно, это Послание могло быть составлено и отправлено как незадолго до, так и вскоре после Апостольского собора 51г., иначе говоря, повторим, ок.50/51гг., действительно, являясь самым ранним из всех Посланий и шире – из всех Книг (= 4-х Евангелий) Нового Завета.

Автор Послания знаком с жизнью на земле в Палестине и по соседству с ней: смоковница,

ВТОРОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АП. ПАВЛА

(51 – 54гг.)

Итак, по возвращении с Апостольского собора в марте 51г., Павел и Варнава обретались в Антиохии (куда в мае/июне пришёл с визитом Пётр, возможно, вместе с к-рым вернулся в Иерусалим Иуда Варсава, тогда как Сила остался в Антиохии), – «уча и благовествуя вместе с другими многими слово Господне» (Д.Ап.15,35).

«По некотором времени Павел сказал Варнаве: пойдём опять, посетим братиев наших по всем городам, в к-рых мы проповедали слово Господне, как они живут.

Варнава хотел взять с собою Иоанна, называемого Марком,

Но Павел полагал не брать оставшего от них в Памфилии и не шедшего с ними на дело, на к-рое они были посланы.

Отсюда произошло озорчение, так-что они разлучились друг с другом; и Варнава, взяв Марка, отплыл на Кипр;

А Павел, избрав себе Силу, отправился, быв поручен братьями благодати Божией, И проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви.» (Д.Ап.15,36-41)

Заметим, что это хроноуказание – «по некотором времени» – отсчитывает некоторое время от пособорного возвращения Павла и Варнавы из Иерусалима в марте 51г., следующее за чем хронопоследовательное указание содержится в Послании к Галатам, т.е. в факте прихода Петра в Антиохию в, как мы согласились, июне

маслина и виноградная лоза; ранние и поздние дожди; ремёсла и торговля (3,12; 4,13; 5,4;7). В этом Послании, в отличие от павлианских, много образов и картин природы. Его язык напоминает проповедь Иисуса в первых 3-х Евангелиях. Особенно характерна переключка с проповедью Нагорной и вообще с Ев. от Мф. Очевидно знание Иаковом и его адресатами Иисусовых слов, но нет дословных цитат, т.е. Евангелия ещё не составлены (ср. 1,4 – Мф.5,48; 1,5,17 – Мф.7,7-11; 21,21; 1,22 – Мф.7,21-27; 2,5 – Лк.6,20,28 – Мк.12,31; 2,13 – Мф.5,7; 3,12 – Мф.7,16; 3,18 – Мф.5,9; 4,4 – Мф.6,24; 4,11/12 – Мф.7,1; 4,12 – Мф.10,28; 4,13 – Лк.12,16-20; 4,17 – Лк.12,47; 5,1 – Лк.6,34; 5,2 – Мф.6,19; 5,12 – Мф.5,34-37).

Согласно автору Послания, к-рый восстаёт против веры рассудочной, акцентируя веру во Христа как силу, способную пересоздать жизнь, вместе с тем, там, где вера не проявляется в делах, она мертва (1,14-26): «человек оправдывается делами, а не верою только» (2,24). Причём тут напрасно ищут и (заумно) находят (было бы желание!) противоречие между учениями Павла и Иакова: Иаков говорит об оправдании – «не верою только»; Павел – об оправдании «через веру» во главе угла, что, во-первых, не отвергает «дело», несколько не противореча оному в связке с первичной верой, а во-вторых, если Иаков проповедует против мёртвой веры, то проповедь Павла направлена против мёртвых дел. «Это только различные стороны одного и того же утверждения» (Э.Нюстрем). Или, если Павел настаивает на невозможности оправдания делами ветхого закона-завета, противопоставляя им новозаветную веру в Иисуса Христа, то Иаков толкует о христианской вере, выражающейся в делах милосердия и любви.

И ещё отметим, что только в развёрнутом, в т.ч., на апокалипсические горизонты, первом новозаветном Послании (уповающего на *скорое* Второе – поэтапное-неодномерное – пришествие Спасителя) Иакова (брат Господень, скромно именующий себя рабом Бога и Господа Иисуса Христа) содержится, в контексте силы молитвы, указание на сакрально-метаисторические хроносроки продолжительностью в «три года и шесть месяцев» (5,17). Не они ли, т.е. эти мета-сроки, соответствуют как важному хроноинтервалу в жизнедеятельности пророка Илии (870-67гг.), так и купному сроку земной деятельности от начала его проповеди до мученичества Иоанна Предтечи-Крестителя (28-32гг.), эсхатологически-апокалипсически присутствия также в последней Книге и в последнем Послании Нового Завета – в Откровении Иоанна Богослова (11/12). Таким образом, между составленным в 50/51гг. Посланием Иакова и составленным в 96г. Откровением Иоанна (своего рода *Альфа* и *Омега* новозаветных Писаний!) срок в 45/46 лет.

51г. Т.е. начало Второго павлианского путешествия (выход из Антиохии) вполне можно датировать второй половиной лета, скорее, августом, чем августом/сентябрём 51г. н.э.

Причём, на сей раз, совместного странствия у Павла с Варнавой (после конфликта между ними в июне, в дни Петрова посещения Антиохии) не получилось, поскольку строгий Павел отказался брать в странствие двоюродного брата Варнавы Иоанна Марка, кто, как мы помним, сопровождал их в Первом путешествии, трудясь с ними на Кипре (45г.), однако, отделившись от них в Памфилии (перед дорогой в Антиохию Писидийскую), откуда он возвратился (по непонятной причине: убоявшись трудностей? не желая соприкасаться с язычниками?) в Иерусалим (46г.).

При всех случаях, сейчас, когда восхищение на Третье Небо и Апостольский собор подарили Павлу, на 48-м году жизни, второе духовное дыхание, ему не захотелось иметь на сложном и неутомимом миссионерском пути дело с Марком, вместо к-рого пару ему составил Сила (не только тёзка, а и римский гражданин, как Павел, что могло быть полезным), в то время как сродники Варнава и Марк (Т.Г. 747-54; см. выше) отправились на родной для Варнавы Кипр (где апостольская миссия 45г. была успешной, и где, предположительно, с ок. 47г. находился не нуждавшийся в епископском рукоположении его Павлом и Варнавой, ибо он был воскрешён-посвящён Иисусом Христом ещё до Голгофы, отлично от Павла, *ослепительно* обращённого и призванного Христом Воскресшим, Лазарь-Иоанн).

Судя по тексту Д.Ап., Павел и Сила проследовали из Антиохии на сирийский север, откуда через Аманские ворота попали в Киликию, утверждая, как благовествует Дееписатель, церкви, т.е. наставляя единоверцев в вере Христовой и обращая неопитов, надо понимать, в основном язычников. О посещении миссионерами павлианского Тарса Лк. ничего не сообщает, однако таковое можно, с очень большой долей вероятности, предположить.

А по следующей 16-й гл. выходит, что из Киликии пути-дороги привели Павла (и Силу) из Тарса, через Киликийские ворота, Тавр и каппадокийскую Тиану (родина Аполлония), по караванной дороге, длиной в ок. 120 км, в соседнюю Лиқаию (в составе провинции Галатия), где, — в Икони, Листре и Дервии — Павел и Варнава плодотворно потрудились, основав там церкви и обратив многих, в 46/47гг. Т.е. туда (начиная с Дервии) Апостолы попали не позднее октября, так как зимой эта труднодоступная горная дорога (мимо горы Булгар-даг — 3560м) была заснежена-завалена и закрыта.

«Дошёл он (Павел) до Дервии и Листры. И вот, там был некоторый ученик, именем Тимофей, к-рого мать была Иудеянка уверовавшая, а отец Еллин,

И о к-ром свидетельствовали братия, находившиеся в Листре и Икони.

Его пожелал Павел взять с собою; и взяв обрезал его ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин.

Проходя же по городам, они предавали верным соблюдать определения, постановленные Апостолами и пресвитерами в Иерусалиме.

И церкви умножались верою и ежедневно увеличивались числом.

Прошедши Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Азии.

Дошедши до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их.

Миновавши же Мисию, сошли они в Троаду.

И было ночью видение Павлу: предстал некий муж Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам.

После сего видения, тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там.

Итак, отправившись из Трояды, мы прямо прибыли в Самофракию, а на другой день в Неаполь,

Оттуда же в Филиппы: это первый город в той части Македонии, колония; в этом городе мы пробыли несколько дней.» (Д.Ап.16,1-12)

И вот теперь, снова побывав в Листре Ликаонской, Павел решил взять с собой в дальнейший путь Тимофея (Листрянина), кто, по всей видимости, был одним из обращённых-крещённых, — либо, что скорее, Павлом и Варнавой в 47г., либо после них — в 48 — 50гг., — неопитов. Причём он с тех пор, будучи совсем юным, тем не менее, весьма преуспел на общинном поприще и его очень рекомендовали Павлу и Силе братья-христиане Листры и Иконии.

Между тем, мать и бабушка Тимофея, имена к-рых называются в 2Тим.1,5 — Евника и Лоида, были уверовавшими во Христа иудейками (по всему, — неиудейских этнических корней), а отец — (на момент обращения его жены, сына и тещи уже почивший) Еллин, т.е. — язычник (не обязательно грек). И сколь видно, их разное верие с еврейкой Евникой не мешало, по взаимному согласию супругов, этому смешанному браку (хотя по ветхозаветным еврейским нормам, иудейка, выйдя замуж за язычника, считалась для еврейства потерянной).²⁵

И снова обратим внимание на тот факт, что Павел, недавно так страстно ратовавший за упразднение обязательности обрезания для язычников как на Апостольском соборе, так и особенно в конфликте с Петром (и Варнавой), обрезал Тимофея, сообразно специальному пояснению Деяпистателя, — «ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин». По этому поводу, кстати, очень удивляются экзегеты-толкователи, например, «Т.Б.»: «Для чего Апостол решился на такой необычайный поступок с христианским юношей, по видимому, вопреки и своим убеждениям, и постановлению Апостольского собора?» (т.3, Д.Ап.16, с.120).

И действительно, вроде бы странно. Если Тит, необрезанный неопит из антиохийских язычников, живое олицетворение успеха миссионерско-христианской деятельности без стеснительных иудейских ограничений, специально был взят Павлом и Варнавой на Собор в Иерусалим, где «знаменитейшие» (Пётр, Иаков, Иоанн...) его, пусть Еллина, не принуждали обрезаться (Гал.2,2/3), то Тимофея, сына Иудейки и Еллина, Павел, наоборот, обрезал, чтобы его язычество по отцу не мешало его (как ловца человеков) миссионерской деятельности среди иудеев.

Дело в том, что сына именно, или, в первую очередь, матери-еврейки иудеи считали евреем, но необрезание, в сочетании с наличием у него отца-язычника, создавало препятствие, поскольку при данных исходных обстоятельствах большинство иудеев не стали бы внимать его слову, в то время как обрезание (= формальная и форменная иудаизация) трудности устраняло.²⁶

²⁵ Брак между неевреем-иудеем и еврейкой-иудейкой, по талмудическим понятиям, недействителен. «Евамот» (45а): «Обручение и последующее бракосочетание (израэлитки) с неизраэлитом и рабом недействительно». Но дети от такого брака считались — по матери — израэлитами. И напротив, в отношении случаев с отцом-иудеем и матерью-неиудейкой, дети от такого брака израэлитами не считались (Киддушин 3,12). Т.е. Тимофей, согласно иудейскому нормативному праву, считался израэлитом по рождению и от рождения, и его непрозелитическое обрезание соответствовало закону (Пешикта 36а).

²⁶ Родившегося, вероятно, в Листре в начале 30-х гг. Iв. (см. выше и ниже) Тимофея, его мать Евника, ещё являясь Иудейкой, с детства (по слову Павла) наставляла в Священном Писании (2Тим.3,15). Павел часто называет его своим сыном (1Кор.4,17; 1Тим.1,2; 2Тим.1,2; 2Тим.2,1), что свидетельствует как о его близости к Апостолу, так и о его, в сравнении с Павлом, молодости. Далее он будет сопутствовать Павлу в Македонии, Верии, где задержится, потом в Афинах, снаряжённый оттуда в Фессалонику, затем, прийдя в Коринф и находясь при

Следовательно, во-первых, Павел действовал тут по обстановке-ситуации, и во-вторых, или во-первых, и он тоже, как сказано, вынужден был, до определённой меры-степени, считаться с усилением противоязыческих настроений среди иудеев и в среде иудео-христиан в связи с трагическими событиями, имевшими место в Палестине весной 51г. (к чему осенью прибавилось противостояние самарян и иудеев, и т.д. и т.п.) (см. выше).

Впрочем, относительно обрезания Тимофея, скажем снова, Деятелистом неспроста акцентирован нюанс – «ради Иудеев». Вопрос не возник бы, будь Тимофей язычником со стороны обоих родителей, как Тит. Ибо, в сём случае, не он бы работал с Иудеями, обращению к-рых, по-прежнему, несмотря на павлианский приоритет обращения именно язычников, тем не менее, придавалось большое значение, тогда как в целом повсеместно звучал призыв к соблюдению распахнувших христианству врата в Ойкумену соборных постановлений.

ЛИСТРА – ФРИГИЯ – ГАЛАТИЙСКАЯ СТРАНА – МИЗИЯ – ТРОАДА (51/52гг.)

На сей раз Д.Ап. в подробности миссионерских трудов Павла, Силы и – от Листры – Тимофея не вдаётся; мы узнаём лишь, что везде, где они побывали, «церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом». При этом, насколько можно судить, пребывание в различных пунктах не было долгим-продолжительным. Дороги же, пройденные Павлом и Варнавой в 1-е путешествие, теперь продолжил путь из Ликаонии через Фригию и Галатийскую страну – до границ пограничной к Галатии с запада римской провинции Азия (Асия), проповедовать в к-рой, однако, странствующие Апостолы Св. Духом допущены не были. Равно как, дойдя до Мизии, они не были, опять-таки, Св.Духом допущены и в Вифинию, куда поначалу сходно намеревались идти с проповедью.

Нет, Дух Святой (Третья ипостась Троицы!) последовательно подводил их к переправе из Азии, точнее, из приэгейской Троады (близ древней Трои, победой

Павле в дни написания 2-х Посланий к Фессалоникийцам (53г.). Во время Третьего путешествия (54-58гг.), в ходе к-рого Павел с 54 по 57гг. трудился в Эфесе, Тимофей снова добросовестно выполнял в Европе поручения Павла, затем ожидал его на его пути весной 58г. в Иерусалим, в Троаде. После первых римских уз Павла (61-63гг.), на исходе к-рых Апостол направил Тимофея из Рима с Посл. к Филиппийцам (63г.), их пути-дороги, после посещения Павлом Испании (63/64гг.), в 64-67гг. опять пересекались. Так, в 64г. Павел оставил (рукоположенного им) Тимофея епископствовать в Эфесе, где побывал сам ещё и в 65г. (см. ниже).

В предпоследнем павлианском Послании (из Италии) к Евреям, написанном зимой/весной 66г., Апостолом выражается надежда на скорый приход в Италию недавно освобождённого из уз (в Азии?) Тимофея (13,23), в видах-планах совместного посещения ими Палестины, чему, в силу обстоятельств (неприход Тимофея и потом арест Павла), не суждено было случиться (см. ниже). В последнем же из своих Посланий – к Тимофею (2), Павел, уже во вторых узах, просит его (66г.) прийти в Рим, где Тимофей провёл, служа ему, замечательную в Павловой жизни зиму 66/67гг. Церковное предание считает Тимофея первым епископом Эфеса, принявшим там мученичество ок.80г. н.э. Или, по другой версии, он управлял Эфесской церковью, соединяя в себе дух Иоанна и дух Павла, – когда возлюбленный ученик Христов Иоанн был сослан на Патмос (95/96гг.), – кончив мученически позже (при Траяне). Напомним, с ок.67г. в Эфесе жил и действовал Иоанн Богослов, исключительный пресвитерский ранг-статус к-рого Тимофеевой епископской деятельности никак не препятствует, и от к-рого Тимофей, следуя преданию, «получил умножение благодати и духовное просвещение».

греков над к-рой греко-римская и грядущая европейская цивилизации были зачаты), – в поту-, или вернее, (как раз) в посюстороннюю Европу!²⁷

Но остановимся сначала на неслучайной, с мистическими привязками, (в т.ч., оккультной) географии. Ликаонская Икония находилась на самой границе когдатошной Фригии, к-рая включала части Ликаонии и Галатии, мало того, пролегла между Галатией и входившей в состав провинции Азия Мизии. Так что и здесь (предельно выверенный) Дееписатель, в наименовании пределов-уделов М.Азии (при наименовании к-рых, далеко не всегда чётко различимые, исторические, этнические и римские административно-территориальные границы часто смешиваются-взаимонакладываются) максимально корректен.

Да и почему, спрашивается, Лука, образованный современник эпохи и участник событий, не должен знать историческую, этническую и политическую географию современной ему (державной) Ойкумены? Уж не говоря о безупречной спиритуальной истории и географии за авторством обращённого в христианство и посвящённого в христианскую мудрость самим Павлом (как Савла/Павла просветил-обратил-посвятил Сам Христос!) благовестника-метаисторика Луки!

О Галатии и кельтах-галатах, или применительно к М.Азии, о галло-греках, мы достаточно беседовали выше. Здесь повторим и подчеркнём, что границы Галатийской страны, о к-рой говорит Лк., т.е. территориальной области, населённой, при римлянах, мигрировавшими сюда в первой половине IIIв. до н.э. обитателями центрального плоскогорья М.Азии (трокмы, толистобоги, тектозаги) кельтами-галатами, не совпадают с границами римской провинции Галатия. Последняя включала также часть Фригии, Писидию и Ликаонию, каковые собственно Галатийской страной = страной, населённой в основном именно (пусть эллинизированными) галатами-кельтами (к-рую разумеет Дееписатель, чётко отделяя её от Фригии, Писидии, Ликаонии), не являлись.

Посему осенью 51г. (сопровожаемый Силой и Тимофеем) Павел впервые побывал именно в *кельтской* Галатии (главные города – Анкира, Пессинунт, Гордион, Тавий), где (в стране Галатийской) он снова побывает при начале своего Третьего путешествия – в 54г. (Д.Ап.18,23).

И насколько явствует из (написанного ок. 55г. в Эфесе = из Эфеса) Посл. к Галатам, проповедаю в первый раз Галатам, Апостол языков был (отнюдь не в летнюю пору) болен: «Знаете, что, хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, / Но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им, а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса» (4,13/14). Разумеет ли тут Павел обострение предполагаемой у него болезни глаз (хроническая офтальмия – как следствие ослепления на пути в Дамаск?) или говорит о немочи-болезни постигшей и одолевавшей его именно на этом галатийском отрезке пути? – неясно.

Не наложил ли Клавдий вето на декадентный галльский друидизм в 48г., с одной стороны, как борец с варварским декадансом, а с др., – как великоримский сокрушитель и профанатор древних мистерий! Не воевал ли Рим с 43г. кельтов в Британии! Не одерживал ли Осторий Скапула победы над британцами в 47 – 52гг.! Не был ли именно в 51г. выдан царицей бригантов римлянам одолённый ими и бежавший к ней от них сын Кунобеллина Каратак! (см. выше и ниже). Не суждено ли было давешней Кельтике изойти в перспективе в эзотерическое христианство, что напрямую зависело от успеха проповеди Павла среди кельтов-галатов! Не пережила

²⁷ Как средиземный краб, или звезда морская,
Был выброшен водой последний материк,
К широкой Азии, к Америке привык,
Слабее океан, Европу омывая. (Мандельштам)

ли посвящённая-спиритуальная Кельтика как на Западе, так и на Востоке Событие Голгофы на духовном уровне, в вышнудуховном измерении! Не приобщились ли отдельные галаты-кельты провинции Галатия (где Павел и Варнава миссионировали в 46/47гг.) к христианству раньше!

Не обратил ли Павел слово Божие к сердцам, в сердца именно галатов-кельтов именно в Галатийской стране в 51г.! (Не услышал ли он от галатов-кельтов в 51? или в 54? гг. о спиритуальной кельтской Гибернии на Изумрудном острове?) То-то они, особо предрасположенные ко Христу Спасителю, именно благодаря своей таинственной *Кельтике*, благодаря своему эзотерическому *кельтству*, благодаря своему друидическому былому, приняли Павла (ни больше, ни меньше) – «как Ангела Божия, как Христа Иисуса»!²⁸ Принесший в Галатийскую страну Христово Слово и Христов Импульс Павел открыл перед «Умирающим Галлом»²⁹ возможность преобразиться в Галла, воскресающего во Христе!

Галатия граничила с соседней ей римской провинцией Азия/Асия (территориальную основу к-рой составляло доставшееся Риму в 133г. до н.э. Пергамское царство Атталидов, границы к-рого также не повсеместно совпадали с последующими границами провинции) на западе, куда (в предуготовленном Павлу его апостольско-миссионерской судьбой западном направлении) Павел, Сила и Тимофей, в ходе своего странствия, зимой 51/52гг., в нелёгких условиях, перемещались. Но где, т.е. в пределах римской Азии, они не были Св. Духом допущены проповедовать, что одновременно не означает непересечение ими границ Азии, поскольку Мизия, до к-рой они дошли, была составной частью римской провинции Азия/Азия.

Мизия/Мисия в древности – северо-западная часть М.Азии, заселённая некогда эолийцами, владение сына Геракла и Авги (дочь аркадского царя Алея) Телефа (Аполлодор 2,7,8), числившегося родоначальником Атталидов (Д.И. 88/89).³⁰ Кроме

²⁸ Любопытно, что если, по одной из зыбких версий, первоначальные кельты (догалльский след и очаг к-рых не прослеживается) начали миграцию на Запад во II тыс. до н.э. из районов северной Армении, причерноморского Южного Кавказа (Колхида) и северного Причерноморья, то исторический первостержень османской державности это – (с 1299/1300гг.) Османский бейлик на мизийском северо-западе М.Азии, а очаг кемалистско-турецкой национальной государственности, со столицей в Анкаре, после падения в XXв. Османской империи, это – как раз бывший галатский центр Анатолии. И через этот центр в Ср. века так и не сумели *дотянуться* друг до друга (друг к другу), так и не сумели найти общий язык православная Византия с запада и армянские миафизиты с Востока, в результате чего данный интервально-вакуумный регион освоил-адаптировал с XVв. пришлый тюркский элемент. Между тем, галатско-анатолийский очаг Турции (куда она перенесла свой национальный центр из как окраинного, так и наднационального для неё Константинополя на европейском берегу Босфора) когда-нибудь на ней благотворно скажется-отразится.

²⁹ Сохранившаяся на Капитолии мраморно-римская копия с пергамской скульптуры «Умирающий Галл», изготовленной по заказу Аттала I (241-197гг.), к-рый одержал решающую победу над часто беспокоившими малоазийских соседей разбойничьими набегами центрально-анатолийскими кельтами-галатами.

³⁰ Телеф (*сосущий лань*) – родился от соблазнённой, или изнасилованной Гераклом Авги, к-рая прятала младенца в храме Афины (за что разгневанная богиня наслала на страну чуму), где его нашёл Алей, приказавший заключить мать и ребёнка в ящик и бросить в море (Еврипид), прибывшее их обоих к Мизии, царь к-рой Тевфрант женился на Авге и усыновил её дитя. Или Авга была разлучена с сыном и продана в Мизию (Софокл), где на ней женился Тевфрант, тогда как отобранного у неё сына, брошенного в лесу на горе Парфении, вскормила лань. Повзрослев, Телеф убил в сражении сыновей Алея, отправился на поиски матери в Мизию, был усыновлён Тевфрантом и после его смерти стал царём Мизии. Или Авга сделалась приёмной дочерью Тевфранта, к-рый впоследствии хотел выдать её замуж за избавившего его страну от врагов Телефа. Но она, не желая после Геракла принадлежать никому, попыталась убить жениха, что предотвратили боги, открыв ей, что Телеф её сын.

В дальнейшем, заняв трон, он отразил нападение по ошибке опустошавших его страну в

того, согласно некоторым исследователям, среди предков этрусков были выходцы из Мизии. Занимала она весь северо-запад Анатолии между Пропонтидой и Геллеспонтом на севере, Эгейским морем на западе, Лидией на юге, Фригией на востоке и Вифинией на северо-востоке. Гористая страна, с названием, по Страбону, от лидийского наименования бука, обильно произраставшего в районе мизийского Олимпа (Улудаг). Была разделена долинами рек Рындак и его притока Маиста, к-рые, сливаясь, впадают в Мраморное море (Пропонтида). Др. реки – Эзеп, Граник, Герм, Скамандр и Каик, на к-ром лежал знаменитый город Пергам – столица Атталидов.

Мизийское побережье Эгейского моря начинается на севере с выдающейся в море Троады и Скамандра. Южнее – защищающий Лесбос Адрамитийский залив и удобная бухта в устье впадающей в Эгейское море р. Каик. Долины рек разделяются маркантными цепями гор, к-рые делят страну на различные территориальные части. Главные горные массивы – Ида и мизийский Олимп на севере, Темлос – на юге. Горы между долинами Каика и Герма считались в античности южной границей Мизии, к-рая в VIIв. была захвачена лидийским царём Гигом; в 546г. досталась Ахеменитам; в 30-е гг. IVв. – Александру; а с ок. 283/82гг. сделалась сердцевиной Пергамского царства Атталидов.

Страбон сообщает о делении страны на 5 частей: Малая Мизия – северная часть вдоль Пропонтиды до Олимпа; Великая Мизия – южная часть страны; Троада – северная часть от мыса Сигея до мыса Лектона у Адрамитского залива; Эолида – южная часть западного берега между Каиком и Гермом (Троада и Эолида сопричислялись к Мизии не всегда); Тевфрания – узкая полоса вдоль южной границы.

Население до прихода греко-македонян состояло из фригийцев, троянцев (троадцев), эолийцев и собственно мизийцев, к-рые, по всему, были (сродни фригийцам) мигрантами из Фракии, на севере к-рой, или в римскую эпоху к северу от к-рой располагалась вполне созвучно-сродственная (малоазийско-приэгейско-примраморноморской) Мизии (балканско-придунайская-причерноморская) Мезия/Мёзия. По античным сведениям, фракийцы-мизийцы пришли в Мизию в Троянскую войну с берегов Истра (Дуная) и потеснили фригийцев. Наиболее значительные города: Пергам, Кизик, Лампсак, Абидос, Аполлония, Дардан, Александрия Троадская, к-рая, по всей вероятности, называется в Д.Ап. просто Троадой, и (освобождённый считавшими себя потомками троянцев римлянами от налогообложения) Илион.

Впрочем, поначалу Павел и его спутники, не допущенные Духом Святым проповедовать слово в (проконсульской) Азии (Мизия, Лидия, Кария), хотели идти из Мизии в расположенную к северо-востоку от неё Вифинию (граничившая с Азией – на юго-западе, с Галатией – на юге, с вассальным Понтом – на юго-востоке и востоке, причерноморская римская провинция Вифиния и Понт) (Д.И. 114-16). Но и туда (на восток от Мизии, т.е. глубже в Азию) Дух не допустил их, упорно подводя к нацеленному через море на Европу троянскому-троадскому берегу Эгейского моря.

Причём – как именно? посредством какой формы откровения? Дух Святый проявил Себя, возбранив Павлу и его спутникам (до времени) проповедь в Азии

поисках Трои греков, однако был ранен копьём Ахилла и рана не заживала (мотив Амфортаса!). Аполлон открыл ему, что исцелить его может только сам ранивший и только ржавчиной своего копья. Телеф отправился под видом нищего в Аргос, был исцелён Ахиллом и в благодарность указал грекам верный морской путь в Трою, хотя сам от участия в Троянской войне уклонился. Зато позднее на стороне троянцев выступил его сын Эврипил, павший от руки Неоптолема. Культ Телефа был распространён в Аркадии и в Пергаме, где царственные Атталиды выводили себя от него. События из его жизни изображены на малом фризе Пергамского алтаря (Берлинский музей).

(местонахождение её центра, Эфеса, и грядущих семи общин, к-рым адресованы послания в Откровении Иоанна) и (припонтийской) Вифинии, Дееписатель не сообщает. Но то, что этот запрет был воспринят ими, точнее, вероятно, возглавлявшим их Павлом, в отличие от их собственных неоправданных предположений-намерений, однозначно, это яснее ясного. И не случайно говорится, что человек предполагает, а Бог располагает. Павел последовательно подводился Духом к тому, чтобы *прорубить* спасительное христианское *окно* в декадентную языческую Европу.

ТРОАДА – САМОФРАКИЯ – НЕАПОЛЬ (март/апрель 52г.)

Троада – небольшая область и портовый город – Александрия Троада (в ок. 30-и км от древней, на укрепленной насыпи, Трои, к-рую в античную эпоху сменил Илион) – на мизийско-эгейском побережье, откуда осуществлялось судоходное сообщение, в частности, на ближний к Троаде в Европе македонский Неаполь – порт Филипп. В троадской же полуостровной области, простиравшейся от эгейского побережья до Геллеспонта, находилась гора Ида и протекала знаменитая р. Скамандр.

После гибели в 80-е гг. ХПв. до н.э. Трои (Иерихон для греков!) эту заклую местность заселили пришлые фракийцы, но к 1100г. маленькое поселение было покинуто и на несколько столетий забыто. С VIIв. – новозаселение греческими колонистами. В Vв. древние 700-летние руины почтил (идя войной против греков) совершением здесь (от имени Азии против Европы!) обильного жертвоприношения Ксеркс (в отместку за попрание к-рым греческих городов Александр Великий сжёг ахеменидскую столицу – Персеполис). В 334г. маленький городок, посвященный Афине Илии, оказался в руках идущего на Восток Александра, кто, равнодушный к преданиям старины, всячески поощрил его, предпочитая называть Илионом, с к-рым Рим познакомился, победив в 190г. Антиоха Магна в битве при Магнесии.

На холме со священной дубравой находилось роскошно отстроенное в римское время святилище Афины Илионской. Римляне освободили Илион от податей, кстати, согласно Светонию, при Клавдии (25,3), к-рый, правда, скорее, либо сделал это более раннее освобождение полным, либо подтвердил-обновил его, и всячески покровительствовали особостатуированному полису как римско-троянской прародине. В 51г. Нерон, на 14-м году жизни, едва надев тогу зрелости, скажет за илионян речь в суде (Свет. «Нер.» 7,2) (см. ниже).

Более того, неподалёку от Илиона, по соседству с ним, в начале эпохи диадохов была основана Александрия Троада, к-рую Лк. в Д.Ап. называет, сливая город и область, отделяемые-выделяемые им от-из Мизии в самостоятельную величину, просто Троадой, куда Павел, Сила и Тимофей сошли (к морю), миновав континентальную Мизию, и где сам Лука (на пороге Европы) присоединился к ним. Ибо в (с) Д.Ап.16,10 он впервые употребляет повествовательное-благовестовательное «мы», включая себя в спутники и сотрудники Павла и продолжая отсюда благовествование как непосредственный (с перерывами) свидетель, очевидец и участник возвещаемых-благовестуемых автором Деяний Апостольских евангельско-метаисторических событий. Помимо того, именно с 52г. стартует маркированное этим «мы» его специфическое присутствие-соучастие в этих событиях не только физически, но и во духе.

Местонахождение Александрии Троады (Страбон 2,135; 13,581; 605; Ливий 35,42; 37,35; Плиний 5,124; Птолемей 5,2,4; 8,17,19) – на полпути между Сигеионом и Лектоном; она была заложена (на месте, указанном Александром?) Антигоном Одноглазым, заселена обитателями близлежащих городов (Страбон 13,604; 607) и

названа Антигонией Троадой. Но Лисимах Фракийский, сделав её гораздо красивее, дал ей имя Александрия (Плиний 5,124; Страбон 13,593; 597). В зависимости от римлян – со времени победы над Антиохом III; сродни Илиону, – в привилегированном положении-режиме.

Особенно покровительствуема Цезарем, к-рый, по Светонию («Цез.» 69), даже хотел перенести сюда, к троянским корням-истокам, столицу Империи, как века спустя о том же думал, до избрания Византия под Константинополь, Константин (Зосима 2,30; Зонара 13,3). Август и Адриан оказывали благодеяния городу. Если при Августе была основана Colonia Alexandria Augusta Troas, то известный грамматик и меценат Пв. Ирод Аттик избавил троядских александрийцев от недостатка пресной воды, проведя сюда новые акведуки, и построил здесь роскошные банные термы. (Сегодня – Эскистамбул, со значительными руинами.)

И было там ночью видение Павлу. Пред ним предстал некий муж Македонянин, прося его: «приди в Македонию и помоги нам». Согласитесь, тут, волей-неволей, подумаешь о *Муже великой души* – Александре, к-рый шёл с Запада на Восток, руководствуясь принципом «Мой финиш горизонт, а лента – край земли». Шёл, чтобы сокрушить декадентную персидско-ахеменидскую тиранию над большей частью цивилизованного мира, чтобы освободить народы из-под (старо)персидского ярма, чтобы дойти до сказочной Индии и выйти к *последнему морю*, к берегам тихоокеанской Пацифиды, на крайнем (вроде бы) китайском Востоке.

Михаэлическое деяние Александра, на исходе-излёте эпохи Михаила Архангела (602 – 248гг.), и его последствия ойкуменизировали-эллинизировали мир, подготовив почву для пришедшей на смену впадшим в декаданс государствам диадохов, в эпоху Сатурна (с 248г. до н.э. – 108г. н.э.), Римской империи, к-рая снова, на ином уровне, соединённые было Александром Запад и Восток и заложила, на греко-римской (державно-ойкуменической) основе, начала грядущей евроцивилизации.

Отсюда ещё раз спрашивается: не тень ли Александра предстала Павлу под личиной мужа Македонянина в ночном видении? прося прийти (из Азии в Европу) и помочь проповедью христианства, принесением в сердца человеческие Христова Импульса, остро необходимого погрязшему в деградантном язычестве старому миру Европы, к-рую Александр в своё время исцелительно и плодотворно привёл в Азию.

Не обращает ли на себя внимание то, что Павел со спутники теперь передвигаются в противоположном когдатошнему Александрову направлении, и то, что отлично от Александра, к-рый так и не дошёл (лишь слегка почав загадочную Индию) до края земли на Востоке, плюс к тому, никогда не сходил в вождевленное для него сердце Аравии³¹, Павлом, напротив, были и будут на его жизненном пути победоносно изведаны-достигнуты как глубины Аравии (34 – 37гг.), так и крайний приатлантический Запад – Испания (63/64гг.).

Засим из Троады, вероятно, по весне, с открытием навигации, в марте/апреле 52г. н.э., по прошествии 19-и лет (лунный цикл) после Мистерии Голгофы, наши апостольские путешественники, в составе уже 4-х человек, вышли в плавание и через островную Самофракию прибыли в расположенный на другом берегу Эгейского моря, в 15-и км. от македонских Филипп, портовый Неаполь, где, таким образом, *первый европеец* Ап. Павел впервые ступил на европейскую землю.

³¹ Как говорит по поводу тайн аравийской земли – хранительницы мистерий Феникса, средневековое предание, чтобы прикоснуться к ним, Александру не достало (христианского) благочестия.

И ещё некоторые гипотетически полагают, что после покорения Аравии и Эфиопии, Александр намеревался покорить через Карфаген и Италию (не в союзе ли с Римом?) запад Европы – до Испании и Столпов Мелькарта.

И показательно, что транзитно-перевалочным пунктом на его морском пути, при столь симптоматичной переправе из Азии в Европу, стала именно Самофракия, куда, к слову, в 18г. н.э., держа путь из Рима на Восток, не добрался, из-за встречного ветра, желавший «увидеть тамошние священнодействия» Германик (Ан. 2,54) (Д.И. 106-11).

Это высочайший (1700м) гористый остров Эгейского моря посередине между Фракией и М.Азией, на к-ром в 167г. до н.э. — дата провозглашения свободы острова римлянами (и дата осквернения Антиохом Эпифаном Иерусалимского храма) — был пленён последний македонский царь Персей. Одноимённый скалисту суровому острову, с четырьмя горными пиками, город (Самофракия = Самос Фракийский) располагался на северном берегу.

В лесистой долине, близ окружённого крепостной стеной центра, стояло всеизвестное святилище Великой Матери (Кибела; Magna Mater) и её божественных спутников — кабиров — близнецы Аксиел и Кадмил; плюс иная пара — Аксикерс и Аксиокерса — великие боги Самофракии. Бесхрамовый жертвенник современная учёность относит к VII-у, построенный над ним храм — к VI-у, приобретение культом вселенско-античного значения — к IV-у вв. Множество культовых построек воздвигли македоняне и Птолеми: круглый храм Арсиной; врата Птолемея; крылатая самофракийская богиня Нике... В Iв. до н.э. и, наверное, в Iв. н.э. богослужебным языком таинственного культа *великих богов* был фракийский.

По Геродоту, обитатели о-ва были потомками пеласгов; по др. преданию, это они — дарданы, аркадяне, или троянцы. Название острова и города объясняли по-разному: или тем, что на нём поселились самосцы и фракийцы; или тем, что царица амазонок Миринда во время своего похода на запад прибыла туда к Матери богов, почему он сделался «божественным».

О (почитавшихся наравне с Элевсинскими мистериями) таинствах кабиров/корибантов/куретов/кирбантов на Самофракии, об их связи с палестинским Хевроном — городом кабиров, «где отправлялся культ 4-х богов», о приходе культа кабиров в Палестину и на Самофракию из Финикии, о связи 7-и кабиров с 7-ю планетарными Архангелами, о 8-м невидимом кабире (Мелхиседек) и т.д. см. подробный рассказ в «Д.И.».

Далее, не прошли ли посвящение в мистерии кабиров на Самофракии, в дни плаванья-похода аргонавтов, близнецы Кастор и Полидевк! Не познакомились ли и не прошли ли посвящение на Самофракии (обитатели к-рой в битве при Саламине сражались на стороне персов) ещё отроком и отроковицей родившие позднее *Мужа великой души* Филипп Македонский и эпитротка Олимпия (хотя последняя утверждала, что зачала своего божественного сына от Зевса).

Не увидел ли на Самофракии, в бытность его учителем Александра, Аристотель, всмотревшись духовным оком-взором в морскую даль, в сторону М.Азии, случившийся за годы перед тем пожар Эфеса — сожжение Геростратом храма Артемиды (356г.), что открыло Аристотелю наступление времени конца древних мистерий, времени сумерек и смерти старых богов, времени конца белой общности богов и людей. И на I/IIвв. все эти древние глубочайшие таинства пребывали в глубоком упадке, в глубокой стадии вырождения. Страбон: «Божества, чтимые на Самофракии, многие отождествляют с кабирами, но, тем не менее, не могут объяснить, кто такие сами кабир, кирбанты и корибанты...» (фргм. 7,50).

Т.е. в I/IIвв. там производились мёртвые священнодействия и мёртвые посвящения, к-рые уже перестали быть священнодействиями и посвящениями. На покинутых старыми богами алтарях и в вакуумных святилищах была либо удручающая пустота, либо на них и в них зловеще бесновались демоны. Осиротелое человечество жаждало нового истинного Бога, Благою весть о Котором и Которого нёс ему,

распахнув перед христианской проповедью вселенские горизонты переросший тот народ, в к-ром он был рождён, и вышедший из обетованной земли в Обетованную Ойкумену Ап. Павел!

То-то Павлу и его спутникам не понадобилось задерживаться на упадочной Самофракии, прибыв куда из Трояды, они уже на другой день отчалили отсюда и прибыли в Неаполь. И отнюдь не случайно это действие свершилось именно из давешней Азии (М.Азия) именно через промежуточную соединительно-разделительную некогда Самофракию именно в грядущую Европу. Не есть ли М.Азия Азия в миниатюре! Или Европа в Азии! Не именуют ли Азию матерью Европы! Не была ли Греция (начиная с Крита) первеницей Европы!

Если Греко-Македония в лице Александра Великого начала ойкуменизацию-эллинизацию языческого мира, то с Македонии, по явлению тени Александра Ап. Павлу на троядском краю Азии, начиналась ойкуменическая христианизация Европы!

В ФИЛИППАХ

(весна 52г.)

Итак, Неаполь (один из множества Неаполей древности, при наиболее известном из них, – италийско-кампанском) в Македонии (на македонско-фракийском побережье) был имевшим весьма удобную, шириной в одну морскую милю, защищённую от ветров бухту гаванью, в 15-и км северо-западнее Филипп, являясь также стартовым пунктом знаменитой римской дороги *via Egnatia*, к-рая через Амфиполь и Фессалонику вела в Ахайю. Сегодня – греческая Кавалла – в 165-и км от Салоник и в 680-и км от Афин.

Название местности, где в 356г. (дата рождения Александра) Филипп Македонский, подчинив её (358/57гг.), основал город Филиппы, – Кренида (*родник*), первыми насельниками к-рого стали переселённые сюда Филиппом жители одноимённой деревни неподалёку от него (Страбон 7,331; Дион 47,35). Касаемо же наименовательного мн.ч., оно пошло от нескольких поселений, к-рые были слиты Филиппом посредством окруживших их сплошным кольцом для защиты от нападений фракийцев крепостных укреплений. В 335г. мимо города прошёл, идя против трибаллов и илирийцев, Александр (Арриан 1,1,5). После победы римлян над Персеем при Пидне (168г.), Филиппы вошли в состав первого (область между реками Стримоном и Нестом и к западу от Стримона) из четырёх округов-регионов-дистриктов, на к-рые была поделена Македония. По становлении же её в 148г. римской провинцией, – важный пункт Эгнациевой дороги.

Осенью 42г. до н.э. у Филипп произошло решающее сражение между цезарианцами и антицезарианцами, в результате к-рого Бруту и Кассию пришёл конец, в память о чём ещё Антоний проявил инициативу по основанию, и уже Август впоследствии, выиграв морскую битву у мыса Акции (31г.), форменно основал тут римскую ветеранскую колонию – *Colonia Iulia Augusta Phillippiensis*.

Если главным римским городом этой части Македонии являлся Амфиполь (административно-территориальный центр), то Филиппы, по своему ветеранско-колонияльному, а также экономическому значению, и по величине, были городом, как верно выражается Дееписатель, – «первым». Напомним, в 27г. до н.э., при разделении провинций на кесарские и сенатские, Македония оказалась под сенатом; с 15 по 44г. н.э. – была, подчинённая, сродни Ахайе, кесарскому легату Мезии, под кесарем; в 44г., как и Ахайя, – возвращена Клавдием сенату.

Рядом с ветеранами и греками в Филиппах обитали малочисленные иудеи, у к-рых наши апостольские миссионеры, придя сюда из Неаполя, согласно (присоединившемуся в Трояде к Павлу, Силе и Тимофею) Луке, – «пробыли несколько дней» (Д.Ап.16,12).

«В день же субботний мы вышли за город к реке, где по обыкновению был молитвенный дом, и севши разговаривали с собравшимися там женщинами.

И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянцею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце её внимать тому, что говорил Павел.

Когда же крестилась она и домашние её, то просила нас, говоря: если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите у меня. И убедила нас.

Случилось, что когда мы шли в молитвенный дом, встретила нам одна служанка, одержимая духом прорицательным, к-рая через прорицание доставляла большой доход господам своим.

Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки — рабы Бога Всевышнего, к-рые возвещают нам путь спасения.

Это она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из неё. И дух вышел в тот же час.

Тогда господа её, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу, и повлекли на площадь к начальникам.

И, приведши их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город

и проповедуют обычаи, к-рые нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять.

Народ также восстал на них; а воеводы, сорвавши с них одежды, велели бить их палками

и давши им много ударов, ввергли в темницу, приказавши темничному стражу крепко стеречь их;

Получив такое приказание, он ввернул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду.

Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их.

Вдруг сделалось великое землетрясение, так-что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели.

Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлёк меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали.

Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь.

Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе.

И, выведши их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись?

Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасёшься ты и весь дом твой.

И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его.

И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их, и немедленно крестился сам и все домашние его;

И, приведши их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога.

Когда же настал день, воеводы послали городских служителей сказать: отпусти тех людей.

Темничный страж объявил о сём Павлу: воеводы прислали отпустить вас; так выйдите теперь и идите с миром.

Но Павел сказал к ним: нас, римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? Нет, пусть придут и сами выведут нас.

Городские служители пересказали эти слова воеводам, и те испугались, услышавши, что это Римские граждане.

И, пришедши, извинились пред ними и, выведши, просили удалиться из города.

Они же, вышедши из темницы, пришли к Лидии и, увидевши братьев, поучали их, и отправились.

В Филиппах не было синагоги, вероятно, из-за малочисленности местной еврейской общины. Но в таких местах имелись молитвенные дома, к-рые, как правило, располагались у воды.³² Туда, т.е. к молитвенному дому, в субботу (день священного собрания) и направились, надо понимать, остановившиеся (сначала) на постоялом дворе Апостолы, где вступили в беседу с иудейскими женщинами. Сходно тому, как женские сердца чутче откликнулись на проповедь Иисуса (не находились ли только жёны и Лазарь-Иоанн, до конца не оставив Учителя, под крестом Голгофы!), так и ныне общение с богобоязненными женщинами предварило общение с деревянноголовыми (Holzköpfe) муж(ик)ами.

А первой обращённой-крещённой Павлом на европейской земле стала Лидия из Фиатир (Тиатир) со своими домочадцами. Фиатиры (сегодня Ахисар) – город в Лидии (Асия), севернее Сарда и восточнее Пергама, в 80-и км к северо-западу от нынешнего Измира. Лидия из Лидии торговала багрянницей, т.е. багряными = пурпурными тканями-одеждами, к-рые были очень дорогими и, следует полагать, производились в известных пурпурными красителями (к-рые собирали по каплям из раковин багрянки) Фиатиарах – крупном торгово-ремесленном центре Азии (где позднее существовала одна из 7-и общин – таинственных адресатов Иоаннова Откровения).³³ И как выясняется ниже, – «Лидия спаслась не благодаря своим добрым делам, а чтобы делать их. Она доказала истинность своей веры, открыв свой дом для Павла, Силы, Луки и Тимофея» (Маκдональд). Не призывает ли Павел христиан ревновать о странноприимстве (Рим.12,13)! Не говорит ли Пётр: «Будьте страннолюбивы друг к другу без ропота» (1П.4,9)!

Посему после обращения-крещения, должно понимать, богатой, или, во всяком случае, небедной негоциантки (представительница креативного класса) из Лидии, скорее всего, прозелитки Лидии и её домашних, по поводу к-рых неясно – идёт ли речь о семье или (скорее) о слугах, у наших миссионеров появилась возможность перебраться с постоялого двора под её странноприимно предоставленный к их услугам домашний кров.

* * *

И дальше они «много дней» (сколько? – не уточняется) ходили из её дома в дом молитвенный, где беседовали с иудеями и прозелитами, проповедовали и вербовали неофитов, хотя об обращённых-крещённых в течение этих «многих дней» ничего

³² Обычай возводить молитвенные дома (синагоги) у водоёмов в равнинских источниках не упоминается. Но есть красноречивое свидетельство Флавия (И.д. 14,10,23), к-рое мы приводили, беседуя, приложительно к выступлению Иоанна Крестителя 1 тишири 28г. н.э., о новогоднем катарсисном обряде Ташлих (Д.И. 1262-64). В письме Аристиды о 70-и (72-х) еврейских переводчиках Библии, приглашённых Птолемеем Филадельфом (+ 246г.) в Александрию (чтобы произвести на свет «Септуагинту») сказано: «Ранним утром они прибыли ко двору, выразили почтение царю и удалились в отведённое им (для работы над переводом) место. Но, как это принято у иудеев, сначала они омыли руки в море, потом вознесли молитву и взялись за работу» (§ 304).

³³ Ранние названия Фиатиры/Тиатиры – Пелопия, Евиппия и Семирамида (Плиний 5,115; Стефан Византийский). Первые два, видимо, поэтические прозвища; связка с Семирамидой – под вопросом. Селевк Никатор расположил в Тиатире македонский гарнизон, и позднее город, за исключением короткого отрезка времени при Аттале I Пергамском, принадлежал по 190г. Селевкидам; потом (с подачи римлян) – Атталидам; и со 133г. – римлянам. В 24г. до н.э. Тиберий ходатайствовал в сенате о поддержании Тиатиры (Лаодикеи, Хиоса), пострадавшей от землетрясения (Свет. «Тиб.» 8). Бесчисленное множество античных культов. Интересно уравнение Аполлону и Гелиосу местного идола с двумя секирами – Тиримна. На наличие иудейской общины указывает скорое распространение христианства. Согласно Епифанию (51,33), большинство тиатирских христиан IIIв. н.э. были еретиками-монтанистами.

не сообщается. Зато сообщается о другом — об одержимой духом сивиллическо-пифических прорицаний служанке каких-то господ, к-рые (очень современно!) зарабатывали на её стихийном даре (экстрасенса) неплохие деньги, и к-рая, со своей стороны, встретив Апостолов, распознала в них возвестителей пути спасения, и именно «много дней», ходя за ними (ходившими в молитвенный дом у воды и обратно), громко кричала об этом.

Как мы помним, одержимые бесами и различными нечистыми духами первыми распознавали Христа, Кто умел их экзорцистски изгонять из людей. Теперь, подобно Иисусу, поступил Павел, велевший, потеряв терпение и вознегодовав, медиумически возглашавшему через впадавшую в транс служанку-сивиллу (стороннему) духу выйти из неё, поскольку, подобно Павлу, женщинам, глаголющим языцами, в христианстве положено молчать. Время стихийных атак исторических откровений такого рода, со свершением Мистерии Голгофы, ушло-прошло. Способность предсказывать «вещим ясновиденьем сивилл», посредством впадения в экстатический транс, осталась в прошлом. Кликушеству во Христе нет места! Се элементы-компоненты ясномыслительной христологии Ап. Павла, кто открывает путь ко Христу через катарсис сердца, через встречу с Эфирным Христом от **Я** к **я**, на уровне Я-сознания, и через одухотворённый интеллект, отвергая всякое юродивое кликушество.

Служанка неких господ, к-рых Деесписатель нам поимённо не представляет, была оснащённой даром прорицания именно юродивой, именно кликушей, что позволяло её бизнесменным хозяевам эксплуатировать, поставив на поток, её одержимость в своих корыстных интересах. Когда же, по слову Павла, дух вышел из неё, т.е., когда исцелённая от своей одержимости Павлом, она смолкла, её хозяева лишились барышей. Поэтому они расвирепели, схватили старших из миссионеров, а именно Павла (особенного Апостола) и Силу (пресвитера и пророка), и поволокли их к городскому начальству: к архонтам или политархам, названным в русском переводе «воеводами».

Причём из нижеследующего явствует, что эти т.н. истцы-предъявители были римскими гражданами, вероятно, потомками местных ветеранов, так как они, умысленно придавая инциденту политическую, в собственную пользу, окраску, представляются Римлянами, обеспокоенными деятельностью Иудеев (иудейских сектантов), к-рые-де «возмущают наш город» проповедью каких-то чуждых Риму и римской власти «обычаев». Нет ли тут переклички с изданным в 50г. эдиктом Клавдия об изгнании («волнуемых Хрестом») иудеев, или иудеев, обратившихся в христианство, из Рима? (см. выше). Конечно, не обычаи и не проповедь миссионеров этих мнимых истцов волновали-интересовали. Нет, ими руководило банальное озлобление (за незнамо откуда свалившийся на их головы чужеземный-чужеродный Апостолат), отнявший у них важный источник дохода.

Однако, и «народ», соответственно, надо думать, представители греческого-эллинистического, помимо римских граждан, населения Филипп, «восстал на них», что (внимание!) является первым евангельским свидетельством гонений язычников на христиан. Для начальственных же воевод обвинения со стороны Римлян оказалось достаточно. В подробности дела никто вникать не стал. И даже не разобравшись, что Павел и Сила тоже римские граждане, начальники велели сорвать с них одежду и дать им палок (ликторские прутья),³⁴ после чего ввергли обоих в темницу, где

³⁴ Если иудейское право предусматривало, при таком наказании, 40 ударов без одного, то римское — число ударов не ограничивало.

Интересно, что на рапорте (1827г.) о тайном переходе двух евреев через р. Прут в нарушение (эпидемического) карантина, где отмечалось, что лишь смертная казнь способна остановить нарушителей, император Николай I поставил резолюцию: «Винных прогнать сквозь (строй в) тысячу человек (солдат со шпичрутенами) 12 раз. Слава Богу, смертной казни у нас

тюремный страж, получив приказание крепко стеречь их для дальнейшего разбира- тельства и строгого судилища, надел на них, как на опасных преступников, колодки.

И вот ок. полуночи, когда Павел и Сила молитвенно воспевали Бога, в то время как узники внимали им, случилось землетрясение. Согласно комментарию Баркли на Д.Ап.16, двери темниц запирались деревянным брусом, просунутым в два от- верстия, аналогично – с колодами. Толчок землетрясения выбил брусья из гнёзд, в результате чего «оковы тяжкие», пусть не *пали*, но ослабели, а темницы, правда, не *рухнули*, но их двери отворились, тогда как *свобода радостно* ждала узников у *входа*. Тем временем, темничный страж запаниковал, думая, что заключённые сбежали и хотел в отчаянии броситься на меч, потому что теперь, при данном нарисованном воображением тюремщика – относительно беглых эзков – раскладе, самое суровое наказание (вышка) ожидало его.

Не потряслась ли, сообразно Евангелию, той весной 52г. земля после землетря- сения в пору Мистерии Голгофы впервые, точнее, это есть второе евангельское упоминание о землетрясении после землетрясения апреля 33г! И если первое земле- трясение (в Азии: Палестина/Иерусалим) было *воскресенским*, то второе (в Европе: Македония/Филиппы) можно назвать *богоявленским*, ибо посредством его Христос явил Себя! И ещё стоит вспомнить о чудесном падении вериг с рук и ног чудесно освобождённого (Ангелом Господним) в дни опресноков 44г. н.э. Ап. Петра!

Своим своевременным вмешательством Павел предотвратил самоубийство тю- ремщика, сказав, что никто из заключённых не сбежал, в ответ на что благодарный страж вбежал в темницу и припал к ногам Апостолов, уже просветлев и уверовав сердцем, но сам пока не осознавая этого. Под впечатлением от случившегося в нём произошёл переворот. Он вывел Павла с Силой из темницы и спросил их, его спасителей, о пути спасения. Они сказали – «веруй во Христа», и спасёшь как себя, так и дом свой.

И обращённая как к самому стражу, так и к сбежавшимся сюда из дома, по соседству с тюрьмой, его домашним прозвучала павлианско-силианская проповедь. И благодарный тюремщик омыл раны проповедников, и обратился-крестился – и сам, и все домашние его. И пригласил их на трапезу в дом свой, и преломил с ними хлеб – всё под покровом ночи после (обошедшегося без человеческих жертв) земле- трясения, к-рое – не приходится сомневаться – поспособствовало также чудесному утреннему освобождению наших миссионеров.

Поутру воеводы прислали городских служителей сказать стражу, чтобы осво- бодил узников. Что подвигло на это филиппийских начальников, Лк. не поясняет. Остаётся догадываться: весть о благородном поведении узников, не покинувших узилище, несмотря на наличие соответствующей возможности, в связи с чем всё дело, ещё вчера видевшееся начальникам преступлением со стороны пришлецов- чужаков, ныне предстало перед ними в ином свете. Высшие силы разгневались на них за наказание палками и заточение невинных. И темничный страж объявил Павлу, как старшему, о решении городского начальства освободить их.

Между тем, Павел потребовал извинений, не желая быть освобождённым вти- харя. Его и Силу, римских граждан, схватили, не дав молвить слово, и всенародно били без суда, на что у начальников-воевод не было права. И последние, узнав, что так опростоволосились с римскими гражданами, убоялись. Причём вряд ли Павлом руководило стремление непременно получить сатисфакцию. Вероятно, он думал оградить таким образом-способом молодую филиппийскую церковь от нападков и

нет и не мне её вводить...» Любопытное отсутствие смертной казни (отменённой, кроме случаев тяжёлых преступлений против государства, в царствование Елизаветы Петровны, точнее, заменённой кнутом) при 12-и тыс. (!) ударов (кнутом; палкой; шпигрутенами)!

помочь ей не столько в утверждении, сколько в толерантном отношении к ней со стороны местных властей.

В итоге напуганные воеводы явились, извинились, вывели Павла с Силой из тюрьмы, и, тем не менее, просили их (во избежание новых недоразумений) с миром удалиться из города (что называется, от греха подальше). Освобождённые пришли в дом к Лидии, поучительно обратились к филиппийским братьям-неофитам (обращённые-крещённые иудеи и язычники), некоторых из к-рых Павел называет по имени в написанном им во время (ближе к концу) его первых римских уз (61 – 63гг.), по всему, в 63г., Послании к Филиппийцам (4) (см. ниже). И далее последовал уход апостольско-миссионерской троицы мужей, в составе Павла, Силы, Тимофея, из Филипп, где, предположительно, остался Лука (поскольку взятая в Троаде Деесписателем на вооружение повествовательная форма «мы» здесь прерывается, плюс ниже дальнейшими спутниками Павла называются только Сила и Тимофей), по Эгнациевой дороге, в направлении расположенной в расстоянии ок. 160-и км вдоль эгейского берега Фессалоники – самого крупного города Македонии.

Первая основанная Павлом в Европе Филиппийская церковь была ему особенно дорога и на протяжении всех последующих лет его связывали с ней особо близкие доверительные отношения, что видно из Послания к Филиппийцам, в к-ром, в частности, говорится о принятии им (единственный раз) от них денежной помощи (4,15/16).³⁵

Так, весной 52г. н.э. с основанных в год рождения Александра Великого = в год уничтожившего знаменитое святилище Артемиды пожара Эфеса македонских Филипп, где Филипп II замыслил осуществлённый впоследствии его сыном великий поход на Восток, началась, без малого, двухтысячелетняя на сегодняшний день (мета)история европейской христианской Церкви.

В ФЕССАЛОНИКАХ И ВЕРИИ

(весна/лето 52г.)

«Прошедши через Амфиоль и Аполонию, они пришли в Фессалонику, где была иудейская синагога.

Павел, по своему обыкновению, вошёл к ним и три субботы говорил с ними из Писаний,

Открывая и доказывая, что Христу надлежало воскреснуть из мёртвых, и что сей Христос есть Иисус, К-рого я проповедую вам.

И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из Еллинов, чтущих Бога, великое множество, так и из знатных женщин не мало.

Но неверовавшие Иудеи, возревновавши и взявши с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город и, приступивши к дому Иасона, домогались вывести их к народу.

Не нашедши же их, повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда,

³⁵ В 1-м Посл. к Фессалоникийцам сказано, что Апостолы пострадали и были поруганы в Филиппах (2,9), из чего нередко почему-то делается вывод о филиппийско-миссионерской неудаче Павла, но речь здесь явно идёт, во всяком случае, в первую очередь, о том же описанном в Д.Ап. инциденте с палками и заточением (хотя козни и препятствия явно строились миссионерам также с иудейской стороны). Если миссионерскую «неудачу» в Филиппах бесосновательно обсасывает «Lexikon zur Bibel», то Мертенс (436) не менее бесосновательно полагает Филиппы родиной делаемого им греком Евангелиста Луки.

А Иасон принял их; и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царём Иисуса.

И встревожили народ и городских начальников, слушавших это.

Но сии, получивши удостоверение от Иасона и прочих, отпустили их.

Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию, куда они прибывши, пошли в синагогу Иудейскую.

Здесь были благомысленнее Фессалоникских; они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так;

И многие из них уверовали, и из Еллинских почётных женщин и из мужчин не мало.

Но когда Фессалоникские Иудеи узнали, что и в Верии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народ.

Тогда братия тотчас отпустили Павла как будто идущего к морю; а Сила и Тимофей остались там.» (Д.Ап.17,1-14)

Амфиполь (*окружённый*) – город в восточной части Македонии, на границе с Фракией, расположенный между двумя рукавами пограничной р. Стримон (совр. Струма) в 25-и стадиях выше устья, с гаванью Энон. Название местности в древности – «Девять дорог». Ворота Фракии. Раннее заселение в свете дорожно-узлового местонахождения (Геродот 7,114; Фукидид 1,100; 4,102). Важное стратегическое значение. В проницаемые исторические времена тут первоначально обитало племя эдонов, к-рые уничтожили основанное в 497г. до н.э. Аристагором Милетским поселение (Фукидид 4,102).

Сходно и афинянам, распознавшим геостратегическую важность данной местности для региона, долго не удавалось заложить здесь, чтобы использовать удобную гавань и контролировать всю округу, колонию. 10 тыс. афинских колонистов постигла в 465/64гг. участь Аристагоровых милетцев. Лишь в 437г. Афинам удалось сломить сопротивление воинственных фракийцев, изгнать отсюда эдонов и заложить на месте пересечения дорог колониальное поселение, насельники к-рого, однако, были в основном набраны не из напуганных первым горьким опытом афинян, но из других греческих полисов.

То-то в 424г. они приняли сторону Спарты и закрыли свой город для Афин, пытавшихся его безуспешно вернуть. В 358г. Амфиполем завладел Филипп Македонский; со 168г. – римляне. При македонянах и римлянах, благодаря золотоносным и серебряным рудникам в окрестностях, плюс – обильной торговле, плюс – судостроению, началось процветание города. Кроме того, в округе выращивались виноград и оливы, производились пользовавшиеся большим спросом вино и оливковое масло (Диодор 12,68; Страбон 7,323; 331; Ливий 45,30). Население было смешанным. Из культов известны брауронская и тавропольская Артемида (Диодор 18,4). Римляне сделали Амфиполь центром дистрикта Macedonia prima и вольным городом (Плиний 4,38), к-рый окончательно пришёл в упадок в результате славянских нашествий VIв. и был безостаточно покинут жителями в VIIIв. Сегодня – греческая деревня Неохори в греческой Македонии.

Аполлония (*принадлежащая Аполлону*) – один из более чем 30-и в пределах Ойкумены городов с этим названием полис в Мигдонской области Македонии, находившийся как между устьями Стримона и Неста, так и между Амфиполем и Фессалоникой, на *via Egnatia* (Плиний 4,38; Птолемей 3,12,33). Возможно, был заселён выходцами из Халкидики, к-рым Пердикка II Македонский предоставил в 432г. до н.э. эту райскую местность среди сосновых, акациевых и каштановых рощ для поселения. Сегодня – Аполлония Поллино.

Как следует из рассказа Дееписателя, весной/летом 52г. Павел со спутниками, Силой и Тимофеем, прошли, держа путь из Филипп в Фессалонику, через оба

города, подробности чего (короткое пребывание) нам не сообщаются. Можно только строить догадки о том, что переживала душа Павла при виде белокаменных эллинско-языческих святилищ на фоне сине-синего неба и моря, к-рое, кстати, греки видели зелёным, или, скорее бирюзовым. С одной стороны, – повсюду упадок и сумерки старых богов, с другой, – неизбывная ностальгия человеческого чистосердечия по новой духовности, и повсеместно – благодатно тронутые эллинской культурой (в римской державной оправе) непочатые души потенциальных неопитов.

К тому же, надо учесть, что эллинизм, культура и таинства, источая всё обаяние декаданса (как ныне – романизм!), ещё переживут санкционированное Римом «греческое возрождение», при Адриане, и дотянут на стадиях распада и вырождения, по-прежнему, не лишённые привлекательности и очарования (очаровав, например, одним из последних Юлиана Отступника), аж до IV/Vвв.³⁶

Христианская проповедь находила в Европе благодатную почву, что особенно остро чувствовалось Павлом, кто, приведённый сюда, в греко-македонскую Европу, как мы помним, Святым Духом, естественно, не ошибался в выборе пути. И символично-симптоматично, что путь Павла со спутники пролегал именно по добротной римской, в Греции-Македонии, Эгнациевой дороге (Гн. Эгнаций – начавший её строительство преторский проконсул Македонии со 146г. до н.э.), к-рая (балканское продолжение Аппиевой дороги – *via Appia*), соединяя Диррахий (Иллирик) и Аполлонию на Адриатике с Фессалоникой на берегу Эгейского моря, более того, будучи при Августе продолжена до Кипселы в нижнем течении р. Гебр и доведена до предтечи Константинополя – Византия (в общей сложности, – более 800 км), строилась победоносными римлянами, с перерывами, поэтапно, на участке до Фессалоник, – в 145 – 120 – 44гг. до н.э.

* * *

Фессалоника (ныне Салоники) – важнейший македонский город-порт в Мигдони, основанный на берегу Фермейского (Салоникского) залива, на месте, согласно Страбону (фргм. 24), прежнего поселения Фермы (к-рое, правда, располагалось в 10-12-и км юго-восточнее, вглубь материка), получивший статус главного порта Македонии благодаря (диадоху) Кассандру (Страбон 7,330; фргм. 21; 24; Дионисий Гал. 1,49). Последний (убийца – 311г. – 12-летнего Александра IV и Роксаны Бактрийской) назвал этот город, созданный им – 316/15гг. – посредством синойкизма-слияния 26-и ближайших поселений (в частности, Фермы), именем своей жены – сводной (единокровной) сестры Александра Великого.

Сообразно преданию у Стефана Византийского (Етум. М. 447,33), она родилась в день битвы – 353г. – на Крокусовом поле, где македоняне, под началом Филиппа, и фессалийцы одержали победу над Фокидой, почему Филипп решил назвать новорождённую дочь Фессалоникой: (составное имя) от «Фессалия» и «Нике» (= победа в Фессалии). Для римлян – Фессалоникея; для славян – Солунь (откуда происходили создатели славянской письменности – Кирилл и Мефодий – IXв.); в эпоху господства османов (с XIV/XVвв.) – Селаник.

³⁶ А позднее, уже в Ср. века, во второй половине I-го тыс. н.э., произойдёт как своеобразная арабизация-интеллектуализация эллинизма, точнее, эллинистического наследия, в свете триумфального шествия арабского ислама в качестве одностороннего продолжения Ветхого Завета = религии Отца без Сына, так и романизация-догматизация церковного христианства (в ракурсе к-рого католический романизм будет до Реформации XVIв. в Европе опекунами дольет и над островным англиканством, и над континентальным германством). Плюс – благодаря греко-римскому наследию Европу II-го тыс. н.э. озарит ослепительный Ренессанс.

При македонянах царская резиденция сюда из Филипп и Пеллы не переносилась, но иногда македонские венценосцы избирали Фессалонику местом своего продолжительного временного пребывания: Антигон I – в 274г.; Филипп V – в 185 и 179гг. В 169г. приказ последнего поджечь местные судостроительные верфи, в связи с приближением римлян (Третья Македонская война – 172/71 – 68гг.), не был выполнен (Ливий 44,10). Тем не менее, Кв.Марций Филипп не смог взять хорошо укрепленный с суши и моря город и решил осадить Кассандрею, куда фессалоникийцы снарядили в помощь Филиппу вспомогательные отряды из фракийских галлов (Ливий 44,10). В 168г. обороной Фессалоники руководили Эвмен и Афинагор. Город сложил оружие, как и прочие сдавшиеся Эмилию Павлу македонские города, после победоносного для римлян сражения при Пидне – 168г. (Ливий 44,32; 45).

В разделённой на 4 части Македонии Фессалоника была центром второго региона – Macedonia secunda (Ливий 45,29,9; 30,4). Со 148 – 46гг., по подавлении мятежа авантюриста Андриска, – резиденция преторского наместника (проконсул) провинциализированной Римом Македонии. Начало периода расцвета объявленной римлянами свободным городом – Thessalonicae liberae condicionis (Плиний 4,36) – Фессалоники.

Изгнанный из Рима усилиями Клодия Цицерон, во время своей ссылки в Фессалонике, с мая по ноябрь 58г., пользовался гостеприимством квестора Гн.Планция, к-рого позднее защищал в адвокатской речи «pro Plancio». При проконсульстве Пизона Цезония (57 – 55гг.), воинственные фракийцы – дарданы, бессы и ден-телеты, атаковали Фессалонику, население к-рой оттянулось в местный Акрополь, были в итоге, произведя страшные опустошения, разбиты и изгнаны. В 49/48гг. фессалоникийцы приняли сторону Помпея (Дион 41,20); в 42г. сражались на стороне Антония и Октавиана, из-за чего Брут планировал отдать город на трёхдневное разграбление республиканскому воинству (Аппиан «Г.в.» 4,118; Плутарх «Брут» 46).

Из фессалоникских культов, помимо общегреческих, известно почитание Кабиров, причём одному из них, соответственно церковно-христианским источникам, приносились члеловеческие жертвы, что, честно говоря, вряд ли могло или не могло иметь место в I/IIвв. при римлянах (к-рые боролись с практикой человеческих жертвоприношений, как англичане в XIXв. с работарговлей³⁷).

На IV. н.э. это был, при державном верховенстве римского наместника, управлявшийся шестью политархами (к-рые выбирались сроком на год), второй по величине в регионе после Афин, город-космополит греческой культуры со смешанным населением в ок. 100 тыс. чел., известных как своими свободами, так и весьма вольной нравственностью. В городе имелась крупная еврейская община, и при ней немало прозелитов «врат» и «правды» из языческо-эллинистического населения.

И вот первое, что сделали, придя сюда, Павел со спутники, нашли еврейский квартал и синагогу, где Павел, кто повсюду сначала обращался к обрезанным иудеям, находя позже более отзывчивые обрезанные сердца среди полупрозелитов и язычников, проповедовал, сообразно Д.Ап., три субботы. Т.е. в седмичные дни священного синагогального собрания, когда он посредством Писаний открывал и доказывал слушателям, что Христос, Кого иудеи чаяли и ожидали, есть уже пришедший Иисус, что обетования и времена исполнились. А в остальное непроповед-

³⁷ Английские экономисты пришли к выводу, что вольнонаёмный труд гораздо продуктивнее рабского, по поводу чего создатели системы Гулага в СССР, в рамках продолжения дела «Великого Октября» (к-рый, согласно «самому человечному изо всех прошедших по земле людей» Ленину, навсегда покончил с эксплуатацией человека человеком), назвали такой подход выдумкой английских буржуазных экономистов. И предложили взамен систему государственно-гулаговского рабовладения для строительства социализма навстречу грядущему коммунизму. Результат известен, комментарии излишни!

ное время наши миссионеры, судя по 1-у Посл. к Фессалоникийцам (2,9), трудились в поте лица, добывая себе хлеб насущный, возможно, все трое по гражданской специальности Павла — делание-плетение палаток, чему он был обучен ещё в детстве-отрочестве в Тарсе Киликийском, и чем он будет заниматься позже — в ходе полторалетнего пребывания в Коринфе (52 — 54гг.).

Поначалу фессалоникское еврейство с готовностью предоставило слово учёному равви — выпускнику престижной фарисейской школы Гамалиила, к-рый, однако, говорил несколько, мягко выражаясь, странные для еврейского слуха слова о страдании Мессии-Христа и о Его Воскресении из мёртвых, со ссылками на древнезаветных пророков и пророчества. То-то от иудеев были лишь некоторые уверовавшие, тогда как из Еллинов, т.е. из богобоязненных язычников и полупрозелитов, их набралось «великое множество», плюс — немалое число знатных женщин.

Впрочем, иные горячие головы из числа и от имени большинства неуверовавших иудеев возревновали при виде успеха христианской проповеди и, привлеки некоторых городских язычников, яростно возмутились против Апостолов. Более того, они приступили к дому некоего Иасона, видимо, обратившегося иудея-еллиниста, где, надо понимать, Апостолы остановились (не случайно у тёзки добытчика *Золотого руна!*) в Фессалонике, и потребовали их выведения к народу = выдачи на расправу. А поскольку Павла, Силы и Тимофея на тот момент в доме не оказалось, к городскому начальству повлекли-поволокли Иасона и некоторых братьев.

К слову, обращает на себя внимание слово яростных иудейских обвинителей о «всесветных возмутителях», пришедших, дескать, и сюда, в Фессалонику, к ним. Иначе говоря, фессалоникским иудеям-ортодоксам известно об имеющей на лето 52г. н.э. место быть проповеди христианства и об обращении-крещении неопитов (из иудеев и язычников) в различных частях Азии и Африки (где на 52г. проповедуют не только Павел и его спутники, а и другие Апостолы — из числа 12-и и 70-и).

Примечательно заострение обвинения на т.н. царском титуле и т.н. царстве Иисуса, к-рое наверняка проповедовалось Павлом, но к-рое — *не от мира сего*, чего иудеи-ортодоксы не столько не поняли, сколько не захотели понять, решив задействовать это обвинение против Павла и его спутников, чтобы подсудно скомпрометировать их в глазах римской власти, точно так же, как в 33г. поступил, лукаво прессуя Пилата (и дожав его), Каиафа: «Иисус-де называл Себя Христом Царём, в то время как нет у нас, у законопослушных иудеев, царя, кроме кесаря, и посему, если не распнёшь его, мол, самозванного претендента на кесарское царство, значит, ты — не друг кесарю». Спекулятивное и заведомо ложное обвинение, поскольку Иисус не притязал быть царём земного царства, а римский кесарь, по крайней мере, в лице Тиберия (к к-рому фарисейски взывал саддукей Каиафа), не притязал быть Царём Небесным!

Так иудейским коноводам-обвинителям удалось встревожить город и городское начальство, но ход делу со стороны городских властей дан не был. Напротив, разумно удовлетворённые «удостоверением» (не включавшим ли в себя и денежный залог — кауцион?) приведённых к ним Иасона (видимо, уважаемого в городе гражданина) и прочих, либеральные фессалоникские власти, не найдя в их действиях состава преступления, отпустили задержанных.

Инцидент касался вопросов вероучения, и власть, толерантная к множеству верований, не клонув, отлично от (только внешне несгибаемого) паникёра Пилата (хотя Пилат оказался в ситуации много хуже), на искусственно противопоставленных кесарю и Риму Царя и Царство Иисуса (не Иисус ли сказал: «отдайте кесарю кесарево, а Богу Божие»), решила карательно-наказательно не вмешиваться. Сходно поступит в следующем 53г. в Коринфе, отказавшись разбирать конфликт между Павлом и коринфскими иудеями, проконсул Ахайи Юний Галлион (см. ниже).

Опречь того, верховная римская власть ещё не определилась в гос. отношении к христианству и вплоть до гонений при Нероне в 64г. (да и, во многом, позднее) не имела, несмотря на отдельные локально-нерегулярные противохристианские акты-акции, никакой позиции по собственно христианству, бывшему для неё ветвью иудаизма, или одной из иудейских сект (в суть учения к-рой она ни вдаваться, ни вникать не желала).

А пока фессалоникские братья, не мешкая, во избежание дальнейшей опасности от разъярённых иудеев, той же ночью отправили Павла и Силу (тогда как Тимофей, надо понимать, коротко задержался в Фессалонике)³⁸ в Верию (Бероя) – небольшой город на восточном склоне горного массива Вермион, в ок. 65-и км к северо-западу от Фессалоники и в ок. 40 км. от берега Эгейского моря. (Сегодняшняя Бероя в 80-и км западнее Салоник.) (Птолемей 3,12,36; Страбон 8,330 фрмг. 28).

Бероя – дочь Афродиты и Адониса – эпоним финикийско-ливанского Берита/Бейрута. Её руки и сердца добивались Посейдон и отступившийся, по слову-веле-нию Зевса, Дионис, после чего она вышла замуж за Посейдона. У Овидия Бероей зовут кормилицу Семелы («Мет.» 3,278), к-рой в облике Берои является Гера. У Вергилия фигурирует океанида Бероя – сестра Клио («Георгика» 4,341). Между тем, в «Энеиде» Бероя – жена спутника Энея Дорикла, в облике-образе к-рой Ирис уговаривает троянских женщин сжечь скитальческие суда и осесть на берегах Тибра (5,618).

Но согласно Стефану Византийскому, македонская Верия/Бероя называется либо по имени её основателя – (легендарного) царя Берона (Ферон), либо по имени дочери Бера – сына Македона (эпонима Македонии). Первое историческое упоминание – под 432г. – у Фукидида (1,61,4) – в связи с неудачной осадой Берои афинянами во время Пелопонесской войны. В 288/87гг. Деметрий потерял здесь трон в пользу Пирра Эпирского (Плутарх «Пирр» 11), воспитательницу к-рого, жену иллирийца Главка, царя тавлантов, тоже звали Верией (Юстин 17,3,19; Плутарх «Пирр» 3). После сражения при Пидне (168г.) Бероя первой из македонских городов сдалась римлянам (Ливий 44,45,2; 5) и вошла, по разделении страны, в состав III-го (центр – Пелла) региона (Ливий 45,29,9; Диодор 31,8,8). Зимой 49/48гг. – место зимних квартир помпеянской пехоты (Плутарх «Помпей» 64).

Город, на фоне белоснежного Олимпа вдали, к-рый был виден ещё из Филипп и к к-рому дальше наши христианские миссионеры подходили в пути своего следования всё ближе, экономически процветал с III-го и особенно со II/Ивв. до н.э., т.е. при римлянах. Большую часть его населения, в отличие от множества беспокойного торгового люда Фессалоники, составляли простосердечные ремесленные люди – вчерашние крестьяне, плотники и каменщики. В городе имелась иудейская община и синагога, куда Павел и Сила, прибыв сюда, пошли, и где иудеи оказались, по слову Деесписателя, «благомысленнее Фессалоникских», приняв «слово со всем усердием», более того, «ежедневно разбирая Писания», чтобы удостовериться, что всё сказанное Павлом и Силой относительно исполнения Писаний в свете Пришествия Христа-Мессии, К-рый есть Иисус, Распятый и Воскресший, – именно так.

Это «ежедневно» говорит о достаточном количестве дней, проведённых среди верийцев Павлом, Силой и присоединившимся к ним Тимофеем, в к-рые = во дни сии уверовали многие как из местных Иудеев, так и из Еллинов, следует понимать, – из прозелитов и язычников. Но иудейские противники Апостолов из Фессалоник, узнав об успехе проповеди, поспешили в Верию, – «возмушая и возбуждая народ».

³⁸ Из Фессалоники происходили два последующих сотрудника-спутника Павла – Секунд и Аристарх (Д.Ап.20,4); второй, по «Римскому мартирологу», – первый христианский епископ фессалоникской общины.

Посему местные братья тотчас отпустили Павла, поскольку главный зуб у фессалоникских ортодоксов вырос именно на него. Т.е. Павлу помогли покинуть город якобы в направлении моря с целью мнимого отъезда (дабы ввести в заблуждение его противников), тогда как в реальности он направился, сопровождаемый братьями (из верийских и фессалоникских неопитов), в Афины, а Сила и Тимофей до поры задержались в Верии. Таким образом, летом 52г. н.э. (не раньше и не позже) Ап. Павел пришёл в Афины.

ПАВЕЛ В АФИНАХ

(лето/осень 52г.)

«Сопровождавшие Павла проводили его до Афин и, получивши приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились.

В ожидании их в Афинах, Павел возмущился духом при виде этого города, полного идолов.

Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чужими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися.

Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: «что хочет сказать этот суеслов?», а другие: «кажется он проповедует о чужих божествах», потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение.

И, взявши его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою?

Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши; посему хотим знать, что это такое?

Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чём охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое.

И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! По всему вижу я, что вы как-бы особенно набожны;

Ибо проходя и осматривая ваши святыни, я нашёл и жертвенник, на к-ром написано: «неведомому Богу». Сего-то, К-рого вы, не зная, чтите, я проповедую вам:

Бог, сотворивший мир и всё, что в нём, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живёт

И не требует служения рук человеческих, как-бы имеющий в чём-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание и всё;

От одной крови он произвёл весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределённые времена и пределы их обитанию,

Дабы они искали Бога, не ощутят ли Его, и не найдут ли, хотя Он и не далеко от каждого из нас:

Ибо мы Им живём и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род».

Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого.

Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться;

Ибо Он назначил день, в к-рый будет праведно судить вселенную, посредством предопределённого Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мёртвых.

Услышавши о воскресении мёртвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время.

Итак Павел вышел из среды их.

Некоторые же мужи, приставши к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина именем Дамарь, и другие с ними.» (Д.Ап.17,15-34)

Афины — гл. город Аттики, окружённый горами и расположенный в 5-и км от моря и в 8-и км от порта Пирей. Город состоял из двух частей — собственно города и гавани. По преданию, первым легендарным царём Афин был Кекроп(с) — сын Геи (или Гефеста), при к-ром погиб Фазтон и случился Девкалионов (Всемирный) потоп. Изображался он в виде змея — с человеческой головой, руками, верхней частью торса и двумя змеиными (люциферическими) туловищами вместо нижней части торса и обеих ног. Именно он, носитель двух природ, построил Акрополь — 156-метровый холм, образывавший центральную часть Афин — местонахождение царской резиденции, первым установил брак между мужчиной и женщиной и приносил богам, до дарования ими людям (виноградного) вина, жертвенные возлияния водой, почему, согласно мнению некоторых, был посмертно помещён на небо в созвездие Водолея. Он же поселил-расселил жителей Аттики, до того разбросанных по полям, в 12-и городах.

Среди них — Элевсин — город со знаменитым святилищем мистериального культа Обеих богинь — Деметры и Персефоны, в 22-х км от Афин, связанный с ними священной дорогой, и с VIIв. до н.э. принадлежавший Афинам. Объединителем Аттики под властью Афин предание считает 11-го афинского царя Тесея — сына Эгея (или Посейдона) — одоителя Минотавра, жившего за поколение до Троянской войны, — т.е. в XIIIв. до н.э. (век аргонавтов и Золотого руна). Иные видят в Тесее исторического афинского царя-реформатора X/IXвв. до н.э. Т.е. под именем Тесей может скрываться не одно проявление не одного поколения и, соответственно, не одно места историческое и историческое лицо.

Между тем, ещё в доисторические, точнее, в метаисторические времена, при Кекропсе, произошёл спор Афины и Посейдона за покровительство над Аттикой, в к-ром Кекропс выступил судьёй. И если от удара Посейдоновым трезубцем по скале Акрополя, из неё забила ключом морская вода, то от удара по камню копьём Девы Афины из него выросло оливковое дерево, что больше поразило Кекропса, отдавшего Аттику под её покров и назвавшего свой царский город её именем. Зато с тех пор и по сей день у Афин проблема с недостатком пресной питьевой воды.

Помимо центральной Акрополя, в пределах города находилось ещё несколько холмов: Ареопаг (холм Ареса), Музейон (холм Муз), Пникс (с VI/Vвв. холм экклесии = народного собрания — первого в истории демократического органа власти) и холм Нимф. Первоначально Афинами управляли цари, а позднее власть перешла в руки землевладельческой аристократии — эвпатридов, из представителей к-рой с 683/82гг. ежегодно избирали высших должностных лиц — архонтов. Во второй половине VIIв. в городе разразился глубокий социальный кризис, вызванный конфликтом между аристократией и бедняками, что привело к безуспешной попытке установления тирании (для обуздания беспредела олигархов) в 632г. и к ещё большему ухудшению положения, из-за издания «писаных кровью» законов Драконта в 621/20гг.³⁹

В 594/93гг. Солон, с помощью реформ, временно урегулировал ситуацию. Однако, новое обострение позволило в 561/60гг. Писистрату, с опорой на крестьян из горных районов, всё-таки, установить (народную) тиранию, к-рая способствовала быстрому экономическому, политическому и культурному росту развернувшегося города. Последним из афинских тиранов был Гиппий, изгнанный в 510г., т.е. одновременно или почти одновременно с изгнанием (в ротационную архангельскую

³⁹ Первая кодификация афинского (аттического) права, осуществлённая архонтом Афин Драконтом. Запись обычаев в его «Законах Драконта» сопровождалась их отбором и пересмотром. Они содержат и уголовные законы, отличавшиеся крайней жестокостью: смертная казнь назначалась не только за кражу, поджог или умышленное убийство, но и за различные незначительные проступки. (Отсюда идиома — «драковские законы», или «драконовские меры».)

эпоху Михаила-Солнце) римлянами в 510/09гг. последнего римского царя Тарквиния Гордого.⁴⁰ В последующие годы демократизации города способствовали реформы Клизфена, к-рый создал 10 территориальных округов вместо 4-х родовых.

Так, установлением аристократическо-олигархической демократии завершался для Афин (и для Рима) судьбоносный в истории-метаистории человечества, судьбы к-рого пока решались на Востоке, VIв. до н.э.: век Заратоса-Заратустры; век конца эпохи Первого храма и Вавилонского пленения евреев: век Навуходоносора и создателя (сменившей семитический тоталитаризм лунарного Вавилона, к-рый уничтожил перед тем своего мартиально-лунарного близнеца – Ассирию) солярной Персидско-Ахеменидской мировой державы (крылатый диск солнца Ахеменидов) Кира Великого, кто позволил пленным иудеям вернуться в Землю Обета и восстановить храм; век Гаутамы Будды, век Лао Цзы, Конфуция, Пифагора.

Дальнейшим же своим величием Афины премного обязаны одному из отцов-основателей (вот уже 2,5 тыс лет являющейся образцом демократического устройства общества) афинской демократии Фемистоклу, благодаря к-рому маленькая Греция спасительно для мировой цивилизации устояла в борьбе с Персидским колоссом, и кто, после разрушения Афин – 480/79гг. – надругавшимся над греческими городами Ксерксом, великолепно отстроил город, окружив его стеной и связав Длинными стенами с Пиреем.

Позднее, ещё до римской эпохи и при римлянах, в новоотстроенных Фемистоклом Афинах (равных по окружности Риму, но занимавших лишь часть его площади) насчитывалось ок. 10 тыс. домов и до 180-и тыс. жителей. Причём красивыми – мраморными и каменными – сооружениями были в основном многочисленные храмы и общественные здания, в то время как дома жителей, особенно в западной части города, населённой бедняками, строились преимущественно из брусьев и необожжённого кирпича. В городе имелось итого 11 ворот, из них Вторые – Священные, откуда вела дорога в Элевсин; Четвёртые – Пирейские.

Почти в самом центре располагалась крутая известковая скала Акрополя, доступная лишь с запада, при площадке на её вершине – ок. 1км (запад – восток) в длину и ок. 500м в ширину – в наиболее широком месте. На нём стояло укрепление при (потомках атлантов!) пеласагах; потом – при Кекропсе и Эрехтее, или Эрихтонии, разница между к-рыми, если их раздваивать, в том, что Эрехтей считается предшественником Кекропса, а Эрихтоний – преемником, в то время как если их не раздваивать, то Эрехтей = Эрихтоний следует (после Амфикиона) за Кекропсом.

Рождённый Геей от пролитого на Землю семени Гефеста, он, воспитанник Афины, имел тело наполовину человека и наполовину змея – тот же люциферический мотив Кекропса. Афина передала его трём Кекроповым дочерям в ящике, запретив открывать этот чреватый непредсказуемыми последствиями ларь. Они, снедаемые любопытством, послушались, открыли (вкусив таким макаром от *древа познания*) и были умерщвлены змием; или в ужасе бросились с Акрополя и разбились; или бросились в море и утонули. Сделавшись афинским царём, Эрехтей-Эрихтоний первым впряг в колесницу 4-х лошадей и был за это посмертно превращён в созвездие Возничего.

Северную сторону Акрополя укрепили ещё пеласги, южную – Килон, западную – Перикл, построивший в 435 – 30гг. знаменитые Пропилеи, с прекрасной лестницей, ведшей от Акрополя к основанию скалы. На усеянной святилищами и ста-

⁴⁰ VIв. до н.э. – конец периода идущих из архангельской эпохи лунарного Гавриила (956-602гг.) т.н. *старших тираний*, к-рые, по-своему, продолжили, после олицетворяющих солярно-михаэлический пик Аристотеля и Александра, в посталександровскую пору диадохов, т.н. *младшие тирании* (предтечи цезаризма) – навстречу свинцовой эпохе и в эпоху (с середины IIIв. до н.э.) Орифиила-Сатурна.

туями акопольской площадке, между Эрехтеионом и Парфеноном, красовалась изваянная Фидием (465 – 55гг.) колоссальная бронзовая статуя Афины Промехос, в шлеме с гребнем, со щитом и копьём. Притом остриё копья и шлем были золотыми, и моряки, подходя-подплывая к Афинам, издали видели золото, блестящее на солнце, – иначе говоря, священная статуя служила своеобразным маяком.

Парфенон – храм Девы Афины – был построен Иктином и Калликратом из пентиликонского мрамора в 438г., при олицетворяющем «золотой (14-летний) век» афинской демократии Перикле. Состоял из пяти частей; в храме находилась 12-метровая статуя богини, сотворённая гением Фидия из золота и слоновой кости. На ладони правой руки она держала одетую в золотое платье Нику (слоновая кость). Храм простоял аж до 1687г., разрушенный во время обстрела корабельной артиллерией венецианцев в ходе их войны с тогдашними хозяевами Афин – османами. А к северу от Парфенона находился храм, посвящённый Афине Палладе, называвшийся по одному из его отделений, где цвела маслина Афины и бил солёный источник Посейдона, – Эрехтеионом. Здесь хранилось древнейшее изображение богини-покровительницы и почиталась могила Кекропса.

У южной стороны Акрополя стоял Одеон – круглое здание с крышей из мачт трюфельных персидских кораблей, предназначенное для состязания дифирамбических поэтов и рапсодов. К западу от Акрополя возвышался каменистый холм Ареса (с к-рого персы Ксеркса зажгли горящими стрелами Акрополь) – Ареопаг – местонахождение верховного судилища = Ареопага (афинский совет-синедрион), и храма Эриний, с могилой Эдипа. Суд, заседавший на Ареопаге, отправлял уголовное судопроизводство.

В 594г. Солон ввёл в его состав бывших архонтов. Членам Ареопага предписывалось быть гражданами Афин в третьем поколении с обеих – отцовской и материнской – сторон, отца и матери, владеть определённым достаточным состоянием, иметь знатное происхождение и выделяться доблестями. Ареопаг наблюдал за исполнением законов, мог привлекать к ответственности должностных лиц и протестовать против решений гос. совета или собиравшихся на Агоре народных собраний. По закону Эфиальта от 462г. до н.э., сохранил только права уголовного и арбитражного суда, равно неоспоримую компетенцию в вопросах религии и нравственности. В 130г. н.э., при эллинофиле Адриане, был (мумификаторски) восстановлен в правах как верховный правящий орган, но деятельность его (вариант зомби!) уже не имела большого значения.

На окраине города, в юго-западной части, располагался довольно крутой холм Муз – Мусейон, по имени погребённого там певца Мусея. С севера к нему примыкал Пникс – другое возвышение, откуда к народу обращался с речами Перикл, и где с IVв. одно время постоянно собиралось народное собрание, впервые собранное на Пниксе в 507г. до н.э. Между Акрополем, Ареопагом, Пниксом и Мусейоном, над городским районом Керамик, находилась украшенная множеством статуй Агора – рыночная площадь. Во времена Гомера – место народного, судебного или военного собрания свободных граждан. Позднее – площадь для проведения различных собраний, игравшая роль центра городской общественной жизни. По краям площади размещались общественные и культовые здания, плюс – торговые лавки. Афинская Агора приобрела свой характерный внешний облик, сохранявшийся и при римлянах, со дней Перикла (Vв. до н.э.).

Между Агорой и Пниксом стояли храмы Афродиты, Урании, Гефеста. На восток от Агоры, на южном склоне Акрополя, обретались храм Асклепия, стола Эвмена и главный театр, посвящённый Дионису, к к-рому примыкал Ленеи. Там праздновались Ленеи в честь Диониса. Также часть города к востоку от Агоры – местонахождение храма Зевса Олимпийского – Олимпион, строительство к-рого было

начато ещё Периклом, но завершено аж при Адриане, в новоотстроенном районе, названном во Пв. н.э. Адриановым городом.

Кроме того, у подножия Акрополя высился храм Сераписа, к западу от к-рого стояло святилище Диоскуров – Кастора и Полидевка. А далее на запад – Пещера источника – грот Аполлона и Пана, источник к-рого соединялся водопроводом с огромными водяными часами Андроника Кирреста – восьмигранное сооружение из мрамора (Хорологион). Между Пниксом и Мусейоном пролегал дорога к Пирейским воротам – местонахождение гимнасиона Гермеса, храмов Геракла Алексинака и Деметры.

В шести стадиях к северо-востоку от городской стены, северо-западнее бедняцкого района Керамика, нашли своё место Академия и окружённый прекрасными садами гимнасион, в к-ром учил Платон. Немного севернее – Гиппион Колонос – место рождения Софокла. За восточными Диомейскими воротами находился посвящённый Гермесу гимнасион Киносарг, в к-ром учился основатель школы киников Антисфен. К югу отсюда – месторасположение Ликейона – священной рощи и гимнасиона при храме Аполлона Ликейского, в комплекс к-рого входили парки и сады, где учил Аристотель.

* * *

Понятно, что выпускник фарисейской школы Гамалиила, апологет павлианского христианства Павел, к-рому на пути в Дамаск ослепительно открылся в солярном эфире Воскресший Христос Иисус, возмутился в Афинах «духом при виде этого города полного идолов», если учесть, вдобавок, что согласно Плинию, Афины насчитывали до 3-х тыс. различных изображений и статуй различных божеств.

И опять, как и повсюду, Апостол язычников направился сначала в афинскую синагогу, к иудеям и прозелитам, и параллельно ежедневно общался на рыночной площади – Агора, излюбленном месте собраний, споров и, в частности, философских дискуссий афинян, «со встречающимися» (17,17) там любознательными элементами из местных и пришлых, к-рые «ни в чём охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» (17,21).

Подробностей Дееписатель, на сей раз, не сообщает. Однако, надо думать, что диаспоральные иудеи Афин были в особенной мере эллинизированы и отличались особой степенью либерализма, как тогдашняя еврейская Диаспора по преимуществу, ставшая оплотом консерватизма после 70 – 135гг., когда храм и Иерусалим были разрушены. Т.е., когда, с одной стороны, храмовый культ и иудейский духовно-политический центр в Земле Обета погибли, и когда, со стороны другой, начался процесс безземельно-безгосударственного мирового рассеяния еврейства, что просто обязывало Диаспору к замкнутому равнинистическо-талмудическому консерватизму, к геттоизации-консолидации еврейства в Диаспоре ради выживания и самосохранения. Притом – ради выживания-самосохранения под ярмом Закона-Завета, дополнительно-самосохранительно скованного-законанного Талмудом, к-рый заменил постхрамовому еврейству Новый Завет, скрепив-заморозив «вечной мерзлотой» Закон-Завет Ветхий (лунарный иудаизм к-рого, с др. стороны, дал в Пв. н.э. одностороннее полумесячно-ветхозаветное продолжение Исламу и Талмуду мусульманства – Корану).

Тем временем, былые слава и значение Афин были в Пв. н.э. давно позади. Как бы освобождённый Римом от тирании подмявших Грецию в 338г. (выигранная Филиппом II битва при Херонее) македонян гл. город Аттики со 146г. считался свободным, оказавшись, вместе с тем, политически элиминированным, поскольку не составил центр римской провинции Ахайя, уступив в Пв. до н.э. первенство

(разрушенному в 146г. до н.э. Муммием Ахаиком и восстановленному при Цезаре) Коринфу – резиденция наместника, тогда как ойкуменической метрополией наук являлась (египетская) Александрия. И тем не менее, политически элиминированные Афины, продолжали, в силу своего бывшего блеска, сохранять исключительный, в т.ч., философский, ойкуменический статус.

И в I/II вв. здесь, в культурной колыбели греко-римской цивилизации, в атмосфере общего упадка и декаданса, можно сказать, декадентно процветали 4 школы: платоники (академики), аристотелики (перипатетики), стоики и эпикурейцы. Представители же последних двух не случайно упомянуты в Д.Ап.17,18 в качестве спорщиков с Павлом, к-рый, используя как весь свой эллинистический опыт Тарса, так и опыт предыдущего миссионерования среди язычников, проповедал-благовествовал, наверняка очень осторожно, с учётом множества нюансов, теперь язычникам афинским – «Иисуса и Воскресение».

Если Эпикур (342 – 270гг.), родом с Самоса, допускал человека свободно пользоваться разумными благами и учил благоразумному наслаждению жизнью, то основатель стоицизма Зенон (336 – 264гг.), родом из кипрского Киттиона, требовал, чтобы мудрец-стоик стремился к душевному равновесию-спокойствию = к апатическому бесстрастию и трудился над развитием в себе способностей отречения от внешних благ = аскеза. Оба, выступая с противоположных позиций, желали доставить человеческой душе свободу от житейских тревог, оба считали твёрдую преданность истине отрадой человека, источником нравственного мужества.

И при этом ни эпикурейцы, ни стоики не верили ни в бессмертие души, ни в воскресение из мёртвых – ни в пифагорейском, ни в иудейском, ни в христианском смысле-смыслах, полагая, сходно ново-новейшим рационал-материалистам и Н.Островскому с его героем Павлом (псевдо-апостол) Корчагиным, что «жизнь (без богов, но с сотворёнными себе кумирами типа Маркса и Ленина! – К.З.) даётся человеку только один раз и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».⁴¹ Сенека: «Смерть суждена всему, она – закон, а не кара». Короче, налицо обмирщённая светская философия эпохи духовно-душевной секуляризации духа (что не противоречит одновременно гипертрофированной склонности части деградирующего общества к самым мракобесным суевериям, напротив, обычно стимулирует таковую).

То-то Павла, не понимая, о чём, мол, он лопочет, упрекают в суесловии и в проповеди каких-то чужих божеств. «Суеслов» русского перевода в греческом тексте «спермологос» – букв. клеветель зёрен – в смысле сеятель (бесплодных) семян, компилятор, болтун, поверхностно-праздный смеситель (дешёвого коктейля из мудростей: философский упрёк в бессистемности и неясности мысли-мышления).

И потому Павел был взят (приглашён) и приведён (по его доброй воле – не под стражей и не на суд), дабы компетентно-арбитражно разобраться в вопросе проповедуемого им «неведомого Бога», с Агоры – на и в Ареопаг. Оттуда, на фоне

⁴¹ У А.Чехова, у к-рого Островский (ненавязчиво) «позаимствовал» эту мысль, (слегка революционизировав-большевизировав её, несколько иначе: «Жизнь даётся один раз и хочется прожить её бодро, осмысленно, красиво...» («Записки неизвестного человека»). Сегодня пресловутый голодно-расстрельный «героизм» Павки Корчагина (отречёмся от старого мира, /отряхнём его прах с наших ног) несколько не вдохновляет, а сам «герой» нескольких поколений советской молодёжи выглядит отнюдь не столько героем, сколько уродливым сплавом из (реализовавшегося благодаря Марксу с Лениным) «Овода» (прототип Артура – головорез Степняк-Кравчинский) Э.Войнич и достоевских Федьки Каторжного с Петрушей Верховенским, или булгаковских Шарикова со Швондером. Вспомним первый революционный «подвиг» юного П.Корчагина, (озорно) подсыпавшего махорку (благо – не подмешавшего, как это сделал бы зрелый профессиональный революционер, цианистый калий или крысиный яд) в тесто для пасхального кулича, чтобы досадить попадье!

сиятельного бирюзового моря, видны под синим-пресиним небом Эгина и Саламин. И именно там некогда объявлялись решения знаменитых Семи (греческих) мудрецов (VII/VIII вв.), к-рые и сами не ведали, что воспроизводят в гораздо более позднюю эпоху Семь Св. Риши I-й Пост-Атлантической Пра-Индийской культуры в истории-метаистории человечества, к-рая имела место за 7 – 5 тыс. лет до н.э. Кстати, и в павлианские дни ещё существовал афинский Совет мудрецов, где, правда, необратимо умерла или умирала великая давешняя мудрость.

И умирать она начала давно. Не пробовал ли в самом начале IV в. до н.э. величайший из мудрецов после Солона Сократ оправдаться перед афинским советом мудрецов, увы, не расслышавших в нём пробуждающуюся совесть человечества и протянувших ему (в наказание за предательство обнародованных мистерий) кубок цикуты. И ещё до времён Юлиана Отступника в IV в. н.э. в Элевсине продолжались языческие посвящения в тайны смерти и воскресения, таившие в себе последние отголоски древней мистериальной мудрости.

Не был ли Платон учеником Сократа, Аристотель – Платона, Александр Великий – Аристотеля. Деяние Александра в эпоху Михаила Архангела объединило и эллинизировало цивилизованный мир⁴², к-рый в эпоху Орифиила-Статурна подпал

⁴² Мы знаем, что михаэлит Александр Великий пошёл дальше своего учителя (старомихаэлита) Аристотеля, не считавшего возможным уравнение греков с какими-либо варварами, когда взял на вооружение, с ойкуменическо-державным разворотом, именно михаэлический глобализм, космополитизм, мультикультурализм, индивидуализм, универсализм. Не есть ли истинный соляриный михаэлизм – синтез и единство духовного, одухотворённый синкретизм, в рамках к-рого нет властвующих и подвластных народов, место к-рых занимают династии и персоны, тогда как власть исходит не от одной страны или народа. А народ больше не субъект, как в полисе, но объект общественного права. И актуальна-первостепенна не столько государственная, сколько общественная защита индивидуальности в условиях свободы духа и творчества, при приоритете суверенитета индивидов и товариществ, при максимальном делегировании государством своих компетенций-полномочий самоуправляющимся федерациям и ассоциациям. Согласно оставшемуся неосуществлённым александрино-михаэлическому идеалу, диадок – венценосец-посредник, гуманизм – корона властителя и индивидов, – обладателей-носителей духовно-этического суверенитета.

И пусть сам Александр подпал азиатской демонии, к-рая в Вавилоне поглотила его, ещё в пору первых диадочов варварами считались не народы, но бескультурные люди (остаточное воздействие истинного александринизма!), между тем как с началом деспотизации на пороге эпохи Сатурна и в собственно эпоху Орифиила-Сатурна (с ок. 250г. до н.э.), александринизм, пережив фараонизацию-диадохизацию, прежде всего, в-из птолемейского Египта и в-из селевкидской Сирии (где взошли первые саженьцы цеаризма), постепенно переродился-преобразился-выродился в предтечу цезаризма, в прото-цезаризм, возобладавший затем в сатурнальном Риме и из него над миром именно как классический цезаризм. Стартом же этого римского державно-ойкуменического цезаризма (вернее, одной из его ярких стартовых точек) можно назвать посещение и покорение Цезарем Египта в 48/47гг. – время начала фараонизации-диадохизации готового к тому цезарско-цезаристского Рима. К слову, если Птолемей Филадельф учредил культ династии ок. 270г. до н.э., то крайне интолерантно требовавший для себя безоглядных божественных почестей и насаждавший свой культ повсюду (полу-безумный) Антиох Эпифан (Эпиман) святотатственно осквернил в 167г. до н.э. Иерусалимский храм, попробовав заступить на место Бога Единого, что и вызвало героическое восстание Маккавеев на пути богоизбранного народа к единственно спасительной для человека и человечества Мистерии Голгофы.

И тем не менее, в распахнуто-развёрнутую солярную эпоху Михаила, что важно знать сегодня, важно знать нам, современникам-участникам новой михаэлической эпохи, всякий, вопреки её духу, вопреки духу михаэлизма, изоляционизм-локализм, всякая геттоизация, всякий узколобый национализм обречены на провал. Посему необходимо не отвергать и не отторгать, а изыскать возможности одухотворения ныне, увы, бездуховно атеистических глобализма, мультикультурализма, космополитизма, универсализма, уж не говоря о задавленном в пользу всяких коллективистских меньшинств свободном творческом индивидуализме (к-рый,

сменившим деградантные государства диадохов римлянам. И вот, при римлянах, в находившиеся в пределах гигантской Греко-Римской Ойкумены Афины пришёл с проповедью Иисуса Христа Апостол язычников Павел, чей дух возмутился не против греческой духовности, а против того, что она на середину Ив. н.э. собой представляла, против того, во что она выродилась и продолжила вырождаться.

Члены совета-судилища Ареопага – ареопагиты-мудрецы-синедристы – не понимают, что за новое учение проповедует Павел? что он влагает в их уши? Они, как бы кладезь мировой мудрости, кого ничем не удивить, достаточно ироничны, видя перед собой эллинизированного иудея и заведомо не веря, что он может открыть им нечто, по-настоящему, новое и интересное. Гордыня снедает (перемудрившихся) мудрецов, не ведающих, что они – псевдо-мудрецы, время к-рых безнадежно прошло-миновало.

И Павел тоже отвечает на их запрос не без доли иронии, говоря об их, афинян, «как-бы особенной набожности», в словах о к-рой, впрочем, значительная доля истины, ибо человечество, устав от мёртвых старых идолов, жаждет Бога Истинного. И афиняне тут не только не исключение, но сам статус великих соотечественников – Сократа, Платона, Аристотеля, обязывает их быть философски ревностными боюискателями. Сим Апостол напоминает им, в т.ч., об их исключительности и об их особенном, увы, на момент проповеди падшем достоинстве. Не случайно в 1-м Посл. к Коринфянам он замечает о правиле своего миссионерства – быть для язычников как бы язычником, чтобы и язычников приобрести для Евангелия (9,19-22).

* * *

Жертвенник «неведомому Богу» – «ἄγνωστος Θεός» – «AGNOOSTOS THEOS». До сих пор подобные алтари с сингулярным посвящением «неведомому Богу» в ед.ч. не обнаружены. Зато идентифицированы множество алтарей античной древности с посвящениями «неведомым божествам», например, и в Афинах, о чём сообщает Павсаний, или в Пергамоне, о чём свидетельствует археология (и в др. местах). Либо, к примеру, Иероним и Феофилакт Болгарский пишут об афинском жертвеннике с посвящением «чужим и неведомым богам Азии, Европы и Ливии (Африки)» на дороге к порту Палерон.

Но разве данный плюрализм отрицает возможность *singulari gratia*?! Не мог ли, скажем, установить жертвенник с посвящением именно «неведомому Богу» в ед.ч. языческий посвящённый Дионисий Ареопагит, т.е. член афинского Ареопага, к-рый летом 52г. н.э., в числе прочих, внимал Павлу в Ареопаге, (озарительно) вспоминая, что 3.04.33г. он сам, находясь в солярно-мистериальном египетском Гелиополе, пережил трёхчасовое затмение духовного Солнца над крестом Голгофы, под к-рым, т.е. под распятым на к-ром *Человеке*, была оккультная надпись: «Это незримо сошедший в сферу Земли и воплотившийся среди людей неведомый Бог».

Кто есть этот Бог? тогда (посвящённому в Элевсинские таинства) Дионисию (к-рый сам был посвящён Дионису) постичь не удалось, однако он вполне мог, возвратившись в Афины, установить здесь соответствующий жертвенник именно «неведомому Богу» и именно в ед.ч., суть чего делалась постижимой для него сейчас. Делалась постижимой по прошествии 19-и лет (лунный цикл), когда Павел держал речь в Ареопаге, с к-рой и началось обращение приставшего после речи к Павлу, от

вместе с тем, ни в коей мере, не есть эгоцентризм). Это правильные формы и направления духа эпохи, требующие их сознательного (в пору культуры Души сознательной) заполнения человеком, людьми соответствующим христосолярным содержанием.

кого он узнает точную дату крестной Мистерии Голгофы (в часы своего затменного гелиопольского переживания), Дионисия Ареопажита (Р.л. 784; 821; 1351-53; Т.Г. 1221-24) (см. ниже).

А пока Павел последовательно и просто раскрывает перед учёными ареопагитами сущность христианского вероучения, влагая в преимущественно глухие уши истину о Творце всего сущего – едином Боге неба и земли, к-рый не в рукотворённых храмах живёт. Не это ли Сам Иисус втолковывал в конце декабря 30г. н.э. самарянке у колодца («настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине»)! И не это ли в конце декабря 33г. возвещал перед своим мученичеством синедриону – именно этими словами о нерукотворённом храме – побитый после этого камнями Первомученик Стефан (6,48), каменованние к-рого одобрял фарисей Савл! и без мученичества к-рого у христианства не было бы Апостола Павла!

Да, Бог обитал в Иерусалимском храме, к-рый покинул в лице в последний раз посетившего этот храм Иисуса в Страстной вторник 31.03.33г. И ныне Он, воплотившийся в Человека, искупительно Распятого на кресте, низложенного в могилу Земли и в третий день Воскресшего, действительно, по свершении Таинства Голгофы, с Исполнением Времён, не в рукотворённых храмах живёт-обитает! Если Первый Адам из глины стал прахом, то Второй Адам = Адам Кадмон попрапал смертию смерть и воскрес в Жизнь Вечную, указав искупленному человеку и человечеству безальтернативный путь спасения во Христе.

«От одной крови» = от одного прародителя, от одной прародительской четы, а не от разных прародителей, как полагают язычники, произошло всё человечество.⁴³ Христос с креста объял всех, и у всех, независимо от еллина, иудея, римлянина, грека, раба, свободного, есть благодаря Христу Спасителю шанс на спасение. Христианство не делит людей по кровной, расовой, этнической, партийной и по прочим (им подобным) групповым признакам. Не есть ли всё сотворённое Богом человечество единое целое в силу происхождения от «одной крови»? Не является ли (строго запрещённая к употреблению в пищу) кровь ветхозаветным седалищем души (Лев.17,11;14)! И не есть ли кровь – носитель Я, носитель человеческой индивидуальности, чего требует Новый Завет, ибо новозаветная встреча со Христом есть прежде всего сретение человека со своим высшим Я!

Не предопределил ли Бог Промыслитель времена и пределы обитания человекoв! Не Бог ли творец метаистории, в то время как человекoи, ходящие под Богом, творят историю, и чем дальше, творят тем самостоятельнее, творят из свободы воли, почему предсказывать будущее становится всё труднее, т.к. человеческие индивидуальности всё активнее вмешиваются в ход истории. Ведь человек сам творец своей судьбы. Касаемо же времён и сроков, стоит вспомнить о духовно-научных эпохах и стадиях развития-эволюции человечества, о (зодиакально) Космическом (Мировом) годе и Космических (Мировых) месяцах, Неделях, Днях, Часах, о Втором – не Физическом, но Эфирном – Пришествии Христа, свершающемся, начавшем свершаться (в перспективе на долгие века) с XX-го в., в наши дни, когда всё больше людей (в составе и из состава не исчерпавших ещё постижение-переживание Первого Пришествия человекoв) переживают свой павлианский Дамаск. И ещё стоит вспомнить о том (вспоминание о будущем!) что, согласно Откровению Иоанна Богослова, человечеству (поэтапно-многoэтапно) предстоит в грядущем!

⁴³ Происхождение рода человеческого от одного прародителя неоднократно (в строго монотеистическом контексте) разнопланово-метафорически акцентируется раввинскими авторитетами. «Санхедрин»: «Человек был сотворён Богом в ед.ч., чтобы научить нас, что тот, кто уничтожает одну душу (персону), уничтожает целый мир, а тот, кто спасает одну душу, спасает целый мир» (4,5).

Не есть ли, в т.ч., времена и (хроно)сроки живое божественное творчество Бога Промыслителя!

Не есть ли богоискательство на пути совершенствования индивидуальности и общества высшая цель человека и человечества! Не Богом ли человек – и живёт, и движется, и дышит, и существует, откуда, т.е. из ветхозаветного восприятия-переживания Бога, перебрасывается закономерный мост к новозаветно-прохристианенной мысли Павла о том, что везде и во всём Христос!

Причём неспроста тут эллинистически образованным Павлом производится в проповеди перед элитными Еллинами ссылка на греческих стихотворцев, к-рые говорили: «мы Его и род». Об этом говорил ок. 300г. до н.э. в «Гимне Зевсу» ученик Зенона Киттионского стоик Клеанф; и, опять-таки, об этом стихотворчествовал в середине IIIв. до н.э., называя человекав родом Божиим, в астрономической поэме «Явления» («Феномены») Арат Киликийский. Если у Клеанфа Вселенная предстаёт одним большим живым существом, душа к-рого – Бог, а сердце – Солнце, то Арат, родом из (солярных) Сол, описал движение Солнца по эклиптике среди знаков Зодиака и связывал с Прецессией земной оси перемену видимости созвездий от эпохи к эпохе.

И в конце своей речи перед Ареопагом Павел, констатировав веление Бога человекув покаяться, прямо указывает на предопределённого Всевышним Мужа, удостоверение К-рого перед всеми – Его воскрешение Богом из мёртвых. Не Его ли посредством Бог будет праведно судить вселенную в назначенные сроки, чем охватываются грандиозные апокалиптические горизонты приложительно к Пространству и Времени (Времени Хронос и Времени Кайрос), чем охватываются сроки в ок. 26 тыс. земных лет (25 920) и много долее.

Неизвестно насколько и как глубоко Савл-Павел был в тайны-таинства законов метаисторическо-космической эволюции посвящён, однако, обратим внимание на подкованность-подготовленность высокообразованного (фарисейского посвящённого) Павла как применительно к переходящей-преобразившейся в христианскую фарисейской эзотерике, так и применительно к эллинистической культуре, с к-рой он познакомился и к к-рой приобщился в Тарсе Киликийском. Но, увы или не увы, его проповедь наткнулась на в основном глухие удержанные уши. Над воскресением мёртвых в век материализации духа, в век торжества рационал-материализма, как и над всем спиритуальным, обычно (в то же время страдая множеством суеверий) насмеваются. Не перед нашими ли глазами печальный недавний опыт XVIII – XXвв. н.э., к-рый продолжается и поныне – в веке XXI-м, хотя с концом Кали-Юги (1899г.) и с началом в первой половине XXв. Второго Пришествия Христа человечество (само того в подавляющем большинстве своём не ведая) прошло через глубочайшую точку падения, к-рая, слава Богу, (до сих пор) не стала точкой невозврата!

Большинство ареопагитов и прочих внимавших Павлу афинян ироничны: если одни насмеваются, то другие говорят: «об этом послушаем тебя в другое время». И всё-таки, деятельность Павла в Афинах летом 52г. н.э., ни в коем разе, нельзя назвать неудачной. Деесписатель молчит об учреждении афинской общины или о каких-либо крупных успехах, заканчивая своё афинское благовествование словом о некоторых уверовавших, приставших к Павлу и называя поимённо как великого христианского мистика – создателя мистической христианской теологии Дионисия Ареопагита, так и (его, как гласит предание, супружницу-спутницу) женщину именем Дамарь, плюс – других (безымянных-непоименованных) с ними.

Да и если бы даже достижением Павла в Афинах стал только обращённый-крещённый им Дионисий Ареопагит в ед.ч., и в сём случае нельзя было бы не сказать, что павлианская афинская миссия и миссионерство увенчались величайшим успехом!

ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ

Имя «Дионисий» означает – «посвящённый Дионису», и, м.б., оно не личное, но суть мистериальное имя-наименование того афинского аристократа, сына знатных родителей, к-рые, согласно преданию, отдали его ещё ребёнком в ученики-менестранты Элевсинских Мистерий, и к-рого принято называть, как члена афинского Ареопага во время проповеди Ап. Павла в Афинах, Дионисием Ареопагитом. И если верить слову предания о его мученичестве в самом конце правления Домициана (81 – 96гг.), в возрасте ок. 90 лет, то, значит, он родился ок. 6/7/8гг. н.э. К слову, за 8г. ратует слово из «Послания (Дионисия) Аполлофану», где сказано, что на момент Голгофы (33г. н.э.) ему, т.е. Дионисию, было 25 лет отроду.

В дальнейшем этот Дионисий отчасти слился-сомкнулся в церковно-христианской памяти со Святым Дионисием Парижским (Сен Дени), к-рый в реальности действовал в Галлии (в сопровождении пресвитера Рустика и епископа Элевтерия), куда он пришёл, сообразно Григорию Турскому (VIв.), во дни Деция (249 – 51гг.), и принял мученичество, по одной из версий, ок. 303г. (Диоклетиановы гонения). Притом последнее не препятствует Дионисию Ареопагиту (предваря Дионисия Парижского из III/IVвв. и Диноисия Малого из V/VIвв.), также (сродни Дионисию Парижскому) мученически кончить в Галлии ок. 96г.

Но если и точные даты, и точные места мученичества первых двух Дионисиев, строго говоря, под большим вопросом, то зато всемирно известны появившиеся, словно из ниоткуда, в первой четверти VIв. н.э. сочинения Дионисия Ареопагита – «Ареопагитики» = «Corpus Dionysiacum», к-рые включают труды «О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «Об именах Божиих», «О таинственном богословии» и 10 Посланий к различным лицам. При всём том, современные энциклопедии и монографии уверенно отказывают в их авторстве Дионисию из Д.Ап., не менее уверенно толкуя о закрепившемся в науке под именем Псевдо-Дионисий авторе-анониме, кто, мол, выдал себя, с целью глорифицировать свои писания, с целью придать им большую весомость-авторитетность, за Писания прямого апостольского ученика Дионисия Ареопагита не ранее V/VIвв.

В 7-м Послании (адресованном Поликарпу Смирнскому) Дионисий рассказывает, что в юности он отправился, в поисках (астрономической) мудрости, с другом, по имени Аполлофан, в Египет, и там, в древнем центре соляных Мистерий – Гелиополе (где некогда прошли через посвящение ветхозаветные Иосиф, Моисей и Иисус Навин, и где побывало Св.вифлеемское Семейство, бежавшее от Иродова избияния младенцев в Египет), пережил полнолунное, вопреки законам природы, затмение солнца (произошедшее – с полудня до трёх часов пополудни – в часы Таинства Голгофы). «Это или Бог, творец всего мира, страждет, или этот видимый мир кончается» – сказал тогда Дионисий. И он внял голосу Божественной Мудрости – Софии: «Взмотришь в сферу Земли», после чего созерцание земной сферы открыло ему распятого на римском кресте Бого-Человека. А под крестом была оккультная надпись: «Се незримо с(низ)ошедший в земную сферу и воплотившийся среди людей Неведомый Бог» (Р.л. 1351-53).

По возвращении из Египта, Дионисия избрали членом афинского (синедрионального) Ареопага и он, добавив от себя, установил (вполне мог установить) в родном городе жертвенник «Неведомому Богу», к-рый увидел и на к-рый сослался в речи перед Ареопагом Павел, от к-рого, в свою очередь, Дионисий, узнав историческую дату метаисторического События Голгофы – 3.04.33г., и сопоставив её со своим мистическим переживанием в египетском Гелиополе⁴⁴ (некоторые предания

⁴⁴ Освежим в памяти и дополним. Связанный с Таинством Феникса солянный Гелиополь (12 км с-в Каира), – один из, наряду с Мемфисом и Фивами, мистериальных древнееги-

предпочитают Гелиополь в Сирии), обратился (благодаря проповеди Павла) в Христову веру.

И вместе с ним обратилась, быв, как и он, крещена Павлом, афинянка Дамарь (*девушка; жена; возлюбленная супруга*), кто, как говорят, представляла в культовых таинствах девственную богиню Коре (рождение кем солярного Спасителя греко-египтяне праздновали в день 6.01. — день возрождения Осириса из воды и день рождения Гора-Гарпократа) и царственную спутницу увитого виноградной лозой архонта Диониса — прекрасную Ариадну (в ведении к-рой, напомним читателю, метахронология и хронология — как нить Ариадны в лабиринте истории-мета-истории).

А в позднейшей церковной традиции Дамарь — супружница-спутница Дионисия, ибо употреблённое Дееписателем греческое слово «женщина» (Д.Ап.) имеет двойное значение, могучи быть понято и как «женщина», и как (единовременно) «жена». Так понимали статус Дамари уже Амвросий Медиоланский, прямо называющий её Дионисиевой супругой (ихог), и Иоанн Златоуст, писавший, что в средоточии языческих суеверий, Афинах, Ап. Павел «обратил Дионисия Ареопажита с женой».⁴⁵

Итак, благодаря Павлу, в сочетании с собственными таинственным посвящением и личным гелиопольским опытом, (посвящённый Дионисию посвящённый Элевсинских и Гелиопольских мистерий) Дионисий постиг, что умерший на кресте, низложенный в могилу Земли и Воскресший к Жизни Вечной Христос Иисус есть искомый на протяжении тысячелетий греческими и мировыми Мистериями, точнее, их квинтэссенцией, духовный Регент Солнца! Есть носитель и олицетворение Светоносного Солнечного Логоса — таинственный мистериальный экстракт космической и земной эволюции, абсолютная середина вселенской летописи, Искупитель и Спаситель человека и человечества! Второй Адам — Адам Кадмон! Отсюда началось восхождение Дионисия к мистической христианской теологии, к постижению Небесной Иерархии, к именам Божиим, к таинству Девяти чинов Ангельских...

Далее, предание сообщает, что в течение 3-х лет Дионисий был сподвижником Павла в проповеди слова Божия, являясь одновременно его учеником и будучи затем поставлен им первым епископом Афин (Евсевий «И.ц.» 3,4,11; 4,23,3). В Д.Ап. больше нет упоминаний о Дионисии, чем, конечно, не отрицается его частичное сопутствование в период 52 — 54гг. Павлу. И, тем не менее, м.б., правильнее сделать упор на том, что Дионисий ок. 3-х лет был учеником Павла в Эфесе? где Павел проповедовал и учительствовал в 54 — 57гг. (см. ниже).

Важно, к тому же, учесть свидетельство преданий о посещении Дионисием Богородицы в Иерусалиме и о его, во второе посещение Иерусалима, как присутствии при Её Успении, так и участии, наряду с Апостолами, в Её погребении. Т.е. отсюда, во всяком случае, выводится, что на момент обращения-крещения Дионисия летом 52г. н.э. Богородица (Мария Старшая) была жива, хотя Ипполит Римский, Евсевий Кесарийский и Никифор Каллист относят Успение Марии на, соответственно, 43, 48 и 44гг. н.э., в то время как Епифаний Кипрский указывает в

петских центров, некоторые считали *колыбелью мира*, где боги вверили-передали людям власть над землёй. Был знаменит в качестве города бога Солнца Ра, к-рый здесь (часто изображаемый в образе скарабея) почитался как Горахт (*солнце восходящее*) и Атум (*солнце заходящее*). Через гелиопольское посвящение прошли Иосиф и Моисей. На гелиопольское жречество опирался в своей атонической реформации Аменхотеп Эхнатон. Для греков Гелиополь — центр египетской мудрости, к к-рой приобщились Солон, Пифагор, Геродот, Платон. Начиная с эпохи Птолемея — в упадке. Сюда в 1г. н.э. беженски прибыли, спасая годовалого Иисуса Соломонида от покушения Ирода, Иосиф и Мария Вифлеемляне (Р.л. 1098-1101) (см. выше).

⁴⁵ Не полярны ли парные Дионисий Ареопажит и Дамарь парным — Симону волхву и его спутнице Елене!

качестве Успенского 25-й год по Вознесении Господнем = 57/58гг. н.э. (см. ниже). В «Р.л.» (1341/42) мы приняли Успенскую хронодату Мелитона Сардского – 22-й год по Воскресении Христовом, к-рая даёт, при акцептации традиционного церковного дня Успения, – 15.08., август 54г. н.э. Иначе говоря, даёт дату, с к-рой апокрифические хроносведения о Дионисии Ареопагите (о его павлианско-афинском обращении в 52г.), нисколько ей не противореча, безусловно синхронизируются-согласуются.

И времени с лета 52-го по лето 54гг. вполне достаточно и для посещения Дионисием – учеником Павла в Эфесе (не ранее, чем) с осени 54г., Богородицы в Иерусалиме (53г.), и для его соучастия в погребении Марии (август 54г.), если, конечно, это посещение и особенно соучастие имели место, в т.ч., на физическом плане, т.е., если их принимать не только в пределах, пусть первичных, духовных дименсионов = мистериально-сакрально, но и материально-буквально (что сакре ничуть не претит, не перечит).

И весьма примечательно в данном контексте апокрифическое послание приезжавшего из Афин в Иерусалим, чтобы увидеть Богородицу, самого Дионисия своему учителю Ап. Павлу: «Свидетельствуюсь Богом, что кроме Самого Бога, нет ничего во вселенной, в такой мере исполненного Божественной силы и благодати. Никто из людей не может постигнуть своим умом то, что я видел. Исповедую перед Богом: когда я, Иоанном, сияющим среди Апостолов как солнце на небе, был приведён пред лицо Пресвятой Девы, я пережил невыразимое чувство. Предо мною заблестало какое-то Божественное сияние. Оно озарило мой дух. Я чувствовал благоухание неопикуемых ароматов и был полон такого восторга, что ни тело моё немощное, ни дух не могли перенести этих знамений и начатков вечного блаженства и Небесной славы. От Её благодати изнемогло моё сердце, изнемог мой дух. Если бы у меня не были в памяти твои наставления, я бы счёл Её истинным Богом. Нельзя себе и представить большего блаженства, чем то, к-рое я тогда ощутил».

В Посл. к Галатам (55г.) Павел единственный (канонический) раз упоминает не называемую по имени Марию, говоря, что, «когда пришла полнота времён, Бог послал Сына Своего (Единородного), К-рый родился от жены, подчинился закону, / Чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» (4,5/6). И именно (взошедший на Третье и Седьмое Небо) Павел, посвятивший Дионисия в 50-е и в 60-е гг. Ив. н.э. в глубины глубин христианской эзотерической мудрости, посвятил его, в частности, в тайны-таинства сопричастной Святому Духу, более того, в определённом смысле, тождественной Духу Святому = Третьей Ипостаси Троицы = неразрывно связанной с Пречистой Девой Вечной Женственности и Вечно Женственного в человеке и человечестве! И этим Дионисию довелось стать мистериально соприобщённым Павлом к «заповеданности истины всей!»

Предание повествует, что пребывая достаточно времени епископом в Афинах, Дионисий впоследствии отправился в Рим, проинформированный о римских узах Павла (с Петром), и то ли застал, то ли уже не застал своего учителя-посвятителя в Риме в живых. Здесь явно первые павлианские римские узы 61 – 63гг. накладываются на вторые – 66/67гг., и наоборот, в связи с чем мы можем предположить, что Павел и Дионисий встречались, (очень даже) могли встречаться-сообщаться в 60-е гг. – как во время Павлова пребывания в первых и вторых узах, так и в интервале между ними – 63 – 66гг. – период, в к-рый маршруты и пункты павлианских странствий, равно их хронопоследовательность, поддаются лишь гипотетической реконструкции.

Так или иначе, после мученичества Павла (67г.) предание снаряжает Дионисия Ареопагита в миссионерские странствия, приводя его (путаемого-совмещаемого, повторим, преданиями с Дионисием Парижским) напоследок в Галлию (или он

обретался в галльских широтах с конца 60-х гг. IV в.? временами странственно отлучаясь оттуда?), и, таким образом, до его мученичества в Галлии в конце правления Домициана (+ 96г.), возникает загадочная долголетняя хронолакуна.

* * *

Где ещё побывал и с кем встречался, по одному из преданий, много путешествовавший Дионисий Ареопагит? — неизвестно. Но именно он руководил заложенной, как полагают, самим Ап. Павлом христианской эзотерической школой в Афинах, плюс (присовокупим) её филиалами в Риме и (учреждённым им самим филиалом) в Галлии, в к-рой, как и в малоазийской Галатии, христианский спиритуальный Импульс встретился-соприкоснулся-сомкнулся с кельтской эзотерической традицией, и в итоге вобрал растворившуюся в христианстве позитивную квинтэссенцию Кельтики.

Дальше — больше. Не случайно дата мученического венца Дионисия — 96г. н.э., т.е. год Книги Книг = *Песни Песней* Нового Завета — Откровения Иоанна Богослова на о. Патмос (где любимый ученик Христа находился в ссылке в 95/96гг., и куда, на Патмос, ему адресовано последнее 10-е Послание Дионисия). И как таинник Дионисий олицетворяет вершину павлианско-новодионисианского (не без новоапеллонической составляющей) спиритуального христианства, так таинник (Лазарь) Иоанн есть носитель и апогей иоаннитско-новоапеллонического (не без новодионисианской составляющей) спиритуализма в христианстве.⁴⁶

Если посвящённого Дионису афинянина Дионисия основательно посвятили, в т.ч., в мистерии древнейшего Диониса Загрейского, сына Зевса и Персефоны, и (дошедшего до Аравии с Индией) юного Диониса, сына Зевса и земной Семелы (сестры Ино), то в христианстве ему открылась, в частности, Мудрость Семи Св. Риши: небесная, во всём её многообразии-великолепии, иерархия из трёх триад: Серафимы, Херувимы, Престолы; Господства, Силы, Власти; Начала, Архангелы, Ангелы.

И ещё пришедшему в таинственное христианство из таинственного эллинистического язычества Дионисию, превзошедшему своего прошедшего через фарисейское оккультное посвящение христианского учителя-посвятителя Павла, кого посвятил в христианство Сам явившийся ему в эфире Воскресший Христос, было открыто многое другое. И он, находясь (как бы) между фарисейским и христианским посвящённым Павлом и староизраэлитским таинственным посвящённым Иоанном, кто пришёл в таинственное христианство из таинственного древнееврейства и кого воскресил-новопосвятил Сам Христос до Голгофы, поднялся, о чём красноречиво свидетельствует его мистическое богословие, (иным *горизонтально-новодионисианским*, в отличие от *вертикально-новоапеллонического* Иоаннова, путём-путями, к-рые соединяются оккультной *диагональю*) до 9-го Неба! в то время как Павел достиг Неба 7-го, а Иоанн Богослов взойшёл на Небо 12-е!

Однако, заострим внимание на писаниях Дионисия Ареопагита, вынырнувших в ещё проникнутом Древним миром первом столетии Средних веков — в VI в. н.э. Дело в том, что внезапно став достоянием гласности (ок. 510г.?), Дионисиевы сочинения⁴⁷, их мистическая теология, равно их авторство, сразу подверглись ожес-

⁴⁶ Причём не столько над ними обоими, сколько особняком возвышается кармически и индивидуально выросший из первовоскрешённого Христом наинского Юноши — величайший христианский посвящённый — Мани-Парсифаль!

⁴⁷ Первым о них упоминает глава умеренных монофизитов — патриарх Север Антиохийский (512-18гг.).

точённым нападком и были поставлены под сомнение. Обвинения в ереси, в аполлинаризме и в монофизитстве, в неаутентичности еретического материала громко прозвучали на поместном Константинопольском соборе 532/33гг. За опровержение выдвинутых обвинений горячо взялся философски образованный неохалкидонит, епископ (ок. 536 – 48гг.) палестинского Скифополя (Десятиградие) – Иоанн Скифопольский (по прозвищу Схоласт).

В своих упреках соборные отцы упирали на крайнюю подозрительность столь позднего появления-проявления дионисианских манускриптов: мол, почему о них ничего не знают старые отцы и учителя церкви II – Vвв.? на основании молчания к-рых «Ареопагитики», дескать, не могут относиться к Веку Апостольскому и, стало быть, являются недавней подделкой. В защитном слове Иоанн Скифопольский сослался на свидетельство ближе неизвестного римского дьякона Петра о том, что появившиеся в VIв. манускрипты хранились (пока не пришло их время) среди священных книг римской библиотеки, т.е. в папском архиве. По утверждению Иоанна, с к-рым позднее были согласны Максим Конфессор, Иоанн Дамаскин и др., «Corpus Dionysiacum» глубоко аутентичен, ни в коем случае, не являясь подделкой.

Впрочем, позднее в подлинности «Ареопагитик» за авторством именно апостольского ученика Дионисия, к-рые оказали огромное влияние и на восточно- и на западнохристианскую теологию Средневековья, можно сказать, первоостребованные после Библии, никто не сомневался на протяжении 1000 лет⁴⁸, аж до XVв., когда эпикурействующий ренессансный гуманист Лоренцо Валла (1407 – 57гг.) первым подверг сомнению их аутентичность, выдвинув точку зрения о позднейшем анонимном авторе-подражателе, к-рая полностью возобладала в XIXв.

И с тех пор кого только не предлагали в авторы «Ареопагитик» (Дионисия Александрийского, Аполлинария Лаодикейского, Синесия Киренского, Петра Ивера, Петра Гнафеса, Севера Антиохийского, Иоанна Скифопольского...), составленных-де в III/IV/V/VIвв., поскольку они, мол, носят на себя печать знакомства с философией неоплатоника Прокла (+ 485г.), писаны греческим языком IV/V/VI-го, а не I-го вв., и т.д. и т.п.

* * *

Прислушаемся к Штайнеру: **«Учение о Божественной иерархии было впервые систематизировано учеником Ап. Павла Дионисием Ареопагитом. Оно было записано только в VIв. Поэтому учёные отвергают существование Дионисия Ареопагита и говорят о писаниях Псевдо-Дионисия... Хроника Акаша учит, что Дионисий Ареопагит, действительно, жил в Афинах. Будучи посвящён Ап. Павлом, он получил от него задание**

⁴⁸ В 827г. византийский император Михаил Косноязычный (820–29гг.) прислал греческий экземпляр «Ареопагитик» (известных на Западе с VIIв., когда Максим Исповедник привёз их в Рим) в дар сыну Карла Великого (768–814гг.) Людовику Благочестивому (814–40гг.). По велению Карла Лысого (+ 877г.), они были переведены (ранее переведённые составителем «Жития Дионисия» Гилдуином) на латынь Иоанном Скоттом Эриугеной (810–77гг.), притом переводчик настолько проникся ими, что они во многом определили его собственное учение, а через него оказали могучее влияние на всю средневековую мистику и схоластику: на Альберта Великого, на Фому Аквината и др. В VI/VIIвв. «Ареопагитики» были переведены на сирийский, в VIIIв. – на армянский и арабский языки, к IXв. – на коптский, в X/XIвв. – на грузинский. В 1371г. сербский инок Исаия закончил их полный перевод на славянский язык. По календарю Армянской церкви, (плавающий) памятный день Св. Дионисия Ареопагита, Тимофея и Тита – четверг (день Юпитера) после 5-го воскресенья от праздника Воздвижения Креста в середине сентября, т.е. в октябре.

создать учение о высших духовных иерархиях и изустно сообщить (передать) оно избранному посвящённому. Определённые высокие учения в то время никогда не записывались, но традировались изустно. Таким образом Дионисий передал учение о Божественном своим ученикам, а те, в свою очередь, передавали его дальше. Каждый последующий прямой ученик тоже звался именем Дионисий, так что последний из них, записавший учение о Божественном, был одним из ряда тех, кто носили имя Дионисий...»⁴⁹

В лекции от 7.03.1907г. сказано, что Дионисий особенным образом был учителем Мистерий Сына. Между Мистериями Отца и Святого Духа Мистерии Сына.⁵⁰ Во второй из посвящённых Ев. от Иоанна лекций от 19.05.1908г. говорится: «Эта христианская эзотерика всегда разрабатывалась наряду с внешней христианско-эзотерической доктриной. Я уже неоднократно указывал на то, что великий Апостол христианства, Павел, употреблял свой мощный и пламенный ораторский дар для обучения народов христианству, и что одновременно с этой деятельностью он основал эзотерическую школу, представителем к-рой был Дионисий Ареопagit, упоминаемый в Д.Ап. И в этой христианской эзотерической школе, основанной в Афинах самим Павлом, преподавалась чистейшая духовная наука...» (стр. 31).

«Экскурсы в область Ев. от Мк.». Ответы на вопросы по поводу лекции от 18.12.1910г. Вопрос о подлинности сочинений Дионисия. Ответ: «Сегодня вошло в обыкновение придавать большую важность тому, кто писал текст, чем его духовному зачинателю... Апостольский ученик Дионисий ничего не записывал, поскольку в то время это считалось легкомысленным. Но его последователи, к-рые по тогдашнему обыкновению также носили имя Дионисий, записали его учение, следуя надёжной традиции; так возникли т.н. сочинения Псевдо-Дионисия» (с.408/09).

Лекция от 15.04.1921г.: «Знания традировались изустно и передавались из поколения в поколение. Если они были записаны позднее, это вовсе не означает, что они неподлинны...»⁵¹

«Настоящий оккультист знает о существовании христианских школ посвящения, где обучались глубинной сущности христианства. Великая эзотерическо-христианская школа, основанная Ап. Павлом в Афинах, это школа Дионисия Ареопagitа. То, чему учили там, было постижением высших истин. Пока Павел проповедовал, его ученик в Афинах обучал эзотерике, и на протяжении веков носители этой эзотерической истины звались одним и тем же именем. Посвящённые учителя Афинской школы, просуществовавшей века, носили имя Дионисий. И тот, кто записал в VIв. труды Дионисия Ареопagitа, носил это имя».⁵²

Итак, письменно явившийся на свет из римско-папского архива в первой четверти VIв. (незадолго до закрытия отъявленным эзотериком Юстинианом в 529г. Платоновской академии в Афинах, последние языческие учителя к-рой нашли убежище при персидско-сасанидском дворе покровителя наук и ариманической академии Гондишапур — Хосрова I Ануширвана⁵³) «Корпус Ареопagitикум». Всё это происходило-произошло в годы, когда папским архивариусом был последний великий космополит Древнего мира, незаурядный богослов, специалист по хронологии, профессиональный канонист и компутист, автор-учредитель непреходящего христианского летоисчисления в 525г. и начавшей большой миротворный круг

⁴⁹ «Grundelemente der Esoterik», 8.10.1905, Berlin, GA 93a, S.97.

⁵⁰ «Die Adeptenschule der Vergangenheit. Die Mysterien des Geistes, des Sohnes und des Fathers», GA 97, S.122.

⁵¹ «Perspektiven der Menschheitsentwicklung», GA 204, S.254-57.

⁵² «Ursprungsimpulse der Geisteswissenschaft», 25.03.1907, GA 96.

(великий индиктион длиной в 532 года) христианской пасхалии в 532г., блестящий знаток (как) греческой (так и римско-латинской) культуры и языка – (монах? аббат?) Дионисий Малый (Р.л. 1346-70).⁵⁴

Он родился ок. 455 – 60гг., происходя, с большой долей вероятности, из северной Армении, пройдя (предположительно) основательную монастырскую школу сирийского Маббуга... и придя в Рим ок. 497г., при папе Анастасии (496 – 98гг.), т.е. в возрасте под или за 40 лет, побывав перед тем (вполне могучи побывать) и в Константинополе, и в Александрии (?), и в Малой Скифии (Р.л. 1346-70), и, главное, – в Афинах. Там он мог провести ок. 10-и или более лет и стать последним или одним из последних великих учителей вышепозиционированной афинско-христианской эзотерической школы. Не случайно его звали Дионисием и не случайно он сам себя смиренно назвал и называл Малым – *Exigus* (формула смирения: *меньшой брат*), скромно самоумалившись именно (или в первую очередь) перед Дионисием Великим (Ареопагит).

Ну и кто, спрашивается, записал в начале VIв. традировавшееся ранее изустно (в тайне) бессмертное слово Дионисия Ареопагита? кто позаботился о (так сказать) выходе этого таинственного (алхимического) богословствования из папского архива в свет? кто, в конце концов, есть тот, кого вчера и сегодня учёная братия упорно и с тупым постоянством, не понимая сути дела, кличет Псевдо-Дионисием и гадает на кофейной гуще, – какой, мол, из авторитетных церковных авторов V/VIвв. под ним скрывается? Разве не Дионисий Малый!? Разуейте глаза и отомкните уши!

Согласитесь, что в свете всего сказанного, если не заниматься ни поиском чёрной кошки в тёмной комнате, ни узколобыми, по поводу загадочных «Ареопагитик», рационал-материалистическими изысканиями-доводами-выкладками против авторства Дионисия Ареопагита в Iв. н.э. и за авторство Псевдо-Дионисия в V/VIвв. (или – или), то это вопрос даже не столько риторический, сколько попросту дилетантский, безграмотный и просто идиотский. Ибо тут требуется однозначно-недвусмысленно положительный ответ – и в пользу Дионисия Ареопагита, и в пользу Дионисия Малого, к-рые, как оказывается при внимательном рассмотрении-видении неударженными (протёртыми) глазами и слушании-слышании незаткнутыми (прочищенными) ушами, вовсе не взаимоисключают друг друга!

И ещё спрашивается (информация к размышлению): не продолжают ли Дионисий Ареопагит (Iв.), Дионисий Парижский (III/IVвв.), к кому восходит знаменитое аббатство Сен-Дени (усыпальница христианнейших королей Прекрасной Франии – Меровингов и Каролингов; парижский Элевсин), и (вполне заслуживающий того, исходя из масштабов и значения им содеянного, чтобы, сродни Дионисию Ареопагиту, быть названным нами Великим) Дионисий Малый (ок. 455/60 – ок. 540гг.) друг друга кармически?!⁵⁵

⁵³ Говорят, что олицетворяющему пик Сасанидско-Персидского Ирана Хосрову Ануширвану (531-79гг.) прислали из Индии, как загадку, новую диковинную игру – шахматы, тайну к-рой его гондিশапурские учёные разгадали (превратив эту игру затем в шахматы нынешние), тогда как отправленные Хосровом в качестве ответной загадки в Индию (придуманные в Гондিশапуре) нарды индийские мудрецы (самостоятельно) раскодировать не сумели.

⁵⁴ Юлианско-календарный день 9 октября – находящийся посреди благовещенско-рождественско-репатриального круга в пределах 2/1-1/2гг. до н.э. и н.э. (от апрельского Благовещения Ев. от Мф. – 2г. до н.э. – до апрельского возвращения Св. вифлеемского Семейства из Египта – 2г. н.э.) это (удивительным образом!) – как день зачатия Иоанна Крестителя – 1г. до н.э., так и поминальный день Св. Дионисия Ареопагита и Дионисия Парижского, и ещё это – (памятно-календарный) день учреждения Дионисием Малым христианского летоисчисления от Рождества Христова!

⁵⁵ Не прошли ли кармически и Пётр, и Павел, и Лазарь-Иоанн, и Мария Магдалина, во II/IIIвв. до н.э., в ок. 500-летний период, в т.ч., через спиритуальные (промежуточные) язы-

Штайнер: «...Самый же новый путь восхождения к мудрости — это путь розенкрейцеров. Этот путь обращает нас не в прошлое, но в будущее, к тем состояниям, к-рые человек будет вновь переживать. Розенкрейцерство учит при помощи определённых методов развивать из себя ту мудрость, что заложена в человеке. Этот путь был указан основоположником розенкрейцерского эзотерического движения, называемым во внешнем мире Кристианом Розенкройцем. Это не есть нехристианский путь, это путь христианский, лишь приспособленный к современным условиям и лежащий между собственно христианским путём и путём йоги. Отчасти он был подготовлен уже задолго до христианства и принял особую форму благодаря тому великому посвящённому, к-рый под именем Дионисия Ареопагита основал в эзотерической школе Ап. Павла в Афинах то обучение, из к-рого произошла вся последующая эзотерическая мудрость и обучение. Это два важнейших для Запада пути эзотерического ученичества. Всё, что связано с нашей культурой и жизнью, к-рую мы ведём и должны вести, всё это возвышается и возводится в принцип посвящения христианским и розенкрейцерским ученичеством...» («Теософия розенкройцеров», лек. от 6.06.1907г.)

Вспомним о том, что Кристиан Розенкройц суть карма Апостола Апостолов Иоанна Богослова (брата-близнеца Марии Магдалины), и приведём в заключение концовку текста 10-го Послания Дионисия Ареопагита (из Галлии?) на о. Патмос (95г.) ссыльному Иоанну, к-рому ещё только предстоит (Книга Книг в Книге Книг) апокалипсическое (весной 96г.) Откровение:

«Впрочем, справедливо обвиняя людей, обидевших тебя и через эту обиду мечтающих заградить солнце Евангелия, я прошу их прекратить зло, к-рое они делают самим себе, обратиться к добру, привлечь тебя к себе и сделаться причастниками света.

Меня же, напротив, ничего не лишит светлого луча Иоаннова: теперь я наслаждаюсь только припоминанием и возобновлением в мыслях истинного твоего богословия, а вскоре (скажу, хотя это и дерзновенно) сам соединюсь с тобою.

Верь моему посланному от Бога предсказанию, что ты будешь освобождён от патмосского заключения, возвратишься в Азию, совершишь там образцы подражания благому Богу и передашь их своим преемникам» (8-10).

Но это — Послание Дионисия и Откровение Иоанна — свершится спустя 43/44 года. Ныне же на дворе (уже) осень 52г. н.э., когда Лазарь-Иоанн обретается, эвентуально, на Кипре, тогда как Павел, проведя 2/3 насыщенных месяца в Афинах (куда к нему приходили Сила и Тимофей, снова отправленные им в Македонию), покидает Афины, скорее, морем, нежели сушей, в направлении Коринфа.

Если родившемуся в самом конце 1г. до н.э. Лазарю-Иоанну в 52г. н.э. шёл (как

ческие инкарнации? Не предвывает ли Исаию (Магдалина) вещая Кассандра (XIII/XIVв.) — синеокая дева — прекраснейшая из дочерей Приама! Не следует ли за (*авелитом*) Соломоном (Пётр), по велению к-рого был (Xв.) убит (*каинит*) Мастер Хирам, *авелит* Рэм, убитый *каинитом* Ромулом, м.б., в день 3.04.753г. до н.э. (накануне основания Рима 21.04.753г.)! (см. ниже). Не предшествует ли пророку (VII/VIIIв.) Иезекиилу (Лазарь-Иоанн) Мастер Хирам! Не предвывает ли (следуя за Саулом) пророка (VII/VIIIв.) Иеремию (Павел) сабинянин Тит Таций — соправитель Ромула в 752-47гг. и учредитель в Риме (748/47гг.) культов Януса, Квирина, Януса Квирина — эзотерический предтеча миротворного сакрализатора Рима Нумы Помпилия! Не преемствует ли Дионисий Ареопагит знаменитому Гесиоду (ок.700г. до н.э.) — первому (после т.н. полумифического Гомера) исторически достоверно установленному древнегреческому поэту, автору «Теогонии», к-рый, в свою очередь, предшествует пророку (VIв.) Даниилу — заключительному из Больших письменных библейских Пророков — илиитовелишаитов (Исаия, Иеремия, Иезекиил, Даниил, последующая новозаветно-великохристианская карма к-рых обусловлена цепочечной кармой ветхозаветно-иудейских и эксклюзивно-допророческой кармой языческо-ойкуменических посвящённых)!

и его сестре-близнецу Марии Магдалине) 52-й год отроду, а родившемуся в 3г. н.э. Павлу, посвятителю Дионисия Ареопагита, исполнилось 49 лет, то родившийся в 6/7/8гг. Дионисий был 44/45/46 лет отроду (между тем как родившемуся в 17г. н.э. Юноше из Наина исполнилось в 52г. 35 лет = 7 x 5).

АП. ПАВЕЛ В КОРИНФЕ

(осень 52 – весна 54гг.)

«После сего Павел, оставив Афины, пришёл в Коринф;

И, нашед некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтиянина, недавно пришедшего из Италии, и Прискиллу, жену его, – потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима, – пришёл к ним.

И, по одинаковости ремесла, остался у них и работал: ибо ремеслом их было делание палаток.

Во всякую же субботу он говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов.

А когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, то Павел понуждаем был духом свидетельствовать Иудеям, что Иисус есть Христос.

Но как они противились и злословили, то он, отряси одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на глазах ваших; я чист: отныне иду к язычникам.

И пошёл оттуда и пришёл к некоторому чтущему Бога именем Иусту, к-рого дом был подле синагоги.

Крисп же, начальник синагоги, уверовал в Господа со всем домом своим, и многие из Коринфян, слушая, уверовали и крестились.

Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай,

Ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла; потому что у Меня много людей в этом городе.» (Д.Ап.18,1-10)

Коринф располагался в 65-и км к юго-западу от Афин по суше, но, возможно, Павел добрался туда морем, отчалив из Пирея на судне, к-рое прошло между островами Саламин и Эгина и бросило якорь в порту Кенхреи – в 15-и км восточнее Коринфа – города с гаванями Лехей (Лехеи) – на западе (Коринфский залив – Ионическое море), и Кенхреи – на востоке (Саронический залив – Эгейское море). Сам город, к-рый отличало очень выгодное географическое местоположение между двумя морями (bimarís), лежал на Истме – перешейке длиной в 30 км, соединявшем Аттику с Пелопонесом. Причём прорыть Истмийский канал, чтобы не тащить суда волоком через перешеек и не огибать, теряя время, Пелопонес небезопасным морским путём с юга, намеревались и Цезарь, и начавший на нём работы Нерон (см. ниже), однако осуществлено это было лишь в 1881 – 93гг.

Мифы называют основателем города (первые поселения на месте к-рого датируются временем за 6 тыс. лет до н.э.) потомка солярного Гелиоса (либо Зевса) – Коринфа, или Океаниду Эфиру – второе наименование полиса в древности. Лингвистика же выводит название «Коринф» из догреческого пеласгийского языка. Б.м., во II тыс. до н.э. здесь находился один из городов Микенской цивилизации. Основателем коринфской царской династии считается Сизиф, в то время как при разделе Греции пришлыми дорийцами, Коринфию получил во владение правнук Геракла – Алет. Здесь находились два прекрасных источника – Лерне и Пирене, второй из к-рых, где Беллерофонт укротил строптивного Пегаса, бьёт из земли на высоте 1700м над уровнем моря. В Коринфе предводитель аргонавтов Ясон бросил безутешную мстительницу Медею (XIIIв.). Под предводительством Агамемнона коринфяне участвовали в Троянской войне (XIIв.).

Уже в VIII/VII вв. в этом конкурировавшем с Афинами и Фивами городе Эллады процветала торговля и ремёсла, в первую очередь, производство и экспорт черно-фигурной керамики (крупнейшие поставки) и изделий из бронзы. Коринф, со своей крепостью Акрокоринф, на скале высотой в 600м, наряду с Магнесией и Халкидой, составлял одну из твердынь Греции.

В 657г. до н.э. Кипсел сверг власть рода Бакхиадов, властвовавших над коринфянами с ок. 955г., и установил тиранию. Его преемником стал сын Периандр (ок. 627 – ок. 585гг.). При обоих этих тиранах, когда полис достиг значительных успехов в области внешней политики и благосостояния, коринфянами были основаны колонии – Сиракузы, Керкира, Потидея, Дуррес, Амбракия (Левкас), Анакторий (Акция). Кроме того, в видах увеличения торгового товарооборота с Египтом, Коринф в числе 9-и греческих городов участвовал в создании колонии Навкратиды в Египте, в правление свергнувшего ассирийское иго первого фараона последней (перед персидско-ахеменидским завоеванием страны-на-Ниле) собственно египетской XXVI-й Саисской династии – Псамметиха I (ок. 664 – 10гг.).

Названная позднее «золотым веком» Коринфа эпоха Кипселидов закончилась в VI в. правлениями Периандра, к-рого иногда причисляют к Семи мудрецам, и его племянника Псамметиха, названного так в честь египетского фараона-эллинофила. Правда, Геродот и Аристотель не благоволят к злому тирану Периандру, кого испортило общение с тираном Милета Фрасибулом, и кто в гневе убил как свою жену, так и многих выдающихся коринфян. А с др. стороны, он первым начал чеканить монету, покровительствовал искусствам, организовал территориальные филы вместо прежних родовых и первым предпринял попытку перекопать Коринфский перешеек.

Последнее не удалось, зато был модернизирован-усовершенствован Диолк – древний корабельный волок через Истм – посредством создания своего рода рельсовой дороги из каменных плит с желобками, по к-рой корабли перевозили на повозках, что позволило получать сказочные барыши и полностью отменить налоги в самом Коринфе. Вот по обеим сторонам волока и появились гавани: Кенхреи – в Сароническом; Лехеи – в Коринфском заливе.

Впрочем, проправивший 40 лет тиран скончался, пережив всех родных сыновей и дочерей, в одиночестве и печали, тогда как его племянник продержался у власти очень недолго. Коринфяне восстали против него, уничтожили тиранию, и вскоре, в 582г. до н.э., учредили Истмийские игры. В городе установилась власть республиканско-аристократического олигархата.⁵⁶ Политическое и торговое греко-региональное первенство перешло к Афинам.

В V в. Коринф принимал участие в решавших судьбы мировой цивилизации Греко-персидских войнах. 40 коринфских кораблей сражались при Саламине (480г. до н.э.); город выставил 5 тыс. гоплитов в битве при Платеях (479г.). Впоследствии сделался союзником Спарты в (поддерживаемой персами) борьбе против Афин: Пелопонесская война 431 – 04гг. Спротивлялся миру с Афинами, требуя их полного уничтожения. 392 – 86гг. – коринфско-аргивийское дуалистическое государство. С 344г. – новоколониальная Сицилии. 338г. – центр подопечного Филиппу Македонскому Коринфского союза греческих государств. Далее – преимущественно – под Македонией до провозглашения в 196г. Кв. Фламинином «свободы Греции».

⁵⁶ При этом, заостряем внимание снова, в VI/V/IV вв. повсеместно в Греции, кроме изоляционистско-консервативной Спарты, происходил дрейф в сторону демократии: характерный для солярной эпохи Михаила демонтаж лунарно-аристократического принципа в пользу демократического. Ср. отношения патрициев и оснащавшихся всё большими правами плебеев в Риме (к-рый, как и Афины, напомним, Республика с конца VI в.).

150г. — ухудшение отношений с Римом, участие в восстании Ахейского союза. 146г. — разрушение Муммием Ахайком и обезлюжение. 44г. до н.э. — основание Цезарем колонии *Laus Iulia Corinthus*, с множеством колонистов из Италии и др. мест.

В эллинистическую эпоху — экономический расцвет, бойкий товарооборот и посредничество в мировой торговле. В римскую эпоху (и в архангельскую эпоху Сатурна) — после разорения и векового упадка, с Августа — новое процветание, но уже не в прежней мере. Повторим, в 27г. до н.э. Август поручил Грецию, включая Эпир и Фессалию, управлению сената, под названием провинция Ахайя, с центром (резиденция наместника) в Коринфе. 15 — 44г. — под кесарем; с 44г. — снова в ведении сената, под начальством проконсулов преторского ранга.

Пёстрое разноэтническое население в полном смысле города-космополита-конгломерата Коринфа, города контрастов, острых социальных противоречий и множества декадентных культов, доходило до 300 тыс., из к-рых 2/3 составляли рабы. Коринфяне были известны своей приверженностью к роскоши и распущенностью нравов. Выражение «жить по-коринфски» вошло в поговорку как синоним жизни в пресыщенном распутстве. При храме Афродиты, на поприще импортированной сюда ещё в пору мореплавательной доминанты финикийцев, святилищной проституции, в розовых садках с комфортными котеджами, трудились, обслуживая клиентов, 1000 жриц любви, к-рых Пиндар назвал «гостеприимными девами и служительницами соблазна в богатом Коринфе» (см. Страбон 8,378; Гораций «Письма» 1,17,36; А.Геллий 1,8).

Да и по числу восточных культов, массово хлынувших в Грецию после похода Александра, Коринф (в пору проникнутого декадансом уже сатурнального переэваривания михаэлических космополитизации-универсализации) переплюнул все прочие греческие города. Храм Изиды — в Кенхреях, плюс — два храма с дубравами на дороге к местному Акрополю, храм Кибелы, два храма Сераписа, алтарь финикийского Мелькарта (Геракл) (Павсаний 2,1,2). По дороге из Коринфа в Кенхреи можно было увидеть роскошную гробницу знаменитой гетеры Лаис; близ храма Афродиты находилась гробница Диогена (Павсаний 2,2,4). На северной городской окраине располагалось окружённое соснами святилище Асклепия. О степени отягощённости коринфян различными пороками свидетельствуют также Послания к членам коринфской общины Ап. Павла (1,6,9 — 11,18).

В XXв. американские археологи вскрыли древний Коринф, к-рый лежал на двух террасах у подножия скального холма Акрокоринф. Из-за тотального разрушения города Муммием Ахайком, в нём обнаружено мало остатков архитектурных памятников классического эллинистического периода. Один из них — руины храма Аполлона конца VIв. до н.э.; другой — старая рыночная площадь (Агора) — 65 x 160м, откуда начиналась дорога на Лехаин, с двухсторонней колоннадой. Были найдены также Одеон времени Траяна — ок. 100г. н.э.; храм Аполлона, римские термы и театр на 15 тыс. мест времени благотворительствовавшего, в частности, Коринфу, в рамках присущего ему гипертрофированного эллинофильства, Адриана. Более того, нашлись руины здания суда с остатками каменного судейского кресла наместника, обломок ворот с надписью «синагога евреев» и обломок каменной таблички, на к-ром различимо имя «Ераст» (см. ниже).

Ранее мы упомянули об Акиле и Прискилле, вынужденных покинуть Рим, поскольку, о чём читателю уже известно, в 50г. Клавдий повелел всем Иудеям, «постоянно волнуемым Хрестом» (Светоний; Орозий), удалиться из города (см. выше). И вот на сентябрь 52г., когда Павел прибыл из Афин в Коринф, двое из римско-иудейских изгнанников, муж и жена, Акила и Прискилла, находятся, с недавнего, как оговаривает Дееписатель, времени, т.е. оптимально с 50/51гг., в Коринфе. Притом Павел знает, идя в Коринф, об их местопребывании там и приходит именно к ним = находит крышу над головой (место побывки) именно у них. Стало быть, их рекомендовали Павлу, либо – через Силу и Тимофея, либо – напрямую, филиппийские, фессалоникские, или афинские братья.

Так или иначе, он нашёл у супругов пристанище как у доверенных странно-приимных единоверцев. И заметим, что Лк. ничего не говорит об обращении-крещении Акилы и Прискиллы Павлом, к-рый пришёл к ним, как к уже, на момент его прихода, христианам. Следовательно, они обратились-крестились либо ещё в Риме, либо, по оставлении Италии, в Греции. И хотя в Д.Ап. сказано об изгнательном в отношении иудеев велении Клавдия, из контекста и текста, по всему, выводится, что Акила и Прискилла приобщились к христианству до прибытия в Грецию – в Риме/Италии.

И сим дополнительно подтверждается, что «волнуемые в Риме Хрестом» иудеи были волнуемы, пусть актуальным для иудеев исполнением времён = мессианистических чаяний вообще, но прежде всего Событием Голгофы, горячо споря о том, был ли Иисус (из Назарета) Христом? или ожидать им другого? Клавдий же, не вникнув (сродни Светонию) в суть спора, изгнал римско-иудейскую диаспору (всю ли?) скопом, в результате чего интересующие нас супруги (по меньшей мере, не чуждые христианству полунеофиты на момент изгнания) вскоре оказались в Коринфе.

Акила (*орёл*) – диаспоральный иудей родом из Понта – из провинции Вифиния и Понт, или, что менее вероятно, из подвассального Риму Понтийского царства (южный берег Чёрного моря). Были ли он с женой урождёнными иудеями-еллинистами? или понтийскими прозелитами? – неизвестно. За второй вариант ратуют их имена, ибо, если имя Ак(в)ила есть греческая передача латинского когномена «орёл», то Присцилла-Прискилла – уменьшительная форма от имени Приска – означает (лат.) – «старинная», «почтенная» (Тарквиний Приск = Тарквиний Древний).

И не симптоматично ли появление этой супружеской четы христиан вслед за другой парой – Дионисий Ареопагит и Дамарь, к-рые (супруги?) суть неофиты из язычников. Причём Акила и Прискилла, называемые всегда (в Д.Ап. и в Посланиях Павла) в паре, сделались в восприятии христиан благочестивым единством, к тому же, в некоторых случаях (в западных текстах – в 4-х местах-случаях из 6-и) их наименования (Д.Ап.18,1-3; 21; 26; 1Кор.16,19; Рим.16,3; 2Тим.4,19;)⁵⁷ Прискилла фигурирует первой (к вопросу о приоритете *вечной женственности* и *вечно женственного* в новозаветном христианстве!).

⁵⁷ Весной 54г. они проводят Павла до Эфеса и останутся там (см. ниже). В 54-57гг. – время пребывания Павла в Эфесе (см. ниже), он сам будет жить, а община – собираться, в их доме. Затем они вернутся в Рим, где Павел (пишучи из Коринфа, в к-ром он провёл зиму 57/58гг.) приветствует их, самоотверженных сотрудников («к-рые голову свою полагали за мою душу, к-рых не я один благодарю, но и все церкви из язычников»), в Посл. к Римлянам в начале 58г. (указ Клавдия об изгнании иудеев из Рима был отменён при раннем Нероне – 54/55гг.). А впоследствии, в 60-е гг., Акила и Прискилла – снова в Эфесе (о чём свидетельствует 2-е Павлово Посл. к Тимофею от 66г.).

Ремесло Акилы – делатель палаток, что, т.е. владение каким-либо ремеслом, в видах возможности добыть себе хлеб насущный, приложительно к Павлу (наученному этому ремеслу в детстве-отрочестве в Киликии), было обычным для странствующих и оседлых учителей-равви занятием. Наставленные учить и проповедовать бескорыстно, они, как правило, владели, обученные оному с детства, определённым, в качестве гражданской профессии, ремеслом (или ремёслами), чтобы (совмещая физический труд с духовно-интеллектуальным, т.е. полезное с приятным) иметь возможность прокормить себя и свои семьи. Так Павел трудился в одинаковом с Акилой ремесле, квартируя у супругов в Коринфе, и во всякую субботу – «говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов» = иудеев и прозелитов («врат» и «правды»).

И тут необходимо обратить внимание на важный нюанс. Согласно Деяниям, – «когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, то Павел понуждаем был духом свидетельствовать Иудеям, что Иисус есть Христос». Иначе говоря, до их прихода он вёл себя осторожнее, входя в доверие к объединённой вокруг (одной ли?) синагоги коринфской диаспоре и подготавливая почву для дальнейшей основной проповеди Иисуса как Христа. Ведь в Диаспоре не утихали споры как по поводу мессианистических сроков, так и, в частности, относительно (акцентируем вновь, не прошедшего для иудеев незамеченным) События Голгофы.

Кроме того, по всей вероятности, Сила и Тимофей пришли с благой вестью из Македонии, куда (Фессалоника, Верия, Филиппы) Апостол язычников сам направил их из Афин, что вдохновило Павла, м.б., павшего духом после не имевшей особого успеха проповеди в Афинах (хотя обращение там одного Дионисия Ареопагита стоило обращений множества неофитов) и занявшего выжидательную позицию перед лицом специфики коринфской диаспоры внутри многопорочного языческого города.

Впрочем, опасения были не напрасными. Павлианское свидетельство о мессианстве Распятого и Воскресшего Иисуса вызвало резкое противление и злословие со стороны большинства синагогально-коринфских иудеев, к к-рым Павел вновь обратился как к *первым* (перед язычниками). И снова, как и в Антиохии Писидийской, когда ему и Варнаве пришлось, будучи отвергнутыми иудеями, идти к язычникам, он, отринутый единоплемениками, отряс одежды свои и сказал им (кому первыми надлежало услышать и принять Евангелие): «отныне иду к язычникам».

Видит Бог, этот еврей евреев (из колена Вениаминова) повсеместно сперва обращается к евреям, давая им шанс по максимуму, и лишь исчерпав еврейский ресурс (из-за законопаченных ушей) пререключается на язычников, ни в коем случае, не сжигая, однако, мосты к еврейству, не отрекаясь от своего еврейства и не закрывая перед евреями (без к-рых христианство пока немислимо) врата к спасению.

Перебравшись на местожительство от Акилы и Прискиллы в дом некоего (христианина из прозелитов) Иуста (*праведный*) подле синагоги, Павел (продолжая подвизаться в ремесле делания палаток в артели Акилы) начал проповедывать язычникам, не забывая, повторим, об иудеях. Последние же ещё больше вознегодовали, когда, со всем своим домом, обратился и крестился начальник синагоги Крисп (*кудрявый*), бывший, по всей видимости, из первенствовавших в синагогах (Палестины и Диаспоры) фарисеев.

А на место Криспа заступил противохристиански настроенный ортодокс Сосфен.

Короче, конфликт нарастал и ситуация накалилась до такой степени, что над Павлом сгустились тучи, в каковых условиях Господь в видении ночью укрепил его: «не бойся, но говори и не умолкай...». Всё делалось правильно: и избранный для основательного миссионирования самый порочный в Греции город, поскольку

нужду во враче имеют, в первую очередь, наиболее недужные; и перенос центра тяжести в миссионерской деятельности Апостола на язычников; и крещение прозревших иудеев. Посему своевременное видение и ободряющее слово Господне стали прямым благословением и добром укрепленному в духе Павлу на продолжение его проповедническо-крещенской деятельности свыше.

И затем Деяписатель констатирует-прецизирует сроки (продолжительность) длительного пребывания Павла в Коринфе: в общей сложности, — год и шесть месяцев, к-рые мы можем уверенно идентифицировать как время с сентябрьской осени 52-го по мартовскую весну 54гг. н.э. Не раньше и не позже!

КОНФЛИКТ МЕЖДУ КОРИНФСКИМИ ИУДЕЯМИ И ПАВЛОМ В ПРОКОНСУЛЬСТВО (52/53 гг.) ГАЛЛИОНА

(весна 53г.)

«И он оставался там год и шесть месяцев, поучая их слову Божию.

Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали Иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище,

Говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону.

Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал Иудеям: Иудеи! Если бы какая-нибудь была обида, или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас;

Но когда идёт спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами: я не хочу быть судьёю в этом.

И прогнал их от судилища.

А все Еллины, схвативши Сосфена, начальника синагоги, били его пред судилищем; и Галлион ни мало не беспокоился о том.» (Д.Ап.18,11-17)

Итак, время конфликта между Павлом и коринфскими иудеями падает на проконсульство Галлиона (*питающийся молоком*) в Ахайе, к-рое считается в науке фикс-пунктом, позволяющим определить-установить время пребывания Павла в Коринфе, относимое большинством энциклопедий, лексиконов, учёных умов XX/XXI-го вв. на 50/51/52гг., тогда как мы датируем павлианско-коринфский период, как сказано, 52 — 54-м гг., Галлионово наместничество — 52/53-м гг., а конфликт, в судебском разбирательстве к-рого Галлионом был дан иудеям от ворот поворот, — весной 53г. н.э.

Хотя обычно-годовичное проконсульство в сенатской провинции, на сей раз, Галлиона (предшественник и преемник к-рого неизвестны) вполне могло быть пролонгированным-пророгированным, что иногда (не так уж редко) делалось (применительно именно к сенатским провинциям, в то время как более долгая продолжительность легатур в провинциях кесарских была целиком в компетенции = на усмотрении кесаря), и, стало быть, (теоретически) могло продолжаться с 51 по 53/54, или с 52 по 54/55гг.

Этот Л.Юний Галлион звался с рождения, являясь старшим сыном Сенеки Старшего, Л.Анней Новат, и родился ок. или после 5/4гг. до н.э., между тем как (философ и воспитатель Нерона) Сенека Младший (средний из трёх сыновей ретора и историка Сенеки Старшего) родился не столько ок. 4г. до н.э. (мнение большинства учёных), сколько на рубеже эр, — в 1/1гг. (см. ниже), а самым младшим из трёх братьев был Л.Анней Мела (отец Лукана), родившийся, видимо, не позднее 4/5гг. н.э.

Вместе с тем, Анней Новат сделался Юнием Галлионом по усыновлению, адоптированный-усыновлённый другом Сенеки Ст. (и Овидия) ретором Л.Юнием Галлионом, кто немного знаком нам (Т.Г. 1000-02) по своей не менее льстивой, чем глупой инициативе 32-го г. в сенате насчёт привилегий преторианцев, угрожающе Тиберием, до того покровительствовавшим Галлиону, (с Капри) похеренной. Ибо преторианцы, включая их льготы, — полностью в ведении кесаря, а никак не сенаторов (и не смей, независимо от побуждений, даже думать иначе!)

Засим подпавший (за глупую и, как оказалось, небезопасную лезть) опале ок. 65-летний Галлион был изгнан из сената и сослан на Лесбос, но потом возвращён оттуда, чтобы жизнь на курортном Лесбосе не казалась ему малиной, и взят под стражу в Риме, где он ненадолго пережил Тиберия. Умерев ли подстражно? или, скорее, освобождённый Калигулой (при к-ром ок. 39г. умер в возрасте за 95 лет Сенека Старший)? — неясно. Лстыть тиранам (в т.ч., ратуя за их гвардейцев) надо с умом (и умением), не подставляясь.

Во всяком случае, вероятно, из-за опалы приёмного отца, кого Квинтилиан для различения с сыном называет *pater Gallio* (9,1,21; 9,2,91), Галлион Аннеан не облёк консульство при Тиберии, да и при Калигуле, да и при раннем Клавдии, когда с 41 по 48/49гг. его мл. родной брат — Сенека Мл. — находился (интригой Мессалины) в корсиканской ссылке, вызволенный оттуда Агриппиной и произведённый в наставники Нерона. Вот с каковых пор Галлиону выпало подружиться с Клавдием и запоздало навёрстывать упущенное-пропущенное, побывав преторским проконсулом Ахайи в первой половине 50-х гг. Ив., с дальнейшим (великовозрастным) облечением консульства-суф. уже при Нероне, в 56г., вслед за суффектно отконсульствовавшим в 55г. Сенекой.

Последний посвятително адресовал старшему брату ряд произведений (*Dial.* 3-5; 7). Галлион же, по смерти Клавдия, забыл о дружбе с прежним кесарем и принялся, в угоду новому кесарю — Нерону, выступив герольдом его кифаредства, изощряться в издёвках над Клавдием (*Дион* 60,35; 61,20). Согласно Плинию (31,62), ок. 58г., по облечении консульства, он, страдая каким-то недужным кровотечением, предпринял поездку в Египет.

Впрочем, ни один из трёх сыновей Сенеки Ст., как и его внук — поэт Лукан, не переживут правление Нерона. Все вынуждены будут покончить самоубийством вследствие последствий заговора Пизона (65г.): Сенека, Лукан и чуть позже них Галлион — в 65-м (*Тацит «Ан.»* 15,73; *Дион* 62,25; *Светоний «О грамматиках и реторах»* 96), Анней Мела — в 66г. (*Тацит «Ан.»* 16,17; *Светоний «О гр.»* 97). Никто из них, помимо Лукана, по всей видимости, прямо не участвовал в заговоре, но на беду для них заговорщики собирались, в случае успеха, сделать мудреца Сенеку (знавшего о комплоте и не донесшего куда надо) чуть ли не принцепсом (чем охочий до репрессий, до чужого богатства и завистливый к чужому таланту тиран с претензией Нерон сполна воспользовался) (см. ниже).

Нас же сейчас интересуют сроки ахайского проконсульства Галлиона. Дело в том, что конце XIXв. в Дельфах было археобнаружено и в начале XX-го (1905г.) опубликовано составленное-состоящее из 9-и фрагментарных обломков неполное послание кесаря Клавдия Л.Ю.Галлиону, — «моему другу и проконсулу Ахайи» (*FD* III,4,3 № 286 = *SIG* II,801D), где речь идёт о проблеме обезлюженности-малонаселённости знаменитых (фокидских) Дельф (местонахождение святилища Аполлона), о чём Галлион перед тем уведомил Клавдия и по поводу чего Клавдий велит исправить создавшееся положение.

Но нам важно не это, а то, что в послании кесарь — *Tiberius Claudius Caesar Augustus Germanicus* — обладатель трибуната *potestas* и отец отечества, величает себя

– внимание! – в XXVI-й раз императором⁵⁸, из чего, в синхронизации с др. источниками, и выводится-реконструируется хронология как собственно послания, так и (предпосылочно-годового) проконсульства Галлиона.

Когда именно Клавдий аккламировался императором в 26-й раз? – вопрос, зато известно, что последняя XXVII-я клавдианско-императорская аккламация имела место до 1.08.52г., что выводится из комбинирования (освятительно водопроводной) информации С.Ю.Фронтинна с эпиграфической надписью CIL 6,1256. Если в надписи Клавдий, при освящении водопроводов Aqua Claudia и Anio Novus, назван «императором XXVII в XII-й год его трибунской власти», то Фронтин датирует освящение Клавдием обоих акведуков календами августа в год консульства Суллы и Тициана = 52г. н.э. («О водопроводах города Рима» 1,13,2), соответственно чему, дата 27-й аккламации – самое позднее – июль 52г.

Отсюда в послании Клавдия Галлиону реконструируется, с опорой на аккламацию, (строго говоря) цифирно отсутствующий в нём 12-й год клавдианско-трибунской власти (tribunicia potestas XII – январь 52 – январь 53гг.), делается вывод о 26-й аккламации в начальные месяцы 52гг., куда помещается заключительный этап (годового) проконсульства Галлиона (51/52гг.), и посему, видите ли, конфликт Павла с иудеями, арбитром в к-ром Галлион быть не пожелал, попадает в 51/52гг. И значит, мол, Второе павлианско-миссионерское путешествие (после Апостольского собора, мол, в 48/49гг.) длилось с 49 по 52гг., с ок. полуторалетним пребыванием Павла в Коринфе в 50/51/52гг., что, дескать, установимо путём синхронизации евангельских событий с воспроизведённой благодаря «дельфийскому посланию» хронологией Галлионова наместничества, и т.д.⁵⁹

* * *

Нет, не так. Второе путешествие Павла (после Апостольского собора никак не ранее весны 51г.) длилось, как мы знаем, с 51 по 54гг.; Галлион проконсульствовал в Ахайе (как минимум) в 52/53гг., а конфликт Павла с иудеями случился оптимально весной 53г., спустя ок. полгода от его прибытия в Коринф не ранее сентября 52г., к чему мы с читателем поступательно пришли в ходе нашего хронологического повествования (шаг за шагом).

Клавдий, о чём читатель знает, был (воображая себя перманентным ратоборцем-победоносцем) помешан на императорских аккламациях. Достаточно сказать, что если у Августа их итога (за 56, в общей сложности, лет – 43г. до н.э. – 14г. н.э. – у власти) XXI, в то время как у совершившего множество походов Тиберия – всего VIII, то у единственный раз не столько походно, сколько спектаклярно сходявшего в Британию (43г.) Клавдия, – их, к-рых, к слову, в 48г. было ещё XVI (см. выше), всего-итога, – аж XXVII!

⁵⁸ «Тиберий Клавдий Август Германик, [в 12-й раз] оснащённый трибунской властью, в 26-й раз прокламированный императором, Отец Отечества, городу Дельфы – здравствовать. Уже ранее я, не только расположенный к городу Дельфы, проявлял заботу о его нуждах и всегда покровительствовал святилищу пифийского Аполлона. Но поскольку город сейчас обезлюдел (в смысле – осиротело малонаселён), как мне сообщил Луций Юний Галлион, мой друг (amicus Caesaris) и проконсул, моя воля в том, чтобы вернуть Дельфам прежний блеск, и потому я повелеваю вам набрать для Дельф свободнорождённых насельников из др. городов, предоставив им и их потомкам все права дельфийских граждан...» (далее – отрывочно-обрывочно и неразборчиво)

⁵⁹ Эта (неверная) реконструкция дала дополнительный стимул радетелям т.н. ранней павлианской хронологии (к-рых и прежде было немало), с Апостольским собором якобы в 48/49гг. и т.д., значительно умножив их число.

Причём документально подтверждённые (CIL 3,476; 7206) XXII-я и (CIL 3,1977) XXIV-я (XXIII-я – между ними) аккламации приходится на 11-й год Клавдиевой трибунской власти = январь 51 – январь 52гг.⁶⁰ Заметим – в объективе время, когда Осторий Скапула воевал-одерживал (продолжал воевать-одерживать) победы в любимом клавдианском детище – Британии, относительно чего *генералиссимус*-кесарь, с особым удовольствием, императорскими аккламациями (само)облекался.

Время получения-присвоения XXV-й и XXVI-й из них эпиграфически не задокументировано, притом XXVI-я – свершившийся факт – согласно посланию кесаря Галлиону, и – внимание! – одной эпиграфической надписи из Кари⁶¹, где аккламация XXVI синхронизируется-согласуется с XII-м годом клавдианско-трибунской власти (январь 52 – январь 53гг.), чем, конечно, не доказывается получение-присвоение этой аккламации уже в 52г., но всё-таки...

Согласитесь, что четыре – 22-я, 23-я, 24-я, плюс – (добавим-дополним от себя) 25-я (документально не зарегистрированная) – аккламации за 51г. – это и без того слишком много, слишком по максимуму (перебор), чтобы к ним присовокуплять под 51г. ещё и аккламацию 26, к-рая, скорее всего, была принята-освоена-усвоена (тютей) Клавдием в первой половине (скажем – весной) 52г., между тем как аккламация 27 очень даже могла быть принята им в июле 52г. (и, таким образом, быть свершившимся фактом в водопроводно-освятительные календы августа = 1.08.52г.).

Теперь о датах-сроках наместничества-проконсульства Юния Галлиона. Авторы и «Лексиконы» исходят из того, что наместники сменялись (в обязательном порядке) летом, ок. 1 июля (или – июня, или – августа), и потому, мол, Галлион заступил на ахайскую вахту летом 51г., пробыв на ней по лето 52г., получив до того послание Клавдия касаясь пифийского Аполлона в Дельфах, в к-ром Клавдий фигурирует как император в 26-й раз, по облечении им сей импературы в зимне-весенние месяцы (после 25.01.52г., когда начался 12-й год его трибунской власти) 52-го г. и т.д.

Действительно, при Августе и Тиберии наместники (подчинённые в кесарских провинциях – кесарю; в сенатских – сенату), обычно (хоть и не всегда) сменялись (судоходным) летом. Но ведь (вспомоинаем пройденный материал!) при Клавдии в 42г. вышло постановление, обязывавшее наместников, выбранных жребием = наместников сенатских провинций (поскольку кесарские легаты-назначенцы не выбирались жребием), отбывать из Рима до 1.04. (Дион 60,11,6). В следующем 43г. оно было откорректировано, обязав, опять-таки, подчеркнём, именно сенатских наместников отбывать к месту назначения до середины апреля (Дион 60,17,3) (см. выше).

Посему спрашивается: не мог ли сенатский проконсул Галлион отбыть из Рима в Ахайю до (что он должен-обязан был сделать) середины апреля 52г., проинформировать Клавдия из Коринфа о неблагоприятных дельфийских коллизиях в мае и получить ответ-послание кесаря, успешного, тем временем (в период с 25.01. по апрель/май), облечься 26-й импературой, в июне (после чего уже в июле 52г. Клавдий принял 27-ю императорскую аккламацию)?⁶²

⁶⁰ 17-я и 18-я импературы Клавдия – 49г.; 19-й, 20-й и 21-й аккламациями он обзавёлся в 50г.; 22-25-я аккламации – 51г. (RE 3,2 Claudius, S.2807-12). Как видим, чем дальше, тем щедрее невоняка-кесаря на многократное победоносное аккламирование себя (за боспорские, германские, британские победы его легатов) не скупился.

⁶¹ Georges Cousin / Castor Deschamps, Emplacement et ruines de la ville de Kys en Carie, BGH II (1887), S.305-11. См. «Die Gallio-Inschrift» von Jens Börstinghaus; см. À.Deismann «Paulus» – 1911; Н.Мертенс «Handbuch der Bibelkunde» (S.438-40); Т.Занн «Apostelgeschichte» (S.652-57); В.Роберт Джетт «Paulus-Chronologie» – 1982.

⁶² И совсем не удивительно, что (отнюдь не солдафон) Галлион (кому на 52г. за 55 лет), следует думать, весьма образованный знаток эллинизма и эллинофил, едва став проконсулом

Удостоверьтесь воочию, насколько такое — и вполне возможно, и вполне реально (коли видеть-воссоздавать-воспринимать реальность в её совокупной, с учётом всех актуальных нюансов, подлинности). Т.е. Галлиону ничего не мешает заступить на проконсульскую вахту в Ахайе майской весной 52г. и находиться на посту в марте/апреле 53г. н.э., когда и произошёл, согласно нашему хронораскладу, конфликт Павла с иудеями, к-рый Галлион (невольно подсобив Павлу) от себя отфутболил.⁶³

Далее, передал ли он проконсульство преемнику в мае 53г.? или остался, будучи наместнически пролонгирован-прогногирован (решением сената), что практиковалось, проконсулом ещё на год? — для нас не суть важно. Важно то, что нет никаких препятствий для хронологизации-датирования ахайского наместничества Галлиона (вопреки большинству заиклившись на 51/52-м гг. современных авторов-авторитетов, будь то историки или теологи, и «Лексиконов») именно 52/53-м гг., что, в свою очередь, способствует верной-правильной хронореконструкции евангельских событий, благовестуемых в Д.Ап в целом.

Относительно же императорско-аккламационного *недержания* Клавдия — в объективе наверняка (снова) британские события и победы Остория Скапулы. XXVI-я аккламация очень даже может быть связана с выдачей (9 лет, с 43г., противившегося римлянам) Каратака (семья к-рого была пленена в 50г.) римлянам царицей бригантов Катримандуей в 51/52гг. и с его доставкой в Рим (предположительно) весной 52г. А аккламация XXVII, с праздником в честь завершения победоносно-клавдианской британской эпопеи, включая триумфальную демонстрацию трофеев и показ знатного пленника в Риме, по всему, имела место в июле 52г. (см. выше и ниже).

* * *

Как бы там ни было, подчеркнём вновь, Павел пребывал в Коринфе год и 6 месяцев — с сентября 52-го по март 54гг. Сообщив об этом = о полугодовом сроке, Дееписатель приступает к рассказу о приведении Павла иудеями пред судилище Галлиона, что теоретически возможно отнести и на конец 52г., но что, по нашему мнению, приходится на весну 53г., после ок. полугодового нахождения Апостола в Коринфе, тем более, что, рассказав о конфликте, Лука продолжает: «Павел, пробыв ещё довольно дней, простился с братьями и отплыл в Сирию...» (18,18). Это общее хроноуказание-определение — «довольно дней» (= достаточно

(= прибыв к месту назначения в Коринф и ознакомившись с делами-проблемами доставшейся ему провинции), нашёл нужным незамедлительно доложить Клавдию о проблеме с безлюдностью-малонаселённостью прославленных Дельф. (Там, как говорят, под Аполлоновым святилищем проходили две крестно пересекающиеся — в направлениях север — юг и запад — восток — трещины: два разлома, из к-рых время от времени поднимались сладковатые испарения, вдыхая к-рые пифия делала в транс-экстазе свои загадочные предсказания Дельфийского оракула, основанного, по преданию, самим Аполлоном на месте его победы над чудовищным змеем Пифоном у подножия южного склона горы Парнас в Фокиде).

⁶³ Засим, если послание Клавдия по поводу ситуации в Дельфах Галлион, доложив о ней в Рим, получил в начале своего проконсульства, то от разбирательства противопавлианских претензий иудеев он уклонился ближе к его концу (если, повторяем, сенатское проконсульство Галлиона длилось всего один нормативный год, и не с лета по лето, но, в свете постановлений 42/43гг., с весны по весну, поскольку Галлион никак не мог, отбыв из Рима к месту назначения ранее или не позднее 15.04., добираться (из Брундизи через море и Коринфский залив) в вовсе не столь отдалённый Коринф, на что требовалось никак не более 10-и дней (Дион 63,19,1), в сезонную пору «открытого моря», в искусственно замедленном темпе, аж до июня/июля/августа!

времени) — не поддаётся уточнению и прецизируется косвенно, с инклюзивным приложением его к сроку в полтора года, к-рый истёк в марте 54г., означая, соответственно, время продолжительностью — ок. или чуть меньше года.

Итак, недовольные-обеспокоенные ростом численности группирующихся вокруг Павла христианских неопитов из обращённых евреев, прозелитов и язычников иудеи, на к-рых Павел, перед тем как пойти к язычникам, отряс одежды свои, обращаются, под предводительством нового начальника местной синагоги Сосфена (к-рый сменил обращённого-крещённого Павлом вместе со всем его семейством прежнего синагогального начальника Криспа), к суду римского наместника, инкриминируя миссионеру, — «что он учит людей чтить Бога не по закону».

Т.е. они оставляют за собой ортодоксальное установление-понимание почтения к Богу по традиционалистскому закону и требуют от римской арбитражной инстанции вмешаться в конфликт между ними и нарушителем (попирателем) закона, с тем, чтобы римская власть этого злостного нарушителя наказала. Ведь у них, у иудеев, нет права никого убивать, как у Каиафы: стало быть, действуй ты, Рим, отправляй, сообразно нашему законному требованию, твоё карательное судопроизводство!

Иначе говоря, иудеи недовольны тем, что отщепенец Павел вербует неопитов для незаконного, для нелегитимизированного римскими властями религиозного учения. А ответ Галлиона ясно демонстрирует, что у римских властей пока нет никакой квалификации христианства как самостоятельной религии. Согласно Галлиону, — «спор (идёт) об учении и об именах и о законе вашем». Т.е. декадентный римский либерал Галлион, не дав Павлу открыть уста для ответа на выдвинутое против него обвинение иудеев, видит в происходящем внутрииудейский религиозный конфликт, без какого-либо злого (политического или уголовного) умысла со стороны Павла и не находит причины для судейско-карательного вмешательства римской инстанции.

Иудеи пеняют на Павлову деятельность как на нечто разрушительное для Моисеева закона и, надо понимать, для законов вообще, надеясь спровоцировать репрессивную реакцию наместника, к-рый отказывается признать в них истцов и предъявить римское обвинение Павлу как ответчику, отказывается призвать его к ответу. Идите прочь и разбирайтесь сами! решайте свои внутренние (религиозно-философские) проблемы, не вынося *ваш* сор из *вашей* избы! не беспокойте по таким пустякам римского наместника, у к-рого и без вас дел-забот полон рот! Одним словом — пошли вон = убирайтесь (к чёрту) с глаз долой — и вы, и обвиняемый вами Павел! С какой стати (какого рожна) римский проконсул должен вникать в неподсудные тонкости внутриеврейского спора о еврейском законе? В ведении наместника охранение римских законов и провинциального порядка, к-рые здесь никем-ничем не нарушаются, плюс — здесь нет также ни малейшего основания для посредническо-арбитражного участия римской власти.

Галлиона трудно заподозрить, несмотря на старания некоторых апокрифов и теологов, в симпатиях к христианству. Он просто не захотел вникать в суть спора между иудеями, между различными, с его т.зр., ответвлениями иудейства, к-рый и к-рые его не касались, не занимали, не интересовали, что, тем не менее, объективно пошло на пользу и Павлу, и делу дальнейшей христианской проповеди в Элладе.

«И прогнал их (иудеев) от судилища», по всему, силой, так как иудеи уж очень настаивали, непременно желая, по подобию Каиафы, руками римской власти покарать-наказать Павла. Мало того, насколько явствует из нижеследующего нападения на начальника синагоги со стороны Еллинов, под к-рыми, следует полагать, в данном случае, в первую очередь, коринфские язычники, последние в Коринфе были, м.б., и не на стороне Павла, но, при всех случаях, имели зуб на иудеев. И те из них, к-рые оказались сопричастными к случившемуся, в подробности чего

Дееписатель не вдаётся, намяли обвинителю Апостола язычников Сосфену «пред судилищем» бока, о чём Галлион, со своей стороны, — «ни мало не беспокоился».

Так римская власть впервые, сама того не желая, в лице проконсула Юния Галлиона (к-рый, рафинированный декадент, не был ни обратившимся наместником Кипра Сергием Павлом — 46г., ни с пониманием отнесшимся к Павлу — 60г. — прокуратором Иудеи Фестом), ст. брата стойка Сенеки (кого христианские апокрифы охотно «знакомят» с Павлом и даже приводят «переписку» между ними), подсобила христианству в деле становления общины в Коринфе, и шире — христианства в Ахайе.

В результате этого благополучно закончившегося для него инцидента, Павел получил возможность беспрепятственно продолжать свою плодотворную деятельность и не покидал Коринф, пользуясь противоиудейскими симпатиями, в т.ч., части местных язычников, на протяжении ещё ок. года, за к-рый, несомненно, в церкви увеличилось количество новообращённых, более того, в течение оптимально 53г., из Коринфа Павлом были написаны два его первых Послания, адресованные Фессалоникийцам. Т.е. в 52 — 54гг. узловой Коринф стал центром нарождающихся-становящихся христианских общин Эллады, откуда координировалась набирающая силу жизнедеятельность христиан в Филиппах, Верии, Фессалонике, Афинах...

И, кстати, согласно христианскому преданию, кулачно проученный Еллинами пред судилищем безучастного Галлиона начальник синагоги Сосфен вскоре обратился-крестился, сродни своему синагогальному предшественнику Криспу (к-рый позже епископствовал в Эгине, близ Афин), усилиями Павла. При всех случаях, Первое павлианское Послание к Коринфянам, написанное в 57г., начинается словами: «Павел, волею Божиею призванный Апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат...», — в ком предание видит обращённого Павлом того самого Сосфена, кто впоследствии был епископом Колофона в М.Азии.

Из Коринфа происходил и Ераст (*достойный любви*), следует полагать, грек, занимавший в Коринфе должность городского казнохранителя. Видимо, он тоже был обращён ок. 53г., в дальнейшем будучи сотрудником Павла, к-рый в 57г. снарядил его в паре с Титом (вперёд себя) из Эфеса в Македонию (Д.Ап.19,22), а потом приветствовал от, в частности, его имени римских христиан Посланием в начале 58г. к Римлянам из Коринфа (16,23). И, наконец, в последнем из Павловых Посланий — Второе к Тимофею — лето 66г., говорится о Ерасте, оставшемся в Коринфе (4,20).

По церковному преданию, этот Ераст, тоже включаемый в список 70-и, был одно время экономом (= казнохранитель) Иерусалимской церкви, т.е. продолжил, уже как христианин, работать по своей прежней языческой специальности-квалификации, и сделался позднее епископом Кесарии Филипповой, где кончил мученически.

ДВА ПОСЛАНИЯ АП. ПАВЛА К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

(53г.)

Авторству Апостола Павла принадлежат итого 14 новозаветно-канонических Посланий (к-рых в реальности — 15!) (см. ниже), написанных им в 13-летний период — с 53 по 66г. (см. ниже), причём время составления-написания большей части из них — 53 — 63г. (до конца Первых римских уз); меньшей — 65/66г. (см. ниже).⁶⁴ И

⁶⁴ Последние — это — Послание к Титу, два Послания к Тимофею и Послание к Евреям, плюс (внимание!) — вторая или заключительная часть 2-го Посл. к Коринфянам (главы 10-

если 2-е Посл. к Тимофею (из Вторых римских уз) в ббг., незадолго до мученичества ойкуменического Апостола язычников (67г.), замыкает павлианские Послания, то 1-е Послание к Фессалоникийцам 50-летнего Павла их в 53г. открывает, а 2-е, написанное в том же году (Первое, вероятно, — в первой, Второе — во второй половине этого года, с разницей в несколько месяцев), его продолжает.

1-е Послание даёт нам возможность познакомиться с манерой миссионерской работы Павла, и, пожалуй, как ни одно другое из адресованных различным общинам Посланий показывает сердечную привязанность Апостола к этой возникшей благодаря его деятельности общине. В качестве составителей обоих Посланий рядом с Павлом называются Силуан (с большой долей вероятности, — Сила) и Тимофей (1,1,1; 2,1,1), что дополнительно подтверждает датировку разбираемых Посланий полуторалетним временем-сроком пребывания Павла в Коринфе, где оба сотрудника присоединились к нему и где позже они вместе больше не бывали.

Итак, весной 52г., после Филипп, в к-рых дело миссионерства не обошлось без эксцессов (1Фес.2,2), Павел три субботы проповедовал в фессалоницкой синагоге и ещё какое-то время миссионерски провёл в Фессалонике (Д.Ап.17,1-9; 1,2,1), вследствие чего обратились некоторые Иудеи, многие Еллины и, прежде всего, знатные женщины, что вызвало противление иудейских синагогальных ортодоксов, вынудив Павла и Силу покинуть давший им приют дом прозелита Иасона и срочно

13), к-рое, в смысле даты написания, принято относить (вместе с 1-м) на 57г., но заключительные главы к-рого, в частности, слова Павла о его восхищении до третьего неба «назад тому 14 лет» (2,12,1/2), относятся к 65г. и разумеют восхищение (перед Апостольским собором) 51г. (см. выше). Далее, в последней 13-й гл. (канонического) 2-го Послания Павел говорит Коринфянам — «В третий уже раз иду к вам» (1), хотя в период первых трёх миссионерских путешествий (51-58гг.) он бывал в Коринфе всего два раза — в 52-54-м, и зимой 57/58гг., т.е. *третий раз* может относиться лишь ко времени после 58-60/61-63гг. = после двухлетних кесарийских 58-60гг. и двухлетних римских уз 61-63гг. (включая Павлову зиму/зимовку 60/61гг., по пути из Палестины в Италию, на Мальте).

Правда, делались и делаются неуклюжие экзегетические попытки, дабы как-нибудь объяснить этот «третий раз» (третий приход), втиснуть-вклинить второе павлианское посещение Коринфа перед, дескать, третьим (зима 57/58гг.), т.е. — в лето/осень 57г., о чём, мол, автор Д.Ап. (почему-то) умалчивает. Но, во-первых, второе посещение Павлом Коринфа в означенный интервал времени, без сверхнадуманных натяжек, не втискивается, а, во-вторых, если здесь принимать уж совсем не вписывающееся в благовестовательную канву «загадочное умолчание» Дееписателя (неведомо почему именно о т.н. втором посещении), то эдак в означенный период времени можно (не мелочась!) отправить Павла чуть ли не в Америку, или (на радость мадам Блаватской) в (посвятительные) Гималаи! Впрочем, дифференциация 2-го и 3-го Посланий к Коринфянам, к-рые в Каноне составляют (внимание, читатель!) одно Второе Послание, как и вся павлианская хронология за период 63-67гг., — тема отдельной обстоятельно-доказательной беседы, к-рая нам (в соответствии с нашим хронопоследовательным повествованием-изложением) предстоит ниже.

Пока же коротко скажем-анонсируем. Увы, при укомплектовании (не в одночасье) ново-заветного Канона, два павлианских Послания — 2-е и (эвентуальное) 3-е — слились (надо думать, во Пв. н.э., в силу ряда причин) в одно — 2-е. То-то армянская Библия ещё в Средние века включала не два, но три (пусть безотносительно к разделяемым нами Второму и Третьему) Послания (важен сам факт) Павла к Коринфянам (сегодня в качестве *Третьего* в источниках представляется-именуется и фигурирует апокрифическо-гностическое П. к Кор.). Плюс к тому, и в 1-м Послании имеется, например, следующее казусное свидетельство: в главе 5 сказано: «Я писал к вам в послании...» (9), что означает наличие какого-то (неизвестного нам) павлианского послания в Коринф (55/56гг.?), предшествовавшего ныне канонически 1-му Посланию к Коринфянам. Иначе говоря, при всех случаях, Павел направил Коринфянам, в общей сложности, больше (канонических) двух и даже, как выясняется, с учётом 1Кор.5,9, больше трёх Посланий (см. ниже), из к-рых, повторим, Второе и Третье слились в утверждённом в III/IV/Vвв. Каноне — ещё со Пв. н.э. — воедино.

оставить сам город в направлении Верии. Затем Сила, к-рый поначалу остался в Верии, и Тимофей, к-рый остался в Фессалонике, пришли к Павлу в Афины, были снова направлены им в Македонию и позднее нашли его в Коринфе, где подробно доложили о состоянии дел в македонских общинах (1,3,6). Этот доклад Тимофея и стал поводом к написанию 1Фес., в к-ром Павел касается вопросов, беспокоивших общину, и укрепляет-наставляет её руководителей (1,5,12).

С чувством благодарности он вспоминает о становлении фессалоникской общины, исполненной веры, любви и надежды. Её духовная жизнь знаменует её избранничество и подтверждает богоугодность павлианского благовестия. Фессалоникийцы сделали «подражателями нам и Господу, принявши слово при многих скорбях с радостью Духа Святого» (1,1,6), и потому они – образец для верующих Македонии и Ахайи (7), и о них пронеслось слово повсюду (8).

Благая весть Павла не ищет ни угождения человекам, ни эгоистической выгоды-корысти для себя, ни славы от человеков (2,4-6), но Павел (со спутниками) трудился день и ночь в Фессалонике (сходно Коринфу), как в своём ремесле делания палаток, чтобы не быть нахлебником в гостеприимном доме Иасона, так и, в первую очередь, борясь за каждую неофитскую душу и давая пищу духовную уверовавшим, подобно кормилице, заботящейся о младенцах, подобно отцу, заботящемуся о детях своих, подобно доброму пастырю – заботнику о стаде (2,7-11). Тем было положено твёрдое основание для глубокой внутренней взаимосвязи между Апостолом и юной фессалоникской общиной.

Забота насущно необходима, поскольку с принятием Евангелия начинаются преследования, в деле противостояния к-рым юная община нуждается, дабы выжить и жить, в укреплении, наставлении и поддержке. И поелику Павлу пришлось оставить её в таком состоянии, он сначала оставил там, на месте, и потом из Афин снова снарядил к фессалоникийцам Тимофея (1,3,1). Притом в 1,2,18 сказано, что он дважды собирался прийти сам, однако, этому воспрепятствовал сатана. Между тем, как мы помним, идти с проповедью в Вифинию или проповедовать в Азии Павла и его спутников не допустил Св. Дух (Д.Ап.16,6/7). Т.е. в фессалоникском случае на повестке дня – либо какая-то болезнь Апостола, поразившая его в Коринфе, или обострение какого-то хронического недуга (офтальмия)? либо противодействие, с подачи иудеев, фессалоникских гражданских властей?⁶⁵

Вторая часть Послания обращена в будущее. Уверенный прорыв к нему не самоцель, а средство-способ поступать небезбожно и тем преуспевать в угождении Богу: «За сим, братия, просим и умоляем вас Христом Иисусом, чтобы вы, принявши от нас, как должно вам поступать и угождать Богу, более в том преуспевали» (1,4,1). Богу требуется освящение верующих, что есть соблюдение тела и души в чистоте, что есть отвержение пороков языческих – страстей похотения и корыстолюбия, из к-рых второе особенно актуально в торгово-ремесленном городе (2,4,4-6). Тело – сосуд, душа – закон жизни, дух – орган общения с Богом. Непокорный же непокорен Богу, «К-рый и дал нам Духа Своего Святого» (8). Т.е. неотвержение пороков языческих эквивалентно отторжению Духа. И если хула на Духа Святого суть грех, к-рый не подлежит прощению, то, тем более, непростительно-погуби-

⁶⁵ В 1Фес. есть знаменательные слова об Иудеях, «К-рые убили и Господа Иисуса и Его пророков...» (1,15), т.е. пророков во мн. ч., несмотря на то, что из Н.З. нам – до этого времени – известно о казни (последнего) пророка Иоанна Крестителя (Иродом Антипой), о каменованиях (диакона и Апостола от 70-и) Стефана (к-рое одобрял Савл) и о казни Апостола (от 12-и) Иакова Зеведеева. Подразумевает ли Павел под пророками, помимо Предтечи, также Стефана и Иакова? или другие христианские жертвы до 53г. (гонения 33/34гг, после каменования 25.12.33г. Стефана; или гонения Агриппы в 44г.), среди к-рых были пророки, – вопрос.

тельно отвержение-отторжение этого Духа! Стремитесь не к нечистоте, стремитесь к святости, к к-рой призвал вас Бог.

Дальше следует призыв к трудолюбию (11) и освещается вопрос, волновавший сообщинников, — об умерших — в их отношении ко Христу и воскресению, на что Павел, по сути, отвечает, что у Бога мёртвых нет, и что если «Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведёт с Ним» (14). Восхищение на облака в сретение Богу означает встречу человека с эфирным Христом, встречу с высшим Я, и одновременно слово об этом провозвещает грядущее Второе Пришествие (16/17), относительно времён и сроков к-рого Апостол говорит: «О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, / Ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придёт, как тать ночью» (5,1/2). Не говорил ли о том же ученикам Иисус (Мф.24,43; 2П.3,10), наставляя их быть всегда готовыми (всегда начеку)! Не сказал ли он им перед Вознесением: «не ваше дело знать времена или сроки, к-рые Отец положил в Своей власти» (Д.Ап.1,7) (см. выше).

Надо постоянно жить во Боге и с Богом, не теша себя мыслью о том, чтобы жить так лишь на случай близости дня Господня или ближе ко времени наступления оного. Вот почему, в частности, христианство должно было на определённом этапе *забыть* о таинстве кармы и реинкарнации, чтобы они не сделались соблазном и индугльгенцией для грешников в ложной иллюзии откладывать непергрешение или искупление грехов до греческих календ в будущих жизнях. Не говорит ли Пётр: «...у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. / Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2П.,3,8/9).

И состоит (долгое) Второе (Эфирное) Пришествие (Христа), к-рое началось в ХХв. н.э., отнюдь не из одного этапа. Посему Павел вынужден был реагировать на эсхатологическую суматоху, в т.ч., в фессалоникской общине, в середине IV н.э., когда едва свершилось Первое Пришествие, в то время как люди со свойственным им переведением всех исторических стрелок — каждое поколение — на себя, на свой собственный жизненный отрезок, как на пуп истории, незамедлительно чаяли-ожидали Пришествия Второго!⁶⁶

Негоже суетно спекулировать по сему поводу, и не случайно следом звучат наставления для *сынов света*, для *детей дня*, противостоящих *детям ночи* и *сынам тьмы* (1,5,5). 15 увещаний (5,14-22) — призывы к миру, долготерпению, радости, молитве, благодарению и ко всему хорошему. «Удерживайтесь от всякого рода зла. / Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа. / Верен Призывающий вас, К-рый и сотворит сие» (5,22-24).

* * *

При всём этом, крайне опасно появление различного рода лжеучителей — главная причина написания 2-го Послания через, как сказано, несколько месяцев или ок. полугодя после первого, когда Павлу сообщили из Фессалоники, что некоторые, ссылаясь на него, учат, будто день Господень уже наступил (2,2,2).

Павел парирует-опровергает данную фальсификацию, утверждая, что Пришест-

⁶⁶ Хотя (акцентируем снова) для многих, вернее, для большинства ещё продолжается или отвергается Пришествие Первое, точнее, его приятие или неприятие, восприятие, переживание, степень уверования, веры, неверия и т.д.

вию Христа предшествует проявление-появление Антихриста: «Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придёт, доколе не придёт прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели...» (2,2,3-7). Не идёт ли тут речь как о Втором Пришествии, так и о связанном с ним воплощении Аримана, что, касательно Второго Эфирного Пришествия (*на облаках*), началось в XXв., и что, касательно Ариманова воплощения, человечеству в III тыс. н.э. только предстоит!

Вместе с тем, «тайна беззакония уже в действии», в первые времена (с первых времён) по свершении Мистерии Голгофы. Т.е. борьба в ходу и путь впереди долгий: «только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь — / И тогда откроется беззаконник, к-рого Господь Иисус убьёт духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего, / Того, кого пришествие по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами ложными, / И со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения» (2,7-11).

Чаша вселенских весов зависла в опаснейшем равновесии в день 3.04.33г. н.э.! Благодаря искупительной жертве Христа (и уравновесившей её параллельной Мистерии за Океаном) (Т.Г. 262-67) силы Добра перевесили силы Зла, инаугурировав начало восхождения, предварённое уже Таинствами дуалистического Рождества 1/1гг., слиятельной Пасхи 14г. н.э. и Крещения 30г. н.э., однако, после 3-5.04., 14.05. и 24.05.33г. всё только началось!

Борьба и сейчас в ходу и не надо заикливаться на себе, считая своё время самым решающим временем всех времён и народов в проекции на исполнение вселенских сроков. На протяжении веков церковным христианам присущ был поиск личностного Антихриста, к-рого ранние авторитеты Церкви обнаруживали в одиозных римских императорах, или к-рого, например, впоследствии протестанты тупо искали в узурпировавших, мол, власть Христа римских папах (от гонений со стороны к-рых часть их изошла в Америку, изойдя, дескать, из Старого света в Новый, как, мол, новые израэлиты в новую Землю Обетования из, дескать, римско-католического Египта).⁶⁷

И действительно, многое и многие креатуры супостата предварили на протяжении двухтысячелетней истории христианства его приход, к-рый пока не был личностным в смысле его непосредственного воплощения, ибо в отличие от Люцифера (диавол), к-рый воплотился, причём на Востоке — в Китае, ок. 3000г. до н.э. (в эпоху начала Кали-юги — Малая эпоха Тьмы, стартовавшей в 3102г. — дата смерти Кришны), воплощение Аримана (сатана) в III тыс. н.э., причём на Западе, — дело не прошлого, но грядущего, к-рое вступило с началом Второго Пришествия Христа в XXв. в свою решающую стадию.

Тем временем, в условиях активизации реагирующих на содеянное Таинством Голгофы и на его плоды сил зла Павел благодарит возлюбленных братьев, стойких в вере: «Мы же всегда должны благодарить Бога за вас, возлюбленные Господом братия, что Бог от начала, через освящение духа и веру истине, избрал вас ко спасению» (2,2,13). Он наставляет братьев быть верными воспринятому ими учению и просит Бога утешить их сердца и утвердить их во всяком слове и деле благом (2,17). Именно от верных он ждёт распространения истинного слова Божия.

Ещё одна опасность, угрожающая юной общине, исходит от тех, к-рые называются братьями, поступая бесчинно, от тех, к-рые дармоедствуют и пытаются экзистировать за счёт сообщинников. И Павлом приводится в пример труд его и

⁶⁷ Ой ли! На поверку в протестантизме (оказалось) куда больше ветхозаветности, чем в католичестве!

его спутников в то недолгое время, когда они находились в Фессалонике: «ибо мы не бесчинствовали у вас, / Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас» (2,3,7/8). Т.е. они трудились там, как и ныне в Коринфе, добывая себе ремеслом кусок хлеба насущного параллельно предоставлению ими пастве пищи духовной. И далее произносятся очень правильные, но, к сожалению, бессовестно скомпрометированные в неблагую эпоху коммунизма слова («кто не работает, тот не ест»): «Ибо, когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (3,10).⁶⁸

Такие сообщинники компрометируют общину перед неверующими, и если настаивания не помогают, должно избегать общения с таким собратом, должно подвергнуть его бойкоту во исправление. «Но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата» (3,15). И в конце Павел приветствует фессалоникийских христиан десницей, что сегодня является крестным знаменем, т.е., (образно выражаясь) перекрестив, благословляет их, завершая Послание словами: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь» (3,18).

Не случайно из 14/(15)-и Посланий Павла 9/(10) адресованы к 7-и общинам (ещё 4 пастырских – к трём персонам – к Филимону, к Титу, 2 к Тимофею, и ещё одно, имеющее особый статус, – к Евреям). Не случайно в составе 7-и общин – три азиатские-малоазийские – Эфес, Колоссы, и 4 – европейские – Филиппы, Фессалоника, Коринф, Рим – общины. И примечательно, что именно греко-эллинистические полисные общины, плюс община эллинизированных Галатов и плюс община столицы мира – Рима (крайние Восток и Запад в составе

⁶⁸ Взяв на вооружение формулу «кто не работает, тот не ест» без Бога, к-рого, по Марксу и Энгельсу, «ликвидировал», сослужив им неплохую службу, своим гениальным открытием животного происхождения человека от обезьяны (английский эсквайр) Дарвин, коммунисты на практике, говорим в к-рый раз, возродили древнеегипетское рабовладение (все – рабы фараона), с его принудительным трудом как на т.н. свободе, так и, в первую очередь, в местах заключения, в рамках практически реализованного ими нечаевского казарменного социализма (= ленинизм-троцкизм-сталинизм). Провозглашённый как коммунистами, так и национал-социалистами, абсолютный примат общественного (в виде коллективистской групповухи вместо личностного или общинного, в виде дохристианского «мы») над личным, обернулся варварским попранием индивидуальности, личности (Я – последняя буква в алфавите), или истинной общинности (с её поистине свободным трудом поистине свободных людей в поистине свободной общине = в свободном обществе).

Понимание приоритетов, в различных ситуациях, общественного над личным должно исходить из индивидуальности, из личности человека, а не навязываться ему сверху в виде абсолютной истины, да ещё в государственно-принудительном порядке, что, в свою очередь, приводит к обратной реакции и к культивированию крайнего эгоцентризма под маской защиты индивидуализма. Эх, вернуть бы, выдернуть бы Маркса и Энгельса (сходно – Дарвина) за их (ухоженные) бороды с того света и поместить на пару месяцев в сталинские концентрационные лагеря или шарашки, а певца сверхчеловека без христианского Бога Ницше (Gott ist tot) – в лагерь гитлеровский!

К месту заметить, что и сегодня на сытом Западе (у к-рого, в отличие от пост-коммунистических стран, нет иммунитета против экспериментального левачества) можно увидеть домашних, в очках, из благополучных семей, мальчиков и девочек, к-рые в испуге удерут от одного громкого чиха, но к-рые, пока с таким чихом незнакомые, позиционируют себя (на сытый желудок) в качестве, например, убеждённых революционеров-троцкистов (или – анархистов-махновцев), держа в руках (где-нибудь у многолюдных входов в супермаркеты) и горячо предлагая её прохожим биографию Троцкого. Вот что значит бесится с жиру (сродни образованным слоям российского общества, горячо жаждавшим и приветствовавшим сожравшую их затем революцию). Переместить бы этот карикатурный западный молодняк на время в СССР, чтобы они на собственной шкуре испытали все прелести недоразвитого социализма!

павлианских общинных адресатов), предоставили Павлу возможность заложить, во многом, на их базе, общины христианские.⁶⁹

Не похоже ли павлианско-христианское (в рамках оккультной географии) географическое метапространство от Галатии до Рима на миндалевидный глаз, точнее, на глазное яблоко, зрачком к-рого, точнее, зеницей ока, является Откровение Иоанна, адресованное 7-и (олицетворение 7-и Культур нашего – Первого – После-Атлантического периода) общинам провинции Асия (Эфес, Смирна, Пергам, Фиатира, Сард, Филадельфия, Лаодикея). Не предваряет ли Послание к Евреям, открывая к нему доступ, перекидывая к нему мост, Книгу Книг в Книге Книг – Иоанново Откровение! Не пересекаются ли в Эфесе пути-дороги Павла и Иоанна, а в Риме – пути-дороги Петра, Павла и Иоанна! И если место действия Иакова, брата Господня, – Иерусалим, а Петра (*Апостол Отца*) – Иерусалим и Рим, а Иоанна (*Апостол Духа Святого*) – Иерусалим и Эфес, то (связующий их) Павел (*Апостол Сына*) – и в Иерусалиме, и в Эфесе, и в Риме!

Итак, коринфское пребывание Павла продолжалось, как сказано, год и 6 месяцев, с, повторим, сентября 52-го по март 54г. н.э., с двумя Посланиями Фессалоникийцам в, соответственно, первой и второй половине 53г., к-рый, т.е. этот 53г. н.э., неутомимый Апостол язычников, неумоимо трудясь и на миссионерской ниве (и в своём гражданском ремесле), целиком провёл в Коринфе. На весну же 54г. дело было сделано, первые македонско-греческие христианские общины были основаны-учреждены и процесс их становления, равно – роста, продолжался, тогда как Павлу пришлось время временно покинуть Европу, ибо он хотел непременно успеть к приближающемуся празднику Пасхи (см. ниже) в Иерусалим.

Ведь именно на Пасху 54г. н.э. исполнялось 1500 лет от Исхода Израэлитов, под предводительством Моисея, в 1447г. до н.э. из Египта⁷⁰, и 1460 лет (великий год-

⁶⁹ Христианские общины создавались Павлом, в немалом, на базе греческих полисных общин, к-рые были их предтечей. Или правильнее сказать, – на базе плодотворного павлианского симбиоза-синтеза-сплава общин греческих, плюс – как иудейско-эллинстических, так и иудейско-еврейских, что, т.е. искусное использование Павлом этих двух-трёх составляющих, с упором на греческую полисную компоненту, и обусловило экзистенциальную самобытность первохристианских ойкуменических общин.

С другой стороны, если для древних греков-эллинов первичной была и частично осталась (несмотря на мировое деяние Александра) сопринадлежность к полисной общине (поскольку афинянин или коринфянин переживали себя, в первую очередь, именно как части полисно-общинного целого = именно как афинянин и коринфянин), то Рим принёс в мир предварившую человеческое Я, к-рое расстается с Небом и с общиной в пользу государства, в пользу государственности и державности, гражданственность, к-рая, в свою очередь, породила из себя юриспруденцию и римское право. А это уже повлияло на становление в перспективе (выросшей первоначально из общин) христианской Церкви, к-рая стала в IVв. пригосударственной и подпала на Западе продолжившей Рим католической романизации.

⁷⁰ По прошествии на 1447г. до н.э. 1460-и лет, и на 1407г – 1500 лет от начала III Египетско-Халдейской культуры в 2907г. до н.э., и за 700 лет до начала IV-й Греко-Римской культуры в 747г. до н.э., к-рый, т.е. 747г. – есть (внимание ещё раз!) хроносередина Великого-Космического-Мирового-Платонова года протяжённостью в (2160 x 12) 25 920 (ок. 26-и тыс.) лет, в пределах от 13708/07гг. до н.э. по 12213г. н.э. Однако, не должно ли, не надлежит ли сумме-сумманде лет Великого года (при его ярко выраженных внутренних семеричностях-семидольностях!) делится на 7? И в сём случае, в нём насчитывается 25 921 год (: 7 = 3703). А значит, не следует ли указывать дробные, при их приведении, даты зодиакально-космических месяцев (длиной в 2160 лет каждый) Мирового года – как приложительно к датам до н.э. (что нами уже, начиная с нашей первой книги «Р.л.», было сделано), так и приложительно к датам н.э. Ведь опорно-дуалистическое Рождество Христово приходится именно на 1/1гг. до н.э. и н.э.!

Атлантида: V-я (под-расовая) Пра-Семитская эпоха (Весы) – 13708/07 – 11548/47гг.; VI-я (под-расовая) Пра-Аккадская (Яфетиты) эпоха (Дева) – 11548/47 – 9388/87гг.; VII-я (под-

период Сотис-Сириус) от пересечения Израэлитами в 1407г. до н.э., под предводительством Иисуса Навина, для вступления в Землю Обетования, рубажной реки Иордан! Дальше – больше: именно на Пасху 54г. исполнялось 40 лет от слиятельно-одухотворительной Пасхи 14г. н.э., когда Иисус Соломонид (Заратустра) пожертвовал свою высочайшую человеческую Индивидуальность божественно-безгрешному Иисусу Нафаниду (Кришна), Благовещение, Рождество и дальнейший путь К-рого благовестуются в Евангелии от (крестника?) спутника и сотрудника Павла – Евангелиста и Апостола от 70-и – Луки.

* * *

Впрочем, перед тем как снова предоставить слово Дееписателю, обратимся к циклу лекций Р.Штайнера «Бхагавадгита и Послания Апостола Павла». Прочитанные в декабре/январе 1912/13гг., в связи с основанием Антропософского общества, они (5 лекций-докладов) ясно отделяют теософию, предлагавшую древнее ясно-видчество и по преимуществу ориентально ориентированные знания, от антропософии и импульсируемого ею эзотерического христианства. В этих лекциях-докладах показано, насколько именно христианские Послания Павла помогают понять спиритуальную Бхагавадгиту – плод трёх основных духовных течений древнеиндийского Востока – Веды, философия Сакхья, философия Йоги, и понять-осознать то, что именно в павлианских Посланиях содержится зерно, к-рому надлежит дать плодотворные всходы на предстоящем этапе духовной эволюции человечества.

В объективе воздействие мировоззрений на душу и судьбу человека, «сверхличностная» величественность Бхагавадгиты и личностная окрашенность Посланий Павла; Бхагавадгита – как прекрасный плод прошлого, и Послания Павла – как зерно будущего развития... Приведём несколько выдержек, рекомендуя заинтересованному читателю для глубокомысленного понимания открываемых Посланиями к

расовая) Пра-Монгольская эпоха (Лев) – 9388/87 – 7228/27гг. до н.э. Три заключительные эпохи-фазы Атлантического периода (с к-рых стартует современный Космический год) – Развитие Физического тела.

Семь культур нашего (Пятого глобального и Первого) После-Атлантического = Пассионарно-Ойкуменического (эона) периода (стадии) протяжённостью в (2160 x 7) 15 120 лет: I-я Пра-Индийская культура (Рак) – Эфирное тело – 7228/27 – 5068/57гг. до н.э.; II-я Пра-Иранская культура (Близнецы) – Астральное тело – 5068/67 – 2908/07гг.; III-я Египетско-Вавилонская культура (Телец) – Душа Ощущающая – 2908/07 – 748/47гг.; IV-я Греко-Римская культура (Овен) – Душа Рассудочная – 748/47гг. до н.э. – 1/1-14-30-33гг. – Мистерия Голгофы (Абсолютная середина Вселенской летописи) – 333/34гг. (хроносередина IV-й культуры) – 1413/14гг.; V-я Германно-Англосаксонская культура (Рыбы) – Душа Сознательная – 1413/14 – 3573/74гг.; VI-я Славянская культура (Водолей) – Самодух – 3573/74 – 5733/34гг.; VII-я Американская культура (Козерог) – Жизнедух – 5733/34 – 7893/94гг.

Плюс (к Трёх Атлантическим эпохам и к Семи Пассионарно-Ойкуменическим культурам) – Две (после и в результате «Войны всех против всех») эпохи (апокалипсического) Шестого глобального = Второго После-Атлантического (Филадельфийского) периода (эона): Духочеловек – I-я (Стрелец) – 7893/94 – 10053/54гг., и II-я (обновительно-катастрофический Скорпион) – 10053/54 – 12213/14гг.

Итого (в рамках 3 + 7 + 2 = 12-месячного Великого года) 25 920 лет или (хроно-семерично-точнее-прецизнее) 25 921 год или ок. 26 000 (общесуммарно-временичислительных) лет: после «Золотого Века» под знаком (= в знаке) Стрельца в (предшествовавшую катастрофе IV-й Пра-Туранской эпохи – второе атлантическо-ариманическое грехопадение = начало Великого Потопа) III-ю Атлантическую эпоху (Тольтеки) и до (достижения человеком в ходе эволюции) уровня-ступени Духочеловека (высший уровень) под знаками (= в знаках) *нового* Стрельца и завершающего Великий Год *нового* Скорпиона.

Фессалоникийцам Павловых Посланий весь цикл этих штайнеровских лекций для вдумчивого прочтения.

«...Когда обращаешь внимание на эти жизненные связи, тогда впервые начинаешь ощущать судьбообразность мировоззрений, и эта судьбообразность предстаёт нам как фон тех великих открытий, тех великих мировоззрений, к-рые мы находим в Бхагавадгите, а также в Посланиях Ап. Павла. Если мы хоть немного всмотримся в то, что лежит как за Гитой, так и за Посланиями Павла, мы увидим, можно было бы сказать, то, что становится для нас непосредственно образующим судьбу. Как может представляться нам судьба из Посланий Павла?

Там мы находим частые указания на то, что настоящее благо душевного развития состоит в т.н. оправдании верой в противоположность отсутствию ценности внешних дел, в том, что может получить душа, если она найдёт единение с Импульсом Христа, если она сможет принять в себя великую силу, к-рая проистекает из правильно понятого Воскресения Христа. Встречая это в Посланиях Павла, мы чувствуем, с др. стороны, как человеческая душа оттесняется при этом, так сказать, в самое себя, как может человеческая душа при этом отчуждаться от внешних дел, всецело полагаясь на благодать и справедливость веры. И вот подходит внешнее дело. Оно есть в мире, мы не уничтожаем его тем, что отвергаем. Мы сталкиваемся с этим в мире. И судьба опять звучит нам во всём грандиозном величии. Только если так понимать вещи, открывается взору могущественность подобных проявлений человечества.

Эти оба прославления человечества, Бхагавадгита и Послания Павла, в высшей степени отличны друг от друга. И это внешнее различие действует на душу, я хотел бы сказать, во всех частностях этих произведений. Мы восхищаемся Бхагавадгитой не только на тех основаниях, к-рые мы вкратце уже привели, но мы восхищаемся ею также на том основании, что она властно пленяет нас своей поэзией, ибо из каждого её стиха нам светит навстречу её возвышенная настроенность человеческой души; ибо во всём, что исходит из уст Кришны или его ученика Арджуны, во всём этом мы чувствуем как бы возвышение над всеми человеческими переживаниями, над всем страстным, над всем, что имеет дело с аффектом, что приносит душе беспокойство. Давая подействовать на себя хотя бы немногому из Гиты, мы переносимся в сферу душевного покоя, ясности, невозмутимости, отсутствия страстей и свободы от аффектов, переносимся в атмосферу мудрости; и уже при чтении Бхагавадгиты мы постоянно чувствуем всё своё человеческое как бы поднятым на более высокую ступень. Мы всюду чувствуем: мы должны освободиться от многого слишком человеческого, дабы правильным образом дать подействовать на себя заключающемуся в Гите возвышенному, Божественному.

Иначе всё это в Посланиях Павла. Отсутствует возвышенность поэтической речи, отсутствует и бесстрашие Гиты. Когда мы берём в руки эти Послания Павла, даём им действовать на себя, мы не раз чувствуем, как от слов Павла на нас веет существом, страстно возмущённым тем, что произошло. Можно было бы сказать, что иногда тон становится бранным. В Посланиях Павла то или другое неоднократно осуждается, проклинается, бранится. И вещи, к-рые высказываются там о великих понятиях христианства, о благодати, о законности, о различии между тем, что дано Моисеем и христианством, о Воскресении — всё это высказывается в тоне, к-рый должен быть в известной мере философским, к-рый хочет быть философским определением и к-рый, тем не менее, не является таковым, ибо в каждой фразе звучит голос Павла. Ни в одной фразе мы не можем забыть, что говорит человек, к-рый или взволнован, или справедливо разгневан на других, сделавших то или иное, к-рый так говорит о высочайших понятиях христианства, что мы чувствуем — он лично призван, он ощущает себя проводником этих идей.

Могло ли нам встретиться подобное при чтении Бхагавадгиты, чтобы высказывалась подобная настроенность личного характера, как у Павла, когда мы читаем в его Посланиях, что он пишет той или иной общине: «...мы дерзнули проповедовать вам благовестие Божие с великим подвигом... вы помните братия, труд наш и изнурение: ночью и днём работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедовали у вас...» Как всё это лично! Дуновение личного проходит через Послания Павла. Чудесную чистую сферу, эфирную сферу, граничащую повсюду со сверхчеловеческим и иногда простирающуюся в сверхчеловеческое находим мы в возвышенной Гите.

Таким образом, с внешней стороны огромное различие, и мы можем сказать: было бы слепым предрассудком не признавать, что в великой песне, в к-рой однажды было дано индуизму слияние властвующих над судьбой мировоззрений, что в этой Гите было дано индусам нечто возвышенно-чистое, безличное, невозмутимое, бесстрастное, свободное от аффектов, в то время как то, что выступает нам из провозвестия христианства в Посланиях Павла, носит вполне личный, часто исполненный страстей и лишённый невозмутимости характер. К пониманию приходишь не тогда, когда скрываешь истину и закрываешь глаза на подобные вещи, но тогда, когда их понимаешь и объясняешь в правильном смысле...» (л.3 от 30.12.1912г., с.68-72).⁷¹

«В Бхагавадгите перед нами, конечно, нечто подобное зрелому плоду, чудеснейшее, прекраснейшее образование, результат долгого развития человечества, возраставший тысячелетия и нашедший наконец зрелое, мудрое и художественное выражение в великоколенной Гите; в Посланиях же Павла мы имеем зародыш совершенно нового, что должно расти и расти; и чтобы дать подействовать на себя в полном значении этому новому, необходимо рассматривать его именно как зародыш, и иметь пророчески перед своим взором то, что однажды возникнет из него в будущем, когда протекут многие тысячелетия развития, и то, что заложено в Посланиях Ап. Павла как зародыш, будет становиться всё более и более зрелым. Только если обратить внимание на это, сравнение будет правильным. Но тогда также станет ясным, что имеющее сделаться некогда великим прежде должно было как бы хаотически вылиться однажды из души человечества в невзрачном облике, из глубины христианства в Посланиях Павла.

Таким образом, тот, кто принимает во внимание значение для человечества развития Земли, должен различно изобразить значение с одной стороны Бхагавадгиты, а с др. стороны Посланий Павла; и иначе будет изображать тот, кто судит по готовым произведениям о красоте, мудрости и внутренней завершенности формы. Желая провести сравнение обоих мировоззрений, открывающихся в Бхагавадгите и в Посланиях Павла, необходимо прежде всего поставить вопрос: о чём, собственно, идёт там речь? Речь там идёт о том, что во всём, что мы можем обозреть исторически в рассматриваемых мировоззрениях, мы имеем дело с продвижением Я в человеческом развитии. Если проследить это Я в человеческом развитии, то можно сказать: в дохристианские времена это Я было несамостоятельным, оно как бы коренилось ещё в скрытых душевных основах, ещё не пришло к возможности своего самостоятельного развития. Развитие могло принять самостоятельный характер только потому, что в это Я был внесён Импульс, к-рый мы называем именем Христа. Того, что в человеческом Я могло быть со времени Мистерии Голгофы и что выражено в словах Павла: «Не я, но Христос во мне», не могло быть ранее в человеческом Я.

Но и в те времена, когда уже приближались в созерцании к Импульсу Христа, в тысячелетие, предшествовавшее Мистерии Голгофы, медленно подготавливалось то, что

⁷¹ Р.Штайнер «Бхагавадгита и Послания Ап. Павла», 5 докладов, прочитанных в Кёльне с 28.12. по 1.01.1913г., «Духовное познание», Калуга-1993г.

должно было совершиться затем благодаря включению в человеческую душу Импульса Христа; подготавливалось именно в таком виде, как это нам выражено в деянии Кришны.

То, что после Мистерии Голгофы человек мог искать в себе самом как Импульс Христа, что он мог найти в смысле формулы Ап. Павла «не я, но Христос во мне» — перед Мистерией Голгофы он должен был искать вовне, должен был искать так, как будто оно должно прийти к нему как откровение из мировых далей. И чем далее мы углубляемся в ход времён, тем всё более блестящим, тем всё более импульсивным находим внешнее откровение. Таким образом, можно сказать: во времена, предшествовавшие Мистерии Голгофы, существовало известное откровение человечеству, откровение человечеству, к-рое происходило подобно тому, как солнечный свет освещает предмет извне. Подобно тому, как свет падает на предмет, так на души людей падал извне свет духовного солнца и заливал их светом. Мы можем сравнить с этим то, что после Мистерии Голгофы действует в душе как Импульс Христа, т.е. как духовный солнечный свет, сказав: это так, как если бы мы имели самосветящееся тело, к-рое светится изнутри.

При таком рассмотрении вещей факт Мистерии Голгофы становится знаменательной границей в развитии человечества, Мистерия Голгофы становится для нас рубежом в развитии человечества, таким рубежом, что мы можем изобразить символически все соотношения. Если это круг, обозначающий человеческую душу, то мы можем сказать: духовный свет светит извне со всех сторон на эту человеческую душу. Совершается Мистерия Голгофы, и после неё душа в себе самой несёт Импульс Христа.

Как капля, к-рая освещается со всех сторон и блестит в этом освещении, такой является нам душа до принятия Импульса Христа.

Как пламя, к-рое светится внутренне и излучает свой свет, такой предстаёт нам душа после Мистерии Голгофы, если она сподобилась принять Импульс Христа...» (л.4 от 31.12.1912г., с.98-101)

«...Кто в правильном смысле описывает эпоху раджас (IV-я Пост-Атлантическая эпоха, в к-рую свершилось Таинство Голгофы — К.З.) — если употребить это обозначение философии санххья — тот должен был описывать, исходя из раджаса, не из прояснённости, но из личного, исходя из взволнованности тем или иным. Так он должен был описывать. И так описывает Павел, исходя из отношения раджас. Чувствуете ли вы, как пульсирует в некоторых словах Посланий к Фессалоникийцам, в некоторых словах Послания к Римлянам, в некоторых словах Посланий к Коринфянам вырывающийся из человеческого отношения раджас, чувствуете ли вы то, что пульсирует в словах Ап. Павла как главная, личная характеристика; таков стиль и характер Посланий Павла. Они должны быть таковыми, в то время как Бхагавадгита должна быть просветлённой, свободной от личного, так как она являет высочайший свет, хотя и заканчивающейся эпохи, давая отдельному человеку возмещение за закатившееся и приводя его к вершинам духовной жизни. Кришна должен был дать своему собственному ученику высочайший совет, ибо он должен был умертвить в человечестве древнее знание, ибо он должен был размозжить голову змею.

Это отношение саттвы закатывалось само собой. Оно больше не существовало, и кто в эпоху раджас говорил бы, находясь в отношении саттвы, тот говорил бы лишь о старом. Тот, кто встал в начале нового времени, тот должен был говорить, исходя из того, что было ведущим теперь. Личность вступила в человеческую природу, в то время как человеческая природа пришла к исканию познания посредством органов и орудий физического тела. Это и звучит из Посланий Павла; это есть личный элемент в Посланиях Павла, он обуславливает то, что однажды некая личность громит гневным словом всё преходящее, как мрак материального; ибо в своих Посланиях Павел часто громит гневными словами.

Это обуславливает также и то, что в Посланиях Павла не может говориться, как в Бхагавадгите, в строго завершённых линиях, в полной мудрости, чётко ограниченной ясности. С такой полнотой, как в Бхагавадгите, можно говорить, если характеризовать, как человек может стать свободным от внешних дел, как он может подняться, торжествуя, к Духу, где он становится единым с Кришной. С такой полнотой мудрости можно описывать восхождение йога на высочайшие вершины душевного...» (л.4, с.116/17)

«Мы видим, что восхождение посредством йоги на духовные вершины даётся в Гите как основной тон, остальное затрагивается лишь попутно. Почему? Ибо Кришна в своих наставлениях обращается так к индивидуальному ученику и именно с индивидуальным учеником имеет дело, но не с тем, что ощущают как своё отношение к духовному другие вне стоящие люди. Кришна описывает здесь то, каким должен стать ученик, а он должен становиться всё возвышеннее и духовнее. Это описание, ведущее ко всё более и более зрелым душевным состояниям и потому ко всё более и более выразительным образам красоты. Поэтому лишь в конце выступает перед нами противоположность демонического и духовного, и она несколько подчёркивается в противоположности этого движения ввысь, в красоту душевной жизни: только в заключении мы находим выведенной противоположность тех, кто демоничен, тем, кто духовен. Демоничны все те, из к-рых звучит только материальное; кто живёт в материи, кто верит, что со смертью всё кончается. Но это приводится только для разьяснения; это не то, с чем реально имеет дело великий учитель; он имеет дело прежде всего с одухотворением человеческой души. Только мимоходом может говорить йога о том, что является противоположностью йоге.

Павел же имеет дело со всем человечеством, к-рое именно присутствует в эпохе тьмы. Он должен направить свой взор на всё, что приносит эта эпоха тьмы в жизнь человека. Он должен привести эту общую жизнь во тьме в контраст с тем, что впервые должно ожить в человеческой душе как маленькое растение, как Импульс Христа. Мы видим также у Павла, как снова и снова указывается на всевозможные пороки, на всевозможные виды материализма, к-рый должен быть побеждён тем, что имеет дать Павел. Он имеет дать то, что сначала возгорается в человеческой душе как маленькое пламя, к-рое может достигнуть силы от воздействия его слова лишь тогда, когда за его словом стоит энтузиазм, к-рый победоносно выступает в словах как откровение несомого личностью ощущения.

Так далеки друг от друга изложения Гиты и Посланий Павла. В Гите — просвещённость, безличное описание; Павел же должен высказать в своих словах личное. Это даёт тон, даёт стиль с одной стороны Гите, а с др. стороны Посланиям Павла, что выступает как там, так и здесь — хотелось бы сказать — в каждой строке. Художественного завершения что-либо может достигнуть лишь если оно вполне созрело; находясь в начале развития, оно является таким, что имеет нечто хаотическое...» (л.4, с.118-20)

«...Но из того, что до сих пор было охарактеризовано, вы можете увидеть, почувствовать, что фактически должно быть так, как выступает перед нами отношение между великой Гитой и Посланиями Павла; что всё изложение Бхагавадгиты, будучи зрелым плодом многих, многих предшествовавших эпох, может быть совершенным в себе; и что Послания Павла должны быть гораздо более несовершенными, ибо они суть зародыш ближайших, во всяком случае, более совершенных, всеобъемлющих мировых эпох. Тот, кто излагает ход мировых событий, хотя и должен признать несовершенство Посланий Ап. Павла по сравнению с Бхагавадгитой — очень значительные несовершенства, о к-рых не следует умалчивать — но он должен также понять, почему там должны быть эти несовершенства» (л.4, с.128/29).

«...если мы обратим внимание на внутреннейший нерв существа учения Кришны, то мы должны сказать: то, что переживается благодаря учению Кришны, переживается для себя в строгой отъединённости отдельной души, и встретить Кришну также можно, лишь будучи душевным странником, нашедшим снова путь к пра-откровению и пра-переживаниям человечества. То, что может дать Кришна, должно быть дано каждому отдельному человеку.

Иначе обстоит дело с откровением, к-рое дано миру в Импульсе Христа. Импульс Христа с самого начала был задуман как Импульс, к-рый обращается ко всему человечеству, и Мистерия Голгофы имеет значение не только для отдельной души, но если мы помыслим себе всё человечество от начала до конца развития Земли, то совершившееся на Голгофе совершилось для всех. Это в высшей мере общее для всех дело. Поэтому стиль Посланий Ап. Павла, помимо всего того, что уже охарактеризовано, должен быть совсем иным, чем стиль возвышенной Гиты...» (л.5 от 1.01.1913г, с.132/33)

ЗАВЕРШЕНИЕ (И ПО ЗАВЕРШЕНИИ) ВТОРОГО МИССИОНЕРСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

(весна/лето 54г.)

А вот теперь слово (автору Ев. от Павла) Дееписателю, с благовествованием к-рого мы расстались после отказа Юния Галлиона разбирать конфликт между Павлом и Иудеями (оптимально) весной 53г. н.э.

«Павел, пробыв ещё довольно дней, простился с братьями и отплыл в Сирию, — и с ним Акила и Прискилла, — остригши голову в Кенхреях по обету.

Достижни Ефеса, оставил их там, а сам вошёл в синагогу и рассуждал с Иудеями. Когда же они просили его побыть у них долее, он не согласился,

А простился с ними, сказав: мне нужно непременно провести приближающийся праздник в Иерусалиме; к вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу. И отправился из Ефеса; (Акила же и Прискилла остались в Ефесе).

Побывав в Кесарии, он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошёл в Антиохию,

И, проведши там несколько времени, вышел и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников» (Д.Ап.18,18-23).

Таким образом, по всему, в начале марта 54г. (так как 15 нисана пришлось в 54г. на 10.04., а на путь из Греции до Иерусалима, где Апостол непременно хотел провести приближающийся праздник, требовалось, с открытием — восход Плеяд — судоходства 5-10.03., ок. месяца) Павел, оставив Силу и Тимофея на время (продолжать работу) в Коринфе? или снова направив их в Македонию? сам в обществе (его гостеприимных коринфских хозяев и работодателей) Акилы и Прискиллы отплыл в Сирию.

Из текста не очень понятно-ясно, к кому именно относится острижение головы по (назирейскому) обету — к Акиле, упоминаемому (после Прискиллы) непосредственно перед словом об острижении? или к Павлу? вполне могучи относиться к ним обоим. Но по смыслу и по аналогии с Д.Ап.21,23-26, речь здесь идёт, в любом случае, перво-наперво, именно о назирейском обете Павла.

Обет (евр. — недер/недар), данный Богу, это обещание что-то служительски совершить для Него (посвятив себя Ему) в ответ на Его милость, благосклонность и благословение. Ветхозаветные разновидности обетов (кратко- и долгосрочных, или — реже — пожизненных): обет обещания; обет воздержания; зарок от женитьбы

или замужества; обет назорейства/назирейства (незер/назир). Яркий пример древнезаветного обета – обет матери Самуила Анны, к-рая, долго бездетная, взяла на себя (с обязательного для жены согласия мужа) обет в том, что если Бог даст ей дитя, она посвятит его (во служение) «Господу на все дни жизни его, и бритва не коснётся головы его» (1Ц. 9-11). Библейские назореи/назиреи Ветхого Завета – Самсон (Суд.13,3-7), Самуил (1Ц.1,1-11); Завета Нового – Иоанн Креститель (Лк.1,13-15), Иаков, брат Господень (Евсевий «И.Ц.» 2,23,4).⁷²

В чём именно заключался временный назирейский обет, взятый на себя Павлом, Д.Ап. не уточняет, но ясно, что речь идёт о служении (Господу) в рамках Второго миссионерского путешествия и, м.б., небезотносительно к вышеназванным годовщинам (исполнение сроков-обетований) Исхода старых-ветхих Израэлитов из Египта и вступления старого-ветхого Израиля в Землю Обетования, к тому же, во взаимосвязи этих метаисторических таинств-событий со слиятельной Пасхой 14г. н.э., с новыми христианскими Израэлитами и с новым христианским Израилем. Неспроста исполнение обета Авессаломома выразительно связывается в Писании с хроновременем – «по прошествии (не иначе как) сорока лет царствования Давида» (2Ц.15,7/8)!

А относительно собственно павлианско-назорейского обета, полагавшего в назорейском ракурсе воздержание от алкогольных напитков, от стрижки волос и от прикосновения к останкам умершего (Ч.6,1-21)⁷³, судя по тому, что Павел перед отплытием остриг в Кенхреях (в 11-и км от Коринфа на берегу Саронического залива Эгейского моря), перед тем как взойти на борт судна, голову по обету, последний был исполнен-выполнен и срок его истёк (первое миссионирование Европы успешно завершилось!). И «Т.Б.» правильно характеризует-квалифицирует этот временный назиреат Павла как «христианизированное исполнение ветхозаветного закона о назорействе по обету» (т.3, Д.Ап.18, с.136).

Острижение совершалось или по истечении срока обета, или – в случае осквернения, когда обет, согласно предписанию, надо было начинать снова.⁷⁴ Все означенные обряды соединялись с принесением (послеобетной) жертвы (остриженные волосы полагалось сжечь на жертвеннике), что могло иметь место только при храме, и потому означало путь в святилищный Иерусалим, к-рый и без того израэлитам (мужского пола) следовало посещать на паломнические празднества три, или, применительно ко времени конца эпохи Второго храма, минимум один раз в год (Пасха; Пятидесятница; Поставление кушей).

Павел придерживался определённых положений ветхого закона, к-рые не входили в противоречие с Новым Заветом и к-рые он не отвергал, считая их необходимыми для себя по собственному новозаветному усмотрению. К примеру, необходимость обрезания, обременительного для язычников, нисколько не означала в

⁷² Т.е., судя по (пожизненному) назиреату первого предстоятеля иерусалимско-христианской общины Иакова, брата Господня, или по (временным) назирейским обетам Павла, назиреат (к-рый в позднем второхрамовом еврействе, в условиях эллинистического и потом римско-эллинистического мира, утратил своё былое значение) практиковался-отправлялся также в среде первых христиан.

⁷³ У Флавия, по поводу обета царицы Береники, под ббг., сказано: «Целью её тогдашнего пребывания в Иерусалиме было исполнение данного ею Богу обета. У иудеев существует обычай, что те, к-рые перенесли болезнь или другое какое-либо несчастье, должны 30 дней до принесения ими жертвы посвятить себя благочестию, воздержаться от вина и снять волосы с головы» (И.в. 2,15,1). Существовала также разновидность короткого 7-дневного назиреата (см. ниже).

⁷⁴ Например, согласно Талмуду, царственная прозелитка Елена Адиабенская (см. выше) дважды обновляла свой 7-летний обет, в результате чего получился (согласно иудейскому преданию) её, в общей сложности, 21-летний (7 + 7 + 7) назиреат (Назир 3,6; Едуот 4,11).

понимании Павла (к-рый даже обрезал Тимофея «ради Иудеев») обязательную отмену онога для иудеев. Но Павел не обязан был придерживаться и, само собой, не придерживался каких-либо (излишних) *преданий старцев*, т.е. раввинистическо-талмудических запретов-установлений, вовсе не прописанных в законе, однако, со временем, неслыханно обременивших закон, относительно чего весьма недвусмысленно высказался ещё Сам Иисус.⁷⁵ И возможно острижение Павлом головы было окончанием частного обета с использованием узаконенного символа не без, повторим, хроноспиритуальной привязки к знаменательным годовщинам в метаистории *старого* и *Нового* Израиля, о чём Павлу и не только ему, было (надо думать) очень даже хорошо известно.

* * *

После, должно быть, ок. 7-дневного плавания вдоль и мимо эгейских островов, Апостол язычников со спутниками достиг по ту сторону Эгейского моря Ефеса — внимание! — впервые ступив в этот малоазийский город — центр римской провинции Азия и культа (со знаменитым святилищем) Артемиды, — где он проведёт ок. 3-х лет в ходе Третьего миссионерского путешествия (54 — 58гг.), и где с (ок.) 67г. (дата мученичества Петра и Павла в Риме) небезотлучно обоснуется-осядет (на 33года) Иоанн Богослов. Ведь именно Ефес станет основным местом жизни и деятельности пришедшего сюда на распаханную и засеянную Павлом христианскую почву Апостола Апостолов Лазаря-Иоанна, к к-рому здесь присоединится и закончит (возле брата) свои земные дни ок. 77 — 80гг. н.э. его сестра-близнец — (Апостолица Апостолов) Мария Магдалина.

Пока же, попав сюда (куда Дух Святой не допустил его в 52г., направив сначала в Европу — в Македонию и Грецию) проездом впервые, Павел посетил местную синагогу и, как повсюду, первоначально произвёл (высокообразованный двуязычный равви с дипломом школы Гамалиила) на иудеев весьма благоприятное впечатление. То-то они просили его побыть у них долее, наверняка что-то зная о нём и о проповедуемом им учении (как об ответвлении-разветвлении иудаизма), и испытывая к нему и к его нестандартному-необычному слову, по меньшей мере, живой неподдельный интерес. Но он, поспешая в Иерусалим, не согласился на задержку, обещав эфесцам вернуться к ним, — «если будет угодно Богу».

Между тем, Акила и Прискилла остались в Эфесе, видимо, с заданием обзавестись жильём и организовать артельную мастерскую, сродни коринфской, по деланию палаток, в видах скорого последующего прибытия в Эфес (и возможности работать также тут, чтобы зарабатывать себе на хлеб насущный, по аналогии с

⁷⁵ Если назирейский обет мог быть как принят, так и исполнен (и) вне пределов Земли Обета, то его завершение благодарственным жертвоприношением требовало, как сказано, посещения Иерусалима и храма. Мало того, согласно (не Ветхому Завету, но именно) «преданиям старцев», для принявших-исполнивших обет за пределами Св.Земли, ритуал окончания обета совершался не сразу по их приезде-приходе в Иерусалим, а спустя некоторое время: сообразно школе Шемяя, — по истечении 30-и дней; сообразно школе Гилея, — по истечении срока равного сроку назиреата (Назир 3,6; 6,8; Едуот 4,11).

Например, Елена Адиабенская, после 7-и лет назиреата (принятого ею на себя в свете счастливого возвращения её сына Изата с войны), прибыв в Иерусалим, по требованию раввинских авторитетов школы Гилея, назиреатствовала *ещё* 7 лет, в конце к-рых подпала ритуальному осквернению (соприкосновение с мёртвым телом), и вынуждена была назиреатствовать *ещё* 7 дополнительных лет (см. выше). Думается, не стоит уточнять, что подобных — отсутствующих в (неслыханно отягощённом талмудическими «преданиями старцев») В.З. — обременительных постановлений-установлений (фарисеев, к-рые не были партией, властвовавшей в храме) Павел точно не придерживался.

Коринфом, в мастерской) Павла, решение о чём было Апостолом уже принято. Если на заключительной стадии Третьего миссионерского путешествия он скажет, что (снова) побывав в Иерусалиме, «должен видеть и Рим» (Д.Ап.19,21), то закругляясь с путешествием Вторым, он решил сделать основным местом деятельности своего Третьего миссионерского путешествия именно Эфес.

Дальше, по тексту Д.Ап.18,22/23, возникают некоторые непонятки-разночтения. Дело в том, что в стихе 22, в наличных кодексах-манускриптах, слово «Иерусалим» (данное в русском синодальном, со старославянского, тексте курсивом), строго говоря, отсутствует, дополняемое по очевидному (продолжительному) смыслу (см. 18,21). Хотя – по очевидному – далеко не для всех, поскольку если «Иерусалим» присутствует в ряде текстов и переводов Н.З., то против его (неоправданного) интерполирования резко выступает Цанн (AG, S.663-65), равно как «Иерусалима» нет в армянской Библии, в католическом Евангелии К.Роша, или в переводе Нового Завета Э.Бока, зато есть у Лютера, или в «Новом Завете» К.Бергера и К.Норд.

При всём том, Бок, в отличие от Цанна, посещение Павлом Иерусалима не отрицает, тогда как Цанн полагает, что Павел прибыл морем в Кесарию Палестинскую, поприветствовал тамошнюю церковь, к-рую, к слову, по преданию, возглавлял бывший мытарь Закхей, и оттуда, не заходя (вопреки предварительному намерению) в Иерусалим, сразу направился в Антиохию Сирийскую. Теоретически (по букве текста-текстов) не исключено, но куда вероятнее, что ясно-специально оговоренный-указанный в стихе 21 Иерусалим как цель павлианского визита в ракурсе приближающегося праздника, в стихах 22/23 может быть просто (чтобы не повторяться) не оговорен = опущен. И такой не ломающий предыдущее благовествование расклад посещения Иерусалима, будь то с его (повторным) упоминанием в стихе 22 или без него, много реалистичнее, чем всякого рода догадки о грозившей, мол, в Иерусалиме Павлу опасности, о чём, мол, он узнал в Кесарии, и потому, дескать (или ещё почему-то), решил не идти в иудейскую столицу и т.д.

Засим мы примем, не сомневаясь (к чему Св. Писание не даёт повода) в этом, приход Павла в 54г. из портовой Кесарии в пасхальный Иерусалим⁷⁶, посещение к-рого продлилось, что тоже ясно из текста-контекста, очень коротко – не дольше дней 14/15-го и, главное (для Павла и христиан), 16-го нисана, и уход (вполне возможно, до окончания дней опресноков 21-го нисана) на север в направлении (скорей всего, из Кесарии морем?) Антиохии.⁷⁷

Теперь следуют остановиться на собственно празднике 54г., к-рый мы идентифицировали как Пасху, и к-рый в Д.Ап. не уточняется, могучи быть (ибо речь однозначно идёт о весне, с чем никто не спорит) либо Пасхой, либо Пятидесятницей. Притом, по аналогии с Д.Ап.20,16 и ниже, где фигурирует Пятидесятница 58г., вроде бы надо и в сём случае склониться к Пятидесятнице (что многими и делается), в то время как если всмотреться-присмотреться внимательно, придётся в отношении 54г. принять (оказывается) безальтернативную Пасху.

Удостоверимся. В Д.Ап.20,31 сказано о, в общей сложности, трёхлетнем (в рам-

⁷⁶ Согласно Цанну, помимо Кесарии, Город в Д.Ап.18,22/23 не называется, так как Павел не пришёл в Иерусалим на праздник, к-рые, т.е. и Город, и Праздник, всюду в Евангелии называются, когда речь ведётся о посещениях Иерусалима в большие праздники. Не так и не совсем так. В Ио.5,1, где говорится «праздник Иудейский», Судный день (не нуждающийся в уточнении) не назван, а в Лк.6,1 названа «второ-первая» суббота, без уточнения её «второпервости» (дойторопрото) от Пятидесятницы. В Мф.26,5 и в Ио.11,56 тоже сказано «праздник» без прецизации, однако, далее в Мф.26,17 и в Ио.12,1 называется Пасха.

⁷⁷ Напомним, что и иудейские нормы требовали обязательного пасхального присутствия паломников в храмовом Иерусалиме лишь в дни 14-16-го нисана (позволяя с 17-го покидать город).

ках Третьего миссионерского путешествия 54 – 58гг.) учительско-проповедническом пребывании Павла в Эфесе, к-рый, с др. стороны, он покинул, отчалив в Македонию и Ахаию (19,21; 20,1-3), после Пятидесятницы 57г. (1Кор.16,8) (см. ниже). Последняя дата не вызывает никаких сомнений, так как Пятидесятница любого другого года тут исключена. Далее, зима 57/58гг. была проведена Павлом в Европе – в Елладе – в Коринфе (20,2,3). А отбыв, по весне, из Европы в Иерусалим на Пятидесятницу 58г. (Д.Ап.20/21), он сделал в дороге остановку в Милите (южнее Эфеса), призвал туда пресвитеров Эфесской церкви (20,17), понапутствовал прибывших к нему в Милит, и сказал им, чтобы они бодрствовали, памятуя, как он три года день и ночь непрестанно учил каждого из них (20,31). Точнее, не 3 года, а «ок. 3-х лет», как проставлено в древнейших кодексах-манускриптах, на что, в сём случае, совершенно верно указывает Цанн (S.714; 724).

Мы же попробуем, не в пример недопонимающим или непонимающим павлианско-эфесские сроки Цанну и проч. экзегетам, уложить их в полученные нами хронорамки. При наличии в качестве времени пути Павла в Иерусалим на праздник Пятидесятницы весны 58г., возникает соблазн исчислить вышеозначенные 3 года в Эфесе (что ряд экзегетов и продельвает) с весны 55 по весну 58гг. Однако, при таком подсчёте 3 года учительства в Эфесе никак не набираются, поскольку, повторим, Павел покинул Эфес после Пятидесятницы в конце мая, т.е. не позднее июня 57г. И следовательно, эти 3 года – по июнь 57г. – необходимо исчислять (за отсутствием какой-либо иной возможности = иной отсчётно-отправной точки) с 54г.

И тогда получится, что в 54г. Павел коротко приходил в Иерусалим на апрельскую Пасху (10-12.04. = 14-16 нисана), но никак не на Пятидесятницу в конце мая, вслед за чем отошёл в Антиохию (18,22), где провёл (всего) «несколько времени» (23), затем «вышел» из Антиохии никак не позднее мая/июня (чего он не смог бы сделать при приходе в Иерусалим на Пятидесятницу в конце мая), и пройдя «по порядку страну Галатийскую и Фригию» (23), «пришёл в Ефес» (24).

Причём в Д.Ап. нет и намёка на павлианский сухопутный путь из Антиохии (в к-рой он пробыл совсем недолго) через Аманские ворота, Киликию, Киликийские ворота и Каппадокию... Т.е. не будет ошибкой предположить, что он отчалил из Селевкии Сирийской на (без Кипра) Пергию или Атталию (вспомним Первое миссионерское путешествие Павла и Варнавы), откуда через Памфилию и Писидию, или Ликаонию (в составе провинции Галатия), поднялся в центрально-анатолийскую кельтскую Галатию (о посещении к-рой дважды – в 51 и 54гг. – говорится в написанном им из Эфеса в 55г. Послании к Галатам) (см. выше; см. ниже); и уже из кельтской Галатии через Фригию пришёл не позднее августа, или августа/сентября в Эфес. Только таким макаром и никак иначе пребывание Павла в Эфесе (в рамках Третьего миссионерского путешествия 54 – 58гг.) может составить и составляет, с августа (или августа/сентября) 54-го по июнь 57гг., ок. трёх лет, для получения к-рых (имеющихся в тексте Д.Ап.) нужно, чтобы суммарное павлианское пребывание в Эфесе составляло не менее 2-х лет и 9/10 месяцев, в каковом случае и можно-должно (округлительно) сказать: ок. 3-х лет, или 3 года.

И пусть никого не смущают, как Цанна, Мертенса и др., дескать, противоречивые, то ли в пределах, то ли вне пределов этой трёхлетки сроки в 3 месяца (19,7) плюс 2 года (19,10), в к-рые – 3 месяца – Павел проповедовал в эфесско-иудейской синагоге, плюс, разругавшись с синагогальными иудеями и отделив учеников, 2 года – в училище некоего Тиранна. Эти 3 месяца и 2 года отсчитываются с лета/осени 54г. до исходной стадии 56г., не охватывая целиком ок. трёх-летнее (2 года и 9/10 месяцев) купное пребывание Павла в Эфесе, продолжавшееся с августа 54-го по июнь 57гг. (см. ниже).

Никакого иного решения нет. И соответственно, скажем снова: Павел (скорее)

коротко приходил (нежели не приходил) в Иерусалим на праздник именно Пасхи (до середины апреля), но не Пятидесятницы 54г., ибо будь это Пятидесятница, выпавшая на самый конец мая, а потом ещё – некоторое время в Антиохии (куда надо из Иерусалима сначала добраться), Павлу не хватит времени на то, чтобы через Пергию (или Атталию), Памфилию и Ликаонию (или Памфилию и Писидию), а главное, через страну Галатийскую и Фригию, где, в стране Галатийской и Фригии (к-рые названы в Д.Ап.), он утверждал «всех учеников» (18,23), успеть прийти в августе 54г. в Эфес. Посему данный вопрос посредством приведённой нами неопровержимой аргументации, за отсутствием альтернативных вариантов-решений, исчерпан.

* * *

Кроме того, озвучим некоторые косвенные аргументы в пользу Пасхи (а не Пятидесятницы) 54г. Примечательным образом, если в Евангелии до События Голгофы ни разу прямо не называется (иудейская) Пятидесятница-Шавуот (дарование Торы), даже когда она побочно присутствует в контексте *второпервой* субботы-дойторопото в Лк.6,1, то в дальнейшем, после События Голгофы и 4-х Евангелий, в текстах Н.З., наоборот, ни разу не фигурирует иудейская Пасха как праздник Пасхи, и напротив, Пятидесятница называется-именуется трижды.

Судите сами. В Д.Ап.2 – первая христианская Пятидесятница-Троица 24 мая 33г. н.э.; в 1Кор.16,8 – эфесская Пятидесятница Павла 30 мая 57г.; и наконец, в Д.Ап.20,16 речь идёт о Пятидесятнице 58г. (17.05.), на к-рую Павел спешит и со времени вскоре после к-рой начинаются его поначалу двухлетние кесарийские (58 – 60гг.) и впоследствии, с учётом промежуточного кораблекрушения и зимовья на Мальте (60/61гг.), двухлетние римские (первые) узы (61 – 63гг.).

А Пасха лишь дважды в Д.Ап. хрономаркирует время. Один раз в контексте гонений Ирода Агриппы на церковь Господню, когда он, казнив перед тем Иакова Зеведеева, заключил под стражу Петра «в дни опресноков» (12,3), «намереваясь после Пасхи вывести его (на судилище и казнь) к народу» (4) (см. выше). И во второй раз, маркируя время отбытия «после дней опресночных» (20,6) Луки со спутниками из (македонских) Филипп в (малоазийскую) Троаду, чтобы там присоединиться к Павлу по пути в Иерусалим на Пятидесятницу 58г. Т.е. *иудейская* Пасха в Д.Ап. не присутствует как самостоятельная-самодостаточная величина, отодвинутая в послеевангельских текстах Н.З. на задний план *христианской* Пятидесятницей.

И как раз-таки, в случае весеннего праздника 54г., будь на повестке дня Пятидесятница, резонен вопрос, почему она не называется, будучи названа и приложительно к 33-у, и приложительно к 58гг. (Д.Ап. 2; 20)? между тем как если в объективе 54г. Пасха, такой вопрос, пожалуй, отпадает, или, по крайней мере, её ненаименование становится более понятным.

И вот в чём здесь, на наш взгляд, в частности, дело. Интересно, что если после Таинства Голгофы христианская Пасха приходилась, отлично от иудейской, на воскресенский день 16-го, а не на 15-е нисана, то отсчитываемая именно с 16-го нисана Пятидесятница (50-й день от 16 нисана) у иудеев и у первых иудеохристиан, по времени празднования, совпадала. И вряд ли усомнишься, что первые христиане придерживались, по еврейскому календарю, именно такого порядка празднования: Воскресение Христово – 16-е нисана; Троица-Пятидесятница – 6-е сивана.

Вдобавок к тому, повторим, именно на 54г. пришлась 1500-летняя годовщина пасхального Исшествия Израиля в 1447г. до н.э. из Египта и 1460-я (365 x 4; или 360 x 4 = 1440 + 20) годовщина пасхального пересечения ишественным-изошед-

шим (из тьмы Египетской) Израилем Рубикона-Иордана, в то время как Пятидесятница — день дарования групповому ветхозаветному Израилю (народ в законе) Торы, что преобразилось в христианстве в праздник сошествия Св. Духа на Апостолов, в праздник космополитизации человека и человечества, в праздник свободных индивидуальностей во Христе! И не случайно, если в 54г., после Второго миссионерского путешествия, Пасха именно за кадром, то в 58г., после Третьего миссионерского путешествия, Пятидесятница, в 25-ю годовщину (четверть века) первой Троицы 33г., именно в кадре.

Но вернёмся к теме завершения Второго миссионерского путешествия. Итак, Павел побывал на Пасху 54г. в Иерусалиме, где поприветствовал церковь, справив в её составе, в Сенакле, воскресенский день 16-го нисана (12.04.), встретившись в столице, в Сенакле, с Богородицей и с некоторыми из Апостолов, и, среди них, с Петром. Или он встретился с Петром в Антиохии? где Пётр (учредив Антиохийскую церковь в 37г.), м.б., подвизался, отлучаясь оттуда в миссионерские странствия (и, в частности, побывав, через Александрию, Африку, Сицилию, в 47/48г. в Риме?) (см. ниже), с 51г.

Так или иначе, не открыл ли именно Апостол язычников Павел, впервые посетив через ключевое эллинистическо-малоазиатское направление греко-римскую Европу (Македония; Греция), перед Большим и Малым Апостолатом поистине ойкуменческие мировые горизонты, импульсировав стартовавшие с 54г. самые дальние (до Испании, Британии, Кавказа, Боспора и Индии) апостольские путешествия. И не в последний ли раз (не всех) Апостолов собрало в Иерусалиме в 54г. Успение и погребение Богородицы! Событие, при к-ром, если принимать за успенскую дату традиционный день 15.08., покинувшего Город в апреле Павла, кто, б.м., получил в Сенакле 16 нисана благословение Марии, не было. Точнее, он, как выясняется, не мог быть свидетелем Успения и участником погребения физически, тогда как обращённый-крещённый им в 52г. в Афинах Дионисий Ареопагит мог и вполне.

Впрочем, о Третьем павлианско-миссионерском путешествии и о дальнейших трудоёмких путях-дорогах, равно о первых и вторых узах, до его римского мученичества в 67г. н.э., Апостола Павла, мы будем подробно беседовать в следующих разделах книги «Апостолы и Цезари». А сейчас пришло время закончить метаисторическую часть вышепредставленного раздела нашего повествования рассказом о наличествующем, как известно, только в апокрифах Успении Богородицы.

УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ

(15.08.54г.)

Примечательно, что о земном исходе Марии, Матери Иисуса, христианские источники молчат до IV/Vвв., когда об этом начинают подробно рассказывать церковные авторы/авторитеты и апокрифы, свидетельства к-рых в дальнейшем множатся и множатся. При этом предел марианско-успенских хроноколебаний разнится в интервале от аж 2-го года после Вознесения Господня до времени пошрествии от Таинства Голгофы 24/25-и лет.

Так, не у собственно Евсевия Кесарийского, но в латинском переводе его «Церковной истории» (2) в качестве даты Успения Марии значится 48г. н.э. = 15 лет после Вознесения Господня, с примечанием: «Anno Domini 48, Maria Virgo Jesu Christi Mater in caelum Assumptur». По поводу 15-и лет после Вознесения Иисуса, с успенской хронологией Евсевия или Псевдо-Евсевия, согласен также анонимный сахидский фрагмент (предположительно) IV/Vвв. Или — Григорий Турский (VIв.), согласно к-рому Распятие имело место в 33г., уход 12-и Апостолов из Иерусалима

в миссионерские странствия – в 36г., а Успение Богородицы – в 48г. н.э.

Сообразно же, опять-таки, латинскому переводу Епифания Кипрского («Панарион» 78,11; 23), сведения из к-рого позаимствованы «Золотой легендой» (448–68), после Вознесения Господня Мария жила ещё 24 года; при Благовещении ей было 14 лет, при рождении Иисуса – 15, затем следуют 33 года Его земной жизни и 24 года жизни Марии после неё. Т.е. в пору Успения Ей было 72 года. Причём, если согласно Евсевию, дата Голгофы – 32/33гг. (32г. – у Иеронима; 33г. – «Versio Armenia») («Хроника»), сообразно чему, Успение спустя 15 лет попадает на 47/48гг., то согласно Епифанию («Панарион» 51,16; 24; 28), дата Голгофы – 32г., соответственно чему, Успение через 24 года, либо на 24-м году от Голгофы попадает на 55/56гг. Или апокрифы, черпавшие из Епифания, предпочитают 25-й год, либо 25 лет, чем (при отсчёте с 33г.) событие Успения приводится максимум в 57/58гг.

Далее, латинский апокриф «Transitus Mariae» (IV/Vвв.), авторство к-рого приписывают Мелитону Сардскому (Пв.), или, скорее, оно и вправду восходит к нему, говорит об Успении на 22-м году после Мистерии Голгофы (3), называя, следовательно, дату, принятую – как реально-историческую – и нами (Р.л. 1341/42), поскольку она, по нашему мнению, наиболее оптимальна, при том, что если авторство апокрифа (или каких-то его частей), действительно, восходит к Мелитону, то перед нами самое раннее из успенских свидетельств.

Согласно же «Ипполиту Фиванскому»⁷⁸, Марии при Благовещении – 14 лет, при рождении Иисуса – 15, при Его страдании – 48, а в пору Её Успения – 59 (хотя есть и варианты с возрастом – 61/62 года). Стало быть, «Ипполит» предлагает в качестве марианско-успенского срока – 11 лет после страданий Христовых, что коммуницирует с сообщением (борца против ереси монтанистов – Аполлона) у Евсевия («И.Ц.» 5,18,13) о велении Спасителя Апостолам на протяжении 12-и лет после Голгофы не покидать Иерусалим. Т.е., по этому раскладу (к-рый, сам того не ведая, подменяет Астральную Мистерию Христа в Рождество 44г. мнимым марианским Успением), кончина Марии приходится на 44г., в последний раз собирая круг Больших Апостолов вместе перед их уходом в миссионерские странствия в следующем 45г. Между прочим, с 44-м г. в хроноранге успенского согласен и Никифор Каллист (2,21).

С др. стороны, следуя «Псевдо-Клементинам», Иисус велит Апостолам не отлучаться из Иерусалима в течение 7-и лет; согласно апокрифическим «Актам Петра» (II/IIIвв.), – в течение 12-и лет. Между тем, Андрей Критский (ок. VII/VIIIвв.) и Георгий Кедрен (IXв.) солидаризируются с Епифанием относительно жизненного возраста Марии – 72 года, к-рый только (византийский военачальник, поэт, агиограф, монах) Иоанн Кириот (+ ок. 1000г.) доводит до аж 80-и лет, и к-рый, преимущественно, в различных апокрифах и у различных авторов колеблется в пределах от ок. 60/63-х и до 72-х лет⁷⁹, в то время как преимущественный предел колебаний даты Успения – 43/44 – 57/58гг.⁸⁰

⁷⁸ Fr.Diekamp «Hippolytos von Theben», Münster-1898, «Die Chronologie der Heiligen Jungfrau», S.88-96.

⁷⁹ Бар-Еврей (XIIIв.) в «Хронографии» пишет, что когда Мария родила Иисуса, «Ей было 13 или 14 лет, а умерла Она в 51 год или в 63 года» (46).

⁸⁰ По визионерско-сомнамбулическо-сивиллическим откровениям августинской монахини А-К.Эммерих (1174-1824гг.) (Р.л. 1385), Мария прожила 64 года без 23-х дней (исходя из Её рождения, в соответствии с принятым Церковью днём, 8.09. и Успения 15.08.). Она жила итого 14 лет по Вознесении Господнем, из них 3 года – на Сионе, 2 года – в Вифании, и 9 лет – в Эфесе, куда, дескать, Иоанн (Богослов) перевёз её вскоре после того как иудеи предали воле морских волн, на судне без руля, Лазаря и его сестёр («Das Leben der Heiligen Jungfrau Maria», S.404-06-22).

Повторим, поскольку сообразно части апокрифических писаний, Богородица была знакома с Дионисием Ареопагитом, кого Ап. Павел обратил-крестил в Афинах летом 52г. и кто вполне мог (впервые) побывать в Иерусалиме в 53г., что, на наш взгляд, заслуживает доверия и может иметь под собой реальную основу, все успешные даты до 53/54гг. отпадают. Вместе с тем, если видеть-слышать за апокрифом «Transitus Mariae» автора или отголоски автора второй половины Пв. епископа Мелитона из Сард, то весьма приемлемой датой Успения видится именно 54г. н.э. (в дни вторичного посещения Дионисием Ареопагитом Иерусалима), на к-рый и пришлась кончина родившейся 31.12.17г. до н.э. старшей дочери Иоахима и Анны – Марии Вифлеемлянки (новая Рахиль), К-рая стала со времени крещения Иисуса в Иордане Марией Мадонной, и К-рая преставилась, вполне вероятно, именно 15.08.54г. н.э., на 70-м году жизни.

И произошло это в год 1500-летия Исхода Израиля из Египта (1447г. до н.э.), в год 1460-летия перехода Израэлитов через Иордан в Землю Обетования (1407г.), плюс – в год, когда исполнилось 1480 (число Христа) лет (Т.Г. 1721) с начала в (уполовинивающем 40-летнее Исшествие Израиля) 1427г. до н.э. новокалендарного Великого года (= периода Сотис-Сириус) от антонического реформатора Аменхотепа Эхнатона, вдохновительницей к-рого (своего супруга) была прекрасная Нефертити (*Красавица грядёт*).⁸¹

Вспомним (см. «Р.л.»), в возрасте 3-х лет, к концу 14г. до н.э., Марию (Старшую) отдали на воспитание при храме Господнем, где она обреталась в обществе *уединённых дев* – храмовых отроковиц – до 5/4гг. до н.э., будучи обручена Иосифу Соломону (Вифлеемлянину) в начале 2г. до н.э., и родив сына-первенца – Иисуса Соломонида – 6.01.1г. до н.э.

Затем, в январе 1г. н.э., по поднесении годовалому Иисусу Соломону даров – золото, ладан и смирна – волхвами с Востока, Св. вифлеемское Семейство вынуждено было бежать от лютого гнева Ирода (устроившего избиение младенцев) в Египет, и возвратившись оттуда в апреле 2г. н.э. (через 3 года после Благовещения 6.04.2г. до н.э.), поселились в Назарете Галилейском, в к-ром жила с мужем, Иосифом Нафанидом, мл. сестра Марии Вифлеемлянки – Мария (Младшая) Галилеянка (род. 1.01.12г. до н.э.). И у Неё (новая Лия), у Марии Благодатной, по Благовещении 25.03.1г. н.э. (после смерти Ирода ок. 5.03.), по посещении Ею Елисаветы в Аин-Кариме и по рождении у Елисаветы 24.06.1г. Иоанна Крестителя, родился 25.12.1г. н.э. Её единственный ребёнок – сын-первенец – Иисус Нафанид.⁸²

Потом, со 2-го по 13гг. н.э., в Назарете, у Иосифа Соломонида (кто умер в 13г.) и Марии Вифлеемлянки родились ещё дети: сыновья Иаков, Иосия/Иосиф, Иуда, Симон и две (родившиеся в промежутке между двумя старшими и двумя младшими сыновьями) дочери.

⁸¹ Не забываем также о *сотисно-сириусном* сроке в 1460 лет от 2907 (начало III-й Египетско-Вавилонской культуры) до 1447 (Исход из Египта) гг. до н.э. + 40 лет = 1500 лет до 1407г. (смерть Моисея 7 адара; нисановский переход Израиля через Иордан – под предводительством Иисуса Навина); равно – не забываем о *сотисно-сириусном* сроке в 1460 лет от 1447г. до н.э. до *слиятельно-одухотворительной* Пасхи = Малое Крещение и Малое Преображение – 14г. н.э. Итого 3 сакральных 1460-летних срока: 2907-1447гг.; 1447г. до н.э. – 14г. н.э.; 1407г. до н.э. – 54г. н.э. Плюс – 1480-й год – с мартовской весны 1447г. до н.э. на апрель и май 33г. н.э. (Мистерия Голгофы: Распятие, Воскресение, Вознесение, Пятидесятница-Троица); и 1480 лет с весны 1447г. до н.э. по весну 34г. н.э. (обращение-крещение Савла-Павла).

⁸² Возраст Марии во время Благовещения и Рождества Иисуса колеблется у церковных авторов и в апокрифах в основном в пределах 12/13-и или 14/15-и лет, так как они не дифференцируют два Благовещения и два Рождества (Р.л. 928/29). Если благовещенско-рождественский возраст Марии Старшей – 14/15 лет, то благовещенско-рождественский возраст Марии Младшей – 12/13 лет.

В 14г. н.э., в-на слиятельную апрельскую Пасху (за 19 лет до Голгофы), Иисус Соломонид (Заратустра) пожертвовал свою высочайшую Индивидуальность безгрешному Иисусу Нафаниду (Кришна) = невинная сестринская душа Второго Адама, и днями после этого, придя домой в Назарет, тихо скончался = прешёл в Успение (18.04.). А месяцами позднее, 8.09. (дата под знаком Девы, преображённая позднее церковным преданием в марианско-рождественскую), последовало Успение Матери Иисуса Нафанида – Марии Благодатной, пречистая душа К-рой далее прикровенно сопровождала старшую сестру из духовного мира в Её восхождении к Марии Мадонне. Сопровождала во время, в годы, когда и пока существо Небесного Христа-Солнце (Эона Эонов) делало последние шаги в нисхождении на Землю из Небесных сфер для инкарнации в Иисусе из Назарета = для инкарнации-воплощения Христа Небесного в Христе Земном.

В 15г. н.э. две семьи, назаретская и вифлеемская, соединились в Назарете. Вдовая Мария Вифлеемлянка с детьми брачно вошла в дом вдового Иосифа Галилеянина и стала, таким образом, приёмной матерью своему племяннику, сыну покойной сестры – Иисусу Нафаниду. (Не взрастила ли родная сестра матери будущего Будды Майи, к-рая умерла при родах, её сына – Гаутаму!)

Овдовев вторично в 24г. н.э. (кончина Иосифа Нафанида), Мария (Старшая) в январе 30г. простилась сердцем матери с покинувшим отчий дом Сыном (Вдовы), Иисусом из Назарета, К-рый отправился к Иоанну Крестителю (кто выступил с проповедью 8.09.28г. н.э. – спустя ровно 14 лет от Успения Марии Благодатной) на Иордан. И с тех пор, как говорит Церковь, началось великое страдание (отдавшей Своего Сына миру) Марии. Причём в момент мистериального Крещения Иисуса Иоанном в Иордане 6.01.30г. н.э. девственно чистое существо Марии Благодатной, носительницы негрехопадшей субстанции праматери Евы (как Иисус Нафанид был носителем негрехопадшей субстанции Второго Адама), соединилось с Марией Старшей, вернув Ей силы божественного девства, сделал Её конституцию новодевственной. И так, после Иорданского Крещения Иисуса, Мария Вифлеемлянка стала Марией Мадонной!

3.04.33г. Она находилась (среди жён-мироносиц) во время казни Иисуса Христа, при кресте Голгофы, и приняла снятое с креста тело Сына на руки. Вот когда страдание Матери-Мадонны достигло кульминации! А в воскресенский день 5.04. Ей, второй после Магдалины, явился Христос Воскресший, о чём Евангелия таинственно умалчивают.

И лишь однажды Мария Богородица упоминается в Д.Ап., пребывая с некоторыми жёнами и братьями Иисуса в молитве и молении (1,14), в доме Пасхальной-Тайной Вечери, в Сенакле (Пасхальная горница) на Сионе, в дни между Вознесением Господним 14.05.33г. и первой христианской Пятидесятницей-Троицей 24.05.33г. н.э. Последующую марианскую жизнь и Успение воспроизводят (или пытаются воспроизвести) исключительно церковное предание и апокрифы, где реальность перемешана и с легендарностью, и с наивностью, и с глубокой спиритуальностью, к-рые подчас очень трудно размежевать.

В частности, по позднейшим преданиям, Богородица совершила поездку на Кипр, чтобы встретиться с Лазарем, посетила г. Афон (православная святыня) в Греции, и позже перебралась к Иоанну в Эфес (предание, известное с IVв.). Не симптоматична ли эта связка с Лазарем и Иоанном, к-рых ни Церковь, ни (за редким исключением) апокрифы не отождествляют. Если поездка Марии на Кипр, скажем, ок. 50г., теоретически возможна, то Афон и Эфес на реальность в её подлинности притязать вряд ли могут. Достаточно сказать, что Лазарь = Иоанн обосновался в Эфесе не раньше второй половины 60-х гг. IV в. н.э., куда он пришёл на почву, первоспаханную и первозасеянную Павлом, к-рый, со своей стороны,

был на подходе к Эфесу как раз в дни Успения Богородицы в августе 54г. Посему версию Её эфесского Успения всерьёз рассматривать не приходится.

Иное дело, что в Эфесе, возле брата-близнеца Лазаря, провела последние годы жизни и преставилась Мария Магдалина, над к-рой под крестом Голгофы простёрла свои духовные покровы, спиритуально *восстав* в ней, Мария Благодатная, Кто, как сказано, покровительственно (Покрова Богородицы!) сопровождала старшую сестру из духовного мира с 14г. н.э. и *восстала* в Ней при Крещении Иисуса Иоанном в Иордане! Вот в чём накладка легенды об эфесском Успении Богородицы, где предание путает осенённых благодатью Марии Младшей Марию Старшую и Марию Магдалину = трёх Жён – носительниц ипостаси Святого Духа – как Вечной Женственности, как Сокровенно Женственного в человеке от Девы, облечённой в Солнце!

Исторически же Мария Мадонна (посещение К-рой Лазаря на Кипре ок. 50г.? вполне допустимо) после крестной смерти и Воскресения Иисуса, после Вознесения и Троицы, провела остаток жизни в Палестине, живя в Иерусалиме на Сионе, в доме матери Иоанна Марка (Сенакль). И ещё, б.м., – в расположенном, опять-таки, неподалёку, на Сионе, доме Иакова и Иоанна Зеведеевых, мать к-рых Саломия, родная сестра Марии Клеоповой, приходилась Богородице сестрой двоюродной. Плюс – дом Лазаря и его (находившихся до ок. 47г. в Палестине) сестёр в Вифании.

Притом, как мы знаем, Иаков Зеведеев принял мученичество первым из круга 12-и Апостолов в 44г., тогда как его мл. брат Иоанн есть своего рода местоблюститель (их старшего брата по отцу) Лазаря-Иоанна во время и со времени палестинского отсутствия последнего, в связи с чем мученичество Иоанна Зеведеева в 55г. (тоже) косвенно маркирует Успение Богородицы в предшествующем 54г. Иначе говоря, дата Её Успения, с большой долей вероятности, выпадает на время между обращением-крещением Дионисия Ареопагита (52г.) и мученичеством Иоанна Зеведеева (55г.). С одной стороны, – не ранее, но позднее Дионисиева обращения (*terminus ante quem*), с другой, – до Иоаннова мученичества (*terminus post quem*).

И хотя Христос поручил с креста любимому ученику – Лазарю-Иоанну – *взять-принять в себя Деву Софию и жить-действовать-творить из Импульса Софии*, из к-рого были богодухновенно составлены IV-е Евангелие и Откровение Иоанна, равно как с креста было манифестировано духовное усыновление Девой Софией Лазаря-Иоанна, что не есть поручение Иисусовой Матери Марии (у к-рой имелись, помимо пасынка Иисуса, 4 сына и 2 дочери) бытовому попечению Лазаря-Иоанна, тем не менее, и Мария, и Лазарь-Иоанн, и его сводный единокровный брат Иоанн Зеведеев обретаются, по Христову благословию, в глубокой внутренней связи между собой. Посему Успение Марии и мученичество Иоанна Зеведеева не могут не быть взаимосвязаны, в т.ч., хронологически. Иоанн *заменил* в Иерусалиме отбывшего ок. 47г. на Кипр Лазаря (к-рый мог и позднее посещать Иерусалим) возле Марии и принял мученический венец вторым из круга 12-и (вслед за старшим братом Иаковом) после Её Успения.⁸³

Между тем, Мария Старшая, кроме Иерусалима, временами жила в Галилее (в Назарете), где, б.м., и после 45г., когда 12 Апостолов и среди них Её младшие сыновья, Иуда-Фаддей и Симон, братья-близнецы, отправились на ойкуменическую

⁸³ Согласно иерусалимскому патриарху Софронию (VI/VIIв.) и Симеону Метафрасту (Xв.), «Иоанн Богослов никогда не отлучался от богоблагодатной Матери, К-рой был усыновлён, но как истинный сын служил Ей, давая приют в своём доме до самой Её кончины». Т.е. речь об Иоанне Зеведееве, кого Софроний, Симеон и др. неправоммерно смыкают-отождествляют с Иоанном Богословом, и кто (в отличие от Лазаря-Иоанна), большую часть времени с 33г. до своего мученичества в 55г. (см. ниже) провёл (ненадолго пережив Богородицу) в Палестине и Иерусалиме.

проповедь, жил их старший брат Иосия (к-рого некоторые зачисляюТ в список 70-и Малых Апостолов), жили-обитали две замужние Иисусовы сестры и др. родня.

Однако большую часть времени с 33 по 54гг., т.е. итого 21 год (7 х 3) отпущенной Ей по свершении Таинства Голгофы жизни, Матерь Иисуса, без сомнения, провела в Иерусалиме, взятая поистине не смертью, но Успением в Небесную славу на 22-м (число букв еврейского алфавита) от Голгофы году. И местом Успения Богородицы был никак не Эфес, не пригород Эфеса (где не позднее 77 – 80гг. н.э. преставилась Мария Магдалина), а Иерусалим, с погребением (согласно древнейшей традиции) в Кидронской долине (Иосафата, к-рая издревле связывалась иудеями с великой мессианской надеждой на воскресение мёртвых), в Гефсимании, возле могил Её родителей – Иоахима и Анны.

* * *

Итак, об Успении и погребении Богородицы повествуют поздние апокрифы: сирийский (в основе?) «Исход Марии Девы» Мелитона Сардского (IV/Vвв.), с к-рого составлен латинский перевод «Transitus Mariae» (Vв.), греческое «Сказание об Успении Богородицы Иоанна Богослова» (V/VIвв.), «Послание Дионисия Ареопагита к Тимофею» (VIв.), коптское «Сказание об Исходе Марии» (VIIв.), латинское «Сказание об Исходе М.» (VIIв.), армянское «Сказание об Исходе М.» (VIIв.), «Сказание Иосифа Аримафейского» (VIIв.)...

В конце VIв. Григорий Турский в сочинении «Слава мучеников», пересказывая «Исход Марии Девы» Псевдо-Мелитона Сардского, пишет: «Когда Мария была при конце Своего поприща земного, собрались по божественному внушению все Апостолы из всех стран в Её дом иерусалимский. Вот тогда явился Иисус со Своими Ангелами, взял душу от Неё и передал Архангелу Михаилу. Апостолы перенесли бездушное тело на следующее утро в гробницу. И пока они там стояли, опять внезапно появился Господь, взял тело в облако и принёс его в Рай, где душа опять с Ним соединилась» (1,4).

Впрочем, возвестил Богородице (К-рая жила в Иерусалиме, молитвенно посещая Голгофу и Гроб Господень, как и другие связанные с Иисусом места Палестины) во время Её очередной молитвы о предстоящей кончине ответственный за генофонд (богоизбранного народа), за жизни и смерти человеков Архангел Гавриил. Не Он ли явился Марии Младшей, согласно Ев. от Лк., при Благовещении, в то время как в случае Благовещения и Рождества Иисуса Соломонида, согласно Ев. от Мф., Ангел Господень обращается к Иосифу!

И вот, явившись теперь, Архангел обратился к склонившейся в истовой молитве Марии: «Сын Твой и Бог наш с Архангелами и Ангелами, Херувимами и Серафимами, со всеми небесными духами и душами праведных примет Тебя, Матерь Свою, в Небесное царство, чтобы Ты жила и царствовала с Ним в вечности».

И Архангел вручил Матери Иисуса сиятельную ветвь райского дерева (символ победы над смертью и нетления), указав, чтобы её несли перед гробом при погребении. О полученном известии Мария сообщила Иосифу Аримафейскому. Желая видеть перед смертью Христов Апостолат, Она обратилась с молитвой к Богу, и «по повелению Божию, Ангелы восхитили разошедшихся с проповедью Евангелия по концам Вселенной Апостолов и на облаках принесли их в Иерусалим, поставив на Сионе, перед дверями дома, где обитала Матерь Божия».

Примечательно, что, согласно некоторым апокрифам, Св. Дева поручила Ап. Иоанну нести райскую ветвь перед Её гробом, а Иоанн известил (местного предстоятеля) Иакова, брата Господня, к-рый заблаговременно оповестил иерусалим-

ских и окрестных христиан, после чего, при раскатах грома и молниях, в Иерусалим на облаках были перенесены, чтобы проститься с Богородицей, из различных стран их проповеди, Апостолы Христа. Т.е., по этому варианту предания, Иоанн находился в Иерусалиме, тогда как по др. рассказам, он был перенсён на облаке (эфир) из Эфеса, восхищённый оттуда чудесным вихрем в момент проповеди. Не таится ли тут отголосок памяти о двух Иоаннах – о Лазаре, к-рый в 54г., вероятно, обретался на Кипре (?), м.б., прибыв летом в Иерусалим(?), и об Иоанне Зеведееве, к-рый в августе 54г. вполне мог находиться и, надо полагать, находился в Иерусалиме.

Как видим, апокрифы представляют чудесную историю *облачного* перенесения Апостолов в Иерусалим, к-рая не требует физического присутствия круга 12-и при погребении, одновременно не отрицая возможность именно физического участия в погребении некоторых из них, к-рые очень даже могли быть в означенное время в Иерусалиме, или прибыть сюда из соседних палестинских юдолей. И совсем иная спиритуальная тайна заключается в том, что между Иисусом, как центром круга 12-и (число пространственной полноты), и 12-ю Учениками посреднически царит сущность Софии – Святого Духа = дарующая Мудрость Небесная Мирозада, олицетворяемая Богородицей.

Из числа собственно 12-и на 54г. нет, как сказано, в живых принявшего мученичество в 44г. Иакова Зеведеева; да и 13-й Апостол Павел (сходно Иакову, брату Господню) в круг 12-и не входит. То-то, если согласно одним преданиям, он при погребении не упоминается, то согласно другим, его (стоящего особняком) явление имеет место позже явления остальных. И всё-таки, предание говорит, не нарушая сакральную цифирь, именно о прощающихся с Марией и окружающих Её смертный одр именно 12-и (без Фомы), плюс – Дионисий Ареопагит. По отдельным апокрифам, в погребении из дома Пасхальной горницы – места Успения – участвуют также 70 (число народов Ойкумены) Малых Апостолов.

«...15 августа Св. Дева возлежала на одре, усыпанном цветами, ожидая пришествия Своего Сына. Вдруг воссиял несказанный свет, помрачивший светильники; кровля горницы открылась и вошёл Сам Христос с тьмами Ангелов, со святыми прототцами и пророками. Она обратилась к сыну со словами: «Величит душа моя...», «Готово сердце моё, Боже, готово сердце моё» (Пс.56,8), и просила Его благословить чтущих Её память. Богородица просила также защитить Её от тёмной сатанинской силы, т.е. от воздушных мытарств. Затем Богоматерь безболезненно передала душу в руки Господа, и тотчас раздалось ангельское пение, в к-ром часто раздавались слова благовещенского приветствия: «Радуйся, Благодатная, Господь с тобою» (Лк.1,28). Апостолы провожали очами уносимую Господом душу Богородицы. От благоухающего тела Её больные получали исцеление...»⁸⁴

Следуя латинскому апокрифу «Transitus», явление Иисуса, К-рый взял хрупкую душу Марии и вознёс Её в Небесную славу (Assumptio), случилось в 3-м часу ночи. А при погребении до полудня, со свечами и кадилами, руками Апостолов, Иоанн предложил Петру нести сиятельную райскую ветвь впереди смертного одра, – «ибо Господь поставил тебя пасти овец Его», на что Пётр ответил: «Тебе, Иоанн, нести эту ветвь, поскольку ты девственно чист и избран Богом. И это ты возлежал на груди Господа на Тайной вечери, испив более всех от мудрости и благодати. Посему и ветвь нести тебе, испившему из чаши света». Павел же сказал Петру: «Я понесу с тобой одр». И они взялись за него первыми, прежде прочих. И когда процессия двинулась, Пётр затянул подхваченный остальными Псалом Давида: «Когда вышел Израиль из Египта, дом Иакова из народа иноплеменного...» (Пс.113,1) (11).

⁸⁴ М. Скабалланович «Успение Пресвятой Богородицы. Событие и предание о нём», Киев-2004г.

Не случайно Успение и погребение происходят, повторим, в годовщину Исхода Израиля из Египта (1500 лет: Моисей – Пётр), в годовщину старта обновлённого цикла-периода Сотис-Сириус и реформации Эхнатона (Стефан) и Нефертити (Мария) (1480 лет – число Христа), в годовщину перехода израэлитов, под предводительством Иисуса Навина (Лазарь-Иоанн), в Землю Обетования через Иордан (1460 лет – великий год-период Сотис-Сириус). 1447г. до н.э. – 54г. н.э. = 1500 лет; 1427г. до н.э. – 54г. н.э. = 1480 лет; 1407г. до н.э. – 54г. н.э. = 1460 лет.

В Таинстве Успения Богородицы в Её судьбе своеобразно повторяется на ином уровне Таинство Благовещения и Рождества Христова (возвешение Архангела Гавриила о близкой смерти – *новое* Благовещение на пороге Успения; вознесенское взятие в Небесную славу – *новое* Введение во храм...). Притом сестринский дуализм благовещенско-рождественских Таинств сливается в успенской Мадонне воедино. (Морская Звезда) Мария (Stella Martis) – невинная Ева, пришедшая исправить дело падшей Евы⁸⁵ – дом Отца и храм, из к-рого вышел Христос, чтобы вывести Новый Израиль из ставшего дегарадантным Египтом Израиля старого, чтобы вывести дом Иакова, над к-рым Христос будет царствовать вовеки и царству Его не будет конца, к Богу из народов ино- и разноплеменных!⁸⁶

Как кредо трёх положивших свои короны к стопам Царя Царей царей-волхвов из различных эпох, стран-царств и народов есть абсолютный космополитизм-универсализм (без Еллина, Иудея и т.д.), так и Христос, К-рый родился от жены и подчинился закону, К-рый искупительно взошёл на крест, преобразив Своими Смертью и Воскресением ветхий закон в Новый Завет (без различия этносов, партий, орденов, вероисповеданий и какой-либо иной групповой принадлежности), умер и воскрес как за каждого человека (живого или мёртвого) в отдельности, так и за всё человечество в совокупности! А давшая Иисусу земную жизнь Мария, уйдя в Успение, сделалась вселенской Матерью и заступницей людей, равно – всего

⁸⁵ По армянскому преданию, место погребения Евы – Вифлеем.

⁸⁶ Сообразно Иоанну Дамаскину (VII/VIII вв.), если «первая Ева впала в преступление, и через неё, послужившую змеею против прародителя, смерть вошла в мир», то Мария, «послушная воле Божией, обманула змея, обманувшего нас, и ввела в мир нетление» (1 In Nativ. B.V.M. 7). «О, священная дочь Иоакима и Анны... проводившая жизнь в брачном чертоге Духа и сохранённая чистой, чтобы стать невестой Божией и по человеческому естеству Матерью Сына Божия» – такими словами воспеваает Дамаскин беспредельное величие Девы. Библейский образ брака, в к-ром женихом выступает Бог, а невестой – ветхозаветный Израиль, превращается у некоторых церковных авторов в союз Сына Божия и Девы Марии, называемой ими Его «Невестой». Отсюда Богородица – покровительница или Мать Церкви – невесты Христовой. Ветхозаветным прообразом Божией Матери является Ноев ковчег, а сам Ной служит прообразом Христа – нового Ноя, спасшего мир от потопа греха. Если Ефрем Сирийский усматривает образ рождения Христа от Девы Марии в чудесном рождении Исаака Саррой, то для Андрея Критского: «Сколь величественными именами Она украшена, и как выразительно во многих местах Писания показана. Так, желая говорить о Ней, оно именуется Её Девой, Отроковицей, Пророчицей, далее – Брачным Чертогом, Домом Божиим, Храмом Святым, Второй Скинией, Святой Трапезой, Жертвенником, Очистищем, Златой Кадильницей, Святым-Святым, Херувимом славы, Златой Стамной, Ковчегом Завета, Иерейским Жезлом, Царским Скипетром, Диадимой Красоты, Сосудом с миром помазания, Алавастром, Свещником, Курением, Светильником, Светильницей, Колесницей, Купиной, Камнем, Землёй, Раем, Страной, Нивой, Источником, Агницей... и др. именами, какими знаменитые истолкователи Духа по таинственному воззрению на символы Её именуют» (In Nativit. B.V.M.).

рода человеческого, перед Всевышним, сделалась небесной предстоятельницей Велико-Материнской Ложи человечества.

«...Над одром появился облачный круг в виде венца, озарённый сиянием. Этот венец плыл за процессией до самого места погребения, при чём раздавалось немолчное пение Ангелов. За процессией, дивясь ей, шли иудеи, не веровавшие во Христа. Узнав об этом, архиереи и книжники пришли в ярость и послали слуг и воинов разогнать процессию, убить учеников Христа и сжечь тело Богоматери. Когда преследователи начали настигать процессию, облачный венец спустился на землю и, как стеною, окружил её. Преследователи слышали пение, но ничего не видели за облаком. К тому же парившие Ангелы поразили их слепотою: одни разбивали головы о городские стены, другие искали проводников. Встретившийся иудейский священник Афоний (Иефоний; Софония), коснувшийся одра, чтобы опрокинуть его, был чудесно наказан отсечением рук, к-рые повисли на одре, но после раскаяния получил исцеление. Получили исцеление после раскаяния и ослепшие. Положив тело Богоматери в гроб, Апостолы пробыли при гробе трое суток и воспевали днём и ночью Псалмы. И всё это время в воздухе слышалось пение небесных сил. Затем для опоздавшего Ап. Фомы открыта была гробница: тела Богоматери там не оказалось. Но в этот же день после вечерней трапезы Апостолы услышали ангельское пение и увидели в воздухе стоящую Богоматерь, сияющую и окружённую Ангелами. Они невольно, вместо «Господи, Иисусе Христе, помогай нам», воскликнули «Пресвятая Богородица, помогай нам!» После этого Апостолы опять на облаках возвратились в те места, откуда были взяты» («Успение...»).

По «Золотой легенде», выступившие навстречу траурной процессии иудеи решили: «Убьём учеников Его и сожжём тело, к-рое выносило обманщика и совратителя народа». Но руки первосвященника, к-рый попытался опрокинуть смертный одр, приросли к нему, а прочие иудеи были ослеплены сопровождавшими процессию Ангелами. И первосвященник взмолился об исцелении Петру. Пётр же сказал: «Если уверуешь, исцелишься». И он ответил: «Верую, что Иисус Христос — Сын Божий». «Возьми райскую ветвь из рук Иоанна, освяти ею народ и они все прозреют». И он сделал так, и они прозрели. И Апостолы положили тело Марии во гроб (в Кидронской) долине Иосафата (ряд апокрифов локализирует Гефсиманию). И на 3-й день явился Христос с сонмами Ангелов. И Михаил принёс душу Марии пред Господа. А Иисус сказал: «Ты, сосуд жизни и небесная храмина, как Ты не подпала при Моём воплощении плотскому греху, так и во гробе Тебя не коснётся гление. И душа Марии вошла в тело, к-рое, восстав из гроба, было вознесено на небеса (в небесную славу) в сопровождении Ангелов.

Или, др. вариант, Апостолы возвратились с погребения в дом Иоанна, великого Евангелиста и Богослова (в Вифанию?! в Иерусалим?!), найдя спустя 3 дня гробницу Богородицы (в Гефсимании, у подножия западного склона Елеонской горы, в долине Кидрон) чудесно пустой, что засвидетельствовало Её Вознесение.

Или только Фомы не было среди Апостолов (по аналогии с его отсутствием во время явления Христа Апостолам в вечер Воскресения в Сенакле) при погребении. И когда он пришёл, то не хотел верить в Вознесение Богородицы, не удостоверившись самолично (как не хотел он верить в Воскресение Христово, покуда не вложил на 8-й день персты в рёбра Распятого). И для него открыли гробницу⁸⁷, к-рая оказалась пустой, а к ногам его внезапно упал пояс Богородицы с неба. Или — др. вариант — пояс был обнаружен Апостолами в пустом гробе и взят Фомой.⁸⁸

⁸⁷ Ныне над гробницей Марии в долине Иосафата стоит воздвигнутая крестоносцами великолепная базилика.

⁸⁸ Марианская «очищенность от чрева матери» у автора «Гимнов к Марии» Ефрема Сирина (IVв.) выросла у католиков в догмат Непорочного зачатия самой Марии, принятый в 1854г. А

По своей красоте, таинственности, трогательности, детской наивности-чистоте, эти и др. апокрифические предания-сказания об Успении Богородицы, скажем ещё раз, удивительно перекликаются с отражённой как в Евангелиях, так и в апокрифах Мистерией Благовещения и Рождества. Они проникнуты лунно-солярной тайной Вечной Женственности и Вечно Женственного как, снова повторим слова Гёте, — «заповеданности истины всей». Вот в чём их поистине небесное великолепие.⁸⁹

Полярная природа двух Иисусов, Соломонида и Нафанида, к-рые сначала встретились, а потом, на слиятельную Пасху 14г., когда брат пожертвовал свою индивидуальность брату, духовно — Истина и Милость — (вос)соединились, сделала возможным вочеловечение в Крещении на Иордане во Христе Земном Христа Небесного, сделала возможным вочеловечение Бога, сделала возможным инкарнацию в Человеке Человеков экстракта Вселенной — Духа Солнца!

Обе Марии, Старшая и Младшая, Вифлеемлянка и Галилеянка, были сосудами избранничества, выносившими Христа Господня. И Мария Старшая дважды принимала на руки мёртвого Сына: в апреле 14г. — родного; (а спустя 19 лет, — по прошествии лунного цикла) в апреле 33г. — приёмного. Взяв-привя в себя душу сестры, Марии Благодатной, Она приняла на себя и двойную тяжесть пика марианско-материнской скорби в периоды с 14-го и с 30-го по 33г. Когда, т.е. в 30 — 33г., Иисус из Назарета, Христос Земной, носил в Себе, сущностно соединившись-слившись с Ним, Христа Небесного, К-рый пламезарно растворился в Нём, пламезарно растворив Его в Себе (почти *самосожжённого* внутри-изнутри — как Человек — огненным Духом Солнца!) и ведя-возводя к крестно-искупительной Голгофе, к Смерти, к низложению в могилу Земли, к Воскресению, Вознесению и к ниспосланию Им на Апостолов со ученики пятидесятничного Св. Духа.

Ни одно живое существо не прошло через такие страдания, через к-рые прошла, пережив и сопережив купное Таинство Голгофы, Мать Христа. Через Непорочное зачатие (к-рое не есть зачатие бессеменное!), через Скорбь и Страдание Она прозрела духовно, став искупительницей праматери Евы, имя к-рой Eva (вовсе не по случайному стечению обстоятельств) читается — в преображении-благословении — как Ave! Латинская молитва и ангельское приветствие (*angelica salutatio*) — Ave Maria!

Магдалина, к-рой Воскресший явился на рассвете 5.04.33г. первая интуитивно узрела Его духовный облик. Но в момент этого явления Мистерия Воскресения была ещё в (пред)рассветных сумерках, она ещё не завершилась, она вершилась-осуществлялась, солнце восходило, и потому Спаситель предупредил Магдалину: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему». С Фомой дело обстояло иначе, ему требовалось именно физическое прикосновение к Фантомному телу Воскресения, чтобы ощутить эфирную субстанцию, способную уплотняться до (обезвещественного-невещественного) физиса, дабы воочию-осязательно удостоверить в Таинстве воскресенского Фантома и уверовать.

Богородица же не нуждалась ни в предупреждении, как Магдалина, ни в прикосновении, как Фома. Ей — *Королеве Утренней Зари* — открыли видение-восприятие-

в 1950г. Католическая церковь приняла догмат о (издревле известном из апокрифов) чудесном телесном Вознесении Богородицы на Небо, объявив в 1964г. Марию «Матерью Церкви». В Православной церкви, где Мария песнопевчески называется «всех стихий земных и небесных освящением» и «всех времён года благословением», догматических положений относительно Её посмертно-телесного Вознесения на Небеса нет.

⁸⁹ Выдающийся мистик Ангел Силезский (1624-77г.) призывает каждую человеческую душу стремиться к Марии: «Марией будь и пусть созреет Бог в тебе; / Он сладость святости твоей сулит судьбе».

переживание Воскресшего, открыли чудо Его воскресенской духовно-фантомной телесности, о чём Евангелия таинственно молчат, Её несравненные, Её пронзительно-прозрачные скорбь и страдание Матери Христа Господня!

И в течение сорока довознесенских дней после Пасхи Воскресения Господня Она, понимавшая ранее Иисуса благодатным материнским сердцем, во всей полноте постигла Мистерию Христа Спасителя. Неспроста средневековые живописцы изображают Её на Троицу в центре группы освящённых огненными языками учеников, как их средоточие, как целомудреннейшую обитель Духа Святого. Такова новозаветная судьба ветхозаветной Дщери Сиона и Девы Израилевой. Олицетворения их обеих в Новом Завете суть сёстры – Мария Старшая (новая Рахиль – новая Лия) и Мария Младшая (новая Лия – новая Рахиль), Мария Благодатная и Мария София, к-рые в Марии Мадонне, в Пресвятой Деве Марии Богородице становятся светозарным единством во Христе!⁹⁰

Если носитель новаполлонического (Иисус Соломонид – Мария София) христианства Лазарь-Иоанн связан с Богородицей мудростно-софиологически, то связка между ней и носителем новодионисианского (Иисус Нафанид – Мария Благодатная) христианства Павлом – вселенско-ойкуменическая. Воскрешённый Христом Лазарь = Иоанн, единственный из Апостолов, стоял под крестом Голгофы, получая непосредственную инспирацию от Распятого. И это ему Христос с креста велел взять к себе = в себя Софию. Павел не знал Иисуса в земной жизни, будучи гонителем Его учеников до ослепительно-исцелительного явления ему эфирно-воскресенского Христа (в солярно-фантомном теле Воскресения) на пути в Дамаск.

Возможно, Павла, точнее, ещё Савла впервые представили Марии в 44г., когда он вместе с Варнавой принёс в голодную пору собранные антиохийской общиной средства в помощь собратьям в Палестине и провёл здесь достаточно продолжительное время, побывав, резонно предположить, и в отчей Галилее, и, по смерти в августе 44г. Ирода Агриппы (к-рый преследовал христиан), в Иерусалиме. Напомним, тот год – год мученичества Иакова Старшего и чудесного спасения Петра – был годом одной из знаменательных в павлианской биографии седмиц – 37 – 44 – 51 – 58 – 65гг. (седмичные годы по упразднённой Иродом Агриппой в 41г. *царскому* субботне-юбилейному циклу-календарю), к-рая седмично предварила Третье Небо Ап. Павла в 51-м и Седьмое Небо – в 58гг.

Отсюда спрашивается: не получил ли Павел трижды, в ходе своих приходов в Палестину, благословение Богородицы – в 44 (Галилея), в 51 (Иерусалим) и в 54 (Иерусалим) гг. Во всяком случае, из его слов в 55г. в Послании к Галатам о том, что Христос родился от (смертной) жены (единственное павлианское упоминание Марии) и подчинился закону, создаётся впечатление, что на момент их написания марианская кончина – свершившийся факт.

И именно с 54г., когда Павел в 4-й раз после своего обращения-крещения (34г.) коротко посетил (пасхальный) Иерусалим, находясь в августе на подходе (из Галатии через Фригию) к Эфесу, начались миссионерские странствия Апостолов на самые дальние расстояния – до, что называется, краёв земли. Именно Павел раскрыл перед Апостолом как врата, через М.Азию, в эллинистическую Европу, так и пути-дороги в наиболее отдалённые апостольско-ойкуменические дали.

И это во времена с и после 54г. Пётр, вероятно, впервые побывавший в Риме ещё в 47/48гг. (см. ниже), дойдёт и до Вавилона, и фундаментально – до нового Вавилона – Рима; Фаддей – до Армении; Варфоломей – до Индии, откуда он

⁹⁰ В моих виденьях ты прекрасна;
Мария, вечен образ твой,
Однако живопись напрасна,
Когда владеешь ты душой.

Мир, волновавший беспрестанно,
Рассеялся быстрее сна,
И небом сладким несказанно
С тех пор душа упоена. (Новалис)

повернёт на запад – в Парфию и Армению; Матфей – до Эфиопии; Фома – до Галлии, Германии, затем – до Ирана и Индии; Симон – до Британии и Кавказа; Иаков Младший – до Испании; Филипп – до северной Африки и скифов; Андрей – до Кавказа, Тавриды и днепровских порогов; Матфий – до Синопа.

Между тем, акцентируем, если в дни Успения Павел приближался к городу Артемиды Эфесу⁹¹, то Иоанн придёт туда на плодотворно початую Павлом христианскую почву, чтобы обосноваться в Эфесе на 33 года, ок. 67г. н.э. – года римского мученичества Петра и Павла, спустя 28 лет от к-рого он, Лазарь-Иоанн, пройдя через своё мученичество в Риме и сумев выжить, будет сослан на о. Патмос, где в 96г. н.э. – год мученичества Дионисия Ареопагита – появится Книга Книг – Откровение Иоанна Богослова.

И каждый из них, сродни прочим ученикам, покровительствовался на своих тернистых миссионерских путях Пресвятой Богородицей (кульминационная метаморфоза Изиды, Иштар, Анаит, Астарты, Кибелы, Артемиды, Афродиты, Деметры и Персефоны), дата Успенского взятия К-рой – Святого-Святых родникового христианства – в Небесную Славу – 15 августа 54г. н.э.⁹²

Если лунный Архангел Гавриил возвестил Марии о смерти (к-рая в Её случае была воистину Успением!), то солярный Архангел Михаил вознёс пречистую марьянскую душу (райско-божественная невинность и девственность человеческого существа!) на вышние Небеса.⁹³ И так она стала Женой, облечённой в солнце, с венцом из 12-и звёзд! Царица Небесная во Времени и в Вечности! Успенско-вознесенское преобразование-превращение: Mater Dolorosa – Мать Скорбящая; Mater Gloriosa – Мать Прославленная!⁹⁴

⁹¹ Место принятия «богородичных» догматов Кирилла Александрийского на III-м (Эфесском) Вселенском соборе 431г. н.э., небеспричинно принятых на исходе (сменившей эпоху Орифила-Сатурна и предшествовавшей эпохе Захарила-Юпитера) ротационно-архангельской эпохи Анаэль-Венеры (108-462гг.).

⁹² Древнейшая фиксация успенской даты 15.08. – (сохранивший древнюю литургическую практику Иерусалимской церкви) «Армянский Иерусалимский лекционар» 434г. Армянская церковь празднует Успение Богородицы в воскресенье между 12 и 18.08., к-рое одновременно маркирует благословение на сбор урожая винограда. В Западно- и Восточно-Сирийской церкви 15.08. справляется соединённое с Успением торжество «Богоматери-покровительницы лозы и винограда». Праздник Успения у коптов и несториан, по Рождестве Христовом, – в январе (16.01.), как его, по свидетельству Григория Турского, в VIв. праздновала и Галльская церковь. В римском «Мартирологе» VIIв., за авторством Псевдо-Иеронима, 18.01. – despositio (кончина) Beate Mariae; 14.08. – assumptio (взятие на небо). В «Папской книге» VIIв. и в «Мартирологе» VIIIв. Успение – 15.08. Сходно дата 15.08. зафиксирована в документах VII-го Вселенского собора 787г. В Византии празднование Успения в день 15.08. установил, согласно Никифору Каллисту, император Маврикий (582-602гг.).

В православной традиции уделы Богородицы, находящиеся под особым покровительством Божией Матери, – Иверия (Грузия), Св. гора Афон, Киево-Печерская лавра, Серафимо-Дивеевский монастырь. Согласно преданию, Иверия досталась Марии в удел по апостольскому жребью 45г., в к-ром она тоже участвовала, не сумев отправиться туда персонально и взяв эту страну (обращённую в IVв. ко Христу посланницей Григория Просветителя Св. Ниной) под особое покровительство.

⁹³ Херувимов всех Честнейшая,
Без сравнения Славнейшая,
Огнезрачных серафим
Очистилице чистейшее
Госпожа Всенепорочная,

Без исленья Бога родшая,
Незакатная звезда.
Радуйся, о Благодатная,
Ты молитвы влага росная,
Живоносная вода.

(М.Волошин «Хвала Богоматери»)

⁹⁴ «Молитвы Ефрема Сирина ко Пресвятой Богородице»:

«Мать Божия, Ты выше всякого понимания! О Дева, превзошедшая всякое девство,

С др. стороны, с Её (пережившей Иосифа Нафанида на 30 лет) уходом на 56-м году от апрельского Благовещения 2г. до н.э., когда собственно началась благовещенско-рождественская дуалистическая метаистория, положившая начало Событию и Мистерии Голгофы в целом, закончилась целая эпоха земной жизни двух Св. Семейств, вифлеемского и назаретского, хранительницами к-рых были родные сёстры – Мария и Мария.

Тем временем, уникальнейший и маркирующий абсолютную середину вселенской летописи человечества Век Апостольский, в к-ром Апостолам Христовым ещё предстояло сказать главные слова и совершить главные деяния, перевалив через озаменованную Апостольским собором половину столетия, отныне под (в т.ч.) марианско-богородичными защитными покровами, продолжался...

ПОСЛАНИЕ АП. ИУДЫ ИАКОВЛЕВА (ФАДДЕЯ)

(осень 54г.)

Это самое короткое (25 стихов), наряду с Посл. Ап. Павла к Филимону (24 стиха), Послание Иуды мы в «Д.И.» (860) предварительно-подвопросно датировали временем ок. 54г., что противоречит большинству принятых ныне (эвентуальных) датировок, будь то теологические или т.н. историко-академические, к-рые преимущественно баражируют в хронопределах между 62 и 70гг. К персоне этого Иуды, к-рый (Иуда – не Искарот) (Ио.14,22) тождествен Иуде Фаддею (Леввею), одному из братьев Господних и одному из круга 12-и Апостолов, мы не раз обращались в предыдущих книгах, к к-рым и отсылаем читателя (Р.л. 1319-45; Д.И. 189-96; 856-62; Т.Г. 443-45; 1456-58; 1687-90).

Плюс к тому, выше («А. и Ц.») нами было принято (не в унисон с нуждающейся в корректуре нашей версии в «Д.И.» 856-62), что креститель-обратитель царя Абгара Эдесского в 34г. н.э. есть Фаддей (не Иуда) – один из 70-и Малых Апостолов, тогда как Иуда Фаддей вполне мог побывать, в частности, в Эдессе в 45г. (с 45г.) и позднее.

Причём отставим здесь не заслуживающие внимания экстремально несурзные потуги гиперкритиканов XIX/XXвв., когда некоторые умники Тюбингенской школы (протестантский рассадник атеизма!) залихватски отнесли данное Послание на

потому что до рождения Воплощённого была Ты девою больше всех дев и такую же осталась в рождении и по рождении!

О Дева, через к-рую природа человеческая, некогда отступившая от Бога, по закону невыразимого человеколюбия соединилась с природой Божества так, что ипостась не потеряла ни слияния, ни изменения!

О Дева, через к-рую после примирения мы, по зависти лукавого не исполняющие долга своего, оберегаем Милостивым к себе Сына Твоего и Бога.

Тебя, Владычица, прошу, Тебя умоляю, милосердая и человеколюбивая Мать милосердного и человеколюбивого Бога: и в этот час защити меня, нуждающегося в Твоём покрове.

Я жилище всех губительных для души страстей. Мучусь страхом я от неисчислимого множества грехов моих.

Какого из чувств своих не осквернил я, окаянный? Какими суетными помыслами не растлевал я души своей? Чем только не пленялся ум мой?

Страстный, слабый, негодный ум мой, поступая заодно с виновником зла, облакает в образы и придаёт оттенок действительности тому, чего никогда не видал и не слышал я на самом деле.

Не отринь, Владычица, униженной мольбы моей, будь моей избавительницею, чтобы, спасённый благодатью Твоею, я прославил Тебя и славословил Всеблагию Троицу во веки веков. Аминь.»

время правления Траяна, или аж на время до середины Пв. н.э. Подобного рода и уровня гиперкритицизм (в меру его глупости) ни внимания, ни оспаривания не заслуживает.

Обоснование же научно-эксегетического или тео-учёного интервала 62 – 70, или, точнее-уже – 62 – 64 – 67/68 – 70гг. – в следующем. С одной стороны, ретели такой датировки, вернее, датировок (на выбор) полагают, ссылаясь на Гегесиппа у Евсевия («И.Ц.» 3,32,7; 4,22,4), что до мученичества Иакова Праведного (62г.) (см. выше и ниже), в христианской Церкви не было лжеучителей и лжеучеников, против к-рых направлено Посл. Иуды. А со стороны другой, оно, по их (негиперкритицистскому) мнению, написано до разрушения Храма, на к-рое-де в нём нет ни намёка.

Вдобавок, на чём настаивает ещё менее критиканский подход, Посл. Иуды (сокр. П.И.), с большой долей вероятности, составлено до 2-го Посл. Петра, к-рому оно, согласно части экзегетов-авторитетов, тематически родственно и хронологически оному предшествует (в то время как другая часть спецов неоправданно считает его написанным после 2П.). И следовательно, если мученичество Петра пришлось, согласно спецам, где-то на 64г. н.э.⁹⁵, или всё-таки, – на старотрадиционные 67/68гг., то время написания П.И., мол, просится в интервал 62 – 64-го, или 62 – 67/68гг.

Относительно верхней (без прецизаций) хроноплани, упирающейся в 67г. (дата написания 2П. и, главное, – дата мученичества Петра и Павла), у нас хронообразований нет. П.И., действительно, было написано как до разрушения Храма, так и до 2П., хотя с последним оно, ввиду самостоятельности обоих Посланий, прямо не связано. Иное дело, что Пётр, пишучи своё 2-е каноническое (независимое от П.И.) Посл. весной 67г. (незадолго до мученичества, дата к-рого не 64-й и не 68-й, но именно 29.06.67г.) (см. ниже), был с ним знаком.

Однако, относительно нижней, применительно к П.И., учёно-теологической хроноплани – 62г., возразить следует категорически. И мнение Гегесиппа (у Евсевия) о ненарушении мира в Церкви = об отсутствии лжеучителей и лжеучений до мученичества Иакова Праведного – несостоятельно, или, правильнее сказать, оно неверно и неточно отражает реальность. Ведь (отец ересей) Симон волхв впервые упоминается уже под 34г. (см. выше), и уже в 30 – 40-е гг., в Палестине и в ближних к ней пределах, появились и действовали (в частности) его последователи – симониане. И не добрался ли Симон в 40-е гг. до Рима, где с ним снова столкнулся, в первый раз решительно осадивший его в 34г. в Самарии, Ап. Пётр (47/48гг.) (см. ниже).

Далее, число лжеучителей наверняка возросло и расширилось как с начала ойкуменических странствий Апостолов в 45г., так и особенно после и в свете развернувших христианство в Ойкумену пропавлианских постановлений Апостольского собора 51г. Т.е., тем более, на 54г. различные лжеучители и лжеучения-ответвления, гностические и другие, пусть пока в небольшом количестве, существовали и в самой Палестине, и в соседних с ней регионах.⁹⁶

И Иуда Фаддей очень даже мог с ними столкнуться, миссионировав в 45 – 54г. и, таким образом, составить (в Иерусалиме?) в 54, или в 54/55гг. своё направленное против них короткое Послание, адресаты к-рого, – не уточняемые автором христианские общины ближних к Палестине регионов, или части из них, или, скорее,

⁹⁵ Год Великого пожара Рима (см. ниже), к-рый сегодня многими экзегетами упрости-тельно привязывается к мученичеству Петра и Павла, мол, ставших жертвами первого римско-нероновского гонения на ложно обвинённых в пожаре христиан (см. ниже).

⁹⁶ Вехи-этапы появления лжеучителей/лжеучений среди христиан в период до Иудейской войны: с 34-го (Симон волхв), с 45-го (начало *среднедальних* миссионерских странствий Апостолов), с 51-го (Апостольский собор и *дальне-дальние* путешествия), и после 62г. (мученичество Иакова Праведного).

христианские общины в целом, включая, в первую очередь, иудеохристиан и, во вторую, также (всё умножающихся) христиан из язычников.

При всём том, сколь ни парадоксально звучит, именно 54-м г. н.э. датирует составление этого Послания Э.Ренан («Ап. Павел» 10), вместе с тем, грубо ошибочно полагающий, что оно, соприродно раннему Посл. Иакова, было задумано как (иудеохристианская) манифестация против учения Павла о благодати. Никак нет, ибо Посл. Иуды (как и Послание одобренного павлианский ойкуменический курс на Соборе 51г. Иакова), наоборот, солидаризируется-перекликается с Павловым пониманием благодати, написанное, к тому же, в 54/55гг., после двух Посланий Павла к Фессалоникийцам (53г.) (см. выше), но до его Послания к Галатам (55г.) (см. ниже), и до его 1-го Посл к Коринфянам (57г.) (см. ниже).⁹⁷

См. ср. переключки и параллели с П.И. 3;4;8;16;19 в 1Фес.4,8: «непокорный непокорен не человеку, но Богу, К-рый и дал нам Духа Своего Святого»; 1Фес.5,5: «Ибо все вы – сыны света и сыны дня: мы – не сыны ночи, ни тьмы»; 2Фес.2,15: «Итак, братия, стойте и держитесь предания, к-рым вы научены или словом, или посланием нашим»; Гал.3,2/3: «...через дела ли закона вы получили Духа, или чрез наставление в вере? / Так ли вы несмысленны, что, начавши духом, теперь оканчиваете плотью?»; 4,3: «Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вешественным началам мира»; 5,4/5: «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, / А мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры»; 5,13–26; 6,8: «Сеющий в плоть от плоти пожнёт тление; а сеющий в дух от духа пожнёт жизнь вечную»; 1Кор.2,14–16: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно» (14) (ср. Иак.1,15; 2,17; 3,15; 4,4).

Разве Посл. Иуды, как и 1Фес.4,8 не против «непокорных не человеку, но Богу, к-рый и дал нам Духа Своего Святого!» Разве оно адресовано, как и 1Фес.5,5, не *сынам света* против *сынов тьмы!* Кроме того, и Иуда, и Павел адресуются к тем, к-рые получили Духа не законом, но верою! к тем, к-рые остаются со Христом и во Христе, не отпав от благодати! к тем, к-рые пожнут жизнь вечную!

И если как о покорных и непокорных, как о чадах света и чадах тьмы, как о благодати и о единстве веры сказано и у Иуды, и в 1Фес., и в Гал., то о людях «душевных, не имеющих духа», речь идёт как в П.И.19 (или в Иак.3,15), так и в 1Кор.2,14–16, при написании к-рого в 57г., как и ранее при написании П. к Гал. (55г.), Павел имел перед собой (мог иметь) Послание Иуды.

Тематическое сходство очевидно. Люди духовные суть люди *пневматические*; люди *душевные* суть люди *психические*, к-рые не могут подняться до *пневмы*, в чём один из узловых моментов конфликта как между Римом и Еврейством, так и, наипаче, между Римом и Христианством. Трихотомия и дихотомия человеческого существа, сведённого Римом и римлянами к торжествующей дихотомии, согласно

⁹⁷ Если Посл. (старшего брата Иуды) Иакова (50/51гг.), по букве, обращено к «двенадцати коленам, находящимся в рассеянии» (1,1), а по сути – ко всей Церкви = к Новому христианскому Израилю, то Посл. Иуды, где адресаты не указаны, обращено, в ещё большей мере, как (пусть в первую очередь) к иудеохристианам, так и к христианам из язычников. Более того, оба эти Послания внутренне, своим именно иудеохристианским духом, связаны (Иак.3,15; 4,4), хотя и совсем не так, как полагает Ренан, т.е. отнюдь не противопавлиански, и не могут по времени их написания отстоять далеко друг от друга, составленные, соответственно, (открывающее новозаветные Послания) Иаковлево – в 50/51, Иудино – в 54/55гг., или одно – в 51-м, другое – в 54гг., но никак не после 62г. (Не написано ли Посл. Иуды осенью 54г., посередине седмицы 50/51 – 57/58гг., спустя приблизительно 3,5 года от Посл. Иакова, написанного весной 51г., после мартовского Апостольского собора, в седмицу и в год Третьего неба Ап. Павла?)

к-рой дух есть лишь высшее свойство души, что впоследствии усвоила (из наследия языческого Рима) латинизированная церковь Запада и что привело в итоге к отмене духа, к упразднению трихотомии в пользу дихотомии на VIII-м (признанном только Западом как Вселенский) *Вселенском* соборе 869г. (неспроста в пору становления Парсифаля ок. 870г. хранителем Св. Грааля!).

Так не было ли Посл. Иуды написано, повторим, после Павловых Посланий к Фессалоникийцам (53г.) и до Послания к Галатам (55г.), а если предел хроноколебаний сузить, то и после Успения Богородицы (15.08.54г.), но до Посл. к Галатам, и, стало быть, не ранее и не позднее 54/55-го гг., или, вполне возможно, до конца (успенского) 54г. н.э.

* * *

Впрочем, обо всём, освежая пройденный материал и продолжая-дополняя оный, по порядку. Итак, в 1-м стихе Иуда представляется рабом (работником) Иисуса Христа и братом Иакова, кто, напоминая, есть Иаков, брат Господень, = Иаков Праведный (род. во 2г. н.э.), к-рый, сродни Иуде Фаддею (Леввею), один из 4-х братьев Господних (Иаков, Иосия/Иосиф, Иуда, Симон) = родной брат Иисуса Соломонида и сводный (равно двоюродный) брат Иисуса Нафанида.

В добавление к тому, он вероятный брат-близнец Симона, родившийся в 11/12г. н.э., и призванный-избранный Иисусом, сходно Симону, в круг 12-и Апостолов весной/летом 31г. н.э., между тем как два их старших брата, Иаков и Иосия, не признавали, о чём читатель знает, мессианство Иисуса до События Голгофы и Воскресения Христова в 33г. н.э. Т.е., если на 54г. первому (с 33г.) предстоятелю Иерусалимской церкви Иакову 52 года (идёт 52-й год), то Иуде (Фаддею/Леввею) – 42/43 года отроду.

Притом он из скромности и смирения представляется (не называя себя братом Иисуса Христа) именно братом Иакова, к-рый одновременно был бы назван им Иаковом Праведным, кабы на момент написания Послания успел прославиться мученичеством. Иначе говоря, Послание пишется до 62г. н.э., что дополнительно ратует за предложенную и принятую нами хронологию.

Помимо того, наглядна следующая связка-увязка: упоминание здравствующего Иакова Иудой в Послании 54г. и упоминание здравствующего Иакова Павлом в Посл. к Галатам в 55г. (1,19; 2,9), где Павел говорит, что виделся с ним при своём приходе в Иерусалим в 37г., называя его ниже, вместе с Кифой (Пётр) и Иоанном (Иоанн Зеведеев), столпами Церкви, узнавшими о данной Павлу благодати и протянувшими ему и Варнаве руку общения на Апостольском соборе 51г. = поддержавшими его решительный курс на ойкуменизацию христианской проповеди и велико-волительно выходящего на вселенские горизонты христианства.

Дальше – больше. Все Писания Нового Завета принадлежат авторству избранного апостольско-евангелистского круга 12-и (Б.Апостолы), 14-и (Павел и Лазарь-Иоанн), 17-и (Марк; Лука; Иаков Праведный), и невозможно вообразить, что авторство одного из новозаветных Посланий, в порядке неестественного исключения, принадлежит кому-либо не из этого узкого круга избранных!

Засим, учитывая всё сказанное, идентификация персоны автора Посл. Иуды у нас сомнений не вызывает, поскольку им может быть и является только Иуда (не Искарот = Фаддей/Леввей), один из 12-и, (брат Господень и) брат Иакова. Однако, не этот Иуда Фаддей обратил-крестил в 34г. осроэнско-эдесского царя Абгара Укаму (к-рого крестил Фаддей, не Иуда, один из 70-и) (см. выше), ибо (в частности) Послания Иуды нет среди священных текстов Нового Завета в сирийском переводе

Библии «Пешитто» (IV/Vвв.), где ему непременно нашлось бы почётное место, кабы Абгар был обращён Иудой Фаддеем.

Вместе с тем, призыв в стихе 17 П.И. к «возлюбленным» адресатам, по минувании одного поколения от событий 30 – 33гг., помнить «предсказанное Апостолами», вовсе не означает (вопреки мнению критиканов), что сам пишущий (будто бы) не Апостол, и вовсе не свидетельствует (ни прямо, ни косвенно) о том, что на момент написания Послания Апостолы, видишь ли, успели умереть.

К тому же, мнение части экзегетов, отождествляющих адресатов Иудина Послания с адресатами 2-го Посл. Петра (67г.), неверно. Да, оба Послания тематически родственны, перекликаются между собой (2П.2,1-18; 3,1-3), и Посл. Иуды хронопредшествует Петрову. Но, во-первых, у Петра адресаты указаны, – это общины М.Азии, где Пётр миссионировал в 50-е гг. (см. ниже); у Иуды же, как сказано, – нет. А во-вторых, если у Иуды лжеучителя уже появились и «вкрались» (4;17), то, согласно Петру, – «были лжепророки (в ветхозаветные времена – К.З.) в народе, как и у вас будут лжеучители, к-рые введут пагубные ереси» (2,2,1-3). Т.е., если Иуда говорит о дне сегодняшнем, о проблеме насущной, то (знакомый с Посл. Иуды) Пётр разумеет, развёрнуто предупреждая молодые общины (М.Азии) о лжеучителях, дни завтрашний, послезавтрашний, грядущий (3,3). Стало быть, и адресаты у них разные, вернее, повторим, Иуда адресуется к христианским общинам в целом (почему и не называет адресатов конкретных).

Причём это настоящее время в Посл. Иуды и будущее в Посл. Петра дало повод некоторым экзегетам датировать, наоборот, Петрово Послание более ранним временем, чем Иудино (с ног на голову), что грубо ошибочно, так как тематическое сходство обоих Посланий, ни в коем разе, не есть мнимая пресловутая зависимость одного от другого. И если Иуда имеет в виду, образно выражаясь, *сегодняшних симониан* (и др.), то Пётр может иметь в виду и *грядущих николаитов*, и лжеучителей/лжеучения дальних времён.

Теперь о миссионерской географии Иуды. Сообразно апокрифам, восточным и западным, она (ещё и с учётом накладок Иуды Фаддея от 12-и на Фаддея – не Иуду – от 70-и) не широка и сосредоточена в Азии, – Палестина, Сирия, Финикия, Месопотамия, Нисибис, Мосул, Газа, Берит, Арад, Лаодикея, Эдесса, Иран, Армения, – за тремя мимолётно единичными апокрифическими исключениями: Дакия – в Европе, Понт – в М.Азии, и триполитанская Ливия – в Африке.⁹⁸ Как видим, совпадений с малоазийскими адресатами Петра, опричь Понта, нет.⁹⁹

* * *

И вновь обратим внимание на написание Послания Иуды ок. осени 54г (датировка, к-рой ничего не препятствует) = после Успения Богородицы 15.08. – в год 1500-летия Ишествия Израэлитов из Египта (1447г. до н.э.), в год 1480-летия обновления Эхнатомом (в 1427г. до н.э.) календарного цикла Сотис (1480 – число Христа), и наконец, в год 1460-летия (протяжённость года-периода Сотис-Сириус) смерти Моисея (7 адара 1407г.) и пересечения Израилем, под предводительством Иисуса Навина, Иордана (нисан 1407г.).

⁹⁸ F.Haase «Apostel und Evangelisten...» §22 «Judas Thaddäus», S.273-75; R.A.Lipsius «Die Apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden», Vol.2, «Judas Thaddäus und Addäus», S.154-58; «Православная энциклопедия», «Иуда», т.28, с.380-89.

⁹⁹ Тезоименитство Ап. Иуды Фаддея с предателем Иудой обусловило его меньшую, в сравнении с др. Апостолами, популярность среди христиан различных регионов и различных христианских церквей, откуда и дефицит, в т.ч., апокрифических сведений о нём.

Разве случайно в Посл. Иуды в год Успения и погребения (взятой в Небесную славу) Богородицы присутствует, созвучно иудейскому апокрифу первой половины Ив. н.э. «Assumpcio Mosis» («Вознесение» или «Восхождение» или «Успение Моисея»), спор Архангела Михаила с диаволом о Моисеевом теле? Не умер ли Моисей на г. Нэбо, за Иорданом, глядя в сторону Земли Обетования, куда он так и не ступил! И никто не может указать место погребения (сокрытого Архангелом) Моисеева тела (Вт.34,6), во избежание угрозы превращения его останков и могилы в идольский объект поклонения. Разве это не актуально именно из уст Иуды Фаддея, одного из сыновей Марии Вифлеемлянки по плоти, без сомнения, участвовавшего в Её погребении, в связи с недавним Успением Богородицы, в отношении К-рой для христиан важно именно Её эфирное взятие в Небесную славу!

Трижды Архангел Михаил, к-рого, к слову, только Апостол Иуда называет именно Архангелом, назван в Библии – у последнего Большого пророка Ветхого Завета Даниила (10,13; 21), у (брата Господня и брата Иакова) Иуды (9), и в венчально-новозаветном Откровении Иоанна (12,7). *Князь мира* заслуживает проклятия, но оно не звучит из уст архангельских. См. ср. 2П.2,11 – о непроизнесении Ангелами укоризненного суда.¹⁰⁰ И мы не дерзаем проклинать! Ибо возбранённое даже Архангелу, само собой, запрещено нам. Наряду с тем, уместно заметить, что в обнаруженном в 1861г. фрагментарном ветхозаветном апокрифе «Assumpcio Mosis» данного места нет, о нём свидетельствует Климент Ал.: «Иуда утверждает (9) сказанное в «Восхождении Моисея» (Adumbrations Migne gr. 9,733).

При этом созвучие ветхозаветного апокрифа первой половины Ив. н.э. новозаветному Посланию Иуды от 54г. не есть указание на какую-либо зависимость, сходно тому, как пророчество Еноха, наличествующее в другом ветхозаветном апокрифе, в тексте эфиопской «Книги Еноха» от Ив. до н.э., никак не делает зависимым от неё и не умаляет Послание Иуды, где тоже есть пророчество седьмого от Адама патриарха Еноха (14/15), прожившего 365 лет на земле и взятого живым в Небесную славу с именем «Метатрон» («стоящий у трона Господня»).

«Кн. Еноха»: «...вот идёт со многими тысячами вестников своих сотворить суд о всех и уничтожить всех нечестивых, и изблечить всякую плоть о всех делах нечестивых, в к-рых поступали нечестиво, о всех словах нечестивых, к-рые говорили грешники на Бога» (1,9).

Посл. Иуды: «О них пророчествовал и Енох, седьмой от Адама, говоря: «се, идёт Господь со тьмами святых (ангелов) Своих – / Сотворить суд над всеми и облечить всех между ними нечестивых во всех делах, к-рые произвело их нечестие, и во всех жестоких (словах), к-рые произносили на Него нечестивые грешники» (14/15).

Спрашивается, –зачем из этих выразительных созвучий-переключек искусственно конструировать зависимость новозаветного Послания от ветхозаветных, или, правильное сказать, междузаветных апокрифов, к-рые (и «Книга Еноха», и «Вознесение Моисея», и Послание Иуды) пользовались одним и тем же освящённым устным еврейским преданием? Что противоестественного в обращении ожидающих Исполнения Вреён еврейских источников I/Ивв. и христианского, по Исполнении Вреён, текста Ив. н.э., под различными углами зрения, к одной теме, к одним и тем же действующим силам, лицам, к похожим образам?

В дополнение к сказанному, указание на 54г. н.э., как на дату составления Посл. Иуды, содержится, по нашему мнению, и в акцентированном упоминании Иудой не избежавших кары Господней – как корыстолюбивого Валаама, так и непокорного Корея (11), к-рые маркируют начальную (Корей) и конечную (Валаам) стадии 40-летнего Исхода из Египта, отстоящие, говорим снова, на, соответственно, 1500 и 1460 лет от отстоящего, в свою очередь, на 40 лет от слиятельной Пасхи 14г. н.э.

¹⁰⁰ См. ср. также о падении части ангельского мира в П.И.6 и в 2П.2,4.

и на 21 год (7 x 3) от События Голгофы весьма знаменательного Успением Богородицы 54-го г. н.э. (1447 – 27 – 07гг. до н.э. и 14 – 34 – 54гг. н.э.)

Засим это Соборное Посл. Св. Апостола Иуды есть замечательный образец раннехристианской остро полемической теологии, в к-ром с максимальной насыщенностью, в предельно сжатой форме, христиане молодых христианских общин наставительно предостерегаются от угрозы подпадения (люциферическо-гностиическим и проч.) лжеучениям и лжеучителям. Последние прокрались в общины, они принимают участие в вечерах любви (агапы), они извращают христианское понимание Бога и обращают Его благодать в повод к распутству. Они – богопротивники, живут низменными страстями и не имеют на себе духа. Не учил ли Симон волхв, что грех безразличен, чем, в сущности, отвергается Христос (Евсевий «И.Ц.» 2,13). Иуда, используя множество убедительных ветхозаветных примеров и параллелей, настоятельно призывает общины и общинников молиться в духе, бороться за веру и спасти заблудших.

Общее признание среди христиан Посл. Иуды, несмотря на его наличие в «Мураториевом каноне» (Пв.), получило не сразу. Если Ориген («Комм. на Ев. от Мф. 22,23»), Евсевий («И.Ц.» 2,23) и Иероним («О знаменитых мужах» 4) считали его пререкаемым, хотя, согласно колеблющемуся Оригену, «Иуда написал Послание, состоящее из немногих слов, но исполненное сильных словес небесной благодати» (Comm. in Matth. t.10, 17, Migne 13,877), то Климент Ал., считая его подлинным, написал на него «Толкование» (Евсевий «И.Ц.» 6,14), а Тертуллиан уверенно называл «Апостольским» (De hab. mulieb. 3,25). Время однозначно-окончательного принятия в Канон – IVв. н.э. («И.Ц. 3,25).

Посему, читатель, столько о Послании Иуды, как получается, – четвертом, в очередности написания, из новозаветных Посланий, следующим за Посланием Иакова (51г.) и двумя Посланиями Павла к Фессалоникийцам (53г.), равно предшествующим Павлову Посл. к Галатам (55г.).

С Апостолом же Иудой¹⁰¹ = Фаддей/Леввей из круга 12-и, к-рый миссионерски пришёл (или пришёл в первый раз) в Армению в 50/60-е гг. Ив. и стал напару с Ап. Варфоломеем её патроном (Престол Св. Фаддея), приняв здесь, в стране Араратской, как и Св. Варфоломей, скорее, не ранее начала 80-х гг. Ив. н.э., нежели в 60/70-е гг. (т.е. при воцарившемся ок. 79/80гг. гонителе христиан – царе Санатруке, на чём настаивает армянское предание), венец мученичества, мы ещё встретимся.

¹⁰¹ «Апостольские постановления» (IVв.?) представляют Иуду, брата Господня, третьим епископом Иерусалима (Const. Ap. 7,46), что грубо ошибочно, так как Иакову Праведному предстоятельски преемствовал в 62г. Симеон Алфеев, пробывший епископом до своего мученичества в 107г. и сменённый, согласно Евсевию («И.Ц.» 3,35; 4,5), Иустом.

Сообразно Гегесиппу у Евсевия («И.Ц.» 3,19/20; 32), два внука Иуды (кто, следовательно, был женат и имел детей – К.З.) (см. 1Кор.9,5), называемого «по плоти братом Господним», исповедали (как отпрыски дома-рода царя Давида) веру во Христа перед императором Домицианом (и были пренебрежительно отпущены им, не усмотревшим в них, простых тружениках-земледельцах, угрозу), в пору гонений на христиан, в конце Домицианова правления, т.е. в 95/96гг., когда самого Иуды, насколько выводится из контекста, уже не было в живых.

Константин Константинович Захарян АПОСТОЛЫ И ЦЕЗАРИ

УДК 27:93/94
ББК 86.37+63.3
З–380

Захарян Константин

З – 380 «Апостолы и Цезари» 33 – 67/68гг. н.э. / К.Захарян. –

Ер.: Авторское издание, 2022. – 2860 стр.

Книга «Апостолы и Цезари» продолжает хронотрилогию «Рождественская летопись» (42г. до н.э. – 14г. н.э.), «Дорога на Иордан» (14 – 30гг. н.э.) и «Таинство Голгофы» (30 – 33гг. н.э.), охватывая время и события протяжённостью в 35 лет (33 – 67/68гг.), будучи посвящена, с одной стороны, (мета)истории сага – от Вознесения Господня и первой христианской Пятидесятницы-Троицы (33г.) до мученичества Апостолов Петра и Павла (67г.), посвящённая со стороны другой, – истории-профана – (в хронорамках) от 19-го года кесарства Тиберия (с начала 33г.) до самоубийства Нерона и конца первой римской императорской династии Юлиев-Клавдиев (68г.).

Повествование построено по тому же хронологическому (потому как хронология – *нить Ариадны* в Лабиринте истории) принципу, что и в предшествующих книгах. Т.е. духовная метаистория переплетается и взаимодействует в нём с историей светской, подробно разбираются как вопросы-проблемы собственно первохристианства и христианской проповеди, возникновения Церкви и миссионерских путей-дорог Апостолов, так и летопись Римской империи, включая её обширную периферию и сопредельный мир. Равно, разумеется, вниманию читателя предлагаются насыщенные биографии римских Цезарей (и иных исторических персонажей) – в период времени с, акцентируем-уточним снова, последних 4-х лет правления Тиберия (33 – 37г.), через одиозные импературы Калигулы (37 – 41гг.) и Клавдия (41 – 54гг.), по катастрофическое окончание принципата Нерона (54 – 68гг.).

УДК 27:93/94
ББК 86.37+63.3

Компьютерная вёрстка: *Ара Хачикоглян*

ISBN 978-9939-0-3990-9



9 789939 039909

АПОСТОЛЫ И ЦЕЗАРИ

KONSTANTIN ZAKARYAN

APOSTLES AND CAESARS

33 – 67/68 A.D.

**From Lord Ascension and First Christian Pentecost,
in the spring of 33 A.D., until the martyrdom
of St. Peter and St. Paul, 67 A.D.,
and the end of Nero, 68 A.D.**

VOL. 2

YEREVAN 2022

КОНСТАНТИН ЗАХАРЯН

АПОСТОЛЫ И ЦЕЗАРИ

33 – 67/68гг. н.э.

**От Вознесения Господня и первой христианской
Пятидесятницы-Троицы весной 33г. н.э.
до мученичества Ап. Петра и Павла в 67-м
и конца Нерона в 68гг. н.э.**

ТОМ 2

ЕРЕВАН 2022

Автор благодарит спонсоров книги

ISBN 978-9939-0-3990-9

© К.Захарян, 2022, e-mail: Konst1961@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ 2

ЧАСТЬ XII **РИМ И МИР** **51 – 54гг. н.э.**

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ И КОНЕЦ КЛАВДИЯ

51г.	1445
АРМЕНИЯ // МИТРИДАТ И РАДАМИСТ //	
МЛАДШИЕ АРШАКИДЫ = ВОНОНИДЫ	1451
ОСТОРИЙ СКАПУЛА В БРИТАНИИ // ПЛЕНЕНИЕ КАРАТАКА	1459
52г.	1463
ФУЦИНСКИЕ СТРАСТИ	1466
БРИТАНИЯ	1470
СОБЫТИЯ В АРМЕНИИ	1474
53г.	1477
БОЛЕЗНЬ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ КЛАВДИЯ // БРАКОСОЧЕТАНИЕ НЕРОНА	1478
ИЛИОН / БОНОНИЯ / РОДОС	1479
КОЗНИ АГРИППИНЫ И ГОС. АКТИВНОСТЬ КЛАВДИЯ	1482
КОС	1486
ВИЗАНТИЙ	1488
РАЗНОЕ	1493
54г.	1495
ОСУЖДЕНИЕ ДОМИЦИИ ЛЕПИДЫ // ДУЭЛЬ АГРИППИНА – НАРЦИСС	1496
АРМЕНИЯ	1500
КОНЕЦ КЛАВДИЯ	1503
ИТОГ	1512

ЧАСТЬ XIII **ДАЛЬНЕЙШИЕ ПУТИ-ДОРОГИ**
ХРИСТИАНСТВА И ЕВРЕЙСТВА **54 – 58гг. н.э.**

ТРЕТЬЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АП. ПАВЛА (54 – 58гг.)	1527
АПОЛЛОС	1527
ПАВЕЛ В ЭФЕСЕ (54 – 57гг.)	1531
ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА К ГАЛАТАМ (55гг.)	1541
СКОЛЬКО БЫЛО ПОСЛАНИЙ ПАВЛА К КОРИНФЯНАМ?	1546
ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА К КОРИНФЯНАМ (март 57гг.)	1550
ПАВЛИАНСКАЯ ХРИСТОЛОГИЯ ПО ШТАЙНЕРУ	1560
ЯЗЫЧЕСКИЙ БУНТ В ЭФЕСЕ (май 57гг.)	1566

МАКЕДОНИЯ – ИЛЛИРИК – ГРЕЦИЯ (ЕЛЛАДА) –	
МАКЕДОНИЯ (лето 57 – весна 58г.)	1575
ВТОРОЕ – октябрь 57г. (и ТРЕТЬЕ – 65г.) – ПОСЛАНИЕ (ПОСЛАНИЯ)	
АП. ПАВЛА К КОРИНФЯНАМ	1577
ВТОРОЕ ПРЕБЫВАНИЕ ПАВЛА В КОРИНФЕ (зима 57/58г.) //	
ПОСЛАНИЕ К РИМЛЯНАМ (зима/весна 58г.)	1588
ПАВЕЛ НАПРАВЛЯЕТСЯ В ИЕРУСАЛИМ (весна 58г.) //	
ВОСКРЕШЕНИЕ ЕВТИХА (апрель 58г.)	1601
ПУТЬ НА ЭГЕЙСКО-МАЛОАЗИЙСКИЙ ЮГ (апрель 58г.)	1605
ПРОЩАНИЕ С ЭФЕССКИМИ ПРЕСВИТЕРАМИ В МИЛИТЕ (апрель 58г.)	1610
ОТ МИЛИТА ДО ИЕРУСАЛИМА (май/июнь 58г.)	1615
ИУДЕЯ ПРИ НАМЕСТНИКЕ (52 – 60гг.) ФЕЛИКСЕ (в 54 – 58гг.)	1620
МУЧЕНИЧЕСТВО АП. ИОАННА ЗЕВЕДЕЕВА (55г.)	1631

ЧАСТЬ XIV РИМ И МИР 54 – 59гг. н.э.

ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА НЕРОНА

54г.	1639
УБИЙСТВО М.Ю.СИЛАНА И КАЗНЬ НАРЦИССА // СЕНЕКА И БУРР	1639
НЕКРАСНОРЕЧИВЫЙ ПРИНЦЕПС	1643
БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ И СТАРТОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	1647
АРМЯНСКИЙ ВОПРОС	1654
РЕЗЮМЕ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ НЕРОНОВА ПРАВЛЕНИЯ	1661
55г.	1662
ОТРАВЛЕНИЕ БРИТАННИКА (февраль 55г.)	1666
ПРИДВОРНЫЕ ИНТРИГИ	1670
ПЕРЕМИРИЕ С ПАРФЯНАМИ	1681
56г.	1685
НОЧНЫЕ ХУДОЖЕСТВА НЕРОНА	1686
ВОПРОС ВОЛЬНООТПУЩЕННИКОВ	1688
РАЗНОЕ	1694
57г.	1699
ПОСЕЛЕНИЕ ВЕТЕРАНОВ В КАПУЕ И НУЦЕРИИ	1701
ПОСТАНОВЛЕНИЯ И РЕШЕНИЯ // ПОМПОНИЯ ГРЕЦИНА	1704
ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ И ОСУДИТЕЛЬНЫЕ ПРИГОВОРЫ // РАЗНОЕ	1708
58г.	1710
ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ ЗА АРМЕНИЮ	1711
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ // ПАДЕНИЕ АРТАШАТА	1717
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ	1723
В РИМЕ // ОСУЖДЕНИЕ П.СУИЛЛИЯ	1726
ОКТАВИЙ САГИТТА	1730
ПОППЕЯ САБИНА MINOR	1732
ССЫЛКА Ф.КОРНЕЛИЯ СУЛЛЫ	1736
КОНФЛИКТ В ПУТЕОЛИ	1738
ХОДАТАЙСТВО СИРАКУЗ И ТРАЗЕЯ ПЕТ	1740
НЕРОНОВСКАЯ МАНИЛОВЩИНА	1744

РАЗНОЕ	1748
НА ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ	1749
59г.	1761
УБИЙСТВО АГРИППИНЫ // МАТЕРЕУБИЙЦА НЕРОН	1762

ЧАСТЬ XV СУДЬБЫ И СТРАСТИ АП. ПАВЛА, ХРИСТИАН И ИУДЕЕВ В 58 – 63гг. н.э.

ПАВЕЛ В ИЕРУСАЛИМЕ // ОТЧЁТ О СОДЕЯННОМ И СЕМИДНЕВНЫЙ НАЗИРЕЙСКИЙ ОБЕТ (май 58г.)	1781
РИМЛЯНЕ СПАСАЮТ ПАВЛА ОТ РАСПРАВЫ (23.05.58г.)	1788
РЕЧЬ ПАВЛА К ИУДЕЯМ	1794
«ИСТРЕБИ ОТ ЗЕМЛИ ТАКОГО!»	1800
В СИНЕДРИОНЕ (24.05.58г.)	1803
КОЗНИ ИУДЕЕВ ПРОТИВ ПАВЛА И ЕГО ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ В КЕСАРИЮ (24-26.05.58г.)	1813
СУДЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ФЕЛИКСА (май/июнь 58г.) И КЕСАРИЙСКИЕ УЗЫ ПАВЛА (58 – 60гг.)	1820
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ФЕЛИКСА В ИУДЕЕ (58 – 60гг.)	1834
СОБЫТИЯ В ИУДЕЕ (59 – 61гг.)	1840
ПАВЕЛ НА СУДЕ ФЕСТА (июль 60г.)	1849
АГРИППА И ВЕРЕНИКА (июль/август 60г.)	1852
ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПАВЛА (август 60г.)	1857
ПУТЕШЕСТВИЕ ПАВЛА В РИМ, БУРЯ НА МОРЕ, КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ И СПАСЕНИЕ (осень 60г.)	1865
ЗИМОВКА НА МАЛЬТЕ И ПУТЬ ДО РИМА (60/61гг.)	1877
ПЕРВЫЕ РИМСКИЕ УЗЫ АП. ПАВЛА (61 – 63гг.)	1888
ПАЛЕСТИНА (61 – 63гг.) // РАЗНОЕ	1901
АНАН МЛАДШИЙ НАЗНАЧАЕТСЯ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОМ (январь 62г.) // СМЕРТЬ ПРОКУРАТОРА ФЕСТА (март 62г.) // МУЧЕНИЧЕСТВО ИАКОВА ПРАВЕДНОГО (апрель 62г.) // СМЕЩЕНИЕ АНАНА МЛ. (апрель 62г.) //	
ПРИБЫТИЕ ПРОКУРАТОРА АЛЬБИНА (май 62г.)	1902
ИУДЕЯ ПРИ ПРОКУРАТОРЕ (с весны 62г.) АЛЬБИНЕ	1913
«ТЮРЕМНЫЕ» ПОСЛАНИЯ АП. ПАВЛА	1922
ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ (весна 63г.)	1923
ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ (весна 63г.)	1927
ПОСЛАНИЕ К ФИЛИМОНУ (весна 63г.)	1931
ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ (весна 63г.)	1934

ЧАСТЬ XVI РИМ И МИР 59 – 64гг. н.э.

ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА НЕРОНА	
59г.	1943
ПОСЛЕ УБИЙСТВА АГРИППИНЫ	1943
ЮВЕНАЛИИ	1948
РАЗНОЕ	1954
АРМЯНСКИЙ ВОПРОС // СОЖЖЕНИЕ КОРБУЛОНОМ АРТАШАТА (весна 59г.), ВЗЯТИЕ ТИГРАНАКЕРТА (осень 59г.) И НОВОВАССАЛИЗАЦИЯ АРМЕНИИ (59/60гг.)	1960

60г.	1966
НЕРОНИИ	1967
ПРЕДЗНАМЕНОВАТЕЛЬНАЯ КОМЕТА, УДАЛЕНИЕ РУБЕЛЛИЯ ПЛАВТА И СВЯТОТАТСТВЕННОЕ КУПАНИЕ НЕРОНА	1972
РАЗНОЕ	1977
61г.	1981
УВЕРТЮРА К ВОССТАНИЮ БОУДИККИ	1982
ВОССТАНИЕ БОУДИККИ	1990
ПОБЕДА СВЕТОНИЯ ПАУЛИНА	1998
В РИМЕ // ПОДДЕЛКА ЗАВЕЩАНИЯ	2005
УБИЙСТВО ПРЕФЕКТА URBI ПЕДАНИЯ СЕКУНДА	2008
РАБСТВО В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ	2010
КАЗНЬ ПЕДАНИЕВЫХ РАБОВ	2019
РАЗНОЕ	2021
НОВОЕ ОБОСТРЕНИЕ РИМСКО-ПАРФЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	2025
62г.	2032
ПЕРВЫЕ ПРИГОВОРЫ ПО ЗАКОНУ LEX MAESTATIS	2033
СМЕРТЬ БУРРА И ОТСТАВКА СЕНЕКИ	2037
ХРОНОЛОГИЯ СЕНЕКИ	2041
ПРОЩАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ СЕНЕКИ И НЕРОНА	2050
УМЕРЩВЛЕНИЕ КОРНЕЛИЯ СУЛЛЫ И РУБЕЛЛИЯ ПЛАВТА	2054
БРАК НЕРОНА С ПОППЕЕЙ И УБИЙСТВО ОКТАВИИ	2058
РАЗНОЕ	2063
РИМ / ПАРФИЯ / АРМЕНИЯ	2064
В РИМЕ	2078
КОНЧИНА ПЕРСИЯ ФЛАККА	2088
63г.	2091
РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ДОЧЕРИ НЕРОНА	2094
АРМЕНИЯ И РАНДЕЙСКИЙ МИР	2096
АННЕКСИЯ КОТТИЕВА ЦАРСТВА И ЛАТИНСКОЕ ПРАВО В ПРИМОРСКИХ АЛЬПАХ	2107
ПРОВИНЦИАЛИЗАЦИЯ ПОНТА	2109
РАЗНОЕ	2114
64г.	2115
НЕРОН В СВОИХ АМПЛУА	2117
ВЕЛИКИЙ ПОЖАР РИМА	2131
ПЕРВОЕ РИМСКОЕ ГОНЕНИЕ НА ХРИСТИАН	2139

**ЧАСТЬ XVII ПОСЛЕДНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АП. ПАВЛА
СИТУАЦИЯ В ПАЛЕСТИНЕ И НАЧАЛО
ПРОТИВОРИМСКОГО ВОСТАНИЯ ИУДЕЕВ**

63 – 66гг. н.э.

АП. ПАВЕЛ В ИСПАНИИ (лето 63 – весна 64г.)	2149
ПАВЕЛ НА КРИТЕ (весна/лето 64г.)	2162
ИСТОРИЯ / МЕТАИСТОРИЯ КРИТА	2164

ПУТИ ПАВЛА С КРИТА – В ЭФЕС, КОЛОССЫ И В МАКЕДОНИЮ (лето/осень 64г.)	2169
ТРЕТЬЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФЯНАМ (из Филипп) И ТРЕТИЙ ПРИХОД ПАВЛА В КОРИНФ (зима/весна 65г.)	2173
ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ (из Филипп в Эфес) (зима/весна 65г.)	2188
ХРОНОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ АП. ПАВЛА В 65/66/67гг. (Эфес, Милит, Троада – лето/осень 65г.; Никополь – зима 65/66гг.; Италия и Рим – весна 66 – лето 67г.)	2196
ПОСЛАНИЕ К ТИТУ (из Эфеса на Крит) (лето 65г.)	2198
ПАВЕЛ ЗИМУЕТ В НИКОПОЛЕ (65/66гг.)	2204
ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ (из Италии) (март 66г.) // ПАВЕЛ В ИТАЛИИ И В РИМЕ (весна 66г.) // НАЧАЛО ВТОРЫХ РИМСКИХ УЗ (весна/лето 66г.)	2207
ТОЛКОВАНИЕ ПОСЛАНИЯ К ЕВРЕЯМ	2214
ИУДЕЯ (63 – 66гг.) // НОВОВВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЛЕВИТОВ (63г.)	2239
ОКОНЧАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ХРАМА (нисановская весна 64г.)	2241
АЛЬБИНА СМЕНЯЕТ ФЛОР (лето 64г.)	2242
ПАГУБНОЕ ПРАВЛЕНИЕ ФЛОРА (64 – 66гг.)	2245
МУЧЕНИЧЕСТВО АП. ИАКОВА АЛФЕЕВА (март 66г.)	2248
ПЕРВЫЕ РИМСКО-ИУДЕЙСКИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ (апрель/май 66г.)	2252
ФЛАВИЕВСКАЯ РЕЧЬ АГРИППЫ К ИУДЕЯМ (июнь 66г.)	2263
ИУДЕИ НАЧИНАЮТ ВОЙНУ ПРОТИВ РИМА ОТМЕНОЙ ХРАМОВОГО ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЗА КЕСАРЯ И РИМЛЯН (июнь 66г.)	2269
БОИ В ИЕРУСАЛИМЕ (июль 66г.)	2271
МАНАИМ / МЕНАХЕМ (август 66г.)	2274
ИСТРЕБЛЕНИЕ РИМСКОГО ГАРНИЗОНА (август 66г.)	2277
ИУДЕЙСКИЕ И ЯЗЫЧЕСКИЕ ПОГРОМЫ В РЕГИОНЕ (август/сентябрь 66г.)	2279
ПОХОД ЦЕСТИЯ ГАЛЛА (сентябрь/октябрь 66г.)	2286
РИМЛЯНЕ У ВОРОТ ИЕРУСАЛИМА (октябрь 66г.)	2289
ОТСТУПЛЕНИЕ И ПОРАЖЕНИЕ ЦЕСТИЯ (октябрь 66г.)	2292
ХРОНОЛОГИЯ	2296
В ИЕРУСАЛИМЕ	2298
УХОД ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ ИЗ ИЕРУСАЛИМА (октябрь 66г.)	2301
НАЗНАЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ (октябрь/ноябрь 66г.)	2304
ИОСИФ (ФЛАВИЙ) – НАЧАЛЬНИК ГАЛИЛЕИ	2308

ЧАСТЬ XVIII РИМ И МИР 64 – 67гг. н.э.

НЕРОН В ЗЕНИТЕ

64г.	2313
ЗОЛОТОЙ ДВОРЕЦ И НОВООТСТРОЙКА РИМА	2313
РАЗНОЕ	2319
65г.	2325
ЗАГОВОР ПИЗОНА	2325
ВЫДАЧА И РАЗГРОМ ЗАГОВОРА (апрель 65г.)	2337
СМЕРТЬ СЕНЕКИ (апрель 65г.)	2343
КАЗНИ ПРЕТОРИАНЦЕВ И САМОУБИЙСТВО КОНСУЛА ВЕСТИНА	2349
СМЕРТЬ ЛУКАНА	2353
ПРОЧИЕ ПРИГОВОРЫ	2357
ИТОГ	2359
«СОКРОВИЩА ДИДОНУ»	2362

ВТОРЫЕ НЕРОНИИ (май 65г.)	2364
КОНЕЦ ПОППЕИ САБИНЫ (июнь 65г.)	2366
ССЫЛКА Г.КАССИЯ И УБИЙСТВО Л.СИЛАНА ТОРКВАТА	2369
САМОУБИЙСТВО Л.АНТИСТИЯ ВЕТЕРА, ЕГО ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ	2373
РАЗНОЕ	2375
66г.	2378
ГИБЕЛЬ П.АНТЕЯ И М.ОСТОРИЯ СКАПУЛЫ	2379
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ САМОУБИЙСТВА	2383
ПЕТРОНИЙ АРБИТР И ЕГО «САТИРИКОН»	2385
ТРАЗЕЯ ПЕТ И БАРЕЯ СОРАН (апрель/май 66г.)	2397
РИМСКАЯ КОРОНАЦИЯ ТИРИДАТА АРМЯНСКОГО (май 66г.)	2422
ТИРИДАТ, САНАТРУК И ПОДВОПРОСНАЯ ХРОНОЛОГИЯ МУЧЕНИЧЕСТВА АП. ФАДДЕЯ И ВАРФОЛОМЕЯ В АРМЕНИИ	2433
ПРОТИВОФИЛОСОФСКИЕ ГОНЕНИЯ НЕРОНА	2443
ЗАГОВОР АННИЯ ВИНЦИАНА И БРАК НЕРОНА СО СТАТИЛИЕЙ МЕССАЛИНОЙ (лето 66г.)	2448
ПРОЕКТЫ РАТНЫХ КАМПАНИЙ-ЭКСПЕДИЦИЙ НЕРОНА – В ЭФИОПИЮ, И К КАСПИЙСКИМ ВОРОТАМ – В КАВКАЗСКУЮ АЛБАНИЮ	2451
НЕРОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГРЕЦИЮ (лето/осень 66г.)	2459
67г.	2463
ПАНЭЛЛИНСКИЕ АГОНЫ	2464
НЕРОН В ПАНЭЛЛИНСКИХ АГОНАХ (весна/лето/осень 67г.)	2469
ПРОЧИЕ ГРЕЧЕСКИЕ ХУДОЖЕСТВА И ПРЕДПРИЯТИЯ/МЕРОПРИЯТИЯ НЕРОНА	2473
КОНЕЦ БРАТЬЕВ СУЛЬПИЦИЕВ СКРИБОНИЕВ И ДОМИЦИЯ КОРБУЛОНА	2480
БЕСПРЕДЕЛ ГЕЛИЯ И ПОЛИКЛИТА В РИМЕ	2483
НЕРОН ДАРУЕТ «СВОБОДУ» ГРЕЦИИ (28.11.67г.)	2488

**ЧАСТЬ XIX ВТОРЫЕ РИМСКИЕ УЗЫ АП. ПАВЛА
СЛУЖЕНИЕ И УЗЫ АП. ПЕТРА
МУЧЕНИЧЕСТВО АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА
АПОСТОЛЬСКИЕ МУЧЕНИКИ И ВЕК АПОСТОЛЬСКИЙ**

66/67гг. н.э.

ПАВЕЛ В УЗАХ (с мая/июня 66г.)	2495
ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ (август/сентябрь 66г.)	2496
МИССИОНЕРСКИЕ ПУТИ-ДОРОГИ (46 – 66гг.) И РИМСКОЕ ЕПИСКОПСТВО (с 47г.) АП. ПЕТРА	2519
ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПЕТРА (61г.)	2531
ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПЕТРА (67г.)	2546
МУЧЕНИЧЕСТВО АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА (29.06.67г.)	2562
МУЧЕНИЧЕСТВО АП. АНДРЕЯ И МАТФИЯ (67г.)	2594
АПОСТОЛЬСКИЕ МУЧЕНИКИ И ВЕК АПОСТОЛЬСКИЙ	2608

ЧАСТЬ XX СОБЫТИЯ В ПАЛЕСТИНЕ 66 – 68гг. н.э.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИОСИФОМ ГАЛИЛЕИ (с осени 66г.)	2613
МЕРОПРИЯТИЯ ИОСИФА (66/67гг.)	2618

ИОХАНАН ГИСХАЛЬСКИЙ	2621
ИОСИФ ОСТАЁТСЯ НА ПОСТУ НАЧАЛЬНИКА ГАЛИЛЕИ (конец 66 / начало 67гг.)	2624
ИЕРУСАЛИМ, МАСАДА, ИДУМЕЯ	2627
НАЗНАЧЕНИЕ ВЕСПАСИАНА (зима 66/67гг.)	2630
И НАЧАЛО БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ (весна 67г.)	2630
ОСАДА И ВЗЯТИЕ РИМЛЯНАМИ ИОТАПАТЫ (май/июнь/июль 67г.)	2637
ИОСИФ СДАЁТСЯ В ПЛЕН (июль 67г.)	2642
РАЗРУШЕНИЕ РИМЛЯНАМИ ИОППИИ И ПОЛОЖЕНИЕ В ИЕРУСАЛИМЕ (лето 67г.)	2650
ПОДЧИНЕНИЕ ВЕСПАСИАНОМ ТИВЕРИАДЫ И ВЗЯТИЕ ТИТОМ ТАРИХЕИ (август/сентябрь 67г.)	2652
ОСАДА И ВЗЯТИЕ ГАМАЛЫ, ПОКОРЕНИЕ ТАБОРА, СДАЧА ИУДЕЯМИ ГИСХАЛЫ (сентябрь/октябрь/ноябрь 67г.)	2654
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИЕРУСАЛИМ // ЭКСТРЕМИСТЫ ПРОТИВ УМЕРЕННЫХ (зима 67/68гг.)	2659
ПРИЗВАНИЕ ЗИЛОТАМИ ИДУМЕЯН И РАСПРАВА НАД ЭЛИТАРИСТАМИ (начало 68г.)	2665
КОМИССАРСКИЙ ТЕРРОР ЗИЛОТОВ И НАЧАЛО ОЧЕРЕДНОЙ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ РИМЛЯН (зима и весна 68г.)	2669

ЧАСТЬ XXI КОНЕЦ НЕРОНА 68г. н.э.

68г.	2675
НЕРОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ГРЕЦИИ (январь/февраль 68г.)	2677
ВОССТАНИЕ ВИНДЕКСА (март 68г.)	2683
ВЫСТУПЛЕНИЕ ГАЛЬБЫ (апрель 68г.)	2690
ГИБЕЛЬ ВИНДЕКСА (май 68г.)	2697
ЭНДШПИЛЬ (май/июнь 68г.)	2701
«КАКОЙ ВЕЛИКИЙ АРТИСТ ПОГИБАЕТ!» (9.06.68г.)	2707
ЭПИЛОГ	2715
ПРИЛОЖЕНИЕ	2729
ТАБЛИЦЫ, КАРТЫ, ПЛАНЫ	2837

ЧАСТЬ XII

РИМ И МИР

51 — 54 гг. н.э.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ И КОНЕЦ КЛАВДИЯ

51г. н.э.

1 января 51г. н.э. = 804г. а.У.с. в консульство вступили (кесарь) Клавдий (cos V) и С.Корнелий Сципион Сальвидиен Орфит.¹

Тацит: «При консулах Тиберии Клавдии (в пятый раз) и Сервии Корнелии (Орфите) поспешили досрочно облачить Нерона в мужскую тогу, дабы создать впечатление, что он достаточно возмужал и способен заниматься государственными делами. Цезарь охотно внял настояниям раболепствующего сената, предложившего, чтобы Нерону в возрасте неполных 20-и лет было предоставлено консульство, а до принятия им на себя этих обязанностей он располагал проконсульской властью за пределами города Рима и именовался главой молодёжи. К тому же было решено

¹ Корнелии Сципионы Сальвидиены Орфиты появляются лишь в кесарское время посредством того, что, либо кто-то из Сальвидиенов Орфитов был усыновлён кем-то из (вымирающего рода) знатных Корнелиев Сципионов, либо кто-то из Сципионов усыновился (что менее вероятно) в род Сальвидиенов. В 65г. н.э., по льстивому предложению интересующего нас консула 51г. Корнелия Сципиона Орфита (проконсул Африки ок.62/63гг.), следующие за апрелем, уже ранее переименованным в неронею, май и июнь будут, согласно Тациту (Ан. 16,12), наречены именами: первый — Клавдия, второй — Германика. А в 67г. Орфита казнят, по обвинению М.Аквилия Регула (Ист. 4,42; Свет. «Нерон» 37,1; Дион 62,27,1). Согласно Светонию и не называемому имя Диону, кара постигнет его за сдачу внаём послам от вольных городов (Светоний) или друзьям (Дион), под три харчевни (Светоний) или лавки (Дион), помещений в своём доме близ Форума, что было превращено-обращено гнусным доносчиком и обвинителем-погубителем многих Аквилеем Регулом (занимавшимся доносами, обвинениями и домогательствами аж до времени Траяна, когда он в 102г., к радости множества граждан, наконец помер) в «оскорбление величия» (о нюансах см. ниже). Притом, по Тациту, Регул пагубно вовлёл в дело также семью Корнелия.

Впрочем, одноимённый сын последнего, консул-суф. при Домициане (93г.), подпал обвинению соучастия в заговоре против императора, был сослан на остров и там убит. В остальном К.Сципион Орфит — конс.-орд. 51г. — пребывал в должности, в отличие от Клавдия, консульствовавшего в своё заключительное консульство (cos V) круглый год, до 1.07., когда его сменил суффект Л.Калидий Вет Карминий (сведений о к-ром нет), сменённый, в свою очередь, осенью Т.Флавием Веспасианом (будущий император).

По Светонию (Кл.14), Клавдий облакал своё последнее консульство полгода, что ошибочно, т.к. ещё 27.09. и позднее он находился на посту (CIL Fasti Antiates 10,6638, CIL 2,4095; 3,476; 1977; 6,353; 920; 1984; 10,42), возможно, оставшись после 1.07. при фасках, из-за кончины не успевшего вступить в должность преемника-суффекта. Хотя Светоний путано говорит — «в третий раз он замещал в должности умершего предшественника, чего ещё ни один правитель не делал», что в третьем клавдианское консульство 43г. (год британского похода), когда никаким не предшественником, а консульско-суффектным преемником Клавдия стал (с 1.03.) С.Палпеллий Гистр, не имело место быть.

раздать от его имени денежные подарки воинам и продовольственные простому народу. На цирковом представлении, данном с целью привлечь к нему благосклонность толпы, он появился в одеянии триумфатора, а Британник — в претексте: пусть народ, видя перед собой одного в убранстве полководца, а другого в детской одежде, в соответствии с этим предугадает грядущую судьбу их обоих. Вскоре затем были удалены из преторианских когорт, частью на основании вымышленных причин, частью под почётным предлогом повышения в должности, те из центурионов и военных трибунов, к-рые скорбели об уготованном Британнику жребии; были изгнаны из дворца и сохранявшие верность Британнику вольноотпущенники, притом это произошло в связи со следующим случаем. Однажды, когда Нерон и Британник при встрече обменялись приветствиями, первый обратился ко второму по имени, а тот назвал Нерона Домицием. Агриппина с горькими жалобами сообщает об этом мужу как о свидетельстве начавшейся между сводными братьями розни: с усыновлением Нерона не желают считаться, в лоне семьи отменяется постановленное сенатом, предписанное народом; если своевременно не пресечь вопиющую злонамеренность подстрекателей, она приведёт к гибели государства. Встревоженный этими обвинениями, Клавдий обрекает на изгнание или смерть всех наиболее честных и неподкупных воспитателей сына и попечение о нём отдаёт в руки назначенных мачехой...» (Ан. 12,41)

Родившийся 15.12.37г. и усыновлённый Клавдием в 50г. Нерон облачился в тогу *virilis* в начале 51г. на 14-м году жизни, что, конечно, в общем, было досрочно, однако в истории императорского Рима небеспреседентно. Вспомним Гая (род. — 20г. до н.э.) и Луция (род. — 17г. до н.э.) Цезарей, внуков Августа, надевших тогу мужа на 15-м году жизни каждый, соответственно, 1.01.5 и 1.01.2гг. до н.э.; или ст. сын Германика — Нерон (род. — 6г. н.э.) — обзавёлся этой тогой в 20г. — в 14 лет; или его мл. брат — Друз (род. — 8г. н.э.) — в 23г. — в 15 лет.

Одним словом, если братьев Цезарей и Друза Нерон II несколько опережает, то с возмужанием Нерона I его возрастной ценз выразительно совпадает. Так что традиция такого досрочного посвящения кронпринцев в *мужество* на середину IV н.э., восходя к самому Августу и к его «золотому веку», официальной буквы к-рого строго придерживался Тиберий, вполне имела, пусть даже Нерон, *возмужавший* аж в начале 14-го года отроду, чуть опередил своих именитых предшественников.

Сходно и с дезигнацией в консулы на 20-й год жизни, — на сей раз, точь-в-точь, — как Г.Цезарь, облекший консульство в 1г. н.э., или как Л.Цезарь, не успевший, из-за преждевременной кончины (2г. н.э.), побывать, будучи дезигнирован, консулом в 4г. н.э. Помнится, сам Август в первый раз взял-получил консульские фаски в 43г. до н.э. в возрасте 20-и лет, моля, к старости, богов, чтобы подобное больше никогда и ни с кем (ради блага римского народа) не случилось, но пойдя в отношении Гая и Луция навстречу горячим требованиям сената с народом. Увы, таковы издержки мон(о)архической системы, даром что прикрывающей срамные проявления фиговыми республиканскими листками!

Одновременно Нерон оснастился (тоже, кстати, сродни Г.Цезарю) проконсульским империем (*imperium prokonsulare*), сделался (подобно всем кронпринцам) предводителем молодёжи — *princeps iuventutis*, плюс — от его имени были розданы денежные суммы воинам (*donativum*) и дарственные продовольственные пайки (*congiarium*) плебсу.

Со своей стороны, поднятая Клавдием в 50г. в Августы Агриппина хотела, чтобы ни у кого не оставалось сомнений насчёт того, кто из дуалистических преемников 60-летнего Клавдия, — его ли приёмный, на 14-м году, сын — Нерон, или 10-летний родной — Британник, — истинный престоланаследник. Впрочем, внешне всё как

будто упиралось в очевидное возрастное старшинство Нерона, к-рый-де будет, по-братски, опекать меньшого брата, и для этого должен быть (на благо, разумеется, их обоих) вооружён (до зубов) как всеми, на правах старшого, властными, так и почётно-престижными атрибутами-инсигниями-полномочиями.

То-то на цирковом представлении он появился в тоге триумфатора, в то время как на Британнике была лишь окаймлённая пурпурной полосой тога высоких магистратов – *praetexta* (претекста). И не лезь, чадо Британик, поперёд старшого брата (как батьки) в пекло! Знайте, сенат и народ, кому царствовать (и кому быть, как Тиберий Гемелл, младшей соцарственной куклой, пока тебя не устранят). Хотя в Риме, само собой, нет и не может быть никаких царей, ибо (бессмертная, сродни мафии) Республика *restituta* неприкасаемо священна! И все граждане перед ней равны. Только вот некоторые – *первачи* среди т.н. равных! Август показал своим преемникам как царствовать (без царского титула), свято блюдя и храня мощи трупной Республики. Не напоминает ли она покойников викторианской Англии, к-рых перед тем как предать их земле, парадно одевали и сажали среди близких, чтобы сфотографировать мертвяков на память, как живых среди живых!

Далее, если согласно Тациту, Клавдий, по наущению Агриппины, обрёк «на изгнание или смерть всех наиболее честных и неподкупных воспитателей сына» (Британика), заменив их (не называемых Тацитом по именам) креатурами Агриппины, то у эпитомированного Диона, к-рый говорит о зловеще-предзнаменованном землетрясении в ночь после Неронова облачения в тогу мужа (61,33,2с), назван один лишь Сосибий (61,32,5/6), кто, как мы помним, был задействован в 47г. в качестве послушного орудия Мессалины в грязной интриге против загубленных ею Валерия Азиатика и Пoppей Сабины (см. выше). Т.е. этого Сосибия никак нельзя назвать честным и неподкупным малым.

Теперь ему инкриминировали злоумышление против Нерона, быстро осудили и казнили, Британика же вверили воспитателям-агриппианцам, вдобавок к чему, заботливая мачеха всячески препятствовала его как простому сыновнему общению с отцом, так и общественным выходам-появлениям, держа (потенциально конкурентного её сыну, и потому опасного) отрока-пасынка под постоянным строгим надзором-контролем. Иначе говоря, – почти в заточении, разве что не в оковах.

Да, обращение к Нерону по его экс-номену Домиций, после его усыновления кесарем Клавдием, можно квалифицировать по факту – как умышленно деградирующее адресата оскорбление, к-рое указывает на его непринадлежность к императорской фамилии Юлиев-Клавдиев. Но вряд ли тут можно вменить 10-летнему Британику самостоятельный злой умысел. Скорее, он был научен-надоумлен на это противоагриппианцами из своего старомессалианского окружения, и жалобы Агриппины Клавдию имели под собой некоторые основания, правда, она заведомо всё утрировала-гиперболизировала. Тем не менее, отнюдь не всех устраивали её взлёт и могущество, равным к-рому не обладала ещё ни одна римлянка, поскольку, в отличие от Ливии или Мессалины (уж не говоря о Цезонии), она открыто притязала на равную с мужем, в т.ч., политическую власть, более того, имея возле себя стареющего тютю Клавдия, всю (со)активничала на политическом поприще (Дион 61,33,1).

Повсюду в Империи чеканились монеты, изображавшие её с мужем (бывшим не столько с ней, сколько при ней) или без; она давала аудиенции с ним или без него, принимала гос. решения, участвовала во всех празднествах и общественных мероприятиях, пользовалась правом ездить по Риму и въезжать на Капитолий в двуколке (*carpentum*), принимала парады преторианцев, награждала или наказывала воинов и т.д.

К примеру, преторианские префекты Лузий Гета и Руфрий Криспин, к-рые были

людьми Мессалины и остались на посту, проявив полную лояльность к Агриппине, перестали, когда она укрепилась у власти, ввиду их промессалианского прошлого, устраивать её. Она подозревала обоих в тайной привязанности к мессалианским детям — к Британнику, к-рого, мол, они, в случае чего, предпочтут Нерону, и к помолвленной с Нероном Октавии.

Посему она очернила обоих префектов перед Клавдием, убедив его ещё и в том, что в отношении преторианских когорт — лучше заменить префектурный дуализм единоначалием, поставив во главе гвардии одного стопроцентно преданного императору и императрице командира. К слову, если Август, сформировав во 2г. до н.э. преторианское воинство, поставил над ним именно двух префектов, то при Тиберии преторианцами командовали в одиночку — сначала — Сеян, потом — Макрон. Т.е. инициатива Агриппины была по сути возвращением к тиберианской практике-модели в агриппианскую пользу, после чего во главе преторианцев (главной военной силы в столице) оказался С.Афраний Бурр — «выдающийся военачальник — как пишет Тацит (Ан. 12,42), — о к-ром шла добрая слава, но к-рому, однако, было известно, кому он обязан своим назначением».

Впрочем, его предшественники не подверглись репрессиям. Гета отправился наместничать в Египет и оставался там до 54г., да и Криспин, к-рый женится на дочери загубленной Мессалиной Пoppей Сабины (к-рая уйдёт от него к Отону, чтобы позднее уйти от Отона к Нерону), в опалу при Клавдии не попал. Агриппина удовлетворилась их смещением с опасных постов командиров кесарских гвардейцев и на том успокоилась.

Бурр принадлежал к плебейскому роду Афраниев, известному с VIв. до н.э., сам родом из Vassio Vocontiorum (триба Волтина) (CIL 12,5842) в Нарбоннской Галлии. Он начал службу военным трибуном при Тиберии и при ещё живой Ливии Августе (+ 29г. н.э.), выполняя её финансовые поручения. Где, в каком ранге и при каких обстоятельствах? проявился его талант военачальника? о чём сообщает Тацит, — неизвестно. Во всяком случае, после смерти Клавдия именно Бурром будет обеспечен приход, при полной поддержке преторианцев, к власти, без каких-либо эксцессов, 17-летнего Нерона. И потом именно Сенека и Бурр будут, в составе беспримерного для римской истории властного дуэта за кадром, в унисон направлять политику Нерона, позитивно влияя на него, в первые годы его правления.

А позднее Бурру удастся усидеть в должности как в 55г., когда Нерон планировал, начав тяготиться опекой матери, его смещение, так и позднее, несмотря даже на обвинение в соучастии в противонероновском заговоре. И дальше он не примет участие в убийстве, дистанцировавшись от него, Нероном Агриппины (59г.), и не будет одобрять Нероново намерение устранить ради Пoppей Сабины Октавию (62г.), продолжая, вместе с тем, пребывать на столь важном посту аж до 62г., когда Нерон заболевшего Бурра навестит и, по неподтверждённым сведениям, пошав ему вместо лекарства яд, отравит (см. ниже). Причём кончина этого влиятельного префекта praetorio, вызовет в Риме всеобщую скорбь, вслед за чем (и без того утративший влияние на своего ставшего «Франкенштейном» доктора Франкенштейна воспитанника Нерона) Сенека полностью удалится от гос. дел (см. ниже).

* * *

Между тем, в 51г. ок. 60-летний ровесник Клавдия старый лис Л.Вителлий, льстец и интриган (ориентального типа), каких Рим до сих пор мало видывал, был обвинён неким Юнием Лупом «в оскорблении величия и в намерении захватить власть, и Клавдий с готовностью поверил бы этому, если бы Агриппина скорее

угрозами, нежели просьбами, не переломила его и не вынудила лишить обвинителя воды и огня: такого было желание самого Вителлия» (Ан. 12,42). Видимо, Юний Луп приходился родственником (несостоявшемуся клавдианскому зятю) Л.Юнию Силану, сестра к-рого Юния Кальвина была замужем за мл. сыном Вителлия Луцием (конс.-суф. 48г., сменивший в консульстве своего старшего брата – будущего кесаря – Авла) и к-рой Вителлий Старший инкриминировал надуманное кровосмешение с братом, чтобы устранить его, обрученного с дочерью Клавдия Октавией, с пути Агриппины в угоду Нерону, кому надлежало непременно заполучить *инфанту* Октавию. И если Силан, о чём мы знаем, покончил самоубийством в день свадьбы Клавдия и Агриппины (1.01.49г.), то его сестра была сослана.

Следует полагать, что родственник им Юний Луп решил реваншироваться в 51г., когда у Клавдия (почему-то) испортились отношения с Вителлием, что явствует из кесарской готовности поверить в виновность столь много сделавшего для легитимизации брака между Клавдием и Агриппиной (дядей и племянником) консулара из ближайшего императорского окружения.

Но это не проканало, ибо у Вителлия была серьёзная заступница-покровительница в лице Агриппины, хорошо помнившая, как он помог ей узаконить кровосмесительный, по римским законам, (династический) брак с Клавдием, что стало решающей вехой в деле превращения Нерона в кронпринца № 1. И потому скользкому, как угорь, Вителлию, удалось, при её поддержке, благополучно выкрутиться-выскользнуть из сложной ситуации. В результате, не он был привлечён и осуждён, а, наоборот, его незадачливый обвинитель подвергся осуждению и ссылке.

Правда, и сам лебезятник Вителлий, к-рый пожелал Клавдию в 47г., при праздновании *Ludi Saeculari*, отпраздновать и следующие Столетние игры, и к-рый почитал золотые изображения Нарцисса с Паллантом среди домашних ларов (Свет. «Вит.» 2,5), вскоре умер. Согласно Светонию, – «от паралича, на другой день после удара» (Вит. 3,1). Т.е. этого хамелеона со стажем хватил инсульт. (Ничего не поделаешь, все мы смертны.) «Сенат почтил умершего погребением на гос. счёт и статуей на Форуме с надписью: «Неколебимо верен императору» (3,1). Если бы в ту пору существовало огнестрельное оружие, наверняка были бы даны залпы в воздух.

Не с него ли, с Л.Вителлия, трижды консула и соцензора кесаря, пишется выразительный портрет эпохи! Ведь начав в возрасте ок. 43-х лет (предыдущий послужной список неизвестен) с образцового консульства-орд. (34г.) и с достойного управления Сирией (35 – 39г.), он, по возвращении в 39г. в столицу, чуть было не подпав гневу Калигулы, скурвился ещё при Гае и особенно в правление Клавдия, лебезя сначала перед Мессалиной и позже перед Агриппиной, – дальше некуда. Что ж, не удивительно, если знать и помнить, что на дворе стояла не просто императорская эпоха, но что это было время *кесарева безумия*. И такие, как homo novus Вителлий, младший из 4-х сыновей римского всадника из Нуцерии, проверку на староримскую прочность пройти не могли (и не хотели). Он опустился ниже плитуса, опущенный самим временем в пору глубокого декаданса юлианско-клавдианской династии = в пору нарастающего кризиса первого этапа эпохи Принципатата.

То-то Тацит говорит о множестве мрачных знамений данного года, упоминая и землетрясение, фигурирующее также у Диона, приложительно ко дню облачения Нерона в тогу мужа, и каких-то зловещих птиц,севших на Капитолий, и давку (на Форуме?) в страхе и смятении перед ещё большими бедствиями, вследствие к-рой было растоптано множество людей (Ан. 12,43). К месту вспомнить, что в этом же 51г. в Иерусалиме случилась пасхальная трагедия с давкой, обернувшаяся тысячами погибших (см. выше).

Кроме того, Рим опять поразил вовсе не первый в клавдианское правление

продовольственный кризис: недостаток в зерне и возникший из-за этого аврал тоже принимались за знамения. Однажды даже римляне, требуя хлеба, с буйными выкриками, окружили на Форуме разбиравшего судебные тяжбы (и очень это дело любившего) Клавдия, оттеснили его «на край Форума, зажали в кольцо и не выпускали оттуда, пока он не пробился наконец сквозь стену возбуждённых людей, вырученный отрядом воинов» (12,43).

Работы по расширению-новосооружению гавани в Остии ещё не были завершены и произошёл очередной перебой с доставкой зерна из Африки и Египта. Продовольствия в городе оставалось не более чем на 15 суток и, помимо благоволения богов, Город выручила мягкая зима, т.е. суда сумели и успели, невзирая на, по всему, начавшийся сезон закрытого моря, к ноябрьскому концу года доставить в Италию и Рим требующееся зерно. Таким образом, худшего удалось избежать.

По Светонию, – «однажды его (Клавдия) самого среди Форума толпа осыпала бранью и объедками хлеба, так что ему едва удалось чёрным ходом спастись во дворец...» (Кл. 18,2). Ниже читаем: «...с тех пор он ни перед чем не останавливался, чтобы наладить подвоз продовольствия даже в зимнюю пору. Торговцам он обеспечил твёрдую прибыль, обещав, если кто пострадает от бури, брать убыток на себя; а за постройку торговых кораблей предоставил большие выгоды для лиц всякого состояния: гражданам – свободу от законов Папия-Поппея, латинянам – гражданское право, женщинам – право 4-х детей...» (Кл. 18,2; 19) (Орозий 7,6,17; Гай 1,32с; Ульпиан 3,6).

Здесь явная накладка инцидента 51г. на льготные продовольственно-зерновые меры, принятые Клавдием раньше, поскольку он не мог принять их, по крайней мере, все, к концу своего правления, к-рое с его начальной поры (точнее, – с 42г.) было отмечено раз за разом повторявшимися трудностями со снабжением и голодными годами – как в Риме/Италии, так и в других частях Империи (см. выше).

А эпитомированный Дион (61,32,3а) от Зонары (11,10) замыкает римские события 51г. сообщением о всемогуществе Агриппины, на стороне к-рой были наиболее влиятельные вольноотпущенники: и её любовник Паллант, сосватавший за неё Клавдия, и перешедший на её сторону Нарцисс, главный устранитель Мессалины, к-рый поначалу был против брака Клавдия с Агриппиной. Однако ныне, когда этот брак стал свершившимся фактом, у Нарцисса не было иного выбора. Нерон в качестве престолонаследника виделся ему предпочтительнее, чем Британник, к-рый обязательно сделается, в случае успеха, мстителем за мать и, в первую очередь, покарает именно его. Посему в сложившихся обстоятельствах – лучше быть с Агриппиной, нежели интриговать против неё.

Сим она поднялась на самую вершину власти, продолжая отсчитывать свои наиболее счастливые годы в составе пятилетки 49 – 54гг., в ранге супружницы-императрицы, при жизни Клавдия. Поскольку с его уходом, к-рый она сама и организует, упорно и безоглядно пролагая любимому сыну дорогу к трону любой ценой, для неё, при Нероне, кто очень скоро начнёт тяготиться опекой королевь-матери, наступят гораздо худшие времена (пятилетка поступательного падения и гибели – 54 – 59гг.), нежели при тюфяке-супруге, к-рым она почти всё время вертела-помыкала, как хотела. Когда же он под конец попытается взбрыкнуть, любимая жена отравит его.

Но не будем забегать вперёд. Если вышеизложенными событиями римская событийность 51г. исчерпывается, то державной периферии, за исключением Иудеи, мы ещё не касались. Между тем, 51г. н.э. был не беден событиями как на восточных окраинах Imperium Romanum – в Армении, так и на её западной оконечности – в Британии.

АРМЕНИЯ
МИТРИДАТ И РАДАМИСТ
МЛАДШИЕ АРКШАКИДЫ = ВОНОНИДЫ

«Вспыхнувшая в том же году война между армянами и иберами вызвала крайнюю напряжённость и в отношениях римлян с парфянами. Парфянским народом повелевал Вологез, родившийся от гречанки-наложницы и получивший царскую власть по соглашению с братьями; над иберами с давних пор властвовал Фарасман, над армянами, при нашей поддержке, – брат его Митридат. У Фарасмана был сын по имени Радамист; статный, отличавшийся редкою телесною силой, овладевший всеми науками и искусствами, к-рым обучают на его родине, он был широко известен и среди соседних народов. Радамист слишком часто и горячо сетовал на старость отца, из-за к-рой скромные пределы Иберского царства остаются неизменными, чтобы снедавшее его честолюбие могло остаться для кого-нибудь тайною. И вот Фарасман, на склоне лет опасаясь охваченного жаждою власти и опирающегося на народную любовь юноши, начинает разжигать в нём иные надежды и указывать на Армению, вспоминая, что после изгнания из неё парфян он сам отдал её Митридату; впрочем, применение силы следует отложить на будущее, а пока выгоднее прибегнуть к хитрости, чтобы тем легче осилить застигнутого врасплох царя. И Радамист, притворившись, что у него произошла ссора с отцом и он бессилен против гонений мачехи, отправляется к дяде и, принятый им с сердечною ласкою, словно он был его сыном, за спиной Митридата, к-рый ни о чём не догадывался и всячески возвышал его, подстрекает армянских вельмож к государственному перевороту...» (Ан. 12,44)

В абзацах 44-48 12-й кн. «Анналов» Тацит, обращаясь к внешнеполитической периферии, опять под одним годом повествует о событиях ряда лет, в данном случае, под 51г. н.э. о событиях, посвящённых, в римском державном разрезе-контексте, иверо-армяно-парфянским коллизиям за период 50/51 – 53/54гг.

Напомним читателю ещё раз, с 35г. в Армении царствовал, с перерывом в 37 – 41гг., когда он был вызван в Рим и заточён Калигулой, снова возвращённый на армянский престол в 41/42гг. Клавдием, Митридат Иверский – младший брат иверского царя Фарасмана (из династии Парнавазидов). Отдав сирую Армению, где с концом Арташесидов в начале IV в. н.э., раз за разом, возобновлялся политико-династический кризис, иверам, Тиберий, с одной стороны, втянул усилившуюся Иверию в римскую политическую орбиту, а с другой, решил использовать иверов в переднеазиатской Армении и на Южном Кавказе, как буферный щит, для сдерживания парфян. Т.е. он изменил расклад, сочтя рентабельным вовлечь до того находившуюся не столько в офсайде, сколько в пассиве Иверию (к-рая заметно усилилась при Фарасмане) в *Большую* междержавно-противостоятельную *игру* без войны (расширив тем самым диапазон римского противостояния парфянам до Ю. Кавказа: униированные Армения и Иверия в сфере влияния Рима; Атропатена и Алвания – Ирана).

Время от времени иверы, лояльность к-рых в последний раз как бы гарантировал в 35г. до н.э. совершивший поход на Кавказ (в Иверию и Алванию) легат Антония Канидий Красс (первым римским ратным предшественником к-рого на Кавказе был в 65г. Помпей), изъявляли т.н. лояльность к Риму, снаряжая (как и алванцы) посольства к Августу и признавая его авторитет. Но до новаторской акции Тиберия в 35г. н.э. Иверия не была дальнелимесным римским вассалом, каковым долгие годы на протяжении I/II вв. оставалась (расположенная непосредственно на оси

римско-иранского противоборства) Армения, став таковым, вкупе с Арменией, именно с 35г., при Тиберии. И именно к курсу к-рого, т.е. Тиберия, вернулся в 41г. Клавдий, тогда как Калигула, о чём читатель знает, договорился в отношении буферного Армянского нагорья с парфянами на иных условиях (пойдя на частичные уступки парфянам), к к-рым, по их сути, в 60-е гг. IV н.э. (вынужденно, перед лицом усилившейся при Вононидах Парфии) обратится также Нерон.

И достижение консенсуса будет заключаться в признании Римом правомерности представителей династии младших Аршакидов на армянском престоле, в признании частичного (великоиранского) права парфян (как лидеров Арианы-Ирана в III – IIIвв.) на Армению, чему, т.е. уступкам подобного рода в Армянском вопросе, Рим поначалу противился, понимая, что сим (даже утверждая в тронных правах армянских царей Аршакуни), постепенно теряет Армению.

Последняя же, со своей стороны (больше тяготея к Ирану), не могла выйти из кризиса, оказавшись на рубеже противостояния сверхдержав и лишившись прежней династии, без помощи Парфии, без парфянской подпитки, без парфяно-иранского ресурса, без парфян. Близость и братское родство армян с парфянами (особо развернувшееся с I-го в. н.э. и продолжавшееся до падения в IIIв. н.э. свергнутых персидскими Сасанидами парфянских Аршакидов, когда Армения станет их эксклюзивной наследницей) можно, пожалуй, сравнить с сегодняшними двоюродным родством и близостью между Россией и Беларусью, или Румынией и Молдовой, или Азербайджаном и Турцией.

Не Кавказ и Иверия (никак не тянувшие на масштабы тогдашней Армении), а именно родственник Иран и духовно близкая Парфия были тем ресурсом, к-рый мог помочь армянам выйти из кризиса, вновь подняться и начать тот ключевой этап своей истории, к-рый в итоге привёл к мировой первохристианизации страны Араратской и её народа, к закладке средневекового фундамента и к обретению армянством своего монолитного национально-христианского Я.

А пока, с 41/42гг., Митридат Иверский, вновь, при помощи римлян, заполучив Армению, с приданным ему вспомогательным римским гарнизоном в крепости Гарни (28 км от современного Еревана), царствовал здесь как римский (дальнелимесный) вассал до 51г. Тем временем, его ст. брат Фарасман Иверский, дочь к-рого замужествовала за дядей Митридатом, успел состариться, в то время как Фарасманов сын, крепыш Радамист, повзрослел и дозрел настолько, что начал зариться (тяготясь живучестью отца) на родительский трон. И вот хитрован Фарасман, поднадоевший, в т.ч., части собственных подданных, среди к-рых молодой, полный энергии и нетерпеливый кронпринц пользовался популярностью, не без оснований опасаясь сына, сделал следующий ловкий шахматный ход с умыслом на пару ходов вперёд. Переключил внимание Радамиста на Армению, т.е. отводя потенциальную угрозу от себя, подставил под удар, сам направляя оный и оставаясь хозяином положения, своего младшего брата.

Отец вошёл вговор с сыном, предложив ему, с тайного родительского одобрения-благословения, армянский престол, и послал Радамиста, мнимо рассорившись с ним, с соглядатайско-разведывательно-заговорщицкой миссией на Армянское нагорье, что произошло, должно быть, ещё в 50г. При этом Митридат, ни о чём не догадываясь, оказал положенное гостеприимство, дескать, обиженному отцом и гонимому мачехой, племяннику. В то же время посланный *казачок* Радамист, не теряя времени даром, вошёл вговор с группой армянских вельмож, недовольных тиранической суровостью Митридата, заручился их поддержкой, затем возвратился, после липового примирения с отцом, в Иверию и заявил родителю, что *пятая колонна* в Армении находится в боевой готовности, ожидая сигнала.

Засим Фарасману ничего не оставалось, как измыслить повод к войне. И он,

уже в 51г., недолго покумекав, его нашёл-отыскал. Ранее, видимо, в 40-е гг., воюя с алванами, царь иверов хотел обратиться за помощью к римлянам, к-рым предстояло, в случае их согласия, пройти воинскими силами через Армению, чему воспротивился Митридат. Вероятно, та локальная война сложилась для Фарасмана неудачно или не очень удачно, и теперь он с опозданием, ищущи casus belli, обвинил в неудаче своего брата Митридата, найдя таким макаром повод к тому, чтобы его (в рамках как бы внутрисемейной-внутриродичинной ссоры-разборки) низложить. Удостоверьтесь, насколько, всё-таки, влияние Рима при Калигуле и (зациклившемся на покорении Британии) Клавдии на этой восточной оконечности Империи ослабло, насколько Рим слабо контролировал ситуацию, если один римский вассал (даром что дальний) мог самочинно объявить войну другому (даром что родному брату).

Мы помним, как резко отреагировал в 6/5гг. Август на шестидневную блиц-войну Ирода против набатейских арабов (правда, в пору закрытых врат храма Януса Квирина); или как Тиберий велел в 36г. Вителлию наказать-покарать набатея Арета за несанкционированный разгром аретовскими арабами воинства Ирода Антипы.

И пусть конфликт между Фарасманом Иверским и его братом Митридатом, ставшим, по римскому почину, из Иверского Армянским, выглядел несколько иначе, пусть тут вроде, всего-навсего, старший брат (опасаясь родного сына) сцепился с братом младшим, всё равно, по большому счёту, оба они были римскими кесарскими вассалами = «друзьями-союзниками римского народа», и не имели права самостийно (не спросившись у римского кесаря) воевать между собой. Увы, Иверия была слишком далеко (за окраинно-лимесной Арменией), чтобы и без того державно перерастянутый с Запада на Восток Рим её до такой степени контролировал. (И следовательно, модель с представителем иверской династии на армянском престоле, в видах, в частности, усиления римского влияния на Кавказе, как выяснялось, не оправдывала себя. Эта расчётная ставка Тиберия, подхваченная-продолженная Клавдием, оказывалась ошибочной.)

Да и дальше Рим будет, во-первых, медлить с вмешательством, и во-вторых, действовать малоэффективно, явно избегая вмешиваться в ход событий крупными силами, с осторожной оглядкой на парфян, войны с к-рыми старче Клавдий, без устали аккламируясь императором за Британию, равно дистанцируясь от масштабной активизации на Востоке, категорически не желал. И Иран очень скоро почувствует римскую слабость, не преминув ею воспользоваться, тем паче, с приходом к власти в Иране Вононидов = с окончательным династическим утверждением на престоле всеиранского царя царей Аршакидов Младших (см. выше и ниже).

* * *

А в 51г. в Армению, воюя никак не Рим, но своего, соответственно, брата и дядю, вторглись (решая семейную распрю) Фарасман и Радамист. Им удалось, при поддержке части армянской знати, к-рой загиранивший её Митридат был ненавистен, запереть его, «устрашённого внезапным вторжением и прогнанного с равнин» (Ан. 12,45), в (крепости) Горнеях, где стационарировался римский гарнизон «во главе с префектом Целием Поллионом и центурионом Касперием». Крепость была хорошо оснащена и природно почти неприступна, требуя долгой осады, в чём иверы, располагая армией движения и стремительных действий, доками не являлись.

И это создало патовую ситуацию. Если для осаждающих война грозила затянуться, то осаждаемые не видели перспектив из-за отсутствия единодушия между

ними, что усугублялось подкупом алчного префекта (*castrorum?*) Поллиона со стороны Радамиста (Фарасмана под стенами крепости не было) и его конфликтом с центурионом Касперием (к-рый заклинал префекта «не предавать вероломно и корыстно царя-союзника и Армению, отданную ему в дар римским народом»).

Поллион возражал, указывая на многочисленность неприятеля и ратуя за заключение мира; «подневольный» Радамист ссылаясь на приказания, полученные им от отца (к-рый находился где-то поблизости в Армении, но умышленно, в видах разыгрываемого спектакля, не среди осаждающих — вне зоны прямого контакта с Поллионом и Касперием). В итоге Касперию пришлось оставить крепость, — «с тем, чтобы, если ему не удастся заставить Фарасмана отказаться от этой войны, известить хотя бы о положении дел в Армении правителя Сирии Уммидия Квадрата» (12,45).

Т.е., во-первых, среди римлян царили раздвоенность и неразбериха (немыслимые в таком ракурсе при Августе или при Тиберию): *правильный* служака Касперий разошёлся с *неправильным* мздоимцем-лихоимцем Поллионом. Во-вторых, всё произошло достаточно быстро, коли лишь сейчас Касперий, добившись хрупкого перемирия, решил, если Фарасман после встречи с ним не прекратит войну, обратиться (в обход продажного Поллиона) дальше-выше по иерархическому началству, — к наместнику Сирии, кто был фактически первым-главным (по выражению Флавия) «представителем кесаря в местностях за Ионическим морем». Ибо именно кесарский легат (ключевой провинции на востоке Римской империи) Сирии, во главе 4-х легионов, отвечал за римско-иранскую границу и за присирийские регионы.

Короче, требовалась чёткая позиция Центра, к-рая отсутствовала, что развязывало руки и коррупционеру Поллиону, и Фарасману с Радамистом, к-рые, вместе с тем, не были настолько зависимы от Рима, как ближнелимесные региональные римские вассалы, чтобы во всём оглядываться на Рим.

И когда Касперий удалился, Поллион, торопя события, принялся убеждать Митридата (не оставляя ему выбора) в необходимости и безопасности примирения с кровным братом и племянником, на дочери и сестре к-рых он, плюс ко всему, женат. Мол, Митридату не на что надеяться, при вероломстве по отношению к нему его подданных армян, в условиях необеспеченной продовольствием крепости, кроме как на мирное-полюбовное окончание распри без пролития крови.

В свою очередь, Касперием был найден окопавшийся, следует умоzakлючить, неподалёку от места действия Фарасман, встретившись с к-рым, он начал настаивать на снятии осады с крепости. Со своей стороны, царь иверов, не рискуя прямо сказать «нет» полномочному римлянину, отправил «гонцов к Радамисту с повелением во что бы то ни стало и возможно скорее захватить Митридата. Плата за предательство увеличивается, и Поллион тайным подкупом подбивает воинов требовать заключения мира и угрожать, что в противном случае крепость будет ими покинута. Вынужденный необходимостью, Митридат соглашается на предложенные ему Радамистом время и место заключения мирного договора и оставляет Горнеи» (Ан. 12,46).²

² В 61г., в ходе продолжающегося римско-парфянского противоборства за Армению, Касперий будет снаряжён Домицием Корбулоном к царю (царей) Вологесу с запросом относительно того, — на каком основании парфяне, вернее, их союзники, адиабенцы, осадили римского ставленника Тиграна VI (60–62гг.) в Тигранакерте? и, «встретив царя у города Нисибиса, отстоящего от Тигранокерты на 37 тыс. шагов, в резких словах передаст данное ему поручение» (Ан. 15,5). Возможно, этот Касперий идентичен с Касперием Нигером, к-рый погиб в 69г., сражаясь в составе флавианцев, «среди настоящих воинов», против вителлианцев на Капитолии (Ист. 3,73).

Засим, говоря бе обиняков, Фарасман повелевал Радамисту, — если тот хочет царствовать в Армении, как можно скорее, покуда римляне не расшевелились, любой ценой захватить Митридата и ликвидировать его, что, во-первых, устранил проблему, и во-вторых, поставит римлян перед фактом. Не лучше ли признать лояльного к ним Радамиста, к-рый не собирается менять политическую ориентацию (какая, в конце концов, римлянам разница, кто на армянском троне — верный им дядя? или не менее верный племянник?), чем потерять и Иверию, и Армению, получив внутриармянский хаос, чреватый серьёзным конфликтом с парфянами.

Так, попав в безвыходное положение, поскольку у него не было шансов без военной поддержки римлян и при отсутствии поддержки со стороны большинства армян, на какой-либо успех, Митридат согласился на предложенные Радамистом время и место заключения сомнительного соглашения между ними, после чего, вряд ли с лёгким сердцем, оставил (не могучи не оставить) Горнеи.

Там, в месте встречи, в условленный день, несмотря на всю внешнюю приветливость заключившего его в объятия Радамиста, к-рый поклялся дяде, называя его тестем и отцом, что не посягнёт на него ни мечом, ни ядом, Митридата, в ближней роще, где должен был состояться торжественный ритуал заключения скреплённого кровью нерушимого союза, похерив все клятвы-обещания, свалили наземь и повязали.

Коварно пленённого царя разлучили с женой (дочерью Фарасмана и сестрой Радамиста) и малыми детьми (малолетство к-рых обращает на себя внимание, так как Митридату было немало лет), вслед за чем «водили, влача за ножную цепь, что считается позорным у варваров, и так как он, властвуя, круто обходился с простым народом, толпа осыпала его поношениями и грозила расправой. Впрочем, попадались в ней и такие, кто, наблюдая столь разительную перемену в его судьбе, сострадали ему; рыдая в голос, в сопровождении малых детей за ним следовала жена. В ожидании испрошенных у Фарасмана распоряжений их порознь помещают в крытых повозках» (Ан. 12,47).

Низвергнутый властитель никому не нужен, мало того, ненавистен давешним подданным, враз превращаясь в С.Хуссейна или в М.Каддаффи. Кроме того, Митридат Иверский не сумел за неслишком продолжительный срок в 10 лет ни толком прижиться в Армении, ни стяжать, как правитель, популярность, оставаясь чужаком и сделавшись тираном.

Далее всё шло по расписанному сценарию. Если Фарасман не пожелал присутствовать при умерщвлении брата, дочери и их малолетних детей, своих внуков, переведя стрелки на Радамиста, то последний, «памятуя о данной им клятве не посягать на жизнь сестры и дяди ни мечом, ни ядом, велит их удушить, повалив на землю и накрыв большой и тяжёлой грудой одежды. И так как сыновья Митридата оплакивали убитых родителей, были истреблены и они» (12,47).

Одним словом — уничтожь врага и семья его уничтожь (даже если ты с врагом из одного корня). Как видно, Радамист планировал всерьёз и надолго обосноваться на троне в Армении, если уж он убрал, не моргнув глазом, (с молчаливого согласия отца) и дядю, и сестру, и их малолетних детей, т.е. избавился от всех как потенциальных мстителей, так и потенциальных тронных конкурентов. Нет людей — нет проблемы. Теперь, коли Рим или кто-либо иной вздумает апеллировать к легитимности кого-либо из Митридатидов на армянском престоле, то выставить будет некого, воззвать будет не к кому, так как ни одного претендента в живом наличии нет. Вопрос исчерпан и снят. Цель оправдывает средства, а победителей (знамо дело) не судят.

Согласитесь, с тех пор в мире политики и в методах политиков мало что изменилось. Если на брутальном-брутализующемся Востоке всё проделывается почти,

как раньше, то на обабившемся-бабящемся Западе цивилизная одёжа (фиговый листок) просто красивше и презентабельнее скрывает срам, что, однако, всё-таки предпочтительнее ориентального беспредела (и потому, увы или не увы, лучше быть живым неудачником на Западе, чем мёртвым царём на Востоке).

* * *

Представленные события относятся к 51г. н.э., во второй половине к-рого римский легат Сирии «Квадрат, узнав, что Митридат предан и армянское царство захватили его убийцы, созывает совещание и, сообщив о случившемся, спрашивает собравшихся, нужно ли покарать виновных» (Ан. 12,48). Бросаются в глаза невмешательские настроения большинства созданных Квадратом на совещание, мнение к-рого, в сущности, отвечало циничным расчётам Фарасмана и Радамиста: пусть, мол, царствует Радамист, какая нам, дескать, при условии его лояльности к Риму, разница! – что Тацит считает позорным в рамках защиты чести-достоинства Римского государства и несколько перегибает от имени членов совещательного собрания палку.

На совете возобладало мнение невмешательства в армянские дела не в тацитовских видах предоставления варваров в их внутренних распрях самим себе, так как буферная между Римской империей и Ираном Армения не была для Рима бескрайней зарейнской Германией, откуда Рим основательно ушёл, но – в видах сохранения проримской ориентации страны Араратской, независимо от её конкретного правителя. Ведь Радамист изъявлял полную готовность быть лояльным римским вассалом, с чем, по мнению большинства членов легатского совета, можно было примириться-согласиться, чтобы не лезть в подконтрольную Армению напрямую (дабы не увязнуть там) и не осложнять (и без того непростую) общерегиональную обстановку.

Так или иначе, решающее слово предстояло сказать Клавдию, и потому, видимо, по настоянию-решению первоответственного за происходящее Умидия Квадрата, за к-рым было предпоследнее (перед кесарем) слово, дабы не могло показаться, что злодеяние Фарасмана и Радамиста (к-рое, само по себе, было римлянам в Сирии до лампочки) – «одобряется, и на случай, если бы Цезарь распорядился иначе, к Фарасману послали гонцов с требованием уйти из пределов Армении и увести с собой сына» (12,48).

Т.е. внешне престиж и достоинство Рима были вроде бы этой депешей в Армению, доколе ожидалась верховная реакция из Рима, не уронены = соблюдены. Никто не вправе урывать на себя какой-либо союзный престол без санкции римлян. Наряду с тем, Квадрат, поступив, как и полагалось в данной ситуации, единовременно умыл собственные руки, дистанцировавшись от какого-либо прямого вмешательства в армянскую (к-рая не была, по своему содержанию, армяно-иверской) распрю силами сирийских легионов – как до соответствующего решения Рима, так и под предлогом происходивших в Иране в 51г. серьёзных событий-перемен.

Обеспечить же уход Фарасмана с Радамистом из Армении до державно-арбитражного решения кесаря было поручено преторскому легату Каппадокии Юлию Пелигну, в распоряжении к-рого находились только аукзилиарные части, и к-рый, «одинаково презираемый как за низость души, так и за телесное безобразие» (Ан. 12,49), не обладал никакими достоинствами (обладая множеством недостатков), помимо персональной близости к Клавдию ещё со времени, когда Клавдий был до начала своего аномального (за неимением лучшей династической креатуры) кесарства всеобщим посмешищем. Вот Квадрат, со своим сирийским персоналом-

окружением, спихивая с себя проблему, и подумал, — нехай у непосредственно соседнего с Арменией каппадокийско-кесарского наместника (у давнего Клавдиева дружбана) голова поболит.

Ну и, как можно предполагать, с т.н. отвоеванием Армении у Пелигна ничего не вышло: «от творимых им грабежей больше страдали союзники, чем враги, его воинские силы редели, и, нуждаясь в защите от наседавших на него варваров, он явился в конце концов к Радамисту; купленный подарками Радамиста, он принялся убеждать его надеть царские знаки отличия, и сам присутствовал при их возложении как пособник и вдохновитель. Но когда распространилась молва о столь постыдном его поведении, чтобы и других не сочли такими же, как Пелигн, высылается легион во главе с легатом Гельвидием Приском, к-рому было поручено покончить со смутю, действуя в зависимости от обстоятельств. Итак, поспешно перевалив через Таврские горы и успев навести порядок больше умеренностью, чем применением силы, он получает приказ возвратиться в Сирию, дабы не вызвать войны с парфянами» (12,49).

Все эти события невозможно уместить в 51г., т.е. часть из них, вернее, заключительная их часть, наверняка имела место уже в следующем 52г. н.э. Позорник Юлий Пелигн повёл себя ещё менее достойно, чем ожидал Квадрат. Не справившись с возложенной на него задачей принудить (взяв на испуг) Радамиста покинуть до кесарского решения Армению, с к-рой, впрочем, трудно было пелигновскими вспомогательно-воинскими силами (будь даже на месте Пелигна кто-то подостойнее) справиться, поскольку Радамист уходить не намеревался (тогда как Фарасман, оставив сына на армянском престоле, вероятно, отбыл домой — в Иверию), он решил сам (подкупленный подарками) от имени Рима легитимизировать Радамиста. Более того, повторим-акцентируем за Тацитом: «принялся убеждать его надеть царские отличия, и сам присутствовал при их возложении (в Атрашате-на-Араксе) как пособник и вдохновитель».

Случилось же это, по всему, на рубеже 51/52гг., или в начале 52г. Однако, такое было чересчур, и по весне Квадрат, получив ли распоряжения из Рима? о чём Тацит молчит, всё же послал через Таврские горы один из сирийских легионов под командой Гельвидия Приска. Какой именно порядок Гельвидий, «больше умеренностью, чем применением силы» (= мягкой силой), навёл в Армении, — неясно. Остался ли Радамист, с гелльвидианским приходом-появлением на армянском престоле? или нет? Скорее, да, так как ниже говорится, что иверы были позднее прогнаны парфянами. Но, вероятно, Гельвидию Радамистом были даны чёткие гарантии его, Радамистовой, вассальной зависимости от Рима, чем был, всего-навсего, на очень короткий срок подтверждён приоритет державы, так как вскоре Радамисту и его иверам пришлось ретироваться из Армении под натиском не Рима.

Во всяком случае, видимо, пришедшие по весне из столицы распоряжения-инструкции требовали любой ценой избежать прямого столкновения с парфянами, чем Квадрат с Гельвидием в отношении Армянского вопроса и руководствовались, в то время как в течение 51г. в Иране произошли серьёзные изменения, и взойдя там на престол не позднее августа, новый царь царей Вологез, по всей видимости, до истечения 51, или в начале 52г. предоставил второй атропатенский престол Дома Иранского одному из своих младших братьев — Пакору, а третий — престол армянский — другому младшему брату — Тиридату. Но если (тронно очаговая для Младших Аршакидов) Мидия-Атропатена и так была во власти Ирана, то Арменией Тиридату предстояло ещё завладеть. И вопрос, поставленный на повестку дня в 52г., заключался в том — как? Договорившись ли как-нибудь с Римом, на условиях, по любому, изгнания иверов и признания Римом Тиридата царём армянским? или — посредством римско-парфянской войны?

Ни та, ни другая сторона фронтального столкновения не желала. То-то Клавдий, уходя от него, велел Квадрату не иначе как соблюсти именно престиж Рима быстрым-формальным наведением порядка силами одного легиона в Армении = легитимизацией обречённого в создавшихся обстоятельствах Радамиста, и возвращением этого легиона назад в Сирию, — «дабы не вызвать войны с парфянами». Т.е. перед лицом произошедших в Иране в 51г. перемен клавдианский Рим занял выжидательную позицию. Как далеко парфяне готовы зайти в Армянском вопросе? и что именно они намереваются предпринять? Данную противостоятельную партию (к-рая, начавшись в 51/52гг., продлится, с перерывами, в общей сложности, до 66г., когда Нерон признает Тиридата царём Армении и коронует его в Риме) римляне, при Клавдии, не рискуя делать первый чреватый ход белыми, согласились (уступая инициативу противнику) играть чёрными.

Мы помним, что дуэль римского ставленника Мегердата (сына Вонона) и царя царей Готарза (46 — 51гг.) завершилась осенью 50г. победой (обрезавшего пленённому Мегердату уши) Готарза, последняя монета к-рого с месяцем даисий 362-го года эры Селевкидов датируется маем 51г., к-рый Готарз, умерев естественной смертью от какого-то заболевания, не пережил. Затем на всеиранский престол был призван (парфянскими *баронами* и магами) правитель Мидии-Атропатены престарелый Вонон (мл. брат умершего в 40г. Артабана III), к-рый процарствовал всего пару летних месяцев, будучи не позднее августа 51г. сменён своим сыном Вологесом, о чём свидетельствует его первая монета с месяцем горпайос того же 362-го года эры Селевкидов (см. выше).

Посему новая династия в Иране, с линией на продолжение курса великоиранского ренессанса, взятого на вооружение ещё Артабаном III, утверждаясь с воцарения Артабана в 11/12гг., наконец, спустя 40 лет различных испытаний-перипетий, окончательно утвердилась. И случилось это в пору смуты, в пору бесхозности в Армении, где как раз в 51г. иверы Фарасман и Радамист, инспирировав политический кризис, устранили своего родича Митридата.

При всех случаях, с иверами на троне в Армении, к-рую Иран, скажем снова, считал частью Дома Иранского, частью Арианы-Ирана (при Аршакидах — третий, при Сасанидах — второй престол), усилившиеся парфяне мириться не собирались. Ещё Артабан (воззвав к Киру Великому и, в меньшей мере, к Александру) запрятал в 34/35гг., по смерти подвассального Риму армянского царя Зенона-Арташеса (сын Полемона Понтийского), в частности, на Армению, официально уведомив о своих масштабных ахеменидских (с присовокуплением Александра, на наследие к-рого, дескать, эллинолюбивые парфяне имеют больше прав, чем римляне) амбициях старца Тиберия.

И именно тогда, как мы помним, Тиберий впервые задействовал против Артабана, добившись временного успеха, крепчающих иверов. Потом Артабану пришлось заботами-происками Рима бежать на восток, потом реинтронизироваться и т.д., о чём мы беседовали выше. Следовательно, первый раунд нового противостоятельного этапа Римом, при Тиберии, был выигран. Калигула, как сказано, просмотрел августиноско-тиберианскую модель, пойдя на некоторые уступки парфянам. Клавдий вернул тиберианский статус-кво, вернув на армянский трон Митридата Иверского.

Сейчас начинался новый раунд — как очередной в свете междержавного противоборства, так и качественно новый в свете начала нового династического этапа Младших Аршакидов в истории Ирана. И этот этап, эту дуэль Рим во второй половине II в. н.э., в борьбе за Армению, находящемуся на взлёте Ирану проиграет, сумев спасти лишь внешний престиж.

Выше мы разложили в пределах 50/51/52гг. события, воспроизведённые Тацитом

под, повторим, 51г. в 44-49-м абзацах 12-й кн. «Анналов». В абзацах же 50/51 книги 12 речь идёт о событиях 52/53/54гг. Именно в 52г., после ухода римского легиона Гельвидия Приска³, парфяне вступят в Армению (заметим, при бездействии римлян), изгнав Радамиста, но суровой зимой (52/53гг.), из-за недостатка продовольствия и морового поветрия (эпидемия), вынуждены будут её покинуть. Затем, в 53г., Радамист вернёт потерянный армянской трон, и скоро, судя по всему, в начале 54г., вновь, спасаясь бегством от поднятого против него армянами восстания, навсегда его потеряет.

Впрочем, анонсировав эти и дальнейшие события (чтобы разобраться с тацитовским повествованием приложительно к скученной автором «Анналов» под одним годом периферийной хронологии, к-рую нам постоянно приходится событийно корректировать, размежёвывать и дифференцировать), мы расскажем о них (не нарушая, в отличие от анналиста Тацита, анналистику) в хронологическом порядке — под 52, 53 и 54гг. н.э.

ОСТОРИЙ СКАПУЛА В БРИТАНИИ ПЛЕНЕНИЕ КАТАКА

А сейчас нам необходимо перенестись с восточной окраины Римской империи на окраину западную — в (столь любимую Клавдием) Британию, где в 51г. также происходили (продолжали происходить) важные события, к-рые Тацит, в составе событийного ряда (вкуче аж с 47 по 57гг.) лет (сходно событийности ориентальной периферии), скупил (Ан. 12,31-40), как читатель уже знает (см. выше), под 50-м г. Итак, разбираемся анналистически.

³ Возможно, этот Гельвидий Приск идентичен знаменитому стоику Гельвидию Приску, сыну тарраконского примипилара Клувия, усыновлённому неким Г.Приском и получившему под его руководством основательное стоическое образование. «Схолия к Ювеналу» (5,36) говорит об интересующем нас Гельвидии, как о квесторе провинции Ахайя при Нероне, к-рый, в сём случае, не мог (до квестуры) командовать легионом при Клавдии. Но если допустить, что схолиаст (на счету к-рого есть подобные ляпсусы, например, — он путает Клавдия с Домицианом) ошибается и что означенный Приск был квестором Ахайи не при Нероне, а при Клавдии, после чего командовал одним из легионов при Уммидии Квадрате в Сирии, то всё становится на свои места. По Тациту, Приск был высоко одарён, занимаясь с юности философией, без самоустранения от общественной жизни (Ист. 4,5). В 56г. облакал нар. трибуна; в 70г. — претору (Ист. 4,53). Женатый на дочери Фрасеи Пета, после осуждения в 66г. тестя, отправился в ссылку в Аполлонию (см. ниже), откуда возвратился при Гальбе и позже мужественно выступал в сенате против Вителлия. Находясь ранее в дружбе с Веспасианом, занял критическую позицию по отношению к режиму Флавиев. Нападал на императора и в сенате, и частным порядком, ратуя за свободу слова и независимость сената, пропуская, при обращениях к *первому среди равных*, кесарство кесаря и не указывая оное в преторских эдиктах. Когда же не терпевшему философов (но в меру терпимому к друзьям) Веспасиану выходки Гельвидия совсем осточертели, он сначала выслал его из Рима, что критикана в его разухабистой критике не остановило, и позже приказал умертвить (74/75гг.).

Хотя у Светония читаем: «Гельвидий Приск при возвращении его (Веспасиана, ставшего императором — К.3.) из Сирии один приветствовал его Веспасианом как частного человека, а потом во всех своих преторских эдиктах ни разу его не упомянул, но Веспасиан рассердился на него не раньше, чем тот разбрал его нещадно, как плебея. Но и тут, даже сослав его, даже распорядившись его убить, он всеми силами старался спасти его: он послал отозвать убийц и спас бы его, если бы не ложное донесение, что он уже мёртв...» (Весп. 15). По просьбе Гельвидиевой вдовы Фаннии, Геренний Сципион составил жизнеописание её мужа, что стоило ему жизни при Домициане (к-рый сгноил сына Гельвидия, жившего после консульства-суф. 87г. в сельском уединении, за направленный против императора стихотворный памфлет, в темнице — 93г.).

Мы прервались, повествуя о действиях Остория Скапулы (легата с 47г.) в Британии на событиях 50г., когда римский наместник, одолев в 49г. иценов (населенников территории графств Норфолк и Суффолк), что образумило прочих британцев, колебавшихся между миром и войной, повёл в 50г. своё войско против декангов (племя юго-западной Британии на территории Уэльса) и победоносно вышел к морю (ведущему в загадочную Гибернию), откуда римлян вынудило повернуть назад известие о раздоре у бригантов – наиболее могущественного, при самом широком ареале обитания, племени средней Британии (до каледонско-шотландского вала Антонина на севере), с центром в Эбураке (Йорк). Они были приведены к покорности Скапулой: частью – brutальной силой – истребление взявшихся за оружие; частью – амнистией для большинства остальных.

Иначе с силурами, к-рые обитали в гористой части южного Уэльса, укрывая у себя боровшегося против римлян с 43г. бегло-неуловимого Каратака (сына объединившего доримскую Британию тринованта Кунобеллина), решив, под его многострастным влиянием и руководством, оказать решительное сопротивление. И вот, готовясь в 50/51гг. к решающему столкновению с ними, Осторий вывел ветеранов всех 4-х легионов в Камулудун, где во второй половине 50г. была основана римская ветеранская колония. Отсюда – 51г. – и начался поход Скапулы против силуров, возглавляемых (временным) удачником-везучником Каратаком.

«Затем был предпринят поход против силуров, чью воинственность поддерживали надежды на Каратака, к-рого выдвинули многочисленные, не завершившиеся нашей победою битвы и столь же многочисленные успехи в действиях против нас, так что он затмил своей славой остальных полководцев Британии. Превосходя нас в том, что вследствие пересечённости местности мог использовать её в своих целях, но уступая нам в силе войска, Каратак переносит войну в страну ордовиков и, соединившись с теми, кто страшился установления мира с нами, готовится дать решительное сражение, избрав для него место, подход к к-рому и отступление от к-рого, равно как и всё прочее, были неудобны для нас и выгодны для его воинов: с одной стороны его прикрывали крутые горы, а где, продвигаясь по более отлогому склону, на них можно было взобраться, там он навалил камни наподобие вала; с другой стороны перед нами протекала река с ненадёжным руслом и за укреплением стояли толпы вооружённых врагов...» (Ан. 12,33)

Ловко маневрируя на хорошо знакомой аборигенам пересечённой местности, Каратак, с одной стороны, был озабочен тем, чтобы свести плюсы от численного превосходства римлян к минимуму, а с др., оттягивая решающее сражение в поисках максимально выгодной для себя и максимально невыгодной для противника диспозиции, перенёс боевые действия подальше от римских тылов, в страну обитавших севернее силуров – в центральном и северном Уэльсе (графства Мерионетшир и Карнарвоншир) – воинственных охотников и скотоводов (подобно силурам) – ордовиков (кельт. – *люди с молотами*). Скапула, несмотря на проигрышную диспозицию, задуманную как ловушка, вызов принял.

Между тем, вожди британцев, готовясь к битве, укрепляли дух своих воинов, вдохновляемые его примером и беря пример с неутомимого-неугомонного Каратака, к-рый «носился взад и вперёд, провозглашая, что этот день, эта битва положат начало либо отвоеванию ими свободы, либо вечному рабству; при этом он называл имена предков, изгнавших диктатора Цезаря, тех, чья доблесть избавила их от римского топора и от податей и сохранила им неосквернёнными тела их жён и детей...» (12,34)

Это «изгнание диктатора Цезаря», в видах придачи духа самому себе и подкомандным воинам, конечно, неподражаемо. Цезарь провёл в Британии небесславную разведку боем и покинул её, имея более насущные дела на континенте, совсем и

ником с Британских островов не изгнанный (кишка у британцев была тонка его изгнать!). Хотя в пропагандистско-идеологическом ключе, разумеется, можно толковать его уход, — с высоты столетней давности, при актуальном желании понимать оный именно так, — как изгнание!

В реальности же пожираемый своим эго и непомерным тщеславием Цезарь, повторим, всего-навсего, почал (за неимением на неё времени, к-рого в целом слишком великому Цезарю, по жизни и в жизни, катастрофически не хватило) Британию, предварив её позднейшее покорение, чем, как сказано, в IV н.э. особо пыжился, воображая себя продолжателем дела самого Цезаря, как бы превзошедший его Клавдий. Ведь при нём, и даже отчасти им, вернее, в его личном (как ни крути, ни верти) присутствии, было осуществлено то, что не осуществили ни Август, ни Тиберий, ни Калигула. У первого, повторяем, не дошли до Британии ни руки, ни ноги, и он её вопрос рационально дезактуализировал-заморозил; второй — ни за Ла-Манш, ни в какую-либо иную Тмутаракань, сытый походами (в пору до своего кесарства) по горло, ходить категорически не намеревался; третий — собрался было, но, разыграв дешёвую прибрежную комедию, с мнимым покорением Туманного Альбиона без десанта, ни на что существенное так и не решился.

За Клавдия (кому особенно импонировало идти по стопам Цезаря, утерев задним числом нос Калигуле) практическое дело сделали его легаты, их полководческие таланты, тогда как он пожинал главные парадные лавры и одну за другой императорские аккламации, бо́льшая часть к-рых пришлось, как сказано, именно на и за клавдианскую любимицу — Британию.

Между тем, возбуждённые британцы отвечали зовущему их в-на победный бой Каратаку криками одобрения, «и каждый клялся верой своих отцов, что ни копья, ни раны не заставят его отступить» (12,34). Согласно Тациту, это сверхвоодушевление в стане врага поначалу, перед лицом невыгодной конфигурации, смутило Скапулу, к-рому, во-первых, препятствовала река, во-вторых — мощное неприятельское укрепление, в-третьих, нависавшие над римлянами горы. Но римские воины не уступали духом британцам, более того, — «рвались в бой: они кричали, что область всё преодолевает; им вторили префекты и трибуны, укрепляя в войске боевую решимость...» (12,35).

А облести им, одолевшим за 800 лет римской истории противников и куда посерьёзнее, было, что называется, не занимать. И тогда Осторий, кому настроение его воинства прибавило решимости, форсировал препятствовавшую их продвижению вперёд реку, за к-рой римляне подошли к укреплённому валу, где столкнулись с массированным обстрелом избегавшего вступить в ближний бой неприятеля из луков и метательных копий, вследствие чего римские потери убитыми и ранеными превысили потери не шедших на сближение британцев.

Однако после того как римляне построились черепахой (*testudo*), защитно сомкнув над головами и с боков щиты, и под их прикрытием раскидали каменные завалы, разгорелась рукопашная схватка в равных условиях — стенка на стенку, по всем правилам военного искусства, в чём, необходимо подчеркнуть снова, римлянам не было равных в мире. Никто не мог устоять перед сокрушительным натиском их манипул, когорт, легионов. Именно Рим в Древнем мире лучше всех владел наукой побеждать, и достигнув в ней, по приходе на смену Александру Великому, небывалых высот, покорил-новоорганизовал (сместившись, отлично от Александра и его диадохов, с Востока на Запад) полмира.⁴

⁴ Если Греция и оплодотворительно изошедший из неё в мир эллинизм ещё ретроспективно погружены в звёздное Египетско-Вавилонское былое, то мощь и сила державного романизма гораздо больше связаны с перспективой будущего, со Средними веками, с Новым и Новейшим временем. Впору говорить о *люциферической* красоте ойкуменического эллинизма

Или, иначе говоря, Рим покорил, без сомнения, наиболее перспективную евроазиатско-африканскую часть тогдашнего цивилизованного мира, за пределами к-рого, т.е. на обочине цивилизации настоящего и будущего, остались, невзирая на их незапамятную древность (или как раз по причине этой ветхой древности дня вчерашнего), Иран, Индия, Китай. В то же время на дальнем (диком) Западе, в Европе и в Африке, Рим уткнулся в Атлантику, мало того, высадился, чтобы пребывать на ней до Vв., в Британии (не перекинувшись с неё на заповедную Ирландию).

В итоге, не устояв перед римским натиском в рукопашной сече, британцы попятились на горные кручи, неотступно преследуемые римскими лучниками и тяжеловооружёнными пехотинцами. Первые осыпали врага стрелами, вторые наступали сомкнутым строем, в то время как ряды британцев, не прикрытых ни панцирями, ни шлемами и не умевших держать строй, искусством чего и духом к чему как при оборонительном, так и при наступательном сражении мастерски владели легионеры, пришли в унылое расстройство. «...если они оказывали сопротивление воинам вспомогательных (аукзилиарных) войск (к-рые тоже участвовали в кампании, выполняя менее тяжёлые задачи), их разили мечи и дротики легионеров; а если оборачивались к легионерам, их поражали обоюдоострые мечи и копыя воинов вспомогательных войск. Победа была полной; наши взяли в плен жену и дочь Каратака и принудили его братьев сдаться на милость победителя» (12,35).

Сам Каратак, потеряв пленённых римлянами близких, причём эпитомированный Дион (61,33) говорит о его детях во мн.ч., всё-таки, ускользнул и бежал дальше на север, к царице (давеча умиротворённых-замирённых Скапулой) бригантвов Картимандуе, надеясь найти там убежище и продолжить-возобновить борьбу оттуда. Но он пришёл, точнее, убежал-прибежал с пустыми руками, а бриганты, по итогам произошедшего и помня давешнее, снова перечить Риму не захотели. Картимандуя заковала сановного беглеца в цепи и выдала его римлянам. «Это произошло — пишет Тацит — на девятый год после начала войны в Британии» (12,36).

Война в Британии, как мы помним, началась с римского десанта (4 легиона) летом (во второй половине лета) 43г., т.е. её 9-й год приходится на интервал с лета 51-го по лето 52г. н.э. Плюс, учитывая время, необходимое на вышеизложенные события в ходе кампании 51г., мы получим в качестве времени победы римлян осень (25-я клавдианская аккламация), а в качестве срока выдачи римлянам Каратака — время ближе к концу 51г., или зиму 51/52г. (см. выше).

Затем, по весне, знатный долгожданный пленник был доставлен в Рим, в связи с чем Клавдий, вероятно, в апреле/мае, принял 26-ю императорскую аккламацию, а в июне/июле, в любом случае, до 1.08., как бы замыкая победами Скапулы второй (осторианский) этап завоевания Британии, обзавёлся своей последней 27-й импературой (см. выше). Впрочем, анналистическая речь об этом у нас пойдёт под следующим 52г., к воспроизведению-изложению событий к-рого, мы, разобравшись с годом 51-м, ныне приступаем.

и об *ариманической* силе державного романизма. То-то в ёмком греческом термине «антропос» — больше *души-душевности*, тогда как в мускульном-мускулистом римско-латинском «*homo*s» — больше *тела-телесности*! А между ними, т.е. в данном случае-ракурсе-контексте, — между эллинизмом и романизмом, держащий равновесие Христос! Причём ведь не случайно начало фундаментальной церковной романизации христианства на Западе выразительно маркирует 333г. н.э. — хроносередина IV-й Греко-Римской культуры, под знаком Овна-Агнца (знак Тайнства Голгофы), в то время как наследие эллинизма адаптируется-усваивается, со временем, византизмом и сменившим персидских Сасанидов арабизмом на Востоке.

52г. н.э.

1 января 52г. н.э. = 805г. а.У.с. в Риме консульство облекли Ф.Корнелий Сулла Феликс и Л.Сальвий Отон Тициан.

Одноимённый отец этого Ф.Корнелия Суллы — потомка диктатора, был консулом-суфф. с мая по самый конец сентября, приняв вахту у ординарно консульствовавшего *in absentia* каприйского Тиберия и сдав её Меммию Регулу, в знаменательном падением Сеяна 31-м г. н.э. (Т.Г. 605-08). Его супруга в одном из её трёх браков — Домиция Лепида Мл. — мать родившейся ок. 24г. Мессалины (дочери Валерия Мессалы Барбата). В «Т.Г.» и выше мы приняли, что Корнелий Сулла, конс.-орд. 52г., — с 47г. муж дочери Клавдия (от Элии Петины) Антонии, не единоутробный (как повелось думать), но сводный брат Мессалины. Сводный, поскольку Домиция замужествовала за Суллой после 24/25гг. (успев родить Мессалину и овдоветь), почему, будь Ф.Корнелий её сыном, ему в год консульства было бы всего 25/26 лет, что плохо вяжется с реальностью, ведь ни Гн.Помпей Магн, ни Л.Юний Силан, будучи зятьями Клавдия, консульство, из-за своих юных лет, так и не облекли.

И пусть в консулы на 20-й год жизни был дезигнирован (по подобию внуков Августа) в 51г. Нерон, но его престолонаследный статус сему соответствовал-споспешествовал, между тем как Сулла был, опять-таки, сродни Помпею и Силану, только зятем кесаря, так как, повторим, в 47г. оженил Антонию (бывшую ранее замужем за убитым происками Мессалины — 47г. — Помпеем Магном).⁵ Посему трудно верится, что он, после падения Мессалины, в пору могущества Агриппины, мог стать консулом-орд., подобно кронпринцу, в возрасте моложе и без того льготных 30-33-х лет. Т.е., во-первых, он был лишь сводным братом Мессалины (чем, в частности, объясняется относительная терпимость к нему Агриппины), мать к-рой (вышедшая в 41г. замуж за Аппия Силана) одно время (ок. 25/26 — ок. 40гг.) замужествовала за его, Суллы, отцом; и во-вторых, стал консулом в 52г. в возрасте никак не моложе 30-и лет (рождённый, стало быть, оптимально ок. 20 — 22гг. н.э. не Домицией, ставшей не ранее 25/26гг. его мачехой).

Правда, всё это не спасёт Суллу Феликса при Нероне, к-рому он, даром что беззаботный и бездеятельный, будет изначально подозрителен как потенциальный тронный конкурент, из-за чего в 55г. косвенно подпадёт ложному обвинению, но будет до поры оправдан, а в 58г. отправится в ссылку в Массилию, где в 62г. подвергнется убийству за пиршественным столом, причём снаряжённые Тигеллином убийцы привезут Нерону его голову. Однако, означенные события впереди, а пока, в 52г., последний в роде Корнелий Сулла Феликс, сын к-рого и Антонии умер в детстве, всё-таки, несколько льготно консульствовал круглый год.

Не так его сдавший через несколько месяцев консульскую вахту сменщику-суффекту ординарный напарник — старший брат будущего трёхмесячного (с января по апрель 69г.) кесаря Отона. Отцом Сальвия Отона Тициана был (очень любимый Тиберием и очень похожий на него лицом, почему многие при дворе считали его незаконным сыном Тиберия) Л.Сальвий Отон — конс.-суфф. 33г.; матерью — Альбия Теренция. Род Сальвиев происходил из Этрурии (Ферентина). В 63/64гг. Тициан (член коллегии Арвальских братьев) проконсульствовал в Азии (где Юлий Агрикола

⁵ И, кстати, даже рождение у Суллы и Антонии в 48г. сына, т.е. своего внука, Клавдий, проявляя, согласно слову Диона (61,30,6а) от Зонары (11,9), такт (по отношению к Мессалине, с оглядкой на Британника), государственно не отпраздновал (см. выше). И тем паче, не было оснований поощрять Корнелия консульством в возрасте ок.25-и лет при Агриппине.

был его квестором). В 69г., после убийства Гальбы и Т.Виния (15.01.), был соконсулом сделавшегося кесарем мл. брата. 14.04. командовал армией отонианцев в битве при Бедриаке, закончившейся их поражением. После самоубийства брата, вступил в переговоры с Вителлием и сумел, пощаждённый им, сохранить жизнь.⁶

Тацит: «В консульство Фавста Суллы и Сальвия Отона был отправлен в изгнание Фурий Скрибониан, якобы вопрошавший халдеев, когда умрёт Цезарь. К этому обвинению приплетали и его мать Вибию, к-рая не могла смириться с предыдущим своим осуждением (тогда она была сослана). Отец Скрибониана Камилл в своё время поднял, как мы знаем, мятеж против Цезаря, и тот утверждал, что если этому отпрыску враждебного рода вторично оставлена жизнь, то этим он обязан только его милосердию. Однако последующая жизнь изгнанника оказалась недолгой: унесла ли его случайная смерть или он был умерщвлён ядом, об этом каждый толковал соответственно своему убеждению. Тогда же было издано сенатское постановление об изгнании астрологов из Италии – грозное и бесплодное. Позднее принцепс похвалил в своей речи сенаторов, по недостатку средств добровольно вышедших из сенаторского сословия, и вывел из него тех, кто, оставаясь в нём, добавлял к своей бедности ещё и бесстыдство...» (Ан. 12,52)

Фурий Скрибониан был сыном Л.Аррунция Камилла Скрибониана, консулард. 32г. н.э. (в паре с Гн.Домицием Агенобарбом – отцом Нерона), к-рый (под влиянием одного из созаговорщиков против Калигулы – Анния Винициана) поднял в 42г. противоклавдианский т.н. прореспубликанский мятеж в Далмации, являясь её легатом, но спустя всего 4 дня бестолково проиграл, сбежав от собственных солдат, отказавшихся ему подчиняться, на остров Иссу, где – то ли покончил с собой, то ли был убит (см. выше). Его жену Вибию тогда приговорили, как соучастницу заговора, к ссылке, с чем она, надо понимать, не согласилась и не смирилась даже по возвращении из изгнания. И вот теперь её сыну инкриминировали вопрошение (не без участия матери) астрологов, к-рых называли халдеями, относительно времени (желанной для них кончины) кесаря Клавдия, кому в 52г. шёл 61-й год жизни – возраст, по меркам древности, старчески солидный, ибо с 60-и лет римлянин считался «сенексом» (старик).

Так или иначе, имел ли запрос к астрологам место быть (согласно Тациту – не имел), Скрибониана Минор приговорили к ссылке, что Клавдий подчёркнуто поставил в заслугу себе как кесарское милосердие – *clementia Augusti*. Но, тем не менее, изгнанник вскоре в месте изгнания умер, по поводу чего Тацит не знает – изведённый ли ядом? – возможность чего анналистом допускается.

Одновременно принимается не первое и не последнее римское постановление об изгнании астрологов (в основном ориентального происхождения) из всей Италии – грозное и бесплодное, потому что ни прошлые, не будущие постановления такого рода к реальным результатам, действуя недолго, не привели. Спрос на астрологические прогнозы в людях, души к-рых сошли на землю со звёзд, забыв об этом и мучительно, в течение жизни, пытаясь вспомнить, неистребим. А если есть спрос, значит, есть и порождаемое спросом предложение. И никакие контрмеры здесь, особенно в декадентно-суеверном обществе, в к-ром вопросы к звёздам многократно умножаются-усугубляются, эффективно помочь не могут. К тому же, по Диону (61,33,36) от Зонары (11,10), не только астрологи были изгнаны из всей Италии, но были также наказаны их приверженцы, т.е. те, кого уличили в покровительстве им и в пользовании их услугами.

⁶ Консулы-суф. 52г. (сменщики Отона) – Кв.Марций Барей Соран (сын консула-суф. 34г. н.э.) и Л.Сальвидиен Руф Сальвиан.

Далее, Клавдием была воздана хвала тем обедневшим сенаторам, к-рые, по недостатку своего имущественного ценза, добровольно вышли из сената = покинули сенаторское сословие, в то время как не сделавшие этого были выведены-удалены специальным сенатским решением. Иначе говоря, для ряда сенаторов сработал мирный вариант сословного расставания с герузией, по, в основном, взаимному согласию. О какой-либо очередной нормативной чистке сената (*lectio senatus*), к-рую Клавдий предпринял в пору своего недавнего фундаментального цензора 47/48/49гг., речи нет.

Соответственно внесённому на рассмотрение сената законопроекту Палланта (Тацит «*Ан.*» 12,53), свободная женщина, уличённая в брачном сожителстве (конкубинат) с рабом, без ведома и согласия хозяина раба, подлежала обращению в рабство; в случае же ведома и согласия хозяина, статуировалась как вольноотпущенница. Дети, рождённые в таком сожителстве, делались либо рабами, либо сопричислялись к определённомu сословию волею хозяина раба. Дети мужского пола, рождённые в сожителстве вольного мужа и чужой (не его) рабыни, наследовали сословный статус мужа; дети женского пола – жены (Гай «*Inst.*» 1,84; 91; Ульпиан 1,11; Павел «*Sent.*» 1,21a; 4,10,2). Видимо, сожителство свободных женщин с рабами приняло в императорском Риме массовый характер (падение нравов в декантентном обществе!) и требовало урегулирования.

Притом интересно, что автором означенного законопроекта был могущественный фаворит Агриппины Паллант – сам в не столь давнем прошлом вольноотпущенник матери Клавдия Антонии, т.е. давешний раб, хоть он и называл себя потомком аркадских царей (что, судя по льстивому слову Корнелия Сципиона, в римских верхах премного акцептировалось). Спрашивается-восклицается: из кого, как не из рабов, получаютcя самые рабовладельтельные рабовладельцы?! Снова на памяти, пусть сказанное совсем по иному поводу, слово Ленина: «Обрусевшим инородцам свойственно пересаливать по части исконно русских настроений».⁷

Итак, по смерти Каллиста, Паллант был на вершине могущества, тем более, что именно в 52г. звезда второго из триумвиральных клавдианских либертов, Нарцисса, начала необратимо закатываться (см. ниже). И не случайно как бы в благодарность за столь насыщенный законопроект один из консулов-суф. 805г. а.У., дезигнат Марций Барей Соран, готовясь взять консульские фаски, предложил присвоить Палланту преторские знаки отличия и даровать ему 15 млн. сестерциев. А Сципион⁸, пойдя ещё дальше, вспомнил о ходивших в Паллантовых предках царях Аркадии и затребовал для него благодарность от государства за его скромность в ранге помощника принцепса. Между тем, Клавдий, со своей стороны, подтвердил и похвалил неприхотливую бедность Палланта (обладателя – не для дураков – состояния в 300 млн. сестерциев) (Плиний 35,201; Плиний Мл. «*Epist.*» 7,29; 8,6; Авр. Виктор 4,8).

Самое время вновь вспомнить слова Светония о богатейших вольноотпущенниках при клавдианском дворе – Нарциссе и Палланте: «Этих он с удовольствием

⁷ Или, если уж вспоминать Ленина, не столь ли чтимый им А.Герцен (к-рого разбудили декабристы и к-рый развернул революционную агитацию), сам владея крепостными крестьянами, горячо ратовал из Европы за отмену в России крепостного права, чего, кстати, ранее требовали от власти и заговорщики-декабристы, к-рые сами были крепостниками, но своих крестьян на волю почему-то не отпустили, хотя имели на это полное право, к-рым, к слову, в отличие от них, сполна воспользовался в отношении своих крепостных граф А.Бенкендорф – знаменитый начальник Третьего отделения и многозаруганный почти нарицательный «душитель свободы» при Николае I.

⁸ П.Корнелий Лентул Сципион – конс.-суф. 24г., супруг принудительно (козни Мессалины) покончившей в 47г. самоубийством Поппеи Сабинь (см. выше), отец П.Корнелия Сципиона – консула-орд. 56г., и П.Корнелия Сципиона Азиатика – консула-суф. 68г.

позволял сенату награждать не только большими деньгами, но и знаками квесторского и преторского достоинства, а сам попускал им такие хищения и грабежи, что однажды, когда он жаловался на безденежье в казне, ему остроумно было сказано, что у него будет денег вдоволь, стоит ему войти в долю с двумя вольноотпущенниками» (Кл. 28) (см. выше).

И тем не менее, даже гиперкритикан Тацит признаёт за Паллантом проявление определённой умеренности в коррупционных аппетитах, противопоставляя ниже (12,54) эту умеренность, наоборот, неумеренности его алчного брата и протезе Феликса, о назначении к-рого ок. 50г. в Галилею – в дуалистические напарники префекту-прокуратору Иудеи (с 48г.) Вентидию Куману, о его конфликте с Куманом и о заведомом решении всего дела легатом Сирии Квадратом не в пользу (обделённого братом Паллантом) Кумана, отправленного в Рим и приговорённого Клавдием к ссылке, после чего Феликс получил в 52г. пост кесарского наместника всей Палестины, мы рассказали выше.

В следующем абзаце повествуется о (новых) набегах диких киликийских горцев, клитов или киетов, с кем читатель уже знаком, на города той части киликийского побережья, к-рая, как видно, (с 37/38-го и вновь с 41г.) принадлежала Антиоху IV Коммагенскому, кого, напомним, взбалмошный Калигула назначил царём восставленной им (провинциализирована – 17/18гг. – Тиберием) Коммагены в 37/38-м, потом лишил царства в 40-м, а Клавдий восстановил в 41гг. в царском рангедостоинстве и в территориальных владениях.

Об обитателях горной Киетской (западной) Киликии мы говорили, в контексте спорного тацитовского абзаца Ан.6,41, под 36г. Её побережные пункты – Анемурий, Арсиноя, Келендерис, Афродисия; предгорья – Сарпедон и Зефирион, внутренняя часть – Ольбаса (Ольба) (Птолемей 5,7,2; 6). Область – в основном Каликадна и южного побережья. Анемурий располагался в самой южной точке Горной Киликии и М.Азии (Страбон 14,669; Плиний 5,93; Птолемей 5,8,3). Его-то и осадили вновь обнаглевшие в 52г. киеты, цензурованные, как мы помним, римлянами в 36г., ещё при Тиберии (если, конечно, речь в Ан.6,41 идёт не о событиях 38/39гг., ошибочно помещённых Тацитом в 36г.) и приведённые тогда в повиновение.

Ныне они снова вошли в разбойничий раж и под предводительством некоего атамана Троксобора грабили селян и горожан побережья. По всей вероятности, царь Антиох, сам не в состоянии справиться с киетами, попросил о помощи легата Сирии Квадрата, к-рый выслал к осаждённому Анемурию кавалерию под началом префекта Курция Севера. Однако, противник, используя преимущество пересечённой местности для действий пехоты, нанёс ей поражение. И всё же в дальнейшем, надо полагать, немного погодя, до истечения 52г., Антиох Коммагенский справился с проблемой собственными силами, вернее, хитростью, – расколов ряды разбойников, ликвидировав их обманутых вожаков и смирив амнистией-прощением остальных (Ан. 12,55).

ФУЦИ́НСКИЕ СТРАСТИ

«Около того же времени была прорыта гора между Фуцинским озером и рекой Лирисом, и чтобы возможно больше зрителей могло увидеть это великолепное сооружение, на озере устраивают навмахию, подобно тому, как соорудив водоём за Тибром, такую же битву, на более лёгких и менее многочисленных кораблях, показал некогда Август. Клавдий снарядил триремы и квадриремы, посадив на них 19 тыс. человек; у берегов озера со всех сторон были расставлены плоты, чтобы сражающимся некуда было бежать, но внутри этого ограждения оставалось довольно

простора для усилий гребцов, для искусства кормчих, для нападения кораблей друг на друга и для всего прочего, без чего не обходятся морские бои. На плотках стояли манипулы преторианских когорт и подразделения конницы, на них же были возведены выдвинутые вперёд укрепления с готовыми к действию катапультами и баллистами, тогда как остальную часть озера стерегли моряки на палубных кораблях. Берега, холмы, вершины окрестных гор заполнили, как в амфитеатре, несметные толпы зрителей, привлечённых из ближних городов и даже из Рима жаждою к зрелищам, тогда как иных привело сюда стремление угодить принцепсу. Сам он в роскошном военном плаще и невдалеке от него Агриппина в вытканной из золотых нитей хламиде занимали первые места. И хотя сражение шло между приговорёнными к смерти преступниками, они бились как доблестные мужи, и после длительного кровопролития оставшимся в живых была сохранена жизнь.

По окончании зрелища, разобрав запруду, открыли путь водам; но тут стала очевидной непригодность канала, подведённого к озеру выше уровня его дна или хотя бы половиной его глубины. Из-за этого в течение некоторого времени продолжались работы по его углублению, и затем, чтобы снова привлечь народ, на озере возводят помост для пешего боя и на нём даются гладиаторские игры. Возле места, где озеру предстояло устремиться в канал, было устроено пиршество, участников которого охватило смятение, когда хлынувшая с огромною силой вода, стала уносить всё попадавшееся на её пути, сотрясая и находившееся поодаль, сея ужас поднятым ею рёвом и грохотом. Воспользовавшись испугом принцепса, Агриппина принимается обвинять ведавшего работами на канале Нарцисса в алчности и хищениях, но и он не молчит, упрекая её в женской необузданности и в чрезмерно высоко метящих замыслах» (Ан. 12,56/57).

Мелководное Фуцинское озеро (Fucinus Lacus), площадью ок. 140 кв. км, расположенное на удалении 150-и км от Рима, в Апеннинских горах, на высоте 660м, в области марсов и эквов, исторически знаменито как битвой при Фуцинском оз. во время Союзнической войны в 89г. до н.э., так и устроенной здесь в 52г. н.э. Клавдием грандиозной навмахией. Оно не имело естественного водостока, время от времени опустошительно затопляя пашни и селения местных жителей, к-рые, вдобавок к тому, страдали от свирепствовавшей на его заболоченных берегах и окрест малярии.

Первым проект осушения, как в видах экономических выгод, так и для окончательного замирения беспокойных марсов выдвинул, в числе одного из своих многочисленных монументальных проектов с невиданным размахом и размахом, Юлий Цезарь. Но, увы, взявшись за осуществление, в частности, этого проекта он не успел. Слишком мало судьба отвела ему, ставившему перед собой задачи одна масштабнее другой, времени у власти, и слишком много времени ему пришлось за эту власть, откладывая строительные проекты на потом, бороться-сражаться.

При Августе, Тиберии и Калигуле дальше фуцинских разговоров (в память о Цезаре) дело не заходило, между тем как Клавдий, правление к-рого вообще отличается не столько роскошными, сколько полезными сооружениями, или, по крайней мере, попытками их соорудить, реальные работы, продолжавшиеся, в общей сложности, согласно Светонию (Кл. 20,2), 11 лет без перерыва, при занятости на них 30-и тыс. рабочих, закипели. Взятся же Клавдий за данное дело «в надежде не только на славу, но и на прибыль, так как были люди, обещавшие взять расходы по осушению на себя, чтобы получить за это осушённые поля».

Этот дорогостоящий водосток через холмы Монте-Сальвиано, местами перекопанной, местами просверлённой горы, должен был соединить озеро с р. Лирис (Гарильяно) для спуска в реку его вод, и, если не осушить ущербный водоём

полностью, то минимум значительно уменьшить его площадь, к-рая и сократилась при Клавдии до 90 кв. км, а при возобновившем работы Адриане – до 57 кв. км – уровень, поддерживавшийся до конца Западной Римской империи в Vв. н.э. Впоследствии вновь болотно разросшееся с VIв. озеро постепенно достигло своих прежних размеров, осушённое лишь в 1855 – 75гг., по проекту Алессандро Торонио, к-рый удостоился за содеянное княжеского титула и права собственности на большую часть осушённых им земель.

Но вернёмся к нашим баранам. В 52г. Клавдий (неизвестно, когда именно, однако, по всему, в тёплое время года – поздней весной или летом), сочтя дело, к-рым руководил Нарцисс, по рапорту либерта, сделанным, решил перед спуском водоёма, устроить, в связи с окончанием работ, на водах приговорённого озера гигантскую зрелищную навмахию. Не воссоздал ли Август 1.08.2г. до н.э. (отец отечества с 5.02. и освятитель храма Марса Мстителя 12.05.) на водах специально вырытого за Тибром огромного пруда Саламинское морское сражение между греками и персами, с участием 30-и бирем и трирем, множества мелких судов и ок. 3-х тыс. посаженных на них бойцов, не считая гребцов, о чём он сам заявляет в «Деяниях» (4,23) (Р.л. 678).

Так, не надлежало ли и Клавдию, вроде бы осуществившему замысел Цезаря, отставленный последним из-за трудностей (Свет. «Кл.» 20,2), превзойти масштабам ещё и Августа, посадив на триремы и квадриремы, по Тациту, аж 19 тыс. человек, в то время как согласно Светонию, в сражении участвовало по 12 трирем с каждой стороны, «а знак подавал трубою серебряный тритон, с помощью машины поднимаясь из воды» (Кл. 21,6). По Диону (61,33,3) от Ксифилина (144,22 – 145,2), в навмахии было задействовано 50 судов, поделённых на двух противников – некогда отважных морских волчар – островных родосцев и островных сицилийцев. И им предстояло биться насмерть, причём их бегству с морского поля битвы, уклонению от неё и т.д. были поставлены воспрепятствовать окружившие их кольцом на плотях вдоль всего озера отряды преторианцев и подразделения конницы.

А берега, холмы и вершины окрестных гор заполнили в естественном театре-цирке под открытым небом тысячи зрителей – как толпами пришедших на зрелище из Рима, так и представителей местного населения. Общеизвестно, что римляне обожали обильные гладиаторские кровопролития, но кровопускания навмахические отличались большей, с позволения сказать, романтичностью, эффективностью, рафинированностью, почему пользовались особым спросом, особо любимые-востребованные.

И если раньше в качестве гладиаторов использовались многочисленные пленники, так как Рим повсеместно вёл войны, то теперь, поскольку Рим покорил мир, военных пленников было не ахти как много, и в качестве смертников клавдианской навмахии выступили приговорённые к смерти за различные преступления, собранные отовсюду, преступники. Т.е. появилась возможность одним выстрелом убить двух зайцев: подарить народу незабываемое батальное шоу, рассчитанное на произведение неизгладимого эффекта-впечатления, и ликвидировать сонмы деликвентов. Своеобразное, на римский ментальный вкус, совмещение полезного с приятным, точнее, как раз приятного с полезным. Хотя не сходно ли поступил в 43г., устроив крупное побоище осуждённых преступников в Кесарии Палестинской Ирод Агриппа (см. выше), бывший (одна из форм античного космополитизма!) иудеем среди иудеев, эллином среди эллинов и римлянином среди римлян.

У Диона (от Ксифилина) читаем: «...Клавдий и Нерон были в воинском облачении, тогда как Агриппина надела великолепную хламиду, затканную золотыми нитями, а остальные зрители – всё, на что только было способно их воображение. Те, кто должны были участвовать в морском бою, были осуждёнными преступ-

никами, и каждая сторона насчитывала 50 кораблей, одна была убрана как родийцы, а другая — как сицилийцы. Сначала они собрались в одно соединение, и все вместе обратились к Клавдию по своему обычаю: «Здравствуй, император, мы, идущие на смерть, приветствуем тебя!» Но когда такая попытка (вымолить пощаду хотя бы для части участников бойни — К.З.) оказалась бесполезной и им всё равно было приказано сражаться, они просто прошли через ряды противников, рая друг друга как можно меньше. И это продолжалось, пока их не заставили уничтожить друг друга».

Светоний рассказывает несколько иначе, концентрируя своё эссеистско-портретное внимание на карикатурности поведения гротескного Клавдия: «...перед спуском Фуцинского озера он устроил на нём морское сражение. Но когда бойцы прокричали ему: «Здравствуй, император, идущие на смерть приветствуют тебя!» — он им ответил: «А может и нет», — и увидев в этих словах помилование, все они отказались сражаться. Клавдий долго колебался, не расправиться ли с ними огнём и мечом, но потом вскочил и, противно ковыляя, припустился вдоль берега с угрозами и уговорами, пока не заставил их выйти на бой...» (Кл. 21,6).

Тацит предлагает более благоприятную для Клавдия версию, говоря, что оставшимся в живых приговорённым преступникам (наверняка — незначительное меньшинство), к-рые бились в разыгранном морском сражении как доблестные мужи, была сохранена жизнь.

Короче, представление удалось на славу, зрелищность оказалась потрясающей, крови и трупов было хоть отбавляй, зрители насладились-насытились-впечатлились и остались очень довольны. Клавдий сумел почувствовать себя не только сухопутным полководцем, о чём красноречиво свидетельствовали его (подобные брежневским орденам-медалям) множественные императорские аккламации, но, на сей раз, ещё и написавшим сценарий к морскому боевому спектаклю и режиссёрски поставившим его гросс-адмиралом. Нельзя же было, правопреемственно превзойдя Цезаря и Августа, не превзойти ещё и выдающегося флотоводца М.Агриппу! (Сарынь на кичку!)

Впрочем, церемония со спуском озёрных вод по окончании зрелища прошла куда менее удачно, нежели беспримерная навмахия. Устье водостока было заложено слишком высоко, выше половинной глубины озера. Кроме того, прорытый канал оказался чересчур узким и (*перерезавший ленточку*) Клавдий, устроив на его берегу, над водостоком, пиршество, «едва не утонул, когда вода вышла из берегов» (Свет. «Кл.» 32).

«...Нарцисса сурово укоряли за случившееся. Ведь именно он отвечал за всё предприятие, и полагали, что израсходовав на него гораздо меньшую сумму, чем получил, он умышленно устроил бедствие с тем, чтобы его злоупотребления не были обнаружены» (Дион 61,33,5).

Знакомая коррупционная схема (а-ля князь Меншиков, к-рый остался в памяти потомков в меньшей мере крупным гос. деятелем, каковым он, без сомнения, являлся, чем ворюгой и хапугой, да ещё в масштабах, к-рые были превзойдены в России, пожалуй, только в лихие 90-е гг. XXв.). Как видим, даже благие намерения Клавдия часто (даже не столько вели в ад, сколько) превращались в анекдот, потому что слишком уж анекдотичным был он сам — самый комичный цезарь-кесарь как из числа Юлиев-Клавдиев так и из последующих Флавиев и Антонинов. И наверное у него получилось бы остаться в памяти потомков безобидным шутком, не будь на нём — посмешище-позорище Римской мировой державы! — тоже достаточно много злодеяний и крови. В меру кровожадный дебилоидный тиран! Не совсем и не во всём бездарный придурок на троне!

Тем временем, Агриппина ловко использовала представившийся ей отнюдь не беспочвенный повод для резкой критики в адрес Нарцисса, кто, небеспременно-

циозный евнух, со своей стороны, в долгу не остался, «упрекая её – как пишет Тацит – в женской необузданности и в чрезмерно высоко метящих замыслах». Этим вполне предсказуемым конфликтом с Агриппиной его судьба была предрешена. Ни ей, ни её фавориту Палланту второй влиятельнейший кесарский вольноотпущенник не был, став бельмом в глазу, нужен. Он сделал своё дело мавра, устранив Мессалину; остальное, т.е. его собственное устранение, было уже как вопросом, так и делом времени и техники. В мирную же отставку, на пенсию, такого рода временщики, при тирании, не уходят, не выходят. Дорога у них одна – эшафотная.

Плюс – Нарцисс и не собирался ни стужёвываться, ни отходить в тень, продолжая государственно активничать и не забывая рвачествовать. Более того, вскоре в пику Агриппине им даже будет сделана беспомощная и безнадёжная как для него, так и в реальности попытка поставить на Британника, мать к-рого погубил, в первую очередь, не кто иной как именно он, отслуживший своё временщик, кому оставалось жить ровно столько, сколько проживёт Клавдий.

При всём том, интересно, что 52г. был вообще богат на освящение водных сооружений. Вспомним о водопроводах-акведуках Aqua Claudia и Anio novus, строительство к-рых, начатое и незаконченное при Калигуле, было Клавдием в первый год его цезорства, т.е. с 47г., продолжено, и к-рые, 8-й и 9-й акведуки Древнего Рима, соответственно, в 67 и 93 км длиной, стоимостью в 55,5 млн. сестерциев, были торжественно освящены и сданы в эксплуатацию 1.08.52г. н.э. (Фронтин 1,13,2; 4,13-16; Плиний 36,122/123; Светоний «Кл.» 20; Ан. Тацит «Ан.» 11,13; Авр. Виктор 4,5) (см. выше).⁹ А до этого, весной и летом, Клавдий успел (о чём мы знаем) оснаститься-обзавестись своими последними, XXVI-й и XXVII-й, аккламационными импературами за Британию.

Касаемо Остии – морские и зерновые врата Рима, через к-рые в ненасытный Город хлеба и зрелищ (с населением на середину IV, м.б., в ок. 1,5 млн. чел.?) поступало (через транзитно-перевалочные Путолы и Сицилию) до 250-и тыс. тонн зерна в год (2/3 из Африки и 1/3 из Египта), – там масштабные работы по расширению и реконструкции порта на левом истоке Тибра, мало того, с основанием на правом рукаве реки лучшей и большей размером гавани (Portus Rom) на 52г. (до их завершения при Нероне) продолжались.

И надо сказать, что основание этой новой гавани приведёт далее к упадку, даром что расширенного и реконструированного старого города-порта (разрушенного в IV до н.э. Марием и воздвигнутого заново), к-рый будет вынужден в перспективе поддерживать своё существование за счёт эксплуатации солеварен, построенных ещё при четвёртом римском царе, основателе (старой) Остии, Анке Марции (VII в. до н.э.), когда Рим завладел жизненно важным устьем Тибра = Остией.

БРИТАНИЯ

Возвращаемся к британской теме. Таким образом, разбитый Осторием Скапулой и бежавший осенью 51г. к царице бригантов Каратак был до истечения 51г., или зимой 51/52г., при всех случаях, на 9-м году от начала (летом 43г.) завоевания Британии, выдан римлянам и доставлен по весне 52г. в Рим.

⁹ Оба акведука шли от-из верховий реки Аниен, источники воды находились между населёнными пунктами Arsoli и Agosta. Акведук Claudia пролегал параллельно акведуку Marcia, и на территории Парка акведуков (Caranelle) выходил на поверхность, где оба канала располагались один над другим, используя те же арки. Вода акведука Aqua Claudia считалась лучшей в Риме, наравне или почти наравне с наилучшей водой (построенного в 144-40гг. до н.э.) акведука Aqua Marcia.

Сообразно Тациту (к-рый, напомним, повествует об этом, сгруппировав британские события целого ряда лет, под анналистическим 50-м г. н.э.), молва о нём перекинулась с Альбиона на римские провинции, достигнув «также Италии, и здесь все хотели увидеть того, кто в течение стольких лет презирал наше могущество. Имя Каратака не оставалось безвестным и в Риме; и Цезарь, превознося свой успех, тем самым возвеличил славу побеждённого. Итак, созвали народ, словно его ожидало чрезвычайное зрелище: преторианские когорты в полном вооружении стояли на поле, простиравшемся перед их лагерем. Сначала провели клиентов царя, потом пронесли фалеры и ожерелья, добытые им в войнах с другими народами, затем показали его братьев, жену и дочь, и наконец его самого. Униженными были внушённые страхом мольбы всех остальных, но Каратак не взывал к милосердию ни опущенным взором, ни речами, но когда подошёл к трибуналу и стал подле него, сказал так:

«Если б я был, пока мне сопутствовала удача, столь же умерен в своих притязаниях, как знатен и взыскан судьбою, я бы прибыл в ваш город скорее в качестве друга, чем пленника, и ты бы, Цезарь, не погнушался заключить мир и союз с потомком прославленных предков и повелителем многих народов. И если мой нынешний жребий для меня унижителен, то тебе, напротив, он прибавил величия. У меня были кони, воины, оружие, власть; нужно ли удивляться, что всего этого я лишился не по своей воле? Если вы хотите всеми повелевать, то следует ли из этого, что все обязаны безропотно становится рабами? Если бы я беспрекословно и сразу отдался под твою руку, то моя участь не обрела бы известности и ты не обрёл бы новой славы победою надо мной. Моя казнь вскоре будет забыта, но если ты оставишь мне жизнь, я навеки стану примером твоего милосердия». В ответ на это Цезарь даровал прощение и Каратаку, и его жене, и братьям. После того как с них сняли оковы, они те же хвалы и выражения благодарности, с какими перед тем обратились к принцепсу, воздали и Агриппине, к-рую увидели невдалеке на другой трибуне. Пребывание женщины перед строем римского войска было, конечно, новшеством и не отвечало обычаям древних, но сама Агриппина не упускала возможности показать, что она правит вместе с супругом, разделяя с ним добытую его предками власть» (Ан. 12,37/38).

Не выражается ли этой стилизованной речью побеждённого Каратака, к-рый явно обращался к Клавдию через переводчика, поскольку не знал ни греческий, ни, наипаче, латынь, мысль и триумфальный (без форменного триумфа, к-рый был отпразднован в 44г. самим т.н. руководителем-участником похода 43г. Клавдием и никому больше не полагался) замысел самого победителя Клавдия! И действительно, зачем казнить столь ценного сумевшего-успевшего стать легендой пленника, к-рый, помилованный, гораздо ценнее, как живое доказательство-свидетельство победоносности-необоримости Клавдия и Рима, нежели мёртвый. Да, в старом Риме было сакрально принято казнить предводителей побеждённых в войне неверных союзников или мятежников. Не был ли казнён нумидиец Югурта (104г. до н.э.)! Не казнил ли часто отличавшийся великодушием Цезарь строптивого галла (возможно, прошедшего через обучение-посвящение у друидов в Британии) Версингеторикса (46г. до н.э.)!

Но, во-первых, те времена прошли-миновали, а во-вторых, Каратак не был ни вероломно нарушившим союз с римлянами римским союзником-вассалом, ни мятежником. Да и не пощадил ли Август после акциско-александрийских побед, и даже новоутвердил в тронных правах, большинство союзников Антония и Клеопатры (за исключением Алекса Эмесского и Адияторикса Гераклеяского), не казнив далее за всё своё долгое правление ни одного из предводителей побеждённых его легатами ретив, винделиков, фракийцев, германцев, паннонцев... Кому нужны

поверженные враги как трупы, если от помилованных больше пользы и для имиджа, и практически! О казнённых противниках быстрее забывают; казнившим их часто вменяют чрезмерную жестокость!

А так получивший право жить, по слову эпитомированного Диона (61,33), в Италии с женой и детьми Каратак стал личным клавдианским пленником на, так сказать, полувольных италийских хлебах (как, к примеру, удостоенный показательно хорошего обращения в советском плену фельдмаршал Паулюс был своего рода личным пленником выигравшего Сталинград Сталина, к-рого Сталин позднее, привыкши иметь в плену фельдмаршала, очень не хотел отпускать из плена). Чересчур долго Каратаку удавалось перечить римлянам, каждый раз ускользая от пленения или гибели и не складывая оружие, в чём ему, действительно, стоит отдать должное. Заслужил приз «за волю к победе», не сделавшись победителем!

Притом, ведь он не был, всего-навсего, беглым римским дезертиром, наподобие аж 7 лет достававшего римлян своими набегами мятежника-разбойника Такфарината, попытка к-рого договориться с римским кесарем на равных Тиберия глубоко оскорбила. Нет, Каратак был сыном и преемником-наследником объединителя доримской Британии кинга Кунобеллина. И одолённый-побеждённый-пленённый, но пощаждённый кесарским милосердием он вживе олицетворял перед всей Ойкуменой признание британцами римской победы и господства Рима над Британией!

Интересно также следующее (о чём мы уже упомянули выше). Согласно Диону (61,33,3) от Зонары (11,10), увиденное Каратаком великолепие столицы мира поразило его воображение настолько, что он (в сердцах) воскликнул: «Зачем вам, к-рые владеют всем этим, наши жалкие хижинки?» Не говорил ли (художник и архитектор по совместительству) Гитлер: «Когда мы будем проводить представителей покорённых народов через Берлин, они должны быть потрясены и подавлены грандиозностью наших сооружений!»

Со своей стороны, отцы-сенаторы «произнесли много высокопарных речей о захвате в плен Каратака, утверждая, что это событие не менее достопамятно, чем пленение Публием Сципионом Сифакса, или Луцием Павлом Персея, или другими полководцами прочих царей, представших в оковах перед римским народом...» (Ан. 12,38)

Сифакс был царём подчинённых Карфагену западных нумидийцев и принимал участие — сначала на стороне Карфагена, потом — Рима, потом — снова Карфагена — во Второй Пунической войне. Привлечённый первоначально к союзу с римлянами двумя Сципионами, П.Корнелием (конс. 218г.) и П.Корнелием Кальвом (конс. 222г.), он был разбит Масиниссой (сын царя восточных нумидийцев — Гала) — тогда союзником карфагенян, и отошёл от союза с Римом после гибели обоих названных Сципионов в Испании (211г.), заключив в 207г. с (покорившим всю Испанию) третьим Сципионом = П.Корнелием Сципионом Африканским Старшим (конс. 205 и 194г.; цензор 199г.; крупнейший полководец Рима до Цезаря) новый союз в Африке.

Однако затем этого Сифакса (попрыгунчика по натуре) переманил к себе Гасдрубал, выдав за него свою красавицу-дочь Софонисбу, тогда как оскорблённый карфагенянами Масинисса, наоборот, вступил в союз с римлянами. Сначала Гасдрубалу и Сифаксу удалось победить Масиниссу и принудить Сципиона снять осаду Утики. Но в 203г. последний перехитрил их, разведав в ходе переговоров с Сифаксом во время перемирия расположение вражеских лагерей, по окончании перемирия внезапно ночью напав на них и нанеся противнику тяжёлое поражение. Дальше, преследуя Сифакса, уже Масинисса вторично победил его при Цитре и взял в плен. Знатного пленника отправили в Италию. Он был проведён в римском триумфе П.Корнелия Сципиона, победа к-рого над Карфагеном (именно во II-й Пунической

войне) вывела Рим на мировые горизонты, и вскоре умер в римском плену в Тиволи (+ 201г. до н.э.).

Последнего же македонского царя из династии Антигонидов Персея (179 – 68гг.), сына Филиппа V, поначалу успешно сопротивлявшегося римлянам в Третей Македонской войне 171 – 68гг., наголову разбил в битве при Пидне 22.06.168г. Л.Эмилий Павел Macedonicus (конс. 182 и 168гг.; censor 164г.). Напрасно ища убежище в храме Диоскуров на Самофракии и не сумев оттуда переправиться во Фракию, побеждённый царь сдался в плен и был вынужден вместе с детьми понуро идти по Риму перед триумфальной колесницей победителя – 167г., после чего был заточён в Альба-Фуцина и умер, уморив себя голодом в строгом заточении (Эмилию Павлу с трудом удалось добиться некоторого смягчения условий его содержания) в 165г.

Само по себе пленение римлянами Каратака вполне сравнимо с пленениями Сифакса и Персея, при той разнице, что в данном случае, главные лавры победы Остория Скапулы пожинал Клавдий. Между тем, Осторию были определены триумфальные отличия (*ornamenta triumphalia*). Но пока в Риме весной/летом 52г. праздновалось завершение очередного этапа покорения Британии, в самой Британии удача частично отвернулась от Остория: согласно Тациту, – «то ли потому, что после устранения Каратака наши сочли, что война окончена и повели её не в полную силу, то ли потому, что, скорбя об утрате такого царя, враги возгорелись жаждою мщения...» (Ан. 12,38).

Они едва не разбили окружённого ими префекта лагеря, к-рый вместе с когортами легионов возводил крепости в земле силуров. Благо к осаждённым вовремя подоспели на выручку алармированные подкрепления. И всё-таки, в боях «пали префект, восемь центурионов и наиболее отважные из рядовых воинов. Немного спустя неприятель вновь разгромил наших, занимавшихся заготовкою продовольствия и фуража, и высланные для их поддержки отряды вспомогательной конницы» (12,38).

Осторий бросил на помощь когорты легковооружённых, но дело складывалось не в пользу римлян до вступления в бой легионов, мощь к-рых уравнила сражающиеся стороны и вновь позволила римлянам одержать форменную победу по всем строгим правилам военного искусства. Тем не менее, враг не сложил оружие, поведя вязкую партизанскую войну, с грабительскими набегами и стычками в горных лесах и топях, в ходе чего «силуры дрались с невиданным дотоле упорством» (Ан. 12,39), распространяя в лице их предводителей молву, что римляне собираются поступить с ними, британскими силурами, так же, как некогда, при Августе, с германскими сугамбрами, одна часть к-рых была уничтожена, а другая переселена с правого германского берега Рейна на левый, и глубже – в Галлию (Р.л. 543-45).

Это, мол, стремление римлян «искоренить даже самое имя силуров» (12,39), распалило последних и дало дополнительный стимул к ожесточенному сопротивлению. Они сумели заставить врасплох две вспомогательные когорты, увлекшиеся грабежом, разбили их, распределили трофеи и пленных, и вдохновлённые удачей принялись подстрекать к возмущению прочих британцев. Тацит продолжает: «...и случилось так, что именно в эти дни, не выдержав бремени тяжких забот, умер Осторий; его кончина немало обрадовала врагов, считавших, что, если этот отнюдь не заслуживающий презрения полководец и не был умерщвлён в битве, его всё же умертвила война» (12,39).

Естественно, британцы обрадовались смерти победоносного пленителя Каратака и вменили её себе. Да и кто знает, не друидские ли, как сказано, чары-проклятия, вкупе с перенапряжением сил, преждевременно свели Осторию в могилу? тем более, что два его преемника тоже умрут (не в бою) на посту. С другой стороны, он

поспешил успокоиться, решив главный вопрос с Каратаком и сочтя главное дело сделанным, в то время как потенциал британцев к сопротивлению был ещё далеко не исчерпан.

Смерть легата, по Тациту, — «от бремени тяжких забот», последовала, вероятно, во второй половине 52г., узнав о чём, Клавдий послал ему на смену из Рима А.Дидия Галла (недавнего одолителя, в ранге легата Мезии, Митридата Боспорского). Тот прибыл «со всей возможной поспешностью» (Ан. 12,40), но во время его нахождения в пути «враги нанесли поражение легиону, к-рым командовал Манлий Валент» (12,40).

Стремительное наступление взявшего провинциально-правленческие и полководческие бразды в свои твёрдые руки Дидия, к-рый поспешил с корабля не на бал, а прямо в бой, рассеяло не выдержавшее натиска воинство противника, но вязкая партизанская война не закончилась.

Сим, пожалуй, исчерпываются британские события 52г. н.э., поскольку ниже, в 40-м абзаце 12-й книги «Ан.», Тацит коротко-обзорно доходит аж до 57/58г., когда — 57г., повторим, на легатском посту, сходно Скапуле, скончался и Диций, к-рого сменил умерший в следующем 58г. Кв.Вераний. Причём, со временем, противленцев возглавил бригант Венуций, сперва состоявший в браке с верной римлянам царицей Картимандуей, позже рассорившийся с ней, по-прежнему, поддерживаемой римлянами, и в итоге повернувший оружие против Рима.

Но эти события относятся уже ко времени после 52г., приложительно к к-рому воссозданную нами картину ситуации в Британии можно — на помиловании в Риме продемонстрированного народу и интернированного с семьёй в Италии Каратака, на последующих неудачах и кончине Остория Скапулы, плюс на легатском преемствовании ему (осенью) А.Дидия — считать завершённой.

СОБЫТИЯ В АРМЕНИИ

Итак, в 52г. в Армению быстро вошёл, наведя «больше умеренностью, чем применением силы» (Ан. 12,49), порядок, и быстро вышел из неё, «дабы не вызвать войны с парфянами», снаряжённый на Армянское нагорье легатом Сирии Уммидием Квадратом римско-сирийский легион под командой Гельвидия Приска. Насколько умозаключается из Тацита, дядеубийца Радамист Иверский остался на армянском престоле, чего нельзя сказать с определённой о более не упоминаемом Тацитом римском вспомогательном гарнизоне в Гарни, к-рый — то ли покинул страну вместе с легионом Гельвидия, то ли, что скорее, ушёл из неё позднее, когда в страну вступили парфяне, при всех случаях, не столкнувшись с ними, о чём, кабы столкновение произошло, Тацит не умолчал бы.

Так или иначе, клавдианский Рим не спешил конфронтировать с парфянами, после утверждения в Иране новой династии (51г.), из-за Армении, более того, желал, по возможности, от конфронтации, даже, если понадобится, отступательно, дистанцироваться-уклониться. В 48 — 50гг. римляне оступились со своим кандидатом на трон Аршакидов Мегердатом, и теперь стареющий Клавдий очень не хотел, помимо задействованных 4-х легионов в Британии, пускать в действие также сирийские, или какие-либо др. легионы на востоке Империи.

Да и в целом, как видим, 52г. н.э. явился в отношении и Альбиона и всей внешнеполитической активности клавдианского правления для сидящего сиднем в Риме Клавдия пиково-заключительным, о чём красноречиво свидетельствуют две последние аккламационные импературы, принятые им, крайне охочим до них (за Британию), именно в 52г. (до 1.08.), и непринятие никаких аккламаций в дальней-

шем, — до самой кончины кесаря в октябре 54г., на протяжении свыше двух лет. Иначе говоря, с 52г. (пресытившись, в т.ч., полководческими лаврами-импературами) зашестидесятилетний (идуший на убыль) Клавдий стал порядком пассивнее и равнодушнее по отношению к перед тем весьма небезразличной ему внешней помпе.

Главные цели были достигнуты, Британия, в основном, вроде бы повержена, боспорский, фракийский и др. актуальные вопросы решены, германцы на Рейне обузданы, на Дунае и в Африке царило спокойствие. Одним словом, Клавдию очень не хотелось на склоне лет вязываться в крупную драку ни на Востоке, ни где бы то ни было. Хватит с него Британии. Ну и подходящего полководца, к-рому можно было бы доверить столь крупные силы и столь трудоёмкую задачу, у него, по его мнению, не было.

Домиция Корбулона, к-рому он запретил крупномасштабные операции за Рейном, задействует для возвращения армян под вассальную десницу Рима только Нерон. А Клавдий всячески оттягивал какие-либо решительные меры по адресу Армении, пусть, дескать, эту кашу расхлёбывает его преемник (и, возможно, задавался вопросом: не прав ли был, пойдя на частичные уступки парфянам в Армянском вопросе его предшественник Калигула?)

Будем продолжать поддерживать иверов в Армении дипломатически, тем паче, что и парфяне хотят избежать войны. Тиберианская ставка на проримского царя-ивера на армянском престоле не оправдывала себя, ибо у царя-ивера в Армении не было без римской поддержки ни шансов, ни долгосрочных перспектив, в отличие от кандидата-парфянина, на стороне к-рого стояли большая часть армянской знати и армянского населения. Так, не лучше ли договориться с парфянами и армянами на условиях лояльного к Риму нейтрального Аршакида в амплуа-достоинстве армянского царя?

Может Клавдий и обмозговывал такой вариант решения проблемы, к-рый впоследствии признает и реализует (во многом, вынужденный на него согласиться) Нерон, но до конкретных шагов в этом направлении в его остаточное правление дело не дошло. Пассивная ставка на битую иверскую карту практически пересмотрена не была, хотя никакой реальной поддержки Рим иверам в Армении более не оказал.

Надо понимать, что ситуация, к-рую Тацит не удосужился воспроизвести подробнее, выглядела примерно так, иначе трудно объяснить бросающееся в глаза и вызывающее удивление по сути бездействие римлян (51/52 — 54гг.) во вновь междоусобно обострившемся Армянском вопросе аж до самой кончины Клавдия.

Единовременно, видя в Армении ивера Радамиста без римской поддержки, да и без поддержки из Иверии, старый царь к-рой Фарасман не доверял чересчур амбициозному сыну, парфяне осторожно вступили в, напомним, предоставленную царём царей Вологесом своему мл. брату Тиридату Армению и без труда, при поддержке местного населения, прогнали из неё иверов. Причём, согласно Тациту, армянские столицы «Артаксата и Тигранокерта сдались на милость победителя» (Ан. 12,50). Правильнее было бы сказать: добровольно открыли парфянам ворота.

Однако это парфянское занятие Армении не было пока основательным, являясь, в большей мере, рекогносцировочно-разведывательным, в ожидании реакции Рима, за к-рой Иран зорко следил, тоже, как сказано, очень не желая лоб в лоб сшибаться с *Imperium Romanum*, тем паче, что нововоцарившийся Вологес, династически утверждаясь в Доме Иранском, занимался собиранием иранских земель в пределах Большого Ирана, стараясь не допустить отпадения каких-либо его частей и вернуть части отпавшие. И пусть фактическими сведениями о последнем мы не располагаем, но Младшие Аршакиды непременно должны были столкнуться с подобными

сложностями. Фундаментальное утверждение новых династий обычно всегда вызывает большее или меньшее противодействие. Парфянский Иран и без того был центробежным, а тут, в создавшихся условиях, центробежные тенденции не могли не усилиться, и их надлежало обуздывать-обуздать.

Далее, с наступлением суровой зимы, согласно Тациту, дал о себе знать недостаток съестных припасов, мало того, парфян в Армении — следует полагать, снаряжённый Вологесом ограниченный контингент во главе с (короновавшимся в Арташате?) Тиридатом — стала одолевать какая-то эпидемия (моровое поветрие), и они покинули страну (б.м., не без дип. нажима из Рима, о чём Тацит молчит).

Т.е., во-первых, означенное предприятие имело место во второй половине 52г., так как в его первой половине на Армянском нагорье действовал Гельвидий Приск, и во-вторых, под тацитовской «суровой зимой» в объективе однозначно зима 52/53гг. Позднее, в 53г. н.э., никем не занятую = державно вакуумную между двумя сверхдержавами (Запад — Восток) страну Араратскую снова занял (с севера) Радамист Иверский, упорно не желавший отказываться от армянского трона, к-рый ему, в отличие от его убитого им в 51г. дяди Митридата, упорно не давался. Короткий иверский этап в армянской политической реальности, с усилением Ирана, завершался.

Армения не была частью Кавказа (Кавказской Ойкумены), будучи, помимо буфера между сверхдержавами Римом и Ираном, как (соединительно-разделительным) Домом Армянским между Кавказом, М.Азией, Месопотамией и Ираном, так и специфическим западным авангардом Арианы-Ирана (на оси Запад — Восток, а не Север — Юг)^{9а}, и успех иверов в Армении мог быть только временным, чего Радамист, естественно, не понимал, навязчиво продолжая за неё цепляться.

Засим распарствоваться в Арташате-на-Араксе (наверняка он резидировал там, поближе к Кавказу) у него опять не получилось. К тому же, теперь он смотрел на своих армянских подданных (к-рые не желали быть его подданными) как на изменников (приветствовавших парфян), — «ещё более свирепый, чем прежде» (12,50). Вскоре против него поднялось восстание и ему опять пришлось спасаться бегством. Судя по всему, это случилось в середине года следующего, после чего (призванные армянами) парфяне снова вступили в Армению, весть о чём дошла до Рима, сообразно Тациту, «в конце года» (уже при сменившем Клавдия в октябре Нероне), о чём «Анналы» повествуют (что и позволяет уточнительно реконструировать предшествующую событийную хронологию) под 54г. н.э. (13,6).¹⁰

Соответственно, время второго воцарения или короткой реставрации Радамиста Иверского в Армении — 53/54гг. н.э. Точнее, он возвратился в Арташат-на-Араксе в 53-м и был снова изгнан в 54гг., к чему мы с читателем обратимся ниже, анналистически дойдя до событий 54г.

^{9а} Как показала история, многовековое нахождение Армении и армян на противостоятельной оси Запад — Восток оказалось для них много менее погубным, нежели противостояние Север (Российская империя) — Юг (Османская империя). Ведь всего столетие спустя с появления на Южном Кавказе России (XVIII/XIXвв.) и растущей ориентационной тяги армянства к русским последовал геноцид армян в Османской империи, продолженный кемалистской Турцией (1894-96-1909-15-20-22гг.)

¹⁰ Примечательно, что рассказывая о данных событиях, в общей сложности, 50/51-54гг. под 51г., Тацит (Ан. 12,44-51), говорит о событиях 52-54гг. вкратце, сплюсненной-скомканной скороговоркой, сосредоточив всё основное внимание на 51-м г. (отчасти по обратной аналогии с неанналистом Флавием, к-рый, например, повествуя о палестинском наместничестве — 48-52гг. — Вентидия Кумана, в повествовательной-событийной реальности воспроизводит только события 51/52гг.).

1 января 53г. н.э. = 806г. а.У.с. в консульство вступили Д.Юний Силан Торкват и Кв.Гатерий Антонин.

Д.Юний Силан Торкват – сын консула 19г. н.э. и праправнучки Августа Эмилии Лепиды (дочь консула 1г. н.э. Эмилия Павла и Юлии Младшей), был средним из трёх братьев Силанов: Марка, консула 46г., к-рого Агриппина устранит в 54г. при помощи яда, уже при сменившем Клавдия Нероне (не уведомив его), когда Силан будет наместничать в Азии, и Луция – жениха дочери Клавдия Октавии, к-рый покончил с собой в начале 49г., перед лицом бракосочетания Клавдия и Агриппины, имевшей виды на инфанту Октавию для Нерона, обвинённый (интригой Вителлия) в кровосмешении со своей сестрой Юнией Кальвиной (см. выше). В его старшем брате Агриппина видела потенциального мстителя за брата младшего.

Между прочим, именно у среднего из братьев Силанов Калигула отобрал, по слову Светония (Кал. 35,1), ожерелье (*torquatus*) – знак родового достоинства = когномен, возвращённый ему при Клавдии. С ок. 37 – 40гг. он принадлежал к числу мариально-патрицианских салиев *Palatini* – жрецов Марса (жрецы Квирина – салии *Colini* – набирались из плебеев). Ничем особым не выделялся и никому не мешал, но его наследственность от Августа, в конце концов, сделается для него роковой.

В 64г. Нерон выдвинет против него достаточно странное мудаковатое обвинение в расточительстве состояния на щедроты, почему, мол, единственное (согласно Нерону) спасение для него (от долгов и банкротства?) – видите ли – надежда на гос. переворот (Ан. 15,35)! Близких Силану вольноотпущенников возьмут под стражу и он, предупрежая заведомый исход, вскроет себе вены, в ответ на что Нерон не преминёт заявить в сенате о своём, увы, неосуществлённом (не по его вине) намерении милосердно-великодушно сохранить, дескать, с ног до головы виновному Силану жизнь (Ан. 16,8; Дион 62,27,2) (см. ниже), к-рой тот именно сам себя лишил.

Второй конс.-орд. 53г. Кв.Гатерий Антоний был, по всему, сыном Д.Гатерия Агриппы – сына ретора времени Августа Кв.Гатерия и одной из дочерей Марцеллы Старшей (дочь сестры Августа Октавии) от Випсания Агриппы. Д.Гатерий знаком нам по предыдущим книгам как нар. трибун 15г. н.э., затем – претор-суф. 17г., сообразно протекции Германика и Друза. Потом, в 21г., являясь консулом-*designatus*, он, как мы знаем, добился смертного приговора для незадачливого молодого стихотворца Клутория Приска, поспешившего написать «Плач» на кончину болевшего, однако выздоровевшего сына Тиберия – Друза. В 22г. – облакал консульство-орд.; в 32г. – резко напал в сенате на консулов знаменательного падением Сеяна предыдущего 31г. Тацит характеризует его, как ненавистного сенаторам, «расслабленного то ли вечной сонливостью, то ли ночным распутством» деградантного нобия, к-рый «среди кутежа и разврата занимался измышлением способов губить выдающихся людей» (Ан. 6,4).

О его менее известном и куда менее оидозном сыне похожих сведений нет. Известно лишь, что он бездумно растратил своё наследственное богатство, впал в нужду и в 58г. получил от Нерона «ежегодное вспомоществование» (Ан. 13,34), т.е. пожизненную кесарско-пенсионную ренту.¹¹

¹¹ Консулы-суф. 53г. – сменщики Силана и Гатерия – Кв.Цецина Прим и П.Требоний; первого из них сменил позднее П.Кальвизий Рузон; сменщик второго – под вопросом.

Тацит: «В консульство Децима Юния и Квинта Гатерия 16-летний Нерон сочетался браком с дочерью Цезаря Октавией. Чтобы дать молодому человеку возможность блеснуть начитанностью и красноречием, ему поручили выступить в поддержку ходатайства жителей Илиона, и, упомянув в искусно составленной речи, что римский народ происходит из Трои, что родоначальник Юлиев — Эней и прочее, по своей древности недалеко отстоящее от баснословных сказаний, он добивается снятия с жителей Илиона всех государственных повинностей. Он же выступил с речью, в которой убедил дать уничтоженной пожаром Бононской колонии вспомоществование в размере 10-и млн. сестерциев. Тогда же родосцам были возвращены их вольности, не раз отнимавшиеся у них и вновь закреплявшиеся за ними в зависимости от их заслуг в наших войнах с внешним врагом или от поднимаемых ими против нас мятежей, и на пять лет сложены подати с разрушенной землетрясением Апамеи» (Ан. 12,58).

БОЛЕЗНЬ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ КЛАВДИЯ // БРАКОСОЧЕТАНИЕ НЕРОНА

Если из Тацита мы под 53г. н.э. узнаём, что Нерон на 16-м году жизни оженил 13-летнюю дочь Клавдия от Мессалины, сестру 12-летнего Британника — Октавию, то согласно эпитомированному Диону, это бракосочетание состоялось после выздоровления заболевшего Клавдия (61,33,9) (Зонара 11,10). Дополнительное подтверждение сему имеется у Светония, который говорит, что Нерон «взял в жёны Октавию и устроил за здоровье Клавдия цирковые игры и травлю» (Нер. 7,2). Чем именно переболел, по всему, в первые месяцы 53г., Клавдий — неизвестно, но, повторим, уже с 52г. он (и так малопригодный править) пошёл на убыль и стал сдавать. Причём болезнь была серьёзной, поскольку, следуя Диону, после расследования (очередных) волнений, которые, стало быть, снова возымели место, в связи с ценами на хлеб, Агриппина убедил(а) (больного) супруга объявить народу эдиктом, а сенату посланием, что в случае его смерти, Нерон — принцепс-преемник — и способен управлять делами государства.

Сам же Нерон, всячески демонстрируемый-презентуемый народу Агриппиной, в 53г., если верить Светонию (Нер. 7,2), был каникулярным префектом города во время Латинских игр, впервые правил суд, — «и лучшие ораторы оспаривали перед ним не мнимые и мелкие дела, как обычно, а многочисленные и важные, хотя Клавдий это (считая своё любимое судейство слишком серьёзным-взрослым занятием) и запретил...». Более того, как пишет Дион, юный кронпринц самолично явился в сенат и пообещал устроить блистательные скачки, когда император выздоровеет, которые и устроил. И тем максимально пожал лавры своей искусно его матерью-направительницей (которая одновременно методично затирала-компрометировала всё явственнее выводимого в офсайд Британника) пестуемой и постоянно растущей популярности в народе.

Вследствие этого — читаем у Диона — его (Нерона) имя было у всех на слуху, «в то время как по поводу Британника многие даже не знали, жив ли он ещё, а прочие считали его больным и эпилептиком, и относительно этого есть сообщения, что такие слухи распускала Агриппина. Когда в тот раз Клавдий выздоровел, Нерон блестящим образом провёл конные состязания, и в это время он женился на Октавии...» (61,33,9).

Что касается брака с Октавией, их союз изначально был несчастлив, так как Октавия никогда не была любима Нероном. В 55г. она станет свидетельницей смерти её цинично отравленного за трапезой брата Британника, что глубоко потря-

сёт её, учившуюся таить в себе и любовь, и скорбь, и прочие, не выдавая эмоции наружу, чувства. Нерону же, утешавшемуся в объятиях взятой им в любовницы — вольноотпущенницы Акты, жена со временем сделается в тягость и он начнёт, по словам Тацита, «испытывать к ней неодолимое отвращение».

Потом, с 58г., любовницей кесаря заделается уведённая-отбитая им у Отона красotka Пoppея Сабина (дочь одноимённой жертвы Мессалины в 47г.), к-рая будет очень настаивать в 59г. на убийстве Агриппины и на к-рой Нерон в 62г, инкриминировав отринутую Октавии бесплодие, через 12 дней женится. Дальше Октавию ложно обвинят в сожительстве с александрийским флейтистом, что её рабы не подтвердят и под пыткой, притом одна из рабынь даже бросит в сердцах занимавшемуся пыточной фабрикацией дела подонку Тигеллину: «Лоно моей госпожи чище, чем твой рот» (Дион 61,13). Обвинение развалится-провалится, и, тем не менее, несчастной формальной императрице велят удалиться в Кампанию и поместят под строгий надзор.

В ответ народ взволнуется и встретит возвращённую Нероном ссыльную в Город приветствиями и цветами, выражая, напротив, неприятие Пoppеи (опрокидыванием её статуй), что окончательно подвигнет последнюю сплести смертную интригу против Октавии. В прелюбодеянии с ней признается подкупленный префект Мизенского флота Аникет, к-рый в 59г. убил Агриппину, за что его отправят в безбедную ссылку (где он проживёт долгий остаток жизни), а Октавия в этот раз будет сослана на печально известную Пандатерию (место ссылки Юлии Старшей, а также ссылки и гибели Агриппины Старшей).

Там ей объявят, что она должна умереть, свяжут и вскроют вены на руках и ногах, плюс, поскольку стеснённая страхом кровь будет вытекать из надрезов слишком медленно, смерть ускорят паром в жарко натопленной бане. А голову убитой доставят Пoppее, к-рая не сможет отказать себе в удовольствии полюбоваться ею. И примечательно то, что Октавию убьют в 62г. в тот самый день 9.06., в к-рый через 6 лет, 9.06.68г., полный жизненный и тронный банкрот Нерон покончит самоубийством.

Впрочем, обо всём этом нам предстоит подробно беседовать в следующих разделах. Здесь мы даём анонс, констатировав факт бракосочетания, после выздоровления Клавдия, Нерона и Октавии, к-рое, согласно предположениям некоторых, имело место 9.06.53г., т.е. в день, не случайно выбранный годы спустя Пoppеей для убийства ненавистной соперницы и волею судеб ставший последним днём жизни для не случайно очень боявшегося возмездия Эриний Нерона.

ИЛИОН / БОНОНИЯ / РОДОС

Продолжим. Римляне были уверены, что маленький город Илион (Илом звали сына основателя Трои Троса), основанный в VIIIв. эолийцами, стоит, точь-в-точь, на том месте, где некогда располагалась знаменитая Троя, и выводя себя от беглых, во главе с Энеем, троянцев¹², испытывали к Илиону особые чувства, не жалея средств на его благоустройство-процветание.

¹² Напомним, отец рождённой Афродитой (= римской Венерой Прародительницей) Энея Анхиз, царь обитавших у подножия Иды дарданов, был сыном Капия, внуком Ассарона, брат к-рого Ил — дед троянского царя Приама, т.е. братья Ассарон и Ил — деды, соответственно, Анхиса и Приама. Воспитанный нимфами горы Ида, к-рым его передала Афродита, Эней поначалу не принимал участия в Троянской войне — до тех пор, когда однажды на Иде, где он пас свои стада, на него напал Ахилл, после чего он отправился в Трою на помощь троянцам. Храброго, разумного и набожного воина его чтити наравне с Гектором. Ему покровительст-

Притом сами илионцы рассказывали, что Троя не была разрушена (XIIв.) полностью и что, по отшествии-отплытию ахейцев, уцелевшие троянцы или часть их снова поселились в ней. Покровительницей новой Трои, как и гомеровского Илиона, была Афина Паллада, чей – Афины Илии – роскошно отстроенный в римское время храм со священной дубравой стоял на холме. В сакральных рощах воздавались почести Гектору и Энею (и не воздавались участвовавшему в разрушении города Гераклу). Акрополь новой Трои назвался, сходно акрополю древней, Пергамоном. Там показывали дворец Приама и жертвенник Зевса Геркея, при к-ром был убит царственный старец Приам; показывали оружие, принадлежавшее гомеровским героям, лиру Париса, другие антикварные древности-ценности.

В Vв. до н.э. Ксеркс, идя на Грецию (на Запад и против Запада с и от имени Востока), посетил илионский акрополь, велел подробно рассказать себе о Троянской войне, совершил возлияние в честь троянских героев и принёс в жертву Афине 1000 волов. А спустя полтора века Александр Великий, начав свой великий поход на Восток в 334г., тоже совершил возлияние и жертвоприношение в Илионе, но, наоборот, как продолжатель дела одолевших Трои героев ахейских. Он обещал илионцам возвеличить их город, однако это тогда не сбылось, и Илион продолжал оставаться незначительным городком до того времени, когда в М.Азию пришли во IIв. до н.э. римляне.

Вообще-то они декларировали освобождение города, их прародины, от податей ещё после победы над Антиохом Магном при Магнесии в 190г. и по учреждении провинции Азия в 133г., хотя и не умолкали голоса ряда критиков из учёного греко-эллинистического лагеря, к-рые оспаривали топографическую общность нового Илиона и древней Трои, полагая последнюю в 4-х милях от моря. Илион

вовали Афродита и Аполлон. Но Приам не любил его, ибо существовало предсказание, что Энею суждено владычествовать над троянцами.

Он изшёл из Трои (о чём рассказывают различно), вынеся на своих плечах старого отца, с остатком троянцев, и после многих злоключений добрался до Италии, однако был отброшен от неё насланной Герой бурей и оказался в Карфагене, где в него безнадежно влюбилась обманутая им, кому Зевс запретил жениться на ней, Дидона (из праха к-рой, согласно Ливию, через много времени восстал отомститель Риму – Ганнибал). Отплывшие от берегов Африки троянцы пристали к Сицилии, там Энею пришлось похоронить своего отца Анхиза, следом за чем его путь лежал в Кумы, к сивилле, по слову к-рой, он спустился в царство мёртвых и увидел там души, пьющие из Леты, чтобы забыть о прошлых жизнях-воплощениях. Затем он вновь вышел в море, вошёл с троянцами в устье Тибра и осел, гостеприимно принятый царём Латинном, в Лации. Род же Юлиев выводил себя, о чём читатель знает, от сына Энея – Аскания Юла.

Да, корни Европы (дочь) – в Азии (мать)! Не пришёл ли Пелопс (из слоновокостного плеча к-рого был впоследствии изготовлен священный для римлян Палладий!) на Пелопонесс из Фригии! основатель Фив Кадмос – из Финикии! Данай – Аргос – из Египта! Тиррен (брат Лида) – в Этрурию (где этруски учились у греков) – из Лидии! Не пронизывают ли их всех, этих мифологических героев II тыс. до н.э., предвестников в Египетско-Вавилонскую культуру, под знаком Тельца, грядущей Греко-Римской культуры, под знаком Овна, как и Энея, существа-сущности ангельские, наделённые сверхчеловеческой силой! Не есть ли одоление Пелопидом Тесеем (сыном двух отцов – Эгея и Посейдона) критского Тельца-Минотавра, при помощи нити Ариадны, в Лабиринте, имажинация предстоящего одоления силой становящегося мышления, силой извилин головного мозга, силой интеллектуализма древнего сновидческо-спиритуального магизма!

Не был ли Троянский конь хитрована Одиссея победой интеллекта над декадентным чародейством (лошадь, кентавр, кентаврированный конь – символы идущего на смену древнемистериальным чарам головного сознания)! Не был ли исход Энея (XIIв.) и избранных, под его предводительством, троянцев (предков римлян) из разрушенной греками Трои подобен исходу Евреев из Египта (XVв.)! Вперёд, через злоключения и мытарства, на обетованный Тибр, с его Янусом, семью холмами и восходящей к XIVв. до н.э. – на месте будущего Рима – Сатурнией!

сильно пострадал во время междоусобной войны Мария и Суллы от устроивших тут резню и учинивших разорительные бесчинства марианцев (Г.Флавий Фимбрия), после чего, по-прежнему, оставаясь небольшим городком, постепенно восстановился. Городок пользовался покровительством Суллы, Цезаря, Августа и являлся местом благоговейного паломничества для множества считавших своим долгом непременно посетить эту свою троянско-римскую колыбель римлян.

От каких именно «всех государственных повинностей» Клавдий в 53г. освободил илионцев, — причём, судя по путанику Светонию, не без ходатайственной речи юного Нерона, ходатайствовавшего за них по-гречески (Нер. 7,2), — коли римляне (вроде бы) освободили их от всяких податей гораздо раньше, — не очень ясно?! Б.м., с течением времени в I/IIвв., Илион снова, по каким-то причинам, был обложен какими-то податями? или за какие-то провинности на какое-то время данной привилегии (при Тиберии? при Калигуле?) лишился? что с вольными городами при римлянах нередко случалось. И вот в 53г., решенем Клавдия, после греческой речи (к-рую наверняка составил Сенека), произнесённой за илионян Нероном, этот льготный статус «троянский» полис снова обрёл.

Бонония (Болонья) — значительный город Верхней Италии, у северных отрогов Апеннин, на р. Рен и на дороге *via Aemilia*, основанный, по преданию, в VIв. до н.э. этрусками, или, точнее, этрусском Авкном, брат к-рого Авлест основал Перузию, и названный Фельзиной (Плиний 3,119; Сервий «Энеида» 10,198). С IVв. — под властью галльских боев, у к-рых его отобрали в 196г. римляне (Ливий 37,37,4), через 7 лет учредившие тут колонию латинского права с населением в 3 тыс. жителей и изменившие название города на Бонония (Ливий 37,57; Веллей 1,15). В 187г. консул Фламиний построил дорогу через Апеннины — *via Bononia Arretium* (Ливий 39,2,6), а его консульский коллега-напарник Эмилий — дорогу *via Aemilia* — от Плацентии через Бононию на Ариминий, благодаря чему Бонония стала узловым городом и дорожным пунктом северной Италии (Цизальпинская Галлия).

После Союзнической войны 91 — 89гг. — муниципий (Fest. 127); триба — Лемония. Под патронатом *gens Antonia* (Свет. «Авг.» 17). Часто упоминается во время Гражданских войн Iв. до н.э. (Цицерон «Ad fam.» 12,5,2; Дион 46,36; Аппиан «Г.в.» 3,69). Место заключения осенью 43г. до н.э. на речном острове возле Бононии договорного триумvirата между Октавианом, Антонием и Лепидом. Поселение Антонием колонистов (Дион 50,6), число к-рых было позднее умножено Октавианом (Плиний 33,83; СЦ 11,720).

В 53г. город с населением ок. 10 тыс. чел. был разрушен пожаром, в связи с чем Нерон произнёс (согласно, опять-таки, Светонию) за бононцев речь, в результате чего на восстановление Бононии было выделено 10 млн. сестерциев, с санкции Клавдия (Свет. «Нер.» 7). Процветание — до III/IVвв., когда — IVв. — Амвросий Медиоланский находит Бононию в полуразрушенном состоянии (Ер. 2,8). Устояла перед Аларихом — 410г. (Зосима 6,10). Названа Павлом Диаконом (720 — 99г.) в его «Истории лангобардов» (2,18; 6,49; 54) благосостоятельным городом Италии. Местонахождение основанного в 1088г. старейшего университета Европы. Сегодня входящая в Средние века преимущественно в состав Папской области Болонья — один из самых благополучных и богатых-процветающих городов республики Италия.

Относительно Родоса, — в 44г., о чём мы беседовали выше, Клавдий лишил родийцев автономии за казнь ими нескольких посаженных на кол римских граждан. И вот свобода была родосцам вновь, не без ходатайства сказавшего-замолвившего и за них, как за илионян, словечко, по-гречески, Нерона, возвращена.

Обращает на себя внимание следующее. Если Тацит говорит об этом под 53г., то у путаника Светония свободу Родосу возвращает то ли Клавдий, не без Нероновой речи в год усыновления последнего — 51г. н.э., то ли уже кесарь Нерон в год своего

первого консульства — 55г. н.э. (Кл. 25,3; Нер. 7,2). Т.е., вероятно, вольности родосцам, отнятые у них в 44г., были возвращены им в 53г., при ходатайстве за них кронпринца Нерона, Клавдием. Так наиболее оптимально синхронизируются анналист Тацит и допускающий не один хроноляпус и не одну накладку неанналист Светоний, ведь речь у обоих авторов античности явно идёт об одном и том же, так как жители Бононии, родосцы и илионяне фигурируют в одном и том же контексте и у Тацита, и у Светония (см. выше).

Насчёт сложения на 5 лет податей с разрушенной землетрясением Апамеи, — в объективе, видимо, Апамея Киботос, она же — Апамея-на-Меандре, у слияния рек Меандра и Марсий, — основанный Селевком Никатором в честь его супруги Апамы крупнейший город Фригии, к-рый вёл в римское время оживлённую торговлю и был местом судебных собраний (*conventus iuridicus*) (ныне Динсир в Турции).

Дело в том, что на азиатской периферии Римской империи существовали-наличествовали и другие селевкидские Апамеи. Апамея Сирийская на р. Оронт, близ Апамейского озера, где находились известные конские заводы и содержались слоны, к-рую в 1/2гг. цензировал Эмилий Палатин, по приказу Квирина, насчитав в ней 117 тыс. жителей; или Апамея Мирлийская — недалеко от Кианского залива в Вифинии; или Апамея к западу от Эдессы, на Евфрате. Но самая известная из них — Апамея Фригийская, и потому, если Тацит не уточняет (о какой из Апамей ведётся речь), значит, в «Анналах» говорится именно о ней, разрушенной землетрясением и на 5 лет освобождённой от податей в 53г.

КОЗНИ АГРИППИНЫ И ГОС. АКТИВНОСТЬ КЛАВДИЯ

«Между тем Агриппина своими кознями и ухищрениями толкала Клавдия на ничем не оправданные жестокости и с целью овладеть садами знаменитого своим богатством Статилия Тавра погубила его, найдя обвинителя в лице Тарквития Приска. Легат Тавра в бытность того проконсулом Африки, он вменял Тавру в вину, после их возвращения из провинции, отчасти лихоимство, но главным образом злонамеренные сношения с магами. И Тавр, не вынеся лживого обвинения и бесчестившей его клеветы, сам пресёк себе жизнь, не дожидаясь приговора сената. Однако Тарквитий был исключён из сенаторского сословия: сенаторы, вопреки проискам Агриппины, настояли на этом решении из ненависти к доносчику.

В том же году от Клавдия не раз слышали, что судебные решения, к-рые будут приняты его прокураторами, должны выполняться с такой же неукоснительностью, как если бы их принял он сам. И чтобы не сочли его слова случайной обмолвкой, то же самое ещё пространнее и обстоятельнее, было закреплено в изданном по этому поводу сенатском постановлении. Ведь в своё время божественный Август повелел предоставить управлявшим Египтом всадникам право отправления правосудия и признавать за их приговорами такую же законную силу, как если бы они были вынесены римскими магистратами; затем и в других провинциях и в самом Риме им были присвоены многие такие права, к-рыми ранее располагали лишь преторы. Клавдий полностью передал в их руки судебную власть, из-за к-рой столько раз возникали гражданские раздоры и вооружённые столкновения, и когда по законопроекту Семпрония отправление правосудия было поручено исключительно всадническому сословию, и когда законом Сервилия судебную власть снова возвратили сенату, да и Марий некогда воевал с Суллою главным образом из-за этого права. Но тогда вели борьбу сословия и исход дела имел общее значение для государства. Опираясь на могущество Цезаря, Гай Оппий и Корнелий Бальб

оказались первыми всадниками, облечёнными властью обсуждать условия мира и решать вопрос о войне. Незачем называть последовавших за ними Матия Ведия и др. громкие имена прославленных римских всадников, раз Клавдий уравнивал с собой и с законом даже вольноотпущенников, к-рых он поставил ведать своим личным имуществом» (Ан. 12,59/60).

Консул 44г. н.э. Т.Стагилий Тавр (см. выше) – сын одноимённого консула 11г. н.э. и дочери знаменитого Валерия Мессалы Корвина – Валерии Мессалины (не путать с одиозной императрицей), равно потомок одноимённого консула 37 и 26гг. до н.э. Именно этот последний, а по времени – первый – октавиановец, командарм сухопутных легионов Окиавиана во время морского сражения при Акциуме, победитель далматинцев, кантабров, вакеев, астурицев, соорудитель амфитеатра Таурі на Марсовом поле, триумфатор, и позднее, с 16г. до н.э., ещё и префект Urbі – homo novus эпохи Смутного времени – положил начало большому богатству и широкой известности рода Стагилиев. А мл. брат консула 44г. – консул следующего 45г. н.э. – Т.Стагилий Корвин участвовал в 46г. в заговоре против Клавдия вместе с Азинием Галлом (внуком Азиния Поллиона), и, видимо, сходно Азинию, сумел уцелеть, отделавшись ссылкой, хотя каких-либо конкретных сведений о нём после 46г. нет.

В 53г. мало чем отличавшаяся алчностью до чужого добра от (императрицы) Мессалины (и, вдобавок к тому, политически весьма амбициозная-претенциозная) Агриппина позарилась на великолепные сады Тавра, решила всенепременно завладеть ими и сварганила (летом/осенью) против него обвинение в злоупотреблениях при управлении провинцией Африка, к-рой он управлял в 52/53гг. (или, менее акцептабельно, – в 51/52гг.), по его возвращении (весной) оттуда. В качестве обвинительного инструмента был использован Стагилиев легат в пору проконсульства – некто Тарквитий Приск¹³, кто инкриминировал своему начальнику-командиру как лихоимство, так, и главное, сношение с (африканскими) магами.

Если первое, т.е. лихоимство, было как обычным для римских наместников явлением, так и обычным против них обвинением, к-рое, при борьбе Центра с коррупцией, либо при желании осудить кого-то под ширмой борьбы с коррупцией, регулярно задействовалось и грозило обвиняемому ссылкой, то второе – обращение к магам (в желанные обвинения) ущерб кесарю или императорской фамилии, уже грозило назначенному деликвенту много более худшими последствиями. Повторим, всякие маги, астрологи, чародеи были очень востребованы в деградантном Риме I/IIвв., будь то при издыхающей Республике, или при становящейся и состоявшейся Империи. Постановления против них мало помогали, предоставляя одновременно удобную почву для обвинений в сношениях с ними неугодных нобилей.

При всех случаях, Тавр не стал дожидаться заведомого осуждения и покончил с собой. Агриппина добилась желаемого, однако сенат выразил своё явное оппозиционное недовольство, изгнав её шестёрку Тарквития из сенаторского сословия. И ещё 8 лет спустя, в 61г. (через два года после убийства Агриппины), когда сам, позднее вновь призванный и пошедший в гору, Тарквитий будет обвинён вифинами в лихоимских злоупотреблениях при управлении их провинцией, сенаторы, помня сопогубление им Тавра, с удовольствием его осудят (Ан. 14,46). Кстати, дочь наложившего на себя в 53г. руки Стагилия Тавра Стагилия Мессалина станет в 66г. последней женой Нерона.

¹³ Тарквитии – первоначально Тарквинии, изменили своё gentilное имя (= фамилия) после изгнания ставшего ненавистным римлянам последнего царя Тарквиния Городого. Публий и Марк Тарквитии в 500г. до н.э. донесли консулу Сульпицию о заговоре, имевшем целью возвращение в Рим на царский трон Тарквиниев. Представители рода известны до IV в. н.э.

Прокуратор — букв. заведующий или управляющий; изначально так называли слуг, управлявших имуществом, имением, делами господина (*dominus*), к-рые были его доверенными лицами, ведя от господского имени дела, управляя сельскими и др. работами. Позднее, с появлением одноимённой гос. должности, это — как высокопоставленные чиновники, заведующие той или иной частью императорского имущества, так и наместники определённого рода провинций. Должность прокуратора — как гос. службиста — возникла при Августе, разделившем разнородные обязанности гос. службы между особыми императорскими чиновниками, именованными префектами и прокураторами (*Caesares*).

Было несколько разрядов прокураторов. Набиравшиеся из вольноотпущенников фискальные чиновники, ведавшие фиском в Риме и собиравшие фискальные налоги: *procuratores summarum*, позже — *praefectus fisci*. Со времени Клавдия во главе управления столичным фиском стоял *procurator a rationibus*. Другой класс кесарских финансовых прокураторов имел отношение к кесарскому фиску (*fiscus Caesaris*) и к императорским провинциям, прокураторы к-рых, подобно квесторам провинций сенатских, заведовали финансовой частью (*fiscus provincialis*). Для военных целей существовал особый *procurator castrensis*, к-рый заведовал интендантской частью и уплатой жалованья. Собрание установленных для пополнения фиска налогов также производилось через прокураторов. Прокураторами управлялись императорские имения. Особые прокураторы заведовали библиотеками, хозяйственной частью, зрелищами, усадьбами, вилами.

Всех их, разумеется, не следует путать с прокураторами или префектами *Caesaris pro legato* из всаднического сословия (или реже — из вольноотпущенников), к-рые со времени Августа управляли отдельными специфическими императорскими провинциями (Египет, Иудея, Реция, Норик, Фракия, Мавритания), в основном, под контролем ближайшего императорского наместника консулярского ранга, как, например, кесарские прокураторы-префекты Иудеи, назначавшиеся и смещавшиеся кесарем, плюс — подконтрольные кесарскому легату Сирии, или назначавшиеся-смещавшиеся легатом Сирии, оснащённым расширенными полномочиями (Квириний; Вителлий).

В 60-м абзаце 12-й кн. «Ан.» Тацит делает упор на предоставлении всадническим прокураторам при Клавдии полной судебной власти, к-рую — полномерное отправление правосудия, ещё Август в своё время предоставил префектам Египта, или, добавим от себя, префектам-прокураторам провинциализированной в бг. н.э. Иудеи. Однако, далее у Тацита говорится о проблеме отправления правосудия отнюдь не только приложительно к провинциальным префектам-прокураторам, но вопрос рассматривается в широком историческом контексте-разреze, связанный с коренящейся во Пв. до н.э. проблемой передачи-перехода судебной власти от сенаторского к всадническому сословию, что, осуществляясь постепенно, стоило Риму, в руслe-ключе борьбы с полновластным режимом сенатского олигархата, серьёзных гражданских конфликтов и большой крови.

Именно эта борьба т.н. демократов с аристократами превратилась в Iв. до н.э. в борьбу популяров Мария и оптиматов Суллы, к-рая породила затем Помпея и Цезаря, потом — схватку цезарианцев и антицезарианцев, потом — дуэль Октавиана и Антония, и наконец, — симбиозный мон(о)архическо-республиканский режим Принципатa (форма — Республика; содержание — Монархия, или, вернее-правильнее, Моноархия).

Упоминаемый Тацитом (Ан. 12,60) Г.Семпроний Грахх (мл. брат нар. трибуна 133г. Тиберия) — нар. трибун 123/22г., идя по стопам брата старшего, ограничивал власть сената, стремился, в частности, отнять у него судейство и передать всадникам, хотел ввести в сенат 300 новых членов. В итоге он проиграл объединившей

значительную часть римского общества старосенатской партии и, в отличие от убитого группой сенаторов Тиберия (133г.), велел верному рабу заколоть себя. Гн.Сервилий Цепион – конс. 106г. до н.э., издал закон о судьях (*lex Judiciaria*), вернувший сенату власть над судами и сделавший Цепиона врагом всадников и плебеев, из-за чего (в т.ч.) сражались впоследствии (*всаднический популар-демократ*) Марий и (*сенаторский оптимат-аристократ*) Сулла.

Всадник Г.Оппий был доверенным лицом Цезаря, кому он поручил ведение своих дел в Риме, когда сам находился (с 58г.) в Галлии. В Гражданской войне играл роль посредника, и, несмотря на то, что примирение не удалось, он, как и другой дружный Цезарю всадник Л.Корнелий Бальб (родом из Гадеса в Испании), стали, как говорит Тацит, первыми всадниками, уполномоченными Цезарем «обсуждать условия мира и решать вопрос о войне», что никогда ранее в Риме не практиковалось. Оба достигли большого влияния. Цицерон, к примеру, искал дружбы и позднее даже покровительства Оппия как для себя, так и для других.

После гибели Цезаря Оппий примкнул к Октавиану, в последующие времена считался автором сочинений об Александрийской (48/47г.) и Африканской (46г.) цезарских войнах, в к-рых принимал участие. Причём, если одни считали его автором самостоятельных не дошедших до нас сочинений об этих войнах, то иные полагали, что он и есть автор или завершитель соответствующих сочинений, авторство к-рых за, дескать, не успевшим завершить их написание Цезарем.

А гадесец Л.Корнелий Бальб сражался в Серториевой войне 82 – 72гг. против Сертория под началом Г.Меммия и Гн.Помпея, от к-рого удостоился в 72г. в благодарность за службу римского гражданства вместе с отцом и племянником. Вошёл в сословие всадников. В 69/68гг. познакомился с Цезарем во время его испанской квестуры и близко подружился с ним. В 62 – 60гг. отправлял должность префекта мастеровых при Цезаре, кто из расположения к нему предоставил много льгот Гадесу. В 60г. вёл, по поручению Цезаря, переговоры с Цицероном, добиваясь цицероновской поддержки триумvirата Цезарь – Красс – Помпей. В 59г. был усыновлён дружным Помпею Феофаном Митиленским. Благодаря дружбе с Цезарем и Помпеем приобрёл значительное состояние. После 56г. подвизался как доверенное лицо Цезаря в Риме, представлял его интересы, вёл от его имени переговоры и привлекал союзников.

С началом Гражданской войны 49г. оставался в Риме и продолжал там действовать в пользу патрона, являясь его полномочным представителем-распорядителем, входя в сенат и переписываясь с отсутствующим диктатором при помощи шифра, что выходило за рамки всех римских норм. Не сходен ли этот Бальбов статус с позднейшим статусом Мецената и Агриппы, властно замещавших отсутствующего Октавиана в Риме. В 48/47гг. Цицерон через Бальба добивался и добился прощения и возвращения в Рим как для себя, так и для некоторых др. помпеянцев.

После убийства Цезаря Бальб твёрдо принял сторону Октавиана; в 41/40гг. управлял Испанией; в 40г. в паре с (антонянцем) П.Канидием Крассом сделался консулом-суф. – первый римский консул, родившийся за пределами Италии. Согласно завещанию, оставил (умерев в 30-е гг. до н.э.) каждому римскому гражданину по 100 сестерциев. Притом, если дядя Л.К. Бальб – первый римский консул, к-рый родился не в Риме/Италии, то его одноимённый племянник – проконсул в 21/20гг. Африки и победитель гарамантов, справивший свой триумф *ex Africa* 27.03.19г. до н.э. – первый родившийся не в Риме/Италии триумфатор и одновременно последний в истории Рима триумфатор из числа нечленов императорской фамилии (Р.л. 338-41).

Под Матием в Ан. 12,60 у Тацита, предположительно, сын друга Цицерона Г.Матия. Большой гурман, он дружил с Августом, написал книгу советов на тему

организации пиров и выбора блюд, разбирался в садоводстве, вывел сорт яблок «малая Матиана», ввёл в Риме обычай стричь садовые деревья. Его труды использовали в IV н.э. аграрник Колумелла и энциклопедист Плиний Старший. Какие именно дела поручал ему Август, ранее всадникам не поручавшиеся (если, конечно, он идентичен с тацитовским Матием)? или на повестке дня исключительно факт дружбы, к-рой Август удостоил этого всадника Матия? — неясно.

Касательно же Ведия, возможно, речь идёт о Ведии Поллионе, дружном Августу, облечённом проконсульской властью без проконсульства и оказавшем кесарю немалые услуги в провинции Азия (20-е гг. IV до н.э.) римском всаднике (сын вольноотпущенника), к-рый, напоминаем, отъявленный любитель роскоши и богатых пиров, ославился тем, что кормил разводимых в садках муррен мясом провинившихся рабов, приказывая бросать прожорливым рыбам живых штрафников. Ни его жестокости, ни расточительство Август не одобрял, хотя в дружбе ему не отказывал, но став наследником умершего Ведия, велел скрыть до основания роскошный дом последнего и противопоставительно построил на его месте портик благочестивой Ливии, чтобы имя садиста и расточителя поскорее забылось (Р.л. 451).

И в заключение данного абзаца, начатого, говорим ещё раз, с подтверждения Клавдием широких судейских полномочий всаднических прокураторов (различных разрядов), Тацит критически констатирует, что Клавдий пошёл, не в положительном смысле, много дальше Цезаря и Августа, хватив лишку и уравнив, повторим за Тацитом, — «с собой и с законом даже вольноотпущенников, к-рых он поставил ведать своим личным имуществом». Стоит сказать снова, никогда ещё в Риме вольноотпущенники (своеобразная эмансипация к-рых чем-то похожа на предыдущую эмансипацию всадников) не поднимались так высоко, не борзели настолько и не заходили так далеко, как при Клавдии.

КОС

«Затем он (Клавдий) предложил сенату снять бремя повинностей с жителей острова Коса и при этом много говорил об их древности; древнейшими обитателями этого острова, если не считать Кея, отца Латоны, были аргивяне; впоследствии прибывший к ним Эскулапий познакомил их с искусством врачевания, к-рым усердно занимались его потомки, — Клавдий назвал их поимённо и сообщил, в какое время кто из них был знаменит. Далее он сказал, что к тому же роду принадлежит и Ксенофонт, к знаниям к-рого он прибегает, и поэтому следует пойти навстречу его ходатайству и освободить жителей Коса от каких бы то ни было податей, дабы они полностью посвятили себя заботе об этом священном и всецело преданном богу острове. Можно было бы несомненно указать и на их многочисленные заслуги перед римским народом, на совместно с ними одержанные нами победы, но Клавдий с привычною для него беспечностью не стал утаивать с помощью дополнительных доводов, что, идя на эту уступку, он смотрит на неё как на личное одолжение Ксенофону» (Ан. 12,61).

Кос — третий по величине остров после Родоса и Карпатоса в архипелаге Додеканес в составе Южных Спорад. Расположен к югу от Калимнос и Псеримоса, всего в 4-х км от малоазийского побережья Ионии, в Митросском море, в устье Керамского залива, между Книдом и Галикарнасом. Название, по одной из версий, происходит от изображавшегося в античную эпоху на косских монетах краба. Отличается прекрасным природным ландшафтом и климатом, всхолмленными равнинами и плато, горным кряжем Прион, идущим через весь остров, густыми лесами и золотистыми песчаными берегами. Самый плодородный в архипелаге.

Когда Геракл возвращался из-под Трои, ненавидевшая его Гера устроила страшную бурю, чтобы погубить Гераклов корабль, более того, дабы Зевс не помог сыну, угорвила Гипноса усыпить верховного олимпийца. Стихия прибила судно к Косу, обитатели к-рого решили, что перед ними пираты и не давали им пристать к берегу, бросая в них камни. Ночью разъярённый Геракл высадился на острове, убил местного царя Еврипла и овладел его дочерью, к-рая родила от него сына Фессала (эпонима фессалийцев). 30 кораблей коян участвовали на стороне ахейцев в Троянской войне.

Археология возводит начало Коса к эпохе неолита и к Микенскому периоду. Юго-западнее города Кос найден микенский акрополь. Если догреческими обитателями острова были лелеги и карийцы, то затем на смену им в ХІв. до н.э. пришли из Аргоса/Арголиды и из Фессалии гераклиды-дорийцы, принесшие с собой ставший главным на острове культ бога врачевания Асклепия. Геродот говорит о дорийской колонизации острова аргивянами из Эпидавра (7,99) – материкового центра культа Асклепия, куда люди приходили за исцелением со всех концов Греции.¹⁴

В VIIв. Кос состоял в дорическом Пентаполе или Гексаполе – союзе (5/6-и) городов М.Азии (Галикарнас, Линд, Иалис, Камир, Кос, Книд) (Геродот 1,144). Ок. 500г. известен тиран Скиф – вассал персов, затем его сын – Кадма – ок. 490г. После битвы 479г. при Микале, остров был освобождён и вошёл в I-й Афинский морской союз (до 449г.), позднее – во II-й Афинский морской союз (378 – 38гг.), из к-рого вышел в 357г., участвовал в Союзнической войне (357 – 55гг.) в союзе с Византием против Афин, в 355г. – помирился с Афинами.

Во время Пелопонесской войны (431 – 04гг.) наварх афинян Алкивиад укрепил Кос, посрадавший до этого от сильного землетрясения (ок. 411г.) и от разорившего Астипалею наварха спартанцев Астиоха, к-рый высадился в Косе по пути в Кавн (Кария). В 366г. на месте старого микенского поселения, на северо-западном побережье острова был заложен новый город Кос (тогда как старый упомянутый в «Илиаде» Кос = Станхио лежал на крайнем островном западе) и ок. того же времени, в 4-х км юго-западнее Коса, поднялся дотянувший до наших дней Асклепион врачевателя Асклепия (с его знаменитым древним платаном), благодаря к-рому привлекавший отовсюду тысячи пациентов остров жировал-процветал. Плюс – прозрачные лёгкие косские ткани из местного шёлка и шитые из них облачения, известные с Vв. до н.э., ценились повсюду. Плюс – отличное вино, высококачественная глиняная посуда и очень востребованные благовонные мази.

Здесь родился происходивший из древнего рода Асклепиадов Гиппократ (ок. 460 – ок. 370гг.) – основатель первой школы медицины. Поэт IIIв. до н.э. Геронд, автор мимиямбов, описал в одном из них косский Асклепион, восхищаясь алтарём работы сыновей Праксителя. На Косе появился на свет Апеллес – живописец IVв. до н.э., чьи картины «Антигона» и «Афродита, выходящая из воды» (Анадиомена), находились в святилище. Кос – родина известных поэта и художника – Филета и Феокрита.¹⁵

¹⁴ Асклепий – сын Аполлона и нимфы Корониды (или Арсинои – дочери Левкиппа), убитой Аполлоном за измену. Из её сжигаемого на погребальном костре тела Аполлон вынул младенца и отдал его на воспитание кентавру Хирону, к-рый обучил воспитанника искусству врачевания (Аполлодор 3,10,3). Позднее пришедшего к дерзкой мысли воскрешать мёртвых Асклепия (воскресившего Ипполита, Капанея, Главка) Зевс убил перуном. Асклепиевы дочери – Гигея и Панакея; его неперменный атрибут – змея (или две змеи), получавшая в соответствующем святилище жертвенные приношения. Сам Асклепий мыслился (врачевательской) ипостасью Аполлона; известны их общие храмы и атрибуты (Павсаний 4,31,10).

¹⁵ Храмовый комплекс Асклепион составляли три искусственные террасы, на средней из к-рых находились известный живописью Апеллеса ионический храм IVв. до н.э., большой алтарь и коринфский храм IIв. н.э., в то время как на верхней террасе стоял дорический главный храм IIв. до н.э. (в христианский период превращённый в церковь).

В 332г. коян окончательно освободил от персидского господства македонский флот под предводительством Амфотера (Арриан «Анабасис» 3,2,6). С 309г. — они под властью Птолемея Сотера; в 306г. — потеряны им в пользу Антигона Одноглазого; с 288г. — снова под Птолемеями. Ок. 257г. в сражении у о. Кос македонские суда Антигона (II) Гоната победили египетский флот Птолемея (II) Филадельфа, но в целом в эллинистический период остров преимущественно находился под властью Птолемеев. Во II/Iвв. до н.э., начиная с войны Рима против Антиоха III, потом — против македонян, — Кос не раз поддерживал римлян, вошёл в состав римской провинции Азия, и с тех пор достиг пика своего процветания, многократно, правда, страдая от разрушительных землетрясений, но каждый раз быстро восстанавливаясь за счёт щедрой поддержки Рима.¹⁶

В 30г. до н.э. потерявший всё Антоний, напрасно надеясь задобрить Октавиана, выдал ему из Александрии на расправу своего сторонника, последнего из живых на тот момент убийц Цезаря — сенатора П.Туруллия, к-рый ведал антонианским судостроительством и велел вырубить для военно-флотских нужд антонианцев священную рощу Асклепия на Косе. Октавиан велел казнить выданного «пятнадцатимартовца» на кощунственно осквернённом им острове за два преступления сразу.

Согласно IМакк. (15,23), на Косе во IIв. до н.э. существовала иудейская община; в I/Iвв. коян связывали особые отношения с Иродианами. Ирод Старший делал им богатые подарки (И.в. 1,21,1). В 5г. до н.э., после очередного разрушительного землетрясения 6/5гг., с острова в Иудею прибыл, вероятно, в поисках благотворительности, дружный старшему Иродову сыну от Мариамны Александру — удостоенный от Августа римского гражданства жрец святилища Аполлона в Галасаре на юге Коса — некто Эварат. Найденная на острове греческая эпиграфия славит как друга островитян Ирода Антипу (Р.л. 628).

Многие знатные римляне охотно лечились на Косе, или выписывали к себе традиционно весьма авторитетных и востребованных тамошних эскулапов (школы Гиппократов). И вот в 53г. н.э. Клавдий великодушно снял сенатским решением-постановлением (поскольку островной Кос входил в состав сенатской провинции) с островитян бремя налогов-повинностей, превознес их древность, но беспечно не удосужившись оговорить их заслуги перед Римом, и, следуя Тациту, не особо таясь, что совершает это благодеяние в угоду своему персональному «Айболиту» — коянину Ксенофону, к-рый, между прочим, в следующем году поставит медицинскую точку в деле отравления своего венценосного пациента как соучастник отравительного заговора Агриппины (см. ниже).

ВИЗАНТИЙ

«Но зато посланцы Bizантия, получив возможность предстать перед сенатом и жалуясь на непомерную тяжесть податей, не упустили распространиться обо всём, что могло пойти им на пользу. Начав с союза, к-рый они заключили с нами в те дни, когда мы воевали с царём македонян, получившим, поскольку он был самозванец, наименование Лжефилиппа, они вслед за тем вспомнили о вооружённых силах, посланных ими против Антиоха, Персея, Аристоники, о помощи Антонию во время войны с пиратами, о том, что было сделано ими для Суллы, Лукулла, Помпея, наконец, о позднейших услугах Цезарям, ибо местоположение их города таково, что они могут содействовать передвижению по суше и морю полководцев с войсками и подвозу для них продовольствия.

¹⁶ В Риме культ Асклепия как Эскулапа был введён в начале IIIв. до н.э. на одном из островов Тибра, где выпустили специально привезённую из Эпидавра змею и основали храм.

И действительно, греки расположили Bizантий на самом краю Европы, там, где пролив, отделяющий Европу от Азии, наиболее узок: запросив пифийского Аполлона, где им основать город, они получили оракул, гласивший, что для этого следует приискать место напротив владений слепцов. Это тёмное прорицание указывало на халкедонян, к-рые, попав сюда первыми и имея возможность постигнуть преимущества этой местности, избрали для себя худшую. Ведь Bizантий стоит на плодородной земле, возле обильного рыбьего моря, ибо огромные косяки её, пробившись из Понта и испуганные протянувшейся наискось грядою подводных скал, отклоняются от изгиба противоположного берега и устремляются в гавани этого города. Благодаря столь благоприятному обстоятельству жители его извлекали вначале большую выгоду и богатели, но, изнемогая под тяжестью податей, вынуждены были молить или о полном снятии их, или хотя бы об уменьшении их размера. Их просьба была поддержана принцепсом, подтвердившим, что, истощённые недавними войнами с фракийцами и Боспорским царством, они нуждаются в безотлагательной помощи. И их на пять лет освободили от податей» (Ан. 12,62/63).

Bизантий/Византий – на 41-м градусе северной широты, в месте соединения Мраморного моря, Босфора и Золотого Рога, был основан ок. 658г. до н.э. дорийскими колонистами из Мегары (к-рые осваивали берега Мраморного моря с VIIв. до н.э.), во главе с Бизой, на двух холмах между Пропонтидой и бухтой в Боспоре Фракийском, близ образующего удобную гавань Золотого Рога, на западной стороне фракийского Боспора, на месте старой фракийской крепости.

Ещё финикийские и за ними греческие купцы начали осваивать во II/I тыс. до н.э. морской торговый путь из Эгейского моря в Чёрное, устраивая на берегах Босфора склады для товаров и основывая для обеспечения нужд мореходов небольшие укрепленные поселения при них. Причём финикийцы называли Чёрное море (сообразно библейской генеалогии арийско-индоевропейских потомков Иафета) Ашкеназ («Море севера»; Асканаз – имя одного из сыновей Иафета)¹⁷, а греки – «Понт Эвксинский» («Море Гостеприимное», между тем как море Каспийское называлось «Гирканским» – «Морем Негостеприимным», или «Волчьим»; Гиркания – страна волка).

Когда через Босфор переправлялась дочь Инаха Ио, приревновавшая её к Зевсу Гера превратила красавицу в корову, почему узкий пролив и получил название «Коровий проход» или «Коровий брод». А обнаруженный мореходами удобный залив, глубоко врезающийся в сушу у слияния вод Босфора с водами Мраморного моря, был назван ими Золотым Рогом (у Страбона – Рог Византия). Легенды о плававших за Золотым руном в IIIв. до н.э. аргонавтах и Симплегадах (плавучие скалы у входа в Понт, к-рые, сталкиваясь-смыкаясь, уничтожали корабли) свидетельствуют о том, что древним грекам был хорошо знаком путь через проливы в Тавриду и Колхиду.

Уже ок. 685 – 75гг. мегарские колонисты (к-рые составили вторую волну колонизаторов региона после милетцев) попытались обосноваться на берегу Золотого Рога, но вскоре вынуждены были, вследствие угрозы со стороны воинственных фракийских племён, перебраться с европейского на азиатский берег Босфора и основать там Халкидон/Халкедон, насельников к-рого Геродот назвал (со слов

¹⁷ Ашкеназ – еврейский эпоним Германии, поскольку генеалогию индоевропейского германства евреи выводили от библейского Асканаза (Б.10,13), и отсюда общее наименование восточно-европейских (немецких) евреев – «ашкенази». Асканаз – яфетический эпоним-прародитель армян, согласно составителю «Жития Маштоца» (ок.443г.), его ученику Корюну (1 – «народ Асканазеан»), тогда как писавший позже Корюна Хоренаци (1,5) называет эпонимом армян другого сына Иафета – Торгома (Фогарма).

персидского полководца Мегабаза «слепцами» (4,144), не разглядевшими стратегической ценности района Золотого Рога с его естественной гаванью, обилием рыбы (особенно тунца), плодородными почвами и богатыми лесами.

Тем временем, новый отряд колонистов из Мегары всё-таки одержал в 660г. победу над фракийцами и основал в 658г. город, названный Византием. Согласно одной из легенд, основателя звали Бизант/Визант (Биза/Виза), он был сыном Посейдона и нимфы Кероессы (дочь Зевса и Ио), обязанный своим именем вскорбившей его во Фракии нимфе Визии. Когда Визант совершал очередное жертвоприношение, ниспавший с поднебесных высот орёл схватил сердце жертвенного быка и унёс на вдающийся в Босфор мыс. Визант принял это за божественное предопределение и основал на этом мысу город, названный в его честь.

Согласно Геродоту и Евсевию, этот Визант (кого Дионисий Византийский делает членом экспедиции аргонавтов, а Диодор Сицилийский – царём, принимавшим аргонавтов на Босфоре) перед отплытием, по древнему обычаю, обратился к Дельфийскому оракулу пифийского Аполлона, к-рый ответил ему пророчеством: «Счастливы будут те, к-рые в том священном городе поселятся, на фракийском мысе, отовсюду омываемом водою, при устье Понта, где в изобилии водятся рыбы и олени...» По версии Страбона (7,320) и вторящего ему Тацита, когда мегарцы обратились к оракулу по поводу местоположения будущей колонии, тот ответил им: «Постройте город напротив слепых». Прибыв на место, Визант понял, что оракул разумел колонистов, основавших Халкидон на азиатском берегу Босфора, и велел заложить город напротив них. Среди первых переселенцев были также выходцы из Беотии, Коринфа и Аргоса.

Город обнесли мощными крепостными стенами, при помощи Посейдона и Аполлона, почему эти стены называли «богоданными», и окружили глубокими рвами. Торговля, как морская (из Средиземного моря в Чёрное), так и сухопутная (из Индии и Средней Азии в Европу), позволила Византию быстро возвыситься среди других греческих колоний Пропонтиды и Понта. Ни один торговый корабль, следовавший через Босфор, и ни один торговый караван, следовавший из Азии в Европу, или из Европы в Азию через Византий, не мог без согласия властей города и уплаты пошлины миновать его. Поистине география определяет историю!

Ок. 513г., во время похода Дария Гистаспа против боспорских скифов, город был жёстко подчинён персами (Геродот 4,85; 87; Полибий 4,43,2). При приближении Ксеркса, его жители, вместе с халкидонитами, удалились в основанную ими как беженцами (подальше от персов) Месембрию (современный черноморский Несебр в Болгарии, севернее Бургаса). После разорения персами (Геродот 6,33) и их поражения, Византий был снова отстроен и особо покровительствовался завоевавшим-освободившим его в 478г. спартанцем Павсанием, благодаря к-рому, остававшемуся здесь до 471/70г., значительно вырос (до 40 стадий в окружности). Павсаний вступил (против воли спартанцев?) в предательские переговоры с Ксерксом, осаждался в новоукреплённом им Византии афинянами и в итоге покинул его (Фукидид 1,131).

Во время Пелопонесской войны (431 – 04гг.) город, воюя на стороне Афинского союза, не раз оспаривался афинянами и спартанцами. Победы Алкивиада (408г.) удержали его в Афинском союзе. В 403г. Византием ненадолго овладел Клеарх из Спарты. С восстановлением в 378г. Афинского союза – вновь на стороне Афин. В 357г. – в числе противников Афин (Союзническая война); с 355г. – самостоятельность и новое процветание. В пору войн Филиппа Македонского – полностью на стороне афинян, к-рые оказали византийцам настолько серьёзную помощь, что в ответ удостоились почётно́го права (обычно неохотно предоставлявшегося) византийского гражданства – 340г. Сумел сохранить самостоятельность даже при созданном

Филиппом Эллинском союзе, объединившем города Греции под македонским господством. Поддерживал не посягавшего на его независимость Александра.

Несмотря на посягательства Селевкидов и разорительное появление в 279г. опустошивших его окрестности галлов-галатов, к-рым византийцы платили нерегулярную дань, Византий продолжал, используя своё выгоднейшее географическое положение, торгово-экономически процветать. В 220г. воевал с Родосом и Вифинией, к-рые захватили его азиатские владения и требовали отмены транзитных пошлин. В итоге византийцы пошли на уступки и решили в дальнейшем придерживаться нейтралитета, пока агрессивная политика македонского царя Филиппа V не вынудила их присоединиться к противомакедонской коалиции Родоса, Пергама, Кизика и Афин (Критская война). В 202г. союзный флот нанёс поражение македонянам у Хиоса.

Затем Родос обратился за помощью к Риму. Отказ Филиппа прекратить войну привёл ко Второй Македонской войне (200 – 197г.), и в результате Византию, ранее горячо выступавшему за недопущение римлян в Грецию, удалось, вступив с ними в союз, вернуть с их помощью отобранный у него Перинф, равно добиться освобождения Халкидона. Так Рим впервые сошёлся с византийцами.

В войнах против Антиоха III Селевкида (191/90гг.) и Персея Македонского (171 – 68гг.) византийцы – на стороне Рима. В 149г. Византий сначала признал выдавшего себя за сына Персея самозванного Лже-Филиппа Андриска¹⁸, но потом заключил союз с Римом, о к-ром и сказано устами Клавдия у Тацита. В 131/30гг. – на стороне римлян в ходе авантюры коротко завладевшего завещанным (в 133г. Аталлом III) Риму Пергамским царством Аристоники.¹⁹ Позднее, в войнах Рима против Митридата Понтийского, византийцы – верные союзники римлян. Оказывали сильную помощь Сулле, Лукуллу, Помпею. Содействовали М.Антонию (Критскому), претору 74г. (отец триумвира), в его неудачной средиземноморской кампании против пиратов, и с тех пор находились в более тесном альянсе с Римом.

В Гражданской войне поддержали судами Помпея против Цезаря. При Августе чеканили монеты с его изображением, восторженно приняли в 18г. н.э. посетившего Византий, по пути на Восток, Германика, активно помогли римлянам в делах аннексии Фракии (46г.) и римской военной экспедиции (из Мезии через Босфор) в Крым (за Котия против Митридата Боспорских) (см. выше). Были в 53г. на 5 лет освобождены Клавдием от податей и дальше бесперебойно благоденствовали до жестокого разорения, учинённого городу в 196г. Септимием Севером за поддержку Песценния Нигера.

Впрочем, по ходатайству Каракаллы перед отцом, город снова отстроился – 202г. В 258г. подвергся разорению готами. Примечательно, что при Диоклетиане – не Византий, а Перинф – центр провинции Европа. При Константине, к-рый присоединил к старому городу (на территории позднейшего султанского сераля), увеличив его в 5 раз, несколько холмов, доведя их число, по аналогии с Римом, до 7-и, воздвигнутый как Nova Roma Византий (с перенесённым сюда из Рима и тайно-тайнственно замурованным здесь Палладием), стал, будучи освящён 11.05.330г., Константинополем (или, сродни Риму, – просто Город) = Вторым Римом.²⁰

¹⁸ Назвавшийся царевичем Филиппом ремесленник Андриск возглавил восстание против римлян, потерпел поражение от Цецилия Метелла, бежал во Фракию, был выдан римлянам (к-рые в 148г. разделили Македонию на 4 части), проведён в Метелловом триумфе и в 146г. казнён.

¹⁹ Побочный сын Эвмена II, сводный брат Аттала III, Аристоник, в 131г. разбил Лициния Красса, в 130г. был побеждён М.Перперной, в 129г. пленён М.Аквилием, доставлен в Рим, проведён в триумфе Аквилия и умершвлён.

²⁰ Неспроста это освящение Константинополя в 330г. хронообретается между I-м Вселенским собором 325г. и уполовинивающим (1080 лет) IV-ю Греко-Латинскую культуру 333-м

И дальше был с 395 по 1453гг. столицей сначала Восточной Римской империи, а позднее, по падении в 476г. Западной Римской империи, столицей империи (официально так никогда не называвшейся) Византийской (перерыв 1204 – 61гг. – господство взявших Константинополь в 1204г. и сделавших его центром Латинской империи крестоносцев). При всём том, весьма хронозанимательно, что Клавдий на 5 лет освободил византийцев от податей именно в 53г. н.э., т.е. ровно за 1400 лет до завоевания в 1453г. Константинополя турками-османами, положившими конец (реликтовой) Византийской империи (к-рая не могла надолго пережить, пережив его именно на 40 лет, конец маркируемой 1413-м г. н.э. IV-й Греко-Римской культуры, под знаком Овна, и переход человечества в V-ю зодиакально-метаисторическую Германо-Англосаксонскую культуру, под знаком Рыб).

г. н.э. (748/47гг. до н.э. – 333 – 1413гг. н.э.), к-рый маркирует-символизирует закрытие врат древних Мистерий и постепенную замену мистерияльной христианской мудрости авторитетом, – во многом, пригосударственной с Константина I (306-37гг.) и, во многом, государственной с Феодосия I (379-95гг.), – Вселенской Церкви. Речь снова о замене спиритуального христианства – Пистис и Гнозис – унифицированными юридическо-догматическими формулировками (в духе римского права), обязательными соборными постановлениями-установками.

Хотя, с др. стороны, последнее, ни в коем случае, нельзя трактовать и толковать (учитывая, к тому же, люциферический захлест-перехлест Гнозиса) как однозначный негатив во вред христианству, ибо то был непреложный-необходимый долгий (церковный) этап, через к-рый христианству и подавляющему большинству христиан надлежало-предстояло пройти (и к-рый им нельзя было обойти) до времени выхода на индивидуально-индивидуалистическую или на новообщинную духовность-спиритуальность. При всём том, эзотерическое христианство никогда не прекращало свою плодотворную экзистенцию, уйдя сначала в тень и перейдя затем на полуполюгальное либо нелегальное положение: нити-линии таинственных потоков: (от) Манихеев, Кельтики, Парфянства, *Круглого стола*, Павликиан, Св. Грааля, Тондракийцев, Богомилов, Патаренов, Вальденсов, Альбигойцев, Катаров, Тамплиеров, Розенкрейцеров...

Дело было в том, что чем больше иссякали древние имажинация, инспирация, интуиция в исповедании Христа и в христианском познании, тем насущнее становились именно фиксированные догматы. И трагичнейшей на данном фоне видится фигура Юлиана Отступника (332-63гг.), не случайно родившегося-жившего-действовавшего именно между I-м Вселенским (Никейским) собором (325г.), основанием Константинополя (330г.), Константиновым укреплением первых крестьян (332г. – эмблема рождения феодализма) и II-м Вселенским (Константинопольским) собором (381г.). Юлиан, этот своего рода (зеркально-противозеркальный) Александру – IVв. до н.э. – IVв. н.э.) последний языческий мистик на римском троне, принявший посвящение от последних иерофантов Элевсинских и Эфесских мистерий (идя стопами искавшего впотьмах и на ощупь нового *Неведомого Бога* новоэллинизатора Адриана), пытался сбежать от догматов и слабостей усиленно экзотеризирующейся Церкви, от испорченности нравов части духовенства в возвратную эллинистическую и солярную архаику, не понимая, что он, запоздалый михаэлит, ставший в действительности антимихаэлитом, зомбирует-лоббирует безвозвратный труп. Ведь духовно-ойкуменическая конфигурация и система ценностей кардинально изменились, опереться на минувшее, на изжившее себя, на порожнее, на исчерпанные ёмкости было нельзя-невозможно, и потому трагическая фигура Юлиана, названного Апостатом, столь анахронистически и столь трагически одинока.

Константин или Феодосий, несмотря на весь их конъюнктурный (государственно-резонный) экзотеризм, в куда большей мере шли в ногу со временем и отвечали духу эпохи, тогда как Юлиан напоминает в эпоху после свершившейся Мистерии Голгофы старосолярного нордического Бальдура, к-рому не было в ней места и к-рого не могла постигнуть иная судьба, кроме как гибель (в походе) от роковой стрелы (неважно кем выпущенной – зороастрийско-сасанидским противником-персом, или – с тыла – христианином из церковного лагеря, что так и осталось невыясненным).

РАЗНОЕ

У эпитомированного-эксцерпированного, без последовательного хроноизложения, Диона находим несколько относящихся к 53г. сообщений в выдержках Ксифилина и Зонары. Согласно им, Нарцисс издевался над Клавдием. К примеру, о чём мы уже упоминали выше, когда вифинцы обвиняли своего наместника-прокуратора Юния Цилона (к-рый доставил в Рим показанного в 49г. народу Митридата Боспорского) (см. выше) в вымогательствах, (обожавший судействовать) Клавдий не понял причину поднятого ими шума и спросил, чего они хотят, на что Нарцисс – «вместо того, чтобы сообщить ему правду, сказал, что они так выражают свою благодарность Юнию. И Клавдий, глуховато вняв-поверив ему, решил: «Хорошо, пусть тогда (он) будет прокуратором на два года дольше» (61,33,6) (Ксифилин 145,2-11).

Надо сказать, что при всей дебиловатости слабого и слабеющего под конец правления умом Клавдия, эта история уж чересчур карикатурная и вряд ли заслуживающая в вышепредставленной форме доверия. В 52г. у Нарцисса разразился (назревший) конфликт с атаковавшей его за провальную спуск Фуцинского озера Агриппиной, к-рая хотела убрать его с дороги, и, следовательно, у него не было иной реальной поддержки, кроме Клавдия, над к-рым он, при могуществе Агриппины и Палланта, поостерёгся бы столь откровенно-публично потешаться-насмехаться. Неужто они оба не пожелали бы открыть Клавдию глаза на произошедшее?! Т.е. история с пролонгированием наместнических полномочий Цилона, надо понимать, Нарциссовой креатуре, была впоследствии, пусть имея под собой какой-то реальный ляпсус-казус, доведена до гиперболического гротеска и в таком виде попала в рассказ Диона.

Зато не приходится сомневаться в нижеследующей информации: «Агриппина часто сопровождала императора на людях, когда он занимался обычными делами, или когда принимал послов. Притом она садилась на отдельное возвышение (трибунал). И это было одним из самых примечательных зрелищ того времени» (Дион 61,33,7). Ещё бы, ведь, повторим, ни одна из римских кесарш, будь то жена-императрица или королева-мать, до сих пор не позволяли себе ничего подобного – ведать-рулить государственным делами в открытую наравне с мужем. Тут римлянам и иностранным послам было чему подивиться.

«Однажды, когда оратор Юлий Галлик вёл дело в суде, Клавдий раздосадовался на него и приказал бросить его в Тибр, близ берега к-рого происходил процесс. Этот случай дал повод для изящной остроты Домицию Афру – способнейшему адвокату своего времени. Когда некто, адвокатски покинутый (в суде) в шатком положении Галликом, обратился к Домицию за помощью, последний заявил: «А кто тебе сказал, что я плаваю лучше, чем Галлик?» (Дион 61,33,8) (Ксифилин 145,11-17; Зонара 11,10).

Если о Цилоне и Галлике других сведений нет, то Домиций Афр нам хорошо знаком как нечистоплотный обвинитель представителей нобилитета в угоду кесарям. Напомним, в 26г. он обвинял в прелюбодеянии и колдовстве близкую Агриппине Старшей вдову тевтобургского пораженца Квинктилия Вара – Клавдию Пульхру; в следующем 27г. выдвинул обвинение в оскорблении величия против её сына. В 39г., почти казнённый Калигулой, сумел в последний момент ловко вывернуться, публично капитулировав и пав ниц якобы исключительно перед красноречием Верховного, чем не только спас свою шкуру, но даже поощрительно облёк консульство-суф. Ок. 42г. – успешно защищал в суде некую оправданную Клавдием Клоатилию. В 49г. Клавдий назначил Домиция ответственным за водоснабжение Рима куратором *aquarum*, кем последний и останется до своей кончины в 59г. от излишеского (в преклонном возрасте) обжорства. Произнёс множество речей как

за, так и против обвиняемых, имел многочисленных ораторско-адвокатских учеников, самый известный из к-рых – считавший его лучшим оратором своего времени (с чем не согласен Тацит) – Квинтилиан.

И, наконец, завершаются у скукоженного Диона (61,33,12) от Зонары (11,11) события 53г. очередным выпадом против ненасытной Агриппины: «Ничто, казалось, не могло удовлетворить Агриппину, хотя все отличия, к-рыми пользовалась Ливия, были ей также пожалованы и проголосованы многие дополнительные почести. Однако, пользуясь той же властью, что и Клавдий, она хотела по всей форме правовым образом носить тот же титул. И однажды, когда в Городе случился большой пожар, сопровождала супруга, как если бы оказывала ему помощь».²¹

Место в изложении или интерпретации Зонары достаточно туманное, вернее, скорей всего, искажённое, поскольку трудно представить, что Агриппина притязала на какую-либо правовую легитимизацию своей власти, к-рую, т.е. официальную власть женщины, в т.ч., жены принцепса, ни римские законы, ни римская традиция никак не предусматривали. Официально она не могла стать ни кесаршей-императрицей, ни первой в сенате, ни первой среди равных мужей и т.д. Никакой властно-правовой феминизм Риму не был известен и всякие попытки юридического внедрения оногo уподобимы попыткам официального провозглашения Монархии вместо Республки, на что не пошёл ни один из кесарей, и, тем паче, никогда бы не пошла, чтобы не поставить себя и дитяню Нерона под кинжалы новых Брутов с Кассиями, Агриппина. Да и не нужно было ей правовое оформление де-юре её беспримерной власти де-факто.

Но, повторим, пролагая Нерону дорогу к трону (под девизом – суперцель оправдывает любые средства, и я, императрица-мать, за ценой не постою) она не ведала, что лучшие её годы придутся именно на супружнюю пятилетку 49 – 54гг. при Клавдии. Ведь сынуля Нерон, придя к власти, очень скоро начнёт тяготиться опекуншей-мамой, начнёт капризничать, грозить ей, что удалиться (от её назойливой опеки) на Родос (разыгрывая из себя Тиберия) и всячески отодвигать её от руля. Дабы, в конце концов, на исходе следующей, нисходящей для неё пятилетки 54 – 59гг., её попросту, не убоявшись сделаться матереубийцей, не столько убить, сколько, как цинично-доплломатично выражаются политиканы, устранить.

Итак, констатируем, приложительно к 53г. н.э., далеко не первые в клавдианское правление волнения в Риме в связи с нехваткой хлеба, или, на сей раз, в связи с высокими ценами на хлеб, что, помимо неурожаев и сложностей с доставкой зерна из Африки и Египта (модернизация-новосооружение приёмных гаваней), обуславливалось ростом народонаселения Города, к-рый, ок. миллионный при Августе, возможно, стал, ок. полуторамиллионным к середине IV в. н.э. Если уж население Империи выросло с 14 по 48гг. на миллион, то Рим за то же время вполне мог вырасти на сотни тысяч или даже на полмиллиона. Плюс – усвоим факт опустошившего в 53г. неизвестно какую часть Рима пожара, и перейдём к событиям заключительного года клавдианского правления.

²¹ Возможно, в связи с этим пожаром у Светония о Клавдии сказано: «Когда в Эмилиевом предместье случился затяжной пожар, он двое суток подряд ночевал в дирибитории; так как не хватало ни солдат, ни рабов, он через старост созывал для тушения народ со всех улиц и, поставивши пред собою мешки, полные денег, тут же награждал за помощь каждого по заслугам» (Кл. 18,1). Или это говорится о другом пожаре (предместье), к-рые часто случались в Риме, и о более молодом (а не о дряхлом в 53г.) Клавдии?

54г. н.э.

1 января 54г. н.э. = 807г. а.У.с. в консульство вступили М.Ацилий Авиола и М.Азиний Марцелл.

Ацилий Авиола был сыном одноимённого легата Лугдунской Галлии в 21г. н.э., во время противоримского восстания галлов под предводительством Флора и Сакровира. В 65/66гг. проконсульствовал в Азии, что подтверждают монеты, отчеканенные в Эфесе; в 69г. поддержал Веспасиана; с 74г. до своей кончины в 79г. — куратор aquarum. Жена — Эдия Сервилия, предположительно, дочь М.Сервилия Нониана — конс. 35г. н.э. (сына дружного Квирина М.Сервилия — консула 3г. н.э.); внук — М.Ацилий Авиола — конс. 122г. н.э.

Азиний Марцелл — сын, с большой долей вероятности, М.Азиния Агриппы, — умершего в 26г. консула 25г. н.э., и соответственно, — внук Г.Азиния Галла (конс. 8г. до н.э.), к-рого, сына известного оратора Азиния Поллиона (+ 5г. н.э.), Тиберий стгноил в Палатинском каземате в 30 — 33гг. н.э. (Хотя некоторые считают этого Марцелла внуком дочери Поллиона Азинии, замужествовавшей за консулом 22г. до н.э. Клавдием Марцеллом Эзернином.) В 61г. он примет участие в поделке одного завещания, видимо, из корыстных побуждений, т.к. сообщающий об этом Тацит говорит о нём: «...Марцелл был правнуком знаменитого Азиния Поллиона и мог бы считаться неплохим человеком, если бы не находил бедность худшим из зол» (Ан. 12,64). Ниже сказано об изблечении подлога в сенате и об осуждении всех его участников (изгнание с конфискацией имущества), кроме Марцелла, к-рого «избавили больше от наказания, чем от бесчестия уважение к памяти его предков и заступничество Цезаря». Т.е. за него заступится — либо персонально дружный ему, либо в память о великоискусном ораторе Азинии Поллионе (или — и то, и другое), сам кесарь Нерон (см. ниже).

Консулы-суф. 54г. неизвестны. Однако они наличествовали, ибо у Тацита сказано об умершем в том году в должности одном из консулов, между тем как ординарии, Ацилий Авиола и Азиний Марцелл (к-рых Тацит, вопреки Фастам, называет в обратном порядке), своё консульство пережили. Причём консулы данного года, ординарии и суффекты, были избраны = (при принципате) назначены-подтверждены кесарем, насколько следует из Светония (Кл. 46), только до месяца смерти Клавдия, т.е. на период до октября.

«В консульство Марка Азиния и Манья Ацилия частые знамения заставили ожидать перемены к худшему. Сгорели зажжённые небесным огнём боевые значки и палатки воинов; на вершине Капитолия сел пчелиный рой; рождались люди со звериными членами, и свинья произвела поросёнка с ястребиными когтями. Зловещими предзнаменованиями явилась и убыль в числе высших магистратов, ибо в течение немногих месяцев скончались квестор, эдил, народный трибун, претор и консул. Но больше всего Агриппину устроили слова, вырвавшиеся у захмелевшего Клавдия, что такова уж его судьба — выносить беспутство своих жён, а затем обрушивать на них кару; опасаясь за своё будущее, она решила действовать, и притом поспешить: прежде всего, движимая женскою нетерпимостью, она погубила Домицию Лепиду, ибо Лепида, дочь младшей Антонии, внучатая племянница Августа, двоюродная тётка Агриппины и сестра её прежнего мужа Гнея, считала, что не уступает ей в знатности. Внешностью, возрастом, богатством они мало чем разнились: обе распутные, запятнанные дурною славою, необузданные, — они не меньше соперничали в пороках, чем в том немногом хорошем, к-рым их, возможно, наделила судьба. Но ожесточённое всего они боролись между собой за то, чьё

влияние на Нерона возобладает — матери или тётки; Лепида завлекала его юношескую душу ласками и щедротами, тогда как Агриппина, напротив, была с ним неизменно сурова и непреклонна: она желала доставить сыну верховную власть, но терпеть его властвование она не могла.

Обвинили Лепиду в том, что посредством колдовских чар она пыталась известить жену принцепса и что, держа в Калабрии толпы буйных рабов, нарушала мир и покой Италии. За это её осудили на смерть, чему всеми силами противодействовал Нарцисс, к-рый, день ото дня всё больше и больше подозревая Агриппину в злонамеренных умыслах, сказал однажды, как сообщают, в тесном кругу друзей, что он обречён на верную гибель, достанется ли верховная власть Британнику или Нерону; однако он стольким обязан Цезарю, что ради его пользы готов пожертвовать жизнью. Он, Нарцисс, изблещил Мессалину и Силия; если власть попадёт в руки Нерона, то и тот будет располагать сходными основаниями для его осуждения; но зато если наследником будет признан Британник, это избавит принцепса от опасности; а бесстрастно наблюдать козни мачехи, столь пагубные для всей семьи Цезаря, он счёл бы для себя ещё большим позором, чем если бы умолчал о распутстве его предыдущей жены. Хотя и на этот раз нет недостатка в распутстве: Паллант — любовник Агриппины, и ни в ком не вызывает сомнений, что честь, благопристойность, стыд — всё это для неё не имеет значения по сравнению с властью. Так рассуждая, Нарцисс возлагал все упования на Британника и, простирая руки то к богам, то к нему самому, молился о том, чтобы он возможно скорее достиг зрелого возраста, чтобы, возмужав, низвергнул врагов отца и отместил также убийцам матери» (Ан. 12,64/65).

ОСУЖДЕНИЕ ДОМИЦИИ ЛЕПИДЫ //

ДУЭЛЬ АГРИППИНА — НАРЦИСС

Оставим предзнаменательные нагромождения Тацита — пчелиный рой, новорождённых людей со звериными членами и поросёнка аж с ястребиными когтями! — любителям болезненно острых ощущений. Иное дело — смерти магистратов, на к-рые оказался, действительно, богат 54г. н.э., к-рый, как мы знаем, отстоит на 800 лет от 747г. до н.э. — даты начала IV-й Пост-Атлантической культурной эпохи под знаком Овна-Агнца (тогда как 800 лет ab Urbe, по эре Варрона, — 753г. до н.э. — дают, о чём мы тоже знаем, 48г. н.э.) (см. выше и ниже).

В 54г. Клавдию исполнялось (1.08.) 63 года, 9 семилеток он оставлял позади (= на порядок больше, чем от него, ввиду его болезненности и неполноценности, ожидали), времена для него исполнялись и пути дальше ему, так и не сумевшему собраться в кулак, так и оставшемуся, несмотря на ряд просветов, рохлей, не было. Он необратимо подходил к своему финишу, к-рый, тем не менее, получится искусственно подтолкнутым извне, получится несколько Агриппиной ускоренным.

Как выяснилось, под занавес жизни его начало терзать им же самим, даром что под влиянием-нажимом жены, урегулированное престолонаследование, т.е. отстранение родного сына Британника в пользу пасынка Нерона, к-рого он не только усыновил и выдал за него (свою дочь от Мессалины) Октавию, но и публично объявил готовым (на случай собственной внезапной кончины) властвовать.

А теперь, если, с одной стороны, (приближающегося к смертному порогу) Клавдия, вдруг, забеспокоила грядущая участь 13-летнего Британника (кому он сам всеми предыдущими в Неронову пользу решениями, в сущности, подпписал смертный приговор), то, со стороны другой, растущая амбициозность Агриппины (спа-

ренной с Паллантом, пусть без брака, как Мессалина с Силием), против к-рой повёл активную игру Нарцисс, чем дальше, тем больше раздражала его.

И вот однажды, под хмельком, у него (не без плохо скрытой угрозы) вырвалось на пиру, что он терпит беспутство своих жён до определённого момента, в к-рый, устав терпеть, обрушивает на них кару. Не развёлся ли он с Плавтией Ургуланилой из-за её наглого разврата! Не отринул ли он Элию Петину из-за её скверного склочного характера и мелких дрызг! Наконец, не казнил ли он, умеющий быть грозным супруг-правитель, перешедшую все мыслимые (и немислимые) границы Мессалину, к-рая, при живом муже-кесаре, (подумать только!) открыто-церемониально-ритуально бракосочеталась с любовником!

Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. И хотя Клавдий даже в этом угрожающем выпаде во хмелю был смешон, для Агриппины (для этой не-Достоевской «Грушеньки» Древнего Рима – «пани Агриппина»), к-рой, несомненно, доложили о его хмельных словах, они, не на шутку встревожив её, послужили сигналом. Домоклов меч висает над ней и Нероном, надо что-то предпринять, иначе в следующем 55г. 14-летнего Британника облачат в тогу мужа, его статус изменится, и т.д. и т.п. Вопреки расхожему мнению, Британник не надел тогу *vigilis* в 54г., поскольку Дион (61,34,1) (Ксифилин 145,17 – 146,5; Зонара 11,11) ясно говорит о клавдианском намерении, ничего не сообщая о реализации оногo. Однако, версию Моммзена («*Römische Geschichte*») о составлении Клавдием завешания, согласно к-рому, Нерону и Британнику предстояло стать дуалистическими кесарскими наследниками в равной степени, пожалуй, можно принять.

Впрочем, это произошло, следует думать, не раньше лета, между тем как весной Агриппина, продолжая задавать тон, погубила Домицию Лепиду Младшую, к-рую Тацит, во-первых, ошибочно называет дочерью Антонии Младшей, и во-вторых, ошибочно делает ровесницей Агриппины. Во-первых, Домиция Мл. – дочь Антонии Старшей и Л.Домиция Агенобарба (конс. 16г. до н.э.), в то время как Антония Мл. (мать Германика, Ливиллы и Клавдия) замужествовала за (братом Тиберия) Друзом. Во-вторых, *Domitia Minor* (младшая сестра Домиции Старшей и Гн.Домиция Агенобарба – отца Нерона), родившая в 24г. н.э. Мессалину, была лет на 10 старше родившейся в 15г. н.э. Агриппины. Притом Агриппина, дочь Германика, сына Антонии Младшей, приходилась ей, дочери Антонии Старшей, двоюродной племянницей. Т.е. они состояли в родстве, будучи обе из императорского дома *Augusti*, или шире – из клана *Augustana*.

Припомним, когда брат Домиции, Гн.Домиций Агенобарб, умер в 40г. от водянки, а Агриппина в это время находилась вместе с младшей сестрой Ливиллой в островной ссылке, отправленная туда Калигулой, именно тётка Домиция взяла к себе на воспитание малого дитя Нерона. Вместе с тем, в ту пору, она не слишком заботилась о нём, оставленном Калигулой нищим, и подраставшем, по слову Светония, «в доме своей тётки Лепиды под надзором двух дядек, танцовщика и цирюльника» (Нер. 6,3). Хотя о каком недостойном со стороны Лепиды воспитании и надзоре тут может идти речь, если Домиций Агенобарб умер, как сказано, в 40г., в бытность Нерона всего на 3-м году отроду (род. 15.12.37г.), а в начале 41г., после убийства Калигулы, Неронова мать была возвращена Клавдием из ссылки? Т.е. опекунство тётки над Нероном, к-рый этого не помнил, продлилось очень коротко, и, согласитесь, наверное, незачем слишком приплетать сюда (дескать, позорящих «заботливую» Лепиду) танцовщика и цирюльника (к-рым, б.м., его доверила вовсе не тётка Лепида, а позднее мать Нерона, Агриппина? замужествуя сама с 44г. за Пассиеном Криспом).

Так или иначе, вспомним и то, что Лепида сначала замужествовала за В.Мессалой Барбатом (конс. 12г.), от к-рого родила Мессалину, потом – за Ф.Корнелием

Суллой и наконец, — за Аппием Силаном, ликвидированным в 42г. совместной интригой Мессалины (с к-рой он отказался совокупиться) и Нарцисса (к-рым приснился заказной противосилановский сон, на основании к-рого испугавшийся полудурок Клавдий велел Аппия Силана без разбирательства немедленно казнить) (см. выше). И вот ныне ок. 50-летняя, всё ещё полная энергии Домиция Мл., кому в 48г. позволили похоронить убитую на её глазах дочь Мессалину, захотела влиять на взрослеющего племянша Нерона, кого она привечала ласками и щедротами, а родная мать, напротив, готова и продвигая любимое дитяtko в принцепсы-кесари, была с ним (ради его будущего блага) сурова и непреклонна.

Притом Тацит верно замечает об Агриппине, что она стремилась доставить сыну верховную власть, но в силу своей собственной власти не могла терпеть его властвование, чего сама в 54г., одержимая стремлением любой ценой возвести его на трон, ещё толком не осознавала, полагая, что сумеет управлять им и на троне. Ей доведётся прозреть и опомниться чересчур поздно, когда уже ничего нельзя будет изменить и исправить. Увы, — сама виновата: не она ли, как говорят, в ответ на предсказание, что её сын станет царём, но убьёт свою мать, воскликнула: «Пусть убьёт, лишь бы царствовал!» И если даже этих слов в реальности не было, они всё равно сполна отражают её целиком и полностью претворившееся в реальность жизненное кредо, её маниакальную идею-фикс.

Пока же дитяtko Нерон, держась за мамкину юбку (и до поры мамкая), дал в суде показания против тётки Лепиды, о чём Светоний пишет: «...против своей тётки Лепиды он открыто давал показания в суде в угоду матери, к-рая её преследовала» (Нер. 7,1).²² С подачи Агриппины Лепиду обвинили в колдовских чарах (очень, как мы знаем распространённое обвинение в донельзя суеверном и одновременно в боровшемся с суевериями императорском Риме), дескать, она пыталась при их помощи извести Агриппину, более того, она, мол, держит-содержит толпы буйных рабов (надо понимать, в своих имениях) в Калабрии, могущих, остаётся додумать, превратиться во второе воинство Спартака. Было ли под обвинением нечто правдивое? Под первым пунктом, возможно, — да, однако, при всех случаях, повод представился великолепный, и Агриппина не преминула раздуть всё дело до невероятных размеров, слепив из Лепиды опаснейшую «валькирию революции».

В результате последняя, была, невзирая на противодействие Нарцисса (с к-рым она, б.м., кооперировала) осуждена и казнена. Т.е. Клавдий принял сторону Агриппины, чем она продемонстрировала, что в её пороховницах ещё хватает пороха, и что венценосный супруг, по-прежнему, находится у неё под каблуком. Таким образом, дело спроваженной на тот свет Лепиды, ставшее одновременно раундом противоборства с Нарциссом, Агриппина в первой половине 54г. выиграла.

А дальше переменчивый полуидиот Клавдий, видимо, летом составил, не без соучастия Нарцисса, вышеговоренное дуалистическое завещание, плюс принялся (опять-таки, под Нарциссовым воздействием) оказывать всё большее внимание Британнику. Светоний пишет: «К концу жизни он начал обнаруживать явные признаки сожаления о браке с Агриппиной и усыновлении Нерона. Когда однажды вольноотпущенники с похвалой вспоминали, как накануне он назначил в суде наказание женщине, обвинённой в прелюбодеянии, он воскликнул, что волею судьбы и его все жёны были безнравственны, но не были безнаказанны; а потом, увидев Британника, он крепко обнял его, пожелал ему вырасти, чтобы принять от отца отчёт во всех делах, и добавил: «Ранивший исцелит!»²³ А собираясь облечь его,

²² Кстати, другую свою тётку Домицию Лепиду Старшую Нерон изведёт ядом, чтобы завладеть её состоянием, в 59г., в год убийства Агриппины (см. ниже).

²³ Слова оракула мизийскому царю Телефу, к-рый был ранен копьём Ахилла и к-рого должна была исцелить ржавчина того же копья (дохристианский сюжет Амфортаса — Парсифаля!).

ещё безусого подростка, в тогу совершеннолетнего — рост его уже позволял — он произнёс: «Пусть, наконец, у римского народа будет настоящий Цезарь».²⁴ Вскоре затем он составил и завещание, скрепив его печатями всех должностных лиц...» (Кл. 43,1).

Говорят ли тут Тацит и Светоний об одном и том же сетовании Клавдия на распутство своих жён, или о двух разных отделённых небольшим промежутком времени сетованиях в одной цепочке, скорее, второе, чем первое, — неясно, и не суть важно. Вероятно, (подзуживаемому Нарциссом) Клавдию становился всё более не по нутру властный беспредел Агриппины в паре с для виду державшимся в тени Паллантом. И он предпринял конкретный завещательный шаг, пока не столько для деградации Нерона, сколько для уравнивания с ним в престолнаследных правах Британника, к-рому, по всей видимости, в день его 14-летия, т.е. 12.02.55г. предстояло надеть тогу мужа, и в чём, т.е. в дуализации престолонаследования, завещанного своим преемникам дуалистом Августом при т.н. дуалистическом принципате, никто не мог Клавдия упрекнуть. Но не были ли это лишь первые шаги перед полным предпочтением Нерону Британника? И понятно, что в создавшихся условиях-обстоятельствах, у серьёзно встревоженной Агриппины стал вызревать план снова (не в первый раз) сделаться и *чёрной*, и *весёлой* вдовой!

Тем временем, Нарциссом руководили двойственные чувства. Его, по всему, пожилого и нездорового человека-евнуха, в отличие от неё, 39-летней бой-бабы в самом (политическом и сексуальном) соку²⁵, фанатично устремлённой к одной цели, одержимой этой целью, дожимала раздвоенность-расщеплённость. Ведь устранение матери Британника организовал, акцентируем снова, именно он (Каллист и Паллант, молча поддерживая его, оставались в тени), и если с Нероном у него личных счётов нет, то от Британника в перспективе ему пощады ждать нечего. И всё-таки, он решил (за неимением выбора) сделать ставку против Агриппины и Нерона (поскольку разыграть Нерона против Агриппины в данной ситуации не представлялось возможным) на Британника, точнее, на связку Клавдий — Британик в противовес связке Агриппина (Паллант) — Нерон.²⁶ При всём том, вряд ли такая ставка, в конечном итоге, в ущерб себе, на погибель себе — ради, дескать, блага кесаря и государства, могла быть для Нарцисса стопроцентной, в чём Тацит (презентуя его, нахапавшего состояние в 400 млн. сестерциев, аргументацию — как чистую монету) явно неправ.

Нет, Британик требовался Нарциссу в качестве орудия для устранения или отодвижения Агриппины (и Нерона); его выдвижение-продвижение позволяло выиграть время с тем расчётом, что до его повзросления-полновластия дело могло и не дойти. Вот какой расклад соответствовал интересам Нарцисса. Проблема с Агриппиной сегодня и завтра правильно виделась ему более актуальной и более, в

²⁴ Т.е. — не усыновленец, как Тиберий, Калигула и Нерон, а прямой отпрыск-наследник Клавдия Цезаря, чего при Юлиях-Клавдиях, над к-рыми тяготело своеобразное проклятие (угробленной ими Республики) ненаследования родных сыновей родным отцам, так и не произойдёт, и что случится только при Флавиях, когда Веспасиану наследуют один за другим его сыновья — Тит и Домициан. Причём сам Веспасиан, кесарствуя, говаривал, что ему наследуют либо его сыновья, либо никто.

²⁵ Не уподобился ли Клавдий в свои 63 года членам престарелого (и никчемного) брежневского Политбюро, с их, как тогда шутовали, подъёмностью (не без домкрата) на баб не чаще двух раз в год: в дни Парижской коммуны и «Великого Октября»!

²⁶ В «Жизнеописании Тита», к-рый был другом детства Британника, «обучаясь тем же наукам и у тех же учителей», Светоний рассказывает, что однажды, «как говорят», «Нарцисс, вольноотпущенник Клавдия, привёл одного физиогнома, чтобы осмотреть Британника, и тот решительно заявил, что Британик никогда не будет императором, а Тит, стоящий рядом, будет» (2).

свете необходимости её разрешения, неотложной, нежели послезавтрашняя проблема с Британником. Уберём или отодвинем руками Клавдия Агриппину и Нерона в пользу отрока Британника, а там видно будет.

Так, по составлении Клавдием завещания, Нарцисс счёл, что взял реванш за проигранный раунд с Лепидой, что чаша весов склоняется в его сторону, что в противостоянии между ним и Агриппиной установилось неустойчивое патово-паритетное равновесие, и решил осенью ненадолго отправиться подлечить подагру (старые кости), от к-рой ему стало совсем невмоготу, целебными водами в Синуессе (45 км севернее Неаполя), полагая, что время пока терпит, и не подумав, что в его отсутствие Агриппина может замахнуться – ни больше, ни меньше – как на жизнь самого Клавдия.

Вариант-расклад со ставкой на Британника, при к-рой время для него, Нарцисса, терпело, он перенёс и на момент настоящий, не разумея, что Агриппине, наоборот, всё дело виделось не теряющим отлагательств, что для неё время никак не терпело – ни пока, ни вообще. Ставки слишком высоки, всё на кону: отступить некуда! В политике резоннее переоценить-переиграть, чем недооценить-недообыграть противника! И иногда, особенно, когда промедление (может быть) смерти подобно, резоннее опередить, правильно просчитав несколько ходов и комбинаций вперёд, события, резоннее нанести точный превентивный удар, нежели роковым для себя образом промедлить и опоздать!

АРМЕНИЯ

Итак, читатель знает, что в 52г. парфяне во главе с братом царя царей Тиридатом прогнали, при содействии армян, Радамиста из Армении, но зимой 52/53г., из-за недостатка съестных припасов и морового поветрия, вынуждены были отсупить, что дало возможность Радамисту в 53г. тронно вернуться в Армению. Впрочем, на сей раз, он повёл себя ещё более свирепо, чем прежде, видя в обитателях страны, к-рую отнял у дядюшки Митридата (51г.), изменников, всегда готовых взбунтоваться против него (см. выше). Так в течение 54г. и произошло: восстав, противорадамистовски и одновременно не проримски, а пропарфянски настроенные армяне, с оружием в руках окружили царский дворец в Атрашате-на-Араксе.

Тацит: «Спасли Радамиста лишь быстрые кони, умчавшие его и жену. Беременная жена из страха перед врагами и любви к мужу вначале через силу переносила тяготы бегства; но измученная непрерывною скачкой, от к-рой сотрясилось её отягощённое плодом чрево и внутренности, она стала молить Радамиста, чтобы, подарив ей честную смерть, он избавил её от надругательств плена. Сперва он её обнимает, поддерживает, уговаривает, то восхищаясь её целомудрием, то впадая в неистовство, при мысли о том, что, если она будет покинута им, ею овладеет другой. Наконец, охваченный ревностью, Радамист, обнажив акинак, пронзает её привычной к убийствам рукою, уносит раненую на берег Аракса и бросает в реку, чтобы даже мёртвою она не досталась врагам: после этого он устремляется к пределам иберов и достигает отцовского царства. Между тем Зенобию (ибо таково было имя его жены), ещё дышащую и подающую явные признаки жизни, замечают в спокойной заводи пастухи и, заключив по благородству её лица, что она не простого звания, перевязывают ей рану, лечат деревенскими средствами и, узнав её имя, а также, что с нею произошло, относят в город Артаксату, откуда попечением городских властей она была доставлена к Тиридату, к-рый ласково принял её и отнёсся к ней как к царице» (Ан. 12,51).

Всё, что удалось Радамисту в Армении, это клятвoprеступно заманить в западню

и убить (вместе с его семейством) своего (оказавшего ему перед тем гостеприимство) родича Митридата. Во всех прочих предприятиях он терпел фиаско, дважды ненадолго воцаряясь над армянами, — 51/52 и 53/54гг. — и дважды изгоняясь из страны: в первый раз, в 52г., парфянами; во второй, в 54г., армянами в пользу парфян. Вероломный дяде- и детоубийца, больше авантюрист и искатель приключений, чем царь, умеющий успешнее добывать трон (при кредо — цель оправдывает средства), чем царствовать, он не сумел стяжать симпатии своих подданных, чего всё же не скажешь о его дяде, к-рый, ставленник Тиберия (интернированный Калигулой) и затем креатура Клавдия, худо-бедно, опираясь на поддержку римского гарнизона (ограниченный воинский контингент) в Гарни, сумел процарствовать в стране Араратской, в общей сложности, с 35 по 51гг. (с перерывом в 37 — 41гг.).

Повторим, ставка Тиберия на иверо-армянскую унию под эгидой Рима, подхваченная и продолженная с 41г. Клавдием, в долгой перспективе не сработала и могла работать только до времени усиления Парфянского Ирана, к-рый рассматривал Армению — либо (сродни римлянам) как политический буфер между собой и Ираном, либо (не сродни римлянам) как западную цитадель Дома Иранского, как часть Арианы-Ирана, как свою родную ирано-парфянскую, пусть специфическую, епархию, на к-рую (как на часть великоиранского мира) у Ирана гораздо больше (исторических, религиозных, этнических) прав, чем (у использующего исключительно право державной силы) Рима.

Таким образом, на излёте первой половины 50-х гг. IV в. н.э. без малого 20-летний иверский этап в истории античной Армении — сирой после конца Арташесидов и до воцарения-утверждения в ней парфянских Аршакидов, к-рые органически сдлаются армянской династией Аршакуни, — закончился. Кавказско-иверская династия Парнавазидов не могла утвердиться здесь, в куда более родственном Ариане-Ирану, чем Кавказу, Дому Армянском и стать национальной. В досасанидский период и до принятия армянами христианства Иран (именно Парфянский) был много ближе армянам, чем Кавказ, Рим, семитское Междуречье, Сирия и даже, несмотря на её, как и Сирии, тесные связи с Арменией, эллинистическая-эллинизированная М.Азия.

И вот Армянский вопрос вновь возобновился-актуализировался по твёрдом династическом утверждении в Иране Младших Аршакидов, когда начавшаяся ещё в первой половине IV в. до н.э. междержавная борьба за Армению на римско-иранской оси Запад — Восток вступила в следующую фазу. Причём начиная уже с Артабана III (договор 37г. с Калигулой, ревизированный Клавдием) и особенно с предоставившего армянскую корону своему брату Тиридату Вологеса, противостоятельная чаша весов начала медленно склоняться в сторону Ирана. Артабан III поднял вновь актуализированное Вологесом знамя ахеменидского наследия (Кир Великий) над знаменем наследия эллинистического (Александр Великий), и эта апелляция к Киру (к к-рому сакрально-генеалогически возводили себя Арташесиды) дала дополнительный стимул-импульс к сближению парфян с армянами. Армяне же, подчёркиваем снова, никогда и ни с кем в истории, ни до, ни после, не были так родственно и духовно-ментально близки, как с парфянами (отчасти оправданно и отчасти неоправданно *увидев-почувствовав* в XVIII/XIXвв. — именно обнадёженным сердцем — в России и в русских новую Парфию и новых парфян).

А вот последние дни Радамиста в Армении преисполнились драматизма. Его жена Зенобия, — приходившаяся ему двоюродной сестрой дочь убитого им Митридата, искренне преданная мужу, оказалась, будучи беременна, вместе с ним, изгнанным армянами из столичного Арташата-на-Араксе, в бегах вдоль берега более бурного и более широкого, чем сегодня, в те времена Аракса (к-рый не был тогда притоком Куры, как сейчас, впадая в Каспийское/Гирканское море самостийно).

Затрудняя в своём положении это их бегство, она просила мужа «подарить ей честную смерть» от супружеской руки, чтобы не достаться врагам. Да он и сам не считал возможным допустить такое, и в итоге, поняв, что с беременной супругой на руках ему от погони не уйти, пронзил её, согласно Тациту, «привычной к убийствам рукой», короткой саблей (акинак) и бросил в Аракс.

Однако, то ли у него рука в этом особом случае не поднялась как следует (что вполне представимо-допустимо), то ли последующее вышло случайно, но рана оказалась не смертельной. Мало того, во-первых, живую Зенобию вынесло в тихую заводь, и во-вторых, она, не успевшая истечь кровью, была обнаружена там местными пастухами. Они перевязали ей раны, выходили простонародными средствами и, узнав, кто она такая, отнесли в столичный Атрашат, власти к-рого доставили венценосную пленницу к Тиридату, проявившему к ней своим обхождением уважение, как к царице.²⁷

Стало быть, Тиридат на тот момент ещё не вступил в Арташат, находясь в дороге к трону, занятию им к-рого армяне не препятствовали. Означенные события имели место, в любом случае, не позднее второй половины 54г., ближе к концу к-рого = осенью в Рим пришла весть (к-рую опередили слухи), что парфяне снова в Армении. Пришли ли эти вести ещё до или уже после клавдианской кончины в октябре — неизвестно.

Касаемо же Клавдия, он, скажем снова, в 52г. как бы почил на британских лаврах и больше не проявлял особого интереса к внешней политике, или какую-либо внешнеполитическую активность ни на Западе, ни на Востоке (полагая свою великоимперскую миссию выполненной). Радамист без согласия Рима (с опорой на отца Фарасмана) устранил Митридата и вроде был призван Римом покинуть Армению, но потом был как-то через персонально близкого Клавдию жуликоватого прокуратора Каппадокии Юлия Пелигна, со стороны Рима в Армении, подвасально узаконен. Затем парфяне изгнали его из страны, при пассивности римлян, в 52г., после чего он вернулся в страну, б.м., при дипломатической поддержке римлян, в 53г., и снова её оставил, изгнанный, на сей раз, армянами (к-рые, с другой стороны, открыли ворота Тиридату) в 54г. И за всем этим Рим, при доживающем

²⁷ Сюжет драмы Радамиста и Зенобии вдохновил в Новое время не одного европейского автора. Известна трагедия известного французского драматурга Кребийона (1674-1762гг.) «Радамист и Зенобия» (1711г.). Он обожал изображать злодеев и злодейства, весьма востребованный экзальтированной публикой XVIIIв. (эпох Людовиков XIV-го и XV-го — пик французского абсолютизма) и едко высмеянный ядовитым Вольтером в его посмертной «Похвале Кребийону» (как Клавдий Сенекой в — вместо обожествления — «Отыквлении божественного Клавдия»). Известна также опера Генделя «Радамист» (1720г.). Или — оперы «Зенобия» на либретто Метастазия за авторством Боноччини (1737г.) и Хассе (1761г.). Далее, картина Н.Пуссена «Царица Зенобия, найденная на берегах Аракса» (1634г.); полотно Л.Сабателли «Радамист пронзает Зенобию» (1803г.); П.Бодри «Зенобия, найденная пастухами на берегу Аракса» (1848г.); В.Бугро «Зенобия на берегу Аракса» (1850г.). Пьесу «Радамист и Зенобия» собиравшийся писать (влюблённый в Грузию, но не в Армению) А.Грибоедов (сохранился только план).

Примечательно, что два века спустя тёзка жены Радамиста Зенобии (дальнейшая судьба к-рой неизвестна), арабо-арамейская Зенобия Пальмирская (240 — после 274гг.), вольнопроизвольно притязая на происхождение от Клеопатры Египетской из династии Птолемеев, станет царицей Пальмиры; после (организованного ею?) убийства её мужа Одената в 267г., она объявит о независимости от Рима, подчинит себе восточную часть М.Азии и Египет, потерпит поражение (273г.) от Аврелиана (270-75гг.) и не сумеет сбежать в Сасанидский Иран на быстроногом дромедаре, взятая в плен близ берега пограничного Евфрата. Дальше, если согласно ненадёжному автору III/IV или IV/Vвв. Требеллию Поллиону («Гридцать тиранов»), пленную царицу провели в золотых цепях в триумфе Аврелиана по Риму, после чего поселили в тибурском поместье, то согласно автору Vв. Зосиме («Новая история»), Зенобия не добралась до Рима, умерев от болезни или уморив себя голодом в пути.

свой век Клавдии, по большому счёту, лишь пассивно наблюдал, не предпринимая решительных контрмер.

При всём том, о последнем Радамистовом изгнании Клавдий, возможно, узнать не успел, или успел совсем незадолго до собственного конца, в любом случае, ничего не успев предпринять по Армянскому вопросу, решать к-рый придётся (с переменным успехом, поэтапно – аж до 66г.) Нерону. А из 13-й кн. тацитовских «Анналов», под 58г., мы узнаём, что несколько ранее или именно тогда, когда (снаряжённый уже нероновским Римом ещё в 54г. решать Армянский вопрос на Восток) Домиций Корбулон энергичнее поведёт борьбу за Армению (из-за к-рой Рим и Парфия находились в состоянии «странной войны» с конца 54г.), неприкаянный (армянский экс-царь) Радамист будет казнён своим преклоннолетним отцом Фарасманом (37). Согласно Тациту, – по мнимому обвинению в (каком-то) предательстве, что, честно говоря, удивления не вызывает. Ведь этот не в меру амбициозный отпрыск был опасен старому отцу, тем паче, побывав царём в Армении, оставшись ни с чем и в дальнейшем вдвойне вождедея поскорее занять трон Иверии. И тут, как видно, многоопытный Фарасман нанёс именно превентивный удар, незадолго до своей собственной кончины ликвидировав банкрота-сына. Ок. 60г. Фарасману Иверскому наследует его другой (лояльный к отцу) сын – Митридат.

Однако, мы забежали вперёд. Остановимся на бегстве в 54г. Радамиста из Армении и на воцарении, точнее, на нововоцарении в ней, учитывая первый приход парфян в страну Араратскую в 52г., Тиридата (арм. Трдат) Парфянского (основателя процарствовавшей в Армении до 428г. династии Аршакидов/Аршакуни). Сим в римско-парфянских отношениях при Клавдии, кто, можно, подытоживая его правление, сказать, Армению Ирану в конце своей тронной жизни проиграл, ставится точка.

КОНЕЦ КЛАВДИЯ

«Под гнётом тяжких забот Нарцисс занемог и для восстановления сил мягкой погодой и целебными водами отправился в Синуессу. Тогда Агриппина, уже давно решившаяся на преступление и торопившаяся воспользоваться удобным случаем, тем более, что у неё были слуги, на к-рых она могла положиться, задумалась о том, какой вид яда ей следует применить: если его действие будет внезапным и быстрым, то как бы не раскрылось её преступление; если же она избрёт медленно действующий и убивающий исподволь, то как бы Клавдий на пороге смерти не понял, что он жертва коварства, и не возвратил своей любви сыну. Ей было желательно нечто особенное, такое, от чего помутился бы его разум и последовало постепенное угасание. И она разыскивает поднаторевшую в этих делах искусницу по имени Локуста, недавно осуждённую за отравления, к-рую ещё ранее долгое время использовали как орудие самовластия. Мастерством этой женщины был составлен соответствующий яд; дал же его Клавдию евнух Галот, в обязанности к-рого входило приносить и отдавать предназначенные для Клавдия кушанья.

Вскоре всё стало настолько явным, что писатели того времени подробно рассказали о происшедшем: яд был примешан к изысканному грибному блюду; что Клавдий отравлен, распознали не сразу из-за его беспечности или, может быть, опьянения; к тому же приступ поноса доставил ему видимое облегчение. Поражённая страхом Агриппина, опасаясь для себя самого худшего и не обращая внимания на неприязнь присутствующих, обращается к ранее предусмотренной помощи врача Ксенофонта. И тот, как бы затем, чтобы вызвать рвоту, ввёл в горло Клавдия смазанное быстродействующим ядом перо, хорошо зная, что если затевать величайшие преступления невозможно, не подвергаясь опасности, то зато преуспевший в них щедро вознаграждается...» (Ан. 12,66/67)

Надо полагать, стареющий, как и его патрон, Нарцисс позаботился, насколько то было возможно, о безопасности Клавдия, заботливо охраняя-оберегая, согласно Диону (61,34,4), своего господина (Ксифилин 146,5-15). Но поди обезопась мужа от жены, с к-рой он вовсе не порвал, а лишь, отечески привечая Британника (к-рого ранее перестал замечать), медлительно, по-старчески, обсасывал (ленивую) мысль об этом. К тому же, – кряхтя и мяля, и не умея даже до поры умело скрыть свои смутные (под настроение) планы-намерения. Или, скорее, по-настоящему серьёзных планов, как показывает вся эта история, у Клавдия попросту не было и он просто инфантильно досаждал начавшей на старости лет раздражать его (полной жизни и страстей) Агриппине.

Кроме того, ситуация ошибочно виделась Нарциссу на данном этапе, до времени, достаточно для императора и для него безопасной, ибо, по мнению Нарцисса, время у него ещё, по крайней мере, до 14-летия Британника в феврале 55г., имелось. И, вероятно, он рассчитывал нанести удар, хорошо к нему подготовившись (и подготовив к нему замедленного тютю Клавдия), первым, после того как Британник наденет тогу мужа.

Короче, подробности в тумане, тогда как факт в том, что осенью 54г., жёстко припёртый болезнью, – давно мучившей его подагрой, Нарцисс решил ненадолго отправиться-отлучиться в лечебно-целебную Синуессу, подлечиться там и вскорости во всеоружии вернуться обратно. По всему, перед тем между ним и Агриппиной был заключён мир, поскольку, согласно Диону от Ксифилина, именно «она предварительно отослала в Кампанию Нарцисса, придумав, что ему нужно принимать там воды от своей подагры» (61,34,4).

Не совсем так, хотя эти слова свидетельствуют о мире, точнее, о видимом перемирии между высокими враждующими сторонами, в действительность к-рого многоопытный Нарцисс (на каком-то основании) верил/поверил, иначе не спривадить бы его Агриппине, несмотря ни на какую подагру, обострение к-рой у него случилось весьма для неё своевременно. Увы, ему, одолителю *вавилонской блудницы* Мессалины, суждено было проиграть схватку с *римской волчицей* Агриппиной, сумевшей провести-обойти битого хитрована-либерта, хватка к-рого в 54г., по сравнению с 48г., заметно (по возрасту и болезни) ослабла.

Синуесса – крайний город Лациума на границе с Кампанией в т.н. *Latium adiectum*, по Аппиевой дороге, в плодородной изобилующей вином местности (Гораций «Эподы» 1,5,5), у подножия Массикской горы, на берегу Тирренского моря, в, как сказано, 45-и км севернее Неаполя. На её месте стояли некогда греческая колония Синоп (Ливий 10,21,8; Плиний 3,59) и позднее город аврунков – Весция, к-рый исчез в 314г. до н.э. и вместо к-рого в 295г. была основана, в одно время с Минтурнами, римская колония Синуесса (Ливий 10,21; Веллей 1,14), уступившая первенство Минтурнам при Августе. По проложению в конце Iв. н.э. дороги *via Domitiana* из Синуессы в ПUTEОЛИ – *colonia Flavia* (CIL 10,4735).

Славилась, пользуясь репутацией одного из излюбленных мест курортников, мягким целительным воздухом, плодородной землёй, виноградниками и перво-классным вином – массикским, плюс особенно знаменитым – фалернским (Ливий 8,11; 36,3; Страбон 5,219; 231; 233; Гораций «Сатиры» 1,5,40; Овидий «Мет.» 15,715; Марциал 6,42,5; 13,111). Более того, со дней Августа, огромным лечебным спросом пользовались синуесские (термальные) воды и ванны – *Aquae Sinessanae* – горячие и холодные источники (Ливий 22,13,10; Плиний 31,8; Тацит «Ист.» 1,72; Плутарх «Отон» 2). Была разрушена землетрясением в IVв. н.э. Название современного приморского города на месте древнеримской Синуессы – Мондрагоне.

Не отправился ли Нарцисс туда в чём-то так, как Клавдий в 48г. в Остию, с той разницей, что если Клавдию удалось благодаря толково обстряпавшему всё дело

против Мессалины Нарциссу вернуться из Остии в Рим на коне, то в 54г. Нарцисса, наоборот, ожидала, по смерти Клавдия, после Синuessы, казнь на могиле (к-рая стала его последним жизненным впечатлением) низринитутой его усилиями Мессалины. Мстительная сатисфакция! в к-рой клыкастая Агриппина, демонстрируя зарвавшегося либерту, что в её лице он не на ту нарвался, решила себе не отказывать.

Впрочем, пока подагрик Нарцисс расслаблялся в бархатный сезон в и на целебных синuessких водах и дышал, набираясь сил, мягким морским воздухом, Агриппиной владела жажда действия. Она (в паре с Паллантом) положила, ни в коем случае, не упускать момент, поскольку, по Нарциссовом возвращении, во-первых, привести в исполнение противоклавдианский замысел будет много сложнее (если не невозможно), и во-вторых, по её мнению, был риск опоздать. Посему надо сыграть на опережение. И для этого ей понадобилось сначала перетянуть на свою сторону тех, кому Нарциссом была доверена накануне отъезда безопасность хозяина, подробностей чего мы не знаем, но что Агриппине, судя по исходу всего дела, очень даже удалось. Помимо того, не следует забывать, что близкий Сенеке единоличный-единоначальственный преторианский префект *sine collega* Афраний Бурр был именно её креатурой.

Тем не менее, ей нужно было и уйти от слишком явного подозрения в организации мужеубийства, и сделать так, чтобы занемогший Клавдий не успел отдать каких-либо опасных для неё и Нерона предсмертных распоряжений. То, что в качестве орудия клавдианского устранения должно использовать яд, было само собой разумеющимся. Никакой иной способ тут не подходил, не проходил и не представлялся возможным. Яд, подмешанный в пищу, надёжнее всего (конечно, при надёжности яда) и даёт, в сравнении с другими устранительными способами, наибольшую возможность минимум отодвинуть от себя и подозрения, и ответственность.

Ибо, во-первых, сам факт такого умышленного отравления всегда спорный, в то время как, во-вторых, если для кого-то и не спорный, то попробуй докажи, кто отравитель? (Не так ли случилось с отцом Агриппины – Германиком!) Успеть бы провозгласить, с опорой на преторианцев, Нерона, нейтрализовав Британника, кесарем, а там – некому и нечего будет расследовать и доказывать. На нет и суда нет. Главное – взять власть, к-рая и решает, кто виноват и что делать!

Для нужного яда Агриппиной была найдена и привлечена к делу соответствующая искусница Локуста (у Диона – Лукуста), к-рая, согласно античным авторам, уже привлекалась-осуждалась судом за отравления, надо понимать, извлечённая ныне из мест заключения. На памяти отправленная Сентием Сатурнином в 19г. н.э. для следствия из Сирии в Рим «смесительница ядов» Мартина (Ан. 2,74), к-рая была близка с женой Пизона Планциной, подозревавшейся тогда, 35 лет назад, в отравлении Германика (+ 10.10.19г.), что так и осталось невыясненным-недоказанным. История – дама капризная – имеет (как известно) свойство-обыкновение повторяться.

Изготовленный Локустой яд идеально отвечал агриппианским требованиям: не слишком быстрый, не слишком медленный и не слишком явный, без вкуса и запаха. Его надо подмешать в какое-нибудь аппетитное кушанье. Притом у весьма чревоугодливого Клавдия любимые лакомства наличествовали в избытке. Одно из них, особо любимое, – белые грибы. Отсюда ещё один соучастник заговора – евнух Галот, в обязанности к-рого входило подносить кесарю предварительно отведанную (специальным кесарским дегустатором) пищу.²⁸

²⁸ Обычная, при ориентальных венценосных дворах, должность раба, проверяющего кушанья – *praegustator* – вошла в практику у высокопоставленных римлян, впервые введённая М.Антонием.

Этого Галота²⁹ называют и Тацит, и Светоний, у к-рого читаем: «Умер он (Клавдий) от яда, как признают все; но кто и где его дал, о том говорят по-разному. Одни сообщают, что сделал это евнух Галот за трапезой жрецов на Капитолии, другие – что сама Агриппина за домашним обедом поднесла ему отраву в белых грибах, его любимом лакомстве. Что случилось потом, также рассказывают различно. Большинство сообщает, что тотчас после отравления у него отнялся язык и он, промучась целую ночь, умер на рассвете. Некоторые же передают, что сперва он впал в беспамятство, потом от переполнения желудка его вырвало всем съеденным, и отраву ему дали вновь – то ли подложив в кашу, будто ему нужно было подкрепиться после рвоты, то ли введя её с промыванием, чтобы этим якобы облегчить его от тяжести в желудке» (Кл. 44,2/3).

У эксцерпированного Ксифилином (145,17 – 146,5) и Зонарой (11,11) Диона – Агриппина, смешав при помощи Лукусты яд, действие к-рого было несомненным, – «вложила его в грибы. Затем сама она съела другие, но дала своему супругу поесть те, к-рые содержали яд, из них – самый большой и красивый гриб. И так жертву заговора унесли с пира, по видимости совершенно побеждённого крепкими напитками, дело, много раз случавшееся (с ним) и ранее; но в течение ночи яд произвёл своё действие, и он скончался, неспособный сказать или услышать и слова. Это было 13.10., и он прожил 63 года, 2 месяца и 13 дней, пробив императором 13 лет, 8 месяцев и 12 дней»³⁰ (61,34,1-3).

Оставим вопрос жреческой или домашней трапезы открытым. Во всяком случае, однажды Клавдий, – «правя – по слову Светония – суд на форуме Августа, соблазнился запахом угощения, к-рое готовилось в соседнем Марсовом храме для салийских жрецов, сошёл с судейского кресла, поднялся в храм и вместе с ними возлёл за трапезу» (Кл. 33,1). Т.е. он был не прочь полакомиться сакрально-идоложертвенной пищей, считая допустимым отложить ради жратвы даже столь любимое им судейство. Но если принять отравление во время трапезы жрецов на Капитолии, то Агриппина там присутствовать вряд ли могла, и, значит, ядовитые грибы Клавдию подложил кто-то другой, после чего его перенесли с Капитолия (из храма Юпитера) в императорский дворец на Палатине? Или эмансипация этой властной императрицы зашла настолько далеко, что она могла себе позволить делить трапезу с капитолийскими жрецами? Кто знает? кто скажет?

При всех случаях, обильное виновозлияние и унесение хмельного кесаря с пира в альков, что, по Диону, случалось с ним часто, позволило не сразу распознать отравление. Характерно, что и Светоний, и Дион говорят об отнявшемся языке или беспамятстве, наверняка Агриппиной предусмотренных, чтобы, как сказано, Клавдий не отдал каких-нибудь неугодных ей предсмертных распоряжений. Причём, по Тациту, ему доставил некоторое облегчение приступ поноса, после чего испуганная Агриппина задействовала знакомого нам эскулапа Ксенофонта с острова Кос, к-рый (приверженец клятвы Гиппократата! по гроб благодарный Клавдию за освобождение

²⁹ Галот будет в вольноотпущеннической чести при Нероне и выживет даже при расправившемся с почти всеми приверженцами Нерона Гальбе, пощаждённый им в 68г. вместе с одиознейшим преторианским префектом Тигеллином, чтобы не слишком потакать требованиям толпы. У Светония читаем: «...когда народ потребовал от него (Гальбы) казни Галота и Тигеллина, он из всех клеветов Нерона не тронул лишь этих двух, самых зловердных, и вдобавок пожаловал Галота важной должностью, а за Тигеллина попрекнул народ жестокостью в своём эдикте» (Гал. 15,2). По Диону (64,3), Гальба объявил в эдикте, что, пожалуй казнил бы Тигеллина (за к-рого вступился Т.Виний), если бы его об этом так не просили. Но если приговорённый к смерти при Отоне Тигеллин покончит самоубийством, к слову, находясь на водах в Синуессе, то дальнейшая судьба произведённого Гальбой в прокураторы Галота неизвестна.

³⁰ Если быть совсем точным, – 13 лет, 8 месяцев и 18/19 дней – с 24/25.01.41 по 13.10.54гг.

коян от повинностей!), как бы затем, чтобы вызвать у больного рвоту, ввёл ему в горло отравленное быстродействующим ядом перо. А по Светонию, новую порцию отравы Клавдий получил в каше, к-рую ему дали якобы для подкрепления после рвоты, или к-рую (не кашу) ему ввели якобы для облегчения желудка с промыванием. Далее, если сообразно Диону, он скончался в течение ночи, то сообразно Светонию, — «промучась целую ночь, умер на рассвете».

Помимо того, и Тациту, и Светонию известно, что Клавдия травили дважды, в первый раз — за трапезой, второй — среди ночи, и второе отравление было либо оральным, либо анальным, либо — тютю-кесаря, что называется, *сделали* ядом/ядами и через зад, и через рот. Как видим, приложительно к всю жизнь бывшему, будь то в его докесарские, или в кесарские годы, ходячим анекдотом Клавдию, даже смерть, несмотря на весь её драматизм-трагизм, пришла-подошла анекдотично, превращая и превратив трагедию в комедию. Насмешки окружающих сопровождали его в течение всей жизни, не оставив в покое ни в смерти, ни посмертно.

Он же сам во всю свою внезапно свалившуюся на него тронную жизнь пытался сохранять хорошую серьёзную мину при преимущественно плохой или комичной игре, к-рая, однако, справедливости ради надо признать, была всё-таки предпочтительнее кровавадных *игр* Калигулы и Нерона. С той, правда, разницей, что в отличие от них, куда более страшных, чем смешных, Клавдий всегда и даже в смерти был, в гораздо большей мере, карикатурно смешон, чем (когда-либо) страшен.³¹

А Агриппина желанного результата, невзирая на некоторые непредусмотренные осложнения и необходимость импровизировать, блистательно достигла. Основное дело сделано, остальное — дело техники. Кесарь умер, да здравствует кесарь! Ещё немного подсуется и мы — маменька с сынком — в шоколаде! То-то клавдианскую кончину ночью или на рассвете скрывали до полудня 13.10.54г.³²

³¹ Согласно Светонию, он предчувствовал свой скорый конец: «Да и сам он, как кажется, знал и не скрывал близости своего конца. Это видно из того, что при назначении консулов, он назначил их только до месяца своей смерти; в последний раз присутствуя в сенате, он всячески увещевал сыновей жить меж собою в согласии и мольбою просил сенаторов позаботиться об их молодости; а в последний раз заседаая в суде, он произнёс, что близок его жизненный предел, и несмотря на общее возмущение, повторил это снова и снова» (Кл. 45). Повторим, 1.08.54г. Клавдию исполнилось 63 года — возраст (7 x 9), к-рый римляне (народ Сатурна, почитавший главным богом Юпитера!) считали сатурнальным «годом порога» (или — «годом перемен») и радовались, если им удавалось его счастливо пережить-преодолеть, о чём свидетельствует, например, письмо 63-летнего Августа любимому внуку Г.Цезарю (Р.л. 1019/20). Следуя этрускам, «История» к-рых была написана не кем иным как Клавдием (да ещё) в 20-и книгах (а «История Карфагена» — в 8-и), вернее, согласно этруским священным книгам, старческий возрастной максимум — 84 года, хотя персональное покровительство богов человеку продолжается до 63-х лет, могучи быть продлено посредством жертвенно-культовых таинств до 70-и (Варрон у Цензорина 14,6). Свой 63-летний веховой рубеж Клавдий пережил всего на два с гаком месяца (б.м., несколько — себе на пагубу — успокоившись после 1.08.54г.).

³² Античная древность не сомневалась в факте отравления Клавдия и лишь в ново-новейшее время, по сему поводу, начали иногда звучать не заслуживающие внимания экстравагантные сомнения («...das Agrippina ihn vergiften liess, glauben heute nur noch wenige ernsthafte Historiker...»), «Grosse Weltgeschichte» Naumann-Göbel, B.2, S.109/10), тогда как из древних авторов один только Флавий говорит осторожно или с недостаточной определённостью: «Между некоторыми лицами распространился слух, что он (Клавдий) был отравлен женой своей Агриппиной» (И.д. 20,8,1). В «Войне» просто констатируется факт клавдианской кончины (после, как и в «Древностях», 13-и лет, 8-и месяцев и 20-и дней правления) без комментариев (2,12,8). Зато в клавдианской смерти от яда уверен (родившийся в 23/24гг.) современник событий Плиний (2,92; 11,189; 22,92).

В эпиграммах Марциала (40-103/04гг.) читаем: «Что же тебе пожелать на здоровье брюха

«Между тем созывались сенаторы; консулы и жрецы провозглашали торжественные обеты, молясь об исцелении принцепса, тогда как его, уже бездыханного, обкладывали припарками и покрывалами с намерением скрывать его смерть, пока не будут приняты меры, к-рыми была бы закреплена за Нероном верховная власть. Как бы убитая горем и ищущая утешения Агриппина сразу же после кончины Клавдия припала к Британнику и заключила его в объятия; называя его точным подобием отца, она всевозможными ухищрениями не выпускала его из покоя, в котором они находились. Задержала она при себе и его сестёр Антонию и Октавию и, приставив стражу ко всем дверям, время от времени объявляла, что состояние принцепса улучшается, делая это ради того, чтобы поддерживать в войнах надежду на хороший исход и дожидаться благоприятного часа, указанного предвещаниями халдеев.

И вот в полдень, в третий день до октябрьских ид, внезапно широко распахиваются двери дворца и к когорте, по заведённому в войске порядку охранявшей его, выходит сопровождаемый Бурром Нерон. Встреченного по указанию префекта приветственными кликами, его поднимают на носилках. Говорят, что некоторые воины заколебались: озираясь по сторонам, они спрашивали, где же Британник; но так как никто не призвал их к возмущению, им только и оставалось покориться. Принесённый в преторианский лагерь, Нерон, произнеся подобавшую обстоятельствам речь и пообещав воинам столь же щедрые, как его отец, денежные подарки, провозглашается императором. За решением войска последовали указы сената: никаких волнений не было и в провинциях. Клавдию определяются почести, воздаваемые богам, и похороны его обставляются с такой же торжественностью, с какою был похоронен Август, ибо Агриппина соревновалась в пышности со своею прабабкою Ливией. Завещание его, однако, оглашено не было, дабы предпочтение, отданное им пасынку, хотя у него был собственный сын, своею несправедливостью не смутило простой народ и не вызвало в нём негодования» (Ан. 12,68/69).

Светоний: «Смерть его скрывали, пока не обеспечили всё для его приемника. Приносили обеты о его здорovie, словно он был болен, приводили во дворец комедиантов, словно он желал развлечься. Скончался он в третий день до октябрьских ид в консульство Ацилия Марцелла и Азиния Авиолы, на 64-м году жизни и 14-м году власти. Погребённый с пышностью, подобающей правителю, он был

и глотки? Съесть бы тебе как-нибудь Клавдиев сладкий грибок?» (1,20). Ювенал (60-127/30гг.) в «Сатирах»: «Мелким друзьям подадут грибов подозрительных; лучший / Гриб господину: едал подобные Клавдий: последний / Подан ему был женой; ничего он не ел уже после» (5,147-49). В IIIв. в «Жизнеописании Аполлония Тианского» Флавий Филострат пишет, что после позорника Калигулы «добросердечный Клавдий лишился из-за баб не только державы, но и жизни, ибо говорят, что смерть он принял от женщины» (5,32). В IVв. компендиумно поверхностный Авр. Виктор уверен в следующем: «Позорная смерть Клавдия долго скрывалась, как когда-то смерть Тарквиния Древнего: стража, подкупленная его искусно действовавшей вдовой, заявляла, что он болен и что управление гос-вом он поручил своему пасынку, к-рого незадолго до этого усыновил» (4,15). Т.е. сокрытие «позорной» (отравительной) клавдианской смерти с ночи до полудня вырастает у А.Виктора в «долгое» и подпирается малоудачным историческим примером с (пятым римским царём) Тарквинием Приском (616-579гг.), к-рого устранили сыновья (четвёртого римского царя) Анка Марция (641-17гг.), скрывая его смерть в течение нескольких дней, что помогло Сервию Туллию (кого Тарквиний назначил наследником) упрочить своё положение и стать шестым царём Рима (578-35гг.) (Р.л. 400). В Vв. Павел Орозий не сомневается, что Клавдий «умер с явными симптомами отравления» (7,6,18). Зосима (V/VIвв.): «Клавдий передал контроль над гос. делами евнухам и вольноотпущенникам и из-за этого встретил позорную смерть» (1,6,3).

сопричтён к богам: впоследствии Нерон отказал ему в этих почестях и отменил их, но затем Веспасиан восстановил их вновь» (Кл. 45).³³

У Светония эта посмертная агриппианская возня вокруг тела Клавдия, выдаваемая за заботу предсмертную, несколько, в её комичности, преувеличена. Спрашивается, когда столько всего могло произойти, если Клавдий умер, как говорено, ночью или на рассвете 13.10., а в полдень, вернее, сразу после полудня 13.10., между, как говорит сам Светоний (Нер. 8), шестью и семью часами, т.е. между 12-ю и 13.00. (по нашему времени), Нерона уже приветствовали (объявив о клавдианском летальном исходе) императором?!

Соответственно, вся комедия с сокрытием кончины почившего не в бозе принцепса – (неметафорическое) обкладывание смешного и в смерти венценосного жмура припарками, созвание сенаторов, торжественные обеты-здравицы консулов и жрецов – продолжалась, всего-навсего, с ночи или с рассвета до полудня, несмотря на то, что по гиперболическому слогу и тону Светония, да и Тацита, создаётся впечатление, будто на это ушли чуть ли не дни. Нет, не сидел мёртвый Клавдий на троне, как – несколько дней – иранский шах Аббас (смерть к-рого на протяжении этих дней тщательно скрывали) в 1629г.³⁴, и никто не говорил из-за его тронной спины его прижизненным голосом. Всё было много прозаичнее и одновременно трагичнее, поскольку, скажем снова, прижизненная посмешищность сопровождала-преследовала бедолагу Клавдия и на смертном одре, и после смерти, и в загробье.

И никакого сопротивления с чьей-либо стороны смена власти не встретила. Время до полудня нужно было Агриппине, чтобы подготовить Рим к свершившемуся факту, культурно нейтрализовать Британника, удостовериться в лояльности сената и, главное, гарантировать верность вооружённых до зубов преторианцев, от поведения к-рых зависело больше всего. Ни Британнику, ни Антонии с Октавией (даром что она – законная жена Нерона) не следовало появляться на публике, чтобы никому попросту не напоминать об упрятанном во дворце (от глаз и греха подальше) сонаследнике Британнике, куда Нерон не будет именно в одиночку приветствован-чествован единственным безальтернативным наследником и императором.

Так и произошло. Афраний Бурр обеспечил полную лояльность подкомандных ему преторианцев. Вопросы-запросы, по слухам, некоторых воинов – где же Британник? – если таковые и прозвучали, – не в счёт, они ничего не изменили. Британник не объявился, в то время как Клавдиево завещание, об участии к-рого несложно догадаться, так никогда и не было оглашено. И никто никого нигде, ни в Риме/Италии, ни в провинциях, к возмущению не призвал. Да и кому было призывать: 13-летнему Британнику? Антонии? Октавии?

Нарцисс находился в Синусе и предпринять ничего не успел, более того, у Нарцисса имелись кое-какие шансы на победу в схватке с Агриппиной лишь при

³³ Разобожествление Клавдия Нерон, вероятно, предпринял после убийства в 59г. Агриппины, срыв также недостроенный ею храм *божественного* супруга на Целиевом холме (Свет. «Кл» 45). Веспасиан (сын к-рого Тит дружил с Британником) протезировался Клавдием, вышел при нём в полководцы, успешно делал карьеру, и всю жизнь оставался ему благодарен, восстановив в годы своего правления его культ и построив новообожествлённому храм (Свет. «Весп.» 9; Фронтин «Вода для Рима» 1,20; 2,76; СІЛ 6,10251).

³⁴ Интересно, что из множества в истории иранских шахиншахов (строго говоря, – сасанидский царский титул) особым почитанием в Иране пользуются трое: Ахемениды – Кир Великий и Дарий Гистасп, и (победоносный) Сефевид Аббас I («иранский лев шах Аббас»), опережающий, таким образом, не только, само собой, всех (деградированных с сасанидской подачи) парфянских венценосцев, но и всех как (язычников) Сасанидов, так и последующих мусульманских властителей, будь то Аббасиды, Саманиды и т.д. (не считая, разумеется, особо статуированного-многочтимого халифа Али).

живом Клавдии, конец к-рого единовременно означал и его неминуемый конец. У него не было спины ни в войсках, ни в сенате, где фантастически богатого и влиятельного либерта (да ещё евнуха) совсем не жаловали.

Засим, можно сказать, что смена власти прошла безболезненно. Да и не иссяк ещё в римлянах миф Германика (к-рому, мол, злые силы помешали вернуть Риму «золотой век»), дочерью к-рого была Агриппина, а (единственным и последним выжившим-живущим) внуком – Нерон.

«Ему шёл 17-й год, когда было объявлено о кончине Клавдия. Он вышел к страже между 6-ю и 7-ю часами дня – весь этот день считался несчастливым, и только этот час был признан подходящим для начала дела. На ступенях дворца его приветствовали императором, потом на носилках отнесли в лагерь (преторианцев), откуда, после краткого его обращения к солдатам, – в сенат; а из сената он вышел уже вечером, осыпанный бесчисленными почестями, из к-рых только звание отца отечества он отклонил по молодости лет» (Свет. «Нер.» 8).

Дальше, если по Тациту, брошенного в темницу Нарцисса, «жестоким обращением и лишениями – против воли Нерона – довели до смерти» (Ан. 13,1), что предполагает какой-то срок, то по Диону, «его смерть случилась сразу же после Клавдия» (61,34,4/5). Дион же от Ксифилина (146,5-15) говорит: «Он (Нарцисс) сосредоточил в своих руках власть большую, чем любой другой человек его времени, владея суммой в более чем 400 млн. сестерциев³⁵, и города, и цари заискивали перед ним. И даже в то время, когда он уже должен был быть убит, он смог совершить замечательный поступок. Будучи ответственным за переписку Клавдия, он имел в своём распоряжении письма, содержавшие секретную информацию об Агриппине и прочих, и всё это он сжёг перед своей смертью».

Т.е. здесь прав Дион. Казнь Нарцисса последовала очень скоро после смерти Клавдия, без предполагающих, в той или иной мере, минимум многодневное заключение тацитовских «жестокости обращения и лишений». Возвратился ли Нарцисс из Синуессы сам? или был доставлен в Рим в оковах? – вопрос. Неясно также, каким образом, он умудрился, блюдя верность Клавдию, уничтожить его переписку, на к-рую почему-то не наложила или не успела наложить лапу Агриппина. Но теперь, когда она стала полновластной хозяйкой положения, проведя Нерона в принцепсы без парного Британника, никакой письменный компромат уже не мог быть использован против неё. И Нарцисс решил унести всё с собой в могилу.

Притом ремарка Диона от Зонары (11,11) о том, что Нарциссова казнь на могиле Мессалины была случайностью, к-рой придали символическое значение, не выдерживает критики. Зачем было случайно казнить Нарцисса на могиле той, в деле падения и казни к-рой он сыграл ведущую роль? Этой казнью Агриппина показала ему и другим, что она не ровня Мессалине, к-рую он одолел, отправленный теперь вслед за ней к Плутону и Прозерпине именно Агриппиной, правомерно переигравшей-одолевшей его, жалкого либерта и евнуха, возомнившего себя прыгнувшим из грязи в князи вершителем судеб Рима.

И примечательно, что противление Нерона казни Нарцисса Тацит толкует присущей им обоим, дескать, родственным душам, алчностью и расточительностью. Нет, Нерон ещё (до поры) не ахти как алчен и не ахти как расточителен, просто так он в первый раз, едва заняв трон, попытался робко возразить всевластию матери. Хотя и доверил ей все свои общественные и частные дела и уже в первый день

³⁵ Из знатных принципатовских римлян I/II вв. только Гн. Корнелий Лентул Авгур (конс. 14г. до н.э.) обладал нажитым им при Августе аналогично крупным состоянием, к-рое он, скончавшись в 25г. н.э., завещал Тиберию (поклёпно постобвинённому Светонием в устраниении К.Авгура ради присвоения его богатства) (Д.И. 997-99).

правления дал преторианцам пароль: «лучшая мать» (optima mater) (Свет. «Нер.» 9). То ли ещё будет!

Тем временем, за мёртвым (комедиантом) Клавдием (кого на смертном одре, как якобы живого, услаждали призванные во дворец комедианты!), сродни живому, насмешка, как сказано, шествовала по пятам и в загробье. Его погребение и обожествление, его причисление к сонму богов, его consecratio-дивинизация, по августейшему сценарию, где Агриппина с удовольствием играла роль (мол, превзойдённой ею прабабки) Ливии-Августы, сразу превратились в пародийное шутовское «отыквление». Обожествлённый (по ускоренной процедуре) шут гороховый – Divus Claudius Augustus! Такого Рим дотоле не видывал! Составленную Сенекой лаудационно-погребальную речь перед кремацией произнёс Нерон. Агриппине выпало сделаться фламินิกой переформатированной жреческой коллегии, к-рая обслуживала культ Августа – sodales Augustales, и отныне наименовалась sodales Augustales Claudiales. Apotheose! (Не перевернулся ли, пусть кремированный, Август через 40 лет после своей кончины в гробу!)

Дион: «Император получил гос. похороны и все прочие почести, к-рые прежде были оказаны Августу. Агриппина и Нерон изображали скорбь по человеку, к-рого они убили, и вознесли на небеса того, кого они вынесли с пира на носилках. По этому поводу Луций Юний Галлион, брат Сенеки, сделал очень едкое замечание. Сам Сенека оставил сочинение, к-рое назвал «Отыквлением» (переиграв слово «Обожествление»), а его брат памятно сострил. Ввиду того, что общественные палачи имели обычай тянуть трупы казнённых в тюрьме через Форум большими баграми и оттуда сбрасывать их в реку, он заметил, что Клавдий был поднят на небеса багром. Нерон же заявил, что грибы, должно быть, пища богов, раз уж Клавдий, отведав гриб, стал богом» (61,35,1-4) (Ксифилин 146,15-32).³⁶

Это тот самый знакомый нам с читателем Л.Юний Галлион (мл. брат Сенеки), к-рый в 52/53гг. наместничал в Ахайе, резидируя в Коринфе, переписывался с Клавдием, считаясь-называясь его другом – «amicus Caesaris, и, как мы знаем, отказался (53г.) разбирать жалобу коринфских иудеев на Ап. Павла, в связи с чем удостоился упоминания в Д.Ап. (см. выше). Засим его «дружбы» с кесарем хватило не на дольше, чем до смерти последнего, и помимо того, ему было свойственно, как узнаём, своеобразное чувство юмора.

К месту вспомнить, что Сенека был сослан интригой Мессалины при Клавдии на Корсику (41/42гг.), возвращённый оттуда и назначенный воспитателем Нерона только после падения Мессалины и бракосочетания Клавдий – Агриппина (49г.), по инициативе Агриппины. Т.е. братья принадлежали к агриппианской партии и у них не было ни малейшего основания сожалеть о почившем кесаре, к-рого, сколь видим, и юный Нерон не преминул проводить на тот свет едкой вознесенско-грибной остротой.

А вот в ядовитой сатире Сенеки разыгрывается антимистерия встречи Клавдия на том свете как богами, так и казнёнными, по его решению или при нём, происками помыкавших им Мессалиной или вольноотпущеников, различными персонами (коих, в общей сложности, совсем немало). Одним словом, – злейшая сатира! гипертрофированный гротеск!³⁷

³⁶ Светоний в «Жизнеописании Нерона» пишет: «Злодейства и убийства свои он начал с Клавдия. Он не был зачинщиком его умерщвления, но знал о нём и не скрывал этого: так, белые грибы он всегда с тех пор называл по греческой поговорке «пищей богов», потому что в белых грибах Клавдию поднесли отраву...» (33,1)

³⁷ «Хочется мне поведать о том, что свершилось на небесах за 3 дня до октябрьских ид, в новый год, в начале благодатнейшего века. Ни обиды, ни лести никакой я не допущу. Это – правда. Спросите меня, откуда я всё это знаю, так прежде всего, коль я не захочу, – не отвечу.

Этот долбалоб на троне – Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик, – словно в насмешку над Римом и всей его историей, чересчур контрастировал с амплуа главы государства и должен был проследовать на тот свет, – и в действительности, и в восприятии окружающих его людей (к-рые были ничем не лучше, а многие и хуже его), – сходно-соприродно тому, как жил и правил. Останься он до конца жизни частным человеком, о нём бы никто и не вспомнил. Но, увы, насмешливая судьба вознесла его над (задыхавшимся, невзирая на весь свой великолепный мировой фасад, в языческой скверне) Римом и миром, в частности, для того, чтобы о нём (в назидание потомкам) никогда не забыли.

Нонсенс? Отнюдь: перед нами обусловленная сущностью августейшего Принципата в истории Рима – властелина мира сего, в век метаисторического Таинства Голгофы и Иисуса Христа – БогоЧеловека и Царя Царей не от мира сего, много-печальная историческая реальность-закономерность!

ИТОГ

Посему спустя 40 лет от смерти в 14г. Августа, к-рый (обретаясь на вершинах власти с 43г. до н.э.) только единовластно правил (с 30г. до н.э.) итого 43 года, из них 40 лет (с 27г. до н.э.) в качестве принцепса (при созданной им системе Принципата), Рим в 54г. похоронил уже третьего, после Тиберия (+ 37г.) и Калигулы (+ 41г.), кесаря-цезаря. При этом правление Клавдия было первым, когда впервые в истории Рима власть находилась в руках ответственных за различные императорские секретариаты (созданные Клавдием с помощью либертов дворцовые канцелярии) придворных вольноотпущенников и двух, по-разному, безудержных (беспредельницы-беспредельщицы) кесарских жён-императриц.

Кто может меня заставить? Я знаю, что получил свободу с того самого дня, как преставился тот, на ком оправдалась поговорка: «Родись либо царём, либо дураком». А захочется мне ответить – скажу, что придёт в голову. Когда это видано, чтобы приводили к присяге историка?» (Аросол. 1). Ох, рано ты радуешься, обласканный вернувшей тебя из ссылки Агриппиной, учитель-наставник Нерона – Сенека (стойк и, по совместительству, наставник?! или наставник и, по совместительству, стойк!?!). Нерон ещё заставит тебя (по меньшей мере, оправдателя убийства Агриппины перед сенатом) покончить самоубийством, *гуманно* (не твой ли воспитанник!) оставив (стоический) выбор способа ухода на тот свет за тобой! А XX-й век (едва ли не пуше всех предыдущих столетий) наглядно покажет и докажет, как приводят к присяге (сделанного и ставшего бандерлогом) историка!

«...Клавдий был уже при последнем издыхании, а скончаться никак не мог. Тогда Меркурий, к-рый всегда наслаждался его талантом, отвёл в сторонку одну из парок и говорит ей: «До каких же это пор, зловредная ты женщина, будет у тебя корчиться этот несчастный? Неужто не будет конца его мукам? Вот уже 64-й год, что он задыхается. Что за зуб у тебя на него и на государство? Дай ты в кои-то веки не соврать звездочётам: с тех пор как он стал править, они что ни год, что ни месяц его хоронят...» (3). «Спускаясь по Священной дороге (via Sacra), спрашивает Меркурий, что это за стечение народа, неужели это похороны Клавдия? И, действительно, шла великолепная процессия; устроили её, не шадя средств: сразу было видно, что выносят бога. Гремела и редела такая тьма труб, рогов и всевозможных медных инструментов, что даже Клавдию было бы слышно. Все веселы, довольны: народ римский разгуливал будто свободный... А Клавдий, увидя свои похороны, догадался-таки, что умер: огромный хор пел анапестическую погребальную песнь...» (12).

И заканчивается эта злобная сатира тем, что в преисподней Клавдия отдают в рабы Калигуле (к-рый передаривает его дальше): «...Вдруг, откуда ни возьмись, Гай Цезарь, и начинает требовать Клавдия себе в рабы; приводят свидетелей, видавших, что он Клавдия и плетью и батогами бил, и пощёчины ему давал. Присуждают его Гаю Цезарю; Цезарь дарит его Эаку, а этот отдаёт его своему отпущеннику Менандру в писцы...» (13)

Да, Сеян тоже был (первым в римской истории) временщиком при Тиберии, однако, во-первых, он не был вольноотпущенником, являясь всадником этрусских корней-кровей, а во-вторых, он осуществлял-отправлял, в первую очередь, генеральную линию самого Тиберия, как инструмент в его руках, пусть, срывая также определённые лавры-дивиденды для себя. И в целом, о чём мы знаем, не столько он попользовал Тиберия (не считая отравления Друза), сколько сам был использован Тиберием, оперативно элиминированный и уничтоженный, когда от него начала исходить угрожающая непосредственно Тиберию опасность.

О клавдианском же присвоении вольноотпущенникам (давешним рабам) квесторских инсигний, к-рых удостоился в 48г. Нарцисс, или инсигний преторских, присвоенных в 52г. Палланту, или назначение вольноотпущенника прокуратором водопроводов (Фронтин «Вода» 105), или – прокуратором порта Остия (44г.), ранее не могло быть и речи. (То-то веком позже империю Антонинов, пошедшую в этом вопросе по, как можно и с иронией, и без иронии сказать, неотвратимым клавдианским стопам, будут называть «империей отпущенников».)

Впрочем, взглянем на правление Клавдия обзорно-комплексно. Для него характерно повышение статуса и роли всадников, выразившееся в их более эффективном привлечении к политико-административному, финансовому, провинциальному управлению; расширение базы предоставления римского или латинского гражданства peregrinam-провинциалам; усиленное основание колоний римского или (как предварение римского) латинского права; усиленное строительство дорог – и то, и другое в русле дальнейшей интеграции-соединения-объединения территорий и народов Imperium Romanum в единое политическое, экономическое, культурное пространство-сообщество.

Этот процесс сращивания де-факто постреспубликанской Империи в единый организм-механизм, разумеется, стартовал при Цезаре и Августе, идя поэтапно, преодолевая сопротивление и завершившись актом предоставившего в 212г. римское гражданство всем полисно-свободным её обитателям Каракаллы (что провозвестило конец собственно Римской империи!). Однако рьяный радатель огражданствления (как можно большего числа) галлов, подтвердитель гражданства севериталийских альпийцев и инициатор других интегралистских мер Клавдий внёс, что следует подчеркнуть, в него свою значительную лепту (см. выше). Он активничал на данном поприще много демократичнее, чем Август, сделав много больше, чем придерживавшийся августейшей буквы Тиберий и не сделавший почти ничего созидательного (кровожадный) баламут Калигула.

В то же время и сенат, с к-рым Клавдий, не поступаясь цезаризмом, старался мирно сожительствовать-сосуществовать-уживаться, принимал при нём новые законы и соучаствовал в гос. управлении³⁸, выдвинув из своих рядов ряд импониравших Клавдию представителей незначительного служилого сенаторства, с к-рыми

³⁸ Клавдий повысил значение заседаний персонально игнорировавшегося каприйским затворником Тиберием и донельзя униженного Калигулой сената, требовал обязательного заседательного присутствия (пусть прозаседавшихся) отцов-сенаторов, стремился поднять уровень заседаний и всячески акцентировал августейший дуализм принцепса и сената. «Берлинский папирус» приводит речь, произнесённую Клавдием в сенате в связи с юридическими реформами: «Если вы примете эти предложения, отцы-сенаторы, значит, это совпадает с вашими убеждениями. Если не примете, тогда найдёте альтернативы или сейчас, или после размышления, имея в виду, что не забудете, что вы должны быть готовы высказать своё мнение, когда вас вызовут на заседание сената. Трудно согласуется с достоинством сената, когда выдвинутый на пост консул, как собственное мнение, слово в слово повторяет отчёт другого консула, а тот говорит только: «Я согласен». А после заседания собрание заявляет: «Мы это обсудали».

принцепс и старался иметь дело. Например, сенаторов – Вителлия, Цецину Ларга, Флавия Веспасиана, Светония Паулина, Госидия Гету, Вергиния Руфа. Но единовременно герузия была (в духе цезаризма-августизма), разумеется, лишена реальных рычагов власти, что было обусловлено самой сутью практически установленного Августом моноархического, при всех его карнавальных масках, режима цезариата-принципата. Последний исключал разделение *капитанской* власти между кесарем и сенатом, допуская корректно конструктивное сотрудничество между ними, при послушном отправлении сенаторами, как гос. чиновниками, власти *исполнительной*, в акцептации чего какой-либо самостоятельно-персональной доли-вины (всего лишь) одного из кесарей-принцепсов – Клавдия – нет.

Он принял несколько потрёпанный безумствами Калигулы Принципат, зачатый при Цезаре, рождённый, взращённый, равно выживший-заживший полной жизнью при долгом Августе, и сбережённый верным августинцем Тиберием, способствуя, в меру своих весьма ограниченных сил, способностей, возможностей, его дальнейшей эволюции в новых условиях. Он стремился быть и выглядеть созидателем-продолжателем курса именно Августа, без государственно-террористического тиберианского и безумно-террористического калигулианского беспредела.

Плюс к тому, он, также нанося иногда ощутимые удары по сенаторам, при том, что парадоксальным образом большинство заговоров против него было составлено представителями поощрявшегося им всаднического сословия³⁹, уживался с сенатом и сенаторами всё же лучше, нежели Тиберий и Калигула, поставив, наряду с тем, над сенатом даже не столько себя, сколько, что и было внове, императорский двор и придворную камарилью, превратив реорганизованный им внесенатский аппарат в управленческий.

И именно этот аппарат, именно эта камарилья, а не отодвинутый и отодвинувшийся на задний план Клавдий больше и чаще, чем он сам, раздражали сенатскую аристократию. Правда, она в основном поддакивала камарилье-аппарату, робко оппонировав временами разве что чересчур контрастному для brutального Рима бабьему беспределу кесарских жён. И даже Нерону в пользу Британника часть сенаторов оппонировала (к примеру, выпуском монет с Британниковым изображением) не столько как Нерону, сколько как сыну его подмявшей под себя власть матери Агриппины (к-рая для благоволившего к ней римского люда была, прежде всего, дочерью Германика, и к-рой не менее развращённый, чем римские верхи, хлебозрелищный римский плебс легко прощал то, что она аж дважды стала – оба раза – и *чёрной*, и *весёлой* вдовой).

Хотя принадлежавшее ранее сенату право разрешать или не разрешать сенаторам выезд за пределы Италии (кроме безвизовых Сицилии и Нарбоннской Галлии) в 46г. перешло к кесарю. Ничего не поделаешь: Принципат – есть (если без дураков) самодержавие и идёт курсом расширения власти принцепса. Но, к примеру, за оскорбление величия Клавдий сенаторов не судил, клясться в верности постановлениям Августа разрешал (и клялся сам), своим – нет.

Параллельно он проявил дополнительную заботу об эксклюзивности статуса

³⁹ При Клавдии были новоопределены начальные ступени военной и государственно-управленческой карьеры всадников (с к-рыми, как и с плебсом, и с вольноотпущенниками, он чаще-ближе общался до своей интронизации, отстранённый от верхов, в положении изгоя). Сначала молодой всадник получал командование над пехотной когортой в составе римской вспомогательной группы; вторая ступень представляла командование когортой легиона; третья – командование кавалерийским полком вспомогательной кавалерии. После окончания этой многолетней офицерской службы всадник мог подняться в администрацию принцепса. Это было особенно важно в свете облечения и отправления прокураторских должностей в увеличившихся числом всаднических провинциях.

«первого среди равных», пожаловав тем, кто имел свободный доступ к нему, право ношения золотых колец с его изображением (Плиний 33,41). Сам же, по Плинию (37,85), носил (в знак своей особой власти) кольца смарагдовые и сардониковые. Помимо того, будучи именно робкого десятка, он всю неожиданно огородившую его тронном жизнь прятался за спинами преторианцев, вольноотпущенников, обеих супруг. Засим перед судом истории — военно-моноархический (преторианский), фаворитарно-вольноотпущеннический и подкаблучный принципат!

В отношении кесарского (в паре с Ромой) культа, сродни Августу и Тиберию, — в провинциях, особенно на Востоке, — таковой отправлялся-практиковался само собой; в Риме — нет. Характерно введение культа Клавдия в провинциализируемой Британии, где, в Камулудуне, ему был посвящён храм (Ан. 14,31; Сенека «Аросол.» 8).⁴⁰ Вероятно, сходно дело обстояло и с Галлией, где существовал культ Августа и где божественное культивирование императора имело специфическое значение в ключе борьбы с запрещённым в 48г. друидизмом, на к-рый оказывал влияние друидский центр в религиозно связанной с Галлией Британии, одна из причин завоевания к-рой была обусловлена клавдианской стратегией выведения из-под духовно друидского влияния и ускорения романизации Галлии.⁴¹

Клавдий, как и Август, стоял за романизацию, с перспективным вовлечением в римскую семью, перво-наперво, галлов, испанцев, (левобережных) германцев и, вдобавок, теперь ещё британцев с Запада (*белая кость*), держа одновременно на достаточной дистанции *декадентов* загреческого Востока (*кость чёрную*). Причём Грецию и эллинство он, неплохо образованный большой любитель как римских, так и греческих антикварных древностей, знал не хуже, чем Август и Тиберий, всячески покровительствуя греко-римскому синтезу и интегральным тенденциям греко-римской Ойкумены в пределах Римской империи, да ещё темпами быстрее Августа и следовавшего по августейшим стопам Тиберия.

Посему в большем количестве, чем когда-либо, при Клавдии римским гражданством обзавелись многие галлы, испанцы, греки, германцы, британцы. Сенека даже зло иронизировал, что будь на то клавдианско-кесарская воля или проживи Клавдий подольше, римское гражданство получило бы всё население Империи (как оно отчасти и случится, видясь в Iv. невероятным, в начале IIIв. при Каракалле). Этот клавдианский раздаточно-присвоенческий в отношении гражданства либерализм-демократизм можно объяснить как близким общением кесаря в юности и молодости с изгоями и вольноотпущенниками часто неримского происхождения, а также с вассальными царями и царевичами (гражданами «второго сорта»), так и его (пусть потомка патрицианских гордецов Клавдиев!) ментально-плебейской натурой.

В ракурсе усиления внесенатского административно-бюрократического аппарата, одной из важнейших мер был консулт сената от 53г., давший кесарским прокураторам право юрисдикции с обязательным выполнением их распоряжений. Социальный статус разнородных прокураторов, ведавших кесарскими домоуправлением (а *patrimonio*), фиском, финансами, устройством гладиаторских боёв, библиотеками и, наконец, большим числом провинций, возрос вместе с их полномочиями и выразился в увеличении их общего числа из представителей всадничества.

Как цензор 47 — 49гг., придиричивый инвентаризатор и душеисчислитель Клав-

⁴⁰ В «Отыквлении» Сенека издевательски пишет об умершем Клавдии: «Богом хочет сделаться: мало ему храма в Британии, мало того, что ему поклоняются варвары и молятся, как богу, о получении его дурацкой милости?» (8)

⁴¹ Это особое клавдианское попечительство в отношении галлов высмеивается у Сенеки словами: «Петушись, петух, на своём навозе» (Аросол. 7). Дело в том, что и «петух», и «галл» на латыни — «gallus» (омонимы), т.е. Сенека насмешливо кличет всю тронную жизнь петушившегося Клавдия — «петухом» = «галлом».

дий произвёл строгий смотр всадническим турмам, ввёл в ходе своей цензуры ряд всадников в сенат, и, напротив, исключил из всаднического сословия недостойных элементов, возвращая, наряду с тем, в рабство выдававших себя за всадников либертов. За самовольное присвоение римского гражданства он карал смертью (Свет. «Кл.» 25); за серьёзные проступки права гражданства лишал. Зато запретил преследовать огражданственных лиц, не взявших в качестве когномена его *popen gentilicium*, равно как не настаивал на упоминании себя в качестве сонаследника в завещаниях (что было очень в ходу при равнодушных к частным состояниям, один – ради пополнения казны, другой – расточительно, Тиберию и Калигуле).

Клавдием строго контролировались как само предоставление, так и сроки консульств – ординарных и суффектных. Количество преторов в 41 – 54гг. колебалось в пределах от 14-и до 18-и (Дион 60,10,4). Срок отбытия наместников в провинции был, как сказано, в 42г. ограничен временем до 1.04.; в 43г. – до середины апреля. При (антикваре) Клавдии торжественно расширились границы Померия, с вовлечением в их черту Авентина (Геллий 13,14); претерпели расширение, посредством включения в неё Истрии, и границы Италии.

Подверглись аннексии-провинциализации намеченная к таковой ещё при (убийце Птолемея Мавританского) Калигуле Мавритания, поделённая на Цезарейскую и Тингитана (41/42гг.), Иудея (44г.), Фракия (46г.), с подчинением их всадническим прокураторам. Далее, кесарско-прокураторской провинцией сделалась (временно) Вифиния-и-Понт (имевшая ранее преторского проконсула). В 43г. была создана новая кесарская провинция Британия, в том же году – сенатская провинция Ликия и Памфилия.

Основаны колонии: Икония – в Галатии, Клавдиополь – в Исаврии, Архелаида – в Каппадокии, Птолемеида – в Сирии (Ливан/Финикия), Клавдиополь – в М.Армении, Агриппинова колония (Кёльн) и *Augusta Treverorum* (Трир) – в Германии, *Camulodunum* – в Британии, *Tingis, Lixos, Volubilis* – в Мавритании Тингитана, *Caesarea, Oppidum, Novum, Tipassa, Rusucurium* – в Мавритании Цезаря, *Claudia Arpensis* – во Фракии, *Claudia Auequm* – в Далмации, *Claudia Savaria* – в Паннонии, *Celeia, Virunum, Teurnia, Iuvavum* – в Норике. Привилегии получил переименованный в Клавдиополь финикийский Тир.

За всё время правления Клавдия упомянуто всего одно обвинение наместника в коррупционном злоупотреблении служебным положением (Ан. 12,22), несмотря на то, что провинциалы имели право выдвигать обвинения против наместников, сдавших вахту преемнику (Дион 60,25). Клавдианское отношение к вассальным венеценосам можно охарактеризовать как покровительственно-поощрительное, с заключением договоров с ними в Риме по традиционному ритуалу, и менее строгое-жесткое, как и отношение к наместникам, чем при Тиберию и Калигуле.

* * *

Внешнюю политику Рима при Клавдии следует назвать консервативной – сохранение статус-кво на рубежах Империи, исключая возлюбленное кесарем завоевание Британии, к-рое как бы сделало его полководцем и не как бы максимально расширило Империю на Западе, тогда как на Востоке, где Клавдий придерживался завещания Августа, Армения, о чём говорилось выше, в конце Клавдиева принципата была (фактически) проиграна Парфии, предыдущие попытки вмешательства в дела к-рой, с целью посадить на иранский престол проримского Аршакида, успехом не увенчались.

Успех же сопутствовал римлянам при прямом вмешательстве римского ограниченного воинского контингента (из Мезии) в дела (переориентированного с М.Азии

на римские Балканы) Боспорского царства (от к-рого, по клавдианскому решению, отказался Полемон Понтийский и где на троне не оправдал себя Митридат Боспорский). Тем временем, на Рейне установленный порядок и равновесие не нарушились: относительно левобережья, — германские вторженцы с правого берега были не раз обузданы, в то время как на правобережье кесарь никаких завоевательных действий предпринимать (отозвав Домиция Корбулона) не пожелал. Надо ещё отметить новоподчинение приокеанских, в устье Рейна, фризов.

На Дунае, с аннексией Фракии, римско-балканские владения стали единым провинциальным блоком *Imperium Romanum*. Вдоль Дуная, к югу от истока к-рого была построена крепость Виндонисса (на территории современного города Виндиш в Швейцарии), поднялась цепь крепостей для защиты преобразованного в прокураторскую провинцию, с всадническим наместником во главе, Норика. Провинциализация дуализированной Мавритании в Африке превратила её в умиротворительный буфер-барьер между дикими кочевниками пустыни и культивированным римлянами побережьем.

Фанатичная приверженность судейству и юриспруденции, свойственных чуть ли не каждому староримскому нобилу, к-рый выпитывал их с молоком римской матери, обожавшего усердно судействовать Клавдия отличала, о чём читатель знает, гипертрофированно. Его энергичное правосудие называли «спальным», из-за создания, наряду с прежними квесторским и сенаторским судопроизводством, «императорского суда» на постоянной основе, ибо количество апелляций непосредственно к императору неизмеримо выросло и постоянно росло. Однако, при том, он отнюдь не всегда придерживался буквы существующих законов, не всегда был беспристрастен и справедлив, любил импровизировать, или, за что его поделом упрекали, мог, повторим, вынести приговор, выслушав лишь одну (заведомо принятую им) сторону (Свет. «Кл.» 14; 15; 33; Ан. 12,3; 13,4; Дион 60,4,3/4; 5,7; Сенека «Аполл.» 7; 10; 12; 14; 15).

Финансовое управление в Клавдиево правление, невзирая на лихоимства либертов, было далеко не худшим, учитывая, во всяком случае, тот факт, что он оставил государственные и императорские финансы преемнику, к-рый вскоре принял их безбашенно проматывать (значит, было, что проматывать), не в расстроенном состоянии, и казну вовсе не пустой. Вспомним, сходно (пользовавшийся репутацией старого скряги) Тиберий оставил Калигуле богатейшую кесарскую казну и идеально упорядоченные финансы, Калигулой стремительно растратившиеся. И как раз тут нельзя не напомнить, что Тиберию, при вступлении в принципат, было 55 лет, а Клавдию 51 год, между тем как Калигула взлетел в кесари в 25 лет, а Нерон — аж в 17. И у обоих юнцов кипело (как у революционеров) дерьмо в задах, к-рое они мнили кипением крови, между тем как даже полуидиот-полукретин Клавдий, будучи при интронизации (пусть частично и относительно) зрелым мужем, никакого финансового банкротства не допустил.

Его (гиперисторизированной, при претензии на метаисторию!) антикварностью, с обострённым интересом к истории и религии, был обусловлен повышенный интерес к соответствующим сферам *sacra* и *profana*. Он, автор «Истории этрусков», реорганизовал институт гаруспиков, консекрировал Ливию Августу, установил алтарь *Pietas Augusta*, благоговел перед Нумой Помпилием, приносил искупительные жертвы по предписанию Сервия Туллия, обновил *augurium salutis*, инициировал расширение Померия, заботился о непренебрежении традиционными ритуалами при землетрясении, или при появлении зловеще-предзнаменательных птиц на Капитолии...

Хотел перенести в Рим пришедшие в упадок в Греции Элевсинские мистерии; предписал ежегодное празднование сакрализованного завоевания Британии; удлинил Сатурналии. Запретил друидизм как, скажем снова, из-за жестокости требо-

вавшего человеческих жертвоприношений культа, так и — с оглядкой на (клавдианских любимиц) Галлию и Британию — ввиду оппозиционности старомистериального друидизма великоримской сущности и известному сокрушителю либо профанатору мистерий — державному Риму. Или впервые проявившаяся при Клавдии тенденция скорого размежевания иудеев и иудео-христиан внутри иудейской общины привела, как мы помним, в 50г. к общему изгнанию причёсанных под одну гребёнку евреев, включая иудеохристиан, из Города.

Число преторианских когорт увеличилось в годы Клавдия с 9-и до 12-и, имели место щедрые раздачи преторианцам (верность к-рых, он, первым из кесарей, купил за деньги ещё при своей интронизации — в 41г.) и характерный запрет на посещение ими (исключительно кесарскими питомцами, призванными беречь-уберечь величество) домов сенаторов. Двум новосформированным (в дополнение к прежним трём) когортам *игпапе* было поручено обеспечение порядка в продовольственно важных для Рима городах — Путеолы и Остия, с расквартированием по когорте в каждом.

Вследствие постоянного присутствия 4-х легионов в Британии, римская армия пополнилась двумя новонабранными (разнопронумерованными-одноимёнными, что обращает на себя внимание) легионами: XV — *Primigenia*, и XXII — *Primigenia*. Вдобавок к тому, VII-й и XI-й легионы получили право называться почётным именем *Claudia pia fidelis*; прозвищем *Claudia* обзавелись многие (сформированные при Клавдии) алы (*ala Claudia nova*, *ala Claudia militaris*, *ala I Claudia Gallorum*, *cohors I Claudia equitata*). Армия использовалась для покорения Британии, в локальных военных операциях в Мавритании, в Боспорском царстве, на Рейне и в Армении, равно (превращаемая, по необходимости, в стройбат) при строительстве дорог, мостов, при прорытии водопроводных туннелей и каналов.

При всём том, и полезными, и прославительными строительно-соорудительными предприятиями принципат Клавдия уподобим принципату Августа, заметно отличаясь от принципата как строившего по минимуму Тиберия, так и не строителя, но разрушителя Калигулы. Впору специально оговорить грандиозную реновацию Остии и сооружение порта по соседству с ней, у устья Тибра (*Portus Rom = Portus Augusti*; ныне *Porto*), завершённые при Нероне. Прокладка новых отводных каналов и новотерминация Тибра снизили опасность выхода реки из берегов и затопления прибрежных частей Рима — давний бич Города. Реставрация водопровода *Aqua Virgo* и прокладка-запуск водопроводов *Anio Novus* и *Aqua Claudia*, начатых ещё при Калигуле, заметно улучшили, в условиях роста народонаселения, городское водоснабжение. Работы с целью спуска Фуцинского озера, при задействовании 30-и тыс. рабочих, продолжались 11 лет.

Дальше: был реставрирован и пышно украшен *Circus Maximus*; доведено до конца сооружение триумфальной арки Тиберия у новоотстроенного театра Помпея, с установлением возле него колоссальной статуи Юпитера (Плиний 34,40); возведены три триумфальные арки Клавдия, декретированные ему сенатом, одна — за победу над германскими вторженцами (41г.), и две — за Британию (43 и 51/52г.); плюс — клавдианско-британские арки — в гальском Гезориаке (43г.) и в малоазийском Кизике (51/52г.).

Интенсивно велось строительство дорог в Италии и в провинциях (Плиний 36,125): соединившая Италию и Рецию альпийская — *via Claudia Augusta* — от Альпина до Дуная; соединившая Рим с адриатическим побережьем — *via Claudia Valeria*; проложенная от Формулы до слияния рек Атерна и Тирина — *via Claudia Nova*; возведение многочисленных мостов и прорубка-прорытие-прокладка дорожных тоннелей. Была модернизирована устаревшая плотина, отделявшая Лукринское озеро от моря; построены городские ворота в Равенне; восстановлен храм Венеры

Эрицины в Сицилии; проведены архитектурно реставрационные работы в Афинах; проложен водопровод в Сардах...

Расширились также международные дипломатические связи и торговые контакты. Поскольку парфяне преграждали Риму сухопутную дорогу на Восток, ревниво блокируя (как иранский центр мироздания)⁴² его прямые (в первую очередь, торговые) контакты с Индией и Китаем⁴³, римские корабли ходили из египетских портов по Красному морю до Южной Аравии и добирались в Индию (страну в ту пору множества государств) морским путём вдоль океанского берега. Ведь, если до аннексии в 30г. до н.э. птолемейского Египта Индии ежегодно достигали не больше 20-и римских судов, то с Августа их число выросло до 120-и и продолжало расти (Страбон 17,1,13). А при Клавдии к римскому двору впервые прибыли посланники аж с диковинного Цейлона (Плиний 6,84/85).

* * *

Даже совсем не жалующие Клавдия античные источники признают, что – по слову Светония (Кл. 3) – в «благородных науках» – *disciplina liberalis*, он с юных лет обнаруживал незаурядное усердие; по Тациту (Ан. 6,46), – проявлял склонность к углублённым занятиям (Дион 60,2,1). История сочинялась им с юности, по совету мэтра Ливия (+ 17г.) и под опекой учёного вольноотпущенника Сульпиция Флава (Кл. 40).

Примечательно, что «Историю» гражданского противоборства со времени убийства Цезаря, писавшуюся с, так сказать, республиканских позиций (ибо даже самый отъявленный римский монархист, не исключая кесарей, был обязан, повязанный врождённой клятвой верности навсегда покончившей с тираническим царизмом 500-летней Республике, реагировать на монархию, как бык на кумачовое полотнище), ему пришлось, написав всего две книги, из-за упреков бабки (Ливии) и матери (Антонии), оставить. Т.е., поясним: оставить, чтобы не рассердить Августа, потому что юный Клавдий пылко переходил республиканско-симпатизантские границы (при августейшем Принципате) дозволенного, к-рые многоосторожный и многоопытный лоялист Ливий не переходил никогда.

И если в меру либеральный Август шуточно называл Ливия «мой (персональный!) помпеянец», то члену императорской фамилии и (несколько задержанному или передержанному в развитии) юнцу (возомнившему себя вторым Ливием), подобное не дозволялось. Во-первых, то, что позволено Юпитеру, не позволено быку, и во-вторых, если вне подозрений должна быть жена Цезаря, то, тем паче, должен быть вне подозрений любой (со)член клана Augustana. Хотя никакой серьёзной

⁴² Как Парфянский Иран был и хотел быть соединительно-разделительным мостом между Римом, – с одной стороны, и Индией и Китаем, – с другой, на оси Запад – Восток (от, по большому счёту, Атлантического до Индийского и Тихого океанов), так и Армения, Армянское нагорье были (больше тяготея к Ирану вплоть до прихода к власти в Иране Сасанидов и христианизации Армении) сходным соединительно-разделительным мостом между Ираном и Римом – как Востоком и Западом – в миниатюре.

⁴³ К слову, в отношении Китая здесь уместно добавить, Две минувшие ротационно-архангельские эпохи Орифила-Сатурна, в XXVIII-XXIVвв. (Хуанди – 2637г. до н.э.) и в 248г. до н.э. – 108г. н.э. (Цинь Шихуан-ди и империя Хань), были временем мощного подъёма Китая, к-рый процветает также сегодня и, вероятно, будет на мощном подъёме в ближайшую после эпохи Михаила (1879-2234гг.) эпоху Сатурна (2234-2588гг.). Так что Китаю суждено быть в III тыс. н.э. могущественным полюсом Запада, начиная с XXв., при возможных переходах от взлётов к упадку и наоборот, на протяжении ок. пяти столетий.

ностальгии по Республике Клавдий, как и его отец Друз, к-рому (тоже) республиканизм посмертно приписывали, конечно, не испытывал и испытывать не мог.

Вспомним, что если родившийся в 12г. н.э. Калигула Августа не помнил, а Нерон родился через 9 месяцев после смерти Тиберия, то Клавдию на момент кончины Августа в августе 14г. н.э. было 23 года, в свете чего несложно представить каким полубожественным авторитетом являлся для него в детстве, отрочестве, юности стареющий патриарх. То-то Клавдий составил наверняка прославленную «Историю» августейшего принципата, со времени гражданского мира – а *pace civili*, в объёме аж сорок одной книги (Свет «Кл.» 41,2). Притом, если принять, что каждая из книг охватывала по году, значит, начальной отсчётной точкой стал 28-й г. до н.э. (с к-рого по 14г. н.э. набирается как раз 41 год), иначе говоря, – год торжественного, так сказать, возвращения восстановителем Республики Октавианом (сделавшимся в 27г. принцепсом и Августом) всей полноты власти, так сказать, сенату с народом.

Затем, как мы знаем, на клавдианском историкописательском счету написанные по-гречески этрусская и карфагенская «Истории», соответственно, в 20-и и 8-и книгах, к-рые он (высоко их ценя) велел ежегодно зачитывать по установленным дням в присоединённом к старому александрийскому Мусею Мусее новом, названном его именем.⁴⁴ Кроме того, он написал на латыни свою (не столько безвкусную, сколько бестолковую) автобиографию в 8-и книгах – *de vita sua* (Кл. 41,3), где жаловался на жёсткую опеку над собой в детстве, – мол, за кого меня держали, и кем я (вовсе не балбес и не болван, коли уж вышел в кесари) сумел стать! Не в этой ли, в частности, автобиографии, как и в своих мелких речах (38,3), Клавдий уверял, что лишь притворялся глупцом при Калигуле, чтобы выжить, в ответ на что (и) появилось, напоминаем, анонимно-самиздатовское сочинение «Вознесение дураков», в к-ром утверждалось, «что притворных глупцов не бывает».

Ещё Светонием (41) отмечается «весьма учёное» клавдианское сочинение «В защиту Цицерона против писаний Азиния Галла». Речь о Галле, считавшем себя чудо-младенцем из IV-й вергилианской эклоги, к-рый поставил ораторское искусство своего отца, Азиния Поллиона, выше Цицеронова, к-рого, т.е. Цицерона, Клавдий, компетентно утверждая обратное, взял под защиту. Фишка состояла в том, что Август, (точнее, тогда Октавиан) против собственного желания согласился в 43г. до н.э. включить Цицерона в проскрипционные списки, пойдя на уступку Антонию, после чего, сделавшись полновластным, всячески опекал бездарного Цицерона Миног (сына проскрибированного мэтра) и заботился о возвращении доброй памяти Цицерону Старшему, – традиция, к-рую поддержал-продолжил защитным писанием *pro Cicerone* верный августинец Клавдий.

Сюда же, к проявлениям Клавдиевой, на сей раз, лингвистической, учёности, относится введение трёх новых букв в алфавит, к-рые он придумал, подвизаясь ещё частным ч(м)удаком-человеком, и к-рые присовокупил к действующей латинице в дни собственного кесарства. Ни дать, ни взять – познавший высший толк в русском языкознании Сталин (к-рый, когда считал это нужным, и Шостаковича учил писать музыку)!

Помимо того, маститый энциклопедист Плиний часто ссылается (12,78) на писания Клавдия как на источник по различным вопросам: по Секулярным торжествам 17г., отпразднованным при Августе; по сведениям о парфянах и римско-парфянских взаимоотношениях в правление Августа. Другие плиниевские ссылки связаны с географией: замечания о Фессалии (7,135), о Меотйском озере = Азовское

⁴⁴ Сенека: «Обрадовался Клавдий, что нашлись (на том свете – К.З.) филологи, что есть надежда на местечко для его (по мнению Сенеки, – бездарных) «Историй» (Aprocol. 5).

море (5,63), о Малой Армении (6,27), о малоизвестном пространстве между Киммерийским Боспором (Керченский пролив) и Каспийским (Гирканским) морем (6,31), о р. Тигр (6,128).

При всех случаях, клавдианские историко-географические изыскания-сведения очень пригодились Плинию для его «Естественной истории», где Клавдий приводится среди использованных при написании 5-й, 6-й, 12-й и 13-й книг авторов. Плюс, нельзя напоследок не отметить также клавдианское эссе об (или пособие по) игре в кости, к-рой он азартно увлекался.

Речи писал сам, давая зачитывать квестору (60,2,2). Из его речей, скажем снова, сохранилась без малого полностью обнаруженная в 1528г. в Лионе (Лугдуна), на бронзовой скрижали, речь в пользу галлов – за предоставление гражданства, допущение в сенат и занятие гос. должностей предствителями романизированной гальской элиты (CIL 13,1668) (см. выше).

Так мы суммировали на финише, во многом, уже знакомые читателю в основном положительные качества Клавдия и позитивные стороны-моменты-элементы его кесарской деятельности и правления в целом. Тем не менее, они, в глазах и современников, и потомков только сильнее-контрастнее подчёркивали его карикатурность и резкое сатирическое несоответствие не выбранной им, но выбравшей (в силу стечения обстоятельств) его роли правителя, для к-рой он, увы, совсем не годился и к-рую ему волею судеб довелось отправлять больше тринадцати (чёртова дюжина) с половиной лет.

* * *

Поэтому теперь для полноты компендиумного портрета правителя и его правления коротко вспомним, повторяя и дополняя пройденный материал, о том, что делало этого кесаря столь анекдотичным. Рядом со старшим тремя годами братом Германиком, к-рого природа щедро наделила всеми внешними признаками и внутренними качествами классического римлянина, и рядом с приблизительно на год старшей сестрой Ливиллой, к-рая из гадкого утёнка в детстве превратилась в завидную красотку в юности, он изначально и однозначно выглядел паршивой овцой, был пятном, позором и обузой для венценосного семейства.

Переболев множеством болезней в детстве и юности (но, обратим внимание, страдая позже, в тронные годы, лишь мучительными болями в желудке, от к-рых ему хотелось покончить самоубийством, и приступами внезапного повышения температуры), он ослабел и душой, и телом, считаясь неспособным ни к какой должностной деятельности и, что примечательно, могучи выглядеть внешне достойно лишь в позе (сидя; стоя; лёжа) скульптурной неподвижности. Короче, судя по портретным описаниям-характеристикам, перед нами (вы не поверите!) муж высокого роста, весь солидно седой, с густой шевелюрой волос в зрелости и на склоне лет, без всяких, в отличие от плешивых Тиберия и Калигулы, лысин-залысин, выгодно отличавшийся даже от Августа, у к-рого, впрочем, в возрасте за 70, отвисала челюсть.

Но стоило Клавдию прийти или привести себя в движение, он становился безнадежно смешон. При ходьбе его безобразили слабые колени, из-за чего он волочил ноги и приволакивал одну из них; смех его был неприятен, гнев – отвратителен, на губах выступала пена, из носа текло, язык заплетался, голова тряслась (Сенека; Светоний; Ювенал).⁴⁵ Спрашивается, – как с таким внешними проявле-

⁴⁵ В «Сатирах» Ювенала находим: «Право же, менее вредным был гриб Агриппины, к-рый / Сердце прижал одному старику лишь и дал опуститься / Дряхлой его голове, покидавшей землю для неба» (6,620-23).

ниями быть публичным человеком, да ещё властителем, и не вызвать насмешку над собой? В дополнение к тому, у него были плохие зрение и слух (Сенека 12; Ювенал 3,238), что часто способствовало возникновению смехотворных ситуаций, вернее, его попаданию в потешные ситуации, до к-рых никому не было бы дела, не будь он правителем первойшей, крупнейшей и сильнейшей в мире державы, не будь он кесарем-цезарем, принцепсом, великим понтификом, отцом отечества, отцом рода человеческого и т.д.⁴⁶

К тому же, что было ещё хуже физической неполноценности, на него наложила неизгладимый отпечаток психическая травмированность с детства и аж до 50-летнего возраста (вступление на престол), обусловленная издевательским отношением к нему окружающих. В первую голову, — членов семьи⁴⁷, из к-рых лишь сам глава мафиозно-императорского клана Август (дон Корлеоне) относился к нему лучше прочих, единовременно, по возможности, пряча его от публики и, само собой, держа в стороне от (упаси боги!) облечения им каких-либо должностей, в шепетильной августейшей заботе о чести семьи. Между тем, родная мать Клавдия, Антония, называла своего младшего сына, для неё синонима тупоумия, уродом среди людей, к-рого природа начала и не кончила (Кл. 2,2).

И до самого воцарения Калигулы в 37г., т.е. до своего 46-летия, он жил на задворках, не с семьёй, жил «в обществе самых низких людей, усугубляя позор своего тупоумия дурной славой игрока и пьяницы» (Кл. 5). И от своих параллельных учёных занятий, лишённый невосполнимых для римлянина качеств, он делался в глазах как семьи, так и римской элиты ещё смешнее, особенно с тех пор, когда Калигула выгасил его из светско-общественного небытия и умышленно превратил в двойное посмешище всего двора, в придворного шута и в объект для постоянных издевательств. Как будто заранее давая понять Риму и римлянам, вот, дескать, кто, вот, мол, какой шут-клоун будет вами править, если вы меня не убережёте!

Причём он — дядюшка Клавдий, ни до, ни после становления *отцом отечества*, не был и безобиден, обожая массовые гладиаторские кровопролития, любя посмотреть-заглянуть в лицо умирающим, приказывая, как правило, добивать раненых на арене, или производить казни у себя на глазах, чуть ли не гурмански наблюдая за их ходом: в т.ч., к примеру, за казнью по древнему обычаю, ради зрелища-увидения к-рой он даже как-то однажды в Тибуре ждал выписанного из Рима палача аж до вечера. Или не менее характерна, например, его маниакальная заикленность на жестокой казни отцеубийц (зашитого в кожаный мешок вместе с собакой, змеёй, петухом и обезьяной осуждённого бросали в море), к-рой в его правление было казнено больше преступников, чем за всю предыдущую римскую историю!(!!)⁴⁸ Не

⁴⁶ Относительно «смешной» власти, к-рая не должна быть ни смешной, ни страшной, достаточно вспомнить именно смешных советских генсеков — Хрущева, Брежнева, Черненко, Горбачёва.

⁴⁷ В те времена такими членами семьи, как Клавдий, в Риме тяготились, благо не убивая подобных ему не(до)полноценных детей, как некогда в ликурговской Спарте, но и не испытывая к ним никакого сочувствия, стыдясь их, и нисколько не заботясь о них.

⁴⁸ Впрочем, казни с древности и аж до ново-новейшего времени часто были зрелищным мероприятием, к-рое люди посещали нередко семьями и в отношении к-рых толпа выражала негодование, если лишение людей жизни было не изощрённым и интересным, а скорым и скучным!

И вот Французская революция попыталась это невесёлое положение дел (и) в данной сфере как новаторски, так и гуманитарно изменить. В 1789г. врач и член Национальной ассамблеи доктор Ж.Гильотен, избранный в Учредительное собрание Франции, внёс предложение о смертной казни одним способом применительно ко всем сословиям-слоям населения, к-рый обеспечивает мгновенную смерть без излишних страданий для приговорённых, даже при минимальной квалификации палача.

случайно Светоний говорит о его, бражника и похотливца, свирепости и кровожадности, обнаруживавшейся как в большом, так и в малом (Кл. 34,1) (Сенека «О милосердии» 1,23).

Вдобавок к тому, в его случае, это была кровожадность кабинетного убийцы, к-рый собственноручно – как первый из римских верховников! – не мог зарезать и курицу, что, без сомнения, усугубляло презрение к нему, ибо всякий римский муж, наипаче, благородных кровей и высокого гос. положения, должен был уметь и мочь собственноручно сражаться и убивать.

Дальше – больше: он (болезненно внушибельный) не имел ни силы воли, ни авторитета, понукаемый на глазах у всех вольноотпущенниками и жёнами. Его не уважали, не чтили ни помнившая его в прошлом и наблюдавшая за ним, за его не всегда адекватным поведением в настоящем усмешливая элита, ни плебс, к-рый, впрочем, с симпатией относился к нему за щедрые зрелища, раздачи и за личное

Предшественниками гильотины, не бывшей полной новинкой, были т.н. Шотландская дева (применявшаяся с XVв. в Шотландии и Ирландии), или похожая на неё – Миланская, представлявшие собой оснащённые специальными лезвиями машины для отсечения головы. Но разница состояла в том, что теперь вместо продольного лезвия предлагалось тяжёлое (40-50 кг) косое-треугольное, на к-ром настоял доктор А.Луи, к-рое одобрил (и даже, как говорят, сам предложил плотничавший и слесарничавший в своей мастерской (пока ещё) король Людовик XVI (сказавший, что шеи бывают разные), и к-рое, как и всю конструкцию в целом, мастерски сконструировал-соорудил талантливый немецкий механик Шмидт (кто пожелал, чтобы его имя не упоминалось).

В 1791г. новоизобретённая машина была введена в уголовный кодекс, затем испытана на животных, на трупах, и наконец, 25.04.1792г. она впервые отрубила голову приговорённому к смерти уголовному преступнику, названная поначалу от имени доктора Луи луизеттой, однако позже получившая навсегда приросшее к ней зловещее имя – гильотина. Причём горячо пиаривший своё (со)детиче в Учредительном собрании доктор Гильотен говорил, что перед вами, граждане, гуманнейшее изобретение современности, ибо прошло то время, когда людей четвертовали, вешали, сжигали, колесовали, или рубили им головы руками неумелых палачей посредством множества ударов. Революция уравнила всех в правах, в т.ч., в праве на милосердную смерть.

Мало того, из уст демонстрирующего макет чудо-машины Собранию с трибуны врача-гуманиста прозвучало: «Посмотрите на неё, как она совершенна! Всего-навсего лёгкий ветерок над вашими головами и вы, не успев почувствовать никакой боли, легко лишаетесь головы!» Юмор понравился, в зале со смехом повторяли: «Лёгкий ветерок, лёгкий ветерок!» Но пройдёт совсем немного времени до тех пор, когда голов лишаться и (внесший свою скромную лепту в дело «лёгкой смерти») король, и королева, и многие тысячи аристократов, и десятки тыс. граждан, и, главное, в дни якобинского террора (1793/94гг.), чуть ли не три четверти тех самых депутатов – членов Учредительного собрания (Законодательное – в 1791/92гг.; Конвент в 1792-96гг.), к-рые рукоплескали убедительным словам доктора-изобретателя и к-рые получают возможность испытать обещанный им «лёгкий ветерок» над собственными затылками. Правда, насколько он был «лёгким», они так никогда никому и не скажут.

И повсюду в те дни будут продаваться или дариться на праздники искусственные сувенирные гильотинки, и французские кондитеры будут украшать торты марципановыми фигурками «врагов народа» (в первую очередь, – короля и королевы), к-рым любой желающий получит возможность отрубить, отрезать, откусить (по своему свободному усмотрению) головки и с аппетитом съесть их. Продействует же гильотина во Франции, оказавшись самым живучим детищем Великой революции, при всех последующих режимах, будь то Две Империи или Пять Республик, аж до 1981г. (последний казнённый – 1977г.), т.е. до отмены Пятой республикой (после замечательного фильма «Двое в городе») смертной казни.

И, кстати, ни дальнейшие просьбы самого незадачливого доктора Гильотена, к-рого тоже ожидал эшафот, к-рого спасло только падение якобинцев, к-рый потом отошёл от политики и умер в 1814г., став из атеиста добропорядочным (замаливающим свои грехи) католиком, ни просьбы его потомков назвать адскую машину как-нибудь иначе, не будут властями услышаны-удовлетворены. И тогда эти потомки столь печальным макаром вошедшего в историю доктора сами сменят фамилию.

плебейское пристрастие к зрелищам, т.е. за т.н. народность. И потом он сам был глубоко, как мы выше отметили, плебейской натурой, невзирая на своё кровное происхождение от спесивых аристократов Клавдиев и на все его многочисленные апелляции к своей юлианско-клавдианской родословно-генетической знатности.

Присовокупим сюда ещё патологическую забывчивость (спрашивал после санкционированной им же казни Мессалины – почему императрица не приходит к столу?), бестолковость, неумение часто ни толком сформулировать мысль, ни довести её до логического конца, неумение последовательно мыслить или осмыслить что-либо, наконец, недоверчивость и позорнейшую как для римлянина вообще, так и в особенности для римлянина № 1 трусость, и уже отсюда суммарно констатируем следующее. Все попытки каким-либо боком представить Клавдия мудрым или состоявшимся правителем – есть, оговаривая ряд его вышеперечисленных достижений, достоинств, успехов (особливо в первую половину правления), совершенно напрасное занятие.⁴⁹

⁴⁹ Информация заинтересованному читателю к (антропософскому) размышлению. Не напоминает ли Клавдий («четырежды безумного») английского короля Георга III (1760-1820гг.), первого из представителей в большей мере царствовавшей, нежели правившей в Англии – с 1714г. – немецкой Ганноверской династии (противогермански переименовавшейся в 1914г. в Виндзорскую), к-рый первым из представителей этой династии родился в Англии, для к-рого английский язык был родным и к-рый (курфюрст, а с 1814г. – король Ганновера) никогда не бывал в Германии. Три раза, начиная с 1788г., он был поражаем (болея порфирией) умственным расстройством (1788, 1801, 1803гг.), но выздоравливал, впад в 1811г., когда над ним установили регентство, в безнадёжное помешательство, и не только ослепнув, но и оглохнув. Он не понимал сути бремени своей, пусть даже преимущественно репрезентативной, власти, к-рому (бремени) и к-рой (сути) тщился-пытался, на протяжении полувека, каждый раз проигрывая внутри и вовне, крайне ущербно, крайне нелепо (высмеянный бесчисленным множеством карикатур) соответствовать.

Если (изжившим себя в политике) Августу и Тиберию куда ближе в перспективе творческая потенция, соответственно, крупнейшего представителя русского Серебряного века О.Мандельштама и последнего классика русской поэзии антишестидесятника И.Бродского, то смертоубийственно вырванным из их властительских амплуа и властительского контекста Калигуле, Клавдию, Нерону много сродственнее несостоявшиеся-несостоятельные властители – Георг III (Клавдий), Максимилиан фон Габсбург (Калигула), кронпринц Рудольф фон Габсбург (Нерон)!

И ещё (предварительная информация к размышлению) – не напоминает ли едва не угробленный Калигулой и в итоге угробленный своим возвращением Нероном (см. выше и ниже) катастрофический гос. муж Сенека как рокового, так и провального кайзера Франца Иосифа (брат Максимилиана и отец Рудольфа), над к-рым безудержно издевались (пусть с кардинально противоположных позиций) как очень не жаловавшие его, например, чехи (см. «Похождения бравого солдата Швейка» Я.Гашека), так и совсем не единомысленный ни с чехами, ни с др. славянами Гитлер («Mein Kampf»). Если первые видели в нём врага славянства и (в частности) чешской независимости, то второй, наоборот, считал его и прочих Габсбургов, особенно (планировавшего триализм и аж 12 славянских автономий в Соединённых Штатах Великой Австрии) Франца Фердинанда – предателями германства = друзьями славян в ущерб германству.

Удивительный факт. Когда 18-летний Франц Иосиф стал в конце 1848г. императором, кризисная Австрийская империя стояла на грани краха (восстание венгров) и спас её российский император Николай I, снарядив в помощь Францу Иосифу 100-тыс. русскую армию (под командованием генерала И.Паскевича, с напутствием ему: «Не щади каналов!»), к-рая Венгерскую революцию подавила (1849г.). А спустя 65 лет (не столько ли прожил Сенека!) именно 84-летний Франц Иосиф, по факту, начал-запустил (вопреки последнему совету из Берлина – не делать этого, но согласиться на сербскую корректуру австрийского ультиматума в связи с убийством Франца Фердинанда), начав 28.07.1914г. боевые действия против Сербии (за чем последовала российская мобилизация и объявление Германией 1.08. войны России), Первую Мировую войну (из к-рой затем, в свете грабительского Версальского договора,

Нет, он – один из ярких репрезентантов грянувшего по смерти Августа периода юлианско-клавдианского *кесарева безумия*. Он – самый нелепый и комичный из римских кесарей Ив., что, наряду с тем, нисколько не избавляет его от членства в списке поставгустовских кесарей, одержимых (параллельно-симметрично-асимметрично Таинству Голгофы и Веку Апостольскому) антиподным Голгофе, Христу Спасителю и становящемуся христианству феноменом *Furog Principum*. Более того, его и его правления положительные-позитивные качества и стороны только контрастнее, только рельефнее выделяют-оттеняют присущие ему и его правлению, в рамках кризиса-декадана Юлиев-Клавдиев, знак минус и негатив. Плохо, когда власть и правитель страшны, но ещё хуже, когда они и страшны, и смешны-посмешищны, что даёт в сумме смех сквозь ужас и слёзы!

И всё-таки, специфическая цезаристско-принципатовская модель, внедрённая Августом (и чересчур затёсанная на моно-фигуру принцепса-кесаря), продолжала, доказывая свою жизнеспособность, невзирая на столь одиозных её репрезентантов, как Калигула, Клавдий, Нерон, действовать-экзистировать. И отлично от самой династии Юлиев-Клавдиев, она умирать ещё долго не намеревалась.

Да, непарадоксальным образом она оказалась много живучее, чем её деградантные репрезентанты, декаданс каждого из к-рых, как и их правительская несостоятельность вкупе, не могли сломать военно-моноархический институт отвечавшего запросам времени-*profana* августейшего Принципата. И слом последнего, при его дальнейших метаморфозах, не произойдёт аж, в общей сложности, до времени заменившего после глубокого кризиса III в. н.э. поэтапно прошедший через Флавиев, Антонинов (золотой принципатовский век!), Северов Принципат Доминатом Диоклетиана и Константина.

Да и сам Доминат (Диоклетиан и Константин – как новые Цезарь и Август!) явится, в определённом смысле, заключительной метаморфозой созданного, как выяснится, на века Принципата – этого уникально амальгамированного политическим кудесником Августом тавтологического симбиоза из новодейственной эксклюзивно римской монархии-моноархии и старой мавзолейной Республики!⁵⁰

возложившего всю ответственность за войну на Германию, почему к власти и сумели прийти нацисты, выросла война Вторая). В результате же этой Первой войны (наиболее желанной для Великобритании и, по сути, спровоцированной ею, да так, чтобы Германия и Австро-Венгрия непременно были нападающей стороной, дабы в Британии поддержали войну сугубо «оборонительную»), и Российская, и Германская, и Австро-Венгерская империи (три христианские монархии: православная, протестантская, католическая) рухнули (1917/18гг.). Хотя самого Франца Иосифа, в возрасте 86-и лет, смерть (от пневмонии) щадыше, чтобы он не увидел запущенную, в т.ч., им катастрофу воочию, прибрала к рукам ещё в ноябре 1916г.

⁵⁰ И евреи, и римляне (неспроста учредившие свою Республику в столетие падения Иудейского царства, плюс – Вавилонского пленения евреев – VI в. до н.э.), и арабы-аравитяне (создатели державно-теократического Халифата в век после Юстиниана и в век новогречизации Византии Флавием Гераклием – VI/VII вв.) есть своеобразно хронопреемствующие друг другу – *народы Закона*.

Однако не боги даровали римлянам власть над миром, как еврейский Бог Землю Обета Израилю, но римляне эту власть (пусть при помощи богов) урвали на себя сами (тогда как простёршийся от Аравии до Испании и Ср. Азии Халифат – *полумесячное* продолжение в Новозаветную эпоху *полнолуного* Ветхого Завета и римско-персидской державности, шёл по стопам и еврейства – ислам, и отчасти Римской империи – дежавность).

Принцип субъективной воли – пристоичник римского права. Рим – апогей рассудочности (в эпоху Души рассудочной), дал человеку субъективную волю. Человек должен был отказаться от божественных инспираций (оглохнуть для них; заглушить их в себе) и сосредоточиться на рассудочном мышлении, получая смысл не свыше, но черпая его из себя. Рим заземлил человека, оторвав его от Неба (от духа в пользу души и тела) и твёрдо поставив на ноги, на землю, переведя древнюю мистериальность в правовую сферу, подчинив всё подытоженному

в VIв. (на пороге-старте Средних веков) Юстинианом и завещанному как Западу, так и Востоку Римскому праву.

При всём том, важно оговорить, что римлянин мог идентифицировать себя с державным государством (как грек с полисом), нисколько не входя в противоречие с собой, между тем как современный (продвинутый) человек (эпохи Души сознательной) уже больше индивидуум, чем гражданин какого-либо гос-ва, и отнюдь не всегда может отождествить себя с государством, тем более, когда государство и Я (а не «государство – это я») входят в противоречие. Т.е. изолированное и атомизированное Я современного человека несравнимо с (тем не менее) групповым Я зачавших человеческий индивидуализм греков и римлян, а именно тот самый индивидуализм, путь духовной христианизации к-рого указал и предельно чётко сформулировал сказавший «не я, но Христос во мне» ойкуменический Ап. Павел.

ЧАСТЬ XIII

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПУТИ-ДОРОГИ ХРИСТИАНСТВА И ЕВРЕЙСТВА

54 – 58 гг. н.э.

ТРЕТЬЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ АП. ПАВЛА

(54 – 58гг.)

Итак, выше мы выяснили-установили, что после короткого посещения Павлом Иерусалима на апрельскую Пасху 54г. н.э., он, отправившись из Антиохии Сирийской в своё Третье миссионерское путешествие во второй половине мая, прошёл – «по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников» (Д.Ап.18,23), и дошёл во второй половине августа (или в августе/сентябре) до Эфеса (ок. 330-и км от Антиохии Писидийской).¹ Напомним, что в этом городе ему довелось побывать ещё весной, на обратном, по окончании Второго путешествия, пути из Греции в Палестину, оставив в Эфесе сопровождавших его из Коринфа Акилу и Прискиллу. Притом, оставив их, с поручением осесть там и организовать артель-мастерскую по деланию (кожевенных) палаток в ожидании намеченного-предстоящего учительско-проповеднического прихода к ним, в Эфес, Павла на (при одновременном отправлении прожиточного ремесла, к-рому он был обучен с детства) достаточно длительный срок.

Ибо Павел намеревался теперь бросить долгий якорь в этом отнюдь не менее, но даже более важном, чем Коринф (где он провёл полтора – с осени 52 по весну 54гг. – года), для проповеди и утверждения здесь христианства, малоазийском городе, время основания первой христианской общины к-рого традиционно считается-исчисляется от первого посещения Апостолом язычников Эфеса именно в 54г. (как нами доказательно выявлено в ходе хронопоследовательного повествования). Хотя христиане были в Эфесе в наличии и раньше, иначе говоря, павлианская деятельность началась тут не на, что называется, пустом месте, точнее, – не с нуля.

АПОЛЛОС

Так, ещё до прихода в Эфес Павла в августе (/сентябре), однако, после его (почти полугодом раньше) мартовского отбытия-отшествия отсюда и после того

¹ Если Галатия при римлянах, это и провинция (в к-рую входили часть Фригии, Галатия, Писидия, Ликаония), и составляющая лишь часть названной провинции область (Центральной Анатолии), населённая кельтами-галатами (галло-греками), то никакой провинции Фригия в качестве административно-территориальной единицы в составе Римской империи не было, но была примыкающая к Галатии область (историческая, географическая, обиходная) на востоке римской провинции Азия, к-рую и разумеет Дееписатель, говоря о пути Павла через страну Галатийскую и Фригию в Эфес – центр провинции Азия/Азия на границе Лидии и Карии.

как тут обосновались Акила с Прискиллой, сюда пришёл весной (или весной/летом) 54г. с проповедью некто Аполлос... Впрочем, слово Деяписателю Лк.:

«Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришёл в Ефес;

Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново.

Он начал смело говорить в синагоге. Услышавши его, Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень.

А когда он вознамерился идти в Ахаию, то братия послали к тамошним ученикам, располагая их принять его; и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатию:

Ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос.» (Д.Ап.18,24-28)

Аполлос — сокр. от греч. имени/имён Аполлоний, Аполлотор, Аполлонид (в любом случае, искони теофорное имя с олимпийцем Аполлоном в корне-основе) — александрийский родом еврей-иудей-еллинист², ставший иудеохристианином, — учёный, красноречивый и сведущий в Писании. Предположительно, он был (вполне мог быть) учеником Филона Александрийского (+ ок. 50г.), слившегося, как читатель знает, свести-сплавить-синхронизировать Древний Завет и греческую философию, еврейскую и эллинистическую мудрость, выдвинув, в т.ч., ветхозаветное учение о Логосе, к-рое, по версии некоторых экзегетов, именно через Аполлония просочилось в христианство.

Последнее отчасти, конечно, не исключено, однако, незачем шокировать себя и других сверхэкстравагантными гипотезами, поскольку и монументально, и мистериально Логос был, есть и будет представлен в христианстве (во все дни до скончания века) свидетелем и очевидцем Иоанном Богословом — автором Трёх Посланий, Евангелия Евангелий и *Песни Песней* Нового Завета — Откровения (Книга Книг в Книге Книг!)

Засим нежеже глобально приписывать Филону (с его минимум подозрительной для еврейско-раввинистических «софистов буквоедства» попыткой интерпретации Танаха на базе палестинской герменевтики и александрийского аллегоризма) или Аполлонию то, чего они в христианстве не совершали, не совершили и ни делать, ни сделать не могли. Пусть даже герменевтико-аллегорическое толкование Филоном ветхозаветных Писаний было одухотворено и углублено его как интересом, так и симпатиями-предрасположенностью к ессеям-терапевтам — к их (могущей быть мостом в христианство) молитвенности, образу жизни, к их солярно-таинственной мистике-эзотерике («О созерцательной жизни»; «Всякий добродетельный свободен»).

Тем не менее, в начатках пути Господня — как весьма выразительно выражается Лк. — горящий духом Аполлос был наставлен правильно, зная, вместе с тем, только крещение Иоанново. Обращает на себя внимание, что Деяписатель не употребляет здесь в отношении знания Аполлосом только Иоаннова крещения протгивительный союз «но», к-рый, на первый поверхностный взгляд, вроде бы просится в текст. Т.е.

² При всех случаях, ни еврей, ни иудей-еллинист, будь то в Палестине или в Диаспоре, не мог быть назван именем греческого языческого бога, следовательно, это имя квалифицировалось-воспринималось в либеральное время I/IIвв. не всеобязательно как теофорное и допускало иное сугубо именное номенклатурное толкование.

В IIIв. Ориген (Delarue 4,682) задавался вопросом — не идентичен ли Аполлос Апеллосу? приветственно упоминаемому Павлом в Посл. к Римлянам (16,10).

знание Аполлосом крещения лишь Иоаннова, к-рое есть крещение водой, тогда как крещение Христово суть крещение Святым Духом и огнём (как предрекал сам Иоанн Предтеча, говоривший, что за ним идёт Сильнейший его, К-рый будет крестить Духом Святым и огнём), ставшее реальностью в результате первой духовосошестввенной огненными языками на Учеников христианской Пятидесятницы (24.05.33г.), не противоречит Аполлосову правильному учению о Господе, делая оное не неправильным, а (в чём существенная разница) – неполным.

То-то, услышав страстную учёную речь Аполлоса в эфесской синагоге, где сходились, в частности, местные и заезжие иудеохристиане из еллинистов, евреев, прозелитов, Акила и Прискилла, причащённые-приобщённые к павлианскому христианству в Коринфе, приняли (надо понимать, у себя в доме) и наставили его, точнее объяснив ему путь Господень (Лк.). Иначе говоря, они не опровергли приглашённого к себе Аполлоса, а именно точнее объяснили ему суть и смысл христианского вероучения, объяснили разницу между крещением Иоанновым и крещением Господним, наставив тем самым этого учёно-красноречивого проповедника-миссионера, к-рый мог принести, в силу своих исключительных способностей, знаний, возможностей, большую пользу в деле ойкуменической христианизации, на путь истинный.

По прошествии же некоторого времени, летом 54г., до прихода в Эфес Павла, когда Аполлос вознамерился (надоумленный-подвигнутый Акилой и Прискиллой?) идти в Ахаию = в Коринф, или, в первую очередь, в Коринф, на вспаханную и засеянную лично-персонально Павлом христианскими семенами почву, эфесские братья снабдили его рекомендательным письмом к тамошней общине. И в дальнейшем он активно трудился в Коринфе.

Причём эти труды даже, вопреки ему, привели к появлению в скорой перспективе, по оставлении им Коринфа и возвращении в Эфес, группы коринфских христиан, к-рые называли себя (его) «Аполлосовыми» (последователями), относительно чего Павел горько сетует в своём (канонически) Первом – написанном весной 57г. из Эфеса, между Пасхой и Пятидесятницей, – Послании к Коринфянам (1,12). Из него мы узнаём, вернее, умозаключаем-выводим, что также Ап. Пётр, вероятно, в 55/56гг., деятельно побывал в Коринфе. Если одна группа коринфских христиан самоименовалась на весну 57г. «Павловы», другая – «Аполлосовы», то третьи были «Кифины» (т.е. Петровы, коли сей Кифа тождествен Кифе-Петру, что, скорей всего), четвёртые – «Христовы»...

Это пока не означает раскол, но вызывает справедливые упреки представителям названных групп со стороны Павла как ошибочная и небезопасная (несмотря на отсутствие разделения вероучительного характера в условиях ненарушенного церковного мира) тенденция: «Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» (1Кор.1,13). «Ибо, когда один говорит: «я Павлов», а другой: «я Аполлосов», то не плотские ли вы? / Кто Павел? Кто Аполлос? Они только служители, через к-рых вы уверовали, и притом по скольку каждому дал Господь» (1Кор.4/5).

И примечательно, что Павел нигде не упрекает в появлении инициативной группы Аполлосовых приверженцев самого Аполлоса, вины к-рого (как и вины Кифы-Петра) в случившемся нет. Более того, Павел ясно говорит: «Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; / Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а всё Бог возвращающий. / Насаждающий и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду. / Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение» (1 Кор.3,5-9). «Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – всё ваше; Вы же – Христовы, а Христос – Божий» (3,22/23).

Ниже из 1Кор.16,12 явствует, что в 57г., в пору написания данного Послания, Павел просил Аполлоса (обретавшегося, стало быть, в Эфесе, куда он возвратился в 55/56гг.) снова идти с братьями (с к-рыми отправлялось Послание) в Коринф: «но он никак не хотел идти ныне, а придёт, когда ему будет угодно». «Не хотел», возможно, как раз-таки, не одобряя наличие группы коринфских христиан, назвавших и называвших себя (после его ухода из Коринфа) Аполлосовыми, или, в частности поэтому. Позднее, из Послания Павла на Крит, к Титу, уже в 65г., следует, что тогда Аполлос трудился вместе с Титом на Крите (3,13).

Церковное предание делает сопричисляемого к 70-и Малым Апостолам Аполлоса в последующие годы епископом Кесарии Палестинской, или, по др. версии, – малоазиатской Смирны, где он предшествовал в епископстве Св. Поликарпу Смирнскому, дата мученичества к-рого (в день воскресения Лазаря – 23.02.) в престарелом возрасте – то ли 155, то ли 167гг. Притом последняя, б.м., не случайно отстоит именно на сто лет от римского мученичества в 67г. н.э. первоверховных Апостолов Петра и Павла.

Был ли Аполлос, как полагают, на рубеже 20 – 30-х гг. Ив. учеником Иоанна Крестителя в Палестине (что не очень вяжется с его ученичеством в Александрии у Филона) – неизвестно. Так или иначе, это предположение, буде даже оно верно, не объясняет – почему он (при его александрийской многоученности) знал «только (водное) крещение (покаяния и прощения грехов) Иоанново» (когда Св. Дух *действовал* через воду = через элемент воды) спустя аж два десятка лет после Мистерии Голгофы, включая первую Пятидесятницу-Троицу, и, следовательно, давно известное Крещение Господне (Духом Святым и огнём)? Одновременно, кем-то типа мандеев = последователей Предтечи, к-рые признавали Иоанна Крестителем, отвергая (крещённого и узнанного-признанного им) Иисуса как Мессию, он точно не был, поскольку – «сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос» (Д.Ап.18,28).³

И здесь, в связи с вышесказанным, нельзя не заострить внимание читателя, предоставляя ему информацию к дополнительному размышлению, на том, что отношение 13-го (или 2-го) Апостола Павла (по ошую Христа) к 14-у (или 1-у) Апостолу Лазарю-Иоанну (по одесную Христа) очень даже можно и нужно сопоставить-сравнить с отношением-соотношением Иоанна Крестителя ко Христу Иисусу. Не вспахал ли, не засеял ли Павел эфесскую почву, на к-рую пришёл и где развернул плодотворную деятельность в год римского мученичества Петра и Павла (67г.) на следующие 33 года Лазарь-Иоанн, кому предстояло уйти, завершив Век Апостольский, в усение в Эфесе (где, кстати, в 97г. преставился маг и чудотворец Аполлоний Тианский) в 100г. н.э. – в день рождения Иоанна Крестителя (24.06.)!

Не находится ли малоазиатский Эфес (с его главным культом Артемиды), как и ахейский Коринф (с его главным языческим культом Афродиты), посередине между Галатами и Римом – крайними (кроме адресатов стоящего особняком Послания к Евреям) адресатами Павловых (10-и, а не 9-и) Посланий (см. ниже) к 7-и общинам,

³ Согласно Иоанну Златоусту, Аполлос мог быть одним из 120-и мужей, крещённых вместе с Апостолами Св.Духом в день Пятидесятницы, сподобившись снисхождения на него Св.Духа ещё до принятия им собственно христианского Крещения (Ioann Chrisostom in Acta Apostolorum. Nom.40).

Согласно одной из (неудовлетворительных, сродни подвопросному истолкованию Иоанна Златоуста) версий западных библистов, Аполлос получил лишь Иоанново крещение во время служения Иоанна Крестителя или Иисуса Христа, когда оно ещё совершалось. Впоследствии же Акила и Прискилла крестили Аполлоса, восполнив этот недостаток (незнаю почему не восполнявшийся более 20-и лет). Согласно др. точке зрения, Аполлос был христианином, действовавшим поначалу независимо от Ап.Павла («Прав. энц.», Аполлос, т.3., с.72/73).

будучи в то же время обителью-обиталищем одной и Семи асийских общин — адресатов Откровения Иоанна!

И неспроста именно (поднявшийся до 7-го Неба) Павел (апологет покровительствующего ему из духовного мира *нового Диониса* — Иисуса Нафанида) есть носитель христианства *ново-дионисианского* (не без *ново-аполлонического*), в то время как (взошедший на 12-е Небо) Лазарь-Иоанн (брат-близнец Марии Магдалины) = Иоанн Богослов (в ком под крестом Голгофы восстал, взяв его под духовные покровы, *новый Аполлон* — Иисус Соломонид) есть носитель христианства *ново-аполлонического* (не без *ново-дионисианского*)!⁴

ПАВЕЛ В ЭФЕСЕ

(54 — 57гг.)

«Во время пребывания Аполлоса в Коринфе, Павел, прошед верхние страны, прибыл в Эфес и, нашед там некоторых учеников,

Сказал им: приняли ли вы Святого Духа, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой.

Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение.

Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в грядущего по нём, то есть во Христа Иисуса.

Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса,

И, когда Павел возложил на них руки, нисшёл на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать.

Всех их было человек около двенадцати.

Пришед в синагогу, он не боязненно проповедывал три месяца, беседуя и удостоверая о Царствии Божиим.

Но как некоторые ожесточились и не верили, злословя путь Господень пред народом, то он, оставив их, отделил учеников и ежедневно проповедывал в училище некоего Тиранна.

Это продолжалось до двух лет, так-что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины.

Бог же творил немало чудес руками Павла,

Так-что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них.

Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует.

Это делали какие-то семь сынов иудейского первосвященника Скевы.

Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?

И бросился на них человек, в к-ром был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они нагие и избитые выбежали из того дома.

⁴ Если в VI-ю Славянскую культуру Самодуха, под знаком Водолея, к-рая будет метаморфозой II-й Пра-Иранской культуры (Астральное тело) Заратустры, под знаком Близнецов, *Песнь* Аполлона на Западе достигнет своей цели, то языческая философия разорвала Вечную Истину, как менады Диониса, но Вечный Логос, вочеловечившийся в Иисусе Христе, восстановил Божественное Единство в новом качестве! Слово стало Плотию (как в грядущем Плоть станет Словом), чем макрокосм манифестировал себя в микрокосме. Аполлон — макрокосмос — внешний мир (созвездие Рыб); Дионис — микрокосмос — внутренний мир (созвездие Девы). Аполлон — северо-атлантический миграционный поток (греки); Дионис — южно-атлантический миграционный поток (семито-хамиты).

Это сделалось известно всем живущим в Ефесе Иудеям и Еллинам, и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса;

Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои;

А из занимавшихся чародейством довольно многие, собравши книги свои, сожгли пред всеми; и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм.

С такою силою возрастало и возмозало слово Господне.

Когда же это свершилось, Павел положил в духе, прошед Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим, сказав: побывав там, я должен видеть и Рим.

И послав в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста, сам остался на время в Азии.» (Д.Ап.19,1-22)

Посему, отправившийся летом 54г. с рекомендательным письмом Акилы и Прискиллы Аполлос, подвижнически пребывал в Коринфе, когда Павел, как сказано, в августе или в августе/сентябре пришёл в Эфес (куда он символично впервые попал весной 54г., держа путь в пасхальный Иерусалим, не из Азии, но по пути из Европы – из Коринфа, поскольку в 51/52гг., при начале Второго миссионерского путешествия, Св. Дух не допустил его, как мы помним, в Асию, центром к-рой был Эфес, направив сначала в Европу – в Македонию, и потом – в Ахайю).

И симптоматично, что в данной главе тема Крещения Иоаннова и Крещения Христова, равно вопрос преемственной дифференциации между ними продолжается уже устами (нового христианского крестителя) Павла. Некоторые ученики в ответ на поставленный им вопрос о принятии ими Святого Духа, говорят ему об их неведении относительно оногo, на что Павел задаёт следующий вопрос: «во что же вы крестились?»; и получает ответ: «во крещение Иоанново».

Вспомним, что Иоанн, явившись сентябрьской осенью 28г. из пустынь Израилю (Лк.3), начал прохождение по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов, после чего приступил к собственно крещению в Иордане, а весной 29г. начал крестить близ устья Иордана, у Вифавары, куда к нему пришёл и где от него (через него) принял (водное) Крещение (инкарнация Духа Солнца = воплощение в Человеке божественного Духа Солнечной системы) 6.01.30г. Иисус из Назарета (ставший посредством этого Крещения из Христа *Земного* Христом *Небесным*) (Д.И. 1257-1302; 1303-35).

Затем мы встречаем Иоанна летом 30г. крестящим в Еноне, близ Салима (Самария), потому что там было много воды (Ио.3), тогда как об Иисусе после Его беседы с Никодимом (весна 30г.) (Т.Г. 124-40) в Ев. от Ио. говорится, что Он – «пришёл с учениками Своими в землю Иудейскую и там жил с ними и крестил» (3,22). Впрочем, ниже следует уточнение: «Хотя Сам Иисус не крестил, а ученики Его...» (4,2) (Т.Г. 141-48).

В 7-й же главе Ев. от Ио., приложительно к празднику Кушей осенью 32г. = к последнему великому дню отдания праздника (22 тишири), за знаменательными словами Иисуса: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» (38), благовествуется: «Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него; ибо ещё не было на них Духа Святого, потому что Иисус ещё не был прославлен» (39) (Т.Г. 860-76).

Дух Святой се Параклет-Утешитель, утешительное ниспослание К-рого было обещано Иисусом ученикам в ночь на Страстную пятницу со 2-го на 3-е апреля 33г. (Т.Г. 1450-57), перед драмой в Гефсимании, и К-рый – Третья Ипостась Троицы – снизошёл-сошёл на учеников – от Отца через Сына – огненными языками пламени в день первой христианской Пятидесятницы-Троицы 24.05.33г. н.э. (см. выше).

Соответственно, как видим, между *приготовительным* водным Иоанновым крещением (покаяния для прощения грехов) и постпятидесятничным крещением

Духом Святым и огнём была ещё одна промежуточная ступень водного крещения от Самого (крещённого Иоанном Мессии) Иисуса, к-рым крестили Его ученики и к-рое не может быть полностью тождественным предуготовительному крещению Иоанна, уж не говоря о качественно ином Крещении, по свершении венчаемого первой Троицей Таинства Голгофы, Духом Святым и огнём.

Далее, если при очистительном водном крещении погружаемый Иоанном с головой в воду человек экскарнационно и инкарнационно покидал своё прежнее существо, устремляясь, по появлении из воды (откуда вышло всё живое), вверх к небу, от дольного к горнему, то при снисхождении-сошествии на человека Святого Духа этот Дух пламезарно овладевал человеческим существом, становясь его насельником-предводителем-поводырём-путеводителем в дороге-восхождении человека к Богу. Крещение Св. Духом и огнём не отвергает ни водное крещение Иоанна, ни крещение Иисуса до крестного Таинства Голгофы, – оно на качественно иной более высокой ступени преемственно продолжает их.

И крещённый после прозрительного ослепления на пути в Дамаск братом Ананией в Дамаске (13-й) Апостол Павел являлся через крещенское возложение рук подателем-проводником (отлично от Аполлоса)⁵ нисшедшего на крещаемых им именно Духа Святого. Иоанн проповедовал Христа грядущего и крестил во имя Его, в то время как крещение Духом Святым и огнём есть Господне Крещение времени/времен после Мистерий Голгофы и до скончания веков = (не отрицающее новокачественное ритуальное водно-купельное крещение) непреходящее духовное Крещение настоящего и будущего на все времена.

И именно этим Крещением (вкуче с прилагающимся к нему процедурно водным) был крещён Ананией в Дамаске прозревший и исполнившийся, по возложении на него рук брата Анании, Святого Духа брат Савл: «И тотчас как-бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и встав крестился» (Д.Ап.9,17/18). А историю становления брата Савла (особостатуированным) Апостолом Павлом мы рассказали выше.

И вот теперь сентябрьской осенью 54г. в малоазийском Эфесе, спустя 26 (число Яхве) лет от сентябрьского выступления Иоанна Предтечи в 28г., Павел изъяснил некоторым эфесским ученикам, что есть Крещение во имя Господа Иисуса – пострадавшего, воскресшего, вознесшегося и ниспославшего Духа Святого. А главное, – в чём разница между этим и приготовительно-предуготовительным крещением Иоанновым, к-рое стало недостаточным крещением дня вчерашнего. И не случайно с крестившимися, по нисшествии на них Св. Духа, произошло то же чудо глаголения иными языками, как и с Апостолами на Пятидесятницу за 21 (7 x 3) год до того, вернее, на 22-м году (число букв еврейского алфавита) от первой майской Троицы 33г.

И не случайно тут в Эфесе этих некоторых из учеников, крестившихся во имя Господа Иисуса и сделавшихся отныне учениками Павла, Дееписатель насчитывает именно – по числу-кругу Апостолов – 12, бывших из евреев, иудеев-еллинистов, прозелитов и, надо полагать, первых язычников – разноконфессиональных давеча и безродных космополитов (от)ныне, как и положено павлианским христианам – без Еллина, Иудея и т.д. Ведь для них существенна не этническая, не сословная и не какая-либо иная прежняя групповая сопринадлежность, но существенна их вера во Христа, существен принцип – не я, но Христос во мне – и как для индивидов, и как для сочленов христианской семьи-общины.

Если Иоанн Предтеча – *печатъ пророков* Древнего Завета, одной частью своего существа стоит в старой эре, а другой – в новой, будучи ключарём-привратником Завета Нового (олицетворяя своими жизнью, деятельностью и мученичеством

⁵ В 34г. Самаряне не от (не через) Малого Апостола (из 70-и) Филиппа, но от посланных к ним из Иерусалима Больших Апостолов Петра и Иоанна приняли (через возложение на них рук) Духа Святого (Д.Ап.8) (см. выше).

исполнение Завета Ветхого), то Павел, снимая прежние печати в масштабах Ойкумены, выводит христианство из еврейства на мировые римско-эллинистические и прочие горизонты!

Причём выводит, одновременно готовя в Эфесе почву для грядущей деятельности Апостола Апостолов Иоанна Богослова.

Не он ли – предтеча Лазаря-Иоанна, как Иоанн Предтеча-Креститель суть предтеча Христа! То-то они оба, предтечный Христу Иоанн и предтечный Лазарю-Иоанну Павел, были мученически усечены, с разницей в 35 (7 x 5) лет, на 36-м (12 x 3) один от другого году, соответственно, в 32 и в 67гг. н.э., мечом!

* * *

Продолжим. Отблаговествовав инициированное Павлом никак не перекрещивание, но именно достаточное (в отношении к недостаточному и вчерашнему Иоаннову) новоблагодатное крещение 12-и (безымянных) учеников, Дееписатель сообщает, что Павел пришёл в синагогу, где проповедывал три месяца. Т.е., верный себе, он (Еврей от Евреев) опять сначала обращается к Иудеям и только потом, после сопротивления и ожесточения, сопровождавшегося злословием по адресу истинного пути Господня пред народом, по прошествии 3-х закончившихся острым конфликтом месяцев, отделяет верных ему учеников и переходит для дальнейшей проповеди – уже среди пёстрого конфессионального и этнического состава – в местное училище некоего Тиранна, видимо, приглашённый последним для преподавания как учитель-лектор.

Однако, обратим сначала внимание на важную хроноинформацию. Три месяца синагогальной павлианской проповеди, к-рые оптимально дают интервал времени с сентября/октября 54 по начало 55гг. н.э., когда Павел с учениками из иудеев и прозелитов удалился из синагоги, где он проповедывал не каждый день, а преимущественно по субботам, в училище Тиранна. И там его проповедническое преподавание стало, в течение рабочей седмицы, регулярно ежедневным, что, как выясняется ниже, продолжалось до двух лет, так-что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины» (19,10).

Стало быть, в училище Тиранна в Эфесе Павел преподавал Иудеям и Еллинам – как собственно местным – эфесским, так и из пределов провинции Асия⁶ (и шире – из пределов римских провинций Малой Азии) – с начала 55 по начало 57гг., после чего он ещё до майской Пятидесятницы или, точнее, до месяца июня оставался (почти полгода) в Эфесе, чтобы в июне 57г. н.э. (по прекращении майского мятежа местных язычников против него) выйти и пойти в Македонию (см. ср. Д.Ап.19; 20,1; 1Кор.16,8) (см. ниже).⁷

⁶ Помимо западного малоазийского берега и островов Ионии, Эолиды, Дориды, в Асию входили Кария, Лидия, Мизия, Фригия.

⁷ Интересно, что сообразно приводимому Цанном («AG», S.677) тексту манускрипта «В», к 3-м месяцам синагогальной проповеди Павла в Д.Ап.19,9 присовокупляются, продолжая эти 3 месяца, ещё (сначала) 3 месяца ежедневного проповедывания Апостола (к-рый отделился с учениками) в училище Тиранна (19,9), после чего в стихе 10 несколько неуклюже говорится: «Это продолжалось до двух лет». Т.е., по манускрипту «В», (скорей всего) получается 3 месяца проповеди в синагоге плюс 3 месяца и (ещё) 2 года учительства в училище Тиранна, что даёт срок итога в ок. 2,5 года, между тем как в Д.Ап.20,31 Павел, на пути весной 58г. из Европы (куда он отчалил из Эфеса в июне – после Пятидесятницы – 57г.) в Иерусалим, говорит эфесским пресвитерам в Милите, что он «три года (к-рые округлительно укладываются, при хронореконструкции, составляя в реальности 2 года и 9/10 месяцев, именно и только в безальтернативный интервал 54-57гг. – К.З.) день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас» (см. ниже).

Впрочем, прежде чем обратиться к, в общей сложности, ок. трёхлетнему, с августа 54 по июнь 57г., эфесскому пребыванию и к эфесской деятельности Павла, освежим в памяти информацию об одном из значительных городов античной древности – Ефесе/Эфесе.

В 1-м стихе гл.19 Д.Ап. сказано, что Павел прибыл в Ефес, прошед верхние страны, иначе говоря, – прошед нагорную Галатию и Фригию, расположенные выше (над уровнем моря), нежели находившийся у самого синего моря прибрежный Эфес, к-рый был основан то ли в XII/XIвв. афинскими колонистами во главе с Андроклом (сыном Кодра), до к-рого здесь обитали изгнанные им лелеги (часть карийцев) и лидяне, то ли Андрокл не основал, а сделал своей резиденцией данный город, основанный, согласно одному из преданий, – на порядок раньше, где-то в середине полумифологического-полулегендарного для греков и малоазийцев II тыс. до н.э., одногрудыми воительницами с Термодона (приток Аракса) – (полу)легендарными амазонками.

Это один из 12/13-и важнейших городов Ионики (Д.И. 89/90), с расположением сегодняшних руин в ок. 7-и км от берега, в то время как в древности не раз менявший местоположение портовый город на границе Лидии и Карики располагался непосредственно у берега. Первые исторические сведения о нём относятся к VIIв. до н.э. – разорение (арийскими скифами) киммерийцами (678 или 669гг.?); имена местных тиранов – Пифагор, Мен (или Мел) – зять Аллиата Лидийского, Пиндар. Ок. 560г. завоёван Крезом, после чего сдавшие укрепления жители должны были покинуть старый город и поселиться у Артемизиона, в 2-х км северо-восточнее, на равнине. И если от прежнего Эфеса сохранилось скальное святилище (попавшей сюда из Центральной Анатолии) Великой Матери, то в Эфесе новоосвоенном было благодаря щедрости Креза воздвигнуто начатое ранее (кносийцем Херсифроном, дело к-рого продолжил его сын Метаген, а закончили уже в Vв. до н.э., согласно Витрувию, зодчие Пеоний и Деметрий) святилище Артемиды.⁸

⁸ Освежаем в памяти пройденный материал, дополняем его новым и продолжаем. Иония – область, населённая ионийцами на западном побережье М.Азии (не путать с Ионическим морем между западной Грецией и южной Италией, с ионическими островами и с ионическим западно-средиземноморским побережьем Греции), близ Лидии и Карики, с о-вами Хиос и Самос, и с 12-ю городами: Эфес, Милет, Миунт, Приена, Колофон, Лебедос, Теос, Хиос, Самос, Эритрея, Фокея, Клазомены (7 + 5) (см. ниже). Позднее к ним сопричислилась (как 13-й полис) прежде эолийская Смирна. Общим святилищем Ионийского союза был Панионий – храм Посейдона Геликона на мысе Микале, близ Приены. Библейская генеалогия ионийцев восходит к четвёртому (срединому) из семи сыновей Иафета Иавану (Б.10,3), от к-рого произошли «Елиса, Фарсис, Киттим и Доданим» (4).

Ионийцы – одна из трёх греческих племенных групп, наиболее однородная в территориальном, языковом и культурном отношении. В II-м тыс. до н.э. они первыми мигрировали из Азии в Грецию, где обосновались в Аттике, Эвбее, Фокее, на островах, но позднее, вследствие вторжения северных дорийцев, часть из них осталась на материке, а часть, в т.ч., ионийская община Тесея из Афин, переселились (XI-IXвв. до н.э.) на о-ва Эгейского моря и в пределы бывшего малоазийского очага, на западное побережье М.Азии, где и откуда ими и были основаны или обновлены 12 союзных городов.

Притом этот союз (городов-полисов и островов), сакральный, политический, культурный, экономический, расположенный на перекрёстке дорог и торговых путей север-юг, запад-восток, сыграл особую роль как в разносторонней плодотворной эволюции эллинизма, так и в его контактах с Востоком, в деле посредничества между Востоком и Грецией, в деле распространения восточных влияний на Грецию.

Отчасти философски-флегматичных, отчасти весьма эмоциональных и весьма одарённых ионийцев, прибрежных горожан и островитян, иногда называли «водными греками». Не настаивал ли открывающий череду греческих философов Фалес Милетский (VI/VIвв.) на возникновении мира и всего живого из воды! При всём том, меркуриальные рафинированные ионийцы (от к-рых пошла греческая мудрость и греческое музыкально-поэтическое слово)

В 546г. город завоевал полководец Кира Персидского мидиец Гарпаг. Поддерживаемые персами местные тираны — Ком, Афинагор, Гиппонакс, Бупал. При Дарии I (522 — 486гг.) — в составе Ионической сатрапии. Далее, если, с одной стороны, жестоко подавленное персами в 500г. восстание ефесян (Аристагор) послужило сигналом к началу эпохальных Греко-персидских войн, то, со стороны другой, падение карательного разрушенного персами Милита/Мелита (493г.) обусловило расцвет Эфеса. В битве при Микале ионяне оставили ряды персов и перешли к грекам — 479г. Победа Кимона при Эвримедонте — 469г. — обеспечила их свободу. 470г. — введение демократии.

После Греко-персидских войн 500 — 449г. Эфес примкнул к Аттическому морскому союзу; в 412г. перешёл на сторону Спарты. 401г. — место сбора 10-и тыс.

являлись полной противоположностью вытеснившим их с материка и ряда эгейских островов грубым мартиальным дорийцам — аркадским горцам, импульсировавшим милитантную Спарту.

Достаточно сказать, что к Кодру, отцу Андрокла и Нелея, возводил свою генеалогию Платон, и что взявший (позаимствовавший) гекзаметр у морского прибоя слепой (= духовно великозрячий) Гомер (отец поэтов) происходил (вероятнее всего) с (о-ва рапсодев) Хиоса. К тому же, потомкам царственного Кодра ещё в I/IIвв. воздавались соответствующие почести при храме Артемиды Эфесской. От многоталантливых, восприимчивых и деятельных ионийцев — греческие письменность, литература, философия, история, живопись, геометрия, календарь, меры веса, сакра, жертвоприношения, градостроение, образованная полисность (первохристианские общины — метаморфоза греко-полисных общин), основание колоний и т.д. Приведём (отнюдь не все) следующие всемирно известные имена: Гомер, Мимнерм, Анаксимандр, Анаксимен, Анакреонт, Фалес, Ксенофон, Анаксагор, Гекатей, Апеллес, Паррасий...

Помимо того, если дорийцы вытеснили ионийцев на запад М.Азии, то на востоке ионийцы продуктивно контактировали с малоазийскими преемниками хеттов (цари к-рых считались инкарнацией Солнца) фригийцами, к-рые называли себя Асканиями (генеалогия — от Иафетида Аскеназа), воюя в Троянской войне (XIIIв.) на стороне троянцев (Гомер «Илиада» 2,862). И это при хеттах в сердце М.Азии и позже через фригийцев на запад полуострова пришли лунарные культы Майи, (Великой Матери) Реи-Кибелы и др., пришли от истоков и западных притоков Аракса на Армянском нагорье, с колхидского, азовского, крымского и др. берегов восточного Причерноморья, где в определённый период процветала женократия и откуда потом исходили различные матриархальные пережитки-отголоски.

То-то, по одному из преданий, Эфес был основан амазонкой Отритой, женой Марса, или Смирна — амазонкой Смирной. Или «Ефесис» — одно из культовых имён (Великой Матери) Артемиды — «жаждущая»; «требующая». Согласно Пиндару (с кем не согласен Павсаний), город был основан амазонками в походном пути из М.Азии в Грецию, в пору их воительной экспедиции против Тесея (XIIIв. до н.э.). Или издревле связанные со знаменитым эфесским святилищем амазонки (к-рые, сообразно Павсанию, совершили святилищное жертвоприношение Артемиде, идя против Тесея) нашли здесь убежище, спасаясь некогда от Геракла и ещё раньше от Диониса, тогда как основателем города был лелег или лидиец Ефес (?). Плюс к тому, следует подчеркнуть как ведущую роль Эфеса и Милета в союзе 12-и полисов, так и основание из неутомимого ионийского Милета, с его (прелюбопытной и таинственной) тирско-финикийской компонентой, итогов до 80-90 ойкуменических колоний.

И тут, в связи-параллелизации-сравнении с разносторонне даровитыми ионийцами и их 12-ю лучистыми городами, необходимо-уместно (напоминая читателю) вспомнить, что брат (эпонима лидийцев) Лида, семитско-генеалогическая составляющая к-рого может восходить к сыну Сима Луду (Б.10,22), Тиррен, оба — сыновья (вряд ли чуждого центрально-анатолийскому Аттису из мистерий Кибелы) Атиса, отпрыска Геракла и (лидянки) Омфалы, мигрировал, из-за малоазийского голода, в Италию, где положил начало (учителям римлян) загадочным тирренцам-тускам-этрускам и стал основателем (тоже) 12-и городов!

Посему это основание 12-и городов многоталантными ионийцами, как и основание 12-и городов многоталантными этрусками, по обе, (полуостровную) малоазийскую и (полуостровную) италийскую, стороны от (полуостровной) Греции, равно их плодотворная деятельность на процветание Греко-Римской культуры, внесли свой существеннейший вклад в то, что эллинистическо-сократовско-платоновско-аристотелевская культура сделалась — благодаря мировому деянию Александра и затем державных объединителей средиземноморской Ойкумены римлян — предтечей-предвестником универсально-космополитического христианства!

Кира II (Младшего); до 394г. — в союзе со спартанцами; после 386г. — снова в подчинении у персов.

В Эфесе учил Пифагор (VIв.) и родился Гераклит (544 — 483гг.). Изгнанный эфесянами Гермодор, согласно преданию, отправился в Рим и оказал помощь децемвирам при составлении в середине Vв. до н.э. «Законов XII-и Таблиц».

6 февраля 356г. — в предположительно-подвопросный день рождения Александра Великого случился пожар одного из чудес света — святилища многогрудой (и симбиозной — из Великой Матери и греческой Артемиды — дочери Латоны, сестры-близнеца Аполлона) Артемиды Эфесской. Позаимствовавшая отчасти функции и черты Великой Матери (Кибелы) она — девственная богиня-покровительница плодородия, материнства, девства, беременности, а также одногрудых воительниц амазонок, к-рые, как известно, сходились с мужами соседних племён только раз в год для зачатия и рождения детей, из к-рых оставляли себе на воспитание лишь девочек (к-рым ампутировали или выжигали одну грудь для удобства стрельбы из лука).

И говорят, что могущественная богиня не сумела предотвратить сожжение своего уничтоженного факелом тщеславного Герострата (кого человечество так и не сумело забыть) святилища, поскольку она как раз в тот момент повывально помогала появлению на свет в македонской Пелле *Мужа великой души* — Александра (кто, по словам его матери эпиротки Олимпии, был зачат от Зевса).

Дальше — больше. Если в VIв. для продолжения строительства храма Артемиды понадобилось богатство Креза, то теперь на его — одного из 7-и чудес света — великолепное нововоздвижение, поддержанное Александром, к-рый овладел городом, начав свой знаменитый восточный поход, в 334г., ушли, в общей сложности, десятки, до начала IIIв. до н.э., лет и неисчислимые средства.

Однако, и время, и огромные затраты были оправданы, ибо именно этот храм стал самым прославленным святилищем Азии. По площади он в 4 раза превосходил Парфенон. 127 ионических мраморных колонн зелёного мрамора (106 из к-рых Юстиниан использовал в VIв. н.э. при сооружении в Константинополе храма Св. Софии), пожертвованных, следуя преданию, 127-ю царями, выстроились, поддерживая крышу храма, на 190м в длину и на 55м в ширину, имея 18м в высоту, при общей святилищной высоте в 25м. Открытое английскими археораскопками второй половины XIXв. местонахождение Артемизиона — северо-восточная часть города между горой Прион и возвышенностью, занимаемой ныне крепостью Аязулук.

Богатейшая внутренняя отделка многократно превзошла отделку прежней кумирни (размерами 16 x 31м). Внутри, в центре, находилась 3-метровая золотая статуя Артемиды, покрытой по всему телу тысячью грудей. Храм украшали замечательные статуи работы Праксителя, Фидия, рельефы Скопаса. Ещё более впечатляющими были картины. Так, в благодарность Александру за его меценатство (задолго до Мecenата), эфесцы заказали его портрет прославленному художнику Апеллесу, к-рый изобразил героя-полководца с молнией в руке, подобно Зевсу. Причём поразительным художественным эффектом полотна заказчики заплатили автору 25 золотых талантов — крупнейший гонорар древности за одну картину! Святилище пользовалось подтверждённым римлянами священным правом храмового убежища. Город, считавшийся хранителем храма, попал в число святейших городов древности и удостоился от римского сената почётного титула «Неокорос».

Между тем, ещё за век до появления в М.Азии римлян, в 296г. до н.э. Лисимах Фракийский «сдвинул» Эфес на место его последующего античного местонахождения и назвал его ненадолго удержавшимся за городом именем своей жены Арсинои. В IIIв. до н.э. для защиты портового полиса с роскошной большой гаванью Панорм (в Ср. века занесённой песком) были построены высокие крепостные стены в 9 км

длиной на территории 345 га, плюс – естественная защита из-от гор Пион и Коресс. Эфес располагался у их подножия, при устье Каистра (Малый Мендерес).

После победы римлян над Антиохом III при Магнесии (190г.) Эфесом, с их подачи, на период 189 – 33гг. завладело Пергамское царство (250 км от Пергама). Со 133г. (дата начала эфесской летоисчислительной эры в эпоху Imperium Romanum), вместе с завещанным Риму Атталом III Пергамом, – в составе Римской империи. 88г. до н.э. – кровавая Эфесская вечеря Митридата Понтийского, жертвами к-рой пали 80 тыс. римских граждан. 84г. – карательное сожжение города Суллой. 73г. – пышные эфесские празднества Лукулла. В 44г. до н.э. эфесцы дружелюбно приняли Брута и Кассия. В 41г. подпали тяжёлой контрибуции триумвира Антония, с санкции к-рого, кстати, на ступенях храма Артемиды была убита в угоду Клеопатре её, лишённая в угоду Антонию права убежища и вынужденная покинуть навстречу смерти неприкасаемую территорию храмового комплекса, сестра (соперница) Арсиноя.

Начиная с Августа и до разорения позднеантичного Эфеса в 262/63гг. н.э. готами – мирное ок. 250-летнее процветание (учитывая землетрясение 17г. н.э. при Тиберии), богатение, религиозный и культурный декаданс мирового эллинистического полиса с этнически и сословно пёстрым народонаселением численностью в ок. 250 тыс. чел., к чему в IIIв. н.э. прибавились кризисы – политический и экономический. Культ римского цезаря-кесаря почитался в специально сооружённом храме; городской театр вмещал 24 тыс. зрителей и имел 66 зрительских рядов.

Город-полис, со своим сенатом и народным собранием, был центром римской сенатской провинции Асия/Азия, где резидировал римский консулярский наместник-проконсул Asiae. Основные римские пути-коммуникации с Запада на Восток проходили через Эфес, откуда сухопутная дорога вела вглубь М.Азии и дальше – в Армению, на Кавказ, в Иран, а дороги морские – в Киликию, Сирию, Египет, Африку.

* * *

Тиранн, в эфесском училище к-рого Павел, дистанцировавшись спустя ок. трёх месяцев от синагоги, из-за ожесточения против него и проповедуемого им христианства иудеев, преподавательски подвизался с, как сказано, начала 55 по начало 57гг., т.е. ок. двух лет, был, по всей видимости, греческим ретором/ритором или философом во главе училища, в к-ром обучали философии или ораторскому искусству («Т.Б.», т.3., с.141). Являлся ли он, носитель греческого имени, язычником? или либеральным прозелитом, (пред)расположенным к христианству (скорее, второе, чем первое)? – неясно.

Так или иначе, им была предоставлена (ординированному учителю-равви) Павлу уникальная возможность заняться преподаванием в школе не только среди отпавших от синагоги Иудеев, но и среди Еллинов, что явилось крайне важным и позволило Апостолу язычников впервые ойкуменически развернуться и ойкуменически реализоваться на данной ниве по полной.

Причём манускрипт «А» Д.Ап. содержит интересную информацию о ежедневном павлианском, на протяжении 2-х лет, учительстве в школе Тиранна с 5-го до 10-го часа = с 11 утра до 4-х часов пополудни. А в анонимном датируемом IV-м в. (ок. 380г.) «Комм. на 2Кор.11,23» (за сомнительным авторством Амвросия Медиоланского) сказано, что с 6-и утра Павел трудился, зарабатывая на хлеб насущный, в мастерской, при доме Акилы и Прискиллы, по деланию палаток, приступая с 11-и часов к преподаванию в расположенном неподалёку училище, где в его распоряжении была соответствующая аудитория.

Обратим внимание на следующее. Ещё ни в одном месте за пределами Палестины, после его ослепления-просветления на пути в Дамаск и обращения-крещения в Дамаске – 34г., не считая 3-х лет, с 34 по 37гг., в Аравии и 3-х лет, с 37 по 40гг., в отчет Тарсе Киликийском, Павел не проводил, со дней начала в 45г. своей путешественно-миссионерской деятельности, так много времени, как ныне в Эфесе. Напомним, в Коринфе он провёл полтора года (52 – 54гг.).

И за это время (54 – 57гг.) из Эфеса он коротко отлучался максимум в пределах провинции Азия (ни в коем разе, не посещая вторично, вопреки безосновательным фантазиям экзегетов, до зимы 57/58гг. никакой Коринф) (см. ниже), тогда как к нему за учением и мудростью приходили не одни лишь эфесяне, но и – как изголовавшиеся по духовному обновлению обитатели провинции Азия, так и шире – в первую очередь, языческие и, во вторую, иудейские насельники, вероятно, всей – до Понта, Каппадокии и Киликии – Малой Азии, равно – слушатели лекций с Эгейских островов и из Греции.

И если 3 павлианских года в Аравии или затем 3 года в Киликии были годами-временем отнюдь не столько проповеди, хотя и там, и там Павел, несомненно, приобщил к христианству какое-то количество набатеев и тарсициев, сколько временем медитативно-подготовительно-осмыслительного уединения и внутреннего постижения Мистерии Голгофы, временем погружения фарисейского посвящённого в мистику (в алхимию) христианства, то 54/55 – 57гг. Павла в Эфесе заложили основу превращения космополитического Эфеса (где в 67 – 100гг. действовал, придя на смену Павлу, Иоанн Богослов) и Азии во Пв. н.э. в самый христианизированный город и в наиболее христианский регион Ойкумены! В своеобразную духовную столицу, в своеобразный духовный центр становящегося интернационально-эллинистического, при римской державной оправе, христианского мира!

Ведь именно здесь в Эфесе, с её многонациональным грекоязычным составом населения, на культурно-религиозной базе классического (в то время как Антиохия была Сирийской, Коринф – Ахейским, а Александрия – Египетской) ионийского эллинизма, молодое христианство впервые в максимально продуктивной и полной мере переключилось с еврейства и иудейства на язычество, с иудейской – на антично-языческую почву и неопитскую паству. И именно здесь христианская проповедь и христианское миссионирование достигли тех результатов и успехов, каких они ранее не знали.

К тому же, не случайно всё это происходило с городом Артемиды в пору (сменившей эпоху Сатурна) начала и дальнейшего расцвета ротационно-архангельской эпохи Анаэль-Венеры (108 – 462гг.). И не случайно позднее, уже в декадентном антично-христианском Эфесе 431г., в пору утверждения церковно-государственного христианства, на исходе убывающей (навстречу интеллектуалистской эпохе Юпитера, к-рая всегда таит опасность выплеска, наряду со спиритуальной мудростью, в т.ч., материалистического интеллектуализма)⁹ эпохи Анаэль-Венеры, состоялся принявший (противонесторианские) богородичные догматы Кирилла Александрийского III-й Вселенский собор!

⁹ Именно в эпоху Захарила-Юпитера (XXI-XVIIвв.) Египет Среднего царства достиг своего пика в период 12-й династии, когда Израиль пришёл в Египет (XIXв.), где великий везирь (чачи) Иосиф (+ 1807г.) стал новым Гермесом Трисмегистом для египтян, и именно в эпоху, опять-таки, Юпитера Сет *был убит* Тифоном, что означает торжество тифонического импульса и роковую тифонизацию мирового развития поры Кали-юги, в 1828/27гг., по истечении 1080 лет = половины Космического месяца (2160 лет) – в составе III-й, под знаком Тельца, Пост-Атлантической Египетско-Халдейской культуры (2908/07 – 748/47гг.).

А в новую эру, в пору IV-й Греко-Римской культуры (748/47гг. до н.э. – 1413гг.; середина – 333г. н.э.), под знаком Овна (Агнца), именно в очередную ротационную эпоху Юпитера

Примечателен приводимый Дееписателем случай с 7-ю сынами Иудейского первосвященника Скевы (*левша*), под к-рым некто из первосвященнического рода, иначе говоря, по всему, представитель одного из 4-х иерусалимско-первосвященских кланов (Бозт, Анна, Камит, Фавит), сам никогда первосвященство не облакавший, однако, при каких-то ближе неизвестных обстоятельствах, попавший в Эфес и семейно обосновавшийся там. Его сыновья, к-рых Лк. представляет в составе скитающихся иудейских заклинателей, пытавшихся экзорцистски совладать со злыми духами именем и силой Господа Иисуса, проповедуемого Павлом, пробовали действовать медиумически, как бессознательные проводники силы Христовой и от Христа в Павле. Не демоны ли, как читатель знает, остро и часто первыми распознавали Иисуса и пускались наутёк от силы Господней, к к-рой не сумели приноровиться сыновья Скевы!

Поэтому-то злой дух в обладавшем незаурядной физической силой одержимом, зная Иисуса и зная Павла, что подчёркивается-акцентируется, не узнал в них, самозванцах, силу Господню, и соответственно, не бежал от них, но, напротив, набросился на них и одолел их. Христианством невозможно проникнуться старопосвятительно, посредством заклинаний и т.д., через голое посредничество, без личного и личностного приобщения ко Христу, без притягивания Христа в себя.

И неспроста, если выше благовестуются крестившиеся во имя Господа Иисуса и получившие через возложение Павловых рук Духа Святого 12 неопитов, без Еллина и Иудея, то сейчас в объективе именно 7 споткнувшихся сынов именно Иудейского первосвященника. Число Пространства и Число Времени. Число Ойкумены и Число Еврейства, эволюция к-рых невозможна отныне без взаимопроникновенного взаимодействия на новой христианской основе с несомым учительством-миссионерством-проповедью Апостола Павла Иисусом Христом в эпицентре.

То-то платки и опоясания с тела Апостола язычников, энергия и энергетика к-рого (своего рода одухотворённый-одушевлённый *perpetum mobile!*), пожалуй, не имеют аналогов во всемирной истории, исцеляли больных и изгоняли злых духов. То-то случившееся с 7-ю сынами Скевы вселило благоговейный трепет в эфесских Иудеев и Еллинов, — «и величаемо было имя Господа Иисуса». То-то развернувшему неутомимую кипучую работу Павлу с 54 по 57гг. удалось обратиться в Эфесе, пуская тут могучие корни христианства, многих и многих. То-то многие языческие чародеи, покаявшись-раскаявшись и обратившись, собрали и сожгли чародейские книги общей стоимостью в аж 50 тыс. драхм.

И пусть рассказ-отчёт Евангелиста-Дееписателя о плодотворнейшей, в сумме без малого трёхлетней, деятельности Павла в городе Эфес с, напомним, всего-того, августа 54 по май/июнь 57гг., достаточно суммарен, будучи одновременно благовестовательно исчерпывающим, тем не менее, масштаб и значение этой деятельности для вселенских судеб вышедшего в Ойкумену христианского вероучения трудно переоценить.

Притом не удивительно, что в итоге к конфликту возглавляемых Павлом, к-рый вербовал-набирал всё больше и больше неопитов как из языческого, так и из иудейского лагерей, христиан с иудеями, прибавился разразившийся в праздничные майские Эфесии 57г. острый конфликт с местными, при храме Артемиды Эфесской, обслуживавшими её культ артельно-ремесленными язычниками.

(462-816гг.) имели место как конец Древнего мира и рождение средневековой христианской Европы, так и завоевательный выход-выброс из Аравии — до Индии на востоке, Испании на западе, Нубии на юге, Кавказа на севере — халифатского арабизма, к-рый, вобрав в себя ариманический импульс 666г. (несмотря на разрушенный аравитянами сасанидский Гондешапур, откуда этот импульс изошёл), импульсировал (со временем) материалистический интеллектуализм нового типа.

Но прежде чем обратиться к этому инциденту-конфликту, произошедшему в то время, когда Павел, считая свою трудоёмкую работу в Эфесе по евангелизации Азии¹⁰ на этом этапе выполненной, уже собирался отправиться после июньской Пятидесятницы в Македонию, разберём ещё ряд тем, проблем, вопросов, начав с Павлова Послания к Галатам, составленного в Эфесе и отправленного из Эфеса, как отмечалось выше, не ранее и не позднее 55г. н.э.

ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА К ГАЛАТАМ

(55г.)

Выше мы не раз касались Послания к Галатам и самих Галатов, под к-рыми, несомненно, (перво-наперво) эллинизированные кельты-галаты (= галло-греки) Центральной Анатолии (Галло-Греция). Точнее, Послание адресовано обратившимся в христианство кельтско-галльским общинникам – потомкам пришлецов-мигрантов в М.Азию из Европы в Шв. до н.э. – триоплеменных – трокмов, тектозагов, толистобогов. Поскольку (повторяем) Павел никак не может называть Галатами (да ещё в столь выразительном контексте: «О несмысленные (именно) Галаты!» – 3,1) ликаонцев или писидийцев или писидийских антиохийцев (т.е. не кельтов-галатов) в составе римской провинции Галатия, административно-территориальный охват к-рой на порядок больше области малоазийского обитания кельтов и вовсе не всюду, в плане границ, с ней совпадает.

Далее, из Д.Ап.16,6 и 18,23 однозначно следует (и двух мнений тут быть не может), что Павел был «в Галатийской стране» (16,6) = «в стране Галатийской» (18,23) дважды – в, о чём мы знаем, начале своих Второго и Третьего миссионерских путешествий, т.е. в 51 и в 54гг. И это же подтверждают слова самого Павла, адресуемые Галатам о его благовествовании им в *первый раз* (4,13), сообразно чему, следовательно, был и *второй раз* (51 и 54гг.) (см. выше).

Причём, напомним, в первый раз Павел благовествовал в Галатии «в немощи плоти» (последствия его ослепления на пути в Дамаск в 34г.? и его предсборного восхищения до Третьего Неба в 51г.?) после пропавлианских решений-постановлений Апостольского собора 51г. в пользу открывавшего перед христианством широкую дорогу в Ойкумену необременительного (без соблюдения обрезания и прочей иудейской обрядовости) обращения христиан из язычников.

А из слов горького упрёка Павла в 1-й гл. Послания «Удивляюсь, что вы от

¹⁰ В Эфесе/Асии с Павлом, помогая ему, трудились, насколько явствует из Д.Ап.19,22, Тимофей и (коринфянин) Ераст (см. выше), к-рых он, следует понимать, после окончания зимой своей преподавательской деятельности в училище Тиранна (что не означает окончания деятельности в Эфесе), по весне 57г. снарядил перед собой, сам оставшись на время (до июня) в Асии, в Македонию. Далее, возможно, в эфесской деятельности Павлу какое-то время сопутствовал Тит, а также, можно предположить, обращённые здесь, в Эфесе (?), – «Асийцы Тихик и Трофим» (Д.Ап.20,4), и др. сотрудники.

Надо сказать, что это свидетельство Деесписателя о снаряжении Павлом в Македонию Тимофея и Ераста вроде бы вступает в видимое противоречие с 1Кор.4,17 и 16,10, где Павел, пишучи Коринфянам весной 57г., говорит, что послал Тимофея к ним. Но в реальности противоречие можно снять, так как, либо Тимофей и Ераст (или только Тимофей) могли прийти в Македонию через Коринф (к-рый в данном контексте в Д.Ап. опущен), либо Тимофею предстояло навеститься в Коринф, выполняя поручение Павла, из Македонии. Во всяком случае, во время написания 2Кор. осенью 57г. мы снова находим Тимофея при Павле в Македонии (1,1). Вероятно он пришёл из Коринфа в Македонию ещё летом (и вряд ли удачно побывав в Коринфе), так как после него Павел направил туда Тита (2Кор.2,12/13; 7,5-7) (см ниже).

призвавшего вас благодатию Христовою, так скоро переходите к иному благовествованию...» (1,6), иначе говоря, из слов о скором отпадении Галатов после второго благовествования им летом 54г., явствует, что это отпадение имело место в скором после второго благовествования времени. И значит, Послание было написано Павлом в Эфесе, на злобу дня, по получении тревожных вестей из расположенной в ок. 400/500 км от Эфеса Галатии, оптимально (более года спустя) во второй половине 55г. н.э. Так оно стало следующим – третьим по счёту – из канонических Павловых Посланий – после двух его Посланий к Фессалоникийцам, написанных-отправленных из Коринфа в 53г. (см. выше).

При этом, если выходцы из галльской Европы Галаты крайне восточные (не считая адресатов стоящего особняком Посл. к Евреям) адресаты павлианских Посланий в Азии, то Римляне (к-рым он напишет зимой 57/58г., вернее, к весне 58г., из Коринфа) – крайне западные адресаты Посланий в Европе. И не случайно Павел пришёл в Асию/Азию (Эфес) на обратном пути в Палестину/Иерусалим из Европы (54г.), а не наоборот. И не случайно среди 7-и общинных адресатов Посланий *первого христианского европейца* Павла (пути к-рого всё время тендируют-смещаются-перемещаются с оливкового Востока на оливковый Запад – до Рима и Испании) 4 общины европейские (Фессалоникийцы, Коринфяне, Римляне, Филиппийцы), и только 3 – азиатские (Галаты, Колоссяне, Ефесяне). Обращающий на себя внимание перевес *дщери* Европы (грядущее) над *матерью* Азией (былое).

Теперь по сути и существу. Послание к Галатам – наиболее остроподемическое из Посланий Павла, к-рое даже острее-подемичнее, чем 2/3 Кор. (см. ниже), единственное, в к-ром нет обычных приветствий и благодарений. По «Словарию Нюстрема», оно делится на три части: защитительную (1,1; 2,1); подемическую (3,1; 4,1); практически-увещательную (5,1; 6,1). По комментарию же «Брюссельской Библии» (с.2057-59), первые две главы манифестируют божественность источника павлианского учительства; две средние (3/4) посвящены спасению верою во Христа, к-рая упраздняет прежние отношения Бога и человека, основанные на Моисеевом законе; и наконец, две последние (5/6) содержат духовные начала христианской жизни.

При всём том, Апостол с самого начала акцентирует свой (оспариваемый его противниками) особый (эксклюзивный) апостольский авторитет, базирующийся не на свидетельствах от человеков, но на благовествовании воскресенского-вознесенского Христа, К-рый персонально-посвятительно явился лично ему и призвал его, по откровению-сокровению, полученному (именно) им, – что крайне важно, – непосредственно от Иисуса, на служение. Иисус искупительно спас человека и человечество Своей крестной Жертвой, чего иудействующие павлианские оппоненты не принимали как истину в полном объёме, одновременно отвергая законность посланничества (не знавшего Иисуса в земной жизни) Павла и подлинность его авторитета (дескать, – самозванца, «явившего себе» Христа на пути в Дамаск). Однако, источник Павлова благовестия, на чём он делает упор, именно (в отличие от жетолкований иудействующих лжеучителей) просветившее его (солярное) явление и именно прямое откровение ему (эфирного) Христа.

Всё Послание от начала и до конца есть могучая симфоническая апология господственного Евангелия! Если в 1-й гл. говорится о призвании Павлом Галатов благодатию Христовою (1,6), то в заключительных стихах последней главы звучит: «...никто не отягощает меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моём. / Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь» (6,17/18).

Повод к написанию – пришедшие, как сказано, в Эфес сведения о появлении иудействующих (= иудеохристианских) лжеучителей в галатских общинах, в части из к-рых их требования обязательного обрезания (объявленного необязательным =

отменённого-упразднённого для язычников Апостольским собором) и соблюдения различных ритуально-церемониальных норм-положений Ветхого Завета-Закона – праздники (4,10), пищевые запреты (2,12; 14) – взяли верх.

Сим ставилась под угрозу или сводилась на нет титаническая работа, к-рую проделал Павел, ибо это было чреватое отпадением в иудаизм особо любых его сердцу кельтов-галатов (в ракурсе духовного *исшествия* имманентной эзотерической Кельтики в эзотерическое христианство) и шире – угрожало (буде данная тенденция эпидемически распространится из незаменимо важного для христианства и христианизации Ойкумены анатолийского сердца М.Азии) свёртыванию взятых Павлом на вооружение вселенских масштабов христианской проповеди (без Еллина, Иудея... и т.д.).

Не он ли – посвящённый фарисей в прошлом – совершил радикальный поворот-переворот к суверенной вере во Христа, к спасению человека исключительно Распятым и Воскресшим Христом и, перво-наперво, верой в Него, поставив и Христа, и христианскую веру над Моисеевым законом, к-рый был предуготовителем Спасителя и к-рый выполнил свою миссию с Его Пришествием, так как не кто иной как Христос исполнил Древний Завет-Закон, исполнившийся во Христе, в Его Жертве, Смерти и Воскресении, без К-рых вера христиан тшетна. И Павел, по природе Иудей (Еврей Евреев из колена Вениаминова), а не из язычников грешник (Гал.2,15), более всех из Апостолов понял-осознал насущную необходимость выхода животворного христианства из оков народа в законе – в обетованную Ойкумену, дабы не задохнуться в затхлом гетто, но развернуться на весь мир, на всю обетованную Вселенную.

Не он ли вступил в спор с Петром, кто, между прочим, первым обратил ещё в 40г. язычника Корнилия без обрезания, дав тем самым зелёный свет обращению необрезанных; потом, спустя 11 лет, тот же князь Апостолов Пётр поддержал Павла на Апостольском соборе; но затем, при знакомых нам обстоятельствах, под их воздействием, он временно отступил. И в этом отступлении 51г. с Петром были солидарны некоторые прибывшие из Иерусалима в Антиохию от Иакова, брата Господня. И, мало того, даже очень близкий Павлу Варнава (к-рый привел Павла в 40г. из Тарса в Иерусалим и был с ним в Первом миссионерском путешествии 45 – 48гг.) сделал тогда шаг назад, в то время как сам Павел остался непоколебим. И именно благодаря ему, Павлу, взявшему на себя всю ответственность, триумфальное шествие христианского миссионирования до краёв земли, в люди-человеки, народы, страны, без, скажем снова, иудеев, сирийцев, еллинов, римлян и т.д., ойкуменически началось и победоносно продолжилось.

* * *

Тем временем, иудействующие лжеучителя отвергали максимуму Павла в отношении обращённых язычников-галатов – «или – или», сиюсь установить нерасторжимую подчинительную связку-компромисс между Моисеевым законом и павлианской свободой от него = свободой воли во Христе, толкая-подталкивая обращённых-крещённых кельто-галатских неофитов в рабство к Закону. Так иудео-христианское крыло галатийских общин противостояло Павлу, чем пускались под откос плоды его деятельности, чем перечёркивались его авторитет и призвание.

В лице Галатов Павел, можно сказать, набрёл на *Европу* в *Азии* (к-рая, как М.Азия, была в то же время Европой в Азии!) и открыл соляным кельто-грекам (к-рым были в достаточной мере чужды декадентные оргиастическо-экстатические культы М.Азии) во всём Его великолепии Солнце Христа. А ныне этих драгоценных неофитов пытались мумификаторски увести-завлечь-вовлечь в саркофаг ветхоза-

ветного законничества, надев на них пагубные для с совсем недавних пор исповедуемого ими молодого христианства древнезаветно-талмудические вериги.

И замечательно сходство Посланий к Галатам и к Римлянам, где также ведётся борьба с иудео-христианской еретической опасностью, правда, не без упоров на угрозу со стороны оппозиции языческой. Мумифицированное римское право (*Corpus Iuri*) и мумифицированный Ветхий Завет, приправленный-нашпигованный популярными преданиями старцев (613 талмудических запретов!) Мёртвые формы при отсутствии ставшего вчерашним днём живого содержания, тлен и прах в инкрустированных гробах. То-то и в Послании к Галатам, и в Послании к Римлянам решительно парируется вторжение иудеохристианского еврейства в жизнь и деятельность неоперившихся новозаветных общин.

Дело было в том, что победа павлианского курса на Апостольском соборе, в сущности, являлась несформулированным перспективным разрывом между христианством и еврейством, приговором еврейству в христианстве, к-рые – разрыв и приговор – были неизбежны. Павел взял на вооружение качественно совершенно иной новый христианский прозелитизм, не отягощённый ветхозаветностью (тяжёлой ветхозаветной наследственностью), к-рая, естественно, проявила себя сопротивлением этому курсу, но была в перспективе обречена, навсегда уступив вселенской дименсионы христианству, против к-рого ни у еврейского, ни у тшетно искавшего равновесный паритет иудеохристианского миссионирования, по большому счёту, не было шансов.

В Посл. к Гал. идёт открытая полемика против тех, кто считал, что спасение может быть основано на чём-либо ещё, помимо эпицентрально-ключевой искупительно-спасительной жертвы Христа на кресте Голгофы. Любая хвала-самопохвала, кроме хвалы крестом Господним, для Павла неприемлема: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, к-рым для меня мир распят и я для мира, / Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь» (6,14/15).

Посему всякая уступка законничеству есть, по Павлу, поворот назад (рецидив) и аналогичное обратному ввержению Галатов в язычество служение миру сему (4,8). Закон имел как для иудеев, так и для язычников промежуточное переходящее значение держателя в страхе Божиим и воспитателя-подготовителя людей к пришествию и принятию Христа (3,1). Христос же Своим исключительным явлением и вершением-исполнением, являясь встречей человека со своим высшим Я, Сам, принесённой Им на Земле жертвой и на Землю любовью, спасает человека, делая его новой-обновлённой креатурой, делая его более не *рабом*, но *сыном*, делая его Израилем Божиим (6,16).

При этом Павел идёт ещё дальше, манифестируя, в какой мере Христос стал исполнителем закона и инаугуратором смены Ветхого Завета Новым. Там, где царит дух, закон исполнен. Сущность нового человека во духе, соответственно к-рому христианин живёт и поступает: «Но те, к-рые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. / Если мы живём духом, то по духу и поступать должны» (5,25/26).

И, судя по всему, это страстное вопиющее Послание с его ревностной защитой божественности евангельско-христианского учения, с утверждением свободы верующих от закона, с проникнутыми любовью предупреждениями и увещаниями к Галатам, не осталось не услышанным, не осталось, достигнув поставленной цели, безрезультатным. То-то в последующих павлианских Посланиях нигде не упоминается о продолжении или обострении галатской проблемы, напротив, из Первого Послания к Коринфянам, написанного весной 57г., явствует (16,1), что на данное время галатские общины жили-действовали в полном сообществе и единстве с установлениями акцентирующего, наряду с любовью к ближнему, приоритет имен-

но благодатной веры в непреходящего Христа над преходящими «делами закона» и отделяющего «дела плоти» от «плодов духа» всемирного Апостола язычников.

Ещё ни один еврей-иудей (в прошлом ярый законник) не становился в такой мере гражданином планеты и не выходил в такой мере за стан = за колючую проволоку стоящего на пороге талмудизации (после разрушения в 70г. храма) старозаконнического гетто народа в законе, в какой гражданином планеты стал и в какой из национально-религиозного еврейского гетто вышел (как из концлагеря!), зовя за собой всех христиан, в обетованное мировое пространство Павел!

Бого-Человек искупительно-спасительно для всякого колена и языка и племени взял на себя общее проклятие, сделавшись в Распятии проклятым, висящим на древе, а в Воскресении – одолителем-победителем проклятия и смерти. В божественном домостроительстве закон имеет значение подчинённое, не животворя, но являя всеобщность греха и невозможность спасения без искупления. Закон был передан народу Божию рукою посредника Моисея, тогда как во Христе исполнилось обетование Авраама, изошедшее непосредственно от Бога. Закон оберегал несовершеннолетнего Израиля («Из Египта воззвал Я сына Моего»), в то время как со Христом («К-рый родился от жены, подчинился закону») пришла полнота времени и возраста, реализованная-манифестированная-исполненная величайший из Мистерий всех времён и народов – Таинством Голгофы!

И неспроста в гл. 4 иносказательно-параболически говорится о сыновьях Авраама от рабыни Агари и от свободной Сарры: один – Измаил – сын по плоти, другой – Исаак – чадо по обетованию. Если (египтянка) Агарь – прообраз Ветхого Завета, скреплённого на (горе скрижального Моисеева откровения) Синае, на горе племени Израилева, и прообраз земного преходящего Иерусалима, то свободно-рождённая (евреянка) Сарра – мать свободнорождённого (прообразного Христу) Исаака – прообраз Завета Нового, марианский прообраз Церкви Христовой и Иерусалима Вышнего = Иерусалима Небесного = Иерусалима Непреходящего. Потомки Агари подневольны древнему закону, духовные потомки Сарры свободны во Христе, и именно им – народу Христову = Новому Израилю принадлежит наследие обетования.

Христианам необходимо усвоение закона в Духе. Ожидающим же оправдания от ветхого закона через возвращающее христиан и христианство в еврейские или иудеохристианские кандалы обрезание и т.д. нечего ожидать от Бога – не колена, не языка, не народа, не племени, но от Бога человеческого Я и Бога сообщинников во Духе – Иисуса Христа. И свобода во Христе есть не произвол, а жизнь в Духе, к-рый требовательнее закона. Водимый Духом распялся со Христом, свободный во Христе сораспялся Христу. Кто следует побуждениям плоти, пожнёт тление. Кто, побуждаемый Духом Святым, сеет в духе, пожнёт жизнь вечную.

И не на пустом месте именно Послание к Галатам содержит (повторим) весьма важную биографическую и хронологическую информацию о жизнедеятельности Апостола язычников (гл.1/2): 3 года от обращения Павла в 34г. до его послеравийского прихода (из Дамаска) в Иерусалим в 37г. (1,18); и 14 лет (полнолетние сроки!) от его прихода в Иерусалим в 37г. до его (по откровению восхищения на Третье Небо) прихода (из Антиохии) на Апостольский собор в Иерусалим в 51г. (2,1/2). Хроноопорные в истории-метаистории христианства и Века Апостольского метаисторические вехи, без к-рых ни полноценная хронореконструкция Деяний Апостольских, ни последовательно-повествовательная реконструкция хронологии деяний Апостола Павла не были бы возможны.¹¹

¹¹ Небезынтересно обратить внимание на, в частности, календарный фатализм, присущий созвучным между собой или минимум не чуждым друг другу как агарянам-египтянам, так и сынам Агари (от Авраама) арабам-исмаэлитам. Если древние египтяне, использовавшие пла-

СКОЛЬКО БЫЛО ПОСЛАНИЙ ПАВЛА К КОРИНФЯНАМ?

Также из Эфеса, либо между Пасхой (8.04) и Пятидесятницей (28.05.) 57г., либо ещё до Пасхи (что скорее) (см. ниже), Павлом было написано и отправлено (в преддверии планируемого им посещения с лета Македонии и Греции, или Греции и Македонии) (см. ниже) 1-е Послание к Коринфянам, в к-ром содержится, в частности, указание-намёк на либо уже отпразднованную, либо (скорее) предстоящую Пасху (5,7/8) (см. ниже). Впрочем, ещё раньше – в 55 или в 56гг. – он отправил в Коринф, следуя словам из 1Кор.5,9 («Я писал вам в послании...»), послание, к-рому не нашлось место в каноне, или к-рое было утеряно до III/IVвв., и в любом случае, до нас не дошло.

Относительно же имеющих ныне в каноническом наличии 2-х Посланий к Коринфянам, по нашему убеждению, в IV. н.э. Второе из них делилось на 2-е (главы 1-9) и 3-е (главы 10-13), написанные, оба из Македонии, одно – осенью 57-го, другое – зимой/весной 65гг. Однако, со временем, притом достаточно рано, по прошествии Века Апостольского, предположительно, (уже или ещё) в первой четверти или в первой половине Vв. н.э., они, писанные-отправленные в разные годы, но при внешне схожих условиях-обстоятельствах, и сходные по содержанию, слитные апологетически, слились-сомкнулись в одно (известное с тех пор как) 2-е Послание к Коринфянам.

При всём том смутным-глухим отголоском этого раннего апологетического слияния (dua в mono = поглощения 3-го Послания 2-м), отголоском знания о существовавших некогда Трёх (продолжающих одно другое) Посланий к Коринфянам является хорошо известное ныне (не связанное с каноническими 1 и 2Кор.) 3-е апокрифическо-гностическое «Посл. к Коринфянам», к-рое, к слову добавить, в Ср. века входило (наряду с «Завещанием 12-и патриархов») в состав армянской Библии, и доступный сегодня текст к-рого есть (впервые сделанные в XVIIв.) переводы с армянского (на к-рый этот апокриф был в своё время переведён с сирийского).

И перед тем как приступить к раскладу 1Кор., скажем, если уж разговор по вышесказанной теме-проблеме, к к-рой мы ещё не раз будем обращаться, начат, следующее. То, что 2Кор. (главы 1-9) писалось не ранее осени 57г., выводится из последней главы 1Кор., писавшегося по прошествии зимы 56/57гг. – до или после апрельской Пасхи. После зимы, – поскольку в 1Кор.16,6 Павел сообщает Коринфянам о своём намерении прийти к ним так, чтобы и пожить, и перезимовать у них; стало быть, – перезимовать ближайшую зиму, о чём он не может сообщать до

вающий солнечный год длиной в 360 дней + 5 эпагоменов, упорно отказывались присовокупить к ним (раз в 4 года) 366-й високосный день, то арабы-мусульмане отказались (отлично от иудеев) вставлять в свой лунный 12-месячный календарь 13-й високосный месяц, вставку к-рого Мухаммед запретил. Не характерны ли в обоих случаях, несмотря на разницу календарей, (хамито-семитские) точки соприкосновения – ментально фаталистический подход: недопустимость волевого человеческого вмешательства в компетенцию высших-вышних сил.

Если все попытки введения в Древнем Египте (параллельного плавающему) стабильного года до (сделавших это в 26г. до н.э.) римлян оканчивались неудачей, то в Средние века знаменитый хорезмийско-мусульманский учёный Бируни (973-1048гг.), возмущаясь сложностями еврейского календаря, точнее, волюнтаризмом ответственных за него «иудейских жрецов», писал: «О, эти иудейские жрецы, они расставили тенета и сети, чтобы уловить простых людей и подчинить их себе. Они добились того, что люди ничего не предпринимали несогласно с их мнением и пускались на какое-нибудь дело только по их предначертаниям, не советуясь с кем-либо другим, словно эти жрецы, а не Аллах – властители мира. Но Аллах с ними рассчитается...»

предыдущей зимы, пишучи, соответственно, по её прошествии, т.е. оптимально – не ранее весны 57г.

А ниже говорится: «В Эфесе же я пребуду до Пятидесятницы» (16,8). Следовательно, коли ориентировочный фикс-пункт – Пятидесятница, значит, Послание, по логике, пишется ок. времени – до или после предшествующей фикс-даты – Пасхи. А то, что в объективе Пятидесятница именно 57-го г., вне сомнений, ибо только так набираются ок., в общей сложности, трёх лет (2 года и 9/10 месяцев), с августа 54 по июнь 57г., кипучей деятельности Павла в Эфесе – срок (3 года, или, правильнее сказать, ок. 3-х округлённых лет), к-рый специально констатирует-оговаривает Д.Ап. (20,31) (см. выше и ниже).

Далее, в 2Кор.1,15, собираясь из Македонии осенью 57г. на зиму в Коринф (Ахайя), Павел говорит, что намеревался прийти к Коринфянам ранее, – «чтобы вы вторично получили благодать», ещё раз подчёркнуто подтверждая это чуть ниже – «шадя вас, я доселе не приходил в Коринф» (1,23). Т.е. осенью 57г. он пишет, что собирался во второй раз прийти в Коринф, куда в первый раз пришёл осенью 52-го и пробыл там до весны 54г. Засим после этого он до осени 57г. = до времени написания 2Кор.(1,15;23), в Коринфе, несмотря на намерение прийти туда во второй раз раньше, что подтверждается весной 57г. в 1Кор.4,19 («скоро приду к вам») и осенью 57г. в 2Кор.1,16 (см. ниже), не бывал, не побывал (– до зимы 57/58гг., к-рую ему довелось провести в Коринфе).

Более того, если в 1Кор.16,5 Коринфянам сообщается о намерении Павла прийти к ним, пройдя через Македонию, то по 2Кор.1,16, выходит, что он намеревался прийти летом сначала в Коринф (Ахайя), и уже оттуда, из Ахайи, пройти в Македонию, чтобы потом из Македонии опять прийти в Коринф и отсюда отбыть в Палестину.

В итоге, покинув Эфес после разразившегося против него в мае языческого выступления и после майской Пятидесятницы 57г., июньским летом, он, не найдя Тита в Троаде (2Кор.2,12/13), отправился из Троады не в Коринф, а в (ближнюю) Македонию. Из Македонии же (встретив там прибывшего из Коринфа Тита, снаряжённого ранее в Коринф, так как коринфская миссия Тимофея, надо думать, не имела успеха) Павел сначала побывал в (первоначально не запланированном) Иллирике, и только потом, вернувшись в Македонию из Иллирика, на зиму 57/58гг. пришёл в Коринф, из к-рого, проведя там три зимних месяца, весной снова прошёл через Македонию, и уже отсюда отплыл, минуя Асию (Троада; Милет), в Палестину (Д.Ап.20).¹²

Вроде всё так. Но ниже натываемся на такое: в 2Кор.12 и 13 дважды говорится: «Вот, в третий раз я готов идти к вам» (12,14), и «В третий уже раз иду к вам» (13,1). Возникает противоречие. Спрашивается, когда же (воз)имел место быть *второй раз* (!), коли Павел на зимовку 57/58гг., буде, конечно, он пишет об этом в 57г. (что совсем не так!), как будто уже в *третий раз* идёт в Коринф, хотя согласно 2Кор.1,15/16;23, он ещё не успел прийти туда во второй раз?!

И ответ отыскивается-находится в 2Кор.13,2, где после намерения Павла в 13,1 в третий раз прийти в Коринф говорится, пусть в русском синодальном тексте-переводе (сродни ряду греч. манускриптов) не очень внятно¹³, о его уже состоявшемся втором приходе в Коринф: «Я уже предупреждал вас, когда был у вас во

¹² В подробности-объяснения-разъяснения по поводу всех этих сложностей-перипетий касательно планов Павла, в смысле очерёдности посещения им Македонии и Греции, или Греции и Македонии, Лк. в Д.Ап., понятно, не вдаётся, благовествуя собственно свершения в их событийной, а не в плановой и событийной последовательности

¹³ «Я предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь отсутствуя пишу прежде согревшим...»

второй раз...» («Новый русский перевод Библии»).¹⁴ Стало быть, этот **второй приход** имел место быть между 2Кор.1,15, где Павел собирается в Коринф во второй раз, и 2Кор.13,1/2, где он собирается в Коринф в третий раз, посему, вторично в Коринфе, само собой, уже побывав. Не так ли!? И стало быть, каноническое Второе Послание к Коринфянам содержит в себе (как оно наверняка содержало искони, ибо других вариантов нет) **Второе** и **Третье** Послания Ап. Павла к Коринфянам! Казалось бы всё достаточно просто...

Но теологи-экзегеты, игнорируя 2Кор.1,15/16;23 в связке с якобы невнятностью в 2Кор.13,1/2, например, Цанн («AG», S.680), Бок («Paulus», S.176/77), «Lexikon zur Bibel» (S.925/26)¹⁵ и многие др., чтобы заполучить этот пресловутый «третий», сообразно 2Кор.12/13, приход Павла в Коринф, пытаются *обнаружить* и *втиснуть* т.н. затерянный «второй» приход в павлианскую эфесскую трёхлетку. Дескать, за 3 эфесских года (информация по к-рым в Д.Ап. сжатая и суммарная) Павел вполне мог, отлучившись из Эфеса, коротко побывать в Коринфе во второй раз, о чём, мол, Лк. в Деяниях, опустив-пропустив это короткое посещение, почему-то не упомянул. Неужели?!

Во-первых, Павел — главный персонаж означенной части благовествования-повествования Д.Ап. — не есть ни Тимофей, ни Тит, посещение к-рыми, или одно из посещений к-рыми (либо кем-то из них) Коринфа Лк. мог бы не упомянуть (см. выше)! И потому таким непонятно-неупоминательным образом экзегетами и неуклюже, и, что хуже, крайне грубально ломается вся благовествовательная повествовательная канва (мета)исторической Книги Деяний (за авторством автора Евангелия от Павла!)

Спрашивается, почему бы, в сём случае, не отправить Павла, как сказано, в интервале 54 — 57гг. не сугубо в Коринф, но и (в жанре антинаучной фантастики) аж к ольмекам в Америку или (на радость мадам Блаватской) к махатмам в Гималаи?! Ведь эфесская трёхлетка (информация по к-рой скудна и суммарна) теоретически позволяет втиснуть-впихнуть в неё и ближние, и «дальние» виртуально-эвентуальные павлианские командировки-горизонты.¹⁶

Во-вторых, при верно реконструированной хронологии и при внимательном прочтении 1 и 2Кор, получается, что, во всех случаях, Павел должен был побывать «во второй раз» в Коринфе никак не раньше, чем после написания 1Кор. весной 57г., более того, во время после его отбытия-отплытия из Эфеса в Македонию, по прошествии Пятидесятницы, в июне и до его прихода в Коринф (якобы) «в третий раз» к зиме 57/58гг. Однако, в данный промежуток времени это «второе» посещение (Коринфа) не втискивается, уж не говоря о явном противоречии между (просящимися в два различных и разновременных Послания) 2Кор.1,15/16;23 и 2Кор.12,14; 13,1.

¹⁴ В ряде древних греческих манускриптов, в армянской Библии и в западных текстах аналоги «Нового русского перевода», с к-рым, кстати, солидаризируется по смыслу в начале XXв., корректируя и делая-позиционируя чётче-яснее синодальный переводный текст, (ещё или уже) «Т.Б.» (т.3, 2Кор.13, с.177: «...при моём втором пребывании у вас...»)

¹⁵ Если Цанн и Бок в этом «промежуточном» (дескать, не вошедшем в анналы; выпавшем из них) «тайном» посещении Павлом Коринфа, не смогли разобраться в хронологии и в хронопоследовательности событий, уверены, то «Lexikon» оставляет его под вопросом.

¹⁶ Да и не говорит ли Павел весной 58г., по дороге из Европы в Палестину, эфесским пресвитерам в Милите, разумея свою плодотворную трёхлетку 54-57гг. в Эфесе, следующее: «...вы знаете, как я с первого дня, в к-рый пришёл в Асию, всё время был с вами» (Д.Ап.20,18) (см. ниже), т.е. всё время был минимум в провинциальной Азии, если не сугубо в Эфесе, что из произнесённых слов буквально следует-явствует. Скажите, разве с учётом данных слов в эту трёхлетку вклинивается какое-либо деловое-деятельное посещение Коринфа?! к-рый, к тому же, не мог быть «туристически» посещён Павлом (всего-навсего) на weekend!

Правда, по 2Кор.1,15, где буквально говорится о намерении Павла прийти к Коринфянам для того, чтобы они «вторично получили благодать», можно, если очень захотеть-взволновать, (теоретически-виртуально) вообразить и возразить, что, дескать, хотя он и пришёл к ним, в этот его приход они «благодать» не получили, тогда как собственно приход, всё-таки, состоялся, что, впрочем, тотчас опровергается ясными словами Павла в 2Кор.1,23: «щада вас, я доселе не приходил в Коринф» (т.е. не приходил до сей поры даже во *второй* раз, уж не говоря о *третьем*).

Мало того, из написанного к весне 58г. в Коринфе Послания к Римлянам мы узнаём, что благовествование Христово было распространено Павлом, скажем снова, до Иллирика (15,19). Засим, в Иллирике (Далмация и Паннония) он мог побывать и побывал летом 57г. из Македонии, что, во-первых, косвенно следует из (времени написания) Посл. к Рим., и на что, во-вторых, у Павла (ни) до 57г. (ни после) нет времени (буде, разумеется, он не посетил ещё и Иллирик, опять-таки, сходно Америке или Гималаям, в «безразмерную» эфесскую трёхлетку 54 – 57гг.).

Отсюда вывод-выводы. Лето и осень 57г. Павел, прибыв в июне в Македонию из Эфеса через Троаду, провёл в Македонии, посещая её христианские общины. И затем ещё успел побывать в соседнем с Македонией (отнюдь не маленьком по размеру паннонско-далмацком) Иллирике¹⁷, откуда снова пришёл-возвратился в Македонию, чтобы оттуда (написав осенью, в преддверии своего второго прихода к Коринфянам, 2Кор.) податься на зиму (57/58гг.) в Коринф.

Удостоверьтесь воочию: на ещё одно даже виртуально-эвентуальное промежуточное-деятельное посещение Коринфа (к-рое не могло быть мимолётным визитом вежливости) между июнем и предзимней осенью 57г. Павлу, во-первых, не хватает времени, а во-вторых, или в главных, это мнимое-надуманное посещение просто никак не внедряется, не укладывается в означенное время при (хроно)реконструкции реальности в её подлинности, в к-рой такому посещению нет не только времени, но и места.

Короче, зимовье Павла в Коринфе в 57/58гг. было его **вторым**, но никак не **третьим** приходом в Коринф (после первого прихода и пребывания там в 52 – 54гг.), между тем как в **третий раз он пришёл в Коринф** (как и в 57г. из Македонии) **лишь по весне 65г.**, о чём он сам и пишет в своём Третьем (апологетически слитом-слившимся во Пв. со Вторым), начинающемся с 10-й главы 2Кор. Послании к Коринфянам (12,14; 13,1).¹⁸ Только так, посредством разделения канонического 2Кор. на исконные-аутентич-

¹⁷ Лк. мог не упомянуть это «придаточное» (к Македонии) посещение Павлом Иллирика, опущенное в Д.Ап., но он не мог (бы) не упомянуть, при всех случаях, важное-актуальное для Д.Ап. посещение отнюдь «не придаточного» ахайского Коринфа = посещение Ахайи, если бы таковое (т.н. «второе») в трёхлетку 54-57гг. имело место.

¹⁸ Повторим и дополним. В 2Кор.13,2 говорится (пусть не во всех древних манускриптах и не во всех переводах предельно внятно) именно о (состоявшемся) **втором** приходе Павла к Коринфянам, притом это говорится из 65г., когда Павел собирается в Коринф в **третий раз**, ретроспективно, с оглядкой на его второй приход в Коринф для проведения там зимы 57/58гг. Снова сравниваем синодальный перевод, где после слов «В третий уже раз иду к вам...» (13,1) сказано: «Я предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь отсутствуя пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу» (13,2), и современный (предельно ясный, без двусмысленностей) русский перевод: «Я уже предупредил, когда был у вас во второй раз, и сейчас, находясь вдали, я повторяю это всем, кто согрешил прежде, да и всем остальным: в этот раз я жалеть вас не буду» (13,2). Если в синодальном тексте налицо (убедитесь сами) некоторая невнятность (по причине нерешённости проблемы двух или трёх посещений Павлом Коринфа ещё в древности), то в современном переводе всё очень внятно (и верно, безотносительно к всегда возможному – было бы желание! – двусмысленным толкованиям, по факту): Павел напоминает, пишучи (не 2, а) 3Кор., Коринфянам, о своём **втором** к ним (из Македонии) приходе (57г.) перед (опять из Македонии) приходом **третьим** (65г.) (см. ниже).

ные 2 и 3Кор., равно посредством принятия третьего посещения Павлом Коринфа в 65г., всё становится на свои места, и к этому мы, как сказано, будем в перспективе, по ходу нашего (хроно)повествования, ещё не раз возвращаться-обращаться.

Пока же совет читателю (информация к размышлению) вчитаться в 11-ю главу 2Кор. (23-32), где Павел говорит о выпавших на его апостольско-миссионерскую долю тяжких испытаниях. Причём из сказанного даже невооружённым взглядом видно-очевидно, что в этом развороте-представлении неутомимый Апостол язычников подводит в 65г. (именно в третей и в последний раз идя в Коринф) итоги своей беспримерной деятельности незадолго до Вторых римских уз (66/67гг.) и мученического конца (+ 67г.), чего он, согласитесь, ну никак не может делать в 57г., когда у него впереди ещё 10 лет насыщенной достижениями и испытаниями, приобретениями и потерями апостольско-миссионерской жизни: и в узах, и на свободе, и в бедах, и в радости, и в странствиях, и в трудах (см. ниже).

Равно слова в 2Кор.12,2 о восхищении (не кого иного как Павла) до Третьего Неба «назад тому 14 лет» *ретроспективно* ведут из (субботного) 65-го в (субботный) 51г., в то время как слова из 2Гал.2,1 о приходе Павла в Иерусалим (на Апостольский собор) – через 14 лет после его бегства из Дамаска от (наместника) царя Ареты (2Кор. 11,32) в 37г. и после первого, по его обращению-крещению в 34г., посещения им Иерусалима – *перспективно* ведут из (субботного) 37-го в (субботный) 51г. н.э., при том, что между 37 и 65гг. не случайно именно (круг Солнца!) 28 (7 x 4) лет (см. выше и ниже).¹⁹

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПАВЛА К КОРИНФЯНАМ

(март 57г.)

А сейчас, предоставив читателю возможность самостоятельно помозговать над предложенной ему весьма интересной как по существу, так и хроно-информацией, обратимся к раскладу 1Кор.

После оставления Павлом весной 54г. основанной им осенью 52г. коринфской общины, в Коринфе побывали другие христианские проповедники, общее число верующих умножилось, но одновременно среди них произошли разделения, появились шатания и разногласия. Община разделилась-размежевалась на 4 (см. выше) группы христиан (1,12): 1) «Павловы», т.е. приверженцы-последователи учителя Павла; 2) «Аполлосовы», т.е. те, кто называли себя по имени направленного из Ефеса в Коринф Акилой и Прискиллой александрийца Аполлоса, несмотря на то, что сам Аполлос не отвергал ни Павла, ни его проповедь, и на момент написания 1Кор. Павлом подвизался возле него в Эфесе; 3) «Кифины», т.е. последователи Кифы-Петра, притом неизвестно, побывал ли ок. 55/56гг. миссионерски в Коринфе

¹⁹ Из всех канонических Посланий Павла Второе к Кор. для ново-новых либеральных богословов и критиков – самое спорное именно по вопросу – одно ли это в его ныне известном виде изначально целостное Послание? или оно – т.н. собирательное, т.е. состоящее, мол, из двух-трёх (и даже четырёх) соединённых-скомпилированных-скомбинированных впоследствии в одно – то ли ещё (аж) самим Павлом, то ли после него – Посланий? Предлагались различные (и мозговитые, и безмозглые, и умудряющиеся, и переумудряющиеся) варианты как единства, так и дифференциации (Mertens «Der Zweite Brief an die Korinther», S.454/55). Причём многие авторы согласны, что главы 10-13 составляют отдельный (смысловый и лингвистический) блок, но при этом никто не выделяет их в (очевидное!) Третье Послание, написанное Павлом во время между его Первыми и Вторыми римскими узами, – в похожей ситуации, из сходной мотивации, и при похожих обстоятельствах, что является, на наш взгляд, наиболее оптимальным и единственно верным решением проблемы.

сам Пётр, что очень даже реально-возможно, или, м.б., так себя именовали оспаривавшие Павлов авторитет, прикрываясь Петровым (князя Апостолов именем), прибывшие из Палестины иудействующие христиане – сторонники обрезания и т.д.; 4) «Христовы», т.е. по всей вероятности, те, к-рые не признавали никаких авторитетов-посредников, предпочитая быть и зваться «Христовыми» по *титულлярному* имени Самого Мессии Христа.

Информация о коринфских общинных неурядицах приходила к трудившемуся в Эфесе Павлу, к-рый уже успел в 55/56гг. отправить в Коринф не дошедшее до нас послание (5,9), в течение 55/56гг. от прибывших из Коринфа каких-то «домашних (домочадцев) Хлоиных» (1,11), и, судя по 7,1, из послания к нему Коринфян, доставленного (по весне 57г.?) некими (членами коринфской общины) Стефаном, Фортунатом и Ахаиком (16,17).

Надо думать, что основная опасность исходила как от противодействия проповеди Павла со стороны иудействующих, так и от впадения-отпадения многих членов молодой общины в привносимые ими в неё языческие соблазны, на к-рые был столь щедр порочный-декадентный (город языческой Афродиты) Коринф. Разлагающее влияние язычества сказывалось в заметном упадке чистоты и строгости нравов, в чём общинников наставлял и оставил, уйдя из Коринфа 3 года назад, Павел. Последние же, по примеру язычников, стали затевать между собой тяжбы, плюс к тому, выносить их в языческие судилища. Кроме того, прибывавшие в Эфес рассказывали о недостатке благоговения на евхаристических вечерах, о нескромном поведении женщин, о сомнениях относительно веры в воскресение мёртвых.

Требовалось непосредственное авторитетное вмешательство Апостола-основателя, и общинники («Павловы») послали ему письмо с целым рядом вопросов, на к-рые необходимо было дать чёткие обстоятельные ответы: о внутреннем единстве общины (единоверцев), о запрете вкушения идоложертвенного, о браке и безбрачии, о дарах духовных и т.д.

В первой части своего Послания (1,1 – 4,1) Апостол обличает пагубное разделение и призывает сообщинников к единству на общем основании – получении спасения. Помимо того, он предостерегает Коринфян от ложных философских мудрствований и от поставления произвольного человеческого авторитета выше Слова Божия, от поползновений сделать такой авторитет (подменив им Евангелие) ложным основанием сводимой тем самым на нет истинной веры. Затем строго обличаются различные виды допущенной рядом общинников и совершенно недопустимой среди христиан безнравственности, с повелением извергнуть развращённых и развращающих из среды себя (5,1; 6,1).

Далее Павел исчерпывающе отвечает с позиции апостольского христианства на актуальные вопросы о браке и девстве, о неупотреблении в пищу идоложертвенного мяса, опровергает заблуждения и осуждает существовавшие в общине злоупотребления, например, возмутительные распри между братьями и беспорядки в собраниях (7,1 – 10,1). Апостолом излагается учение о вечере Господней, о воскресении мёртвых, об истинной любви и правильном употреблении духовных даров, даются советы относительно благотворительности (11,1 – 16,1).

Таково вкратце содержание 1-го Посл. к Коринфянам. Пройдёмся по нему. Философская мудрость не познала Бога в премудрости Божией и потому спасение верующих божественным промыслом перешло к юродству проповеди (1,21). Возвешаемое Павлом исходит не от человеческой интеллектуалистской мудрости, но «от Духа Святого, соображая духовное с духовным» (2,13). Человек душевный = *психический* = не дотягивающий до *Пневмы* и до человека *пневматического* = язычник не принимает Духа Божия. Почему? «Потому что он почитает это безумием» (2,14), не могучи «судить духовно» = не могучи, не умея подняться до духовного суждения,

до не только одушевлённой, но и одухотворённой мысли, до мышления-суждения одухотворённого, в основе к-рого – Христос и вохристовление.

Павел говорит, что питал Коринфян «молоком, а не твёрдой пищей» (3,1-3), ибо они, будучи ещё неопитами-младенцами, будучи ещё плотские, да и поныне оставаясь плотскими, пока, – не зная, что называется азов, – не в состоянии воспринимать *твёрдую* духовную пищу. Дохристианская учёная «...мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: «уловляет мудрых в лукавстве их». / И ещё: «Господь знает умствования мудрецов, что они суетны» (3,19/20).

И, кстати, сходно тому, как Павел питает одних «молоком», а других – «твёрдой пищей», в отдельных местах его Посланий и наставлений, в зависимости от того, кому они адресованы, духовная планка им искусственно занижается, из чего может возникнуть ошибочное впечатление, что эти павлианские Послания менее богодухновенны, чем Четверо-Евангелие. Но это не так, хотя они – и благовествовательные, как Четверо-Евангелие, и одновременно *деловые*, т.е. обусловленные-мотивированные, в т.ч., соответствующей конъюнктурой момента и (духовно-осмыслительным) уровнем адресатов, (промыслительно) разнясь тем самым с Четверо-Евангелием. Возьмём хотя бы последовательность павлианских Посланий в каноне не в хронологическом порядке, или вышеоговоренное слияние 2Кор. с 3Кор. (см. ниже).

В 1Кор.17 сказано о послании Павлом к Коринфянам «Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, к-рый напомнит вам о путях моих во Христе Иисусе, как я учу везде во всякой церкви». Т.е. Павел уполномочил весной 57г. вперёд себя в Коринф Тимофея (сына отца-язычника и матери-еврейки, к-рого он в 51г. обрезал ради Иудеев), говоря дальше: «Как я не иду к вам, то некоторые из вас возгордились; / Но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу, / Ибо Царство Божие не в слове, а в силе» (4,18-20).²⁰

Убеждаемся и повторяем-акцентируем-настаиваем (для особо недоверчивых) опять (в к-рый раз!), что до весны 57г. (когда пишется 1Кор.) Павел вторично в Коринфе не был и его не будет там, поскольку сначала он пройдёт, подавшись в июне, после эфесской Пятидесятницы (1Кор.16,8), в Европу, Македонию (16,5) и ещё посетит Илирик (Рим.15,19), откуда снова возвратится в Македонию, чтобы отправиться из Македонии в Коринф, до зимы (16,6), к-рую, т.е. зиму 57/58г., он проведёт-перезимует в Коринфе. Причём – проведёт-перезимует, придя туда во второй, в общей сложности, а не в третий раз, что, т.е. его третий приход в Коринф (2,12,14; 13,1), состоится, согласно не столько Второму, сколько уже Третьему Посл. к Кор. (2,12,14; 13,1), не ранее весны 65г.! (см. выше и ниже).

В гл.5 1Кор. Апостол обращается к Коринфянам с великодуховным из глубины души, – болея за них душой и сердцем, – призывом: «**Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так-как вы безквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. / Посему станем праздновать не со старую закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины**» (6/7). Коринфская община дорога ему, как трудный подверженный особенно многим соблазнам и атакуемый с разных сторон разными искушениями и искусителями (в условиях обаятельного равновесия эллинистического мира) любимым ребёнком.

Старая закваска больше не годна, Пасха христиан – суть Сам Христос – Агнец Божий, принявший на Себя грех мира и закланный за нас, но победивший смерть Воскресением и празднуемый во Духе с новыми – не столько натуральными, сколько с образными опресноками духовных чистоты и истины. Одновременно образ Пасхи ратует за написание 1Кор. ок. времени апрельской (8.04.) Пасхи 57г., – до или после неё, вернее, пожалуй, – до, нежели – после. Поскольку (внимание!), если

²⁰ У Александра Невского иначе: «Не в силе Бог, а в правде», что, если вдуматься, слову Павла вовсе не противоречит, ибо Павел и Александр понимают качественно различные *силы*.

быть текстуально точным, празднование Пасхи ещё предстоит, оно (хотя и не обязательно, т.к. здесь первичен именно образ) ещё впереди, т.е. оптимально Послание пишется в марте 57г.

И не случайно после призыва к празднованию Пасхи Христа (без старой закваски порока и лукавства) с опресноками чистоты и истины – на повестке дня запрет на сообщение с блудниками (5,9), о чём Павел уже писал к Коринфянам в том самом не дошедшем до нас письме, наверно, годом раньше. «...Итак, извергните развращённого из среды вас» (5,13).

В гл. 6 осуждаются междусобойные тяжбы общинников, к-рые недопустимо судятся у нечестивых (язычников): «неужели нет между вами ни одного разумного, к-рый мог бы рассудить между братьями своими?» (5). Не пристало брату с братом судиться пред неверными, и тем паче, не пристало отнимать брату у брата. Знайте, что неправедные, к-рых Апостол ниже, указывая на т.н. группу риска, перечисляет, среди них – блудники, идолослужители, прелюбодеи и т.д., не наследуют Царствия Божия (9/10).

И такими были некоторые из коринфских христиан, к-рые, не омывшись, взялись освящаться и оправдываться «именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (11). Свобода во Христе не есть ни вседозволенность, ни произвол (астральных страстишек). «Тело не для блуда, но для Господа, и Господь для тела» (13). Бегите от блуда по плоти и соединяйтесь с Господом в духе. «Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, к-рые суть Божии» (20). Самоосквернительный блуд несовместим с исповеданием Христа, несовместим с верой в Него, несовместим с Христианством.

В гл. 7 Павел касается волновавших Коринфян вопросов брачного домостроительства и безбрачия. Он (как получается, – махровый антагонист современного либерализма и махровый *мракобес-реакционер* для современных либералов с демократами!) за патриархальный безразводный брак и строгий семейный уклад, с подчинением жены (Евы из ребра Адама) мужу. Он отнюдь не проповедует безбрачие для христиан, сам при этом пребывая (со дней своего еврейского – с рождения, по обету родителей? или с мистериально-фарисейского? – посвящения Богу, что продолжило для Павла на качественно ином уровне в его христианстве) безбрачным и рекомендуя безбрачным и вдовам: «хорошо им оставаться, как я. / Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (7/8). Кроме того, развод, по Павлу (вслед за Иисусом), недопустим (что Бог соединил, человек да не разъединяет) не только для христиан, но и со стороны христиан для неединоверных брачных пар из язычников/язычниц и христиан/христианок.

А ниже, в стихах 17/18, идёт противопоставление иудействующим: пусть обрезанный не скрывает своего сделанного до призвания-обращения обрезания, а призванный необрезанным – не обрезывается. «Обрезание ничто и необрезание ничто, но всё – в соблюдении заповедей Божиих». Стихи 20-24 манифестируют бессословность (отнюдь не призываемых к революциям) христиан пред Богом: во Христе нет больше не только Еллина или Иудея, но и раба или свободного.

В стихах 25/26 преимущество (в надтексте – прежде всего – духовного) девства человека, сохраняющего себя в чистоте для безостаточного служения Богу. Ветхозаветные примеры-образцы (не называемых Павлом) Иеремии и Даниила; междузаветный – Иоанна Крестителя; новозаветные – (не считая Самого Иисуса, – его наиболее выдающихся Апостолов) Павла и (Лазаря =) Иоанна Богослова (= Иоанн Девственник).

Павел никому не навязывает и эту свою максиму, давая такой (в последующем церковно-христианском понимании) аскетическо-монашеский совет-ответ имею-

щим в совете-ответе (на свои вопросы) нужду и желающим ему внять, с полным оставлением-предоставлением внимающим свободы выбора (из свободы воли). «По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так. / Соединён ли ты с женою? Не ищи развода. Остался ли без жены? Не ищи жены. / Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль» (26-28). Главное же преимущество девства в том, что оно даёт возможность человеку безраздельно отдаться Богу, безраздельно посвятить себя Всевышнему.²¹

* * *

В гл. 8 речь идёт о вкушении идоложертвенного. Мясо, оставшееся от языческих жертвоприношений, использовалось для всенародных угощений при храмах или продавалось по дешёвым ценам на рынках. Если сама по себе пища не оскверняет человека (что манифестируют и Пётр, и Павел), то соблазнение вкушающим идоложертвенное единоверцев есть грех (4-6; 7-11). «А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа. / И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (12/13). Здесь, несмотря на конкретный целевой контекст мяса идоложертвенного, можно увидеть указание на вегетарианство Павла (к-рый не вкушал мясную пищу, сродни евшим рыбу, но не животное мясо Иисусу и Апостолам. Вспомним трапезу Тайной Вечери!).

Из гл. 9 узнаём о семейственности некоторых Апостолов, плюс – братьев Господних – среди к-рых Апостолы круга 12-и – Фаддей (Иуда) и Симон, а также не принадлежавший к 12-и – Иосия (Иосиф). Строгий назирей Иаков, брат Господень, предстоятель иерусалимско-христианской общины в 33 – 62гг., женат, разумеется, не был. О Фаддее (Иуда), Соборное Послание к-рого мы разобрали выше, точно известно, что он женат был, ибо это именно его потомки предстали по обвинению в исповедании христианства, как представители (царского) дома-рода Давидова, в 90-е гг. Ив., перед Домицианом. Относительно семейного положения Иосии и Симона (брата-близнеца Иуды-Фаддея) конкретных сведений нет. Кифа же = Пётр, бывши брачным (Евангелия повествуют об исцелении Иисусом его тёщи), назван по имени (5).

Как один из Апостолов, видевший явившегося-открывшегося ему *эфирного* Христа и призванный непосредственно Им, что, увы, некоторыми оспаривается (1-3), Павел имеет право на (денежное-пропитательное) содержание от общины

²¹ Идеалы средневековых монашества, монастырской жизни, цолибата, отшельничества были фундаментальны в идеале безостаточным посвящением себя служению Богу, квалифицируемые ново-новейшими атеистами (клиническое явление) или разновсякими либерал-и демократ-дегенератами как лицемерие и извращения христиан и христианской Церкви. Различная практическая несостоятельность в данном контексте, по ходу истории христианства, тоже нередко имела место, тогда как позднее эти идеалы перестали соответствовать массовому духу другой эпохи. Но это совсем не значит, что надо оболгать былое, перечеркнуть его и выплеснуть вместе с водой ребёнка. Средние века никогда, повторяем, не были пресловутой «тьмой средневековья», достаточно сказать, что христианская культура вышла из монастырей и долгое время, образно выражаясь, созидательно шла (шествовала) в (по) Европе – от монастыря к монастырю. Т.е. незачем сегодня, оглядываясь в разностороннее и часто противоречивое прошлое, судачить о несостоятельности христианской религии, одновременно реабилитируя таких монстров, как, к примеру, серийные убийцы-маньяки Жиль де Ре или Елизавета Баторий, представляя их невинными жертвами ужасов инквизиции (к-рой-де христианская Церковь как бы исчерпывается, и к-рая часто, да ещё донельзя, с фальсификатами и жуткими преувеличениями передемонизированная, тупо ставится во главу угла истории Церкви).

(1-6), согласно и человеческим (Втор.25,4), и (что гораздо важнее) божественным установлениям (7-14). Но он отказывается от этого своего права, чтобы заслужить награду от Бога (15-18). В отличие от др. Апостолов, последовавших Христу добровольно, Павла (гонителя христиан) Господь призвал Своим явлением-повелением, и теперь ему, по его убеждению, надлежит ради небесной награды трудиться безвозмездно (17/18).

Мы помним, что он добывал себе в ходе миссионирования пропитание, трудясь в ремесле изготовления кожевенных палаток. И только от первооснованной им в Европе общины Филиппийцев, с к-рой его связывали особые отношения, – принимал подаяние (Фил.4,15/16). Притом, судя по последовательности текста Послания к Филиппийцам, написанного к концу Первых римских уз (61 – 63гг.) в 63г., это произошло во время Второго миссионерского путешествия, по Павловом выходе из Македонии, в Афинах (52г.) и (или только) в Коринфе (52 – 54гг.), а также во время Третьего путешествия – в Македонии – в Фессалонике (57г.), причём в Фессалонике – дважды («и раз и два») = и в 52 (после Филипп), и в 57г.

Ради достижения венца нетленного христианским подвижникам должно напрягать все силы, подобно состязающимся на ристалище в беге и борьбе из-за венков тленных (24-27). В данной сравнительной связи любопытно, что 57г. н.э., мартовской весной к-рого Павел пишет IКор., был последним годом 208-й (53 – 57гг.) и начальным годом 209-й Олимпиады (57 – 61гг.), с включавшими, в т.ч., бег на ристалище, Олимпийскими состязаниями (209) в июне/июле. Помимо того, вероятно, в мае, в посвящённом Артемиде месяце Артемизий, в Эфесе, наряду или одновременно с ежегодным празднеством Эфесий (или после него), устраивались раз в 4 года т.н. равноолимпийские Эфесские игры, сходно их устройению, по подобию игр Олимпийских, в различных эллинистических городах.

Например, в ближней к Эфесу азийской Смирне такие равноолимпийские Смирнские игры учредил во Пв. н.э. император Адриан (117 – 38гг.), из чего иные делают косвенный вывод об учреждении тем же Адрианом аналогично равноолимпийских игр Эфесских. Совсем не факт (*die Gründe sind nicht zwingend*). Известно, к примеру, что в 41г. до н.э. М.Антоний, по просьбе жрецов атлетического союза, освободил атлетов от воинской службы, ряда повинностей, расквартирования в их домах солдат, а также установил соблюдение священного перемирия на период Эфесских игр. Т.е. Эфесские (равноолимпийские) игры существовали как минимум с IV до н.э., когда очередным Олимпийским являлся, в частности, 40г. до н.э.

Таким образом, если эти Эфесские игры хроносовпадали с Олимпийскими (что, исходя из вышесказанного, вполне логично-возможно и вполне допустимо-предположимо), значит, одной из дат их проведения был именно интересующий нас сейчас 57г. н.э., когда в марте Павел писал IКор., и когда в мае (как раз после праздничных Эфесий?) в Эфесе против него, точнее, против его (значительно урезавшей языческую паству) успешной апостольско-миссионерской деятельности, вспыхнул (под руководством серебряника Димитрия) бунт приверженцев Артемиды Эфесской (см. ниже).

В гл. 10 говорится об израильтянах, к-рые вышли из Египта, бывши под облаком и пройдя немокренно сквозь море, крестившись, по Павлу, «в Моисея в облаке и в море» (что образно предзнаменует новозаветное крещение), но были поражены в пустыне и не все вошли в Землю Обетования. Это ли не предостережение для христиан! Дары благодати, без содействия самого человека, не обеспечивают ему спасения (1-13).

Вкушение в пустыне манны, падавшей с неба и употребление воды, изведённой из камня, се духовная пища и духовное питание – прообразы Евхаристии. Христос постоянно невидимо присутствовал среди ветхозаветных израильтян тогда, шествуя

впереди них, и присутствует среди новозаветных Израэлитов во Боге ныне, питая их Своим Телом и Своею Кровью в таинстве Причащения.

Гл. 11. Как благословение чаши и преломление хлеба на евхаристических вечерах есть приобщение верующих Крови и Телу Христа, так участие в идоложертвенных трапезах суть общение с демонами, принявшими вид богов языческих. «Итак, возлюбленные мои, убегайте идолослужения» (14). Нельзя участвовать в трапезе Господней и в трапезе бесовской (14-22), как нельзя одновременно служить Богу и маммоне.

Как на Востоке, так и у греков считалось предосудительным появление приличной женщины на публике с непокрытой головой, что постыжало её. Впрочем, так дело обстояло ещё в XIXв. и в крестьянской (русское слово «крестьянин» от слова «христианин») России, свидетельство чему слово «опростоволоситься», к-рое первоначально разумело женщину, оставшуюся или показавшуюся в (на) народе с непокрытой головой («опростоволосилась»). Головное покрывало было знаком скромности (смирения; кротости) женщины или подчинения жены мужу.

И Павел (рискуя прослыть сегодня – в век феминизма после сексуальной революции – консерватором-женоненавистником), воспрещает христианам следовать суетным модернистским новшествам античной эмансипации и отступить от божественных установлений. Для него муж – глава жены, как Христос – глава Церкви. Но при этом превосходство мужа над женой не противоречит их равенству в человеческом достоинстве и существенных правах.

Вместе с тем, если женщина, (и) молясь в храме, должна покрывать голову, чтобы не постыжать её, как Серафимы закрывают лицо пред престолом Господним (Ис.2,6), то муж – новый Адам, – напротив, молясь в храме, не должен покрывать голову пред Богом, чтобы не постыжать её (11,1-19).

В IV в. н.э. евхаристические собрания происходили в вечернее время (Тайная Вечеря) и соединялись с агапами – вечерами любви, включавшими общую трапезу для бедных. До Павла дошли сведения о нарушении общинного благочиния на этих вечерах, о чревоугодливом отделении богатых и об их пренебрежении к бедным. Напоминая об учреждении Евхаристии на Тайной Вечери Христом, Павел предостерегает: «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьёте чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придёт. / Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней» (26/27).

Гл. 12. В апостольские времена Дух Святой сообщал некоторым верующим особенные благодатные дары, к-рые обозначаются поменявшим смысл и вдалась затасканным-скомпрометированным сегодня словом – харизмы. Павел объясняет Коринфянам назначение и пределы харизматических дарований.

Отличительный признак подлинного духовного дара, перво-наперво, исповедание Христа и всего Христова учения. Слово мудрости из уст изъясняющего сокровенные пути Божественного Промысла, ведущие к спасению. Слово знания из уст излагающего истины христианства доступными пониманию. Другие духовные дары: пламенная сила и ревность веры; дар исцелений; дар чудотворений; дар провидческий – различение знамений Духа Святого и духов тьмы (1-10).

Апостол уподобляет Церковь человеческому телу, к-рое есть многочастное единство, как Церковь, будучи единой, состоит из многих частей. И как члены тела, выполняя различные функции, соподчинены совершенному согласию целостного живого состава, так и в Церкви, теле Христовом, выполняя каждый своё назначение и служа ей каждый своим даром, образуют вкупе одно животворимое Духом Святым гармоническое целое. «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. / Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом» (12/13).

Гл. 13. Все дары служения ничто пред Богом, если их не проникает всецело и не движет всевластно подлинная любовь. Если и пророчество, и знание приоткрывают истину лишь отчасти, и, являясь величинами преходящими, прекратятся, когда она откроется во всей полноте, то любовь не частична, а целостна, и потому переживёт их и пребудет вовеки. Будда принёс на Землю учение о любви, Христос – саму Любовь, и Он Сам есть всепобеждающая Любовь. (С др. стороны, если в Заратустре обитала Божественная сущность, то Гаутама достиг уровня Будды силой и из сил своего просветлённого человеческого Я.) Не случайно Павел связан (иное дело – как связан!) с величайшим памятником древнеиндийской мистериальной мысли «Бхагавадгита»; не случайно он прожил 64 (8 x 8) года – число крайне важное именно в Древней Индии, к-рым, между прочим, исчисляется количество клеток на шахматной доске, т.е. в шахматах, в игре, вышедшей из Индии, но, увы, дошедшей до нас, пройдя через черномагический сасанидский Гондишапур!

Впрочем, сейчас не об этом. Если Будда зовёт назад к Кришне, то Иоанн Креститель зовёт вперёд ко Христу. А Павел, к-рый провёл в Эфесе 3 года (54 – 57гг.), тогда как эфесская деятельность Иоанна Богослова исчисляется в 33 года (67 – 100гг.), зовёт, как своеобразный предтеча Лазаря-Иоанна, вперёд – к Иоанну Богослову, зовёт, пролагая пути Иоанну, делая прямыми стези ему, на основе веры, надежды и, главное, любви во Христе, из своего ойкуменического павлианского христианства к христианству иоаннитско-космическому. «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (13).

Гл. 14. Господь во гневе на противление и неверие Израиля возвестил через пророка Исаию: «иными языками будут говорить народу сему» (Ис.28,12). Израиль не слушал пророков, говоривших к нему на родном языке, и в наказание услышал суды Божии из уст иноязычных повелителей. На чужих языках обращается Церковь ко вне стоящим; общепонятное слово утверждает единомыслие верных (20).

Коринф – не первая и не единственная христианская община, и потому не может притязать на права, какими не обладают другие поместные церкви (36). Из итога *Трёх* Посланий к Коринфянам следует, что эта церковь была наиболее претенциозной общиной, с наибольшим количеством проблем, и доставила больше всего хлопот Павлу, что, в рамках её особой греческо-ахайской роли в деле распространения христианства, сделало необходимым его повышенную заботу о ней.

* * *

О 15-й гл. 1Кор. «Библейский справочник» Геллея пишет: «Это самая значительная и величайшая глава во всей Библии по своему значению для человеческой жизни» (с.600). И пусть тут некоторое пафосное преувеличение, но эта глава, действительно, весьма важна. И выше, и в предыдущих книгах мы к ней не раз обращались. Напомним, вначале Павел говорит о явлении погребённого и воскресшего Христа Кифе, потом – 12-и, потом – более нежели 500-м братьев в одно время, потом – Иакову, также всем Апостолам; «а после всех (Христос) явился и мне, как (некоему) извергу» (4-8).

Послание не упоминает первое явление Христа Магдалине и затем др. жёнам, сосредоточенное (чего требует конъюнктура письма к коринфской общине) на мужах, мало того, оно не оговаривает первое явление Воскресшего Лазарю-Иоанну, начиная не с таинника Иоанна, а с князя Апостолов Петра, после к-рого названы 12 в Сенакле, к-рым Иисус явился (по Его явлению еммаусским путникам днём) в воскресно-воскресенский вечер 5.04. Потом идут 500 братьев и Иаков, брат Господень, время Господня явления к-рым – между апрельским Воскресением и майским Вознесением (14.05.) 33г.

О себе же, наименьшем из Апостолов, гнавшем церковь Божию, Павел говорит,

называя себя среди перечисленных последним, с глубочайшим смирением, и представляя явление ему (спустя ок. 13-и месяцев от Воскресения) в мае 34г. Христа как извергу (= изверженный до срока = недоношенный) благодатию Божией, к чему присовокупляется: «и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился; не я впрочем, а благодать Божия, к-рая со мною» (10). И это чудесно-чудодейственное *фантомно-эфирное* Христово явление просветлённому, на пути в Дамаск, Павлу, не знавшему Иисуса в земной жизни, как и тем, к-рые Его в земной жизни знали, не было галлюцинаторным, оно свершилось наяву и вживе, оно – никак не галлюцинация, не мистификация, но духовный метаисторический (опыт и) факт!

По просветлительном явлении ему Христа на пути в Дамаск фарисейский посвящённый (каббалист! до Акибы и Симона б. Иохай) Савл понял-постиг, что смерть земного сознания вместе с физисом не есть более благодаря Христу, Сыну Божию, смерть или потеря высшего (вышнего) Я-сознания! Воскресение Иисуса, первенца из умерших и Второго Адама, – ключевое Таинство христианского Благо-вестия, без К-рого и без веры в К-рое нет никакого христианства. А между тем некоторые из коринфской общины, фактически отрицая духовную основу Христа и христианства, отрицали воскресение мёртвых. И Павел им отвечает: «Если нет воскресения мёртвых, то и Христос не воскрес; / А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша» (13/14).

Как фарисейскому посвящённому Павлу введома каббалистическая тайна Второго Адама = Адама Кадмона, но в отличие от фарисеев и будущих еврейских каббалистов (от Симона бен Иохай), он видит её разгадку и исполнение во Христе, в К-рого он уверовал благодаря персональному явлению ему Христа. В первом тленном Адаме – смерть; во втором нетленном Адаме – воскресение и бессмертие. «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (22).

Второй (и Последний) Адам есть негрехопадшая часть существа первого Адама, его невинная сестринская душа, сохранённая-убережённая в Великой Материнской ложе человечества, принесённая с Неба на Землю из лона Отца и воплотившаяся-воплощённая в безгрешном Иисусе Нафаниде, в Иисусе Кришне, К-рый суть земной Христос от рождения, Сын Божий, и Христос Небесный с момента Крещения в Иордане = усыновлённый Всевышним Мессия с момента таинственной иорданской, при посредничестве Предтечи-Крестителя, инкарнации в Нём Духа Солнца = Божественного Духа солнечной системы... Сверхчеловек – Иисус Соломонид; Человеко-Бог – Иисус Нафанид; **БОГОЧЕЛОВЕК – ИИСУС ХРИСТОС!**

Но Второго Адама как феномена Адама Кадмона нет без крестной смерти и Воскресения, что постиг Павел, катарсисно-просветлительно посвящённый на пути в Дамаск. «Так и написано: «первый человек Адам стал душою живущею»; а последний Адам есть дух животворящий. / Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное. / Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба» (45-47). «Когда же тленное сие облечётся в нетление и смертное сие облечётся в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «поглочена смерть победою». / «Смерть! Где твоё жало? Ад! Где твоя победа?». / Жало же смерти – грех; а сила греха – закон» (54-56).

Тело первого Адама было телом душевным, почему он и назван в Писании душою живущею (Быт.2,7); Христос, Второй Адам, воскреснув, стал начатком воскресения мёртвых в теле одухотворённом и нетленном. Это новое Тело, неподверженное страданию и смерти, есть Тело светоносное, скороподвижное, совершенное и прославленное. Фантомное Тело Воскресения Того, К-рый являлся тем, кому было возможно и должно Его воспринять, и кто был в состоянии Его узреть в уплотнённом до обезвещественного-деминерализованного *физиса* воскресенском *эфире!* Иисус Христос разорвал узы смерти!

Впрочем, по первому и Второму Адаму мы ниже обратимся к Штайнеру. А

сейчас завершим короткий обзорный, с использованием различных экзегетических источников, расклад 1Кор., в 15-й гл. к-рого Павлом гениально отблаговестовано-сформулировано, можно сказать, краеугольное воскресенское кредо Христа и христианства, К-рого и к-рое этот всемирный Апостол Сына (Божия) кульминационно-новозаветно разождежествляет в стихе 56 с ветхозаветным законом.

Гл. 16. Сбор пожертвований в Коринфе для святых, т.е. для Иерусалимской матери-общины, надлежит осуществлять в порядке, к-рый Павел установил для церковью Галатийских, из чего, во-первых, опосредованно следует, что на время написания 1Кор. трудности в галатских общинах, к-рым Павел писал в 55г., преодолены; и во-вторых, обращает на себя внимание, что, отказываясь от вознаграждения сам, Апостол проявляет заботу о братьях в Иерусалиме, в отношении к-рых со стороны христианских общин вне Св. Земли действует благотворительность наподобие еврейской халукки.

Дальше в 1Кор.16,5 говорится о намерении пишущего в марте 57г. Павла прийти в Коринф, пройдя через Македонию, хотя в 2Кор.1,16, пишущи в (предположительно) октябре 57г. Коринфянам из Македонии, он ретроспективно говорит о своём намерении, пребыв в Эфесе до Пятидесятницы 57г. (1,16,8), через Коринф пройти в Македонию. Т.е. планируемый маршрут менялся, но так или иначе, Павел в итоге пришёл во второй (в общей сложности) раз в Коринф, чтобы перезимовать там, через Македонию, причём, пришёл, по всей видимости, написав 2Кор. (из Македонии после Илирика) октябрьской осенью, к началу зимы 57/58г. Согласитесь, надо учесть и оставить какое-то минимальное время между написанием Послания и приходом, иначе – какой смысл писать о своём предстоящем, пусть скором, приходе, и тотчас (безо всякой паузы) по написании письма (по месту адресации) заявиться?!

Ниже, в 1Кор.16,10, в марте 57г., говорится о скором приходе к Коринфянам павлианского посланника Тимофея (см. выше), что сопровождается просьбой относительно его безопасности, откуда видно, насколько страсти в Коринфе были накалены, и ещё в 16,12 сказано об отказе Аполлоса (до поры) идти в Коринф, из-за, как мы справедливо умозаключили, его нежелания лить воду на мельницу сторонников неодобряемого Павлом размежевания коринфских христиан на «Павловых», «Кифиных», «Аполлосовых»... В 16,19 звучит приветствие от хорошо знакомых Коринфянам Акилы и Прискиллы, в доме к-рых в Эфесе жил, работая в палаточной мастерской при доме, Павел, и где собиралась эфесская христианская община.

По всему, Сосфен, доставивший письмо с насущными вопросами-запросами Апостолу из Коринфа, писал 1Кор. под диктовку Павла (1,1), к-рый затем подписал продиктованное собственноручно (16,21), добавил «маранафа» (16,22), что означает «Господь наш грядёт», и отправил Послание, повторим, в марте 57г. (до апрельской Пасхи) с Сосфеном, морским путём, из малоазийско-ионийского (города Артемиды) Эфеса (центр римской провинции Азия и главный из 12-и полисов Ионии), на 320 км на запад – в греческо-ахайский (город Афродиты) Коринф (центр римской провинции Ахайя и торговая метрополия Греции).

После этого, синхронизировав вышесказанное со словами Луки о снаряжении Павлом (весной 57г. н.э.) из Эфеса в Македонию Тимофея и Ераста, откуда, во всяком случае, Тимофей (и с ним наверняка коринфянин Ераст) должен был пойти-пройти в Коринф, уясняем, что сам Павел – «остался на время в Асии» (Д.Ап.19,22). А следом за этим Дееписатель повествует о языческом мятеже «против пути Господня» в Эфесе, к-рый разразился, с большой долей вероятности, в праздничном для эфесян-артемидистов мае (месяц Артемизий) 57г. (см. выше и ниже).

Однако, прежде чем приступить к рассказу об этом, обратимся по теме христологии и Посланий Ап. Павла, как мы анонсировали выше, к лекциям и к антропософской христологии Штайнера.

ПАВЛИАНСКАЯ ХРИСТОЛОГИЯ ПО ШТАЙНЕРУ

«...самый существенный, центральный вопрос христианства: как же обстоит дело с Воскресением Христа? Не должны ли мы допустить, что для того, чтобы понять христианство, нам важно понять и вопрос Воскресения. Что это важно, для этого нам достаточно лишь вспомнить то, что наличествует в 1-м Посл. Павла к Коринфянам (15,14-20): «А если Христос не воскрес, то проповедь наша тщетна...»

При этом мы должны указать, что христианство, как оно распространилось в мире, пошло сначала от Павла. И если мы усвоили в себе способность серьёзно относиться к словам, то мы не должны просто проходить мимо самых серьёзных слов Павла и говорить, например, что вопрос о Воскресении мы оставляем невыясненным. Ведь что говорит Павел? – Что вообще всё христианство было бы неоправданно и вся вера в Христа была бы бессмысленна, если бы Воскресение не было фактом! Это говорит Павел, от которого пошло христианство как исторический факт. Этим в сущности сказано ни много, ни мало, как то, что – в смысле Павла – тот, кто отклоняет факт Воскресения, должен отклонить и само христианство...» (...)

«...Павел сопоставляет своё убеждение в Воскресении с убеждением Евангелий, потому что говоря о том, что Христос восстал, он указывает на то, что Христос, после того как был распят, явился в живом облике Кифе, 12-и, затем сразу 500-м братьям, наконец, из пламенного сияния духа, также и ему, как преждевременно рождённому. Так он явился и ученикам; на это указывает Павел. И переживание Павлом Воскресшего не отличалось от переживания учеников. Но что он сразу связывает с этим переживанием под Дамаском, это его прекрасная и легко доступная пониманию теория о существовании Христа. Ибо кем становится для него после этого события существо Христа? Оно становится для него «вторым Адамом». И Павел сразу же проводит различие между *первым Адамом и вторым Адамом*, Христом. Первого Адама он называет праотцом людей на Земле. В каком же смысле? Нам не надо далеко идти, чтобы найти ответ на этот вопрос. Он называет его праотцом людей на Земле, видя в нём первого человека, от которого происходят все остальные люди: т.е. для Павла это значит: он тот, кто передал по наследству тело, к-рое они несут как своё физическое! Т.о., от «Адама» все люди унаследовали своё физическое тело. Это то тело, к-рое выступает перед нами во внешней майе и к-рое смертно; это есть унаследованное от Адама тленное тело, подпавшее смерти физическое тело человека. В это тело – мы можем воспользоваться таким выражением, потому что оно не плохое – облечены люди. «Второго» же Адама, Христа, в противоположность первому, Павел рассматривает как обладающего нетленным, бессмертным телом. Павел предполагает, что силой христианского развития люди постепенно смогут заменить первого Адама вторым, вместо тленного тела первого Адама облачиться в нетленное тело второго Адама, Христа. Т.о., от тех, кто именуют себя подлинными христианами, Павел требует не меньшего, как того, что по видимости разбивает все древние мировоззрения. Как первое тленное тело происходит от Адама, так от второго Адама, от Христа, должно происходить тело нетленное. Так что каждый христианин должен был бы сказать себе: поскольку я прихожу от Адама, у меня тленное тело, каким обладал и Адам; поскольку я вступаю в правильное отношение ко Христу, я получаю от Христа – второго Адама – нетленное тело...» (...)

«Павел требует от всех, кто называет себя христианами, чтобы они позволили возникнуть в себе тому, возможность чего в них действительно заложена, и что, подобно тленному телу, ведущему обратно к Адаму, ведёт к тому, что на 3-й день поднялось из гроба, в к-рый было положено тело Христа Иисуса. Кто с этим не согласится, тот не сможет найти никакого подхода к Павлу, не сможет сказать, что он понимает Павла. Происходя в отношении своего тленного тела от первого Адама, тем не менее, как раз тем, что делаешь существо Христа своим собственным, имеешь

возможность приобрести второго родоначальника, — Того, Кто на 3-й день после предания тела Христа Иисуса земле поднялся из гроба. Пусть для нас прежде всего будет ясно, что это является требованием Павла, как бы оно ни было неудобно для современного мышления. Мы ещё подойдём ближе от этого установления Павла к современному мышлению; но только нельзя строить себе другие убеждения по поводу того, что так ясно выступает нам навстречу у Павла, нельзя истолковывать превратно как раз им так ясно выраженную мысль. Конечно, аллегорические объяснения удобны; удобно говорить, что он имел в виду то или это; но все такие толкования не имеют никакого смысла. Если же мы хотим связать с этим смысл, то нам не остаётся ничего иного — даже если современное сознание сочтёт это за суеверие — как представленный Павлом факт, что Христос воскрес на третий день» («От Иисуса ко Христу», л.6 от 10.10.1911г.)

«...всё то, что человек теперь, в ходе земного времени, разовьёт в себе в физическом теле, есть некий посев, к-рый взрастёт как плод, когда Земля станет Духовной (1Кор. 15,37-45)... Духовным телом Павел именуёт эфирное или жизненное тело после того как физическое тело растворится и эфирное тело направится в астральную Землю. Тут Павел провидит нетленное Духовное тело, как он его называет. А теперь рассмотрим то, что тогда человек внесёт как выражение своей собственной Христовой способности. Это то же самое, что парит перед Павлом в духе и что он называет «Последним Адамом», тогда как первого человека, вступившего в бытие в физически видимом теле, он называет «Первым Адамом».

В Лемурийское время, в начале Лемурийского периода мы внизу уже находим различных животных, но человек ещё невидим для наружных очей, он ещё эфирен. Он уплотняется, воспринимает минеральные составные части, появляется в своём первом облике; так же, как вода уплотняется в лёд, так появляется физический человек. Затем физическое развитие продвинется настолько, что земное может раствориться и исчезает. Поэтому человек, имеющий эфирное тело, появляется как Последний Адам. Первый Адам способен в физическом теле с помощью физических чувств взирать на Землю, Последний Адам, принимающий Духовное тело, является выражением внутренней Христовой способности. Поэтому Христа Павел тоже называет Последним Адамом. Таким образом, замыкается то, что содержит становление человека. Перед нами в духе вспыхивает то, чем некогда будет человек, тогда как перед тем мы видели как человек спустился на нашу Землю...» («Апокалипсис Иоанна», 13 лекций в Нюрнберге, прочитанных в июне 1908г., л.9 от 26.06.1908г.)

«...Павел видит в событии Христа и Голгофы центр всего развития человечества и связывает это событие непосредственно с тем событием, к-рое выражено в Библии как первое становление человека под именем Адам. Итак Павел хочет сказать: «То, что мы можем назвать духовным человеком, подлинным человеком, от к-рого в Майе имеется только Майя и к-рый существует для иллюзии в том облике, к-рый он должен был принять в ряде последовательных земных инкарнаций, — это духовное существо спустилось некогда в Древне-Лемурийскую эпоху на Землю и стало человеком на Лемурийские, Атлантические и После-Атлантические времена, вплоть до События Христа. Затем пришло событие Голгофы».

Это было очевидно для Павла после его видения у Дамаска. В событии Голгофы было дано нечто такое, что было связано с нисхождением человека во плоть. Ибо при этом событии человеку был дан импульс для постепенного преодоления тех форм земного бытия, какие человек принял через Адама. Поэтому Павел называет человека, появившегося во Христе, «Новым Адамом», в к-рого каждый человек может облечься через связь со Христом.

Таким образом, мы видим постепенное нисхождение человека в материю (называем ли мы его Адамом или как-нибудь иначе), начиная с лемурийского человека и вплоть до человека дохристианского времени — а затем мы видим силу и импульс, ведущие снова вверх, так что человек со всем земным опытом и со всем тем, что с ним происходит на Земле, сможет вернуться к первоначальному духовному состоянию, в котором он находился до своего нисхождения на Землю. Но нельзя спрашивать, если не хочешь неправильно понимать настоящий смысл развития: «Разве нельзя было избавиться человека от этого нисхождения? Зачем нужно было человеку воплощаться, проходить через различные инкарнации, чтобы затем вновь подняться к тому же, чем он обладал раньше?» Такой вопрос мог бы возникнуть только при полном непонимании истинного смысла развития. Человек берёт с собой все плоды и опыты из земного развития и обогащается содержанием инкарнаций, так как этого содержания он не имел раньше.

Представьте себе гипотетически человека, спускающегося в первую инкарнацию: он учится, учится он и во второй инкарнации, и во всех следующих инкарнациях. Они протекают сперва как нисходящие: человек связывается всё сильнее и сильнее с физическим миром. Затем он начинает вновь подниматься, — и он может идти всё дальше вверх, вплоть до принятия импульса Христа. Он опять поднимется в духовный мир, но он уже возьмёт с собой то, что смог получить на Земле.

Итак, Павел во Христе видит подлинный центр всего земного развития человека — то, что даёт ему импульс подняться в сверхчувственный мир со всем его земным опытом...» («Экспурсы в область Ев. от Марка», л.6 от 16.01.1911г., с.295-97)

«...Представим себе отношение Кришны к Арджуне. Он даёт ему, так сказать, однозначные наставления как владыка йоги о том, как тот должен возвышаться в своей душе, чтобы увидеть Кришну. Противопоставим этому особенно сильное место в Посланиях Ап. Павла, где к Павлу обращается (коринфская — К.3.) община с вопросом: истинны или нет те или др. вещи, могут ли они считаться правильным воззрением по отношению к тому, чему учил Павел. И в данных здесь Павлом наставлениях мы находим место, к-рое, без сомнения, можно вполне сравнить по своему величию, даже в художественно-стилистическом отношении, с тем, что мы находим в возвышенной Гите; но в то же время мы находим совсем иного рода душевное ощущение. Это там, где Павел пишет к Коринфянам о том, как должны действовать совокупно различные человеческие дарования, существующие в одной группе людей.

Кришна говорит Арджуне: ты должен быть таким-то и таким-то, делать то-то и то-то, тогда ты будешь подниматься со ступени на ступень в своём душевном бытии. Павел говорит Коринфянам: у одного из вас такое-то дарование, у другого такое-то, у третьего такое, и всё это гармонически действует вместе, как действуют сообща члены человеческого тела, и тогда возникает также духовное целое, к-рое может быть духовно полностью пронизано Христом. Таким образом, Павел обращается к людям, к-рые действуют сообща, т.е. ко множеству. И по значительному поводу, т.е. тогда, когда речь идёт о даре т.н. говорения языками, он обращается ко множеству.

Что такое это говорение языками, к-рое мы находим в Посланиях Павла? Это не что иное, как остаток старых духовных даров, к-рые снова выступают нам в современности в обновлённом виде, но при полном человеческом сознании. Ибо когда мы говорим об инспирации в наших методах посвящения, речь тогда идёт о том, что человек, достигнувший в наше время инспирации, соединяет с этой инспирацией ясное сознание, также как он соединяет ясное сознание со своей повседневной деятельностью рассудка и восприятий чувств. В древние времена это было иначе; тогда соответствующий человек говорил, будучи как бы орудием высших духовных сущностей, к-рые пользовались его органами, чтобы при помощи его языка выразить высшее. Тогда человек мог говорить отдельные вещи, к-рых он сам не понимал. Из духовного мира

приходили возвещения, к-рые человек, будучи орудием, не имел нужды непосредственно понимать, и именно в Коринфе наступило нечто подобное. Там наступило такое состояние, что известное число людей получили дар этого говорения языками. Они могли сообщить то или иное из духовных миров.

С подобным даром дело обстоит так, что всё, что может человек благодаря такому дару, может привести к откровению, всё это откровение духовного мира. Но при этом может быть и так, что один скажет одно, а другой другое, ибо духовные сферы разнообразны. Один может быть инспирирован из одной области, другой — из другой, и здесь может случиться, что откровения совсем не согласуются. Согласованность можно найти только тогда, когда могут проникать в соответствующие миры при полном сознании. Поэтому Ап. Павел даёт наставление: «Есть люди, к-рые могут говорить языками, и есть другие, к-рые могут истолковывать сказанное языками. Они должны действовать сообща, как правая и левая руки, и нужно внимать не только говорящим языками, но и тем, кто, может быть, и не имеет этого дара, но кто может истолковать, познать, что отдельный человек в состоянии принести из той или иной духовной области». Так Ап. Павел опять побуждает к общему делу, к-рое осуществляется благодаря совместному действию людей.

И в связи именно с этим говорением языками Павел даёт разъяснение, к-рое, как сказано, является в известном отношении столь чудесным, что по своему величию может быть сравнимо с сообщениями «Гиты» — без сомнения, это возможно и в иных отношениях, как было показано вчера. Он говорит:

«Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о духовных. Знаете, что, когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам — так, как бы вели вас. Поэтому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесёт анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым.

Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий всё во всех. Но каждому даётся проявление Духа на пользу; одному даётся Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворение, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Всё же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно. Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их много, составляют одно тело — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, иудеи или эллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: «я не принадлежу к телу, потому что я не глаз», то неужели она потому не принадлежит к телу? Если всё тело глаз, то где слух? Если всё слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: «ты мне не надобна». Напротив, члены тела, к-рые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и к-рые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения».

«Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены.»

«И вы, — так говорит Павел Коринфянам (1Кор.12) — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки.

Все ли Апостолы? все ли пророки? все ли учителя? все ли чудотворцы? все ли имеют дары исцелений? все ли говорят языками? все ли истолкователи?»

И затем Павел говорит о силе, к-рая может быть деятельной в отдельном человеке, но также и в общине, и к-рая соединяет вместе отдельных членов общины, как сила тела соединяет вместе отдельные члены тела. Более прекрасного, чем сказал Павел человечеству, представленному в различных его членах, Кришна не говорит и одному человеку...» (...)

«Откровение Кришны обращается к отдельному человеку, в сущности, к каждому человеку, становящемуся зрелым для душевного восхождения по тому пути, какой предписывает владыка йоги. Там нам всё больше и больше указывают на пра-времена человечества, к к-рым хотят, в смысле учения Кришны, снова вернуться в духе. Тогда люди были менее индивидуализированы, тогда могли предполагать, что для всех пригодно одно и то же учение и указания.

Павел противостоит человечеству, в к-ром люди дифференцировались и должны были действительно дифференцироваться, каждый со своей особенной способностью, со своим особенным дарованием. Тогда уже нельзя было считать, что в каждую отдельную душу можно влить одно и то же, тогда нужно было указывать на то, что невидимо господствует над всем. То, чего нет ни в одном человеке, как отдельном человеке, но что может быть в каждом отдельном человеке, это импульс Христа. Импульс Христа — это снова нечто подобное групповой душе человечества, но такой, к-рая должна быть сознательно искома этим человечеством.

Чтобы пояснить это, представим себе однажды, как выглядит, скажем, в духовном мире известное число тех людей, к-рых в их глубочайшем коснулся импульс Христа. Всякий ученик Кришны пробудил в себе один и тот же импульс, к-рый дал ему владыка йоги. В духовном мире ученики Кришны похожи друг на друга. И тому, и другому было дано одно и то же наставление. Те же, кого коснулся импульс Христа, развоплотившись, и в духовном мире являются каждый со своей собственной индивидуальностью, со своими дифференцированными духовными силами. Поэтому и в духовном мире на одном лежат одни обязанности, на другом — другие. И вождь, к-рый изливается в душу каждого, вместе с тем царит надо всем. И тогда, когда наши души развоплощены, они образуют дифференцированную общину, между тем как души учеников Кришны, получивших наставления от властелина йоги, едины. Смысл развития человечества заключается в том, чтобы души всё больше и больше дифференцировались.

Поэтому Кришна и должен говорить по-иному. Так, как он открывается в «Гите» — он говорит, по существу, к ученику. Иначе должен говорить Ап. Павел. Павел говорит, собственно, к любому человеку, и от индивидуального развития зависит, останется ли человек в меру своей зрелости в той или иной инкарнации при экзотерическом, или же сможет перейти к эзотерическому христианству, подняться до эзотерического христианства. В христианстве можно продвигаться всё дальше и дальше, перейти к эзотерическим высотам, но исходят из другого, не из того, из чего исходили в учении Кришны. В учении Кришны человек исходит из той точки, где он пребывает как отдельный человек, и возвышает душу как индивидуум, как отдельный человек; в христианстве же исходят из того, что приобретают — прежде чем вообще идти дальнейшим путём — отношению к импульсу Христа.

На духовный путь к Кришне может вступить только тот, кто получает наставление Кришны; на духовный путь ко Христу может вступить всякий, ибо Христос совершил Мистерию Голгофы для всех людей вообще, людей как таковых, могущих иметь отношение к этой Мистерии. Ибо она является внешним событием, совершённым на физическом плане. Поэтому первый шаг является таким, к-рый совершается на физическом плане. Это существенно.

Если понимают это мировое историческое значение импульса Христа, нет действительно нужды исходить из того или иного христианского исповедания, но как раз в наше время можно исходить даже из враждебной Христу или безразличной по

отношению ко Христу точек зрения. Если углубиться в ту духовную жизнь, к-рую реально может дать наше время, если вникнуть в противоречия и глупости материализма — при этом в наше время, пожалуй, наиболее правильно быть приведённым ко Христу, когда не исходят наперёд из особого исповедания. Если поэтому вне наших кругов говорят, что мы исходим из особого исповедания Христа, то на это надо смотреть как на неблагоприятную клевету, ибо дело не в исходной точке того или другого исповедания, но в том, чтобы исходить из самих условий духовной жизни, и что каждый, будь он магометанин, буддист, еврей, индус или христианин, может понять импульс Христа в его полном значении для развития человечества. Но как раз это есть то, чем пронизано, как мы видим, самым глубоким образом, всё воззрение и изложение Павла, и в этом отношении Павел является безусловно личностью, задающей тон первому воззрению в мире импульса Христа.

Если философия санхья, как это было представлено, занимается изменением форм, тем, что относится к пракрити, про Павла мы должны сказать, что во всём, что лежит в основе его глубокомысленных Посланий, он решительно трактует о пуруше, о душевном. Мы находим у Павла совершенно определённые и проникновенные объяснения о становлении, о судьбе душевного, как оно многообразно развивается в течение всей эволюции человечества.

Существует основное различие между тем, что могло ещё совершить восточное мышление, и тем, что выступает нам с самого начала в таком чудесном ясном виде у Павла. Мы уже указали вчера на то, что у Кришны всё сводится к тому, что человек находит путь высвобождения из превращений формы. Но пракрити остаётся вовне, как нечто чуждое душе. В этом восточном посвящении, всё устремление, само это восточное посвящение направлено к тому, чтобы освободиться от материального бытия, от того, что как природа распостёрто вовне. Ибо то, что внешне распостёрлось как природа, это представляется в смысле философии Вед как майя. Майя суть всё, что есть вовне, освобождение от майи это и есть йога.

Мы ведь уже касались того, как желается в «Гите», чтобы человек освободился от всего, что он делает, исполняет, волит и мыслит, от чего он получает радость и удовольствие, и как торжествует душа над всем внешним. Труды, к-рые совершает человек, должны тотчас отпасть от него, и он таким образом становится успокоенным, удовлетворённым в себе. В принципе так представляется это всякому, кто желает развиваться в духе учения Кришны, чтобы стать со временем парамахамсой, т.е. высоким посвящённым, кто оставил позади всякое материальное бытие, кто торжествует над всем, что он сделал в этом чувственном мире, кто живёт в чистом духовном бытии, кто преодолел чувственное, так что у него нет больше стремления к новому воплощению, так что ему нет больше дела до того, что живёт в этом чувственном как плод его трудов. Так повсюду мы встречаем там то, что преодолевает эту майю, что торжествует над майей.

Иначе это у Павла. У Павла, если бы ему предстало это восточное учение, оно вызвало бы в глубоких подосновах его души следующие слова: «Да, ты хочешь в развитии преодолеть всё, что тебя окружает, и всё, что ты делал там, во внешнем. Это ты хочешь всё оставить позади? Но разве всё, над чем ты хочешь возвыситься, не Божье Творение? Разве в этом не живёт Божественное Откровение? Божественный Дух? Не искал ли ты в своих собственных трудах прежде всего проявления Бога в любви и преданности, и теперь ты хочешь торжествовать над всем этим, над всем, что суть Творение Божие?»

Было бы хорошо, если бы мы вписали глубоко в свои души эти хотя и никогда не произнесённые Павлом, но господствующие в глубине его души слова, так как в них выражается каждый нерв того, что мы познаём как западное откровение. Разве не в духе Павла говорим мы о майе, что нас окружает? Говорим мы: нас повсюду окружает

мая! Но мы говорим: разве эта мая не представляет собой откровение Духа, разве всё это не божественное духовное деяние, и разве не злодеяние не понимать, что там повсюду божественно-духовное деяние? Теперь возникает другой вопрос: почему это мая? Почему мы видим вокруг маяю?

Запад не останавливается на вопросе, всё ли суть мая, но спрашивает о мае — «почему». На это следует ответ, к-рый вводит нас в само душевное, в пурушу. Так как душа подпала однажды под власть Люцифера, она видит всё через покрывало майи, расстилает как душа над всем покрывало майи. Объективное ли виновато, что мы видим маяю? Нет! Нам как душам объективность являлась бы в своей истинности, если бы мы не подпали под власть Люцифера. Нам же она является только как мая, ибо мы не способны созерцать основу того, что распростёрто вокруг нас. Это происходит оттого, что душа подпала власти Люцифера, это не вина богов, это вина самой души. Ты, душа, сделала из мира маяю тем, что подпала Люциферу.

Высшее духовнонаучное понимание этой формулы и слова Гёте «Чувства не обманывают, но обманывает суждение» лежат на одной прямой. И сколько бы филистёры и фанатики не оспаривали Гёте, христианство Гёте, он всё же мог сказать, что был истиннейшим христианином, ибо в глубинах своего существа он мыслил по-христиански, вплоть до формулы «чувства нас не обманывают, но обманывает суждение». Душа виновата в том, что видимое ею является не в истинном свете, но как мая.

То, что в ориентализме, на Востоке, является просто как дело самих богов, здесь отводится в глубины человеческой души, где происходит великая борьба с Люцифером. Так правильно понимаемый ориентализм является в известной степени материализмом, ибо он не познаёт духовность майи и хочет выбраться из материального. То, что пульсирует в Посланиях Ап. Павла и что в будущем распространится открыто по всей Земле, это, хотя и в зачаточном виде, душевное учение и так его можно понять в наше время тамаса. Необходимо понять эту своеобразную природу майи, и тогда только поймёшь в глубине, что подразумевает Павел, когда говорит о первом Адаме, к-рый в своей душе подпал Люциферу и к-рый поэтому всё более и более вовлекается в материю: это значит не что иное как вовлекаться в неправильное переживание материи. Находящаяся вовне материя как Творение Бога — хороша. То, что происходит там — хорошо. Но то, что переживала в ней душа, становилось в ходе развития человечества всё хуже и хуже, ибо душа подпала под власть Люцифера. И поэтому Ап. Павел называет Христа вторым Адамом, ибо он вступил в мир не искушённый Люцифером и может стать тем вождём и другом человеческих душ, к-рый постепенно отстранит их от Люцифера; т.е. приведёт их в правильное отношение к нему.

Ап. Павел не мог в своё время сообщить человечеству всё, что он знал как посвящённый; но кто даст подействовать на себя его Посланиям, тот поймёт, что они в своей глубине говорят больше того, что говорят внешне. Это происходит оттого, что Павел говорил общине и должен был считаться с пониманием общины. Поэтому некоторые места его Посланий представляются настоящими противоречиями. Но кто может проникнуть в глубины, тот действительно найдёт повсюду у Павла импульсы от существа Христа...» («Бхагавадгита и Послания Ап. Павла», л.5 от 1.01.1913г., с.140-47)

ЯЗЫЧЕСКИЙ БУНТ В ЭФЕСЕ

(май 57г.)

Возвращаемся в Эфес. На дворе уже вторая половина весны 57г. н.э., когда Павел, снарядивший перед тем, как сказано, в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста, с их (или только Тимофея) последующим визитом в Коринф, — «сам (завершив свою преподавательскую деятельность в училище Тиранна ещё в начале 57г.) остался на время в Азии» (Д.Ап.19,22).

*«В то время произошёл не малый мятеж против пути Господня;
Ибо некто серебряник Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам не малую прибыль,
Собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше;
Между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти по всей Азии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги;
А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придёт в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, к-рую почитает вся Азия и вселенная.
Выслушавши это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемиды Ефесская!
И весь город наполнился смятением; схвативши Македонян Гая и Аристарха, спутников Павловых, они единодушно устремились на зрелище.
Когда же Павел хотел войти в народ, ученики не допустили его;
Также и некоторые из Азийских начальников, будучи друзьями его, пославши к нему, просили не показываться на зрелище.
Между тем одни кричали одно, а другие другое; ибо собрание было беспорядочное, и большая часть собравшихся не знали, зачем собрались.
По предложению Иудеев, из народа вызван был Александр. Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу.
Когда же узнали, что он Иудей, то закричали все в один голос и около двух часов кричали: велика Артемиды Ефесская!
Блюститель же порядка, утишив народ, сказал: мужи Ефесские! Какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Дионета?
Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво;
А вы привели этих мужей, к-рые ни храма (Артемидина) не обокрали, ни богини вашей не хулили;
Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания, и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга;
А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет решено в законном собрании;
Ибо находимся в опасности — за происшедшее ныне быть обвинёнными в возмущении, так-как нет никакой причины, к-рою мы могли бы оправдать такое собрание.» (Д.Ап.19,23-39)*

Артемиды (этимология имени спорна и подвопросна) — *невредимая; владычица; медвежья богиня; убийца*. Если она, как полагают некоторые, в своих самых ранних проявлениях — из М.Азии (сохранилась лидийская надпись «Артимис»), то к её появлению здесь могут иметь отношение мигрировавшие сюда во II тыс. до н.э. с Востока арийские индо-германцы. Но с др. стороны, очевидно её сродственность минойским божествам и наименование «владычица зверей» на крито-микенских скириалах. Причём её связь с Аполлоном в изначальной древности остаётся под покровом тайны, не прослеживаясь.

По общеизвестному греческому мифу, речь идёт о дочери Зевса и Латоны (Лето) — сестре-близнеце Аполлона, к-рая родилась на Делосе раньше брата и тотчас оказала матери помощь при его родах. Популярнейшая у греков богиня первоначально внешнего природного мира, к-рая со своими спутницами-нимфами опекала леса, дикую природу и живность в ней вне зоны человеческого обитания, отнюдь не всегда дружелюбная к нарушавшим природную гармонию людям. У

Гомера («Ил.» 21,470) — владычица зверей, богиня охоты, вооружённая луком и стрелами. Её стрелы, сходно стрелам стреловержца Аполлона (каравшего в основном мужей), могли принести внезапную смерть, в особенности женщинам, к-рым она покровительствовала и к к-рым предъявляла вдвойне строгие требования.

Одно из главных её проявлений — защитница и спасительница, вышло (не оттеснив в ней охотницу) на передний план, когда с Vв. до н.э. жизнь греков сосредоточилась в городах-полисах, в первую очередь, в Ионике, где Артемида утратила прежние функции богини дикой природы, тогда как её брат изначально действовал повсюду преимущественно в сфере духа. Он — сиятельно солярен; она — зеркально-отразительно лунарна. И, как богиня Луны, она изобразительно-скульптурно предстаёт в долгополой одежде, с покрывалом на голове, с полумесяцем над челом и с факелом в руках. А как быстроногая охотница — в коротком облачении, с луком и колчаном. В чертах лица сходство с Аполлоном.²²

От неё исходит жизнь, в ней — богиня родов, опекающая рожениц, и богиня-кормилица, охраняющая стада и дичь. Ей — девственной защитнице девства и одновременно плодородного материнства — чужды узы земной любви, и подобно Аполлону, неведомы узы брака. Места поклонения Артемиде находились в рощах и у водных источников. В Аркадии её, связанную с живой природой, почитали без Аполлона, с посвящённым ей культом и мистериями. В Бравроне (Аттика) и в Спарте, где Артемида звалась «Орфия» (*прямо стоящая*), её некогда ублажали человеческими жертвами, к-рые позднее заменили долго сохранявшимся обычаем бичевать у её алтаря мальчиков так, чтобы алтарь обогрелся кровью.

Артемида Лафира в северо-западной и центральной Греции (в Навпакте и в Патрах), являясь владычицей зверей и богиней плодородия, отвечала также за родники и водоёмы. Из Пелопонеса культ богини попал на Сицилию и в южную Италию, импульсировав, с одной стороны, буколическую поэзию, а с другой, — повлияв на становление культа римской Артемиды — лунной охотницы Дианы. Или в Кирене Артемида акцентированно отвечала за женщин и женственность. С ней ассоциировались критские божества Бритомартис и Диктинна, догреческая Полибия — сестра Гиацинта, пришедшие из М.Азии — Геката, и позднее — лунная Селена.

Однако, — чем дальше, тем больше, — сама богиня заботилась не только о лесах и детёнышах лесных животных, но и о детях человеческих, и, прежде всего, о девочках, об их становлении отроковицами и девицами, к-рые перед вступлением в брак совершали обязательное жертвоприношение в её честь. Рожениц, умерших при родах, считали наказательно поражёнными её стрелами. В Аттике (Браврон) и Беотии, где со временем она, оставаясь девственно-безбрачной, сделалась покровительницей брака и брачного союза, ей посвящали одежды умерших рожениц, в то время как отроковицы какое-то время обслуживали её («медвежьей богини») культ исполнением ритуальных танцев как «медвежата». Она и её нимфы (к-рые сопровождали Артемиду со сворой собак в лесах) повивально помогали женщинам при родах, особенно в Эфесе (вспомним про отсутствие богини в момент рождения Александра и пожара храма).

В гневе Артемиды страшна. Обидевшись на царя Калидона Ойнея, не принесшего ей жертву первин, она наслала на Калидон свирепого вепря. Спровоцировала мучительную гибель Мелеагра, к-рый охотился на зверя, нарушив гармонию

²² Не обращал ли Аполлон откровения-сокровения, как были уверены на Делосе, к людям, через пифию, с равноденственной весны до равноденственной осени, убывая на зиму в таинственную, по ту сторону ветров, Гиперборею (в места ближе к Ладогe, откуда происходила его и Артемиды мать — Латона) и каждый раз возвращаясь оттуда по весне.

животного мира. Потребовала в жертву дочь Агамемнона (наслав безветрие и тем препятствуя выходу ахейских кораблей в море, дабы плыть под Трою) за то, что он убил священную лань Артемиды и похвалялся, что стреляет из лука лучше неё. Но сама же спасла Ифигению, заменив её жертвенной ланью и унеся-перенеся в Тавриду, где та стала жрицей богини, требующей человеческих жертв (Артемиды Тавропос). Или спасла Тайгету от Зевса, превратив её в индейку; или Аретузу – от Алфея, обратив её в родниковый источник.

Перед Артемидой и Аполлоном оправдывался убивший керинейскую лань с золотыми рогами Геракл. Нечаянно подсмотревший омовение целомудренной богини юный Актеон был превращён ею в оленя и растерзан псами. Она убила превращённую ею в медведицу нимфу Каллисто за нарушение целомудрия и любовь к ней Зевса. Похвалявшаяся перед богами своим многочисленным потомством Ниоба потеряла своих детей Ниобидов, убитых Аполлоном и Артемидой. В Троянской войне последняя сражалась на стороне троянцев (что, опять-таки, говорит о её древнемагических асийских-азиатских корнях-очагах) и была убедительно одолена Герой.

Артемиды Эфесская – весьма примечательный сплав-симбиоз вышепредставленной греческой и малоазийской, отпочковавшейся от фригийской Великой Матери (Кибела) богини, ставшей имманентно эфесской – «тысячегрудой» – покровительницей плодородия, кормилицей, питающей всё живущее, подательницей жизни, охранительницей девства и материнства. Её храм в Эфесе, как и сам город, по, напомним, одному из преданий, основали (идя с Востока на Запад войной против Афин и Тезея) строгонравные воительницы (одногрудые) амазонки, к-рым она усиленно покровительствовала.

Таким образом, Эфес – город амазонок с культом богини-матери Ма-Артемиды – наиболее знаменитый из городов, основанных этими пришельцами из мест окрест притока Аракса (мать-река у армян) – Термодона – в Азии. Пришлые же из Фракии (где, кстати, Артемиду отождествляли с местными богинями – Бенда и Котито) яфетические фригийцы (сыгравшие значительную роль в этногенезе армянские население последующей кельтской Галатии в Центральной Анатолии) унаследовали культуру (пришедших в Анатолию с индийского? индо-иранского? Востока?) яфетических хеттов (тоже вовсе не чуждых армянам), цари к-рых почитались инкарнацией (праиндийско-постатлантического!) Солнца. Не случайно фригийцев называли Асканиями, т.е. потомками сына Иафета Асканаза (эпонима яфетических армян наряду с Фогармой-Торгомом). То-то у Гомера («Илиада» 2,862) герой Асканий предводительствует фригийцами (союзниками троянцев, с к-рыми, согласно Хоренаци, союзничали и армяне) из Аскании и они жаждут битвы.

Неспроста «Эфесские грамоты», написанные, как полагают, на статуе Артемиды Эфесской и наделённые чудодейственной силой (если их использовали как талисман), содержали знаменитые загадочные формулы, изображённые идейскими или фригийскими дактилиями.²³

²³ Если Аполлон (в одном из зодиакальных ракурсов) небесный Стрелец, стрелы к-рого поражают из (кентаврированного) Стрельца, и солярный свет к-рого исцеляет, то его сестра-близнец покровительствует нересту Рыб из знака Рыб, в то время как ему верен (заменяющий на воде коня) царственный дельфин. Если плодотворный гений Аполлона инспирировал греческую философию, то в Артемиде Эфесской посвящённые переживали девственную Все-Мать, женское проявление Св. Духа. Он – плодотворность, она – как девство, так и плодородие-чадородие. Они, близнецы, в 4-х знаках Зодиака, составляющих животворный крест: Рыбы-Дева-Стрелец-Близнецы. Мистерии Эфеса – творческие пути пылающего Логоса: духовный Пра-Огонь преобразуется в одушевлённый Воздух, в живую Воду, и они вдыхают жизнь в физическую-минеральную Землю.

И тем не менее, основали ли Эфес, идя с Запада на Восток войной против Афин и Тесея, амазонки? или они здесь принесли жертву эфесской богине? зная её алтарь со времени их бегства то ли от (побывавшего в Индии) Диониса? то ли от Геракла? или город основал некто лелег? лидиец? кариец? по имени Эфес/Ефес – в точности неизвестно – тайна сия велика есть. Зато точно известно, что из этого знаменитого города происходил Гераклит Эфесский (ок. 540 – ок. 480гг.), кого за загадочность его мыслей и мышления уже в древности называли «Тёмным» (в чём Цицерон крайне несправедливо усматривает намёк на его невежество). Он отказался от предложения сограждан принять участие в управлении государством и отклонил предложение Дария Гистаспа приехать в Персию, чтобы ознакомить царя царей с греческой философией. Написал одно сочинение «Музы» (или «О природе»), создав свой труд при храме Артемиды Эфесской, в к-ром это посвящённое богине герметическое сочинение впоследствии хранилось.

Сообразно Гераклиту, к-рый отождествлял ум человека с Логосом и называл его судьёй истины, всё произошло-возникло из огня. Прасубстанция древнего Сатурна – тепло, к-рое было огнём, а земля есть – превращение, есть пламезарная метаморфоза Сатурна. Гераклит предвидел конец древних мистерий. Он заменил древнее ясновидение абстрактными понятиями, но в нём самом ещё теплился и волил сокровенный отзыв сновидческих откровений.

В эфесских мистериях пестовалось в первозданной чистоте таинственное знание о прото-огне теплового Сатурна, в свете чего труд «Музы» о прасубстанции огня и был посвящён Гераклитом Артемиде Эфесской, в святилище к-рой Герострат швырнул свой роковой факел, что оповестило о конце мистериальной древности в день рождения Александра и в год, когда Аристотелю (384 – 22гг.), кто до сорокалетнего возраста был мистериалистом-таинником, став затем ново-учёным философом-мыслителем, основателем аристотелизма (но никак не отцом материализма! как бы этого ни хотелось Марксу с Лениным!), исполнилось (7 x 4) 28 лет (356г.).

Поскольку храм Артемиды погиб при рождении Александра, он, ученик Аристотеля, действуя в эпоху и из импульса Михаила, намеревался основать новый духовный Эфес, излучающий солярный михаэлизм в направлении как Востока, так и Запада. Увы, это удалось ему, подпавшему демонию Азии, лишь отчасти. Более того, вскоре после него на смену эпохе Михаила (602 – 248гг.) пришла велико-сумеречная эпоха Сатурна (248г. до н.э. – 108г. н.э.) и с ней властительская демония эллинистических государств диадохов, кульминационно перешедшая затем в римский деспотический цезаризм и в кесарево безумие.²⁴

Мистерии эфесского святилища манифестировали творческую силу пламезарного Логоса. В изображении многогородой Артемиды было созерцаемо-переживаемо, в синтезе-сочетании с девством, эфирное существо творящей и творческой матери-природы. Она, как элементарное зеркало, отражала звёздные небесные силы. Но вся прежняя языческая мистериальность находилась в I/Ивв. в состоянии глубокого упадка, извращённых толкований, неверного понимания и вырождения.

В дальнейшем поздние иерофанты Элевсина и Эфеса ещё успели остаточн

²⁴ С др. стороны, Сатурн – *самость* человека, эпицентр к-рого сиятельное Солнце = солнечное сознание. Наша память – великий дар Кроноса-Сатурна, духовная сфера к-рого – космический хронограф, память вселенская, в то время как память одухотворённая (прохристианенная) есть – чтение Хроники-Акаша, равно есть истинные (христианские) Пистис и Гнозис.

Державный же Сатурн, это, например, космологическая теократия (сатурнально-ветхо-солярного) Китая, к-рый не случайно столь властно вошёл в историю (XXVIIв. до н.э.) в архангельскую эпоху Орифила-Сатурна (XXVIII – XXIVвв.), предшествовавшую эпохе римского державного взлёта в следующую ротационную эпоху Сатурна – IIIв. до н.э. – I/IIIв. н.э. (от покорения Римом Италии до Траяна).

посвятить Юлиана Отступника – этого бежавшего и не сумевшего убежать от церковного христианства Александра наоборот в зеркально симметричном IV-у в. до н.э. IV-м в. н.э.! Он искал мистерию тройственного Солнца – физического, душевного, духовного, посвятившись в элевсинские и в эфесские таинства, мало того, надеясь найти спиритуальную солярную разгадку в зороастрийском Иране (Заратустры, кто первым познал тайну ауры Солнца и 12-и Амшаспанд), куда двинулся на собственную погибель походом. Он отринул Солнце Христа, выплеснув вместе с водой ребёнка, точнее, трагически не разглядев, не узнав это Солнце в его в истинном христианском величии и обличии. Он тшился найти тайну тройственного Солнца в Элевсине, в Эфесе и, наконец, в Сасанидском Иране, к-рый тоже просмотрел Христову тайну и ополчился против неё, воюя против Аhrимана с опорой на Ормузда, успевшего за время после Мистерии Голгофы стать не кем иным как Люцифером (у к-рого без Христа против Аримана нет шансов).²⁵

Между тем, весьма и весьма примечательно, что с Эфесом до такой степени связали себя именно (в прошлом) фарисейский посвящённый Савл-Павел и именно (в прошлом) староизраэлитский посвящённый Лазарь-Иоанн – два самых выдающихся Апостола Иисуса Христа – носители полыхающего Логоса – Апостол Сына – Павел, и Апостол Духа Святого – Иоанн, оба, святительски проведенные в Эфесе, оба, святительски посвятившие превращению старого языческого Эфеса в новый, соответственно, один – 3 (54 – 57гг.), а другой – 33 года (67 – 100гг.). И уж совсем не случайно именно Эфес сделался местом последних лет жизни и успения ок. 77 – 80гг. сестры-близнеца Лазаря-Иоанна – Апостолицы Апостолов – Марии Магдалины!

Не обращает ли на себя внимание любопытная дуалистическая и одновременно парно тройственная преемственность (во времени). 1) Аристотель, к-рому было 28 лет в год пожара храма Артемиды Эфесской и в год рождения Александра Великого.²⁶ 2) Иоанн Предтеча, к-рый выступил на 28-м году жизни в 28г. н.э., и Иисус Нафанид, К-рого он крестил в Иордане 6.01.30г. в день тридцатилетия Иисуса Соломонида (+ 14г. н.э.), когда Ииусу Нафаниду едва исполнилось (25.12.29г.) 28 лет. 3) Павел, к-рый предтечно-предварительно вспахал эфесскую почву для Иоанна Богослова, кто затем, через 28 лет после римского мученичества Петра и Павла в 67г. (год начала деятельности Иоанна в Эфесе), пережил в 95г. своё мученичество у Латинских ворот в Риме, после чего, оставшись в живых, был сослан на о. Патмос, где удостоился в 96г. (спустя 63 года от Таинства Голгофы 33г. н.э.) Иоаннова Откровения. Потом (по смерти Домициана) возвратился в Эфес, дожил там свою долгую духовторную жизнь и ушёл в успение (завершив Век Таинства Голгофы и Век Апостольский) в летнесолнцевоторный день рождения Иоанна Предтечи – 24.06.100г. н.э.!

* * *

Впрочем, сейчас на повестке дня поднятый против Павла и христиан серебряником Димитрием декадентный грекоязычный и языческий Эфес 57-го г. н.э.

²⁵ Парадоксально, но автор «Антихристианина» и мастер парадоксов Ф.Ницше, к-рый подписывал свои последние писания *именами* «Дионис» или «Распятый», к-рый потерялся-заблудился в Лабиринте (мозговых извилин), трагически выпустив нить Ариадны (как он, кстати, называл Козиму Вагнер) из рук, так и не осознал (распяв себя сам), что мистериальный Дионис (сродни мистериальному Аполлону) исполнился и реализовался в Мистерии (Распятого и Воскресшего) Иисуса Христа (а мистериальная Атремида исполнилась и реализовалась в Марии Богородице и в Марии Магдалине)!

²⁶ На 390-м году от 6.02.356г. до н.э. произошло дамасское ослепление-просветление и последующее обращение-крещение майской весной 34г. н.э. Савла-Павла.

Итак, Эфес, к-рый Павлов современник Сенека (Ер. 17,21) называет одним из красивейшим образом обустроенных городов мира, а ретор Аристид (Шв. н.э.) кличет сокровищницей Азии и узловым пунктом мировых путей сообщения (между Геркулесовыми столпами и кавказской р. Фасис), был городом многих языческих религиозных культов и, главное, подчеркнём снова, городом знаменитого культа Артемиды Эфесской.

При этом в городе на постоянной основе осуществлялась прибыльная торговля предметами её культа, в частности, посеребрёнными или серябряными (хотя до сих пор найдены только терракотовые) моделями-макетами прославленного (считавшегося одним из чудес света) святилища, к-рые изготовляли (выпускали) объединённые в ремесленную гильдию серебряных дел мастера. Причём макеты приносили знатный доход, раскупаемые паломниками (как святыня) и туристами (как талисман), особенно в дни посвящённых богине празднеств, важнейшее из к-рых (Эфесии) справлялось, как сказано, в (приблизительно совпадавшем с юлианским маем) месяце Артемизий.

Отсюда прибыль и благосостояние местных серебряников напрямую зависели от количества проданных-реализованных макетов, и вот доход с них ощутимо упал, т.к. часть эфесских и (шире) асийских язычников (прибывавших в город на праздники), под воздействием и вследствие плотдотворнейшей проповедническо-миссионерской деятельности неутомимого Павла, либо уже обратились в христианство, либо были на пути к обращению. Во всяком случае, они перестали покупать-приобретать рукотворные идолослужительские модели и изображения (кумиры), что больно ударило по прибыли серебряных (и др.) дел мастеров (как, с большей очевидностью, чем в предыдущие годы, выяснилось именно после майских торжеств 57г. н.э.). Соответственно, мотивация бунта была коммерческо-экономической.

Димитрий же, видимо, глава (старшина) гильдии, чтобы расширить базу недовольства и сделать его общенародным, поспешил придать этой инициативе ещё и религиозно-политическое содержание (не при подстрекательском ли соучастии части жречества Артемидина храма?): дескать, проповедующий против рукотворных кумиров в Эфесе и по Азии Павел проповедует, — если, мол, зорче взглядеться (в происки «врага народа»), против культа и храма Артемиды в целом.

Из 1Кор.15,32, к-рое, о чём мы знаем, писалось к Коринфянам в допасхальном марте 57г., т.е. до майского бунта Эфесян, следует, что Павел не в первый на май 57г. раз столкнулся здесь, в смысле языческой оппозиции, с трудностями, и это не мудрено, ибо в Эфесе он действовал с 54г. и действовал, как нам известно, приобретя множество неопитов, очень успешно. Также Посл. к Римлянам, написанное ближе к весне 58г. из Коринфа, содержит приветствие Павла сродникам и союзникам его (16,7), неким Андронику и Юнии (к-рые ещё прежде него уверовали во Христа), что, возможно, указывает на короткое Павлово узичество в Эфесе в течение трёхлетки 54 — 57гг., ещё раньше последнего эфесского конфликта, поскольку в отношении времён более ранних мы знаем только о совсем недолгом Павловом узичестве в 52г. в Филиппах, без Андроника и Юнии.

Далее, из слов Димитрия о совращении Павлом немалого числа язычников «во всей Азии» явствует, что Павел не сидел сиднем в 54 — 57гг. внутри сугубо Эфеса, иногда покидая город в пределах провинции Асия, и, стало быть, деятельно побывав также в некоторых др. её — ближних к Эфесу — городах.

Таким образом, сказав о павлианской угрозе локально серебряникам, ловкач Димитрий затем усугубил выдвинутое обвинение уже глобальной со стороны Павла (и христианства) угрозой для всего великого культа Артемиды, — «к-рую почитает вся Асия и вселенная».

Дальше — больше. Собранные Димитрием на сходку серебряники и прочие

ремесленники, придя в ярость, стали вопить «Велика Артемида Эфесская!», чем привели город в большое возбуждение, вылившееся, выражаясь современно, в несанкционированный массовый митинг. Митинговые охлократы схватили попавшихся им под горячую руку двух Павловых сотрудников — македонян Гайя и Аристарха²⁷, и повлекли их, в видах, надо понимать, народного судилища (не без перспективы суда Линча) «на зрелище», т.е., по всему, — в расположенный близ городского Форума (Агора), эфесской театр (имевший, напомним, 66 рядов и вмещавший до 24-х тыс. зрителей).

При начале мятежа сам Павел отсутствовал, а когда он, узнав, в чём дело, «хотел войти в народ», чтобы взять слово для защиты Гайя и Аристарха, для защиты себя и христианской общины, ученики, видя степень возбуждения-неадекватности разъярённой толпы, к-рая всегда охоча на скорую расправу, правильно «не допустили его» выхода в народ = опасного выхода к народу. Аналогично и некоторые из благоволивших к Павлу местных асийских начальников послали к нему доверенных людей с дружеским предостережением не показываться на зрелище.

Как видим, если в Коринфе Юний Галлион просто отказался, заняв невмешательскую позицию, арбитражно рассудить, по его мнению, внутриудейский между Павлом и Иудеями спор (в к-рый римская власть вступать не пожелала), то в Эфесе у Павла имелись друзья среди местных административных начальников. Оно и понятно: во-первых, он провёл тут почти вдвое больше времени, чем в Коринфе, во-вторых, его проповедь здесь имела ещё больший успех, чем там. И пусть эти его друзья-начальники вряд ли сами сделались христианами, тем не менее, они (у Лк. — мн.ч.), т.е. некоторые из начальственной городской элиты (не под влиянием ли своих более предрасположенных к христианству жён?), относились к Павлу, к его учёности, судя по слову Деяписателя, — хорошо, с уважением, а к его делу — минимум сочувственно.

Этот полисный город, где резидировал римский наместник-проконсул, жемчужину Азии и Ионики, с населением свыше 200 тыс., граждане к-рого делились на сословно-податные разряды и мириады, возглавлял сенат = городской совет (герузия) из 450-и человек. К тому же, в Эфесе (или в Пергаме) регулярно устраивались собрания провинциальных нотаблей, обслуживавших (со времени Августа, в т.ч., культ римских кесарей вкупе с богиней Ромой). Так, избиравшийся горожанами специальный высокий чиновник асиарх (начальник асийцев, подобно вифиниарху в Вифинии, или каппадокиарху в Каппадокии) был одновременно председателем собрания провинциальной знати, верховным жрецом императорского культа и устройтелем религиозных празднеств в честь богов (Страбон 14,42,649)²⁸, — будь то культ Ромы и (очередного, начиная с Августа, римского) Цезаря, культ Артемиды и т.д.

²⁷ Гай (земной) — македонский христианин, видимо, со дней Второго павлианского путешествия (51-54гг.). Его не следует путать ни с одноимённым коринфянином, крещённым Павлом (1Кор.1,14; Рим.16,23), ни с Гаем Дервянином, к-рый сопровождал Павла в 58г. после Третьего миссионерского путешествия в последней поездке Апостола в Иерусалим (Д.Ап.20,4) (см. ниже). М.б., один из этих Гайев — адресат Третьего Послания Иоанна Богослова в 90-е гг. IV. н.э.

Аристарх (*лучший правитель*) — македонский христианин из Фессалоники. Вероятно, сопровождал Павла после Эфеса в Македонию — Грецию — Македонию, и точно обретался при Павле на пути весной 58г. в Иерусалим до Азии (Д.Ап.20,4). Впоследствии был с Павлом во время его подстражного путешествия 60/61гг. из Кесарии Палестинской в Рим (27,2) и являлся Павловым союзником в Риме (Кол.4,10; Фил.23).

²⁸ Первый из исторически известных асиархов в IV. до н.э. — дружный Помпею богатея Пифодор Тралльский, к-рый есть женившийся на дочери М.Антония отец озамуженной в 14г. до н.э. Полемоном Понтийской царицы Понта — Пифодориды Понтийской (+ 36г. н.э.).

К примеру, Эфесии проходили ночью, при храме главной эфесской богини, на территории храмового комплекса Артемизион, сопровождаясь всевозможным разгулом, с допущением для участия в них только мужей, незамужних женщин и рабынь. Культовые празднества обычно включали процессии, ритуальные действия, спортивные и музыкальные состязания, сценические представления и различные увеселения (к к-рым в Риме, но не в Греции или Азии присовокуплялись цирковые игры и гладиаторские бои).

Тем временем, как это очень часто случается в ходе спонтанных бунтов, где от корпоративной этики до круговой поруки всего один шаг, а до крови, к-рой, зачастую, жаждет толпа, и того меньше, большинство из стихийно вовлечённых в бучу серебряных ремесленников бунтарей-крикунов не знали толком, кто чего хочет и чего хотят они сами.

Выразившее изначально недовольство падением барышей корпоративно-сообщническое выступление, значительно увеличившись в столпотворительных масштабах за счёт притока недовольных извне, вроде бы вступилось за *девичью честь* Артемиды Эфесской, над к-рой, как оказывалось, никто не потешался и не ругался. Однако, толпа не вникала в нюансы, ропща теперь на-против иудеев, потому как не различала между иудеями и христианами, бывшими для неё, всего-навсего, ответвлением еврейства, к-рое тоже ведь не творит себе, в частности, руками человеческими, никаких кумиров. (Следовательно, если иудеи и христиане суть одно, значит, — вспоминая «Республику Шкид», — бей халдеев!)

От Иудеев пожелал выступить некто Александр²⁹, выдвинутый, надо понимать, иудейской общиной, чтобы дистанцироваться перед толпой от христиан и Павла, как от отщепенцев еврейства, за действия к-рых эфесские евреи ответственности не несут: незачем, мол, обвинять в посягательстве на Артемиду евреев. Но наэлектризованная толпа была, как замечено, далека от размежевания тех и других, почему Александру, узнав, что он Иудей (и отождествив его как с задержанными Гаем и Аристархом, так и с незадержанным Павлом, кого конкретно обвинял Димитрий), не дали говорить. Плюс к тому, превентивно отвечая ему (не дав заговорить!), т.н. оппоненты подняли крик и аж два часа истошно вопили: «велика Артемеда Эфесская!» Лужёные глотки толпы (к-рой и для праздника, и для расправы «совсем не обязательна свобода»), как и её ораторов, — атрибут всех санкционированных и несанкционированных митингов, шествий, демонстраций.³⁰

И тут, т.е. по истечении двух часов ора, в к-рые городские власти освоились с ситуацией и с возникшей проблемой, на авансцену выступил «блюстителю порядка» — «грамматевс», — по истолкованию части толкователей, — «городской секретарь», короче, ответственный за соблюдение общественного порядка чиновник (за спиной к-рого распознаются дружественные Павлу асийские начальники).

Он указал на никем не поставленную под сомнение бесспорность служения города Эфеса Артемиде и Диопету. Диопет — многогрудая трёхметровая статуя богини в храме (то ли из золота, то ли из обработанного монокристаллического метеорита,

²⁹ Неизвестно, насколько правомерны попытки отождествить этого, мол, в дальнейшем ставшего сначала христианином Александра (*защитник людей*) с отпавшим позднее в гностицизм христианином из 1Тим.1,20? или со сделавшим много зла Павлу неким медником Александром (2Тим.4,14)? Второе более правдоподобно, так как, во-первых, в эфесском противохристианском бунте 57г. к серябряникам очень даже могли примкнуть (и) медники; во-вторых, подчеркнуто-различительно (в рамках двух Посланий к Тимофею) называемый «медником» Александр из 2Тим.4,14 и (гностики) Александр из 1Тим.1,20 явно не одно и то же лицо (см. ниже).

³⁰ Например, в современной Германии, что бы истошно ни выкрикивали шествующие по улицам футбольные фанаты, почему-то всегда слышишь: «Sieg Heil!»

напоминавшего женскую фигуру), к-рая, как верили почитатели культа, упала, ниспосланная Зевсом, прямо с неба. Конечно, и для христиан, и для евреев, это — кумир-истукан, но разве Павел, Гаий, Аристарх обокрали храм Артемиды? разве они хулили богиню? Никак нет, и невзирая на то, что часть её прежних приверженцев христианизировались (перестав покупать серебряные макеты кумирни), никакого юридического состава преступления в действиях названных лиц, как и христиан вообще, нет.

Быть же приверженцами культа Артемиды они не обязаны. В либеральном подходе Римской империи к исповеданию-отправлению культов господствуют толерантность и плюрализм (исповедание еврейства официально разрешено; исповедание то ли единого, то ли не единого с иудаизмом христианства пока не запрещено).³¹

А для подачи жалоб есть соответствующий порядок, соответствующие процедуры и соответствующие инстанции. Иначе говоря, Димитрию и прочим недовольным надлежит идти законным путём. В противном случае сборище может быть квалифицировано как мятежное возмущение против римской власти и римского правопорядка, на что Рим, с присущей ему в подобных случаях жёсткостью-решимостью,отреагирует, и тогда многим не поздоровится. Посему у массового, с т.зр. закона, безосновательно протестного сборища в театре нет оправдания. Засим, не доводите митинговое дело до чреватого вмешательства Рима, уgomонитесь и разойдитесь (доколе не поздно).

Сказанное возымело должное воздействие. Гаий и Аристарх были, без причинения им вреда, отпущены, толпа разошлась. Всё обошлось без крови, насилия и каких-либо негативных последствий для самого Павла, его сотрудников, других христиан и всей христианской общины Эфеса.

МАКЕДОНИЯ — ИЛЛИРИК — ГРЕЦИЯ (ЕЛЛАДА) — МАКЕДОНИЯ (лето 57 — весна 58гг.)

«По прекращении мятежа Павел, призвав учеников и дав им наставления и простившись с ними, вышел и пошёл в Македонию.

Прошед же те места и преподав верующим обильные наставления, пришёл в Елладу; Там пробыл он три месяца; когда же по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями, он хотел отправиться в Сирию, то пришло ему на мысль возвратиться через Македонию.» (Д.Ап.20,1-3)

Эта маркировка Дееписателем ухода Павла из Эфеса после (майского) мятежа вполне синхронизируется с допасхально-весенним намерением самого Павла в его (мартовском) 1-м Посл. к Коринфянам пробыть в Эфесе до Пятидесятницы (16,8), к-рая в 57г. пришлось, повторим, на 28.05. И у нас нет оснований не дать Павлу отпраздновать эфесскую Пятидесятницу (по его мартовскому намерению) вместе с эфесской христианской общиной — на том, мол, основании, что, дескать, из-за мятежа, он вынужден был покинуть город несколько раньше.

Отнюдь, — т.к. мятежные страсти благополучно улеглись, или, точнее, поостыли-заморозились-утихомирились не в ущерб христианам благодаря своевременному вмешательству полномочного представителя городской администрации фактически

³¹ После смерти в 54г. Клавдия, изгнанные его указом в 50г. из Рима иудеи (и вместе с ними ещё не разождествлявшиеся римской властью с иудеями христиане), возвратились, при Нероне, в Рим.

в их защиту и пользу. Пошли ли руководимые Димитрием серебряники (гильдия) по предложенному им юридическому пути судебного разбирательства (дела, в к-ром, честно говоря, не было дела)? – неизвестно.

Но, в любом случае, спешно бежать Апостолу язычников из города, к-рому он отдал так много сил, и к-рый, по любому, собирался покинуть после (почти совпавшей, по её майскому сроку, со случившимся незадолго до того мятежом) Пятидесятницы, выполнив свою эфесскую миссию, было незачем. Хотя мятеж дополнительно побудил его (как выводится из не противоречащей 1Кор. Книги Деяний) к уходу. И значит, при хроновоспроизведении событий, пересматривать намеченный-оговоренный в 1Кор.16,8 срок излишне.

Т.е. мы можем смело принять, что из Эфеса Павел ушёл в самом начале июня 57г. Причём, согласно 2Кор.2,12, сначала он пришёл для благовествования в (знакомую и ему, и нам) Троаду (см. выше), где, однако, не имел покоя духу, поскольку не нашёл там Тита, с к-рым, соответственно, они должны были встретиться в Троаде (как? где? когда? и при каких обстоятельствах согласовав это раньше, – неясно), и потому, вскоре простившись с троадцами, отчалил в Македонию (13). О его менявшихся планах идти из Азии в Грецию и потом из Греции в Македонию, или наоборот – из Азии в Македонию, и затем (посетив из Македонии ещё Иллирик) в Грецию (а оттуда снова, по весне 58г., в Македонию), как оно в итоге и случилось, см. выше.

При всех случаях, мы не ошибёмся, датировав прибытие Павла морем (как и в 52г.) в Македонию до истечения июня 57г. Дальше, согласно Д.Ап., он, прошед те места, преподавал в Македонии верующим обильные наставления, вероятно, побывав снова (как в 52г.) в Неаполе, Филиппах, Аполлонии, Амфиполе, Фессалонике (в какой последовательности? и где ещё? по всему, в направлении Иллирика? – вопрос/вопросы).

Кстати, насчёт Филипп, в русском синодальном тексте Послания к Филиппийцам, написанного к концу Первых Павловых уз в Риме (61 – 63гг.), в 63г., сказано о его предстоящем «вторичном» к ним пришествии (1,26), из чего буквально следует, что, стало быть, после 52г., впервые посетив Филиппы в 52г., и до 60-х гг. Ив. он в Филиппах не бывал, что плохо согласуется с его особой привязанностью к филиппийской общине, от к-рой он принял денежную помощь и в 52, и в 57г. (см. выше).

Дело в следующем: и в большинстве греч. манускриптов, и в западных тесктах нет слова «вторично», но есть слово *πάλι* – «опять» (снова; вновь) – подстрочный русский перевод: «через моё присутствие опять у вас, – к-рое может означать и второе, и третье (и т.д.) предстоящее присутствие, вовсе не ограничиваясь приходом-присутствием вторичным. Посему Павел мог побывать-бывать в Филиппах (где, согласно преданию, в 52 – 58гг. епископствовал Лука), и в 52, и в 57 (и в 58), и после 63гг. (см. ниже).

При всём том, в 57г. его обильные наставления наверняка были связаны, прежде всего, с наиболее значительными в наиболее значительных (из початых христианством) центрах-полисах Македонии – фессалоникской и филиппийской общинами, основанными им в 52г.

Более того, именно из Македонии и именно в 57г. Павлу довелось дойти до соседнего с ней на северо-западе Иллирика, о чём он сам сообщает в написанном зимой 57/58гг., ближе к весне 58г., из Коринфа, Посл. к Римлянам (16,9). И тут необходимо твёрдо учесть-усвоить, что другого интервала времени, кроме лета/осени 57г., для посещения с христианской проповедью Иллирика до зимы 57/58гг. в павлианской биографии нет.

Между тем, в административно-территориальном плане, в означенное время, на территории давешней Иллирии существовали две римские провинции – Далмация

и Паннония, к-рые Август разделительно учредил ок. 10г. н.э., после подавления большого Илирийского (= Паннонского) восстания 6 – 9гг. н.э. Правда, письменные провинциальные Далмация и Паннония зафиксированы только при Флавиях (69 – 96гг.), тогда как до того в (дошедших до нас) надписях фигурируют superior provincia Illyricum – Далмация (CIL 3,1741), и inferior provincia Illyricum – Паннония.

Территория Далмации начиналась от Лисса и Скодры, севернее адриатического Диррахия (совр. албанский Дуррес), к-рый входил в состав Македонии, из района сегодняшней албанско-черногорской границы, и простиралась на север вдоль Адриатики, включая Динарские Альпы, до прииталийской Истрии (совр. Черногория, Босния Герцеговина, Хорватия). Паннония (северной границей к-рой был пограничный для Imperium Romanum Дунай) охватывала (частично) земли нынешних Словении, Сербии, восточной Хорватии, западной Венгрии, восточной Австрии.

Где именно побывал Павел, предположительно, в южном далмацко-приадриатическом, по соседству с Македонией, Илирике, в 57г., – остаётся неясным. Но то, что он там был, дойдя, таким образом, и туда, с распространением благовествования Христова (и был, как мы выяснили, не ранее и не позднее лета/осени 57г.), засвидетельствовано им самим (Рим.16,19)

После этого, осенью 57г., он снова в Македонии, откуда (из Филипп?), оптимально в октябре, пишется 2-е Посл. к Коринфянам, перед, в общей сложности, вторым приходом Апостола язычников к ним. Далее Павлом доводится до завершения его македонская миссия на данном этапе, и в итоге – не ранее второй половины или конца ноября 57г. – он приходит в Коринф, чтобы, сообразно его ещё весенним планам (1Кор.16,6), перезимовать здесь, как оно и получилось. Ибо в Елладе он, согласно Д.Ап., пробыл три (зимних) месяца (20,2/3), проведя большую часть этого времени (даже при возможных коротких отлучках куда-либо в ближних элладских пределах), без сомнения, в Коринфе.

Обратимся, однако, непосредственно к написанному осенью 57г. Второму Посланию к Коринфянам, к-рое, о чём мы уже говорили, в его наличном каноническом виде, включает также (с первой половины Пв. н.э.), во второй заключительной своей части (главы 10-13), написанное в 65г. Третье Послание к Коринфянам.

ВТОРОЕ – осень 57г. – (И ТРЕТЬЕ – 65г.) ПОСЛАНИЕ (ПОСЛАНИЯ) АП. ПАВЛА К КОРИНФЯНАМ

2Кор.³² адресовано «церкви Божией в Коринфе, со всеми святыми по всей Ахаии» (1,1), от имени Павла и Тимофея. Стало быть, последний, будучи, как отмечалось выше, снаряжён в Коринф (через Македонию) весной, ещё (судя по 1Кор.4,17 и 16,10) до предпасхально-мартовского 1-го Посл. к Кор., успел возвратиться оттуда. Либо, уйдя (не солоно хлебавши) из Коринфа, он уведомил Павла об этом письмом, после чего Павел отправил в Коринф Тита. Причём из 2Кор.2,12/13 неясно, – ждал ли Павел Тита в июне 57г. в Троаде уже из Коринфа? или откуда-то (из другого места), чтобы направить его в Коринф? а самому отчалить в Македонию. Скорее, первое, чем второе, потому как времени с марта по июнь, чтобы

³² «Т.Б.» делит 2-е Посл. к Кор. на три части: гл.1-7 – характер апостольства Павла (и защита от упрёков), его любовь к Коринфянам, величие новозаветного служения; гл.8/9 – собрание подаваний; гл.10-13 – полемика Апостола с противниками, отражение обвинений в свой адрес и требования к Коринфянам (т.3, с.130). Остаётся, правда, непонятным, почему Павел защищается от обвинений и парирует их с, так сказать, разрывом-перерывом, – и в 1-й главе, и с 10-й по 13-ю главу? Не потому ли, что эти обвинения и защита имеют место в разное время и в различных Посланиях!

узнать о неудаче коринфской миссии Тимофея, направить из Эфеса в Коринф Тита (?) и затем ждать его в июне в Троаде, — вполне достаточно.

В 2Кор.1,8 оговаривается «скорбь» Павла в «Асии», к-рая разумеет майские (и, б.м., иные, в течение почти 3-х лет, до майских 57-го г.) страсти в Эфесе, к-рые, благо, улеглись безболезненнее, чем можно было бы ожидать. Ниже, в стихах 15-17, говорится о вышеразобранном нами (несбывшемся) Павловом намерении прийти к Коринфянам ранее, дабы они вторично получили благодать, в его, следовательно, лишь намечавшийся второй приход к ним (после его первого пребывания у них в 52 — 54гг.). Потом он собирался через них пройти в Македонию, из Македонии опять прийти к ним, и уже от них отправиться (с пожертвованиями, собранными для Иерусалимской церкви-основоположницы) в Иудею, что, в силу ряда обстоятельств, не осуществилось, вернее, осуществилось в 57/58гг. с маршрутной точностью до наоборот — по маршруту — Македония (— Иллирия) — Ахаия (Коринф) — Македония — путь в Иудею.

В стихе 19 гл.1 Павел напоминает Коринфянам о проповеди им у них Сына Божия Иисуса Христа в 52 — 54гг. вместе с Силуаном (Сила) и Тимофеем. В стихе 23, в ракурсе сложной конфликтной ситуации в коринфской общине, с её разделением на группы, с оппозицией в ней к Павлу и упрёками в его адрес, говорится: «шадя вас, я доселе не приходил в Коринф». Т.е. не приходил во второй раз (см. стих 15), с весны 54г., когда, в ходе (на исходе) Второго миссионерского путешествия, закончилось первое посещение Павлом Европы, и до его прихода в Коринф в ходе Третьего миссионерского путешествия на зиму 57/58гг., по написании (1Кор. весной и) 2Кор. осенью 57г. из Македонии.

В 2Кор.2,3/4 сказано о написании Павлом «в великой скорби и стеснении сердца», какого-то послания к Коринфянам «со многими слезами» («Tränenbrief»), в чём справедливо усматривается-распознаётся ещё одно, помимо 1Кор.5,9, не вошедшее в канон и не дошедшее до нас павлианское т.н. «слёзное» (между 1 и 2Кор.) письмо в Коринф. (Впрочем, маловероятно-теоретически его можно, если очень захотеть, объявить тождественным письму из 1Кор.5,9.)

В 2Кор.2,12/13 говорится о Троаде, где, как мы уяснили, Павел (придя морем туда, минуя Хиос и Лесбос, из Эфеса) в июне 57г. не дождался Тита, из-за чего поспешил в Македонию, где встретился с побывавшим в Коринфе Титом (и вновь, как можно предположить-умозаключить из дальнейшего, снарядил его в Коринф?) (см. ниже).

В 2Кор.7,5-7 сказано о трудностях Павла в Македонии (при его приходе туда летом 57г.) и об утешении от Бога прибытием в Македонию (Филиппы? Фессалоника?) из Коринфа Тита, к-рый действовал в Коринфе успешнее Тимофея (7,12/13).

В гл. 8 Коринфяне уведомляются о благодати Божией, данной церквам в Македонии, к-рые совершили щедрые пожертвования в пользу святых в Иерусалиме/Палестине, и призываются поступать сходно Македонянам. Притом сбор этих вспоможений был, судя по 8,10, начат «ещё с прошедшего года» (т.е. с 56г. Титом? — см. 8,6), к-рый похоже, чтобы закончить дело сбора пожертвований, теперь вновь посылается в Коринф (8,16), притом в сопровождении (внимание!) двух братьев (18-22), имена к-рых не называются, тогда как в 8,23 о послании-снаряжении Тита и этих именно (внимание!) двух братьев речь идёт в настоящем времени. И это наводит на вывод об очередном снаряжении Тита летом 57г. из Македонии в Коринф, до прихода туда к зиме или уже зимой самого Павла (к-рый ещё должен до зимы посетить далмацкий Иллирик, затем возвратиться в Македонию, и из Македонии прийти в Коринф).

В 2Кор.9,2 повторяются слова о «приготовленности Ахаии с прошедшего года»,

т.е. со времени, когда встал вопрос о сборе пожертвований для братии в Палестине и сбор вспоможения был начат.

И вот этой-то 9-й главой завершается Второе Посл. к Кор., написанное осенью 57г., ибо отличные (как не со вчерашнего дня замечено) и по слогу и стилю, и по эскалирующему накалу главы 10-13 (в к-рых острее конфликтность и много громче звучит манифестация Апостолом его апостольских полномочий) составляли в Ив. н.э. слившееся не позднее первой половины Пв. со Вторым (апологетически близко родственное оному) Третье Послание к Коринфянам.³³ И при всём том, главы 7/8/9 являются переходными от Второго к Третьему Посланию, несомненно, принадлежа Посланию Второму, но одновременно содержа сходные реалии, сопровождавшие Послание Третье.

Спрашивается, каким образом и в чём сходство? А таким и в том, что в 63г., перед своим отбытием после римских уз из Италии в Испанию, Павел снарядил (опять) Тита в Коринф, условившись встретиться с ним весной следующего 64г. на Крите, куда и прибыл в 64г. сам, в то время как Тит прибыл туда из Коринфа. И в 63/64гг. Тит (как в 57г.) тоже занимался в Коринфе (уполномоченный Павлом) решением острых конфликтных вопросов и сбором пожертвований для Иерусалимской церкви, к-рые либо предстояло отправить с кем-нибудь в Палестину, либо их должен был отвезти сам Павел, очень даже намеревавшийся, как явствует из Посл. к Евреям (13,23), весной 66г. в Эрец-Исраэль вместе с Тимофеем. Но — не дождавшийся в 66г. Тимофея в Италии, потом оказавшийся вторично в римских узах, и так и не попавший больше ни в Иерусалим, ни в Палестину, где, тем временем, в 66г. началась Иудейская война, повлекшая за собой уход христианской общины из Иерусалима в Заиорданье осенью 66г. (см. ниже).

Таким образом, то, что говорится Павлом в 57г. в каноническом 2Кор. о Тите, пожертвованиях, конфликтности и т.д., очень даже могло говориться и в 65г., когда перед своим (итого) третьим приходом в Коринф вновь из Македонии (Филиппы? Фессалоника?), где он провёл зиму 64/65гг., прибыв сюда из М.Азии, куда наведаясь после Крита, Павел зимой/весной 65г. написал и отправил в Коринф Третье Послание к Коринфянам, к-рое составляют, как сказано, главы 10-13 канонического 2Кор. (присовокупленные к последнему во Пв. и прочно устоявшиеся в нём до III/IVвв.).

Удостоверимся. Во 2-м стихе гл.10 говорится о предстоящем Павлом (как и перед зимой 57/58гг.) пришествии в Коринф весной 65г. Дальше идёт страстное (на более высоких, чем в 2Кор.1-9, тонах, иным слогом, иным стилем)³⁴ опровержение обвинений-критики-упрёков со стороны некоторых Коринфян павлианского служения, что Павлу (отношения к-рого с коринфской общиной были наиболее сложными) приходилось делать и в 57-м, и (острее) в 65г. Тем паче, что за время его 7-летнего — с весны 58 по весну 65г. — долгого отсутствия в Коринфе ситуация там (и во внутриобщинных делах, и в отношении Коринфян к нему) порядком наболела-обострилась. Притом 10,9/10 указывает именно на 3-е Посл. к Коринфянам (параллельно подразумевая, — вчитайтесь зорче, — что большинство Павловых соборных Посланий уже написаны).³⁵

³³ «Третье» (как и «Первое» или «Второе») — по, в достаточной мере, условной нумерации, считывая как минимум ещё два не дошедших до нас (не вошедших в канон) Павловых Послания к Коринфянам (1Кор.5,9; 2Кор.2,2/3) (см. выше).

³⁴ Вообще язык Посланий Павла, отлично от Евангелий, — не классический античный греческий, но ойкуменический разговорный язык койне.

³⁵ И пусть никого не смущает следующее. В 2Кор.10 сказано: «Мы не без меры хвалимся, не чужими трудами, но надеемся с возрастом веры нашей, с избытком увеличить в вас удел наш, / (Так-чтобы и) далее вас проповедывать Евангелие, а не хвалиться готовым в чужом уделе» (15/16), из чего может создаться впечатление, что Павел тут говорит о, мол,

А вот в следующей гл.11, в стихах 23-27, речь ведётся о том, что Павлу пришлось претерпеть в ходе его миссионерско-проповеднической деятельности, бывши-побывав – «безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти» (23). Пять раз от Иудеев было дано ему по 40 ударов без одного; три раза его били палками; однажды камнями побивали; три раза он терпел кораблекрушение (ночь и день пробыл во глубине морской); много раз был в путешествиях, в опасностях среди недоброжелателей всех мастей, в городе, в пустыне, на море (24-26), «в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе» (27).

По повествованию Д.Ап. (14; 27/28), мы знаем о побииении сумевшего выжить Павла камнями в Листре (47г.) (см. выше) и о кораблекрушении с чудесным спасением на Мальте, во время подстражного плаванья Апостола из Палестины на кесарев суд в Рим (60/61гг.) (см. ниже). Но всмотритесь внимательнее в стихи 23-27 (3Кор.11)! Неужели не ясно, что всё это суммарно-итоговое перечисление Павловых страданий ради Евангелия звучит (повторим) на заключительном этапе всей его апостольско-подвижнической жизни-деятельности (незадолго до Вторых римских уз 66/67 и мученичества в 67г.), никак не могучи звучать в 57г., не могучи звучать из 57г., когда у него впереди ещё 10 лет жизни, включая – до этой *исповеди* 65-го г. – кесарийские (58 – 60гг.) и первые римские (61 – 63гг.) узы, включая кораблекрушение осенью/зимой 60г., включая другие многочисленные страдания-испытания за период 57 – 65гг., о к-рых в таком явно итоговом ключе, ни в коем разе, не может говориться в 57г.³⁶

Дальше – больше. В 11,32 Павел возвращается к началу своей деятельности, после 3-х лет уединения в Аравии (34 – 37гг.), весной 37г. (за 28 лет до 65г.), когда (подстрекнутый дамасскими иудеями) эпитропос едва полученного арабским царём Аретой во владение от Калигулы Дамаска стерёг Павла, чтобы схватить его, кого дамасские христиане спустили в корзине из окна по крепостной стене, после чего он прибыл в Иерусалим, где впервые появился по своём обращении в 34г. и фактически впервые публично выступил как христианский Апостол.

впервые предстоящей ему проповеди «далее» Коринфа, т.е. географически западнее или севернее Коринфян, о чём-де он может говорить в 58г., ещё не побывав в Риме, но не в 65г. Никак нет, поскольку, если в 57г. он побывал перед вторым приходом в Коринф (из Македонии) в Иллирике (Далмация) – «далее» Коринфян, то и после весны 65г., когда он в третий пришёл в Коринф (и после последнего посещения им М.Азии летом 65г.), он провёл зиму 65/66гг. в эфирском Никополе (Тит 3,12) = «далее» (северо-западнее) Коринфа, где, т.е. в Никополе, он побывал тогда и (наверняка) проповедывал-миссионировал впервые. А затем, весной 66г., ему довелось снова оказаться в Италии, где он снова, – до своих вторых римских уз с весны/лета 66г., да и позднее, по июнь 67г., в узах, – не сидел сложа руки = не слагал свою апостольскую миссию, по возможности, до конца. Так что это «далее вас» (10,16) может содержательно относиться и к 57, и к 65гг., относясь – как слово из де-факто *3Кор. 1, 15/16* (но не *2Кор. 10, 15/16*) – к концу зимы, или к зиме/весне 65г., когда Павел из Македонии писал своё Третье Послание к Коринфянам перед своим третьим приходом к ним.

³⁶ Не говорит ли Павел в 11,23, что он много раз был в темницах, чего не было на 57г., до к-рого он лишь дважды, коротко в Филиппах (52г.) и коротко (предположительно) в Эфесе (ок.55/56гг.), побывал в заточении, попав позднее в узы в Иерусалиме (58г.), проведши 2 года в узах в Кесарии Палестинской (58-60гг.) и 2 года в (нетяжких) узах в Риме (61-63гг.), и ещё, вполне возможно, побывав где-то в заточении в 63-65гг. Только так, включая филиппийские и эфесские узы, с учётом уз в Иерусалиме, и, главное, двух продолжительных Павловых заточений в Кесарии и в Риме, получается многократное лишение свободы, чего нет в наличии на 57г. Сходно и с тремя кораблекрушениями, одно из к-рых (единственное нам известное) – наверняка кораблекрушение на пути в Рим осенью/зимой 60г., а два других, или, по крайней мере, одно, – ближе неизвестные бедствие/бедствия 63-65гг., когда ойкуменический Апостол язычников плавал из Рима/Италии в Испанию (63/64гг.), из Испании на Крит (64г.), с Крита в Асию (64г.), из Азии в Македонию (64г.), где провёл зиму 64/65гг. (см. ниже).

А в гл.12 сказано о его «назад тому 14 (ретроспективных) лет» (2) восхищении до Третьего Неба, о чём говорится из зимы/весны 65г. (но уж никак не из осени 57г.), с хроноапелляцией к зиме/весне 51г., когда восхищённый перед тем до Третьего Неба Павел ходил – «по откровению» (Третье Небо!) – на Апостольский собор в Иерусалим. Причём об этом соборном хождении в Иерусалим мы узнаём из следующего в каноне за 2Кор. Послания к Галатам (2,2), где в этот (стержневой) 51-й г. ведут-приводят «14 (перспективных) лет» (2,1) из 37г.³⁷, к-рый, в свою очередь, отстоит на 3 года (1,18) от ослепительного просветления Павла на пути в Дамаск и его обращения-крещения в Дамаске в 34г.

В 2Кор.12,14, точнее, по хронофакту, в 3Кор., презентуется третий (третий) предстоящий приход Павла в Коринф, между тем как в 2Кор.1,15 на очереди его (пока не состоявшийся) второй приход, к-рый, судите сами, не может состояться в хронофактических рамках-пределах Второго Посл. к Коринфянам, фигурально выражаясь, между 1-й и 12 (/13)-й главами якобы единого Второго Посл. к Коринфянам, где уже собственно слова о предстоящем в 1-й главе *втором* и о предстоящем в 12-й главе *третьем* приходах разделяют это канонически единое Послание на два разных и разновременных Послания (57-го и 65-го гг.).

Мало того, в 12,18 сказано о снаряжении Павлом (перед собой) к Коринфянам Тита, что (само по себе) могло иметь и имело место до Павловых приходов в Коринф и в 57, и в 65г. Однако, если в 57г. Тит пошёл в Коринф (в последний раз

³⁷ Напомним, 37, 51 и 65г. – субботние-седмичные годы по (отменённому Иродом Агриппой в пользу аронидского) царскому юбилейно-субботному циклу-календарю Иисуса Навина, Судей, Давида, Соломона, царей Израиля и Иуды, Маккавеев и Иисуса Христа. Притом в число этих (пост)шмит входит и 58г., когда Павел был восхищён до Седьмого Неба (см. ниже).

К слову, на помощь – относительно 51г. н.э. как даты восхищения Павла до Третьего Неба – косвенно приходит и предание о Дионисии Ареопагите, к-рое сообщает, что он был рукоположен Павлом в епископы Афин после трёх лет обучения у Павла, в к-рые Апостол, в частности, открыл ему тайны своего восхищения до Третьего Неба («Legenda Aurea», «Von S.Dionysius», S.605-11), включавшие тайну-таинство запечатлённых-воспроизведённых впоследствии Дионисием чинов Небесной иерархии (9 чинов Ангельских). Дионисий был, как мы знаем, обращён Павлом в Афинах в 52г., соответственно, на следующий год после восхищения Павла и Апостольского собора 51г. (а не через аж 8 лет после Павлова восхищения будто бы в 43г., как весьма несостоятельно получится при вычитательном отсчёте 14-летки в 2Кор.12,2 из 57-го г.).

Вдобавок к тому, по одному из преданий, Дионисию довелось итогу 12 лет епископствовать в Афинах до года мученичества Петра и Павла, когда он прибыл в Рим за последними наставлениями от Апостолов-узников (и больше на епископство в Афины, отправившись из Рима в Галлию, не возвратился). Любопытно, что, если 3 года (по преданию) посвятившего при Павле ученичества Дионисия ведут из 52 в 55г. (когда Павел с 54г. в Эфесе), то 12 лет его афинского епископства, в случае их отсчёта с 55г., дадут как раз 67г. н.э. = точную историческую дату римского мученичества Петра и Павла (см. ниже).

P.S. 1) Не в 43г. в 40 лет (возраст, в к-ром р. Акиба, по иудейскому преданию, лишь начал изучать Тору), а в 51г., в 48 лет (возраст Авраама, когда рухнула Вавилонская башня, или предположительный возраст отринутого Самуилом Саула), Павел был восхищён до Третьего Неба!

2) Между прочим, в отношении «Третьего Неба» из 2Кор.12 знакомые читателю Chr. Nord и Kl.Berger («Das Neue Testament und frühchristliche Schriften») пишут-предполагают (при этом ошибочно датируя 2Кор. 55-м г.) (S.113), что в рамках тогдашней апокалиптической традиции это «Небо» было «высочайшим» (S.131). А в приводимом ими же апокрифическом «Апокалипсисе Павла» (ок. 150г.) Павел восходит (вместе с др. Апостолами) и до «Седьмого», и до «Десятого Неба» (S.1224-26). Неужто во второй половине IV н.э. было всего «Три Неба» (!), тогда как до середины IV н.э. появилось-набралось уже (как минимум) «Десять Небес»?! (хотя эзотерическо-апокалиптических уровней духовно-небесного восхождения – до Неба наивысочайшего – итогу – 12/13!).

перед приходом туда Павла на зимовье), как мы выше показали-рассказали-установили, с двумя братьями-спутниками (2,8,18; 22), то в 65г. ему, согласно 12,18, сопутствует (только) «один из братьев», что достаточно выразительно подтверждает не одно и то же снаряжение Павлом Тита к Коринфянам. А именно: в 57г. (из Македонии) – с двумя братьями-христианами, и в 63г. (из Рима/Италии) – с одним из братьев, что, в отношении этого последнего снаряжения, и понимает Павел, пишучи к Коринфянам перед своим третьим (но не вторым) приходом к ним в конце зимы 65г. из Македонии.

Ну и, наконец, если в 1-м стихе заключительной 13-й главы (не столько 2, сколько 3Кор.) вновь говорится о скором (не иначе как) третьем (τρῆτον) приходе Павла к Коринфянам (в 65г.), то в стихе 2 ретроспектируется Павлово нахождение-пребывание в Коринфе (не иначе как) во второй (δευτερον) раз (зимой 57/58г.).

* * *

Вместе с тем, не случайно в русском синодальном переводе «второй приход» (57г.) – и в 2Кор.1,15 («вторичное получение благодати»), и в 13,1 («как бы находясь у вас во второй раз») – звучит (как в ряде древних манускриптов), согласитесь, несколько невнятно, что, в частности, среди прочего, обусловило стремление отнюдь не сугубо ново-новейших, но и ряда древних авторов-экзегетов, руководствуясь т.н. комплексным подходом, не вдаваться в подробности о двух или трёх посещениях Павлом Коринфа. И, – не вдаваясь, упростиительно отнести конец его деятельности и мученичество на 63/64гг. (пожар Рима и противохристианские гонения Нерона в 64г.), без (немало усложняющих воспроизведение павлианской биографии) вторых римских уз и интервала времени между узами.

А такой подход, в свою очередь, настоятельно побуждает-вынуждает искать (как бы) выпавший из анналов второй (при наличии ещё и третьего) промежуточный приход Павла в Коринф в пору (за отсутствием другого т.н. внутривакантного и продолжительного отрезка времени) его эфесской трёхлетки (54 – 57гг.), в к-рую, при желании, можно, извините, запихнуть какие (и куда) уголки (из Эфеса) отлучки.

Кроме того, беря Новый Завет в комплексе, необходимо снова сказать, что если 4 Евангелия, в первую очередь, благовествовательны и метаисторичны, то отражающие в основном деятельность Павла Деяния Апостолов (за авторством павлианского крестника и сотрудника Луки) – единственная (как её отчасти верно называют-трактуют) историческая Книга Нового Завета. Между тем, Послания, и в т.ч., вернее, перво-наперво, Послания Павловы (к-рых вдвое больше, чем всех прочих Посланий вместе взятых), – это – и апологетические Писания-Послания, и одновременно-параллельно – деловые-наставнические письма конкретным адресатам – общинам и персонам, плюс это – послания-писания соборные и пастырские.

И планка богодухновенности в них, в зависимости от конкретных вопросов-запросов, в зависимости от потребности адресатов в «молоке» или «в твёрдой пище» и т.д., в зависимости от конкретной конъюнктуры и условий-обстоятельств их написания, в зависимости от стоящих перед Павлом и перед его письмами задач, временами умышленно им занижается, более того, иногда он противоречит сам себе и т.д. Т.е. некорректно один к одному сравнивать-сопоставлять 4 Евангелия и (как новозаветные Послания в целом, так и преимущественно) Послания Павла (у Трёх Посланий Иоанна Богослова и у его Откровения, как и у Четвёртого Евангелия Евангелий, – особый статус, особый уровень, особая мерная вервь и особая планка!).

А то, что вышеоговоренное, если можно так выразиться, занижение Павлом планки богодухновенности производится умышленно, то, что он заведомо ради

Евангелия временами жертвует уровнем богодухновенности или фактической точности, подтверждается высоким (уступающим только высочайшему Евангелию от Иоанна) Евангелием от Луки, к-рое, как верно и издревле замечено-определено, есть, по сути и в сущности, Евангелие от (обратившего Луку) Павла (инспиративная Книга грядущей VI Славянской культуры Самодуха!).

Далее, Деесписателя в Д.Ап. волнует-интересует благовестническо-апологетическое именно победоносное-триумфальное шествие христианства, в ракурсе Деяний Апостолов, в основном Петра и Павла, и особенно Павла, именно в 30-летку 33 – 63гг. (к-рая хронологически не оговаривается, однозначно присутствуя в Благовесте и в исторической книге за кадром).³⁸ И Лука завершает свою (отнюдь не чуждую метаистории) *историческую* Книгу на высокой победной ноте во дни первых двух-летних нетяжких уз Павла в Риме, в к-рые Павел в 61 – 63гг. – «проповедовал Царствие Божие и учил о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (28,31) (см. ниже).

Посему Лк., завершая Д.Ап. апологетически-панегирически, ничего не говорит о заключительном периоде павлианской биографии 63 – 67гг., и не потому, что он о данном периоде (как глупо полагают некоторые) не ведаёт, но сознательно выводя оный в офсайд, ибо это не входит в поставленную им (автором Ев. от Павла!), автором именно Деяний Апостольских, а не жития и мученичества Ап. Павла, перед собой благовествовательную задачу!

Отсюда скомканность-противоречивость (отставленной каноном) событийности 63 – 67гг. и в священном предании, и в трудах или репликах церковных авторов, отсюда неясности, непонятности, накладки и различные версии касательно последних житийных лет и римского мученичества как Павла, так и Петра.

С др. стороны, даже если доводить Павловы пути-дороги до 67г., Третье Посл. к Коринфянам не вписывалось, не укладывалось во время после 63г., т.е. во время после первых римских уз Павла, поскольку среди его Соборных Посланий (к 7-и различным общинам) нет ни одного (кроме 3Кор.), написанного после его первых римских уз, т.е. в 63 – 67гг., за исключением стоящего особняком и особостатуированного (необщинного) Послания к Евреям – 66г.

В остальном же интервалом после 63г. датируются лишь три пастырских Послания – 1-е (65г.) и 2-е (66г.) к Тимофею, и Посл. к Титу (65г.), по поводу к-рых, кстати, сторонники Павлова конца в 63/64гг. (= категорические противники его, дескать, неоправданно-надуманно-усложнительно отягощающих общую картину вторых римских уз и интервала между узами), упростибельно пытаются (всеми правдами и неправдами) втиснуть эти пастырские Послания во время до первых Павловых римских уз 61 – 63гг., и даже до его кесарийских уз 58 – 60гг.!

Наряду с тем, 2 и 3Кор., составленные-отправленные (оба из Македонии) по одному и тому же коринфскому общинному адресу, при, во многом, сходных-

³⁸ Неспроста на 30-33 года от этой 30-летки 33-63гг. (к-рой предшествуют 30-33 года от 30-33гг. н.э.) отстоит интервал 93-96гг. – время (после кончины Ев. Луки в 93г.) составления-написания Ев. от Иоанна, его Трёх Посланий и Апокалипсиса. Не весьма ли примечателен 33-летний ритм Столетия Мистерии Голгофы и Века Апостольского от (Рождество Иисуса Соломонида) 1г. до н.э. (+ 33 = 33г. + 33 = 66г. + 33 = 99г.) и от (Рождество Иисуса Нафанида) 1г. н.э. (+ 33 = 34г. + 33 = 67г. + 33 = 100г.)! Обращает на себя внимание персональная связка Павла (предтечи Иоанна Богослова) с ритмом, идущим от года благовествуемого Евангелием от Луки (= Ев. от Павла) Рождества Иисуса Нафанида!

И ещё – благовествовательное повествование Ев. Луки, включая Третье Евангелие и Д.Ап., охватывает период с 1г. до н.э. по 63г. н.э., т.е. сатурнально-окольцевательно завершаясь на 63-м году (9 х 7: *кольцо* Сатурна) от зачатия Иоанна Крестителя осенью 1г. до н.э. и до конца первых римских уз Павла в первой половине 63г. н.э.

похожих условиях-обстоятельствах (конфликты, проблемы, сборы пожертвований, участие Тита...), равно задач, перед ними стоящих, апологетически вполне сливаются-смыкаются-соединяются, что и привело к их взаимоинтеграции-сращиванию (к вращанию-вчленению Третьего Посл., в качестве продолжения, в Посл. Второе)³⁹ ещё, по нашему убеждению, в первой четверти Пв. н.э., с окончательным оформлением в III/IVвв.

Так – не 9, а первоначально 10 в Ив. н.э. – Соборных Посланий Павла к 7-и (10 + 7) общинам⁴⁰ (без Посл. к Евреям) превратились, скажем снова, ещё во Пв. – в 9, составив, вместе с пастырскими Посланиями к Филимону, Титу и двумя к Тимофею, плюс эксклюзивное Послание к Евреям, всего-итого, 14 канонических вместо 15-и (помимо не дошедших до нас или не включённых в канон иных) изначальных (наличествовавших в Век Апостольский) Посланий (среди них – 1, 2 и 3Кор.) Апостола Павла.⁴¹

³⁹ Не слились ли два Иисуса (Соломонид и Нафанид) в церковно-христианском восприятии (превратившем *dua* в *mono*) воедино!

⁴⁰ 10 соборных Посланий к 7-и общинам за 12-летний период 53-65 (от первых двух Посл. к Фессалоникийцам в 53г., через Посл. к Галатам в 55г., через два Посл. к Кор. в 57г., через Посл. к Римлянам в 58г., и через Посл. к Филиппийцам, Ефесянам, Колоссянам ближе к концу первых римских уз в 63г., до заключительного Третьего Посл. к Коринфянам в 65г.), хотя при каноническом раскладе получается 9 (без 3Кор.) Посланий за 10-летний период 53-63гг.

⁴¹ Здесь немаловажно сделать-привнести (предлагая читателю информацию к самостоятельному размышлению) следующее замечание. Если 7 христианских общин-сообществ в Азии (Эфес; Смирна; Пергам; Фиатира; Сардис; Филадельфия; Лаодикия) – адресатов Откровения Иоанна, соответствуют, по Штайнеру, 7-и После-Атлантическим культурам нашей стадии эволюции («Апокалипсис» – 18 лекций, прочитанных в Дорнахе с 5 по 22.09.1924г., Ереван-2009г.), то и 7 общин (4 европейские и 3 азиатские) – ойкуменических адресатов Посланий Павла – можно распределить соответственно 7-и означенным культурам, причём, как получается, при внимательном (внутреннем) рассмотрении, их распределение зависит от своеобразной последовательности павлианской взаимосвязи с ними. 1) Галатия – Пра-Индия; 2) Филиппы – Пра-Иран; 3) Фессалоника – Египетско-Вавилонская культура-эпоха; 4) Коринф – Греко-Римская эпоха; 5) Эфес – Германно-Англосаксонская эпоха; 6) Колоссы – Славянская эпоха; 7) Рим – Американская эпоха.

У Штайнера Эфес Откровения соответствует Пра-Индии, но приложительно к соборно-общинным Посланиям Павла конфигурация и формат иные, и Эфесу (согласно переконфигурации и перереформатированию) соответствует именно современная Германно-Англосаксонская эпоха развития Души сознательной, тогда как Коринф переключается именно с Греко-Римской эпохой (Душа рассудочная), в к-рую свершилась Мистерия Голгофы, а Колоссы (Посл. к Колоссянам) – единственное географическое отступление в перемещении Павла от Галатии до Рима с Востока на Запад – в связке именно со Славянской эпохой (Самодух), к-рая аналогично в составе 7-и эпох – единственное исключение в их поступательном (подзодиакальном) геодрейфе (от Пра-Индии до Америки) с Востока на Запад (за Германно-Англосаксонской эпохой следует составляющее единственное семеричное исключение Славянское смещение с Запада на Восток!). См. ср. также зеркальное взаимоотражение I-й эпохи в VII-й, II-й в VI-й, III-й в V-й, при уникальности не имеющей *зеркала* центрально-срединной IV-й эпохи. И ещё, вовсе не по случайному стечению обстоятельств, после Рима (61-63гг.) Павел (родом из оливковой Киликии с его корнями из масляной Палестины) побывал (63/64гг.), достигнув края Земли на Западе, в омываемой с запада Атлантикой (масляной) Испании, мученически кончив в 67г. именно в столице мира – Риме.

Если Пётр (Апостол Отца) и Павел (Апостол Сына) – Апостолы разноразного (Пётр – Третье Небо; Павел – Седьмое Небо) христианского (Пётр – церковного; Павел – ойкуменического греко-римско-вселенского) Рима-Мира, то (брат-близнец Апостолицы Апостолов Марии Магдалины) Апостол Апостолов Иоанн Богослов (Апостол Святого Духа) суть Апостол (12/13-е Небо) высшего Небесного Иерусалима!

Перейдём к обзорной теологической экзегезе 2Кор. (к-рая в этом апологетическом смысле, особенно отличающем 2Кор., органично продолжается-вплетается в 3Кор.).

От Тита Павел узнал (встретившись с ним, прибывшим из Коринфа, и в 57г. в Македонии, и в 64г. на Крите) как о положительных сторонах общинных дел в Коринфе, так и о необоснованных обвинениях противников (из числа сочленов этой самой беспокойной разделённой на группировки общины) в свой адрес: упрёки в заочной строгости и в слабости при личном присутствии, в хвастовстве, в корыстолюбии и т.д. Апостол утешает общину в её скорби, уверяет в своей нелицемерной любви к ней, указывает на величие Нового Завета, на ответственность и благословенность христианского служения (1,1-5,1).

Затем следует увещание совершать освящение в страхе Божиим, и в самых тёплых выражениях-тонах – уяснение сердцам общинников необходимости участия (по образцовому примеру менее проблемных македонян) в деле вспоможения единоверцам при матери-церкви в Палестине/Иерусалиме (6,1-9,1). В 10-13 (3Кор.!) звучит предостережение от обольстителей, самозащита Павла от нападок противников, побуждение общины к любви и миру. Так (касаемо экзегезы) – в «Словаре Нюстрема», выделяющем главы 10-13 в отдельный блок, но не разделяющем 2Кор. на (разные и разновременные, пусть даже даже сродственные апологетически) 2 и 3Кор.

«Lexikon zur Bibel» (S.929-31) называет основной темой 2Кор. феномен христианского служения и отмечает сходство с Посланием к Филиппийцам (63г.) (см. ниже), несмотря на подход обоих Посл. к вопросу с разных точек зрения. В Фил. – забота о росте общины во славу Божию; в 2Кор. – обязанность служителя сказать общине, если требуется, жёсткое слово, утвердить свой высокий апостольский авторитет (со властью) и преодолеть сопротивление противников.

Господь Утешитель делает утишенных утешителями собратьев (1,4). Человек – орудие в руках Божиих, а община – союз утешения, в к-ром сообщинники поддерживают друг друга и отвечают друг за друга (6,11). Союз Павла с Коринфянами базируется на верности данному слову, как на фундаменте доверия. Доверие же Бога в том, что Господь во Христе исполнил все древнезаветные обетования. Другая основа – учёт состояния дел в общине, оглядка на него, из-за чего Павел, по мнению «Лексикона», откладывал до поры свой (второй) приход в Коринф. Оно и верно. Он следил из Эфеса и Македонии за развитием ситуации в конфликтной коринфской общине, снаряжая туда сначала Тимофея и потом Тита (пишучи к Коринфянам дошедшие и не дошедшие до нас Послания) и откладывая до благоприятного, до нужного момента свой собственный приход к ним.

В самой общине верующие из иудеев и неиудеев должны знать о нетождественности преходящего ветхозаветного и непреходящего новозаветного служения (3,7;13;18). «Посему, имея по милости Божией такое служение, мы не унываем» (4,1). Христос есть образ Бога невидимого (4,4). «Ибо мы не себя проповедем, но Христа Иисуса, Господа...» (4,5). Бог повелел из тьмы воссиять свету и «озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (4,6). Это делает служителя служителем Света миру, одновременно маркируя его путь как путь страданий.

Сила веры в сораспятости Христу: «Всегда носим в теле мёртвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. / Ибо мы живые непрестанно предаёмся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, / Так-что смерть действует в нас, а жизнь в вас» (4,10-12).

Страдание обращается в благословение силой надежды, к-рая живёт в живущих для неба собиранием сокровищ на небесах. Легитимизация Павла в его страдании за Евангелие, в том, что он выстрадал, неся Евангелие в люди, и в том, что Господь открыл ему, облекши его апостольской миссией и удостоивши непосредственного откровения.

«Брюссельская Библия» (с.2055-57). Обвинению в свой адрес в неискренности Апостол противопоставляет свидетельство своей совести, повелевающей ему поступать и говорить в простоте сердца, прямодушно и бесхитростно, по благодати Божией, а не по мирским соображениям и лукавым расчётам, к-рые он называет плотскою мудростию (2Кор.1,12-14).⁴²

Отмену первоначальных предположений и отсрочку посещения коринфской общины противники Апостола приписывали изменчивости его нрава и неустойчивости его решений. Но его решения, отвечает он, определяются единственно волею Божией (1,15-22). Из любви к Коринфянам отложил он свидание с ними, дабы они имели время исправить то, что поставило бы его в необходимость при встрече огорчить их новыми обличениями (1,23/24; 2,1/2).

Пишущий Послание не ищет людского одобрения. Живое свидетельство его служения – насаждённая им коринфская церковь (3,1-3). Он служитель Нового Завета, начертанного Духом Бога Живого не на скрижалях каменных, но, как говорит Иеремия (31,33), в сердцах людей (4-6)... Буква убивает, а Дух животворит... Новый Завет основан не на писаном законе; жизнь во Христе имеет своим источником действие Духа Святого, воспламеняющего в сердцах наших любовь, к-рая побеждает смерть. Любовь делает заповеди Господни удобоисполнимыми и земную жизнь началом жизни вечной, благодать делает соблюдение Божиих и церковных законов спасительным (3,7-11).

В дерзновении надежды на достигнутое спасение служители Нового Завета выступают с открытым лицом, а не с покрытым, как Моисей (12/13). Некое покрывало и поныне лежит на лице народа Израильского, преграждая ему лицезрение стоящего перед ним Спасителя. Но Христос снимает с души, обращающейся к Нему, слепую пелену и непокрытым являет ей Свой Лик (14-16). И мы, верующие в Него, свободно (ибо где Дух Господень, там и свобода) в духе вираем на Лик Христов и, отражая в себе, как в зеркале, свет Его, сами преобразуемся тем светом от славы в славу (17/18).

Бестрепетно и бесхитростно, обращаясь к суду совести каждого, чей разум не ослеплён мирскою ложью, Апостол проповедует Слово, в свете к-рого открывается слава Сына Божия, и видимым становится в лице Сына образ Бога невидимого (4,1-6).

Проповедники Слова гонимы и травимы, но жизнь Иисусова, к-рую они носят в брэнном теле своём, как некое сокровище в глиняном сосуде, сохраняет их, немощных и страждущих, живыми и спасает от грозящей смерти. Непрестанно умирают они со Христом, и со Христом воскресают (7-12). И как Давид говорит о себе: я веровал и потому говорил (Пс.116,20), так и они, живые верою во Христа, благовествуют Воскресшего. Поэтому и не унывают: ибо по мере того как истлевает в них внешний человек, внутренний человек со дня на день обновляется, и кратковременное земное страдание переходит в вечную радость (13-18).

⁴² И сызнова возникает вопрос (с просящимся на него ответом), на сей раз, к «Брюссельской Библии» (как к «Т.Б.», к Цанну, Боку, Мертенсу и т.д.): почему, spolна разобравшись с обвинениями в свой адрес и самозащитой в главах 1-9 2Кор., Павел снова, с более акцентированным упором, возвращается к этому в главах 10-13?! если не потому, что речь идёт о двух разных Посланиях, написанных в разное время, и что делается-видится (если вдуматься) крайне неестественным (повтором-дублетом с усилением) в случае всего одного Послания!

Наше земное тело — временный кров, подобный по своей недолговечности убогой хижине или путевому шатру; небесное же тело, в к-ром воскреснем⁴³, будет нашим вечным жилищем. Немедленно и ещё в этой жизни желали бы мы облечься в тело небесное, прежде даже, чем снимем с себя одежду земного; небесное тело покрыв нас, поглотило бы всё смертное в нас и преобразило бы весь наш состав. И Бог дал нам залог Духа, свидетельствующего в нас, что на то мы и созданы, чтобы смертное в нас было поглощено бессмертием. Но если предварительным к тому условием служит распадение тленной плоти, то в тоске по Боге лучше желаем умереть, чем, водворяясь в земном теле⁴⁴, пребывать в удалении от Бога.

Бог видит совесть Апостола; видит её, как он надеется, и совесть, слышащих его слово. Во всех своих помыслах и поступках он движим любовью ко Христу: к Нему устремляется он в своих духовных восторгах, и ради Него, становясь рассудительным, обращает к своим слушателям речи, основанные на доводах разума (5,11-13).

Христос умер за всех, и за всех воскрес. Уверовавшие в Него с Ним умерли, и с Ним воскреснут. Умерев с Ним, они уже не живут более для себя, но ради Него одного, Им одним и в Нём едином (14/15).

Кто во Христе, тот уже не прежний человек, а духовно новая тварь и смотрит на всё другими, чем прежде, глазами. И Самого Христа видит ныне Апостол иным, чем прежде, когда Ему противился, не узнавая в Нём Сына Божия. О создании новой твари пророчествовал Исаия (43,19) (16/17).

Искупительная жертва Христова, удовлетворив божественную справедливость, примирила нас с Богом, когда Христос, будучи сам безгрешным, взял на Себя одного грех мира (18-21).

Время благоприятное и день спасения, предсказанные Исаией, ныне настали, и Апостол умоляет верующих не расточить бесплодно излитую на них благодать (6,1).

Гонения не препятствуют делу Божию на земле возрастать и крепнуть; служители Христовы радуются обидам и, сами нищие, обогащают других; их предают на казнь, но истребить не могут; всего лишённые, они всем обладают (6,3-10).

Обращаясь к Коринфянам, Апостол говорит, что его сердце объёмлет их всех живую любовь: ужели же их сердце столь тесно, что не вмещает его? (6,11-13)

Верующие должны остерегаться общения во грехе с неверными. Они народ Божий, отделённый от язычников, они дети Божии. Пусть же не впрягаются добровольно в чужое ярмо (6,4-18).

Слыша, что сердца Коринфян к нему обратились, Апостол возрадовался. Если же сам он опечалил их прежде обличительным посланием, то печаль эта, будучи не мирским огорчением, но печалию ради Бога, послужила во благо, так как подвигла их к покаянию (7,5-12).

Отправляясь из Иерусалима на проповедь в земли языческие, обещал Апостол повсюду, где будут им основаны христианские общины, собирать вспомоществования для бедных Иерусалимской церкви. Денежные сборы в их пользу учредил он и в Коринфе (1Кор.16,1-4). Тит взялся довести начатое до конца. Чтобы воспламенить в Коринфянах усердие к этому делу любви, Апостол ставит им в пример великодушное рвение македонских братьев (8,1-6).⁴⁵

⁴³ Толкование «Б.Б.» «забывает» об обретении небесного тела Воскресения по прошествии через необходимый и неотвратимый круг земных инкарнаций!

⁴⁴ Отнюдь не единожды!

⁴⁵ Притом для себя лично Павел (бравший помощь только от Филиппийцев) не брал никакого вспоможения от Коринфян (хотя коринфские противники клеветнически упрекали его, в т.ч., в корыстолюбии), работая во время своего пребывания в Коринфе в ремесле делания палаток и в (первый приход) 52-54гг. (Д.Ап.18) (см. выше), и (второй приход) зимой 57/58гг. (как выводится из собственно 3Кор.11,8; 12,13 с оглядкой, надо думать, как на 52-54,

Имущие должны делиться своим достатком с неимущими, памятуя, что Иисус Христос избрал для Себя в удел нищету, чтобы обогатить всех. Они должны поступать как Израильтяне в пустыне при дележе ниспосланной от Бога манны: кто собрал много, отдавал излишек собравшему мало (8,7-15).

Заведывание денежными сборами Апостол возложил на Тита с двумя сотрудниками, заслуги к-рых являют их достойными назначения на эту ответственную должность (8,16-24).

Когда Апостол предложил македонским христианам жертвовать по примеру Коринфян (начавших сбор пожертвований в 56г.) на нужды Иерусалимской церкви, они так живо откликнулись на его призыв, что ныне Коринфянам надлежит думать о том, как бы им не отстать от Македонян. Апостол надеется, что под наблюдением Тита и его двух сотрудников сбор пожертвований будет успешно завершён до его прибытия в Коринф (на зиму 57/58г.) с македонскими братьями (9,1-5).

Сеятель, не скупое сеющий, соберёт щедрую жатву. Даяния, расточаемые благодетелем, подобны раскиданным по ниве семенам: они принесут ему изобильный плод в сей и в будущей жизни. О расточавшем богатство на нищих Псалмопевец говорит, что правда его пребывает вовек. Дела милосердия, обогащая благодетеля, не только восполняют скудость благодетельствованных, но невещественно питают души и многих других людей, к-рые, видя на опыте, что служение Христу — любовь, обращаются к Нему благодарным сердцем (9,10-14).

Дальше следует расклад глав 10-13, к-рый и к-рые толкователи, о чём читатель знает, присовокупляют к главам 1-9 под общей крышей Второго Послания к Коринфянам, невзирая на то, что обособленность этих глав, с выдвиганием множества по сему поводу версий, от толковых до самых бестолковых, (и либерально-богословской, и академической) критикой, не раз (в течение веков) отмечалась, констатировалась, разрабатывалась.

Выше мы, на наш взгляд, более чем убедительно-отчётливо (суди сам, читатель!) выявили-выяснили-уяснили-прояснили, что главы 10-13 — есть, как сказано, (апологетически) сомкнувшееся-слитое во Пв. н.э. с 2Кор. (апологетически близкое-средственное ему) Третье Послание Ап. Павла к Коринфянам, написанное им (повторим ещё раз!) перед его третьим (и последним) приходом в Коринф (из Македонии), последовавшим весной 65г. Засим экзегетический расклад данных глав (когдашнего самостоятельного Послания) будет произведён-представлен нами ниже, в русле нашего хронопоследовательного повествования, под 65г. н.э.⁴⁶

ВТОРОЕ ПРЕБЫВАНИЕ ПАВЛА В КОРИНФЕ

(зима 57/58г.)

ПОСЛАНИЕ К РИМЛЯНАМ

(зима/весна 58г.)

«По прекращении мятежа Павел, призвав учеников и дав им наставления и простившись с ними, вышел и пошёл в Македонию.»

так и на зиму 57/58г.), и, по всей видимости, также в 65г. (что умозаключается из Павловых слов о его предстоящем — третьем — приходе в Коринф — 12,14).

⁴⁶ Необходимо специально оговорить-подчеркнуть, что 2Кор. — единственное, т.е. исключительное, Послание Нового Завета, не соответствующее, в силу вышепредставленных обстоятельств и по вышеизложенным причинам, в его каноническом виде-составе изначальному разделению этого Послания на два различных (учитывая, акцентируем, их близкое апологетическое родство-тождество) и одновременных Послания. Иных подобных несоответствий в Каноне нет.

Прошед же те места и преподав верующим обильные наставления, пришёл в Елладу; Там пребыл он три месяца; когда же, по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями, он хотел отправиться в Сирию, то пришло ему на мысль возвратиться через Македонию.» (Д.Ап.20,1-3)

Итак, возвращаемся-обращаемся к повествованию Д.Ап., согласно к-рому, после знакомого нам майского выступления язычников в Эфесе, Павел дал эфесским ученикам последние наставления, вслед за чем отчалил в начале июня морем на север в Троаду (транзитные подробности, к-рые Лк. опускает), откуда, не встретившись там с Титом, отплыл в июне в (столь любимую его сердцу) Македонию (— первая початая Апостолом язычников в Европе в 52г. земля).

В Македонии же он, как мы знаем, посетил, обильно наставляя их, основанные им ранее и значительно выросшие за истекшее время христианские общины; из Македонии, дойдя до её западных границ, побывал в соседнем с ней далмацком Иллирике; и к самому концу осени пришёл, чтобы провести здесь три зимних месяца, в Елладу (древнее название Греции) = Ахайя (официальное название римской провинции) — в территориально-административную и торговую метрополию Греции — Коринф.

Как видим, (епископствовавший в 52 — 58гг. в македонских Филиппах?) Дееспособитель не вдаётся тут ни в подробности Павлова пребывания в Македонии (вовсе опуская мимолётный-побочный Иллирик)⁴⁷, ни в подробности трёхмесячной павлианской деятельности в Коринфе, ни в перипетии изменявшихся (по ходу) планов очередности посещения Павлом Македонии и Греции, коротко представляя-воспроизводя-фиксируя только последовательно-фактическую историко-благовестовательную событийность.

Из 3-го стиха 20-й гл. Д.Ап. явствует, что в Елладе, точнее-локальное, — в Коринфе, где-то на исходе трёхмесячного зимовья Павла, т.е. оптимально в феврале 58г., против него возмутились местные иудеи. Мы помним его коринфский конфликт с иудеями в 53г. (Д.Ап.18), когда проконсул Ахайи Юний Галлион отказался, вопреки противопавлианским обвинениям иудеев, вмешиваться в их, по мнению Галлиона, неинтересный римской власти и неподарбитражный ей, внутрииудейский спор с Павлом, что объективно обернулось тогда на пользу (сыграло на руку) как самому Павлу, так и делу дальнейшего становления основанной Павлом в 52г. коринфской общины.

Чем было вызвано-обусловлено новое иудейское возмущение 58г., из-за отсутствия какой-либо дополнительной информации по нему, конечно, вопрос, правда, несложно догадаться, что в основе лежали те же, или, во всяком случае, похожие претензии иудеев, возмущавшихся супротив звучащей из уст Павла необязательности обрезания для язычников и т.д. Короче говоря, — супротив роста числа христианских неопитов за счёт иудеев, прозелитов и предрасположенных к неподзаконному уверованию в Бога Единого язычников, к-рые, мол, не будь христианской проповеди-пропаганды, особенно плодотворной в павловском исполнении,

⁴⁷ Причём это неупоминание Иллирика нельзя сравнивать с, дескать, не упомянутым в Д.Ап. пресловутым «вторым» (тайным!) Павловым посещением Коринфа (дабы как-нибудь обосновать-оправдать «третье» посещение в 2Кор.12/13) в течение, мол, эфесской трёхлетки 54-57гг. Ибо побочно-окраинный Иллирик (упомянутый в Посл. к Рим.), до к-рого — как до (символически) крайнего Запада (Адриатика) на момент написания Посл. к Римлянам (перед прибытием к ним ещё дальше на Запад) — Павел распространил благовествование от Иерусалима (Рим.15,19), не идёт ни в какое сравнение, приложительно к Павлу и его деятельности, с Коринфом в Елладе-Ахайе, о, в любом случае, очень важном посещении к-рого, т.е. Коринфа, в интервале 54-57гг. (из Эфеса и обратно в Эфес), если бы таковое случилось (чего не случилось), Лука умолчать не мог.

обратились бы в иудаизм. Т.е., мало того, что этот апологет (святоотечественного) необрезания (попиратель закона) Павел вносит раскол в еврейство, он, плюс к тому, злобно препятствует, отбирая у него и прозелитов («врат» или «правды»), и потенциальных неофитов, иудейскому миссионерскому. Ату его, ату!

Приплюсуем сюда ещё сложные соотношения внутри коринфской общины, наличие в ней группировок-фракций, противников Павла, иудействующих (к-рые наверняка тесно контактировали с собственно иудеями), и общая картина проблемы сделается вполне представимой. Впрочем, не внутриобщинные сложности, в достаточной мере, хоть и не полностью и далеко не окончательно (см. 3Кор. от 65г.), Павлом, надо думать, за три месяца преодоленные, побудили его именно после февральского возмущения иудеев, видимо, несколько ускорить свой уход из Коринфа в конце зимы до начала весны. Ведь, с одной стороны, он, так или иначе, собирался по весне в Иерусалим, а с др., как следует из Д.Ап.20,3, по возмущении против него иудеев, пришло ему на мысль снова посетить перед отплытием на Восток, вернее, по пути на Восток, завершая своё Третье миссионерское путешествие, (любимую) Македонию.

Сам конфликт, судя по всему, закончился, как и в Эфесе, где, напомним, противопавлианскими-противохристианскими возмутителями спокойствия были, отлично от Коринфа, язычники, некропролитно, вероятно, не столько разрешённый, сколько спущенный местной властью, об участии к-рой в нём Лк. молчит, на тормозах. При всех случаях, похоже не местная власть предписала Павлу покинуть, вследствие случившегося, Коринф, но это сделал, как видно, чуть раньше запланированного срока, он сам, уйдя-пойдя отсюда в Македонию, и уже из Македонии отплыл в апреле 58г. в Троаду в Азии (см. ниже).

Однако, прежде чем обратиться к его (подробно реконструируемому в Д.Ап. с момента, когда Лука к странникам присоединился) обратному, после Третьего миссионерского путешествия, пути в Палестину, обратимся к написанному им, по всему, зимой 58г. и отправленному по адресу весной, в противоположном его собственному восточному пути направлению, Посланию к Римлянам. Надиктовано оно было, насколько выводится из Рим.16,22/23, некоему Тертию («писавшему сие послание») в Коринфе, в доме Гайя (Павлова крестника в 52г.) (1Кор.1,14), где жил зимой 57/58гг. Павел и где собиралась коринфская община, будучи передано для вручения римским адресатам (в т.ч., как рекомендация от авторитетного Апостола для лица, данное Послание доставившего) намеревавшейся отправиться в Рим некой Фиве (16,1) — «диакониссе церкви Кенхрейской» (Кенхреи — морской порт Коринфа, в ок. 10-и км от города, на берегу Саронического залива).

Это самое длинное новозаветное Павлово Послание, к-рое в различных Библиях не случайно стоит, в порядке очерёдности, первым среди его Посланий, считается многими наиболее важным по содержанию — сокращённое изложение всего учения Апостола — и по важности церкви, к-рой оно адресовано. И в этом, между прочим, проявляется централистско-ойкуменический, или фигурально выражаясь, «державно»-христианский (церковный) курс одного из главных создателей-учредителей вселенской Церкви Павла (к-рый не случайно, вместе с другим первоверховным Апостолом Петром, принял мученический венец именно в столице мира — Риме).

При всём том, интересно следующее. Посл. к Рим., в отличие от написанных до него двух Посл. к Фессалоникийцам (53г.), Посл. к Галатам (55г.) и двух Посл. к Коринфянам (57г.), впервые адресуется общине, к-рую Павел основал не сам, адресуется в столицу Римской империи, где Павел никогда ранее не бывал, собираясь туда после посещения Иерусалима, сообразно его (твёрдому) намерению, озвученному им в начале 57г. в Эфесе (Д.Ап.19,20).⁴⁸ Да и (крестно-масличная)

⁴⁸ В П. к Рим. он говорит: «...я многократно намеревался придти к вам...» (1,13), — чему (см. 1,13 дальше) препятствовали различные обстоятельства.

земная дорога его (благовестника Царствия Небесного) с Востока на Запад должна была привести из Палестины (и медитативно-уединительной, с её Мистериями Феникса, Аравии) через Сирию, Асию, Македонию, Грецию (с *аномальным* заходом на 3 года в особостатуированный асийский Эфес) в центр мира – Рим (и потом – на крайний Запад – в Испанию, чтобы позднее, напоследок ещё раз освежив греко-македонский и асийский Восток, мартириумно кульминировать в Риме!).

Снова вспомним, что в 50г. Клавдий специальным эдиктом изгнал из Рима «постоянно волнуемых Хрестом» иудеев, в число к-рых тогда входили ещё толком ни самими иудеями, ни иудео-христианами, ни, тем паче, римлянами до поры не отделяемые от иудеев приверженцы (в качестве ответвления еврейства-иудейства) веры во Христа Иисуса. То-то, в первый раз придя в 52г. в Коринф, Павел встретил там изгнательно удалившихся в 50г. из Рима Акилу и Прискиллу (Д.Ап.18,1-3), в артели при жилище к-рых он, живя у них, работал, делая (чтобы заработать себе на пропитание) палатки, и к-рые в 54г. сопровождали его из Коринфа до Эфеса, где остались приготовить ему жильё и место работы к его прибытию из Палестины, через Галатию и Фригию, (на почти 3 года) в Эфес в августе 54г.

Между тем, из Посл. к Рим. мы узнаём, что в пору его написания в начале 58г., Прискилла и Акила, к-рых Павел в конце Послания первыми, среди множества знакомых ему лиц римской общины, приветствует (16,3), находятся, стало быть, на 58г. (вновь) в Риме. Засим, во-первых, иудеи и вместе с ними иудео-христиане получили после смерти в октябре 54г. Клавдия, при раннем либеральном Нероне, разрешение возвратиться в Рим, а во-вторых, по всей видимости, Акила и Прискилла в 57г, приблизительно в одно время с июньским уходом Павла из Эфеса (или раньше), отбыли, по его поручению, на сей раз, в Рим (место их постоянного жительства до 50г.), чтобы приготовить всё к его приезду (сходно предыдущему приготовлению в Эфесе), к-рый он первоначально планировал на вторую половину 58г.

Очень даже возможно, что в интервале 54 – 57гг. в Риме побывал (56/57гг.) с проповедью первым из Больших Апостолов Пётр (побывавший, к слову, ок. 55/56гг., перед Римом, и в Коринфе), кто неспроста считается основателем римской общины, и кто, к тому же, мог в первый раз добраться до Рима, где основал общину, ещё раньше, – во второй половине 40-х гг. Ив. Т.е., если первое Петрово посещение Рима могло произойти до клавдианского изгнания иудеев из Рима в 50г., то второй раз мог иметь место после 54г., когда иудеи со христианами (амнистированно) возвратились в Рим. Кроме того, на начало 58г. Петра (с 57г.?) в Риме точно нет, поскольку в противном случае, неупоминание его среди лично знакомых Павлу христиан, им в столице письменно приветствуемых, трудно представить (если, конечно, не заниматься скудоумными умопостроениями ново-новейших авторов об их, дескать, смертельной вражде) (см. ниже).

Что из себя представляла на 58г. римская христианская община? в какой мере она была уже отделена от иудеев, делясь ли на группы из иудео-христиан и христиан из язычников внутри одной единой общины? или, м.б., делясь на две общины? – неясно и неизвестно. Во всяком случае, слово «община» самим Павлом в Послании не употребляется. Но то, что приверженцев (различно толкуемой ими) веры во Христа Иисуса на время написания Посл. к Римлянам было немало, судя по этому Посланию, – очевидный факт. И среди них находились, в т.ч., как те, кого Павел обратил в ходе своих миссионерских трудов, так и обращённые не им, но хорошо знакомые ему, по Палестине и по местам-пунктам его миссионирования, братья и сёстры во Христе (гл. 16).

Посему, скажем ещё раз: место написания этого Послания, сообразно упоминанию в нём в соответствующем контексте приветствующего римских христиан

(коринфянина) Гаийя (16,23; Д.Ап.19,22; 1Кор.1,14)⁴⁹, плюс Ераста – городского казначейщика в Коринфе (16,23; Д.Ап.19,22; 2Тим.4,20), – город Коринф. Одновременно предстоящая поездка Павла в Иерусалим для доставки тамошней церкви пожертвований, собранных (56 – 58гг.) в Македонии и Ахайе (15,26;31), однозначно указывает, в связке с Коринфом, как местом написания Послания, на 3 месяца, проведенных Павлом в Коринфе зимой 57/58гг. (Д.Ап.20,2). Следовательно, Послание было отправлено с диакониссой Фивой (к-рую Павел, покидая Коринф к весне 58г., снарядил по весне в Рим) и получено Римлянами в первой половине 58г. н.э.⁵⁰

⁴⁹ Если, разумеется, Гаий из 1Кор.1,14 и Рим.16,23 идентичны, что, скорее всего, но полной уверенности в чём, всё-таки, нет.

⁵⁰ Не обращает ли на себя внимание то, что Послание именно к Римлянам было написано прошедшим затем именно через Македонию (на пути в Азию) Павлом именно из Коринфа! Не преемствовал ли миродержавный Рим (через гос-ва диадохов) Коринфскому союзу, возглавленному Македонией, развернувшим далее Греко-Македонию великодеянием Александра Великого в Ойкумену, к-рая в дальнейшем была прибрана к рукам пришедшим на смену государствам диадохов Римом!

Если греческие отроки и юноши учили в школе, прежде всего, Гомера (поэтизированная храмовая мудрость, исшедшая в мир от Гомера, Эсхила, Софокла...), то римские, прежде всего, – «Законы XII-и таблиц». Если афинянин, или фиванец, или спратанец переживали себя, прежде всего, как афинянин, фиванец, спратанец, т.е. как часть целого, как представители групповой души определённого города-полиса-государства, то в римлянине, в его гражданстве-гражданственности, к-рые неотъемлемы от юридического права, впервые в истории выразилось личностно-персональное *эго* человека-гражданина, причём его *Я*, чем дальше, тем больше экзистировало (навстречу позднейшей эпохе) параллельно его римлянству, временами и в некоторых персонах даже эгоистически преобладая-вздуваясь над последним.

Постепенно Рим перестал быть Городом, более того, перестал быть центром одной покорённой им в Шв. до н.э. Италии, превратившись в мировую империю, а предоставленное Каракаллой в Шв. н.э. её свободным населенникам римское гражданство оповестило о начале конца Рима и римлянства, к-рые империально растворились, как ранее эллинизма в Греко-Римской Ойкумене, но став, отлично от эллинизма и эллинизма, распространителями не столько культуры, сколько законодательства и права, основ государственности и юриспруденции.

Если Греция посредничала между Западом и Востоком, то Рим, объединив Запад и Восток под одним державным ярмом, дисциплинировал мир, заложив одновременно гео-смещение его грядущих центров с прежнего греческого Запада на (за-адриатический) Запад – итальянский (с накладкой на Магна Граеса), галльский, испанский, прирейнский, британский. В результате, уже не собственно Греция (к-рая в Vв. до н.э. воевала с Персией именно как Запад с Востоком, и шла с Александром на Восток именно как Запад), не Эгейское море и не М.Азия, но Адриатика составила границу между Востоком и Западом, тогда как Греция, Эгейский бассейн и запад М.Азии стали для Запада больше Востоком, продолжая, вместе с тем, оставаться для сиро-финикийско-египетского Востока (уж не говоря об Армении или Иране или Индии) больше Западом.

А для самих себя, как в поздней Античности, так и в пору Византии – эллины и потом греки-ромей – оставались и Востоком и Западом, или то Западом, то Востоком, или то ли Западом, то ли Востоком (толком не могучи или не всегда могучи определиться-разобраться сами – кто они?).

Согласитесь, всё это чем-то сродственно и давешней, и современной евразийской России, к-рая государственно пойдя от норманнов и духовно сориентировавшись на Византию, подпала затем Орде, после к-рой составила, особенно при Иване Грозном, гремучую ордынско-византийскую смесь, пережила *золотой* патриархальный боярский *век* Московской Руси при Алексее Михайловиче, рванула-ворвалась, революционно поднятая на дыбы Петром Великим, в Европу, достигла своего апогея при Екатерине и, главное, одолев Наполеона, при Александре I, а потом потратила-растратила долгий XIXв. на бесплодный спор западников и славянофилов... Затем, при большевизме (евразийский проект!), снова оттянулась в дремучую (новоордынскую) Азию, и вот теперь, в постсоветский период, никак не может определиться, хотя вновь ошутимо пьются, после горбачёвско-ельцинского прозападного либерализма (не оправдавшего себя и отодвинувшего страну на Западе к границам даже не XVIII, но XVIIвв.), на

Если изойти из того, что Павел (с его гибкой ситуативной теологией) где-либо представляет-презентует фундаментальную основу своей благовестнической, в составе адресованной Иудеям и Еллинам (язычникам), апостольской миссии, то наиболее концептуально-полномерно она, действительно, представлена-развёрнута именно в Послании к Римлянам: «Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину» (1,16).

Уже из этих слов следует вывод о репрезентации римских христиан иудеями и еллинами, т.е., в сём случае, вероятно, меньшинством иудео-христиан из евреев-иудеев, иудеев-еллинистов и прозелитов «правды», — с одной стороны, и большинством из прозелитов «врат», равно из римлян, греков, и космополитических греко-римлян (в основном представителей низших сословий), — со стороны другой. Иное дело, — в каком количестве (учитывая возвратившуюся в 54/55гг. в Рим еврейскую общину Рима, численностью, предположительно, свыше 10-и? 12-и? 15-и? тыс. чел.)? в каких пропорциях? И идёт ли речь об одной разделённой на группировки общине римских христиан (к тому же, неизвестно — насколько дистанцированной в 58г. от общины иудейской)? или, м.б., — о двух сообществах?

Причём обращённая и к Иудею, и к Еллину, проходящая красной нитью через всё Послание центральная тема оно — праведность веры, или, лучше сказать — праведность Бога из веры в веру. Согласно Древнему Завету, по Павлу, грехопадший

Восток. (То-то В. Путин за 20 лет кремлёвского правления постепенно, в т.ч. внешне, превратился из *ленинградца*, ставшего, под началом А.Собчака, отчасти *петербуржцем*, в законченного *москвича-москвитина*).

Вот что, например, сказал о русских автор не только «Маугли», но и знаменитых слов «Британия, правь морями», апологет британского империализма (как его именовали в советских источниках) и, добавим от себя, русофоб-славянофоб (правда, не больше, чем К.Маркс), Р.Киплинг: «Поймите меня правильно: всякий русский — милейший человек, пока не напьётся. Как азиат он очарователен. И лишь, когда настаивает, чтобы к русским относились не как к самому западному из восточных народов, а, напротив, как к самому восточному из западных, превращается в этническое недоразумение, с к-рым, право, нелегко иметь дело. Он сам никогда не знает, какая сторона его природы возобладает в следующий миг».

Что тут скажешь? Не вмещается Россия ни в Азию, ни, тем паче, в Европу, являясь поистине и Европой и Азией = Евр-Азией (и Азиопой), к-рой, однако, без Европы, без Запада, без западной культуры, к к-рым её навсегда приобщил, пройдя *путь из греков в варяги* (в Гиперборею!), Пётр I, грозят вырождение и смерть! Надо найти консенсус *universorum*, надо плодотворно примирить в себе, на самобытной российской почве-основе, Европу с Азией! Запад с Востоком! Надо вместе с (элиминированной англосаксонским Западом руками России на беду России) Германией составить полноценный Центр между Западом и Востоком!

Не случайно столь похожий на гнома или кобольда (притом очень зависимый от буржуазного комфорта) отъявленный русофоб (или шире — славянофоб еврейско-германской закваски) Маркс (своего рода «крошка Цахес»), ужаснувшись радикализму (с русским размахом) Бакунина и террористико-заговорщическому беспределу нечаевщины, по неподтверждённым данным, сказал о русских: «Эти варвары могут устроить от моего имени в своей дикой России такое, что яacobинская гильотина покажется утренней мессой».

Итак, возвращаясь к вышесказанному, — да, Россия, несмотря на все их различия, к-рые мы здесь опускаем, тем не менее, немало похожа на зависшую между Востоком и Западом как позднеантичную, так и византийскую Грецию. Но если последняя в эту пору нахождения на пограничном перепутье олицетворяла уже бывшее, уже декаданс, уже потухающую или потухшую звезду, то приложительно к России речь должно вести не столько о прошлом или настоящем, сколько о будущем, так как речь идёт о «Мессии грядущего дня» (А.Белый), о Соборности, о Славянской культуре Самодуха, под знаком Водолея! подготовка к к-рой начинается сейчас, в нынешнюю Германо-Англосаксонскую эпоху-культуру Души Сознательной, под знаком Рыб!

человек греховен, и, в конечном итоге, нет разницы, в непослушании ли он в отношении к Творцу (1,25), отданный-предоставленный греху в наказание (1,24; 26; 28), или он видит в законе возможность быть под Богом (2,17). И в том, и в другом случае каждый подпадает приговору: «Итак что же? Имеем ли мы преимущество? Нисколько; ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, все под грехом...» (3,9). И этот грех (коли вдуматься) отменяет пред Богом разницу между Иудеем и Язычником.

Павлу важно наглядно показать, что дорога к Богу и через исполнение закона, как её мнят иудеи, из-за неискупленного греха грехопавшего человека, ему заказана: «Потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо законом познаётся грех» (3,20). Через обуздавший человека и наложивший на него запретные пути-оковы закон можно познать-постичь всю глубину греха, но им нельзя оправдательно спастись перед Всевышним.

И в этом безысходно подзаконном состоянии человека Господь открыл, ниспослав к людям Сына Божия, Свою высшую правду и праведность: «Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о к-рой свидетельствуют закон и пророки, / Правда Божия чрез веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих; ибо нет различия, / Потому что все согрешили и лишены славы Божией, / Получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе...» (3,21-23)⁵¹

Божья правда в силе, к-рую Господь *освободил* в Иисусе Христе и к-рую люди обретают через веру в Иисуса, и правда Божия действует в человеке посредством Христа Иисуса. Христоцентризм Павла! Сила Господня открывается в людях чрез веру, что показано на примере праотца Авраама: не дела Авраама, а его вера вменилась ему в праведность. Так вменяется и нам (4). Вера же есть безостаточная самоотдача Богу (4,18).

Вера и милость Божия (умилостивление Господне) в Посл. к Рим. – краеугольные взаимодополняющие и взаимоподдерживающие друг друга величины, к-рые указывают в Христе на деяние Божие, на промысел Господень – как на новый акт нового творения из любви (учение о к-рой людям дал Будда, тогда как саму божественную любовь людям и в люди принёс БОГОЧЕЛОВЕК Христос!). Человек желает и может получить эту силу по благодати Божией.

В следующей начинающейся с 5-й гл. части Послания разворачивается новая жизнь пред Богом и во Боге. Здесь на первом плане сила Божией праведности в её воздействии на жизнь верующего. Ибо новая праведность должна себя проявить в жизни из веры и в вере. С Иисусом и в Иисусе начался новый человек. Как через (Первого) Адама произошло подпадение проклятию, так в Искупителе и Спасителе Иисусе (Второй = Последний Адам) животворит дарующая новую жизнь благодать. «Ибо Христос, когда ещё мы были немощны, в определённое время умер за нечестивых» (5,6). «...и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством К-рого мы получили ныне примирение» (5,11).

Притом любопытно, что смерть, в понимании Павла, дифференцированно властвовала над людьми от первочеловека Адама до первопророка Моисея, и далее – от Моисея, посреднически сообщившего Израилю закон и выведшего Израиль из гиблого Египта, до Сына Божия – Иисуса Христа: «Ибо и до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона. / Однакоже смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама, к-рый

⁵¹ Еврейству было дано и доверено слово Божие и подготовка как богоизбранного народа, так и всего человечества (к-рое этот народ, являясь его квинтэссенцией, олицетворял) к пришествию Мессии Христа. Закон был необходим, чтобы показать и доказать, что человек греховен и нуждается в спасении.

есть образ будущего. / Но дар благодати не как преступление. Ибо, если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих» (5,13-15).⁵²

С Иисусом и в Иисусе, из Его Смерти и Воскресения (без веры в к-рое вера наша тщетна) родились спасительно обновлённый человек и спасительно обновлённое человечество. «Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мёртвых славою Отца, так и нам ходить в обновлённой жизни» (6,4). Будьте мёртвыми для греха и живыми для Бога во Христе Иисусе (6,11). «Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности» (6,18).

И так верующие исповедники Нового Завета оказываются в ином отношении к ветхому закону. Совзятием в смерть Иисуса, сораспятием Христу уверовавший умер для закона и тем, сменив соблюдение ветхой буквы на новый дух, получил свободу: «Но ныне, умерши для закона, к-рым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить (Богу) в обновлении духа, а не по ветхой букве» (7,6).

В этом соотношении Павел поясняет задачу и границу закона, через к-рый, через посредство к-рого приходит познание греха. «Что же скажем? Неужели от закона грех? Никак; но я не иначе узнал грех, как посредством закона, ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: «не пожелай» (7,7). Более того, закон вскрывает грех и силой заповедей-запретов открывает безбожную плотскую сущность человека в его падении, в степени его падения, но не указывает путь к спасению. «Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху» (7,14). Напротив, множество заповедей таят в себе искушение нарушить закон. «Но грех, взяв повод от заповеди, произвёл во мне всякое пожелание; ибо без закона грех мёртв» (7,8). «Потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею» (7,11) (13; 23).

Такому раскладу противопоставляется иная ведомая Духом жизнь. В Духе Господня сила оживотворения-одухотворения, к-рая предводительствует чадами Божиими и дарует им надежду на воплощение нового творения. «Если же Дух Того, Кто воскресил из мёртвых Иисуса, живёт в вас, то Воскресивший Христа из мёртвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас» (8,11). «Ибо все водимые Духом Божиим, суть Сыны Божии» (8,14). Где Дух Божий, там Царствие Божие вошло в наш мир и новизна в становлении, там Бог за людей. «...Если Бог за нас, кто против нас?» (8,31). «Кто осуждает? Христос (Иисус) умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас» (8,34).

* * *

Третья часть Послания. Павел — Еврей от Евреев, в прошлом посвящённый фарисей и учёный книжник, к-рый знает эксклюзивность-имманентность своего народа. Его народ — народ Божий избранием Господним. И ныне может показаться, что Бог Своим спасительным актом ниспослания Сына, К-рый умер, искупив грех человека, воскреснув для индивидуальностей и сообщинников во Христе, обошёл-покинул Израиль. Да, Бог повернулся лицом к язычникам, однако, отвернувшись ли от Израиля?

⁵² Люди не повинны в том, что они грешники. Согрешил Адам, к-рый не начинал жить во грехе, но к-рый впал во грех, искушённый созданной из его ребра Евой, к-рую, в свою очередь, искусил Змий-Люцифер, дав ей, а она — Адаму — отвесть плод от Древа Познания (Добра и Зла), вследствие чего произошло Первое люциферическо-лемурийское грехопадение, к к-рому затем присовокупилось Второе ариманическо-атлантическое грехопадение.

То, к чему Апостол лишь прикасался в главах 1-8, делается основной темой в главах 9-11: Израиль предстаёт под особым углом зрения с позиции Божией праведности из веры. Ветхий Завет всё время толкует о союзе как о сообществе правоверных (εκκλησία – экклесия – в «Септуагинте»). Создание Церкви Иисуса – задача и дело всей жизни безостаточного христоцентриста Павла. И именно неукротимонутомимо энергичным Павлом, основателем множества христианских общин в Азии и в Европе, практически (пусть римская община основана Петром) создаётся Церковь всемирная-вселенская. И Вениаминит Павел (реинкарнация Вениамина!) в печали взирает на представителей своего народа, к-рых Господь среди стольких народов одарил избранническим обетованием и к-рые ныне отвергают исполнение этих обетований! «Я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (9,3).

У Авраама было много чад, но семя ему нареклось именно в (прообразе Христа) Исааке (9,7), ибо Бог избрал одного сына как носителя благодати. Из потомков Авраама по плоти отсеялись те, к-рые не от духа Авраамова, и этот отсев произвёл Господь. И что бы ни происходило, остаток Израиля, избранный во Боге, как и провозглашал Исаия, непременно спасётся. «А Исаия провозглашает об Израиле: «хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасётся» (9,27).

Путь опутанных-скованных законом (вдобавок к к-рому давешними собратями Павла по фарисейскому ордену куются цепи Талмуда) израильтян к вере гораздо тяжелее, чем путь язычников. Закон, к-рый сопутствовал исполнению времён, теперь, когда геттоизация Израиля во духе как Иудеи во плоти выполнила свою миссию, стал тормозом и преградой-оградой, стал колючей, под очень высоким напряжением, проволокой вокруг концентрационного лагеря.

Иисус ожесточил Израиль, заступив место закона, ни одно из живых положений к-рого, понятно, не прейдёт, но конец к-рого есть Христос. «А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. / Почему? Потому что искали не в вере, а в делах закона; ибо преткнулись о камень преткновения, / Как написано: вот полагаю в Сионе камень преткновения и камень облазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится» (9,31-33). «Потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего» (10,4). Не был ли закон дан Моисеем, между тем как, о чём в 90-е гг. Ив. благовествовательно возвестит в Евангелии Евангелий Евангелист Евангелистов и Апостол Апостолов Иоанн (предтечей к-рого был Павел!), благодать и истина произошли от Иисуса Христа!

И тут в обретении язычниками Бога – исполнение обетования, к-рое безрезультатно предлагалось Израилю. «А Исаия смело говорит: «Меня нашли не искавшие Меня, Я открылся не вопрошавшим о Мне». / Об Израиле же говорит: «целый день Я простирал руки Мои к народу непослушному и упорному» (10,20/21).

Отринул ли Бог свой народ, если спасённый остаток так мал? Вовсе нет. Израиль избавится от неплодных ветвей и станет спасённым Израилем, деревом, к-рое не лишено плода, не лишено отрасли. Не сделались ли ныне язычники, пришедшие к вере, новым Израилем (без Еллина и Иудея). Но и из них пребудут лишь плодородные ветви, а кто не плодоносен, будет отвергнут. Так, Господь принимает и от Иудеев, и от Язычников только те ветви, к-рые плодородны, дабы всегда новый и постоянно обновляющийся истинный Израиль не преходил!

«Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова... / Не отверг Бог народа Своего, к-рый Он наперёд знал...» (11,1/2). «Итак, спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак. Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность. / Если же падение их богатство миру, и оскудение их

богатство язычникам, то тем более полнота их. / Вам говорю, язычникам: как Апостол язычников, я прославляю служение моё» (11,11-13). «И так весь Израиль спасётся, как написано: «приидет от Сиона избавитель и отвратит нечестие от Иакова; / И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их» (11,26/27).

Четвёртая часть. Впрочем, прославлением мудрости Бога в заключительной части гл.11 Послание не закончено, так как ещё один вопрос требует поставления и получения на него ответа. Если Христос конец закона и верующие неподзаконны, как отныне обстоит дело с жизнью верующих? Есть ли христианская свобода чад Божиих открытая дверь к никак не упорядоченной жизни каждого отдельного христианина и народа во Христе в целом? Отнюдь, ибо свобода во Христе не есть произвол, данная Богом, чтобы быть посвящённой Богу. И таковым должно быть устройство-обустройство всей дальнейшей жизни, в её духовном обновлении, во Боге. Верующий не ждёт бездеятельно освобождения, предоставляя и посвящая себя разумному служению.

«Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего; / И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что (есть) воля Божия, благая, угодная и совершенная» (12,1/2).

Верующие составляют одно тело во Христе, являясь порознь его членами, обязанные думать о себе как о служебных членах целого тела. Негоже притязательно выходить отдельным сообщинникам за пределы своих дарования и призвания (12,3-8). И чтобы выдвинутые требования не оставались теорией, Павел тотчас демонстрирует – как им надлежит работать в повседневной жизни. Он регламентирует не только отношения верующих между собой, но и их отношение к неверующим и даже к врагам (12,9-21). И неверующие, и антагонисты могут способствовать от обратного христианской жизни по вере, христианской жизни не по лжи. Угаси в себе всякое желание отмщения, пусть Бог судит обидчика. Побеждай противника добром в ответ на зло, им причинённое.

Апостол заповедует христианам (имея перед собой пример часто бунтовавших против Рима иудеев) повиновение законным властям, за исключением случаев, когда послушание людям – измена Богу. Всякая власть от Бога (13,1-7). Не следует забывать о существовании государства, существующего не для того, чтобы на земле был рай, но для того, чтобы предотвратить земной ад. Христиане лояльны к той власти, при и под к-рой они живут (8-10).

Христианство не имеет ничего общего с насилиями революций, и его носители, ни в коем случае, не пламенные-профессиональные революционеры. Они не могут быть ни Иудами Искарриотами, ни Швондерами, ни Шариковыми, ни помещью Иуд, Шариковых и Швондеров, каковыми являются на деле революционеры (Достоевские «бесы»), так как никаких Робин Гудов в природе не бывает и всякие Верховенские, Ставрогины, Ленины, Чегевары, Карлосы Шакалы, чем бы он ни прикрывались, в конечном счёте, – банальные или небанальные бандюганы – апологеты политического бандитизма, убийцы и душегубы! Апостол Павел – не Павка Корчагин, из к-рого произрастают Павлики Морозовы!

Никто не должен оставаться должником другого ни в чём, кроме как во взаимной любви, она же есть непрестанно выплачиваемый и всегда неоплатный долг каждого перед каждым (13,8-10). Кто, таким образом, в свете и послушании, живёт в свете и при свете дня, не имея, что скрывать, вооружённый добродетелью против духов тьмы. Облечься во Христа значит: непрестанно вызывая любовью перед духовным взором образ Христов, сообразоваться с ним во всех помыслах и поступках (13,11-14). И там, где это облечение имеет место, властвует истинная свобода.

Община (или сообщество) представлена немощными в вере новообращёнными,

старыми и молодыми, здоровыми и больными, сильными и слабыми, чему не должно сообщинников, к-рые суть народ Божий, разобщать. Не осуждайте и не унижайте собратьев ваших, но сильный помогай немощному, молодой – старому, здоровый – больному. Основа жизни общины (или сообщества), для к-рой любовь от чистого сердца не пустое слово, во взаимопомощи и взаимной поддержке. (14,1-12). Христос – пример для нас, на к-ром мы познаём, что свобода от эго, проявляется в способности служить другим (14,13-21). Кто, имея веру, поступает не по вере и входит в противоречие со своею совестью, грешит (14,22/23).

Актуальная проблема – отношения между сильными и слабыми. Слабые (римской общины) – очевидно, в частности, составляющие меньшинство иудео-христиане, к-рые едят не всякую пищу и постятся; сильные – составляющие большинство христиане из язычников, к-рые не отличаются аскетизмом и не привержены отягчающим положениям закона. Павел примиряет тех и других, как и шире – сильных со слабыми членами сообщества во Христе. «Принимайте друг друга, как и Христос принял вас». Христос сделался служителем для обрезанных и для верующих из язычников.

«Разумею то, что Иисус Христос сделался служителем для обрезанных – ради истины Божией, чтобы выполнить обещанное Отцом, / А для язычников – из милости, чтобы славили Бога, как написано: «за то буду славить Тебя, (Господи), между язычниками и буду петь имени Твоему». / И ещё сказано: «возвеселитесь, язычники, с народом Его». / И ещё: «хвалите Господа, все язычники, и прославляйте Его все народы». / Исаия также говорит: «будет корень Иессеев, и восстанет владеть народами; на Него язычники надеяться будут» (15,8-12).

* * *

Стало быть, в Послании к Римлянам затронуты и глобальные, и локальные темы-проблемы основополагающего характера и значения, и потому его ещё толкуют и как концептуально-наставническое, и как завещательное. Притом вместе с Посл. к Галатам и к Филиппийцам оно наиболее подробно репрезентирует т.н. оправдательный аспект (Rechtfertigungslehre) как радикально христосцентрической, так и ситуативной-насушной павлианской теологии. Оправдание перед Богом основывается не на законе Моисеевом, а на милости умиловителя Христа. Грех препятствует совершенству человека в жизни по закону Бога. Но Искупитель Своей милостью прощает грех. Важно не то, что человек делает для себя, но то, что Христос делает для него.

На вопрос – необходимо ли стать христианином = уверовать во Христа, чтобы сделаться новозаветным человеком Божиим (если Ветхий Завет – уже откровение Господне), Павел, естественно, и однозначно отвечает – всеобязательно, потому как только Иисус Христос, искупив нас Богу (из всякого колена, языка, народа, племени), спас нас от гнева Божия. И только в силе Духа Божия, К-рый не был индивидуализирован-воипостазирован (не исходящий от Отца и от Сына, но ниспосланный Отцом благодаря жертве Сына) до Христа, и К-рого, соответственно, люди не знали, может быть исполнена воля Божия. Народ Божий во имя Отца и Сына и Святого Духа! При этом первой любовью Бога остаётся еврейский Израиль, остаток к-рого (не сомневайтесь!) спасётся.

Феноменальная же сила Израиля во духе как Иудеи во плоти преобразуется в Израиль во Христе без Еллина и Иудея, не уничтожая и не сталкивая между собой Еллина и Иудея, а церковно-собратственно объединяя-соединяя их в новый Израиль, в богоизбранный народ Божий. И именно Апостол язычников – Еврей от Евреев – Павел есть главный после Христа (возвестившего спасение от Иудеев и

предвозвестившего приход к Нему овец другого двора) соучредитель нового ойкуменическо-христианского Израиля. Он – Павел суть первый евангелизатор Ойкумены, евангелизация к-рой – стержень его планетарной миссии!

На весну 58г. н.э. – «силою знамений и чудес, силою Духа Божия» – благовествование Христово распространено Павлом «от Иерусалима и окрестности до Иллирика» (15,19). И дальше он говорит, что «старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании» (15,20). Можно ли отсюда сделать вывод, что кто-то из Больших Апостолов на означенное время успел побывать в Риме? Вполне, тем паче, что здесь, по всему, в 47/48 и в 56/57гг., первым из Большого Апостолата побывал Пётр. Но в большинстве выше-пройденных нами мест основания Павлом в Греции и М.Азии христианских общин ни Большие, ни Малые Апостолы до него, исходя из сказанного им, основательно не проповедовали.

Впрочем, и с Римом не всё ясно. Хотя факт в том, что пришедшие из Рима Иудеи и прозелиты (Д.Ап.2,10) были (как и прочие репрезентанты Ойкумены) в Иерусалиме (паломнически прийдя на Пятидесятницу иудейскую), причём часть из них уверовали, в первую христианскую Троицу 24.05.33г. н.э. Т.е. о Христе в Риме, в местной иудейской общине, впервые услышали ещё в 33г., однако, первое общинное сообщество христиан (насколько отделённых от иудеев?) было заложено там, судя по всему, Петром, не ранее 47/48гг., и первое ядро этого сообщества, само собой, составляли иудеи с прозелитами, к к-рым позднее прибавились, превзойдя их численно и по влиятельности, язычники.

Так или иначе, в стихе 22 гл.15 Павел, ясно сказав перед тем, что до того он избегал вмешиваться, выражаясь современно, в дела этой не им основанной (т.е. не своей) епархии, ниже продолжает: «сие-то много раз и препятствовало мне придти к вам» (15,22). Т.е. с мыслью о посещении Рима он носился давно, по всей вероятности, ещё со дней после своего Первого миссионерского путешествия (45 – 48гг.), в 49/50гг., в Сирии. Ибо иначе, поскольку иудеи и христиане были изгнанниками из Рима в 50 – 54гг., его многократное желание посетить Рим (будто бы лишь в трёхлетку 54/55 – 57гг.) выглядит неуклюже и повисает в воздухе.

А по факту оно очень даже понятно. Апостол язычников, замахнувшийся на христианизацию Ойкумены, что манифестировал и легитимизировал Апостольский собор 51г., не мог не планировать миссионерское посещение столицы мира – Рима. И вот теперь, на 58г., его дороги от Иерусалима до Иллирика были пройдены, после чего ему, естественно, более того, в его пути до краёв Запада, предстоял (если получится) Рим.

Да, он идёт сейчас в Иерусалим, чтобы послужить святым, чтобы доставить матери-церкви пожертвования, собранные в 56 – 58гг. в Македонии и Ахайе. Но затем в его планах уже Испания, намерение побывать в к-рой он озвучивает в Послании дважды (15,24; 28), сообщая Римлянам, что пойдёт туда, с Востока на дальний пиренейский Запад, через них, т.е. через Рим. И, будьте уверены, в Испании Павел в 63/64гг. побывает, правда, не так, как ему изначально хотелось, но оставив позади первые римские узы, т.е. попав в Рим подстражно, на суд кесаря, весной 61г., и задержавшись там в нетяжких узах в первый раз на два года (а во второй – мученически – навсегда), о чём мы расскажем ниже.

Посему, в результате Трёх миссионерских странствий – 45 – 48 (совместно с Варнавой), 51 – 54 и 54 – 58гг. – Апостолом язычников было проповедано слово Божие и основаны христианские общины на Кипре, в М.Азии (от Галатии до побережья Эгейского моря), в Македонии, Греции, проделана большая работа (в Киликии и) в Сирии. Короче говоря, им была почата, вспахана и засеяна плодотворными семенами веры во Христа, можно сказать, огромная часть восточной (без

немасличного Египта и прилегающей к нему Африки) половины Римской империи, к-рая упиралась на европейском Западе в Иллирик на (составлявшей границу между римско-имперскими Востоком и Западом) Адриатике.

И теперь на простирившихся до приатлантической Испании павлианских горизонтах евангелизатора мира (с масличной ветвью нового голубя мира из ковчега Христа), сообразно сознательно взятой им на себя всемирной миссии, согласитесь, весьма закономерно вставал-маячил, зовя-призывая его к себе, именно Рим. Не туда ли вели все дороги и не туда ли надлежало придти Павлу, что, как сказано, исполнится, пусть не по первоначальному замыслу. Притом это последнее Павел остро предчувствовал, идя в Иерусалим (где его не ждал тёплый приём со стороны иудеев), как сам, так и предупреждаемый равно знаменами-предзнаменованиями и доброжелателями.

Интересно приветственное приведение-перечисление в заключительной 16-й гл. Послания, к-рая рекомендует Римлянам диакониссу Кенхрейской церкви Фиву (доставительницу письма), 26-и, в общей сложности, имён римских христиан – друзей, знакомцев и сродников Павла. Среди них 19 мужей и 7 жён, большая часть к-рых были обращены Апостолом в различных местах его миссионирования, став его помощниками-помощницами и сотрудниками-сотрудницами как при нём, так и в др. местах, и потом (до 58г.) попал в Рим.

Называемые первыми Прискилла и Акила (16,3/4) прибыли, о чём мы знаем, из Рима в Коринф, всячески помогая там Павлу в 52 – 54г., вслед за чем проследовали с ним в 54г. в Эфес, где остались, пока он ездил в Иерусалим, и приготовили для него жильё вместе с возможностью трудиться в ремесле делания палаток. А позже, вероятно, в 57г., они направились с аналогичным заданием в Рим (к-рый покинули, о чём мы знаем, как изгнанники в 50г.). Епенет (5), видимо, первый (павлианский?) обращённый в Греции (начаток Ахаии для Христа), – крещённый ли Павлом в 52г. (до Дионисия Ареопагита и Дамари) в Афинах? В Мариамии, «к-рая много трудилась для нас» (6), некоторые полагают Марию Магдалину, обретавшуюся-де на 58г. в Риме (?).

Андроник и Юния (7) – родственники Павла – родом, надо понимать, из Тарса Киликийского, и тоже, по всей видимости, да и учитывая имя Юния, сродни Павлу, римские граждане, к-рые, как выходит, уверовали во Христа ещё до Павлова обращения-крещения весной 34г., т.е. были среди первых обращённых после Мистерии Голгофы, в майскую Пятидесятницу-Троицу, или постпятидесятничным летом 33г. А в дальнейшем, ок. 55/56гг., они недолго союзничали с Павлом в Эфесе.

Амплий, Урбан, Стахий и Апеллес (8-10) – Павловы, неведомо с каких пор и откуда, друзья и сотрудники. Иродион (11) – ещё один его родственник. Трифена, Трифоса, Персида (12) – трудящиеся сёстры во Христе. В приветствии вообще обращает на себя внимание число активных женщин. Руф (13), согласно традиции, – сын первого *крестоносца* Симона Кириянина (отца Александрова и Руфова), кто помог обессиленному Иисусу нести 3.04.33г. крест на Голгофу (Т.Г. 1608-14). Мать этого Руфа (т.е. жена, или, вернее, на 58г. вдова Симона) где-то, по-матерински, заботилась о Павле. Ниже перечислительно следуют некие ближе неизвестные: Флегонт, Ерм., Филолог, Юлия и др. (14/15).

В стихе 21 к приветствию Павла из Коринфа присоединяются его сотрудник Тимофей и единоверцы-родственники – Луций, Иасон, Сосипатр (21), к к-рым примыкает «писавший (под диктовку) сие послание Третий» (22). Последними в стихе 23 названы Гай – Павлов странноприимец (кого некоторые отождествляют с коринфянином Иустом из Д.Ап.18,7) зимой 57/58гг. в Коринфе, в доме к-рого собирались коринфские христиане, плюс – знакомый нам местный казнохранитель Ераст, и некий брат Кварт (23).

Следовательно, исходя как из масштабных тем-проблем, затронутых в данном Послании, так и из числа только знакомых, близких или сродственных Павлу христиан, находящихся в означенное время в Риме, римская христианская община (или сообщество), в составе не одной группы-фракции, с конфликтами между иудеохристианами и христианами из язычников, на 58г. н.э. сравнительно немалочисленна, и жизнь в ней кипит!

ПАВЕЛ НАПРАВЛЯЕТСЯ В ИЕРУСАЛИМ

(весна 58г.)

ВОСКРЕШЕНИЕ ЕВТИХА

(апрель 58г.)

Тем временем, Павел, выйдя в феврале/марте 58г. из Коринфа, решил, как сказано, возвратиться через Македонию (притом небездеятельно, поскольку иначе можно было бы отплыть из Греции)⁵³, и имея конечным обратным пунктом Иерусалим, отчалил в апреле из Македонии в малоазийскую Троаду.

«Его сопровождали до Асии Сосипатр Пирров, Вериянин, и из Фессалоникийцев Аристарх и Секунд, и Гаий Дервянин и Тимофей, и Асийцы Тихик и Трофим.

Они, прошедши вперёд, ожидали нас в Троаде.

А мы после дней опресночных отплыли из Филипп и дней в пять прибыли к ним в Троаду, где пробыли семь дней.

В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи.

В горнице, где мы собрались, было довольно светильников.

Во время продолжительной беседы Павловой, один юноша, именем Евтих, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон, и пошатнувшись сонный упал вниз с третьего жилья, и поднят мёртвым.

Павел, сошед, пал на него и, обняв его, сказал: не тревожьтесь; ибо душа его в нём.

Взошед же и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел.

Между тем отрока привели живого, и не мало утешились.» (Д.Ап.20,1-12)

Засим сопровождение Павла, по его выходе из Коринфа, в пути через Македонию и затем морем до Асии, составляли 7 человек – 3 македонянина и 4 малоазийца. Сосипатр (*спаситель отца*) – был сыном какого-то ближе неизвестного Пирра, родом из Верии (Беройя), македонского города (у предгорий Олимпа, в ок. 80-и км западнее Салоник и в ок. 40-а км от берега Эгейского моря) между Фессалоникой и Афинами, через к-рый Павел проходил в ходе своего Второго миссионерского путешествия в 52г. (Д.Ап.17,10) (см. выше). Причём этого Сосипатра, кто в некоторых манускриптах назван Сопатром (*здравие отца*), не следует путать с приветствующим римскую общину (из Коринфа) в павлианском Посл. к Римлянам одноимённым родственником Павла (16,23).

⁵³ Причиной этого непрямого обратного пути через Македонию в манускриптах Д.Ап. «А» и «В» пояснительно называется опасность покушения на Павла со стороны иудейских пасхальных паломников, отбывавших в Палестину из Коринфа морским путём через Кенхреи (Zahn «AG», S.700/01; Mertens, S.444), что теоретически вполне возможно (ведь в феврале 58г. коринфские иудеи возмутились против Павла), но что, однако, не вошло в канонические тексты, и потому остаётся под вопросом.

Два следующих сопровождающих – Аристарх и Секунд – происходили из Фессалоники. Если о втором, чьё имя и означает *второй*, дополнительных сведений нет, то первый, напомним, был в числе двух христиан, схваченных противопавлианскими бунтовщиками в мае 57г. в Эфесе, и вскоре, без причинения им ощутимого вреда (благодаря своевременному вмешательству властной инстанции), отпущенных (см. выше). Он – спутник-сотрудник Павла на Балканах и в Азии, отправится с ним из Палестины в Рим (60/61гг.) и будет его союзником в период первых римских уз (61 – 63гг.) (Флм.24; Кол.4,10) (см. выше и ниже).

Гай – из ликаонской (по соседству с Листрой, откуда происходил Тимофей) Дервии (в провинциальной Галатии), где Павел побывал в 47 и в 51гг., не идентичен ни схваченному в паре с Аристархом в Эфесе македонскому христианину Гайю, ни коринфянину Гайю – крестнику и странноприимцу Павла в Коринфе (см. выше).

Тихик (*случайный*; или *счастливый*; *дитя счастья*) – павлианский сотрудник из Азии (Эфес), к-рый вместе с Онисимом доставит в 63г. из Рима Послания Павла к Ефессянам, Колоссянам и к Филимону (Еф.6,21; Кол.4,7). Впоследствии Павел хотел (65г.) направить его или Артему к Титу на Крит (Тит 3,12). В 2Тим. (66г.) Апостол упоминает, что Тихика он послал в Эфес (4,12) (см. ниже).

Трофим (*приёмш; воспитанник*) – эфесский христианин из язычников. По прибытии в 58г. в Иерусалим асийские иудеи обвиняют Павла в том, что он (якобы) ввёл его, необрезанца, в подзапретные для язычников, кроме притвора Язычников, дворы-притворы храма, т.е. в притворы Женщин и Израэлитов (Д.Ап.21,29). В 2Тим. Павел, пишучи к Тимофею в 66г. из вторых римских уз, оглядываясь на 65-й г., замечает, что оставил больного Трофима в Милите (4,20) (см. ниже).

Согласно Дееписателю, к-рый с 20-й гл. Д.Ап. снова начинает повествование от первого лица, все вышепречисленные лица, – «пошедши вперёд, ожидали нас в Троаде». Т.е. «пошедши вперёд» без Павла и Луки, к-рые после дней опресночных отплыли из Неаполя – порта Филипп, где, соответственно, они отпраздновали Пасху, и дней в пять прибыли в Троаду. Посему «пошедшие вперёд» пошли в Неаполь восточнее Филипп (где Павел впервые ступил на землю Европы, прибыв туда в 52г. из Троады), отчалив оттуда, тогда как самого Павла с Лукой (по преданию, – рукоположенный Павлом первый епископ филиппийцев в 52 – 58гг.) задержало в Филиппах празднование с тамошней общиной Пасхи.

Иначе говоря, Павел с Лукой, справив Пасху, отплыли из Неаполя после дней опресночных, в то время как их спутники – либо справили праздник на противоположном берегу Эгейского моря – в асийской Троаде; либо – в пути; либо, что скорей всего, они не стали ждать в Филиппах окончания дней опресночных и пошли вперёд, чтобы приготовить-подготовить Павлов приход в Троаду.

Пасха 58г. пришлась на 28/29.03. (= 14/15 нисана), с воскресенским днём 16 нисана в день 30.03., сообразно чему, опресночные дни иудейского праздника (14/15 – 21 нисана), если, конечно, под опресночными днями не разумеет просто Пасху (чего Лк. явно не делает), закончились 4.04. Значит (примем с оглядкой на иудео-христиан, к-рые были сильны в Филиппах, первый вариант) (1Кор.9,20-22; Фил.3,2), Павел и Лука (миновав, как и в 52г., остров Кабиров Самофракию – таинственно-островная граница между Европой и Азией!) бросили якорь в Троаде 9.04.⁵⁴ Тут они пробыли 7 дней.

И вот по прошествии этой седмицы, т.е. 16.04., местные ученики вместе с прибывшими гостями собрались в первый = воскресный (по христианскому времени-исчислению) день недели для евхаристического преломления хлеба на вечерю Гос-

⁵⁴ В 52г. на плавание из Троады в Неаполь Павлу и его спутникам понадобилось (вследствие, надо полагать, более благоприятных погодных условий) всего два дня (Д.Ап.16,11) (см. выше).

подню, чтобы послушать Павла и попрощаться с ним, так как он намеревался на следующий день продолжить свой путь.

Любопытно, что и 9, и 16 апреля в 58г. как раз воскресные дни = первые дни иудейской седмицы, что, таким образом, вполне соответствует воспроизводимой нами хронологии. Впрочем, в восприятии немалого числа христиан и особенно христиан-павлиан этот день недели, в к-рый воскрес Христос, сделался и был *первым* уже не в иудейском смысле – как день повоскресенской жизни во Христе и как начальный день нового творения (пусть продолжая формально совпадать с первым посубботним днём субботоцентричной иудейской седмицы). Дабы занять в перспективном христианском календаре венчальное место еврейской субботы, являясь для христианства и первым и седьмым и восьмым (если считать от воскресенья до воскресенья инклюзивно) главным недельным днём по сакральному счёту.

И кстати, стоит заметить, что Пасха 58г. отстоит на 28 (солярных) лет (с повторением дней недели) от Пасхи 30г. (7/8.04.), когда Иисус впервые, по принятии 6.01. иорданского Крещения от Иоанна, пришёл в Иерусалим (Ио.2), где изгнал торговцев из храма и произнёс в храме знаменательные провидческие слова о доме Отца и о нерукотворённом воскресенском храме тела Господня, к-рый Он созиждет в три дня.

Итак, в пролептическое воскресенье 16.04.58г. Павел беседовал в Троаде, в здешней пасхальной горнице дома троадской общины (собиравшейся и собранной в тот день на евхаристическую вечерю), с собранными учениками – «и продолжил слово до полуночи». Из стиха 7 (20) явствует, что это мероприятие имело место 16.04., поскольку на следующий день, т.е. 17.04., Апостол (после 7-и дней пребывания в Троаде), намеревался продолжить путь.

Собрание происходило в трёхэтажном частном доме, в верхнем горничном этаже (светлица), по образцу иерусалимского Сенакля. И там было, как отмечает Лк., «довольно светильников» не только для простого освещения или для придания особой торжественности действу, а и, памятуя о притче про 5 разумных и 5 неразумных дев (Мф.25), с (образно выражаясь) достаточным количеством для этих светильников насыщенного масла.

При всём том, во время продолжительной беседы Павла с учениками, ещё до, как выясняется ниже, преломления хлеба и до полуночи, один юноша, именем Евтих (*удачный; счастливый*), к-рый сидел, слушая Апостола, на (из-за недостатка места для всех собравшихся) окне = (по нашему) на подоконнике, погрузился, согласно Дееписателю, в глубокий сон и вывалился из окна.

Конечно, можно сказать, что он просто банально уснул (если, разумеется, не вменять ему в духе примитивных критиканов элементарную анекдотичную леность, – дескать, задремал со скуки), устав за день от какого-то нелёгкого (ремесленного?) труда, что, вероятно, так и было. Однако, так как новозаветные Книги есть Книги, в т.ч., оккультные, в данном случае, сложно не усмотреть не единожды естественный сон от усталости, но, в первую очередь (смотря под каким углом зрения взглянуть), сон посвятельный, сон нуждающегося в посвящении иницианта, к-рому необходим посвячитель-иерофант!

Юный Евтих, чья душа была особым образом предрасположена к приятию таинственного испульса Христа (о чём он сам не ведал), впал, внимая слову Павла душой, в состояние смертного мистического сна, отчасти так, как это происходило с посвящаемыми в древние таинства, к-рых, правда, после соответствующей подготовки специально вводили в смертный сон для временного извлечения из их тел душ = эфирного тела из тела физического (см. «Т.Г.» 1112-14-1131).

Почему отчасти? Потому что тут всё случилось естественно и без всякой предварительной подготовки, т.е. внезапный глубокий сон Евтиха вполне уподобим

посвятительному сну, не будучи таковым по назначению, когда посвящаемый (Евтих) и посвятитель (Павел) встретились при иных, при духовно новых мистериальных обстоятельствах. Иначе говоря, Евтиху выпало оказаться в положении сморённого непреодолимым *сном* иницианта, в то время как Павел принял на себя миссию-функцию его исцелителя и одновременно посвятителя-инициатора.

Мы помним, как в феврале 33г. Христос воскресил (воскресив ранее, в июне 31г., юношу из Наина и в августе дочь Иаира) в Вифании Лазаря Четверодневного на четвёртый день (3,5 древнемистериальных дня) от его кончины (Ио.11); или как в 39г. Пётр в Иоппии вернул к жизни юную Тавифу (Д.Ап.9). И вот теперь, в апреле 58г., через 25 лет, на 26-м году, от (зимнего) воскрешения Лазаря и на 19-м году от (осеннего) воскрешения Тавифы, парный Петру первоверховный Ап. Павел воскресил постпасхальной апрельской весной (поднятого с земли мёртвым) юношу Евтиха. Свообразная кульминация исцелительных чудодеей Павла и второе из двух Воскрешений в Д.Ап. (к-рое и открыло Павлу возможность быть восхищённым несколько позже, в Земле Обетования, в 58г., на сей раз, до 7-го Неба).

Вслушаемся в текст. Сонный Евтих упал с третьего этажа и был поднят мёртвым. Павел и его слушатели сошли-сбежали вниз на двор, где Апостол обнял упавшего, или, точнее, пал на него = припал – чтобы целительно-меркуриально возвратить ему физическую и вдохнуть в него новую духовнохристианскую жизнь – к нему. Не похожим ли образом в IXв. до н.э. – в век дохристианского Св. Граала – пророк Илия воскресил сына вдовы из Сарепты (3Ц.17,21), или позднее пророк Елисей возвратил к жизни сына сонамитянки (4Ц.4,34).

Удостоверьтесь, связующая нить дней не рвётся, она взаимопреemptвенно из Ветхого Завета в Завет Новый продолжается, хотя непосредственно чудотворение Павла продолжает именно три Христовых Воскрешения – Юноши из Наина, Дочери Иаира, а главное – Лазаря, и Петрово Воскрешение Тавифы!

Посвятитель-воскреситель Павел возвращает в тело едва изошедшую из него душу в отрока, вдохнув в него силой своего христианского посвящения, к-рое предельно чётко выражено в его максиме «не я, но Христос во мне», новую воскресенскую жизнь.⁵⁵ Причём словами «не тревожьтесь; ибо душа его в нём» Апостол скромно умалчивает о том, что именно он воскресительно возвратил эту обновлённую им (как иерофантом) душу в (избежавшее при падении непоправимых ушибов) уврачёванное им (как целителем) внутренними силами его уникальной индивидуальности (носительницы Христа в себе) тело.

И потому слова «душа его в нём» не означают мнимую смерть, мол, Павел диагностировал жизнь в отроке, вопреки диагностированной до него другими смерти. Отнюдь, короткая смерть была реальной, преодолённая и побеждённая великой силой Христа в Павле, ибо Евтиху (дальнейший путь к-рого неизвестен, но индивидуальность к-рого и в этой, и в грядущих инкарнациях Павел пометил особой метой) предстояло ещё *кое-что* в этом своём воплощении сделать во Христе для людей.

То-то постепенно пришедшего в себя отрока привели живого, обратим внимание, *уже* утром, и не мало утешились, в то время как вдохнувший в него пробудительную жизнь ближе *ещё* к полуночи Апостол снова взошёл в горницу, где совершил преломительно-евхаристическое таинство с учениками и далее беседовал с ними до рассвета.

После этого, в понедельник 17.04., спутники Павла, включая (повествующего от

⁵⁵ И происходит это не случайно в пролептический праздничный день жён-мироносиц (когда Павлу и должно было воскресить Евтиха!) – второе воскресенье – 16.04. – после пасхального (в 58г.) воскресенья 2.04.

первого лица) Луку, отчалили из Троады. Он же сам пешим ходом двинулся вдоль берега в расположенный в ок. 25-30-и км. юго-восточнее Асс (совр. Бехрамкёй в Турции) — порт, лежавший в Мизии на возвышении, при заливе Аддрамитион, супротив Лесбоса. Видимо, его решение идти до Асса в одиночку пешком (день пути) было обусловлено желанием ненадолго путешественно уединиться (на медитативном фоне бирюзового Эгейского моря), а не опасностью, дескать, в плавании от Троады до Асса, опять со стороны иудеев, как безосновательно полагают некоторые. Во всяком случае, в Ассе спутники Павла (по выражению Луки) взяли его на борт (специально нанятого-зафрахтованного судна?) и вскоре они вместе прибыли в Митилину на Лесбосе.

ПУТЬ НА ЭГЕЙСКО-МАЛОАЗИЙСКИЙ ЮГ

(апрель 58г.)

«Мы пошли вперёд на корабль и поплыли в Асс, чтобы взять оттуда Павла; ибо он так приказал нам, намереваясь сам идти пешком.

Когда же он сошёлся с нами в Ассе, то, взявши его, мы прибыли в Митилину.

И отплывши оттуда, в следующий день мы остановились против Хиоса, а на другой день пристали к Самосу и, побывавши в Трогиллии, в следующий день прибыли в Милит;

Ибо Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Асии, потому что он поспешал, если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме.» (Д.Ап. 20,13-16)

Так Павел путешествовал с севера на юг, минувя райские островные очаги великой эллинской культуры прошлого и одновременно гнездовья глубокого декаданса современного ему дня сегодняшнего.

Митилина/Митилена — главный город Лесбоса — восьмого по величине в Средиземном море и третьего в Греции острова (в древние времена известного также как Исса, Пеласгия, Метонида, Макария), имеющего форму подковы, открытая сторона к-рой обращена к северо-западу и лежит перед Адрамиттским заливом всего в 60-и стадиях от Ассы. В древности плодородный остров с прекрасным климатом изобилдовал хлебом, маслинами и вином, к-рое считалось самым лучшим; в гористой северо-западной части был богат лесом и мрамором; в юго-восточной части славился красотой гор Ордимн, Лепефимн, Креонт, Олимп. К слову, если в Ср. века Митилена называли весь остров, то в Новое время, наоборот, город Митилену называли Лесбосом. Другие гораздо менее значительные города — Метимна, Антисса, Эрес.

Древнейшими островными обитателями были пеласги, к к-рым позже, за два поколения до Троянской в начале XIIв. до н.э. войны, т.е. в XIIIв., присоединились ионийцы, а через 130 лет после неё, т.е. ок. середины XIV. — эолийцы, и с тех пор началось процветание острова, сделавшегося центром малоазийских эолийцев. Мало того, в перспективе остров стал средоточием образованности и культуры: древнейший из его известных уроженцев поэт Терпандр (VIIIв.); в VII/VIвв. — место жизнедеятельности знаменитых поэтов — Алкея⁵⁶, Ариона, Сапфо, с творчеством к-рой, да и с самим островом (на к-ром в Средние века турецкие султаны растили-готовили к властвованию в подвассальном Османской империи Крыму

⁵⁶ Алкею, к-рый ввёл в стихосложение особый стихотворный размер — «Алкееву строфу», использованную впоследствии Горацием, и к-рым восхищался Цицерон, принадлежат крылатые афоризмы: «истина в вине» (формула римлян: «in vino veritas»), или — «по когтям узнают льва».

крымских ханов из рода Гиреев), связано происхождение терминов «лесбийская любовь» и «лесбиянки» (своего рода метаморфоза амазонок – с однополой женской любовью вместо воительности!).

Далее, о сопричастности островитян к высокой образованности свидетельствует длинный ряд лесбосских учёных, литераторов, философов: Питтак, Теофраст, Фаний, логограф Гелланик, историк Феофан. В 344 – 42гг. на Лесбосе, перед тем как отправиться ко двору Филиппа Македонского, чтобы стать наставником Александра, жил (ставший через 12 лет после геростратовского – 356г. – пожара Эфеса, в 40-летнем – 344г. – возрасте, из старомистериалиста философом-новомыслителем) Аристотель. Лесбос – предположительное место рождения Лонга – автора пасторального романа IIв. н.э. «Дафнис и Хлоя», где, в частности, сказано: «Город на Лесбосе есть – Митилена, большой и красивый. Прорезан каналами он, – в них тихо вливается море, – и мостами украшен из белого гладкого камня. Можно подумать, что видишь не город, а остров» (1).

Один из ведущих городов Греции – лесбосскую, на восточном берегу острова, Митилену (эту полу- или остаточнo-атлантическую Венецию до Венеции!), с её двумя, военной и торговой, гаванями, почитали средоточием изящных искусств. Здесь регулярно проводились поэтические состязания. В пору греко-римской античности и город, и весь остров считались цитаделью утончённости вкусов, но одновременно имели дурную репутацию ярких репрезентантов изнеженности и распушенности.

В 493г. остров подчинили персы; с 478г. он примыкал к Афинскому морскому союзу; в 428г. предпринял попытку перейти на сторону Спарты; после подавления восстания часть отторгнутых земель была разделена на клеры (участки) и передана афинским гражданам. В захваченной Митилене афиняне казнили 1000 чел. Победители обязали побеждённых разобрать все укрепления и отдать корабли. В IVв. остров подпал македонскому владычеству. Римляне овладели Лесбосом в 80-е гг. Iв. до н.э. и всячески способствовали его процветанию. Мы помним, что в Митилене резидировал с 23г. до н.э., встретившись тут в 22г. со своим младшим другом Иродом, поставленный Августом над местностями за Ионическим морем М.Агриппа. В I/1гг. на Лесбосе, Хиосе и Самосе побывал, опять-таки, назначенный наместником восточной половины Римской империи внук Августа Г.Цезарь, к которому приезжал, обретаясь в полуссылке на Родосе, бить поклоны – в Iг. до н.э. – на Самос, а в Iг. н.э. – на Хиос – Тиберий (Р.л. 702-09; 1025-28), кто, кстати, тоже заботился в дальнейшем, сделавшись кесарем, о процветании Лесбоса.

Хиос – между Лесбосом и Самосом, на северо-западе от Самоса, самый северный из Ионийских о-вов перед западным берегом М.Азии, расположен против Ионийского п-ва, в 60-и стадиях от материка, к к-рому, судя по тексту Д.Ап., но не собственно к Хиосу и пристало судно с Павлом и его спутниками, так как в тексте говорится, что, отплыв на следующий день из Митилины, они остановились против Хиоса, а на другой день пристали к Самосу. Тем не менее, пару слов о Хиосе – одном из центров Эгейско-Ионийской культуры – сказать стоит.

Этот, в форме полумесяца, выгибающийся к востоку остров рапсодов считался (в числе семи других претендентов) наиболее вероятной родиной Гомера, плюс – трагика Иона и историка Феопомпа. Славился вином, мрамором, кроме того, давшей в позднейшие времена наименование всему острову (при арабах и турках) особо ценной мастикой (*Pistacia lentiscus*), винными ягодами, тонкой глиной. Наивысшие горные точки – пики Пелинеон (1297м) и Орос (1188м), в центре разделительная цепь невысоких гор – Проватас.

Древнейшие обитатели – тирренские пеласги или лелеги, к к-рым в перспективе присоединились критяне, карийцы и эвбеицы, после чего островом в начале I тыс.

до н.э. овладели ионийцы. На очень богатом Хиосе возник первый в Греции рынок рабов, крупное восстание к-рых случилось ок. 600г. до н.э. Одноимённый острову главный город, с VIIв. торгово-ремесленный полис, имел хорошую гавань. В Vв. до н.э. жители Хиоса, ремесленные изделия к-рых были столь же знамениты, как их мастика и вино, пользовались славой наиболее богатых и зажиточных греков.

Завоёванный Киром Персидским в 547г. остров, после победы греков над персами при Микале (479г.), вошёл (с демократическим устройством) в состав Первого Афинского морского союза (477г.), однако на последнем этапе Пелопонесской войны (431 – 04гг.) вышел из него и в 406 – 394гг. сражался против Афин на стороне Спарты. Позднее, с 377г., входил в состав Второго Афинского морского союза, но в Союзническую войну (357 – 55г.) снова выступил против Афин в составе антиафинской коалиции. В проливе между Хиосом и находящимся в 7-и км от него азиатским побережьем произошло в 356г. проигранное афинянами сражение с персцами, родосцами и византийцами морское сражение при Эмбате. С 30-х г. IVв. Хиос находился под македонским владычеством; в 202г. заключил союз с Пергамом; со 190г. – союзник Рима; в 86г. разорён Митридатом Эвпатором; с 85г. – мирное процветание и параллельно-единовременно всё углубляющийся декаданс (в чём греки пережали римляны) под римлянами (*civitas libera*).

Самос, к к-рому Павел и его спутники пристали в южном направлении на следующий день – больший размерами, чем Хиос, но меньший, чем Лесбос, – остров и одноимённый главный город на нём у побережья Лидии, отделённый проливом шириной в 7 стадий от Микальского мыса. На острове в древности не было хороших вин, зато он славился прекрасными гончарными изделиями и знаменитыми самосскими камнями для полировки. Уже в VIIIв. вёл оживлённую торговлю с Египтом, Северной Африкой и греческими государствами (Самофракия).

Первые обитатели – лелеги, к-рыми правили потомки Анкея, потом – ионийцы, под предводительством эпидаврийца Прокла. Ок. 600г. самосцы основали колонию в Перинфе. Особенно известна тирания строителя и морского пирата Поликрата (538 – 22гг.), при к-ром остров достиг наивысшего экономического и культурного расцвета (корблестроение, виноделие, выращивание плодовых деревьев, производство шерсти; высокоразвитое искусство резьбы по камню, плавка руды, чеканка монет; проведённый сквозь гору по туннелю в город водопровод Эвпалиана). На Самосе родился Пифагор, здесь творил архитектор Ройк, родились киклический поэт Креофил и эпик Херин, а Анакреонт жил при дворе Поликрата, о богатстве и счастье к-рого слагались легенды и к-рый был коварно убит персидском сатрапом Сард.

До 479г. Самос – под персами; затем – в Аттическом морском союзе; в 440/39гг. – отпадение от Афин (Самосское восстание); в ответ – завоевание острова Периклом. В Пелопонесскую войну – с Афинами. 405г. – присвоение афинского гражданства самосцам. В 365 – 22гг. – введение на Самосе аттической клерухии; позже – под Птолемеями. Со 129г. до н.э. – в составе римской провинции Азия.

Возведённый в VIIIв. до н.э. самосский Гекатомпедий – древнейший из известных ионийских храмов. Однако, главное островное божество – Гера, основанный ещё в Xв. до н.э. первый храм к-рой и святилищный комплекс Герайон находились в 6-и км западнее города Самос, у моря. От сооружения Xв. сохранилась одна колонна. Руины позднейшего святилища датируются временем с ок. 800г. После множества новостроек и перестроек, до середины IVв. усилиями зодчих Ройка и Феодора поднялся импозантный храм размерами 51 x 102м, с двойной колоннадой, почти сразу после окончания строительства уничтоженный пожаром и снова много роскошнее сооружённый Поликратом.

Причём, хотя строительство так и не было полностью завершено, это строение

считалось одним из чудес света. Святилищный комплекс включал и др. храмы, получавшие в римский период богатые жертвенные дары до III в. н.э., когда местные кумирни были разрушены вторженцами готами.

Среди самосских городских руин следует выделить крепостную стену длиной в 6/7 км, античный мол и театр. В IV/V вв. на развалинах старого лишь частично исследованного археологами города (совр. Тигани) поднялся маленький городок со скромной христианской базиликой (конец V в.).

* * *

От Самоса Павел со спутники отчалили на материк, побывали в Трогилии – город и мыс в Ионике (где гора Микале отвесно срывается в море) между Эфесом и устьем Меандра, переночевали тут и на следующий день прибыли в Милит (*красный*). Как видим, «Павлу рассудилось миновать Эфес», оставшийся между Хиосом и Самосом, без посещения, чтобы не задерживаться в Азии, поскольку он спешил ко дню Пятидесятницы быть в Иерусалиме. Иудейская пятидесятничная дата совпадавшая, напомним читателю, с (в отличие от Пасхи) христианской Троицей, в 58 г. – 18.05.

Т.е. во второй половине апреля 58 г. Павел поспешал в пути на средиземноморский юг по Эгейскому морю (практиковавшееся в древности каботажное плавание короткими переходами от острова к острову, или от одной материковой гавани к другой) вдоль ионийского запада М.Азии, дабы к 18.05. успеть, пересекши по диагонали Средиземное море, в Иерусалим. И потому он решил, не заходя в Эфес, призвать тамошних пресвитеров для прощания с ними в находящийся на юго-западной оконечности малоазийского п-ва Милит (Милет).

Милетом (или Милитом) звали сына Аполлона и Арей (либо Деионы) с о. Крит, бежавшего от Миноса, к-рый инкриминировал ему стремление захватить трон, в Карию (где он женился на дочери Меандра Кианее, родившей от него Кавна и Библиду) и основавшего там Милет, к-рый Гомер в «Илиаде» называет городом карийцев. Исторический город, с его догреческим, предположительно, хеттским названием, известный как поселение с середины II-го тыс. до н.э., вероятно, основали критяне, поскольку его полный тезка, уже при Страбоне представленный лишь руинами, лежал на восточном берегу Крита. В Милете найдены фрагменты фресок минойского стиля, тексты линейного критского письма, микенская керамика.

В XI в. до н.э. полис был заселён греками и, предположительно, финикийцами, добравшимися отсюда, через Испанию, аж до Ирландии (предания к-рой говорят о древних пришлецах – «сынах Милида»). В VIII в. – превратился в крупный полис, играя значительную роль как в собственно морской торговле, так и в качестве посредника между материковой Грецией и странами Востока, а также между странами Востока и через Грецию – Запада. В составе 12-и ионийских полисов (лидируя напару с Эфесом) входил в образовавшийся ок. 700 г. Панионийский религиозный союз. Центр – расположенное в западной части мыса Микале (Панионий) святилище Посейдона. Признанный глава союза – Милет – «первый город ахейского люда о 12-и стенах».

Располагался на морском побережье против устья Меандра, на мысе, вдающемся в Латмийский залив (сегодня руины в 8-и км от берега). Имел 4 защищённые близлежащими Трагасайскими островами (Ладе, Дромиск, Перне) гавани: одна – на востоке, три – на западе. Фланкированная двумя отделёнными один от другого расстоянием в 260 м скульптурными львами, с севера на юг, гавань, позднее – восточная, занимала Львиную бухту. Расцвет – VII/VI вв.: ремёсла, сельское хозяйство (обработка шерсти, овцеводство), чеканка монеты, письменность.

Отсюда, из этой экстравертированной цитадели эллинского мира, где в ногу с экономическим подъёмом процветали науки, литература, искусство, милетцы, словно переняв эстафету у колонизаторов-цивилизаторов финикийцев, основали, как сказано, до 90 колоний на просторах берегов моря Средиземного и по всему периметру Понта Эвксинского: Томи, Феодосия, Пантикапей, Фасис (Поти в Грузии), Истр, Оливия, Амис, Кизик, Синоп, Абидос, Навкратис (при соучастии самосцев) и др. Милет — родина философов — Фалеса Александрийского, Анаксимандра, Анаксимена; логографов — Кадма, Гекатея, Дионисия Милетских.

Власть в Милете вплоть до VIIв. принадлежала царскому роду Нелеидов, ведущих происхождение от сыновей Кодра, Нелея и Андрокла, к-рые руководили переселением греческих апойков в Ионию. Известны тираны — Фрасибул, Фоас, Дамасенор (VII/VIIвв.); последний — Леодамант. После ликвидации царской власти, на первый план выдвинулись знатные роды, заседавшие в полисном совете (буле). Из их среды ежегодно выбирался руководитель — притан. Граждане до последней четверти Vв. делились на 6 фил: 4 ионийские и 2 фессалийско-беотийские по происхождению. В дальнейшем, в связи с подпадением под политическое влияние Афин, фил стало 12.

В VIв. горожане успешно противостояли лидийцам и союзничали с Крезом. С 546г. вместе с Лидией — под персами. Попытка свергнуть в ходе Ионийского восстания 500 — 494г. персидское господство привела к катастрофе: персы разрушили цветущий полис и продали его население в рабство. После победы греков при Микале (479г.) город был восстановлен и новозаселён, но навсегда утратил своё былое значение и прежний блеск. Участие Милета в Аттическом морском союзе; в Пелопонесскую войну сражался то на стороне Афин, то на стороне Спарты и не раз менял формы правления (демократия; олигархия). С 387г. — снова во власти персов. В 378г. попал в зависимость от правителя Карики Мавсола. Новообретение свободы в 334г. благодаря Александру.

В период расцвета полис состоял из двух опоясанных общей стеной частей — внешней и внутренней. Славился шерстью, розами и морской пенкой. Римлянами всячески поощрялся и частично пережил новый расцвет. Правда, его настоящему новому подъёму мешали процветание и статус Эфеса — центра римской провинции Азия, одного из 12-и городов Ионики, средоточия политической, экономической и культурной жизни греко-римской М.Азии (и одного из, повторим, 7-и асийских городов, христианские общины к-рых станут в 96г. н.э. адресатами Иоаннова Откровения).⁵⁷

Притом свобода нравов портового города нашла яркое отражение в пользовавшемся широкой популярностью сборнике эротических новелл «Милесиака» («Милетские истории»), составленном ок. 100г. до н.э. Аристидом Милетским. Сам переведённый в IV в. до н.э. на латынь сборник, как и перевод, до нас не дошёл, будучи, по всей видимости, своего рода античным «Декамероном». Имя милетцев у древних вошло в поговорку и употреблялось для обозначения счастливых удачливых людей — «баловней судьбы».

Надо ещё сказать, что в 180-и стадиях к югу от Милета, у селения Дидим, стоял бывший по возрасту древнее города (разрушенный Ксерксом и затем нововоздвигнутый) храм Аполлона Дидимского, жречество в к-ром потомственно облакали жрецы из рода Бранхидов. И, между прочим, выдающееся значение Аполлонова

⁵⁷ 7 — первоначальное число городов созданного (основателем милетской колонии) Нелеем (безжалостный; «потомок Посейдона в 16-м колене») Ионийского союза (XI-IXвв. до н.э.): Милет, Миунт, Приена, Эфес, Колофон, Лебедос, Теос. Позже к союзу присоединились Хиос, Самос, Клазомены, Эрифра (Эритрея), Фокея (Двенадцатиградие) (см. выше). Просьба Смирны, вошедшей в него только в эллинистическую эпоху, была тогда отклонена.

культы в Милете объясняет, почему прорицание именем Аполлона Кларосского в Колофоне (древний карийско-критский культ и оракул) было прерогативой жреца из Милета.

С концом античности город пришёл в запустение. Сегодня на его месте маленькая турецкая деревушка Балад. Археологами, помимо городских стен, раскопаны улицы, храмы, общественные здания, жилые дома. Судя по раскопкам, в эллинистическую и римскую эпохи Милет представлял собой кварталы прямых, пересекающихся под прямым углом улиц.

На 58г. н.э. в этом разухабистом, отодвинутом на задний план, Эфесом упавшем городе не было христианской общины, т.е. Павел и его спутники остановились в доме кого-то из местных христиан, и вот отсюда, во второй половине апреля 58г., Апостол язычников послал в расположенный в 60-и км севернее Эфес, к-рый он покинул в июне 57г., призыв эфесским церковным пресвитерам явиться к нему, чтобы дать им заключительные наставления и попрощаться с ними.

ПРОЩАНИЕ С ЭФЕССКИМИ ПРЕСВИТЕРАМИ В МИЛИТЕ

(апрель 58г.)

*«Из Милита же послав в Ефес, он призвал пресвитеров церкви,
И когда они пришли к нему, он сказал им: вы знаете, как я с первого дня, в к-рый
пришёл в Асию, всё время был с вами,*

*Работая Господу со всяким смиренномудрием и многими следами, среди искушений,
приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев;*

*Как я не пропустил ничего полезного, о чём вам не проповедовал бы и чему не учил
бы вас всенародно и по домам,*

*Возвещая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса
Христа.*

*И вот, ныне я по влечению Духа иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со
мною;*

*Только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби
ждут меня.*

*Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью
совершить поприще моё и служение, к-рое я принял от Господа Иисуса, проповедать
Евангелие благодати Божией.*

*И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между к-рыми ходил
я, проповедуя Царствие Божие.*

Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех;

Ибо я не упустил возвещать вам всю волю Божию.

*Итак внимайте себе и всему стаду, в к-ром Дух Святой поставил вас блюсти-
телями, пасти Церковь Господа и Бога, к-рую Он приобрёл Себе Кровию Своею.*

*Ибо я знаю, что по отшествии моём войдут к вам лютые волки, не щадящие стада;
И из вас самих восстанут люди, к-рые будут говорить превратно, дабы увлечь
учеников за собою.*

*Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами
учил каждого из вас.*

*И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас
более и дать вам наследие со всеми освящёнными.*

Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал:

*Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои
сии.*

Во всё́м показал я вам, то, как трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он сам сказал: блаженнее давать, нежели принимать. Сказав это, он преклонил колена свои и со всеми ими помолился. Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, Скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля.» (Д.Ап.20,17-38)

Итак, поспешая на своём пути в Иерусалим, Павел послал из расположенного в 60-и км от Эфеса Милета посыльных за эфесскими пресвитерами, чтобы выиграть время, наверняка морем, и те прибыли к нему в Милит (без задержки), т.е. его прощальная беседа с ними состоялась ок. (или не позднее) 22.04. И нет оснований полагать вместе с Иринеем Лионским («Против ересей» 111,14,2), что в Милит прибыли по призыву пресвитеры не только эфесские, а и из соседних церквей, ибо текст Д.Ап. на подобный расклад не указывает и не намекает.

Причём обращает на себя внимание Павлово вступительное слово к дорогим его сердцу предводителям эфесской общины: «вы знаете, как я с первого дня, в к-рый пришёл в Асию, всё время был с вами...» (18). Соотнесём сказанное со следующими ниже в 20,31 знакомыми нам словами («Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас»), хронологию к-рых (54 – 57гг.) мы разобрали выше.

Здесь есть любопытные нюансы. «С первого дня, в к-рый пришёл в Асию» (Асия – тут в смысле Эфес), т.е. с марта 54г., когда Павел, возвращаясь после Второго миссионерского путешествия из Коринфа в Иерусалим, коротко – впервые в жизни – заехал, по дороге, в Эфес, впервые вошёл в тамошнюю синагогу и рассуждал с Иудеями (Д.Ап.18,18-21). «С первого дня» именно тогда, так как, о чём мы знаем, ранее, при начале Второго путешествия (51/52гг.), Дух Святой не допустил его со спутниками, вопреки их желанию, проповедывать слово в Азии (16,6).

И вот со времени первого короткого посещения Павлом Эфеса мартовской весной 54г., до оставления им Эфеса после майского бунта против него местных серебряников в начале июня 57г. прошло 3 года, плюс – пара месяцев. А с др. стороны, от основательного-фундаментального прихода Павла в Эфес, в дни Третьего миссионерского путешествия, не ранее второй половины августа 54г., до его ухода из Эфеса в самом начале июня 57г. (срок, на к-рый, в первую очередь, и упирает Д.Ап.20,31), минуло (опять-таки) 3 года, но, на сей раз, не плюс, а минус пара месяцев. Таким образом, по всякому, пребывание и деятельность Павла в 54 – 57гг. в Эфесе достаточно корректно хроноисчисляются сроком в 3 округлённых года.

Однако, повторим, о данном сроке нельзя просто-упростительно сказать, что это 3 месяца павлианской проповеди в эфесской синагоге и, после конфликта с Иудеями, 2 года преподавания в училище Тиранна, что в сумме даёт 2 года и 3 месяца, к-рые, в свою очередь, плохо, без представленных выше хрононюансов, округляются до 3-х лет, как (минимум поверхностно) поступают с ними многие толкователи-эксегеты (Zahn «AG», S.713-34; «Т.Б.», т.3., Д.Ап.20, с.152). Скажем снова, 3 месяца дают время с осени 54 по рубеж 54/55гг., тогда как ещё 2 года выводят на рубеж 56/57гг., после чего Павел, завершив-прекратив ок. начала 57г. преподавание в училище Тиранна и снарядив в марте Тимофея с Ерастом в Македонию и Коринф, «сам остался на время в Азии» (19,22), покинув Эфес, подчеркнём ещё раз, после майского бунта против него эфесян-язычников, в июне 57г. И лишь при таком нюансированном хронораскладе событийности 54 – 57гг. получается полная-верная картина.

Далее, в Д.Ап.20,19 сказано об искушениях, приключившихся Павлу по злоумышлениям Иудеев, чем, кстати, косвенно подтверждается высказанное нами

выше предположение о его (помимо конфликта после 3-х месяцев проповеди в синагоге) коротком (по навету иудеев) заточении в Эфесе – ок. 55/56гг. – в соузничестве с Андроником и Юнией (Рим.16,7).

Из Д.Ап.20,20 следует эфесское учительство Павла – как всенародно, иначе говоря, – проповедь в синагоге и преподавание в училище Тиранна, равно под открытым небом, так и учительство по домам (особенно с начала 57г.). Т.е. в домах местных допавловских и обращённых Павлом христиан, а также в домах иудейских прозелитических симпатизантов христианства и в домах язычников, к-рых и неофитов из к-рых становилось благодаря (избавившему их от соблюдения обременительных иудейских норм) Павлу всё больше и больше.

В 20,22-24 говорится о нынешнем (обратном) пути Павла – «по влечению Духа» – в Иерусалим и о тяжёлой подвопросности того, какая участь его там ждёт. Он-то планировал (и, по-прежнему, продолжает планировать), побывав в Иерусалиме, отправиться в Рим (о чём и было сообщено в Посл. к Рим.). Но его самого одолевают тревожные предчувствия, подтверждаемые мрачными предзнаменованиями и свидетельствами, исходящими от Духа Святого (через наделённых пророческим даром христиан в пунктах следования). Апостола ждут в Св. Земле «узы и скорби», к-рые, при всём том, не заставят его отказаться от апостольского пути туда, б.м., на мученичество.

Он готов, если его час настал, если придётся и потребуется, пожертвовать жизнью по жертвенным стопам Самого Господа, или на примерах погибших в Палестине Первомученика Стефана, каменованного при участии Павла, или Иакова Зеведева, казнённого в 44г. Иродом Агриппой, или принявшего мученичество ок. 55г. (см. ниже) Иоанна Зеведева (между тем как имена других, начиная с христианского погрома, учинённого иудеями в Иерусалиме в 33/34гг. после каменования Стефана, иерусалимско-палестинских жертв, к-рые среди христиан не из числа 12-и за четвертьвековой период 33 – 58гг., без сомнения, были, – неизвестны).

А теперь внимание! В Д.Ап.20,25 Павел говорит: «И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между к-рыми ходил я, проповедуя Царствие Божие». Из этих слов вроде бы напрашивается вывод, к-рый и делает многие толкователи, что Павел больше не побывал в Эфесе. И данное умозаключение берётся, к примеру, на вооружение в качестве аргумента теми, кто отрицают вторые римские узы в Павловой биографии, датируя его мученический конец 63/64-м гг. В то же время, некоторые их противники из числа приверженцев вторых римских уз и вольного интервала между ними, считают, что Павел ошибся, поскольку ему довелось впоследствии снова посетить Эфес, о чём свидетельствуют его слова из написанного после первых уз Послания к Тимофею (1,1,3; 3,14; 4,13).

Действительно, в 64 и в 65гг. Павел снова, притом, предположительно, дважды, посетил М.Азию (в 64г. – путём с Крита, через М.Азию, в Македонию, а в 65г. – из Коринфа). Хотя в строгом смысле посещение Азии не обязательно означает посещение собственно Эфеса, пусть даже приведённые стихи из 1Тим. за это ратуют. Впрочем, со всеми этими сложностями мы основательно разберёмся ниже.

Сейчас же нельзя не сказать о следующем – о том, чего в упор не хотят замечать экзегеты. В 20,25, в строгом смысле, ничего не сказано о грядущем посещении или непосещении Павлом Эфеса, но сказано дословно, что его лица более не увидят призванные им в 58г. в Милит для прощания несколько эфесских пресвитеров, к-рых не может быть много (к-рых, вероятно, не более 7-и). Т.е. в Милите у Павла считанное число предводителей эфесской общины, с к-рыми Павел, в силу разных эвентуальных причин-обстоятельств, мог не увидеться, даже побывав позже в Эфесе, спустя аж 6/7 лет.

Например, они могли погибнуть в результате ближе неизвестных гонений,

к-рые, б.м., эфесские христиане претерпели в 63/64гг. поскольку в Посл. Павла к Ефессянам от 63г. о каких-либо гонениях ни слова. Или кто-то из них мог до 64г. умереть естественной смертью, ибо пресвитеры не могли быть людьми молодыми, а кто-то мог погибнуть, либо подвергнуться высылке-изгнанию из Эфеса без права возвращения, и т.д. Или часть из них могли, по тайному обличению-заданию Павла (если усмотреть-услышать в Павловых словах, в т.ч., скрытый смысл), полученному ими именно в Милите (Милиде), в интервале между 58 – 64гг., где-то ок. 60 – 62гг., отправиться со специальной миссионерской миссией именно на Изумрудный остров – в дальнюю кельтскую Гиберию-Ирландию (о к-рой и о таинствах к-рой Павел мог знать от галатов-кельтов М.Азии).

Короче, не будем пока гадать, констатируя, что слова из 20,25 о последней встрече относятся конкретно к призванным на эту встречу в Милит несколькими Ефессянам-пресвитерам, не относясь, по большому счёту (или вполне могут быть не отнесены), к городу Эфесу и к эфесской христианской общине в целом. Однако, наряду с тем, не исключено и то, что Павел мог ошибиться, обманываясь в 58г. в своём – накануне палестинских и потом первых римских уз – мрачном (в сём случае, не столько знании, сколько именно) предчувствии по поводу последней-прощальной встречи с ефесскими пресвитерами в Милите, к-рая, в силу иначе сложившихся обстоятельств (ведь если человек предполагает, то Бог располагает), не стала последней (или, по крайней мере, могла, вопреки предчувствию Павла, не стать последней). В общем, поживём – увидим, – что к чему! При всех случаях, Господь отведёт-предоставит Павлу больше времени для дольшего служения, нежели Апостол ожидал (выйдя в перспективе за хронозону действия отблагоствованных Деесписателем Лукой Деяний Апостольских).

«Чист я от крови всех» = неповинен (в широком смысле – после каменования Стефана; в узком – в отношении к христианам-эфессянам) ни в чьей гибели. Не обратился ли в ночь со 2-го на 3.04.33г. Иисус, непосредственно перед тем как Его взяли под стражу в Гефсиманском саду, к Отцу: «из тех, к-рых Ты Мне дал, Я не погубил ни одного» (Ио.18,9). Павел, как и Иисус, являясь пастырем добрым, не сделался причиной гибели ни одного из доверенных или доверившихся ему учеников, либо неопитов. Не в этом ли кардинальное, повторяем, отличие между христианским пастырем и самозванными псевдопастырями от революций, будь то теоретики или практики. Христианский пастырь жертвует собой, а не паствой, в то время как и теоретики, и практики революций, по преимуществу, жертвуют не собой, но другими – и, само собой, противниками, и сторонниками.

Притом, даже, если они жертвуют, в т.ч., собой, это их никак не оправдывает. Часто рисковавший собственной шкурой, отлично от никогда не рисковавшего ею (комфортабельно-оседлого) Маркса, Бакунин, может быть, симпатичнее Маркса, но он ничем не лучше его. Сходно и с прочими вождями революций – Лениными, Тито, Пол Потоми, Чегеварами, для к-рых люди, всего-навсего, рабочий инструментарий (говорящие винтики-шпунтики) и разменно-расходный человеческий материал.⁵⁸ Если христианство адресуется, перво-наперво, к человеку и к свободе

⁵⁸ «В революционере должны быть задавлены чувства родства, любви, дружбы, благодарности и даже самой чести. Он не революционер, если ему чего-либо жалко в этом мире. Он знает только одну науку – науку разрушения» (Бакунин). Если Маркс абстрактно обещал всем (приглашая проведённое через чистку человечество в свой грёбаный коммунизм) абстрактное идеальное общество, в к-ром-де «у всех будет (после экспроприации экспроприаторов) много хлеба и роз», то (хладнокровный организатор группового убийства, чтобы всех повязать кровью, посмевшего возразить ему студента Ивана Ивановича Иванова – первая жертва российской революции!) Нечаев любил повторять: «Нравственно всё, что способствует делу революции». И, между прочим, на делание революции в России Нечаева снабдили в

его воли, то революционеры всех мастей, помышляя будто бы о благе человечества, одновременно испытывают патологическое недоверие к человеку, к-рый, как индивидуум, для них попросту не существует, а как личность — ничего не значит.⁵⁹

Не случайно поставленные блюстителями эфесские пресвитеры призываются «пасти Церковь Господа и Бога, к-рую Он приобрёл Себе Кровию Своею» (28). Кровь (Единосушного Отцу) Христа Спасителя, к-рая пролилась из ран Распятого на голгофскую могилу первочеловека Адама во искупление как каждого отдельного человека, так и всего грехопавшего человечества!

Под лютыми волками, не щадящими стада, к-рые войдут к эфесским христианам, и под людьми, к-рые, восстав из среды самих эфесских христиан, будут говорить превратно, по всей вероятности, как внешние, так и внутренние враги, с к-рыми предстоит столкнуться, от к-рых предстоит пострадать христианам, т.е. и предстоящие гонители христиан, и всякие лжеучителя-ересиархи, хотя, например, Иоанн Златоуст и многие экзегеты как в первых, так и во вторых видят сугубо лжеучителей. Но Павел их чётко дифференцирует-размежывает в стихах 29/30, и, возможно, под первыми как раз (какие-то) ближние гонители, от к-рых в последующие годы пострадают пришедшие в 58г. в Милит эфесские пресвитеры, к-рые более не увидят Павлова лица в 64/65гг. (?) (см. ниже).

Ныне же, отбывая, Апостол предаёт пришедших для прощания братьев-эфесян Богу и слову благодати Его, напоминая, что ни серебра, ни золота, ни одежды, он, долго (как нигде до и после) проповедуя-миссионируя в Эфесе, ни от кого не пожелал, зарабатывая на хлеб насущный трудом рук своих (ремесло делания палаток), чтобы не быть ни для кого обузой, более того, ещё и находя возможность поддерживать нуждающихся слабых (32-35). И после этого проникновенного прощания Павел — «преклонил колена свои и со всеми ими помолился» (36). И затем был провожаем с плачем и в скорби от сказанных им слов до корабля, на к-рый, расставшись с провожающими, взшёл со спутниками ок. 22.04.

Европе средствами из т.н. бахметьевского фонда Герцен, Огарёв, Бакунин, хотя Герцену, в отличие от Бакунина, чересчур беспредельщик (без всяких тормозов) Нечаев не нравился.

⁵⁹ С революционерами бесполезно говорить об отдельном человеке, тем паче, о его правах, или о пресловутом нарушении прав человека. Человек (для них) — это — когда-нибудь потом, когда, мол, будет распахана почва, к-рую они, в реальности, обычно засевают человеческими трупами и зубами дракона, обильно поливая землю кровью. Те, кто претендуют социально осчастливить всё, дескать, горячо любимое ими человечество, или какой-то народ-народы, как правило, не способны любить отдельных людей, и являются на деле (более или менее скрытыми) примитивными мизантропами. (А ведь от философствующего мизантропа до политического маньяка-убийцы «с благими намерениями» — всего один шаг!) К примеру: т.н. богобоязненный (отлично от Вольтера или Дидро) Руссо (с его тоталитарно-государственным культом «Верховного Существа» — Разума, главным жрецом к-рого выступил благоговевший именно перед Руссо «тихоня» Робеспьер), или сам Робеспьер (апологет террора — как, по его словам, «высшей эманации добродетели»), или («крошка Цахес») Маркс (последними словами к-рого к людям на смертном одре были: «Пошли вон»), или Ленин (к-рый, сделавшись российским Робеспьером и вроде уйдя от своего Термидора, вроде бы переиграл всех, в конце концов, переиграв самого себя, потому что заключить сделку с дьяволом и выиграть у него невозможно). Взгляните на последние ленинские фотографии в пожирающей вождя болезни; или на труп, вот уже почти 100 лет выставленный на всеобщее обозрение в мавзолее и не принимаемый даже землёй, над к-рой (уж не говоря о людях-человеках) «этот самый человеческий изо всех прошедших по земле людей» (Маяковский) при жизни так жестоко надругался.

К слову, в 90-е гг. XXв. в осиротелый (без почётного караула у поста № 1) мавзолей, куда в советское время стояла многокилометровая очередь (поглазеть на мумию), озорно, с прибаутками, зазывали экскурсоводы.

ОТ МИЛИТА ДО ИЕРУСАЛИМА

(апрель/май 58г.)

«Когда же мы, расставшись с ними, отплыли, то прямо пришли в Кос, на другой день в Родос и оттуда в Патару;

И, нашедши корабль, идущий в Финикию, взошли на него и отплыли.

Бывши в виду Кипра и оставивши его влеве, мы плыли в Сирию и пристали в Тире, ибо тут надлежало сложить груз с корабля;

И, нашедши учеников, пробыли там семь дней; они, по внушению Духа, говорили Павлу, чтобы он не ходил в Иерусалим.

Проведши эти дни, мы вышли и пошли, и нас провожали все с жёнами и детьми даже за город; а на берегу, преклонивши колена, помолились.

И, простившись друг с другом, мы вошли в корабль, а они возвратились домой.

Мы же, совершивши плавание, прибыли из Тира в Птолемаиду, где, приветствовавши братьев, пробыли у них один день.

А на другой день, Павел и мы, бывшие с ним, вышедши, пришли в Кесарию и, вшедши в дом Филиппа благовестника, одного из семи диаконов, остались у него.

У него были четыре дочери девицы, пророчествующие.

Между тем как мы пребывали у них многие дни, пришёл из Иудеи некто пророк, именем Агав,

И, вошед к нам, взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников.

Когда же мы услышали это, то и мы и тамошние просили, чтобы он не ходил в Иерусалим.

Но Павел в ответ сказал: что вы делаете? Что плачете и сокрушаете сердце моё? Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса.

Когда же мы не могли уговорить его, то успокоились, сказавши: да будет воля Господня!

После сих дней, приготовившись, пошли мы в Иерусалим;

С нами шли и некоторые ученики из Кесарии, провожая нас к некоему давнему ученику, Мнасону Кипрянину, у к-рого можно было бы нам жить.

По прибытии нашем в Иерусалим, братия радушно приняли нас.» (Д.Ап.21,1-17)

По представленному последовательному повествованию, у читателя может возникнуть вопрос: успевает ли Павел, выйдя из малоазийской Троады 17.04.58г., в Иерусалим на Пятидесятницу 18.05.? Собственно за месячный срок, — разумеется, да. Но настораживают семь дней, проведённые им в Тире (4), и, по выражению Д.Ап., — «многие дни» у благовестника Филиппа в палестинской Кесарии (8).

Напомним, выше мы добрались с Павлом и его спутниками, отплыв 17.04. из Асса, сначала в Митилину (Лесбос), потом — с Лесбоса в следующий день (20,15) — на континентальный берег супротив Хиоса, оттуда пристали 19.04. к Самосу, и прибыли 20.04. в Милит. Здесь, куда морем приплыли призванные из расположенного в 60-и км севернее Эфеса Милита тамошние пресвитеры, призвавшему их Павлу (со спутниками) пришлось (учитывая морской путь вестников в Эфес и пресвитеров из Эфеса) остаться-задержаться до 22.04., когда он, простившись драматической прощальной речью с братьями-эфесянами, в тот же день отплыл и пришёл в находящийся к югу от Милита Кос, откуда 23.04. достиг Родоса (21,1), и не позднее 24.04. прибыл в ликийскую Патару.⁶⁰

⁶⁰ Если о Косе и Родосе мы беседовали выше, то теперь надо сказать пару слов относительно Патары. Это прибрежный, с хорошей гаванью, город в Ликии (о Ликии и ликийцах

Хотя, поскольку о прибытии с расположенного близ Коса Родоса в Патару не сказано «на другой день», это может быть всё ещё 23.04. Впрочем, мы и так берём сроки по минимуму, с предпосылкой хороших погодных условий и благоприятного ветра. Следовательно, из ликийской Патары⁶¹ в сирофиникийский Тир Павел со спутниками вполне мог отплыть 25.04.58г.

Причём, надо оговорить: из текста Д.Ап. не обязательно выводится, что Павлу, к-рый «поспешал», чтобы, «если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме» (20,16), таки удалось попасть именно на Пятидесятницу (о чём Лк. молчит) в Иерусалим. Т.е. он мог и не успеть, прибыв, во всех случаях, в Св. Город в 20-х числах мая, до июня 58г.

Однако, по нашему мнению, он, всё-таки, вполне может, пусть и впритык, успеть к Пятидесятнице в Иерусалим, даже с учётом семи дней в Тире и «многих дней» в Кесарии. Но успевает он лишь в том случае, если безостановочное плавание из Патары в Ликийю, по диагонали, западнее (оставленного в стороне) Кипра, на юго-восток, до Тира в Финикии (к-рую Лк. тут называет Сирией = Сирофиникия = Сирия/Финикия), заняло не более 5/6-и дней.

С одной стороны, для скептиков, вроде бы чересчур мало. А с другой, если, по Плинию, рекордно короткое в римской древности плавание с Сицилии в Александрию Египетскую заняло 7 дней, то, спрашивается, почему нельзя преодолеть втрое меньшее расстояние от Патары до Тира (ок. 550-600 км) за нерекордные, при, как отмечено, благоприятном ветре и хороших гребцах, 5/6 дней? Стало быть, прибытие Павла со спутниками на взявшем их в Патаре 25.04. грузовом судне (к-рое, надо полагать, спешило) 30.04./1.05. в финикийский Тир не содержит в себе ничего невозможного.⁶²

Далее, мы узнаём, что в Тире наши путешественники пробыли 7 дней, с к-рых, в сущности, и стартует подвопросность Павлова прихода-неприхода в Иерусалим на Пятидесятницу, ибо без этих 7-и дней в Тире и потом «многих дней» в Кесарии никакого вопроса вообще не было бы, и притом промежуточные сроки не пришлось бы сокращать-ужимать до минимума.

Кроме того, помимо самих хроносроков, напрашивается вопрос: почему, при спешке, понадобилось проводить аж 7 дней (так долго) в Тире? Не потому ли, что сначала в Тире и затем в Кесарии Апостола уговаривали, предвещая ему узы и

см. выше), близ устья р. Ксанф (совр. турецкий посёлок Гелемиш), согласно Страбону (14,666), основанный сыном Аполлона и дочери Ксанфа Ликийи – Патаром. После Александра, сдавший ему, как и вся Ликия, в 333г., без боя город одно время принадлежал Птолемям и был переименован в Арсиною. Столичный город Ликийского союза, к-рый хранил союзные акты в Патаре. В 43г. до н.э. был разорён Брутом; в дальнейшем – покровительствуем Антонием, и ещё щедрее Августом. В 43г. н.э. вошёл в состав учреждённой, с провинциализацией Ликийи, Клавдием провинции Ликия-и-Памфилия. В перспективе, поощряемый посетившими его Веспасианом и Адрианом, процветал. В конце правления Адриана население города насчитывало 20 тыс. чел. Известен храм и оракулом Аполлона Патарского, к-рый, как считалось, летом обретается в Дельфах (сходно Аполлону Гиперборейскому на Делосе), а зимой обживает Патару (как Аполлон Гиперборейский убывает на зиму с Делоса-Скифиады в северную Гиперборею). Из руин сохранились остатки крепостной стены, Аполлонова святилища, театр, Ноггеа. Воздвигнутая ок.100г. н.э. триумфальная арка имеет 12 консолей, по 6 с каждой из сторон. Патара – родина знаменитого христианского Святого – (епископа Мир Ликийских) Николая Чудотворца (III/IVвв.).

⁶¹ Манускрипт «А» (Д.Ап.) приводит Павла со спутниками вместо Патары в расположенные в ок.80-и км восточнее Миры Ликийские (Zahn «AG», S.728/29), куда Павел попадёт позднее, в ходе его подстражного путешествия осенью 60г. из Палестины в Рим (Д.Ап.27,5).

⁶² В «Житии Порфирия Газского» (346-420гг.), за авторством Марка Диякона (IV/Vвв.), говорится о морском плавании из (расположенных на порядком большем отдалении друг от друга, чем Патара и Тир) Родоса в Газу за 7/8 дней, с перерывом, из-за шторма, во 2/3-й день.

скорбь, не ходить, из-за нависшей над ним опасности, в Иерусалим! И может быть, он уже в Тире, не передумав по поводу собственно Иерусалима, решил, вопреки первоначальному намерению, не спешить на Пятидесятницу, из-за чего пробыл с тирийскими христианами 7 и потом в доме Филиппа в Кесарии ещё «много дней»? Возможно; и, тем не менее, скорее, Апостол не отступил от первоначального намерения и успел на Пятидесятницу в Иерусалим.

Присмотримся внимательнее. Таким образом, 7 дней в Тире могли истечь 7/8.05., когда, соответственно, Павел и его спутники, простившись с тирянами, пришли-приплыли морем в расположенную в 40-а км южнее Птолемаиду (21,7) — последний сирофиникийский порт перед границей Палестины.⁶³ А на другой день (21,8), т.е. 8/9.05., они, отплыв из Птолемаиды, бросили якорь в расположенной ещё на 40 км южнее Кесарии Палестинской, где провели у знакомого нам (благодаря обращению им в 34г. евнуха царицы Ефиоплянской) одного из 7-и дьяконов и одного из 70-и Малых Апостолов Филиппа эти пресловутые «много дней». Притом в один из этих дней в Филиппов дом пришёл из Иудеи также знакомый нам пророк Агав (кто в 41г. в Антиохии предсказал великий голод при кесаре Клавдии) (см. выше),

⁶³ Акка (Акко) — древнейшее название (не раз упоминавшегося в наших книгах, как и Тир, к-рый читателю даже знаком, и потому в дополнительной презентации не нуждается) города, фигурирующего под ним уже в XIXв. до н.э., с последующим подчинением, при Тутмосе III (XVIв.), Египту. Позднее — город-государство, земля к-рого досталась, при распределении Ханаана между 12-ю коленами, северному колену Асира, не сумевшему изгнать местных и окрестных хананеев (Суд.1,31). В VIII/VIIвв. — под ассирийцами; в VII-IVвв. — сначала под вавилонянами, потом — под персами. 332г. до н.э. — добровольное подчинение Александру. С 301г. — под египетскими Птолемями: их опорный пункт в южной Сирии и Палестине, к-рому Птолемей Филадельф присвоил ок. середины IIIв. имя Птолемаида. В 219г. птолемейский полководец Теодот сдал город Антиоху III Селевкиду (Полибий 5,61,3-62,2), кто в 217г., после сражения при Рафии, потерял его (в пользу опять Птолемеев), позже снова им завладел и присоединил к государству Селевкидов. При Антиохе Эпифане (175-167г.) — право на чеканку медной монеты с изображением царя.

Охотно использовался селевкидскими царями, в пору их пребывания в этих местах, как резиденция (1Макк.10,56-60; 11,22;24). Являясь греко-сирийским полисом, всегда, в той или иной мере, враждебно относился к иудеям. Ещё на начальном этапе войн Маккавеев, вместе с Тиром и Сидоном, воевал против них (1Макк.5,15). В Птолемаиде селевкидский узурпатор Трифон вероломно пленил (1Макк.12,45) Ионафана Маккавея (+ 143г.). Со 126/25г. — птолемаидский полис (одновременно с Тиром) независим. Александру Яннаю не удалось завладеть городом, к-рый стал в 70г. до н.э. крайним южным пунктом экспансивного продвижения Тиграна Армянского, осаждавшего и пленившего тут, в Птолемаиде, (вдову Антиоха Грипа) птолемейскую принцессу Селену.

В 63г. Помпей отодвинул маккавейско-иудейскую границу, проходившую всего в 15-и км южнее Птолемаиды, по Кармелу и Кишону, дальше на юг, и вообще отрезал иудеев от моря. В 47г. город щедро облагодетельствовал Цезарь. В 37г. до н.э. сюда, назначенный римлянами царём иудейским, прибыл из Италии, чтобы вступить в смертельную схватку за царство с последним царственным Маккавеем Антигоном (38-34гг.) Антипатрид Ирод, граница прибрежных палестинских владений к-рого впоследствии проходила между Кесарией и Дором, а владений галилейских — к востоку от Птолемаиды.

Начиная с Августа, Птолемаида — вольный город — *civitas libera*. При Клавдии — основание ветеранской колонии *Claudia Caesaris Ptolemais* (Плиний 5,17,75). В Талмуде — важный порт, связывающий Ближний Восток с Киликией, Италией, Испанией (Авода Цара 34б; Генезис рабба 78,5). Известен хорошим вином и рыбой (Исход рабба 9,5). На момент прихода в Птолемаиду в 58г. морем Павла в городе существовала христианская община. После начала Иудейской войны в 66г. 2 тыс. птолемаидских евреев были вырезаны местными греко-сирийцами (И.в. 2,18,5) (см. ниже). У Флавия область Птолемаиды называется западной границей Галилеи (И.в. 3,3,1; Vita 24). К слову, в Средние века Птолемаида (Акра) стала последним владением крестоносцев в Св. Земле, потерянным ими в 1291г.

к-рый возвестил Павлу (связав себе руки и ноги павловским поясом), что его, Павла, «свяжут в Иерусалиме Иудеи и передадут в руки язычников».

Не создают ли данные, с 8/9.05., «многие дни» в Кесарии непреодолимое препятствие для достижения Павлом Иерусалима 18.05.? Казалось бы создают. Но вот ниже, в Д.Ап.24,17, Павел, опровергая (летом 58г.) обвинения иудеев против него перед прокуратором Феликсом в Кесарии, говорит о себе, что он «после многих лет» (отсутствия) пришёл в Св. Землю, в Иерусалим, дабы доставить милостыню (разумея собранные христианскими общинами в местах его деятельности для иерусалимлян-христиан пожертвования). Однако, он пришёл в Иерусалим в мае 58г. после (всего) 4-х лет, на 5-й год от своего последнего прихода в Палестину на апрельскую Пасху 54г.⁶⁴

Значит, если речь идёт о сроках более 3-х лет, или, по аналогии, более 3-х дней, это уже (зависимо от текста и контекста) могут быть «много дней», или «многие дни» (в нашем понимании-разумении – «несколько дней» или «несколько лет»). При всём том, когда в объективе сроки в 2/3 года, Лука так и говорит: 2 или 3 года (Д.Ап.20,31; 24,27; 28,30; Гал.1,18).

Посему «многие дни» Павла в доме у Филиппа (отца четырёх дочерей – девиц пророчествующих) в Кесарии очень даже могут составить в сумме не больше 6/7-и дней. Отсюда Павел, отвергнув все уговоры не идти в опасный Иерусалим, очень даже мог, выйдя «после сих дней» от Филиппа 14/15.05., проделать (не пешим, либо, в зависимости от дня выхода из Кесарии и дня прихода в Иерусалим, пешим ходом) расстояние в 100 км от Кесарии до Иерусалима и 17.05. или как раз в день Пятидесятницы 18.05. быть в Иерусалиме. Es ist natürlich – как бы сказали швабы – ein bisschen knapp, aber nicht allzu knapp, und darum (also) gar nicht unmöglich.⁶⁵

Вот так-то и никак иначе Павлу, всё-таки, удаётся (или, по крайней мере, он может успеть) попасть со своими спутниками на Пятидесятницу 18.05.58г. в Иерусалим, где, согласно слову Деяписателя Луки, «братия радушно (б.м., именно в праздничный день 6 сивана или накануне) приняли нас».

* * *

И в заключение этой части нашего повествования скажем. Засим, чем ближе Павел подходил морем и сушей к Иерусалиму, тем сильнее стужались тучи над ним

⁶⁴ Или в Д.Ап.24,10 Павел весной/летом 58г. говорит в Кесарии 6 лет наместничающему в Иудее (с 52г.) Феликсу: «...ты много лет справедливо судишь народ сей...» (см. ниже)

⁶⁵ Или сугубо теоретически не исключён крайне маловероятный следующий хронорасклад пути Павла в Иерусалим. Если под «днями опресночными», после к-рых Павел и Лука вышли из македонских Филипп, понимать собственно Пасху, в этом случае, можно получить в качестве даты оставления Павлом и Лукой Филипп не 21-е, а (воскресенскую дату) 16 нисана (день, с к-рого, при праздновании Пасхи в Иерусалиме, паломникам разрешалось, не дожидаясь конца суммарных дней опресноков, покинуть город). И при таком рассмотрении выйдет, что Павел с Лукой могли взойти в Неаполе (порт Филипп) на судно ещё 30.03. (= 16 нисана), а уже 2/3.04., т.е. дней в 5 (на 5-й день), прибыть в Троаду, где Апостол пробыл 7 дней. И коли 7-й день был одновременно 1-м днём иудейской седмицы, может получиться, что вечеря в Троаде (с воскресением Евтиха и преломлением хлеба) состоялась не 16.04., но неделей раньше – 9.04. Вот при каком раскладе у Павла и его спутников, с их отбытием из Троады и Асса 10.04. (вместо 17.04.) вообще не будет никаких проблем с пятидесятничным достижением, безо всякой спешки, Иерусалима к 18.05., включая 7 дней в Тире и «многие дни» у Филиппа в Кесарии. Правда, нужды в подобной раскрутке, со слишком сомнительным «если» – касаясь (искусственно) «прерванных» (вопреки ясному слову Лк.) «дней опресночных», нет, поскольку основная предложенная и по дням разложенная-прослеженная нами версия – и достаточно достоверна, и достаточно убедительна.

и атмосфера вокруг него, тем мрачнее становились предзнаменования и тем решительнее предостережения относительно реальной угрозы для него в случае прихода в еврейскую столицу.

Если раньше, в бассейне Эгейского моря, перед оставлением онога, Дух Святой, сообразно обращённому к эфесским пресвитерам в Милите слову самого Павла, повторим, свидетельствовал по всем посещаемым Павлом в ходе обратного пути пунктам, что в Иерусалиме его ждут узы и скорби, то в Тире, по внушению Духа, ему настойчиво говорили местные братья из тирийско-христианской общины, чтобы он не ходил в Иерусалим. И, наконец, на последнем дорожном отрезке, в доме дьякона и благовестника Филиппа в Кесарии, авторитетный пророк Агав, связав себя Павловым поясом, предрёк ещё чётче, без обиняков, что в Иерусалиме Апостол будет повязан и предан в руки язычников.

Посему не вдавшись в подробности Агавом Павлу фактически была пред-речена, пусть без концовки, участь, постигшая за 25 лет до того Иисуса, к-рого взяли под стражу в Гефсиманском саду, повязали, судили и осудили синедриональным судилищем на смерть Иудеи, предав его затем для римского суда-судилища и римской казни-расправы над Ним язычникам Римлянам – Понтию Пилату правителю. И тут уже не только кесарийские братья, а и Павловы спутники, Лука и другие, принялись просить его не ходить в Иерусалим.

Но мог ли он увильнуть в создавшейся ситуации, в сложившихся обстоятельствах от уготованной ему доли. Нет, не мог и не пожелал, почему, доверившись воле Господней, не нашёл ни нужным, ни возможным отступить и отступиться. Если есть на то воля Божия, он будет и упасён, и приведён в будущем, как стремился и на что продолжает надеяться, в Рим. Если же – нет, если сейчас делу Христа и христианства необходима его жертвенная смерть, его иерусалимская Голгофа, то он готов войти в город с открытым забралом и мученически умереть за имя Господа Иисуса. (Не мог же Иисус не войти в Иерусалим в Вербное воскресенье 29.03.33г.!)

И 55-летний Павел (к-рого никто не встречал ни вербными, ни пальмовыми ветвями), в сопровождении как своих спутников, так и некоторых кесарийских учеников, вышел из Кесарии, проделал остаток пути и вошёл в град Господень. На всё воля Божия!⁶⁶

В майском воздухе пахло Пятидесятницей – праздником когдатошнего дарования Израилю Торы и праздником сбора урожая, тогда как для первых иерусалимских иудеохристиан, по календарю к-рых Пятидесятница, в отличие от Пасхи, календарно совпадала с иудейским торжеством Шавуот, это был кульминационно увенчавший Таинство Голгофы духосошестввенный огненными языками пламени праздник Духа Святого – третьей ипостаси триединой Троицы, олицетворяющей (согласно христологии антропософии) праздник грядущего, праздник свободных индивидуальностей во Христе!

Предоставивший Павлу (со спутники) странноприимный кров в Иерусалиме Мнасон (*усердный искатель*; или *воспоминатель*) Кипрянин (родом иудей-еллинист? с Кипра), возможно, уверовавший во Христа (давний ученик) ещё в день первой христианской Пятидесятницы 24.05.33г. н.э., был, судя по Д.Ап., давним учеником и Павла, видимо, со дней антиохийского периода миссионерской биографии Апостола в начале 40-х гг. А дальше, сообразно Деяниям (21,18), на другой день по прибытии, Павел пришёл к предстоятелю иерусалимско-христианской общины Иакову (брату Господню), куда (в Сенакль) пришли и все пресвитеры.

⁶⁶ Иоанн Златоуст: «Никто не был любвеобильнее Павла: он огорчался, видя их плачущими, а о собственных страданиях не скорбел. Вы, говорит, обижаете меня, делая это: я разве скорблю? О вас, говорит, я плачу, а не о своих страданиях; а что касается до них, то я готов и умереть».

Впрочем, об этом речь у нас пойдёт ниже, потому что сейчас нам необходимо, перед тем как перенестись в покинутый на излёте 54г. Рим, коротко ознакомиться с событиями и ситуацией 50-х гг. Ив. н.э. в собственно Палестине-Иудее.

ИУДЕЯ ПРИ НАМЕСТНИКЕ (52 – 60гг.) ФЕЛИКСЕ (в 54 – 58гг.)

Мы покинули Иудею в 54г., после того как (заведовавший с 49/50гг. Галилеей) оборотистый брат влиятельного Палланта Антоний Феликс (*счастливый*) стал в 52г., спровоцировав смещение и ссылку иудейского префекта-прокуратора в 48 – 52гг. Вентидия Кумана, наместником провинции Иудея, в составе Иудеи (плюс Идумея), Самария, Галилея, Перея, и начал править единолично. Причём за его назначение, помимо покровительства брата (фаворита Агриппины), хлопотал в Риме перед Клавдием и Агриппиной ещё и отправленный легатом Сирии Уммидием Квадратом на кесарское разбирательство в Рим (вместе с действующим первосвященником 47 – 59гг. Ананией, сыном Небедея) влиятельный экс-первосвященник (36/37гг.), один из пяти сыновей Анны, – Ионафан (см. выше).

Далее, напоминая, в 53г. Клавдий предоставил Агриппе II (вместо Халкиды – владения умершего в 48г. Ирода Халкидского, где Агриппа правил с 49/50гг.), когдашние тетрархии Филиппа (Трахон, Гавлан, Батан) и Лисания (Авила), плюс маленькая прихалкидская «эпархия» некоего Ноара (сына умершего в 49г. Созма Итурейского?). И, следовательно, с тех пор резиденцией Агриппы II была Кесария Филиппова (в к-рой его отец Агриппа I резидировал, возвратившись от Калигулы из Рима, в 38 – 40гг.).

Тогда же царь Агриппа Младший выдал свою младшую и самую красивую сестру Друзиллу (род. в 39г.) замуж за Азиза Эмесского, а среднюю – Мариамну (род. в 34/35гг.) – за Архелая, сына сановника Хелкии. Но, по всему, не позднее следующего 54г. Друзилла, вопреки иудейским нормам, ушла от мужа (к-рый ради брака с ней согласился на обрезание) к пленённому её красотой и восплававшему страстью к ней любвеобильному Феликсу (к-рый явно не обрезывался). Светоний кличет последнего мужём трёх царик (Кл.28), одна из к-рых – одноимённая Друзилле Агрипповне дочь (казнённого Калигулой) Птолемея Мавританского (+ 40г.), в то время как ни имя, ни царство другой царицы или царевны, на к-рых (*счастливчик*) Феликс был женат до Друзиллы, неизвестны. К тому же, как мы помним, для обворожения этой иродианской красотки Феликсом был задействован некий, родом с Кипра, чародей-иудей Симон (не путать с самарянином Симоном волхвом), точнее, его магические способности.

Мариамна также позднее оставила мужа, чтобы выйти замуж за Александра, сына александрийского алабарха Лисимаха (брата Филона). А что касается старшей из сестёр – Береники (род. в 29г.), бывшей в 41 – 48гг. замужем за своим дядей Иродом Халкидским, то либо она вышла замуж за Полемона Понтийского ок. 53/54гг., разводно возвратившись под крыло брата Агриппы до 60г., либо их брак состоялся ок. 63/64гг., после того как Нерон аннексировал Понт и Полемон остался царём только части Киликии, как его и кличет Полемоном Киликийским, сообщая о данном бракосочетании, Флавий (И.д. 20,7,3). Хотя, возможно, у Флавия тут просто небрежность-неточность, пусть даже буквально из текста следует, что брак между (долго жившей вдовой ок. брата, из-за чего пошли слухи об их кровосмесительной связи)⁶⁷ Береникой и Полемоном был заключён не ранее 63/64гг.

⁶⁷ Дело в том, что этому долгову вдовству возле брата не обязательно разумеать время с 49/50 (Береника овдовела в 48г.; Агриппа прибыл царём в Халкиду из Рима в 49/50гг.) по 63/64гг., ибо время с 49/50 по 54гг. тоже можно квалифицировать, в означенном контексте, как долгое.

Впрочем, дадим по правлению Феликса слово Флавию, кто, обзорно проинформировав читателя в первых трёх абзацах 8-й главы 20-й кн. «Древностей» о конце Клавдия и воцарении Нерона, снова обращаясь к «иудейским делам», продолжает:

«В первый же год правления Нерона умер эмесский царь Азиз, и преемником его стал его брат Соэм. Управление Малой Арменией Нерон поручил Аристовулу, сыну халкидского царя Ирода. Агриппе он отдал часть Галилеи, Тивериаду и Тарихею, равно как перейский город Юлиаду и 24 окрестные деревни.

Между тем дела Иудеи приходили со дня на день в больший упадок. Страна вновь наполнилась разбойниками и обманщиками, к-рые вводили простонародье в заблуждение. Тем временем Феликс ежедневно ловил и казнил как тех, так и других. Так, например, он хитростью захватил Елеазара, сына Динея, собравшего вокруг себя огромную шайку разбойников. Уверениями полнейшей безопасности он заманил его к себе, затем велел заковать в оковы и отправил его в Рим. Особую неприязнь Феликс питал к первосвященнику Ионафу за то, что тот часто напоминал ему о необходимости лучшего управления иудейскими делами, дабы Феликс, к-рого император по просьбе Ионафа же послал наместником в Иудею, не навлекал на себя ненависти народа. Поэтому Феликс стал придумывать предлог, под к-рым он мог бы избавиться от столь тягостного ему Ионафа, потому что постоянные увещания тяжёлы для тех, кто имеет в виду поступать противозаконно. По этой причине Феликс за огромную сумму денег подкупил одного из преданнейших друзей Ионафа, иерусалимского жителя Дораса, и уговорил его подослать к Ионафу наёмных убийц. Дорас согласился и следующим образом решил привести, при помощи убийц, в исполнение свой замысел: несколько человек отправились в город под предлогом поклониться Господу Богу; при этом у них под платьем были спрятаны ножи. Затем они приблизились к Ионафу, обступили его и покончили с ним. Так как это убийство прошло безнаказанным, то разбойники впоследствии стали совершенно безбоязненно являться во время праздников в город, держа под платьем ножи наготове. Затем они смешивались с народной толпой и убивали тут как своих личных врагов, так и тех, против к-рых их нанимали за деньги. Это они делали не только в пределах города, но и в самом храме, так как не стеснялись осквернять святилище столь святотатственными убийствами. Поэтому, полагаю я, и Господь Бог, в гневе на такое кощунство, лишил нас нашего города и напустил на нас римлян, предал, не видя больше в своём храме прежней его чистоты и незапятнанности, город всеочищающему пламени и дал увести нас с жёнами и детьми в рабство, желая, чтобы мы образумились при таких бедствиях.

Итак, деяния убийц преисполнили весь город ужасом. Тем временем разные проходимцы и обманщики старались побудить народ последовать за ними в пустыню, где обещали ему явить всякие чудеса и необыкновенные вещи, к-рые будто бы должны случиться по желанию Предвечного. Многие поверили этому и (жестоко) поплатились за своё безумие, потому что Феликс возвращал их обратно и наказывал. Около того же времени в Иерусалим явился некий египтянин, выдававший себя за пророка; он уговорил простой народ отправиться вместе с ним к Елеонской горе, отстоящей от города на расстоянии пяти стадий. Тут он обещал легковерным иудеям показать, как по его мановению падут иерусалимские стены, так что, по его словам, они будто бы свободно пройдут в город. Когда Феликс узнал об этом, он приказал войскам вооружиться; затем он во главе большого конного и пешего отряда выступил из Иерусалима и нагрянул на приверженцев египтянина. При этом он умертвил 400 человек, а 200 захватил живём. Между тем египтянину удалось бежать из битвы и исчезнуть. Впрочем, разбойники вновь стали побуждать народ к войне против римлян, говоря, что не следует повиноваться. При этом они разграбляли и сжигали деревни тех, кто не примыкал к ним...» (И.д. 20,8,4-6; ср. И.в. 2,13,3-6)

Таким образом, эмесский царь Азиз (из династии Сампсигерамидов) умер в первый год Нерона, т.е. в 54/55гг. (октябрь/октябрь). И, значит, так как Друзилла, выйдя за Азиза замуж в 53г., успела уйти от него, с одной стороны, за какое-то время до его кончины, тогда как, со стороны другой, Флавий рассказывает о её браке с Феликсом применительно ко времени правления Клавдия, стало быть, эта история имела место ещё при Клавдии (+ 13.10.54г.) – оптимально в 54г. н.э. Тронным же преемником умершего в 54-м или в 55гг. Азиза в Эмесе (совр. Хомс в западной Сирии) сделался его брат Соэм (см. выше), к-рый будет участвовать в подавлении римлянами Иудейского восстания и доцарствует до аннексии Римом Эмессы, вероятно, после его кончины, в 70-е гг. Ив. н.э. (см. выше).

В Малой Армении с 37/38 по 54гг. царствовал протеже (и приблизительный ровесник-сверстник-однокашник) Калигулы фракиец Котий (один из трёх сыновей Котия Фракийского и Антонии Тирфены) (см. выше), в 54г., с большей долей вероятности, умерший (пусть даже точной информации нет), нежели Нероном смещённый (ибо смещение имело больше шансов быть античными авторами упомянутым).

Сменивший же его на мало-армянском троне, по назначению Нерона, Иродиан-нин Аристовул (54 – 72гг.) являлся сыном Ирода Халкидского от его первой (до Береники) жены Мариамны (дочь сестры этнарха Архелая и тетрарха Антипы – Олимпии, и одноимённого сына погибшего в 35г. до н.э. брата Ирода I – Иосифа). А женой этого Аристовула (род. в 14/15гг.) была хорошо знакомая нам, по её экстагическо-эротической пляске за голову Иоанна Крестителя перед галилейско-перейским тетрархом Антипой 31.03.32г., дочь Иродиады – Саломия (род. в 19г.). Вспомним, она замужествовала с 32 по 36гг. за трахонским тетрархом Филиппом, после (бездетной) смерти к-рого и вышла замуж за Аристовула, родив в браке с ним трёх сыновей – Ирода, Агриппу, Аристовула.⁶⁸

Притом, если на мало-армянской монете 54/55гг. супруги изображены вместе, то на монете 61/62гг. Саломии, успевшей, надо полагать, к тому времени умереть, больше нет. Согласно христианским апокрифам, она провалилась на замёрзшей зимой реке под лёд, или погибла, исполняя ритуальный танец на зимнем льду высокогорного озера. Мало того, острые края льдин сомкнулись над ней, ушедшей, не считая головы, под воду, и отсеки выброшенную к ногам её матери Иродиады голову. Или Иродиада ухватила тонущую дочь за голову и осталась со страшным трофеем в руках, тогда как захваченное водоворотом тело ушло в смертном танце под лёд (Р.л. 990/91; Т.Г. 689-91). Так им, матери и дочери, воздалось за загубленного ими Иоанна Предтечу.

Во всяком случае, нет ничего невероятного в том, что престарелая Иродиада, к-рая вряд ли, по смерти в 40-е гг. Антипы, пребывала до конца жизни в Лугдуне, куда Калигула их в 40г. сослал, вполне могла находиться в 50-е гг. возле своей сделавшейся мало-армянской царицей единственной дочери, к-рая, в свою очередь, вполне могла погибнуть ок. 60г., провалившись под лёд одного из высокогорных мало-армянских озёр на глазах у 72-летней матери.

А что касается Аристовула, получив ок. 60г., в довесок к Армении Малой, также часть Армении Великой, за к-рую в то время в очередной раз боролись Рим и Парфия (и именно в 60г. римляне посадили на великоармянский престол потомственного Иродианина Тиграна VI – внук сына Ирода – Александра – и Глафиры Каппадокийской) (см. ниже), он благополучно доцарствовал в Малой Армении до

⁶⁸ Не исключено, что к назначению в Малую Армению, по смерти Котия, именно иродианского династа мог приложить руку Феликс, (небезвозмездно) порекомендовавший (из Иудеи) Аристовула – как способного малого – Палланту и Агриппине.

самой своей кончины, после чего Веспасиан, не назначив ему преемника, провинциализировал Армению *Minor*.

И, опять-таки, ещё в 54г., преемствовав Клавдию в октябре, опекаемый Агриппиной Нерон, не лишив Агриппу II тетрархий Филиппа и Лисания, расширил его владения за счёт части Галилеи, с Тивериадой и Тарихеей, плюс – Юлиада и 24 окрестные деревни в Перее. Сим Агриппа заполучил часть владений Антипы, к-рые, отданные его отцу Агриппе I, в составе Галилеи и Переи, сославшим в 40г. Антипу с Иродиадой Калигулой, были, по смерти Агриппы (44г.), провинциализированы Клавдием (но, скорее, не подчинены прокураторам Иудеи, будучи, вероятно, присовокуплены, как в 36г. тетрархии умерших Филиппа и Лисания, к Сирии).

Тем временем, в правление Феликса – первого иудейского прокуратора из вольноотпущенников (потомок ли аркадских царей!) и третьего, вслед за Валерием Гратом (15 – 26гг.) и Понтием Пилатом (26 – 36гг.), из числа 7-и наместников 6 – 41-го и 7-и наместников 44 – 66гг., по продолжительности его единоличного 8-летнего правления, Иудея всё быстрее приближалась к катастрофической Иудейской войне.

Если присмотреться к Феликсу по характеристикам античных авторов, то можно увидеть, что Тацит («История» 5,9; «Анналы» 12,54) относится к нему много критичнее, чем Флавий, между тем как для Светония он всего лишь один из либертов-любимцев Клавдия, правда, интересный и необычный, прежде всего, тем, что побывал мужем аж трёх цариц, а это, согласитесь, обращает на себя наибольшее внимание. Ибо влиятельных вольноотпущенников при Клавдии и не только при нём было много, но мужем трёх цариц ни один из них, кроме (исключительного) Феликса, не стал.

Конечно, прокуратор Феликс неразборчивый в средствах мздоимец и лихоимец, перешедший черту более нагло, нежели его предшественники, и, тем не менее, не столько он персонально, сколько сам феномен неотвратимого скатывания Иудеи к Иудейской войне есть первопричина кризиса 50-х гг., к-рые стали очередным важным этапом на пути к кровавой развязке, – с потерей еврейством иерократической автономии, с гибелью храма, с концом храмового культа и с – в итоге – мировым рассеянием.

При этом, мы помним, что новый финишировавший в 66 – 70гг. кризисный этап в отношениях между всё более интегральным Римом и всё более сегрегальным палестинским еврейством, пока в Риме шли к падению Юлии-Клавдии, а в проглядевшей и отвергнувшей истинного Мессию Иудее эскалировали псевдомессианистические страсти, начался с двух конфликтов 51г. – пасхального и кущинского. Иудеей и Самарией в то время управлял с 48г. Вентидий Куман; Галилеей – с 49/50гг. – присланный из Рима (по протекции Палланта) как бы для разгрузки Кумана Феликс. И оба они постарались использовать сложившуюся конфликтную ситуацию, интригуя друг против друга, во вред друг другу, точнее, – враг врагу. И пусть победа в их противоборстве осталась за Феликсом, это противоборство, само по себе, многократно ухудшило положение провинциальных иудейских дел в целом.

Потому-то, одолев сосланного Кумана, Феликс засучил рукава и, не забывая, естественно, параллельно мздоимствовать-лихоимствовать, поначалу взялся за наведение твёрдой рукой общественно-политического порядка во вверенной его управлению расстроенной и раздираемой противоречиями провинции, дела в к-рой день ото дня шли всё хуже. Требовалось очистить страну от распоясавшихся и постоянно увеличивавшихся с 51г. в числе разбойников, крупнейшим из к-рых был «много лет хозяйничавший в горах» атаман Елезар, кого иудеи (небесплатно) призвали в 51г. на помощь против убивших группу иудейских *кущинских* паломников самарян (к-рых тогда поддержал подкупленный ими Куман, в пику чему, иудеям тайно потакал, чтобы свалить Кумана, заведовавший Галилеей Феликс) (см. выше).

И вот теперь Феликсу понадобилось ок. трёх лет для поимки этого Елеазара, что произошло, судя по рассказу Флавия, уже при Нероне, т.е. не ранее и, видимо, не позднее 55г., откуда выясняется, что 20-летний (И.в. 2,13,2) Елеазаров атаманский бандитизм (= бандитский стаж) стартовал где-то ок. 35г., иначе говоря, во время после Мистерии Голгофы 33г. и обращения-крещения Савла-Павла в 34г. И последняя весьма симптоматично, поскольку по подавляющим выступлениям в 6/7гг. Иуды Галилеянина, кто в 7г. погиб и чьи сторонники рассыпались (не исчезнув), сведений об иудейских вооружённых, под предводительством атаманов, бандформированиях вплоть до ок. 35г. (определяющегося ретроспекцией из середины 50-х гг.) нет.

Хотя в Евангелиях мы встречались с разбойником Вараввой, совершившим с сотоварищи в Иерусалиме какое-то ближе неизвестное возмущение и убийство. И очень даже представимо-допустимо, что отпущенный Иудеями вместо посланного на крест Иисуса Христа Иисус Варавва подался в дальнейшем к Елеазару (и, м.б., пережив его крах, яростно воевал – понятно на чьей стороне – в 66 – 70гг.).

При всех случаях, Елеазар был вместе с рядом сообщников пленён Феликсом хитростью, заманенный (с гарантиями безопасности) в ловушку под видом переговоров, взятый под стражу, закованный в цепи и отправленный в Рим (последующая его судьба неизвестна). Сим новому императору Нерону и (возле него) императрице-матери Агриппине наглядно демонстрировалось, что иудейский наместник не даром ест свой сановно-чиновничий хлеб, лихо справляясь с возложенными на него обязанностями. Согласно «И.в.» о деятельности пленившего Елеазара Феликса: «Огромная масса разбойников была им распята; много других лиц, замешанных в соучастии, было предано разным другим казням» (2,13,2).

Крайне опасно заигрывать с различного рода бандитами и террористами, входя в контакты и временные соглашения с ними ради использования их против собственных противников, так как в перспективе эти разбойники, вроде бы являясь лишь орудиями-инструментами недальновидного пользователя, могут выйти и, зачастую, именно выходят из-под контроля, делаясь самостоятельной, иногда очень грозной силой. Нельзя выпускать джина из бутылки!

* * *

Впрочем, поживая на лаврах ликвидации крупнейшего из атаманов, однако, далеко не последнего из множющихся в целом по стране разбойников, Феликс обо всём этом не думал. Теперь он вошёл в острый и всё обостряющийся конфликт с экс-первосвященником Ионафаном, к-рый, как мы сказали, в 52г. был в Риме и ходатайствовал перед Клавдием за назначение Феликса единоличным правителем Иудеи, каковым Феликс был назначен, в первую очередь, разумеется, благодаря Агриппине и Палланту, вопреки чему Флавий Ионафанову роль в его назначении явно преувеличивает, или её преувеличивал сам Ионафан, чем вдвойне бесил Феликса.

Но, при любом раскладе, увещательное-напоминательное поведение Ионафана было крайне неосмотрительным. Правителям, особенно мелким и снедаемым амбициями, нельзя ни напоминать, чем они напоминающему в прошлом обязаны, ни, тем паче, обременительно и часто увещавать их управлять образцово, что одновременно означает упрёк в нерадивом или просто в откровенно никудышном правлении-управлении. И такого ни крупные, ни, наипаче, мелкие правители-управители, особенно склонные к беспределу, не спускают, не забывают, не прощают.

Не спустил и Феликс. Вдобавок к тому, он вошёл в сговор с иного, нежели атаман Елеазар, рода разбойниками – с адептами заговорщического-террористи-

ческого революционизма т.н. сикариями, о к-рых мы впервые слышим-узнаём от Флавия приложительно к Феликсову правлению, по чему можно судить о времени их партийного появления в истории, и кто впоследствии примут активное участие в Иудейской войне, в частности, захватив и обороняя последний оплот повстанцев – Масаду. Вернее, если первым сикарием в этой войне будет первый из самозванных предводителей повстанцев (убитый в 66г. быстро уставшими от его свирепой квазимессианской тирании другими повстанцами) Менахем (младший сын создателя зилотской философии Иуды Галилеянина), то последним станет его племянник – руководивший обороной Масады (защитники к-рой массово покончили в 73г. самоубийством, чтобы не попасть в руки римлян) Елеазар.⁶⁹

Ныне же у Феликса постепенно созрел план по устранению постоянно достававшего его Ионафана и, что премного любопытно, руками, повторим, заклятых врагов как Рима, так и самого Феликса – сикариев. Это были отпочковавшиеся, вероятно, в 51г., когда начался очередной кризис, от радикальных зилотов кинжальные радикалы, как в своё время радикальные предварители зилотов, приверженцы «четвёртой философии» Иуды Галилеянина, вышли из фарисейства и отпочковались-отдалились от сравнительно умеренных фарисеев. Т.е. налицо поэтапная эскалация радикализма-экстремизма в обществе и поэтапное возникновение одна другой радикальнее экстремистских группировок.

Дело в том, что множество ортодоксальных фарисеев, к-рые дали импульс становлению сохранившего постхрамовое иудаистическое еврейство раввинистического иудаизма, были, в той или иной мере, (сродни саддукеям) лоялистами по отношению к державной власти и даже предпочитали, до «исполнения времён» (исполнение к-рых жирующие саддукеи прагматично откладывали-затягивали до греческих календ комиссарского «светлого будущего»⁷⁰) римскую верховную власть, при расширенной иерократическо-теократической иудейской автономии, власти иродианских династов (пусть даже, отлично от Ирода I, Архелая или Антипы, очень уж проиудейски ангажированный Агриппа I составил тут исключение). А рассеявшиеся после гибели Иуды Галилеянина зилоты делали ставку на повстанческую национально-религиозную вооружённую (по образцу восстания Маккавеев) борьбу против Рима за иудейское предмессианское или мессианское независимое государство.

По всей видимости, в 40 – 50-е гг. Ив., во время, последовавшее за смертью в 44г. Ирода Агриппы, и особенно с 51г., они, т.е. эти рассеявшиеся, но не исчезнувшие в 7г. н.э. зилоты – приверженцы «философии» Иуды Галилеянина, как-то организовались снова. Притом, на сей раз, от них отпали, выделившись в отдельную группировку, пресловутые сикарии, к-рые задействовали в качестве средства борьбы против римского господства методу террористическо-политического убийства – как римских поработителей, так и лоялистов из числа иудеев (будь то верхи или низы), сотрудничающих с римлянами.

К примеру, (член лояльного к Риму саддукейско-первосвященского клана Анны

⁶⁹ Уместно заметить, что Варавва и его сообщники в 33г., судя по их действиям, несмотря на дефицит информации, кажется, в большей мере, напоминают (прото)сикариев, чем adeptов философии зилотизма.

⁷⁰ Нельзя не обратить особое внимание на узурпацию большевиками именно (*светлого*) будущего, как на один из эффективных наркотиков, на к-рые они подсадили Россию и русских, к-рые, со своей стороны, больше (ещё недосформировавшиеся-незрелые) страна и народ (*будущего*, нежели *прошлого*, сравнительно легко отрелись (пусть под беспощадным прессом большевизма) от своего не вписавшегося в очередной крутой поворот истории и вылетевшего в кювет былого, а именно – от пригосударственного-подсинодального православия, или от застойного традиционализма, значительную вакуумность к-рых и заместил большевизм.

— один из элитных жирохватов) Ионафан ходатайствовал в Риме за назначение Феликса, к-рый открыл охоту на иудейских национал-радикалов, в частности, пленил занимавшегося *махновщиной* Елеазара, и потому заслуживал, с т.зр., подобных пресловутым эсерам, террористов-сикариев, как местный коллаборционист, карательно-назидательной смерти.

Посему они не нашли ничего невозможного в том, чтобы выполнить заказ своего главного врага Феликса, к-рый подкупил их через тоже подкупленного им близкого друга Ионафана — Дораса. Парадоксально, но факт! Политическая целесообразность момента сделала непримиримых врагов — под момент и на момент — союзниками. Взгляните на историю XX/XXI вв.! Нет ничего нового под солнцем! Представители властных структур пестуют-кормят-подкармливают террористов в своих или в чужих странах. Затем гидра вырастает, обзаводится множеством голов и нередко превращается в грозного самостоятельного игрока.⁷¹

⁷¹ Не Россия ли в итоге раздавила Французскую революцию и её высшее-верхушечное проявление-выкормыша Наполеона (1814г.), под к-рого легла Европа (кроме Англии), в её же парижском логове, пережив тогда апогей созданной Петром Великим Российской = Петербургской империи, правда, чтобы спустя столетие капитулировать перед плотоядными комиссарами революции Российской. Революции, к-рая в лице её доморожденных деятелей, на редкость провинциалистски подражала революции Французской, копировала-дублировала-модифицировала её книксены, как бы поставив перед собой планово-хозяйственную задачу перегнать-обогнать-обскакать «Великую Французскую революцию» во всём, и, перво-наперво, по числу жертв Большого террора. Ленин вроде бы обижался на то, что Плеханов из-за границы бранил его «русским Робеспьером», однако, на самом деле гордился этим и радовался этому, как (бандитский хозяин революционного Петрограда) Зиновьев гордился своей кличкой «невский Дантон» (ещё не зная, что на каждого Дантона найдётся свой Робеспьер). Троицкий играл в Марата, Дзержинский — в Фукье-Тенвиля, Бухарин — в К.Демулена, и т.д.

И всё-таки, революции не происходят с бухты-барахты, и не являются, во всяком случае, в первую очередь, следствием происков тёмных внешних сил. Никакая засылка Людендорфом (к-рый, махровый монархист, талантливый генерал и полный политический идиот, сделал для революций, Российской и Германской, больше, чем любой революционер!) в запломбированном вагоне в Россию Ленина не смогла бы увенчаться успехом, не будь Россия внутренне готова откликнуться именно на ленинскую демагогию (декретов о мире, земле и т.д.)!

Чтобы предотвратить Французскую гильотинную революцию надо было начинать реформу сверху уже после смерти (истощившего страну и остановившего её развитие) Людовика XIV (1715г.), или, по крайней мере, с концом Людовика XV (1774г.), не прозябая на их («Государство это — я», и «После нас хоть потоп») отжившем своё катастрофическом наследии до начально-потопного 1789г. А чтобы не допустить хаос, мрак и смрад позорной февральской и расстрельно-большевистской Российской революции, реформу сверху должен был начать ещё (заморозивший страну) Николай I, тогда как последний шанс был упущен Россией с гибелью Александра II и отставкой автора первой российской конституции М.Лорис-Меликова (1881г.), после чего (со вторым откатом в возвратную архаику Александра III) часы российской истории уже, образно выражаясь, работали на оглушительный залп «Авроры».

Впрочем, с др. стороны, российские консерваторы-монархисты напрасно утверждали, что (освящённое Богом) самодержавие есть надёжный русский оберег от революции, к-рая, если и понадобится, то будет реформаторски проведена сверху, как это однажды сделал, пусть, во многом, увы, сломав страну через колено, революционер на троне Пётр Великий. Сама утверждённая Петром система незыблемого ново-самодержавия (при к-ром всё в России и даже время идёт по слову царя), как оказалось, предполагала недопущение появления второго Петра Великого!

И не случайно ни один из российских самодержцев после него (исключая, пожалуй, Екатерину Великую, сумевшую удивительно соединить в себе, по петровским стопам, немецкую принцессу и русскую государыню), не вытянул, не потянул на Петра! И не спасли их ни усы, к-рые первым, в подражание Петру, отпустил Николай I, и к-рые, вслед за отцом, носил Александр II (шаг вперёд — два шага назад), ни усы-бороды, к-рые, воссоздавая (на беду стране и народу) больше трупную допетровщину (псевдорусский стиль), чем подражая Петру,

Наименование «сикарий/сикарии» происходит от названия короткого меча или, точнее, кривого кинжала «sica» (наподобие персидского акинака, к-рым Радамист поразил свою супругу Зеновию), с обращённым внутрь остриём, нанесённая от удара к-рым рана, при обратном движении, увеличивалась, оставляя жертве немного шансов выжить. На латыни термином «sicarius» клеймили разбойников-убийц. Ещё Сулла выпустил (81г.) специальный закон против них — *lex Cornelia de sicariis*. Аналогичное значение термина — в Мишне (Бикурим 1,2; 2,3; Гиттин 5,6; Махширин 1,6).

Засим сикарии — «кинжальщики» — боевая еврейская (асассиновского, нечаевского, эсеровского, или алькаидско-игиловского типа) группировка (крайняя фракция *большевиков-зилотов*), вставшая в 50-е гг. IV н.э. на путь прямых нападений и террористических актов. К тому же, пребывая (как водится) революционерами и профессиональными убийцами одновременно, они (как выясняется на примере заказанного Феликсом Ионафана) вовсе не гнушались принимать заказы и от самих римлян (да и от любого, кто хорошо платил).

Помимо того, притязая быть минимум новыми Маккавеями, если не прямыми мессианистами, эти расчётливые циничные убийцы без чести и совести, для к-рых, сходно Феликсу (почти Дзержинский!), цель оправдывала любые средства, как «рыцари плаща и кинжала», предпочитали (пряча кинжалы под плащом), поражать свои жертвы в толпе, преимущественно по праздникам, смешавшись с паломниками, иногда даже (святотатственно) в храме. Ведь это производило больший эффект, сеяло бóльшую панику и заодно давало нападавшему или нападавшим в создавшейся суматохе возможность безнаказанно (растворившись в толпе) скрыться.

В «И.в.» Флавий пишет: «Первый, кто таким образом был заколот, был первосвященник Ионафан. Вслед за ним многие другие погибали ежедневно; паника, воцарившаяся в городе, была ещё ужаснее, чем самые несчастные случаи, ибо всякий, как в сражении, ожидал своей смерти с каждой минутой. Уже издали остерегались врага, не верили даже и друзьям, когда те приближались, и однако, при всей этой подозрительности и осмотрительности, убийства, по-прежнему, продолжали совершаться. Так велика была ловкость и сила притворства тайных убийц» (2,13,3).

Хронологически убийство Ионафана приходится на 55/56г., или, скорее, на первую половину 56г. н.э., потому как в 55г. Феликс разбирался с Елеазаром и его приспешниками, соучастниками, симпатизантами, очищая страну от вооружённых бандформирований, после чего ещё вдумчиво искал и нашёл (эврика!) способ оригинального устранения ставшего для него вконец несносным своими увещеваниями и упрёками Ионафана. А последний, следует думать, донимал прокуратора — и в дни праздничных посещений наместником, в видах охраны порядка, Иерусалима, и время от времени навещаясь к нему в Кесарию.

Стало быть, оптимально Ионафан погиб, заколотый сикариями, в пору одного из больших паломнических праздников, вероятнее всего, в апрельскую Пасху = в дни опресноков 56г. н.э., вслед за чем на другие, вызвавшие массовый психоз в народе преимущественно праздничные убийства сикариев также (до следующего описываемого Флавием события) потребовалось определённое (протяжённостью в год или полтора) время.

отпустили Александр III и Николай II (кто, на пагубу себе и России, хотел быть, повторим, не столько Николаем II-м, сколько вторым Николаем). Как ни прискорбно, но приходится констатировать, что ни один российский император после Петра не обладал ни талантами, ни волей, ни решимостью, ни реформаторским духом Петра!

Однако, как известно, погубители народа в Смутное время, к-рое в 50-е гг. Ив. н.э. ускоренными темпами надвигалось на палестинское еврейство, никогда не ограничиваются только радикалами-революционерами = представителями только политического, или правильнее сказать, уголовно-политического бандитизма. Для таких времён в равной мере характерно появление различного рода шарлатанов, псевдопророков, чудотворцев, магов, квазицелителей, религиозных мистиков и якобы мистиков, короче, всяких одержимых или будто бы одержимых, выдающих себя за орудия, либо за посланников вышних сил.

В отношении Иудеи второй половины 50-х гг. современникам особенно запомнился некий Египтянин, любопытным образом фигурирующий как «Египтянин» и у Флавия, и в Д.Ап. (21,37/38), и бывший, следовательно, наиболее выдающимся из целого ряда обманщиков, раз уж два столь различных источника говорят именно о нём. При этом, в Д.Ап., когда Павел в Иерусалиме в конце мая 58г. обращается к взявшему его под стражу и тем спасительно оградившему от ярости Иудеев римскому тысяченачальнику Клавдию Лисию (см. ниже) со словами: «можно ли мне сказать тебе нечто», тот (насколько явствует из текста) удивляется (хорошему) знанию им греческого языка, и, продолжая, вопрошает: «Так не ты ли тот Египтянин, к-рый пред сими днями произвёл возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?»

Отсюда вывод. Речь идёт об этническом Египтянине (потомке древнего населения Египта, к-рых мы называем коптами – от арабского, по отъятии арабами Египта у Византии в VIIв, – «aigiptos» = «koptos»), достаточно эллинизированным и, без сомнения, исповедовавшем иудаизм. Иначе как бы он увлёк за собой тысячи иудейских приверженцев!⁷² к-рых Лк., между прочим, кличет «сикариями», разумея здесь устами Клавдия Лисия не собственно (партийных) кинжальщиков-сикариев, а в общем смутьянов-разбойников. При всём том, их, увлечённых загадочным Египтянином за собой, было, согласно склонному к числовым преувеличениям Флавию, не 4, как в Д.Ап. (что много правдоподобнее), но аж 30 тыс. чел. (Ив. 2,13,5).

И отлично от «И.д.» (20,8,6), где Египтянин, не призывая к насильственным действиям, обещает одним глаголом разрушить иерусалимские стены и тем убедить людей в божественности своей миссии, в «И.в.» он намеревается с или от Масличной горы, идя туда во главе приверженцев из (Иудейской) пустыни, – «насильно вторгнуться в Иерусалим, овладеть римским гарнизоном и властвовать над народом с помощью трабантов, окружавших его». Одним словом, тут перед нами лжепророк, имевший в виду *повторить* падение иерихонских стен от труб Иисуса Навина, с последующим властвованием (в ранге предваряющего мессию пророка верного?) в Иерусалиме.

Не тут-то было. Феликс предупредил реализацию дерзких поползновений Египтянина, выступив навстречу ему и его последователям во главе войск пеших и конных (при, сколь выводится из «И.в.», поддержке многих иерусалимских иудеев), умертвил 400 человек, 200 захватил в плен, остальных рассеял. И всё-таки, самого лжепророка не настиг: тому удалось скрыться и бесследно исчезнуть.

Вопрос о хронологизации-датировке данного события не представляет для нас затруднений, так как сцена из Д.Ап., где возникает этот Египтянин, относится к концу мая 58г., и в ней Клавдий Лисий датирует авантюру Египтянина временем – «пред сими днями».

⁷² Прозелит-египтянин, как и идумеянин, делался полноценным иудеем в третьем колене.

Посему произведённое им возмущение имело место, с одной стороны, незадолго до мая 58г., тогда как, со стороны другой, исходя из последовательности рассказа Флавия, оно случилось после пленения атамана Елеазара и убийства первосвященника Ионафана, к-рые мы датировали, соответственно, 55-м и 56-м гг. Таким образом, устроенная Египтянином буча оптимально выпадает на 57г. н.э.⁷³

Итак, Феликс пленил Елеазара и расправился с его ватагой, организовал убийство Ионафана, покарал и рассеял приверженцев улизнувшего Египтянина. И всё равно умиротворение не наступило. Число побудителей к войне против римлян и их иудейских приспешников, невзирая на энергичную борьбу (нечистого на руку и совесть) Феликса с ними, росло. Присовокупим, чтобы охарактеризовать ситуацию 57/58гг., т.е. времени после подавления в 57г. авантюры лжепророка из Египта и прибытия в мае 58г. в пятидесятничный Иерусалим Павла, к вышепроцитированным словам из «И.д.» слова из «И.в.»:

«Едва потушена была эта вспышка (Египтянин), как появилась другая, точно в больном организме, где воспаление переходит с одной части на другую. Обманщики и разбойники соединились на общее дело. Многих они склоняли к отпадению, воодушевляя их на войну за освобождение, другим же, подчинявшимся римскому владычеству, они грозили смертью, заявляя открыто, что те, к-рые добровольно предпочитают рабство, должны быть принуждены к свободе.⁷⁴ Разделившись на группы, они рассеялись по всей стране, грабя дома облечённых властью лиц, а их самих убивая и сжигая целые деревни. Вся Иудея была полна их насилий и с каждым днём эта война загоралась всё сильнее» (2,13,6).

Более того, по всему, именно в 58г. начал резко обостряться конфликт между иудеями и греко-сирийскими язычниками Кесарии Палестинской (в к-рой резидировал римский наместник провинции). Дело в том, что обе общины имели в городе-полисе, установлением его (освятившего отстроенную на 10г. до н.э. Кесарию) основателя (державно-вассального космополита-интернационалиста) Ирода, равные гражданские права. Но язычники составляли в ней большинство населения, в связи с чем претендовали на первенство, в то время как иудеи, являясь богатым меньшинством, взывали к иудейству основавшего этот город царя (к-рого они, к месту вставить, ны при жизни, ни посмертно истинным иудеем не считали), что, дескать, давало преимущественные права именно им.

Нарастающий конфликт стал с 58г. приводить к ожесточённым спорам и кровавым столкновениям, в результате к-рых гибли люди, и разматывался до 60г., когда язычники, уже после отставки Феликса, добились подкупом в Риме Афрания Бурра, решения спора в свою пользу, чем бикфордов шнур разразившейся через 6 лет Иудейской войны был очень основательно подпалён, и с тех пор permanently угрожал мощным взрывом.

⁷³ Вспоминаем, что в Д.Ап.5,36 в речи Гамалиила от 33г. о повстанческом выступлении Февды (= Иуда, сын Езекии) в 1г. н.э. сказано: «не задолго пред сим явился Февда». Выше мы разобрали, как это понимать, с учётом евангельского переживания времени и скрытого в (двухмысленных) словах «пред сим» («пред Сим») смысла, маркирующего выступление Февды временем «не задолго» до Рождества Иисуса Нафанида 25.12.1г. н.э. Притом в Д.Ап.21,38 сказано «пред сими днями», что чётко указывает на время именно незадолго до мая 58г.

⁷⁴ Вот он – неизменный пароль революционеров – как экстремального (эпилептического) меньшинства, принуждающего пассивное (паралитическое) большинство (во имя народа – против народа), якобы во благо этого большинства, и одновременно презирающего, под лицемерной маской беззаветной любви к народу, в глубине своих чёрных душ этот самый народ, как безликую аморфную массу, к-рую необходимо железной рукой загнать в социальное или национальное т.н. счастье, на деле оборачивающееся расстрельной стенкой или концлагерем.

Впрочем, к иудейско-языческому противоборству в Кесарии мы обратимся ниже, когда расскажем в соответствующей части нашего повествования о том, что случилось с Павлом, по его прибытии в мае 58г. в Иерусалим, о его противостоянии Иудеям в Иерусалиме и далее, о его двухлетнем заточении (Феликсом) в Кесарии. Причём оно знаменательно хронопараллелизируется с нарастанием иудейско-языческого противоборства там до, как сказано, решения спора-конфликта Римом не в пользу иудеев уже при преемнике Феликса прокураторе Фесте (60 – 62гг.), к-рый осенью 60г. отправит Павла, по его, римского гражданина, требованию, на кесарев суд в Рим (куда Павел и стремился попасть).

Примечательно, что если в 51г. н.э. для христианства, с Апостольским собором, благодаря, в первую очередь, Павлу, начался фундаментальный выход-исход (из Палестины/Иерусалима) в Ойкумену, с декретным разворотом на весь, прежде всего, античный (и прочий) мир, то еврейство, наоборот, именно с 51г. (два конфликта: пасхальный – с Римом; кушинский – с самарянами), начало усиленно сворачиваться-скукоживаться, ошетиливаясь против Рима и всего греко-римского мира оборонительно-наступательными иглами, как свирепеющий дикобраз. И оно продолжало сворачиваться-ошетиливаться, чтобы по прошествии 19-и лет (лунный цикл), перейдя в 66г. в атаку, прийти в 70г. к гибели и Иерусалима, и храма, и всей своей территориально-национально-религиозной теократическо-иерократической автономии.

Интроверсия и экстраверсия, интеграция и сегрегация – характерные тенденции для взаимоотношений еврейства как с языческим Римом и миром! так и с христианством, характерные проявления и для языческого Рима-мира, и для христианства, и для еврейства!

Притом, как видим, экстраверсия и интеграция были присущи и языческому Риму-миру, и христианству, будучи качественно различны и кардинально противоположны, но при этой разнице, в большей мере, междусобойно созвучны, нежели их расхождение-поляризация с еврейством. Правда, это созвучие не помешает языческому Риму в перспективе углядеть в крепчающем христианстве ещё более опасного, чем сегрегальный иудаизм, врага-конкурента в борьбе за души человеческие, в борьбе за судьбы цивилизации и начать яростную противохристианскую борьбу, к-рая продлится, то ожесточаясь, то временно утихая, до убедительной (и, во многом, слиятельной) победы христианской Церкви над Римской империей и греко-римским миром в IV/Vвв. н.э.

И здесь надо непременно сказать-прибавить, что при всей персональной эзотеричности великого мистика Павла (чего стоит одно его Послание к Евреям!), при всей эзотеричности-спиритуальности глубинного павлианизма, именно Павел, в большей, чем кто-либо, мере-степени, экстравертировал и интегрировал христианство в греко-римскую Ойкумену, в изнемогавший под декадансом и в жаждавший духовного обновления языческий мир. Именно он сознательно *заземлил* тонкий христианский гностицизм ради создания (вверенного Иисусом Петру) могучего фундамента вселенской христианской Церкви. Ведь без Церкви христианство не выжило бы, не найдя доступа к широкому слою античного-постантичного человечества, и стало бы не верой-религией народов, но превратилось бы в тайное, в герметически закрытое учение-знание узких гностических элит. А став таковым, оно не сумело бы вырваться-высвободиться из-под люциферики гнозиса.

Т.е. именно (призванный Самим воскресшим Иисусом) Павел (напару с Петром, к-рому Сам Иисус доверил пасти агнцев Божиих) заложил и проложил христианской вере-религии путь-дорогу в мировое грядущее (к-рое Иоанн Богослов поднимет на уровень новозотерическо-космическо-вселенский⁷⁵).

⁷⁵ А (стоящий особняком = остающийся в спиритуальной тени) Юноша из Наина даст Импульс уровню новохристианско-герметическо-гностическому = грядущему манихейству!

И, наконец, забегая вперёд, скажем, что относительно спорного в науке вопроса о том — до какого года продлилось иудейское наместничество Феликса? — для нас, по реконструированной нами хронологии, никаких сложностей в ответе на этот вопрос, к-рый, например, Шюрер (1,577-79) считает спорным, приводя множество версий, нет.⁷⁶

Выше мы выяснили-уяснили, что прибытие Павла в Иерусалим из Третьего миссионерского путешествия последовало в мае 58г. и никак не раньше, т.е. никак не в один из, вопреки ряду учёных версий, предыдущих гг. Ибо хронопоследовательно разобранные-прослеженные нами события от и после Апостольского собора 51г. до иерусалимского окончания Третьего Павлова путешествия однозначно не укладываются в срок меньший, чем 7-летний интервал 51 — 58г., в чём читатель наглядно удостоверился, и двух мнений по поводу чего быть не может.

Между тем, из Д.Ап.24,27 выясняется, что Павел провёл (при Феликсе) в кесарийском заточении, к-рое стартовало в мае/июне 58г., два года, по прошествии к-рых Феликса сменил Фест (отправивший, повторим, Павла осенью 60г. под конвоем в Рим). И как Павел не мог отправиться в Рим позднее осени 60г., так Фест не мог заступить на прокураторскую вахту позднее лета 60г., что, в обоих случаях, подтверждается общей хронореконструкцией и синхронизмами⁷⁷, о чём мы ещё будем беседовать ниже — в следующем павлианском разделе книги «Апостолы и Цезари», посвящённом периоду 58 — 63гг.

Ныне же перейдём к заключительной главе части XIII нашего повествования, посвящённой земному мученическому исходу третьего (после Иакова, брата Господня, и Кифы-Петра) из, согласно Посл. Ап.Павла к Галатам (2,9), столпов Иерусалимской церкви — Иоанна Зеведеева (кого, как читатель уже хорошо знает, негоже путать с идентичным воскресённому Христу Лазарю Иоанном Богословом).

МУЧЕНИЧЕСТВО ИОАННА ЗЕВЕДЕЕВА

(55г.)

О родном младшем брате мученически кончившего первым из 12-и Апостолов в 44г. Иакова Старшего (в отличие от их сводного старшего брата по отцу — Лазаря) Иоанне Зеведееве (*царь Хирам*), равно о его ошибочном отождествлении (церковной

Неспроста (великий посвящённый — Посланец Света — Апостол Иисуса Христа) Мани родился по прошествии 3-х Мировых дней (72 x 3 = 216) от Рождества Христова в 1/1г., т.е. в 216/17г. н.э.!

⁷⁶ Грубо ошибочно отставка Феликса с прокураторского поста датируется в «Хронике» Евсевия: в армянском переводе — (аж) 54-м (последний год Клавдия), у Иеронима — 56-м (второй год Нерона) гг. («Arm.» Karst 215; «Chron. ed Schoene» 152; 155), чем обусловлена неверная Феликсова хронология у многих пользовавшихся Евсевием средневековых авторов. Сам Шюрер правильно склоняется к 60-у г., однако, осторожно предпочитает взять с запасом подвопросный интервал 59-61гг. (1,579), поскольку, как и другие ново-новейшие авторы, не располагает верной хронологией событий, связанных с Павлом, при знании к-рой всякие, в русле правильной синхронизации Флавия и Д.Ап., трудности и подвопросности отпадают. Кроме того, ново-новейшие авторы в большинстве неверно относят ахайское проконсульство Галлиона вместо 52/53-го на 51/52гг. (см. выше), и отсюда неверно хронореконструируют пути-дороги Павла в 50-е гг. Ив. н.э., что влечёт за собой хроноошибки также применительно к Феликсу.

⁷⁷ Три преемника Феликса — Порций Фест, Клодий Альбин и Гессий Флор управляли Иудеей до начала Иудейской войны в 66г. по ок. два года (точнее, не менее и не более приблизительно ок. двух лет) каждый, сообразно чему, годы их правления — 60-62, 62-64 и 64-66гг., что, со своей стороны, не позволяет датировать отставку Феликса (к-рый не мог заточить Павла в Кесарию, где Апостол провёл в узах 2 года, раньше весны/лета 58г.) временем позднее 60г., к-рый, т.е. 60-й г. н.э., при ближайшем рассмотрении, безальтернативно составляет как *terminus post quem*, так и *terminus ante quem*.

и апокрифической традицией) с Лазарем-Иоанном (*Мастер Хирам*), мы подробно поведали читателю в наших предыдущих книгах (Р.л. 987; 991; 1350; Д.И. 191-96; 1362/63-65; Т.Г. 325-40). Теперь же нам, сообразуясь, в русле и ходе хронопоследовательного повествования, со временем мученичества Иоанна Зеведеева (= Иоанна Младшего), остаётся компендиумно освежить в памяти кое-что наиболее актуальное в данном контексте из ранее сказанного и добавить кое-что новое.

Причём древнее письменное подтверждение неверности отождествления Лазаря-Иоанна (= Иоанна Старшего) с Иоанном Зеведеевым (сыновья рыбака Зеведея от разных матерей) следует, пусть косвенно, из известного более поздним церковным авторам свидетельства Папия Гиерапольского (I/Пвв.), согласно дошедшим до нас фрагментам к-рого, ещё в первой половине Пв. некоторыми различались два Иоанна столетия Апостольского: 1) сравнительно рано принявший (вероятно, не позднее 50-х гг. Ив.) мученичество рыбак Иоанн; 2) проживший долгую (вековую-столетнюю) жизнь любимый ученик Иисуса = ученик, к-рого любил Господь, – (эфесский) пресвитер Иоанн.

С одной стороны, если по (бывшему учеником Поликарпа Смирнского) Иринею Лионскому («Против ересей» 5,33,4), Папий знал и слышал-слушал (в конце Ив. в Эфесе) самого Иоанна Богослова (учеником к-рого был Поликарп), а по Евсевию Кесарийскому (И.ц. 3,39,1-3), – Иоанновых учеников, информация о чём имеется также у Иеронима («О знаменитых мужах» 18), то сам Папий, говорящий об эфесском старце-пресвитере Иоанне (у Филиппа Сидетского и Георгия Амартола), знает, вместе с тем, про Иакова и его брата Иоанна, рано претерпевших мученичество за веру во Христа от Иудеев (2-я книга «Толкований на слова Господни» Papias Fragmenta).

При всей, как тут могут возразить оппоненты, зыбкости-побочности Папиевых свидетельств (почерпнутых у авторов, соответственно, V и IXвв. – Филиппа Сидетского и Георгия Монаха), из них довольно чётко выводится-вырисовывается следующее: *дуализм* Иоаннов в окружении Иисуса. Т.е. в ближнем кругу, или в ближней орбите последователей Христа, не все из к-рых знали Его в земной жизни (как, к примеру, 13-й Апостол – Павел, или Третий Евангелист – Лука), было два (знавших Его лично) Иоанна. Один – родившийся в 3г. н.э. Иоанн Зеведеев (родной брат родившегося во 2г. н.э. Иакова), и другой – Иоанн-Лазарь = Лазарь-Иоанн, родившийся 31.12.1г. до н.э. брат-близнец Марии Магдалины. Притом именно его Иисус воскресил-новопосвятил из мёртвых (23.02.33г.), после чего Иудеи, под главенством первосвященника Каиафы, порешили убить Иисуса (позднее – на Страстной неделе – решив убить и Лазаря, потому что многие, видя воскрешённого Иисусом Лазаря вживе, обретали веру в Иисуса и проникались верой во Христа).

Впрочем, в подтверждение слов Папия о двух Иоаннах можно привести (как это и делает Георгий Монах) слова из Ев. от Мк.10,39, где Иисус, говоря Иакову и Иоанну (Зеведеевым) – «чашу, к-рую Я пью, будете пить, и крещением, к-рым Я крещусь, будете креститься», без сомнения, провидит-предрекает мученичество обоих, что не может относиться в этом ключе к дожившему до 100 лет и мирно почившему Иоанну – автору IV-го Евангелия и Откровения. Хотя ни из Мк.10,39, где ясно сказано о предстоящем сыновьям Зеведеевым мученичестве, ни из свидетельства Папия, к-рый говорит об их (родных братьев) раннем по времени (в сравнении с др. Апостолами) мученичестве, никак, несмотря на додумки некоторых авторов XIX/XXвв. (В.Веллхаузен, Э.Шварц, Х.Хольцман) (см. ниже), не выводится, не умозаключается, что Иаков и Иоанн претерпели мученичество одновременно.

Далее, в своей «21-й проповеди» Афрат (IVв.) называет мучениками, кроме Стефана, Петра и Павла, Апостолов Иакова и Иоанна. А «Сирийский мартиролог» 411г. отмечает-подчёркивает именно мартирологическую память Иакова и Иоанна (братьев-сыновей) Зеведеевых в один день – 27.12.; у армян – 28 (или 29).12. И

пусть Иоанн Зеведеев вполне мог родиться именно 27.12. (церковно-календарная дата у католиков) 3г. н.э., однако, присущее сирийцам и армянам древнее мартирологическое почитание обоих братьев в один день, достаточно отчётливо наводит на достаточно ранний (сродни Иакову Зеведееву и отлично от дожившего до 100г. н.э. Иоанна Богослова) мученический венец (не вторым ли из Больших Апостолов принявшего оный?) Иоанна Зеведеева.

Где и как в Евангелиях в период 30 – 33гг. проявляют себя, присутствуют-фигурируют-участвуют Иоанн Зеведеев и Лазарь-Иоанн подробно разобрано нами в «Т.Г.» (325-40 и ниже). Касаемо же Д.Ап., мы знаем, что в главах 1-8 рядом с Петром – Иоанн Зеведеев (мл. брат Иакова), в то время как о Лазаре Дееписатель вообще молчит. А последнее по (хроно)времени новозаветное упоминание Иоанна Зеведеева имеется в Посл. Ап. Павла к Галатам (55г.), где (именно) он называется, скажем снова, одним из столпов Иерусалимской церкви в трио с Иаковом (брат Господень) и Кифой (Пётр): «И узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным» (2,9).

Речь идёт об историческом Апостольском соборе 51г. н.э. и принятом на нём (инициативой Павла) решении мирового значения (разворот христианства с ойкуменической проповедью лицом к язычникам), по прошествии 7-и лет со времени мученичества в 44г. Иакова Старшего и за 7 лет до прибытия в Иерусалим в 58г. Павла, к-рый, на сей раз, встретился здесь лишь с настоятелем иерусалимской христианской общины Иаковом Праведным (Д.Ап.21,18).

Следовательно, ни о Петре, ни об Иоанне, применительно к 58г., речи нет. Но если претерпевший мученичество в один год с Павлом, в 67г., в Риме, Пётр на 58г. жив и находится (миссионируя) вне Палестины (как и Лазарь-Иоанн), то (рано, как Иаков Старший, ставшего мучеником) Иоанна Зеведеева, по всей вероятности, более в живых нет. Иначе говоря, ему выпало принять мученический венец в интервале между 51 и 58гг., или, если предел колебаний сузить, – ок. 54/55/56гг. (как раз годы, на к-рые «армянский» Евсевий и Иероним ошибочно относят отставку с поста иудейского прокуратора Антония Феликса!).

Попробуем обосновать, задавшись единовременно вопросом/вопросами – где и при каких обстоятельствах мартирiuмно закончил свой путь со временем поглощённый памятью предания и в восприятии христиан Иоанном-Лазарем, со временем слившийся с ним в одно Иоанн Зеведеев? (Не надлежало ли царю Хираму передать духовный скипетр Мастеру-Святителю Хираму? к-рый, к слову сказать, был художником, сходно Мани. Не надлежало ли некогда направившему к царю Соломону Мастера Хирама царю Хираму отступить в тень перед Мастером-Святителем Хирамом, жертвенно слиться с ним, жертвенно раствориться в нём?)

И соприродно-параллельно слиянию памяти об Иоанне Зеведееве с памятью Иоанна-Лазаря, факты-элементы их апокрифических житий, с течением времени, смешались в одно житие, донеся до нас только глухой отголосок раннего дуализма, только смутные сведения о рано пострадавшем Ап. Иоанне и о дожившем до 100 лет эфесском Пресвитере Иоанне. Т.е. нужно, подвергнув рентгену сохранившиеся предания, отслоить-вычленив из полуполюгендарной информации о слитно-совокупном Иоанне то, что может относиться к Иоанну Зеведееву.

Например, сообразно греко-христианскому преданию, Лазарь, будучи в момент своего воскресения (33г. н.э.), 30-и лет отроду (возраст на 33г. родившегося в 3г. н.э. Иоанна Зеведеева), прожил после этого проповеднически-подвижнически ещё 30 лет и мирно почил, соответственно, в 63г. Следуя преданию, он покинул Иудею, в связи с гонениями на христиан, к-рые повлекло за собой убийство (декабрь 33г.) Первомученика Стефана, отправившись на Кипр, где сделался первым киттийским (Ларнака) епископом (рукоположенным – 46г. – Павлом и Варнавой).

Византийское предание сообщает о посещении Лазаря на Кипре Богородицей, вручившей ему омофор, что свидетельствует о позднем появлении либо предания в целом, либо, что скорее, о вкраившейся в него позднее вставке, поскольку омофор, как принадлежность епископского облачения, относится к византийскому периоду.

Так или иначе, первосвященники «положили» на Страстной неделе 33г. «убить и Лазаря» (Ио.12,10), и пусть это «положение» (отчасти) утратило (в их удержанных глазах) свою актуальность после распятия и погребения (никогда, в их понимании, не воскресавшего) Иисуса (К-рый этим был как бы изобличён в амплу лжемессии-обманщика), тем не менее, об отмене «положения» «убить и Лазаря» в Евангелии ничего не сказано. Стало быть, он вряд ли мог подолгу обретаться как в Иудее/Иерусалиме, так и в Палестине, временами, в зависимости от конкретных ситуаций, могучи впоследствии бывать там, но большую часть времени проводя вонне.

Тем временем, Богородица, очень даже могучи посетить (ок. 50г.?) Лазаря-Иоанна на Кипре, жила до Своего Успения именно в Палестине – в Иерусалиме и в Галилее. Причём Её Успение в 54г. имело место именно (следуя древнейшему преданию) в Иерусалиме и никак не в (согласно поздней традиции) Эфесе, где возле брата-близнеца Иоанна-Лазаря (взявшего *к себе* = *в себя* Матерь-Софию) преставилась ок. 77 – 80гг. никак не Мария Мадонна, никак не Мария Богородица, а (Апостолица Апостолов) Мария Магдалина (см. выше).

По легенде, распространённой на Западе («*Legenda Aurea*», S.362-70; 395-98), Лазарь вместе со своими сёстрами Марией и Марфой, плюс с прочими христианскими спутниками, были, о чём читатель в курсе, в 14-м от Мистерии Голгофы году (46/47гг.) посажены враждебными им иудеями на корабль и отданы воле волн, принесших их в Масилию (Марсель) – место последующего епископства Лазаря.

Любопытно, что и по одной из версий греческой легенды, Лазарь, правда, не с Марией и Марфой (к-рых лишь меньшая часть восточно-христианских преданий считает его сёстрами), а с двумя благочестивыми спутниками-христианами, Максимом и Келидоном, были принудительно посажены иудеями на судно без парусов, руля и вёсел, к-рое (не сделавшееся для них «летучим голландцем»), морские волны прибили к Кипру.

В апокрифическом же «Евангелии Варнавы» (IV/V – VIII/IX/Хвв.) отпущенный Богом с Неба на три дня, чтобы повидаться с Матерью, Иисус застаёт в Её доме, в Иерусалиме, – «Марфу и Марию и Лазаря, и Иоанна и Иакова и Петра» (7). Не примечательно ли это присутствие, точнее, это апокрифическое сведение-соединение под одной крышей, в иерусалимском доме Марии, К-рая могла жить в Иерусалиме как в доме матери Иоанна-Марка (Сенакль), так и в сионском доме Иакова и Иоанна Зеведеевых (сыновья двоюродной сестры Марии – Саломии), особо доверенной тройцы Христовых учеников из круга 12-и – Иоанна, Иакова, Петра (обратите внимание на *обратную* последовательность) с называемым как раз непосредственно перед Иоанном (после Марфы и Марии) Лазарем!

* * *

Не случайно, сообразно запечатлевшему представленную нами выше Астральную Мистерию Христа в Рождество 44г. н.э. коптско-гностическому апокрифу «Пистис София», Мария Магдалина (Апостолица Апостолов) и девственный Иоанн (Богослов, кому завещано-уготовано Царство Света) – высочайшие посвящённые, троны к-рых будут выше всех остальных, и к-рые, а не сыновья Зеведеевы, что, вместе с тем, нисколько не умаляет последних, один из к-рых – Иоанн – иногда выступает как *дублёр* Лазаря-Иоанна, воссядут по правую и левую стороны от Христа.

Между тем, в Ев. от Мф.20,20-23 и в Ев. от Мк.10,35-40, где мать сыновей Зеведеевых, Саломия (Мф.), или они сами (Мк.), Иаков и Иоанн, просят, не понимая (до поры) истинной сути Царства Мессии, о местах по одесную и ошую Господа, речь ведётся о сыновьях Зеведея от Саломии – о родных братьях-пагодках – Иакове и Иоанне, наречённых Иисусом – Воанергес – (облечённые холерическим темпераментом) «сыны громавы» (Мк.3,17) (Т.Г. 1182-90).

Вспомним также о присутствии-соучастии Иоанна (Зеведеева), в составе трио – Пётр, Иаков, Иоанн – избранных Иисусом учеников, при исцелении тёщи Петра (где фигурирует ещё и Ап. Андрей), при воскрешении дочери Иаира, при Преображении Господнем на горе Фавор, и при борении-молении Иисуса в Гефсимании, тогда как Лазарь-Иоанн присутствовал-соучаствовал в Таинствах Преображения Господня и Гефсиманского борения, в качестве *четвёртого* ученика, за кадром, анонимно! (Т.Г. 1480-90).

Вспомним ещё и о том, что это Иоанн Зеведев, но не Лазарь следовал совместно с Петром, как (загадочный) «другой ученик» (Ио.18,15/16), после Гефсимании (когда остальные ученики из круга 12-и разбежались), за Иисусом, и будучи «знаком первосвященнику», сначала вошёл сам и затем ввёл Петра «во двор первосвященнический» (где Пётр, дабы стать, пройдя через испытательное отречение, в будущем Петром *Великим*, троекратно отрёкся от Христа Иисуса) (Т.Г. 1510-13; 1524-29).

Впрочем, (посвящённый-рукоположенный Господом и не нуждавшийся в каком-либо рукоположении Павла или Варнавы) Лазарь не епископствовал ни, скорей всего, на Кипре, на к-ром он вполне мог побывать или бывать до того как обосновался ок. времени римского мученичества Петра и Павла в (оставшемся сирым без Павла, кто вспахал для Лазаря-Иоанна местную почву) Эфесе (67г.), ни в Масилии, в к-рой он, скорей всего, никогда не бывал (или, всё-таки, в 50/60-е гг. миссионерски побывал?).

Наряду с тем, апокрифическая информация о его мирной (хотя он правомерно почитается эзотериками-таинниками величайшим из христианских мучеников!) кончине очень даже соответствует реальной действительности, однако, время этой кончины, т.е. успения Иоанна Богослова (наречённого Иисусом с креста *сыном Богородицы*, как Богородица была наречена с креста его *Матерью*) (Ио.19,26/27) (Т.Г. 1651-56), есть время никак не ок. предлагаемого апокрифами (приблизительно-условно) 63-го г., но – 24.06.100г. н.э.⁷⁸

Вывод: в 50-е (до 60-х) гг. Ив. н.э. не стало Иоанна Зеведеева, ранняя смертная дата к-рого была приписана (неправомерно разотождествлённому с Иоанном Богословом) Лазарю. И, к тому же, не говорит ли возникшая позднее не просто тезоименитская накладка персоны на персону о том, что в житиях-биграфиях этих двух сомкнувшихся (сомкнутых спиритуально-эзотерической и символическо-экзотерической памятью) персон наверняка имелись точки соприкосновения (во времени и в пространстве): биографические, хронологические, географические, спиритуальные, метаисторические.

Итак, в 3г. н.э. родился бывший немногим младше брата Иакова (принявшего мученичество в возрасте 42-х лет в 44г.) Иоанн Зеведев, между тем как не раз приводившаяся нами дата рождения Лазаря-Иоанна (как умершего на 100-м году жизни, в возрасте 99,5 лет, по древнему преданию, в Иоаннов день рождения Иоанна Предтечи) = эфесского пресвитера Иоанна = Иоанна Богослова (и его сестры-близнеца Марии Магдалины) – самый последний день 1г. до н.э. Таким образом, если с рождественскими датами Лазаря и Иоанна Зеведеева, равно с

⁷⁸ Третий год правления (пришедшего к власти в январе 98г.) Траяна в «Хронике» Иеронима (162); или 67 лет после Мистерии Голгофы (33г.) в «Золотой легенде» (S.56).

успенской датой Иоанна Богослова, всё ясно, то смертная дата Иоанна — младшего сына Зеведея и Саломии, всё ещё требует прояснения-уяснения.

Обратимся снова к интервалу 51 — 58гг. Можно ли 7-летний предел колебаний сузить? Во-первых, о ранней, притом мученической, смерти одного из (известных древним) двух Иоаннов имеются, о чём мы знаем, смутные сведения у древне-христианских авторов-авторитетов, плюс к чему, уж слишком настойчиво часть древневосточных церквей и календарей чтит именно мартирологическую память братьев Иакова (+ 44г.) и Иоанна в один день (см. выше). И значит, даты их мученичеств должны отстоять (сравнительно-относительно) недалеко друг от друга, или, по крайней мере, не очень далеко одна от другой во (по) времени.⁷⁹ Во-вторых, одно из западных преданий называет временем мирной кончины Лазаря (отнюдь не — попадающий на правление Нерона — 63-й г. н.э., но) период или, точнее, конец правления Клавдия (41 — 54гг.).⁸⁰

В-третьих, христианское предание, видя в Иоанне Зеведееве, с опорой на Ев. от Ио. (19,25-27), того, кому Христос с креста поручил заботу о Богородице (невзирая на то, что под крестом Голгофы стоял ставший сыном Матери-Софии Лазарь-Иоанн, а не «другой ученик», введший Петра в ночь со 2-го на 3.04.33г. «во двор первосвященнический»), односмысленно не допускает его кончину ранее Успения Марии, к-рое случилось, о чём читатель узнал выше, в 54г. н.э. И это, согласитесь, может побочно свидетельствовать о смерти Иоанна Зеведеева (отождествляемого церковной памятью с охранителем-попечителем Богоматери) после = хронопозднее указанной даты.⁸¹

При всём том, не был ли именно период наместничества Антония Феликса (52 — 60гг., на середину к-рых, как раз-таки, и выпадает интересующий нас интервал 54 — 58гг.) весьма, в чём мы убедились, тумултарным временем эскалации общего психоза и напряжения, зилотского повстанчества и сикарийских злодеяний, заказных убийств, козней прокуратора против порочной иерусалимской элиты, алчности, рвачества, взлёта дикого национал-религиозного фанатизма среди иудеев и т.д. Т.е. не был ли этот интервал временем более чем подходящим для очередной локальной травли христиан, вспышки иудейского гнева против христиан, когда вполне мог погибнуть кто-то из находившихся в Палестине или временно возвратившихся в Палестину из миссионерских странствий (Больших/Малых) Апостолов!

⁷⁹ Некоторые ново-новейшие исследователи даже, как сказано, предлагают, игнорируя однозначную информацию Д.Ап., согласно к-рой (только) Иаков Зеведев (брат Иоаннов) кончил мученически уже в 44г., в то время как Иоанн на 51г. (Апостольский собор) ещё жив, версию их одновременного мученичества (см. выше), с чем, правда, их теооппоненты-традиционалисты категорически не соглашаются. См. E.Schwarz «Über den Tod der Söhne Zabedaei», Berlin 1904 und ZntfW 11 (1910), S.89-104, «das Johannes gleichzeitig mit Jakobus das Martyrium erlitten habe»; s. W.Weber «Das angebliche Doppelmartyrium der Zebedaiden», «Der Katholik» 93 (1913), S.434 45.

В дополнение к тому, надо сказать, что полемизирующие между собой Шварц, Вебер и др. не допускают (пренебрегая словами Папия) и мысли о двух (не считая Предтечу) Иоаннах в окружении Иисуса. Если согласно новатору Шварцу, «одновременность» раннего мученичества (44г.) сыновей Зеведеевых опровергает христианскую легенду об эфесском долголетии Пресвитера Иоанна (что, т.е. несостоятельность «христианских легенд», доставляет Шварцу критиканское удовлетворение), то согласно традиционалисту-консерватору Веберу, последнего можно назвать (как, мол, это делает Григорий Назианский и др.) мучеником (предание о погружении доставленного из Эфеса Иоанна в чан с кипящим маслом в Риме, при Домциане, до патмосской ссылки) и без его мученической кончины, т.е. несмотря на прожитый Иоанном долгий век и мирное усение в Эфесе (что по мало улавливаемой Вебером таинственной сути верно). Одним словом, как древние авторитеты, так и новые авторы всячески бегут-убегают от (усложняющего дело) *Иоаннитского* апостольского дуализма.

⁸⁰ «Lexikon der Heiligen und der biblischen Gestalten», «Lazarus», S.329/30, Stuttgart-1968.

⁸¹ Знакомый нам латинский апокриф «Transitas Mariae» сообщает, что до Её Успения Мария жила в доме родителей Иоанна на Елеонской горе.

И в итоге, в четвертых, по одному из апокрифов, Лазарь, подпав в старческом возрасте гонениям при Домициане (81 – 96гг.), отказывается принести языческую жертву кесарю, заточается в темницу и подвергается казни через усечение мечом, причём перед казнью ему в заточении является, дабы укрепить его в вере, Христос («Lexikon der Heiligen», S.329/30). Но составитель в 90-е гг. Ив. н.э. (93 – 95гг.) Евангелия от Иоанна, посланный в 95/96гг. на о. Патмос и удостоенный там откровения Апокалипсиса Иоанн, к-рый – Лазарь, к-рый – Богослов, как известно, мирно возвратился, после гибели-конца Домициана (96г.), в Эфес, где мирно почил при Траяне. Посему казнён был не он, а (казнённый, сходно своему родному старшему брату Иакову) Иоанн Зеведеев, и при этом, следуя вышеизложенному материалу, порядком ранее Домицианова правления, успев почти безостаточно раствориться в Иоанне Богослове.

Мало того, это мученичество Иоанна Зеведеева, случившись ранее 58-го (майское прибытие в Иерусалим Павла, где он застаёт из столпов лишь Иакова, брата Господня) и позднее 54-го (после Успения Богородицы в августе) гг., вероятно, произошло не столько в самом конце кесарства Клавдия (+ 13.10.54г.), сколько в начале кесарства Нерона (54 – 68гг.), по написании Ап. Павлом Посл. к Галатам (55г.), слово о столпах в к-ром предполагает, что на момент написания данного Послания и Пётр, и Иаков, брат Господень, и Иоанн (ещё) живы.

Отсюда примем за оптимальный мартирологический срок время ок. 55/56гг., и даже, если постараться быть более точным, – именно 55-й г. н.э. А место (география мученичества), где погиб Иоанн Зеведеев, к-рое мы оставили в «Т.Г.» (339/40), склоняясь к Палестине, под вопросом, по всему вероятно (учитывая сходство мученичеств обоих сыновей Зеведеевых = «сынов громовых»: локализация, обстоятельства, сравнительная-относительная близость по-во времени), Иерусалим – вне врат Города (за станом).

* * *

Плюс к тому, после того как мы разложили-разобрали хроноисторию и ситуацию в Иудее 50-х гг. Ив., можно предположить, что это случилось в обстоятельствах по пленении Феликсом разбойника (с 20-летним бандитским стажем) Елеазара (55г.) и обострения конфликта между прокуратором и экс-первосвященником Ионафаном (до убийства последнего сикариями, по заказу Феликса, в 56г.).

Вряд ли влияние Ионафана импонировала также штатному первосвященнику Анании (47 – 59гг.), с к-рым они вместе побывали в 52г. в Риме (отправленные туда Уммидием Квадратом) и вместе возвратились обратно. Помимо того, Феликс, за к-рого тогда ходатайствовал перед Клавдием Ионафан, теперь мог находиться в хороших отношениях (в т.ч., в пику Ионафану) с Ананией. Анания же был ловким, как Каиафа, лоялистом-сервилистом по адресу Рима, умевшим лавировать и посредничать в делах между метрополией и иудейской теократическо-иерократической автономией, стоя во главе оной, что и позволило ему, поднятому в первосвященники ещё Иродом Халкидским (+ 48г.), удерживать за собой архипастырство аж 12 лет (уступив лишь Каиафе, к-рый первосвященствовал 18 лет). И при таком раскладе Анания, понятным образом, мог, устраивая Феликса, пользоваться достаточной свободой рук (без помех и иногда под прикрытием прокуратора) в делах внутренних, в т.ч., временами превышая свои полномочия.

С др. стороны, возможность очередного конфликта всё более нетерпимых иудеев с христианами, в условиях нарастающей поляризации 50-х гг., удивления несколько не вызывает. И, видимо, 52-летний (13 x 4; 26 x 2) Иоанн пал жертвой линчевательской юстиции, убитый религиозными фанатиками, скорей всего, бессудно, в результате конфликтной вспышки, возможно, каменованием, по подобию Первомученика

Стефана (форменный суд над к-рым, напомним, оборвал-ускорил расправный революционный порыв синедриональных масс, к к-рым, по выходе из синедриона, охотно присоединилась чернь). Или, м.б., орудием мученичества Иоанна был, как в случае с казнённым-усечённым Иродом Агриппой Иаковом Зеведеевым, меч.

В какой мере содеянное свершилось с одобрения или по подстрекательству Анании, к-рый вскоре будет непримирим к Ап. Павлу (Д.Ап.20,2; 24,1) (см. ниже) – вопрос. Во всяком случае, этот штатный первосвященник сделал всё для того, чтобы инцидент и самосуд замять, в чём мог найти (небезвозмездно) понимание у Феликса, к-рый имел все основания призвать иудеев к ответу за их (небеспредентный) суд Линча в обход римского прокуратора, но, спустив дело на тормозах, поднимать шум не стал.⁸²

Здесь уместно добавить, что в ведении прокураторов периода 44 – 66гг. находилась гораздо большая территория Палестины, нежели в ведении наместников 6 – 41гг., когда заиорданский Трахон и Галилея с Переей (лишь части к-рых входили с 50-х гг. Ив. в царство Агриппы II) составляли подведомственные не римским прокураторам Иудеи (Идумеи) и Самарии территории вассально-иудианские. Мы не знаем точно, дублировали ли права и обязанности наместников 44 – 66гг. права и обязанности ранних прокураторов во всём, однако, то, что право жизни и смерти граждан провинции Иудея (*jus gladii*), по-прежнему, осуществлялось в последней инстанции римскими префектами-прокураторами, вне сомнений.

Короче говоря, обстоятельства мученической гибели Иоанна Зеведеева, последовавшей, вероятно, в 55г. н.э., и, вероятно, в Палестине (Иерусалим), ближе неизвестны, в связи с чем, предположения на сей счёт есть версии и гипотезы.

В свою очередь, примечательна хронопоследовательность раннехристианских мученичеств в Св. Земле. 33г. н.э. – Стефан; 44г. – Иаков Зеведеев (Старший); 55г. – Иоанн Зеведеев (= Иоанн Младший); 66г. – Иаков Алфеев (Младший) (см. ниже), среди к-рых круг 12-и репрезентируют Иаков Старший, Иоанн Зеведеев и Иаков Младший.⁸³ Заметим, что из данного хронопарного ряда-перечня выпадает только мученичество в 62г. Иакова, брата Господня, хотя о других христианских мучениках в Палестине из числа 70-и Малых Апостолов, или пророков и т.д. каких-либо чётких-точных сведений нет.

Кроме того, тут интересно привести слова Павла из заключительной главы его составленного весной 66г. (в Италии) и адресованного христианам из Евреев (в первую очередь, Иерусалима/Палестины, так как под *Евреями*, в подобном контексте, отлично от *Иудеев*, в древности понималось, перво-наперво, еврейство именно Земли Обета) Послания к Евреям, где сказано: «Поминайте наставников ваших, к-рые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (13,7).

Послание написано до (накануне) мученичества Иакова Младшего и начала Иудейской войны (см. ниже), разумея в Павловых устах под мученически кончившими (мн.ч.) в Св. Земле, с 33-го по начало весны 66гг., авторитетными христианскими наставниками, в частности, принявшего мученическую смерть в 55 г. н.э. Иоанна Зеведеева.

⁸² Анания и после его отставки от первосвященства в 59г. Агриппой II (к-рый заведовал, преемствуя Ироду Халкидскому, делами Храма), продолжал пользоваться большим влиянием. Стяжал скандальную известность своими алчностью, богатством, обиранием рядовых священников в пользу храмовой элиты и первосвященских кланов. Ненавистный иудейским революционным радикалам как проримский лоялист-конформист и хапуга, он будет убит ими (вместе с сыном) в начале Иудейской войны – 66г. (И.д. 20,9,2-4; И.в. 2,17,6;9) (см. ниже).

⁸³ Апостол и Евангелист Матфей принял мученичество ок.64г. (предположительно) в Абиссинии (Т.Г. 397-413).

ЧАСТЬ XIV

РИМ И МИР

54 – 59 гг. н.э.

ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА НЕРОНА

54г.

УБИЙСТВО М.Ю. СИЛАНА И КАЗНЬ НАРЦИССА // СЕНЕКА И БУРР

Выше мы узнали – каким образом и при каких обстоятельствах стартовал в октябре 54г. принципат приведённого к власти энергичными усилиями его матери Агриппины (отравительницы своего супруга – кесаря Клавдия) юнца (на 17-м году жизни) Нерона.

«Первым, кто при новом принципате, но без ведома Нерона пал жертвой коварства Агриппины, был проконсул Азии Юний Силан, и не потому, что он навлёк на себя гибель резким характером, – напротив, его вялость вызывала столь пренебрежительное отношение к нему со стороны предыдущих властителей, что Гай Цезарь называл его золотой овечкой, – а потому, что погубив его брата Луция Силана, Агриппина страшилась возмездия, ибо в народе шли упорные толки, что едва вышедшему из детского возраста и преступно овладевшему верховною властью Нерону следует предпочесть мужа в зрелых годах, ничем не запятнанного, знатного и из потомков Цезарей, что тогда почиталось превыше всего: ведь и Силан также был праправнук божественного Августа...» (Тацит «Ан.» 13,1).

М.Юний Силан, как уже указывалось нами, был старшим сыном правнучки Августа, дочери его ссыльной внучки Юлии (+ 28г.) – Эмилии Лепиды, и её супруга – (одноимённого своему сыну) консула 19г. н.э., родившимся в 14г. незадолго до кончины патриарха (как внук его внучки!) (Плиний 7,158). Вялый и бездеятельный декадент, из-за чего Калигула и называл его «золотой овечкой», он, 32-х лет отроду, облакал (привилегированно возрастное) консульство в 46г. (см. выше). И ничем далее в истории не зарекомендовавшись, пожалуй, кроме (документально зафиксированного) членства в коллегии Арвальских братьев, отправился весной 54г. годично проконсульствовать в Азию.

Но правнучка Августа по линии другой патриаршей внучки, а именно Агриппины Старшей, Агриппина Младшая, опасалась этого, пусть квелого, Силана, во-первых, из-за его генезиса, восходящего к самому Августу, что показывает, насколько в принципатовском Риме данной юлианско-клавдианской поры был силён кланово-династическо-моноархический компонент-привкус. И во-вторых, она опасалась его как возможного мстителя ей и её сыну за своего мл. брата Л.Силана, к-рому предназначалась в жёны обручённая ему дочь Клавдия – Октавия, в к-рой ему отказали, чтобы выдать её за Нерона, и к-рый, видя все свои карты битыми,

покончил с собой в весьма мрачном для него свете бракосочетания Агриппины и Клавдия в январе 49г. (см. выше).

Вряд ли нынешний слабак Силан пугал битую римскую волчицу Агриппину персонально, но он сопринадлежал к клану Augustana, к domus Caesaris. И в сложившихся условиях предпочтения клавдианского усыновленца Нерона родному сыну Клавдия Британнику, кто был младше Нерона, тогда как Силанов возраст составлял на 54г. 40 зрелых лет, следовало опасаться не столько упадочного Силана лично, сколько его приавгустейшей родословной и его выигрышного, в сравнении с юношеско-нероновским, возрастного ценза, к-рые вкупе могли (бы) быть использованы во вред Нерону и Агриппине их (без разницы – реальными или потенциальными) врагами.

И Агриппина (мня себя настоящим политиком) сочла необходимым нанести превентивный удар, мало того, сразу показать и доказать придворной камарилье, кто теперь в доме полная государственно-политическая хозяйка. Т.е. практически она пожелала утвердить за собой статус, к-рого ещё по сути не добивалась ни одна влиятельная римлянка – ни Ливия, ни Цезония, ни Мессалина, к-рые этого не хотели, ни Агриппина Старшая, к-рой такая возможность не представилась.

И вот, по предписанию начавшей энергично, по-кесарски, по-мужски, распоряжаться (цесарки) Агриппины, Силана (без ведома Нерона) отравили за пиршеством, надо понимать, в асийском центре – Эфесе (резиденция проконсула), во второй половине осени 54г. (как раз во время, когда Ап. Павел едва приступил там к своей эфесской деятельности в виде трёхмесячных – до конфликта с иудеями и преподавательского перехода в училище Тиранна – проповедей в местной синагоге). Причём совершили это распорядительно-казачное убийство ведавшие кесарским имуществом в сенатской Азии вольноотпущенник Клавдия – Гелий, к-рый (внимание!) здесь появляется впервые (и к-рого Нерон оставит в паре с Поликлитом в Риме замещать себя, отправившись в 66г. в турне по Греции) (см. ниже), и римский всадник П.Целер. С ними обоими мы ещё встретимся ниже, в то время как в 54г. они реализовали спущенное им из Рима Агриппиной отравительное злодеяние до такой степени в наглую и почти открыто, что оно, по Тациту, – «ни для кого не осталось тайною» (13,1).¹

Со сходной поспешностью в Риме был умерщвлён, и тоже инициативой Агриппины, помимо Нерона и даже вопреки ему, возвратившийся или возвращённый в оковах из Синуессы великосильный вольноотпущенник Клавдия Нарцисс, кто, сумев в 48г. мастерски расставленной западней устранить Мессалину, ныне проиграл схватку ловко переигравшей его и сыгравшей на опережение Агриппине. К тому же, повторим, его убили над могилой Мессалины, чем Агриппина продемонстрировала этому презренному внуку и всем прочим, что она отнюдь не (просто безудержная распутница) Мессалина и что с ней он однозначно опростоволосился.

Впрочем, казнь Нарцисса, несмотря на обратную тацитовскую последовательность, вероятно, произошла раньше убийства Силана, до отравления к-рого Гелий и Целер в Эфесе ещё должны были получить соответствующее распоряжение из Рима, адресованное им, в свою очередь, перед расправой с Нарциссом, и успеть (пусть второпях) подготовить (едва скрытое) смертоубийство азийского наместника.

«И – продолжает Тацит – убийства подобного рода пошли бы одно за другим, если бы этому не воспрепятствовали Афраний Бурр и Анней Сенека. Руководители и наставники юного императора, пребывавшие (редкость у делящих власть!) в

¹ Эксцерпированный малословный Дион солидарен с Тацитом, говоря о готовности коварно, при помощи того же яда, к-рым был убит Клавдий, устранившей Силана Агриппины на любое преступление (Ехс. Val. 235 (p.682).

добром согласии, они в равной мере, но различными путями приобрели силу, Бурр — заботами о войске и строгостью нравов, Сенека — наставлениями в красноречии и свободной от подобострастия обходительностью...» (Ан.13,2)

В целом весь начальный период Неронова принципата характеризуется наличием возле юного принцепса и борьбой за решающее влияние на него двух партий. Одна партия это — Агриппина (с Паллантом, и их приспешники), к-рая тянула-рвала одеяло целиком на себя. Вторая — давешние, а теперь противостоявшие ей выдвинуты самой Агриппины = преторианский префект (родом из Нарбоннской Галлии) Афраний Бурр, кто гарантировал посредством подкомандной ему гвардии беспрепятственный приход к власти кронпринца Нерона, и Неронов наставник-пестун — известный философ-стоик, оратор и литератор (родом из Испании) Анней Сенека.

Притом, напомним, Сенека был вытасен из корсиканской ссылки, куда его упекла Мессалина, и сделан наставником² престолонаследника в 49г. (облекши в 50г. претуру) именно Агриппиной, сродни тому как, опять-таки, именно она инициировала назначение в 51г. Бурра единственным префектом praetorio без коллеги (см. выше).

Между тем, на 54г. оба они, известный философ, литератор, преторий — Сенека, и командир императорских гвардейцев — Бурр, составляли сильный дуэт, действуя совместно. И они оба, с первых шагов нового принципата, силились обуздать-умерить как влияние, так и волчьи аппетиты вдовствующей императрицы-матери, никаких официальных государственно-политических постов для к-рой римские законы не предусматривали, и к-рая, следовательно, не могла, не наделённая империем, отправлять какую-либо гос. власть легитимно, властвуя, словно валиде-султанша, из-за спины юного сынка-падишаха.

И Нерон, хоть он и воздал матери всевозможные внешние почести — дал пароль преторианцам «Optima mater» (лучшая или благая мать), с предоставлением ей сенатом двух ликторов, плюс — право въезда (чем пользовалась Мессалина) на Форум в двуколке (carpentum) и назначение её жрицей культа Клавдия (помпезное обожествление к-рого готовилось), — тем не менее, на деле его (17-летнего оболтус) всё больше тяготила наследочная материнская опека, да ещё в паре с попутавшим рамсы Паллантом. И потому юнец-кесарь всё больше склонялся в сторону Сенеки и Бурра, видя в них ценных помощников-советчиков в непосильном ему пока, по молодости лет, управлении государством, и, главное, распознав в них противовес слишком властной матери и чересчур зарвавшемуся Палланту.

Умение создавать вокруг себя систему противовесов из приближённых — непреложный атрибут всякой единолично вертикальной власти. А пытаться сделать из приведённого тобой к власти, из обязанного тебе ею единоличника свою марионетку, как поступала Агриппина, думая, что будет помыкать сыном на троне (дескать, до его повзросления), как она направляла его до трона, — крайне опасно. Тираны не терпят или недолго терпят рядом с собой тех, кому они чем-то обязаны. Да и не тот Нерон был фрукт, чтобы не вылезти из-под материнской юбки, чтобы не выскользнуть из-под её и чьей-либо опеки.

И Тацит напрасно рисует Сенеку в белом цвете в сравнении с вымазанной беспросветно чёрными красками интриганистой Агриппиной. Этот, согласно (якобы рафинированной) атеистической иронии Маркса с Энгельсом (Пат и Паташон), «дядюшка христианства», «племянником» к-рого христианство, разумеется, не было, сам, приняв гражданскую позу, в очень немалой мере (конечно, руководствуясь

² Помимо Сенеки, наставниками-учителями Нерона были перипатетик Александр из Эг (Киликия) и стоик Хермон («Суда»).

благими намерениями), приложил и философскую, и литературную руку к возвращению в Нероне и из Нерона беспримерного чудовища. (Пестун хренов!)

Если классическим представителем и апогеем старого римско-латинского стиля в красноречии был многословный (велеречивый) Цицерон, то ярчайшим представителем вырабатывавшегося в I/II вв. стиля «нового» стал именно Сенека Младший. Ещё его отец Сенека Старший отговорил-отвадил сына при Тиберии от вегетарианства, к-рое было для тогдашних заядлых мясоедов-римлян «чужеземным суеверием» и признаком неблагонадёжности (!). Но удивительно то, что Сенека всю последующую жизнь старался, образно выражаясь, позиционировать себя духовно-нравственным вегетарианцем, будучи в реальности достаточно плотоядным и одновременно своей же плотоядностью как бы тяготясь, как бы её стеснясь-стыдясь, и всячески пробуя от неё литературно-философски дистанцироваться.

Однако, это далеко не всегда и не во всём получалось-удавалось, и слово довольно часто расходилось у него с делом, не могучи, правда, не разойтись у философа и литератора, занимающегося также политикой. Гражданскую позу, да ещё политиканя, невозможно совместить с высокой моралью и нравственностью. В политике нельзя остаться белым и пушистым, тем более, являясь моноархистом-империалистом и противоречиво манифестируя в качестве своего идеала — сумевшего, мол, достойно умереть (безнадёжного республиканера и безнадёжного визави Цезаря) Катона Младшего.

Называвший сенекианский стиль «песком без извести» (сам немало одарённый в красноречии) Калигула не убил болезненного Сенеку, завидуя его успеху как судебного оратора, поскольку доброжелатели последнего шепнули Гаю, что Сенека и так скоро умрёт. Затем у Сенеки было, при Клавдии, 7/8 ссыльных лет для углублённого занятия философией и литературой на Корсике, к-рые он не потратил даром, в то же время мечтая честолюбиво и тщеславно возвратиться в Рим. Но он не сумел выхлопотать себе прощение ни (лебезятническим) «Утешением к (влиятельному вольноотпущеннику) Полибию» (44г.), по случаю смерти брата последнего (Полибий отказался ходатайствовать за ссыльного), ни другими заискиваниями, полностью обязанный своим последующим возвращением, равно положением-возвышением при дворе, именно Агриппине.

И Энгельс не случайно говорит о Сенеке, что тот, достигнув степеней известных при Нероне, весьма сладкоголосо пел-воспевал, в приложении к себе, бедность евангельского Лазаря, на самом деле куда больше напоминая богача из той же притчи. Очень скоро этот философ (морально-нравственный облик к-рого был не лучше, чем у Вольтера, Дидро, Руссо) и поэт в душе сколотит, в ампула банального временщика, состояние размером в 300 млн. сестерциев, не гнушаясь ни погоней за наследствами, ни занятиям ростовщичеством. Он же будет интриговать и оправдывать преступления Нерона, после чего философски удалится на безбедный покой в 62г., по смерти Бурра, из-за отсутствия иного выхода, однако, представив всё это, как свой свободный (литературно-философский) выбор... (см. ниже)

А что касается позиции Бурра в 54г., Дион прав, когда говорит (в выдержках Ксифилина и Зонары), что, несмотря на тронные соправа Британника, ни один правовой аргумент не силён так, как сила оружия, и тот, за кем сила реальная, всегда имеет больше шансов и прав (Ксифилин 147,6-19; Зонара 11,12). Именно Бурр командовал преторианцами, и именно преторианцы, к к-рым Нерон обратился с составленной Сенекой речью, вознаградив их (по примеру Клавдия) внушительной денежной премией каждого, обеспечили его безальтернативный (без единого выстрела и каких-либо неурядиц-волнений) приход к власти.

Хотя не станем торопиться с характеристикой неоднозначных временщиков Сенеки и Бурра. Пока они, всем обязанные Агриппине, составили мощную оппо-

зицию ей и Палланту, да так, что Нерон, приняв не столько их сторону, сколько, полагая с их помощью, вырваться из-под слишком обременительной для него опеки матери, плюс отодвинуть от руля Палланта, оказался с ними в одной лодке. И тут важно заметить, что именно Сенека и Бурр поощряли в начальный период всякие чувственные и среди них дурные наклонности Нерона (к-рые его мать, напротив, обуздывала, слясь привить ему нужную будущему, с повзрослением, правителю умеренность), чтобы он, по их расчёту, ушёл в юношеские развлечения-наслаждения (т.е. они сами подсадили его на эту иглу), предоставив им желанную возможность безраздельно и беспрепятственно от его имени повелевать-властвовать.

НЕКРАСНОРЕЧИВЫЙ ПРИНЦЕПС

Впрочем, сначала необходимо было, в условиях агриппианского и сенекианско-бурровского двоевластия (придворной камарильи) вокруг юного Нерона, достойно похоронить-кремировать досрочно спроваженного нетерпеливой супругой на тот свет Клавдия.

«В день похорон похвальное слово ему было произнесено принцепсом; пока речь шла о древности его рода и перечислялись консульства и триумфы всех его предков, Нерон говорил с подъёмом, и его внимательно слушали; упоминание о научных занятиях Клавдия и о том, что в его правление Римское государство не претерпело никаких неприятностей от иноземцев, было также выслушано с сочувствием; но когда он перешёл к предусмотрительности и мудрости Клавдия, никто не мог побороть усмешку, хотя речь Нерона была составлена и тщательно отделана Сенекой, а у этого мужа было изящное, вполне соответствовавшее вкусам его времени дарование. Старики, у к-рых довольно досуга для сопоставления прошлого с настоящим, не преминули отметить, что из всех достигших верховной власти Нерон был первым, кто нуждался в чужом красноречии...» (Ан. 13,3).

Кто бы мог подумать, что полутысячелетний блистательный род (гордецов) Клавдиев (махровых, за исключением Клодия, патрициев и оптиматов), давших Риму множество консулов и триумфаторов, завершится в 54г. жалким (даром что в облике-сане кесаря) *дядюшкой* Клавдием (за к-рым вскоре – 55г. – последует его родной отравленный Нероном сын Британник – последний в роде).

И даже не пустые, или не все и не совсем пустые научные занятия Клавдия (историк, лингвист... и кесарь в одном лице) в торжественной погребально-лаудационной речи Нерона (от Сенеки) вызвали, как выражается Тацит, сочувствие у слушателей. Но упоминание о его (якобы имевших место быть) предусмотрительности и мудрости – вот это было уже слишком. Естественно, о покойниках, тем паче, царственных, – либо хорошо, либо ничего. И тут был как раз тот случай, когда лучше было бы просто ничего, во всяком случае, о прижизненной *мудрости* усопшего не сказать, промолчав, что называется, в тряпочку. Ан, – ничего не попишешь, при уничтоженном завещании Клавдия, потребовалось, в т.ч., так поддерживать байку стопроцентной легитимности правопреемственного престолонаследования лишь одного из наследователей. Ведь только *мудрый* правитель мог оженить Агриппину и завещать единовластие Нерону!

И (неоднородный-неоднородный) Сенека (автор в скором времени злобно сатирического «Отыквления божественного Клавдия»), и наверное, вместе с ним Агриппина сочли, что гос. приличия требуют почтить, в частности, мудрость почившего кесаря, немаловажную также для вдовствующей императрицы-матери.

Однако, понятно и то, что здесь уже никто не мог сдерживать насмешки, как, например, в памятную пору довольно долго жившего героем многочисленных

анекдотов и перебравшегося в ноябре 1982г. с этого света на тот, словно в очередной последний анекдот, генсека Л.Брежнева.³ И к слову, насмешку над ним в последние годы его жизни, как при награждении им самого себя бесчисленными орденами, так и при его не ставшем для страны никаким настоящим трауром (о скорби вообще молчок) погребении, едва скрывали даже представители его ближайшего окружения.

При всём том, надо добавить, что само причисление Клавдия к сонму богов – как первого после божественного Августа кесаря – стало своего рода зловещей насмешкой и над (отцом цезаризма-цезариата) гениальным Цезарем, и над выдающимся государственным мужем (отцом принципата) Августом. Знали бы они, кто составит им дивинизационно-консекрационную компанию в качестве третьего обожествлённого Цезаря и Августа, перевернулись бы в гробу (то-то римляне не погребли их в гробах, а кремировали)! И, м.б., много раз подумали бы перед учреждением-установлением цезарско-принцепсовского единовластия о том, как именно обеспечить-гарантировать оному достойную преемственность!⁴

Тем временем, прах кремированного чин по чину Клавдия упокоился в августейшем мавзолее. Рим должен знать, что Юлий-Клавдий Нерон – юлианский праправнук Августа по материнской линии и клавдианский усыновленец по линии приёмно

³ Автору данной монографии пришлось служить Советскому Союзу, когда умер (10.11.1982г.) Л.Брежнев. Наш отдельный батальон связи подняли ночью по тревоге, всем объявили, что в Турции государственный переворот (дело было в Ахалкалаки, близ турецкой границы), и что, мол, они, члены НАТО, провокационно нагнетают напряжённость на нашей границе. Меня (шифровальщика) с напарником отправили на узел связи в расположенную на др. конце города дивизию, где нас только утром открыто-официально проинформировали о том, что произошло в действительности (хотя секрет Полишинеля стал уже ночью всем известен). А почти сразу после этого советское офицерство начало (не просыхая) праздновать (и праздновало несколько дней, травя одновременно застольные анекдоты про усопшего генсека) приход к власти Андропова, с к-рым (как с новым Сталиным) связывалось долгожданное ужесточение политики, общее закручивание гаек и повсеместное наведение жёсткого порядка, как внутри, так и вовне. В частности, – обязательные расстрелы коррупционеров, окончательная победа в Афганистане (где советский «ограниченный воинский контингент» вроде бы не воевал, но «выполнял интернациональный долг») и подавление Польши (разгром движения «Солидарность»), где 13.12.1981г. власть взял генерал Ярузельский, и по поводу положения в к-рой наш замполит батальона предлагал повесить человек 500, чтобы, дескать, всё устаканилось, тогда как начальник узла связи проявлял себя более «гуманно», соглашаясь (опять-таки) повесить (для торжества польского социализма-коммунизма) человек (всего) 200.

Годы спустя мои впечатления тех лет (того горького и смешного мёртвого времени), плюс – военная кафедра в университете, где майоры и полковники не все могли отличить кириллицу от латиницы, легли в основу стихотворения, к-рое приводится ниже:

Мозг у комбата был с грецкий орех,
«Cuba» читал он, как «Сива»,
В «Сиве» же мнил сионистский секрет,
Антиарабскую ксиву.

А замполит кулаком да об стол,
И материл «Солидарность»,
Вешать наймитов Америки, мол,
Треба, и будет всё гарно.

«Юрий Андропов – вот, кто наведёт
Твёрдой рукою порядок», –
Пьяный майор лопотал под дождём,
Сталина слава без мата.

Службу нести мне в тот выпало год,
Помню ноябрь промозглый,
Брежнева в смерть провозжал анекдот,
Было вокруг всё безмозгло. (К.З.)

⁴ На память советский анекдот. Ленин и Сталин, лёжа в мавзолее (где они мумифицированно-фараонски соседствовали с 1953 по 1961гг., когда «отца народов» удалили из зиккурата), слышат ночью какой-то шум на входе. Ленин спрашивает у Сталина: «Что это?» Сталин усмешливо отвечает: «Это Хрущёв и Брежнев с раскладушками к нам пробираются». Возмущённый Ленин: «Здесь, батенька, – не общежитие!»

отцовской — всходит на трон в статусе-ранге (премного) законного продолжателя, перво-наперво, именно Августа и (в придачу) Клавдия.

Любопытно тацитовское замечание о косноязычии Нерона как первого, начиная с Цезаря, в римской истории кесаря-принцепса. «Диктатор Цезарь являлся достойным соперником лучших ораторов, Август говорил легко и свободно, как и подобает принцепсу. Тиберий владел искусством взвешивать каждое слово и вкладывал в свои выступления богатое содержание, если намеренно не придавал им двусмысленности. Даже расстроенный разум Гая Цезаря не лишал его речь силы. Да и у Клавдия, когда он говорил обдуманно, не было недостатка в выразительности. А Нерон с раннего детства устремил живость своей души на другое: занимался чеканной работой, рисованием, пением, учился править лошадьми на ристалище; но порою, слагая стихи, и он обнаруживал начатки учёности» (Ан. 13,3).

Искусство реторики/риторики-красноречия было одним из важнейших для репрезентантов высшего римского общества, и поэтому ущемлённость в нём сразу бросалась в глаза (являясь для римлянина комплексом неполноценности). О Цезаре Светоний пишет: «В красноречии и военном искусстве он стяжал не меньшую, если не большую славу, чем лучшие их знатоки... Цицерон, перечисляя ораторов в своём «Бруте», заявляет, что не видел никого, кто превосходил бы Цезаря, и называет его слог изящным, блестящим и даже великолепным и благородным» (Цез. 55,1).

Можно сказать, что Цезарь был гениален во всём, за что брался, среди прочего, — в красноречии. Читайте его исторические сочинения, к-рые Наполеон (пусть исходя из монархической конъюнктуры) ставил много выше тацитовских. И похвала из уст такого мэтра красноречия, как политический и ментальный противник Цезаря Цицерон, дорогого, тем более, что с Цицероном безоговорочно соглашаются и Тацит, и Светоний, стоит.

Об Августе у Светония находим: «В слог он стремился к изяществу и умеренности, избегая как пустых и звонких фраз, так и, по его выражению, «словес, папахивающих стариной» (камень в огород беспринципного бакалавра словесного поноса Цицерона — К.3.); больше всего он старался как можно яснее выразить свою мысль...» (Авг. 86,1). Прагматик до мозга-костей, он и в слог со стилем старался максимально вложить прагматическое ясномыслие, чему свидетельство его свободный от всякого излишнего пафоса и лишних слов рукотворный памятник (к-рым, вернее, увековечив к-рым свои кратко суммированные достижения, он воздвиг себе ими памятник нерукотворный) «Мои деяния» (*Res gestae*).

Тиберия же, к-рый учился красноречию у знаменитого Валерия Мессалы, Август критиковал-высмеивал, поскольку тот «гонялся иной раз за старинными и обветшалыми словами» (Авг. 86,2). «Благородными искусствами он (Тиберий) занимался с величайшим усердием на обоих языках. В латинском красноречии он подражал Мессале Корвину, к-рого очень почитал в юности, когда тот уже был стариком. Однако слог свой он слишком затемнял нарочитостью и вычурностью, так что иногда без подготовки говорил лучше, чем по написанному» (Тиб. 70,1). Как видим, Тацит и Светоний отмечают различные недостатки тиберианского красноречия, но при этом стоит подчеркнуть: глубже образованный, чем Август, Тиберий на равных владел латынью и греческим (к-рым Август владел хуже) и прекрасно знал, не отдаваясь ей, греко-античную культурную древность, декадансу к-рой Калигула и, в ещё большей мере, Нерон отдались без тормозов.

«Из благородных искусств он (Калигула) меньше всего занимался наукою и больше всего — красноречием, всегда способный и готовый выступить с речью, особенно если надо было кого-нибудь обвинять. В гневе он легко находил и слова, и мысли, и нужную выразительность, и голос...» (Кал. 53,1). У Клавдия, к-рый, кстати, занимался греческой словесностью с не меньшим прилежанием, чем рим-

ско-латинской, тоже, когда, повторим вслед за Тацитом, он говорил обдуманно, не было недостатка в реторско-ораторской выразительности.

И только один Нерон, не любивший ни судействовать, ни присутствовать в судах, где римляне обычно и оттачивали, в ранге адвокатов или обвинителей, своё красноречие, отлично от всех своих цезарско-кесарских предшественников, в данном «благородном искусстве», увы, не преуспел. Златоуст, в римском понимании, из него был никудышный.

Светоний: «Благородные науки он в детстве изучал почти все; только от философии отклонила его мать, уверяя, что для будущего правителя это помеха, а от изучения древних ораторов Сенека, желавший, чтобы его ученик дольше сохранил восторг перед наставником. Поэтому он обратился к поэзии, сочиняя стихи охотно и без труда. Не правы те, кто думает, будто он выдавал чужие сочинения за свои: я держал в руках таблички и тетрадки с самыми известными его стихами, начертанными его собственной рукой, и видно было, что они не переписаны с книги или с голоса, а писались тотчас, как придумывались и сочинялись, — столько в них помарок, поправок и вставок. С немалым усердием занимался он также живописью и ваянием» (Нер. 52).

Отклонение матерью прочимого ею в кесари сына от философии удивления не вызывает. Философствовать — означает, кроме прочего, уходить в мудростные дебри, переумудряться, сомневаться и теряться в догадках, что недопустимо для политика-властителя, от которого часто будут требоваться стремительные и беспощадные (без рассюсюкиваний) решения. Сенека же, насколько выходит из Светония, не очень приобщал своего воспитанника к искусству красноречия, чтобы быть-остаться незаменимым для него и в пору его кесарства, чтобы быть ему подольше необходимым-нужным.

Но, вероятно, даже не это главное. Неримская-непатрицианская предрасположенность Нерона к стихотворчеству, к ваянию, к живописи, наконец, в перспективе к кифаредству, на котором он почти свихнётся, ясно выдают в нём вовсе не столько урождённого-прирождённого римлянина, сколько, вопреки его чисто римскому генезису, ярко выраженного ментального эллиниста, кому эллинизм с ориентальным душком и ориентально-эллинистический образ жизни (богато представленный в Риме I/II вв. и постепенно поглощавший Рим) много ближе, чем всякое потомственное римлянство.

Он и римским тираном сделается в скором будущем именно на ориентально-эллинистический манер, идя по стопам ориентально-эллинистических тираний, более того, во многом, воспроизводя-дублируя, дабы в конце концов превзойти его, своего дядюшку Калигулу. Ох не случайно извлечённому-возвращённому в 49г. из корсиканской ссылки Сенеке, когда его назначили воспитателем 11/12-летнего Нерона, снилось (согласно светониевским слухам), будто он воспитывает Гая Цезаря (Нер. 7,1).

По всему, Нерон не получил глубокого систематического образования ни до 49г., ни, несмотря на именитость Сенеки, при нём, на протяжении 5-и, с 49 по 54г., дотронных лет, так и оставшись проявившим незаурядную тягу к изящным искусствам поверхностным дилетантом-недоучкой в науках, и научившись, небеспристрастно наблюдая окружающих, гораздо лучше разбираться в человеческих пороках, чем во всём остальном. А по своим личным наклонностям он, как сказано, куда больше всех своих предшественников, склонен к эллинизму и ориентализму.

Кто перед нами? Инфантильный барчук, — *мальчиш-кибальчиш*, к-рый взойдя в *главные буржуины*, ещё не стал *плохишом*, к-рый тяготится назойливым попечительством матушки, появляясь на публике рядом с ней в носилках или почтительно

шествуя пешим рядом с её носилками! К-рый (нарцисс в душе) пока ищет противовес «лучшей» матери в своих наставниках, к-рый больше всего на свете хочет всем (и как правитель, и как человек-гражданин) нравиться, и к-рый искренне руководствуется (не зная, что ими вымощена дорога в ад) самыми благими намерениями! Он не успел повзрослеть и, увы, никогда уже не повзрослеет, так и оставшись недорослем-переростком и барчуком с благими намерениями, к-рые приведут его в ад, положат конец династии Юлиев-Клавдиев и ввергнут Рим в кровопролитную гражданскую смуту!⁵

БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ И СТАРТОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

«По выполнении обрядов, создававших видимость скорби, Нерон явился в сенат и, начав с сенатского постановления относительно вручения ему власти и согласия с этим войска, сказал о том, что располагает примерами и советами, как наилучшим образом управлять государством, что его юности не довелось соприкоснуться с междоусобными войнами и семейными раздорами и что поэтому он не приносит с собою ни ненависти, ни обид, ни жажды отмщения. Затем он наметил будущий образ правления, отмежевываясь главным образом от того, что вызывало ещё не заглохшее озлобление: он не станет единоличным судьёй во всех судебных делах, дабы, заперев в своём доме обвинителей и подсудимых, потакать таким образом произволу немногих могущественных; он не потерпит под своей кровлей никакой продажности, не допустит никакого искательства; его дом и государство будут решительно отделены друг от друга. Пусть сенат отправляет свои издревле установленные обязанности, пусть Италия и провинции римского народа обращаются по своим делам в трибуналы консулов; пусть консулы передают их в сенат; он же будет ведать лишь теми провинциями, к-рые управляются военной властью» (Ан. 13,4).

По поводу «ненависти, обид и жажды отмщения», здесь трудно не разобрать прозрачный намёк Нерона на его отличие от предшественников-обиженных — Тиберия, Калигулы, Клавдия, каждый из у-рых был чем-то озлоблен — опалой, страхом, унижениями: Тиберий — при Августе (время родосского самоизгнания — бг. до н.э. — 2г. н.э., и по большому счёту, вплоть до поднявшей его — на безрыбье — в престолонаследники кончины внука Августа Гая Цезаря в 4г. н.э.); Калигула — при Тиберии (с 19/23г. — смерти Германика и Друза — и до ниспровержения-казни Сеяна в 31г.); Клавдий (считаясь дебилоидом) — и при Августе, и при Тиберии, и при Калигуле. И хотя Нерон тоже ходил в обиженных при Клавдии, с 41г. и до падения Мессалины в 48г., в составленной Сенекой тронной речи он нашёл нужным себя от предшественников отделить. Мол, он свободен от всяких отмстительных комплексов и намерений: не извольте беспокоиться, почтенные отцы-сенаторы.

Далее юный принцепс прямым текстом дистанцировался от вызывавших особенно сильное раздражение давешних киксов клавдианского правления. В его речи делается упор на столь излюбленном Клавдием единоличном судействе (любимая

⁵ Перечисляя-приводя знамения, указывавшие на властвование Нерона, Дион говорит: «При его рождении перед самым рассветом, свет, не происходивший ни из какого видимого источника, окутал его», сообразно чему некий астролог предсказал, что этот младенец будет властвовать, но убьёт родную мать, в ответ на что Агриппина и произнесла своё знаменитое «Пусть убьёт, лишь бы царствовал!», в чём затем (третируемая сыном) горько раскаивалась. И дальше приводятся (более мягко, чем у Светония) слова будто бы произнесённые после рождения ребёнка Нероновым отцом Домицием о том, что от него и Агриппины хороший человек родиться не может. И ниже читаем: «По прошествии времени, когда Нерон был ещё дитём, однажды была найдена змеиная кожа вокруг его шеи, что побудило прорицателей предсказать получение им великой власти «от некоего старца, ибо змеи избавляются от старости, сбрасывая кожу» (61,2,1-4).

«игрушка» *задержанного в развитии* кесаря), к-рое, скажем снова, отнюдь не всегда оказывалось объективным и справедливым. Ну и, само собой, при нём, Нероне, не будет ни всевластия либертов, ни бабьего царства: это завуалированно звучит в словах о недопустимости продажности и искательства под кесарской кровлей и об отделении императорского дома от государства, о несмещении частного семейного с государственным. Вот вам и критика закрытым текстом в адрес предыдущего правления и правителя, прославленного-обожествлённого текстом и деянием официальным – открытым. Но все всё отлично, поскольку не кто иной как сам Август научил римлян своеобразному эзопову языку, поняли-уразумели, и до всего допедрили.

К тому же, главное заключалось в том, что новый принцепс-кесарь намерен правительски сожительствовать в гармонии-согласии с сенатом, что сулили сенаторам и Тиберий, и Калигула, и Клавдий, сделав данное (благое) намерение традицией при тронной инаугурации кесарей-принцепсов, и каждый потом, – кто больше, кто меньше, – по-разному и сходно, нарушив-поправ (много)обещанное. Нет, теперь всё будет не так: дескать, Нерон всурьёз и надолго ставит на завещанную Августом равноправную конституционную диархию в отношениях между кесарем и сенатом. (Свежо предание...) Разделим обязанности-полномочия и не станем, живя в продуктивных-конструктивных мире и согласии, ни вредить, ни мешать друг другу!

Впрочем, если Тиберий обещался поступать с сенатом по образу и подобию Августа, чего не сделал, то Калигула божился поступать не так, как Тиберий, тогда как Клавдий обещал обращаться с сенаторами не так, как гнобившие их Тиберий и Калигула. И ни один из них с сенатом и сенаторами, не в пример Августу, по-настоящему, не ужился, не сумел повелительно ужиться-сдружиться. Нерон, дескать, сумеет.⁶ То-то сенат, желая верить в сказанное (поскольку людям свойственно

⁶ Великий отец-основатель Август – универсальный образец для всех его юлианско-клавдианских преемников, как, к примеру, Ленин – для всех советских генсеков, каждый из к-рых неизменно зывал, среди прочего, к «ленинским нормам социалистической законности!» («Нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно» – Ленин – апрель 1921г.). И только в конце катастрофической горбачёвской перестройки-катастрофы (начавшейся снова с клятв непоколебимой верности ленинизму и под лозунгом «Революция продолжается») громко заговорили о том, каким верхом (возведённого в ранг гос. политики) террористического беззакония-беспредела именно эти ленинско-большевистские кроважидные нормы на самом деле являлись.

К месту присовокупить. Между прочим, левые и особенно левые радикалы всегда упирают на то, что они представляют интересы большинства малоимущего народа, выступая от имени никак не *Я*, но от имени коллективного *мы*-сознания. И потому для них всякое меньшинство, всякий (не путать с эгоцентризмом) индивидуализм (в куда большей мере, чем для правых) – априори – вне закона. Меньшинство и разнородные единоличники могут быть, если они лояльны и приносят пользу, толерируемы (обществом-государством), однако лишь в определённой мере и до определённой поры, причём так, чтобы их всегда, прикрываясь интересами большинства, можно было (в случае чего) элиминировать (как именно – вопрос вторичный и не столь существенный).

Говорят, когда кто-то (риторически) спросил Маркса – а что революция станет делать с несогласными? – Маркс, к-рый мечтал о пролетарской революции, слобренной новой Крестьянской войной (жесточайшая распря-резня XVIв. в Германии), озорно засмеялся и без лишних слов нарисовал в воздухе выразительный треугольник гильотины (к-рую, кстати, беспощадно расстреливавшие заложников парижские коммунары, названные Марксом «героями, штурмующими небо», просто не успели новоустановить в Париже, так как их террористическая «коммуна», раздавленная версальцами, просуществовала всего 72 дня, в то время как большевики-коммунисты продержались у власти в России и СССР итого аж 74 года). Спрашивается – что такое в реальности и на практике диктатура пролетариата (абсурдность к-рой трудно не понять)? если не тоталитарная диктатура партии, урвавшей на себя право осуществлять от имени пролетариата преступно узурпированную ею абсолютную власть и затем выдвигающая из своих рядов диктатора-людоеда, к-рый (уничтожив конкурентных политических людоедов) устанавливает абсолютную пирамидальную вертикаль власти!

верить в то, во что они очень хотят поверить), торжественно постановил увековечить кесарскую (от Сенеки) речь на серебрянной колонне и зачитывать её (как *credo*) при каждом новогоднем вступлении новых консулов в должность (Дион 63,3,1).

Одним словом, ныне Нерон, как в своё время и Тиберий, и Калигула, и Клавдий, кокетливо обменивался с сенатом любезностями, уверяя герузиархов, что будет считаться с ними, не ущемляя их в правах-привилегиях и позволив им вволю отправлять издревле установленные обязанности — как в Риме/Италии, так и в сенатских провинциях. А сам скромник-кесарь возьмёт на себя тяжкое бремя заботы, по августейшим стопам, о трудоёмких провинциях кесарских. Не там ли стационарируются подкомандные лишь кесарю, сродни преторианцам в столице, легионы, почему (присовокупляем от себя) Принципат есть (не признаваясь в этом ни себе, ни другим), по сути, военная диктатура-мон(о)архия, без к-рой Империя размером в полмира существовать (и вправду) не в состоянии.

Итак, стремление-намерение-обещание править по законам, лекалам и сердцу Августа — клятва-присяга всех римских кесарей-принцепсов из династии Юлиев-Клавдиев! последним представителем к-рой суждено было стать (в наступившую параллельно Мистерии Голгофы 1/1 — 33гг. эпоху *кесарева безумия*, к-рая продолжилась в Век Апостольский) её венцу — Нерону.

И на самом деле многое из обещанного Нероном поначалу претворялось: «Он не нарушил своего обещания, и сенат действительно беспрепятственно вынес по собственному усмотрению немало решений: так, он постановил, что никому не дозволяется брать на себя защиту в суде за какое бы то ни было вознаграждение, будь то деньги или подарки, а также, что квесторы, избранные на следующий срок, не обязаны давать за свой счёт гладиаторские бои. И хотя Агриппина противилась этим решениям, поскольку ими отменялись указы Клавдия, сенаторы всё-таки добились своего: для обсуждения этих вопросов их вызвали во дворец, дабы, пригтаившись за недавно пробитыми позади их сидений дверьми, Агриппина, скрытая от их взоров занавесом, могла слышать всё, что они говорили...» (Ан. 13,5)

Плата защитникам-адвокатам в судах была отменена ещё законом Цинция от 204г. до н.э. и эта отмена подтверждена Августом в 17г. до н.э., но закон породил столько неофициальных обходных лазеек и злоупотреблений, что уже при Клавдии был аннулирован. И вот Нерон, надо понимать, идя навстречу пожеланиям недовольных, восстановил-обновил его с ближе неизвестными гарантиями исполнения, чтобы удалить из юриспруденции = отдалить от Фемиды жажду наживы в качестве стимула. Правда, Светоний представляет дело несколько иначе: «Защитникам от тяжущихся была установлена твёрдая и постоянная плата...» (Нер. 17,1). Т.е., по Светонию, получается твёрдая плата вместо ненормированных произвольных гонораров, к-рые и приводили к злоупотреблениям при Клавдии, что вызывало острое недовольство граждан.

С др. стороны, избранные на следующий год квесторы были освобождены от устройства гладиаторских побоищ за свой счёт — обременительная и разорительная обязанность, к-рую также возложил на них Клавдий, и к-рая тоже вызывала недовольство. Римлян, не желавших облекать обязательную в *cursus honorum* (затратную) квестуру становилось всё больше, что, в свою очередь, больно било по ресурсу чиновничьего аппарата.

* * *

Вместе с тем, противление Агриппины можно понять, ибо столь скорая отмена постановлений её (обожествлённого) супруга-кесаря ставила в её опасениях под вопрос преемственность власти и наводила на подвопросность легитимности-уместности, в первую очередь, вдовствующей императрицы. Примечательно и то, что

пока, идя навстречу её пожеланию, сенат заседал в императорском Палатинском дворце, где она, не могучи присутствовать на заседаниях официально-открыто, наблюдала за происходящим и вслушивалась в речи герузиархов из-за занавеса за специально для неё пробитыми позади сенаторских скамей-сидений дверьми — явление в истории Рима дотоле беспрецедентное! Эмансипация! В лице Агриппины влияние женщин (начиная с активности за почти столетие до того супруги Антония — Фульвии), непредставимая при прежней классической Республике, достигла в императорском Риме, на первом его этапе, своего апогея.

Женщины отойдут на задний план в мужское правление династии brutальных Флавиев, при к-рых они не будут играть никакой существенной роли; потом пользуются умеренным влиянием в «золотой век» Антонинов; и, наконец, увенчают эпоху Принципата коротким, но блистательным «бабьим веком» при Северах.

Между тем, как сказано, влияние Агриппины Сенека и Бурр, тайно поддерживаемые Нероном, твёрдо решили, по возможности, урезывать-ограничивать. Так, любопытен, например, случай с приёмом в Риме к концу 54г. армянских послов, о к-ром рассказывают и Тацит, и Дион (61,3,4/5). Не будем сейчас строить догадки насчёт того, чего именно эти послы хотели в ситуации, когда в Армении утвердился брат парфянского царя Вологеса Тиридат, о чём Тацит с Дионом, к сожалению, молчат (и какую именно партию — проримскую? или пропарфянскую? — данное посольство представляло) (см. ниже), но сосредоточимся вместе с античными авторами на Агриппине.

У Тацита читаем: «...как-то раз, когда Нерон принимал армянских послов, остаивавших перед ним дело своего народа, она (Агриппина) возымела намерение подняться на возвышение, на к-ром он находился, и сесть рядом с ним, что и случилось бы, если бы Сенека, когда все оцепенели, поражённые неожиданностью, не предложил принцепсу пойти навстречу подходившей к возвышению матери. Так под видом сыновней почтительности удалось избегнуть бесчестья» (Ан. 13,5).

Рассказ Диона (Ксифилин 148,18 — 149,30) в основном соответствует тацитовскому, с той разницей, что у него инициаторами такого поведения Нерона выступают и Сенека, и Бурр (61,3,3). Сим оба, под благовидным предложением показушной почтительности сына к матери, предотвратили небывалое в Риме участие женщины, — кем бы она ни была, — в даче аудиенции иностранному посольству. Ведь, помимо прочего, такое ориентальными послами вполне могло быть истолковано как явный признак и явное свидетельство ослабления-слабости (подкаблучной) державы и её юного (мамкающего) повелителя.

Светоний: «Чтобы ещё яснее открыть свои намеренья он (Нерон) объявил, что править будет по начертаниям Августа, и не пропускал ни единого случая показать свою щедрость, милость и мягкость. Обременительные подати он или отменил, или умерил. Награды доносчикам по Папиеву закону он сократил вчетверо. Народу он роздал по 400 сестерциев на человека, сенаторам из знатнейших, но обедневших родов назначил ежегодное пособие, иным до 500 тысяч, преторианские когорты на месяц освободил от платы на хлеб. Когда ему предложили на подпись указ о казни какого-то уголовного преступника, он воскликнул: «О, если бы я не умел писать!» Граждан из всех сословий он приветствовал сразу и без напоминания. Когда сенат воздавал ему благодарность, он сказал: «Я ещё должен её заслужить». Он позволял народу смотреть на военные упражнения, часто декламировал при всех и даже проносил стихи, как дома, так и в театре; и общее ликование было таково, что постановлено было устроить всенародное молебствие, а прочитанные строки стихотворения записать золотыми буквами и посвятить Юпитеру Капитолийскому» (Нер. 10).

Ну что ж, — налицо всеобщая эйфория, очень даже сравнимая с начальной порой т.н. гуманитарного прихода к власти Калигулы. И пусть правление Клавдия

было далеко не столь мрачным, как каприйская децэналия Тиберия, тем не менее, он успел всем надоесть-настоебенить, сделав не переставшую при нём быть страшной-грозной верховную власть слишком карикатурной. То-то все ожидали от нового юного царствования свежего ветра перемен к лучшему. Да и у самого вертикально-единовластного гос. устройства в обычае продолжать, по правилу не без исключений, каждым последующим правителем курса не столько вчерашнего, сколько позавчерашнего царствования (чем правители, чередуясь через одного, либерально или консервативно уравниваются, в то время как при демократическом устройстве это и иного рода равновесие осуществляют регулярно сменяющиеся друг друга выборные оппозиционные лидеры-руководители и партии).⁷

⁷ Ср. чередование в истории Петербургской империи, условно выражаясь, *либералов* и *консерваторов* на троне. Либерала Александра I сменил консерватор Николай I; Николая I – либерал Александр II; Александра II – консерватор Александр III (Александра III – консерватор в душе и либерал поневоле – Николай II, к-рый, идеализируя и пытаясь репрезентировать-позиционировать допетровско-Московскую Русь, вынужден был управлять созданной Петром Великим Петербургской империей, так и не сумев толком в этой пагубно привитой ему родным отцом и Победоносцевым расщеплённости определиться, отчего, в т.ч., и был изначально обречён).

Или – иной (не без признаков сходства чёт нечет через одного) ракурс – в истории Советской империи: Хрущев взывает, в обход Сталина, к Ленину; Брежнев, в обход Хрущева, (спектаклярно-посмешищно) тяготееет (без крови) к Сталину и гротескно подражает его культу (так кремлёвские старцы, впадая в детство, новопереживали свою молодость «сталинских соколов», увешивая друг друга парадными орденами-регалиями без репрессий); мятувшийся торопыга Горбачёв, в обход Брежнева, больше походит на шатуна Хрущева. И все они отталкиваются от Ленина, как вышеперечисленные Романовы от Петра Великого. Цезаристская и папистская, вернее, цезаро-папистская (царско-генсексовская) модель!

Сегодня же Путин (после Горбачёва и Ельцина – этих новых Бориса Годунова и Василия Шуйского новейшей российской истории) больше равняется, оперируя нац. духом (и пропуская-опуская советских генсеков), на Столыпина, при том что его путинский культ – казусная мешанина из подогнанных «Вестями», Д.Киселёвыми и т.д. под современность = консенсусно модифицированных культов Сталина и Брежнева (при этом, во многом, на костях нерадивых и постоянно пропагандистски шельмуемых предшественников – Горбачёва и Ельцина). Дифирамбы налицо, но пройдёт всего лет 20, и кто знает – не назовут ли Путина (в политической биографии к-рого треть десятилетия ХХIв. – заключительное) провальным политиком, при к-ром Россия потеряла Украину и Южный Кавказ?! Не потерял ли он включением в состав России Крыма (что его апологеты сравнивают даже с победой над Наполеоном и Гитлером! делая из него нового Ивана Калиту, начавшего собирание постсоветских земель!), Украину, одержав тактическую победу и потерпев стратегическое поражение? (хотя был ли иной выход?)

Или не рискует ли Россия в перспективе потерять Ю.Кавказ, фактически кинув своего союзника Армению в войне против неё осенью 2020г. всемерно поддержанного Турцией (и рядом др. стран) Азербайджана? в отношении к-рых достаточно было бы одного жёсткого заявления России летом 2020г., что она не потерпит никакой войны близ своих южных рубежей, чтобы эта война не началась (о начале к-рой и о поражении в к-рой Армении Россия просчитанно знала заранее).

Засим не является ли попытка путинской России таким образом сохранить в сфере своего влияния Азербайджан (когда, мол, Армении всё равно некуда деваться) эфемерной? а размещение российского контингента в Карабахе – именно тактической (вроде бы) победой и именно стратегическим, в долгосрочной перспективе, поражением? Или, если Крым – Россия, то почему Нагорный Карабах – не Армения? Ведь аналогия здесь один к одному, и не надо откровенно демагогически прикрываться тем, что Армения, мол, сама не признала независимость Карабаха, к-рый, дескать, потому – не территория Армении, почему Россия и не имела оснований вмешаться в войну на стороне своего союзника! Аргументация, уж не говоря о шизинизме подобной позиции, – курам на смех!

При всём том, любое поражение Армении (единственного союзника России на Ю.Кавказе, ибо родственно близкий Турции тюркский Азербайджан она, так или иначе, не удержит, а стремящуюся однозначно на Запад Грузию, лишённую ею Абхазии и Ю.Осетии, не вернёт),

Разумеется, не всё из суммарно перечисленного Нероном (Светоний) позитива было сделано в самом начале его правления. Но, в любом случае, этот позитив относится к первой нероновской пятилетке-квинквиналии, хотя уже не далее как в феврале 55г. она будет омрачена первым из инициированных самим Нероном (при минимум молчаливой поддержке не Агриппины, а Сенеки и Бурра) преступлений — отравлением-устранением Британника.

Т.е. Нерон, никоим образом, не являлся в 54 — 59гг., когда, до совершённого им в 59г. матереубийства, позитив в нём всё-таки перевешивал негатив, безгрешным ангелочком с крылышками. Однако, по крайней мере, последние месяцы 54г. н.э. (и, если всмотреться, то только они), бывшие одновременно первыми месяцами Неронова правления, оказались и остались в его тронной биографии, пожалуй, ничем не запятнанными.

Тацит: «В том же году Цезарь испросил у сената статую своему отцу Гнею Домицию и консульские знаки отличия Асконию Лабеону, к-рый был в своё время его опекуном; но он отклонил предложения установить ему статую из чистого золота или серебра. И хотя сенаторы высказывались за то, чтобы считать началом года декабрь, так как в этом месяце Нерон родился, он сохранил древний обычай начинать год с январских календ. Не были преданы суду ни сенатор Карринат Целер, обвинённый своим рабом, ни всадник Юлий Денс, к-рому вменялась в вину приверженность к Британнику» (Ан. 13,10).

У Светония сказано без уточнений о воздании Нероном памяти своего родного отца, кому, по Тациту, сын испросил у сената статую, — «великих почестей» (9). Этот отец — знакомый нам Гн. Домиций Агенобарб, к-рого его современник Веллей (при Тиберии — в 29/30гг.) хвалит — *nobilissima simplicitas* (2,10,2), а Светоний (спустя столетие), называет, напомним, — «человеком гнуснейшим во всякую пору его жизни» (5,1). Он умер, как мы помним, ок. сорока лет отроду, в 40г., когда Агриппина и её мл. сестра Ливилла находились в калигулианской ссылке на Понтийских островах, в своём этрусском имении Пирги от (различных излишеств и) водянки. В 54г. ему, помимо статуи, было определено ежегодное жертвоприношение от жреческой коллегии Арвальских братьев перед его римским жилищем на *via Sacra*.

Отмеченный консульскими знаками отличия ближе неизвестный Асконий Лабеон — опекун Нерона, следует понимать, как раз со времени кончины родителя последнего — Домиция, в пору перехода 3-летнего ребёнка на попечение одной из сестёр отца — Домиции Лепиды Старшей. Причём, видимо, Лабеон и впоследствии, по возвращении Агриппины в 41г., при Клавдии, из ссылки, и после того как она в 44г. отбила у Лепиды Ст. богатея Пассиена Криспа (женив его на себе), как-то и какое-то время попечительски заботился о Нероне, к-рый был ему за это благодарен.

Отклонение 17-летним принцепсом собственной предложенной кесарю угодливыми сенаторами (не челядь ли больше всех способствует появлению и проявлению тирании!) статуи наглядно демонстрирует скромность вождя — черту, присущую большинству владык на старте их искренне норовящего-обещающего быть добропорядочным правления.

вне зависимости от того, кто в Армении у власти, есть, по большому счёту (если сложившуюся после войны ситуацию не переиграть и не переформатировать), поражение России! (к-рая остаётся в Закавказье только до тех пор, пока на Ю.Кавказе остаются армяне). Между тем, в армяно-азербайджанской войне 2020г. Эрдоган и Путин (в сущности) цинично разыграли армяно-азербайджанскую карту почти так, как Ленин и Кемаль сделали это (в ущерб России!) сто лет назад — в 1920/21гг., сыграв в четыре руки! (См. о событиях 1920/21гг. опубликованный до начала сентябрьско-ноябрьской войны 2020г., летом, исторический очерк-предупреждение, к-рое никто не услышал, в журнале «Литературная Армения» за 2020г., № 2: К.Захарян «Раздел Армении, большевизация и красный террор»).

Но суперсервилисты на этом не успокоились и предложили перенести начало календарного года вместо календ января на декабрь, так как 15.12. Нерон родился, что тоже не нашло поддержки-отклика у юного тронного дарования. Хотя после убийства Агриппины в 59г. он предпочтёт считать годы своего правления не с октября 54г., когда преемствовал Клавдию, а с 10.12.53г., ибо именно в день 10.12. сменялись народные трибуны, к позаимствованному народному трибунату к-рых кесари, начиная с хитрована Августа, обзаведшегося в 23г. до н.э. исключительным *народно-империальным* трибунатом – *tribunicia potestas* – как к юридической (абракадабической) основе кесарского всевластия царей-батюшек, неизменно зывали.⁸

Ну и вдобавок к прочим благим начинаниям Нерона, среди кесарских добродетелей к-рого Сенека упирал на востребованность милосердия – *clementia*, стало (в демонстративное противопоставление тиранам и тирании) непредание суду обвинённого рабом, вероятно, в оскорблении (неважно под каким соусом) величия/величества, некоего сенатора Каррината Целера. Или ещё – снятие обвинения с обвинённого в (противонероновской) приверженности Британнику всадника Юлия Денса.

Глядите, представители составляющих стержень римского общества сенаторского и всаднического сословий! насколько великодушен и милосерден новый кесарь-принцепс! (Как будто не похожим образом, с мягкой силы, начинали и Тиберий, и Калигула, и Клавдий!) То-то литераторы и поэты поспешили прославить наступление (очередного) «золотого века» (пусть даже на дворе продолжал стоять и всё более ржаветь «век железный») (Сенека «Арос.» 1,4; Лукан «Фарсалия» 1,33).

Обращает также на себя внимание попадающий у эксцерпированного Диона под 54г. случай с Дорифором – вольноотпущенником Нерона, к к-рому он проявил поистине царскую щедрость: «...Нерон никогда не бывал скаредным, как показывает следующее происшествие. Как-то он приказал, чтобы два с половиной миллиона денариев были одновременно выданы Дорифору, ведавшему прошениями в его правление, и когда Агриппина сделала так, чтобы эти деньги были сложены в одну кучу, надеясь, что увидев её, он изменит своё намерение, он спросил, как много перед ним сложили, и после того как ему сообщили, удвоил сумму, сказав: «Я и не подозревал, что дал ему так мало» (61,5,4).

Посему благонамеренный 17-летний стихотворец и ваятель на троне имел достаточно смутное представление о финансах. Стоит ли удивляться, что от подобной и прочей щедрости, к-рая быстро обернётся невиданной расточительностью, казна вскоре, как и при Калигуле, уныло опустеет, вследствие чего средства придётся добывать различными (в т.ч. грабительскими) поборами и сопровождающими репрессии конфискациями. Конечно, деньги были щедро (от души) отпущены Дорифору на ведомственные, по делам прошений, за к-рые он взялся, засучив рукава, нужды. Правда, можно не сомневаться, что оборотистый вольноотпущенник не забыл также себя любимого.

Но до поры и такое поведение ставилось молодому принцепсу-кесарю, к-рый, сродни Калигуле, жаждал любви Рима, и к-рого, в меру упитанного барчука-бутхуза, наверное, сродни Калигуле, тоже называли и «светиком», и «касатиком», и «куколкой», исключительно в плюс. Рим не хотел думать о дежавю и уж, тем паче, о том, что нет ничего нового под солнцем и что возвращаются ветры на круги своя. Рим, воображая себя в новонаступившем *Золотом веке*, (пока) ликовал.

⁸ Народный трибунал был самой демократической (*sine imperium*) магистратурой Рима, искусно узурпированной и превращённой в твёрдую императорскую опору (выступавшими от имени большинства граждан) кесарями, начиная с (политического *кудесника*) Августа (Р.л. 313/14), к-рый, учтя музейный консерватизм римлян, сделал этот трибунал (*tribunicia potestas*) одним из основных столпов сохранения Республики де-юре при принципатовской Моноархии де-факто.

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

Первую внешнеполитическую задачу новому принципату задал Армянский вопрос — вот уже ок. 120-и лет бывший ключевым на восточной границе Imperium Romanum, часто актуализировавшийся-обострявшийся и требовавший от Рима, начиная с Лукулла и Помпея, к-рый этот вопрос в 66г. до н.э., сделал Армению римским вассалом, открыл-поставил, своего очередного решения.

Как мы помним, в 54г. н.э. римский (за пассивностью и неимением у Клавдия в последние годы его правления лучшего решения) ставленник Радамист Иверский вынужден был снова, изгнанный армянами, на сей раз, необратимо покинуть их страну, куда больше тяготевшую к парфянам, чем к Риму, и тем более не пожелавшую иметь над собой не сумевшего найти общий язык с армянами царя-ивера (см. выше). Одновременно, в течение 54г., с изгнанием Радамиста, парфяне, возглавляемые в притязаниях на Армянское нагорье Аршакидом Тиридатом, к-рый получил страну Араратскую ещё в 51/52гг. от старшего брата — царя царей Вологеса, снова вступили в неё.

Согласно Тациту, вести об этом пришли в Рим к концу 54г., при наследовавшем Клавдию в середине октября Нероне, т.е. под концом года речь идёт о времени не ранее ноября или ноября/декабря, и значит, Тацит, в присущей ему манере, в абзацах 6-9 Ан.13, под всё ещё 54-м г., рассказывает о событиях 54-го и в основном 55гг. (что, впрочем, он и сам оговаривает в конце абзаца 9). Соответственно, на истекающий 54г. приходится часть назначений и решений, принятых по данному вопросу Нероном, точнее, Сенекой и Бурром (при находчиво оттеснённой ими, как раз по поводу посольства армян⁹, на задний план Агриппине).

Понятно, что оповещённый о не первом обострении Армянского вопроса = о парфяно-армянской угрозе имперским границам Рим загудел-забеспокоился. Если Калигула пошёл на локальные державно паритетные уступки парфянам, а Клавдий вроде бы сначала вернул статус-кво, но затем попятился назад и вообще (занятый Британией) под конец правления пассивничал на востоке, то, спрашивается: как дела сложатся теперь? Кто защитит интересы державы перед лицом угрозы потери армянского междержавного буфера, к-рый должен быть проримским, в пользу парфян?

Ведь Нерону всего 17 лет и он, как и Калигула, как и Клавдий, никакой не полководец. Рим покорил мир и остановился на завещанных Августом границах, не считая исключений типа британского, занимаясь, как при Августе, так и после него, больше проблемами сохранения и закрепления достигнутого. От этого, в частности, полководцы на троне, во главе, к тому же, кризисного, принципата Юлиев-Клавдиев, с Тиберием, кто отполководчествовал своё в правление Августа, иссякли-перевелись. Хотя оптимисты возражали пенявшим на нероновский возраст скептикам, приводя в пример Помпея и Августа.

Родившийся в 106г. до н.э. (одногодок Цицерона) Гн.Помпей начал полководческую карьеру в возрасте 18-и лет, участвуя, под началом своего отца Гн.Помпея Страбона, в Союзнической войне 91 — 89/88гг., где последний одержал несколько убедительных побед над противоримско-италийскими союзниками. Вместе с Цицероном Помпей Младший сначала воевал италийских союзников, потом — марианцев. Октавиан Август на 19-м году жизни вступил в борьбу за наследие Цезаря и с 44/43гг. был в ратном всеоружии, однако, отлично от Помпея, не столько сам стал

⁹ Из (сосредоточенных на Агриппине и обуздании её властительства триумвиратом из Сенеки, Бурра, Нерона) слов Тацита и Диона неясно, — какую партию представляло это армянское посольство? — проримскую, прибывшую за помощью против Тиридата? что скорее всего; или, м.б., — протиридатовскую? пытавшуюся договориться с Римом.

полководцем, сколько умело умел создать при себе команду из незаурядных военачальников, к-рые вели успешные войны под его ауспигиями.

Что ж, как в XXв. маршалы и генералы перестали сами ходить в атаку, так и в постцезарском Риме время кесарей-полководцев, вернее, полководцев в пору кесарства (ни Тиберий, ни Веспасиан, ни Тит не полководествовали, кесарствуя), аж до Траяна миновало. Т.е. всё зависит от умелых назначений, умело подобранной команды и умелой дипломатии. И советникам-советчикам молодого принцепса, Сенеке с Бурром, такое под стать, такое по силам.

Между тем, на римской восточной границе, с утверждением в Иране у власти пришедшей в Ктесифон из Атропатены (где они в лице Артабана царствовали с 5/бгг.) династии Младших Аршакидов, взаимоотношение парфян и армян только усилилось. Для Рима Большая Армения была всего лишь вассальной пограничной окраиной-периферией и, как сказано, междержавным буфером, к-рый Рим, следуя установкам (и Помпея, и) Августа, не намеревался, предпочтая граничить через неё (прикрываясь ею, как щитом) с Ираном, провинциализировать, поскольку границы Империи, в рамках состоявшейся или потенциальной провинциализации, заканчивались на Понте, Малой Армении, Каппадокии, Киликии, Коммагене и Сирии. Иран же видел, воспринимал и переживал Армению как часть великоиранского мира (и миропорядка), как важную составляющую великоиранской Ойкумены, как одну из стран (как одну из квартир многоквартирного дома) Арианы, как западную цитадель (Secundogenitur – «второй сын»), Дома Иранского, и потому стремился вернуть её в (родное лоно) Ариану-Иран.

Категория profana для (известного профанатора мистерий) Рима и категория sasra для (вышедшего из заратустринского духовно-нравственного дуализма, под знаком Близицево) Ирана, особенно для Ирана Младших Аршакидов, к-рые, всё более дистанцируясь от эллинизма, взяли на вооружение запущенное на высоких скоростях ещё Артабаном III возрождение великоиранской, включая зороастризм, традиции и государственности – с парфянским стержнем и в парфянской гегемонистской оправе.

В реальности Армения Древнего мира, с центром на Армянском нагорье, была самобытной переднеазиатской страной между Малой Азией, Кавказом, месопотамским Междуречьем и Ираном, была Домом Армянским¹⁰, тем не менее, в первой

¹⁰ Находясь на пересечении путей (Запад – Восток, Север – Юг) в Передней, но не в Малой Азии (в к-рую она окраинно вдавалась на западе), не на Кавказе (вдаваясь также в Кавказ на севере), не в Месопотамии (но в северном Междуречье берущих начало на Армянском нагорье Евфрата и Тигра) и не в собственно Иране (Иранского плоскогорья), древняя Армения обреталась между греко-римским, через М.Азию, с запада, и иранским с востока ойкуменическими мирами, плюс – Кавказ с севера, и семито-сирийская Месопотамия с юга, будучи внутренне в меньшей мере связана с греко-римским миром и с Кавказом, чем с иранским, малоазийским, и с семито-междуреченским мирами.

Если постатлантические прааккадцы (X-е тыс. до н.э.) и шумеры (4/3 тыс. лет до н.э.) составляют замифологизированную пра- и метаисторию, а хурритский и хеттский периоды – мета- и предысторию, то Хайаса, Дом Тогармы (Мелитена), Урарту (II/I тыс. до н.э.) и далее – Паруйриды и Ервандаканы – при поздних-новых Ассирии и Вавилоне, при Ахеменидах, Александре и Селевкидах, есть уже собственно вовсе не чуждая метаистории история Армении и армянства. Напомним об атлантически пра-аккадском и о постатлантически яфетическом генезисе и этногенезе армян, при – в I тыс. до н.э. – мощной фракийско-фригийской подпитке с запада, семитской – с месопотамско-сирийского юга, киммерийской и кавказской – с севера, и иранской – с востока. Притом необходимо также учесть особую связь Армянского нагорья (плавильный котёл народов) с Ираном с метаисторических времён Пра-Ирана первого (бактрийско-восточноиранского) Заратустры за 6-5000 тыс. лет до н.э. (равно – с вполне исторических времён действовавшего при первых великоиранских Ахеменидах – Кире, Камбизе и Дарии Гистаспе – Заратустры-Заратоса в VIв. до н.э.).

половине I тыс. до н.э. и в первые столетия I-го тыс. н.э., т.е. в ахеменидский и, наипаче, в парфянский периоды иранской истории-местаистории, в наибольшей мере родственным Ирану (вплоть до прихода к власти в Иране в IIIв. н.э. Сасанидов и до принятия армянами в IVв. христианства). Крайний восточный вассалитет преследовавшей в отношении Армении и армян лишь политические (и отчасти экономические) цели-интересы Римской мировой державы и крайняя западная цитадель считавшего Армению органической, пусть имманентной, частью велико-иранского мира Большого, под эгидой в IIIв. до н.э. — IIIв. н.э. Парфии и парфян, Ирана (Р.л. 607-13; 1251-63; Д.И. 123-30; 831-39; 840-904).

Да, находясь ближе всего к греко-римскому миру, непосредственно гранича с ним, Армения была самой эллинизированной частью Иранской ойкумены, пласт эллинизма в к-рой, со дней Александра и затем Селевкидов, после образования Пафянского государства, постепенно размывался. Притом похожим образом эллинизм, пусть медленнее, размывался и в, пусть сравнительно куда более, нежели посталександровский Иран, эллинистической Великой Армении, к-рая так никогда и не стала неотъемлемой-неразъемлемой частью окаямлённого на западе Imperium Romanum вышеперечисленными Понтом, М.Арменией, Каппадокией, Киликией, Коммагеной, Сирией большого (державно-ойкуменического при римлянах) Греко-Римского мира.

Кроме того, выше мы не случайно упомянули про связку Младших Аршакидов с царственно очаговой для них Малой Мидией = Мидией Атропатеной, где родственный местной династии Атропатидов Артабан III (из дахов по отцу? и из связанных с мидо-атропатенскими Атропатидами Аршакидов по матери?) царствовал на протяжении 6/7-и лет до того как сделаться царём царей¹¹ Ирана в 11/12гг., когда он оставил Атропатену своему мл. брату Вонону. Последний же, о чём читателю известно, сделался царём царей в 51г., оставив в Атропатене (*второй престол* Великого Ирана при Аршакидах) одного из своих сыновей — Пакора, и предоставив Большую Армению (*третий престол* Великого Ирана при парфянах; *второй* — при Ахеменидах¹² и Сасанидах) другому своему сыну — Тиридату.

* * *

Любопытно, что если в древнесемитском мире-ареале царствами-близнецами были Израиль и Иуда, или Ассирия и Вавилон, в ареале хамитском — Египет и Нубия, а в ареале семито-хамитском — Сава/Саба и Эфиопия, то в ареале яфетическом похожие близнецы это — Армения (сакрариум планеты Земля вокруг находящейся в треугольнике озёр Ван, Севан, Капутан горы Арарат, олицетворяющей цивилизационное начало нового послепотопного человечества)¹³ и Атропатена (сак-

¹¹ Последний Ахеменид Дарий Кодоман перед тем как стать царём царей Дарием III (336-30гг.) управлял Арменией. Сасанид Нарсе перед тем как стать шахиншахом Ирана (293-302гг.) оспаривал *второй* армянский *престол* у Аршакида Т(и)р(и)дата III.

¹² Близость исторических старо-персов и армян восходит ко временам обитания первых, по соседству с армянами, в районе озера Урмия, откуда они мигрировали под предводительством Ахемена в VIIIв. до н.э. в Фарс/Парс на берегу Персидского залива в юго-восточном Иране.

¹³ Другая конфигурация. Нахождение еврейства (во II/I тыс. до н.э.) между великодержавными Ассирией или Вавилоном и Египтом — по диагонали, и нахождение армянства (в I/I тыс.) между великодержавными Римом и Ираном — по горизонтали. (Вспоминаем, помня о времени эпицентрального в летописи человечества События Голгофы в 1/1-33гг. и о времени Века Апостольского, антропософскую периодизацию истории/метаистории: III-я Египетско-Вавилонская культура под знаком Тельца — 2908/07 — 748/47гг. до н.э.; IV-я Греко-Римская культура под знаком Овна-Агнца — 748/47гг. до н.э. — 1413/14гг. н.э.; архангельская эпоха

тариум Ирана Заратоса-Заратустры, с бескупольным святилищем, вечным онём и священным озером на горе Трон Соломона – Такт-и-Сулейман).¹⁴

И неспроста с началом противостояния-противоборства в IV до н.э. между Римом и Парфией, Армения подпала, оказавшись в его сфере влияния, Риму, тогда как Атропатена осталась в орбите Ирана и расклад этот за эпизодическими короткими исключениями (М.Антоний в 30-е гг. IV до н.э.; внук Августа Гай Цезарь – первое десятилетие IV н.э.)¹⁵ не менялся. Но вот в 30-е гг. Артабан (Ардеван Великий), оставив на второй план Александра и эллинизм, воззвал к преемственности от (перво-наперво) Кира Великого, что уже означало притязания Ирана в западном направлении, в первую очередь, на Армению, чему Тибериус противопоставил иверя Митридата на армянском престоле, решив связать вассальную Армению с про-римской Иверией, что в итоге привело к изгнанию из Армении в 54г. Радамиста и, следовательно, к краху неудачно разыгранной Римом иверской карты.

Мало того, в интервале 35 – 50гг. Рим, при Тибериусе и Клавдии, потерпел неудачу, пытаясь вернуть на великоиранский трон проримских представителей Старших Аршакидов. И пока лишь Калигула пытался путём некоторых уступок договориться с Артабаном на приемлемых для новокрепчащего Ирана паритетных-кондоминатных условиях своеобразного нейтралитета Армении.

Причём дело было ещё и в том, что гегемония скинувших селевкидское ярмо и борющихся за лидерство в Доме Иранском с III в. до н.э. парфян не всеми населенниками этого Дома признавалась. Основатель гос-ва парфянских Аршакидов Аршак Храбрый происходил из скифского племени парнов и очаг парфян находился в Средней Азии на границах со Скифией и Тураном, вследствие чего для персов и мидян парфяне, с примесью в них скифской и туранской крови, с их генеральной стратегией не столько фатальной войны против Великой степи, сколько иранизации Турана, были-оставались полукочевниками-полуварварами и выскочками (очаговый Иран относился к ним приблизительно так, как греки к македонянам).

Единовременно и переднеазиатские династии типа Митридатидов в Понте, или Ариаратидов в Каппадокии, или Ервандидов и Арташесидов в Армении, гордо

Михаила-Солнце – 602-248гг. до н.э.; архангельская эпоха Орифиила-Сатурна – 248г. до н.э. – 108г. н.э.; архангельская эпоха Анаэль-Венеры – 108-462гг. н.э.)

¹⁴ Если староперсы возглавили в IV в. до н.э. Ахеменидский Иран, придя на смену Ирану Мидийскому, с тем, чтобы больше не уступать первенство в Доме Иранском мидийцам (как завещал перед своей смертью в 522г. своим тронным преемникам сын Кира – Камбиз), то парфяне звали как к Мидийскому, так и к Персидско-Ахеменидскому Ирану. И это их позитивное отношение к Мидии (к-рая делилась на Великую и Малую = Атропатенскую), вкупе с приходом Младших Аршакидов к власти – над всем Ираном – из Атропатены, обусловило становление именно Малой Мидии *вторым*, при (возрождавших авестийскую традицию Заратоса, кто был родом из Атропатены) парфянах, *престолом*.

¹⁵ Коварно пленив в 34г. до н.э. отданного-подаренного им Клеопатре армянского царя Артавазда II, М.Антоний, представляя (тогда уже) не столько Рим, сколько клеопатридско-антонианский Египет, ненадолго, до своего и Клеопатры падения в 30г., провинциализировал Армению и союзничал с отпавшей от парфян Атропатеной, где царствовал враг армянского царя – одноимённый ему Артавазд Мидийский (кому Клеопатра послала в дар голову казнённого ею в 31г. армянского Артавазда). Позднее, при главенстве над римским Востоком внука Августа Г.Цезаря (I г. до н.э. – 4г. н.э.), на престол Армении во 2г. н.э. взошёл Ариобарзан Мидийский (сын вышеназванного Артавазда Мидийского, к-рый в 30-20гг. до н.э., изгнанный парфянами из Атропатены, правил – как римский вассал – в Малой Армении), что (как будто) означало вовлечение (персонально унизированной с Арменией) Атропатены в сферу-орбиту Рима. Но это в перспективе не удалось, поскольку в 3г. н.э. Г.Цезарь выбыл из строя, получив ранение в Армении, а в 4г. Гаева (римская) креатура Ариобарзан погиб, упав с лошади, после чего над армянами воцарился сын Ариобарзана Артавазд, от к-рого в 5/6гг. Атропатена отошла к поддержанному тогда царём царей Ородом III Артабану (царь царей Ирана в 11/12-40гг.).

выводя себя от (царя царей всех времён и народов) Кира Великого, не очень-то видели в Аршакидах имеющих право на великоиранское и на региональное первенство правопреемников Кира, несмотря на то, что Аршак Храбрый и его тронные потомки тоже притязали на родство с Ахеменидами (от Артаксеркса II Мнемона, к-рый до вступления на престол царя царей в 404г. до н.э. носил имя Аршак).

Но в IV в. н.э., когда старые переднеазиатские династии вымерли или почти вымерли, когда со дней иранской гегемонии Парфии прошло аж три столетия, и, наконец, когда Младшие Аршакиды откровенно вооружились великоиранским курсом, решив восставить сожжённую Александром «Авесту», решив возродить зороастрийско-митраистско-авестийский Иран, положение изменилось, и долгая легитимизация парфянских Аршакидов, можно сказать, — и внутри собственно Дома Иранского, и в преимущественно семитском Междуречье (местонахождение столичного Ктесифона), и на востоке Ирана, — регионально завершилась. Не признавать аршакидскую гегемонию продолжали разве что (ново-)персы, к-рые, подчинившись силе, затаились до времени, выжидая момента, чтобы восставить в III в. н.э., после того как Аршакиды и Парфия окончательно выдохнуться, Персидско-Иранскую державу под предводительством Сасанидов (с апелляцией к Ахеменидам через голывы агрессивно отринутых Сасанидами и сасанидской традицией Аршакидов).

С др. стороны, проримский этап был необходим Армении для очередного этапа приобщения к Западу и она витально сошлась с Римом, открыв римлянам дорогу на средиземноморский Восток, в 66г. до н.э., дабы, побыв яблоком раздора между двумя сверждержавами и двумя мирами на протяжении ок. 130-и лет, одновременно сделавшись не только геополитическим мостом между Западом и Востоком, витально дистанцироваться от Рима в сторону Ирана в 66г. н.э. Год, когда Нерон коронует на римском Форуме Тиридата Армянского, тем самым соблюдая престиж Римской державы (де-юре) и признав Аршакида (представителя династии во главе Арианы-Ирана) царём армян (де-факто) (см. ниже).

Впрочем, на конец 54г. дело до этого ещё не дошло. Рим не желал мириться с потерей и не столько новый юный принцепс, сколько новый принципат начал энергично действовать. Было решено передислоцировать два из 4-х сирийских легионов, пополнив их провинциальными новобранцами, поближе к армянской границе — в Каппадокию. Римские вассалы, Агриппа Иудейский и пограничный армянам на Евфрате Антиох Коммагенский, получили (54/55гг.) распоряжения подготовить войска для вторжения «в пределы парфян» (Ан. 13,7). Как раз в 54г. освободившийся, по смерти Котия Фракийского, трон Малой Армении Рим доверил, о чём мы рассказали выше, (родственному Агриппе Иудейскому) Иродианину Аристовулу. Т.е. римляне приступили к оказанию массированного политического давления и забряцали оружием в возможном преддверии боевых действий-операций по всему периметру римско-армянской и римско-парфянской границ: от М.Армении на причерноморском севере, в М.Азии (Каппадокия), на Евфрате (Коммагена) и в Сирии.

* * *

Вдобавок к тому, соседнюю с Каппадокией, Коммагеной и Осроэной юго-западную великорамянскую область Софена Рим, урезав-обкарнав таким образом Армении Великую, предоставил, оснастив его царским титулом, Соэму Эмесскому, как полагают, тому самому брату и преемнику умершего в 54/55гг. нашего знакомца — сирийского династа Азиза Эмесского, от к-рого сестра Агриппы II-го Друзилла, отданная Азизу в жёны в 53г., ушла в 54г. к прокуратору Иудеи Феликсу. Правда,

б.м., этот Соэм из эмесского дома Сампсигерамидов не идентичен, вопреки общепринятому (без документальных подтверждений) мнению, Соэму, властвовавшему с 54/55 (по 72/73) гг. в достаточно отдалённой от Софены Эмессе.

В 212г. до н.э. центр Софены Арсамосату-на-Евфрате (выше коммагенской Самосаты, у горного прохода, ведущего через Тавр) осаждал Антиох III, к-рый вскоре, нуждаясь в лояльных западных тылах, примирился с софенским царём Ксерксом (Ервандакан), выдал за него свою сестру Антиохида и отправился в свой знаменитый поход через Парфию, Ср. Азию и Гиндукуш в Индию. Позже, в 201г., Антиохида, по приказу брата, отравила мужа, после чего Софена оказалась под властью Антиоха, устранившего также царя Великой Армении Ерванда, с захватами и его царства, и Коммагены, и припонтийской Малой Армении.

Назначенные же в Армению и Софену (арм. Цопк) как стратеги (родственные Ервандаканам) Арташес и Зарех (Зариадр) были первоначально сателлитами Антиоха, став после его поражения от римлян при Магнезии (190г. до н.э.) независимыми царями. Потом Арташес (190/89 – 60гг.) безуспешно пробовал завладеть Софеной, чему решительно препятствовала не желавшая усиления Большой Армении ариаратидская Каппадокия, и что удалось великоармянским Арташесидам только ок. 94г. до н.э., при Тигране II (95 – 56гг.).

Софена между Арменией *Minog*, Каппадокией (Мелитена), Коммагеной и Осроэной представляла собой приевфратский *мост* из Великой Армении в грекоримскую М.Азию (как сама Армения была соединительно-разводным *мостом* между Ираном и Римом). В 37/38гг. Калигула, возродив проримский коммагенский вассалитет, одновременно как-то пересмотрел в пользу паритета-кондомината (по Армянскому вопросу) с парфянами статус (выделенных в отдельные буферно-нейтральные зоны-единицы?) Мигдонии (в восточной Месопотамии, за рекой Хабар) и Софены. Клавдий, надо полагать, восстановил прежний статус-кво, подчинив Софену возвращённому им (из Рима) на армянский престол Митридату Иверскому (кто при Калигуле был в заточении). И вот ныне Рим поставил царём над Софеной, демонстративно отделив её от открывшей ворота перед Тиридатом Армении, своего сирийско-вассального ставленника Соэма (бросив тем самым вызов и парфянам, и пропарфянски настроенным армянам).

Но если даже принять тождество этого Соэма с сыном Азиза Эмесского, так или иначе, ввиду подвопросности точной даты кончины Азиза, к-рая, с большей долей вероятности, приходится, как (согласно Флавию) первый год взявшего власть 13.10.54г. Нерона, на 55г. н.э., нельзя сказать точно: получил ли Соэм Софену, уже унаследовав Эмессу по смерти отца, в конце 54г.? или, м.б., ещё при жизни умершего в 55г. родителя, в 54г., что не исключено? Или – и кончина Азиза, и воцарение Соэма над Эмессой, в паре с Софеной, – события уже 55г.?

Дальше – больше. На исходе 54-го, или где-то в начале 55г. легатом Каппадокии и Галатии был назначен талантливый римский полководец Гн.Домиций Корбулон, к-рый хорошо зарекомендовался в 46/47гг. успешными военными действиями против хавков и фризов, наместничая в Нижней Германии, и к-рому Клавдий не позволил тогда, невзирая на Корбулоновы горячие желание и полную готовность, развернуть масштабные воинские операции на правом берегу Рейна. Под командование Корбулона Рим поставил, помимо аукзилиарных частей, передислоцированные в Каппадокию из Сирии легионы III Gallica и VI Ferrata, в то время как в Сирии под началом Уммидия Квадрата, кому предстояло действовать (во взаимодействии с Корбулоном и вассальными союзниками) с сирийско-евфратского юга, остались легионы X Fretensis и XII Fluminata.

Однако, как сказано, всё это произошло уже в следующем 55г., между тем как, видимо, до конца 54г. против Вологеса в Парфии выступил один из не получивших

царского удела его сыновей – Вардан (ахиллесова пята парфянских царей – бунты их сыновей, к-рые Рим умело оборачивал себе на пользу, или нередко, заинтересованный во внутрииранских междоусобицах, искусно провоцировал). И в 55г. парфяне, перед лицом сложившихся обстоятельств (римские военные приготовления и бунт Вардана), вынуждены были временно отступить из Армении. Но не будем торопиться и продолжим разговор об этом, возвратившись к тацитовским абзацам 8/9 из Ан.13 ниже – под 55г.

По большому счёту, Риму, при всех условиях, надлежало, в конце концов, понять, что в Армении должно царствовать Аршакиду (первая проба с Вононом в 8 – 12гг.), иное дело, что следовало сделать его особостатуированным в отношении к *Imperium Romanum* римским назначенцем и (насколько возможно) геополитическим нейтралом. И до тех пор пока это не случится, пока Рим не откажется от августейшей установки держать иранских шахиншахов под *вечным шахом*, односторонне контролируя вассальную Армению, римско-парфянский конфликт будет перманентно, то затихая, то вспыхивая с новой силой, раз за разом возобновляться.

А когда реформатирование междержавных отношений, всё-таки, возьмёт место, когда Нерон в ббг. коронует и тем легитимизирует в Риме на армянском престоле младшего брата парфянского царя, точка взаимотолерантности будет найдена, междержавное равновесие обретено, кондоминимум установлен. И между двумя сверхдержавами установится почти полувековая, без серьёзных и продолжительных осложнений, мирная коэзистенция до её контрпродуктивного глобального пересмотра и нарушения пожелавшим аннексировать-провинциализировать Армению и сокрушить Парфянский Иран Траяном (114 – 17гг.).

Затем Адриан, сдав завоевания Траяна, вернётся к статус-кво, но полувековое междержавное равновесие I/IIвв. больше так и не восстановится. В итоге Рим и Парфянский Иран столкнутся, взаимоослабляя друг друга (враг врага), ещё трижды – в 60-е и в 90-е гг. IIв., потом – в первой четверти IIIв. н.э. Далее же, вконец ослабленных-обессиленных внутрииранскими раздорами изнутри и Римом извне выбившихся из сил парфян сомнут в 20-е гг. IIIв. н.э. агрессивные персидские национал-империалисты и нетерпимые фанатики-зороастрийцы – Сасаниды (декадентная люциферическая Персида).¹⁶

Вот кто заговорят с вступившим, в свою очередь, в полосу острого кризиса на исходе эпохи Принципата Римом совсем другим языком беспощадного противостояния и мартиальной войны. И лишь тогда римляне пожалеют о куда более договороспособных и уступчивых, о куда более рукопожатных Парфии и парфянах, с к-рыми они, преимущественно по их, римлян, вине, так и не сумели найти общий язык, так и не смогли (им и себе во вред!) толком договориться.¹⁷

¹⁶ Примечательна зеркальная по обе стороны эр гегемония-доминанта в Большом Иране с VIIв. до н.э. по VIIв. н.э. Ирана Мидийского (VII/VI), Ирана Персидско-Ахеменидского (VI-IVвв.), Ирана Парфянского (III-IIIвв.) и Ирана Персидско-Сасанидского (III-VIIвв.), с сердцевиной в лице современника Таинства Голгофы, К-рая делит на две половины его историо-метаисторию, Ирана (именно) Парфянского (экстракты духовного наследия-наследства к-рого в III/IVвв. это – провозвестник христианства духовной свободы – Апостол Света – Мани – высочайший посвящённый всех времён, и христианская Армения).

¹⁷ Скажем снова, политически исчезнув в IIIв. н.э., парфяне плодотворно изошли (сродни Кельтике) в эзотерическое христианство и в армянство, импульсировали в IV/Vвв. (католикосы Григор Парфянин = Партев, Саак Парфянин, Нерсес Парфянин) христианизацию Армении (где до 428г. правила парфяно-армянская династия Аршакидов/Аршакуни) и продолжали христоносно духотворить. Продолжали, пока и когда одержимые экспансионисты Сасаниды, под эгидой обратившегося после Мистерии Голгофы в Люцифера Ормузда, вступили в безнадёжную нескончаемую борьбу против доминантного Аримана (Ахримана), дали миру именно ариманический импульс Гондишапура (IV-VIIвв.), воинственно отвергли христианство, и в VIIв., как полностью, духовно и политически (в частности, противостоянием с

РЕЗЮМЕ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ НЕРОНОВА ПРАВЛЕНИЯ

Подытожим. Итак, новый принцепс взял ярко выраженный либеральный курс по стопам и лекалам Августа, в пику (противосенаторским) тираниям Тиберия и Калигулы и в пику бабско-вольноотпущеннической автократии (далеко не всегда в гармонии с сенатом) Клавдия. Гарантии/обеспечение справедливого суда, без документального многими личным (часто небеспристрастного разбирательства кесаря), с обязательным отделением, при обязательном гармоничном сожительстве, (императорского) «дома» и (республиканского) сената (*discretam domum et senatum*).

На повестке дня – восстановление древних обязанностей сената; невмешательство кесаря в дела сенатских провинций, и сената – в дела провинций кесарских (корректное разделение полномочий). Чаще всего новый принципат употребляет, с подачи Сенеки, слово и лозунг – *Clementia* (одна из краеугольных добродетелей Августа): «*De Clementia*» – «О милосердии» – название посвящённого Сенекой Нерону трактата, к-рый появится незадолго до 18-летия юного принцепса 15.12.55г.

Современники восхваляли возвращение августейшей кесарско-сенатской диархии и предавали забвению больший или меньший тиранический авторитаризм трёх Нероновых предшественников. Клавдий, с одной стороны, сопричислялся к сонму богов, с другой, подвергся острой критике и высмеиванию как в тронной (от Сенеки) речи Нерона, так и в сенекианском памфлете «Отыквление». Т.е. инициатива этого двоякого к усопшему властителю отношения исходила от Сенеки и продержится она до 60г., когда Нерон, после убийства Агриппины, вовсе отменит-упразднит клавдианскую *божественность* (не подобно ли постепенно набиравшей темпы критике Сталина – с 1953 по 56гг., и дальше – с XX-го съезда КПСС по, на протяжении пятилетки, 1961-й г., в к-ром «отца народов» и «корифея всех наук», окончательно отменив его «дивинизацию», извлекли-вынесли, чтобы, сколь ни парадоксально, похоронить по-человечески, из мавзолея).

Засим первая пятилетка – *Quinquennia* – Нерона характеризовалась медово-месячным согласием с сенатом, к-рый на деле требовал от имени зажавшейся и жаждавшей спокойствия деградантной римской элиты не больше, чем соблюдения парадной почтительности по отношению к себе, не притязая в качестве гос. института (не путать с амбициями отдельных сенаторов или всадников, либо элитных группировок) на реальную власть. Ситуация, как выше отмечено, сходная с начальным периодом правления Тиберия и с первыми месяцами Калигулы, в к-рые и тот, и другой, с одной стороны, чувствуя себя неуверенно, а с другой, ещё не скатившись в тиранию, ещё не впад в *кесарево безумие*, ладили с парламентариями и парламентом.

До конца 54г. было принято множество *senatus-консультов*. Большинство вопросов управления, будь то запрет на адвокатские гонорары или парфянско-армянские коллизии и т.д., выносились в-на сенат. И Сенека с Бурром «одесную» Нерона, и Агриппина «ошую» сына – вели себя, при принятии различных, в т.ч., келейных, решений, считаясь с герузиархами, весьма уважительно-деликатно. В ответ сенаторы, само собой, умилились, воззвали к новому «Золотому веку» и переусердствовали в почестях, постановив: и молебствия с присутствием на них принцепса в триумфальном облачении, и его золотую-серебряную статую в храме Марса Мстителя, и даже изменение порядка месяцев в году – с переносом начала года на месяц Неронова рождения – декабрь (см. выше).

И от всего этого публично-демонстративно отменивший аж два дела об оскорблении величия скромный, великодушный и милосердный принцепс, как ранее от

Византией), исчерпав себя, так и подготовив почву для исламизации Ирана, были сокрушены (обрушившимися на них с чувством огромного духовно-религиозного превосходства) арабиями-мусульманами.

титутла *pater patriae*, каковым, т.е. *отцом отечества*, негоже становиться в 17 лет, застенчиво отмахнулся-отказался. Не ему ли (воспитанному Сенекой противокрово-пролитному гуманисту), в сердцах воскликнувшему «О если бы я не умел писать!», стало, вдруг, в тягость утвердить-подписать смертный приговор даже одному уголовному преступнику! Самое время прослезиться, господа читатели!

55г. н.э.

1 января 55г. н.э. = 808г. а.У.с. консульство в Риме облекли Нерон Клавдий Цезарь Август Германик и Л.Антистий Вет.

Если кесарь Нерон — консул-орд. на 18-м году жизни (рекорд консульской юности-молодости, поскольку Октавиан Август впервые стал консулом в 43г. до н.э. в 19 лет, а его внук Гай Цезарь в 1г. н.э. — на 20-м году отроду), в наших рекомендациях читателю не нуждается, то Л.Антистий Вет был сыном (от Сульпиции Камерины — дочери консула 9г. н.э.?) консула 23г. н.э. — Г.Антистия Вета (сын одноимённого консула 6г. н.э.¹⁸), плюс — приходился мл. братом консулу-суф. 46г. — Камерину Антистию Вету (что под вопросом), и консулу 50г. — Г.Антистию Вету. Вскоре, в 50-е гг., он побывает наместником Верхней Германии; в 64/65гг. отпроконсульствует в Азии. В 65г. подпадёт суду по доносу вольноотпущенника Фортуната и не дожидаясь (заведомо известного) приговора покончит, вместе с дочерью Антистией Политтой (жена убитого в 62г. Рубеллия Плавта) и сватьёй Секстией, самоубийством (см. ниже). А в 55г, казалось, ничего не предвещало столь трагическую развязку спустя 10 лет.¹⁹

«Когда в консульство Клавдия Нерона и Луция Антистия высшие магистраты присягали на верность распоряжениям принцепсов, Нерон не позволил своему коллеге Антистию присягнуть на верность его повелениям, за что сенаторы превознесли его восхвалениями, дабы юная душа, поощрённая славой столь малых дел, влеклась к свершению больших. Вслед за этим он проявил снисходительность к Плавтию Латерану, к-рый был исключён из сенаторского сословия за прелюбодейную связь с Мессалиною и к-рого он возвратил сенату; о своём стремлении к милосердию он часто упоминал и в речах, подготовлявшихся для него Сенекой с намерением показать, сколь благородные правила он ему внушает, или чтобы блеснуть своим писательским дарованием.

Между тем влюбившись в вольноотпущенницу по имени Акте и избрав своими наперсниками блестящих молодых людей Марка Отона и Клавдия Сенециона — Отон принадлежал к семье консула, отец Сенециона был вольноотпущенник Цезаря, — Нерон стал понемногу выходить из-под опеки матери. Та сперва не знала о его страсти, потом начала тщетно бороться с нею, а Акте тем временем роскошью пиршеств и полными соблазна тайными встречами успела окончательно пленить

¹⁸ Отцом этого консула был Г.Антистий Вет — один из консулов-суф., совместно с ordinarily Октавианом, в 30г. до н.э., притом с 1.07. по 13.09., в период, когда 1.08. пала клеопатридско-антонийская Александрия, в день самоубийства Антония, и позднее, в августе, самоубийства Клеопатры, что ознаменовало начало имперского единовластия Октавиана, ставшего в 27г. Августом.

¹⁹ 55г. н.э. изобилует консулами-суф., известные из к-рых это — Сенека и Гн.Корнелий Гетулик, известный только тем, что он был сыном одноимённого консула 26г. н.э., бывшего в 29-39гг. легатом Германии *Superior* и подло казнённого в 39г. Калигулой (см. выше). Остальные суффекты (вряд ли полного списка) — преемники Нерона и Антистия: Нумерий Цестий, П.Корнелий Долабелла, М.Требеллий Максим, П.Пальфурий.

принцепса, причём и старшие возрастом из его приближённых ничего не имели против того, чтобы эта гетера тешила, никому не причиняя вреда, его любострастие, тем более, что к жене Октавии, при всей её знатности и безукоризненной супружеской верности, он испытывал неодолимое отвращение, то ли по воле рока, или, может быть, потому, что всё запретное слаще, и они опасались, как бы Нерон, если ему воспрепятствовать в этом его увлечении, не обратился к прелюбодейным связям с женщинами именитых родов...» (Ан. 13,11/12)

В очередной раз скромность и либерализм были всенародно проявлены Нероном в январе 55г., когда он не позволил своему равноправно парному консульско-республиканскому коллеге присягнуть на верность его – кесарско-принцепсовским – повелениям. Пусть никто не думает, что Республика (в Империи) пустой звук. Даёшь августейшее консенсуально-универсальное совмещение несовместимого, августейшую равновесно золотую середину между контрастно разошедшимися формой и содержанием! Даёшь акцептабельную абракадабру! Всё-таки, как видим, (воз)можно, если очень захотеть, – и рыбку съесть, и на люстре повисеть!

Кесарь может уживаться с консулом в одном лице, и консул – с кесарем, не третируя при этом консульского коллегу, и одновременно не переставая быть принцепсом. И естественно, восхищённые отцы-сенаторы не смогли не испытать по данному поводу массовый парламентский оргазм. И они восхвалили юную правительскую душу, поощряя её от вершения малых похвальных дел к свершению дел великих.

Да простит нас читатель, увы, не получается, пишучи о столь часто повторявшемся и продолжающемся, пусть изменив форму, повторяться в истории человечества обыкновении-умении людей наступать на одни те же грабли, не ёрничать. Поистине прав Екклесиаст, говоря, что нет ничего нового под солнцем. Или: «Нет памяти о прошлом, да и о том, что будет, не останется памяти у тех, к-рые будут после». Ведь кабы сознательная память была-имелась в наличии, столь досадных, с тупым постоянством, рецидивов-повторений, наверное, удалось бы избежать. И всё-таки, кто владеет прошлым, защищён в настоящем и имеет шанс познать будущее!

Плавтий Латеран (сын консула 36г. и племянник героя британских походов А.Плавтия), был тем из любовников Мессалины, кто в компании с Цезонием Суиллием (сын делатора Суиллия), избежал после её падения в 48г. казни, отделившись (благодаря славе своего удостоенного в 47г. за британские победы овации дядюшки) исключением из сената и ссылкой (см. выше). Теперь же Нерон милосердно, под эгидой одной из кесарских добродетелей – *clementia*, возвратил этого Плавтия (кого казнят в 65г. за участие в заговоре Пизона) как из изгнания, так и в сенат.

Впрочем, такого рода (сенекианское) милосердие не составило для кесаря труда, ибо его приоритеты лежали пока в иных сферах-плоскостях. На протяжении трёх первых месяцев правления он, со всяческим удовольствием и с дилетантским усердием, предпочитал посвящать себя, в гораздо большей мере, нежели рутинным гос. делам, любимым искусствам в смычке-перемычке с чувственными наслаждениями, в чём Сенека и Бурр потакали ему, сводя тем самым его повседневное властвование к минимуму, чтобы иметь максимальную свободу рук и править от его имени.

Согласно Светонию, сразу по восшествии на престол, юный кесарь «тотчас пригласил к себе лучшего в то время кифареда Терпна и много дней подряд слушал его после обеда и до поздней ночи, а потом и сам постепенно начал упражняться в этом искусстве (Нер. 20,1). Он страстно желал обучиться игре на струнной кифаре, к-рая станет затем его излюбленным занятием до конца жизни. И даже, когда в 68г., за считанные месяцы до июньского самоубийства Нерона, против него в Галлии выступит, возвестив начало его конца, Юлий Виндекс, Нерон оскорбится

не столько собственно мятежом, сколько больше всего тем, что Виндекс назовёт его дряным кифаредом (см. ниже).

Другая страсть бегущего от строгой материнской опеки похотливого 17-летнего барчука – (вульгарная, в отличие от индийской) «камасутра» и безудержная влюблённость в вольноотпущенницу Клавдию Акту. Она была рабыней, купленной в Азии (Дион 61,7,1), и получившей вольную от Клавдия, видимо, будучи годами старше Нерона, хороша собой и весьма опытна-искусна в изысках для гурманов на сладострастном фронте. При всех случаях, ей удалось полностью завладеть юнцом на троне, кто, со своей стороны, устроил её удочерение в фамилию живых потомков дома-рода Атталидов и тем даровал своей фаворитке (вероятно, – грекоязычной безродной космополитке азийских кровей) родословную от пергамских царей. И впрямь, если фаворит Агриппины вольноотпущенник (Антонии Младшей) Паллант кичится происхождением от царей аркадских, то, спрашивается, почему бы любовнице принцепса не происходить от царей пергамских?

Кроме того (или прежде всего), Нерон испытывал отвращение к сосватанной ему матерью и выданной за него в 53г. дочери Клавдия и Мессалины – Октавии, к-рая, в противоположность её распутной матери (названная Октавией в честь благочестивой сестры Августа), являлась, как следует из античных авторов, образцом скромности и целомудрия, чем нагоняла на чувственного гиперсексуального супруга зевотную скуку, тогда как он её сторонился, ища утешения (от жены и от матери) в объятиях любимой Акте (своеобразной эрзац-жены и эрзац-матери).

И надо сказать, что чувства последней к нему (дурнопыян поздней бабьей любви) не были мнимыми, так как спустя 14 лет именно она (фаворитарно оттеснённая в 58г. Поппеей), сообразно Светонию, добившись от вольноотпущенника Гальбы Икела разрешения на кремацию и погребение объявленного вне закона самоубийцы Нерона (68г.), вместе с двумя его кормилицами, соберёт останки кремированного («врага народа») и предаст их погребению в родовой усыпальнице Домициев (Нер. 50).

Между тем, в 54/55г. спутниками-наперсниками юнца-кесаря, в т.ч., в делах сердечных, были представители золотой молодёжи подле него – М.Сальвий Отон и Клавдий Сенецион. Первый (род в 32г.), в будущем трёхмесячный, с января по апрель 69г., кесарь после Гальбы, приходился сыном Л.Сальвию Отону, консулу-суф. 33г. и любимцу Тиберия, до того на Тиберия похожему, что многие считали его внебрачным тиберианским сыном. Второй, приблизительный ровесник Отона (не внука ли Тиберия?), был сыном вольноотпущенника, впоследствии казнённым по делу о заговоре Пизона (65г.).

И, по всей вероятности, это, в первую очередь, о них, эпитомированный Дион (61,4,5) говорит под 55г., что они всячески науськивали-подзуживали своего венценосного друга показать всем вокруг кто в доме хозяин, и не считаться не только с матерью, но и поставить на место (дядек-попечителей Верховного) Сенеку с Бурром.

Хотя до поры общей целью как Нерона, так и Сенеки с Бурром была нейтрализация Агриппины, почему они действовали в согласии. И Акте очень помогла Сенеке в интриге по выведению его подопечного из-под влияния матери. Более того, дабы не слишком шокировать общество неистовой любовью кесаря к, всего-навсего, давешней рабыне, к-рая была для него много больше, чем просто наложница, вольноотпущенник и друг Сенеки Анней Серен (Epist. 63,14; Марциал 7,45,2; 8,81,11), кому философ посвятил некоторые из «Диалогов» (2,1,1; 9,2,1; 17,12), взял на себя роль подставного хахала Акте, прикрывая богатые нероновские подарки ей, свидания любовников у себя в доме и т.д.²⁰

²⁰ Вскоре Анней Серен стал префектом вигилов (Плиний 22,96), сменённый затем на этом посту Тигеллином; умер в 62/63гг., отравившись морскими губками, и был горько оплакан Сенекой (Epist. 63,14).

Правда, с др. стороны, если Сенека и Бурр полноходно использовали роман Нерона и Акте, то римская знать смотрела на эту интригу снисходительно, пусть-де дитячко тешится лучше с не могущей ни на что притязать гетерой, нежели заведёт себе какую-либо из дам высшего общества, к-рая может запритязать на черсчур многое (что, кстати, в перспективе и сделает Неронова, с 58г., – фаворитка, а с 62г. – жена – Поппея Сабина, во многом, в угоду к-рой он убьёт и Агриппину, и Октавию).

Тем временем, в 54/55гг. Агриппина была в бешенстве: сын выскользнул из-под материнской десницы, пойдя на поводу у вчерашней рабыни, променяв мать на вольноотпущенницу, поднятую чуть ли не до ранга её невестки (Ан. 13,13). И она принялась осыпать любимое чадо горькими упрёками, чем только распалила-раззадорила его, принявшегося с ещё большим смаком и пылом (при скрытой поддержке Сенеки и Бурра) матери противодействовать.

Тогда, не добившись желанного, мать изменила тактику, окружив сына, наоборот, лаской, приглашая его, согласно Тациту, в свою спальню, чтобы кровосмесительно превзойти Акте (Ан. 13,13), сама поощряя на излишества и предоставляя ему свои денежные средства. Поздно! Он не обманулся и не клюнул на наживку. Это задело её ещё больше. И даже отобранные им и отправленные в дар матери лучшие наряды жён и матерей прежних принцепсов были восприняты ею как попытка откупиться от неё, как насмешка над ней того, кто достиг кесарства исключительно её стараниями, обязанный всем, что он имеет, именно и только ей.

Все эти её сетования доброхоты, приправив их ядом, передали Нерону и он, – «обрушив свой гнев на тех, кто поддерживал в его матери высокомерие, отстранил от заведования финансовыми делами Палланта, к-рый, будучи приставлен к ним Клавдием, распорядился ими как полновластный хозяин...» (Ан. 13,14).

Притом Паллант покинул дворец в сопровождении целой толпы приближённых, дальновидно заручившись обещанием принцепса, – «что ничто из его прошлой деятельности никогда не будет ему вменено в вину и что его счёты с государством признаются законченными» (13,14). И ныне, наблюдая уход позаботившегося ранее о безопасных тылах агриппинского фаворита (к-рый и женил Клавдия на Агриппине, проложив тем самым ковровую дорожку Нерону к трону), кесарь остроумно заметил, что тот идёт принести, как то было заведено в Риме, при сложении магистратами полномочий, клятву в народном собрании о бескорыстном и добросовестном отправлении должности.²¹

Процветание Палланта на покое продлится и в последующие годы. Его брат Антоний Феликс будет управлять Иудеей до 60г., когда, отозванный за нерадивость, благодаря заступничеству всё ещё имеющего вес брата избежит ссылки. И лишь в 62г. (после смерти Бурра и удаления от дел Сенеки) Нерон (окончательно зачистив своё начальное кесарское прошлое) богатея Антония Палланта (чтобы завладеть его богатствами) казнит (см. ниже).

А в начале 55г. доведённая до ручки Агриппина неожиданно для себя и других вдруг возвала к погранным тронным правам (ею же отодвинутого в сторону)

²¹ Преемник Палланта на посту распорядителя финансов (a rationibus) – Тиберий Клавдий (отец Клавдия Этруска – друга Статия и Марциала). Происходя из Смирны, он был вольноотпущенником Тиберия, начав при нём делать карьеру и пережив 10 Цезарей. Сопровождал Калигулу в его потешном походе в-на Германию, в Галлии и при мнимом покорении (без пересечения Ла-Манша) Британии (39/40гг.), пользовался расположением Клавдия, наконец, взмыл при Нероне, участвовал в иудейском триумфе Тита в 71г., стал всадником при Веспасиане (73/74гг.). И лишь при Домициане отправился, неизвестно за что, в возрасте ок. 80-и лет (ок. 83г.), в мягкую ссылку, в ближнюю Кампанию, откуда, по ходатайству его сына перед Домицианом, до 90г. возвратился в Рим.

Британника, 14-летие к-рого — 12.02.55г., чреватое тогой virilis и статусом мужа, приближалось. Обиженная мать грозила родному сыну, не столько, впрочем, серьёзно, сколько в бессильной горькой обиде и блефуя: она открыто попрекала его чёрной неблагодарностью за добытое ею для него кесарство и страшила его своей переориентацией на пасынка Британника и на восстановление его (ею же поправленных) прав (Тацит «Ан.» 13,14; Дион 61,7,3). Она-де прострёт руки к преторианцам, мало того, она расскажет обо всём, не скрывая собственную вину, она покажет, где раки зимуют и этому сухорукому солдафону Бурру, и экс-изгнаннику Сенеке, к-рые, как и Нерон, всем обязаны ей, и к-рые, как и Нерон, отплатили ей чёрной неблагодарностью за множество благодеяний.

Все эти эмоции показывают, насколько хреновым политиком (насколько бабой) проявила себя амбициозная Агриппина, оказавшись в амплуа вдовствующей императрицы и королевы-матери. Она гораздо лучше справлялась с ролью влиятельной супруги при Клавдии, чем с предусмотренным ею для себя регентством при сыне, к-рое, как выяснилось, ей, точнее, такой, как она, римской волчице, не по зубам и не по плечу. Её волчонок показал клыки раньше, чем она планировала, и что ещё хуже — он показал их прежде всего ей, чего она никак не ожидала. Плюс она досадно уступила своим давешним креатурам — Сенеке и Бурру, партия к-рых, по отстранении Палланта, убедительно обошла партию Агриппины.

И так ей довелось своим безмозглым поведением очень скоро не просто сделать сына врагом, но и подвигнуть его на совершение первого в его тронной биографии преступления против Британника, к-рый и без того был обречён, тогда как его гибель, инициированная, на сей раз, самим напуганным угрозами матери Нероном, была именно Агриппиной ускорена. Британник — бельмо в глазу; Британник — второй лишний. Оставлять его долее в живых — смертельно опасно. Соответственно, надо его (ради общего = кесарского блага! о нет! — не убить!) ликвидировать-устранить? Опять (в к-рый раз!) — нет человека — нет проблемы!

И в самом деле, если уж маменька-мамаша Агриппина отравила (с благими намерениями) своего мужа Клавдия, то почему он, (достойный сын своей матери) Нерон, не может (идя её стопами) отравить (в любом случае) подлежащего непременно устранению (ибо Боливар не выдержит двоих) своего неродного брата (сам факт существования к-рого представляет угрозу жизни Цезаря и благополучию государства) Британника, кому негоже и не должно дожить до своего 14-летия и надеть тогу мужа! Стало быть, не надо изобретать велосипед. И к чему медлить? Не разрубил ли великий Александр Гордиев узел! Сказано — сделано! *Mihi ut faciam!*

К сожалению, мы не располагаем фактической информацией о вырванных Нероном кесарской властью неправомερных посвящениях (без соответствующей предварительной подготовки) в (и без того декадентные) древние мистерии, в таинства древних мистерий, но, думается, что первые из них (ведущих к *кесареву безумию*) имели место именно после его прихода к власти, когда он начал упрямо проявлять нетерпеливую самостоятельность, т.е. в 54/55гг.

ОТРАВЛЕНИЕ БРИТАННИКА

Таким образом, Агриппина, не могучи сдерживать эмоции, конечно, блефовала, пугая Нерона (дабы сильнее его испугать) мнимой ставкой на Британника, при к-ром у неё, отравительницы Британникова отца, не было никаких шансов, о чём она и сама вскорости скажет сыну (напугать к-рого ей в начале 55г. удалось, но вернуть чем себе прежнее влияние нисколько не получилось). Как сказано, мастерски интригуя при жизни Клавдия, теперь она показывала свою полную регентскую

несостоятельность, не умея ни правильно просчитать ситуацию, ни делать правильные ходы, ни вовремя сдержаться, руководствуясь бабьими обидами, а не холодным и точным расчётом. Идти к власти и добиться её подчас легче, чем у власти или при власти находиться.

Тем временем, Нерон, со своей стороны, был до глубины души оскорблён такими угрозами матери насчёт Британника, к-рых он никак не ожидал. Как она может, безразлично – сгоряча или не сгоряча, грозить родному сыну променять его на пасынка! (сакрилег!) И если до этого он, римский Митрофанушка («не хочу учиться, а хочу жениться»), всего лишь дистанцировался от её назойливой опеки, то сейчас напрашивался вывод, что не кто иной как родная мать может сделаться его злейшим врагом. Все тираны, как своего рода злые инфантильные кобольды, крайне обидчивы. И все они всегда внутренне готовы обвинить в чём угодно любого и всех вокруг, опричь самих себя.

Более того, этот пухлый, равнодушный к искусствам, обжористый и сладострастный барчук был не рыцарем, но прирождённым лицедеем, к-рый (идя стопами Калигулы) постепенно превратит римский политический театр в театр одного актёра (из погорелого театра). Между тем, Агриппина своим бездумным и безрассудным поведением не столько вынесла смертный приговор Британнику, вынесенный ещё отравлением Клавдия и скреплённый уничтожением Клавдиева завещания, сколько ускорила приведение этого приговора в исполнение (одновременно вынося пока не озвученный перспективный смертный приговор и самой себе).

Ещё до конца 54г., во время декабрьского праздника Сатурналий, ретроспективно упоминаемого Тацитом под анналистическим 55г., в ходе детско-отроческо-юношеской игры, с участием, в т.ч., Нерона и Британника, в к-рой Нерону выпало по жребию быть царём, он велел Британнику выйти на середину и затянуть какую-нибудь песню, думая сделать так, среди общего веселья, совершенно неопытного в подобных делах подростка, посмешищем. Дескать, он смутится и явно, в присутствии многочисленной публики, с задачей не справится (Ан. 13,15).

Однако Британник, на удивление многим, твёрдым голосом вступающего в юность отрока, кому меньше чем через два месяца предстояло облачиться в тогу мужа, спел полную иносказательных жалоб на свою горькую долю отстранённого от родительского наследия кронпринца заунывную песню, к-рой вызвал сочувствие у многих. Т.е. этот подросток многое понимал и, как оказывалось, уже был способен на большее, чем от него ожидалось. А тут ещё Агриппина принялась, подливая масло в огонь, разыгрывать его карту.

И Нерон решил не дать сводному брату дожить до намеченной на день его 14-летия 12.02.55г. торжественной церемонии его вирилизации, после чего, мол, он может быть куда активнее использован, – плюс ко всему, как показали Сатурналии, сам готовый на это, – враждебными кесарю силами. Лучше перестраховаться, чем недостраховаться. И зачем в чём-либо неубедительно обвинять Британника, зачем предавать его казни, если не кем иным как Агриппиной был совсем недавно показан пример-образец оптимального отравительного устранения с пути одушевлённого политического препятствия!

К осуществлению замысла был привлечён преданный Нерону трибун преторианской когорты Юлий Поллион (Ан. 13,15), под надзором к-рого находилась изготовившая, по агриппианскому заказу, яд для Клавдия искусная отравительница Локуста. Её, как видим, не ликвидировали и не удалили, держа под стражей, в реальности не столько за другие совершённые ею преступления, сколько, чтобы иметь, если снова возникнет нужда в отравительных услугах, этот живой инструмент под рукой. Да и не был ли в Азии уже после Клавдия отравлен (по инициативе Агриппины) ещё до истечения 54г. Юний Силан.

А вот в первой декаде февраля 55г., поскольку, согласно античным авторам Британник совсем немного не дожил до своего 14-летия 12.02., к услугам Локусты прибеж уже Нерон. Причём эта была его первая самостоятельная политическая инициатива, первая проба самого себя на зуб, так как за ней не стояла ни, само собой, Агриппина, ни, на сей раз, Сенека с Бурром, к-рые, правда, содеянное, если не одобряют прямо, то минимум не осудят — ни, разумеется, внешне, ни, можно умозаключить, внутренне. Не Сенека ли будет в 59г. оправдывать перед сенатом убийство Агриппины Нероном! В политике издревле цель оправдывает средства и победителей не судят, да и руководствуются железными гос. резонами, могущими мотивировать-оправдать всё целесообразной необходимостью = необходимой целесообразностью-неизбежностью!

По разнящимся лишь в нюансах Тациту и Светонию, отравление произошло в два захода-приёма. Сначала Британник «получил отраву из рук своих воспитателей» (Ан. 13,15), имён к-рых мы не знаем, но яд, вызвав понос, «не возымел губительного действия». То ли доза оказалась недостаточной, то ли отраву изготовили с тем расчётом, чтобы она подействовала не сразу. Это привело Нерона в бешенство и к подозрениям относительно подручных исполнителей в, дескать, подготовке себе лазеек для оправдания. Угрожая трибуну и требуя (видимо, под капризный топот ног) казни отравительницы, он потребовал немедленно, в помещении рядом со своими спальными покоями, изготовить отраву быстродействующую, к-рая должна умертвить Британника, по принятии её за обедом, мгновенно.

Согласно Тациту, — «дети принцепсов, в соответствии с давним обычаем, обедали вместе со своими сверстниками из знатных семейств, сидя за отдельным и менее обильным столом на виду у родителей. Обедал за таким столом и Британник, но так как его кушанья и напитки отведывал выделенный для этого раб, то, чтобы не был нарушен установленный порядок или смерть их обоих не разоблачила злодейского умысла, была придумана следующая уловка. Ещё безвредное, но недостаточно остуженное и уже отведенное рабом питьё передаётся Британнику; отвергнутое им как чрезмерно горячее, оно разбавляется холодной водой с разведённым в ней ядом, к-рый мгновенно проник во все его члены, так что у него разом пресекались голос и дыхание. Сидевших вокруг него охватывает страх, и те, кто ни о чём не догадывался, в смятении разбегаются, тогда как более пронизательные замирают, словно пригвождённые каждый на своём месте, и вперяют взоры в Нерона. А он, не изменив положения тела, всё так же полужёжа и с таким видом, как если бы ни о чём не был осведомлён, говорит, что это дело обычное, так как Британник с раннего детства подвержен падучей и что понемногу к нему возвратится зрение и он придёт в чувство...» (Ан. 13,16).

У эссеиста-портретиста-пикантиста Светония, больше интересующегося портретами и штрихами к портретам, нежели историей, в нюансах и деталях несколько иначе: «Британика, к-рому он (Нерон) завидовал, так как у того был приятнее голос, и к-рого он боялся, так как народ мог отдать тому предпочтение в память отца, решился он извести ядом. Этот яд получил он от некой Локусты, изобретательницы отрав; но яд оказался слабее, чем думали, и Британника только прослабило. Тогда он вызвал женщину к себе и стал избивать собственными руками, крича, что она дала не отраву, а лекарство. Та оправдывалась, что положила яду поменьше, желая отвести подозрение в убийстве; но он воскликнул: «Уж не боюсь ли я Юлиева закона!» (закон из числа августейших *leges Iuliae*, предусматривавший смертную казнь за убийство, в т.ч., за отравление — К.З.) — и заставил её тут же, в спальне, у себя на глазах сварить самый сильный и быстродействующий яд. Отраву испытали на козле, и он умер через пять часов; перекипятив снова и снова, её дали поросёнку, и тот околел на месте; тогда Нерон приказал подать её к столу и

поднести обедавшему с ним Британнику. С первого же глотка тот упал мёртвым; а Нерон, солгав сотрапезникам, будто это обычный припадок падучей, на следующий же день, в проливной дождь, похоронил его торопливо и без почестей. Локуста же за сделанное дело получила и безнаказанность, и богатые поместья, и даже учеников» (Нер. 33,2/3).

Притом, по Светонию, едва не погиб одновременно с Британником и очень дружный с ним Тит (род. — 39г.) — сокрушитель Иерусалима в 70г. и кесарь 79 — 81гг.: «Были они такими друзьями, что по рассказам даже питьё, от к-рого умер Британник, пригубил и Тит, лежавший рядом, и после того долго мучился тяжкой болезнью. Памятуя об всём, он впоследствии поставил Британнику на Палатине статую из золота и посвятил ему в своём присутствии другую, конную, из слоновой кости, к-рую и по сей день выносят в цирке во время шествия» (Тит 2).

Так или не так касательно чудом избежавшего аналогичной участи Тита, во всяком случае, Британник умер прямо за столом, но Нерон, как неплохой актёр, не растерялся, ведь реакция оставшихся в трапезной окружающих, к-рые не разбежались, зависела от него. Без всякого смущения, он (что называется, — не краснея) диагностировал немочь Британника от эпилептического припадка, к-рым тот был подвержен. А чуть позже «выяснилось», что в этот раз «падучая» привела к летальному исходу. Вот вам и официальная версия. Барчук сдал экзамен на аттестат зрелости в деле становления тираном, и не испытывая ни малейшего раскаяния, никаких угрызений совести, упивался собственной победой.

Присутствующие были потрясены. Тацит акцентрует потрясение Агриппины, в чертах к-рой «мелькнули такой испуг и такое душевное потрясение, несмотря на её старание справиться с ними, что было очевидно, что для неё, как и для сестры Британника Октавии, случившееся было полною неожиданностью...» (Ан. 13,16).

Она не ожидала столь наглой и циничной прыти от достойного своей матери сына. Раньше надо было думать! На лице же Октавии, к-рая тоже никак не ожидала стать свидетельницей подобной смерти брата, не дрогнул ни один мускул, ибо она, «невзирая на свои юные годы, научилась таить про себя и скорбь, и любовь, и все свои чувства. Итак после долгого молчания возобновилось застольное оживление» (13,16).

И если по Светонию, спешное погребение состоялось на следующий день, то по Тациту, оно имело место в ту же послетрапезную ночь, что Нерон не постеснялся объяснить ссылкой «на установление предков скрывать от людских глаз похороны безвременно умерших и не затягивать церемонии похвальными речами и пышно отправляемыми обрядами» (Ан. 13,17).

В реальности ему не терпелось поскорее покончить с этим делом, и по поводу погребения, к к-рому всё было приготовлено заранее, ночью, при бурном февральском ливне, Тацит, скорей всего, прав. Дело в том, что внешний облик умерщвлённого сильным ядом изменился и не следовало хоронить-кремировать его при свете дня. Подтверждение находим у эпитамированного Диона: «...Нерон тогда коварно убил Британника посредством яда, а затем, так как кожа покойного посинела из-за действия отравы, велел обмазать тело гипсом. Но когда тело несли через Форум, сильный дождь полностью смыл ещё сырой гипс и преступление стало очевидным не только по слухам, но и воочию» (61,7,4).

Ничего: опыт более искусного обставления убийств приходит со временем. Помимо того, кого опасаться, коли из Юлиев-Клавдиев больше никого не осталось, плюс к тому, сообразно Тациту, если часть римлян была, всё-таки, про себя возмущена «преступлением принцепса», то многие отнесли к случившемуся с пониманием, — «принимая во внимание известные в прошлом раздоры и усобицы между братьями, и то, что верховная власть неделима». Вспомните, будь то мифологи-

ческие или исторические, трагедии-истории братьев Атрея и Фиеста! или Этеокла и Полиника! или Ромула и Рэма! или совсем недавнюю драму Калигулы и Тиберия Гемелла!

И так становящийся тиран Нерон полномерно (с превеликим удовлетворением) ощутил-почувствовал кожей и фибрами души свою безнаказанность-всевластность, что преисполнило его, юношу на 18-м году жизни, безмерным самодовольством. Ему, кесарю-принцепсу, всё дозволено! В итоге Британник был кремирован на Марсовом поле, а урна с его прахом упокоилась в мавзолее Августа.²²

Причём, следуя слову ссылающегося на писателей той поры Тацита (ниже в качестве его информаторов называются Фабий Рустик, Плиний, Клувий Руф) (13,17; 20), в течение нескольких дней перед убийством Нерон осквернял тело Британника гомосексуальным надругательством, используя его как спального мальчика, и сим противоестественно самоутверждаясь над (уже приговорённым им) братом. Дальше – больше: лицемера-кесаря хватило и на то, чтобы попросить у сената, в сложившихся трагических обстоятельствах, утешения и «всяческой поддержки принцепсу – единственному оставшемуся в живых отпрыску рода, предназначенного для возложения на него высшей власти» (13,18).

Да, не случайно он воскликнет о себе (лицедействуя даже) перед смертью: «Какой (великий) актёр погибает!». Из позрелевшего до срока волчонка отчасти уже получился и отчасти ещё обещал получиться настоящий деспот!

ПРИДВОРНЫЕ ИНТРИГИ

Вместе с тем, материнское чрево, вынашивавшее гада, ещё было способно, если не плодоносить, то грозить (себе же на погибель) оппозиционным, выражаясь фигурально, «плодоношением». Гнетомая произошедшим, к-рое не должно было бы её удивить, Агриппина, в то время как «Цезарь щедро одарил виднейших из своих приближённых» (Ан. 13,18), окружила заботой свою приёмную дочь и невестку Октавию, «часто устраивала тайные совещания со своими друзьями и с жадностью, превосходившей её врождённую страсть к стяжательству, где только могла, добывала деньги, как бы предвидя, что они ей вскоре понадобятся; она обходительно принимала трибунов и центурионов, окружала почётом уцелевших представителей старой знати, превознося их славные имена и доблесть, как если бы приискивала вожда и привлекала приверженцев...» (13,18)

Между тем, по суммарно-компендиумному преувеличению Диона (61,7,5) в выдержках Ксифилина (150,26 – 151,8), – «после смерти Британника Сенека и Бурр более не уделяли сколько-нибудь серьёзного внимания гос. делам, но были удовлетворены, если могли хоть как-то влиять на них и до сих пор сохранять свои жизни» (61,7,5). Не совсем так, поскольку Сенека и Бурр оставались в достаточной силе до 62г., однако, действительно, после убийства Британника их влияние стало ослабевать, так как Нерон дал понять и им, что фигура № 1 – именно он сам, и ещё более приблизил к себе, щедро одарив их, своих сопутствовавших ему в первом политическом убийстве наперсников-сображников из числа представителей золотой молодёжи.

А Агриппина, в свою очередь, совершила очередной ляп. Если её сюсюканья с Октавией просто раздражали Нерона, то обхождение ею преторианских трибунов, центурионов и репрезентантов старой знати папахивало возможным заговором, и

²² Об отравлении Британника вскользь упоминают Флавий (И.д. 20,8,2), Геродиан (4,5,6), Евтропий (7,14,3), «Схолия к Ювеналу» (1,71; 6,117;124; 8,215).

потому штрафные меры не заставили себя долго ждать. Кесарь лишил вдовствующую императрицу и королеву-мать как преторианского караула, так и германских телохранителей. Помимо того, избегая небезопасной, по его мнению, её близости к нему, он приказал ей покинуть Палатинский дворец и удалиться в пустующий вдовый дом Антонии Младшей, куда навещался, демонстрируя матери вотум недоверия, — «не иначе как окружённый толпою центурионов, и всякий раз, наскоро поцеловав мать, тотчас же удалялся» (Ан. 13,18).

Светоний: «Мать свою невзлюбил он за то, что она строго следила и судила его слова и поступки. Сперва он только старался так или иначе возбудить к ней ненависть, грозясь отказаться от власти и удалиться на Родос²³; потом лишил её всех почестей и власти, отнял воинов и германских телохранителей, отказал ей от дома и изгнал из дворца...» (Нер. 34,1).

В те же дни Нерон строго покарал некоего всадника Антония, избличённого в смесительстве ядов, к-рые были публично сожжены при всём честном народе. «Он снискал большую похвалу этим деянием, как и преследованием некоторых лиц, подделывавших завещания, но в целом народ чрезвычайно развлекало видеть его карающим собственные деяния в лице других» (Дион 61,7,6).

К слову, обращает на себя внимание *недократический* характер инфантильных принципатов Калигулы и Нерона, в отличие от *геронтократического* характера консервативных принципатов Тиберия и Клавдия, к-рые, при этом, — и те, и другие, — как бы продолжая друг друга через одного, в равной и наибольшей мере взывали каждый к отцу-основателю Августу. Причём ни один из них, повторим, никак не вытянул, не потянул на Августа. Впервые Октавиан стал консулом в 19 лет — 43г. до н.э.; триумвиром двух триумвиратов он был в 43 — 33гг.; противостоял Антонию и Клеопатре в 33 — 30гг., в возрасте 30-33-х лет, сделавшись, соответственно, единовластным в 33 года. Затем взошёл в принцепсы под именем Августа в 36 лет — 27г. до н.э., увенчался имманентным (народно-империальным) трибунатом²⁴ в 40 лет — 23г. до н.э., и пребыл во главе августейшего принципата итого 40 лет, с 27г. до н.э. по 14г. н.э., умерев в 76 лет.

Удостоверьтесь, куда ни ткнётся, полнолетние — исполнившиеся и исполненные сроки! Отсюда неспроста, если Август, считая от даты его первой ауспикации и первого консульства в 43г. до н.э., пробыл на вершинах власти, поэтапно поднимаясь на них, всего-итого, аж 56 лет (столько, сколько гениальный Цезарь, в общей сложности, прожил), то все последующие Юлии-Клавдии купно пребыли кесарями, притом каждый в своей тронной биографии по деградирующей нисходящей, итого 54 года — 14 — 68гг.!

И все они были определённое время до прихода к власти озлобленными обиженниками. Запасной престололюбитель Тиберий 8 лет (6г. до н.э. — 2г. н.э.) провёл в самоссылке на Родосе и вышел (4г. н.э.) в наследники № 1 только потому что раньше срока умерли два внука Августа, о чём сам Август открыто сказал в своём завещании. Потом троннонаследовательная преемственность нарушилась

²³ За обязанных ему родосцев Нерон, как мы помним, успешно ходатайствовал в 53г., при Клавдии. Но больше здесь, он, думается, разыгрывал из себя, топя ногами перед матерью, Тиберия, к-рый (проведя 8 лет, при Августе, на Родосе самоизгнанником), удалился в 26г. на Капри, в т.ч., подальше от назойливостей своей матери Ливии (мол, не делай из меня, матушка Агриппина, второго Тиберия в пользу нового Сеяна в твоём лице).

²⁴ Нар. трибуна (plebis) — опора кесарей в массах, жидившаяся (далеко не в последнюю очередь) на низменном хлебо-зрелищном потребительстве. Принцепс = исключительный нар. трибун = мандатарий всенародной воли (одно из ярчайших проявлений мастерско-камуфляжного августейшего сочетания императорского моноархизма и традиционной римско-республиканской демократии).

из-за досрочных кончин Германика (19г.) и Друза (23г.). Внучатый племянник Тиберия Калигула ходил по лезвию бритвы до падения Сеяна (31г.). Клавдий был посмешищем до самого своего извлечения из-за занавески (или из отхожего места) и произведения преторианцами в принцепсы-кесари (41г.). Нерон висел на волоске при Клавдии, подобно Калигуле при благоволившем к Сеяну Тиберии, вплоть до падения Мессалины (48г.).

Далее, если Август взбирался наверх, сообразно возрастным этапам, гармонично оставляя их позади, то Тиберий оказался в кесарях в возрасте 55-и лет, Калигула – на 25-м, Клавдий – на 50-м году, Нерон – в 17 лет. Вот откуда, в одном случае, преимущественно консервативная *геронтократия*, в другом, – тумултарно спонтанная *педократия*. Нет, всё-таки, откорректированную цезаристско-августейшую модель куда лучше реализовали, превратив её в плавный адоптивный принципат, Антонины (84 = 12 x 7 года – от Нервы до М.Аврелия), нежели Юлии-Клавдии. Между тем, заикленный на своей фамильной клановости-синдикатности Август (не допуская иного республиканско-императорского престолонаследования) сам выбил почву из-под ног своих кланово-синдикатных преемников до их полного, с Нероном, оскудения и конца (политического, генетического, духовного).

Да и если при Августе Мистерия Голгофы, находясь с 1/1гг. в ходу, ещё не свершилась, то при его преемниках она именно, исполнив времена и сроки, свершилась, что не могло не обернуться для поставгустовских кесарей, в условиях-обстоятельствах смены-изменения глобальной системы координат и шкалы ценностей, в условиях разворота Века Апостольского, в условиях незамеченного современниками рождения Нового Неба, Нового Человека и Нового Человечества, именно *кесаревым безумием* – *furor principum!*

Ахиллесова пята любой цезаристской модели – это – чёт-нечет, орёл или решка, повезёт или не повезёт с преемником пусть даже самому выдающемуся предшественнику, и отсутствие в рамках данной системы каких-либо твёрдых-постоянных-долгосрочных гарантий. Ведь даже «златовековая» модель Антонинов пресеклась и иссякла (даром что её время вышло), когда власть от М.Аврелия досталась, в нарушение законодательно не закреплённой традиции, уроду Коммоду. Предшественник в ответе за преемника, причём конечная состоятельность предшественника, во многом, определяется преемником.

И пусть демократия это – ужасно, пусть, не в пример цезаризму-августизму²⁵, это власть серости и посредственности (Черчилль), но, увы, никто ничего лучше демократии в качестве гарантии от тирании и в качестве способа наиболее гуманной, наиболее приемлемой экзистенции как для индивидуумов, так и для народов до сих пор не придумал. То-то для поистине творческих личностей, согласно слову (из Нобелевской лекции) И.Бродского, «лучше быть последним неудачником в демократии, чем мучеником или властителем дум в деспотии».²⁶

²⁵ При всём том, и Цезарь, и Август и всякий выдающийся политический лидер должен вписаться в вектор истории, должен прийти-войти в неё и встать над ней не раньше срока и не с опозданием, а минута в минуту, иначе, будь он даже гений семи пядей во лбу, ничего не получится.

²⁶ Правда, когда при (перехлёсте) демократии *мы-сознание* вытесняет *я-сознание*, как это, во многом, сегодня происходит на Западе, имеет место своего рода выработка определённых норм тоталитарного единомыслия либералов и демократов, с т.н. мягким недопущением, по целому ряду вопросов, противоположной точки зрения или даже плюрализма (весьма подверженных искусной манипуляции) общественных мнений.

Например, всякий, кто заикается о наличии различных человеческих рас, или называет негров чернокожими, а не темнокожими (*nicht schwarz, sondern unbedingt dunkel*), или любой противник однополых браков сегодня для либерал-демократов Запада – расист, реакционер и мракобес, подлежащий шельмованию (общественного мнения), при единовременной акцен-

Впрочем, нетворческому обывателю чаще видится более привлекательной мобилизационно-консолидационная тирания, хотя он вовсе не столько хочет жить при ней сам (чего он, на поверку, совсем не хочет), сколько безудержно хвалит её задним числом, в абстрактной теории. Так, в сегодняшней России ок. 70% опрошенных считают самым выдающимся лидером страны в XXв. Сталина, но только 5% из них хотели бы жить при Сталине. (Легче всего почитать себя пламенным патриотом и борцом за светлое прошлое, настоящее, будущее не за свой персональный счёт!)

* * *

Тацит: «Среди дел человеческих нет ничего более шаткого и преходящего, чем обаяние не опирающегося на собственную силу могущества. У порога Агриппины сразу стало безлюдно: никто не являлся к ней с утешениями, никто не приходил проведать её, кроме нескольких женщин, побуждаемых к этому, быть может, любовью, а быть, может, и ненавистью. В их числе была и Юния Силана, о расстройстве Мессалиною брака к-рой с Гаем Силием я упоминал выше; женщина выдающейся знатности и красоты, известная своими многочисленными любовными связями, она долгое время пользовалась особым расположением Агриппины, но впоследствии между ними разгорелась глухая вражда, так как Агриппина отговорила от женитьбы на Силане знатного молодого человека Секстия Африкана, упорно внушая ему, что Силана – стареющая развратница, причём сделала это не для того, чтобы приберечь его для себя, но, чтобы став мужем неспособной к деторождению женщины, он не унаследовал после Силаны её богатства...» (Ан. 13,19)

Насчёт шаткости обаяния не опирающегося на собственную силу могущества, мрачный пессимист Тацит в привычном для себя амплуа. Впрочем, не отстаёт от него и менее пессимистичный Дион, говоря о добывшей власть для Нерона Агриппине: «Она не уразумела, что всякая неограниченная власть, переданная кому бы то ни было частным лицом, немедленно ускользает от дарителя, ускользнув из его рук, и вполне может перейти в руки получившего её против дарителя» (61,7,3).

При тираниях или авторитарных режимах оно так: стоит кому-то упасть с верхов и попасть в опалу или в полуопалу, как тотчас число «друзей» вокруг него или вокруг неё катастрофически тает, потому что в реальности это не друзья и почитатели, а холуйские рожи, к-рые рядом лишь до того момента, пока избранник судьбы или фаворит в силе.

Во вдовьем доме Антонии вокруг отосланной-усланной туда Нероном Агриппины образовался своеобразный вакуум, большинство давешних друзей, подруг, клеветников отвернулись от неё или стали избегать её. Остались всего несколько человек, да и те, как вскоре стало ясно, или, по крайней мере, одна из них, оказались совсем не друзьями.

Это была Юния Силана, предположительно, дочь медоречивого консула-суф. 15г. н.э. М.Юния Силана, бывшая замужем за красавчиком Г.Силием, сведшим

таци знаменитого постулата Вольтера: «Я могу не соглашаться с тем, что вы говорите, но я готов биться насмерть за ваше право говорить это». Правда, рыба ведь с головы воняет, и не Вольтер ли – первый, как его презентуют, правозащитник Европы и борец за терпимость, а в реальности циничный сноб, лицемер и атеист, прикрывавшийся фиговым листком деизма, говорил: «Когда чернь начинает рассуждать, всё пропало». Кто под чернью, если не народ? Или снова приведём вольтеровские слова о Церкви, под к-рыми латентно подразумевается Христианство: «Раздавите гадину!» (что уже совсем не латентно, пусть и др. словами, провозгласили, продолжая Вольтера, Маркс, Энгельс, Ленин).

чуть ли не с ума похотливую Мессалину, к-рая её с Силием, желая монопольно владеть им, в 47г. развела, после чего у красавицы Силаны не переводились любовники. Ну и, естественно, та, к-рую Мессалина отставила, сблизилась с Агриппиной, кто, помимо прочего, жадная до денег, думала, выйдя в 49г. замуж за Клавдия, со временем унаследовать состояние богатой, безмужней и бездетной Силаны. Поэтому где-то в интервале 50 – 54гг. она тайно отговорила молодого Секстия Африкана (конс.-суф. 59г.)²⁷ от женитьбы на стареющей развратнице-подруге, к-рая, со своей стороны, узнав о случившемся и не подав виду (в открытую на императриц, когда те в силе, не обижаются), затаила глубокую обиду.

И вот стоило Агриппине попасть в полунемилость, как Силана, внешне ещё какое-то время продолжая разыгрывать дружбу, решила нанести ответный, в отместку за её расстроенный брак с Секстием, удар. Она выпустила против Агриппины двух своих клиентов-прихлебателей, согласно Тациту, побирушек Итурия и Кальвизия, к-рые, по нижеприводимым словам Агриппины, «промотав своё достояние, продают этой старухе (Силане) последнее, чем ещё могут распорядиться – своё пособничество в предъявлении клеветнических обвинений...» (13,21).

С подачи Силаны Итурий и Кальвизий обвинили Агриппину в скорби по Британнику, в сочувствии игнорируемой Нероном и трагически потерявшей брата невестке Октавии, наконец, в намерении озамужить известного молодого нобиля Рубеллия Плавта, чтобы совершить с его помощью гос. переворот и таким макаром «возвратить себе верховную власть над Римским государством» (13,19). К-рой, т.е. этой многожеланной властью, она – добавим от себя – в достаточной мере пользовалась при Клавдии, к-рая, в конце концов вроде бы досталась ей, с приведением ею к власти Нерона, и крую она, не успев толком вкусить её, очень скоро и очень досадно начала терять.

Рубеллий Плавт был сыном дочери Тибериева сына Друза, Юлии, и римского всадника Г.Рубеллия Бланда (из Тибура). Кесарь Тиберий поженил эту пару в 33г. и тогда многие сочли выдачу кесарской внучки замуж за неравнорангового ей Бланда мезальянсом (см. выше). Дата смерти Бланда, по всему, естественной, от болезни, ибо в противном случае, античные авторы не забыли бы о ней упомянуть, неизвестна. В последний по времени раз он эпиграфически называется под 38г., т.е. при Калигуле, как понтифик (CIL 14,3576). Юлия же, о чём мы знаем, пала жертвой интриг Мессалины в 43г. (см. выше), до чего Бланд, вероятно, не дожил, поскольку о нём ни в данной связи, ни позднее упоминаний нет.

А что касается Силаны, она, взяв на вооружение максимум долг платежом красен, вменила теперь Агриппине то (с прелюдией относительно Британника и Октавии), чем ранее Агриппина расстроила её брак, – поиск стареющей интриганкой молодого мужа, да ещё не просто в русле простительного разврата, но с целью совершения при помощи сочлена дома Augusti Плавта гос. переворота. Конечно, ложь должна быть колоссальной, чтобы в неё поверили, однако это, если ты дуришь-обманываешь массы, в то время как направленная персонально против Агриппины Нерону утка, запущенная Силаной через Итурия и Кальвизия, была чересчур коротконогой лживой-примитивной. И стоило к ней присмотреться, как вся несостоятельность подобного рода наспех сфабрикованного обвинения делалась очевидной.

²⁷ Т.Секстий Африкан – сын одноимённого дуовира в Остии при Тиберии (36г.), был в 48г. поднят Клавдием в патрициат; входил, при Клавдии и позже, в коллегию Арвальских братьев; в 59г. – консул второго полугодия (см. ниже); в 61г. получил вместе с консулярами К.Волусием Сатурнином и М.Требеллием Максимом задание произвести ценз в Галлии (An. 14,46); в 63 и в 66гг. упоминается в «Актах Арв. братьев». Его одноимённый деду внук – эпонимический консул 112г. в паре с Траяном.

Судите сами. Агриппина (видимо, приблизительная ровесница несколькими годами старшей Силаны) родилась в 15г. н.э., т.е., к месту добавить, как раз на 55г. пришлось её 40-летие, между тем как, если Р.Бланд женился на Юлии в 33г., значит, их общий сын Рубеллий Плавт, буде он старший из детей (а у пары их было несколько), должен быть лет на 19 моложе Агриппины, почему приписываемое ей намерение выйти за него замуж сразу натывается на недоверие. Надо думать, что Секстий Африкан был не настолько вызывающе моложе переборщившей в своём отмстительном порыве-надрыве Силаны.

Хотя расчёт мог быть сделан на мгновенную эмоциональную реакцию Нерона – барчука-недоросля с неустойчивой психикой, к-рый-де в припадке гнева и страха может расправиться с угодившей под горячую руку матерью. Так или иначе, дезинформация дошла до кесаря по следующей опосредованной цепочке. Подстрекаемые Силаной Итурий и Кальвизий передали эту байку вольноотпущеннику враждебной Агриппине Нероновой тётки, сестры его отца Домиции Старшей – Атимету, к-рый побудил другого её вольноотпущенника, близкого к кесарю актёра Париду, – «не мешкая и сгустив краски, донести об этом преступном умысле» (13,19).

Вспомним ещё раз – Домиция Старшая опекуновствовала над 3-летним мало интересовавшим её племянником Нероном, когда его отец в 40г. умер, а мать находилась в калигулианской ссылке. Позднее же возвращённая Клавдием (41г.) из ссылки Агриппина отбила у неё – 44г. – богатого мужа Г. Пассиена Криспа, в связи с чем взаимная неприязнь обеих родственниц переросла во вражду.

Впрочем, в дальнейшем, насколько следует из нижеприводимых слов Агриппины (13,21), когда и пока она оберегала Нерона при Мессалине, или затем (свалив Мессалину) прокладывала ему дорогу к трону, Домицию полностью поглощало беззаботное времяпрепровождение в собственном поместье в кампанских Байях, где она занималась устройством рыбных садков-прудов – одно из излюбленных занятий-хобби римской аристократии. Не разводил ли садист Веддий Поллион (+ 15г. до н.э.) в своих садках-прудах муррен, к-рым он иногда скармливал провинившихся рабов живьём.

А Парид (Парис) был знаменитым мимом (один из нескольких римских актёров с этим именем в честь троянского героя Париса). Поначалу, как выходит из Тацита, раб Домиции Старшей, он получил от неё вольную за (уплаченную рабовладельце им или кем-то другим) круглую сумму в 10 тыс. сестерциев (Dig. 12, 4,3,5; Ан. 13,27), но позднее, в 56г. (см. ниже), выдвинул против неё обвинение, что он, мол, был (как выяснилось) свободнорождённым, к-рого Домиция неправоммерно держала в рабстве, почему потребовал через суд соответствующего решения, с возвращением уплаченной за свободу суммы (подробности неизвестны).

И суд иск истца в обоих пунктах удовлетворил, во-первых, признав-узаконив его свободное рождение, и во-вторых, обязав Домицию вернуть 10 тыс. сестерциев. Спрашивается, – не в карман ли Нерону они пошли? Лишь позже Нерон, лицедействуя в 67г. в Греции, прикажет своего любимого актёра умертвить: то ли не сумев выучиться у него искусству танцевальной пантомимы (Дион 63,18,1), то ли ревниво видя в нём угрозу собственному актёрскому призовому мастерству-первенству (Свет. «Нер.» 54) (см. ниже).²⁸

²⁸ Согласно рассказу сатирика Лукиана Самосатского (Пв.), однажды философ-киник Деметрий заявил, что в пантомиме музыка есть – всё, тогда как игра актёра – ничто. В ответ Парид продемонстрировал актёрскую игру без музыкального сопровождения, изобразив безумие любви между Аресом и изменившей мужу (Гефесту) Афродитой (от связи к-рой с Аресом родились вечные спутники войны: Деймос – ужас, Фобос – страх, и божок любви – Эрот) настолько искусно, что весьма впечатлённый Деметрий пересмотрел свою прежнюю точку зрения («О пляске» 63).

А в 55г. верный патронату давешней госпожи Парид, услышав от её другого вольноотпущенника и любовника Агимета про запущенную Силаной дезинформацию Итурия и Кальвизия, поспешил, запросто входя к принцепсу, в императорский дворец, притом поздней ночью, когда очередная горячительная пирушка была там в полном разгаре (Ан. 13,20).

Донос пересказчика мима, действительно, устрасил трусоватого Нерона, и он, тем паче, под воздействием вина, начал пороть горячку: «вознамерился не только немедленно умертвить мать и Плавта, но и отставить Бурра от командования преторианцами, ибо, выдвинувшись благодаря расположению Агриппины, он будто бы воздавал ей за это содействием» (13,20). Т.е. в доносе в интригу как-то вовлекался также А.Бурр (дескать, приверженец надуманного альянса Агриппины и Плавта?).

Повествуя обо всём этом, Тацит пользуется трудами современников событий — римских историков IV н.э. — Фабия Рустика, Плиния Старшего и Клувия Руфа²⁹, на основании критически сопоставленных рассказов к-рых он, родившийся как раз ок. 55г. последний и самый выдающийся римско-латинский анналист, старается воспроизвести максимально правдивую картину.

И вот оказывается, что согласно Фабию Рустикю, по Неронову велению, тотчас был составлен приказ о замене Бурра в начальствовании над преторианцами Цецциной Туском (молочный брат Нерона, сын его кормилицы), «и лишь благодаря усилиям Сенеки этот пост остался за Бурром», в то время как ни Плиний, ни Клувий ничего о каких-либо сомнениях в преданности Бурра не сообщают. И Тацитом тут высказывается догадка о возможно не соответствующей реальности лести Фабия Рустика Сенеке, покровительству к-рого дружный с ним Рустик был обязан своим благоденствием.

Так или иначе, в целом ситуацию, насколько можно умозаключить, разрядило вмешательство именно Сенеки, влияние к-рого, как видим, было всё ещё достаточно сильным. Тем временем, Нерона впервые захватила-поглотила мысль об убийстве матери, к-рая именно тогда, раз появившись у него, перестала казаться ему дикой и уже больше, то утихая, то вновь актуализируясь, не оставляла его до самого совершения им (по его велению) матереубийства в 59г.

Однако, в тот первый раз, когда Бурр, за к-рого, если всё-таки принять версию Фабия Рустика, вступился Сенека, сумел, со своей стороны, убедить Цезаря в своей полной лояльности-преданности, более того, обязался провести объективное расследование и в случае подтверждения виновности Агриппины предать её смерти.

Да, — и Бурр, и Сенека работали над ослаблением агриппианского влияния, но, во-первых, порывно-спонтанное матереубийство — это слишком, и во-вторых, если не тормознуть курс на подобный беспредел, к-рый в окружении нескольких друзей из золотой молодёжи взял Нерон, такая скорострельная расправа над Агриппиной может сделаться преддверием расправы над ними самими. Надо придержать коней,

²⁹ Фабий Рустик — римский анналист IV н.э., возможно, как и его старший возрастом покровитель Сенека, родом из Испании. Тацит (Ан. 13,20; 14,2; 15,61; «Агрикола» 10) пользуется несохранившейся (предположительно) «Историей Цезарей» Рустика и цитирует его как критически относящегося к Нерону автора, одновременно упрекая этого автора за чрезмерное восхваление Сенеки. Полагают, что труд Фабия был доведён до 69г., откуда начинается «История» Тацита. Кроме того, есть основания полагать, что он дожил до глубокой старости, упоминаемый в 108г., при Траяне, как ещё здравствующий автор (CIL 6,10229 — «Завещание Дасумия»).

Известный энциклопедист Плиний Старший был автором, в т.ч., не дошедших до нас исторических трудов. М.Клувий Руф (конс.-суф. 45г.) — знакомый нам историк IV в. (см. выше), современник Калигулы, Клавдия и приближённый Нерона, трудом к-рого пользовались и Флавий (почерпнувший у Клувия рассказ об убийстве Калигулы), и Тацит, и Плутарх, и Светоний, и Дион Кассий.

надо, чтобы не наломать дров непроглядной ночью, дожидаться утра и во всём спокойно рассудительно разобраться.

На том и порешили. А с рассветом преторианский префект и другие отправились к Агриппине (Ан. 13,21). Она же, будучи, в отличие от сына не робкого десятка (в чём Тациту видится присущая ей надменность), уверенно и убедительно опровергла все выдвинутые против неё обвинения, благо, настолько абсурдные и настолько притянутые за уши, что их опровержение не составило большого труда.

Не она ли сделала для становления Нерона кесарем Нероном столько (и переступив через столько), что шансы выжить и процветать у неё есть только при Нероне, тогда как любой другой кесарь-принцепс устранил её первой вслед за Нероном! Т.е., если даже отставить (неведомые бездетной Силане) чувства матери к сыну (о к-ром тётка Домиция никогда не заботилась) и её материнскую преданность ему, ей, при любом раскладе, нет никакого резона тронно содействовать кому-либо против безальтернативного, в первую очередь, для неё Нерона.

Железная логика, к-рой она, увы, в своём поведении, конечно, никогда всерьёз не планируя свергнуть сына, и вместе с тем, желая принудить его считаться с ней, не всегда убедительно придерживалась, могучи дать и часто давая подозрительному тирану повод в родной матери усомниться. Присутствующие были убеждены её доводами, после чего мать потребовала свидания с сыном, дабы довершить дело.

«...В разговоре с ним она ни словом не обмолвилась о своей невиновности, чтобы он не подумал, что она допускает возможность недоверия к ней, равно и о том, что она сделала для его возвышения, чтобы он не счёл, что она его попрекает, но добилась наказания своих обвинителей и назначения друзей на видные должности» (Ан. 13,21).

Не следовало ли начать вести себя таким образом раньше! К сожалению, у неё не всегда хватало терпения и выдержки, не всегда ей удавалось действовать и говорить столь взвешенно, осмотрительно, убедительно. К тому же, повторим, на сей раз, Агриппине немало подсобила глупость её противников.

Так в 55г. произошло своеобразное консенсуально универсальное примирение (или заключение временного перемирия), с одной стороны, между Нероном и Агриппиной; с другой, — между Агриппиной и Сенекой/Бурром; с третьей, — между Нероном и дуэтом Сенека — Бурр (поскольку Сенека явно не хотел оставаться в верхах возле Нерона без продуктивно взаимодействовавшего с ним Бурра). И тем не менее, молодой принцепс, как колобок, к-рый и от бабушки и от дедушки ушёл, всё более выходил из-под опеки, уходя-дистанцируясь и от матушки-императрицы, и — медленнее-медлительнее — от своих до поры необходимых ему, и потому до поры влиятельных в гос. делах дядек-опекунов — tandemных Сенеки и Бурра.

* * *

«Фений Руф назначается префектом по снабжению продовольствием, Аррунций Стелла — вести делаемыми Цезарем зрелищами, Тиберий Балбилл — Египтом; Публию Антею была предоставлена Сирия, но под различными предложениями его долго туда не пускали и в конце концов удержали в Риме. Что до Силаны, то её отправили в изгнание; не избежали ссылки и Кальвизий с Итурием; Атимет был казнён, а Парид занимал слишком важное место в развлечениях принцепса, чтобы быть доступным для наказания. О Плавте на время забыли» (Ан. 13,22).

Облечённый ответственной и престижной магистратурой продовольственного префекта (annonae) Фений Руф отправлял её 7 последующих лет, став после смерти Бурра в 62г. одним из, в паре с Тигеллином, вновь дуализированных преторианских

префектов. Далее, наглец и бражник-распутник Тигеллин будет гораздо ближе к бражнику-распутнику Нерону, унижая сдержанного Фения, упрекая его в когда-тошней дружбе с Агриппиной и в предательских по отношению к кесарю намерениях, что и толкнёт его нерешительного коллегу в 65г. к нерешительному соучастию в заговоре Пизона (см. ниже).

Поставленный в 55г. ведать устройством кесарских зрелищ Л.Арунций Стелла был одним из префектов praetorio вместе с М.Аррецином Клементом после Макрона, в 38 – 41гг., при Калигуле (не идентичный, вопреки мнению некоторых, ни Эваресту, ни Павлу Арунциям, к-рые также знакомы нам по их сопричастности к драме убийства Калигулы) (см. выше). Б.м., его (одноимённый) родившийся близ Падуи сын – консул-суф. 101г., при Траяне, и почитаемый Марциалом (1,61,3; 8,78; 12,3,10) известный поэт своего времени.

Тиберий Клавдий Балбилл – сын знаменитого тиберианского астролога Фрасилла, тоже практиковавшийся в астрологии (см. выше). По смерти отца в 36г. он перебрался в Александрию Египетскую, откуда Фрасилл был родом, и осторожно не высывался ни там, ни оттуда при Калигуле. В 41г. находился в составе направленного к Клавдию посольства александрийцев, был почтён новым кесарем и назван им личным «другом», вскоре после чего вроде бы предсказал (Ан. 6,22) грядущее кесарство Нерона. В 43г. сопровождал Клавдия в британском походе; в 44г. участвовал в клавдианском римском триумфе ex Britannia. В 55г. сменил, в знак особой благосклонности к нему Нерона, в египетском наместничестве Л.Лусия Гету, к-рый, будучи совместно со вторым преторианским префектом Руфрием Криспином отставлен в 51г., по инициативе Агриппины, в пользу префекта преторианцев sine collega Афрания Бурра, отправился тогда наместничать в Египет.

Или Балбиллу довелось сменить в египетской префектуре некоего Модеста, кто, согласно «Суде», наместничал при Клавдии в стране-на-Ниле, как полагают некоторые, в 54/55гг. А отнаместничав в Египте до 59г., в 60-е гг., при Нероне, потом, в смуту 68/69гг. и при Веспасиане, Балбилл проживал в Эфесе, где эфесяне начали отмечать (с позволения Веспасиана) посвящённые знаменитому астрологу праздничные Балбиллии, и где он написал свой весьма востребованный в древности труд «Астрологумена».

Формально назначенный в 55г. заведовать Сирией сенатор П.Антей, б.м., приходился братом убитому после убийства Калигулы рассвирепевшими германскими телохранителями некоему сенатору Антею, о чём сообщает Флавий (И.д. 19,1,15), говоря, что этот Антей, отца к-рого Гай сослал и затем приказал убить в ссылке (как Авилия Флакка), услышав о цареубийстве, поспешил во дворец, чтобы полюбоваться на труп ненавистного императора. Но попался во дворце, не успев спрятаться от них, на глаза (кесарским телохранителям) германцам, «к-рые в поисках убийц (Гая) одинаково свирепствовали как над виновными, так и над невинными» (см. выше).

Интересующему же нас сейчас П.Антею довелось в 51/52гг. наместничать в кесарской Далмации (СІЛ 3,1977). Интересно, что назначенный легатом Сирии вместо Умвидия Квадрата, он, удерживаемый в столице, так и не отправится на сирийский Восток (где Квадрат пролегалствует до своей кончины на посту в 60г.), сходно тому, как, к примеру, в 22 – 32гг. Тиберий аж 10 лет не отпускал в Сирию Элиа Ламию (или в 25 – 34гг. – Л.Арунция – в Испанию), вынужденного сидеть в Риме. Дальше – больше: в 66г. Нерон принудит преданного памяти Агриппины, богатого и обвинённого в покровительстве астрологу Паммену Антея к самоубийству (Ан. 16,14) (см. ниже).

Юния Силана, с к-рой противоагриппианская интрига стартовала, отправилась в 55г. в изгнание (неизвестно куда за пределы Италии), откуда ей смягчительно

разрешат позднее перебраться в Тарент, где она к моменту убийства Агриппины в марте 59г. успеет (всё ещё) ссыльно умереть, тогда как сосланных Итурия и Кальвизия Нерон, покончив с матерью, вернёт из ссылки (Ан. 14,12) (см. ниже).

Между тем, в 55г. главным козлом отпущения за всё произошедшее назначили вольноотпущенника Атимета, кого, напомним, любовника Домиции Старшей, вероятно, чтобы побольнее досадить ей, единственного из всех привлечённых по данному делу, казнили. Хотя его вина заключалась в том, что он сообщил услышанную от Итурия и Кальвизия клеветническую байку Париду, к-рый, в свою очередь, был ограждён Нероном, поклонником его артистического таланта, от какого-либо наказания.

И наконец, о Рубеллии Плавте, ни сном, ни духом не ведавшем, что 40-летняя Агриппина (якобы) собирается за него, ок. 20-летнего юнца, замуж, дабы использовать его против Нерона, «на время – как говорит Тацит – забыли». В том-то и дело, что только на время, поскольку его родословная от Юлии Друзовны, дочери Друза Тибериевича, в итоге всё равно выйдет ему боком. В 60г. впечатлённый-напуганный появлением предвещающей, мол, смену правления хвостатой кометы Нерон сошлёт его, приверженца стоической философии, в Азию, и в 62г. прикажет, подстрекаемый Тигеллином, убить (Ан. 14,22; 58; 16,30; Дион 62,14,1) (см. выше и ниже).

Сим в ходе 55г. н.э. разбирательство клеветы на Агриппину завершилось, и приправленное различными назначениями, равно осуждениями, как бы трёхстороннее примирение состоялось. Впрочем, Рим вновь почувствовал вкус к доносителю, видя, что новый кесарь в этом вопросе имеет немалое сходство с кесарями (после Августа) прежними.

* * *

«Вскоре поступил донос на Палланта и Бурра с обвинением в заговоре с целью передать верховную власть Корнелию Сулле, принадлежавшему к именитому роду и состоявшему в свойстве с Клавдием, к-рому он, вступив в брак с Антонией, приходился зятем. Обвинителем выступил некий Пет, ославивший себя скупкою конфискованных казною земель и на этот раз изобличённый в заведомой клевете...» (Ан. 13,23)

Если Рубеллий Плавт был сыном внучки Тиберия Юлии, то Ф.Корнелий Сулла Феликс (конс. 52г.) состоял в браке с дочерью Клавдия Антонией (на сводной сестре к-рой Октавии был женат Нерон), т.е. и тот, и другой входили, в широком смысле, в *domus Augustana*, могучи теоретически претендовать на Принципат и представляя для Нерона потенциально конкурентную монархическую угрозу в Республике *restituta*.

И опять обвинение было чересчур дилетантским и голословным, да ещё исходило от имеющего дурную репутацию спекулянта-скупщика конфискованных казной земель, когномен к-рого Пет – без номена – не позволяет его идентифицировать. Короче, оставному министру финансов Палланту и преторианскому префекту (по-прежнему) без коллеги Бурру (обвинительное сведение к-рого с Паллантом из давешней партии Агриппины показательно), не составило труда такой поклёп опровергнуть. При этом (вновь попавший в высочайшую милость или, вернее, не успевший утратить её) Бурр, «хотя и числился подсудимым, подал своё мнение вместе с судьями» (13,23). Обоих обвиняемых оправдали, в то время как «обвинителя приговорили к изгнанию, и были сожжены реестры, из к-рых он извлекал сведения о преданных забвению долгах в гос. казну» (13,23).

Интересен штрих к портрету Палланта, к-рый на обвинение в привлечении им к соучастию в заговоре вольноотпущенников заявил, «что никогда у себя дома не

отдаёт своим людям распоряжений иначе как кивком головы или движением рук, а если есть нужда в более пространных указаниях, то прибегает к письму, дабы не вступать в изустные объяснения» (13,23). Типичное для вчерашнего раба, прыгнувшего из грязи в князи, высокомерие. Нет, всё-таки, он, обладатель «честно нажитого» состояния в 300 млн. сестерциев (для сравнения — вдвое больше, чем личное имущество Августа), точно не был и не мог быть потомком ни аркадских, ни каких-либо иных царей, приписав себе (вместе со сводным братом Феликсом) царскую родословную!

Таким образом, два дела о, скажем так, заговрическом оскорблении величия в 55г., закончились для псевдозаговорщиков благополучно, что подняло авторитет и популярность молодого (даром что братоубийцы!) кесаря в глазах общества. Посмотрите, — он справедливо судит, не тиранит понапрасну сенаторов и всадников, устраивая, кроме того или прежде всего, щедрые зрелища-представления для народа. И взаправду, на устройство зрелищ Нерон, большой любитель сцены, скачек, гладиаторских боёв, травли зверей, был горазд.

То-то эпитомированный Дион (61,1-3) от Ксифилина (149,30 — 150,10), под 54/55г., о коне-лошадно скачечном Нероне уведомляет: «...Он имел такое пристрастие к скачкам, что в самом деле награждал знаменитых скаковых коней, к-рые минули время расцвета своих сил, нарядной уличной одеждой, как людей, и устаивал их денежных даров на пропитание (вспомним отношение Калигулы к своему коню Быстроному! — К.3.). Вследствие этого конезаводчики и колесничие, ободрённые таким пристрастием с его стороны, принялись с превеликой дерзостью обходиться как с преторами, так и с консулами, и однажды претор Авл Фабриций, обнаружив нежелание колесничих участвовать в состязаниях на разумных условиях, приказал запрячь в колесницы дрессированных собак, чтобы использовать их вместо коней. После этого белые и красные явились со своими колесницами на скачки, но так как зелёные и голубые даже и тогда не захотели участвовать, Нерон сам выделил средства для награды за коней и состязания состоялись».

На скачках в каждом заезде участвовали 4 колесницы с возницами, одетыми, соответственно, в красный, белый, голубой и зелёный цвета, по к-рым публика делилась на их делавших свои высокие ставки неистовых приверженцев-болельщиков.

Светоний: «К скачкам его (Нерона) страсть была безмерна с малых лет: говорить о них он не уставал, хотя ему это и запрещали. Однажды, когда он с товарищами оплакивал смерть «зелёного» возницы, к-рого кони сбросили и проволокли по арене, учитель сделал ему замечание, но он притворился, что речь шла о Гекторе. Уже став императором, он продолжал играть на доске малыми колесницами из слоновой кости, и на все цирковые игры, даже самые незначительные, приезжал со своих вилл — сперва тайно, потом открыто, так что уже все знали, что в положенный день он будет в Риме. Он не скрывал намеренья увеличить число наград: поэтому заездов делалось всё больше, скачки затягивались до вечера, и сами хозяева колесниц не соглашались выпускать своих возниц иначе, чем на целый день. Потом он и сам пожелал выступить возницей, и даже всенародно: поупражнявшись в садах, среди рабов и чёрного народа, он появился на колеснице перед зрителями в Большом цирке, и какой-то его вольноотпущенник с магистратского места подал знак платком к началу скачек» (Нер. 22,1/2).

И пусть последнее произошло не в 55г., а позднее, приведённые из авторов античности цитаты дают порядком убедительную характеристику этой стороне натуры Нерона. Или, например, что касается травли зверей и гладиаторских боёв, у Диона (61,9,1) от Ксифилина (151,8 — 152,15), под 55г., находим: «На одном представлении всадники боролись с быками, к-рых они валили на землю, тогда как всадники из числа телохранителей Нерона уложили своими дротиками 400 медведей

и 300 львов. По тому же случаю 30 членов всаднического сословия бились как гладиаторы...»

Тацит: «В конце года в цирке упраздняется караул, к-рый в дни представлений обычно выставлялся преторианской когортой: это было сделано для того, чтобы создать видимость большей свободы, оградить воинов от развращения, порождаемого их пребыванием среди театральной разнузданности, и проверить на опыте, сможет ли простой народ соблюдать благопристойность и после удаления стражи. И так как храмов Юпитера и Минервы коснулся небесный огонь, принцепс, во исполнение указаний гаруспиков, совершил обряд очищения Рима» (Ан. 13,24).

По Диону (61,8,3), он упразднил цирковой караул, к-рый, в частности, соблюдал зрительский порядок, препятствуя потасовкам, обожая скрыто или открыто наблюдать за драками-потасовками среди зрителей. Притом, как мы знаем, в том же году он лишил преторианского караула (отосланную в дом Антонии) Агриппину, заявив, что воинам не следует охранять никого, кроме императора (61,8,4). Если с Агриппиной всё ясно, то в случае с цирком, по всему, здесь ревнивое отношение к гвардейцам как к личной гвардии кесаря, к-рым, с одной стороны, и вправду не стоит развращаться пребыванием в цирке, а с другой, — императору и вправду нравится лицезреть никем не препятствуемый мордобой.

Да и, согласитесь, не мешает проверить, насколько народ зрел-цивилизован, чтобы обойтись без мордобоя. Но надо сказать, это решение накроеется медным тазом, ибо сознательности народу не хватит до такой горячей мордобойной степени, что уже в следующем году воинские караулы будут возвращены для блюжения порядка на зрелища (Ан. 13,25).

Относительно небесного огня, т.е. молнии, ударившей в 55г. в храмы богов капитолийской триады — Юпитера и Минервы, Нерон, перед тем как приступить к реставрации поврежденных, совершил обряд очищения, предписанный членами недавно учреждённой Клавдием жреческой коллегии гаруспиков (до Клавдия гаруспики, о чём читатель знает, не имели постоянной коллегии в Риме, призываясь, по и при необходимости, из Этрурии) (см. выше), к-рый состоял в заклянии, с последующим гаданием по их внутренностям, приносимых в жертву богам свиньи, овцы и быка — *Suovetaurilia*.

ПЕРЕМИРИЕ С ПАРФЯНАМИ

Теперь, закружляясь с событийностью 55г. н.э., нам осталось, как и было анонсировано выше, сказать несколько слов о достигнутом в этом году временном примирении-перемирии между римлянами и парфянами.

Итак, как мы узнали выше, в 54/55гг. кесарским легатом Каппадокии и Галатии (с соответствующим поднятием их статуса до временно объединённых провинций консульского ранга) был назначен хорошо зарекомендовавший себя ранее (Нижняя Германия), и как военачальник, и как администратор-организатор, ок. 48-летний Гн.Домиций Корбулон. С поставлением под его начало двух переведённых сюда из Сирии легионов, плюс — зимовавших в (до того ограниченно милитаризованной) Каппадокии когорт и аукзилиарных частей.

Равно римские вассальные династы по всему периметру римско-парфянской границы (Аристовул — М.Армения, Соэм — Софена, Антиох Коммагенский, Агриппа Палестинский) получили распоряжение быть в боевой готовности, тогда как сирийский легат Умвидий Квадрат, с оставлением под его началом двух сирийских легионов, плюс — аукзилиариев, изготовился-приготовился в Сирии нанести, если понадобится, удар по парфянам из Сирии.

Такая демонстрация силы, сама по себе, была впечатляющей, с умыслом продемонстрировать Ирану серьёзность не согласного уступить ему Армении Рима. Но парфяне покинули в 55г. страну Араратскую, как следует из Тацита (Ан. 13,6-9), не из-за этого, а потому что один из сыновей царя царей Вологеса, по имени Вардан, видимо, младший и оставшийся, отлично от старших братьев – Пакора (Мидия-Атропатена) и Тиридата (Армения), без престола (в ДOME Иранском, или недовольный более скромным престолом в одной из вотчин Ирана, поднял восстание против отца.

Не исключено, кстати, что Тацит ошибается и что этот Вардан был сыном не Вологеса, но (убитого парфянской знатью на охоте в 46г.) царя царей Вардана (сына Артабана III), притом поднявшим восстание в опорной для Готарза (+ 51г.) Гиркании (см. выше), почему он мог быть и из дома Гевпурана (подобно Готарзу). При всех случаях, имеются отчеканенные, вероятно, в Гиркании монеты за 55 – 58гг., к-рые презентуют, к сожалению, безымянного (из-за плохой нумизматической сохранности-читабельности) парфянского узурпатора, называющего себя царём царей в пику Вологесу. Однако, будем исходить из тацитовской наличности, соответственно к-рой, речь идёт именно о выступившем против отца одном из Вологесовых сыновей – Вардане.

Таким образом, в 55г. в Иране началась не первая (хотя при Младших Аршакидах-Вононидах – первая) и не последняя внутренняя смута, что, одновременно с римской демонстрацией силы, усугубило ситуацию и понудило парфян вновь покинуть, по договору с римлянами, (как-то) полувозвращённую (иначе не скажешь!) ими последним Армению, временно *замороженные* статус и устройство к-рой, после ухода из неё в 55г. парфян и занятой Римом выжидательной позиции, – неясны.

Причём, насколько умозаключается из дальнейшего рассказа Тацита, под 58г. (Ан. 13,37), Рим минимум не отказывался рассмотреть позднее, пусть на своих условиях, легитимность претензий (проримского) Тиридата на престол Армении (см. ниже). Ведь большая часть её знати и населения стояла за родственных, за духовно близких армянам парфян³⁰ и за Аршакида на армянском троне, пусть даже, тем не менее, в погранично-промежуточной стране, к куда более значительным, чем в Иране, пластом эллинизма, имелась и проримская-прозападная партия.

Тем временем, союзные Риму восточные цари получили приказание повиноваться, в случае начала боевых действий, в зависимости от их хода, – либо Корбулону, либо Квадрату, сами склоняясь к тому, «чтобы находиться в подчинении у Корбулона» (Ан. 13,8). Не напоминает ли чем-то это двоевластие-двоекомандование тиберианскую модель Германик – Пизон (18/19гг.), правда, с той разницей, что там Германик как будто стоял над всем римским Востоком (не будучи вправе без разрешения Тиберия посетить Египет!), как бы уравниваемый Пизоном в Сирии (двусмысленности!), тогда как тут Корбулон, с правом общекомандного старшинства, распоряжался в М.Азии, Квадрат – в Сирии.

³⁰ С XVIIIв. армяне видят-переживают новых Парфию и парфян в России и в русских, и политика России была (само собой – державно) проармянской-армянофильской, начиная с Петра I и до гибели Александра II (плюс – отставки М.Лорис-Меликова), после чего, начиная с шовинистическо-антиармянского курса Александра III, уж не говоря о расчленившем Армению напару с кемалистской Турцией (и одновременно выставившем себя спасителем Армении) большевизме, армян каждый раз постигает горькое разочарование (Д.И. 840-904).

Впрочем, под иным углом зрения, современный «роман» между Россией и Арменией напоминает роман между пионером (или максимум – комсомольцем) и пенсионеркой (в то время как особая любимица России – Грузия, к-рая упорно не жалует Россию, – дама в балзаковском возрасте). Спрашивается – как долго (и не только ли на безрыбье) пионера может интересовать пенсионерка? Да и державная «русская тройка» Достоевского (отпочковавшаяся от «русской колесницы» Гоголя), в проекции на сегодняшнюю Россию, с Белоруссией в качестве правой пристяжной и с Арменией в качестве пристяжной левой (поскольку

И всё-таки, даже подобное не свободное от двусмысленности двоевластие кесарско-консульских легатов, в случае реальной войны, где требуется очень чёткое командное единоначалие, не лучшее практическое решение. Точнее, в нём много рисков, между тем как у единоначальника над М.Азией и Сирией вместе взятых было бы слишком много власти над слишком большой территорией, при 4-х легионах в подчинении, чего напутствуемый Сенеклой и Бурром Нерон делать, едва придя к власти, в 54/55гг. не пожелал, не рискнул.

Наряду с тем, как таланты, так и темпераменты у двух легатов были разные и сдерживать в перспективе пришлось Корбулона. Или правильнее сказать, Квадрата никакие особые таланты не отличали, плюс для возглавления ключевой восточной провинции в экстремальных обстоятельствах он вообще мало подходил. Неспроста в 55г. на его место был назначен П.Антей, к-рого, с другой стороны, так и не отпустили из Рима, поскольку ситуация на Востоке, сложившись в пользу римлян, до поры разрядилась.

Но ещё раньше, видимо, в начале 55г. в приморском киликийском городе Эги произошла встреча между прибывшим сюда из Каппадокии или через Каппадокию Корбулоном и прибывшим в Киликию из Сирии Квадратом, на к-рой они оговорили совместный план предстоящих действий. Притом поспешившему навстречу Корбулону Квадрату больше всего хотелось не допустить явления своего коллеги в Сирию, дабы он, «статный, красноречивый и, помимо опытности и проницательности, наделённый также способностью поражать своим внешним блеском – если явиться в Сирию принимать своё войско, не овладел всеобщим вниманием» (Ан. 13,8). Т.е. конкуренция, несмотря на ранжирование обоих легатов императором, всё равно началась. Не стоял ли *orienti praepositis* Германик над легатом *Syriae* Пизоном, что не предотвратило, при нечётко определённой-ранжированной Тиберием субординации, их конфликт взаимных претензий и амбиций!

Интересно, что Корбулон до сих пор не успел прославиться никакими доблестями на Востоке, ввиду чего его популярность обуславливалась пока отнюдь не воинскими подвигами, а его личным обаянием, умением преподнести себя, умением сходу завоевать симпатии и доверие к себе. Иначе говоря, перед нами, скажем снова, незаурядная, особенно на фоне серости бедного на полководцев, достойных сенаторов, консуляров времени последних Юлиев-Клавдиев, личность.

Когда же парфяне, как сказано, покинули Армению, тем самым отложив войну, оба римских ориентальных главкома – каппадокийско-галатский и сирийский – направили к Вологесу послов с предложением засвидетельствовать Риму своё почтение признанием римских приоритетов в Армении, – «по примеру предыдущих (парфянских) царей» (Ан. 13,9). И не видя в данный момент иного выхода, кроме того, желая выиграть время и избавиться от неугодных ему персон внутри страны, «в ком он подозревал соперников», Вологес «отдаёт в заложники виднейших из Аршакидов» (13,9). Договор о мире и дружбе в духе системы *Pax Romana*!

Подобная практика стартовала с отправкой к Августу Фраатом IV, в угоду своей любимой пассивной Формузе и сыну от неё Фраатаку, остальных сыновей и внуков ещё в 7г. до н.э., чем Фраат, с одной стороны, избавился тогда от внутренних конкурентов, а с другой, дал в руки Риму запасных *валетов*, к-рых римляне всегда могли разыграть против неугодной им партии в Иране. Так что здесь палка о двух концах, но, по всей видимости, в 55г. Вологес счёл принятое решение наиболее целесообразным.

И дальше судьба Армении, в к-рой не было ни проримского, ни пропарфянского

других реальных союзников из состава давешнего СССР у России нет), не ахти как смотрится и многого не обещает.

царя, до аж 58г., когда борьба за Армянское нагорье между сверхдержавами, перейдя из пассивной фазы в активную, возобновилась, висела в воздухе. Странно, что Рим не возводил с 55 по 58гг. и потом, до 60г., на армянский трон своего ставленника. Обещав ли рассмотреть кандидатуру Тиридата (так как иначе эту долгую армянскую тронную вакансию объяснить трудно)? рассматривая её не торопясь? и, м.б., уже обдумывая-просчитывая варианты кондоминиума на приемлемых для себя условиях?

А пока вроде бы восстановился прежний проримский статус-кво, пусть без вассального царя в Арташате или в Гарни, где римские ставленники, начиная с Митридата Иверского, резидировали под охраной римского гарнизона, не решаясь резидировать в Арташате-на-Араксе или в Тигранакерте. Кардинальные же решения по стране Араратской были временно заморожены, что не помешало Риму представить и отпраздновать свершившуюся к римской выгоде перемену, многократно преувеличив её значение в видах прославления нового принцепса и принципата, как победу.

При всём том, между двумя римскими командармами на Востоке не замедлил разразиться конфликт. Дело в том, что если от Квадрата к Вологесу за заложниками проследовал центурион одного из двух оставшихся под Квадратом сирийских легионов Инстей, к-рый прибыл к царю царей первым, то Корбулон снарядил с аналогичным заданием от себя префекта когорты Аррия Вара³¹, с приказом, — как старший по должности, и, надо понимать, предвидя Квадратову инициативу, — «отобрать у Инстея заложников» (13,9).

Встретившись, оба снаряженца вступили в жаркие препирательства, в результате к-рых было решено оставить выбор за самими заложниками, к-рые «отдали предпочтение овечьей ветви свежей славой и чем-то привлекавшему даже врагов Корбулону» (13,9). Скажем снова, славой на Востоке он овечьей себя не успел, однако уважение у противника вызывал. Тем более, что Квадрат, легатствуя в Сирии с 50г., уже пытался играть (не слишком активную) роль (выполняя директивы центра при Клавдии) в разрешении Армянского вопроса раньше, почему мог быть парфянам антипатичен.

Во всех случаях, оба легата направили в Рим кесарю жалобы друг на друга с обвинениями в отъятии победных лавров: «Уммидий жаловался, что у него отняты плоды его стараний, тогда как Корбулон, возражая ему, утверждал, что царь согласился выдать заложников лишь после того как он, Корбулон, был поставлен во главе войска, что и сменило его (царя царей) самоуверенность на страх» (13,9). Наверное, это соперничество развеселило довольного общим результатом Нерона, и он, «чтобы успокоить враждующих, повелел обнародовать, что в ознаменование одержанных Корбулоном и Квадратом успехов к императорским фасциям добавляется лавровая ветвь...» (13,9). Иначе говоря, главные лавры были переведены на konto императора и упали-легли в императорский банк-общак!

По любому, Рим отпраздновал первую внешнеполитическую победу нового

³¹ Этот Аррий Вар, если он идентичен Аррию Вару из «Истории» Тацита (3,6), в чём есть сомнения, прославившись позднее (58-60гг.) под Корбуноловым началом в Армении, впоследствии «тайными наветами очернил доблестного Корбулона в глазах Нерона и в награду за подлость был назначен примипиларием; это добытое бесчестным путём звание на первых порах доставило ему много радости, но вскоре и погубило его» (3,6). В 69г. он успешно воевал в Италии на стороне веспасиановцев против вителлианцев. Стал, после взятия Рима в декабре и гибели Вителлия, префектом преторианцев («Ист.» 4,32; 68) и получил ранг претория (4,4), в 70г. пониженный до префекта аннопае (4,68), и затем, судя по слову Тацита, казнённый (или принуждённый к самоубийству), возможно, не без инициативного соучастия дочери Корбулона Домиции, к-рая была женой младшего Веспасианова сына — Домициана.

принцепса-кесаря со льстивыми предложениями «назначить благодарственные молебствия», — словно была одержана славная победа на поле брани, — «и чтобы в дни этих молебствий принцепс носил одеяние триумфатора, чтобы он вступил в Рим с малым триумфом, чтобы в храме Марса Мстителя ему была поставлена статуя таких же размеров, как статуя самого Марса...» (13,8).

Было ли что-то из этих льстивых ласчавостей принято, — неизвестно, но главное, как подчёркивает Тацит, «всех радовало, что во главе войска, предназначенного для удержания Армении, Нерон поставил Домиция Корбулона, и казалось, что отныне для одарённых людей открывается широкое поприще» (13,8).

Да, стагнационным декадентным режимам не нужны яркие талантливые личности, к-рые неудобны и внушают деградантным правителям без настоящих правительских способностей, типа Калигулы, Клавдия, Нерона, страх. Диктатор не терпит рядом с собой тех, кто умнее него и кто может быть для него опасен. Так вот в 55г. римлянам казалось, как и при вступлении на престол Калигулы, что Нерон — правитель из нужного теста.

Так или иначе, год заканчивался успешно, омрачённый разве что февральским убиением Британника, к-рое римляне предпочли, не желая отказываться от иллюзии вступления в новый «Золотой век» — Saeculum Aureum, (умиловительно) *забыть*. «А был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?» Конечно, не было, а если и был, то сплыл (и не всплыл). И незачем вызывать краску стыда у юного принцепса, к-рому-де за его первый полный юлианский год правления надо поставить гораздо более жирный плюс, чем минус!

Он ладит с сенатом, он щедр на зрелища, он успешен во внешней политике, он импонирует римлянам, и даже его хулиганские, по юности лет, выходки ему до поры прощаются, поскольку они тоже не чужды Риму. В общем, «золотой» нероновский «век» длиной в пятилетку-квинквиналию, из к-рой самым «золотым», т.е. ещё ничем (после отравления Агриппиной Клавдия) не запятнанным, были, пожалуй, остаток 54г. и время до начала февраля 55г. (отравление Нероном Британника), в ходу! То-то впоследствии, уже на заре Нв. н.э., при начале долгого, протяжённого аж в 84 года (96 — 180гг. — от Нервы до М.Аврелия), «Золотого века» Антонинов, не кто иной как Траян (98 — 117гг.), согласно Аврелию Виктору, — «часто повторял, что управление всех принцепсов намного уступает этому (первому) пятилетию Нерона» («О Цезарях» 5,2).

56г. н.э.

1 января 56г. н.э. = 809г. а.У.с. в консульство вступили Кв.Волусий Сатурнин и П.Корнелий Сципион.

Кв.Волусий Сатурнин был сыном Л.Волусия Сатурнина (конс.-суф. 3г. н.э.) и внуком Л.Волусия Сатурнина (конс.-суф. 12г. до н.э.) — знакомого нашему читателю консула в один год с Квиринием и затем преемника Квирина на легатском посту в Сирии (7 — 12гг.). При всём том, средний Л.Волусий, к-рый, к слову, скончается в 56г., в год ординарного консульства своего сына, на 93-м году жизни (см. ниже), родился (аж) в 38г. до н.э., а женился уже при Тиберии, в возрасте ок. 60-и лет, после чего, в 25г. н.э., у него, на 63-м году жизни, и родился сын Квинт (Плиний 7,62). Стало быть, этот Квинт облёк эпонимическое консульство в 56г. по очень привилегированному ранжиру, в возрасте 31-го года.

В 61г. ему будет поручено, совместно с консулярами Т.Секстием Африканом и М.Требеллием Максимом, цензировать Большую (Тройственную — Tres) Галлию

(Лугдуна; Аквитания; Бельгика), что приведёт к серьёзному конфликту между ними, вследствие чего ценз проведёт только Требеллий. «Акты Арвальских братьев» презентуют Квинта В. как сочлена коллегии, присутствовавшего на её заседаниях, под 63г. (CIL 6,2043). Его сыновья – Л.В. Сатурнин и Кв.В.Сатурнин – консулы-орд. 87 и 92гг., при Домициане.

П.Корнелий Сципион – приходился внуком одноимённому консулу-суф. 2г. н.э. и сыном консулу-суф. 24г. н.э. – (сервильному) П.Корнелию Лентулу Сципиону, к-рый был женат вторым браком на принуждённой Мессалиной в 47г. к самоубийству красавице Поппее Сабине, от к-рой имел ещё одного сына, – сводного брата нашего Публия, П.Корнелия Сципиона Азиатика (конс.-суф. 68г.), когноминально названного так, поскольку он, вероятно, родился, когда его отец (после 24г.) проконсульствовал в Азии. Оба ординария 56-го г. н.э. пребывали в консульстве всё первое полугодие.³²

НОЧНЫЕ ХУДОЖЕСТВА НЕРОНА

«В консульство Квинта Волусия и Публия Сципиона на границах Римского государства царили мир и покой, а в самом Риме – отвратительная разнузданность, ибо одетый, чтобы не быть узанным, в рабское рубище, Нерон слонялся по улицам города, лупанарам и всевозможным притонам, и его спутники расхищали выставленные на продажу товары и наносили раны случайным прохожим, до того неосведомлённым, кто перед ними, что и самому Нерону порою перепадали в потасовках удары и на его лице виднелись оставленные ими следы В дальнейшем, когда открылось, что бесчинствует не кто иной, как сам Цезарь, причём насилия над именитыми мужчинами и женщинами всё учащались, и некоторые, поскольку был явлен пример своеволия, под именем Нерона принялись во главе собственных шаек безнаказанно творить то же самое, Рим в ночные часы уподобился захваченному неприятелем городу...» (Ан. 13,25)

Дальше Тацит приводит случай молодого представителя сенаторского сословия Юлия Монтана, к-рый, по молодости лет, ещё не облакал никаких магистратур. Однажды он столкнулся на тёмной ночной улице с Нероном, к-рый попытался на

³² Из сменившей их 1.07. первой пары суффектов – Л.Юния Галлиона Аннеана и Т.Куция Цилта – нам известен только первый (по второму информации нет) – усыновлённый ретором Юнием Галлионом ст. брат Сенеки Младшего, к-рый проконсульствовал в Ахайе в 52/53гг. и отказался разбирать спор между Иудеями и Ап. Павлом в Коринфе в 53г. (см. выше). С этим Галлионом мы ещё встретимся ниже.

Другая пара суффектов в ноябре/декабре 56г. – Л.Дувий Авит и П.Клодий Тразея Пет. Дувий, происходя из галлов-воконтиев, был уроженцем Vasio в Civitas Vocontiorum (CIL 12,1354; 12,1408). В 53/54гг. – легат Аквитании (Плиний 34,47); член коллегии авгуров; 57/58гг. – легат Германии Inferior (см. ниже). Тразея Пет – родом из богатой и знатной семьи в Патавии (Падуя) (Ан.16,21; Дион 62,26). Был женат на дочери участника заговора Камилла Скрибониана (42г.) Цецины Пета – Аррии Младшей, мать к-рой, свою тещу Аррию Старшую, решившую разделить после провала заговора самоубийственную участь мужа, он тщетно пытался отговорить от самоубийства (Плиний Мл. 3,16) (см. выше). Входил в Риме в круг стоиков, благодаря Сенеке достиг консульства (в год, когда его зять Гельвидий Приск был народным трибуном) и вошёл в коллегию квиндецемвиров. После консульства, до 63г., активничал в сенате. Принадлежал к пассивной стоической оппозиции супротив нероновской тирании, что будет использовано его врагами для представления его врагом кесаря, к-рый, в свою очередь, предоставит ему возможность самому выбрать смерть, в свете чего Тразея, со стоическим спокойствием, велит вскрыть себе вены (66г.) (см. ниже).

него наброситься и с силой оттолкнул его. Но, узнав затем, кто перед ним, взмолился о прощении, вследствие чего был принуждён совершить самоубийство (13,25).

У Диона несколько иначе – менее прозаично и драматичнее. Нерон, причём насколько выходит из рассказа, точнее, из выжимки-пересказа Ксифилина (151,8 – 152,15), слоняясь-шлюндраясь в тот раз по ночному Риму в одиночестве, то ли обесчестил, то ли оскорбил, то ли напугал жену Монтана, за что последний (понимай, – подоспев к месту происшествия), крепко его, опять-таки, не ведая с кем имеет дело, отметелил. Из-за этого Цезарь вынужден был несколько дней не выходить из дома, чтобы никто не увидел синие фингалы у него под глазами.

И Монтан избежал бы наказания, так как одетый в рубище император был уверен, что остался неузнанным. Однако, узнавшим, кого он поимел, Монтаном была совершена роковая ошибка – написано Нерону письмо с мольбой о прощении, прочитав к-рое, Нерон, в свою очередь, сделал вывод: «Так, значит, он знал, на кого поднимает руку». И судьба Монтана, кому предписали покончить с собой, была решена (61,9,3/4).

В остальном у ксифилинизированного Диона, под концом 55-го и под 56-м гг. (61,9,1-4), говорится об устройении Нероном щедрых публичных зрелищ (травли зверей; гладиаторские бои), о его ночных похождениях в городе в гриме и парике, с насилием над женщинами и юнцами, к-рых, попавшихся ему на пути, он раздевал, бил, ранил и даже некоторых убил, думая, что остаётся неопознанным. Но люди узнавали его как по свите (из представителей знатной золотой молодёжи), так и по слишком дерзким выходкам, к-рые никто иной (кроме Цезаря) себе в подобной форме позволить не мог.

После случая с Монтаном Нерон сделался осторожнее и начал выходить в ночные рейды в сопровождении небольших отрядов из воинов и гладиаторов, к-рые держались поодаль, одновременно не выпуская его, или его с несколькими приближёнными собезобразниками, из виду, и всегда готовые вмешаться, если какой-нибудь инцидент приобретёт чересчур крутой – чреватый для кесаря – поворот-оборот.

А теперь послушаем портретиста-эссеиста Светония: «Наглость, похоть, распущенность, скупость, жестокость его поначалу проявлялись постепенно и незаметно, словно юношеские увлечения, но уже тогда всем было ясно, что пороки эти – от природы, а не от возраста. Едва смеркалось, как он надевал накладные волосы или войлочную шапку и шёл слоняться по кабакам или бродить по переулкам. Забавы его были не безобидны: людей, возвращавшихся с ужина, он то и дело колотил, а при сопротивлении наносил им раны и сбрасывал в сточные канавы; в кабаки он вламывался и грабил, а во дворце устроил лагерный рынок, где захваченная добыча по частям продавалась с торгов, а выручка пропивалась. Не раз в таких потасовках ему могли выбить глаз, а то и просто прикончить: один сенатор избил его чуть не до смерти за то, что он пристал к его жене. С этих пор он выходил в поздний час не иначе как в сопровождении войсковых трибунов, неприметно державшихся в стороне. Иногда и среди бела дня он в качалке тайно являлся в театр и с высоты прощения поощрял и наблюдал распри из-за пантомимов, а когда дело доходило до драк и в ход пускались камни и обломки скамеек, он сам швырял в толпу чем попало и даже проломил голову одному претору» (Нер. 26,1/2).

Как видим, у Светония о принуждении к самоубийству анонимного сенатора Монтана, сильно побившего императора за приставание к его жене, ничего не сказано, хотя информация (составляющих численное превосходство) Тацита и Диона (тут) предпочтительнее. Прочее же верно и характерно: отнюдь не безобидный оболтус на 19-м году жизни (возраст первого консульства Августа, добытого им силой), шастая ночами по Риму, в компании похожих на него собразников или без

них, с жадным удовольствием входил во вкус власти над людьми и упоительно приобщался к ней, всё больше завораживаемый ею, пусть на такой, в силу своего возраста, хулиганский и псевдомолодецкий озорной манер. Ему нравилось хулиганить, причём нравилось именно то, что никто не в состоянии ни одёрнуть его, если заранее подстраховаться, ни толком наказать за хулиганство. Засим – кесарю всё позволено! Не налицо ли присущность раннему Нерону черт Калигулы и ранняя симптоматика *кесарева безумия!*

Далее, по Тациту, – «попустительством и даже прямым поощрением Нерон превратил необузданные выходки зрителей и споры между поклонниками того или иного актёра в настоящие битвы, на к-рые взирал таясь, а чаще всего открыто, пока для пресечения раздоров в народе и из страха перед ещё большими беспорядками не было изыскано целебное средство, а именно всё то же изгнание из пределов Италии вызывавших распри актёров и возвращение в театр воинских караулов» (Ан. 13,25).

Изгнание из Рима/Италии актёров, астрологов, философов декретировалось в Риме Ив. н.э неоднократно, но эффективного и долгосрочного результата эта мера не давала, ибо по прошествии некоторого времени всё повторялось, почему соответствующие постановления принимались снова. Вот и в 56г. было принято очередное постановление об изгнании из Италии провинившихся актёров, к-рое Тацит иронично называет (не в первый раз) изысканным «целебным свойством».³³ Единовременно было принято решение о возвращении в театр для поддержания порядка воинских караулов, отозванных из театра не далее, о чём читатель знает, как в прошлом – 55г. н.э. Увы, народ (сродни кесарю) ещё недостаточно зрел, чтобы обойтись в театре без присутствия полиции!

Удивительно, но в этом пристрастии к потасовкам в Нероне, как и в Калигуле, как и в Клавдии, угадывается ностальгия декадентных римлян по настоящей войне, к-рую они, что называется, не нюхавшие пороха, не полководцы и не воины (что для римлян было позорно), искали, каждый по своему, в имитации, в дешёвых театральных постановках приправленных собственным, у всех троих анекдотичным, участием в них, войн и битв.

Впрочем, ни народ, ни в особенности сенат до поры на юного принцепса не обижались; или, за исключением отдельных граждан и сенаторов, обижались не шибко (пусть дитя тешится!), и затыжной медовый месяц кесаря как с сенатом, так и с народом продолжался.

ВОПРОС ВОЛЬНООТПУЩЕННИКОВ

«Тогда же в сенате возник вопрос о поведении вольноотпущенников и было выдвинуто предложение предоставить патрону право отнимать свободу у провинившихся. Многие высказались за то, чтобы немедленно приступить к его обсуждению. Но консулы, не дерзнув начать столь важное дело без ведома принцепса, ограничились тем, что письменно известили его о пожеланиях сената. А он, колеблясь дать ли на это согласие, собрал немногочисленное совещание, участники к-рого разошлись во мнениях: некоторые с негодованием отмечали, что непочтительность вольноотпущенников вследствие обретенной ими свободы дошла до того, что иные дерзают спрашивать у патрона, решать ли им возникшие между ними споры наси-

³³ Люди, будь то подданные или граждане (или подданные граждане!), теряют уважение к власти, почтение к ней и страх перед ней, если последняя не в силах продемонстрировать силу и обеспечить выполнение своих постановлений.

лием или в суде, и либо безнаказанно поднимают на него руку, либо сами советуют, какое наказание ему применить по отношению к ним. А что может позволить себе пострадавший патрон, кроме высылки вольноотпущенника за сотый милиарий от Рима куда-нибудь на побережье Кампании. Во всём остальном закон не знает между ними различия, и они пользуются одинаковыми правами: вот почему патрону необходимо такое оружие, с к-рым вольноотпущенникам придётся считаться. И для получившего свободу совсем не трудно удерживать её за собою, соблюдая такое же повиновение, благодаря к-рому он добился её; но совершивших явные преступления справедливо возвращать в рабское состояние, и пусть страх обуздывает тех, кого не изменили благодетеля.

Были и возражавшие против этого предложения: подлежат каре лишь немногие провинившиеся, и не подобает урезывать в правах остальных; ведь людей этого звания множество. Из них в большинстве состоят трибы, декурии, из них набираются служащие у магистратов и жрецов, наконец городские когорты: и немало всадников, немало сенаторов ведёт свою родословную не от кого другого, как от них; если обособить вольноотпущенников, станет очевидной малочисленность свободнорождённых. И не напрасно наши предки, устанавливая различные преимущества для сословий, сохранили за всеми ними одинаковую свободу. Да и отпускаемых на волю они разделили на два разряда, чтобы тем самым у господина оставалась возможность снова лишить их свободы или закрепить предыдущее благодеяние новым. Кого господин, даруя волю, не коснётся преторским жезлом, те как бы удерживаются оковами рабства. Пусть каждый хорошо взвесит заслуги своего раба и лишь после этого дарует ему то, что уже не может быть затем отнято. Это мнение возобладало, и Цезарь письменно повелел сенату рассматривать дела обвиняемых своими патронами вольноотпущенников всякий раз по отдельности и не выносить общего постановления. Немного спустя тётка Нерона якобы на основании гражданского права была лишена патроната над своим вольноотпущенником Паридом, что произошло не без умаления доброй славы принцепса, по приказанию к-рого суд признал Париду свободнорождённым» (Ан. 13,26/27).

Либертин, или либерт (*libertinus / libertus*) – вольноотпущенник – юридический термин римского законодательства, обозначавший вольноотпущенника по отношению к государству и к своему господину.

Отпущение на волю рабов совершалось, сообразно римскому праву, посредством манумиссии (*manumissio*), и не имея изначально никакой определённой формы, производилось либо в присутствии свидетелей (*inter amicos*), либо вступало в силу завещательно (*testament*). Причём вся процедура происходила в присутствии претора, подтверждением со стороны к-рого (прикосновение к отпускаемому преторским жезлом), как гос. чиновника, акт отпущения легитимизировался. С этого времени *libertus* получал от своего давешнего господина личное (*praenomen*) и женитильное-родовое (*nomen gentilicium*) имя. Например, – известный вольноотпущенник, секретарь и друг Марка Туллия Цицерона звался Марк Туллий Тирон (*tiro* – *новобранец*), оснащённый когноменом (*cognomen*), значение к-рого в пояснениях не нуждается.

В императорскую эпоху использовались два способа предоставления вольной: 1) виндикация – объявление о даровании воли с прикосновением преторским жезлом; 2) сообщение об отпущении в присутствии свидетелей или письменным заявлением. Первый способ давал полноправное римское гражданство, второй – свободу де-факто, при юридическом патронаже бывшего владельца.

При Республике же всякий вольноотпущенник оставался под патронатом и защитой прежнего хозяина, имея по отношению к нему, кто мог на первых порах

вернуть его в рабское состояние, целый ряд обязанностей. Хотя, между прочим, отлично от отпущенных на волю в Греции, римские либерты, по более либеральной римской модели, представляя сословие *libertini*, изначально пользовались ограниченными гражданскими правами, а их потомки, самое позднее — внуки (третье колено), уравнивались в правах со свободнорождёнными гражданами (*ingenui*).

Но поскольку вольноотпущенники из рабов и военнопленных в основном имели неримское происхождение, старый республиканский Рим, к-рый был куда менее либерален в таких вопросах, нежели последующий Рим императорский, особенно — поздний (!), не желал, строже блюдя сертификат-чистоту крови, разбавлять в массовом порядке либертами коренных граждан, и время от времени вводил ограничения как в отношении предоставления/получения вольной, так и в отношении получения вольноотпущенниками широких гражданских прав.

Так в I/II вв. существовало 4 вида отпущения на волю и 4 класса вольноотпущенников: 1) граждане — *cives*; 2) *latini Iuniani* — обладатели латинского права по закону Юния от 19 г. н.э. (см. ниже); 3) статулиберы — рабы, согласно завещанию, получавшие свободу на дополнительных условиях, до исполнения к-рых они принадлежали завещательному наследнику; 4) дедитации — подвергшиеся правовому взысканию ещё в бытность рабами.

Новые граждане включались-зачислялись в трибы, и во II в. до н.э. их включение было окончательно ограничено, как и в ранние времена, четырьмя городскими из, в общей сложности, 35-и триб: Субурана, Эсквилина, Коллина, Палатина.³⁴ Отсюда влияние либертов было весьма незначительным, так как городские трибы были переполнены, а в центуриатных комициях вольноотпущенники, по своему имущественному положению, находились в самых низких классах.

Ещё в 312 г. до н.э. цензор Аппий Клавдий Слепой совершил переворот, позволив либертам записываться во все трибы, что как опасное для гос-ва нововведение

³⁴ Трибы (от *tres* — три) — округа, на к-рые подразделялся ранний Рим. В царском Риме были 3 патрицианские трибы. Значение триб значительно выросло при предпоследнем царе Сервии Туллии (VI в. до н.э.), к-рый ввёл деление по географическим трибам: городские (*urbanae*) и загородные или сельские (*rusticae*) — 4 городских и 26 загородных-сельских. При начале Республики, в 507 г. до н.э., в связи с уступкой части земель Порсенне, число триб уменьшилось с 30-и до 20-и, вскоре опять стало увеличиваться, и, наконец, в 241 г. (конец I-й Пунической войны) достигло 35-и, с тех пор оставаясь неизменным: 4 городские, 17 сельских и 14 новых триб. Причём, если поначалу между городскими и загородными трибами не было существенной разницы, то впоследствии она чётко проявилась. Дело в том, что загородные трибы состояли из землевладельцев, а городские из купцов, ремесленников и рабов, и когда вольноотпущенников позволили приписывать только к трибам *urbanae*, трибы *rusticae* получили *чистокровное* преимущество.

Каждая триба делилась на декурии (группа из 10-и человек; на десятки издревле делились курии патрициев, сенаторов, всадников; судьи и большая часть коллегий тоже делились на десятки-декурии, притом число 10 не всегда строго соблюдалось), городские трибы, в свою очередь, делились на *vici* (кварталы) и *compita* (перекрёстки), а загородные — на *pagi* (участки-наделы). Каждый гражданин, патриций или плебей, был приписан к одной из триб, каждый принадлежал к той трибе, в к-рой жил или владел землёй, в перспективе же, даже при перемене места жительства, триба не менялась.

Трибы играли важную политико-административную и общественную роль: ценз, военная подать, набор в армию. Все трибы представляли народное собрание (комиции). Не имея религиозного значения, они обладали значением общинным, к-рое сошло на нет при императорах, сделавшись формальным и сохранив значение в императорском Риме (где Тиберий перенёс избирательные комиции в сенат) только для набора 3-х городских когорт, 7-и когорт вигилов, и при раздаче императорами милостыни плебсу. Плюс — беднейшие граждане, при раздаче дармового хлеба, образовывали в каждой трибе особую корпорацию и получали тессера (специальные талоны на хлеб).

было уже в 304г. отменено и либерты должны были вновь приписываться к 4-м городским трибам, по положению, к-рое впоследствии подтверждалось-закреплялось постановлениями 220 и 115гг. до н.э. Гос. должности и военная служба были для них закрыты, однако к последней они получили доступ со дней Союзнической войны 91 – 89гг. Вместе с тем, в гражданских правах либерты были уравнены с гражданами лишь в праве коммерции, но не в праве конубия (заклучение брака, признаваемого римским правом). Брак между коренным гражданином (*ingenius*) и вольноотпущенницей считался мезальянсом (*ignominia*).

Между патроном и вольноотпущенником продолжала существовать тесная связь, о чём свидетельствуют как общность фамильного имени, так и общность могильного склепа (вольноотпущенников хоронили в склепах патронов). Кроме того, патрон имел право, в случае смерти либерта, выступить опекуном его жены и детей, или наследовал его состояние, если тот умирал, не оставив завещание. За неблагодарность вольноотпущенники наказывались, хотя ни в позднереспубликанском, ни в императорском Риме уже не лишались свободы.

Тем не менее, их становилось всё больше, в особенности с IV в. до н.э., когда Римская империя расширялась, соответственно чему, число рабов и военнопленных росло, почему росло и количество вольноотпущенников, и среди них множество как простых, так и элитарных (философия, наука, литература, культура). Например, – от секретаря и биографа Цицерона Тирона в IV в. до н.э. до философа-стоика и наставника римского аристократического юношества грека Эпиктета (50 – 138гг.) в I/II вв. н.э.; или библиотекаря Августа Юлия Гигина (I/II вв.); или философов-греков IV в. н.э. Деметрия, Аполлония, Артемидора и т.д. (всех не перечислишь).

Это и многое другое превратило в итоге *Imperium Romanum* эпохи Антонинов во II в. н.э. в «империю отпущенников», как её (не без иронии) называли. Не на пустом месте некоторые современные исследователи утверждают, что во II/III вв. «большинство римского населения было потомством рабов».

Между тем, с IV в. н.э. всё постепенно пришло к данной конфигурации не в одночасье, поэтапно, преодолевая временами актуализировавшееся сопротивление укоренённых в римлянстве т.н. почвенников. К примеру, и Август, и Тиберий (ментальные староримляне нового императорского Рима) принимали меры, направленные на ограничение неподконтрольного отпущения на волю рабов (законы Фуфия/Каниния и Элия/Сентия от 2г. до н.э. и 4г. н.э.) и неподконтрольной массовой эмансипации вольноотпущенников. По августейшему (Юлиеву) закону *lex Iulia de moritandis ordinibus* от 18г. до н.э., сенаторам запрещалось брать в жёны вольноотпущенниц; или согласно тиберианскому (Юлиеву) закону *lex Iunia* от 19г. н.э., либертам вместо полного гражданского права предоставлялась (тормозящая полное уравнивание в правах) промежуточная форма латинского права (*latini Iuniani*) (см. выше).³⁵

Правда, подобными ограничительными мерами нельзя было обуздать общую тенденцию. И пусть Клавдий карал вольноотпущенников, пытавшихся окружить себя не подобавшим их сословию престижем, именно при нём, что началось ещё при Калигуле (влиятельным либертом к-рого был Каллист), именно императорские либерты, составившие с тех пор особую касту, достигли неслыханного влияния. Они занимали ключевые посты и в большей или минимум в не меньшей степени, чем сенаторы и всадники, делали политику Клавдия, при к-ром Рим узнал столько влиятельнейших вольноотпущенников, сколько не знал никогда прежде (см. выше).

Причём они, составляя придворную камарилью, доминировали на постах в

³⁵ Это были интервальные, ограничивающие-замедляющие-затрудняющие интеграцию либертов в римское общество законы.

аппарате управления, к-рые сенаторы считали недостойными своего ранга. Позднее же и Нерон, к-рый поначалу, согласно Светонию, «долго не принимал в сенат сыновей вольноотпущенников, а принятых его предшественниками не допускал до высоких должностей» (Нер. 15,2), отлучившись на время с 66 по 68гг. в Грецию, оставил за себя в Риме полновластных либертов Гелия и Поликлита.³⁶ Или в 68г. огромную роль играл фаворитарный либерт Гальбы Икел.

И позже как лучшие, так и худшие кесари будут иметь в своём окружении и фамильно адоптированных, и поднятых во всадническое сословие, и фаворитарных либертов. При последнем Антонине Коммодe выдвинется либерт Клеандр. А согласно *Constitutio Antoniniana* Каракаллы, к-рый (даром что тупорылый мокрушник) предоставит, как мы знаем, в 212г. всему полисно-приполисно-свободному населению Империи римское гражданство, и провинциалы, и вольноотпущенники (за исключением категории дедитициев) получают полное уравнивание в правах с римлянами (коренных римлян среди к-рых к тому времени уже не останется). При этом патрональное право за экс-рабовладельцами сохранится и в дальнейшем, фигурируя ещё в VIв. в «Кодексе» (живого олицетворения мумифицированного им римского права и отца последующей евро-юстиции) Юстиниана.

Сим в I – IIIвв. н.э. произойдёт, постепенно входившая в силу с Iв. до н.э., в частности, за счёт института происходивших, естественно, не от коренных римлян и, как правило, не от италиков вольноотпущенников, интегральная космополитизация римского общества и интернационализация Римской империи в целом. То, что было заложено (Александром и греко-македонянами) ещё в солярную эпоху Михаила (602 – 248гг. до н.э.), а началось, приложительно к Риму, в архангельскую эпоху Орифиила-Сатурна (248г. до н.э. – 108г. н.э.), кульминирует и закончится *исходом* Древнего мира в эпоху Анаэль-Венеры (108 – 462гг.), правомерно захватив на своём излёте ещё и начало (при начале Средних веков) эпохи Захариила-Юпитера (462 – 816гг.)!

* * *

Впрочем, в 56г. жгучий либертинский вопрос касался вызывающего поведения вольноотпущенников в, повторим, достаточно либеральном к ним, да и к рабам, кесарском Риме поздних Юлиев-Клавдиев. Возмущённые множеством растущего числа прецедентов сенаторы, вернее, часть из них, хотели возобновить специальным новым законом вышедшее из употребления давнее патрональное право отъятия свободы у провинившихся вольноотпущенников, без различия их разрядов-категорий, с возвращением преступивших черту в рабское состояние.

И о том, насколько вопрос был острым, говорит тот факт, что сенат (к-рый Нерон до поры, в свою «золотую пятилетку», демонстративно держал не на коротком, а на длинном поводке) хотел немедленно приступить к обсуждению этой проблемы, решение к-рой ответственные консулы³⁷ (не забывая, – кто в доме настоящий хозяин) предусмотрительно переадресовали кесарю.

Он же в ответ собрал «немноголюдное совещание», т.е. совет-камарилью из числа доверенных-приближённых лиц, поскольку ни число, ни значение либертов не позволяло оставлять обсуждение столь насущного щекотливого вопроса и, тем

³⁶ Утрированно шаржированный образ разбогатевшего вольноотпущенника Трималхиона даётся в «Сатириконе» автора эпохи Нерона – знаменитого «арбитра изящества» Г.Петрония (+ 66г.) (см. ниже).

³⁷ Видимо, речь идёт о консулах-ординариях, пребывавших в должности всё первое полугодие 56г., ибо, в случае второго полугодия, Тацит, скорей всего, оговорил бы суффектов.

паче, решение по нему сенату, где многие нобили ратовали за принятие обуздательного в отношении хамоватых вольняшек закона.

Но и в немногочисленном совещании (верховников) начались горькие жалобы на либертов, миндальничанье с к-рыми, оказывается, доходило до смешного, как (для сравнения), опять-таки, сегодняшняя (на Западе) привилегированность лиц нетрадиционной ориентации перед лицами ориентации традиционной, при, к примеру, приёме на работу, когда работодатель опасливо предпочитает нетрадиционалиста, так как предпосыление традиционалиста может обернуться для работодателя серьёзным обвинением в гомофобии и дискриминации представителей сексуального меньшинства. Сравнение, разумеется, шуточное, но в каждой шутке есть доля правды!³⁸

Притом отцы-сенаторы жалобились, что даже при серьёзных проступках или преступлениях допустимой черты вольноотпущенники подпадают максимум высылке за сотый милиарий (ок. 150-и км) от Рима, и как временно, так и благополучно удаляются в ближнюю курортную Кампанию, на море и воды, где припеваючи проводят время. Одним словом, необходимо принять строгий закон о возвращении преступников в рабство, пусть, мол, новоиспечённая либертинская братия нуворишей знает своё место и живёт-действует с оглядкой-опаской.

Однако, другая часть совещательного собрания возразила, указывая на виновность лишь немногих хамлюг, выступая против обобщения и против закона, к-рый оскорбителен для всех либертов как (постепенно становящейся большинством) весьма многочисленной части римского общества. Посмотрите, к тому же, сколько

³⁸ Небезынтересно также взглянуть на современную либерализацию в США, о к-рой мечтали некогда братья Кеннеди (сделавшие для сексуальной революции в Америке не меньше, чем Ленин для пролетарской в России). Не был ли смертельный выстрел в президента Кеннеди (независимо от того – кто именно и сколько раз в него стрелял) выстрелом именно ультраконсервативной Америки в президента либерал-демократа (во избежание погнания американского традиционализма)?! выстрелом протестантской Америки в президент-католика?! Причём ныне оба трагически погибших брата Кеннеди, Джон (+ 1963г.) и (не успевший стать президентом) Роберт (+ 1968г.), для побережной супер-либеральной Америки, – на шите и в великой фаворе, они – её знамя, тогда как столько сделавшие для одоления коммунизма поистине великие американцы – братья Даллесы или Дж.Э.Гувер, напротив, очень непопулярны и предаются обструкции. К слову, когда братья Даллесы и Гувер открыто заявляли, что они приверженцы христианских ценностей, Хрущёв в СССР обещал вскорости показать советским людям последнего попа, а советские авторы (на полном серьёзе) писали, что полёт наших космонавтов в космос наглядно опроверг существование бога, к-рого космонавты там не увидели.

С др. же стороны, современные США и Европа больше, чем кто-либо иной идут в унисон эпохе Михаила (1879 – 2234гг.), правда, без её главных составляющих – Бога, и истинных как космополитизма, так и индивидуализма Души Сознательной, тем не менее, имея больше шансов в перспективе на успех, нежели все, в той или иной мере, противостоящие Западу (изоляционистские или возвратно-архаические) силы-модели: китайская, российская, иранская, турецкая, радикальная суннитско-исламская, индийская.

Дело в том, что и Китай, и Россия, и Иран и др. противники-оппоненты Запада могут на данном этапе играть роли полезного-оправданного противовеса западным (иногда весьма уродливым) перехлёстам-перегибам, не имея, однако, по большому счёту, шансов обойти англосаксонско-германский Запад, не будучи в состоянии возглавить и повести за собой (прогрессивное) человечество. И пусть сегодняшний взлёт Китая подобен, повторим, феерическим успехам в VII/VIIIвв. Арабского Халифата, или в XVIв. Османской империи, к-рые, как казалось, вот-вот сомнут Европу и еврохристианскую цивилизацию, но в действительности Китаю, духовной силе из былого, с Америкой и Европой не совладать, как и слишком молодой России, славянской силе грядущего (Самодух), пока противополжить Западу (помимо сохранения собственного суверенитета, что, без сомнения, очень важно и позитивно) нечего!

нынешних сенаторов и всадников ведут генезис именно от них! — от вольноотпущенников! Равно — какие важные посты они занимают, сколько в обществе с ними связаны и сколько им симпатизируют! К чему чреватая lex-поляризация! Не надо раскалывать общество (к-рое либерально благоволиит и к вчерашним рабам — либертам, и к сегодняшним рабам, многие из к-рых станут либертами завтра).

В итоге принципс, следует предположить, в этом вопросе не без соучастия Сенеки и Бурра (хоть и утративших своё прежнее влияние), счёл нецелесообразным вариант принятия какого-либо специального закона, предписав сенаторам рассматривать каждый связанный с обжалованным поведением вольноотпущенников случай в отдельности. И если потребуются, принимать суровые обуздательные меры (не дискриминируя всех либертов скопом), что было реверансом и концессией со стороны кесаря по адресу (как бы оснащённого самостоятельностью приложительно к делам либертов) сената.

А немного спустя Нерон (как и Клавдий, плебей по натуре, несмотря на родовитое происхождение), в окружении к-рого вольноотпущенники также играли значительную роль, поддержал своего фаворита актёра Париды в его деле против тётки кесаря Домиции Старшей, к-рую по суду лишили патроната над Паридом. Более того, последний вскоре предъявил ей ещё и иск на возвращение ему, дескать, свободнорождённому, кого она противозаконно держала в рабстве, суммы в 10 тыс. сестерциев, уплаченной им за вольную (см. выше). И Домиция вынужденно выполнила это поддержанное признавшим Паридову правоту судом требование.

РАЗНОЕ

Тацит: «Тем не менее всё ещё сохранялось некоторое подобие республиканского строя. Так, между претором Вибуллием и народным трибуном Антистием возгорелся спор из-за отданного трибуном распоряжения освободить из-под стражи задержанных претором неумеренно пылких поклонников актёрских талантов. Осудив самоуправство трибуна, сенаторы одобрили действия претора. Тогда же трибунам было воспрещено заниматься разбирательством подсудных преторам и консулам дел и вызывать для суда из других областей Италии тех, чьи дела могли быть рассмотрены в законном порядке на месте. Кроме того, по предложению консула на следующий год Луция Пизона сенат присовокупил к этому, что за совершённые у них в доме проступки и преступления трибуны не вправе наказывать, пользуясь своей властью, должностных лиц, и что подвергнутых ими денежным штрафам квесторы казначейства должны вносить в списки гос. должников не ранее, как по миновании 4-х месяцев со дня вынесения приговора, с тем, чтобы в течение этого срока он мог быть обжалован, причём окончательное решение оставалось за консулами. Были сокращены и полномочия эдилов и установлены особо для курульных и особо для плебейских эдилов наивысшие ставки взимаемых ими налогов и налагаемых штрафов. А нар. трибун Гельвидий Приск по собственному почину выступил против квестора казначейства Обультрония Сабина, утверждая, что тот беспощадно расправляется с бедняками, слишком широко пользуясь правом продажи с торгов их имущества. После этого принципс освободил квесторов казначейства от ведения списка гос. должников и взыскания с них задолженности и возложил эти обязанности на префектов.

Это дело в разное время велось по-разному и претерпевало частые изменения. Так, выбор префектов Август предоставил сенату; затем во избежание злоупотребления при голосовании их стали избирать жребием из числа преторов; но и этот порядок удержался недолго, так как жребий нередко впадал в заблуждение и благо-

волил к людям малопригодным. Тогда Клавдий снова возложил это дело на квесторов казначейства и, дабы они из опасения вызвать чьё-либо неудовольствие не относились нерадиво к своим обязанностям, пообещал им внеочередное выдвижение на почётные должности; но для получения их они были чрезмерно молоды, ибо это была их первая магистратура. И Нерон назначил для отправления тех же обязанностей бывших преторов испытанной опытности» (Ан. 13,28/29).

Как и в предыдущих абзацах 26/27 (Ан.13), здесь речь снова идёт о (как бы) расширении компетенций сената. Удостоверьтесь, не говорится ли в абзацах 28/29 об ограничении полномочий низших магистратов — трибунов и эдилов, чем чётко разделялись *старшие* и *меньшие*, и что тоже не могло не прийти по душе отцам-сенаторам. Вот вам наглядные проявления затяжного любовного романа между кесарем и сенатом.

О преторе Вибуллии, помимо этого случая, ничего достоверно неизвестно. Предположительно, впоследствии он — среди сенаторов в правление Веспасиана («Senatores Romani», RE 8,A2, S.2463), тогда как нар. трибун Антистий Сосиан ниже в «Анналах» фигурирует — как избежавший смертной казни и сосланный в 62г. за поносящие Нерона стихи благодаря предложению менее сурового наказания Тразеей Петом (Ан. 14,28; 16,21). Но в 66г. этот Антистий ловкачески донесёт из ссылки на ненавистного Нерону (знакового нам по его фиктивному назначению в 55г. в Сирию) П.Антея и на Остория Скапулу, в награду за что Нерон вернёт прошённого им доносчика в Рим (см. ниже). И лишь в 70г., при Веспасиане, его, по слову Тацита, «негодяя, принесшего гибель многим людям», вновь сошлют (до конца жизни) на какой-то пустынный остров (Ист. 4,44).

Суть конфликта 56г. заключалась в следующем. Вибуллий преторской властью отправил в тюрьму группу неуёмно распоясавшихся в театре = устроивших очередную вышедшую за рамки всех приличий потасовку зрителей, в то время как трибун *plebis* Антистий, воспользовавшись старинным правом наложения народно-трибунского вето (*intercessio*) на акт любого магистрата, отдал, превысив свои полномочия, без разбирательства, распоряжение освободить задержанных.

Мы в курсе, что исключительная трибунская власть не обладавших ни империем, ни инсигниями, но зато обладавших гражданской неприкосновенностью (*sancro-sanctitas*) и правом наложения вето на решения, в т.ч., сената, трибунов *plebis* использовалась во II/Iвв. охлократами Гракхами как знаменосцами-предварителями дела популяров; была ненавидима резко ограничившим полномочия трибунов оптиматом Суллой; восстановлена в 70г. Крассом и Помпеем; бессовестно использована скандалистом Клодием (кто перешёл из патрициата в плебс, в т.ч., чтобы облечь нар. трибунат); затем взята на вооружение продолжателем популяров марианцем Цезарем; и, наконец, превращена великим комбинатором-иллюзионистом Августом, обладателем неограниченной власти *tribunicia potestas*, в (тавтологическо-абракадабрическую) империльную опору режима Принципата (23г. до н.э.) (Р.л. 260-62; 313/14) (см. выше).

Трибунат же собственно плебейских трибунов (к-рый не могли облекать патриции) в императорскую эпоху, естественно, утратил своё прежнее значение, представляя собой выполнение рутинных функций, и продолжая формально сохраняться как институт аж до Vв. И вот в поползновении Антистия сработал рецидив, своеобразное дежавю, с попыткой запустить старый музейный механизм, к-рый был заблокирован сенатом. Тем паче, что Антистий превысил полномочия (не заморозив решение Вибуллии, с соблюдением всех формальностей, но произвольно отменив его), что одновременно не встретило противодействия со стороны принцепса, кто — как кесарь — в услугах старореспубликанского трибуната не нуждался.

Причём обращает на себя внимание, что этот случай касался неуёмного поведения театральных зрителей, к-рое поощрял, иногда лично участвуя в зрительских буйствах, сам Нерон, почему решение сената в пользу претора и против думавшего и поспешившего подольститься к кесарю трибуна как бы продемонстрировало просенатскую позицию *первого среди равных* вдвойне. Что ж, не только ему, 19-летнему Митрофанушке, тешиться! Пусть потешаться, упиваясь своей мнимой значимостью, и отцы-сенаторы! И он пошёл ещё дальше, не воспрепятствовав также сокращению сенаторами полномочий других низших магистратов – эдилов.

А вот другой нар. трибун (к-рых ежегодно было 10), стоик Гельвидий Приск, зять философа-стоика Тразеи Пета, знакомый нам по его участию в ранге легата легиона в событиях 51г. в Армении, выдвинул обвинение (согласно Тациту, из личной вражды) против квестора аегагі Обультрония Сабина, обвинив его в грабительских злоупотреблениях по отношению к беднякам (трибуны-plebis, магистратура к-рых возникла в 490г. для защиты интересов плебеев против патрициев, – защитники бедных!) посредством использования права на принудительную для покрытия долгов продажу с торгов их имущества.

Интересно, что если в 66г. Гельвидий будет вовлечён в процесс по делу своего тестя, к-рый покончит самоубийством, и отправиться в ссылку в Аполлонию, до его реабилитации в 68г. (Ист. 4,6) Гальбой (дабы быть казнённым при Веспасиане) (см. выше), то Обультроний Сабин, наоборот, будет в 68г. в Испании, по приказу Гальбы, убит (Ист. 1,37).

Тем временем, в 56г. имела место государственно-казначейская реформа: вместо квесторов для ведения списка государственных должников и взыскания с них задолженности были назначены два префекта аегагі Saturni, к-рые в дальнейшем назначались кесарем сроком на 3 года из числа опытных преториев.

Государственное казначеище Эрарий (Aerarium), двумя отделами к-рого при Республике заведовали квесторы с помощью эрарных трибунов (trib. aerari), помещалось (оба отдела, средства второго из к-рых, созданного в 357г. до н.э., предназначались для случаев крайней необходимости) в Риме в заднем строении храма Сатурна. В кесарскую эпоху, после учреждения Августом императорской казны (Fiscus), с к-рым всё более сливался Эрарий, право сената заведовать им было номинальным.

Квесторы аегагі или urbani – финансовые чиновники, к-рые, в отличие от преторов, вступавших в должность одновременно с консулами 1.01., приступали к исполнению своих обязанностей в декабрьские ноны 6.12. (нар. трибуны – 10.12.). Двое из них оставались в Риме, остальные (число к-рых менялось) управляли финансами в Италии и за её пределами. Римские квесторы стояли во главе казначейства, заведывая всеми доходами и расходами гос. казны. Они следили за правильным внесением в казну всех положенных денег (дани, податей, выручки с продажи земель...). Они же, по предписанию сената, производили необходимые выплаты.

В пору Империи положение изменилось, о чём в Ан.13,29 и рассказывает Тацит. Причём, надо заметить, что квестура, как и эдильство, – первые ступени в cursus honorum – облекалась при Империи с 25-и лет – слишком молодо-зелено для внеочередного выдвижения на почётные должности. Потому в 56г. и было решено возложить обязанности по должникам и задолженностям на специальных префектов из числа преториев, отправлявших претуру (исключая льготное облечение принцами крови или особо близкими к кесарям персонами) в возрасте не ранее 30-и лет. Но прежде всего это заботливое префектурное нововведение означало в реальности поставление гос. казначеища под прямой контроль императорского аппарата.

С др. стороны, если Август в 19 лет в 43г. до н.э., как известно, облёк своё первое консульство и встал у руля (в составе триумvirата с Антонием и Лепидом), то не должно ли набирающемуся мудрости правителю-августинцу Нерону, спустя 98 лет (49 x 2), продемонстрировать, тоже в 19-летнем возрасте, образцы как мудрых августейших решений, так и консенсуально-универсальную коэксистенцию плодотворно сотрудничающих-сожигательствующих, в условиях сочетавшихся (неравным) браком Империи и Республики, Цезаря и Сената?!

* * *

«При тех же консулах был осуждён за лихоимство в провинции Сардинии Випсаний Ленат. Цестий Прокул, к-рому критяне предъявили обвинение в вымогательствах, был оправдан. Префект гребцов находившегося в Равенне флота Клодий Квиринал, произволом и жестокостью утеснявший Италию, словно последнюю из провинций, и привлечённый за это к суду, ядом предупредил неизбежное осуждение. Один из крупнейших законоведов и первейших богачей своего времени Каниний Ребил, чтобы избежать мучений томительной старости, вскрыл себе вены и истёк кровью, хотя никто не предполагал, что у него хватит мужества принять добровольную смерть, ибо о нём шла молва, что он изнежен и по-женски сластолюбив. А вот Луций Волусий скончался, оставив по себе безупречную память; он прожил 93 года, владел большим честно нажитым состоянием и, перевидав на своём веку столько императоров, неизменно пользовался их благосклонностью» (Ан. 13,30).

Ещё одним позитивом первой пятилетки Нерона считается борьба центральной власти со злоупотреблениями римских магистратов в провинциях. Итого, с 55 по 59г., состоялось 10 процессов над наместниками и др. провинциальными чиновниками по делам о вымогательствах (*repetundarum*). И пусть часть обвиняемых была (некоторые – по благу) оправдана, эта кампания в духе Августа и особенно Тиберия (к-рый очень радел о нешкуродёрском отношении к провинциям), тем более, на фоне растущего мздоимства-лихоимства римских легатов и чиновников, производила положительное впечатление. И несколько таких дел слушалось в сенате как раз в 56г.

Так был осуждён за лихоимство наместник Сардинии Випсаний Ленат. Отделённая от Корсики узким проливом Сардиния (24 тыс. кв км), второй после Сицилии (25 тыс. кв км) по величине остров Средиземного моря, хотя Геродот (5,106; 6,2) и Павсаний (4,23,5) называют его крупнейшим, знаменитый «Сардинский зиккурат» к-рого эпохи неолита и энеолита напоминает формой зиккураты Месопотамии, был, при его древнейшем неиндоевропейском населении, во II тыс. до н.э. связан с минойским Критом и др. культурами Средиземного моря. Для его культуры характерны нураги – 12-20-метровые каменные башни, грубо сложенные из каменных блоков без применения раствора. Ок. 1200г. до н.э. остров подвергся, как полагают, нашествию «народов моря» из восточного Средиземноморья (Сардиния – Сарды в М.Азии!; в результате раскопок XXв. открыт храм древнего бога островитян – «отца Сарда»). В IXв. до н.э. Сардинию заселили-колонизовали финикийцы; позднее – освоили вытеснившие их греки; а в 535г. до н.э. – аннексировали изгнавшие греков карфагеняне.

Далее, в 380г., на острове имело место восстание против Карфагена, и в 378г. сюда даже прибыли 500 римских колонистов (Диодор 5,27), но позже, в 348г., карфагенско-римский договор запретил римлянам основание колоний на Сардинии. И только 110 лет спустя, в 238г. до н.э., после Первой Пунической войны

264 – 41гг., карфагеняне вынуждены были уступить остров Риму (Полибий 1,79; 88; Ливий 20,4; 21,1; Веллей 2,38), к-рый включил его, в паре с Корсикой, в состав (второй – следом за Сицилией) римской провинции под управлением претора (Ливий «Ерiт.» 20; Страбон 840; Дион 53,12). 215, 177/76, 126/23, 115/12гг. – противоримские восстания воинственных племён внутренней Сардинии. Главный город – Каралес (Кальяри).

В 27г. до н.э., при разделении провинций между кесарем и сенатом, спокойная Сардиния (к-рая в Ив. до н.э. была разведена с Корсикой на две самостоятельные провинции) досталась (как и Корсика) сенату. Однако, в бг. н.э., вследствие всплеска в регионе морского пиратства, остров временно стал кесарско-прокураторской провинцией с размещением здесь воинского гарнизона в 4 тыс. солдат, под управлением прокуратора из всадников (Р.л. 1172). Причём, невзирая на скорое пресечение пиратства, эта временность похоже затянулась до 67г. (если, конечно, в промежутке Сардиния не возвращалась под власть сената), когда Нерон, предоставив «независимость» Греции (Ахайя), взамен компенсировал сенат Сардинией (см. ниже). Напомним, в 19г. н.э. на Сардинию, с её нездоровым климатом, Тиберий сослал нести военную службу множество римских иудеев (Д.И. 180-84). В остальном, как ранее для Карфагена, так и позднее для римлян, остров являлся (наряду с богатой хлебом Сицилией) зерновой житницей, к-рую Рим безоглядно выкачивал-эксплуатировал.

Мы не знаем, в чём конкретно заключалось лихоимство кесарско-всаднического прокуратора Випсания Лената, но, как видим, по выдвинутому против него сардинцами обвинению в лихоимстве, он, губернаторствовавший на близком к Италии острове, надо полагать, в правление Клавдия и до начала правления Нерона, был осуждён (вероятно, вынужденный отправиться в ссылку на какой-то другой – более отдалённый, более суровый, менее обитаемый и меньший размерами остров).

Иначе завершился процесс оправданного в 56г., по сходному со стороны провинциалов обвинению в лихоимстве, критского наместника Цестия Прокула. Напоминаем читателю, что к 67/66гг. до н.э. Крит, население к-рого союзничало с кикийскими пиратами, был покорён римлянами и затем объединён с упорядоченной Лукуллом в 88г. до н.э. и провинциализированной Римом в 74г. Киренаикой (Р.л. 1174-76). Позднее провинция Creta et Cyrene управлялась сенатом, иногда, в зависимости от африканских сложностей, разделяемая на две провинции, с подчинением Кирены кесарю и, следовательно, кесарскому наместнику. Как обстояло дело в 56г. н.э. – неизвестно, но, скорей всего, речь идёт об оправдания Цестия, бывшего преторским наместником единых, под сенатской эгидой, Крита и Киренаики.³⁹

Адмирал равненского флота П.Палпеллий Клодий Квиринал, родом из Трегесте, известен, помимо Тацита, также, согласно эпиграфии CIL 5,553, к сожалению, не сообщаемой каких-либо дополнительных сведений. Как мы знаем, базировавшийся в Италии римский флот делился на две эскадры: западную – мизенско-тирренскую; и восточную – равенско-адриатическую (Д.И. 630/31). Равенна и Мизены были двумя главными базами ВМФ Рима.

Обвинение в адрес Клодия Квиринала состояло в произволе и жестокости в отношении Италии, – причём италики, в т.ч., равнениты, были полноправными римскими гражданами, – к-рую он, стало быть, деградировал своими незаконными поборами и проч. до уровня, по выражению Тацита (со слов обвинителей), «последней из провинций». Т.е. тут деликт представляется серьёзнее, чем в случае Випса-

³⁹ Дела по жалобам провинциалов разбирала в ускоренные сроки назначенная претором судебная комиссия рекуператоров из нескольких человек – представителей всех сословий.

ния, и Клодий, не сомневаясь в осуждении, решил не дожидаться сурового приговора, покончив, при помощи яда, самоубийством.

Пользовавшийся дурной репутацией человека невысоких моральных качеств крупный законовед и богач Г.Каниний Ребил — конс.-суф. 37г. н.э. (Сенека «О благодетелях» 2,21,6), приходился сыном умершему в должности одноимённому консулу-суф. (в паре с Л.Волусием Сатурнином) в 12г. до н.э. и внуком мимолётному-однодневному консулу 45г. до н.э., к-рого Цезарь назначил вместо умершего Цицерону и др. В 56г. н.э. томимому прогрессирующей подагрой Канинию-внуку, изнеженному любителю сладкой жизни, хватило, вопреки ожиданиям окружающего нобилитета, мужества, чтобы, уходя от беспомощной старости, наложить на себя руки, что в Риме — подобный добровольный уход из жизни — считалось достойным.

И, наконец, в 56г. н.э. скончался аж на 93-м году жизни, о чём мы уже упомянули выше, в год эпонического консульства своего сына Квинта, Л.Волусий Сатурнин (род. в 38г. до н.э.), одноимённый, этрусских корней-кровей, отец к-рого, умерший в 20г. н.э. конс.-суф. 12г. до н.э., (Р.л. 516; 1153-56; Д.И. 538/39), родился в симметричном году кончины сына и консульства внука 56-м г. до н.э. (!). И не два ли потомственных этруска, Сентий и Волусий Сатурнины, приняли сирийскую легатуру — первый — в 7г. до н.э. (7 — 2г.), а второй — в 7г. н.э. (7 — 12г.) (7 — число Сатурна)!

Между тем, в 3г. н.э. Л.Волусий Сатурнин Младший облакал консульство-суф., ок. 8/9/10гг. проконсульствовал в Азии, затем — ок. 14/15гг. — наместничал в Иллирике; в возрасте ок. 60-и лет женился, на 63-м году жизни родил в 25г. н.э. сына; с 34 по 40гг. был, в возрасте 72-78 лет, легатом Далмации; в 41г. сменил Кв.Санквиния Максима на посту городского префекта Urbī, каковым и пребывал в должности до самой своей кончины. Притом, будучи в качестве редкого исключения, как богат честно нажитым состоянием (что Тацит подчёркивает), так и люб всем благосклонным к нему Цезарям — от Августа и до Нерона! Исключения имеют во все эпохи, увы, всегда подтверждая правила!

57г. н.э.

1 января 57г. н.э. = 810г. а.У.с. консулами стали Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (вторично) и Л.Кальпурний Пизон.⁴⁰

Этот Л.Кальпурний Пизон был сыном того самого Л.Пизона (старшего отпрыска визави Германика — Гнея Пизона), к-рый предписательно изменил после самоубийства в 20г. н.э. его отца родительское имя Гней на Луций, затем в 27г. облакал консульство, в 36 — 39гг. был префектом Urbī, и далее дожил до глубокой старости, пережив всех сенаторов года своего консульства и умерев в почёте, в 70-е гг. Ив. н.э., при Веспасиане.

Его сын — интересующий нас консул 57г. — состоял в жреческой коллегии понтификов (если называющая также его супругу некую Лицинию Магну эпитафия CIL 1,1445 относится, что очень вероятно, именно к нему); входил в коллегию Арвальских братьев, в «Актах» к-рых он фигурирует под 57 — 59, 60, 63гг., называемый под 59г. магистром коллегии (CIL 6,2039, 2041-43). В 56г., как дезигниро-

⁴⁰ Из сменивших обоих консулов-орд. 57г. во второй половине года консулов-суф. известен только один — сменщик Пизона — Л.Цезий Марциал, дополнительных сведений по к-рому нет.

ванный консул, внёс принятое сенатом дополнение по поводу полномочий трибунов в связи с конфликтом между претором Вибуллием и нар. трибуном Антистием Сосианом (см. выше); в 60 – 63гг. побывал куратором *aquarum* (Фронтин «Вода для Рима» 102); в 62г. попал в число трёх консуляров, назначенных Нероном ведать сбором налогов, поступающих в гос. казну (см. ниже). В 69/70гг. проконсульствовал в Африке, был несправедливо заподозрен рулившим в Риме Г.Лицинием Муцианом⁴¹ в отпадении от Веспасиана и убит снаряжёнными по его душу в Африку убийцами (Ист. 4,38; 48-50; Плиний Мл. «Epist.» 3,7,12).

«Консульство Нерона (второе) и Луция Пизона не изобиловало событиями, которые были бы достойны упоминания, – разве что найдутся такие, кто захочет заполнить целые книги восхвалениями воздвигнутого Цезарем на Марсовом поле громадного амфитеатра, его фундамента и употреблённых на его сооружение брёвен; но всякому понятно, что величию римского народа приличествует, чтобы в анналах отмечались лишь наиболее достойные деяния, а всё остальное – в «Ежедневных ведомостях» города Рима. Впрочем, укажем, что колонии Капуя и Нуцерия были укреплены поселением в них ветеранов, что простому народу было роздано в дар по 400 сестерциев на человека и что для поддержания доверия к платежеспособности казначейства Цезарь внёс в него из своих личных средств 400 млн. сестерциев. Была также упразднена пошлина, к-рую платил покупатель раба в размере одной двадцать пятой его цены; однако её упразднение последовало больше по видимости, чем на деле, ибо, поскольку ту же пошлину было приказано платить продавцам, они соответственно подняли цены. Ещё Цезарь воспретил магистратам и прокураторам устраивать в управляемых ими провинциях представления гладиаторов, травлю диких зверей и любые другие зрелища. Ранее подобною щедростью они наносили своим подчинённым не меньший ущерб, чем поборами и вымогательством денег, ибо, заручившись народным расположением, избегали возмездия за преступное стяжательство

Как в карательных целях, так и для обеспечения безопасности был также издан сенатский указ, согласно к-рому в случае умерщвления господина собственными рабами в числе прочих его рабов подлежали казни и те, кто, оставаясь под одним кровом с ними, должен был, по его завещанию, быть отпущен на волю. Возвращается сенаторское достоинство бывшему консулу Лурию Вару, некогда осуждённому по обвинению в лихоимстве. Суд над обвиняемой в приверженности чужеземному суеверию знатною женщиной Помпонией Грециной, женою того самого Авла Плавтия, к-рый, как я сообщал, отпраздновал малый триумф над британцами, было предоставлено свершить мужу; проведя по старинному обычаю в присутствии родственников разбирательство этого дела, грозившего его супруге лишением жизни и доброго имени, он признал её невиновною. Долгой была жизнь этой Помпонии, и прожила она её в непрерывной скорби, ибо после умерщвления по проискам Мессалины дочери Друза Юлии Помпония 40 лет не носила других одежд, кроме траурных, и душа её не знала другого чувства, кроме печали. При владычестве Клавдия это прошло для неё безнаказанно, а впоследствии обернулось славою...» (Ан. 13,31/32)

⁴¹ Г. Лициний Муциан – конс.-суф. 64г.; легат Сирии (как преемник умершего на посту Г.Цестия Галла) (см. ниже) в 67-69гг.; поддержал провозглашение императором 1.07.69г. Веспасиана; осенью отправился во главе воинских сил для борьбы с вителлианцами в Рим, куда прибыл после гибели Вителлия в декабре и некоторое время, до прибытия Веспасиана, отправлял верховную власть в Риме.

ПОСЕЛЕНИЕ ВЕТЕРАНОВ В КАПУЕ И НУЦЕРИИ

Сообщая о бедности данного анналистического года в правление Нерона событиями Тацит, конечно, иронизирует, когда говорит о восхвалении громадного амфитеатра на Марсовом поле, на к-рое он, по всей видимости, наткнулся в лествичных словесах какого-нибудь сопричислившего себя к анналистам современника Нерона. А «Ежедневные ведомости» это – своего рода древнеримская газета, содержащая хронику происшествий, постановлений магистратов, распоряжений городских властей, т.е. фиксировавшая события типа сооружения амфитеатра, подробная и восторженная информация о к-ром в ежегодных анналах – неуместна.

Впрочем, амфитеатр, действительно, был впечатляющим (Нерон, как и Калигула, обожал поражать окружающих и публику чем-то до него невиданным-неслыханным), поскольку о нём не забыл специально упомянуть также (неанналист) Светоний: «В гладиаторской битве, устроенной в деревянном амфитеатре близ Марсова поля – сооружали его целый год, – он не позволил убить ни одного бойца даже из преступников. Он заставил сражаться даже 400 сенаторов и 600 всадников, многих – с нетронутым состоянием и незапятнанным именем; из тех же сословий выбрал он и зверобоев, и слугителей на арене...» (Нер. 12,1) Как видим, речь идёт о ещё не окончательно лишённом гуманизма (хоть и братоубийце), без малого, 20-летнем Нероне, к-рый покуда избегает массового человекоубийства на поражающей публику зрелищными масштабами арене.

Вместе с тем, вполне достойно анналистического упоминания укрепление поселением в них воинских ветеранов, следует понимать, в свете борьбы со снижением доли свободнорождённого населения Италии, в кампанских Капуе и Нуцерии.

В VIв. до н.э. – оскскую до VIII/VIIвв. и потом греческую – Кампанию начали прибирать к рукам этруски, к-рые сильно потеснили греков в Дикеархее, Капуе, Ноле и т.д., основав новый союз из, в общей сложности, 12-и этрусских-кампанских городов (Д.И. 1038/39; см. выше), но потерпев фиаско после нанесения им куманцами морского поражения в 474г. С середины же Vв. на Кампанию обрушились воинственные горцы – самниты. Они овладели в 443 – 20гг. Капуей, Кумами, Дикеархеей и заменили прежний этрусский союз городов двумя самнитскими союзами. В IVв. эллинизированным кампанцам удалось отразить новый натиск самнитов благодаря римлянам, Латинскому союзу и трём закончившимся в итоге победой Рима Самнитским войнам – с 343 по 290гг. В 338г. (год роспуска Латинского союза) Рим заключил союз с Капуей; в 327г. – с Неаполем. В 312г. Аппиева дорога прошла из Рима в Неаполь.

По одному из преданий, Капую основал упоминаемый Вергилием в «Энеиде» (10,143) троянский мигрант Кап (Дионисий Гал. 1,73; Светоний «Цезарь» 81); по другим (Катон у Веллея 1,7; Полибий 2,17; Ливий 4,37,1; Страбон 4,242), – это сделали (овладев оскскими поселениями) этруски – разделители города на две части – этрусскую и оскскую, соответственно, – Альбания и Сеплазия.

Во Второй Пунической войне капуанцы блюли верность Риму до сокрушительной победы карфагенян (фланговый охват) при Каннах (216г.), а затем переметнулись к Ганнибалу. Причём перед тем они получили отказ римлян в ответ на своё дерзкое требование избирать одного из годичных консулов от, дескать, равной Риму Капуи – самого значительного города между Римом и Карфагеном. Да и по союзу с Ганнибалом Капуя выговорила себе льготные условия: не нести воинскую повинность, иметь свои законы и своих магистратов. Налицо попытка играть роль третьей самостоятельной силы между двумя титанами, без понимания того, что рано или поздно один из них тебя прихлопнет.

Между тем, зимние квартиры Ганнибаловой армии в изнеженной, полной соб-

лазнов, Капуе (216/15гг.) привели к разложению его карфагенского воинства. В 212г. римляне взяли город и жестоко его наказали (Ливий 36,11; Аппиан «Ганнибал» 43): 70 знатнейших граждан были казнены; 300 заточены в тюрьму; остальные расселены по латинским городам и, главное, массово проданы в рабство, при разрешении на дальнейшее проживание в городе только не имевшим права гражданства. Кроме того, Капуя лишилась береговой полосы в пользу латинских колоний Вольтурна и Литера.

С тех пор город, став римским доменом под управлением каждогодно сменного префекта, необратимо клонился к упадку, плюс пользовался, как и Неаполь, как и вся Кампания, сомнительной репутацией вертепа соблазнов и разврата. Вдобавок к тому, именно в Капуе, на, согласно Страбону (5,250), родине гладиаторских боёв, находилась знаменитая школа гладиаторов и именно отсюда пошло пожаришно гулять по Италии восстание рабов под предводительством Спартака (74/73 – 71гг.).

Для поддержки и возрождения Капуи Цезарь вывел сюда в 59г. до н.э. колонию, поселив в старом городе 20 тыс. римских граждан; в 43г. колониальную инициативу подхватил Антоний; в 36г. число колонистов увеличил Октавиан. При Августе Капуя обзавелась водопроводом, заметно обустроилась и превратилась в процветающую колонию *Iulia Felix Augusta Capua*. В 26г. н.э. Тиберий, направляясь из Рима на Капри (чтобы заделаться островитянином до конца жизни), освятил в Капуе воздвигнутый храм Юпитера.

Нуцерия Альфатерна (ныне Ночера) – стратегически важный город Кампании между Везувием, Апенниннами и горой Лактарий, на сооружённой Римом в 159г. до н.э. дороге *via Popilia*, между Нолой, Помпеями (гавань Нуцерии), Беневентом – на севере, и заливом Салерно – на юге. В 316г. воевал с самнитами против римлян. С 308г., после завоевания римлянами, неизменно в союзе с ними (Диодор 19,65; Ливий 9,38; 41), несмотря на разрушение Ганнибалом и бегства населения в Ателлу (Ливий 23,15; 27,3; Аппиан «Ганн.» 49). В 89г. часть города сожжена италийскими союзниками, из-за отказа жителей примкнуть к ним против Рима (Аппиан «Гр. войны» 1,49; Флор 2,6,11); 73г. – разграбление и сожжение спартаковцами (Флор 2,8,5).

В середине IV в. до н.э. – закладка (Цезарем?) ветеранской колонии римского права, с сопричислением к трибе *Menenia*. Тем не менее, – общий упадок (Диодор 36,2; Страбон 5,249; Аппиан «Гр. в.» 4,3). В пору битвы при Филиппах (42г. до н.э.) – *Colonia Nuceria Constantia*. При Августе, по непонятной причине, в списках колоний отсутствует (*Itin. Ant.* 123; Птолемей 3,1,60). После 57г. н.э. – опять упадок, невзирая на новое поселение ветеранов. Родина семейства Вителлиев. В 59г. в амфитеатре Помпей вспыхнет жестокая драка между помпеянами и нуцериянами (Ан. 14,17); в 63г. Помпеи и Нуцерия пострадают от землетрясения (Сенека «*Nat. quest.*» 6,1,2); в 79г. уничтожившее Помпеи извержение Везувия тяжело накроет дождём из пепла также Нуцерию.

Примечательно, что и упадочная Капуя (разрушена в 456г. вандалами; восстановлена как *Nova Capua*, страшно разорённая в 856г. сарацинами), и упадочная Нуцерия (близ к-рой в 552г. пал в сражении против византийского полководца Юстиниана – Велизария, преемник Тотилы – последний остготский венценосец – Тейя) пользовались в Средние века зловещей славой.

Если, согласно Вольфраму фон Эшенбаху и др. легендам, Капуя – владение связанного с сарацинами (поклонение дьявольской сущности Иблис) чёрного мага (выучившегося волхвованию в Персиде) Клингзора (= герцог Терра де Лабур = Ландульф из Капуи), то в сооружённом Фридрихом II Гогенштауфеном нуцериянском замке Парко (руины к-рого сохранились по сей день) умерла в 1271г., в

возрасте 29-и лет, после пяти лет заточения и разлуки со своими маленькими детьми, заключённая туда беспощадным Карлом II Анжуйским (казнившим в 1268г. последнего Штауфена – Конрадина) вдова павшего в сражении против Карла при Беневенто (1266г.) побочного сына Фридриха II – Манфреда – несчастная королева Елена.⁴²

⁴² На памяти, в частности, о великих швабских Штауфенах (1138-1254гг.), к-рых ни одна германская династия, как и австрийские Габсбурги, не смогла превзойти, в будущем должно взойти новое именно гёттеевско-штайнерианское Германство, к-рому надлежало быть в наличии уже сегодня, но к-рому ещё нет, и без духовного европредводительства к-рому у человечества нет будущего.

Если Гитлер считал своим историческим олицетворением (или себя его реинкарнацией) ушедшего в горы Тюрингии, чтобы явиться однажды для спасения германства, Фридриха Барбароссу (а Гиммлер – Генриха Птицелова), то творчески одарённого современника летнего солнцестояния вселенской метаистории Фридриха II Гогенштауфена (ключарь уходящих Средних веков, начала Ренессанса и Нового времени) в сознании немцев XIX/XXвв. вытеснил Nibelungenfürst Фридрих II Прусский (Гогенцоллерн) – отец прусского милитаризма, из к-рого, в немалом, вылупился германский нацизм.

Проигравшему Франции свою (с 1516-19гг., когда Габсбурги властно объединили Центральную Европу и Испанию, включая её как европейские, так и обширные заморские владения) еврогегемонию, по итогам (первой общеевропейской и последней религиозной) Тридцатилетней войны (1618-48гг.), германству, в лице Священной Римской империи, удалось частично отыграть проигранное в результате войны за Испанское наследство (1701-14гг.). Ведь в ней Франция выиграла для Бурбонов Испанию, однако, истощила свои ресурсы и евроотступила в целом (засим король-солнце Людовик XIV ещё успел застать до своего конца в 1715г. конец её-своего «золотого века»).

Вместе с тем, с начала XVIIIв. внутри собственно еврогерманства начался взлёт конкурентного австрийским Габсбургам милитантного прусского акселерата – становление Пруссии из курфюршества королевством 18.01.1701г. (день провозглашения Бимарком после победы Пруссии над Францией Второго рейха в Версале в 1871г., и день открытия Версальской конференции по вопросу проигравшей I-ю Мировую войну Германии в 1919г.). И этого умевшего вести успешные войны прусского акселерата, сходно Англии, этапно усилила Семилетняя война 1757-63гг., тогда как победа над Наполеоном сделала ведущими мировыми державами Великобританию и Россию, одновременно несказанно подняв на противонаполеоновской волне как истинный германский дух, так и (осёдланный Пруссией) германский национализм.

Затем Пруссия опередила дряхлеющую Габсбургскую Австрию и сделалась, отобрав у побеждённой ею в 1866г. (в братоубийственной войне) Австрии (вынужденной дуализироваться в Австро-Венгрию – 1867г.) лидерство в Германском союзе, плюс – подмяв под себя баденско-вюртембергско-баварский юго-запад, северо-восточным ядром Германской империи. Отдав-шись же данному руслу-течению, кульминировавшему в перспективе (патологически антиеврейским) нацизмом, Германия проиграла в XXв. не только две Мировые войны, но и, сродни (распятой большевизмом) России (руками и миллионами жизней к-рой англосаксы разгромили германство), трагический Двадцатый век в совокупности!

Отсюда, поскольку Гитлер и людоедский нацизм не могли и не должны были победить в любом случае, резонен вопрос. Не надлежало ли Германии в начале XXв. (когда она, не могучи определиться, позиционировала себя то как ястреб, то как голубь!), самой выбрать наиболее подходящий момент для нанесения (в неизбежной войне) удара? и молниеносной победы на западе, чтобы затем, как сказано, одолеть вместе с Австро-Венгрией Россию в войне пограничной и заключить с ней не только почётный мир, но и прочный союз (по примеру союза между Петром III и Фридрихом Прусским – 1761г.), после чего, всей мощью, совместно с Россией, противопоставиться Великобритании и совместно приступить к разделу владений Османской империи (российско-германский совместный раздел к-рой, стоявшей, в частности, на путях в Индию, обозначил бы крах британского мирового могущества)!

ПОСТАНОВЛЕНИЯ И РЕШЕНИЯ // ПОМПОНΙΑ ГРЕЦИНА

В 57г. в Риме имел место нероновский конгиарий – раздача кесарем по 400 сестерциев на человека, о чём, кроме Тацита, сообщает также Светоний (Нер. 10,1). Далее, из императорской казны = фиска, т.е. из средств кесаря, огромная сумма в 400 млн. сестерциев была переведена (для поддержки т.н. республиканской казны) в государственный эрарий, что зафиксировано, помимо тацитовских «Анналов», и в «Хронографе 354г.».

Иное дело – упразднение пошлыны с продажи рабов = отмена четырёхпроцентного налога, к-рая оказалась мнимой, сведённая на нет повышением рабовладельцами-работоторговцами цен на рабов. Зато достаточно радикальной и эффективной мерой по борьбе с чиновничьими злоупотреблениями в провинциях стал запрет (*senatus consultum Neroniana*) магистратам и прокураторам устраивать на периферии богатые зрелищные представления, к-рые устраивались с хитрым умыслом откупиться-отгородиться ими, завоевав поддержку и симпатии особенно у массовых низов, со стороны провинциалов, после сложения наместнических полномочий, в коррупции, что нередко срабатывало.

С др. стороны, в 57г. был подтверждён и дополнен принятый к концу правления Августа *senatus consultum Iunia Silana* (по имени предложившего его консула) от 10г. н.э., по к-рому, в случае убийства кем-то из рабов хозяина, казни подлежали все рабы, находившиеся в момент совершения преступления в доме и не пришедшие хозяину на помощь. На сей раз, в этот Силанов закон было внесено дополнение, согласно к-рому, к подпадающим казни рабам присоединялись и проживающие с ними под одним кровом вольноотпущенники по завещанию, т.е. те, кому предстояло завещательно обрести полную свободу после кончины патрона (Павел «Sent.» 5,6; Dig. 39,5,1).

Это постановление свидетельствует о том, что случаи убийств рабами хозяев участились. Иначе говоря, одновременно с общественной тенденцией более гуманного отношения к рабам и равноправного – к вольноотпущенникам, брались под защиту, тем паче, на фоне иногда непомерно дерзкой эмансипации как либертов, так и рабов, традиционные нормы и формы.

Да и современным историкам надо бы усвоить невозможность предъявления Древнему Риму претензий по поводу отношения римлян к рабству, ибо нельзя проецировать сегодняшнее человечество, с его морально-нравственными установками, на вчерашнее и позвчерашнее. В Риме не могло быть демонстраций с плакатами типа: «Да здравствует феодализм – светлое будущее человечества!» (и Спартак не был, вопреки Марксу, блестящим представителем античного пролетариата, потому что тогда ещё попросту не было – ни, само собой, в прямом, ни в фигуральном смысле – пролетариата, как его, кстати, причём, опять-таки, вопреки Марксу, уже больше нет и сейчас!).⁴³

Кто такой консуляр Лурий Вар, осуждённый некогда по делу о (провинциальном?) лихоимстве и лишённый сенаторского достоинства, мы не знаем. Надо думать, рассказ о нём, возможно, наместнике Азии или Африки (хотя обвинение в

⁴³ Если по Марксу, нет такого преступления, на к-рое ради 300% прибыли не пойдёт капиталист, то в реальности на самые худшие преступления пошли именно марксисты (от большевиков до Пол Пота), с к-рыми могут сравниться лишь нацисты – тоже, к слову, социалисты, пусть и не марксисты, хотя немалое влияние на ненависть Гитлера к евреям оказали яростные антиеврейские высказывания-выпады-нападки именно (эмансипированного) еврея Маркса! (Т.Г. 1340/41).

лихоимстве без каких-либо уточнений — основание для такого вывода недостаточное), содержался в утраченной части «Анналов», посвящённой событиям 37 — 47гг., вероятно, ближе к 47г. — в правление Клавдия.

Весьма примечателен инцидент с Помпонией Грециной, преданной суду по обвинению в приверженности чужеземному суевию — *superstitio extrema*. В объективе дочь консула-суф. 16г. н.э. (друга Овидия; брата Л.Помпония Флакка — консула 17г. н.э. и легата Сирии в 32 — 34гг.) — П.Помпония Грецина, к-рая была замужем за овационным героем британских кампаний в 40-е гг. Ив. н.э. А.Плавтием (конс.-суф. 29г. н.э.). Как следует из Тацита, она очень дружила (или сродничала?) с павшей жертвой интриг Мессалины в 43г. дочерью сына Тиберия — Друза — Юлией, по к-рой не снимала траур до конца жизни, аж 40 лет, скончавшись, стало быть, ок. 83г., в почёте и уважении, при Домициане.

Так вот в 57г. разбирательство её дела в приверженности (какому-то) «чужеземному суевию» было поручено домашнему суду главы семейства (*pater familias*) — её мужа, кто признал супругу невиновной. Что именно под презентуемым Тацитом «чужеземным суевием» (= следование неузаконенной Римом религии; вера в незаконное, с юридической т. зр. Рима, божество)? — неясно. Во всяком случае, и Тацит (Ан. 15,44), и Светоний (Нер. 16,2) так, или, точнее, как «зловредное суевие», характеризуют христианство = приверженность некоему распятому в Палестине Христу, К-рый впервые в трудах языческих римских авторов персонифицируется у Тацита, в связи с взваленным Нероном на христиан римским пожаром 64г., и К-рый не персонифицирован у Светония (см. выше) и лично неясен говорящему о «Хресте» Светонию во Пв. н.э. (в отличие, например, от Плиния Мл., кто преследовал христиан, наместничая в 111 — 13гг. в Вифинии).

Притом, если до XVIII/XIXвв. христианская традиция была уверена, что Помпонию предъявлялось обвинение именно в приверженности христианству, то новейшая критиканская учёность разнесла эту, по её твёрдому убеждению, напрочь несостоятельную-надуманную легенду (так сказать) в пух и прах. Мол, речь идёт ни о каком не о христианстве, о к-ром-де Помпония ведать не ведала и ведать не могла (этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!), но коли уж о веровании-суевии, то наверняка — либо об иудаизме, либо об египетских культах, против к-рых, дескать, принимались постановления при Тиберии, или, например, — постановление против иудеев, при изгнавшем их из Рима Клавдии.

Да, при Тиберии, как нам ведомо, действительно, принимались (и не одно) противоиудейские постановления (19, 29, 34гг.) и два запрета на египетские культы (19, 34гг.) (Д.И. 180-88); сходно — антииудейский изгнательный эдикт 50г., принятый Клавдием (см. выше). Однако, все эти эдикты на 57г. были в прошлом. Нерон ни египетские культы, ни иудеев, к-рые при нём (как и набатеи) благополучно возвратились (54/55гг.) в Рим, никак не ограничивал, не преследовал, решения-постановления против них и их религии/верований не принимал.

А главное, ни общеизвестные египетские культы, ни иудейский культ, соответственно, юридически квалифицированные-терминологизированные в (помешанном на юриспруденции) Риме не могут быть названы римскими авторами просто «чужеземным (зловредным) суевием», к-рое, следовательно, — не узаконено, непонятно-незаконно, с отношением к к-рому Рим пока чётко не определился, и под к-рым, на означенный период, со слишком большой долей вероятности, подразумевается именно христианство. (Пусть произросшее из иудаизма, пусть отпочкование-ответвление иудаизма, к-рое, наряду с тем, очень даже подпадает под определение «чужеземное суевие», к-рое, к тому же, вскорости, после римского пожара 64г., сделается, с поклёпной подачи Нерона, суевием «зловредным»!)

Скажите, разве христианство не набирает в 50-е гг. Ив. ойкуменическую силу!?

Разве Ап. Пётр не успел уже побывать (притом, по всему, дважды – в 40-е и в 50-е гг.) (см. выше и ниже) в Риме!? Разве Ап. Павел не написал Посл. к Римлянам, где перечисляются различные имена многих римских христиан, к-рых в Риме уже очень немало, в начале 58г. из Коринфа!? Спрашивается, почему (носившая пожизненный траур по убиенной Юлии) печальная (в скорби) Помпония не могла быть на 57г. н.э. приверженицей Христа, приверженицей христианской религии утешения? Ведь никто не сомневается, что, например, (избранница Нерона) Поппея Сабина, с к-рой мы скоро, в 58г., встретимся, была приверженицей-симпатизанткой иудаизма. Засим, с чего бы Помпонии не иметь отношение к становящемуся, в т.ч., в столице мира Риме, с растущим числом приверженцев, христианству (к-рое, повторим, ещё для римлян – или, всего-навсего, – ответвление иудаизма, или – до нероновских гонений, да и для многих позднее, – чужеземное суеверие)!?

Между тем, оппоненты из критканского лагеря талдычат, что раннее христианское предание не знает христианку по имени Помпония. Согласимся, но возразим, что раннему христианскому преданию хорошо известна святая по имени Плавтилла, как зовётся преданием мать Флавии Домициллы – жены казнённого Домицианом в 95г. (консула 95г.) Тита Флавия Клемента, о чём у Диона читаем: «В том же году в числе многих прочих Домициан умертвил и консула Флавия Клемента, хотя он приходился ему двоюродным братом и был женат на его родственнице Флавии Домицилле. Против них было выдвинуто обвинение в безбожии, по к-рому были казнены и многие другие склонившиеся к иудейским обычаям...» (67,14,1/2).⁴⁴

Т.Флавий Клемент был сыном погибшего в 69г. от рук вителлианцев брата Веспасиана – Т.Флавия Сабина. У Веспасиана, в свою очередь, была дочь Флавия Домицилла Старшая (сестра Тита и Домициана), умершая (как и её мать) до интронизации отца в 69г., и (рождённая ею) внучка – Флавия Домицилла Младшая (родная племянница Домициана), выданная впоследствии (Домицианом) замуж за своего (двоюродного) дядю Клемента, обвинённая в 95г. (своим родным дядей Домицианом), как и её муж Клемент (Домицианов двоюродный брат)⁴⁵, в безбожии, но не казнённая, а сосланная, сообразно Диону, на остров Пандатерия.

Хотя Евсевий называет местом её (за исповедание христианства) ссылки о. Пон-

⁴⁴ Обратите внимание на это «обвинение в безбожии» в сочетании со «склонившимися к иудейским обычаям», из чего в устах автора IIIв. Диона, освещающего событие конца IVв., следует, во-первых, квалификация христианства как безбожия, и во-вторых, стартовая (в ретроспективе) связка христианства с иудейством.

И не надо вменять вместе с ново-новейшими критиканами Домициану обвинение Клемента в «безбожии» не потому, дескать, что Клемент (якобы) был приверженцем Христа, а потому что он (не якобы) не признавал божественность самого Домициана. Если бы Клемент оставался язычником, у него не было бы основания отвергать божественность Домициана, к-рую он должен был отвергнуть, только став либо иудеем, либо христианином. Но стань он иудеем, не было бы в его адрес обвинения в безбожии, поскольку иудаизм официально признавался Римом как небезбожная религия. Посему это могло быть только обвинение в христианстве, вышедшем некогда (по неуклюжей и малограмотной формулировке Диона, вернее, его языческого источника) из «иудейских обычаев».

⁴⁵ У перечисляющего преступления Домициана Светония сказано: «...Наконец, он убил по самому ничтожному подозрению своего двоюродного брата Флавия Клемента чуть ли не во время его консульства, хотя человек это был ничтожный и ленивый, и хотя его маленьких сыновей он сам открыто прочил в свои наследники, переименовав одного из них в Веспасиана, а другого в Домициана...» (Дом. 15,1). К слову, ничтожность и лень раннеязыческие оппоненты христианства часто вменяли именно первым христианам, из-за предпочтения христианами мирских приоритетов духовным, из-за отвержения общественно-политической карьеры, светско-публичной активности и т.д.

тия⁴⁶, а в христианской традиции, как сказано, её мать зовётся вместо Домициллы Плавтилкой, кто, в свою очередь, представляется сводной сестрой Клемента (кого одно из преданий даже отождествляет с папой конца IV н.э. Климентом Римским!).⁴⁷

Короче, легендарности предания налицо. Но, вспомним, — не звался ли супруг Помпонии А.Плавтием, и не могла ли христианка Помпония Грецина быть слита-совмещена оперирующей, как известно, символами памятью с Плавтилкой⁴⁸, к-рую предание идентифицировало с Веспасиановой дочерью Домициллой Старшей — матерью христиански Домициллы Младшей?

Могла и вполне, вовсе не являясь при этом, отлично от Домициллы Старшей, матерью жены Клемента Домициллы Младшей. Однако, — являясь (ещё за почти 40 лет до Клемента и Домициллы) приверженицей, в чём нет ничего исторически невозможного, христианства Помпонией Грециной, оправданной домашним судом её супруга Плавтия, к-рый не нашёл или не захотел найти в деле жены состава преступления, в 57г. н.э.⁴⁹

⁴⁶ «В 15-й год Домициана Флавия Домицилла, племянница Флавия Клемента, одного из тогдашних римских консулов, за исповедание Христа была вместе со многими другими наказана ссылкой на о. Понтию» (И.Ц. 3,18). Евсевий ошибочно позиционирует Домициллу как не жену, а лишь племянницу Клемента, что церковная традиция охотно взяла на вооружение, чтобы представить её девой. Наряду с тем, называемый Евсевием о. Понтия, видимо, предпочтительнее называемой Дионом Пандатерии, поскольку и Иероним, со своей стороны, отмечает (в данном пункте независимо от Евсевия) известность Понтии как места ссылки исповедницы христианства Домициллы (Epist. 108,7).

⁴⁷ В браке Клемента и Домициллы Мл. родились семеро детей, учителем-наставником к-рых был Квинтилиан (Inst. 4, рг. 2). Примечательно следующее. Согласно Флавию Филострату, Стефан, к-рый в деле убийства Домициана (96г.) отомстил тирану за казнь Клемента, был либертом Домициллы («Аполлоний Тианский» 7,7; 8,25). Светоний называет Стефана её управляющим (Дом. 17).

⁴⁸ В христианском апокрифе «Мученичество Ап. Павла» (IVв.) знатная римская матрона Плавтилла — пылкая почитательница Апостолов веры Божией (14), к-рую Павел встречает у городских ворот, на дороге к месту своей казни, и окликает её: «Здравствуй, Плавтилла, дочь вечного спасения...», и просит у неё её плат (мотив плата Вероники), к-рым завязывает себе глаза перед казнью (омофор). После же казни именно Плавтилла первой видит-встречает Павла, и он возвращает ей чудодейственный плат (17).

⁴⁹ Любопытно и то, что бедный, по Тациту, анналистическими событиями 57г. н.э. пользуется определённым спросом в христианских апокрифах, причём как ошибочный год прихода Нерона к власти, или даже как грубо ошибочный год мученичества в Риме Ап. Петра и Павла. Так, если в «Малых Страстях П. и П.» сказано: «И приняли они муки в 3-й день до июльских календ (= 29.06.) в консульство Пизоново и второе Нероново» (13), то в различных рассказах «Золотой легенды» минимум пять раз говорится о приходе Нерона к власти в (якобы) 57г. от Рождества Христова (S.238, 243, 264, 315, 393). Или, например, рассказ о мученичестве Св. Тимофея относит оное на 57г. (S.479). Кроме того, в «Больших Страстях Петра и Павла» Нерон хочет сделать обоих Апостолов мученическими участниками потешного морского сражения — навмахии (58), к-рое впервые давалось им как раз в 57г. (см. ниже).

Между прочим, в 57-й г. н.э. как в (якобы) год мученичества П. и П. можно попасть, если изойти из События Голгофы в 29/30/31/32гг. (проигнорировать или искусственно сплющить-ужать, несмотря на весь гротеск такого сплющивания-ужатия, рассказ Д.Ап) и присовокупить сюда (дескать, стартовавшие вскоре после Голгофы) 25 мнимых апокрифических лет епископства Петра в Риме. Плюс также, б.м., надо учесть то обстоятельство, что 57г. н.э. был годом очередной Олимпиады, тогда как в 67г. н.э., т.е. в реально историческом году мученичества Петра и Павла, состоялась ради Нерона, в пору его пребывания в Греции, внеочередная Олимпиада, почему сохранившаяся память о казни Апостолов в год Олимпиады, без учёта забытой аномальности Олимпиады 67г., могла переместиться на 10 лет назад. (К примеру, датирующий Голгофу 29-м г. н.э. «Хронограф 354г.», отсчитывая от 30г. Петрову 25-летку в Риме, получает в качестве даты римского мученичества П. и П. аж 55г. н.э.!) (см. ниже)

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ И ОСУДИТЕЛЬНЫЕ ПРИГОВОРЫ // РАЗНОЕ

«В том же году были привлечены к суду и другие, и среди них Публий Целер, по обвинению, выдвинутому провинцией Азией, и так как Цезарь не мог настаивать на его оправдании, то затянул следствие, пока обвиняемый не умер: дело в том, что Целер, как я упоминал выше, умертвил проконсула Силана, и этим столь нужным Цезарю злодеянием оградил себя от осуждения за прочие преступления. Киликийцы представили жалобу на Коссуциана Капитона, человека бесчестного и грязного, полагавшего, что и в провинции он может вести себя столь же нагло, как в Риме; изблещенный неотступным обвинением, он в конце концов перестал защищаться и был осужден. Но что касается Эприя Марцелла, обвиненного киликийцами в вымогательстве, то давление покровительствовавших ему оказалось настолько могущественным, что некоторые из его обвинителей были наказаны ссылкой, как вознамерившиеся погубить ни в чём не повинного» (Ан. 13,33).

П.Целер — знакомый нам соотравитель, в паре с вольноотпущенником Клавдия Гелием, проконсула Азии М.Силана в 54г. — первое преступление Агриппины после отправления ею на тот свет Клавдия. Притом этот Целер был прокуратором-блюстителем кесарской собственности *res privata* в Азии, несмотря на то, что из вышепроцитированных слов Тацита создаётся впечатление, что провинциалы выдвинули против него обвинение как против наместника, каковым он, по своему рангу, быть в консульской Азии не мог. Т.е он проштрафился вымогательствами, вероятно, в 55/56гг., на том же посту прокуратора императорской собственности.

Не Нерон приказал ему вместе с Гелием отравить в 54г. Силана, но преступление это, инициированное Агриппиной, было совершено ради Нерона, к-рый просто похерить такое разбиравшееся в сенате обвинение, продуктивно сотрудничая с сенатом, как справедливый принцепс и заботник, в частности, о провинциях, не захотел, почему нашёл элементарный выход. Следствие было затянуто, пока, по всей видимости, бывший в летах и больной Целер, не умер естественной смертью, чем шекотливая для кесаря ситуация благополучно разрешилась.

Коссуциан Капитон упоминался Тацитом под 47г. (Ан. 11,6) как один из тех (негодяев), кто, подобно грязному доносчику и краснобаю Суиллию, наживательски торговали своим адвокатским красноречием и едва не подпали применению к ним соответствующего закона о вымогательствах при Клавдии. Он являлся зятем Тигеллина — одиозного преторианского префекта с 62г., при Нероне, и потому особо не жалует Тацитом. В правление Нерона ему довелось управлять (до 57г.) преторской Киликией (как видно, в то время не объединённой с Сирией) и там лихоимски провороваться, в связи с чем в 57г. против него было возбуждено дело, в к-ром сторону обвинения, выступив адвокатом киликийцев, представлял добившийся осуждения Капитона Тразей Пет. Этого возвращённый в 62г. из изгнания и в сенат (по ходатайству своего зятя Тигеллина) Капитон Тразее не забудет и сделается в 66г., в дуэте с Эприем Марцеллом, его сообвинителем-сопогубителем, запустив, впрочем, ещё в 62г. обвинением против Антистия Сосиана в оскорблении величия целую серию процессов по данному порядком давно не применявшемуся к тому времени зловещему обвинению (см. ниже).

О Т.Клодии Эприи Марцелле мы достаточно сказали выше, при его первом появлении, под 48г., и ещё встретимся с ним позже. Здесь напомним, что он происходил из Капуи, перебрался в Рим при Калигуле и начал продвижение по карьерной лестнице, пользуясь своё красноречие (Тацит «Диал.» 8), при Клавдии, став в конце 48г. однодневным претором вместо принуждённого сложить с себя

преторские полномочия и покончить в январе 49г. самоубийством Л.Юния Силана (брата отравленного в 54г. М.Юния Силана).

Читатель помнит, что в 43г. Клавдий провинциализировал Ликию и объединил её с Памфилией, к-рой Эприй Марцелл управлял ок. 53 – 56гг., сходно Капитону, обвинённый провинциалами в вымогательствах, однако, в отличие от Капитона, благодаря влиятельным покровителям в сенате, оправданный. Мало того, были даже наказаны некоторые из его обвинителей, а он сам вскоре отправится наместничать на Кипр, о чём свидетельствует чувствительная эпитафия киприотов в его отчей Капуе (CIL 10,3853). В 61г. Эприю доведётся в первый раз облечь консульство-суф. и дальше он будет процветать, невзирая на посленероновские попытки (зятя загубленного Тразея Пета – Гельвидия Приска) свалить его, грязного доносчика и речистого обвинителя, почти до конца правления Веспасиана (побывав в 70-е гг. и проконсулом Азии, и консулом-суф. *iterum*), когда изобличённый в противовеспасиановском заговоре и приговорённый к смерти, перережет себе горло (79г.).

Сим у Тацита завершается краткая анналистика 57г. н.э., на к-рый, добавим от себя, пусть небогатый событиями, пришлось столетие мартовских ид 44г. н.э., оповестивших, с убийством Юлия Цезаря, Рим и Мир о начале новой полосы Гражданской войны, приведшей в итоге к победе Октавиана над Антонием и Клеопатрой (30г. до н.э.) и к созданию августейшего Принципата (27г. до н.э.).

Тем временем, у эпитомированного Диона под 57г. коротко сказано: «Во время представления в одном из театров он (Нерон) внезапно заполнил пространство морской водой, так что рыбы и морские чудовища плавали повсюду, и он показал морское сражение, представлявшее битву персов и афинян. После этого он немедленно отвёл воду, осушил почву и тут же показал битву между сухопутными войсками, в ходе к-рого воины сражались как один на один, так и большими отрядами, одинаково равными по численности» (61,9,5) (Ксифилин 151,8 – 152,15).

Светоний: «...Показал он (Нерон) и морской бой с морскими животными в солёной воде, показал и военные пляски отборных эфебов: после представления каждому из них он вручил грамоту и римское гражданство. В одной из этих плясок представлялось, как бык покрывал Пасифаю, спрятанную в деревянной тёлке, – по крайней мере, так казалось зрителям; в другой – Икар при первом же полёте упал близ императора и своею кровью забрызгал и его ложе и его самого: дело в том, что Нерон очень редко выступал распорядителем, а обычно смотрел на игры с ложа, сперва через небольшие окошки, потом – с открытого балкона» (Нер. 12,1).

Может и не все эти зрелища, суммарно перечисляемые Светонием, были даны Нероном в 57г., однако мы их включим в событийность 57г., когда идилия нового «золотого века», по-прежнему, продолжалась, более того, продолжала набирать обороты. Причём, вероятно, в 57г., – и при имитации Саламинского морского сражения, в подражание устроившему нечто похожее во 2г. до н.э. Августу, ведь Рим, противоборствуя Парфянскому Ирану, чувствовал себя продолжателем дела греков, протвоборствовавших Ирану Персидско-Ахеменидскому (западная цивилизация против восточного варварства)⁵⁰, и при сухопутном гладиаторском побоище, –

⁵⁰ Полулегендарное противостояние полумифологических греческих героев М.Азии (и в её – Европа в Азии и Азия в Европе – двояком лице-облике – Азии глобально), противостояние нарождающейся солярной Греции, великой греческой цивилизации декадентным лунно-малоазийским культам (патриархата – убывающему матрархату) в XV-XIвв. символически завершилось падением Трои. И своеобразно повторилось (метаморфоза!) 1000 лет спустя в противостоянии Эллады Ахеменидской Персии в V/IVвв., с чего, т.е. с героических Греко-персидских войн (в эпоху Архангела Михаила), в определённом смысле, начинается европейская история (плюс – историописание: михаэлиты – Геродот, Фукидид, Ксенофонт, к-рых позднее сменили сатурнальные римские историки). И не увенчались ли эти войны победоносным походом Александра, государствам диадохов к-рого преемствовал Рим, в

бойцы сражались и гибли уже по-настоящему, тогда как ранее, в гладиаторской битве, устроенной в деревянном амфитеатре близ Марсова поля, Нерон не позволил убить ни одного человека (см. выше).

Но Рим требовал не просто хлеба и зрелищ, Рим требовал батальных зрелищ с пролитием не клюквенной, а настоящей крови, к-рой (наверняка) хотелось также (насытить глаза и душу) его достойному своему народу кесарю-принцепсу.

Не забываем, что речь идёт о кесарях, одержимых, начиная с Тиберия, вступившим в действие в связи с Мистерией Голгофы синдромом полярного Христу Спасителю (Царю не от мира сего) *кесарева* (царей мира сего) *безумия!*

58г. н.э.

1 января 58г. н.э. = 811г. а.У.с. консульство облекли Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (в третий раз) и М.Валерий Мессала Корвин.

М.Валерий Мессала Корвин – сын Валерия Мессалы Мессалина – консула 20г. н.э (Д.И. 515), внук В.Мессалы Мессалина (друга Овидия и героя Паннонской войны 6 – 9гг.) – консула 3г. до н.э. (Р.л. 656/57), и правнук знаменитого мэтра латинского красноречия (у к-рого учился очень почитавший его Тиберий) М.Валерия Мессалы Корвина (Р.л. 185; 1288-90). Причём последний облакал консульство в паре с Октавианом за 88 лет до того – в 31г. до н.э. = в памятный год Акцийского сражения; впоследствии, почти через 30 лет, 5.02.2г. до н.э., преподнёс Августу титул «отца отечества»; и – человек феноменальной памяти, умер, полностью обеспамятев, глубоким немощным старцем (отказавшись от приёма пищи), в 13г. н.э. Тацит пишет (Ан. 13,34), что о когдатошнем соконсульстве Октавиана и Корвина на 58г. н.э. помнили лишь немногие старики, т.е. ещё жили ок. столетние мужи, об этом помнившие.

Впрочем, сам потомок именитых предков, консул 58г., ничем (как и его отец) особенным не прославился, хотя, по Тациту, «достоинство этого знатного рода было укреплено пожалованием Мессале ежегодно по 500 тыс. сестерциев, чтобы помочь ему в его честной бедности» (13,34). Иначе говоря, внук и правнук весьма состоятельных деда и прадеда впал в (унаследованную ли от отца?) бедность, о чём, кстати, противопоставляя её богатству Палланта, упоминает Ювенал в «Сатирах» (1,108). И вот в 58г., как раз консульствуя, этот обедневший аристократ голубых патрицианских кровей получил от кесаря ежегодную вспомоществательную ренту размером в полмиллиона сестерциев (из императорского фискального фонда). В остальном по Мессале, к-рый, вероятно, консульствовал в привилегированном возрасте ок. 33-х лет, известно только о его членстве с (минимум) 50г. в коллегии Арвальских братьев, на заседаниях к-рой он присутствует до 59г. (CIL 6,2041/42), после чего бесследно исчезает, точнее, больше нигде, возможно, в связи с ранней кончиной, не упоминается. И с ним, вероятно, последним в роде, сходят с политической сцены Рима Валерии Messalae Corvini.

Причём, если Нерон консульствовал в 58г. четыре месяца (январь-апрель), поскольку, согласно Светонию (Нер. 14), продолжительность первых двух его консульств (55 и 57г.) – 2 месяца, четвёртого (60г.) – полгода, а третьего (58г.) – 4 месяца⁵¹, то Мессала Корвин оставался на посту всё первое полугодие 58г.⁵²

к-рый, как известно, впадает вся предыдущая история человечества, и из к-рого берёт начало вся история последующая.

⁵¹ Светоний пропускает V-е консульство Нерона в 68г. (см. ниже).

⁵² В мае Нерона сменил в консульстве суффект (с мая по конец июня) Г.Фонтей Агриппа

И надо сказать, что помимо Мессалы Корвина ежегодные вспомоществовательные ренты в 58г. «принцепс назначил также Аврелию Котте и Гатерию Антонину, хотя, расточив наследственные богатства (чего о Мессале не сказано – К.З.), они сами довели себя до нужды» (Ан. 13,34).

М.Аврелий Котта, видимо, сын М.Аврелия Котты Максима (Мессалина) – соконсула М.Валерия Мессалы Мессалина в 20г. н.э. (Д.И. 515-17) и его дяди, так как если второй был внуком Мессалы Корвина, то Аврелий Котта приходился последнему младшим сыном (от второй жены оратора Корвина – Аврелии из ветви Cottae) и сводным (единокровным) братом В.Мессале Мессалину – консулу 3г. до н.э. Далее, если неплохо знакомый нам (тоже дружный Овидию до ссылки поэта) Аврелий Котта Старший (Т.Г. 1006-08), называвший близкого ему Тиберия «Тиберишкой», стяжал мрачную репутацию порочного радетеля самых суровых приговоров в годы тиберианского террора, умерев в весьма преклонном возрасте (от неуместного врачевания своего ушибленного колена ядом) не ранее (ок.) 50г. (в Ан. 12,22 он упомянут как ещё живущий в 49г.), при Клавдии, то о его сыне, расточившем (до 58г.) богатства отца и взятом на пенсионное попечение кесарем, дополнительных сведений нет.

Третий кесарский рентнер 58г. – Гатерий Антонин, похоже – сын Кв.Гатерия Агриппы – консула 53г. н.э., и внук Д.Гатерия Агриппы – казньлюбивого, распутного и нелюбимого многими (сына ретора Кв.Гатерия и дочери М.Агриппы от дочери сестры Августа Октавии Марцеллы Старшей) консула 22г. н.э., предложившего, как *consul-designatus*, смертный приговор незадачливому рифмоплёту Клуторию Приску в 21г. (Д.И. 42; 80; 565-68; Т.Г. 1005/06) и резко выступавшего в 32г. в сенате с необоснованными нападками на консулов предыдущего (падение Сеяна) года.

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ ЗА АРМЕНИЮ

«В начале того же года с большим ожесточением разгорелась протекавшая до того вяло и нерешительно война римлян с парфянами за владычество над Арменией, ибо Вологез не мог допустить, чтобы его брат Тиридат был лишён предоставленного им царства или чтобы он владел им в качестве дара другого властителя, а Корбулон считал, что величие римского народа обязывает его к отвоеванию приобретённого некогда Лукуллом и Помпеем. К тому же армяне, двуличные и непостоянные, призывали к себе и то и другое войско; по месту обитания, по сходству в нравах, наконец из-за многочисленных смешанных браков, они были ближе к парфянам и, не познав благ свободы, склонялись к тому, чтобы им подчиниться...» (Ан. 13,34)

– куратор *aquarum* 66-68гг. (Фронтин «Вода для Рима» 102) (см. ниже), потом – проконсул Азии в 68/69гг., и легат Мезии с 69г., погибший в 70г. при отражении вторжения задунайских сарматов (И.в. 7,4,3).

Суффекты второго полугодия – А.Петроний Лукрон и А.Паконий Сабин, документально зафиксированные в должности в июле/августе и в октябре-декабре 58г. (CIL 6,2041; Act. Arg. S.69). Первый может быть идентичен Петронию Лукрону, называемому среди кураторов *tabularium publicorum* за 45г. (CIL 6,916), правда, с плохочитабельным преноменом (вроде бы) «М». Второй, – следует полагать, родственник (племянник?) М.Пакония, обвинённого при Тиберии в оскорблении величия, брошенного в застенки и казнённого (по напоянию придворного карлика-шута, к-рого, спросившего на пиру – «почему ещё жив Паконий?», Тиберий публично отругал, но через несколько дней потребовал от сената скорейшего вынесения Паконию смертного приговора) (Свет. «Тиб.» 61,5; Ан. 16,29). Сын же этого казнённого при Тиберии М.Пакония – Кв.Паконий Агриппин (двоюродный или троюродный брат А.Пакония – консула-суф. 58г.) – стоик, стоявший в оппозиции к уродствам позднего Нерона, обвинённый Эприем Марцеллом в 66г. в сенате (Ан. 16,29) и сосланный, предположительно, вместе со своей сестрой Паконией Агриппиной, на Родос (см. ниже).

Как мы помним, в 55г. между римлянами и парфянами было достигнуто (оказавшееся временным) соглашение, с передачей Риму заложников, в условиях, когда царь царей Вологес занялся подавлением выступления своего сына Вардана (в Гиркании?) и когда парфяне вынужденно покинули Армению. Рим же, напомним, перед тем отторг от Великой Армении переданную Соэму Эмесскому Софену, равно привёл в боевую готовность римских вассалов по периметру римско-армянско-парфянской границы и, главное, назначил Домиция Корбулона кесарским легатом *extraordinarius* в Каппадокии и Галатии, передав в его ведение два из четырёх сирийских легионов (III *Gallica*; VI *Ferrata*), плюс – вспомогательные воинские соединения.

Таким образом, в отношениях двух великих держав установилось странное перемирие-равновесие, к-рое вроде бы являлось миром и к-рое одновременно чем-то сравнимо со «странной войной» между Гитлером и англо-французами на западном фронте с сентября 1939-го по май 1940г., когда (объявленная обидевшимися за Польшу Англией и Францией, к-рые ранее решили не обижаться, или не решились обидеться за Чехословакию, Германии) война между воюющими сторонами вроде бы велась, а вроде бы, потому как боевых действий фактически не было, – и не велась.⁵³ И пусть в нашем случае заключённого соглашения всё было как будто наоборот, на самом деле речь должно вести не о мире, но о вынужденной паузе 55

⁵³ Это, строго говоря, и если быть до конца точным, не Германия, начав 1.09.1939г. (локальную) войну против отказавшейся от уступок по Данцигскому коридору Польши, к-рая объявила мобилизацию и министр иностранных дел к-рой заявлял, что в случае войны польская армия через неделю войдёт в Берлин, начала Вторую Мировую войну. Нет, – по сути, и юридически, и фактически, её начали, объявив войну вторгшейся в Польшу Германии (обещавшие полякам, что не оставят их без поддержки, никак не поддержав Варшаву практически) Англия и Франция, причём Англия на несколько часов раньше Франции.

Гитлер прекрасно понимал на опыте совсем недавней I-й Мировой войны, что война на два фронта против Англии (с Францией) и России для Германии губительна, всячески стремясь избежать её, точнее, избежать такого явно проигрышного расклада. А пакт о ненападении со Сталиным и секретный протокол по разделу Польши, как ему казалось, гарантировали Германии союз с СССР в войне, поскольку, если, мол, Англия и Франция объявят войну за Польшу ему, то в эту войну, по любому, втянется также Сталин, с к-рым они напару уничтожили польское государство (согласно Молотову, – «уродливое детище Версальской системы») и разделили его территорию. Между тем, сама большая война против Англии и Франции в союзе с Россией Германию правомерно не пугала (пусть даже предпочтительнее для нацистской верхушки был бы союз с Англией против СССР, на к-рый Англия, видя своим главным врагом Германию, не пошла, став также для Германии врагом № 1).

Однако, при разделе Польши, Сталин вышел в основном на пограничную «линию Керзона», арбитражно предлагавшуюся (Польше и России) Антантой ещё в 1919г., плюс – отошедшие к СССР по разделу 1939г. районы Львова и Белостока, т.е. СССР аннексировал, помимо Львова, Белостока, Перемышля, Сувалок, земли, числившиеся захваченными Пилсудским, по результатам его победы в Советско-польской войне 1920-го и Рижского договора 1921гг. Отсюда повод для объявления войны СССР за Польшу, как она была объявлена Германии, с одной стороны, вроде бы, несомненно, имелся, в то время как с другой, – оставался под некоторым вопросом, к-рым Англия и Франция не преминули воспользоваться. Спрашивается, зачем им было втягивать в войну против себя Сталина на стороне Гитлера (к-рые в паре были однозначно сильнее них), при наличии шанса от этого увильнуть?

Следовательно, начав «странную войну» против Германии и упорно не начиная её против Сталина, к-рый, сходно, воевать против Англии и Франции, не объявившим войну ему, совсем не спешил (не доверяя одновременно Гитлеру, как Гитлер не доверял СССР), англичанам оставалось ждать (даже ценой принесения в жертву Франции), когда Гитлер и Сталин, наконец, сшибутся лбами (у кого из них, мнительных самовлюблённых диктаторов-тиранов, – германец и скиф, – у первого не выдержат нервы!), делая всё для того, чтобы они столкнулись между собой и ни в коем случае не повели совместную войну против Англии.

И дальше время работало против более бедной, к-рая могла делать ставку лишь на успеш-

— 58г., при состоянии де-факто — (почти по Троцкому!) ни мира, ни войны (разумеется, без роспуска армий!), когда каждая из сторон (по-разному) готовилась к войне.

ный блицкриг, совокупными ресурсами Германии, постоянно подталкивая Гитлера, угодившего (загнавшего себя) таким замысловато хитроумным образом в, как уже было сказано выше, ситуацию-диспозицию двух взаимосвязанных (шахматных) ловушек: Zugzwang и Zeitnot. Притом даже падение в 1940г. Парижа и Франции, по большому счёту, ничего окончательно не решило. Ни жест доброй воли со стороны Гитлера, позволившего прижатым к Дюнкерку англо-французам (338 тыс. чел!) эвакуироваться через Ла-Манш, ни воздушная битва за Англию не подвигли и не принудили Лондон к миру. На десантную же операцию против Британии Гитлер так и не решился, во-первых, не уверенный в успехе, и во-вторых, резонно опасаясь, что оголи он восток, чтобы всеми силами атаковать англичан, Сталин в любой момент, используя значительное численное превосходство, может начать «освободительный поход» Красной армии с прицелом от Польши и Румынии, через Берлин, Вену и Париж, аж до (давеча проигранной коммунистами) франкистской Испании = до Атлантики (большевизация Европы).

Так, прижимаемый сроками, и поняв после встречи с Молотовым в ноябре 1940г., что (заяввший выжидательную позицию) СССР (довольный проглоченными им без войны частью Польши, Прибалтикой, Молдавией) не собирается воевать вместе с Германией против Англии, не соблазняясь даже (чтобы не подставляться под удар на западе) возможностью идти, пока у Англии связаны руки, через Иран и Афганистан, в Индию, Гитлер (сделав вывод, что Сталин атакует его, когда будет к этому готов, тогда как Сталин не верил в возможность конфликта раньше 1942г.) директировал (в игре на опережение) план «Барбаросса». Ибо он оказался в положении отсутствия у него, по его мнению, иного выхода-выбора, кроме лобовой войны против СССР, успех в к-рой как будто обещала низкая боеготовность советских ВС, продемонстрированная ими в недавней войне против Финляндии (1939/40г.). Иначе говоря, молниеносный разгром СССР или минимум новый Брестский мир виделись Гитлеру в 1940/41г. вполне реальными. И ещё 14.06.1941г. он успокаивал обеспокоенного концентрацией немецких войск на советских границах Сталина, заверяя его, что это отвлекающий дезинформационный маневр перед десантной высадкой немцев в Англии. И Сталин давал себя успокоить, полагая, что Германия связана английской проблемой, более того, имея разведывательную информацию об отсутствии у немецкой армии соответствующего зимнего обмундирования, т.е. не веря, что Гитлер может всерьёз планировать справиться с СССР до наступления зимы.

Исход известен. История наполеоновского нашествия 1812г., во многом, повторилась. Углубившись на территорию России, перейдя сакральный рубеж Смоленск — Брянск — Курск (чего не случилось в I-й Мировой войне, в к-рой Россия не выиграла ни одного сражения у собственно германцев, побеждённых в итоге именно на западе, одерживая локальные фронтовые победы только над австрийцами и турками) противник прошёл точку невозврата. За горящими Смоленском и Сталинградом неизбежно последовал горящий рейхстаг и война закончилась в Берлине, покидая англичане и (подоспевшие к ним) американцы, со своей стороны, утюжили Германию варварскими ковровыми бомбардировками с запада, превращая её в груды развалин и всячески помогая Советскому Союзу по лендлизу (несмотря на открытие второго сухопутного фронта, дабы минимизировать свои людские потери за счёт СССР, лишь в июне 1944г.). Сим германская карта была бита и главный враг Англии, вынужденной передать в ходе войны миродержавную эстафету США, элиминирован. Мало того, они не позволяют Германии подняться во весь рост и занять полагающееся ей ведущее место посегодняя, одновременно препятствуя её крайне нежелательному для англосаксов сближению с Россией.

При всём том, если зорче всмотреться, то можно разглядеть, что англосаксы помогли в войне менее опасному для них конкуренту, т.е. против опережавшей их по множеству показателей и опаснейшей для них Германии — России, к-рую они могли и смогли одолеть (после Войны) без горячей войны, в долгосрочном противостоянии, — посредством войны холодной, гонки вооружений, куда более эффективной экономики и куда более гибкой политической системы. Похожим макаром, на Дальнем Востоке аграрный Китай, будь то гоминьдановско-чанкайшистский, или даже коммунистическо-маоистский (невзирая на временный альянс последнего с СССР), представлял до поры меньшую угрозу для Америки, чем элиминированная, сродни Германии, высокоразвитая и высокоэффективная Япония.

Да и ныне противостояние Китая Америке закончится в перспективе не в пользу китай-

Притом, — насколько выводится из 37-го абзаца (или главы) 13-й книги «Анналов» Тацита, рассказ к-рого (пишущего с римской стороны, при отсутствии в нашем распоряжении парфянских или нейтральных источников) предвзят и субъективен, — римляне, под каким-то ближе неясным соусом, не на корню, минимум дипломатически, отвергали право Тиридата на армянский престол. Они оставляли за ним какой-то шанс, а его легитимизацию — за собой, на что парфяне долго (на римских требованиях) не соглашались, и потому конфликт, в поисках взаимоприемлемого решения, несколько раз не столько разрешался, сколько, не переходя в горячую фазу, замораживался-откладывался.

Но из одностороннего Тацита, во всё винящего коварство-вероломство армян и парфян, подобный вывод открытым текстом не следует, вернее, Тацит, в немалой мере, перекалывает проблему с больной римской головы на головы армянские и парфянские, мол, — безнадежно варварские. К примеру, он обвиняет армян в двуличии и непостоянстве, сам признавая, — насколько они близки парфянам, в связи с чем такое обвинение лишено основания, ибо если дальнелимесными вассалами Рима армяне, точнее, большая их часть, были по принуждению (вынужденные обстоятельствами), то к парфянам, опять-таки, именно большая часть армян тянулась и относилась по-родственному.

Повторим, если для Арианы-Ирана Армения была органической окраинной частью Дома Иранского, *вторым*, или, при прарфянах, *третьим престолом*, то Рим видел ней исключительно буферно-пограничный вассалитет Армянского нагорья на подступах к Ирану, Месопотамии и Квваказу, заинтересованный в Армении геополитически и стратегически, однако во всё прочем имея с ней (помимо армянского эллинизма), мало общего, или правильно сказать, гораздо меньше общего, чем собственно Великий Иран и чем гегемоны Великого Ирана в III — IIIвв. — парфяне (арм. партеваканы).

Отсюда спрашивается, — о каких «благах» западной тацитовской «свободы» для армян тут можно говорить? И во имя чего периферийно захолустные для Рима (мол, профаны) армяне не должны были тянуться к парфянам? к-рые видели в них не варварских вассалов, а младших собратьев (между тем как римляне видели во всех, без исключения, инородцах, включая зачинателей евроцивилизации греков, младших, если и не по разуму, то по статусу-статуту, сателлитов).⁵⁴

цев, тогда как Германия, рано или поздно, вернёт по праву причитающееся ей место под солнцем, к-рым анлосаксы (не будучи в силах лидировать в одиночку) должны будут именно с ней (больше не с кем!) поделиться. И чем раньше они это уразумеют-осознают, тем будет лучше для всех. Но, на сей раз, само собой, без ущемления интересов России, к-рая, перестав быть в ХХIв. (увы или не увы) фактором европейской политики в той форме, к-рую закрепили за ней в XVIII-XXвв. Пётр I, Екатерина II, победа над Наполеоном и победа над Гитлером, не перестаёт (и не перестанет) быть (расчистив европлощадку для лидерства Германии) великой Евразийской державой. И с ней, как, в частности, с, посредником (подобно древнему Ирану!) между цивилизационными Западом и Востоком, при наличии сильного евро-германского центра (ядро Европы от Испании и Скандинавии до Польши, Румынии, Болгарии, с учётом буферных Белоруссии и Украины) предстоит считаться и Западу, и Китаю (и Индии, и Ирану, и Турции).

⁵⁴ Сами термины «свобода» или «демократия» куда лучше-уместнее прилагаются к (солярным михаэлитам) Солону, Периклу (в сравнении с лунарным гавриилитом Ликургом) и даже, в отношении свободы, к михаэлической кульминации эллинизма — к (универсально-космополитическому) александринизму (невзирая на персональное подпадение Александра Азии), нежели к Риму, причём как в республиканском, так и особенно в императорском его проявлении. От Urbs — Город — к власти над миром — Orbis, с конечной подменой первоначальных «свободы и справедливости» римско-латинской кодификацией довлеющих над миром и надо всем вкупе юриспруденции и законов.

Вообще одна из отличительных черт Рима — видеть в человеке, в людях, прежде всего, не

Попробуй отвергни братство-родство русских и сербов, или даже ближе — русских и белорусов, турок и азербайджанцев, румын и молдаван — вот степень близости между парфянами и армянами! При всём том, не забудем, что «Анналы» Тацита писались-дописывались, по всей видимости, после 117-го, где-то ок. 120гг., когда Адриан, отказавшись от завоеваний Траяна, вернулся к статус-кво в отношении на 3 года (114 — 117гг.) провинциализированной Траяном Армении, к-рая, соответственно, снова отпала от Рима, что не могло не повлиять на характеристики, даваемые армянам Тацитом, к-рый (убеждённый западник) вообще не жалуется (мол, инфицировавший Рим) декадентный Восток, восхищаясь, к примеру, ведущими здоровый образ жизни (более молодыми, чем римляне) варварами-германцами.

В итоге не удивительно, что у Рима так и не получилось держать Армению долгие века в качестве, всего-навсего, погранично-заслонной римской марионетки, в то время как для парфян Армения и армяне, являясь родней, и имея своё достаточно почётное треть-престольное место в Ариане-Иране, в Доме Иранском, марионеткой, скажем снова, не были и таковыми не воспринимались. И лишь когда к власти в Иране придут агрессивно отрицающие парфянское наследие персидские Сасаниды, а в Армении у власти останутся обармянившиеся Аршакиды-Аршакуни, ситуация кардинально переменится. Впрочем, и тогда Армения, дистанцировавшись от Сасанидского Ирана, не сблизится в Римом, новообретя свою дальнейшую судьбу и индивидуальность в специфическом армянском христианстве (к-рое будет ойкуменическим в IV-м, станет региональным — Кавказ — в V-м, и экзистенциально замкнётся-геттоизируется на себе, свернувшись ежом, чтобы выжить, — в VIвв.).

Но займёмся фактами того этапа истории в начале второй половины Iв. н.э., когда Рим упорно медлил с признанием доли парфянских приоритетов на Армянском нагорье, к-рые в недавнем прошлом нашупал и почти признал (склонный-согласный пересмотреть вассальную модель Помпея и Августа) Калигула, и к-рые, в конечном счёте, придётся, после бесплодного противоборства, принять и признать в 60-е гг. Нерону.

Итак, по Тациту, не исчерпанный конфликт разморозился и вновь перешёл в активную фазу-стадию весной 58г. (13,35), во время до чего, с 55/56 по 58гг., осторожный-осмотрительный Корбулон был занят, не заключив с парфянами в 55г., несмотря на заложников и т.д., прочный мир, подготовкой вверенного ему воинства к основательной войне с парфянами и армянами на территории и в непростых климатических условиях Армении, что в комплексе представляло собой достаточно сложную задачу.

Сирийские легионы, как два из них, передислоцированные под Корбулоново начало в граничащую с Арменией Каппадокию, так и два, оставшиеся под командой У.Квадрата в Сирии, слишком давно не участвовали ни в каких серьёзных боевых действиях-операциях против какого-либо серьёзного противника и их разленившиеся ветераны успели состариться без боевого крещения. Долгий мир, тем паче, долгая служба на Востоке, разлагают боевую армию (римского типа), к-рая постепенно размякает, обрстая жирком, деградирует и превращается из предводительственной вожаком хищной стаи, в малообеспособный стройбат, или в стадо быков, или — наихудший вариант — в орду мародёров. В мирной провинции боеспособность войск, к-рую трудно поддерживать, постоянно играя посредством учений в войну, снижается очень скоро.

То-то Тацит толкует о легионерах, с величайшей неохотой несших лагерные обязанности, о ветеранах, ни разу не побывавших в боевом охранении или в ночном

лучшее, но худшее начало, исходя из людей, как из порочных существ, к-рых надлежит держать (для обуздания их пороков) в узде суровых законов, в страхе перед законом.

дозоре, о легионерах, разглядывавших лагерьный вал и ров как нечто необычное и диковинное, об офицерах и солдатах, отслуживших свой срок в городах, не надевая ни походных шлемов, ни панцирей, одним словом, о воинах, на деле переставших быть воинами, шеголеватых и падких до наживы (13,35).

Кто виноват и что виновато? Неведение Римом, к-рый остановился на восточных границах Августа, войн? долгий мир, к-рый для поддержания боевитости войск может быть хуже худой войны? декадентный Восток? Или — не слишком заботившиеся о боеготовности армии в мирных условиях последние римские легаты Сирии? Всё вместе, взятое понемногу! И теперь преодоление накопившихся за годы острых армейских проблем легло на плечи Корбулона, к-рый, дабы не ударить в грязь лицом, перед лицом близящейся войны, решил максимально продуктивно использовать время предоставленной ему соглашением 55г. мирной паузы. Тяжело в учении — легко в бою.

Непригодные по старости и болезни были уволены из армии. Густо населённая Галатия (к-рую Ап. Павел вторично посетил в 54г. и Послание галатским христианам к-рой он направил из Эфеса в 55г.) славилась хорошими рекрутами, набранными также в близкой к Армении, по природным условиям, и в соседней с ней Каппадокии. Более того, из Мезии (к-рую Тацит путает тут с Германией) (13,35) в Сирию прибыл IV-й легион *Scythica*, а из Сирии в Каппадокию передислоцировался X-й легион *Fretensis* (Бурный). Т.е. теперь в подчинении Корбулона находились 3 легиона, аукзилиарные части и воинские соединения ряда вассальных царей — Аристовула Мало-Армянского, Полемона Понтийского, Соэма Софенского, Антиоха Коммагенского, кто, правда, как и Агриппа Иудейский, одновременно подчинялся — и оснащённому расширенной экстраординарной империей Корбулону, и легату Сирии У.Квадрату.

Правда, последний не дотягивал до Корбулона ни полномочиями, ни личностными качествами: полководческими талантами, внешним обликом, физической силой, популярностью среди подчинённых и противников.⁵⁵ Да и строгость, суровость, непреклонность особополномочного-особостатуированного легата *Carpadocia et Galatia*, грозы легионов, вошли в поговорку.

Тацит оговаривает одну последнюю учебно-подготовительную перед началом боевых действий зиму 57/58гг., но, надо понимать, что подготовка шла и в предыдущие 55/56-м и 56/57гг., в особенности зимой, к-рая в Армении отличалась суровостью и к к-рой военачальник, используя сходные ландшафт и климат малоазийской Каппадокии, беспощадно приучал своих солдат и офицеров. Приучал не на зимних квартирах в городах, а в полевых условиях, — в палатках и под открытым небом, невзирая на все тяготы несения службы, невзирая на частые случаи обморожения и дезертирства, наказывавшегося, при поимке дезертиров, показательными смертными казнями. И все эти меры дали в конце концов нужный результат.⁵⁶

⁵⁵ У ксифилинизированного Диона (62,19,2) о Корбулоне сказано, что «он напоминал прежних (старо-) римлян, наряду с блестящим именем, обладая также большой телесной силой, и ещё больше одарённый пронизательным умом; и он показал великую храбрость, и честность по отношению ко всем, как к друзьям, так и к врагам...»

⁵⁶ «Домиций Корбулон, имея два легиона и очень мало вспомогательных войск, устоял против парфян, подняв дисциплину» (С.Юлий Фронтин «Стратегематон» = «Военные хитрости» 4,2,3).

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ // ПАДЕНИЕ АРТАШАТА

К весне 58г., как раз, когда по другую сторону пассивного фронта Вологес справился с бесследно исчезающим Варданом (монеты к-рого, как сказано, идут до 57/58гг. и к-рый больше не упоминается), будучи готов активно поддержать брата Тиридата в борьбе за армянский престол, римляне, со своей стороны, уже были готовы действовать в полную силу. И вот военные действия, подчеркнём, по первоинициативе Рима, возобновились-начались.

Они стартуют у Тацита с 36-го абзаца 13-й книги «Анналов», притом, в этот раз, судя по всему, речь идёт именно о событиях с весны анналистического 58г., к-рая текстуально акцентируется: «Продержав легионы в лагере, пока не установилась весна, Корбулон расположил в подходящих местах отряды вспомогательных войск, приказав им не вступать первыми в битву с противником...»

Похоже Рим пока не собирался всерьёз обсуждать кандидатуру Тиридата в качестве армянского царя, перед тем и позднее вводя парфян и армян в заблуждение, чтобы выиграть подготовительное время (как бы Тациту ни хотелось винить во всём, с тендионциозной римско-империалистической позиции, непостоянство и вероломство «восточных варваров»).

Так или иначе, бывшие в повышенной боевой готовности римские сторожевые посты вдоль каппадокийско-армянской границы (или на армянской территории? к, в т.ч., востоку от недавно отобранной у армян Софены?) под началом трибуна или префекта Пакция Орфита (центурион первого манипула) имели от главнокомандующего приказ не вступать первыми в битву с противником, ожидая подкреплений, чем жаждавший победных лавров Пакций, сочтя противника беспечным и легкопобедимым, пренебрёг, произвёл вылазку, — «сразился с врагами (следует полагать, — с армянами под предводительством Тиридата) и был разбит» (13,36).

Если основной силой римлян была лучшая легионерская пехота тогдашнего мира, то силу парфян составляла лучшая в мире конница, и если римляне искали решение в лобовом генеральном сражении, то успехи их противников, во многом, обуславливались умением уклониться от таких сражений (в к-рых, по всем правилам военного искусства, римлянам не было равных), умением навязать Риму партизанскую или иную изморную войну, умением заманить римских солдат в западню, умением окружить их и атаковать в невыгодных для них условиях, умением маневрировать, вводя противника в заблуждение, умением использовать неординарные специфические преимущества различного рода.

Короче, для победы над римлянами требовалось умение победить их посредством искусных военных хитростей-ухищрений, за невозможностью (или почти невозможностью для любого ойкуменического противника) разбить легионы в открытом сражении стенка на стенку. Против лома нет приёма, и иного, равного римскому, фронтального лома в тогдашнем мире не было.

Не победили ли парфяне в 53г. до н.э., заманив его в западню, Красса! или — не одолели ли они в 36г. до н.э. искусно изгнанного из Атропатены, с огромными для него потерями, Антония! или — не разбил ли римлян, предварительно усыпив их бдительность, в 9г. н.э. в Тевтобургском лесу liberator Germaniae Арминий! или — не партизанил ли против римлян с довольно долгим успехом, устраивая набеги из пустыни и снова растворяясь в ней, африканский пустынный пират Такфаринат (17 — 24гг.)! о чём мы подробно беседовали с читателем в наших предыдущих книгах. И каждая из этих побед была связана с неординарными способами-методами ведения противоримской войны.

Поражение Пакция устрасило двигавшиеся к нему подкрепления и страшно разгневало Корбулона, к-рый наказал неосмотрительных самоуверенных подчинённых, приказав им расположиться за лагерным валом, — «и некоторое время держал их там опозоренными столь унижительным наказанием, пока, снизойдя к просьбам остального войска, не даровал им прощения» (13,36).⁵⁷

Между тем, Тиридат, при поддержке (справившегося с мятежным Варданом) Вологеса, перешёл (в ответ на активизацию римлян) от набегов на Армению к открытой войне, успешно оперируя до тех пор, когда, вероятно, ок. середины 58г. вспыхнул мятеж или новый мятеж в Гиркании. Новый, — если ранее Вардан действовал из Гиркании, что под вопросом? Т.е. у парфян недолго были развязаны руки и в это время Корбулон, не сумев вынудить их к генеральному сражению, изменил тактику, рассредоточив, по примеру противника, военные действия распределением своих сил — «между легатами и префектами, с тем, чтобы они сразу во многих местах вторглись в Армению. Вместе с тем он склонил царя Антиоха напасть на ближайшие к нему области. Да и Фарасман, умертвив своего сына Радамиста якобы за предательство, старался доказать нам свою преданность и начал решительнее действовать против армян, к к-рым питал давнюю ненависть» (13,37).

Иначе говоря, если Антиох Коммагенский атаковал армян с юго-запада, то Фарасман Иверский, о к-ром мы здесь узнаём, что он в 58г. казнил зарившегося на трон Иверии Радамиста (кто, напомним, убив в 51г. своего дядю на армянском престоле, Фарасманова брата Митридата, из-за чего Армянский вопрос снова обострился, затем, в 51 — 54гг., проиграл парфянам Армению и тем весьма раздосадовал римлян), ныне, на римскую потребу, вторгся в пределы Армении с севера. Вдобавок к тому, помимо Фарасмана, против армян с севера выступили, по наущению римлян, картвельские мосхи. Месхети — регион юго-западной Грузии, в области Месхийского горного хребта, на границе Иверии, Армении и Колхиды.

Оказавшись в сложной ситуации, теснимый римлянами (из Каппадокии — запад), иверами, мосхами (север) и коммагенцами (юго-запад), тем более, что Вологес, не успев оказать существенную помощь Тиридату, вынужденно занялся отпавшими гирканцами, Тиридат воззвал к договору 55г. и к легитимности своих притязаний на Армению. Воззвал, имея, стало быть, какие-то не приводимые Тацитом основания для этого по, следует сделать вывод, договору 55г., в связи с взятыми тогда Римом на себя и ныне нарушенными обязательствами.

Иначе миссия послов Тиридата к Корбулону, — «чтобы те от его имени и имени парфян спросили римского полководца, на каком основании после недавней выдачи заложников и возобновления договора о дружбе, к-рый казалось сулил ему новые наши благодеяния, он изгоняется из Армении, давнего своего владения» (13,37), — становится совершенно непонятной. Если Тиридатом был сделан подобный запрос, значит, условия мира-перемирия были нарушены римлянами, при всех случаях, вопреки договору, подробности к-рого неизвестны. И значит, Тацит или его источник (оспорить рассказ к-рого ни с парфянской и армянской, ни с нейтральной стороны некому) умышленно (искажая факты) темнит.

От своего и Вологеса имени Тиридат апеллирует к разрешению спора перего-

⁵⁷ Фронтин: «Домиций Корбулон в Армении приказал двум легионам и трём когортам, к-рые у крепостцы Иници отступили перед врагом, пребывать вне лагеря, пока не смоют позора настойчивым трудом и удачными экспедициями» («Стратегематон» 4,1,21). Заметим, замечание Фронтиня несколько отличается от тацитовского не в пользу римского воинства.

Фронтин: «Домиций Корбулон в Армении, за то, что командир конницы Эмилиий Руф отступил перед врагом и его часть оказалась плохо обученной, велел ликторам разрезать Руфу одежду, а ему приказал в таком безобразном виде простаивать перед фронтом, пока фронт не распустили» («Стратегематон» 4,1,28).

ворами, а не силой оружия; «но, если им навяжут войну, у Аршакидов не будет недостатка ни в доблести, ни в военном счастье, в чём не раз могли убедиться терпевшие от них поражения римляне. В ответ на это Корбулон, знавший, что Вологеса задерживает мятеж в Гиркании, посоветовал Тиридату обратиться со своей просьбой к Цезарю...» (13,37). Следовательно, если Тиридат обратился, что он вряд ли не сделал, значит, летом 58г. в Рим могло проследовать (несмотря на продолжение боевых действий до ответа от Нерона) посольство из парфян и пропарфянских армян (см. ниже).

Увы, римляне, по-прежнему, всё ещё не желали мириться с мыслью об утверждении на армянском троне представителя династии Аршакидов, к-рое, по всякому, означало (бы), в лучшем случае – частичный, в худшем – полный, выход страны Араратской из сферы влияния Рима и её, в той или иной мере, переход в сферу влияния Парфянского Ирана, её династическое сближение с Парфией, чем, по мнению римлян, ставились или могли быть поставлены под угрозу восточные рубежи Империи. И тем не менее, единственный вариант кондоминиума реально просматривался именно тут, – в признании обеими державами Аршакида на сиром со времени конца Арташесидов армянском престоле, к-рый на 58г. уже полвека занимали недолговечные и неудачные, за исключением Зенона-Арташеса (18 – 34гг.), римские ставленники.

* * *

Тем временем, Тиридат предложил Корбулону личную встречу для непосредственных переговоров, передав, что возьмёт с собой 1000 всадников и не оговорив, сколько воинов и при каком оружии должны сопровождать Корбулона, – «лишь бы они в доказательство своих мирных намерений были без шлемов и панцирей» (13,38), в чём Корбулон тотчас углядел ловушку, к-рой, может быть, и не было, но к-рую Тацит (пожалуй, контрфактологически) считает стопроцентной. «Кто угодно, не говоря уже об опытном и проницательном военачальнике, легко разгадал бы уловку варваров: именно потому так строго определялась численность воинов для одного и допускалась большая для другого, что готовилось вероломное нападение; ведь, если искусным в стрельбе из лука всадникам противостоит не защищённый доспехами неприятель, то ему не поможет никакой численный перевес...» (13,38)⁵⁸

⁵⁸ Главная ударная сила парфян – конница – делилась на верховых лучников и тяжёлых всадников – клибанариев и катафрактов, вооружённых копьями, пиками и луками. Парфянские кавалеристы-лучники прекрасно управлялись со своим оружием, отлично стреляя на скаку (знаменитый парфянский выстрел – назад через круп лошади) и оставаясь трудной мишенью для противника, с к-рым они обычно не вступали в ближний бой, не имея численного преимущества. Они либо подвергали меткому обстрелу врага, сродни дальнобойной артиллерии, после чего стремительно атаковали его, сменяя сначала конницу и затем пехоту, либо, имитируя ложное отступление, заманивали неприятеля в западню, вглубь собственной территории и в крайне невыгодную для него местность (как, например, Красса), где, в наимыгоднейшей для себя диспозиции, внезапно разворачивались, окружали вражеские соединения и, сначала обескровив их меткими стрелами, сокрушительно атаковали. Или они продуктивно преследовали врага, вынудив его к тяжёлому отступлению с огромными потерями (как Антония).

Очень напоминающих средневековую рыцарскую конницу элитных парфянских всадников, как и их коней, защищали (*проторыцарские*) доспехи. Эта тяжёлая конница – *catafracti* – набиралась из аристократии. Её снаряжение стоило очень дорого, у каждого кавалериста было длинное тяжёлое копье – *contos*, к-рое он держал двумя руками. Вооружённые же луками и меткими стрелами клибанарии лёгкой кавалерии вполне уподобимы подвижным снайперам-артиллеристам (из представителей среднего «дворянско-рыцарского» сословия свободнорождённых: азатаны). Всего-итого – ок. 50-и тыс. отборных всадников и не более 5-10-и тыс. тяжёлой и лёгкой пехоты, служба в к-рой считалась непрестижной (поскольку парфяне –

Во всяком случае, не доверяя парфянам и армянам, римский командарм явился более чем во всеоружии для встречи «в присутствии того и другого войска и выбрал поле, с одной стороны к-рого полого поднимались пригодные для размещения пехоты холмы, а с другой, простиралась равнина, где могли быть развёрнуты конные подразделения. В назначенный день Корбулон первым расположился на местности, имея на флангах когорты союзников и вспомогательные отряды царей и посередине – VI-й легион, к к-рому добавил 3 тысячи воинов III-го, переброшенных ночью из другого лагеря, – всем им он дал одного орла, чтобы казалось, будто это один и тот же единственный легион. Прибыв уже под вечер, Тиридат предпочёл держаться вдали от наших, откуда его можно было скорее видеть, чем слышать. Так и не встретившись с ним, римский полководец приказал своим возвратиться в лагерь, каждой части в тот, из к-рого она прибыла» (13,38)

Т.е. супротив Тиридата с тысячей парфянских всадников (перестраховавшийся) Корбулон прибыл как бы на переговоры в сопровождении ок. полутора легионов (к-рые он выдавал за один легион), что даёт 7/8 тыс. легионеров, плюс – когорт союзников и вспомогательных отрядов вассальных царей, что даёт в сумме, и по самым скромным подсчётам, уже не менее 10 тыс. воинов (против всего тысячи всадников!) (Ну и кто кого опасался-боялся?)

И понятно, что при таких обстоятельствах «Тиридат предпочёл держаться вдали от (честно говоря, не оставляющих мирное переговорное впечатление – К.З.) наших, откуда его можно было скорее видеть, чем слышать» = в поле зрения, но на безопасном отдалении, что при подобной демонстрации силы можно понять, и почему (согласитесь, не по вине Тиридата, если даже он имел, извините, «намерение расстрелять» аж 10-тысячное римское воинство силами луков тысячи всадников!) переговоры не состоялись.

К тому же, Тацит не говорит, были ли римляне, по предварительному условию Тиридата, в знак мирных намерений, без шлемов и панцирей, относительно чего и ему ясно, что не были, наверняка явившись и при шлемах, и при панцирях. Засим понятно, что Тиридат не мог при столь неравном с обеих сторон сопровождении, в условиях десятикратного превосходства до зубов вооружённого переговорного противника, пойти на рискованное сближение с ним, к-рое вполне могло стать и может быть было ловушкой. Ведь, коли римляне сомневались в искренности его переговорных намерений априори, полагая, что он хочет расстрелять их из луков, то должен ли был он слепо довериться прибывшему на переговоры с десятикратным превосходством в боевой сопроводительной силе Корбулону!

И не признаваемый Римом армянский царь Аршакид поспешно ушёл, по Тациту, «либо заподозрив обман (к-рый, соответственно, имел место быть?!), так как римское войско одновременно двигалось в разные стороны, либо, чтобы воспрепятствовать нашим получать продовольствие, поступавшее к нам по Понтийскому морю и из города Трапезунта» (13,39).

Обратите внимание, Тацит заведомо инкриминирует парфянам и армянам коварство-вероломство, как будто оно вообще (нигде и никогда) не было присуще римлянам. Да, верно, М.Красс был убит в 53г. до н.э., пойдя, по настоянию своих

Всадники!) и личный состав большей части к-рой составляли крестьяне, вольноотпущенники, рабы, наёмники.

Похожей на парфянскую была во II/Ивв. до н.э. и армянская армия, основную ударную силу к-рой тоже составляла отборная конница, но к-рая в последний раз фигурирует приложительно к Артавазду II (56-34гг.), в свете атропатенской кампании Антония (36г. до н.э.), видимо, впоследствии сошедшая на нет при римлянах (ибо об армянской армии в I/Ивв. античные источники молчат) и форменно возрождённая под парфянской эгидой после 66г. н.э., при Аршакидах-Аршакуни.

подчинённых, на переговоры, при попытке парфян пленить его (кому, впрочем, парфяне ещё раньше обещали, что его разбойничье вторжение в их пределы закончиться для него катастрофой и видели в нём бесчестного виновника войны).⁵⁹ Или — да — внук Августа Гай Цезарь получил в 3г. н.э. ранение (при ближе неизвестных обстоятельствах), предположительно, во время переговоров (о сдаче?) с командиром армянской крепости Артагира. Однако, не менее коварно-вероломно Антоний пленил в 34г. до н.э. армянского царя Артавазда, назначив его виновным за свой бездарный и неудачный атропатенский поход 36г. Или — не был ли в 19г. н.э. убит римлянами в Киликии (при не очень ясных обстоятельствах) бежавший к ним в 16г. бывший парфянский (8 — 11/12г.) и армянский (12 — 16г.) царь Вонон, богатую казну к-рого прибрал после его убийства к рукам Тиберий.

Так что хороши были обе стороны. И если римляне некогда благородно сообщили Пирру из Эпира о поступившем к ним из Пиррова лагеря предложении отравить царя, или если они отказались от сделанного им германцами (хатты) предложения отравить Арминия, то это ещё вовсе не означает, что им не были свойственны-присущи коварство и вероломство.

Продолжим. Корбулоново воинство обеспечило беспрепятственный подвоз продовольствия по морю, вероятно, из хлебно-житничной Мезии, через портовый Трапезунт в Понте и через Малую Армению в Армению Великую, чему Тиридат не сумел помешать, так как в горах, через к-рые продовольствие доставляли, — «были расставлены наши отряды, и Корбулон, дабы не затягивать бесплодной войны и вместе с тем заставить армян перейти к обороне, решает разрушить крепости и берёт на себя захват наиболее сильной из находившихся в этом краю и называвшейся Воланд; взятие менее значительных он поручает легату Корнелию Флакку и префекту лагеря Инстею Капитону» (Ан. 13,39).

Это происходило, по всему, летом и летом/осенью 58г., когда Вологез, занятый подавлением мятежа в Гиркании, не мог прийти на выручку Тиридату. В итоге Корбулону удалось взять в короткие сроки итого 4 не столько крепости, сколько укреплённых пункта (4 крепостцы!), включая самый первый, взятый им самим, с характерным названием Воланд, вслед за чем перед ним открылась возможность двинуться на stolичный Арташат.

«Однако он повёл легионы не кратчайшим путём, ибо в этом случае им пришлось бы переправляться по мосту через омывавшую городские стены р. Аракс и они неизбежно попали бы под удар неприятеля; итак, выйдя к этой реке, вдалеке от города, там, где она разливается шире, они перешли её вброд» (13,39).

В ходе обходного марша римлян длинным путём Тиридату всё-таки удалось окружить римское войско, чтобы в нужный ему день-момент, как он полагал, либо вступить в битву в наивыгоднейшей диспозиции, либо притворным бегством — коронная уловка парфян — заманить противника в западню.

Но Корбулон просчитал и предупредил Тиридатов маневр, чем сорвал его планы, придав своему марширующему воинству «такой походный порядок, чтобы оно было готово и для ведения боя. Справа двигался III-й легион, слева — VI-й, посередине — отборные воины X-го; между рядами войска помещались обозы, а тыл прикрывала 1000 всадников, получивших приказание отбивать неприятельский натиск, но не преследовать врагов, если они обратятся в бегство. Фланги обеспечивались пешими лучниками и всей остальной конницей, причём доходивший до гряды холмов левый фланг был более растянут, чем правый, чтобы в случае налёта противника наши могли ударить на него одновременно — в лоб, и сбоку...» (13,40)

⁵⁹ Красс явно недооценил парфян, полагая, что перед ним враг не более серьёзный, чем головорезы Спартак.

Одним словом, уловки Тиридата потерпели неудачу. Ни расстроить ряды римлян, ни заманить их в ловушку и успешно атаковать он не смог, в результате чего, решив не защищать Арташат, удалился, причём не просто от Арташата, а, как Тацит свидетельствует ниже, то ли в страну мидян (т.е. в Атропатену, где царствовал его брат Пакор), то ли к ал(ь)банам = в Кавказскую Албанию. Т.е. Корбулон не столько нанёс поражение Тиридату в сражении, до к-рого дело так и не дошло, сколько стратегически и тактически именно умело переиграл-перехитрил противника, вынудив его к отступлению и уходу.

При этом, следует полагать, что у римлян было значительное численное превосходство — 3 задействованных легиона, не считая вспомогательные и вассально-союзные войска, в то время как ударные силы парфянской армии, на к-рую Тиридат так рассчитывал, находились под командой Вологеса в Гиркании. И кстати, может быть «дальний поход» в страну мидян или альбанов был обусловлен каким-то мятежом там или помощью, в каковой нуждался Вологес в соседней с Мидией-Атропатеной и Албанией Гиркании (к-рая, освежаем в памяти, охватывала своеобразной геоподковкой Каспийское = Гирканское море с юга).

Во всех случаях, уход Тиридата не оставил шанса армянам и они открыли ворота Арташата-на-Араксе Корбулону, предпочтя добровольную сдачу осаде города, его штурму и резне населения, что произошло, по всей видимости, осенью 58г. н.э.

Далее Тацит повествует о вступлении, должно быть, весьма обрадованного неожиданным для него Тиридастовым уходом Корбулона в Арташат и о сожжении-разрушении римлянами (13,41), к-рые, вместе с тем, пощадили не оказавшее им сопротивление население, окружённой крепостными стенами армянской столицы на левом берегу Аракса, у подножия горы Арарат. Этот город было легче уничтожить, чем удерживать посредством гарнизона, при, по слову Тацита, относительной малочисленности римского войска. Само по себе оно для военной кампании не было, как мы узнали, малочисленным, но для удержания Великой Армении с её территорией свыше ок. 250-и тыс. кв. км и города (на 600-километровом удалении от понтийско-каппадокийской границы) с населением от (приблизительно), возможно, ок. 100 (точных сведений нет) тыс. чел., потребовалось бы постоянно держать в Армении 3/4 легиона, для чего страну надлежало сначала провинциализировать.

А вот этого Рим, верный вассалитетским заветам Помпея и Августа, делать (до и после Траяна) с Арменией не собирался, и на это у римлян (с их ок. 30-ю легионами по всей и без того огромной Империи) в 50/60-е гг. Ив. н.э., при Нероне, попросту не хватало ни сил-ресурсов, ни резервов.

Т.е. решение об уничтожении города, как столичной и крепостной приараратской цитадели на Араксе (в ок. 30-и км от нынешнего Еревана), являлось сугубо прагматическим. Напомним, Арташат (*радость Арташеса*) был основан в 80/70-е гг. Пв. до н.э. основателем послеселевкидского армянского государства Арташесидов царём Арташесом I (к-рый выводил себя от прежней династии Ервандидов и от Кира Великого). Причём, согласно Страбону (11,529) и Плутарху (Лукулл 31), советчиком и помощником царя в данном вопросе градооснования выступил подвизавшийся в то время на Востоке белый Ганнибал, почему, в частности, римляне называли город «армянским Карфагеном».

В 77 — 69гг. столица Великой Армении переместилась в построенный Тиграном II (95 — 56гг.) юго-западнее оз. Ван (близ нынешнего Диарбекира в Турции) Тигранакерт (см. ниже), откуда, после разрушения его Лукуллом, вновь вернулась в Арташат (взятый и разграбленный в 34г. до н.э. Антонием), где оставалась, невзирая на последующее восстановление (ставшего второй столицей Тигранакерта) до 164г. н.э. — дата перенесения аршакидского столичного центра в Вагаршапат (совр. Эчмиадзин).

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ

Теперь возникает вопрос хронологии падения и уничтожения Арташата, к-рая спорна. Дело в том, что у Тацита сказано: «В этом намерении (предания города огню — К.З.) римлян укрепило и как бы ниспосланное богом чудо; в то время как за пределами Артаксаты всё сияло, ярко освещённое солнечными лучами, то, что было опоясано стенами, внезапно скрылось за полыхавшей молниями чёрною тучей, так что казалось, будто сами боги враждебны городу и он обрекается ими на гибель» (Ан. 13,41).

Оставим *предзнаменательного «бога» и фатальных «богов»* на тацитовской со- вести⁶⁰, констатировав, что эту «полыхавшую молниями чёрную тучу» — «*miraculum*» — ряд известных историков XIXв. (Моммзен и др.) соотнесли с солнечным затме- нием 30.04.59г. н.э., к-рое, согласно Плинию (2,180), Корбулон наблюдал в Ар- мении, произведя отсюда соответствующий вывод и получив астрономически под- креплённую фикс-дату как падения, так и сожжения Арташата: дескать, и то, и другое произошло весной 59г. Но в ходе XXв. хронологизация данного события понемногу сместилась, по мнению большинства историков, в пользу анналисти- ческого (от Тацита) 58г. н.э.

Наряду с тем, ниже, под 59г., Тацит говорит о затмении солнца 30.04. именно как о затмении (вроде бы косвенно возражая сторонникам затмения под маской *молниеносной чёрной тучи*), в связи с убийством, по велению Нерона, в дни посвя- щённых Минерве Квинкватрий (19–23.03.), его матери Агриппины и множеством последовавших за этим чёрных (в частности, — солнечное затмение) знамений (Ан. 14,12).

С одной стороны, оно и верно, — судя по воспроизведённой нами последова- тельности событий — от начала римской военной кампании по весне 58г. и до падения Арташата — вполне хватает времени до осени, почему сроки кульминиро- вавшего актом взятия Арташата этого Корбулонова похода незачем продлевать- растягивать аж до весны следующего 59г. Причём, при ещё *не взятом* Арташате, непонятно куда девать зиму, к-рую римляне провели — то ли где-то в походно- полевых условиях, то ли ушли в Каппадокию, и по весне пришли снова, — для принятия чего, будь то первый или второй вариант, в тексте «Анналов» нет ни малейшей опоры.

Зато есть вариант третий (без или — или). Арташат был взят, как и сказано, осенью 58г., но оставлен-покинут и сожжён римлянами после их зимовки (зимних квартир) в нём (а не в Каппадокии и не в горах-полях), уже апрельско-майской весной 59г., о чём источник Тацита, выставляющий, как и сам Тацит, Корбулона в более выгодном свете, мог и не упомянуть. Ведь, согласитесь, одно дело сжечь город сразу или почти сразу после его (пусть) добровольной сдачи, и совсем другое — сжечь-уничтожить его не только после сдачи, но после гостеприимного про- ведения в нём гостеприимной зимы. Да и, в конце концов, не очень актуально, когда именно взятый римлянами осенью 58г. город был сожжён — тогда же? или следующей весной? что используемый Тацитом римский источник (сумбурно ого- ворив молниеносно-знаменательную «чёрную тучу», связь к-рой с затмением оста- лась непонятной и для Тацита) очень даже мог не уточнить.

По всякому, не случайно Корбулон заранее приучал своих солдат к суровым условиям зимней Армении, предполагая, что возможно придётся зимовать там, как

⁶⁰ Подыграв себе на чемпионате мира по футболу (1982г.) рукой, чтобы забить решающий гол в решающем матче с англичанами, и забив его, Марадона впоследствии (без стеснения) уверял всех, что если это и была рука, то это (несомненно) была рука Бога. (Аргентинский футбольный реванш за поражение от англичан в Фолклендской войне!)

оно и случилось, правда, благодаря удачному стечению обстоятельств, в не столько покорённом, сколько в покорившемся городе, уничтожив к-рый огнём, римляне от сожжённого Арташата начали очередную военную кампанию в Армении в мае 59г.

Причём об этом свидетельствует приводимая в 14-й книге «Анналов» Тацита, в главах-абзацах 23-25 армянская география, сообразно к-рой, если оную правильно реконструировать, Корбулон никак не из Каппадокии или Софены, но именно от Арташата, мимо пределов мардов и через область тавравнитов, приходит-подходит летом 59г. к стенам второй армянской столицы Тигранакерта и принимает от его вскоре (без боя, но не без некоторых нюансов) покорившихся ему обитателей как ключи от города, к-рый он, в отличие от Арташата, благосклонно не сжёт, так и золотой венец.⁶¹

⁶¹ В Ан.14,23-26 Тацит, группируя римско-армянско-парфянские коллизии 59 и 60гг. под анналистическим 60-м г. н.э., говорит, что «после разрушения Артаксаты Корбулон решил воспользоваться ещё владевшей армянами растерянностью и захватить Тигранокерту...» (23), что (по слову и слогу его источника) ратует за операцию против Тигранакерта непосредственно по разрушении-сожжении Арташата, со стартом от его пепелища, а не по прошествии зимы после сожжения Арташата, (якобы) проведённой Корбулоном и римским войнством за пределами Армении – в (как принято думать) Каппадокии или Галатии. Ниже же говорится о столкновении римлян с мардами, при прохождении «мимо пределов мардов» (24), откуда римляне перешли «в область тавравнитов» (24), что также ратует за путь к Тигранакерту от Арташата, находившегося на севере, точнее, на северо-востоке от Тигранакерта, но никак не из Каппадокии на западе.

Притом интересно, что если по RE (14,2, S.1648-51), марды – наименование племён из различных частей Передней Азии, к-рые (племена) не всегда можно идентифицировать и разотождествить, и при этом трудно определить были ли они на Ив. н.э. остатками некогда одного народа, то современная «Enciklopedia Iranica» (2007г.) решительно называет их народом или группой племён (первоначально) в Мидии. В RE обозначены несколько ареалов их обитания: в Мидии (Страбон 11,6,1; 8,1,8; 13,3; Птолемей 6,2,5) – (от Атропатенской = Малой Мидии) до Каспийского моря. Достаточно вспомнить, что проводник из мардов сопровождал Антония от Фрааспы, при его отступлении из Атропатыны (до перехода через Аракс в Армению), в 36г. (Плутарх «Антоний» 41-48). По Плинию (6,16), марды обитали (и) где-то «на восточном берегу Понта Эвксинского». У Геродота это – одно из 4-х персидских племён (1,25). Предположительно, они были покорены Киром после захвата им Мидии. И здесь учтём, что до VIIIв. до н.э. персы обитали в районе оз. Урмия (соседствуя с Атропатенской Мидией и Арменией-Урарту), откуда мигрировали в Фарс/Парс – на берегу Персидского залива. Или Страбон, ссылаясь на Эратосфена, называет ещё мардов (среди племён), живших по берегу Гирканского (Каспийского) моря (11,6,1).

Марды в Армении (Страбон 11,13,3; Птолемей 5,12,9) населяли местность восточнее истоков Тигра, жили в местностях Багреванда (центр Великой Армении) и в Кордуке (самая южная область Великой Армении, южнее оз. Ван), между тем как Мардастан – один из гаваров (приванского) Васпуракана – восточнее оз. Ван и севернее Кордука.

Удостоверьтесь воочию, эта (пусть) разбросанная (поздняя) география (ископи мидийских) мардов, в сочетании с маршем армии Корбулона к Тигранакерту, к-рый располагался на берегу одного из левых притоков Тигра в области Алдзник юго-западнее оз. Ван, делает куда более вероятным, чтобы не сказать единственно (в приложении к означенному раскладу и выбору одного из двух маршрутов) возможным, поход римлян на Тигранакерт от сожжённого ими Атрашата-на-Араксе, нежели из Каппадокии. Кроме того, в тацитовском тексте сказано, что против мардов Корбулон бросил иверов (23), обитавших к северу от Арташата и одновременно на много большем удалении от Каппадокии, и, соответственно, (гораздо вероятнее) примкнувших к римскому войску в районе Арташата. Да и область «тавраунитов» (24), куда римляне (отмстив мардам кровью иверов), «перешли», двигаясь знойным летом с арташатского северо-востока на юг, надо полагать, через Васпуракан и вдоль северного берега оз. Ван, по всему, надо искать в армянском Тароне (RE Suppl. 3, Domitius Corbulo, S.400), к северу от Тигранакерта. Поскольку, при приближении к Тигранакерту с западного направления из Каппадокии, и таврауниты в Тароне, и марды (в васпураканском Мардастане?) должны были

Однако, обо всём этом мы побеседуем, соблюдая анналистическую хронопоследовательность, под событиями 59г.⁶², ниже, тогда как сейчас, завершая вместе с Тацитом кампанию 58г., скажем следующее. За достигнутые взявшим открывший перед ним (после ухода Тиридата) ворота армянский Карфаген – Арташат Корбулоном успехи легионеры аккламировали Нерона императором.

А в Риме – «по постановлению сената состоялись молебствия, были воздвигнуты арка и статуи и на несколько лет вперёд определены принцепсу консульства; сверх того было решено считать праздниками и тот день, в к-рый наше войско одержало победу, и тот, в к-рый известие о ней пришло в Рим, и тот, в к-рый о ней было объявлено, а также многое прочее в том же роде, настолько превосходившее всякую меру, что Гай Кассий, согласившийся со всеми остальными назначенными Нерону почестями, заявил, что если за каждую благосклонность судьбы приносить благодарность богам, то для молебствий не хватит и полного года и поэтому следует разделить дни на праздничные и будни, так чтобы богам воздавался должный почёт и это не служило помехою для человеческих дел» (13,41).

За ни разу не возглавившим персонально ни один воинский поход Нероном числится, всего-итога, 12 документально (эпиграфически и фастически) зафиксированных-идентифицированных императорских аккламаций (до к-рых он был менее падох, чем патологически охочий до них Клавдий, но, всё-таки, более охоч, чем многопоходный – до становления кесарем – Тиберий), из к-рых IV-я и V-я, или, по другой версии, IV-я, V-я и VI-я (RE Suppl. 3, Domitius Nero, S.399) приходятся на 58г. Между прочим, в том же году случилась напряжённость и на германской границе, но никаких серьёзных боевых столкновений и римских побед, как мы узнаем дальше, там не было. Иначе говоря, скорее всего, Нерон принял в 58г. две импературы за римские успехи в Армении (или одну за Армению, одну – за Германию? или две за Армению, одну – за Германию?).⁶³

бы остаться в стороне от походного маршрута, по другую его сторону, вне и за пределами походного пути.

Правда, тут вроде бы можно теоретически возразить, предложив альтернативную версию, – мол, римляне ушли из сожжённого осенью 58г. Арташата на зимние квартиры в Каппадокию, откуда, мол, по весне 59г. снова пришли к Арташату и уже потом двинулись (по воспроизведённому нами маршруту) на Тигранакерт. Но и такая реконструкция будет крайне неестественной. Зачем, по уничтожении города огнём осенью 58г., возвращаться на пепелище весной 59г. и от пепелища идти (столь противоестественно кружным путём из Каппадокии) в направлении (бывшего целью кампании 59-го г.) Тигранакерта?!? Т.е. примем наиболее оптимальный вариант зимовки (обеспеченного продовольствием и фуражом) римского воинства под командой Корбулона в Арташате (и окрест), с преданием (открывшего ему ворота и принявшего его армию на зиму) города огню в весеннюю пору солнечного затмения 30.04.59г. и дальнейшего похода на Тигранакерт весной/летом 59г., рассказ о чём у нас впереди.

⁶² У компендиумного Диона (62,20,1) от Ксифилина (169,26-32), сходно Тациту в Ан.14,23, Корбулон, взяв Артаксату и сравнив её с землёй, (сразу) идёт на Тигранакерт, что тоже пледирует за поход на Тигранакерт по весеннем сожжении Арташата (от арташатского пепелища) – весной/летом 59г.

⁶³ Ещё один хрононюанс-хроновопрос нуждается в уяснении. Под 58г. Тацит рассказывает о посольстве в Рим германских фризов (13,54) (см. ниже), к-рые, при посещении театра Помпея, увидев, что на почётных сенаторских скамьях сидят, в т.ч., «чужестранцы», сочли, что подобная честь непременно полагается и им, после чего, взяв пример с этих «чужестранцев», тоже (притом самовольно) уселись среди сенаторов (чем немало развеселили не разгневавшихся на них римлян). О каких «чужестранцах» идёт речь Тацит не уточняет, и поведанный казус не заслуживал бы внимания, если бы не Светоний, к-рый, явно повествуя о том же случае, но в «Жизнеописании Клавдия», пишет: «Германским послан он (Клавдий) позволил сидеть в оркестре, так как ему понравилась их простота и твёрдость: им отвели места среди народа, но они, заметив, что парфяне и армяне сидят вместе с сенаторами,

В остальном, — в почестях-чествованиях, в полном, — что не удивляет, несмотря на т.н. золотую Неронову пятилетку, т.н. золотой пик к-рой составил как раз 58г. н.э. («пятилетку в четыре года»), — раболепия Рима, римляне, само собой, постарались-перестарались отменно. И лишь благодаря вмешательству известного законоведа Г.Кассия (знакового нам консула-суф. 30г. и легата Сирии в 45 — 49гг.) некоторая мера приличий была соблюдена.

В РИМЕ //

ОСУЖДЕНИЕ П.СУИЛЛИЯ

Сим событийность богатого событиями 58г. отнюдь не исчерпывается. Переходя от армянской периферии и, можно сказать, не столько боевых побед, сколько победных достижений Корбулона, к реалиям внутри Рима, Тацит продолжает:

«Затем осуждается обвиняемый, испытавший всевозможные удары судьбы и всё же навлекший на себя справедливую ненависть многих, невзирая на что его осуждение возбудило некоторое недоброжелательство к Сенеке. Это был Публий Суиллий...» (13,42)

Итак, перейдя к внутриримским делам-насущностям (к-рые для него в центре внимания и к-рые он время от времени разбавляет хроностратифицированной событийностью на имперских границах), Тацит рассказывает об обвинении и осуждении неплохо знакомого нам с читателем П.Суиллия (Ан. 13,42/43), к тому же, делая это так, в смысле сравнительно мягкого в данном случае авторского отношения к Суиллию, как будто он сам не давал ему убийственную характеристику ранее (см. выше). И эта некоторая смягчительная перемена обусловлена здесь тем, что Суиллий предстаёт отчасти как жертва тирании при Нероне, с критикой в адрес Неро-

самовольно перешли на те же места, заявляя, что они ничуть не ниже них ни положением, ни доблестью» (25,4). Отсюда вывод: кто-то из античных мэтров ошибается, но так как хронология, мягко говоря, не самая сильная сторона портретиста-эссеиста Светония, предпочтение следует отдать Тациту (хотя и он, как читатель знает, нередко группирует события пары или ряда лет, связанные с периферией, под одним собирательно-компендиумным анналистическим годом).

Так о чём именно, вернее, о каком посольстве интересующих нас ныне парфян и армян (о фризах — позже) идёт в Ан.13,54 речь? Выше мы узнали, как Агриппина, в ходе аудиенции, к-рую Нерон вскоре после смерти Клавдия давал армянским послам в 54г., хотела занять место на трибунале рядом с императором-сыном (Дион 61,3,3), и как это её намерение было предупредительно заблокировано Сенекой и Бурром, по совету к-рых, Нерон сам спустился с места и пошёл ей навстречу якобы в знак особого почтения к матери, чтобы в действительности не позволить последней занять не положенное женщинам место.

Возникает вопрос: м.б., это посольство армян, прибывшее в Рим в год кончины Клавдия, вскоре после неё, идентично тому самому посольству парфян и армян, к-рое сидело вместе с сенаторами (на сенаторских местах), согласно вышепротитированному Светонию, тем паче, что Светоний говорит о времени правления Клавдия и, возможно, хроноошибается не очень грубо? Ответ: никак нет. Ведь у Диона нет ни слова о парфянах, а Светоний толкует именно о парфянах и армянах. Мало того, по рассказу Тацита, именно весной/летом 58г., в ответ на апелляцию Тиридата (как настаивающего на своей легитимности царя Армении) к договору 55г., Корбулон (выигрывая-затягивая время) советует ему (Ан. 13,37) обратиться со своей просьбой (признать его армянским царём) к Цезарю = к Нерону (см. выше).

Т.е. ещё до ухода Тиридата (в Мидию или Албанию) из Армении и падения-сдачи Арташата осенью 58г., в Рим летом вполне могло прибыть ходатайственное посольство из-от парфян и пропарфянских-протиридатовских армян (к-рое Светоний грубо ошибочно относит на время правления Клавдия, и представителей к-рого Тацит, повествуя о посольстве фризов в 58г., называет «чужестранцами», не удосуживаясь во фризском контексте уточнить — кто они).

нова «премьер-министра» (или министра без портфеля) Сенеки, позиции к-рого, как видно, снова усилились в плодотворном на различные, в т.ч., разумные и позитивные, решения-деяния 58г. н.э.

Читатель знает и помнит – Суиллий был женат вторым из своих трёх браков (в к-рых имел трёх сыновей, – по сыну в каждом) на падчерице Овидия с ок. 5г. н.э., являясь квестором Германика в 15г., а затем подпав осуждению и изгнанию (по настоянию Тиберия) на пустынный остров в 24г., за получение взятки при судебном разбирательстве (Д.И. 958). Лишь при Калигуле он возвратился в Рим и пошёл в гору при Клавдии (побывав консулом-суф. где-то в интервале 38 – 44гг.), когда сделал своим доходным ремеслом интриги, доносительство и обвинительство в угоду как Клавдию, так и, прежде всего, неумной Мессалине. И как нам известно, во многом, именно его суиллианско-промессалианскими усилиями-стараниями были загублены в 43г. дочь Друза – Юлия, в 47г. – Пoppея Сабина Старшая и Валерий Азиатик, равно целый ряд иных представителей знатного сенаторского или всаднического сословия (см. выше).

Между тем, на 58г. Суиллию было ок. 80-и лет отроду (*extrema senecta*), т.е. он находился в том возрасте, когда пресыщенные люди его типа, кстати, далеко не всегда трусливые, невзирая на то, что в их делаторско-обвинительских услугах больше не нуждаются, ни о чём из содеянного не сожалея, перестают бояться смерти. И если их атакуют за прошлое, они часто не боятся, давая крепкий отпор, резать правду-матку. Мол, коли я и бывал плох, то другие ничем не лучше меня, тем паче, что я выполнял (и не мог не выполнить) распоряжения вышестоящего верховного начальства. Впрочем, благо не все в испорченном-увечном, тоталитарном или авторитарном, обществе соревнуются в подлостях и стремятся быть золотыми призёрами в негодийстве.

Нападки в обществе по адресу Суиллия (из-за денежных адвокатских вознаграждений, несмотря на ограничения, принятые в 47г. как раз из-за злоупотреблений Суиллия, в обновление закона Цинция Алимента от 204г. до н.э.) (см. ниже) исходили из лагеря Сенеки, к-рого, напомним, в 41г., инициативой Мессалины, присудили к ссылке за прелюбодеяние с сестрой Агриппины Ливиллой. И не исключено, что Суиллий был также как-то к этому делу сопричастен, хотя соответствующих сведений в античных источниках нет. Но, при всех случаях, Сенека провёл 8 лет в корсиканской ссылке, разгневав именно Мессалину – главную покровительницу пошедшего именно тогда, одновременно с горькой и долгой сенекианской опалой-ссылкой, в гору Суиллия.

Более того, в 58г. Нерон начал сходитьсь с дочерью загубленной Суиллием Пoppеи Сабинны Старшей Пoppеей Сабинной Младшей (см. ниже), к-рая тоже, стало быть, была не прочь поквитаться со старым мерзавцем, кто, в свою очередь, не выказывая страха, обрушился с уничтожающей и, следует добавить, с частично небезосновательной, критикой на (копавшего под него) Сенеку.

Дескать, он, Суиллий, был квестором у походно ходившего в Германию Германика (15г.), «тогда как Сенека – прелюбодеем в его (Германика) семье. Или, быть может, более суровому порицанию подлежит тот, кто по доброй воле тяжущихся получает от них честно заработанное вознаграждение, нежели соблазнитель, проникающий в спальни женщин из дома принцепсов? Спрашивается, благодаря какой мудрости, каким наставлениям философов Сенека за какие-нибудь четыре года близости к Цезарю (54 – 58гг.) нажил 300 млн. сестерциев? В Риме он, словно ищейка, выслеживает завещания и бездетных граждан, Италию и провинции обирает непомерною ставкою роста; а у него, Суиллия, скромное, приобретённое его личным трудом состояние. Он охотнее вынесет обвинение, опасности, всё, что угодно, нежели, позабыв о своём давнем и им самим добытым достоинстве, станет заискивать перед внезапно разбогатевшим выскочкой» (13,42).

XX-й век со всей очевидностью доказал и показал, в какой степени закоренелым доносчикам и подонкам, повинным в смерти множества людей, свойственно либо искренне верить, либо цинично прикрываться тем, что они действовали на благо отечества или как минимум выполняли распоряжения сверху, т.е. (как бы честно) исполняли свой гражданский долг. С др. стороны, действительно, критика в адрес Сенеки вовсе не полностью или не во всём была лишена оснований, но разве это оправдывает негодяйства Суиллия? Да и потом противопоставление боевого суллианского квесторства при Германике в 15г. любовной интриге Сенеки с едва вернувшейся, в паре с Агриппиной, из калигулианской ссылки в 41г. Ливиллой некорректно. Суиллий хочет, образно выражаясь, сказать, что он сам был «батальонным разведчиком», под знамёнами Германика, и за Рим «ответчиком», в то время как Сенека (мол, «писаришка штабной») прелюбодеятельно проник в спальню дочери Германика. Однако, оба события отстоят одно от другого на четверть века. Ну и погоня за завещаниями в нероновские времена наверняка предпринималась Сенекой для пополнения императорской казны.

Правда, не забывал философ, ходя в гос. мужах, и себя любимого, в чём его ещё хлеше Тацита упрекает, не упоминая при этом Суиллия, эпитомированный Дион (61,10,1-6), точнее, беспощадный к Сенеке, к-рый исповедуя-проповедуя одно, делал на практике нечто прямо противоположное, неизвестный нам источник Диона, к-рый говорит (с высоты прошедшего времени) о вопиющем противоречии между стоическо-философским учением-мировоззрением Сенеки и его поступками.

Плюс к тому, это именно разоблачитель тирании Сенека воспитал-взрастил того, кто оказался худшим из тиранов, что, к слову, на 58г. было ещё неясно. Но не он ли, скажите на милость, пресмыкался из ссылки перед Мессалиной и либертами Клавдия, прославляя их в надежде на свои прощение и возвращение в Рим! что взаправду имело место быть (и чего он впоследствии стыдился-чурался). И далее, не он ли, лицемерный проповедник простоты жизни и нравов, едко высмеивал богачей, несказанно разбогатеv у власти и заживя в роскоши сам! Не он ли однажды (видимо, до 58г.: в 54 – 58гг.) угощал своих гостей на 500 столах из лимонного дерева с ножками из слоновой кости (Ксифилин 151,8 – 152,15)!⁶⁴

Конечно, далеко не всё, в чём упрекали Сенеку, причём особенно злопыхательски впоследствии, насколько выводится из идущего много дальше Тацита (Шв.) Диона (Шв.), было правдой. Однако то, что философ-стоик, оказавшись у руля власти, не мог, как и любой (стоический) философ (гуманист или т.н. гуманист), не разойтись на практике с собственной теорией, с собственными идеалами и воздушными замками, сомнению не подлежит. То, что Сенека, попав на самые верхи, не перед всеми соблазнами, к-рые он сам порицал как до своего возвышения в 54г., так и после своего отхода от дел в 62г, устоял, или хотел устоять, совершенно однозначно. Актуально только то, – в какой (не всегда, из-за скудости информации, различимой) мере? И если портрет эпохи можно смело писать с ублюдка Суиллия, то его вполне можно писать и с моралиста Сенеки, к-рый ни белым, ни пушистым не был. И ведь кое в чём беспринципный циник Суиллий, к-рый внезапно, не выказывая страха, зартачился, согласитесь, даже честнее, чем т.н. принципиальный моралист Сенека!

И вот дуэль между ними, находившимися в неравных весовых категориях, достигла пика. Сначала Суиллия (несколько запоздало) обвинили (с сенекианской подачи) в грабеже союзников и расхищении гос. казны при управлении провинцией

⁶⁴ И как выше, так и ниже ещё следуют обвинения Сенеки в любовной связи с Агриппиной, в гомосексуальной педофилии, невзирая, мол, на проповедь им чувственного воздержания и умеренности во всём, и т.д. и т.п. (61,10,1-6).

Азия, к-рой он управлял в конце правления Клавдия — ок. 52/53гг. Но «подысканные обвинители» потребовали, учитывая подготовленность и адвокатскую речистость обвиняемого, чтобы действовать наверняка, на собиране всех необходимых материалов срок длиною в год. И тогда нетерпеливым Сенекой были задействованы (отчасти нежелательные для Нерона) обвинения по суиллианским жертвам (с перечислением у Тацита — Кв.Помпония, Юлии Друзовны, Пoppей Сабины, Валерия Азиатика, Лузия Сатурнина, Корнелия Лупа) (см. выше) при Клавдии (официальное отношение к к-рому и к памяти к-рого при Нероне было, о чём нам ведомо, двояким).

«В защитительной речи Суиллий заявил, что ни одно из перечисленных дел не было начато им по собственному почину и он лишь выполнял приказания принцепса⁶⁵; в этом месте, однако, Цезарь прервал его, сказав, что, судя по запискам отца (Клавдия), не было ни одного случая, чтобы обвинение против кого-либо было выдвинуто по его настоянию. Тогда Суиллий стал ссылаться на приказания Мессалины и тут приводимые им в своё оправдание доводы утратили убедительность: почему этой кровожадной распутницей был избран именно он, а не кто другой, чтобы служить ей своим красноречием? Исполнители злодеяний, получившие плату за свои преступления и старающиеся свалить эти преступления на других, подлежат строжайшему наказанию...» (Ан. 13,43).

Т.е., выведя покойного Клавдия (как никак — приёмный, даром что карикатурный и обожествлённый-отыквлённый судом белых грибов, отец!) из-под удара, Нерон явно дал понять, на чьей он в этом деле, действуя (в т.ч. или в первую очередь в угоду Пoppее Сабине) с Сенекой рука об руку, стороне. А беспомощные ссылки силившегося ухватиться за последнюю соломинку Суиллия на приказы Мессалины не только не облегчили, наоборот, усугубили его положение, так как ни у Мессалины, ни у памяти о ней (от к-рой в означенное время в живых оста-

⁶⁵ Стяжавший репутацию самого «кровожадного волка» Французской революции, юрист по образованию, якобинский комиссар Нанта Ж.Карье, к-рый своевременно примкнул к термидорианцам, в день казни Робеспьера 28.07.1794г., громче всех кричал: «Скатилась с плеч голова тирана». Кричал, трясясь за свою собственную (шкуру и) голову, к-рая, тем не менее, скатилась на гильотине в декабре того же года. Причём, оправдываясь на суде, обвиняемый говорил, что если он в чём-то и виноват, то со всем Конвентом, что он на совесть выполнял возложенные на него Робеспьером и Конвентом обязанности, не делая ничего, с т.зр. закона, предсудительного. Именно ему принадлежит инициатива двух способов казни, первый из к-рых он назвал «вертикальной депортацией», а второй «республиканским браком», считая их весьма эффективным дополнением к гильотине и к массовым расстрелам (вандейцев).

Под «вертикальной депортацией» (чёрный юмор) подразумевалось массовое потопление, при к-ром пленных (вандейцев) или осуждённых (врагов народа) сажали в плоскодонную барку, вывозили ночью на середину Луары и там, открыв люки, топили судно. При этом, сам Карье, восторженно донося Конвенту о чудесно быстром уменьшении числа (утопленных) священников-контрреволюционеров, не забыл, продолжая юморить, сделать восклицательную приписку: «Что за революционный поток эта Луара!». В российской революции утопительный опыт Карье (провинциалистски подражая революции Французской, с перевыполнением плана — вот когда и как закладывалась плановая экономика!) использовали: Сталин и Ворошилов — в Царицыне; Р.Залкинд (Землячка; Демон) и Б.Кун — в Крыму.

А при заключении, по рецепту изобретательного Карье, «республиканских браков», двух разнополюх контрреволюционеров связывали голыми вместе и бросали в реку. Плюс практиковался способ «республиканского крещения», когда в воду, с привязанным к ногам камнем или с «жерновом» на шее, сталкивался всего один осуждённый скорострельным трибуналом узник.

Удивительно, но т.н. узаконенным (действующим в рамках т.н. закона) душегубам типа Карье (Я.Агранов, Ягода, Берия...) очень свойственно всегда ссылаться (в попытках спасти свою шкуру) на выполнение-исполнение приказов сверху, искренне не испытывать никакую персональную вину и совершенно искренне никогда не быть готовыми пожать то, что они сами посеяли, не быть готовыми самим принять смерть!

валась лишь нелюбимая Нероном супруга Октавия) точно никаких влиятельных сторонников в римских верхах 58г. не было.

В итоге Суиллий (к удовлетворению Сенеки, Нерона, Пoppей Сабины Minor, Агриппины) был осуждён и сослан, с конфискацией части имущества, на Балеарские острова, где, по Тациту, коротал остаток жизни (островное уединение), живя в неге и роскоши, — «не сломленный духом ни во время столь опасного для него судебного разбирательства, ни после вынесения приговора» (13,43). Не о такого ли рода «старых большевиках» (синоним старого палача или старого стукача) можно сказать выразительными словами одного из советских партийных витий: «Гвозди б делать из этих людей, / Крепче б не было в мире гвоздей» (Н.Тихонов).

Таким образом, Сенека⁶⁶ добился своего, соблюдая при этом, к чести его будь сказано, не казненнолюбивую карательную меру. Притом и (пока адекватный) Нерон проявил сдержанность, воспротивившись стремлению ряда подхалимов-обвинителей привлечь, по закону о вымогательствах, вдогонку ниспровергнутому-изгнанному родителю, также его сына (от падчерицы Овидия) — М.Суиллия Неруллина (когномен в честь Нерона) (см. выше), к-рый в 50г. облакал консульство и, надо понимать, до 58г. отнаместничал в какой-то провинции (коли уж против него хотели выдвинуть привычное для провинциальных легатов обвинение в вымогательствах).

ОКТАВИЙ САГИТТА

«Тогда же народный трибун Октавий Сагитта, охваченный страстью к замужней женщине Понтии, склоняет её дорогими подарками сначала к прелюбодеянию, а затем, пообещав жениться на ней и взяв с неё слово, что она выйдет за него замуж, и к оставлению мужа...» (Ан. 13,44)

Этот вряд ли заслуживавший анналистического упоминания случай Тацит, вероятно, привёл как наглядную иллюстрацию деградации крепкосемейственных идеалов старого Рима в IV н.э., равно самого института римского брака и пагубного отношения римлян к узам брака, невзирая на все различные попытки ранней Империи то и другое сохранить и обновить.

Кроме того, перед нами налицо, прямо-таки, псевдо-шекспировские или декамероновские страсти. Трибун plebis 58г. Октавий Сагитта воспыал страстью к замужней женщине Понтии Постумине. Знаем мы о них обоих немного. Он, — пожалуй, внук одноимённого деда, известного, к сожалению, только эпиграфически, — кесарского прокуратора Сирии с Iг н.э., в период управления ею Квириния и ориентального наместничества Г.Цезаря (Р.л. 1110/11), имевший, судя по облечению им нар. трибуната, плебейское происхождение. О Понтии, когномен к-рой «Постумина» всплывает лишь однажды в «Истории» Тацита (4,44), дополнительных сведений вообще нет.

В 58г. многогрострастному Октавию удалось склонить Понтию богатыми дарами сначала к прелюбодеянию и затем к разводу с мужем, но вот выходить за Октавия замуж, она, вопреки первоначальной договорённости и обещанию, не пожелала, найдя тем временем более выгодную в богатые мужа кандидатуру. Тогда изрядно порастратившийся на неё Октавий, не в силах бороться со своей страстью, и испытывая к любимой любовь вперемешку с ненавистью, умолил её подарить ему в

⁶⁶ Примечательно, что годом (третьего) консульства Нерона и В.Мессалы = 58г. н.э. датировано (как первое из 14-и взаимных «Писем») «Десятое (апокрифическое) письмо Ап. Павла Сенеке». Естественно, в реальной переписке они никогда не состояли, но, тем не менее и несмотря ни на что, именно (стойк) Сенека ближе всех из римских философов и поэтов IV н.э. подошёл к христианству (см. ниже).

утешение последнюю ночь любви, придя на свидание в сопровождении верного вольноотпущенника (Дон-Жуан и Липорелло!). Понтия же, со своей стороны, велела посвящённой в её тайну верной «рабыне оставаться на страже у дверей её спальни».

Одновременно под одеждой у Октавия был спрятан кинжал, к-рым неугомонный любовник, перемежая в ходе бурной ночи горячие поцелуи с горькими упрёками и ссорами, в какой-то момент, не удержавшись, пронзил Понтию, после чего нанёс ещё кинжальный удар бросившейся на помощь госпоже рабыне и, наконец, беспрепятственно скрылся из спальни. (Так, не первый и не последний Отелло убил пусть совсем не Дездемону.)

Утром, когда всё обнаружилось, ни у кого не оставалось сомнений, кто убийца Понтии, к-рого в ночь прихода к ней видели многие, однако, Октавиев вольноотпущенник взял вину патрона целиком на себя, что практиковалось в Риме. И это сработало бы, не выживи раненая рабыня и не дай она, по приходе в себя, соответствующие показания следственным органам о том, как дело обстояло в действительности.

В результате римское правосудие дождалось, как полагалось по закону, сложения Октавием 10.12.58г. народного трибуната, к-рый предоставлял трибуну на время отправления им не подлежащей досрочному прекращению магистратуры трибунскую неприкосновенность, вслед за чем он — «по требованию отца убитой предстал перед консулами и приговором сенаторов был осуждён по закону об убийцах» (13,44).

Речь идёт о сулланском законе — *lex Cornelia de sicaris* (ок. 80г. до н.э.), согласно к-рому изблечённые в преступлении убийцы и отравители карались конфискацией имущества и пожизненной ссылкой в отдалённые местности — обычно на пустынные острова. Т.е., как видим, римские законы карали за подобного рода преступления (менее опасные, нежели оскорбление величия/величества!) не самым суровым образом.

Вдобавок к тому, пылкий любовник Сагитта, обманутый в своих, так сказать, лучших чувствах вероломной Понтией, наверняка у части общества вызвал сочувствие. Ведь в пресыщенном (полу)либеральном-(полу)эмансипированном Риме, как и во Франции, где легче всего защищать в суде убийства из ревности, немалое понимание должны были вызывать именно убийства на почве ревности. (Чем декадентнее общество, тем оно приверженнее астральным страстишкам, тем оно чувственнее и сентиментальнее: ведь избыточные чувственность и сентиментальность — младшие сёстры бесчеловечности и жестокости!). То-то государство карало за них (как и за подделку завещаний, как и за отравления ради овладения наследством) не слишком жестоко = не вышкой.

Причём интересно заметить, что позднее, надо полагать, с концом Нерона в 68г., в Смутное время 68/69гг., Сагитта, думая, что о нём забыли, самовольно покинул место своей островной ссылки, куда был снова возвращён в 70г. при Веспасиане (Ист. 4,44). Тацит пишет, что заправлявший в то время римскими делами веспасиановец Лициний «Муциан вернул на острова, на к-рые они были сосланы ранее, появившихся было в Риме сенаторов Октавия Сагитту и Антистия Созиана». Забегая вперёд скажем, что осуждённого в 62г. за оскорбление величия Созиана, к-рый сумел, находясь в изгнании, донести оттуда в 66г. на Публия Антея и Остория Скапулу (см. ниже), из ссылки, в награду за этот донос вернул сам Нерон.

Иначе говоря, преступления, совершённые двумя показательно возвращёнными в 70г. на острова деликвентами, были малосопоставимы, хотя, по не желающему дифференцировать их Тациту, — «оба они (Сагитта и Созиан) вызывали одно лишь презрение». Но в этом тацитовском подходе можно усомниться, поскольку именно криминальный случай Сагитты (а не Антистия) использовался в 60-е гг. Ив. как

образец для адвокатских речей в прозе — «за и против Октавия» — эпатажно-пафосным поэтом Луканом (*Vita Lucani ex vaccae commentario sublata*).

ПОППЕЯ САБИНА MINOR

Впрочем, скандальным делом О.Сагитты и Понтии «шекспировские страсти» 58г. не исчерпываются. Именно в этом году Нерон влюбился без памяти в Поппею Сабину, что стало началом рокового поворота его принципата навстречу поэтапной (с 59г.) катастрофе.

«В том же году не менее достопамятный случай бесстыдства положил начало большим бедствиям Римского государства. Проживала в Риме Сабина Поппея, дочь Тита Оллия, позаимствовавшая, однако, имя у своего деда со стороны матери — прославленного Поппея Сабина, удостоенного консульства и триумфальных отличий, ибо Оллия, ещё не достигшего высших магистратур, погубила дружба с Сеяном...» (Ан. 13,45)

Напоминаем, эта Поппея Младшая — внучка консула 9г. н.э. и почти четвертьвекового легата (с 11/12гг.) Мезии, плюс (с 15г.) Македонии и Ахайи, умершего на легатском посту Г.Поппея Сабина (+ 35г.), была дочерью Поппеи Сабини Старшей и Т.Оллия — римского всадника, к-рый, не успев по возрасту пойти дальше квестуры, был казнён в 31г. (в возрасте до 30-и лет), едва успев порадоваться родившейся у него в 30/31гг. дочери и оказавшись в числе привлечённых-казнённых по делу Сеяна (31г.).

Далее вдова Оллия вышла замуж за (безликого потомка родовитых предков) П.Корнелия Сципиона (конс.-суф. 24г.), дала в 35г. дочери имя своего умершего отца, сделалась в дальнейшем, считаясь первой красавицей своего времени, любовницей (одного из соубийц Калигулы) Валерия Азиатика, и, сродни Азиатикку, была в 47г. устранена, принуждённая к самоубийству, Мессалиной. Правда, — не столько из-за Азиатика, сколько из-за любовных отношений с монополизированным «вавилонской блудницей» мессалианским любимцем — актёром Мнестером (см. выше).

Притом первым мужем юной дочери Сабини Maior сделался всадник Руфрий Криспин — с 47г. один из двух (в паре с Л.Гетой) преторианских префектов, доставивший (в угоду Мессалине) закованного им в цепи Валерия Азиатика из Кампании в Рим. Как 17-летняя Поппея Младшая отнеслась к аресту её мужем любовника её параллельно с последним загубленной матери — вопрос. В 51г. креатуры Мессалины Р.Криспин и Л.Гета были лишены преторианской префектуры, по инициативе Агриппины, в пользу А.Бурра, и если Гета отправился затем наместничать в Египет, то отслужившему своё (и выброшенному на магистративную помойку) немолодому Криспину (к-рый будет сослан в 65-м — заговор Пизона — и принуждён к самоубийству в 66г.) (см. ниже) оставалось возле молодой красавицы-жены бесславно стареть.

К слову, они имели общего родившегося у них в 50-е гг. сына, к-рого (своего пасынка) Нерон велит не ранее 65/66гг. (когда убитой им в 65г. Сабини уже не будет в живых) утопить во время рыбной ловли, прослышав, «что мальчик, играя, назвал себя полководцем и императором» (Свет. «Нер.» 35) (см. ниже).

У очень красивой внешне, что подтверждают и Тацит (Ан. 13,45/46), и Сенека («Октавия» 199), как и её мать, Поппеи Minor было, по Тациту, — «всё, кроме честной души» (13,45). Не она ли своеобразно замыкает плеяду высокопоставленных и венценосных *emansire* эпохи Юлиев-Клавдиев — от сосланных на острова обеих Юлий (дочери и внучки Августа), от так и не вкусившей власти Агриппины Старшей, угробленной на острове при Тиберии, и наконец, от словно передающих эстафету одна другой — Мессалины и Агриппины Младшей, к-рой и преемствует

Поппея, будучи сама частично Мессалиной и частично Агриппиной, но сохраняя при этом своё достаточно выразительное лицо роковой пассии Нерона.

Если её дед, поставив легатский рекорд, без малого четверть века наместничал на Балканах, то с её концом в 65г. завершится почти четвертьвековой «бабий век» в истории династии Юлиев-Клавдиев, начатый в 41г. Мессалиной, ибо реальной властью из вышеперечисленных юлианско-клавдианских *феминисток* обладали только три (при Клавдии и Нероне): Мессалина, Агриппина Младшая и Поппея.

Умной, любезной и обходительной, не лишённой природной одарённости и духовных запросов, согласно весьма придиричвому в характеристиках Тациту, Поппее удавалось предаваться разврату под личиной скромности. Она (вовсе не столь публичная, как Агриппина) редко показывалась в общественных местах, причём предпочитала прикрывать лицо вуалью, производя впечатление почти *блоковской незнакомки*⁶⁷ и умея (вовсе не столь сексуально бешеная, как Мессалина) завлечь мужей в искусно расставленные и всегда выгоднически расчётливые сети.

«...Никогда не щадила она своего доброго имени, одинаково не считаясь ни со своими мужьями, ни со своими любовниками; никогда не подчинялась она ни своему, ни чужому чувству, но где предвиделась выгода, туда и несла своё любо-страстие. И вот, когда она пребывала в супружестве с римским всадником Руфрием Криспином, от к-рого родила сына, её пленил Отон своей молодостью, блеском и ещё тем, что слыл ближайшим другом Нерона; и немного спустя их прелюбодейная связь была скреплена браком» (Ан. 13,45).

Это была даже не столько волчица, сколько светская львица, обладавшая не присущими большинству римских красавиц той поры шармом и эксцентричностью, перво-наперво, амбициозная, не признающая никаких моральных преград *железная леди*, волевая и целеустремлённая, готовая быть, коли понадобится, жестокой и непреклонной, в своём неутолимом желании властвовать не столько как политическая властительница, сколько как повелительница повелителя. А главным властителем в Римской империи был император, и дорога Поппеи должна была рано или поздно, шаг за шагом, привести её — от всадника Криспина к патрицианскому сенатору Отону, а от сенатора Отона к кесарю Нерону. Она была рождена для того, чтобы быть дрессировщицей хищников, каждому последующему из к-рых предстояло, на её пути в гору до самой вершины, превосходить предыдущего. И иного пути у неё не было.

При всём том, обожая роскошь и живя в неге и роскоши, Поппея говорила, что ей желаннее умереть, нежели дожить до того времени, когда её красота увянет (Дион 62,28,1), как оно, словно во исполнение её желания, и случится. Поскольку пьяный Нерон убьёт её беременную ударом ноги в живот (вызвав преждевременные роды) как раз, когда она будет на 35-м году жизни, т.е. в преддверии, по (несколько даже завышенным) меркам древнего мира, увядания и старости (если верить Плинию, согласно к-рому, климакс у тогдашних женщин наступал в среднем в возрасте 40 лет).

Ей ещё доведётся в погоне за эликсиром вечной молодости принимать ванны из молока молодых ослиц (Плиний 11,238; 28,183) и мазать особыми елейными мазями, к-рые будут, нося её имя — *ringuia Porraeana*, использоваться дамами и во Пв. (Ювенал 6,465). Но всё это и многое другое произойдёт позже, тогда как в 58г. полная честолюбивых планов ок. 28-летняя, в самом соку, Поппея, устав от своего

⁶⁷ Впрочем, со временем Блок дистанцировался от «незнакомки» и попытался, надев (при Временном правительстве) комиссарский френч (как член комиссии по расследованию преступлений царского режима), углядеть свою новую «прекрасную даму» в революции, от к-рой, после большевистского переворота, он родил поэму «Двенадцать» (по написании к-рой — январь 1918г. — сам о себе сказал: «Сегодня я гений», а перед своей смертью в 1921г., как говорят, в полубреду просил уничтожить все экземпляры этой поэмы).

стареющего, бесперспективного и полу- или пассивно опального супруга (креатура Мессалины), соблазнила пленившего её ненасытное (однако, умеющее считать-просчитывать ходы) сердце друга и собрата Нерона – М.Сальвия Отона. И вероятно, она изначально имела в задуманной ею неоднородной комбинации перспективные виды на самого кесаря. Такой женщине требовался муж рангом не ниже кесаря! Другое дело, что не всякий кесарь – Цезарь!

* * *

При этом, если сообразно Тациту в «Истории» (1,13), а также сообразно Плутарху, Светонию и Диону, Отон увёл жену у Криспина, по замыслу и с санкции Нерона, лишь для того, чтобы свести её с Нероном, или, чтобы подложить её под Нерона, то по откорректировавшему самого себя в написанных порядком позднее «Анналах» Тациту, получается, что Отон, действительно, влюбился в Поппею и отбил её у Криспина исключительно для себя, не помышляя поначалу том, что Нерон вполне может положить на неё (не вопреки её желанию) глаз. Иначе говоря, если картина в «Анналах» складывается в пользу светских денди-гуляк Отона и Нерона, то прочие источники пользуются поклёпно-враждебную к ним обоим традицию. И пусть анналистический Тацит здесь в явном античном меньшинстве, тем не менее, не верить взвешенной версии «Анналов», тем паче, в свете исправления самим автором версии «Истории», нет оснований.⁶⁸

Итак, Отон влюбился в Поппею, увёл её у мужа и женился на ней, но допустил

⁶⁸ В «Ист.» 1,13 Тацит, под событиями 69г., общо и неубедительно сообщает, приводя распространённую байку, что именно у Отона, соучастника всех его беспутств и постыдных пождений юности, Нерон «скрыл свою наложницу Поппею Сабину, рассчитывая тем временем избавиться от жены Октавии». Спрашивается, – зачем Нерону было так многосложно «уводить» Поппею от Криспина к Отону и тем более «скрывать» её у Отона, если Нерон засожительствовавал с уведённой у Отона Поппеей (без оглядки на кого бы то ни было) ещё в 58г., избавившись от Октавии аж в 62г.?!?

У (светского сплетника) Светония «Сабину, любовницу Нерона, к-рую тот увёл у мужа и временно доверил ему (Отону) под видом брака, он не только соблазнил, но и полюбил настолько, что даже Нерона не желал терпеть своим соперником» (Отон 3,1). Кесарю Нерону незачем было перебрасывать-передислоцировать Сабину от Криспина к Отону, чтобы потом забрать её у Отона, что чересчур неестественно, тяжеловесно и сложно. В светониевском опусе все очернены максимально скандально, но истинное положение дел всё же проглядывает. Это Отон отбил Поппею у Криспина (без участия Нерона) и полюбил её настолько, что когда его друг Нерон на неё позарился, не пожелал её ему уступить. Вот так всё гораздо правдоподобнее и реалистичнее.

Сходно Светонию, у Плутарха: «...Поппея была супругою Криспина, когда в неё влюбился Нерон и, ещё не потерявши стыда перед собственной супругою и страха перед матерью, тайно подослал к ней Отона... (...) Соблазнив её (Поппею) надеждами на благосклонность Нерона и сперва совратив сам, а затем сведя с императором, Отон уговорил женщину разойтись с мужем, а когда она вошла супругою в его дом, не захотел довольствоваться лишь частью, но с великой неохотою уступал Нерону его долю...» (Гальба 19). У Нерона не было в 58г. ни стыда перед собственной супругой Октавией, ни страха, – приложительно к сожительству с Поппеей или с кем бы то ни было, – перед матерью. И при влюблённости в Поппею как жену Криспина, если бы таковая имела место быть, он, 21-летний влюблённый юноша, не стал бы, полыхая к ней единоличной страстью, разводить её с Криспином, чтобы сначала выдать замуж за Отона и потом взять себе. Напротив, он разлучил бы Криспина с женой и пользовал бы её без всякого промежуточно-интервального Отона.

Сродственно Светонию с Плутархом, и у эпитомированного-эксцерпированного Ксифилином (152,15 – 154,27) Диона: безнравственный ушлёпок Нерон развёл патрицианку Сабину с законным мужем и выдал её за своего (62,11,2/3) кунака-собрата Отона, с к-рым они

роковую оплошность, начав при друге Нероне всячески превозносить её красоту и прелесть, по поводу чего Тацит допускает как неосмотрительность от пылкой влюблённости, так и заведомую цель разжечь в Нероне страсть к Пoppее, чтобы совместно обладая «одной женщиной, использовать эти узы для усиления своего могущества...» (13,46).

Налицо тацитовский шаг назад – к, на сей раз, подвопросной версии «Истории». Однако, последняя у автора «Анналов» теперь не в фаворе и противоречит дальнейшему развитию событий, согласно к-рому, Нерон, сам сойдясь с Пoppеей, сначала отказывает Отону от двора, а затем отправляет его, передумав благодаря ходатайству за него Сенеки казнить друга-соперника, – подальше от себя, Пoppей и Рима – наместничать в Лузитанию, где Отон пронместничает 10 лет – до 68г. н.э. Не так ли и Наполеон устранял различными назначениями тех, кого подозревал в симпатиях к своей польской фаворитке Марии Валуевской (во всяком случае, в известном фильме «Марыся и Наполеон»).

Тем временем Пoppея, замужествуя за Отоном, умело взяла бразды в свои руки. Пустив в ход чары, она влюбила в себя похотливого барчука Нерона, притворившись – внимание! – будто покорена его красотой и не в силах противиться нахлынувшей на неё страсти. О как это должно было льстить самолюбию юного тронного Нарцисса, к-рому недостаточно было любоваться собой, к-рый страстно желал, распуская павлиний хвост, чтобы им искренне любовались окружающие и особенно влюбившая его в себя, под маской собственной влюблённости в него, красивая светская львица! И она, действительно, была львицей, к-рой нужен был настоящий лев, к-рым хлюст Нерон, увы, не был, не мог стать и никогда не стал!

Впрочем, не будем торопиться. Пока ок. 28-летняя Пoppея искусно приручала безнадежно очарованного ею 21-летнего Митрофанушку Нерона. «...когда любовь захватила его, она стала держать себя с ним надменно и властно и, если он оставлял её у себя свыше одной или двух ночей, заявляла ему, что она замужняя женщина и не желает расторгнуть брак, пленённая образом жизни Отона, с к-рым никто не может сравниться: у него возвышенная душа и неподражаемое умение держаться с достоинством; в нём она видит все качества природённого властителя; а Нерон, опутанный наложницею-рабынею и привычкою к Акте, из этого сожительства по образу и подобию презренных рабов не извлёк ничего, кроме грязи и низости...» (13,46)

Любовь была для неё инструментом власти в качестве *первой леди*, положения к-рой следовало достичь ступень за ступенью. И если Нерон влюбился в Пoppею, что называется, по уши, то она в перспективе полюбила его, если, конечно, она его полюбила, разве что любовью матери-опекунши. И он, кого опека Агриппины донимала, нуждался в материнской опеке, но в такой, чтобы опекунша была (как бы) подвластной ему и в постели, и по жизни его неразъёмной половиной.

С откомандированием Отона в Лузитанию, у него не осталось конкурентов, в то время как Пoppее, чтобы заделаться полноценной императрицей, надлежало убрать с дороги, в общей сложности, трёх мешающих ей жён и трёх мешающих ей (или могущих помешать) мужей. Вольноотпущенницу Акте, с к-рой Нерон всё ещё

вместе радостно пользовали её, пока Нерон не воспыал любовью к ней и не пожелал, ни с кем не деля её, на ней жениться.

Короче, перед нами сложные-усложнённые конструкции, обусловленные исключительно презентацией античными авторами всех перечисляемых персонажей мрачной нероновской эпохи исчадиями ада в предельно чёрном свете, к-рые Тацит, глубже изучив материалы, в «Анналах» правомерно отбросил, остановившись на наиболее правдивом варианте, к-рый, воспроизводя реальную ситуацию без гиперутрированного сгущения красок, одновременно не является ни для Нерона, ни для Пoppей, ни для Отона какой-либо индугенцией.

продолжал сожительствовать; вдовствующую императрицу и королеву-мать Агриппину, к-рой Поппея стала поперёк горла ещё пуше, чем Акте; и в конце концов, законную супружницу Нерона, даром что нелюбимую им Октавию. Касаемо же мужей, хоть и не столь смертельно опасных для Поппеи, как названные женщины, речь идёт о Бурре, Сенеке и Нероновом вольноотпущеннике Дорифоре.

Бурр и Сенека мирились с безродной Акте, к-рая ублажала кесаря в постели, не представляя никакой властительской угрозы для них. Но с притязавшей на слишком многое (всё или ничего) Поппеей их, сторнников брака Нерона с кроткой Октавией, конфликт (рано или поздно) был неизбежен. А Дорифор, сходный Отону⁶⁹, товарищ кесаря в беспутствах, к-рому Нерон, как мы помним, подарил в 54г. 10 млн. сестерциев, позже, когда вольноотпущенники в 59г. (с 54 по 59гг. отодвинутые Нероном после их всесия при Клавдии в тень) снова войдут в силу, тоже проявит себя, возглавив чиновничество, как ярый противник брачного альянса между Нероном и Поппеей...

Однако, это дела более отдалённого будущего. Сейчас для Поппеи актуальный враг № 1, подлежащий непрременной ликвидации, – Агриппина! Если Акте Нерон, теснее сойдясь с Поппеей по отбытии Отона в Лузитанию, отстранил от себя, полностью переключившись на Поппею, очень быстро, то Агриппина никуда самоустраняться не собиралась, и с ней предстояло как решительно, так и окончательно разобраться.

ССЫЛКА Ф.КОРНЕЛИЯ СУЛЛЫ

Дела же 58-го г. н.э. шли своим чередом. Возможно, не без взаимосвязи с бурным романом Нерона и начавшей своё восхождение Поппеи в 58г. был сослан в Массилию Ф.Корнелий Сулла (Ан. 13,47), женатый, о чём мы знаем, на старшей дочери Клавдия Антонии, и потому, как сочлен кесарского клана Augustana, недоверчивому (становящийся тиран!) Нерону (как и входящей во вкус Поппее) минимум подозрительный.

Этот типичный декадент и вырожденец Сулла (конс. 52г.), сводный брат Мессалины, родившийся в 48г. ребёнок к-рого от Антонии (предназначавшейся ранее убитому в 47г. Помпею Магну) умер во младенчестве, был труслив, беззаботен и неопасен. Однако подозрительный Нерон (к-рый никогда не был пайнкой) всё равно династически опасался его, как и, к примеру, безвредного сына Юлии Друзовны (внучки Тиберия) – Рубеллия Плавта, считая беззаботность Суллы ловким притворством и лицемерием.

Все тираны чудовищно мнительны, а ещё более паталогически обидчивы (сродни злым детям или кобальдам), и на их мнительности-злобности представители придворной камарильи всегда могут найти способ интригански сыграть. Но дело было ещё и в том, что Нерона, как, всего-навсего, усыновленца последнего перед ним юлианско-клавдианского кесаря Клавдия (подвопросность легитимности), ревниво

⁶⁹ Бывший на пять лет старше Нерона экстрагавантный (род. в 32г.) Отон (отец к-рого – конс.-суф. 33г., как читатель знает, приходился, по слухам, незаконнорожденным сыном Тиберию и был поднят Клавдием в патрициат) являл собой классический пример римского гуляки-денди, к-рый (старший летами товарищ) являлся для молодого Нерона образцом и своеобразным «арбитром изящества» до Петрония. Степень их дружеской близости засвидетельствована у Диона (62,11,2), где ещё не опальному Отону однажды (до Поппеи) довелось в шутку сказать Нерону, что когда-нибудь тот увидит его в достоинстве кесаря, на что Нерон, оценив юмор, ответил, что не сделает его даже консулом, к-рым, стоит добавить, Отон, единственный за всю историю Рима квесторий во главе преторской провинции (Лузитания), при Нероне так и не сделался.

беспокоил равный ему, мужу Октавии, статус Суллы, мужа Антонии, в качестве Клавдиева зятя.

И вот Нероновы опасения усугубил прыткий придворный вольноотпущенник Грапт, судя по Тациту, старик и мастак в дворцовых интригах, обитавший при дворе с давних на 58г. дней (умершего в 37г.) Тиберия. Он инкриминировал Сулле организацию покушения на Нерона, неудавшегося, мол, лишь по счастливой для Цезаря случайности, в районе Мульвиева моста, или на самом мосту.

Речь о самом северном из римских мостов через Тибр, через к-рый шла Фламиниева дорога (via Flaminia) в Этрурию и Умбрию, соединявшая Рим с адриатическим Ариминием. Первые упоминания деревянного моста (Pons Mulvius) в северной оконечности Марсова поля относятся к концу IIIв. до н.э. Каменный мост был построен в 109г. до н.э. М.Эмилием Скавром. И позднее, если именно на Мульвиевом мосту была организована в 63г. до н.э. засада на послов племени аллоборгов, благодаря к-рой удалось получить доказательства для ликвидации заговора Катилины, то 14 лет спустя, в 49г. до н.э., именно по Мульвиеву мосту победоносно вошёл-вступил в Рим пересекавший Рубикон Цезарь, тогда как три с половиной века спустя именно на Мульвиевом мосту произошла в 312г. н.э. знаменитая судьбоносная битва между Константином («Сим победиши») и узурпатором Максенцием.⁷⁰

В IV в. н.э. район Мульвиева моста за чертой Померия был известен расположенными здесь значными местами, харчевнями и притонами, куда нередко навещался как Нерон, так и, надо понимать, падкий на «ночные соблазны» (13,47) Сулла, вовсе не понарошку (вопреки подозрениям Нерона) беззаботный чувственник-деградант. Так или иначе, однажды в 58г. какие-то молодые люди (от золотой молодёжи), озорничая и забавляясь, «нагнали страху на возвращавшихся в город по Фламиниевой дороге телохранителей Цезаря» (забавы ради напав на них на мосту), в то время как Нерон вернулся «другим путём в Саллюстиевы сады»⁷¹ (расположенные за городской стеной, перед Коллинскими воротами, у подножия Квиринала).

Согласно Грапту, нападение не было случайным и его организовал Сулла в видах покушения на Нерона, соответственно, по счастливой случайности, нападению не подвергнувшегося. Был ли этот оговор мотивирован конфликтом Грапта с Суллой? стояло ли за оговором элементарное желание нечистоплотного либерта небескорыстно выслужиться-нажиться? или кто-то использовал неразборчивого вольноотпущенника? — неизвестно.

При всех случаях, никаких доказательств виновности Суллы ни найдено, ни представлено не было. Однако, несмотря на то, что «выдвинутое против него обвинение самым решительным образом опровергалось его не способным ни на что

⁷⁰ Осенью 800г. через Мульвиев мост вступил в Рим коронованный 25.12. папой Львом III в базилике Св. Петра император Запада Карл Великий.

В 538г. этот мост подвергся сильному повреждению в ходе боевых действий между готами и византийским корпусом Велизария; в 1335г. — во время ожесточённых столкновений между (кардинальскими) кланами Орсини и Колонна; весной 1849г. — от рук гарибальдистов, после чего был восстановлен лишь в 1870г., когда сделанный столицей Итальянского королевства Рим перестал быть центром упразднённой Папской области, а папа (до достигнутых при Муссолини Латеранских соглашений 1929г. между Италией и Ватиканом) объявил себя пленником. С 1956г. Мульвиеву мосту, отныне исключительно пешеходному, присвоен статус памятника старины. Сегодня второе его название — «мост влюблённых», где молодожёны приковывают к фонарному столбу «замки любви».

⁷¹ Роскошные сады в форме ипподрома, принадлежавшие и получившие от него своё наименование историку Саллюстию (+ 34г. до н.э.) — владельцу участка Юлия Цезаря после убийства последнего.

дерзновенное трусливым характером, тем не менее ему было приказано, как если бы он и в самом деле был изобличён в преступлении, покинуть пределы родины и безвыездно прожить в стенах Массилии» (13,47).

Т.е., не менее, но более трусоватый, нежели Сулла, Нерон решил, на всякий пожарный случай, перестраховаться и ссыльно удалил Суллу в галльскую Массилию, где его впоследствии, по приказу Нерона, опять на всякий пожарный случай (как бы чего не вышло), безо всякой вины с его стороны, дабы он, видите ли, не взбунтовал (вдруг) из Галлии легионы на германской границе, всё-таки, по инициативе Тигеллина, *превентивно* умертвят (см. ниже).

КОНФЛИКТ В ПУТЕОЛИ

«При тех же консулах (58г.) сенат выслушал два посольства путеоланцев, одно из к-рых было отправлено декурионами, а другое простым народом Путеол: первые жаловались на чинимые толпою насилия, вторые — на алчность магистратов и наиболее влиятельных граждан...» (Ан. 13,48)

Путолы (ныне Пуццولي) — не раз фигурировавший в нашем повествовании приморский город в Кампании, основанный, предположительно, из (*великогреческих*) Кум, в VIв. до н.э., на мысе при Путоланском заливе, как греческая Дикеархея (*город справедливости*). Своё позднейшее название получил, дружественный римлянам и занятый ими ок. 215г., во II-ю Пуническую войну (когда конкурентная путеоланцам Капуя приняла сторону карфагенян), либо — из-за своих многочисленных колодцев — *puteol*, либо — из-за дурного запаха соседних минеральных источников — *tigna putent*. Его прекрасная гавань была защищена дамбой, построенной из пуццолана — пемзового песка, смешанного с известью.

Римская колонизация 195/94гг. впоследствии не один раз ранжированно повторялась — при Сулле? Августе (муниципий) и Нероне: с 60г. н.э. — *Colonia Claudia Neronensis* (см. ниже); со дней Веспасиана — *Colonia Flavia Augusta*. При Августе — стартовая гавань римских судов для регулярного плавания за зерном в Египет и Африку. В этой гавани была сосредоточена александрийская и испанская торговля с Италией. Наряду с римскими морскими воротами Остией она представляла собой основной порт Рима/Италии (к северу от Тарента и Брундиизи), причём постоянное возрастание значения Остии обусловило с конца IIв. н.э. постепенный закат Путолы.

В Гражданских войнах Iв. до н.э. — сначала на стороне Помпея, потом — Брута и Кассия. Место заключения — Путоланский залив — Мизенского, в 39г. до н.э., соглашения между Октавианом, Антонием и С.Помпеем (Аппиан «Г.в.» 5,303), перед тем Путолы разграбившего (Флор 2,18). Опорный пункт Октавиана в борьбе против С.Помпея до 36г. К этому времени относятся реновация М.Агриппой дороги в Кумы, сооружение дамбы, строительство ведущего в Неаполь тоннеля и разделение города на районы.

В кесарскую эпоху годичный ввоз египетского зерна составлял 20 млн. модий (Авр. Виктор 1,6). Следовательно, при Августе в Путолах были сооружены соответствующие зернохранилища. Калигула, как мы помним, возвёл в 39г. церемониально-потешный корабельный мост из Путолы в Байи. У Светония в «Жизнеописании Клавдия» читаем: «В Путолах и Остии он поставил по когорте для предотвращения пожаров» (25,2). Прибытие караванов зернового флота — значительное регулярное событие в жизни города — ярко живописует Сенека (Ер. 77).

Как именно доставленное морем зерно оседало здесь и доставлялось отсюда в Рим? — вопрос. М.б., небольшими судами — в Остию, и затем — в Город? или частично сухопутным путём? В 60-е гг. Нерон санкционировал строительство канала

(один из его маниловских проектов) длиной в 160 миль из путеоланской гавани — от Аверна до Остии, к-рое (б.м., вызвав, вследствие ошибочных инженерных расчётов, затопление части города в 67г.?) (см. ниже) так и не было осуществлено (Плиний 14,68; Ан. 15,42; Свет. «Нер.» 31,2). В 69г. Путеолы стояли (опять отлично от издавна конкурентной Капуи) на стороне Веспасиана (Тацит «Ист.» 3,57), что привело к увеличению территории колонии, к её привилегированному благоустройству и процветанию. В 95г. Домициан соединил город с Римом прямой дорогой *via Domitiana* без захода в Капую (Дион 67,14).

Но вернёмся в 58г. И, кстати, судя по тому, что ниже у Тацита (13,51) говорится об облегчении именно в этом году подвоза в Италию хлеба из заморских провинций, в связи с чем было «приказано при оценке имущества не учитывать стоимости купеческих кораблей и, соответственно не взимать за них установленного налога», можно предположить, что именно в 58г. было закончено начатое при Клавдии большое строительство новой и модернизация старой гавани в Остии.

Имело ли данное событие какое-либо отношение к путеоланскому конфликту — неясно, но, при всех случаях, в 58г. местные декурионы (члены муниципального совета, управлявшие муниципиями, чем подтверждается муниципальный статус Путеол на 58г.) жаловались в Рим на «чинимые толпою (по поводу?) насилия», тогда как «простой народ», со своей стороны, жаловался «на алчность магистратов и наиболее влиятельных граждан», т.е. путеоланских верхов и элиты (алчных ли вообще? или по какому-то конкретному поводу? связанному ли со сдачей в эксплуатацию остийской гавани, что, возможно, отразилось и на Путеолах, откуда зерно переправлялось в Остию? и в подробности чего Тацит не счёл нужным вдаваться).

Причём конфликтующие стороны оказались на грани настоящей вооружённой борьбы, почему сенат снарядил в город именитого законоведа Г.Кассия Лонгина, совсем недавно выступившего за соблюдение меры при принятии ура-постановлений относительно армянских достижений Корбулона (см. выше). Однако, поскольку путеоланцам (народу? или знати со магистраты?) не понравились принятые им слишком строгие меры, разбирательство дела, по его (взявшего самоотвод) сближенной просьбе, было возложено на братьев Скрибониев.

В объективе два, называемые античными источниками всегда в паре, брата — П.Сулпиций Скрибоний Прокул и Сулпиций Скрибоний Руф. Видимо, — пагодки (если не близнецы?), ибо Дион (63,17,3) отмечает минимальную разницу между ними в возрасте, они, как полагают, приходились сыновьями сенатору Скрибонию Прокулу, к-рый в 40г. был зверски растерзан отцами-сенаторами прямо в сенатской курии в угоду взевшемуся на него (по подстрекательству своего вольноотпущенника Протогена) Калигуле (см. выше).

Казнивший калигулианского злыдня Протогена Клавдий поощрял-продвигал обоих братьев, считая их отца безвинно загубленным. Вероятно, оба успели до 58г. облечь суффектное консульство, хотя документальных подтверждений тому нет, и вот (как консуляры) направились в Путеолы с приданной им преторианской когортой, страх перед к-рой, «а также казнь нескольких человек быстро восстановили согласие среди горожан» (13,48), чем, т.е. силовым методом и силовыми мерами, означенный путеоланский конфликт был исчерпан.

В перспективе, не позднее 60г., неразлучные братья Скрибонии отправятся наместничать в Германию, один — в Верхнюю, другой — в Нижнюю, где, став консулярскими легатами (из чего и следует облечение ими консульств до 58г., так как в 58/59гг. консульских вакансий нет), согласно Диону (63,17,2-4), пронаместничают долгое время, будучи в 67г. вызваны позарившимся на их богатство расточительным Нероном в Грецию, чтобы там, не представ ни перед судом, ни перед кесарем, покончить, предупреждая смертный приговор, самоубийством (см. ниже).

ХОДАТАЙСТВО СИРАКУЗ И ТРАЗЕЯ ПЕТ

Тацит: «Я не стал бы упоминать о весьма маловажном сенатском указе, разрешавшем жителям Сиракуз давать игры с участием большего, чем допускалось, числа гладиаторов, если бы против него не выступил с возражениями Тразея Пет и не подал тем самым своим недоброжелателям повода порицать его за высказанное им мнение...» (Ан.13,49)

Если Сицилия – крупнейший остров Средиземного моря, звался, по трём мысам, придающим ему форму треугольника, у греческих поэтов – Тринакрия, а у римских – Трикетра, то основанные ок. 735 – 33гг. дорийцами-коринфянами, под предводительством Архия, Сиракузы – самая большая, богатая и значительная греческая колония Сицилии (в рамках «Великой Греции»), получили своё название от имени окрестных озера и болот Сугасо. Первоизвестными коренными обитателями Сицилии были иберийцы-сиканы на западе и индоевропейцы-сиккулы на востоке, плюс – представлявшие остатки древнего средиземноморского населения – элимы. Финикийцы основали ряд торговых поселений на острове в IXв. С VIIIв. началась греческая колонизация: сначала – ионийцы, потом – доритяне. Большинство их колоний возникли на восточном и южном побережье: Сиракузы («глаз острова»), Агригент («второй глаз»), Селинунт, Гела, Леонтины, Гимера, Мессана.

При всём том, изначальные Сиракузы занимали только остров Ортигия (к-рый сегодня соединён с Сицилией двумя мостами и известен как руинами храмов Аполлона и Афины, так и источником Аретузы). С севера к колонии примыкала большая гавань, с юга – малая. На севере от малой гавани лежали городские районы Ахрадина и Тихе, западнее находились театр и амфитеатр. Город быстро разросся и образовал 4, или, со включением Эпипола, 5 окружённых особой стеной частей-районов.

В него входили: 1) остров Ортигия, с дворцом Гиерона (в к-ром с IIIв. до н.э. резидировали римские наместники) и весьма укреплённый акрополь, скрытый в 343г. до н.э., по приказу коринфянина Тимолеона, к-рого сиракузцы призвали с войском для устранения внутренних неурядиц и к-рый привлёк сюда 60 тыс. коринфских переселенцев; узкий канал отделял Ортигию от Сицилии, с к-рой она была соединена сначала плотиной, затем – мостом; 2) соседняя к северу Ахрадина занимала крутую высоту на восточной стороне города до гавани Трогила, по размерам в 4 раза превышая Ортигию, будучи хорошо укреплена, имея форум, пританей, курию, храм Зевса Олимпийского и театр; 3) район Тихе, с храмом Тихе, примыкал к северной части Ахрадины и был самой многонаселённой частью города; 4) Неаполь (ранее Теменит), южнее Тихе и западнее Ахрадины, славился самым большим театром на острове и множеством храмов; 5) Эпиполы, на высоте к западу от Тихе и Неаполя, господствовали над остальными городскими районами.

Прямые потомки основателей города – гаморы – являлись привилегированными и правоспособными гражданами и собственниками, сосредоточившими в своих руках имущественные и политические права: аристократия и одновременно олигархат. Из Сиракуз были основаны сицилийские колонии: Акрон – 664г., Ксменой – 644г., Каморина – 595г. Расцвет и наибольшее могущество Сиракуз, крупнейшего, сродни Карфагену, в Западном Средиземноморье, с (превосходившей Рим) окружностью в 180 стадий (4,5 мили), города пришлись на Vв. до н.э.

В 485 – 80гг. местная чернь, соединившись с рабами, свергла гаморов, к-рые обратились за помощью к преемнику Гиппократу тирану Гелы – Гелону, кто, без сопротивления, овладел Сиракузами, сделал их своей резиденцией, и установив

режим мягкой тирании, обеспечил значительно разросшемуся городу последующий, в царствование его брата Гиерона (478 – 66гг.), период процветания. В 474г. сиракузяне одержали важную морскую победу у побережья Кум над этрусками. При дворе меценатистого Гиерона, прославленного Пиндаром за победы на Олимпийских и Пифийских играх, обретались Эсхил, Симонид, Вакхилид, Эпихарис. Но он сам при этом был подозрительным и жестоким тираном, почему при его брате Фрасибулле произошло свержение тирании и введение демократии – 461г., что, вместе с тем, обусловило начало упадка.

Впрочем, сицилийская экспедиция Алкивида и Никия (415 – 13гг.) в ходе Пелопонесской войны, окончившаяся поражением афинян, имела результатом новое усиление Сиракуз, достигших апогея могущества и славы первого греческого города на западе в правление нового тирана Дионисия I (405 – 367гг.), при неумелом преемнике к-рого Дионисии II сиракузанскую тиранию вторично сверг вышеупомянутый нами Тимолеон (343г.), сложивший власть после шестилетнего правления – 337г. – в пользу демократии и 600-от олигархов.

Но в 317г. Агафокл, одержав победу над Карфагеном, с к-рым Сиракузы впервые столкнулись неудачно для себя ещё в 406/05гг., взял власть и восстановил тиранию. С его кончиной в 289г. наступила полоса смут и деспотизма, и если бы не появление в 278г. в Сиракузах Пирра из Эпира, вся Сицилия подпала бы власти карфагенян.

При Гиероне II (268 – 14гг.) была одержана победа над занявшими Мессену кампанскими наёмниками (мамертинцами), к-рые обратились за помощью к Риму и Карфагену, что стало поводом для I-й Пунической войны. По завоевании же Мессены Римом, Гиерон заключил с ними мир и союз, тогда как после его смерти, при его внуке Иерониме, во II-ю Пуническую войну, верх взяла карфагенская партия. В 212г. Клавдий Марцелл взял два года осаждавшийся римлянами город, причём во время взятия погиб великий математик Архимед, причинивший римлянам немало вреда своими оборонительными машинами. Согласно преданию, когда римский воин ворвался в его дом, чтобы убить его, Архимед решал очередную математическую задачу и попросил воина немного подождать, вслед за чем, найдя нужное решение, мужественно принял смерть.

Если в I-й Пунической войне Карфагену пришлось отказаться от Сицилии (как Османской империи в 1774г. от ставшего до русской аннексии 1783г. формально независимым Крымского ханства), то с 212г. в Сиракузах, как сказано, резидировал преторский легат первой римской провинции – Сицилия.

* * *

То, что местное сиракузанско-космополитическое население, с его (при множестве вольноотпущенников и рабов) отягощённой иберийско-сикульской, финикийской, старогреческой и карфагенской наследственностью, на к-рую в I/Ivv. мощно наложились также римский декаданс, отличалось повышенной развращённостью, – вне сомнений. И, в частности, здесь, насколько можно судить, с особым смаком упивались гладиаторскими побоищами (к-рые, как известно, вызывали эстетическое отвращение-отторжение у настоящих греков), в связи с чем Сиракузы обратились в Рим с ходатайством позволить им задействовать для участия в играх более допустимого-допущенного числа гладиаторов. Сенат специальным указом удовлетворил это ходатайство, но против такого решения вытупил уже немного знакомый нам стоик Тразея Пет (см. выше), мотивация данного выступления к-рого ни из его, ни из тацитовских уст не выглядит, честно говоря, убедительной (чем-то

напоминающая «навязанную» Троцким большевистской партии «дискуссию о проф-союзах»⁷²).

П.Клодий Тразея Пет происходил, напомним, из богатой и знатной фамилии в Патавии. В 42г., женатый на дочери созаговорщика Камилла Скрибониана А.Цецины Пета (конс.-суф. 37г.) и Аррии Старшей, уговаривал свою тещу не кончать самоубийством вместе с тестем, о чём у Плиния Младшего находим: «Тразея, зять её, умоляя её не искать смерти, сказал между прочим: «Что же, если мне придётся погибнуть, ты хочешь, чтобы и дочь твоя умерла вместе со мной?» (на что Аррия ответила:) «Если она проживёт с тобой так долго и в такой согласии, как я с Петом, то да – хочу» (3,16). Притом она, как читатель знает, пронзила кинжалом сначала себя, после чего передала кинжал мужу со словами: «Не больно, Пет». (см. выше).

Со смертью тестя Тразея необычным для зятя образом взял его когномен, чем бросил своеобразный молчаливый вызов Клавдию (и дому Цезарей), при к-ром так и не облёк консульство, сделавшись консулом лишь в 56г., в возрасте, должно быть, ок. 50-и лет, по протекции философски единомысленного с ним учителя-стоика Сенеки, при раннем либеральном Нероне, как раз в год, когда зять Тразеи, женатый на дочери Аррии Младшей, Фаннии, Гельвидий Приск облёк народный трибунал. Далее, благодаря, опять-таки, Сенеке, Тразею включили в состав коллегии квиндецемвиров, и он, в той или иной мере, участвуя с 57 по 63г. в работе сената, точнее, время от времени присутствуя на его заседаниях, стал первой фигурой т.н. формальной или пассивной стоической оппозиции.

Дело было в том, что начиная с Тиберия, лишённый реальной власти ещё Цезарем (диктатура) и Августом (бархатный принципатовский авторитаризм) сенат даже не столько требовал к себе, сколько просил для себя уважения у принцепсов, как даже – не столько к свадебному генералу, сколько – бери выше! – к паркетному маршалу, чем очень раздражал кесарей поры *кесарева безумия*, каждый из к-рых начинал с демонстрации всяческого уважения к отцам-сенатором, к-рое в итоге, у

⁷² «Никто не может быть правым без или вне партии. Правым можно быть только с партией» (Троцкий). То-то Сталин позднее скажет, что «Троцкий на брюхе подполз к партии». «Никакой большевик не может и не должен идти против линии партии» (Ленин). «Партия – рука миллионнопалая, сжатая в один громающий кулак» (Маяковский). На объявленную было Бухариным в 1937г. голодовку, Сталин с величайшим упреком сказал ему: «Против кого голодаешь? Против партии?» И (устыдившийся) Бухарчик (как его до опалы ласково называл Сталин) голодовку прекратил. Что есть большевистская партия, если не Молох, к-рый постоянно требовал человеческих жертв!

Хотя приведём всего две цитаты (в т.ч., академика) Бухарина (пусть вторая лишь предположительно принадлежит ему), к-рого Ленин называл «любимцем партии» (и даже «своим сыном»), дабы понять, в какой мере он был из тех многих, кто вполне заслужили свою незавидную, но закономерную судьбу:

«С точки зрения большого по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

«Мы проводим эксперимент над своим народом, так же, как студент-медик экспериментирует над трупом, купленным в анатомическом театре».

Показательно, что, очень страшась расстрела, точнее, отсутствия у себя мужества достойно принять смерть, Бухарин умолял Сталина в последнем личном письме (с одной стороны, клянясь в собственной невинности, с другой же, заявляя о своей готовности умереть как «враг народа», если уж это необходимо для дела строительства коммунизма), чтобы ему дали морфий, от к-рого-де он тихо заснёт в камере и не проснётся (тогда как всем, разумеется, надлежащим макаром объявят о его расстреле). Но письмо осталось без ответа, зоологические прокурорские штампы Вышинского были беспощадны (13.03.1938г.), покаянное слово самого Бухарина на суде («Чужовищность моих преступлений безмерна») никого и ничего не смягчило, а расстрельные выстрелы прозвучали спустя два дня на полигоне «Коммунарка».

каждого из них — от Тиберия до Нерона, по-разному и в разной степени, переходило в диктаторско-террористический беспредел. И во многом отцы-сенаторы, давно перестав быть отцами нации, сами давали к тому повод, с одной стороны, безмерно лебезя перед кесарями, а с другой, пытаясь в лице ряда своих представителей иногда показать, что они чего-то стоят, и что конституционно продолжающая существовать Республика при Империи (рождённая великим комбинатором Августом) не (совсем и не во всём) пустая формальность (дескать, — со звуком и запахом).

Правда, Тразей выгодно отличается от прочей сенаторской братии (= от гос. сволочи), так как не делал подлостей, беря на вооружение, чем дальше, тем больше, т.н. абсентизм, т.е. полупротестное уклонение от политической деятельности, в свете невозможности повлиять на принимаемые сенатом (как Верховным Советом СССР) единогласные решения-постановления (безликого большинства). Ведь при Тиберии, Калигуле, Клавдии и Нероне уже нельзя было вести себя не только так, как, к примеру, вели себя Поллион и Мессала при в меру толерантном Августе, но и скромно отмалчиваться, что могло быть истолковано как нелояльность и готовность, при удобном случае, нанести республиканской монархии и республиканским монархам удар в спину.

Где и когда Тразее довелось в интервале 57 — 62гг. однажды наместничать, взяв с собой в провинцию родственного его супруге поэта Персия, — неизвестно. Зато мы знаем, что в 57г. он поддержал в сенате иск киликийцев против осуждённого по закону о вымогательствах наместника Коссуциана Капитона — зятя Тигеллина, чего они оба ему не забудут и не простят.

А в следующем 58г. имело место вышеоговоренное выступление Тразеи против удовлетворения гладиаторско-количественного прошения сиракузян, из-за чего на него тотчас посыпались упрёки в том, что он-де молчит по важным вопросам и, наоборот, активничает или делает вид, что активничает по вопросам столь незначительным, напрасно навязывая сенаторам никчемную дискуссию. Неужели так важно обставление гладиаторских боёв в Сиракузах с чрезмерной пышностью? «А всё прочее в Римской империи так превосходно и безупречно, словно правит ею не Нерон, а Тразей?» Не должно ли ему, раз уж он хранит молчание относительно главного, воздерживаться и «от словопрений о пустяках» (13,49).

Подоплёка опасного ненавязчиво предвещающего обвинение в обскорблении величия/величества (к-рое при Нероне до 62г. не применялось) упрёка сенаторов-лизоблюдов касаясь «правления, дескать, не Нерона, а Тразеи» вполне понятна. Однако, в приводимом контексте возражения, выдвинутого Тразеей против удовлетворения просьбы Сиракуз, упрёк неуместен.

К тому же, мотивация этого его выступления была непонятна, в т.ч., его друзьям, на недоумение к-рых он, согласно Тациту, ответил, «что вносит поправки к постановлениям подобного рода не по незнанию действительного положения дел, но для того, чтобы сенат пользовался подобающим ему уважением и всякому было ясно, что кто не проходит мимо таких мелочей, те не преминут взять на себя заботу и о существе» (13,49).

Убедительно? Снова нет: ни со стороны сената, ни со стороны Тразеи, чему виной, надо думать, невнятный или искажённо дошедший до нас рассказ Тацита. Скорее, Тразею возмутило, как стойка, сенатское поощрение кровожадных аппетитов сиракузян, санкционированное, в первую очередь, Нероном, отчего он и выступил (эзоповым языком) против, получив (как ответку) обвинение (тоже достаточно эзоповым языком) в (непрямом) антинеронианстве от сервильных коллег.

Куда чётче позиционно-мировоззренческие точки над *i* будут расставлены в следующем 59г. Когда Нерон, убив свою мать (якобы за организацию ею смертоубийственного заговора против него), направит сенату послание, оправдывающее

это (мол, превентивно-самозащитное) убийство, и сенаторы наперебой начнут предлагать холуйские меры по искоренению памяти Агриппины и вознесению благодарности богам, Тразея, единственный из присутствующих, не проронив ни слова, демонстративно покинет курию, чтобы не участвовать в этом чудовишном балагане, чем фактически бросит незабываемую перчатку Нерону. И впоследствии, несмотря на весь его дальнейший, особенно после отхода от дел Сенеки в 62г. (когда, по последней сенатской инициативе Тразеи, Антистий Ветер, за оскорбительные стихи против Нерона, отправится не на эшафот, а в изгнание), абсентизм пассивно-протестного политического недеяния-бездействия, он уже будет обречён рано или поздно стать жертвой террористического беспредела тирании, что, в конце концов, с ним в 66г. и случится (см. ниже).

И не случайно рукопись «Анналов» Тацита обрывается как раз на словах о том, как стоически умирает вскрывший себе вены Тразея — этот Кремуций Корд нероновского правления, составивший в пору своего максимального абсентизма 62/63 — 66гг. не дошедшее до нас «Жизнеописание» избранного им в качестве поведенческого образца-идеала Катона Младшего (см. ниже).

НЕРОНОВСКАЯ МАНИЛОВЩИНА

«В том же году, обеспокоенный настойчивыми жалобами народа, обвинявшего откупщиков в разнузданном произволе, Нерон задумался, не отдать ли ему приказ об уничтожении всех взимаемых пошлин, предоставив этим роду человеческому прекраснейший дар. Сенаторы превознесли похвалами великодушие принцепса, однако охладили его порыв, убедив его в том, что сокращение обеспечивающих могущество государства доходов неизбежно приведёт к распаду империи: ведь за упразднением пошлин последует требование и об отмене налогов...» (Ан. 13,50)

Откуп — система сбора с населения налогов и др. гос. доходов, при к-рой государство в Греции и Риме за определённую плату передавало право их сбора частным лицам — откупщикам. При этом в руках откупщиков часто накапливались значительные богатства, так как собранные ими налоги и сборы с населения в 2/3 раза превышали средства, вносимые в казну.

Ещё в древних Афинах откупщики гос. доходов, жадные до барышей и чрезвычайно назойливые, вызывали ненависть у граждан, к-рые, по возможности, гнушались ими и презирали их.

В римско-республиканской финансовой системе лица, бравшие на откуп у государства его имущество — *publicum* (земли — *ager*, пастбища — *scripturae*, рудники — *metalla*, соляные вариницы — *salinae*), равно — гос. доходы (налоги — *vectigalia*, пошлины — *portoria*) и общественные подряды (на постройки) и поставки (например, хлеба), звались *publicani*. Причём здесь они, представители всаднического сословия, поскольку для сенаторов считалось неприличным всякое дело, связанное с барышами, составили особую прослойку римских богатеев, так как лишь богатые могли брать на откуп гос. доходы, внося крупные наличные суммы.

Более того, для принятия откупов и подрядов эти богатые всадники объединялись в своего рода акционерные компании (*societatis publicanorum* или *vectigalium*) и вели дела всем товариществом-обществом под руководством главного предпринимателя (*managers*), с соподчинёнными магистрами, комиссарами и проч. многочисленной чиновной челядью из свободно- и несвободнорождённых. Отдача на откуп или с подряда происходила на Форуме по контрактам (*tabulae censoriae*), в к-рых магистраты, руководившие торгами, выставляли условия (*leges censoriae*)

сроком обыкновенно на пятилетку (*lustrum*). Торги совершал цензор, к-рый должен был составлять смету. Ближайшее руководство принадлежало ежегодно сменяемому директору выигравшей торги (как тендер!) компании – магистру; или в провинциях – промагистру.

И во всех случаях сбора пошлин или налогов публиканы, превратившиеся во II/I вв. в могущественную всадническо-финансовую аристократию (вернее, в своеобразную буржуазию из казалося бы рыцарственного всадничества) больше всего радели о том, как бы выручить не только уплаченную за откуп сумму, но и, главное, добыть хороший барыш, вследствие чего прибегали к различным притеснениям и незаконным мерам, что особенно пагубно отражалось на провинциях. Ведь римские граждане были с середины II в. до н.э. свободны от уплаты прямых налогов, тогда как расширение территории Империи и, соответственно, территориальное расширение финансовых операций публиканов крайне больно било по провинциалам. Притом в провинциях публиканы либо вступали в грабительский союз с наместниками, либо последние пытались их обуздать, что приводило к серьёзным конфликтам, отнюдь не всегда заканчивавшимся, при разбирательстве дел в Риме, в пользу обуздателей-наместников или жалобщиков-провинциалов.

Положение изменилось и продолжало меняться в лучшую сторону лишь после Рубикона (не случайно публиканами, к-рым был куда выгоднее *горизонтальный* республиканский беспредел олигархов, нежели *вертикальный* цезаристский порядок, были поддержаны Помпей и сенат), в особенности при Августе, когда цезаризм свёл политическое влияние публиканов на нет, в то время как сам Август установил твёрдый порядок. И он же начал долгий, в целом закончившийся аж при Антонинах, процесс постепенного перевода всей системы сбора налогов, взимания пошлин и т.д., из-под установленного при первых кесарях государством более эффективного контроля, в прямое ведение государства. Однако, тем не менее, проблема не была снята, время от времени, в зависимости от положения дел при каждом принцепсе, вновь обостряясь и актуализируясь.

Впрочем, публиканские функции полномерно перешли к государству лишь при Веспасиане и Траяне, с окончательным упразднением института публиканов в III в. н.э., при Северах, между тем как порывное желание Нерона («души прекрасные порывы») в 58г. заключалось в том, чтобы уничтожить все взимаемые пошлины. Т.е., насколько следует выводиться из Тацита, – уничтожить-отменить-упразднить одним махом (росчерком пера) все виды косвенных налогов (ибо речь никак не могла идти об уничтожении в масштабах Империи всех налогов вообще), и тем осчастливить, сделав ему прекрасный подарок, род человеческий, иначе говоря, многомиллионное человечество Римской империи.

Короче, в голове 21-летнего кесаря-ойкумениста (с наклонностями мирового эллиниста), к-рый (не дотягивая пока, по возрасту, до *отца*) искренне хотел быть (минимум) *благодетелем* (как римского народа, так и эллинистического) *рода человеческого* и жаждал-вождедел нравиться как гражданам, так и подданным, родился поистине маниловский проект-проект. И надо сказать, то был проект, вполне сравнимый с благими намерениями, например, либеральных эрцгерцогов Рудольфа фон Габсбурга или Франца Фердинанда, планы к-рых по миротворному новообустройству лоскутной Австро-Венгрии были сколь прекраснотворными, столь и эфемерно неосуществимыми.⁷³

⁷³ Уже Наполеон (плюс сам факт возникновения в 1701г. и усиления на протяжении всего XVIII в. Прусского королевства = прусско-германского акселерата) запустил процесс выведения дряхлеющей Австрийской империи в державный офсайт, лишив Габсбургов короны упразднённой им Священной Римской империи (1806г.), на евродоминантное место к-рой

Налицо обусловленный незрелостью и несостоятельностью политика-принцепса революционный радикализм-максимализм, популизм и утопизм, ярко иллюстрирующий, в какой мере молодой барчук Нерон (педократия к-рого много экстремальнее педократии Калигулы) был способен самостоятельно управлять государством в возрасте, когда Александр Великий готовился выступить в свой великий поход на Восток, а идущий к становлению выдающимся Августом Октавиан стал одним из победителей судьбоносной битвы при Филиппах.

заступила Французская империя, с ним, Наполеоном, в качестве императора французов (с 1804г.) во главе.

Притом обратим внимание на разницу в титулатуре: 1) император сакрально-космополитического объединения Священная Римская империя (пусть с 1512г. – германской нации = её фундирующая сила-основа) как нового христианского Рима (с коронации императорской короной в 800г. Карла Великого и с учреждения собственно *Sacrum Imperium Romanum* Оттоном Великим в 962г. = просуществовавший 1000 лет I-й Рейх); 2) национал-император именно французов и Французской империи. Не космополитизм, но (французский) национализм (на базе противодействия к-рому, противопоставляя рационал-материализму Просвещения романтизм и иррационализм, поднял голову и больше не опускал её аж до 1945г. национализм германский)! То-то один из основных лозунгов-девизов Французской революции гласил: «Да здравствует (именно) нация!»

А затем максимально деградировавшая Наполеоном (кто в противовес конкурентным Австрии и Пруссии поднимал статус ближних к вышедшей в революцию на границу по Рейну и к создавшей при Наполеоне подвассальный Рейнский союз Франции, более зависимых от неё Баварии, Вюртемберга, Бадена, Гессен-Дармштадта) Австрия постепенно теряла лидерство в (сменившем Священную Римскую империю) конфедеративном Германском союзе (образованном после победы над Наполеоном) в пользу Пруссии. И окончательно-официально она лишилась этого формального главенства в результате Австро-прусской войны 1866г., следом за чем, в 1867г., не будучи в силах далее в одиночку державно держать Империю, пошла на её дуализацию, став дуалистической Австро-венгерской монархией = поделившись с Венгрией (земли австрийской короны и земли венгерской короны, к-рая включала, в частности, славянские Словакию, Словению, Хорватию, мадьярско-привалашскую Трансильванию и т.д.).

И далее, после 1866/67гг., в либеральных верхах Австрии, по нарастающей, муссировалась идея превращения дуалистической Дунайской монархии в триалистическую, т.е. превращения австро-венгерского в австро-венгеро-славянское государство = геополитическое объединение, активным приверженцем чего был наследник габсбургского престола после самоубийства кронпринца Рудольфа (1889г.), известный своим (очень не импонировавшим венграм) славянофильством эрцгерцог Франц Фердинанд, кто, по горькой иронии судьбы, трагически погиб от выстрелов славянина Гаврило Принципа 28.06.1914г., что и запало катастрофический фитиль I-й Мировой войны. Не на пустом месте Гитлер в «Mein Kampf» пишет о том, как он был удивлён, узнав, что Франца Фердинанда убил сербский националист, ибо, по мнению Гитлера, эрцгерцог (предатель интересов германства) заслужил смерть от руки германского патриота.

Проекты и требования уравнивания в правах (= равноправного партнёрства в триедином государстве) с венграми исходили сначала от западных славян Чехии (Богемия), Моравии, Силезии, затем – с начала XXв. – от южнославянской Хорватии, к-рая (владение венгерской короны), с одной стороны, противостояла Венгрии, между тем как, с другой, претендовала на свою главенствующую роль в объединении, под верховной эгидой Вены, южных славян в пику покровительствуемой Россией Сербии. И наконец, австрийские поляки (Малопольское и Подкарпатское воеводства) выступили за автономную, в пределах Габсбургской монархии, Польшу, с видами на присоединение к ней Царства Польского, бывшего в составе России. (Положение поляков в Австро-Венгрии было на порядок лучше, чем положение поляков в Российской империи и в Пруссии – ядра с 1871г. Германской империи.)

Однако, если (преимущественно католическая) Венгрия была этнически однородной и для дуалистического (с католической Австрией) государства практически подходила, то славянство, как видим, было пёстро разнородным, более того, оно сделалось после аннексии в 1908г. Австро-Венгрией (оккупированной ею с 1878г.) Боснии и Герцеговины конфликтно разноконфессиональным (католики – хорваты и словенцы; православные – сербы; босняки-

То-то сведущие лица тотчас указали принцепсу на неминуемое, вслед за упразднением пошлин, требование о ликвидации налогов и на дальнейший означающий конец государства и всеобщий хаос (с войной всех против всех) распад империи. И благо у Нерона, по крайней мере, хватило ума, чтобы не упорствовать в своей прекраснородушной маниловщине. В результате он, отказавшись от первоначального глобалистско-революционистского намерения, ввёл ряд мелких мер против производства публиканов, чему Тацит отдаёт должное, со временем, забыты.

Хотя в конце оговаривается, что «до наших дней (= первые десятилетия Пв.

мусульмане), и полноценную третью составляющую-компоненту триалистической империи составить в реальности не могло. Спрашивается: как объединить (в рамках католической монархии), под одним, фигурально выражаясь, славянским знаменем (да ещё равноправным австрийскому и венгерскому знамёнам!), чехов, силезцев, словаков, хорватов, словенцев, сербов, поляков, русинов, часть западных украинцев, славян-мусульман? Где конкретно искать «земли славянской короны» и что «они», не подводящиеся под одну «корону», как и сама эта «корона», такое? Значит, — не триализм, но тетрализм, и даже (не без иронии) пентархия, или и того больше непонятных-нереализуемых-иреальных многочленений (делений на многочлен)?

При всём том, немецкое население Дунайской монархии, составляя всего ок. 30% от общего населения Империи, занимало повсеместно привилегированное положение, что вызвало всё большее недовольство как со стороны всё более требовательных венгров, желавших полного властительского равноправия с австрийцами (но не со славянами), так и со стороны наиболее бесправных и завидовавших прыгнувшим в дамки венграм славян, чем активно пользовались внешнеполитические противники Австро-Венгрии, прежде всего, Сербия и стоявшая за ней (панславистская) Россия, плюс державные члены Антанты — Англия и Франция, плюс притязавшая на венгерскую Трансильванию Румыния, плюс желавшая заполучить Триент, Трентино, Больцано Италия (свои владения в к-рой, Ломбардию, Модену, Венецию, Австрия и Габсбурги проиграли ещё в XIXв.).

И весьма примечательно, что именно престарелый Франц Иосиф, в самом начале правления к-рого Австрийская империя уцелела благодаря России, сделал в 1914г. первый выстрел I-й Мировой войны, положившей конец существованию проигравшей войну в составе Четверного блока и распавшейся именно на национальные государства (растасенной по национальным квартирам) Дунайской монархии (несостоявшаяся проекция Евросоюза!).

Дело в том, что, повторим и дополним, в связи с убийством Франца Фердинанда в Сараево (Босния) Австро-Венгрия предъявила Сербии, спец. службы к-рой, как и крышевавшая-курировавшая их российская спец. агентура при российском посольстве в Белграде, приложили руку к этому убийству, месячный ультиматум, принятый Сербией с поправками и оговорками по ряду пунктов. И очень знаменательно, что старший союзник Вены Берлин рекомендовал ей согласиться (во избежание большой войны) на сербские поправки, с чем Франц Иосиф не согласился, всё-таки начав 28.07. развёрнутые военные действия против Сербии.

И не менее примечательно-знаменательно, что когда Германия была уже в состоянии войны на два фронта и с Россией (1.08.1914г.), и с Францией (3.08.), Великобритания аж до 3/4.08. лавировала и создавала у немцев иллюзию своего невмешательства, под конец официально обидевшись за нарушение-де Германией (гарантированного Пруссией в 1839г.) нейтралитета Бельгии. Причём 8 из 11 членов британского кабинета министров были поначалу против войны, на вступление Британии в к-рую настояли премьер-министр Г.Асквит, министр иностранных дел Э.Грей и первый лорд Адмиралтейства (наиболее непримиримый враг Германии, как и вскоре — большевизма) У.Черчилль.

Так маховик чудовищной Мировой бойни был раскручен-запущен, и по её итогам три христианские монархии, Германия, Австро-Венгрия, Россия (— не выдержавшие, отлично от Англии и Франции, испытания войной архаично-консервативные режимы), рухнули. И это крушение лоскутной Австро-Венгрии навсегда похоронило под своими обломками эфемерный проект части либерально-славянофильских верхов Австрии по созданию венчаемого конституционными Габсбургами Триалистического-Триединого федеративного государства под (несбыточным) названием — Соединённые Штаты Великой Австрии (!).

н.э.) остаётся в силе отмена пошлины в размере одной сороковой и одной пятидесятой, а также прочих незаконно установленных откупщиками поборов» (13,51). Речь ведётся о сборах в размере 2,5 и 2% от суммы, на которую совершалась сделка, правда, с каких именно сделок откупщиками данные поборы взимались, — неизвестно. Да и оставаться в формальной юридической силе для законов и постановлений вовсе не значит быть в реальном действии.

К слову, на памяти ещё и Павел I со своими отнюдь не отрицающими его самодурства дон-кихотскими выходками, планами, проектами, к-рые несовместимы с сидением на троне какого-либо государства — всегда (иное дело — мера) категорического императива, противоположного Богу (Кому невозможно служить, служа маммоне!)! И, увы или не увы, сидельцу на троне «бунтовать никак нельзя». Седалища не хватит, особенно, если оно бездумно заменяет голову! (коли ты не есть могущий начать, оседлать, совершить революцию-реформацию сверху Пётр Великий = революционный реформатор на троне! = сравнительно лучшая = легитимная форма революции как грандиозного-коренного реформирования-переформатирования страны и общества!).

РАЗНОЕ

Итак, близившаяся в 58г. к концу первая «золотая», или скорее, «позолоченная» пятилетка Нерона была отмечена активной борьбой с коррупцией — внутренней и провинциальной, осуждением доносчиков-делаторов, улучшением работ судов и собственно судопроизводства, мерами против подделки завещаний, невозобновлением дел об адюльтерах по закону Папия-Поппея (9г. н.э.), наконец, действующим мораторием на (зловещий) закон «Об оскорблении величия», и т.д.

Но вот ближе к исходу этого квинквинального пятилетия, в преддверии его матереубийственного финала, борьба, в частности, с коррупцией пошла на убыль. И не потому что последняя (в меру сократившись) была побеждена, а потому что от репрессивных мер страдали и сенатские верхи, где взгляды антикоррупционеров и сторонников толерантности разделились, мало того, число вторых постепенно росло.

Так симптоматично оправдание по двум делам 58г. двух «признанных невиновными Цезарем» легатов Африки в интервале, скорей всего, 54 — 57гг. (при Нероне) — Кв.Сульпиция Камерина и М.Помпея Сильвана Стаберия Флавина (Ан. 13,52). Оба упоминались нами выше. Первый (в тацитовской очередности) — конс.-суф. 46г., член коллегии Арвальских братьев в 57 — 60 и 63гг. (60г. — *magister*) (CIL 6,2039/40, 2041-43), возможно, потомок одноимённого консула 9г. н.э., адресата одного из овидианских «Посланий с Понта» (4,16,19). В 67г. он будет вместе с сыном обвинён в Риме М.Аквиллием Регулом, в пору пребывания Нерона в Греции, и оба погибнут (см. ниже). Камеринов хвалит Ювенал (7,90; 8,38). Второй — конс.-суф. 45г., происходя из Арелата (Нарбоннская Галлия), был сыном М.Помпея Приска из Терентинской трибы. В 68г. Гальба назначит его легатом Далмации; при Веспасиане — куратор *aquarum* 71 — 73гг. и конс.-суф. *iterum* в 74г.; при Домициане — дезигнат на третье суф. консульство в 83г., к-рое он не успеет облечь, поскольку мирно скончается.

Далее, судя по тому, что Помпей облакал консульство на год раньше Камерина, вероятно, и его легатура в Африке (несмотря на очередность Тацита) тоже предшествовала камериновской. Причём, если Камерин обвинялся больше в жестокости, проявленной им во время наместничества, чем в вымогательствах, то упор противопомпеянского обвинения делался именно на коррупции.

Однако, обоих Нерон признал невиновными (рассудив ли по справедливости?)

из соображений ли конъюнктуры? — неясно), к тому же, Помпея, следуя Тациту, — т.к. он «был богат, бездетен и в преколонных годах» (отсюда спрашивается, сколько лет ему было при Веспасиане и Домициане?!). Дело в том (или ещё и в том), что в случае осуждения, конфискованное помпеянское богатство перешло бы в гос. казну — эрарий, а так оно должно было достаться оправдавшему бездетного легата императору, к-рый (как и Сенека) не ведал, что этот преклонновозрастный уже в 58г. легат переживёт его аж на 25 (!) лет.

Не ограниченные сроками нахождения у власти политики ещё прежде, чем потерять чувство реальности (и слышать-видеть только то, что они хотят слышать-видеть) теряют чувство времени (уж не говоря о вечности). Не написал ли Николай II (считавший себя «помазанником Божиим»⁷⁴ и говоривший: «Какое мне дело до общественного мнения?») во время переписи 1897г. в графе «род занятий»: «Хозяин земли Русской». А всего через 21 год его, к слову, достаточно безобидного тронного Манилова (ставшего «гражданином Романовым»), вместе с семьёй, цинично (по-бандитски) расстреляли апологеты самой многожертвенной коммунистической утопии XXв.

НА ГЕРМАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

Анналы 58г. Тацит завершает в «Анналах» событиями 50-х гг. Iв. н.э., связанными с пограничными Римской империи германцами.

«До того времени на германской границе царил ничем не нарушаемое спокойствие, ибо оба полководца надеялись поддержанием мира приобрести большую славу, нежели та, к-рую им могли бы доставить ставшие столь обыденной наградой триумфальные отличия. В ту пору германские войска возглавлялись Паулином Помпеем и Луцием Ветером. Чтобы не оставлять воинов в праздности, первый закончил строительство дамбы для обуздания Рейна, за 63 года перед тем начатой Друзом, а Ветер задумал соединить Мозеллу с Араром, прорыв между ними канал, благодаря к-рому суда с войсками и грузами, проследовав по Средиземному морю, Родану, Арару, далее по упомянутому каналу и рекою Мозеллой в Рейн, могли бы затем спускаться до Океана; этим устранялись бы трудности передвижения по суше и был бы открыт водный путь между западным и северным побережьем. Помешал этому предприятию легат Белгики Элий Грацил; он уговорил Ветера не вводить свои легионы в неподведомственную ему провинцию и своими заботами не привлекать к себе благорасположения Галлии, утверждая, что это неминуемо возбудит подозрения императора — довод, не раз препятствовавший осуществлению честных намерений...» (Ан. 13,53)

В последний раз германцы фигурировали в нашем повествовании под 50г., когда легат Верхней Германии (Superior) П.Помпоний Секунд (конс.-суф. 44г.) отразил на границе дерзкий набег хаттов, и когда свебы, при поддержке гермундуров, изгнали поставленного над ними конунгом ещё Друзом (Тибериевичем) Ванния, к-рый нашёл убежище (за Дунаем) у римлян и царство к-рого поделили между собой сыновья его сестры — Вангион и Сидон (см. выше).

С прекращением отозвавшим в 16г. Германика Тиберием по сути проигранной Римом после Тевтобурга (9г. н.э.) войны за рейнско-правобережную Германию (до

⁷⁴ Н.В.Гоголь, не пожелавший быть больше Гоголем-Яновским (т.е. наполовину поляком), вследствие противороссийского Польского восстания 1830/31гг., уверял, что абсолютная монархия дана России Богом на зависть всей Европе и особенно Америке (САСШ).

Эльбы), несмотря на (вроде бы) взятый Германиком престижно-патовый реванш (15/16гг.), с отказом римлян от новозавоевания и новопровинциализации (провинциализированного Августом с 4г. до н.э. по 9г. н.э.) зарейнско-доальбийского правобережья, спокойствие на римско-германской границе, исключая иногда возникавшие локальные конфликты, в основном соблюдалось. Рим уже не хотел покушаться на правобережье, предоставив тамошних германцев их собственным распрям, к-рыми, при и по надобности, умело манипулировал. А германцы ещё не были так сильны, чтобы лавиной обрушиться на римское левобережье Рейна.

И если Корбулон в 46/47гг. гарантировал Риму милитаризованную зону безопасности на правом берегу Рейна, вынудив германцев договорно отодвинуться дальше от берега, то учреждённые в конце правления Августа левобережные милитаризованные дистрикты Нижняя (центр – Агриппинова колония; Кёльн) и Верхняя Германия (центр Могонтиак; Майнц), под управлением двух кесарско-консулярских легатов, с четырьмя легионами в ведении каждого из них, превратятся в две регулярные провинции ок. 85г., при Домициане. С приобретением (присоединённых к Реции) Декуматских полей на восток от Рейна, по итогам чего ок. 70-летнее положение де-факто будет зафиксировано-статуировано как де-юре. При всём том, финансовое управление обеих дистриктных Германий осуществлялось в Ив. н.э. резидировавшим в Трире кесарским прокуратором Бел(ь)гики – *procurator provinciae Belgiae et duarum Germaniae*.

И опять-таки, при Домициане начнётся возведение противогерманского лимесно-оборонительного рубежа, к-рое достигнет своего пика при классическом лимеснике-оборонце Адриане, завершившись ок. 145г., при Антонине Пии. Но уже в 162г. лимесный рубеж первыми прорвут, пусть вскоре отброшенные, хатты, тогда как Маркоманнские войны М.Аврелия (166 – 80гг.) ознаменуют собой переход закатного Рима к фундаментальной обороне по всему римско-германскому фронту-периметру и одновременно начало трёхвекового конца римского империального Запада под ударами германцев, что кульминирует в Vв. н.э.⁷⁵

Между тем, в интересующие нас сейчас 50-е гг. Ив., в достаточно мирных условиях, согласно слову Тацита, Нижней Германией заведовал Помпей Паулин, Верхней – Л.Антистий Ветер. Причём здесь Тацит в Ан.13,53-57, касаясь периферии, снова знакомым нам макаром, группирует, ретроспективно и перспективно, под анналистическим 58г., события ряда лет. И при этом, если, с одной стороны, П.Паулин и А.Ветер могли единовременно легатствовать в обеих Германиях лишь в период 55/56гг., поскольку Ветера в 56г. сменил в Верхней Германии Т.Куртилий Манция (см. ниже), то со стороны другой, слова Тацита об окончании Паулином строительства дамбы для обуздания Рейна, начатой за 63 года до того (братом Тиберия) Друзом (прорывшим также соединивший оз. Флево с Рейном канал *fossa Drusiana*), однозначно указывают на – в качестве отсчётной даты – 55г. н.э.

Судите сами. Этот Друз (Старший), достигнув в своей последней германской кампании-экспедиции 9г. до н.э. Эльбы (у Магдебурга), умер, упав на обратном марше с лошади и повредив ногу, от гангрены (Р.л. 537-40). Т.е. приплюсуем к

⁷⁵ Если IIIв. до н.э. был «концом прекрасной эпохи» космополитического эллинизма-универсализма, под знаком истекшей в 248г. (ок. 250г.) соляной эпохи Михаила (ок. 600 – ок. 250гг. до н.э.), и временем выхода на ойкуменическую авансцену Рима (к-рый на 270г. объединил Италию и на 200г. одолел Карфаген), то IIIв. н.э. (симметрия-созеркальность) стал временем жесточайшего кризиса Римско-Латинской империи, сменившей упаднический державный эллинизм во II/Iвв. до н.э., под знаком Сатурна (ок. 250г. до н.э. – ок. 100г. н.э.), и двигавшейся с кризисного IIIв. (римское гражданство в масштабах Империи; конец Принципата; Доминат; вторжение варваров) к своему концу (и к трансформации-метаморфозам), в IV/V/VI-м вв., под знаками Венеры (ок. 100 – ок. 450гг.) и Юпитера (ок. 450 – ок. 800гг.).

максимум 9-у г. до н.э., в к-ром Друза не стало, 63 года и придём в 55г. н.э. Засим именно тогда Помпеем Паулином, было не столько «закончено» (по некорректной формулировке Тацита), сколько возобновлено строительство начатой Друзом незадолго до своей гибели и, надо понимать, после него заброшенной дамбы, на правом рукаве рейнской дельты (для полезного обуздания реки в её низовье).

Соответственно, Помпей Паулин был легатом Нижней Германии как минимум с 54/55гг., побывав перед тем консулом-суф. ок. 53/54гг. Он приходился сыном Л.Помпею Паулину – римскому всаднику из галльского Арелата, к-рый облекал префектуру аннопае в 48г., и дочь к-рого Помпея Паулина была второй (со времени до или с 41г.) женой (в счастливом браке) Сенеки (Dial. 10). Посему Сенека с Паулином Minog состояли в родстве и, видимо, благодаря протекции Сенеки последний получил, при едва сменившем Клавдия Нероне, легатское назначение в очень ответственную пограничную Германию.

Притом любопытно тацитовское замечание о стремлении римско-германских легатов, в условиях санкционированного Римом поддержания мира на рейнской границе, добывать себе славу мирными строительно-созидательными предприятиями, что свидетельствует о соблюдении (и) Нероном тиберианского статус-кво вдоль Рейна. Ведь, покончив с большими завоеваниями, начинаешь, рано или поздно, сторониться собственно войны. И кем, спрашивается, должно стать-сделаться боевым легионом-легионерам в пору долгого мира, если не строительными-стройбатовцами? Да и надо же чем-то основательно занять как себя, так и легионеров. И пусть мечи не перекованы на орала, а просто вложены в ножны, но коли не взять в руки вместо мечей строительные инструменты или соху, орала могут перековаться-превратиться на-в дармоедские хлебала. Бездеятельной армии всегда грозит опасность переродиться в орду мародёров.

И покуда Помпей Паулин строил-построил начатую Друзом дамбу, верхнегерманский легат Антистий Ветер (конс. 55г.; тесть Рубеллия Плавта) задумал куда более масштабный проект: прорыть канал (fossa Antistiana-Veteriana) между левым притоком Рейна – Мозеллой (Мозель), и правым притоком Родана (Рона) – Араром (Сона), что давало бы важную в военном и торговом отношении возможность выхода коротким водно-речным путём из Средиземного моря через внутреннюю Галлию в Атлантику с видами на Британию. Иначе говоря, – возможность соединить средиземноморское побережье Римской империи с атлантическим взамен долгого обходного, морского и океанского, пути из Массилии, вдоль побережья Испании, через Гибралтар в Атлантический океан, на галльско-британский север.

Однако, это большое предприятие требовало от Ветера ввести часть наделённых им стройбатовскими функциями легионов в соседнюю Белгику, в пределах к-рой (в составе Тройственной Галлии: Белгика, Лугдуна, Аквитания) находились-протекали Мозелла и Арар, против чего выдвинул небезынтересные возражения-соображения белгийский легат (преторского ранга) Элий Грецил. По Тациту, он отговорил Ветера (при личной встрече) от задуманного, т.е. от введения легионов в неподведомственную ему провинцию и от привлечения к себе заботами о благоустройстве и повышении благосостояния (прорытием выгодного канала) Галлии расположения её обитателей, – «утверждая, что это неминуемо возбудит подозрения императора»: дескать, не замышляет ли опасно милитаризованный германский легат нечто мятежное? подозрительно масштабно орудя сразу в двух провинциях.

Впрочем, может быть Ветерова затея, затрагивавшая провинцию Элия, не понравилась именно самому Элию, к-рый прикрылся тем, что она (вполне предствимо может) не понравиться Нерону. Во всяком случае, возражение произвело надлежащее впечатление и Ветер от проекта отказался.

А дальше, если не позднее 56г. Ветера, очень недолго пробывшего на легатском

посту, сменил (б.м., из-за его всё равно доведённых доброхотами до сведения Нерона излишне грандиозных планов) в Верхней Германии Т.Куртилий Манция⁷⁶ (Phlegon mir. FHG 3, frg. 56) (RE 4,2, Curtilius, S.1863), то Помпей Паулин не ранее и, по всему, не позднее 57г. сдал нижнегерманскую легатуру Л.Дувию Авиту, к-рый (выходец из Галлии и преторский легат Аквитании в 54г.) в последние месяцы 56г. облакал (в паре с Тразеей Петом) консульство-суф. в Риме (см. выше).

* * *

Примечательно, что согласно следующему абзацу Тацита (13,54), длительное пограничное бездействие римлян вызвало появление как на римской, так и на германской стороне слухов об императорском запрете германским легатам вести войска на врага, что раззадорило часть осмелевших германцев. Варавры (да и не только) лучше всего понимают язык силы, чаще всего толкуя миролюбие более цивилизованного визави как проявление слабости. Хотя отчасти так оно и было, ибо римский империяльный ресурс исчерпывался европейской границей Империи по Рейну и Дунаю, к-рую Рим (выйдя при Траяне завоеванием Дакии и за Дунай) будет удерживать до середины IIIв. н.э.

Римской державности, как и комплексной римской экспансии, не суждено было покорить и подмять под себя германцев Германии Magna за Рейном (Germania Transrhenana = Germania Barbaria), к-рым судьба-история уготовила миссию преемников Рима в качестве основателей-инаугураторов западно- и центрально-европейской средневековой цивилизации и родоначальников замечательной истории Средних веков.

Древнейшая культура германцев Ясторф идентифицирована на нижней Эльбе и в Ютландии – VIIв. до н.э. А сами наименования «Германия» и «германцы» (предположительно – *лесные жители*, или – *обитатели лесистых гор*), употреблявшиеся Римом приложительно ко всем (индоевропейским по происхождению-родословию и языку) германским племенам, обитавшим от южной Скандинавии до средней Европы, от Рейна до современных Польши⁷⁷, Чехии, Словакии (при отсутствии там

⁷⁶ О документально не зафиксированном консуле-суф. первой половины 50-х гг. Т.Куртилий Манция известно, что его дочь замужествовала за Гн.Домицием Луканом, родив от него Домицию Луциллу и умерев раньше отца, к-рый терпеть не мог зятя, и потому сделал, будучи бездетным, внучку наследницей своего богатого состояния, с условием её предварительного выкупа из-под власти отца (Плиний Мл. «Ер.» 8,18,4).

Гн.Домиций Лукан – усыновленец (42г.), как и его младший брат Гн.Домиций Тулл, знакомого нам ретора Гн.Домиция Афра, всю жизнь живший душа в душу и действовавший в паре, рука об руку, с братом (как вышеупомянутые братья Сулпиции Скрибонии – Прокул и Руф), был поднят в 73г. цензорствовавшим Веспасианом в патрициат. Служил при Веспасиане в Германии и в Африке, ближе к концу 70-х гг. консульствовал (суф.), побывал, при Домициане, проконсулом Африки и умер в 93/94гг. (Марциал 9,51), оставив всё, по завещанию, своему умершему (+ 108/09гг) при Траяне мл. брату (Плиний Мл. 8,18,1).

⁷⁷ Кабы Россия, Пруссия, Австрия знали, что, в частности, осуществлённые ими разбойничьи разделы Польши (1772, 1793, 1795, 1815гг.) приведут к глобальному столкновению между ними, Россией, Германией, Австро-Венгрией, во втором десятилетии XXв. и к гибели трёх монархий (общей ахиллесовой пятой к-рых была именно Польша), они наверняка предпочли бы иметь польский буфер, поделённым на три сферы влияния, но в качестве независимого-вассального не столько по-, сколько именно меж-по-граничного (наподобие пронаполеоновского герцогства Варшавского) государства (что, увы, в реальности не было возможно).

Обращают на себя внимание три столетия польского наступления с запада на восток и на восточных славян в XIV-XVIIвв., и затем три века российско-противопольского наступления с востока на запад в XVII-XXвв., тогда как после 1991г. (крушение СССР и отодвижение-

до н.э. и в первые века н.э. славян), плюс на левобережье Дуная и до украинских Карпат⁷⁸, пришли к римлянам от кельтов (на к-рых германцы наседали, тесня их с востока на запад, как впоследствии славяне наседали на германцев).

Притом это наименование «германцы» пришло к римлянам от кельтов, — сначала приложительно всего к одному германскому племени, — распространившись затем на всю общность. Впервые оно появляется у греческого философа-стоика, географа, историка и астронома Посидония (135 — 51гг.), лекции к-рого слушал Цицерон, с к-рым дружил Помпей, и к-рый провёл последние годы жизни в Риме. И Посидоний уже отличает германцев от кельтов, что потом берётся на вооружение в «Записках о Галльской войне» Цезарем.

После VIIв. до н.э. германцы из района Ютландии и нижней Эльбы (Альбий) периодически продвигались в заморскую полуостровную Скандинавию, и с IVв. до н.э. — в южном континентальном направлении, входя в соприкосновение с кельтами, вызывая их миграционные волны и частично сами кельтизируясь.

В первый раз, как мы знаем, германство столкнулось-сшиблось в лице кимвров и тевтонов с (не без гигантских усилий одолевшим их) Римом в 113 — 101гг.; в 58г. до н.э. (симметрия с 58-м г. н.э.) натиск свевов под предводительством Ариовиста был парирован установившим римскую границу по Рейну покорителем Галлии Цезарем. С 16г. до н.э. по 16г. н.э. велась начатая Августом и остановленная Тиберием упорная 30-летняя война за укрепление-гарантию римской границы по Рейну и за обладание правобережной Германией до Эльбы. Но она сошла для римлян на нет из-за эпохальной победы (либератора Germaniae) Арминия в Тевтобургском лесу (9г. н.э.), в связи с чем Тиберий, отказавшись от реваншизма Августа, заморозил германский вопрос и рейнский рубеж, к-рого (как своеобразной «линии Мажино»), в той или иной глобальной мере, придерживались последующие кесари, лишь иногда ситуативно допуская незначительные локальные отклонения.

Дело было ещё в том, что Рим с его ментальностью и воинством *Времени* не понимал великогерманское *Пространство* (Германии Magna), сходно тому как позднейшая пост-средневековая Европа и в особенности Германия, кончившая поражениями в двух Мировых войнах (первопобедителями из к-рых вышли англосаксы), не понимали, да и сегодня не понимают пространство российское, к-рое так же не вмещается в евроцивилизацию, как некогда германство не вмещалось и не вместилось ни в Imperium Romanum, ни в ойкумену-цивилизацию Греко-Римскую.

Рим умел завоёвывать страны и покорять народы, межуя и рамежёвая, терриориализуя их земли, вассалитеты и провинции, образно выражаясь, межевыми-пограничными столбами — от и до, каковых у Великой Германии дальше Рейна для привыкших мыслить категориями охватно закрытых пространств римлян не было. Видение Рима достигало просторов не дальше Вислы, да и то в густом тумане, тогда как простиравшаяся до Скифии и Сарматии, с их зыбкими неведомыми границами,

отступление России к западным границам аж XVIIвв.) началось новое наступление Польши (члена Евросоюза) с запада на восток. Причём сегодня шаткая противороссийско-проевропейская (под американским патронажем) Украина (к-рую Россия лишила Крыма, Донеска, Луганска) и лукашенковско-пророссийская Белоруссия (за к-рые, как за сферы влияния, конкурируют Польша и Россия) играют роль буфера между евросоюзной Польшей (Запад) и евразийской Россией (Евразия).

⁷⁸ Весь лесной массив от Рейна до Карпат (с Марободовым центром в Богемии) римляне называли Герцинским лесом — Hercynià silva.

К востоку от Вистулы (Висла), на территории современной Белоруссии, как и к востоку от Карпат, на территории совр. Западной Украины, для римлян начиналась и простиралась (куда-то) неведомая Сарматия или Скифо-Сарматия, в недрах к-рой, где-то между (условно) Днепром и Волгой, равно восточнее Волги, как и в регионе гиперборейского Севера, вероятно, обитали тогда (скифские и сарматские) предки позднейших славян.

Германия Магна была для римлян бесконечна и представляла собой чем более непонятную-неохватную, тем более пугающую и непостижимую величину-категорию.

И величина эта начала делаться страшной, когда Рим начал впадать в декаданс, не столько видя, сколько предчувствуя-ощущая в германцах молодую, здоровую и, главное, перспективно превосходящую его силу, предчувствуя в них своих грядущих могильщиков. Читайте «Германию» глубоко презирующего куда более декадентный, нежели Рим, (испоганивший-совративший римлян) Восток, но одновременно восхищающегося нетронутым вырожденческой цивилизацией германством Тацита!

Между тем, на заре Новой эры много-мало известные римлянам германцы (потомки Манна и его сыновей – Ингваца, Истваца, Ирминаца/Герминаца) делились на: 1) северных: скандинавские племена – предки датчан, шведов, норвежцев, исландцев; 2) восточных: выделившихся в результате переселения северян в Среднюю Европу: готы, вандалы, бургунды, герулы, ругии, гепиды; 3) западных: разделившихся на северо-приморских кимвров, тевтонов, хавков, амписвариев, фризов, англов, саксов, варнов (культовый союз ингвеонов), на везеро-германских батавов, бруктеров, хаттов, херусков, хаттуариев, узипетов, убиев, тенктеров (культовый союз иствеонов) и на приальбийских гермундугов, маркоманов, свевов, семнонов, лангобардов, квадов (культовый союз герминонов).⁷⁹

⁷⁹ Не напоминает ли это обилие племён и конфликтов между ними ситуацию в Америке при появлении в ней европейцев, но, с той разницей, что если индейцы, будь то безгосударственные – северо-американские, или имевшие государственность – центрально- и южно-американские (майя, ацтеки, инки), в борьбе с более гуманной к ним испано-потругальской и особенно в борьбе с беспощадной к ним англосаксонской Европой сошли со сцены, то германцы, наоборот, одолели Древний Рим. И Рим не мог вообразить, что когда-нибудь именно они станут ведущей силой мировой цивилизации, при постепенном отступлении романизма, с его заключительными всплесками, в лице попеременно первенствовавших в поздние Средние века, в переходный период и даже отчасти в Новое время, Италии, Португалии, Испании и Франции (доминантное угасание романизма с XIII по XIXвв.), аж до, скажем снова, Наполеона и Наполеоновских войн. Не вышли ли главными победителями из этих войн Англия и Россия – одна из ведущих германских (англосаксонская) сил и сила славянская, за к-рой – за нарождающимся славянством, идущим на смену германству, как германство некогда сменило Рим, – на сегодняшний день отдалённое будущее.

Не были ли Англия и Германия главными антагонистами в начале XXв.! И не оттого ли, что, в первую очередь, именно они, две могущественнейшие державы – океанско-морская и континентальная, говорим ещё раз, не сумели на горе всему человечеству договориться о разделе-переделе мира, ибо Великобритания не пожелала делиться мировым господством с Германией, к-рую, в свою очередь, распирала непомерные мировые амбиции-аппетиты, случилась катастрофа I-й Мировой войны. А из этой войны воспоследовала, продолжив её с перерывом, II-я мировая бойня, основную тяжесть к-рой вынесла на себе Россия, в то время как главным победителем из неё вышли преемствовавшие Англии США (как ранее из войн с Наполеоном – Великобритания). Германия (была бы) непобедима только в союзе с Россией, как и Россия (была бы) неодолима в союзе с Германией.

С другой же стороны, те, кто во властных кругах Российской империи и в её элитных верхах хотели в 1914г. победоносной противогерманско-противоавстрийской войны (категорическим противником к-рой являлся Г.Распутин, как ранее П.Столыпин), причём их было немало, жестоко просчитались, ибо за участие в ней Россия (проиграв все сражения собственно германцам с 1914 по 1917гг., начиная с гибели корпусов Самсонова и кончая падением Риги, что никак не могли компенсировать победы над австро-венграми и турками) заплатила крушением монархии, революцией, ужасами гражданского братоубийства и 70-ю годами большевистско-советского пленения, после к-рых начались 40 исшествнных из большевизма коммунизма лет странствования в пустыне, продолжающиеся до сих пор.

Т.е. наличо худший расклад, к-рый мог возыметь и трагически возымел место в проигранном и Германией, и Россией XXв.: поражение в I-й Мировой войне и (передовой) Германии (извне), и (отсталой) России (изнутри); людоедский большевизм в России и людо-

Мало того, острая внутригерманская борьба, нередко провоцируемая и используемая Римом (разделяй и властвуй), чтобы германцам было, по возможности, не до левобережья Рейна, приводила к частым распадам и новообразованиям племён и союзов. Лишь в III/IV вв. многочисленные отдельные племена объединились в крупные племенные союзы и приступили к зачатому ещё Арминием и к продолженному повивально-родовыми Маркоманскими войнами при М.Аврелии, когда германцы (и сарматы) прорвались до Верхней Италии, эпохальному штурму Римской империи.⁸⁰

А во второй половине 50-х гг. IV в. н.э. фризы – обитатели, о чём читатель знает (Р.л. 516; 233; 1246; Д.И. 1074-78; см. выше), морского побережья у устья Рейна, дельты и северо-западного берега Германского моря, между Флевосским озером и устьем Эмса, снова осмелели после того как в 47г. их в последний раз, оттеснив-отселив дальше от границы, приструнил Корбулон. И теперь, вследствие, сообразно Тациту, пассивности Рима, предводительствуемые двумя вождями – Верритом и

едский нацизм в Германии; разгром Германии (II-я Мировая война), в первую очередь, Россией; и поражение России в долгосрочном (холодная война) противостоянии англосаксами.

Между тем, Великобритания, поставившая в начале XX в. перед собой цель любой ценой убрать с дороги опережавшего её несговорчивого германского конкурента, вследствие (трагически самоубийственных для Европы) двух Мировых войн-катастроф, одержала поистине Пиррову победу, вынужденно уступила мировую гегемонию США и потеряла Британскую империю, т.е. потеряла то, ради чего она, в первую очередь, эти войны вела (оставшись на своём острове то ли в Европе, то ли вне Европы, что лишний раз доказывает её недавний выход из ведомого-предводительствуемого Германией, при Франции на втором месте, Евросоюза).

⁸⁰ Впрочем, невзирая на границу по Рейну, ползучая романизация распространялась на оба берега, естественно, в меньшей степени на правый, нежели на левый с его римской администрацией, языком и культурой-окультуриванием. Впоследствии же перенявшее у Римской империи эстафету римское католическое христианство выступило пестуном-взрастителем романо-германской христианской цивилизации. При этом интересно, что если романизация-латинизация кельтской Галлии или кельто-иберской Испании (уж не говоря об Италии) была максимальной или полной, с уходом-исходом физически исчезнувшей Кельтики в эзотерическое христианство (Шв.), то германство эта романизация затронула лишь частично, не поглотив, не ассимилировав его.

К тому же, стоит обратить особое внимание на особое положение (не случайно Туманного) Альбиона, где (британская) Кельтика, не поглощённая, в отличие от Испании или Галлии, романизмом в римский период, непосредственно сошлась позднее с германством в лице англов и саксов (V в.), к-рых в дальнейшем сменили другие германцы – (совершавшие набеги на Европу с конца VIII в.) викинги-норманны (XI в.), к-рые дали новую государственность Англии (Вильгельм Завоеватель – 1066 г.) и первую (невзирая на все ново-новейшие попытки пересмотреть «норманнскую теорию») государственность России (Рюрик, Синеус, Трувор; Олег – *Holger*; Игорь – *Ingvar*, Ольга – *Helga*). Более того, именно «немчура», начиная с запустившего свой грандиозный евроцивилизационный проект Петра I, ментально вывела Россию, русскую элиту (со всеми плюсами и минусами этого процесса) в Европу, чему больше всех поспособствовала великая русская немка Екатерина II (урождённая София Августа Фредерика Анхальт-Цербтская).

(Однако, сегодня Россия поворачивается от петровско-екатерининского про-европейского в пользу евразийского проекта, к-рый провозвестил своим откатным путешествием из Петербурга в Москву ещё Радишев, к-рый апробировали потом Александр III, с византийской подачи идеализатора допетровщины Победоносцева, и Николай II, и к-рый варварски, поломав страну и народ через колено, внедрили, в т.ч. очень символически перебравшиеся из Петербурга в Москву, с треском захлопнув петровское окно в Европу, нелюди-большевики – создатели советского гетто за железным занавесом размером в 1/6 часть суши. При всём том, увы, иного пути, помимо евразийского, разумеется, не преступными большевистскими методами, у России нет, ибо большая часть Российской Федерации находится в Азии и в Европу никак не вмещается, в Европах не умещается!)

Малоригом, они «продвинулись к берегу Рейна... и осели на отведённых для нужд наших воинов и тогда никем не занятых землях» (13,54).

Тут, вероятно, речь идёт о правобережных землях милитаризованной зоны безопасности, где (воителью рвавшимися за Рейн) Корбулоном был даже размещён постоянный римский гарнизон, отозванный не одобрившим эту инициативу Клавдием. Однако пустующие с тех пор земли данной зоны остались, по договору, предназначенными для римских воинов (к-рые пасли там скот, использовавшийся для провиантирования армии). Т.е., при всех случаях, со стороны фризов (некогда очень верных вассальных союзников римлян, восставших против них в 28г. н.э.) было проявлено недопустимое самоуправство. Поэтому принявший – как пишет Тацит – провинцию после Паулина Дувий Авит, угрожая применить силу, если фризы не возвратятся на старые места поселений или не добьются от Цезаря новых, принудил Веррита и Малорига обратиться к нему с ходатайством» (13,54).

Откликнувшись на сделанное им предложение (попробовали бы не откликнуться!), Веррит и Малориг с посольской свитой прибыли в Рим, где с ними (в ожидании аудиенции у Нерона) и произошёл представленный нами ранее случай в театре Помпея, когда они, усаженные среди простого народа, увидев, что парфяне и армяне сидят на сенаторских скамьях в оркестре, самовольно перебрались на те же почётные гостевые места.

Выше мы, совместив-синхронизировав Тацита (13,54) и Светония (Кл. 25,4 – *Germanorum legati*), к-рый ошибочно датирует сей инцидент временем Клавдия, установили, что данное «театральное» событие имело место летом 58г., во время пребывания в Риме направленного туда Корбулоном посольства парфян и армян, добывавшегося признания Нероном Аршакида Тиридата царём Армении.

Следовательно, по всей вероятности, фризы заняли правобережные земли зоны безопасности вдоль Рейна во второй половине 57г. (или, по крайней мере, в начале 58г.), т.е. в год, когда Дувий Авит сменил Помпея Паулина на легатском посту в Нижней Германии, направив Веррита и Малорига в Рим весной (следующего) 58г. Во всяком случае, у нас есть надёжный хроно-фикс-пункт с казусным случаем-инцидентом в театре Помпея именно летом 58г., на к-рый, при событийной хроно-реконструкции, и следует (с учётом периферийно-подвижной хронологии Тацита), применительно к совпащим по времени германскому и парфяно-армянскому посольствам, анналистически опираться.

И повторим, что такое самоуправство фризов в театре не возмутило римлян, скорее, позабавив их варварской непосредственностью (к-рая часто умиляет пресыщенных падшей цивилизацией декадентов). Но одновременно дело обстояло совсем иначе с самовольно занятыми землями, к-рые – не места в театре! и касаясь к-рых Рим ни забавляться, ни проглотить фризскую дерзость, ни (в ущерб собственной безопасности) уступить не собирался. В итоге Нерон, удостоив Веррита и Малорига аудиенции, пожаловал обоим римское гражданство, вместе с тем, категорически повелев удалиться с самовольно занятых фризами земель (сходно и армяне с парфянами в 58г., по вопросу тронного признания Тиридата, ничего не добились). Безопасность прежде всего, в чём молодой император, надо понимать, последовал совету Сенеки с Бурром. Ведь оседлость фризов вплотную к правому берегу Рейна была в перспективе чревата угрозами для берега левого.

Тем временем, фризы, по-прежнему, духарясь, ибо сравнительно давно не получали по зубам, поначалу было пренебрегли кесарским повелением (как бы пробуя римлян на зуб), но на сей раз Дувий Авит бросил против них (даже не легионы, а аукзилярную конницу, к-рая «заставила их покориться необходимости, захватив в плен или изрубив всех упорно сопротивлявшихся» (13,54). Таким образом, римско-

фризский статус-кво был восстановлен, правда, погранично-приграничные римско-германские коллизии на том не кончились.

* * *

«Немного спустя те же земли заняли амписварии, племя, справиться с к-рым было труднее не только из-за его численности, но и вследствие сочувствия к нему окрестных народов, ибо, согнанные со своих земель хавками и не имея мест обитания, они молили о предоставлении им надёжного пристанища на чужбине...» (13,55)

Судя по тацитовскому «немного спустя», примыкающему к изгнанию фризов из пограничного правобережья во второй половине 58г., эти же земли были заняты амписвариями в 59г. Последние первоначально обитали к западу от Амизии как соседи фризов, жившие южнее них от устья Эмса. И вот в 50-е гг. они, более многочисленные, чем фризы, были изгнаны со своих земель ещё более многочисленными и сильными хавками, к-рые, тоже приморские германцы, обитали между нижним течением Эмса и Эльбой, с середины IV. распространившись на юг и на запад до верховьев Эмса и Везера, при том, что большие хавки гнездились к востоку от Визургия, малые — к западу.

Ныне же, в пору очередного миграционного брожения-перемещений в пределах и на обширных просторах зерейнской Германии Magna, от имени бесприютных-безземельных скитальцев амписвариев (к-рым некоторые соседи сочувствовали) ходатаем перед римлянами выступил их престарелый вождь-ветеран Бойокал. Он заявил, — «что во время восстания херусков его по приказанию Арминия держали в окопах, что потом он служил в нашей войске под началом Тиберия и Германика и теперь в добавление к 50-летней верности отдаёт в нашу власть своё племя» (13,55).

Восстание херусков, к к-рым примкнули другие германские племена, под предводительством Арминия, грянуло, как мы знаем, в 9г. н.э. (год Тевтобурга), и значит, если Тацит тут (точнее, Бойокал у Тацита) хроноточен (а не просто округлителен, что скорее), то 50 лет из 9-го г. н.э. ведут как раз в вышепредложенный нами 59г. н.э. При этом Бойокалом были приведены разумные, с германской позиции, аргументы-доводы: зачем-де пустовать землям, на к-рые римские воины «лишь кое-когда перегоняют своих овец и быков...; не лучше ли видеть близ себя дружественные народы, чем заброшенность и запустение...» (13,55).⁸¹ Дескать, лояльные амписварии обживут-возделают эти пахотные земли, за счёт чего выживут-заживут сами и будут приносить на правом берегу исключительно пользу римлянам.

⁸¹ Далее Бойокал говорит: «Этими пашнями некогда владели хамавы, затем тубанты, после них — узипы...» Эти названные Бойокалом, как и прочие германские племена, не раз, при различных обстоятельствах, мигрировали, вследствие чего ареалы их обитания в различное время, из-за скудости или отсутствия информации, достаточно приблизительны. Первоначально хамавы обитали на правом берегу нижнего течения Рейна напротив озера Флево (центр и юго-восток Нидерландов), откуда продвинулись в середине IV. до н.э., под натиском узипетов, тенктеров и тубантов, восточнее, на территорию, тогда частично занятую бруктерами. Тубанты жили с IV. до н.э. в восточной части Нидерландов, к северу от Рейна, между Рейном и Амизией (от них происходит название голландского историко-географического региона Твенте). Узипеты — обитатели земель между Липпе и Рейном. В 55г. до н.э., на пути в Нижнюю Галлию, они были разбиты Цезарем на левом берегу нижнего Рейна; в 16г. до н.э., вместе с тенктерами и сигамбрами, перешли через Рейн и разбились в Галлии М.Лоллия; позднее поселились на нижней Липпе (правый приток Рейна) и разделяли дальнейшую судьбу с сигамбрами.

Но Рим держался за рубежную границу по Рейну, гарантии к-рой предполагали правобережную зону безопасности, и предоставлять её амписвариям в планы римлян (сродни прецеденту с фризами) никак не входило. Амписварии лояльны сегодня, находясь в крайней нужде. Однако, кто знает, как они поведут себя завтра? не станут ли земли, на к-рые они притязают, плацдармом для нападения на левобережье? Нет, — лучше перестраховаться, твёрдо блюдя принятую на вооружение надёжную пограничную стратегию.

И пусть Бойокал взывал как к своей полувековой преданности-приверженности Риму, так и к богам, на римлян подобные воззвания не действовали, ибо, несмотря на попечительство богов, для римлян превыше всего гос. резоны, ранее бывшие в компетенции сената, а при Империи — в ведении кесарей. Боги богами, а целесообразность целесообразностью, и против рожна, как говорится, не попрёшь.

Засим нижнерейнский легат Нерона Дувий Авит, невзирая на сочувственное понимание острой потребности племени изгнанников, отказал амписвариям, наряду с тем, пообещав самому Бойокалу, в память его давней преданности, наделить его лугами и пашнями, что тот, не купившись на предложение, отверг, и после чего озлобленные амписварии, отступив с занятых земель, начали призывать бруктеров, тенктеров и др. племена к выступлению против Рима.

Местожителство бруктеров, на границе владений к-рых находился Тевтобургский лес, — область между Липпе и восточной частью бассейна р. Эмс (на территории совр. немецкой земли Северный Рейн-Вестфалия), к югу от хавков и хамавов, в союзе с к-рыми, они, в частности, одержали победу на римлянами, под главенством херусков, в 9г. н.э. Известнейший бруктерский персонаж — мудрая дева — пророчица-провидица-целительница Веледа, к-рая, живя затворницей в высокой башне у воды, возглавит бруктерские отряды в Батавском восстании Юлия Цивилиса в 69г. и умрёт в римском плену.

Тенктеры — с правобережья Рейна между Ланом и Виллером славились как превосходные наездники. В 56/55г. они перешли Рейн, разбитые близ Наймегена Цезарем; в 16г. до н.э. участвовали в левобережной атаке на Лоллия; позже были побеждены в ходе германских походов Друза Ст. — 12 — 9гг. до н.э.; в 9г. н.э. примкнули к Арминию; в 69/70гг. приняли участие в восстании Цивилиса.

В сложившейся ситуации Дувий Авит обратился за содействием к своему коллеге — легату Верхней Германии — Куртилию Манции, чтобы он переправился через Рейн и, вступив с легионами в земли тенктеров, пригрозил им истреблением, — «если они не порвут с амписвариями» (13,56). Следует полагать, сходная демонстрация силы была проведена и Авитом во главе пары легионов на правом берегу супротив Нижней Германии. И столь решительное бряцание оружием произвело должный эффект.

Тенктеры, как и другие племена, порвали с амписвариями, к-рые, оставшись в одиночестве, отошли «назад к узипам и тубантам» (13,56), откуда их, продолживших скитаться в поисках пристанища, также изгнали. Не удалось им пробиться и на землю хорошо знакомых читателей хаттов, а потом — херусков. И так они, по словам Тацита, «в этих долгих блужданиях, встречаемые порою как гости, порою как бесприютные нищие, порою как враги, потеряли убитыми в чужих краях всех, способных носить оружие, тогда как старики, женщины и дети стали добычей различных племён» (13,56).

В означенных условиях жестокой борьбы за выживание безземельность равносильна концу экзистенции племени, что с так и не нашедшими себе место под солнцем, вернее, с необратимо потерявшими его амписвариями, в конце концов, и случилось. Они не сумели оттаять себе новое обиталище, из-за отсутствия свободных земель (квартирный вопрос!), и — как следствие — растворились в соседних племенах.

Поскольку следующий абзац 13-й кн. «Анналов», повествующий о войне между гермундарами и хаттами, начинается словами — «тем же летом» (57), под анналистическим 58г. н.э., должно предположить, что здесь (в отличие от предыдущего абзаца 56, где говорится о приходе амписвариев в правобережную зону безопасности и их уходе из неё в 59г., с дальнейшими мытарствами как минимум в 60г.) на повестке дня хаттско-гермундурский конфликт 58г. н.э. (Иначе Тацит не сказал бы «тем же летом», т.е. летом 58г., когда фризам было отказано в Риме в их земельном ходатайстве, согласно абзацу 55 Ан.13).

Хатты — одно из крупнейших германских племён, изначально обитавших у р. Эдер (левый приток Везера), затем продвинувшихся южнее, на территорию между Рейном, верхним течением р. Верры и р. Димель (левый приток Везера). Основная территория их селений — равнина Фритцлар-Ваберн и район Касселя (Нижний и Верхний Гессен), с отдельными поселениями вплоть до Рейна, где они неоднократно конфронтировали с римлянами, присоединившись в 9г. н.э. к херускам. Между тем, в 19г. н.э. хатт Адгандестрий даже предлагал римлянам отравить Арминия (всё-таки убитого, по непотверждённым сведениям, за стремление к царскому венцу, херусскими единоплемниками)⁸², на что, как мы знаем, Тиберий благородно ответил, что Рим не травит своих врагов ядами, отмщая им на поле брани. В 41г. хаттов победил Гальба, возвративший Риму из хаттского плена боевой штандарт одного из легионов Вара.

Жившие в IV до н.э. по обе стороны Альбиа гермундуры, покинув свои прежние очаги, были поселены в III до н.э. Л.Домицием Агенобарбом (дедом Нерона) в районе верхнего и среднего Майна на пустующих землях перебравшихся в Геркинский лес маркоманов. Затем входили в состав германского протогосударства Маробода. Позднее занимали земли от бассейна восточного Дуная до верховьев Майна и Эльбы.

В 58г. названные племена сшиблись из-за приносившей в изобилии соль пограничной между ними р. Верра (или р. Заале) (где и поныне существуют солеварни), т.е. за обладание соляным источником в пределах, считавшихся сакральными, ввиду

⁸² Первый, сообразно (не кому иному как) Гитлеру, «архитектор германской свободы» Арминий, к-рого очень и очень ценил М.Лютер («Ich hab den Kerl lieb»), был, добавим от себя, *гамельнский крысолов*, к-рый с индейским коварством устроил выкормышам волчицы римлянам, заманив их в ловушку и взяв в *кольцо нибелунгов*, знатную охоту на волков (Р.л. 1224-37). Как герой Зигфрид он искупался в крови убитого им дракона Фафнира, забыв окунуть в неё свою *ахиллесову пяту*, из-за чего через 10 лет после Тевтбурга погиб. Он был герольд и зачинатель того, что свершилось спустя полтысячелетия, когда на обломках и из пепла Римской империи начала подниматься, под эгидой уничтоживших эту империю германцев, средневековая Европа.

Императорский Рим, уходя из истории, заслонила, в союзе с германцами, собой нарождающуюся Европу, остановив Аттилу, в победе над к-рым в страшном сражении на Каталунских полях (451г.) решающую роль сыграли именно жертвенно-героически проломившие в неистовой штурмовой атаке неприступную оборону гуннов вестготы, бесстрашный предводитель к-рых Теодорих пал, пропитав эту землю (где — Шалон-на-Марне — в 914г. было остановлено германское наступление на Париж) своей кровью, в битве. И очень скоро в Европе, инаугурируя её старт, возникли, после символического конца в 476г. (низложение Одоакром Ромула Августула) Западной Римской империи, как государство франков Хлодвига (481/82-511гг.), так и государство остготов Теодориха Великого (493-526гг.), к-рый (вероломно) убил Одоакра (на пиру) и отослал знаки императорской власти в Константинополь (восточно-римскому императору, признав его формальное верховенство), после чего своих западных императоров на европейском Западе до коронации 25.12.800г. папой Львом III Карла Великого не было.

«укоренившегося в них (гермундурах, хаттах и др. германцах) суеверия, будто эти места ближе всего к небу и нигде молитвы смертных не доходят скорее к богам (...) Война для гермундуров была удачной, для хаттов – гибельною, так как обе стороны заранее посвятили, если они победят, Марсу и Меркурию войско противника, а по этому обету подлежат истреблению у противника кони, люди и всё живое...» (13,57)

Хатты тогда отнюдь не погибли как племя, вопреки ложному впечатлению, к-рое может создаться из неточной формулировки Тацита. Они проиграли. И в результате, утвердившие за собой владение соляным источником гермундуры совершили, по принятому обету, массовое жертвоприношение пленных богу войны Циу, к-рый, будучи первоначально эквивалентом Юпитера, в рассматриваемое время почитался германцами как проявление наиболее актуального для них воителя Марса (*Ziu zwingt Zwist* = Марс зовёт в драку-схватку), и Вотану-Меркурию (Один). Причём это наверняка имело значение для и не осталось вне внимания всех германских племён, т.к. речь шла о священной войне за священный источник на священной земле Германии *Magna*.

И Циу, и Одину (сынам верховного божества Неба по имени Тайвац), богам, соответственно, мартиальной *Вторника* и меркуриальной *Среды*, требовались жертвы не только павших в сражении воинов (к-рых валькирии забирают в Валгаллу), но и всего живого, взятого в плен. Поскольку алтарно-жертвенная кровь, как человеческая, так и животная, выполняла, по верованиям древних германцев, и искупительную, и исцелительную функции-функцию (мартиальную и меркуриальную; мартиально-меркуриальную).

С др. стороны, в 58г. на левом римском берегу Рейна, согласно присовокуплению Тацита, несчастье постигло самых давних и верных германских союзников Рима – убив, к-рых, преследуемых за их римлянофильство другими германцами, ещё М.Агриппа переселил в 38г. до н.э. с правого берега на левый, где возник центр будущей римской Нижней Германии – *oppidum Ubiorum* (с 4г. до н.э. главный город провинциальной Германии Августа и местонахождение всегерманского, по типу галльско-лугдунского, жертвенника; с 50г. – Агриппинова колония; = Кёльн). В местах обитания убив горели торфяники: «вырвавшиеся из-под земли огни повсюду истребляли поместья, пашни, деревни и уже подступали даже к стенам недавно основанной нами (Агриппиновой) колонии» (13,57). Не без труда совместными римско-убийскими усилиями с проблемой удалось совладать, огонь подавить.

И наконец, в заключительном 58-м абзаце 13-й кн. «Анналов», под анналистикой 58г. н.э., сказано: «В том же году у древа богини Румины на Форуме, за 830 лет перед тем прикрывавшего своей тенью младенцев Рэма и Ромула, стали отмирать ветви и сохнуть ствол, что было сочтено дурным предзнаменованием, но дерево ожило и пустило молодые побеги».

Напомним, что по самой распространённой версии, зачатие (инкарнация) и рождение Ромула (и Рэма) случились в 772/71гг. до н.э., с последующим основанием Ромулом Рима, в 18-летнем возрасте, в 753г. до н.э. (дата Варрона) (Р.л. 400/01). Стало быть, 830 (округлённых Тацитом) лет ведут с арифметической хромоточностью из 771г. до н.э. в 60г. н.э. И хотя чудо с дровом Румины на Форуме произошло, согласно Тациту, «в том же году» (в связке с «тем же летом» в предыдущем абзаце 57), т.е. в 58г. н.э.⁸³, тем не менее, отражение германских коллизий в абзацах

⁸³ Румина – богиня-покровительница молодых стад у римлян и дательница пропитания из материнской груди. По преданию, Ромул и Рэм были вскормлены молоком волчицы под смоковницей-кормилицей – *figus Ruminialis*. Как божеству пастухов Румине приносили молочные жертвы в Луперкале. Её святилище находилось при Луперкале, рядом с *figus Ruminialis*. Невдалеке, на Веллабре, при *Forum Boarium* (Воловья площадь), стояло также святилище ларов

53-57, по всей видимости, в совокупности охватывает квинквинальную пятилетку 55 – 60гг.

И если, с одной стороны, Помпей Паулин построил (начатую за 63 года до того Друзом Старшим) дамбу в 55г. н.э., то братья Сульпиции Скрибонии, Прокул и Руф, сменили Дувия Авита и Куртилия Манцию в обеих дистриктных Германиях не ранее 59-го, или, скорее, в 60гг. н.э.⁸⁴

А нам, читатель, пора перебираться в очередной *железно* завершающий первую (т.н.) *золотую* пятилетку Нерона анналистический год.

59г. н.э.

1 января 59г. н.э. = 812г. а.У.с. в консульство вступили Г.Випстан Апрониан и Г.Фонтей Капитон.

Випстан Апрониан был членом жреческой коллегии Арвальских братьев со времени до 57г., когда он фигурирует как магистр (CIL 6,2039) и позднее значится членом коллегии аж по 86г. н.э. Дезигнирован в консулы в интервале 11.10. – 6.11.58гг. Консульствовал, как и его ординарный коллега, всё первое полугодие. В 68г., ещё при Нероне, отправился наместничать в Африку, проконсулом к-рой числился до лета 69г., фактически отстранённый (68г.) от руководства провинцией выступившим против Нерона, но не признавшим и Гальбу мятежным легатом африканского легиона Клодием Макром (см. ниже), оставленный, после убийства Макра, на посту Гальбой и присягнувший в начале 69г. на верность Отону (Тацит «Ист.» 1,76,3) (см. ниже). 26.02.86г. вместо него одним из 12-и *frater Arvalis* сделался кооптированный в коллегию Г.Юний Силан (CIL 2064), из чего следует умозаключить, что перед тем, в правление Домициана, преклоннолетний Випстан скончался.

Г.Фонтей Капитон приходился, соответственно, внуком и сыном одноимённым консулам – суф. – в 33г. до н.э., и орд. – в 12г. н.э., второй из к-рых в 23/24гг. проконсульствовал в Азии, и обвинённый в 25г. Вибием Сереном был оправдан (Д.И. 973), тогда как первый являлся доверенным лицом Антония. Это он был одним из организаторов и участников Тарентской конференции 37г. до н.э. и сопроводителем из Египта к Антонию в Сирию для проведения в Сирии совместной

и находилась могила Акки Ларенции, к-рая в позднейшие времена отождествлялась с Руминой. *Ruminus* было прозвище Юпитера. Усыхание смоковницы, под к-рой были вскормлены Ромул и Рэм, есть «проклятие бесплодной смоковницы», и это было оповещение о начале, пусть на 58г. ещё далёкого, конца императорского Рима, но одновременно достаточно близкого, спустя всего 10 лет, конца Нерона и династии Юлиев-Клавдиев, с последующим началом другой эпохи, почему дерево и пустило, предваряя завтрашний день, молодые побеги.

Потенциал Рима ни в большом, ни в малом, несмотря на тревожнейшую пору связанного с Мистерией Голгофы феномена *кесарева безумия* и тревожнейшие симптомы бывших уже в ходу деградационно-декаданса, ещё отнюдь не был исчерпан. Тем временем, молодая германская смоковница в IV в. н.э. расцветала, чтобы в перспективе, похоронив императорский Рим, победоносно раскинуться над Европой, а затем попасть под правомерную и до поры позитивную католическую опеку Рима папского! (И, к слову, сходно позитивной, разумеется, не без изъянов и перегибов, была в Ср. века и в Новое время как политическая-экономическая, так и духовно-культурная подопечность более юного славянства более зрелому германству, сменив к-рое в мировом верховенстве, как германство в Германо-Анлосаксонскую эпоху правомерно сменило Рим и романизм, славянству предстоит ещё не скоро.)

⁸⁴ Согласитесь, что если Тацит называет в Ан.14,1 властвование Нерона, насчитывающее на начало 59г. всего 5-й (с октября 54г.) год «многолетним», то, тем паче, Дион (63,17,2/3) может называть многолетней 7-летней легатуру, с 60 по 67гг., в двух Германиях, братьев Сульпициев (см. выше и ниже).

зимовки 37/36гг. (перед парфянским походом Антония) Клеопатры, с её малолетними детьми-близнецами от Антония — Александром Гелиосом и Клеопатрой Селеной. Одножентильный и однокогномигальный брат (преномен к-рого неизвестен) Г.Фонтея Капитона — консул 67г. н.э. (см. ниже).⁸⁵

УБИЙСТВО АГРИППИНЫ // МАТЕРЕУБИЙЦА НЕРОН

Тацит: «В консульство Гая Випстана и Гая Фонтея Нерон больше не стал откладывать давно задуманное злодеяние; ему придавало смелости многолетнее властвование, к тому же его страсть к Пoppее день ото дня становилась всё пламенней, а она, не надеясь при жизни Агриппины добиться его развода с Октавией и бракосочетания с нею самой, постоянно преследовала его упрёками, а порой и насмешками, называя обездоленным сиротой, покорным чужим велениям и лишённым не только власти, но и свободы действий. Почему откладывается их свадьба? Не нравится её внешность и её прославленные триумфами деды?»⁸⁶ Или, быть может, доказанная ею на деле способность рожать детей и её прямота? Или, опасаются, что, сделавшись женой Цезаря, она сообщит ему об обидах сенаторов и недовольстве народа его надменностью и алчностью его матери? Раз Агриппина не может выносить другую невестку, кроме питающей вражду к её сыну, пусть позволят ей, Пoppее, вернуться к её мужу Отону. Она готова удалиться куда угодно, ибо предпочитает слышать со стороны о наносимых императору оскорблениях, чем быть свидетельницей его позора и разделять с ним опасности. Таким и подобным этим речам, подкрепляемым слезами и притворством любовницы, никто не препятствовал, ибо всем хотелось, чтобы могущество Агриппины было подорвано, но никто вместе с тем не предвидел, что ненависть доведёт сына до умерщвления матери...» (Ан. 14,1).

Не «многолетнее властвование», к-рое на конец 58-го и начало 59гг. длилось (с середины октября 54г.) немногим дольше 4-х лет, придавало смелости (трусоватому) Нерону, но постоянные злые насмешки его (с 58г.) любовницы Пoppей, дразнившей кесаря «маменькиным сынком» (как оно долгое время и было), что приводило его в ярость и бешенство. Барчук, не переставая быть жующим соплю недорослем,

⁸⁵ Всего два известных консула-суф. второй половины 59г. — Т.Секстий Африкан и М.Осторий Скапула. Первый был поднят в патрициат Клавдием в 48г.; сватался к дружной с Агриппиной Юнии Силане (к-рую Мессалина развела в 47г. с Г.Силием), из чего, вследствие интриги противницы этого брака Агриппины, зарившейся на богатство Силаны и указавшей Африкану как на её бездетность, так и на блудливость, ничего не вышло (см. выше). Сопринадлежал к коллегии Арвальских братьев, документально зафиксированный в период 57-66гг. (CIL 6,2039/40; 6,2043/44). В 61г., вместе с консулярами Кв.Волусием Сатурнином и М.Требеллием Максимом, получил задание цензуровать Галлию (см. ниже).

М.Осторий Скапула — участвовавший в британских военных кампаниях отца сын П.Остория Скапулы — легата Британии в 47-52гг., пленившего Каратака и умершего на легатском посту. Когда претора Антистия в 62г. обвинят в противокесарских стихах, продекламированных, мол, в доме Остория, последний это не подтвердит, чем спасёт жизнь Антистию, к-рый, в свою очередь, поступит прямо противоположным образом, выдвинув против него обвинение в пору *охоты на ведьм* после заговора Пизона (65г.), в результате чего Осторий, могучей физической силы и боевых талантов к-рого Нерон очень опасался, получив в своём поместье в Лигурии смертный приговор, покончит в 66г. самоубийством (см. выше и ниже).

⁸⁶ Известен только один отмеченный триумфальными отличиями дед Пoppей — отец её (угробленной Мессалиной в 47г. красавицы-матери) — конс. 9г. н.э. и многолетний балканский легат (11/12-35гг.) Г.Пoppей Сабин (см. выше).

взрослея, всё явственнее ощущал вкус власти (а где вкус власти, там и вкус крови!), и окружённый всеобщей лестью, силился поувереннее напоказ расправить плечи, распрямить вздутую-надутую петушиным колесом грудь.

Между тем, мать, к-рая всем своим существом и видом, даже уже не рискуя говорить об этом открыто, напоминала ему о том, кому он обязан абсолютно всем, о том, кто вознёс его на политический Олимп, к-рая в то же время всячески благоволила к смиренной беспретенциозной невестке Октавии, и слышать не хотела о браке единственного сынули с властной и своевольной Поппеей. Засим Агриппина, чем дальше, тем больше, день ото дня, делалась сыну невыносимее, становилась бельмом в глазу, подлежащим непременно хирургическому устранению.

Закомплексованный недоросль и тиран в одном лице не терпит подобного рода препятствий, исповедуя максимум ликвидационного устранения проблемы, к-рое есть самый эффективный для тирана способ решения всех связанных с людьми проблем. И вызревавшая в нём навязчиво маниакальная мысль – в обязательном порядке избавиться от матери, виделась ему своего рода как панацеей от всех проблем-бед, так и образным облачением (снимаемого Эдиповым комплексом юнца) в тогу настоящего мужа, к-рый, в конце концов, сумел героически выйти из-под материнской опеки, сумел вылезти из-под юбки (ещё одного) «Одиссея в юбке» (как Калигула называл свою бабушку Ливию).

Конечно, могущество Агриппины (блокируемое-ограничиваемое Нероном, Сенекой и Бурром), удалённой из Палатинского дворца в дом Антонии и однажды уже оправдавшейся-оправданной по обвинению в противокесарском заговоре, вовсе не было на 58/59гг. таким, каким оно было к концу 54г. (или ранее – в «золотую» агриппианскую пятилетку 49 – 54гг. при Клавдии). Но она, титулованная Августа, по-прежнему, оставалась вдовствующей императрицей и королевой-матерью, пользуясь этими своими негласными и непрописанными в республиканско-принципатовском Риме статусами-привилегиями, чем вдвойне раздражала (не только Нерона, но) и значительную часть верхов, и массу народа.

Ибо последние в большинстве всё плохое за период 54 – 59гг., в условиях так и не наступившего «Золотого века», связывали преимущественно с ней, с её неблагоприятным влиянием (людям нужен персональный виновник), а всё хорошее, напротив, – с толерирующим-уважающим сенат, с не практикующим скандальную статью об оскорблении величия-величества, с щедрым на зрелища и раздачи «голубчиком» Нероном (второй Калигула, благие намерения и популярность к-рого, т.е. Нерона, продлились на порядок дольше).

Октавия была скучна похотливцу Нерону и в жизни и, перво-наперво, в постели, несносная своим целомудрием (в к-рое Нерон, помимо прочего, считая, что все люди порочны и что некоторые только умело скрывают свои пороки, не верил). Опричь того, Поппея, как следует из Тацита, ставила Нерону на вид, что жена ненавидит его (надо понимать, за убийство её брата Британника и игноранс в её адрес), почему, мол, она и привечаема Агриппиной, и почему обе они для него, точнее, для них, опасны.

Агриппина же, разумеется, никогда не планируя какое-либо свержение сына, для приведения к-рого к власти она приложила богатырские усилия и конец к-рого одновременно означал бы её конец, тем не менее, не собиралась кому-либо уступать место первой (по влиятельности) женщины возле него – место Августы. И не собиралась настолько, что, если верить Клувию Руфу и другим, по словам Тацита (14,2), готова была кровосмесительно совратить сына, дабы как искусная любовница (коли не получается в ампула матери), оттеснить-удалить от него совершенно завладевшую им (потаскуном Митрофанушкой), взявшую его, что называется, за хобот, да и в оборот, Поппею.

Причём, по Тациту, согласно противоположной Клувиевой версии другого современника эпохи и историка – Фабия Рустика, близости с матерью добивался сам Нерон (14,2). Сходно у смачно суггерирующего чёрный нероновский портрет Светония: «Он искал любовной связи даже с матерью, и удержали его только её враги, опасаясь, что властная и безудержная женщина приобретёт этим слишком много влияния» (Нер. 28,2).

Дион (62,11,3/4) также, с одной стороны, говорит, что Агриппина, ранее пленившая и оприходовавшая своего родного дядюшку Клавдия, теперь пыталась поиметь и сына, правда, Диону (в Шв.) неведомо, – насколько это правда. А с др. стороны, по слову Диона, чему вторит и Светоний (28,2), сообразно общеизвестному факту, у Нерона была пассия, очень похожая на Агриппину и особенно им любимая, о связи с к-рой он говорил доверенным друзьям-сображникам в шутку, что (как бы) переспал с матерью (Ксифилин 152,15 – 154,27).

Удостоверьтесь, мнения смакующих этот (употребляя несколько не грешащую против истины средневековую лексику) чудовищный грех-порок, или, выражаясь современно, Эдипов комплекс, античных авторов разделяются-расходятся. То, что кровосмешение планировалось (мало того, согласно наибольшему смачнику Светонию, даже, как, мол, уверяют некоторые, совершилось) – факт; неясно только – от кого именно – от матери? или от сына? инициатива исходила.

Но (герольд Нерона при жизни Нерона) Клувий, если верить Тациту, «подтверждается и другими авторами» (14,2). Хотя тот же Тацит как-то не очень связно сообщал, не вдаваясь в дальнейшие подробности, читателю и выше, аж под 55г., приложительно к началу романа Нерона с вольноотпущенницей Акте, что возревновавшая Агриппина предлагала сыну «воспользоваться её спальным покоем» (13,13). Накладка? дублет? дуализм?

Так или иначе, версия с инициативой от (частично подверженного Эдипову комплексу) Нерона воспроизводится, применительно к реальности (с учётом актуального наличия в то время Сабины, к к-рой Нерон пылал-полыхал страстью), хуже, нежели версия инициативы от Агриппины. Иное дело, что в какой-то момент Нерону, словно соревнующемуся с матерью в безбашенности беспредельщику, взбрело откликнуться на её, в его, попирателя всех и всяческих норм морали, восприятию, сверхэкстравагантную, сверхдерзкую-сверхаморальную инициативу.

Впрочем, разница между ними состояла в том, что если она шла (готова была пойти) на инцест отнюдь не от хорошей жизни, мня таким образом любой ценой упasti себя – как Августу, как *первую леди* – перед угрозой со стороны Пoppей, и хватаясь, как утопающий, за последнюю соломинку, шла по расчёту, то его готовность была мотивирована хулиганским стремлением отдаться познанию греха по-карамазовски, – с грязнотпой и до последней степени падения. Зачем? Чтобы (сценическим) стремлением (не выходя из партера) сделать-содеть то, что до него ещё не делал, не совершал ни один, – ни мифологический, ни исторический римлянин. Быть первым! быть и остаться непревзойдённым! Ведь он был лицедей в (режиссёрско-сценаристской) душе и болезненно грезил грёзами возмнившего себя Гуливером (на сцене) лилипута (в партере) неслыханными постановками из серии (выражаясь словом Высоцкого): «Ах, как жутко, как смело, как мило!..»⁸⁷

⁸⁷ Это «мило», к слову, неотъемлемая составляющая немецкого менталитета и частая поведенческая норма немцев! Всё должно выглядеть «nett» (мило). К примеру, если большевики и коммунисты наверняка сопровождали свои убийства и расстрелы (неблагим) русским матом, то офицер СС, загоняя еврейских женщин в газовую камеру (ein SS Oficier treibt die jüdische Frauen in die Gaskammern), мог увещательно говорить при этом: «Ruhig einatmen. Es wird nichts passieren» (= Спокойно вдыхайте. Ничего плохого не случится) (Автор видел соответствующую фотографию с приводимыми под ней словами офицера СС в журнале «Spiegel»). (Не случайно у самих немцев есть поговорка: «Немцы врут, когда они вежливы».)

При всём том, интересно, что если древние авторы не столько реконструируют здесь реальную действительность, сколько рисуют этот из ряда вон нонсенс, отражая-отображая глубину упадничества нероновского принципата, в максимальных чёрно-багровых тонах, то весьма ментально похожая на декадентный Рим либеральная современность, с её склонностью к вседозволенности, с её непониманием отличия свободы от произвола, всё чаще изображает Нерона, явно симпатизируя ему, в качестве бесшабашного симпатяги-денди. Дескать, он был, в основном или даже целиком, несправедливо оболган античностью, плюс – особенно христианами (= поповщиной)! и ныне подлежит реабилитации.

Уже сегодня кое-кем прославляется (в рамках толерантности) его бисексуальность! И кто знает, не будет ли завтра аналогично восславлена его, мол, оригинальная готовность к инцесту! Не опустил ли Фрейд человечество из желудочно-кишечного тракта, куда человек до Фрейда опустил Маркс («бытие определяет сознание»), ещё ниже?! Чего уж там, падём глубже! проникнем-внедримся-углубимся в кишки дьявола!

И пусть Нерон не был зверем ббб (куда ему!), но то, что в его лице и при нём, последнем Цезаре из дома Цезарей, Рим пал так низко, как никогда прежде, сомневаться не приходится. Если для матери связь с сыном, как вынужденную меру, обусловливал и оправдывал холодный расчёт (с целью выжить и удержаться на плаву), то для него это был чарующе и пугающе влекущий к себе запретный плод. Не полярно ли антиподны Таинство Голгофы и *кесарево безумие*! Не полярно ли антиподны взаимоотношения Иисус – Мария! и Нерон – Агриппина!

* * *

Тем временем, скорей всего, инцест между сыном и матерью, всё-таки, не состоялся, однако, обе стороны были в шаге от него, причём и те античные источники, к-рые утверждают, что инициатива исходила от Агриппины, и те, согласно к-рым, она исходила от Нерона, солидарны в том, что кровосмесительную связь предотвратил Сенека, кого Тацит называет открытым текстом, в то время как Светоний, не называя имён, под её (Агриппины) врагами, его, в первую очередь, подразумевает.

Более того, следуя Тациту, Сенекой (и Бурром) снова была использована вольноотпущенница Акте (из-за упоминания к-рой создаётся впечатление тацитовской накладки событий 55-го на события 59г.), кто, продолжая (несмотря на Поппею) быть близкой к нему, или близким ему человеком, передала кесарю со слов Сенеки, «что войска не потерпят над собой запятнанного нечестием принцепса» (14,2). Войска, т.е. преторианцы, к-рыми командовал Бурр, и среди части к-рых Агриппина (всё ещё) пользовалась (убывающей) поддержкой-популярностью.

И далее Тацит (разделяя инициативную версию Клувия) портретно добывает Агриппину её прошлыми порочными связями: 1) любовница Эмилия Лепида – второго мужа её (умершей в 38г.) сестры Друзиллы, возлюбленной и любимицы их брата Калигулы, к-рый в 39г. сослал двух своих сестёр, Агриппину и Ливиллу, за заговорщичество и разврат с Лепидом; 2) любовница вольноотпущенника Палланта, снизошедшая до связи с либертом; 3) соблазнительница-кровосмесительница и потом супруга своего дядюшки Клавдия (брачно порекомендованная ему Паллантом).

Тут ещё выпущены-пропущены: 1) сам Калигула, к-рый, согласно Светонию, сожительствовал со всеми своими сёстрами, в т.ч., с Агриппиной; 2) юный Тигеллин, с к-рым путались и Агриппина, и Ливилла; 3) Пассиен Крисп, кто, отлично от вышеперечисленных, был законным супругом вышедшей за него, по корыстному

расчёту, вдовой Агриппины (во всех любовных связях к-рой на первом плане — расчёт), но кого она, дабы безраздельно завладеть его богатством, цинично извела ядом.

Итак, Сенека и Бурр совместными усилиями предотвратили инцест Нерона с матерью, новоусиление к-рой в их планы никак не входило, да и было для них, для (пусть бывших отнюдь не в восторге от Пoppей) философа-стойка и старого солдата, — чересчур! Вместе с тем, они не могли быть и не были откровенными союзниками кесаря в деле (пусть где-то желанного и для них, коли уж не получается сохранить паритетный статус-кво) устранения им матери, в деле матереубийства, что тоже было для них обоих, для философа-стойка и старого солдата, — слишком! было для них — за гранью!

И пусть (эпитомированный) Дион, вообще представляющий враждебную Сенеке традицию, называет последнего одним из организаторов (инспирированного Пoppей) матереубийства, верить в данном случае, его явно противосенекианскому источнику не следует. Правда, одновременно, как со стоической, так и с государственной позиции Сенеки выходило следующее: пусть лучше Нерон, если нет иного выхода, убьёт родную мать, нежели спит с нею!

В этом преступном деле-беспределе убийства матери, (фрейдисту) Нерону (к-рый, так и не переспав с волновавшей его болезненные сексуальные фантазии Агриппиной, ныне твёрдо решил погубить её) предстояло сопутствовать его друзьям-собратникам из золотой молодёжи. И, главное, — вольноотпущенникам-беспредельщикам, к-рые с 59г. (несколько оттеснённые Нероном на задворки после их засилья при Клавдии) снова вылезают не передний план и входят в силу. (Хуже нет, когда давешний раб, не перестав быть рабом в душе, возмневает себя вершителем судеб и господином!)

Единообразно мы не видим в 58/59гг. никаких попыток интриганского и, тем паче, заговорщического противоборства со стороны Агриппины. Она лишь защищается и, как свидетельствует её готовность на крайнюю меру — инцест (из стремления выжить и не потерять влияние), защищается собой и на отбой. *Римская волчица* (согласная, на сей раз, не видя иного выхода, сделаться и *вавилонской блудницей*) не столько постарела, сколько сдала, и на 44-м году жизни (возрастной пик современных женщин) была больше не в силах эффективно атаковать. Её гонят в западню и ей не удастся прыгнуть за красные флажки, к-рые превратятся в её жертвенную кровь.

В то же время, Нерон полон и всё более преполняется решимости во что бы то ни стало устранить-удалить мать как с политической сцены, так и из жизни, где им двоим уже нет места, и за чем = за идущим к развязке конфликтом сына и матери — из-за портьеры вождельно наблюдает непримиримая к Агриппине Пoppей. Если отошедшие в полутьму Сенека и Бурр — небеспристрастные зрители в зрительном зале, то она — третья в роковом треугольнике (к-рая хочет быть единственной подле *первого среди неравных* и страстно жаждет повелевать повелителем). Бушуйте, псевдо-шекспировские страсти! Впрочем, ни второй Клеопатры, ни второй Агриппины из Пoppей не получится.

По Светонию, сын аж трижды пытался отравить мать, «пока не понял, что она заранее принимает противоядия. Тогда он («народоволец» грёбаный!) устроил над её постелью штучный потолок, чтобы машиной высвободить его из пазов и обрушить на спящую, но соучастникам не удалось сохранить замысел в тайне...» (Нер. 34,2). Тацит, ни словом не упоминая о «штучном потолке», говорит, что кесарь, к-рый вновь стал избегать встреч с матерью, и его приближённые, придумывая, как угробить Августу, выезжавшую на отдых в поместья близ Тускула и Анция (что Нероном публично одобрялось), — «сначала остановились на яде» (14,3).

Но, во-первых, этот как бы скомпрометировавший себя способ ликвидации противника чрезмерно напоминал обстоятельства гибели (Клавдия и) Британника (дежавю!); во-вторых, сын и мать не жили под одной крышей и не столовались вместе, а подкупить кого-то из её, женщины, «искушённой в злодеяниях и научившейся осторожности, слуг, представлялось делом нелёгким»; и в-третьих, — «она постоянно принимала противоядия» (14,3).

Вариант же использования холодного оружия Нерон сразу отверг, поскольку, во-первых, не хотел, чтобы смерть его матери выглядела (явно) насильственной, и во-вторых, сомневался в любом потенциальном исполнителе столь рискованного предприятия: сможет ли тот исполнить порученное? не пренебрежёт ли заданием? доведёт ли дело до конца? и т.д. Ставки непомерно высоки; риск опростоволоситься велик.

И, кстати, если принять достаточно игрушечную версию Светония с тремя попытками отравления, при «штучном потолке» впридачу, то придётся датировать старт матереубийственного проекта, включая поиски его реализации, временем где-то с осени 58г., поскольку в светониевском случае, — с начала 59г. до точно датируемого убийства Агриппины в дни мартовского праздника Квикватрий (19-23.03.) попросту не хватает времени.

Посему, учитывая Светониеву склонность к остросюжетному сгущению красок по максимуму, остановимся на версии Тацита, при принятии к-рой вся событийность вполне укладывается во времени с декабря/января 58/59гг. до начальных дней последней декады марта 59г.

В итоге выход из затруднительной ситуации по выбору способа смертоубийства нашёл и предложил смекалистый вольноотпущенник Аникет — префект (созданного, по иронии судьбы, дедом Агриппины — М.Агриппой, первого по значимости из постоянных флотов в составе римских военно-морских сил) Мизенского флота. Это был не обременённый никакими нравственными нормами-тормозами либерт из ближнего окружения Нерона, оборотистый малый без (даром что морской офицер в ранге адмирала) чести и совести, сущий отморозок.

И этот избрательный римский горе-Архимед предложил устроить на прогулочном корабле (к-рыми пользовалась, плавая вдоль берегов Италии, у берегов Лациума и Кампании, римская знать) «особое приспособление, чтобы, выйдя в море, он распался на части и потопил ни о чём не подозревающую Агриппину: ведь ничто в такой мере не чревато случайностями, как море; и если она погибнет при кораблекрушении, найдётся ли кто столь злокозненный, чтобы объяснять преступлением то, в чём повинны ветер и волны? А Цезарь воздвигнет усопшей храм, жертвенники и вообще не пожалеет усилий, чтобы выказать себя любящим сыном» (14,3).⁸⁸

Цинизм рассуждений на тему отставим в сторону. Касаемо же редкостного мерзавца Аникета, бывшего одним из учителей-воспитателей-дядек Нерона, т.е. малого на 59г. в минимум зрелом возрасте, ему довелось сыграть зловещую роль не только в судьбе Агриппины, но и в судьбе Октавии, о чём мы узнаем ниже.

А пока его хитроумный план был тайно одобрен, инженерный проект утверждён, соответствующее судно быстро оборудовано-переоборудовано и спущено на воду. Благоприятствовали тому и внешние обстоятельства, поскольку посвящённый покровительнице искусств, в частности, поэтов и кифаредов, Минерве мартовский

⁸⁸ У Диона (62,12,3/4) игрушечная (типа вышеприведённой светониевской) версия: мол, заговорщики увидели самораспадающийся корабль (к-рый, распавшись, выпустил в воду, к восторгу зрителей, диких зверей) в навмахическом театре (вспомним цирковое представление 57г.), воодушевились им и тотчас приказали построить аналогичное судно в видах погубления Агриппины.

праздник Квинкватрий (к-рый был посвящён ещё и Марсу) 59-го г. Нерон, кто в поэты и кифареды (завоёвывая сердце Поппеи) как раз намылился, проводил в курортных кампанских Байях.

Туда он и пригласил-заманил (не скрывавшую в последнее время своего раздражения по поводу романа сына с Поппеей) мать, повторяя повсюду, что детям должно уважать родителей и всячески выказывая-демонстрируя «искреннюю» готовность к примирению (14,4).

* * *

Подтверждение тому, что отношения между сыном и матерью после начала нероновского романа с Поппеей дополнительно-усугубительно испортились-ухудшились находим и у Светония, к-рый, вероятно, имеет в виду именно этот период 58/59гг., когда говорит, без, как обычно, соблюдения хронологии, при перечислении этапов и признаков сыновне-материнского конфликта, что он (Нерон) ни на миг не давал ей (матери) покоя: «нанятые им люди досаждали ей в Риме тяжбами, а на отдыхе насмешками и бранью, преследуя её на суше и на море» (Нер. 34,1).

Поэтому она, чувствуя себя загнанной и (с появлением Поппеи в алькове сына) загоняемой, старалась, продолжая быть, наряду с тем, непреклонной, меньше попадаться сыну на глаза и, м.б., меньше бывать в Риме. В сложившихся обстоятельствах она предпочитала прогулки по морю, к-рое очень любила, пользуясь бывшей в её распоряжении триремой с гребцами (Ан. 14,4), и пребывание в приморских поместьях (Анций; Байи). Хотя, насколько выводится из Светония, специально уполномоченные на то кесарские шестёрки досаждали ей как в Риме, так и вне Рима, как на суше, так и на воде.

И вдруг всё в одночасье (как будто) переменялось. До неё, где бы она ни находилась, начали доходить и сведения, и слухи о перемене в отношении к ней сына, о его сожалении и раскаянии относительно взаимных размолвок, наконец, о его трепетной сыновней любви к ней и готовности к многожеланному примирению-замирению. И она, невзирая на присущие ей осторожность и подозрительность, склонялась к тому, чтобы поверить во всё это, потому что очень хотела в это поверить. Человек более всего уязвим именно тогда, когда, пуская по боку трезвую взвешенную оценку ситуации и обстоятельств, выдаёт желаемое за действительное. И особенно уязвима мать, к-рая, чем бы она ни была запятнана, очень хочет верить в то, что (возведённый ею на трон) сын (просто) любит (или, по меньшей мере, не ненавидит) её (и не желает ей зла).

При этом они оба, и мать, и сын, были стоящими друг друга никудышными конспираторами и злодеями-дилетантами, но в данном случае Нерон был в выигрышном положении, так как, если он твёрдо решил погубить мать и шаг за шагом шёл к поставленной цели, то она искренне жаждала, прежде всего, мира с ним (пусть не собираясь, вместе с тем, идти у него на поводу).

И вот она откликнулась на его приглашение прибыть на празднество Квинкватрий в Байи из Анция (место рождения как её брата Калигулы, кто очень любил там бывать, так и её сына Нерона), где в одном из своих поместий на тот момент обреталась. Сын встретил мать на берегу, «взял её за руку, обнял и повёл в Бавлы» (14,4) – на свою виллу между Мизенским мысом и Байями. Тут и стоял на воде приготовленный для неё (вернее, ей на погибель), «отличавшийся нарядным убранством», чудо-корабль – детище римского горе-Архимеда – Аникета. Роскошное праздничное пиршество, с сопроводительными увеселениями, затянулось до позднего вечера, после чего лицедей Нерон, бывший всё время подчёркнуто предупредителен, ласков и нежен с матерью (что манифестировало мир, дружбу,

жвачку), горячо прижал её к груди и посадил на (понимай – подаренное ей, или предоставленное в её распоряжение, по поводу чего Тацит в подробности не вдаётся) погибельное судно.⁸⁹

По Светонию, «он (Нерон) выдумал распадающийся корабль, чтобы погубить её (Агриппину) крушением или обвалом каюты: притворно сменив гнев на милость, он самым вежливым письмом пригласил её в Байи, чтобы вместе отпраздновать Квинкватрии, задержал её здесь на пиру, а триерархам отдал приказ повредить её либурнскую галеру будто бы при нечаянном столкновении; и когда она собралась обратно в Бавлы, он дал ей вместо повреждённого своей искусно состроенный корабль, проводил её ласково и на прощанье даже поцеловал в грудь» (Нер. 34,2).

У Диона (62,12,3) сын и мать совместно проделали морской путь в Кампанию на специальном-заведомом судне (с подвохом) в видах Нерона на то, что Агриппина пожелает занять это судно для своих водных прогулок. Далее, в Бавлах прошло много пиришествственных дней, в ходе к-рых Нерон всячески обхаживал мать, заверял её в своей готовности исполнить любое её желание, наконец, на прощание обнял её после пира, ок. полуночи, прижал к груди, поцеловал её глаза и руки и произнёс: «Живи и здравствуй, мать моя», вслед за чем поручил Аникету доставить Агриппину морем на её виллу (62,13,1/2).

Как видим, античные авторы расходятся в некоторых деталях-частностях, в целом, при ряде не столь существенных противоречий, подтверждая и дополняя друг друга. Впрочем, ново-новейшее время, учитывая меньшую надёжность портретиста Светония и эпитомированность-эксцерпированность Диона в выдержках Ксифилина, понятно, в основном опирается на подробный обстоятельный рассказ Тацита.

А нам остаётся констатировать, что (становящийся ради своей дамы сердца – Поппеи, поэтом и кифаредом) Нерон (наверное) чувствовал-переживал себя сценаристом и режиссёром постановщиком, к-рый ставит, по собственному гениальному замыслу и сценарию, спектакль с множеством подчинённых ему актёров, в к-ром сам же играет, сделав мать не посвящённой в суть постановки звездой-партнёршей, главную роль. Он ещё не знал, что под конец, поочередно убрал со своего пути в никуда и Агриппину (59г.), и Октавию (62г.), и Поппею (65г.), останется одиноким режиссёром в погорелом театре одного актёра, к-рый, потеряв всё и накладывая на себя руки, как бы делясь последним жизненным впечатлением с окружающими, патетически-сценически пожалеет напоследок во весь голос о собственной драматическо-трагической гибели (68г.).

Но продолжим. Согласно Тациту, «боги, словно для того, чтобы злодеяние стало явным, послали ясную звёздную ночь с безмятежно спокойным морем» (14,5). Агриппину на судне сопровождали только двое из её приближённых – некто Креперей Галл, «стоявший невдалеке от кормила», и служанка Ацеррония, к-рая, усевшись в ногах госпожи на её ложе, без умолку болтала о раскаянии венценосного сына и о счастливом новообретении несравненной матерью былого влияния. Команда судна состояла из военных моряков Аникета, однако, не все они были посвящены в покушение.

⁸⁹ Нужно заметить, что по наличному невнятному и, если всмотреться, противоречивому тексту Ан.14,4, кто-то предупредил Агриппину (похоже в Бавлах?) о подстроеной ей ловушке, из-за чего она отправилась, как получается по тексту, назад из Бавл в Байи (?) на верховых носилках. Однако Нерон развеял её опасения и страхи акцентированной предупредительностью, затянув пиришество до ночи и потом посадив мать на корабль. Но, с др. стороны, она (по тексту) вроде бы прибыла из Анция в Байи и оттуда проследовала в Бавлы, где (на вилле Нерона) и состоялось пиришество, по окончании к-рого, коли следовать за путаной тацитовской наличностью, вместо того, чтобы сесть на корабль, возвратилась в Байи на конных носилках, где Нерон (вновь?) пиришественно вошёл к ней в доверие, развеял подозрения и трепетно усадил на корабль. Убедитесь в накладках-несостыковках.

Вдруг, в условленный момент и по условленному знаку, отягчённая свинцом кровля Агриппиновой каюты обрушилась. Креперей был задавлен насмерть, между тем как — «Агриппину с Ацерронией защитили высокие стенки ложа, случайно оказавшиеся достаточно прочными, чтобы выдержать тяжесть рухнувшей кровли». Т.е. в этой части замысла план, вопреки расчётам (находившегося не на судне) Аникета, не сработал. Дальше — больше. Корабль не распался, ибо в возникшей суматохе непосвящённые в заговор помешали посвящённым. Тогда гребцы получили приказ от руководившего операцией неизвестного коновода накренить корабль и затопить его. Опять промашка, т.к. непосвящённые, увидя крен, принялись наклонять судно в противоположную сторону и Агриппина с Ацерронией, не выброшенные (наперекор расчёту) в море внезапным толчком, просто плавно соскользнули в воду.

Удостоверьтесь в дилетантизме доморощенного заговора и доморощенных заговорщиков воочию. Да, зачастую, чем наивнее совершители преступления, тем оно страшнее. Невольно вспоминаешь слова сорвавшегося с декабристской виселицы (чтобы быть повешенным снова) несостоявшегося русского Робеспьера П.Пестеля: «Бедная империя, повесить и то, как следует, не умеют».

Дальше Ацеррония в воде, спасая то ли себя, то ли госпожу, принялась кричать, призывая на помощь, что она Агриппина, в ответ на что её забили насмерть баграми и вёслами, тогда как настоящая Агриппина, поняв в чём дело, осторожно хранила молчание, почему осталась неузнанной и, пусть получив рану в плечо, сумела незаметно отплыть прочь, после чего «сначала вплавь (она хорошо плавала), потом на одной из встречных рыбацких лодок добралась до Лукринского озера и была доставлена на свою виллу» (14,5).⁹⁰

Светония эти подробности не интересуют. Ксифилинизированный Дион краток: «Море не пожелало быть соучастником столь дикого достойного проклятия преступления: корабль распался, Агриппина упала в воду, но не утонула, и невзирая как на то, что была пьяна, так и на убийство сопровождавшей её Ацерронии Поллы, смогла спастись вплавь» (62,13,3).

* * *

Окончательно придя в себя, поняв и осознав на вилле, что произошло, она, рассудив, трезво решила, «что единственное средство уберечься от нового покушения — это сделать вид, что она ничего не подозревает» (Ан. 14,6). Т.е. прикинуться дурочкой и направить к сыну вольноотпущенника Агерина с радостной вестью, что Августа-мать, избежав с помощью богов гибели (дескать) от несчастного случая, на радость сыну, жива, но просит его отложить посещение (любимой ма-тушки), нуждаясь сейчас только в отдыхе.

Согласитесь, её поведение и самообладание, даже при отсутствии иного выхода и каких-либо путей к отступлению, впечатляют, в то время как у Нерона ночная весть о сорвавшемся покушении вызвала ужас и панику, рисуя перед ним картины возмездия или ответного удара одна чудовищнее другой. Постановка летит к чёрту! Актёры не справились с отведёнными им ролями! Мать вот-вот вооружит против него своих рабов, возбудит воинов, воззовет к сенату, и прибудет самолично, чтобы спросить с него, по всей строгости, за всё. Недоросль насмерть перепугался, ему

⁹⁰ М.Агриппа соединил в 30-е гг. Ив. н.э. Авернское (близ Неаполя) озеро (в 4-х км северо-западнее ПUTEОЛИ) каналом с соседним Лукринским озером, соединённым, в свою очередь, с морем.

захотелось залезть в страхе под кровать, убежать от маменькина гнева, избежать порки или — и того хуже... И он, не умея найти выход, срочно велел разбудить пребывавших где-то на вилле/виллах по соседству (с хозяином) Бурра и Сенеку. Нехай они (стало быть, сопровождавшие принцепса в Кампанию), умудрённые опытом гос. мужи, что-нибудь придумают (14,7).

Вряд ли (командир преторианцев и по совместительству глава тайной полиции) Бурр и (премьер-министр) Сенека совсем не ведали, не подозревали, что происходит. Иное дело, что им хотелось, чтобы матереубийство, если уж оно совершится, совершилось без них, без их участия и соучастия. Ан — не вышло: не замараться не удалось. Оба долго хранили молчание, пока в конце концов Сенека, решившись, спросил у Бурра — «можно ли отдать приказ воинам (= подкомандным Бурру преторианцам) умертвить Агриппину» (гос. резон превыше всего, в т.ч., — стоической морали и нравственности!), от чего Бурр дистанцировался, ответив, — «что преторианцы связаны присягой верности всему дому Цезарей и, помня Германика, не осмелятся поднять руку на его дочь: пусть Аникет выполняет обещанное». Т.е. доведение всего (преступного) замысла и дела до конца было вежливо переложено Бурром на (вольноотпущенника) Аникета (с к-рого, мол, и взятки более гладки).

В ответ Нерон, начав приходить в себя и вновь актёрски входить в роль, (не без пафоса) заявил, что «в этот день ему даруется самовластие и что столь бесценным подарком он обязан вольноотпущеннику», в связи с чем пусть Аникет поторопиться, взяв с собою безусловно преданных подчинённых, готовых повиноваться его приказаниям.

Тут как раз доложили о прибытии снаряжённого Агриппиной к сыну с вестью о её чудесном спасении Агерина, и уже вошедшему во вкус Нерону тотчас пришла в голову постановочная импровизация — подкинуть вестнику под ноги меч с тем, чтобы обвинить мать в покушении на сына-кесаря (каков режиссёр и актёр в одном лице!). Сказано — сделано. Соответственно, теперь ей, мол, уличённой в покушении на сыноубийство, ничего не остаётся, как покончить жизнь самоубийством (14,7).

По Светонию, когда вольноотпущенник Агриппины «Луций Агерм радостно принёс весть, что она жива и невредима, тогда он (Нерон), не в силах ничего придумать, велел незаметно подбросить Агерму кинжал, потом схватить его и связать, как подосланного убийцу, а мать умертвить, как будто она, уличённая в преступлении, сама наложила на себя руки» (Нер. 34,3).

По Диону, узнав о спасении Агриппины от её посланца, Нерон потерял всякое самообладание, вскричал, что посланец прибыл его убить, покарал несчастного смертью и снарядил Аникета с его матросами к матери, опасаясь доверить её убийство преторианцам (62,13,4/5).

Таким образом, картина, опуская частные расхождения античных авторов, достаточно ясна, и, в сущности, Светоний с Дионом лишь незначительно дополняют Тацита. Сенека и Бурр деликатно дистанцировались, подставив-подсунув Аникета (взялся за гуж, не говори, что не дюж), к-рый, судя по всему, с удовольствием взялся за порученное, и потому прибытие не подозревавшего ничего худого для себя Агерина (или Агерма), к-рого кесарь незамедлительно записал в кесареубийцы, оказалось весьма кстати. С тем Аникет и отправился, взяв с собой преданных кнехтов, на выполнение ответственного задания, театрально квалифицированного самим Нероном — как историческое дарование ему вольноотпущенником самовластия.

В то же время окрест, среди людей, распространяется тревожная новость о несчастном случае с бывшей на затонувшем судне Августой, люди бросаются на побережье, всматриваются в воду с берега, вскакивают в лодки и выходят в море, надеясь спасти выживших (Ан. 14,8). Причём, исходя из слова Тацита о несметной

толпе с факелами и из всего его дальнейшего рассказа (8-10), следует сделать вывод, что вся драма завершается-доигрывается в течение всё той же ночи.

Вскоре становится известно, что Агриппина жива, толпа снимается с места и направляется к её вилле, чтобы поздравить императрицу с богоугодным спасением, но испуганно рассеивается при угрожающем появлении военного отряда из флотских офицеров и матросов под командой Аникета, к-рые быстро оцепили агриппианскую виллу, взломали ворота, раскидали встречных не понимающих в чём дело рабов и подошли «к дверям занимаемого Агриппиною покоя» (14,8).

Вооружённому, целеустремлённому, униформированному боевому подразделению с явно агрессивными намерениями нетрудно заставить дезорганизованных безоружных людей, уж не говоря о пугливой челяди, врасплох и заставить их, без промедления, подчиниться резким приказам. Из передней все разбежались. В спальном покое с Агриппиной была всего одна рабыня, к-рая, услышав приближение грозных шумов, тоже непроизвольно попятилась к выходу (инстинкт самосохранения), на что её госпожа горько промолвила: «И ты меня покидаешь».

Можно себе представить состояние Агриппины во всё время тягостного тревожнейшего ожидания с момента её прибытия после спасения на виллу и отправки к Нерону Агерина до явления к ней людей от Нерона. Никто не приходил, Агерин всё не возвращался и, значит, подтверждают самые худшие предположения. Она всё явственнее осознавала, что к чему, однако продолжала хвататься за задействованную дипломатическую фикцию, ведь ничего другого сделать было нельзя. Б.м., всё-таки, удастся избежать худшего. С одной стороны, она на лучший исход, сумев спастись из воды, рассчитывала, с другой, сердцу матери, по-прежнему, очень не хотелось верить, что сын убьёт или добьёт её.

Увы, она слишком хорошо думала о своём волчонке, не способная сама убить его. В этом случае яблоко упало достаточно далеко от яблони. Он же, всё стерженея, и самому себе, и окружающим судорожно доказывал, что стал волчарой, или (почему бы нет) даже львом, и что с ним шутки плохи. Маменькин сынок спешил сделаться, убив мать (к-рая, мол, сама во всём виновата), *сыном тьмы*.

В покои Августы ворвались руководивший операцией префект (адмирал) Аникет, триерарх (командир-капитан триремы — судна с тремя рядами вёсел) Геркулей и флотский центурион (сотник) Обарит. Отлично от Нерона, паниковавшего, как баба, и нетерпеливо, в горячке, ожидавшего вестей с места действия, Агриппина не потеряла самообладания и до самого конца держалась с (женским и мужским) достоинством. Обратившись к Аникету, она сказала, — «что если он пришёл проведать её, то пусть передаст (Нерону), что она поправилась; если совершить злодеяние, то она не верит, что такова воля сына; он не отдавал приказа об умерщвлении матери» (14,8).

Всё ясно, и тем не менее, во-первых, мать до последней минуты не желает верить, что убийц снарядил по её душу именно родной сын, а во-вторых, если и так, она пытается спасти его репутацию в последний раз, громко озвучивая напоследок свою насильственную смерть якобы не по воле и даже якобы против воли её сына. Вспомним ещё раз: не она ли некогда, в ответ на предсказание халдеев, что Нерон (при его рождении в 37г., в правление Калигулы, — сын, всего-навсего, Домиция Агенобарба, с минимальными шансами на принципат) будет властвовать, но умертвит родную мать, незамедлительно согласившись с таким убийственным для неё, но в пользу любимого сына раскладом, воскликнула: «Пусть умерщвляет, лишь бы властвовал!» И вот всё сбывается один к одному. Бойтесь неосторожных слов, потому что произнесённые однажды вслух слова (как и неосторожные мысли) имеют свойство материализовываться!

Убийцам нечего было ответить на её заключительное полное достоинства слово.

Перед ней стояли не вершители правосудия, над ней склонились, чтобы предать её смерти, низкопошибные палачи. Они окружили её (три вооружённых мужика одну безоружную женщину на ложе), и тем не менее, какое-то короткое время ни один из них не решался нанести первый удар. Потом триерарх Геркулей (почти Геркулес!) наконец решился и ударил Агриппину палкой = своим триераршим жезлом – по голове. Ударил, видимо, не столько для того, чтобы убить, сколько, чтобы лишить её сознания и не смотреть в глаза жертве, не видеть их при нанесении настоящим холодным оружием ударов убийственных. Но она не потеряла от этого удара сознание, и увидев, как центурион обнажает меч, сама подставила ему живот со словами: «Поражай чрево!», – и тот прикончил её, нанеся ей множество ран» (14,8). Самую грязную палаческую работу проделал низший чин – центурион Обарит (и кто бы этого Герострата запомнил по имени, кабы не убийство Августы!).

У не упоминающего убийц во мн.ч. Диона (62,13,5) от Ксифилина фигурирует только главный исполнитель Аникет, обращаясь к к-рому, Агриппина разрывает на себе платье и подставляет под удар живот с криком: «Бей сюда, Аникет, ведь это чрево породило Нерона!». Так-то оно так, ибо вынашивавшее и выносившее гада чрево (к-рое больше не плодоносило), было вспорото по приказу именно этого гада. Однако рассказ ближе стоящего к событиям Тацита, здесь, несомненно, более правдив, чем обросший на Шв. н.э. псевдомифами рассказ Диона.

Мать подставила убийцам для удара меча именно чрево, породившее главного убийцу, её единственного сына, но при этом слов о том, что оно породило Нерона, она, щадя его репутацию и, как сказано, в последнюю минуту своей преступной, прерываемой его преступной волей, жизни, щадя его тронное и сыновнее будущее, не произнесла. Пусть властвует, чего она больше всего жаждала-добивалась и добилась, не запятанный, по крайней мере от её имени, матереубийством, как можно дольше! Во всяком случае, мать уходит, не обвинив на публику сына в убийстве матери. Она умерла, как настоящая волчица, прокусив себе плечо, но не сказав, что винит в своей смерти родного сына!

Сим всё было конечно. Постановка состоялась. Театр марионеток не подкачал. Аншлаг! Режиссёр и лицедей как бы сдал, перво-наперво, в своих собственных глазах, экзамен на зрелость и мужество и профпригодность. Люби меня, уподобившегося матереубийцам Оресту или Алкмеону (или разновидности отцеубийцы Эдипа)⁹¹, не столько римлянина, сколько утончённого эллина и эллиниста в душе,

⁹¹ Согласно Диону (62,16,2) от Ксифилина (155,19 – 156,2), уже в 59г. во многих местах (Рима/Италии) появились анонимные надписи: «Орест, Нерон, Алкмеон, смерть матерей».

Орест – сын Агамемнона и Клитемнестры, призванный к кровной мести велением Аполлонова оракула, на 8-й год после смерти отца вернулся на родину с Пиладом, открылся Электре и убил как свою мать, так и её любовника Эгисфа, к-рыми был убит возвратившийся с Троянской войны (и привезший с собой вещью Кассандру) главковерх греков в судьбоносной для цивилизации войне миров – Агамемнон. За это Эринии наслали на Ореста безумие и преследовали его, но он, по одной из версий, получил от Аполлона очищение от пролитой крови, или совет молить о защите Афины Палладу, обняв её статую в Афинах, где его оправдал Ареопаг.

Алкмеон – сын Амфиарая и Эрифилы, к-рый убил свою продажную и вероломную мать, отомстив ей за её причастность к гибели отца, почему подвергся преследованиям Эриний.

Как видим, надписи в Риме, ставившие Нерона между Орестом и Алкмеоном, не обязательно означали его полное и безоговорочное осуждение, так как отношение к такому матереубийству (к-рое в Новое время некоторые переосмыслители сюжета – Шлегель, Вольтер, Дюма, Сартр – даже сделали непреднамеренным) явно преступных (демонических) матерей в античности было двояким и допускало прощение раскаявшегося-покаявшегося матереубийцы (чего Нерон никогда и ни в какой форме не сделал).

Что касается исторических монарших фигур, то если отцеубийц в истории древности (и позднее), особенно в борьбе за царские троны, хватает в избытке, то матереубийцы (понятым

актёра и кифареда по натуре, несравненная Поппея!!! Не доказал ли я тебе и себе, что дорогого стою! Кто из римлян сравнится со мной! Многие ли на такое способны!

(Не налицо ли здесь, в этом, по своему беспримерном, матереубийстве, к тому же, возвратно-архаическая карикатура на борьбу патриархата против матриархата, что имело место в М.Азии и Греции в полуполюгендарном II тыс. до н.э., и чем гипертрофированный эллинист Нерон, урвав на себя декадентные посвящения, внутренне одержимо проникся?!)

* * *

Агриппина родила Нерона, будучи 22-х лет отроду, а он убил её на 22-м году своей беспутной жизни. И символично-симптоматично, что её убийство в праздник триадной Минервы (и триадного Марса) Квинкватрии 19-23.03. произошло ровно через 70 лет после кончины именно в Квинкватрии и тоже в курортной Кампании, в марте 12г. до н.э., её деда М.Агриппы – октавиановского, в т.ч., флотоводца, создателя Мизенского флота, ближайшего друга, соратника и зятя Августа – прадеда Агриппины Младшей – дочери Агриппины Старшей и внучки Юлии (Августовны).

Но Агриппа умер тогда (от подагры) в почёте и уважении (вторым человеком в Риме и Империи); траурную-лаудационную речь перед его посткремационным погребением в августейшем мавзолее держал сам Август. А Агриппина ушла из жизни, убитая по приказу собственного сына, кремированная (сходно отравленному Нероном Британнику) в ту же ночь, – «с выполнением (наспех) убогих погребальных обрядов; и пока Нерон сохранял верховную власть, над её останками не был насыпан могильный холм и место погребения оставалось неограждённым» (14,9).

Мало того, античные авторы сообщают ещё более шокирующие постубийственные подробности. Если Тацит оставляет вопрос о том, рассматривал ли, мол, явившийся на место преступления Нерон бездыханную мать и хвалил ли её телесную красоту (как пишут одни, и что опровергают другие) без ответа, то Светоний и Дион тут словоохотливее.

Согласно Светонию, некоторые повествующие об этом матереубийстве добавляют, «ссылаясь на достоверные сведенья, будто бы он (Нерон) сам прибежал посмотреть на тело убитой, ощупывал её члены, то похваливая их, то поругивая,

образом) довольно редки. Среди них: Птолемей IV Филопатар (222/21 – 204/03гг.); возможно, Птолемей X Александр (107-89гг.); и ещё – непримиримый враг Рима – (выдающийся декадент декадентов) Митридат Эвпатор (+ 63г. До н.э.) – знаменитый «дядька Черномор» и понтийско-эллинистический динозавр. Ок. 12-и лет отроду (возраст, в к-ром Нерона доверили воспитанию Сенеки) он занял трон отравленного отца Митридата V (121/20гг.), при регентстве своей властолюбивой матери – дочери Антиоха Эпифана! – Лаодики (отягощённая наследственностью), затем скрывался от неё и её интриг против него в пользу его младшего брата, по имени Митридат Хрестос (!), 7 лет в горах, после чего, единолично утвердившись у власти, приказал вскоре убить заточённых в темницу как мать, так и брата.

Любопытно, что, объезжая Грецию, в 67г., не только кифаредствующий, а и спортсменствующий Нерон возьмётся в Олимпии (на Олимпийских играх) править упряжкой в 10 лошадей, «хотя он – по Светонию – сам за это порицал в одном стихотворении царя Митридата» (Нер. 24,2), будет выброшен из колесницы, посажен в неё снова и сойдёт, не в силах продолжать скачку, с арены, но всё равно получит венок победителя (см. ниже). И, к слову добавить, махрового эллиниста Нерона (кармического кронпринца Рудольфа фон Габсбурга, к-рого тоже связывали сложные отношения с матерью) очень многое роднит (пусть и не кармически) именно с Митридатом Эвпатором – последним (как и Митридатом зять Тигран Армянский) великоэллинистическим антагонистом Рима.

захотел от этого пить и тут же пьянствовал» (34,4). Согласно Диону (62,14,2), он пожелал увидеть содеянное собственными глазами, велел обнажить мёртвое тело матери, осмотрел со всех сторон, ощупал раны, и под конец заметил: «Я и не знал, что у меня такая красивая мать».

Многие современные авторы круто сомневаются в правдивости этой информации, дескать, (беспоощадная) античность, не оставляя на (весёлом денди) Нероне живого места, явно преувеличивает-усугубляет. Разве? Не побуждает ли всё, что мы уже успели узнать про Нерона, скорее, допустить и подобное. Гулять так гулять! Стрелять так стрелять! Падать, так на самое дно! Углубляться, так ещё глубже, чем просто в кишки дьявола!

Убив мать, Нерон переступил через последнюю черту и никаких морально-нравственных преград для него больше не существовало! Да и не забудем то, что он — ярчайший репрезентант-олицетворитель эпохи феномена *кесарева безумия*, к кому и к к-рому нельзя подходить без специфической мерки! А если всмотреться ещё зорче, то только он один (знаток сексуальности и психоанализа куда глубже, чем Фрейд) знал, что убил мать, в частности, для того, чтобы не переспать с ней!

Он сознательно предпочёл преступление Ореста и Алкмеона преступлению Эдипа, к-рый, правда, беря замуж родную мать, не знал, что женится на матери, между тем как Нерон, ужасаясь себе и восторгаясь собой, знал, что хочет-вожделет совокупиться с матерью и убивал её, в частности, для того, чтобы этого (конечно, исключительно по её, аналогично жаждущей инцеста вине) не случилось, чем тоже оправдывал себя — «многострадального и многонесчастливого»!

Но решиться на матереубийство и совершить оное се ещё полдела. Теперь надо всё нужным полезным макарком подать, прокомментировать, обставить и представить. Внешние рамки т.н. политического приличия должно-необходимо соблюсти. И лучший способ обороны, естественно, нападение.

Впрочем, до конца концов этот человек древнего мира (отлично от некоторых наших бессовестных современников) падшим, всё-таки, сколь ни парадоксально звучит, не был. Не всё человеческое в нём умерло, и невыносимые муки совести на него почти сразу, до истечения первой или второй ночи, безжалостно (в лице мстительных Эриний, как на Алкмеона или Ореста) обрушились. «Неподвижный и погружённый в молчание, а чаще мечущийся от страха и наполовину безумный, он провёл остаток ночи, ожидая, что рассвет принесёт ему гибель» (Ан. 14,10). Его начал терзать ужас от случившегося и ему казалось, что чёрная ночь, уходя, заберёт его, сына тьмы, с собой в преисподнюю, что рассвет, к-рого он недостойн увидеть, погубит его. Вспомним, что недорослю Нерону на март 59г. идёт всего 22-й год жизни! Только в этом году он впервые торжественно сбреет бороду, точнее, первый пушок, а когда потом она отрастёт по-настоящему, то будет (как у всех Агенобарбов, когномен к-рых означает «меднобородый») медного цвета, почему его, обезьяну похотливую, некоторые недоброжелатели назовут (в узком кругу) ещё и обезьяной «меднобородой»

Тем временем, утром первыми его утешили «явившиеся со лъстивыми заверениями по наущению Бурра центурионы и трибуны, ловившие его руку и поздравлявшие с избавлением от нежданной опасности, с раскрытием преступного умысла матери. Вслед за тем его приближённые стали обходить храмы, а ближние города Кампании, подхватив их пример, — изъяслять свою радость жертвоприношениями и присылкою своих представителей; сам же он, напротив, изображал скорбь и, будто возненавидев себя за то, что остался жив, притворно оплакивал мать. Но так как облик мест не меняется, подобно лицам людей, и тяготивший Нерона вид моря и берегов оставался всё тем же (к тому же нашлись и такие, кому

казалось, что среди окрестных холмов слышатся звуки трубы⁹², а над могилою его матери горестные стенания), он удалился в Неаполь, откуда направил сенату послание, в к-ром говорилось о том, что подосланный его убить приближённый вольноотпущенник Агриппины по имени Агерин был схвачен с мечом и что якобы осуждённая собственной совестью за покушение на злодеяние, она сама себя предала смерти» (14,10).

Взрослые премудрые дяди Сенека и Бурр (дядьки Мирофанушки), гос. мужи, руководствующиеся железными гос. резонами, обставили всё, как надо, по высшему разряду. Заговор налицо, подославшая к сыну-кесарю убийцу заговорщица-мать избалована и покончила с собой. Но безутешный сын, как и положено сыну, всё равно скорбит. Ай да Нерон! Ай да сукин сын! Ай да состоявшийся *мальчиш-плохиш* и *мальчиш-кибальчиш* в одном лице! Политика — искусство возможного!

И не случайно он подался именно в Неаполь (куда наведается ещё не раз), в этот своеобразный центр италийской «Великой Греции», где всё дышало классическо греческими, в т.ч., пафосом и трагедией. Ведь он, по своему знатному происхождению, римлянин, римский патриций, Цезарь, (последний в роде Юлиев, Клавдиев, Домициев) — есть одновременно истончённый грек в своей лицедейской, в музыкальной, в поэтической душе. И потому особенно тепло встречающий его Неаполь ему, чей экстракт — кифара и стихотворчество, так интимно близок. Кто перед нами? Не карикатура ли на Орфея? не противобраз ли арфиста Давида!

Сенату было направлено основательное послание с перечислением всех преступлений, прегрешений и всяких противоправных, противотрадиционалистских, могущих выглядеть святотатственными действиями-поступками Агриппины за последние аж 10 лет — со времени её замужества за Клавдием: как она прыгала выше головы ещё при Клавдии (тоже ответственном за то, что он, как безнадёжный подкаблучник, дал жене чересчур много воли), как она хотела быть соправительницей и при муже, и при сыне. Короче, как она пыталась стать новой римской Семирамидой, или римской Клеопатрой, к-рую, т.е. Клеопатру, поэт Лукан (племянник Сенеки) не случайно (до разрыва с Нероном, с к-рым он скорешится в 60г.) поэтически (надо полагать, не без аналогии с Агриппиной) заклеивает «позором Вселенной».

И дальше к перечню множества противоагриппинских обвинений было конъюктурно (на злобу дня) присовокуплено, что Агриппина (в противоположность Нерону) сэкономила на денежных вознаграждениях преторианцам, на раздаче конгиария бедноте, на зрелищах и т.д.; что она врвалась в курию, словно неуёмная фурия, и на равных с мужами порывалась (беспрецедентно для римлянок) беседовать с иностранными посольствами. И пусть, о чём говорилось выше, часть преторианцев относилась к ней с почтением, как к дочери Германика (и к мужественной женщине, бывшей мужественнее и Клавдия, и Нерона), но Бурр оборотисто купил от кесарского имени и на кесарские деньги гвардию (Дион 62,14,3), сходно тому, как за 28 лет до того Макрон перетянул подкомандных Сеяну преторианцев, при низвержении последнего, на тиберианскую (за тиберианское вознаграждение) сторону.

⁹² Минерва была покровительницей поэтов, музыкантов, художников, скульпторов, ремесленников. В первый день пятидневных Квинкватрий (19-23.03.) прерывались военные действия (если они имели место) и происходило общее бескровное жертвоприношение лепёшками, мёдом, маслом. Затем следовали гладиаторские бои и другие зрелища, а в последний день жертва приносилась собственно Минерве. (Малые Квинкватрии праздновались 13-15.06.) Помимо прочего, в праздник Минервы производилось торжественное освящение труб, к-рые в ужасе и слышал Нерон, о чём сообщают, не утруждаясь объяснениями, и Тацит, и Дион (62,14,4), поскольку сословие трубачей играло большую роль в городской жизни, участвуя в торжественных церемониях похорон и в различных обрядах. (Флейтисты считали своим главным праздником Малые Квинкватрии.)

Разумеется, это (высоко мотивированное) послание сенату (из Кампании) за подписью и печатью Нерона было составлено-состряпано не Нероном, а большим мастером красного словца – Сенекой. И не столь важно, что обстоятельно представленные в нём заговор и самоубийство неудавшейся заговорщицы Агриппины, по слову Тацита, никого не убедили. Главное, что форма и подобающая внешняя pompa были соблюдены, что желающих возмутиться не нашлось, что римляне всех слоёв населения больше сочувствовали Нерону. И таким образом, всё без особых усилий и трудов устаканилось. Действия кесаря являлись в любом случае, превентивными и оборонительными: он, всего-навсего, защищался, предупредив бабий переворот, и вот удостоился нового кредита доверия.

Поди не уверуй, при подобном раскладе, будучи всего на 22-м году жизни, в собственную непогрешимость, в собственное всевластие, в правомерность самовластия! И хотя матереубийцу пока мучают ночные кошмары (Дион 62,14,4), зато он отовсюду чувствует поддержку, получает заверения в преданности, не слышит ничего, кроме восхвалений (Дион 62,11,1), и от всего этого на глазах становится гораздо хуже, приходя к выводу, что ему позволено всё. И если сначала неслыханность совершённого им преступления ужаснула его самого, то позже она стала его завораживать.⁹³

Судите сами, кто из Цезарей сравнится с ним – с Цезарем и Августом поистине несравненным, и с Цезарем в роде Цезарей последним! Тиберий тоже недолюбливал, придя к власти, (назначенную Августом младшей соправительницей сына) мать и избегал её, но у него и в мыслях не было физически устранить отодвинутую от дел Ливию. Калигула очень почитал Агриппину Старшую как мать и мученицу, однако, доживи она до времени его властвования, неизвестно, как бы всё сложилось, чем бы всё кончилось. И Нерон, в наибольшей мере, шёл по тираническим стопам своего дяди Гая, начав уже с 59г. опережать его. То ли ещё будет! «Aut Caesar, aut nihil!» – «Или Цезарь, или ничто!». Плюс к тому, эллин-эллинист душой, он чувствовал себя не меньше, чем Цезарем, ещё и 13-м олимпийцем, пробирающимся-карабкающимся на тронное место Зевса (Юпитера)!

Не Сенека ли учил его: «Цезарь и государство так давно переплелись, что невозможно разделить их, не уничтожив их вместе...» («О милосердии»). Но тот же Сенека учил его, что власть исходит от сената римского народа, и принцепс, первый среди равных, власть эту с сенатом разделяет. Политический кудесник Август умудрился развести слово с делом и форму с содержанием, более того, умудрился (реситуировав Республику) влить молодое цезаристско-принципатовское вино в традиционные-традиционалистские, но в мастерски обновлённые им республиканские мехи, и при этом выскользнуть сухим из воды, поставив во главу угла свой уникальный авторский (запатентованный) consensus universorum!

А Сенека философски довёл этот дьявольский коктейль до стоического апогея, не сумев в перспективе ни выскользнуть из него сам, ни обеспечить долголетний, по подобию августейшего, правительский триумф своего выученика-воспитанника Нерона. И ни Сенеке, ни Бурру не было в 59г. понятно, что, в той или иной мере, сопутствуя устранению Нероном Агриппины, они рубят сук, на к-ром сидят, и что впоследствии очередь неизбежно дойдёт до них!

* * *

Между тем, сенат, получив послание принцепса, принял относительно всего произошедшего решение о свершении молебствий во всех существующих храмах (Ан. 14,12), согласно «Актам Арвальских братьев», 5.04. («Acta frat. Arval.» ed. Henzen

⁹³ «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» (Дж.Актон)

74). Было также решено, «чтобы Квинкватры, в дни к-рых было раскрыто злодейское преступление, ежегодно отмечались публичными играми, чтобы в курии были установлены золотая статуя Минервы и возле неё изваяние принцепса» (14,12). Причём даже день рождения Агриппины 6.11. (CIL 1, p.335), в к-рый Арвальские братья ранее совершали жертвоприношения благодарственные, отныне попал в число дней несчастливых — *dies nefastus*. Не остались в стороне от поздравлений в адрес кесаря и провинции (Квинтилиан 8,5,16).

Тацит (14,2), как и Дион (62,15,1), брезгливо отмечает поразительное состязание представителей римской знати в раболепии при изъявлении ею по сему поводу верноподданнических чувств. Единственное исключение составил Тразея Пет, к-рый обычно хранил молчание при внесении льстивых предложений или немногословно соглашался с большинством, тогда как, на сей раз, всё было настолько уродливо и омерзительно, что он не выдержал и, не желая участвовать в этом балагане, демонстративно покинул сенат, чем, сообразно Тациту, «навлёк на себя опасность, не положив этим начала независимости всех прочих» (14,12).

У Диона (62,15,2) несколько иначе: когда зачитывалось послание Нерона (от Сенеки), Тразея внезапно поднялся с места и покинул курию, ибо не мог высказать то, что хотел, и не захотел сказать (вслух) то, что мог бы. Для Тразеи не было секретом, что ему этого не забудут. И вместе с тем он не смог поступить иначе. Он, своего рода староримская совесть павшего языческого Рима (того Рима, к-рый некогда пришёл в мир ради свободы и справедливости) при Нероне, был больше стойким и поборником истины, нежели тужившийся совмещать философию с политикой (или Лазаря с богачом) Сенека (хотя кончат они оба одинаково — предписанным сверху самоубийством).

И всё-таки, новоокрылённый и окрылявшийся отовсюдошной поддержкой Нерон⁹⁴ не спешил вступать в Рим, кокетливо желая, чтобы по нему посильнее истосковались, и с удовольствием лицедействуя-кифаредствуя в италийско-кампанской Великой Греции (где к нему, вероятно, присоединилась Поппея). Он возвратится в столицу только 11.09.59г., о чём тоже свидетельствуют «Акты Арвальских братьев», фиксирующие под данной датой жертву за счастливое кесарское возвращение. Или он возвратился в первый раз ок. 23.06.59г. — день жертвоприношения Арвальских братьев по непонятному поводу, — предположительно — за благополучное спасение кесаря, и потом покинул Город (не желая долго находиться в нём и вольготнее чувствуя себя в прогреченной Кампании) до сентября снова.

⁹⁴ Следствием изобличения «покончившей с собой» Агриппины в качестве врага кесаря и народа стала реабилитация Нероном осужденных её усилиями и происками в прошлом персон, среди к-рых Тацит называет Юнию и Кальпурнию, далее — неких Валерия Капитона и Лициния Габоло, Итурия и Кальвизия... (14,12). Напомним, под Юнией Кальвиной — сестра лишённого возможности заключить брак с Октавией (Клавдиевной), чтобы её женил Нерон, Л.Силана (покончившего в январе 49г. самоубийством), бывшая жена Л.Вителлия, ложно обвинённая в кровосмесительной связи с братом и сосланная (см. выше). Кальпурния — ближе неизвестная матрона, неосторожно обратившая на себя мужское внимание (тютю) Клавдия, вызвавшая тем гнев Агриппины и тоже сосланная — 49г. (см. выше). Чем и когда разгневали Агриппину претории Валерий Капитон и Лициний Габол (к-рые появляются под 59г., как реабилитированные ссыльные, у Тацита впервые) — неизвестно. Итурий и Кальвизий — клиенты Ю.Силаны (жены Г.Силия) и подруги Агриппины, сосланные за навет, когда Агриппина опровергла обвинение в заговоре против Нерона, в 55г. (см. выше).

И ещё к сказанному Тацит присовокупляет кесарское разрешение на перенесение в Рим праха Лоллии Паулины, кто, бывшая супруга Калигулы, являясь в 48г., после казни Мессалины, одной из кандидаток в жёны Клавдия, т.е. агриппианской конкуренткой, была в 49г. выслана из Рима и в месте ссылки убита, между тем как Силана успела умереть несколько раньше марта 59г., «возвратившись из дальней ссылки в Тарент, когда могущество Агриппины, враждебность к-рой её сокрушила, уже пошатнулось и её своеволие было обуздано» (14,12).

Мы же завершим эту часть нашего повествования весной 59г. н.э., когда и завершилась (железом) первая (т.н. золотая) пятилетка Нерона, к-рую он, как Павлик Морозов и одновременно передовик-стахановец, выполнил-завершил, увенчав её матереубийством, в четыре с (почти) половиной года. Не к месту ли тут вспомнить первую ударную пятилетку Ирода (32 – 28гг.), к-рый в 29г. до н.э. отправил на эшафот свою жену Мариамну, после чего в 28г., тяжело переболев, казнил свою тещу Александру. Не был ли родившийся в 70г. до н.э. (год казни Иешуа, сына Пандиры) Ирод назначен римлянами царём иудейским весной 37г. до н.э., 33-х лет отроду! Не умер ли он, процарствовав 37 лет от назначения царём римлянами, в марте 1г. н.э.! Не родился ли Нерон на 37-м году от смерти Ирода – в декабре 37г. н.э.! Не был ли Иерусалимский храм разрушен римлянами на 33-м году от рождения Нерона – в 70г. н.э.! Не искал ли Ирод убить Иисуса Соломонида в январе 1г. н.э., на 37-м году своего царствования от назначения римлянами! Не был ли Иерусалимский храм разрушен – 70г. н.э. – через 37 лет после Мистерии Голгофы весной 33г. н.э.!

Любопытно, что триадный храм на Капитолии включал три святилища – Юпитера, Юноны (супруга Юпитера) и Минервы (дочь Юпитера). В храме имелся рельеф с изображением Рима на щитах, а перед ними – волчицы, вскармливающей Ромула и Рэма. На двускатной крыше стояла квадрига с вооружённым молниями Юпитером, слева – статуя Минервы, справа – Юноны, на краях кровли – два сидящих орла.⁹⁵

Не довелось ли Нерону в чём-то и где-то уподобиться Ромулу! не превзошёл ли он отца-основателя, убив и Британника (сына *вавилонской блудницы* Мессалины, пасынка *римской волчицы* Агриппины⁹⁶), и – как родившую, так и вскормившую его – волчицу-мать! И не вошёл ли он, убив её, как никто из Цезарей до него, во вкус вседозволенности. Не убьёт ли он 9.06.62г. (через 3 года и почти 3 месяца после убийства матери) несчастную Октавию именно в день Весталий, в день хранительницы домашнего очага Весты! а спустя ещё 3 года, опять в начале лета, в июне (снова июнь!) 65г., – и свою жену Пoppею! И не покончит ли он (попиратель покровов Весты) самоубийством спустя ещё 3 года – 9.06.68г.! (см. ниже)

Тацит перечислительно приводит несчастные знамения 59г.: «одна женщина родила змею, другая на супружеском ложе была умерщвлена молнией; внезапно затмилось солнце и небесный огонь коснулся 14-и концов города» (14,12). Под этим затмением, по всему, солярное затмение 30.04.59г. (к-рое Плиний наблюдал как раз в Кампании, где в те дни обретался горячечный Нерон), во время к-рого полыхал сожжённый Корбулоном в Армении Арташат-на-Араксе (см. выше). В отношении же небесного огня, т.е. молний, как-то коснувшихся 14-и регионов, речь о 14-и округах-районах, на к-рые Август в 7г. до н.э. разделил Рим (разделив позже, в 1г. н.э., на 11 регионов Италии).

«Но боги – следуем за унылым пессимистом (и почти атеистом) Тацитом – были ко всему этому непричастны, и многие годы Нерон продолжал властвовать и беспрепятственно творить злодеяния» (14,12). Действительно, то было время сумерек и смерти старых богов, время, крайне безнадёжное для всех тех, кто не знал, не видел, не чувствовал Бога Нового. И потому, когда Нерон, первым из кесарей, своим звериным чутьём смутно воспримет исходящую от христианства и христиан опасность, он обрушит на них репрессии.

⁹⁵ Божественная триада учителей римлян этрусков – Тини (Юпитер), Уни (Юнона), Менрва (Минерва).

⁹⁶ Агриппина воображала себя новой Олимпией, матерью нового Александра (к-рую это материнство не спасло от гибели не от рук сына), а ушла, как Лаодика, – дочь Антиоха Эпифана и мать Митридата Эвпатора.

У насильственно вырвавших древние декадентные посвящения римских Цезарей, как и у большинства обитателей Ойкумены, не было ни глаз, ни слуха, ни, кроме атрафированного шестого чувства, внутреннего органа для распознавания Бога Живого, к-рого Тиберий первым пытался наощупь ухватить, в то время как Нерон Его инстинктивно осязал. Провидя из глубин своей гиблой души, что впереди конец Древнего мира, он, поначалу благосклонно-снисходительно вняв свидетельствам, в т.ч., Ап. Павла о Христе, несколько позже испытает жуткий ужас перед Христом, что обернётся первыми со стороны языческого Рима противохристианскими гонениями. Не сделаются ли христиане козлами отпущения и мучениками за пожар Рима в 64г.! Не будут ли при Нероне (скоморошески путешествующем по Греции) казнены в 67г. в Риме Апостолы Пётр и Павел! (см. ниже)

И пусть всё это случится позднее, именно в 59г., совершив матереубийство, проправивший затем ещё девять с лишним лет Нерон подписал, перечеркнув, по сути, весь немалый пятилетний позитив «Золотого века», себе неминуемый смертный приговор. И сколько бы ни казалось из писаний античных историков, и сколько бы ни утверждалось рядом современных (не отягощённых никакой моралью) авторов-долбалобов, что это событие не имело большого значения в отношении к Нерону общества, или даже, мол, наоборот, прибавило ему, всеми поддержанному, популярности, на самом деле, в реальности, оно стало в его жизни-судьбе переломным.

Если до того в Нероне боролись два начала — тёмное и светлое, к-рые будут бороться в нём, разрывая одно другое, и впредь, то с 59г., сделав вывод, что либо боги с ним, либо, коли их нет, то, стало быть, всё дозволено, он понёсся-полетел в чёрную пропасть на всех парах. Он с удовольствием переживал себя (пройдя через посвящение в одни упадочные мистерии и предвкушая другие) Алкмеоном, Орестом, Эдипом, Митридатом Эвпатором и т.д. Переживал, одновременно упиваясь своим, по его (маэстро психоанализа) разумению, превосходством и над ними, и над всеми окружающими людьми, недостаточно, по его мнению, порочными, чтобы постичь во всём их величии былой (эдемский) рай и наступающий (апокалиптический) ад.⁹⁷

С этого матереубийственного момента его начали считать способным на всё, на любой беспредел. Однако, если он, беспредельщик (и психоаналитик) *par exellensa*, этим гордился, бычился, чванился, то и Рим, и мир, внешне раболепно поддержав его, начали понемногу дистанцироваться-отворачиваться от него, что продлится достаточно долго, но по итогам чего он останется, покинутый всеми (за исключением считанных лиц), один на один со зримо настигшим его возмездием.

В 59г. ему, устранившему (ведь в политике никогда не убивают! в политике политкорректно устраняют!) слишком обременительную мать, показалось, что он обрёл абсолютную свободу, показалось, что он посвятился в великую мистерию, тогда как в действительности он попал в рабство к совершённом им жуткому преступлению, от к-рого, от клейма и последствий к-рого, не пройдя через раскаяние и покаяние, он больше уже никогда не избавился, не отмылся, не оправдался и оправдаться не мог!

Именно чудовищное и омерзительное матереубийство сделало необратимым его становление безнадежным тираном, вырожденцем, деградантом, и положило начало его, несмотря на все, время от времени, имевшие место в нём проблески света, бесславной грядущей гибели.

⁹⁷ Если Александр Великий в 22 года выступил в 334г. до н.э. в свой Великий поход, продлившийся 9 лет, до 325г., когда ему исполнился 31 год, а Август на 22-м году жизни стал одним из победителей в битве при Филиппах, а в 31 год, в 32г. до н.э., вступил в войну миров против Антония и Клеопатры, то Нерон на 22-м году отроду убил свою мать, а на 31-м году (68г.) бесславно умер сам, перерезав себе горло, чтобы ему не зажали шею колодкой и не засекли до смерти как матереубийцу.

ЧАСТЬ XV

СУДЬБЫ И СТРАСТИ АП. ПАВЛА, ХРИСТИАН И ИУДЕЕВ В 58 – 63 гг. н.э.

ПАВЕЛ В ИЕРУСАЛИМЕ // ОТЧЁТ О СОДЕЯННОМ И СЕМИДНЕВНЫЙ НАЗИРЕЙСКИЙ ОБЕТ

(май 58г.)

В предыдущем посвящённом Павлу разделе-рассказе мы дошли до его прибытия-возвращения в Иерусалим из Третьего миссионерского путешествия в мае 58г. н.э., когда он, поспешая, по всей видимости, успел (как и стремился-намеревался) на (христианскую) Пятидесятницу 18.05. (или, при всех случаях, оказался в Иерусалиме до истечения второй декады мая 58г.).

Засим продолжим наш рассказ, в соответствии с повествованием Д.Ап., отсюда, где Дееписатель Лука, бывший (от малоазиатской Трояды) одним из Павловых спутников, от первого лица (ничего не сообщая об анонсированной выше Пятидесятнице) благовествует:

«По прибытии нашем в Иерусалим, братия радушно приняли нас.

На другой день Павел пришёл с нами к Иакову; пришли и все пресвитеры.

Приветствовал их, Павел рассказывал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его.

Они же, выслушавши, прославили Бога и сказали ему, видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они – ревнители закона;

А о тебе слышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтоб они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям.

Итак что же? Верно соберётся народ; ибо услышат, что ты пришёл.

Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет;

Взяв их, очистишь с ними и возьми на себя издержки на жертву за них, чтоб остригли себе голову – и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон.

А об уверовавших язычниках мы писали, положивши, чтобы они ничего такого не наблюдали, а только хранили себя от идоложертвенного, от крови, от удавленнины и от блуда.

Тогда Павел, взяв тех мужей и очистившись с ними, в следующий день вошёл в храм и объявил окончание дней очищения, когда должно быть принесено за каждого из них приношение.» (Д.Ап.21,17-26)

Под радушно принявшими доставившего в Иерусалим пожертвования на общинные нужды матери-церкви Павла и его спутников, среди к-рых, как минимум, Лука

и ефесянин Трофим, — и, в первую очередь, составлявшие костяк иерусалимско-христианской общины иудеохристиане из евреев, и иудеохристиане из еллинистов. Ибо дифференциация между ними здесь не производится, а их размежевание на основании логических умозаключений, с опорой на нижеследующий рассказ, — не больше, чем догадка-гипотеза.

Прибывшие во главе с Павлом пришли к Иакову в Сенакль на Сионе (дом матери Евангелиста Марка) — место Тайной Вечери в апреле 33г. и место последующих регулярных собраний иерусалимско-христианской общины (= местонахождение-местопребывание первой христианской Церкви), первым предстоятелем к-рой был с 33г., о чём читателю хорошо известно, Иаков, брат Господень (см. выше).

Причём Мертенс («Handbuch», S.444) напрасно называет его, пусть уже 25 лет возглавлявшего на 58г. общину, «стариком», так как в 58г. родившемуся во 2/3гг. н.э. Иакову (мл. брат родившегося 6.01.1г. до н.э. Иисуса Соломонида) было максимум 55/56 лет. Точнее, ему шёл 56-й год жизни и он, даже по меркам древности, где мужи звались сенексами/геронтами с 60-го отроду года, или с 60-и лет, стариком не считался. Хотя, как сказано, — уже четверть века возглавлял общину, и будучи строгим набожным назиреем, постоянным храмовым молитвенником (колени к-рого огрубели от долгого стояния на них, сродни верблюжьим), пользовался большим уважением, в т.ч., у иудеев-ветхозаветников (саддукеев, фарисеев и т.д.) из числа самых строгих законников (между к-рыми и еврейской христианской общиной, он, потомственный Давидид-Соломонид, своим высоким авторитетом до поры небезуспешно посредничал).

Впрочем, Э.Бок («Paulus», S.187-92) ошибается, идя, в сём случае, в фарватере либеральной теологии ново-новейшего времени, когда уподобляет Павла — Апостола язычников, и Иакова — Апостола евреев-христиан — приверженцев-ревнителей Моисеева закона, двум противоположным полюсам-лагерям. Ошибается, поскольку из Д.Ап. не выводится противоборственная полярность между ними, смакуя к-рую, иные современные авторы (любители острых ощущений и экстравагантно модернистских горе-версий) идут ещё, так сказать, дальше, делая Иакова или Петра антагонистами Павла. Повторим, этого никогда не было и не могло быть, и об этом в Книгах Нового Завета, констатирующих ряд разрешимых и разрешённых противоречий между ними, нет ни слова (см. выше и ниже).

Кроме того, Бок неверно полагает присутствие в означенное время в Иерусалиме, датировать к-рое он избегает, как Петра, так и Иоанна из Д.Ап. (ещё и неправильно разумея под этим Иоанном Лазаря) (S.187). Ни Петра, ни Иоанна Зеведеева, ни Лазаря-Иоанна (к-рый в Д.Ап. вообще не упоминается) в мае 58г., как и других Больших Апостолов (или, по крайней мере, большинства из них), в Иерусалиме нет. Пётр находится в миссионерских странствиях; Иоанн Зеведеев, вторым после Иакова Старшего, кончившего мученически в 44г., принял, как мы помним, мученичество в Палестине в 55г.; а Лазарь (пока) пребывает, надо полагать, на Кипре, что не исключает и его (время от времени) миссионерские отлучки (с Кипра). Сходно — прочие Апостолы из круга 12-и, и большая часть Малых Апостолов из круга 70-и, по временам посещая Палестину/Иерусалим, преимущественно миссионируют за пределами Земли Обета, дойдя к 58г. и до Испании на западе, и до Ирана (с Индией?) на востоке.

Тем и объясняется, что в Сенакль на встречу с Павлом пришли не (отсутствующие в Граде Господнем) Апостолы, но пресвитеры (и т.д.). Павел приветствует всех, м.б., на вечери после Пятидесятницы (18.05.; или утром следующего дня 19.05.) и, поприветствовав, рассказывает собравшимся-присутствующим — «подробно, что сотворил Бог у язычников служением его». Т.е — каких впечатляющих результатов удалось ему подвижническим трудом, за 54 — 58-й, или шире — за время с 51-го

(после Апостольского собора) по 58гг. (Второе и Третье миссионерские путешествия), достигнуть; сколько общин – основать, как их укрепить-умножить, и скольких неопитов, благодаря снятию (согласно соборному постановлению 51г.) требований обязательного соблюдения слишком обременительных ветхозаветных положений обрашаемыми из язычников, обратиться ко Христу.

И не случайно они – Иаков, пресвитеры и др., выслушав подробный рассказ Павла, к-рый, повторим, доставил также пожертвования, следует думать, немалую сумму, на нужды местной христианской общины, прославили Бога. И одновременно, обратившись к Павлу, как к «брату» (21), указали ему на тысячи уверовавших в Иисуса евреев-иудеев здесь, в Иерусалиме/Палестине, притом указали на них, как на тех, кто продолжают оставаться-пребывать ревнителями закона.

Вспомним, что после Мистерии Голгофы, в мае/июне 33г. обратились – на Пятидесятницу и позже – 3 и 5 тыс. человек, а потом были обращения ещё и ещё, индивидуальные и групповые, соответственно чему, на 58г., число евреев-христиан наверняка исчислялось несколькими десятками тысяч.¹ К сожалению, дальнейших (после 33г.) количественных данных по ним нет. Только Ориген исчисляет на первую половину IIIв. н.э. число палестинских христиан из евреев в 144 тыс. человек, не без аналогии с (сакрально-спиритуальной) цифирью (144 тыс. запечатлённых из всех колен сынов Израилевых – по 12 тыс. от каждого из 12-и колен) в Откровении Иоанна (7,4-8).²

Но за достоверность этой цифири, в приложении к адресации Оригена, поручиться трудно, тем паче, учитывая потрясения войн 66 – 70 и 132 – 35гг., когда, с началом первой войны, христианская община покинула Иерусалим и ушла за Иордан в Пеллу (66г.), тогда как во второй войне христиане преследовались Бар Кохбой, в к-ром, естественно, не признавали Мессию. Плюс – запрет Адриана на проживание евреев (и иудеохристиан) в Иерусалиме, кардинальное изменение общей этнической картины региона, пленение, продажа в рабство, гибель, изгнание, рассеяние евреев³, большой приток язычников и т.д. Так или иначе, иудеохристиане были, в той или иной мере, представлены в Палестине до IV/Vвв. н.э., окончательно исчезнув на излёте Древнего мира (к-рый они не смогли и не могли пережить) как из Палестины, так и из истории.

Вместе с тем, благодаря, перво-наперво, Павлу, благодаря его одобренной соборным постановлением 51г. инициативе и его энергичнейшей деятельности, рост числа христиан из освобождённых от соблюдения ряда требований закона язычников за семилетку-седмицу 51 – 58гг. превзошёл все ожидания. Ибо именно с 51г. христианство открылось-простёрлось в Ойкумену и распахнуло врата массовой ойкуменической христианизации язычества, ступив на провозвещённый Самим Христом (для Его овец другого двора) путь становления мировой Церковью, мировой религией и мировой христианской цивилизацией. И именно поистине богатырскими усилиями Павла было начато это триумфальное шествие вышедшего из еврейства (и отныне prestaющего быть еврейской ветвью-отраслью) христианства (с его выростом в самостоятельную-самодостаточную грандиозную величину – веру, религию, церковь) в масштабах – до краёв земли.

¹ Исчисление Флавием фарисеев числом в 6 тыс., или ессеев в 4 тыс. (I/Ивв.) разумеет орденских фарисеев, а не число приверженцев фарисейского учения или курса в народе, к-рых, само собой, было, в общей сложности, намного больше, чем христиан, объединённых членством в общине, структурированной на первых порах иначе, нежели орденско-священское саддукейство, партийно-орденское фарисейство, или монастырско-орденское ессеитство.

² Территория Храмовой горы в Иерусалиме занимала площадь в 144 тыс. кв. м.

³ Число еврейских жертв Иудейской войны 66-73гг. – ок. 1 млн.; число жертв восстания Бар Кохбы 132-35гг. – ок. 500/600 тыс.

Каков размах и замах! Не сходно ли Иоанну Крестителю – Предтечи Христа Иисуса, в то время как (13-й Апостол) Павел (Апостол Сына) станет своеобразным предтечей (Апостола Апостолов) Иоанна Богослова (Апостол Св. Духа)!

* * *

Надо обратить внимание на то, что Иаков со пресвитеры, указав Павлу на тысячи христиан из иудеев, остающихся ревнителями закона, не сами упрекают его в отвращении от закона иудеохристиан Диаспоры, живущих среди язычников, но передают ему обвинение, пришедшее-принесённое в Иерусалим, донесённое до Иерусалима оттуда, – из Диаспоры. Вспомним, что Павел и его миссионерский курс встречали в пределах Ойкумены ожесточённое сопротивление как со стороны диаспоральных иудеев, так и со стороны иудеиствующих христианских неопитов из евреев, к-рые интерпретировали его ойкуменический подход как адресованный (в т.ч.) к евреям призыв не обрезать более детей, не соблюдать закон, обычаи, предания старцев и т.д. Короче говоря, Апостолу язычников инкриминировалась попытка кощунственно уравнивать, мол, лишаемых им богоизбранничества богоизбранных евреев-иудеев с язычниками и приравнять их к ним.⁴

В Посл. к Рим. читаем: «Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, к-рое наружно, на плоти; / Но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, к-рое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога» (2,28/29).

Как видим, здесь, в речи о том, что Иудей, надеющийся на закон, преступлением закона бесчестит Бога, никакого призыва к отказу от иудейского обрезания плоти нет, но обрезание сердца, обрезанность в сердце, сердцем, по духу, а не по букве ставится гораздо выше внешней нормы и формы обрезания плотского (время к-рого, по Павлу, миновало, и в то же время никакого требования об отмене к-рого он неопитам из иудеев, пишучи вышеразобранное нами Послание римско-христианской общине в 58г. из Коринфа, перед отбытием в Иерусалим, не предьявляет).

Посл. к Гал.: «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, / А мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры; / Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (5,4-6).

Это памятное нам Послание было написано в 55г. из Эфеса, где до Павла дошли из галатской глубинки (центра Малой Азии) сведения о том, что в ряде основных-утверждённых им галатских общин верх взяли иудеиствующие, что несло с собой смертельную опасность сектантско-внутрииудейской геттоизации христианства и отвращения от него язычников, вопреки постановлению Апостольского собора. Правда, и тут Павел нисколько не призывает к отказу (иудеохристиан) от плотского обрезания, утверждая, наряду с тем, что во Христе первично отнюдь не обрезание или необрезание (к-рые не имеют для христианства существенного-принципиального-ритуального значения), – «но (во главе угла, но камень основы – есть) вера, действующая любовью».

Не надо подменять одно другим. И потом, ведь Послание адресовано Галатам, т.е., прежде всего, (особенным) неопитам из давешних галатско-кельтских язычников, к-рых Апостольский собор избавил-освободил от неопитского обрезания,

⁴ Однако, не лишилось ли ветхозаветное еврейство, по большому счёту, богоизбранничества – как отринув Христа Иисуса, так и объективно, в результате и по итогам Таинства Голгофы, главный *Винювник* К-рого, искупительно взойдя на крест, – «кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени» (Откр.5,9).

на к-ром (неправомерно) настаивают наседавшие к этим Галатам после Павла иудействующие иудеохристиане.

Или вот ещё стихи-слова из знакомого нам 1-го Посл. к Коринфянам, составленного весной 57г.: «Призван ли кто обрезанным, не скрывайся; призван ли кто необрезанным, не обрезывайся. / Обрезание ничто и необрезание ничто, но всё в соблюдении заповедей Божиих. / Каждый оставайся в том звании, в к-ром призван» (7,18-20).

И опять – призванному обрезанным, т.е. неопиту из иудеев, незачем скрывать это – как приверженность норме Моисеева закона – перед призванными собратьями из язычников внутри одной христианской общины. Так же, как язычникам, при обращении, незачем, если они этого не желают, обрезываться, поскольку обрезание или необрезание не имеют в христианстве какого-либо преимущества перед Богом.

Ибо всё в соблюдении заповедей Божиих, в жизни по заповедям, в вере, действующей любовью из Импульса Христа Господня, К-рый, отлично от Будды, принесшего учение о любви, Сам суть Любовь Бога и в Боге – к человечеству и к людям, к каждому отдельному человеку. Потому как Христос Иисус суть Бог человеческого Я, и встреча человека со Христом суть встреча со своим высшим Я! Павлианское кредо – не я, но Христос во мне – видит и слышит во Христе спасительную Совость человечества и совость Вселенной!

Таким образом, Павел ни в чём не нарушает соборный вердикт 51г., хотя, с др. стороны, вышеприведённых слов из его Посланий для иудействующих (уж не говоря об иудеях-ортодоксах всех мастей) достаточно, чтобы сделать из них выводы о его проповеди против обрезания и поступления по обычаям (т.е. по преданиям старцев, поставление к-рых во главу угла отвергал ещё Иисус), адресованной, с сознательно или несознательно фальсифицированной позиции, и, согласно трактовке-интерпретации его антагонистов, якобы всем – и неопитам из иудеев, и неопитам из язычников.

И так это, действительно, можно интерпретировать в качестве перспективных выводов из проповеди Павла, более того, так оно в действительности, по большому счёту, и есть, но в том-то и дело, что инкриминировать ничего подобного Павлу нельзя: юридического состава преступления в его словах, в его деяниях нет. К тому же, достаточно напомнить, что даже в отношении иудейских неопитов среди еврейских миссионеров Ив. не было единого мнения о том – принимать ли их в общество Господне по облегчённой ускоренной процедуре? или – с дотошным соблюдением всех, включая наиболее обременительные, требований? Не был ли, к примеру, Изат Адиабенский приобщён к иудаизму сначала одним из (либеральных) миссионеров-равви без обрезания, между тем как другой (радикальный) равви (Елеазар из Галилеи) потребовал от Изата непременно и незамедлительного обрезания (см. выше).

Иначе говоря, Павел и те, чьи упреки-обвинения в его адрес понимает святитель Иаков, говорят на разных языках и живут-действуют в различных измерениях. Но иерусалимское христианство представлено в основе и подавляющем большинстве правоверной иудеохристианской братией, и с ней, с её подходом-пониманием, близким также самому Иакову (тем не менее, поддержавшему павлианскую инициативу в 51г.) и пресвитерам, к-рые, заметим снова, не упрекают Павла от своего имени, необходимо считаться.

Поэтому и предлагается своего рода компромиссный смягчающий ситуацию, с целью разрядить обстановку, вариант Павлова прохождения через очистительный назиреат, в свете к-рого местные братия-иудеохристиане узнают и воочию удостоверяются, что сам Апостол язычников (рьяный фарисей в прошлом) продолжает соблюдать положения закона, как оно и было в реальности, и что (не имеющие ни малейшей, так сказать, юридической силы) пасквильанско-клеветнические слухи о

нём несправедливы. Не обрезал ли он, уместно напомнить, Тимофея (сына матери-еврейки и отца-язычника) ради Иудеев в начале своего Второго миссионерского путешествия (51г.) (Д.Ап.16,3) (см. выше)! Или – не остриг ли он в Кенхреях голову, по взятому им на себя назирейскому обету, при окончании Второго миссионерского путешествия, перед отплытием из Греции (через Ефес) в Палестину (54г.) (18,18) (см. выше)!

Освежим в памяти. Срочный – от семидневного до месячного, годичного, 7-и или 14-и или 21-летнего (Елена Адиабенская) – и бессрочный-пожизненный (Иаков, брат Господень) назиреат-назиреаты = назирейские обеты предполагали отказ на время очистительного обета от плотских удовольствий, от употребления винограда и алкоголя, от потребления мясной пищи, от стрижки и бритья волос, от прикосновения к останкам умерших и от подпадения какому-либо ритуальному осквернению (Кн.Ч.6) (см. выше). Затем, при благополучном окончании обета, следовало принести жертву всесожжения, жертву за грех, жертву мирную, жертву хлебную, жертву возлияния, после этого (или до этого, как сделал Павел в гавани Коринфа Кенхреях, в случае одной из разновидностей отправления обета за пределами Св. Земли) остричь волосы и положить их в огонь под мирной жертвой.

При этом весьма богоугодным, заслуживающим похвалы считалось взятие на себя издержек за жертвы назиреев из бедняков, предписанные для освящения обета и составлявшие немалую сумму, учитывая количество обетников и число различных жертвенных даров. К примеру, согласно Флавию (И.д. 19,6,1), Ирод Агриппа, поднятый Клавдием в 41г. в цари иудейские в царстве размеров Ирода I, со столицей в Иерусалиме, прибыв в Иерусалим, взял (демонстрируя религиозную ревность) расходы за множество назирейских обетников на себя (в связи с чем удостоился похвалы за проявление щедрого благочестия) (см. выше).⁵

И вот теперь Иаков со пресвитеры предложили Павлу во проявление его верности закону и во проявление его благочестия, принять краткосрочный семидневный назирейский обет (очищение по возвращении в Св. Землю и в Св. Город из стран заморских языческих), присоединившись к четырём другим обетникам и взять расходы за их жертвенные дары-приношения. С этим Павел, добровольно бравший на себя назиреат в 54г. (по собственной инициативе), и не думая возражать, так как подобное вовсе не противоречило ни его (Еврея от Евреев) христианству, ни каким-либо его принципам и установкам, разумеется, согласился.⁶

⁵ «Генезис рабба» (91 (576): «300 назиреев пришли в Иерусалим и хотели принести 900 жертв (по 3 на каждого) в дни Симона б. Шетах (90-е – 60-е гг. Ив. до н.э.), по еврейско-фарисейско-раввинистической традиции, – сначала вице-председателя и потом председателя синедриона, благочестивого брата благочестивой царицы Саломии Александры (75-66гг.) (Хагига 2,2; Хагига 166). 150 человек из них Симон нашёл возможным освободить от обета (в связи с чем необходимость принесения ими жертвы и значительных жертвенных расходов отпала). А для 150-и других он, такую возможность не найдя, пошёл к царю (Александр) Яннаю (102-75гг.) и сказал: «300 назиреев пришли и хотят принести 900 жертв, но у них нет на это средств. Дай половине из них деньги из твоих средств, в то время как другой половине я дам из средств моих. Яннай так и сделал и 150 назиреев принесли жертвы на его средства. Однако люди из его окружения стали злословить против Симона: «Знай, что только на твои средства были совершены жертвоприношения, тогда как Симон никому и ничего не дал из средств своих». Царь разгневался на Симона, к-рый узнав об этом, испугался и сбежал (мотив острой вражды между Яннаем и фарисеями). Когда же впоследствии он вернулся и предстал перед царём, тот спросил: «Почему ты насмеялся надо мной?» Симон ответил: «Я не делал этого. Просто ты дал 150-и назиреям возможность принести жертвы на твои средства, а я из моего знания Торы освободил 150 назиреев от обета».

⁶ Цанн (AG, S.734-51) грубо ошибается, полагая, что Павел прибыл в Иерусалим до Пятидесятницы (точная дата к-рой, ввиду подвопросности для него года, Цанну неизвестна)

Мало того, далее Иаков подтвердил согласие Иерусалимской матери-церкви с курсом Павла, в соответствии с решением Собора 51г., в отношении неопитов из язычников — «не возлагать на них никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины и блуда...» (15,28/29; 21,25), т.е. Иерусалимская церковь во главе с Иаковом согласна с необязательностью обрезывания обращаемых в христианство язычников и с несоблюдением ими обременительных положений-запретов Закона, равно — иудейских обычаев, помимо нескольких-некоторых общеобязательных предписаний, прописанных в пребывающем-остающемся в силе соборном постановлении.

Посему семидневный постный назиреат Павла начался не позднее 19. (см. ниже) 05.58г., когда он, насколько выводится из не очень внятного текста в Д.Ап.21,26, предварительно очистившись (пройдя через очистительный ритуал), вошёл вместе с четырьмя назиреями, расходы к-рых взял на себя, «в храм и объявил (предстоящее) окончание дней очищения, когда должно быть принесено за каждого из них (оплаченное Павлом) приношение».

Ритуальное очищение в течение семи дней состояло из кропления назиреев-обетников водой очищения в третий и седьмой день (Ч.19,9). Если, сообразно Д.Ап.21,26, первое кропление уже состоялось, то второе — стояло на очереди, после чего предписанные жертвы могли быть (в 8-й день) принесены.⁷ Но случилось иначе.

Из слов «когда же семь дней оканчивались» (т.е., когда прошли, что мы дополнительно проясним ниже, 4 дня, — на 5-й день назиреатской седмицы) следует, что бывшие тогда в Иерусалиме Асийские Иудеи (вероятно, задержавшиеся в Граде Господнем пятидесятничные паломники), иначе говоря, иудеи из Эфеса (с репрезентантами еврейской диаспоры к-рого, строившими против него козни, Павел, миссионируя в Эфесе в 54 — 57г., имел, так же, как и с эфесскими язычниками, столкновения) (1Кор.15,32; 16,9; 2Кор.1,8) (см. выше), увидели Павла в храме 23.05.58г. И, увидев, пришли в негодование, и — «возмутили весь народ и наложили на него (в храме) руки».

и, дескать, из-за принятого на себя назиреатского обета, в празднестве Шавуот не участвовал. Выше мы убедились, что Павел мог успеть в Иерусалим только впритык на Пятидесятницу 58г., и, следовательно, принять обет только после праздника. Притом, учтём, что перво-христианская Пятидесятница, отлично от воскресенской Пасхи 16 нисана, совпадала с еврейской (6 сивана — 50-й день от 16 нисана), и что Павел спешил в Иерусалим именно (или прежде всего) на христианскую Пятидесятницу, в общинном праздновании к-рой в Сенакле (торжественное собрание) на Сионе он вполне мог поучаствовать перед приходом «на другой день» к Иакову (см. выше и ниже).

⁷ Примечательно, что необрезанные виноградные лозы, к-рые не срезали ножом (не обрезали) в субботние и юбилейные годы, израэлиты называли «назореями земли». Не говорит ли Иисус: «Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой — Виноградарь» (Ио.15,1)! Не упразднил ли Апостольский собор 51г., в духе к-рого миссионировал Павел, обрезание для язычников, благодаря чему христианству были даны потенциал и ресурс ойкуменического распространения до краёв Земли! Не были ли (как раз) 51 и 58гг. н.э. (не случайно) субботними, по (восстановленному, в видах близящегося Исполнения Времени, Маккавеями в 140г. до н.э.) царскому седмично-юбилейному циклу-календарю (Иисуса Навина, Давида, Соломона, Илии, Елисея, Исаии, Езекии, Иосии, Иеремии, Иезекиила, Даниила), по к-рому свершилась Мистерия Голгофы, и к-рый в 41г. н.э. Ирод Агриппа упразднил в пользу (действовавшего с 443 по 140гг. до н.э. и откатно восстановленного Агриппой) аронидского субботне-юбилейного цикла-календаря Ездры/Неемии (в пору официального действия к-рого грянет Иудейская война и падут как ветхий Иерусалим, так и обезбоженный храм)! (Не исполняется ли как раз в наше время, в 2021г. н.э., 2160лет = один Космический месяц — со 140г. до н.э.)!

РИМЛЯНЕ СПАСАЮТ ПАВЛА ОТ РАСПРАВЫ

(23.05.58г.)

«Когда же семь дней оканчивались, тогда Асийские Иудеи, увидевши его в храме, возмутили весь народ и наложили на него руки,

Крича: мужи Израильские, помогите! этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Еллинов ввёл в храм и осквернил святое место сие.

Ибо перед тем они видели с ним в городе Трофима Ефесянина и думали, что Павел его ввёл в храм.

Весь город пришёл в движение, и сделалось стечение народа; и, схвативши Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас заперты были двери.

Когда же они хотели убить его, до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился;

Он, тотчас взяв воинов и сотников, устремился на них; они же, увидевши тысяченачальника и воинов, перестали бить Павла.

Тогда тысяченачальник, приблизившись, взял его и велел сковать двумя цепями, и спрашивал: кто он, и что сделал?

В народе одни кричали одно, а другие другое; он же, не могши по причине смятения узнать ничего верного, повелел вести его в крепость.

Когда же он был на лестнице, то воинам пришлось нести его по причине стеснения от народа,

Ибо множество народа следовало и кричало: смерть ему!

При входе в крепость Павел сказал тысяченачальнику: можно ли мне сказать тебе нечто? А тот сказал: ты знаешь по-Гречески?

Так не ты ли тот Египтянин, к-рый пред сими днями произвёл возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?

Павел же сказал: я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города; прошу тебя, позволь мне говорить к народу.

Когда же тот позволил, Павел, стоя на лестнице, дал знак рукою народу и, когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на Еврейском языке так:» (Д.Ап.21,27-40)

Итак, в ходе продолжительного пребывания и миссионерско-преподавательской деятельности Павла в асийском Ефесе в 54 – 57гг. он, как мы помним, конфликтно сталкивался, в т.ч., с интриговавшими против него Иудеями, часть к-рых (сродни многим диаспоральным иудеям в др. населённых пунктах греко-римской Ойкумены) полагала, что он повсеместно – «учит против народа и закона и места сего», т.е. в последнем пункте – против являющихся земным средоточием еврейства – Иерусалима и Храма в Земле Обета. Короче, они квалифицировали его деятельность (пусть даже не могучи это чётко сформулировать) как направленную против богоизбранничества еврейско-иудейского народа Божия, против объединяющего этот избранный Богом народ и наполняющего сутью-смыслом его существование Моисеева закона и против Града Господня Иерусалима, где расположено Святилище Бога Единого.

Причём, здесь стоит повторить и акцентировать, что старый-ветхий Израиль, действительно, перестал, по большому счёту, быть единственным и безальтернативным народом Божиим в свете Исполнения Времён и по итогу Мистерии Голгофы, в результате и после К-рой бывшие до того сущностным единством *Израиль во духе* и *Иудея во плоти* разошлись. А это на практике и в повседневной жизни означало начало неоднодневного-неоднолетнего тяжёлого бракоразводного процесса, с постепенным принятием-перенятием эстафеты нового христианского *Израиля*

во Духе христианами и христианской Церковью, между тем как большая часть *Иудеи во плоти* осталась приверженной ветхому закону без Нового Завета.

Посему то был долгий болезненный процесс размежевания, с достаточно длительным сохранением новозаветной частью еврейства могучего остаточного заряда, благодаря к-рому, во многом, и сумело подняться христианство, к-рое не смогло бы выйти в мир без первых христиан именно из евреев-иудеев – в лице, разумеется, Апостолов Христовых и фарисея Савла. Не он ли широкопрограммно распахнул врата в вышедшее из иудейства христианство язычникам, нигде и ничем не попирая ни народ, к к-рому сопринадлежал и от к-рого никогда не отрёкся, ни закон, фарисейским ревнителем к-рого он был, ни святые для него Иерусалим и храм. Вместе с тем, всё перечисленное, пусть не в качестве поправки, но в качестве ухода-исшествия – и из народа ветхого Израиля, и из ветхого закона, и из храма (дни к-рого были сочтены) – сущностно-неотвратимо следовало как из собственно мистериального Таинства Голгофы, так и из собственно христианского вероучения, из вселенского Духа оно, и в особенности из того открыто и полномерно повернувшегося лицом к язычеству ойкуменического христианства, ярчайшим репрезентантом к-рого являлся именно Апостол язычников – Павел.

Притом дело было ещё и в том, что чёткого разделения-размежевания между различными иудеями и различными иудеохристианами как ветвью-отраслью еврейства, постепенно становящейся самостоятельным-самодостаточным древом иной (хотя и вышедшей из иудаизма) веры и религии, до поры не существовало, рубеж был чересчур зыбким и не всегда позволял определить-определиться – кто есть кто? и что есть что?

Впрочем, послушаем самого пишущего, например, в 58г. к Римлянам Павла: «Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о к-рой свидетельствуют закон и пророки, / Правда Божия чрез веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих; ибо нет различия, / Потому что все согрешили и лишены славы Божией, / Получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе...» (3,21-24). Или: «Но ныне, умерши для закона, к-рым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить (Богу) в обновлении духа, а не по ветхой букве» (7,6). Или: «Потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего» (10,4).

Вслушайтесь в эти слова Послания Павла к христианской общине Рима, где он ещё не бывал (но где уже, предположительно, дважды побывал, соответственно, в 40-е и в 50-е гг. Ив. Ап. Пётр), и к-рая, без сомнения, представленная как христианами из иудеев, так и неофитами из язычников, не Павлом была основана. Правда во Христе явилась, по Павлу, независимо от закона, освидетельствованная законом и пророками. На смену закону пришло служение Богу в обетовании новозаветного Духа, а не по ветхой букве ветхого завета и закона. Закон и старый Завет кульминируют во Христе Мессии, *финишируя* в Нём к праведности всякого верующего. И речь идёт не об отмене закона-завета, ни одна буква из к-рого не пропадёт, речь ведётся об их христианской метаморфозе, об их превращении-преображении во Христе, принесшем на Землю, людям и в люди доминантно продолжающий Ветхий Завет и Закон Завет Новый.

И то, что делает Павел не есть, в его искреннем понимании, учение против закона, не есть поправка им ни еврейского народа, из к-рого он сам не выходит, к-рый он сам не покидает, ни святого места его (Палестина/Иерусалим), куда он по временам, не с пустыми руками, возвращается. Но не так, а именно как поправка, как учение против народа, закона и места воспринимают и не могут не воспринимать Павловы слова и Павлову деятельность повязанные буквой закона, его ритуалистикой, традиционализмом, преданиями старцев, храмом (до 70г.) и т.д.,

подавляющее большинство ветхозаветных евреев-буквалистов. В их отвердевшем-закосневшем восприятии-понимании нет места какому-либо Завету Новому (тем паче, исходящему от Распятого).⁸

Не пришёл ли констатировавший спасение от Иудеев и провозвестивший *овец другого двора* Христос не только для Иудеев, но для всех, и искупительно умерев на кресте, равно спасительно воскреснув во Боге, восстав из мёртвых, потерял свою прежнюю исключительно земную национально-религиозную принадлежность Сына Давидова. Точнее, она потеряла основополагающее значение для принесённой им человечеству ойкуменической веры и ойкуменической религии без, согласно богословию Павла, Еллина, Иудея, Римлянина, Грека, раба, свободного, ибо их этнос более неважен, неактуален, вторичен, третичен и т.д., поскольку первичен везде и во всём Христос! И Христиане суть народ Божий, суть Новый Израиль, состоящий из неофитов от-из всех народов Земли.

В вышеприведённых словах Павла, адресованных христианской общине Рима, опять-таки, нет никакого правового состава преступления и, тем не менее, оно ему вменяется на базе именно подобных слов, по-своему, дошедших до иудеев типа накинувшихся на него в Иерусалиме Асийских, и, понятным образом, с последней степенью нетерпимости интерпретируемых ими. Ведь, если со своим уставом в чужой монастырь не идут, то, наипаче, в свой монастырь с чужим уставом приходить нельзя, что и вменяется Иудеями Павлу. Мол, он раскалывает еврейство, вооружая еврейско-христианские общины принятием в них необрезанных и т.д., фигурально выражаясь, чужим уставом в своём монастыре, что недопустимо и чревато потерей еврейством-иудейством сего имманентного, национально-религиозного «монастыря» избранных Богом.

Хотя не пишет ли Павел к Римлянам, в частности, что «весь Израиль (в грядущем) спасётся» (11,26) – Христом и во Христе. Или не напишет ли он спустя 8 лет, в ббг., из уже Рима в его знаменитом Посл. (на сей раз) к Евреям (под к-рыми, перво-наперво, Евреи-христиане Св. Земли): «...для народа Божия ещё остаётся субботство» (4,9). Или, – «что с переменою священства необходимо быть перемене и закона» (7,12). Ведь Иисус, Сын Давидов, не Аронид, но – Первосвященник из колена Иуды, из дома-рода Давидова, из к-рого никто не приступал к храмовому жертвеннику (7,13), Первосвященник – по особому богочеловеческому чину Мелхиседека.

И не сказано ли в данной связи дальше, что «лучшего завета поручителем сделался Христос» (7,22). И не сказано ли ещё: «Ибо, где завешание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя» (9,16). И ещё не сказано ли про «изменение колеблемого, как сотворённого, чтобы пребыло непоколебимое» (12,27). И ещё: «Потому что Бог наш есть огонь поядающий» (12,29). Не тот ли огонь, к-рый пожрёт в 70г. н.э. покинутый Христом в 33г. храм Господень. И ниже: «...Иисус, чтобы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. / Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание; / Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (13,12/13).

Послание к Евреям – своего рода вершина творческого богословия и своего рода моцартовский «Реквием» Ап. Павла, в к-ром за 4 года до гибели Иерусалима и храма, он, в год начала катастрофической Иудейской войны 66 – 70гг. (ещё не

⁸ «S Nu 15,31 §112 (33a)»: «Р. Елеазар б. Модин (убитый Бар Кохбой, к-рый разошёлся с некоторыми вначале поддержавшими его авторитетными законоучителями, в последнем оплоте повстанцев 132-35гг. крепости Беттар, в 135г.): «Кто оскверняет священные дары и пренебрегает праздниками и сводит на нет завет праотца нашего Авраама, тот заслуживает, даже если он следует множеству заповедей, быть изгнанным вон». В «Абот» (3,11): «...не имеет доли в будущем мире».

ведая о её вот-вот предстоящем взрыве) и за год с месяцами до своего мученичества в 67г., провидит скорую судьбу-трагедию – и ветхого *народа*, и ветхого *закона* и ветхого *места*, параллельно прощаясь с земным Иерусалимом и передавая (в лице именно специфического для Книг Нового Завета Посл. к Евреям *Мелхиседековым*) эстафету Иерусалима Небесного богословию Апостола Апостолов – Иоанна Бого- слова, к-рый развернёт её во всю мощь в Книге Книг Книги Книг – в Откровении Иоанна (96г.) (см. ниже).⁹

Однако вернёмся в 58г., когда ещё нет Посл. к Евреям и когда уже написаны Два Посл. к Фессалоникийцам, Посл. к Галатам, Два Посл. к Коринфянам, Посл. к Римлянам, и скажем снова, что Павлу юридически несостоятельно инкриминируется то, чего он не делал, причём инкриминируется оправленное откровенно ложным клеветническим декором. Ему вменяют введение Еллинов в храм и осквернение святого места сего.

Далее же выясняется, что Асийские Иудеи видели с ним в городе Трофима Ефесянина, из чего умозаключили, что такой-сякой Павел святотатственно ввёл его, необрезанного христианина из язычников, в храм. Одним словом, видели не Еллинов, а одного Еллина с Павлом, и не в храме, а в городе, но выводы сделали, – прямо скажем, далеко идущие, и всенародно выдали желаемое за действительное, сознательно ли солгав или искренне поверив в свою лживую версию, отстаётся догадываться. Если, дескать, Павел не настаивал на обрезании язычников, значит, он вполне мог ввести необрезанного туда, где тому быть строго воспрещалось, а если мог, значит, наверное, ввёл. Логика, конечно, железная! Отсюда спрашивается, не правильно ли говорят в определённых кругах, что за базар отвечать надо!

Трофим Ефесянин имел право беспрепятственно бывать в храме в пределах двора-притвора Язычников, доступного, стало быть, и язычникам, не имея, под страхом смертной казни, права ступать в пределы террасированно расположенных дальше и выше двора-притвора Женщин и двора-притвора Израэлитов, куда имел доступ Павел, и у входов-врат в к-рые, у решёток, ограждавших к-рые, дежурила бдительная левитская стража. Так вот обвинение Асийских Иудеев состояло именно в том, что Павел якобы провёл Трофима, чуть ли не для того, чтобы злоумышленно осквернить подзапретные для присутствия в них необрезанных язычников части храма, – то ли во двор Женщин, то ли аж во двор Израэлитов, или и в тот, и в другой (хорошо ещё, что не в открытый и крытый притвор Священников! или – чего уж там – в Святое-Святых!).

Т.е. Павел и Трофим могли находиться вместе максимум во дворе Язычников, что, возможно, имело место быть, но чего Асийские Иудеи не видели, увидев, всего-навсего, их вместе в городе и домыслив-дофантазировав, – намотав одно на другое, гиперболизирував-преувеличив-соврав, – всё остальное-прочее. Как говорится, скажем ещё раз, – ложь должна быть колоссальной, чтобы её поверили. И эта ложь тоже была, по своему, колоссальной, и наэлектризованная толпа её тотчас подхватила, тотчас в неё поверила. Поверила, потому что была в атомофере 50-х гг. Ив., незадолго до краха изживших себя ветхого Иерусалима и ветхого храма (народ; закон; место), донельзя фанатична, взвинчена, и завсегда готова к фанатичной

⁹ Павлианское христианство – как соучредителя Церкви, так и (бывшего посвящённым фарисеем Савлом) мистика-окультиста – Павла, ученик к-рого Дионисий Ареопагит основал специальную эзотерическую школу и по имени к-рого звались в Ср. века, в т.ч., мистики – павликиане (предварители, с Армянского нагорья, богомилов на Балканах, патаренов в Италии, катаров во Франции). Лазарианско-иоаннитское христианство великотоанника-окультиста (эфесского пресвитера) Лазаря-Иоанна. Гностическое христианство великопосвящённого окультиста Мани (Юноша из Наина) и манихеев, Парсифаля (Мани) и Св. Грааля. Розенкрейцерское христианство Кр.Розенкрейца (Иоанн Богослов) и розенкрейцеров.

расправе, падкая на неё, жадно ищущая чёрную кошку в тёмной комнате, жаждущая в запущенную клевету уверовать.

А с др. стороны, не разыгрывается ли в Иерусалиме конца мая 58г. драма, сходная с драмой Иисуса в апреле 33г. и с драмой Первомученика Стефана, к к-рой Павел имел непосредственное отношение, оберегая одежды побивавших Стефана камнями и одобряя это каменование, в конце декабря 33г.! И вновь в драме представлены-участвуют три стороны: Иудеи, Римляне, христианская Жертва.

Правда, в этот раз дело примет сравнительно благоприятный оборот для Павла, час мученичества к-рого ещё не настал и кого пока схватили и повели-поволокли вон из храма (дабы не осквернить кровью мнимого кощунника святое место), двери к-рого тотчас заперли. Повлекли-поволокли с тем и для того, чтобы предать его на революционной волне охлократического возмущения-возбуждения толпы скорострельному бессудному линчеванию (менее вероятно, что суду синедриона) за ближайшими городскими воротами.

* * *

Надо понимать, что храмовые служители и храмовое начальство, тотчас заперевшие (мол, не то поруганный, не то подвергнутый опасности поругания) храм, что усилило возбуждение толпы, было отнюдь не против такой скоростной несанкционированной расправы (по-ленински: без сдерживания революционного порыва масс).¹⁰

Между тем, в цитадели Антония, расположенной, о чём читатель знает, на северо-западном углу Храмовой горы и довлевшей над Храмом, как сама Храмовая гора довлела над городом, гарнизонировала, напомним, римская когорта численностью в 500/600 чел., под командой префекта когорты (тысяченачальник-хилиарх; военный трибун), в обязанности к-рой входило соблюдение порядка и в Городе, и на территории храмового комплекса (как повседневно, так и особенно в большие паломнические праздники, когда в Иерусалим стекалось множество народа, и обычно наезжал из своей постоянной резиденции в Кесарии Приморской наместник-прокуратор, чтобы блюсти порядок лично).

Естественно, из Антонии и в Антонии сразу заметили тумултарную суматоху-сутолоку в храме, тем более, что очень скоро в возмущение пришёл весь Город, и узнали о храмовом инциденте, одновременно, не зная толком и не понимая, что именно там произошло и происходит. И вот, дабы выяснить, в чём дело, и не допустить ни беспорядков, ни какого-либо самосуда над кем-либо, ибо любые смертные приговоры и отправление экзекуции были в компетенции римской прокураторской власти, тысяченачальник, возглавив воинский отряд, устремился на бывшую схваченного Павла толпу, к-рая влекла его (с территории двора Язычников? или уже за ней?) по направлению к городским воротам (дабы за ними, на скорую руку, не утруждая себя разбирательствами-судами, каменовать «изобличённого» народной бдительностью «святотатца»).

Решительное появление и решительное вмешательство вооружённых римлян произвело должное впечатление и несколько остудило-отрезвило возбуждённую толпу. Не погибли ли тысячи иудеев, противоборственно столкнувшись с римля-

¹⁰ Иудейская элита IV н.э., несмотря на все различные представленные в ней направления, настроения, течения, партии, как и французская элита конца XVIIIв. (к-рая не смогла достойно завершить век просвещённого абсолютизма и одновременно рационал-просветительских вызовов), или как российская элита начала XXв. (к-рая так и не сумела толком войти в этот век новых требований), сделала всё, чтобы столкнуть свою страну и народ в революционную пропасть!

нами в ходе инцидента 51г., после чего ситуация в Иудее от года к году ухудшалась, радикализация-фанатизация иудейства продолжалась, кризис углублялся и т.д., о чём мы подробно беседовали выше. И читатель знает, что в годы правления прокуратора Феликса, кто (протезируемый своим братом Паллантом и Агриппиной) подвизался в Палестине с 50г., а с 52г. единолично заведовал провинцией, Иудея неотвратимо сползала-скатывалась к Иудейской войне, до начала к-рой в 58г. оставалось 8 лет.

Так вот, при виде римлян, иудеи, остановившись-замерев, перестали бить Павла. Затем тысяченачальник (чьё имя называется в Д.Ап. ниже) Клавдий Лисий отбил-забрал Апостола, не зная, кто перед ним, у не оказавшей (чреватое для неё) сопротивление разъярённой толпы. И, видя в Павле виновника всего возмущения, приказал солдатам (в т.ч., для успокоения иудеев) сковать его цепями (мол, римская власть берёт дело в свои руки), наряду с тем, пытаюсь выяснить: «кто он, и что сделал?».

Но поскольку из разноречиво-противоречивого ора не имевшей вожака пёстрой толпы, где одни кричали одно, а другие другое, ничего нельзя было понять, командир гарнизона велел солдатам вести Павла в крепость, намереваясь там спокойно, с римской дотошностью, во всё разобрать. Народ же теснился вокруг, и, с одной стороны, не рисковал открыто перечить римской власти, тогда как с другой, не убавлял ярость, наоборот, ещё больше взбивал себя, по причине чего на лестнице, ведущей вверх в крепость, солдатам, из-за тесноты, пришлось нести скованного цепями задержанного на руках, в то время как толпа неистово вопила: «смерть ему!».

Посмотрите, если в случае с Иисусом в 33г. римская инстанция сопутствовала-содействовала Его погублению, страхуя Иудеев при Его аресте в Гефсимании, потом приговорив Его, с иудейской подачи, к смерти, потом руками римских солдат бичевал и распяв Его, между тем как в случае с линчевательски увлечённым за городские ворота и там каменованным Стефаном римляне вообще не вмешались или не успели вмешаться, то теперь всё иначе. Именно римская власть в лице тысяченачальника во главе солдат когорты спасает Павла от гнева толпы, к-рая непременно убила бы его без суда, кабы не вовремя подоспевшие римляне.

И уже на входе в цитадель Антония, известную тем, что 25 лет тому назад Пилат осудил тут (вопреки себе, поддавшись непримиримому настоянию Иудеев) на смерть Иисуса, Павел обратился к тысяченачальнику по-гречески. К тому же, вероятно, на хорошем греческом-койне, чем того удивил, так как выросший в многоучёном и грекоязычном киликийском Тарсе Апостол язычников непривычно хорошо для религиозного иудея, к-рого углядел в нём префект, не ожидая наткнуться в сём случае на грекоязычие, знал ойкуменический язык международного общения.

И здесь префекту пришла в голову мысль: не он ли (часом) «тот Египтянин, к-рый пред сими днями произвёл возмущение и вывел в пустыню четыре тыс. человек разбойников?» Об этом Египтянине, точнее, об иудейско-коптском прозелите родом из Египта (т.к. Египтянин, не будучи иудеем по вероисповеданию, не мог увлечь за собой тысячи иудеев в Палестине), чародее и авантюристе, мы беседовали ранее. О нём упоминает также Флавий, несколько по-разному, в «Войне» (2,13,5) и в «Древностях» (20,6,8). Если, напоминаем, согласно «Bellum», сей египетский авантюрист намеревается (окружённый в Иудейской пустыне экстатическими приверженцами-последователями) с Масличной горы вторгнуться в Иерусалим, овладеть римским гарнизоном и властвовать над народом, то согласно «Древностям», он обещает одним глаголом разрушить иерусалимские стены и тем убедить всех в божественности своей миссии. Причём, если по Д.Ап. у него 4 тыс. сторонников, то по «Bellum», аж 30 тыс.

Вспомним, что этот инцидент имел место, как мы выяснили в ходе нашего повествования, в 57г., приблизительно за год до столкновения Иудеев с Павлом, и тогда Феликс во главе солдат атаковал Египтянина с его, как выражается Клавдий Лисий, разбойниками, умертвил, следуя Флавию, 400 чел., 200 захватил в плен, остальных рассеял. Но самого предводителя ни убить, ни пленить тогда не удалось. Он бесследно исчез, почему ныне, вспомнив о нём, вероятно, тоже (как выводится из текста) хорошо знавшем греческий, римский префект, когда Павел заговорил с ним по-гречески, в какой-то момент заподозрил, что последний и более года назад исчезнувший египетский смутьян — одно и то же лицо.¹¹

Однако в ответ на ошибочную догадку префекта Апостол, к-рый, скорей всего, о Египтянине и не ведаёт, говорит о себе, что он (никакой не Египтянин) есть Иудеянин, родом из (расположенного в противоположном от Египта северном к Иерусалиму направлении) Тарса в Киликии. И затем просит тысяченачальника разрешить ему сказать слово к народу, находясь, по всему, на площадке, вверху лестницы, перед входом в крепость, откуда очень удобно говорить к толпящимся внизу, к хорошо видящим и слышащим его Иудеям.

Префект позволяет, видимо, думая, что речь задержанного может прояснить, разрядить, урегулировать ситуацию-обстановку, что задержанный будет говорить по-гречески, и что он, командир римского гарнизона, наконец, уразумеет-поймёт из сказанного, в чём (чёрт возьми!) тут дело, следом за чем Павел делает знак рукой, и когда внизу, в толпе, устанавливается молчание, обращается к Иудеям (неожиданно для них и для префекта, к-рый, тем не менее, его не прерывает) на Еврейском языке. Т.е. — на принятом в означенное время в качестве общепотребительного (иврит употреблялся в богослужении и в богословских трактатах) арамейском, что способствует установлению среди услышавших родную речь Иудеев полной тишины.

РЕЧЬ ПАВЛА К ИУДЕЯМ

«Мужи братия и отцы! Выслушайте теперь моё оправдание пред вами.

Услышавши же, что он заговорил с ними на Еврейском языке, они ещё более утихли.

Он сказал:

Я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сём городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне;

Я даже до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин,

Как засвидетельствует о мне первосвященник и все старейшины, от к-рых и письма взял к братьям, живущим в Дамаске, я шёл, чтобы тамошних привести в оковах в Иерусалим на истязание.

Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба.

¹¹ «Т.Б.» (т.3, Д.Ап., с.161), считая, что славянский и русский тексты данного места искажают оттенок подлинника, предлагает иной альтернативно-противоположный вариант и смысл прочтения: «так не ты, значит, тот Египтянин, к-рый...», из чего получается, напротив, что Клавдий Лисий подозревал в Павле того самого Египтянина до того момента, когда Павел заговорил с ним по-гречески, откуда следует, дескать, что Египтянин, как раз-таки, не знал греческого. Возможно, но и в западных текстах смысл данного места тождествен русскому каноническому переводу и ни один из знакомых нам экзегетов (Цанн, Мертенс, Кроль, Баркли, Макдональд...) не оговаривает и не предлагает вариант прочтения «Т.Б.» (хотя никакой большой разницы для нас это не имеет).

Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?

Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне: Я Иисус Назорей, К-рого ты гонишь.

Бывшие же со мною свет видели и пришли в страх, но голоса Говорившего мне не слышали.

Тогда я сказал: Господи! что мне делать? Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать.

А как я от славы света того лишился зрения, то бывшие со мною за руку привели меня в Дамаск.

Некто Анания, муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске,

Пришёл ко мне и подошед сказал мне: брат Савл! прозри. И я тотчас увидел его.

Он же сказал мне: Бог отцов наших предызбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его.

Потому что ты будешь свидетелем пред всеми людьми в том, что ты видел и слышал;

Итак, что ты медлишь? Встань, крестись и омой грехи твои, призвав имя Господа (Иисуса).

Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришёл я в исступление

И увидел Его, и Он сказал мне: постыжись и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне.

Я сказал: Господи! им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах,

И когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убийство его и стёрёг одежды побивавших его.

И он сказал мне: иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам.» (Д.Ап.22,1-21)

Ап. Павел говорит к народу (ок.) 23.05.58г. н.э. (см. ниже) из духа духосошестввенной Пятидесятницы 24.05.33г. н.э. Обращает на себя внимание, что сначала, по прибытии в Иерусалим (и по праздновании христианской Пятидесятницы-Троицы), Павел обратился к Иакову, к пресвитерам и к др. сочленам общины, потом, т.е. теперь, — к мужам братьям и к отцам (что указывает на присутствующих в толпе, в т.ч., начальствующих) — иудеям. А дальше, на следующий день, — он обратится уже к синедриону (см. ниже).

Засим на повестке дней три (в течение времени ок. седмицы) еврейские инстанции — одна — иудео-христианская, и две — иудейские, тогда как Рим во втором и третьем случаях играет арбитражно-посредническую роль и своеобразно «ассистирует» Апостолу язычников (одновременно — Еврею от Евреев), в то же время спасая, как выходит и выйдет, в духе римского права и согласно римскому правопорядку, Павлу (едва не отнятую у него иудеями-ветхозаветниками) жизнь.

И пусть Рим делает это отнюдь не потому что Павел христианин, а потому что в Иудее иудеям, по римскому праву, не положено никого самостоятельно (будь то по суду или бессудно-самосудно) убивать, поскольку жизнь и смерть иудеев в ведении римского прокуратора, тем не менее, римляне, на сей раз, пусть бессознательно, как бы не желают допустить рецидива того, что произошло четверть века назад, когда иудеям удалось убить Иисуса устами и руками Рима (вопреки желанию малодушно уступившего их настояниям Понтия Пилата). Более того, нынче иудеи более ограничены в правах, чем в 33г., и конфликт старозаветного еврейства с Римом в означенную пору нарастает. Кроме того или прежде всего, вскоре выяснится, что в отношении Павла речь идёт о римском гражданине, к-рый, в силу его прав, иудеям не по зубам.

В своей речи (наверняка на хорошем арамейском, выдающем также учёное знание оратором иврита) Павел разворачивает своё автобиографическое табло, с к-рым читатель наших книг достаточно знаком и основные моменты к-рого нам надо, кое в чём дополняя их, сейчас освежить.

Мы знаем, что, согласно Иерониму («О знаменитых мужах» 5), тот, кто «прежде назывался Савлом, Апостол, не входящий в число 12-и, происходил из рода Вениаминова из полиса Гисхала в Иудее, после захвата к-рого римлянами родители увезли мальчика с собой в киликийский Тарс». Кстати, Апостол дважды, здесь и выше, акцентированно называет-манифестирует себя Иудеянином (Д.Ап.21,39; 22,3), называясь, вдобавок к тому, позднее, в Посл. к Филиппийцам (63г.), Евреем от Евреев из рода Израилева, колена Вениаминова (3,5) (см. ниже). И делает он это столь выразительно, в частности, потому, что, насколько следуют из Епифания («Против ересей» 30,16; 25), некоторые из его ярких иудеохристианских противников (и прижизненно, и посмертно) инкриминировали ему, Апостолу язычников (дескать, — предателю иудаизма), кто никогда от своего еврейства не отрекался (напротив, — очень бережно дорожил им), нееврейское происхождение.

Повторим, Гисхала (Гушхалав) — родина знаменитого антагониста Флавия в пору Иудейской войны — «пламенного революционера» и душегуба Иоанна Гисхальского (см. ниже), располагалась на северо-западе Галилеи (в строгом смысле — не Иудеи) и в обозримый период ок. времени рождения Савла могла быть ратно-усмирительски захвачена и разорена римлянами лишь однажды — летом 1г. н.э. Именно тогда римский легат Сирии П.Квинктилий Вар подавлял вспыхнувшее после смерти Ирода I (март 1г. н.э.), в различных частях его царства (от Галилеи до Иерусалима), восстание иудеев, при том, что в 6/7гг. н.э., в ходе выступления-восстания Иуды Галилеянина в Иудее, Галилея восстанием охвачена не была, Гисхала в нём не участвовала и римлянами не разорялась.

Как видим, из иеронимовского текста (вопреки распространённому мнению) буквально не выводится продажа Павловых родителей (по взятии-разорении римлянами Гисхалы) в (что Вар сделал со многими пленёнными иудеями) рабство в Тарс, додуманная последующим преданием, к-рое, очень даже м.б., верно. Причём на 1г. н.э. Савл (вопреки Иерониму, у кого, по всей вероятности, закадровая накладка событий 6/7гг. на события 1г. н.э.) ещё не родился, родившись, о чём читателю известно, не ранее 3г. н.э., будучи «юношей» = молодым человеком — лет 30-и отроду — в 33г. (дата каменования Стефана), и «старцем» — не менее 60-и лет (60-й год) отроду — в 63г. — в пору написания Павлом-старцем Послания к Филимону (9) (см. ниже).

Следовательно, Савл родился в римском гражданстве, о чём он сам свидетельствует в Д.Ап.22,28, после того как его родители, если они были пленены и проданы в рабство в 1г., успели, в течение 2-х лет (1 — 3гг.), стать вольноотпущенниками и обзавестись римским гражданством, что само по себе несколько необычно, так как отпущение на волю и приобретение римского гражданства, в любом случае, разделяет слишком короткий срок. Остаётся предположить, что их хозяин и затем патрон был сам (являясь ли иудеем?) влиятельным римским гражданином, гражданство к-рого перешло на вольноотпущенного им (за какие-то заслуги?) Павлова отца, доставшись от него самому Павлу при рождении.

Или, если Павловы родители прибыли в Тарс в 1г. н.э., по разорении римлянами Гисхалы, не как пленники, проданные в рабство, но как мигранты, бывшие уже римскими гражданами, или получившие римское гражданство (и приобретшие тарсийское) в 1 — 3гг., то, в сём случае, дело обстояло по иному. Так или иначе, возможны оба варианта и не будем на них заикливаться. Для нас существенно-актуально то, что Павел родился в 3г. н.э. в унаследованном им от отца римском

гражданстве (приобретённом его отцом при подвопросных и ближе неизвестных обстоятельствах).

Далее, как мы знаем, Савл получил начальное (домашнее? школьное? и то, и то?) воспитание-образование в Тарсе, где он обучился, в т.ч., ремеслу делания палаток, и максимум в 15г. (в 12-летнем возрасте, или на 12-м году) впервые пришёл на Поклонение, в один из больших паломнических праздников, в храмовый Иерусалим.

Хотя вполне возможно, что он приходил с отцом в Иерусалим и раньше, к примеру, вовсе не исключён его паломнический приход в Град и Храм Господень в возрасте 11-и лет, на хорошо знакомую нам слиятельную Пасху 14г. н.э., когда Иисус Соломонид пожертвовал своё (самое зрелое в человечестве) Я великого Заратустры рождённому Марией Благодатной сыну Иосифа Плотника (мужа жребия Мелхиседекова) – Иисусу Нафаниду (Кришна) = невинная сестринская душа Второго Адама.

Именно в это пасхальное празднество имела место не раз освещённая нами таиннейшая инкорпорация индивидуальности между двоюродными братьями – 14-летним Иисусом Вифлеемлянином и 12-летним Иисусом Галилеянином, семьи к-рых в следующем 15г. (год 12-летия Савла), по успении в 14г. Иисуса Соломонида (апрель 14г.) и Марии Благодатной (сентябрь 14г.), в Назарете Галилейском соединились-слились.

Не вошла ли в те дни вдовая с 13г. н.э. (дата кончины Иосифа Соломонида) Мария Старшая со своими, по смерти первенца Иисуса, четырьмя сыновьями (Иаков, брат Господень, Иосия/Иосиф, Иуда, Симон) и двумя дочерьми в дом Иосифа Нафанида (отца единственного ребёнка – первенца Иисуса, пречистая душа К-рого, убережённая в Великой Материнской ложе человечества от тяжёлого круга земных инкарнаций, была принесена на Землю из лона Отца.

Потом, с ок. 18 по 28г., Савл основательно обучался в престижной (средней и высшей) школе уважаемого фарисейского равви Гамалиила Старшего, при, как он сам выражается, ногах его, тщательно наставляемый в отеческом законе, ревнитель по Боге.¹² Впрочем, то, что мудрый Гамалиил, кого благодарное христианское предание даже делает христианином, не был ни твердолобым, ни твердокаменным ортодоксом и врагом христиан, однозначно засвидетельствовано в Д.Ап.5 (см. выше).

Затем, с ок. 28 по (весну/лето?) 33г., Савла, фарисейского посвящённого (под знаком Тельца), не было, как мы предположили, в Палестине/Иерусалиме, куда он, возможно, паломнически приходил на (не все) большие праздники. И наконец, с 33г., со времени после Мистерии Голгофы, он активно подвизался в ревни-

¹² «Мегилла» (21а): «Раббанан учат: «Со дней Моисея до р.Гамалиила Тору изучали стоя, но после Гамалииловой кончины мир стал болящим и Тора изучается сидя. Это то, что мы усвоили (Сота 9,15): «С тех пор как р. Гамалиил умер, благоговение и трепет перед Торой иссякли». Это фигуральная акцентация масштаба личности и авторитета р. Гамалиила в превосходной степени. В реальности ученики всегда внимали учителям, изучая Тору, сидя, при их ногах, т.е. на земляном или деревянном полу, притом споры шли только о том, надо ли сидеть, постелив одежды под себя, или нет.

«MQ 16б; S Nu 27,18; §140 (526)»: «Как только Моисею было велено сделать Иисуса Навина своим преемником, он тотчас велел ему подняться с земли и усадил на скамейку (как равноправного коллегу)». «Абот» (1,4): «Иосе б. Иозер (ок.150г. до н.э.): «Твой дом – дом собрания учителей. Позволь им отряхнуть на тебя прах своих ног (сидением у их ног) и пей, жадучи, их (мудрое) слово». «Мидраш Песни Песней» (1,3 (85а): «Акиба пришёл и уселся как ученик при ногах р. Елезара».

Согласно Лк.2,46, в 14г. н.э. родители 12-летнего Иисуса, к-рого они потеряли во время праздника Пасхи в храме, вернулись в Иерусалим и нашли Его, «сидящего посреди учителей, слушающего и спрашивающего их» (в притворе Соломоновом).

тельском услужении при синедрионе, не членствуя в нём как безбрачный ревнитель, и сурово преследуя приверженцев новой назорейской ереси, первой жертвой преследования к-рой сделался линчевательски каменованный фанатичными иудеями, при соучастии одобрявшего эту форменную расправу Савла, 25.12.33г. Первомученик Стефан (см. выше).

* * *

Однако, на том Савл, продолжая преуспевать на инвизиторском поприще гонителя (связывая и предавая иудеохристиан, мужчин и женщин, в темницу), не угомонился и, о чём мы помним, выпросил весной 34г. у первосвященника (Каиафа) письма к иудейской общинной братии в Дамаске, чтобы и оттуда, куда за прошедший с Таинства Голгофы год успела добраться и найти там приверженцев-последователей т.н. назорейская ересь, «тамошних (диссидентов-отщепенцев, уверовавших в – подумать страшно! – позорно Распятого!) привести в оковах в Иерусалим на истязание».

Под «первосвященником» (равно – «все старейшины»), к-рый, как выражается в настоящем времени в 58г. Павел, может «засвидетельствовать о мне» относительно писем в Дамаск, конечно, не (*великий инквизитор*) Каиафа, кого (сходно *Кашею* Анне) на 58г. давно, с ок. 40г., нет в живых, а фигурирующий в Д.Ап.23,2 и 24,1 первосвященник 47 – 59гг. Анания, сын Небедея, кто, с др. стороны, в 58г. муж в летах преклонных, был в 33г. (как и ряд экс-первосвященников и др. старейшин) членом осудившего Иисуса на смерть синедриона.

Ниже идёт воспроизведение чудесного откровения, случившегося с Савлом = ниспосланного Савлу на его метаисторическом, спиритуальном и физическом пути в Дамаск, касаемо к-рого, если оно представлено как *виденное* и *не слышанное* сопровождавшими Савла лицами в Д.Ап.22,9, то выше, в Д.Ап.9,7, вроде бы наоборот – *слышанное* и *не виденное*, в чём, вопреки хихикающим рационал-комментаторам, нет никакого существенного противоречия. Да ну? Баранки гну! Ибо в объективе различные уровни, углы и точки зрения, различные степени восприятия феномена, на к-рый можно взирать и к-рый можно толковать разносторонне. Мало того, «видеть» – ещё совсем не обязательно значит «увидеть» (узреть), тогда как «слышать» – вовсе не обязательно значит «услышать» (внять) (см. ср. Ио.12,28/29).

И чудесное световое сияние, и глас свыше в майский солнечный полдень 34г. н.э. были явлены-адресованы именно (родившемуся семимесячным) будущему Павлу, и сверхчувственно слышал-услышал, как и видел-увидел, явленное персонально ему вышнее видение солярно-эфирного Христа в фантомном Теле Воскресения, как и обращённое персонально к нему слово-логос Воскресшего, только Павел (независимо от отголосков или отблесков-отплесков, воспринятых, в той или иной мере, будь то в счёт остаточного атавистического восприятия или природно-физически, людьми его свиты).

И узрев в ауре Земли, в Теле Воскресения Распятого, Воскресшего, Вознесшегося и ниспославшего на Апостолов Духа Святого, Савл, к-рый (как фарисейский посвящённый) знал о Мессии Страждущем, более того, б.м., знал (из тайного учения) о двух Машиахах, о *страждущем* Сыне Иосифа и о *победоносном* Сыне Давидовом, всем своим существом, не могучи идти против рожна, уверовал в виденное-увиденное и в слышанное-услышанное! Уверовал в Иисуса, Сына Иосифова и Сына Давидова, К-рый – как Светоносный Иисус, как Христос Господень – ныне предстал ему и говорил с ним!

Не были ли оба Иисуса, Сыны Марии Старшей (Вифлеемянки) и Марии Младшей (Галлилеянки), Сыновьями земных отцов Иосифов и единовременно Сынами

Давидовыми, один – по линии Соломона, другой – по линии Нафана! И не умер ли, вернее, не ушёл ли в усение Сын Иосифов в апреле 14г. н.э., пожертвовав Свою индивидуальность Сыну Давидову! К-рый принял от Иоанна Крещение на Иордане 6.01.30г. н.э., К-рый взошёл на крест Голгофы 3.04.33г. н.э., и К-рый воскрес из мёртвых 5.04.33г. н.э., явившись Савлу и воззвав к нему спустя 13 месяцев, на 14-й от Воскресения месяц, в мае следующего 34г. н.э. (9.05.).

Вот вам и глубинная Мистерия Двух Машиахов, Сыновей Иосифовых (не без духовной связи с патриархом Иосифом, лучшим из братьев своих, к к-рому восходит родословие новых Рахили и Лии – обеих сестёр Марий – дочерей Иоахима и Анны), к-рую (отец Каббалы) Симон б. Иохаи выхватил во Пв. н.э. из таинственно свершившегося в прошлом, из ставшей метаисторией Мистерии, и попытался поставить в новозаветное время на службу ветхозаветному будущему. Знал ли что-либо об этом дуалистическом Таинстве фарисейский посвящённый Савл/Павел? – вопрос.

Таким образом, на загадочном Пути в Дамаск бывший прежде физически зрячим Савл духовно прозрел, расставшись благодаря Христу с удержанными зрением и слухом, но, вместе с тем, осиянный ослепительным светом (световой столп) свыше, физически (временно) ослеп.

Зрение было новообретено им в Дамаске, на Прямой улице (выпрямительный вдох после задыханий!), в доме Иуды Тарсянина, куда его, ослепшего, привели под руки, посредством исцелительного возложения рук и исцелительного слова уполномоченного на то Христом Анании, к-рый и крестил спустя 3 дня, или на 3-й от ослепления день (пережившего духовное загробье и восставшего к новой жизни) Савла в неофита-христианина.

Притом в Д.Ап. говорится об Анании как о «муже благочестивом по закону, одобряемом всеми Иудеями, живущими в Дамаске», что говорит о муже, подобном Иакову, брату Господню, к-рый был иудеохристианином, не вступавшим (до поры) в конфликт с ветхозаветниками, одобряемым, в т.ч., строгими реавнителями закона. И не случайно, обращаясь к Савлу (с передаваемых Дееписателем слов Павла), Анания называет Иисуса Христа «Праведником», предъизбравшим Павла, чтобы он познал волю Его и услышал глас из уст Его.

Затем, согласно Д.Ап., Павел пропускает-опускает в Д.Ап.22 три года своей жизни после Дамасского откровения и обращения, в к-рые он не приходил в Иерусалим, пойдя в страну Мистерий Феникса – (загадочную) Аравию (Гал.1,17/18), и придя в Иерусалим только весной/летом 37г., после его бегства от (подстрекнутого к тому дамасскими иудеями) эпитропоса царя Арета Набатейского из (переданного Калигулой в 37г. во владение Арету) Дамаска, о чём нам известно из дополняющих одно другое сообщений в Д.Ап. (9,22-25) и во Втором Посл. к Коринфянам (11,32) (см. выше).

Причём, если в Д.Ап.9,27, по приходе пост-аравийского Савла из Дамаска в Иерусалим, спустя 3 года, в 37г., когда, согласно Гал.1,18/19, он виделся в Иерусалиме с Петром и провёл у него дней 15 (не видя никого другого из Апостолов, кроме Иакова, брата Господня), иудеи-еллинисты, с к-рыми он состязался, покушались убить его (9,29), в связи с чем братия отправили его в Кесарию и препроводили в Тарс (см. выше), то в Д.Ап.22,17-21 другой ракурс. Тут Савл приходит (как Пётр перед обращением в 40г. Корнилия) в исступление, молясь в храме и внимает (Христову) голосу свыше, к-рый велит ему поспешить и выйти скорее из Иерусалима, – «потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне» (22,18).

Противоречия нет. Есть два различных ракурса одного и того же события-явления, два угла зрения. Откровение Савлу свыше нисколько не отрицает убийственную для него опасность со стороны иудеев-еллинистов, напротив, подтверждает её.

Но Павел, понятным образом, не говорит, обращаясь к (евреям-) иудеям в 58г., что иудеи (-еллинисты) покушались в 37г. убить его, заостряя внимание слушателей на храмовом откровении пришедшего в исступление молящегося от Бога.

А далее следует слово о покаянии Савла пред Господом 21 (7 x 3) год назад относительно того, как он гнал верующих в 33/34г., заключал их в темницы, бил в синагогах, и, наконец, как он одобрял каменование Стефана и стерёг одежды побивавших первомученика (22,19/20).

И евреи внимательно слушают Апостола до того момента, когда он раскрывает перед ними кульминацию откровения Господня 21-летней давности о предстоящей ему миссии к язычникам (22,21).

«ИСТРЕБИ ОТ ЗЕМЛИ ТАКОГО!»

«До этого слова слушали его; а за сим подняли крик, говоря: истреби от земли такого! ибо ему не должно жить.

Между тем как они кричали, метали одежды и бросали пыль на воздух, Тысяченачальник повелел ввести его в крепость, приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него.

Но когда растянули его ремнями, Павел сказал стоявшему сотнику: разве вам позволено бичевать Римского гражданина, да и без суда?

Услышав это, сотник подошёл и донёс тысяченачальнику, говоря: смотри, что ты хочешь делать? этот человек — Римский гражданин.

Тогда тысяченачальник, подошед к нему, сказал: скажи мне, ты Римский гражданин? Он сказал: да.

Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрёл это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нём.

Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его; а тысяченачальник, узнав, что он Римский гражданин, испугался, что связал его.

На другой день, желая достоверно узнать, в чём обвиняют его Иудеи, освободил его от оков, и повелел собраться первосвященникам и всему синедриону, и, выведши Павла, поставил его перед ними.» (Д.Ап.22,22-30)

Дальше речь говорящего прерывается неистовыми криками. Иудеи не желают его слушать и вновь приходят в бешенство, требуя для него смерти, ибо уход к язычникам, к к-рому он взывает, да ещё со ссылкой на волю Бога, видится им отъятием богоизбранничества у еврейства, отказом от национально-религиозной исключительности евреев, отречением от статуса народа Божия, к-рый-де этот отщепенец меняет на язычников, подобно Исаву, продавшему право первородства за чечевичную похлёбку.

Посему оправдаться пред мужами братьями и отцами Павлу своей речью не удаётся. Наоборот, они окончательно удостоверяются, в его, в их глазах, свято-татственным отступничестве и бросают в нетерпении пыль на воздух, жадучи каменования и крови кощунника.

Не бросается ли в глаза эта фанатизация-радикализация-большевизация иудеев за истекшие годы, особенно начиная с инцидента 51г. (см. выше) и в правление с 52г. Феликса, что могло удивить сравнительно давно отсутствовавшего в Иерусалиме Павла, к-рый после своего обращения-крещения пришёл сюда в (итого) пятый (и в последний раз), перед тем побывав здесь в 37, 44, 51 и 54г., притом в 54г. очень коротко. И пусть тогдашнее ветхозаветное иерусалимско-палестинское еврейство сползало к глобальной катастрофе, выполнив свою вселенскую миссию

(но не ведая в большинстве о том и продолжая нетерпеливо ожидать Исполнения исполнившихся Вре́мен), уже с 33г., т.е. с года свершившейся Мистерии Голгофы, это сползание превратилось в ускоренное скатывание именно в семилетку-седмицу 51 – 58г., подойдя как раз в 58г., когда минуло ровно четверть века с Тайнства Голгофы, к веке, от к-рой до падения Иерусалима и гибели храма оставалось 12 лет.

Для (направляемых в основном саддукеями прихрамовых) Иудеев (к-рым не нужна молодая отрасль на культивируемом ими старом мавзолейном древе) он, Павел, по происхождению Еврей от Евреев, а значит, виновный вдвойне, так как предал своё еврейство, подлежал смерти. Променять национально-религиозную еврейскую исключительность, еврейское избранничество, веру в установление Мессией земного царства Израиля на веру в Распятого, и обращать в эту веру язычников без обрезания! чтобы в дальнейшем язычество поглотило еврейство, растворило и утопило народ Божий в себе! Не он ли учит язычников тому, что они могут стать христианами, не становясь еврейскими прозелитами! Не он ли отвергает две церкви из евреев и язычников, манифестируя одну церковь во Христе, что означает ассимиляцию евреев язычниками, утопление-растворение еврейства в язычестве! Чего ещё, кроме смерти, заслуживает такой отступник!

Скажите, не похоже ли это нарастающе фанатичное до рвоты¹³ поведение иудеев в 33 – 70гг. на поведение современных мусульманских фанатиков-игиловцев, а с др. стороны, вообразите себе, что сегодня какой-нибудь армянин или грузин (в положение к-рых иудеи попали после 33г.), не отказываясь от своей этнической принадлежности, попробует публично отказать своим народам, живя среди них, в их национально-религиозной исключительности, самоидентификации, в чувстве их национально-религиозной избранности, и тем поставит под сомнение их идентичность, смысл их экзистенции, основы много веков способствовавшей их выживанию общинной имманентности и новообретённой государственности!

Вместе с тем, представим себе чисто теоретически, что еврейство принимает, при сохранении обрезания и т.д., христианство в Iv., делая его своей защитной бронёй в качестве эволюционной ступени иудаизма и супротив римско-имперской интеграции. Однако, в сём случае, дорога ко Христу была бы закрыта перед язычниками и само христианство стало бы просто доминирующим продолжением геттоизированного ветхозаветного иудейства без какой-либо новозаветности, т.е. никакого вселенского Спасителя из Христа не получилось бы!

В Ivв., начиная с 301г., то, чего не сделали в Iv. евреи, сделают, крестившись и на духовном, и на государственном, и на национальном уровнях, (подготовленные к этому своей предшествующей эволюцией) армяне, к-рые станут первым народом, принявшим христианство в качестве государственной религии. Но это будет уже совсем иная конфигурация, вернее, армянство, несопричастное Ветхому Завету, превратит-преобразует в Iv/Vвв. в народ Нового Завета именно то, что могло погубить евреев Ветхого Завета как народ Древнего Завета в I/Пвв., когда большинство еврейства предпочло (по итогам двух Иудейских войн и Рассеяния) сохранение своей законсервированной национально-религиозной исключительности, вопреки требовавшему от еврейства перспективной деэтнизации-деевреизации-деиудаизации христианству, в свете вселенско-христианской жертвы ради человечества!

Впрочем, жертва за Христа настигла армян как, в т.ч., первонарод Христа, в далёкой перспективе, по истечении 33-х поколений с Iv/V/VIвв., Армянской Голгофой XXв. – века начала Второго (эфирного) Христова Пришествия, когда в 1915 (геноцид армян) – 18 – 30 – 33 – 42 (протокол Ванзее, печатно оформивший

¹³ Кричат загонщики и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу и пятна красные флажков. (Высоцкий)

геноцид евреев как Endlösung = окончательное нацистское решение Еврейского вопроса) – 45гг., в ходе двух Мировых войн и рокового интервала между ними, разыгрались великие жертвенные трагедии как армянства, так и еврейства. Плюс – великие трагедии как ведущей силы современности – (подпавшего нацизму) германства, так и ведущей силы грядущего – (подпавшего большевизму) славянства (и других народов), о чём читатель вправе поразмыслить самостоятельно.

А мы возвращаемся к Ап.Павлу. Страсти у цитадели Антония не унимаются. Римский тысяченачальник, по-прежнему, не понимает (не понимая, в частности, еврейского языка) – в чём дело? Он напрасно надеялся, что Павлова речь к Иудеям утихомирит ситуацию, разрядит обстановку, и теперь, наверное, пожалев, что позволил этому назвавшемуся Тарсянином странному иудею (удивившему префекта своим знанием греческого) говорить, велит ввести его в крепость и там бичевать. Дабы экзекуторски (обычным римским способом-методом) наконец-то допытаться от-у этого возмутителя спокойствия (поскольку из истошных воплей направляемых, повторим, саддукейской партией иудеев ничего, помимо жажды крови, не проясняется), в чём именно он виновен? точнее, чем именно мотивирована столь непримиримая иудейская предьява к нему? в чём именно этого человека уличают-обвиняют?

Но до бичевания дело не доходит. В ответ на намерение бичевать его Павел предупреждает экзекуторов, что он Римский гражданин, по адресу к-рого совершается двойное правонарушение: римского гражданина нельзя бичевать, да ещё без суда. Однажды, в македонских Филиппах, в 52г., Павла и Силу, римских граждан, всенародно били без суда и бросили в темницу, за что потом местные воеводы, убоявшись содеянного, извинились перед ними и попросили обоих (не поднимая шума) удалиться из города.

И нынче римское гражданство выдвигается-поднимается Павлом в экстремальных обстоятельствах как защитный щит, как гарантия его безопасности. Оно-то и спасёт ему, в конечном итоге, жизнь. Двадцать пять лет тому назад Пилат осудил (подданного Ирода Антипы) Иисуса из Назарета Галилейского, уступив настояниям Иудеев, и даже (перед своим умыванием рук) сказав Иисусу (дистанцируясь от Него и Его дела) во время суда: «Разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне...». Павлу же ничего подобного сказать нельзя, т.к. он римский гражданин и имеет право требовать суда над собой по римским законам.

Это заявление о римском гражданстве, переданное тысяченачальнику сотником, к-рому надлежало руководить бичеванием привязанного к бичевательному столбу (или подвешенного ремнями за руки) Павла (вероятно, там же, в Антонии, где Пилат велел бичевать Иисуса), возымело должное действие и оказало соответствующее воздействие на вновь удивившегося, на сей раз, Павлову гражданству, префекта римско-иерусалимской когорты – Клавдия Лисия. Иудей из Тарса, хорошо владеющий греческим, да ещё Римский гражданин!

И удивление тысяченачальника только возросло, когда он, грек ли, сириец ли по происхождению (хотя сириец говорил бы по-арамейски, к-рый Кл.Лисий, по всему, не знал), или малоазийский ойкуменический эллинист неведомых корней-кровей, узнал, что Павел в (унаследованном им от отца) римском гражданстве (аж) родился, тогда как он сам приобрёл это гражданство за (что практиковалось) немалые деньги. Надо сказать, что Римское гражданство того времени и связанную с ним привилегированность-льготность можно уподобить современным – специфической американской визе Green card, гражданству стран Евросюза, или, на худой конец, Шенгенской визе. Нет ничего нового под солнцем!

Т.е., во-первых, римский префект иерусалимской когорты (не из потомственных римлян) узнал в Павле родственную душу эллиниста-ойкумениста, и, во-вторых, или, вернее, во-первых, он понял, что здесь надо быть вдвойне осторожным и, при

любом раскладе, не допустить расправы иудеев над этим неординарным малым. Иначе может выйти себе дороже. Пусть, при всех случаях, окончательное решение по этому непростому делу-вопросу примет, как и положено, высшая римская инстанция в лице прокуратора.

Пока же надо соблюсти формальности и показать иудеям, равно высшей иудейской инстанции, что их интересы и требования, что их внутренняя автономия (до определённой степени, определяемой Римом) не игнорируются. В общем, утро вечера мудренее. Отложим разбирательство на следующий день. Так избавленный от бичевания Павел провёл ночь в застенке в Антонии, куда руки иудеев не дотягивались, под надёжной охраной римских когортно-гарнизонных стражей, будучи утром, по всей вероятности, в среду 24.05. (юлианская календарная годовщина воскресенской Троицы 33г. н.э.!), освобождён от оков и представлен римским тысяченачальником, в его и римской стражи сопровождении-присутствии (во избежание экстремальных эксцессов), суду синедриона. Впрочем, этого Клавдий Лисий не опасался, потому что полностью контролировал ситуацию и потому что в деле Павла синедрион не имел последнего слова (полномочный произнести вовсе не обязательное для Рима слово предпоследнее).

Следует полагать, что местом данного синедрионального заседания, судя по тексту Д.Ап., присутственно контролируемого римлянами, было, скорее, знакомое нам городское здание (на площади Ксиста напротив западной стены храма, близ дворца Хасмонеев) совета у Ксиста (где синедристы утром 3.04.33г. осудили Иисуса на смерть, поведав Его отсюда в Антонию к Пилату), нежели Торговая палата (Рыночной притвор) в храмовом дворе Язычников, куда римляне сходно имели доступ (в отличие от синедриональной резиденции в закрытой для язычников части храма). Во-первых, сюда было ближе от Антонии, и, во-вторых, вряд ли префект Клавдий Лисий не отдал в сём рискованном случае предпочтение (в видах обеспечения безопасности узника) ближней к цитадели части города (см. ниже).

В СИНЕДРИОНЕ

(24.05.58г.)

«Павел, устремив взор на синедрион, сказал: мужи братия! я всюю доброю совестью жил пред Богом до сего дня.

Первосвященник же Анания стоявшим пред ним приказал бить его по устам.

Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбелённая! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня.

Предстоящие же сказали: первосвященника Божия поносишь?

Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: «начальствующего в народе твоём не злословь».

Узнав же Павел, что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил в синедрионе: мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мёртвых меня судят.

Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось;

Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа, а фарисеи признают и то и другое.

Сделался большой крик, и вставши книжники фарисейской стороны спорили говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке; если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу.

Но как раздор увеличился, то тысяченачальник, опасаясь, чтобы они не растерзали Павла, повелел воинам сойти взять его из среды их и отвезти в крепость.»
(Д.Ап.23,1-10)

В третий раз по своём прибытии в Иерусалим Павел за последнюю майскую неделю 58г. предстаёт перед Иудеями: 1) перед руководителями иудеохристианской общины (настоятель Иаков, пресвитеры и др.); 2) перед народом, с речью у входа в цитадель Антония; 3) перед верховным судилищем и автономистским еврейским органом власти (при римлянах) — синедрионом (осудившим в 33г. на смерть Иисуса Христа).

И опять он, Еврей от Евреев, обращается к присутствующим, в этот раз опустил «отцов», как давеча, при обращении к народу, со словами: «мужи братия!», заверяя их, что всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня, т.е., что поступал по совести пред их общим Богом, в неверности К-рому его нельзя упрекнуть.

Первосвященник же Анания б. Небедей уже в этих словах Павла, в свете того, что ему о нём было известно, услышал-увидел (игнорируя презумпцию невиновности) кощунство (заведомо виновного-виноватого) и велел своим служителям бить за речение хульных слов святотатца по произнесшим их устам. Не ударил ли Иисуса по щеке в ночь со 2-го на 3.04.33г., после Гефсимании, на допросе у Анны один из служителей первосвященника, к-рому в его холуйском надрые не понравилось то, как (не сказавший ничего дурного) Иисус ответил перед тем первосвященнику (Ио.18,21/22)!

Да и в более отдалённом прошлом — не ударил ли священник Пасхор, надзиратель в доме Господнем, за пророчество о бедствиях Иерусалима пророка Иеремию, посадив его затем в колоду (Иер.20,2)! Не сказано ли в Книге пророка Михея перед знаменитым пророчеством о Вифлееме, из к-рого «произойдёт Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (5,2): «...тростью будут бить по ланите судью Израилева» (5,1).

Не оказался ли занявший первоначально позицию благородно оправдывающегося пред староизраэлитам, в т.ч., ныне синедриональными, Павел, к-рый не ведает за собой никакого преступления, в положении судьи Израилева, к-рого главный (неправедный) официально-формальный судья велит бить (за правду) по ланитам!

Касательно «стены подбелённой» = упрёка-укора в горечи брошенного Павлом первосвященнику за повеление бить его вместо того, чтобы разобраться и судить по закону, — первое, что приходит в голову, это седовласость, по всему, убелённого сединами, пожилого Анании (напомним, члена синедриона уже или ещё в 33г.), кто, дожив до седых волос, одновременно, извините, большого ума не нажил, почему и ведёт себя неподобающим образом, как непроходимая-непреодолимая для правды, уж не говоря об истине, глухая стена. Остаётся патетически повторить за классиком: «А судьи кто?». Не сказано ли у Екклесиаста: «Ещё видел я под солнцем место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда» (3,16).

Плюс к тому, в означенных словах может быть и более скрытый смысл. Прикосновение к мёртвому телу, или к могилам, к некрополям, к кладбищам делало иудеев нечистыми (подпавшими ритуальному осквернению) и требовало процедуры очищения. Поэтому у них было принято предупредительно подбеливать могилы, дабы никто не притронулся к ним. Если исходить из этого, то Павел как бы называет скрытым текстом (замогильного) Ананию подбелённой могилой (погостом). С др. стороны, не уподобляет ли Иисус (в избличительный Страстной вторник 33г.) книжников и фарисеев окрашенным гробам, к-рые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всяческой нечистоты» (Мф.23,27). Засим «стена подбелённая» = оштукатуренная снаружи и мусорная внутри.

Анания – подчеркнуто одиозный первосвященник (предположительно, один из виновников, если не главный виновник, убийства в 55г. Иоанна Зеведеева), носивший архиастырский тюрбан (с 47г.) в пору резкого ухудшения отношений между Римом и Иудеями, был известен как своей алчностью, рвачеством, корыстолюбием, разительным несоответствием высокому званию-рангу архиастыря, так и своими богатством и влательностью, к-рые он, к слову добавить, сохранил и по сложении с себя (долгого) первосвященского сана в 59г.

При этом такой фрукт будет, как сказано, продолжать играть одну из ведущих ролей в иудейских элитных верхах-кругах и кончит весьма плачевно, вытасненный из водопровода царского дворца, куда он скроется от хищных революционеров, и умерщвлённый зилотами (вместе со своим братом Езекией) в 66г. (И.в. 2,17,9) (см. ниже). Сим предказание Павла исполнится, ибо невзирая на орудие возмездия в лице (худших, чем Анания, но фактически вскормленных-взращённых им и ему подобными предводителями народа) *большевистско-игиловских* фанатиков-зилотов, недостойного квазисвятителю, в конце концов, поразит заслуженный им конец.¹⁴

Тем временем, окружающих-сопровождающих первосвященника служителей-шестёрка шокировал столь дерзкий выпад Павла, к-рый они тотчас поставили ему на вид: «первосвященника Божия поносишь?» Комментаторы-эксегеты задаются вопросом: разглядел ли Павел, что перед ним первосвященник? или сделал, валяя Ваньку, вид, что не распознал в более чем сомнительном иерархе святителя? Вообще-то Апостол, возможно, страдал болезнью глаз – офтальмией (последствие ослепления на пути в Дамаск?), или каким-то другим дефектом зрения (в к-ром и полагают физическое проявление данного ему, как он сам выражается, «жала в плоть», хотя тут, по нашему убеждению, речь наверняка идёт о духовном страдательном «жале»).

И первосвященника Ананию он мог, при посещениях Иерусалима в 51 и 54гг., вовсе не видеть или видеть издалека. Помимо того, Анания, вероятно, явился на судилищное заседание синедриона в городском здании совета на площади Ксист не в торжественном храмово-богослужебном облачении, в к-ром в нём нельзя было бы не узнать первосвященника.

В любом случае, в ответ на упрёк-укор непочтения к архиастырю, Апостолом выражается удивление: «я и не знал, братия, что он првосвященник», вслед за чем Павел, признавая свою неправоту и параллельно демонстрируя знание Торы, извинительно ссылается на закон, где в Кн. Исход заповедано: «Судей не злословь, и начальника в народе твоём не злословь» (22,28).¹⁵

Или в словах Апостола изначально едкая ирония в отношении псевдо-, по тому, что о нём (обще)известно, первосвященника, к-рого он узнал, сделав вид, что не узнаёт, и, соответственно, – аффектированное изумление. Не ездил ли этот несчастный Анания в 52г. в Рим, отправленный туда на разбирательство прокуратором Куманом! Не пользовался ли в его, Анании, время штатного первосвященства гораздо большим авторитетом экс-первосвященник Елеазар (из дома Анана), убитый зилотами по подстрекательству прокуратора Феликса (и, м.б, не без соучастия-одобрения Анании) в 55г.

¹⁴ «Шебу» (4,13): «Когда кто-то говорит: «Бог будет бить тебя», или «поразит тебя Бог», это означает Божье проклятие (если Израиль будет непослушен), записанное в Торе: «Поразит тебя Господь чашлостью, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и жравчиною; и они будут преследовать тебя, доколе не погибнешь» (Вт.28,22).

¹⁵ «Мекхильта Исход 22,28 (103а): «Р. Иегуда б. Батира (110г.): «Судей не злословь и князя в народе твоём не поноси», согласно Исх.22,28. Из этого я вывожу, что начальствующий виновен, если он проклятый (т.е. нечестивый) судия или князь...» (сходно – в «Бава Меция» 48б).

Но нет, вряд ли Павел ёрничает и издевается над Ананией. Скорее, тут верна версия действительно неузнанного-неопознанного Апостолом первосвященника, что, само собой, не превращает прохиндея Ананию, в к-ром, в т.ч., в его внешнем облике, не было ничего первосвященского, и на к-ром, как говорится, клейма ставить негде, из негатива в позитив, и не меняет ситуацию-картину в целом.

Иное дело, что, разобравшись по выкрикам синедристов с мест, лицом к к-рым он стоял в присутствии здесь как большинства саддукеев, так и активного меньшинства фарисеев, между к-рыми имелись очень серьёзные противоречия-разногласия, (принадлежавший в прошлом к фарисейству) Павел проявил в сложившейся обстановке очень благоразумную находчивость. Он столкнул обе партии лбами и тем добыл для себя стратегическое преимущество.

К вопросу о саддукеях и фарисеях, двух основных партиях и направлениях в еврействе и иудаизме I/II вв., мы не раз обращались в наших предшествующих книгах. Посему освежим теперь на злобу дня соответствующую информацию в читательской памяти и пойдём дальше.

* * *

И фамильно-родовое обозначение – Садокид, и партийно-групповое – саддукей, восходят к древнееврейскому «цадик» – «праведный», или к личному-собственному имени «Садок». Садоком, как ведомо, открывается список-перечень первосвященников отстроенного в 968 – 61 и освящённого в 960гг. Соломонова храма. Он и Авиафар были из Аронидов эпохи Давида (1011 – 971гг.), когда скромная обитель ковчега завета находилась на (*солярной*) г. Сион в Иерусалиме, к-рым (отобранным у иевуссеев) Давид владел, сделав его столицей Израиля, с ок. 1004г., тогда как (*лунарная*) г. Мориа ещё не украсилась храмовым великолепием.

Вследствие принятия Авиафаром в вопросе царского престолонаследования стороны старшего Давида Адонии, Соломон (971 – 31гг.) сослал его в Анатот и возвысил Садока. Могучее экзотерическое созидательство великого эзотерика Соломона порывало, как необходимый этап в эволюции мессианистического Израиля, со сновидческом оракулом прошлого. Израиль переходил и перешёл при Соломоне (как и при Давиде) через очередной Иордан. В условиях появления, царской волей, белокаменного святилища Господня посох патриарха подпёр трон царя.

И с тех пор первосвященское достоинство до самого конца храмовой эпохи, включая Первый (960 – 586гг. до н.э.) и Второй храмы (516г. до н.э. – 70г. н.э.), закрепилось за домом-родом Садока, к-рый возводил свою генеалогию к третьему сыну Аарона – Елеазару, в то время как Авиафар происходил от мл. брата Елеазара – Ифамара. И Елеазариды пользовались приоритетом перед Ифамаридами (к-рые первосвященствовали, неизвестно почему и при каких обстоятельствах сменив Елеазаридов, ок. 120-и лет, от Илия, с ок. 1090г., до Авиафара)

Таким образом, родословное обозначение Садокид – есть синоним притязания на кристалльную чистоту голубой крови по архипастьерской линии, есть олицетворение первосвященства и высшего духовенства от числа сынов-потомков Аронида-Елеазарида Садока. И кровных Садокидов нельзя отождествлять с позднейшими партийными саддукеями, происхождение наименования к-рых, – то ли от имени (праведного) Садока? то ли от «цадигов» (праведных)? то ли как от Садока, так и от «цадигов» (к-рые взаимозависимы?)? под вопросом/вопросами.

Религиозно-политическая партия саддукеев и философское направление саддукейства возникли в пору Второго храма, в Греко-Македонскую эпоху, восходя корнями ко времени Ахеменидов (VI – IV вв.), при к-рых, как и при Птолемах (301 – 198гг.), или при перехвативших у Птолемеев в 198г. до н.э. Палестину

Селевкидах до Антиоха Эпифана (175 – 63гг.), иудейская имманентность, в той или иной мере, толерировалась.

Причём репатрировавшимся благодаря Киру и Дарию в Землю Обета, но лишённым государственности Иудеям позволялось управляться на уровне внутренней автономии собственным законом, под верховенством архипастыря и герузиально-синедрионального совета старейшин, в недрах к-рого, начиная с эпохи второхрамового еврейства, под предводительством его духовных инаугураторов (Садокида) Ездры и (областначальника) Неемии (Vв.), вызревали как будущее саддукейство, так и будущее фарисейство (к-рое, кстати, считало-почитало Ездру своим духовным отцом).¹⁶

Предполагают, что патриарх Ония III, сначала, при Антиохе Эпифане, заменённый в патриаршестве родным братом – конформистом-эллинистом Ясоном (ок. 175г.), а затем убитый (ок. 170г.), в результате происков бесчестного преемника Ясона – не-Садокида Менелая, был последним настоящим патриархом из рода Садока, пусть даже все последующие первосвященники официально-формально числились полноценными Аронидами-Садокидами.

В годы же великого иудейско-израильского ренессанса, в пору своеобразного (предтечного) апостолата пяти сыновей Маттафии (из первой, в составе 24-х, – 16 аронидских и 8 ифамаридских, – священско-аронидской чреды Иегоиарив), в пору духовно-политического верховенства троих из пяти маккавейско-хасмонейских братьев – Иуды (+ 160г) – обновителя-очистителя в 164г. осквернённого-профанированного Антиохом Эпифаном (167г.) дома Господня, Ионафана (160/52 – 43гг.) и Симона (142/40 – 34гг.), имело место следующее. Саддукеи партии *праведных* составили, наряду с фарисеями и иными хасидеями, при- и промаккавейскую опору Обновления, между тем как избыточно эллинизированные саддукеи *неправедные* коллаборировали с захватчиками и ассимиляторами Селевкидами.

При этом, дальнейшие как расцвет, так и закат-вырождение саддукейства идут в ногу и в унисон с расцветом и закатом-падением маккавейско-хасмонейской государственности. При подпавших декадансу светского эллинизма поздних, точнее, при преемствовавших 5-и героическим братьям (другую часть = *вторую половину* сакральной протопостольской двенадцатеричности к-рых составили 7 жертвенных Сыновей Вдовы) Маккавеех, при мини-державниках и профанаторах-лаицистах – Гиркане (134 – 103гг.), Аристовуле (103/02гг.), Яннае (102 – 75гг.), давешняя партия праведных претерпела метаморфозу. Она сделалась, в большинстве, носителем неприемлемого, с позиции обособленцев фарисеев, первый расцвет к-рых пришёлся на время царствования благоволившей к ним Саломии Александры (75 – 66гг.), и прочих изоляционистов, языческо-ойкуменического мировоззрения.

В прямом смысле слова язычниками-ойкуменистами саддукеи, конечно, никогда не стали, но группируясь вокруг секулярных Маккавеев, сосредоточивших в своих руках и светскую (со 140г. до н.э. – князя народа = этнархи; со 103г. – цари) власть, на к-рую (завещанную только Давидами) Арониды, строго говоря, не имели

¹⁶ Время начала цивилизаций Древних Египта и Вавилона, под знаком Тельца, в *первую* историко-цивилизационную эпоху Михаила (3082-2728гг.). Время перехода от созерцания к мышлению в предвещающую, под знаком Овна, Мистерию Голгофы *вторую* эпоху Михаила (602-248гг.), на к-рую выпадают конец периода Первого и начало периода Второго Храма, включая утверждение нормативов второхрамового иудаизма Ездрой и Неемией, а также рождение и расцвет древнегреческой философии, Греко-персидские войны, выход на авансцену воюющего Карфаген Рима. И современная, с 1879г., *третья*, под знаком Рыб, историко-цивилизационная эпоха Михаила – время двух Мировых войн XXв., к-рый проиграла Европа, и михаэлическое время михаэлического перехода михаэлитов от философии к учреждённой Р.Штайнером в XXв. антропософии.

права, и власть духовную (первосвященство), они, в условиях-обстоятельствах наступления эллинизаторских тенденций, оказались в положении официальной партии власти. Партии, всё больше отрывающейся от народа, деградирующей и стагнирующей, с приоритетом материальных ценностей над духовными (уподобившись обмирщённой Церкви).

Как в политике, так и в религиозной философии саддукейство сочетало, с одной стороны, — соглашательский конформизм и умеренный (проэллинистическо-проримский) либерализм, с другой, — косный, твердокаменный, кладбищенский ультраконсерватизм. В Священном Писании саддукеи опирались на Пятикнижие, к Пророкам относились либо отрицательно, либо, в позднейший период, часть из них, — терпимо, стояли за буквализм понимания Торы. Устное предание (фарисейских старцев) и всяческие толкования к закону, аллегорические, метафорические и, тем паче, оккультно-эзотерические, сходно любые спиритуальные практики, помимо подведомственных им культово-храмовых, ими резко отвергались-отторгались. Они утверждали, как говорит Дееписатель, — «что нет ни воскресения, ни Ангела, ни духа». Были заиклены на принципе крови, к-рый, вкупе с отрицанием бессмертия души, понимался ими как продолжение жизни предков в потомстве, т.е. люди лишённые потомства за грехи перед Богом становились в их понимании смертными.

При потрошителе Ироде, кто, взяв, с помощью римлян, Иерусалим в 34г., просто перебил 45 (промаккавейски и противоиродиански настроенных) из 70-и членов преимущественно саддукейского синедриона, заменив их послушными себе креатурами, и далее сам (произвольно) назначал-смещал первосвященников, верховный иудейский орган превратился в некое бессловесное подобие дрессированного Верховного Совета СССР (или наоборот). Тут всё делалось в угоду (генсеку) Ироду, кто, к слову, в значительной мере разбавил синедристов поначалу поддержавшими его фарисеями, и до такой степени (исчезающую в 30-е гг. Ив. до н.э. из поля видимости) герузию, в общем и целом, обезличил, что некоторые исследователи даже сомневаются в институциональной экзистенции какого-либо совета старейшин при Ироде.

А после аннексии Иудеи в 6г. н.э. Римом для, тем не менее, в основном саддукейского синедриона, с (избавленными от обременительной царской опеки) саддукейскими первосвященниками во главе, наступил своего рода предконечный квази-ренессанс, когда синедрион, в отношении внутренней автономии, по религиозным и ряду др. вопросов, пользовался большей самостоятельностью, чем при Иродианах. И когда первосвященники 6 — 66гг. (при учёте короткого царско-иерусалимского интермеццо Ирода Агриппы — 41 — 44гг., с к-рого и после к-рого назначение архипастырей, назначившихся с 6г. римской властью, производилось династами Иродианами), вместе с саддукейской и просаддукейской, священной и светской, элитой, напрасно полагали, что вернулись т.н. идеальные времена синедрионального верховенства эпох Ахеменидов, Птолемея и первых Селевкидов.

Саддукейство I/Ивв. было представлено главным образом высшими богатейскими слоями еврейско-иудейского общества (пренебрежительно оставив влияние на низшие народные слои т.н. охлократам фарисеям) и опиралось, помимо римской администрации, в первую очередь, на единомышленников в первосвященских фамилиях, не случайно именуясь аристократией среди священников.

Являясь по сути мумификаторами догматического церковно-прихрамового иудаизма, хранителями-блюстителями буквалистско-неприкасаемого Пятикнижия, как лакированного саркофага, и этакими кладбищенскими сторожами-стражниками (погребальной) Торы, заменившими Бога Живого поклонением *Кащею Бессмертному*, центристы-саддукеи, с их исключительно посясторонним святилищным иудаизмом, не могли существовать вне и без материального-материализованного

культы в национально-консолидационной Земле Обетования, в религиозно-консолидационном Иерусалимском храме.

И потому они не сумели (да и никак не могли) пережить катастрофу 70г., быстро сойдя с исторической сцены и передав эстафету по дальнейшему сохранению-блюжению безгосударственного-безсвятилищного, плюс рассеянного-рассеявшегося, еврейства-иудейства фарисеям, вернее, иудаизму раввинистическому, вышедшему из оказавшегося на редкость живучим-жизнестойким фарисейства (Р.л. 371-73; Т.Г. 1281).

* * *

Выход на авансцену партийно или орденски организованных фарисеев как фарисеев (Р.л. 373-77; см. «Т.Г.» — оглавление), что предшествовало появлению фарисейского философского направления, тоже исторически связан с беспокойным Пв. до н.э. Если храмово-прихрамовое саддукейство непредставимо, как сказано, без материальных культа и культового центра, то фарисейство, напротив, произошло из книжно-толковательского законоучительства, имеющего опыт обращения к униженной-уничужженной пастве и с паствой в условиях порабощения.

От поздних Малых пророков Захарии (Vв.) и Малахии (Vв.), от гениального книжника Ездры (предок к-рого Садок дал имя садокидам-саддуккеям, тогда как сам Садокид Ездра парадоксальным образом стал, духовно преемствовал в Vв. до н.э. последнему пророку Малахии, как бы первым благочестивейшим законоучителем-фарисеем) и от утешителя-автономиста Неемии выводится фарисейская традиция соферим/хасидим/перушим...

Во дни материально-политического краха и общего духовного кризиса-упадка исповедание непреложного Закона нуждается в качественно ином предводительстве. И в сём экстремальном случае спасённая благодаря вдохновенному героизму подвижников-мессианистов паства получает (и в прямом, и в фигуральном смысле) *Второзаконие* — щит и меч целительного самосохранения в изгнании, под чужим державным ярмом, в рассеянии. Указов Кира о репатриации и Втором храме было бы явно недостаточно без второго рождения Израиля, у истоков к-рого стояли, в частности, те еврей-иудеи, преемники и потомки к-рых в перспективе сделались истовыми фарисеями. Восстановленной на закате Vв., под предводительством Зоровавеля и Иисуса, обители Бога Единого не сопутствовало восстановление государственности. Централистское духовенство взяло на себя с IV/IIIвв. посредничество между безгосударственным народом-репатриантом и владельческими метрополиями, т.е. неизбежно приобщилось к мирской суете суете.

Образно выражаясь, не все потомки вавилонских репатриантов *остались* впоследствии исключительно при храме Зоровавеля и Иисуса. Многие постепенно облюбовали (восходящие, надо думать, ко времени бесхрамового вавилонского плена) молитвенные дома, центробежные синагоги, где, помимо строгого следования Пятикнижию, чтили Пророков и излагали устное предание. Здесь не опровергали и не отменяли бывшее, здесь дополняли и цементировали священную традицию в унисон насущным запросам времени.

Оформившиеся как партия и философия, как национально-религиозный орден и общественное течение, начиная с поры Маккавейских войн Пв. до н.э. (когда тождественный Иудее Израиль Обновления вышел на финишную прямую ко Времени Исполнения Времён), фарисеи учили о воздаянии Предвечным каждому, ибо душа человека не умирает вместе с телом. Отлично от рационалов саддукеев, они верили в реинкарнацию, в воскресение, в Ангела и в дух. Фарисейские посвящённые трепетно медитировали над грядущим явлением-пришествием Сына Чело-

веческого (к-рое обмирщвлённые саддукеи предпочитали, беспокоясь о своём первенствующем благосостоянии, откладывать до греческих календ) – претворителя воли Божией, избавителя возлюбленных чад дома Израилева, сокрушителя нечестивых и обратителя небезнадёжных язычников.

Лишь богобоязненный исполнитель езраитски-неемитски устрожённого закона, суггерированного верно истолкованными пророками и правильно растолкованным преданием (старцев), мог, согласно фарисеям, спастись. Через богодухновенных Пророков говорило Слово Всевышнего и по пророческим провозвещениям близится час Помазанника. Смешиваться с язычниками, перенимать языческие нравы (духовно-морально-нравственно эллинизироваться), вести завоевательные войны (всё что допускали саддукеи при поздних, с Иоанна Гиркана, экспансионистах Маккавеех) для подлежащего предмессиианской изоляционизации Израиля, обязанного соблюдать чистоту-сертификат богоизбранной голубой крови, недопустимо и преступно. Преступившим строго расчерченный-очерченный вокруг иудеев-израильтян замкнутый *круг народа в законе* нет прощения!

Если фарисеи рассорились уже с Иоанном Гирканом, к-рый отодвинув их, поставил на поддерживавших его политику экспансии и умеренных в вопросе эллинизации-лаицизации конформистов-саддукеев, то при заклятом враге фарисейства Александре Яннае грянула ок. 94 – 88гг. стоившая иудеям многих тысяч жизней гражданская война. Лишь под конец своего длительного правления царь Яннай примирился с очень популярными в народе фарисеями и завещал минимум толерантное отношение к ним наследовавшей ему супруге Саломии Александре. При ней же (когда первосвященство облёк её старший сын – Гиркан) фарисеям довелось превратиться из партии преследуемых в задающую синедриональный тон и претендующую на то, чтобы задавать тон всеиудейский, партию преследователей-гонителей любого инакомыслия. Вспомним про казнь в 70г. н.э. Иешуа, сына Пандиры, и его пяти учеников!

Так развязанный фарисеями, при Саломии, мстительный политический террор против саддукеев, нетерпимость многих из них ко всякой неоднопартийности, негативная политизация мышления и, соответственно, вытесняющая прежнюю духовность материализация духа ознаменовали собой печальные симптомы старения, окостенения и вырождения. Достаточно сказать, что зацикленные на аронидском второхрамовом крене фарисеи сомневались не столько в праве Маккавеев на царский венец, на к-рый последние, как не-Давидиды, как раз-таки, не имели права, сколько считали их недостойными именно первосвященства, на к-рое Арониды-Елеазариды Хасмонеи, как раз-таки, имели полное право, что говорит о вывихе ценностного вектора потерявших-утративших верные ориентиры фарисеев. А дальше внешнее благочестие проповедников «ключевой воды», пьющих вино, лицемерие «крашенных» адептов человека для субботы вместо (или под маской) субботы для человека, культивирование всевозможных обременительных запретов и отнюдь не всегда ценных преданий всё глубже раздвигали изначально истинно езраитское существо искони великодуховного ордена.

Саломия Александра словно воплотила отчасти в жизнь заветную схему-требование «обособленных»: не могучи облечь сугубо мужское первосвященство, она развела-разделила царство и архипастырство. И после 9-летнего т.н. фарисейского *золотого века* в её правление, при снова поставившем на саддукеев её втором сыне Аристовуле (66 – 63гг.), к-рый лишил своего старшего брата Гиркана первосвященского тюрбана и вновь объединил первосвященство с царством, некогда орденское объединение фарисейских «товарищей» – «хебарим-перушим» продолжало преобразовываться из уже, во многом, не духовного ордена, но политической партии во влиятельную религиозно-философскую секту.

Не встретили ли они, к слову сказать, римлян, в лице взявшего Иерусалим в 63г. Помпея, приветственно (прося его упразднить изжившую себя хасмонейскую государственность) – как силу (в домессианский период мерзости запустения) более приемлемую для иудеев, более подходящую иудеям (перед Исполнением Вре́мён), нежели поздние, с т.зр. фарисеев, узурпаторы духовного первенства в Израиле – недостойные Маккавеи. Дескать, лучше автономия, наподобие ахеменидской и птолемейской или ранней селевкидской поры, под язычниками римлянами, при условии их невмешательства во внутренние дела еврейства, чем удручающая экзистенция-прозябание под безбожными Маккавеями.

И позднее фарисеи даже поддержали ставленника Рима Антипатрида Ирода (потомственного идумеянина-эдомита – обрезанца в третьем колене) в его борьбе против Антигона Маккавея (38 – 34гг.), так как Ирод, не будучи Аронидом, не притязал на первосвященство, и одновременно, будучи кровным идумеянином-эдомитом, как бы воочию манифестировал близость прихода Спасителя (к-рому должен предшествовать крайне богопротивный царь).

Причём отношения Ирода с фарисеями, к-рые во второй половине Iв. до н.э. предводительствовались двумя авторитетнейшими учителями – Шаммаем (+ ок. или после 20г. до н.э.) и Гилелем (+ ок. 10г. до н.э.), испортились только к концу его царствования. Именно тогда Ирод обрушил репрессии против них, вследствие чего и либеральные гилелиты, и радикальные шаммаиты (сходясь в данном вопросе и с саддукеями) поддержали в 6г. н.э. упразднение Августом иродианской государственности в Иудее (Самарии, Идумее), что тотчас, к радости многих фарисеев и саддукев, подняло статус выведенных из-под светского иродианского верховенства и вновь вышедших из глубокой тени первосвященников и синедриона.

При всём том, фарисейство I-го в. н.э., к к-рому, вспомним, очень тяготел царь Ирод Агриппа, имевшее, как самое влиятельное направление в еврействе, наибольшее число приверженцев среди иудеев, делилось на различные фракции, группировки и было представлено различными персонами, одни из к-рых выступили наиболее зловными антагонистами Иисуса Христа (К-рый сталкивался с ними, в отличие от атаковавших Его только в Иерусалиме саддукеев, на просторах Палестины повсюду), в то время как другие, например, Гамалиил терпимо относились к христианству и к христианам. А третьи, к-рых больше всего было именно среди фарисеев (и ессеев), сами становились христианами¹⁷, как, к примеру, потомственный фарисей Савл, преобразившийся в Апостола Павла, и др.

Т.е. в рассматриваемое нами время не было ещё никакого строгого-чёткого-окончательного размежевания между представителями иудеохристианского, фарисейского, или ессейского еврейства. И в связи с этим не было ничего невозможного в становлении фарисеев или ессеев иудеохристианами, не было ничего невероятного в их крещенском обращении в иудеохристианство, к-рое воспринималось многими иудеями как одна из новых религиозных ветвей-отраслей иудаизма (не выходя до поры, в их сознании-восприятии, за его расширенные пределы).

Притом, если саддукеи лишь до определённой степени толерировали таких верных закону иудеохристиан как обратитель Савла в Дамаске Азания, или настоятель иерусалимско-христианской общины Иаков, брат Господень, к-рого в 62г. побьют камнями по инициативе саддукейского первосвященника Анны Младшего, то для

¹⁷ Не сказано ли в Ев. от Ио., приложительно ко времени земной жизни Христа, что многие из (фарисейских) начальников веровали в Иисуса (12,42); не приглашали ли фарисеи Его к себе в дома, куда Он шёл, как и к мытарям, несмотря на Его чаще всего избличающего именно фарисеев слова к фарисеям безнадёжным о том, что мытари и блудницы скорее (чем они) войдут в Царство Божие (Мф.21,31).

многих фарисеев (к-рые, активно миссионируя, по-разному, подходили и к обращению язычников)¹⁸ приверженство Праведнику Иисусу со стороны Иакова и ему подобных репрезентантов иудеохристианства не содержало в себе никакого отпадения от иудаизма, кощунства и святотатства.¹⁹ Повторим, размежевание было пока слишком зыбким, без чётко определившихся границ-рубежей, к-рые возобладают после ветхозаветно-иудейской трагедии-катастрофы 70г. н.э.

Засим, видя в синедрионе, перед к-рым его поставили, категорически несогласных между собой саддукеев и фарисеев (пришедших 25 лет назад к единому решению в деле Иисуса), для части из к-рых истовое иудеохристианство может быть и иногда бывает ближе саддукейства, Павел сделал мастерский ход. Он искусно вбил клин между более непримиримыми к нему саддукеями и, во всяком случае, частью фарисеев, воззвав к тому, что он – (орденский) фарисей (без, стало быть, противоречия его фарисейства его христианству!) и сын фарисея (= фарисей потомственный), и что за чаяние воскресения мёртвых его (уверовавшего в воскресение Иисуса), вопреки фарисейской вере в воскресение душ, сейчас (про-саддукейски и по-саддукейски) судят и хотят осудить!

Отсюда понятно, почему в судилище произошла распря и почему некоторые учёные книжники фарисейской стороны горячо заспорили (с книжными саддукеями), «говоря (по аргументированному вбросу в собрание Павла, и кое-что наверняка зная о нём): ничего худого мы не находим в этом человеке». И к этому, вполне в духе слов Гамалиила, высказавшегося по поводу христиан в синедрионе ещё в 33г., нынешние книжные фарисеи 58-го г. резонно, отстаивая фарисейское мировоззрение, присовокупили: «если же дух или Ангел (к-рых, мол, этот Павел признаёт, как и мы) говорил ему (Павлу), не будем противиться Богу».

В итоге раздор усилился настолько, что, вероятно, внимательно наблюдавший за происходящим откуда-то с верхнего, над залом заседаний, этажа здания городского совета (у Ксиста) римский тысяченачальник, убоявшись как бы римского гражданина Павла в пылу ожесточённого спора не растерзали, «велел воинам сойти» (чем косвенно подтверждается нахождение римской стражи на верхнем этаже) в зал заседаний, взять-забрать узника из опасной для него среды свирепо спорящих синедристов и отвести его в крепость.

¹⁸ И фарисейское миссионерство, знакомя прозелитов с учением о мире духов и воскресении, равно фарисейская синагогальность, во многом подготовили почву для успешной проповеди Апостолов и др. первохристианских миссионеров, проповедовавших воскресение Христа, воскресенское бессмертие души и т.д., в т.ч., в синагогах.

¹⁹ Зато, с др. стороны, отношение к вопросу о свободе воли и предопределении в видении-понимании саддукеев на порядок (при всей качественной разнице) ближе к видению-пониманию христианскому (к-рое эмансипировалось от саддукейского), в отличие от видения-понимания фарисейского, к-рое много ближе к фаталистическо исламскому. Так, по Флавию, если фарисеи всё ставят в зависимость от Бога и судьбы, уча, что хотя человеку предоставлена свобода выбора между честными и нечестивыми поступками, тем не менее и в этом доминантно предопределение, то саддукеи совершенно отрицают судьбу и утверждают, что Бог не имеет влияния на человеческие деяния, в к-рых выбор между добром и злом полностью предоставлен свободе воли человека (И.в. 2,8,14; И.д. 18,1,3). В христианстве – первична свобода человеческой воли во Христе (= Совести человечества).

Время же – параллельно началу Второго (эфирного) Пришествия Христа – отмены совести в ново-новойшей истории человечества – XXв. н.э., когда совесть отменили сначала нелюди-младотурки, потом нелюди-большевики, и затем нелюди-нацисты.

Впрочем (информация к размышлению), одна из завершающих XXв. знаменательных дат – 1998г. (666+666+666) – есть не только предварение «числом зверя» грядущего воплощения «князя тьмы» Аримана, поскольку число 999 противоборствует числу 666 и воплощает высшую божественную Любовь, также приходясь (при исчислении с 1/1гг. до н.э. и н.э.) на 1998/99гг. (999+999)! (см. ниже)

КОЗНИ ИУДЕЕВ ПРОТИВ ПАВЛА И ЕГО ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ В КЕСАРИЮ

(24 – 26.05.58г.)

«В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай Павел; ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме.

С наступлением дня некоторые Иудеи сделали умысел и заклились не есть и не пить доколе не убьют Павла;

Было же более сорока сделавших такое заклятие;

Они, пришедши к первосвященникам и старейшинам, сказали: мы клятвою заклились не есть ничего, пока не убьём Павла;

Итак ныне же вы с синедрионом дайте знать тысяченачальнику, чтобы он завтра вывел его к вам, как будто вы хотите точнее рассмотреть дело о нём; мы же, прежде нежели он приблизится, готовы убить его.

Услышав о сём умысле, сын сестры Павловой пришёл и, вошед в крепость, уведомил Павла.

Павел же, призвав одного из сотников, сказал: отведи этого юношу к тысяченачальнику, ибо он имеет нечто сказать ему.

Тот, взяв его, привёл к тысяченачальнику и сказал: узник Павел, призвав меня, просил отвести к тебе этого юношу, к-рый имеет нечто сказать тебе.

Тысяченачальник, взяв его за руку и отошед с ним в сторону, спрашивал: что такое имеешь ты сказать мне?

Он отвечал, что Иудеи согласились просить тебя, чтобы ты завтра вывел Павла пред синедрион, как будто они хотят точнее исследовать дело о нём;

Но ты не слушай их; ибо его подстерегают более сорока человек из них, к-рые заклились не есть и не пить, доколе не убьют его; и они теперь готовы, ожидая твоего распоряжения.

Тогда тысяченачальник отпустил юношу, сказав: никому не говори, что ты объявил мне это.

И, призвав двух сотников, сказал: приготовьте мне воинов пеших двести, конных семьдесят и стрелков двести, чтобы с третьего часа ночи шли в Кесарию;

Приготовьте также ослов, чтобы, посадивши Павла, препроводить его к правителю Феликсу.

Написал и письмо следующего содержания:

«Клавдий Лисий достопочтенному правителю Феликсу – радоваться;

Сего человека Иудеи схватили и готовы были убить; я, пришед с воинами, отнял его, узнав, что он Римский гражданин;

Потом, желая узнать, в чём обвиняли его, привёл его в синедрион их

И нашёл, что его обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона их, но что нет в нём никакой вины, достойной смерти или оков;

А как до меня дошло, что Иудеи злоумышляют на этого человека, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям говорить на него пред тобою; будь здоров».

Итак воины, по данному им приказанию, взявши Павла, повели ночью в Антипатриду,

А на другой день, предоставивши конным идти с ним, возвратились в крепость.

А те, пришедши в Кесарию и отдавши письмо правителю, представили ему и Павла.

Правитель, прочитав письмо, спросил, из какой он области, и, узнав, что из Киликии, сказал:

Я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители. И повелел ему быть под стражею в Иродовой претории.» (Д.Ап.23,11-35)

И опять римское гражданство, как щит, оградило Павла, ибо тысяченачальник точно не был бы так обеспокоен угрозой тумултарной расправы над ним и его сохранностью, не будь он римским гражданином, за убийство к-рого, пусть иудеями, ему пришлось бы отвечать по римским законам. Да и кто знает, был бы ли Павел столь бережно взят в крепость (не столько под стражу, сколько) под охрану римского стражного гарнизона, не будь он римским гражданином, в каком случае ему, возможно, пришлось бы томиться, как Иисусу, в иудейском зиндане, где иудеи явно не упустили бы шанса убить его до суда, или до утверждения (либо неутверждения) в его отношении синедрионального смертного приговора (при всех случаях) римской инстанцией.

Но как Римский гражданин он (благо) провёл и вторую ночь, с 24 на 25.05. (см. ниже), в цитадели Антония, причём не в оковах и, насколько явствует из последующего рассказа Дееписателя, в сравнительно комфортных условиях заточения, с разрешением на другой день родственникам и, вероятно, ближним (Лука, Трофим...) навещать-посещать его.

Более того, в ночь после синедрионального заседания Павлу, кто, видимо, перед лицом сложившихся обстоятельств, усомнился в том, что сумеет на сей раз уйти из Иерусалима живым, явился в сверхчувственном видении-откровении Христос, К-рый (персональный поводырь Апостола, являлся тем, кому хотел явиться) утишил, приободрил-поддержал и укрепил его, повелев дерзать и возвестив Павлу его предстоящее свидетельствование о Христе Господнем в Риме!

И после этого, если раньше у Павла, несмотря на его прежние настрой и надежду отправиться, по посещении Иерусалима, (до и по пути на крайний испанский Запад) в Рим, были сомнения, событиями последних дней премного усугубленные, то теперь он твёрдо (по)знал, что в Рим непременно попадёт и был готов бороться во всеоружии за своё спасение (при помощи римлян) из лап (искавших убить его) ярых иудеев-ветхозаветников. Павлово земное время ещё не вышло, оно, как воспоследовало из уст Самого Господа Иисуса, пока терпело. И не здесь, не в том старом-ветхом Иерусалиме и не в обречённом храме, к-рые не хотят ни слышать, ни принимать свидетельствование о Христе (Сыне Божиим), и к-рым оставалось в 58г. жить всего 12 остаточных лет, но именно в столице языческого мира Риме Апостолу язычников было уготовано мученичество за Христа от рук римской власти спустя 9 лет!

Между тем, на следующий день 25.05. вполне проявилось и выявилось намерение т.н. несанкционированной иудейской расправы над крайне раздражавшим еврейских интолерантов кощунником. «С наступлением дня» аж 40, вероятно, молодых саддукейско-просаддукейских, и одновременно, сколь казалось бы ни парадоксально звучит, сикарийско-кинжальных фанатиков, зареклись не есть и не пить, доколе не убьют этого посмевшегося сделаться из Савла Павлом «отщепенца и врага еврейства» (агента римского империализма, лево-правого уклониста, коллаборациониста и т.д.).

Посему сии 40 «молодцов» (по всему, нынешних разбойников-сикариев и грядущих зилотов, к-рые, когда находили нужным, кооперировали с первосвященско-старейшинской кликой-верхушкой, к-рая аналогично кооперировала с ними), добровольно поставившие себя под херем постного заклатья, уверенные, что они лучше-надёжнее защитят закон, чем всякий там правовой суд, (естественно – неофициально) явились к группе влиятельных саддукейских первосвященников (включая Ананию и экс-архипастырей) со старейшинами и предложили им свой заговорщическо-ликвидаторский план.

Ведь всякие правовые методы товарищи революционеры, правда, всячески используя их до собственного прихода к власти, глубоко презирают. К чему миндаль-

ничать, зачем волынить и цепляться за формальности?! Главное не процесс, но результат. Нет человека — нет проблемы. И незачем разводить всякие антимионии. Сделаем всё, с негласного одобрения-благословения, само собой, открыто никак не сопричастных к задуманному, отцов нации, быстро и оперативно! А иначе этот римский гражданин и иудейский ренегат (чёрт бы его побрал), неровён час, ускользнет-улизнёт от праведного-справедливого возмездия.

40 ревнителей предложили первосвященникам со старейшинами снова вызвать-завзвать через римлян Павла на другой день, т.е. в пятницу 26.05., в синедрион — якобы для более детального рассмотрения-разбирательства его сложного дела, с тем, что по пути от крепости Антония к зданию судилища они совершат, как некие анонимные мстители или разбойники, нисколько не компрометируя верховный иудейский орган, нападение на него, охраняемого немногочисленным конвоем, и (без излишних сюсюканий) убьют святотатца.

Так, дескать, и дело будет сделано, и официальное синедрионально-храмовое еврейство солидно останется в стороне от содеянного. Разбои в городе и в стране случаются нередко, буде же кто из мстителей сейчас или потом попадёт к римлянам, никаких компрометирующих кого-либо из герузиархов признаний они от него всё равно не добьются.

Не наглядно ли данный прецедент иллюстрирует взаимодействие в Иудее накануне Иудейской войны между представителями, с одной стороны, — еврейской партии автономной власти, равно иудейской знати, из числа в общем лояльных к Риму верхов общества, и, со стороны другой, — заговорщическими радикалами, к-рые в перспективе, после начала восстания, карабкаясь вверх, сметут лоялистов (во многом их породивших) и ввергнут еврейство в национальную катастрофу.²⁰

Опречь того, примечательно, что и Мишна не рискует оспаривать правомерность существования и действий такого типа, как вызвавшие убить Павла, мол, благородных заступников за закон — фанатиков-ревнителей. «Санхедрин» (9,6): «На того, кто ворует священные сосуды, или идолопоклонствует, или спит с арамянкой (т.е. с неевреянкой, оскверняясь связью с нею и оскверняя, в случае наличия от неё потомства, *голубую кровь*), могут (вправе) обрушиться ревнители». В духе этого (отчасти образного) подхода Павлу (приверженцу Иисуса Назорея и назорейской ереси) очень даже можно инкриминировать идолопоклонство, что (уж не обесудьте, законники-чистоплюи!) оправдывает нападение на него (мол, из чувства праведного гнева) добровольцев-ревнителей.

Плюс к тому, в Талмуде находим (очень даже приложимую к случаю охотников на Павла) детализацию-уточнение: «Рав Хизда (+ ок. 310г.): «Если ревнитель приходит, чтобы получить (от синедриона относительно задуманного акта возмездия) совет, то ему ничего не советуют» (82а). Согласно Раши, он должен без совета и сторонней помощи самостоятельно взять акт возмездия на себя и самостоятельно совершить его. Т.е. официальный орган, негласно одобряя такое (бандитское) деяние, дабы не скомпрометировать себя, как бы дистанцируется от него. И пусть означенное положение относится к постхрамовой талмудической эпохе, оно, тем

²⁰ Не сходно ли часть маховых консерваторов в России (ещё со времени Александра II и особенно против Лорис-Меликова) тайно потакали террористам-радикалам, с умыслом смертельно напугать царский режим и тем отбить у него всякую охоту к либеральным реформам, что консерваторам частично удавалось и отчасти удалось. Вот, в частности, почему, в итоге, вместо, при всех случаях, куда более предпочтительной реформации сверху (даже с петровскими перегибами и ломкой традиционного уклада через колена) последовала катастрофическая революция снизу, а именно — «русский (невзирая на переизбыток местечковых и прочих инородных — латышских, грузинских, армянских... — комиссаров) бунт — бессмысленный и беспощадный».

не менее, однозначно экстраполируется и на рассматриваемый нами случай 58г. н.э.²¹

И с умыслом фанатиков против Павла произошло именно так. Группа первосвященников и старейшин дала на деяние ревнителей добро, мало того, согласилась — ходатайством перед римской властью вновь доставить кощунника в синедрион — соучаствовать в задуманном, однако, вместе с тем, мнимо отодвинулась в сторону: дескать, — я не я и баба не моя. Случись ведь деликвент споткнуться по дороге из крепости в судилище, упасть и ненароком, от неизвестных никак не связанных с синедристами причин и рук, точнее, от кинжалов в этих руках, умереть. Так всякому дальнейшему суду, и иудейскому и римскому, будет стечением непредвиденных экстремальных обстоятельств сказано: нет! А на нет, что называется, и суда нет.

И готовые, коли потребуется, стать своего рода «шахидами», подхеремные мстители (заручившись негласным добром первосвященников со старейшинами, на к-рых возлагалась задача выманить жертву из крепости), явно не забыв истово помолиться, приступили (не жрамши, не пимши, не срамши) к подготовке намеченного ими на завтрашний день смертоубийственного акта.²²

* * *

Однако, к счастью для Павла, (утверждённый-принятый мстительными заговорщиками) план заговора не удалось сохранить в тайне. Всё-таки, слишком немало иудеев оказались посвящёнными-вовлечёнными в него, и известие о нём как-то дошло до сына Павловой сестры, к-рый, надо полагать, был близок к иерусалимским верхам, и о к-ром мы здесь в 23-й главе Д.Ап. слышим как в первый, так и в последний раз.

К тому же, он назван «юношей» (= молодым человеком), из чего делается вывод, что на 58г. ему не больше 30-и лет, хотя, — поскольку в этот раз Лк., в отличие от Д.Ап.7,58, где словом «юноша» = «молодой человек» маркируется именно (предельно *юношеское*) 30-летие Савла (см. выше), возрастной максимум целенаправленно не маркирует, — из презентации этого «юноши», пожалуй, можно сделать вывод, что перед нами молодой человек не старше 20-23-25-и лет.

И значит, если принять за время его рождения где-то 33 — 35гг. н.э., то оптимально Павлова сестра была младше родившегося, как мы знаем, в 3г. н.э. брата, и родилась ок. или позднее 10г. н.э., тоже в Киликии, в Тарсе, выйдя позднее замуж в Иерусалиме (или перебравшись с мужем из Тарса в Иерусалим), в к-ром безымянный племянник Павла (имевшего, кстати, согласно нераспространённому христиан-

²¹ В Талмуде имеется ещё один интересный-двойкий-двусмысленный нюанс-парадокс насчёт зарока невкушения пищи до выполнения (какого-либо) обета. «Авода Цара» (1,40а,58): «Горе тому, кто дал обет не есть, если он ест, и горе, если он не ест. Ибо, если он ест, то нарушает обет, а если не ест, то грешит против своей (поставленной голодовкой под угрозой) жизни. Пусть он идёт к учителям, к-рые вправе освободить его от обета, ибо сказано: «Язык мудрых врачует» (Пр.12,18).

²² Не напрашивается ли тут, говорим опять, яркая аналогия с рев. радикалами начала XXв. в России и с отношением к ним в российском обществе, или аналогия с современными мусульманскими рев. фанатиками, к-рых тоже поддерживали-поддерживают и вдохновляли-вдохновляют многие представители элиты, одновременно, вроде бы дистанцируясь от их кровавых преступлений или осуждая их и, наряду с тем, не стесняясь судачить либо о гневе народа, выразителями к-рого, мол, являются революционеры («страдальцы за народ»), либо о «пассионарном потенциале ислама», и т.д.

скому преданию, также родного брата, по имени Руф²³) где-то в 30-е гг. IV в. н.э. родился. Притом, из рассказа Д.Ап. неясно – жива ли на 58г. сама Павлова сестра? поскольку речь, в строгом смысле, идёт только о её сыне, правда, «хоронить» её раньше времени (в возрасте ок. 45-48-и лет) у нас, невзирая на отсутствие информации, оснований нет.

Так или иначе, скажем снова, по всей вероятности, нечуждый иудейским верхам Павлов племянник, как-то узнав, в результате утечки информации, о намеченном на 26.05. злоумышлении против его дяди, пришёл 25.05. к нему, не стеснённого, как сказано, в общении с родными и близкими, в крепость и поведал на свидании не скованному цепями узнику о тайном злом умысле против него.

И обращает на себя внимание, что Павел, выслушав племянника, решил не доверять полученную информацию стражному сотнику для передачи её дальше по начальству, но попросил сотника отвести юношу непосредственно к римскому тысяченачальнику, чтобы тот узнал от него о затеянном (радикалами вкуче с синедристами) преступлении без посредников.

Оно и верно, во-первых, неплохо бы обезопаситься от утечки, а во-вторых, или, вернее, во-первых, гарантом безопасности Павла (кому необходимо обязательно уцелеть и попасть в перспективе в Рим) сейчас является (впечатлённый его римским гражданством и симпатизирующий ему) именно этот римский военный трибун = префект когорты = тысяченачальник, представляющий в отсутствие прокуратора верховную римскую власть в Иерусалиме, от к-рой теперь зависит – выживет Павел или нет. И выживание его (гарантированное Самим Господом Богом), судя по нарастающей непримиримости иудеев, – в крайней зависимости от римлян. Т.е. отныне необходимо всячески избегать всякого, без (властно-арбитражного) участия римской инстанции, столкновения с заклявшимися (во что бы то ни стало) убить его иерусалимскими ветхозаветными иудеями (с к-рыми в 58г. у Павла случился, как видим, окончательный развод).

Всё получилось. Племянник, выполняя поручение дяди, переговорил с тысяченачальником, к-рый, со своей стороны (доверительно взяв юношу за руку и отведя его, дабы их никто не слышал, в сторону, что выразительно характеризует позицию хилиарха), вовремя оповещённый о нависшей над (привилегированным) узником угрозе, принял действенные контрмеры. Велел информатору помалкивать и решил, не утруждаясь, что было чревато лишними хлопотами, разборками с иудеями, отправить римского гражданина Павла в тот же день, по наступлении темноты, в сопровождении надёжного подразделения охраны, в Кесарию (от себя, от местных иудеев и от греха подальше). Зачем искать дополнительные приключения на собственную задницу? Пусть дальше со всем разбирается облечённый всей полнотой римской власти в провинции наместник-прокуратор.

К слову пояснить, в данной главе Д.Ап. содержится косвенное подтверждение того, что давешнее 24.05. судилище над Павлом производилось в здании городского совета у Ксиса, куда иудеи и предложили 25.05. снова привести узника для его убийства в дороге (в пятницу – накануне субботы покоя) 26.05. (см. ниже). Согласитесь, кинжальное убийство «святоотатца» ревнителем («рыцари» плаща и кинжала) могли планировать только на территории города, но никак не в храме, к-рый, в т.ч., притвор Язычников (местонахождение, сродни зданию городского совета, доступной римским властным язычникам синедриональной Торговой палаты), ни в

²³ Интересно, что римский когномен «Руф» (к-рый не мог быть личным именем) в переводе с латыни – *рыже- или красноволосый*. И именно огненно рыжим был, согласно еврейскому преданию, первый израильский царь Саул (карма Савла/Павла) из колена Вениамина, из к-рого происходил (Еврей от Евреев) Павел (и, следовательно, также его родной брат, коли таковой в природе имелся).

кчем разе, нельзя было осквернять смертоубийственным пролитием человеческой крови.²⁴ Соответственно, речь должно вести именно о здании совета на площади Ксиса, за пределами храмового комплекса, супротив западной стены храма, близ дворца Хасмонеев и недалеко от цитадели Антония.

Мы не узнаём из текста Д.Ап. обратился ли первосвященник к хилиарху с просьбой пятничного приведения Павла в синедрион, на что тысяченачальник мог не дать ответа или сказать (см. Д.Ап.23,30 и 24,7), как он это наверное в реальности сделал, что намеревается отправить узника для дальнейшего расследования его дела к прокуратору, к к-рому-де надо апеллировать и иудеям, в Кесарию. Причём сказать, разумеется, не озвучив своё решение об отконвоировании Павла спешно — ближайшей ночью (почему введённые в заблуждение иудеи нацелились на следующий день или на ближайшие дни?).

Зато Деесписатель подробно сообщает о принятых тысяченачальником повышенных мерах предосторожности с выделением сопроводительного воинского отряда в 200 лёгких и 200 тяжёлых когортных пехотинцев, плюс 70 всадников, — итого 470 воинов. Именно ими Павел, в узичестве верхом на осле, должен быть в целости и сохранности, ускоренным походным маршем, препровождён-доставлен через Антипатриду (находившуюся в пределах уже Самарии, на границе с собственно Иудеей), откуда (по достижении безопасного пункта) далее его будут сопровождать лишь конные, в резиденцию наместника Кесарию Приморскую.²⁵

Ниже приводится содержание короткого сопроводительного послания прокуратору от хилиарха, где впервые называется имя последнего — Клавдий Лисий, к-рое выдаёт в нём, военном службисте, грекоязычного неримлянина, обзаведшегося римским гражданством (за большие деньги), скорей всего, в 40-е гг. Ив. н.э., в кесарство Клавдия (41 — 54гг.). Единоревременно в послании-донесении тысяченачальник несколько в свою пользу лукавит, уверяя начальство, что отнял-отбил Павла у иудеев, узнав о его римском гражданстве, тогда как в реальности он узнал о нём, собравшись бичевать римского гражданина, к-рый через сотника напомнил ему о своих гражданских правах, что, как мы помним, тотчас изменило отношение римского офицера к узнику, предопределив обязательное уберезение этого гражданского узника от расправы.

Помимо того, наверняка плохо разбираясь в вопросах еврейского закона и не желая вникать в эти сложности, Клавдий Лисий действительно не находил в успешем стяжать его симпатии Павле — «никакой вины, достойной смерти или оков». Дескать, мне, дорогой прокуратор, не нужны ни кровопролитие, ни беспорядки, ни неприятности в Иерусалиме, почему я, отправляя этого, юридически, на мой взгляд, невиновного, виновника возмущения среди иудеев к тебе, передаю всё на твои мудрые — рассмотрение, суд и решение. (Баба с возу, кобыле легче.)

Хилиарх, конечно, пёкся прежде всего о себе и о наилучшем исполнении возложенных на него обязанностей, но объективно он весьма посодествовал спасению Павла, сделав от имени Рима то, чего не сделали, совершив прямо противоположное четверть века тому назад Понтий Пилат и подкомандный ему тогдашний, неиз-

²⁴ Бывало, что кинжальные ревнителы убивали и в храме (Флавий), но явно не в этом случае их предварительного сговора (по поводу Павлова убийства) с первосвященниками и старейшинами.

²⁵ В манускрипте «А» Д.Ап. несколько иначе: тысяченачальник велит двум сотникам приготовить 100 конных и 200 пеших воинов сопровождения узника для их выступления с третьего часа ночи, к чему присовокуплено, что, санкционируя ночной марш, хилиарх боялся нападения иудеев на Павла, в случае убийства к-рого, ему было бы инкриминировано получение взятки от иудеев (т.е сговор с ними). Логично: не убили ли сикарии в 55г. экс-первосвященника Елеазара, подстрекнутые Феликсом и войдя в небезвозмездный сговор с ним!

вестный по имени, римско-иерусалимский тысяченачальник с подчинёнными сотниками и солдатами. Следовательно, отлично от них, Клавдию Лисию повезло заслужить место со знаком плюс в истории — как *sacra*, так и *profana*.

* * *

Итак, «в третьем часу ночи» (точнее — «с третьего часа») воины, в количестве итого 470-и чел. (чем тысяченачальник, упасая жизнь Римского гражданина, перестраховался), посадив Павла на осла, повели его (удостоверьтесь, под весьма внушительной охраной, к-рая была бы сорока еврейским подхеремникам, во всех случаях, не по зубам) из Иерусалима на расположенную в ок. 60-и км северо-западнее Антипатриду.

В этом «третьем часу ночи» Цанн («АГ», S.768), «Т.Б.» («Д.Ап.», т.3, с.172) и др. уверенно видят третий час первой ночной стражи с 6-и до 9-и вечера, т.е. вечернее время с 8-и до 9-и. Но мы установили и подробно обосновали, беседуя о времени Христова Распятия, в «Т.Г.» (1627-32), что Мк. в Ев. от Мк., как и Лк. в Д.Ап., используют счёт по (дневным и ночным) тричасиям, соответственно к-рым: 1-й час — 6-9 утра (или вечера-ночи); 3-й час — 9 утра — полдень = 12 часов; 6-й час — от полудня до ок. 3-х часов дня; 9-й час — от 3-х часов пополудни до 6-и вечера (Т.Г. 1629). Параллельно — вечерне-ночные тричасия-эквиваленты. И заметим, что в Д.Ап.2,15 (Т.Г. 1631; см. выше), где в день Пятидесятницы 33г. говорится о «третьем часу дня», Дееписатель понимает тричасие с 9-и утра до полудня, когда к полудню, по слову Петра, ещё не время винопития, и Апостолы, на к-рых снизошёл Св. Дух, и к-рые кажутся недоумевающим окружающим пьяными, вовсе не пьяны (см. выше).

Отсюда, если под 3-м часом дня в Д.Ап. 2,15 тричасие 9 утра — полдень (ок. 12 часов по нашему времени), то сходно (по аналогичному времяисчислению Дееписателя) время «с третьего часа ночи» в Д.Ап.23,22 понимает тричасие с 9-и вечера до полуночи. Притом, в сём конкретном случае, разница во времени, согласно неверным экзегетическим и, наоборот, согласно нашим верным выкладкам, небольшая, ибо если, согласно вышеназванным экзегетам, римское воинство с Павлом двинулось в путь во время от 8-и до 9-и вечера, то мы отсчитываем начало этого пути со времени после 9-и вечера — «с третьего часа ночи» (в то время как время с 6-и до 9-и — ещё вечер!), когда, в начале или ок. половины 10-го, охраняющее необычного узника воинство и выступило ускоренным ходом в путь.

С одной стороны, в видах безопасности, требовалось выступить, по возможности, позднее, ближе к ночи (тем паче, что в те времена большинство людей рано, в основном, не позднее 8/9-и, ложились спать), с другой, — выступившим было приказано добраться уже на следующий день, сделав (не считая короткие передышки в пути) днём, после полудня, короткую остановку в Антипатриде, до расположенной в ок. 40-а км от неё Кесарии, вечером 26.05.

Таким образом, если до Антипатриды²⁶ (в Самарии) наши путешественники дошли 26.05. пополудни, за 14/15 часов, преодолевая (скажем) по 4 км в час, не

²⁶ Крепостная Антипатрида была щедро отстроена Иродом и названа в честь его отца Антипатра (И.д. 16,5,2; И.в. 1,21,9) на месте древнего Афека, в 150-и стадиях северо-восточнее Яффы (Иоппия), на дороге из Кесарии в Лиду, у истока р. Яркон в долине Сарон, переходящей там в западные склоны Иудейских гор.

В Библии Афек среди городов, покорённых Иисусом Навином. Через Афек лежал путь на Силом в Самарии, где в эпоху Судей располагалась Скиния Завета и справлялись общеизраильские праздники. В Афеке в эпоху Судей произошло сражение израильтян с филистимлянами (1Ц.4,1/2, 10/11). По преданию, в Афеке же имела место встреча Александра

позже 13/14.00., то дорога из Антипатриды, откуда Павла (верхом на осле) сопровождали лишь всадники (тогда как пехотинцы вернулись в Иерусалим), заняла у них никак не более 6/7-и часов. И значит, не позднее (если не раньше) 8/9-и вечера в пятницу 26.05. (между тем как для иудеев с 6-и вечера наступила покойная суббота) прокуратор Антоний Феликс прочёл в Кесарии донесение Клавдия Лисия. И прочитав, обратился к представленному ему узнику Павлу.

Впрочем, он пока лишь спросил у Павла — из какой тот области? и узнав, что из Киликии, сказал, что выслушает его, когда в Кесарию явятся его обвинители, т.е. когда в деле будут представлены и дело будут представлять на суде у наместника обе стороны. После этого прокуратор велел содержать узника в Иродовой претории, т.е. в месте заточения при бывшем кесарийском дворце Ирода I (и в 41 — 44гг. — Ирода Агриппы), где в 6 — 41 и в 44 — 66гг. резидировали римские наместники Иудеи. Причём Павел содержался там (как и перед тем в Антонии), благодаря своему римскому гражданству, в необременительном узничестве, без стеснения и на мягких условиях.

СУДЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ФЕЛИКСА (май/июнь 58г.) И КЕСАРИЙСКИЕ УЗЫ ПАВЛА (58 — 60гг.)

«Через пять дней пришёл первосвященник Анания со старейшинами и с некоторым ритором Тертуллом, к-рые жаловались правителю на Павла.

Когда же он был призван, то Тертулл начал обвинять его, говоря:

Всегда и везде со всякою благодарностью признаём мы, что тебе, достопочтенный Феликс, обязаны мы многим миром, и твоему попечению благоустройством сего народа;

Но, чтобы много не утруждать тебя, прошу тебя выслушать нас кратко, со свойственным тебе снисхождением:

Нашедши сего человека язвою общества, возбудителем мятежа между Иудеями, живущими по вселенной, и представителем Назорейской ереси,

Который отважился даже осквернить храм, мы взяли его и хотели судить его по нашему закону;

Но тысяченачальник Лисий, пришед, с великим насилием взял его из рук наших и послал к тебе,

Повелев и нам, обвинителям его, идти к тебе; ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всём том, в чём мы обвиняем его.

И Иудеи подтвердили, сказав, что это так.

Павел же, когда правитель дал ему знак говорить, отвечал: зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей, я тем свободнее буду защищать моё дело;

Ты можешь узнать, что не более двенадцати дней тому, как я пришёл в Иерусалим для поклонения;

И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу, они не находили меня с кем-либо спорящим или производящим возмущение,

И не могут доказать того, в чём теперь обвиняют меня;

Но в том признаю тебе, что по учению, к-рое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих, веруя всему написанному в законе и пророках,

Имея надежду на Бога, что будет воскресение мёртвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают;

Македонского с еврейским первосвященником (Симоном Праведным?), перед к-рым Муж великой души (предуготовитель в пору александринистского пика эпохи Михаила солярного Таинства Голгофы в сумеречную эпоху Сатурна), сойдя с коня, пал ниц, ответив на удивление окружающих, что — «не ему, но Богу его я поклонился».

*Посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми;
После многих лет я пришёл, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения;*

При сём нашли меня очистившимся в храме не с народом и не с шумом:

Это были некоторые Асийские Иудеи, к-рым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня;

Или пусть сии самые скажут, какую нашли они во мне неправду, когда я стоял пред синедрионом,

Разве только то одно слово, к-рое громко произнёс я, стоя между ними, что за учение о воскресении мёртвых я ныне судим вами.

Выслушав это, Феликс отсрочил дело их, сказав: рассмотрю ваше дело, когда придёт тысяченачальник Лисий, и я обстоятельно узнаю об этом учении.

А Павла приказал сотнику стеречь, но не стеснять его и не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему.

Через несколько дней Феликс, пришед с Друзиллою, женою своею, Иудеянкою, призвал Павла и слушал его о вере во Христа Иисуса.

И как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришёл в страх и отвечал: теперь пойдя, а когда найду время, позову тебя.

При том же надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его: посему часто призывал его и беседовал с ним.

Но по прошествии двух лет на место Феликса поступил Порций Фест; желая доставить удовольствие Иудеям, Феликс оставил Павла в узах.» (Д.Ап.24,1-27)

Теперь, прежде чем обратиться к разбору содержания собственно гл.24 Д.Ап., разберёмся и доразберёмся с вышеанонсированной нами хронологией от прибытия-прихода Павла в Иерусалим (на пятидесятиничное поклонение) до судебного разбирательства у Феликса, к к-рому приводит (хроно)информация Дееписателя в 1-м и 11-м стихах гл.24. Если в 1-м её стихе сказано, что через 5 дней из Иерусалима в Кесарию явился первосвященник Анания со свитой, то в стихе 11 уже Павел говорит Феликсу, что он пришёл в Иерусалим «не более 12-и дней тому», чем означенный отрезок времени от его иерусалимского прихода (21,17) своеобразно (хроно)замыкается.

Названные 5 дней 1-го стиха, вернее, 5-й день, поскольку при таком подсчёте речь может идти о днях как полных, так и неполных, отсчитаны с того дня, в к-рый римские воины привели Павла в Кесарию. Т.е., если последнее событие случилось (как мы приняли) 26.05. (по юлианскому календарю), притом день или вечер в данном случае неактуальны, соответственно, дата прихода в Кесарию Анании — 30.05. Стало быть, если принять (как было принято нами выше), что Павел вплотную успел на Пятидесятницу, проведя (предположим) ночь с 17-го на 18-е мая в пригородной Вифании и войдя ранним утром 18.05. (расчётно-календарный день Пятидесятницы 58г.) в Иерусалим, значит, 12 (полных) дней отсюда приведут нас именно в 30.05.58г. как в день разбирательства Павлова дела, по приходе в Кесарию Анании, у Феликса.²⁷

²⁷ Между прочим, не исключено, что этот короткий 7-дневный назиреат Павла как-то соотносится с субботне-седмичным годом. И хотя официально для иудеев Ів. н.э. с 41г. действовал восстановленный-нововведённый Иродом Агриппой ездраитско-неемитский = аронидский субботне-юбилейный календарь (профарисейски настроенный Агриппа и аронидский крен фарисеев), для иудеохристиан наверняка не утратил своего спиритуального значения царский субботне-юбилейный цикл Иисуса Навина, Давида, Соломона, к-рый действовал во время земной жизни Иисуса (1/1-14-30-33гг.) и свершения весной 33г. н.э. крестно-воскресенской-вознесенской-пятидесятичной Мистерии Голгофы (в 3-й год 1-й седмины

Отсюда коротко воспроизведём всю 12-дневную событийность от 18-го (четверг) до 30.05. (вторник), показав её безальтернативность, полностью. Засим 18.05.58г. – день иудейской Пятидесятницы и иудеохристианской Троицы (= 7 седмиц = 49 дней = 50-й день от 16-го нисана – дня возношения первого снопа у иудеев и дня воскресения Христова у христиан), к-рый, отлично от иудейской Пасхи 15-го нисана, совпал с иудейской Пятидесятницей 6 сивана.

Далее, 19.05. – «на другой день» (Д.Ап.21,18) – Павел предстал (утром) перед предстоятелем Иаковом и пресвитерами (с отчётом о проделанной миссионерской работе и доставленных им денежных средствах благотворительного приношения). После этого он принял на себя, по предложению Иакова (и пресвитеров), семи-дневный назирейский обет, на 5-й день к-рого – 23.05. (вторник), по прошествии 4-х дней, когда обетная седмица, пройдя-миновав середину, близилась к завершению (21,27)²⁸, его атаковали в храме Асийские иудеи, вслед за чем он, отбитый римскими солдатами у иудеев, держал речь к Иудеям перед цитаделью Антония (Д.Ап.22,1-21), быв уведён в крепость от не давшей ему договорить разъярённой толпы.

Затем проведшему свою первую ночь в Антонии узнику Павлу «на другой день» (22,30) выпало-пришлось 24.05. (среда) предстать перед синедрионом (в здании городского совета), откуда римляне вновь спасительно отконвоировали его в Антонию (23,1-10), где в (следующую) ночь (23,11) с 24-го на 25.05. ему явился Христос и велел дерзать (возвестив грядущую дорогу Апостола в Рим). Потом, «с наступлением дня» (23,12) = дня 25.05. (четверг), 40 иудейских фанатиков сделали умысел убить Павла и предложили одобренный синедриональными верховниками тайный план: выманить-заманить кощунника «завтра» (23,15), т.е. 26.05. (пятница), обманув римлян, под предлогом продолжения судебного рассмотрения его дела, снова в городскую резиденцию синедристов у Ксиста, чтобы по дороге туда совершить своё убийственное нападение.

И вот вечером 25.05. вовремя предупреждённый (днём) об опасности римский тысяченачальник Клавдий Лисий, не медля, отправил римского гражданина Павла, «с третьего часа ночи» (23,23) = после 9-и вечера, под надёжной охраной, ускоренным ночным маршем (23,31), через Антипатриду в Кесарию, куда Павел и был доставлен «на другой день» (23,32), а точнее – вечером 26.05. (когда для иудеев с 6-и вечера пятницы началась покойная суббота – 26/27.05.). На пятый же день от 26.05. = 30.05. (вторник) в Кесарию, повторим, пришли иудейские антагонисты Павла во главе с первосвященником Ананией, и в этот день (удостоверьтесь воочию) исполнилось 12 дней от прихода Павла (на Пятидесятницу-Троицу) 18.05. в Иерусалим.²⁹

30-го юбилейного периода), связанный с Иисусом Христом как с Первосвященником-теократом по особому (не-аронидскому) царскому чину Мелхиседека. И, – о чём читатель знает, – по этому циклу-календарю, 57/58гг. (осень-осень) был субботним.

²⁸ Напомним, еврейская Пятидесятница праздновалась (и празднуется) в Палестине один день – 6 сивана; в Diasпоре – два дня – 6/7 сивана. 6-е сивана – день получения Израилем в лице Моисея на Синае Откровения Торы; день праздника урожая пшеницы и новых хлебов приношения; согласно талмудическому преданию, – день кончины царя Давида. У христиан воскресная (через 49 дней = 7 недель = на 50-й день от воскресного праздника пасхального Воскресения Христова) Пятидесятница-Троица – праздник Сошествия на Апостолов Св. Духа (см. выше); Троица – праздник свободных индивидуальностей во Христе. Согласно антропософии, праздник будущего, к-рый в полной мере раскроется в заключительную VII-ю Американскую, под знаком Козерога, культуру Пятой Пассионарно-Ойкуменической (Пост-Атлантической) стадии эволюции. (Наша V-я Германо-Англосаксонская культура, под знаком Рыб, актуальна новопостижением праздника Рождества; VI-я Славянская культура, под знаком Водолея, новопостигнет-новопереживёт праздник Пасхи.)

²⁹ Предположим теоретически прибытие Павла в Иерусалим 19.05. (пятница), в каком случае, надо будет похерить сообщение Д.Ап. о его отчёте Иакову и пресвитерам «на другой

И, между прочим, если исходить из того, что Павел (таки) успел (как планировал) на Пятидесятницу–Троицу 18.05., то произведённый нами (хроно)расклад 12-и дней от 18-го до 30.05., с учётом наличия интервальных суббот Господних (20 и 27.05.), в к-рые не могли иметь место ни деловой (связанный, в т.ч., с денежной благотворительной суммой) отчёт Павла перед (придерживавшимися иудейских предписаний, в частности, о субботе, когда нельзя вести деловые разговоры или говорить о деньгах) Иаковом и пресвитерами, ни разбирательское заседание синедриона, ни задуманное покушение на Павла, то как наиболее оптимальным, так и единственно верным видится именно данный нами хроносрасклад.

Ибо иначе все наличествующие в тексте 21–24-й глав Д.Ап., от 18-го стиха 21-й главы до 11-го стиха 24-й главы, отрезки времени и суммы-сумманды дней, слишком сложно будет стройно-последовательно-естественно взаимосвязать-соотнести.³⁰

день», в субботу, и перенести этот отчёт, равно взятие Павлом на себя семидневного назиреата на первый день иудейской недели (воскресенье) – 21.05., или, при игнорансе субботних запретов-предписаний, всё-таки, оставить в силе субботу 20.05. Тогда получится, что Павлова речь к иудеям у Антонии, во время, когда его 7-дневный назиреат, по истечении не менее 4-х дней, близился к концу, попадёт на 24 (среда) или на 25 (четверг) мая. Сообразно сему, разбирательство дела Павла в синедрионе придёт на 25 (четверг) или на 26 (пятница) мая. Первый вариант сразу отпадает, поскольку при его акцептации, выйдет, что попытка выманить Апостола на второе разбирательство в синедрионе и убить его по дороге туда, выпадет на субботу, что невозможно. А при втором варианте получится, что 40 иудеев сделали в священную покойную субботу умысел не есть и не пить, доколе не убьют Павла, и договорились о приведении этого плана в исполнение с первосвященниками-старейшинами, к-рые, в свою очередь, обратились к римскому тысяченачальнику (с просьбой привести Павла «завтра», т.е. в первый день иудейской недели, в синедрион), что вкуче тоже (приложительно к субботе) непредставимо.

Если же «привести» Павла в Иерусалим (на день раньше) 17.05., то труднопредставим его отчёт перед Иаковом и пресвитерами, равно принятие им назирейского обета, «на другой день» (к-рый надо будет как якобы ошибку Лк. похерить) в праздник Пятидесятницы 18.05. И таким образом, чтобы свести-синхронизировать все имеющиеся сроки и сумманды дней с повествованием-благовествованием Деяписателя, без искусственного поиска у него ошибок или накладок (к-рых нет, так как Книги Нового Завета, выразимся современно, не гонят пургу и отвечают за сказанное), просто необходимо принять не натякающийся ни на какие противоречия и несостыковки вариант, предложенный нами.

³⁰ И здесь ещё нельзя не высказаться относительно приводимых «Еврейской энциклопедий» выкладок о том, что саддукеи (по профарисейской постверсии талмудических времён) праздновали Пятидесятницу в первый день после субботы, и что Пятидесятница, к-рая, мол, всегда приходилась у них на воскресенье, «никогда не может прийтись на вторник, четверг или субботу» (т.13, с.164–67). По поводу непразднования праздника Шавуот во вторник, четверг и субботу, речь, ни в коем разе, нельзя вести о времени существования храма и храмового культа, когда ни один праздник (как для саддукеев, так и для фарисеев) не был (не мог быть) связан с определённым днём недели (Ибн-Эзра), завися от еврейского календарного исчисления по лунно-солнечному календарю, к-рый, при фиксированных праздничных или, напротив, непраздничных днях недели, летит к чёрту (категорически перечёркивается-нарушается), что (категорически) невозможно и недопустимо. Т.е. празднование, в частности, Пятидесятницы происходило 6 сивана (по истечении 49-и = 7 x 7 дней от 16 нисана и 50-и дней от пасхального 15-го нисана), строго независимо от дня недели.

По поводу же «саддукейских» (от имени талмудическо-раввинстических продолжателей фарисеев как притязавших на иудаистическую монополию антагонистов саддукеев, миним-христиан, ессеев и т.д.) в «Энциклопедии» читаем: «Библия постановила праздновать Пятидесятницу на «следующий за субботой» день (Лев.23,11,16). Фарисеи, а за ними талмудисты, истолковали слово «суббота» в смысле дня отдыха, а в данном случае – Пасхи (что верно – К.3.). Саддукеи же понимали «субботу» буквально, почему и счёт семи недель вели, начиная с первой пасхальной субботы, и таким образом, Пасха всегда приходилась на воскресенье» (с. 165/66). Эта точка зрения была (клеветнически) приписана саддукеям задним числом, в

Посему альтернатива принятому нами хронораскладу, в случае принятия за дату Пятидесятницы-Троицы дня 18.05., к к-рому Павел в Иерусалим успел, отсутствует.

* * *

А теперь займёмся экзегезой 24-й главы Д.Ап. Таким образом, первосвященник Анания прибыл в Кесарию к Феликсу в сопровождении старейшин и некоего, видимо, владевшего не только греческим, но и не чуждого латыни ритора (юриста/адвоката/стряпчего) Тертулла, латинское именное прозвище (когномен) к-рого происходит от *tertius* – «третий»³¹ (как стоит в западных библейских «Лексиконах»), и одновременно расшифровывается как «лгун» (по сути его носителя) в восточно-христианских толковниках.

талмудическую эпоху после разрушения храма, конца храмового культа и храмового-праздничного календаря, когда сошедших с исторической арены саддукеев больше не было (ни в живых, ни в еврействе), мало того, когда фарисеи, вернее, вышедшие из фарисейства раввины и раввинистический иудаизм узурпировали-монополизировали, в т.ч., дохрамовую эпоху (по своему усмотрению), сделав, к примеру, видных учителей-равви времён храма штатными первосвященниками, к-рыми они в пору господства при храме саддукеев и саддукейского первосвященства, никогда не были.

Причём интересно, что это будто бы саддукейское празднование Пасхи и Пятидесятницы в будто бы фиксированные субботу и воскресенье удивительно соответствуют дням Пасхи и Пятидесятницы 33г. н.э. = года Мистерии Голгофы, в к-ром иудейская Пасха 15 нисана пришлась (именно) на субботу 4.04., а отсчитанная с 16-го нисана (5.04.) Пятидесятница (иудейская и христианская) – на первый день недели, или (именно) на (пролептическое воскресенье) 24.05. Однако, произошло это не потому, что так праздновали Пасху и Пятидесятницу саддукеи, но потому что на означенные дни недели Пасха и Пятидесятница попали в 33г. по иудейскому лунно-солнечному календарю, в храмово-богослужебный период сакрального действия и лунно-солнечного течения к-рого, акцентируем ещё раз, не может быть и речи о праздновании еврейских праздников в определённые дни недели, чего не могли делать ни саддукеи, ни фарисеи (в то время как, например, фиксированный экстремально-солнечный 364-дневный – ровно 52 семидневные недели – внехрамовый календарь сектантов-кумранитов, по к-рому праздники приходились на одни и те же дни недели, был, с позиции Храмовой горы, непозволительной сектантской профанацией). А первые палестинские иудео-христиане праздновали христианскую Пасху (не игнорируя и иудейскую) 16-го нисана, празднуя Пятидесятницу-Троицу – в один (отсчитанный с воскресенского дня 16-го нисана) день с иудеями – 6 сивана.

Так возникает вопрос: не сводит ли этот фарисейско-раввинистический пост-поклёп на первенствовавших при Храме и потому тем более не могущих быть заподозренными ни в чём подобном саддукеев с представителями христианско-назирейской ереси, не менее ненавистных талмудистам, чем саддукеи? И крайне неверно, равно безграмотно, полагать, что «взгляды саддукеев имели влияние (!!!) на установление христианской Пасхи в воскресенье» (в 325г.) («Евр. энц.», т.13, с.166»). Как раз наоборот: это христианская Пасха в воскресенье повлияла во II-IVвв. на мнение раввинов относительно когдатонших (еретических) взглядов саддукеев, мстительно сомкнутых-сведённых-породнённых идеологическими тоталитаристами талмудического еврейства и талмудического иудаизма раввинами с (одинаково) ненавистными им в настоящем, как саддукеи в прошлом и задним числом, (еретиками) миним-христианами.

(Да и представим только, что Пятидесятница 58г. праздновалась в мнимое саддукейское воскресенье = в первый послесубботный день иудейской недели. Значит, она попадёт вместо 18-го на 21.05., в связи с чем Павел, либо, приняв до того назирейский обет, останется в стороне от праздника, либо должен будет стать 7-дневным обетником 22.05., и, при уложении в данную схему всех последующих связанных с ним событий, он окажется в Кесарии у Феликса на порядок позже, нежели спустя 12 дней от своего прихода в Иерусалим на поклонение (или дату его прихода надо будет искусственно сдвинуть, принудив его, несмотря на спешку, задержаться где-нибудь в дороге и т.д.)

³¹ Тертулл – уменьшительное от *Tertius*; Тертуллиан – от Тертулл.

Т.е. у Анании и у первосвященства-старейшинства, сродственно современным заправским деловым людям (например, олигархам или мафиозным кланам), имелся собственный весьма подкованный юридический стряпчий на случаи возникновения всяких спорных вопросов. И именно этот Тертулл (италик или грек иудейского вероисповедания, т.е. прозелит, с латинским когноменом? так как язычник не мог быть юристом на службе у иудейского первосвященства) от лица первосвященника и старейшин взял слово, после того как Феликс уселся в судейское кресло и пред собранием предстал призванный-приведённый, по его распоряжению, (из Иродовой претории) Павел.

Обвинительная против Павла речь Тертулла, само собой, началась с льстивой хвалы-похвалы достопочтенному правителю, благодаря к-рому, мол, в благоустроенной провинции царит мир. Вспомним, что Феликс, не забывая мздоимствовать-лихоимствовать, действительно, брутально очищал (выбивая клин клином) страну от разбойников, пользуясь, впрочем, и их услугами, когда в том возникала для него нужда. И этим же, т.е. бандитскими услугами разбойников-сикариев (в сущности, революционеров-террористов), вместе с тем, не гнушались также первосвященники со старейшинами, в чём мы давеча имели возможность удостовериться.

Кроме того, в 58г., после инцидента 57г. с ушедшим от поимки и скрывшимся (возмутителем спокойствия) неким «Египтянином» (см. выше), за к-рого Клавдий Лисий принял было сначала Павла, ситуация в Иудее (ненадолго не столько умиротворённой, сколько усмирённой жёсткими репрессивными мерами Феликса), согласно Флавию, снова обострилась: «разбойники вновь стали побуждать народ к войне против римлян, говоря, что не следует повиноваться. При этом они разграбляли и сжигали деревни тех, кто не примыкал к ним» (И.д. 20,8,6; И.в. 2,13,6) (см. выше). Т.е. Тертуллова лезть была снабжена-приправлена уже изначально ещё и фактической ложью. И лживости в его речи не поубавилось, наоборот, прибавилось, когда он обвинительно (как спущенный синедристами с цепи юридический пёс) занялся Павлом.

Причём из речи, к-рая Тертуллом была заранее тщательно подготовлена, что говорит, соответственно, о неплохой подготовке первосвященника со свитой, пришедших в Кесарию лишь на 5-й день от дня приведения туда Павла (и больше всего досадовавших на его римское гражданство, к-рое крайне затрудняло их планы, и с к-рым они, скрежеща зубами, ничего не могли поделать), явствует следующее. Этот правоведчески подкованный ретор/ритор с римским именем, по всему, щедро оплачиваемый иерусалимской верхушкой, интересы к-рой он в различных делах представлял, без сомнения, успел съесть на них собаку, и, ясное дело, не в первый раз обращался от имени влиятельной иудейской иерократии к прокуратору.

Обращает на себя внимание нагромождение им обвинений, предъявленных Павлу с навешиванием на него ярлыков, в к-рых, как в обвинениях, так и в ярлыках, — ложь, но содержащая в себе доли искажённой и злоумышленно интерпретированной правды, к-рая необходима любой лжи для её убедительности в маскировке под правду. Павел обвиняется и в подстрекательстве к мятежу (нарушение римского закона), и в противном закону = в противозаконном сектанстве (нарушение иудейского закона), и в богохульстве (нарушение Божьего закона).

Конечно, «язву общества» (опять лексика Вышинского) к делу юридически не прищандоришь, но вот возбуждение Павлом «мятежа между Иудеями, живущими по вселенной» (= Палестина + греко-римская Ойкумена — в смысле еврейская Диаспора), в амплу «представителя Назорейской ереси», что-де грозит безопасности (и) Римской империи, будучи, мол, мятежом против неё, — обвинение уже сурьёзное. Сим Павлу инкриминируется, как и Иисусу, пусть не теми словами, пусть закадрово, его враждебность, в т.ч., Риму, римской державной власти (мимо

чего-де римскому прокуратору пройти нельзя), вослед чему следует обвинение в осквернении храма (мнимое введение в подзапретные язычникам притворы ефесянина Трофима), и осторожная жалоба на неоправданное вмешательство в Павлову пользу тысяченачальника Лисия.

Однако, Лисий аж дважды спас Павла своим не столько «великим насилием», сколько своевременным вмешательством, и спас вовсе не столько от суда, сколько от расправы, грозившей Павлу и 23-го, и 24.05.: и тогда, когда его схватили, по лживой наводке Асийских Иудеев в храме, намереваясь скорострельно-линчевательски убить за городом; и тогда, когда его судили в синедрионе, где возникла (чреватая для него растерзанием прямо в судилище) жаркая перепалка между саддукеями и фарисеями. Мятеж же между палестинскими в Палестине, или между палестинскими и диаспоральными, или между ойкуменическими иудеями он нигде не сеял. А то, что саддукеи называли «Назорейской ересью», было продолжением-преображением разрешённого римской властью иудаизма, без официального осуждения этой т.н. Назорейской ереси какими-либо постановлениями-законами, будь то иудейские или римские.

Синедриональные Иудеи осудили, передав затем на осуждение и распятие Риму/Римлянам Иисуса из Назарета, тогда как каких-либо постановлений, осуждающих «Назорейскую ересь» не принимали ни синедрион, ни Рим. Более того, отношение к иудеохристианам в иудейском обществе было неоднозначным. В них видели одну из ветвей иудаизма-еврейства, от к-рых их пока не отделял и Рим, в то время как обращение в христианство язычников с соблюдением или несоблюдением обрезания и т.д., религиозно-либеральных римлян вообще не касалось, не интересовало, не беспокоило.

Между тем, проводя ойкуменический курс на обращение язычников в христианство без обрезания и т.д., Павел действовал, согласно (иницированному им) постановлению Апостольского собора 51г., одновременно, нисколько не покушаясь на обрезание и соблюдение закона – ни, разумеется, иудеями-ветхозаветниками, ни иудеохристианами, ни теми язычниками, к-рые могли этого непременно пожелать, будь то в Палестине или в Диаспоре.

Иное дело, что согласно, скажем так, философии Павла, ветхим законом и Ветхим Заветом без Христа и Нового Завета (к-рые не отрицают, а преобразуют ветхий закон-завет), чему он учил христиан в проповедях и Посланиях, невозможно спастись и т.д. Но здесь нет юридического криминала, нет подсудности. Относительно же лояльности к государственной власти, читайте 13-ю главу датирующегося весной как раз 58г. н.э. Послания к Римлянам (1-8), к-рое даже побуждает ряд современных (мнящих себя интеллектуалами высокой рациональной пробы) недоумков углядеть в Павле агента римского империализма, дескать, коварно засланного римлянами в еврейство для разрушения, мол, еврейства-иудейства «Назорейской ересью» изнутри (!!!).

Итак, мятежа между иудеями где-либо во вселенной Павел из Тарса, Римский гражданин (с рождения), Еврей от Евреев (из колена Вениаминова), сын фарисея (происходившего из Гисхалы в Галилее), и сам в прошлом фарисей, никогда не возбуждал. Его принадлежность к (никем не дисквалифицированному и не объявленному вне закона) Назорейскому учению – не есть преступление. Обвинение в осквернении храма – явный поклёп: никто его с Трофимом Ефесянином в храме, увидя их вместе в городе, не видел.

И Павлу было предоставлено слово пред судом Феликса, и он тоже начал свою защитительную речь (к-рая, по разумению-расчёту Тертулла и синедристов, должна была подтвердить в глазах и ушах правителя выдвинутые ими против мятежника-сектанта-святотатца обвинения) с обращения к Феликсу.

Однако, внимание! В русском синодальном (со славянского) переводе этого обращения Павла к Феликсу неверно сказано: «зная, что ты многие годы *справедливо* судишь народ сей...». В большинстве греческих и латинских манускриптов Н.З., как и в западных Библиях, как и в сирийском, коптском, армянском и в др. текстах Св. Писания, слова «справедливо» нет, по поводу чего комментарий «Т.Б.» справедливо замечает: «Совершенно не к месту русский перевод (вслед за славянским) к слову *судишь* прибавляет *справедливо*, роняя этим столь беспристрастную, спокойную, сдержанную речь Апостола, к-рый не подражает льстивому Тертулле в расточении лицемерных похвал незаслуживающему их правителю» (т.3., Д.Ап., с.175).

В слове Апостола констатация факта — «многие годы», т.е. с 52г., когда (протееже Палланта и Агриппины) Феликс стал правителем всей Иудеи (до того, с 50г., подвизаясь в Галилее), что даёт на 58г. шесть губернаторских лет, касаемо чего, как мы помним, сроки более 3-х лет, в смысле сравнительной продолжительности времени, считались и у иудеев (Д.Ап.), и у римлян (см. выше — Тацит о правившем с 54г. Нероне приложительно к 58г.) долгими, квалифицируясь-называясь, или вполне могучи называться-квалифицироваться как *многие годы*, либо — *многие лета*. Если же Феликс многие годы судит народ сей, значит, он разбирается в еврейских делах, и потому Апостол «тем свободнее» будет защищаться перед ним.

И пусть в данном слове дипломатический реверанс присутствует, тем не менее, в отличие от вступления Тертулла, тут нет льстиво положительной оценки многих Феликсовых лет, ведь попечение коррупционера Феликса, первым из римских наместников вступившего в контакт с террористами, плюс временно, драконовскими мерами и массовыми зачистками (к-рые вскоре дадут обратный эффект), как бы умиротворившего страну, в итоге лишь проложило дорогу никак не «многому миру» и «благоустроению», о к-рых судачит, думая искусно перетянуть правителя на сторону Павловых противников, Тертулл, а катастрофе 66 — 70гг.!

Эта катастрофа, в любом случае, была неотвратима-неизбежна, но Феликс потрудился для и на неё больше, чем кто-либо из его наместнических предшественников (предварив двух своих, кроме неодиозного Феста, преемников в лице более нагло и бездарно пошедших по его, Феликсовым, стопам — недолгосрочных Альбина и Флора) (см. ниже). И всё-таки, надо признать, что в деле Павла прокуратор Антоний Феликс (римская власть) проявил себя отнюдь не с самой худшей стороны.

* * *

Указывая (30.05.) на то, что он всего 12 дней тому назад прибыл в Иерусалим, Павел имеет в виду абсурдность целого комплекса инкриминируемых ему «преступлений», на совершение к-рых за 12 дней, даже, если отставить всю прочую галиматью, у него попросту не было времени. Вдобавок к тому, с 23.05., т.е. по истечении пяти дней от прибытия, он (спасённый из рук иудеев) находился, приведённый 24.05. в синадрию, под надзором в Антонии; 25.05. покинул Иерусалим; и с вечера 26.05. обрелся в Кесарии.

И действительно, в ходе означенных 5-и, с 18-го по 23.05., дней на свободе в Иерусалиме, никто ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу не видел его ни с кем-либо спорящим, ни, наипаче, производящим народное возмущение (разве только попыткой спора и возмущения можно назвать его оправдательные речи к иудеям перед цитаделью Антония, или на следующий день в синадрии). Так, в чём же, спрашивается его обвиняют, и где пресловутые доказательства пресловутого обвинения?

Да, он приверженец учения, к-рое саддукеи (коими еврейство не исчерпывается) называют ересью, к-рое, наряду с тем, не противоречит Богу его пращуров-израэлитов. Далее, он верует в закон (к-рый не перечёркивается исполненным временем Новым Заветом), верит в слово пророков и верит в воскресение мёртвых, во что верят также в еврействе, помимо христиан-назореян, и фарисеи, и ессеи, к-рым это как преступление не вменяется. Посему его принадлежность к имеющему столь основательные общие стороны с иудаизмом, на к-рых он сделал упор, христианству, требующему непорочной совести пред Богом и людьми, никак не может быть поставлена ему в вину, и виной не является. Христианство есть не что иное как (новозаветное) исполнение Ветхого Завета и ветхозаветных пророчеств!

Он пришёл в Иерусалим, где в последний раз коротко побывал в 54г. (на Пасху), и до того в 51г. (Апостольский собор), «после многих лет», т.е. через 4 года, на 5-й год от посещения 54г., «для поклонения», а не для поругания, «доставив милостыню народу моему» (иудеохристианской общине), а не для возбуждения мятежа, нарушения закона и осквернения храма. Напротив, — приняв семдневный назирейский обет и подвергнувшись нападению, равно бездоказательным клеветническим обвинениям (со всем последующим), когда дни обета близились к завершению.

Его — «очистившегося» — увидели в храме — «не с народом и не с шумом» — Асийские Иудеи, к-рые и воззвали на него первую напраслину. И где, спрашивается, они, кому надобно бы предстать перед судом за лжесвидетельство, теперь? почему их (видимо, успевших отчалить в Эфес) и след простыл? Нынешним же его обвинителям нечего вменить ему, кроме учения о воскресении мёртвых, к-рое, скажем снова, разделяют и фарисеи, не согласившиеся с саддукеями на суде, и ессеи, к-рых за это не судят, но за к-рое, ибо всё остальное лажа, сейчас пробуют судить и осудить (при помощи римской власти в прокураторском лице) Павла.

Нет, на сей раз, уловка Каиафы с притянутым за уши к суду над Иисусом Римом не пройдёт, и никакая другая возможность устроить расправу над Павлом, с Римом или без Рима, иудеям не предоставится. Мученичество уготовано Апостолу язычников, миссия к-рого ещё далеко не выполнена полностью, повторим, только через 9 лет и только в самом центре языческого мира — в миродержавном Риме!

Впрочем, имея дело с римским гражданином и не сумев расправиться с ним тумултарно, под шумок, методом спонтанной-столпотворительной квази-юстиции, иудеи изначально имели слишком мало шансов на успех по суду с участием римской инстанции. У знавшего о римском гражданстве Павла Феликса, особенно после того как он выслушал обе стороны, не очень, правда, поняв, в чём глубинная суть этого дела «спорных мнений, касающихся закона их», но зато вполне согласившись с Лисием, что этот римский гражданин не сделал ничего достойного, с позиции римского закона, смерти, и в мыслях не было отдавать его на заведомо смертное судилище в Иерусалим. Плюс к тому, он узнал, что Павел доставил в Иудею какую-то значительную сумму денег, и, как истовый взяточник, понадеялся за Павлов или за счёт иудеохристианской общины, в обмен на Павлову свободу, в перспективе пожить.

Хотя Феликсу не хотелось обижать и иудейскую верхушку, от к-рой он, умея найти с ней общий язык, регулярно кормился, и к-рой не следовало давать слишком явный повод к возмущению, что, в свою очередь, могло обернуться нежелательными волнениями в народе. Поэтому прокуратор для начала просто отсрочил дело, сославшись на необходимость выслушать римского очевидца событий тысяченачальника Лисия, когда-де тот придёт в Кесарию. Придёт, чтобы, мол, обстоятельно доложить ему, Феликсу, об учении, в приверженности к-рому Павла обвиняют. Надуманная отговорка налицо, так как ничего по сути Назорейского учения

римский военный трибун = префект когорты = провинциальный армейский офицер Клавдий Лисий доложить прокуратору не мог.

И так Апостол, когда первосвященник со свитой, к-рых Феликс, не собираясь выполнять их основное требование, *накормил, оставив в реальности голодными, завтрашним завтраком*, возвратились с пустыми руками в Иерусалим, был снова отведён в место заточения при наместническом дворце (Иродова претория). Притом стража получила приказ не стеснять его и не препятствовать визитам к нему родных, близких, сообщинников. Т.е. его могли навещать, вести с ним беседы, прислуживать ему — и его племянник, и прибывшие с Апостолом в Иудею спутники (Лука, Трофим...), и члены христианской общины — как местной кесарийской, так и иерусалимской. Оно и к лучшему, поскольку *на 101-м километре* от Иерусалима, всякое возвращение куда грозило Павлу смертью, в преимущественно языческой Кесарии, где находится резиденция наместника и стационарованы 4 римские когорты, — много безопаснее.

Ниже, в стихе 24-м главы 24 Д.Ап. сказано, что «через несколько дней» Феликс пришёл с женою своею Иудеяною Друзиллою, «призвал Павла и слушал его о вере во Христа Иисуса». «Через несколько дней» от 30.05., стало быть, уже в июне 58г. Друзилла (род. в 39г.), о чём читатель знает, была самой младшей и самой красивой дочерью Агриппы I, к-рой очень досаждала за её красоту её старшая сестра Вереника, и к-рую любвеобильному «мужу трёх цариц» Феликсу удалось сделать своей третьей женой, отбив её (не без содействия одного кипрско-иудейского чародея) в 54г. у венценосного династа Азиза Эмесского (см. выше). Видимо, она (как Иудеянка, нарушившая еврейский закон выходом замуж за язычника) что-то знала-слышала о христианах, во всяком случае, знала больше супруга, чем и поделилась с ним, тоже, со своей стороны, наведшим до беседы с Павлом кое-какие справки.

Когдатощный вольноотпущенник, а значит, голодушник (к-рый всю жизнь аппетитно навёрстывает упущенное), Феликс был алчущей чувственной натурой, распущенным в чувствах человеком, жадным до денег и удовольствий, ярко выраженным декадентом и сыном своего времени, интересовавшимся, в т.ч., всякими магическими практиками, деградантными мистериями и прочей оккультяиной (что подтверждается его обращением в деле Друзиллы к чародею Симону, к-рого негоже путать с другим знакомым нам чародеем — Симоном волхвом). И понятно, что его, при его (прямо противоположном христианским идеалам) образе жизни, напугали слова одновременно сумевшего произвести на него впечатление Павла (к к-рому он проникся симпатией) — «о правде, о воздержании и о будущем суде».

Пришедший в мистический страх прокуратор, к-рый испытывал к приверженцу, в его глазах, какого-то спиритуального учения Павлу нездоровое любопытство, как Ирод Антипа к Иисусу, отослал от себя красноречивого грекоязычного узника, но при этом сказал: «когда найду время, позову тебя». И дальше Дееписатель присовокупляет надежду Феликса на получение от Павла (или его сообщинников) денег за свободу, к-рая, следовательно, могла (бы) быть ему не чужавшимся дальнейших интеллектуальных бесед с Павлом римским наместником небезвозмездно предоставлена.

Т.е. Феликс продолжал время от времени беседовать с интересным узником-собеседником (к-рого сделал своим почти персональным пленником) и одновременно полагал отпустить-освободить его с бакшишной выгодой для себя. Синедристы же в Иерусалиме, вероятно, посвящённые в суть дела, не рисковали соваться к наместнику снова, вынужденные (сквозь зубы) довольствоваться тем, что Павел продолжает оставаться в узах.

И так Павлу пришлось провести в нестрогом кесарийском заточении аж два, с мая/июня 58-го по лето 60г. н.э. при Феликсе, года, по истечении к-рых, именно

летом 60г. (см. выше и ниже), отозванного Нероном Феликса сменил в Иудее Порций Фест. Соответственно, Феликс не отправил Апостола на суд синедриона в Иерусалим, точнее, не выдал его на расправу, но и не освободил, более того, согласно уточнению Д.Ап., «желая доставить удовольствие Иудеям», он, и покидая провинцию, «оставил Павла в узах». Последнее объяснимо, так как, сообразно Флавию, иудеи отправились жаловаться на отозванного Феликса за его различные, в ходе 8-летнего правления злоупотребления, в Рим, что отставник, сдавая провинциальную вахту, наверняка предвидел.

Причём, как говорит Флавий, ему не удалось бы избежать наказания «за совершённые над иудеями притеснения» (И.д. 20,8,9), если бы за него не заступился его брат Паллант, кто не был в 60г. (с 55г.) ни во власти, ни уже у дел, однако продолжал пользоваться некоторым влиянием при дворе Нерона, принуждённый к самоубийству лишь в 62г., в связи с чем о Феликсе дополнительных сведений нет. Известно только, что его жена Друзилла и сын от неё погибли при (о чём мы уже не раз упоминали выше) уничтожившем Помпеи, Геркуланум, Стабии знаменитом своей разрушительной мощью извержении в августе 79г. вулкана Везувий.

* * *

Обратим внимание на то, что именно в событийно достопамятном 58г. н.э., когда 55-летний Павел впервые в жизни очутился в долгих (2-летних) узах, вероятно, до истечения осенью субботнего года (7-й год 4-й седмины 30-го Юбилея), Апостолу Павлу в кесарийском заточении довелось пережить восхищение до Седьмого Неба (приблизительно через 7 лет и ок. 6-и месяцев после пережитого им восхищения на Третье Небо перед Апостольским собором 51г.).

И именно в 58г., в первый раз после многих лет энергичной подвижнической, в основном публичной, деятельности он оказался в медитативном уединении. Павел удостоился уровня спиритуального Седьмого Неба (к-рого из постхрамовых раввинских авторитетов достигнет, и единственный из, в общей сложности, 4-х достигших оного сумеет совладать с ним, только р. Акиба – учитель, в частности, учредителя тайного знания-учения Каббалы р. Симона б. Иохай).

Притом об этом Небе, к-рое своеобразно предваряет в христианской апокалиптике (верховное) 12-е Небо Иоанна Богослова, в Посланиях Павла (в отличие от фигурирующего в 2Кор.12 Третьего Неба) не случайно нет ни слова. Оно остаётся-оставляется за кадром и в тайне, к-рую открытым текстом давать в то время не следовало, ибо всему своё время и своё место под солнцем, под к-рым нет ничего тайного, что рано или поздно не становится яным.³²

Вместе с тем, Павел в заточении, конечно, лишённый свободы и подневольный, тем не менее, как сказано, содержался под стражей в сравнительно сносных-комфортных условиях, имея возможность общаться с учениками, с представителями

³² См. ср. (заостряем читательское внимание снова) тайну Двух Машиахов, вынырнувшую в (детище положившего ей постхрамовое начало раввинистического иудаизма) Каббале во Пв. н.э. (Симон б. Иохай) из-под обломков храмовой эпохи обломками-осколками-фрагментами смутного эзотерического знания и (былого) таинства, к-рое в I/IIвв. уже свершилось, явившись с прицелом на messiанистическое грядущее во Пв. пост-фактум. И эта (не ведомая христианским конфессиям на протяжении столетий и не признаваемая ими) тайна Двух (бен Иосиф и бен Давид) Машиахов (до сих пор пестуемая в иудаизме с прицелом на будущее), была раскрыта как тайна Двух Иисусов, Соломонида и Нафанида (Оба – Сыновья Иосифовы и Сыновья Давидовы), в её истинном свете, в составе комплексного Таинства Голгофы, лишь в XXв. антропософией Р.Штайнера. Правда, была раскрыта без информации о том, как она взаимосвязана с пост-храмовым иудаизмом и каббалистикой.

христианской общины, вернее, общин — Кесарии, Иерусалима, Самарии, Галилеи, Диаспоры. Имея возможность отдавать нужные распоряжения, по возможности, учить, разрешать спорные вопросы, короче, соучаствовать в дальнейшем становлении христианской Церкви.

И тут надо сказать, что церковная традиция, как известно, понятным макаром, издревле сосредоточена-заклещена на Петре, к-рому сам Иисус трижды повелительно сказал: «паси овец Моих». И то, что именно Пётр (*Великий*) — князь Апостолов — бесспорно. Но вспомним следующее: в Д.Ап. мы в последний раз встречаемся с Петром на Апостольском соборе 51г., после чего павлианское Посл. к Галатам (55г.) упоминает его скорый приход в Антиохию Сирийскую (51г.), и затем в Книге Нового Завета есть ещё два Петровых Послания, составленных, Первое (из Вавилона) и Второе (из Рима), одно — в 61, другое — в 67гг. (см. ниже).

В остальном конкретная деятельность Петра в период 51 — 67гг. (до его мученичества), и даже, строго говоря, по обращении им в 40г. в Кесарии сотника Корнилия (чем предтечно были отворены врата в Христову церковь язычникам), — за завесой Книг Нового Завета. А вот кипучая деятельность Павла, к-рый выходит на передний план в 40/41гг., с 45г. (Три миссионерских путешествия 45 — 48, 51 — 54, 54 — 58гг., Апостольский собор 51г., Послания) известна довольно подробно и по нарастающей.

При всём том, и дальше мы можем точно идентифицировать-хронологизировать два названных года Павлова узничества в Кесарии — 58 — 60гг., потом — ещё два года в Риме — 61 — 63гг., и наконец, поддаётся также, пусть менее доказательной и детальной реконструкции, последний (окутанный большей, в т.ч., спиритуальной тайной) период Павловых странствий и жизнедеятельности — 63 — 66гг., до вторых римских уз 66/67 и мученичества (одновременно с Петром) в Риме в 67гг. (см. ниже).³³

И большая часть (львиная доля) сведений, связанных с распространением первохристианства и со становлением вышедшей из еврейства (как сам Апостол Павел, к-рый, став из Савла Павлом, перерос народ, в к-ром родился, и вышел из Обетованной Земли в Обетованную Ойкумену) ойкуменической христианской Церкви, черпается из составленных в 53 — 66гг. (14/15-и) Посланий Павла (плюс — Послания Иакова и Иуды от 51 и 54гг.; плюс — 2 Послания преемствующего Павлу Петра от 61 и 67гг.; плюс — относящиеся к заключительному десятилетию Апостольского Столетия 3 Послания преемствующего Павлу с Петром Иоанна в 90-е гг. Ив.; плюс — Иоанново Откровение 96г.).

Засим Павел — основатель-инаугуратор христианской Церкви в паре с князем Апостолов Петром, и — приложительно к Церкви мировой-вселенской — он, уполномоченный Христом Апостол язычников, её основатель в большей мере, чем Пётр. И неспроста, к примеру, Армянская церковная традиция чтит Павла (можно сказать так) на равных и наравне с Петром (чего, согласно удивляющимся западным экзегетам, нет в традициях других Церквей), более того, в устойчивом дуалистическом сочетании двух первоверховных Апостолов армяне называют Павла прежде Петра: не Пётр и Павел, как во всех прочих традициях, но именно — Павел и Пётр!

И действительно, как Деяния Апостольские, так и, главное, Послания Павла красноречиво свидетельствуют, повторяем, о нём — как об основателе или назидателе в середине Ив. н.э. многих ойкуменических общин-церквей в составе Церкви Вселенской, к-рая никогда не поднялась бы именно без его (бывшего, помимо прочего, первым христианским европейцем, всю подвижническую жизнь *шедшим* и несшим христианство с Востока на Запад) вселенского деяния!

³³ С Петром сложнее, хотя дальше нами будет предпринята попытка проследить и его, не столь явственные как у Павла, миссионерские пути-дороги.

При этом крайне неверно, примитивно, невежественно, как повелось в новейшее время, с либерализацией, дескать вызволяемого из-под давешнего церковного гнёта человека и его мысли-мышления, называть-считать Петра основателем экзотерической церкви и махровым экзотериком-первоцерковником, а модно (и глупо, и безграмотно, и поверхностно) противопоставляемого Петру Павла – сугубо эзотериком, оккультистом, тонким гностиком и вдохновителем таких-де эзотерических направлений-течений – как маркионитство во II-м, или знаменитое павликианство (к к-рому восходят вызывающие большой зуд у современных псевдоэзотериков позднейшие богомилы, патарены, катары, альбигойцы и т.д.) в VIIв.

Повод же к сему подали сами не свободные, при всех их достоинствах, от люциферического крена павликиане, к-рые принимали Книги Нового Завета демонстративно без Посланий Петра, мол, в отличие от их духовного отца Павла, погубителя спиритуальной Церкви, что совсем не соответствует глубинной реальности в её подлинности. И Пётр, и Павел в том, что они олицетворяют, были и являются этапами-ступенями на пути к вышнему Иоаннитскому христианству, без к-рых, т.е. без христианства петрианского, павлианского, иоаннитского (и манихейского, и розенкрейцера), нельзя обойтись, как нельзя перепрыгнуть из понедельника в четверг, или из четверга в воскресенье!

Одновременно, не кто иной как именно Павел (сколь ни дико звучит для т.н. эзотериков-павликианцев) сделал для основания института вселенско-христианской Церкви и для основания её институтов на местах, во многих пунктах-местах Греко-Римской Ойкумены, на порядок, скажем ещё раз, больше, чем Пётр, дело к-рого (обратителя-крестителя Корнилия) он энергичнейшим образом продолжил. И действуя в дальнейшем параллельно с Петром, вывел (в большей мере, чем кто бы то ни было) христианство на иной уровень и на мировые – как экзотерические (общинно-церковные – на просторах от М.Азии до Испании), так и эзотерические (школа Дионисия Ареопагита) горизонты.

И всё это, если зорче вдуматься-всмотреться, закономерно. Павел – единственный из Больших Апостолов (будь их 12, или 14, включая его, 13-го, и Лазаря-Иоанна) не знал Иисуса в земной жизни, родился в римском гражданстве не в Палестине, а в (диаспоральной) Ойкумене, был эллинистически образован, орденско-фарисейски посвящён (плюс – Мистерии Феникса в Аравии). И, соответственно, – имел выход в мир в пределах всего греко-римского пространства Imperium Romanum, к-рое он, акцентируем вновь, миссионерски прошёл-пропахал не столько с Юга на Север, сколько с ветхого Востока на грядущий Запад – до *последнего моря* = до берегов Атлантики. Вот вам необходимые исходные-составляющие, обусловившие, разумеется, при первенстве индивидуального гения и масштабов личности Апостола язычников, успех его, великого ойкумениста, планетарной миссии, без к-рой не было бы ни вселенского христианства, ни возглавившей последующее человечество европейско-христианской цивилизации и культуры.

В то же время остальные Апостолы из круга 12-и, о к-рых, за исключением оснащённого Христом пастырской миссией Петра, мы слишком мало знаем, потому что о них почти нет исторических-нелегандарных, не замифологизированных сведений-свидетельств, ушли, тоже миссионируя, в истинный глубокий гнозис, в христианство оккультное, что и не могло быть иначе, вследствие их трёхлетнего непосредственного ученического общения с единственным раз в истории-места-истории человечества воплотившимся на Земле Богом Живым. Т.е. с Иисусом Христом, Сыном Божиим, (алхимически) носившим в Себе, в земном теле Иисуса из Назарета (Сына Иосифа из дома Давидова), на протяжении 3-х лет и 3-х месяцев,

от Крещения в Иордане до Голгофы, Божественный Дух Солнечной системы, солярную квинтэссенцию Духа Солнца!

И не будь у воцерковленного именно Павлом и Петром христианства Павла, как и Петра, оно не избежало бы (представленное без них прочими Большими Апостолами из круга 12-и) люциферического отпадения в гнозис, в каком-то случае, иудейская будущность перед христианством, так или иначе, закрылась бы, в то время как горизонты мировые-вселенские просто не отворились бы. Иначе говоря, с одной стороны, христианство без Павла осталось бы иудехристианской сектой и утонуло бы, не сумев увлечь за собой язычников = Ойкумену, в ветхозаветном иудаизме, тогда как, со стороны другой, при первенстве других Апостолов, без Апостола язычников Павла и князя Апостолов Петра, оно бы сделалось элитной мистической сектой, и, опять-таки, не сумев вовлечь в себя, не сумев привлечь к себе множество простонародных, просто- и чистосердечных приверженцев, растворилось бы в тончайшей гностической мистике.

Посему, в первую очередь, именно Павел, напару с Петром, стал основателем вселенской христианской цивилизации, к-рая сделалась впоследствии ведущей мировой силой, и несмотря на все её откаты, отступления, перерождения, преобразования, несмотря на секуляризацию и весь закат в ново-новейшее время традиционалистских церквей, остаётся ею до сих пор, и – не сомневаться! – останется, переживая различные метаморфозы и переживая-преодолевая все трудности, впредь!

Засим, не правильно ли, вникнув, твёрдо (не твердолобо) усвоить, что Пётр – Апостол Отца, Павел – Сына, Иоанн Богослов – Святого Духа. Третье Небо Петра: Седьмое Небо Павла; Двенадцатое (и Тринадцатое) Небо Иоанна. *Папизм* Петра; *Ойкуменизм* Павла; *Космизм* Иоанна.

И, если, по меткому выражению Августина, без мученической жертвы Первомученика Стефана у христианства не было бы Павла (феномена к-рого, в свою очередь, не было бы и без первопрородческого обращения-крещения именно Петром язычника Корнилия), то без Павла, без его беспрецедентной миссионерской и эзотерической деятельности, не восстал бы в Эфесе Апостол Апостолов Иоанн Богослов (брат-близнец олицетворяющей вместе с Девой Марией Вечную Женственность Апостолицы Апостолов Марии Магдалины), к-рого и великодеяние к-рого, и лазарианско-иоаннитское христианство от к-рого Павел (в определённом таинственном смысле-ракурсе) предтечно предваряет, как Иоанн Предтеча-Креститель предваряет Иисуса Христа!

Так, не есть ли Апостол Павел своего рода непреложное соединительное звено между разноуровневыми, но отнюдь не взаимосключающимися, но продолжающимися друг друга, но растущими, в составе единого целого, одно из другого христианством Петра и христианством Иоанна!

И в кесарийских узах 58 – 60гг. судьба предоставила Павлу достаточно времени на то, чтобы перевести дух, на то, чтобы многое омыслить, многое постичь и выйти в 60г., одновременно, с подконвойной дорогой в Рим, на заключительную семилетку своего жизненного пути. И ни он сам, ни представитель Иерусалимской общины не предлагали Феликсу взятку за его освобождение. И если Феликс продолжал держать его в заточении в Кесарии, не освобождая и не отдавая Иудеям, т.е. не меняя и не желая менять принятый-установленный им в июне 58г. статус-кво, то Павел, надо полагать, уже тогда решил дожидаться отставки Феликса, к-рую можно было предвидеть, чтобы поставить перед его преемником вопрос-требование о суде кесаревом, на к-рый он, как римский гражданин, имел полное право, и таким образом, в конце концов, попасть в многожеланный-многожданный Рим.

Причём, по всей вероятности, при Павле, близ него в Кесарии Приморской, все эти два года обретались, регулярно, общаясь с ним, получая указания от него, и

Лука, и Трофим, и др. ученики-последователи. И не тогда ли, не в ту ли двухлетку Лука, беседуя с Павлом, посещая Галилею, Иерусалим, Самарию, встречаясь с очевидцами земной жизни Христа и знаменательных палестинских событий Ив., собирал материалы-сведения для составления-написания в дальнейшем в Риме как Евангелия от Луки, так и Книги Деяний Апостольских.

Столько, читатель, о Павле в пору его кесарийских уз, равно о его, одного из немногих творящих-двигающих-меняющих историю и метаисторию гениев человечества всех времён и народов, как нетаинственным, так и таинственным феномене. А мы теперь обратимся к заключительным годам Феликса правления в Иудее и, в частности, к тому, что происходило в Кесарии Палестинской, где местные иудеи жестоко схлестнулись с местными язычниками именно в 58 – 60гг. н.э.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ФЕЛИКСА В ИУДЕЕ (58 – 60гг.)

Итак, в 57/58гг. обстановка в Иудее, как мы узнали выше из Флавия (И.д. 20,8,6; И.в. 2,13,6), снова ухудшилась. После разгрома в 57г. приверженцев некоего безымянного Египтянина и бесследного исчезновения его самого, «обманщики и разбойники», как выражается Флавий (2,13,6), т.е. всякого рода шародеи, авантюристы и кинжальные революционеры, «соединились на общее дело», т.е. всё чаще выступали совместно. Они рассеялись по стране, грабили и убивали.

Притом их жертвами становились как рядовые законопослушные граждане, так и часто облечённые властью лица из местных, трактуемые ими, как коллаборационисты, сотрудничающие с безбожным римским империализмом и подлежащие в преддверии «исполнения времён», к-рое-де требует достижения национально-религиозной независимости (по образцу войн и побед Маккавеев), беспощадному устранению. При этом радикалы заявляли, – «что те, к-рые добровольно признают рабство, должны быть принуждены к свободе силой» (2,13,6).³⁴

³⁴ Вспомним о Савинкове, об этом своего рода новом Достоевском Раскольникове – только уже не с топором (символ русского бунта, посредством к-рого Достоевский горячо возражал топорно призывавшим Русь к топору из Лондона Гершену и Огарёву), а с бомбой (под пасхальный кулич) за пазухой. И в отличие от покаявшегося-раскаявшегося перед Богом Раскольникова, к-рый убил (всего) одну старуху-проценщицу, террорист-душегуб Савинков, убийца и вдохновитель-организатор убийства многих, покался-раскаялся в итоге перед советской властью, перед много-много превзошедшими его душегубством-терроризмом (в ранге гос. политики) большевиками. Не с ними ли, захватившими власть, он поначалу неистово боролся, потом же, умело обезвреженный ими, решил повиниться и готов был им служить, но те не нуждались в подобного рода отработанном материале, и тогда он, оказавшись не у дел, без шансов выйти на свободу, просто выбросился (вряд ли выброшенный) из окна.

Однако, не им ли, Савинковым, восхищались, к примеру, увидевшая в нём «всадника Апокалипсиса» и давшая ему (мол, борцу против тирании) говорящий псевдоним Ропшин (Ропша – место убийства в 1762г. свергнутого с престола Петра III) эксцентричная-эпатажная З.Гиппиус и её супруг Д.Мережковский, панически бежавшие затем от большевиков и революции. Причём в 1941г. Мережковский даже назвал Гитлера, приход к власти к-рого приветствовали в 1933г. П.Струве и И.Ильин, «новой Жанной д'Арк в его священной борьбе против коммунизма» (к-рую, к слову, как антибольшевистский крестовый поход, приветствовали и самый русский писатель России И.Бунин, и глава дома Романовых великий князь Владимир Кириллович). Или не кто иной как М.Волошин восторженно говорил-писал-стихотворчествовал о близком дружном ему Савинкове (кто бывал у него в Коктебеле): «Этот человек – олицетворение всяческой красоты»; «В глазах кинжал, а в сердце крест»; «Унылый лось с крестом между рогов». И это именно (слепцу) Волошину, пытавшемуся разглядеть в убийце-террористе Савинкове ещё и искреннего-набожного богоискателя, последний (полное политическое ничтожество) виделся диктатором и спасителем России! Скажите, можно ли было

Все кровопролитные революции и все душегубы-революционеры, независимо от революций, социальных или национальных, всегда чем-то похожи. Трудно придумать, по свершении открывшего человеку и человечеству путь к истинной свободе Таинства Голгофы, что-нибудь более абсурдное, чем принуждение отдельного человека или групп людей к свободе (во имя людей – против людей; во имя народа – против народа; а если понадобится, то и во имя Бога – против Бога!). Оправданно принуждать Израиль к свободе мог, ведя богоизбранный народ из Египта и утверждая закон *народа в законе* («кротчайший», как сказано в Библии, из людей) Моисей. Могли прочие предводители богоизбранного народа до Маккавеев включительно.

Но после Жертвы Христа – Совести человечества, человек не может принуждаться к свободе, понимаемой Новым Заветом иначе, чем Ветхим. Христос принёс вместо ветхозаветного мы-сознания новозаветное Я-сознание! Истинно свободолюбивые люди свободу обретают или свободы достигают. Ев. Иоанн говорит: «Познайте истину и она сделает вас свободными».

Революционеры же, борясь вроде бы против тиранов и тирании, однако, сами делаясь куда более страшными тиранами, чем те, против кого они борются, к якобы свободе, видите ли, не понимающих её необходимости и собственного счастья людей принуждают (железной рукой загоняя человека, народы, страны, человечество в т.н. счастье за колючей проволокой). Отсюда и вырастают массовые революционные и постреволюционные, по сути, человеческие жертвоприношения (во имя, так сказать, свободы) и строящие «светлое-свободное-счастливое» будущее Соловки и Гулаги.

Впрочем, сейчас не об этом. Язва межнациональных-межрелигиозных столкновений ничем не лучше революций, часто она кооперирует с ними, используется бандюганами-революционерами или недобросовестной властью (государственной сволочью) в их (прикрытых *благими намерениями*) неблагих умыслах-деяниях, и нередко приводит к революциям. Судя по последовательности рассказа Флавия в «Войне» и «Древностях», вслед за сообщением о буче египетского авантюриста, к-рую мы датировали 57-м г., о новой (после пленения Феликсом атамана Елезара в 55г. и ликвидации различных банд) вспышке разбоев и насилия в Иудее, этот беспредел грянул в 57/58гг.

И, следуя далее за флавиевским повествованием, по всему, именно с 58г. (год майского прибытия Павла через Кесарию в Иерусалим, и его, с мая/июня, долгого узничества в Кесарии) резко обострились и переросли в свирепую распрю давнишние разногласия между иудейским (меньшинство) и языческим греко-сирийским (большинство) населением этой пышно отгроханной в 22/20 – 10гг. до н.э. царём Иродом Цезареи *Maritima* (бывшая Стратонова башня, присоединённая к иудейским владениям в правление Александра Янная).

Флавий: «Около того же времени возникли разногласия и между иудейским населением Цезареи и её сирийскими жителями из-за вопроса о политической равноправности. Дело в том, что иудеи требовали себе первенства вследствие того, что основатель Цезареи, царь Ирод, был иудейского происхождения. Сирийцы с этим хотя и соглашались, но вместе с тем указывали на то, что Цезарея первоначально называлась Стратоновой башней и тогда в городе не было ни одного жителя из иудеев. Когда римские чиновники узнали о распре, они распорядились арестовать зачинщиков всей смуты как с той, так и с другой стороны, велели наказывать их палочными ударами и таким образом ненадолго подавили волнение. Однако, вскоре иудейские жители города, кичась своим богатством и потому

при таком настрое и с такими духовными ёмкостями не подпасть безбожному большевизму-коммунизму сроком аж на 70 (*новоавилонских*) лет?!

презрительно относясь к сирийцам, вновь стали глумиться над последними, имея в виду вызвать их неудовольствие. Сирийцы, правда, уступали иудеям в зажиточности, но зато полагались на то обстоятельство, что большинство римских воинов, там квартировавших, составляли цезарейцы и себастиейцы. Поэтому и они, в свою очередь, некоторое время глумились над иудеями. Впоследствии, однако, дело дошло до того, что они стали кидать друг в друга камнями, пока много человек с обеих сторон не было ранено и пало. В конце концов, впрочем победителями остались иудеи.

Когда Феликс заметил, что эта распря переходит в открытую войну, он поспешил уговорить иудеев прекратить её. Но так как те не повиновались ему, он выпустил против них вооружённых солдат, многих иудеев перебил, а ещё большее количество их захватил живьём, причём разрешил солдатам разграбить несколько особенно богатых домов. Более сдержанные и влиятельные иудеи между тем испугались за свою личную безопасность и просили Феликса велеть трубить отбой, вообще пощадить их сограждан и дать им возможность загладить проступок. Феликс внял их просьбам» (И.д. 20,8,7; ср. И.в. 2,13,7).

Иудеи, конечно, лукавили, когда, требуя для себя первенствующего положения в Цезарее, зывали к иудейскому происхождению основателя-соорудителя этого города – царя Ирода, к-рого множество изоляционистов-евреев, при его жизни, дразнили, разумеется, за глаза, идумейским обрезанцем (всего) в третьем колене, рабом дома Хасмонеев и шестёркой языческого Рима. И к-рый сам куда больше тяготел к греко-римской эллинистической Ойкумене, к державным греко-римским космополитам и к римлянам, нежели был (в душе и по духу) евреем. И никакие его благодеяния по адресу иудеев (наряду с террором и тиранией) не стяжали, как выяснилось особенно к концу и в конце его правления (уж не говоря о посмертной репутации), ему в еврействе (для к-рого он хотел быть царём-батюшкой) ни любви, ни популярности.

Да и Цезарю Приморскую Ирод строил, населив её преимущественно сирийцами, греками, различными остаточными потомками палестинских хананеян (равно отстраивал самарянскую Себасту, или эллинизировал др. города Палестины за пределами геттоизированных Иерусалима и Иудеи), во многом, державно-ойкуменически противопоставляя их Иерусалиму и Иудее, окружая ими последние, к-рых он всю тронную жизнь, в той или иной мере, опасался, и к-рым не доверял, или, при всех случаях, доверял им гораздо меньше, нежели интернациональной Цезарее или самарянской Себасте...

И не случайно именно обострившийся, вероятно, во второй половине 58г., конфликт между иудеями и язычниками в Цезарее, к-рый в 60г. решился в Риме в пользу язычников, послужил прологом к скорой Иудейской войне 66 – 70 – 73гг., при начале к-рой кесарийские язычники, накинувшись на местных иудеев, в одночасье вырежут их в количестве не то 12-и, не то 20-и тысяч человек (как иудеи в ряде др. пунктов, где они были в большинстве, вырежут язычников) (см. ниже).

И именно Цезарю, главный палестинский оплот Рима, в к-рой мученический кончил ок. 135г. н.э. авторитетнейший р. Акиба, и близ к-рой его, отъятые у врага останки, были тайно погребены в гроте с неугасимой лампадой, сделалась в восприятии иудеев «крепостью дьявола» и олицетворением нечестивой власти над еврейством Рима-Эдома (к-рому погребение именно здесь Акибы символически провозвестило неминуемый конец).

Понятно, что в этой Кесарии, с её импозантным античным храмом и статуями Цезарю Августу, не могло не быть со времени её торжественного освящения Иродом (после 10/12-летнего строительства) в 10г. до н.э. еврейского населения, к-рое изначально было в меньшинстве, пользуясь, вместе с тем, согласно Иродову реше-

нию, равными общинными правами с населением языческим, в большинстве своём — набранные-привлечённые из разных мест эллинисты-интернационалисты. И дальше, с бг. н.э., после отставки и ссылки Иродова сына этнарха Архелая, в Цезарее, как мы знаем, по ббг. резидировали (наезжавшие отсюда в Иерусалим) римские прокураторы, за исключением короткого периода 41 — 44гг., когда Ирод Агриппа, властвуя над Палестиной в границах царства Ирода I, владел также Цезареей (где он в 44г. и умер) (см. выше).

Местные же иудеи, невзирая на то, что они были тут в меньшинстве (кстати, явно поощрявшемся подчёркнуто иудолобивым Агриппой I, что отличало его среди всех иродианских династов), составили в городе богатую прослойку, чем наверняка вызывали двойное — и этно-религиозное, и социальное — отторжение у остального пёстрого эллинистического населения, к-рое в особенности возмущалось притязанием евреев на первенство. Причём надо учесть, что все эти эллины-космополиты, при доминанте, как сказано, грекоязычных сирийцев, к-рые никогда не жаловали иудеев, относились к ним на порядок хуже, чем римляне, мало того, были в выигрыше, так как личный состав постоянно стационарированных в Цезарее 4-х римских когорт (5-я несла служба в Иерусалиме) состоял в большинстве из язычников — сирийско-цезарейских, сирийских из Сирии, себастийцев и др.

А о том, что конфликт 58 — 60гг. возник не из ниоткуда, перейдя в 58/59гг. в горячую фазу, ярко свидетельствует, к примеру, реакция цезарейцев на смерть в местном дворце в 44г. откровенно проеврейского царя Агриппы I-го, изображения и статуи дочерей к-рого обрадованные его кончиной кесарийские язычники сволокли в публичные дома и вдосталь поглумились над ними (см. выше).

И вот, повторим, во второй половине 58г. (когда Ап. Павел томился в кесарийском застенке при дворце прокуратора, где некогда резидировал Ирод I, потом — Понтий Пилат, и где умер Агриппа I) положение серьёзно обострилось. Поначалу римские власти арестовали коноводов с обеих сторон, что ненадолго успокоило страсти. Но вскоре иудеи, наверное уже в 59г., по Флавию, кичась своим богатством, первыми возобновили конфликт, задирая язычников. На сей раз дело дошло до кровавых столкновений с киданием камней, следствием чего были убитые и раненые с той и другой стороны.

Так распря перешла почти в войну, когда Феликс, кто, как мы успели удостоверить, любил ловить рыбу в мутной воде и не упускал случая поживиться, наконец, с опозданием, задействовал против оказавшихся победителями в стычке иудеев воинскую силу, спустив на них антииудейски настроенных солдат кесарийских когорт. Число жертв возросло и сим, после гибели многих иудеев и разграбления солдатами нескольких богатых иудейских домов, волнения в 59г. были подавлены. Более миролюбивая часть иудейской верхушки попросила Феликса, как выражается Флавий, трубить отбой, «пощадить их сограждан и дать им возможность загладить проступок», на что Феликс, вняв их просьбам, (предположительно, — небескорыстно?) согласился (не получив ли бакшишный стимул и от язычников?).

* * *

Но язва, само собой, не была устранена, будучи лишь на некоторое время нейтрализована и загнана в подпол. И поскольку всё это происходило в Кесарии в пору узничества там Павла, несомненно, он внимательно наблюдал (узничествуя в не слишком строгих условиях) за происходящим, о к-ром, в свою очередь, его информировали имевшие свободный доступ к нему ученики и единоверцы. И происхо-

дившие события явно не были для него, понимавшего, куда и к чему приближается-скатывается ветхозаветное еврейство Палестины, неожиданностью, лишней раз подтверждая как правоту уверования иудеев и язычников во Христа, так и правоту его павлианской (Еврея от Евреев, к-рый стал Апостолом язычников) мировоззренческой христологии.

Не скажет ли он, Павел, мартовской весной ббг. (до начала Иудейского восстания в мае), в своём самом сокровенном и самом значительном, в перебрасывающем мост к Откровению Иоанна Посл. (из Италии) к Евреям (т.е. к, прежде всего, иудеохристианам Палестины, к-рых ему больше не доведётся, несмотря на его желание-стремление, посетить-увидеть) (см. ниже), в частности, следующее: «Земля, пившая многократно сходящий на неё дождь и произращающая злак, полезный тем, для к-рых и возделывается, получает благословение от Бога; / А производящая тернии и волчцы – негодна и близка к проклятию, к-рого конец – сожжение» (6,7/8). Или: «Говоря «новый», показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению» (8,13). Или – не говорится ли в Евр.12,27 об «изменении колеблемого, как сотворённого, чтобы пребыло непоколебимое», и о том, «что Бог наш есть огонь поядающий» (12,29) (см. ниже).

Павел предчувствовал-предвидел катастрофу, к-рая всё грознее нависала над старыми Израилем и Иерусалимом, нависая, в т.ч., отсюда – из центра римского владычества в Палестине и над Палестиной – из размашисто воздвигнутой монументалистом Иродом и облюбованной римскими наместниками Цезареи Maritima, где ему, Павлу, пришлось провести в заточении 2 года.

Таким образом, в 59/60гг. ненадолго погашенный, видимо, поживившимся за счёт как иудеев, так и язычников Феликсом, цезарейский конфликт вспыхнул снова. Притом в «И.в.», в отличие от «И.д.», где Феликс идёт навстречу иудеям, запросившим мира, к-рый, как мы приняли, принёс короткую передышку не столько мира, сколько временного перемирия, сказано: «Когда же после этого борьба всё-таки не унималась, Феликс избрал по несколько влиятельнейших лиц с обеих сторон и отправил их в качестве послов к Нерону для того, чтобы они лично перед императором оспаривали свои права» (2,13,7).

Согласно «И.д.», – иначе: «наиболее влиятельные из цезарейских иудеев отправились в Рим и там выступили с обвинениями против Феликса» уже после того как его сменил в иудейском наместничестве присланный из Рима Порций Фест (20,8,9). Если же продуктивно скомбинировать оба источника (помня, что «Война» – оригинал «Древностей»), то оптимальный вариант будет таков. Поскольку дело зашло слишком далеко и не могло быть разрешено на местном уровне, Феликс отправил представителей обеих сторон к Нерону, вскоре после чего он сам был отозван (м.б., не без взаимосвязи с данным конфликтом) весной/летом, или, вернее, летом 60г., когда, уже после прибытия в Иудею не позднее июня/июля Феста, в Риме было принято решение о разрешении тяжбы в Кесарии в пользу кесарийских язычников.

И по этому решению, кесарийские иудеи не только не добились привилегированного для себя статуса, но и лишились прежнего равноправия, что Флавий справедливо считает одним из роковых толчков к разразившейся в ббг. римско-иудейской войне, ибо данное решение сделало из многих ранее умеренных и лояльных иудеев потянувшихся к зилотам и сикариям радикалов.

При этом интересно, что принятое в Риме решение как бы подтвердило правоту Феликса, бывшего, судя по его действиям, в большей мере, на стороне язычников Кесарии, и тут снова обращают на себя внимание слова Флавия о том, что Феликс, вероятно, поплатился бы за совершённые над иудеями притеснения (при Нероне целый ряд наместников за злоупотребления в провинциях был наказан – К.З.),

если бы его брат Паллант, к-рого император *тогда* (курсивировано-подчёркнуто мной — К.З.) особенно ценил, не заступился за него (И.д. 20,8,9).³⁵

³⁵ Снова возвращаемся к акцентируемой Шюрером спорности в науке (XIX/XXвв.) даты окончания Феликса наместничества (см. выше), к-рая для нас, при правильной реконструкции хронологии жизнедеятельности Ап. Павла, совсем не спорна и опирается именно-однозначно в 60г. (не ранее и не позднее), к-рый склонен принять и Шюрер (плюс — на сегодня принимает большинство авторов/источников), одновременно, присоединяясь к корректному, по его словам, мнению о, мол, отставке Феликса «самое раннее — в 58-м, самое позднее — в 61-м, вероятнее всего, — в 60г.» (1,579). Скажем от себя. Если, с одной стороны, Павел оказался в кесарийских узах, в к-рых провёл 2 года, никак не ранее мая 58г. н.э., после праздника Пятидесятницы, поскольку на все события, благовествуемые в Д.Ап. со времени Апостольского собора 51г. (включая Второе и Третье миссионерские путешествия 51-54 и 54-58гг.) и до начала Павловых уз в Кесарии, требуется не менее 7-и лет, то, со стороны другой, вскоре после отставки Феликса никак не позднее лета 60г., преемствовавший Феликсу Фест отправил Павла никак не позднее (и не ранее) лета/осени 60г. в Рим (см. ниже).

Напомним, этот некогда актуальный и жаркий спор по поводу даты Феликсовой отставки восходит к тому, что в армянском переводе «Хроники» Евсевия дата окончания наместничества Феликса — 54г., к-рый, надо понимать, у Евсевия или, точнее, у его источника (закадрово) отталкивается или может отталкиваться, в т.ч., от факта успешного заступничества за избежавшего наказания (ссылкой) Феликса его брата Палланта, кого Нерон отодвинул от руля в 55г., и значит, дескать, Паллантово заступничество могло (логическое умозаключение) помочь Феликсу не позднее 54г. (тогда как, к слову, у Иеронима Феликс отставляется в 56г., что дополнительно подтверждает первичность армянского перевода «Хроники»).

Плюс к тому, на ошибочный вывод о степени влиятельности заступника Палланта во время до, мол, 55г. наталкивает и оставляющий подобное впечатление текст Флавия, к-рый, сродни хроновыкладке «Хроники» (арм.), вроде бы не допускает возможности сохранения Паллантом («к-рого император тогда — т.е., понимай, до 55г. — особенно ценил») определённого авторитета у Нерона и после 55г., как оно, однако, было в реальности. И потому это не из отставки Палланта в 55г. следует умозаключать, что, дескать, Феликс, коли уж Паллант сумел за него заступиться, должен быть отозван раньше, а наоборот, из избежания Феликсом наказания за злоупотребления в Иудее после его отставки в 60г. выводится, что Паллант, невзирая на свою отставку 55г., продолжал пользоваться при дворе Нерона определённым влиянием. Во всяком случае, достаточным для того, чтобы походатайствовать за брата и уберечь его от наказания ссылкой на какой-нибудь средиземноморский остров, с конфискацией имущества.

Кроме того, Шюрер (1,578) утверждает, что поскольку у Флавия нет приложительно к означенному событийному ряду фиксированной (хроно)датировки, Евсевий даёт и подгоняет её по собственному усмотрению. Отчасти — да, но не только это. Не забудем, что в «Хронографе 354г.» (где Голгофа датируется 29-м г. н.э.) мученичество Петра и Павла в Риме отнесено на 55г., согласно одной из существовавших в период раннего христианства грубо ошибочных датировок, с предпосылкой мифического 25-летнего епископства Петра в Риме с 29/30гг. и его римского мученичества совместно с Павлом в середине 50-х гг. Ив. н.э. Отсюда и возникает необходимость «отправлять» Павла (отрицая его последующее освобождение, вторые римские узы и т.д.) в Рим раньше сроков, и соответственно, «назначать» отправившего его в Рим Феста (смещённое время наместничества к-рого искусственно, за счёт Феликса, удлиняется: арм. «Хроника» — 54-60гг.!) прокуратором на место Феликса, время наместничества к-рого, наоборот, искусственно сокращается, попадая на 51-54гг., раньше срока. (Например, даже сирийский перевод Библии «Пешитто» предоставляет Феликсу всего два сводимых-отождествляемых со сроками кесарийского заточения Павла наместнических года!) И пусть в евсевиянской «Хронике» (арм.) Голгофа датирована верно — 33-м г. н.э. (Иероним — 32г.), равно мученичество Петра и Павла правильно падает на 67г. (у Иеронима — 68г.), всё равно, в отношении дат-сроков наместничеств Феликса и Феста, у пользовавшегося различными источниками и нередко (отнюдь не всегда верно) комбинировавшего их Евсевия вполне могут (анахронистически) присутствовать (наряду с верными датами) исходящие из ошибочных дат Голгофы и петро-павловского мученичества (или обусловленные чем-то другим) ошибки.

И в заключение скажем, расставаясь с ним, ещё пару слов о Феликсе. Несколько позже, в 62г., Нерон позарится на огромные Паллантовы богатства, в связи с чем их хозяин вынужден

И ещё примечательно, что, сообразно Флавию, кесарийские язычники, «главные сирийцы Цезареи», добились решения вопроса в свою пользу тем, что «путём огромной суммы денег склонили Бурра, бывшего воспитателем Нерона и теперь его греческого секретаря, выхлопотать для них у императора указ, к-рым бы у иудеев отнималась всякая равноправность. Бурру действительно удалось склонить императора к изданию такого указа, к-рый впоследствии подал повод к разным бедствиям для нашего народа. Дело в том, что когда жившие в Цезарее иудеи узнали об этом указе Нерона в пользу сирийцев, они стали ещё более предаваться смутам, пока всё не дошло до открытой войны» (20,8,9).

Касательно всплывающего-наличествующего здесь Бурра, под к-рым надо понимать префекта преторианцев и сподвижника Сенеки Афрания Бурра (+ 62г.), оказывается, в большинстве манускриптов «Древностей» стоит (вместо «Бурр») «Берилл», к-рого, согласно Шюеру (1,580), издатели «И.д.» Hudson и Haverkamp заменили на наличествующего в меньшей части манускриптов Бурра, ныне (с XIX/XXвв.) повсеместно печатными изданиями принятого. Тем не менее, честно говоря, знак вопроса, из-за противоречивости сообщения Флавия, остаётся.

Почему? Потому что, являясь одним из, в паре с Сенекой, опекунов раннего Нерона, префект преторианцев Бурр никогда не отвечал за его греческую корреспонденцию, находившуюся, по всей видимости, в ведении одного из императорских вольноотпущенников, к-рый вполне мог зваться Бериллом, иметь влияние на кесаря, и к-рого, главное, кесарийские сирийцы легко могли подкупить, в то время как Бурру античные источники коррупцию не вменяют. Хотя, если присвоением чужих наследств и состояний не брезговал (не очень стойкий стоик) Сенека, то, спрашивается, почему (пусть иногда) не мог погнаться за щедрой бакшишной мздой-наживой Бурр? Одним словом, согласимся с принятой флавиевскими издателями корректурой, оговорив её (некоторую) подвопросность.

СОБЫТИЯ В ИУДЕЕ

(59 – 61гг.)

Теперь, прежде чем перейти к возобновлению замороженного Феликсом аж на 2 года судебного разбирательства дела Павла при Фесте, к-рый и отправит Апостола, по его правовому настоянию, на кесарев суд в Рим, необходимо сказать, с опорой на рассказ Флавия, завершая расклад 8-й главы 20-й книги «Древностей», несколько слов о прочих событиях в Иудее, имевших место быть в конце правления Феликса (52 – 60гг.) и в начале наместничества Феста (60 – 62гг.), – оптимально – в 59 – 61гг. н.э.

«Около этого времени царь Агриппа передал первосвященство Исмаилу, сыну Фаби. Тогда же возникли ссоры и смуты между первосвященниками, священниками и наиболее влиятельными иерусалимскими гражданами. Каждый из враждующих

будет покончить жизнь самоубийством (см. ниже). Можно предположить, что его конец отразился и на дальнейшей судьбе Феликса, но постигни последнего столь красноречивый удар, Флавий или Тацит, кто, повторим-напомним, даёт Феликсу более отрицательную характеристику, чем Флавий, или специально выделяющий скандально-пикантно известного «мужа трёх царей» Светоний, скорей всего, об этом упомянули бы. Между тем, мы располагаем лишь упоминанием о гибели, как сказано выше, при извержении Везувия, последней жены Феликса Друзиллы и её молодого (не старше 23/24-х лет) сына от него – Агриппы, о самом же «счастливчике» Феликсе – молчок. Т.е., по всему, будучи намного старше родившейся в 39г. Друзиллы, он, влиятельный вольноотпущенник при дворе Клавдия с 41г., успел умереть ненасильственной-естественной смертью (на порядок) раньше трагической гибели его жены и сына в 79г.

собирал вокруг себя толпу крайне отчаянных и беспокойных приверженцев, становился во главе их и вёл их в бой. При столкновениях эти отряды осыпали друг друга сперва бранью, а затем и камнями. Между тем не было никого, кто бы мог их припугнуть и положить конец смуте; напротив, все эти злоупотребления происходили, как будто бы в городе не было начальства. Первосвященники настолько потеряли всякий стыд и дошли до такой дерзости, что решались отправлять своих слуг к гумнам, чтобы забирать там десятину, предназначавшуюся для простых священнослужителей. Таким образом, случилось, что несколько бедных священников умерло от голода. (...)»³⁶

Когда Фест прибыл в Иудею, он нашёл страну бедствующей от разбойников, к-рые предавали грабежу и пожарам все селения. Эти разбойники носили название сикариев. Их расплодилось тогда очень много, и они пускали в ход ножи, по величине своей схожие с персидскими акинаками, а по изогнутости — с римскими *sicae*; от этих-то ножей убийцы, умерщвлявшие много народа, и получили название сикариев.

Как мы упоминали выше, они смешивались во время праздников с народной толпой, отовсюду стекавшейся в город для отправления своих религиозных обязанностей, и без труда резали тех, кого желали. Нередко они являлись также в полном вооружении во враждебные им деревни, разграбляли и сжигали их. Фест, между прочим, выслал конный и пеший отряды против людей, введённых в заблуждение неким проходившим, к-рый обещал им спасение и избавление от всех бедствий, если они пожелают последовать за ним в пустыню. Высланные против них воины перебили как самого обманщика, так и его жертвы.

Около этого времени царь Агриппа воздвиг огромное здание над царским дворцом в Иерусалиме, у гимнасия. Самый же дворец возник ещё при Хасмонеях. Так как этот дворец был расположен на возвышенности, то отсюда открывался прелестнейший вид на город. Лёжа там на своём ложе, царь мог оттуда видеть всё, что происходило в храме. Когда иудейские предводители заметили это, то страшно рассердились, потому что никогда законом не было дозволено глядеть на происходившее в святилище, особенно во время службы. Поэтому они построили у галереи с западной стороны храма высокую стену, к-рая не только скрывала вид из царской столовой, но и замыкала вид на западную галерею, тянувшуюся вдоль храма; там римляне ставили караулы во время религиозных иудейских праздников.

Агриппа рассердился на это, но ещё более был недоволен наместник Фест, приказавший иудеям снести стену. Те, однако, просили его разрешить им отправить относительно этого дела посольство к Нерону, говоря, что они предпочитают лучше умереть, нежели снести какую-либо из построек храма. Фест разрешил им это, и тогда иудеи отправили к Нерону десять наиболее влиятельных лиц из своей среды, равно как первосвященника Измаила и храмового казначея Хелкию.

Выслушав их, Нерон не только простил им их поступок, но и согласился оставить стену; это он сделал в угоду жене своей Пoppее (она отличалась истинным благочестием), к-рая просила его за иудеев. Императрица затем отпустила десять депутатов, Хелкию же и Измаила оставила у себя в качестве заложников. Когда царь (Агриппа) узнал о том, он сделал первосвященником сына первосвященника же Симона, Иосифа, прозванного Кавием» (И.д. 20,8,8-11).

Этот назначенный Агриппой вместо Анании, сына Небедея, Исмаил, сын Фаба, происходил из фамилии Фавит (Фави/Фаби) — одного из 4-х первосвященских кланов³⁷, первый представитель к-рого Иисус б. Фавит первосвященствовал до

³⁶ 9-й абзац 8-й главы 20-й кн. «И.д.» разобран нами выше.

³⁷ Анания, насколько известно, не принадлежал прямо ни к одному из 4-х первосвященских главенствовавших, за редкими исключениями, начиная со времени правления Ирода I (30-е

ставшего архипастырем в 25г. до н.э. (Иродова тестя, отца Мариамны II) — Симона Боэта; вторым из клана Фаби первосвященство облакал назначенный Валерием Гратом преемник Анны (Анан) Старшего Исмаил б. Фаби (Старший) — в 15/16гг. (Д.И. 169-74); третьим — назначенец Агриппы II — Исмаил б. Фаби (Младший), вероятно, отпрыск предыдущего. И именно при нём, при Исмаиле б. Фаби Младшем, была принесена (на Масличной горе), эвентуально, в 60г. н.э., последняя (7-я или 9-я — за всё время, начиная с Моисея) таинственнейшая жертва рыжей телицы (Т.Г. 1817-24; см. выше).

Причём общепринятые сроки его архипастырства — 59 — 61гг., к-рые нигде не даны посредством фиксированной датировки, идентифицируются-выводятся как оптимальные посредством предположительной синхронистической реконструкции ряда исторических событий рассматриваемого периода в их последовательности. И так, в частности, этот первосвященник упоминается без имени, в связке с возобновлением разбирательства дела Ап. Павла, при заступившем на иудейскую вахту летом 60г. преемнике Феликса Фесте (Д.Ап.25,2) (см. ниже).

Вместе с тем, в последний раз мы слышим о его предшественнике Анании (в Д.Ап.) в ранге штатного первосвященника в связке с делом Павла в мае 58г. (начало кесарийских уз Апостола) при Феликсе (см. выше). Т.е. теоретически Исмаил б. Фаби вполне мог сменить Ананию ещё во второй половине 58г., чему не препятствуют и другие датировочно приближительные синхронизмы Флавия. Однако, мы не станем отказываться от общепринятой устоявшейся датировки, по к-рый это произошло, как сказано, в 59г. и к-рую вполне можно сохранить, внося лишь небольшую уточнительную коррективу, сообразно к-рой, Исмаил преемствовал Анании где-то в начале 59г.

Почему? Потому что ниже говорится о, по заступлении в должность Исмаила, конфликтах среди разделившейся на группировки иерусалимской верхушки и о бранно-каменбитных столкновениях между ними. Далее же сообщается о факте, содержащем как важную хроноинформацию, так и важный элемент датировки, — о снаряжении потерявшими всякий стыд первосвященниками, действующим и экс-, «своих слуг к гумнам, чтобы забирать там десятину, предназначавшуюся для простых священнослужителей», некоторые из к-рых, вследствие этого беспредела, умерли от голода.

В «Т.Г.» (936-39) мы подробно разобрались с иудейскими десятинами и их тремя основными видами-родами, к-рые взимались в определённом порядке в ходе субботне-седмичных, в составе 49-летних юбилейных 50-леток, периодов — в годы от шмиты до шмиты, когда, т.е. в 7-й год каждого периода, полевые работы не велись и взимание десятин не производилось. 1) Маасерот: десятинка в пользу левитов, к-рые, в свою очередь, отчисляли 10-ю часть от полученного Аронидам; 2) Маасер шени: отчисление из того, что осталось по отчислении 1-й десятины, приносилось отчислителем в Иерусалим, в дом Господень, и там съедалось им, его семьёй и левитами, или заменялось деньгами; 3) Маасер шилиш — десятинка бедняка. 1-я и 2-я десятины отчислялись в 1-м, 2-м, 4-м и 5-м годах седмичного цикла; 1-я (левитская) и 3-я (бедняцкая) — в (имевшем особое значение) 3-м и в 6-м (к-рый, в случае порядкового неседмичного счёта-подсчёта, — опять 3-й от предыдущего 3-го) гг. И, стоит повторить-подчеркнуть — в 7-й субботний год покоя земли взимание десятины не имело места.

Напомним, ещё праотец Авраам (задолго до пращура Аронидов и левитов Левия, к-рый был тогда в чреслах Авраама) дал десятину Мелхиседеку — (идеальному-

гг. Ив. до н.э.), аронидских кланов — Боэт, Анан, Фаби, Камит (Кави), но он наверняка был, подобно Каиафе, зятю Анны, (чьим-то) зятем = «сын в законе» в одном (неясно — в каком) из них.

царственному) первосвященнику (венценосному теократу) Бога Всевышнего (Быт.14,20). Потом Авраамов внук, сын Исаака, Иаков-Израиль (отец Левия) обещал десятину Богу (Б.28,22). Десятинна известна со дней выведшего Израиль из египетского рабства Моисея и данной через него Израилу Торы (Лев.27,30-32; Ч.18,21-28; Вт.12,5,6,11,17/18; 14,23,28/29; 26,12). Еврейский народ содержал десятинами священников и левитов, к-рые, сыны Левия, не имея своего колленного удела в Израиле, получили во владение 48 левитских городов в уделах других коллен, с окрестностями для выпаса скота, но не для земледелия. Каждый израэлит должен был давать со своих полей (урожаеи злаковых), садов (плодовые деревья), виноградников, с домашнего скота, с заработка десятую часть Богу, к-рая шла на содержание высшего и низшего духовенства — священников и левитов.

Мы помним, как Иисус гневно обличает лицемерие нерадивых фарисеев, говоря о послушном отдании-приношении ими десятины со всевозможных растительно-кухонных мелочей, например, с мяты, руты, аниса, тмина и всяких овощей, параллельно их греховному нерадению о вышнем суде и любви Божией, параллельно свойственному им пренебрежению ключевыми добродетелями, в то время как — «сие надлежало делать и того не оставлять». Притом, если в Ев. от Лк.(11,42) об этом сказано приложительно к (последушинской октябрьской) осени 32г., то в Ев. от Мф.(23,23) (Т.Г. 1306) на повестке дня (предпасхальная) весна (Страстной вторник — 31.03.) 33г., и оба раза в объективе 3-й год отчисления-сбора десятин = 3-й — 32/33гг. н.э. — год (осень/осень) седмицы 30 — 37гг., по восставленному Маккавееми и действовавшему со 140г. до н.э. по 41г. н.э. царскому седмично-юбилейному циклу, введённому в 1393г. до н.э. Иисусом Навином и прерванному гибелью Первого храма и Вавилонским пленением евреев в 586г. до н.э.

И вот у Флавия в «И.д.» 20,8,8 наличествует косвенное подтверждение действительности в период 41 — 70гг. аронидского субботне-юбилейного цикла-календаря, введённого Ездрой и Неемией в 443г. до н.э., упразднённого Маккавееми в 140г. до н.э. и восставленного Иродом Агриппой в 41г. н.э. Согласно же этому циклу-календарю, субботними были, как мы знаем, 55/56 и 62/63гг. Отсюда 3-й год отчисления десятин в данную семилетку приходится на 58/59гг. (осень/осень), а 6-й — на 61/62гг.

Стало быть, срамотно-стыдобное присвоение элитными первосвященниками десятин при Исмаиле б. Фаби выпадает как раз на 58/59гг., причём, точнее, именно на 59г. н.э. — на время весны/лета/осени — сбор урожая злаков, созревания плодов (на к-рых, при отчислении десятин, делался основной упор), винограда — до окончания 3-го года в осеннем месяце тишри. И всё означенное происходило, акцентируем, во время, когда Исмаил Фавит, при к-ром в Иерусалиме начался рукопашный беспредел враждующих, по Флавию³⁸, «первосвященников, священников и наиболее влиятельных граждан», сделался-был с (как мы выше установили) начала или максимум с весны 59г. штатным первосвященником.³⁹ Такова, читатель, ещё одна идентифицированная нами и совершенно неизвестная-чуждая не могущей определить ни субботне-юбилейные (да ещё в рамках двух циклов-календарей!), ни десятинные годы науке хронодатировка.

³⁸ Пишучи для ойкуменического читателя на греческом, Флавий не нашёл нужным вдаваться в (хроно)подробности о субботне-юбилейном цикле/циклах и о десятинах в определённые годы субботнего цикла.

³⁹ Кроме того, заметим, что если возмущённый «плач» (фарисейско-раввинистического) Талмуда (Пессахим 57а; Менахот 13,21) вменяет (бичуя нечестивые саддукейско-первосвященские дома-кланы) дому Бозта — «злословие», дому Анана — «сплетни-клеветы», дому Камита — «тростниковые перья», то дому Исмаила б. Фаби инкриминируются именно часто пускавшиеся (Фавитами) в ход (мордобойные) «кулаки» (Д.И. 172/73).

Но это ещё не всё, ибо подтверждение (ещё и) 6-го (или очередного 3-го) года отдания десятин, применительно к седмице 56 – 63г., имеется в следующей 9-й главе 20-й книги «Древностей», о чём нам, хронозабегая вперёд, необходимо сказать, в увязке с вышесказанным, сейчас. Во 2-м абзаце гл. 9 Флавий, сообщив о преемствовании умершему на посту, вероятнее всего, в начале весны 62г. Фесту нового наместника Альбина, говорит об одновременном росте влияния экс-первосвященника Анании, сына Небедея, к-рый умел подкупить как Альбина, так и действующего архипастыря Иисуса б. Дамния (62/63г.) – штатного преемника Анны (Анан) II-го (не путать с Ананией!), к-рого, т.е. этого Анну (пропервосвященствовавшего всего 3 месяца), царь Агриппа сместил (апрель/май 62г.) за самовольное (в отсутствие римского наместника, по смерти Феста и до Альбинова прибытия) каменованье в апреле 62г. Иакова, брата Господня (см. выше и ниже).

Притом испорченные слуги этого бессовестного Анании, «в обществе подонков народа отправлялись на гумна и там насильно овладевали предназначавшеюся для простых священников десятиной», прибегая в случае сопротивления к побоям, и также аналогично принялись поступать слуги отставленного Анана, почему опять (как и в 59г.) некоторые кормившиеся с десятины простые священники умерли от голода.

Лукцей Альбин, о к-ром мы будем подробнее беседовать позже, прибыл в Иудею в мае (после апрельского каменованья Иакова и апрельско/майского смещения Анны/Анана) 62г. (Пятидесятница – 1.06.).⁴⁰ Следовательно, оговоренные Флавием безобразия с присвоением десятины от (весенне-летних) злаков, (летних) плодов, (летне-осенних) виноградников... творились в основном весной и летом = в пору отчисления десятин (на сей раз) 6-го (= следующего порядково-очередного 3-го) года (левитско-священская и «бедняцкая» десятины), перед наступлением тишристской осенью (недесятинной) шмиты 62/63г.⁴¹

⁴⁰ То, что Альбин заступил в должность наместника Иудеи не позднее весны 62г., косвенно следует также из Евсевия (Arm. Karst., S.215) и Иеронима (S.155), к-рые отводят на его наместничество 3 года, между тем как его преемник Флор (на 2-м году правления к-рого началась весной 66г. Иудейская война) сменил Альбина летом 64г., т.е. на 3-м году начавшегося весной 62г. Альбинова наместничества. Согласно Флавию, Альбин уже какое-то время в должности во время осеннего праздника Кушей 62г. (И.в. 6,5,3) (см. ниже).

⁴¹ Удостоверьтесь, – этот правильно реконструированный нами год десятин и время их сбора позволяет уточнить дату заступления на иудейскую вахту не позднее весны 62г. Альбина, к-рая, в свою очередь, уточняет-прецизирует дату смещения Агриппой с первосвященского поста, перед прибытием Альбина, Анны II (преемника зимой/весной 62г. Иосифа Камита/Кавия, к-рый, в свою очередь, преемствовал в 61г. Исмаилу б. Фаби) (см. ниже) за санкционированное им каменованье в апреле 62г. предстоятеля, – после его 29-летнего (с мая 33г.) епископата, – иерусалимско-христианской общины Иакова, брата Господня (см. выше и ниже).

Ну и кто, не столько спрашивается, сколько восклицается, теперь смеет сказать (как это до сих пор делает беспомощная академическая наука, к-рая их реконструкцию или историческую реальность, либо, в лице большинства учёных аворитетов, отрицает-отвергает вовсе, либо, в лице меньшинства, реконструирует ошибочно), что реконструкция субботне-юбилейного цикла-календаря (уж не говоря о двух циклах-календарях – тут бы науке с одним кое-как разобраться!) и дат-годов сбора десятин – гиблое или (и того хуже) ненужное-излишнее дело!? Ищите и обрящете!

Увы, олухов царя (не)небесного в мняшей себя истинной наукой псевдо-науке – с избытком (до хрена и больше), а настоящих, срывающихся, – «ревнуя к Копернику», и разрывающих (застойно-отстойную) болотную рутину учёных – слишком мало, их (как было всегда и как не может не быть) – единицы!

Впрочем, до 62г. н.э. пока есть время. Вернёмся к событиям в пределах 59 — 61г., ко времени первосвященства Исмаила б. Фаби и ко времени начала наместничества сменившего Феликса Феста.

12 лет долгого (и нечистоплотного) первосвященства алчного-корыстолюбивого нечестивца Анании б. Небедея, метко названного Ап. Павлом «стеной подбелённой» (т.е. могильной, предупреждающей о нечистоте? или глиняной, к-рая, будучи подбелена, хочет казаться мощной каменной), весьма поспособствовало значительному ухудшению положения в и без того подверженных гротескному декадансу иерусалимских иерократическо-аристократических верхах (каков поп, таков и приход): дрязги, свары, коррупция, беспредел, нетерпимость.

И происходило всё это, разумеется, в русле углубления общего упадка в необратимо сползавшей или в уже, пожалуй, скатывавшейся кубарем к катастрофе Иудеи, что, разумеется, не освобождает от ответственности конкретных ввергнувших еврейство в катастрофу лиц, яркими представителями к-рых были и Анания, и его преемник Исмаил (и последующие архипастыри), при ком, как видим, разъедавшие еврейское общество язвы открыто вырвались наружу. Ибо такой, как при Исмаиле (или начиная с Исмаила), степени беспредела в отношениях между первосвященниками, священниками, влиятельными гражданами, равно в их отношении к народу, до того не было (что характерно для наследия деятелей типа Анании, оставляющих за собой раздрай и разлад).

Оно и понятно. С одной стороны, заживо разлагалась, приближая конец эпохи Второго храма, иерусалимская, особенно саддукейская элита, с другой, множилось число, зачастую, опрометчиво подкармливавшихся этой, в той или иной мере, лояльной к Риму, элитой (как и многими фарисеями) радикалов (зилотско-сикарийского типа), к-рые бредили маккавейско-мессианистической войной против языческого Рима и принуждали к войне за «свободу» народ. И с третьей стороны, сам Рим всё больше охватывал кризис, к-рый в итоге приведёт к концу Юлиев-Клавдиев в лице Нерона в 68г. и к кровавой гражданской смуте 68/69гг.

Т.е. закономерным образом в кризисной Римской империи, в частности, её провинциальные наместники делались, за редкими исключениями, каким был, например, Фест, всё хуже, что в Иудее очень играло на руку, толкая в их объятия народ, радикалам (с к-рыми всегда крайне опасно заигрывать и к-рые, когда придут к власти, сметут, установив террористическую диктатуру, — и потворствовавших им умеренных саддукеев, и сочувствовавших им умеренных фарисеев). И не случайно именно 59г., в к-ром Нерон убил, став матереубийцей, Агриппину, своеобразно маркирует начало конца его правления, до к-рого пусть оставалось ещё аж 8 лет, но к-рое именно с 59г. пошло на постепенно опутывавший из Рима/Италии всю Империю упаднический спад.⁴² Рыба с головы гниёт и воняет.

Тем временем, Порций Фест⁴³, прибыв в Иудею, как сказано, летом — в июне/

⁴² Примечательно, что если 58-м г. н.э. датированы 2 апокрифических (IVв) «Послания Сенеки Павлу» и одно «Павла — Сенеке», то 59-м г. помечено всего одно «Послание Сенеки к Павлу», в к-ром Сенека, среди прочего, говорит — «я твоё второе Я», и к-рое датировано (в конце) датой 23.03.59г., т.е. днём окончания посвящённого Минерве праздника Квинкватрий (19-23.03.), в дни к-рого и была убита Агриппина (см. выше).

⁴³ Porcius — nomen gentilicium (фамилия) римского плебейского рода из Тускула, выводимый от «porcus» (этруская форма — porce) и из предположения, что представители этого рода изначально занимались свиноводством (Варрон «Rustica» 2,1,10; Плутарх «Поппликола» 11,6). Порции впервые упоминаются в IIIв. до н.э.: первый известный представитель фамилии —

июле 60г., и усердно приступив к исполнению наместнических обязанностей, вскорости, с июля, занялся делом продолжавшего пребывать в кесарийских узах Ап. Павла. Однако, об этом см. (по Д.Ап.) далее. Сейчас коротко скажем об основной наместнической деятельности Феста, кто, согласно Флавию, нашёл страну (где, вместе с тем, обострённо безобразничала, как мы узнали выше, с 59г., при Исмаиле б. Фаби, иерусалимская элита), бедствующей от предававших грабёжам и пожарам её селения разбойников-сикариев = кинжальных убийц-революционеров, к-рые и побуждали тем самым народ к войне за независимость, и (как то очень часто свойственно «революционным борцам» за «народное счастье») банально его грабили. Флавий даже уточняет, что они были вооружены короткими кривыми т.н. персидскими кинжалами-акинаками (изогнутыми как римские *sicae*) (см. выше).⁴⁴

Притом, мы помним, что раньше они смешивались в Иерусалиме с толпой в ходе праздников, анонимно убивая проримских коллаборационистов и сея всеобщую панику, потом были частично обезврежены-казнены-усмирены Феликсом, потом снова активизировались, действуя отныне и в праздничном Иерусалиме, и на периферии – по стране. Т.е. ареал их деятельности, новая эскалация к-рой пришлось на 59/60гг. (немало стимулируемая конфликтом между иудеями и язычниками в Кесарии) расширился.

И получивший тяжёлое Феликсово наследство Фест вынужден был, засучив рукава, в 60/61гг. энергично бороться с ними, хотя, если в «Bellum» (скорговоркой) сказано, что большинство разбойников (опустошителей страны) было Фестом (за совокупное время его недолгого правления) схвачено и немало из них казнено (2,14,1), то в «И.д.» рассказан только один конкретный случай вынырнувшего неведь откуда некоего авантюрного проходимца (без имени), к-рый зазывал вербуемых приверженцев в пустыню (откуда должно явиться *спасителю*), обещая им спасение и избавление от всех бедствий, буде они последуют за ним. Высланные же против него, надо понимать, в ближнюю к Иерусалиму Иудейскую пустыню, пеший и конный римские воинские отряды убили как самого обманщика, так и ведомых им, незнано в каком количестве, сторонников.

Кем был этот очередной получародей-полуреволюционер – неясно, но попытки приписать Флавию накладку, дескать, речь идёт об удвоенном им (мол, дублет) «Египтянине», фигурировавшем в «Древностях» выше, – лишены всякого основания. *Тот* «Египтянин» выступил в 57г., при Феликсе, и при подавлении возглавлявшегося им мятежного движения, сам скрылся-исчез бесследно, тогда как *этот* авантюрист действовал в 60/61гг., при Фесте, и был настигшими его римскими солдатами (вероятно, в 61г.) убит. Можно, конечно, ещё (болезненно) вообразить, что он и смывшийся годами ранее «Египтянин» одно лицо, правда, из рассказа Флавия ничего похожего не выводится и псевдофантазировать тут незачем.

М.Порций из Тускула – прадед знаменитого М.Порция Катона Цензория (= Катон Старший = Катон Цензор), первым из Порциев достигшего консульства в 195г. до н.э. В дальнейшем род разделился на множество ветвей (Катоны, Лицинии, Лаэции, позже – Латроны, Фесты, Марцеллы, Априи, Рустики), давших Риму множество деятелей – сенаторов и всадников.

⁴⁴ Таким кинжалом изгнанный армянами Радамист (Иверский), уходя от погони, поразил в 54г. свою, тем не менее, выжившую супругу Зиновию, к-рую обнаружили на берегу Аракса и выходили армянские пастухи (см. выше).

Ниже, коротко сказав о Фесте и событиях в его правление, к-рые преимущественно приходится на 60/61гг., поскольку Фест умер на посту не позднее марта 62г., Флавий датирует временем «около этого времени» (= 59 – 61гг.), воздвижение царём Агриппой не «огромного здания», как неверно сказано в русском переводе, а надстройки или верхнего этажа, или, скорее, башни, во дворце (над дворцом) Хасмонеев (у гимнасия – близ площади Ксист, где находилось городское синедриональное здание совета), с к-рого, т.е. из царских покоев надстройки расположенного на возвышении супротив западной стены храмового комплекса дворца, открывался-открылся вид, в т.ч., насколько явствует из текста, на открытую часть притвора Священников, с алтарём всеожжения и т.д., доступ куда мирянам категорически возбранялся.

Потому священники возмутились поступком мирянина Агриппы, к-рый мог теперь наблюдать за священнодействиями в священском притворе, и в ответ возвели с западной стороны храма высокую стену над внешней храмовой стеной, к-рая не только скрыла подзапретную часть святилища от нескромных взоров из агриппианской дворцовой надстройки (из царской столовой), но и лишила римские караулы, расставлявшиеся в дни паломнических праздников вдоль западной внешней галереи храма, возможности полноценно наблюдать-следить за порядком в некоторых частях притвора Язычников (или притворов Израэлитов, Женщин, Язычников).⁴⁵

Дворцовые надстройки и, тем паче, стены не возводятся, в одночасье, соответственно чему, означенные постройки надо датировать в событийных пределах разбираемой нами двухлетки – 59 – 61гг. Причём ответная на агриппианскую башенную надстройку стена священников возмутила как Агриппу, кто, являясь царём-мирянином, заведовал храмом (нонсенс), назначая и смещая первосвященников, равно решая ряд др. вопросов, так и отвечавшего за политическую безопасность Феста. Последний велел иудеям снести стену, на что они категорически не согласились и попросили разрешения отправить посольство к Нерону, на что Фест (не желая обострения чреватого кровопролитием конфликта) согласился.

Не одёрнул ли Тиберий в 33г. Пилата, отреагировав на жалобу иудеев в 32г. по поводу шитов с императорскими вензелями в иерусалимском дворце Ирода! Не позволил ли иудеям Клавдий в 45г., пойдя навстречу их просьбе, хранить первосвященское облачение (что разрешил им в 36г. Вителлий и чего хотел лишить их после смерти в 44г. Агриппы I Куспий Фад) у себя! Почему бы не рискнуть и сейчас, тем паче, что Неронова фаворитка Пoppея, по слухам, симпатизантски интересуется иудаизмом.

И вот итог 12 влиятельных иудеев, 10 депутатов во главе с первосвященником Исмаилом и храмовым казначеем Хелкией при нём, по всей видимости, в 61г., отчалили в Рим, где Нерон удовлетворил их просьбу об оставлении стены. Сообразно Флавию, сделал он это в угоду отличавшейся-де истинным благочестием Пoppеи, к-рую, однако, в заключительной 11-й главе 20-й кн. «И.д.» (1) не кто

⁴⁵ Язычники не имели права ступать в террасированно расположенные дальше и выше притвора Язычников притворы Женщин и Израэлитов (выше к-рого располагался притвор Священников), но непонятно, – могли ли римские караулы наблюдать издали за тем, что происходило в столпотворительные праздники также в притворах Женщин и Израэлитов (о Священском притворе речи нет)? или они караульно наблюдали лишь за происходившим в притворе Язычников?

иной как тот же Флавий отличает-характеризует (уже) «испорченностью», по подобию её подруги Клеопатры – жены последнего римского прокуратора Иудеи (непосредственного римского виновника Войны) Гессия Флора (наверняка получившего в 64г. своё роковое назначение в Иудею вместо Альбина благодаря Пoppее) (см. ниже).

Во-первых, негоже безостаточно «обращать» Пoppею в иудаизм, вариации на тему чего встречаются у ново-новейших авторов. Её интерес, точнее, любопытство к иудейской религии, или покровительство отдельным иудеям, или ходатайства в каких-то вопросах за них перед Нероном не дают для такого умозаключения оснований. Да, она, эксцентричная особа, могла интересоваться иудаизмом и благоволить к иудеям, иногда покровительствовать им, религия к-рых пользовалась некоторым спросом (сродни вышедшему из иудейства христианству), в т.ч., в декадентных римских верхах, вовсе не становясь при этом форменной иудейской прозелиткой (ни «врат», ни, тем более, «правды»).

Во-вторых, из того, что Флавий называет Пoppею, – приложительно к данному случаю удовлетворения иудейского ходатайства относительно построенной священниками стены, женой Нерона, – нельзя делать вывод, что речь непременно должна идти о событии не ранее 62г., когда Нерон и Пoppея (устранив Октавию) официально бракосочетались (см. ниже). Ведь она была влиятельнейшей Нероновой фавориткой (подвигнувшей его – ни больше, ни меньше – на убийство матери) и незаменимой дамой сердца аж с 58г. (когда Нерон услали наместником в Лузитанию её законного мужа и своего друга Отона), почему Флавий вполне может именовать её «женой» пролептически и применительно к 61г., в к-ром (и не позднее) оптимально и объективно делегация иудеев добилась в Риме успеха.

Причём интересно, что отпустившей назад в Палестину 10 иудейских депутатов Пoppее захотелось оставить у себя, по Флавию, в заложниках, или, м.б., чтобы через них ближе приобщиться к тайнам иудаизма (нездоровый-похотливый интерес к к-рому, или к оккультной стороне к-рого, эту экстравагантную Помпадуршу завораживал) посвящённого первосвященника Исмаила Фавита⁴⁶ и заодно с ним храмового казначея Хелкию.

При всех случаях, узнав об этом от возвратившихся в Иудею остальных 10-и посланцев, царь Агриппа назначил – 61г. – превосвященником Иосифа, сына первосвященского предшественника Каиафы – Симона (17/18г.), из клана Камит (Кави), кого в январе/феврале следующего 62г., незадолго до кончины умершего в марте Феста, сменил инициатор убийства в апреле Иакова Праведного – Анан – младший (из итога пяти перебивавших первосвященниками сыновей) сын осудившего, вместе со своим зятем Каиафой, Иисуса Христа на смерть главы клана – Анны/Анана.

⁴⁶ Согласно Талмуду, к-рый персонально к этому Исмаилу (несмотря на его принадлежность к одному из 4-х критикуемых в Талмуде саддукейско-архипастырских кланов) относится хорошо, поскольку, если верить талмудистам, (редкое) жертвоприношение *рыжей телицы* было начато им по саддукейскому ритуалу, а завершено по обряду фарисейскому, он был очень богат, притом его мать изготовила для дня Всепрощения (10 тишри) первосвященническое облачение стоимостью в 100 мин (Пара 3,5; Сота 9,15; Йома 35б; Пессахим 57а). По Флавию, три сына Исмаила перебежали к римлянам перед гибелью Иерусалима и храма (после прекращения жертвы 17 таммуза) летом 70г., тогда как сам он был позднее обезглавлен (римлянами) в Кирене (И.в. 6,2,2). Причину казни Флавий не называет.

ПАВЕЛ НА СУДЕ ФЕСТА

(июль 60г.)

«Фест, прибыв в область, через три дня отправился из Кесарии в Иерусалим.

Тогда первосвященник и знатнейшие из Иудеев явились к нему с жалобой на Павла и убеждали его,

Прося, чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим; и злоумышляли убить его на дороге.

Но Фест отвечал, что Павел содержится в Кесарии под стражею, и что он сам вскоре отправится туда.

Итак, сказал он, к-рые из вас могут, пусть пойдут со мною, и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его.

Пробыв же у них не больше восьми или десяти дней, возвратился в Кесарию, и на другой день, сев на судейское место, повелел привести Павла.

Когда он явился, стали кругом пришедшие из Иерусалима Иудеи, принося на Павла многие и тяжкие обвинения, к-рых не могли доказать.

Он же в оправдание своё сказал: я не сделал никакого преступления ни против закона Иудейского, ни против храма, ни против кесаря.

Фест, желая сделать угождение Иудеям, сказал в ответ Павлу: хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?

Павел сказал: я стою пред судом кесаревым, где мне и следует быть судиму; Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь;

Ибо, если я не прав и сделал что-нибудь достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чём сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им; требую суда кесарева.

Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься.» (Д.Ап.25,1-12)

Посему примем за верное, заступивший на иудейскую вахту Фест, посетив из Кесарии, через три дня («А» — 2 дня) после своего прибытия в прокураторскую резиденцию, Иерусалим, и проведя там 8-10 дней⁴⁷, приступил на следующий день по возвращении из Иерусалима, в присутствии пришедших оттуда в Кесарию сановных иудейских жалобщиков на Павла, к судебному разбирательству его (как долгого, так и замороженного-приостановленного Феликсом) дела.

Датировать же это событие временем не позднее июля 60г. нас уточнительно обязывает следующее. В Д.Ап.27,9 сказано, что когда державшее позднее курс на Италию/Рим судно с подконвойным Павлом находилось у берегов о. Крит, Пост, т.е. Судный день 10-го тишири (к-рый выпал в 60г. на ок. 23.09.), «уже прошёл». Отсюда, если расположить события гл. 25-27,9 Д.Ап. в их оптимальной хронопоследовательности (см. ниже), выяснится-уточнится, что первое разбирательство Павлова дела Фестом имело место не ранее и не позднее июля 60г., чем также полностью подтверждается вышереконструированная нами предыдущая хронология, сообразно к-рой, начавшиеся в мае/июне 58г. двухлетние узы Павла при Феликсе упираются в июнь/июль 62г. Как видим, «терминусы» post quem и ante quem гармонично взаимоподпирают друг друга.

⁴⁷ По толкованию Бар-Еврея = Гр.Абулфарад (XIIIв.), — 10 дней, включая день прибытия в Иерусалим и день отбытия из него (Цанн «АГ», S.789). Зачем усложнять? Почему, спрашивается, Лк., располагая приблизительными, в сём малосущественном случае, данными, не может дать приблизительное суммарное число дней, что лишний раз подтверждает достоверность его повествования?!

Причём очень обращает на себя внимание факт сильных жалоб, принесённых явившимися приветствовать Феста (в Антонию? или в служивший резиденцией прокураторам иерусалимский дворец Ирода?) первосвященником и знатнейшими иудеями на Павла в ходе первого посещения новоназначенным римским наместником Иерусалима.

Значит, Павел, в течение 2-х лет его (терпимых) уз в Кесарии (не скованный по рукам и ногам), не сидел, сложа руки, продолжая активничать из (не самого дисконформного) узилища, и тем крайне раздражая досадно упустивших возможность его устранить в 58г. иерусалимских верховников. Да и не будь он в 58 – 60гг. активен, о нём, за два года заточения, забыли бы, или минимум подзабыли бы. Но нет, ни он не дал о себе забыть, ни христианство, к-рое, по-прежнему, делало миссионерские успехи и среди иудеев, и среди язычников, из-за чего иерусалимские иерократы – нетерпимые синедристы и ветхозаветные фанатики – лязгали зубами.

То-то павлианские саддукейские противники, во главе с первосвященником, кто есть в 60г. знакомый нам Исмаил б. Фаби, имени к-рого Д.Ап. не называет и в отношении к-рого мы не можем разделить похвальное мнение талмудистов, просили Феста об одолжении – вызвать Апостола на суд в Иерусалим, чтобы в дороге (инсценировав нападение разбойников) убить его. Т.е. план-умысел 40-а «молодцов», зарекшихся в 58г. не есть и не пить, пока они не убьют кощунника Павла, не утратил свою актуальность, в 60г. возобновлённый. И если те «молодцы» должны были (бы) до 60г. умереть (по зароку) от голода/жажды, то и теперь охотников осуществить «богоугодное» смертоубийство наверняка хватало. Нашего полку не убудет!

К тому же, если тогда, в мае 58г., разбойные «богобоязненные» сикарии сами заявили к первосвященникам и старейшинам, проявив кинжально-ревнительскую инициативу, то ныне инициатива исходила от первосвященников со старейшинами. Засим иерократические авторитеты «народа в законе» взяли дело в собственные руки. Можно представить, насколько им был ненавистен Павел, раз уж они прилагали столько усилий к его устранению и, призванные-обязанные творить правосудие, вовсе не брезговали разбойным убийством.

Однако, Фест, раскусив или не раскусив их намерения, ответил на их ходатайственный запрос отказом. Дело (римского гражданина) Павла он будет разбирать в Кесарии, где Павел содержится под стражей; пусть обвинители придут туда и обвиняют его, кому тоже будет, по римским законам, предоставлено слово защиты, перед трибуналом наместника, там. Коли уж этого воззвавшего к своему римскому гражданству тарсийско-грекоязычного учёного иудея так и не выдал на расправу иудеям коррумпированный Феликс, то, тем паче, не приходилось ожидать такой выдачи от куда более порядочного губернатора, о к-ром, к слову, Флавий, чехвостя и Феликса, и Альбина, и Флора, не сообщает ничего плохого.

И так Фест, возвратившись в Кесарию Приморскую, куда иудейские обвинители, не посмеяв возразить наместнику, последовали с ним или за ним, на следующий день уселся в судейское кресло, надо понимать, перед дворцовой губернаторской резиденцией, и предоставил слово обим сторонам: и истцам, и ответчику: как явившимся из Иерусалима (немало раздосадованным) сановным обвинителям, так и призванному-доставленному из узилища Павлу.

Деиписатель не перечисляет все «многие и тяжкие обвинения», выдвинутые против Апостола усердными обвинителями, к-рые не могли их доказать, но из Павлова ответного слова следует, что в этот раз к прежним обвинениям было присовокуплено тяжеленное обвинение в преступлении «против кесаря». И хотя оно перекликается со словами Тертулла перед Феликсом о Павле, как о «возбудителе мятежа (направленного и против римского порядка) между Иудеями» (24,5),

тем не менее, ныне Апостолу был инкриминирован (и вновь бездоказательно) именно какой-то, видимо, опять в русле-духе возмущения им спокойствия и нарушения порядка, в смысле попираания римских законов, противокесарский деликт.

Всё понятно. Хитрованы-иудеи хотели поддеть-поймать Феста на ту же наживку, на к-рую поддел-поймал Пилата Каиафа: если, мол, не распнёшь Иисуса, К-рый называл Себя царём Иудейским (даром что Царство Его не от мира сего), то ты не друг кесарю, ибо нет у нас, у лояльных римлянофилов-иудеев, иного царя, кроме римского кесаря-цезаря. Правда, теперь ситуация была не столь драматичной, это обвинение, как и прочие, прозвучало (в Кесарии, а не в Иерусалиме) неубедительно, и Фест не был, подобно Пилату, ни впечатлён, ни загнан в тупик.

В его, добросовестного римского судьи понимании, предъявленные Павлу обвинения не имели силы, оставаясь и недоказанными, и не попадающими под высшую меру. Иное дело, что неизвестно, как бы наместник себя повёл, не имей Павел римского гражданства, к-рое, в сложившейся обстановке, стало своего рода защитной бронёй для него. Помимо того, он вёл себя с достоинством, убедительно возражал обвинителям; и Фесту, действительно, не было понятно, за что, в конце концов, противники столь яростно ополчаются против него? Неужели какие-то споры о тонкостях и нюансах их обособленной веры-религии могут породить настолько непримиримые противоречия? Тут явно нужна консультация компетентного иудея, без к-рой далёкому от иудаизма язычнику не обойтись. Зато всего прочего достаточно, чтобы не отдавать этого человека, кто, повторим, ещё и, или перво-наперво, римский гражданин, на съедение его антагонистам.

И наместник, заведомо зная ответ обвиняемого, для проформы, чего требовали правила судебного разбирательства, спросил, хочет ли он идти в Иерусалим (как на том настаивают иудеи) для (внимание!) Фестова суда над ним не в Кесарии, а в Иерусалиме? Т.е. римскому наместнику, как обладателю *ius gladii* – права жизни и смерти, будет в любом случае принадлежать последнее судебное слово, в т.ч., в Иерусалиме (как оно принадлежало и Пилату в деле Иисуса). Но Павел прекрасно понимает, что иудеи сделают всё, чтобы он либо не дошёл до Иерусалима, либо не ушёл оттуда живым, будь то по закону, или по беспределу; а Фест понимает, что отмазать его в Иерусалиме будет труднее, и что такой расклад чреват могущими осложнить всё дело мятежными беспорядками среди иудеев.

Засим несколько не колеблющийся Апостол, сказав, что иудеев он ничем не обидел, и одновременно смело указав судье, соблюдающему арбитражное беспристрастие, что и ему (справедливому рефери) это хорошо известно, решительно заявляет, что никто не может (не имеет права) выдать его (не столько на суд, сколько на расправу) иудеям, и что он требует (как римский гражданин, имея на то полное право) суда кесарева = суда высшей инстанции.

Скажем снова, у Павла было время обдумать это требование в ходе заточения, когда он понял, что Феликс не собирается ни отпускать его, ни выдавать иудеям, ни отправлять в Рим, куда он так стремился, почему и решил, в зависимости от того, как сложится дело при преемнике Феликса, в случае необходимости, воспользоваться своим законным на кесарев суд гражданским правом. И тем самым, во-первых, избежать покушения иудеев, и, во-вторых, попасть, что бы ему там ни грозило, в долгожданный Рим (возвещённый ему Иисусом). Причём, если не получится на добровольной основе, по освобождении, то, пусть подневольно, как говорится, за и на казённый счёт. Короче, главным для Павла было суметь покинуть Палестину живым, чтобы, наконец, оказаться в Риме.

Между тем, Фест, выслушав обе стороны и заключив, что претензии-требования узника, в отличие от обвинений и ходатайств его противников, вполне обоснованы, мало того, ещё «поговорив», согласно Дееписателю, «с советом» (из чиновных

коллег-друзей, к-рый обычно имелся при наместниках) вынес, обратившись к Павлу, судейский вердикт: «ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься».

Таким образом, Павловы иерусалимские обвинители, опять оставшись ни с чем, вынуждены были, лязгая зубами и на Павла, и на нового прокуратора, к-рый повёл себя, вопреки их ожиданиям, хуже, чем Феликс, убраться восвояси, понимая, что в этот раз Павел ускользнул от них окончательно. И, к слову добавить, каменование весной 62г. Иакова Праведного, инициированное первосвященником Анной после смерти на иудейском посту Феста и до прибытия в страну его преемника Альбина, будет, во многом, обусловлено именно досадной неудачей саддукейской верхушки в её попытках расправиться незадолго до того, в 58 — 60г., с Павлом (см. ниже).

Впрочем, до подстражного отбытия в Рим Павлу ещё предстояла, вероятно, уже в июле/августе 60г. защита перед царём Агриппой и его сестрой Вереникой, к-рые в июле прибыли, как и полагалось иродианским династам, в Кесарию, дабы поздравить вступившего в наместничество Феста.

АГРИППА И ВЕРЕНИКА

(июль/август 60г.)

«Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию поздравить Феста. И как они провели там много дней, то Фест предложил царю дело Павлово, говоря: здесь есть человек, оставленный Феликсом в узах,

На к-рого, в бытность мою в Иерусалиме, с жалобой явились первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения его.

Я отвечал им, что у Римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть, прежде нежели обвиняемый будет иметь обвинителей налицо и получит свободу защищаться против обвинения.

Когда же они пришли сюда, то, без всякого отлагательства, на другой же день сел я на судейское место и повелел привести того человека.

Обступивши его, обвинители не представили ни одного из обвинений, какие я предполагал;

Но они имели некоторые споры с ним об их Богопочитании и о каком-то Иисусе умершем, о К-ром Павел утверждал, что Он жив.

Затрудняясь в решении этого вопроса, я сказал: хочет ли он идти в Иерусалим и там быть судимым в этом?

Но как Павел потребовал, чтобы он оставлен был на рассмотрение Августово, то я велел содержать его под стражею до тех пор, пока пошлю его к кесарю.

Агриппа же сказал Фесту: хотел бы и я послушать этого человека. Завтра же, отвечал тот, услышишь его.

На другой день, когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведён был Павел.

И сказал Фест: царь Агриппа и все присутствующие с нами мужи! вы видите того, против к-рого всё множество Иудеев приступали ко мне в Иерусалиме и здесь и кричали, что ему не должно более жить;

Но я нашёл, что он не сделал ничего достойного смерти, и как он сам потребовал суда у Августа, то я решился послать его к нему;

Я не имею ничего верного написать о нём государю; посему привёл его пред вас и особенно пред тебя, царь Агриппа, дабы, по рассмотрении, было мне что написать;

Ибо мне кажется, нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него.» (Д.Ап.25,13-27)

Напоминаем, родившаяся в 29г. Вереника (Береника) побывала замужем за своим дядей Иродом Халкидским (+ 48г.), от к-рого родила двух сыновей, и затем долгое время вдовствуя при дворе её (бывшего на год старше неё) брата Агриппы, то ли, действительно, сожительствовала с ним, то ли способствовала слухам об этом как своим во цвете лет долгим вдовством (тем более, что и Агриппа, по всему, никогда не был женат), так и вольным эллинистическим образом жизни, к-рый в глазах правверных иудеев был неприемлемой языческой распущенностью.

Притом, как говорилось выше, не исключена возможность короткого замужества Береники за Полемоном Понтийским (кто, чтобы взять её в жёны, согласился обрезать) и скорый развод, с последующим возвращением ко двору брата, ещё во второй половине 50-х гг. Ив. Хотя выше мы приняли, что этот брак имел место между 63 и 66гг., после того как Полемон потерял аннексированный Нероном Понт (63г.) и довольствовался частью Киликии (к-рой владел с 41г.), зовясь у Флавия, если, конечно, тут не анахронизм, в качестве мужа Береники, Полемоном (не Понтийским, но именно) Киликийским.

В любом случае, весной 66г., на время начала Иудейской войны, мы видим Беренику в Иерусалиме, в связи с окончанием принятого ею на себя (причина неизвестна) 30-дневного назирейского обета (И.в. 2,15,1). Т.е., если она вышла за Полемона (Киликийского) в 63/64гг., то на 66г. успела развестись с ним и возвратиться в Палестину (или развод был свершившимся фактом уже на лето 60г., когда Береника, явно не замужествуя в то время за Полемоном, явилась в паре с братом Агриппой, из его резиденции Кесарии Филипповой, в Кесарию Приморскую, чтобы поздравить Феста).

Так или иначе, на 60г. это была полная жизни 31-летняя чувственная красotka, правда, менее красивая, чем её (замужествовавшая с 54г. за Феликсом) 10-ю годами младшая сестра Друзилла, к-рая, ходя до 53г. = до выхода замуж за Азиза Эмесского (у к-рого её отбил Феликс), в невестах, немало натерпелась (при дворе брата) от дасаждавшей ей за её красоту (и молодость) Вереники.

Однако то, что Веренике удастся не утратить привлекательность и в 40, и даже в 50 лет, выводится из дальнейшего, когда ей удастся, в пору Иудейской войны, обратить на себя мужское внимание как сначала Веспасиана, так и потом его сына Тита, у к-рого с ней завяжется жаркий роман, к-рый продолжится впоследствии и в Риме, в дни её с Агриппой приезда туда в 75г. И только став в 79г. наследовавшим Веспасиану кесарем, Тит даст ей, не оправдав её надежд на «корону» императрицы, от ворот поворот, поскольку римляне не пожелают иметь над собой государыню-евреянку. После этого след отбывшей назад в Палестину Вереники, за к-рой, по-прежнему, тянулась (хорошо известная во Пв. Ювеналу) молва о её кровосмесительной связи с братом, теряется. Видимо, она скончалась раньше (бывшего годом старше неё) Агриппы, кто, никогда не царствуя в Иерусалиме, процарствовал в различных областях Палестины, в общей сложности, полвека, именуясь царём с 48 (дата кончины Ирода Халкидского, кому он официально наследовал) по 100гг. н.э. и прожив итогом 72 года, т.е. пережив — и по жизни, и тронно — всех кончившихся с ним и на нём иродианских династов.

Если дед составляющего середину и экстракт династии Иродиан Ирода Старшего, по имени Антипа, — первый обрезанец среди Антипатридов, в числе иудеян, к-рых принудил обрезать Иоанн Гиркан (134 — 03гг.), был наместником Идумеи при Александре Яннае (102 — 75гг.), с приблизительно 100г. до н.э., то Иродов правнук Агриппа II, с к-рым Иродиане вымерли, прожил и процарствовал до 100г. н.э. Итого шесть поколений, по непрерывной цепочечной преемственности от отца к сыну, Антипатридов-Иродиан: Антипа — Антипатр (+ 43г. до н.э.) — Ирод Ст. (+ 1г. н.э.) — Аристовул (+ 4г. до н.э.) — Ирод Агриппа I (+ 44г. н.э.) — Ирод

Агриппа II. Вдобавок к тому, Агриппа II, как мы знаем, был ещё и Хасмонеем, так как его дед (казнённый отцом) Аристовул — сын Ирода Старшего от (казнённой мужем) Мариамны I (+ 29г. до н.э.). Т.е. в его лице, с концом IV н.э., иссякли и Иродиане, и — окончательно — Хасмонееи.

Итак, в 48г. он получил вместе с Халкидским царством, куда Клавдий его не сразу отпустил, и царским титулом также право назначать-смещать первосвященников (кого в 6 — 41гг. ставили-снимали римские прокураторы; в 41 — 44гг. — Агриппа I; в 44 — 48гг. — Ирод Халкидский), к-рым в первый раз воспользовался в 59г., поставив на место Анании б. Небедея Исмаила б. Фаби. В 53г., при позднем Клавдии, Агриппа II обзавёлся вместо ливанской Халкиды когдатошней тетрархией Филиппа (всей ли?), Авилой (в прошлом тетрархия Лисания) и т.н. епархией Вара-Ноара (см. выше).

В 54г. Нерон присоединил к агриппианским владениям, по Флавию, часть Галилеи, включая Тивериаду с Тарихеей, и часть Переи, причём, есть мнение, что Тивериада была предоставлена Агриппе позже — то ли в 56, то ли в 61г., когда — 61г. — он переименовал Кесарию Филиппову в Неронию (И.д. 20,9,4). К тому же, с этих пор начинается нумизматический отсчёт — эпоха эры — одной из его (сообразно дошедшим до нас монетам) трёх (!) эр, тогда как первая из них, назовём её «халкидской», стартует в 49/50гг., а вторая (неведомо чем — какими территориальными приращениями? — обусловленная — «агриппианская») — в 56г.

И вот, как раз-таки, максимально-нумизматический 35-й год Агриппы, отсчитанный по последней из названных эр, — по эре, условно выражаясь, «неронианской», — ведёт из 61-го в 95/96гг. (последний год правления упомянутого на монете Домициана). И всё же умер Агриппа (к-рого пережил, дожив ли до 105 или 110гг.? Иосиф Флавий) даже не в 95/96гг., но в 3-м году Траяна = 100г. н.э.⁴⁸ (см. выше),

⁴⁸ К слову, в дополнение к приведённым выше аргументам в пользу поздней кончины Агриппы — 100-й, а не, как полагают большинство современных «Лексиконов» и авторов, 92/93гг., можно привести следующее. В Талмуде Агриппа пару раз фигурирует как задающий вопросы и получающий ответы собеседник р. Елеазара б. Гиркан (Танхума 20б), к-рый был одним из (5-и) выдающихся учеников р. Иоханана б. Закаи (+ ок. или после 80г.), между тем как одним из его (5-и) выдающихся учеников был знаменитый р. Акиба (+ 135г.).

Принявший мученичество в глубокой старости Акиба родился ок.50-55гг. и, согласно талмудическому преданию, начал изучать Тору в школе р. Елеазара в Лиде в возрасте аж 40-а лет, потратив на обучение 13 лет, прежде чем сделаться учителем (Абот р. Натана; Евамот 16а 86б). С др. стороны, например, в «Аггад Берешит» (17 §2,16а) или в «Пешикта раббати» (23 (116б) собеседником р. Елеазара, задающим ему те же вопросы, выступает вместо Агриппы прозелит Аквила, к-рого еврейское предание считает учеником Акибы и к-рый известен своим буквалистским переводом Ветхого Завета на греческий, заменившим античному еврейству активно использовавшуюся христианами «Септуагинту». То, что этот Аквила, ни в коей мере, не тождествен (вопреки мнению некоторых) Авиле из Д.Ап., покинувшему вместе с женой Прискиллой, по антииудейскому указу Клавдия, в 50г. Рим и ставшему затем сотрудником Ап. Павла, начиная с Коринфа (52-54гг.), потом — в Эфесе, и потом — в Риме (Д.Ап.18,2; Рим.16,3; 2Тим.4,19), само собой разумеется и в комментариях, поскольку речь явно идёт о двух различных персонах, общее между к-рыми лишь то, что обоих звали Аквила и оба происходили из Понта, не нуждается. Христианин-неофит Ив., по имени Аквила (Понтийский), не есть живший-творивший полувеком позднее одноимённый ему иудейский прозелит (из язычников) I/Пвв. Аквила (Понтийский) — переводчик Книг Ветхого Завета на греческий.

Иное дело, что, согласно талмудическому преданию (Танхума «Мишпатим» §5) или Епифанию Кипрскому (De mensuris et ponderibus 13-16), последний был то ли шурином, то ли племянником (сын сестры) императора Адриана (117-38гг.), якобы снарядившего его через 47 лет после разрушения храма, т.е. в 117г., с поручением руководить перестройкой Иерусалима, где язычник Аквила, сначала заинтересовавшись христианством, позже проникся еврейством и принял иудаизм. Родственником Адриана он, конечно, не был, но данная легендарная

о чём свидетельствует патриарх Фотий (IXв.), с опорой на современника событий Юста (Иуста) Тивериадского, и в чём нет оснований сомневаться.

По всякому, с 54г. он был одним из ведущих римских вассалов Переднего Востока, мобилизовавшим силы для борьбы с парфянами (за Армению) и стопроцентно преданным римлянам, каким и оставался до самой своей смерти. В 66г. ему не удалось убедить иудеев не восставать против Рима и дальше приведётся бороться вместе с римлянами против них (см. ниже). По окончании войны, Веспасиан расширит его владения, вероятно, дважды, в 70 и 75гг., когда побывавшему в паре с Вереникой в Риме Агриппе будет присвоен преторский ранг (75г.), но территориально-расширительная конкретика, предположительно, где-то на пригалилейском севере от владений царя, под вопросом. При этом, какие-то территории из его ведения изымались, или изымались временно (как Тивериада, какое-то время в ходе Иудейской войны, похоже, управлявшаяся непосредственно римлянами), и позднее предоставлялись ему снова.

Своим правом назначения-смещения первосвященников царь пользовался до 65г., утратив оное (изгнанный-бежавший вместе с Вереникой из повстанческого Иерусалима) в 66г. Ни среди иерусалимской иерократии, ни среди иудейской массы он, в отличие от Агриппы I, симпатий не стяжал, — как из-за своего светско-эллинистического образа жизни, так и из-за степени присущего ему римлянофильства. Иудеи ставили царю в упрёк украшение языческих городов (например, Бейрута) за их счёт, шептались за его спиной о его, нечестивца, инцесте с развратной сестрой, о его некомпетентном, время от времени, вмешательстве в культовые-храмовые тонкости (см. ниже). Более того, после его активного участия в Иудейской войне на стороне римлян многие отвернулись от него (насколько могли отвернуться) как от изменника.

Оно и верно, в деле приверженности иудаизму Агриппа II был куда менее правоверным иудеем, чем его родитель, выставлявший свой иудаизм во фронт и симпатизировавший фарисеям (умея при том не ссориться ни с саддукеями, ни с римлянами). Но ведь, с др. стороны, Агриппе I довелось, милостью Клавдия, править в последний раз восставшим из небытия Иудейским царством со столицей в Иерусалиме, в то время как Агриппа II всю жизнь управлял областями с преимущественно нееврейским языческим населением, не очень стремился управлять иудеями, равно не слишком был озабочен их любовью или не любовью к себе, судя по всему, минимально в ней нуждаясь.

И если (успешного разочароваться в язычестве) тщеславного и честолюбивого Агриппу I (мота и транжиру в молодости) на закате жизни, в т.ч., искренне потянуло к еврейству и в еврейство, то всегда искренне прислонённого и всегда от всего сердца прислонявшегося к Риму неамбициозного Агриппу II отличала, скорее, светско-декадентская индифферентность в вопросах религии. Наряду с тем, и в нём, как в других эллинизированных иродианских декадентах, тлел, иногда ярко вспыхивая, интерес ко всему оккультному, таинному, таинственному, при этом интерес менее нездоровый, чем, скажем, в его дядюшке Антипе, что, в частности,

информация проливает свет на его реальную историческую хронологию и по времени вполне соответствует авторитетному учительству, приблизительно после 110г., р. Акибы. Кроме того, сообразно Епифанию, перевод Аквилы (из духа Акибы) был завершён на 12-м году правления Адриана = 128/29гг. Отсюда высокая авторитетность р. Елеазара б. Гиркан (учителя Акибы) в качестве собеседника царя Агриппы оптимально приходится на время (по смерти в 90-е гг. Гамалиила II, на сестре к-рого р. Елеазар был женат) ок. или, скорее, после 95-го, ближе к 100-у и до ок. 110гг. н.э. (когда прозванный «шаммути» р. Елеазар подвергся за свои *шаммаитские* крайности отлучению со стороны ямнийско-синедрионального большинства *гилелитов*), что тоже косвенно свидетельствует в пользу кончины Агриппы никак не в 92/93, но в 100гг. н.э.

подтверждает вполне благоразумная и прямо противоположная первосвященско-старейшинской позиция солидарного с Фестом Агриппы, занятая им в деле Апостола Павла (см. ниже).

Тем временем, прибыв (из Кесарии Филипповой, к-рая в 61г. станет Неронианой) где-то во второй половине июля 60г. поздравить Феста, Агриппа и Вереника, как сказано у Деесписателя, провели в Кесарии Палестинской «много дней». Читатель в курсе, что такое выражение-определение может означать сроки от минимум 4/5-и до десятков дней, например, в Д.Ап.13,31 под «многими днями» отрезок времени в 40 дней. И, вероятно, Фест заговорил с Агриппой о Павле не сразу, так как в противном случае не имело бы смысла специально оговаривать «многие дни». Т.е., примем за верное, речь зашла о Павле где-то в начале августа 60г., в ходе проведённых Агриппой и Вереникой, к-рым, надо думать, удалось найти общий язык с не худшим из римских чиновников Фестом, в Кесарии «многих дней».

И в один из этих дней, коротко представив вниманию царственных гостей доставшееся ему в наследие от оставившего этот вопрос нерешённым Феликса дело, Фест не без гордости указывает на гарантируемое римским правом неосуждение человека на смерть без убедительных доказательств (лицом к лицу) его вины (презюмция невиновности) и свободы правовой защиты с его стороны. Выдачи же и осуждения на смерть иудейские иерократы добивались от него, Феста, для Павла, когда они требовали его приведения в Иерусалим не столько для формального суда, сколько как для безоговорочно и смертно виновного-виноватого преступника.

Притом здесь наместник понимает ходатайство иудеев во время его первого ознакомительного посещения Иерусалима, почему особенно убедительно звучит именно слово о «выдаче» «деликвента», к-рого иудеи, по сути, требовали выдать на расправу, чтобы, к тому же, убить его, без всякого суда, в дороге, о чём наместник не знает. И в Кесарии, куда они затем пришли, обвинители не представили ни одного доказательного обвинения, к-рые предполагал услышать от них, эмоционально настаивавших на высшей мере, римский судья.⁴⁹

Нет, но из обвинений иудеев и Павловой защиты он вывел лишь, что предмет спора – религиозный-богопочитательный, и что речь ведётся о некоем Иисусе, к-рый, согласно иудеям, умер (позорной смертью разбойника на кресте), в то время как согласно (верующему в воскресение мёртвых) Павлу, – Он жив.

Взгляните, насколько достоверно и мастерски Деесписатель тут передаёт-воспроизводит восприятие-толкование павлианского дела недопонимающим его сути-содержания языческим судьёй, к-рый, при всём том, не видит никакой смертной вины, да и вообще вины Павла в чём-либо из того, что ему его антагонисты столь яростно инкриминировали.

Да, узник категорически отказался идти в Иерусалим, к-рый наместник предложил как место суда, уяснив, что предмет спора – иудейское богопочитание, центром к-рого является Иерусалим и где судиться по данному вопросу уместнее, чем в Кесарии. Однако Павел, зная, чем для него опасно судилище в Иерусалиме, до к-рого он, несмотря на последнее слово римского прокуратора, может просто не дожить, или к-рое он может не пережить, решительно отказался от сделанного ему предложения и потребовал суда кесарева, на что как римский гражданин имел полное право, почему Фест это требование незамедлительно удовлетворил.

⁴⁹ Где римский судья судил чужой народ,
Стоит базилика, и радостный, и первый,
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый лёгкий свод. (Мандельштам)

Отсюда, с одной стороны, пусть в деле разбирается кесарь⁵⁰, в то время как, с другой, Фесту необходимо, отправляя в Рим обвиняемого, сообщить кесарю – в чём это дело состоит? а он не знает, что именно писать, и экспертом-советчиком тут очень даже может выступить заведующий храмом и назначением первосвященников царственный иудей Агриппа. То-то Фест столь охотно согласился на высказанное Агриппой желание послушать необычного узника.

Живя-царствуя в Палестине (Трахон, Ватан, Авран, Авила, части Галилеи и Переи), заведующий храмом и разбирая спорные мнения, Агриппа, само собой, не мог не знать о христианстве, к-рое приобретало всё больше приверженцев как среди иудеев, так и среди язычников, и тем очень раздражало, в первую очередь, иерократических саддукеев. Для Агриппы христиане были представителями одной из ветвей еврейства (наподобие фарисейской, есеейской, кумранитской, платоновско-филоновско-александрийской) и ничего преступного (невзирая на репрессивный выпад против иерусалимских христиан со стороны его, казнившего, чтобы сделать приятное Иудеям, Ап. Иакова Старшего и упустившего Ап. Петра, отца в 44г.) он, толерантный иудей-эллинист, правивший не в Иудее-Иерусалиме, не видел, не находил.

Наряду с тем, об этом достаточно новом учении сравнительно давно спорят, и ему любопытно послушать одного из ведущих приверженцев того самого, творившего, как говорят, многие чудеса, Иисуса. Любопытно послушать этого греко-учёного, из урождённых фарисеев, диаспорального приверженца Иисусова учения, о к-ром, т.е. о Павле, о христианине большой учёности, он, возможно, уже кое-что, до сих пор не особенно вникая в информацию и пересуды о нём, слышал.

Не случайно Дееписатель ни разу не называет небезнадёжного Агриппу II Иродом, как зовётся-клеится в Д.Ап., напротив, ни разу не называемый Агриппой его отец, троичная преемственность к-рого – как убийцы Ап. Иакова и несостоявшегося убийцы Ап. Петра, от избившего вифлеемских младенцев в охоте на Христа Ирода Старшего и от приказавшего обезглавить Иоанна Крестителя Ирода Антипы, посредством нарицательно-династического имени Ирод (в трёх поколениях), с однозначно отрицательным зарядом, сурово подчёркивается.

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПАВЛА

(август 60г.)

«Агриппа сказал Павлу: позволяется тебе говорить за себя. Тогда Павел, простёрши руку, стал говорить в своё защитение:

Царь Агриппа! Почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться пред тобою во всём, в чём обвиняют меня Иудеи,

Тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня великодушно.

⁵⁰ Примечательно требование Павла о передаче его дела «на рассмотрение Августово» (25,21), или ниже – «суда у Августа» (25,25), т.е. у римского кесаря (Цезаря), к-рого/к-рых на Востоке чаще называли Августами, а не Цезарями, т.к., если Цезарь промелькнул, ослепительно сверкнув, как комета, или как падающая звезда (для к-рой есть только миг), и не успел Ойкумене (но не Риму) толком запомниться, то долголетний правитель Август (к-рый пережил всех, кто помнил Республику) вошёл в ойкуменическую память и остался в ней гораздо основательнее. Причём интересно, что для Нерона, последнего римского императора из династии Юлиев-Клавдиев, в правление к-рого действие происходит, имена Цезарь и Август – ещё (не столько титулярные, сколько) династические, к-рые после него станут сугубо титулярными.

Жизнь мою от юности моей, к-рую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи;

Они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению.

И ныне я стою пред судом за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам, К-рого исполнение надеются увидеть наши двенадцать колен, усердно служа Богу день и ночь: за сию-то надежду, царь Агриппа, обвиняют меня Иудеи.

Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мёртвых?

Правда, и я думал, что мне предстоит много действовать против имени Иисуса Назорея;

Это я и делал в Иерусалиме; получив власть от первосвященников, я многих святых заключал в темницы и, когда убивали их, подавал на то голос;

И по всем синагогам многократно мучил их и принуждал хулить Иисуса и, в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах.

Для сего идя в Дамаск со властью и поручением от первосвященников.

Среди дня на дороге я увидел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною.

Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл! что ты гонишь Меня? трудно тебе идти против рожна.

Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: Я Иисус, К-рого ты гонишь;

Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе,

Избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к к-рым Я теперь посылаю тебя,

Открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верю в Меня получили прощение грехов и жребий с освящёнными.

Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению,

Но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом всей земле Иудейской и язычникам проповедывал, чтоб они покалялись и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния.

За это схватили меня Иудеи в храме и покушались растерзать.

Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чём пророки и Моисей говорили, что это будет;

То есть, что Христос имел пострадать и, восстав первый из мёртвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам.

Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! Большая учёность доводит тебя до сумасшествия.

Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла:

Ибо знает об этом царь, пред к-рым и говорю смело; я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто, ибо это не в углу произошло;

Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь.

Агриппа сказал Павлу: ты не много не убеждаешь меня сделаться Христианином.

Павел сказал: молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз.

Когда он сказал это, царь и правитель, Вереника и сидевшие с ними встали

И отошедши в сторону, говорили между собою, что этот человек ничего достойного смерти или уз не делает.

И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря. Посему и решил я правитель послать его к кесарю.» (Д.Ап.26,1-32)

Дело происходит, как сказано у Дееписателя, в судебной палате при дворце наместника в Кесарии, куда пришли (с великою пышностью) Агриппа и Вереника, высокие военные чины и знатные граждане города (конфликтующие между собой иудеи и язычники? к-рые как раз ожидают решения их тяжбы, к-рая разрешилась в Риме в пользу язычников, вероятно, чуть позже – летом/осенью 60г.).

Показательна деликатность Агриппы, кому Фест доверил полномочия компетентного эксперта-рефери, и к-рый, с оглядкой на Феста, позволяет Павлу говорить (за себя) как бы не от своего имени, но в безличной форме («позволяется тебе...»). Обмен любезностями, чем-то напоминающий любезностный обмен между Пилатом (отправившим галилейского подданного Иисуса из Назарета) на суд Антипы, любезно, в свою очередь, возвратившего подсудимого на суд Пилата. Однако, – ныне при иных обстоятельствах, без уродливой конъюнктуры, без попраiania суда по совести, и с противоположным для Павла исходом. Теперь и наместник, и иродианский династ – иные, да и время Павлова жертвенного отшествия ещё не настало. У Апостола впереди отшествие-отбытие из Палестины – в Рим (и силы не иерусалимско-иудейские пока, невольно содействуя становящемуся христианству, работают в Павлову пользу).

В какой мере комментарий «Т.Б.» (т.3., Д.Ап., с.185) по поводу символически простёртой Павлом руки (ораторский жест), на к-рой, мол, висела цепь, верен, – вопрос. Ибо – кто сказал, что Павел был в цепях-оковах? В последний раз мы слышим о снятии с него, римского гражданина, оков тысяченачальником Клавдием Лисием в день, когда он стражно сопровождал Павла на суд синедриона в мае 58г., после чего о новонадетых на узника оковах-веригах, будь то в Иерусалиме, или позже в Кесарии, ничего не говорится. И, стало быть, этот узник томился дальше в своём не самом строгом заточении, навешаемый посетителями, скорей всего, не в оковах. А согласно манускрипту «А», Павел, «собрав мужество и утишенный Св. Духом, простёр руку и начал речь в свою защиту» (Цанн «AG», S.796), что, опять-таки, ни малейшего намёка на оковы-вериги не содержит.

Показательно и само почтительное обращение Павла к Агриппе – «царь Агриппа», и не только потому, что Апостол принципиально лоялен (как, например, Гёте!) к гос. власти (кесарю кесарево, Богу Божие), но и потому что Агриппа – лучший из фигурирующих в Н.З. иродианских династов, к-рый заслуживает, не именуясь при этом (нарицательно-отрицательным) именем Ирод, такого к себе (не в пример его отцу, дяде, деду) со стороны приверженца Иисуса Христа обращения и отношения.⁵¹

И снова красноречивый Павел разворачивает перед слушателями (на хорошем греческом-койне) последовательную картину своего жизненного пути, к-рый даётя в Д.Ап., разнясь в непротиворечивых (если у читателя есть мозги) нюансах, итого 3 раза: в 9-й главе – благовествованием Дееписателя; в 22-й и 26-й главах – устами самого Павла, к-рый, отдав дань знанию Агриппой обычаев и спорных мнений иудеев и прося великодушно выслушать его (ведь ему впервые предоставлена возможность защищаться и одновременно проповедовать перед не последним человеком в Палестине – царём), говорит, что он с юности подвизался в Иерусалиме. И это лишний раз подтверждает предложенную нами выше павлианскую хронологию, согласно к-рой, Павел (получив начальное образование в Тарсе Киликийском) с 15-и лет (юность) обучался в иерусалимской школе Гамалиила Старшего (средней

⁵¹ Именем «Ирод» не именуется в Н.З. также сыновья Ирода Старшего – (этнарх) Архелай (Мф.) и (тетрарх) Филипп, но лютоватость Архелая в контексте Ев. от Мф. налицо, тогда как Филипп упоминается в Евангелиях без знака минус и в то же время сугубо нейтрально, лишь в качестве (законного) мужа Иродиады, от к-рого она (незаконно) ушла к Антипе. Помимо того, и Архелай, и Филипп в Н.З. не *на сцене*, как Агриппа, но *за кулисами*.

и высшей, к-рую можно условно разделить на школу и сродственную вузу академию).

И далее оратор вновь подчёркивает свою былую приверженность учению фарисеев — самому строгому среди иудейских вероисповедальных ветвей-направлений. Причём крайне ошибочно и примитивно считать, — на основе этой и подобных акцентаций Павлом его былого фарисейства, равно позиции фарисеев во время синедрионального суда над ним, — уподобляясь ряду современных экзегетов, книгу Д.Ап. профарисейской или дружественной к фарисеям, в сторону к-рых, дескать, Деесписатель, раз за разом, делает реверансы, чуть ли не предлагая им, миссионерски вербуемым в христиане, союз против саддукеев и подводя читателя к мысли о, мол, фарисейской невраждебности христианству!!!

Новозаветная книга Д.Ап. никак не может быть дружественной к приверженцам, с её апологетической позиции, фарисейской ереси ветхозаветникам фарисеям. В то же время большинство иудеохристианских неопитов приходило-переходило в христианство именно из рядов веровавших в воскресение мёртвых фарисеев, точнее, из рядов некоторых либеральных ветвей и представителей разветвлённого фарисейства, к числу к-рых не относился, например, изначально яростный гонитель христиан правотверный фарисей Савл, но относились другие фарисеи (к примеру, терпимый учитель Савла — Гамалиил). И не случайно именно среди них, именно в их демократической среде, а никак не в среде посясторонников саддукеев, прихрамовых иерократов-аристократов, и даже не столько в среде духовно наиболее близких, по ряду параметров, к христианству, однако орденски строго обособленных ессеев, находились-набирались, по большей части, как и среди либеральных еллинистов в (палестинском и диаспоральном) еврействе, еврейско-христианские неопиты.

И так будет продолжаться до катастрофы 70г., после чего руководство еврейством-иудейством перейдёт, о чём читатель в курсе, от сгинувших саддукеев к мудрецам и книжникам гилелитско-фарисейского направления, к-рые, будучи лояльны к римлянам, найдут в лице р. Иоханана б. Заккаи и его учеников защиту у Веспасиана, сумеют учредить новый центр иудейской духовной жизни в Ямнии и переместить центр экзистенции еврейства из разрушенного храма и Иерусалима в синагоги.

Т.е. они возглавят процесс, к-рый углубится-усугубится после 135г., с каковых пор стержень еврейского существования постепенно переместится сначала из разорённых Иерусалима-Иудеи — в Галилею, и потом — в мировое Рассеяние. И вот тогда, т.е. с I/IIвв., после гибели храма и особенно после поражения восстания Бар Кохбы, фарисейство, с одной стороны, преобразаясь в раввинистический иудаизм, с другой же, талмудически переформируя и униформируя ветхозаветное еврейство, притом руководя им в новых условиях (обезгосударственного и затем безземельного) выживания куда более однопартийно-тоталитарно, чем некогда (декадентные иерократы-аристократы) саддукеи, делается заклятым врагом новозаветных христиан и христианства.

Между тем, в 33 — 70гг. ряд фарисеев, понятным образом, находил больше точек соприкосновения с христианством, чем саддукеи, что, разумеется, не отменяет ни ярко воспроизведённую в Евангелиях ненависть множества фарисеев к Иисусу, ни его гневные разоблачительные слова по адресу становящихся (и ставших) синонимом лицемерия фарисеев, преданий старцев и т.д. В конце концов, ведь и пагубный зилотизм вышел отнюдь не из саддукейства, выйдя именно из доведённого до революционного апогея фарисейства, к-рое, превратившись в раввинистический иудаизм, займётся талмудизацией-мишнаизацией еврейства (на трёх талмудизированных *китах* — Тора, Пророки, Писания) усилиями школы горячо поддержавшего Бар Кохбу р. Акибы.

А касаясь орденских ессеев, последние в большинстве, в то время как меньшая часть из них тоже подалась к христианам, так и, образно выражаясь, не пропустили в свои наглухо запертые (перед внешним миром, к-рому они показывали кукиш) некрашенные ворота ни Люцифера с Ариманом, вытолкнутых ими к остальным-прочим людям, ни, увы, Самого Иисуса Христа.

И потому, если часть из них стала, как сказано, христианами, то большинство сошло со сцены в I/Пвв., погибнув: либо в результате разорения есеевских поселений (в т.ч. кумранская секта) римлянами; либо частично в рядах яростных повстанцев, среди к-рых были и ессеи; либо присоединившись к общеврейской пастве раввинов. И продолжая, в последнем случае, ожидать, мол, так и не пришедшего Мессию, пришествие к-рого раввины, после досаднейшей осечки с Бар Кохбой, понемногу дальновидно отложили до далёких-отдалённых времён (как в пору существования храма оное откладывали-отодвигали подальше от себя, не желая рисковать своими шкурными выгодами, первосвященские кланы и саддукеи).⁵²

* * *

Возвращаемся к речи Павла, кто, по его убеждению, весьма парадоксально стоит (проведя аж 2 года в узилище) «перед судом за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам», к-рое, как он имеет право в это, пережив Христово явление-откровение на пути в Дамаск, верить и это квалифицировать, во Иисусе исполнилось, что подтверждается соответствующими местами и стихами-словами из Торы, Пророков, Писаний. (Даром что саддукеи, к-рыми еврейство не ограничивается, не исчерпывается, о чём Агриппе прекрасно известно, в качестве канона принимают только Тору! Разве еврейский свет клином на саддукействе сошёл?!). См. Втор.18,15; 2Ц.7,12; Пс.131,11; Ис.7,14; Иер.23,5; 33,15; Иез.34,23; 37,24; Дан.9,24; Мих.5,2...

И тут вполне уместно делаемое Павлом напоминание именно о 12-и коленах (10 из к-рых радикальные фарисеи типа Акибы считали изверженными из тождественного Иуде с Вениамином Израиля, недостойными воссияния им света и навсегда потерянными), к-рые есть торжественная формула и идентификационный синоним целокупного Израиля – Сына Божия, к-рому, при Исполнении Времён, был ниспослан Иисус, Сын Давидов = Христос Земной по рождению! и Сын Божий – как инкарнированный в Иисусе Христос Небесный – по крещению!

Впрочем, об этом Павел открыто не говорит, указуя Агриппе, что иудеи, в лице руководящей саддукейской иерократии, в сущности, обвиняют его за всеизраильскую надежду на обетование. Кто как не Агриппа, постоянно разбирая дрязги и споры первосвященников, старейшин, книжников и первосвященских кланов, в курсе относительно их косности, догматизма, алчности, твердолобости-непробиваемости и т.д.!

⁵² 5000 лет «от Сотворения мира», по омоложенной раввинами в Пвв. н.э. еврейско-талмудической эре, эпоха эры к-рой – 3761г. до н.э., пришлось на 1240г. н.э. То-то в ХПв. в различных странах (Франция, Испания, Персия, Марокко, Моравия...) явились (предваряя т.н. мессианскую эру) не менее 8-10-и авантюристов-обманщиков, каждый из к-рых выдавал себя за еврейского мессию. 5500 лет «от Сотворения мира», по этой же эре, выпали на 1740г. н.э., до к-рого, в ХПв. (кстати, по исполнению 62-х и с началом 63-го юбилейного периода, по царскому субботне-юбилейному календарю-циклу Иисуса Навина) выступил в 1648г. в Измире самый скандальный после Бар Кохбы иудейский лжемессия Саббатай Цеви, совративший множество поверивших в него евреев (но принявший в 1666г. ислам). А как раз в 1740г. объявил себя реинкарнацией (в т.ч.) Саббатая Я.Франк (к-рый в 1757г. бежал из Польши в Турцию, где тоже принял ислам). Остаётся добавить, что 6000 лет, по означенной эре (от 3761г. до н.э.), это – 2240г. н.э., т.е. в ХХII/ХХIIIвв. снова следует ожидать мессианских волнений в еврействе.

И как вообще можно обвинять Иудея за разделяемую фарисеями или ессеями веру в воскресение мёртвых! Не склонялся ли к (не лучшим) фарисеям отец Агриппы Ирод (что не помешало ему обезглавить Иакова Старшего и попытаться казнить Петра, в угоду как, в первую очередь, иудеям-саддукеям, так и части интолерантных фарисеев)! И не испытывал ли склонность к либеральному фарисейскому направлению (менее религиозный) Агриппа II, почему, вероятно, Павлом и делается упор на общих для христиан и фарисеев сакрально-воскресенских положениях-ценностях, к-рые отвергают махровые посторонники саддукеи. Апостол в подтексте призывает Агриппу не клеветать на саддукейские заблуждения и не принимать в его вопросе позицию прихрамовников-саддукеев.

И затем он не в первый раз максимально саморазоблачительно презентует себя как жестокого преследователя христиан до своего просветления на пути в Дамаск, притом даже несколько преувеличивая, ибо его противохристианская активность приходится, по большому счёту, всего на несколько месяцев, со времени каменования Стефана в конце декабря 33-го и до времени дамасского просветления-просвещения фарисея Савла Самим Воскресшим Христом в мае 34гг. И тем не менее, тогда, в 33/34гг., он испытывал гжучую ненависть к веровавшим в Распятого первохристианам: он в ярости гнал и мучил этих людей, и когда убивали их, подавал на то голос. И в Дамаск шёл, вызвавшись сам, чтобы преследовать там бежавших туда после каменования Стефана иерусалимско-иудейских и тамошних иудеохристиан.

Но в дороге, в полдень, превосходящий солнечное сияние свет (божественная эфирная солярность!) осиял его и шедших с ним, и свалил наземь, и голос свыше укорил его – гонителя Савла – на еврейском языке, чем дополнительно подтверждается, что перед высоким собранием Павел держит речь на греческом, к-рый знают и Агриппа, и Вереника, и Фест, и тысяченачальники, и кесарийская знать, присутствующие в судебной палате дворца наместника. Кстати, говорят, что убелённые сединами умники-инквизиторы, при допросе Орлеанской Девы, к-рая утверждала, что с ней говорили являвшиеся ей Архангелы Михаил и Гавриил, лукаво её спросили – на каком языке они к ней обращались? на что юная Дева Жанна, не без иронии, ответила вопросом на (дурацкий) вопрос: «Зачем Михаилу и Гавриилу говорить с французенкой по-английски?»

И чудесное Событие Дамаска (34г.) стало поворотным в жизни 31-летнего (возраст на время Таинства Голгофы Иисуса Нафанида) заново родившегося благодаря этому Событию Савла, к-рый потом ещё 33 года (возраст на время Мистерии Голгофы Иисуса Соломонида) неутомимо трудился во имя Христа и за Христа как великий ойкуменическо-христианский пассионарий I-го в. н.э. Физически ослепнув, он духовно прозрел, просветлённый и просвещённый сиятельным Солнцем Христа Спасителя, сиянием Христа-Солнце, новообретая на третий воскресенский день (восстания из гроба) в Дамаске своё физическое зрение, по молитве крестившего его Анании.

И после того были в его жизни Аравия, Дамаск, Иерусалим, культурные столицы ближневосточного эллинизма – Тарс и Антиохия, Галатия, Македония, Афины, Коринф, Эфес (и ещё будут Рим, Испания, Крит, снова М.Азия, снова Коринф, эпирский Никополь и, наконец, столица мира – центр державы Рим, где, а не в Иерусалиме, первоверховным Апостолам Петру и Павлу уготовано мученичество).

Однако в своей защитительной речи 57-летний Павел опускает некоторые маршрутно миссионерские последовательности и подробности, сосредоточивая внимание 32-летнего (на 33-м году жизни) Агриппы, прежде всего, на том, что он был поставлен явившимся ему на пути в Дамаск (к-рый есть его Рубикон) Христом «служителем и свидетелем» (сродни свидетелю о свете Иоанну Крестителю, к-рый,

повторим, предваряет Иисуса так, как Павел предваряет Иоанна Богослова) того, что он видел, и того, что Христос открыл ему, избавив его от народа Иудейского и от язычников, к к-рым он был с проповеднической миссией снаряжён. Дабы обратить их от тьмы к свету! дабы сделать из них, чад тьмы, чада света! дабы повернуть их от сатаны к Богу и к спасительному уверованию в Иисуса Христа!

И как он мог противиться небесному откровению свыше, к-рое явило ему (извергу) Воскресшего, в К-рого он до того категорически не верил; к-рое явило ему, физически ослепшему, Саму духовную Истину! И более не могучи и не желая противиться воле Божией⁵³, но обратившись и прозрев, он начал проповедывать, выйдя из Дамаска и позже из Иерусалима и Иудеи к язычникам, на ойкуменические горизонты до краёв земли.

И вот за это никак не богопротивное, а богоугодное дело его (прибывшего в Иерусалим на поклонение и с пожертвованиями) Иудеи в мае 58г. схватили и покушались растерзать. Но Господь уберёт его и он до сего дня – август 60г. – свидетельствует малому и великому о том, о чём и Моисей, и пророки говорили, что это будет, а именно, что Христу должно пострадать (известный посвящённым еврейнам, как и два Машиаха, *страждущий* Мессия, к-рых, правда, подавляющее большинство Иудеев в Иисусах, Соломоне и Нафаниде, равно в Иисусе из Назарета, проглядели) и первому из мёртвых беспрецедентно воскреснуть (в Фантомно-нетленном Теле Воскресения). Воскреснуть и возвестить Свет – как (первоначально) единобожному народу Иудейскому, так и язычникам (ойкуменический Апостолат в отношении к-рых Христос вверил Павлу)!

* * *

Не случайно римлянин Фест именно в этот момент, услышав о восстании Иисуса первым из мёртвых, воскликнул, реагируя на то, что никоим макаром не укладывалось в его голове: «безумствуешь ты, Павел!»; и не только не сомневаясь, но наоборот, по ходу речи, уверившись в большой Павловой учёности, добавил: «большая учёность доводит тебя до сумашествия».⁵⁴

Да, небо и земля для римлян, как и для греков и др. язычников, кроме иудеев, были полны богов, часть из к-рых и умирали, и воскресали, но на Ив. н.э., в пору упадка и смерти старых мистерий и старых богов, в пору всеобщего духовного кризиса-декаданса, это были для язычников, в особенности из высшего общества, лишь мифы, мистериального значения к-рых они не понимали, отчего всякие противоречащие рационал-материалистическому мировосприятию воскресение, бессмертие и т.д. ими, сходно ново-новейшим людям-человекам, усмешливо отвергались.

⁵³ По поводу снова звучащих здесь ставших крылатыми слов Иисуса к Павлу – «трудно тебе идти против рожна» (Д.Ап.9,5; 26,14) (см. выше), интересно параболическое использование образа рожна (острый кол, укрепленный в наклонном положении, к-рым подгонялся или приводился в послушание домашний скот) талмудистами. «Госсефта Сот» (7,11 (307): «Р. Елеазар б. Азария (ок.100г.): «Слова мудрых, как рожон. Ибо как рожон направляет пахотного вола в нужном направлении, чтобы добыть пропитание миру, так и слова Торы приносят жизнь в мир...» «Пешикта раббати» (3 (76): «Р. Танхума (380г.): «Слова мудрых, как рожон. Что это значит? Как рожон направляет вола в нужную сторону, чтобы вспахать пашню, так слова мудрых учителей указывают людям дорогу к Всевышнему. Потому и говорит Соломон: «Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря» (Еккл.12,11).

⁵⁴ Согласно талмудистам, Валаам, сын Веоров, обезумел от большой учёности (Таргум Иерушалми к Кн.Ч.22,5).

Вместе с тем, «Т.Б.» (т.3., Д.Ап., с.190) напрасно называет восклицание Феста «сердитым». Напротив, в нём слышится доля восхищения, несмотря на то, что он не в состоянии понять веру Павла, в к-рой усматривает безумство от большой учёности, т.е., выражаясь современно, — *gore ot ума*. Единовременно Фест, не в пример Феликсу, — неодиозный правитель, почему Павел мягко отводит его упрёк, называя его «достопочтенным», и утверждая, что не безумствует, произнося слова как истины, так и именно здравого смысла, что как раз и было поставлено услышавшим об Иисусовом воскресении Фестом под сомнение с (рационал-материалистической) точки зрения т.н. здравого смысла.

И оратор вновь взывает к царю, говоря, что всё, о чём он (разумя Мистерию Голгофы, с следовавшим за ней Веком Апостольским) сказал, не в углу происходило, и что обретающийся в Палестине 32/33-летний Агриппа (кто с начала 40-х по 49/50гг. воспитывался-учился, при Клавдии, в Риме), кому на момент Тайнства Голгофы 33г. было 5 лет, или шёл 6-й год, о многом из того, о чём сказал Павел, знает (не может не знать; не мог не слышать).

И неспроста он вопрошает Агриппу словами: «веришь ли царь Агриппа пророкам?», к чему присовокупляет — «знаю, что веришь», чем дополнительно акцентируется нечуждая Агриппе фарисейская приверженность Пророкам, у к-рых, в Книгах к-рых хватают пророчеств и провозвестий, исполнившихся, с Исполнением Времён, во Христе.

Причём очень примечательна реакция Агриппы: «ты не много не убеждаешь меня сделаться христианином», к-рую ново-новейшие авторы, экзегеты, комментаторы из различных лагерей и различные «Лексиконы» оспаривают как многоспорную, в основном высказываясь, сухо или иронично, против какой-либо, — дескать, невозможной, — агриппианской склонности к христианству. Если из данного варианта наличного текста бесспорно следует «ты *почти* убеждаешь меня сделаться христианином», то экзегеты — либо, принимая сей текст, приписывают Агриппе сарказм; либо, экспериментируя над пониманием-интерпретацией древнегреческого текста Д.Ап., предлагают иные варианты прочтения: «ты слишком скоро хочешь убедить меня сделаться христианином» (Цанн, S.810/11); или: «ты мало убеждаешь меня сделаться христианином» (Шюрер 1,591/92); или «Т.Б.» (т.3, Д.Ап., с.191/92) — по смыслу: «ты слишком скор» (в попытках сделать меня христианином).

Дело в том, что экзегетике нашей рационал-материалистической эпохи совершенно чужд канонический вариант слов Агриппы, к-рый-де не мог ни склониться от проповеди Павла к христианству, ни, тем паче, являясь царём и заведующим храмом, сказать нечто подобное, почему он — либо, мол, просто иронизировал, либо сказал нечто прямо противоположное тому, что захотел услышать и воспроизвёл Деесписатель.

Но для эллинизированного иудея, с, предположительной склонностью к либеральному фарисейству, Агриппы (тогда как его отец симпатизировал-покровительствовал, не забывая о храмовниках-саддукеях, фарисеям строгим — ортодоксальным-консервативным) христианство было в 60г. н.э. одним из, скажем снова, ветвей-ответвлений еврейского иудаизма. Агриппа не испытывал к нему свойственного саддукеям отвержения, как не испытывал (сходно Веренике или Фесту) ненависти к, наоборот, заинтересовавшему его Павлу. И, следовательно, вполне мог не считать христиан еретиками-схизматиками, как он не считал, например, ересь, во многом, расходившееся с ортодоксальной прихрамовой иерократией само фарисейское учение с его ветвями-ответвлениями.

И ведь никто из сегодняшних критикански настроенных горе-экзегетов не удивился бы (и не возмущился бы), скажи Агриппа кому-либо из авторитетных рабби: «ты не много не убеждаешь меня сделаться фарисеем»; или скажи он какому-нибудь

ессейскому авторитету: «ты не много не убеждаешь меня сделаться ессеем». Зачем же так ополчаться на эти слова, как на, дескать, совершенно невозможные в его устах, приложительно к христианину и христианству?! Ничего невозможного в них нет и мы смело примем их общепринятый канонический вариант, не мухлюя над ним с единственным весьма модным в ново-новейшее время желанием его критикански пересмотреть-опровергнуть-отвергнуть-похерить.

Другое дело, что всякий интерес Агриппы, сына своего века, к религии и к её вопросам был поверхностным, и отлично от своего отца, он никогда не старался глубоко вдаваться в какую-либо религиозность, — ни показушно, ни по-настоящему, по крайней мере, таких сведений о нём нет. При всё том, Павел и не думает тотчас обратиться к Агриппе, что видно из ответного Павлова желания-восклицания сделать всех слушающих его сегодня такими как он, верующий христианин, кроме, разумеется, его уз. И дальше светского интереса-любопытства к вопросам духовности, религии, оккультизма Агриппе ни тогда, ни позднее зайти наверняка не довелось. Хотя его интерес и любопытство к духовному были, надо признать, на порядок здоровее, чем у откровенно враждебных Христу и христианству его отца (Ирода Агриппы), дяди (Ирода Антипы), деда (Ирода I).

Ни Агриппа, ни Вереника, ни Фест, к-рые соприкоснулись с христианством в Ив., не будучи ни способны, ни в состоянии понять или, тем более, принять его, всё-таки, в кармической перспективе, для христианства потеряны не были. И отлично от своих одиозных отца, дяди, деда, отлично от недостойных первосвященников, старейшин, книжников, Агриппа не совершил никакого преступления против христиан и христианства, напротив, именно он, по завершении блистательной защитительной речи Павла, после к-рой слушавшие её сановные персоны, отойдя в сторону, говорили, «что этот человек ничего достойного смерти или уз не делает», пошёл ещё дальше, сказав Фесту, что — «можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря».

По всей видимости, это требование и принятое ранее Фестом по нему решение, согласно римским юридическим нормам, уже не могло быть пересмотрено, что означало подстражное препровождение Павла в Рим, против чего сам добивавшийся и добившийся этого Павел, насколько можно судить, нисколько не возражал, поскольку и не рассчитывал, что его освободят и что он сумеет добраться до Рима не в узах. Да и сами не слишком обременительные узы, честно говоря, надёжно или надёжнее защищали его, стремившегося непременно свидетельствовать в Риме, — в т.ч., на суде кесаря, в т.ч., перед самим кесарем (к к-рому иначе не подобраться), — от ненависти и смертоубийственных планов-намерений Павловых ненавистников — иудеев.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПАВЛА В РИМ, БУРЯ НА МОРЕ, КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ И СПАСЕНИЕ

(осень 60г.)

С 1-го стиха предпоследней 27-й гл. Д.Ап. Дееписатель снова повествует-благовествует от первого лица, т.е. он и, насколько выясняется ниже, Аристарх из Фес-салоники, с к-рым, как с одним из сотрудников-спутников Павла, мы встречались выше, в 57/58гг. (19,29; 20,4), в Эфесе и позднее, сопутствовали теперь Апостолу в его подстражном путешествии из Кесарии в Рим. Как видно, Трофима Ефесянина, бывшего при Павле в 58г. (Иерусалим), сейчас рядом нет. Есть ли ещё кто иной — вопрос? Неизвестно также — находился ли Лука, прибывший, сходно Трофиму, с Павлом в Иерусалим в 58г., в Палестине во всё время Павлова заточения?

Так или иначе, ныне Павел сопровождаем Лукой и Аристархом, с к-рыми он в качестве узника, вместе с некоторыми другими отправляемыми римским прокуратором Иудеи в Рим узниками, взшёл в Кесарии Палестинской на борт судна в сентябре 60г. н.э.

«Когда решено было плыть нам в Италию, то отдали Павла и некоторых других узников сотнику Августова полка, именем Юлию.

Мы взяли на Адрамитский корабль и отправились, намереваясь плыть около Асийских мест; с нами был Аристарх, Македонянин из Фессалоники.

На другой день пристали к Сидону; Юлий, поступая с Павлом человеколюбиво, позволил ему сходить к друзьям и воспользоваться их усердием.

Отправившись оттуда, мы приплыли в Кипр, по причине противных ветров,

И, переплывши море против Киликии и Памфилии, прибыли в Миры Ликийские.

Там сотник нашёл Александрийский корабль, плывущий в Италию и посадил нас на него.

Медленно плывая многие дни и едва поравнявшись с Книдом, по причине неблагоприятного нам ветра, мы подплыли к Криту при Салмоне

Пробравшись же с трудом мимо него, прибыли к одному месту, называемому Хорошие Пристани, близ к-рого был город Ласея.

Но как прошло довольно времени, и плавание было уже опасно, потому что и пост уже прошёл, то Павел советовал,

Говоря им: мужи! я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни.

Но сотник более доверял кормчему и начальнику корабля, нежели словам Павла.

А как пристань не способна была к перезимованию, то многие давали совет отправиться оттуда, чтобы, если можно, дойти до Финики, пристани Критской, лежащей против юго-западного и северо-западного ветра, и там перезимовать.

Подул южный ветер, и они, подумавши, что уже получили желаемое, отправились и поплыли по близости Крита.

Но скоро поднялся против него ветер бурный, называемый эвроклидон.

Корабль схватило так, что он не мог противиться ветру, и мы носились, отдавшись (волнам).

И, набежавши на один островок, называемый Клавдою, мы едва могли удержать лодку;

Поднявши её, стали употреблять пособие и обвязывать корабль; боясь же, чтобы не сесть на мель, спустили парус и таким образом носились.

На другой день, по причине сильного обуревания, начали выбрасывать груз.

А на третий мы своими руками побросали с корабля вещи.

Но как многие дни не видно было ни солнца, ни звёзд, и продолжалась не малая буря, то наконец исчезала всякая надежда к нашему спасению.

И как долго не ели, то Павел, став посреди них, сказал: мужи! надлежало послушать меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда;

Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль;

Ибо Ангел Бога, К-рому принадлежу я и К-рому служу, явился мне в эту ночь

И сказал: не бойся, Павел! Тебе должно предстать пред кесаря, и вот Бог даровал тебе всех плывущих с тобою.

Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано:

Нам должно быть выброшенными на какой-нибудь остров.

В четырнадцатую ночь, как мы носимы были в Адриатическом море, около полуночи, корабельщики стали догадываться, что приближаются к какой-нибудь земле,

И, вымеривши глубину, нашли двадцать сажен; потом на небольшом расстоянии вымеривши опять, нашли пятнадцать сажен.

Опасаясь, чтобы не попасть на каменистые места, бросили с кормы четыре якоря и ожидали дня.

Когда же корабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят сбросить якоря с носа,

Павел сказал сотнику и воинам: если они не останутся на корабле, то вы не можете спастись.

Тогда воины отсекли верёвки у лодки и она упала.

Перед наступлением дня, Павел уговаривал всех принять пищу, говоря: сегодня четырнадцатый день, как вы, в ожидании, остаётесь без пищи, не вкушая ничего;

Потому прошу вас принять пищу: это послужит к сохранению вашей жизни; ибо ни у кого из вас не пропадёт волос с головы.

Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога перед всеми, и разломив, начал есть.

Тогда все ободрились и также приняли пищу;

Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ.

Насытившись же пищею, стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море.

Когда настал день, земли не узнавали, а усмотрели только некоторый залив, имеющий отлогий берег, к к-рому и решились, если можно, пристать с кораблём.

И поднявши якоря, пошли по морю и, развязавши рули и поднявши малый парус по ветру, держали к берегу.

Попали на косу, и корабль сел на мель: нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн.

Воины согласились было умертвить узников, чтобы кто-нибудь выплыв, не убежал.

Но сотник, желая спасти Павла, удержал их от сего намерения и велел умеющим плавать первым броситься и выйти на землю,

Прочим же спастись, кому на досках, а кому на чём-нибудь от корабля. И таким образом все спаслись на землю.» (Д.Ап.27,1-44)

Если обращённого-крещённого Ап. Петром сотника Итальянского полка звали Корнилий (Корнелий) – жентильный номен республиканских времён, восходящий, предположительно, к сулланским вольноотпущенникам (см. выше), то *nomen gentiliſcum* сотника Августова полка Юлий относится ко временам цезарским-кесарским, как и – Клавдий (Клавдий Лисий – римский жентильный номен и греческий когномен). Когноминальное прозвище сотника Юлия, буде таковое у него имелось, Лк. не называет.

В «Т.Г.» (1841-45) мы специально разобрались, что Августовский полк = когорта (греч. «сπειра Себастои») – одна из пяти палестинских когорт, к-рая была сформирована как I-я Августова, скорей всего, в Сирии (но не, вопреки распространённому мнению, в Себасте-Самарии) в пору наместничества Сентия Сатурнина (7 – 2гг. до н.э.). Далее, префект (тысяченачальник) этой когорты К.Эмилий Палатин Секунд цензировал, по приказу римско-сирийского легата П.С.Квирина, в 1/2гг. н.э. Апамею, где насчитал 117 тыс. граждан, и потом он же воевал мятежных итуреев в горном Ливане.

А с 6/7гг., когда Иудея была провинциализирована, эта I-я Августова когорта стационарировалась в Иудее, приведённая сюда из Сирии. Позднее, в интервале 44 – 53гг., она блюла порядок в (управлявшейся из Сирии после смерти в 44г. Ирода Агриппы I) Батанее, возвратившись в 53г., по передаче Клавдием частей когда-тошней тетрархии Филиппа, в т.ч., Батанеи, Агриппе II, в Иудею, и с тех пор, уже набранная преимущественно (как и во времена после 6/7гг. н.э.) из кесарийских

греко-сирийцев и себастийцев, стояла в основном в Кесарии, периодически неся службу также в цитадели Антония в Иерусалиме.

И вот одному из 5/6-и сотников данной когорты, с фамилией (фамильное имя) Юлий (ни преномена, ни когномена к-рого мы не знаем), было поручено прокуратором Иудеи Порцием Фестом сопровождать Павла и некоторых других узников из Кесарии в Италию/Рим. Причём Цанн («АГ», S.815) напрасно полагает, что они отправились в путь аж на следующий день после Павловой защитительной речи перед высоким собранием в кесарийской судебной палате. Ничего подобного из текста Д.Ап. не выводится. Отправление последовало вскоре, но не сразу. Если свою речь Павел произнёс в августе 60г., то затем прошло ещё время («когда решено было плыть нам в Италию»), прежде чем судно с узниками и охраной отчалило из Кесарии где-то, судя по дальнейшему хронораскладу, 5/6.09. — в первой декаде сентября 60г. н.э.

При этом Лука и Аристарх сопровождали Павла добровольно, не в статусе арестантов, с разрешения Феста, к-рый, oprичь того, велел Юлию обращаться с Павлом человеколюбиво, ибо, похоже, последний сумел произвести на Феста — как необычный многоучёный узник, даже, повторим, большее впечатление, нежели на тоже отдававшего должное Павлу и любившего беседовать с ним Феликса. Засим христианские апокрифы правы, говоря, что Павел, невзирая на свою внешнюю невзрачность (малорослый, кривоногий и длинноносый еврей), обладал особым привлекавшим к нему людей обаянием. То-то в его лице мы имеем дело с величайшим в истории человечества проповедником-миссионером — с особо-пассионарно статуированным 13-м Апостолом (к-рого, например, армяне называют, почитают, изображают — «шествующим во главе Апостолов с животворным Евангелием Христа»).

И опять на повестке дня благовествование морского путешествия, как и при приезде-прибытии Павла в Иерусалим весной 58г., однако, на сей раз, в противоположном западном — на Европу (что и не удивляет применительно к первому христианскому европейцу — Павлу) направлении, притом от имени свидетеля-очевидца-участника событий — Луки, рассказ к-рого, поразительный своей реалистичностью, сделан эзотериком Лукой мастерски, с глубоким знанием дела, чему могли бы поучиться ново-новейшие живописатели морских путешествий (часто без личного опыта) из библиотеки приключений (вкуче с научной, либо ненаучной фантастикой).

И незачем подозревать, сродни ряду горе-экзегетов, в основе повествования Деесписателя, дескать, дневник Аристарха Фессалоникского, как будто речь не может идти об авторстве самого Луки, или, скажем, о его дневнике. Критиканам — лишь бы поставить что-нибудь в новозаветных Книгах под сомнение, лишь бы в чём-нибудь усумниться и как-нибудь опровергнуть-похерить новозаветных авторов или их достоверность. Увы, рационал-материалистическая и атеистическая чесотка XIX/XXвв. у многих из них до сих пор не прошла.

Итак, ок. 5/6.09.60г. началась продлившаяся, в общей сложности, 5/6 месяцев, полная и мытарств, и приключений (как у ветхозаветных — *морского* патриарха Ноя, или *морского* пророка Ионы), часто на грани гибели, преимущественно морская дорога спасшегося от рук иудеев Апостола язычников, в многожеланный для него, пусть в узичестве, Рим.

Для первой фазы путешествия — из Кесарии Палестинской до расположенных на южном побережье М.Азии (в 70-и км юго-западнее Анталии) Мир Ликийских — был найден Адрамитский корабль = судно из Адрамита — приморского города в Мизии⁵⁵, севернее Смирны, в 50-и км от Пергама, недалеко от знакомых нам

⁵⁵ В «Вульгате» (Иеронима) вместо мизийского Адрамита ошибочно — африканский Гадрумет.

Троады и Асса, напротив Лесбоса. Вместе с тем, из этого нисколько не выводится, как полагает «Lexikon zur Bibel» (S.36), что сотник Юлий намеревался везти своих узников в мизийский Адрамиттион на Эгейском море, чтобы, мол, оттуда добираться в Италию. Отнюдь, — из текста, наоборот, куда скорее, следует, что наши путники изначально стремились попасть в транзитные Миры Ликийские, дабы там найти судно, идущее в Италию.

Иное дело, что у читателя может возникнуть вопрос — почему они предпочли долгий путь вдоль берегов Сирии, М.Азии и дальше на запад, а не путь короткий — через Александрию и на Сицилию? Но обычным наименее безопасным морским путём из Палестины, Финикии, Сирии и даже из Александрии был именно путь вдоль левантійско-малоазийского побережья (каботажное плавание), затем — от острова к острову в Эгейском море и через Адриатику (Ионику) до Италии, а не короткая дорога через Александрию или из Александрии, к-рая считалась более опасной (открытое море) и использовалась в более короткий период судоходного сезона (март/апрель — сентябрь/октябрь/ноябрь) — в весенне-летнее время, с упором на июльско-августовские пассатные ветры. Или — использовалась с большим риском, при безотложной спешке, в несудоходную пору, что тоже случалось.

Не случайно сопровождаемые сотником Юлием и отрядом солдат арестанты переберутся в Мирах на александрийский корабль, шедший в Италию (осенью) тем же долгим маршрутом. Стало быть, ничего удивительного в представленном в Д.Ап. (осеннем) маршруте нет. Наши путники не спешили, и сотник, выполняя распоряжение прокуратора, на первый план ставил безопасность плавания (не исключая, при худшем раскладе, возможность зимовки в одной из гаваней по пути, как тоже нередко застигавшимся непогодами путешественникам древнего мира нередко приходилось делать).

Между тем, первую остановку сделали в Сидоне = в расположенном в ок. 120-и км севернее Кесарии одном из значительнейших, наряду с Тиром (35 км южнее Сидона), финикийских городов, именем к-рого, как и именем Тира, с к-рыми мы в нашем повествовании не раз сталкивались, часто называли-обозначали всю древнюю Финикию (см. выше). На плавание туда понадобилось 1,5-2 дня, так как интересующий нас адрамитский корабль, отплыв из Кесарии, — примем за верное, — утром 5 или 6.09., пришёл в Сидон, вероятно, на следующий день к вечеру, о чём и сказано в Д.Ап. — «на другой день» (27,3). И, видимо, пребывание в собственно Сидоне заняло 2/3 дня.

Тут Павел был, согласно Дееписателю, «человеколюбиво» отпущен сотником (в сопровождении солдата охраны?) на берег, где он встретился с единоверцами — христианами из местной общины, и «воспользовался их усердием» (3), т.е. получил от них денежную помощь, в к-рой нуждался.

* * *

Последующее плавание, пролекая вдоль сирийского и киликийского берегов, было нарушено противным ветром, понесшим корабль к Кипру. И так в обход его северо-восточной оконечности, через море супротив Киликии и Памфилии, не приставая ни к Кипру, ни к материку, наши путники пришли в находившуюся западнее Памфилии гавань Андриака — порт Миры = или Миры Ликийские⁵⁶ — цветущий, в 5-и км от берега, город в Ликийи, к-рая, как читатель помнит, была провинциализирована Клавдием и объединена с Памфилией в 43г. н.э. Причём на путь от Сидона до Миры, сообразно манускрипту «А» Д.Ап., ушло, чего нет в

⁵⁶ В «Вульгате» вместо Миры ошибочно — Листра.

каноническом тексте, и что вполне можно, учитывая «противные ветры», принять, 15 дней. Следовательно, время прибытия в Ликию – ок. 25/26.09.

Название города Миры, между Лимирией на востоке и Патарой к западу от неё⁵⁷, где Павел, поспешая в Иерусалим к Пятидесятнице, взшёл в 58г. на судно, идущее в Финикию, происходит от благовонной смирны, или от «Маура», – по-этруски, – «место Матери-богини». Мира⁵⁸ была важным транзитно-торговым, в частности, зерновым узлом на пути александрийской пшеницы через М.Азию в Грецию и Италию. Здесь, в живописной местной гавани Андриака под скалами, сотник Юлий нашёл большой александрийский корабль, к-рый как раз направлялся с грузом пшеницы в Италию, договорился с его владельцем (начальник корабля) и кормчим (капитан = наварх), после чего поднялся на борт со своими солдатами и узниками, вместе с к-рыми общее число людей на корабле, включая команду и всех пассажиров, составило 276 человек (37).⁵⁹

Из Миры корабль направился вдоль малоазийского берега до Книда в Карию (юго-западный угол М.Азии на п-ве Книдия между островами Кос и Родос), откуда капитан повернул судно, надеясь на защиту от северо-восточного ветра под прикрытием критских гор, в обход мыса Салмон (ныне Кап Сидерия) на восточном берегу Крита, в 160-и км юго-западнее Книды, и повёл его вдоль южного берега о-ва до гавани Хороших Пристаней, близ города Ласей (*грубый; суровый*) – Калои-Лименес. Это плавание от Миры до Книды и Ласей на южном критском побережье Деесписатель исчисляет «многими (по причине неблагоприятного ветра) днями», по Цанну, – ок. 20-и дней («AG», S.823), акцентируя ниже, после упоминания Ласей, что «прошло довольно времени».

И поскольку «плавание было уже опасно, потому что и пост уже прошёл» (9), Павел, предвидя печальные последствия дальнейшего хождения по морю (за три моря), посоветовал, во избежание мытарств и кораблекрушения, перезимовать на достигнутой точке Крита, не двигаясь вперёд. Однако сотник предпочёл довериться капитану и начальнику (владельцу) корабля, к-рые, с одной стороны, спешили с грузом в Италию, тогда как, с другой, думали, ссылаясь на малую пригодность Ласей и Хороших Пристаней для зимовки, дойти минимум до Финика (Феникс) в 180-и км западнее по южному островному берегу, с укрытием в тамошней очень

⁵⁷ Птолемей (5,3,3) перечисляет 4 значительные гавани в этой части юга М.Азии с запада на восток: Патара, Антифил, Андриака, устье Лимиры; у Плиния (5,100) аналогично, но в обратном направлении – с востока на запад.

⁵⁸ На месте Миры сохранились развалины великолепного греко-римского театра и высеченные в скалах гробницы, уникальные своим местонахождением на возвышенностях, так как предполагалось, что это поможет покойникам попасть на небо. Процветавший в римскую эпоху город при (начало Византии) Феодосии II (408-50гг.) стал столицей Ликии. Упадок – со времени арабских набегов в VIIв., плюс – затопление грязями реки Мирос. Скажем снова, отсюда родом знаменитый Николай Чудотворец (III/IVвв.) – Санта-Клаус рождественской ночи, к-рого мы в советские годы ждали как Деда Мороза в (самую волшебную) ночь (года), с 31.12. на 1.01., и, не дождавшись, находили по утрам под новогодней ёлкой или у своего постельного изголовья принесённые им сказочные дары-подарки.

⁵⁹ Крупные торговые или зерновые суда римской эпохи были очень вместительны. К примеру, согласно Лукиану Самосатскому (IIв.), александрийский корабль «Изида», при размерах 54 : 13,5, брал 3250 тонн зерна («Морские беседы» 5). Или корабли, к-рые транспортировали египетские обелиски в Рим, могли взять 1335 тонн (Плиний 16,201; 36,70). Или судно, на к-ром тремя годами позднее Павла путешествовал в Рим (63г.) Иосиф Флавий, сходно потерпевший кораблекрушение и сходно сумевший спастись впласть на берег, имело на борту аж 600 человек (Vita 15) (см. ниже). Обычные же суда, гребные и парусные, или и гребные (гребцов не каждый судовладелец мог себе позволить), и парусные были на порядок меньше (Цицерон «Fam.» 12,15,2; Плиний 6,8).

удобной бухте как от юго-западных, так и от северо-западных ветров, и при необходимости, — зазимовать, под защитой критских гор, там.

Внимание! Пост, к-рый оговаривает, предоставляя нам важную хроноинформацию, Дееписатель, есть (однозначно) еврейский Судный день Искупления в день 10-го тишри, к-рый в 60г. н.э. пришёлся на 23.09. Т.е., буде наши путники отплыли-отчалили из Кесарии 5/6.09., и буде они итого ок. 20-и дней (2 до Сидона + 3 в Сидоне + 15 в море) добирались до Миры, а потом ок. 20-и дней — до южного берега Крита, значит, на дворе, точнее, на море — уже время ок. 15.10.60г.⁶⁰

Вспомним, что классическим судоходным сезоном в древности считалось время от восхода до захода созвездия Плеяд — с 5.03. (начало навигации) по 10-12.11. (её закрытие), выходя за пределы этого времени для рискованных моряков — с 8.02. (тёплый ветер фавоний) зимой/весной и до второй половины ноября осенью/зимой, в то время как наиболее благоприятный плавательный сезон-период выпадал на интервал с весеннего до осеннего равноденствий, или шире — с марта/апреля по сентябрь/октябрь. Зимой не успевшие дойти до пунктов назначения суда искали убежище от штормов до зимы/весны или до весны в гаванях пути следования, ибо море для судоходства закрывалось — *mare clausum*. Хотя находились смельчаки (экстремалы), плававшие на собственный страх и риск, либо по долгу неотложной службы, и в самые опасные зимние месяцы.

При этом иудеи считали неблагоприятным для мореплавания конкретно время после 8-дневного праздника Поставления Кушей (15-22 тишри): в 60г. — 28.09. — 5.10. Судный день = день Искупления, день Всепрощения нигде в Евангелиях так не называется, фигурируя в Ио.5,1 как не нуждающийся в уточнении для иудеев и не являющийся праздником для христиан — «праздник Иудейский».

Посему, во-первых, понятно, почему Лука называет его, приводя хроноинформацию, просто «постом», а во-вторых, похожим образом, после Мистерии Голгофы (переместившей центр тяжести и сущности христианского календаря, отлично от второхрамового еврейского, с осени на весну, с осеннего иудейского праздника Поставления Кушей — на созерцательную ему весенне-воскресенскую христианскую Пасху), нигде в Книгах Нового Завета не называется и (отошедший для христиан в прошлое) праздник Кушей (к-рый иудеи *дополнили* в Маккавейскую эпоху праздником Обновления, к-рый, в свою очередь, метаморфизировался у христиан в праздник Рождества).

Соответственно, говоря «пост», Дееписатель одновременно понимает и празднество Поставления Кушей, время после к-рого иудеи, повторим, считали неблагоприятным для мореплавания. Иначе говоря, под «постом», к-рый уже, оставшись позади, прошёл, мы можем в данном контексте понимать и Куши, дни к-рых (тоже) уже прошли. Т.е. Павел настоятельно советует сотнику Юлию, начальнику корабля и кормчему не продолжать путь, но зазимовать в Ласее (Хорошие Пристани), по прошествии как хроноориентировочного Поста (первично важный — равноденственный — фикс-пункт), так и, главное, по прошествии (разделяющего время на благоприятное и неблагоприятное для мореплавателей) праздника Кушей, спустя ок. 10-и дней от окончания последнего, — ок. 15.10.60г.⁶¹

⁶⁰ Согласно Лукиану Самосатскому, шедший в Италию огромный александрийский корабль с зерном, пришёл из Александрии в Сидон, после чего вдоль памфилийского, ликийского побережий и через Эгейское море, из-за противных ветров, только на 70-й день плавания добрался до афинской гавани Пирей («Морские беседы» 1,8,9).

⁶¹ «Шаббат» (2,56; 25): «Р. Ицхак б. Марион (280г.): «Если бы не было сказано: «Так говорит Господь, открывший в море дорогу, в сильных водах стезю...» (Ис.43,16), то всякий мореплаватель погиб бы». Раббанан: «Открывающий в море дорогу» открывает её с праздника Пятидесятницы (6 сивана) до праздника Кушей (15-22 тишри). «И в сильных водах стезю»,

Таким образом, в середине октября подул было южный ветер, к-рый держал судно у южных критских берегов, укрепив судовладельца, наварха-капитана и сотника в намерении идти минимум до, как сказано, расположенного в 180-и км к западу от Ласеи Финика = Феникса (сегодня – Лутро, или Лутраки), к-рый Плиний (4,58) именует среди 60-и городов Крита (называвшегося в древности «островом ста гордов») (Страбон 10,475; Птолемей 5,17,3).

Впрочем, вскоре налетел шквальный «евроклидон» (Евр-Аквилон) – ураганный юго-восточный ветер, и не только не позволил путешественникам попасть в Феникс, но помчал корабль прочь в море до опасного прибрежными мельями и скалами маленького треугольного островка Клавды (греч. – Гаудо; итал. – Гоццо), в 40-а км южнее западного Крита (Страбон 1,44; 7,299; Плиний 4,61; Птолемей 3,17,11).

Кормчий пытался провести судно мимо юго-западного островного мыса и найти спасение на этой стороне острова, больше всего опасаясь наткнуться в создавшейся ситуации, в условиях шторма, на мель или разбиться о прибрежные скалы. Были приняты все необходимые в таких случаях меры. Едва удалось удержать следовавший за кораблём на привязи спасательный бот. Лодку подняли, борта корабля обвязали крепкими канатами и цепями, чтобы кузов не треснул и не расселся в бурю, парус спустили и представили судно, в качестве чрезвычайно рискованной и одновременно единственной возможности спасения, воле-произволу носивших его волн. Буря продолжалась, на второй день за борт выбросили балласт, на третий день, не трогая пока пшеницу, покидали в воду оснастку судна и менее ценный груз.

Обратим внимание на то, что, по всему, эти 3 дня с начала ураганного евроклидона (14-19) не входят в число 14-и следующих дней, в к-рые корабль был носим, согласно Лк., – «в Адриатическом море» (27). Причём здесь надо усвоить, что Адриатическим часто называли в древности всё морское пространство между Гре-

т.е. с праздника Кушей до праздника Обновления (25 кислева – 2/3 тевета). Однажды р. Йосе б. Танхума из Кафар-Агина находился в М.Азии, откуда хотел отчалить во время между праздниками Кушей и Обновления. Встретив его, некая матрона спросила: «Путешествуют ли в это время морем?». Он увидел во сне отца, к-рый сказал ему: «Если бы какой человек родил сто детей, и прожил многие годы, и ещё умножились бы дни жизни его, но душа его не насладалась бы добром и не было бы ему и погребения, то я сказал бы: выкидыш счастливее его» (Еккл.3,6). И нет у него даже могилы (т.е. он утонул в море)»

Р. Кохен, брат р. Хийя б. Ба (280г.), часто путешествовал морем. И однажды он пожелал предпринять путешествие между праздниками Кушей и Обновления. И попросил брата: «Помолись за меня. Тот ответил: «Помолюсь, но поскольку молится и община (= Израиль), прося о дождях после праздника Кушей, не полагайся на мою молитву» (общинная молитва больше, важнее и сильнее индивидуальной: групповая душа ветхозаветного народа в законе). Если ты повязываешь свой праздничный Лулав, то повяжи и свои ноги» (т.е. оставайся в это неблагоприятное для судоходства время дома).

Филон в «Посольстве к Гаю» говорит: «...в ту пору суда ещё ходили – было начало осени, когда купец пускается в морскую дорогу последний раз, стремясь вернуться к родимым гаваням, где б он ни оказался, особенно, если задумал не зимовать в чужих краях...» (3) (см. выше).

Евреи, за некоторыми исключениями, не были народом мореходов, что, приложительно к изоляционистскому облечённому специфической миссией мессианистическому народу богоизбранных, очень даже понятно. Но, всё-таки, они жили при Средиземном море, являясь соседями природённых мореплавателей – финикийцев, и, в той или иной мере, соприкасались с мореходством (см. «Плач о Тире» в Кн.Иез.27). При море обитали колена Завулона, Дана, Асира. Хорошей гаванью была Яффа (Иоппия). Корабли Соломона ходили из Черного моря в страну Офир (Африка южнее Сомали?), куда позже не дошли корабли Иосафата (с к-рым в IXв. до н.э., эпоха еврейских мореплавателей в период Первого храма закончилась, не возобновляясь в более закрытый период Второго храма до времени Ирода). В Яффу привозили дерево из Ливана для строительства храма. Из Яффы бежал морем пророк Иона. При Ироде Иудея обзавелась блестящим портом Кесария (аннексированная, но не превращённая в порт Маккавеями Стратонова башня).

цией и Италией, присовокупляя к Адриатике Ионику (Siculum), равно считая границей между морями Адриатическим и Тирренским (= Тускское) Сицилию и Мальту.

И тем не менее, Адриатическим нельзя назвать море у островка Клавда, находящегося не западнее, а именно южнее западного Крита, не западнее, а именно юго-восточнее Феникса, и потому в море Адриатическое, даже в расширенном понимании древних, никак не попадающего. Т.е. «многие дни» (20) в количестве итого 14-и (27; 33), с 20-го стиха 27-й гл. Д.Ап., когда продолжающийся шторм вынес носимое волнами и по волнам судно в Адриатическое море между Грецией и Италией западнее Крита, исчисляются со времени по прошествии 3-х дней от начала эвроклидона. $3 + 14 = 17$, что приводит во время с середины октября до (достижение нашими путешественниками берегов Мальты) ок. 1 ноября 60г. н.э.⁶²

Притом направление ветра говорило, что несомый, по подозрению моряков, к африканским берегам корабль может оказаться в заливе Большой Сирт, весьма опасном коварными мелями ок. Триполи, о чём искушённые мореходы хорошо знали. И 14 дней не было видно ни солнца, ни звёзд, и буря не утихала, и все ориентиры были потеряны, и, при страшной качке, морская болезнь мучила людей. И они, морально подавленные, не принимали пищу, и были бесконечно изнурены, и наконец, действительно, начала исчезать всякая надежда на спасение.⁶³

⁶² Страбон (5,211) помещает Италию между Адриатическим (опуская Ионику) и Тирренским морями. Птолемей (3,15,1; 8,9,2) и Павсаний (5,25,3) говорят о Регию в Сицилии, что море там очень штормовое, из-за сильных ветров с Адриатического и Тирренского морей. По Птолею (8,12,2), Греция на юго-западе упирается в Адриатическое и Ливийское моря. Флавий в 63г. терпит кораблекрушение в Адриатическом море и добирается до Путеол так, словно он прямо попал из Адриатики в море Тирренское (Vita 15) (см. ниже). В VIв. н.э. Прокопий Кесарийский (Bell. Vandal. 1,14) говорит о Мальте — как о пограничном острове между Адриатическим и Тирренским морями.

⁶³ Античность видела в (основателях Карфагена — IXв., и др. пунических колоний) финикийцах старейших (добравшихся до Гибралтара и Британии) мореходов, каковыми они, в определённом смысле, правда, преемствовав туманно просматривающимся критянам III/II-го тыс. до н.э. (морское владичество царя Миноса), со II-го тыс. до н.э., и являлись (если, конечно, не считать древнейших атлантов!). Метаистория аргонавтов (XIIIв. до н.э.) и множество морских путешественников героев Гомера (IXв.) свидетельствуют о раннем развитии мореходства у греков. То же подтверждают многочисленные археологические находки остатков экспортных или импортных товаров, найденных на прибрежных территориях далеко за морями от мест их производства. Греческие корабли, изображение к-рых часто встречается на вазах, рано проникли и в Чёрное море (Понт Эвксинский), и в западное Средиземноморье — до берегов Галлии, Испании, Африки. В IVв. до н.э. Пифей из Массилии дошёл до Британии и севернее; в эпоху эллинизма Гиппал открыл муссоны. В Италии задолго до римлян стяжавшие известность лихих морских разбойников этруски (греч. — тирренцы) умело бороздили названное в их честь море Тирренское.

А римляне обратили серьёзное внимание на флот и необходимость его развития, начиная уже со Второй Самнитской войны (конец IVв.), а главное — в пору Первой Пунической войны (середина IIIв. до н.э.) — против искушённых в морском деле (финикийцев корнями) пуников-карфагенян. И далее римский флот, военный и торговый, развивался быстрыми темпами по ходу борьбы с Карфагеном, в русле выхода Рима на мировые державные горизонты и постепенного превращения Средиземного моря в его внутреннее римское озеро (III-IVвв. до н.э.). В итоге Рим, сокрушив Карфаген, подчинив Грецию и одолев тоже очень искусных мореплавателей — египетско-эллинистических Птолемеов, создал мощнейший военный и торговый флот, ликвидировал пиратство, выиграл последнее морское сражение древности у мыса Акции, покорил всех, всё, вся, и отправлял в IV в. н.э. корабли из Италии до Британии на западе, до Колхиды на Чёрном море, (реже) до Индии через Красное море и Индийский океан. Крупнейшие римские базы военного флота — Мизен — на западе, Равенна — на восточном побережье Италии, Юлиев Форум (Фрежус) — в Галлии. Не менее мощный речной флот римлян контролировал границы по Рейну и Дунаю, ходил (до Нубии) по Нилу.

Вспомогательные пособия для древних мореплавателей «Периплы» описывали побережье,

И вот, в течение этих 14-и дней, не в первый раз путешествующий по морю, переживающий не первую бурю и готовый к не первому морскому испытанию Павел, удостоившись (м.б., в 7-ю ночь!) откровения свыше, обратился к мужам на судне (где не было женщин) со словом. Сначала он мягко упрекнул их, что надо было послушать его и не отходить от Крита, а потом ободрительно сказал, что ни одна душа из них не погибнет, но погибнет лишь корабль, тогда как люди будут выброшены на какой-нибудь остров, что ему Павлу известно по откровению Ангела Бога, К-рому он принадлежит и К-рому служит, и К-рый явился ему в эту ночь. Т.е. речь идёт об Ангеле – посланце Иисуса Христа, К-рый ободрил самого Павла, велел не бояться, поскольку – «ты должен предстать пред кесаря, и вот Бог даровал тебе всех плывущих с тобою» (24).

Т.е., во-первых, тут сказано (пусть провозвестительно), что Павел, пребывая в (первых) римских узах 61 – 63г., предстал (видимо, перед своим освобождением в 63г.) пред Нероном, и во-вторых, что 275 душ находившихся, помимо Павла, на корабле людей спаслись благодаря Павлу (дарованные ему). Отсюда вывод: если даже не все из спасённых, пойдя после спасения путём Добра, прониклись христианством в той жизни I-го в. н.э., то наверняка они стали христианами в жизни следующей.

Не удивительно ли, что 276 дней есть срок 9-месячного чревоношения сестёр Марии Вифлеемки (6.04.2г. до н.э. – 6.01.1г. до н.э.) и Марии Галилеянки (25.03. – 25.12.1г. н.э.) – родительниц Иисуса Соломонида и Иисуса Нафанида, к-рый Августин связывает с маркированными в Ев. от Ио.(2,20) 46-ю годами строительства храма (17г. до н.э. – 30г. н.э.), начатое Иродом реставрационное новосооружение к-рого как раз в 60-е гг. IV в. подходило к концу, чтобы завершиться в 64г. (см. ниже), через 80 лет от начала работ и за 6 лет до уничтожения святилища римлянами (70г. н.э.). 46 – гематрическая числовая сумма имени Адам (греч.): $1 + 4 + 1 + 40$. $46 \times 6 = 276$ дней формирования в материнской утробе олицетворяемой домессианским храмом Телесности Мессии-Христа, к-рую Христос в Ев. от Ио., разумея храм Своего, по Христовом восстании из гроба, Нетленного Фантомно-Воскресского Тела, противопоставляет в Пасху 30г. н.э. преходящей телесности земного Иерусалимского храма за 40 лет до его бесповоротной гибели.

обозначали дистанции, указывали на опасные рифы, прибрежные скалы, рекомендовали удобные для зимовки гавани. Притом, если торговые корабли обычно зимой вытаскивались на берег, то военные стояли наготове в доках. Собственно пассажирских судов (в отличие от роскошных времяпрепроводительных – императорских или вельможных больших яхт) для передвижения по морям не существовало, почему пассажирам приходилось договариваться о взятии их на борт с владельцами и капитанами кораблей торговых. Суда делились на парусные, вёсельные (от 2-х до 12-и рядов вёсел), или (самые богатые) на одновременно парусные и гребные-вёсельные. Ограничениями были отсутствие (до времени позднего Средневековья) компаса, необходимость ориентироваться исключительно по солнцу и звёздам, к-рые непогода могла надолго скрыть, неумение плыть против ветра, трудности борьбы со штормами, преимущественно каботажное плавание (ради безопасности) вдоль берега, преимущественное отсутствие навигации зимой, когда морское сообщение затихало. Центры античного судостроительства: до Vв. – Афины, в IVв. – Сиракузы, с IIIв. – Александрия, впоследствии – Италия. В Остии (морские ворота Рима) размещалось множество офисов различных судоводных сообществ. Свидетельство интенсивности мореплавания древних – надгробье купца из Гиераполя Фригийского, к-рое говорит, что за свою жизнь он совершил 72 плавания в Рим.

Как один из символов первых христиан корабль встречается на изображениях в катакомбах. Цель плавания – маяк или монограмма (плававшего и ходившего по внутреннему Галилейскому морю – *зеркало Небес*) Христа. Мачта – в виде креста на геммах и кольцах. Стилизованный под крест якорь. На римских монетах, с IVв. н.э., Викторину или Изиду за штурвалом сменяет Христос. Знак Рыб – знак Христа!

И 30 лет пролегают с 30г. н.э. (год Крещения Господня) до 60г. н.э. (до 60-го года от Рождества Христова)! Плюс к тому, именно в 276г. н.э. мученически умер в темнице Посланец Света – Апостол Иисуса Христа – провозвестник христианства духовной свободы – великий праведник и великий посвящённый Мани, к-рый родился в 216г. н.э. = 3 зодиакально-космических дня (72 x 3), при том, что, вместе с тем, 216 лет пролегают от 60 до 276г. н.э.

Тем временем, шквальный ветер продолжал носить беспомощный корабль в Адриатическом море, когда в 14-ю ночь, около полуночи, корабельщики, по гулу волн, начали догадываться, что судно приближается к земле. Вымерили глубину, дважды поочерёдно бросив лот, в 37 и 28 метров, что предположение о близости земли подтвердило. Чтобы не напороться в темноте на каменистые прибрежные рифы, бросили с кормы 4 якоря и стали дожидаться наступления утра.

Не преодолел ли во время Потопа все трудности на воде, в ковчеге, с Божией помощью, причаливший к горам Араратским 10-й от Адама патриарх Ной – выведший остатки атлантического человечества из гиблой Атлантиды атлантический посвящённый Ной-Ману!⁶⁴ Не спасся ли Божиим чудом-промыслом из китова чрева посланный Господом с проповедью покаяния (именно) к язычникам в Ниневию (ученик Елисея) пророк Иона (прообразователь смерти, Воскресения и проповеди – как Иисуса Христа, так и ойкуменическо-проповеднического подвижничества Апостола язычников Павла) (Д.И. 324/25; Т.Г. 517/18; 931/32)!

⁶⁴ 600 лет было Ную, когда начался Потоп. В 60г. н.э. 57-летний Павел отчалил в Рим, пережил кораблекрушение и спасся. Интересно, что в Ветхом Завете спасительный Ноев ковчег и спасительная просмоленная корзина Моисея (не позволившая младенцу утонуть в Ниле) обозначаются одним и тем же словом, а таинственный Ковчег Завета (над к-рым Шехина – видимый знак присутствия Божества над Ковчегом Завета) словом другим. В Ноевом ковчеге уместилось 8 человек (и животные). Дождь лил 40 дней, вода прибывала 150 дней, затем начала убывать и ковчег остановился на горах Араратских (Армянское нагорье). По прошествии ещё 40-а дней Ной выпустил из ковчеге ворона, к-рый не нашёл себе места и возвратился; сходно – голубь. Но 7 дней спустя голубь уже возвратился с масличной ветвью в клюве – знак сошествия-отшествия воды; ещё через 7 дней голубь не возвратился. Спустя 365 дней от начала Потопа (число лет жизни взятого живым на небо 7-го патриарха от Адама – Еноха) люди и животные смогли выйти из ковчеге.

Ной принёс Богу жертву всесожжения и Бог заключил с ним и его семьёй завет (знак этого завета – радуга), начав с обещания дать наказанной за грехи человекoв Земле правильное круговращение времён года впредь (Б.8,22) = установление (начиная с V-й эпохи Четвёртой Атлантической стадии эволюции, под знаком Весов, когда лучи Михаила-Солнце пробилась сквозь атлантическую туманность одолённого ими облачного дракона, на один Космический-Платонов год протяжённостью в 25 920 лет) (Д.И. 125; 710) законов времени и календаря, в к-рых и по к-рым мы сегодня живём. Ной – как новый Адам, к-рый жил после Потопа 350 лет, прожив, в общей сложности, 950 лет. Спрашивается, почему не 1000? Мидрашисты говорят, что как проживший 930 лет (ветхий) Адам отдал 70 лет, недостающих ему до 1000-и, в дар Моисею, так и от нового Адама Ноя достигший 120-летнего возраста Моисей (к-рый не мог прожить для выполнения своей грандиозной миссии меньше) получил, вдобавок к Адамовым, 50 дарственных лет!

Интересно, что 364 – числовая сумма еврейского слова, обозначающего сатану (любопытная переключка с механическим солнечным календарём кумранитов длиной в 364 дня = ровно 52 недели, к-рый есть по сути солярный крен и календарная профанация). Ещё интереснее, что сатана может 364 дня в году искушать человека, но в 365-й день ему должно платить по счетам и искупать свою вину. Кто после этого смеет говорить, что древним евреям был чуждо знание-понимание солнечного года длиной в 365 дней, к-рый, напомним, мог быть египетским (364 + 5), или юлианским (365 дней + високос раз в 4 года), и у к-рого наверняка имелся за кадром известный еврейским посвящённым еврейский вариант!

К слову, Блаватская расшифровка числа 365 «ключом Пифагора»: Земля – 3; Оживотворённая – 6; Духом Жизни – 5.

И неспроста, если Цезарю, к-рый, воюя Помпея, пытался пересечь Адриатику из Аполлония в Брундизий, куда он рвался за медлившими в Италии войсками, подбодряя кормчего словами: «Не бойся ничего, ты везёшь Цезаря и его фортуна» (Плутарх «Цезарь» 38), это не удалось, то Павлу, жертвенный час к-рого ещё не настал, удалось как спастись самому, так и сделаться причиной спасения 275-и душ!

Между тем, в ходе ночи тягостного тревожного ожидания, до прихода дня, корабельщики попытались бежать с корабля на спасательной шлюпке, к-рая не могла вместить всех, надеясь спастись сим сами на ближнюю землю, бросив всех остальных на произвол судьбы. Павел же предостерёг сотника, что в таком случае прочие неопытные в корабельном деле пассажиры погибнут. Римские солдаты отсекли верёвки бота, шлюпку тотчас унесло прочь и вопрос был снят.

Теперь, с одной стороны, близость земли вселяла надежду на спасение, тогда как с другой, заставляла ждать предсказанной Павлом гибели корабля, из-за чего голодных и до крайности измученных обессиленных людей не оставляло глубокое уныние. Апостол ободрил их снова и призвал подкрепиться хлебом, заверив, что ни у кого из них не пропадёт и волос с головы, после чего возблагодарил Бога, разломил хлеб и, подавая пример, начал есть сам. То была своеобразная благословительно-евхаристическая трапеза на борту обречённого судна для 276-и персон (в подавляющем большинстве, – кроме Павла, Луки, Аристарха, – язычников) перед их спасением.

По принятии пищи, путешественники максимально облегчили корабль, выбросив в море и пшеницу, и всё не выброшенное ранее, чтобы суметь подойти поближе к земле перед тем как, что называется, выкинуться на берег (поскольку спасательного бота уже не было).⁶⁵ Единновременно команда александрийского корабля знаковую ей Мальту в рассветных сумерках не узнавала.⁶⁶

С приходом дня подняли якоря, развязали рулевые канаты, подняли малый парус и подставились гнавшему судно к берегу ветру. Но опасность ещё не миновала, когда оно нашло на косу и село на мель, в связи с чем нос корабля увяз, а на корму хлынули разбивавшие её волны. Дальше оставалось либо спастись вплавь, либо погибать.

Воины хотели было перебить узников, за к-рых отвечали головой, боясь, что часть из них может, выплыв на сушу, в суматохе улизнуть и тем подвести стражу под высшую меру. Однако сотник, желая уберечь Павла, не позволил стражам привести убийственное намерение в исполнение, т.е. в этот раз Павел поспособствовал спасению конкретно всех (неизвестно в каком количестве) узников.

По приказу сотника, стражи первыми бросились за борт, дабы, достигнув земли, расположиться вдоль берега и встретить выплывающих, вслед за чем всем прочим было велено и позволено спастись – кто как может: умеющим плавать – вплавь, неумеющим – на досках или на чём-нибудь от гибнущего корабля. (Вот уж поистине

⁶⁵ «Таргум к Еккл.3,6 (Время искать и время терять; время сберечь и время бросать)»: «Есть времена, назначенные для того, чтобы собранное беречь, и есть времена, избранные для того, чтобы всё собранное выбросить во время большого шторма в море».

⁶⁶ Кстати, есть ново-нейшая рационал-дегенеративная версия, что речь, мол, должно вести об островке Мелида у берегов Далмации в собственно Адриатическом море, дескать, (малограмотный) автор Д.Ап. перепутал Мелиду с Мальтой (хорошо что не с Самофракией в море Эгейском, ведь второе название Самофракии – Мелита! или с городом Милет/Милит в М.Азии! или с городом Мелитена на границах Армении! – чего уж там!). Остаётся додумать, что и следующую после Мелита/Мальты островную Сицилию Лк. мог перепутать аж с островным Мадагаскаром, а полуостровную Италию – с полуостровной Камчаткой или с Юкатаном!

— спасение утопающих — дело рук самих утопающих!) И так все, сообразно Павлову предсказанию, спаслись, выбравшись на землю. Никто не погиб.⁶⁷

Причём весьма примечательно и замечательно, что если в метаистории Ноя люди — постпотопное человечество — спаслись в ковчеге, к-рый потом ещё долго пребывал на горе Арарат (место первого послепотопного алтаря и первого совершенного Ноем жертвоприношения Всевышнему), то ныне сослуживший свою немалую службу ковчег-корабль был отдан в жертву элементу воды, морю, морской стихии.

Спаслись ок. 1.11.60г. н.э. именно люди, именно человеческие индивидуальные, именно дарованные Богом зачинателю павлианского христианства (духовной свободы) Павлу (проповеднику индивидуального и общинно-собратского спасения во Христе) души человеческие! Ведущий Павел, плюс 275 ведомых, итого 276, (прообразно сообщинных — воцерковленных! и прообразно индивидуальных — вохристовленных!) человеческих Я!

ЗИМОВКА НА МАЛЬТЕ И ПУТЬ ДО РИМА

(60/61гг.)

Мальта — в древности Мелит (от финикийского «малатун» — *беженец, убежище*; или от греч. «Μελίτη» — *сладкий мёд*)⁶⁸, у римлян — Melite, — остров, к-рый находится на удалении ок. 900 км от Крита. Но нещадно носимые многие-долгие дни и ночи волнами и ветрами наши путешественники проделали, надо полагать, путь в ок. 1200, если не 1500 км, обретя после кораблекрушения землю под ногами, на к-рую они сумели спастись, в заливе Св. Павла на северо-западном берегу острова.

⁶⁷ Внимание! Из связи этого кораблекрушения с местом во 2-м (каноническом) Посл. к Коринфянам (11,25), гл.10-13 к-рого есть, как мы выяснили (в то время как собственно 2-е Посл. писалось в 57г.) суть 3-е Посл. к Кор., написанное Павлом в 65г., где Павел говорит, что он три раза терпел кораблекрушение, оптимально следует, что два предыдущих кораблекрушения (или, по крайней мере, одно из них), второе и третье, он терпел после первого (или второго) в 60г., т.е. в пору после своих первых римских уз 61-63гг., в период до вторых римских уз 66/67гг., соответственно, в интервале 63-66гг., так как о каких-либо кораблекрушениях в прослеженной нами павлианской биографии до 60г. никаких сведений нет.

Притом, говоря о кораблекрушениях, Павел явно разумеет свой жизненный путь со времени начала его миссионерских странствий-путешествий морем и за моря в 45г. (или, что малореально, минимум со времени после Дамаска 34г.). Теоретически отсутствие сведений, конечно, не исключает эвентуальные кораблекрушения в жизни Павла и до 60г., т.е. с 34-го, или, вернее, с 45г., хотя, в случае наличия в его жизни морских катастроф, трудно представить упоминание ни об одной из них (до 60г.), достаточно значимых и значительных событиях, в Д.Ап.! Но, суди сам, читатель, куда вероятнее, что два (или одно) кораблекрушения приходятся на отсутствующее в Д.Ап. время с 63 по 66гг., когда Павел плывал (из Италии) в Испанию (63г.), потом держал путь из Испании через (Сицилию? Мальту? и) Крит (64г.) снова в бассейн Эгейского моря, когда он вновь побывал, добираясь до них морем, на обоих, малоазийском и европейском, эгейских берегах (64/65гг.), чтобы в 66г. из эпирского Никополя, перезимовав там (65/66гг.), прибыть морем через Адриатику в Италию (и угодить во вторые римские узы) (см. ниже). Иначе говоря, Павел не мог или слишком уж вряд ли мог потерпеть-пережить аж три кораблекрушения на момент написания именно 2-го (а никак не 3-го) Посл. к Коринфянам в 57г., без сомнения, имея в виду под тремя кораблекрушениями в Третьем Послании к Кор. от 65г., в т.ч., своё (по всему) первое (или, в крайнем случае, — второе, со времени начала его странственно-миссионерской деятельности) кораблекрушение на пути в Рим в 60г.!

⁶⁸ Остров, с обитавшим на нём эндемичным подвигом пчёл, издревле славился (у греков и римлян) уникальным производством мёда, составлявшим, наряду с бумажными тканями, главный предмет его доходного экспорта.

«Спасшись же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит.

Иноплеменники оказали нам не малое человеколюбие: ибо они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас.

Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, вышедши от жара, повисла на руке его.

Иноплеменники, когда увидели висящую на руке его змею, говорили друг другу: верно, этот человек — убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить.

Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда.

Они ожидали-было, что у него будет воспалено, или он внезапно упадёт мёртвым; но, ожидая долго и видя, что не случилось с ним никакой беды, переменили мысли и говорили, что он Бог.

Около того места были поместья начальника острова, именем Публия; он принял нас и три дня дружеслужбно угощал.

Отец Публия лежал, страдая горячкою и болью в животе: Павел вошёл к нему, помолился и, возложив на него руки (свои), исцелил его.

После сего события и прочие на острове, имевшие болезни, приходили и были исцеляемы,

И оказывали нам много почести и при отъезде снабдили нужным.

Через три месяца мы отплыли на Александрийском корабле, называемом Диоскуры, зимовавшем на том острове,

И, приплывши в Сиракузы, пробыли там три дня;

Оттуда, отплывши, прибыли в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол,

Где нашли братьев и были упрошены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим.

Тамошние братия, услышавши о нас, вышли нам на встречу до Анпиевой площади и трёх гостиниц; увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился.

Когда же пришли мы в Рим, то сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его.» (Д.Ап.28,1-16)

Первым о Мальте упоминает (подвопросный-плохоидентифицируемый) Скилак: либо — один из мореплавателей, к-рых Дарий Гистасп (VI/Vвв.) снарядил для исследования берегов Азии от устья Инда до Аравийского залива, потом исследовавший Средиземное море? либо — живший до Аристотеля (384 — 22г.) мореплаватель с тем же именем, описавший плавание по Внешнему и Внутреннему морю? Или налицо одно удвоенное лицо (дублет). Во всяком случае, до нашего времени дошёл труд некоего упоминающего Мальту и указывающего её размеры Скилака Кариандского (Псевдо-Скилак?) — автора IVв. до н.э., составителя труда «Описание обитаемых земель», с описанием плавания: от Геркулесовых столпов (Гибралтар) вдоль европейского берега Средиземного моря, включая посещение Сицилии и Мелита; затем — через Босфор, вокруг Понта Эвксинского; и обратно, — вдоль азиатского и африканского берегов до столпов Геркулеса...

Древнейшими обитателями острова со времени после 1000г. до н.э. долгое время считались финикийцы = финикийские колонисты, к к-рым позже присоединились греки = греческие колонисты. Однако сегодня, после ново-новейших археологических находок-изысканий-открытий, заселение Мальты некими (условными) «фермерами» (аграрниками) датируют доисторическим временем после 6000г. до н.э. Они-де (придя незнамо откуда? — из Сицилии?) своими методами ведения сельского хозяйства ухудшили почву островов Мальтийского архипелага, сделав их необитаемыми до времени после 4000г. до н.э., когда здесь возникла неизвестная

цивилизация, к-рая на своём пике построила загадочные мегалитические храмы, к-рые ныне являются одними из старейших сохранившихся в мире строений.

Скажите, не правильнее ли тут, приложительно к VII/VI-у тыс. до н.э., вести речь о потомках атлантов метаисторического периода, к-рые все непременно должны были на морских (и сухопутных) путях с запада на восток, в Европу, Африку, Азию, облюбовать и освоить (в т.ч.) весьма актуальную (из западного – в восточное Средиземноморье) Мальту, куда позднее пришли поселенцы с востока?!

В отношении же именно финикийцев, они, действительно, добрались (из Тира?) до Мелита (Мелете; Мелета) – острова в 27 км длиной, 15 км – шириной, в сотне км южнее Сицилии, в 350-и км севернее Африки (Тунис) – и завладели им, в результате своих морских путешествий на запад, ок. и после 1000г. до н.э. (Диодор 5,12).⁶⁹ Финикийские гробницы были найдены как на Мальте, так и на Гозо.

Кем был фабулируемый в «Фастах» (3,567) Овидием древнемальтийский царь Бат – неизвестно. Сделавшие остров своим форпостом на пересечении путей в Средиземном море финикийские колонисты интенсивно контактировали и с отчей Финикией, и с Египтом, и с Грецией, откуда на Мальту со временем подались, примкнув к финикийцам, множество колонистов греческих. Любопытно, что колонисты предпочитали селиться, из-за страха перед пиратскими набегами, не на самом берегу, но в глубине острова, на укрепленных возвышенностях (Rabato; Citta Vecchia).

Предположительно, в Vв. до н.э. островом завладел Карфаген (тоже основанный в IXв. выходцами из Тира), к-рый, крепчая, просто не мог не завладеть этим стратегически важным для него контрольно-перевалочным пунктом-маяком между Африкой и Сицилией. Сохранились мальтийско-карфагенские монеты IVв. до н.э. с изображением (финикийского бога – покровителя Тира и морпелавания) Мелькарта (Мелькартовыми = Геркулесовыми стражными столпами финикийцы и карфагеняне называли охранные столпы на выходе из Гибралтара в Атлантику и на входе из Атлантики).⁷⁰

В I-ю Пуническую войну Мелит был разграблен-разорён Атиллием Регулом (257г. до н.э.), но возвращён Карфагену (Орозий 4,8; Зонара 8,14). А с началом в 218г. II-й римско-карфагенской войны гарнизон острова сдался без сопротивления (возможно, посредством сговора с римлянами проримски настроенных греков) направлявшемуся в Африку консулу Тиб.Семпронию Лонгу (Ливий 21,51). И с тех пор остров, точнее, весь архипелаг, стал частью провинции Сицилия, под управлением легата сицилийского претора (Плиний 3,92). Тем не менее, в первую очередь, пунический (Страбон 17,832-34) и, во вторую, греческий элементы ещё долго, в частности, в I/Ivv., преобладали-доминировали в этническом составе островного

⁶⁹ Мальтийский архипелаг составляют также острова – Гозо (вдвое меньше Мальты), малообитаемый о-в Комино (2 км длиной), крошечные – Коминогто и Филлолетта, необитаемые – Св. Павла и Фильфла. В стране нет постоянных рек и озёр. Высочайшая точка – вершина Та-Дмейрек (253м над уровнем моря).

⁷⁰ Эти Столпы для финикийцев и позднее карфагенян запирали и отпирали Средиземное море (перед Атлантикой), на к-рое они, хозяева морей, смотрели приблизительно так, как Британская империя в XVIII-XXвв. – на мировые моря-океаны, мня последние британским озером. «Островной империализм», эстафету к-рого у Тира принял Карфаген, и много столетий спустя, по своему, воспроизвела Венеция, с ограбления, по инициативе к-рой, в 1204г. Второго Рима – Константинополя, в европейские врата впервые постучался, закладывая основы мировой банковско-финансовой капиталистической системы, конец Средневековья!

Впрочем, справедливости ради необходимо оговорить, что перед тем, в 1182г., византийские христиане учинили чудовищную резню (приобретавших всё большее влияние) каталиков-латинян в Константинополе, зверски убив ок. 50-и тыс. человек и продав ок. 4-х тыс. выживших в рабство туркам, что и обернулось ответным убийством латинянами константинопольских греко-византийцев в 1204г., когда, правда, погибло не более 3-х тыс. чел.

народонаселения, несмотря на то, что Цезарь поселил как в новом Карфагене, так и на Мальте немало римских граждан и ветеранов. С ок. 30г. до н.э. — муниципий (CIL 10,7495). Когда мальтийцы получили римское гражданство — неясно. Были ли они, согласно одной из версий, при Августе отделены от Сицилии и поставлены под управление кесарского прокуратора — вопрос.

Обитатели острова возделывали пшеницу, выращивали оливковые деревья, добывали мёд, производили хлопчатобумажные ткани. Археологами обнаружены остатки маслодавлен римской эпохи. На древнейших мальтийских монетах имеется изображение Изиды с пшеничным колосом в руке. Сохранились руины симбиозного святилища Юоны-Астарты. При частых в ближних водах штормах остров служил убежищем для различных курсировавших между западом и востоком Средиземного моря, плюс — между Африкой и Сицилией/Италией, судов (Цицерон «Против Верра» 4,103). И пусть Овидий поэтически называет примальтийское море Ливийским («Фасты» 3,568), тогда как Птолемей (4,3,13) ошибочно сопричисляет Мелит к Африке, на самом деле Мальта, в паре с Сицилией, считалась в античную эпоху, как сказано, границей между морем Тирренским и укрупнённым за счёт Ионии морем Адриатическим.

То, что Лука называет островитян, оказавших не малое человеколюбие жертвам кораблекрушения, разложением огня и гостеприимством, в условиях осенних дождей и холода, «иноплеменниками» (в греч., лат. и др. текстах — «варвары»), свидетельствует как раз о пуническом происхождении встретивших Павла и его спутников береговых мелитцев, к-рые, вероятно, говорили на местном диалекте финикийско-пунического языка (карфагенских времён). И наименование их «иноплеменниками» или «варварами» в данном контексте эквивалентно (корректному, по современным меркам) наименованию их «туземцами».

Дело в том, что в римскую эпоху «варварами», вовсе не обязательно вкладывая в это обозначение негатив, чего точно не делает Дееписатель, римляне и греки называли сначала всех не римлян и не греков, позднее же (с либерализацией античного общества) — всех — не греко- и не латиноязычных обитателей Империи. Т.е. встретившие наших путешественников островитяне не были ни латино-, ни грекоязычными, что, разумеется, не отрицает знание (способность объясниться), пусть не всеми ими, греческого, либо — (официального языка Мелита) латыни. Притом их общепотребительный (пунический) язык был, должно быть, частично не чужд древнееврейскому и арамейскому, к-рые знал (говоривший по-гречески) Павел.⁷¹

⁷¹ В Vв. островом эвентуально владели вандалы и готы; с 533-35гг. — Византия (Юстиниан) — в составе византийской провинции Сицилия. В течение византийского периода основные населённые пункты — одноимённый город Мелит (во внутренней части) и цитадель на Гозо; гавани — Марсашлокк, Марсаскала, Марса, Ксленди. С 870г. — под властью мусульман из Северной Африки. То-то современный мальтийский язык ближе всего к тунисскому диалекту арабского языка, с большим количеством заимствований из итальянского. В 1090г. мальтийских арабов изгнали сицилийские норманны (положившие перед тем конец арабскому господству на Сицилии) и последующие 400 лет остров находился под сицилийским — сначала норманнским, затем испанским — контролем. С 1530г. — владение рыцарского ордена Иоанитов-Госпитальеров, к-рых турецкий султан Сулейман I почётно препроводил сюда на судах с Родоса. В 1798г. — захвачена Наполеоном (по пути в Египет), в связи с чем российский император Павел I стал гроссмейстером взятого им под покровительство Мальтийского ордена и формально включил Мальту в состав Российской империи. С 1800г. — английская колония. 21.09.1964г. провозглашена независимость Мальты (парламентская республика). Маленькая Мальта — самая малонаселённая (менее полумиллиона человек) и самая плотнонаселённая страна Евросоюза (в к-ром она с 2004г.). 97% населения исповедуют католицизм.

Засим 276 человек, чудом спасшихся, по слову Павла, все до единого (команда, пассажиры, узники, стража), с потерпевшего крушение судна, разделившись на группы, грелись, сушились, обсыхали и, наверное, подкреплялись-согревались вином/пищей у разведённых островитянами близ берега больших костров.

Климат на Мальте (сегодня) средиземноморский, мягкий, с жарким и сухим летом, с дождями осенью/зимой. Самый холодный месяц – январь, со средней температурой + 7-12 – ночью, + 12-20 – днём. В ноябре/декабре несколько теплее. И поскольку время было позднее, самое начало ноября, шёл дождь, и, само собой, люди, едва выплывшие-вышедшие из воды, пережившие катастрофу, измотанные долгими днями шторма, продрогли, мёрзли и стучали зубами, нуждаясь в тепле и сугреве.

Однако, неумолимый 57-летний Павел, как видим, несмотря на пережитое, продолжал бодрствовать, собирал хворост и подкладывал его в огонь, к-рому нельзя было дать погаснуть. И тут очень ядовитая змея – ехидна (чёрный аспид, от укуса к-рого умерла Клеопатра?), цепенеющая на холоде и немедленно выходящая из него при соприкосновении с теплом, внезапно вылезла из собранного Павлом хвороста, к-рый он как раз подносил к огню, и повисла у него на руке.

Любопытен ход мысли видевших всё это и вздрогнувших мальтийцев. Один из людей-человеков, не далее как сейчас чудесно избежавших гибели в водной стихии, вот-вот умрёт от укуса ядовитой змеи! Значит, подумали туземцы, вероятно, этот узник – человекоубийца, и, мол, правосудие над ним (не тонущим в воде) твёрдо решило, по любому, свершиться. И куда в большей мере туземцы изумились, когда Павел легко стряхнул ехидну со своей руки в огонь.⁷² Своеобразный символ победы человека во Христе над змеем-Люцифером, к-рого поверг Иисус Христос!

Мало того, у (смахнувшего с себя аспида не словом – поступком) Павла⁷³ не сделалось никакого воспаления от соприкосновения с ядовитым гадом ни тогда, ни спустя время, и он не упал, в чём мальтийцы воочию убедились, замертво.⁷⁴ Следо-

⁷² «Берахот» (33а) (Бар): «В одной норе жила змея, к-рая вредила людям. Они сказали об этом р. Ханине б. Доза (ок.70г. н.э. – современник Павла). Он велел показать место её норы и встал на нору босыми стопами. Змея укусила его и исдохла. Он принёс её в школу и сказал своим ученикам: «Смотрите, дети мои, не змея убивает, но грех». С того времени люди говорят: «Горе человеку, к-рому встречается змея, и горе змее, к-рой встречается р. Ханина».

⁷³ Любопытно привести в связь с Павлом следующее место из Талмуда. «Санхедрин» (37б) (Бар): «...Р. Иосиф (333г.) говорит, и сходно учили в школе р. Езекии (ок.240г.), согласно таннаитской традиции: «Пусть со времени разрушения святилища (70г.) синедриона (судилища) больше нет, тем не менее, 4 вида смертной казни (у иудеев) – каменованье, сожжение, обесглавливание и удушение – не отменяются. «Разве они не отменены (с потерей евреями автономии)?» Отменены (римской властью), но закон в отношении этих четырёх казней продолжает действовать. И Всевышний применяет их без земного суда. Тот, кто заслужил каменованье, либо (убийственно) падает с кровли (с высоты), либо становится жертвой диких зверей; тот, кто заслужил сожжение, либо делается жертвой огня, либо умирает от укуса змеи; тот, кто заслужил усекование мечом, либо попадает в руки (казнелюбивых римских) властей, либо погибает от рук разбойников; тот, кто заслужил удушение, либо тонет в реке (или в море), либо умирает от удушья» (= Числа рабба 14 (175а); Кетубот 30а; Шебу 34а).

Павел выжил после линчевательского каменованья его иудеями в Листре (47г.) (Д.Ап. 14,19/20) (см. выше) и избежал каменовательной расправы в Палестине (58-60гг). Павел, претерпев вреда от змеи, сбросил её в огонь на Мелите (60г.). Павел, трижды терпя, в ходе своей миссионерской деятельности, кораблекрушения, не утонул в море и не погиб «в опасностях на реках» (2Кор.11,26). Павел был обезглавлен в Риме римскими властями (67г.).

⁷⁴ Ныне на Мальте, неведомо с каких давних пор, нет, и как уверяют местные жители – благодаря Ап. Павлу, ядовитых змей.

вательно, если это не человекоубийца, то перед ними сошедшее из вышних миров живое божество. И ведь такое с Павлом уже случилось. Не приняли ли во время Первого миссионерского путешествия 45 – 48гг. ликаонские обитатели Листры (47г.) его за Гермеса, в то время как импозантный Варнава сошёл у них за Зевса.

Ни на какую святотатственную божественность христианин *par excellens* Павел, конечно, не притязал, хотя произошедшее незамедлительно сделало ему авторитет среди мальтийцев, постоянно, к тому же, возраставший в течение трёх месяцев вынужденной зимовки наших странников на острове, в к-рые Апостол занимался также (как и врачеватель Лука) исцелением недужных. И пусть о какой-либо проповедническо-миссионерской деятельности Дееписатель молчит, так или иначе, ясно, что первые христиане появились на Мелите именно с 60/61гг. (невзирая даже на то, что первые сведения о христианской общине острова относятся к III/IVвв.).

Вскоре Павлом был исцелён страдавший горячкой и болями в животе отец начальника острова, т.е. – либо кесарского прокуратора, либо легата наместника Сицилии, в зависимости от неясного статуса Мальты в 60г. Видимо, этот начальник услышал о случае с ехидной и о паре исцелений, в связи с чем заинтересовался персоной Павла, к-рого принял у себя, насколько явствует из текста, вместе с его спутниками (медиком) Лукой и Аристархом, плюс – сотник Юлий, «и три дня дружелюбно угощал». Между тем, Павел вошёл в покои к больному отцу римского начальника, помолился, возложил на него руки и исцелил, проделав такое не в первый раз. Не он ли, напомним, однажды воскресил (в Троаде) мёртвого (58г.)!

Интересно ещё, что Лука представляет нам римского наместника острова под именем-преноменом Публий, не называя ни номен, ни когномен. С одной стороны, это говорит об особо доверительных взаимоотношениях Павла, Луки, Аристарха с Публием, с другой, – лишает читателя возможности больше узнать о нём, так как у римлян было всего ок. 18-и (личных имён) преноменов (Публий – один из них), и соответственно, среди них насчитывалось великое множество Публиев, Луциев, Гаев, Марков... (У звавшихся жентильными именами-фамилиями и когноменами-прозвищами римлянок преноменов не было вовсе). Притом римляне предпочитали именовать друг друга по прозвищным когноменам.

Обратим внимание на то, сколькие и какие чудесные способности и чудотворные деяния были проявлены и совершены (достигшим в 58г. уровня Седьмого Неба) особостатуированным 13-м Апостолом минимум в период последнего морского путешествия и мелитской зимовки. Провидение-услышание будущего, восприятие откровения свыше, знание судеб, своей собственной и окружающих, наличие иммунитета, согласно предречению Христа, против змей (Мк.16,18), врачевание силой молитвы и возложением рук... То-то, по исцелении Публиева отца, многие островитяне приходили к Павлу за врачевательской помощью от различных немочей и получали её.

Отсюда понятно, почему туземцы оказали Апостолу, бывшим с ним двум христианским спутникам и всем жертвам кораблекрушения «много почести», более того, подарочно снабдили их, потерявших весь свой скарб, при отбытии-отплытии с острова, всем необходимым.

* * *

Продолжительность мальтийской зимовки Дееписатель измеряет в три месяца. В «Т.Б.» названо время с 15.11. по 16.02. (т.3, Д.Ап., с.200), но выше мы удостоверились, располагая поддающейся идентификации-фиксации (ориентировочной)

датой Поста (= Судный день) и хропроследив событийную цепь чуть ли не день за днём, что спасение на остров имело место ок. 1.11.60г.⁷⁵

Следовательно, три означенных месяца буквально приводят нас во время ок. 1.02.61г. Впрочем, мы приплюсуем к 90-дневному трёхмесячному островному сроку ещё дней 10 (три месяца – не день в день) и получим время ок. 10.02. (100 мальтийских дней Павла), когда после 8.02. – с начала нежного дуновения возвещавшего римлянам о весне тёплого ветра-зефира фавоний – первые рисковые суда уже выходили, поспешая, в море. Хотя, повторим, собственно сезонная навигация стартовала с торжественного её открытия 5.03., входя в полную силу с марта/апреля.

Посему примем за верное. Наши странники поднялись на борт некоего зимовавшего на Мальте александрийского корабля (договорившись с его владельцем и кормчим-навархом) где-то ок. 10.02.61г. н.э. Возможно, этот корабль шёл, в отличие от павлианского, осенью 60г. в Италию (через Сицилию) из Александрии коротким прямым путём, и, не терпя кораблекрушение, вынужден был зимовать на Мальте, не успев добраться ни до Сицилии, ни в Италию, из-за начала осенне-зимних штормов. Было ли то, сходно нашему, судно, гружёное египетским зерном, что можно предположить, – неизвестно. Во всяком случае, теперь оно, как и наши странники, в Италию/Рим спешило, и при хорошей погоде (с хорошими прогнозами на ближайшие дни), февральское плавание для него в отстоявшие от Мальты на всего ок. 120 км сицилийские Сиракузы и дальше опасности не представляло.

Причём весьма примечательно, что это судно называлось «Диоскуры» (тогда как названия судов предыдущих, будь то из Кесарии – в Миру, или из Миры – на Мальту, Лк. опускает) = героические Близнецы – Кастор и Полидевк, у римлян – Кастор и Поллукс, или просто – Касторы (наверняка с деревянно-скульптурным изображением обоих братьев на, как было принято, носу корабля).⁷⁶

⁷⁵ Т.е. всё это неудачное, при неблагоприятных ветрах и шторме, на волосок от гибели, плавание от Кесарии Палестинской до Мальты, с его, благо, удачным исходом, продлилось от ок. 5.09. до ок. 1.11.60г., итого – ок. 55-и дней. Кстати, сроком в 50 дней в апокрифе «Деяния Ап. Филиппа» (Вв.) косвенно измеряется долгое (следует думать, при противных ветрах) плавание от Кесарии до Карфагена (расстояние то же, что от Кесарии до Мальты). Судите сами, согласно тексту и контексту апокрифа, Филипп, собираясь плыть из Кесарии в Карфаген, возносит, прося о чуде, следующую молитву к Богу: «К Тебе обращаюсь я, Отец мира, пекущийся о ветрах попутных. Во имя Господа нашего Иисуса Мессии пошли мне попутный ветер, могущий доставить меня в Карфаген не в 50 и не в 20 и даже не в 10 дней, но чтобы сегодня мы там оказались, дабы знали все люди, что пославший меня Иисус – Сын Бога Живого» (2).

⁷⁶ Кастор и Полидевк были сыновьями Зевса и царя Спарты Тиндарея от дочери царя Этолии Фестия – красавицы Леды, с к-рой Зевс соединился в облике белого лебедя, в результате чего в одну ночь Ледой были зачаты от Зевса Полидевк и Елена Прекрасная, а от супруга Тиндарея – Кастор и Клитемнестра, к-рые родились как близнецы. Но если сын Зевса Полидевк обладал бессмертием, то сын Тиндарея Кастор был смертным. Оба – великие герои: первый – непревзойдённый кулачный боец; второй – беспримерный укротитель коней. Неразлучные братья прославились тремя основными подвигами: освободили и вернули на родину свою похищенную Тесеем (до троянца Париса) сестру Елену, воспользовавшись отъездом Тесея из Афин. Не случайно во время Троянской войны Елена у Гомера напрасно высматривает братьев на Троянской равнине, не зная об их уходе из мира живых («Илиада» 2,3,236-44). Троянская война исторически случилась в начале XIIв. до н.э., Диоскуры же, второй подвиг к-рых – участие в походе аргонавтов (с их посвящением в пути в самофракийские мистерии) (Д.И. 110), где Полидевк победил в кулачном бою царя бевриков Амика (Аполлон Родосский 2,1-97), относятся к героям, время к-рых завершается XIII-м в. до н.э. Третий подвиг братьев – участие в Калидонской охоте и их борьба с Афаретидами – Идасом и Линкеем, у к-рых они похитили невест – Фебу и Гилайеру (Левкипиды), и с к-рыми они

Не взошёл ли спиритуальный математизм отца Авраама под знаком Блинецов (Д.И. 109)! Не были ли близнецами патриарх Иаков (опередивший брата ещё в утробе матери) и Исав! или – жёны Иакова – (старшая) Лия и (младшая) Рахиль – сёстры-близнецы по одной из версий! или – сыновья Иуды от Фамари – Фарес (предок Мессии Христа) и Зара! Далее, не были ли близнецами, сообразно нашему предположению, Апостолы Пётр и Андрей, Фаддей и Симон, Фома и Иуда! Наконец, не были ли («сиамскими») близнецами во Духе родные сёстры (с четырёхлетней

вступили в спор из-за дележа стада быков. Увидев обоих братьев с Тайгета, зоркий Линкей поразил засадно спрятавшегося в дупле дерева Кастора копьём в грудь, Полидевк же убил в бою Идаса, после чего схватился с Линкеем, к-рого Зевс испепелил молнией.

Затем Громовержец взял бессмертного из братьев на Олимп, однако тот, не желая расставаться с братом смертным, упросил отца позволить ему уделить последнему часть своего божественного бессмертия, и с тех пор они стали утренней и вечерней звездой в созвездии Блинецов, попеременно являясь на небе; или оба обитают один день в царстве мрачного Аида и один день на небесах («Псевдо-Эратосфен» 10; Вергилий «Энеида» 6,121).

Култ – в Лаконии, Мессении, Аттике; через Сицилию – в южной Италии, в греческих Таренте, Локри, в латинском Тускуле; у этрусков, к-рые украшали изображением Диоскуров знаменитые этрусские зеркала, называя братьев Кастур и Пулгук; с ранних пор – в Риме. Локри – значительный город Великой Греции в калабрийской Италии (Калабрия в древности – не нос, но каблук италийского сапога) – колония, основанная из одноимённого города и местности в Средней Греции на северном берегу Коринфского залива. Второе название этой греко-италийской колонии – Эпизефир, по горам Зефирион (Сапо Bruzzano). В 530г. до н.э. локрийцы одержали знаменательную победу над Кротонем – ахейской колонией на восточном побережье Бруттии. Сражение произошло на р. Сагра, причём воинство локрийцев составляло всего 15 тыс., кротонцев – 120 тыс. И всё могло закончиться для первых очень печально, кабы не появление в ходе битвы над сражающимися гигантского орла – посланца Зевса, на крыльях к-рого находились на белоснежных конях братья Диоскуры, вступившие в сражение на стороне локрийцев и принешие им блистательную победу. Потом, в 496г., они сражались на стороне римлян в битве против Тарквиниев на берегу Регилланского озера, одержали вместе с римлянами победу, омыли взмыленных коней в источнике нимфы Ютурны (в июльские иды), потеряли за бороду не поверившего своим глазам Домиция (почему Домиция, первая ветвь, из к-рой происходил Нерон, сделались с того времени «рыжебородыми» – «Агенобарбами»), и опять исчезли так же чудесно, как до того объявились. Впоследствии считалось, что Диоскуры помогли римлянам также в битве против македонян при Пидне (168г.) и в битве против кимвров в 101г. до н.э.

Братья, к-рых, как сказано, в Риме называли Касторами, имели в Городе храм, сооружённый в их честь в Vв. до н.э., обновлённый в 270г. (время покорения Римом всей, включая Тарент, Италию) и новоотстроенный- новоосвящённый Тиберием от своего и умершего брата Друза имени 27.01.6г. н.э. (Р.л. 1166). Дни празднеств Диоскуров в Греции и греческой Италии – июнь/июль. В Риме смотр всадникам (всадническим турмам), к-рым Касторы рыцарственно покровительствовали, производился в июльские иды – 15.07. (Р.л. 1153/54). В цирках *Maximus* и *Flaminius* посвящённые Касторам игры справлялись в иды августа.

Оба брата – покровители гостеприимства, коневодства, мореходства, боги умиротворённого моря и удачного мореплавания (солнце в лицо и ветер в спину), почитались также в гаванях, на островах и иногда идентифицировались с богами-близнецами Самофракии. В Риме были синонимом неразлучной братской любви и идеалом для дуалистических правителей принципата, что на практике раз за разом оборачивалось зловещей насмешкой. Если внуки Августа Гай и Луций Цезари, к-рых восторженно сравнивали с Касторами, надел тоги зрелости, соответственно, в 5 и 2г. до н.э., далее, досрочно умерли молодыми в, соответственно, 2 и 4г. н.э., то позднее один из Касторов, Калигула, цинично (руководствуясь принципатовско-монархическими, пусть в маске республики, гос. резонами) убил другого – Тиберия Гемелла (настоящий брат-близнец к-рого умер в возрасте 4-х лет), а Нерон не менее цинично отправил Британника. Неспроста коллега Цезаря (к-рый не терпел два, признавая только mono) по курульному эдильству, другим магистратурам и консульству (Кальпурний) Бибул горько шутил, что он уподобился Полидевку, так как все знают Кастора-Цезаря и никто ни во что не ставит его – Бибула.

разницей в возрасте) Мария Вифлеемлянка (новая Рахиль) и Мария Галилеянка (новая Лия)! или их разновозрастные мужья-обрученники – Давидиды – царственный Иосиф Соломонид, и муж жребия Мелхиседекова – Иосиф Нафанид! или – двоюродные братья (с двухлетней разницей), сыновья обеих Марий (и обоих Иосифов), – Иисус Соломонид (Заратустра) и Иисус Нафанид (Кришна), старший из К-рых (носитель Софии) пожертвовал Свою выдающуюся индивидуальность младшему (Логос), чтобы пришедший в мир, к людям-человекам, *вторым* мог стать *первым!*

Не вершилась ли II-я Пост-Атлантическая = Пассионарно-Ойкуменическая – Пра-Иранская (заключительная метаисторическая перед первой исторической – III-й Египетско-Вавилонской) культура под знаком Близнецов (5068/67 – 2908/07гг. до н.э.), под знаком Заратустры! под знаком постижения посвящёнными репрезентантами человечества солярного Импульса нисходящего от-из Ауры Солнца (Аура-Маздао) на Землю по Звёздам Христа Спасителя! под знаком постижения тайн 12-и знаков Зодиака (7 дневных и 5 ночных созвездий)!

Не постигали ли посвящённые в эпоху Близнецов тайны-таинства астрономии, астрологии, хронологии, инаугуратор к-рой – не кто иной как Заратустра – носителем астрального тела к-рого сделался впоследствии основатель Египетской культуры Гермес Трисмегист, а тела эфирного – выведший богоизбранное еврейство из обречённого Египта и получивший от Всевышнего закон единственного народа в законе первопророк Моисей! Не созеркальна ли эта II-я эпоха развития-эволюции Астрального тела, под знаком Близнецов, грядущей VI-й (в составе Семи Пост-Атлантических = Пассионарно-Ойкуменических культур) Славянской культуре-эпохе Самодуха, под знаком Водолея Купалы! Не предваряет ли Иоанн Купала-Креститель Иисуса Христа! Не предваряет ли особостатуированный Апостол Павел Апостола Апостолов Лазаря-Иоанна = Иоанна Богослова!

Плавание «Диоскуров» с Мальты на северо-восток до Сиракуз (*сильная тяга*) в Сицилии (ок. 120-и км) заняло, надо думать, не больше 1/2-х дней, как и плавание из Кесарии в Сидон. В Сиракузах корабль простоял, сродни-созеркально пребыванию павлинского судна в Сидоне, 3 дня (б.м., принимая на борт какой-то дополнительный груз). Оттуда дорога (1/2 дня) пролежала в отдалённую на ок. 150/60 км от Сирикуз Ригию/Регию (*трещина; брешь*) – гавань на носу итальянского сапога (где в 14г. умерла переведённая сюда в 4г. с о. Пандатерия ссыльная дочь Августа – Юлия),⁷⁷ и через Сицилийский (между Сциллой и Харибдой) пролив на север.

Впрочем, не мудрено, ведь у истоков столь чтивших Диоскуров римлян (как римлян) стоят не столько Кастор и Поллукс (Касторы), сколько римские Каин и Авель – Ромул и Рэм, память о трагическом исходе братства к-рых (в пользу братоубийцы Ромула), без сомнения, импульсировала особое почитание Касторов римлянами!

⁷⁷ Регия или Ригия (сегодня Реджо-ди-Калабрия) – название от «прорываю», т.е. от совершённого здесь прорыва моря (отделившего Италию от Сицилии); или от «прибой», «бурное течение», «скалистый берег», «прибрежный утёс», или от regia – «царский». Портовый город на берегу Сицилийского пролива в Бруттии, напротив Мессины, основанный ок. 725г. до н.э. халкидийцами из Эвбеи и пелопонесскими мессенцами. Ок. 550г. известен тиран Ивик. После разгрома пифагорейской школы в Кротоне, в Регии нашли приют остатки пифагорейцев – 497-61гг. Мессенское население долгое время имело перевес, во главе города стоял начальник из мессенцев, место последнего из к-рых, изгнанного в 461г., заступил тиран Анаксилей, кому преемствовал его сын Леформ. С 433г. – в союзе с Афинами; с 427г. – база Афин в Пелопонесской войне; 415-13гг. – нейтралитет. В 386г. город захватил, по итогам 11-месячной осады, и разрушил тиран Сиракуз Дионисий I; позже отстроил Дионисий II. С ок. 270г. – владение Рима, сохранившее преимущественно греческий облик. 89г. до н.э. – муниципий. Землетрясения IV. до н.э. и Гражданские войны уменьшили число жителей, к-рых Август пополнил за счёт морских ветеранов. В кесарскую эпоху – один из крупных городов южной

«И как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в ПUTEОЛ». Значит, благоприятный южный ветер подул через день в Регии, почему до расположенных в ок. 250/60-и км северо-западнее, в ПUTEОЛАНСКОМ (НЕАПОЛИТАНСКОМ) ЗАЛИВЕ, между Неаполем и Кумами, ПUTEОЛ удалось дойти (мимо Неаполя) на второй день отплытия из Регии.

Т.е. не позднее 18/19.02.61г. «Диоскуры» прибыли в знакомый нам ПUTEОЛ (ДИКЕАРХЕЯ), с недавних пор – с 60г. – Colonia Claudia Neronensis, где сошли на берег, чтобы отсюда продолжить путь до Рима пешим ходом, конвоируемые сотником Юлием и его стражей узники. А александрийское судно – либо встало на разгрузку здесь, в ПUTEОЛЕ, либо направилось дальше на север – до Остии. Мы не знаем, было ли оно зерновым? могучи разгружаться и в ПUTEОЛАХ (к-рые пшеницу из Александрии празднично встречали), с последующей доставкой в Рим зерна по суше, и (или) в Остии (либо – частично в ПUTEОЛЕ, частично – в Остии).

Тем временем, у христиан – Павла, Луки, Аристарха, нашлись пUTEОЛАНСКИЕ братья-единоверцы, из чего следует, что тут на 61г. существовала христианская община, к-рые упросили их пробыть у них семь дней. Двинулись ли прочие узники на Рим по Аппиевой дороге раньше, как полагают некоторые экзегеты, между тем как сотник Юлий великодушно согласился несколько задержаться с Павлом и его спутниками на месте? Или, – скорее, остановка в ПUTEОЛАХ перед дорогой в Рим была связана с какими-то юридическими формальностями-процедурами, поскольку согласно тексту, получается, что братья-христиане упросили Павла и его спутников (отпущенных к пUTEОЛАНСКИМ христианам в сопровождении стража Юлием) побыть у них, ибо вся группа узников (по какой-то причине) оставалась эти 7 дней в ПUTEОЛЕ.⁷⁸

Короче говоря, великодушие сотника, судя по всему, заключалось в том, чтобы, как и в Сидоне, отпустить Павла к единоверцам, но не в том, чтобы, по его просьбе, задержаться здесь на 7 дней, – отправив ли прочих узников вперёд? или задержав (ради Павла) всех? – что трудно вообразить и во что трудно поверить.

Затем последовал минимум ок. 6/7-дневный (в зависимости от скорости пешего передвижения, числа и продолжительности остановок-привалов) путь до находящегося на удалении в ок. 210 км от ПUTEОЛ Рима – по *via Appia*⁷⁹, через Кампанию и Лациум, минуя Капую, вдоль границы Понтинских болот.

Италии. Севернее Регии располагался пограничный столп, где корабли пересекали Мессенский пролив.

⁷⁸ У талмудим-мидрашим ПUTEОЛ на подходах к (нечестивому) Риму предстаёт как своего рода (ведущий к Иерусалиму) Иерихон (город 12-и из 24-х священных чред, до к-рого доносились ароматы с храмового кадильного жертвенника) наоборот, как противоположность Иерихона, подобно тому как Рим – противоположность Иерусалима, и римские кумирни – противоположность Храма. «S Dt 11,16 §43 (81a)»: «Однажды раббан Гамалиил (П), р. Иошуа, р. Елеазар б. Азария (или б. Гиркан) и р. Акиба направлялись в Рим (знаменитое путешествие в конце 90-х гг. Ив. 4-х раввинских авторитетов, возможно, встречавшихся тогда в Риме с Иосифом Флавием). Они слышали (срамотный) гул (языческого беспредела) в 120-и милях от Города, в ПUTEОЛЕ (иные варианты прочтения неразборчивого текста предлагают вместо «ПUTEОЛА» «Капитолий» внутри Рима), и трое из них начали плакать (= оплакивать судьбу Израиля). Однако Акиба рассмеялся. «Почему вы плачете?» – спросил он. Они ответили (вопросом на вопрос): «Почему ты смеёшься?», и присовокупили: «Не должно ли нам плакать, когда гоим (= язычники)-идолослужители приносят жертвы пустоте и падают ниц перед идолами, и живут в спокойствии и уверенности, а храм нашего Бога сожжён и руины его – прибежище для диких зверей?» Акиба: «Потому я и смеюсь. Если Господь столь великодушен к тем, кто Его гневит, насколько Он будет (в будущем) великодушнее к тем, кто исполняет Его волю».

⁷⁹ *Via Appia*, согласно эпике Ив. н.э. Стацию (+ после 96г.), – «царица дорог» (Silv. 2,2,12), к-рую построил (во время II-й Самнитской войны 326-04гг.) Аппий Клавдий Слепой (цензор

Одновременно, за 7 дней пребывания Павла у них, путеоланцы успели сообщить римским братьям о том, что он на подходе, почему группа христиан Рима вышла встречать его со спутниками до Аппиева Форума – пригорода, к-рый в переводе Д.Ап. назван «площадью»⁸⁰, в ок. 60-и км от Рима, между Таррациной на юге (90 км) и Арицией на севере (25 км). Другая же группа христиан встречала наших Гостников уже в ок. 40-а км от Города, в известном пригородном районе Трёх Гостиниц – Tres Tabernae.⁸¹

Итак, 7 дней (с 18/19.02.) в ПUTEОЛЕ и 6/7 дней пути из ПUTEОЛА до РИМА.⁸² Стало быть, – внимание, – в Рим, куда он так давно и упорно стремился, Павел (впервые в жизни) ступил (через Porta Capena с юга) оптимально не ранее и не позднее начала марта 61г. н.э.

В Риме сотник Юлий и его стражники передали доставленных-приведённых ими в целости и сохранности узников преторианской полиции, что имело место либо – в главной резиденции преторианского префекта, у казарм преторианцев, на Виминале, при Porta Viminalis на северо-востоке Города – castra praetoria, либо – на Целийском холме – местонахождение castra peregrinorum (где размещали заключённых-иностранцев, доставленных с периферии). Притом под военачальником (греч. στρατοπέδ-άρχης – «стратопедарх» – начальник лагеря), к-рому, сообразно Деэписателю, узники были переданы, вполне может подразумеваться сам префект преторианцев С.Афраний Бурр (или кто-то из его заместителей), кто, ознакомившись с сопроводительным посланием-донесением Порция Феста и выслушав доклад сотника Юлия (обо всём произошедшем в пути), принял решение, позволившее римскому гражданину Павлу из Тарса – «жить особо с воином, стерегущим его».

Засим обвинявшемуся не в тяжком, с римской точки зрения, деликте (привилегированному деликвенту) Павлу (с учётом положительных-рекомендательных отзывов о нём прокуратора Феста и сотника Юлия) было дозволено узичествовать, до (в ожидании) и во время судебного разбирательства, на мягких условиях, в особом-отдельном жилище (не столько казарменно-тюремного, сколько полугостиничного типа), под своего рода домашним арестом. С приставленным к нему стражем, на собственном иждивении, пользуясь при этом относительной-ограниченной свободой – custodia liberà, включавшей как свободу посещения его единовверцами (в присутствии стража), так и, б.м., определённую свободу поднадзорного передвижения в определённые дни в пределах Рима (см. ниже).

312г. до н.э.), доведя её сначала из Рима до Капуи (195 км), затем доведённую до Беневента (IIIв. до н.э.) и через Тарент до Брундизия (IVв. до н.э.). Именно на этой дороге, на участке от Капуи до Рима, в 71г. до н.э. были распяты 6 тыс. рабов – участников разгромленного восстания Спартака. (Между прочим, в 61г. н.э. исполнялось 100 лет со времени Брундизийской конференции 40г. до н.э. и 100 лет со времени написания знаменитой «Четвёртой эклоги» Вергилия.)

⁸⁰ Рыночное местечко (городок), основанное Аппием Клавдием у большой дороги, к-рую он прокладывал первоначально от Рима до Капуи.

⁸¹ Предположительно, на этом, по Аппиевой дороге, месте (неоднократно упоминаемом Цицероном в переписке с Аттиком) стояли *три гостиницы* для идущих в Рим путешественников. Аналогия-переключка с местом Tre Fontane (Три Источника), за городскими воротами Рима (Сальвианские источники), где, по преданию, был обезглавлен Ап. Павел (см. ниже).

⁸² Прокопий Кесарийский (VIв.) в «Готских войнах» исчисляет этот пешеходный путь в 5 дней (1,14).

ПЕРВЫЕ РИМСКИЕ УЗЫ АП. ПАВЛА

(61 – 63гг.)

Если Павел в 52г. в Афинах «возмутился духом при виде этого города, полного идолов» (Д.Ап.17,16), то, тем паче, он должен был возмутиться духом при виде ещё более полной идолов столицы тогдашнего языческого (полу)мира (уже при первом входе в Рим, по пути, после Аппиевой дороги, через Капеновы врата, минуя Палатин и, – в виду Капитолия, – через Forum Romanum, на северо-восточный Виминал). Ведь Рим того времени, как и Иерусалим, можно называть просто Городом, но с полярным монотеистическому-единобожному Иерусалиму политеистическим-многобожным содержанием (Городом – профанатором мистерий, в к-ром кесарь-император, как при Республике сенат, весомее-солиднее всех богов вместе взятых).⁸³

Причём парадокс заключался в том, что этот кишмя кишевший язычеством и идолопоклонством Город теперь оказывался ближе христианам и христианству, нежели проморгавший Исполнение Времён и идущий к своей неминуемой гибели (сделавший упругой шею свою) старозаветный Иерусалим. Отныне Рим, к-рый сокрушит обездуховленный Иерусалим и уничтожит обезбоженный храм в 70г., становился, несмотря на всё своё вопиющее язычество и в скором времени полуторавековую ярость против христиан, *пупом Земли*.

Становился Центром, в большей мере, способным-готовым в перспективе откликнуться на христианство (Roma – Flora, и Roma – Amor), чем обречённый ветхий Иерусалим, земная эстафета к-рого до конца IV н.э. будет передана сформулированному Иоанном Богословом непреходящему Иерусалиму Небесному, тогда как небесного Рима (будь то преходящие – Рим Первый, Второй, или Третий и т.д.) ни в божественной природе, ни у Бога (за пазухой) не бывает, не существует, не предвидится!⁸⁴

Где находилось двухлетнее полутюремное-(полу)гостиничное жильё (обитавшего отдельно от прочих подобных ему узников, на особых условиях) Павла – близ базового преторианского лагеря, при казармах, на Виминале? или возле казармы (охранявших императорский дворец) преторианцев на Палатине? или при castra peregrinorum на Целии? или это было в течение 61 – 63гг. не одно жильё? – в точности неизвестно.

В пользу наиболее вероятной Виминаловой или Палатинской версий, пожалуй, свидетельствуют павлианские слова из Посл к Филиппийцам (63г.), в к-ром Апостол говорит, что его «узы о Христе сделались известными (в т.ч.) всей претории» (1,13). Мало того, ниже, в заключающем Послание приветствии Филиппийцам, сказано: «Приветствуют вас все святые, а наипаче из кесарева дома» (4,22). Т.е. за 2 года пребывания апостольского узника в Риме его, миссионера Мессии, проповедь («со всяким дерзновением невозбранно») имела успех и среди сменявшихся при нём стражных преторианцев (некоторые из к-рых доносили услышанное от него как – по долгу службы – до начальства, так и – не по долгу службы – до своих сослуживцев), и среди представителей кесарева дома: надо понимать, – среди императорской прислуги и каких-то императорских вольноотпущенников.

И пусть сказанное не означает, что множество преторианцев или репрезентантов кесарева дома непременно стали христианами, однако, во всяком случае, в Риме

⁸³ Иерусалим – *Град и Храм на холме*; Рим – *Град на холме*. Но Иерусалим был *Храмом на холме* до 33г. н.э., оставшись только (приговорённым) *градом на холме* после Мистерии Голгофы и лишившись покинутого ещё в 33г. Богом (материального) храма в 70г. н.э.

⁸⁴ Притом для (нескорого-отдалённого) достижения уровня Небесного Иерусалима необходимо пройти через уровни, в т.ч., и *Града* (переживание западного христианства), и *Храма* (переживание восточного христианства) *на холме*.

убедились-удостоверились, что лояльный к власти Павел не был ни политическим, ни уголовным преступником. Убедились, и внимательно слушали его, узнавая от него, весьма красноречивого и умеющего (с его хорошим греческим) сказать доступное простым сердцам слово, (по римским меркам) ретора-оратора, о том, Кем был прошедший по Земле Иисус, равно – кто есть Христос.

И в условиях острого кризиса старых богов, в условиях повсеместного торжества удушливой смерти, декаданса и разложения, в условиях жгучей ностальгии по Сотеру-Спасителю и спасению, многие слушатели минимум проявляли повышенный интерес к этому указующему путь воскресения из мёртвых, с его качественно новым подходом-содержанием-пониманием, учению, к искусному слову о свершившемся Пришествии жертвенного и одновременно победоносного Мессии, столь не похожего на разного рода мифологических или политических или философских Псевдо-Сотеров, и т.д.

Таким образом, великому умельцу максимально продуктивно использовать в любых обстоятельствах предоставленные ему время и возможности Павлу, к-рый никогда не терял времени даром и вход к к-рому посетителям был, благо, открыт, на протяжении двух лет его повышенной востребованности как (не только единоверцами) в Риме, так и извне, с периферии, уж точно не пришлось ни тяготиться одиночеством, ни скучать.

Более того, насколько выводится из Посл. к Колоссянам (63г.), странственный спутник Аристарх добровольно разделит заточение Апостола (Кол.4,10), как и, возможно, Лука (Кол.4,14; Флм.23), – либо деливший с ним узы, либо обитавший по соседству, при нём. И оба усердно помогали апостольскому узнику во всём.

Единовременно, многие иные, не считая, само собой, христиан римской общины, спутники, сотрудники, ученики не раз к Павлу (приходя в Рим) навещались, сообщали ему о состоянии дел в других общинах (Греция; Македония; М.Азия; Сирия; Палестина), учились у него, получали от него разные (жизненно, общинно, индивидуально важные-актуальные) наставления, задания, поручения и отправлялись на их выполнение. Среди этих упоминаемых в составленных в 63г. т.н. «тюремных» Посланиях (к Ефесянам, к Колоссянам, к Филиппийцам, к Филимону) сотрудников-посетителей знакомые и незнакомые нам – Ев. Марк (4,10), Тимофей (Фил.1,1; Кол.1,1; Флм.1), Тит (2Кор.12,18), Тихик (Еф.6,21), Епафродит (Фил.4,18), Епафрас (Кол.4,12), Димас (Кол.4,14) и др.

К тому же, уличествуя на своём иждивении и не имея, на сей раз, возможности зарабатывать себе на жизнь (вряд ли он на римской квартире занимался деланием палаток), Павел нуждался в средствах, каковыми были помощь от римских христиан (о к-рой, в первую очередь, наверняка позаботились находившиеся-обитавшие в Риме Акила и Прискилла) и пожертвования от различных основанных Апостолом или знавших его (о нём) общин.

Далее, из неоднократного представления Павлом в Посланиях себя узником (в узах) многими делается вывод, что он был скован цепями денно и ночью по рукам и ногам (чуть ли не как каторжник!), прикованный вдобавок к солдату, несшему при нём стражу, т.е. к солдатам-преторианцам, к-рые чередовались, сторожа-карауля сидельца. В буквальном смысле, разумеется, – узы, уличество, в узах, – означает пребывание в цепях-оковах. Но тут, на наш взгляд, под узами имеется в виду не столько форма, сколько сам факт заточения, констатация факта заточения, что не подразумевает постоянно отягощённого веригами (даже наподобие бывшего привилегированным узником при Тиберии Ирода Агриппы, где Флавий специально оговаривает агриппианские цепи) льготного узника.

И вообще довольно трудно представить павлианскую, пусть несвободную, под домашним арестом, «в гостинице», жизнь и дерзновенно-невозбратные павлиан-

ские проповеди перед большими и малыми группами людей, или встречи с отдельными людьми, в ходе двух лет, в постоянных-несъёмных веригах, к-рые, с др. стороны, могли надеяться на узника по ночам (или при, в ряде случаев, его выводе-выведении из тюремного жилья, к примеру, на судебные разбирательства).

А теперь слушаем Дееписателя Луку, кто, отблаговествовав приход Павла в Рим и начало его Первых римских уз в марте 61г., продолжает и завершает Книгу Деяний Апостольских следующими словами:

* * *

«Через три дня Павел созвал знатнейших из Иудеев и, когда они сошлись, говорил им: мужи братья! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян;

Они, судивши меня, хотели освободить, потому что нет во мне никакой вины, достойной смерти;

Но так-как Иудеи противоречили, то я принуждён был потребовать суда у кесаря, впрочем, не с тем, чтобы обвинять в чём-либо мой народ;

По этой причине я и призвал вас, чтобы увидеться и поговорить с вами, ибо за надежду Израилеву обложен я этими узами.

Они же сказали ему: мы ни писем не получали о тебе из Иудеи, ни из приходящих братьев никто не известил о тебе и не сказал чего-либо худого;

Впрочем желательно нам слышать от тебя, как ты мыслишь; ибо известно нам, что об этом учении везде спорят.

И назначивши ему день, очень многие пришли к нему в гостиницу; и он от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божиим, приводя свидетельства и удостоверяя их об Иисусе из закона Моисеева и пророков.

Одни убеждались словами его, а другие не верили.

Будучи же несогласны между собою, они уходили, когда Павел сказал следующие слова: хорошо Дух Святой сказал отцам нашим чрез пророка Исаию:

«Пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете; и очами смотреть будете, и не увидите;

Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы я исцелил их».

Итак да будет вам известно, что спасение Божие послано язычникам: они и услышат.

Когда он сказал это, Иудеи ушли, много спора между собою.

И жил Павел целых два года на своём иждивении и принимал всех приходивших к нему,

Проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно.» (Д.Ап.28,17-31)

Посему уже через три дня по его прибытии в Рим и поселении (распоряжением А.Бурра), под охраной, в тюремной гостинице, с разрешением принимать посетителей, к Павлу пришли-наведались призванные им (как говорит Дееписатель) знатнейшие из иудеев римской еврейской общины (поскольку он сам был лишён возможности прийти в синагогу). Примечательно, что и здесь, после конфликта с иерусалимской иерократией в 58 – 60г., к первым Апостол обращается именно к иудеям, как он делал это повсюду, впервые придя в какой-нибудь город (и лишь после отвержения-отторжения его проповеди иудеями, после конфликта с ними, обращался к язычникам).

Тем временем, в Риме, как мы знаем, на 61г. существовала уже достаточно немалочисленная, судя по Посл. к Римлянам (58г.), община христиан, часть членом к-рой лично знали Павла, или, как Акила и Прискилла, были его активными сотрудниками в прошлом, и без сомнения, часто общались с ним, активно сотрудничая, в 61 – 63гг. Мы помним, что в 50г. решением Клавдия иудеи (или какая-то часть римских иудеев), а заодно с ними и христиане, к-рые сами себя ещё толком от иудеев не отделяли, не будучи, понятно, дифференцируемы и Римом, подверглись, постоянно волнуемые спорами о Христе-Мессии (о сроках его пришествия, о том – был ли Иисус из Назарета Мессией? и т.п.), изгнанию из Рима. Позднее, в 54/55гг., при Нероне, они вернулись. Ок. 56/57гг. Рим отнюдь небездеятельно посетил Ап. Пётр, вероятно, впервые побывавший здесь ещё раньше – в 47/48гг. (см. ниже).

И вовсе не исключено, что римская христианская община состояла на 61г. из 2/3-х тыс. чел. (?), выросши до ок. 4-х тыс. (?) за время пребывания в Городе до 63г. Павла. Притом надо ещё раз специально подчеркнуть, что римскими властями христиане до знаменитого пожара летом 64г. и последовавших за ним именно противохристианских гонений не рассматривались в отрыве от иудеев, считаясь одной из ветвей еврейства-иудаизма. Да и сама христианская община не составила монолитного единства, подразделяясь на иудеохристиан из евреев и еллинистов, и на христиан-язычников, к-рые далеко не всегда находили общий язык друг с другом.

При всём том, и еврейская община свыше миллионного (или уже 1,5-миллионного?) Рима, если исходить из того, что в Городе к 61г. было или могло быть (эвентуально) ок. 20-и тыс. иудеев (?), так как в нём (согласно эпиграфическим надписям за период с 100г. до н.э. по 200г. н.э.) насчитывалось 11 синагог⁸⁵ (еврейская/еврейские и еллинистические), не была (без сомнения, поддерживая тесный контакт-общение с иудеохристианами из евреев и еллинистов) ни единой, ни монолитной.

Напомним, первые сведения об иудеях в Риме и их изгнании из Рима восходят к 139г. до н.э. (в эпоху после заключения между Маккавеями и Римом – 161г. – противоселевкидского союза), тогда как в дальнейшем ядро еврейской общины Города составили вольноотпущенные и выкупленные единоверцами иудеи из числа помпеянских, по завоевании Иерусалима, пленников 63г., к-рые начали селиться на правом берегу Тибра в районе с позднейшим названием Trastevere, знакомые своей немалочисленностью и ангажированностью уже Цицерону – 59г. до н.э. («pro Flacco» 66). Цезарь и Август считали продержавно настроенных в то время евреев элементом, связующим Римскую империю, видя в нём союзника Рима в борьбе с местническим сепаратизмом-национализмом разных автохтонов, и относились к иудеям хорошо, между тем как евреи видели в Риме, в терпимой к иудаизму римской державно-централистской светской власти защиту от иудеобии национал-партикуляристов на местах.⁸⁶

⁸⁵ T.Zahn («AG», S.640); Deissman «Licht vom Osten» (S.9) – 1909.

⁸⁶ От выступления в 166г. Маккавеев (пять сыновей священника Маттафии), по осквернении Антиохом Эпифаном в 167г. до н.э. храма Господня и его очищения в 164г. до н.э. Иудой Мааккавом, к-рый в 161г. заключил возродивший в 142/40гг. еврейскую государственность союз с Римом, до сокрушённого римлянами в 135г. н.э. восстания Бар Кохбы – 300 лет. И в течение этих трёх веков имели место и завоевание Иерусалима Помпеем, и царствование сменившего хасмонейскую династию римского назначенца Ирода, и Рождество Христово, и провинциализация Иудеи, и Мистерия Голгофы, и короткое царствование Ирода Агриппы, и падение Иерусалима, с разрушением храма, и весь Век Апостольский.

Примечательно, что в Талмуде верность Рима союзу с Иудеями исчисляется сроком в 26 лет: «Целых 26 лет римляне были верны евреям, но затем они их подчинили себе» (Авода

Ситуация стала ухудшаться в Iв. н.э., со смертью Ирода в Палестине, с ростом интегральных тенденций Рима и прямо противоположной этой интеграции сегрегальности иудеев, с началом конфликта между императорским «мессианизмом», императорским «исполнением времён» и резким обострением иудейских ожиданий-чаяний пришествия еврейского Мессии и исполнения времён по-еврейски, с расколом и без того расколотого на группировки, течения, направления, секты еврейства после отвергнутого большинством евреев-иудеев Таинства Голгофы.

При Тиберии дела евреев обстояли хуже — пока в силе был Сеян; на порядок лучше — с его падением в 31г., до 34г.; и снова, с 34г., хуже, но не из рук вон плохо. При Калигуле, попытавшемся водрузить свою (под Зевса) статую в Иерусалимском храме, едва не вспыхнула раньше сроков Иудейская война, а до того случился кровавый погром в Александрии (38/39/40гг.). При Клавдии евреям и Палестины, и Диаспоры жилось неплохо до кончины Ирода Агриппы (41 — 44гг.) и, по большому счёту, до 50г., когда клавдианский репрессивно-изгнательный эдикт коснулся лишь еврейства Рима.

Наконец, при Нероне, когда клавдианские изгнанники получили возможность вернуться в Рим (54/55гг.), и особенно со дней вхождения в силу (58г.) симпатизировавшей иудаизму и иудейству императорской фаворитки Пoppеи Сабины, всё до поры складывалось благополучно. И, б.м., число евреев Рима, к-рых на момент Иродовой кончины в Iг. н.э. было 8 тыс., на 61г. составляло, как сказано, ок. 20-и тыс. (?), не считая, возможно, ок. 3-х тыс. христиан, число к-рых, повторим, могло с 61 по 63г. вырасти благодаря миссионерской деятельности неутомимого Павла до ок. 4-х тыс. (?)

* * *

Началось же всё, как сказано, с Павлова обращения, через три дня по его прибытии, т.е. в марте 61г., через 28 лет после Мистерии Голгофы, к знатнейшим представителям римско-иудейской общины, обратившись к к-рым и доверительно, и со всем почтением, что он делал повсеместно и прежде, Павел рассказал-объяснил-изъяснил, как ему довелось-привелось, не сделав ничего ни против народа (в законе), ни против отеческих обычаев, угодить в узы в Иерусалиме и быть преданным в руки римлян. Как он провёл в Кесарии в заточении аж два года, как римляне хотели его освободить, чему иудеи воспротивились, и как он вынужден был потребовать суда кесарева, почему и попал в Рим.

Да, он перерос народ, в к-ром был рождён, изойдя из Ветхого Израиля в обетованную Ойкумену, найдя через персональное явление ему Христа на пути в Дамаск путь в Израиль Новый, но он никогда не отрекался от своего народа, от сопринадлежности к нему, от своего происхождения из колена Вениаминова, от того, что он

Цара 86). И помимо того, что 26 есть число Яхве, к-рое имеет символическое значение, при внимательном рассмотрении, выясняется: за означенный период времени в 300 лет 26-летний срок трижды/четырежды имел существенное значение в хроноистории взаимоотношений Рима и Иуды. 1) 26 лет пролегал от гибели заключившего союз с Римом Иуды Маккавея в 160г. до гибели последнего из пяти братьев Маккавеев Симона в 134г. до н.э. 2) 26 лет отделяют завоевание Иерусалима Помпеем осенью 63г. от назначения римлянами противомаккавейским царём иудейским Ирода весной 37г. до н.э. (на 26-м году). 3) На 26-м году от назначения Ирода Агриппы царём иудейским в начале 41г. н.э. началась Иудейская война в 66г. н.э. 4) Через 26 лет после смерти последнего царя Иудейского царства со столицей в Иерусалиме Ирода Агриппы в 44г. н.э. римляне взяли Иерусалим, разрушили храм и положили конец всякой еврейской автономии в 70г. н.э.

— Еврей от Евреев, с той разницей, что кульминацией еврейства и старого Израиля явился для него, фарисея и гонителя христиан в прошлом, распахнувший врата в новый Израиль (без Еллина, Иудея, Римлянина, Грека, Раба, Свободного...) Иисус Христос!

Всего этого в подробностях-нюансах Павел внимательно слушавшим его репрезентантам римского еврейства, понятно, не сказал, без сомнения, вновь произведя упор на своей вере в мессианство Мессии Христа и на вере в воскресение мёртвых, что отвергалось саддукеями, не отвергаясь ни фарисеями, ни ессеями. Причём ведь римское еврейство приверженцами учения «посюсторонников» саддукеев отнюдь не исчерпывалось. И, к слову добавить, последние были в меньшинстве, так как большинство иудеев, будь то в Палестине или в Диаспоре, придерживались (насколько можно судить по сведениям античной эпохи) учения фарисейского, представители к-рого пока (до Иудейской войны, падения Иерусалима, гибели храма, конца еврейской автономии и гегемонии вышедшего из фарисейства раввинистического иудаизма, возглавившего постхрамовое еврейство), делясь на ветви и ответвления, не были едины во мнении о христианах и христианстве.

То-то строя свою защитительную, несмотря на отсутствие в этот раз нападок на него, речь продуманно и умно, Павел акцентирует, что суд у кесаря был потребован им не для того, «чтобы обвинить в чём-либо мой народ», и завершает её словом о том, что он обложен узами за (исполнившуюся в Иисусе Христе и предстоящую к исполнению в человеках-человечестве) надежду Израилеву!

Ответ же иудеев, как выясняется, не получавших о нём ни предупредительных писем, ни предостережений, ни известий из Иерусалима, может, на первый взгляд, вопросительно удивить. Правда, если присмотреться зорче, вопрос отпадает. Во-первых, учётом изоляционизм палестинско-иерусалимского еврейства и особенно его косо-консервативной саддукейской верхушки, к-рая преследовала Павла в Иерусалиме/Палестине, во многом, потеряв интерес к нему, улизнувшему-отправленному в далёкий Рим. А во-вторых, или, точнее, во-первых, иерусалимской иерократии было не с руки апеллировать к кесарю после того как Фест удовлетворил требование Павла о суде кесаревом, ибо это означало бы одновременно жалобу на Феста и вкупе с ним на заведовавшего назначением первосвященников Агриппу, в свете чего игра не стоила свеч и не сулила удачу, вместе с тем, грозя испортить отношения иерократов и с Фестом, и с Агриппой.

Плюс к тому, не забудем о том, что приблизительно в одно время с павлианским отплытием в Рим осенью 60г. в Иерусалим пришло известие о решении в Риме (инициативой А.Бурра) конфликта между иудеями и язычниками Кесарии в пользу язычников. Т.е. синедристы сделали логический вывод о непроеврейской (если не о противоеврейской) позиции римских верхов, поняв, что жаловаться некому, и осторожно дистанцировавшись от жалобы на Феста, — не по аналогии с предпринятой и сработавшей в 32/33г. жалобой Тиберию на Пилата. Теперь такое, скорей всего, не прокатит, и, значит, лучше не высовываться, не подставляться (из-за переставшего быть для Иерусалима насущным вопроса с Павлом: убил, дескать, к чёрту на кулички — в Рим, ну и хрен с ним).

Хотя этот уход сумевшего не стать их жертвой Павла, в определённом смысле, не мог не повлиять на расправу весной 62г. иерусалимских иерократов во главе с Ананом II над Иаковом Праведным, к-рого Анан (действуя радикальнее-решительнее Анании б Небедея и Исмаила б. Фаби) поспешит осудить и убить до прибытия на место умершего Феста нового прокуратора Альбина (см. выше и ниже). Не так до лета/осени 64г. в Риме, где Павлу будет вынесен оправдательный приговор весной 63г.

Дело в том, что хорошее отношение римских властей к Апостолу язычников в

61 – 63гг., как и его освобождение в 63г., были, следует думать, не в последнюю очередь, обусловлены (и) симпатиями к иудаизму и еврейству со стороны эксцентричной Поппеи Сабини. Не она ли благосклонно примет осенью/зимой 63г. прибывшего в Рим ходатайствовать за иудейских заложников Иосифа Флавия, удовлетворит его ходатайство и отпустит этого сумевшего произвести на неё хорошее впечатление, сумевшего чем-то поразить её просителя, щедро одарив его, домой, по весне 64г. (см. ниже).

Отсюда спрашивается: не могла ли такая особа, для к-рой христианство было до лета 64г. одной из оригинальных-экстравагантных ветвей-версий иудаизма, заинтересоваться Павлом? не могла ли она проявить к его красноречивой проповеди эксцентричный интерес (похотливое любопытство), к-рое (со)способствовало положительному разрешению его дела в 63г.?

А позже, летом 64г., когда случится пожар Рима, римская власть впервые, ища козлов отпущения, дабы отвести подозрения в умышленном поджоге от Нерона, отделит, по Неронову (с чьей-то подсказки) почину, христиан от евреев и обрушится с жестокими гонениями именно на христиан, не трогая евреев. Впору спросить: не с подачи ли успевшей за истекшее время больше узнать о христианстве и христианах Сабини, переведшей, по ходатайству римских иудеев – не смешивать их с приверженцами назорейской ереси, стрелки именно на христиан? к-рых именно с тех пор Рим начнёт всё чётче от иудеев отделять.

Или наоборот, – не грянули ли убийства именно христиан, вычлененных из евреев, к-рых было в Риме слишком много, по инициативе самого Нерона, вопреки Сабине? к-рой он (влюблённый недоросль) иногда капризно-назло перечил-противоречил. Одним словом, здесь возникают вопросы, на к-рые нет точных-однозначных ответов и к-рые выдвигают ряд не имеющих ни подтверждения, ни опровержения версий-гипотез.

Впрочем, в марте 61г. Павел, приняв у себя знатных римских иудеев, согласился на назначенный ими, пожелавшими услышать – как и что он мыслит, в ракурсе учения, о к-ром везде спорят, специальный день, когда многие пришли к нему в гостиницу, и он – «от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божиим, приводя свидетельства и удостоверяя их об Иисусе из закона Моисеева и пророков».

Не всех ему удалось убедить или переубедить, ибо если одни убеждались его словами, то другие не верили, что происходило не впервой, и что Павлу, вменяя ему, в частности, наряду с проповедью ереси, раскол еврейства, гневно инкриминировали в Иерусалиме начальственные саддукеи. И неспроста Павел приводит, прощаясь с уходящими от него иудеями, слова – ни больше, ни меньше – Духа Святого, изречённые через наиболее мессианистического из ветхозаветных пророков – Исаию – в год смерти царя Озии = в 741г. до н.э. = за восемь столетий до 61г. н.э., при призвании Исаии (к-рому явился Господь и уст к-рого один из серафимов коснулся горящим углём с жертвенника) в великие пророки Господни!

Не взывал ли именно к этим словам Исаии, плюс Иеремиа (5,21), плюс Иезекиил (12,2), Иисус Христос как 30-ю годами ранее, в 31г. н.э., в Галилее (Мф.13,14; Мк.4,12), так и пасхальной весной 33г. н.э., в Страстную неделю, в Великий пальмовый Четверг, в Иерусалиме, за 28 лет до 61г. н.э.

* * *

Согласно Исаии, удержанным слухом слышат и, увы, не уразумевают, удержанными глазами смотрят и, увы, не видят. Огрубели необрезанными сердцами, довольствуясь обрезанием плоти, заткнули уши воском от истины, сомкнули глаза,

предпочтя свету слепоту, отказываются, себе на погибель, обратиться. Нет обращения – нет исцеления! Если Иеремия до разрушения Первого храма говорит о народе глупом и неразумном, у к-рого есть глаза, а не видят, у к-рого есть уши, а не слышат (5,12), то Иезекиил после разрушения Первого храма (586г. до н.э.), воспроизводя-передавая обращение Господа к Сыну человеческому, констатирует: «ты живёшь среди дома мятежного; у них есть глаза, чтобы видеть, а не видят; у них есть уши, чтобы слышать, а не слышат; потому что они – мятежный дом» (12,2). См. ср. слово Павла и слово Иоанна Богослова. Не звучит ли первое до разрушения Второго храма (70г. н.э.)! Не звучит ли второе после его разрушения. Не предваряет ли Иеремия Иезекиила! Не предваряет ли Павел Лазаря-Иоанна!

И вновь Павлом манифестируется пред жестокосердием иудеев спасение, посылаемое язычникам, к-рые, не отягощённые путаемой с каноном догматической ветхозаветностью и пресловутыми преданиями старцев, спасительное слово и услышат. Но сейчас в Риме не так, как в Антиохии Писидийской в 46г., где Павел и Варнава вынуждены были порвать с отвергнувшими их проповедь иудеями, впервые манифестировав свой христианский уход к язычникам (Д.Ап.13,46). И не так, как в 54/55гг. в Ефесе, где Павел через три месяца проповеди в синагоге, из-за противодействия иудеев, отделил учеников, покинул синагогу и начал ежедневно преподавать в училище некоего Тиранна (19,8/9). Нет, – сейчас на повестке дня не разрыв. И не случайно в Послании именно к Римлянам делается упор на спасении остатка Израиля, упор на столь любом Павлу единении-соединении иудеохристиан и христиан из язычников, обрезанных и необрезанных, во Христе (9-11).

И после приведённых Павлом слов Исаии, Иеремии, Иезекиила (дополнительное свидетельство того, что посетившие Апостола в заточении евреи Рима принадлежали в большинстве к чтившим пророков, отлично от упиравших на Пятикнижие саддукеев, фарисеев), иудеи ушли от него, много споря между собой, и за 2 года его уз они не раз встречались с ним, и были среди них как обращённые им, так и отворачившиеся от него, так и вставшие во враждебные отношения к нему (но бессильные навредить ему из-за толерантной-благосклонной позиции римских властей).

Примем во внимание информацию Плиния Младшего (10,56,4)⁸⁷ о том, что срок в 2 года был максимальным и крайним для апелляционных процессов типа павлианского, и применим-приложим оный к делу Павла, к-рого через 2 года, оптимально весной 63г. н.э., рассмотрев его дело – не сразу, без спешки и не на одном судебном заседании, – римские судьи, не найдя в его действиях состава преступления, оправдали-освободили. И если сам Павел поведал своим спутникам осенью 60г. на корабле, со слов явившегося ему в ночном откровении Ангела Господня, что в Риме ему – «должно предстать пред кесаря» (Д.Ап.27,24), есть ли у нас основания сомневаться, что он (таки) престал пред Нероном? Отнюдь! Апостолы и Евангелисты – не марксисты, не атеисты, не нацисты, не либералы и т.д.: они никогда не врут и отвечают за свои слова!

⁸⁷ В контексте «Послания Плиния (едва ставшему императором) Траяну» (98г.), находившемуся в 98г. в Германии, говорится о «праве требовать пересмотра дела, по крайней мере, в течение ближайших двух лет». Речь в «Послании» идёт об отмене сенатом каких-либо, в т.ч., судебных-осудительных, постановлений (назначенного Нервой проконсулом Вифинии, вернувшегося оттуда после смерти Нервы и попавшего в Риме под суд) (4,9) Юлия Басса (к-рый осудил некоего приведённого ныне для пересмотра дела к Плинию человека на пожизненную высылку). И из сказанного Плинием напрашивается (не стопроцентный) вывод о крайнем (предусмотренном законом) 2-летнем сроке по апелляционным делам и в апелляционных, независимо от их рассмотрения или пересмотра, делах, одним из к-рых было дело Павла. Вопрос лишь в том, действовало ли это положение и в 61-63гг., при Нероне.

И пусть Нерон, в отличие от самолично правивших суды, в отличие от судейски весьма усердствовавших Клавдия (Свет. «Кл.» 12-15) или Домициана («Дом.» 9/10), не любил ни единолично судействовать (Ан. 13,4), ни форменно-юридически судействовать вообще (Сенека «О милосердии» 2,1; Свет. «Нер.» 10)⁸⁸, и не часто присутствовал-появлялся в судах, избегая их, тем более, касаясь второстепенных дел типа павлианского (к-рые переагруженные римские суды часто надолго – как начало их рассмотрения, так и процедуру в целом – откладывали-затягивали), тем не менее, скажем ещё раз следующее.

Необычный (и не чуждый людям из кесарева дома) узник Павел пред Нероном (при ближе неизвестных обстоятельствах), вне всякого сомнения, предстал. Иное дело – был ли в отношении Павла оправдательный приговор вынесен самим Нероном? или др. судьями? – скорее, второе, чем первое. Однако, встреча между ними (в суде? или не только в суде?) имела место быть, и против (дальнейшего) оправдательного приговора Павлу Нерон в 63г. (вернее, Нерон 63-го г. н.э., ополчившийся против христиан в связи с пожаром Рима только летом 64г.) как минимум не возражал.

И это в 63г., перед оправданием-освобождением, Павлом, на исходе его уз, были составлены Посл. к Ефесянам, Колоссянам, Филиппийцам и к Филимону (в Колоссы), к-рые отправились к адресатам, одно – в Македонию, и три – в М.Азию, по весне 63г., незадолго до оправдания-освобождения Павла, к-рый затем провёл уже как свободный римский гражданин время в Риме (посещая и собрания единоверцев-христиан, и иудейские синагоги) где-то до лета 63г., когда и отчалил морем (из Путеол?) в Испанию.

Но к раскладу вышеперечисленных Павловых «тюремных» Посланий мы обратимся ниже, после рассказа о событиях 61 – 63гг. в Палестине, в то время как о путях-дорогах и деяниях Апостола язычников с лета 63г. будет рассказано вслед за рассказом, в рамках нашего хронопоследовательного повествования, о второй пятилетке правления Нерона – 59 – 64гг.

* * *

Приложительно же к 61 – 63гг. небезынтересно ещё раз обратиться к Павлу в Риме в связке с Сенекой, кто, как известно, подал в отставку и отошёл от гос. дел после кончины в 62г. Бурра, проживая далее, преимущественно, в уединении, в своих поместьях, в окрестностях Рима и в Кампании, писательствуя-философствуя там-оттуда и изредка навещаясь в Рим.

Как раз в 62/63гг. им писались «Естественночные вопросы», потом, в 63/64гг., «Моральные письма к Луцилию». Его философские взгляды не отличаются ни последовательностью, ни постоянством, и в этом смысле они в чём-то сравнимы с ситуативной теологией Павла, у к-рого нет теологии систематической-система-

⁸⁸ У Тацита в «Ан.» (13,4) пришедший к власти в 54г. Нерон намечает «будущий образ правления, отмежёвываясь главным образом от того, что вызывало ещё не заглушённое озлобление: он не станет единоличным судьёй (чем злоупотреблял Клавдий) во всех судебных делах, дабы заперев в своём доме обвинителей и подсудимых, потакать таким образом произволу немногих могущественных...». В трактате «О милосердии» (56г.) Сенека пишет, как Бурр не мог добиться сурового приговора для двух разбойников от ещё либерально-гуманного Нерона, к-рый в сердцах воскликнул: «Я бы хотел быть (дабы не выносить смертный приговор) неграмотным» (2,1). Об этом же случае несколько иначе сообщает Светоний: «Когда ему предложили на подпись указ о казни какого-то уголовного преступника, он воскликнул: «О, если бы я не умел писать» (10,2) (см. выше).

тизированной, к-рый от неё уходит и ориентируется на то, что нужно внимающим ему конкретным людям, его пастве: молоко или твёрдая пища.

Сенекианские размышления сосредоточены на душевной жизни и на практической морали. Философия — лекарство для души. Пантеистически трактуемое-толкуемое божество слито с природой. Бог — душа вселенной. Природа должна помочь человеку очистить душу от ложных страданий и логических умствований. Сенеке присущ принципиальный эклектизм. Он не считает нужным придерживаться определённого направления и позиционируя себя последователем Стои, многое заимствует у её антагониста Эпикура, в особенности после 62г., находя в эпикуреизме теоретическое обоснование удаления в частную жизнь («О душевном покое»; «О досуге»).

Иное государственное устройство, помимо Империи, для Сенеки невысказано, и всё придёт к катастрофе, если, вдруг, прекратится повиновение (венчающему пирамиду власти) императору, к-рому одновременно рекомендуется быть идеальным государем, чему, в противном случае, противопоставляется пассивное сопротивление деспотическому произволу. Идеал такого противления для философа — Катон Младший, покончивший с собой в унисон поражению де-факто ликвидированной Цезарем Республики. И не взгляды Катона, а его умение достойно умереть больше всего импонирует Сенеке, для к-рого вся жизнь — путь навстречу смерти и подготовка к встрече с ней. «Смерть суждена всему, она — закон, а не кара». «Дурно живёт тот, кто не умеет хорошо умереть». Поза умирающего в результате последнего честного боя гладиатора — иллюстрация философского идеала жизни, борющейся со страстями, слабостями, искушениями.

Сенекой теоретически принимается-акцептируется равенство всех людей и проповедуется гуманное отношение к рабам, к-рых он называет и «людьми», и «друзьями», что было непредставимо в прежнем республиканском Риме или ещё даже для римских авторитетов IV до н.э. Вместе с тем, наряду с пропагандой простоты нравов и осуждением пресыщенности богачей, алчности, рвачества, под девизом — обладай богатством, но не становись его рабом, не жируй, философа отличает нелюбовь к толпе, страх перед какой-либо охлократией. Он не доказывает свои положения, не жалуя логическую аргументацию, но внушает их слушателю-читателю. Он не притязает на новизну своей философии: «Лекарства для души найдены древними; наше дело решить, как и когда их следует употребить».

И Сенека, действительно, при встрече со смертью, когда Нерон предложит ему «добровольно» умереть, поведёт себя, как и в философии, куда достойнее, нежели, находясь у власти, испытание к-рой оказалось ему не по плечу, не по силам, полномерно выявив практический абстракционизм и лицемерие проповедуемых им идеалов. Не он ли, напомним, идеализируя независимость от богатства, сколотил гигантское состояние в 300 млн. сестерциев! Не он ли занимался ростовщицеством и погоней за наследиями! Не он ли активно участвовал в дворцовых интригах и потакал испорченным склонностям-наклонностям Нерона, чтобы держать его подалее от реальной политики или вертеть им, по своему усмотрению, и всевластно рулить в паре с Бурром! Наконец, не он ли, по меньшей мере, потворствовал братоубийству Нероном Британника! и не он ли оправдывал перед сенатом матерубийство его воспитанником-взращенцем Агриппины!

Посему — не он ли сам пограл (и не мог не пограть), наделённый реальной властью (а не в рассуждениях о ней) свою собственную философию! Не он ли сам воспитательно-опекунски взрастил то чудовище на троне, к-рое в итоге, сначала вышло из-под контроля создателя, а потом и (не без удовольствия) убило своего творца! Не говорится ли в сенекианской трагедии «Октавия»: «Богов бояться глупо: я их сам творю» (449); или (слова Нерона, обращённые к Сенеке): «Мне всё фортуной нашею дозволено» (451).

Засим этот философ пожал своим многопечальным исходом, о чём мы ещё будем специально беседовать под 65г., в немалом, то, что сам бездумно посеял.⁸⁹ Нельзя быть одновременно и Лазарем, и богачом из притчи о бедном Лазаре! нельзя служить и Богу, и маммоне! Нельзя — ни у кого до сих пор не получилось! — совмещать-совместить гуманистическую философию, чистую мораль и, при всех случаях, грязную, безнравственную, бессовестную политику! Нельзя долго жить двойными стандартами по двойным стандартам! Нельзя, в конечном счёте, ни обмануть себя, ни убежать от себя! Нельзя взывать к истине и к совести, окунувшись в политиканство! Нельзя быть немножко беременным!⁹⁰

Сенеку по праву называли автором «нового стиля» речи, декламации, противопоставляя его короткие заострённые-отточенные фразы, к-рые тотчас расходились на цитаты, «длинным, вялым и скучным» речам маэстро «старого стиля» Цицерона, пусть даже Калигула не без оснований иронически называл сенекианский стиль «песком без извести». И нельзя не заметить, что на смену этому старому цicerоновско-республиканскому стилю, на смену длиннотным речам Цицерона или тяжеловесной эпике Вергилия, до Августа и при Августе, пришли «страстность, стремительность, порывистость» в языке, сменившиеся тягой к тумултарной аффектации и излишнему пафосу в эпоху тирании закатных Юлиев-Клавдиев от Тиберия до Нерона. Тогда именно Сенекой и его племянником Лукианом был доведён до кондиции и упорядочен «новый стиль», к-рый позднее, при степенных Флавиях, с наступлением политической разрядки в обществе, отвергла (возглавленная Квинтилианом и осёдланная Стацием, Валерием Флакком, Сицием Италиком) классицистическая и архаистическая реакция.

Как видим, отдельные точки соприкосновения во взглядах Сенеки с христианством налицо. Однако из этого никак нельзя делать дубоголовые выводы типа того, что христианство, видите ли, приняло ряд положений стоической этики (!), или, что, — соответственно клиническому замечанию выразившегося, по его мнению, с юмором — Маркса, Сенека является (не извольте сомневаться) «дядюшкой христианства» (юморист грёбаный). Если поставить всё с ног на голову, по марксистско-ленински, то можно, конечно, сказать (как в лужу пёрнуть!) и так. Даром что Мистерия Голгофы свершилась до появления сенекианской философии, и коли уж говорить о *родственных* связях между ними, то это Сенека — левый племян христианства, а не наоборот. Или — не говорит ли, к примеру, (апологет грядущего «общества разума» без всякой религии) умник Энгельс (опять-таки, ставя всё с ног на голову), что Откровение Иоанна — последняя Книга Нового Завета — было написано (как, не извольте сомневаться, первая новозаветная Книга) в 69г.!

Базирующееся на Новом Завете Ив. н.э. христианство не нуждалось в каких-либо заимствованиях у Сенеки и ничего у него не заимствовало (ново-новейшая

⁸⁹ Эта персональная безнравственность или морально-нравственное уродство пестуна Нерона Сенеки, лично отнюдь не всегда практически пребывавшего на теоретических высотах собственной философии, вполне уподобима персональной ущербности (пестунов — волей или неволей — Марата, Робеспьера, Дантона...) Вольтера, Дидро, Руссо, или (взрастителей Ленина, Троцкого, Сталина...) Маркса с Энгельсом и т.д.

⁹⁰ Говорят, что Ленин переиграл в политике всех. Но переиграть в политике-политиканстве всех (прчём нет политика, к-рый не был бы политиканом), в конечном итоге, означает переиграть самого себя, потому что заключить сделку с супостатом и выиграть у него невозможно! Да и во что обошлась эта победа Ленина лично ему, спустя считанные годы оказавшемуся в инвалидном кресле с лицом законченного дегенерата! Или чего стоили все победы Сталина, к-рому некому было оказать помощь, когда он свалился от инсульта, ибо на протяжении многих часов никто из охраны не рисковал, в атмосфере всеобщего страха, войти к нему, оставленному без эффективной помощи и позже, так как ближайшие товарищи по партии не желали его выздоровления, опасаясь за свои жизни!

рационал-материалистическая, или либеральная, или либерально-теологическая, уж не говоря о клинически-атеистической, болтовня о чём – курам на смех). Другой вопрос – знал ли Сенека о христианстве и христианах и мог ли он ими заинтересоваться и с христианами контактировать?

Разумеется, переписка Сенеки и Павла (14 писем) – любопытный апокриф IVв., на к-рый реальный Павел никак не притязает и нет оснований тупо скалиться по данному поводу, мол, вот как христиане фальсифицировали историю. Но, спрашивается, могли ли Павел и Сенека лично встретиться в пору первых римских уз Павла? мог ли Сенека проявить к Павлу интерес? посетить его в тюремной гостинице и беседовать с ним (отголосок чего – эпистолярный апокриф IVв.)?

По времени, – вполне возможно. Ведь с 54 по 62гг. Сенеке, политическое влияние к-рого убывало поэтапно, довелось ходить в премьер-министрах, и подать, как замечено, по смерти своего напарника-соратника преторианского префекта Бурра в 62г. в отставку. Т.е. в 61/62гг. философ находился с Павлом в пределах одного города, да и позже, с 62г., покинул Рим не окончательно, время от времени посещая в Город. Стало быть, теоретических препятствий для такой встречи, как и для ходатайства Сенеки в отношении Павла или позитивного соучастия в его судьбе, нет. Сложнее с вопросом – различал ли, нащупывал ли Сенека разницу между христианством и иудаизмом? к к-рому, видимо, как и к еврейству в целом, он относился резко отрицательно.

Согласно Августину в «Граде Божиим», Сенеке принадлежит высказывание о евреях, как о «гнуснейшем племени» (*sceleratissima gens*) (fr. 145 R), и о могуществе еврейского мирового кагала, в ракурсе чего, дескать, побеждённые-покорённые (римлянами еврей) диктуют законы победителям: «*Vici victoribus leges dederunt*» (6,10). И Сенека тут не оригинален, поскольку «разбойниками» евреев кличет, например, его старший современник Страбон (16,28), или «племенем гнусным» шельмует иудеев его младший современник Тацит (Ист. 5,8). Да и многие другие античные авторы – не лучше.

Замкнутость-зацикленность евреев-иудеев на их эксклюзивной религии, с их имманентным национально-религиозным самосознанием, с их неразъемлемым тождеством веры и этнической принадлежности, с их общинной взаимосвязанностью и взаимовыручкой в Диаспоре и т.д., приводила к их общеизвестному отторжению как впоследствии, так и в античности, что особенно усилилось в пору интегральной доминанты императорского Рима, и, главное, по свершении Таинства Голгофы. Именно тогда античное еврейство, выполнив свою мессианистическую миссию, декадентно сходило с исторической арены, не переставая чаять исполнения уже исполнившихся времён (и надежд), чтобы вскоре прийти к двум катастрофическим Иудейским восстаниям, к концу еврейского Иерусалима с храмом и к мировому Рассеянию!

Таким образом, в отношении евреев Сенека не остался как античный интеллект в стороне от характерной для его времени элитно-языческой иудеифобии. Но стоит повторить вопрос: не мог ли он как минимум соприкоснуться с христианством, мало того, с христианством Апостола именно язычников Павла, и соприкоснувшись с оным, увидеть в нём нечто большее, нечто качественно иное, чем одно из ответвлений иудаизма? И вопрос такого рода следует, за отсутствием однозначного ответа на него, оставить открытым, как и вопрос о, скажем снова, непосредственной встрече Павла с Сенекой (узнавшем о Павле и посетившем неординарного узника?) ок. 62г., ни теоретических, ни физических препятствий чему (в пределах 61 – 63гг.) нет.⁹¹

⁹¹ Любопытно, что датированные апокрифические «Письма» Сенеки и Павла датируются 58, 59 и 64гг., т.е. среди них нет «Писем» 61-63гг., что наталкивает на мысль о знании автором/авторами этой «переписки» сроков первых римских уз Павла.

Одни экзегеты (Цанн «AG», S.849-62) уверены, что через 12-15 лет после прибытия в начале 60-х гг. Ив. н.э. Ап. Павла в Рим, в 70-е гг., уже по разрушении Иерусалимского храма, Ев. Лука намеревался писать 2-ю Книгу Деяний Апостольских, к-рую он почему-то так и не написал. Иные думают, что в перспективе, или даже сразу по приезде в Рим, Лука больше не обретался рядом с Павлом, и потому, мол, написал только о том, что знал, оборвав благовествование на скомканном сообщении о двухлетних первых узax. Однако второе предположение, во всяком случае, относительно дальнейшей несопричастности Луки к Павлу, опровергается павлианскими словами из 2-го Посл. к Тимофею, где в пору своих вторых римских уз Павел в ббг., незадолго до мученичества 67г., говорит: «только Лука со мною» (4,10).

Следовательно, по всей вероятности, Дееписатель, вполне возможно, расставившийся с Павлом в интервале 63 – ббгг., затем – до конца (как и в 61 – 63гг.) – оставался при Павле, после мученичества к-рого он жил и плодотворно трудился аж до ок. 93г. н.э., достигнув 84-летнего возраста и успев основательно проработать Две свои новозаветные книги (Евангелие и Д.Ап.), к к-рым сознательно не присовокупил никакую третью. Не присовокупил, поскольку никакая третья книга ко второй, закономерно завершённой и закономерно завершающейся, ни композиционно, ни апологетически, ни как-либо иначе (в составе не являющегося Хроникой-Летописью, но, ни в коей мере, не игнорирующего хронику-летопись, Благовеста) не присовокупляется.

Деяния Апостольские – единственная, как её именуют, *историческая* Книга новозаветного Канона, к-рая, добавим от себя, уникально сочетает в себе богословскую апологетику, благовествование, метаисторию и историю, могучи и (недеревянноголовые) теологов, и (недеревянноголовые) историков многому научить (кабы они хотели-захотели учиться!). Одновременно эта Книга благовествует триумфальное шествие христианства и является (в хорошем, в правильном смысле данных слов) апологетическо-панегирической. Она заканчивается, по верному слову-комментарии У.Баркли, «победным кличем»: «В греческом оригинале выражение «со всяким дерзновением невозбранно» выражено одним словом, и это слово звучит как победный клич, и является апофеозом повествований Луки...»

Адресуясь в обеих Книгах (Ев. от Лк. и Д.Ап.) к «другу Божьему» Феофилу, ко всем «друзьям Божиим», Лука не ставил во второй Книге перед собой задачу рассказать о мученичестве Петра или Павла, к-рое явствует, в отношении Павла, как предстоящее из 2-го Посл. к Тимофею (см. ниже). Дееписатель изначально планировал охватить в Д.Ап. именно целокупный 30-летний период от Пятидесятницы до первых Павловых уз в Риме, включая недвусмысленно обозначенное в последнем стихе благополоучное окончание оных (33 – 63гг.). И этот изначальный план был Лукой (к-рый наверняка редактировал свой труд 60-х гг. в 70/80-е гг., не прибавив к нему принципиально ничего нового и никогда не планируя писать третью книгу) блестяще осуществлён-претворён. Благовествование Деяний Апостольских должно было кульминировать на высокой победоносной ноте и оно на ней кульминирует, не требуя продолжения и не нуждаясь в нём!

Помимо того, судите сами, всякое продолжение требовало бы презентации-репрезентации Нерона или его суда в деле освобождения Павла из первых уз, что, учитывая Нероново гонение на христиан в 64г. и впоследствии – Павлову и Петрову казнь, пусть не конкретно (находившимся в 67г. в Греции) Нероном, но при Нероне, в благовествовательный канон, будучи-оставаясь уделом именно церковного предания и апокрифов, никак не вписывается.

Мученический конец первоверховных Апостолов Петра и Павла, или Павла и Петра, деяниям к-рых посвящена основная часть Деяний, и крови к-рых надлежало пролиться именно в Риме, должен был остаться за канонической завесой, тогда как Книге Деяний нельзя было не завершиться именно в конечной точке пройденной Павлом победной дороги от Иерусалима (через Аравию, Киликию, Сирию, Кипр, Галатию, Македонию, Афины, Коринф, Эфес) до Рима, нельзя было не завершиться торжеством его, 60-летнего в 63г. н.э. Апостола язычников, проповеди христианства в столице языческого мира = в столице Римской мировой державы городе Риме-мире – именно со всяким дерзновением невозбранно!

ПАЛЕСТИНА

(61 – 63гг.)

РАЗНОЕ

Выше мы рассказали о событиях истории года 59 – 61гг. в Палестине, разложив, в частности, 8-ю гл. 20-й книги «И.д.» И.Флавия вплоть до её конца. Однако, напомним сначала о главном событии истории года. Преемник Феликса Фест прибыл в Иудею в начале лета 60г., вскоре, в июле, заслушал дело Павла, предоставив затем, в августе, возможность поучаствовать в этом деле также царю Агриппе и Беренике, а в начале сентября отправил Апостола язычников, потребовавшего кесарева суда, в Рим, куда тот прибыл, потерпев кораблекрушение и перезимовав на Мальте, в марте следующего 61г. н.э.

Между тем, при Фесте, вышедшая из-под контроля при Феликсе, во многом, по его вине, противозаконная деятельность революционеров-сикариев, к-рые, подобно эсерам, совершали тер. акты, пока *большевики*-зилоты готовились к революции и к захвату власти, набирала обороты. И энергичные меры нового прокуратора, кто, в отличие от Феликса и двух своих преемников, не был коррупционером, не будучи, наряду с тем, в состоянии искоренить революционно-националистическое зло (так как римская *интегральная коса* всё более неотвратно находила на иудейский *сегрегальный камень*), имели и могли иметь, в сложившихся обстоятельствах неотвратимости приближения к войне, лишь временный успех (И.в. 2,14,1; И.д. 20,8,10).

Так, вероятно, в 61г. энергично взявшийся за, по Флавию, опустошителей страны (большинство к-рых было им схвачено и немало из них казнено) Фест разгромил выступление некоего анонимного проходимца, увлекшего за собой (как и некий памятный нам анонимный египетский обманщик в 57г., при Феликсе) толпы легковерных приверженцев, к-рым он обещал спасение и избавление от всех бедствий, выслав против них солдат, убивших в стычке и самого авантюриста-коновода, и множество его манкуртов (см. выше).

Тем временем, иудеи, о чём читатель в курсе, направили в 61г. в Рим, к кесарю, делегацию высокопоставленных жалобщиков. Сделали они это по поводу возведения царём Агриппой над дворцом Хасмонеев супротив западной стены храма смотровой башни (или верхнего этажа), откуда он наблюдал за всем происходившим в храме, достигая взглядом, в т.ч., до подзапретного для всех, кроме священников, аронидского притвора Священников, точнее, – его открытой части с жертвенником всесожжения. В ответ возмущённые (посягательством на их епархию) иерусалимские иерократы построили у галереи с западной стороны храма высокую стену, к-рая закрыла вид на внутренние части храма не только царю, но и римским

караулам, выставившимся вдоль западной галереи, чтобы наблюдать за порядком в храме в дни больших праздников. Это вызвало неудовольствие как Агриппы, так и Феста, приказавшего снести стену, на что иудеи не согласились и добились разрешения отправить делегацию к Нерону.

В состав делегации вошли 10 влиятельных лиц, среди них – действующий первосвященник Исмаил б. Фаби и храмовый казначей Хелкия. В Риме делегации удалось, согласно Флавию, благодаря иудейским симпатиям нероновской фаворитки Поппеи, достичь успеха – 61г. Причём Поппея оставила у себя в качестве заложников Исмаила и Хелкию. Возможно, помимо прочего, что Нерон пошёл ныне на данную уступку иудеям Иерусалима, поскольку незадолго до того, в 60г., спор между иудеями и язычниками Кесарии был решён в пользу последних (см. выше).

Любопытно также, что эта еврейская делегация прибыла в Рим и ходатайствовала там об оставлении-неснесении стены в год прибытия в державную столицу Ап. Павла, препровождения к-рого в 60г. Иерусалим (чтобы убить его в дороге) хотел добиться от новоназначенного Феста именно Исмаил б. Фаби, к-рый в 61г. заложнически остался в Риме, где с марта 61г. поселился в тюремной гостинице, в ожидании апелляционного процесса, Павел (И.д. 20,8,11) (см. выше).

В Палестине же, царь Агриппа, узнав летом 61г. (от возвратившихся членов делегации и из послания кесаря) о римском заложничестве первосвященника Исмаила, поставил на его место Иосифа Камита (сына Симона).

НАЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОМ АНАНА МЛ. (январь 62г.)

СМЕРТЬ ПРОКУРАТОРА ФЕСТА (март 62г.)

МУЧЕНИЧЕСТВО ИАКОВА ПРАВЕДНОГО (апрель 62г.)

СМЕЩЕНИЕ АНАНА МЛАДШЕГО (апрель 62г.)

ПРИБЫТИЕ ПРОКУРАТОРА АЛЬБИНА (май 62г.)

И вот по наступлении следующего 62г. н.э., если где-то в январе, или в январе/феврале Агриппа лишил архипастырского достоинства Иосифа Камита, назначив вместо него Анана Младшего из дома-клана Анан, то чуть позже, в феврале/марте, или в марте, умер в должности прокуратор Порций Фест, на замену к-рого не ранее мая, или апреля/мая 62г. прибыл Лукцей Альбин. Обратимся к тескту Флавия:

«Узнав о смерти Феста, император послал в Иудею наместником Альбина. Около того же времени царь Агриппа лишил Иосифа первосвященнического сана и назначил преемником ему Анана, сына Анана же. Последний, именно Анан Старший, был очень счастлив: у него было пять сыновей, к-рые все стали первосвященниками после того как он сам очень продолжительное время занимал это почётное место.

Такое счастье не выпадало на долю ни одного из наших первосвященников. Анан же Младший, о назначении к-рого мы только что упомянули, имел крутой и весьма беспокойный нрав; он принадлежал к партии саддукеев, к-рые, как мы уже говорили, отличались в судах особенной жестокостью. Будучи таким человеком, Анан полагал, что вследствие смерти Феста и неприбытия пока ещё Альбина наступил удобный момент (для удовлетворения своей суровости). Поэтому он собрал синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями. Однако все усерднейшие и лучшие законоведы, бывшие (тогда) в городе, отнеслись к этому постановлению непрязненно. Они тайно послали к царю с просьбой запретить Анану подобные мероприятия и на будущее время, и

указали на то, что и теперь он поступил неправильно. Некоторые из них даже выехали навстречу Альбину, ехавшему из Александрии, и объяснили ему, что Анан не имел права, помимо его разрешения, созывать синедрион. Альбин разделил их мнение на этот счёт и написал Анану гневное письмо с угрозой наказать его. В виду этого царь Агриппа лишил Анана первосвященства уже три месяца спустя после его назначения и поставил на его место Иисуса, сына Дамнея» (И.д. 20,9,1).

Выше мы не раз обращались к этому абзацу Флавия в связи с мученичеством Иакова Праведного, о чём уже не раз беседовали, дойдя сейчас до него в рамках хронопоследовательного повествования. Притом Агриппа назначил Анана Младшего первосвященником не около времени прибытия в Иудею (как может кому-нибудь показаться согласно букве флавиевского текста) Альбина, а ок. времени кончины Феста, к-рую отделяет от назначения Анана время длиной ок. месяца.

Мы помним, что глава клана Анан Старший — первый первосвященник со времени провинциализации в бг. н.э. Иудеи, назначенный Квиринием, первосвященствовал в 6 — 15гг. (что для архипастырей Ив. н.э. довольно долго) и продолжал пользоваться большим влиянием, оставаясь в авторитете, как экс-первосвященник и *пахан*, дальше, особенно в годы первосвященства своих сыновей и своего (самого долголетнего архипастыря Ив.) зятя (*сын в законе*) Каиафы (18 — 36гг.)⁹², сыграв напару с ним роковую роль в деле (как бы всё по закону и одновременно через голову законов) охоты на Иисуса Христа, Его ареста, осуждения и распятия (устаи и руками Рима).

Старший сын Анны (назначенный Валерием Гратом) Елезар б. Анан первосвященствовал в 16/17гг. Потом Ионафана б. Анан (убийство к-рого Феликс заказал в 55г. сикариям) назначил первосвященником, сместив в 36г. Каиафу, Вителлий, заменивший его в 37г. на его брата Феофила б. Анан. Последний первосвященствовал до 41г., сменившись при ставшем в 41г. царём иудейским со столицей в Иерусалиме Ироде Агриппе, кто, в свою очередь, назначил на 42/43гг. первосвященником четвёртого из Анановых сыновей — Матфия. Притом сам (называемый Флавием «счастливчиком») преклоннолетний Анан Старший (Дон Корлеоне!) успел увидеть в первосвященниках максимум 3 или 4-х сыновей, так как наверняка умер не позднее 30-40-х гг. Ив. н.э., и архипастырский тюрбан на Анане Младшем (к-рый, судя по всему, был на порядок моложе старших братьев) в 62г. уже явно не застал.

Имевший же, сообразно Флавию, крутой нрав Анан Младший (кого Флавий очень хорошо знал лично) (см. ниже), следует понимать, более радикальный саддукей, чем такие его (знакомые нам) предшественники (антагонисты Павла) как Исмаил б. Фаби или Анания б. Небедей, точнее, решительнее них настроенный, решил воспользоваться прокураторским вакуумом во время по смерти в феврале/марте Феста и до прибытия в Иудею в мае 62г. Альбина. Воспользоваться, чтобы учинить расправу над ненавистным ему главой иерусалимско-христианской общины Иаковом Праведным (брат Господень) и над ещё, согласно Флавию, несколькими другими лицами, к-рых он обвинил в нарушении закона и инициировал их каменование приговором синедриона.

⁹² Анна Ст. был настолько авторитетен, что Лк. в шестизначном синхронизме, датируя выступление Иоанна Крестителя осенью 28г., говорит, называя его даже перед штатным первосвященником Каиафой, — «при первосвященниках Анне и Каиафе» (3,2). Да и в апреле 33г., после ареста в Гефсимании, Иисуса сначала привели (до осуждения Его сходняком у *смотрящего* Каиафы) на короткий допрос к задававшему тон *пахану* Анне (Т.Г. 1507-16-24).

Мы неоднократно говорили о том, что Иаков Праведный есть родившийся (вероятно, семимесячным, сродни Ап. Павлу, *извергом*) в конце 2г. н.э. в Назарете, по возвращении Св. вифлеемского Семейства весной 2г. н.э. из Египта, родной мл. брат Иисуса Соломонида (род. 6.01.1г. до н.э.), – второй из 5-и сыновей Иосифа Соломонида и Марии Старшей: Иисус, Иаков, Иосиф/Иосия, Иуда-Фаддей, Симон.

Равно он – двоюродный и сводный брат Иисуса Нафанида (род. 25.12.1г. н.э.), поскольку их матери, Мария Старшая (Вифлеемлянка) и Мария Младшая (Галилеянка), были родными сёстрами, и поскольку в 15г. н.э. (вдовая с 13г., по смерти Иосифа Соломонида) Мария Старшая (чей сын-первенец Иисус Соломонид ушёл в усупение, пожертвовав свою индивидуальность на слиятельную апрельскую Пасху 14г. н.э. двоюродному брату Иисусу Нафаниду) вошла со своими детьми в дом вдового с сентября 14г. н.э. (по усупении Марии Младшей) Иосифа Нафанида в Назарете Галилейском (Р.л. 1319/20-42-45; Д.И. 189-96/97/98; Т.Г. 446-48; см. выше «Иаков Праведный»).

Кроме того, вспомним, что отлично от ставших в 30/31гг. Апостолами младших братьев Иисуса, близнецов Иуды и Симона, старшие братья Иаков и Иосия/Иосиф, долго не веровали в мессианство (их двоюродного и сводного брата) Иисуса Христа, в К-рое и в К-рого Иаков уверовал только после Мистерии Голгофы, только после апрельского Воскресения Христова, сделавшись первым предстоятелем иерусалимско-христианской общины в мае 33г. н.э.

Мы знаем о его строгом назирействе, о его постоянной коленопреклонённой молитве за народ, о его истовом иудеохристианстве, о его посреднической роли по вопросу появления христиан из язычников, о поддержке им инициатив Ап. Павла (к-рый кличет этого Иакова одним из столпов матери-церкви вместе с Петром и Иоанном Зеведеевым) (Гал.2,9) на Иерусалимском соборе 51г. Наконец, – о его встрече с прибывшим в Иерусалим Павлом в 58г., после чего евангельских сведений об Иакове больше нет, тогда как о его мученичестве никак не ранее и не позднее, по всей вероятности, апрельской весны 62г. н.э. коротко сообщает Флавий.

Впрочем, надо сказать, что в XVIII/XIXвв. вышепроцитированный нами абзац Флавия (20,9,1) подвергся ожесточённым нападкам со стороны гиперкритиканов из протестантского, либерального, атеистического, еврейского лагерей, как, дескать, сродственная «Testimonium Flavianum», несомненная христианская интерполяция (II/IIIвв.). И с этой т.зр., в т.ч., протестантской теологии, к-рая с удовольствием громила церковную, мол, католическую традицию и староцерковное предание, многие согласились.

Позже ситуация несколько утихомирилась. И если, к примеру, для (приводящего кучу источников и споров по теме) в начале XXв. Шюрера (1,581-83) вопрос об интерполяции или неинтерполяции данного флавиевского абзаца, в аутентичном или в неаутентичном виде, ещё под вопросом, то сегодня сей многострадальный абзац большинством от науки, с оговорками или без (в отличие, от, по-прежнему, квалифицируемого-шельмуемого интерполяции «Тестимониума»), всё-таки, (худобедно) принимается-акцептируется.

С др. стороны, академическим интерполятивным версиям и инсинуациям, в немалой мере, поспособствовала сама церковно-христианская традиция с её противоречивым преданием, так как издревле и в Ср. века предание и церковные авторитеты преимущественно отождествляли Иакова Праведного = брата Господня с Иаковом Младшим = Алфеевым, к-рый, как мы с читателем удостоверились, не тождествен ни (не входившему в число 12-и Больших Апостолов) Иакову Праведному из числа 70-и М.Апостолов, первому предстоятелю Иерусалимской христиан-

ской общины, ни Иакову Старшему = Зеведееву, одному из 12-и – мученически кончившему (обезглавлен Иродом Агриппой I-м) в 44г. н.э. (см. выше)

Засим Иаков Младший = Алфеев, тоже один из 12-и (освежаем в памяти известную читателю информацию), – сын Марии Клеоповой (двоюродной сестры обеих Марий, Матерей обоих Иисусов, Вифлеемлянки и Галилеянки) и Алфея-Клеопы – родного мл. брата Иосифа Нафанида (плотника-тектона – мужа жребия Мелхиседекова из дома Давидова). Т.е. он – троюродный брат Иисуса из Назарета по матери и двоюродный по отцу, равно – троюродный (по матери) брат Иакова Праведного (и Иисуса Соломонида).

Так, на чём же, спрашивается, базировались и до сих пор некоторыми базируются сомнения относительно достоверности сообщения Флавия, или, скорее, недостоверности в связи с Флавием сообщений церковных авторов, о каменовании Иакова, брата Иисуса? А на том, среди прочего, что, если, как говорят критиаканы, по Флавию, Иаков был каменован в 62г., инициативой Анана Мл., во время после смерти Феста и до прибытия в Иудею Альбина, то согласно церковному преданию, это произошло перед самым началом Иудейской войны весной 66г. Причём сей Иаков был, дескать, не столько каменован, сколько сброшен (инициативой противохристианских фарисеев и книжников) с кровли храма, заброшен камнями и добит скалкой суконщика на территории храмового двора. И – казалось бы – элементарное предположение о том, что речь может в идти о двух разных Иаковах, один из к-рых был каменован в 62г., а другой сброшен с кровли храма и убит в 66г., ни церковными экзегетами, ни наукой просто не рассматривается.⁹³

В подтверждение (эдак смакуя недоверие к староцерковному преданию и к традиции) Шюрер (1,581/82) приводит цитаты из Оригена (+ 253/54гг.) и Евсевия (+ 339/40гг.). Приведём и мы. В «Комм. на Ев. от Мф.» Ориген пишет: «Иаков же – это тот, к-рого, по его словам, видел Павел, сказавший в Посл. к Галатам: 1,9 (о трёх столпах – К.З.). Этот Иаков настолько славился праведностью в народе, что Иосиф Флавий, написавший «Древности», в 20-й книге, желая привести причину, по к-рой народ претерпел столь великие бедствия, так что даже храм был разрушен, сказал, что это произошло с ними по причине гнева Божия, из-за того, что они дерзнули против Иакова, брата Иисуса, называемого Христом. И удивительно, что не допуская, что наш Иисус есть Христос, он, тем не менее, засвидетельствовал столь великую праведность у Иакова» (tom. 10, с.17, Matth.13,55).

Как видим, здесь пока нет категорического противоречия Флавию, хотя Флавий в его известном нам вышепротитированном тексте не связывает покушение иудеев на Иакова (прямо об убиении к-рого у Оригена тут не говорится) с разрушением храма, в то время как Ориген, ссылаясь на Флавия, это делает. Т.е. он читал в Шв. какой-то иной – не тождественный общеизвестному (и не дошедший до нас) флавиевский текст (компиляцию? epitome? «Войны» и «Древностей?»), в к-ром Флавием отвергалось мессианство Иисуса и единовременно свидетельствовалась вели-

⁹³ Упростиительно оперирующей символами-символонами человеческой памяти свойственно сводить *два* к *одному* и, по аналогичной схеме, *три* к *двум*. Чем меньше, тем проще! Мол, негоже усложнять и усложняться, ибо двух Иаковых, Зеведеева (Старшего) и Праведного (= брата Господня = Алфеева = Младшего), более чем достаточно: третий – лишний! Казнённого при Агриппе I-м (+ 44г.) Иакова Зеведеева (Старшего) невозможно было перепутать и двоить-свести ни с Иаковом Праведным, ни с Иаковом Алфеевым (Младшим), к-рых, однако, в свою очередь, погибших оба в 60-е гг. Iв. н.э. и оба инициативой иерусалимских иудеев (при разнящихся нюансах), свести, при большом желании и тенденции сведения иаковитской (первоначально) троицы к двоице, было можно, почему как упростительное, так и грубо ошибочное предание их и свело-сомкнуло.

кая праведность Иисусова брата — Иакова, в наказание за, по Флавию, следуя Оригену, убийство к-рого Иерусалимский храм был разрушен.⁹⁴

Далее, по теме, в оригеновском трактате «Против Цельса» находим: «...он (Флавий) со своей стороны не признаёт Иисуса Христом, и когда занимается вопросом о причине падения Иерусалима и разрушения храма, он не усматривает эту причину — как это следовало бы ему сделать — в кознях против Иисуса со стороны (еврейского) народа, так как именно (евреи) убили предрёчнённого пророками Христа, но в то же время он, как бы сам того не замечая, значительно приближается к истине, коль скоро говорит, что все эти события обрушились на иудеев в наказание за убийство Иакова Праведного, к-рый приходился братом Иисуса, называемого Христом. Об этом Иакове повествует Павел (Гал.2,9), этот истинный ученик Иисусов, говоря при этом, что он видел его (и привык знать) «как брата Господня», заслужившего это название не потому только, что он находился в кровном родстве с Иисусом и не потому что он получил с ним общее воспитание, но, главным образом, потому, что имел с ним нравственное и духовное родство. Если же таким образом упомянутый писатель говорит, что Иерусалим был доведён до опустошения из-за Иакова, то почему же тогда на более разумных основаниях не сказать, что это (несчастье с Иерусалимом) случилось из-за Иисуса Христа?..» (1,47).

Ниже в трактате «Против Цельса» сказано: «...Эта осада (Иерусалима) в первый раз началась при императоре Нероне и тянулась вплоть до правления Веспасиана. Сын этого последнего — Тит — и разрушил Иерусалим до основания. Это случилось, как пишет Иосиф, в наказание за убийство Иакова Праведного, брата Иисуса, называемого Христом, по голосу же истины — из-за Иисуса, Христа Божия» (2,13).

* * *

Соответственно, и тут Ориген (к-рому, насколько выводится из его цитат, «Testimonium», о к-ром он молчит, не знаком) критикует позицию Флавия, связывающего де разрушение Иерусалима Титом не с преданием иудеями на распятие Христа, но с убийством (прямой текст) Иакова Праведного, брата Иисуса, называемого Христом. Короче говоря, Ориген читал какой-то иной вариант «Древностей», либо держал в руках какие-то флавиевские выдержки, где Флавий связывал беды Иудейской войны 66 — 70гг. с убийством Иакова Праведного. Или, как полагают некоторые, об этом говорилось в «Иудейской войне» — оригинале «И.д.», несмотря на ошибочную апелляцию Оригена к «Древностям». Остаётся добавить, что в доступном нам тексте «Войны» ничего похожего нет. Но, вместе с тем, современные тексты «И.в.» и «И.д.» восходят к манускриптам IX — XIVв., почему как минимум

⁹⁴ Правда, аргумент насчёт неприятия Флавием мессианства Иисуса в подобной оригеновской интерпретации сомнителен. Флавий, по нашему мнению-убеждению, мог принять страждущего и неопасного Риму, скажем так, Машиаха б. Иосиф в лице распятого (и воскресшего, иначе говоря, опять-таки, неопасного Риму) Иисуса (Царство К-рого не от мира сего), что в понимании (вернее, в непонимании) Оригена было равносильно отвержению церковно трактуемого им Христа Мессии. Иначе говоря, приведённая оригеновская цитата говорит отнюдь не столько об отвержении мессианства Иисуса собственно Флавием, сколько об отвержении оногo Флавием в понимании-восприятии Оригена (к-рый, плюс к тому, не даёт формулу неприятия в виде прямой речи самого Флавия), что не одно и то же. И (посвящённый) фарисей Флавий, без сомнения, мог знать (не афишируемую им) таинную (озвученную пост-фактум во Пв. н.э. Симоном б. Иохан) версию чаяния-ожидания двух Машиахов (пришествия к-рых, предворяемых аронидским пророком, ожидали в I/Ивв. — из Израиля и Аарона, т.е. с явным, в духе ездраитской эпохи Второго храма, аронидским креном, например, кумраниты).

теоретически Оригеном в III в. вполне могли использоваться флавиевские тексты, в чём-то и чем-то отличавшиеся от наших, или Ориген вполне мог читать какие-то (аутентичные? неаутентичные?) выдержки из Флавия.

Однако, отставим сейчас несущественное для нас и снова вычленим главное. Связь между убиением Иакова Праведного, брата Иисуса, и разрушением храма римлянами, о к-рой в увязке с Флавием и в увязке Флавия толкует Ориген, в процитированном нами выше тексте «Древностей» отсутствует.

Перейдём к творившему в IV в. (оригенисту) Евсевию, к-рый во 2-й книге своей «Церковной истории» пишет: «Когда Павел потребовал кесарева суда и Фест отправил его в Рим, иудеи, потеряв надежду на исполнение своих замыслов против него, обратились против Иакова, брата Господня, к-рого Апостолы возвели на епископский престол в Иерусалиме.⁹⁵

Вот на что они осмелились против него: приведя его на своё собрание, они потребовали, чтобы он перед всем народом отрёкся от веры в Христа. Он же, вопреки общему ожиданию, произнёс перед всей толпой смелую и свободную речь — такой они не ожидали, — исповедуя, что Спаситель и Владыка наш Иисус есть Сын Божий. Они не смогли перенести свидетельства этого человека, к-рого все за его совершенную жизнь, мудрую и благочестивую, считали праведником; они убили его, воспользовавшись анархией: Фест в это самое время умер в Иудее, в стране были безначалие и беспорядок.

О том, как скончался Иаков, имеются сведения в приведённом нами рассказе Климента: его сбросили с крыла храма и забили до смерти скалкой. О том, что касается Иакова, точнее образом рассказывает Гегесипп, принадлежавший к первому послепостольскому поколению; в 6-й книге своих «Записок» он говорит так: ...» (2,23,1-3).

Необходимо констатировать. Если Евсевий родился (ок. 260г.) несколькими годами после смерти Оригена (+ 254г.) и был оригенистом, не быв с Оригеном знаком, то сам Ориген (род. ок. 185г.) — ученик Климента Александрийского (+ ок. 215г.), от к-рого, но не от Оригена исходит (со слов Евсевия) информация о том, что Иакова сбросили с крыла храма, затем внизу, уже изувеченного, сначала каменовали не до смерти и потом добились насмерть скалкой (2,23,4-19).

Причём эта информация цитатно черпается Евсевием из рассказа Гегесиппа, жившего-действовавшего-творившего раньше Климента — в середине и во второй половине III в. н.э. И вот именно сообразно Гегесиппу от Евсевия, к-рый повествует о святости и авторитете предстоятеля иерусалимских христиан Иакова, в т.ч., среди иудеев, притом Евсевий (вслед за, следует умозаключить, и Гегесиппом, и Климентом) уверен, что было всего два Иакова — Старший = Зеведеев, и Праведный = брат Господень (2,1,5), отождествляя, стало быть, второго с Иаковым Алфеевым = Младшим, мы узнаём следующее. Многие и даже из властей уверовали в мессианство Иисуса, почему книжники и фарисеи пришли в смятение и собрались, и пошли к Иакову и попросили его в день Пасхи встать на крыло храма, поднявшись на кровлю, и объявить, что уверовавшие заблуждаются, ибо распятый Иисус не есть Христос (2,23,9/10).

И так они поставили Иакова на крыло храма, он же, вопреки их ожиданиям, дал ясное исповедание веры во Христа: «Что спрашиваете меня о Сыне Человеческом? Он восседает на небе одесную Великой Силы и придёт на облаках небесных»

⁹⁵ Осечка с Павлом, конечно, повлияла на выпад иудеев против Иакова и др. христиан, но, всё-таки, не прямо, так как оба события произошли не сразу одно за другим. Ведь дело Павла датируется 58-60гг. и Павел отбыл в Рим сентябрьской осенью 60г., а Иаков Праведный был каменован полутора года спустя — апрельской весной 62г.

(2,23,12), после чего (книжники со фарисеи) сбросили его вниз, и внизу бросали в него камни, однако, он молился за своих мучителей, несмотря на полученные увечья, пока какой-то суконщик (из сострадания или в ярости) ударил Праведного по голове скалкой и тот мученически скончался (2,23,14-18).

Столетие спустя после Евсевия Иероним (+ 420г.), обстоятельно ссылаясь на 5-ю книгу «Комментариев» Гегесиппа и на 7-й «Очерк» Климента Ал., повторяет ту же версию, связывая её с рассказом Флавия и с расправой над Иаковом в интервале после смерти Феста, но до прибытия Альбина, и тоже сводя двух Иаковок – Праведного и Алфеева – в одно, и тоже связывая разрушение Иерусалима с расправой над Иаковом (по Флавию) («О знаменитых мужах» 2; 13; «Против Иовиниана» 1,39). Позднее к мнению Гегесиппа, Климента, Оригена, Евсевия, Иеронима присоединяются: «Пасхальная хроника» – в VIIв., энциклопедический словарь «Суда» – в Хв., «Золотая легенда» – в XIIIв.

Вот как из века в век и от автора к автору, от источника к источнику, начиная с действовавшего не сразу, но (с середины и второй половины IIв.) через поколение после Апостолов (последний из к-рых Иоанн Богослов умер в 100г.) Гегесиппа сформировался, отвердел и затвердел миф церковного предания о мнимом (упрощенческо-упростительном) тождестве двух Иаковок, брата Господня и Алфеева, с неразрешимостью, при таком сведении два в одно, плюс апелляция к Флавию, вопроса о том, когда и как якобы всего один Иаков был убит? в 62 или в 66г.? каменованием или, после падения с храмовой кровли и каменования, скалкой?

Т.е. налицо явные противоречия и разногласия, за к-рые, испытывая чуть ли не массовый оргазм, при возможности осмеять и, с критиканским задором (протестантским, либеральным, атеистическим) отвергнуть любую церковную традицию, любое предание, в ново-новейшие времена уцепились-ухватились разномастные рационал-критиканы, даже не думая чуть-чуть пораскинуть мозгами (да и не имея в этом ни надобности, ни потребности, ни самих мозгов) о том, что в природе могло быть, помимо Иакова Старшего (Зеведеева), ещё два (вместо пресловутого одного) Иакова! И далее, что Иаков = брат Господень = Праведный = первый предстоятель иерусалимско-христианской общины = один из 70-и, не идентичен Иакову Алфееву = Младшему/Меньшому = одному из 12-и! к-рый предстоятелем Иерусалимской церкви никогда не был!

Ведь весной 62г. на предстоятельское место каменованного Иакова был избран Симеон, сын Клеопы (кстати, родной брат Ев. Матфея и сводный брат Иакова Меньшого по отцу, так как до Марии Клеоповой, матери Иакова Меньшого и Иосии, Алфей-Клеопа был женат на матери, имя к-рой неизвестно, Симеона и Матфея). А Иаков Младший (Алфеев) погиб через 4 года после Иакова Праведного, весной 66г., действительно, возможно, сброшенный, в ходе тумултарной расправы, с кровли одного из храмовых зданий-строений во дворе Израэлитов или Язычников, закиданный внизу камнями и добитый-убитый скалкой суконщика (см. ниже).⁹⁵

* * *

Посему свидетельства об Иакове, брате Господнем, сброшенном на Пасху с кровли храма, каменованном и убитом скалкой восходят к автору IIв. Гегесиппу, от него (или не от него) переходят к Клименту, к-рого ни Евсевий, ни Иероним

⁹⁵ Клеопа и его сын Симеон Алфеев, сводный-единокровный брат Иакова Алфеева, преемник Иакова Праведного в достоинстве иерусалимско-христианского епископа, есть те самые еммаусские путники, к-рые повстречали в дороге на Еммаус, в день Христова Воскресения 5.04.33г., воскресшего Иисуса (Т.Г. 1753-57-59-62).

(ссылаясь на него) не цитируют, но информация к-рого, судя по Евсевию, не разнится с гегесипповской, более осторожно заимствуемая (без упоминания кровли храма и скалки) Оригеном. Причём, если Ориген связывает с Флавием убиение двух сводимых им к одному Иаковок (в 62 и 66г.), то информацию Гегесиппа и Флавия взаимосвязывают Евсевий и Иероним.

Таким образом, что мы имеем? Накладку неправомерно сомкнутых-сведённых Иакова Праведного, к-рый был каменован ок. времени Пасхи 62г. на Иакова Алфеева, к-рый мученически умер ок. времени Пасхи 66г. Притом оба они – братья Господни: первый – сводный и двоюродный брат Иисуса; второй – Иисусов двоюродный брат по отцу и троюродный по матери. Но при этом, если первый – из 70-и Малых Апостолов, то второй – из круга 12-и Апостолов Больших; если первый – глава Иерусалимско-христианской церкви (33 – 62г.), то (доживший до 66г.) второй – её не возглавлял.

И пусть в отношении Иакова Младшего = Алфеева, рассказ предания о мученичестве к-рого, в отличие от короткого сообщения Флавия об убиении Иакова Праведного, частично легендарен-мифологизирован, поскольку не всё могло иметь место по букве этого рассказа – с книжниками, фарисеями, с кровлей храма, камнями и скалкой, сам факт его мученичества налицо. С тем уточнением, что инициаторами его линчевательского (не по приговору синедриона) убиения в 66г., о чём мы ещё будем говорить ниже, по всей видимости, в большей мере, являлись радикальные книжники и фарисеи, при активном соучастии садукеев и крайне возбуждённой накануне начала Иудейской войны фанатичной толпы.

К тому же, у Евсевия не случайно фигурирует в качестве срока мученичества день Пасхи (наверняка идущий из I-го в. н.э.). Дело в том, что мученичество обоих Иаковок, и Праведного – в 62г., и Алфеева – в 66г., первого – в пору трёхмесячного первосвященства Анны Мл., после смерти Феста, но до прибытия Альбина, а второго – перед началом Иудейской войны в месяце артемизий (апрель/май), оптимально приходится на весну, попадая (так или иначе) на околопасхальное время. И очень даже не исключено, что одно из этих мученичеств случилось в канун Пасхи (по аналогии и не без взаимосвязи с распятием Иисуса 14-го нисана).

Или оба Иакова, и Праведный, и Алфеев, погибли в день 14-го нисана? за пару-другую дней до 14 нисана? Во всяком случае, примем дату 14-е нисана (роковой – приложительно к Иисусу – канун Пасхи) за, в деле обоих Иаковок, маяк-хроноориентир, зная-учитывая, что этот день пришёлся на 11.04. в 62-м и на 29.03. в 66г. н.э., почему либо оба Иакова погибли ок. этого времени, перед Пасхой, либо уже после дней опресноков (14/15-21 нисана). Или один – до, другой – по прошествии пасхально-опресночного праздника (в дни к-рого казни не совершались, вернее, в дни к-рого казнь или убиение такого карательного рода труднее представить).

Хотя повторим-акцентируем, скорее, оба Иакова приняли мученичество – до, чем после Пасхи, и не исключено, скажем ещё раз, что (наиболее вероятный расклад) один из них, именно в канун Пасхи – 14-го нисана, или незадолго до него, т.е. метаисторического дня, имевшего особое символическо-сакральное значение и для убийц обоих столь приверженных Христу и христианству Иаковок.

То-то копты помнят мученичество Иакова Праведного в день 12.04.; сирийско-антиохийский «Лекционар» IVв. – 30.04.; католики (среди к-рых в Ср. века было больше всего, в составе общего меньшинства разотождествителей, несогласных с идентификацией Иаковок – Праведного и Алфеева) – 3-го (памятуя вместе с Ап. Филиппом Иакова Алфеева) и 11.05. (Иаков Праведный) (см. выше).⁹⁶

⁹⁶ Примечательно оригинальное смешение двух Иаковок (Праведного и Алфеева) и оригинальное косвенное указание на пасхальное Иаковлево мученичество в гностическо-апокрифическом фрагментарном «Втором Апокалипсисе Иакова» из Наг-Хаммади (II/IIIвв.). Причём

Дальше – больше. Из всего сказанного получается, что избранный иерусалимским епископом в мае 33г. н.э. (на 31-м году жизни) Иаков Праведный = брат Господень возглавлял Иерусалимскую кафедру (почти) 29 лет и был каменован до начала 30-го года своего епископата, на 60-м году жизни, ок. 11.04.62г. н.э.

И потому верно хронологизирует суммарные епископские годы этого Иакова армянский перевод «Хроники» Евсевия – с 2048 по 2077 ad Abr. = 33 – 62г.⁹⁷ У

Иаков Справедливый (Праведный) здесь – сын некоего Февды, обладатель особого Откровения Иисуса, провожатый через дверь Небесного Царства... Его антагонисты в храме говорят: «Пойдёмте, побьём Справедливого камнями...» «И они были там, и нашли его там стоящего у колонн Храма, рядом с мощным угловым камнем. И решили они сбросить его с высоты, и они сбросили его. И они [...] они [...] схватили его и били его, так как они повалили его на землю. Они распластали его и положили камень на живот его. Все они попирали его ногами, говоря: «Ты согрешил!» / Снова они подняли его, ведь он был жив, и проткнули в нём дыру... Они таким же образом закидывали камнями его...» Удостоверьтесь, на повестке дня опять, на сей раз, гностическое (современное Гегесиппу, Клименту, Оригену) смешение-совмещение как двух Иаковых, Праведного (Справедливого) и Алфеева, так и их мученичеств.

Плюс к тому, актуален день, в к-рый, сообразно апокрифу, это происходит, к-рый прямо не называется, но применительно к к-рому звучат «трубы, флейты и арфы» дома Господа, К-рый «освободил вас из плена», и сочетание к-рых, да ещё в контексте «освобождения из плена», даёт именно праздник Пасхи. Не сказано ли у Исаии: «А у вас будут песни, как в ночь священного праздника, и веселие сердца, как у идущего со свирелью на гору Господню, к твердыне Израилевой» (30,29). Свирель = флейта; гора Господня – Храмовая гора; твердыня Израиля – Храм; «ночь священного праздника» – Пасха, ибо никакой другой праздник не справлялся иудеями (в т.ч.) ночью.

Помимо того, (внимание!) весьма любопытно следующее. В 2Пар.29/30 рассказывается о воцарении Езекии, об отворении им святотатственно закрытого при Ахазе и об очищении-возобновлении дома Господня в 1-й год царствования, в 1-й месяц вступившего на престол 1 нисана (субботного) 720г. (за 720 лет до Р.Х.), восстановившего культ Яхве и справившего во 2-й месяц знаменитую очистительную Пасху одного из лучших иудейских венценосцев – достойнейшего Давида Езекии – Добродетельного (Д.И. 385-88/89-91). «И начали освящать в 1-й день первого месяца, и в 8-й день того же месяца вошли в притвор Господень; и освящали дом Господень 8 дней, и в 16-й день первого месяца кончили» (29,17). И так в 16-й день месяца новостановили очищенный-обновлённый дом Господень, и принесли благодарственные жертвоприношения... «И поставил он (Езекия) левитов в доме Господнем с кимвалами, псалтирями и цитрами... (29,25). И стали левиты с музыкальными орудиями Давидовыми и священники с трубами. / И приказал Езекия вознести всеожжение на жертвенник. И в то время, как началось всеожжение, началось пение Господу, при звуке труб и орудий Давида, царя Израилева» (29,26/27). И ввиду всего этого собственн очистительная Пасха, после очищения-возобновления Храма в 1-м месяце – нисане, была совершена во 2-й месяц – ийяр (30).

Но не обращает ли на себя пристальное внимание очистительно-обновительное священнодействие с благодарственным приношением в 1-й месяц, под цитры (арфы), трубы и флейты (свирели), именно в день 16-го нисана 720г. до н.э., прообразующий Воскресение Христово в день 16-го нисана 33г. н.э. И неспроста безымянный автор гностическо-христианского апокрифа П/Шв., смыкающий как двух Иаковых, Праведного (Справедливого) и Алфеева, так и их мученичества, скрытно-побочно датирует это Иаковлево мученичество датой, не называя её, именно христианской Пасхи 16-го нисана, чем, соогласитесь, дополнительно подтверждается мученичество обоих Иаковых, Праведного и Алфеева, в 62 и в 66г., ок. времени весеннего праздника Пасхи (у иудеев – 15-го, у христиан – 16-го нисана).

⁹⁷ Но при этом, если в армянском переводе евсевиянской «Хроники» (Arm. Karst 215) неправильно дан – как синхронизм даты мученичества Иакова – 7-й год Нерона (60/61г.), то в «Хронике» Иеронима (S.155) верно назван 8-й нероновский год (61/62г.), а в очерке «О знаменитых мужах» – неверно – 7-й год Нерона (2). Бросается также в глаза приводимый армянским переводом как синхронизм (Иаковлева мученичества) 17-й (= 61г.) год Агриппы II (у Иеронима – 18-й = 62г.), к-рый исчисляется с даты смерти в (августе) 44г. его отца

Иеронима же, датирующего, о чём читатель знает, Голгофу в «Хронике» 32-м вместо 33-го гг., называется в «Vir ill.» (2) Иаковлев епископский срок в 30 (заимствуемых и «Золотой легендой») лет, что тоже (пусть парадоксально) приводит из 32-го в 62г. А в сиро-монофизистских и в коптских «Актах» (Haase «Die Apostel...», S. 268-71) даётся интервал в 28 лет. (29 лет – верно; 30 – перебор-округление; 28 – недобор.)

Следовательно, более радикальный-крутонравный, чем его предшественники – Исмаил б. Фаби и (занятый, перво-наперво, алчным рвачеством) Анания б. Небедей, (назначенный, напомним, царём Агриппой в январе 62г.), первосвященник Анан Мл. решил, повторяем, воспользоваться прокураторским вакуумом во время, как сказано, после (внезапной) смерти на посту (в Кесарии Палестинской) Феста (февраль/март) и до прибытия в Иудею его преемника Альбина. Воспользоваться для расправы над негодными ему приверженцами назорейской ереси, на к-рых он и ему подобные нетерпимые синедристы давно точили зуб, – в лице главы местных христиан – Иакова, брата Иисуса, и некоторых др. членов общины.

В результате, где-то в начале апреля 62г., представший перед синедрионом Иаков был приговорён ананианско-синедриональным большинством голосов и каменован за вратами Города. Т.е. для таких саддукейских крутышей, как Анан Мл. (отец к-рого пахан Анна – первый-главный иудейский радель казни Иисуса), были неприемлемы христиане не только типа Апостола язычников Павла, но и иудеохристиане-законники типа Иакова и др. (при всех случаях, исповедовавшие Иисуса Мессией).

И поскольку утверждавший смертные вердикты синедриона римский прокуратор, с его правом *jus Gladii*, вполне мог не утвердить смертный приговор Иакову (ведь перед Ананом был недавний опыт спасённого римской властью от убийственного гнева саддукеев Павла) и не казнить его, как полагалось, руками римлян (пусть и не отправляя не бывшего римским гражданином Иакова на кесарев суд в Рим), Анан Minor решил действовать расторопно, без промедления, посредством наглядного еврейского суда и задействовав наглядный еврейский способ каменовательной казни. Мало того, Анан Мл., можно сказать, в чём-то переплюнул Анну с Каиафой, так как они всё-таки сварганили дело против Иисуса при помощи и руками римлян.

Агриппы I, несмотря на то, что с этой даты Агриппа II, не наследовавший отцу сразу по его смерти, но получивший сначала Халкиду после кончины своего дяди Ирода Халкидского (+ 48г.), куда Клавдий отпустил его из Рима в 49/50гг., свои царские годы не исчислял. Тем не менее, именно в 17-й год правления Агриппы началась (в 12-й год Нерона), согласно Флавию, в месяце артемизий (май), Иудейская война (И.в. 2,14,4), и значит, в 17-й (исчисляемый, соответственно, с 1 нисана 50г. н.э.) год Агриппы II-го случилось ок. времени Пасхи 29.03.66г. (перед началом Иудейской войны) мученичество не Иакова Праведного (+ 62г.), а Иакова Алфеева (см. ниже).

P.S. И поразительно, что за столько веков никто не додумался именно так разотождествить этих двух Иаковок и именно так (по сути элементарно) хронологизировать два разных-разновременных события и два различных (оба – за Христа!) мученичества. Если церковная традиция была (с тупым постоянством) занята, несмотря ни на что, попытками как-нибудь (вопреки фактам и т.д.) свести их воедино, т.е. (знакомым нам макаром) монолизировать дуализм и свести исторически несводимое, то рационал-критиканы (равно беспомощно примкнувшие к ним ново-новейшие богословы) лишь скалились и скалятся по поводу-де неустойчивости церковных предания и традиции, вовсе не ищущи и не заинтересованные в том, чтобы найти разгадку пренебрежительно игнорируемой ими загадки и найти истинное решение проблемы. Максимум на что сегодняшняя наука, дистанцировавшись от гиперкритицизма дня давешнего, с натяжкой соглашается, это признать мученичество Иакова, брата Господня, в приблизительно 62г. (по Флавию), даже и не думая разбираться с каким-то там, мол, мифологическим мученичеством ещё и в 66г., дескать, ещё какого-то церковно вымышленного Иакова.

Однако, несмотря на анановское синедриональное большинство, в первую очередь, разумеется, саддукейских голосов, далеко не все законоведы, и в первую очередь, из числа фарисеев и беспартийных (к-рые, надо думать, в меньшинстве имелись), с ним и с его показательно-смертоубийственной инициативой согласились. И они тайно послали вестников с жалобой как к царю Агриппе, к-рый, судя по этому жалобному посланию к нему, либо уже был в тот момент в Иерусалиме (во дворце Хасмонеев), прибыв (из своей переименованной им в 61г. в Неронию столицы Кесарии Филипповой) на праздник Пасхи, либо приближался к Иерусалиму, так и навстречу «ехавшему (в Иудею) из Александрии» новоназначенному на место умершего Феста прокуратору Альбину.

И жалоба ряда иудейских нотаблей Альбину (к-рый находился или ещё в Александрии, куда прибыл из Рима, или в дороге из Александрии на Кесарию сушей, вдоль берега, и морем, с короткими остановками в промежуточных пунктах) заключалась не столько в том, чтобы запретить Анану созывать синедрион, как не точно стоит во флавиевском тексте, сколько в том или с акцентом на то, чтобы спросить с Анана за его самовольно-самоуправно-противозаконные (превышение полномочий), в обход римских установок, дерзкие действия. И в дальнейшем строже не допускать вынесения-исполнения смертных саддукейско-синедриональных приговоров без участия и окончательного вердикта римских прокураторов (дабы блокировать саддукейский произвол).

В итоге царь Агриппа, узнав о произошедшем, лишил отпервосвященствовавшего всего ок. трёх месяцев, с января 62г., Анана где-то во второй половине апреля (во время между Пасхой 12.04. и Пятидесятницей 1.06.) архипастырства⁹⁸, назначив

⁹⁸ Небезынтересно, что антагонисты Иисуса в 33г., Иакова Праведного в 62г. и Иакова Алфеева в 66г., это – три в трёх поколениях представителя саддукейско-первосвященского клана-дома Анны: Анан Старший – 33г., его сын – Анан Младший – 62г., и внук Анана Старшего, отпрыск одного из его сыновей, Феофила, первосвященника в 37-41гг., – Матфий – первосвященник в 65-67гг., в первосвященство к-рого принял мученичество весной 66г. Иаков Алфеев (см. ниже) и началась Иудейская война. Небезынтересно также, что и Иисус, и Иаков Праведный, и Иаков Алфеев – все трое – из дома-рода Давидова. И если Иисус Нафанид – сын плотника-тектона Иосифа Нафанида, мужа жребия Мелхиседекова, то Иаков Праведный – сын царственного Иосифа Соломонида и младший брат Иисуса Соломонида, ставший после кончины в 14г. н.э. последнего, старшим репрезентантом царской Соломоновой линии Давидов. А Иаков Алфеев, сын Клеопы-Алфея, мл. брата Иосифа Нафанида, – репрезентант Нафановой линии дома Давидова, т.е. линии репрезентантов особого (закадрового) тайно-неаронидского священства, из представителей к-рого никто не подходил к храмовому жертвеннику (Евр.7,13). Три Аронида (Анан I, Анан II, Матфий) против трёх Давидов (Иисуса, Иакова Соломонида, Иакова Нафанида), из Соломоновой и Нафановой линий-ветвей (царственного эксклюзивно-священского) дома-рода Давидова!

P.S. И вряд ли случайно от Мистерии Голгофы 33г. до начала восстания Бар Кохбы в 132г. – 99 лет; от мученичества Иакова Праведного (Соломонида) в 62г. – 70 лет; от мученичества Иакова Алфеева (Нафанида) в 66г. – 66 лет. Т.е. не видели ли некоторые вдохновители-приверженцы восстания Бар Кохбы (к-рый наверняка происходил из дома-рода Давида, б.м., из его Соломоновой линии, являясь правнуком Апостола Иуды-Фаддея, брата Господня?) в Иисусе жертвенного Мессию, сына Иосифова (Машиах б. Иосиф), предварителя победоносного Мессии, сына Давидова, к-рого они жаждали увидеть-узнать-услышать в Бар Кохбе (кто жестоко преследовал христиан, естественно, отказавшихся признать в нём, тиране и лжемессии, Спасителя-Избавителя)? И тут уместно ещё присовокупить, что согласно средневековой еврейской хронике «Седер Олам Зутта» (IXв.), храм был разрушен римлянами (70г.) при 11-м экзилархе (князь Изгнания) еврейско-вавилонской Диаспоры (анклав Иерусалима в Диаспоре) – Шехании, преемника к-рого, 12-го экзиларха – р. Гуну, считали последним мужским потомком Давида (следующие экзилархи – Давидиды по женской линии). (Не считал ли в XVIIIв. скандальнейший после Бар Кохбы иудейский лжемессия Саббатай Цеви (реинкарнацией к-рого числил себя Я.Франк) и Иисуса, и Бар Кохбу своими предшественниками-предварителями!)

вместо него Иисуса, сына Дамнея. И приблизительно одновременно с этой перестановкой, в апреле/мае, или в начале мая 62г., в Кесарию Палестинскую прибыл из Александрии (через, проделав часть пути сушей и часть морем, — Пелузий, Рафию, Газу, — где, или, всё-таки, в Александрии, с ним встретились иудейские жалобщики?) новый прокуратор — Лукцей Альбин.

То, что Альбин стал прокуратором в 62г. явствует из Флавия, к-рый в «И.в.» 6,5,3, под 70г., рассказывая о гибели сгоревшего храма и вспоминая о знамениях-предзнаменованиях на сей счёт, говорит о соответствующем предсказании за 4 года до начавшейся в 66г. войны, в праздник Поставления кушей, в пору наместничества Альбина, некоего Иошуа б. Анана, кто затем повторял это предсказание на протяжении 7-и лет и 5-и месяцев, погибнув от брошенного римской метательной машиной камня (после подхода к Иерусалиму весной 70г., во главе 4-х легионов, Тита). Иудейская война началась на 4-м году от праздника Кушей октября 62г., к-рый, со своей стороны, отстоит на семь лет и пять месяцев от прихода к Иерусалиму в марте 70г. Тита. Т.е. на время праздника Кушей 62г. Альбин, к к-рому привели неадекватного прорицателя Иошуа, вещавшего о предстоящей гибели Иерусалима и храма, — уже какое-то время в должности.

С др. стороны, то, что Альбин вступил в эту должность не позднее второй половины весны 62г. выводится из того факта, что на 2-м году наместничества его преемника Гессия Флора (= на 12-м году Нерона) началась Иудейская война (И.в. 2,11,1; И.д. 20,11,1), к-рая началась в мае 66г. Иначе говоря, Флор заступил в должность наместника Иудеи летом 64г., после двухлетнего наместничества Альбина, сложившего свои наместнические полномочия на 3-м, со второй половины весны 62г., году (Arm. Karst, S.215; Иероним S.155) (см. выше).

Вдобавок к тому, из И.д. 20,9,2 мы узнаём о росте влияния при новоприбывшем в Иудею прокураторе Альбине шустро-оборотистого экс-первосвященника Анании б. Небедея, бессовестные слуги к-рого отправлялись на гумна и отбирали у простых священников десятину. И речь тут идёт, как мы выяснили выше, о (священной и бедняцкой) десятине 6-го (или очередного 3-го) года, в рамках субботного цикла, перед наступлением осенью 62г. недесятиной шмиты 62/63гг., когда, т.е. в субботный год, десятина не взималась. Сбор же десятины от злаков и плодов производился весной и летом, с упором на хлебно-пшеничную Шавуот-Пятидесятницу, к-рая в 62г. пришлась на 1.06., когда Альбин уже вступил в должность в апреле/мае, или в начале мая, и когда вместо смещённого царём Агриппой, после трёхмесячного первосвященства, во второй половине апреля (за каменение Иакова Праведного в начале апреля) первосвященника Анана Мл. уже первосвященствовал Иисус, сын Дамнея, к-рого, как и Альбина, Анания б. Небедей умел, согласно Флавию, задаривать и умело задаривал подарками.

Впрочем, разобравшись с хронологией, правильность предпринятой нами реконструкции к-рой, после всего сказанного, совершенно очевидна и не оставляет ни малейшего сомнения, слушаем, продолжая наше хронопоследовательное повествование, самого Флавия.

ИУДЕЯ ПРИ ПРОКУРАТОРЕ (с весны 62г.) АЛЬБИНЕ

«Когда Альбин приехал в Иерусалим, он приложил всяческое старание и усердие, чтобы умиротворить страну. При этом он умертвил множество сикариев. Тем временем влияние первосвященника Анании росло со дня на день и он пользовался любовью и почётом среди своих сограждан. Дело в том, что он давал взаймы деньги и постоянно умел склонять подарками Альбина и другого (действующего — К.З.)

первосвященника (Иисуса). При этом у него были крайне испорченные слуги, к-рые в обществе подонков народа отправлялись на гумна и там насильно овладевали предназначавшеюся для простых священников десятиной; в случае же сопротивления они прибегали к побоям. Так как никто не мог препятствовать этому, то и другие первосвященники делали то же, что и слуги Анании. Тогда-то многим из священников, для к-рых раньше десятина представляла источник существования, пришлось умереть от голода.

Когда во время наступившего праздника сикариям удалось ночью пробраться в город, они схватили письмоводителя стражного храмового смотрителя Елезара, к-рый был сыном первосвященника Анании, обещая, что отпустят его, если Анания уговорит Альбина освободить захваченных им 10 сикариев. Анания был принуждён уговорить Альбина и тот исполнил его просьбу. Между тем этот случай подал повод к большим бедствиям. Теперь разбойники всячески старались захватить кого-нибудь из членов семьи или близких Анании и систематически держать их у себя до тех пор пока не получат в обмен нескольких сикариев. Тем временем число последних вновь увеличилось и они с неслыханной дотоле дерзостью опустошали страну...» (И.д. 20,9,2/3)

Итак, всадник Лукцей Альбин (лат. когномен от *albinus* – *белый*), жентильный номен к-рого называет только Тацит (Ист. 2,58), и к-рый в некоторых ново-новейших источниках иногда ошибочно зовётся Клодием Альбином, прибыл в Иудею на замену умершего Порция Феста во второй половине весны – не позднее начала мая – 62г. н.э.⁹⁹ Причём в «Bellum» Флавий даёт ему куда более жёсткую и резко отрицательную характеристику, чем в «Древностях», говоря, что «не было того злодея, к-рого он бы не совершил» (2,14,1); далее, – перечисляя-живописуя эти злодеяния; но в нижеследующем абзаце признавая, что «Альбин являлся ещё образцом добродетели в сравнении» с (худшим из всех, начиная с бг. н.э., римских прокураторов, при к-ром началась катастрофическая Иудейская война) его преемником – Гессием Флором (64 – 66гг.) (3).

Налицо продолжение Альбином (и Флором), так сказать, по (в арифметическо-геометрической прогрессии) восходящей, вернее, по нисходящей, пагубной линии и пагубного курса Феликса, как раз при к-ром коррупционная составляющая превысила все прежние нормы-формы-масштабы (допустимого), и к-рый, главное, первым из римских прокураторов, начал заигрывать, более того, когда ему требовалось, кооперировать с бандитствующими элементами. Не против них ли он, с одной стороны, боролся, а с другой, не брезговал пользоваться их услугами, например, в деле дискредитации конкурентного наместника Кумана, или в деле устранения неугодного первосвященника Ионафана! Короче, Феликс первым задействовал наместнический беспредел, раскрученный затем в большей мере Альбином и в ещё большей мере Флором по полной.

Впрочем, феномен Феликса, Альбина и Флора (среди к-рых Фест составляет удачное исключение), учитывая, разумеется, их личную порочность (алчность, корыстолюбие, мздоимство, лихоимство, отсутствие каких-либо рамок-границ при злоупотреблении властью) и персональное служебное несоответствие каждого из них, нельзя рассматривать в отрыве от нарастающего (как снежный ком) общего римского и римско-державного кризиса. Кризиса, к-рый неумолимо приближал

⁹⁹ Прибыл ли Альбин в Иудею из Рима (коротким морским путём через Александрию)? или он прибыл в Иудею (по назначению проинформированного о смерти Феста Нерона) из Александрии, где на 62г. (предположительно) занимал военный пост (лагерного) префекта *castrorum*? – вопросы (см. выше).

Рим к концу Юлиев-Клавдиев, в лице венчающего династию и первый этап Принципата деграданта Нерона, и к кровопролитной гражданской смуте 68/69гг. (через к-рую Риму надлежало пройти).

Стоит повторить, — рыба с головы гниёт и воняет. И какими были кесари в вертикально-цезаристском, с августейшей начинкой, к-рая в 60-е гг. Ив. нуждалась в качественном обновлении, Риме, такими же, по образу и подобию кесарей, были и не могли не быть чиновники (загримированного под республику монархического) гос. аппарата, в т.ч., провинциальные наместники. Напоминаем, обстановка ухудшалась, усиленное набирая обороты, со времени пройденной Нероном после совершённого им в 59г. матереубийства точки невозврата.

И дальнейшее ухудшение отношений между Римом и еврейством происходило как в русле нарастания римского и общеимперского кризиса, так и обусловленное прогрессирующей поляризацией взаимоисключительных, в создавшихся условиях, при сложившихся обстоятельствах, специфик-сущностей Рима и еврейства, к-рое, со своей стороны, деградирувало, подходя, в определённом смысле, к последней черте, частично сродни тоже подходившему к отнюдь не последней черте принципатовскому Риму.

Если римляне всё нетерпимее настаивали на своей мессианистической миссии и на мессианстве кесарей, всё безогляднее утверждая то и другое, то ветхозаветное еврейство всё интолерантнее, всё фанатичнее ожидало своего избавителя-сокрушителя (Рима-Эдома), и ни Рим, ни еврейские ветхозаветники, в подавляющем большинстве, не осознавали, не видели, не слышали, не понимали, что истинный Мессия уже пришёл и что Времена Исполнились.

К тому же, если Рим шёл к кризису 68/69гг., чтобы пройти через него и вступить во вторую-очередную стадию-фазу эпохи (ещё далеко не исчерпанного) Принципата (к-рый кульминирует *люциферическим* «золотым веком» при Антонинах), то обречённое второхрамовое еврейство неуклонно шло к гибели *ариманически* ветхих Иерусалима и храма в Войне 66 — 70гг. Шло, не ведая иного выхода-исхода, чтобы породить в перспективе (после катастроф малоапокалиптического для евреев периода 70 — 135гг.) безгосударственное (в Палестине) и безземельное (в Diaspore) еврейство — под главенством изошедшего на львиную долю из фарисейства и сделавшего ставку на национально-религиозное выживание любой ценой раввинистического иудаизма.

И поскольку в 50 — 60-е гг. Ив. н.э. ветхий Иерусалим с ветхим Вторым храмом, времена к-рых исполнились и миновали, доживали свои последние годы, а Рим приближался к обновительному катаклизму 68/69гг., вполне закономерно то, что, по поступательной, Феликс был плоше своих прокураторских предшественников; Альбин — хуже Феликса; Флор — одиознее Альбина. Равно как предводители еврейства из иерократического лагеря, к-рые, во многом, породили сожравших их впоследствии революционных радикалов, также поступательно становились, от раза к разу, от одного к другому, всё хуже и хуже.

При всём этом, и части иерусалимских аристократов-иерократов, уж не говоря о фанатичных и узколобых сикариях с зилотами, напрасно мнилось-казалось, что Рим вступает в острый кризис наподобие обусловившего успех восстания Маккавеев селевкидского кризиса IIв. до н.э., и что стоит лишь нанести мощный удар, как колосс (якобы на глиняных ногах) рухнет. Они глубоко ошибались. В отличие от селевкидского, внутренний и имперальный ресурсы Рима ещё имели мощнейший будущностный заряд, в то время как ресурс ветхого (второхрамового) Израиля, напротив, был исчерпан полностью.

И потому выступление иудеев, времена к-рых не исполнились, имевшее успех в хаосе эллинистического мира, никак не могло закончиться успехом по Исполнении

Вре́мён в средиземноморском мире римского мирового порядка, где Рим с железной последовательностью крушил в I/II вв. восстания исчерпанного и выдохшегося староеврейства одно за другим. Крушил, чтобы оставить обезгосударственных, безземельных и рассеянных иудеев (к-рые не выжили бы и не прежили бы античность не будь Вавилонской Диаспоры) в тоталитарном ведении (безопасного для имперского Рима) раввинистического иудаизма в полярно созеркальном II-у в. до н.э. II-м в. н.э.

О связанных с ограблением простых священников в отношении причитавшейся им десятины безобразиями Анании б. Небедея (до к-рого тем же занимался перво-священник Исмаил б. Фаби), мы достаточно сказали выше. Повторим, это происходило в 59 (при архипастырстве Исмаила б. Фаби) и в интересующем нас сейчас 62г., соответственно, в 3-й и 6-й (= очередной 3-й) годы сбора десятины, по седмично-субботному графику-циклу-календарю (субботние – 55/56 и 62/63г.).

Притом происходило именно весной/летом предсубботного 62г. – урожаем пшеницы и сбор плодов с упором на Пятидесятницу 1.06., во время перед праздником Шавуот (с ячменной Пасхи) и после него (до наступления в сентябре – 21.09. – с месяца тишири – недесятично-субботного 62/63г.). И судя по всему, оборотистый Анания, к-рый и себе, и другим виделся *непотопляемым броненосцем*, сразу сдружился с прибывшим в Иудею в апреле/мае, или в мае 62г. Альбином (к-рый гневался не на него, но на Анана, уже смещённого в апреле за самоуправство царём Агриппой). И так задаренный-подкупленный и дальше регулярно подкупавшим его Ананией Альбин закрывал на Ананиев беспредел глаза.

* * *

Вместе с тем, новый прокуратор, поначалу, вроде бы по стопам Феста, начал предпринимать усилия для умиротворения страны посредством энергичной борьбы с сикарийскими радикалами, к-рые после Фестовой кончины вновь активизировались.

Но в смотревшем на вверенную ему провинцию как на дойную корову Альбине изначально перевешивали корыстолюбие и рвачество, чем Фест не занимался.

Поэтому, пока бессовестные слуги Анании (не без отмашки Альбина) грабили, обрекая их на голодную смерть, простых священников и разных бедняков, сам Альбин, в большей мере, чем за борьбу с множившимися сикариями, взялся за ограбление общественных касс и частных лиц из богатого сословия, взялся за репрессии, связанные с доходной конфискацией имущества, за обложение народа дополнительными непосильными налогами и т.д. (И.в. 2,14,1).

Более того, вскоре он запустил и наладил другой конвейерно доходный бизнес, до к-рого не додумался даже Феликс: стал «за выкуп возвращать свободу преступникам, схваченным или их непосредственным начальством или предыдущими правителями, и содержащимся в заключении, как разбойники» (И.в.2,14,1). Т.е., тут речь идёт как об уголовных, так и о политических преступниках, в т.ч., о пресловутых сикариях. Да и вообще, как известно, в подобных случаях уголовщина и политический бандитизм тесно сплетаются-переплетаются между собой.

Т.е. в видах собственного обогащения Альбином использовались все возможности, он не брезговал ничем, что, в свою очередь, лишь вдохновляло всячески нагнетавших нервозность, при и для создания т.н. революционной ситуации, радикалов на худшие дерзости-мерзости. Мол, смотрите люди, что собой представляет нечестиво языческая римская власть! как можно против неё и её местных богатых прислужников-коллорационистов не восстать!? тем паче, что их всех, столь

испорченных и продажных, вполне возможно, в видах восстановления минимум или для начала независимости Израила, сокрушить-победить!

По рассказу Флавия, неслыханной до того дерзостью со стороны тайно пробравшихся ночью во время какого-то праздника в Иерусалим сикариев сделалось похищение ими некоего письмоводителя сына Анании б. Небедея — Елезара, бывшего храмовым смотрителем = начальником стражи = одним из начальственных лиц при храме и в храмовом комплексе. Видимо, этот письмоводитель был родственником Анании и Елезара, жизнью к-рого они дорожили, так как похитители потребовали в обмен на неё отпустить на свободу 10 захваченных Альбином их соратников-радикалов.

И Анания уговорил Альбина, конечно, небезвозмездно, выполнить требование революционеров. Однако с террористами нельзя договариваться таким образом, ибо палец им в рот не клади, откусят как руку, так и — в перспективе — голову. Тот после этого сикарии реально почувствовали слабину властей — как римской, так и местной, и принялись похищать ближних богатея Анании, плюс, наверное, и ближних иных богатых иерократов, с аналогичными требованиями. Спрашивается, — почему бы и нет?! Если сам прокуратор не брезгает выпускать на свободу бандитов за выкуп, то что мешает революционерам запустить свой бизнес! Каждый бизнесменуствует, как умеет. Цель оправдывает средства. Победим, и кто с нас спросит — какой ценой мы шли к победе!?!

Праздник, в к-рый наглеющие сикарии похитили Елезарова письмоводителя, Флавий не называет. Но, по всей вероятности, исходя из последовательности его повествования и из общего расклада, речь должно вести об октябрьском празднике Кущей 62г., в дни к-рого к уже почти полгода наместничавшему Альбину как раз привели неадекватного прорицателя грядущей катастрофы Города и Храма — Иошуа, о чём мы рассказали выше.

И, кстати, любопытно заметить, что именно этот (настроенный куда радикальнее родителя) Елезар б. Анания, зилот по сути, инициирует впоследствии, летом 66г., непринесение ежедневной храмовой жертвы за императора, чем фактически иудеи объявят войну Риму, тогда как очень скоро римлянофила Ананию убьют, вытащив его из водопровода царского дворца, где он скрывался, приверженцы самозванного мессии Манаима/Менахема (*утешитель*) — младшего сына основателя-создателя «четвёртой философии» зилотизма — Иуды Галилеянина (см. ниже).

И не от этого ли Иуды, выступившего, как мы помним, в 6/7г. н.э., протянется таким макаром хронопунктир к 66г. н.э., дав в совокупности три катастрофические шестёрки (6 — 66г.), знаменующие интервал времени от зачатия зилотизма в год провинциализации Августом Иудеи до начала приведшей к разрушению Иерусалима и храма, к гибели ок. одного миллиона евреев, к концу еврейской автономии и к началу мирового рассеяния еврейства роковой Иудейской войны.

И пусть пресловутой Иудейской войны (двух Иудейских войн — 66 — 70 и 132 — 35гг.), в конечном итоге, не могло не случиться, это всё равно не оправдывает ни её виновников-предводителей-ководов из числа радикалов (*эсеров*-сикариев или *большевиков*-зилотов), ни т.н. умеренных иерократов, типа первосвященников Анании или Анана и др., к-рые (российские либералы-февралисты), волей-неволей, всяких разношёрстных рев. радикалов, со своей стороны, поощрительно взрастили. Взрастили, дабы потом, как то обычно бывает в революциях, пасть жертвами их террора, пожалв то, что они сами, себе же на погибель, посеяли.¹⁰⁰

¹⁰⁰ Так, именно жирондисты спровоцировали войну Франции против Австрии (1792г.), чтобы консолидировать революционную нацию-страну и свергнуть Людовика XVI, отправив его на гильотину, а потом сделавшись жертвой радикалов-якобинцев, и тоже, в большом

Во-первых, неразборчиво сеющий ветер, как правило, пожинает бурю. Во-вторых, революции имеют частое обыкновение, сродни Сатурну, пожирать своих детей. И, увы, два народа Отца-Сатурна, как иудеи, так и римляне, образно выражаясь, в упор проглядели Сына-Солнце! Иудеи, — полагая, что у Отца не может быть никакого индивидуального Сына Человеческого как вочеловеченного Сына Божия, кроме Сына Божия в облике совокупного-группового Израиля = народа в законе. А римляне, — ошибочно принимая за Сына вместо Солнца — сонм идолов во главе с Юпитером! Увы, подпавшая античному материалистическому интеллектуализму самая передовая греко-римская Ойкумена осталась в своей элитной массе слепа и глуха к тому спиритуально-метаисторическому факту-феномену, что 12 Апостолов Христа заступили на место 12-и Олимпийцев!

Засим, при Альбине, с 62г., ситуация в Иудее (временно и отчасти стабилизировавшаяся при Фесте) снова ухудшилась и продолжала перманентно ухудшаться на всём протяжении его наместничества — и в 63г., и до лета 64г. (когда он сложит свои наместнические полномочия).

В «И.в.» Флавий пишет: «...При нём опять в Иерусалиме подняли головы сторонники переворота. Богатые посредством подкупа заручились содействием Альбина настолько, что они, не встречая препятствий с его стороны, могли безбоязненно возбуждать мятеж; и та часть народа, к-рой не нравилось спокойствие, примкнула к тем, к-рые действовали заодно с Альбином. Каждый из этих злодеев окружал себя собственной кликой, а над всеми, точно разбойничий атаман или тиран, царил Альбин, употреблявший своих сообщников на ограбление благонамеренных граждан. Дошло до того, что ограбленные, вместо того, чтобы громко вопиять, как естественно должно было быть в таких случаях, вынуждены были молчать; те же, к-рые ещё не пострадали, из боязни пред подобными насилиями, даже льстили тем, к-рые должны были бы подлежать заслуженной каре. Вообще никто не смел произнести свободное слово — люди имели над собою не одного, а целую орду тиранов. Тогда уже было брошено семя вскоре наступившего разрушения Города» (2,14,1).

Как мы выяснили, оно было брошено значительно раньше. Правление же Альбина красочно маркирует один из важнейших последних этапов восхода этого семени до произведённого оным в 66г. ядовито-вулканического взрыва-выброса.

И удостоверьтесь (невзирая на сумбурный в данном абзаце текст Флавия и на ещё более сумбурный русский перевод Я.Чертка), насколько при Альбине, в ситуации эндшпильного разложения юлианско-клавдианского Принципата на имперском уровне, Иудея всё глубже погружалась в анархию соотношений-взаимотношений феномена «войны всех против всех»! С пестованием безответственной деградантной иудейской элитой революции и ревоуционером, к-рые, повторим, затем эту элиту сожрали и не подавились, с кризисом державной и синедрионально-

количестве, кончив на гильотине (1793/94г.)! Или — не совершила ли февральский переворот 1917г. российская элита сверху, чтобы затем быть сметённой и перемолотой большевиками снизу! Не топал ли депутат Гос. думы кадет Миллюков, кто позже уносил ноги от большевиков, ножкой, грозя установить гильотины на площадях крупнейших городов России и рубить головы врагам народа, что не столь эпатажно сделали, пустив в ход куда более эффективные массовые расстрелы вместо гильотин (чуждое русскому менталитету зрелище) те же товарищи большевики! Не (у)боялся ли мудозвон Керенский Корнилова больше, чем большевиков, к-рых он вооружил против Корнилова и к-рые легко смели его самого! То-то, как говорят, когда в 1967г. некий западный журналист, интервьюируя престарелого Керенского (сумевшего пережить всех своих политических противников), в связи с 50-летием «Великого Октября», спросил у него: «Можно ли было избежать большевистского переворота», Керенский ответил «Да», и, выдержав паузу, горько добавил: «Для этого надо было расстрелять одного человека». Журналист: «Кого? Ленина?» Керенский: «Нет, — Керенского».

автономной власти, с кризисом как римских, так и иудейских кадров, к-рые, знамо дело, решают всё, и вопиющее несоответствие или отсутствие к-рых всегда пагубно-погибельно.

* * *

В 4-м абзаце 9-й гл. 20-й кн. «И.д.» Флавий переходит от Альбина, точнее, от первой фазы его правления в 62/63гг. (вторая половина к-рого — 63/64гг. — существенно не отличалась от первой, характеризуюсь лишь эскалацией беспредела)¹⁰¹, полнее и беспощаднее представленного-оценённого в «И.в.», к расширению («ок. этого времени») Агриппой II-м его столицы Цезареи Филипповой, к-рую он назвал Нерониадой. Это, как мы знаем, т.е. переименование Кесарии в Нерониаду, имело место (судя по агриппианским монетам) в 61г., когда Агриппа обзавёлся территориальными приращениями от Нерона, назвал Кесарию Нерониадой и начал чеканить монеты, датированные одной из его (трёх) эр, эпоха эры к-рой — I нисана 61г. н.э.

Впрочем, строительное новообустройство переименованного города этим, отличавшимся, как все Иродиане, строительными пристрастиями венценосцем, наверняка производилось и в 61, и в 62/63гг., почему приблизительная датировка Флавия вполне корректна. Кроме того, по Флавию, (населённой в основном язычниками) Нерониадой агриппианские стройпредприятия не ограничивались. С не меньшими, если не с большими издержками-затратами царь воздвиг театр в финикийском Берите (римская ветеранская колония), к-рый щедро украшали ещё его прадед — Ирод I, и позднее отец — Агриппа I.

Там, в беритском театре Агриппой II ежегодно устраивались зрелищные представления, на к-рые тратились огромные суммы. Плюс к тому, царь раздавал берит-

¹⁰¹ В 68/69гг. мы находим Альбина в ранге легата обеих Мавританий — *Caesariensis* и *Tingitana*. Вернее, ещё Нерон, — сразу ли после Иудеи? откуда Альбин был отозван в 64г. (см. ниже), или, скорее, несколько позже, поставил его над Мавританией Кесарийской, к к-рой в 68г. Гальба присовокупил Мавританию Тингитанскую (Тацит «Ист.» 2,58). Там под его началом оказались 19 когорт, 5 эскадронов конницы и большой отряд мавританцев. После убийства Гальбы (15.01.69г.), Альбином был поддержан Отон. Одновременно, он счёл слишком тесной для себя Африку и запритязал (в Смутное время раскрепощения амбиций) на загибралтарскую испанскую Баэтику — сенатскую провинцию *inermis*, где не было воинских частей, и что вызвало опасения легата Тарраконской Испании Клувия Руфа (знакомый нам историк, на труд к-рого опирается Флавий при описании убийства Калигулы; в 65-67гг. — герольд-глашатай кифаредствующего Нерона), надзиравшего, помимо управления Тарраконой, и за Баэтикой, и за Лузитанией. Объявивший себя тогда вителлианцем Клувий приказал подкомандному ему X-у легиону выйти на побережье, угрожая противоальбиновским десантом в Мавритании, и выслал вперёд центурионов, чтобы склонить мавров на сторону Вителлия.

В то же время распространился слух, что Альбин напялил царские регалии, приняв имя Иов (Юба), т.е. тронно назвавшись именем нумидийско-мавританских царей, последний из к-рых — Птолемей, сын Иова II Мавританского (+ 23г.), был умерщвлён в 40г. позарившимся на его богатства Калигулой, после чего Мавритания была провинциализирована (см. выше). Притом из Тацита неясно, соответствовал ли этот слух действительности в смысле действий Альбина, или, м.б., распространителем ложного слуха был, стремясь инкриминировать Альбину гос. измену, Клувий. Хотя, исходя из того, что мы узнали об Альбине, такое на него (возможность себя царским потомком и царём!) очень похоже.

При всех случаях, в результате предпринятых Клувием шагов, настроение в мавританской провинции изменилось не в пользу Альбина, и он, по словам Тацита, был убит, когда, «прибыв морем из Тингитанской провинции в Цезарейскую, сходил на берег», а «жена его сама подставила грудь ножам убийц и была ими зарезана» (Ист. 2,59). Так, тот, кто являлся одним из тех малых римлян (уж не говоря о больших), к-рые сделали всё для раскрутки кризиса 60-х гг. и Смуты, сам сделался одной из многочисленных жертв Смутного времени. Трудно не сказать снова: что посеешь, то и пожнёшь!

цам хлеб и масло, украсил их город статуями и картинами древних мастеров, и даже, следуя слову Флавия, — «почти весь блеск своего двора он перенёс именно в этот город» (И.д. 20,9,4).

Такое поведение, естественно, усиливало нерасположение к нему, в первую очередь, его неэллинизированной-иудейских и части составлявших в его владениях большинство населения языческих подданных, ибо многое для беритцев делалось за их счёт. И вот такой человек, такой царь — по возмущённому мнению немалого числа правоверных иудеев — заведует (позор!) домом Господним, назначает и смешает первосвященников по собственному усмотрению!

Мы в курсе, что слабо связанным с иудейством (гораздо слабее, нежели их, в ранге царя иудейского, отец) эллинисту Агриппе, как и его трём сёстрам, Беренике, Друзилле и Мариамне, был свойствен-присущ не столько иудейский, сколько эллинистический декаданс. И понятно, Агриппу тяготило геттоизированное всё более радикализирующееся еврейство, от к-рого он отдыхал в близком ему душой и сердцем языческом Берите. Вспомним, как Ап. Павел не много не убедил его сделаться христианином, к-рым Агриппа так и не сделался, тем не менее, внося свою незначительную позитивную лепту в решение судьбы Павла.

И ниже, рассказав о нерониадских и беритских предприятиях-мероприятиях Агриппы II, Флавий продолжает: «Потом Иисус, сын Гамалиила, был назначен в преемники первосвященнику Иисусу, сыну Дамнея. Результатом этого была ссора, возникшая между ними обоими. Каждый из них собрал вокруг себя отчаянных приверженцев, к-рые нередко от ругательств переходили к закидыванию друг друга камнями. Тем временем, Анания, благодаря своему богатству, пользовался огромным влиянием, так как с помощью денег склонял людей на свою сторону. Также и Костобар и Саул, происходившие из царского рода и пользовавшиеся большой популярностью благодаря своему родству с Агриппой, набрали себе каждый по толпе негодяев, во главе к-рых совершали всякие насилия и были всегда готовы отнять имущество более слабых. С этого времени для нашего города начались особенно тяжкие бедствия, так как все дела стали клониться к окончательному упадку» (И.д. 20,8,4).

Читатель в курсе, что Иисус (евр. Иошуа/Иешуа), сын Дамнея, стал первосвященником, по назначению Агриппы, вместо смещённого царём (после каменования Иакова Праведного) Анана Мл., в апреле 62г. н.э. Сведений о нём мало. Вероятно, ни к одному из 4-х ведущих первосвященских кланов он, по происхождению (сходно Каиафе или Анании б. Небедею), прямо не принадлежал, — не подвизаясь ли у одного из них в зятях? В «Войне» Флавий называет его среди знатных иудеев, не оставшихся с повстанцами, но перебежавших к римлянам после речи к осаждённым Иосифа б. Маттафии, т.е. будущего Флавия, в трагические дни по прекращении храмовой жертвы 17-го панема (таммуза), летом 70г., перед падением Города (6,2,2).

Согласно «Древностям», этот Иисус не признал назначения на его первосвященское место Агриппой, видимо, в следующем 63г. его тезки — другого Иисуса б. Гамалиила (или — б. Гамала/Гамла), собрал вокруг себя шарагу приверженцев и начал вступать в уличные перепалки-бои с приверженцами своего преемника (как в Ср. века некоторые римские папы и антипапы в папском Риме!), в к-рых тот, насколько можно судить, сообразно дальнейшему рассказу, сделался отнюдь не сразу победителем. Одним словом, в условиях нарастающего кризиса, до (пред)последней ручки-точки доходили, подходя сами, равно подводя народ со страной к последней черте, и первосвященники.

Между тем, об Иисусе б. Гамалииле, первосвященнике — оптимально — в 63 — 65гг., известно на порядок больше, чем о его предшественнике (и конкуренте-антагонисте). Он был женат на Марфе б. Боэт, согласно талмудистам, богатейшей

женщине Иерусалима, соответственно, точно приходясь зятем дому Боэт, более того, женившись на богатой вдове, к-рая добилась для него сана первосвященника (не могущего быть неженатым) банальным подкупом царя (Евамот 61а; Йома 18а).¹⁰²

Причём не шибко дружный с хронологией Талмуд говорит о маккавейском царе Яннае (102 – 75гг.), под кем надо в данном контексте понимать Агриппу II (что, к слову, с др. стороны, выразительно характеризует отношение к Агриппе Мл. талмудистов, для к-рых Янна и Ирод – самые ненавистные цари маккавейско-иродианской эпохи).¹⁰³ И эта информация, разумеется, с поправкой на Агриппу, скорей всего, верна, поскольку она объясняет, в частности, почему (о чём Флавий молчит) Иисус б. Дамней не соглашался со своей отставкой, воспротивившись небескорыстному произведению Агриппой, кто, стало быть, решил сделать свой (храмовый) бизнес (зачем отставать от бизнесменистых Альбина или Анании?!), в архипастыри Иисуса б. Гамла.

Деятельность последнего на первосвященском посту талмудисты хвалят. Не принадлежа самолично к числу учёных книжников и авторитетных законоучителей, он много заботился о детском школьном образовании, устраивая повсеместно, в городах и в провинции, школы для детей с 5/6/7-летнего возраста¹⁰⁴, что с тех пор вошло в норму, пережив старый Иерусалим с храмом, еврейскую автономию, античное еврейство, и стяжав Иисусу/Иошуа благодарность потомства (Бава батра 21а). Здесь надо сказать, что такие школы (наряду с очень принятым у иудеев хорошим домашним детским образованием) существовали и раньше, по крайней мере, с рубежа I/II вв. Но в отличие от школ отроческих и юношеских (с 15/16/17-и лет), введённых, по преданию, Симоном б. Шетах (в правление Саломии Александры), они функционировали не как всеобщий, на постоянной основе, институт, создание-утверждение к-рого – заслуга именно хвалимого талмудистами первосвященника.

И, к месту заметить, эта требующая соответствующего времени школьно-образовательная деятельность Иошуа б. Гамалиила ратует за его пребывание на первосвященском посту в течение ок. двух лет, с 63 по 65гг., а не один год, как предполагает (без аргументации) «Еврейская энциклопедия» (т.8, с.911), следует думать, на том основании, что Флавий сообщает о его первосвященской замене Матфием, сыном Феофила, в «И.д.» 20,9,7, после сообщения об окончании постройки храма, к-рая пришлась на 64г. (см. ниже). Но это основание неубедительно-недостаточно, и окончание долгой постройки Иерусалимского храма (реставрацию-новоотстройку к-рого Ирод запустил ещё в 17г. до н.э.), несомненно, в 64г. н.э., вовсе не означает, что Матфий, сын Феофила, из дома-клана Анан сменил Иисуса б. Гамла тогда же, в 64г., очень даже могучи сменить его и наверняка сменив годом позже – в 65г. н.э. (см. ниже).

Опречь того, сей деятельный архипастырь Иошуа запомнился талмудистам и руководимым ими постхрамовым поколениям иудеев (в память о погибшем храме) тем, что заменил бросавшиеся в Судный день (10 тишри)¹⁰⁵ первосвященником

¹⁰² «Евамот» (6,4) (не без иронии): «Если некто женится на вдове и потом назначается первосвященником, то он вводит её в свой дом. Иошуа б. Гамла женился на Марфе б. Боэт, после чего царь Агриппа (тут ошибки нет – К.З.) назначил его первосвященником и он ввёл её в свой дом». (Хотя более предствимо, что весьма выгодно женившийся Иошуа сам вошёл в дом богатея Боэтов, как Каиафа в дом Анны.)

¹⁰³ Теоретически при Яннае мог жить другой Иошуа б. Гамла, но он не мог быть первосвященником, ибо теократы Маккавеи совмещали первосвященское и монаршее достоинства.

¹⁰⁴ Талмуд (о чём читатель в курсе) призывает иудеев приобщать детей аж с 5-и, усерднее – с 8-и, лет к Св. Писанию, с 10-и – к Мишне, с 12/13-и – к исполнению заповедей, с 15-и – к Талмуду (Абот 5,21).

¹⁰⁵ Сообразно иудейско-мидрашистскому преданию, когда Марфа б. Боэт пожелала понаблюдать в Судный день за священнодействиями своего супруга Иисуса б. Гамла (из притвора

деревянные жребии (жертвоприношение козлов – алтарного и отпущения) на золотые (Йома 3,9).¹⁰⁶

«ТЮРЕМНЫЕ» ПОСЛАНИЯ АП. ПАВЛА

Теперь, завершая хронособытийность христианской и еврейской истории-мета-истории за пятилетку 58 – 63гг. н.э., нам остаётся дать экзегетический расклад 4-х Посланий Ап. Павла: К Ефесянам, К Филиппийцам, К Колоссянам, К Филимону. Все они были составлены, в чём традиция и, сколь не удивительно, большинство экзегетов не ошибаются, в пору Первых римских уз Апостола. Причём, как недвусмысленно выводится из текста трёх последних Посланий, где-то ближе к исходу этих уз, т.е. приложительно к реконструированной нами хронологии Первых уз – 61 – 63гг., к-рая, на сей раз, солидаризируется (что происходит, как читатель успел заметить, нечасто) с хронологией ряда др. авторов и «Лексиконов», – в 63г. н.э.

Примем за верное. Данные 4 Послания были написаны в Риме где-то зимой/весной и весной (К Ефесянам, К Колоссянам, К Филимону – в феврале/марте, к Филиппийцам – в марте/апреле) 63г., отправленные Павлом с его надёжными сотрудниками, по весне, их адресатам, тогда как освобождён Павел был, по окончательному рассмотрении его дела, с вынесением оправдательного приговора, вероятно, в мае 63г. После этого, летом, он отчалил из Италии в Испанию, куда, сродни Риму, давно намеревался, в обязательном порядке, миссионерски попасть (после Рима; побывав в Риме), о чём и писал в Послании к Римлянам в 58г.

Но об Испании позже. Сейчас говорим о вышеназванных Посланиях, из к-рых однозначно следует, что во время их составления Апостол ещё в узах = не на свободе = в заточении (под надзором приставленного к нему солдата-преторианца, в льготном тюремно-гостиничном жилье, со свободным доступом к нему посетителей), однако, он уверенно надеется на скорое освобождение.

Притом, если Посл. к Ефесянам, к Колоссянам и к обретаемому в Колоссах Филимону были – написанные-продиктованные в феврале/марте – отправлены-отосланы, предположительно, в марте 63г. с Тихиком, к-рого сопровождал Онисим (беглый раб Филимона) (Еф.6,21; Кол. 4,7; Флм.10) (см. ниже), то Посл. к Филиппийцам, написанное-продиктованное чуть позже, и отправилось по назначению чуть позже, – в марте/апреле 63г., с Епафродитом, к-рый до того привёз от Филиппийцев узнику Павлу денежное вспомоществование (2,25-30; 4,18).

Женщин), вся *дорога восхождения* от врат её дома на Храмовую гору была устлана дорогостоящими коврами, чтобы она (неженка и белоножка) не ступала босой по голой земле (Эха рабба 1,47-49). А позднее, в пору Иудейской войны, во время страшного голода в осаждённом Иерусалиме, где людоедствовали революционеры и были случаи натурального каннибализма, в, т.ч., убийство обезумевшей голодной матерью собственного ребёнка (Флавий), Марфа умерла от голода, по параболическому слову предания, наступив (своей белой босой ногой) на фекалии и не выдержав столь жуткого унижения.

¹⁰⁶ Позднее этот (дружный Иосифу б. Маттафии = Флавию) Иошуа б. Гамла входил в партию конкурентных зилотам и ненавистных им умеренных противников Рима, к-рая группировалась вокруг Анана Младшего. И он будет зимой 67/68гг., как и Анан, зверски убит в Иерусалиме идумеянами, к-рых зилоты призовут в Город против умеренных и к-рые поведут себя в Городе, устроив страшную резню, как латышские стрелки, оставив поруганные трупы своих жертв без погребения, на съедение собакам и птицам (И.в. 4,3,9; 5,2; Vita 38; 41). Так инициатор каменования Иакова Праведного Анан II получит заслуженные ослиные похороны (умерев, мягко говоря, не самой достойной насильственной смертью, сходно антагонистам Павла – убитому иудейскими приверженцами лжемессии Менахема – Анании, или обезглавленному римлянами в Кирене – Исмаилу б. Фаби) (см. ниже).

Тихик (*счастливый; дитя счастья; или случайный*) — Павлов ученик из Азии, по всему, из Ефеса, или, во всяком случае, в Ефесе — в интервале 54 — 57гг. Был одним из тех учеников, к-рые сопровождали Павла на его пути после Третьего миссионерского путешествия, весной 58г., из Коринфа до Азии (Д.Ап.20,4). Добрался ли он тогда с Апостолом до Иерусалима (как другой азиатский ученик — Трофим)? или остался в Азии? — неизвестно. Так или иначе, в 63г. мы находим его при Павле в Риме, где он, думается, и до этого небезотлучно находился возле Апостола, исполняя различные его поручения, в т.ч., по связи с общинами.

Епафродит (*прекрасный; или любимый*), как сказано, посланец филиппийских христиан, вероятно, в 62г. к Павлу, с денежной помощью, в Рим, где он тяжело заболел (Фил.2,25-30), был исцелён Павлом, и вот в 63г. направлен им с посланием и поручениями обратно в македонские Филиппы.

Кстати, есть ещё его почти тёзка Епафрас (*красивый*), к-рого некоторые толкователи неправоммерно пытаются (привычно превращая «два» в «один») свести в одно с Епафродитом. Он — «возлюбленный сотрудник» Павла и «верный слуга Христов» для (в Посл.) Колоссян, надо полагать, сам родом из Колосса — городка во Фригии, в 160-и км восточнее Ефеса, вглубь материка, в долине притока Меандра реки Лик, неподалёку от фригийских Лаодикеи и Гиераполя. Был учеником Павла в Ефесе (54 — 57гг.), основателем и служителем общины в Колоссах (Кол.1,7), где, как и в Лаодикии или в Гиераполе, Павел до 63г. персонально не бывал (Кол.2,1). Затем, в 61 — 63гг., этому Епафрасу довелось служить Павлу, к-рый называет его «узником вместе со мною ради Иисуса Христа» (Флм.23), в Риме, будучи ли павлианским союзником по статусу? или добровольно разделяя его узы, чтобы служительски быть рядом? — неясно.

При всём том, и Тихик, и Епафродит, и Епафрас — Павловы ученики из ставших христианскими неопфитами необрезанных язычников.

ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ

(весна 63г.)

Само по себе Послание к Ефессянам носит циркулярный характер, имея широкую адресацию к христианским общинам Азии, и потому оно немало сходно с Посл. к Колоссянам, даже настолько, что ряд экзегетов сомневается в самостоятельности обоих Посланий, считая одно копией другого, дескать, Апостол не мог так повторяться в Посланиях различных, тем более, что в старейших манускриптах указание в 1,1 «Ефеса» отсутствует. Но при всём сходстве и всей циркулярности обоих названных Посланий, в них, между ними, хватает также существенных различий, так что о сведении *duo* к *mono* не может быть и речи, уж не говоря о дебилоидных версиях типа того, что, мол, оба Послания написаны вовсе не самим Павлом, но — то ли каким-то одним из его учеников, то ли двумя разными учениками (!) (Kl. Berger, Chr. Nord). Более того, к Колоссянам Павел пишет совместно с Тимофеем (1,1), т.е. Тимофей тоже, стало быть, на весну 63г. находящийся в Риме, пишет под его диктовку, чего в Еф. нет.

В Посл. к Еф. отсутствуют личные обращения и приветствия, что дополнительно свидетельствует в пользу его циркулярности, а с др. стороны, это, пожалуй, единственное Посл. Апостола, в к-ром, возносящем хвалу божественной благодати и любви, не говорится ни о каких конкретных конфликтах и не ведётся борьба против каких-либо ересей или еретических отклонений, чем свидетельствуется благополучное-удовлетворительное состояние Ефесской церкви.

Ведь не забудем, до сих пор Павел нигде не провёл так много деятельного времени, как в Ефесе — с 54 по 57гг., без малого, три года, к-рые он миссионерски,

проповеднически, преподавательски положил на создание одной из главных христианских церквей греко-римского эллинистического мира (предваряя деятельность в Ефесе, с 67г., Апостола Апостолов Иоанна Богослова).

Посему и Азия, и Европа были благодаря Павлу озарены светом Эфеса, расположенного как связующий узел между Иерусалимом, Сирией, Киликией, Галатией, с одной – восточной стороны, и Ахайей (Коринф), Македонией (Филиппы), Италией (Рим), плюс Испанией (куда Павлу ещё предстояло в 63г. попасть) – со стороны западной.

Осуществление спасительного божественного промысла через общину Христа – главная богословская тема Посл. к Еф., основной предмет проповеди к-рого – единство Церкви, возглавляемой как на Земле, так и на Небе её единым главою – Христом, в единстве общины с К-рым нет различия между Иудеями и Еллинами. Последние составляли большинство христианских общин в Ефесе, Колоссах, Гиераполе, Лаодикее, где, при наличии немалочисленного еврейского населения, существовали и еврейские общины, следовательно, меньшинство в местных христианских общинах было представлено иудеохристианами, устранение противоречий между к-рыми являлось одной их первейших забот, проблем и задач Павла.

И эта взаимосвязь общины с Воскресшим до такой степени на переднем плане, в авангарде данного Послания, что даже обычный павлианский упор на простёртое в будущее новопришествие (эфирного) Христа отходит здесь на план задний. Христос – поставленный Отцом глава Церкви, к-рая есть Его Тело. Не Отец ли воскресил Его из мёртвых и посадил одесную Себя на небесах (1,20)! Не Павел ли займёт в перспективе место *ошую* (слева от) Христа, оставив место *одесную* (справа) Лазарю-Иоанну! Не Отец ли подчинил Церковь Христу: «всё покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви / К-рая есть тело Его, полнота, наполняющего всё во всём» (1,22/23).

И совсем не случайно эта речь о Церкви как о теле Христовом, к-рой Он есть, по поставлению Отца, глава, ведётся именно весной 63г., т.е. спустя именно 33 года от той знаменательной первой Пасхи посткрещенского Иисуса в апреле 30г. н.э. в Иерусалиме, когда Он сказал Иудеям, в ответ на требование ими знамения, не понятые ими слова: «разрушьте храм сей и Я в три дня воздвигну его», говоря о храме Тела Своего (Ио.2) = о храме восставшего (на 3-й от Распятия и крестной смерти день) из гроба нетленного воскресенского Тела Христа.

Не случайно и то, что именно весной 63г. в Посл. к Еф. говорится: «Доколе не придём в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова, где, помимо высшей цели самого существования Церкви = ясности и чистоты в вере («Т.Б.», т.3, Еф., с.258/59), под «полным возрастом Христовым», шифрированно, не прямым текстом, присутствует (кроется) именно 63-й г. от Рождества Христова. С ретроспективной оглядкой на время, прошедшее с дуалистического Рождества Иисуса Соломонида (6.01.1г. до н.э.) и Иисуса Нафанида (25.12.1г. н.э.), с выходом на (сатурнальное) *исполнение времён* в 9-и 7-летках (круг Сатурна), с выходом (в связке с Церковью, в связке между Христом и Церковью), именно через 30 лет после Мистерии Голгофы, при окончании именно 30-го года от первой христианской Пятидесятницы-Троицы 33г. н.э., именно на 63-й «год порога»!

В этом Послании Павел открывает промыслительную тайну и цель божественного плана спасения всех людей-человеков, язычников и иудеев, связуемых одной Церковью: «Итак, помните, что вы, некогда язычники по плоти, к-рых называли необрезанными так называемые обрезанные плотским обрезанием, совершаемым руками, / Что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в

мире; / А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою» (2,11-13). «...Чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе посредством благовествования, / К-рого служителем сделался я по дару благодати Божией, данной мне действием силы Его» (3,6/7).

Вот как, в чём, и по отношению к кому/чему, а не так, как это пытаются беспомощно, скудоумно и неуместно делать там и сям рационал-материалисты, примеров чего мы привели достаточно, творится из *двух одно*. Христос как глава Церкви – тела Христова, соединяет-объединяет во Христе обрезанных иудеев и необрезанных язычников, отменяя-упраздняя разницу между ними, между избранническим ветхозаветным обрезанием и языческим необрезанием новозаветно-избранническим обращением-крещением!

* * *

Христоцентризм, христоцентрическая (и одновременно ситуативная, конкретно-обстоятельная) теология Павла опять во главе угла. И не соединяет ли Павел в себе черты-элементы бессмертного Полидевка и смертного Кастора, ветхого-тленного Первого и нового-нетленного Второго Адама, тайну к-рых он приоткрыл в 1-м Посл к Коринфянам! Не стал ли, тем не менее, Первый Адам – Иисус Соломонид, пожертвовав свю индивидуальность Второму Адаму – Иисусу Нафаниду, с Ним Одно, покинув далее Его оболочки для воплощения во Втором Адаме Духа Солнца, и восстав под крестом Голгофы в Лазаре-Иоанне! Не первым ли Павел представляет таинство двух Адамов, ставших единством во Христе! Не существуют ли в Еврее от Евреев из колена Вениаминова, из колена первого израильского царя Саула, в Апостоле язычников Павле бессмертие Полидевка и смертность Кастора! Ветхость-преходящая-тленность Первого Адама и новозаветность-непреходящая, нетленность Адама Второго = Адама Кадмона = Христа Иисуса!

И, б.м., название корабля «Диоскуры», на к-ром Павел прибыл по весне 61г. с Мальты в Италию, указывает на его рождение в 3г. н.э. под знаком Близнецов – в мае/июне?! И не разумеет ли Деесписатель, называя его в пору каменования Первомученика Стефана в конце 33г. юношей = молодым человеком (см. выше), то, в частности, что он, родившись в 3г. н.э., был 30-и лет (на 31-м году) отроду в декабре именно 33г. н.э.! И не свидетельствует ли сам Павел, называя себя в Послании к Филимону «старцем» (9), о том, что возраста в 60 лет, возраста начала старости, он достигает именно в 63г. н.э.! И не был ли Павел на момент его обращения в мае 34г. в возрасте 31-го года – возраст Иисуса Нафанида при Распятии на Голгофе! И не было ли отведено Павлу после его обращения в мае 34г. н.э. ещё 33 года жизнедеятельности – возраст Иисуса Соломонида в пору Мистерии Голгофы – до его мученичества в июне 67г. н.э. в Риме!

Ни в одном из павлианских Посланий не выражено так ярко, как в Посл. к Ефесянам, что исцелительное деяние и любовь Христа по особому изливаются на Церковь, к-рую Он спас и освятил Своей жертвенной смертью. И неспроста именно в Посл. к Ефесянам Христос и Церковь репрезентируют пример (нерасторжимости) для мужей и жён, взаимоотношения к-рых и отношения между к-рыми должны строиться по тому же домостроительству, как отношения-взаимоотношения между Христом и Церковью. Вот в чём корень внешне сугубо патриархального мировоззренческого взгляда Павла на христианскую семью, к-рый гневно отвергается новейшими либералами или различными приверженцами доморощенного гендерного равноправия, упрекающими Апостола в пропаганде однозначного примата мужа над женой (т.н. мужской шовинизм).

Павел один к одному отталкивается тут и от законнического, и от пророческого, и от раввинского подхода, перенося на семью, устанавливая в семье правопорядок, списанный с *брачного союза* Христа и Церкви (или, выражаясь современно, с *брачного договора* между Христом и Церковью). «Жёны, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, / Потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же спаситель тела; / Но как Церковь повинуетя Христу, так и жёны своим мужьям во всём. / Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё...» (5,22-25).

«Брак есть великое таинство, соединяющее мужа и жену по образу таинственного нерасторжимого соединения Христа и Церкви. Таков сокровенный смысл слов Христа о сочетании двоих в одну плоть (см. Быт.2,24; Мф.19,5/6; Мк.10,7/8). Христианам открыто это духовное значение и назначение брака, и потому христианский брак должен преизобиловать дарами благодати духовной, как преизобилует ими Христова Церковь» («Брюссельская Библия», с.2061).

«Христианство не отменяет существующих правовых отношений, изменяя их изнутри: оно пронизывает их духом любви, мира, долготерпения и милосердия, к-рый обезвреживает их неправду. Христианин слуга, повинуюсь своему господину по плоти, послушествует Христу; христианин-владыка в службе подневольного по плоти видит услуги брата во Христе» («Брюсс. Библия», с.2061).

Павел – убеждённый, переходя на язык ново-нового времени, *контрреволюционер*, враг насильственного свержения существующего общественного строя и противник всякого суперменства. То-то он не менее ненавистен Марксу с Энгельсом¹⁰⁷, чем Ницше: Марксу и Энгельсу – своим неприятием любых революционно-национальных или революционно-социальных потрясений; Ницше – категорическим отрицанием безбожного ницшеанского сверхчеловека послушанием Христу и во Христе! Если для Ницше «Gott ist tot»¹⁰⁸, то для Павла Бог – (слава Богу, не как Ленин по Маяковскому) живет всех живых! и дети света, отлично от чад тьмы, живы только с Богом и во Боге, только со Христом и во Христе! Если Маркс в 1848г. заявил, что он чувствует себя богом¹⁰⁹, то, ни в коем разе, не претендующему на достоинство более апостольского Павлу ведом лишь один безальтернативный Бог – Иисус Христос!

Христос для Павла – *краеугольный камень основы*, указующий путь к примирению в человечестве, в человеках благоволения. Не Он ли упразднил «вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устроая мир, / И в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нём...» (2,15/16).

¹⁰⁷ «Чем больше человек вкладывает в Бога, тем меньше остаётся в нём самом» (Маркс).

«Религия есть самосознание и самочувствование человека, к-рый или ещё не обрёл себя, или уже снова себя потерял» (Маркс).

«Религия это воздух угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков» (Маркс).

«Собственная сущность человека много величественнее и возвышеннее, чем воображаемая сущность всех всевозможных «богов» (Энгельс).

«Чем «божественнее», т.е. нечеловечнее является что-либо, тем меньше мы в состоянии им восхищаться. Только человеческое происхождение содержания всех религий даёт им ещё хоть кое-где какое-то право на уважение...» (Энгельс).

¹⁰⁸ «Бог умер: теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек» (Ницше).

«Бог мёртв, следовательно, человек свободен» (Ницше).

«Бог – это некое предположение...» (Ницше).

¹⁰⁹ Отсюда некоторые называют Энгельса или Ленина «апостолами Павлами» марксизма! Хотя трудно найти более противобразных Павлу персонажей (уж не говоря о кошунственном сравнении со Христом Маркса, к-рый издевается над Лютером, мол, «облачавшимся в Ап. Павла»!)

Далее, если в первой части Посл. к Ефессянам (1-3) Павел восхваляет благодать, дарованную во Христе, молясь за возрастание верующих и укрепление в ней, то в части второй (4-6) запечатлены христианские чувствования и поступки в различных жизненных ситуациях, звучат предостережения от языческих пороков и призывы облечься, обновившись духом ума нашего и облекшись прежде в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины (4,23/24), во всеоружие Божие для отражения козней диавольских.

В общем же в Посл. к Еф. Павел возвышенной хвалой и горячими молитвами изливает своё сердце, прославляя дивную благодать Божию; оно – гимн похвалы божественной благодати и любви. И как содержание, так и весь тон этого Послания подтверждают, что у Апостола не было в пору его написания ни малейших оснований тревожиться за Ефесскую церковь, за Ефесян.

Притом в Посл. много выражений, напоминающих прощальную речь Павла в 58г. к пресвитерам Ефесской церкви в Милите (Д.Ап.20) (см. выше). Вместе с тем, он ещё побывает, в чём мы удостоверимся по ходу дальнейшего повествования, в одном из эксклюзивно важнейших эпицентров мирового христианства Эфесе, и не единожды, а дважды. В 64г., прибыв туда (после Испании) с Крита и оставив там Тимофея, и в последний раз в следующем 65г., прибыв в Эфес, к Тимофею, из Коринфа (см. ниже).¹¹⁰

ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ

(весна 63г.)

О Посл. к Колоссянам библейские «Лексиконы» («Lexikon zur Bibel» S.914/15 и др.) пишут, что оно, несомненно, было продиктовано Павлом Тимофею (1,1) в пору павлианских уз (1,27; 4,3; 10; 18), но, дескать, неизвестно – каких именно: в интервале 54 – 57гг. в Эфесе? или в 58 – 60гг. в Кесарии? или, что согласно некоторым, наиболее вероятно, на исходе первых римских уз в Риме?

Не надо ни мудрить, ни переумудряться. Город Колоссы, как замечено выше, находился всего в 160-и км от малоазийского Эфеса, а из Посл. к Колоссянам видно, что Павел, диктуя его, находится достаточно далеко как от Эфеса, так и от их города, где он до сих пор не бывал (2,1), но к-рый он намеревается в перспективе, насколько следует из Послания (в те же Колоссы) к Филимону (22), посетить.¹¹¹

¹¹⁰ Говоря об Эфесе (Ефес) и Милите (Милет), как о важных координатах-вехах в миссионерской жизнедеятельности Ап.Павла и в метаистории павлианского христианства, уместно также вспомнить следующее. Если из Милета происходил почитаемый первым философом, один у Семи мудрецов – Фалес Милетский (ок. 639-546/45гг.), то Эфес – родина едва ли не самого загадочного мыслителя древности – Гераклита Эфесского (ок. 540 – ок. 475гг.), к-рый именно за эту загадочность (но отнюдь не за своё невежество, как грубо ошибочно полагал Цицерон) назывался «Тёмным». Притом наша современность весьма примитивно и неверно, зачастую, считает их обоих инаугураторами материалистического мировоззрения.

¹¹¹ Колоссы (*наказание*) – небольшой город на фригийском юго-западе М.Азии (сегодня турецкая деревня Хона в 10-и км восточнее от Денизли), от к-рого сохранились руины построек римского (театр) и христианского периодов, существовал с Вв. до н.э. по XIII в. н.э. Местонахождение – на торговом пути от Эфеса и Милета к Евфрату – верхнее течение притока Меандра Лика. Упоминается, в пору владычества Ахеменидов, Геродотом (7,30) – как один из значительных городов Фригии, и Ксенофонтом («Анабасис» 1,2,6) – как город процветающий. Сохранял своё значение и в эллинистическую эпоху, но в значительной степени потерял его и уменьшился в размерах, превратившись в благополучный городок, при римлянах. Возможно, дело было в новом обходившем Колоссы стороной торговом маршруте или в частых землетрясениях. К примеру, в «Хронике» Евсевия говорится о разрушении Гиераполя, Лаодикеи и Колосса под 64г. (ad Abr. 2079г. – Karst. Arm. S.215), но поскольку

Плюс к тому, как соавтор Посл. к Кол., сродни Посл. к Филиппийцам (1,1) и К Филимону (1), называется Тимофей, кто рядом с Павлом, минимум под конец его уз, в Риме, если, конечно, принимать-акцептировать, что Посл. к Филиппийцам и К Филимону пишутся, что сложно не принять, из Рима, тогда как присутствие Тимофея рядом с Павлом в Палестине в 58 – 60гг. ничем и никем не подтверждается.

Кроме того, как содаставщик Посланий в Эфес (6,21), в Колоссы (4,7-9) и Филимону (10), наряду с Тихиком, фигурирует Онисим, что тоже наталкивает на вывод о приблизительно единовременном написании и отправке этих трёх Посланий в одном географическом направлении (Рим – Эфес – Колоссы) с одними и теми же людьми, откуда, в свою очередь, напрашивается вывод, что все три Послания писались в Риме и были отправлены из Рима под конец Первых римских уз Ап. Павла, на что в этих Посланиях есть соответствующие – и прямые, и косвенные – указания.

И не надо также датировать Посл. к Ефесянам, опять переверачивая всё с ног на голову, временем несколько более поздним, нежели Посл. к Кол. Правильнее сказать, как сказано, что и то, и другое были написаны приблизительно в одно время, но Посл. к Кол., в силу элементарной географии на линии Рим – Эфес – Колоссы, попало к адресатам (на полтораста км вглубь материка) несколько позже, нежели Посл. к Ефесянам пришло весной 63г. в (портовый) Эфес.

Вдобавок, Посл. к Кол. и К Филимону оба содержат, одно – распоряжение, другое – приветствие Архиппу – сподвижнику Павла, находящемуся на момент написания этих Посланий в Колоссах.

Адресат Посл. – христианская община города Колоссы, основанная, по всей вероятности, в 50-е гг. Ив. Епафрасом, к-рый в дни, когда пишется Посл., пребывает рядом с Павлом, т.е. в Риме (1,7; 4,12), и от к-рого у Павла имеется информация о состоянии дел в колосской общине. Причём твердости веры, силе любви и благоустройству этой общины Послание воздаёт должное (1,4; 2,5), предостерегая, наряду с тем, от опасности лжеучений, пытающихся проникнуть и к Колоссянам, и к обретающимся неподалёку Лаодикийцам (Лаодикея/Лаодикия Фригийская располагалась в 25-и км западнее Колоссы), где Павел предписывает прочесть это Послание, аналогично тому как Послание Лаодикийцам надо прочесть в Колоссах (4,16).

Видимо, они отличались в нюансах, притом последнее, надо полагать, отправленное в одно время с Посл. к Колоссянам, до нас не дошло, по крайней мере, в Каноне его нет. Существует короткий, всего из 20-и стихов, гностический апокриф Пв. (?), под соответственным названием, к-рый «Канон Муратори» (отвергающий ещё одно якобы Павлово «Послание к Александрийцам») приписывает (вряд ли справедливо) «ереси Маркиона», и к-рый сохранился лишь на латыни в нескольких

анналист Тацит говорит о разрушении Лаодикеи в 60г. (Ан.14,27), его анналистическая информация тут видится предпочтительнее, или надо принять два разрушительных землетрясения – в 60 и в 64гг., что (несмотря на сейсмически опасную зону, с таким коротким перерывом) маловероятно.

В византийскую эпоху – Хоны. В VIIIв. город пережил очередной кризис – войны с арабами и землетрясение. Родина византийских писателей – Никиты и Михаила Хониата. В 1071г. – год эпохальной битвы при Маназкерте (Армения), после к-рой сельджуки, разбив (не менее бездумно, чем коварно-вероломно уничтоживших перед тем – 1045г. – заслонное царство армянских Багратидов) византийцев, хлынули в М.Азию – был впервые взят и разграблен турками. В XIIв. возвращён в состав Византийской империи, но в плачевном состоянии. Вновь захвачен турками в 1206г., потом, с 1257г., ненадолго стал частью Никейской империи, к-рая уже в 60-е гг. XIIIв. оставила разрушенные Хоны туркам, окончательно заброшенные как город, с последующим превращением его, при Османской империи, в бедную турецкую деревушку, в начале XIVв.

копиях «Вульгаты». Хотя сам переводчик «Вульгаты» Иероним в «Vir. ill.» пишет: «Некоторые читали «Послание к Лаодикийцам», но его все отвергают» (5).

Не забудем, к тому же, что если в Гиераполе Фригийском принял в 80-е гг. IV н.э. мученичество Ап. Филипп, то Лаодикийская община — одна из 7-и (7-я) мало-азиатско-христианских общин Иоаннова Откровения (3,14)! И обе эти общины, как и община Колосс (в своеобразном треугольнике фригийских общин), возникли на базе (изошедшего из Ефеса) павлианского христианства.¹¹²

С каким именно лжеучением или лжеучениями Павел в Посл. борется, можно судить по его противопоставлениям, без наличия однозначного и детального представления означенных лжеучений. По всему, речь должно вести как о субкультуре на манер современной псевдозотерики, с магическими, мистическими, культовыми элементами, так и о повсюду перечивших павлианскому христианству иудействующих, супротив к-рых Апостол (язычников) говорит Колоссянам, что они, обратившись-крестившись, «обрезаны обрезанием нерукотворённым, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым; / Бывши погребены с Ним в крещении, в Нём вы и совокресли верою в силу Бога, К-рый воскресил Его из мёртвых...» (2,11/12).

Засим лжеучения в Колоссах, с одной стороны, репрезентируют ветхозаветное законничество, требуя соблюдения обрезания, празднования старых праздников (без

¹¹² Лаодикея/Лаодикия (*народ праведный*) Фригийская (на границе Кари и Фригии) — один из 8/9-и одноимённых эллинистических городов Передней Азии — в Анатолии, Сирии, Мидии, Месопотамии, Понте. Интересующая нас Лаодикея-на-Лике (Плиний 5,105; Птолемей 5,2,15), на месте древнего Диополиса (между Колоссами и Гиераполем), была основана Селевкидом Антиохом II Теосом и названа так по имени его жены (и сестры), при всех случаях, до 250г., когда он эту супругу отринул. Поначалу — значительный город с гомогенным населением, в к-ром процветали банковское дело и медицина, где производились льняные, шерстяные изделия, множество лечебных мазей и различные лекарства. При римлянах же поздней Республики и ранней Империи, Лаодикея утратила своё прежнее значение, будучи, например, тотчас отвергнута, вследствие её незначительности, в 26г. н.э. в качестве города, сделавшего в числе прочих асийских полисов, заявку на воздвижение храма Тиберию (Ан. 4,55). Страдала от землетрясений: неизвестно в каком году при Тиберии (Свет. «Тиб.» 8)? и, согласно Тациту, в 60г., при Нероне, причём, как уверяет Тацит, восстановилась собственными силами-средствами, без римской помощи. После посещения города Адрианом в 123/24 и в 129/30гг. — новая полоса процветания. Во IV н.э. — римская колония.

С IV/Vвв. — в составе Восточной Римской империи, и дальше — Византии. В 1079г. Лаодикею захватили сельджуки. В 1097г. местные греки открыли ворота города войску византийцев и с ликованием вышли им навстречу, однако, византийская власть продержалась лишь до 1204г., когда (после жесточайшей резни латинян византийцами в Константинополе — 1182г.) Константинополь взяли крестоносцы, вскоре вслед за чем Фригия стала добычей воинственных туркменских племён. С XIV/XVвв. тюркизируемая и исламизируемая Лаодикея (Лядык), в к-рой греков становилось всё меньше, — тесно связанный с Коньей (Икония) центр идеологии суфизма в пределах Османской империи.

Гиераполь (*священный город*) Фригийский — сегодня Памук-кале (в 17-и км от Денизли). Располагался в долине Лика, был известен знаменитым термальным источником с температурой воды — 35 градусов, и не менее знаменитой пещерой Харонион или Плутонион. Предположительно, основан (на месте поселения II-го тыс. до н.э.) ок. 190г. до н.э. пергамским царём Эвменом II, давшим ему название по имени Гиеры — жены родоначальника Атталидов Телефа (Страбон 12,579; 13,629; Плиний 5,105; Птолемей 5,2,17/18). Со 133г. — в составе провинции Асия (целебно-курортный центр). Далее упоминается в связи с землетрясениями. Наличествующие ныне античные руины, скорей всего, остатки строений после землетрясения 60г. н.э. Потом были землетрясения при Антонине Пии и Александре Севере — во II и IIIвв. н.э. Как почитаемое христианами место мученичества Ап. Филиппа, со дней Константина Великого — центр Фригии и центр епископства. С 1097г., сродни Лаодикее и Хону (Колоссы), — попеременно под сельджуками и Византией; с 1210г. — необратимо под турками; в 1354г. город разрушен и обезлюжен мощным землетрясением.

нового содержания), новолуний, суббот, соблюдения определённых ритуально-чистотных предписаний (2,11;16;21;23), в то время как со стороны другой, данные различные ереси проявляют люциферическо-гностицистские признаки: увлечение философией по пустым обольщениям, по преданию человеческому, по стихиям мира, вне Христа (2,8); служение Ангелам-посредникам мнимым смиренномудрием, в русле невозможности для Бога непосредственного участия в делах мира (2,18). И учат этому те, кто безрассудно надмевается плотским умом (18). Не идите за ними, остерегайтесь их!

«Итак, если вы со Христом умерли – павлианская теология утверждает, что для того, чтобы совоскреснуть во Христе, надо сораспяться Христу и пройти через сопогребение Христа – для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений...» (2,20); / «Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; / О горнем помышляйте, а не о земном» (3,1). «Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его / И облечись в нового, к-рый обновляется в познании по образу, Создавшего его, / Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всё Христос» (3,9-11).

Налицо апологии крестно-воскресенского христоцентризма, отмена всякой ветхозаветной национально-религиозной исключительности-богоизбранности в пользу единственной отныне избранности со Христом и во Христе, предостережение от ветхозаветной замкнутости, ведущей в раввинистическое гетто, и от впадения-уклонения в опасно уводящий человека и общину от реальности противохристианско-люциферический гнозис. В истинном Евангелии есть истинная эзотерика и мистика, истинные таинства и святые дары, незачем предаваться ни старозаконничеству, ни декадентным-деградантным излишества!

Послание к Кол. состоит из 7-и разделов. 1) приветствие (1,1/2); 2) благодарение за праведную духовную жизнь общины (1,3-8), наученной Епафрасом (7); 3) значение Христа (13-23), К-рый есть Господь царства Избавления и образ Бога невидимого (13-15); Посредник и Цель Творения (16); Глава Церкви и Примиритель мира (18-23); 4) проповедь Таинства Христова Его служителем Павлом (1,24-2,3); 5) защита от лжеучений (2,4-23); 6) новая жизнь во Христе (3,1-4,6): её благоустройство в Воскресении Христа (3,1-4); отложение ветхого человека и его практик – культовых и повседневных (3,5-9); облачение в нового человека, характеристика христианской жизни (3,10-17); практическая реализация в повседневности (3,18-4,6); 7) персональные новости и приветствия (4,7-18).

В богословском ключе, требованию псевдоучителей внешнего соблюдения заповедей в ракурсе философского избавления, сопровождаемого лжесмиренномудрием и плотской аскезой (2,18;23), Павел противопоставляет действительность-реальность Живого Христа (17) и жизни в Нём. Теории многоступенчатого посредничества вышних сил противопоставляется знание реального единства и непосредственной взаимосвязи между Главой и членами Церкви. Христос – видимый образ Божий (1,15) и Глава Церкви (18), в К-ром сообщинники имеют полноту, и «Который есть глава всякого начальства и власти» (2,10). В Нём обитает вся полнота божественности, и христианам должно исполниться познанием воли Его «во всякой премудрости и разумении духовном» (1,9). Он, «в К-ром мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов» (1,14), есть в верующих «упование славы» (27). Он – глава тела Церкви – начаток, первенец из мёртвых, дабы иметь Ему во всё первенство (18).

В Нём для верующих открывается избавление и прощение грехов, и от Него – Главы – тело Церкви «растёт возрастом Божиим» (2,19), что вновь обращает на себя внимание датой написания Посл. к Кол. весной 63г. н.э., на 63-м году от

начала христианского летоисчисления. «Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, / Снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» (3,12/13). «И всё, что вы делаете словом или делом, всё делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца» (3,17). «Молитесь также и о нас, чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову, за к-рую я и в узах» (4,3).¹¹³

ПОСЛАНИЕ К ФИЛИМОНУ

(весна 63г.)

И наконец, третье из отправленных узником Павлом мартовской весной 63г. с Тихиком и Онисимом в Асию, в Ефес и Колоссы (в составе римской провинции Асия/Азия) Посланий это – Послание к Филимону, кто, скажем снова, находится в расположенных недалеко от более крупных Лаодикеи и Гиераполя фригийских Колоссах (удалённых, повторим, на ок. 160 км. вглубь материка от Ефеса).

Оно – самое короткое и самое персональное из павлианских Посланий. Из него явствует, что в пору своих Первых римских уз Павел обратил в Риме приведённого к нему Онисима – беглого раба колоссянина Филимона, кто – видный христианин колосской общины, пекущийся о братьях по вере (5;7). Вероятно, сам Филимон (*лобзание*) был обращён Павлом в Эфесе (54 – 57гг.), где являлся его учеником и сотрудником, после чего, вместе с супругой Апфией (*плодородная*) и родственником Архиппом (*начальник конюшни*), стал, как один из её создателей, активным членом колосской общины. И впоследствии, в т.ч., в Риме, Павел вспоминал о нём в молитвах и получал известия о его преуспевании на деятельной христианской ниве.

Затем от Филимона, колоссянина обеспеченного, сбежал, чем-то навредив господину и боясь наказания, один из его рабов, именем Онисим, к-рый оказался в Риме как раз во время узничества там Павла и был, как сказано, обращён им. И вот ныне Павлу угодно удержать этого Онисима при себе как полезного сотрудника, но он, не желая нарушать существующие правовые нормы и социальные отношения, отсылает последнего назад к Филимону, в сообществе с доставщиком малоазийских Посланий Тихиком.

Причём Павел, духовный и крёстный отец Филимона, мог бы приказать ему апостольской властью дать Онисиму вольную, что было бы простейшим решением вопроса, однако он не считает себя вправе и, главное, не желает так поступать, обращаясь к своему крестнику с просьбой принять возвращаемого назад беглого посланца – «как сердце моё» (12). И добровольно, а не вынужденно принять его,

¹¹³ Сходство Посланий к Ефессянам и к Колоссянам явствует из сравнения следующих стихов этих Посланий: Кол.1,14 – Еф.1,6/7; Кол.1,3/4 – Еф.1,15/16; Кол.1,21 – Еф.2,1; Кол.2,19 – Еф.4,16; Кол.4,6 – Еф.4,29; Кол.4,7 – Еф.6,21/22. Однако, если в Посл. к Ефессянам в центре внимания – единение и величие Церкви Христовой, то в Посл. к Колоссянам – божественность и полнота во Христе. Только в П. к Кол. крещение дано как согребление со Христом (2,12), чего в Еф.(2,5) нет. В Кол.3,10 отменяется разница между Греками и Иудеями, обрезанными и необрезанными через крещение, к-рое есть новый акт творения. В Еф. тоже утверждается качественно новое единство, но посредством примирительной смерти Христа между иудеохристианами и христианами из язычников (2,11-22). Для Еф. тема семьи и брака как типологического средства существования во Христе важнее, чем для Кол. Проблема уклонений/отклонений и необходимости борьбы с ними в Кол. в Еф. отсутствует. В Кол. Христос – полнота Церкви; в Еф. Церковь – тело Христа, как Его полнота. В Кол. основание и центр тяжести христианского увещания – в пребывании во Христе; в Еф. – во внутреннем единстве Церкви Христовой.

«не как уже раба», но как брата возлюбленного, принять его так, как бы Филимон принял самого Павла (16/17). Любопытная тематизация проблемы рабства в понимании-толковании первохристиан!

К тому же, если в деле присутствует материальный ущерб, Павел готов его возместить, правда, не очень понятно о чём тут речь: сбежал ли Онисим, прихватив какие-то деньги/ценности хозяина? или в объективе плата за отпущение на волю? Так или иначе, и Филимон, и Онисим суть *вольнотпущенники* – при посредничестве Павла – Господа Бога, к-рых связала братством их вера во Христа, к-рой в дальнейшем надлежит быть основополагающей в их новых взаимоотношениях. У Павла нет сомнений в прощении и братском освобождении Филимоном Онисима, и тем не менее, им делается упор на то, чтобы инициатива в сём случае исходила не от него, но именно от Филимона.

Евангелие Иисуса Христа не может быть ни благовествовано-проповедано, ни понято и воспринято как призыв к социальной революции, попытки чего и ранее, и особенно в ново-новейшее время, породив в итоге полное отрицание революционерами и Христа, и Его Евангелия, не раз предпринимались. Не надо высматривать в Иисусе, Павле, в Апостолах и в христианстве революционеров, революционизм, революцию, к-рыми они никогда не были и быть не могут!

Вот с чем, как и с апостольской распорядительной инициативой сверху категорически не согласен Павел, взывая к Филимону свободному волеизъявлению и к Онисимову смирению, к взаимопрошению и к любви во Христе. Только так разрешима для Павла проблема бывшего хозяина и бывшего раба, решить к-рую, имея над собой Христа и живя во Христе, должны они сами (на индивидуальном и общинно-церковном уровне). Павел лишь подводит их к правильному, из свободы их, двух христиан, воли, решению.

И это, согласитесь, куда правильнее и куда человечнее, чем стремление уничтожить одно сословие или пару-другую сословий, или одну (даром что меньшую) часть т.н. эксплуататорского человечества ради мнимого блага-благополучия эксплуатируемого большинства.

Не это ли вошло в моду-практику в XVIII – XXвв. усилиями-идеями французских просветителей, потом – разношёрстных революционеров, Маркса, Энгельса, Ленина, Троцкого, Сталина и т.д., короче, усилиями всех тех, кто посредством разглагольствований о свободе, равенстве, братстве, под лозунгами свободы и справедливости, породили страшнейшую из химер и страшнейшую из тираний.¹¹⁴ Ведь марксистско-ленинско-сталинский социализм был не чем иным как государственным рабовладением худшего, по своей бесчеловечности, типа.

И кстати, здесь, отсылая Онисима не на расправу, а на прощение и отпущение на волю, или хотя бы на прощение и братскую заботу о нём со стороны единоверца Филимона, в чём он уверен, Павел идёт дальше Ветхого Завета, к-рый запрещает выдавать беглого раба господину перед лицом (из-за угрозы) расправы над ним (Вт.23,15/16). Новый Завет устанавливает иные отношения между господами и рабами, начальниками и подчинёнными, ни в коей мере, не проповедуя какое-либо насильственное свержение существующего общественного строя, мало того, принципиально отвергая революции и революционеров (как войны и воинство Антихриста, как зло, способное натянуть маску добра, и потому более опасное, более ханжеско-лицемерное, нежели зло, выступающее без маски).

Стоит сказать ещё раз: негоже сравнивать Павла, Апостола Иисуса Христа, с Энгельсом или с Лениным, как с учениками-последователями Маркса (язык не

¹¹⁴ Свободы мысли коноводы
Восточным деспотам сродни. (П.Вяземский)

поворачивается сказать — с Апостолами!). Они полярно противоположны, они в реальности, коли разуместь реальность в её подлинности, антагонисты, каких свет не видывал. И Павел отнюдь не революционер, он — первый европеец и ойкуменизатор христианства: он — контр-революционер (в лучшем — *белом* смысле, а не в *красном*, не в *чёрном* и не в *коричневом* смыслах этого слова) — как по духу, так и по мысли, так и до глубины души!

Примечательно ещё в Послании к Филимону, о чём мы уже не раз говорили и сейчас актуально напоминаем, выражение «Павел старец», как Апостол именуется себя сам (9), и к-рое указывает на то, что он достиг 60-летнего возраста (либо находится на 60-м году жизни), и, кроме того, содержит за кадром указание на то, что именно в 63г. н.э. Павлу исполнялось/исполнилось 60 лет отроду. Притом в презентующем возрастны величины от 5-и до 100 лет Талмуде — это возраст «начала старости» (Абот 5,21), возраст, с к-рого человек считался «геронтом» у греков и «сенексом» у римлян. Т.е. слово «старец» в Флм.9 маркирует биографическое 60-летие Павла, как слово «юноша = молодой человек» в Д.Ап.7,58 маркировало 30-летие Савла в 33г. н.э.

Плюс к тому, в стихе 22 Павел просит Филимона: «...приготовь для меня помещение; ибо надеюсь, что по молитвам вашим я буду дарован вам». Т.е. он выражает желание и готовность лично побывать в Колоссах, где ранее не бывал, чтобы посетить тамошнюю христианскую общину, к-рой весной 63г., одновременно с Посланием к Филимону, было адресовано, как мы знаем, специальное Павлово Послание. И, по всей видимости, это посещение Колосс и Колоссян состоится, но не в 63г., когда освобождённому где-то в мае Павлу (вопреки его надеждам обрести оправдательную свободу ранее) предстоит с лета Испания, а в следующем 64г., когда он, остановившись сначала, по дороге из Испании, на Крите, доберётся до Эфеса и оттуда наведается к Колоссянам в Колоссы.

Интересны также приветствия в предпоследнем стихе Посл. к Филимону (кого Церковь помнит в числе 70-и М. Апостолов)¹¹⁵: от Епафраса, кто, по всему, и есть (со)снователь христианской общины (как) в Колоссах (так и в соседних Лаодикее и Гиераполе), находящийся весной 63г. при узнике Павле в Риме; затем — от Марка, Аристарха, Димаса и Луки. Насчёт (родственного Варнаве) Евангелиста Марка, мы помним, что в 51г. Павел не пожелал брать его во Второе миссионерское путешествие, почему Варнава с Марком тогда отправились на Кипр, в то время как пару Павлу составил Сила (см. выше). Когда, как и при каких обстоятельствах отношения между Павлом и Марком снова наладились — неизвестно, но из Кол.4,10 и Флм.22 однозначно выводится, что на весну 63г. Марк (успевший перед тем побывать спутником Ап. Петра, как Лука сопутствовал Павлу) возле Павла в Риме. Да и позднее, в своём самом последнем по времени 2-м Послании к Тимофею (в Эфес) летом 66г., во время Вторых римских уз, Павел (меньше чем за год до своего мученичества) будет просить Тимофея прийти к нему до зимы в Рим и привести с собою (из М.Азии) Марка, — «ибо он мне нужен для служения» (4,11) (см. ниже).

С Аристархом мы неплохо знакомы ещё со дней противопавлианского бунта серебрянников в Эфесе, в 57г., после чего он сопровождал Павла в Македонию и Грецию, позднее через Милит в Иерусалим — 58г., и в 60г. из Кесарии, совместно с Лукой, в Рим, куда они прибыли, перезимовав на Мальте, в 61г., и где Аристарху была уготована участь добровольного союзника Павла.

Димас (*популярный*) фигурирует в Кол.4,14, как приветствующий Колоссян из Рима вместе с Лукой, «врачом возлюбленным», и в аналогичном амплуа в Флм.23.

¹¹⁵ По церковному преданию, Филимон дал вольную Онисиму и тот был впоследствии епископом в (македонской) Верии.

А три года спустя, в ббг., мы узнаём, опять-таки, из 2-го Посл. к Тимофею, к-рое есть своего рода прощание и завещание Павла, что этот персонаж оставил его, томящегося в (на порядок более тяжёлых, чем Первые, Вторых римских) узах, «возлюбив нынешний век, и пошёл в Фессалонику» (4,10).

Между тем, называемый в Посл. к Флм. после Димаса, в числе сотрудников, не столько последним, сколько замыкающим (по его значению и доверительной близости к Павлу) Лука, как и Аристарх, добровольный союзник Апостола, стало быть, — около него и весной 63г. При всём том, вероятно, Книга Деяний Апостольских была в основном составлена Лукой именно в течение двухлетки 61 — 63гг., окончательно отредактированная уже после мученичества Павла (67г.). И не случайно именно вернейший спутник-сотрудник Лука пребудет до конца рядом с Апостолом в пору его Вторых римских уз, о чём сам Павел, пишучи летом ббг. Тимофею, и горько сетуя на то, что многие его покинули, говорит: «один Лука со мною» (2,4,10) (см. ниже).

ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ

(весна 63г.)

Послание к Филиппийцам было, как отмечалось, продиктовано всё ещё узником (до мая 63г.) Павлом Тимофею и отправлено по адресу с Епафродитом (2,25) немногим позже трёх вышеразобранных и отправленных в марте (по открытии судоходного сезона) Посланий (к Ефесянам, к Колоссянам, к Филимону), где-то в апреле 63г. н.э.

Если, согласно знакомому нам «Лексикону к Библии» (S.1230-33), свидетельства автора Посл. к Филип. (1,1) о себе, или о его, на момент написания этого Послания, жизненных обстоятельствах (1,7;12-14; 2,19-25), или о его отношении к адресатам (1,12; 4,10-20) настолько однозначно свидетельствуют именно в пользу Павла как автора этого Послания, что авторство оно ни разу не ставилось под сомнение, то в конце XXв. пост-модернисты Kl.Berger и Chr.Nord (S.205/06) вполне допускают тут (как и в отношении ряда др. Посланий) вариант авторства одного из учеников Павла!¹¹⁶

С др. стороны, совершенно несостоятельна оставляемая под вопросом версия «Лексикона» о возможном написании данного Послания (сходно Посл. к Колоссянам) как из Рима (из римских уз), так и, мол, в 50-е гг. из Ефеса (из краткосрочных ефесских уз), или, пусть менее вероятно, — из уз кесарийских (58 — 60гг.).¹¹⁷ Мало того, если «Лексикон» ошибочно помещает кесарийские узы в 56 — 58гг., то Бергер и Норд приводят не разделяемую ими, дескать, доминантную в прежние времена (гиперкритицизма) гипотезу написания сего Послания Павлом из уз эфесских в период (якобы) 56 — 58гг., сами склоняясь при этом к узам римским, но, мол, в 60-м г. н.э. Вот в каких дебрях путается, не понимая сути и не зная правильной хронологии, не могучи её реконструировать и сориентироваться в истории, уж не говоря о метаистории, современная экзегетика = вышедшее из Тюбингенской школы, а затем сдобренное либерализмом и атеизмом разных видов-родов псевдобогословие-псевдотеология!¹¹⁸

¹¹⁶ Или, например, 2-е Посл. к Тимофею они считают составленным ок. 75. — неизвестно кем (S.753).

¹¹⁷ Для Мертенса (S.457/58) составление Посл. к Филиппийцам в Эфесе, в пору-де ефесских уз Павла, где-то ок. 55г., вообще (без какой-либо аргументации) вне сомнений!

¹¹⁸ К слову, «Т.Б.», в этом случае, не идя по стопам многоучёных западных экзегетов и придерживаясь церковного традиционализма, верно относит Посл. к Филиппийцам на 63г.,

Упоминание в Посл. к Филипп. «претории» (1,13) и верующих (уверовавших) «из кесарева дома» (4,22) настолько выразительно свидетельствует о Риме, что тут надо очень уж гиперкритикански воспротивиться Риму, чтобы предположить под «преторией» преторию провинциальную (формально не исключено), или, тем паче, под «кесаревым домом» представителей императорской фамилии, obsługi, чиновничьего аппарата в провинции, что даже формально, честно говоря, совсем не кушается. Однако, было бы, что называется, желание как-нибудь похерить традицию, остальное приложится. И не важно — насколько халтурно или насколько гротескно, главное, с умным видом нечто критиканское, любой ценой супротив, дескать, мракобесно-церковных традиции-предания залихватски ляпнуть, и дело вроде бы в шляпе.

На самом деле речь, несомненно, идёт, во-первых, о «претории», где павлианское христианство нашло отклик среди каких-то преторианцев (несших, о чём мы знаем, охранно-караульную службу при узнике — Апостоле) на Виминале или Палатине в Риме (см. выше). И во-вторых, речь ведётся о каких-то (ближе неизвестных) домохозяевах, или, скорее, о вольноотпущенниках и слугах-рабах из «кесарева дома». Т.е. — из палатинского дворцового комплекса, где тоже нашлись те, кто откликнулись на проповедь Павла и обратились-крестились, ибо иначе, при простом приобщении этих язычников к христианству, при простом знакомстве с христианством, он бы не назвал их «святыми» (4,22).

Впрочем, если на 63г. симпатизанткой иудаизма до уровня (почти) «прозелитки врат» могла быть в «кесаревом доме» сама императрица Поппея, то почему, спрашивается, там не могло быть симпатизантов христианства (к-рое — минимум до пожара 64г., да и не однажды после — квалифицировалось-воспринималось до поры не выработавшими к нему системно-юридический подход римлянами в качестве одного из ответвлений иудаизма)? или христианских неофитов из числа вольноотпущенников, прислуги, рабов (в чём, согласитесь, ничего невозможного нет)?

Помимо того, и сам тон, и манера коммуницирующего с Посланиями к Ефессянам и к Колоссянам, сродственного им Посл. к Филиппийцам ратуют за написание Павлом этого продиктованного Тимофею и отправленного с Епафродитом Послания именно из Рима, незадолго до истечения-окончания Первых римских уз Апостола. И во время по окончании этих уз, после них, он намеревается *снова* посетить Филиппы. Причём, акцентируем ещё раз, посетить не *вторично*, как ошибочно сказано в русском синодальном переводе («при моём вторичном к вам пришествии») (1,26), но именно — «когда я приду к вам опять» (греч. — *πάλι*), или «при моём новом», либо «при моём следующем» (армянский перевод), — как стоит в большинстве кодексов и переводов, — «к вам пришествии». И последнее однозначно верно, поскольку до весны 63г., когда пишется Посл. к Фил., Павел успел побывать в македонских Филиппах (не единожды, но) и дважды, и трижды — в 52, в 57гг., и ещё коротко весной 58г. В последнем случае — на пути, после окончания Третьего миссионерского путешествия, из Коринфа через Македонию в Иерусалим, справив тогда в Филиппах, вместе с Лукой (кто, по преданию, был в 52 — 58гг. первым поставленным-рукоположенным Павлом епископом Филипп), Пасху 58г. н.э. (см. выше).

И теперь он «уверен в Господе», или «надеется в Господе» (как сказано в ряде текстов), скоро снова прийти к Филиппийцам, о чём и уведомляет их: «сам скоро

— на время ближе к концу Первых римских уз, и верно считает его написанным чуть позже Посланий к Еф., к Кол. и к Флм. (т.3., с.275-78). Правда, в «Комментарии на Посл. к Ефессянам» (с.234) и в «Ком. на Посл. к Колоссянам» (с.300) первые римские узы Павла неверно датируются в «Т.Б.» 62-64-м гг., что является «перебором», в то время как также встречающееся у экзегетов отнесение первых уз на 59/60 — 61/62гг. — явный «недобор».

приду (к вам)» (2,24). Хотя «скоро» здесь относительно, так как Павлу удастся (в четвёртый заключительный раз) прийти в Филиппы спустя ок. полутора лет по освобождении из римских уз в мае 63г., осенью следующего 64г., после Испании (63/64г.). Притом в Испанию он, вероятно, отправился (63г.) позже и задержался там на дольше, чем первоначально планировал, затем посетив Крит и М.Азию (64г.), где ему тоже, до прихода к филиппийцам, с к-рыми его связывали наиболее близкие доверительные отношения, надлежало непременно побывать и пришлось несколько задержаться (см. выше и ниже).

Напоминаем, филиппийская христианская община – старейшее из павлианских насаждений в Европе, на землю к-рой Павел впервые ступил в 52г. н.э., прибыв сюда из Троады через Самофракию и Неаполь, обратив в (основанных отцом Александра Великого) Филиппах (в битве у к-рых цезарианцы разбили республиканцев в 42г. до н.э.) богобоязненную Лидию (с её домашними) из малоазийских Фиатир и попав именно в Филиппах (местонахождение римской ветеранской колонии *Iulia Augusta*) в первое краткосрочное европейское заточение, чудесно вызволенный из него благодаря землетрясению (см. выше). Далее же, особо связанные с ним филиппийские единоверцы, от к-рых единственным он принимал общинную денежную помощь, материально поддерживали его – и, по выходе из Македонии, в Ахайе, и в македонской Фессалонике (4,15/16).

К тому же, если денежная поддержка (полученная Апостолом из Филипп) в Ахайе (Коринф) касается времени «начала» европейского «благовествования» Павла = 52г. н.э., то упоминание денежного вспомоществования, присланного филиппийцами «и раз и два» в (провинциальный центр Македонии) Фессалонику (ок. 150/60-и км от Филипп) относится, соответственно, к 52 и к 57г., когда Павел оба (= два) раза побывал и в Филиппах,¹¹⁹ и в Фессалонике (и что дополнительно свидетельствует о посещении им Филипп как в 52, так и в 57г., не считая Пасхи 58г., равно – о его, пока узника, намерении в 63г., согласно Фил.1,26; 2,24, прийти к Филиппийцам вновь, и об осуществлении этого намерения, с некоторым, в силу обстоятельств, опозданием, в следующем 64г.).

Кроме того, примечательно намерение Павла, вскоре, по снаряжении им в Филиппы в апреле 63г. с Посланием (возвращающегося домой) Епафродита, к-рый принёс ему, видимо, в предыдущем 62г., добрые вести и денежное подаяние от Филиппийцев (тяжело заболел в Риме и был Павлом исцелён), специально послать к ним записавшего под диктовку это Послание (малого соавтора оного) Тимофея (4,19), кто, о чём читателю известно, действовал в Македонии, как сопутствуя Павлу, так и по его поручениям, и в 52, и в 57г. Оказавшись, напомним, в 57г. менее успешным в Коринфе, чем Тит, к-рый и в 63/64г. посетит, по заданию Павла, Коринф, и, м.б., также Македонию, чтобы затем встретиться с побывавшим в Испании Павлом в 64г. на Крите (см. выше и ниже).

Вдобавок к тому, интересно наименование в Фил.4,3, единственный раз в павлианских Посланиях и шире в Книгах Нового Завета, Павлова сотрудника Климента (после – тоже всего один раз называемых в Н.З. филиппийских христианок – Евдии и Синтихии), в к-ром традиция видит будущего епископа Рима (88/90 – 97/

¹¹⁹ Об оказании ему помощи Филиппийцами в Ахайе, в Коринфе (52г.), Павел упоминает и в 2Кор.11,9, к-рое, с учётом вышедоказанного нами факта, есть, с 10-й по 13-ю главу, 3-е Посл. к Коринфянам, написанное (отлично от 2Кор., датируемого осенью 57-го г.) зимой/весной 65г. из Македонии (Филиппы), т.е. спустя 2 года после Посл. к Филиппийцам (63г.). Относительно же Фессалоники, слова «и раз и два» (Фил.4,16) красноречиво свидетельствуют об оказании Павлу Филиппийцами денежной помощи во время его пребывания в Фессалонике и в 52, и в 57г., так как в 52г. он пробыл в Фессалонике не так долго, чтобы Филиппийцы присылали ему туда деньги на нужду – «и раз и два».

99/100гг.) Климента Римского (чтимого христианами — как один из 70-и Малых Апостолов — мужа Апостольского, автора неканонических Климентовых 1-го и 2-го «Посланий к Коринфянам»).¹²⁰

* * *

Характеризуя Послание к Филиппийцам, Э.Нюстром пишет: «...Ни одно из Посланий Павла не изобилует такими выражениями преданности как это. Постоянно мы встречаем слова: «братья» и «возлюбленные». Основной тон Послания следующий: «братья мои возлюбленные и возжеленные, радость и венец мой» (4,1); «радуйтесь всегда в Господе и ещё говорю: радуйтесь». «Я радуюсь и сорадуюсь всем; о сём самом и вы радуйтесь» (2,17/18).

Таким образом это Послание является Посланием о святой радости, написанным из мрачной темницы в силе веры, побеждающей мир. Апостол пишет, что он всё может в укрепляющем его Христе (4,13); для него «жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (1,21). Вера побуждает Павла радоваться тому, что Христос проповедуется искренно или даже притворно (1,18). Павел увещевает своих возлюбленных Филиппийцев крепко стоять, «подвизаясь единодушно за веру евангельскую», и возрастать в любви, крепости и всех добродетелях. Он указывает им на пример Христа, К-рый, будучи образом Божиим, уничижил Себя и смирил Себя до смерти и смерти крестной (2,5 и дал.). Между побуждениями к радости он делает вставки, предупреждая о еврейских лжеучителях (3,2), врагах креста Христова (3,18); при мысли об этом у старца Павла выступают слёзы. Это Послание между прочим содержит ободряющие известия об успехах Евангелия в языческой претории (казармах) (1,13) и передаёт приветы от святых из дома самого кесаря» (4,22).

Ф-В.Фаррар говорит, что всю сущность этого Послания, продиктованного измождённым старым человеком, жертвой грубого предубеждения и самодовольной вражды, при наличии у него множества противников-гонителей и лишь немногих близких, приверженцев, к-рые любили его, можно выразить всего в двух словах: *радуюсь, и вы радуйтесь*.¹²¹ Причём, если сравнить писания знаменитых писателей

¹²⁰ По церковному преданию, родившийся в 30-е гг. Ив. н.э. в знатной римской семье Климент изучал в Риме науки и скорбел о пропавших родичах, о матери и двух ст. братьях, к-рые отправились морем из Рима в Афины, потерпели кораблекрушение, спаслись, но пропали без вести для своей римской семьи и потеряли друг друга. Отец отправился на поиски жены, попавшей на один из островов восточного Средиземноморья, и старших сыновей, оказавшихся в Иудее и усыновлённых там, в то время как Климентом изучались дома языческая религия и науки, не сумевшие дать ему удовлетворительный ответ на вопрос — что происходит с людьми после смерти? В 24 года он услышал о пришествии Христа в мир, решил подробнее узнать о Его учении и отчалил на Восток. В Александрии слушал проповеди Варнавы, в Иудее нашёл Ап. Петра, принял от него крещение и присоединился к его ученикам (среди к-рых обнаружили братья Климента, поначалу им не известные). Затем, во время одного из путешествий Петра, сопровождавший Апостола Климент встретил сначала мать, потом — отца. Благодаря Апостолу семья воссоединилась и родители приняли крещение. Климент стал одним из ближайших Петровых сподвижников, сотрудничая в т.ч., если, конечно, он идентичен Клименту из Посл. к Фил., с Павлом, как, к примеру, Ев. Марк, к-рый сопутствовал и Петру, и Павлу. Именно Пётр рукоположил Климента в 60-е гг. в епископы, и на рубеже 80/90-х гг. Ив. последний, после смерти епископа Анаклетта, возглавил Римскую церковь. При Траяне — был сослан в Крым на работы в инкерманские каменоломни недалеко от Херсонеса Таврического, где, несмотря на тяжесть положения и преклонный возраст, продолжил успешную апостольскую деятельность, чем вызвал гнев Траяна, велевшего утопить его, ввергнув в море с якорем на шею (ок. 101г.).

¹²¹ В данной связи приходит на память, что Св.Серафим Саровский (1786г. — принял монашество; 1793г. — рукоположен в иеромонаха; с 1794г. — в лесном уединении; 1807г. —

древности, таких, как (равнявшиеся из ссылки в Рим) Цицерон («Письма»), Овидий («Tristia»), Сенека («Утешение к Полибию»), об их несчастье и тяготах в изгнании с тюремным Посланием Павла к Филиппийцам, то становится очевидной разница между ними и христианином в новом христианском отношении человека к счастью, в новом христианском понимании радости и счастья (см. «Т.Б.», т.3, с.277).

Филиппийские христиане живут под покровами Евангелия как Святого Благовествования, что составляет основу и цель их жизни, их жизнедеятельности, и в чём пульсирует, охватывая все её члены, жизнь их столь доверительно близкой и столь дорогой Павлу общины.

Павел не без удовлетворения сообщает общинникам, что его тюремные «обстоятельства» (1,12) «послужили к большому успеху благовествования», разумея успех христианства, христианского миссионирования и сведений о Христе среди римских воинов: «узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим» (1,13). Под этим и успехи в смысле приобретения неопитов, и просто факт позитивного-благожелательного знакомства значительного числа римлян с верой во Христа, что немаловажно, как и упоминаемые ниже неопиты «из кесарева дома» (4,22), для Филипп, где, как сказано, находилась римская ветеранская колония и, соответственно, имелось множество римских граждан. Т.е. павлианские узы, сколь казалось бы ни парадоксально выглядит, невзирая на сужение-ограничение свободы Апостола до размеров тюремного помещения, расширили Благовестие! Нет худа без добра.

И пусть не все в Павловом римском диапазоне проповедуют слово Божие с добрым расположением, ибо некоторые делают это «по зависти и любопрению» (1,15), иначе говоря, как всегда и всюду, проблемы наличествуют, Апостол всё равно, видя полезность происходящего = успех проповеди и умножение числа христиан (образно выражаясь на иудейский манер, – *прозелитов* – как *враг*, так и *правды*), сердечно радуется. Сев даёт наглядные всходы, причём счастлив, радуясь во Боге, тот, кто видит такие всходы, уверенный в их необходимости, прижизненно (поскольку слишком тяжело осознавать, что посеянные тобою семена или посаженные деревья взойдут или начнут плодоносить лишь после твоей смерти).

И, пожалуй, в первый раз в Посл. к Фил. из уст Павла-старца, кому в 63г. н.э. исполняется 60 лет (12 x 5; 30 x 2), раздаётся слово о его влечении к смерти как к «приобретению» (1,21), в его желании разрешиться от жизни, к-рая для него есть Христос, чтобы быть посмертно со Христом (23), в чём, если вдуматься, нет ника-

возвращение в монастырь и уход в затворничество до 1825г.) ко всем, кто приходил к нему, обращался со словами: «Радость моя», и в любое время года (а не только от Пасхи до Вознесения) приветствовал людей словами: «Христос воскрес!».

Обратите внимание на важные даты-вехи в жизни Святого, столь контрастирующие с террористическим пиком Французской революции, или с Тильзитским миром, или с годом кончины Александра I и мятежа (апологетов российской гильотины) декабристов. Притом об Александре неизвестно – посетил ли он в ходе своего последнего пути в Таганрог саровского старца Серафима или нет?

И далее, не примечательно ли то, что, если Серафим мирно скончался в своей келье (на 79-м г. жизни) во время коленопреклонённой молитвы 2 (14 – григорианский календарь) 01.1833г., то в конце того же года, за 14 дней до 31.12., а именно 17.12.1833г. умер (в возрасте, предположительно, 21-го года) от нанесённого ему 14.12. неизвестным ножевого ранения загадочный найдёныш (1828г.) – Каспар Хаузер (род. – 1812г.?) – дитя Европы, тайна к-рого так и осталась неразгаданной.

И произошли оба этих события в год 1800-летия Таинства Голгофы, за 100 лет до прихода к власти нацистов в Германии и завершения голодоморной коллективизации в СССР (ВКПб – второе крепостное право большевиков).

кого противоречия. Хотя «жизнь во плоти доставляет плод» апостольскому делу, и потому пишущий об импульсах своего сердца родным ему Филиппийцам не знает, что избрать.

Впрочем, миссия его, готового к жертвенной смерти за Христа, ещё не завершена, из-за чего ему должно пребывать во плоти: «оставаться во плоти нужнее для вас» (1,25). Забота о людях, о единоверцах, о сообщинниках, о братьях и сёстрах во Христе, об уже обращённых и ещё к обращению предстоящих, обращению-крещению подлежащих требует от Павла жить и действовать. Время отшествия его пока не настало, время не *вообще*, оно *ещё* терпит, и использовать его нужно, не теряя ни дня, по максимуму.

Дело всей жизни ещё не доведено до конца, он ещё не побывал на крайнем Западе – в Испании, где, став первым европейцем (с миссией проповедать Христа на оливковом пространстве от Киликии и Палестины до окраинного европейского Запада) не может не побывать, и не посетил с последними деяниями-наставлениями основанные им общины – в Асии, Македонии, Ахайе (эгейский греко-македонско-малоазиатский бассейн). А именно жертвенная смерть за Христа и именно в Риме никуда от него не денется, она впереди, да и он никуда от неё не уйдёт (и вряд ли Павел, умеющий, как мы удостоверились, видеть будущее, в 63г. об этом не знает).

* * *

Во 2-й гл. Посл. к Фил. – побуждение-призыв – из утешения, из отрады любви, из общения во духе, из милосердия и сострадания (2,1) – к единству и смирению: «...будьте единомысленны и единомысленны; / Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. / Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» (2,3/4).

В объективе не рабская покорность курсу-линии партии и правительства и не единомыслие (мы-сознания) в духе передовиц газеты «Правда», но единомыслие и единомыслие по смиренномудрию во Христе, короче то, что марксисты-ленинисты-коммунисты умыкнули из Евангелия и обратили в полную противоположность Евангелию. Не самое ли время повторить нашу мысль о том, что большевизм-коммунизм страшнее как нацизма, так и всякого (пользуя марксистскую терминологию) капитализма-империализма, поскольку, подчёркиваем снова, зло, выступающее в маске добра, много опаснее зла, действующего-задействованного без маски!¹²²

Связь с Богом выражается во взаимопомощи и в утешении, в любви, сострадании и милосердии. Иисус – пример для нас, есть образ Божий. Не Он ли унижил Себя Самого, смирил Себя, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и «быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (2,6-8)! Так отбрось от себя всякую гордыню, как вредное облачение, человеке, и уподобься в самоунижении, в смирении Христу!

Павел хвалит послушание Филиппийцев как в прошлом, в пору его присутствия у них, так и «гораздо более ныне», во время его отсутствия, взывая к ним: «со страхом и трепетом совершайте своё спасение», «сияя как светила в мире» и «содержа слово жизни» (2,12,14/15). Почему так важно единство? почему непреложны единомыслие и единомыслие во Христе? что не является ни демократическим цент-

¹²² При отсутствии выбора, гитлеровский концлагерь предпочтительнее сталинского, так как там у человека больше шансов умереть (или выжить), сохранив человеческое достоинство!

рализмом, ни голосованием единогласно, ни обязательной верностью заветам и решениям Молоха-Сатурна = большевистской или национал-социалистской столь похожих (преступных экстремистских) партий.¹²³ Потому что истинно христианский дом, разделившийся в себе, не устоит (тогда как большевикам или нацистам – не устоять при всех случаях!).

В Посл. к Фил.2,19-23 сказано о (вышеупомянутом) намерении Павла вскоре отправить к ним Тимофея, к-рого многие из них знают и к-рому даётся блестящая характеристика, кто, «как сын отцу», служил Павлу в благовествовании, и о ком теперь говорится: «Итак я надеюсь послать его тотчас же, как скоро узнаю, что будет со мною» (2,23). Засим, пишучи Послание в соавторстве с Тимофеем, диктуя-надиктовывая ему, Апостол ждёт (апрель 63г.) решения своей участи, и как только она решится, как только будет произнесён осудительный или оправдательный приговор, на к-рый узник очень надеется, он тотчас снарядит (до того времени нужного ему в Риме) Тимофея в Филиппы.

Следовательно, если Павлу выпало освободиться, выпало выйти оправданным на свободу, как мы приняли, в мае 63г., значит, Тимофей отправился в Македонию не на праздную прогулку, но с конкретно поставленными перед ним задачами весной/летом или летом 63г. Мы не знаем, сколько он там пробыл и чем именно был занят, зная, что осенью 64г., побывавший перед тем в Испании (63/64гг.) и на Крите (64г.) Павел, согласно 1-у Посл. к Тимофею, к-рое, по всей вероятности, было написано весной 65г. из Коринфа, оставит его осенью 64г, сам отходя в Македонию, в Ефесе (1Тим.1,3), где затем снова встретится-увидится с ним в 65г. (1Тим.3,14/15; 4,13) (см. ниже).

Ну а сейчас, в апреле 63г., к Филиппийцам отправляется с Посланием благо выздоровевший в Риме от тяжкой болезни их сообщинник-соотечественник – Епафродит, привезший, повторим, в 62г. Павлу в Рим денежное вспомоществование и в основном добрые известия о состоянии дел в филиппийской общине. «Посему я скорее послал его, чтобы вы, увидевши его снова, возрадовались, и я был менее печален» (2,28).

В гл.3 тон Послания меняется. Следуют назидания и предостережения. Павел предостерегает Филиппийцев = христиан из язычников, как он это делает в своих Посланиях неоднократно, от иудействующих лжеучителей, от уклонения в иудейство, с соблюдением обременительных ритуалов типа обрезания и т.д., что не нужно христианам из язычников, что закрывает перед христианством врата в греко-римскую в Ойкумену и преграждает путь христианскому миссионерству, и по поводу чего было принято однозначное решение на Апостольском соборе 51г. н.э.

Иудейство – излишне, и цепляться за его внешние признаки-атрибуты незачем.

¹²³ В Советском Союзе, чтобы не компрометировать слово «социалистический» и не вызывать излишних вопросов-насмешек, партию Гитлера назвали «национал-социалистской». А нацистов, к слову, именовали, что продолжают делать и сегодня в России, «фашистами», хотя никакого фашизма в Германии никогда не было. Фашистской (фашио – от древнеримского «фасции/фаски» – атрибуты консульской власти – перевязанные секира и прут = пучок, или, если точнее по смыслу, – кулак) была Италия Муссолини; фашистами – приверженцы итальянского диктатора, члены его партии. Но поскольку итальянский фашизм старше нацизма и пришёл к власти в Италии на 11 лет раньше (1922г.) нацизма в Германии (1933гг.), кликуху «фашисты» сталинские пропагандисты приклеили заодно и к нацистам (чем проще и примитивнее, тем легче и аппетитнее реорле хавают). Немцы и прочие европейцы до сих пор, когда слышат, в т.ч., постсоветский штамп «фашисты», полагают, что речь идёт об итальянцах времён Муссолини, и что под «немецко-фашистскими войсками» русские подразумевают войска немецко-итальянские. В войну же немцы на территории СССР, когда к ним попадали листовки с надписями «Смерть фашистским оккупантам», (по рассказам ветеранов «Вермахта») недоумевали: почему русские желают смерти именно итальянцам?!

Обрезанные сердцем новозаветники заступают в христианстве место обрезанных плотью ветхозаветников, при том, что против обрезанных иудеохристиан, к-рые не принуждают к обрезанию языческих неопитов, павлианское христианство ничего не имеет. Однако глобально в христианстве дело обстоит иначе — оно не строится ни на какой внешней принадлежности к Богу, к богоизбранничеству, к-рое отныне удел тех, в ком Христос, независимо от обрезанного или необрезанного, Иудея, Римлянина, Грека, раба, свободного... «Потому что обрезание — мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся...» (3,3). Необрезание для христианина — как номерок новорождённого на руке; обрезание — как покойницкая бирка на ноге.

И Апостол язычников приводит в пример себя как обрезанного (по всем правилам) в 8-й от рождения день Иудея из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврея от Евреев, по учению фарисея, ревнителя и гонителя Церкви Божией (3,5/6), к-рый, и по вере, и по крови-плоти, имел все преимущества, связанные с соблюдением Моисеева закона, но по обращении своём увидел всю их тщету (3,7). И от всего этого он отказался, дабы обрести Христа, дабы обрести себя во Христе, с К-рым он хочет быть неразлучным в жизни и соединённым в страдании и смерти. Для достижения воскресения мёртвых в стремлении ко Христу соблюдение ветхозаветных норм обрезания, субботы и т.д. утратили в Новом Завете и всякий смысл, и всякое значение.

Христианин помышляет не о земном и служит не плоти, как враги креста Христова, бог к-рых — чрево, и конец к-рых — погибель (3,18/19). Христианин — гражданин Неба = града Божия, откуда ожидается Второе Пришествие (Воскресшего = эфирного) Христа, «К-рый уничтоженное тело наше преобразит так, что оно будет подобно славному телу Его, силою, к-рою Он действует и покоряет Себе всё» (3,21). И негоже ждать этого до Второго Пришествия, к-рое вершится-свершается в нас от жизни к жизни, от воплощения к воплощению.

Что есть преображённое тело Христово, если не прославленное Тело Иисуса Воскресшего! Иисуса, поправшего смерть смертию и Восставшего (восставленного Отцом) из мёртвых! Что есть преображённое Тело Христово, если не созиженное в 3 дня = на 3-й день нетленно-фантомное Тело = обезвещественная-дематериализованная-деминерализованная Телесность = безвещественный (stofffrei) = искупленный и спасённый жертвой Христа на Голгофе нематериально-бессмертный Физис Воскресения (тайна и таинство чего фарисейскому посвящённому и христианскому насельнику Седьмого Неба, великому таиннику Ап. Павлу, крестителю и учителю великого таинника Дионисия Ареопагита, ведомы-известны)!

В 4-й заключительной гл. Послания Павел, называя Филиппийцев «радость и венец мой», умоляет двух рассорившихся между собой филиппийских христианок, (ближе неизвестных) Еводию (*успех*) и Синтихию (*счастливая*), жить, мысля о Господе, в мире, и просит некоего, не называемого по имени, искреннего сотрудника (м.б., отправленного с Посланием и облечённого миссией примирителя, о чём адресаты должны узнать из Посл., Епафродита?) помочь им, — «подвизающимся в благовествовании вместе со мною и с Климентом и с прочими сотрудниками моими, к-рых имена — в книге жизни» (4,3).

Вот вам и Климент, в ком, скажем снова, полагают третьего или четвёртого преемника Ап. Петра по римской кафедре, и к-рый, по преданию, урождённый римлянин, в то время, стало быть, трудился, как один из сотрудников Павла, в Филиппах.

Ниже Филиппийцы, к к-рым так особо расположено сердце Апостола, дважды подчёркнуто, с усилением, призываются к радости в Господе (4,4), к кротости, к заботе обо всём в молитве, к открытию с благодарением своих прошений и желаний

пред Богом (4,5/6). «И мир Божий, к-рый превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» (4,7). Помышляйте о том, что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала (4,8). «Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте – и Бог мира будет с вами» (4,9).

Павел благодарит филиппийских христиан за заботу о нём, что они делали и прежде, акцентируя, что привык довольствоваться-обходиться малым, умея жить и в скудости и в изобилии, научившись «всему и во всём, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. / Всё могу в укрепляющем меня (Иисусе) Христе» (4,12/13). И дальше снова звучит благодарность узника за принятие Филиппийцами участия в его скорби ныне, как и в 52г., после того как он впервые побывал в Филиппах, в Фессалонике; и позже, по выходе из Македонии, в Коринфе (52 – 54г.); и ещё раз позднее, в 57г., снова в Фессалонике (4,15/16) (см. выше).

Он получил от Филиппийцев всё посланное ему сообщинниками с Епафродитом в 62г. Но не принятое с благодарностью даяние для него главное, а плод трудов во Христе, умножающийся в пользу горячо любимых им заботников о нём, к-рых он искренно, с любовью, приветствует в апреле 63г. н.э., всё ещё пребывая в узах, от себя и всех находящихся с ним братьев, и даже, «наипаче», от (анонимных) неопитов «из кесарева дома» (4,21/22), завершая своё проникновенное Послание к единоверцам из первой христианской общины Европы словами: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь» (4,23).¹²⁴

¹²⁴ Послание к Ефессянам было знакомо уже (также писавшему «Посл. к Ефессянам») Игнатию Богоносцу (+ ок. 107г.), оно упомянуто в списке новозаветных Книг «Мураториева канона» (ок. 170г.), известно уроженцу Азии (Смирна) Иринею Лионскому (ок. 130-202г.) и Клименту Александрийскому (+ ок. 215г.). Послание к Колоссянам упоминается у Иринея, Тертуллиана (ок. 160-220г.), Климента Ал. и в «Каноне Муратори». Аналогично Послание к Филимону фигурирует в «Мураториевом каноне»; у Тертуллиана и Оригена (+ 254г.). На Послание к Филиппийцам Поликарп Смирнский (+ ок. 155/67гг.) ссылается в собственном «Послании к Филиппийцам».

К месту заметить. Всякоразные – более чем убогие, с позволения сказать, версии-гипотезы и скудоумные критиканские умопостроения ново-новейшего времени о непринадлежности этих (и др.) Посланий Павлу, об их неаутентичности, компилятивности, о написании-составлении их Павловыми учениками, учениками его учеников, или (и того хлеще) лукавыми церковниками II/III/IVвв. специального внимания (в XXIV., когда подобное клиническое обезьянничанье идёт на убыль, когда вузовский «научный атеизм» с «научным коммунизмом», с диаматами и истматами, – в прошлом) не заслуживают, и ни серьёзному обсуждению, ни детальному-кропотливому опровержению не подлежат. Много чести!

Но с другой, спиритуальной стороны, как (не удивительным ли образом!) Ев. от Мф. является (под одним из углов духовного зрения) *весенним*, Ев. от Mk. – *зимним*, Ев. от Лк. – *осенним*, а Ев. от Ио. – *летним* (Д.И. 1265), так, попробуй, любознательный читатель, самостоятельно обратиться к (не по случайности) расположенным в Каноне в определённом (не в хронологическом и не в каком-либо ином) порядке Посланиям Павла (Соборные, Пастырские, к Евреям) в их обратной (но не в откатной!) канонической последовательности: от особостатуированного Послания к Евреям и до Соборного Послания к Римлянам! Информация к обращению и размышлению!

ЧАСТЬ XVI

РИМ И МИР

59 — 64 гг. н.э.

ВТОРАЯ ПЯТИЛЕТКА НЕРОНА

59г. н.э.

ПОСЛЕ УБИЙСТВА АГРИППИНЫ

Итак, рассказав выше об организованном-провёрнутом Нероном в дни посвящённых Минерве Квинкватрий (19-23.03.) 59г. н.э. убийстве Агриппины, мы узнали, что потом он, не находя себе места, то ли на короткое время прибыл в Рим ок. 23.06. и вскоре вновь, вольготнее чувствуя себя в Кампании, покинул Город, чтобы снова уже торжественно вернуться 11.09. (дата возвращения в «Актах Арвальских братьев»)? то ли он впервые после мартовского матереубийства возвратился в столицу не ранее 11.09.? Во всяком случае, при праздничном возвращении в сентябре, кесарь был горячо приветствуем римлянами всех сословий благодаря умело организованной (Сенекой, Бурром, придворной камарильей) ему, — дескать, чудесно избежавшему, как гласила официальная версия, покушения со стороны преступной матери, к-рая, мол, потерпев крах в своих злоумышлениях, покончила самоубийством, — встрече.

Впрочем, послушаем Тацита, подтверждающего нежелание матереубийцы возвращаться после совершённого злодеяния в Рим как из неуверенности перед реакцией римлян — верхов и низов, так и из-за мучивших его кошмаров и припадков угрызения липкой совести:

«Тем не менее, Нерон медлит, объезжая один за другим города Кампании, озабоченный тем, как его встретят при въезде в Рим, найдёт ли он в нём покорный его воле сенат, благосклонность простого народа; чтобы рассеять его колебания, негодяи из его окружения, к-рыми его двор изобиловал как никакой другой, настойчиво внушают ему, что имя Агриппины всем ненавистно и что с её смертью народная любовь к нему возросла; пусть же смело пустится в путь и убедится воочию, каким почитанием его окружают; одновременно они добиваются позволения отправиться в Рим несколько ранее его отъезда туда. И они находят даже большую готовность к его приёму, чем обещали ему, вышедшие навстречу трибы, сенаторов в праздничных одежках, расставленные по полу и возрасту ряды матрон и детей, сооружённые по пути его следования ступенчатые трибуны, с каких зрители смотрят на триумфальные шествия. Преисполнившись вследствие этого высокомерия, гордый одержанной победой и рабской угодливостью, он торжественно поднялся на Капитолий, возблагодарил богов и вслед за тем безудержно предался всем заложенным в нём страстям, к-рые до этой поры если не подавляло, то до известной степени сдерживало уважение к матери, каково бы оно ни было.

Уже давно он был одержим страстным желанием усовершенствоваться в умении править квадригой на ристалище и не менее постыдным влечением овладеть ремеслом кифареда. Он говорил, что конные состязания — забава царей и полководцев древности; их воспели поэты, и они устраивались в честь богов. А музыке покровительствует Аполлон, к-рый, будучи величайшим и наделённым даром провидения божеством, во всех изваяниях, не только в греческих городах, но и в римских храмах, изображён с кифарой в руках. Убедившись в невозможности побороть эти его увлечения, Сенека и Бурр сочли нужным снизойти к одному из них, дабы он не отдался им обоим. В Ватиканской долине было огорожено для него ристалище, на к-ром он мог бы править конной упряжкой в присутствии небольшого числа избранных зрителей; но вскоре он сам стал созывать туда простой народ Рима, превозносивший его похвалами, ибо чернь, падкая до развлечений, радовалась, что принцепсу свойственны те же наклонности, что и ей. Но унизив своё достоинство публичными выступлениями, Нерон не ощутил, как ожидали, пресыщения ими; напротив, он проникся ещё большею страстью к ним. Рассчитывая снять с себя долю позора, если запятнает им многих, он завлék на подмостки впавших в нужду и по этой причине продавшихся ему потомков знаменитых родов; они умерли в назначенный судьбой срок, но из уважения к их прославленным предкам я не стану называть их имена. К тому же бесчестье ложится и на того, кто оделял их деньгами, скорее награждая проступки, чем для предупреждения их. Он заставил выступать на арене и именитейших римских всадников, склонив их к этому своими щедротами; впрочем, плата, полученная от того, кто может приказывать, не что иное как принуждение...» (Ан. 14,13/14)

Если Сенека и Бурр (или Бурр и Сенека), премьер-министр и командир императорской гвардии, плюс он же глава гос. безопасности, готовили чинно-торжественное возвращение-вступление (матереубийцы) Нерона в Рим на гос. уровне, то множество приимператорских холуёв разного ранга, вида, типа, — от сенаторов и всадников до плебеев, вольноотпущенников и рабов, — делали это по собственной групповой и как бы по стихийной народной инициативе. Оно и понятно. Ведь в таких случаях, при подобного рода авторитаризме-тоталитаризме, государственная сволочь и разношёрстный придворный сброд, именующий себя элитой, проникнутые друг другом, тесно взаимодействуют-кооперируют между собой.

И пока этот император, бывший больше, чем какой-либо кесарь до него (даже Калигула), эллинистом-ориенталистом в душе, отходил душой от содеянного им в не столько римской, сколько в столь близкой ему по духу остаточной *великогреческой* Кампании, в Риме производилась усиленная обработка общественного мнения (пропагандистское промывание мозгов). И параллельно шла подготовка к восторженной встрече *первого среди равных*, к-рого, разумеется, надлежало встретить так, как встречали, например, Августа после его подчас продолжительных отлучек из Города.

И всё удалось-получилось. Ни, с одной стороны, высокопоставленная гос. сволочь, в лице Сенеки и Бурра, или всяких чиновных шавок помельче, ни, с др. стороны, различные, как выражается Тацит, «негодяи» из камарильного окружения Нерона, заведомо отправившиеся в Рим, чтобы приготовить город и горожан к намеченному шоу-мероприятию, не подкачали.

Но, главное, хлебно-зрелищный народ (и взаправду) в большинстве был на стороне умевшего потакать толпе, её низменным потребностям-инстинктам и излюбленным удовольствиям, императора, в сравнении с к-рым пытавшаяся сдерживать разгул его нездоровых страстей Агриппина казалась верхом (сколь ни парадоксально звучит) неоправданной игры в суровый консерватизм, и потому жаждавших

постоянного праздника, к-рый всегда с тобой, римлян, современно выражаясь, — достала.

Мало того, что она (испорченная и преступная) тшилась быть минимум на равных с рвавшимся из-под материнской опеки повзрослевшим сыном, ей, непросительно амбициозной, этого не хватало, и она, дескать, сварганила заговор против него, почему и поплатилась заслуженным, наказав себя своими же руками, самоубийством, к к-рому сын, мол, не причастен. Вот версия, к-рая, несмотря на её убожество, устроила большинство, и значит, — другой не надо.

Как известно, «для праздника толпе совсем не обязательна свобода» (вспомните первомайские и ноябрьские демонстрации в СССР), и толпа, к-рая обычно хочет (даже если сама об этом не знает), чтобы с ней обращались, как с женщиной, к-рая, согласно Муссолини, подчиняется силе, поверила именно в то, во что массово (за)хотела поверить.

И поскольку в Нероновом окружении не было людей, к-рые сказали бы ему правду, но были лишь те, кто лебезили перед ним и восхваляли его, он сам понемногу проникся уверенностью в своей правоте, расправил плечи и, недолго пожив в страхе-трепете, обрёл, оплетаемый со всех сторон лестью, бóльшую, чем когда-либо, самоуверенность (Дион 62,11,1).

Сходно большинству народа, повели себя и почтенные отцы-сенаторы, за исключением, как мы уже отметили выше, главы т.н. пассивно-стоической оппозиции (непротивления злу насилием) Тразеи Пета (Дион 62,15,1-4), к-рый не протестовал и не возражал публично, однажды демонстративно покинув рукоплескательный сенат, и позволяя себе максимальную оппозиционную «роскошь» в виде неприсутствия-отсутствия на лебезятнических заседаниях герузии. Причём, в условиях диктатуры, это есть своеобразное проявление мужества (что человеку свободного общества трудно понять-оценить, но о чём те, кто имел удовольствие жить при коммуниках в Советском Союзе, прекрасно знают и помнят).

Таким образом, если мы примем, что Нерон торжественно вступил, приветствуемый представителями всех сословий, в подготовленный к его вступлению Город 11.09., то отсюда оставшиеся почти 4 месяца уходящего 59г. прошли в почти непрерывных празднествах. Кесарь знал чем угодить римлянам и чем купить-подкупить их сердца. Более того, демократический диктатор по натуре (нововведение Цезаря), он, последний Юлий-Клавдий, пошёл дальше всех своих цезарских предшественников, решив публично апробировать себя в искони присущих ему страстных увлечениях — в амплуа возницы на конеристаниях, в амплуа кифареда, певца и поэта. Короче, — в не подобающих знатному римлянину, тем паче, кесарю, сценических жанрах на декадентно-эллинистический манер.

Для того ли Рим имперiallyно покорил и оправил эллинистическую Ойкумену, уж не говоря о фараонском Египте, чтобы подпасть им! Увы, нельзя одолеть дракона и избежать вирусной драконизации (со стороны покорённой — более древней и утончённой цивилизации). Декаданс удивительно обаятелен и привлекателен, устоять перед его соблазнами крайне трудно. Мутные воды Нила, Евфрата, Скамандра, или, наконец, Эгейского моря, несмотря на их (в восприятии греков) бирюзовость, не могли не влиться, в пределах Римской мировой державы, в некогда чистые воды Тибра. Любая палка всегда о двух концах.¹

¹ Ещё раз обратим внимание читателя на галлюцинаторно-гипнотическое зомбирование императорским Римом вавилонско-халдейской космократии и египетско-фараонской теократии, к-рые Рим превратил в откатную максиму по воспроизведению в римской кесарской мантии (даром, что под маской Республики де-юре) минувшей зодиакально-исторической (Вавилонско-Египетской) эпохи.

И пусть однажды на Форуме нашли малое дитя-подкидыша, с табличкой на нём, на к-рой было издевательски написано: «Я не хочу тебя растить, чтобы ты убил свою мать» (Дион 60,16,2); или пусть то тут, там появлялись недвусмысленные надписи типа: «Орест, Нерон, Алкмеон, смерть матерей» (60,16,2a), так как все всё знали и понимали, кесаря это уже не смущало, поскольку большинство знавших и понимавших было, как сказано, на его стороне. И нехай меньшинство – злобные отщепенцы – покуражится, их даже не надо, демонстрируя великодушно пренебрежение к шалостям безвредных фрайеров-диссидентов, преследовать.² Большинство народа, и в верхах, и в низах, за него!

Следовательно, можно уверенно брать и бразды в свои руки, и послушного быка за рога. Очередной кредит доверия получен. Посему, имея общественную индульгенцию в кармане, будем выписывать выражи один круче другого! Будем двигаться быстрее, будем спешить жить! Он спешил, мня себя канатоходцем, пройти четыре четверти пути, но был в реальности квадратным колесом, к-рое не двигается с места.

И можно себе вообразить, с какой помпой в тот год справлялось как раз не случайно совпавшее со временем вступления Нерона в Рим празднество *Ludi Romani* – старейшие большие игры-игрища, к-рые, посвящённые Юпитеру, проводились в Риме (курульными эдилами), в Большом цирке, с 366г. до н.э., при Республике в течение всего двух дней, а с правления Августа на протяжении аж 16-и дней – с 4 по 19.09. Или, скажем, проводившиеся плебейскими эдилами во Фламиниевом цирке *Ludi Plebei*, в IIIв. до н.э. всего один день – 15.11., позднее, когда Рим вошёл в игрищный вкус, – с 4 по 17.11. Или, б.м., учреждённые Нероном именно октябрьской (?), в месяц его прихода к власти в 54г., осенью 59г. Великие игры «во имя вечности империи», на к-рых «в комедиях выступали мужчины и женщины из высших сословий, именитый всадник верхом на слоне проскакал по натянутому канату....» (Свет. «Нер.» 11,2), и т.д. Или – декабрьские Сатурналии.

Одним словом, (столь памятный) год должен был уходить-уйти в атмосфере непрекращающихся праздников, как – привычных общественных, так и – даваемых Нероном с ещё большей помпой оригинально-однообразных частных. Притом Нерон вовлёк в разного рода представления, на сцене, на арене, и репрезентантов именитых фамилий обоего пола, к-рых Тацит, щадя их знаменитых предков, не называет по именам, тогда как Дион, спустя два века, когда старофамильной знати более нет, напротив, без стеснения перечисляет (62,17,4). И перечисляются они у Диона по искусственно унижительной схеме – от имён представителей покорённых предками этих знаменитых римлян народов. Так, зрители-македоняне (во позор Риму) якобы тыкали пальцем в потомков покорителя Македонии Эмилия Павла,

² Светоний: «Среди всего этого особенно удивительно и примечательно было то равнодушие, с к-рым он воспринимал нарекания и проклятья людей. Ни к кому он не был так снисходителен, как к тем, кто язвил его колкостями и стишками. Этих стишков и латинских и греческих, много тогда складывалось и ходило по рукам – например, таких: «Трое – Нерон, Алкмеон и Орест – матерей убивали. / Сочти – найдёшь: Нерон – убийца матери» (сумма числового значения греч. букв, образующих имя «Нерон» – 1005, равна сумме числового значения букв в словах «убийца матери»). «Чем не похожи Эней и наш властитель? Из Трои / Тот изводил отца (к-рого он вынес на своих плечах из горящей Трои – К.З.) – этот извёл свою мать»... М.б., эти приводимые Светонием стишки относятся к более позднему времени Неронова правления, но, при всех случаях, они не содержат для Рима ничего необычного. Ведь Рим так никогда и не стал при императорах классической восточной деспотией, продолжая сохранять остаточные заряд и синдром республиканских свобод. К насмешкам определённого рода над собой были до определённой меры терпимы и Цезарь, и Август, и даже Тиберий с Калигулой, уж не говоря о посмешищном Клавдии.

зрители-греки – в потомков Муммия Ахаика, (новые) карфагеняне – Сципиона, сицилийцы – Клавдия, эпироты – Аппия.

Но как традиционных, так и одноразовых игрищ-празднеств занявшемуся в Ватиканской долине конеристаниями, плюс до поры менее публично кифаредствовавшему, пробовавшему петь и стихотворчествовавшему Нерону было мало. И он учредил, по всему, декабрьской осенью 59г., новые юношеские игры, приуроченные им к празднику острижения первой бороды, под специальным названием Ювеналии. Впрочем, если скомбинировать Диона (62,17,1/2) от Ксифилина (156,2-6) и Светония (Нер. 34,5), это случилось по устранении Нероном посредством яда его второй и последней тётки со стороны отца – Домиции Старшей, сестра к-рой Домиция Младшая, мать Мессалины, была, как мы помним, казнена усилиями Агриппины в 54г., ещё при (вскоре затем отравленном) Клавдии (см. выше).

Эта Неронова тётка Домиция Старшая родилась где-то на рубеже эр, в самом начале н.э., т.е. на 59г. ей было под 60 лет. Напомним, она, как и отец Нерона (конс. 32г.) – Гн. Домиций (+ 40г.), и как их мл. сестра – Домиция Лепида (род. ок. 5г. н.э.), были (поздними) детьми консула 16г. до н.э. Л. Домиция Агенобарба (+ 25г. н.э.) и дочери М. Антония от (сестры Августа) Октавии – Антонии Старшей (род. в 39г. до н.э.). В мужа Домиции Маиог достался известный ритор, адвокат и богач Г. Пассиен Крисп, к-рый защищал её в какой-то касавшейся денег судебной тяжбе против родного брата, и к-рого в 44г. отбила у неё, женив его на себе, Агриппина, впоследствии, в 48г. отравившая мужа. Отравившая, во-первых, чтобы единолично завладеть его огромным богатством, и во-вторых, в видах на представивший ей (весёлой вдове) возможность прыгнуть в императрицы перспективный брак с Клавдием.

Понятно, что Домицию и Агриппину разделяла стена ненависти. То-то в 55г. вольноотпущенник и любовник Домиции Атимет, в паре с другим её вольноотпущенником актёром Паридом, безуспешно пытались, подстрекнутые ею, оклеветать Агриппину перед Нероном. А в следующем 56г. суд (не без содействия Нерона) аннулировал патронат Домиции над Паридом, к-рого признал свободнорождённым (см. выше). В остальном она, следуя слову Агриппины, «занималась (пока сама Агриппина заботилась о дитяте Нероне) устройством рыбных садков в своих Байях» (Ан. 13,21), где, как и в Равенне, владела богатыми поместьями.

И вот в 59г. Нерон, к-рому не терпелось унаследовать тётушкины поместья, едва устранив мать, решил (войдя во вкус полной безнаказанности) устранить и тётку. У Светония читаем: «За умерщвлением матери последовало умерщвление тётки. Её он посетил, когда она лежала, страдая запором; старуха погладила, как обычно, пушок на его щеках и сказала ласково: «Увидеть бы мне эту бороду остриженной, а там и помереть можно; а он, обратясь к друзьям, насмешливо сказал, что острижёт её хоть сейчас, и велел врачам дать большой слабительное выше меры. Она ещё не скончалась, как он уже вступил в её наследство, скрыв завешание, чтобы ничего не упустить из рук».

Согласно (ксифилинизированному) Диону (пишущему в Шв.), – «он отравил свою тётку Домицию, к-рую, по его же словам, ценил, как родную мать, не желая подождать несколько дней до её естественной смерти от старости и немочей. Ему не терпелось унаследовать её имения в Байях и в Равенне, где он построил роскошные гимнасии, процветающие и сегодня».

Конечно, вероятно, всё обстояло не совсем так, ибо оба рассказа явно призваны подчеркнуть-акцентировать экстремальные зловещесть и цинизм Нерона, представленного, опять-таки, на примитивно-сказочный манер: «Я – поганый Калин-царь». Однако, нет оснований вместе с автором энциклопедического очерка «Domitius Nero» в RE Э. Холлом уверенно считать в основном совпадающие сообщения обоих

античных авторов (появившейся-де под влиянием давешнего матереубийства) выдумкой (S.370). По нашему мнению, передодуманы и утрированы обстоятельства смерти Домиции, а не сам факт её устранения Нероном.

Во-первых, она не была древней старухой, хотя женщина в возрасте под 60 для древнего (и не только) мира (при низкой средней продолжительности жизни) — старуха, или во всяком случае, она может быть названа старухой; во-вторых, вряд ли она лежала смертельно больная запором, иначе Нерон (в данном случае душегуб по призыву) дождался бы её естественной смерти (не беря лишний не столько грех, сколько груз на душу). Ан нет, с одной стороны, Домиции светило выздоровление, в то время как с другой, её (безудержно транжирившему деньги) племяннику не терпелось, как сказано, получить во владение и её богатые поместья, и, надо полагать, немалые денежные средства, почему он и решил ускорить тётушкин уход. Да и что могло его, в сложившихся обстоятельствах, после убийства матери, остановить?! О каких ещё тормозах или сдерживающих факторах тут может идти речь?! Нет ли у него нужного кредита доверия? Не всё ли ему, полновластному повелителю, позволено!

И пусть Тацит об этом убийстве тётки молчит, что и вызывает недоверие Э.Хола, на наш взгляд, информации Светония и Диона вполне достаточно, и нет основания ей, пусть, несколько откорректированной, не доверять.

Если же Светония и Диона скомбинировать, то выходит, что бороду Нерон празднично остриг в скором по совершению означенного злодеяния времени, в связи с чем = с острижением-бритьём бороды, и был учреждён праздник Ювеналий. Соответственно, если вступление Нерона в Рим имело место, как мы приняли, 11.09.59г., значит, изведение им Домиции и последующее учреждение Ювеналий оптимально приходится, первое, вероятнее всего, — на октябрь/ноябрь, а второе — на декабрь 59г. н.э. = на время к Неронову 22-летию — 15.12. (см. ниже)

ЮВЕНАЛИИ

Тацит: «Всё ещё не решаясь бесчестить себя на подмостках общедоступного театра, Нерон учредил игры, получившие название Ювеналий, и очень многие изъявили желание стать их участниками. Ни знатность, ни возраст, ни прежние высокие должности не препятствовали им подвизаться в ремесле греческого или римского лицедея, вплоть до постыдных для мужчины телодвижений и таких же песен. Упражнялись в непристойностях и женщины из почтенных семейств. В роще, разбитой Августом вокруг вырытого им для навмахий пруда, были построены здания для развлечений и лавки, торговавшие тем, что распяляет самые низкие страсти. Посещавшим их выдавались деньги, к-рые тут же издерживались, — благонравными по принуждению, распутными — из бахвальства. Эти сборища стали рассадниками разнузданности и непотребства, и ничто не способствовало дальнейшему развращению и без того испорченных нравов, как эти притоны. Даже среди занятых честным трудом едва поддерживается добропорядочность; как же сохраниться целомудрию, скромности или хоть каким-нибудь следам добродетели там, где соревнуются в наихудших пороках? Наконец, с помощью учителей пения подготовившись к выступлению и тщательно настроив кифару, последним выходит на сцену Нерон. Тут же присутствовала когорта воинов с центурионами и трибунами и сокрушённый, но выражавший ему одобрение Бурр. Тогда же впервые были набраны прозванные августинцами римские всадники, все молодые и статные; одних влекла прирождённая наглость, других — надежда возвыситься. Дни и ночи раздражались они рукоплесканиями, возглашая, что Нерон красотой и голосом подобен

богам и величая его их именами. И были эти августины окружены славой и почётом, словно свершили доблестные деяния.

Но желая прославиться не только театральными дарованиями, император обратился также к поэзии, собрав вокруг себя тех, кто, обладая некоторыми способностями к стихотворству, ещё не стяжал себе сколько-нибудь значительной славы. Пообедав, они усаживались все вместе и принимались связывать принесённые с собою или сочинённые тут же строки и дополнять случайные слова самого императора. Это явственно видно с первого взгляда на эти произведения, в к-рых нет ни порыва, ни вдохновения, ни единства поэтической речи. После трапезы уделял он время и учителям философии, дабы позабавиться спорами между отстаивавшими противоположные мнения. И среди них не было недостатка в таких, кто своим глубокомысленным видом пытался доставить императору подобные развлечения» (Ан. 14,15/16).

Если Дион (от Ксифилина 157,5 – 158,16) называет Ювеналии играми молодёжи, или, точнее, молодёжными (62,19,1)³, к-рые Нерон приурочил к праздничному острижению-сбритию им первой бороды, то Светоний, путая-взаимонакладывая одно на другое, Ювеналии 59-го и Неронии 60-го гг., говорит об агональных гимнастических состязаниях, устроенных в септе (на Марсовом поле), когда «он (Нерон), принеся в жертву богам быков, в первый раз сбрил себе бороду, положил её в ларец из золота, украшенный драгоценными жемчужинами, и посвятил богам в Капитолийском храме...» (Нер. 12,4).

Эти Ювеналии носили как празднество т.н. приватный характер и имели место, по всей видимости, в садах по ту сторону (на правом берегу) Тибра – *trans Tiberim hortis* – в расположенном в XIV-м регионе-округе Рима (что не исключает одновременных гимнастических состязаний в септе) калигулианском «Гайануме» (*Gaianum*) (Плиний 37,19; Ан. 15,33; Дион 59,14). Идентичен ли был украшенный статуями известных возниц-колесничих «Гайанум» с воздвигнутым Калигулой в «садах (его матери) Агриппины» цирком? или на повестке дня состязательно-увеселительный комплекс севернее мавзолея Адриана (единого мнения по поводу чего нет)? – подвопросно (см. ниже).

Ювеналии включали в себя цирковые (*circensis*), сценические (*scenicis*) представления и гладиаторские (*gladiatorii*) бои. Относительно уточнения хронологии, читатель в курсе, что уже Калигула продлил декабрьский праздник Сатурналий (17.12), общее число дней к-рого спорно, согласно Светонию, – на один день, «назвав его Ювеналиями» (Кал. 17,2) (см. выше). Отсюда также можно умозаключить празднование Нероном его Ювеналий в декабре, т.е. в месяце, в к-ром ему (рождённому под знаком Стрельца) 15.12.59г. (за два дня до собственно Сатурналий) исполнилось/исполнилось 22 года.

³ Ювента (*Iuventas*) – божественная сила молодости (персонификация), покровительница молодых (греч. – эфебы) людей (*iuvenis*), имела античную капеллу при храме Юпитера Капитолийского и принимала от юношей, надевавших тогу *virilis*, в качестве первой символической жертвы, мелкую разменную монету, за к-рой 5-7-ю годами позднее следовала посвящённая Юпитеру первая остриженная борода. (*Princeps Iuventutis* – всаднический глава молодёжи: при Принципате – льготная привилегия кронпринцев; *collegia Iuvenium* – корпорация-товарищество молодёжи). Греч. эквивалент Ювенты – Геба (жена Геракла) и богиня молодости. Посвящённый Ювенте лекцистерний (праздничная трапеза при статуях богов, позаимствованная Римом у греков, по откровению Сивиллиных книг, в 399г. до н.э.) зафиксирован с 218г., в одно время с суппликацией Геркулесу (Ливий 21,62,9). Храм ей посвятили во время борьбы с Гасдрубалом – в 207г. (II-я Пуническая война); кумирня стореда (16г. до н.э.) и была отстроена-обновлена при Августе («МА» 418; Дион 54,19,7).

И вот во время этих проходивших на сцене и арене Ювеналий, в качестве мимов, музыкантов, поэтов, гимнастов, гладиаторов, выступали, частично – добровольно, частично – из угодливости, частично – принуждённые к тому *народным* кесарем (из, разумеется, импульса *добровольности*, при деспотии, как *осознанной необходимости*) знатные сенаторы и всадники, консуляры и дамы из именитых фамилий. Такое, по римскому «адапу», считалось неприличным, и потому особенно раззадоривало как молодого Нерона, так и золотую молодёжь, на к-рую он делал ставку, как и на обожавшую его за частые зрелища и хлеб чернь.

Дион (62,19,2) называет, к примеру, 80-летнюю Элию Кателлу (предположительно, дочь консула 4г. н.э. С.Элия Ката) (Р.л. 1144), к-рая плясала в одной из пантомим перед Нероном. Какие наши годы! Коли Домиция Старшая, в возрасте под 60, зовётся старухой, то пляшущая аж в 80 лет на молодёжном празднике жизни Кателла – поистине античная находка и показательный нонсенс. Других «ювенальных» имён ни Тацит, ни Дион, оговаривая представителей и представительниц знатных фамилий, не приводят. Хотя Дион присовокупляет, что некоторые старики и старухи из высшего общества, к-рые, в силу возраста и болезней, не могли выйти на сцену-арену, пели в хоре. Причём кое-кто из знати надевал (предтечно-карнавальные) маски, чтобы не быть узнанным, однако, Нерон, в угоду черни, повелевал снимать их (своеобразное срывание всех и всяческих масок!).

Были ли Ювеналии проведены при Нероне лишь однажды – в 59г.? или они проводились не один раз, за что вроде бы ратует слово Тацита (Ан. 15,33)? – неизвестно. Зато известно об их проведении в дальнейшем Домицианом (81 – 96гг.), по нероновскому сценарию, плюс – травля диких зверей (Дион 67,14), и позднее, – при первом Гордиане (238г.), во многих италийских городах – *per quadriduum ludos scaenicos et Iuvenalis*.

Про развлекательные сооружения в роще, разбитой Августом вокруг вырытого им для навмахий на правом берегу Тибра во 2г. до н.э. (Р.л. 678) пруда, в садах Юлия Цезаря (= сады Агриппины = *Gaiantum?*), и указывающий на септу Светоний, и не уточняющий географию Дион, отлично от Тацита, молчат. Так или иначе, во время этих, пусть приватных, Ювеналий, Нерон, судя по всему, впервые публично вышел на любительскую сцену с кифарой, впервые публично пел и публично витийствовал (ранее продельвая всё это только в кругу близких друзей). На общественных сценах и в состязаниях с профессионалами он, согласно Тациту, начнёт выступать в 64г., в первый раз выступив в Неаполе (Ан. 15,33), с чем, правда, не согласуется менее надёжный Светоний, сообразно к-рому, первое публично-общественное кифаредство Нерона приходится на Нероний 60г. (Нер. 12,3) (см. выше и ниже).

Поразить же всех слушавших его своим мастерством кифареда, поэта, певца, лицедея у кесаря в 59г., как ему показалось, получилось, ибо зрители-слушатели встретили и проводили его выступления бурными и продолжительными аплодисментами.⁴ И не столь важно, что было под ними в реальности. Восторгались все, за

⁴ Если по Светонию, изучавший в детские годы, наряду с др. науками, и музыку Нерон, придя к власти, т.е. в 54/55гг., пригласил к себе лучшего тогдашнего кифареда Терпна и много дней подряд слушал его после обеда и до поздней ночи, постепенно начав сам упражняться в этом искусстве, не упуская ни одного из средств, какими обычно пользуются мастера для сохранения и укрепления голоса (лежание на спине со свинцовым листом на груди, очищение желудка промываниями и рвотой, воздержание от плодов и других вредных для голоса кушаний) (20,1), то по Плинию (19,33,108), для сохранения голоса он каждый месяц в определённые дни постился, питаясь только рубленным пореем в масле (из-за чего, как полагали, его тело источало неприятный запах). И всё-таки «голос у него был слабый и сиплый» (Светоний), невзирая на что он (веря в себя, или, вернее, живя в отношении самого

исключением составившего, сообразно Диону (62,20,4), единственное исключение своим не столько противлением, сколько сдержанным, без восторгов, поведением Тразеи Пета (к-рый постепенно становился при Нероне чем-то наподобие Чаадаева при Николае II). Востогрались и рукоплескали, в т.ч., согласно Тациту, преторианцы из охранной когорты во главе с Бурром, к-рый, будучи сокрушён (в душе), тем не менее, выразил (*его величеству*) кесарю громкое одобрение.

* * *

Герольдом же Нерона – арфиста (не вытягивающий на Голиафа противоположность царя Давида!) и сказителя, перед зрителями был знакомый нам Юний Галлион, – ст. брат Сенеки, проконсул Ахайи в 52/53гг. (отказавшийся разбирать обвинение коринфских иудеев против Ап. Павла), кто объявил публике о представлении Нероном (как народным акыном Дж.Джабаевым) в собственном музыкальном сопровождении, под кифару, трагедий «Аттис» и «Вакханки» (Дион 62,20,1/2). В первом случае, римлянам была хорошо известна поэма Катулла, во втором – весь культурный античный мир прекрасно знал трагедию Еврипида, с её вариантом мифа об устанавливаемом свой культ в Фивах одолителе фиванского царя Пенфея (внука Кадма, сына Агавы и Эхиона, растерзанного во время вакханалии своей матерью и её сёстрами, Автоноей и Ино) Дионисе. И в обоих случаях обращают на себя внимание избранные отъявленным психоаналитиком Нероном, этим суперфрейдистом задолго до (и в подмётки не годящегося ему Фрейда), сексуально-оргастические трагисюжеты-мотивы.⁵

Самооскопитель Аттис, фигурирующий в мужском роде у Катулла до оскотления, и в женском – после, и вакханально безудержные – апогей астральных страстей – вакханки (полярная противоположность девственным весталкам, к-рых, к слову, Нерон, следуя Светонию, пригласил на состязания атлетов в септе – в Ювеналии 59г.? или – в Неронии 60г.?, «так как эти зрелища даже в Олимпии дозволены жрицам Цереры») (Нер. 12,4).⁶ Не был ли Нерону присущ комплекс

себя иллюзиями, к-рые некому было оспорить-опровергнуть) пожелал и решился выступить на сцене, сказав (поощрившим его) друзьям: «чего никто не слышит, того никто не ценит» (греч. пословица).

⁵ По пренебрежительно насмешливому Тациту, почти групповые послеобеденные поэтические сочинения (обладавшего некоторыми способностями к стихотворству) Нерона и его молодого окружения ничего серьёзного из себя (без порыва, вдохновения и единства поэтической речи) не представляли, из чего можно бы вывести переложение Нероном для кифары и под кифару трагедий Еврипида и Катулла. Но с Тацитом не соглашается Светоний: «Не правы те, к-рые думают, что он (Нерон) выдавал чужие сочинения за свои: я держал в руках таблички и тетрадки с самыми известными его стихами, начертанными его собственной рукой, и видно было, что они не переписаны с книги или с голоса, а писались тотчас, как придумывались и сочинялись, – столько в них помяток, поправок и вставок. С немалым усердием занимался он также живописью и ваянием» (Нер. 52).

Из Светония не следует талантливость сочинений Нерона, за к-рым сам Светоний, вопреки некоторым, утверждает их авторство. Эти сочинения и вправду не были и не могли быть ни гениальными, ни нужными людям, иначе они бы до нас дошли, при том, что и «Вакханки», и «Аттис», и т.д. являлись, надо (учитывая светониевские слова) понимать, не слепыми повторениями и переложениями, а более или менее самостоятельными нероновскими сочинениями и интерпретациями. (Сегодня времена несколько изменились и стихи Сталина или акварели Гитлера до нас дошли только потому, что это стихи именно Сталина и акварели именно Гитлера.)

⁶ Не вопиюще ли контрастны торговавшая багрянницей Лидия из Фиатир, обращённая в 52г. в македонских Филиппах Ап. Павлом (Д.Ап.16) (см. выше!) и наверняка как-то авторски задействованный, в т.ч., Нероном в 59г. хор лидийских вакханок в одноимённой трагедии «Еврипида»!

античного Гермифродита! не возмневал ли он себя первочеловеком Андрогинном, жаждучи (извращённо) познать загадку оного и соединить в себе, выражаясь библейской лексикой, как Адама до Евы, так и Адама с Евой из Адамова ребра (вместо того, чтобы пойти по единственно верному павлианскому пути познания Первого – тленного – и Второго – нетленного – Адама!)! Неспроста в перспективе он вступит в форменный брак с очень похожим на убитую им Поппею Сабину мальчиком Спором, сначала кастрировав последнего. И, мало того, он не менее форменно замуж за своего вольноотпущенника Дорифора или Пифагора! (см. ниже)

Но вернёмся к «бурным и продолжительным аплодисментам», звучавшим, как знают все, прошедшие советскую школу и слышавшие рукоплескания на съездах КПСС, не сами по себе, поскольку тон задавали специальные многочисленные хлопальщики, импульсировавшие-запускавшие рукоплескания всех прочих. Если Светоний так и называет эту собратскую команду «хлопальщиками» (Нер. 25,1), то Дион (62,20,3/4) презентует их как боевое, вернее, военизированное подразделение числом в 5 тыс. чел., называя их, сходно Тациту, «августинцами», под к-рыми статные молодые всадники, набранные-призванные (и согласно Тациту, и согласно Диону) для оглушительной поддержки решившего апробовать себя в изящных певческо-поэтичско-музыкально-сценических искусствах кесаря в 59г. н.э.

И тут рассказ обоих анналистов дельно дополняет нуждающийся в некоторой корректуре Светоний, к-рый, повествуя о выступлении Нерона в Неаполе, замечает, что в ходе этого выступления «театр дрогнул от неожиданного землетрясения» (Нер. 20,2), потом говорит о частых нероновских неаполитанских выступлениях, и, наконец, сообщает о наборе после одного из них (какого именно?) 5-и тыс. молодцов-рукоплескателей (20,2/3). Между тем, из Тацита мы узнаём о землетрясении во время Неронова неаполитанского выступления в 64г. (Ан. 15,33/34). Т.е. у частого хронопутаника Светония явная накладка, но нам ничего не мешает связать идею набора Нероном 5-и тыс. августинцев-клареров с его пребыванием в Неаполе после убийства Агриппины до осени 59г., когда он, возвратившись в Рим, позаботился в интервале от сентября до декабря, перед Ювеналиями, о том, чтобы набрать-мобилизовать всаднических хлопальщиков, к-рых набралось аж 5 тыс., разумеется, позже 59г.

Слово Светонию: «Ему (Нерону) понравились мирные рукоплескания александрийцев, к-рых много приехало в Неаполь с последним подвозом, и он вызвал из Александрии ещё больше гостей; не довольствуясь этим, он сам отобрал юношей всаднического сословия и 5 с лишним тысяч дюжих молодцов из простонародья, разделил на отряды и велел выучиться рукоплесканиям разного рода – и «жужжанию», и «желобкам», и «кирпичикам» (складывание ладоней), а потом вторить ему во время пения. Их можно было узнать по густым голосам, по великолепной одежде, по холёным рукам без колец; главари их зарабатывали по 400 тыс. сестерциев» (Нер. 20,3).

Видимо, летом 59г. Нерон увидел и услышал в неаполитанском театре впечатлившие его рукоплескание и подпевание александрийцев, прибывших в Неаполь на одном из судов, доставлявших зерно из Александрии в Италию, и затем занялся осенью в Риме набором хлопальщиков. А именно набором дюжих молодцов из всадников и, как выходит по Светонию, из простонародья, к-рые далее, конечно, не сразу, а позднее 59г. прошли основательную александрийскую школу (у выпитанных из Египта спецов) рукоплескания, подпевания и сделались своего рода живой фонограммой Нерона, обеспечивая ему также бурную поддержку и массовые аплодисменты.

Притом и хрононерешлявый Светоний, и анналист Тацит, само собой, расска-

зывают обобщительно, один — эссеистски скучивая поддержку августианцев в разные годы Неронова правления без конкретной хронологии, другой — втиснув её, под событийный момент, в анналистический 59г.

И незачем удивляться тому, что и Светоний, и Дион представляют этих пресловутых рукоплескателей-хлопальщиков, бывших ещё и, повторим, живой фонограммой венценосного кифареда и лицедея, одновременно как боевое (у Диона — букв. 5 тыс. солдат) подразделение, ибо это был, во вполне определённом смысле, универсальный Нерон-югенд, или отряд нероновских комсомольцев-добровольцев, к-рый, при и по надобности, мог, услышав кесарскую команду «фас», превратиться в нещадно бьющих крамолу хуньвеньбинов. То-то, по Диону (60,20,4), они не только и не просто аплодировали хозяину сами, но и следили за тем, чтобы это усердно делали все прочие, призывая криками и угрозами всех зрителей-слушателей, всенепременно присоединиться к их восторгам и аплодисментам.

Более того, клакерствуя, они прославляли хозяина во всеуслышание: «Великолепный Цезарь! наш Аполлон! наш Август!» (60,20,5). Не показательно ли это местонахождение Аполлона между Цезарем и Августом! Вот какому трио уподоблялся Нерон, очень притязавший именно на (будучи её противоположением) аполлоническую субстанцию, к-рая, приложительно к христианству, божественно манифестируется — как новый Аполлон — в Иисусе Соломоне, К-рый, в свою очередь, восстаёт под крестом Голгофы в Лазаре-Иоанне. И не пожертвовал ли Иисус Соломонид на Пасху 14г. свою индивидуальность (Заратустра) двоюродному брату — Иисусу Нафаниду (Кришна с его знаменитой свирелью), Кто есть новый Дионис, субстанция К-рого восстала, при озарении на пути в Дамаск, в Ап. Павле — наставнике и учителе Дионисия Ареопагита, из эзотерической школы к-рого вышел в перспективе Дионисий Малый! И ведь на ампула (в т.ч.) Диониса, (рававшийся в человекобоги) Нерон тоже, не довольствуясь Аполлоном, претендовал-притязал!⁷

Важно отметить и то, что, невзирая на умышленный праздничный характер заключительной четверти матерубийственного 59г. н.э., в этом году, согласно Диону (62,19,4), умерло много известных мужей, часть из к-рых были обвинены в

⁷ Если Павел и Дионисий Ареопагит в христианстве представляют (один из ракурсов! углов зрения!) дионисианско-буддийскую линию Нафанова Иисуса, а Иоанн Богослов — аполлоническо-заратустринскую линию Соломонова Иисуса, то гностический оккультист Мани (как и Пётр, но с гностическим, а не с петрианским церковно-сакральным содержанием-стержнем; сверху, а не снизу) соединяет их и поднимает на иную симбиозную ступень, к-рую от-у павликиан, богомилов, Парсифаля, тондракийцев, катаров, тамплиеров наследуют-принимают розенкрейцеры.

Притом весьма примечательно, что если до Таинства Голгофы аполлонический импульс Соломонова Иисуса, сродни его общеизвестной царско-таблюдной генеалогии (Ев. от Мф.1), открыт и манифестируется открыто, тогда как дионисианский импульс Нафанова Иисуса, сходно его генеалогии от Давида, но не от Соломона, а от мужей жребия Мелхиседекова — Давидидов-Нафанидов, сокрыты, то после Мистерии Голгофы всё наоборот. Именно дионисианский импульс Нафанова Иисуса теперь выступает на передний план и действует-манифестируется (в т.ч.) открыто, в то время как аполлонический импульс Соломонова Иисуса уходит-отходит (в т.ч.) в эзотерическую тень.

Далее, если Дионисий Ареопагит выступил (в писаниях Псевдо-Дионисия от Дионисия Малого) как инаугуратор мистической теологии (I-V/VIвв.), то (создавший предпосылки для грядущей победы над лукавым Аверроэсом) Фома Аквинат схоластически свёл (XIIIв.) философию Аристотеля с мистикой Дионисия Ареопагита, что, в свою очередь, проложило дорогу от тамплиеров к розенкрейцерам, от розенкрейцеров и гностическо-манихейского оккультизма — к преемствовавшей философии и теософии — духовной науке — антропософии (учредитель к-рой Р.Штайнер, отлично от Аристотеля, бывшего до 40-а лет мистериалистом, интегрировал христианские мистику и оккультизм в духовную науку антропософию в возрасте после 40-а лет).

заговоре против Нерона, «окружены солдатами и побиты камнями». Тацит сообщает в завершение анналов данного года о естественной кончине небезызвестных мужей – Домиция Афра и М.Сервилия (см. ниже), ничего не говоря о каком-либо заговоре и казнях. Да и не практиковавшееся, насколько ведомо, римлянами каменение изблещённых анонимных заговорщиков наводит на сомнения.

Правда, кто знает, возможно, кого-то, кого Нерон заклеил заговорщиками, импровизационно-порывно каменовали слишком усердные августианцы, ведь Дион в обоих случаях употребляет термин «солдаты». На устройство роскошных празднеств требовались немалые средства, и потому поиск «врагов народа» = врагов кесаря, к-рых надлежало карать с конфискацией имущества в императорскую казну, постепенно становился для Нерона, для этого Калигулы в квадрате, столь же актуальным, как ранее для Калигулы.

Стоит ещё сказать о посттрапезном уделении Нероном внимания философии и о забавлявших его междусобойных спорах учителей-философов. Любопытно, что имея наставником философа-стоика Сенеку, он, напоминая, не был приобщён к философии волей матери, считавшей её вредной для будущего властителя, тогда как Сенека, со своей стороны, не приобщил выученика к ораторскому искусству, чтобы тот, по Светонию, «дольше сохранил восторг перед наставником» (Нер. 52), продолжая ораторски нуждаться в нём, в его незаменимых услугах, и на троне. Засим, спрашивается, удивительна ли в подобных обстоятельствах эллинизация-ориентализация дистанцированного от философии и реторики/риторики Нерона? к-рый, и без того экстремальный декадент в душе, римский продолжатель-апогей Антония и Калигулы, всей душой и всем телом отдался кифаредству, стихотворству, лицедейству, пению, живописи, ваянию, скачкам! Скоморох на троне!

Ну, а в остальном во второй половине 59г. н.э. произошли и другие римско-италийские события, по поводу к-рых нам, перед тем как перейти к внешнеполитическим событиям за пределами Рима-Италии, в масштабах Римской империи, необходимо снова обратиться к анналистике Тацита.

РАЗНОЕ

«Приблизительно тогда же, начавшись с безделицы, во время представления гладиаторов, даваемого Ливинеем Регулом, об исключении к-рого из сената я сообщил, вспыхнуло жестокое побоище между жителями Нуцерии и Помпей. Задирая сначала друг друга по свойственной городским низам распущенности насмешками и поношениями, они схватились затем за камни и наконец за оружие, причём взяла верх помпейская чернь, в городе к-рой давались игры. В Рим были доставлены многие нуцерийцы с телесными увечьями, и ещё большее их число оплакивало гибель детей или родителей. Разбирательство этого дела принцепс предоставил сенату, а сенат – консулам. И после того как те снова доложили о нём сенату, он запретил общине помпейцев на 10 лет устройство этого рода сборищ и распустил созданные ими вопреки законам товарищества. Ливиней и другие виновники беспорядков были наказаны ссылкой.

Тогда же из сенатского сословия был исключён Педий Блез, обвинённый киренцами в расхищении сокровищницы Эскулапия и в том, что, производя набор в войско, брал взятки и допускал злоупотребления. Те же киренцы настаивали на предании суду бывшего претора Ацилия Страбона, направленного к ним в своё время Клавдием для разбора дела о землях, некогда принадлежавших царю Апиону, завещанных им вместе с царством римскому народу и захваченных ближайшими землевладельцами, к-рые отстаивали давнее беззаконие и самоуправство, ссылаясь

на право и справедливость. Вынеся решение об отобрании спорных земель, Страбон восстановил против себя эту провинцию. Сенат ответил киренцам, что ему неизвестны распоряжения Клавдия и что следует обратиться к принцепсу. А Нерон, одобрив принятое Страбоном решение, тем не менее написал сенату, что, идя навстречу союзникам, уступает им незаконно присвоенное.

Затем следуют кончины выдающихся мужей Домиция Афра и Марка Сервилия, занимавших в прошлом высшие должности и отличавшихся блистательным красноречием: первый был знаменит судебными речами, Сервилий – своими выступлениями на Форуме, а в дальнейшем и сочинением по римской истории, и безупречностью образа жизни, отличавшего его перед Афром, к-рый, будучи равен ему дарованиями, не обладал его нравами» (Ан. 14,17-19).

Ливиней Регул – предположительно, сын одного из адвокатов визави Германика Гн.Пизона на судебном процессе 20г. н.э. (Д.И. 521). Был исключён, неизвестно за что, из сената, согласно Тациту, по всему, до 47г., в отсутствующую «анналистическую» 10-летку 37 – 47гг. (так как анналистической информацией об этом мы не располагаем), вероятно, при Клавдии. И вот теперь он (как и др. виновники беспорядков) отправился в ссылку за приведшие к кровопролитию и жертвам беспорядки, вспыхнувшие во время даваемого им гладиаторского побоища в Помпеях, между зрителями – помпейцами и нуцерийцами.

О Нуцерии Альфатерна – городе Кампании между Нолой, Помпеями (гавань Нуцерии), Беневентом и заливом Салерно см. выше. Здесь напомним: с 308г. до н.э. – Нуцерия – союзник римлян; в 89г. была сожжена союзниками (Сюзническая война); во второй половине 70-х гг. в. до н.э. – разрушена Спартаком; в пору битвы при Филиппах в 42г. до н.э. – Colonia Nuceria Constantia, почему-то не значащая позднее, при Августе. В 57г., при Нероне, в упадочной Нуцерии, как и в соседней Капуе, были поселены римские ветераны, чтобы повысить за счёт римских граждан долю сокращающегося свободнорождённого населения Италии. Родина gens Vitellia. Как и Помпеи, город пострадает от землетрясения в 62г., а позднее, в отличие от Помпей, не погибнет, но и не останется в стороне от извержения Везувия в 79г.

Древнейшее поселение, о к-ром трудно сказать что-либо определённое, на месте Помпеи существовало, если верить последним раскопкам, уже во II тыс. до н.э. 700 – 500гг. до н.э. – остатки оскского поселения под греческим (из Кум?) влиянием, хотя культ Геракла-Мелькарта свидетельствует о влиянии в предшествующую эпоху финикийском. Название восходит либо к оскскому рупре – пять, указывая на формирование города в результате слияния 5-и поселений (деление на 5 округов сохранялось и в римское время), либо от греческого ропре – триумфальное шествие. По легенде, Помпеи и Геркуланум основал победитель великана (с острова Эрифия на крайнем западе Ойкумены) Гериона (сын рождённого из крови Горгоны Хрисаора и океаниды Каллирои) – Геракл.

Слабо изученная ранняя история города говорит о борьбе за него в VI/Vвв., с переменным успехом, между греками и этрусками; о его сопринадлежности Кумам; о союзе, в составе нескольких городов, с Капуей; о строительстве в 525г. дорического святилища, посвящённого греческим богам. 470 – 24гг. – под этрусками, как и Капуя. 424 – 250гг. – самнитский период, к-рый, судя по данным раскопок, делится на две фазы, характеризующаясь расширением площади города, строительством крепостной стены, идентификацией Померия. Временем ок. 300г. датируются остатки старейшего самнитского кладбища за городской чертой, руины храмов и культовых алтарей, отсутствие, не в пример соседним Нуцерии или Ноле, собственной отчеканенной в Помпеях монеты. Самнитская культура – как ветвь элли-

низма со специфическими помпейскими чертами. Вследствие поражения самнитов во Второй Самнитской войне (327 – 04гг.), Помпеи, возле к-рых в 311г. высадились принявшие разорять нуцерийские владения римляне (Ливий 9,38,2), с 310г. – союзник Рима.

250 – 200гг. – взлёт. Обновление городских стен из нуцерийского туфа, эллинистическая архитектура, строительство большого театра. Во Второй Пунической войне (218 – 01гг.) город, как и Нуцерия (но не союзник Ганнибала – жестоко наказанная римлянами Капуя), на стороне Рима. 200 – 90гг. – мирное процветание. Храм Юпитера – малое подобие Капитолийского, храм Венеры Pompeiana, дом Фавна (Пв. до н.э.), с бронзовой статуей танцующего фавна (ныне в музее Неаполя). Увеличение местного Форума в южном направлении, возведение базилики (100г. до н.э.); Macellum – крытый рынок. С начала Iв. до н.э. – два театра: крытый – малый, использовавшийся как оден, и рассчитанный на 20 тыс. зрителей амфитеатр (для местного населения и гостей). Стабийские термы II-го и термы форума Iвв. до н.э. Строительный материал, как и в самнитский период, – нуцерийский туф, в то время как досамнитский строительный материал – известняк, а римский (I/Iвв.) – кирпич.

В 89г., в ходе Союзнической войны, Сулла, осадив Помпеи, сначала отступил, город сумел удержаться и был дополнительно укреплен 12-ю башнями. Но позже всё равно сдался и вынужденно принял 2 тыс. сулланских ветеранов. С 80г. основанная племянником диктатора Р.Корнелием Суллой – Colonia Corneliae Veneriae Pompeianorum. Превращение в течение Iв. до н.э. в благоустроенный центр площадью в 66 га, с крепостной стеной в 3120м длиной и 9-ю воротами, с мощёными улицами, водопроводом, виллами, новыми общественными зданиями, храмами. С 35-ю, при населении в 20 тыс., публичными домами (лупанарии) и т.д., что было обусловлено, в частности, важным географическим местоположением соединявшего северную и южную Италию города на дороге via Appia и при море.

80 – 31гг. – период сулланской колонии; 31г. до н.э. – 54г. н.э. – юлианско-клавдианский расцвет: храм Fortuna Augusta, новый рынок, модернизация колоннады форума, большого театра, стабианских термов, сооружение большого кампанского водопровода, строительство, при Тиберии, «здания Евмахии» для корпорации фуллонов, ткачей и красильщиков, составлявших основу экономики Помпей, возведение богатых городских зданий и множества римских вилл. 54 – 62гг. (до землетрясения 5.02.) – модернизация храма Аполлона, восстановление храма Изиды, обновление храма Венеры Pompeiana и т.д.

Примечательны до сих пор открытые в Помпеях святилища, культы и алтари разных эпох, посвящённые: 1) доримские – Зевсу (Юпитеру) Мелихию, Артемиде-Диане, Церере, Геркулесу, Афине-Минерве, Афродите-Венере, Посейдону-Нептуну, Меркурию, Майе, Дионисию-Вакху, Флоре, Пану, Асклепию, Гигею, Сарну; 2) римские – капитолийской Триаде, Венере Помпеянской, Марсу, Весте, Гению, Ларам, культу Цезарей; 3) ориентальные: Изиде, Великой Матери, богом дней Недели, плюс – мистерии Диониса («Вилла Мистерий» – ок. 50г. до н.э.). Кроме того, в 70-е гг. Iв., уже при Флавиях, декоративными росписями на тему дионисианских таинств был, за считанные годы до гибели города, украшен «дом Веттиев».

Не подлежит сомнению также существование помпейско-еврейской общины и общины первых христиан, о чём красноречиво свидетельствует христианский крест, раскопочно обнаруженный в «Доме Панзы». О причастности к этому кресту христиан многие спорят, но скажите, – почему погибшие в 79г. Помпеи должны были быть обделены христианами и христианской общиной?! к-рые на 61г. имелись, в чём мы недавно удостоверились, в соседних Пучеолах!

Тем временем, разрушительное землетрясение, к-рое постигнет этот, с его ярко

выраженным симбиозно-античным декадансом, жирующий и процветающий кампанский город 5.02.62г. н.э. (Ан. 15,22) (см. ниже), станет грозным предзнаменованием грядущей катастрофы. И она – «Малый Апокалипсис» – грянет в августе 79г., когда мощное извержение Везувия погребёт под слоем вулканического пепла эти новые Содом и Гоморру – и Помпеи, и Геркуланум, и Стабии.⁸

Однако, за 20 лет до того, в 59г. (да и позже), развращённые хлебо-зрелищные помпейцы о приближающейся гибели не думали, получая удовольствие в своём большом амфитетаре от гладиаторского побоища и свирепо разодравшись (словно современные футбольные фанаты) со зрителями из соседних нуцерийцев. Плюс к тому, на сей раз, не обошлось без применения камней и оружия, что привело, видимо, к многочисленным человеческим жертвам среди родителей и детей и к множеству покалеченных. Причём, помпейская чернь взяла верх, что не удивительно, поскольку дома и стены, и численное превосходство помогают, тогда как нуцерийцы горько пожаловались в Рим.

В таких вопросах Нерон не имел ничего против, позиционируя себя аки второй Август, предоставления решения сенату, к-рый передал дело консулам, а те, рассмотрев его, снова доложили сенаторам, постановившим отправить плохих организаторов закончившегося обильным зрительским кровопролитием зрелища в ссылку и примерно наказать Помпеи как 10-летним запретом на устройство гладиаторских боёв, так и роспуском незаконно созданных помпейцами товариществ.

О каких именно товариществах речь – Тацит молчит, но при Нероне на различные товарищества-корпорации, типа августианцев и др., была мода. Посему, вероятно, на повестке дня незарегистрированные товарищества т.н. зрелищно-спортивных, в духе нероновской эпохи, с позволения сказать, болельщиков, делавших ставки на гладиаторов, ипподромных гонщиков, поэтов, музыкантов, певцов, актёров...

* * *

Сродни отправленному теперь в ссылку Ливинею Регулу, к-рого исключили из сената при Клавдии, ныне из сенаторского сословия был исключён, и вероятно, тоже отправился в ссылку, обвинённый киренцами в расхищении сокровищницы святилища Асклепия и в др. злоупотреблениях, при его управлении их провинцией, ближе неизвестный Педий Блез.

Надо полагать, он просходил из плебейского gens Pedia, представители к-рого появляются на римской политической авансцене со дней Союзнической войны 91/90 – 89/88гг. и прослеживаются в истории Рима до Пв. н.э. Первый из них, о ком

⁸ Почти полторы тысячи лет забытые Помпеи глухо лежали после 79г. под слоями-наплавотаниями земли. И вот в 1592г. архитектор Д.Фонтано, прокладывая канал от реки Сарна, обнаружил часть городской стены, принадлежность к-рой осталась под вопросом. Веком позже, в 1689г., роя колодец, нашли руины древнего здания, содержащие надпись со словом «Помпеи», приняв здание за виллу Помпея Магна. Раскопки начались лишь в 1748г. под руководством Р.Дж.Алькьюберре, уверенного, что найденный им город – Стабии. И только в 1763г., под руководством Ф. Ле Вега, с обнаружением надписи на одной из статуй, безошибочно выяснилось: погребённый под пеплом город – именно Помпеи. Особенно активно раскопки велись в 1808-14гг., при наполеоновско-неаполитанском короле Мюрате и его очень интересовавшейся ими супруге Каролине Бонапарт (мл. и самая красивая сестра Наполеона – «корсиканская Венера»). Интенсивность ведения принявших с тех пор систематический характер раскопок возросла с 1863г., и до настоящего времени раскопано ок. 3/5 города, хотя с 1961г. и особенно после землетрясения 1980г. в городе, сделавшемся беспримерным музеем под открытым небом, практически ведутся одни реставрационные работы (20-23 % территории Помпей не раскопано).

сведений почти нет, был женат на ст. сестре Цезаря Юлии. Его сын Кв. Педий — легат Ю. Цезаря в 57г. в Галлии; после начала Гражд. войны в 49г. представлял дело Цезаря в Кампании; в 47г. до н.э. — наместник Испании Citerior. В Цезаревом завещании указан, вместе с Пинарием, наследником 1/4 доли супротив Октавиана — главного наследника — в размере 3/4. В 43г., с 19.08., после гибели обоих консулов-ординариев — Гирция и Панзы, соконсул Октавиана. Его супруга — из фамилии М. Валерия Мессалы Корвина, благодаря чему Педии стали родственниками как патрицианских Юлиев Caesariae, так и патрицианских Валериев Messalae.

Одноимённый сын этого консула 43г., квестор 41г. до н.э., рано умер, оставив глухонемого сына, попечение о к-ром взяли на себя родственные В. Мессала и Октавиан Август. Мальчик подавал огромные надежды как художник, но скончался в отроческом возрасте (Плиний 35,21). Далее, некий Гн. Педий Каска значится в ранге консула-суф. в паре с Домицианом в 71г. н.э., и есть ещё С. Педий — сенатор во IIв. н.э., при Антонинах, на к-ром gens пресекается.

Чьим из Педиев правнуком, внуком, братом, отцом, дедом, прадедом был интересующий нас сейчас Педий Блез — вопрос, ибо, помимо вышепроцитрованного абзаца в «Анналах» Тацита, какие-либо упоминания о нём отсутствуют. Согласно же Тациту, мы можем умозаключить, что он управлял при Нероне в ранге пропретора, во второй половине 50-х гг. IVв., сенатской провинцией Крит и Киренаика (если на тот момент Крит и Кирена были одной провинцией), и подвергся, сдав наместническую вахту, ряду обвинений со стороны инкриминировавших ему несколько коррупционных статей киренцев. Непоздний Нерон старался, сходно Августу и Тиберию, проявлять максимальную заботу о провинциях, иногда строго взыскивая (образцово-показательно и когда хотел) с легатов-шкуродёров. Впрочем, кабы римский центр, действительно, строго-настрога наказывал вороватых наместников, скажем, отсечением рук, то подавляющее большинство их и, соответственно, римских сановных верхов, ходило бы безрукими.⁹

Вдобавок к тому, киренцы выдвинули также обвинение против претора Ацилия Страбона, кто, снаряжённый к ним ещё Клавдием для разбора дела о спорных землях, отобрал последние у землевладельцев, чем вызвал недовольство последних, к-рые прибыли с жалобой в Рим, ходатайствуя о пересмотре решения перед преемником Клавдия Нероном.

Напомним, Кирена, как уникальная эллинская колония в Северной Африке, была основана в VIIв. до н.э. санторинскими колонистами — выходцами из Тиры (Теры) — южнейшего острова эгейских Киклад. Основатель знаменитого ливийского Пентаполя (союз пяти городов) — кикладский мигрант-островитянин Батто (наст. имя Аристотель), коронованный царём далёкого африканского Пятиградия. И династия Баттонидов усиленно культивировала закрытскую афро-эллинистическую периферию на протяжении почти 200 лет.

В VIв. Баттониды союзнически приветствовали Ахеменидов, власть к-рых, остановившихся при Камбизе на Египте, к западу от Египта дальше и больше сферы влияния не распространилась. В IVв. Ливия добровольно признала верховенство пришедшего в Египет Александра и вскоре оказалась под властью Птолемеев. Птолемей Сотер поставил над ней сына Вереники I от брака с Филиппом — Магаса.

⁹ Говорят, когда раздражённый повальным казнокрадством Пётр I гневно потребовал в Сенате принять закон, по к-рому каждый, кто украдёт у государства на сумму больше куса верёвки, должен быть на этой верёвке повешен, и вороватых-проворовавшихся сенаторов охватил ужас, только близкий к царю наименее коррумпированный генерал-прокурор Ягужинский (к-рого ненавидел казнокрад № 1 Меньшиков) осмелился возразить Петру, что в сём случае у царя не останется ни одного подданного, ибо «мы все воруют, кто больше, кто меньше». Возражение подействовало и закон не был принят.

В 274г., при Птолемее II Филадельфе, Магас отпал от Александрии. Позднее Кирену снова подчинил птолемейскому Египту Птолемей III Эвергет. В 163г. на киренских горизонтах впервые появился официально ратовавший, в ходе создания Imperium Romanum, за свободу и справедливость в мире римский сенат: спорная вотчина была арбитражно присуждена, со статусом самостоятельного царства, брату Птолемея VI Филометора. В 145г. этот брат занял под именем Птолемея VIII Эвергета александрийский престол и, умирая в 116г., завещал Кирену своему незаконному сыну Птолемею Апиону, к-рый после собственной кончины в 96г. до н.э. оставил её Риму.

Вот о землях какого Апиона, завещанных им вместе с царством римскому народу и позднее (когда?) захваченных ближайшими землевладельцами, что оставалось в Кирене спорным и по поводу чего часть киренцев обратились (в первый ли раз?) при Клавдии к римлянам, говорит в Ан.14,18 Тацит.

Между тем, завещательно унаследовав в 96г. до н.э. царскую Кирену, римляне предоставили городам Пятиградия свободу самоуправления. Города взаимно рассорились-разодрались. Рим снова вмешался. В 88г. Лукулл урегулировал запутанные пентапольские взаимоотношения. В 74г. Киренаика получила статус римской квесторской провинции, позже была объединена с Критом и поручена заботом претора. Её подарочная передача Антонием в 34г. Клеопатре Селене (дочь триумвира и Клеопатры VII; сестра-близнец Александра Гелиоса) существенными изменениями обернуться не успела. Завоевав в 30г. Александрию, Октавиан восстановил прежний крито-киренский провинциальный статус-кво. Впрочем, иногда Крит и Кирена, в зависимости от ситуации в Кирене, к-рая могла перейти из сенатского ведения в кесарское, разъединялись, преимущественно пребывая в составе одной провинции и в ведении сената (Р.л. 1174-76). Только при Диоклетиане в Киренаике была образована отдельная от Крита, на постоянной основе, провинция Lybia Pentapolis.

Любопытно, что при Клавдии Ацилий Страбон решил спор в Кирене не в пользу землевладельцев, предки к-рых некогда заняли, по мнению других киренцев, — противозаконно, часть каких-то земель последнего киренского царя Апиона. Однако, землевладельцы опротестовали Страбонов арбитраж, ходатайствуя о пересмотре дела Нероном, а Нерон, признав правоту решения Страбона, тем не менее, вероятно, чтобы не возбуждать против Рима киренскую элиту, в к-рую входили означенные латифундисты, восстановил прежнее доарбитражное положение дел.

* * *

С Гн.Домицием Афром и с М.Сервилием, коротким некрологом к-рых Тацит замыкает анналы 59г. н.э., читатель наших книг неплохо знаком.

Здесь, повторим, что Домиций Афр, родом из Нарбоннской Галлии, учитель Квинтилиана, был, по обстоятельствам, и красноречивым, и злоречивым, и медоречивым ритором-делатором своего времени (без чести и совести). Начав с претуры в 25г. н.э., он вскоре стяжал имидж грозного обвинителя и быстро вылез из первоначальной бедности за счёт обвинений (в угоду Тиберию и Сеяну) против близкой к Агриппине Старшей (вдовы Квинтилия Вара) Клавдии Пульхры (26г.), и годом позже — против её сына (27г.).

Затем, не прекращая обвинительски подвизаться при Тиберии, прославился-ославился тем, что при Калигуле, в 39г., почти поверженный, смекнул капитулировать перед красноречием тщеславного кесаря, чем стяжал помилование и даже дарственно облёк консульство-суф. В правление Клавдия, не слишком лада с его вольноотпущенниками (Квинтилиан 6,3,81), успешно защищал в суде некую Клоатиллу (42г.) (Квинтилиан 8,5,16), — супругу в скором времени противоклавдианского

заговорщика. Потом погубил на процессе С.Курвия, сыновей к-рого адаптировал и назначил своими наследниками (Плиний Мл. 8,18,5). С 49 по 59г. почивал на почётных консульских лаврах ответственного за водоснабжение Рима куратора aquarum, любил (сродни множеству римлян), невзирая на старческий возраст, обжираловку, и умер в 59г., согласно Иерониму, переев-объевшись (см. выше).

О М.Сервилии Нониане, бывшем, по Тациту, как римлянин безупречной репутации, полной противоположностью Домицию, сведений меньше. Он приходился сыном дружному П.С.Квиринаю и дававшему в 20г. н.э. показания против экс-супруги Квирина Лепиды М.Сервилию, консулу 3г. н.э., от Нонии. Сам, женатый на некоей Консидии и имевший от неё дочь, консульствовал в 35г. н.э. Стяжал авторитет выступлениями на Форуме, подробностей о чём мы не знаем, и известность написанием исторического труда, эвентуально, о времени после 14г. н.э. (кончина Августа), к-рым, возможно, пользовался Тацит и к-рый до нас не дошёл.

Причём, если Тацит, некроложно похоронив противоположными характеристиками Домиция Афры и Сервилия, переходит к событиям следующего 60г. н.э., то нам ещё предстоит разобраться с событиями 59г. в Армении, оказавшимися у Тацита, кто, о чём читатель знает, не единожды преподносит рассказ о периферийных событиях двух/трёх или ряда лет под одним годом, среди событийности 60-го г., когда принероновская активность римлян на Армянском нагорье казалось бы увенчалась-завершилась победой.

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС

СОЖЖЕНИЕ КОРБУЛОНОМ АРТАШАТА, ВЗЯТИЕ ТИГРАНАКЕРТА И НОВОВАССАЛИЗАЦИЯ АРМЕНИИ

«После разрушения Артаксаты Корбулон решил воспользоваться ещё владевшей врагами растерянностью и захватить Тигранокерту, чтобы или, уничтожив её, вселить в них ещё больший ужас, или, пощадив — породить молву о своём милосердии. Он направляется к городу, не производя со своим войском опустошений, чтобы не отнимать надежды на снисхождение, и вместе с тем не забывая о мерах предосторожности, ибо он хорошо знал, как непостоянен этот народ, столь же малодушный в опасности, сколь вероломный при благоприятных для него обстоятельствах. Варвары, смотря по нраву каждого, одни — обращаются к нему с мольбами, другие — покидают свои селения и уходят в глухие места; были и такие, к-рые вместе со всем, что было для них дороже всего, укрылись в пещерах. Поэтому и римский полководец поступал с ними по-разному: был милостив к зывающим о пощаде, стремителен в преследовании бегущих и безжалостен к засевшим в убежищах: он закладывает входы и выходы пещер сучьями и валежником и разводит огонь. А когда он проходил мимо пределов мардов, привычные к разбойным набегам и защищённые от вторжения горами, они совершили на него нападение; бросив на них иберов, Корбулон разорил их земли и дерзость врагов отмстил чужой кровью.

Сам он и его войско, хоть оно и не понесло потерь от сражений, вынужденные утолять голод одним только мясом, изнемогали от лишений и трудностей; недостаток воды, знойное лето, дальность переходов — всё это умерялось только терпением полководца, переносившего наравне с рядовым воином те же и даже большие тяготы.

Наконец выбрались в обитаемые места и сняли жатву; из двух крепостей, в к-рых укрылись армяне, одна была взята приступом; тех же, кому удалось отбить первый натиск, вынудили к сдаче осадою. Перейдя затем в область тавравнитов, Корбулон

избегнул неожиданной опасности; возле его палатки был схвачен с оружием некий варвар из знатного рода. Под пыткой он раскрыл заговор и его цели, назвал его главой и зачинщиком и выдал своих сотоварищей; и были изобличены и наказаны те, кто под личиной друзей готовил злодейское покушение. Вскоре прибывшие из Тигранокерты послы заявили, что их город открыл ворота и его жители ждут приказаний; при этом в качестве дара гостеприимства они поднесли золотой венец; Корбулон благосклонно принял его, и городу не было причинено никакого ущерба, дабы горожане с тем большей готовностью соблюдали повиновение...» (Ан. 14,23/24)

В предыдущем разделе, беседуя об Армении — этом перманентном как яблоке раздора, так и буфере между Римом и Ираном, мы остановились на взятии Домицием Корбулоном осенью 58г. Арташата-на-Араксе. Притом горожане, во избежание штурма и резни, открыли имевшему под своим командованием 3 легиона и вспомогательные войска Корбулону ворота города, ибо перед тем Тиридат отступил от Арташата и ушёл из Армении (в направлении Мидии), не могучи сдерживать римлян без поддержки старшего брата — царя царей Вологеса, к-рый был занят, во главе основных парфянских сил, борьбой с восставшими прикаспийскими гирканцами.

После этого Корбулон перезимовал, как мы приняли, в Арташате, и весной следующего 59г., не тронув местное население, сжёг сам город, к-рый проше и прагматичнее было, по его мнению, уничтожить, нежели оставлять в нём, на нерентабельном отдалении от каппадокийской и сирийской границ, римский гарнизон. Произошло же это во второй половине апреля 59г., во время солнечного затмения 30.04., наблюдавшегося, согласно Плинию (2,180), Корбулоном в Армении (см. выше).

Но война на сём, несмотря на прошлогодний уход Тиридата, не закончилась, и спалив Арташат, Корбулоново воинство двинулось, надо полагать, в мае 59г. к другой армянской столице Тигранакерту, к-рый располагался (юго-запад от Арташата) на одном из левых притоков Тигра (Никефорион), в области Ах(л)дзник (близ совр. Диарбекира в Турции). И любопытно, что Корбулон повторял теперь путь Лукулла в 69/68/67гг., правда, в обратном направлении. Ведь осенью 69г. до н.э. Лукулл взял и разрушил столицу Тиграна II Тигранакерт, основанную им в 77г. и сделанную первой столицей его недолгосрочной державы (от Средиземного до Каспийского морей) на пространстве между Антиохией Сирийской (к-рую Тигран утвердил за собой в 83г. до н.э.) и Арташатом.

Однако, если тогда римляне, уничтожив Тигранакерт, в следующем 68г. до н.э. Арташат (называемый ими «армянским Карфагеном») так и не взяли (поскольку Тигран перешёл, по совету Митридата Эвпатора, избегая фронтальных столкновений, к тактике более эффективной партизанской войны против них), то сейчас, напротив, взят и уничтожен был именно Арташат, в то время как к Тигранакерту Корбулон проявит демонстративное великодушие, пощадив покорившийся ему город.

Впрочем, сначала к городу надо было прийти-подойти и городом требовалось овладеть. Путь к нему пролегал мимо (вдоль) пределов тех мардов, к-рые обитали в Мардастане — гавар Васпуракана между озёрами Ван и Урмия, откуда (скорее, нежели из Кордука, — самой южной области Армении к югу от Вана) марды, по всему, и атаковали римлян. Против них Корбулоном были задействованы иверы, вторгшиеся в Армению, как союзники Рима, ещё в 58г. под предводительством (умертвившего своего сына Радамиста) старого царя Фарасмана.

И тут допускающего сначала очередной антиармянский пассаж Тацита, кто не хочет спускать армянам (к-рых больше привлекала перспектива быть привилегированной братской величиной в Парфянском Иране, чем захолустно-окраинной периферией Рима) их пропарфянство, особо радуется, что римский полководец отмстил

совершителям разбойных набегов из труднодоступных гор мардам чужой, в данном случае, иверской, кровью, не пролив, соответственно, драгоценную (мол, *истинно арийскую*) римскую кровь.

Далее, летом 59г., римляне, продвигаясь от арташатского пепелища к Тигранакерту, взяли, исходя из Тацита, две (безымянные) крепости, где засели армяне, одну — приступом, другую — посредством сдачи. И испытывая трудности как от недостатка продовольствия (им приходилось питаться исключительно мясом), так и от дальности переходов, в летний зной, перешли в область тавравнитов, к-рых надо искать в армянском Тароне (Муш), к северу от Тигранакерта.

Здесь в среде армянской знати, отчасти изначально бывшей (в значительном меньшинстве) на стороне римлян, отчасти примкнувшей к ним в связи, с одной стороны, обидным, с другой, — не оставлявшим армянам выбора, уходом Тиридата, и походно сопровождавшей Корбулона, возник заговор с целью его убийства. Вслед за этим, согласно не углубляющемуся в подробности Тациту, последовало наказание заговорщиков, выданных несостоявшимся убийцей под пыткой.

А вскоре затем в римский лагерь прибыли тигранакертские послы с изъявлением покорности, с вестью о том, что город не намеревается оказывать сопротивление, готов открыть ворота, и что его жители ждут распоряжений.

Нельзя не сказать, что с уходом Тиридата, — к-рый, кстати, часть знатного армянства квалифицировала как предательство и нашла более целесообразным переметнуться к Риму, — и без поддержки парфян, у армян не было шансов против 3-х римских легионов, плюс — вспомогательные войска. И в сложившихся обстоятельствах поведение тигранакертцев вполне объяснимо-понятно. Они рассчитывали на пощаду — спасти хотя бы население, если римляне решат уничтожить, подобно Арташату, их город. Или, при лучшем раскладе, спасти и население, и город.

Вместе с тем, для расчётливого Корбулона с армян было достаточно уничтожения Арташата, почему в сожжении ещё и Тагранакерта, покорность к-рого проявившему знаменательное великодушие Риму выгоднее, чем гибель, он не видел надобности. Во-первых, Тигранакерт, некогда окружённый мощными крепостными стенами, к-рые срыл Лукулл, невзирая на восстановление как города, так и его стен, от того удара так полностью и не оправился; во-вторых, город располагался гораздо ближе к Каппадокии и Сирии, чем Арташат, находясь, стало быть, в ближнем, по сравнению с Арташатом, диапазоне достижимости римлян — на случай необходимости стремительного марша к нему или стремительного удара по нему.

* * *

Но сдались ли тигранакертцы сразу и происходило ли всё в соответствии с немногословным рассказом Тацита, к-рый очень даже мог опустить-проигнорировать нюансы? или просто не знать о них? Или тенденциозник Тацит постарался представить (будущую жертву тирании Нерона) талантливому полководцу Корбулону, к-рый ему симпатичен, в лучшем свете, не омрачая, вернее, не компрометируя вящую память о нём чем бы то ни было.

Судите сами. Старший современник Тацита (С.Юлий) Фронтин (+ 103г. н.э.), информацию к-рого негоже игнорировать, рассказывает о том, как римляне хитро овладели Тигранакертом, без штурма, в «Военных хитростях», иначе: «Домиций Корбулон осаждал Тигранакерт, и казалось, что армяне собираются упорно выдерживать осаду. И вот он казнил Ваданда, одного из захваченных им мегистанов, и голову его пустил из баллисты внутрь неприятельских укреплений. Случайно голова попала в центр собрания, к-рое как раз происходило у варваров; при виде головы,

усматривая в ней как бы предзнаменование, поражённые варвары поспешили сдаться» («Стратегематон» 2,9,5).

Согласитесь, вряд ли эта история, поведенная Фронтином, выдумка-мифотворчество: такое, что называется, нарочно не придумаешь. Вероятно, пресловутая осада города длилась, при всех случаях, недолго, и т.н. «военная хитрость» Корбулона (о к-рой Тацит решил не упоминать, или не захотел упомянуть) была применена вскоре после её начала, действительно, побудив начальников Тигранакерта покориться и открыть городские ворота, т.е. ускорить и без того маячившую впереди сдачу.

Кем был означенный Ваданд, точнее, по всей видимости, Вананд¹⁰, титулуемый у Фронтина мегистаном, т.е. представителем армянской знати-элиты, к-рый мог быть и аристократом, и жрецом одновременно, — неизвестно. М.б., тем самым знатным армянином, собиравшимся убить Корбулона, сообразно планам недавних безуспешных армянских заговорщиков? если, конечно, Корбулон не придумал этот заговор, по любому, припаса Вананда для показательной-наставительной расправы над ним. Или речь должно вести об одном из до поры не казнённых участников комплота? или то была хладнокровно и цинично-умышленно выбранная-подобранная командным римлянином жертва из (также представленного видной знатью) армянского жречества (из магов местного зороастрийского магустана)? И, значит, военная хитрость Корбулона осуществлялась как (в т.ч.) сакральный удар?

Не был ли Рим великим профанатором и похитителем древних мистерий, к-рые он либо растаптывал (зачищая) их, либо присваивал, часто не понимая их сути! Не были ли Младшие Аршакиды возродителями зороастризма, к-рому они отдавали предпочтение перед эллинизмом, возродив как раз при Вологесе I традицию сожжённой Александром письменной «Авесты» и проводя при Тиридите I (с 66г.) аналогичную линию, с упором на новозороастризацию (без нетерпимости к эллинизму), в братско-родственной парфянам аршакидской Армении (Secundogenitur).

Небезынтересно, что Ванандом в индо-иранизме и в авестийской астрологии зовётся *страж вечности* — как единственной охватывающей-собирающей прошлое, настоящее и будущее в единое целое формы времени, недостижимой для нас в нашем земном проявлении. Вананд — фиктивная планета авестийских астрологов, движущаяся через знаки Зодиака ретроградно — в направлении противоположном годовому движению Солнца = в направлении движения мировых (зодиакально-метаисторических) месяцев (2160 лет каждый) Космического = Платонова (зодиакально-метаисторического) года (25 920 лет). Период обращения связанного с точкой середины Неба (к-рую парфяне видели в Полярной звезде, к-рую они называли «гвоздём в середине Неба») и с числом 99 Вананда — стража вечности и стража юга — 73 года; цвет — синий, фиолетовый, индиго.

Вананд определяет путь человека как личности. Это восьмичленный путь Будды (восьмизвёздная стезя) и зерванитский путь учителей Заратустры = дозороастрийской иранской религии Зервана (Цурвана). Вананд поднимает человека над временем, погружая его во внутреннее время, к-рое имело место быть до вторжения в человека пришедших-родившихся из недр Зервана Ахура-Мазды (Ормузда) и Ангро-Манью (Ахримана). Время как Царуана (Зервана) Акарена (верховное начало бытия) — *нетварное вечное*; и время как Царуана (Зервана) Карана — *замкнутое* (циклическое), в к-ром живут (при бессмертии Души и Духа) люди (рождаясь и умирая), из-за двойственности своей природы. Не случайно день праздника Зервана-Карана — 5.01. (с 5 по 17.01. — дни праздника Зервана), когда солнце входит в 15-й градус

¹⁰ Ванандское = Карсское царство — средневековое армянское государство в области Вананд, со столицей в городе Карс, просуществовавшее 101 год, с 963 по 1064гг.

Козерога. И в день 4.01., когда Солнце в 14-м градусе Козерога, нужно поститься от восхода до заката, медитативно молчать и зажечь два (дуализм!) огня.

Не случайно Иисус Соломонид (Заратустра) родился 6.01., день вступления Солнца в 16-й градус Козерога. Не случайно одухотворённый пожертвовавшим Ему свою индивидуальность Иисусом Соломонидом Иисус Нафанид (Кришна), носитель Божественного Духа Солнца, родился 25.12.1г. н.э., в день рождения непобедимого Солнца (день рождения Митры – династического божества парфянских и армянских Аршакидов!), а воскрес именно 16 нисана!

Открывая свои врата пред человеком, Вананд поднимает его над временем, человек погружается во внутреннее время, к-рое имело место быть до вторжения Ангро-Манью, и начинает жить в ритмах времени сакрального. Т.е. предводительствуемый Ванандом человек может перейти от горизонтального поступательно-линейного времени ко времени по вертикали, может переключиться на вертикальную ось, направленную к Небесам, к Вечности. А для познания качественно и форменно различных Времени, для постижения их квинтэссенции под эгидой Вананда должно, пройдя через определённое посвящение, возвыситься в духе и очистить-просветлить (фотисимус и катарсис!) сознание.¹¹

Убийство может носить сакрально-ритуальный устрашающий характер, или так оно может быть истолковано, в зависимости от персоны жертвы и соответствующих, чем-нибудь, естественно либо искусственно, усугубленных обстоятельств. Так или иначе, после случившегося с казнью и головой Вананда, видимо, и без того склонявшийся к сдаче Тигранакерт, недолго пребывая в осаде, сдался – оптимально осенью 59г., на милость победителя. И был помилован, не подвергнувшись ни разграблению, ни уничтожению.

Дальше была взята армянская крепость Легерда (местоположение неясно), молодёжь к-рой отважилась на проигранную у её стен битву (Ан. 14,25). Кроме того, опять-таки, осенью 59г., ибо Тацит сообщает об этом, рассказав о покорении Тигранакерта и Легерды, к Корбулону заявилось посольство воевавших против парфян гирканцев, предложившее противопарфянский союз Риму. Корбулон благосклонно принял послов и отправил их в Рим, а по возвращении назад, с союзом из

¹¹ Чтобы постичь и воссоздать метаисторию как историю, и историю как метаисторию, надо суметь сориентироваться не только во Времени, но и в Пространстве (Хронос и Кайрос; Царуана Акарена и Царуана Карана)! К.Марксу, к-рый, вспомним ещё раз, в 1848г., в возрасте 30-и лет (возраст Крещения 28-летнего Иисуса Нафанида – в 30-летнем возрасте Иисуса Соломонида – на Иордане), (по)чувствовал (возомнил) себя богом, казалось, что он открыл «законы истории» и изрёк истину в последней инстанции, провозвестив, в сущности, зафиксированный ранними большевиками, после их бандитского прихода к власти, т.н. конец истории, не преподававшейся при большевиках до 1932г., а потом преподававшейся по унылым, строго цензурированным марксистско-ленинским лекалам, да ещё дополненным-подправленным «отцом народов». Впрочем, не сказал ли сам («гений человечества») Ленин, санкционируя в пору красного террора (в пику ходатайствам о помиловании) расстрел незаурядного историка (и великого князя) Николая Михайловича (Романова): «Революции не нужны историки» (см. выше).

Но прошло всего полтора века с деятельности Маркса (к-рого некоторые его современники восхищённо называли гениальной смесью из Вольтера и Гегеля, превзошедшей обоих) и вот столь популярный-востребованный в, можно сказать, заболевшем-переболевшем им XX-м в. марксизм сошёл на нет. А история жива и продолжает жить, всё более проникаясь метаисторией, и будет проникаться ею дальше, несмотря на яростное сопротивление скудоумных академистов-рационалистов, академистов-материалистов, академистов-постмодернистов, академистов-либералов (с атеистическим душком) и т.д. Человеку необходимы доминанта Духа над материей, Неба над Землёй и сакрально-спиритуальное содержание, к-рые невозможно убить, как бы разновесякие марксисты-ленинисты, соц. реалисты, или рационал-либералы не тщились это реализовать-проделать!

Рима, дал им провозятых до Красного моря в их кружном пути (не через Евфрат), чтобы не угодить в руки парфян, но через Харакену, Персидский залив, Фарс/Парс и дорогами в кружной обход парфянских владений, на север — до прикаспийской Гиркании.

Внимание! Особая важность этой информации о гирканских послых в Рим и обратно для нас, в рамках нашего хроноповествования, в том, что именно здесь проходит не оговоренная Тацитом (кто, как читатель знает, повествует о событиях 59 и 60гг. в Армении под 60г.) хроноразмежевательная граница между событиями этих двух (сведённых Тацитом под 60-м г. двух лет). Т.е. гирканские послы, прибывшие к Корбулону в Армению, направились после встречи с ним осенью 59г. в Рим, а возвратились из Рима, заключив с Нероном союзное противопарфянское соглашение, и были отправлены Корбулоном в Гирканию, в видах их безопасности, длинным (вместо переправы через Евфрат) путём уже в 60г., притом оптимально — не ранее весны.

Во-первых, Нерон, к-рый весной и летом 59г., когда ему было не до иностранных послов, отходил душой и телом от матерубийства в Кампании, скорей всего, принял гирканских посланников осенью, в праздничном Риме. Во-вторых, Тиридат в 65/66гг. будет добираться до Рима, чтобы получить диадему из рук Нерона, учитывая долгую дорогу и зиму (к-рая не время для путешествий сухой или, тем паче, морем, или время для длительных путешествий с перерывами), аж 9 месяцев, с осени 65 до весны 66гг. (см. ниже). Так что дорога гирканских послов в Рим осенью 59-го и их возвращение из Рима весной 60гг. не таят в себе ничего противоестественного. И следовательно, именно 25-й абзац 14-й книги тацитовских «Анналов» содержит (проглоченный Тацитом, к-рый, повторяем, нередко повествует о событиях двух или ряда лет на периферии под одним годом) анналистический переход из 59-го в 60-й гг. н.э.

Соответственно, исходя из сказанного, где-то весной 60г. (отступивший в прошлом году из Армении в Мидию) Тиридат, по слову Тацита в следующем абзаце (Ан.14,26), попробовал вновь вторгнуться в пограничные пределы Армении из Мидии, думая поднять армян на борьбу, но потерпел неудачу. Сначала Корбулон снарядил против него командовавшего вспомогательным войством легата Верулана, вослед к-рому подоспел с легионами сам, — «опустошив огнём и мечом владения тех, о чьей враждебности к нам он был осведомлён». В результате, Тиридату пришлось вновь ретироваться (в Мидию), тогда как в руках уничтожившего (взятый в 58г.) Арташат — 59г., подчинившего Тигранакерт — 59г., и отбившего очередной выпад Тиридата (старший брат к-рого с ударными парфянскими силами был, по-прежнему, занят мятежными гирканцами) весной 60г. Корбулона фактически оказалась вся Армения, в к-рой он, распоряжаясь её землями, основательно закреплялся в 59/60гг.

И вот, видимо, летом 60г., под к-рым, скажем снова, Тацит повествует об армянских событиях 59/60гг. (как ниже он под 62г. освещает, приложительно к Армянскому вопросу, события 61/62гг.), из Рима в Армению (Тигранакерт) прибыл Тигран, «избранный — согласно Тациту — Нероном её властителем» (Ан. 14,26). Тацит называет его представителем каппадокийской знати, внуком царя Архелая, и говорит, что его «длительное пребывание в Риме заложником воспитало в нём рабскую приниженность» (14,26).

В объективе внук старшего сына Ирода от Хасмонейки Мариамны Александра (казнённого отцом вместе с мл. братом Аристовулом в 4г. до н.э.) и дочери царя Архелая Каппадокийского (+ 17г. н.э.) Глафиры, т.е. правнук царя Архелая. Читатель в курсе, что после казни её супруга Глафира (позднее оженённая, после короткого замужества ещё и за Иовом II Мавританским, другим, вопреки иудейским

законам, сыном Ирода — этнархом Архелаем) возвратилась из Иудеи домой, к отцу, в Каппадокию, забрав с собой двух сыновей — одноимённого отцу Алесксандра и Тиграна, к-рые, отойдя в Каппадокии от иудаизма, как и их потомки, полностью эллинизировались. Тигран побывал (как Тигран V) в 8 — 12гг. н.э., при Августе, царём Армении, и был казнён, по стандартному обвинению в оскорблении величия, в 36г., при Тиберии, в Риме (см. выше). Александр, подвизаясь на римской службе администратором земельных участков в Египте (район Эль-Файюма), умер в 27/28гг., оставив сына, к-рого Нерон и сделал в 60г. царём в казалось бы вновь прибранной (вытеснившими с буферного Армянского нагорья парфян) римлянами к рукам вассальной Армении.

Корбулон, со своей стороны, официально заключил с парфянами мир (даже названный «вечным»), оставил новоиспечённому царю (внешне и как бы) замиренную страну, воинский контингент из 1000-и легионеров, 2-х союзнических когорт, 2-х кавалерийских ал, и отбыл в Сирию заменить умершего в 60г. на посту знакомого нам сирийского легата Уммидия Квадрата, к-рый пробыл в ранге наместника Сирии дольше всех его предшественников, в течение, с 49г., когда он сменил Кассия Лонгина, аж 11-и лет.

Причём римляне увесисто обкарнали предоставленную Тиграну Армению, в видах её ослабления, а по Тациту, чтобы Тигран «легче удерживал за собой новый престол» (Ан. 14,25/26), отдав-передав части пограничных, по всему периметру, великоармянских земель ряду римских вассалов — Фарасману Иверскому (о ком под 60г., когда его тронно сменил сын Митридат, мы слышим тут в последний раз), Полемону Понтийскому, Аристовулу Мало-Армянскому (жена к-рого, дочь Иродианы Саломия, умерла или погибла в Малой Армении как раз ок. 60г.) и Антиоху Коммагенскому, что вряд ли было правильно и дальновидно, дополнительно толкая армян в объятия не чуждых им, отлично от римлян, но братско-родственных парфян.

Да и в остальном Армянский вопрос только казался (не в первый раз) решённым в пользу Рима, к-рый всё ещё не соглашался на единственно приемлемый и безальтернативный, по приходе в Иране к власти энергичных Младших Аршакидов, кондоминиум, с обоюдосторонним признанием на престоле Армении царя из освящённой Аршакидской династии. Время однозначных римских марионеток на армянском престоле I-го в. н.э. миновало и последней из них в Веке Апостольском предстояло стать Тиграну VI, что достаточно скоро, ибо уже в 62г. он будет вынужден навсегда покинуть Армению, выяснится.

60г. н.э.

1 января 60г. н.э. = 813г. а.У.с. консульство в Риме облекли Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (cons. IV) и Косс Корнелий Лентул.¹²

¹² Этот Косс Корнелий Лентул — внук одноимённого консула 1г. до н.э. (Р.л. 697), победителя мусуламиев и гетулов в 5/6гг. (Р.л. 1173/74), префекта Urbi в 33-36гг. (см. выше), и сын одноимённого консула 25г. н.э. (Д.И. 962). Своё IV-е консульство Нерон облекал, сообразно Светонию (14), на протяжении 6-и месяцев. Возможно, и Косс также пребыл в должности полгода, в пользу чего свидетельствует документальная надпись из Cil, именующая его действующим консулом под датой 8.05. (4 Suppl. p.392), т.е в мае 60г. он ещё консульствовал.

Известные суффекты года — Г.Веллей Патеркул и М.Манилий Вописк. Вовсе не исключено, что этот Г.Веллей Патеркул — сын хорошо знакомого читателю наших книг одноимённого историка, вероятно, погибшего в ходе осенних расправ 31г. н.э. (прославителя-панегриста Тиберия и Сеяна), так как никаких дальнейших упоминаний о нём нет. После 45-47гг., когда наместничавший в Африке Гальба, в исключительном порядке, сам отправлял обязан-

НЕРОНИИ

«В консульство Нерона (четвёртое) и Корнелия Косса в Риме по образцу греческих состязаний были учреждены игры, к-рые надлежало проводить раз в пятилетие, что, как всякое новшество, вызвало разноречивые толки. Нашлись и такие, кто говорил, что на их памяти старики порицали даже Гнея Помпея за возведение им постоянного театра. Ведь ранее наспех сколачивали ступенчатые трибуны для зрителей и временную сцену, а если глубже заглянуть в старину, то народ смотрел представления стоя, ибо опасались, что если в театре будут сидения, он станет проводить в нём целые дни в полном безделье. Пусть будут сохранены завещанные древностью зрелища, но без необходимости для кого бы то ни было из граждан вступать в состязания. А теперь вследствие заимствованной извне разнузданности уже расшатанные отчие нравы окончательно искореняются, дабы Рим увидел всё самое развращённое и несущее с собой развращение, что только ни существует под небом, дабы римская молодёжь, усвоив чужие обычаи, проводя время в гимнасиях, праздности и грязных любовных утех, изнежилась и утратила нравственные устои, и всё это — по наущению принцепса и сената, к-рые не только предоставили свободу порокам, но и применяют насилие, заставляя римскую знать под предлогом соревнований в красноречии и искусстве поэзии бесчестить себя на подмостках. Что же ей ещё остаётся, как не обнажиться и, вооружившись цестами¹³, заняться кулачными боями вместо того, чтобы служить в войске и совершенствоваться в военном деле? Или, быть может, возрастёт справедливость и всаднические декурии, научившись разбираться в переливах звучаний и прелести голосов, станут усерднее отправлять высокую обязанность правосудия? Даже ночи, и те отданы этому сраму, чтобы ни у кого не оставалось времени устыдиться, но посреди беспорядочных сборищ, пользуясь мраком, каждый распутник мог осмелиться на то, к чему он жадно тянулся на протяжении дня» (Ан. 14,20).

Посему в 60г. н.э. Нерон учредил названные Нерониями игры-состязания, во многом, по образцу греческих (что и вызывало представленную и разделяемую, в частности, Тацитом оппозицию традиционалистских римских кругов), но к-рые надлежало проводить не раз в четыре (олимпийских) года (= не в каждый пятый год), а раз в люстральное (*lustrum*) и квинквинальное (*quinquennalia*) пятилетие, чем подчёркивался (как бы в то же время) римский характер этих состязаний (греч. — агон) = игр (рим. — *certamen*).

И Тацит здесь прав, акцентируя именно (римскую) пятилетку, в то время как Светоний говорит (если быть до конца точным) о (смазанно выданном в русском переводе за нетождественное Тациту у Светония «пятилетие») «пятом годе» (= пентатерический агон в олимпийском 4-летнем ритме) (Нер. 12,3). А Дион (вообще без всяких обиняков) ошибочно оперирует нероновскими якобы 4-летними играми (62,21,1).

ности легионного командира, Веллей находился какое-то время на посту легата III-го африканского легиона, о чём свидетельствует эпиграфическая надпись из Цитры (CIL 8,10311). В суффектном консульстве 60г. — подвизался с 15.07. по 2.09. О его преемнике сведений нет. Его, по всей видимости, мл. брат Л.Веллей Патеркул — конс.-суф. следующего 61г. (см. ниже). О суффектном соконсуле Веллея в 60г., с июля по сентябрь, М.Манилии Вописке, родом из Испании, др. данные отсутствуют. Его сын — П.Манилий Вописк — был другом Домициана, большим поклонником таланта поэта Статия и поэтом, дожившим до времени правления Траяна.

¹³ Цесты — обложенные железом или свинцом ремни, к-рыми кулачные бойцы обматывали себе руки.

Впрочем, ошибка, допущенная и Светонием, и Дионом вполне объяснима. Во-первых, как сказано, и 4-летние агоны или игры проводились, при инклюзивном счёте-подсчёте, в следующий от очередного «олимпийского», каждый 5-й год. Во-вторых, или точнее, во-первых, посвящённые Августом его победе в Акцииском сражении 2.09.31г. до н.э. пентатерические Аксиады устраивались в эпирском Никополе, как и *ludi pro salute Caesaris* в Риме/Италии, каждые 4 (в олимпийском ритме и в годы олимпиад, но не летом, а осенью) года (28, 24, 20гг. и т.д.).

Равно, — и это особенно важно (поскольку устройство *ludi pro salute Caesaris* в Ив. н.э. в Риме под вопросом), — учреждённые в 86г. н.э. Домицианом (посвящённые Юпитеру) Капитолийские (*Capitolia*) игры (впоследствии, в отличие от всего двух Нероний — 60 и 65гг., повторявшиеся) тоже проводились (не по образцу 5-летних Нероновых игр) раз в 4 года, что, вероятно, и ввело в заблуждение, отлично от ближе стоящего к событиям и куда более фундаментального Тацита, как Светония, так и Диона.

Т.е. Нерон, несмотря на классический греко-эллинистический дух и характер самих игр-соревнований, тем не менее, взял на вооружение именно римские 5-летние интервалы, 5-летнюю интервализацию, чем манифестировалась римская специфика Нероний, и не случайно дошедшие до нас легенды на агональных монетах гласят: *certainen quinquennale Romae constituit*.

Состояли эти игры из состязаний 3-х категорий: 1) музицирование, пение, поэзия, красноречие (ораторское искусство); 2) гимнастические (атлетические) упражнения; 3) конеристания — скачки и гонки на колесницах. И новшеством для Рима было объединение трёх различных агонально-состязательных видов-ветвей. Сам кесарь, назначивший судивших с преторских мест судей из консульского звания по жребию, после состязания в латинских речах и стихах самых достойных граждан, сделал особый упор на соревновании музыкальном, проходившем в театре Помпея, где он, согласно Светонию, по единодушному желанию, принял за лирную игру (на кифаре) венок победителя (Нер. 12,3).

Но тут кричащее противоречие с Тацитом, следуя к-рому, Нерон, как сказано, впервые выступил «на сцене общедоступного театра» в 64г. в Неаполе (Ан. 15,33), и значит, совсем не анналист Светоний, скорей всего, ошибочно, так как анналист Тацит, в данном анналистическом случае, заслуживает больше доверия, смыкает в одно первые Неронии 60-го г. со вторыми Нерониями 65-го г. н.э., когда, а не в 60г. Нерона удостоили венком за лирную игру. Или Нероново кифаредство и венок за него в 60г., что менее вероятно, были провёрнуты по какому-то необщественно-приватному ранжиру не в театре Помпея? поскольку Светонию (всё-таки) вторит (правда, из Шв. н.э.) эпитомированный (Ксифилином) анналист Дион (62,21,1/2), сообразно к-рому, Нерона наградили венком победителя, от к-рого все прочие кифареды отказались, сказав, что они его не заслуживают, без состязательного присуждения. Причём, вероятнее всего, и Светоний, и Дион накладывают событийности вторых Нероний 65г. на первые Неронии 60г.

Тем не менее, судейское председательство на состязаниях-игрищах консуляров, как и борьба представителей знати-элиты за спортивно-сценические награды, что для Рима было вновь, слишком дышали эллинизмом и эллинистическим декадансом, вызывая у консерваторов Рима, с их и его старореспубликанско-пуританистой отрыжкой, недовольство и нарекания, к-рые и озвучивает, присоединяясь к ним, (консервативный) Тацит. Ведь суровый старореспубликанский Рим был, сколь ни парадоксально звучит, в сравнении с напоминающим Рим ренессансно-католический Римом кесарским, крайне *протестантско-пуританистм*, с arrogantным чувством собственного превосходства над Грецией, всякой Африкой и азиатским Востоком, не принимая их праздности, лености, развращённости, короче, — всеяд-

ного ориентального декаданса, и всячески дистанцируясь-предохраняясь от него (как от произвольного-непредусмотренного зачатия или от венерических болезней).

Однако от более высокой культуры, тем паче, от культуры весьма обаятельно декадентной, нельзя предохраниться, подчинив покорением её стран её носителей. И Рим подпал Греции с Востоком приблизительно так, как впоследствии халифатский арабизм подпал сменившим арабских Омейядов Аббасидам, в пору к-рых восстал из праха Иран, по плодам гибридизации победившей религии и побеждённой культуры, к-рая оказалась настолько старше и рафинированнее пустынного арабизма, что сумела подчинить его себе, чтобы затем сохранить самобытность Ирана в сещифически шиитских содержаниях и облачении, ставших великоиранской сутью и смыслом иранской экзистенции. Когда варварская сила завоёвывает силу цивилизованную, она не может, в конце концов, в той или иной форме, не лечь под эту цивилизацию. Вопрос лишь в том — в какой мере? сохранив свою индивидуальность и перспективно адаптировав завоевание? или безостаточно под ним, вследствие подпадения так и не преодолённому декадансу, погибнув?¹⁴

То-то, глядя на Нероновы Неронии, ворчливые старики бурчали, что со времени знаменитого покорителя Греции (разрушителя Коринфа) в 146г. Муммия Ахаика, когда Рим впервые увидел «этот род зрелищ» (Ан. 14,21) в ходе Муммиева триумфа 145г., «ни один римлянин знатного происхождения не унижил себя ремеслом лицедея». Но возражения такого рода мало трогали и Нерона, и стоящую в большинстве на его стороне элитную молодёжь, и обожающую его за зрелищность и хлебность-хлебосольность чернь.

Притом оппонентам из старперов-традиционалистов все они могли бы возразить и, наверное, возражали, что подобные состязательные агоны, будь то 4-летние, или 5-летние, куда цивилизнее-человечнее гладиаторских побоищ или травли зверей. И неспроста эти игры-состязания (импульсированные Нероном) в будущем, ещё до победы христианства, преимущественно вытеснили кровавые зрелища, тогда как до конца IVв. христианские императоры запретили и то, и другое.

Кстати, Нерон не любил стать любые большинству римлян обильные зрелищные кровопролития и обычно старался не присутствовать самолично при пытках или казнях, чем не гнушался ни ранний Август, ни Тиберий, ни упивавшийся кровью Калигула, ни полудурок Клавдий. Практикуясь в казнях или убийствах, он был, выражаясь современно, кабинетный убийца, в к-ром, нвзирая на всю мерзость

¹⁴ Без эллинизации Рима не было бы его дальнейшей христианизации. Ведь именно эллинизм проложил дорогу сначала распространению общинного и потом победе церковного христианства в Римской империи (что раньше всех понял-осознал, по-своему, взявший в миссионерский оборот именно эллинистический мир, именно римско-эллинистическую Ойкумену, под эгидой Римской мировой державы, от Палестины, через М.Азию и Европу, до Испании, Ап. Павел).

Если в случае с Ново-Персидским Ираном и Арабским Халифатом на повестке дня, как сказано, гибридизация победившей религии и побеждённой культуры, то в случае с эллинизмом и Римом произошла гибридизация побеждённой культуры и победоносной упорядочившей-регламентировавшей сползающий в международный хаос эллинистический мир (Ойкумену) римской державности — создательницы-объединительницы Греко-Римской культурной Ойкумены. Причём не случайно её яркие римские представители — апологет «греческого возрождения» Адриан (IIв.) и запоздалый адепт прометеистского александринизма, последний антично-языческий мистериалист-интеллигент (враг догматическо-кодифицированной христианской Церкви) Юлиан Отступник (IVв.) — выступили именно в эпоху сменившей свинцовый сумрак Сатурна сверкающей-световой Анаэль-Венеры (II-Vвв.), в к-рую, с др. стороны, расцвёл (отчасти проникнутый люциферизмом) христианский гнозис и (перед передачей архангельской эстафеты во второй половине Vв. мудростному Юпитеру) победило (от Константина до Феодосия I) церковно-пригосударственное христианство.

его деспотии и его самого как деспота, всю жизнь боролись, разрывая его на части, негативное и позитивное начала, идеальный прототип и реальный принцип.¹⁵

Он увенчал *кесарево безумие* Юлиев-Клавдиев, начиная с Тиберия, и вместе с тем, он, как никто иной (не считая тронного современника Таинства Голгофы Тиберия) из Юлиев-Клавдиев, острейшим образом чувствовал обновление Вселенной в Век Мистерии Голгофы, доступа к к-рой не имел, горя неистовым желанием проводить старый мир в преисподнюю, как поверженную и сжигаемую греками Троию, величественную эпическую гибель к-рой ему больше всего на свете хотелось и не терпелось воспеть под кифару. (*Давид* без псалмов! и *Давид* наоборот!)

Высказывалось мнение (Э.Холл), что Неронии 60г. были своеобразным продолжением Ювеналий, посвящённые постфактум или вдогонку пятилетию Неронова правления, исполнившегося в октябре 59г. (RE Suppl. 3, Domitius Nero, S.371). Спрашивается, зачем справлять в 60г. 5-летний юбилей события, пришедшийся на 59г.?!?! Нет, это были именно взаимосмешанные-взаимообусловленные греко-римские Неронии, задуманные как (соединяющие греческое былое и римское настоящее) игры пятилетние, ибо исторический Рим жил пятилетними люстральными сроками-интервалами, а римские Цезари (и Август, и Тиберий) праздновали свои квинквинальные и деценальные, в римском пятилетнем (десятилетнем-децимальном) ритме, кесарские сроки.

Кроме того, после убийства Агриппины, Нерон частично дистанцировался от исчисления лет своего правления со-от дня смерти (отравленного Агриппиной – воцарительницей сына) Клавдия, предпочитая исчислять свои кесарские годы как годы трибунской власти – главного (по абракадабрической задумке-формуле-модели хитрована Августа) конституционно-властного инструмента римских кесарей, с 10 декабря, т.е. с даты ежегодного вступления нар. трибунов в должность. И исчисляются эти Нероновы (цезаря-*бабушки*) годы (народно-империальной) *tribunicia potestas*, согласно нумизматическим свидетельствам, с (задним числом) 10.12.53г. н.э., как бы не соприкасаясь таким макаром с кончиной Клавдия в октябре 54г., аккумулируя её и упирая именно на кесарско-правительский народный трибунал.

Засим вряд ли правы те, к-рые полагают, что месяц проведения первых Нероний – октябрь 60г. н.э. (когда исполнялось не 5, но 6 тронных лет преемственного от Клавдия Нерона, к исполнению к-рых не могла быть приурочена его т.н. сакральная Нерония-квинквиналия). Вероятнее, они прошли летом, в середине или во второй половине лета, как Капитолийский агон Домициана (86г.), с одной стороны, – позже (чтобы двойниково не диссонировать с ними) июльских Олимпиад, хроно-исчислительная дата к-рых – 1.07., с другой, – ранее сентября/октября, иначе говоря, – в июле/августе.

В пользу этого предположения свидетельствует и то, что, согласно Светонию, вторые Неронии, о к-рых Тацит говорит под 65г., помещая их во время после ликвидации заговора Пизона, но до убийства Нероном Пoppеи (An. 16,1-6), прошли «раньше положенного срока» (Нер. 21,1). Казнелюбивая ликвидация заговора Пизона имела место в апреле 65г., тогда как Пoppею Нерон убил ок. 9.06. 65г. Следо-

¹⁵ Если идеальный прототип Рима – Венера (Прародительница) – божественная мать троянского героя Энея, сына бессмертной Венеры и смертного Анхиза, то реальный принцип мартимальных римлян – Марс – отец Ромула и Рэма от насильно взятой Марсом девственной весталки Реи Сильвии. И эти два импульса, при учёте люциферического искуса Анаэль-Венеры и ариманических черт Самаила-Марса, то совместно, то порознь, пронизывают всю римскую историю-метаисторию.

вательно, вторые Неронии оптимально были проведены (по стопам успешно разгромленного Пизонова комплота, в ознаменование этого разгрома) где-то в мае, или в мае/июне 65г. М.б., Нерон в ярости убил больную и беременную Поппею, ударив её ногой в живот, как сообщает Светоний (Нер. 35,3), когда поздно вернулся, встреченный упрёками жены (за позднее возвращение домой), со скачек вторых Нероний? (см. ниже). Или это были другие скачки, уже после окончания незадолго до того состоявшихся раньше июльско/августовского срока, во празднование победы упасённого богами кесаря над заговорщиками, вторых Нероний? Поживём — увидим.

А в интересующем нас сейчас 60г., вернее, по всему, во второй половине лета 60г., первые празднично сакральные Неронии — *certamina sacra* — продолжались немало дней и ночей, при ослепительном факельном освещении за счёт казны, со всем причитающимся в изобилии, — в Помпеевом театре, в Ватиканских садах, в Гайануме, в септе, куда на состязание атлетов (дозволенных жрицам Цереры в Олимпии) были приглашены и девственные весталки. Более того, в специально освящённых Нероном для, следуя Светонию (Нер. 12,3), первых Нероний новых банях-термах и в новом гимнасии «каждый сенатор и всадник безденежно пользовался (в дни праздника) маслом». И Нерон, присутствуя, во всех случаях, на состязаниях, состязательно участвуя (Светоний; Дион), или пока персонально не участвуя в них (Тацит), самолично всячески приветствовал участие в этом сакрально-многообразном празднестве римских граждан из различных сословий, что было апробировано уже при проведении Ювеналий 59г. и теперь задействовано в полную силу.

На музыкальном поприще в театре Помпея очень успешно выступил (в скором будущем Неронов ненавистник — автор поэмы «Фарсалия» и одна из многочисленных жертв Пизонова заговора в 65г.) М.Анней Лукан (племянник Сенеки), кто «впервые — по слову Светония — показал своё дарование (стихотворными) похвалами Нерону — *laudes Neronis* — на пятилетних состязаниях» (*Vita Luc.*) О состязательных конеристаниях в цирке Гая и Нерона (*circus Gai et Neronis*) в Ватиканских садах уведомляет Плиний (36,74).

В итоге завершие первых Нероний выявило, что страхи консерваторов по поводу пагубной эллинизации Рима, приложительно к этому конкретному празднеству, были, выражаясь словами М.Твена относительно слухов о его смерти, «слишком преувеличены». Не Нерониями, по большому счёту, были обусловлены эллинизация и ориентализация чересчур основательно углубившегося (как — один из ракурсов — мордой в говно) в Грецию и на Восток Рима. Нет, эти пресловутые ориентализация и эллинизация *Imperium Romanum*, стартовавшие ещё во II/Ивв. до н.э., на означенное время продолжали вершиться-свершаться-углубляться и не могли, в сложившихся условиях-обстоятельствах, не вершиться, не свершаться, не углубляться, лишь усугубляемые — не в катастрофической мере — предприятиями-мероприятиями типа Нероний.

Неспроста сам матёрый консерватор Тацит, замыкая рассказ о них, даёт несколько задний ход: «...И действительно эти игры прошли без явного ущерба для благонравия и театральные страсти не распалили толпу, ибо, хотя мимы и были возвращены на подмостки, к священным состязаниям их всё же не допустили. Главной награды за красноречие никто удостоен не был, но победителем объявлен Нерон. Греческая одежда, в к-рую в те дни многие облачились, по миновании их вышла из употребления» (Ан. 14,21).

ПРЕДЗНАМЕНОВАТЕЛЬНАЯ КОМЕТА, УДАЛЕНИЕ РУБЕЛЛИЯ ПЛАВТА И СВЯТОТАТСТВЕННОЕ КУПАНИЕ НЕРОНА

«Среди этих событий возблистала комета, по распространённому в толпе представлению, предвещающая смену властителя. И вот, как будто Нерон был уже свергнут, пошли толки, кто же будет избран вместо него: все в один голос называли Рубеллия Плавта, знатнейшего мужа, мать к-рого принадлежала к роду Юлиев. Он чтит установления предков, облик имел суровый, жил безупречно и замкнуто, и чем незаметнее, побуждаемый осторожностью, старался держаться, тем лучше о нём говорили в народе. Распространению толков об ожидающем его будущем способствовало и порождённое тем же легкомыслием истолкование следующего происшествия: когда Нерон, находясь на вилле у Симбруинских озёр, к-рая носит название Сублаквей, возлежал за трапезой, молния разбила стол со всеми расставленными на нём яствами. И так как это случилось по соседству с Тибуром, из к-рого происходил отцовский род Плавта, было сочтено, что волей богов ему предназначается власть, и многие, наделённые нетерпеливым и чаще всего обманчивым честолюбием, толкающим их преждевременно восторгаться новым и ещё не определившимся, стали окружать его чрезмерным вниманием. Встревоженный этим Нерон пишет Плавту письмо: пусть он подумает о спокойствии Рима и удалится от распространителей злонамеренных слухов; владея наследственными землями в Азии, он может в безопасности и безмятежно наслаждаться там своей молодостью. И Плавт удалился туда вместе с женою Антистией и немногими домочадцами.

В те же дни ненасытная страсть Нерона к беспутству подвергла его бесчестию и опасности, ибо он искупался и плавал в водоёме отведённого в Рим Марциева источника, и было сочтено, что, омыв в нём своё тело, он осквернил священные воды и святость этого места. И действительно последовавшая затем угрожавшая его жизни болезнь подтвердила, что он разгневал богов» (Ан. 14,22).

Эта комета, о к-рой говорит Тацит, обтекаемо-размыто датируя её временем «среди этих событий» после рассказа о праздновании Нероний, т.е. временем собственно первых Нероний 60-го г., появилась, согласно посвятившему кометам целый раздел в своём труде «Натурфилософские вопросы» («Nat. quest.») Сенеке (7,28,3), при консулах (Веллее) Патеркуле и (Манилии) Вописке. Причём обращает на себя внимание то, что Сенека хронологизирует её появление не годом эпонимических консулов-орд. — Нерона и Косса Корнелия Лентула, но именно периодом-интервалом консульства суффектов — Патеркула и Вописка, к-рые консульствовали с июля по сентябрь, точнее, Патеркул (и в паре с ним Вописк), что документально подтверждено (RE 8A1, Velleus Paterculus № 10, S.660; Not. Scav. 1928 p.388), — консул с 15.07. по 2.09.

Соответственно, наше предположение о проведении первых Нероний не в октябре и не просто летом, а в июле/августе дополнительно подтверждается временем появления-возблистания кометы «среди этих событий», при датировочно упомянутых Сенекой консулах Патеркуле и Вописке. Плюс к тому, Сенека говорит: «Ведь вот комета, к-рую мы видели во время счастливейшего Неронова принципата красовалась на небе в течение 6-и месяцев» (7,21,3). И китайские астрономы занотировали под 9.08.60г. н.э. комету, к-рая была видна 185 дней (= 6 месяцев). Посему перед нами ещё одно удостоверение празднования первых Нероний во второй половине лета и пребывания блистательной кометы на небосводе во второй половине 60г. н.э.

Далее у Сенеки сказано: «Так, комета, появившаяся при консулах Патеркуле и Вописке, исполнила предсказания Аристотеля с Теофрастом (о вызываемых кометами природных катаклизмах — К.З.): действительно, повсюду беспрестанно свирепствовали сильнейшие бури, — но помимо этого в Ахайе и в Македонии целые города обрушились во время землетрясений» (7,28,3). Насчёт землетрясений 60г. в Ахайе и в Македонии, Тацит молчит, сообщая ниже о разрушении Лаодикии (Фригийской) землетрясением в Азии/Асии (14,27), о чём мы уже говорили, в связи с «тюремными» Посланиями Ап. Павла из Рима (63г.), выше и ещё скажем ниже.

Помимо того, бросается в глаза (сенекианское) «беспрестанное свирепствование», по появлении кометы, стало быть, во второй половине 60г., «сильнейших бурь», приложительно к чему тотчас вспоминается многодневная буря, постигшая-настигшая осенью 60г. на море Ап. Павла, к-рому пришлось претерпеть кораблекрушение и провести зиму 60/61гг. на Мальте (см. выше), что, со своей стороны, дополнительно свидетельствует о павлианском путешествии из Кесарии Палестинской в Рим осенью именно 60г. н.э.

Вот вам наглядные примеры, во-первых, правильной хронологизации, и во-вторых, убедительной-удостоверительной хроносинхронизации как истории, так и метаистории, вернее, взаимосвязанных-взаимоинтегрированных метаистории и истории, к-рые, вопреки современной академической науке (скудоумных рационал-материалистов), вовсе (могучи представлять собой и единое целое, и дуализм) не противоречат одна другой, равно как истинная религия нисколько не противоречит, не перечит науке истинной!

И, к слову добавить, видимо, Неронии состоялись после 15.07.60г., т.е. по передаче консулом-орд. Нероном консульских атрибутов-инсигний суффектному преемнику Веллею Патеркулу, чтобы вольготнее (менее скованно) чувствовать себя (не в консульской тоге и не при фасках/фасциях, т.е. не в обязывающей римской должности) на (в той или иной мере, — греческого образца) агонально-состязательных играх.

Сиятельно-хвостатые кометы толковались в древности чаще как предвестники несчасть, однако могли толковаться, пусть реже, и как предзнаменования счастливые. К примеру, пишучи «Nat. quest.» при Нероне, в 63г., уже (само)отставке, но пока как бы на счастливом философско-пенсионном покое, Сенека, ещё не ведая, что его впереди ждёт, не видит в комете 60г. ничего дурного, наоборот¹⁶, тогда как в трагедии «Октавия» (если, конечно, признавать за ней сенекианское авторство), пишущейся полуопальным Сенекой (в стол) незадолго до его принудительного самоубийства (как участника заговора Пизона в 65г.), та же комета — знак предстоящих зловещих несчастий.¹⁷ А, например, в другом источнике (Calp. Sic. 1,73) она (задним числом) — предвестница новых счастливых времён.

¹⁶ Сообразно Сенеке (7,17,2), «она положила конец позору (= правлению «тыквенного» Клавдия), возвешённому предыдущей кометой (виденной при Клавдии в 54г., и) была похожа на ту, к-рая взошла на небе по смерти божественного Юлия, во время игр, посвящённых Венере Прародительнице...» (имеется в виду комета убитого Цезаря — Sidus Iulium — 44г., в к-рой увидели его божественную душу) (Т.Г. 1790/91).

¹⁷ О, если бы на голову проклятую
Тирана царь богов обрушил молнию,
К-рой часто землю сотрясает он,
Пугая нам сердца священным пламенем
И знаменьями новыми! Зловещая
Комета распростёрла свой мохнатый блеск,
Где Волопас повозкой правит медленный,
В ночном пути замёрзший нескончаемом. («Октавия» 227-34)

При всех случаях, римляне, узрев возблиставшую «среди этих событий», повторим, во второй половине лета 60г., комету, затараторили-защептались, следуя (отвергающему суеверия) Тациту, «по распространённому в толпе представлению», о скорой смене властителя. И на устах у многих оказался Г.Рубеллий Плавт — знакомый нам сын Г.Рубеллия Бланда (римского всадника родом из Тибура) и дочери Друза Тибериевича (от Ливиллы), т.е. внучки Тиберия Цезаря, — Юлии, к-рую Бланд оженил в 33г. и к-рую Мессалина угробила (когда умершего естественной смертью Бланда не было более в живых) десятилетием позже — в 43г. (см. выше).

Династия Юлиев-Клавдиев (официально никогда не считавшаяся в якобы, по-прежнему, республиканском Риме династией) находилась (особенно после убийства последней прямой правнучки-кровиночки Августа Агриппины Мл.) на 60г. в вымирающем состоянии, почему в качестве тронных претендентов Принципата рассматривались и такие её достаточно побочные представители, как правнук Тиберия по линии матери — Рубеллий Плавт, или сын дочери Клавдия Антонии — Фавст Корнелий Сулла, к-рого, пусть изнеженного, бездеятельного и ничтожного, Нерон, на всякий случай, в 58г. услад, с глаз долой и подальше от Рима, в галльскую Массилию.

Притом приверженец стоической философии Плавт, стараясь не привлекать к себе внимание, в т.ч., из соображений безопасности, вёл подчёркнуто скромный образ жизни, всячески показывая, что не имеет никаких амбициозно-властных претензий, к-рых он, живя семейно и замкнуто, действительно, не имел, но, увы, его достойное поведение только питало слухи о достойном преемнике Нерона (для кого-то — беспечного мота, гуляки и денди, а для кого-то — матереубийцы).

Мало того, вскоре эти возбуждённые кометой слухи усугубило следующее происшествие. Во время нахождения Нерона на вилле Сублаквей, к юго-востоку (как раз) от Тибура, на р. Аниен, у Симбруинских озёр, среди гряды холмов, в Лации¹⁸, т.е. по завершении летних Нероний, по всему, в августе, в стол с яствами, за к-рым трапезно возлежал, отдыхая на означенной вилле, Нерон, ударила молния. И хотя кесарь не пострадал, то, что это случилось по соседству с Тибуром, откуда происходили Рубеллии, лишь усилило пересуды о скором восшествии счастливой звезды Плавта. И нашлись недоумки, к-рые принялись окружать его, дескать, без пяти минут кесаря, повышенным льстивым вниманием.

Разумеется, подобный расклад не оставил и не мог оставить равнодушным как кесаря-принцепса действующего, так и его ближнее окружение. И пусть Сенека наверняка дал при нём позитивное для него толкование комете (мол, — знаку счастливых времён)¹⁹, всё равно на нездоровый ажиотаж вокруг Плавтовой персоны надо

¹⁸ В 497г. Бенедикт Нурсийский, преисполненный отвращения к (христианскому) Риму, где царил (языческая) распущенность, удалился в Сублаквей (ныне Субиако). Там молва о его добродетельности привлекла к нему множество учеников и оттуда он основал 12 монастырских поселений, впоследствии ставших монастырями, отправившись в 529г. из Сублаквей в Кассино — местонахождение знаменитого бенедиктинского монастыря Монте-Кассино, основанного как раз в год закрытия Юстинианом Платоновской академии в Афинах, с дальнейшим уходом языческо-учёных афинских академиков к блистательному сасанидскому двору Хосрова Ануширвана (531-79гг.), предоставившего им кров и работу в мощнейшем научном центре тогдашнего Востока — Гондшапуре.

¹⁹ Путаник Светоний, повествуя о свирепых расправах *плохша* Нерона, говорит о «хвостатой звезде, по общему поверью, грозящей смертью верховным властителям», к-рая «стояла в небе несколько ночей подряд», и по поводу к-рой, «встревоженный этим», Нерон «узнал от астролога Бальбилла, что обычно цари откупаются от таких бедствий какой-нибудь блистательной казнью, отвращая их на головы вельмож, и тоже обрёл на смерть всех знатнейших мужей государства — тем более, что благовидный предлог для этого представило раскрытие двух заговоров: первый и важнейший был составлен Пизоном в Риме, второй Виницианом в

было реагировать. И Нерон написал Плавту (почти извиняющимся тоном), не столько приказав, сколько предложив ему, во спокойствие Рима и римлян, удалиться (от распространения злонамеренных слухов, в к-рых Плавт, само собой, не виноват, коли не считать виной его генезис) в свои наследственные владения (поместья) в Азии/Асии и «безмятежно наслаждаться там своей молодостью». Как видим, послание (с предложением, равносильным повелению) было выдержано максимально корректно-мягко, никак не обвиняя самого (отправляемого в почётную ссылку сугубо из гос. резонов) Плавта.

Родители последнего поженились, по инициативе Тиберия, причём многие тогда считали, напомним, брак дочери Друза с сыном незнатного всадника из Тибура вопиющим мезальянсом, в, как сказано, 33г. (см. выше). Т.е. Плавту было на 60г. н.э. не больше 25/26-и лет, иначе говоря, немногим больше, чем родившемуся в конце 37г. Нерону. А что касается предложений-рекомендаций вышестоящего начальства, даром что *первого среди равных* – принцепса, к-рый ещё и кесарь, они, сколь известно, не обсуждаются, и уж, тем паче, не игнорируются: они выполняются-исполняются. При тирании, в какие бы одежды она ни рядилась, действует не сила закона, но закон силы (к-рая, с др. стороны, как полагают психологи, есть обратная сторона комплекса неполноценности!)

И стоик Плавт, взяв с собой супругу Антистию Политту, стоически законопослушно отбыл на малоазийский Восток – в Асию. Ещё в 55г. он едва не погиб, когда Юния Силана оклеветала Агриппину, будто та хочет женить бывшего ок. 20-ю годами моложе неё, императрицы, Плавта и затем заменить им Нерона на троне, выведенный из-под удара только потому, что Агриппине в тот раз удалось оправдаться перед сыном. И вот новая напасть, и опять без какой-либо причастности к ней самого далёкого от интриг Рубеллия.

Увы, и пребывание вдали от Рима, в Асии, в обществе философов-стоиков, вне политики, его в перспективе не спасёт, не уберезёт. Поскольку с окончательным поворотом нероновского режима (после кончины Бурра, к-рого сменит на посту преторианского префекта мерзавец Тигеллин, и вслед за отходом от дел Сенеки) к деспотическому беспределу-произволу, и Рубеллий Плавт в Асии, и Ф.Корнелий Сулла на другом конце Римской империи, в Массилии, будут, по приказу тирана, бессудно убиты, с последующей доставкой Нерону, в лучших восточно-деспотических традициях, их отсечённых голов (см. ниже). Повторяем: отнюдь не сила закона, но именно закон силы!

* * *

И, наконец, ещё одно косвенное свидетельство проведения-празднования пер-вых Нероний жарким июльско-августовским летом, а не октябрьской осенью содержит последний абзац 22-й главы 14-й кн. тацитовских «Анналов», посвящённый явлениям-событиям, произошедшим как в то же время, что и июльско-августовские

Беневенте» (Нер. 36,1). Но Холл (RE, S.372) и др. авторы напрасно ссылаются на данную цитату Светония применительно (в мнимой паре с Тацитом) к комете 60г., поскольку заговоры Пизона и Винициана относятся – первый – к 65, второй – к 66г. Следовательно, либо Светоний тут грубо ошибается, смыкая-сводя (валя в одну кучу), при ближайшем хронорас-смотре, несмыкаемое-несводимое, что для него нередкость, либо – речь надо вести о другой комете. Правда, таковая, в свете заговора Пизона, раскрытого в апреле 65г., или заговора Винициана в июне 66г., в небесах не обнаруживается. Точнее, известна дата первого, как полагают, появления в годы н.э. кометы Галлея – 20.02.66г. Впрочем, не имея отношения к разгромленному задолго до неё заговору Пизона, она чересчур далеко отстоит и от случив-шегося на порядок после неё заговора Винициана (см. ниже).

Неронии 60г. (появление кометы), так и вскоре после них = в августе, либо в августе/сентябре. Вот, видимо, когда, но явно не в более холодном-прохладном октябре очень упасавший свой голос и страшно боявшийся простуд Нерон «искупался и плавал» в водоёме Марциева источника.

Засим не позднее сентября 60г. (когда Ап. Павел отчалил из Палестины в Рим), Нерону, то ли *дистанцировавшемуся-защищавшемуся* от упорно висевшей в небе хвостатой кометы, то ли желавшему отмыться-очиститься от излишеских прегрешений, то ли из лихого юношеско-молодецкого озорства (на всего лишь 23-м году отроду!), пришло на ум, искупаться-поплавать, как говорит Тацит, в водоёме отведённого в Рим Марциева источника. И это, во всяком случае, какая-то (консервативная) часть римского общества сочла святотатством.

Водопровод Aqua Marcia, к-рый Страбон (11,315) неверно выводит из Фуцинского озера, был третьим по времени сооружения и самым протяжённым (93 км) из 11-и акведуков античного Рима, с родниковым, в Тибурской долине, источником Анио (как Anio vetus, Anio novus и Claudia), в местности, в дальнейшем получившей наименование S.Maria di Arsoli. Его холодная ключевая вода славилась своей чистотой (Витрувий 8,3,1). Первоначально планировалось довести до Капитолийского холма акведук Anio vetus, но претор 144г. Кв.Марций Рекс, взявшийся за сооружение водопровода (Фронтин «Aqu.» 7,1; Плиний 36,15,24), названного его именем, провёл оный (снабжавший водой ещё и Целий, и Авентин) на Капитолий (144 – 40г.), за что удостоился верховой статуи на Форуме и упоминания на монетах, отчеканенных в 60г. до н.э. его потомком Марцием Филиппом (Марции вели родовую от 4-го римского царя – Анка Марция).

Позднее этот до сих пор снабжающий Рим водой Марциев водопровод не раз ремонтировался – М.Агриппой – 33г. до н.э.; Августом – 5г. до н.э.; Титом – 79г. н.э.; Адрианом – ?; Септимием Севером – 196г.; и Каракаллой – 212/13г., построившим ответвление (Antoniana) для водоснабжения своих знаменитых термов (Каракаллы). Второе термальное ответвление было построено в конце IIIв. н.э. Диоклетианом.

Причём большая часть акведука (80 км из 93-х), проходившего вдоль Латинской и Тибуртинской дорог, находилась под землёй. Согласно Фронтину, его мощность составляла 194 тыс. кубических метров воды в день, но до римлян доходило на 30% меньше из-за несанкционированного водозабора. Т.е. воду (в т.ч.!) разворовывали-уворовывали для её левого (ис)пользования в Древнем мире не менее ретиво, нежели в Средние века и в мире Ново-Новейшем!

Из Тацита неясно, чем заболел Нерон после купания, да ещё с угрозой для жизни, возможно, – воспалением лёгких, но, по любому, его болезнь связали с кощунственным осквернением им питьевого источника, к-рые вообще в древности считались священными. Впрочем, кесарь благополучно выздоровел, чем посмеялся как над якобы несчастливо предзнаменовательной кометой, так и над толками о его болезни вследствие купального святотатства. Римский Цезарь больше, выше и могущественнее всяких (и богов, и) суеверий! Удостоверяйтесь, люди!

Ниже, в абзацах 23-26 14-й кн. «Анналов», повествуется об объединённых под 60-м г. событиях 59/60гг. в Армении, о чём мы рассказали выше. А в Ан.14,27/28 Тацит даёт, завершая анналистический 60-й г. н.э., краткий обзор различных непервостепенной важности событий данного года, часть к-рых читателю тоже уже известна.

РАЗНОЕ

В 60г. была разрушена землетрясением Лаодикея (Фригийская) (Орозий 7,7), христианам к-рой, как мы знаем, Ап. Павел предписывал в 63г. прочесть Посл. к Колоссянам, к-рым, в свою очередь, предписывалось прочесть не дошедшее до нас Письмо к Лаодикийцам (Кол.4,16). Скажем снова, речь идёт о городе, воздвигнутом до 250г. до н.э. Антиохом II Теосом на границе Кари и Лидии, на месте древнего Диополиса во Фригии (то-то на монетах полиса изображалась богиня-покровительница, с надписями по обе её стороны — «Фригия» и «Кария»), между Колоссами и Гиераполем, к-рые, по всей видимости, сходно пострадали от землетрясения.

Располагавшийся на Большой дороге, связывавшей Эфес с глубинным Востоком (Страбон 14,663), город, поддерживал дружественные отношения со Смирной, Гиераполем, Пергамом, Никомедией, Эфесом, был богат и процветал во II/III вв. до н.э., производя льняные и шерстяные ткани, лечебные мази и др. лекарства. В нём имелись банки, обменные пункты денег, значительная еврейская община, из истории к-рой известно, что собранную этой общиной для Иерусалимского храма крупную денежную сумму в 60-е гг. III в. до н.э. конфисковал римский наместник Флакк (Цицерон «Ad fam.» 3,5,4 15,4,2; «Письма к Аттику» 5,21,9).

И несмотря на то, что в III в. н.э. Лаодикея, где с 50-х гг. наличествовала и христианская община, находилась, сравнительно с процветанием II/I-го вв. до н.э., в упадке, о чём свидетельствует, к примеру, её отсечение, при выборе в Риме азийского города для сооружения храма Тиберию в 26г. (Ан. 4,55) (см. выше), она, почему об этом специально и сообщается у Тацита, без римской помощи, своими средствами, сама себя подняла из землетрясенческих руин. Более того, о Лаодикее, как о местонахождении именно 7-й Азийской Церкви (к-рые отражают, в частности, Семь культурных эпох-периодов нашей Пост-Атлантической стадии эволюции), говорится в Откровении Иоанна (3,14).

Плюс к тому, в 60г., в Италии (Кампания), основанный в III в. до н.э. греками из Кум (или с Самоса?) старинный город ПUTEОЛЫ (греч. Дикеархея), римский со времени Второй Пунической войны и потом не раз колонизованный, получил, о чём читатель также уже знает, «от Нерона права колонии и название по его имени»: Colonia Claudia Neronensis (см. выше). Из ПUTEОЛ и через ПUTEОЛЫ осуществлялась александрийская и испанская торговля с Италией. В 61г. н.э. сюда с Мальты, минуя сицилийские Сиракузы и калабрийскую Регию, прибыл, подстражно направляясь в Рим, и задержался здесь у местных христиан на неделю Ап. Павел (см. выше). А спустя два с лишним года, несомненно, из ПUTEОЛ он, после Первых римских уз, оправданный по суду, отчалил в 63г. н.э., летом, в Испанию (см. выше и ниже).

В том же 60г. н.э. «к Таренту и Анцию были приписаны ветераны, не способствовавшие, однако, заселению этих пустынных местностей, так как в большинстве они разбрелись по провинциям, в к-рых закончили срок своей службы; не вышедшие к брачным союзам и воспитанию рождённых от них детей, они оставляли свои дома безлюдными, без наследников. К тому же теперь выводились на поселение не легионы в полном составе, со своими центурионами и трибунами, — как в былые времена, когда каждый воин вместе со своими товарищами составляли общину, живущую в добром согласии, но — воины, друг друга не знавшие, из различных манипулов, без руководителя, без взаимной привязанности, наскоро собранные все вместе как бы из разноплеменных людей, — скорее какое-то сборище, чем колония» (Ан. 14,27).

Эта немаловажная информация говорит об убыточности на означенный период римско-италийского населения в различных частях Италии, к-рая, с одной стороны, обезлюживалась, в то время как с другой, добавим от себя, в ней множились, за

счёт провинциалов, рабов и вольноотпущенников, выходцы с периферии. Нельзя имперiallyно раскинуться на полмира и сохранить в неприкосновенности метрополию, сохранить сертификат крови, так как во всякой долговременной империи, особенно в империях, обрастающих-нарастающих сопредельными территориями (онкологический империализм), рано или поздно, торжествует космополитизм (что в Римской империи найдёт своё логическое завершение в IIIв., при Каракалле, и обернётся в перспективе как концом разрушенной не только германцами Западной Римской империи в IV/Vвв., так и новогречизацией, с Флавия Гераклия, и без того космополитической, Византии в VIIв. н.э.).²⁰

Не раз фигурировавший в нашем повествовании Анций — старинный город на побережье Лациума, основанный, по преданию, сыном Одиссея и Кирки Антеем, или Асканием Юлом. С давних пор его обитатели, вольски, пользовались славой лихих мореходов и морских пиратов, беспокоивших вместе с этрусками даже побережье Греции и Македонии. Согласно малодостоверным сведениям, ещё Тарквиний Гордый втянул их в первый союз с Римом, между тем как в 468г. до н.э. тут, согласно Ливию (2,63;65; 3,1) и Дионисию Галикарнасскому (9,56), была основана первая римская колония. Но впоследствии анцийцы ещё не раз перечили римлянам, пока не были окончательно одолены в 341г. и покорены роспуском Латинского союза в 338г. (Ливий,8,1,12-14; Дион. Гал. 10,43). Притом шестью носами их трофейных кораблей победоносные римляне украсили ростральную трибуну на Форуме (Плиний 34,20; Евтропий 2,3).

В IVв. до н.э. — одно из излюбленных мест роскошных приморских вилл римской знати. Знамениты местные святилища Фортуны (Гораций «Od.» 1,35; Ан. 3,71) и Эскулапа (Валерий Максим 1,8,2; Овидий «Met.» 15,718). В Анции Август принял во 2г. до н.э. посольство, преподнесшее ему почётный титул *pater patriae*; в Анции, в императорском дворце, родились Калигула и Нерон. Притом, если Калигула, обожая бывать здесь, собирался аж перенести сюда столицу из Рима, то Нерон, помимо малоуспешной приписки к Анцию ветеранов, кстати, по расходящемуся с Тацитом Светонию (9), отслуживших преторианцев и переселённых из Рима старших центурионов, «построил (в Анции) и дорого стоившую гавань», т.е. новоот-

²⁰ Романизаторско-латинизаторское направление в западном христианстве постепенно сменило эллинистическое наследие в IV-VIвв., от Константина, перенесшего центр Империи на Босфор, с оставлением Рима папе; через разделение Империи на Западную и Восточную, после Феодосия, в 395г.; и до великого кодификатора-латиниста Юстиниана (+ 565г.). Но спустя всего 50-70 лет Флавий Гераклий (610-41гг.) сделал Византию, при сохранении римской формы, империей новогреческого гос. языка и с новогреческим содержанием, оставив дальнейшую эволюцию романизации-латинизации Западу к западу от Адриатики (до Испании с Британией). А с др. стороны, во владение эллинистическим наследием вступил вырвавшийся в VIIв. из Аравии ислам, не только сокрушивший зороастрийский Сасанидский Иран, но отнявший у только что победившей (напряжением всех сил) ново-персов Византии Сирию/Палестину, Египет, Сев. Африку. И так, если новогреческая Византия, пока Запад углублялся, под эгидой папского Рима, в унаследованный им от Римской империи романизм-латинизм, взяла на вооружение эллинистическое наследие через ромейскую призму, то Халифат вбирал оное вместе с импульсом разрушенного арабами Гондишапура. И происходило всё это не случайно в интеллектуалистскую архангельскую эпоху Захарила-Юпитера (V-IXвв.), передавшего ротационную эстафету в IXв. (816г.) меркуриальным силам Рафаила-Меркурия (IX-XIвв.).

Причём здесь важно ещё оговорить, что если на средневековом Западе (где в V/VIвв. Рим сменили варварские германские королевства) рецепцию Римского права начал, с опорой на (новооткрытый) «Кодекс» Юстиниана, в XI/XIIвв. университет Болоньи, откуда, а именно из Италии оно разошлось во II-м тыс. н.э. по Европе, то в Византии феодосианско-юстиниановская правовая традиция не прерывалась, будучи, однако, переработана применительно к условиям новогреческой (с VIIв.) Византийской империи и положена в основу Византийского = греко-ромейского права.

строил порт города. На анцийской вилле в последние годы жизни преимущественно обреталась Агриппина; в Анций к Нерону придёт в 64г. весть о пожаре Рима. Правда, при последующих кесарях город на порядок уступал в популярности Байям и кампанскому побережью Неаполитанского залива.

Тарент (Тарас) у Тарентинского залива, к-рый знаком читателю с «Рождественской летописи», поскольку именно в Таренте (а не, вопреки общепринятому мнению, в Риме), во время Тарентской встречи Октавиана и Антония весной 37г. (тарентский назначенец) Ирод был произведён ими в цари иудейские, основали — либо сам покровитель города Посейдон, либо его сын, либо в конце VIIв. до н.э. — 707г., предводительствуемые Таланфом спартанские колонисты, точнее, внебрачные дети спартанок и илотов, зачатые и рождённые в ходе отсутствия спартанцев, воевавших в 727 — 17гг. с мессенцами.

Благодаря развитой торговле и ремёслам, благодаря самой большой в Южной Италии гавани, город стал в VIIв. одним из наиболее богатых, многолюдных и могущественных полисов Великой (италийской) Греции. В Vв. — частые столкновения с япигами. 473/72гг. — тяжёлое поражение и принятие изгнанников-пифагорейцев. В первой половине IVв. — расцвет при Аритасе, но с середины столетия — упадок. 344 — 38гг. — борьба в союзе с экспансивным царём Спарты Архидамом III против луканцев. Позднее — против Александра Эпирского, кто в 332/31гг. был убит в Пандузии. 303г. — снова в войне против луканцев. С 280г. — в союзе с Пирром Эпирским.

Тарентинцы долго отстаивали свою независимость от римлян, но по уходе в 272г. Пирра из Эпира назад — в Грецию, покорились им, к-рые, подчинив Тарент, фактически завершили покорение Италии, и подчинив на 265г. всю Великую (италийскую) Грецию, взяли за Карфаген (264 — 41гг. — I-я Пуническая война). Во II-ю Пуническую войну Тарент принял сторону карфагенян и сдался Ганнибалу (212 — 09гг.), в наказание за что римляне, вновь овладев городом, продали в рабство 30 тыс. его жителей. 123г. до н.э. — Colonia Neptunia.

Новый период процветания: бойкие торговля и мореходство; присущие Таренту утончённая роскошь и декаданс; популярное место времяпрепровождения курортно наезжавших сюда, на юга, из Рима столичных модников и гуляк. На северо-западной окраине города, построенного на косе, располагался акрополь, отделённый от остальной городской площади стенами и рвом. Сама коса соединялась на западе с материком посредством моста. На юго-западной стороне косы были форум, театр, музейон и главная широкая улица, шедшая вдоль всей косы. Из Тарента, откуда родом многие философы, математики, музыкальные теоретики, вышел основатель латинской литературы, драматург, поэт, переводчик, актёр, (пленённый римлянами и вольноотпущенный) грек — Ливий Андроник (IIIв. до н.э.).

Интересны Тарентинские игры в честь Плутона и Прозерпины, праздновавшиеся не в Таренте, а на одном из участков Марсова поля в Риме, считавшемся вулканическим и называвшемся «Тарент», где сабинянин Маний Валесий Тарентин открыл алтарь вышеназванных богов, установил его на высоте 20-и футов над землёй и 3 ночи праздновал первые Тарентинские игры, к-рые, по др. преданию, учредил в последнее десятилетие VIв. до н.э. первый консул Республики Валерий Попликола, и к к-рым восходят последующие Секулярные торжества — Ludi Saeculari (Р.л. 390-92) .

Так или иначе, — возвращаемся к тому, с чего начали, — прикрепление приписанных к Таренту и Анцию преторианских ветеранов, старших центурионов и, видимо, если совместить-скомбинировать Светония с Тацитом, не только их, новозаселению малолюдных на означенное время Тарента и Анция не (по)способствовало. И причины этого названы у Тацита, к-рый ниже замыкает анналы 60г. н.э.,

в частности, сообщением о не первом переборе в том году кандидатов в преторы, кого, т.е. кандидатов, оказалось больше, чем преторских вакансий (Д.И. 70/71).

Мы помним, что преторских мест при Цезаре стало, против 8-и при Сулле, 10, 14 и аж 16. Август остановился на 12-и, и всё-таки, в 11г. н.э., когда набралось 16 кандидатов, решил, чтобы никого не обидеть, пойти навстречу всем желающим. Тиберий в 14г. подтвердил августейшее число 12, и в ответ на настоятельные просьбы сенаторов увеличить его, поклялся, что оно останется неизменным, хотя, тем не менее, преторов временами набиралось, как при Августе, 16, а при Клавдии и Нероне — даже до 18-и.

И вот в 60г. Нерон нашёл, вероятно, не без подсказки Сенеки и Бурра, оригинальное решение, назначив троих из преторских соискателей легатами легионов (Ан. 14,28). Между тем, обычно преторское назначение следовало после пребывания легатами легионов, и таким образом, было несколько урезонено-замедлено стремление быстрого продвижения по карьерной лестнице выскочек, ибо претурга при Принципате, с её минимальным возрастным цензом — 30 лет (за исключением привилегированных принцев крови и некоторых, на усмотрение кесаря, нобилей), превратилась в одну из необходимых номенклатурных ступеней *cursus honorum*.

Вдобавок к тому, принепис, следуя Тациту, «возвысил достоинство сената, определив, что апеллирующие к нему на решения судей по гражданским делам рискуют такой же суммой, как и апеллирующие к императору, тогда как ранее обращавшиеся с этим в сенат не вносили никакого залога» (14,28). Римские кесари любили демонстрировать якобы непреходящее значение совета старейшин и якобы равноправный принципско-сенатский дуализм в жизнедеятельности учреждённой Августом Республики *restituta*, к-рая, сделавшись Империей де-факто, продолжала, как мы знаем, на базе хитрозадого августейшего консенсуса *universorum*, гордо оставаться-именоваться Республикой де-юре!

Римские кесари подчёркнуто не лишали сенат ни свадебно-генеральских, парадно-представительских, ни частично службистских функций, более того, иногда демонстративно расширяли оные. Чем бы не столько дитя, сколько впавшая в детство герузиальная (полумаразматическая) старость ни тешилась, лишь бы не хныкала! Причём справедливости ради нельзя не заметить, что, например, всегда единогласный Верховный Совет СССР и его увешанные (на орденонсно-брежневский манер) бляхами анекдотичные депутаты имели куда меньше власти, чем римский сенат и сенаторы при кесарях. Кто смеет сказать, что Рим не республика (*res publica* — букв. — общественное дело), к-рая живет всех живых!

Да и надзор за управлением провинциями не оставлял желать лучшего. Например, в конце 60г., по жалобе мавританцев, был осуждён за провинциальное вымогательство (*de repetundis*) и ссыльно изгнан (*relegatio*) из Италии всаднический прокуратор Мавритании Вибий Секунд, избежавший, сообразно Тациту (14,28), более сурового наказания благодаря эффективному заступничеству за него его брата — Вибия Криспа, подробности чего и о чём не сообщаются.²¹

²¹ Л.Юний Квинт Вибий Крисп, в первый раз облакавший консульство-суф., предположительно, в 61г., происходил из Верцелли и вырос, сродни скандальному делатору и обвинителю нероновских времён Т.Клодию Эприю Марцеллу, с к-рым Тацит называет его парно («Диалог об ораторах» 8,1), в большой скудости-бедности (выйдя, соответственно, в князи из грязи). Поскольку, согласно Ювеналу (4,92), ему выпало умереть в 80 лет, в то время как, с др. стороны, при выходе в свет «Наставлений оратору» Квинтилиана в 93г. его уже не было в живых, оптимально дата Вибиева рождения приходится на 12г. н.э. Вероятно, ещё при Тиберии он стал сенатором, и при Клавдии, управляя какой-то провинцией, нажил немалое богатство (задействование к-рого, надо думать, содействовало достаточно мягкому наказанию в 60г. за недавние мавританские злоупотребления его брата).

При Нероне, Крисп, сходно Эприю Марцеллу, подвизался как доносчик и красноречивый-

61г. н.э.

1 января 61г. н.э. = 814г. а.У.с. в консульство вступили Л.Юний Цезенний Пет и П.Петроний Турпиллиан.

В некоторых консульских списках ординариев П.Турпиллиан назван первым, но существенного значения это для нас не имеет. Начнём с Турпиллиана. Перед нами сын (или племянник?) консула-суф. 19г. н.э. П.Петрония (внука префекта Египта в 23 – 20гг. Г.Петрония), легата Сирии в 39 – 42гг., едва не лишившегося головы из-за неустановления им статуи Калигулы в Иерусалимском храме, что, как сказано, спасительно, причём не столько для еврейства, к-рое всё равно Иерусалим и Храм потеряло, сколько для христианства и христиан отсрочило падение Иерусалима и разрушение храма сроком на 30 лет.

При этом в 61г., что читателю сейчас важно усвоить, Турпиллиан, по сложении с себя консульских полномочий (в пользу преемника-суффекта), был снаряжён Нероном в Британию, чтобы сменить не знавшего пощады к разгромленным британцам-повстанцам Г.Светония Паулина (см. ниже). И здесь интересно отметить, что если согласно RE 3,1, Boudicca (S.796/97), Петронием передаются консульские фаски суффекту уже 1.03.61г. (Klein «Fast. cons.»), то сообразно энциклопедической информации о двух известных суффектах 61г., Гн.Педании Фуске Салинаторе (RE 19,1, Pedanius № 8, S.23-25) и Л.Веллее Патеркуле (RE 8A1, L.Velleus Paterculus № 11, S.660), оба они консульствовали во второй половине года (притом Педаний ошибочно назван консулом-суф. 60г.). Мало того, выше мы упомянули, что и Вибий Крисп (заступник за брата в 60г.), считается одним из возможных консулов-суф. 61г.

Короче, чёткого перечня и числа-количества консулов-суф. за 61г. нет, но, вместе с тем, известно, что Л.Веллей Патеркул консульствовал (как и Гн.Педаний) со 2.07. (CIL 16 № 4 = Dessau 1987), находясь в должности 1.08. (CIL 4,5518 = Dessau 8582).

Впрочем, мы констатируем тут следующее. Если тот факт, что Нерон снарядил Турпиллиана в Британию ещё в 61г., с опорой на Тацита Ан.14,39, плюс – на Турпиллианово нахождение, следуя Фронтину («Вода для Рима» 102), в 63г., в ранге куратора aquarum, снова в Риме, общепринят, то о Пете (RE 3,1, L.Caesennius Paetus, S.1307-09) повсеместно говорится, что он прибыл в Каппадокию, в качестве её (и Галатии?) легата, для поддержки Тиграна VI в Армении, в 62г. н.э.

Мы помним, что взяв в 58г. (сожжённый весной 59г.) Арташат и в 59г. Тигранакерт, равно прогнав назад в Мидию Тиридата и поддержав воцарение над территориально урезанными армянами нероновского ставленника Тиграна VI весной 60г., (особостатуированный легат Cappadocia et Galatia) Домиций Корбулон удался не позднее лета 60г. на место умершего Уммидия Квадрата в Сирию.

речистый обвинитель, сколотив огромное состояние в 200 млн. сестерциев (Марциал 54,7; Тацит «Диалог» 8,1; «Схолия к Ювеналу» 4,81). 68-71гг. – подвопросный куратор aquarum, так как у Фронтинна назван, б.м., вследствие неточности дошедшего до нас текста, Альбий (Вибий?) Крисп («Вода для Рима» 102). Сдружился с Вителлием, в 69г. снова успешно заступился за своего в промежутке реабилитированного брата (Дион 65,2,3; Тацит «Ист.» 2,10,1) и добился осуждения перед сенатом его обвинителя Анния Фавста. Ок. 70-73гг., при Веспасиане, параллельно Эприю Марцеллу, правившему Азией, управлял Африкой. После африканского проконсульства, в 70-е гг., вторично облакал консульство-суф. («Схолия к Ювеналу» 4,94). Затем, при Тите и Домициане, был консульским легатом Тарраконской Испании. В 82г. – консул-суф. III. Следовательно, он, быв ничем и став почти всем, медленно и уверенно шёл, богатея в себя, в мирскую гору, в общей сложности, более полувека, – от Тиберия до Домициана, умудрившись зваться и быть другом аж 4-х кесарей (слуга многих господ) – от Вителлия и до Домициана.

Так отчего, спрашивается, Пету не прибыть (на смену Корбулону) в Каппадокию, по сложении им консульства, во второй половине 61г. (сходно отбытию Турпиллиана из Рима в Британию)? когда у Тиграна начались сложности, а не в 62г., тем паче, что именно этот хроновывод однозначно напрашивается из повествования Тацита (Ан.15,1-6-8), с чем мы будем разбираться ниже.

А пока скажем, что как Цезенний, так и Турпиллиан, ordinarily отконсульствовав в 61г., во второй половине этого года были отправлены Нероном на западную и восточную окраины Римской империи, один – в Британию на смену Светонию Паулину, другой – в Каппадокию для контролирования из М.Азии ситуации-положения в Армении и для поддержания римского ставленника Тиграна на армянском троне. Хотя, если Турпиллиан, б.м., сменил Паулина в конце 61-го, или зимой 61/62г., то Цезенний точно легатурил на Востоке не позднее, чем с осени 61г. (см. ниже).

Однако, обратимся сначала, в русле нашего хронорассказа, к событиям в Британии, к-рые Тацит (Ан. 14,29-39), в очередной раз комплектуя периферийную событийность не одного года под одним анналистическим годом, преподносит в рамках 61г. н.э., несмотря на то, что начало этих знаменательных событий, фигурирующих, к слову, у эпитомированного Диона (62,1-12), с перебором-перехлестом, (после рассказа о Нерониях) целиком под 60г., имело место в предыдущем 60-м г. (Как ниже у Тацита события в Армении, произошедшие в 61/62г., представляются под 62г., и как выше, в чём читатель мог удостовериться, армянские события 59/60г. презентуются в «Анналах» под 60г.)

УВЕРТЮРА К ВОССТАНИЮ БОУДИККИ

Тацит: «В консульство Цезенния Пета и Петрония Турпиллиана нам пришлось понести в Британии тяжёлое поражение; Авл Дидий, как я упоминал выше, сохранил в ней только старые приобретения, а его преемник Вераний, незначительными набегам разорявший силуров, умер, не успев расширить военные действия; пользуюсь при жизни славою мужа строгих нравственных правил, он выказал себя в завещании суетным честолюбцем: расточив Нерону обильную лесть, он под конец заявлял, что окончательно подчинил бы власти эту провинцию, доведись ему прожить ещё хотя бы два года. Но в описываемое время британцами правил Светоний Паулин, знанием военного дела и славой в народе, к-рый для всякого находит соперника, состязавшийся с Корбулоном и стремившийся укрощением неприятеля сравняться с покорителем Армении. Итак, он решает напасть на густонаселённый и служивший пристанищем для перебежчиков остров Мону и с этой целью строит плоскодонные корабли, не боящиеся мелководья и подводных камней. На них он перевёз пехотинцев; всадники же переправились, следуя по отмелям, а в более глубоких местах плывя рядом с конями.

На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди к-рого бежали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещаниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого исступлённого, наполовину женского войска, они устремляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побеждённых размещают гарнизон и вырубают их священные роши, предназначенные для отправления свирепых суевенных обрядов: ведь у них считалось благочестивым орошать кровью пленных жерт-

венники богов и испрашивать их указаний, обращаясь к человеческим внутренностям. И вот, когда Светоний был занят выполнением этих дел, его извещают о внезапно охватившем провинцию возмущении...» (Ан. 14,29/30)

Вот эти две главы = два абзаца 14-й кн. «Анналов» – 29/30 – повествуют под анналистическим 61г. н.э. о предшествовавших собственно восстанию Боудикки событиях, начиная с 50-х гг. IV н.э., в пору наместничества Дидия и Верания. А что касается захвата римлянами под предводительством Светония Паулина о. Мона, оный произошёл в 60г. н.э.

Но прежде чем заняться данным захватом и всем случившимся после него нам надо коротко оглянуться на пройденный материал и вновь раскрыть 39/40-й абзацы 12-й кн. «Анналов», вернее, их перспективную часть, чтобы освежить в памяти события 50-х гг. Читатель в курсе, что разбитый (преемником А.Плавтия) Осторием Скапулой (второй римско-британский легат в 47 – 52гг.) многолетний противленец римлянам Каратак бежал к царице бригантов Картимандуе, был до истечения 51-го, или зимой 51/52гг. (на 9-м году от начала летом 43г. римско-клавдианского завоевания Британии) выдан ею римлянам и доставлен, по весне 52г., в Рим, где летом 52г. состоялись триумфальные торжества по поводу успешного завершения очередного этапа покорения Туманного Альбиона.

В то же время в самой Британии удача частично отвернулась от Остория, против к-рого поначалу удачно выступили южно-уэльские силуры и к-рый «именно в эти дни, не выдержав – по Тациту – бремени тяжких забот, умер» (12,39), что произошло во второй половине 52г. На смену ему из Рима прибыл А.Дидий Галл, недавний одолитель, в ранге легата Мезии, Митридата Боспорского, – британский легат в 52 – 57гг. Сперва потеснённый противником, нанесшим поражение легиону, к-рым командовал Манлий Валент, он затем рассеял врагов (искусственно преувеличивая, как и британцы, свою победу), но вялая партизанская война продолжалась.

Если в «Жизнеописании Юлия Агриколы» (превозносящий британские заслуги своего тестя) Тацит о британской легатуре Дидия критично говорит, что он «удерживал завоеванное предшественниками и продвинул вперёд весьма небольшое число укреплений, расчитывая снискать себе похвалу за выполнение большего, чем требовалось его обязанностями» (14), то в «Анналах», как мы знаем, о Дидиевой деятельности в Британии сказано, что он «сохранил в ней только старые приобретения» (14,39). Причём в Ан.12,40, под анналистическим 50-м г. н.э., кратко рассказывается о событиях аж до 57-го, или 57/58гг., когда Дидий, сходно О.Скапуле, скончался на посту и его сменил пролетатуривший менее года и тоже умерший на посту в 58г. Кв.Вераний. Три римских легата, скончавшихся (один за другим) на легатском посту в Британии! Без магических ли проклятий и ворожбы друидов!? – главных сопротивленцев римскому господству на британской земле!

Тем временем, в период правления Дидия, после Каратака, самым сведущим, согласно Тациту (Ан. 12,40), в военном деле среди британцев мужем был Венуций, супруг выдавшей Каратака римлянам царицы Картимандуи, оба – предводители самого могущественного британского племени бригантов, с ареалом их обитания от средней, во всю ширину острова, Британии до южной Шотландии. И Венуций «долгое время» (12,40) хранил верность римлянам, пока не поссорился с Картимандуей. Сообразно (в т.ч. ретроспективному) рассказу в «Истории» (3,45), под 69г., любвеобильная царица прогнала мужа, страстно влюбившись в его оруженосца Веллоката, с к-рым предпочла разделить ложе, в ответ на что отвергнутый муж, собрав множество приверженцев, выступил против неё, а она, «доведённая до последней крайности», обратилась за помощью к римлянам, к-рые в итоге спасли её, одержав победу, но царство осталось за Венуцием.

И тут, при сопоставлении-синхронизации Ан.12,40 и Ист.3,45, неясно, как размежевать и, главное, как хроноразмежевать события 50-х и 60-х гг. Ив.?: когда Картимандуя предпочла Веницию его оруженосца? сколько раз она конфликтовала с Веницием — один или два? Скорее, — два, так как в Ан.12.40 Тацит, несомненно, понимает события только 50-х гг. (в пору легатуры Дидия), где ничего не сказано про супружеский разрыв из-за романа царицы с Веллокатом, однако сказано, что разорвав с мужем, царица, «прибегнув к хитрости, захватила брата и родственников Вениция», чем возмутила против себя многих, «считавших бесчестьем подчиняться владычеству женщины». Тут надо бы добавить — владычеству женщины, изменившей мужу с его оруженосцем. Ибо само по себе владычество женщин, как показывают царственный пример той же Картимандуи (до измены), или пример Боудикки вовсе не было для Британии (с её как остаточной матриархальным, так и с, во многом, феминистическим отношением к женскому полу, будь то царство, или друидизм, в таинствах-ритуалах к-рого женщины играли немаловажную роль) зазорным.

Следовательно, по всей вероятности, история с Веллокатом имела место в 50-е гг., притом в шедшую с переменным успехом борьбу между Картимандуей и Веницием римляне первоначально не вмешивались, поддерживая в дальнейшем оставшуюся им верной царицу, тогда как побеждённый Вениций — либо до времени скрылся, либо на каких-то условиях прекратил сопротивление, примирился с римлянами и тоже до времени из владений Картимандуи удалился. В 69г., воспользовавшись римскими сложностями 68/69гг., он выступит против неё (и Веллоката) повторно, Картимандуя опять окажется в ещё большей опасности и опять спасённая римлянами, на сей раз, потеряет трон (Ист. 3,45). Видимо, верный дуалистический (хроно)расклад (наличествующий в двух тацитовских произведениях не без накладок и элементов сведения *dua k topo*, вследствие чего точная хронособытийная реконструкция крайне затруднительна) приблизительно таков.

Таким образом, сообщение о первой безуспешной поддержке римлянами царицы бригантов в 50-е гг. — победоносное сражение одного из 4-х римско-британских легионов под командой Цезия Назики, есть последнее, что Тацит (перспективно) сообщает в «Анналах» (под 50г.) применительно ко времени ок. пятилетней легатуры (52 — 57гг.) Дидия, кто, «обременённый преклонным возрастом и осыпанный почётными наградами, полагал достаточным сдерживать неприятеля, действуя через своих подчинённых» (12,40).

А дальше преемствовавший Дидию и незначительными набегами разорявший силуров Вераний — «умер, не успев расширить военные действия» (Ан. 14,39). Речь идёт о Кв.Верании — сыне одноимённого отца — первого легата Каппадокии, назначенного в 18г. Германиком мужа из свиты кронпринца, бывшего потом одним из обвинителей Гн.Пизона в 20г. Его родившийся ок. 12г. н.э. сын был квестором в 37г., облакал нар. трибунат в 41г., будучи одним из переговорщиков с Клавдием, после убийства Калигулы, от сената. Затем стал первым (пятилетним) легатом учреждённой Клавдием, с провинциализацией в 43г. Ликии, провинции Ликия и Памфилия; в 47/48гг. был поднят в патрициат; в 49г. консульствовал (см. выше); в 57г. председательствовал в Риме на устроенных Нероном играх; и в том же году отправился наместничать (вместо умершего Дидия) в Британию.

Внимание! тут имеется важный хроноюанс. В «Жизнеописании Агриколы» сказано, что «преемником Дидия стал умерший в том же году Вераний. Далее здесь в течение двух лет сряду успешно действовал Светоний Паулин, покоривший несколько племён и усиливший укрепления; понадеявшись на них и напав на остров Мону, откуда оказывалась помощь ещё неукрошённым народам, он тем создал в своём тылу благоприятную обстановку для мятежа» (14).

Так как на события от восстания Боудикки до его подавления, согласно Тациту, в ходе одного 61г. (Ан. 14,29-39), требуется соответствующее время и требуется достаточно времени, наш вывод о высадке Светония Паулина, во главе римского воинства, из уэльского Сегонта на расположенный у берегов Уэльса о. Мону, о военной победе римлян, размещении на Моне гарнизона, вырубке священной роши и т.д. не в 61-м, но в предыдущем 60гг., с проведением римским легатом зимы 60/61гг. как на острове, где было полно дел, так и в уэльском Сегонте, к-рый он укрепил, — однозначно верен. Иначе на всю перечисленную событийность, включая восстание Боудикки и его подавление, времени в пределах только 61г. не хватит.

Если же до нападения на Мону Паулин успешно действовал в Британии в течение двух лет, значит, начало его легатуры приходится на 58г. И значит, слова о смерти Верания «в том же году» разумеют, вероятно, не юлианский календарный год, но то, что Вераний наместничал в Британии, в общей сложности, менее года — в 57/58гг., или, что менее вероятно, — всё-таки, в течение считанных месяцев (календарного) 58г.

Между тем, в пользу вывода об упирающейся в захват Моны двухлетней легатуре Паулина, с 58 по 60гг., говорит также то, что он, прославленный победитель мавританцев в 41/42гг., первым из римлян перешедший через Атласские горы, стремился сравняться в заслугах с успешным в Армении Корбулоном, так как два лучших полководца империи с ревностью относились к достижениям друг друга. Корбулоновы успехи в Армении датируются двухлеткой 58 — 60гг.: взятие в 58г. Арташата, сожжение города весной 59г., взятие летом или летом/осенью 59г. Тигранакерта, отпор Тиридату и гарантии присланному Нероном из Рима Тиграну VI — весна 60г. Т.е., по всему, Паулин успел узнать об успехах Корбулона в Армении перед тем как сам активизировался, с прицелом на островную цитадель, под названием Мона (Англиси), в Британии.

* * *

Из Ан.14,29/30 мы узнаём, что нападение римлян из Сегонта (в области ордовиков; совр. Каркарван в уэльском графстве Гуинет) на Мону не было, конечно, обусловлено сугубо соперничеством Паулина с Корбулоном. Этот располагавшийся близ северо-восточной оконечности Уэльса остров (Плиний 2,187; Птолемей 2,2,10), величиной 714 кв км, в Ирландском море (в проливе Св. Георгия), между Британией и Ирландией, был одним из священных центров друидизма, являлся очагом-импульсатором сопротивления британцев римской экспансии, служил пристанищем-убежищем для преследуемых римлянами противленцев и недовольных, и при всех случаях, рано или поздно, подлежал (по ходу поэтапного покорения Британии) захвату, зачистке, умиротворению и подчинению.

Как читатель помнит, Клавдий запретил друидизм (чему предшествовали запрет на участие в культе друидов римских граждан Августом и оказавшийся недостаточно эффективным запрет на отправление друидских ритуалов Тиберием) в Галлии, к-рый подпитывался, черпая оттуда силы, из Британии, 12-ю годами ранее, в 48г. н.э. При Клавдии Галлия усиленнее-основательнее, нежели раньше, романизаторски вытягивалась в римскую орбиту, и соответственно, отношение Рима к, в наибольшей мере, олицетворявшим кельтскую самобытность друидам и друидизму, к к-рым Рим не благоволил и прежде, сделалось вовсе нетерпимым. Ныне же очередь дошла до крайне враждебно настроенного к римлянам друидизма собственно британского (за к-рым, впрочем, таился друидизм ирландский, до к-рого римляне не дотягивались).

Повторим, пришедший поначалу ради свободы и справедливости (в новом, с рациональными элементами, качестве и контексте) в мир Рим, завоёвывая, или в его понимании, освобождая от всяких тираний мир, либо безжалостно громили-уничтожал древние, зачастую, безнадежно декадентные мистерии и мистериальные центры, либо профанаторски адаптировал-присваивал их, часто не понимая их сути. Либо оставлял их, убедившись в их политической лояльности-безвредности, нетронутыми, что, правда, не избавляло эти мистерии-тайнства-культы от, в русле кризиса и смерти старых богов, прогрессирующего упадка и вырождения.²²

Притом в данном вопросе далеко не всё однозначно, хотя сегодня принято огульно материть римлян, поднимая плач, в частности, о культах друидов, сходно тому, как, к примеру, некоторые рационал-либеральные или псевдо-спиритуальные учёные умы, надев очки-велосипед, матерят испанцев за уничтожение декадентных индейских цивилизаций Центральной и Южной Америки. Они акцентируют их, мол, высокую культуру и совсем не оговаривают степень упадочности-деградации этих людоедских цивилизаций (дескать, оболганных безжалостными христианскими завоевателями), дни к-рых были сочтены и в истории к-рых испанцы (пусть, зачастую, с неоправданной жестокостью) поставили вполне закономерную точку.

Похоже, как сказано, обстоит дело и с Римом, к-рому французы противопоставляют своего «национального героя» галла Версингеторикса (героического борца за независимость Галлии, сводимой в одно с будущей Францией), немцы – «освободителя Германии» и «первого немца» Арминия, англичане «первую англичанку» – Боудикку, ищучи в них отсутствующие у них корни своих последующих национальных государств, заведомо предначатых, мол, героическим сопротивлением местного населения, под предводительством означенных персон, империалистско-колонизатору Риму.

Увы, за Рим сегодня некому обидеться-заступить и Рим чехвостят все, кому не лень, полностью переключивая, к примеру, на него, о чём читатель уже знает, параллельно полностью снятую с обидчивых евреев-иудеев, ответственность за распятие Иисуса Христа. Благо, история, уж не говоря о метаистории, не так примитивна и никогда не будет уделом разнолагерных временно примазывающихся к ней недоумков-конъюктурщиков. Ни правду, ни истину, в конечном счёте, нельзя ни оболгать, ни скрыть навсегда. И нельзя тупо-слепо проецировать сегодняшние либералистские или демократические взгляды, модели, принципы на прошлое, требуя от него конформистско-конъюктурную подгонку под современность.

Весьма двойственным (образным и противоположным) друидским таинствам были присущи-свойственны и свирепые человеческие жертвоприношения имперсонаторов, или пленных и т.д., и даже, в определённых случаях, ритуальный каннибализм, о чём свидетельствуют явно не фальсифицирующие из политико-

²² Разгром Сиракуз – 212г. до н.э.; Карфаген и Коринф – 146г.; испанская Нуманция – 133г.; галльская Алезия – 52г.; запрет друидизма – 48г. н.э.; кельтско-друидическая Мона – 60г.; Иерусалим – 70г.

Если вавилоняне свозили изображения богов побеждённых народов и атрибуты их культа в Вавилон, то первым декларировавший права народов толерантный михаэлит-космополит Кир Великий (предтеча михаэлита *par excellensa* Александра Великого), покорив Вавилон, наоборот, возвратил, освобождая также пленников, все награбленные Вавилоном святыни обратно. Ярчайший пример – богоизбранники-иудеи, к-рым были позволены-предписаны репатриация и восстановление Храма, и к-рые неспроста назвали перса Кира – «помазанником Божиим» (Исаия 45,1). Однако сатурнальный Рим, к-рый иудеи и христиане неспроста называли «Вавилоном», во многом, предпочитал эвокацию вавилонского типа, либо профанируя-уничтожая, либо собирая-консолидируя в Риме, столице мира, с её культом обожествлённых Цезарей, как, в (якобы и) сакральном мировом центре т.н. мировую сакральность-духовность.

идеологических соображений информацию античные авторы (Диодор 5,32; Цезарь «Галльская война» 6,16; Страбон 4,198; Лукан 1,444; Плиний 30,12/13; Тацит «Ан.» 14,30, Светоний «Кл.» 25,4), к-рым ряд современных горе-эзотериков беспочвенно вменяет умышленную ложь, компрометируя тем самым истинную эзотерику и её позитивную репрезентацию в таинственном друидизме (к-рый отнюдь не был в I/II вв. ни иудейством, ни христианством, и потому не мог быть свободен, на исключительно языческой основе, от декаданса).

Т.е. в рамках одного института (до сих пор окутанного тайнами) знаменитого кельтского друидизма, с одной стороны, определёнными группами-направлениями друидов пестовались чистейшие мистерии-таинства, к-рые со временем спиритуально-питательно изошли в христианство, а с другой, иными группами-направлениями, официозом, осуществлялись, в т.ч. декадентные магические практики и отправлялись различные глубоко упадочные ритуалы. Не сопринадлежали ли к Католической церкви, под эгидой деградантных пап, и Франциск Асизский, и Фома Аквинский и т.д.! Не сопринадлежал ли к Русской православной церкви, под императорским Синодом, с назначаемым царём обер-прокурором во главе, при попах — «голоконных лбах», или при митрополитах типа Фотия, над к-рыми потешался Пушкин²³, обозвавший Фотия «полу-благим полу-святым полу-фанатиком полу-плутом», Серафим Саровский!

Иначе говоря, друидизм сочетал в себе и позитив, и негатив. Притом позитив и негатив, доведённые до крайности, тем паче, что время друидов и их таинств, как в русле мирового кризиса старых богов, так и особенно в свете пришествия Мессии-Христа и христианства в II в. н.э., по свершении Мистерии Мистерий Голгофы, уже вышло-исполнилось и *ещё* (драматически разделившись в себе) необратимо (в трагическом расщеплении) выходило-заканчивалось.

И разумеется, Рим повсеместно боролся с декадансом Древнего мира, сам, одновременно или со временем, подпадая этому декадансу (подхватывая вирусы и теряя иммунитет) не из *прогрессивных* или *реакционных*, в нынешнем понимании, установок, о к-рых римляне (даром что в немалом удивительно напоминающие нас грешных) ведать не ведали. Но они, всегда толерантные до известной меры, с железной последовательностью крушили и устраняли всё то, что им, их миссии, прагматически внедряемому ими мироустройству мешало-препятствовало.

Крушили и тогда, когда в период Республики чувствовали себя преемниками-продолжателями, при непреложном осознании собственного превосходства, первой демократии мира — Афин, и тогда, когда, вступив в наследие сначала побеждённого (стёртого с лица земли) Карфагена, а затем вымирающих диадохов, превратились, подчинив-вобрав эллинистическую Ойкумену (чтобы позднее раствориться в ней!), в могущественнейшую Империю мира.²⁴ Скажите, не ополчилась ли Англия в XIX в.

²³ Впрочем, что касается Пушкина и русской (с начала XIX в.) фрондирующей элиты, то в грядущей российской революции (о к-рой Лермонтов верно, правда, имея перед собой французский гильотиновый пример, предрёк: «Настанет год, России чёрный год, / Когда царей корона упадёт») повинны отнюдь не только евреи (хотя их в этой революции переизбыточно много), поскольку авторство скоморшеско пошлой «Гаврилады» принадлежит никак не Троцкому и не Радеку.

²⁴ Можно обратить внимание как на 7 периодов-интервалов Греко-Римской культуры (под знаком Овна; Душа рассудочная) продолжительностью в 2160 лет (748/47гг. до н.э. — 333/34гг. н.э. — 1413/14гг. н.э.), так и на 3 периода древнеримской истории длиной в ок. 12 столетий, — от основания Города в 753-47гг. до н.э. до падения Западной Римской империи в 476г. н.э. В первом случае это — интервалы по 308/09 лет (1/7 Платонова месяца) каждый = ок. 300/310 лет. 1). Ок. 750 — ок. 440гг.: с начала царского Рима до установления Республики, борьбы патрициев и плебеев, «Законов XII-и таблиц» — первой фиксации римского права и основы римского законодательства; 445г. — разрешение браков между патрициями и плебеями; 443г.

против работорговли не столько из гуманитарных соображений-побуждений, сколько, в первую очередь, именно прагматически, из-за её экономической для себя невыгодности-ущербности, что, вместе с тем, не отрицает гуманитарный аспект британского запрета на работорговлю!

И друидизм, перво-наперво, запрещался-уничтожался Римом (очень напоминающим сегодняшних хозяев мира — англосаксов!) как оплот противоримского, выражаясь языком ново-новейшего времени, национально-освободительного движения, или, вернее, как оплот сопротивления Риму и римскому обустройству покорённого мира в кельтской Галлии или в кельтской Британии. И если запрет на друидов в Галлии в 48г. был продиктован как её окончательной, по плану Клавдия, романизаторской интеграцией, так и началом в 43г. (из Галлии) завоевания Британии, то теперь продолжающийся процесс поэтапного покорения британцев, включая слом их духовного, под друидским предводительством, сопротивления, требовал решительной реализации этого запрета повсюду, куда и где Рим мог до связанных между собой друидов (как объединителей распадающейся старой Кельтики) дотянуться.

Но, благо римляне, скажем снова (отдавая должное плюсу их деятельности, при

— учреждение цензуры. 2) Ок. 440 — ок. 130гг.: от галльского штурма IVв. до н.э., через допущение плебеев к консульству (367г.), Самнитские войны, роспуск Латинского союза, покорение Италии с 40-х гг. IV до 60-х гг. IIIвв., Пунические, Македонские и др. войны, разрушение Карфагена и Коринфа, до аннексии превратившимся (за счёт побед над Карфагеном, Антиохом III, македонянами, греками, иллирийцами, испанцами) в сильнейшую среди-земноморскую державу Римом Пергамского царства в 133г. до н.э. 3) Ок. 130г. до н.э. — ок. 180г. н.э.: пик могущества Imperium Romanum, через эпопею Гракхов, Мария и Суллы, Гражданские войны, победы Лукулла и Помпея, Рубикон Цезаря и Принципат Августа — до кончины последнего из кесарей Антонинов «Золотого века» М.Аврелия (с правления сына к-рого Коммода начинается кризис). 4) Ок. 180 — ок. (условно) 493гг.: через Северов и кризис IIIв., через Доминат Диоклетиана, обращение к христианству от Константина (+ 337г.) до Феодосия I (+ 395г.), раздел Империи (395г.), катастрофы и завершившие историю Древнего мира судьбоносные события Vв. (германцы; гунны), до поражения/казни Хлодвигом Сигария (486/87гг.) и убийства (свергнувшего последнего западно-римского императора) Одоакра остготом Теодорихом в 493г. (год первого появления Архангела Михаила в эпоху Захарила-Юпитера над Европой). 5) Ок. 493/500 — ок. 800/14гг.: период рождения средневековой Европы, становления варварских (германских) королевств, борьбы Юстиниана с остготами и вандалами, кодификации римских законов, сасанидско-византийских войн, начала Халифата, завоевания арабами восточной Испании и начала Реконксты, создания Франкской империи Карла Великого, с его коронацией императорской короной в 800г. и кончиной в 814г. 6) Ок. 800/14 — ок. 1100/10/20гг.: от кончины Карла Великого, истории Византии, Халифата Аббасидов, возникновения Священной Римской империи (962г.), появления турок-сельджуков (XIв.), до I-го Крестового похода (1096-99гг.), взятия крестоносцами Иерусалима и создания рыцарских Орденов. 7) Ок. 1000 — 1413гг.: от I-го Крестового похода, через монгольские нашествия XIIIв., гибель ордена Тамплиеров (1307-14гг.)... до Столетней войны (1337-1453гг.) и рождения Орлеанской Девы (1412г.). Причём спустя 40 лет от зодиакально-метаисторического хроно-окончания IV-й Греко-Римской культуры, в начале V-й Германно-Англосаксонской культуры (знак Рыб; Душа сознательная), пал Второй Рим — византийский Константинополь, завоёванный турками-османами как раз в год завершения Столетней войны, что поставило своего рода символическую точку в истории-метаистории Греко-Римской эпохи-культуры, почти через 1000 лет после конца Западной Римской империи в 476г. и через 2200 лет от 748/47гг. до н.э.

А учитывая троичную структуру древнеримского общества (изначально 3 трибы, 30 курий, 300 родов-фамилий и т.д.) можно подразделить древнеримскую историю до завершения истории Древнего мира на, как сказано, три интервала-периода, по ок. 400 лет каждый. 1). 753/48/47 — ок. 340гг. до н.э.: от основания Города до начала завоевания Римом Италии. 2) Ок. 340г. до н.э. — 68г. н.э.: до конца династии Юлиев-Клавдиев и первого этапа Принципата. 3) 68/69 — 476гг.: от эпохи Флавиев до низложения остготами Одоакра Ромула Августула и отослания императорских инсигний в Константинополь.

учёте всех минусов) не могли добраться и никогда не добрались до святого-святых солярно-светоносных друидских таинств в Гибернии-Ирландии, (одухотворённые позитивно-эзотерической уходящей Кельтикой) христианство и христиане к-рой станут впоследствии главным дателем-носителем-распространителем особого рафинированно-христианского Импульса в Европе. И станут сходно тому, как контактировавшие через Армению и Каппадокию с галатской Кельтикой Парфия и Парфянство, сделавшись, по сошествии Парфянского царства (224/26гг.) с политической арены, синонимами спиритуального христианства (если зороастризм кульминирует в парфянском митраизме, то кульминация прохристианенного митраизма — христианство манихейское!), проделают-осуществят аналогичное в Передней Азии и растворятся, сродни европейской Кельтике, плодотворно-духотворно изойдя в таинственное христианство, до истечения III в. н.э.! (см. выше)

Возвращаемся в 60-й г. н.э. Итак, Светоний Паулин, построив плоскодонные корабли, не боящиеся мелководья и подводных камней, высадился на о. Мону (остров за Туманным Альбионом на пути к ещё более туманной Гибернии), где его, с его легионерами, ждало в полном вооружении вражеское войско, среди к-рого бегали похожие на фурий в траурном одеянии, с распущенными волосами и факелами в руках, неистовые женщины, тогда как бывшие тут же жрецы-друиды, с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия по адресу римлян.

Причём это наверняка очень впечатляющее зрелище сначала так потрясло рядовых римских воинов, что они, замороженные происходящим, «словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары». Впрочем, отнюдь не на всех римлян подобные чары действовали и Риму было отнюдь не впервой сметать с пути всякое сопротивление. Военачальнику и легатам удалось вывести воинов, перед лицом иступлённого и наполовину женского воинства врагов, из оцепенения. Уверенность командира передалась солдатам, развороженные римляне устремились на врага и в итоге разгромили его.

Потом Светоний, как говорилось выше, сломив сопротивление, разместил на захваченном острове гарнизон, вырубил священную друидскую рощу, предназначенную для свирепых суеврных обрядов (с орошением, по Тациту, кровью пленных жертвенников богов и с гаруспикальным гаданием по человеческим внутренностям), уничтожил противленцев, пощадил изъявивших лояльность-покорность и счёл, встретив новый 61г. н.э. на Моне, в первые месяцы этого года дело почти законченным.

И вот, — повторяем слова Тацита, — когда наместник был занят выполнением вышеизложенного, его известили «о внезапно охватившем провинцию возмущении». Засим, захватив Мону, видимо, летом или летом/осенью 60г., римский губернатор до конца оногo и зимой 60/61гг. занимался как римским умиротворением острова, так и укреплением ведущего к нему уэльского Сегонта. И тут Светония известили о возмущении Боудикки.

Притом оно, надо понимать, не было мотивировано исключительно историей с кончиной, скорее, к концу или в конце 60-го, чем в начале 61г., её супруга Прасутага, и последовавшего за ним, в отсутствие обретавшегося на Моне наместника, беспредела римлян в начале 61г., будучи также, поскольку восстали отнюдь не только икены/ицены, вызвано римским разгромом Моны, вырубкой священной друидской рощи и т.д., о чём Тацит молчит, поскольку для пишущейся им анналистической истории, отторгающей метаисторию, мотивация сего рода лишена актуальности и не имеет значения. И тем не менее, передаём слово великому римскому историку-анналисту Тациту (без эзотерического историописания к-рого было бы невозможно разобраться с эзотерической метаисторией).

ВОССТАНИЕ БОУДИККИ

«Царь иценов Прасутаг, славившийся огромным богатством, назначил в завещании своими наследниками Цезаря и двух дочерей, рассчитывая, что эта угодливость оградит его царство и достояние от насилий. Но вышло наоборот, и царство стали грабить центурионы, а достояние — рабы прокуратора, как если бы и то и другое было захвачено силой оружия. Прежде всего была высечена плетью жена Прасутага Боудикка и обесчещены дочери; далее, у всех видных иценов отнимается унаследованное от предков имущество (словно вся эта область была подарена римлянам), а с родственниками царя начинают обращаться как с рабами. Возмущённые этими оскорблениями и страшась ещё худших, поскольку их земля стала частью провинции, ицены хватаются за оружие и привлекают к восстанию тринобантов, а также всех тех, кто, ещё не сломленный порабощением, поклялся на тайных собраниях отвоевать утраченную свободу, питая особую ненависть к ветеранам. И в самом деле, недавно выведенные в колонию Камулодун, они выбрасывали тринобантов из их жилищ, сгоняли с полей, называя пленниками и рабами, причём воины потворствовали своеволию ветеранов и вследствие сходства в образе жизни, и в надежде на то, что им будет дозволено то же. К тому же возведённый божественному Клавдию храм представлялся тринобантам как бы оплотом вечного господства над ними, а назначенные его жрецами разоряли их под предлогом издержек на отправление культа. Между тем восставшим казалось делом отнюдь нетрудным уничтожить колонию, не имевшую никаких укреплений, ибо наши военачальники об этом не позаботились, думая более о приятном, чем о полезном...» (Ан. 14,31)

Не столько царь, сколько тигерн (глава клана) Прасутаг, о к-ром ранее не упоминалось, вероятно, примкнул к римлянам ок. 45г., при А.Плавтии, и не участвовал в восстании иценов против Рима при Остории Скапуле, возглавив их ок. 50г. и хранил верность Риму до своей кончины в истекающем 60г.

Рим практиковал, в чём читатель не раз имел возможность убедиться, провинциализацию вассальных царств после смерти их венценосно-союзных (римскому народу) владетелей, будь то по завещанию последних (Пергам; Вифиния...), или без него (Галатия; Каппадокия; Коммагена...). Либо римляне утверждали в осиротевших вассалитетах, царствах и княжествах, (всегда оставляя заключительное слово за собой) наследников умерших венценосцев (Набатей; Иудея; Понт...), могучи в любой момент лишить их (втянутого в провинциальную систему) наследственного владения (Иудея — в 6г. н.э.; реанимированная Калигулой в 37г. Коммагена — 72г. н.э.).²⁵

Подразумевало ли завещание Прасутага, назначившего сонаследниками Цезаря и двух своих дочерей, дарственную передачу Прасутаговых владений Риму? или нет? — из Тацита неясно. Во всяком случае, распространённое мнение о том, что, дескать, стопроцентно — да, поскольку Прасутаг не оставил наследников мужского пола, исключительно к-рых, мол, римляне и признавали в качестве тронных преемников, — грубо ошибочно. Будь это так, Прифодорида Понтийская не правила бы в Понте после гибели её супруга Полемона I в 8г. до н.э., аж до 36г. н.э.; а сестра Ирода Саломия не унаследовала бы по смерти брата в 1г. н.э. Яффу, где она властвовала до 10г. н.э., завещав своё владение не Августу, но его супруге — Ливии.

²⁵ Ирод I назначал-переназначал на рубеже эр наследниками Иудейского царства, в разной степени, своих сыновей, но, по любому, предоставляя утверждение или неутверждение всех своих завещаний, включая их какую-либо корректуру, полномочному (верховно-арбитражному) решению Августа.

Посему оставим суть завещания умершего царя или тигерна иценов под вопросом, сообразуясь с информационной наличностью, согласно к-рой не вся прасутаговская область иценов (совр. графства Норфолк и Суффолк), или минимум не всё в ней было подарено римлянам, при том, что, назначая сонаследником Нерона, старый тигерн, предвидевший осложнения, без сомнения, рассчитывал, что тем самым гарантирует своих жену и дочерей, под кесарской защитой, от потенциальных неприятностей.

Но он ошибся-просчитался. В момент его смерти Светоний Паулин, как сказано, занимался в конце 60-го и зимой 60/61гг. неотложными делами на о. Мона у западного побережья Британии, тогда как царство-княжество иценов «стали грабить центурионы, а достояние – рабы прокуратора...» Если в руках римских наместников была сосредоточена военно-административная и судебная власть, то прокураторы ведали финансами, и при этом их алчность нередко приводила к печальным последствиям. Вспомним, например, поведение прокуратора Сабина, к-рое, по смерти Ирода в Иудее (Iг. н.э.), вызвало или, скорее, спровоцировало (пусть обусловленный рядом иных серьёзных факторов) настоящий взрыв.

С Клавдия же, к-рый ещё и поднял прокураторский статус на периферии, роль этих представителей всаднического сословия, часто близких к первому лицу или к придворной камарилье, заметно возросла. И не все консулярские наместники рисковали или желали конфликтовать с ними, нередко избегая конфликта, или совместно (руку руку моет) мздоимствуя-лихоимствуя.

Так или иначе, римское единоначалие формально предусматривало приоритет Паулина, и его занятость на Моне, без должного контроля надо всем случившимся, естественно, означает частично его (комфортнее чувствовавшего себя во главе воинства на поле брани) упущение, между тем как непосредственным виновником произошедшего являлся прокуратор Деций Кат (у Диона – Дециний), жадные рабы к-рого, согласно Тациту, и набросились на достояние и на подданных покойного Прасутага.

Как реакция против такого беспредела, по всей видимости, последовали протесты вдовой Боудикки, в ответ на что она была высечена плетьюми, а целомудрие её юных дочерей, к-рых изнасиловали, поругано. Плюс к тому, римляне принялись отнимать у видных икенов наследственное имущество, обращаясь с родственниками царя, как с рабами. И вот казалось бы умиротворённый Римом остров Британия, тревожно и с возмущением наблюдая за происходящим как у икенов, так и на о. Мона, где был уничтожен священный друидский центр, вспыхнул-попыхнул. В сложившейся ситуации требовалась искра, чтобы из неё стремительно разгорелось пламя. И римляне, под предводительством прокуратора Ката, её высекли, сами поднеся к заведомо облитому бензином стогу сена огонь. Их святотатственные брутальность и корыстолюбие, на сей раз, в сочетании, перешли все границы допустимого.

Первыми взяли за оружие возглавляемые приведённой в одержимое неистовство Боудиккой икены. К ним, откликнувшись на её яростный призыв, примкнули тринованты, и потом др. племена римской Британии, к-рая к тому времени насчитывала 16 договорных цивитатов (civitates) – автономных городских и сельских общин на правах peregrinorum, преобразованных римлянами в подчинённые им общины из местных племён (в алфавитном порядке – атребаты, белги, бриганты, деметы, добунны, думкони, дуротриги, икены, каттувеллауны, карветы, кантии, кориелтаувы, корновии, парисы, регнии, силуры). Хотя неизвестно – все ли они (и в какой мере?) в ставшем столь знаменитым восстании Боудикки (крупнейшем в истории римской Британии) участвовали?

Кстати, Дион (62,1-12) от Ксифилина (158,24 – 165,20) сообщает факты, детали и подробности, к-рых нет у Тацита. Иное дело – степень достоверности его сообщений. По Диону, поводом к восстанию («ужаснейшее несчастье в Британии») послужило намерение прокуратора Дециния Ката получить назад от знатных британцев розданные в своё время Клавдием крупные денежные суммы (в долг под проценты?). И кроме того, мол, не кто иной как «Сенека в надежде получить хорошую лихву, ссудил островитянам 10 млн. денариев, к-рых они не желали, а потом потребовал весь этот заем назад одновременно и прибегнул к суровым средствам для его взыскания» (62,2,1).

Мы в курсе, что у Диона представлена традиция, враждебная Сенеке, но, с др. стороны, мы успели удостовериться, что Сенека это – одно в амплуа пестуна кронпринца или теоретизирующего философа-моралиста, и нечто совсем другое в практической политике, к-рую он, силясь совместить-свести её со стоической философией, раз за разом проваливал, и в конце концов провалил полностью, провалив напоследок, в т.ч., и самого себя.

Причём, если рука всё ещё влиятельного на 60/61гг. премьер-министра Сенеки во всём этом деле, действительно, была замешана (Дион не мог взять информацию о 10-и млн. денариев из воздуха) и Деций Кат был именно его сомнительной рукой, подобный расклад также может объяснить первоначальную пассивность Паулина. Не столько интригана, сколько полководца и управителя, не желавшего ссориться не столько с шавкой Децием (Децинием), сколько с самими Сенекой (к-рый был не сугубо философом, но и, оказывается, заправским ростовщиком) и с (отвечавшим за гос. безопасность) ком. преторианцев Бурром (с кем Сенека действовал в тандеме).

Имя Боудикка (Боадицея; у Диона – Будуика), предположительно, производное от кельтского *bouda* – победа. У галльских кельтов была богиня *Boudiga* – персонификация военной *Виктории*, боевой удачи. И если Тацит сразу переходит к рассказу о восстании Боудикки, то Дион сначала даёт её красочный портрет. «Ростом она была очень высокая, вида самого устрашающего, со свирепейшим блеском в глазах, с грубым голосом; большущая волна рыжих волос падала у неё до бёдер, вокруг шеи было широкое золотое ожерелье, она носила разноцветную тунику, поверх к-рой толстый плащ был сколот заколкой» (62,2,3/4).

И потрясая копьём в поднятой руке, стоя на боевой колеснице, поставив перед собой обесчещенных дочерей, она произнесла перед собравшимися под её знамёнами британскими повстанцами, к-рых Дион на начальном этапе восстания исчисляет в 120 тыс. (62,2,3), пламенно-призывную зажигательную речь. Впрочем, эту речь Тацит, сказав о ней кратко в одном абзаце (14,35), помещает (хронологически позже Диона) во время до решающего сражения британцев с воинством подоспевшего Светония Паулина, перед чем повстанцы ринулись на бывшую столицу триновантов – Камулудун (Колчестер), куда О.Скапула вывел в 51г. колонию римских ветеранов.

Город был осаждён, притом, помимо ряда мрачных предзнаменований, к-рые так любят перечислять (очень маловерующие и очень суеверные римские авторы), статуя Виктории в нём рухнула и повернулась в др. сторону (спиной к римлянам). Оно и не мудрено, ведь перед Камулудуном стояла готовая сокрушить его британская Виктория-Боудикка вживе. И так как наместник Светоний был пока далеко, на о. Мона, осаждённые послали за помощью к прокуратору Кату, кто прислал всего 200 чел., да и то без надлежащего вооружения (Ан. 14,32). Обитатели Камулодуна, римляне и немногие оставшиеся верными им перед лицом противоримского порыва, охватившего прочих, британские приверженцы, вынуждены были укрепиться в посвящённом Клавдию храме на возвышенности, ибо город не имел, беспечно не обзаведшись с 51г. ими, крепостных укреплений.

Тем временем, повстанцы окружили-осадили клавдианский храм, свирепо уничтожая всё римское на своём пути, и после двух дней осады, сломив оборону немногочисленных защитников, захватили его, не щадя никого и подвергнув зверским расправам всех, кого пленили живыми. Потом они вышли навстречу запоздало шедшему на выручку камуллудунцам IX-у легиону, под командой Петилия Цериала (к-рый будет наместником Британии в 71 – 74гг., при Веспасиане), и в ожесточённом сражении, имея многоразовое численное превосходство, разбили римлян, истребив всех пехотинцев, тогда как Петилию удалось с конницей уйти от преследования и укрыться в укрепленном лагере. В то же время «устрашённый этим разгромом и ожесточением провинции, к-рую его корыстолюбие ввергло в мятеж, Кат переправился в Галлию» (Ан. 14,32).

Обратим внимание на эту мимолётно отмечаемую Тацитом степень виновности корыстолюбца Ката, вину к-рого Дион частично переносит на Сенеку, о чём Тацит, щадя ли Сенеку (?), – именитую жертву нероновской тирании, – глухо молчит. И, к слову, согласно Светонию, когда вести о британском восстании и его масштабах, надо полагать, в начале 61г., зимой/весной, дошли до Рима, перепуганный Нерон, у кого, по слову Светония, не было ни охоты, ни надежды расширять и увеличивать державу (что не совсем так), «подумывал даже вывести войска из Британии» (Нер. 18). Т.е. подумывал покинуть остров, «и не сделал этого лишь из стыда показаться завистником отцовской славы», что, следует думать, совсем не так. Однако, в любом случае, эти слова (с учётом светониевской склонности к подчас антиисторическим портретным гиперболизациям) показывают, насколько Нерона и Рим всполошили известия с Туманного Альбиона.

И Риму очень повезло, что в Британии в ту пору наместничал талантливый военачальник Светоний Паулин, к-рому восстание развязало руки и к-рый, – как перед лицом масштабов британского мятежа, так и после позорного бегства в Галлию прокуратора Ката, – наконец-то оказавшись в своей милитантной тарелке, начал действовать в полную силу, получив возможность применить свои незаурядные именно полководческие таланты на практике.

* * *

Силами частей, по всему, XIV-го и XX-го легионов, в неполном составе, с к-рыми он, должно сделать вывод, оперировал на Моне (напомним, в Британии со дней Клавдия стационарировались 4 легиона – II-й, IX-й, XIV-й, XX-й: в Экстере, Глочестере, Врочестере, Линдуме), наместник, «с поразительной стойкостью пробившийся среди врагов, достиг Лондиния» (Ан. 14,33), к-рый, пусть и не имея статус колонии, был крупным торговым центром на Темзе.²⁶

²⁶ Лондиний – своего рода финансовая столица тогдашней римской Британии, как Лондон XIX/XXвв. стал финансовой столицей мира, не желая уступать первенство промышленно превосшедшей-обогнавшей Англию Германии, что, в частности, и ввергло мир в Первую Мировую войну, из к-рой позднее вылупилась и передала британскую эстафету США Вторая Мировая война.

И уничтожив во Второй Мировой войне, вместе с Англией, и главное, силами-жизнями России, германский Центр Европы, американцы оседлали-возглавили превращённую ими в свою наложницу Западную Европу, вырвавшись вперёд в борьбе за мировое господство, пока Россия, скованная бесперспективным социализмом-коммунизмом, его обречённой экономической и мёртвой политической системой, да ещё повесив себе на шею (как мельничный жернов) восточно-европейский хомут, состязалась с Западом, в угон и на отбой, в (за счёт нищенства советского народа) заведомо проигранной ею гонке вооружений. И ещё – в безмыслии

Но взвесив все за и против, Светоний решил оставить город, чтобы его мало-численное войнство не постигла судьба разбитого IX-го легиона, тем более, что численность окрылённых первыми успехами повстанцев быстро выросла вдвое — со 120-и до аж 230-и тыс. человек (Дион 62,8,2). Засим следовало уходить от решающего сражения, во-первых, до тех пор, пока к римлянам не подойдут оставшиеся подразделения XIV-го легиона, вексилярии XX-го, плюс — II-й легион; и во-вторых, предстояло-следовало дать это решающее сражение всенепременно в максимально удобной для римлян диспозиции, в-на максимально благоприятной перед лицом многократного численного превосходства врага местности. Иначе — какой бы героизм ни проявили римляне, катастрофы — Красса в Месопотамии, или Вара в Тевтобургском лесу — не миновать. Искусство искусного полководца заключается не только в том, чтобы уметь рубать (мечом или шашкой), а и в том, в частности, чтобы (наипаче, при отсутствии второго шанса) правильно выбрать и место (изменить к-рое нельзя), и время (упустить к-рое смерти подобно) сражения.

И ни мольбы, ни слёзы взывавших о помощи обитателей Лондиния не поколебали единственно верного решения, принятого, под давлением обстоятельств, полководцем, у к-рого, в условиях жёсткой необходимости, не было альтернативного выбора. В результате он с подкомандными подразделениями и всеми, кто мог и пожелал, покинул Лондиний. Оставленный без прикрытия город был взят, с уничтожением в нём всего живого, за исключением пленных, к-рых ждала судьба не рабов, а жертвенных животных на алтарях и виселицах беспощадных британцев, не жалевших ни мужей, ни приносившихся в жертву с особой жестокостью жён, ни детей.

Дальше, воодушевлённые ещё одной лёгкой победой мятежники, разгромили муниципий Веруламий (тоже, похоже, преданный им без боя), взяв, следовательно, за достаточно короткое время три города и полагая весной 61г., что полная победа и скорое полное изгнание тех римлян, к-рые сумеют-успеют унести с острова ноги, у них в кармане. По Тациту, разгром Камулодуна, Лондиния и Веруламия обошёлся римлянам в итоге 70 тыс. погибших (Ан. 14,33); по Диону (62,1,1), — в 80 тыс.²⁷

Пленников убивали, сажая на кол, резали на алтарях заживо, варили в кипящей воде, топили, вырезали у них живых внутренности, к-рые нанизывались на раскалённый вертел, с последующим гарупикальным гаданием по ним, и т.д. Знатных римлянок подвешивали нагими, отрезали им груди и пришивали к губам, что символизировало как бы поедание приговорёнными собственной (предназначенной для вскармливания детей) плоти. Причём жертвы приносились Андрасте — кельтской богине, чьё имя переводится как «Непобедимая», богине женщин-воительниц, богине кельтских амазонок, к-рая изображалась мчащейся на боевой колеснице и к

насаждении или в поддержке (сходно — за счёт советского народа), в ущерб себе, левых и мнимо просоветских-антиимпериалистических режимов в отсталом третьем мире.

Победу в войне мало одержать, её надо суметь вместить. А Россия не сумела вместить ни свою блистательную победу над Наполеоном, ни свою эпохальную победу не столько над Гитлером (к-рого она не могла не победить), сколько, беря две Мировые войны в совокупности (один из ракурсов пространства неиспользованных альтернатив), над Германией.

Ведь именно после победы над Наполеоном, из заграничного похода русской армии родился декабризм и дальше — долгое роковое противостояние российской власти и российского общества, что привело в итоге к вытолкнутым наружу двумя внешними войнами (Русско-японской и I-й Мировой) двум революциям и к большевистской диктатуре.

Между тем, победа в войне 1941-45гг. над Гитлером и скатившейся в нацизм (из-за проигранной ею Антанте войны 1914-18гг.) Германией, оставила СССР (как, в данном контексте, Россию) один на один с возглавленным англосаксами Западом, к-рым Россия без Германии, без германского Центра, и не могла, и не сумела в долгосрочной перспективе противостоять, проиграв таким образом холодную войну и придя к распаду державы.

²⁷ 80 тыс. — число жертв среди римских граждан, по итогам кровавой «Эфесской вечера» Митридата Понтийского в 88г. до н.э.

к-рой Боудикка с потрясаемым в поднятой руке копьём, возвышаясь на колеснице, обращалась, взывая к ней, и требуя от неё обязательной победы для ведомых ею британцев, как женщина – к женщине (Дион 62,6,2).

И так, покуда британцы, упиваясь достигнутым, торжествовали, под началом Светония набралось 10 тыс. воинов, «после того как в его распоряжении оказались (весь – К.З.) XIV-й легион с вексиляриями XX-го и вспомогательных войск» (Ан. 14,34). И теперь римский наместник решил перестать выжидать и наконец дать судьбоносное сражение, сумев выбрать и нужный момент, и подходящее для этого место, по поводу чего, как и по поводу всего остального, мнившие себя уже необратимыми победителями британские шапкозакидатели, имея более чем двадцатикратное превосходство в силах, вовсе перестали, себе на погибель, заботиться-беспокоиться.

Битва произошла на современной Уотлинг-стрит в западном Мидленде. Речь идёт о древней дороге в Англии и Уэльсе, использующейся до наших дней и проходящей сегодня между городами Кентербери и Сент-Элбанс (Веруламей), от Дувра через Лондон до Рокстера. В качестве основного места сражения был выбран достаточно узкий участок дороги, вернее, узкая теснина перед нею, с двух сторон окружённая лесом, где можно было расположить метких лучников. И сама эта теснина была расположена так, что её расположение позволяло свести к минимуму преимущества численного перевеса противника, при возможности избежать опасности окружения и эффективно обороняться, равно, в случае удачи, – стремительно атаковать, ввергнуть врагов в панику и обратить их в бегство.

Притом последняя возможность виделась особенно привлекательной, так как переуверенные в себе британцы (пьяные от одержанных побед и крови) прибыли к месту сражения парадно, с семьями, к-рые находились в повозках за линией их воинских сил, дабы и жёны, и дети могли воочию наблюдать за, по всякому, последней победоносной битвой. Отсюда, – буде римлянам удастся вынудить врагов к отступлению, о чём никто из британцев даже не думал, те погибельно наткнутся-натолкнутся, показав тыл, на (опрокидывая и затаптывая-растаптывая его) собственный обоз, как оно вскорости и случилось.

Впрочем, перед началом сражения и Боудикка, и Светоний Паулин обратились к своим подчинённым с речами, о к-рых стоит, несмотря на всю вложенную в них источником Диона неестественную патетику, и в т.ч., несмотря на некоторые слова-мысли, к-рые реальной Боудикке вряд ли могли прийти в голову, уж не говоря о том, чего она попросту в б1г. не могла знать (и что звучит из её уст патетически-пролептически), сказать пару слов.

Царица начала с жалобы на поземельный налог и подушную подать, к-рыми римляне, как и множеством иных обременительных налогов-податей, обложили британцев на британской земле, – «отнятой у нас Римом» (62,3,1-5). При всём том, согласно Боудикке, – не британцы ли некогда изгнали прославленного (покорителя галльских кельтов) Цезаря! «а Август и Калигула не решились вторгнуться на наш остров» (62,4,1-3).

Тут, если вдуматься, то честно говоря, пожалуй, престижнее быть завоёванными Цезарем или Августом, нежели покорёнными полудурком Клавдием! Да и не изгнали британцы Цезаря, кто, разведывательно посетив Британию и не найдя на ней, вопреки упорным слухам-надеждам, множество золота, серебра и жемчуга, покинул этот неактуальный для него остров, не имея времени возиться с ним, сам.²⁸ И Август отменил британский десант, отнюдь не столько страшась британцев, сколько

²⁸ В отличие от Цезаря, Наполеону, как и Гитлеру, не удалось десантироваться на Британские о-ва, от чего он отказался после проигранного Трафальгарского морского сражения, как Гитлер – после не выигранной им воздушной битвы за Англию!

сочтя владение островом излишним и нерентабельным для Рима. Но чего, как говорится не скажешь, ради пропагандистско-вдохновительного красного словца! Люди слишком часто верят не в то, что есть, а в то, во что очень хотят уверовать.

Иное дело апелляция (римский юридический термин!) Боудикки к специфике острова, к стремлению британцев жить на своём острове, в своём мире, под своим небом отлично от всех прочих, что красной нитью проходит через всю историю Британии (кельтской или германо-англосаксонской) издревле и до сих пор!²⁹ Римляне же – выгодники-деляги, и не более того.

Не бойтесь – вешала Боудикка – римлян: их не больше, чем нас (гм! – К.З.) и они не храбрее нас. Они в шлемах и панцирях, за палисадами и стенами укреплений, они боятся наших атак и прячутся от нас. Мы храбрее, мы живём в палатках, они – за оборонительными валами в лагерях. Нам есть, в случае чего, куда отступить – в наши болота и в наши горы, где они, из-за своего тяжёлого вооружения, не смогут нас настичь-достать. Изнеженные, они не выносят голода, жажды, холода, зноя, они постоянно нуждаются в хлебе, вине и оливковом масле, а мы неприхотливы в еде, питье, крове и можем легко выносить всякие лишения. Мы прекрасно ориентируемся в пределах нашего родного острова на местности, они – нет. Мы переплываем реки вплавь, им нужны суда. Мы должны показать и доказать им, что зайцы и лисы не вправе править собаками и волками (Дион 62,5,1-6).

И Боудикка, выпустив зайца из-под полы своего облачения, совершила гадание по направлению его бега, что дало благоприятные (в восприятии британцев) предзнаменования. Царица вознесла благодарение Андрасте – британской Nike или Виктории, и, как сказано, даже не попросила, но потребовала у неё победы.

«Я повелеваю – продолжала она – не египетскими носильщиками, как Нитокрида³⁰, и не ассирийскими торгашами, как Семирамида. Я – не Мессалина и не Агриппина. А Нерон хоть и называется мужем, на самом деле куда больше баба, чем мужик, к-рый поёт и кифаредствует, и одевается, как женщина. Я повелеваю британскими мужами, к-рые не землепашцы и не ремесленники, но храбрые воины, жёны и дети к-рых не уступают им в храбрости. Мы боремся против высокомерных, несправедливых, ненасытных и порочных римских мужей, к-рые любят нежиться в горячих купальнях, поедают разные деликатесы, мажутся мирром, спят на мягких перинах и занимаются позорным мужеложством с отроками, и как рабы лебезят перед никудышным кифаредом. И пусть эта баба – Домиция-Нерон – не властвует больше

²⁹ По завоевании Англии в 1066г. Вильгельмом Завоевателем и основании на острове британско-норманнского государства, новая британско-норманнская элита ностальгически смотрела в сторону евроматерика и говорила по-французски аж до XIV/XVвв., национал-патриотически перейдя на английский в пору и в ходе долгой Столетней войны. Притом, если в Англии норманнская государственность наложилась на предшествующую государственность англов и саксов, обновив-усовершенствовал её, то государственность древнерусская началась благодаря викингам-варягам-норманнам (IXв.), после чего прошла из варяг в греки, частично византизировалась, затем вобрала мощную монгольскую подпитку, затем превратилась в скинувшую монгольское иго московско-боярскую Русь, и, наконец, с Петром Великим проделала трудный путь на берега Невы – из греков снова в варяги. Притом с Петра и особенно с (немки) Екатерины II российская элита стала, во многом, как германской-германизированной корнями, так и франкоязычной, оставаясь таковой до (русификатора) Александра III и позднее, что, в частности, привело к её отрыву от народа и к разрыву с народной массой. Доля русской крови в жилах русских царей неизменно убывала начиная с Петра III (сын герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского от дочери Петра I Анны) и до (сына датчанки Дагмары – единственной немки среди российских императриц, начиная с Екатерины II и кончая Александрой Фёдоровной) Николая II.

³⁰ Согласно смутным сведениям Геродота (2,100; 134/35) и Манефона (1), Нитокрида – царица Древнего Египта, эвентуально, последняя в 6-й династии, царствовавшая, эвентуально, в XXIIв. до н.э.

ни надо мной, ни над вами, мои храбрые воины, пусть эта баба поёт и правит римлянами, к-рые это заслужили, преклоняясь перед нероновской тиранией. И только ты, богиня Андраста (кому в жертву и приносились несчастные римские пленники и, главное, пленницы), должна повелевать нами (богоизбранниками)» (Дион 62,6,1-5).

У Тацита Боудикка страстно призывает британских воинов отомстить «за отнятую свободу, за своё избитое плетью тело, за поруганное целомудрие дочерей. Разнужданность римлян дошла до того, что они не оставляют неосквернённым ни одного женского тела и не щадят ни старости, ни девственности. Но боги покровительствуют справедливому мщению: истреблён легион, осмелившийся на битву; остальные римляне либо прячутся в лагерях, либо помышляют о бегстве. Они не выдержат даже топота и кликов столь многих тысяч, не то что их натиска и ударов. И если британцы подумают, сколь могучи их вооружённые силы и за что они идут в бой, они убедятся, что в этом сражении нужно победить или пасть. Так решила для себя женщина; пусть же мужчины цепляются за жизнь, чтобы прозябать в рабстве» (Ан. 14,35).

Не примечательно ли, что устами Боудикки, особенно у Диона, глаголет не столько Боудикка, сколько противонероновская либеральная сенатская оппозиция и отношение к Нерону из времён как Флавиев, так и Антонинов, ну и Северов, при к-рых и на к-рых Дион работает, в то время как (поделом) сделавшемуся и оставшемуся ищадием ада Нерону не было прощения (ни со стороны язычников, ни со стороны христиан), независимо от последующих языческих династий и кесарей. При этом, на 61г. Нерон ещё не *оженит* кастрированного мальчика Спора и не *вышел замуж* за вольноотпущенника Пифагора, почему соответствующие обвинения в его адрес до поры частично беспочвенны. Вдобавок к тому, трудно представить, что Боудикка была настолько образованной-осведомлённой-информированной, чтобы знать о Нитокриде или Семирамиде. Нет, – в её уста точно не раз вкладывалось то, что эпатажно-патетический источник Диона хотел от неё, конъюктурно обращаясь к своему читателю, *услышать*.³¹

И тем не менее, речь этой царицы икенов, к-рая стала впоследствии в Британии романтическим национал-идеалом для королевы Елизаветы I (1558 – 1603гг.) или Виктории (1837 – 1901гг.), и скульптурное изображение к-рой, мчащейся с дочерьми на колеснице, стоит сегодня перед зданием британского парламента, ок. Биг-Бена, весьма показательна. Парадоксально, но факт: возглавившая в IV н.э. яростное британское восстание против империалистов римлян Боудикка превратилась в символ крупнейшей в мире за всю историю человечества Британской империи (30 млн. кв км), покорявшей и покорившей в XVIII – XXвв. многие страны и народы очень во многом так (с передачей мировой властительской эстафеты в XXв. своему отпочкованию – США), как это в древности делал-осуществлял и сделал-осуществил империльный-империалистический Рим!

К тому же, акцентируем снова, что все (Европа) ныне помнят о Риме – завоевателе и притеснителе, на противлении к-рому, они, дескать (под предводительством Версингеторикса, Арминия, Боудикки...), поднялись (как народы, невзирая на то, что в ту пору не было ни французов, ни англичан, ни немцев), и никто не помнит, точнее, не хочет помнить о Риме – великом цивилизаторе, без к-рого, без объединения средиземноморского мира к-рым, без мировой миссии к-рого³², не

³¹ С др. стороны, надо отдать римским историкам должное в том, что они (будучи, к примеру, гораздо правдивее историков советских) не щадят пороки римлян, в т.ч., несправедливости, допускавшиеся римлянами в отношении провинций и провинциалов, или вассалитетов и вассалов.

³² Неуёмный Цезарь мог вдохновляться примером Александра, достигшего северо-восточной Индии, но миссия Рима охватывала просторы от Атлантики (включая, с Клавдия, Британию) до Армении – с запада на Восток, равно от Рейна с Дунаем до Мавритании, Африки и Египта

было бы (ни Второго и Третьего Рима – Византии и России) ни грядущей Европы, ни (на протяжении полутора тысяч лет – с V-го по XXвв. – первенствовавшей в мире) великой европейской, или, точнее, еврохристианской цивилизации.³³

ПОБЕДА СВЕТОНИЯ ПАУЛИНА

Светоний не дождался подхода II-го легиона (из Экстера), префект к-рого Пеней Постум, считая дело безнадежным, отказался участвовать в сражении и решил отсидеться в лагере (видимо, надеясь на подход дополнительных войск с материка или носясь с мыслью о бегстве в улученную минуту с острова), чем, во-первых, нарушил приказ командования, и во-вторых, открыто проявил трусость, за что подлежал привлечению к строгой ответственности. Но сейчас Светонию было не до того. По Диону, во избежание окружения, – «он разделил войско на три подразделения, дабы сражаться в нескольких разных местах в одно и то же время, и он сделал каждое из этих подразделений настолько сильным, чтобы невозможно было легко прорваться сквозь него» (62,8,3).

И выстраивая-располагая своих воинов, он воодушевлял их словами: «Вставайте, соратники, вставайте, римляне! Покажите этим проклятым негодьям, насколько далеко мы превосходим их даже среди злой судьбы. Не постыдно ли вам в самом деле бесславно уступить ныне то, что лишь недавно было завоёвано вашей доблестью. Не побеждали ли, как мы сами, так и наши предки, много меньшим числом гораздо более многочисленных врагов. Не бойтесь же ни их численности, ни мятежного духа, ведь их храбрость есть не больше, чем опрометчивое безрассудство, не подкрепленное ни вооружением, ни умением. Тем более не бойтесь их, спаливших пару городов, ибо они не взяли их силой и с боем, но один был предан им (Веруламиий?), а другой оставлен. Обрушьте на них надлежащую кару, и пусть они выучат на собственном опыте, кто есть они и кто есть мы, тем паче, оскорбленные и разгневанные ими...» (62,9,1/2)

Согласно Диону, так Светоний обратился к первому из трёх подразделений, обратившись затем и ко второму и к третьему (62,10,1; 62,11,1-5). И эта не менее патетическая, при иной патетике, нежели Боудиккова, речь очень напоминает рационально-прагматическое обращение Наполеона перед Бородинским сражением к своим солдатам, к-рых, мол, в случае победы, ждёт слава, тёплые зимние квартиры в богатой Москве и поверженная Россия. А вот сакральная речь Боудикки (супротив логики) куда больше похожа на поведение Кутузова, к-рый, припав на колено,

– с севера на юг, при обязательной буферности Армянского нагорья между Римом и Ираном, что впервые правильно осознал, сформулировал и закрепил, чётко очертив римские великодержавные рубежи, уёмный Август. Правда, стоит оговорить, что Александр, не шибко интересуясь западом к адриатическому западу от Македонии и Греции, целенаправленно шёл именно на восток – М.Азия, Сирия, Египет, Месопотамия, Иран (против к-рого собственно он глобально воевал), Индия. Разве что в перспективе карфагенский (?) запад мог заинтересовать Александра после покорения Аравии и Эфиопии (?), к-рое он перед смертью планировал.

А Рим, имея иную миссию, иную задачу, обрастал сопредельными территориями во всех направлениях, на все четыре стороны света, оправляя-окольцовывая средиземноморскую купель по всему её периметру, втягивая в свою орбиту земли-территории, страны и народы как вокруг себя, так и вокруг неё.

³³ Вместе с тем, нельзя не сказать, что в ново-новейшее время англичане и англо-американцы = англосаксы (далеко не в последнюю очередь) вырвались вперед, оттеснив от штурвала Германию, ибо они несут в себе оплодотворившую (на послеримских романизированных Британских островах) германский элемент (остаточную) Кельтику, к-рой континентальной Германии как раз не достало, тогда как над Кельтикой и германством Франции (державно исчерпавшей себя с Людовиком XIV, Революцией и Наполеоном) возобладал в Ср. века ассимилировавший их остаточный (декадентный) романизм.

целовал перед сражением, как и армия вслед за ним, икону Смоленской Божьей Матери, унесённую русскими из горящего Смоленска, на что Наполеон (детище атеистической революции), увидев это, сказал своим солдатам: «Смотрите, они надеются на Бога, в то время как я надеюсь на вас».

Со стороны же другой, Светониева речь очень напоминает речь Черчилля, заступившего в труднейшую для Британии минуту, в мае 1940г., на пост премьера и предельно честно сказавшего в радиобрешении к британцам, что в настоящий момент он не может обещать им ничего, кроме смерти, крови, пота и слёз, что это страшнейшая из войн, к-рые когда-либо вела Британия и что в этой войне решается судьба христианской цивилизации. Посему Британия и британцы будут сражаться до последнего, даже если им придётся уехать в Канаду и драться оттуда, и что Британия не капитулирует никогда.³⁴

Да, Британия ново-новейшего времени, согласитесь, в немалом, продолжала Древний Рим, к-рый в I/Ивв. был, в частности, в лице Нерона и Светония Паулина, предтечей-предшественником ново-новейших империяльных британцев^{34а}. И история в то время волила на стороне самых волевых насельников планеты Земля – римлян, как сегодня она (до поры) на стороне самых волевых репрезентантов современного мира – англосаксов, будь то старая (отнюдь не всегда добрая)

³⁴ Не случайно, в 60-е гг. XXв., президент Дж.Кеннеди, поздравляя престарелого Черчилля с почётным присвоением ему американского гражданства, скажет, что он возглавил свою страну в дни, когда в победу Англии не верил никто в мире, кроме самих англичан (к-рые, действительно, никогда не сомневались в победе над Гитлером, готовые драться за каждую пять британской земли в случае успешного десанта немцев, более того, готовые, при необходимости, в случае захвата нацистами Британских островов, эмигрировать в Канаду, чтобы продолжать сражаться оттуда). И если против Наполеона Британия готова была воевать до последнего австрийского, последнего прусского и последнего русского солдата (таки поставив именно британскую точку в начатом ею ещё у Графальгарского мыса сражении при Ватерлоо), то против Гитлера британцы готовы были воевать и до последнего британца! Если у Второго рейха был обиднейшим образом упущенный им, вследствие собственной и австро-венгерской амбициозной гордыни, шанс договориться на рубеже XIX/XXвв. с Британией (пусть на её условиях), то у Гитлера, несмотря на его первоначальную готовность, в отличие от Второго рейха, договариваться именно с Британией, этого шанса уже не было.

То-то Сталин отменил в 1943г. все планы покушения на Гитлера, логично опасаясь, что в случае успеха этого покушения гитлеровский преемник, наци № 2 Геринг (или кто-нибудь другой), непременно попытается заключить сепаратный мир на Западе (как то планировали антигитлеровские заговорщики 20.07.1944г.) и повернуть войну против СССР, чего, до тех пор пока у власти непримиримый к Англии, как и Англия с Америкой к нему, поздний Гитлер опасаться не приходилось. Между тем, Гитлеру хотелось в 1943/44гг. заключить (новый) союз со Сталиным и сражаться против Англии («проклятый остров») до конца. Впрочем, Сталин, скорей всего, напрасно тревожился относительно поворота Англии и США вместе с Германией против СССР (при любом раскладе). Напрасно, – поскольку новому мировому гегемону США, как и Англии, нужен был именно разгром Германии и германства, нужно было сокрушение политического, экономического и духовного потенциала немцев, с взятием Берлина (и Вены) именно Россией, причём так и в таких формах, с такими перспективами, чтобы ни при каких условиях не допустить ни возрождения мощной самостоятельной Германии, ни какого-либо германо-российского союза-альянса также в будущем.

^{34а} И здесь, приложительно к Британии Нового времени, уместно также отметить присущую британцам-англичанам культуру политического компромисса между различными сословиями британского общества. Ведь именно эта культура, это искусство, эта договороспособность, с концом эпохи Религиозных войн и с началом эпохи Революций, к-рая началась с Английской революции XVIIв., после казни короля Карла I (+ 1649г.), после диктатуры Кромвеля (+ 1658г.), после реставрации Стюартов (1660-88гг.), после и в результате поистине Славной (без крови) Английской революции 1688г. (когда британская аристократия и буржуазия сумели мирно договориться), позволили Британии, с её гибкой политической системой, мастерски-искусно избежать в XVIII-XXвв. кровавых революций и диктатур, чего не сумели сделать ни Франция, ни Россия, ни Германия!

Англия³⁵, или преобладавшая ей, апеллирующая к республиканскому Риму внутри, и новоимпериальная (на манер Рима) вовне – Америка (США).

Лучшие солдаты Древнего мира – римские легионеры – умели предельно и запредельно стойко держать строй как при круговой обороне сомкнутым строем, так и при сокрушительном наступлении таранным клином против любого врага. И никто в тогдашнем мире не мог тягаться с ними в открытом фронтальном сражении, к-рого всякий враг должен был, воюя с Римом, без оглядки на своё численное превосходство, хитро избегать, чего британцы катастрофически опрометчиво, полагая закидать сломленных-де римлян шапками, в 61г., в битве при (на) Уотлинг-стрит, не сделали. Римские легионеры умели и стоять насмерть, и неудержимо, гораздо меньшими, чем противник силами, бесстрашно атаковать его.

Светоний знал – на кого и на что он делает ставку, не сомневаясь в своих солдатах, к-рые, в свою очередь, верили своему командиру, и верили – как покорители-повелители мира – в себя. И пусть остервенелых британцев было минимум в 20 раз больше, каждый легионер стоил 10-и врагов, а при умелом талантливым командовании, при правильно выбранной диспозиции, – и всех 20-и. Недаром мужественность в Риме и наука побеждать на поле брани, даже в эпоху разъедавшего Рим декаданса, даже в пору *кесарева безумия*, ценились (на уровне генетического кода) превыше всего. И пусть Рим обаблился и продолжал, как верно заметила Бюдикка, (сродни современному Западу) бабиться, в битве, по всем правилам военного искусства, против умевших и неприступно обороняться, и сжимать волю, при наступлении, в громящий кулак римских легионеров никто не мог устоять перед ними.³⁶

Сражение началось. Если, по Тациту, сначала легионеры, стоя за тесниною, выпустили в приближающихся врагов все дротики, подпустив их на расстояние

³⁵ Ещё до начала II-й Мировой войны Гитлер, в т.ч., на собственном опыте участника I-й Мировой войны (в к-рой он на Западном фронте, воюя против французов и англичан, награждался железными крестами за личную храбрость) говорил (1938/39гг.), что в случае столкновения с Британией, это будет труднейшая из войн, к-рые вела Германия, что это будет война настоящих мужей-воинов, что наши казённые патриоты и вузовские профессора крайне ошибочно уверяли нас до 1914г., что «томми» материалисты и коммерсанты, что они не готовы умирать за родину, что они плохие воины, что победить их, стоит, мол, только нам, немцам, суметь высадиться в Англии, не составит труда. Нет, по мнению Гитлера, на его персональном опыте фронтовика, британцы – блестящие и даже лучшие воины (отлично от французов, к-рые без англичан, ни в коем случае, не устояли бы на Западном фронте, или отлично от русских, к-рые на Восточном фронте проиграли немцам и Танненбергское сражение в 1914г., и «великое отступление» русской армии в 1915г. – Горлицкий прорыв, и попытку наступления под Барановичами в 1916г., и Кревскую наступательную операцию 1917г.).

³⁶ Неспроста Митридат Эвпатор, долго воюя с римлянами, упорно уходил от открытых сражений стенка на стенку, предпочитая партизанскую войну. Неспроста Тигран Армянский, разгромно проиграв римлянам у стен Тигранакерта в октябре 69г. до н.э., перешёл в дальнейшем, по совету своего тестя Митридата, на войну с уклонением от фронтальных сражений, от к-рых впоследствии, воюя с Римом, дальновидно уклонялись и парфяне.

К слову, если авторы I/Плв. н.э. Плутарх («Лукулл» 24) и Аппиан («Митридатовы войны» 85) исчисляют армию Тиграна перед Тигранакертским сражением в 250-300 тыс. воинов, или автор Пв. Евтропий (6,9,1) аж в 700 тыс., то (ближе всех стоящий к событиям) автор Пв. до н.э. (вызывающий наибольшее доверие) Мемнон Гераклеяский (57,1), или автор Пв. н.э. Флегон Тралльский дают число – 80/70 тыс. Но во всех случаях, Тигранова армия намного (не меньше, чем в три раза) превосходила по численности Лукуллову, к-рую Плутарх исчисляет в 18 тыс. легионеров, 3 тыс. всадников, 1000 легковооружённых («Лук.» 27,2), и к-рая, если приплюсовать к ней вооружённые силы союзного римлянам царя Каппадокии (Страбон 12,535; Плиний 6,8; Тацит «Ан.» 15,26/27), составляла в целом не более 25-и тыс. чел.

Притом Тигран беспечнейшим образом, вопреки настойчивым советам Митридата (успешного съезь не одну собаку на войнах с Римом) уклоняться от открытого сражения, самонадеянно пошёл на него, сострив при виде малочисленного римского войска, что «для посольства их много, а для войска мало» (Плутарх «Лук.» 27). Лукулл же, к-рому советовали не

верного удара, после чего бросились на них в боевом порядке клином (Ан. 14,37), то по Диону (62,12,1), армии сближались, варавары – с громкими криками и грозными песнопениями, римляне – молча и в строгом боевом порядке, приблизившись друг к другу = враг к врагу на расстояние брошенного копья. Причём римляне первыми перешли, по знаку полководца, с шага на бег, штурмовым образом врзались в ряды врагов и прорвали их.

Когда же численно превосходящий враг стал окружать легионеров со всех сторон, им пришлось биться изо всех сил и на все стороны (2). Тацит говорит о стремительном натиске как римских воинов, так и вспомогательных войск, как пехотинцев, так и всадников с копьями наперевес, к-рые смяли «преграждавших им путь и оказывавших сопротивление» (14,37).

По Диону, сражение принимало множество форм, – «происходя многими способами. Легковооружённые части обменивались бросками метательного оружия с легковооружёнными, тяжеловооружённые противостояли тяжеловооружённым, конница сшиблась с конницей, а против варварских повозок – римские лучники. Варвары хотели смять римлян натиском своих повозок, беспорядочно ударив по ним, но так как те бились в нагрудных доспехах, сами были отражены лучниками. Всадники топтали пехотинцев, а пехотинцы стаскивали всадников; часть римлян, став сомкнутым строем, двинулась навстречу повозкам, а другие были рассеяны ими; отряд британцев пытался отрезать место с лучниками и уничтожить их, тогда как другие довольствовались тем, что спасались от их стрел на расстоянии; и всё это происходило не в одном только месте, но со всеми тремя подразделениями одновременно. Они сражались долгое время, вдохновляемые одинаковой злостью и отвагой. Но, в конце концов, римляне стали брать верх, и они убили многих в бою возле телег и у леса, и также многих взяли в плен...» (62,12,3-5)

Здесь надо внести ясность. Не путать упоминаемые Дионом боевые повозки, участвовавшие-использовавшиеся британцами (сходно колесницам) в сражении, с возками-телегами британского обоза, к-рый, подчеркнём, роковым образом расположился (с женщинами и детьми) в тылу, за линией британского воинства, вплотную к нему, дабы воочию насладиться победой (не допуская мысли о возможном отступлении) британцев.

Не тут-то было! И это не британцы смяли-опрокинули римлян числом (свыше 200 тысяч против 10-и тыс.!), на что они безоглядно-самозабвенно упали (буде не сработает чисто боевая победа), но римляне, сражаясь куда искуснее и мужественнее (нежели от них ожидали), умением против числа и боевым искусством против свирепого неистовства, понемногу (сражение продолжалось весь день) стали теснить одолеваемых британцев назад по всему фронту. И те отступали, натываясь-напарываясь на свой собственный обоз, под крики своих жён и детей, почему весь британский воинский порядок нарушился, обратился в хаос (в к-ром «смешались в кучу кони, люди»), а боевой дух воинов Боудикки был сломен. И в итоге они, так и не сумев ни расстроить боевой порядок римлян, ни, главное, сломить их дух и их волю к победе, потерпели (превратившись в беспорядочное пушечное мясо) сокрушительное поражение, потеряв, сообразно Тациту, немногим менее 80-и тыс. истреблёнными, между тем как потери римлян составили всего «ок. 400 (!) убитыми и не намного более ранеными» (14,37).

сражаться в злосчастный день страшного поражения Гн.Сервилия Цепиона 6.10.105г. до н.э. в Нарбоннской Галлии от кимвров (когда погибло 80 тыс. римлян), ответил, что он «и этот (несчастный) день – канун октябрьских нон – сделает для римлян счастливым» (27). И сделал, более чем уверенно победив Тиграна, кому удалось частично реваншироваться в 68/67гг., лишь взяв на вооружение вязкую партизанскую войну с уходом от сражений лоб в лоб, в к-рых, повторим, римским легионерам, побеждавшим (и на Востоке, и на Западе) именно не числом, но умением, не было равных.

Так Светоний Паулин одержал блистательную победу, сравнимую с другими самыми блистательными военными победами Древнего Рима, намного превзойдя Корбулона, с к-рым он соперничал, и ни одно из милитантных достижений к-рого на Востоке нельзя сравнить с Викторией Светония (как, к примеру, западные победы Цезаря не идут ни в какое сравнение с восточными победами Помпея, о к-ром не кто иной как Цезарь, победив сына Митридата Фарнака всего за пять часов, иронично сказал, что теперь он понял, как Помпей стяжал лавры великого полководца, воюя с противником, к-рый не умеет воевать).

Равно сравнение успеха, к примеру, германцев, под предводительством Арминия, с поражением британцев, возглавляемых Боудиккой, некорректно. За Арминием, при всех его полководческо-предводительских достоинствах, простиралась (на восток от Рейна), скажем снова, бескрайняя Германия Магна, по меньшей мере, до Вислы или Дуная, за к-рыми лежали вообще безграничные Сарматия и Скифия, т.е. пространство, против к-рого у Рима не было соответствующего лома-приёма, пространство, к-рое римляне – народ и государство времени и во времени, не понимали, как Европа Наполеона или Гитлера, с её армиями *времени*, не понимала *пространство* российскийское, эти армии (что насколько не умаляет боевые заслуги русских) перемалывавшее и проглатывавшее. Европа не в состоянии ни пройти насквозь, ни охватить (пространственно бесконечную) Россию (с её переживанием Христа в Пространстве), к-рая не вмещается в европейские мерилы/рамки, не воспринимается европейской ментальностью (с её переживанием Христа во Времени), причём являясь величиной не столько Англо-Германского настоящего, сколько феноменом Славянского будущего.^{36а}

А Британия была, всего-навсего, островом, к-рый был вполне обозрим и к-рый очень даже можно было пройти из конца в конец (особенно с востока на запад), поскольку омываемым Океаном британцам некуда было, по большому счёту, в отличие от германцев, отступить-деваться, негде было спрятаться, перекантоваться, закрытьесь, набраться сил и вновь ринуться в бой. Их ресурс был несравним с германским. Опять парадоксально, но факт: островной фактор, к-рый после Вильгельма Завоевателя (1066г.) вот уже почти 1000 лет не раз спасал Британию от вторжения внешнего врага, в начале новой эры, наоборот, не в последнюю очередь, обусловил, отлично от обретшей в 9г. н.э. свободу зарейнской континентальной Германии, покорение Британии Римом.

И даже в начале 60-х гг. IV в., когда декадентный-кризисный Рим иссякающих Юлиев-Клавдиев, как сказано, обабился и продолжал бабиться, имея над собой Калигулу в квадрате – Нерона, британцы элементарно недооценили римлян, преждевременно хороня-схоронив их. И одновременно они чересчур переоценили, в своём безудержном иступлении, ослеплённые бешеной ненавистью, к-рая плохой советчик-помощник и в к-рой не было никакой логики, самих себя. Рим обладал ещё, обладая способностью кризисно-посткризисного самовоспроизведения, достаточным могуществом и потенциалом, чтобы одолеть всякое, на просторах Imperium Romanum, сопротивление, и чтобы властвовать, в т.ч., в Британии, покорение к-рой (до шотландского плоскогорья) завершит в 78 – 84гг. Юлий Агрикола, аж до начала V в.

^{36а} При всём том, одно дело воевать с русскими на периферии, где у них чувство державной территории и где они не воюют в полную силу, как, например, в окопно-изморную I-ю Мировую войну, и совсем другое – вторгнуться в сердце страны и народа, как это сделали Наполеон или Гитлер, вторгнувшись в Святое-Святых России, туда, где у русских глубинно сердечное чувство-переживание родной земли и где ни у одного западного противника нет шансов на успех.

По Тациту, верная своему слову победить или умереть Боудикка, видя провальный исход судьбоносного сражения, лишила себя (и своих дочерей? о к-рых нет упоминания) жизни ядом (14,37). По Диону (62,12,6), сумевшие спастись и отступить британцы были готовы, собравшись с новыми силами, возобновить войну, однако их царица занемогла и умерла. Они глубоко скорбели и устроили ей пышные похороны. Так или иначе, именно она была душой этого крупнейшего противоримского выступления на британской земле, в связи с чем не удивительно, что после страшного военного поражения и смерти царицы, всё британское повстанчество, лопнув, как мыльный пузырь, быстро сошло на нет. Смута ускоренно пошла на убыль и угасла. Свой противленческий ресурс кельто-британцы с концом Боудикки исчерпали.

Притом, следуя слову Тацита, покончила с собой не только Боудикка, для к-рой за поражением уже ничего не было, да и не могло быть, но и трусливо увильнувший от участия в сражении префект II-го легиона Пеней Постум, к-рый, узнав о победе воинов XIV-го и XX-го легионов (плюс вспомогательные войска), закололся как от позора, так и уходя от наказания за невыполнение приказа.

Вероятно, одержанная Светонием победа имела место весной/летом 61г. н.э., после чего, летом, — «для завершения войны всё войско было сосредоточено в одном месте, где содержалось в зимних палатках. Цезарь усилил его, направив из Германии подкрепления — 2 тыс. легионеров, 8 когорт вспомогательных войск и 1000 всадников. Легионеры были использованы для пополнения IX-го легиона, а когорты и конница размещены на зимовку во вновь устроенном лагере, и земли всех подозрительных или открыто враждебных народов римское войско подвергло опустошению огнём и мечом. Но больше всего британцы страдали от голода, ибо своевременно не позаботились о посевах, и потому что и старые и молодые отправились на войну, и потому что рассчитывали на захват наших продовольственных складов...» (14,38)

Т.е. перед нами уже лето и осень 61г., когда у Светония возник конфликт с новоприбывшим, надо полагать, летом сменщиком Деция Ката прокуратором Юлием Классицианом, к-рый упирал на более миротворный курс в деле дальнейшего умиротворения британцев (пока Светоний проводил жёсткую линию отмщения и назидания), объясняя в докладах на имя Нерона в Рим Светониевы неудачи «его непригодностью, а успехи — благоприятствованием судьбы» (14,38). В ответ из Рима прибыл для выяснения положения-ситуации доверенный вольноотпущенник Нерона Поликлит (Ан. 14,39), к-рого Тацит дважды поминает в «Истории» (1,37; 2,95) презрительно-нарицательно (как прощельгу-хапугу), и к-рому Нерон доверит Рим, в паре с другим вольноотпущенником Гелием, отбыв в 66г. в Грецию (см. выше и ниже).

По примирительному докладу Поликлита, сначала за Светонием было оставлено руководство делами, но вскоре «он потерял на берегу несколько кораблей с гребцами, что было сочтено свидетельством продолжающейся войны», после чего ему было велено передать управление провинцией «закончившему срок своего консульства Петронию Турпилиану» (14,39). Если Поликлит побывал в Британии летом/осенью, то Турпилиан (к-рый, как мы знаем, сложил своё ординарное консульство в пользу суффекта ещё 1.03., или, в крайнем случае, в самом начале июля) (см. выше) сменил Светония на посту британско-кесарского консульского легата *Augusti propraetore* — либо ещё до конца 61г. (осенью/зимой), что скорее, либо не позднее зимы 61/62гг.

Сим место политики светониевского преимущественно кнута заступила политика турпилиановского преимущественно пряника. Риму требовалась отныне умиротворённая-замирённая Британия, достаточно наказанная и достаточно обескров-

ленная (негоже перегибать палку). И для такой политики беспощадный гроза британцев Светоний уже не подходил. Он одержал выдающуюся военную победу, можно сказать, наиболее убедительную из римских побед на 61г. с начала Iв. н.э., но тем самым, как пресловутый мавр, сделал своё дело, оставив побеждённую-разгромленную страну и её обескровленные племена своему чиновному преемнику-миротворцу. Кроме того, пусть (решили в Риме) столь убедительный победитель особо не зазнаётся и не имеет долее под своим началом 4 легиона. Чересчур победоносных военачальников безопаснее лишить войска и почётно-подконтрольно отозвать в столицу. Засим – Светония назад – в Рим, а в Британию – миролюбивого и, что важнее, весьма сервильного Петрония Турпиллиана.

Таким образом, начатое Ю.Цезарем в 58г. до н.э. завоевание кельтской Галлии своеобразно кульминировало спустя почти 120 лет победой Рима над кельтской Британией в лице Боудикки и её отчаянно-обречённого восстания, ставшего, в свою очередь, своеобразным реквиемом в деле сопротивления римлянам (к-рые аннексировали малоазийскую Галатию в 25г. до н.э.) как мировой, так и британской Кельтики.

И должно сказать, что потерянный в 61г. о. Мона римляне снова захватят в 76г. усыллиями легата 74 – 78гг. – хорошо знакомого нам автора «Стратегематона» и «Воды для Рима» – С.Юлия Фронтин. А его преемник Гн.Юлий Агрикола расширит римские владения до Каледонии (Шотландия), разбив в 83г. опять численно превосходящие римлян, на сей раз, каледонские племена, под предводительством Калгака, в сражении у Граупийских гор.

И так на покорение кельтов Галлии и Британии у Рима, с 58г. до н.э. по 83г. н.э., уйдёт, в общей сложности, 140 лет. Нетронутыми останутся только север Шотландии и вся загадочная-таинственная (не разгаданная Римом) Ирландия. В V-м же веке н.э. римляне покинут закономерно завоёванную-покорённую, романизированную, цивилизованную и профанированную ими Британию, от кельтского наследия к-рой христианской Европе сокровишно достанутся король Артур и его рыцари Круглого стола...³⁷

³⁷ К сожалению, данные о религии, легендах, преданиях, мифах окутанных и ещё больше обросших всевозможными тайнами-посттайнами континентальных и британских кельтов отрывочны, обрывочны, фрагментарны, в свете чего воссоздание какой-либо целостной картины, на их основе, кельтского пантеона богов (с установлением его структуры) или кельтской метаистории подвопросно-спорно. Примечателен, например, бог Езус или Эзус (лат. Esus), согласно Лукану, – «гневный», бородатый или безбородый, связанный с культом деревьев (есть его изображение ок. дерева с серпом в руке, что, возможно, означало в друидическом ритуале поклонение священной омеле). Способ принесения жертвы этому богу – повешение на дереве. Этимология имени Езус – (предположительно) «добрый бог», «бог-господин» (= ирландский Дагда). «Jesus» на латыни и европейских романо-германских языках – имя Иисуса. Т.е. не произошло ли в христианстве превращение (требовавшего, в т.ч., человеческих жертвоприношений) кельтского Езуса – как «доброта бога» = «бога-господина» – в (распятого на крестном древе) Иисуса Христа? не произошла ли метаморфоза?

Таранис – бог грома, приносимые к-рому жертвы сжигались; Тевтата – бог водной стихии, жертвы к-рому топили в воде; Аллоброкс – бог галльского племени аллобургов (или аллобургов); Арамо – арамиков (любопытная переключка с сирийским и армянским Арамом и арамеянами, при учёте контактов сирийцев, армян, каппадокийцев, иверов, колхов с кельтами через Галатию, Кавказ и Причерноморье); Воконтя – богиня воконтов; Бригантия – бригантов. В Британии засвидетельствовано ок.40 имён местных кельтских божеств, но о половине из них не известно ничего, кроме имён. Ноден – ирландский Нуаду; Бригантия – Бригита; божество Мапонус (*юный*) сопоставимо с ирландским божественным персонажем Мак Ок (ассоциировался, как и галльский Беленос, с Аполлоном), сыном Дагда. Интересен также соляренный галльский Граннос, сопоставимый с ирландским женским божеством Греина (от grain – солнце).

В кельтском вертикальном членении мира основное место занимает Мировое Древо.

В РИМЕ ПОДДЕЛКА ЗАВЕЩАНИЯ

«В том же году в Риме были совершены два выдающихся преступления, одно — сенатором, другое — дерзким рабом. Бывший претор Домиций Бальб, и вследствие преклонного возраста, и вследствие бездетности, при большом богатстве был защищен против злокозненных посягательств на его собственность. И вот его родственник Валерий Фабиан, к-рому был открыт путь к занятию высших должностей в государстве, подделал его завешание с ведома и при содействии римских всадников Виниция Руфина и Теренция Лентина. Те, в свою очередь, привлекли к соучастию Антония Прима и Азиния Марцелла. Антоний отличался решительностью и дерзостью, Марцелл был правнуком знаменитого Азиния Поллиона и мог бы считаться неплохим человеком, если бы не находил бедность худшим из зол. Итак, Фабиан скрепляет завешание печатями упомянутых мною и других менее видных соучастников этого дела. Подлог был изобличён в сенате, и Фабиан, а также Антоний с Руфином и Теренцием осуждаются по Корнелиеву закону. Марцелла избавили больше от наказания, чем от бесчестия, уважение к памяти его предков и заступничество Цезаря.

Сразил этот день и Помпея Элиана, молодого человека, прошедшего квестуру; ему, как знавшему о преступных деяниях Фабиана, было запрещено проживать в Италии и Испании, к-рая была его родиной. Такому же бесчестию подвергся Валерий Понтик, к-рый, дабы воспрепятствовать привлечению виновных к ответственности через префекта города Рима, обратился с их обвинением к претору, прикрываясь законами и намереваясь выступить в суде таким образом, чтобы избавить их от заслуженной кары. В сенатском постановлении по его делу было добавлено, что виновные в подобном сговоре — и подкупленный, и подкупивший — подлежат

Известен культ пяти священных деревьев Ирландии. С Мировым Древом связан мотив источника. Источник главной ирландской реки Бойи берёт начало в потустороннем мире и заключает в себе божественную мудрость. Но если стихия воды, воплощённая в (родниковых) источниках, оценивается у кельтов всегда положительно, то стихия окружающего Океана, особенно в восточном, северном и северо-западном направлении, представляется враждебной и связанной с демоническими силами. Среди Океана традиционно помещался потусторонний мир в разных ипостасях. На западе (невраждебное направление!) располагались (ирландская сага «Плавание Брана») острова Блаженных, числом трижды 50 (райская — до *второго ариманического* грехопадения, погибающая и распадающаяся после него — сменявшая Лемурию — Атлантида), где остановилось (подобно прекрасному мгновению) время, сверхличное живое существо Времени-Времени (противопоставление? нашему земному времени в зодиакально-метаисторических прецессионных пределах протяжённостью $25\ 920 = \text{ок. } 26\text{-и тыс. лет} - \text{через } 12 \text{ знаков Зодиака} - 7 \text{ дневных и } 5 \text{ ночных}$), где царствуют изобилие и молодость. Названия этих чудесных островов — Великая земля, Земля жизни, Земля женщин и др. Не увезла ли фея Моргана смертельно раненого короля Артура на (волшебный) остров (бессмертных) Авалон (в стране блаженных)!

Относительно культовых животных, с неиссякающим котлом бога Дагда соотносят изобилие свинины — излюбленного (не в пример иудеям) мяса кельтов. Распространённый в Галлии культ кабана связывали с Меркурием. Не наводит ли вепрь на аналогию с диким персидским вепрем, ритуально-тотемическим в Иране до Парфии и парфян, — при (соляных) персидских Ахеменидах, и после парфян, — в эпоху (люциферическо-ариманических) новоперсидских Сасанидов, при том, что с *всадниками*-парфянами ассоциируется кельтский культ лошади или всадника на лошади (эмблема тамплиеров — два всадника — собратский дуализм — на одной лошади), бывшей одним из главных культово-ритуальных животных и в митраистской Армении, где в жертву Митре (династическому богу Аршакидов) приносили лошадей (лошадь или кентаврированный конь — спиритуальный символ и олицетворение интеллектуализма-мышления).

такому же наказанию, какое назначается уголовным судом за клеветническое обвинение» (Ан. 14,40/41).

Первое из известных нам исторических завещаний Греко-Римского мира было составлено то ли в Риме, то ли в Великой (италийской) Греции в VI в. до н.э. «Testamentum» есть торжественное изъявление последней воли, завещательно зафиксированной лицом, обладавшим собственностью, с правом завещать оную по собственному усмотрению (*testamentum factionis*).

Согласно Законам XII-и таблиц, в Риме (к-рый в основном и выработал основы современных правовых норм) состояние могло быть поделено завещателем между несколькими лицами. В Греции такая форма распространилась лишь в III в. до н.э. Т.е. Рим, шедший в хвосте греческой культуры и черпавший из неё, опережал и Грецию, и всех в мире по вопросам установления и кодификации правовых норм (от Ромула и Сервия Туллия аж до проложившего дорогу римскому праву в Средние века и дальше великого кодификатора Юстиниана), в чём, как и в военной науке побеждать, с (покорителями мира) римлянами, оставившими-завещавшими миру до сих пор действенное (при всех его последующих метаморфозах и несовершенстве) римское право, сравниться не мог (и не может по сей день) никто.

Древнейшая форма завещания у римлян — *Testamentum calatum* или *calatis comitiis factum*, к-рое составлялось патрициями в куриатных комициях. Второй древнейшей формой было завещание милитантных римлян перед сражением — *Testamentum in procinctu*, к-рое составлялось и оглашалось воителями только устно, перед войском, после ауспикации полководца. Позднее обе эти формы были вытеснены завещанием с соблюдением всех юридических формальностей (*Testamentum per aes et libram*), к-рое первоначально состояло в передаче имущества завещателя назначаемому им душеприказчику (*familiae emptori*) посредством мансипации. По смерти завещателя, душеприказчик должен был привести в исполнение все его распоряжения, означенные в тестаменте. Постепенно это превратилось в прямую обязанность наследника, в то время как душеприказчик и др. лица фигурировали лишь в качестве свидетелей.

Изъявление последней воли называлось *heredis nuncupatio*. Если завещание излагалось письменно, что делалось в эпоху поздней Республики и Империи почти всегда, для записи текста использовались деревянные таблички (употреблявшиеся для письма). Составленный тестамент заверялся свидетелями, скреплялся печатью, становился документом и хранился либо у доверенного лица завещателя, либо в каком-нибудь храме, чаще всего в считавшемся наиболее надёжным местом хранения храме Весты у девственных весталок (позже и в городском архиве).

Главным содержанием завещания было назначение наследника (*institutio heredis*) и его заместителя на случай смерти наследователя (*substitutio*), что допускало возможность назначения второго, третьего и т.д. наследников. Завещатель обладал также правом лишения наследства (*exherdatio*). Второстепенные тестаментарные пункты касались впросов усыновления (филиация), подарков (легаты), передачи части имущества посторонним лицам, освобождения рабов, распоряжений относительно похорон, надгробного памятника и т.д.

Сыновья при жизни отца, иностранцы (паломники), рабы и несовершеннолетние — не могли составить законное завещание. Наследниками по завещанию не могли быть иностранцы и женщины (до предоставления последним права быть завещателями во II в. н.э. Адрианом, тогда как паломники стали полноправными римскими гражданами, согласно «конституции» Каракаллы — 212г., а рабы могли получить наследство, если отпускались на свободу). Со времени Юлиевых законов 18г. до н.э. и закона Папия/Поппея, принятого в 9г. н.э., завещательного права лишались (в видах борьбы с низкой рождаемостью среди римлян) холостяки и бездетные. По

законам Августа, холостые мужчины от 25-и до 60-и лет и незамужние женщины от 20-и до 50-и лет могли наследовать по завещанию только после ближайших родственников.³⁸

Кроме того, в бг. н.э. Август ввёл пятипроцентную пошлину с наследства и предписал под угрозой штрафа в течение пятидневного срока после смерти завещателя предъявить завещание в магистрат. Там оно вскрывалось и свидетели, к-рых, обязанных скрепить завещание печатью и подписью, при Республике было 5, при Империи — 5 или 7, в присутствии правомочного признать тестамент действительным или недействительным претора, тщательно осматривали свои печати и подписи на предмет подлинности.

В I/вв. серьёзное распространение получил такой промысел как подделка завещаний, против чего ещё Сулла принял предусматривавший для виновных в этом преступлении изгнание с конфискацией имущества карательный закон — *lex Cornelia de falsis deportatio et omnium bonorum publicatio*. Судя по тому, что престарелый преторий Домиций Бальб обладал правом завещателя, он, бездетный, не был холостяком или был вдовцом, почему его родственник Валерий Фабиан очень хотел унаследовать его богатство, и не имея надежды сделать это по законному завещанию, вошёл в сговор с другими свидетелями, вместе с к-рыми (привлечёнными им к соучастию обещанием щедрого денежного вознаграждения), подделал тестамент Домиция.

Подробности Тацит не сообщает, но ясно следующее. Подлог был изобличён в сенате, вследствие чего разразился скандал и состоялся судебный процесс, с рассмотрением дела перед префектом *Urbi*, а не штатным претором, как того очень хотели, надеясь на менее суровый или даже оправдательный вердикт данной инстанции, напрасными усилиями (родственного Валерию Фабиану?) Валерия Понтика, обвиняемые.³⁹ В результате все 5 (свидетели завещания) деликвентов, плюс — знавший о сговоре и не донесший о нём Помпей Элиан, плюс — предпринявший аферу с попыткой судейски заменить городского префекта на претора Валерий Понтик, в чём был усмотрен криминал, получили, за исключением Азиния Марцелла, избавленного от наказания заступничеством Нерона, по максимуму.

Касаемо А.Марцелла, речь, по всей вероятности, идёт о правнучке знаменитого Азиния Поллиона (+ 4/5гг. н.э.), внуче Азиния Галла (+ 33г.) и сыне консула 25г. н.э. (умершего молодым) Азиния Агриппы (+ 26г.), консуле-орд. 54г. н.э. (см. выше), кто больше ничем не прославился и не ославился, исчезая из поля зрения в дальнейшем таким бесславным образом (покрытый бесчестьем) с 61г.

Об остальных, видимо, не возвратившихся из изгнания, членах группировки и их подельниках, помимо уроженца галльской Толозы Антония Прима, дополнительных сведений нет, между тем как Прим был реабилитирован и реституирован в 68г. Гальбой, назначившим его командиром VII-го легиона *Galbiana* в Паннонии.

Оттуда этот оборотистый авантюрный малый письменно навязывался в друзья Отону, в чём не преуспел. Потом поддержал Веспасиана против Вителлия, перешёл с паннонскими и мезийскими легионами через Юлиевы Альпы, дошёл до Вероны, победил вителлианцев во втором сражении при Бедриаке (где в первом сражении вителлианцы разбили отонианцев — апрель 69г.) в октябре 69г. и взял Кремону.

³⁸ Причём после Августа, если Тиберий юридически постановил, что 60-летний муж к производству потомства уже не способен, то Клавдий эту статью отменил.

³⁹ Одно дело не могло рассматриваться в двух инстанциях и, надо полагать, что претор (имя к-рого не называется) был более расположен к обвиняемым (из личных или потенциально корыстных побуждений), нежели сходно правомочный рассматривать такого рода деликты (определённого рода и в определённых ситуациях?) суровый префект Города — Педаний Секунд (см. ниже).

Стоял у руля власти в Риме в течение пары дней — от убийства Вителлия 20.12.69г. до прибытия 21.12. Лициния Муциана, к-рый пренебрежительно отодвинул его, заподозренного Веспасианом в измене. И в дальнейшем Веспасиан проявлял к Приму лишь внешнее прохладное дружелюбие, держа столь прожжённого авантюриста без чести и совести, к-рому нельзя было ни доверять, ни довериться, на дистанции и в тени. Притом, сообразно посвящённым ему эпиграммам Марциала (9,99; 10,23;32;73), он, родившийся, предположительно, ок. 30г. н.э., был ещё жив в конце правления Домициана.⁴⁰

Степень же актуальности проблемы с подделкой завещаний и контрмер, принятых-задействованных для борьбы с данным преступлением при Нероне, следует думать, именно в 61г., в связи с вышерассмотренным делом, в качестве отклика-реакции римских правовых механизмов на него, засвидетельствована у Светония: «Против подделки завещаний тогда впервые было придумано проделывать в табличках отверстия, трижды пропуская в них нитку и только потом запечатывать. Предусмотрено было, чтобы первые две таблички предлагались свидетелям чистыми, с одним только именем завещателя, и чтобы пишущий чужое завещание не мог приписывать себе подарков» (Нер. 17).

УБИЙСТВО ПРЕФЕКТА URBI Л.ПЕДАНИЯ СЕКУНДА

«Немного позднее префекта города Рима Педания Секунда убил его собственный раб, то ли из-за того, что, условившись отпустить его за выкуп на волю, Секунд отказал ему в этом, то ли потому, что убийца, охваченный страстью к мальчику, не потерпел соперника в лице своего господина. И когда в соответствии с древним установлением всех проживавших с ним под одним кровом рабов собрали, чтобы вести на казнь, сбежался простой народ, вступившийся за стольких ни в чём не повинных, и дело дошло до уличных беспорядков и сборищ перед сенатом, в к-ром также нашлись решительные противники столь непомерной строгости, хотя большинство сенаторов полагало, что существующий порядок не подлежит изменению. Из числа последних при подаче голосов выступил со следующей речью Гай Касций...» (Ан. 14,42)

Л.Педаний Секунд был, возможно, старшим (сводным?) братом упомянутого нами выше консула-суф. 61г. Гн.Педания Салинатора, происходя из Барчино (Барселона) в Испании. Он облакал консульство-суф. в 43г. н.э., сменив 1.03. вместе с Паппеллием Гистром ординариев — (кесаря) Клавдия и Л.Вителлия. Затем, при Клавдии, проконсульствовал в Азии, о чём свидетельствуют монеты из Мостены в Лидии с изображением Клавдия, Агриппины и уже усыновлённого (что произошло 25.02.51г.) Нерона, т.е. налицо чеканка 51 — 54гг. (RE 19,1 L.Pedanius Secundus, S.23-25). В 56г. Педанию довелось сменить на посту префекта Urbi (умершего 93-х лет отроду) Л.Волусия Сатурнина (Ан. 13,30; Плиний 7,62). Однако, это, похоже, расходится с сообщением Тацита в «Истории» о том, что старший брат Веспасиана Т.(?) Флавий Сабин, на момент его (Сабинова) убийства в декабре 69г., в течение 12-и лет, был (с перерывом в 68/69г.) префектом Города (3,75).

⁴⁰ В «Истории» Тацит даёт насыщенно-красочный портрет А.Прима, — «человека, не уважавшего законы, осуждённого при Нероне за подлог и возвращённого в число сенаторов» Гальбой: «...Антоний был лихой рубака, бойкий на язык, мастер сеять смуту, ловкий зачинщик раздоров и мятежей, грабитель и расточитель, в мирное время нестерпимый, но на войне небесполезный...» (2,86)

Последний, родившись в 8г. н.э. и будучи на год старше брата (будущего императора), начал продвижение по карьерной лестнице в 34г., при Тиберии. В 43г., как заместитель командовавшего легионом Веспасиана, сражался в Британии (Дион 60,20) (см. выше), после чего, согласно Тациту, 7 лет наместничал в Мезии. Вдобавок к тому, сообразно фрагментарной (дополненной) эпитафической надписи CIL 6,31293⁴¹ курировал ценз в Галлии, успев, добавим от себя, отконсульствовать; и, наконец, облёк префектуру Urbī.

RE (6,2 Flavius Sabinus, S.2611-13) датирует его легатуру в Мезии постбританской, в согласии с (не обязательно хронологическим в сём случае) Тацитом, семилеткой 44 – 51гг., но этому противоречит, с одной стороны, мезийская легатура во второй половине 40-х гг. Ив., в 45 – 47гг. (сменившего П.Меммия Регула) А.Дидия Галла (британского легата в 52 – 57гг.), к-рый именно из Мезии успешно оперировал против Митридата Боспорского (см. выше), и ещё мезийская легатура (консула-суф. 46г.) Г.Теренция Туллия Гемина (47/48/49гг.). А со стороны другой, в консуле-суф. 47г. Т.Флавии Сабине принято (без полной уверенности) видеть именно нашего Сабина (к-рый вторично консульствовал суф. в 69г.). И если последнее не столь однозначно, тем паче, что (первое) Сабиново суф. консульство можно датировать и 51-м г., совместно (?) с его братом Веспасианом, пара к-рого неизвестна, то легатуры Дидия и Туллия в Мезии в 45 – 48/49гг. никуда не денешь (из песни слово не выкинешь).

Следовательно, предложенная в RE конструкция не клеится, рассыпается, и как 7-летнее (если, конечно, в сообщении Тацита или в дошедшем до нас тацитовском тексте нет ошибки) мезийское наместничество Сабина, точнее, сроки оно, так и время курирования им (в качестве спец. куратора?) ценза в Галлии (сообразно эпитафии) остаются под вопросом.

Далее, в отношении 12-летней, по Тациту, градоначальнической префектуры Сабина имеются следующие спорные нюансы. В 68г. он был лишён этой префектуры Гальбой (Плутарх «Отон» 5), получив её снова в день убийства Гальбы 15.01.69г. (Ист. 1,46) и облекая до собственного убийства (по требованию разъярённой толпы от Вителлия) 20.12.69г. Т.е., при учёте перерыва в сабиновской префектуре Urbī в 68/69гг., получается, что она продолжалась, в общей сложности, с 56 по 68, плюс почти весь 69гг., – 12/13 лет.

Отсюда, в связке с частично перекрывающей данные сроки городской префектурой убитого рабом в 61г. Педания Секунда, принято полагать, что либо Тацит ошибается, предоставляя Сабину 12 лет вместо 7/8-и, либо, что между 56 и 61гг. Педаний сменил Сабина, мол, в 61г. вновь ставшего градоначальником. Однако, при таком раскладе, получится, во-первых, коли (всё-таки) не отказываться от тацитовской 12-летки, что Педаний был градоначальником всего один год – в 60/61гг., и во-вторых, что Флавий Сабин не единожды, но дважды лишался поста градоначальника – в 60 (или в интервале 56/57 – 60/61гг.) и в 68гг., и дважды вновь обретал-облекал его – в 61 и в 69гг. Кушается, честно говоря, не очень, или с большой натяжкой.

Предложим третий вариант. Разве исключено, что в период 56/57 – 61гг. могло быть два префекта-градоначальника? Отнюдь, ибо если преторианских префектов было-насчитывалось (по усмотрению кесарской власти) – то два, то один (как Сеян, Макрон, Бурр, или два-префекты до них и после них), то с не меньшим успехом в какие-то годы и, б.м., не однажды, очень даже могло быть и два (парных) префекта Urbī. Так, не здесь ли кроется возможность-эвентуальность одновремен-

⁴¹ CIL 6,31293: «... (leg. divi Cl)audii pro praetore provinc(iae Moesia, cur. census) Gallici, praef. Urbī (iterum)...»

ной-параллельной-совместной-парной городской префектуры до 61г. Педания Секунда и Флавия Сабина?⁴²

За что злосчастный Педаний был в 61г. убит одним из своих рабов? – неясно: то ли он обещал отпустить этого раба за выкуп на волю и затем передумал? то ли гомосексуально-педофильски не поделил с ним какого-то мальчика (для обозначения к-рых в немецком имеется очень точечное слово – Lustknabe)? Во всех случаях, дело было из ряда вон выходящим (убийство рабом главного блюстителя столичного порядка!), тогда как (принятый на базе древних постановлений) Юниев закон 10г. н.э., подтверждённый и дополненный, как мы знаем, совсем недавно – в 57г. н.э., требовал, в случае убийства кем-либо из рабов своего господина, казни всех рабов последнего, находившихся на момент совершения этого тяжкого преступления в доме и не пришедших (причинно или беспричинно) хозяину на выручку.

Устроение же принятого-обновлённого на основе древних постановлений закона-lex от 10-го г. положением 57-го г. требовало казни и тех либертов-дезингатов, кто, продолжая пока жить с рабами под одним кровом, становились, следуя завещанию хозяина, полноправными вольноотпущенниками после его кончины (см. выше).

В просторном, вероятно, дворцово-особнякового типа, доме Педания было ок. 400 рабов, среди них женщины, дети, старики, притом в большинстве никак не сопричастные случившемуся. И теперь мнения о том, приводить ли вышеназванное традиционалистское, более того, за полвека дважды обновлённое, постановление-lex в исполнение – как в сенате, так и в народе, особенно в среде городского плебса, как в верхах, так и в низах, как во дворцах, так и в хижинах (в связи с усиленно набиравшими темп в IV в. н.э. гуманистическими, применительно к рабам, тенденциями), резко разделились. Одни наставляли на суровом наказании по формуле *закон есть закон* и никаких «но», другие – взывали к милосердию. Первых представлял взявший в сенате веское слово известный правовед, создатель школы юристов Cassiani – Г.Кассий Лонгин – неплохо знакомый читателю консул-суф. 30г. и легат Сирии в 45 – 49гг.

РАБСТВО В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

Раб – греч. «δούλος», лат. «servus» (собственное значение – «пастух») – термин, использовавшийся для обозначения людей, к-рыми собственник мог распоряжаться как движимой собственностью, как вещью. И если на более древнем Востоке – в Египте и Вавилоне – доминировало гос. рабовладение (в чём-то вполне сравнимое с коммунистическим в Советском Союзе 20 – 50-х гг. XXв., или в маоистском Китае, или в Кампучии Пол Пота, или в Северной Корее династических коммунистов – Кимов), то классическое античное рабовладение (к-рое марксисты опростительно-унификаторски распространяли, в рамках марксистской схемы, на всё досредневековое мироустройство, расстрельно квалифицируя последнее как эксплуататорско-рабовладельческую формацию) началось с Древней Греции и достигло своего классического пика в Древнем Риме.

⁴² Не был ли Сабин легатом Мезии (отконсульствовав суф. – 47г., и сменив Туллия Гемина) в 48/49-55гг.? вслед за чем курировал ценз в Галлии в 55/56гг.? и затем стал парным Педанию префектом Города в 56/57гг.? Если дата окончания мезийской легатуры назначенного в 52г. в Британию Дидия – 47г., т.к. в интервале 49-52гг., до Британии, он побывал проконсулом Азии, то не ранее 56/57гг. легатом Мезии был поставлен Плавтий Сильван Элиан. Т.е. между Дидием и Плавтием есть хроновнушительная мезийская лакуна, к-рую вполне может заполнить Сабин.

Причём, если в Греции пора рабовладельческого расцвета пришлось как раз на время *золотого века* первой демократии мира – Vв. до н.э., то в Риме этот пик выпал на II/Vвв. до н.э., с учётом того казалось бы парадоксального фактора-обстоятельства, что императорская эпоха в Риме (как и александровско-посталександровская в Греции) известна куда более гуманным отношением к рабам, нежели эпоха (идеализировавшейся европейским Просвещением, равно американскими федералистами – в пику тиранической Империи) Республики.

И наверное, в частности, поэтому не случайно как французские просветители (венцом-апогеем к-рых сделалась, увы, гильотина), так и американские отцы-федералисты, при всех их притязаниях на свободу против тиранов и тирании, находили удивительные возможности совмещать-сочетать эти свободы с различными формами позволительного их новым государствам рабства-порабощения. И свидетельства тому – как эскалирующий (со всеми вытекающими) террор Французской революции (приёмной матери или старшей сестры много переплюнувшей её революции Российской)⁴³, плюс – тирания (увенчавшего революцию) Наполеона, так и чёрные рабы в Америке, к-рыми владели и Вашингтон, и Джефферсон, и Франклин, и к-рые перестали быть рабами аж в 60-е гг. XIXв. (параллельно получившим личную волю без земли крепостным рабам в России).

Вдобавок к тому, и ранее рабство-рабовладение, будь то в античной Греции или в античном Риме, сходно позднему, отличают менее жёсткие формы, чем рабство, приходящееся на пиковые периоды греческой или римской культур-демократий (возможных быть демократиями-культурами в себе и для себя, во многом, именно за счёт рабства).

Мало того, первые рабы и в Греции, и в Риме, оказавшиеся в рабстве в результате неплаты долгов, или войн с соседями, или иных актов насилия, являясь либо сугубо своими, либо представителями не чуждых их владельцам (ни этнически, ни по духу) соседних общин, не являлись в рабстве бессловесными-безвольными орудиями труда, как рабы-чужаки впоследствии. Они использовались в работах по дому, в хозяйстве, в производстве, почти наравне с репрезентантами рабовладельческих семей или вольнонаёмными свободными. И воспринимались рабовладельцами, что подразумевало сравнительно мягкое обращение с ними, как младшие сочлены большой семьи, к-рые делили с хозяевами горести и радости, спали с ними под одним кровом, вместе трудились, вместе справляли религиозные торжества, праздники и т.д. И считаясь подчинёнными членами семьи, эти рабы имели свои семьи, небольшое личное имущество, сбережения.

При всём том, издревле для части греческой мысли рабское состояние человека не отражало полностью его естественное состояние. То-то уже в 594г. до н.э., по инициативе Солона, была проведена отмена долгов, в т.ч., в борьбе с долговым рабством, и впервые ограничено само рабство. Однако, наряду с тем, именно в VIв., с повсеместным расцветом греческих полисов и колоний, со становлением многих простых граждан предпринимателями, торговцами, посредниками, с возникновением множества новых рабочих мест, возникла острая потребность в рабах и в увеличении их числа, что потребовало притока чуждых хозяевам рабов из др. стран, с др. языком, с др. религией, с др. ментальностью. И сообразно сему, начало

⁴³ Беспощадные трибуналы Французской революции заседали под статуями обоих Брутов (как «тройки» НКВД – под портретами Ленина-Сталина-Дзержинского), – Луция (одного из изгнателей Тарквиния Гордого) и Марка (одного из убийц Цезаря), в то время как Наполеон возмнил себя Александром и Цезарем в одном лице (подумывая заменить Тацита в учебном курсе на Цезаря). Повторим, Французская революция и Наполеоновские войны анекдотически-сценически-трагикомически разыграли-воспроизвели историю Древнего (республиканского и императорского) Рима – в ускоренном темпе и в карикатурной миниатюре!

складываться отношение к таким рабам (полку к-рых всё прибывало), как к порабо-щённым варварам, каковыми греки почитали всех, oprичь себя, как в дальнейшем (потомки троянцев) римляне – всех, oprичь себя и (пусть декадентных, но всё-таки) греков.

В Vв. – время решавших судьбу человечества Греко-персидских войн и, как сказано, вершин афинской демократии (14 лет Перикла), начали действовать мелкие мануфактуры, к-рые требовали труда 25-30-и рабов, отдельные крупные предприятия – 100-150 рабов, а также рудники со вспомогательными предприятиями по переработке руды, где трудились до 300-600 и даже по 1000 рабов. И одновременно утверждалось мнение о рабах как о говорящих инструментах, с соответствующим изменением отношения к ним. Но одновременно в Афинах второй половины Vв., ок. 430г., впервые раздались голоса и за более человеческое обращение с рабами. В 413г. до н.э., в ходе Пелопонесской войны, 20 тыс. афинских рабов бежали от тяжёлого рабства к спатранцам. В том же году 7 тыс. свободных афинских граждан попали в плен к сицилийским сиракузянам, где им пришлось каторжно трудиться в качестве рабов в каменоломнях до самой смерти.

И неспроста, если в Vв. до н.э. (тогдашние гуманисты) Еврипид или Алкивид не оправдывают в принципе обращение человека в рабство, то теоретики государства, осознавая необходимость рабского труда для оного, высказываются осторожнее. Например, в V/IVвв. Платон, кто, как мы знаем, изгнал из своего идеального «Государства» Гомера (чем дал своего рода прецедентный повод и карт-бланш Калигуле грозиться, по Платонову образу и подобию, изгнанием из римских библиотек Вергилия), отрицает какую-либо вину общества перед рабами, возлагая всю ответственность на личную судьбу человека, как на вину, к-рую можно искупить освобождением от рабства. И ещё Платон идёт несколько дальше, выступая против порабощения греков греками.

Между тем, Аристотель (автор – не по сему поводу – знаменитого изречения: «Платон мне друг, но истина дороже») полагал (мысля, в современном понимании, реакционнее Платона), что существуют люди, самой природой предназначенные быть рабами и больше ни на что не годные, как думали и большинство последующих, включая большую часть стоиков до Сенеки, античных мыслителей (ни один из к-рых, в отличие от ветхозаветных пророков, не поднял голос за идеальную или эсхатологическую свободу от рабства, при том что, ни греки, ни римляне, отлично от иудеев, не обязывались отпускать рабов на свободу в субботные и юбилейные годы).⁴⁴ И так считалось в порядке вещей требовать от рабов неограниченной работы, в первую очередь, физической – тяжёлой и лёгкой, или в некоторых случаях – умственной.

Значительное увеличение общего числа дулонов произошло в IV/IIIвв., когда после Александровых завоеваний и появлений государств диадохов политические и экономические центры античного мира сместились из Греко-Македонии – с Запада – на Восток (почему римлянам пришлось *возвращать* их на европейский Запад), где издавна существовали многочисленные традиционные формы рабской зависимости, к-рые теперь продолжились в несколько модифицированном виде, с преимущественным использованием принудительного рабского труда не столько в городах, сколько в сельском хозяйстве и на мануфактурах.

Притом главными рынками торговли рабами, – отныне всё более ходким рыночным товаром между Востоком и Западом, где шло усиленное становление Римской

⁴⁴ То-то именно Аристотель был против уравнивания (космополитом и глобалистом) Александром греков и персов – против уравнивания эллинов с варварами, и, по слухам, даже прислал яд для отравления (мол, предавшего-похерившего идею эллинского превосходства и эллинского мирового господства) Александра.

республики, с выходом её в III/Пвв. до н.э.⁴⁵ на международную арену как западного, так и восточного Средиземноморья, стали греческие острова Делос и Родос.

* * *

Ранние римляне (акцентированнее ранних греков) под сервиями подразумевали, в большей мере, домашних слуг, чем рабов, к-рые, скажем снова, как сочлены семьи (*familia; famulae*), сопринадлежали конкретному дому и, подобно свободно-рождённым этого дома, подпадали власти главы фамилии (*pater familias* = домо-владыка), квалифицируемые как движимое имущество (*mancipium*). Однако, — живя при этом в тесном сообществе со всем семейством, называясь *pueri* (дети), работая со свободными рука об руку, весело празднуя с членами семьи господ декабрьские Сатурналии, и находясь в относительно мягкой от хозяев зависимости, формы к-рой были различны. По «Законам XII-и таблиц» (*Vv.*), рабы обладали частичной правовой защитой и могли владеть небольшой собственностью (*peculium*).

Рабами у римлян были: 1) все рождённые от рабыни, ибо определяющим, в сём случае, являлся статус матери (ср. с еврейством-иудейством, где евреем считали сына, рождённого от матери-евреянки, определяя национально-религиозную принадлежность, прежде всего, по матери); 2) все потерявшие свободу: а) через взятие в плен; б) через продажу в рабство уклонившихся от ценза или от воинской повинности; в) через продажу заимодавцем отданного ему по решению суда должника; г) через осуждение на смерть, поскольку любой приговорённый к высшей мере низводился с момента произнесения приговора до приведения его в исполнение на уровень раба. Рабство юридически прекращалось отпущением на волю (*манумиссия*) по решению гос. суда.

Позже господа-рабовладельцы, владевшие рабами по рождению, или приобретшие их как невольников у работорговцев, имели над ними право собственности как над вещью, к-рое всё более ужесточалось с расширением Римской республики, сначала из Города на Италию и потом на полмира, что уже означало огромный приток в Италию иностранных рабов. Последних же, (за исключением, пожалуй, части греков) чуждых римлянам этнически, по языку, ментально, ожидала в Риме/Италии печальная участь быть говорящими рабочими инструментами и трудиться в тяжёлых условиях, не покладая рук, довольствуясь минимальным прожиточным минимумом, под постоянной угрозой жестоких наказаний (розги, плети, клеймение, распятие...), в полной зависимости, будь то жизнь или смерть, либо от частных рабовладельцев, либо от римского государства (положение гос. рабов к-рого было, кстати, на порядок лучше).

Все приобретения раба, не считая личных сбережений, принадлежали его господину. Рабов обычно называли по месту их происхождения («Галл»; «Грек»; «Фракиец»; «Каппадокиец»; «Сириец»), именами древних или мифологических героев, растений, камней, именами рабовладельцев. Одежда раба ничем не отличалась от одежды бедных граждан, состоя из грубой туники тёмного цвета. В знатных римских фамилиях, со II/Ивв., когда рабство в Италии достигло, за счёт победоносных войн Рима и постоянно ввозившихся извне рабов, небывалого размера-размаха, имелось очень много сервиев (*legione mancipiorum*), разделявшихся на декурии. По пребыванию-использованию в городах или на виллах и в латифундистских поместьях, они разделялись на городских (*urbanoi*) и сельских (*rustici*); по положению и занятиям — на 3 класса.

⁴⁵ В связи с Тремя Пуническими войнами, Сирийской войной против Антиоха III и Тремя Македонскими войнами, к к-рым в IV. н.э. прибавились Три Митридастовы войны.

Рабы-ординарии, к-рым поручался надзор за домом, хозяйством, имели в подчинении заместителей – викариев. При этом среди ординариев выше всех стоял прокуратор; за ним шёл актер – зритель; за ним диспенсатор – казначей; за ним атриексий – управляющий имуществом; целларий – заведующий провиантом; негоциаторы – ведавшие торговыми делами господина в провинциях; инсуляторы – сборщики денег с домов, сдаваемых внаём, и т.д. Всё строго иерархично, в соответствии с железным римским порядком и упорядоченностью (немало напоминающими порядок немецкий, в т.ч., печально известный «Neue Ordnung» нацистов).

Учёные рабы, преимущественно греки, заведовали библиотеками, коллекциями художественных произведений, корреспонденцией господина, воспитывали его детей (pedagogi), были домашними врачами (medici)... Выполнявшие чёрную работу рабы vulgares трудились привратниками, посыльными, скороходами, форейторами, гардеробщиками, цирюльниками. В число увеселительных рабов входили актёры, гладиаторы, акробаты, шуты, карлики, проститутки...

Государственные рабы – *servii publici*, находились во владении Римского государства или общины (колонии, муниципия, города). Это были в основном приобретённые общиной военнопленные, к-рых государство, не продавая частным рабовладельцам, удерживало для общественной службы, и их, – получавших помощь от общины, – положение было, повторим, как правило, сноснее.

Наказанием для рабов могла служить, вдобавок к вышеперечисленным приговорно-штрафным мерам, без учёта, разумеется, произвола-беспредела вне юриспруденции (на местах), ссылка в деревенский рабочий дом – *ergastulum*, или присуждение к наиболее тяжёлым работам в каменоломнях и на рудниках. Вопреки распространённому мнению, о ношении рабами специальных ошейников в течение чуть ли не всей истории Древнего Рима, они использовались достаточно короткое время во II/I вв. до н.э., отменённые, дабы, согласно другому неподтверждённому мнению, рабы не узнали, как их много и не воодушевились сим на восстание против рабовладельцев.

Тем временем, со III/I вв. работорговля стала выгоднейшим рыночным бизнесом, рабы – товаром, а рабский труд в Италии постепенно вытеснил свободный крестьянский труд колоннов и превратился в главную форму подневольного труда как в сельской местности, так и в Городе. Или, точнее, с вовлечением Италии в III в. в римскую орбиту и особенно с предоставлением италикам в начале I в. до н.э. римского гражданства, – во всех италийских городах. Причём потребность в рабах и рабском труде росла пропорционально росту Римского государства, почему на восточных театрах военных действий иногда велась форменная охота за рабами, вследствие чего резко сократилось население Греции, Македонии, М.Азии, тогда как число рабов в Риме/Италии постоянно, быстрыми темпами, увеличивалось.

Если в V в. до н.э. на 440 тыс. римского населения было всего 50 тыс. рабов, то в первой половине I в. до н.э. в Риме, с его населением в (предположительно) ок. 750 тыс. чел., насчитывалось до 250-и тыс. рабов – ок. 1/3; а по Италии – приблизительно на 6 млн. свободных – приблизительно 3 млн. рабов. И тем не менее, что крайне важно усвоить, Рим, Италия, Сицилия составляли (по максимальному множеству рабов) исключение в сравнении с прочими частями Империи, где рабы в отношении к остальному населению были представлены в на порядок меньшем числе-количестве. Так, в I в. н.э. от 100 или 120-и миллионного населения *Imperium Romanum* рабы составляли всего ок. 10 %. Следовательно, величать-нарекать или обзывать Римскую империю в целом сугубо рабовладельческим государством можно минимум не без вопиющих натяжек и оговорок. (И касаясь соседней сверхдержавы – Аршакидского Ирана, парфянские бароны были куда больше, нежели рабовла-

дельцами, пожалуй, первыми в истории крупными феодалами, своего рода пред-варителями средневековой рыцарской знати!)

Хотя марксистские историки, оперируя в пределах (установленных для них Марксом) узколобых унификаторско-опростительных схем, безоглядно экстраполировали-проецировали количество рабов и рабский труд – как, дескать, основной в Риме, Италии, Сицилии, на всю остальную Империю, что в масштабах Империи, где уже тогда, при наличии рабства, доминировали преимущественно (используя марксистскую терминологию) феодализм и феодальные отношения, ни тогда, ни после не имело место быть. И стало быть, говорить на означенный и позднейший (до Vв. н.э.) этапы поздней античности о всемирной т.н. рабовладельческой формации, по крайней мере, на примитивном марксистском уровне, никак нельзя.

Более того, знаменательно, что известные крупные в римской истории восстания рабов датируются временем с 30-х гг. Пв. до н.э. по (крупнейшее из них) восстание Спартака в 73 – 71гг. до н.э., а позднее никаких организованных выступлений-движений собственно рабов (к-рых в эпоху Гражданских войн различные стороны пользовали как боевую силу в своих интересах) больше нет.⁴⁶

И потому выводить становление императорского Рима из восстания Спартака, мол, напугавшего римские верхи до таких чёртиков, что они решили установить военно-монархическую диктатуру = цезаристко-августовский Принципат, есть современная постмодернистско-либералистская чушь, весьма сродственная, к слову, марксистской примитивизации истории, к-рая вгоняет её в заведомые схемы, отбрасывая или перевирая-фальсифицируя всё, что в эти схемы не вписывается, всё, что из них, из их тоталитарного прокрустова ложа, выпадает-выламывается. Да оно и не мудрено, ибо Маркс довёл до апогея приземлённо-заземлённые идеи рационал-просветителей, сделавшись их гипертрофированно радикальным выражением в последней инстанции, и вдохнув, в частности, вторую жизнь в породивший атеистическую вакханалию большевизма-коммунизма импотентный (на середину и вторую половину XIXв.) атеизм Просвещения.

И не на пустом месте – именно с её слабых начатков ещё в Iв. до н.э. и в особенностях с I/Пвв. н.э. – в Риме всё явственнее проявлялась гуманистическая, применительно к рабам, тенденция и всё громче звучали голоса за гуманизацию-очеловечение рабского права, за человеческое отношение и милосердие к рабам.

В IVв. до н.э. закон Петелия запретил обращение в раба римского гражданина, признав статус рабов только за иностранцами и совершившими тяжёлое преступление гражданами Рима. В дальнейшем ультра-консерватор (как Дж.Э.Гувер!) Катон Старший (234 – 149гг.) = неумолимый цензор Катон Цензорий (автор популярного сегодня изречения: «Делай, что должно, и будь, что будет») рекомендует скупать и дрессировать рабов для перепродажи. Первое место в работоторговле той поры принадлежало грекам, у к-рых имелся огромный опыт. Цены на рабов колебались, завися от спроса и предложения: более высокие – в столице и крупных италийских городах; ниже – на границах, где Рим воевал и откуда основная масса рабов в Рим поступала.

⁴⁶ Восстание самозванца Аристоника (133-30гг.), начавшееся как противоримское в завешанном Атталом III Риму Пергаме, метаморфизировало затем в движение призванных Аристоником к оружию рабов, к-рых он, смешав национал-социальные и религиозные мотивы, называл «гражданами Солнца» или «Солнцеграда» (гелиополитанцами), притом к нему примкнул стоик Блоссий из Кум, – в прошлом советник Тиберия Гракха. Эвн Апамейский руководил первым восстанием сицилийских рабов против Рима в 136-32гг.; Сальвий и Афинион – вторым – в 104-01гг.

Много занимавшийся сельским хозяйством Катон советует продавать – «старых быков, больной скот, хворых овец, старые повозки, железный лом, старого раба, больного раба и вообще всё ненужное». Отныне у рабов единственное утешение – коротко почувствовать себя свободными лишь в считанные дни декабрьских Сатурналий. Всё прочее время – цепь, бич, палка, кандалы, изнурительный труд, изощрённые наказания, болезни и ранняя смерть.

Рабы в III – Iвв. до н.э. – в избытке и переизбытке. Во-первых, Рим повсеместно ведёт завоевательные войны, во-вторых, рабами бойко торгуют пираты. Но после того как в Iв. до н.э. большие войны-завоевания завершились и Рим переключился, в рамках августейшего оборонительного империализма, на войны локальные, между тем как средиземноморское пиратство было римской властью ликвидировано, приток новых рабов настолько сократился и число вольноотпущенников настолько возросло, что в I – IIIвв. цена на раба в Риме/Италии выросла аж в 8 раз.

Вот три причины сокращения числа рабов и роста цен на них: 1) прекращение крупных завоеваний; 2) ликвидация пиратства на Средиземном море, ставшем в I/Iвв. внутренним морем Римской империи; 3) рост числа либертов, особенно среди многочисленных императорских рабов – *servus Augusti nostri*.

* * *

С юридической точки зрения (отцов юриспруденции-юрисдикции римлян) раб как личность в Римской республике не существовал, приравненный к вещи, поставленный вровень с землёй, лошадьми, быками, инвентарём. Если по определению Аристотеля, рабы – одушевлённые орудия, то согласно (наиучённейшему из римлян) М.Теренцию Варрону (+ 27г. до н.э.), они принадлежат к одному из 3-х видов орудий: 1) *instrumentum multum* – немое орудие; 2) *instrumentum semivocale* – орудие, издающее звуки; 3) *instrumentum vocale* – орудие, умеющее говорить = человек = раб.⁴⁷

Но уже у Цицерона (+ 43г. до н.э.) намечается не столько двойной стандарт, сколько (пусть немного) двойственный-неоднозначный подход. С одной стороны, по Цицерону, «ремесленники, подёнщики и рабы – отбросы города», и коли, по Катону Ст., «рабам ничего не следует знать, кроме работы, еды, сна и необходимого труда до самой смерти», то Цицерон уверен, что «рабство справедливо, потому что таким людям рабское состояние полезно и это делается им на пользу, когда делается разумно, т.е. когда у бесчестных людей отнимается возможность совершать незакония». «Рабство обусловлено самой природой, к-рая дарует лучшим людям владичество над слабыми для их же пользы».

Вместе с тем, к рабам, по Цицеронову мнению, следует относиться как к наёмникам, требуя от них полезной работы и предлагая им то, что им полагается. Согласитесь, тут перед нами чуть смягчённый, даром что намёточный, подход, к-рый, всё-таки, несколько отличается от взаимосолидарных безоговорочных подходов-трактовок Катона или современного Цицерону Варрону.⁴⁸

⁴⁷ Для античных мыслителей-деятели типа Аристотеля, Катона, Варрона уравнение греков или римлян в правах с варварами или предоставление каких-либо прав рабам было настолько же неприемлемо, как для сегодняшних, скажем так, консерваторов-традиционалистов уравнение сексуальных меньшинств с сексуальным большинством.

⁴⁸ Вольноотпущенник Цицерона М.Туллий Тирон был его секретарём, другом и хранителем наследства.

Либо – практические примеры: если молодой Октавиан велел однажды повесить на мачте раба, убившего и съевшего его перепёлку, то зрелый Август открыто не одобрял поведение Веддия Поллиона, бросавшего провинившихся рабов в воду на съедение муренам, и когда Поллион, один из рабов к-рого был как-то раз Августом от расправы спасён, умер (+ 15г. до н.э.), кесарь приказал срыть дом садиста-нумвориша до основания, чтобы навсегда стереть память о нём, и сам нередко демонстрировал человеческое отношение к рабам.

Далее, эвентуально, при Тиберии, в 19г. н.э., был принят закон Петрония, запрещающий рабовладельцам самовольно присуждать рабов к схваткам с дикими зверями в амфитеатре, что было передано в ведение гос. судов, получивших право наказывать таким образом раба лишь за совершение тяжкого преступления.⁴⁹ В 40-е гг. Ив. Клавдий велел отпускать на свободу рабов, о к-рых их владельцы не заботились в случае их болезни, отправляя больных (= деликатно избавляясь от них) умирать на Эскулапов остров (Тибр).

И наконец, в 60-е гг. Ив. н.э., демонстрируя совсем иной, в сравнении с Катонем, Крассом (распял 6 тыс. рабов Спартака)⁵⁰, Варроном, Цицероном, подход к проблеме рабов, к проблеме их взаимоотношений с господами, отставной (и пенсионно оттаявший) Сенека в своих знаменитых «Нравственных письмах к Луцилию» (63/64гг.) пишет: «Я с радостью узнаю от приезжающих из твоих мест, что ты обходишься со своими рабами, как с ближними. Так и подобает при твоём уме и образованности. Они рабы? Нет, люди. Они рабы? Нет, твои соседи по дому. Они рабы? Нет, твои смиренные друзья. Они рабы? Нет, твои товарищи по рабству,

⁴⁹ Авторство этого закона – *lex Petronia* – RE и ряд авторов числят за консулом-суф. 19г. н.э. П.Петронием (легат Сирии в 39-42гг.), или иные – за его сыном – Петронием Турпиллианом – (недавно упоминавшемся нами) консулом-орд. 61г. и легатом Британии в 61-63гг. Если верно второе, то, б.м., принятие этого смягчительного закона в первой половине 61г. обусловило противоположную реакцию жёсткого применения вскоре Юниева закона по отношению к рабам Педания? Или авторство данного закона за А.Петронием Лурконом – консулом-суф. 58г. (по принятии в 57г. устроения к закону Юния от 10г. н.э.)? либо – за П.Петронием Нигером – консулом-суф. 62г.?

К сожалению, точно сказать нельзя, так как известен только номен консула-инициатора. И против всех названных кандидатов имеется возражение. Дело в том, что в «Сатириконе» Петрония Арбитра Гликон отправляет своего раба-казначея, уличённого в похотливых забавах с госпожой, сражаться в амфитеатре со зверями (45,8), из чего делается вывод, что на момент появления «Сатирикона» вышеозначенного закона ещё не было. «Сатирикон» (иронично) переключается с «Фарсалией» Лукана, написанной в 62/63гг., т.е. время написания принуждённым к самоубийству в 66г. «арбитром изыщества» Петронием этого произведения оптимально приходится на 64/65гг. – после написания Луканом «Фарсалии». И, между прочим, в Петронии Арбитре тоже предполагают возможного автора *lex Petronia*, хотя никаких фактических данных об облечении им в 60-е гг. (теоретически предположимого) консульства-суф. (уж не говоря о консулах-орд., полный перечень к-рых наличествует) нет.

Отсюда в качестве автора *lex Petronia* рассматривается ещё консул-суф. 81г. н.э., при Домициане, М.Петроний Умбрин, о к-ром, в свою очередь, известен только факт облечения им консульства. Но, на наш взгляд, отсылка к «Сатирикону», слова к-рого, дескать, доказывают принятие Петрониева законоположения после его написания, недостаточно убедительна. Перед нами поэтическое произведение, а не документальный материал, где автор вполне мог опустить карательную отправку похотливого раба на арену (*dispensatorem ad besias dedit*) по постановлению суда. И значит, очень даже можно подвопросно числить авторство *lex Petronia* за П.Петронием – в правление шедшего по стопам Августа (в частности, приложительно к смягчению участи рабов) Тиберия.

⁵⁰ В ходе Гражданской войны популяров и оптиматов в 87г. особой жестокостью отличился (спецназовский) отряд рабов Мария.

если ты вспомнишь, что и над тобой и над ними одинакова власть фортуны» (47). Посему раб для Сенеки не говорящее орудие и не быдло, а человек, что требует человеческого-человечного отношения к рабам и человеческого-человечного обращения с ними.

Не говорит ли прибывший как раз в 61г. (время процесса над рабами Педания) в Рим Ап. Павел в 1-м Посл. к Коринфянам: «Все мы одним духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные» (12,13). Сенека признаёт равенство всех людей перед богами, ратует за человеколюбие к рабам, но не требует освобождения рабов. И Павел мыслит равенство людей как равенство перед Богом, не призывая ни к революции рабов, ни к отмене рабства. И (поэтому тоже) не стоит удивляться, что в IV/Vвв. появилась апокрифическая переписка Павла и Сенеки!⁵¹

Причём и иудейство, и христианство, и ряд других религиозных общин, например, митраисты, или почитатели Иисуса и т.д., к-рые в IV. н.э. распространялись, вербуя-набирая приверженцев в пределах переживавшей острый духовный кризис Империи, признавали за участвовавшими в культе на равных с господами представителями рабского сословия полное религиозное равноправие, не осуждая при том рабство как таковое.

Сим, в свете всего вышесказанного, в силу комплекса причин, в IV. н.э. безграничное право распоряжаться рабами сходило на нет, и гуманизация в отношении к рабам в эпоху Принципативской Империи, когда крупнейшими рабовладельцами сделались римские императоры (чаще обращавшиеся с рабами гуманно или гуманнее, и чаще отпускавшие их на волю), была налицо.⁵²

Этому же, помимо духовно-нравственных причин-обстоятельств, способствовало, как сказано, изменение экономических условий. Чем дороже становились рабы (число к-рых уменьшилось и уменьшалось, в то время как число либертов, и среди них весьма влиятельных, множилось), тем более рабовладельцы дорожили ими, что чем-то напоминает обращение с заключёнными в сталинских или в нацистских концентрационных лагерях, где узников безоглядно гнобили до тех пор, пока рабочих рук в войну, или в СССР — и в войну, и после войны, перестало хватать, или пока начальство не допёрло, что чем лучше узник накормлен, тем продуктивнее он работает.

Во IV. н.э. Адриан, под страхом уголовного наказания, запретил самовольное убийство раба господином, заточение в тюрьмы, продажу для проституции. Антонин Пий легализовал обычай, позволявший рабам искать спасение от жестокости господ в храмах или у статуй императоров. За убийство раба он велел судить господина по закону об убийцах — *lex Cornelia de sicaris*, или, в случае жестокого обращения с рабами, продавать их по постановлению суда в другие руки, равно — последовал запрет на продажу детей рабов и выдачу их в качестве заложников при заёме денег.

Диоклетиан и Константин, при к-рых обработка земли уже велась свободными арендаторами-колонами (и колонат не был, вопреки марксистским историкам,

⁵¹ Показательны изречения Сенеки: «Свободен тот, кто не стал рабом самого себя»; «Покажи мне, кто не раб. Один в рабстве у похоти, другой — у скупости, третий — у честолюбия, и все — у страха»; «Обходишь со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобой обращались стоящие выше». Ср. с Гилелем Старшим, к-рый рекомендует человеку не делать другим того, чего не желаешь себе.

⁵² Цари из династии Романовых, будучи крупнейшими крепостниками, гораздо гуманнее и лучше обращались со своими крепостными, чем многие помещики, более того, все российские венценосцы, начиная с Екатерины II, были противниками крепостничества, не решаясь его отменить до Александра II в масштабах страны, но предоставив волю, и не без земли, своим крепостным крестьянам ещё до отмены в 1861г. крепостного рабства (вскоре после чего, т.е. после освобождения *белых рабов* в России, президент А.Линкольн освободил — 1.01.1863г. — *чёрных рабов* в Америке).

разновидностью рабовладельчества), а словом «servus» с IVв. начали называть крепостных крестьян, пошли в вопросах гуманизации рабского права и улучшения условий экзистенции сокращающегося рабского сословия ещё дальше. Диоклетиан запретил свободному человеку отдавать себя в кабалу, узаконил отъятие неоплатных должников у кредиторов, обязал покупателей, возвращавших рабов продавцу, возвращать и их семьи. Константин приравнял умышленное убийство раба к убийству свободного человека и, главное, декретно оформил заступавшую на место античного рабства крепостную зависимость в 332г. (год рождения Юлиана Отступника, к-рый некоторые считают датой зачатия-начала феодальной эпохи Средневековья).

И пусть рабство ни в поздней античности, ни в последующем никогда не отменялось специальным законом, оно фактически было избыто на территориях бывшей Римской империи (и продолжало отмирать, не без долгих остаточных форм), в первую очередь, в Риме/Италии/Сицилии, где, повторим, в III/II – II/IIIвв. имелось наибольшее количество рабов, в пользу феодализма и феодальных соотношений – с III-го по VIвв. н.э.

КАЗНЬ ПЕДАНИЕВЫХ РАБОВ

Впрочем, в деле рабов убитого одним из них в 61г. н.э. префекта Города Педания Секунда, после сенатской речи небезызвестного автора работ по гражданскому праву (jus civile) Г.Кассия Лонгина, верх взял консервативный подход. Точнее, Кассий речистым прессингом авторитетно убедил большинство сенаторов в необходимости применения, несмотря на его жестокость, древнего постановления, обновлённого Юниевым законом 10г. н.э. (и устрожённого дополнением 57г. н.э.), согласно к-рому, напомним, казни подлежали все рабы, находившиеся на момент убийства господина в его доме, без установления вины каждого из них и независимо от их пола и возраста.

Коллективная ответственность и назидательное предупреждение аналогичных рецидивов, дабы рабам, по всякому и во всех, без исключений, случаях, неповадно было покушаться на жизнь господ. Иначе берегитесь, римляне, ибо при проявлении вами мягкости-мягкотелости, повторение подобного деликта неизбежно! Vivat (перенятое-позаимствованное у римлян современностью) прецедентное право!

Время полномасштабной реализации гуманистических тенденций-сентенций Сенеки, как выяснилось при голосовании, пока не пришло, не наступило! Да и премьер Сенека пока не в отставке и «Нравственных писем к Луцилию» пока нет! И позиция Сенеки по интересующему нас делу – неизвестна! (с учётом того обстоятельства, что выступи он против, она бы, вероятно, запомнилась).

Взывая к отцам-сенаторам, ок. 63-65-летний поднаторевший в юриспруденции Кассий Лонгин указал на вопиющее убийство призванного блюсти образцовый порядок в Городе городов консуляра-префекта, к-рого никто не оповестил о готовящемся покушении (из чего Кассий, соответственно, исходит, отвергая аффе́кт и импровизацию), о к-ром, в свою очередь, кто-нибудь из 400 домашних рабов не мог не знать. И кого, спрашивается, после такого – «защитит его положение, если оно не спасло префекта города Рима? Кого убережёт многочисленность его рабов, если Педания Секунда не уберегли целых 400? Кому придут на помощь проживающие в доме рабы, если они даже под страхом смерти не обращают внимание на грозящие им опасности» (Ан. 14,43).

И не имеет значения, за что именно раб убил господина, и мы не вправе искать для него, для содеянного им какие-либо смягчающие обстоятельства, ставя тем самым под сомнение всё наше мироустройство и подставляя под удар самих себя!

Как убийца обманул охрану? как вошёл с оружием в спальню хозяина? Неужели никто этого не заметил? Т.е. у убийцы, во-первых, есть сообщники, бывшие заодно с ним, и во-вторых, в доме были те, кто не захотели заметить готовящееся преступление, что делает их прямыми активными соучастниками, между тем как соучастники косвенные, соучастники пассивные подпадают предусмотренной древним и обновлённым законом ответственности групповой.

А что касается т.н. безвинных, то ведь и при применении децимации (казнь каждого десятого по жребию) к струсившему воинскому подразделению в число экзекутируемых попадают как виновные, так и невинные, и даже отважные. Однако, никто ведь не думает из-за этого отменять штрафную децимацию (Ан. 14,44). Сходно и здесь, коллективная ответственность непреложна, применение же освящённого традицией закона, перво-наперво, во избежание прецедентов в будущем, обязательно. Законы пишутся, принимаются и существуют для того, чтобы их исполнять, в противном случае – государству, принимающему законы, к-рые его гражданам до фени, – грош цена.

Слова Кассия отражают ничем не примечательную позицию для деятеля его времени, поведение к-рого нельзя стопроцентно мерить нашими мерками и нашими представлениями о морали-нравственности. Плюс к тому, справедливости ради надо заметить, что отнюдь не все рабы в Древнем Риме были обиженными агнцами, среди них имелось и очень немало волков в овечьих шкурах. При всём том, в IV н.э. непомерно выросло и росло, о чём мы сказали, число вольноотпущенников – нередко особенно наглых, дерзких и ненастных давешних рабов, многие из к-рых становились влиятельными, покровительствовали другим рабам, к-рые тоже, чувствуя крепкую руку поддержки, подчас вели себя крайне дерзко. Голодушник редко в состоянии нажраться раньше, чем в третьем колене, и долго живший на коленях не умеет нормально встать на ноги. Короче, в римском обществе той поры наличествовала и оппозиция к эмансипации рабов.

В итоге сенат, говорим снова, прогласовал, впечатлённый-подвигнутый к тому Кассиевой речью, большинством голосов за массовую-тотальную экзекуцию по закону. Правда, приговор ещё надо было суметь привести в исполнение. Если в сенате раздались «лишь невнятные голоса, сожалевшие об участии такого множества обречённых, большинство к-рых бесспорно страдало безвинно, и среди них старики, дети, женщины», то протестно собравшаяся «уличная толпа угрожала взяться за камни и факелы» (14,45).

Вот вам почти древнеримская демонстрация протеста под почти лозунгом: «Да здравствует феодализм – светлое будущее человечества!» Посему Нерон вынужден был, разбранив народ в особом указе, выставить «вдоль всего пути, к-рым должны были проследовать на казнь осуждённые, воинские караулы» (14,45). И он, и Сенека вряд ли разделяли непреклонность взбитого-взбудораженного Кассием сената, стоя, скорей всего, за выявление и казнь всех, в той или иной мере, виновных. Но то был вопрос, по к-рому они не сочли резонным-рентабельным-нужным перечить сенату мавзолейной Республики *restituta*.⁵³ Отцам-сенаторам, в русле «расноправно»-авгус-

⁵³ Снова вспомним, что ни Екатерина Великая, ни Павел, ни Александр I, ни Николай I – персональные противники крепостничества (о к-ром Николай, разбирая причины восстания декабристов и обращаясь к членам Гос. совета, даже воскликнул: «Как случилось, что человек стал вещью?») так и не решились крепостное право отменить. И только с опозданием, причём половинчато, дав крестьянам личную свободу без земли, это сделал (всё своё правление метавшийся между либеральным реформаторством и личной тягой к консерватизму) Александр II, что в сочетании с провалом после убийства Александра конституционного проекта Лорис-Меликова и контрреформами Александра III, проложило дорогу к поэтапным разрушительным взрывам 1905-17гг.

тейшей коэксистенции-сожительства кесаря и сената, иногда надо подбрасывать кости для обглаживания.

И Цезарь довольствовался проявлением малого локального гуманизма, отклонив предложение Цингония Варрона⁵⁴ выслать во исполнение недавнего (к древнему постановлению и к Юниеву закону) дополнения от 57г. из Италии всех проживавших под кровом Педания Секунда вольноотпущенников. *Clementia*, время к-рой в пору Неронова правления заканчивалось, и так не сработала, почему усугублять чем-либо и без того беспощадную-жестокую кару было излишне, было незачем.

РАЗНОЕ

«При тех же консулах по жалобе вифинцев был осуждён на основании закона о вымогательстве Тарквитий Приск, что доставило большую радость сенаторам, не забывшим про обвинения, к-рые он в своё время возвёл на своего проконсула Статилия Тавра. Квинтом Волусием, Секстием Африканом и Требеллием Максимом был проведён в Галлии ценз; Волусий и Африкан соперничали между собою в знатности, и пренебрегая Требеллием, способствовали тем самым его выдвижению на первое место.

В этом году умер Меммий Регул; он выделялся влиятельностью, душевной стойкостью и доброй славой, насколько это возможно при всезатмевающем сиянии императорского величия, так что даже Нерон, когда занемог и окружавшие его льстецы принялись говорить, что если его унесёт судьба, придёт конец и империи, ответил на это, что государству есть на кого опереться, и когда они стали допытываться, на кого именно, назвал Меммия Регула. Тем не менее, Регул остался жив, защищаемый своею бездеятельностью и тем, что знатность его была недавнего происхождения, а состояние не таково, чтобы возбуждать зависть. В том же году Нерон освятил гимнасий и с греческой щедростью выдал оливковое масло всадникам и сенату» (Ан. 14,46/47).

С М.Тарквителием Приском мы немного знакомы. Напомним, он происходил из фамилии, вероятно, этрусских корней, номен к-рой римляне считали метаморфозой номена Тарквиний — как звали двух царей Рима — пятого — Тарквиния Приска (Древнего) и последнего седьмого — навсегда заклеимённого тираном — Тарквиния Гордого (Надменного), свергнув к-рого в 510/09гг., Рим навсегда отказался от царизма. И пусть в Риме в Iв. до н.э. победил цезаризм, но Август нашёл уникаль-

Всегда правильное и дальновиднее решится даже на самую крутую-коренную реформу сверху, дабы вовремя предотвратить революцию снизу. Но для этого при режиме монархии нужна фигура масштаба Петра (легитимного революционера-реформатора на троне), к-рой у России в XIXв., увы, не нашлось. И весь XIXв. российские венценосцы, начиная с Павла (1796-1801гг.), равнялись на Петра, одновременно, страшась перебраться, как Пётр, а потому катастрофически недобирая и катастрофически запаздывая, уж не говоря об ударившемся в (именно) трупную допетровщину и в псевдо-русскую старину (предварителе московско-кремлёвского большевизма) Александре III и о никак не тянувшем на главу государства (великой державы) Николае II.

Вот и получила Россия в лице ВКП(б) — второе крепостное право большевиков, и в лице ЧК — ГПУ — Господи, помяни убиенных! В итоге — преемствовавший самодержавию (с его фараонским статусом царя) рабовладельческо-чеккистский (большевистский) социализм до смерти (царственного генсека) Сталина; и затем — феодально-милицейский (постбольшевистский) социализм при Хрущеве, Брежневе, Андропове, Черненко.

⁵⁴ Дезигнат в консулы на 69г., казнённый Гальбой за приверженность Нимфидию Сабину в 68г.

ную модель, при к-рой монархия де-факто продолжала слить республикой де-юре, что, по своему, впервые в истории развело юридическое и конституционное слово с фактическим и практическим делом. (Посему, можно, дополняя Талейрана, сказать, что язык и письмо даны для того, чтобы скрывать свои истинные мысли, не только дипломатам, но и, прежде всего, правителям, к-рым тоже никак нельзя не быть дипломатами.)

Относительно же интересующего нас Тарквития Приска, как читатель знает, он был ок. 52г. легатам под началом наместника Африки Т.Стагилия Тавра – консулард. 44г. н.э., кому – сыну одноимённого консула 11г. н.э. и правнуку заслуженного октавиановского генерала (из *homo novus*) Т.Стагилия Тавра (конс. 37 и 26гг. до н.э.), принадлежали доставшиеся ему в наследство от предков роскошные сады в Риме.

И именно на эти сады в 53г. положила свой алчный волчий глаз Агриппина, по подстрекательству к-рой Тарквитий инкриминировал Стагилию коррупционно-вымогательскую схему в ходе управления Африкой. Причём обвинение, надо полагать, не совсем беспочвенное, было во многом, с присовокуплением к нему ещё и чародейства, притянуто за уши. И Стагилий, предупреждая неминуемое осуждение, покончил самоубийством. Однако сенаторы всё-таки добились тогда, возмущённые поведением Приска, его исключения из сената. Но впоследствии он, судя по обличению им вифинского наместничества при Нероне, был реабилитирован-реституирован.

И вот в 61г. ему самому, недавно возвратившемуся из Вифинии, предъявили, по жалобе вифинцев, обвинение в вымогательстве, выдвинутое за 8 лет до того им против Тавра. И так как разбирательство дела мздоимство-лихоимство губернатора подтвердило, Приск, к большой, как уверяет Тацит, радости сенаторов, не забывших его неблагоприятную, на побегушках у Агриппины, роль в деле Тавра, подвергся осуждению (на изгнание с конфискацией).

Далее говорится о цензе в Галлии, проведение к-рого было поручено Кв.Волусию, Т.Секстию Африкану и М.Требеллию Максиму. Напоминаем, Кв.Волусий Сатурнин – конс.-орд. 56г. н.э. – сын умершего как раз в год консульства сына 93-летнего Л.Волусия Сатурнина – префекта Города в 41 – 56гг., и внук родившегося в 56г. до н.э. Л.Волусия Сатурнина (+ 20г. н.э.) – соконсула-суф. Квирина в 12г. до н.э. и легата Сирии (после Квирина) в 7 – 12гг. н.э. Т.Секстий Африкан – поднятый Клавдием в 48г. в патрициат консул-суф. 59г. н.э., к-рого Агриппина отговорила жениться на старшей его годами, богатой и развратной Юнии Силане, сама зарясь на богатство бездетной Силаны, кто в ответ возвела против Агриппины в 55г. не страбовавшее тогда обвинение. А Требеллий – есть тот самый *homo novus*, к-рый в январе 41г. памятно стаскивал кольцо с изображением Калигулы на пальце гневно агитировавшего против тиранов и тирании консула Гн.Сентия Сатурнина, к-рый ещё давеча лез в зад Калигуле, забыв после его убийства снять соответствующее калигулианское колечко. В 55г. Требеллию выпало побывать консулом-суф.; в 63г. ему доведётся сменить Петронию Турпиллиана на посту легата Британии, где он пронаместничает до 69г., ничем достойным похвалы не зарекомендовавшись.

И примечательно, что как ранее упомянутый Тарквитий, так и Волусий с Требеллием, т.е. эти перечисляемые Тацитом персонажи не столь значительных анналистических событий 61г., за исключением Секстия, чей *gens* происходил из Остии, все трое корнями из Этрурии.

К сожалению, Тацит не сообщает подробностей о цензе в Галлии, резюмируя только, что соперничество Волусия и Секстия способствовало выдвижению Требеллия на первое место. С 16 – 13гг. до н.э., когда Август побывал там, Галлия, как мы знаем, делилась (не считая сенатскую с 22г. до н.э. – Нарбоннскую) на кесарские

Лугдунию, Аквитанию, Бельгику, в составе *Tres Galliae*, под управлением преторских легатов.⁵⁵ Причём в собственно Трёх Галлиях легионов не было, они стационарировались в примыкавших к Галлии и административно-территориально сопричислявшихся к ней Нижней и Верхней Германии (по 4 легиона в каждой), к-рые составляли до учредившего в 80-е гг. IV. две одноимённые провинции Домициана особые милитаризованные дистрикты под управлением двух (после отбытия с Рейна в 17г. н.э. единоначального Германика) легатов кесарско-консульских.

Галльскими финансами ведали два прокуратора – один в Лугдунии и Аквитании, другой – в Бельгике. Вместе с тем, в делившейся на три провинции и одновременно единой Галлии насчитывались 64 галльские общины – *civitates*, с культовым и регулярно консилиумным центром в Лугдуне – местонахождение освящённого 1.08.12г. до н.э. Друзом алтаря Ромы и Августа.

Три фигурирующих у Тацита консуляра не могли быть штатными легатами трёх преторских Галлий и анналист на подобный расклад, констатируя проведение ими ценза, даже не намекает. С др. стороны, специальные цензовые легаты (*legatus ad census*) появились в римской практике (как полагают) не ранее IIв. н.э. Т.е. консуляры Требеллий, Секстий и Волусий были снаряжены, не случайно втроём, в Тройственную Галлию для, если быть точным, курирования тамошнего ценза-переписи как цензовые кураторы – статус, к-рый, кстати, вышеприведённая эпиграфия CIL 6,31293, похоже, предоставляет – и, что важно акцентировать, тоже именно в Галлии (с ок. 56/57гг. префекту Рима в паре с Педанием Секундом) – Флавию Сабину (*cir. census Gallici*) (см. выше).

И в данной связи небезынтересно отметить следующее. Если Сабин курировал галльский ценз (предположительно) в 55/56гг., а интересующее нас консульское трио – в 60/61гг., возможно, это свидетельствует о восставлении Нероном (издревле применявшихся римлянами) пятилетних цензовых интервалов Августа (вспомним переписи Квирина в Сирии в 1/2 и в 6/7гг. н.э.). Во всяком случае, такое предположение, точнее, его версифицируемые варианты, отнюдь не притязая на обязательную правильность, согласитесь, заслуживают пристального внимания и проработки.

* * *

Родившийся ок. 10г. до н.э. проверенный тиберианский кадр Р.Меммий Регул (корнями из Нарбоннской Галлии) памятен нам заступлением на консульскую суф. вахту 1.10.31г. н.э. и соучастием в свержении 18.10.31г., когда он председательствовал в сенате, Сеяна, против к-рого Тиберий кропотливо составил, находясь на Капри, всесторонний план-заговор, в к-ром одна из значительных ролей отводилась Меммию (Т.Г. 610-13-40). Затем, в 35г., Меммий, образцовый и беспретенцизный (из *homo novus*; первый представитель *gens Memmia* облёк консульство-суф. в 34г. до н.э.) службист, сменил на посту легата объединённых Мезии, Македонии и Ахайи (последние две провинции перешли из сенатского ведения в кесарское в 15г. н.э.), в ранге фактически кесарского легата *extraordinarius* (умершего в должности), Г.Поппея Сабина. И пронаместничал на Балканах до 45г., передав мезийскую легатуру А.Дидию Галлу, притом после того как в 44г. Македония и Ахайя были возвращены Клавдием сенату (см. выше).

Между тем, в промежутке, в 38г., Калигула вызвал Меммия из провинции, чтобы развести его с женой, красавицей Лоллией Паулиной, на к-рой женился сам, от-

⁵⁵ Хотя, вероятно, иногда, по обстоятельствам, над всеми тремя (кесарскими) Галлиями мог быть поставлен консульский легат в Лугдуне.

пустив экс-супруга назад на тройственно-провинциальную вахту в ахайский Коринф в следующем 39г. Позднее же, в 40г., Меммий не выполнил приказ Калигулы транспортировать из Греции в Рим гигантскую (золото и слоновая кость) статую Зевса Олимпийского работы Фидия (дабы Калигула заменил голову Зевса на свою? и в сём виде установил статую в Риме), мотивировав отказ тем, что, мол, статуя, согласно заключению компетентных экспертов, нетранспортабельна.

Впрочем, если такова версия Флавия (И.д. 19,1,1), то, сообразно Светонию, статуя, при попытке её разобрать, разразилась хохотом, от к-рого разборщики в страхе разбежались (Кал. 57), а сообразно Диону, в корабль, специально построенный для её перевозки-доставки, ударила молния (59,28,3/4). Так или иначе, с Калигулой шутки были плохи и Меммий избежал гибели (сходно не установившему в Иерусалимском храме калигулианскую статую легату Сирии П.Петронию) лишь благодаря убийству римскими заговорщиками бесноватого тирана в январе 41г..

Клавдий относился к Меммию очень уважительно и тот, отнаместничав (после Мезии) в 47/48гг. ещё в Азии, удалился с ок. 50г., в возрасте ок. 60-и лет, в частную жизнь, продолжая жречествовать в коллегиях Арвальских братьев, септемвиров-эпулонум, *sodales Augustales*, и пользуясь почтительным отношением также со стороны Нерона, к-рый однажды в немочи, как передаёт Тацит, сказал, что в случае его смерти, к-рую льстецы с аффектированным ужасом назвали концом света (избави, мол, боги), государству есть на кого опереться-положиться. И когда подхалимы стали допытываться – на кого именно? – Нерон назвал Меммия Регула.

Иначе говоря, назвал того, кого несколько не опасался, что, однако, при тирании, по любому, небезопасно, поскольку всё равно ставит названного *фаворита* под колпак, ставит под угрозу, и всегда может быть использовано как против него, так и помимо него в дворцовых интригах придворной камарильи.⁵⁶ Но, с одной стороны, беспретенциозный-неамбициозный Регул никакого повода для беспокойства никому не подал, тогда как, с другой, видимо, это (риторическое) высказывание было сделано (не без доли иронии и) незадолго до Регуловой кончины, когда ок. 70-летний почтенный патриарх уже находился, пребывая, что называется, в переходном возрасте с этого света на тот, в болезни. Кроме того, политически аморфный, что Тацит вряд ли справедливо или чересчур резко называет спасшей-де его бездеятельностью, он не обладал и достаточным богатством, на к-рое транжиристому Нерону захотелось бы непременно развязить рот.

И не приходится сомневаться, что этому государственному службисту прочной пробы (типа П.С.Квириния, Кальпурния Пизона Фруги, Косса Корнелия Лентула, Г.Поппея Сабина, к-рым доверяли подозрительные тираны-кесари эпохи *кесарева безумия*, и на к-рых держались римское государство и Римская империя) были устроены в 61г. государственные, с отданием всех положенных почестей, похороны.

А завершает Тацит анналы 61г. сообщением об освящении Нероном новопостроенного гимнасия и выдачей-раздачей кесарем, с греческой щедростью, халывного оливкового масла всадникам и сенату. Светоний (Нер. 12,3) говорит о безденежном использовании сенаторами и всадниками оливкового масла приложительно к освящению бань и гимнасия в празднество Нероний, к-рые, о чём читатель знает, в первый раз состоялись в 60г. (см. выше). У Диона (Ксифилин) также речь идёт (под

⁵⁶ Так, достаточным основанием для ликвидации Сталиным в 1938г., по сфабрикованному обвинению, ничтожного Я.Рудзутака стала вроде бы высказывавшаяся Лениным в 1922/23гг. мысль о замене Сталина Рудзутаком на посту генсека. Или слов Ленина в интервью одной из немецких газет, где он ласково назвал Бухарина (по его же словам, любимца партии) «своим сыном», оказалось достаточно, чтобы за осуждение «врага народа» Бухарина в 1938г. непременно подали публичные голоса также вдова и сестра Ленина. Т.е. слова (к-рые и без того не воровбы), в особенности произнесённые вождами – штука небезопасная!

60г.) о бесплатном оливковом масле для сенаторов и всадников в контексте освящения гимнасия к Нерониям (62,21,1).

Однако, как сказано, не факт, что обычно предпочитаемый ново-новейшими историками, как более надёжный источник-информатор, анналист Тацит здесь безоговорочно противоречит Светонию и Диону, поскольку бесплатная выдача оливкового масла вполне могла иметь место и в 60 (Неронии), и (по поводу какого-то торжества) в 61гг. Или в 60г. был освящён один гимнасий? в 61г. — другой? Или оливковая выдача 60г. касается бань? 61-го — гимнасия? Ведь если Светоний сводит бани и гимнасий с Нерониями, то у Диона — только гимнасий и масло в Неронии, в то время как Тацит толкует только о гимнасии и масле без Нероний.

НОВОЕ ОБОСТРЕНИЕ РИМСКО-ПАРФЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Теперь, если дальше Тацит, с 48-го абзаца Ан.14, повествует о римских событиях очередного анналистического 62г. н.э., переходя с 1-го абзаца-главы следующей 15-й книги «Анналов» к римско-парфянским периферийным коллизиям 61/62гг. (объединённым-суммированным им под 62г.), то мы нарушать последовательность нашего хроноповествования не станем.

И потому обратимся сначала к событиям на приримско-припарфянском междержавном пограничье в 61г., о к-рых, как выше сказано, рассказывается (под 62г.) в Ан.15,1-8, где в абзацах 6 и 8 имеется в виду зима, несомненно, 61/62-го, но никак не 62/63гг., как может кому-то показаться и как принимается или оставляется под вопросом некоторыми ново-новейшими авторами.

Итак, начнём с соответствующего тацитовского абзаца и, оттолкнувшись от него, продолжим: «Между тем царь парфян Вологес, узнав об успехах Корбулона и о том, что после изгнания брата его Тиридата царём над Арменией поставлен чужеземец Тигран, возгорелся желанием отомстить за поруганное достоинство Аршакидов, но, принимая во внимание вновь возросшую римскую мощь и не решаясь пойти на разрыв заключённого с римлянами навечно мирного договора, колебался, медлительный от природы и к тому же связанный затяжной войной с отпавшим от него народом гирканов. И вот среди этих колебаний его уязвляет весть о новом оскорблении: выйдя за пределы Армении, Тигран разоряет соседний народ адиабенцев и притом на большом пространстве и дольше, чем если б то был обычный разбойный набег, и это привело в негодование парфянскую знать: пренебрежение к ним уже дошло до того, что на них нападают не под предводительством римского полководца, а по прихоти недавнего заложника, столько лет проведенного на положении раба. Сверх того, их досаду растревлял правивший адиабенцами Монобаз, к-рый добивался ответа, какой помощи и от кого ему ожидать. Армения отдана неприятелю, теперь он захватывает примыкающие к ней земли, и если парфяне не возьмут под защиту его страну, то им следует помнить, что рабство у римлян легче для сдавшихся, чем для покорённых оружием. Тяготил их и изгнанный из Армении Тиридат, к-рый или молчал, или ограничивался скухими жалобами: большие государства не удерживаются бездеятельностью, настала пора померяться силами на поле сражения; тот из властителей справедливее, кто могущественнее; оберегать своё — добродетель частного человека, тогда как царская — овладевать чужим...» (Ан. 15,1)

Тут опять налицо тенденциозный подход и трактовка-интерпретация субъективного (при постоянной претензии на объективность) державника Тацита, к-рый,

повторим, вообще не жалуя Восток (в сравнении с Западом), смотрит на события сквозь призму потерянной Римом, к-рый он представляет, (и при Нероне, и после Траяна) Армении, во многом, из-за тяги армян именно к парфянам, а не к римлянам, или, точнее, в большей мере и большей части армян, – не к Риму, но к Парфии.

Причём здесь Тацит, увы, наш, особенно в хронологии, доминантный источник-информатор, так как у эпитомированного (разными, прежде всего Ксифилином, эпитоматорами) Диона в «Р.и.» 62,15-19-26 содержится краткая, суммарная (и порядком недостаточная) информация по событиям 59 (62,20,1) – 61 (62,20,2) – 62/63/64 (62,21,1-23,5) гг. И её нельзя хроноразмежевать без помощи Тацита, кто, в свою очередь, во-первых, не очень хорошо информирован в целом, и во-вторых, далеко не всегда беспристрастен, нередко передёргивая факты, отсебятински корректируя материал и выдавая желаемое или заведомо конъюнктурное за действительное, что, само собой, реконструкцию реальности в её подлинности усложняет.

Так, по Тациту, Вологез возгорелся желанием (в чём, мол, и причина, по вине, разумеется, парфянской стороны, возобновления конфликта), после изгнания (Корбулоном) из Армении (в Мидию попытавшегося вторгнуться оттуда в Армению весной 60г.) его брата Тиридата и воцарения там римского ставленника Тиграна = после заключения римско-парфянского мира оптимально летом 60г., – «отомстить за поруганное достоинство Аршакидов». Но ниже мы узнаём, что это Тигран Армянский разоряет соседний народ адиабенцев («и притом на большем пространстве и дольше, чем если б то был обычный разбойный набег»), чем и приводится в негодование парфянская знать.

Отсюда, спрашивается, кто и что первично несёт ответственность за опять (в к-рый раз) размороженное междержавное противоборство? Неужто Вологез?! к-рый (занятый мятежными прикаспийскими гирканцами, с коими римляне, бесцеремонно вмешавшись в порядком удалённые от римских границ внутренние дела Ирана, заключили зимой 59/60гг. противопарфянский союз) сам пошёл летом 60г., пусть под давлением обстоятельств, связанный гирканским сепаратизмом, на (не первый) мир с Римом! А о том, что после падения Арташата и Тигранакерта (58/59гг.) мир между римлянами и парфянами, по условиям к-рого Тигран воцарился в Армении, в 60г. был заключён, свидетельствует через Ксифилина (169,26-32) Дион (62,20,1).

И, соответственно, возобновление конфликта было спровоцировано вторжением римского протеже Тиграна оптимально в самом начале 61г. в подвассальную однозначно Ирану (как Коммагена, Набатя, Малая Армения были подвассальны Риму) Адиабену, чем Рим, и без того, выиграв в предыдущем раунде Армению (и не считая ещё альянса римлян с аж прикаспийскими гирканцами), вопиюще перешёл красную черту, вопиюще нарушил (казалось бы) достигнутое-восстановленное (притом в римскую пользу) равновесие!

У Диона (62,20,2), узнав, что Тигран опустошает Адиабену, Вологез изготовился идти на Сирию против Корбулона, к-рый, напомним, в 60г., урегулировав в пользу Рима дела в Армении, оставил присланному Нероном на армянский трон Тиграну вспомогательный контингент (1000 легионеров, 2 аукзилиарные когорты, 2 кавалерийские алы) и отбыл в Сирию на место умершего в должности сирийского легата Уммидия Квадрата. Своего же полководца Монеца (Монаиз) царь царей снаряжает вместе с Монобазом Адиабенским вторгнуться для изгнания Тиграна в Армению.

У Тацита об этом сказано в Ан.15,3, где Вологесом сначала созывается совет = двухпалатный иранский парламент в составе (предположительно) 72-х парфянских баронов и 72-х зороастрийских жрецов-магов, на к-ром царь царей (в связи с изменившимися обстоятельствами = вторжение римского сателлита, вопреки за-

ключённому миру, в подвассальную Ирану Адиабену) обновляет великоиранскую претензию на Армению, к-рая – как, напоминаем, *третья* (после *второй* – Атропатены) царственно-региональная ступень владычества в Парфянском Иране – причитается мл. брату Вологеса – Тиридату (тогда как в Атропатене царствует другой его брат – Пакор).⁵⁷

Всё это, как читатель знает, уже имело место однажды – в 51/52гг., когда Вологес (сын Вонона – мл. брата Артабана III), сел, по смерти своего престарелого отца, на великоиранский трон и предоставил Тиридату Армению, будучи ныне, в начале 61г., вследствие нарушения Римом заключённого в 60г. откатного для парфян соглашения, вновь, так сказать, обновлено-возобновлено. И вовсе не в последнюю очередь – в связи с тем, что за истекшее время Вологесу удалось, как говорит Тацит, «прекратить раздоры с гирканцами». Т.е. у него снова были развязаны руки.

Засим он официально увенчал (перед парфянскими баронами и зороастрийским духовенством, надо полагать, в столичном Ктесифоне) армянской диадемой голову Тиридата, «и, отдав под начало знатному мужу Монезу находившийся в боевой готовности сильный конный отряд, к-рый обычно сопровождал царя и к к-рому он добавил вспомогательные войска адиабенцев, повелел ему изгнать (как из Адиабены, так и) из Армении Тиграна» (15,3). А сам выступил с основными силами в направлении, следует сделать вывод, сирийской (против Корбулона и подкомандных ему легионов) границы (хотя Тацит говорит невнятно: «угрожая римским провинциям»).

Акцентируем внимание вновь. Адиабена (в отличие от приевфратской Осроэны) располагалась даже не в служившем т.н. нейтральной междержавной зоной между речью Тигра и Евфрата, но на очаговых землях когдатойшней Ассирии, к югу от армянской Кордуэны (южнее оз. Ван), в верхнем течении Тигра, по левобережью оною, являясь однозначно державной сферой Ирана по левому берегу (бывшей ещё и экономическим сердцем Ирана) Месопотамии, куда римский вассал Тигран не мог вторгнуться, вторгнувшись туда, по всей вероятности, в начале 61г. (зимой парфяне не воюют), без отмашки из Рима. Ибо если римским вассалам было запрещено конфликтовать между собой, то, тем паче, они не могли самовольно нарушать междержавный мир. И значит, зелёный свет Тиграну дал Рим: непосредственно? или через Корбулона? – вопрос вторичный. Т.е., на сей раз, нарушение договора и обострение отношений случились, по инициативе, перво-наперво, Рима.

Впрочем, тут имеется один важный нюанс. Мы помним, что в 37г. Артабан III (после его второго евфратского соглашения с Вителлием, согласно к-рому Калигула признал некоторые приоритеты Ирана в междержавном пограничье, в частности, в прибранных Ираном к рукам Мигдонии и Софене) передал отобранный у, сообразно Флавию, армянского царя (мигдонский) Нисибис (к юго-востоку от Тиграна-накерата в северо-восточной Месопотамии, как раз между Евфратом и Тигром, т.е. к западу от правобережья Тигра) Изату Адиабенскому. Речь о том самом Изате, к-рый (о чём читатель подробно осведомлён), как и его мать Елена, принял в 30-е гг. Ив. иудаизм, в 49/50гг. неохотно соучаствовал (сродни Абгару Эдесскому) в

⁵⁷ В составе (державно децентрализованного) Парфянского Ирана = Арианы в I/Пвв. числились, в разной степени зависимости, то отпадая от него, то снова примыкая к нему, в общей сложности, 11 «верхних» и 7 «нижних» царств (Мидия Атропатена, Армения, Мидия, Гиркания, Адиабена, Харакена, Элимаида, Персида...), плюс – 72 сатрапии-епархии. 72 – священное число в зороастризме. 72 главы литургии «Ясны» (первая и важнейшая часть «Авесты»); из 72-х белых шерстяных нитей сплетается кошти – особый пояс зороастрийцев, повязываемый поверх натальной рубашки седре – знак совершеннолетия и принадлежности к зороастрийской общине (чего её представители в Индии – парсы – потомки иранских беженцев в эпоху Ислама – придерживаются и сегодня).

противоборстве Готарз (царь парфян в 46 – 51гг.) – Мегердат (римский ставленник), и умер на 24-м году своего адиабенского (с 34г.) правления – в 57г. н.э., оставив трон (также принявшему иудаизм в 46г.) своему брату Монобазу (II) (см. выше).

И примечательно следующее. Согласно византийскому автору VIв. Иоанну Лидийскому (De mag. 3,34), Корбулон, взяв Арташат и Тигранакерт, на обратном пути в Сирию, взял ещё и Нисибис, что, с одной стороны, косвенно подтверждает нахождение Нисибиса перед тем в парфяно-адиабенской орбите (с 37г.), в то время как со стороны другой, вызывает, приложительно к взятию города Корбулоном, серьёзные сомнения. Ведь работая над «Анналами», Тацит (о чём он сам пишет) использовал «Записки» Корбулона, к-рый явно не умолчал бы в них о взятии им Нисибиса, о чём, следовательно, не умолчал бы и Тацит. Т.е., скорей всего, неточная-полуошибочная информация Иоанна Лидийского содержит отголосок взятия Нисибиса кем-то другим.

Так вот, по всему, сейчас, в 60/61гг., это новоиспечённый Тигран Армянский, предоставленную к-рому Армении римляне обкарнали в 60г. в пользу нескольких соседних проримских вассалов (см. выше), решил, конечно, с подачи-позволения Рима, как видим, не пожелавшего (под впечатлением корбулоновских успехов) останавливаться на достигнутом, возвратить Нисибис (к-рый, с позиции римлян, мог принадлежать Армении или Осроэне, но не Адиабене), чтобы вернуться к междержавному паритету до 37г. Вот чем было обусловлено вторжение в начале 61г. в Адиабену Тиграна, к-рый, при этом, не удовлетворившись Нисибисом, судя по тацитовскому тексту, разорительно переправился аж на левый адиабенский берег Тигра, чем хватил лишку. Подвассальный же Ирану Монобаз, со своей стороны, настоятельно воззвал к Вологесу, угрожая, в случае не оказания парфянами ему помощи-поддержки, переориентироваться, за отсутствием иного выхода-выбора, на Рим (дабы сохранить власть над целостной Адиабеной, коли Ирану нет до него дела, уже как подзащитный вассал Рима).

Вот что переполнило чашу терпения Вологеса и парфянских баронов. Мало того, что Рим яхается в ущерб Ирану с гирканскими сепаратистами и сумел-таки возвести на трон Армении, пользуясь повязанностью основных парфянских сил в Гиркании, конфликт с к-рой парфянам в 61г. (благо) удалось (на каких условиях?) разрешить (Ан. 15,2), римского ставленника, ныне римлянам ещё и Нисибис, и даже (эка наглость!) разорение Адиабены (вдоль левого берега Тигра) подавай! Красная черта пройдена-пересечена! Пеняйте на себя, римляне!

Не сходно ли Парфянский Иран взбесился в начале н.э., когда Август, не довольствуясь армянским буфером, пожелал распространить римское влияние и на Атропатену (связав её, под римской эгидой, персональной унией с армянами)! И парфяне опять уместно вспомнили об устроенном ими М.Крассу в 53г. до н.э. «сталинградском котле» при Каррах и о подобном бегству Бонапарта из России бегстве Антония в 36г. до н.э. из Атропатены.

Не пришло ли время вновь проучить Рим, чтобы не слишком задавался! Ни Гираканию, ни Нисибис, ни Адиабену, за разорение к-рой Тиграном они должны ответить, римлянам не видать (как своих ушей, если не стать Мидасом!), да и многолетнее яблоко раздора – буферную Армению – западную окраину-цитадель Дома Иранского, составную часть Арианы-Ирана, *третий престол*, по замирении с гирканцами, должно, наконец, возвратить в великоиранское лоно, под великоиранский скипетр и вектор. Или минимум – сохранить за Арменией буферный статус с непременно Аршакидом на её троне!

Таким образом, если Тиграну под натиском стремительно двинувшегося к Тигранакерту Монеца и под натиском перешедших в наступление адиабенцев пришлось весной 61г. отступить-оттянуться – и из Адиабены, и, надо понимать, из Нисибиса – под защиту стен Тигранакерта (Дион 62,20,2/3), то Корбулон, отправив ему в помощь два легиона, к-рым было, однако, дано тайное предписание «хранить спокойствие и избегать торопливости» (15,3), сделал следующее. Во-первых, – написал Нерону, что для защиты Армении требуется специальный легат (каким в 54 – 60гг. был, занимаясь Арменией, во главе Каппадокии и Галатии, он сам); и во-вторых, или, вернее, во первых, переведя Сирию на военное положение, – разместил остальные сирийские легионы, предупреждая вторжение Вологеса с основными парфянскими силами и отражая набег вражеского авангарда, вдоль берега Евфрата. Удостоверьтесь, Корбулону трудно вменить желание большой войны, т.е. противоадиабенская отмашка из Рима, по всему, была дана Тиграну, помимо Корбулона, после его отбытия в 60г. в Сирию, откуда сейчас ему должно заваренную не им кашу расхлёбывать.

Скажем снова, в рассматриваемое время под началом Корбулона в Сирии stationировалось всего пять легионов: III Gallica, VI Ferrata, X Fretensis, XII Fulminata и IV Scythica, к-рый прибыл в 57/58гг. из балканской Мезии (и место к-рого там заступил VI-й далмацкий легион – Claudia pia fidelis). По всей вероятности, весной 61г. в Армению были снаряжены («с тайным предписанием хранить спокойствие и избегать торопливости»), под командой легатов Верулана Севера и Веттия Бонона (будущий легат Британии в 69 – 71гг.), IV-й Скифский и X-й Железный легионы. Из состава последнего Корбулоном и были оставлены в 60г. для поддержки Тиграна 1000 легионеров, плюс 2 вспомогательные когорты и 2 кавалерийские алы, о зимовье к-рых в Армении в 60/61гг. свидетельствует эпитафическая надпись: Dessau 3,9108.

Между тем, Монецу и адиабенцам, несмотря на их быстрый подход к Тигранакерту, взять хорошо укрепленный город, где Тиграна поддерживал римский контингент, не удалось. Для долгой осады у парфян не было нужной пехоты, а принятая адиабенцами попытка штурма, при помощи стенобитных орудий и лестниц, провалилась (Ан. 15,4).

Тем не менее, Корбулон, решив, по Тациту (15,5), не искушать судьбу, отправил посольство к Вологесу, встретившее царя, вряд ли случайно, именно у города Нисибиса (месопотамский юго-восток от Тигранакерта, на отдалении, как говорит Тацит, 37-и тыс. шагов). Так, не на Нисибис ли давеча покушался Тигран?! почему Вологес ныне находился как раз тут – между Тигранакертом и сирийской междержавной границей по Евфрату! И посланник римлян центурион Касперий упрекнул от имени Корбулона царя царей в нарушении мира (как будто первоначально не римской стороной! не ставленником Рима Тиграном!) и стал, указывая на мощь-силу римско-сирийских легионов, угрожать парфянам.

В сложившихся обстоятельствах Вологес тоже не желал фронтального столкновения, к-рых с римлянами неглупые правители Востока, да и остального мира, дальновидно избегали со дней Митридата Эвпатора. Тигранакерт не взят, запертый в нём Тигран обеспечен продовольствием и средствами защиты, вдоль Евфрата расположились готовые вторгнуться в парфянские пределы легионы, чего, с др. стороны, не хочется делать и Корбулону, к-рый, поторим, даже легионам, отправленным в помощь Тиграну в Армению, велел – и не спешить, и соблюдать осторожность, т.е., по возможности, оставаться в стороне.

Засим большой войны не желали обе стороны и тацитовский страх Вологеса

«перед римским оружием» в таком виде и в данном случае — явный перебор. С не меньшим успехом можно констатировать и страх римлян перед перспективой (на печальном опыте Красса или Антония) вторжения в Иран. Иное дело, что, как мимоходом замечает Тацит, умышленно не делая на этом упор, — «появившаяся во множестве саранча истребила всю траву и листву» (15,5), почему кони парфян, главную ударную силу к-рых составляла конница, остались без корма.

Стало быть, — не правильнее ли снова направить послов к Нерону. Притом, насколько выводится из Ан.15,6, несмотря на невнятицу Тацита, достигнутое перемирие предусматривало оставление Армении как парфянами, так и римлянами, более того, и недавно взошедшим на армянский трон Тиграном, иначе почему, спрашивается, «Тигран также должен будет покинуть Армению»? почему ему придётся «зимовать где-то на краю Каппадокии»? Т.е. не столько Вологес, к-рый, без сомнения, снова предложил, снарядив новых послов в Рим, Нерону не упорствовать и признать Тиридата царём армян (кондоминимум), сколько римляне теперь, в сравнении с прошлогодним соглашением, по к-рому парфяне уступили им Армению, пошли на уступки. И пусть, по Диону (62,20,4), инициатором предложения о перемирии выступает, снарядив парламентёров к Корбулону, Вологес, к-рый затем отправляет послов в Рим, но тут, думается, более прав Тацит, согласно к-рому, инициатива заключения перемирия, на условиях взаимного оставления Армении до ответа из Рима, выдвигается Корбулоном.

И Корбулона можно понять. Он добился в прошлом году выигрышного мира, к-рый амбициозное (не санкционированное ли Нероном и Сенекой) вторжение Тиграна в Адиабену свело на нет. Ныне Корбулонова первоочередная задача отвести угрозу вторжения противника с основными силами от базовой Сирии. Посему — назначайте спец. легата по делам Армении, к-рый всё равно не справится с возложенной на него задачей лучше, чем Корбулон, и не добьётся большего. Отсюда Корбулону нужно, думая о себе, при всех случаях, не попасть впросак, не стать козлом отпущения и, вдобавок к тому, остаться в выигрыше.

Так оно и случилось. Если, с одной стороны, послы парфян получили в Риме очередной отказ, поскольку Рим всё ещё не был готов признавать Аршакида царём буферной (подушка безопасности) Армении, то с другой, Нерон отправил летом 61г. на Восток в ранге, следует сделать вывод, легата Каппадокии и Галатии, с заданием разрешить-урегулировать в угодном Риму ключе Армянский вопрос, своего специального назначенца — Л.Цезенния Пета (Ан. 15,6.).

Выше мы говорили об облечении Петом в 61г. консульства-орд. в паре с Петронием Турпиллианом до, сообразно «Fast. cons.», сложения ими полномочий в пользу суффектов уже 1.03. Но нам вполне хватит и второй половины юлианского года с отбытием Пета на Восток (буде он, всё-таки, консульствовал всё первое полугодие) в начале июля (хотя, по большому счёту, ему ничего особенно не мешает отбыть на задание и в ранге консула, с заочным сложением консульства в пользу преемника-суффекта, прецеденты чего в римской консульской практике кесарской эпохи имеются).

Причём, по Диону (62,20,4), Нерон, не дав пока чёткого ответа Вологесу, снарядил Пета в Каппадокию для предотвращения противоримского выступления Армении. И подобный расклад выглядит, на наш взгляд, реалистичнее, невзирая на то, что Тацит толкует об «открытом возобновлении войны» (15,7), после получения, мол, отрицательного ответа от Нерона, парфянами.

Так или иначе, со второй половины лета 61г. под команду Пета в Каппадокии были поставлены (снаряжённый Корбулоном в помощь Тиграну) IV-й и переведённый из Сирии XII-й легионы, плюс прибывший из Мезии legio V Macedonica (место к-рого в Мезии, под управлением Плавтия Сильвана Элиана, занял паннон-

ский *legio VIII Augusta*). Плюс — «вспомогательные войска из Понтийского царства (Полемона II), Галатии и Каппадокии» (15,6), с оставлением Корбулону в Сирии легионов (с к-рыми он ранее оперировал в Армении) III, VI, X.

Тем временем, едва заступив на вахту, полный чванливых амбиций Пет, с пренебрежением отзывался о действиях Корбулона «в последней войне, повторяя, что в ней не было ни истребления неприятеля, ни добычи, что завоевание городов было таковым только по имени; что до него, то побеждённые получают от него обложение данью, законы и вместо тени царя римское владычество» (Ан. 15,7).

Конечно, успехи Корбулона в Армении в 58 — 60гг. нельзя сравнить, например, с блистательной победой Светония Паулина в Британии в 61г., где римляне числом 10 тыс. разгромили противника, насчитывавшего свыше 200 тыс. воинов. Но, при всех случаях, Корбулон добился выигрышного результата, умело действуя и как полководец, и как администратор, и как дипломат, к-рый стяжал уважение Востока, тогда как не имевшего ни боевого легатского опыта, ни управительских способностей, однако пользовавшегося персональным расположением возлагавшего на него надежды Нерона Цезенния Пета буквально распирало стремление тотчас показать-доказать собственную грозность и серьёзность намерений.

И Корбулон решил не мешать задиристому сопернику практически осрамиться, сам надёжно обеспечивая безопасность Сирии и встав в позу, пока его не позовут на помощь в суровой беде, пассивного наблюдателя, что, дескать, наглядно продемонстрирует его превосходство и незаменимость.

Увы, в императорском Риме начала второй половины IV в. н.э. был дефицит крупных военачальников. Паулин, как сказано, в том же 61г. победоносно (желая превзойти славою Корбулона и превзойдя) сражался в Британии; Гальба с 60г. наместничал в Тарраконской Испании Веспасиан ок. 61/62гг. проконсульствовал в Африке. Помимо того, Нерону и не хотелось доверять им столь большое число легионов и театр боевых действий, чреватый небезопасной полководческой славою, в то время как любимчику Пету он доверял.

И Пет решил, поскольку отрицательный ответ Нерона парфянам фактически возобновил состояние войны, возобновление к-рой Тацит, повторим, вряд ли справедливо инкриминирует парфянам (подозрительным образом не уточняя при этом их конкретные действия), не мешкая, вторгнуться в Армению. Впрочем, до поры, так как дело происходило ближе к осени или летом/осенью 61г., — вторгнуться не столько форменной войной против собственно парфян, сколько показательным т.н. победным рейдом по Армении, дабы, сорвав (неважно какие) лёгкие лавры, стяжать себе славу прославленного полководца.

В страну Арагатскую вступили IV-й и XII-й легионы, ведомые, соответственно, легатами Фунизуланом Веттонианом и Калавием Сабинном, причём переправу через Евфрат сопровождали дурные предзнаменования (Ан. 15,7), на к-рые самоуверенный обер-легат, что называется, плюнул через левое плечо, и, согласно Тациту, — «не укрепив как следует зимнего лагеря, не приготовив запасов продовольствия, поспешно повёл войско через Таврские горы, чтобы вернуть, как он говорил, Тигракерту и разорить области, оставленные Корбулоном нетронутыми. Было захвачено несколько крепостей, и это могло бы доставить Пету некоторую славу и добычу, если бы он удовольствовался умеренной силой и имел попечение о добыче. Обойдя дальними походами местности, к-рые не могли быть удержаны, и допустив порчу захваченного продовольствия, с приближением зимы он отвёл войско назад и сочинил письмо Цезарю, полное пышных слов, как если бы война была победоносно закончена, но пустое на деле» (15,8).

Обратим внимание, в тацитовском сообщении ни слова о каких-либо боях-сражениях и ни слова о парфянах, к-рые, следовательно, готовились обстоятельно

воевать в следующем 62г. Т.е. Пет с двумя легионами фанфаронски прошествовал по части территории Армении (где не было ушедших из неё ещё по условиям весеннего перемирия и не вошедших в неё снова по получении негативного нероновского ответа парфян), взял (без сопротивления) несколько укрепленных пунктов-кастеллов (крепости – громко сказано), захватил некоторую добычу и, вроде бы восстановив статус-кво 60г., присовокупив к нему кое-какую добычу и мнимую воинскую (без побед) славу, вернулся поздней ноябрьской осенью 61г. назад в Каппадокию.

Паркетный генерал возжелал-взвождеделел показаться генералом-маршалом боевым и, в определённой мере, несказанно любуясь сам собой, показался. При всём том, вероятно, Тигран VI, вассальная креатура Нерона, вновь возвратился, под Петовым патронатом (что бы там прыгающий выше головы мудозвон Пет про обложение армян данью под римским владычеством без тени царя = превращение Армении в провинцию? ни болтал) в Тигранакерт, откуда, с царского трона, его, кесарского назначенца, (до поры) никто не отзывал.

И, скажем напоследок ещё раз, произошло всё это до наступления оговариваемой у (объединяющего римско-парфянско-армянские события 61/62гг. под «анналистическим» 62г.) Тацита зимы именно 61/62гг., поскольку ни о какой иной зиме тут не может быть и речи. О дальнейших же событиях 62г., вернее, о раннейском фиаско и позоре (подобного к-рому римско-парфянские отношения со дней Красса и Антония не знали) позорника Цезенния Пета Тацит повествует с 9-й главы Ан.15, а эпитомированный-эксцерпированный (Ехс. U 12 (р.392) Дион в «Р.и.» 62,21,1-4. И мы займёмся этими событиями по ходу нашего хроноповествования, вступив сначала (вместе с сопровождающим нас Тацитом) в очередной 62г. н.э.

62г. н.э.

1 января 62г. н.э. = 815г. а.У.с. консульство облекли П.Марий Цельс и Л.Афиний Галл.⁵⁸

«В консульство Публия Мария и Луция Афиния претор Антистий, к-рый, как я упоминал выше, злоупотребил властью в бытность народным трибуном, занимался писанием стихов в поношение принцепсу и огласил их в многолюдном собрании на пиру у Остория Скапулы. Об этом донёс как об оскорблении величия Коссуциан Капитон, к-рому незадолго перед тем по ходатайству его тестя Тигеллина было возвращено сенаторское достоинство. Тогда, в первый раз при Нероне, был восстановлен в силе этот закон, причём считалось, что в данном случае преследуется не столько цель погубить Антистия, сколько возможность доставить императору всеобщее одобрение, ибо думали, что воспользовавшись трибунскою властью для отмены вынесенного сенатом смертного приговора, он подарит жизнь осуждённому. И хотя вызванный для дачи свидетельских показаний Осторий заявил, что он ничего не слышал, поверили свидетелям, утверждавшим противное; и консул на будущий срок Юний Марулл предложил отрешить подсудимого от претуры и предать его

⁵⁸ В 64-66г. Марий Цельс – член коллегии куратуры *aquagum* (Фронтин «Вода для Рима» 102); в 72/73гг. – кесарский легат Сирии. Об Афинии Галле, к-рый в рукописях Тацита назван Азинием и *просится* в *gens Asinia*, но, согласно неопровержимому эпиграфическому свидетельству (Borghesi 3,350), точно зовётся Афинием (из неизвестного *gens Afinia*), дополнительных сведений нет. Известные консулы-суф. 62г. – П.Петроний Нигер, о к-ром тоже нет информации, и Кв.Манлий Анхарий Тарквитий Сатурнин (с июля по август), к-рый в 72/73гг., при Веспасиане, наместничал в Африке.

смерти по принятому у предков способу. Это предложение поддержали все, кроме Тразеи Пета, к-рый воздал Цезарю величайший почёт, ибо, со всей суровостью осудив Антистия, заявил, что при столь выдающемся принцепсе, не связанный никакими посторонними соображениями сенат не должен выносить такое постановление, сколь бы его ни заслуживал подсудимый. Палач и петля уже давно отошли в прошлое, и мера наказания предусматривается соответствующими законами, на основании к-рых, а не в зависимости от свирепости судей и на бесчестие своему времени и назначается кара. И чем дольше, после того как имущество осуждённого подвергнется конфискации, он будет влачить на острове отягощённую преступлением жизнь, тем более жалким он станет как личность, являя собой вместе с тем величайший пример снисходительности со стороны государства...» (Ан. 14,48)

ПЕРВЫЕ ПРИГОВОРЫ ПО ЗАКОНУ LEX MAESTATIS

Внимание! Здесь перед нами первое правовое применение в правление Нерона печально известного закона «Об оскорблении величия римского народа» — *lex Maestatis*, принятого, повторим, ещё при Сулле, и понятным образом превратившегося в эпоху Принципата в закон против оскорбления величества (отождествившихся с римским народом его олицетворителей) римских кесарей, что дало особенно кровавые плоды при Тиберии и Калигуле, да и ушлёпок Клавдий этим орудием не брезговал.

Притом и Калигула, и Клавдий, и Нерон, каждый, придя к власти, торжественно отставляли данный закон, чтобы не напоминать гражданам своего предшественника или предшественников, в сторону, и каждый, один — раньше, другой — позже, снова его задействовали-применяли. Нерон продержался довольно долго, впервые согласившись применить *lex Maestatis* на 8-м году правления — в год начала его террористического беспредела, в год, к-рый Ап. Павел (в отличие от 61, 63, или 66/67гг.) целиком провёл в Первых узах в Риме (куда он прибыл, как мы знаем, весной 61г. и где оставался — последние месяцы не в узах — до лета 63гг.).

Итак, о чёртовом законе, от к-рого при Тиберии, Калигуле и Клавдии пострадали многие сенаторы и всадники, при Нероне, по инициативе 7/8 лет прошедшего в правление Клавдия в корсиканской ссылке Сенеки (41 — 49гг.), к-рый вроде бы урегулировал напару с Бурром, в частности, мирную взаимозакономерность кесаря и сената, вроде бы начали забывать. Во всяком случае, за истекшее время неронового правления никто по этому закону к суду не привлекался и осуждён не был.

И такое положение римский нобилитет понятно устраивало. Однако, ведь Нерон, устранивший, пусть не по означенному закону, без особых возражений тех же Сенеки и Бурра, как Британника, так и Агриппину, т.е. став братоубийцей и матереубийцей, не мог рано или поздно не стать тираном в амплу принцепса-кесаря, кому, кстати, на 62г. н.э. шёл всего 25-й год отроду... И так как всё дотеле содеянное сходило-сошло ему с рук, он, в окружении льстецов, постепенно уверялся в том, что ему позволено всё, одновременно уверяясь в собственной непогрешимости, всё более подпадая синдрому *кесарева безумия* и находясь на пути к становлению венчающим Юлиев-Клавдиев, в последней стадии их падения, форменным тиранозавром. Впрочем, для полной раскрутки тиранического маховика сначала должны были уйти-сойти с политической сцены и Бурр, и Сенека, что произошло после дел-процессов Антистия и Фабриция, к-рые, вероятно, имели место не позднее января/февраля 62г. н.э.

Претор этого года Антистий Сосиан нам немного знаком. В 56г. он, облекая нар. трибуна, превысил трибунские полномочия, распорядившись освободить

из-под стражи группу задержанных претором Вибуллем, выражаясь современно, актёрских фанатов, что было отыграно назад сенатом и осуждено как самоуправство. Теперь против Антистия, действительно, написавшего зачитанные им на пиру вирши в осмеяние Нерона, выдвинул обвинение Коссуциан Капитон, кто, как читатель помнит, был в 57г. исключён из сената, по поддержанному Тразеей Петом обвинению киликийцев в вымогательствах при управлении Киликией (чего он Пету не забудет и ещё возьмёт, дождавшись нужного часа, реванш).

А сейчас, после того как Капитона вернули, ходатайством близкого Нерону его зятя Тигеллина, в сенат, возвращенец спешил набрать очки и лез из кожи вон, служа и выслуживаясь вперемешку-вперемежку. И вот удобный повод, со скандальным замахом на знаменитый порядком подзабытый закон, что делало это дело особенно знаменательным и громким, представился. Причём RE напрасно относит последнее на время после кончины в 62г. Бурра и назначения Офония Тигеллина (в паре с Феннием Руфом) префектом praetorio (см. ниже), дескать, Коссуциан высунулся тогда, когда Тигеллин официально вошёл в силу. Такой вариант нарушает тацитовскую повествовательную последовательность, к-рую нарушать тут нет оснований, ибо влияние, по крайней мере, на уровне ходатайства о возвращении тестя в сенат, сблизившегося с Нероном Тигеллина явно стартовала до его назначения одним из преторианских префектов.

Сатирические (насколько оскорбительные?) противонероновские стишки были оглашены Антистием на пиру у М.Остория Скапулы (приходившегося сыном британскому легату П.Осторию Скапуле), надо полагать, перед какой-то группой гостей, что просто не могло быть не использовано Капитоном, надо понимать, находившимся там же, или получившим информацию от непосредственного свидетеля.

Стихотворный памфлетизм по адресу кого угодно издревле практиковался в республиканском Риме и не попадал уголовному преследованию. Терпели сатиру в свой адрес также и диктатор Цезарь, и, до известной меры, Август (к-рый, к слову, первым вытащил из-под сукна, к концу своего правления, закон «Об оскорблении», осудив по нему на изгнание злоречивых Кассия Севера и Т.Лабiena).

Но при Тиберии ситуация изменилась. Скабрзные анонимные стишки о нём курсировали, и тем не менее, авторство сделалось для авторов – либо откровенно опасным, либо небезопасным. Неясно, – какая и на что последует реакция! что и за чьим авторством сам Тиберий, или его церберы – Сеян и потом Макрон, или множество доносчиков в пору, когда и у стен появились уши, сочтут оскорбительным и достойным кары, а что – нет.⁵⁹ Не был ли первым из незадачливых рифмоплётвов казнён в 21г. поспешивший сочинить «Плач» (ради щедрого вознаграждения) на смерть выжившего в болезни кронпринца Друза – Клуторий Приск! Не погиб ли в 34г. автор оскорбившей Тиберия трагедии «Атрей» – Мамерк Эмилий Скавр!

И пусть хозяин дома, где проходило пиршество, М.Осторий, заявил, что он никаких стишков не слышал, как оно возможно и было, поскольку, скажем снова, Антистий наверняка читал своё сочинение не перед всеми гостями и не со сцены, всё равно, утверждавшие противное свидетели, разумеется, нашлись. И донос Капитона именно по статье «За оскорбление» пошёл в ход-оборот, был, как говорит Тацит, «восстановлен в силе» – не столько против Антистия, сколько как, скажем от себя, орудие, время к-рого пришло-припело, в руках Нерона. И консул-дезигнат

⁵⁹ Остаточные республиканские свободы в эпоху императоров никогда окончательно не сошли на нет. И при этом необходимо отметить, что в самом Риме, несмотря на крайнюю тираничность-грозность некоторых кесарей, к кесарям всегда относились с меньшим пиетом, чем во всей остальной Империи, сходно тому как в Средние века римские папы (своеобразные преемники-продолжатели кесарей) пользовались в Риме (представьте себе!) меньшим авторитетом, нежели во всём прочем католическом мире!

на следующий 63-й г. н.э. Юний Марулл предложил лишить подсудимого претуры и предать его смертной казни, точнее, — палачу и петле («по принятому у предков способу»).

* * *

И можно не сомневаться, что так бы оно и случилось, кабы не очередное вмешательство знаменосца-олицетворителя т.н. пассивной сенатской оппозиции — стойка Тразеи Пета, к-рый, не забыв дипломатично воздать «величайший почёт» Нерону, и «со всей суровостью осудив Антистия», добился того, что палач и петля (мол, давно отошедшие в прошлое⁶⁰) были заменены островной ссылкой с конфискацией имущества. И между прочим, пройдоха Антистий ещё вернётся из ссылки и подло обвинит своего непогубителя О.Скапулу в соучастии в заговоре Пизона (65г.), из-за чего Осторию придёт самоубийственный кирдык (а Коссуциан Капитон погубит в 66г. Тразею) (см. ниже).

Без сомнения, Тразее довелось в 61г. сенатски участвовать в решении судьбы 400 рабов (убитого одним из них) Педания Секунда, относительно чего Кассий Лонгин воззвал тогда к приведению в исполнение сурового смертного установления предков во избежание прецедента. И, по всему, Тразея был в числе тех, кто с Кассием согласился, иначе Тацит не преминул бы упомянуть о его несогласии. Ныне же Тразею, как давеча Кассия, страшила, опять-таки, угроза прецедента. Стоит один раз покарать за подобное *оскорбление величества* смертью — и пойдёт, и поедет. Не правильнее ли проявить не столько милосердие, сколько снисхождение и карательную умеренность.

Отсюда умеренность была проявлена. Посредством запущенной процедуры дисцессии, при к-рой голосование производилось таким образом, что, голосуя за внесённое предложение, сенаторы становились возле его автора (или авторов), подавляющее большинство сенаторов поддержало инициативу Тразеи. Оно и не удивительно. Ведь *деревянный макинтош* для Антистия сегодня потенциально грозил любому из них завтра. Посему говорить о свободомыслии Тразеи, словившем раболепие остальных, как это делает Тацит, чересчур пафосно и не очень верно. Тразее, конечно, надо отдать должное, но сенаторы прежде всего пеклись о своих шкурах. Увы, ни то, ни другое было не в силах предотвратить скатывание нероновского принципата в террористический беспредел.

И интересно, что среди немногих льстецов-сенаторов, выступивших против смягчения Антистиевой участи Тацитом называется, как «наиболее ревностный из них», А.Вителлий, сын Л.Вителлия, будущий краткосрочный кесарь, после Гальбы и Отона, в 69г. н.э., кто, по Тациту, — «постоянно (при Нероне) нападал с бранью на честнейших людей, а получив отпор, тотчас же смолкал, как это свойственно трусам» (Ан. 14,49).

Притом консулы, не решившись утвердить сенатское постановление (как никак есть ещё принципс, к-рый, скажем так, — *первый среди равных*), ограничились сооб-

⁶⁰ Ср. недолговременную (1947–50гг.) отмену и нововведение («по просьбам трудящихся») смертной казни при Сталине. С 60-х гг. и до горбачёвской перестройки высшая мера нередко применялась не только к убийцам и насильникам, но и к т.н. злостным расхитителям соц. собственности (в размере больше 10-и тыс. деревянных советских рублей). Причём суровые приговоры по этим делам были очень похожи на — время от времени — производившиеся советской властью жертвоприношения в угоду советскому народу, к-рому власть таким образом бросала кость т.н. социальной справедливости, и к-рый в большинстве своём радостно улюлюкал высшей мере, дескать, вполне коррупционерами заслуженной. Мало того, народ в массе (свирепо-карикатурно) ностальгировал по Сталину, кто-де навёл бы порядок железной рукой!

шением его Цезарю, присовокупив, что «оно принято подавляющим большинством» (14,49). Примечательна и реакция Нерона, к-рый, следуя Тациту, «колеблясь между сдержанностью и гневом», некоторое время помедлил с ответом и, выдержав паузу, написал, что нанесший ему, без всякой обиды с его стороны, тягчайшие оскорбления Антистий (спрашивается, чем можно было столь тяжко оскорбить брато- и матереубийцу?), безусловно, заслуживает наказания сообразно значительности проступка, однако, мол, принципс-кесарь, сам «намеревавшийся воспрепятствовать суровости приговора, ником образом не воспрещает умеренности...» (14,49).

И дальше Верховный не преминул пококетничать: «пусть сенаторы решают, как им будет угодно; больше того, им не возбраняется и полностью оправдать подсудимого...» (14,49), чего, разумеется, у отцов-сенаторов и в мыслях не было. Короче, они были полностью удовлетворены тем, что кесарь не возражает против смягчённого ими, вопреки смертному предложению Ю. Маруллы, приговора, в то время как Нерон своё неудовольствие до поры смирил. Не всё ли в его руках! и не может ли он, активный сожитель на брачно-дуалистическом кесарско-сенатском ложе, показать сенату и сенаторам, чего они стоят, и где на самом деле раки (раком) зимуют, когда найдёт нужным!

25-летний кесарь мнил себя (никогда не побывав ни в одном походе) вторым Александром (к-рый в 25 лет одержал фактически решившую участь Персидской державы знаменитую победу при Гавгамеле), как, к примеру, в XIXв. чуть ли не весь просвещённый европейский молодняк метил в Наполеоны, и не пристало ему, Нерону, заикливаться на каком-то там Антистии и на снисходительности к нему сенаторов. Цену сенату и сенаторам Нерон знал (значение экспонатного Тразеи тоже не следует преувеличивать), да и Антистий никаким ни героем, ни чистосердечной жертвой гнусной тирании не был. Он, как сказано, ещё вернётся из изгнания и будет негодаить, в результате чего, в 70г., при Веспасиане, вновь отправится в ссылку, между тем как тот же сенат, при Нероне, ещё покажет самые омерзительные образчики гипертрофированного раболепия.

И весьма симптоматично, что очень скоро после дела Антистия, опять где-то в январе/феврале 62г., обвинение в оскорблении величия, пусть, на сей раз, не кесаря, а сенаторов и жрецов, было выдвинуто против Фабриция Вейентона, — «написавшего книгу, полную выпадов против сенаторов и жрецов и названную им «Завещанием» (Ан. 14,50).

Полное имя этого фигурирующего у Тацита Фабриция В. — А. Дидий Галл Фабриций Вейентон, и был он, по всей видимости, сыном (или внуком) знакомого нам легата Британии А. Дидия Галла (преемника О. Скапулы на британском посту в 52 — 57г.) (см. выше). По Диону (61,6,2) же, на посту претора в 54 или в 55г., уже при Нероне, Фабриций (усыновленец некоего Фабриция В.?) хотел устроить гонки колесниц, и в ответ на возмущение возниц мизерной платой в гневе выпустил на арену вместо колесниц, запряжённых лошадьми, колесницы, запряжённые собаками.

В 62г. Г. Теренций Туллий Гемин (консул-суф. 46г.; легат Мезии в 47/48г.) выдвинул против него обвинение как в книжных нападках на сенаторов и жрецов (аристократия и духовенство), так и в торговле высшими гос. должностями милостью принцепса, что наводит на вывод о близости Фабриция к Нерону, к-рый, в силу последнего пункта обвинения, вынужден был взять разбирательство дела на себя. В итоге, если Вейентону присудили изгнание из Италии, то его книгу приговорили к сожжению. И тотчас интерес к книге, доставать и читать к-рую стало опасно, непомерно (запретный плод сладок) возрос. Но как только в дальнейшем запрет был отменён, эта отмена «быстро принесла ей забвение» (14,50).

Сколько книг похожая судьба постигла в XXв.! Власти нередко сами, преследуя-запрещая книги и их авторов, добывают известность первым и делают биографию

вторым. Впрочем, время всё расставляет, отделяя зёрна от плевел, по своим местам и на свои места. То, что людям не нужно, невзирая на запреты или разрешения, забывается; то, что нужно, тоже невзирая на запреты или незапреты, — остаётся.⁶¹

При всём том, сходно пройдоме Антистию, наш Фабриций был никакой не герой, превратившись со временем, как один из героев своего времени, из (небескорыстного) горе-вольнлюбца в отъявленного консерватора-монархиста и доносчика. Он вернулся из ссылки ещё при Гальбе или уже при Веспасиане, и трижды, при всех трёх Флавиях, облакал консульство-суф. — ок. 74, 80, 83гг. Некогда критик духовенства, входил в жреческие коллегии квиндецемвиров, августалов, флавиалов (СІЛ 13,7253). Сопровождал походного Домициана в 83 или в 89гг. в Германию; совершил в Монготиаке (Майнц) жертвоприношение богине вангионов Нементоне; был очень дружен с Домицианом (*boni amici*).

После убийства Домициана (96г.) Плиний Мл. (4,22,4) хотел привлечь его к суду в числе других доносчиков, но большинство сенаторов высказалось за всеобщую амнистию. В 97г., при Нерве, Вейнтон участвовал в защите обвинявшегося в делаторстве Публиция Церта и горько жаловался (гомеровским стихом) на неуважение молодёжи к старшему поколению (Плиний Мл. 9,13,13;19/20). Умер в глубокой старости, при Траяне.

СМЕРТЬ БУРРА И ОТСТАВКА СЕНЕКИ

«В то время как общественные бедствия с каждым днём становились всё тягостнее, государство теряло тех, кто мог бы с ними бороться: скончался Бурр, неясно — от болезни или от яда. Говорившие о болезни основывались на том, что у него в горле медленно разрасталась затруднявшая дыхание опухоль. Другие, и их большинство, утверждали, что по приказанию Нерона ему под видом лечения смазали небо губительной отравой, и Бурр, понимая, что он злодейски отравлен, когда принцепс пришёл его навестить, даже не взглянул на него, и на вопрос, как он себя чувствует, ограничился кратким ответом: «Что до меня, то я чувствую себя хорошо». В Риме о нём горько сожалели, помня его достоинства и видя перед собою деятельную благонамеренность одного из его преемников и безграничную подлость другого: во главе преторианских когорт Цезарь поставил двоих — Фения Руфа, к-рый пользовался любовью простого народа, ибо, ведая продовольственным снабжением Рима, проявлял бескорыстие, и Софония Тигеллина, привлекшего Нерона своим общеизвестным распутством. В дальнейшем молва о них соответствовала их нравам: Тигеллин пользовался большим расположением принцепса, и он допустил его к участию в своём самом сокровенном разврате, а Руфа любили в народе и среди воинов, и это вызывало неприязнь к нему Нерона.

Смерть Бурра сломала влияние Сенеки, ибо добрые правила, к-рые они оба внушали Нерону, с устранением одного из них утрачивали для него силу, и он стал приближать к себе недостойных людей. А те возводили на Сенеку всевозможные обвинения, говоря, что он продолжает наращивать своё огромное, превышающее всякую меру для частного лица состояние, что домогается расположения граждан, что красотой и роскошью своих садов и поместий превосходит самого принцепса.

⁶¹ Если по уже приводившемуся нами слову М.Булгакова, «люди сохраняют всё, что им нужно», то по меткому слову М.Цветаевой о её стихах:

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берёт,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.

Упрекали они Сенеку также и в том, что славу красноречивого оратора он присваивает только себе одному и стал чаще писать стихи, после того как к их сочинению пристрастился Нерон. Открыто осуждая развлечения принцепса, он умаляет его умение править лошадьми на ристалище и насмехается над переливами его голоса всякий раз, когда тот поёт. Доколе же будет считаться, что всё достославное в государстве обязательно исходит от Сенеки? Отрочество Нерона отошло в прошлое, и он вступил в цветущую пору юности: так пусть он избавится, наконец, от докучного руководителя — у него не будет недостатка в просвещённых наставниках в лице его предков» (Ан. 14,51/52).

Итак, вероятно, родившийся где-то на рубеже эр приблизительный ровесник Сенеки С.Афраний Бурр, представитель, о чём читатель уже знает, известного с VIв. до н.э. плебейского gens Afrania, сам уроженец Нарбоннской Галлии, начал карьеру при Тиберии, когда ведал финансами Ливии, точнее, — (с 14г. н.э.) Юлии Августы. Потом — неизвестно — где? и как? проявил таланты выдающегося военачальника (Тацит), и в 51г. был назначен, инициативой Агриппины, единоначальным преторианским префектом sine collega, после чего возглавлял эту главную силовую структуру Рима/Италии, где не стационарировались легионы, на протяжении 11-и лет. И именно он, силовой министр № 1, обеспечил со своими преторианцами плавный приход к власти на место отравленного Агриппиной Клавдия в октябре 54г. 17-летнего Нерона, а стало быть, и выход, сообразно воле Агриппины, Неронова пестуна Сенеки в премьер-министры.

Причём дальше они, он и Сенека (или Сенека и он), вплоть до Бурровой кончины, работали-действовали в тесном тандеме, рука об руку, продемонстрировав редкий в истории Рима (да и вообще в истории) пример равноправного дуалистического руководства без противоречий и интриг друг против друга, что было беспрецедентно в такой мере в эпоху Принципата, когда взаимодействие-взаимосотрудничество двух верховников определялось не их магистративными функциями и постами, сродни, например, прежним властным консулам, к-рые тоже далеко не всегда ладили между собой. Т.е. Сенека и Бурр реализовали непредусмотренную Республикой дуалистическую форму управления в пору (де-факто) монархической Империи. Не сходно ли совластовали Август и Агриппа, хотя при явном первенстве Августа (в противоположность гротескным примерам разнородных династических тандемов: Тиберий и Ливия; Калигула и Гемелл; Клавдий и Агриппина; Нерон и Британник).

С 54г. оба, и Сенека, и Бурр, так сказать, помогают Нерону в (у)правлении и, по возможности, блокируют как всевластные аппетиты, так и непримиримость Агриппины к подлежащим, с её т.зр., устранению потенциальным противникам или персонально ненавистным ей персонам. Тем не менее, в 55г. Нерон планировал сместить Бурра как Агриппинову креатуру, и тот удержался на посту лишь благодаря своевременному вмешательству Сенеки в его пользу, сумев, плюс к тому, убедительно опровергнуть в том же году обвинение в соучастии в заговоре против Нерона.

С др. стороны, ни Бурр, ни Сенека, по всему, не были против устранения (из соображений гос. резонанса) Британника, и как-то уж очень подозрительно-сомнительно вели себя в деле убийства Агриппины (оправданном-обоснованном затем Сенекой перед сенатом), непосредственно в нём не участвуя. Притом Бурр отказался, после неудавшейся попытки Нерона и Аникета пустить Агриппину ко дну, довести дело до конца руками преторианцев, что в итоге проделал со своими моряками префект флота (адмирал без чести и совести) Аникет. Однако рыльце у обоих первых министров было, так или иначе, в пушку и оба не перечили Неронову

злодеянию, подставив каждый со своей стороны, по его осуществлении, кесарю плечо (тем паче, что Агриппина мешала и им).

Они не понимали, что Нерон не тот фрукт, к-рого долго можно иметь ручным-подопечным, и что, когда он войдёт в полную силу, когда он почувствует себя в полной силе, избавляясь от всякой в его понимании обременительной опеки, все, кому он чем-то обязан, должны будут либо уйти насовсем, либо отойти в сторону, освободив места под солнцем для тех, кто взирают на его (квази-)солярность снизу вверх.

И вот на 61/62гг. оба старпера надоели молодому кесарю до чёртиков, не желая одобрять намеченный им развод с бессловесной Октавией в видах его брака с амбициозной Поппеей, кто, фаворитка принцепса с 58г., сначала настояв не убийстве Агриппины, теперь, решительно наострившись в брачные императрицы, всячески доставала-донимала императора, в частности, ловко играя на его болезненном самолюбии. Мол, переставшему быть маменькиным сынком кесарю негоже плясать под дудку двух престарелых дядек.

Сходно действовало и ближнее окружение Нерона из состава золотой молодёжи или придворной камарильи, в компании репрезентантов к-рой он усиленно углублял поиски чувственных и сценических наслаждений. Причём, ведь и Сенека, и Бурр ранее поощряли оные, надеясь тем отвлечь (дескать, всё ещё недоросля) *Митрофанушку* (до поры до времени) на суету сует, чтобы беспрепятственно властвовать на благо государства (не забывая, разумеется, и себя любимых), из-за фасадной кесарской спины, самим.

* * *

Впрочем, если Тацит молчит о сопротивлении Бурра разводно-брачным планам Нерона, то о них говорит эпитомированный Ксифилином (165, 20-28) Дион (62,13/1/2), согласно к-рому, на высказанное Нероном Бурру намерение развестись с Октавией и жениться на Поппее, тот сказал: «Хорошо, однако, в сём случае, сначала верни ей её приданое», что означало: сначала отдай ей, Октавии, родной дочери Клавдия, власть. Мало того, согласно Диону, Бурр держался настолько вольно, что и в другой раз на вторичный Неронов запрос относительно развода и брака ответил: «Не спрашивай меня снова о том, о чём я уже однажды высказался предельно ясно».

Кажется, здесь преувеличение, ибо вольность с венценосцем в подобной форме это слишком даже для «республиканского» Рима с его некоронованными монархами. Тем не менее, надо сказать, что смерть Бурра последовала чересчур вовремя, и не умри он смертью естественной, если, конечно, он умер естественной смертью от, насколько выходит по одной из версий Тацита, рака горла, вскоре Нерону всё равно пришлось бы его убить, или хотя бы отставить, дабы убить, либо принудить к самоубийству позднее.

Если ближе стоящий к событиям и более обстоятельный-доскональный Тацит приводит как версию кончины от болезни, так и версию отравления больного, замечая, что за последнюю большинство, то для Светония и писавшего столетием позже Диона отравление Бурра Нероном — вне сомнений. Светоний: «Бурру, начальнику преторианцев, он (Нерон) обещал дать лекарство от горла, а послал ему яд» (Нер. 35,5); Дион: «Бурра Нерон устранил посредством яда...» (62,13,3).

И всё-таки, оставим вместе с Тацитом вопрос открытым, повторив, что, при всех случаях, Бурр умер очень своевременно, будь то отравление или смерть от болезни, — и для себя, и для Нерона. Да и в новый возобладавший в 62г. римский

политический вектор (в чём-то сравнимый с закономерным гос. переворотом) ни он, ни Сенека больше и дальше, ни под каким соусом, не вписывались. Время властных *дядек Митрофанушки*, к-рые вывели его в люди-кесари, но к-рый долее не хотел продолжать быть учеником и чему-либо в политике учиться у них, захотев пережениться, безнадежно вышло. И либо они должны были уйти (как уйти? – вопрос вторичный), либо надо было уйти их.

Таким образом, всё вроде бы сложилось в угоду Нерону максимально удачно. Бурр умер, Сенека же, поняв, что остался один и, в не меньшей мере, понимая именно то, что его время прошло, очень скоро попросился (во избежание непочётной отставки или и того хуже) в почётную отставку. И уйдя из политики, он именно в последние годы своей жизни, в 62 – 65гг., достигнет тех морально-нравственных высот, к-рых невозможно было достичь, обретаясь в грязном мире политиканства и придворных интриг, и к-рые, как манифестированные им жизненные и философские принципы-постулаты, слишком часто пребывали в карикатурно-анекдотичных противоречиях с его отнюдь небезупречной политиканской практикой и репутацией.

Короче, ему удалось стать соответствующим собственным философским идеалам человеком, лишь сняв с себя тяжёлое и многокое политическое бремя, в заключительные три года жизни. Иначе говоря, лишь аннулировав договор с дьяволом, к-рый, со своей стороны, этот договор отнюдь не аннулировал, правда, до времени затаившись (чего Сенеке уразуметь не удалось).

А Нерон, со стороны своей, несясь на *коных привередливых* во весь молодой опор *в кишки дьявола*, не понимал, не осознавал, что в его окружении нет и не найдётся, при его установках, людей, способных профессионально заменить Бурра или Сенеку, к-рые, несмотря на все их недостатки, являлись гос. мужами, полезно находясь каждый на своём нужном месте. Разве принеровновских собразников-беспредельщиков или бездарных льстецов и т.д. можно, по гос. достоинствам, сравнить с ними?! Никак нет. Кадры решают всё! И кадры первой фазы-стадии Принципата, к-рые, как и сама эта фаза-стадия, претерпевали жуткие встряски-кровопускания со дней Тиберия, в пору *кесарева безумия*, ныне были на исходе. Заканчивалась, приближая Рим к острому кризису и к новой гражданской войне, целая эпоха, реквием к-рой отвечал её содержанию и сути. И не было у неё ни околотронных Агрипп и Меценатов, ни даже притронных Германиков и Друзов (к-рые вышли-сплыли)!

Возьмём сменивших Бурра по назначению Нерона (к-рый счёл нецелесообразным дальнейшее сосредоточение префектуры *praetorio* в одних руках) двух (система противовесов) преторианских префектов – Л.Фения Руфа и персонально близкого принцепсу Г.Офония Тигеллина.

Фений Руф с 55г. отвечал за хлебное снабжение Города, возглавляя префектуру *аннопае*. Пробыв на этом посту 7 лет, он зарекомендовался образцово, стяжав любовь простых горожан за, по Тациту, проявленные «бескорыстие» (= следует сделать вывод, – отсутствие коррупционной составляющей) и умелое отправление весьма ответственной префектуры. К тому же, вскоре Руфу (нерешительность и бесхребтность к-рого проявятся впоследствии) удалось также стяжать расположение подкомандных преторианцев, что вызвало подозрения в мнительном Нероне, всячески подогреваемые Руфовым напарником Тигеллином, кого, как алчного, развратного и жестокого мерзавца, характеризуют все не жалеющие красок и штрихов для его отрицательного портрета античные авторы.

Безродный Офоний Тигеллин происходил, по отцу, из Агригента (Сицилия). Пишучи о нём, пощаждённом Гальбой и принуждённом к самоубийству в 69г. Отном, Тацит говорит, что он, «человек тёмного происхождения, провёл молодость в

грязи, а старость – в бесстыдстве» (Ист. 1,72). Насчёт старости, не очень понятно, так как согласно «Схолии к Ювеналу» (1,155), с ним, красивым и крайне порочным юнцом, путались сёстры Калигулы – мать Нерона – Агриппина, и её сестра – Юлия Ливилла, сосланные на остров в 39г., в частности, за разврат с Тигеллином, к-рый, в свою очередь, отправился в ссылку в Грецию. Однако, если вести речь о юнце, к-рый был моложе Агриппины с Ливиллой (родились в 15 – 18гг.) в 30-е гг., то каким, спрашивается, макарон ему довелось дожить, родившись, скажем, в начале 20-х гг. Ив. н.э., до (тацитовской) «старости» на 69г.?

С др. стороны, Тигеллин приходился тестем Коссуциану Капитону и, значит, на 62г. у него имелась замужествовавшая за (незадолго перед тем возвратившимся, по ходатайству тестя, из ссылки) Капитоном взрослая дочь, к-рая, скорей всего, вышла за него замуж до его изгнания (за нерадивое управление Киликией) в 57г., и следовательно, была на середину 50-х гг. в брачном возрасте 13-15-и лет. Т.е. родившийся в 20 – 25гг. Тигеллин не мог быть на 69г. стариком, почему ошибается либо Тацит, либо «Комментарий к Ювеналу». И, по всей видимости, на сей раз, невзирая на его, само собой, бóльшую надёжность, в ошибочном пролёте, скорей всего, Тацит, поскольку «Комментарий» однозначно подчёркивает Тигеллинову (ок. 15/16-летней) юность в сравнении с молодыми (24 и 21 год на 39г. н.э.) Агриппиной и Ливиллой.

Между тем, осуждённый на ссылку этот многопорочный юноша выживал в Греции рыбной ловлей. Вернулся в Италию в 40-е гг., с разрешения Клавдия, при условии не показываться ему на глаза. Далее получил от кого-то в богатое наследство леса и пастбища в Апулии и Калабрии, где занялся выведением скаковых ипподромных лошадей, чем и обратил на себя внимание с детства равнодушного к конеристаниям Нерона, сблизившись с ним первоначально именно на скакачно-лошадиной почве.

Позднее, с Нероновым приходом к власти, лакомый до клубнички и считаясь мэтром утончённого разврата Тигеллин вошёл в полное доверие к взявшему его в собразники и наперсники принцепсу. Взошёл во всадническое сословие и сделался префектом пожарных вигилов, откуда и поднялся в 62г., с кончиной Бурра, в префекты праetorio, вскоре сделавшись ближайшим советником и первым злым гением, вернее, демоном всё глубже подпадающего синдрому *кесарева безумия* кесаря.

Уркан и интриган без всяких тормозов и без чего-либо святого, грязный на язык и на руку, он был хуже-плоше любого из бывших до него прикесарских временщиков и любого из бывших до него преторианских префектов, включая Сеяна, Макрона, или команду влиятельных вольноотпущенников при Клавдии.

ХРОНОЛОГИЯ СЕНЕКИ

Если Бурр умер оптимально в феврале 62г., то Сенека подал-попросился в отставку в марте. И пусть по стилизованному рассказу Тацита (Ан. 14,52-56), вернее, его небеспафосно-риторического просенекианского источника, может создаться впечатление, что это произошло на порядок позже, после того как Нерон «стал приближать к себе недостойных людей», к-рые «возводили на Сенеку всевозможные обвинения» (14,52), мы примем именно данный хронорасклад. Во-первых, изложенные ниже в Ан.14,57-64 события, приложительно к к-рым хронопоследовательность, на наш взгляд, соблюдена, должны уместиться во времени до 9.06.62г., когда (в день гибели самого Нерона в 68г.) была убита Октавия. Во-вторых, рассказ Тацита в Ан.53-56 снабжён, опять-таки, пафосно-риторическим (монологическим) диалогом Сенеки и Нерона, литературно-реторически обработанная речь к-рых не

могла иметь место в наличной форме в реальности, и потому не в точности отражает действительность.

В реальности же много времени на постбурровскую всевозможную напраслину и не напраслину против далеко не святого и даже не во всём стойка в амплуа премьера (одна из форм принципатовского временщичества) Сенеки не требовалось. Или, по крупному счёту, этого времени не требовалось вовсе. Сенека сам, как сказано, прекрасно понял, что со смертью Бурра, с концом их продуктивного тандема, его политическая песня спета, и что необходимо уйти. Что лучше уйти-пенсционироваться добровольно, по собственному желанию-почину, пока не поздно, тем более, что у него было на чём стоически сосредоточиться в небездеятельной отставке, в старческом возрасте за 60, и ему ещё было, что письменно сказать-оставить миру.

Надо уйти, пока тебя, в лучшем случае, снова не услали на какую-нибудь Корсику, или в случае худшем, на ещё менее гостеприимный скальный островок, либо – даже на тот свет. Одним словом, надо уйти, пока тебя не ушли с треском. И он ушёл, и выиграл аж три очень важных для него и для нас года, без к-рых не было бы ни Сенеки – автора «Морально-нравственных писем к Луцилию» и нескольких заключительных трактатов, ни Сенеки, отказавшегося от всякой суеты сует и покончившего со всякими амбициями, к-рый умрёт достойно (достойнее, чем жил), с поистине стоической твёрдостью духа. А главное, не уйди он тогда, у нас не было бы Сенеки (пришедшего к личному Богу), к-рого авторитеты церкви знают, напомним читателю, чуть ли не как христианина, к-рого Тертуллиан называет – «часто наш Сенека» («О душе» 20,1), и переписку к-рого с Ап. Павлом Иероним считает исторически подлинной, включая Сенеку аж в перечень (ни больше, ни меньше!) святых христианских писателей («О знаменитых мужах» 12).

И опять-таки, обратимся не в первый раз, пользуясь представившимся поводом, к Сенеке, точнее, к его биографии, и в т.ч., к дате его рождения, за к-рую преимущественно принимается 4г. до н.э., принятый в «Р.л.» также нами (645/46), но к-рая, что общеизвестно, под вопросом, и нередко фигурирует в источниках как интервал 4 – 1гг. до н.э., или как – либо – 4-й, либо – 1гг. до н.э.

При этом первая доминантная у различных ново-новейших (особенно у ранних) авторов и в энциклопедиях дата выводится по следующим косвенным признакам. Во-первых, проживший ок. 95-и лет, с ок. 55г. до н.э. по 39/40гг. н.э., и имевший трёх сыновей – Л.Аннея Новата (знакомый нам по Д.Ап.19 усыновленец ретора Галлиона – Юний Галлион – проконсул Ахайи в 52/53гг.), Л.Аннея Сенеку и Л.Аннея Мелу (отец поэта Лукана) – ретор и историк Сенека Старший занимал от своей бывшей (мол, не больше, чем) лет на 30 моложе него супруги Гельвии среднего сына, скорее, ок. 4г. до н.э., нежели (в силу-де своего возраста) позднее. Аргумент, пусть заслуживающий внимания, но, согласитесь, чересчур побочный и неточный.

Притом, по обратно-аналогичной косвенной логике, не скорее ли Юний Галлион (родившись ок. 3г. до н.э., если его мл. брат Сенека род. ок. 1г. до н.э.) проконсульствовал в Ахайе в возрасте ок. 55-и, нежели ок. 60-и (буде он родился ок. 6/5гг.) лет (и затем облакал ок. 56г. консульство-суф. в и без того позднем возрасте под 60, нежели за 60 лет).

Во-вторых, в сенекианском (ок. 63г.) трактате «О безмятежности духа» (*De tranquillitate animi*) сказано: «Все мы помним эту привычку оратора Азиния Поллиона, к-рого ни одно дело не могло задержать позже 10-го часа» (17,7). Сообразно евсевианской «Хронике» Иеронима (145), Поллион умер в 4/5гг. н.э. (Р.л. 1160), в комбинации с информацией о чём делается вывод, что Сенека худо-бедно помнил его лично, и потому, мол, родился не позднее 5/4гг. до н.э. Однако, приведённый вариант

(немецкого) перевода (с латыни) под вопросом, ибо текст переводится и так (как звучит в русском переводе): «Можно упомянуть, например, Азиния Поллиона...» Да и первый вариант вовсе не обязывает Сенеку помнить Поллиона персонально и внимать его красноречию, свидетельствуя максимум о том, что Сенека успел родиться ещё при жизни Поллиона, как оно и получается, независимо от даты сенекианского рождения в 4 или в 1гг. до н.э.

В-третьих, Сенека сам говорит, что его детство прошло при Августе (Ер. 5,9,2), а юность выпала на начало принципата Тиберия (Ер. 18,5,22), откуда сторонниками 4-го г. до н.э. выводится ок. 17-летний возраст философа на 14г. н.э., когда Тиберий преемствовал Августу. Но понятие и понимание детства, отрочества, юности, к-рые для Рима – *puertia, adulescenta, iuventa* (о чём мы уже беседовали выше), у римлян (или шире – в древнем мире) – как у самого Сенеки, так и у др. авторов, зачастую, расплывчаты и неоднозначны. При всём том, часть (в нашем восприятии) отрочества захватывает (согласно древним) и юность, тогда как юность/юноша может иметь в виду и собственно юношу, и молодого человека – в возрасте, в зависимости от контекста, и с 20-и, и с 30-и (к примеру, «юноша Савл» в Д.Ап. суть молодой человек не моложе и не старше 30-и лет), и до 40, или даже 46-и лет, когда римлянин становился из (призывного) юниора сениором (зрелый муж), каковым он оставался до 60-и лет (становясь в 60 лет – начало старости – сенексом).

Причём и возраст в 63 года (9 сатурнальных семилеток, соответственно 7-летнему ритму – 7 – 14 – 21 – 35 – 42 – 49 – 56 – 63) сатурнальные римляне называли «годом порога», о чём, как мы знаем, Август писал своему внуку Г.Цезарю в день своего 63-летия (= в свой буквально 64-й день рождения) в 1г. н.э., свидетельствуя, что благополучно преодолел «год порога» (старости) (Р.л. 1019/20), к-рый мог быть достигнут-перейдён (в ином неспиритуальном или менее спиритуально-символическом контексте) и в 60 лет.

* * *

Если Варрон («Культурные древности» фргм. 14,4) различает-насчитывает 5 жизненных ступеней-интервалов-периодов-этапов, первые четыре из к-рых составляют по 15 лет каждый (первые 15 лет юнец – *puer* – *чистый*; вторые – *возрастающий* – *adulescent*; третьи – *iuvenis* – *юноша = молодой человек*), то Гораций говорит о 8-и пятилетках (почитая сеньоральную зрелость с 40-а лет). Дитя до 7-и лет – (нетрудоспособный) *infans*; мальчик до 14/15-и лет (частично трудоспособный под властью отца) – отрок – *puer* – букв. «мальчик». И этот «мальчик», внимание (!), даже войдя с 15-и лет в юношеский (римские отроки-юноши могли вступать в брак с 14-и лет) возраст – *adulescens* (юноша, делающийся молодым человеком с 30-и лет = вторая стадия юности как более зрелой молодости), продолжал именоваться ребёнком – *puer*, до тех пор, пока он торжественно не облачился (выведенный-вышедший к народу), сняв (детско-отроческую) претексту, в (юношеско-мужскую) тогу *virilis* (зрелости).

И здесь у нас в отношении реконструкции даты рождения Сенеки обнаруживается одна весьма существенная зацепка. Итак, он родился в Кордубе (Испания) как средний сын Сенеки Старшего и Гельвии (De tranq. an. 17,1; Ер. 18,5,17;22; Nat. quest. 1,1,4), с раннего возраста находясь в Риме, прибыв сюда на руках, т.е. в возрасте 2/3-х лет, сводной сестры матери, к-рая и дальше трепетно заботилась о его с детства слабом здоровье (Ер. 19,2). В его воспитании, помимо отца, строго-нравного ретора, кто (как махровый римлянин, хоть и испанец, не выносил философию), настаивая на классическом римском образовании и римской карьере сыновей (Сенека Ст. «Contr. 2 praef. 4»), большое участие приняла и высокообра-

зованная мать — Гельвия, к-рая имела позаимствованную средним сыном склонность к неодобряемой отцом философии (Ер. 15,1; 17,3).

В Риме Сенека брал уроки грамматики и реторики (Contr. 1,1,1), одновременно увлекаясь с большим усердием философией (Ер. 18,5,17). По его словам, ещё ребёнком он слушал неопифагорейца Сотиона (Ер. 5,9,2; 49,2 — *puer*), — ученика Секстия (Ер. 18,5,17; Nat. quest. 7,32,2), называть к-рого учителем Сенеки — ошибка, поскольку последний не знал его и не внимал ему лично, будучи знаком с его учениками.

Ещё Цезарь предложил Секстию вступить в сенат, что тот отклонил, дабы целиком посвятить себя философии (Ер. 98,3; Плутарх «De prof. in virtis»), притом, являясь стойком, не хотел называться таковым, желая быть оригинальным римским философом (Ер. 64,2; Nat. quest. 7,32,2). Иероним датирует его римскую известность в «Хронике» (145) 2-м г. н.э. (2017 ad Abr.), но Секстий (сходно Азинию Поллиону) не дожил до лет ученичества Сенеки, внимавшему как в детстве, так и в юности (Ер. 108,17 — *juvenis*), опять-таки, Сотиону из школы Секстия.

Плюс дальше (юность-молодость) — Сенека учился стое у небезызвестного стоика Аттала, кого ок. 30г. Сеян изгнал из Рима; красноречию — у знаменитого ретора и философа-эклектика Папирия Фабиана, бывшего лет на 20 моложе Сенеки Ст., кто его очень ценил, и умершего где-то ок. 35г. н.э. (поскольку умерший в 39/40гг. Сенека Ст. говорит о нём как об уже умершем). Ещё Сенеке Мл. довелось слушать лекции своего приблизительного ровесника — киника Деметрия — и дружить с ним, отвергнувшим дружбу Калигулы, дружившим как с Сенекой, так и с Тразеей Петом, и дожившим до времени Веспасиана (к-рый его сослал) и Тита (к-рый его вернул из ссылки ходатайством Аполлония Тианского).

Неопифагореец Сотион (по Иерониму, родом из Александрии) верил в реинкарнацию душ и рекомендовал ученикам (для самосовершенствования) аскетическую диету с полным отказом от употребления в пищу мяса. Так вот, с одной стороны, Сенека сообщает, что внимал Сотиону ещё в детстве — в возрасте *puer*1, а с другой, — что взял на вооружение рекомендованную наставником диету и в течение целого года не ел мяса, от чего отказался по настоянию отца, ибо при Тиберии вегетарианство подпадало подозрению в причастности к запретным чужеземным суевериям, считаясь минимум подтверждением неблагонамеренного-неблагонадёжного образа мыслей.

Следовательно, если речь идёт о запрете на чужеземные суеверия, отец Сенеки, проча сына в гос. службисты, опасался как бы его не обвинили в приверженности к одному из египетских священнодействий-чародейств или к иудейскому культу. Ведь, коли в 16г. н.э. в Риме были репрессированы и из Рима изгнаны звездочёты и маги (Ан. 2,32) (Д.И. 65/66), то в 19г. (Ан. 2,85) подверглись священнодейственным запретам и преследованиям, о чём мы подробно беседовали в нашем повествовании (Д.И. 180-84), египтяне (культ Изиды) и (постившиеся по субботам, в определённые календарные дни или по разным обетным поводам-причинам) иудеи.

Отсюда, при связке-увязке сказанного Сенекой с противоегипетскими и противоиудейскими преследованиями-запретами 19-го г., получается, что, внимая Сотиону в возрасте *puer*1, он на целый год отказался от мясной пищи в 18/19гг., уступив затем настоянию отца и дистанцировавшись от вегетарианства после запретных постановлений-преследований 19г., т.е. в связи с этими запретами, к-рые могли быть инкриминированы ему на тему приверженности неугодному-неблагонадёжному ориентализму.

Соответственно, Сенека именует себя на 18/19гг. *puer* (не потому, что он *маленькая детка*, а) потому и в том (римском чётко юридическом) смысле, что им ещё не надета *тога virilis*. И если это ещё вполне вообразимо применительно к юнцу

18/19-и лет, то это же уже непредставимо приложительно к юноше в возрасте 21 года, или 22-х лет. Вот вам убедительный довод и вывод в пользу рождения Сенеки не в 4-м, а в 1г. до н.э. или в 1г. н.э.!

Удостоверьтесь. Октавиан Август (род. в 63г. до н.э.) облачился в юношескую тогу зрелости в 48г. до н.э.; Тиберий (род. в 42г. до н.э.) – в 27г. до н.э.; внуки Августа – Гай (род. в 20г. до н.э.) и Луций (род. – 17г. до н.э.) Цезари (выведенные Августом на Форум к народу), первый – в 5-м, второй – во 2гг. до н.э.; сын (едва возвратившегося из 8-летней родосской отлучки) Тиберия – Друз (род. – 14г. до н.э.) – во 2г. н.э.; ст. сын Германика – Нерон (род. в 6г. н.э.) – в 20г. н.э.; средний – Друз (род. в 8г. н.э.) – в 23г. н.э.; будущий кесарь Нерон (род. в 37г. н.э.) – в 51г. н.э. Как видим, возраст облачения – 14/15 лет (14-й или 15-й гг. жизни), что и понятно в смысле перехода-вступления из отрочества в юность.

Правда, имеются и смещения с некоторым опозданием, и запоздалые исключения. Отлучённый Августом (по усыновлении в 4г. н.э. Тиберия) от престолонаследия и в 7г. н.э. сосланный Агриппа Постум (род. в 12г. до н.э.) – сугубо формально вирилизировался (без всяких торжеств) в 5г. н.э. – в 16 лет. Калигула (род. в 12г. н.э.) надел тогу *virilis* на Капри, облачённый Тиберием (в пику Сеяну), в возрасте 19-и лет, в 31г. н.э. Сын Друза (Тибериевича) – Тиберий Гемелл (род. – 19г. н.э.), был облачён в тогу зрелости Калигулой в возрасте 18-и лет, на 18-м году жизни, в 37г. н.э.

Но эти два последних (как и первое – Агриппа Постум) опоздания-запоздания отчётливо политически мотивированы-обусловлены. Юный Калигула оставался в полуопальной сторонке, на дальней скамейке запасных, пока готовившийся устранить его Сеян был в силе и Тиберий не интриговал против временщика, тогда как (подозреваемого в том, что он прижит Ливиллой от Сеяна) Тиберия Гемелла отодвинул в сторону, сделав своим преемником Калигулу, сам Тиберий Цезарь, представив убойное решение судьбы родного внука Калигуле, кто сначала демонстративно-публично обласкал брата (в частности, облачив его в тогу мужа), чтобы вскоре убить.

Стало быть, тога *virilis* надевалась обычно в 14/15 лет и – самый максимум – в возрасте до 20-и лет (начало периода-этапа юности от 20-и до 30-летия). И снова заостряем внимание на том, что родился Сенека в 4г. до н.э., ему на 18/19гг. н.э., когда он, не без опоздания (по решению отца, считавшего его до разрыва с вегетарианской философией незрелым?) надел тогу зрелости, было бы 21/22 года. А такое неприемлемо или уж очень подвопросно-сомнительно, в то время как при рождении Сенеки в 1/1гг., ему на 18/19-й гг. – 18/19 лет, что приемлемо вполне, выглядя-смотрясь куда более правдоподобно, чем предыдущий вариант.

И это, скажем снова, наиболее веский аргумент в пользу сенекианского рождения на самом рубеже-перекрёстке-пересечении эр. Остальные доводы – косвенные и менее однозначные, менее убедительные, вернее, допускающие не одно толкование (впрочем, тем не менее, с креном от 4г. до н.э. к 1/1гг.). То, что юность Сенеки пришлась, по его собственному признанию, на принципат (или на начало принципата) Тиберия, совсем не обязательно понимает самое начало этого начавшегося в 14г. принципата, настаивая, однако, на 14/15-м гг. и очень даже соответствуя вышепредставленному определению юности (без, в данном случае, возрастного термина *puer/puertia* в ракурсе именно ненадетой тоги *virilis*). Хотя ряд авторов вряд ли правомерно считает, что увязка юности Сенеки с началом тиберианского принципата ратует за рождение философа, как раз-таки, вероятнее, – в 4г. до н.э.

Либо – в «Письмах к Луцилию», писавшихся в 62 – 65гг., Сенека в «Письме» от ок. 63/64гг. заявляет, что он переступил порог старости (18). Но под старостью, как

сказано выше, может пониматься-подразумеваться и достижение возрастной планки в 60 лет (*senex* – термин-определение, от к-рого, кстати, и происходит *мудростный* когномен «*Seneca*» – «старче»), маркирующей начало старости, и спиритуально-эзотерический «год порога» = 63-й год жизни, или возраст в 63 года (исполнившееся число лет *кольца Сатурна* из 9-и седмин).

Причём, и в сём случае, судите сами, отталкиваясь от 62/63 – 65гг. н.э., чаша весов куда больше склоняется к достигнутому Сенекой именно *порогу старости* в возрасте 63-х лет, или на 63-м текущем году, что ругает за его рождение, с куда большей долей вероятности, – в 1г. до н.э., либо в 1г. н.э., чем в (можно смело сказать, пожалуй, устаревшем на сегодняшний день издавна версионно-дискутабельном) 4-м г. до н.э.

* * *

Далее, отказавшись от вегетарианства и отдалившись от философии, послушный сын своего отца, облачённый им в тогу зрелости юный Сенека, усердно занимаясь риторикой, в возрасте ок. 20-и или за 20 лет, наконец-то, выбрал, к радости родителя, сенаторскую карьеру (предпочтя её всаднической). Она же стартовала с обусловленной вступлением в сенат квестурой – первая ступень *cursus honorum*, в возрасте (со времени Августа) 25-и лет (на 25-м году), и предполагала подготовительные-предсенатские ступени в виде, к примеру, облечения вигинтивирата (коллегия 20-и).⁶²

Но в ходе этого подготовительного этапа у постепенно превращавшегося в светского молодого человека Сенеки начались или обострились проблемы со здоровьем. Его мучали хроническая простуда и приступы лихорадки, кашель и жар, приведшие к такому упадку физических и душевных сил, к такой депрессии, что одно время он даже склонялся к мысли о самоубийстве, от к-рой дистанцировался, не желая огорчать родителей (Ер. 78,1/2).⁶³ В итоге сенаторскую карьеру пришлось отложить-прервать, и хворый-недужный (чахотка?) молодой человек отправился в Египет – страну с мягкой зимой и сухим (отлично от влажно-малярийного римского) климатом, где в ту пору наместничал муж его тётки, той самой сводной сестры Гельвии, имени к-рой мы, к сожалению, не знаем (и к-рая с самого сенекианского детства проявляла трогательную заботу о здоровье любимого племянника), – Г.Галерий (Ad Helviam 19,4-6).

Засим, если Сенека не дотянул до вступления-вхождения в сенат и квестуры, значит, он взял курс на Александрию Египетскую оптимально ок. 24г. н.э. (год самого длительного – 23/24гг. – путешествия Иисуса в пределах языческой Ойкумены и год кончины, по Иисусовом возвращении в Назарет, Иосифа Нафанида). А согласно (не называющему имени египетского наместника-префекта) самому Сенеке, муж его тётки пронаместничал в стране пирамид 16 лет.

В «Д.И.» (25; 620) и «Т.Г.» (1025-27) мы занимались вопросом префектов Египта и знаем, что после отца Сеяна Сея Страбона, назначенного туда в 15г., в Александрии до 31г. наместничал именно Галерий, к-рый только и может пониматься-подразумеваться под родственным ему наместником Сенекой, при том, что: либо

⁶² Вигинтивираты – (со времени Августа) 20 низших должностных лиц, избравшихся в трибутных комициях: триумвиры по надзору за тюрьмами и исполнением приговоров по судебным делам; триумвиры по вопросам чеканки монеты; децемвиры – члены одного из судебных органов Рима; члены комиссии по надзору за дорогами.

⁶³ Одышка и лихорадка (Ер. 54,6) докучали регулярно принимавшему холодные ванны и делавшему специальные физические упражнения Сенеке также на склоне лет.

под 16-ю годами Галериева наместничества – неполный 16-й год; либо Галерию довелось преемствовать умершему на посту Сею Страбону непосредственно в год назначения Сея, т.е. в 15г. н.э. По весне же 31г. Тиберий отозвал-оставил (видимо, больного) Галерия, кто, на обратном пути в Рим, в сопровождении жены и Сенеки, скончался на борту судна.

Посему с весны или с весны/лета 31г. Сенека, проведший в Египте довольно долгое, согласно его собственному признанию, время, скажем, ок. 7-и лет, с, надо полагать, ок. 24-го по (точно) 31г., находился-обретался в Риме. И потому, без сомнения, стал свидетелем-очевидцем событий, связанных со свержением в октябре 31г. Сеяна, равно – последовавших за этим жестоких террористических репрессий и общего тиберианского беспредела, пик к-рых в правление Тиберия пришёлся, как наш читатель в курсе, на 32/33гг. н.э.

О некраткосрочном сенекианском пребывании в Египте сведений почти нет. Но должно с уверенностью предположить, что оно не было безрезультатным и, ни в коем случае, не прошло для любознательного молодого человека, к слову, поправившего именно там своё здоровье и в дальнейшем очень дееспособного, бесследно. Сервий в «Комментарии к «Энеиде» (6,154; 9,31) говорит о не дошедшем до нас (за исключением пары фрагментов) сочинении Сенеки «О стране и обрядах египтян». Т.е., во-первых, последний не сидел сиднем в Александрии (резиденция префекта), побывав, следует думать, и в Нижнем и в Верхнем Египте, до нубийских порогов Нила; во-вторых, его очень занимала египетская метаистория Осириса и Изиды, связанная с нильским островом Филе, где Изида, по одному из преданий, помирилась с египтянами и похоронила останки убитого Сетом Осириса.

И не тогда ли, в таинственную семилетку 24 – 31гг., Сенеке привелось познакомиться в стране-на-Ниле с учёным египетским стоиком Херемоном, впоследствии одним из наставников-учителей Нерона, к-рый, как и Калигула, замороженно благоговел перед декадентным Египтом. И не случайно в «Натурфилософских вопросах» Сенека касается египетского феномена 4-х элементов (воздух, вода, земля, огонь), несущих в себе мужское и женское начала.

Притом здесь нельзя не заметить, что в то же время в Александрии жил и творил старший современник Сенеки – Филон (ок. 20г. до н.э. – ок. 50г. н.э.), пытавшийся перекинуть мост между платоническим эллинизмом и (либерально-эллинизированным) иудаизмом, научно-религиозно соединить-совместить философию Платона и Моисееву религию, отчасти сходно тому, как чуждый иудаизму и ориентальным культам Сенека пытался разгадать загадочнейший Египет с позиции стоическо-эллинистического рационализма и римских реалий. И не в Египте ли он ступил на путь возвращения к идее Бога в качестве движущей силы Разума, К-рого и к-рую почти забросил, обратившись ранее, по настоянию отца, к службистской карьере и тяжело (в духовном безбожии; от духовного безбожия) заболел (переболел).

Во всяком случае, присущий Сенеке (к-рый неизвестно в какой мере подпал в стране пирамид декадансу? и в какой исцелился?) рассудочный интеллектуализм отнюдь не безбожен, хотя он, образно выражаясь, ожидал пришествия Бога, б.м., вновь познанного-переосмысленного им именно в Египте (с эволюционирующим зарядом на всю оставшуюся жизнь), так и не осознав, не узнав в этой земной жизни следующее. То, что Бог, что Богочеловек уже пришёл на Землю, к людям, и что Таинство Голгофы (в часы к-рого, напомним, Дионисий Ареопагит пережил затмение Солнца над Голгофой, находясь 3.04.33г. именно в египетском Гелиополе) уже свершилось.

И не удивительно ли, что увлекавшийся в юности неопифагорейским учением о реинкарнационном бессмертии души, к чему приблизительно одновременно с ним

приобщался в М.Азии строгий вегетарианец-неопифагореец Аполлоний Тианский, плюс – собиратель материалов о природе и населении Индии (*De situ Indiae*), где тоже бывал Аполлоний, Сенека – приверженец рассудочного интеллектуализма без чувственных излишеств – к концу жизни говорил, что вера в бессмертие души есть счастливый сон, резкое пробуждение от к-рого крайне болезненно. Говорил, и всё-таки оставлял вопрос реинкарнации не закрытым (Ер. 108).

То-то ему принадлежат слова: «А Пифагор утверждал, что есть родство всего во всём и взаимосвязь душ, переселяющихся из одного обличья в другое. Ни одна душа, если верить ему, не погибает и не перестаёт существовать иначе как на малое время, после к-рого переливается в другое тело (108,19) «...Не веришь, что не одни небесные тела совершают круговые движения, но и живые существа исчезают и возвращаются, и души переходят по кругу? Но в это верили великие люди! Так что воздержись от суждения и оставь всё как есть» (108,20/21). Единновременно: «Смерть суждена всему, она – закон, а не кара». И однако: «Хорошая смерть (образец к-рой для Сенеки – самоубийство Катона Младшего) избавляет от плохой жизни».

Таким образом, родившись, как выясняется, не столько в 4г. до н.э. (когда умер М.Туллий Тирон, но отнюдь не умер Ирод, умерший в 1г. н.э.), сколько в 1г. до н.э., либо в 1г. н.э., и являясь, следовательно, ровесником-сверстником дуалистического Рождества Христова, Сенека (юность к-рого пришлась на 14/15гг. – время слиятельной Пасхи 14г. и время соединения вифлеемского и назаретского Св. Семейств воедино – 15г.) всю жизнь, независимо от себя (карма!), шёл параллельным курсом. Параллельным – сначала – с земной жизнью Иисуса Христа (причём и 19, и 24гг. были веховыми как в жизни Иисуса из Назарета, так и в жизни Сенеки), и потом – со становлением христианства, будучи (что примечательно) на 2/3 года старше родившегося в 3г. до н.э. Аполлония Тианского и на 2/3 года младше родившегося в 3г. н.э. Ап. Павла.

И пусть параллельные пути Христианства и Сенеки (ушедшего в 1в. н.э. из жизни в нескольких шагах от христианства) так внешне и не пересеклись, пусть они с Павлом так персонально и не встретились, плодотворное пересечение их путей, несомненно, произошло-состоялось в грядущем, в т.ч., по законам христианизированных-христовосных кармы и реинкарнации, к-рые нагнали-настигли (уподоблявшего мудреца восстающей из пепла птице Феникс) Сенеку посмертно!⁶⁴

Между тем, возвратившись из Египта в Рим в 31г. (время лета Господня благоприятного = Юбилейного года = Галилейского года Господа), он, за кого ходатайствовала похоронившая мужа тётка («Гельв.» 19,2), напоминаем, облёк квестуру и сделался сенатором в 33 или в 34гг. (год Мистерии Голгофы и год обращения-крещения Савла). Позднее, ок. 37г. (год прихода Савла после трёх лет в Аравии из Дамаска в Иерусалим), вероятно, отправлял вторую ступень *cursus honorum* – народный трибунал или эдильство *plebis*.

Эти годы связаны и с реторской славой красноречивого Сенеки (Цицерона I-го в. н.э., как Цицерон – Сенека I-го в. до н.э.), кого равнодушный к красноречию Калигула завистливо невзлюбил настолько, называя изящный и мягкий сенекианский слог «школярством чистой воды» и «песком без извести», что даже хотел убить незаурядного златоуста, отказавшись, повторим, от своего намерения лишь когда ему сказали, что дни слабого здоровьем Сенеки и так сочтены. И неспроста Калигула был для него примером худшего тирана, к-рого, увы, превзошёл не убеждённый наставником от усугублённого рецидива калигулианской тирании Нерон.

Но Калигулу, шадя и спасая Сенеку, обманули, ибо златоуст и философ, пережив

⁶⁴ Лактанций: «Сенека мог бы быть истинным служителем Бога, если бы кто-то показал ему Бога» («Божественные установления» 6,24).

тирана, отправился в 41г. (год активной деятельности в Антиохии Сирийской, где ученики впервые стали именоваться христианами, приведённого туда осенью 40г. Варнавой Савла из Тарса), обвинённый (инициативой или интригой Мессалины) в прелюбодеянии с мл. сестрой Агриппины Юлией Ливиллой, в 8-летнюю корсиканскую ссылку.⁶⁵ Оттуда им было составлено, в напрасной надежде на прощение и возвращение, подобострастное «Утешение к Полибию» (44г. — год посещения Павлом и Варнавой с противоголодной благотворительной помощью Иудеи/Иерусалима; год чудесного избавления Петра из рук Ирода Агриппы; год смерти поражённого Ангелом Господним царя Агриппы). И отсюда, из ссылки, его вернула, выйдя после падения Мессалины замуж за Клавдия, в 49г. (время активной антиохийской деятельности Павла и Варнавы по их возвращении из Первого миссионерского путешествия 45 — 48гг.) подчёркнуто благоволившая к нему Агриппина.

В 51г. (год Апостольского собора, на к-ром был принят курс ойкуменического христианства Павла; год начала Второго миссионерского путешествия Павла) Сенека, (в преторском ранге) пестун Нерона с 49г., получил в качестве единомышленника и напарника назначенного преторианским префектом без коллеги Афрания Бурра. В октябре 54г. (год короткого возвращения Павла в Палестину из Второго — 51 — 54гг. — путешествия; год Успения Богородицы; год начала Третьего — 54 — 58гг. — миссионерского путешествия и Павлова прихода для трёхлетнего учительствования — 54 — 57гг. — в Эфес) Сенеке выпало, по смерти Клавдия, сделаться де-факто премьер-министром в правительстве Нерона.

И оставался он на данном посту (не без облечения ок. 55г., в запоздалом возрасте ок. 55-и лет, парадного консульства) до марта 62г. н.э., на уровне/уровнях державного романоцентриста, красноречивого оратора, знаменитого философа, греко-римского (эллинистического) космополита, оборотистого ростовщика, богатого латифундиста и крупного финансового магната.

Убедитесь в оговоренном выше сенекианском и христианском параллелизме воочию, присовокупив сюда ещё как двухлетние узы Павла, по окончании его Третьего путешествия, в Кесарии Падестинской — 58 — 60гг., так и двухлетние павлианские узы в Риме — 61 — 63гг., как раз в пору к-рых, а именно в 62г. н.э., утомлённый гос. службой Сенека, кто с кончиной Бурра лишивший единственной верной опоры, благоразумно подал (опережая приказную отставку) заявление о добровольном выходе-уходе на пенсию.⁶⁶

⁶⁵ От первой жены, имя к-рой неизвестно и к-рая рано умерла, у Сенеки было двое сыновей, один из к-рых умер накануне его корсиканской ссылки в 41г. (тогда как жена, по всей видимости, скончалась в римской дали от мужа, во время этой ссылки — в 40-е гг. Ив.) («Гельв.» 2,5; «О блаженной жизни» 17,1,4)

⁶⁶ Информация к размышлению. Не напоминает ли Сенека — пестун кармически связанного с кронпринцем Рудольфом фон Габсбургом (1858-89гг.) Нерона отца этого несчастного кронпринца, т.е. пытавшегося растить-воспитывать сына в милитантной строгости и часто конфликтовавшего с ним кайзера Франца Иосифа? Не дал ли именно этот кайзер летом 1914г. (с подачи, в первую очередь, жаждавшей столкнуть Германию и Россию лбами Великобритании, чего он так и не понял) роковой толчок к последовавшему в течение 30-и дальнейших лет (1914-45гг.) самоубийству старой Европы!

Не называл ли Франц Иосиф сам себя «последним монархом старой школы», пережив в итоге самого себя и на троне, и в истории. Не осуждал ли он (женивший Рудольфа династическим браком на дочери бельгийского короля) роман сына с чешкой (корнями) Марией фон Вечера (с к-рой напару Рудольф, в самоубийственном возрасте Нерона, покончил самоубийством), как не принял позднее (морганатический) брак своего племянника эрцгерцога Франца Фердинанда с чешской графиней Софией Хотек (баронесса фон Гогенберг, погибшая вместе с Францем Фердинандом от выстрелов в Сараево)! Не была ли Францем Иосифом запущена на 66-м году его (с декабря 1848г.) правления I-я Мировая война в июле 1914г.,

ПРОЩАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ СЕНЕКИ И НЕРОНА

Этот риторический диалог представляет собой, скорее, два напыщенных монолога, обращённых источником Тацита в двусторонний пафосный диалог. (Римляне не могли без пафоса в слове, к-рый, очень претил, к примеру, Августу с его акцентированно простым слогом — без деланной торжественности, искусственной архаики и напомаженных завитушек.)

Итак, заблаговременно, как ему кажется-видится, уходящий, куда его не турнули, Сенека, близкого общения с к-рым Нерон избегает уже порядочно времени, начав отдаляться от наставника ещё до скоротечной болезни и кончины Бурра (тоже в последнее время бывшего не в особой чести), решает, ставя службистскую и пестунскую точку в своей биографии, торжественно и лично попроситься в отставку. Более того, решает уйти, оставив транжиристого и алчного Нерона не с пустыми (за свой счёт и гарантию для себя) руками.

И он (превентивно) уходит сам не только потому, что ок. 25-летний принцепс (переросток и недоросль в одном лице) охладел к нему (как и к Бурру, поскольку оба они были противниками Неронова бракосочетания с Поппеей), а и потому, что его время прошло-вышло. И если Бурра весьма своевременно прибрала к рукам смерть (будем надеяться, что естественная), то Сенеке, к-рому есть, что сказать миру и что оставить потомкам не на политическом Олимпе, не с исчерпанного им (однако до поры не исчерпавшего его) политического Олимпа, должно позаботиться об обеспечении безопасности собственного персонально-пенсионного досуга самому.

Наставник и первый сановник обращается к (республиканскому) повелителю, разумеется, с хвалой, к-рая расточается на протяжении всего монолога ходатай-просителя — искреннего приверженца Принципата как просвещённой республиканской монархии в абракадабрическом, но действенном и живучем (насколько показывает столетний на 60-е гг. Ив. н.э. опыт) августейшем духе-стиле.

Причём обращают на себя внимание стартовые хроноремарки: «Уже четырнадцатый год, Цезарь, как мне были доверены возлагавшиеся на тебя надежды и восьмой — как ты держишь в своих руках верховную власть. За эти годы ты осыпал меня столькими почестями и такими богатствами, что моему счастью не хватает лишь одного — меры...» (Ан. 14,53).

И действительно, уже 14-й год на принятую нами мартовскую весну 62г. идёт с тех пор как Сенеке было доверено в начале 49г. воспитание Нерона. Ведь Агриппина бракосочеталась с Клавдием 1.01.49г., и одной из первых своих инициатив вернула из корсиканской ссылки Сенеку, воспитательно доверив ему своё — на 12-м году жизни — драгоценное чадо. 8-й же год нахождения Сенеки у властного штурвала насчитывается весной 62г. с осени 54г., когда умер Клавдий.

Но наставник и премьер скромно умалчивает о собственных заслугах, вознося хвалу якобы переставшему нуждаться в наставничестве якобы зрелому воспитаннику, приводя при том, честно говоря, не очень удачные примеры с Агриппой и Меценатом, к-рые, с др. стороны, не могут не льстить Нерону, сравниваемому

тогда как Сенека покончил принудительным самоубийством в апреле 65г. на, вполне вероятно, 66-м году жизни! Не несёт ли Франц Иосиф свою немалую долю ответственности за трагическую судьбу Рудольфа, как и Сенека за судьбу Нерона!

И не напоминает ли ещё испанец Сенека злосчастливого вестготско-испанского короля Родерика (709-11гг.), к-рый 19.07.711г. проиграл арабо-берберскому воинству Омейядов, под предводительством Тарик ибн Зияда (карма Ч.Дарвина), катастрофическую битву при Гвадалете! Причём, если в течение всего 5-и лет после неё мусульмане захватили почти весь Пиренейский п-ов (за исключением крайнего севера), то на отвоевание оногo — героическая Реконкиста — христианам потребовалось почти восемь столетий!

(равняемому) с Августом. В 23г. до н.э. М.Агриппа, хоть и несколько обидевшись, не уединился в Митилене, на Лесбосе, отчалив туда, с позволения и волей Августа, чтобы не составлять в Риме конкуренцию кесарскому племяннику-наследнику Марцеллу, оснащённый широченными полномочиями «наместника Цезаря в местностях за Ионическим морем» = распорядителя восточной половины Империи (Р.л. 309-15).

И кстати, опять-таки, в 23г. до н.э. Меценат проболтался своей жене Теренции о проавгустовском заговоре её брата Мурены Варрона, при верховенстве Фанния Цециона, после чего (умевший дружить) Август стал, всего-навсего, осторожнее доверять болтливому другу секреты, никогда не порывая с ним близкую дружбу. При том, что сибарит и большой любитель чувственных наслаждений Меценат ещё с ок. 30 – 27гг., после победы и утверждения Принципата, дистанцировался от политики, сосредоточившись на насладительном времяпрепровождении в своём роскошном доме-дворце на Эсквилине (Р.л. 545). И это не было, в строгом смысле, дозволением ему Августа жить вдали от дел, не покидая Город.

Однако, повторим, Сенеке очень хочется сравнить Нерона с Августом, поставив в пример августейшее отношение к Агриппе и Меценату, сохранённое Августом до конца их дней, на что очень хочет надеяться в отношении к себе и Сенека. Образно выражаясь, он хотел бы иметь статус продолжавшего, когда надо, давать советы Августу и представлять искусства Мецената в период 23 – 8гг. до н.э.

Плюс к тому, если бездетный Меценат завещал всё своё богатство вернейшему другу Августу, умерев, то Сенека готов одарить любимого ученика и *amigo* Нерона накопленным богатством сейчас, когда он хочет уйти на философско-пенсионный покой – не по-английски, попросившись – щедрее некуда, и до слова об этом не перестаёт скромно-прескромно благодарить венценосного воспитанника.

Не достались ли Агриппе и Меценату, немало потрудившимся для Августа, – один – патетически в войнах и в Риме, другой – в Риме (где Меценат замещал полностью доверявшего ему Октавиана отсутственно), вполне заслуженные награды! «...А я что иное – звучит из уст Сенеки – мог предложить твоей щедрости, кроме плодов моих усердных занятий, взращённых, можно сказать, в тени и получивших известность лишь оттого, что меня считают наставником твоего детства, и это – великая награда за них. Но ты сверх того доставил мне столь беспредельное влияние и столь несметные деньги, что я постоянно сам себя спрашиваю: я ли, из всаднического сословия и родом из провинции, числюсь среди первых людей Римского государства? Я ли, безвестный пришелец, возблестал среди знати, к-рая по праву гордится предками, из поколения в поколение занимавшими высшие должности? Где же мой дух, довольствующийся немногим? Не он ли выращивал такие сады, и шествует в этих пригородных поместьях, и владеет такими просторами полей, и получает столько доходов с денег, отданных в рост? И единственное оправдание, к-рое я для себя нахожу, это то, что мне не подобало отвергать даруемое тобой» (Ан. 14,53).

Не просматривается ли в словах Сенеки почти *сицилианская* линия защиты: я не казнокрад и не коррупционер, не вмени мне в вину моё богатство, дарованное твоей (царской) милостью ныне, когда я добровольно ухожу, и не меняй милость на неприязнь или гнев, когда я (до поры не из жизни) уйду. Мол, – и ты, и я «уже исчерпали меру того, что принцепс может пожаловать приближённому, а приближённый принять от принцепса: всё превышающее её умножает зависть» (Ан. 14,54).

* * *

«Достигнув на жизненном пути старости – говорит о себе Сенека, разумея, что он недавно достиг, в данном контексте (*profana*), безусловно, 60-летия (но не эзотерического 63-летия *poroga*), что на весну 62г. н.э. дополнительно подтверждает

его рождение не в 4г. до н.э. (в каком случае ему в 62г. было бы аж 65 лет), а в 1г. до н.э. или в 1г. н.э. И дальше он, ссылаясь на старческие заботы-тревоги, деликатно отказывается нести (так сказать) бремя своего богатства, взывая к (так сказать) помощи кесаря. «Повели своим прокураторам распорядиться моим имуществом, включить его в твоё достояние. Я не ввергну себя в бедность, но отдав то, что стесняет меня своим блеском, я уделю моей душе время, поглощаемое заботою о садах и поместьях. Ты полон сил и в течение стольких лет видел, как надлежит пользоваться верховною властью; а мы, старые твои приближённые, вправе настаивать, чтобы ты отпустил нас на покой. И тебе послужит только к славе, что ты вознёс превыше всего таких людей, к-рые могут обходиться и малым» (14,54).

Да, Сенеке не откажешь ни в дипломатичности, ни в продуманном умении быть дипломатом, к-рый делает, покупая себе право на жизнь и безмятежную старость, предложение, от к-рого трудно отказаться. Прекрасно зная, насколько Нерон расточителен и жаден до чужих богатств, он сам отдаёт ему большую часть своего огромного состояния в 300 млн. сестерциев, оставляя за собой (некоторые?) сады и поместья. Дескать, ты, (взращённый мною) принцепс-кесарь, полон молодых сил, я тебя научил, чему мог, управляй-справляйся теперь без меня (всегда готового прийти на помощь при надобности). И позволь мне (сделав тебе обязывающий тебя, как охранная грамота, не препятствовать моему пенсионному покою подарок), многоучёному стойкому стоику, удалиться для спокойного (и безопасного для тебя) занятия собой и науками-искусствами от суетных, равно придворных или государственных, дел. Смотри (и помни), я ухожу, предлагая тебе своего рода *бракоразводный договор* на исключительно выгодных именно для тебя условиях!

Нерон ответил *любимому учителю* любезностями на любезности – обмен любезностями; и дифирамбами на дифирамбы – обмен похвалами (Ан. 14,55/56). Он тоже вспомнил Агриппу и Мецената, сначала сказав, что умением ответить без подготовки на заранее обдуманную речь обязан наставнику, к-рый, повторим, не слишком приобщал его к риторике, желая, как поговаривали, быть подольше незаменимым. И потому, к слову, так и не ставшего речистым Нерона, единственного из Юлиев-Клавдиев, не отличало умение общаться ни с сенатом, ни с народом. Причём не преуспевать в риторике/реторике для знатного римлянина было примерно тем же, что для баварца не быть любителем пива.⁶⁷

И опять некорректность. Агриппа, вопреки слову Нерона, не уходил на покой ни удалившись в 23г. в Митилену, ни, тем паче, став в том же году, после смерти Марцелла, соправителем-содиархом Августа, женившись в следующем 22г. на дочери кесаря – на Нероновой прабабке Юлии, и оставаясь деятельным августейшим совластителем до самой своей смерти в 12г. до н.э. Да и Меценат ушёл не столько на покой, сколько в наслаждения. Не лучше выглядит и указуемый Нероном Августов возраст, к-рый составлял 40 лет на 23г. до н.э., тогда как Нерону на 62г. н.э. идёт только 25-й год отроду, из-за чего они в этом смысле с Августом, сравнение с к-рым предложил Сенека, в разных возрастных категориях.

В отношении же богатств, Август никогда не отобрал ни у одного из своих фаворитов пожалованного им в награду. Дескать, – что скажут обо мне – аффектированное недоумение Нерона, – коли я приму твоё предложение насчёт твоего состояния: не скажут ли, что я отобрал у тебя или принудил тебя отдать мною же дарованное!

⁶⁷ Так юный Г.Гиммлер (с его очень дальневосточной, как, кстати, и Ф.Дзержинский, физиономией), не могучи (из-за болезни желудка) пить пиво, мучился комплексом неполноценности, но ещё больше его тяготило то, что он, родившийся в 1900г., не успел и не сумел ни стать офицером, ни повоевать в I-ю Мировую войну.

Нерон, и вправду многому научившийся у учителя, кокетничает, отвечая дипломатичным апломбом на дипломатичный апломб. «Твой меч и рука не оставили бы меня, если бы мне пришлось употребить оружие» – говорит он, соглашаясь на своё сравнение с Августом. Ведь Агриппа и Меценат (тоже участник, вместе с дружным ему Горацием, Акциию сражения) помогли Августу, в частности, мечом, в то время как Сенеке не приходилось брать в руки меч, а Нерон ни разу не сходил, несколько раз грозясь и собираясь, ни в какой, даже в потешный, как Калигула, военный поход.

Ты опекал, о учитель, «моё отрочество и затем юность (с 49 по 51гг. – до тоги *virilis* – отрочество; с 51г. – юность) вразумлением, советами, наставлениями. И то, чем ты меня одарил, пока я жив, не умрёт, тогда как предоставленные мною тебе – сады, поместья, доходы – подвержено превратностям. Пусть я был щедр к тебе, но ведь очень многие, не обладавшие и малой долей твоих достоинств, владели большим, чем ты. Стыдно называть вольноотпущенников, к-рые богаче тебя. И меня заставляет краснеть, что ты, к к-рому я питаю привязанность как к никому другому, всё ещё не превосходишь всех остальных своим состоянием» (14,55).

До какой всё-таки степени императорский Рим ориентализировался! Как будто вся эта словесная патока звучит не столько в Риме, сколько где-то на медоречивом Востоке «тысячи и одной ночи», и будто в кадре не римский мудрец и не римский принцепс, но всевластный халиф и его великий везирь! Причём касательно вольноотпущенников, к-рые богаче Сенеки, одного мы знаем: это – Паллант, отставной обладатель состояния в 400 млн. сестерциев, не предложивший, к месту заметить, оное к Нерону и как раз в 62г., чуть позже, ликвидированный (см. ниже), в связи с чем сенекианской предусмотрительности следует отдать должное.

Тем временем, диалог продолжается: «...ты вовсе не в таком возрасте, к-рый лишает возможности заниматься делами и наслаждаться плодами их, и мы ещё в самом начале нашего властвования» (Ан. 14,56). Оно и (пусть не к месту) верно: возраст в 60 лет, через к-рый (на март 62г.) недавно (или совсем не так давно) переступил Сенека, (в отличие от 65-и) лишь (по римским меркам-нормам) начало старости (ещё одно косвенное свидетельство в пользу рождения Сенеки в 1/1гг.).

И Нероном приводятся комплиментарные, приложительно к Сенеке, акцентирующие его позитив примеры как особо приближённого к Клавдию Вителлия, так и скопившего бережливостью огромное богатство Волусия. Л.Вителлий, к-рого Клавдий оставил за себя в Риме, отправившись в Британию (43г.), и позднее сделал своим соцензором (47/48гг.), трижды облакал кансульство-орд. – в 34, 43, 47гг., а Сенека всего один раз побывал консулом-суф. и ни разу не был цензором.

По поводу Волусия, неясно – о ком именно речь: о Л.Волусии Сатурнине-отце, соконсуле Квирина в 12г. до н.э., умершем в 20г. н.э.? или о его одноимённом сыне – префекте Рима, умершем (93-х лет отроду) в 56г. н.э.? Впрочем, огромным накопленным бережливостью богатством-состоянием известен именно (передавший его сыну) отец. И тут снова реверанс: Сенека сравнивается с почётным Клавдием большими почестями-регалиями, нежели он, Вителлием, и с именно бережливым, но не коррумпированным богатеем Волусием, что в пору нероновской борьбы с коррупцией есть не что иное как прозвучавшая из уст кесаря-принепса индугенция.

Дальше – больше. Звучат аффектированные риторические вопросы. Разве не ты, наставник, направляешь нас (наше величество) по правильному пути, когда мы кое-когда по легкомыслию молодости отклоняемся от него? не ты ли укрепляешь наши юношеские силы своей поддержкой? «И если ты отдашь мне своё достояние, если покинешь принцепса, то у всех на устах будет не столько твоя умеренность и самоустранение от гос. деятельности, сколько моя жадность и утраившая тебя

жестокость. А если и станут превозносить твоё бескорыстие, то мудрому мужу всё-таки не подобает искать славы в том, что наносит бесчестье другу» (14,56).

В заключение остаётся сказать, по-булгаковски, — «и прослезился»; точнее, в нашем случае уместнее число множественное — «и прослезились»! Потому что учитель вызвал почти слёзы у ученика, как ученик в ответном слове почти вышиб слезу, прожоя на незаслуженную (с его слов) пенсию многозаслуженного пестуна-наставника.

И, думается, в итоге они, несомненно, нашли приемлемые формы передачи Сенекой своего не всего состояния Нерону, к-рый от него отказывался, не намереваясь всерьёз отказаться, равно как силился удержать премьера от отставки, не собираясь всерьёз удерживать.

Короче, если Сенека хотел уйти не по-английски, чинно и небезвозмездно попрощавшись, то Нерон, приняв его щедрое прощание, сделал вид, что отпустил учителя с полнейшей гарантией не во всё, нуждаясь в нём, и не насовсем, как оно, увы, пусть не совсем по сказанному, в конце концов, и случится. А до поры и волки вроде сыты, и овцы (за невозможностью долее быть волками) целы.

Сенеке пришлось уйти не потому, что он больше не хотел жить с волками и выть по-волчьи, но потому, что у него не было другого выхода-выбора. И тем не менее, ему удастся очень достойно прожить последние три года, заложив именно в эти три года, более перекликающиеся с его юностью до тоги *virilis*, своё индивидуальное (пусть опять, увы, катастрофическое, т.к. он — индивид-катастрофа!) будущее, к-рое, несмотря на неверие этого старца-мудреца в бессмертие души, не начинается и не заканчивается одной жизнью!

По Тациту, он немедленно порвал с прежним сложившимся в пору его былого могущества образом жизни с ежедневными обращёнными к нему приветствиями нижестоящих, с появлением в общественных местах в сопровождении многих. И вообще с тех пор редко показывался в Городе, проводя время в основном в одном из (пары-другой) оставшихся (оставленных) за ним поместий, и — «ссылаясь на то, что его удерживают дома нездоровье или философские занятия» (14,56).

Увы, он слишком долго и близко стоял при тирании за тронном, слишком глубоко вошёл в политику и слишком высоко поднялся в ней, чтобы так легко навсегда откупиться от неё, чтобы так просто уйти из неё. Купленное право на жизнь окажется, целиком завися от повелителя, не бессрочным, окажется до естественной кончины не дотягивающим. Через три года возвращённый Сенекой тронный дракончик, превратившись в настоящего дракона, сожрёт его, даровав (любимому наставнику) последнюю царскую милость — гуманное разрешение покончить с собой вскрытием вен вместо рук палача и Гемоний (см. ниже).

УМЕРЩВЛЕНИЕ КОРНЕЛИЯ СУЛЛЫ И РУБЕЛЛИЯ ПЛАВТА

Тацит: «После падения Сенеки было нетрудно устранить и Фения Руфа, к-рому вменили в вину его близость к Агриппине. Между тем Тигеллин, день ото дня становясь влиятельнее и считая, что его безнравственность, на к-рой только и держалось его могущество, доставит ему ещё больший успех, если он свяжет с собою принцепса соучастием в преступлениях, начинает доискиваться, кто ему внушает страх, и узнав, что больше всего он страшится Плавта и Суллы, недавно сосланных: Плавт — в провинцию Азию, Сулла — в Нарбоннскую Галлию, обращает его внимание на выдающуюся знатность обоих и на то, что они находятся поблизости от расположения войск, Плавт — азиатского, Сулла — германского...» (Ан. 14,57)

Насчёт «устранения» Фения Руфа в такой тацитовской форме-интерпретации это — однозначное преувеличение, и просто ошибка. Фений был едва назначен в паре с Тигеллином на место умершего Бурра, и если бы Нерон хотел его «устранить» в смысле отстранить от дел, он его попросту не стал бы назначать. Возвращение к дуализму в префектуре praetorio (внешне — по августейшим лекалам), что кесари делали на своё усмотрение, преследовало у Нерона, как сказано, цель создать одному из префектов противовес в лице другого. А в остальном персонально не близкий или не настолько близкий Нерону Руф изначально рассматривался как рабочая лошадка, как префект № 2, без какого-либо иного влияния, изначально сделавшегося прерогативой именно лично близкого Нерону преторианского префекта № 1 — Тигеллина. Пора кончать с либеральным (или псевдо-либеральным) курсом, за к-рый стояли Сенека и Бурр!

И Тигеллин, засучив рукава, тотчас энергично взялся за дело, решив, без промедления, доказать кесарю, идя, само собой, навстречу его правильно угаданным пожеланиям (что должен уметь любой цербер) как свою сверхбдительность, к чему обязывал занимаемый им пост, так и свои действенность, необходимость, незаменимость. Он хорошо знал слабости подозрительного, недоверчивого, трусоватого хозяина, и следовательно, прекрасно понимал, — с чего, кого и как начать, какие козыри задействовать и на чём, набирая очки, сыграть.

Налицо два династически опасных конкурента Нерона, к-рые на конкуренцию не притязают, но к-рой и к-рых Нерон опасается. Женатый на старшей дочери Клавдия Антонии (сводный брат Мессалины) — Ф.Корнелий Сулла, и сын внучки Тиберия, Юлии Друзовны, от Рубеллия Бланда — (Г.?) Рубеллий Плавт. Оба на 62г. — ссыльные (см. выше): первый — с 58г. — в галльской Массилии; второй — с 60г. — в своих поместьях — в Азии.

Ни Бурр, ни Сенека не были против удаления Суллы и Плавта подальше от Рима, и наверное даже ратовали за оное вместе с Нероном (о чём, правда, античные источники молчат), не помышляя, наряду с тем, об их убийстве, зная безвредность обоих и считая ссылку для них мерой (ради гос. безопасности) вполне достаточной. Но разве способному ученику-венценосцу не должно превзойти своих архаичных наставников-учителей! Если Нерон хочет устранения обоих — и Суллы, и Плавта, то Тигеллин — не ровня умеренным Бурру и Сенеке. Он куда более предан «Его величеству»: он и видит опасность за много вёрст, и зрит в корень, и в состоянии предугадать любой приказ, и может предупредить-предотвратить любую, в т.ч., потенциальную-эвентуальную угрозу.

И он обращается с соответствующим представлением к Нерону (высказавшему, как бы, всего-навсего, опасение относительно этих двух ссыльных). Оба изгнанника чересчур знатны и находятся в непростительной угрожающей близости от мест большой концентрации войск, к-рые они могут взбунтовать. И неважно, что в данный момент всё тихо, бунт может вспыхнуть в любую минуту, почему следует нанести упреждающий удар.

Зачем, спрашивается, вообще держать в ссылке небезопасных потенциальных конкурентов? или тех, в ком видишь конкурентов? не правильнее ли пустить в ход безотказную проверенную формулу: нет людишек — нет проблем! Типичный образец поведения суперсервильного цербера при тиране, цербера, к-рый выслуживается, карабкаясь вверх, и говорит тирану то, что тот хочет услышать, и делает, без излишних рассусоливаний и обременительных формальностей, то, что тот хочет увидеть сделанным. А тиран, в свою очередь, оставляет за собой возможность всегда и всё, в случае чего, свалить на такого (сделанного, коли понадобится, козлом отпущения) цербера.

Вспомним, к примеру, неуёмного и чересчур исполнительного Н.Ежова во главе

карательных органов с 1936 по 1938гг., когда репрессии перехлестнули через край. Впрочем, в отличие от коротышки Ежова (кровавый карлик), использованного-выжатого Сталиным по максимуму и затем (как козла отпущения) ликвидированного, грязный ублюдок Тигеллин сумеет пережить Нерона и умудрится выжить, не разделив печальную участь множества нероновских креатур, также при Гальбе, вынужденный наложить на себя руки, как сказано, только при Отоне.

По поводу близости обоих названных ссыльных к войскам – аргумент, мягко говоря, притянутый за уши, или, говоря не мягко, – курам на смех. Ни в сенатской провинции Нарбоннская Галлия, где, в прибрежной Массилии (Марсель), обрелся Сулла, ни в сенатской провинции Асия на западе М.Азии, где поместно коротал дни Плавт, никаких легионов не было.

Более того, их не было и в ближней к Массилии Тройственной Галлии (Акви-тания, Лугдуна, Бельгика); войско из 8-и легионов стояло на рейнско-германской границе – в Нижней и Верхней Германиях (Кёльн и Майнц), под командой в 62г. неразлучных братьев Сульпициев Скрибониев (см. выше). Сходно и Асия была нелегионизированной (как все сенатские провинции) провинцией *inermis*, через Галатию от к-рой, аж из Каппадокии, на 62г. тремя легионами (хреново) распоряжался в Армении Цезенний Пет, между тем как ещё 3 легиона стационарировались под командой Корбулона в Сирии. Следовательно, если руководствоваться подго-ночной логикой Тигеллина, в Империи просто-напросто не было мест, распо-ложенных не в опасной близости от легионов, разве что Плавта и Суллу надлежало оставить в Риме/Италии.

Причём Тигеллин уверял, что он в состоянии гарантировать безопасность прин-цепса в Риме, однако не при наличии живых Суллы и Плавта на дальней пери-ферии, могущих, дескать, силами мятежных войск в любую минуту двинуться на Рим, и тогда, мол, будет уже поздно. Мало того, он рекомендовал не обманываться ни бедностью и бездеятельностью Суллы, ни притворными поисками покоя и уединения Плавтом, вменив, к тому же, последнему, высокомерие стоической шко-лы, с явным, вдобавок, намёком ещё и на (постоянно возникающего в сенате) Тразею Пета с (дружным ему) Сенекой (произносить имена к-рых, т.е. Тразеи и Сенеки, вслух было до поры не обязательно).

И опять всё в Тигеллиновых доводах шито белыми нитками. Ни Сулла, ни Плавт, нигде не зарекомендовавшиеся полководчеством, не имели никакой опоры-поддержки в войсках. Германские легаты – братья Сульпиции, к-рых Нерон вызовет в 67г. в Грецию, чтобы ликвидировать и завладеть их богатством, примыкать к бездеятельному массилийскому Сулле, даже если бы он захотел, отнюдь не намере-вались. А разбиравшимся с парфянами и армянами Пету (Каппадокия) и Корбулону (Сирия), к-рого Нерон тоже вызовет в 67г. в Грецию для его ликвидации, было – в крайне неудачном для римского воинства 62г. на армянском Востоке – и вовсе не до стоически философствовавшего в Азии Плавта. Главное же, ни Сулла, ни Плавт бунтовать ради принципатовской короны, весьма далёкие от мыслей о ней и к бунту малоприводные, никак не планировали.

Тем не менее, и Нерон, и Тигеллин сошлись в желании-стремлении устранить обоих. Пусть (на всякий пожарный случай) и зять Клавдия, и правнук Тиберия, оба репрезентанты клана Augustana, навсегда исчезнут перед намеченным разводом Нерона с Октавией и браком (мезальянс, к-рый могут использовать враждебные кесарю силы) с Поппеей, как с любой, в частности, ссыльной сцены, так и (уж не обессудьте: ничего, как говорится, личного) из жизни.

Сказано – сделано. Тигеллину был дан карт-бланш, и одна группа убийц (из преторианцев) отчала в Массилию, другая взяла курс на Асию. Притом, судя по тому, что вторая насчитывала, как Тацит говорит ниже, 60 (манипула) воинов (Ан.

14,59), вероятно, столько же включала и первая. До Массилии снаряженцы добрались, видимо, из Путеол, на 6-й день (14,57), и, не медля, зарезали возлежавшего — ни сном, ни духом — за обеденным столом (никчемного бездельника) Суллу — квелого мужа в возрасте ок. 40 лет (Т.Г. 606). Голову убитого доставили в Рим, и как мы уже отмечали выше, Нерон, взглянув на неё, издевательски произнёс, что её портит ранняя седина.

До Плавта надо было добираться дольше. Причём по Городу поползли (с подачи Тигеллина?) слухи, будто он «отправился к Корбулону, начальствовавшему тогда большим войском» (Ан. 14,58), к-рый, дескать, окажет ему помощь, чувствуя опасность и для себя. Увы, Корбулон — военный, но не политик, не распознает опасность до — не то, что Плавтова, но и — собственного самоубийственного конца в 67г., когда явится к Нерону, по императорскому вызову, в Грецию, напрасно веря-надеясь, что обеспечил-гарантировал верностью и безупречной службой себе безопасность.

И всё-таки, в отличие от Суллы, к-рого никто ни о чём не предупредил, Плавт был предупреждён своим вольноотпущенником, к-рый благодаря свежему попутному ветру, опередил спешивших по Плавтову душу преторианцев, привезя ссыльному письмо его тестя Л.Антистия Вета (конс. 55г.), кто предлагал зятю: «пока не исчерпана возможность борьбы, он не должен без сопротивления отдавать свою жизнь; уважение к его славному имени доставит ему поддержку честных людей, и он сплотит вокруг себя смелых...» (14,58).

А дальше мы узнаём, что общество ссыльного Плавта в Азии разделяли учёные стоики — грек Керан (кого Плиний называет среди своих греческих источников ко II-й книге «Естественной истории»), и грекоязычный римлянин, всадник родом из Волсини в Этрурии (Ист. 3,81), — Музоний Руф (ок. 30 — ок. 108г.) — учитель Плиния Мл. (Ер. 3,11), Минуция Фундана (конс.-суф. 107г.), Эпиктета (см. ниже). По Тациту, оба, и Керан, и Музоний, советовали Плавту «предпочесть мужественную смерть жизни в неуверенности и страхе» (14,59). Для стоиков такой выбор, за к-рый обеими руками голосует и Сенека, был в порядке вещей.

Убийцы застали Рубеллия в полдень раздевшимся для гимнастических упражнений. И он со стоическим мужеством принял пришедшую за ним смерть. Поразительно, что его поразил центурион «в присутствии евнуха Пелагона, к-рому Нерон подчинил центуриона с манипулом как телохранителей при царском уполномоченном» (14,59). До чего докатился Рим: центурион с воинством в подчинении у приставленного к ним, вернее, поставленного над ними близкого к кесарю евнуха! Спрашивается: чем принципат не султанат, или не шейханат?!

У безоружного изгнанника Плавта не было, вопреки советам-призывам тестя, шансов на чью-либо помощь: ни города Азии, ни Корбулон или Цезенний Пет, по горло занятые в 62г. парфянами и армянами, да и без парфян с армянами, на его призыв не откликнулись бы. Вместе с тем, в основе его непротivления лежала, помимо стоического кодекса чести, надежда, что, в сём случае, Нерон пощадит его жену и детей. И пощадил, хотя жену лишь до 65г., когда она совместно с отцом, Антистием Ветом, и его тещей Секстией, покончат, предупреждая казнь, самоубийством (см. ниже).

А сейчас голову ок. 28-летнего Плавта, сходно голове Суллы, также доставили в Рим. Тут в тексте у Тацита лакуна, в то время как согласно Диону (62,14,1), реакцией (лицедея) Нерона на неё были слова: «И ты (Нерон) боялся этого носатого малого?»; или: «Я и не знал, что у него настолько длинный нос».

Так всё сладилось. Ни официальных обвинений, ни суда, ни приговора. Кесарская юстиция по беспределу. Хочу — казнь, хочу — милую. Казнить, нельзя помиловать. Или правильно сказать — убить, потому что, извините, — нельзя не

убить. Гос. резоны-интересы, тождественные резонам-интересам кесаря, того требуют и они превыше всего. Долой былое, вперёд и глубже – в кишки дьявола! Да здравствуют тирания, гедонизм и терроризм!

Произошло же всё это, т.е. сначала убийство Корнелия Суллы, и потом, немного позже, – Плавта, в марте/апреле 62г. н.э. После этого Нерон, фактически запечатав-опечатав сравнительно-относительно либеральный период своего, в мирном сожительстве, при Сенеке и Бурре, с сенаторско-всаднической элитой, правления, и утвердив фактически террористическую в отношении к элите диктатуру, счёл, что теперь, с ликвидацией т.н. династических конкурентов, все препятствия для развода с Октавией и брака (вместо конкубината) с Поппеей преодолены-устранены.

Впрочем, сперва сенату было направлено неподражаемое послание, в к-ром принцепс, опуская умерщвление Суллы и Плавта (как будто этого не было вовсе), горько посетовал на исполненность обоих мятежным духом, присовокупив, что он зорко следит за безопасностью государства. И отцы-сенаторы в ответ, почувствовав себя обязанными подыграть скоморошеству кесаря, отреагировали соответственно, назначив благодарственные молебны и исключив (уже) мёртвых Суллу с Плавтом из состава сената: «издевательство – как говорит Тацит – ещё более гнусное, чем само злодеяние» (58,59).

БРАК НЕРОНА С ПОППЕЕЙ И УБИЙСТВО ОКТАВИИ

Ликвидировав руками Тигеллина Суллу и Плавта оперативно, расторопно и без затруднений-возражений с чьей-либо стороны, полностью поддержанный сервильным сенатом Нерон глубоко уверился в собственных вседозволенности, величии, непогрешимости. Ему всё сходит с рук, никаких, как и после убийства Агриппины, протестантов ни от какого сословия, ни из какого лагеря нет (о письме Антистия зятю кесарь, естественно, не узнал). Значит, вперёд и с песней (к победе коммунизма по трупам), – отрываемся по полной!

А сенаторам, несмотря на совсем недавнее первое применение при Нероне мрачного закона «Об оскорблении величия/величества», казалось, что устранение кесарем двух династических конкурентов (мол, внутренние придворные разборки) дальнейшему (затянувшемуся) мёдовому месяцу между Нероном и ими, отцами нации, невзирая на некоторые сбои, серьёзно не угрожает. Да и старперы-пенсионеры Бурр с Сенекой римской элите порядком поднадоели. За истекшее время сенат успел омолодиться-обновиться и, во многом, забыл о террористическом беспределе времён Тиберия или Калигулы, так как при Клавдии эта нелицеприятная сторона эпохи *кесарева безумья* проявлялась в менее контрастной мере и не проявлялась с 54 по 62гг. при Нероне.

Тем временем, Нерон, убрав, как ему виделось, с пути все препятствия, тотчас дал развод Октавии, – «объявив, что она бесплодна» (Ан. 14,60). И, согласно Светонию, «через 12 дней после развода» (Нер. 35,3) сочетался браком с Поппеей. Они спешили, им, и прежде всего, разумеется, ей, надоели отношения на уровне конкубината, т.е. ей претило быть и дальше кесарской наложницей, даром что многовластной, при живой императрице. Не пора ли вступить в законный брак! не пора ли превратить де-факто и в де-юре!

Причём из того факта, что их общий ребёнок, принцесса Клавдия, родится 31.01.63г., о чём свидетельствует жертвоприношение Арвальских братьев за счастливое разрешение Поппеи от бремени – *pro partu et incolunate* (CIL 6,2043), мы можем сделать вывод, что бракосочетание между Нероном и Сабиной состоялось в апреле 62г. н.э. Брачная пара чаяла занять легитимного наследника – не только

рождённого, но и зачатого в законном браке. Вспомним, какое значение, например, Август придавал не только дню своего рождения под знаком Весов – 23.09.63г. до н.э., а и отсчитанному на 9 месяцев назад дню своего зачатия (incarnatio) под знаком Козерога (к-рый он чеканил на монетах) – 23.12.64г. (Свет. «Авг.» 94,12).

Правда, Поппее всего этого было мало, ибо Октавия, даже как разводно отринутая никогда не любившим её супругом брошенка, была у неё бельмом в глазу. Кроткая, бесстрастная и смиренная, потерявшая сначала казнённую мать, затем отравленных отца и брата, последнего у неё на глазах, научившаяся молчать и ушедшая в себя, научившаяся скрывать горе, страх и не выказывать своих чувств, будучи полной противоположностью чувственной, расточительной и алчной Поппеи, она, мать к-рой Мессалина угробила Поппею Старшую, глубоко несчастная, самим фактом своего существования бесила Поппею Младшую.

Притом в лице Октавии перед нами, пожалуй, одна из самых несчастливых венценосиц в истории, к-рой корона принесла лишь горе и, в конце концов, смерть. Ей брачно назначили Нерона, на его 16-м году жизни, в мужья в 53г., в возрасте 13-и лет, безо всякой любви, в династическом браке исключительно по расчёту, чтобы легитимизировать его тронные права. Они с мужем ни по каким мерилам не подходили друг другу, и она почти сразу опротивела-опостылела ему. То ли природа, то ли безудержный патологический разврат столь отличной от дочери её матери Мессалины, сделали дочь, кто производит впечатление не столько императрицы, сколько девственной весталки, своеобразным антиподом большинства светских римлянок той эпохи. И хотя ни один античный источник не называет её уродливой, понятно, почему она была столь чужда, вызывая у него аж отвращение, гипертрофированному гедонисту-сладогостратнику Нерону, к-рый предпочёл ей бывших на порядок старше и опытнее его как по жизни, так и в постели, сперва – вольноотпущенницу Акте, потом – поймавшую его в ласковые любовные сети Поппею.

Удивительным образом именно две Октавии – младшая любимая сестра Августа и дочь Клавдия, на старте и финише династии Юлиев-Клавдиев, стоят выше всех остальных представительниц, да и представителей, этого императорского клана. Впрочем, судьба второй из них, убитой спустя 72 года после кончины первой (11г. до н.э.), оказалась куда трагичнее.

Не удовлетворённая разводом и браком Поппея обвинила отставленную соперницу, к-рую не перестала считать соперницей-конкуренткой, в прелюбодейной связи с рабом – неким александрийцем Эвкером – искусным флейтистом (Ан. 14,60). Костолом Тигеллин взялся за допрос рабынь Октавии, и «некоторые из них были настолько истерзаны пыткой, что подтвердили подлый навет; большинство однако отстаивало безупречность целомудрия своей госпожи» (14,60). А одна рабыня и того хлеще, – бросила главному церберу в лицо, что лоно её госпожи чище, чем его грязная пасть.

И всё-таки, Октавию, под предлогом развода, не мешкая, удалили из Палатинского дворца (не могла же Поппея оставаться с ней под одной крышей, пусть даже дворец был настолько просторным, что, при желании, две женщины вполне могли в нём не встречаться), предоставив ей (как бы почётно отставленной) во владение, стало быть, отошедшие по смерти их владельцев к кесарю, дом совсем недавно умершего Бурра и поместья совсем недавно убитого Плавта. А это уже само по себе (являясь тонким намёком на толстые обстоятельства) не предвещало их новой опальной обитательнице ничего хорошего. Минимум дурная примета.

Далее же, очень недолго продержанную в давешнем Бурровом доме экс-императрицу отправили в ближнюю Кампанию, видимо, в давешнее Плавтово поместье. Впереди маячил однозначный конец, но сценическая оперетка продолжалась. Нерон не мог не быть сценаристом, режиссёром, актёром, импровизатором. Считая,

что все люди порочны и только умело скрывают свои пороки, он упивался постановкой. Хотя в деле Октавии смертная инициатива принадлежала не столько ему, сколько непримиримой Сабине.

И тут ей подфартило. Развязка была ускорена от обратного. Римский плебс любил Октавию, видя в ней доброго ангела Нерона и чтя за то, чего не было ни в нём самом, жадном до хлеба и зрелищ, ни в любимом римлянами щедром гедонисте Нероне. Воспринимаемая как олицетворение староримской женской добродетельности, Октавия выгодно отличалась в глазах простых граждан от неутолимой-ненасытной Поппеи. И едва несчастную брошенку, к-рой народ горячо сочувствовал, удалили, по Городу поползли слухи – «будто бы раскаявшийся в дурном поступке Нерон снова признал Октавию своей супругой» (14,60).

Это привело к стихийному сборищу на Капитолии, к благодарственным молитвам и к опрокидыванию в ходе демонстрации статуй Сабины, к-рым противопоставилось несомое на плечах изображение Октавии. Люди не понимали, что подобным поведением они ускоряют поставление в её несчастной судьбе последней точки.

Толпа двинулась на Палатин, приветствуя принцепса в паре с Октавией и, соответственно, в пику Поппее, ярость к-рой нетрудно представить. Преторианцы разогнали демонстрантов, но Поппея, со своей стороны, немедля припала к коленам Нерона, – «говоря, что для неё дело идёт уже не только о том, чтобы отстаивать своё супружество с ним, хотя и оно ей дороже жизни, но самую жизнь от угрожающих расправиться с ней клиентов и рабов Октавии...» (Ан. 14,61).

Они оба в опасности, – продолжала она, – стоит лишь Октавии покинуть Кампанию и направиться в Рим, где у толпы может обнаружиться предводитель, и начнётся смута. И не она ли, Поппея, даст законных наследников пенатам Цезарей, в то время как от Октавии, если кто и родится, то отпрыск египетского флейтиста.

Нерон знал, что Октавия неповинна в грехе прелюбодеяния и что она не собирается ни бунтовать, ни конспирировать-интриговать против него. Однако её именем могут прикрыться враги, её могут использовать и вслепую – не сейчас, так позже. Посему, Поппея права: Октавии не должно дольше жить. Комедия (и заодно – трагедия, или для полного комплекта – трагикомедия) сыграна-отыграна, занавесу пора падать, и откладывать развязку больше незачем.⁶⁸

* * *

В дело опять пошёл убийца Агриппины, адмирал Мизенского флота Аникет, встреч с к-рым кесарь после матереубийства избегал, более того, по меткому замечанию Тацита, проникся к нему «глубокой ненавистью, ибо пославшие на преступления видят в их исполнителях живой укор для себя» (Ан. 14,62). И всё же незаменимый в самых шекотливых ситуациях-обстоятельствах и Наверное именно поэтому не ликвидированный, этот оставленный в живых про запас дядька кесаря вновь понадобился, почему вновь был призван.

При этом, на сей раз, – не для убийства. По указанию Нерона, обещавшего ему щедрое вознаграждение и безбедную жизнь вне Италии, он дал ложные показания, признавшись в мнимом прелюбодеянии с Октавией, вслед за чем был отправлен в изгнание на Сардинию, – «где безбедно проживал в ссылке и умер естественной

⁶⁸ «Жизнь – театр, а люди в нём – актёры», или «Вся жизнь – театр, а люди все – актёры». Этих положений, авторство фраз относительно к-рых за Шекспиром, ещё задолго до Шекспира придерживался тронный лицедей Нерон. Или опять Шекспир о театре и о зрителях: «Если у вас есть слёзы, приготовьтесь пролить их».

смертью» (14,62).⁶⁹ Добавим, — умер, вероятно, до Нероновой гибели, так как в противном случае ему вряд ли удалось бы пережить 68/69гг., когда расправлялись с приспешниками Нерона.

Между тем, получив нужное признание Аникета, кесарь издал указ, инкриминировав Октавии, будто она, «дабы располагать флотом, соблазнила его префекта и, побуждаемая преступностью этой связи, пресекла беременность (он забыл своё недавнее утверждение, что она бесплодна)» (Ан. 14,63). Так в деле появилась политическая составляющая и Октавию заточили на острове Пандатерия, на к-ром томились сначала дочь Августа Юлия, затем её изведённая там дочь Агриппина, и потом ещё, судя по слову Тацита, о «Юлии, сосланной Клавдием», в кадре — либо Юлия Ливилла, мл. сестра Агриппины, убитая интригой Мессалины в 42г., либо дочь сына Тиберия — Друза, убитая в ссылке, опять-таки, инициативой Мессалины, в 43г.

При всём том, Тацит верно оговаривает, что все названные женщины успели «испытать радости жизни, и безотрадное настоящее (в подстражном изгнании) облегчалось для них воспоминанием о бывшей, лучшей, доле. А для Октавии день свадьбы сразу же стал как бы днём похорон: она вступила в супружество, не принесшее ей ничего, кроме скорби: посредством яда у неё был отнят отец, а вскоре после того и брат; затем над госпожою взяла верх рабыня; потом Нерон, вступив в брак с Поппеей, тем самым обрёк свою прежнюю жену гибели, и, наконец, — последнее обвинение, к-рое тягостней самой гибели» (14,63).

Ниже в «Анналах» сказано, что томившаяся на Пандатерии в окружении центурионов женщина не достигла ещё 20-летнего возраста (14,64), но здесь тацитовская ошибка, поскольку на дворе май/июнь 62г., а Октавия была старше своего брата Британника, родившегося 25.02.41г., т.е. она родилась в первые месяцы 40г. и вышла за Нерона замуж в 53г. в возрасте 13-и лет, не могучи родиться в 42/43гг. и стать замужней женщиной в 10/11 лет (римлянок выдавали замуж не ранее, чем с 12-летнего возраста). Иначе говоря, ей было на май/июнь 62г. 22 года отроду.

«Прошло немного дней и ей объявляют, что она должна умереть...» (14,63). Она успела возвать к милосердию Нерона, сказав об их общих предках, о её готовности и согласии быть просто сестрой принцепса — как дочь Клавдия, к-рому Нерон приходился приёмным сыном. Она-де ни на что не притязает и никому не угрожает. Тщетно. Вопрос решён и места среди живых ей нет!

«Её связывают и вскрывают ей вены на руках и ногах; но так как стеснённая страхом кровь вытекала из надрезанных мест слишком медленно, смерть ускоряют паром в жарко натопленной бане. К этому злодеянию была добавлена ещё более отвратительная свирепость: отрезанную и доставленную в Рим голову Октавии показали Поппее. Упомянуть ли нам о том, что по этому поводу сенат определил

⁶⁹ Надо сказать, что у Аникета имелись все основания смеяться на Сардинии сардоническим смехом, и ещё больше оснований — поделом умереть-окочуриться от этого смеха, хотя он вряд ли от него умер. Впрочем, если сегодня сардоническим называют злорадный, жестокий смех, то в Древней Греции так, следуя одной из современных версий, называли смех людей, смеявшихся в момент своей гибели. Согласно Павсанию (10,17,3), у источников на о. Сардиния произрастает растение, схожее с сельдереем, вкушая к-рое, люди охватываются конвульсиями, смеются против воли и умирают, смеясь. Полагают, что речь идёт о растущем на Сардинии нейротоксичном омежнике, к-рый использовался в древности для ритуального убийства неспособных далее обходиться без сторонней помощи пожилых людей. Или, по др. версии, выкованный Гефестом на Сардинии быкоголовый медный страж Крита Толос, когда сардинцы вторглись на Крит, раскалил себя докрасна и уничтожил их, злобно смеясь. А у Гомера вернувшийся на Итаку Одиссей, ссорясь с одним из женихов Пенелопы, оскорблённый им, сардонически улыбается (20,300).

дары храмам? Да будет предуведомлен всякий, кому придётся читать, — у нас ли, у других ли писателей, — о делах того времени, что сколько бы раз принцепс ни осуждал на ссылку или на смерть, неизменно воздавалась благодарность богам, и то, что некогда было знаменем счастливых событий, стало тогда показателем общественных бедствий...» (Ан. 14,64)⁷⁰

Если сам эксцентричный Нерон больше похож на Калигулу, то расправы при нём, пусть не медлительные, больше напоминают тиберианские. И неспроста ярому врагу деспотии, но не безальтернативного принципата пессимисту Тациту, к-рый провидит тяжело ранящие его закат и деградацию Рима, наиболее удались портреты именно Тиберия и Нерона (портрет Калигулы, к сожалению, до нас не дошёл), к-рых великий историк, при всей своей тенденциозности, избличил — как отпетых деспотов — поистине мастерски.

И обратим ещё раз вместе со скорбящим и предупреждающим современников с потомками Тацитом внимание на то, в какой мере Рим поставгустейших Юлиев-Клавдиев превратился-выродился-скатился в эллинистическо-восточную деспотию. Гнетомый мрачными предчувствиями Тацит пишет в пору Траяна и Адриана, т.е. в «золотой век» Антонинов, и ему, травмированному недавней тиранией Домициана (ставшей своего рода резонансным отзвуком-дежавю юлианско-клавдианского беспредела), отлично от поверхностного оптимиста Светония, для к-рого всё худшее необратимо в прошлом, очень важно поставить отцам-сенаторам на вид, в какое презренное ничтожество, в какого лебезятнически ползучего гада обращается сервильный сенат (совет старейшин, преобразившихся в дрессированных шимпанзе!) при подобного рода тоталитарном произволе. Коли невозможно вернуть полноценную Респблику, то надо хотя бы держать принципатовскую марку, и ни принцепсу, ни сенаторам не переходить красную черту.

Но, как не со вчерашнего дня ведомо-известно, история имеет свойство повторяться, причём преимущественно в худших её проявлениях. Коротких «золотых веков», или т.н. золотых веков в ней, согласитесь, не так уж много. И переживаются они людьми, народами, странами, как правило, вовсе не в настоящем, а посредством оглядки в искусственно идеализируемое прошлое в сравнении с худшим настоящим. Это как человеческое счастье, к-рого обычно человек не переживает в настоящем, либо ностальгируя по нему в былом, либо надеясь на него в будущем.

Главный урок истории, по-прежнему, остаётся в том, что, не ведая в большинстве о существовании метаистории и игнорируя духовную составляющую историко-метаисторических процессов, люди продолжают не извлекать из исторического опыта никаких уроков, с тупым постоянством повторяя, даром что в различных формах, совершённые не раз и не два ошибки или преступления, вновь и вновь выкладывая-прокладывая пресловутыми благими намерениями дорогу в ад. И потому история человечества, к-рая идёт вперёд и поступательно (западное переживание), и циклически (восточное переживание), продолжает представлять собой, в очень значительных масштабах, совокупность того, чего можно было бы избежать.

Столь беспардонное убийство агнично кроткой Октавии, к-рую жадный хлеборезлищный Рим любил, как порок любит и ценит чистоту, несколько пошатнуло приверженность к великому популисту Нерону среди части народа. Деспотичную и высокомерную Пoppею римляне, наоборот, как замечено, по меньшей мере, недолюбливали, и теперь в особенности полагали, что она будет плохо влиять на и без

⁷⁰ О трагедии Октавии см. начатую Сенекой и законченную-отредактированную анонимным автором после его смерти и падения Нерона трагедию «Октавия» (783; 823); Евтропий (7,14); «Схолии к Ювеналу» (8,215); Зонара (11,12).

того необузданного молодого супруга-денди, к-рого, дескать, Октавия, в отношении чего римский люд заблуждался, своей кротостью укрощала-сдерживала. Но то были лишь первые противнероновские ласточки снизу, поскольку в целом позиции Нерона оставались пока сильными-крепкими. Первоубийцей Октавии в глазах народа (не на пустом месте) представляла Пoppея. Чёрнь любит весёлых и щедрых (плюс — денди) владык, да и общий декаданс римлян шёл в одном русле-ритме с персональным нероновским.

А то, что в верхах начался террористический беспредел, так народу до этого, по большому счёту, когда ублажается тело, нет дела. Вдобавок к тому, когда диктаторы чистят верхи, низы обычно злорадствуют. Нехай добрый «народный царь» держит в кулаке и страхе всегда повинных во всех бедах «злых бояр», нехай карает их, милуя и одаряя нас. Не всегда, когда барские головы летят, у холопов трещат чубы! В низах никаких перемен к худшему в 62г. не последовало, напротив, было проявлено больше заботы о народе (см. ниже).

Касаемо же даты убийства несчастной Октавии, в к-ром Нерон будто бы и не главный виновник, ведь он (всего-навсего) уступил настояниям Пoppеи, это преступление, по всему, произошло 9.06.62г., ибо Светоний, пишучи о самоубийстве в 68г. самого Нерона, однозначно утверждает, что «случилось оно в тот самый день, в к-рый он убил когда-то Октавию» (Нер. 57,1). День смерти Нерона — 9.06.68г., и, значит, *весталка* Октавия, к-рая неспроста будет в 68г. сниться загнанному Нерону увлекающей его в чёрный мрак (Свет. «Нер.» 46), была убита шестью годами ранее в день целомудренной богини-хранительницы домашнего очага Весты, в день праздника Весталий.

Впрочем, при детальном рассмотрении, по рассказу Тацита, событийной последовательности с начала 62г., создаётся впечатление некоторой чрезмерной скученности, словно, в случае гибели Октавии в день 9.06., на всё про всё недостаёт немного времени. М.б., Светоний или его информатор ошибся и ретроспективно перепутал дату 9 июля — Iulius, когда погибла Октавия, с датой 9 июня — Iunius, когда впоследствии погиб Нерон?

Однако, это лишь зыбкое очень подвопросное предположение, так как означенные события, несмотря на некоторую скученность, всё-таки, в чём мы, проследив их шаг за шагом, удостоверились, в названный интервал времени вполне укладываются. Кроме того, повторим, и Пoppея умерла три года спустя, в 65г., если не точь-в-точь 9.06., то, при всех случаях, в первой половине июня, ок. этого времени, как отпетая вакханка — в праздничную пору Весты (см. выше и ниже).

РАЗНОЕ

В заключительном 65-м абзаце 14-й книги «Анналов» говорится об умерщвлении ядом «в том же году» «виднейших вольноотпущенников — Дорифора, якобы противодействовавшего браку Нерона с Пoppеей, «и Палланта, «и Палланта, к-рый, дожив до глубокой старости, удерживал за собою огромное состояние».

По поводу Дорифора, читатель помнит, что под 54г. эпитамированный Дион (61,5,4) сообщает о либерте Дорифоре, кому Нерон, едва придя к власти, отвалил в подарок аж 10 млн. сестерциев, и в ответ на несогласие Агриппины, велевшей наглядно продемонстрировать транжиристу сыну грудой монет, как это много, дарственную сумму, поразившись тому, насколько она мала, удвоил (см. выше). Так вот речь, вероятно, идёт о том самом Дорифоре, мнимом, по Тациту, противнике брака кесаря с Пoppеей. Т.е., — следует сделать вывод, — ныне Нерону захотелось вернуть себе некогда подаренную Дорифору сумму, к-рую последний,

б.м., ещё удвоил-утроил. И отсюда в ход пошло надуманное обвинение насчёт противодействия зарвавшегося фаворитарного либерта кесарскому браку.

Правда, заковыка ещё в том, что Светоний говорит о некоем Дорифоре, тоже вольноотпущеннике, за к-рого Нерон «вышел замуж, как за него — Спор, крича и вопя, как насилюемая девушка» (Нер. 29). Но, по всей видимости, именно сей «Дорифор» в амплуа Неронова супруга (тогда как Неронов брак с кастрированным им мальчиком Спором, к-рый был удивительно похож на покойную с 65г. Поппею, имел место в 66/67гг. в Греции), фигурирует у Тацита в 64г. под именем «Пифагор» (Ан. 15,37). Таким образом, во-первых, скорее, Светоний путает Дорифора с Пифагором и тут прав Тацит, а во-вторых, буде даже мужика, с к-рым Нерон в 64г. вступил, обезьянничая, в замужество, звали Дорифором, он, по всякому, не идентичен богатому либерту Дорифору, изведённому в 62г. ядом.

Что же касается хорошо знакомого нам (брата Феликса) Антония Палланта, дожившего до старости и, всё-таки, аналогично спроваженного в мир иной ядом, он, обладатель гигантского состояния в 400 млн. сестерциев, отпущенный-отправленный кесарем на пенсионный покой с клятвенными гарантиями неприкосновенности, в дополнительных рекомендациях не нуждается. Нерон не мог рано или поздно не позариться на его богатство. То-то обладатель состояния в 300 млн. сестерциев Сенека, уходя на пенсию, дальновидно отдал бо́льшую часть того, что имел, Верховному, что, тем не менее, в перспективе его не спасло.

И кстати, эта траурная перспектива явно наметилась в 62г., когда некто Роман, надо понимать, очередной наглый вольноотпущенник, обвинил Сенеку в противонероновском сообщничестве с Г.Кальпурнием Пизоном, с тем самым, у к-рого в 37г. увёл жену Ливию Орестиллу позднее сославший их обоих Калигула, к-рый, т.е. Пизон, консульствовал в неизвестном году и наместничал в Далмации при Клавдии, и к-рый станет главной фигурой заговора Пизона в 65г. (см. выше и ниже). Но не сейчас, ибо, согласно Тациту, Сенеке удалось одолеть доносчика, обвинив его, по формуле «сам дурак», в том же, иначе говоря, в противонероновском заговоре, и сенекианское обвинение взяло верх. Ведь до поры Нерон демонстрировал всяческое почтение к пенсионированному наставнику.

Время перечисленных событий, следует умозаключить, лето 62г., после убийства Октавии, так как ниже, поведав в главах 9-17 Ан.15 о римско-парфянско-армянских коллизиях, вершившихся в течение 62г., Тацит снова возвращается к событиям в Риме, произошедшим, вероятно, уже летом/осенью/зимой 62г.

А теперь перейдём к событиям, совершившимся в 62г. на восточных границах Римской империи, в Армении и вокруг неё, предварительно напомнив читателю, что первые 8 глав-абзацев Ан.15 освещают вышеразобранную нами событийность до зимы 61/62гг., с прибытием во второй половине 61г. в Каппадокию завязанного фанфарона Л.Цезенния Пета, к-рый (завистник взявшего в 58/59гг. Арташат и Тигранакерт Корбулона — с 60г. легата Сирии), получив под команду три легиона (в то время как другие три восточных легиона подчинялись Корбулону), предпринял показушный-показушеский милитантный рейд по-на части территории Армении и браво возвратился назад в Каппадокию, доложив в Рим о якобы одержанной им немалой победе.

РИМ / ПАРФИЯ / АРМЕНИЯ

«Между тем Корбулон, никогда не оставлявший свою заботой берег Евфрата, усилил его оборону расставленными невдалеке друг от друга сторожевыми постами; и чтобы вражеская конница не препятствовала постройке моста (а на противо-

положной границе уже рыскали значительные её отряды), он воздвигает на реке отличавшиеся большими размерами и скреплённые между собой брёвнами корабли с возведёнными на них башнями и отгоняет варваров с помощью катапультиров и баллист, метавших камни и копья на расстояние, намного превышавшее дальность полёта вражеского метательного оружия. После того как мост был доведён до конца, холмы на противоположном берегу заняли сначала союзнические когорты, а затем на них расположились лагерем легионы. Это было выполнено с такой быстротой и столь внушительными силами, что парфяне, оставив намерение вторгнуться в Сирию, все свои надежды перенесли на Армению, где Пет, не подозревая о нависшей над ним угрозе, держал V-й легион далеко в Понте, а остальные ослаблял неограниченным предоставлением отпусков, пока его не настигла внезапная весть о приближении Вологеса с огромными и готовыми к бою полчищами» (Ан. 15,9).

Итак, под командованием экстраординарного кесарского легата Каппадокии и Галатии, с прицелом на Армению, Цезенния Пета, находились IV-й Скифский, V-й Македонский и XII-й Молниеносный легионы, а под началом кесарского легата Сирии Домиция Корбулона — испробованные им в походах, имеющие боевой опыт — III-й — Галльский, VI-й — Железный, и X-й — Бурный легионы.

За зиму 61/62гг. Корбулон, не кукуя на зимних квартирах, выдвинулся к Евфрату силами двух легионов и усилил оборону вдоль берега пограничной реки сторожевыми постами, более того, решил навести понтонный мост и занять холмы на противоположном левом берегу. А чтобы вражеская конница, передовые отряды к-рой появились на левобережье, не препятствовала наведению переправы, на реке разместились «скреплённые между собой брёвнами корабли» (Ан. 15,10), с установленными на них метательными орудиями — катапультами и баллистами, к-рые прицельным камне- и копьёметанием не позволяли парфянским всадникам приблизиться к берегу. Причём Тацит замечает, что дальность римского метательного оружия намного превышала вражескую. Что ж, техническое оснащение Запада не единожды и в разные времена, за редкими исключениями, превосходило и превосходит техподготовку Востока!

В результате мост был наведён и холмы на противоположном берегу заняты, сначала аукзилиарными соединениями, потом — разбившими там укреплённый лагерь легионерами. Так парфянский план массированного вторжения в Сирию через Евфрат для удара по главной базе римского владычества на Востоке был дальновидной превентивной мерой разгадавшего замысел противника Корбулона сорван-предупреждён.⁷¹ Поэтому Вологес вынужденно отказался от него и сосредоточил всю наступательную мощь на западном армянском направлении, где парфянам предстояло встретиться с куда менее сноровистым (и фанфаронистым на пустом месте) хреновым военачальником Петом.

Впрочем, вынужденный отказ от намерения вторгнуться в Сирию обернулся для парфян благом, ибо ничего хорошего, даже при допустимых стартовых успехах, такое вторжение им не сулило. Достаточно вспомнить первоначальный сирийский триумф принца Пакура в 40/39гг. до н.э. и углубление-продвижение парфянских всадников в 38г. вдоль финикийского побережья аж до Палестины (помощь Антигону Маккавею против Фазаила и Ирода), что привело затем к поражениям, нанесённым парфянам Вентидием (38/37гг.), и стоило жизни павшему в сражении при

⁷¹ Если, конечно, парфяне собирались вторгаться через Евфрат в Сирию, что Тацит почерпнул из (утерянных) «Записок» самого Корбулона, к-рый мог парфянам это намерение приписать, мотивируя нарушение междержавной границы по Евфрату (мол, предупредительной) переправой на левый берег им самим!

Гиндаре (37г.) любимому сыну царя царей Орода – Пакуру. Да и следующее, спустя 200 лет, вторжение парфян в римскую Сирию в 161г. н.э., под предводительством Вологеса III, закончится для них плачевно.

Евфрат был естественным рубежным водоразделом между Римской и Парфянской державами, а (в своё время – 60-е гг. до н.э. – вынужденно уступленная Риму Тиграном Армянским) Сирия однозначно и органично входила, сопринадлежала греко-римскому ойкуменическо-эллинистическому миру, в состав сделавшей Средиземное море своим внутренним морем Римской империи. И соваться в сирийские (заиранские-замесопотамские) пределы парфянам было совершенно незачем.

Иное дело Армения, к-рая, как мы знаем, тяготела к Парфянскому Ирану в большей мере, нежели к Риму, причём, чем дальше, тем больше становясь всё ближе к парфянам и всё отчуждённое от Рима, будучи далека от интеграции в провинциальную систему *Imperium Romanum*, чего Рим собственно и не желал, стремясь иметь на буферном Армянском нагорье (помимо прочего, слишком крупном территориально для провинциализации) проримский пограничный вассалитет (подушку безопасности), учреждённый ещё Помпеем и продолженный Августом при Принципате.

Не согласна с этим были, пожалуй, только Цезарь, намечавший покорить пространства к востоку от Евфрата, по подобию Александра, и (всего) на три года (114 – 117г.) превративший Армению в римскую провинцию Траян.⁷² Короткие

⁷² Не напоминает ли этот предпочтённый Римом помпеянско-августовский буферный статус Армении Афганистан XIX/XXвв., к-рый Великобритания не включала в Британскую империю, предпочитая иметь его, при контроле с её стороны над внешней политикой бывших британскими ставленниками афганских венценосцев, в качестве буфера между британской Индией и российским Туркестаном.

Не случайно Россия и Англия (едва не столкнувшиеся ещё в 1878г., когда русские стояли, в результате выигранной ими Русско-турецкой войны 1877/78гг., у ворот Стамбула) оказались (и) в 1885г. на грани войны (о к-рой, к слову, мечтая сравить Россию и Англию в интересах Германской империи, грезил Бисмарк), из-за пограничного конфликта на российско-афганской границе, в районе Кушки и Герата. Впрочем, Великобритания в XVIII/XIXвв. (всерьёз напуганная неудачной и, главное, несерьёзной-комичной попыткой Павла I направить в Индию – неведомо какими именно путями-дорогами? – отряд казаков) многократно преувеличивала потенциальную российскую угрозу по адресу (своей первой колониальной жемчужины) британской Индии, в частности, в лице таких своих известных антироссийским курсом политиков, как Пальмерстон, Дерби, Дизраэли, считавших, что если русские займут Константинополь, то через пару лет они будут в Индии.

Спрашивается – как Россия должна была к Индии подобраться и в неё проникнуть, в ней утвердиться-укрепиться, коли на морях-океанах, так или иначе, господствовал британский флот, а чтобы дойти до Индии (включая Пакистан, бывший тогда её мусульманской частью) посуху, следовало сначала оставить в тылу Афганистан и (или) Иран?! для чего у России не было возможностей и чего она делать не намеревалась. Другое дело, что разгром Османской империи и занятие Константинополя дали бы ей выход к Средиземному морю, к Ближнему Востоку и к-до Аравии (Индийский океан), чего уже Британская империя не могла допустить, и потому, начиная с Крымской войны (1853-56гг.) и до гарантировавшей безопасность Суэцкого канала британской оккупации Египта в 1882г., проводила яро антирусскую и умеренно протурецкую политику, продиктованную державными интересами Британии, но не Турции.

Причём пушенная англичанами байка (у страха глаза велики) об Индии, как, мол, о золотой мечте России, держалась на плаву и в XXв., когда, например, Гитлер (перед тем как отдать приказ о подготовке плана «Барбаросса») в ноябре 1940г. (страстно желая втянуть также СССР в войну с Британией), при встрече с Молотовым в Берлине, недоумевал: почему-де Россия не атакует в направлении Индии, пока Британия повязана войной в Европе? А Сталин, повторяем, довольствуясь пограничными европриращениями, отказывался от противобританской активности на востоке, опасаясь Гитлера на западе, да и не собираясь захватывать Индию (во всяком случае, до занятия Гитлером Лондона!), захват к-рой, следовательно,

противопарфянские успехи Рима, на закате Парфянского Ирана, в период от Л.Вера, через Септимию Севера и до Каракаллы, с 60-х гг. II в. по 217г. (когда римляне, после Каракаллы, напоследок потерпели поражение у Нисибиса) не в счёт, между тем как при сменявшихся в 20-е гг. III в. В Иране (донельзя ослабленных Римом и внутренне выдохшихся) парфян державно агрессивных Сасанидах уже Рим перешёл к обороне.

При этом интересно снова заметить, что если благодаря знаменитому походу Александра Великого возникла-образовалась эллинистическая Ойкумена на просторах от Греко-Македонии до границ Индии, в пределах к-рой Армения оказалась (и геополитически, и ментально) посередине, то при римлянах географический империльный центр тяжести сместился с востока на запад, что сделало Армению пограничным рубежом и соединительным или разводным мостом между греко-римским Западом и восставленным Парфией иранским (или шире – ирано-индийским) Востоком.

Кроме того, если эллинизм представлял собой в Иране лишь пласт, к-рый с III в. н.э. (восставление Ирана парфянами) постепенно размывался и процесс чего при Младших Аршакидах, начиная с Артабана III (как олицетворителя иранского ренессанса Ардевана Великого), ускорился-усугубился, то в Армении, среди армян, эллинизму удалось пустить более глубокие, и культурные, и религиозные, корни, к-рые, тем не менее, в I/II вв. понемногу сдавали позиции в пользу иранизма и зороастризма. Точнее, в пользу специфического армянского сплава из встретившихся на Армянском нагорье эллинизма, сиро-семитизма и зороастризма, включая его столь близкое парфянским венценосцам митраистское (из к-рого, вернее, из экстракта к-рого возшло гностическо-спиритуальное манихейство) ответвление-направление-проявление.

Тем временем, в отличие от Корбулона, Пет, почивая на мнимых (приписанных им себе) прошлогодних полководческих лаврах, к нависшей над ним угрозе готов не был. Один из подкомандных ему V-й легион он отправил в приморский Понт (непонятно – в провинцию Вифиния и Понт? или, скорее, на что указывалось выше, в подвассальный Риму Понт Полемона II?), через к-рый из житничной Мезии доставлялось морем нужное для провиантирования его армии зерно. А два других легиона – IV-й и XII-й, были Петом ослаблены, по Тациту, неограниченным предоставлением, вместо боевой подготовки, их личному составу отпусков (Ан. 15,9).

И тут беззаботного легата огорошила весть о вторжении Вологеса в Армению «с громадными и готовыми к бою полчищами» (15,9), численность к-рых античные авторы, – ни крайне ущербно описывающий эту военную кампанию Тацит (блаблабла), ни обзорно-краткий эпитомированный Дион, – не называют.

Напомним, что костяк и основную силу парфянского воинства составляла отборная конница – бронированные на рыцарский манер (как всадники, так и кони) тяжёловооружённые копьеносцы и легковооружённые верховые лучники. Применительно к войску Фраата IV, в пору атропатенского похода Антония – 36г. до н.э., мы знаем о 50-и тыс. всадников, плюс 4 тыс. пехоты (Р.л. 73), располагаемая также сведениями о 40 тыс. союзных парфянам мидо-атропатенских пехотинцев, плюс – 10 тыс. всадников. Но неясно, в какой мере эту цифрью можно экстраполировать на 62г. н.э., хотя, поскольку Дион (62,21,1) говорит, что у Вологеса не было тяжёлой пехоты (надо понимать, – не было в достаточном кол-ве), во всяком

ни Россия, ни сталинский Советский Союз (всегда обраставшие только сопредельными территориями) всерьёз не планировали ни разу. После же обретения Индией независимости в 1947г. СССР вполне удовлетворяла в меру антизападная, тем паче, с учётом враждебного Индии проамериканского Пакистана, (и позже противокитайская: в 1962г. Китай оккупировал 36 тыс. кв. км индийской территории) политическая дружба с ней.

случае, на направлении главного удара, следовательно, мидийские пехотинцы в его походе не участвовали, или участвовали в малом числе.

Отсюда трудно сказать, какова была общая численность Вологесовой армии вторжения в Армению? сколько мидийцев и сколько армян воевали за парфян? и т.д. В то же время, с др. стороны, 3 легиона Пета, не считая вспомогательных соединений (из каппадокийцев, галатов, паннонской конницы) насчитывали 15 тыс. солдат, правда, один легион, как сказано, стоял в Понте. И если сюда приплюсовать ещё 3 легиона Корбулона, так или иначе, задействованных в междержавном противоборстве, то получится, всего-итого, ок 30 тыс. римских легионеров и немалое число аукзилиарных подразделений, да ещё к ним можно, в общей сложности, присовокупить войска (не раз называвшихся нами выше) римских передневосточных вассалов-союзников.

Однако, постараемся, всё-таки, принять за верное слово Тацита о значительном численном превосходстве парфян, и стало быть, согласимся на их воинстве, предположительно, в ок. 50 тыс., к-рым, соответственно, на армянском направлении противостояли 10 тыс. легионеров (2 легиона) Пета и несколько (?) тыс. аукзилиариев. Притом учтём, что Вологес не мог, даже примирившись с прикаспийскими гирканцами посредством признания-расширения их подвассальности (?), оставить совсем без прикрытия восток Ирана, откуда парфянам перманентно угрожала туранские кочевники, где была неспокойна Арейя, имело территориальные трения с Ираном мощнее Кушанское царство, и проявляли отпаднический сепаратизм индо-парфянские государства Гедросии и Арахосии. Для приведения восточных окраин в повиновение, как и для общего урегулирования дел на великоиранском востоке, Парфии младших Аршакидов требовался прочный и долгосрочный мир с Римом.

Таким образом, пусть большое численное превосходство в силах у парфян против Пета наличествовало, его всё равно нельзя сравнивать с 20-кратным превосходством над двумя легионами Светония Паулина разбитых им британцев, к-рые, о чём читатель знает, в числе (по максимуму) 230-и тысяч разгромно проиграли 10-и тысячам (ок. 2-х легионов) отважившихся на фронтальную атаку римлян (см. выше).

* * *

Между тем, всё ещё пыжившийся Пет вызвал, следут сделать вывод, из каппадокийского пункта зимних квартир XII-й легион, в дополнение к IV-у, и выступил, согласно Тациту (15,10) с его убогим анналистическим рассказом почти без географии, навстречу парфянам из пограничного лагеря где-то на западных границах Армении. Выступил вместо того, чтобы, как говорит Тацит, оборонять (понимай — до прихода помощи) укреплённый лагерь зимних квартир, для чего-де имелись все возможности.

Из дионовских же, без подробностей, выдержек (62,21,1) явствует, что Вологес направил удар на Тигранакерт, и разбив контингент римлян у перевала через Тавр, в итоге осадил Пета с его главными силами в местечке Рандея близ р. Арацани (Полибий 8,25) — на северо-западе от Тигранакерта (Диарбекир), к юго-западу от расположенной на р. Арацани⁷³ столицы Софены — Арсамосаты, недалеко от стыка каппадокийско-коммагенско-армянской границы и каппадокийской Мелитены.

Сообразно Тациту, Пет никого не слушал, держась своих горе-планов, и т.н. наступательно выступил из лагеря, иронизируя над оборонительными мероприятиями (не называемого по имени) Корбулона, что, дескать, ему, Пету, даны люди и

⁷³ Приток (длина 720 км) Евфрата, берущий начало у подножия г. Арарат и протекающий по Армянскому нагорью (сегодня — Мурадчай в Турции).

оружие, дабы побеждать, а не рвы и валы, чтобы за ними отсиживаться, после чего он — «повёл легионы, как бы собираясь сразиться с парфянами» (15,10). Всё у него, у этого решившего поиграть в войнушку маленького тщеславного и пустословного капрала с погонами и амбициями генерала, было «как бы»: как бы война, как бы военачальник, как бы победа! Не как бы оказалось лишь позорное поражение!

И уже после первой стычки, когда один из центурионов, с высланным разведывательно вперёд для выяснения численности противника авангардным отрядом, был разбит, brave вояка Пет тотчас в страхе отступил. Но далее, так как Вологес не проявил, тактически маневрируя, настойчивости в преследовании противника, Петом вновь овладела самоуверенность. Он поставил 3 тыс. отборных легионеров у ближайшего перевала через Таврские горы, с приказом воспрепятствовать парфянам, оставил паннонских всадников (ядро своей конницы) внизу на равнине, затем укрыл (видимо, сопровождавших его, уверенного в победе) жену и сына (к-рых надо бы было держать в каппадокийской глубинке) в крепости Арсамосата, отрядив для их защиты союзническую когорту, и, как говорили, с трудом согласился (не понимая, точнее, амбициозно не желая понимать всей серьёзности положения) послать весть об угрожающем нашествии неприятеля Корбулону.

Корбулон же, со своей стороны, не спешил, желая подоспеть с помощью в наиболее критический момент — во свою, а не Петову славу. Тем не менее, он выделил из 3-х легионов по 1000 пехотинцев, из вспомогательной конницы — 800 всадников, и столько же из союзнических когорт, отдав им всем приказ готовиться к выступлению.

Относительно Арсамосаты (у Тацита — Арсомасаты), речь идёт, скажем снова, о городе Аршама (арм. Аршамашат), между Евфратом и истоками Тигра, центре (крайне западной армянской области) Софены (арм. Цопк), к-рую (к северу от юго-восточной Каппадокии и к югу от лишённой римлянами выхода к морю в пользу Понта Малой Армении), как мы помним, Нерон предоставил в 54г. Соэму Эмесскому. При всём том, о статусе Софены на 62г. в источниках молчок, тогда как в расположенной южнее Осроэне после непосредственного преемника Абгара Укамы Ману V-го (50 — ок. 57гг.) царствовал Ману VI (ок. 57 — ок. 71гг.), о позиции к-рого приложительно к римско-парфянскому противоборству 50 — 60-х гг. Ив. н.э. сведений нет.

И примечательно, что Арсамосата — единственный географический пункт, к-рый Тацит умудрился упомянуть, крайне непрофессионально (отсутствие личного полководческого боевого опыта) повествуя (несмотря на использование им «Записок» Корбулона) о военной кампании 62г. Засим, не будь информации, пусть эпитомированного, Диона, мы бы оставались в неведении по поводу того, где именно всё описанное происходило.

Причём, по всей видимости, именно тогда, вследствие быстрого наступления Вологеса на занятый им Тигранакерт, оттуда отступил в последний раз, чтобы больше никогда не возвращаться в Армению, поставленный над ней в 60г. Нероном Тигран VI, о возвращении к-рого на армянский трон в 61г. Тацит не сообщает, но что должно, невзирая на оппозицию к такому раскладу (намеревавшегося, мол, провинциализировать страну) Пета, предположить. Поскольку Нерон Тиграна из Армении не отзывал и превращать страну Араратскую в провинцию (залихватски выдававшему желаемое за действительное) Пету не поручал.

Дальше, именно у перехода через Таврский перевал, где Пет расположил 3 тыс. отборных легионеров, Вологес обрушился на них всей мощью и одержал решающую победу, по Тациту, — «раздавил легионеров и устранил всадников» (15,11), к-рые, и те, и другие, будучи разбиты, показали тыл. Правда, Тацит избегает вдаваться в подробности, вероятно, не столько не зная оные, ибо Корбулон наверняка сделал в

своих «Записках» (ущемляя Пета) на этом упор, сколько не желая хвалить военный успех парфян, к к-рым он, в отличие, например, от германцев, как и к (инфицировавшему Рим «синдромом приобретённого иммунодефицита» декадентному) Востоку в целом, повторим, явно не благоволит.

Напротив, Тацитом подчёркивается мужество центуриона Тарквития Кресцента, смело защищавшего со своим гарнизоном башню, совершавшего частые вылазки и истреблявшего подбиравшихся к ней на близкое расстояние врагов, пока римляне не были закиданы горящими головнями и бегственно отступили. Мало того, по Тациту, те, кто уцелел и добрался до своих, вернувшись в лагерь основных сил, насколько выясняется из Диона (62,21,1), – в Рандею, под командой Пета, «преувеличивали доблесть царя парфян, отвагу и многочисленность состоящих в его войске народов, находя доверчивых слушателей и тех, кто был охвачен таким же страхом. Сам полководец, прекратив сопротивление и забросив все свои обязанности военачальника, снова отправил к Корбулону гонцов, умоляя его прийти как можно скорее и спасти значки, орлов и всё то, что ещё оставалось от несчастливой войска: они же, пока живы, будут верны своему долгу» (15,11).

Как видим, Тацит, принижая в деле поражения римлян военное искусство парфян, упирает на их численное превосходство и, главное, на, мягко говоря, неумелые действия Пета, командирская бездарность, нервозность, неуверенность, паникёрство и пораженчество к-рого, на сей раз, умолявшего во втором послании Корбулона о помощи, передавались (и не могли не передаваться) его воинству. Всё так, и тут снова стоит вспомнить Светония Паулина, годом раньше разбившего в 20 раз превосходивших его силы британцев. Впрочем, последние, отлично от опытных парфян, решились, да ещё в невыгодной для себя диспозиции, с обозом из жён и детей позади войска, уповая на своё многократное численное превосходство, совершить лобовую атаку, в ходе к-рой, о чём мы знаем, римляне перехватили инициативу и умело ведомые Светонием бесстрашно атаковали противника сами.

Не то с Петом, поставившим-оставившим 3 тыс. легионеров у перевала, всадников – на равнине, и трусливо ожидавшим исхода сражения в укреплённом лагере. Вина, разумеется, лежит на нём и на Нероне, кто назначил своего фаворита на пост, тому непосильный, но не надо принижать и заслуги парфян, к-рые, не в пример покорённой римлянами и безнадежно восставшей против них Британии, представляли единственного державного соперника Рима, никогда им не покорённого. Одним словом, Таврский перевал не стал для 3-х тыс. легионеров новыми Фермопилами, как, в общей сложности, 10 тыс. (два легиона) участвовавших в боевых действиях Петовых воинов не стали 10-ю тысячами Ксенофонта. Пет не был ни Леонидом, ни Ксенофонтом, ни даже Крассом и Антонием, ведя себя, плюс к тому, много хуже, чем Красс и Антоний.

* * *

Теперь Корбулон решил, что час выдвигаться пробил (теснимый коллега-соперник умоляет о помощи), и силами 3-х тыс. пехотинцев-легионеров, плюс – вспомогательные конница и пехота, оставив остальное войско начеку в Сирии и в укреплениях по обоим берегам Евфрата, – «прошёл кратчайшим путём, и вместе с тем по местам, где было достаточно продовольствия, сначала в Коммагенскую область, затем в Каппадокию и, наконец, к армянам» (обратите внимание на очередные географические туманности Тацита). А в то время пока воинство Корбулона (опять, похоже, не слишком торопившегося) находилось на марше, Вологес осадил Пета в Рандее.

И надо сказать, что приближавшемуся к армянской границе из Каппадокии Корбулону (к-рый мудро позаботился о сопровождении своего воинства грузёными зерном верблюдами) начали встречаться беспорядочно отступавшие отряды и группы разбитых-уцелевших римских воинов, производившие очень гнетущее впечатление. Корбулон убеждал их вернуться назад к Пету, об осаде к-рого Вологесом он ещё не ведал, или к-рая ещё не стала фактом, и молить командира о прощении за своё бегство, одновременно обращаясь к своим воинам с увещаниями касательно предстоящего им спасения двух римских легионов (15,12).

Однако, то были слова, на деле же, как видится, Корбулон желал и позора, и отставки Пета, чтобы иметь возможность самому заняться, получив экстраординарные легатские полномочия, с верховенством как над сирийскими, так и над каппадокийскими легионами, дальнейшим решением Армянского вопроса, ибо сейчас, до тех пор пока Пет обретался здесь, у него были связаны руки. Его статус штатного сирийского легата Augusti propraetore, его империй не были выше экстраординарных петовских полномочий. Да и таскать каштаны из огня или добывать славу для Пета (или отвечать за всё, в случае их общего поражения) ему совсем не хотелось.

Напрасно (как выясняется) он испрашивал, назначенный в Сирию, специального легата для Армении. Во-первых, присланный сюда Пет ни на что не сгодился, и во-вторых, такое двусмысленное двоеначалие не оправдало себя. Наряду с тем, создаётся впечатление, что Корбулона, после его успехов в Армении в 58 – 60гг., настолько страшила перспектива какого-либо даже локального поражения, что впоследствии он, увы, не выиграл ни одного сражения, тоже, сродни парфянам, всячески избегая фронтального столкновения и сосредоточившись: раз – на маневрировании; два – на дипломатии.

И неизвестно уж как Корбулон спешил-поспешал, так и не успев, остановившись, согласно Диону (62,22,1), у переправы через Евфрат (т.е. вроде бы не ступив, вопреки размытому слову Тацита – «к армянам», в Армению), к Рандее, но там у осаждённых римлян, во главе с их никчемным военачальником, настроение было подавленное. Вологес теснил осаждённых, «бросая своих то на вал, оплот легионов, то на крепость, служившую убежищем для неспособных носить оружие» (15,13), подступая к римлянам ближе, чем в обычае у парфян, и рассчитывая эту дерзостью выманить врага из-за укрытий. Т.е. инициативой полностью владели парфяне, в то время как ныне римляне избегали открытого боя и только оборонялись на отбой, в отношении чего Тацит (не случайно) сравнительно вспоминает римские поражения в Кавдинском ущелье от самнитов – 321г. до н.э. (см. ниже), и в Испании под Нуманцией – 137г. до н.э.⁷⁴, призывая, наряду с тем, учитывать несопоставимость сил италийских самнитов или тарраконских испанцев с силами парфян – «соперников Римской державы».

И Вологес, со своей стороны, продолжал настойчиво теснить Пета, стремясь добиться победного мирного соглашения до подхода Корбулона, кто, уточним, при всех случаях, не желал ввязываться в драку в Армении, порученной кесарем исключительно Пету, и, следовательно, на вторых (под Петом, сообразно разделению полномочий и учитывая личную близость Пета к Нерону) ролях. Пет же в создавшихся условиях ещё успел направить Вологесу аж два послания: первое, по Тациту, «не смиренное и не просительное, но содержащее как бы жалобу – мол, армяне

⁷⁴ Знакомая читателю Нуманция – город арваков в Тарраконской Испании, в верховьях р. Дуэро, откуда началось в 143г. до н.э. продлившееся 10 лет восстание испанцев против римлян, и где в 137г. окружённая нумантинцами римская армия капитулировала. В 134г. П.Корнелий Сципион осадил Нуманцию, к-рая, после отчаянного сопротивления, в 133г. сдалась и была полностью римлянами разрушена.

всегда пребывали под властью римлян или подчинялись царю, избранному для них императором; мир нужен обеим сторонам; мол, ты не обольщайся, обрушившись всей мощью на два легиона, поскольку-де «весь остальной мир в распоряжении римлян, и он поможет им в этой войне» (15,13).

Насчёт всегданшего пребывания армян под властью римлян и всегдашних римских венценосных ставленников на армянском троне – и неверно, и некорректно. Армения впервые подпала Риму в 66г. до н.э., когда Тигран II, покорно явившись к Помпею, признал себя римским вассалом. А позднее, не считая периода 34 – 30гг., когда Антоний, вероломно разграбив Армению, сделал её, впрочем, под эгидой не столько Рима, сколько Египта, египетско-римской провинцией, от римлян отпадали или отдалялись и ориентированный на Парфию Арташес II (30 – 20гг.), и поддерживавшийся на рубеже эр парфянами Тигран IV.

Да и отношения армян с парфянами завязались гораздо раньше (ещё, не считая древнейшего Пра-Ирана, со времени близкого Армении Ирана Мидийского, и потом с ахеменидских времён VIв. до н.э., когда и Армения, и Парфия составляли различные сатрапии державы Ахеменидов), чем с появившимися у границ Армении и в Армении лишь в IV. до н.э. римлянами. Или, вернее, в интересующем нас сейчас аршакидско-парфянском ракурсе отношения армян и парфян завязались со III/IIвв. до н.э. – как в лице старых Ервандидов, так и при, со 190/89гг., первых Арташесидов, когда армяне начали контактировать с Парфией (скифских парнов) Аршакидов, к-рая в середине IIIв. отпала от Селевкидов и возглавила поэтапное восстановление частично эллинизированного Ирана.

Другое дело, что Передняя Азия, армянские и др. венценосцы региона не сразу признали парфянскую, под предводительством скифско-аршакидских парнов, гегемонию в Доме Иранском, в Ариане-Иране. Ведь, если, скажем снова, Аршакиды выводили себя, взывая к Ахеменидам, от Артаксеркса II Мнемона (404 – 359гг.), прозвище к-рого означает «Памятливый» (включая в свой *паритетный* генезис также последнего селевкидского сатрапа Парфии – Андрагора), то и Арташес I, и Митридат Эвпатор, и атропатенские Атропатиды, и Ариобарзаниды в Каппадокии, и коммагенские цари возводили себя (насколько обоснованно – ?) к более древним и к более великим – ахеменидско-персидским царям царей Киру и Дарию, едино-временно видя, по подобию персов или мидийцев, в северных (туркестанских) иранцах-парфянах изрядно разбавленных Тураном полукочевников.

Причём соседняя Атропатене передне-, но не малоазийская Армения (своего рода – близнецы), Дом Армянский (между Кавказом, Месопотамией, М.Азией и собственно Ираном), составляла западную (ойкуменическую) оконечность и (рубежную) цитадель Арианы-Ирана, на что смешаннокровные каппадокийцы (М.Азия), или семиты-коммагенцы (Месопотамия) не притязали. И потому армяне особенно остро реагировали на присвоение парфянскими венценосцами во IIв. до н.э. титула царь царей, к-рый носили Кир с Дарием, и к-рый Тигран II (по смерти в 87г. до н.э. парфянского царя Миридата II Великого и кризиса в Парфии) у парфян оспаривал, считая, что имеет больше прав на оный, и урвав его на себя.

То-то в первой половине IV. до н.э. он в союзе с Митридатом Понтийским, воспользовавшись временным, в связи с ослаблением и распадом державы Селевкидов, державным вакуумом в регионе, попытались этот вакуум державно заполнить. И удалось им, обоим калифам на час, это лишь на короткий срок, до выхода новых державных сил – Рима и Парфии – на междержавную границу по Евфрату, после чего и Понт и, в меньшей степени, Армения подпали Риму.

Но тяга армян к братско родственным парфянам, к Парфянскому Ирану, особенно в пору гегемонии Рима, от момента витального подпадения Армении римлянам в 66г. до н.э. и до времени её витального отпадения от Рима, маркируемого 66-м г.

н.э., всё время возрастала. И возрастала она, так как, о чём уже говорилось выше, быть *третьим престолом* в Парфянском Иране для армянства было привлекательнее прозябания на уровне захолустно вассальной окраины Римской мировой державы, к-рую Рим предпочитал, провинциализаторски остановившись на Каппадокии (17г. н.э.), Понте (63г.) и Коммагене (37 и 72г.), иметь подвассальным буфером без интеграции этой обширной междержавно-пограничной страны и её народа в греко-римскую культурную Ойкумену.

Если для парфян ментально близкие им (и ирано-этнически, и приверженностью к зороастризму) армяне, как и для армян парфяне, были семейно-иранской роднёй, то римляне квалифицировали их как варваров. Зачем быть крайним в деревне у чужого дяди, коли тебе предоставляют почётное собратское место третьего или второго в городе?!

Неспроста, сообразно армянскому преданию, основатель царства армянских Аршакидов Вахаршак (под к-рым Трдат = Тиридат) – брат создателя Парфянского царства Аршака Храброго (Хоренаци 1,8/9). Дело в том, что аршакидская традиция со временем, в пору правления Аршакидов на Армянском нагорье – 66 – 428гг., поглотила-вытеснила арташесидскую. С одной стороны, она переместила зачинателя Парфии Аршака Храброго из III-го во II-й вв. до н.э., а с другой, сделала Аршаком и его братом Вахаршаком действующих лиц (и события) Ив. н.э. – царя царей Вологеса I (Вахаршак) и его ставшего царём армян (в результате борьбы за армянский трон с 51/52 по 66гг.) младшего брата Трдата I (Тиридат) (см. выше и ниже).

* * *

Продолжим. Проигнорировав жалкий в сложившихся условиях лепет Пета о всегдашней подвассальности армян Риму, «Вологес ответил, что он должен дожидаться прибытия своих братьев Пакора и Тиридата; это место и время он назначил для совещания с ними о дальнейшей судьбе Армении; но боги даровали им достойную Аршакидов честь принять вместе с тем решение и о римских легионах» (Ан. 15,14).

Таким образом, решая великосемейное, в масштабах Арианы-Ирана, дело, Вологес ожидал прибытия своих младших братьев – *второпрестольного* Пакора Мидийского (= царя Малой Мидии = Мидии Атропатены, откуда Мл. Аршакиды попали-взошли на *первый престол*) и *третьепрестольного* Тиридата, к-рому он, царь царей, вверил Армению, и что, так или иначе, надлежало признать Риму. На уступки в этом кардинальном вопросе Иран Младших Аршакидов не согласен, и посему остаётся только договориться об условиях такого признания, не пересматривая Тиридатово право на армянский престол в принципе.

Вологесу не хотелось уничтожить два взятых им в кольцо легиона (что парфяне – большие мастера по устройству «сталинградских котлов», умели делать) и тем смертельно рассориться с (настроив его на непримиримый реванш) Римом. Он желал, имея в кармане козырь умеренной военной победы над лишённым Армению Петом, до подхода Корбулона, мирно, на победных-выгодных для себя условиях, договориться (чему, со своей стороны, не особо противился и – доколе он сам полномочен не сменит Пета – хитрован Корбулон).

А паникёр Пет, у к-рого не выдерживали нервы, «снова послал гонцов к Вологесу», на сей раз, прося парфянского владыку о личной встрече (15,14). Не вышло: много чести как для проигравшего, так и для недостойного противника. На встречу прибыл начальник парфянской конницы Васак. И снова Пет, как бы силясь перехватить инициативу, риторически распространялся о достижениях Лукулла, Помпея, и о том, что за время римско-парфянского противоборства сделано Цезарями,

т.е. не имея чем крыть в настоящем, взывал к прошлому, к-рое тоже, если при-смотреться, сомнительно, поскольку со дней конца Арташесидов в начале IV н.э. единственной удачной кандидатурой римских Цезарей на армянском престоле был поставленный Германиком и пробывший с 18 по 34г. царём над армянами Зенон-Арташес.

Не пора ли уразуметь, что негоже ставить в качестве армянских царей потомков Ирода Иудейского с Архелаем Каппадокийским, или иверских Парнавазидов, и что до тех пор пока в Армении не воцарится Аршакид ситуация не улучшится и междержавные отношения не наладятся, не стабилизируются. Младшие Аршакиды располагают ресурсом для борьбы за Армению, в чём их поддерживает большинство армян.

И Васак небезосновательно ответил Пету, что «римляне лишь призрачно рас-поряжались Арменией», пусть далее загнув, будто «действительная власть была у парфян» (15,14). В реальности, как сказано, парфяне были много ближе армянам, чем римляне, и стали ещё ближе за время, в к-рое Рим с 66г. до н.э. преимуще-ственно доминировал в буферной Армении, премного разочаровавшись в (пре-емниках-продолжателях государств диадохов) римлянах, и вновь, острее, нежели прежде, потянувшись, с упадком-ослаблением (на востоке от Евфрата) эллинизма, к (ренессансно-парфянскому) Дому Иранскому, к Ариане-Ирану.

Наконец, по итогам долгих споров, высокие договаривающиеся стороны сгово-рились. Притом на следующий день к переговорам привлекли находившегося в лагере Вологеса соучастника его победоносной кампании Монобаза Адиабенского, привлечение к-рого, обиженного в 61г. в амплу парфянского вассала ныне безвоз-вратно-окончательно изгнанным римским ставленником Тиграном, имело для пар-фян немалое значение.

Договорились же стороны о следующем: «легионы освобождаются от осады, римское войско вплоть до последнего воина уходит за пределы армян; крепости и продовольствие передаются парфянам; по исполнении этого Вологесу обеспечи-вается возможность направить послов к Нерону» (14,15).

Ниже Тацит говорит о наведении Петом моста через протекавшую перед его лагерем реку Арсаний (Арацани), под предлогом переправы, «но на самом деле по приказу парфян в память одержанной ими победы» (Ан. 15,15), и не поясняет, для чего именно этот мост парфянам, по его выражению, «пригодился», между тем как римляне «ушли в другом направлении».

Согласно Диону (62,21,2/3), Пет клятвенно заверил Вологеса, по условиям согла-шения, «что он сам оставит Армению, а Нерон должен будет отдать её Тиридату» (!). И поскольку тогда Вологесу сообщили, что Корбулон на марше приближается, парфянский венценосец был очень рад вовремя заключить нужное ему перемирие. А мост, не понадобившийся римлянам при отступлении-уходе, был сооружён для того, чтобы Вологес как победитель проехал по нему на победно разубранном слоне (позаимствованная Ираном из Индии знаковая символика одержанной победы).

При всём том, Дион молчит об основном унижении римлян — о прохождении легионеров под ярмом из парфянских копий, относительно чего у (избегающего констатировать это как факт) Тацита сказано в форме: «молва добавляла, что рим-ские легионы были проведены под ярмом и претерпели другие унижения, начало к-рым было положено армянами. Так, они вошли в укрепления прежде, чем рим-ское войско выступило из них, стояли вдоль дорог, по к-рым оно проходило, и, заметив некогда захваченных нами рабов или вьючных животных, опознавали их как своих и уводили с собой; они также отнимали у наших одежду, отбирали у них оружие, и запуганные воины уступали им, чтобы не подавать повода к воору-жённому столкновению» (15,15).

А вот (любитель всяких пикантностей) Светоний, перечисляя внешнеполитические неудачи Нерона, пишет, в частности, без тени сомнения, про его «бесславные дела на Востоке, где легионы прошли под ярмом» (Нер. 39).

Прохождение воинов под ярмом было уничижительным актом для пощаждённых капитулянтов, при осуществлении к-рого они проходили, нагнувшись, через сооружение из вбитых в землю двух копий, на к-рые клалось третье. Подобная информация не могла быть придумана явно не повторяющимся в данном случае сплетню Светонием, да и Тацит, с одной стороны, вроде бы дистанцируясь от молвы, с другой, выше почему-то вспоминает именно про поражение римлян в Кавдинском ущелье, где имела место аналогичная процедура. В ходе Второй Самнитской войны (327 – 04гг.), в 321г., в Самнии, на Кавдиевой дороге, неподалёку от Кавдийского ущелья, римские легионы попали в засаду, устроенную самнитами, и вынуждены были сдаться, после чего самниты, унизив побеждённых, прогнали их под ярмом из копий.

Переключка не случайна, т.е., учитывая здобренную Кавдинской аналогией «молву» Тацита и констатацию Светония, можно не сомневаться, что прохождение римлян под ярмом из копий в 62г. н.э., при оставлении ими Рандеи и уходе из Армении (о чём они впоследствии не любили вспоминать), – исторический факт.

Засим военная кампания 62г. и последовавшее за ней соглашение о перемирии были парфянами убедительно выиграны. И хотя Вологес не уничтожил два легиона (по-своему предварив т.н. Дюнкерское чудо 1940г., когда Гитлер, надеясь на прогерманский мир с Англией, великодушно позволил воинским силам англичан и французов уйти-эвакуироваться за Ла-Манш), такого поражения в противоборстве с Парфией Рим не знал со дней катастрофы Красса при Каррах (53г. до н.э.) и бегственного отступления Антония из Атропатены (36г. до н.э.). В историю римско-парфянского противостояния была вписана новая страница.⁷⁵

И пусть, по Тациту в паре с (заинтересованным лицом) Корбулоном, «в дальнейшем стало известно, что у осаждённых продовольствие было даже в избытке, что уходя, они подожгли свои склады, тогда как парфяне, по словам Корбулона, остро нуждались в нём и, не имея к тому же чем кормить лошадей, так как трава была вытоптана, уже собирались снять осаду с римского лагеря, да и он сам находился на далее трёх дней пути» (Ан. 15,16), всё это, выражаясь современно, – фейк. Во-первых, налицо своеобразное (помимо невнятного мычания) оправдательное махание кулаками после проигранной драки, и во-вторых, или, скорее, во-первых, перед нами корбулоновская позиция, нацеленная на максимальную дискредитацию Пета, при том, что сам Корбулон, несмотря на всю, так сказать, стремительность своего марша (о чём, с его слов, поют и Тацит, и Дион), всё-таки, на помощь Пету не успел, не подоспел.

* * *

Далее, в рассказе Тацита (от Корбулона) о собственно римско-парфянском соглашении, с чем в общем солидарен вышеприведённый Дион и на чём стоит ещё раз сделать упор, «Пет поклялся перед боевыми значками в присутствии тех, кого царь прислал быть при этом свидетелями, что ни один римлянин не вступит в Армению, пока не придёт ответ от Нерона, согласен ли он на мир. И если это вымышлено с целью усугубить бесчестие Пета, то остальное не вызывает сомнений,

⁷⁵ Образно выражаясь, Вологес послал в 62г. римлян, в лице Пета и его легионов, в ногдаун, сочтя перспективно невыгодным и опасным форменно нокаутировать их.

а именно, что за один день он преодолел 40 тыс. шагов, бросая в пути раненых, и что бежавшие были охвачены не менее безобразным страхом, чем если бы обратили тыл, разбитые на поле сражения. Корбулон, встретивший их со своим войском на берегу Евфрата, не показал его во всём блеске, в сверкании значков и оружия, чтобы это различие в облике не было в укор вновь прибывшим...» (Ан. 14,16)

Конечно, Пет не мог обещать Вологесу от имени Нерона, что тот должен будет отдать Армении Тиридату (за таковские обещания не имеющего на то полномочий служивого – голова с плеч!). Но он, как отвечавший за Армению специальный кесарский региональный легат, принудительно согласился с требованиями Вологеса и обязался (признав своё поражение) уйти-отступить из Армении, в остальном – до Неронова ответа из Рима = до Неронова решения как по самому Пету, так и по Армянскому вопросу.

Речь не идёт об усугублении бесчестия Пета, к-рое и без того было сугубым-усугублённым, как говорится, дальше некуда, при том, что Корбулон, чьё воинство резко контрастировало с бегственными, деморализованными и потрёпанными, отступленцами, встретил их в блистательном всеоружии на армяно-каппадокийской границе по Евфрату, вероятно, в районе Мелитены, к к-рой он успел подойти, но через к-рую, опоздав, по его словам, всего на три дня к Петову лагерю в Рандее, так и не перешёл. И, мол, кабы Пет продержался ещё три несчастных дня, он, Корбулон, снял бы с него осаду и избавил бы от позора.

Гм! Что-то чересчур вовремя воинство Корбулона успело именно к армяно-каппадокийской границе и чересчур вовремя чуть-чуть опоздало на помощь Пету! Да и сумел бы ли Корбулон с воинством из 3 тыс. пехотинцев, 800 всадников и 800 аукзилиариев, плюс остатки 2-х деморализованных легионов Пета в осаде, одолеть или обратить в бегство, или вынудить к отступлению, по-прежнему, гораздо более многочисленное, массово поддерживаемое армянами, парфянское войско?

Главный просчёт таился в продолжающемся упорстве Рима относительно необходимости признания парфянских интересов в Армении, на что, как мы констатировали, уже было согласился Калигула, поняв, что нужно достижение кондоминиума; с чем потом не согласился, пытаясь восстановить прежний проримский августейший статус-кво, Клавдий; и в чём пока упорствовал, придерживаясь старого курса (продолжателей политики Августа касаемо Армении) Сенеки и Бурра, Нерон. В то же время лучше всех понимавший ситуацию Корбулон, кто с 54г. занимался Армянским вопросом, тоже внутренне уже согласился с безальтернативностью-необходимостью признать Тиридату Парфянского царём армян, сохранив при этом римский престиж и не потеряв лицо. Но надо было, чтобы это, наконец, поняли и чтобы с этим согласились в Риме.

Так или иначе, на границе «последовал короткий (больше дипломатический, чем полководческий) разговор между полководцами» – Корбулоном и Петом: «один выразил сожаление, что его поход оказался излишним», ведь войну можно было бы завершить разгромом парфян (ой ли!); «другой ответил, что силы их обоих сохранены в целости; достаточно повернуть орлов и сообща вторгнуться в пределы Армении, ослабленной уходом Вологеса. Корбулон возразил, что у него нет на это повеления императора; встревоженный угрожавшей легионам опасностью, он выступил из своей провинции, и так как намерения парфян ему неизвестны, он возвратится в Сирию; да и то нужно молить судьбу, чтобы истомлённая долгим и трудным переходом пехота поспела за свежее парфянской конницей, имеющей перед собой ровную местность...» (Ан. 15,17)

Т.е., если Корбулон посетовал при встрече (называя вещи не своими именами) не на то, что он немного опоздал, а на то, что Пет немного поспешил заключить капитулянтское соглашение (перемирие), то (вновь распетушившийся) Пет в ответ

выразил готовность тотчас попать все свои клятвенные заверения, соглашательски данные Вологесу, и снова общими с Корбулоном силами, перековав, не отходя от кассы, орала на мечи, вторгнуться в Армению.

Но Корбулон этого не хотел, являясь, в первую очередь, кесарским легатом Сирии и отвечая за её безопасность, тем паче, что Вологес, снявшись из Рандеи (где добившимся того, чего они хотели, парфянам больше нечего было делать) двинулся к сирийской границе по Евфрату, к-рую Корбулон ранее нарушил, расположив часть своего войска на холмах левобережья. И опять у Тацита противоречие: то парфяне, видите ли, остро нуждаются в провианте и им нечем кормить лошадей (15,16); а то Корбулона волнуют опасения, что он, видите ли, может не поспеть за свежей парфянской конницей.

В любом случае, если похожий на ободранного шелудивого пса Пет теперь остался зимовать (15,17),лизывать раны и ожидать не столько решения Нерона по Армянскому вопросу, сколько решения Нероном его, Петовой, судьбы, опасаясь худшего, то Корбулон двинул в обратный путь вдоль правобережья Евфрата (Каппадокия, Коммагена, Осроэна) параллельно с парфянами Вологеса, направившимися на юго-восток от Софены, вдоль границ Осроэны и дальше. Причём, надо понимать, ни римляне, ни парфяне не нарушали нейтралитет (нейтральной в этот раз? при Ману VI) промежуточной Осроэны (о каком-либо участии к-рой в римско-парфянском противостоянии из-за Армении на данном этапе источники не упоминают).

По Диону (62,22,2/3), Вологес послал к Корбулону Монаиза с требованием очистить Месопотамию = парфянский берег Евфрата. Долгие переговоры шли на мосту через Евфрат, притом Корбулон соглашался покинуть левобережье, — «если парфяне также оставят Армению, и оба эти условия временно будут выполняться, до тех пор пока Нерон не изучит принятых обязательств и не примет второго посольства, посланного Вологесом». Согласно Тациту, — «Пет зазимовал в Каппадокии. А Вологес прислал к Корбулону гонцов с требованием уничтожить укрепления за Евфратом, чтобы тем самым эта река сделалась пограничной, какою она ранее и была; Корбулон, в свою очередь, потребовал очистить Армению от неприятельских войск. В конце концов царь уступил, и было срыто всё возведённое Корбулоном на той стороне Евфрата, а армяне оставлены без властителя» (15,17).

Под зимовкой не хило облажавшегося на Армянском нагорье Пета в Каппадокии Тацит разумеет зиму 62/63г., т.е. на все вышерассмотренные-прослеженные нами, при синхронизации Тацита, Диона, Светония, римско-парфяно-армянские события ушло время с весны до осени 62г. н.э. И уже в пору зимних квартир между Вологесом (через Монаиза) и Корбулоном было достигнуто последнее соглашение этого года, по к-рому римляне оставили левый берег Евфрата, в то время как парфяне покинули до известий от Нерона, намереваясь по весне отправить своё посольство к нему, Армению.

Сим кое-что как бы было отыграно благодаря Корбулону назад, несколько сгладив позор Пета. Но ни римский ставленник Тигран не вернулся на армянский трон, ни о каком-либо другом римском ставленнике в Армении речи больше не было и не будет. Иначе говоря, по сравнению с положением на 60г., когда Корбулон воцарил снаряжённого Нероном Тиграна над Арменией, чаша противостоятельных весов явно склонилась в пользу сумевших провести римлян под ярмом из копий парфян, что отыграть назад Рим на протяжении полувека, до Траяна, уже не сможет. Невозможность восстановления прежнего проримского статус-кво делалась ясной, как и необходимость найти взаимоприемлемое решение. Сколько можно наступать на одни и те же грабли!

Обе стороны от длительного, — то активного, то пассивного, — весьма утомительного противоборства изрядно устали. Повторяем, парфяне, при утвердившихся

в Иране Младших Аршакидах, апологетах великоиранского возрождения, отказываться от Аршакида на *третьем* в Ариане-Иране, в Доме Иранском, армянском престоле, что станет также плодотворным началом качественно новой-обновлённой армяно-парфянской Аршакидской Армении, к-рая первой мире примет христианское крещение, никоим образом не планировали.

А римского ресурса на переднеазиатских пространствах хватало до М.Азии и Сирии, с Арменией и Южным Кавказом в качестве не исключительно римского, но поделённого с Ираном (куда Риму, в отличие от Александра, дороги не было) пограничного буфера, при учёте римлянами интересов Парфянского Ирана в регионе. И иного выхода, кроме достижения учитывающего интересы Ирана кондоминиума, из этого кризиса не существовало. Отсюда победа Вологеса в 62г. сделалась противостоятельно переломной, обусловив последующее (несмотря на то, что Нерон ещё немного поартачится), в течение ближайших лет, дипломатическое решение Армянского вопроса, без потери Римом лица де-юре, в пользу парфян де-факто (см. ниже).

В РИМЕ

«А в Риме между тем в ознаменование победы над парфянами посередине Капитолийского холма воздвигались трофеи и триумфальная арка; распорядившись об этом ещё в самый разгар войны, сенат не остановил работ и позднее, так как стремление к показному блеску заглушало в нём веления совести. Да и Нерон, желая скрыть своё беспокойство о внешних делах и вместе с тем поддержать уверенность в обеспечении города продовольствием, выбросил в Тибр предназначавшиеся для простого народа и испортившиеся от длительного хранения запасы зерна. Не поднял он и цены на него, хотя почти двести кораблей уже в гавани было уничтожено неистовой бурей, а сто других, прошедших по Тибру, — внезапно возникшим пожаром. После этого он назначил трёх бывших консулов — Луция Пизона, Дучения Гемина, Помпея Паулина — ведать сбором налогов, предназначённых к поступлению в гос. казну, упрекнув при этом предыдущих принцепсов за то, что их непомерные траты превосходили собираемые в обычном порядке налоги: сам он ежегодно жертвует государству из личных средств 60 млн. сестерциев» (Ан. 15,18).

Увы, в условиях подобных условиям римского декаданса при Нероне верхи государства часто экзистируют в виртуальной реальности. Видимо, воздвижение трофеев и триумфальной арки на Капитолийском холме началось ещё после взятия Корбулоном в 58/59гг. Арташата и Тигранакерта, когда Рим воевал в Армении не столько парфян, сколько новопокорял пропарфянски ориентированных армян, и после воцарения на армянском престоле (что как бы ознаменовало римскую победу) Тиграна VI.

Именно тогда война будто бы увенчалась — достижением-возвращением августейшего статус-кво (дальний римский вассал на армянском престоле) — успехом, по поводу чего в Риме отказывались понимать, что эта изжившая себя модель есть уже нежизнеспособная возвратная архаика! дежавю! фантомные боли! Плюс — в следующем 61г. Пет, парадно почав из Каппадокии Армению, тоже послал победную реляцию в Рим. Следовательно, внешние основания для сооружения трофеев и триумфальной арки у Рима и в Риме как будто имелись.

И воздвижение их в 62г., сообразно Тациту, продолжалось, ибо от Пета, желавшего полагать, что он не проигрывает и даже не проиграл, Рим долго не получал

донесений о реальном положении дел, да и получив — максимально сглаженные, без острых углов, решил их не обнародовать, оставив всё как было. Зачем? Чтобы не возбуждать народ, и отказываясь констатировать поражение, к-рого, без военного разгрома, притом с уходом парфян из Армении, как бы и не было.

И действительно, ну разве можно приравнять то, что случилось с Петом в Армении, к поражению римлян при Каррах или в Тевтобургском лесу!? если как-нибудь обойти вопросы с куда меньшим по масштабам проигрышем 2-х легионов у Таврского перевала и с последующим прохождением римских легионеров под ярмом из вражеских копий. Ведь в остальном никаких существенных перемен вроде бы и не произошло, противостояние вроде бы осталось на прежнем уровне.

Не вернулось ли оно (то ли восклицание! то ли вопрос?) к положению на 58г., до взятия римлянами Арташата и Тигранакерта, с непервым обоюдным уходом и римлян, и затем парфян — из Армении?! Не вернулось ли оно к положению до не первого парфянского посольства в Рим и не первого решения Нерона!? Отсюда, не столько, спрашивается, сколько восклицается: почему бы не продолжать воздвигать трофеи и триумфальную арку!

Т.е. Армения как будто и не проигрывается, не уходит из-под римских покровов. Если Пет, щадя самого себя, слал в Рим донесения, в, по возможности, выгодном для себя свете, то Корбулон, полностью выполнив свою задачу в отношении Сирии, равно — последней договорённостью с Вологесом, и умело умыв в случившемся с Петом руки, хотел, чтобы Нерон узнал о позоре своего любимца Пета не от Корбулона. Ибо это, по его мнению, давало ему больше шансов получить в своё ведение как сирийские, так и каппадокийские легионы с соответствующими полномочиями единолично отвечать за Армянский вопрос.

Кроме того, Нерона в 62г. куда острее волновали внутренние дела — отношение к нему в римском обществе после смерти Бурра, назначения Тигеллина, отставки Сенеки и, главное, — после пришедшегося не по душе римлянам его, Неронова, брачного альянса с Пoppеей, сопровождавшиеся циничным отстранением и куда более цинично преступным устранением Октавии. Можно сказать, он совершил верхушечный переворот, и хотел быть после этого переворота любимым в народе не меньше, чем прежде, быть царём-батюшкой, кормильцем и благодетелем, с (практиковавшимся, в той иной мере, всеми кесарями) надноменклатурным выходом на плебс, на народ — в обход элиты. Короче, надо держать элиту, временами терроризируя её, в узде не так, как он держит и балует-жалует любящий вождя хлебозрелищный народ, но в обоих случаях — держать и тех, и других, используя как короткие, так и длинные поводки.

То-то в 62г. была проявлена особая забота о продовольственном обеспечении Города. С одной стороны, в Тибр были выброшены запасы зерна, испортившегося от длительного хранения, несмотря на то, что аж 200 кораблей с зерном из Африки и Египта, надо понимать, в Путоланской гавани уничтожила буря, в то время как 100 других судов, прошедших по Тибру через Остию, уничтожил пожар. Казалось бы острого продовольственного кризиса, а вместе с ним и бунта не миновать. И однако проблема была решена даже без повышения цен на оказавшееся достаточным неиспорченное зерно из закромов, чем, кстати, свидетельствуется хорошая предварительная работа префекта annonae, к-рым, напомним, до 62г. был назначенный в 62г., в паре с Тигеллином, одним из префектов-*praetorio* — Фений Руф.

Потом, решив эту проблему, по всей вероятности, во второй половине 62г., так как в абзацах-главах 48-64 Ан.14 Тацит повествует о заканчивающихся убийством (9.06.) Октавии событиях первой половины года, Нерон назначил трёх консуляров вводить сбором налогов в гос. казну.

Применительно к Луцию Пизону, жентильный номен к-рого не называется,

речь идёт о сыне одноимённого Л.Кальпурния Пизона (сына покончившего самоубийством визави Германика Гнея Пизона), к-рый в 20г. сменил отцовское имя Гней на Луций и был префектом Urbі в 36 – 38/39гг., – консуле 57г. н.э. (см. выше), – члене коллегии Арвальских братьев и кураторе aquarum (Фронтин «Вода для Рима» 102) в 60 – 63гг. Одновременно-параллельно, вместе с двумя коллегами-консулярами, его ведению теперь – 62г. – были поручены налоги для казны – *vestigalia publica*. В 69/70гг. он будет проконсулом Африки и по безосновательному подозрению в отпадении от Веспасиана его в 70г. убьют подосланные верхово-дившим тогда в Риме Лицинием Муцианом (легат Сирии в 67 – 69г.) убийцы (Ист. 4,38; 4,48-50; Плиний Мл. 3,7,12).

А.Дуценний Гемин – конс.-суф. в период до 61г., в правление Нерона; кесарский легат Далмации в подвопросные годы при Нероне (CIL 3,2883). С лета 68г. – префект Urbі, назначенный Гальбой вместо смещённого Флавия Сабина и снова сменённый Сабиним сразу после убийства Гальбы 15.01.69г. (Ист. 1,14; 46).

Помпей Паулин – конс.-суф. ок. 54г., сын одноимённого всадника из Арелата (Плиний 33,143), тестя Сенеки, т.е. шурина последнего, женатого вторым (счастливым) браком на Помпее Паулине с 40/41гг. Ему адресован (48/49гг.) трактат «*De brevitate vitae*» («О скоротечности жизни»), согласно к-рому Паулин облекал должность префекта *annonae* (18,3). В 55 – 57гг., по сенекианской протекции, – кесарский легат Германии *Inferior*, сменённый в 57г. Л.Дувием Авитом. Дружил с Плинием Старшим, к-рый служил под его началом в Германии и упоминает об огромном количестве добытого Помпеем серебра (33,143). Возобновил и завершил работы по сооружению начатой ещё в 9г. до н.э. Друзом Старшим рейнской дамбы. Последнее, что о нём известно, – 62г. – *vestigalia publica*.

Впрочем, огульный упрёк Нерона по адресу всех предыдущих принцепсов в непомерных тратах – самовозвеличительная неправда, поскольку непомерные траты однозначно можно инкриминировать лишь его дядюшке Калигуле, к-рого сам Нерон ещё превзойдёт, но никак не рачительным хозяевам Августу и Тиберию, также весьма щедро жертвовавшим государству из императорской казны. При Клавдии же средства не столько транжирились им самим, сколько беспардонно расхищались жадной сворой влиятельных вольноотпущенников. Или Нерон под предыдущими принцепсами разумел только Клавдия и Калигулу? И это, к слову, не Нерону за Клавдием, а Клавдию за Калигулой пришлось исправлять последствия его, в т.ч., финансовых катастрофических безобразий.

* * *

«В то время в Риме стали широко прибегать к бесчестной уловке, состоявшей в том, что с приближением комиций или жеребьёвки на управление провинциями очень многие бездетные граждане обзаводились детьми посредством показного усыновления, а получив наравне с подлинными отцами претуры или провинции, незамедлительно освобождали усыновлённых от своей родительской власти... возмущённые этим обращаются с жалобой в сенат, указывая, что на одной стороне право, даруемое самою природой, и труды, положенные на воспитание, а на другой – обман, хитрости и кратковременное усыновление. Довольно бездетным и того, что, без забот, ничем не обременяемые, они имеют свободный доступ к влиянию и почестям. А для тех, кто действительно вырастил детей, обещания закона после длительного ожидания оборачиваются насмешкой, так как всякий, кто, не неся заботы, стал отцом и, не пережив скорби, – снова бездетным, сразу уравнивается с подлинными отцами в том, что для них составляло предмет долгих чаяний. По

этому поводу сенат принял постановление, согласно к-рому показное усыновление никоим образом не должно было содействовать занятию государственных должностей и служить к выгоде для получения наследств» (Ан. 15,19).

Фактически на сенат был вынесен вопрос о льготах-привилегиях детородных и адоптивных, т.е. отцов по усыновлению, делателей карьеры, в рамках *cursus honorum*, над карьеристами бездетными, что восходило к римской проблеме низкой рождаемости и различных ухищрительных попыток её стимулирования, запущенных при Августе и актуальных при его преемниках. Дело было в том, что детородные граждане обладали значительными преимуществами перед бездетными, многодетные отцы — перед малодетными, а так как, по римским законам, приёмные дети приравнивались к родным, многие бездетники — «с приближением комиций или жеребьёвки на управление провинциями» — обзаводились (следует понимать, небезвозмездно) фиктивными приёмными детьми (заключив сделку с ними или с их родителями). А получив желаемую должность, просто расторгали филиацию, на что римские законы (тоже) давали право.

Таким образом, те, кто, действительно, имели детей, родных или приёмных, оставляемые позади аферистами-фиктивниками, возмутились данным обманом, принявшим в означенное время массовый бесстыдный характер, и обратились в сенат, в связи с чем и было принято постановление, направленное против льгот по показным усыновлениям и, соответственно, против собственно показных усыновлений, к-рые, при установленном контроле, сходились-сводились на нет.

Примечательно упоминание в этом абзаце комиций, о к-рых стоит сказать несколько слов. *Comice* — собираться/сходиться. Комиций — место на Римском Форуме, где происходили народные собрания. Комиции суть народные собрания трёх видов: куриатные, центуриатные, трибутные, к-рые, представительски восходя к Риму царскому, представляли власть и верховные права народа в Риме республиканском.

Собрание 30-и курий (изначально из жентильных граждан) известно с царского периода до времени предпоследнего из семи римских царей — Сервия Туллия (VIв. до н.э.), т.е. — с VIII — VIвв., когда граждане были представлены только патрициями. Эти комиции избирали царей, вручали им империй, решали вопросы войны и мира, выносили судебные решения по апелляционным делам, регулярно собирались на Форуме *Romanum*. Созывались царями и интеррексами (правителями в период междуцарствий). При Республике за ними, потерявшими политическое значение, сохранилась компетенция утверждения магистратов (вручение империя) и решение вопросов в фамильно-правовой сфере. В годы Цицерона представлялись 30-ю ликторами.

Центуриатные комиции — созданные, согласно преданию, в VIв. Сервием Туллеем (или, при всех случаях, до, на чём настаивают пренебрегающие преданием скептики, 450г. до н.э.). Названы были так по 193-м центуриям (сотням), на к-рые Сервий Туллий разделил всех римских граждан. Объединяли и патрициев, и плебеев по принципу имущественного ценза, отличались армейско-тимократическим устройством. Из 193-х центурий 18 были всадническими, 80 (со второй половины IIIв. до н.э. — 70) репрезентировали центурии 1-го класса, 20/30 — 2-го, и т.д. — до 5-го класса, плюс — специальные центуриатные комиции, с 241г. до н.э. — в координации с трибутными.

С. Туллий возложил на них выборы должностных лиц, законодательство, ведение апелляционных дел и принятие решений относительно войны и мира. В 509г. до н.э., с рождением Республики, закон Валерия (*lex Valeria*) предоставил центуриатным комициям право верховного суда по всем уголовным делам, что «Законы

ХП-и таблиц»⁷⁶ в середине Vв. до н.э. подтвердили. Место собраний — Марсово поле за чертой Померия; созывались председательствовавшими на них консулами, преторами и чрезвычайными магистратами.

Голосование (*suffragium*) производилось по классам, начинаясь в ранние времена с всаднических центурий, и продолжалось до тех пор, пока не набиралось большинство голосов. Голоса подавались — сначала — устно, со второй половины IVв. до н.э. — письменно — на дощечках, опускавшихся в урну; подсчётом голосов занимались дирибиторы. С 215г. выборы осуществлялись по жребью, стартуя с 1-го класса — *centuria prerogativa*, причём вотум всадников и 1-го класса был примерным. Компетенция — выборы курульных магистратов, решения о мире и войне, одобрение законов, апелляции по вопросам злоупотреблений магистратов, прослушивание дел о гос. измене, капитальная юстиция. Сохраняли военную организацию, проводили, наподобие войсковых, но без оружия, смотры на Марсовом поле.

⁷⁶ Если в Афинах на Рыночной площади находился Алтарь 12-и Олимпийских богов, то в Риме важнее было установление мраморных скрижалей с «Законами XII-и таблиц». И если (изначально полисные) греки учили наизусть, в первую очередь, Гомера, то (полисно-государственно-державные) римляне, перво-наперво, знали свои «Законы». *Jus* — гражданское право; *Fas* — сакральное право. Причём в Риме даже сакральная сфера была огражданствлена-юридизирована. (Метаморфоза Ср. веков — *jus civile* и *jus canonicum*. Римский дуализм в Ср. века — Империя и Церковь; император Священной Римской империи и Римский папа.) Греко-Римская эпоха Души рассудочной и Греко-Римская Ойкумена-культура, — в к-рой греки больше повернуты лицом от полуостровной Греции к Востоку, тогда как римляне — от полуостровной Италии к Западу, стоя друг к другу (несмотря на объединяющие их *Imperium Romanum* и эллинистический фактор), подобно направленным в разные стороны ликам двуликого Януса, спиной.

Если Александр хотел сделать из основанной им Александрии Египетской новый духовный Эфес, новую духовную столицу, то державной столицей его империи стал Вавилон — город как Бела-Нимрода, так и Мардука (михаэлического Юпитера), к-рые противоречиво обитали в самом михаэлите Александре (карма Нимрода!) и противоречиво влияли на него. *Вавилонская башня* рухнула, смешав языки и народы, что Александру очень хотелось преодолеть посредством эллинистического космополитизма-универсализма, и что ему, поглощённому Вавилоном, поглощённому Азией, удалось лишь отчасти.

В александровском протемеизме-титанизме, помимо солярного михаэлизма, действовали также люциферическая гордыня и ариманическая одержимость жаждой власти, к-рые возобладали с середины IIIв. до н.э., в эпоху Сатурна, сначала в эллинистических гос-вах диадохов (предтечи цезаризма), достигнув затем своего ариманическо-люциферического пика в римских Цезарях, в фараонизированном-нимродизированном-вавилонизированном цезаристском Риме, где, с его строгой вертикалью, восторжествовали державный ойкуменизм и ойкуменическая державность. А позднее Римская империя, пережив себя, сделалась своего рода новой Вавилонской башней, и в IV/Vвв. рухнула, или вернее, пережила метаморфозу/метаморфозы как завоевательно германского, так и мирного византийского переходов в Ср. века, в историю Ср. веков — на Западе и на Востоке.

В задачу Запада, западного мышления, восходящего к Греции (от Гераклита до Аристотеля), входило, в частности, познать Время, историко-метаисторический Импульс к-рого человечеству дали Моисей и Ветхий Завет (не случайно Еврейство на Востоке относили и относят к ментальному Западу), как реальный фактор, как сверхличное живое существо, осмысление чего начала михаэлическая Греция, что продолжил и фастически-анналистически зафиксировал сатурнальный Рим. Из этого и возникла История, это и обусловило становление истории, к-рая, с др. стороны, неотъемлемая, в своём высшем осознании-понимании-проявлении, от Метаистории, немыслима без Востока, без ориентальной мудрости и ориентального мировосприятия.

Если живший нескончаемым круговоротом-круговращением циклов Восток был, можно сказать, мистериально-неисторичен, то Запад (благодаря Еврейству, Греции-эллинизму и Риму) взглянул на мир исторично-поступательно-прогрессивно, между тем как Таинство Голгофы, Таинство Эона Эонов и средоточия Вселенной Христа Спасителя, соединило-воссоединило поступательность в восхождении и спирализующую цикличность, дав человеку как абсолютную середину истории-метаистории, так и абсолютное будущее!

Трибунные комиции – представляли собрания всех граждан по территориальным округам – трибам (см. выше). При раннеархавском Риме их было 3 (патрицианские трибы); с С.Туллия – 30: 4 городские – *urbanae*, и 26 – сельских-загородных – *rusticae*. В начале Республики их число сократилось с 30-и до 20-и, из-за уступки части земель Порсенне, и затем снова выросло – к 241г. – до 35-и, в составе 4-х городских, 17-и сельских и 14-и новых триб, оставаясь далее неизменным. Собрание триб созывалось высшими правительственными лицами из патрициев с 449г.

Со второй половины Vв. существовали и специальные особые собрания плебса (*consilium plebis*) по трибам: как для выборов эдилов *plebis* и народных трибунов, институт к-рых был учреждён в 443г., так и для принятия различных резолюций. Все записанные в трибы граждане, патриции и плебеи, имели право посещения этих собраний, смотря по принадлежности к той или иной трибе (тогда как в центуриатных комициях граждане, как сказано, распределялись по цензу). Общая обязательность решений, принятых в этих собраниях (*plebiscita*), регулировалась законами от 449, 339, и окончательно – законом Гортензия (*lex Hortensia*) от 287г. до н.э.

Собрания трибунных комиций происходили в разных местах Рима – на Капитолии, на Форуме, на Марсовом поле. Созываемые консулами, преторами, диктаторами, нар. трибунами трибунные комиции могли избирать курульных эдилов, квесторов, военных трибунов, составлять и принимать законы. В их ведении было и избрание низших магистратов: членов коллегии 26-и – вигинтисексвиров; чрезвычайных продовольственных префектов; дуумвиров, отвечающих за постройку и оснащение кораблей (*navales*); триумвиров, уполномоченных основывать колонии (*deducendae*).

Подача голосов как в трибунных комициях, так и в народных собраниях производилась по трибам, к-рые голосовали одна за другой в последовательности, определяемой жребием. По проведении голосования, занимавшиеся подсчётом голосов дирибиторы вынимали таблички из ящика, сортировали и считали их, чтобы определить большинство голосов по трибам. Притом особые комиции от 17-и триб отвечали за выборы в реальности рекомендуемых ими, чья деятельность сопровождалась ауспациями и молебствиями, жрецов: с 250г. – верховного понтифика; со 104г. – ряда других, вероятно, путём жребия. В остальном (да и в этом) трибунные комиции не имели религиозного значения, имея значение общинное.

После того как число триб выросло до 35-и, центурии, в видах расширения демократизации, слили с трибами. Граждане каждой трибы размещались по 5-и классам, всякая триба заключала в себе 10 центурий (две – первого класса, две – второго и т.д.), следовательно, 35 триб включали 350 центурий, при к-рых, по-прежнему, оставались – 18 центурий всадников, 4 центурии ремесленников и центурия неимущих (*capite censurum*). До учреждения Суллой постоянных судов в трибунных комициях могли проводиться судебные процессы.

Затем диктатор Цезарь фактически лишил все комиции (деградированные уже распространением на Италию и италиков, в результате Союзнической войны 90 – 88г., римского гражданства) права на принятие каких-либо реальных решений, но подарил им взамен оправленное мрамором здание для формального голосования, т.е., надо понимать, старый Дирибиторий, находившийся, предположительно, на Марсовом поле и щедро мраморированный Цезарем.

Позднее М.Агриппа возвёл на *via Flaminia* новое (в продолжение Септы?) роскошное здание Дирибитория, освящённое Августом в 7г. до н.э. Оно имело уникальную навесную крышу, к-рую не сумели восстановить после пожара, случившегося при Тите. И примечательно, что деятельность комиций, официально лишённых Тиберием права избрания магистратов, перенесённого в 15г. н.э. в сенат, фиксируется до конца Iв. н.э., когда за ними сохранялось только право праздничного объявления

избранных-назначенных-утверждённых в сенате (над к-рым — «первый среди равных» — кесарь — обладатель *tribunicia potestas*) магистратов посредством торжественной аккламации. А с Шв. н.э. об исчезнувших в течение Шв. комициях больше нет вообще никаких упоминаний.

Цезаристская вертикаль власти превратила всякое народовластие, правда, до того сменённое, при заклатно декадентной Республике, на деле беспределом римского олигархата, не ликвидировав всё это де-юре, в формальность и фарс — де-факто. На чём, т.е. на бережном блюжении витринного республиканского фасада, особенно настаивал (учитывая убийство Цезаря именно за тираническое покушение на Республику) и завещал тронно-принципатовским преемникам консенсуалист-универсалист Август.

Цезарь (неуёмный гений) не терпел дуализма при отправлении своих магистратур и отторгал коллегиальность в управлении, упирая на *topo* везде, где было *dua*, и на диктаторское единоначалие (принцип авторитаристского вождизма-лидерства) сверху донизу в целом, что было продолжено Августом (уёмный гений), осуществившим идею кесарской диктатуры, но под обновлённой маской мавзолейной Республики *restituta*. Отвергнув беспредел олигархата, Рим предпочёл цезаризм, с оговоркой на августейшую коррекцию-корректуру, грим, муляж. Римляне понежнему стали из граждан подданными, однако, категорически не желали сдать-упразднить-аннулировать гордую привилегию считаться-именоваться гражданами.

Причём и при неуёмном гении Цезаре, и при придавшем его детищу долгосрочную жизнеспособную форму уёмном гении Августе новая, по сути монархическая, система в обновлённом республиканском облачении, эффективно работала. Но в том-то и дело, что ни Цезарь, ни Август, ни позитивные Антонины веком позже, ни какие-либо иные диктаторы со знаком плюс, не могут гарантировать, что их модель будет отлаженно работать при всех их преемниках, в ставке на к-рых главным становится везение — повезёт или не повезёт (чёт — нечет).

Вот в чём, не устаём повторять, ахиллесова пята всякой цезаристской вертикали. Ведь гениев, подобных Цезарю и Августу, к-рые необходимы для репрезентации такой системы, всегда и повсюду считанное количество, их очень мало, и потому делать ставку на лишённую гарантий и чреватую стагнацией цезаристскую модель как крайне опасно, так и, в долгосрочной перспективе, не оправдано.

А как при демократии? Черчилль верно заметил, что «демократия плохая форма правления», мол, слишком часто олицетворяющая собой власть серости и посредственности, и, «однако, — пожимая плечами, добавил, — что, увы, ничего лучше человечество до сих пор не придумало». То-то ему, лоцмански проведшему Британию через Вторую Мировую войну (но, вместе с тем, потерявшему Британскую империю), преемствовал на посту премьера в 1945г. (сменив непереизбранного Черчилля в ходе Потсдамской конференции) серый и посредственный К.Эттли (тоже, пусть иного рода, — чёт — нечет!). И это именно по его поводу не кем иным как Черчиллем был пущен в оборот чисто английский анекдот: «Перед зданием парламента остановилось пустое такси. Из него вышел К.Эттли».⁷⁷

⁷⁷ В 1897г. 22-летний лейтенант-кавалерист У.Черчилль, служа в британской Индии, проявил незаурядную храбрость при подавлении англичанами восстания пуштунских племён в Афганистане; в 1898г. он участвовал, командуя эскадроном, в знаменитой британской кавалерийской атаке при Омдурмане (Судан); затем принял участие в Англо-бурской войне 1899-1902гг., где попал в плен к бурам, откуда рискованно и удачно бежал. В начале XXв. именно он журналистски назвал германского кайзера Вильгельма II «кайзером гуннов», а немцев — «новыми гуннами», поводом к чему послужило крайне малоумное напутствие Вильгельма германским войскам, отправляемым на подавление Боксёрского восстания в Китай (после гибели в Пекине германского посла): «Как некогда гунны под водительством Аттилы стяжали

Тацит: «Затем предаётся суду критянин Клавдий Тимарх. Ему вменялись в вину не обычные преступления видных провинциалов, к-рые, обладая чрезмерным богатством, злоупотребляют своим могуществом, чтобы чинить обиды простому народу, а его оскорбительные для римского сената слова, ибо он не раз повторял, что, будет ли вынесена благодарность управлявшим Критом проконсулам, зависит от него. Используя этот случай, Тразея Пет высказал полезные для государства соображения...» (Ан. 15,20)

В Риме IV н.э. нагтели не только вскарабкавшиеся на самый верх вольноотпущенники, но и удобно устроившиеся под римской властью богатые-влиятельные провинциалы тех провинций, многие из к-рых добровольно предпочли некогда римскую власть беспределу местных элит или постоянных войн с соседями, тогда как римляне установили мир и порядок, мало того, упорядочили местное управление. Причём, напомним, многие на периферии предпочитали прямую римскую власть вассальной автономии, так как это избавляло местное население от двойного гнёта — своих и римских властей, с непосредственным подчинением центру. К тому

себе незабываемую в историю репутацию, так же пусть и Китаю станет известна Германия, чтобы ни один китаец впредь не смел косо взглянуть на немца». (Однако, не «забыты» ли Черчиллем бандитские Опиумные войны Британии против Китая! и первые в истории концентрационные лагеря, созданные именно англичанами для буров в пору Англо-бурской войны!)

В 1914г., будучи (с 1911г.) морским министром, Черчилль был в числе наиболее решительных приверженцев вступления Британии в войну против Германии, что и случилось, приведя в итоге к поражению Германии в I-й Мировой войне, и потом к её разгрому, в т.ч., Великобританией, на сей раз, под руководством премьера Черчилля, во II-й Мировой войне, вскоре после к-рой не стало и Британской империи (ради сохранности к-рой обе эти Войны Британией велись!).

И это именно проживший более 90 лет Черчилль (1874-1965гг.; премьер в 1940-45 и в 1951-55гг.), не только считая в 1914г. войну неизбежной, но и торопя её, отдал (как Первый лорд Адмиралтейства) в июле британскому военному флоту приказ «оборонительно» выдвигаться, расчленив орудия, в сторону континента ещё до истечения предьявленного Австро-Венгрии Сербии месячного ультиматума (28.06. — 28.07.), несмотря на сопротивление большинства кабинета министров, полагавших, что Англия (лишь в 1914г. введшая всеобщую воинскую повинность) пока не готова к войне с более мощной Германией.

Между тем, германское политическое руководство (кайзер Вильгельм и канцлер Бетман) продолжало колебаться между войной и миром, хотя ряд военных тревожно указывали на выдвигание британского флота и на начало предмобилизационных мероприятий в России, настаивая на скорейшем начале (всё равно неизбежной) войны, поскольку наступательный план Шлиффена мог (с)работать исключительно πρωинициативно и исключительно на опережение. Оно и понятно: ведь, если драки никак не избежать, бей первым! Или, добавим от себя, сделай всё для сохранения в невыгодной для тебя ситуации мира, дабы затем, тем не менее, при выгодном раскладе, ударить (за отсутствием другого победного шанса) первым!

Разве Франция не лелеяла, причём открыто, реванш после 1870/71гг.! заявляя (и особенно уверенно по заключении союза с Россией), что непременно вернёт-отвоюет Эльзас/Лотарингию при первом удобном случае! Разве (германский) Эльзас не был грабительски захвачен Людовиком XIV у Священной Римской империи в 1683г., когда турки наступали на Вену и когда Людовик советовал польскому королю Яну Собескому не спасать её, а, наоборот, пользуясь ситуацией, отобрать у императора Леопольда Силезию!

И пусть Второму рейху, действительно, не доставало духовных ёмкостей, чтобы вместить Мировую победу, но у него было не меньшее, чем у Великобритании, Франции, или России (ведших против Германии отнюдь не праведную войну), моральное право на блиц-победу, с превращением (как сказано выше) России из противника в союзника, и во предотвращение-избежание как чудовищных геноцидов XXв., так и чудовищных (вследствие вызванного войной крушения Российской и Германской империй) большевизма с нацизмом!

же, римские формы управления были на практике цивилизованнее и работали в щадящем режиме.

Дальше — больше. Прямое кесарское управление на периферии было для местных предпочтительнее сенатского, поскольку кесарские провинции находились на особом попечении и, зачастую, в меньшей мере, обирались наместниками. Рим не просто завоевал мир, к Риму, некогда реальному носителю свободы и справедливости, многие в мире искренне тянулись, и эта остаточная тяга работала по инерции ещё долго, тем паче, что прогрессивное значение экзистенции большинства подчинённых Римом стран и народов было как в период старой Республики, так и в пору Принципата, в рамках греко-римской Ойкумены, однозначным.

Впрочем, сейчас речь о другом. В 62г. отцов-сенаторов возмутило заявление знатного критянина Клавдия Тимарха о том, что исключительно от решения критского провинциального совета, в котором он, Тимарх, всем рулит, зависит вынесение благодарности очередному наместнику. Или наоборот — посольство в Рим с обвинениями проконсула в совершении тех или иных злоупотреблений, от чего, в свою очередь, коли продолжить мысль, зависит вся дальнейшая карьера римско-критских наместников. Ведь такие решения провинциальных советов в Риме учитывались и на их основании наместники могли, расследовав дело, осудить и сослать, или, напротив, это могло поощрительно ускорить его новое назначение.

Напомним, Крит — римская провинция с 74г. до н.э., позже включившая в свой состав и африканскую Киренаику, пребывала после разделения Августом имперских провинций на кесарские и сенатские (27г. до н.э.), в ведении сената, и, значит, проконсулы преторского ранга менялись там каждый год (если, конечно, наместничество некоторых из них иногда не пролонгировалось, что тоже случалось).

Заявление Тимарха было вальяжно наглым, почему оно, тем более, соответствуя действительному положению дел, и вызвало гнев в сенате: дескать, какой-то богатый провинциал чуть ли не открытым текстом вещает (потешаясь над нами отцами-сенаторами), что мы у него в кулаке и пляшем под его дудку. Применительно конкретно к Тимарху всё так, и его, разумеется, надлежало поставить на место, что и возымело наверняка место быть посредством осуждения на ссылку. Но об этом Тацит не сообщает, используя данный случай для очередного панегирика стоическому свободолюбию Тразее Пета.

Последний выступил, надо полагать, за осудительный приговор Тимарху и призвал — на чём у Тацита сделан хвалебный упор — выносить оценку деятельности римских магистратов, основываясь только на мнении римских граждан, т.е. ограничить зависимость римских администраторов от провинциалов в духе времён Республики. Причём, приводя различные примеры, Тразея патетически воззвал к возобновлённому при Нероне Цинциеву закону (М.Цинция Алимента) 204г. до н.э. о запрещении адвокатам брать со своих подзащитных какое-либо вознаграждение; потом — к принятому по предложению Ю.Цезаря в 59г. до н.э. (год первого Цезарева консульства) Юлиеву закону — о вымогательствах провинциальных властей; и ещё — к сходному закону (Л.) Кальпурния (Пизона), изданному столетием раньше, в 149г. до н.э.

Казалось бы всё верно, и сочувственно вняв Тразее, сенат, пусть не сразу (Ан. 15,20-22), издал умеренный указ с запретом провинциальным собраниям давать оценку бывшим наместникам и отправлять по этому поводу посольства в Рим. Однако, ведь линия Тразее в сущности разумела лишить собрания провинциалов всякой возможности контролировать деятельность и нередко вопиющий произвол римских наместников, к-рые отсюда могли, грубо говоря, не столько стричь подопечных овец, сколько именно драть с них шкуры, против чего принципат боролся при Августе, что чётко сформулировал очень пекшийся о радивом провинциальном

управлении Тиберий, и по обвинению в чём не раз осуждались нерадивые наместники, в первую очередь, по жалобам провинциалов, при Нероне.

Одним словом, здесь перед нами, под видом хотя и присутствующих, в т.ч., благих намерений, образчик старореспубликанского высокомерия в отношении сенатской аристократии, отлично от политики принцепсов и принципата, к провинциям, в чём трудно не усмотреть заведомую оппозицию к принцепсу с принципатом. И вообще негоже вслед за Тацитом чересчур панегиризировать-идеализировать стойкого стоика Тразею, идеалом для к-рого был Катон Утический, как-то раз принявший каппадокийского царя, чтобы выразить презрение (республиканского римлянина) к нему (декадентному ориентальному тирану-венценосцу), сидя на толчке.

Не Катон ли беспощадно настоял в декабре 62г. на казни катилинаристов, вопреки Цезарю, примирительно предлагавшему ограничиться их ссылкой! Не Катон ли первым провозгласил мастера компромиссов с собственной совестью (сродни Сенеке) Цицерона «отцом отечества»! Не Катон ли снабдил деньгами для подкупа избирателей на консульских выборах, по его словам, «в интересах государства, своего зятя Кальпурния Бибула – бездарного соконсула Цезаря, затретированного (сколь видно, не без оснований) Цезарем настолько, что это консульство, как мы знаем, в шутку назвали «консульством Юлия и Цезаря»! Не Катон ли пытался организовать подлое убийство Цезаря! Не Катон ли флексибельно превратился из противника Помпея в его сторонника!

Этим республиканерам, типа Катона, Брута, Кассия и др., отчаянно боровшимся против цезаризма за прогнившее прошлое, в реальности нечего было сказать ни настоящему, ни будущему, и то, что французское Просвещение в XVIIIв. подняло их на щит (в то время как ещё Данте поместил подлых цезареубийц в девятый круг ада), а в дальнейшем под их портретами и бюстами заседали кровавые трибуналы *великой* Революции – вовсе не основание для их почитания сегодня. И при всех случаях, Цезарь, к-рого помнят потому, что он – Цезарь, вызывает куда больше уважения, чем те, кого помнят лишь потому, что они – противники или убийцы великого Цезаря.⁷⁸

Касательно же Тразеи, кто, с 63 по 66г., демонстративно не появляясь в сервильном сенате, писал панегирическую биографию своего кумира Катона Младшего

⁷⁸ Лучше бы Катон протянул руку Цезарю, чем вдохновлять (своей фанатичной преданностью идеалам трупной Республики) Брутов с Кассиями на цезареубийство. Лучше бы Л.Толстой и В.Соловьёв протянули руку царизму или минимум смолчали, не выражая надежд на «милосердие» Александра III в отношении цареубийц-народовольцев, к-рых их кровожадный псевдоидеализм делает много преступнее и много омерзительнее обыкновенных бандитов-душегубов, не прикрывающихся никакими идеалами и никаким идеализмом.

Спекулируя, в частности, на этом абстрактном гуманизме Соловьёва или Толстого (кого, кстати, отвергавший толстовско-протестантское христианство, но сам тяготевший к католицизму, «не переставая быть в то же время и вполне православным», Соловьёв считал антихристом), к власти в России пришли те, кто подменили столь дорогого и Соловьёву, и Толстому (пусть по-разному для каждого из них) Христа (с К-рым Достоевский хотел бы остаться, даже если бы ему доказали, что истина вне Христа) как безбожно-кровожадным, так и тоталитарно-атеистическим большевизмом-коммунизмом-социализмом, к-рый, увы, на протяжении большей части XXв. заменил большинству советского человечества Господа Бога.

И сегодня российское государственное домостроительство (в пору продолжающихся 40-а лет в пустыне, после 70-и лет большевистского пленения), увы, невозможно ни посредством абстрактного прекраснородушно-либерального гуманизма выдающегося правозащитника, замечательного человека и великого гуманиста А.Сахарова, ни посредством умеренного православного национализма выдающегося писателя А.Солженицына, потому что предложенные ими модели, суперлиберальная-прозападная (Сахаров) и консервативно-модернистская (Солженицын), при всей их полярности, при всей разнице между ними, для практического обустройства российского государства не годятся, оно не может и не сможет жить по ним.

(использованную позже при создании «Жизнеописания Катона» Плутархом), его высокому человеческому достоинству, мужественному стоическому поведению и в итоге достойной смерти (см. ниже), конечно, нельзя не отдать должное. Но, наряду с тем, в его и ему подобных пассивной оппозиции не было никакого политического созидания, не было экзистенциальной альтернативы.

С одной стороны, он мужественно противопоставлялся деспотии, насколько мог себе позволить, а с другой, был, пока приходил в сенат и брал слово, каждой бочке затычкой, не напоминая ли чем-то Азиния Галла, постоянно бравшего в сенате по разным поводам, уместно и не к месту, слово при Тиберии. Вот, в частности, и в деле Клавдия Тимарха позиция Тразеи явилась выражением консервативной реакционности сенатской аристократии и, выражаясь современно, лично его тразеянско-великодержавного старореспубликанского шовинизма, время к-рого в эпоху Принципата безнадежно миновало. Невозможно, давая аудиенцию сановным союзникам и провинциалам на катоновском толчке, удержать Римскую империю, к-рая – и Империя, и Ойкумена размером с полмира, в к-рую впадает вся предшествующая история и в к-рой истоки всей истории последующей, чего не было бы, возьми верх Катоны и Тразеи!

Не случайно, согласно Тациту, «в дальнейшем, по указанию принцепса, – и тут неважно, что это Нерон, – сенаторы приняли постановление, воспрещавшее кому бы то ни было выступать в собраниях союзников с предложениями о вынесении перед сенатом благодарностей пропреторам и проконсулам, равно как брать на себя в этих целях посольство» (15,22), что не означает запрет провинциалам обращаться с жалобами в судебные инстанции. Т.е. Принципатом было принято постановление против «благодарственных» предложений и посольств относительно наместников, без учёта всяких державно-противопровинциальных крайностей (из вызывающе республиканистой речи) Тразеи.

И, наконец, анналы 62г. завершаются у Тацита в «Анналах» следующими сообщениями. Сгорел от удара молнии гимнасий, к-рый был, о чём читатель знает, недавно построен и освящён Нероном, притом находившаяся в нём кесарская медная статуя расплавилась и превратилась в бесформенный слиток (дурное предзнаменование!). В 62г. были сильно разрушены землетрясением (за 17 лет до своей гибели от извержения Везувия) кампанские Помпеи. В 62г. умерла весталка Лелия, вероятно, если уж о её смерти специально сообщается, старшая весталка – *virgo Vestalis maxima* (из gens Lelia), к-рую сменила некая Аврелия из рода Коссов Корнелиев.

КОНЧИНА ПЕРСИЯ ФЛАККА

А мы завершим нашу анналистику 62г. н.э. некрологом А.Персия Флакка, умершего как раз ближе к концу года – 24.11., незадолго до своего 28-летия, в связи с чем Светоний, верно приводя точные даты рождения и смерти Персия (4.12.34 – 62гг.), почему-то говорит о его кончине на, в данном случае, неуместно (или небрежно) округлённом 30-м году жизни.⁷⁹ (Или, м.б., Персий, что менее вероятно, родился в 32/33гг. и консульская датировка ошибочна, тогда как 30-й год верен?)

Он – третий из четырёх первотаблюдных римских сатириков – от Луцилия (Пв. до н.э.) и Горация (I/Ивв.) до Ювенала (I/Пвв. н.э.). Родился в Волатеррах, в Этрурии, в благосостоятельной всаднической семье этрусских корней-кровей, чему свидетельство, в частности, тускская форма его преномена «Aules», а не римская

⁷⁹ В большинстве манускриптов это короткое «Жизнеописание Персия» приписывается римскому грамматiku второй половины II в. н.э. Валерию Пробу, но большинство издателей включают персианскую биографию в дошедшие до нас считанные фрагменты из «Книги о поэтах» Светония.

«Aulus». Отца потерял на 6-м году жизни; недолгим оказался и второй, из-за смерти её нового мужа, брак его матери. Рос, окружённый заботой матери, сестры и тётки, в отношении к к-рым отличался, согласно Светонию, примерным поведением, будучи сам мягкого нрава, девически стыдлив, красив наружностью, добродетелен и целомудрен (5), что разительно выделяет его среди большинства декадентных современников, особенно в эпоху Нерона, когда падение нравов и острейший кризис нравственности достигли пика. Благочестивое женское влияние на формирование личности Персия проявляется и в стихах (Satira 5,21-51).

Учился до 12-и лет, т.е. до 46г. н.э., в родных Волатеррах, потом в Риме — у грамматика Реммия Палемона и ратора Вергиния Флакка (2). В 16 лет = ок. 50г. близко подружился со стойком Аннеем Корнутом, к-рый стал его философским и поэтическим наставником. Дружил с молодыми поэтами Цезием Бассом, Кальпурнием Статурой и с Аннеем Луканом, к-рый таже учился у Корнута (3). Причём юный Лукан был настолько в восторге от сочинений Флакка, что называл его поэзию истинной, а свои стихи — пустой забавой (3). Впоследствии Персию довелось познакомиться и с Сенекой, но поклонником его таланта он не сделался (4). Зато на протяжении 10-и лет был любимцем Тразеи Пета, с к-рым, женатым на Персевой родственнице Арии Младшей⁸⁰, иногда путешествовал вместе.

Вёл, обложенный книгами своей богатой библиотеки, унаследованной от него Корнутом, очень умеренный, скромный, стoisческо-аскетический образ жизни, решительно отторгал-осуждал всякие гедонистические излишества: распущенность, чревоугодие, пресыщенность. Писал редко и медленно (7). Оставил всего одну незаконченную книгу из шести представляющих собой диатрибы «Сатир» (в духе/стиле Луцилия и особенно Горация), изданную уже после его смерти Корнутом и Цезием Бассом. Ранние произведения — претекста, путевые заметки и стихотворение, посвящённое теще Тразеи, уничтоженные матерью Флакка, по совету Корнута, из соображений безопасности, — до нас не дошли. Умер Персий от болезни желудка — «в своём имении на 8-й миле по Аппиевой дороге» (1).

Книга состоит из гекзаметрических Сатир — 645 гекзаметров, и холиямбического пролога. Сугубо сатирический, с критикой современности, характер имеет I-я Сатира: в ней острая критика прогрессирующей безнравственности как порока, особо свойственного времени автора. Форма — диалог с анонимным собеседником; содержание — нападки на литературные направления, господствующие в Риме, на конформизм писателей, на искусственность их стиля, перегруженного риторическими фигурами. Остальные Сатиры, не заостряя политических тем, излагают, в большей мере, положения стоической философии, говорят об их преимуществе и наполнены соответствующим, прежде всего, этическим содержанием.

Сатира II направлена против лицемеров — фальшивой набожности и неискренних молитв; Сатира III противопоставляет ценность философии разгульной жизни молодёжи; Сатира IV посвящена (аполлонической) заповеди: «Познай самого себя»; Сатира V благодарит Корнута за его дружбу и наставничество, одновременно порицая его за слабость характера и потакание своим страстям; Сатира VI посвящена Цезию Бассу и прославляет умеренность в повседневной жизни.

Не исключено, что в не публиковавшихся при жизни автора Сатирах изначально имелись и прямые выпады против Нерона, к-рых требует и философия, и весь настрой Флакка, выступающего как против современной ему испорченности нравов, в чём за Нероном почётное первенство, так и против бессодержательной напомаженной поэзии или вообще эпигонов александризма, к чему тяготели

⁸⁰ Её мать, Ария Старшая, была, напоминаем, женой А.Пецины Пета, участника заговора К.Скрибониана против Клавдия — 42г., решившая, о чём читатель знает, самоубийственно умереть вместе с мужем и мужественно поразившая себя кинжалом первой (см. выше).

многие знатные римские дилетанты, и в первую очередь, кифаредствующий поэт, равно стихотворчествовающий кифаред, Нерон.

Во всяком случае, согласно Светонию «Жизнеописанию», причём данную часть не все издатели в него включают, оригинальная фраза Персия из I-й Сатиры гласила: «Мне же нельзя и шептать? хоть тайком, хоть в ямку? Напрасно? / всё же зарю я здесь. Я видел, я сам видел, книжка, / Что у Мидаса-царя ослиные уши» (119-21). Однако, последняя фраза была исправлена Корнутом в его, по смерти Персия, издании «Сатир» на более нейтральное, обобщительно-осторожное и менее подозрительное: «Что у любого из нас ослиные уши».

Брато-, матере- и женоубийца Нерон, похотливая медноборода обезьяна и графоман в поэзии, никак не мог быть симпатичен морально устойчивому (стоику) Персию, к-рый, заметим, успел в 62г., дожив почти до конца года, застать и начало нероновского террористического беспредела, ознаменованного убийствами и Корнелия Суллы, и Рубеллия Плавта, и слишком цинично-бесчеловечным убийством безвинной Октавии. Но и поступок Корнута вполне понятен, поскольку столь оскорбительные поэтические выпады, пусть умершего, Персия против крайне ревнивого к поэтам Нерона грозили суровыми карами как родне покойного, так и самому Корнуту, уж не говоря об опасности конфискации и уничтожения всего литературного наследия Флакка.

Присущий Персию упор на вопросах литературы и индивидуальной нравственности сближает его с Горацием, тона к-рого, впрочем, куда интимнее, чем персиянский часто отвлечённый тон и школьно-менторское преподнесение мудрости Стои. Мало того, у Персия, кто против манерности «нового стиля» и погони за «сентенциями» (то-то сообразно античному свидетельству, — «он не увлекался дарованиями Сенеки»), много прямых заимствований из Луцилия и Горация, много архаичности, излишней пафосности и искусственности в стиле изложения. Нагромождение образов и быстрый темп усложняют восприятие, налицо отсутствие достаточного жизненного опыта и плохое умение создавать законченные картины из красочных деталей.

Тем не менее, подкупающая искренность предельно честного автора выгодно контрастирует с деланным позёрством Сенеки или с несносным фальцетом Лукана, что в огромной мере и объясняет, несмотря на укрепившуюся за Персием репутацию «тёмного» = трудно понимаемого автора, редкий успех его казалось бы незначительной книжицы — как с момента её выхода в свет, начиная с Квинтилиана (10,1,94), Марциала (4,29,7), или в пору закатной античности, так и на протяжении Средних веков и Нового времени аж до XIXв. Количество рукописей, изданий, комментариев к ним, цитат, имитаций необозримо. Причины этой не иссякавшей на протяжении веков востребованности-популярности — облагораживающее воздействие содержания «Сатир» ничем не запятнанного художника (морально-нравственное превосходство к-рого над Сенекой или Луканом очевидно) и смелая — открытое забрало — борьба с пороком.

Перед читателем специфическая постклассика эпохи Нерона и последний, совместно с Луканом и Петронием, значительный римский поэт, к-рый, не прибереги его раньше времени или точно ко времени смерти, наверняка разделит бы спустя несколько лет скорбную участь Сенеки, Лукана, Тразеи, Петрония.⁸¹

⁸¹ Примечательно, что самый известный советский античник И.Тронский (кто в небезопасные времена предусмотрительно сменил свою настоящую фамилию Троицкий на Тронский), весьма компетентно, за что мы ему премного благодарны, пишучи о Флакке, к-рого, между прочим, очень не любит, считая пустозвоном, Моммзен, но о к-ром советские античники высказываются позитивно, писал, что «даже Энгельс делает для него (Персия) исключение, давая резко отрицательную характеристику философам Римской империи: «Только

63г. н.э.

1 января 63г. н.э. = 816г. а.У.с. в консульство вступили Г.Меммий Регул и Л.Вергиний Руф.⁸²

Г.Меммий Регул приходился сыном П.Меммию Регулу – доверенному консулу-суф. Тиберия в памятном ниспровержении Сеяна 31г. н.э. (Т.Г. 610-13). И это именно его, почтенного Меммия Maior, умершего в 61г., в патриаршем возрасте ок. 70-и лет, Нерон, однажды болеючи, лицедейски «видел» своим (в слове к придворным льстецам), способным-де возглавить Отечество, преемником, если, мол, вдруг, его Нерона (светоча рода человеческого), по болезни, не станет (см. выше). Напомним, после консульства Меммий Старший наместничал как особополномочный кесарский легат-extraordinarius (преемствовал Поппею Сабину) в 35 – 44/45гг. в Македонии, Ахайе (возвращённых в 44г. сенату) и Мезии, затем – в 47/48гг. – проконсульствовал в Азии, в дальнейшем высоко чтимый в Риме – и при Клавдии, и при Нероне (см. выше).

Причём сын (к-рый был сыном Меммия Старшего от его первого брака, а не от отобранной у него в 38г. Калигулой второй жены – красавицы Лоллии Паулины, с к-рой Меммий не имел общих детей) сопровождал отца как в пору его долгого наместничества на Балканах, так и в Азии. В остальном никаких подвигов за ним не числится, и в облечении им консульства-орд., а не суф. в 63г. можно разглядеть дань памяти его недавно почившему отцу.

очень редкий из философов, как Персий, размахивает бичом сатиры над своими выродившимися современниками». И что это, спрашивается, за такое уж ценное-профессиональное высказывание сунувшегося в античность классика марксизма-энгельсизма, к-рое необходимо в солидном фолианте «История античной литературы» непременно приводить?!

Хотя советские авторы, для к-рых авторитеты Маркса, Энгельса, Ленина это – то же самое, что завораживающий авторитет удава Каа для бандерлогов в мультфильме «Маугли» (впрочем, сходно дело обстоит и у большинства антропософских авторов с авторитетом Штайнера!), прекрасно знали, сколько цитат в научных работах требуется привести из Маркса с Энгельсом, сколько из Ленина, сколько из постановлений такого-то съезда КПСС и т.д. Хреново, когда режим и гос. идеология превращают гуманитариев в дрессированных обезьян!

«Религия есть опиум народа» (Маркс).

«Чем какая-нибудь определённая страна является для иноземных богов, тем страна разума является для бога вообще – областью, где его существование прекращается» (Маркс).

«Наше представление о развитии вселенной совершенно не оставляет места ни для творца, ни для вседержителя» (Энгельс).

«С такой религией как христианство нельзя покончить только с помощью насмешек и нападок. Она должна быть также преодолена научно, т.е. объяснена исторически...» (Энгельс).

«Социализм является в то же время самым решительным выражением господствующего среди рабочих отрицательного отношения к религии» (Энгельс).

«Все существовавшие до сих пор религии являлись выражением исторических ступеней развития отдельных народов или народных масс. Коммунизм же является той ступенью исторического развития, к-рая делает излишними все существующие религии» (Энгельс).

«Всякий боженька есть труположество... Всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость...» (Ленин).

«Продажу водки и икон никогда не допустим» (Ленин).

Впрочем, Ленин опирался ещё и на *чахоточную* российско-атеистическую (разночинную) традицию (безбожных – «наука против мракобесия» – интеллигентишек), ярко репрезентируемую, в частности, В.Белинским и А.Герценом.

Белинский: «В словах «бог» и «религия» я вижу тьму, мрак, цепь и кнут».

Герцен: «Религия – это главная угроза для масс, великое запугивание простаков, это колоссальные ширмы, к-рые препятствуют народу ясно видеть, что творится на земле, заставляя поднять взоры к небесам».

⁸² Суффлекты 63г. н.э. неизвестны.

Позднее (ещё при Нероне?) Меммий Младший наместничал в Африке, где, сходно родителю в Греции и Македонии, либерально-поощрительно относился к соисканию римского гражданства представителями местной знати, мнения по поводу чего в римских верхах расходились. Плюс к тому, Марциал (12,36,8), к-рый ностальгически восклицает «Дайте нам Меценатов и будут Вергилии!», упомянул Меммия в числе щедрых нобилей клавдианских и нероновских времён — «Pisones Senecasque Memmiosque et Crispos mihi redde, sed priores». Иных сведений о нём нет.

Зато его напарник — персона куда более знаменитая. Л.Вергиний Руф — троекратный консул: орд. — 63, суф. — 69, орд. — 97гг. н.э. Потомок всаднической фамилии из муниципия между Медиоланом (Милан) и Комумом (Комо) — родины обоих Плиниев, с к-рыми он дружил, поддерживая сына (племянника) после гибели в 79г. (усыновившего своего племянника — сына сестры) отца. Притом до усыновления Плиния Мл. Плинием Ст. опекуном первого, рано потерявшего родного отца, был Вергиний. Согласно Плинию Мл. (2,1), сообщающему о его кончине в год последнего консульства = 97г., он умер в возрасте 83-х лет, т.е. родился в 14г. н.э., хотя из его *cursus honorum* до первого консульства 63г. известно лишь наместничество в преторской провинции Вифиния и Понт — ок. 60/61гг.

И примечательно, что первый в *gens Verginia*, ставший консулом, пусть в запоздалом возрасте, на 49-м году жизни (вместо 43-х старореспубликанских = непривилегированных в императорскую эпоху цензово-возрастных лет), он облёк не суффектную, но сразу ординарно-эпонимическую консульскую магистратуру, чем свидетельствуется расположением к нему Нерона, и что имело немалое престижное значение, так как только консулы-*ordinati* являлись (историческими) эпонимами, по к-рым датировался-назывался в Риме каждый очередной анналистический год.

В 67г. Нерон в Греции, устранив вызванных туда из Германии обоих братьев Сульпициев Скрибониев, легатов обеих Германий, назначил в Германию *Superior Verginia* — тоже свидетельство немалого доверия, поскольку обе Германии были мощно легионизированы. Весной 68г., после начала восстания Юлия Виндекса, Вергиний, выполняя приказ Нерона, выступил во главе трёх легионов, плюс вспомогательные соединения, на осаждённую Виндексом Лугдуну для его подавления.

В майском сражении при Везонтии (Безансон), Вергиниевы легионеры, без приказа командира, к-рый хотел избежать кровопролития и для этого встретился с Виндексом, атаковали попытавшееся тем временем занять Везонтий войнство последнего и нанесли ему поражение, жертвами к-рого сделались 20 тыс. галлов, и вследствие чего сам Виндекс наложил на себя руки. Причём подкомандные Вергинию германские легионы хотели провозгласить его в пику провозглашённому кесарем ещё в апреле в Новом Карфагене (Картахена) в Испании Гальбе (см. ниже).⁸³

Но Вергиний отказался, положившись во всё, к чему призвал и Гальбу, на решение сената, к-рый за день до самоубийства Нерона признал Гальбу императором, и что было принято примкнувшим к Гальбе Вергинием (см. ниже). Впрочем, Гальба, тем не менее, не доверял ему, и призвав в Рим, как друга, не отпустил в Германию снова, тогда как германские легионы позднее поддержали Вителлия.

После убийства Гальбы 15.01.69г. сменивший его и как кесарь, и как консул, в паре с братом, заступившим в консульство вместо также убитого Т.Виния, Отон удостоил весьма чтимого Вергиния быть его, принцепса, суффектным преемником с 1.03. Затем самоубийство Отона, к-рого Вергиний сопровождал в последнем походе, в апреле 69г., опять предоставило ему возможность стать, при поддержке требовавших этого солдат, императором, или минимум вступить в борьбу за к-

⁸³ Германские легионы не желали иметь Гальбу Цезарем, помня его крайне суровое и скупердяйское наместничество в Германии в 39-41/42гг.

сарство с очень хорошими шансами на успех. Однако он уклонился, и потому был весьма благожелательно принят Вителлием.

В июне/июле 69г. прибыл с вителлианцами в Рим. В последующем, уже во время противоборства вителлианцев и сторонников Веспасиана, удалился в своё любимое этрусское поместье Алсия, на побережье, севернее Рима, где осел-обосновался, занявшись с тех пор литературной деятельностью (Плиний 5,3) и меценатством, не посещая заседания сената и вообще нечасто (время от времени) бывая в Городе. Старательно избегал общественного подиума, отказавшись от всяческого проявления политической активности – при Веспасиане, Тите, Домициане. Поддерживал своим авторитетом Плиния Мл. в продвижении по карьерной лестнице, инициировал его принятие в коллегию авгуров, в к-рой состоял сам. Сохранил отличное здоровье в возрасте за 80, не считая старческого дрожания рук.

Пережил таким образом, всего-итого, 11 Цезарей-кесарей, если, конечно, успел родиться в 14г. ещё при (умершем 19.08.) Августе (Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон, Гальба, Отон, Вителлий, Веспасиан, Тит, Домициан),⁸⁴ а умер, сколь ни иронично звучит, от чести, оказанной ему (на его некоротком веку) кесарем 12-м, т.е. Нервой, с кем он дружил. Причём провозглашённый в 96г. императором Нерва предложил Вергинию, в паре с собой, ординарное консульство следующего года, в к-рое они совместно и вступили 1.01.97г. н.э. (CIL 16,41) (Дион 68,2,4).

Но, увы, репетируя дома благодарственную речь в адрес Нервы, 83-летний Вергиний, согласно Плинию (2,1,5), выронил свиток, по к-рому читал её, из (дрожащих) рук, нагнулся, чтобы поднять, поскользнулся, упал, сломал бедро (вероятно, шейку бедра), к-рое не вправили правильно, да и, по старости пациента, срослось оно плохо, почему образцовый старец, промаявшись какое-то немалое время, во второй половине 97г. умер. Удостоился гос. погребения. Лаудационную речь на его похоронах произнёс консул-суф. 97г., друг Плиния Мл. – Корнелий Тацит.

На надгробье Руфа, в поместье Алсия, унаследованном Плиниевой тёщей Помпеей Целериной, должна была быть высечена завещанная им надпись, к-рая ещё не была готова, на что сетует Плиний (6,10,3), спустя 10 лет (106/07гг.): «Здесь покоится Руф; когда одолели Виндекса, он не взял власть себе, но отдал её отечеству» (*hic situs est Rufus, pulso qui Vindice quondam / imperium adseruit non sibi, sed patriae*). За это В.Руфу вменяли нескромность, с чем категорически не соглашается преклоняющийся перед ним Плиний (2,1; 9,19).

Поступил ли Вергиний благородно, не нарушив, так сказать, конституцию, к-рую слишком давно и слишком часто нарушали очень многие, и к-рой, в сущности, не существовало? или – не пожелал становится виновником гражданского кровопролития, к-рое всё равно имело место быть? Или он не один раз упустил свой шанс? или был не способен стоять у руля власти, не зная, что с ней делать? убоился её? устранился ответственности, бремени, степени риска? С одной стороны, не всякий готов идти к власти по трупам, в то время как с другой, не каждому дано решиться пересечь Рубикон, подставиться под тяжеленную шапку Мономаха, взять штурвал и творить историю.

Да, далеко не каждый – Цезарь или Август, но всё-таки лучше, не являясь ни Цезарем, ни Августом, добровольно отказаться или уклониться от власти, как Вергиний, чем взять её на горе себе и всем, как то происходило в истории с большинством бравших в руки или прибиравших к рукам власть правителей.

⁸⁴ И пусть перехваливающий его Плиний говорит «Он уцелел при Цезарях, подозревавших и ненавидевших его за высокие качества» (2,1,3), никаких свидетельств о ненависти к нему кого-либо из Цезарей, включая Нерона и Домициана, нет. Напротив, он был, так или иначе, в чести у всех кесарей от Нерона до Нервы, уйдя-дистанцировавшись от некоторых из них, впору сказать, как гибкий колобок, ушедший и от бабушки, и от дедушки.

РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ДОЧЕРИ НЕРОНА

«В консульство Меммия Регула и Вергиния Руфа у Нерона родилась дочь от Поппеи; восприняв это с чрезвычайной радостью, он назвал её Августою, присвоив то же наименование и Поппее. Местом рождения девочки была колония Анций, в к-рой родился и он сам. Сенат уже ранее препоручил богам материнство Поппеи и дал от имени государства торжественные обеты, к-рые были теперь приумножены и исполнены. Сверх того, были добавлены благодарственные молебствия и решено воздвигнуть храм Плодовитости и учредить состязания по образцу священных игр в память Акцийской победы, а также поместить на троне Юпитера Капитолийского золотые изваяния обеих Фортун и дать цирковые представления в честь рода Юлиев в Бовиллах, Клавдиев и Домициев – в Анции. Но всё это рушилось, так как ребёнок на 4-м месяце умер...» (Ан. 15,23)

Итак, в конце января 63г. н.э., о чём читатель уже знает, у Нерона родилась дочь (см. выше) (СЦЛ 6,2043) (Свет. «Нер.» 35,3), – его единственный ребёнок, к-рой он сразу присвоил (решением сената) имя-титул *Augusta*, одновременно оснастив им также её мать – (возможную) убрать с пути и Агриппину, и Октавию) императрицу Поппею. Брачная пара чаяла занять наследника-инфанта, но родилась девочка, что супругов, надо понимать, не слишком раздосадовало, по крайней мере, радость молодого отца была безмерной, и, видимо, они полагали, что всё ещё впереди. Ребёнок появился на свет в Анции – древнем городе Лация, основанном, как говорилось, то ли Одиссеем и Киркой, то ли Асканием Юлом, где родились и Калигула, даже мечтавший перенести сюда столицу, и Нерон, и где много времени проводила Агриппина, почему, м.б., Поппея и пожелала рожать именно здесь, и против чего не возражал тоже очень любивший Анций Нерон.

Притом рождение у него девочки опять параллелизируется с дядюшкой Калигулой, у к-рого сходно был единственный ребёнок от Цезонии – девочка, пронесённая им, несказанно счастливым, по всем храмам, всячески прославленная и зверски убита устаревшими Калигулу заговорщиками, вместе с матерью, в январе 41г. (см. выше).

Читатель в курсе, что Анций славился святилищами (Гораций «Оды» 1,35; Валерий Максим 1,8,2; Ан. 3,71) и среди них особенно знаменитым, как и Пренесте, храмом Фортуны с оракулом, известным золотыми фигурами двух Фортун – сестёр, к-рые стояли в святилище. И вот в связи с рождением Клавдии Августы они были не то перенесены в Рим, чтобы поместиться на троне Юпитера Капитолийского, не то для этого изготовили их точные копии (текст Тацита неясен).

Кроме того, если сенат ещё до разрешения Поппеи от бремени, препоручил её материнство попечению богов и дал соответствующие торжественные обеты, то по разрешении, к ним присовокупилась благодарственные молебствия, плюс решение воздвигнуть храм Плодовитости и учредить 4-летние игры образца Акцийских. Храмы и жертвенники, посвящённые отвлечённым понятиям – Удочерению, Милосердию, Дружбе, Мщению и т.д., были востребованы в Риме I/IIвв., войдя в моду и в широкий обиход, начиная с Августа. Персонифицированный абстракционизм нуждался в абстрактных персонификациях! Касаемо же игр по образцу посвящённых Августом победе в Акцийском сражении Акцийских, к-рые проводились в Никополе с 28г. до н.э., их предстояло проводить, на греческий манер, раз в 4 (олимпийских) года, между тем как учреждённые в 60г. Неронии были, на римский манер, квинквинально-пятiletними.

И примечательно, что праздничные цирковые представления, устройство к-рых возложили на *sodales Augustales*, было решено дать в честь рода Юлиев в Бовиллах,

а в честь Клавдиев и Домициев – в Анции. Мать Нерона – Агриппина (правнучка Августа), происходила по материнской линии из Юлиев, по отцовской – из Клавдиев (дочь Германика); Неронов родной отец, Домиций Агенобарб, был из Домициев, а приёмный, кесарь Клавдий, – из Клавдиев. Следовательно, так чествовались все три рода, к-рые на 63г. н.э. в единственном числе олицетворял их последний представитель – Нерон.

Знакомые нам Бовиллы, сродни Анцию, город в Лации, в 11-и милиариях от Рима, – один из 30-и городов Латинского союза (Дионисий Гал. 5,61), когдатощня колония Альба Лонги (почему обитатели Бовилл называли себя *Albani Longani Bovillenses*) (СІЛ 14,2405; 2409; 2441), основанной сыном Энея Асканием Юлом – родоначальником *gens Iulia*. Там Тиберий в 16г., освятив перед тем храм Фортуны в Риме, освятил святилище рода Юлиев и статую божественному Августу (Ан. 2,41) (Р.л. 1309). Исторически Бовиллы известны штурмом (матерелюбивого антипода Нерона) Кориолана (VI/Vvv.) (Дионисий Гал. 8,20; Плутарх «Кориолан» 20). При Сулле город обзавёлся крепостной стеной и ветеранской колонией. В кесарскую эпоху – муниципий и богатый пригород Рима (Проперций 4,1,33; Овидий «Фасты» 3,667). А в Анций, связанный (неведомо как именно) с Клавдиями и Домициями, Нерон вывел в 60г. ветеранскую колонию преторианцев (Ан. 14,27) (см. выше) и построил тут «дорого стоившую новую гавань» (Свет. «Нер.» 9).

Однако, все эти постановления, поздравления, чествования, посвящения, решения имели короткую будущность, разом сойдя на нет, поскольку вскоре по возвращении супружеской четы с новорождённым младенцем в Рим, – «ребёнок на 4-м месяце умер». Т.е. смерть крохотной Клавдии Августы последовала в мае 63г. н.э. Умершую, разумеется, консекрировали-обожествили, декретировав ей храм и жреца. Так она стала «*Diva Claudia*», о чём свидетельствует одна из дошедших до нас нероновских монет. Легенда же другой гласит «*diva Claudia Neronis*», сопровождаясь изображением посвящённого ей храма. Или в «Актах Арвальских братьев» за 66г. упоминается «*diva Claudia virgo*» (СІЛ 6,2044).

Само собой, не знали меры как радость, так и скорбь сделавшегося на 26-м году жизни счастливым отцом и вскоре потерявшего дочь Нерона. Впрочем, тут стоит задаться горьким вопросом: не повезло ли этому невинному созданию умереть во младенчестве и тем избежать судьбы несчастной дочери Калигулы? Ибо, зная о том, что произошло впоследствии, трудно представить, чтобы Неронова дочь пережила, во многом, инициированный-инаугурированный её отцом кровавый хаос, расчеловечивание римлян и сумбур 68/69гг.!

Далее же, рассказав о рождении и кончине маленькой инфанты, Тацит как-то неуместно, ссылаясь на некий анонимный источник («упоминают» в смысле – говорят-судачат), ретроспективно сообщает, что когда сенат в полном составе отправился в Анций поздравить Поппею с разрешением от бремени, лишь Тразее это было запрещено, и «он с неколебимую твёрдостью духа принял нанесённое ему оскорбление, предвещавшее скорую гибель» (15,23). И тотчас затем анналист противоречиво продолжает, что, дескать, после этого Нерон похвалился перед Сенекой примирением с Тразеей, в связи с чем Сенекa поздравил его, и «из-за чего возросла слава этих выдающихся мужей (Тразеи и Сенеки) и вместе с тем угрожавшая им опасность» (23). Понятно? Не очень. То, видишь ли, Тразее запретили поздравительное хождение в Анций, а то – Нерон похвалился (после этого запрета) перед Сенекой, что примирился с ним.

Примечательно, что в короткой выдержке из Диона (62,15,1a) как раз под 63г. сказано о позиции Тразеи относительно высшей меры наказания для сенаторов, к-рая, мол, не должна превышать осуждение на ссылку-изгнание. М.б., ещё до рождения дочери Нерона 31.01. Тразея выступил с данной инициативой в сенате,

пытаясь таким макаром заблокировать приближающийся противосенатский-противонобилитетский беспредел кесаря и его клики, провозвестием чего были неутешительные события 62г. Но это не нашло поддержки у большинства сервильных сенаторов, вызвало гнев Нерона и обернулось вскоре запретом на поздравительный приход-визит Тразее в феврале 63г. с прочими отцами-сенаторами в родильный Анций?

А потом, в скором времени, пока не потерявший или уже потерявший дочь Нерон сменил гнев на милость, найдя нужным (под момент – искренне, или – до времени) проявить в какой-то форме, судя по тексту, посредством прямого контакта, благожелательность к Тразее (к-рый постепенно оказывался в изоляции), чем и похвалился перед Сенекой.

У тиранов, тем более, у тиранов артистичных и гиперэксцентричных, каким был Нерон, оно так – они играют с подданными, как кошка сценически играет с мышью, и в особенности с теми подданными, к-рые хотят быть гражданами, рискуя публично, в той или иной форме, если и не заявлять открыто, то давать знать об этом, подавая опасный пример другим. Правда, Тразее не удалось сыграть даже на инстинкте самосохранения сенаторов, многим из к-рых вскоре придётся испытать на собственных шкурах степень кесарского беспредела. Увы, сервилизм и подобострастие *отцов нации* превосходили всё остальное.

Не случайно приговорённые по самым нелепым обвинениям в ходе сталинских процессов к высшей мере подсудимые, когда зал встречал приговор громкими продолжительными аплодисментами, присоединялись к ним и неистово рукоплескали вместе со всеми!!!⁸⁵

АРМЕНИЯ И РАНДЕЙСКИЙ МИР

«Между тем ранней весной прибыли парфянские послы с поручениями и посланиями царя Вологеса: он, Вологес, не намерен более возвращаться к давним и столько раз возобновлявшимся спорам о том, кому обладать Арменией, ибо боги, вершители судеб даже наиболее могущественных народов, отдали владение ею в руки парфян не без позора для римлян. Недавно был обложен осадой Тигран; затем он, Вологес, отпустил невредимыми Пета и его легионы, хотя мог бы их уничтожить. Его сила в достаточной мере показана; представил он и доказательства своего миролюбия. Тиридат не стал бы возражать против поездки в Рим для принятия диадемы, если бы его не удерживали жреческие обязанности. Он готов отправиться к римским орлам и изображениям принцепса, дабы там, в присутствии легионов, венчаться на царство» (Ан. 15,24).

Как видим, парфянские послы прибыли в Рим «ранней весной» 63г. н.э., т.е., следует умозаключить, ещё до майской кончины крохотной Клавдии Августы, когда счастливый своим отцовством Нерон обретался в Анции и нежился, вкушая семейную идиллию, в лучах отовсехних-отовсюдошних поздравлений. Вологес чувствовал себя уверенно после прошлогодних достижений, что и отразилось в привезённом послами послании, где предъявлялись как сакральное, так и силовое право парфян

⁸⁵ Такого не было и в гитлеровской Германии, степень тоталитаризма политической системы к-рой на порядок уступает куда более тоталитарному абсолютизму сталинизма, аналогично тому, как культ Гитлера в Германии нельзя сравнить с абсурдизированным культом Сталина в СССР. И это именно у большевиков Гитлер и его наци позаимствовали практику массового политического убийства людей по групповому признаку, элементарно подменив социальный человекоубийственный расизм – расизмом расово-этническим.

на (*третьепрестольную*) Армению, на признание её греко-римской Римской империей частью великоиранской Ойкумены, что Рим (не очень, сколь выясняется ниже, информированный о давешнем рандейском позоре его виновником Петом), в такой форме, со своей стороны, (вновь) воспринял как дерзкий вызов.

Но разве Вологес не прав? Тигран VI на 63г. уже – экс-царь Армении, действительно, осаждавший парфянами и адиабенцами в Тигранакерте, куда он отступил после того как сам (едва воцарённый Корбулоном в 60г.) вторгся в 61г. в Адиабену, царю к-рой, Монобазу, вассалу Аршакидов, пришли на помощь парфяне. Окончательно же римскому ставленнику Тиграну пришлось покинуть страну Араратскую в 62г.

А два легиона Цезенния Пета, после того как 3 тыс. римлян, притом легионеров, были разбиты парфянами в сражении у прохода через Таврский перевал, плюс отступление паннонских всадников, действительно, оказались в рандейском кольце-котле и вполне могли быть уничтожены Вологесом. К-рый, однако, не пожелал это сделать, продемонстрировав как свою победу прогоном легионеров под ярмом из копий, так и своё великодушие, свою добрую волю, поскольку отпустил их на запад – в римско-каппадокийские (в заевфратские-заармянские) освоенные.

Сим победитель дал знать о готовности к компромиссу на приемлемых для парфян условиях. Повторим, он не хотел смертно ссориться с Римом, стремясь обезопасить западные границы, чтобы сосредоточиться на умиротворении и упорядочении периодически приходившего в брожение и всегда подверженного опасности внешних туранских вторжений иранского северо-востока. У Мл. Аршакидов накопилось много дел внутри Дома Иранского по его новоконсолидации, новозороастризации, по собиранию центробежных великоиранских земель-территорий, по урегулированию проблем с индо-парфянскими государствами, с крепчающими кушанами и т.д.⁸⁶

Таким образом, и без того принадлежащее Аршакидам (преемникам Ахеменидов) право на армянский престол было Вологесом в 62г. весьма убедительно показано-доказано и пересматривать данный, на принятии римлянами к-рого должны строиться мирные междержавные отношения, статус он не собирался.

А с др. стороны, если это положение будет Римом акцептировано, его мл. брат, *третьепрестольный* в Ариане-Иране при парфянах, Тиридат не против поездки-путешествия в Рим для получения царской короны от Нерона. Т.е. вот компромиссный путь к достижению взаимного согласия и к установлению кондоминиума. Пусть Рим, приняв это главное условие – Аршакид на армянском троне, дальше юридически удовлетворится возведением на армянский трон парфянина Тиридата от своего имени (в Риме), и тем проблема разрешится. Иных альтернатив нет. Иного

⁸⁶ И тут уместно снова повторить, что, увы или не увы, география страны, во многом, определяет её историю. Если, с одной стороны, и при (туркестански пограничных к Турану) парфянах продолжалось противостояние Иран – Туран, к решению фатальной проблемы к-рого, что нельзя не оговорить, в иранской истории ближе всех подошли приверженцы иранизации-ассимиляции туранцев парфяне, то со стороны другой, за почти 500 лет парфяно-иранской истории (дольше, чем в разные периоды лидерства в Иране мидийцев, староперсов Ахеменидов, новоперсов Сасанидов), с её серединой на стыке-рубеже эр, царственным Аршакидам, ни Старшим, ни Младшим, так и не удалось державно, во всяком случае, ни разу не удалось надолго и стабильно, консолидировать Иран. Хотя (собственно) Парфянский Иран не был централистской державой, отлично от его державных-империяльных современников (на западе и на востоке) – Римской империи, или, тем паче, Ханьского Китая (три мировых кита), будучи большую часть своей полутысячелетней истории центробежным объединением и никогда не став долгосрочно центростремительным, более того, являясь, вместе с тем, не столько рабовладельческим, сколько, по ряду существенных признаков, можно сказать, первым предтечно-феодальным государством.

решения Армянского вопроса не существует. Иначе – война, и противоборству не будет конца. Младшие Аршакиды сильнее выдыхавшихся с Ив. до н.э. Старших, и у них хватит ресурса и сил, чтобы не уступить.

Родственная близость армян к Ирану, к иранскому ойкуменическому миру восходит как к замифологизированному Пра-Ирану, как к учению-религии Заратустры – к древнейшему и к обновлённому в VI/Vвв. (при Ахеменидах) зороастризму, включая его одинаково актуальное для парфян и армян митраистское направление, так и к ахеменидским царям царей, начиная с Кира и Дария, при к-рых и после к-рых Парфия и Армения были ахеменидско-староперсидскими сатрапиями.

И наконец, ещё аршакидский царь царей Митридат II Великий (123 – 87гг.), до появления на приармянско-малоазийском востоке в Ив. до н.э. римлян, втянул Армению в парфянскую орбиту. И не договорился ли в 92г. до н.э. парфянский сановник Оробаз с Суллой о разделе римских и парфянских сфер влияния по Евфрату, сообразно чему, Армения оказывалась, в большей мере, в орбите Парфии, что было нарушено коротким взлётом потеснившего-оттеснившего парфян Тиграна II и затем победоносным Помпеем, сделавшим в 66г. до н.э. Тиграна римским вассалом, и тем геополитически сдвинувшим сулланско-оробазовскую договорённость в пользу Рима на восток.

Но с тех пор минуло более 100 лет время от времени возобновлявшегося с переменным успехом противостояния, ситуация изменилась, армянские Арташесиды в начале Ив. н.э. вымерли-иссякли и, несмотря на очередной успех в 18г. н.э. Германика, все попытки Рима иметь на армянском престоле, одного за другим, однозначных римских ставленников, к какому-либо долговременному успеху не привели. Мл. Аршакиды возглавили ренессанс Ирана и от Армении не отступятся, соглашаясь, наряду с тем, при этом, максимально уважить державный престиж Рима и блюсти буферность Армянского нагорья с востока и от Востока, после того как оно более 100 лет было буферным преимущественно с запада, точнее, при перевесе со стороны Запада. И хотя тот, кто твёрдо стоит на Армянском нагорье, держит под оптическим прицелом Сирию, Месопотамию и Персидский залив, контролируя также путь на Южный Кавказ, пусть римлян Аршакиды на троне Армении, к-рая отныне станет нейтральной междержавной зоной, не смущает.

И Тиридат, что Вологес подчёркивал в послании, не против прибытия в Рим, присовокупляя важную оговорку, – когда его перестанут удерживать жреческие обязанности. Здесь перед нами важный нюанс, поясняющий, кстати, то обстоятельство, почему Тиридат прибывает в Рим аж весной 66г. Брат царя, как в Иране, так и в Армении, выполнял важные жреческие функции (Р.л. 822-25). Тиридат был митраистским посвящённым, согласно Плинию (30,16-18) и Диону (63,1-7) (см. ниже), – жрецом Митры – династического бога Аршакидов, к-рые делали упор на зороастрийском митраизме.

Посему царь царей, тоже посвящённый в жреческие таинства ориентальный теократор, всегда мог сослаться в связи с задержкой поездки брата в Рим на жреческие обязанности последнего, тогда как политически парфяне будут оттягивать эту поездку Тиридата на Тибр аж до лета/осени 65г., т.е. до нужного им момента, пока не удостоверяться в соблюдении Римом достигнутых договоренностей, к-рые по Армении достигались и раньше, не раз потом римлянами нарушенные.

Соответственно, у историков нет повода переносить в итоге заключённое римско-парфянское соглашение 63г. на следующий 64г., как делают некоторые авторы, заявляя, что в противном случае срок между заключением соглашения и поездкой Тиридата в Рим чересчур неестественно долгий. Да – долгий (сходно последовавшей затем долгой поездке), и тем не менее, оснований для пересмотра тацитовской хронологии по соглашению тут нет.

Впрочем, римско-парфянское соглашение 63г. было заключено не сразу и вовсе не весной, ибо привезённое послами предложение Вологеса возмутило Рим, будучи квалифицировано как оскорбительный ультиматум, как диктат победителя побеждённым.

Причём любопытно, что по уши занятый римскими и семейными, не считая струнно-песнопевческих, цирковых и артистических увлечений, делами Нерон, сродни его новым осваивавшимся, со смертью Бурра и отставкой Сенеки, на самом верху сановникам, были на весну 63г. плохо информированы о реальном положении дел на линии римско-парфянского противоборства по итогам кампании давешнего 62г. н.э. (Ан. 15,25).

* * *

Удостоверьтесь: стало быть, Корбулон, от своего – кесарско-сирийского легата – имени не сообщил в Рим о постыдном де-факто исходе кампании Пета, к-рый, лёгок на помине, представил всё в донесении на имя Нерона, сгладив острые углы, в насколько было возможно выигрышном, или, по крайней мере, в максимально непроигрышном для себя свете-варианте. Говорят, – наглость иногда и города берёт! Ведь никакого военного разгрома римлян, конечно, коли списать со счетов поражение 3-х тыс. легионеров у Таврского перевала, вроде бы (при очень большом желании) и не было! Из Рандеи IV-й и XII-й легионы ушли (пусть потрёпанные, униженные и деморализованные), опуская (так сказать) несущественные подробности, живыми. И не предлагал ли (клятвенно обещавший Вологесу, что ни один римлянин не вступит в Армению) Пет на армяно-каппадокийской границе Корбулону повернуть орлов и вновь вторгнуться в Армению, чему Корбулон воспротивился, сказав, что не имеет соответствующего приказа от Нерона и поспешив прочь на защиту подначальственной ему Сирии.

Засим всё совсем не плохо, или как бы не совсем плохо, всё как бы ништяк. И стоит лишь кесарю дать приказ экстраординарному легату Пету и сирийскому легату Корбулону (не меняя особый статус Пета), как неудержимые легионы победоносно пересекут границу Армении, одержат, проявляя, под командой полководца впереди на лихом коне, массовый героизм, блистательные победы, и т.д. и т.п.

Но прибывший с парфянскими послами центурион поведал обо всём случившемся в 62г., мягко говоря, несколько иначе. И из его рассказа узнали как о постигшем римлян рандейском фиаско, так и о том, что Армения «полностью покинута римлянами», и следовательно, фактически Римом потеряна. Хотя по позднее достигнутой между Корбулоном и парфянами договорённости, парфяне также согласились временно уйти из страны Араратской и не вступать в неё, сделав ставку на дипломатическое урегулирование вопроса.

И всё равно, при таком закончившемся рандейским (оказывается!) позором раскладе и состоянии дел, Рим согласиться с предложением Вологеса не мог: «варвары над ним (Нероном) издеваются и просят то, что захватили силою» (15,25), т.е. признания статуса Тиридата в качестве царя Армении. Нет, сначала надо (не столько категорически отказать парфянам, сколько) реваншироваться за прошлый год (сколько восстановить имидж и престиж Римской мировой державы и римского Цезаря – повелителя мира).

Отсюда Нерон (не могучи пока поступить иначе) созвал совет из высших сановников «и предложил им на выбор чреватую неожиданностями войну или бесславный мир» (15,25), заранее зная ответ на столь категорический риторический вопрос. Короче, на существующих в настоящий момент условиях мир, ударив перед тем в грязь лицом (что умудрился сделать Пет), заключать никак нельзя. Возьмём

оборотку за Рандею, покажем парфянам, если и не где раки зимуют, то минимум следующее: римляне не льком шиты и не первый раз замужем.

Речь шла не о глобальной войне с вторжением в Иран, а о демонстративном (о показушеском) реванше в Армении. Рим и Парфия опять, не в первый раз, не хотели всей мощью сталкиваться лоб в лоб, стенка на стенку, как США и СССР, будь то в период Холодной войны или сегодня, задевая и поддевая друг друга, недруг недруга, партнёр партнёра – локально – уподобимыми современным санкциям-контрсанкциям дипломатическими нотами, языкастой (ведь язык без костей) пропагандой и военно-политическими демонстрациями.

Во всяком случае, «ничего не добившиеся» (Тацит) парфянские послы отбыли назад, везя не объявление войны, но отказ и, впрочем, – «с дарами, к-рые имели целью внушить Тиридату надежду, что если он лично обратиться с такою же просьбой, то может рассчитывать на успех» (15,25). Это была дипломатическая уловка-ужимка и оттяжка. Не сказал ли царь царей Вологес от имени младшего брата – Тиридата, что тот в принципе не против явки в Рим, когда то позволят (когда именно – вопрос и вопрос открытый – с открытой датой) его «жреческие обязанности». Так, чего, спрашивается, Рим теперь требует? Того же самого – т.е. непосредственного обращения Тиридата, и, надо понимать, обращения просительного-ходатайственного, – признать его царём Армении, с готовностью персональной явки для получения царской короны из рук Нерона в Рим.

Риму нужно время для, как сказано, демонстративного реванша, ибо Рим не может согласиться на всё перечисленное, не выходя в своих собственных и мира глазах неодолимым мировым Геркулесом. Сперва покажем, что мы можем решить любой вопрос посредством закона нашей несравненной силы, а уже потом задействуем инициативно исходящую, перво-наперво, от нас силу закона.

Далее, Корбулон снова назначается экстраординарным кесарским региональным легатом Передней Азии с полномочиями более широкими, чем в 54 – 60гг., к-рые (т.е. эти новые полномочия) Тацит сравнивает с властью «таких же размеров, в каких римский народ наделил Помпея для борьбы с пиратами» (15,25). В 67г. до н.э. Помпей был наделён по сути неограниченными полномочиями для оборонения средиземноморских пиратов, и значит, на сей раз, Нерон произвёл Корбулона, наделив его широченным империем = империльной властью *proconsulare maius*, – из (образно выражаясь) генералов в маршалы, или даже – в (фигуральные) генералиссимусы (как Пётр I – Меньшикова, Павел I – Суворова, или Чан Кайши со Сталиным – сами себя).

Ныне за Корбулоном закреплялось полководческое верховенство, в т.ч., над легионами, стационарованными в Сирии, куда был назначен, как штатный кесарский легат, подотчётный Корбулону (консул-суф. 42г.; сын одноимённого консул-орд. 35г.) – Г.Цестий Галл (кто в 66г. печально ославится разгромным поражением от иудеев в начале Иудейской войны) (см. выше и ниже), из-за чего Иудейская война разгорится по полной и кровопролитно продлится аж до 70 – 73гг.

Плюс к тому, из Паннонии в Каппадокию был передислоцирован XV-й легион *Apollonia*, под командой Мария Цельса⁸⁷, после чего под началом Корбулона в

⁸⁷ Легат XV-го легиона Марий Цельс ещё Нероном был дезигнирован в консулы на июнь 69г. (Ист. 1,77), в каковом качестве Гальба привлёк его к участию в совете по вопросу о преемнике, впоследствии отправив к иллирийским легионам, где Цельсу не удалось предотвратить их восстание (Ист. 1,31; Плутарх «Гальба» 25). Позднее, несмотря на верность Гальбе, он пользовался расположением Отона, однажды взявшего его под защиту от ярости солдат (Ист. 1,45) и доверившего ему командование в походе против вителлианцев (1,71; 87). От кровавой бани при Бедриаке в апреле 69г. Цельс уклонился, сумел найти общий язык с Вителлием и уцелеть.

Передней Азии и Сирии оказались, в общей сложности, 7 легионов. А неудачника Пета, страшившегося сурового наказания, Нерон отозвал, иронично заметив, что спешит даровать ему прощение, дабы он не заболел от слишком томительного ожидания и долгой тревоги за себя. Его дальнейшая судьба неизвестна. По крайней мере, ни среди участников событий ближайших лет, ни среди жертв нероновских репрессий 63 – 68гг. и последующей смуты 68/69гг. он больше нигде и никак не засветился.

Начав действовать, Корбулон, в первую очередь, перебросил из Каппадокии в Сирию, т.е. в тыл, прошедшие под рандейским ярмом = павшие духом (потрёпанные и деморализованные) IV-й (Скифский) и XII-й (Молниеносный) легионы, заменив их III-м (Галльским) и VI-м (Железным) легионами из Сирии, – «к-рые не понесли потерь и к тому же были закалены в частых и успешных походах» (15,26). Это были легионы, к-рые непосредственно знали его как полководца, и легионеров к-рых он знал как испытанных воинов. К ним прибавился V-й (Македонский) легион, стоявший, о чём мы знаем, в Понте и тоже «не затронутый поражением» (15,26). Более того, отборные вспомогательные подразделения прибыли из Иллирии и Египта, и ещё подошли воинские силы подвассальных Риму региональных царей-союзников.

Всех их – мощный военный кулак, вероятно, воинство числом 50-60 тыс., – *legatus extraordinarius* сосредоточил в каппадокийской Мелитене (сов. Малатия в Турции)⁸⁸, на армянской границе, «откуда собирался переправиться через Евфрат» (15,26). Задача – вторгнуться в Армению, показать, кто в доме хозяин, и дать парфянам по сопатке, если они осмелятся-попытаются померяться с Римом силами и вступить на Армянское нагорье с востока.

Т.е. Рим брал инициативу в свои руки, вернее, перехватывал её, желая, чтобы последнее слово перед заключением прелиминарного мира всенеизменно осталось за ним. А парфяне, со своей стороны, просчитав, что они близки к цели, и не намеревались до поры вступать в Армению. Пусть-де римляне порезвятся и, так сказать, реваншируются за счёт Армении, не встретившись лицом к лицу с собственно парфянами, пусть спасут задним числом своё лицо, к-рое они в прошлом году потеряли. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Главное – конечный результат всего долгого противостояния. И парфянские верхи, разложив шахматную партию, уже знали, что предстоящая в итоге паритетная ничья будет в их пользу.

* * *

Причём интересно, что согласно эпитомированному Диону (62,22,4), Нерон, сместив-отозвав Пета, поначалу сам хотел (было) отправиться на войну (и этот Мальбрук в поход собрался!), но вот беда, оступился, упал при жертвоприношении, и сочтя случившееся плохим знаком-предзнаменованием, остался дома. Скажем снова, если совсем не полководец Калигула всё же записал в свой актив потешный галло-германский поход и бряцание оружием супротив Британии на галльском берегу Ла-Манша, а Клавдий даже провёл 16 дней в покоряемой его легатами Британии, то Нерон так ни в один поход лично и не выступил, не сходил.

⁸⁸ Мелитена (Мелит/Мелита) – древний город в очень плодородной бывшей одним из очагов древнего армянства местности позднейшей Каппадокии (дорожный узел и переправа), у евфратской границы с Арменией, по преданию основанный (сродственно Вану) Семирамидой (Плиний 6,8), расцвет к-рого пришёлся на период Хеттского царства во II тыс. до н.э., и к-рый в I/IIвв. был в упадке (Страбон 12,534-37), потеряв значение города.

В нём — декадентном эллинисте-ориенталисте душой и телом, в этом новом псевдо-пацифицированном Митридате Эвпаторе под римской маской, в этой новой римской Клеопатре, в ещё намного большей мере, нежели в эллинистическо-про-египетском декаденте Калигуле, не было ничего староримского. Помимо того, он, как и Калигула, уж не говоря о Клавдии, был совсем не львом, даром что очень хотел им казаться. Сын настоящей римской волчицы Агриппины — её возмогший убить родную мать волчонок, он никогда не стал не то что львом, но даже волчарой, превратившись под конец из волчонка в шакала.

А Корбулон, между тем, совершив положенные жертвоприношения и вдохновив воинов пламенной речью, по переправе через Евфрат, расчистил завалы и устремился по проложенной Лукуллом в 69г. до н.э. дороге (на арташатском направлении), разоряя Армению и сея ужас среди армян за их пропарфянскую ориентацию, однако, (ожидаемо) не встречая на пути следования, дабы реваншистски сразиться с ними, никаких парфян, к-рые внимательно наблюдали за происходящим, стоя в готовности на границе, из соседнего Ирана (15,27).

И вместо ратоборного парфянского воинства в т.н. победоносный римский лагерь прибыли с предложением мирных переговоров посланники Тиридата (к-рый называется у Тацита, в сём случае, — первым — именно как царь, — с чем Рим уже негласно согласился, — интересующей римлян Армении) и Вологеса. Ну и что сделал римский «генералиссимус»? Он не отверг переговоры, он отослал присланных к нему парламентёров назад с центурионами, «к-рым предписал изложить его довольно умеренные условия» (15,27).

Дело — излагал он — ещё не дошло до войны не на жизнь, а на смерть. У римлян исторически больше успехов, правда, кое-какие есть и у парфян. (Вот тебе раз, неужели Карры 53-го и Атропатена 36гг. до н.э., или Рандея 62г. н.э., всего-навсего, кое-какие успехи, выпавшие на долю парфян?!). Не выгоднее ли Тиридату (как и попечительски стоящему у него за спиной Вологесу) получить армянскую корону в дар от Рима, «заключив договор с римлянами, чем ведя войну, несущую урон обоим противникам» (15,27)! Он, Корбулон, знает, сколько раздоров внутри парфянского государства — налёк на восток Ирана — сепаратизм Гиркании, Арейи, индо-парфянских государств, извне — кушаны и туранские степняки. Дескать, римляне информированы об этом и Рим может поспособствовать как усугублению периферийных трудностей Аршакидов, так и какому-нибудь придворному заговору в самом Парфянском Иране. У римского же кесаря, напротив, повсюду нерушимый мир, и, мол, в случае большой изнурительной войны, парфянам придётся гораздо хуже.

В сущности, Корбулон теперь соглашался на условия, предложенные парфянами ещё весной Нерону, т.е. на них соглашался Нерон, так как они не могли быть выдвинуты Корбулоном самостийно. Но в том-то и дело, что Рим соглашался сейчас, восстановив престиж и как бы стоя твёрдой ногой в Армении, корону к-рой, глядите, парфяне и армяне! — дескать, — кому захочу, тому и предоставлю! И вот это вроде уже не парфяне выдвигают безальтернативную кандидатуру Тиридата, а Рим сам предлагает её! Рим, по своей державной инициативе, легионизированно находясь на Армянском нагорье, соглашается на неё! Политические понты!

Итак, римляне дают (торгуясь!) знать и понять парфянам не столько то, на каких условиях мир возможен, к-рые, напомним, первыми выдвинули парфяне, сколько то — как мир должен быть (не роняя престижное величие Рима, наоборот, подтверждая-декларируя оное) обставлен. В реальности — вопрос в том, как (уступив Армении де-факто) сделать Тиридата римским назначенцем в армянские цари де-юре, подотчётным и римлянам, и (официально в меньшей мере) парфянам. Кондоминимум — *conditio sine qua non*, при соблюдении международного престижа Рима, с сохранением им приоритетно-великодержавного лица — превыше всего! Ну

и зачем парфянам возражать против подобного расклада!? Не важнее ли практический результат!

Помимо того, и сам Корбулон не горел желанием большой войны с парфянами едва ли не в большей степени, чем Нерон. Этот военачальник, стяжавший настоящий авторитет на Востоке, как говорилось выше, настолько не хотел проиграть ни одного сражения парфянам после взятых им армянских Арташата и Тигранакерта, что в итоге ни одного сражения у парфян так и не выиграл, или правильнее сказать, так ни разу и не довёл дело до большого сражения. И парфяне тоже старались избежать большой войны, к-рая не сулила радужных перспектив ни одной из сторон, суля зато большой хаос в регионе, к-рый ни одной из сверхдержав не был нужен, будучи для обеих опасен. И у Тацита ещё хватает наглости заявлять, что это парфянского типа чужеземцам свойственно «пустое тщеславие», тогда как «у нас дорожат силою власти, но не придают значения внешности!» (15,31).

Так, при парфянской игре в мнимые поддавки, было установлено многожеланное прочное перемирие, а Тиридат попросил «назначить место и день для открытия переговоров» (15,28), выразив от себя желание встретиться в памятной прошлогодними событиями Рандее. Казалось бы на повестке дня злободневное напоминание о позоре Пета, но Корбулон согласился⁸⁹, полагая, что ныне Рандея будет, напротив, символизировать римский реванш, поскольку встреча пройдёт при совсем других обстоятельствах. Она кульминирует положением Тиридатом снятой с головы царской диадемы к подножию статуи Нерона, к-рый возложит эту диадему на его голову самолично в Риме. Римская постановка разумела именно такой, мол, выигрышный для Рима партитетный-ничейный вариант, против к-рого парфянская сторона не возражала. Разве политико-дипломатическое шоу есть главное?

Независимо от того, где, как и от кого брат парфянского царя Тиридат юридически получит корону Армении, сам факт его воцарения на армянском престоле, в той или иной форме предпринятый-признанный-инаугурированный Римом, по любому, означает, что Армения, витально подпавшая Риму и греко-римскому миру в ббг. до н.э., не менее витально отпадает от него и (нисколько не порывая с эллинистическим наследием) перемещается из греко-римской орбиты в орбиту иранско-парфянскую. И сим междержавная чаша весов отныне, пусть ничейно, пусть партиетно, пусть предельно корректно, пусть т.н. равнодержавно-кондоминимумно, всё равно начинает погранично перевешивать в пользу Парфянского Ирана.

В назначенный день к Тиридату, тем временем ступившему в Армению и расположившемуся лагерем недалеко от Рандеи, были направлены зять Корбулона — (и.о. легата V-го легиона) Анний Винициан⁹⁰, и данный (Нероном) Корбулону в помощники знакомый нам наместник Иудеи в 46 — 48гг. знатный всадник — Тиберий Александр (сын алабарха Александра; племянник Филона), к-рый в ббг. станет префектом Египта. Оставшись в лагере выступившего для личной встречи с Корбулоном Тиридата, они должны были служить гарантами его безопасности. «...после этого из того и другого воинства было выделено по двадцати всадников. Завидев Корбулона, царь первым спрыгнул с коня; не замедлил сделать то же и Корбулон, и, спешившись, они протянули друг другу руки» (15,28).

⁸⁹ По Тациту, согласившись, Корбулон приказал служившему под его началом сыну Пета «отправиться туда во главе манипулов и прикрыть землёю останки павших» при Петовом поражении римских воинов (15,28).

⁹⁰ Сын Анния Винициана — участника успешного заговора против Калигулы в 41г., покончившего с собой в 42г., из-за краха заговора Камилла Скрибониана против Клавдия (см. выше и ниже).

Затем Рим, в Корбулоновом лице, отдал-воздал должное Тиридату в том и за то, что он, «молодой человек», правильно предпочёл опасному пути войны — путь мирных переговоров-договорённостей — «верный и безопасный» (15,29). В ответ Тиридат, согласно Тациту, многословно распространялся о знатности Аршакидов, понимай, — о ведущих себя от Артаксеркса Мнемона, от Андрагора и от Аршака Храброго его венценосных потомках, как о легитимных великоиранских царях царей, проявив в остальном подобающую в его положении (мол, ходатая-просителя) скромность: «итак, он отправится в Рим и доставит Цезарю новую славу — ведь перед ним предстанет просителем Аршакид, хотя парфяне и не понесли поражения. В конце концов согласились на том, что Тиридат положит свою корону к подножию статуи Цезаря и получит её обратно не иначе как из рук Нерона: этим они завершили переговоры и на прощание обменялись поцелуем. Спустя несколько дней оба войска во всё блеске были выстроены друг против друга — с одной стороны конница, расставленная отрядами с отечественными отличиями, с другой — ряды легионов со сверкающими орлами, значками и изображениями богов, как в храме: посередине был сооружён трибунал с курульным креслом на нём и изваянием Нерона на кресле. После заклания, согласно обычаю, жертвенных животных к нему приблизились Тиридат и положил у его ног снятую с головы диадему, что вселило в души присутствовавших волнение, усугублявшееся тем, что у них перед глазами всё ещё стояли картины истребления римских войск и осады, к-рой они подвергались; теперь счастье повернулось в другую сторону; Тиридат отправится в Рим напоказ всему миру, и намного ли он своей участью будет отличаться от пленника?» (15,29).

Приблизительно то же сообщает эпитомированный Дион (62,23,1-4), присовокупляя, что парфяне согласились на переговоры и римские условия перед лицом военного превосходства противника; плюс, — что на подиуме-трибунале было несколько изображений Нерона; плюс, что после снятия Тиридатом с головы положенной к скульптурным Нероновым стопам диадемы к Корбулону прибыли также Монобаз Адиабенский и сам Вологес, передав ему гарантийных заложников; плюс, что эти успехи обусловили принятие Нероном в Риме очередной императорской аккламации.

Отставляя пропагандистскую фанфаронаду и тенденциозность этого рассказа, констатируем несостоятельность утверждения Диона насчёт Вологеса: во-первых, следуя Тациту, Вологес находился в Экбатанах, куда, в частности, Тиридат после заключения предварительного договора отправился; во-вторых, прибытие в Рандею самого царя царей (да ещё называемого у Диона вслед за его вассалом Монобазом!) для передачи римлянам заложников — брехня или ошибка, или в кадре какой-то сановный Вологес — не царь царей.

Так или иначе, внешний реваншистско-римский эффект был, по римскому сценарию и по мнению римлян, с оглядкой на себя и на Ойкумену, достигнут, чтобы спустя (без малого) 3 года увенчаться парфянским эндшпилем (даром что формально из римских рук и посредством римской ратификации) в Риме. Нарушенный в 62г. баланс — как бы восстановлен, реванш — как бы взят, престиж Рима — как бы соблюден. Тиридат снял корону, к-рая будет легитимизаторски возложена (или, мол, не возложена) на его голову только (решающим кому быть царём Армении) римским кесарем в Риме. Куда уж дале, чего уж боле! Смотри, слушай и удостоверься, Ойкумена, кто в этом мире сверхдержава № 1! кто есть первая скрипка!

И парфяне, не гонясь, в отличие от римлян, за внешним эпатажем-эффектом, но фактически переиграв их и предвыиграв партию, причём играя чёрными

(поскольку Рим-Запад узурпировал посегодня право всегда играть белыми), с предложенным раскладом охотно согласились. Хотите, дескать, римляне моральной сатисфакции за уничижительное поражение прошлого года – пожалуйста – на здоровье, не жалко. Какая, в конечном счёте, разница – где, как и кто Тиридата коронует: главное, что Рим официально признает этой кесарской коронацией Аршакида царём Армении, чего Артабан III добивался с 35г. (по смерти в 34г. Зенона-Арташеса) и на что Вологес I и его брат Тиридат притязают с 51/52гг.

Впрочем, с Тиридатовой поездкой в Рим парфяне повременят, чтобы, говорим снова, убедиться, насколько Рим будет придерживаться достигнутого соглашения о мире в ближайшее время, насколько предварительное-прелиминарное согласие римлян на аршакидского царя армян долгосрочно-серьёзно. Ведь царь Аршакид на армянском престоле (неважно как Римом легитимизированный-признанный) это для Ирана не просто выигранный раунд (как Рандея 62г.), это уже выигранный поединок.⁹¹

В тот же день Корбулон устроил посвящённый заключению соглашения пир, притом, согласно Тациту, «поверг царя (Тиридата) в изумление перед нашими древними нравами» (15,30), что вряд ли может соответствовать действительности, так как нравы, традиции и ритуалы Ирана были на IV. н.э. куда древнее римских, и повергнуть брата иранского царя (жреца Митры) в изумление их именно древностью было нельзя.

Потом Тиридат (по слову Тацита, к-рое мы оставим на его совести, «попросив позволить ему отлучиться») отправился повидаться (перед дальним путём в Рим) с братьями и матерью, передав Корбулону в заложницы дочь и вручив ему просительное письмо к Нерону (15,30).

«Покинув наш лагерь, он находит Пакора у мидян, а в Экбатанах – Вологеса, к-рый не оставлял своим попечением брата...» (15,31). Относительно Пакора, речь идёт о брате Тиридата, царствовавшем во *второпрестольной* Мидии-Атропатене, в то время как с царём царей Вологесом Тиридат встретился в великомидийских Экбатанах (Хамадан). И Вологес направил к Корбулону специальных гонцов, прося гарантировать брату достойное путешествие в Рим, от к-рого, скажем ещё раз, парфяне дальновидно-выжидательно (не спеша и внимательно-бдительно следя-наблюдая за развитием ситуации и событий) воздерживались на протяжении ближайших двух лет – до лета/осени 65г.

Следовательно, время заключения Рандейского соглашения между Корбулоном и Тиридатом – оптимально не ранее осени 63г., учитывая то, сколько понадобилось времени на все вышеописанные нами далеко неодновременные-неодномесечные события – от прибытия парфянских послов в Рим ранней весной 63г.

Так и шоу, и ток-шоу были разыграны, ни Нерон и Корбулон, ни, наипаче, парфяне, нарушать заключённое соглашение, к-рое на полстолетия – дольше чем когда бы то ни было за, всего-итого, три века римско-парфянского державного соседства-противостояния (с начала IV. до н.э. по начало IIIв. н.э.) – умиротворило-регулировало (лишь незначительно-локально пару раз омрачавшиеся в этом интервале) междержавные отношения-соотношения – не собирались.

И одновременно время пока терпело. Ситуации должно устаканиться; соглашение – отстояться и устояться. Усвоив науку Августа, парфяне в лице Тиридата спешили в Рим за короной из рук Нерона, *не торопясь*. Да и Августову ли науку?

⁹¹ И, к слову, тон рассказа Тацита об этом ратует за то, что он пишет при Адриане, т.е. после отказа последнего от переднеазиатских завоеваний на три года превратившего Армению в римскую провинцию (114-117гг.) Траяна и возвращения обеих держав к установленному в 63-66гг. статусу-кво.

Будучи много старше, мудрее и опытнее Запада, Восток вообще не любит спешить-торопиться, дабы не насмешить мир (хотя при этом очень рискует опоздать на собственные похороны).⁹²

Подведём итог. Посему в принципе долгая схватка I/Ивв. за Армению была Римом, в рамках поисков решения Армянского вопроса, в 63г. (в сущности) проиграна. Но Рим желал её проиграть, непременно выглядя, как сказано, и в своих глазах, и в глазах мирового общественного мнения, победителем, с упором на что и обставил Рандейское соглашение,⁹³ чтобы в 66г. поставить на римском Форуме точку, к-рая, в реальности, если разуместь реальность в её подлинности, станет продуктивным парфяно-армянским духовно-политическим многоточием.

В свете этого многоточия Армения познает новорождение-обновление, а Парфия завещает человечеству Посланца Света – Апостола Иисуса Христа – Парфянида Мани и крестителя армянства Григория Просветителя = Григор Партев/Парфянин, потомки к-рого, католикосы-патриархи Нерсес Партев и Саак Партев, превратят Армению – храм Бдящих сил – в оплот и бастион необоримого христианства.

Полтора аршакидских столетия, если считать с 51/52 по 301г., приведут и подготовят Армению – страну Араратскую – к христианизации, после чего ещё полтора

⁹² Если Британия, упираясь в Океан, не могла уйти от Рима, чему свидетельство – неудачное восстание Боудикки, то Армения, опираясь на Иран, не могла дольше пребывать в римской сфере. Не более древний, чем Рим, Восток (с одной стороны, упорядоченный Римом, с другой, – его инфицировавший), а более молодой к западу от Италии Запад был главным достижением и детищем Рима, благодаря к-рому плодотворно цивилизовались-романизировались Испания, Галлия, Британия, левобережная Германия (что с Германией правобережной римлянам правомерно не удалось), дабы взойти в грядущем Западной и частично Центральной Европой.

⁹³ Примечательно, что спустя 300 лет, в 363г. н.э., будет заключён второй Рандейский мир, в этот раз между Римом и Сасанидским Ираном, после того как в 224/25/26гг. персы Сасаниды (объявившие себя наследниками и продолжателями персов Ахеменидов) свергнут Аршакидов, а почти полутысячелетний (IIIв. до н.э. – IIIв. н.э.) веротерпимый и, во многом, стоявший на пороге христианизации Парфянский Иран сменит интолерантно-декадентно агрессивная зороастрийская Персида – мёртвый люциферический противоположный староперсидского Ирана Ахеменидов, созданного учредителем первой мировой Империи-Ойкумены Киром Великим. При всём том, важно оговорить, что близость армян к персам Ахеменидам восходит ко временам их родоначальника Ахемена, под предводительством к-рого персы в VIIIв. до н.э. переселились из соседнего очагу армянства в треугольнике приараратских озёр – Ван, Севан, Капутан/Урмия, района оз. Урмия на берег Персидского залива – в Фарс/Парс. И национал-империалисты Сасаниды, объединив Иран железом и кровью, заговорят с Римом, к-рый ещё пожалеет о Парфии и парфянах, откровенно с позиции силы, и при на редкость упорном и энергичном шахиншахе Шапуре II Долголетнем (309-79гг.) Персида начнёт (стартовый толчок чему дал в IIIв. ещё Шапур I) основательно брать верх.

А с гибелью в восточном походе Юлиана Отступника (кто напрасно чаял найти в Сасанидском Иране, где как раз в пору Шапура II мёртвый зороастризм пытался реформировать Атурпат Михраспандан, тайну солярных Мистерий), по заключённому Юлиановым преемником Иовианом в Рандее договору 363г., к-рый Аммиан Марцеллин назовёт позорным, (христианский) Рим возьмёт на себя обязательство не поддерживать (христианскую) Армению (*второй престол* для Сасанидов, по подобию Ахеменидов), чем фактически предоставит карт-бланш Персиде в Армянском вопросе.

И произойдёт это во время, когда расклад будет кардинально противоположным раскладу 63г. н.э., когда Иран новоперсов Сасанидов, нетерпимых зороастрийцев, будет яро враждебен уже христианской (с 301г.) и ещё Аршакидской (с Тиридата I) Армении, родство к-рой с перешедшими (сродни Кельтике) в IIIв. н.э. из истории в матаисторию Парфянами так и останется для Армян непревзойдённым (Р.л. 605-12; 1251-63; Д.И. 123-44; 830-39; 840-897-904). Неспроста с начала Парфянского Ирана ок. 247г. до н.э. до начала I-й Мировой войны в 1914г. и Армянской Голгофы 1915г. пролегал 2160 лет, т.е. один Космический месяц, по прошествии к-рого парфяно-армянский историко-метаисторический *круг* трагически замкнулся.

столетия, с 301 (начало обращения-крещения) по 451гг. (Аварайрское сражение и непринятие армянством решений Халкидонского собора) уйдут на становление уникального армяно-христианского феномена, к-рый в VIв. н.э. превратится в армяно-христианский, этно-религиозный и ментальный, монолит, неодолимый ни для Сасанидов, ни позднее для арабов-мусульман, ни для монголов, ни для различных тюрков и турок, ни для врат ада!⁹⁴

АННЕКСИЯ КОТТИЕВА ЦАРСТВА И ЛАТИНСКОЕ ПРАВО В ПРИМОРСКИХ АЛЬПАХ

Рассказав о римско-парфянских коллизиях в 63г., Тацит ниже, коротко перечисляя прочую событийность данного года в последнем посвящённом оному абзаце, говорит, в частности, о даровании в том же году Нероном латинского права обитающим в Приморских Альпах народностям (Ан. 15,32).

И тут возникает вопрос: связано ли это дарование-предоставление *Ius Latii* с аннексией альпийского Коттиева царства при Нероне, хронология чего спорна. По нашему мнению, означенные события можно, предположительно, за невозможностью безоговорочного утверждения, на базе косвенных улик-аргументов, взаимосвязать. Попробуем обосновать.

Читатель в курсе, под 44г. н.э. Дион (60,24,4) сообщает о поощрительном увеличении Клавдием владений Юлия Коттия, бывших ранее во владении его отца и находящихся в Альпах, причём Коттий удостоился присвоения ему царского титула (см. выше). Напомним, что Лигурийские Альпы, к-рые вели из Италии в Нарбоннскую Галлию (из Пьемонта в Дофинэ), делились на Приморские (тянувшиеся от моря до истоков Вара на г. Цем, откуда шли до г. Везула) и Коттиевы/Коттийские – *Alpes Cottiae* (от Эбурдона до Сегусио и от М.Визо до Мон-Сенио).

Облагодетельствованный-поощрённый Клавдием Юлий Коттий был потомком одноимённого царя альпийских лигурийцев Котты, сына Донна, оснащённого-оснастившегося римским гражданством при Цезаре или Августе (Страбон 4,201). Он властвовал над 14-ю альпийскими племенами, во главе к-рых сначала противился, потом покорился Риму и прославил в 9/8гг. до н.э. Августа триумфальной аркой в Сузе, тогда как в 7/6гг. покорителю 46-и альпийских племён завершившему тем самым покорение Альп Августу был воздвигнут 30-метровый обелиск – *Trophaeum Alpium* (возле Монако).

Впрочем, в последнем десятилетии старой эры лигурийский вассальный царь Коттий сложил с себя царский титул и сделался чиновным префектом-управителем всаднического ранга в своих прежде венценосных владениях, скончавшись в сём качестве-достоинстве в новую эру, при Августе или Тиберии. А позднее скорее его внуку, чем сыну, первоначально управлявшему дедовской вотчиной в ранге префекта, Клавдий, как сказано, даровал в 44г. царскую корону, т.е. восстановил маленький альпийский вассалитет.

Так вот этот последний Коттий мирно почил при Нероне. Однако дата его смерти и последовавшей за ней аннексии-новопровинциализации Коттиева царства в источниках противоречива. Хотя в большинстве из них сообщение об этом соседствует с сообщением о провинциализации Нероном Понта *Polemoniacus*, где, о чём читателю известно, Калигула воцарил в 37/38гг. Полемона II Понтийского.

⁹⁴ Армяне превратили (с Двинских соборов VIв.) христианство в религию национально-религиозного выживания, по еврейско-иудейскому образцу-сценарию, отождествив и сомкнув в неразъемлемое целое свои этническую и религиозную (со)принадлежности, но при этом не перестав быть новозаветниками-христианами.

Согласно Аврелию Виктору (IVв.), к-рый приводит комплимент Траяна Нерону в том, что «управление всех принцепсов уступает его первому пятилетию», «за это время, он обратил в провинцию Понт с согласия (царька) Полемона, а также и Коттиевы Альпы после смерти царя Коттия» («О Цезарях» 5,2). Как видим, Авр. Виктор относит провинциализацию Понта и Коттиевых Альп на т.н. золотую пятилетку Нерона — 54 — 59гг., что являет собой явный хронологический недобор-анахронизм, вместе с тем, побочно свидетельствуя о приблизительной одновременности аннексии Коттиева царства в Альпах и причерноморского Понта, эра ряда городов к-рого — Керасы, Неокесарии, Трапезунда, Целы — провинциально стартует в 63/64гг. н.э.

Сообразно Иерониму (Vв.) в «Хронике» (157), под 1-м годом 211 Олимпиады = 65/66гг. (2081 ad Abr.), и под 11-м годом Нерона = 64/65гг., т.е., сочетая оба синхронизма, оптимально в 65г. н.э.: «При Нероне образованы только две провинции: Полемонов Понт и Коттиевы Альпы, после того как скончался царь Коттий» (*Duae tantum prouinciae sub Nerone factae, Pontus Polemoniacus et Alpes Cottiae, Cottio rege defuncto*). У Кассиодора (VIв.) фигурирует, приложительно к провинциализации обоих царств, 66-й г. н.э. (*Chron. Minora 2 ed. Mommsen 138*).

Евтропий (IVв.), обзорно информируя о событиях нероновского времени, пишет: «Парфяне захватили Армению и провели римлян под ярмом. Однако при нём (Нероне) появились две новые провинции: Понт Полемонийский, уступленный царём Полемоном, и Коттиевы Альпы, по смерти царя Коттия» (7,14). У Светония (IIв.), в знакомом нам контексте Неронова нежелания расширять державу, находим: «Только Понтийское царство с согласия Полемона да Альпы после смерти Коттия он обратил в провинцию» (Нер. 18).

Таким образом, сразу несколько разновременных авторов упоминают аннексию Коттиева царства и Понта *Polemoniacus* совокупно, в одной связке, в одном предложении, что, конечно, не железно доказывает единовременность их провинциализации (поскольку при Нероне были созданы всего две провинции, о чём все приведённые источники информируют обзорно), но, всё-таки, скорее, ратует за то, что речь следует вести о событиях — в пределах какого-то года в пору правления Нерона — единовременных. Не так ли?

И значит, если ошибочная датировка Авр. Виктора отпадает, то остаются даты по эрам понтийских городов с эпохой эры — 63/64гг. н.э., посредством чего, приняв версию единовременности провинциализации Понта и Коттиева альпийского царства, надо откорректировать-исправить несколько забегающую вперёд хронологию Иеронима и Кассиодора.

А если со всем этим ещё связать информацию Тацита (кто не счёл нужным упомянуть про кончину Коттия и его царства) о предоставлении латинского права обитателям Приморских Альп, то получится, что интересующие нас события датируются-прецизируются 63-м г. н.э.

Вероятно, Нерон провинциально слил-объединил в 63г., укрупнив провинцию, (лигурийские) Приморские Альпы с (также лигурийскими) осиротевшими Альпами Коттиевыми (как Понт был слит-объединён в 63/64гг. с Галатией), компенсировав новопровинциализированных обитателей последних, к-рые, повторим, уже были провинцией на протяжении ок. полувека, с последнего десятилетия старой эры по 44г. н.э., латинским правом, к-рого в то же время удостоились обитатели провинциальных Альп Приморских.

До завершения Союзнической войны 90 — 88гг. латинским правом пользовались италики — народы собственно Италии, ставшие по итогам названной войны, полноправными римскими гражданами. Дарование этого права (ступень к римскому гражданству) предоставляло постепенно интегрируемым в римскую Италию аль-

пейцам, в области со статусом провинции между Италией и Галлией, ряд привилегий по сравнению с другими провинциалами, облегчая первым доступ к занятию общественных должностей и тем самым — к гражданству римскому.

Вот как дело могло обстоять на самом деле, что, скажем снова, с полной уверенностью, за недостаточностью улик, утверждать нельзя, но вполне оправдано принять как версию.

ПРОВИНЦИАЛИЗАЦИЯ ПОНТА

И раз уж мы хроносвязали аннексию Римом Коттиева царства в Альпах и Понта Polemoniасus на юго-востоке Понта Эвксинского, правильно будет здесь, куя, что называется, железо, пока горячо, сказать несколько слов именно под анналистическим 63г. н.э. и об этом.

Освежаем память. Полемон II Понтийский был сыном (убитого своим дядей Раскупорием — 18г.) Котия Фракийского и Антонии Трифены (дочь Полемона I и Пифодориды — внучки М.Антония, на к-рой Полемон I женился в 12г. до н.э.; сестра царя Армении — Зенона Арташеса). Он родился где-то ок. 15г. н.э., воспитывался в Риме вместе с Калигулой и получил от него (кто воцарил старшего и младшего Полемоновых братьев, Роиметалка и Котия, одного — во Фракии, другого — в Малой Армении), как друг детства-отрочества, плюс — родственник по линии Антония, в 37/38гг. во владение дедовский Понт. Равно — формально получил Боспор, к-рый его дед униировал с Понтом (по августейшему сценарию), женившись в 14г. до н.э. на внучке Митридата Эвпатора — Динамис (Р.л. 285-87; 431-34; 455/56; 546-48; Д.И. 131) (см. выше).

Но на Боспоре, в борьбе за к-рый погиб в 8г. до н.э. Полемон I (от кого Динамис сбежала в 13/12г. в восточное Приазовье к своему сыну Аспургу) и за к-рый цепко держались Асандриды (Аспург — сын Асандра и Динамис в её предшествующем браке, умер как раз в 37/38гг.), Полемону II так никогда и не довелось зацарствовать (см. выше). А в 41г. Клавдий (пересмотрев калигулианский проект возобновления понто-боспорской унии) компенсировал его родовой вотчиной Полемонидов — частью Западной Киликии и храмовым городом Ольба, после чего он царствовал, резидируя в Понте, в сорегентстве с матерью, до её кончины в 49г.

Далее, из Флавия мы знаем, что Полемон II женился на дочери Ирода Агриппы Беренике (И.д. 20,3,7) (см. выше), к-рая с 41 по 48гг. была замужем за своим дядей Иродом Халкидским (+ 48г.), в связке с чем обычно умозаключается следующее: брак Полемона и Береники возымел место в интервале 48 — 54гг. — по смерти Ирода Халкидского и до, как можно вывести из флавиевского рассказа, смерти Клавдия, о к-рой сообщается в «И.д.» 20,8,1. Вроде (бы) логично.

Однако, с др. стороны, Флавий на момент брака Полемона и Береники называет его (о чём мы беседовали выше) «царём Киликийским», каковым Полемон остался, лишившись провинциализированного Римом Понта не ранее 63г. Причём, судя по тому, что применительно к созданному Иродом Агриппой в 43г. конгрессу вассально-ориентальных династов в Тивериаде (к-рый сорвал римский легат Сирии Вибий Марс) Полемон у Флавия назван «владельцем Понта» (И.д. 19,8,1), накладки или небрежности тут нет, т.е. говоря о браке с Береникой, Флавий исходит из того, что на момент его заключения во владении Полемона (уже) только часть Киликии.

Кроме того, в «И.д.» 20,7,3 о Беренике подчёркнуто сказано, что после смерти Ирода Халкидского она «долго оставалась вдовой», из-за чего её выход вторично замуж за Полемона в ненадолго отстоящем от 48г. интервале 49 — 53гг., к-рый, при ближайшем рассмотрении, становится ещё уже, смотрится не без натяжки, плюс к

чему, её долгое вдовство при дворе брата Агриппы II, царственно обретавшегося в Халкиде с 50г. и лишь в 53г. обзаведшегося вместо Халкиды давешней тетрархией Филиппа, успело породить слухи о её кровосмесительной связи с братом. Иначе говоря, успело породить слухи среди иудеев со времени царствования Агриппы в палестинской Кесарии Филипповой, а не в ливанской Халкиде, т.е. не раньше, чем с 53г., откуда, согласится, времени для слухов, импульсировавших выход Береники замуж за Полемона ещё при умершем в 54г. Клавдии слишком мало, да и выглядит такой расклад чересчур малоестественным.

Или Береника дважды, вскоре покинув Полемона (20,7,3), долго жила при брате (и в Халкиде, и в Кесарии Филипповой) вдовой – в 50 – 53гг., и, скажем, с ок. 55/56гг., т.е. после кончины первого мужа и после развода со вторым? Теоретически возможно, но подобная хронопоследовательность тексту Флавия не соответствует, или соответствует в меньшей мере, нежели расклад, предложенный нами, и главное, не объясняет почему Полемон в связи с конгрессом 43г. в Тивериаде назван «владельцем Понта», а в связи с женитьбой на Беренике – «царём Киликийским»?

Не потому ли, что дата этой женитьбы – время ок. 64г., за чем последовал скорый развод не позднее 65г., ибо весной 66г., ко времени начала Иудейской войны, мы находим Беренику в Иерусалиме, где она пребывала в связи с «исполнением данного ею Богу обета» (И.в. 2,15,1), по причине перенесённой ею болезни или несчастья – не связанных ли, спрашивается, именно с её вторым неудачным браком-разводом, с её недавним уходом от Полемона и возвращением в Палестину? (см. ниже)

Разве данный расклад не реалистичнее? Соответственно, присутствуя вместе с братом Агриппой на суде Феста над Ап. Павлом летом 60г. Береника ещё не была, ещё не побывала замужем за Полемоном, как раз долго (в общей сложности ок. 15-и лет) вдовствуя после кончины Ирода Халкидского, и живя с 50г. при дворе брата в Халкиде, а с 53г. при его же дворе в Кесарии Филипповой (и временами бывая совместно с ним как в Кесарии Приморской, так и в Иерусалиме). И в сём случае, десятилетки с 53 по 63гг. на упорные слухи среди иудеев (и не только) о её – долгой (беспечальной) вдовы – кровосмесительной связи с братом более чем хватает.

Притом, если она, – маленькая чувственная Клеопатра, – к-рая впоследствии сумеет (в сорокалетнем возрасте) очаровать и Веспасиана, и Тита, уговорила Полемона жениться на ней, чтобы (по Флавию) положить конец слухам о её инцесте с братом, то Полемон, в свою очередь, согласившись ради этого брака даже сделать обрезание, позарился на её богатство, и надо полагать, позарился после того как потерял богатый Понт, вынужденный отныне венценосно довольствоваться, всего-навсего, частью западной Киликии.

Посему с обеих сторон то был брак по расчёту, и альянс, «продолжившись недолго», быстро распался, поскольку «Береника, как говорят, вследствие невоздержанности, вскоре покинула Полемона, к-рый при этом отказался от иудаизма» (20,7,3). Как видим, для падкого до богатого приданого жены царя киликийского не имели особого значения ни обрезательное приобщение к иудаизму (внешний-поверхностный прозелитизм врат), ни скорый разрыв с ним. То-то его, видимо, отъявленного гедониста, перу приписывают несколько лёгких гедонистических эпиграмм из «*Anthologia graeca*» (5,68; 9,746; 11,38).

Позднее же он был женат, о чём свидетельствуют монеты, на Юлии Мамее (с кем, отлично от бездетного брака с Береникой, заимел двух сыновей) из Эмесского царского дома, представитель к-рого Соэм Эмесский получил, о чём мы в курсе, в 54г. от Нерона армянскую Софену, став региональным соседом Полемона, кто, как читатель знает, обзавёлся (волей Рима) частью соседних с Понтом армянских земель

в 60г., когда на трон (новопокорённой Корбулоном) Армении взошёл ставленник Рима Тигран VI.

Впрочем, возвращаемся к Понтийскому царству, последним царём к-рого был Полемон II, к-рое не раз появлялось в нашем повествовании, начиная с «Р.л.», и с историей к-рого читатель достаточно знаком.

Коротко напомним, при нахождении исторического Понта на северо-востоке М.Азии, между Пафлагонией, Вифинией, Галатией, Каппадокией, Малой и Великой Арменией, а также Колхидой, собственно Понтийское царство возникло в конце IVв. до н.э., в пору войн диадохов, основанное (возводившим себя к Киру Великому) Митридатом I Коттистом (301 – 266/65гг.) (Д.И. 116-20). Оно достигло пика и непродолжительно сделалось малоазийско-причерноморским гегемоном, под предводительством Митридата VI Эвпатора (121 – 63гг.), к-рый вместе с протёршим Армению от Каспийского до Средиземного морей Тиграном Армянским, временно-краткосрочно заполнили региональный переднеазиатский вакуум во время, когда прежние гегемоны региона Селевкиды безнадёжно ослабли, а Рим и Парфия ещё не были настолько сильны, чтобы сверхдержавно выйти на междержавную границу по Евфрату.

Затем Митридат Эвпатор, первый учредитель Понто-Боспорской унии в 107г. до н.э., по итогам трёх изнурительных войн с Римом (89/88 – 84гг.; 83 – 81гг.; 74 – 63гг.), проиграл; бежал сначала к Тиграну (к-рый тоже проиграл римлянам и сделался в 66г., сдав все свои территориальные завоевания, римским вассалом); потом отступил, спасаясь от Помпея, в крымский Боспор и, носясь там с безумной идеей атаковать Италию через Альпы с востока (по примеру Ганнибала, альпийски атаковавшего её с запада), покончил, как жертва заговора против него, самоубийством, что, к слову, случилось в симметричном 63-у г. н.э. 63-м г. до н.э. (дата взятия Помпеем Иерусалима).

В 47г. Цезарь победил в битве у Целы бездарного Митридатова сына Фарнака (63 – 47гг.), кто, вместо, чтобы уклоняться от фронтального сражения с римлянами, как это искусство умел делать, предпочитая партизанскую войну, его битый отец, наоборот сам браво вышел на бой, – за считанные часы. После этого бежавший в Крым Фарнак был убит там своим боспорским наместником Асандром, к-рый провозгласил самостийность Боспора, женил Фарнакову дочь Динамис и родил с нею сына Асандра.

* * *

В 41г. триумвиральный распорядитель римского Востока М.Антоний поставил во главе восстановленного им на части территории бывшего Понта, западную часть к-рого (к западу от Амиса) римляне включили в состав провинции Вифиния и Понт, сына Фарнака – Дария, к-рый в ближайшие три года – неизвестно как, куда и когда сгинул, после чего Антонием был воцарён в Понте – 37г. до н.э. – сын ретора Зенона (чей родовой домен – западная Киликия) из Лаодикеи Фригийской – Полемон, очень хорошо проявивший себя в паре с отцом при обороне Лаодикеи от вторгшихся в 40 – 38гг. в Малую Азию, Сирию и Палестину парфян, к-рых в М.Азии представлял римский перебежчик Лабиев. Так Полемону Лаодикейскому выпало стать (в качестве антонианской креатуры) венценосным Полемоном I Понтийским.

Он сумел усидеть на троне и при Октавиане Августе, когда, о чём сказано, унировал Понт с Боспором и вообще был привилегированным вассалом (с редким для вассальных царей-союзников правом чеканки золотой монеты), вследствие

важного геополитического, военно-стратегического и торгового положения Понта на юго-востоке Чёрного моря — к северу от Каппадокии и Галатии, перед Арменией и Южным Кавказом.⁹⁵

При всём том, если Галатия была провинциализирована в 25г. до н.э., Каппадокия — в 17г. н.э., Коммагена побывала провинцией в 17 — 37гг., то на подвассальность Понта Рим во весь данный период и аж до Нерона ни разу не покушался, продолжая считать её рентабельной. Мало того, в 17 — 37гг., Понт, вероятно, включал в себя и отошедшую к нему после провинциализации Каппадокии, в состав к-рой она до того входила, М.Армению, где Калигула поставил в 37г. на царство мл. брата Полемона II — Котия (кого в 54г., при Нероне, сменил Иродианин Аристовул — муж Саломии). Поставил, но не предоставил М.Армении (в прежние времена имевшийся у неё) выход к морю, берегом к-рого Понтийское царство упиралось в Колхиду, неизвестно в какой мере от него (и от Рима) зависевшую? или — до какого территориального рубежа в его состав входившую?

Между тем, преемствовавшему в 37г. своей умершей в 36г. бабке Пифодориде, кто, после гибели в 8г. до н.э. в борьбе за Боспор, на Кубани, Полемона I, с 3/2гг. до н.э. по 17г. н.э. замужествовала за Архелаем Каппадокийским (+ 17г.), в Понте Полемон II было, по всем параметрам, далеко до его деятельного и энергичного деда. Типичный декадент эпохи *кесарева безумия* на кризисном закате Юлиев-Клавдиев, от чего, само собой, не были свободны и их вассалы, особенно восточные, он, блюдя полную преданность Риму, больше, нежели делами государственными, интересовался наслаждениями, весёлым времяпрепровождением и необходимыми для этого средствами.

Опорой его власти были греческие города и полисные формы по римскому муниципальному образцу. Впрочем и это, и наличие как немалого военного, так и прибыльного торгового флота у Понта, по всей видимости, восходило ещё ко дням Полемона I, продолжаясь при Поломоне II по инерции. Он всячески демонстрировал лояльность и Калигуле, и Клавдию, и Нерону, учредил агон в честь Клавдия и позднее — Нерона, называл себя на монетах, отчеканенных после смерти Антонии Трифены в 49г., М.Антоний Полемон, покорно выполнял волю Рима во всём, расточительно развлекался, беря от жизни по максимуму, часто нуждался в средствах (не позарившись ли на богатства Береники!) и никаких самостоятельных политических амбиций не проявлял.

Отсюда незачем строить конспирологические догадки касаясь провинциализации Понта, дескать, по причине каких-то сепаратистских интриг Полемона, никогда ни о чём подобном наверняка не помышлявшего и процарствовавшего в Киликии минимум до времени Гальбы, или, б.м., до своей кончины уже при Веспасиане, к-рый в 72г. (ново)провинциализировал М.Армению, Коммагену и, м.б., поломонидскую часть Киликии (какой-либо информации относительно чего, увы, нет).⁹⁶

⁹⁵ С этим Поломом I Митридатидов в Понте сменила проримско-эллинистическая вассальная династия, к-рая попробовала под эгидой Рима подмять под себя и Боспор, разыграв обновлённую униатскую карту Митридата Эвпатора по-римски, что, сиюминутно как будто удавшись (14/13/12гг.), натолкнулось на цепкое сопротивление боспорских Асандридов-Митридатидов. И именно за ними Рим окончательно признал при Клавдии право царствовать на проримском Боспоре, безвозвратно отказавшись от не сработавшей в долгосрочной перспективе августейшей понто-боспорской унии, реанимация к-рой, предпринятая Калигулой, не удалась.

⁹⁶ В 69г. бывший флотоводец Полемона в Понте, его вольноотпущенник Аникет, согласно Тациту (Ист. 3,47/48), поднял восстание в пользу вителлианцев против Веспасиана, захватил

Причина же аннексионистской интеграции Понтийского царства в провинциальную систему Imperium Romanum, с одной стороны, в том, что её время пришло, ведь Рим именно так поступал с (подлежащими рано или поздно провинциализации) вассалитетами (вассальная автономия к-рых была промежуточной-временной), а Понт и без того слишком долго, в отличие от соседних царств, пребывал в статусе дружно-союзного Риму вассала. Одновременно, со стороны другой, непосредственным толчком к аннексии Понта в 63/64гг. должна была послужить продолжительная конфронтация Рима с Ираном, в правление Нерона, из-за Армении, и достигнутая ею на 63г. стадия. Вспомним, что в пору недавнего противоборства римлян и парфян, через Полемонов Понт, где стоял V-й легион, доставлялось из Мезии зерно для провиантирования каппадокийских легионов, чем красноречиво свидетельствуется одна из насущностей новообустройства Понта в ракурсе междержавных соотношений.

Когда вассалитет созрел, римляне, нередко пользуясь кончиной очередного верного вассала, превращали его владения в провинцию, иногда оставляя какую-то, не основную, их часть, в качестве тетрархии или тетрархий, до поры до времени, наследникам умершего. Не так ли, к примеру, это случилось с поделённым в 6г. н.э. на провинцию и тетрархии (постепенно, в течение IV. н.э., Римом проглоченные-аннексированные) Иудейским царством Ирода.

С Понтом дело обстояло несколько иначе, Полемон перебрался из него в Киликию, в то время как его причерноморское царство (позже территориально объединённое с Галатией) было поставлено под управление кесарско-преторского легата. Т.е. после рандейского фиаско 62г. и Рандейского соглашения 63г. в Риме сочли, что перед лицом нового расклада по (аршакидской) Армении (её выхода-полухода из-под римского контроля) следует провинциализировать пограничный Понт для укрепления и стабилизации восточных пограничных рубежей Империи.

Вдобавок к тому, Нерон планировал перспективную активность на Кавказе по направлению-адресу Кавказской Албании и сепаратистски настроенной к парфянам Гиркании (см. выше и ниже), чем, опять-таки, можно убедительно мотивировать провинциализацию Понта на черноморских подступах к Кавказу.

Таким образом, в истории просуществовавшего более трёх с половиной столетий Понтийского царства, к-рое знало и взлёты, и падения, сломленного, значительно урезанного и вассализированного Римом в 63г. до н.э. (со смертью непримиримого врага римлян Митридата Эвпатора), в 63г. н.э. была поставлена аннексионистско-провинциализаторская точка. Теперь оно перестало существовать. В I/IIвв. Римская империя его обстоятельно прожевала, проглотила, не подавилась и переварила. На Понт – северо-восточный угол римской М.Азии и юго-восток Понта Эвксинского – римского империяльного ресурса хватало ихватило. Приморский Понт не был междержавной буферной Арменией, не был горно-нагорной подушкой безопасности, полностью входя в римскую державную орбиту, погранично сопринадлежа Римской империи и провинциально в неё вполне умещаюсь-вмещаюсь.

Трапезунд («славный древний город, основанный греками в самой отдалённой части Понтийского побережья»), сжёг римские корабли, обзавёлся своим пиратским флотом и стал безнаказанно грабить на море. Но был потеснён высланными Веспасианом войсками, бежал к западногрузинскому (в районе Мегрелии) венценосцу Седохезу, был им за денежное вознаграждение выдан вместе с приверженцами римлянам и, должно предположить, казнён.

РАЗНОЕ

Сообщив в завершающем 63-й г. н.э. 32-м абзаце Ан.15 о даровании Нероном обитателям Приморских (Лигурийских) Альп латинского права, что мы связали с аннексией Коттиева царства в (Лигурийских) Альпах, Тацит, суммируя менее значительные, чем поведенные в предыдущих главах-абзацах, события-свершения уходящего года, продолжает: «...Римским всадникам он (Нерон) отвёл места в цирке впереди простого народа, тогда как до этого при его посещении они не имели никаких преимуществ, поскольку закон Росция содержал в себе указание лишь о первых 14-и рядах в театре. Этот год также отмечен устройством гладиаторских игр, не уступавших в великолепии предыдущим; но при этом ещё большее число знатных женщин и сенаторов запятнало себя выходом на арену».

Под законом *lex Roscia theatralis* от 67г. до н.э. Тацит понимает закон Л.Росция Отона – представителя римского плебейского рода, происходившего из Ланувия (родина Квирина) или Америя. И единственный из известных древний представитель этого рода Л.Росций был убит, в числе 4-х римских посланников, в 438г. до н.э. фиденатами, почтённый римлянами, как и остальные жертвы, сооружением в их честь ростральных колонн (Цицерон «Фил.» 9,4; Ливий 4,17,2; 6; Плиний 34,23). Все прочие известные репрезентанты малоизвестного *gens Roscia* относятся ко времени II – IIIвв.

Интересующий нас как автор упоминаемого Тацитом закона Л.Росций Отон был, вероятно, из всадников, держал сторону оптиматов и облакал в 67г. до н.э. народный трибуна́т. Когда приверженец Помпея А.Габиний выступил с инициативой предоставления Помпею неограниченных полномочий для борьбы с киликийскими пиратами, что нашло поддержку только у Цезаря, в то время как Лутаций Катулл, Гортензий Гортал и оба действующих консула выступили против, а Габиний перенёс обсуждение вопроса в нар. собрание и пригрозил трибуну Л.Требеллию лишением должности, если тот наложит вето, Росций выдвинул компромиссное предложение. Оно заключалось в следующем: дать Помпею напарника (чтобы уравновесить обычным римским дуализмом рискованное единовластие), но плебс заглушил это не понравившееся ему предложение воплями. И спустя некоторое время облекший Помпея чрезвычайными полномочиями закон был принят (Плутарх «Помпей» 25/26).

В том же 67г. вышел закон Росция, предоставлявший римским всадникам и лицам, лишившимся своего имущества и потерявшим всаднический статус, отдельные места в театрах на 14-и рядах, следовавших за сенаторскими рядами (Ливий «Ер.» 99; Веллей 22,32; Дион 36,25). При этом всаднический ценз был определён в 400 тыс. сестерциев (Дион 54,17). Всадник, разорившийся или обедневший, терял своё право на всадническое место в театре, те же, над имуществом к-рых был учреждён конкурс, получали, кроме того, определённые менее почётные места среди плебса – *inter decotorum* (Цицерон «Фил.» 2,18).

Последнее положение было очень непопулярно, так как во множестве промотавшиеся всадники отныне обрекались смотреть зрелища не с тех театральных мест, к-рые они занимали раньше вместе с остальными и потому чувствовали себя оскорблёнными (Валерий Максим 8,7,7), как и, с др. стороны, плебс в целом. И однажды в 63г. до н.э., в консульство Цицерона, автора *lex Roscia*, возможно, облекавшего в том году претуру, так осvistали на одном из зрелищ, что дружному с ним и поддержанному всадниками Цицерону пришлось применить всё своё красноречие, чтобы утихомирить возбуждённую толпу («К Аттику» 2,1,3; Плутарх «Цицерон» 13). В 59г. уже триумвиры – Красс, Помпей, Цезарь – угрожали всадникам

отменой Росциева закона («К Аттику» 2,19,3). В последний раз Росций упоминается Цицероном в «Письмах к Аттику» в 45/44гг. (12,37-40; 15,29,2).

В дальнейшем Август предоставил честь сидеть в 14-и рядах и тем всадникам или их сыновьям, к-рые обеднели вследствие междоусобных войн. И вот в 63г. н.э., при Нероне, было издано постановление об особых местах для всадников также в цирке, поскольку закон Росция разумел только места в театре. Не было ли это реверансом по адресу *второго сословия* перед репрессиями в основном по адресу *сословия первого*, т.е. сенаторского! Причём интересно, что эксцерпированный Дион (62,15,7) мельком и непонятно-невнятно уведомляет: «Когда многие из собравшихся в Анции погибли, Нерон устроил по этому поводу празднество». О гибели кого, при каких обстоятельствах и в связи с чем речь?

Нерон был в Анции, где родилась в конце января его умершая в мае уже в Риме дочь Клавдия Октавия, в первые месяцы 63г., когда никакие «многие», поздравлявшие императорскую чету с рождением первеницы, вроде бы в Анции не погибли. Или кесарь побывал там (часто наведываясь в Анций) и во второй половине года, репрессировав, незнамо по какому поводу, каких-то «многих», о чём источники, за исключением приведённого нами обрывка из «Ехс. Val.» (246 (р. 689), молчат. При всех случаях, из сказанного явствует одно: в связи с гибелью «многих» (?), собравшихся в 63г. в Анции, Нероном было устроено празднество, что ситуацию не проясняет и на вышепоставленные вопросы не отвечает, оставляя место догадкам.

Ну а в том, что устроенные в ходе 63г., видимо, не раз, гладиаторские игры-бои не уступали в великолепии предыдущим, хотя сам Нерон больше предпочитал сцену, не усомнишься. И то, что ещё большее число, чем раньше, знатных женщин и сенаторов запятнало себя выходом на арену или сцену, не удивляет. Ибо это вершилось вполне в эскалирующем как калигулианском духе, так и в специфически декадентном духе именно нероновского принципата, к-рый силился слить римские и эллинистические, аренные и сценические, традиции, с т.н. демократическим участием в них представителей всех сословий, в т.н. ойкуменическое единое целое, создавая своеобразное увесилительно зрелищное «ирландское рагу» из кровопролитных или сценических состязаний и искусств всех видов.

Так закончился этот анналистический юлианский год = 63г. н.э. по христианскому летоисчислению, симметричный, повторим и дополним, памятный году вторжения Помпея в Святое-Святых Иерусалимского храма, эвентуальному году рождения отца Иоанна Крестителя – священника Захарии, году становления Юлия Цезаря понтификом *maximus*, году рождения Августа, году консульства Цицерона и (донельзя раздутого «спасителем отечества» Цицероном во имя своё) заговора Катилины (63г. до н.э.).

64г. н.э.

1 января 64г. н.э. = 817г. а.У.с. консульство в Риме облекли Г.Леканий Басс и М.Лициний Красс Фруги.

Г.Леканий Басс происходил из Аквилеи в области венетов, или из Триеста (Истрия), где владел обширными землями. Его отец был претором ок. 32 и консулом-суф. ок. 40гг. Сам он умер, согласно Плинию (26,5), от гнойного фурункула, при Веспасиане (кесарь с 69г.), в год, когда Плиний взялся за свою «Естественную историю», дата чего неизвестна. Зато известна дата её завершения – 77г.; т.е. Леканий умер где-то в начале 70-х гг. Ив. н.э. Два его приёмных сына – Г.Леканий Басс Цецина Пет (конс.-суф. 70г.) и Г.Леканий Басс Пакций Пелигн.

М.Лициний Красс Фруги – сын одноимённого консула 27г. н.э. (усыновленца в gens Licinia из gens Кальпурниев Пизонов Frugi) и Скрибонии (родословие к-рой восходит к Гн.Помпею). Напомним, Красс Старший дважды удостоился при Клавдии триумфальных отличий: один раз – за Мавританию (40/41гг.), назначенный туда ещё Калигулой; второй – за участие в Британской кампании 43г. Причём его старший сын, мл. брат Красса Фруги, носивший имя Помпей Магн, что разгневало Калигулу, был женат на старшей дочери Клавдия Антонии, погубленный за это Мессалиной (вскоре выдавшей Антонию за своего сводного брата – Фавста Суллу) в 47г. (см. выше), сродни Крассу Старшему и Скрибонии, тогда как родившийся в 31г. Красс Младший проходил в то время обучение в Афинах и под репрессии не попал. Между тем, два его мл. брата – Л.К.П.Фруги Лициниан и Л.Красс Скрибониан проследовали в ссылку.

В консульстве-орд. 64г. он пробыл, сходно коллеге, – всё первое полугодие. Его супруга – Сульпиция Претекста (Ист. 4,42) – дочь Кв.Сульпиция Камерина – консула 46г., к-рый подпадёт репрессивному молоху в 67г. (см. ниже). Одна из дочерей Красса позднее делается старшей весталкой (CIL 6,3240). Сам Красс был очень богат, владел земельными угодьями у врат Рима – вдоль via Appia и via Nomentana. В Помпеях имел элитную купальню и термы (Плиний 31,25). Как его отец пал жертвой беспредела при Клавдии, так и ему доведётся принять смерть в 67г. (по доносу Аквилия Регула) при Нероне (Ист. 1,48; 4,12; Плиний Мл. 1,5,3) (см. ниже), в то время как его жена и дети – три сына и дочь – подвергнутся изгнанию.

Один из консулов-суф. 64г. Г.Лициний Муциан – homo novus, вероятно, из Испании, перешедший посредством усыновления из gens Mucia в gens Licinia. Впоследствии он ещё дважды побывает консулом-суф. – в 70 и 73гг. Начал карьеру при Клавдии; при Нероне ок. 57г. – легат Ликии и Памфилии (Плиний 12,9; 13,88); затем, предположительно, служил под началом Корбулона в ходе кампаний в Армении; в 67 – 69гг., по смерти разбитого в 66г. иудеями и удручённого горем Цестия Галла, – легат Сирии (в пору выведения Палестины в специальный охваченный войной дистрикт под начальством снаряжённого в 67г. на подавление восстания иудеев Веспасиана) (см. ниже).

В пору борьбы Отона и Вителлия – на стороне Отона, как и Веспасиан. После Отоновой гибели, не сразу, но примкнёт благодаря Титу к Веспасиану, протагонистом к-рого станет и выступит со своими легионами на его стороне. Войдя в Рим в декабре 69г., полностью оттеснит от руля Антония Прима, подчинит своему влиянию Домициана и будет отправлять верховную власть в Городе до прибытия в 70г. Веспасиана, к-рый продолжит покровительствовать ему, держа, несмотря на его амбициозность, в своём ближнем кругу и дважды удостоив консульства.

Муциан занимался также изучением римских древностей, писал работы по географии. Трудился в гос. архиве, где собирал материалы по истории поздней Римской республики. О его исторических трудах сведений не сохранились, полагают, что они касались войн Рима на Востоке. А Муциановым сочинением по географии М.Азии пользовался энциклопедист Плиний (1,37, ind auctor. 2-13; 19;31;33;35). В одном сохранившемся муциановском фрагменте из другого неизвестного сочинения рассказывается о дрессированном слоне в Путеоли, к-рый умел различать греческие буквы. Дата смерти Муциана под вопросом. Если в «Диалоге об ораторах» Тацит говорит о нём на 75г. как о живущем, то в законченной в 77г. «Естественной истории» Плиний знает его как умершего. Соответственно, он умер в интервале 75 – 77гг, оптимально – в 76г. н.э.

Второй суф. 64г. – Кв.Фабий Барбар Антоний Макр – консульствовал с 1.07. по октябрь. Каких-либо сведений о нём нет. Его сын или внук – Кв.Фабий Барбар Валерий Макр Юлиан – в 97г. кесарский легат Нумидии, в 99г. – консул-суф. Прочие суффекты 64г. неизвестны.

НЕРОН В СВОИХ АМПУЛА

«В консульство Гая Лекания и Марка Лициния Нерон со дня на день проникался всё более страстным желанием выступить на сцене общедоступного театра; до сих пор он пел лишь у себя во дворце или в своих садах на ювеналиях, к к-рым относился с пренебрежением, считая их слишком замкнутыми для такого голоса, каким он, по его мнению, обладал. Однако, не решившись начать сразу с Рима, он избрал Неаполь, представлявшийся ему как бы греческим городом: здесь он положит начало, а затем, переправившись в Ахайю и добыв в ней издавна почитаемые священными и столь ценимые повсюду венки, оваянный ещё большею славой, завоюет одобрение соотечественников. И вот театр неаполитанцев заполняет собравшаяся толпа горожан, а также те, кого привлекла из ближайших колоний и муниципиев молва о предстоящем выступлении Цезаря, кто сопровождал его в почётной свите и для оказания ему всевозможных услуг и манипулы воинов» (Ан. 15,33).

В этом году Нерон – скоморох на троне – решил выступить в ампула кифареда, с положенным на музыку песнопевчеством стихов собственного сочинения, сценически, на сей раз, перед широкой публикой, тогда как прежде его выступления были более или менее частными. Как, например, в Ювеналии (59г.), или в Неронии (60г.), или в узком кругу друзей-приближённых. И ведь это, важно оговорить, – совсем не одно и то же. Поскольку публично-сценически выступать на общественной сцене с игрой на струнно-щипковой кифаре (от к-рой, кстати, произошло наше слово «гитара») и пением под неё было для знатного римского мужа-патриция и, тем паче, для Цезаря-кесаря чем-то чересчур из ряда вон выходящим и, по традиционалистским меркам, уничижительно неприемлемым.

Разве римские мужи ровня декадентам грекам, уж не говоря о всяких там космополитах – эллинистах и ориенталистах, к-рых Нерон искренне хотел растворить в Риме, более того, растворить в них Рим! Далее, – раствориться во всём этом сам и растворить всё это в себе! Да здравствует мировой, в пределах Римской империи, политический, культурный, этнический и т.д. симбиоз! Пусть Рим вберёт Элладу и Мир, как Эллада и Ойкумена вберут Рим! Если Рим это, под эгидой Цезарей, – Мир, то Мир – это Рим на паритетных для обеих взаимоприятельных сторон-сил началах.

Не предугадывалось ли Нероном весьма эксцентрично, досрочно, эпатажно, артистично то, что полтора столетия спустя было сделано на закате Принципата Северами, точнее, даровавшим римское гражданство греко-римской Империи-Ойкумене в преддверии её государственно-церковной христианизации в IVв. н.э. – от Константина до Феодосия, Каракаллой! Плюс, если уж говорить о маркировочных этапах полномерно – до Каракаллы (частичный ретроград) Адриан, а после Каракаллы и Константина, но до Феодосия Старшего – трагически пытавшийся (спазматически) отыграть проигранное назад Юлиан Апостата (кто, ополчившись против догматизирующегося церковного христианства, не осознавал, что духовно-мистериальные ёмкости былого язычества исчерпаны и что таинств соляный тайны вне Христа, К-рый победил, нет ни на Западе, ни на Востоке).

И Нерон порешил начать всенародно выходить на сцену с Неаполя, с общеизвестного греческого центра Италии, с кампанской столицы Великой (италийской) Греции – Magna Graeca – на западном склоне Везувия, на р. Себет. С города, начала к-рого поселенчески восходят к VIIв., как полагают, к халкидиянам из Кум, становясь менее размытыми и более конкретными в первой половине Vв. до н.э., когда к Неаполю перешла инициатива от пришедших в упадок Кум, до подчинения города не позднее 400г. самнитами и его зависимости от Рима с 327 – 25гг.

Притом, согласно преданию, город, к-рый, соперничая со Пв. до н.э. с со-

седними ПUTEолами, до кесарских времён сохранял ярко выраженный греческий характер, был основан на месте древнего поселения Партенопей (от имени, по легенде, выброшенной морем и погребённой тут сирены Партенопы, к-рой воздавались божественные почести). В окрестностях Неаполя находилась (и находится) могила зрячего римского Гомера – эпика Вергилия.

Согласно Неронову замыслу-умыслу, он, Нерон, должен, неаполитански апробировав себя, направиться отсюда в Ахайю и, завоевав там священные состязательные венки (в чём кесарь не сомневался), вернуться во славе, дабы удостоиться (вместо неприятия) одобрения и признания со стороны римских соотечественников. И так воспоследовало его явление в театр в Неаполе в сопровождении внушительной свиты и obsługi всех рангов-мастей, равно – охранных преторианских манипул – для убережения величества от всяческих ему ненужных встреч, и на случай всяких пожарных ситуаций.

Причём, по Тациту (15,34), после выступления Нерона, уже покинутый венценосным кифаредом и зрителями театр (как бы не выдержав их бурных восторгов с аплодисментами) рухнул, однако никто не пострадал. И если, следуя слову Тацита, большинство увидело в случившемся зловещее предзнаменование, то Нерон, наоборот, сочинил стихи, в к-рых вознёс благодарность богам за счастливый исход экстремального происшествия и вдохновенно отправился путь, намереваясь проследовать через Беневент к Адриатике, чтобы переправиться в Грецию. Вспомним о Неаполе и Беневенте, к-рые Август посетил в своей предпринятой 50-ю годами ранее последней предсмертной поездке летом 14г. н.э., проводив вместе с Ливией до Беневента отправлявшегося в Иллирик Тиберия, возвращённого вскоре с дороги вестью о кончине Августа в Ноле.

Впрочем, Светоний несколько иначе описывает неаполитанский сольный концерт Нерона: «Впервые он выступил в Неаполе; и хотя театр дрогнул от неожиданного землетрясения, он не остановился, пока не кончил начатую песнь. Выступал он в Неаполе часто и пел по нескольку дней. Потом дал себе короткий отдых для восстановления голоса, но и тут не выдержал одиночества, из бани явился в театр, устроил пир посреди оркестры и по-гречески объявил толпе народа, что когда он промочит горло, то уже споёт что-нибудь во весь голос. Ему понравились мерные рукоплескания александрийцев, к-рых много приехало в Неаполь с последним подвозом, и он вызвал из Александрии ещё больше гостей; не довольствуясь этим, он сам отобрал юношей всаднического сословия и пять с лишним тысяч дюжих молодцов из простонародья, разделил их на отряды и велел выучиться рукоплесканиям разного рода – и «жужжанию», и «желобкам», и «кирпичикам», а потом вторить ему во время пения. Их можно было узнать по густым волосам, по великолепной одежде, по холёным рукам без колец; главари их зарабатывали по 400 тыс. сестерциев» (Нер. 20,2/3).

Как видим, античные авторы разнятся, но не обязательно исключают один другого, так как во время выступления Нерона мог последовать первый сейсмический толчок, к-рый не смутил венценосного кифареда, решившего не прерывать арию, а когда выступление завершилось и зрители покинули зал, здание театра от следующих более сильных толчков рухнуло. Такой корректурой Тацита и Светония можно скомбинировать-примирить.

Что же касается хлопальщиков-клякёров (к-рых ещё в IIIв. до н.э. греческий комедиограф Филемон нанимал против своего соперника Менандра), старт к-рым положили восторженные аплодисменты александрийцев, то, возможно, это случилось не тогда, т.е. не зимой или весной 64г., ибо до своего отбытия в Грецию во второй половине 66г. Нерон, насколько выводится из Светония, сценически побывал в столь любом ему Неаполе не один раз. И тем не менее, скажем об этом

вслед за суммарным Светонием именно приложительно к вышепредставленному неаполитанскому концерту.

Много александрийцев приехало в Неаполь, как сказано, в связи с подвозом, что означает последний, в связи с Нероновым концертом, подвоз зерна из Александрии в соседние с Неаполем Путеолы (правда, неизвестно, были ли это александрийцы, прибывшие осенью 63г. и ожидавшие судоходной весны, чтобы отплыть назад? или речь идёт об александрийцах, прибывших с зерном из александрийских закромов по весне 64г.?).

Александрия была в Египте такой же его эллинистической столицей, как Неаполь в Италии был столицей греческой, и понятно, что александрийцам должен был очень импонировать подобный Нерону кесарь-эллинист — друг изящных искусств. А ему, кого александрийцы восторженно приветствовали здесь, в Неаполе, в свою очередь, очень захотелось, вернее, надо думать, захотелось больше, чем раньше, побывать, помимо Эллады, также в вожделенном Египте (с его инфицировавшей Рим фараонской вертикалью и вирусом специфического, со дней Птолемеев, египетско-эллинистического декаданса). Захотелось, по подобию, опять-таки, незабвенного дядюшки Калигулы, кому не терпелось посетить Египет, куда он, сначала отложив поездку и потом став жертвой заговора, так и не попал.

Плюс к тому, Нерона привели в восторг разнородные ритмические рукоплескания александрийцев, наименованные «жужжанием», «желобками» и «кирпичиками», вероятно, по звуку и по форме согнутых или выпрямленных ладоней, из чего явствует, что это было целое искусство в Александрии. И пришлось оно Нерону настолько по душе и сердцу, что он набрал, можно сказать, целый легион из 5-и тыс. плебейских молодцов-младчиков, во главе к-рых поставил всадников. Их обязанность состояла в том, чтобы сопровождать его, кесаря и бродячего музыканта, в артистических путешествиях и мастерски аплодировать, прославляя его игру, увлекая за собой прочую публику (заразительным экстатическим порывом или, при необходимости, угрозой) и тем активно помогая хозяину одерживать триумфы.

Эти полумилитантные профессиональные клакёры — августаны — были наряжены как актёры, вооружённые вместо оружия кифарами и плектрами. Они делились на группы (factionts), специально обученные дружно и громко выражать одобрение своему господину, выступающему на сцене. Иногда ими громко и в такт подхватывалась игра, а в антрактах исполнялись репенсионы. И, кстати, бывало, что у них с публикой завязывались умилительно тешившие кесаря серьёзные потасовки.

И, повторим, если прежде Нерона неудержимо тянуло в Грецию, то ныне к ней прибавился ещё и Египет. И при этом, если в Египет он, как сказано, так никогда и не попал, то и Греция в 64г. оказалась отложенной.

По дороге к адриатическому побережью в видах переправы в Грецию кесарь «задержался в Беневенте, где при большом стечении зрителей Ватиний давал представления гладиаторов» (Ан. 15,34).

* * *

Беневент — лат. *благоприятный ветер* в смысле «благоприятная судьба» — самнитско-герпинский город в Кампании, на юге Самния, первоначально называвшийся Малевент (*неблагоприятный ветер* = «неблагоприятная судьба») и переименованный в свете решающей победы римлян при Беневенте в 275г. до н.э. над Пирром из Эпира, боевые слоны к-рого (призванного против Рима Великой италийской Грецией последнего греко-эллинистического венценосца истекавшей ок. середины IIIв. до н.э. эпохи Михаила), метко обстрелянные римскими лучниками, повернули против его же войска.

Во Второй Пунической войне этот город держал сторону римлян; с 89г. до н.э. — муниципий; 42г. до н.э. — Colonia Iulia Concordia Augusta Felix Beneventum по via Appia. Остатки античных строений: сооружённый Домицианом в 89г. н.э. храм Изиды; великолепная арка Траяна от 114г. н.э., посвящённая строительству соединяющей Беневент и Брундизий новой дороги via Traiana.

Ватиний — кунсткамерный фаворит Нерона, по Тациту, — одно «из наиболее чудовищных порождений императорского двора» (15,34). Родом из Беневента, подмастерье сапожника, калека и уродец, чей непомерно длинный нос вызывал постоянные насмешки, изготовитель питейных кубков с четырьмя ножками и четырьмя носиками, площадный шут, он сначала был принят в окружение кесаря в качестве шута придворного (Марциал 10,3,4; 14,96,1; Ювенал «Сатиры» 5,46/47). Позже, благодаря своему шутовству, пришедшемуся Нерону по вкусу, попал в окружение ближнее, нажил несметное богатство и, «возводя обвинения на лучших людей, обрёл столько силы, что влиятельностью, богатством, возможностью причинять вред превзошёл даже самых отъявленных негодяев» (15,34; Ист. 1,37).⁹⁷

Писал «стишки, осквернявшие святость поэзии», за что был «ниспровергнут» в драме «Нерон», т.е. после смерти Нерона, написанной и поставленной М.Куриацием Матерном, в доме к-рого, ретора и поэта из Галлии, дружный ему Тацит разворачивает действие «Диалога об ораторах» (11). При этом постнероновская судьба Ватиния, потешавшего в Греции (66/67гг.) *сенатоненавистника* Нерона шуткой «Я ненавижу тебя, Цезарь из-за твоего сенаторского достоинства» (Дион 63,15) (см. ниже), видимо, сложилась не менее плачевно, чем судьба других одиозных кесарских фаворитов, поскольку Тацит перечисляет его среди не избежавших расправы хапуг — «поликлитов, ватиниев, тигеллинов».

Посещая даваемые в его честь Ватинием в Беневенте зрелища и пиры, Нерон (эдак между делом) не забыл устранить Д.Юния Силана Торквата — второго из трёх сыновей М.Юния Силана — консула 19г. н.э., и Эмилии Лепиды — дочери внучки Августа — Юлии — от консула 1г. н.э. Эмилиа Павла. Этот Силан Торкват — потомок Августа и Скрибонии, приходился мл. братом обрученнику дочери Клавдия, Октавии, Л.Силану, покончившему с собой в январе 49г., в день бракосочетания Клавдия и Агриппины, к-рая отобрала у него Октавию для Нерона. С 37г. Торкват входил в коллегию патрицианских салиев Palatini; с 43г. был фламинем божественного Юлия и фламинем божественного Августа; в 53г. облакал консульство.

Крайне расточительный и охочий до удовольствий, он, сродни кесарю, держал секретарей из вольноотпущенников по придворному образцу, чем в 64г. навлек на себя подозрение и последовавшее за ним обвинение в подготовке гос. переворота: дескать, при такой расточительности, при постоянной нужде в средствах и долгах, его единственная надежда — захват власти, чтобы списать с себя все убытки и

⁹⁷ Опять на памяти «кровавый карлик» Н.Ежов (рост — 151 см — почти Наполеон — 152 см) — путиловский подмастерье в отрочестве (если, конечно, этот престижный пролетарский этап своей «героической» биографии он не приписал себе сам). Исполнительнейший коротышка (внешне — мелкий блатарь — шестёрка), с тихими фиалковыми глазами и прекрасным тенором, к-рым он пел, в паре с одним из создателей-руководителей советской контрразведки А.Артузовым (Фраучи — потомок швейцарских сыроваров), в хоре НКВД, и к-рого, т.е. Артузова (приводившего юным чекистам в учебный пример расстрел семьи Романовых как блестящую операцию Чека), он же, т.е. Ежов, в 1937г., в подвалах возглавляемой им в 1936-38гг. (пик массовых репрессий) Лубянки, как полагают, лично расстреливал.

И ещё на памяти А.Эйхман — организатор убийства, при нацизме, миллионов евреев, к-рый был мал ростом, невзрачен и длиннонос, и к-рого однокашники дразнили в детстве-отрочестве «жидёнком». Впрочем, у большевиков есть собственный Эйхман — латышский стрелок Ф.Эйхманис — высокий чин ВЧК — ОГПУ — НКВД — первый комендант Соловецкого лагеря особого назначения (СЛООН) в 1930г. (когда нацистских лагерей ещё не было), сам попавший под расстрельный замес в 1938г.

долги, став у руля (Ан. 15,35). Мол, среди его вольноотпущенников есть ведающие перепиской, ведающие прошениями, ведающие казною — «наименования должностных лиц при верховном правителе, выдающие далеко идущие замыслы», дескать, он собрал вокруг себя кабинет по либертинско-клавдианскому образу-подобию.

И именно такой приимператорский кабинет, практиковавшийся (отыквлённым) Клавдием, сперва разогнанный при Нероне, как видим, на 64г. снова (не с сегодняшнего дня) в силе, плюс, в данном случае, похожая на императорскую дворня из секретарей-либертов инкриминируется Торквату, кто мешает Нерону прежде всего своим родством с Августом, к-рым Торкват, говорят, бахвалится, как гос. преступление (мол, возомнил себя будущим кесарем). В общем, этот Силан подлежит устранению вслед за Фавстом Суллой и Рубеллием Плавтом за династически чреватое родство — пусть дальше — с домом Цезарей.

Отсюда всех торкватовских либертов заковали в цепи, а он сам, следует понимать, входивший в свиту Нерона и находившийся при нём в Беневенте, перед лицом неизбежности, вскрыл себе вены, в ответ на что Нерон (кого Силанов самоубийственный конец премного устроил) произнёс речь, «в к-рой по своему обыкновению заявил, что сколь бы виновен ни был Торкват и как бы обосновано ни было его неверие в возможность оправдания, ему была бы, однако, сохранена жизнь, если бы он дождался приговора своего милостивого судьи» (15,35; ср. Дион 62,27,2).

Т.е., вы — боги, и вы — люди, свидетели мне, Нерону, в том, что по уши виновного Силана не осудили и не казнили, но он, лишний раз доказав тем свою полную вину, поспешно, так сказать, самоустранился, тогда как *гуманист* кесарь был в готовности его великодушно помиловать осуждением, при всех случаях, не на смерть.

Тацит: «Немного спустя, отложив поездку в Ахайю (что было причиной этого неизвестно) Нерон направился в Рим, затаив про себя мечту о посещении восточных провинций, преимущественно Египта...» (15,36)

По Тациту, причина отказа Нерона в 64г. от поездки в Ахайю осталась неизвестна. Да, Нерон был очень суверен, что вовсе не удивительно, и мог полностью изменить свои планы в зависимости от предзнаменований. К примеру, не отправился же он на противопарфянскую войну в Армению в давешнем 63г., как вроде бы (чтобы лично возглавить римское воинство) планировал, но передумал, (случайно?) упав при жертвоприношении (м.б., просто потому, что не хотел выступать ни в какой военный поход).

Однако, касаясь 64г., на наш взгляд, ясно, что в Неаполе, придя в восторг от александрийцев и начав набирать клакёров-августанов, он перенёс под момент центр тяжести своих путешественных вожделений на Египет, загоревшись желанием побывать сначала в Александрии и в собственно стране пирамид, а уже позднее посетить (побывав сначала в Египте) Грецию. Опять порывистая инфантильность недоросля (несмотря на невольную верность историко-метаисторической последовательности, сообразно к-рой, Древний Египет предшествует Древней Греции). Нельзя находиться, не будучи Александром или Августом, ни в 20, ни в 27 лет во главе государства!

Кесарь зажёгся Египтом: вынь да положь! Мол, Ахайя до поры подождёт. Айда в Египет! И если вплоть до Беневента его путь на Адриатику, в сторону Греции, по инерции, продолжался, то после беневентских увеселений, к-рыми Нерона попотчевал шут Ватиний, кесаря ещё больше потянуло, как капризного переростка и недоросля в одном лице, сперва именно в Александрию Египетскую.

Подумать только, единственный из римских кесарей, он ни разу не покидал Италию ни до кесарства, ни откесарствовав почти 10 лет, и покинет её впоследствии всего один раз, всё-таки, добравшись осенью 66г. до Греции, где задержится до начала 68г. К месту заметить, Тиберий тоже в свою кесарскую пору ни разу не

покидал Италию, всталась, как сказано, напоходившись (и проведя аж 8 лет на Родосе) до становления кесарем, к-рым он стал в 55 лет.

А Нерон в 64г. из Беневента, повернув с восточного направления на северное, прибыл, по всему, ближе к концу весны, назад в Рим, намереваясь отправиться в восточные провинции, и перво-наперво, в Египет. Стало быть, понятно, почему ради Востока и в первую очередь Египта давно намеченная поездка в Грецию была прервана-отложена.

Мало того, поспешая теперь в Египет, император, весь в заботе о Риме и римлянах, даже «объявил в особом указе, что его отсутствие будет непродолжительным и никак не скажется на спокойствии и благополучии государства, и по случаю предстоящего путешествия поднялся на Капитолий...» (15,36).

Т.е. не всё в Риме/Италии обстояло и виделось Нерону обстоящим благополучно, из-за чего у него имелись опасения Рим покидать. И поднявшись сначала для принесения обетов к Юпитеру на Капитолий, он вошёл потом с аналогичными намерениями в храм богини-хранительницы домашнего очага Весты, где «вдруг задрожал всем телом, то ли устранившись богини или потому, что, отягощённый памятью о своих злодеяниях, никогда не бывал свободен от страха, и тут же отставил своё намерение, говоря, что все желания отступают перед любовью к отечеству...» (15,36).

Это охватившее Нерона в святилище Весты (в каком – в традиционно храмовом между Капитолием и Палатином? что, по тацитовскому тексту, скорее; или в дворцово-палатинской кесарской капелле, освящённой перенесшим туда Палладий Августом в 12г. до н.э.?) дрожание всем телом было незамедлительно квалифицировано им как дурное предзнаменование, вылившееся в патетическое решение не покидать Рим – ради непричинения печали своим отсутствием (*absentia*) подданным согражданам!⁹⁸

⁹⁸ Весьма примечательны сообщения Сенеки («Натурфилософские вопросы» 6,8,3-5), Плиния (6,181; 184-86), Диона (63,8,1) о снаряжении Нероном одной или двух экспедиций, исследовательской и разведывательной, для обнаружения истоков Нила, в видах похода как в Нубию (Нильская Эфиопия), так и, м.б., в Ефиопию южнее Мероэ. Сенека пишет: «...Я своими ушами слышал рассказ двух центурионов, к-рых Нерон Цезарь, большой поклонник всех добродетелей, но в особенности – истины, отправил исследовать истоки Нила. Они рассказывали, как проделали долгий путь, как царь Эфиопии снабдил их наставлениями и поручил соседним царям содействовать им, как они оттуда добрались до самых дальних обитаемых земель...». У Плиния: «...Во всяком случае преторианские воины, посланные вместе с трибунами на разведку принцепсом Нероном, среди прочих войн замышлявшим и эфиопскую, донесли ему, что там безлюдные места...» (6,181). «Лишь в окрестностях Мероэ, сообщили преторианцы, появляются более зелёная трава и кое-какие леса, а также следы носорогов и слонов» (185); «Зданий в городе немного. Царствует здесь женщина Кандака, каковое имя уже многие годы переходит от цариц к царицам...» (186). Наконец, эпитомированный-эксцерпированный Дион (от Ксифилина) под 66г., сказав, что после коронации Тиридата в Риме, Вологез так и не приехал, несмотря на приглашения, к Нерону в Италию, альтернативно предложив ему встретиться где-нибудь в Азии (63,7,2), ниже, перед сообщением об отъезде Нерона в Грецию, суммарно уведомляет: «Нерон, хоть и разгневался на него, не отплыл против него, также, как и против эфиопов или к Каспийским Воротам, как некогда намеревался. Он, правда, среди прочего, послал разведчиков в оба эти места, но, увидев, что покорение этих областей требовало времени, понадеялся, что они, возможно, подчинятся ему по своей собственной воле» (63,8,1).

Как видим, информация античных авторов разноречива. Сенека говорит о двух центурионах, посланных найти истоки Нила, к-рый для римлян начинался чуть ли не на небе, или в раю, и поиск истоков к-рого был синонимом сизифова труда (божество Нила в античную эпоху изображалось с задропированной головой, означавшей неведомую тайну истоков великой реки). Причём, по Сенеке, римляне заручились охранной грамотой и рекомендациями «царя Эфиопии» к соседним правителям. По Плинию же, преторианские воины вместе с трибунами отправились на разведку в видах намечавшегося завоевания Эфиопии. Кроме того,

Пройдя через декадентные посвящения, подробностей чего мы не знаем, (заправский психоаналитик) Нерон не был лишён атаквистического сновидения-духовидения и оккультных способностей, благодаря к-рым, возможно, увидел грозившую ему – то ли в Египте, то ли в случае отлучки из Рима – опасность. Но в принципе не мудрено, что именно в храме отвечавшей за домашний очаг Весты, поправшему этот очаг брато-, матере- и женоубийце сделалось дурно, что именно здесь его, святотатца-кошунника, охватила дрожь всем телом. Уж кто-кто, а Веста никак не могла благоволить к нему!

если у Сенеки фигурирует «царь», то у Плиния – «царица» Мероэ (800 км к югу от египетского Асуана и 200 км к северу от суданского Хартума), к-рые, т.е. напатско-мероитские царицы Нубии (о чём читатель знает как в связи с походами против нубийцев в 23/22гг. до н.э. префекта Египта Г.Петрония, так и в связи с обращением-крещением дьяконом Филиппом приехавшего в Иерусалим в 34г. на пасхальное поклонение внука царицы Ефиоплянской Кандакии), носили титул «Кандаке/Кандакия» (см. выше). Между тем, у Диона, в довесок к Плинию, речь тоже о лазутчиках в связке с неосуществлёнными военными планами Нерона, в частности, в отношении Эфиопии.

Отсюда возникают вопросы: сколько экспедиций в кадре/кадрах – одна? или две (исследовательская и соглядатайско-разведывательная)? и о какой Эфиопии, точнее, о каких Эфиопиях – о Нильской = Куш (современный Судан = Нубия = Мероэ)? или ещё и об Аксумской (современная Эфиопия) идёт речь? Большинство исследователей ратуют за одну экспедицию, дескать, в объективе неоправданный дублет-удвоение разноречиво-неточно говорящих об одном и том же Сенеки и Плиния. Ф.Хинце (F.Hintze «Studien zur meroitischen Chronologie...» - Berlin 1959) предлагает версию двух одновременных экспедиций и мы к нему присоединимся, ибо разительные противоречия античных авторов, скорее, свидетельствуют, всё-таки, именно о двух экспедициях, нежели об удвоении (хотя последнее не исключено). Открытие вовсе немероитских истоков Нила, к-рый, если разуместь Белый Нил, вытекает из оз. Виктория в экваториально-африканской Уганде, – у Сенеки. И планы завоевания явно, или, во всяком случае, сперва мероитской Нубии-Эфиопии (куда в 23/22гг. до н.э. ратно ходил до расположенной севернее Мероэ Напаты сжегший её Г.Петроний) – у Плиния. Два центуриона – у Сенеки; преторианцы и военные трибуны – у Плиния; царь – у Сенеки; царица – у Плиния.

Напомним, Эфиопией римляне обычно называли всю чёрную Африку южнее Египта и Киренаики, притом античность насчитывала и две, и три Эфиопии, включая нильско-нубийскую, аксумско-абиссинско-сомалийскую и даже Эфиопию припакистанско-прииндийскую (азиатскую), что, кстати, глухо указывает на первосвязь-общность древнейшей Пра-Эфиопии с 1-й Пост-Атлантической Пра-Индийской культурой-эпохой (7 – 5 тыс. лет до н.э.). И не случайно Древнеегипетская цивилизация (III-я Пост-Атлантическая Египетско-Вавилонская культура – 2908/07 – 748/47гг. до н.э.) пришла на собственно египетский север с нильского нубийско-эфиопского юга; и не случайно Евсевий в «Хронике» под 404г. ad Abr. (что даёт по отголосочной евсевианской хронологии, XVII-й в. до н.э.) говорит о приходе эфиоплян в Африку от устья Инда.

Возвращаемся к Сенеке и Плинию. Если по тексту Плиния, в районе Мероэ, согласно преторианцам и трибунам, безлюдные пустынные места, за исключением самого города и его окрестностей, т.е. далеко на юг отсюда преторианцы с трибунами не заходили, то по Сенеке, центурионы проникли куда южнее: «По истечении многих дней, – говорили они, – мы достигли необъятных болот; где они кончаются, не знали даже местные жители, и пытаться это выяснить безнадёжно. Ибо вода там настолько покрыта переплетающимися растениями, что ни пешком, ни впрячь передвигаться по ней невозможно; единственное, на чём можно кое-как двигаться по илистому заросшему болоту – это на маленьких лёгких одноместных судёнышках. Вот там мы видели две скалы, из к-рых вырывалась, падая вниз, огромнейшая могучая река».

В примечаниях к русскому изданию Сенеки сказано, что это две скалы между Сиеной и Элефантиной, к-рые описывает Геродот. Но ок. 7-и лет проведший в Египте, хорошо знакомый с его топографией Сенека не может так (таким описанием) рассказывать, передавая слова центурионов, про хорошо известные римлянам две скалы между Сиеной и Элефантной

У Светония, в дополнение к Тациту, находим: «Поездок он предпринимал только две: в Александрию и Ахайю. Но от первой он отказался в самый день отъезда, испуганный приметой: когда он, обойдя храмы и посидев в святилище Весты, захотел встать, то сперва зацепился подолом, а потом у него так потемнело в глазах, что он ничего не мог видеть...» (Нер. 19,1) И он в ответ, взяв приметку на вооружение и одновременно извлекая из неё пользу, как бы не столько напугался приметой, сколько пошёл навстречу *пожеланиям трудящихся*, не желавших его отпустить.

на южных границах римского Египта, явно повествуя о местах никем из римлян ранее не виданных, к-рые могут располагаться только южнее Мероэ и мероитского Судана-Нубии! Засим, под болотистым озером, покрытым сорняками, предположительно, болота Сэдда в южном Судане, в долине Белого Нила, к-рый течёт, беря начало из оз. Виктория, на север по территории (до Судана) современной Уганды, куда, вероятно, и добрались центурионы, м.б., аж до водопада Мерчисон (на 2/3-м градусе северной широты), к-рый, как низвергающаяся между двух скал вода, представляет собой Викторианский или Белый Нил, пробивая себе путь через щель в скалах шириной всего 7м и падая-впадая в оз. Альберт с высоты ок.45-50м, в ущелье шириной всего 7-10м. Вот что так поразило воображение центурионов и о чём с таким восторгом сообщает Сенека, тогда как преторианцы у Плиния информируют лишь о безлюдных пустынях много севернее истоков Нила. По всякому, если даже центурионы сами не видели водопад Мерчисон (Кабалега), зайдя на юг не дальше 10-5-го градусов сев. широты, и только слышали о нём, речь у Сенеки, в его описании, ну никак (!) не может идти о двух (общеизвестных) скалах между Сиеной и Элефантиной.

Т.е. отправленная Нероном найти загадочные нильские истоки исследовательская экспедиция достигла или почти достигла, преодолев ок. 2-х тыс. км, своей цели и возвратилась обратно, совершив то, что европейцам впервые удалось в XIXв.! Отсюда снова спрашивается: разве Плиний тоже говорит об истоках Нила? Вовсе нет, – в его объективе именно Мероэ = мероитская Нубия. Таким образом, возможно, Нерон и зажёгся мыслью дойти до истоков Нила, чтобы, победив усиливающееся Аксумское царство, найти там несметные богатства (страны Офир?) и оттуда, с Африканского рога, как полагают, – дорогу в Индию. Однако, при всех случаях, чтобы попасть туда, надо было пройти через Нубию, либо сначала завоевав Мероэ, либо сделав мероитов своими союзниками, каковыми они выступают, согласно Сенеке, так как именно (наверняка заинтересованный в ослаблении мощнееюшего на юге Аксума) мероитский царь дал центурионам охранно-рекомендательные письма к местным царькам, правившим в областях между Нубией и Аксумом.

Далее, свидетельство Сенеки о царе Эфиопии, а Плиния – о царице Мероэ, в принципе не обязательно взаимоисключительны, поскольку, при знании специфики Нубии, мероитская царица-Кандакия не исключает наличие одновременно царя, её сына или мужа, и наоборот (см. выше). Мы помним, что после царицы Аманирены (30-18гг.), к-рую воевал в 23/22гг. Г.Петроний, царя Акинидада (18-12гг.) и царицы Аманишакете (12-2гг.), с ок.2-го по 23гг. н.э. в Мероэ царствовал, в паре с царицей Аманитере, отец мероитского *золотого века* Нака-тамани, преемником к-рого стал их второй сын Шеракарер (23-28/30гг.), к-рому преемствовал его брат Писакар (28/30-37/40гг.) – время обращения-крещения евнуха царицы Ефиоплянской – казначея Кандакии (34г.). Затем идут цари Аманитаракиде (37-47гг.), Аманитенмемиде (ок.47-ок.62гг.) и царица Аманикаташан (ок.62-ок.85гг.) (см. И.Кацнельсон «Древние царства Судана», с.231-33-37). Конечно, эта предложенная А.Аркелом и С.Венигом царская хронология весьма приблизительна, и тем не менее, согласно ей, в 62г. умершего царя Аманитен-мемиде сменила, вероятно, его супруга (ибо для матери она слишком долго после него царствовала) – царица Аманикаташан. Не здесь ли объяснение того факта, почему у Сенеки значится царь Эфиопии, в то время как у Плиния – царица, иначе говоря, если принимать (не действуя по упрощённой схеме) две экспедиции, исследовательскую и разведывательную, то первая имела место в пору правления *ещё* царя, а вторая – *уже* царицы.

И Хинце, ратуящий за две экспедиции, и те, кто ограничиваются одной, датируют первую из них или единственную – 61-63гг., дабы её начало пришлось как на время до отставки Сенеки (62г.), так и на время до кончины царя Аманитенмемиде (62г.), и кроме того, на время, синхронизирующееся списанием Сенекой «Натурфилософских вопросов», к-рые датируются 63-м или 63/64гг. Мы предложим несколько отличный вариант, датируя первую экспедицию 62/63-м гг. Согласно Сенеке, можно сделать вывод, что эта экспедиция к истокам

Кроме того, если почти все жестокие люди сентиментальны (сентиментальность – младшая сестра жестокости), то многие тираны жестоки и сентиментальны вдвойне, не могучи не компенсировать, не могучи не сдобрять-удобрять свою тиранию патетическими сантиментами.

Да и коли сам Август решил в 27г. до н.э. не отказываться от «короны» *первого среди равных*, пойдя навстречу требованиям Рима и римлян, то Нерон решился на куда меньшее, сведя дурное предзнаменование в храме Весты с пожеланиями

Нила, о к-рой он пишет тоном учёного на покое, состоялась после как кончины Бурра, так и его, сенекианской, отставки, т.е. не ранее 62г. Да и планы открытия, видишь ли, полунебесных-задрапированных истоков Нила, завоевания Мероэ, плюс чуть ли не Аксума, равно как другая снаряжённая Нероном (65/66гг.?) южнокавказская экспедиция и планы похода к далёким Каспийским Воротам (см. ниже), по своей инфантильности-романтичности, невзирая на присутствие в них также некоторой рационал-реалистической составляющей, с гораздо большей долей вероятности, являлись порывистыми инициативами самого Нерона, нежели консервативных («кремлёвских старцев») Бурра с Сенекой, что, разумеется, не мешает отставному Сенеке воздать Нерону непреложную хвалу.

И потом собственно африканская экспедиционная инициатива видится делом времени после победы Светония Паулина в Британии (61г.), но до позорной капитуляции Цезенния Пета в Армении (осень 62г.), когда Нерон, решив и как бы решив проблемы на крайнем Западе и крайнем Востоке, решил обратить взор на заповедные нильские Юга. Касательно же царя Нубии, последний вполне мог принять центурионов и дать им рекомендательные письма к соседним царям в 62г., незадолго до своей кончины, при том, что на саму экспедицию, несмотря на пройденные центурионами 2 тыс. км без малого до экватора, более чем достаточно времени в 62/63гг., без растяжки в пределах 61-63гг.

А вот в 64г. (Хиндже думает, что после 64г.) Нерон, откифаредствовал в Неаполе, побывав в Беневенте и отложив поездку в Грецию, наострился сначала в Египет (Фигаро здесь, Фигаро там), но отложив это предприятие, снарядил (завороженный прошлогодним рассказом центурионов) в Африку (64/65гг.), на сей раз, вперёд себя, нескольких преторианцев с трибунами, чтобы они, лазутчики-соглядатаи, разведали состояние эфиопских – Мероэ (где царя в 62г. сменила царица) и южнее – дел до его персонального прибытия в Египет, намереваясь в Египте совмещать приятное с полезным. Т.е. – кифаредство с походом в Мероэ, или в союзе с мероитами глубже на юг, под чем вряд ли стоит искать серьёзные мотивы-подосновы, уверенно констатировав один из нероновских порывов, вернее, один из маниловских прожектов кесаря – любопытствующего дилетанта и молодого попрыгунчика, к-рому, помимо тирании, была очень присуща, в т.ч., геополитическая скоморошеская маниловщина. И неспроста ок.63г. префектом Египта был назначен вместо М.Юлия Вестина (59-62/63гг.) Г.Щецина Туск – близкий Нерону его молочный брат (сын кормилицы), в ожидании прибытия на Нил во всеоружии своего старшего молочного брата. Последний же в 65г. туда так и не попал, всецело занятый в Риме заговором Пизона, отправившись в следующем 66г. в Грецию, но продолжая носиться с планами мероитско-эфиопского и кавказско-каспийского походов (назначив прокуратором Египта весной 66г., в частности, для подготовки заветного похода на юг, Тиберия Александра) вплоть до (возвестившего близкий конец нероновского правления) восстания Виндекса весной 68г.

То-то Дион, приложительно к 66г., суммарно-обобщительно-обзорно сообщает, что Нерон, так и не проследовав ни в Эфиопию, ни к Каспийским воротам, отчалил в Грецию. Соответственно, план похода в Эфиопию, после возвращения преторианцев с трибунами (к-рых кесарь первоначально надеялся встретить в 65г. в Египте), побывавших в Мероэ в 64/65гг., по всему, относится (затянувшись) к 65/66г. Но в августе/сентябре 66г. место Эфиопии в реальности заступила Греция, откуда Нерон (аннексировавший-провинциализировавший в 63/64г. Понт) собирался уже достичь (ставших в 66/67г. для венценосного Фигаро приоритетными перед Эфиопией) Каспийских ворот, отправив (и) туда разведчиков, вероятно, в 66г. (см. ниже), и планируя поход на Южный Квказ, – то ли самолично во главе войск, то ли снарядив к Аланскому = Дербентскому проходу (Алвания) войска (см. ниже).

Так или иначе, мы примем две римские экспедиции в Африку при Нероне: исследовательскую (Сенека) – к истокам Нила – в 62/63гг.; и разведывательную (Плиний) – в мероитскую Нубию – в 64/65гг. О снаряжении лазутчиков и несостоявшемся походе к Каспийским воротам (к-рый предвляла провинциализация Понта) речь впереди.

римлян, — просто никуда из Рима/Италии не отлучаться. Ведь народ для него — превыше всего, как, по его собственным словам, для человека — кровная родня. Ему ли, убившему родную мать, говорить о нерасторжимости уз кровного родства? Или, с др. стороны, — кому, как не ему?

И он (тонкий психолог) не ошибся. «Такие речи пришлось по душе простому народу как вследствие присущей ему жадности зрелищ, так прежде всего и из опасения, как бы в отсутствие принцепса не возникли затруднения с продовольствием» (15,36).

Со времён Рима и по сей день, в сущности, все основные требования народов сводятся, в той или иной мере, к хлебу и зрелищам. И не удивительно, что решение главного хлебозрелищного гаранта-благотелья принцепса, с акцентированной апелляцией к народу, пришлось народу по душе, по вкусу. Во-первых, его, Нероново, гедонистическое пребывание в Риме означало, что будет много изощрённых и чувственных увеселений-наслаждений, до к-рых развращённый римский люд, жаждающий зрелищных, в смысле эскалации острых ощущений, обновлений, был даже охоч. Во-вторых, именно кесарь был главным продовольственным зернозаботником о народе, умея обеспечить простонародье хлебом, в т.ч., в кризисных ситуациях. И кто знает, как повернётся дело, коли *его величества* в Риме не будет. Добрый царь для народа, как правило, предпочтительнее сомнительных (даже, если они не злы) бояр.

А вообще всё сказанное лишний раз подтверждает как римскую народную максиму «хлеба и зрелищ», так и тот факт, до какой степени великопорочный римский народ эпохи *кесарева безумия* был, бесясь, что называется, с жиру, именно подлым людом.

И своим имиджем выдающегося попечителя народа (неэлитный — опирающийся на трибунскую власть — плебейский) кесарь (принцепс для сенаторов) очень дорожил, особенно с 62г., когда его отношения с элитой начали портиться, когда был новозадействован закон Об оскорблении величия и запущен, в процессе усугубления тирании, механизм ликвидации потенциальных элитных конкурентов. Иначе говоря, чем больше у Нерона портились отношения с сенаторскими верхами, тем больше он пёкся о своей популярности в низах, к к-рым, при аврале, мог бы воззвать против верхов, имея благодаря трибунской власти (к-рой кесарей-принцепсов оснастил хитрован Август) прямой вноменклатурный выход (как, повторим, царь-батюшка) на народ-народище.

Причём, если народ, предвкушая зрелища и хлеба, пришёл от решения кесаря в восторг, то римская знать, по Тациту (15,36), попросту не ведала, что для неё лучше: свирепствование тирана (кто до сих пор никуда дальше Кампании не отлучался), через его в Риме поднятых из грязи в князи холуёв-клеветров, издалека; или — на месте.

А дальше — как не оправдать возлагаемые на тебя народом увеселительно-зрелищно-хлебные надежды! как не превзойти самого себя, все предыдущие забавы и всё для воображения битых римлян мыслимое! Даёшь представления, оргии и вакханалии, каких Рим и римляне ещё не видывали, каких Содом с Гоморрой и Вавилон не знали! Одним словом, Риму и римлянам при Нероне треба не только и не просто догнать, но и перегнать — в погоне за наслаждениями — истончённый Восток. Не один ли раз живём, пусть даже некоторые чуждые сектантские элементы, к примеру, то ли изошедшие, то ли не изошедшие из иудаизма христиане, говорят, что смерть — не конец, и что есть (где-то там?) — как какой-то высший, так и какой-то страшный суд!

И если в храм богини девственной чистоты Весты препорочный Нерон неудачно вошёл, — либо, коли речь о палатинской капелле, в день её освящения Августом, —

28.04., либо, коли в кадре храмовое святилище между Капитолием и Палатином, — ок. посвящённых Весте праздничных дней в начале июня, то пиры и потехи продолжались как до страшного пожара Рима, разразившегося (на первой стадии наибольших разрушений) 18/19-24.07., так и после него. Продолжались вперемешку и вперемежку с карами-казнями в отношении найденных не ранее августа за пожар ответчиков. Засим в абзацах-главах 33-37 Ан.15 речь у Тацита идёт о нероновских гульбищах — до Рима и в Риме — имевших место до роковой стартовой пожаришной даты 18/19.07.64г.

Притом главным устроителем-организатором зрелищно-чувственных предприятий-мероприятий разного рода по всему Городу — и у Тацита, и у Диона — выступает искушённый в извращённых фантазиях кесарский фаворит и, по совместительству, преторианский префект № 1 — Тигеллин. Видавших виды пресыщенных и, тем не менее, ненасытных римлян надо было чем-то поразить, невзирая на то, что их трудно было чем-либо удивить. Но тигеллиновского типа лукавая голь, вышедшая в сановные т.н. люди, как известно, на выдумки и горазда, и хитра.

По Диону (62,15,1-5), утративший всякую меру Нерон выступил как возничий-колесничий на скачках; далее, в заполненном водой театре с выпущенными на арену дикими зверями было устроено (навмахическое) морское сражение, а когда воду спустили, за этим последовали гладиаторские бои. Позже арену снова заполнили водой и устроили расточительное пиршество, организованное Тигеллином. «Распушенность Нерона достигла таких размеров, что он в самом деле правил на публике колесницами. А в одном случае после представления охоты на диких зверей он тут же подвёл по трубам воду в театр и показал морской бой, затем опять отвёл воду и устроил сражение гладиаторов. Наконец, он ещё больше затопил это место и дал роскошный общественный пир. Тигеллин был назначен распорядителем пиршества, и всё, что угодно, было предоставлено в расточительном изобилии...» (1/2)

Тацит повествует о «самом роскошном и наиболее отмеченном народной молвой» пиршестве, данном Тигеллином на пруду Агриппы (к востоку от Марсова поля), где был сооружён плот, на к-ром и происходил пир и к-рый всё время двигался влекомый другими судами». (Ан. 15,37). Говорится ли у Тацита и у Диона об одном и том же пиршестве? Отчасти — да, поскольку рассказ Диона от эпитоматора Ксифилина (166,17 — 169,10) суммарно-собираетельный. Однако, если у Тацита именно вакханалия на пруду Агриппы, то Дион информирует ещё и о других оргиях, что соответствует слову Тацита об увеселениях по всему Городу. Т.е. — в его разных местах, в т.ч., как в заполненном водой, так и без воды цирке-театре, — с бестиями, навмахией и гладиаторскими боями, тогда как пруд Агриппы был использован для невиданного пиршества на плавающем плоту (сродни оргиям Калигулы на плотках и судах в ПUTEОЛАНСКОМ заливе или на италийских озёрах).

Информация Светония (к-рую мы приводили и выше) о многочисленных пирах Нерона ещё суммарнее дионовской (и без пиршественной акцентации Тигеллина): «Пиры он затягивал с полудня до полуночи, время от времени освежаясь в купальнях, зимой тёплых, летом холодных; пировал он и при народе на искусственном пруду и в Большом цирке, где прислуживали проститутки и танцовщицы со всего Рима...» (Нер. 27,2).

* * *

Итак, роскошно расточительное плотское пиршество на плоту, влекомом судами, продолжалось в июне или в июне/июле 64г. н.э. не один день.

«...Эти суда были богато отделаны золотом и слоновой костью, и гребли на них распутные юноши, рассажённые по возрасту и сообразно изощрённости в разврате.

Птиц и диких зверей Тигеллин распорядился доставить из дальних стран, а морских рыб — от самого Океана. На берегах пруда были расположены лупанары, заполненные знатными женщинами, а напротив виднелись нагие гетеры. Началось с непристойных телодвижений и плясок, а с наступлением сумерек роща возле пруда и окрестные дома огласились пением и засияли огнями. Сам Нерон предавался разгулу, не различая дозволенного и недозволенного; казалось, что не остаётся такой гнусности, в к-рой он мог бы выказать себя ещё развращённое; но спустя несколько дней он вступил в замужество, обставив его торжественными свадебными обрядами, с одним из толпы этих грязных распутников (звали его Пифагором); на императоре было огненно-красное брачное покрывало, присутствовали присланные женихом распорядители; тут можно было увидеть приданое, брачное ложе, свадебные факелы, наконец, всё, что прикроет ночная тьма и в любовных утехах с женщиной» (Ан. 15,37).

Дион: «...Приготовления были сделаны следующим образом. Посреди озера были первоначально спущены большие деревянные бочки, используемые для хранения вина, и поверх них прикреплен дощатый настил, тогда как вокруг этой платформы были возведены таверны и палатки. Таким образом Нерон и Тигеллин со своими собутыльниками заняли середину, где они справляли свой праздник на пурпурных подстилках и мягких подушках, пока остальные гуляли в тавернах. Они могли также посетить бордели и без помех или прелятствий иметь сношения с любой из сидевших там женщин, среди к-рых были красивейшие и известнейшие в городе, как рабыни, так и свободные, блудницы и девственницы, и замужние женщины; и они были не только из простонародья, но и из по-настоящему благородных семей, как девушки, так и зрелые женщины. Всякий мужчина имел право развлекаться с любой, какую он пожелает, в то время как женщинам не было позволено отказать кому-либо.⁹⁹ Как следствие, собралось беспорядочное скопище народа, и они не только беспробудно пьянствовали, но также буйно развратничали, и тогда раб мог распутствовать со своей госпожой в присутствии господина, и гладиатор мог распутничать с девушкой из благородной семьи на глазах её отца...» (62,15,2-5)

Как видим, либо Тацит и Дион пользовались разных информаторов, к-рые об одном и том же пиршестве рассказали по-разному, либо, что скорее, речь идёт о двух пиршествах в интервале мая — июля 64г., к-рые, из-за их сходства как между собой, так и с другими неоднократными пиршествами-гульбищами в правление Нерона, в ретроспективной памяти римлян слились-сомкнулись.

Короче, оргии-вакханалии были в конце весны и в первой половине лета 64г. в самом разгаре, превосходя всё предшествующее, и при всём том, в творившемся вокруг беспределе, в задействованном Нероном идеале содомском нельзя не заметить, не отметить его умышленную издёвку над (в пользу потешаемого плебса) римским нобилитетом, ибо вряд ли всем нобилям нравилось то, что позволялось сделать рабам или гладиаторам во время этих оргий с их (нобилитетскими) жёнами и дочерьми.

В общем, можно сказать, что в 64г. Нерон, так и не отчалив ни в Грецию, ни в Египет, оторвался в Риме по полной, решив потрясти разгулом-загулом и увлечь за собой весь Город. Притом ему и его импрессарию Тигеллину это удалось. И, к слову, феномен Нерона, в отличие от достаточно быстро исчерпавшего свою популярность также среди простонародья Калигулы, заключался в том, что он и через 10 лет правления, совершив ужасные злодеяния — убиение брата, матери, жены и ряда видных нобилей, по прежнему, во многом, оставался для крайне падких до

⁹⁹ Странники гендерного равноправия не одобряют Нерона! не сексуальные меньшинства могут сделать его своим знаменем!

изошрённых удовольствий плебса и части знати (хотя убийство кроткой Октавии поколебало давешнюю любовь к нему) — и кумиром, и голубчиком, и куколкой.

Римский люд, бывший, как мало какой в истории, говорим снова, именно *подлым людом*, упивался пресыщенностью и декадансом, и не кто иной как Нерон обаяние этого кульминирующего в нём самом декаданса сполна олицетворял, умея, oprичь того, искусно расположить к себе людей неподдельной щедростью, вкупе с всепоглощающей вседозволенностью. Он устроил римскому люду праздник, к-рый всегда с тобой. И коли раньше формула «кто был ничем, тот станет всем» прилагалась к рабам раз в год в декабрьские Сатурналии, то теперь возможность почувствовать себя «всем» далеко не раз в год получали и рабы, и гладиаторы, и иные простолюдины, и плебс-демос в целом, и все прочие. Требовалось лишь отдаться пороку без оглядки, без задних ног, без всяких тормозов.

Причём, на сей раз, самим Нероном были перейдены все границы и попрыганы все нормы форменным выходом замуж за вольноотпущенника Пифагора, к-рого Светоний ошибочно кличет Дорифором, путая его с другим нероновским либертом, кого кесарь щедро одарил, едва придя к власти, в 54г., и позднее устранил, как противника Неронова брака с Поппеей, в 62г. (см. выше).

В то же время у суммарного обобщителя-портретиста Светония, учитывая данную путаницу-накладку, о Нероне читаем: «А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неосквернённым. В довершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж, как за него — Спор, крича и вопя как насилюемая девушка. От некоторых я слышал, что он твёрдо был убеждён, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чём-нибудь чистого, и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки: поэтому тем, кто признавался ему в разврате, он прощал и все остальные грехи» (29).

Кое-что из вышеприведённого происходило в 67г., в частности, брак Нерона (в ходе его греческого турне) с очень похожим на убитую им в 65г. Поппею Сабину кастрированным мальчиком Спором (см. ниже), в к-ром он искал её образ и её тело, однако, приложительно к Пифагору, кого не следует путать с Дорифором, надо принять анналистическую датировку Тацита.

Нет, Нерон не был физическим гермафродитом, но ему восхотелось стать гермафродитом античным, ему захотелось быть-побывать, захотелось вовсю почувствовать-пережить себя существом двуполом. И не прекращая безумно любить Поппею, он сочетался браком с вольноотпущенником Пифагором, возомнив себя мужеженщиной, своего рода перверсивным Андрогинном, первочеловеком Адамом до изытия у него ребра для сотворения Евы! Если бисексуалами в Древнем Риме были многие мужы и в верхах, и в низах, в т.ч., большинство из портретированных Светонием 12-и Цезарей, то мужеженщиной не возомневал себя ни до, ни после Нерона, пожалуй, за исключением Гелиогабала (218 — 22гг.), ни один из них. И Нерону очень хотелось-вождеделось быть как первое, так и оригинальнее всех, запечатлеться, запомниться себе и всем вокруг своей необычностью-исключительностью.

Однополая любовь или, выражаясь современно, нетрадиционная ориентация, весьма, как сказано, распространённая в Риме, и в позднереспубликанском, и в императорском, среди всех слоёв населения, тем не менее, с позиции суровой старореспубликанской морали, верность к-рой всякий Рим декларировал, считалась пороком позорным. Но если любовь к мальчикам, не надевшим тогу *virilis*, имела массовый характер, а мужеложство, с грехом пополам, в морально-либеральном Риме I/IIвв. кушалось, то брак кесаря, да ещё в бабьем амлуа-качестве, при живой

жене, с каким-то либертом, выходил за все и всяческие рамки-представления-нормы – традиционные и нетрадиционные, что и привлекало-привороживало-завороживало Нерона.¹⁰⁰

Не пропустить в порочности, в чувственности ничего, причаститься-приобщиться ко всему, познать идеал содомский до предела! Оттого и замуж невтерпёж! Спрашивается, не было ли всё это, что творилось им и творилось с ним, что творилось в его душе, сознательным погружением-углублением в утробное нутро супостата?! Не таится ли за всем этим деградантное посвящение в сексуальные мистерии!

Вообразив себя и впрямь двуполым существом, он, кто был зачат под знаком Рыб и родился под знаком Стрельца, желал быть не только Цезарем, но и Клеопатрой, вернее, он возжаждал быть Цезарем и Клеопатрой в одном раздвоенном лице, в одном раздвоенном теле, в одной раздвоенной душе, дабы попробовать соединить-свести их воедино! Извращённая форма переживания дуалистических таинств, морально-нравственного дуализма! Дуализм наоборот!

И если сегодняшний постмодернистский либеральный Запад, тоже взбесившийся и бесящийся с жиру, как некогда императорский Рим, такими киксами вряд ли удивишь, то у кесаря Августа, спустя полвека от кончины, были в 64г. все основания перевернуться, кабы его не кремировали, в гробу! И потому, наверное, как минимум содрогнулся его прах в мавзолейной усыпальнице, ну и неприкаянная душа – в духовных мирах! Кому достался Принципат! Каждый последующий кесарь безобразнее предыдущего! и династия-фамилия-синдикат Юлиев-Клавдиев на летальном излёте-исходе! И каждый по своему с ума сходит! *Furor Principum!*

С Нероном кончался учреждённый Августом фамильный синдикат Юлиев-Клавдиев (но не запущенный на три столетия Принципат Августа), и Нерон, жил, как остро чувствуя, так и предоущающая катастрофу, а его воображение творческой натуры расширяло-размалёвывало её до апокалиптических масштабов мирового пожара (к-рый, как известно, прославляли накануне и в пору Российской революции Блок, Белый, Брюсов...). Быть первым – трудно; быть последним – страшно. И последнему Юлию-Клавдию, Нерону, к-рому всюду мерещился апокалипсис, хотелось во внутреннем страхе и трепете упиться тем, что он – последний. То-то его так влекли стихии воды и огня – былая и грядущая катастрофы человечества (чему учили стоики), между к-рыми он в упор не видел Христа Спасителя!

Достигнуть суперэпатажности, суперпорочности, архиартистичности, заставить и себя самого, и всех окружающих, а главное, и без того утонувший в распутстве, ко всему привычный Вечный Город, удивиться-изумиться, дойти во вседозволенности до апогея, перейти через всякий край! Заглянуть в лицо бездне, чтобы она заглянула внутрь тебя – вот кредо Нерона, кто, действительно, матёрый, и куда более маститый, чем старик Фрейд, психоналитик, апологет либидо, действительно, был (повторим за Светонием и вслушаемся внимательнее) «твёрдо убеждён, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чём-нибудь чистого и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки».

На то он и есть навсегда вошедший в историю и поставленный некоторыми под число зверя 666 Нерон как Нерон! – наиболее скандально-одиозный из Цезарей, начиная с Цезаря и кончая Ромулом Августулом, почему приговор, вынесенный ему историей, окончательный и обжалованию не подлежит. Впрочем, в нашем хроноповествовании целый ряд его преступлений ещё впереди!

¹⁰⁰ То-то и в IVв. Авр. Виктор, пишучи о Нероне, ужасается: «Начав с того, что он выступал перед публикой как певец по греческому образцу на соискание венка, он дошёл в конце концов до того, что, не шадя стыдливости ни своей, ни других, облачившись в наряд невесты и приняв от сената приданое, когда все, согласно обычаю, собрались на многолюдное празднество, вступил в брак с женщиной» (5,5).

Интересно, перед тем как приступить к рассказу о грандиозном пожаре Рима в 64г. н.э., привести, предоставляя читателю очередную информацию к очередному размышлению, слова о Нероне Р.Штайнера, к-рый, сказав про посвящение в декадентные таинства Калигулы (см. выше), продолжает:

«...Таким же посвящённым был и Нерон. Только он был ещё и *психоаналитиком*, не таким мелким как наши современные модные психоаналитики, а грандиозным, в героическом масштабе. Он был даже первым психоаналитиком, ибо первый выставил положение, что в человеке всё зависит от того, как проявляется в человеке сексуальность. Учение это было выдано в наше время за новое нашими мешанскими психоаналитиками. Хотя профессору З.Фрейду далеко до Нерона. Для этого ему не хватает ни души, ни величия.

Но Нерон знал то же, что знал Иоанн Креститель — и этим отличался он от Калигулы. Нерон знал, благодаря своему посвящению, что человек находится в особом положении, что истины древних Мистерий с их истинными импульсами уже отзвучали, что они потеряли свою силу и что их можно удержать только внешней силой. Но только Иоанн Креститель говорит: «Старый порядок отошёл в вечность (он прибавлял ещё: «Близится Царствие Небесное, переменитесь!»)». Нерон тоже знал, что царство древнего мира закончилось, что в развитии Земли наступил великий перелом. Но Нерон обладал к тому же и сатанинским сознанием: в нём таились все дьявольские козни, на к-рые способен недостойный посвящённый. И поэтому он так особенно считался, точно так же, как Креститель, как Христос Иисус, с концом света. Если понять правильно всё то, что Иоанн Креститель и Христос Иисус говорят о конце мира, то тогда уже не нужно заниматься толкованием того, когда это наступит, тогда станут понятны слова Библии, гласящие, что он уже наступает. Конец мира становится действительностью, будучи понят правильно. Нерон знал, что наступает совершенно новый порядок, но это не радовало его. Ему это мешало. Характерно его изречение, что он ничего бы так не хотел, как присутствовать при конце мира. Характерны его слова: «Если мир погибнет в огне, то я буду особенно радоваться этому». Он был охвачен особым безумием, желанием видеть гибель мира от огня. И посредством этого было то, что (это является сомнительным историческим фактом, но в то же время и совершенная правда) он поджог Рим, потому что в своём безумии он представлял, что из Рима пожар распространится дальше и весь мир сгорит» («Краеугольные камни познания Мистерии Голгофы», 8 лекций, прочитанных в Берлине 27.03. — 24.04.1917г., л.5 от 14.04., ПСС 175)

ВЕЛИКИЙ ПОЖАР РИМА

(июль 64г.)

Тацит: «Вслед за тем разразилось ужасное бедствие, случайное или подстроенное умыслом принцепса — не установлено (и то и другое мнение имеет опору в источниках), но во всяком случае самое страшное и беспощадное из всех, какие довелось претерпеть этому городу от неистовства пламени. Начало ему было положено в той части цирка, к-рая примыкает к холмам Палатину и Целию; там, в лавках с легко воспламеняющимся товаром, вспыхнул и мгновенно разгорелся огонь и, гонимый ветром, быстро распространился вдоль всего цирка. Тут не было ни домов, ни храмов, защищённых оградами, ни чего-либо, что могло бы его задержать. Стремительно наступавшее пламя, свирепствовавшее сначала на ровной местности, поднявшееся затем на возвышенности и устремившееся снова вниз, опережало возможность бороться с ним и вследствие быстроты, с какою надвигалось это несчастье, и

потому, что сам город изгибавшимися то сюда, то туда узкими улицами и тесной застройкой, каким был прежний Рим, легко становился его добычей. Раздавались крики перепуганных женщин, дряхлых стариков, беспомощных детей; и те, кто думал лишь о себе, и те, кто заботился о других, таща на себе немощных или поджидая их, когда они отставали, одни медлительностью, другие торопливостью увеличили всеобщее смятение. И нередко случалось, что на оглядывавшихся назад пламя обрушивалось с боков или спереди. Иные пытались спастись в соседних улицах, а когда огонь достигал их там, они обнаруживали, что места, ранее представлявшие им отдалёнными, находятся в столь же бедственном состоянии. Под конец, не зная, откуда нужно бежать, куда направляться, люди заполняют пригородные дороги, располагаются на полях; некоторые погибли, лишившись всего имущества и даже дневного пропитания, другие, хотя им и был открыт путь к спасению — из любви и привязанности к близким, к-рых они не смогли вырвать из пламени. И никто не рашался принимать меры предосторожности, чтобы обезопасить своё жилище, вследствие угроз тех, кто запрещал бороться с пожаром; а были и такие, к-рые открыто кидали в ещё не тронутые огнём дома горящие факелы, крича, что они выполняют приказ, либо для того, чтобы беспрепятственно грабить, либо и в самом деле послушные чужой воле» (Ан. 15,38).

Вспыхнувший 18/19.07. (в день, когда галлы-сенноны Бренна, разбив в 390г. до н.э. римлян в сражении при р. Алия, подожгли взятый ими Рим, за исключением устоявшего Капитолия) огонь неистовой силы бушевал 6 дней — по 23/24.07. Потом, казалось укрощённое на 6-й день у подножия Эсквилина, пламя снова занялось с особняка Тигеллина в Эмилианах (Ан. 15,40), охватило также часть Марсова поля и бушевало, пусть с меньшей силой, ещё три дня, до тех пор, когда 27.07. (Термидор!) всё было кончено.

Пожар начался в районе Большого цирка, близ расположенного между Палатином и Целием рынка, где в лабазе складировалось большое количество товаров, распространившись отсюда на Палатин, Эсквилин и дальше. Узкие и постоянно загруженные улицы, множество деревянных строений, жаркая и сухая летняя погода, наконец, ветер, быстрому распространению огня весьма способствовали.

Плюс к тому, античные авторы, между прочим, уверенные, — все, кто об этом пожаре пишут (см. ниже), помимо оставляющего вопрос открытым Тацита, — что за катастрофой стоял сам Нерон, говорят, включая, кстати, и Тацита, как о (безымянных рядовых) поджигателях, так и о тех, кто препятствовал пожаротушению. Вдобавок, сообразно Диону (Ксифилин 166,17 — 169,10), — «многие дома были уничтожены из-за отсутствия хоть чего-нибудь, что помогло бы спасти их, а многие другие были подожжены теми самими людьми, к-рые пришли предоставить помощь, ведь воины, включая ночную стражу, вместо того, чтобы гасить огонь, поджигали новые. Когда в разных местах происходили такие сцены, ветер подхватил пламя и понёс без разбору на все строения, какие остались. Вследствие этого никто больше не заботился об имуществе или домах, но выжившие там, где они полагали, что спаслись, вглядывались в то, что казалось островами, разбросанными среди огня, или же многими городами, горевшими одновременно. И больше не было горя из-за частных потерь, но все оплакивали общее бедствие, вспоминая как некогда большая часть города была таким же образом опустошена галлами» (62,17,1-3).

Иначе говоря, ночные стражи = пожарники-вигилы, обязанные тушить пожар, равно обязанные спасать граждан и заботиться о противомародёрском порядке солдаты-преторианцы, согласно Диону, наоборот, пользуясь общими хаосом, неразберихой, суматохой, подливали масло в огонь, чтобы иметь возможность беспрепятственно пограбить. И такое, согласитесь (при моральном уровне граждан неро-

новского Рима и римских спец. служб), вполне могло иметь место, независимо от того был ли Нерон инициатором пожара, либо, всё-таки, не будучи инициатором, вовсе не спешил его потушить, сам, при виде вожделенного пожарища (конец света!), войдя в раж.

Застигнутые врасплох люди были охвачены ужасом, метались, ищучи укрытие от всепожирающего пламени и пытаясь спасти себя, близких, своё добро, в домах, во дворах, на улицах, по городу, или стремясь попасть за город, на окрестные поля. Беглые человеческие потоки сшибались, топтали друг друга, дрались насмерть, искали выхода из узких переулков и т.д. Число сгоревших, задохнувшихся от дыма, затоптанных в панике, убитых в стихийных столкновениях или зарезанных мародёрами – неизвестно. Но можно не сомневаться, что человеческие жертвы свыше чем миллионного города, ок. 70 % площади-территории-строений к-рого, в той или иной мере-степени, сделались жертвой огня, были огромны.

Из 14-и созданных-учреждённых Августом городских округов-районов¹⁰¹ (к-рые, в свою очередь, делились на 265 кварталов) (Р.л. 580/81), XI-й, X-й и IV-й выгорели почти полностью; ещё семь серьёзно пострадали; нетронутыми или малозатронутыми пожарищным бедствием остались V-й, VI-й, VIII-й и XIV-й – последний за Тибром, в Заречье. Причём именно там, в XIV-м округе, обитали большинство иудеев и всё более отделявшихся от них христиан, чей конфликт с иудеями особенно обострился, надо думать, в ходе и после пребывания в Первых римских уззах – 61 – 63гг. – Ап. (язычников) Павла, кого, как и Ап. Петра, в 64г. н.э. в Риме не было (см. ниже).

Сгорело множество святилищ и среди них древнейшие: «посвящённый Сервием Туллием храм Луне, большой жертвенник и храм, посвящённый аркадянином Эвандром Геркулесу в его присутствии, построенный Ромулом по обету храм Юпитера Остановителя, царский дворец Нумы и святилище Весты с Пенатами римского народа; тогда же погибли сокровища, добытые в стольких победах, выдающиеся произведения греческого искусства, древние и достоверные списки трудов великих писателей и многое такое, о чём вспоминали люди старшего возраста и что не могло быть восстановлено, несмотря на столь поразительное великолепие восстановленного из развалин города» (Ан. 15,41) – так пишет спустя ок. 60 лет после этого беспрецедентно опустошившего Рим пожара 64-го г. Тацит. Со времени взятия Рима галлами в 390г. и до взятия Рима Аларихом в 410-м и Гейзерихом в 455гг. Вечный город не знал столь масштабного бедствия!

Сгорели также (излюбленный Августом) храм Аполлона на Палатине, Палатинская библиотека, театр Марцелла, театр Тавра, дворцы Тиберия и Нерона, бесчисленные здания вокруг них, по Диону (62,18,2), – ок. 2/3 города. Огонь полностью пощадил лишь Форум и частично Капитолий на Капитолийском холме, куда, вследствие его соответствующей топографии, пламя не сумело добраться.

Нерон прибыл из Анция, где он находился в момент возникновения пожара, с опозданием, когда *Domus transitoria*, соединявший его Палатинский дворец с садами Мецената, уже полыхал. Марсово поле за помериальной чертой, различные уцелевшие общественные здания, парки и сады дали временный приют оставшимся без крова массам. Были снижены цены на зерно, из Остии и муниципиев доставлено продовольствие, спешно возводились строения-временки, иначе говоря, делалось всё для облегчения участи обездоленных погорельцев, и тут кесаря упрекнуть не в чем.

Однако, следуя Тациту, принятые ради снискания народного расположения эти мероприятия не достигли «поставленной цели, так как распространился слух, будто

¹⁰¹ I – Porta Capena; II – Caelimum; III – Isis et Serapis; IV – Templum Pacis; V – Esquiliae; VI – Alta Semita; VII – via Latta; VIII – Forum Romanum; IX – Circus Flaminius; X – Palatium; XI – Circus Maximus; XII – Piscina Publica; XIII – Aventinus; XIV – Transtiberium.

в то самое время, когда Рим был объят пламенем, Нерон поднялся на дворцовую сцену и стал петь о гибели Трои, сравнивая постигшее Рим несчастье с бедствиями давних времён» (15,39).

Заметим, Тацит не говорит, что этого не было и не говорит, что поющий Нерон восторгался несчастьем, но говоря «распространился слух», просто дистанцируется от данного слуха, что не означает ни отрицание, ни опровержение одного со стороны самого Тацита. Хотя многоумной учёностью XIX/XXвв. его слова трактуются-толкуются именно как отрицание-опровержение, чего в них, удостоверьтесь воочию, нет (но, как говорится, было бы желание вложить в слова то, что хочется услышать).¹⁰²

Между тем, у современника Тацита Светония находим: «На этот пожар он (Нерон) смотрел с Мecenатовой башни, наслаждаясь, по его словам, великолепным пламенем, и в театральном одеянии пел «Крушение Трои» (Нер. 38,2). А в Шв. н.э. Дион пишет: «Когда все жители были в таком состоянии духа и многие, раздавленные несчастьем, бросались прямо в огонь, Нерон взошёл на крышу дворца, с к-рой открывался наилучший вид на большую часть пожара и, напялив одеяние кифареда, спел «Падение Трои», как он назвал песню, хотя на самом деле это было падение Рима» (62,18,1).

Авторы как будто противоречат один другому: передаваемый Тацитом слух разумеет дворцовую сцену, у Светония – Мecenатова башня, у Диона – крыша дворца, притом не понятно – пел ли Нерон песнь о падении Трои из «Илиады» Гомера? или *плач* собственного сочинения? Но всё это, если убрать детали, не слишком существенно. И совсем не обязательно акцептировать Неронов восторг, к-рый примитивно суггерируют Светоний и Дион, для к-рых Нерон не кто иной как «я – поганый Калин-царь». И вместе с тем, то, что суперэкзальтант, подобный Нерону, мог, увидев полыхающий Рим, трагически пропеть, под кифару или без кифары, «Падение Трои», не таит в себе ничего непредставимого. Не был ли он эксцентричным малым и актёром из погорелого театра, став в июле 64г. лицедеем из погорелого Рима!

Что, спрашивается, при знании натуры Нерона, при знании его постоянного почти патологического стремления к позёрству, к трагической позе, к сценичности-фотогеничности, к гипертрофированному эпатажу и артистизму (независимо от того – он или не он виновник римского пожара), здесь невероятного?!

* * *

Впрочем, обратимся сначала к свидетельствам античных авторов.

Автор трагедии «Октавия», к-рая ранее однозначно приписывалась Сенеке, приписываемая в ново-новейшее время перу Анонима, доработка «Октавии» к-рым не значит, что её первоавтором был не Сенека, в любом случае, пишет вскоре после гибели Нерона, приблизительно ок. 70-го, или ок. 75гг. Т.е. речь идёт о самом что ни на есть современнике и о более чем вероятном свидетеле интересующих нас

¹⁰² Мало того, сегодняшние рассуждения о том, что Тацит не разделяет, мол, версию причастности к пожару Нерона подкрепляются умствованиями насчёт того, что он, дескать, самый ценный свидетель, так как в пору пожара ему, в возрасте ок. 9-и лет, довелось подвизаться в Риме и пережить всё самому. Но (неизвестное) место рождения Тацита – то ли Интерамна (Умбрия), то ли Транспадана, то ли Нарбоннская Галлия, и в его произведениях нет даже намёка на его пребывание во время пожара 64г. в Риме, о чём, будь это так, он совершенно точно не умолчал бы, рассказывая про пожар, о к-ром в «Анналах» рассказывает явно не очевидец.

событий, в частности, — пожара 64г. Так вот, в этой трагедии, действие к-рой разворачивается в 62г. (год убийства Октавии), Нерон (заглядывая в перспективу) патетически восклицает: «В моём пусть город скоро рухнет пламени, / Пожары покарают чернь зловредную...» (831/32).

Другой современник событий Плиний Ст. (+ 79г.) недвусмысленно говорит о римском «пожарище Нерона» (17,1/5). В первой четверти Пв. н.э. Светоний (пусть, во многом, любитель «клубнички» из великосветской хроники) не сомневается в поджигательстве Нерона: «Но и к народу и к самым стенам отечества он не ведал жалости. Когда кто-то сказал в разговоре: «Когда умру, пускай земля огнём горит!», «Нет, — прервал его Нерон, — *Пока живу!*»¹⁰³ И этого он достиг. Словно ему претили безобразные старые дома и узкие переулки, он поджёг Рим настолько открыто, что многие консуляры ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать; а житницы, стоявшие поблизости от Золотого дворца и, по мнению Нерона, отнимавшие у него слишком много места, были как будто сначала разрушены военными машинами, а потом подожжены, потому что стены их были из камня. Шесть дней и семь ночей свирепствовало бедствие (без отмечаемой Тацитом второй пожарной волны — 24-27.07. — К.З.), а народ искал убежища в каменных памятниках и skleпах. Кроме бесчисленных жилых построек, горели дома древних полководцев, ещё украшенные вражеской добычей, горели храмы богов, возведённые и освящённые в годы царей, а потом — пунических и галльских войн, горело всё достойное и памятное, что сохранилось от древних времён...» (Нер. 38,1/2).

Веком позже Светония (+ ок. 140г.) — сходно — в виновности Нерона убеждён Дион (+ ок. 235г.): «...он (Нерон), подобно другим перед ним, имел привычку называть Приама волшебным счастливым в том, что он увидел одновременно погибшими свой трон и свою страну (Тибериус говорил: «счастлив Приам, переживший всех близких»). Соответственно он втайне послал людей, притворявшихся пьяными или озорничающими, и приказал им сначала пожесть по одному-два или даже несколько зданий в разных концах города, так чтобы люди были сбиты с толку и не могли найти ни причины бедствия, ни положить ему конец, хотя они постоянно слышали и видели странные звуки и знаки... (62,16,1/2)

В IVв. у Евтропия (+ ок. 390г.) сказано: «Он (Нерон) поджёг Рим, чтобы увидеть зрелище, подобное пылающей Трое, взятой греками» (7,14). Авр. Виктор (+ ок. 390г.) сообщает о преданном пожаре Городе, перечисляя преступления, совершённые Нероном (5,14). В Vв. уже христианский автор Орозий (+ ок. 420г.), пользуясь Светония, о Нероне (первом из римских кесарей гонителе христиан), с отвращением, пишет: «...он познавал мужа как женщина и сам принимался мужчиной словно женщина. Наконец для своей услады он сделал зрелищем пожар города Рима: в течение 6-и дней и 7-и ночей пылающий город тешил взор Нерона, к-рый, любясь этим с Мecenатовой башни, в одеянии трагика пел стихи «Илиады» (7,7).

¹⁰³ У Диона (58,23) этот стих из, предположительно, утерянной трагедии Еврипида вляется в уста Тибериуса, к-рому, к слову, как и Нерону, в качестве наиболее ярко выраженных персонафикаторов оголтелой тирании, Тацит уделяет наиболее пристальное внимание в «Анналах» (правда, часть «Анналов», посвящённая Калигуле, до нас не дошла), ибо видя трагическую неизбежность единовластия Принципата, анналист полностью ставит позитив или негатив его проявлений (как вынужденного гос. устройства за, увы, отсутствием альтернативы) в зависимости от ответственного за Принципат персоны принцепса. Тацит не противник неизбежного (к сожалению) единовластия (самовластия), он — противник тирании.

Уёмный гений Августа, упорядочив и откорректировав детище неуёмного гения Цезаря, затесал систему Принципата под Августа, ни один из 7-и преемников к-рого (до генерала Веспасиана) не выдержал испытания Принципатом!

Современник и единоведец Орозия Иероним (+ ок. 420г.) в «Хронике» (155) под 64г. (2080 ad Abr.; 4-й год 211-й Ol.; 10-й год Нерона) уведомляет: «Нерон, дабы увидеть подобие горящей Трои, сжёг большую часть города Рима».

При всём том, у приведённых нами свидетельств античных авторов с I по V-й вв., т.е. по конец Древнего мира и на пороге Средних веков, нет ни одного оппонента, утверждающего обратное. Если Тацит оставляет, как сказано, вопрос виновности непосредственно Нерона открытым (признавая факт наличия тех, к-рые запрещали бороться с пожаром, или кидали в ещё не тронутые огнём дома горящие факелы), и тем, по нашему мнению, косвенно возлагает вину на власть, то Иосиф Флавий, Марциал и Ювенал¹⁰⁴ вообще на данную тему молчат, что не мешает ново-новейшим историкам хотеть (иначе не скажешь) видеть в них оппонентов авторов вышепречисленных и, стало быть, равноценных им противников версии виновности Нерона. Но позвольте, неужели, к примеру, ненаименование каким-то историком Брута и Кассия убийцами Цезаря может квалифицироваться как категорическое несогласие этого историка с убийством Цезаря Брутом и Кассием?!

Увы, в XIX/XXвв. возобладали ныне общепринятая точка зрения о пожарошном поклёпе на Нерона как со стороны его современников, так и их потомков-преемников, будь то язычники или христиане, и в особенности со стороны христианской церкви, к-рая, дескать, с удовольствием подхватила языческую демонизацию первого из кесарей — преследователя христиан, и довела сатанизацию его образа до сверхнормативной кондиции.

В принципе удивляться тут нечему. Запущенная в XIXв. Моммзеном (адептом «бесредпосыльного исследования») и др. мэтрами реабилитации Тиберия (как едва

¹⁰⁴ В «Bellum» Флавий сообщает, что Нерон «обесчестил свой трон, вручив бразды правления величайшим злодеям Нимфидию и Тигеллину и недостойнейшим вольноотпущенникам» (4,9,2); в «Древностях» говорится об убийствах Нероном Агриппины, Октавии и «целого ряда выдающихся лиц под предлогом будто они составили заговор против него» (20,8,2), к чему присовокупляется, что многие писали о Нероне, одни, облагодетельствованные им, лстя ему, другие, злобно клеая на него, кому и чему Иосиф противопоставляется как автор, ставящий на первый план истину (3). И он вовсе не упоминает про пожар Рима, чем никак не подтверждается и не опровергается причастность или непричастность Нерона к пожару.

Во вступительном слове Марциала к его «Книге зрелищ» (посвящённой освящению Колизея в 80г.) читаем: «Здесь, где лучистый колосс (т.е. Колизей) видит звёзды небесные ближе, / Где на дороге самой тянутся кверху леса, / Дикого прежде царя сверкал дворец ненавистный, / И во всём Риме один этот лишь дом уцелел» (2). Разве из сказанного, в частности, о пожаре Рима (без прямого упоминания пожара) напрашивается вывод о, мол, сообразно Марциалу, невинности Нерона, поскольку, дескать, виновность открыто не оговорена?!

У Ювенала (+ ок.127г.) имеются следующие слова: «Правда, Орест никогда на сцене «Троады» / Не сочинял. За какое из дел, совершённых Нероном / В годы его свирепствования, кровавой его тирании, / Больше должны были мстить Вергиний и с Виндексом Гальба?» (8,220). И что? В этих словах есть отрицание сопричастности Нерона (к-рый уподобляется матерубийце Оресту) к пожару? Отнюдь. Нерон мог не петь в дни пожара «Троаду», или мог петь «Троаду» не своего сочинения (а из «Илиады» Гомера), что буквально и говорит Ювенал, но отсюда отнюдь не следует, что Ювеналом железно опровергается Неронова виновность или совиновность в пожаре.

Если автор одной монографии о Нероне М.Грант («Нерон. Владыка земного ада», М-2002г.) полагает, что версия поджога Рима Нероном принадлежит его недоброжелателю, современнику событий, а именно знакомому нам историку Клувию Руфу (из к-рого, пишучи об убийстве Калигулы, вероятно, черпал информацию Флавий) (см. выше), то автор другой монографии о Нероне Сизек Эжен («Нерон», Феникс, 1998г.), напротив, считает, что поджог Рима приписал Нерону его враг Фабий Рустик, в то время как Клувий Руф придерживался противоположного мнения. Всё это — гадания на кофейной гуще, поскольку труды Клувия Руфа и Фабия Рустика до нас не дошли, и мы не знаем, что они писали или не писали о пожаре 64г.

ли не лучшего правителя Римской империи, незаслуженно, мол, оболганного Тацитом и проч. авторами) не могла в XX/XXI вв. не привести минимум к частичной реабилитации также Калигулы и Нерона. Причём последний, видите ли, – экстравагантный светский денди, к-рого злопыхатели-очернители сочли, хватив лишку, или (чего уж там) оболгав, сатаной. Ягодки ещё впереди! Не сомневайтесь, если современное псевдолиберальное общество выработает, что вполне может случиться, толерантность по отношению к инцесту, педофилии и зоофилии, то Нерон (главный распорядитель всех проявлений сексуальности) будет реабилитирован на все 100!

* * *

Но вернёмся к нашим баранам. Отрицая-отвергая поджигательство или виновность-совиновность Нерона, современные историки руководствуются элементарными рационализмом и логикой, дескать, не мог правитель, даже такой, скажем, тиран и сумасброд, как Нерон, поджечь свою столицу, или воспеть пожар в ней, к-рая горела и на 2/3 сгорела. Т.е. он не мог делать этого в ущерб, по всем меркам-параметрам, в первую очередь, самому себе, своему авторитету, государству, империи, императорской казне и т.д. Не самоубийца же он, в конце концов! Гм. Разве всё его правление не было дорогой к самоубийству, сим закономерно завершённой!

Да, свидетельства античных авторов, несомненно, крайне эпатированы-ангажированы, тенденциозны, наспигованы и оправлены элементами противонероновской лжи с преувеличениями и фантазиями, напластования к-рых в их наличном виде надо отбросить или откорректировать. И, тем не менее, они в один голос, исключая, скажем так, нейтрального Тацита (хотя и он склоняется к позиции обвинения), утверждают Неронову виновность, тогда как обратное не утверждает никто, с чем нельзя не считаться. И нельзя с высоты почти двух тысячелетий уверенно утверждать из комфортных кабинетов, руководствуясь ново-новейшими рационализмом и логикой, прямо противоположное: дескать, не надо и негоже перезаклёвывать и без того заклёванного Нерона, не надо делать из него безнадёжную патологию, законченную бестию, беспримерного монстра.

Однако, позвольте, если Нерон мог форменно выйти замуж за мужика, с соблюдением всех брачных обрядов, вообразив себя невестой, теряющей девственность-невинность, а позднее оженить кастрированного мальчика, и пытаться быть двуполым существом! если он, одетый в звериную шкуру, накидывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин, то разве, приложительно к нему, можно (да ещё с позиций осовремененных рационализма и логики) толковать об адекватности и об адекватном человеческом поведении?! Разве здесь не налицо более чем крутые сдвиги по фазе? Говорят, что целый ряд его поступков и деяний носит вполне трезвый, разумный и даже полезный характер. Но маньяки тоже в промежутках между маниакальными преступлениями ведут очень даже разумный-скромный обычный образ жизни, примерно трудятся, приносят пользу обществу, трогательно и искренне заботятся о своих семьях и т.д.

При всех случаях, к Нерону нельзя подходить с сегодняшними мерками или рассматривать его как адекватного нормального человека, каковым он – один из ярчайших (если не наиболее яркий) репрезентантов феномена *кесарева безумия*, не был.¹⁰⁵ Скорей всего, он не отдавал прямой приказ поджечь Рим и вигилы с пре-

¹⁰⁵ Поэтому приводить в пользу Нероновой непричастности к пожару аргумент типа того, что на 17.07. пришлось в 64г. полнолуние, к-рое умалало эффект от пожароопасного пламени, к-рым-де Нерон должен был бы восторгаться-воодушевляться не (в обязательном порядке) при полной луне, – абсурд. Опять потуг экстраполировать норму поведения современного,

торианцами вполне могли мародёрствовать в горящем охваченном паникой и хаосом городе, в т.ч., поджигая дома, как и другие мародёры, стихийно, не по чьему-либо приказу.¹⁰⁶ Но он очень даже мог прийти в гибельный трагический восторг при вести о пожаре и не спешить бороться с ним, он очень даже мог, прибыв в Рим, трагически (именно трагически – с пестовавшимся им внутри себя гибельным восторгом!) любоваться-воодушевляться зрелищем полыхающего Города. Великого Города, к-рый ему давно хотелось отстроить заново! И он очень даже мог, подбрасывая, что называется, дрова в огонь (в прямом или в фигуральном смысле), петь, мня себя великим кифаредом и актёром, знаменитое падение Трои, на аналогиях с к-рой римляне были эпически помешаны.¹⁰⁷

Нерон был апокалиптиком в душе и жаждал эсхатологии, ему хотелось пережить концы старого мира в реальности, в действительности, наяву, на сцене, в отождествившейся с жизнью его главной роли. Он не всегда и не во всём различал границы реального и нереального, жизни и театра, не всегда и не во всём давал себе чёткий отчёт в действиях. Его неудержимо привлекал фон гигантского фейерверка в театре одного актёра! в театре пантомимы! в театре марионеток! где он – и сценарист, и режиссёр-постановщик, и оператор, и исполнитель ролей.

Если Калигула сожалел об отсутствии в его правление бедствий, подобных поражению Вара, к-рым запомнилось правление Августа, или обвалу амфитеатра в Фиденгах, чем запомнилось правление Тиберия, то Нерон, пойдя дальше Калигулы (не случайно он – Калигула в квадрате и в кубе!), таким неслышанным бедствием (к-рого не было ни до, ни после него), случившимся при нём, в его правление, драматически-трагически-сценически упивался.

Он мечтал о новой, несравненно отстроенной им, несравненным Нероном, столице, не жалея о сгоревшем Риме, как Пётр I не жалел о (в очередной раз) сгоревшей старой деревянной Москве (даром что – Первопрестольной), устремив взоры на новую столицу в устье Невы, мечтая о северной (гиперборейской) Пальмире и воплотив эту судьбоносную мечту в жизнь, на что у Нерона, применительно к Риму, не достало (точнее, не достало на полный разворот) времени, и что сделали за него последующие правители.

Если Август гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставил мраморным (пусть это было преувеличение, поскольку строения Рима избыточествовали в поставгустейшую эпоху деревом), то Нерон возжелал начать, похоронив *старый мир*, новый *золотой* нероновский *век* и оставить Рим золотым (как коммунисты, со слов «кремлёвского мечтателя» Ленина, мечтали об общественных нужниках из золота в крупнейших городах мира при безденежном коммунизме).

притом достаточно адекватного гомо сапиенса на Нерона (без учёта какого-либо подпадения последнего *кесареву безумию* и при полном игнорансе свидетельств античных авторов). С не меньшим успехом можно судачить об особом эффекте пожара в сочетании именно с полной луной и её магической силой, о тяге Нерона к пожаришной (полно)лунной сонате и т.д.

¹⁰⁶ Спалённая великим пожаром 1812г. Москва, м.б., была подожжена графом Растопчинным (к-рый позднее это отрицал), но ведь всё равно Москву сожгли в пору её захвата-оккупации, так или иначе, первовиновные в пожаре Первопрестольной французы, нещадно грабившие город и осквернявшие (за столетие до большевиков) церкви, в частности закаланием убойного скота (для прокорма армии) на храмовых алтарях. (Между прочим, в ходе Англо-американской войны 1812-15гг., англичане сожгли 24.08. – годовщина Варфоломеевской ночи – 1814г. взятый ими Вашингтон.)

¹⁰⁷ Подожгли ли нацисты в 1933г., уже придя к власти, рейхстаг?! что, к слову, выглядит куда более нелепо, чем совинновность Нерона в пожаре Рима, и всё-таки, многими акцептируется, при том, что в горящем рейхстаге был задержан нидерландский коммунист М. ван дер Люббе (к-рый до того грозился поджечь рейхстаг), в то время как штурмовиков К.Эрнста, к-рых обвиняли в тайном поджоге, с, мол, умышленной подставой ван дер Люббе (для установления нацистами диктатуры), антинацистские версии, в рейхстаге никто не видел.

Впрочем, он немало преуспел в возведении своего комплексного (территория в 120 га) Золотого дома-дворца – *Domus Aurea*, к-рый возводился в начальной стадии ещё до пожара, и воздвигнутый после него, не был закончен. А позже этот дворец, по иронии судьбы, сгорел и на части его территории Флавии воздвигли грандиозный Колизей, чьё название происходит от колоссальной 35/36-метровой золотой статуи Нерона (Гелиоса) в Золотом доме-дворце, к-рая не сохранилась.

ПЕРВОЕ РИМСКОЕ ГОНЕНИЕ НА ХРИСТИАН

(август/сентябрь 64г.)

Но об этом, о Золотом дворце и о щедрой, замечательно спланированной (как петровский Петербург), тотальной новоотстройке Рима мы побеседуем позднее, в следующей посвящённой правлению Нерона части нашего повествования с подзаголовком «Нерон в зените» (64 – 67гг.). Ибо перед тем как основательно приступить к строительству нового, по своему вкусу и хотению, города на пепелище, Нерону, до кого уже дошли сведения о том, что в народе упорно циркулируют слухи о его сопричастности к пожару, требовалось (и желательно поскорее) найти (или, как точно выражается Тацит, «приискать») и публично покарать, сняв тем самым подозрения с себя, виновных в великом пожаре Рима.

И он назначил виновными христиан, к-рых так официальный Рим впервые отделил от иудеев (что Рим, скорее всего, предпринял, в т.ч., со своевременной подачи отринувших от себя христианских отщепенцев иудеев), сделав их исповедниками самостоятельного и главное – не дозволенного римскими законами учения и культа, конъюктурно поставленных вне закона.

Тацит повествует о мерах по преодолению пожарного бедствия и широко развёрнутым градостроительством, включая его результаты, после рассказа о собственно пожаре, в главах-абзацах 42/43 *Ан.15*.¹⁰⁸ Но эта информация суммарна и обращена преимущественно в перспективу, тогда как поиск виновных в случившемся и расправа над ними имели место не позднее августа или августа/сентября 64г. н.э.

¹⁰⁸ Если Тацит оценивает постпожаришные меры и предприятия Нерона как отрицательно, – указывая, например, на расточительность при строительстве Золотого дворца, к-рый Нерон построил, «использовав постигшее родину несчастье» (15,42), к чему присовокупляется ещё начатое в 64г. сооружение канала от Авернского озера до устья Тибра (см. ниже), плюс разорительные поборы (15,45), – так и положительно, говоря о восставшем-восставленном из пепла (правда, лишь частично при правившем до 68г. Нероне) Городе (15,43), то Светоний и Дион (тенденциозно) сосредоточены на негативе.

Светоний: «...Но и здесь не упустил он случая для добычи и поживы: объявив, что обломки и трупы будут сожжены на государственный счёт, он не подпускал людей к остаткам их имущества; а приношения от провинций и частных лиц он не только принимал, но и требовал, вконец исчерпывая их средства» (*Нер.* 38,3).

Дион: «...Бедствие, пережитое Городом, не имело равных ни до, ни после, за исключением галльского нашествия. Весь Палатинский холм, театр Тавра и ок. 2/3 остального города выгорели, а бесчётное количество людей погибло. Не было проклятия, к-рого горожане не призывали бы на голову Нерона, хотя они и не называли его имени, но просто проклинали в общих выражениях того, кто предал город огню. И они были больше всего встревожены, вспоминая предсказание, к-рое некогда, во времена Тиберия, было у всех на устах: «Когда трижды по триста кружащихся лет истекут, / Разрушение Рима придёт от раздора внутри». И когда Нерон, чтобы ободрить их, сообщил, что эти стихи нигде не были обнаружены, они отбросили их и принялись повторять другое предсказание, о к-ром утверждали, что это подлинное пророчество Сибиллы, а именно: «Последним из Энеевых потомков матереубийца будет править». И так и случилось. То ли эти стихи в самом деле были произнесены ранее в некоем божественном пророчестве, то ли народ был побуждён, ввиду сложившегося положения, высказывать это. Ибо Нерон в самом деле был последним императором из дома Юлиев, происходящего от Энея. Тогда он принялся собирать большие средства от частных

В знаменитой главе 44 Ан. 15, где содержится самое раннее, применительно к хронологии Века Апостольского, упоминание римского автора о христианах, читаем: «Эти меры (преодоление последствий пожара – К.З.) были подсказаны человеческим разумом. Затем стали думать о том, как умиловить богов, и обратились к Сивиллиным книгам, на основании к-рых были совершены молебствия Вулкану и Церере с Прозерпиною, а матроны принесли жертвы Юноне, сначала на Капитолии, потом у ближайшего моря, и зачерпнутой в нём водой окропили храм и изваяние этой богини; замужние женщины торжественно справили селлистернии и ночные богослужения. Но ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращением за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестящую его молву, что пожар был устроен по его приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощрённейшим казням тех, кто своими мерзостями навлёк на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени к-рого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается всё наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, изблещённых не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обречённых на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время к-рого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, всё же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона».¹⁰⁹

лиц, также как и от целых общин, кое-где используя принуждение, а кое-где получая их в виде добровольных пожертвований, каковыми они должны были казаться (62,18,2-5).

Разумеется, весьма расточительный Нерон, транжира и до 64г., и в значительной степени растранив (сродни Калигуле) казну – и императорскую, и общественную, должен был прибегать теперь, в видах новоотстройки Города, и к неурочным-непомерным взиманиям, и к вымогательствам, в чём не усомнишься, хотя Светоний и Дион, отлично от Тацита, отмечают только эту, с жирным знаком минус, сторону дела. А что касается вынырнувшего в новогодний день 1.01.19г. н.э., при Тиберии, сомнительного пророчества-предсказания, мы приводили его в «Д.И.»: «По истечении срока в 300 x 3 лет, римлян погубит внутренний раздор...» (145). Тогда Тиберий объявил его ложным-липовым, велел перепроверить все содержащее пророчества книги (из к-рых Август оставил исключительно прошедшие квиндцемвиральную проверку «Сивиллины», и к-рые на 19г. н.э. снова расплодились-распространились).

300 x 3 = 900 лет – есть числовое сочетание и сумманда, имевшие значение в эзотерической этрусской нумерологии. Однако, 900 лет, вычтенные из 19-го или 64г. н.э. ретроспективно ведут из IV н.э. в IXв. до н.э., когда Рима ещё не было, – во времена порядком до рождения (родившихся ок. 771г. до н.э.) Ромула и Рэма. Относительно же Энеевых потомков, – род Юлия, к к-рому последний Юлий-Клавдий – Нерон (сын Домиция, ставший Клавдием по усыновлению) – сопринадлежал по материнской линии (Агриппина Мл. – внучка дочери усыновлённого Ю. Цезарем Августа – Юлии Ст.), действительно, возводил себя к сыну Энея Асканию Юлу. При этом, насколько пророчество взялось из каких-то книг? или насколько оно было, точнее, они были, первое – возобновлено, второе – весьма своевременно присочинено нероновскими недоброжелателями (в связи с пожаром Рима)? – остаётся гадать.

¹⁰⁹ В XVIII/XIXвв. внушительное число рационал-умников из критиканского лагеря считали этот абзац Тацита (сходно упоминаниям об Иисусе или Иакове, брате Господнем, у

Если первое еврейское гонение на иудео-христиан (еллинистов) разразилось, как мы помним, в 33/34г., начавшись (через 9 месяцев после Мистерии Голгофы) с каменования 25.12.33г. Первомученика Стефана, то первое римское гонение на христиан, впервые столь явно разотождествлённых римской властью с евреями-иудеями, произошло при Нероне в 64г. н.э., и тем оно стартово знаменательно. Поскольку именно с него начинается ок. 250-летняя эпоха периодического (не систематического) преследования языческим Римом = (не всеми) языческими императорами собственно христианского вероучения и его исповедников.

В общей сложности, церковно-христианская традиция символически насчитывает 10 (по аналогии с 10-ю казнями египетскими или с 10-ю рогами апокалиптического зверя) гонений – от Нерона до Диоклетиана, не притязая тут на историко-фактическую точность, ибо гонений как таковых, повторявшихся при различных – не при всех – императорах от Нерона до Диоклетиана и некоторых преемников последнего, (с одним рецидивом после Константина – при Юлиане Отступнике) в реальности набирается больше.

Причём нероновское гонение оптимально августа/сентября 64г. важно тем, что, как сказано, тогда римская власть впервые отделила (удосужилась отделить) христиан от иудеев, ранее квалифицируя первых как ответвление иудейства в рамках официально разрешённой Римом иудейской религии. Так, в 50г. Клавдий изгнал из Рима (часть?) «иудеев, постоянно волнуемых (каким-то малопроницаемым для римлян) Хрестом», т.е., надо полагать, иудеев и иудео-христиан, волнуемых как ожиданием Христа Мессии (теми, кто продолжал его пришествия ожидать), так и приверженцами Иисуса Христа, споры о К-ром шли в иудейской – Палестина и Диаспора – среде с 30/40-х гг. Ив. н.э., и к-рые римская власть (до поры) считала внутренней еврейской религиозной проблемой (см. выше).

Вспомним, не отказался ли в 53г. проконсул Ахайи Юний Галлион разбирать жалобу коринфских иудеев на Ап. Павла, т.е. отказался быть арбитром в споре между Старым и Новым Израилем, не различая (более того, не желая различать) между ними, и сказав иудеям (перед тем как прогнать их от судилища): «когда идёт спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами: я не хочу быть судьёю в этом» (Д.Ап.18,15) (см. выше).

И вот положение дел изменилось. Со дней июльского пожара в народе упорно гулял-циркулировал, обрастая подробностями, слух о намеренном поджоге сверху и о поджигателе Нероне, что не удивительно. Во-первых, в подобного рода бедствиях, тем паче, апокалиптического размаха, обычно обвиняется кто-то конкретно (толпа ищет виновников), нередко лица начальствующие. Во-вторых, слух о воодушевлении кесаря-кифареда трагедией наверняка опережал слух о кесаре-поджигателе, к чему присовокупились слухи о давнишнем кесарском желании насчёт строительства Золотого дворца, к-рому-де мешают ветхие постройки, и насчёт планов новоотстройки всего новозлатовекового Рима. И слухи эти продуктивно подпитывались, потому как в среде знати, отношения Нерона с к-рой испортились, без сомнения, имелись их распространители-усугубители.

Флавия), а некоторые твердолобы продолжают считать и сегодня позднейшей христианской интерполяцией. Как будто в этом абзаце есть что-то, чего не мог бы сказать вовсе не благоволящий к христианам, и не меньше – к иудеям (Ист.5,2-9), римско-языческий интеллектуал-летописец типа Тацита! Но если тупо представлять Иисуса Христа и всё начало христианства позднейшим церковно-христианским мифом (меряя христианство своими жалкими умишками по себе), то вывод об интерполяции (дескать, хитрованов-церковников), сам по себе, напрашивается и от него никуда не уйдёшь (как, мол, скажите на милость, серьёзный историк Тацит мог принимать за реальную личность вымышленного или полувывмышленного Иисуса и видеть в его распятии Пилатом какое-то там реальное историческое событие?!).

При этом обращает на себя внимание то, что если при отравлении Британника или умерщвлении Агриппины общественное мнение в целом осталось на стороне «народного принцепса» (идушего по стопам Калигулы «голубчика» и «куколки»), а с циничным устранением кроткой Октавии заметно поколебалось (тем паче, что в том же году вылез наружу закон об оскорблении величия/величества, равно были откровенно загублены нобили Сулла и Плавт), то ныне (закономерная тенденция) именно в народе, в широких массах главная ответственность за страшное бедствие возлагалась уже не на «злых бояр» (частое прикрытие тиранов), но на теряющего популярность «царя», к-рый переставал и перестал для очень многих лишившихся в пожарище всего людей быть «добрым».

Он перегнул палку в своём беспределе, во множающемся расточительстве, прорва к-рого требовала всё новых выжимавшихся из подданных средств, в имитации «Золотого века», к-рый никак не наступал и т.д., почему всё то, что ещё вчера ему прощалось или даже ставилось в заслугу, теперь делалось его виной или совиновностью, делалось отягчающими обстоятельствами. Одним словом, перелом в общественном мнении не со вчерашнего дня нарастал, а пожар явился последним к нему толчком. От всего творившегося вокруг исходила больше не заглушаемая искусственными благовониями вонь, смрад, пока, наконец, запах горелого человеческого мяса перекрыл все остальные запахи. Рыба же, как известно, согласно народной премудрости, повторим ещё раз, воняет с головы, отчего смрад восходил и приводил к Нерону.

И легшее на него небезосновательное или не совсем или не во всё безосновательное тяжёлое пятно виновника пожара или совиновника в пожаре перекрыло славу устроителя невиданных празднеств, отца праздников, «к-рые всегда с тобой», славу распространителя декабрьских Сатурналий на прочие дни года, репутацию продовольственного заботника о народе, раздатчика льготного или бесплатного зерна и т.д. При всём том, соответствующая молва в обездоленном и растерянном народе-погорельце, несмотря на все эффективные, щедрые и энергичные меры властей по борьбе с тяжеленными последствиями пожара, не утихала, наоборот, усиливалась, доползая до самого кесаря и его ближнего окружения.

Что делать? как побороть напасть? что ей противопоставить? чем перекрыть? Чем переломить общественное мнение? Разве не ясно? Нужно найти-подыскать-отыскать «истинных виновников», или, выражаясь иудейской терминологией, «козлов отпущения», на к-рых можно убедительно (в глазах римлян) возложить-переложить вину. Спрашивается, кто может быть потенциально виновен именно в поджоге (клин следует вышибать клином) и в чью виновность подлый римский люд (порочный и развращённый), подхватив её, с готовностью уверует? Кого понадобится публично и зрелищно наказать, чтобы утолить мстительность (под видом требования справедливого возмездия), потакая её низменным инстинктам, толпы? Толпа жаждет отмстительной расправы, а Цезарю необходимо перевести стрелки с себя, раскрыть чей-то заговор, изблечить достаточно крупную группу виновных (несколькими виновниками тут не обойдёшься, не отделаешься) и умело вывести их на массовое зрелищное растерзание к народу, как брошенную голодным псам кость.

Не исключено, что пончалу Нерону, или, скорее, его палладину Тигеллину, или кому-то из ближнего кесарского окружения пришла в голову мысль о всегда, более или менее, подозрительных в любом античном обществе обособленцах-иудеях – обитателях (кишевшего перебринями и беднотой) XIV-го, к-рый был подозрительно не затронут пожаром, римского округа-района за Тибром – в Заречье. Евреи-иудеи, с их имманентной, пусть неподзапретой религией, существенно выделялись из всякой языческой среды, отвергали интеграцию в неё и не могли быть любимы массами в махрово языческом Риме. Т.е. в городе-космополите, в его низах, осо-

бенно в IV н.э., когда интегралистский курс Рима поступательно возрастал, в то время как противоположный римско-эллинистическому державно-ойкуменическому универсализму еврейско-иудейский партикуляризм, еврейская сегрегация, переплетённая с обостряющимися мессианистическими чаяниями, усугублялись.

Не ухудшились ли отношения между Римом и иудеями, будь то в Палестине или в Диаспоре, со времени по смерти в I г. н.э. Ирода! не хвалил ли Август своего внука Гая за непосещение недавно (I г. н.э.) мятежного (после Иродовой кончины) Иерусалима во 2 г. н.э.! не принимались ли антииудейские постановления при Тиберии в 19, 29 и 34 гг.! не хотел ли безумец Калигула установить свою статую в Иерусалимском храме – 39/40 гг.! не издал ли изгнательный указ Клавдий – 50 г.! не разразился ли в Александрии еврейский погром 38 г.! не возникали ли время от времени конфликты между иудеями и язычниками в других разнорегиональных ойкуменических городах!

Посему державно-космополитическая римская коса, о чём читатель осведомлён, постепенно находила на геттоистический иудейский камень, дабы, говорим снова, взорваться Иудейской войной 66 – 70 гг., повлекшей за собой падение Иерусалима, гибель храма, погромы в различных городах, смерть ок. 1 млн. иудеев, конец еврейской автономии и начало мирового рассеяния безгосударственного и безземельного еврейства!

* * *

И на 64 г. н.э., за два года до начала Иудейской войны, после к-рой, потеряв свой храм, еврейство будет обложено (унизительным) налогом (прежний храмовый шекель) в пользу Юпитера Капитолийского (две драхмы), римские иудеи, казалось, на роль виновных в поджоге-пожаре Рима идеально подходили. Но, во-первых, их было слишком много, вероятно, не менее или более 15-и (?) тыс., а во-вторых, или, точнее, во-первых, иудеям, их вере-религии, покровительствовала т.н. прозелитка врат – императрица Сабина (к-рая увлеклась иудаизмом подобно тому, как в начале XX в. некоторые экзальтированные дамы из высшего российского общества увлекались марксизмом).

И так, то ли с её подачи, то ли с подачи Тигеллина, к-рых, т.е. именно Поппею и Тигеллина, Тацит ниже в «Анналах» подчёркнуто клеймит «ближайшими советниками принцепса во всех его злодеяниях» (15,61), то ли по инициативе пришедшего к этому самостоятельно Нерона, но, скорее, всё-таки, не без подсказки подстрекнутой иудеями Сабины, карательные стрелки были переведены на христиан. Ведь последние тоже в основном обитали за Тибром, число их составляло всего 2/3 тысячи (?), отношения их с иудеями, особенно со времени пребывания в Риме Ап. Павла, очень испортились, и они были ещё более ненавистны многим язычникам, видевшим в них радикальную иудейскую неоизраильскую секту, ещё более непонятную, а значит, и ещё более зловещую, чем староизраильские иудеи.

Не язычники ли мнили замкнутых сторонившихся языческого богослужения и языческих удовольствий, противных кесарскому культу и всем языческим идолам христиан, к-рые почитали, по слухам, ослиную голову (что вменялось также иудеям), и, главное, верили в воскресение какого-то жалкого распятого преступника (почитая его богом и сыном Божиим), врагами рода человеческого! Не так ли, кстати (именно «врагом рода человеческого»), Плиний именует Нерона (7,6,2)! Не на воре ли и шапка горит! Не занимаются ли эти угрюмые христиане чёрной магией, колдовством?! не наводят ли они на честных граждан порчу?! не устраивают ли они человеконенавистнические бедствия?! не их ли рук дело страшное римское пожарище!? Или, м.б., эти т.н. христиане и вовсе нигилисты, для к-рых нет ничего святого!?

Если иудеи не совершают жетвоприношение римскому кесарю, то они, тем не менее, ежедневно, в рамках их централизованного культа, совершают жертвоприношения ради и за римского кесаря, молясь о его здравии, молясь за него, в то время как христиане, коли иудеи их отторгают, ничего подобного не делают, ни в каком разрешённом культе не участвуют, и, следовательно, фактически составляют незаконное сообщество-товарищество или даже зловещий черномAGICеский орден!

Причём в отношении к данному интервалу времени (63/64гг.), мы в курсе, что ближе к концу 63г. в Рим прибыл в качестве ходатая за отправленных туда на кесарев суд ещё (отозванным из Иудеи в 60г.) прокуратором Феликсом нескольких иудейских священников Иосиф бен Маттафия, будущий историк Флавий, представленный Сабине близким ей и Нерону еврейским актёром Алитуром, по всему, проведший в Риме зиму 63/64гг., обласканный способствовавшей удовлетворению его ходатайства Сабиной и с богатыми дарами отпущенный домой.

Ранее же, в 61г., Нерон в угоду Сабине, к-рая (и тогда) просила его за иудеев, разрешил последним, напомним, не разрушать стену, возведённую ими в Иерусалимском храме, чтобы перекрыть царю Агриппе вид с надстройки его дворца на подзапретный для него, мирянина, храмовый Двор священников, и сделано это было вопреки настаивавшим на разрушении стены царю Агриппе и иудейскому прокуратору Фесту.

Означенные свидетельства, конечно, не превращают распутную, кровожадную и расточительную Сабину, стоявшую за убийством Агриппины, любовавшуюся доставленной ей головой Октавии и принимавшую ванны из молока молодых ослиц в правоверную еврейку-иудеянку. Однако влиянием на Нерона она пользовалась, иудеям/иудаизму симпатизировала (барская дурь-блажь) и сыграть не последнюю роль в деле поиска-обнаружения виновных в поджоге Рима, найденных в лице христиан, при соучастии (с подсказки) иудеев (ибо она сама, сродни Нерону, наверняка их не различала), очень даже могла.

Интересно, что если в «И.д.» 20,8,1 Поппея у Флавия (как мы уже отмечали выше) «отличается истинным благочестием», то несколько ниже, в заключительной главе «Древностей», сообщая о назначении как раз летом 64г. последним прокуратором Иудеи Гессия Флора благодаря дружбе его (клазоменского грека родом) жены Клеопатры с Поппеей, Флавий говорит об их обеих одинаковой испорченности (20,11,1). И ведь именно при наихудшем из римско-иудейских прокураторов Гессии Флоре, в немалом, по его вине, грянет в 66г. Иудейская война. Впрочем, война случится позже, тогда как в 64г. отпустившая Иосифа с щедрыми дарами Поппея¹¹⁰, повторим, очень даже могла как способствовать назначению в Иудею Флора, так и минимум приложить (подстрекнутая иудеями?) руку к инициативе нероновского гонения на христиан.

¹¹⁰ Согласно ново-новейшим авторам и лексиконам, принято думать, что Флавий прибыл в Рим и побывал в Риме в пределах 64г. (весной/летом), что неверно и с чем надо разобраться. В автобиографической «Жизни» Иосиф говорит о своей поездке в Рим на 26-м году жизни (3), к-рый приверженцы 64-го г., не без натяжки, часто округляют до 26-и полных лет. Между тем, выше говорится о рождении Иосифа «в первый год принципата Гая Цезаря» (т.е. Калигулы) (2), чей принципат стартовал в марте 37г. (16.03. — смерть Тиберия), соответственно чему, первый калигулианский год продолжается до марта 38г. Сообразно же «Древностям», этот труд был закончен Флавием на 13-м году правления Домициана, к-рый сам автор параллелизирует-синхронизирует с 56-м годом (аналогия — неполный 26-й год приложительно к поездке в Рим) своей жизни (20,11). Принципат Домициана стартовал 13.09.81г. (смерть Тита), откуда его 13-й год приходится на сентябрь 93 — сентябрь 94гг., что в сочетании с 56-м годом жизни родившегося в 1-й год Калигулы Флавия даёт в качестве даты Флавиева рождения интервал с 13.09.37 по 16.03.38г. И в сём случае, выходит, что если Флавий, родившись не ранее 13.09.37г., отправился в Рим на 26-м году жизни в 63г., то это время выпадет на осень, из-за чего

И здесь учтём, что римская христианская община, находясь в процессе отделения от римского еврейства, была, о чём свидетельствует Послание Ап. Павла к Римлянам (58г.), мала в сравнении с общиной иудейской, но достаточно, в т.ч., для репрессий против неё, значительна (не мала и не велика) сама по себе, и что после 2-летнего пребывания в первых римских узах Ап. язычников Павла в ней возобладали крайне раздражавшая иудеев, открыто враждебная иудейским ортодоксам

современные источники-историки склонны переносить флавиевскую поездку на весну 64г., до к-рой-де, вкпе с большей вероятностью весеннего, нежели осеннего плавания, появившемуся на свет в 37/38гг. Флавию успело исполниться 26 лет.

Но зачем, спрашивается натягивать, передёрживать и предлагать искусственные-надуманные конструкции? Иосиф родился в интервале сентября 37 – марта 38гг. и вполне мог отчалить в Рим на 26-м году жизни не ранее середины сентября 63г. Разве Ап. Павел не был подконвойно отправлен морем в Рим в сентябре 60г.?! Ведь судоходство прекращалось лишь с заходом Плеяд в ноябре, и даже, если говорить о Судном дне, после к-рого осенний выход в море считался неблагоприятным (чего придерживались далеко не все мореплаватели и путешественники: к примеру, еврейская делегация, в к-рую входил Филон, вышла в море «в середине зимы» 39г.), то в 63г. день 10 тишири пришёлся на 20.09., до к-рого судно, взявшее на борт Флавия, вполне могло отдать швартовы. И в этом случае не понадобится искусственно перебрасывать отъезд (родившегося оптимально осенью/зимой 37г.) Иосифа с осени 63-го на весну 64г., когда ему шёл не 26-й, а уже 27-й год жизни, к-рый, дескать, разумеют полные 26 лет, но в каком случае в тексте должно было бы стоять просто «на 27-м году», а не (неуклюже тяжеловесное и неестественное применительно к отплытию в Рим) – «когда мне исполнилось 26 лет» (якобы подразумевающее 27-й год).

Далее, в «Жизни» сказано о кораблекрушении, постигшем флавиевское судно (600 пассажиров), к-рое затонуло в Адриатике (могушей разуместь и Ионическое море) (см. выше), в результате чего, проведшего всю ночь в море Флавия и ещё 80 человек подобрал киринейский корабль, доставивший их до, надо понимать, Италии (3). И вновь налицо яркая аналогия с осенним путешествием и кораблекрушением Павла, кто со спутниками провёл зиму 60/61гг. на Мальте. Так, не свидетельствует ли кораблекрушение, постигшее Флавия (где-то на подступах к Сицилии?), о его именно осеннем плавании! Ниже читаем: «И добравшись до Дикеархеи, к-рую италийцы зовут ПUTEОЛЫ, я, подружившись с АЛИТУРОМ (это был мимический актёр, родом иудей, к-рый чрезвычайно нравился Нерону), а через него познакомившись с женой Цезаря ПОППЕЕЙ, упросил её и устроил так, чтобы священники были как можно скорее освобождены. И получив от ПОППЕИ, помимо этого благодеяния, великие дары, я вернулся на родину» (3). Отсюда, если Иосиф оказался в Италии не ранее поздней осени или в самом начале зимы 63г. (сродни Павлу на Мальте), значит, он провёл зиму 63/64гг. в Риме/Италии, и, добившись поставленной цели, возвратился на родину (да ещё с дарами) вестной/летом следующего 64г. И за этот предложенный нами хронорасклад (поставленный диагноз!) ратуют также дополнительные косвенные свидетельства.

1) Ниже в «Жизни» Флавий рассказывает о своей деятельности как командующего иудейскими повстанческими силами в Галилее приложительно к 66/67гг. (до весны 67г., когда римляне начали галилейское наступление), где он говорит о себе, что в это время был в возрасте лет 30-и (15). Т.е. он родился куда скорее в 37, нежели в 38гг., поскольку возраст в ок. 30 округлённых лет, при естественном округлении, куда более приложим к возрасту 29/30, нежели 28/29 лет.

2) На весну 64г. Нерон, о чём мы знаем, кифаредствовал в Неаполе, откуда отправился в Беневент, чтобы переправиться в Грецию, но, отложив поездку в Ахайю, возвратился в Рим, вознамерившись посетить сначала Египет, куда тоже не направился, отбыв позже в Анций, где его застигла весть об июльском пожарище (см. выше). И у Тацита нет ни слова о Нероновом пребывании в ПUTEОЛИ, к-рое Тацит, вероятно, упомянул бы, имея оно в 64г., в связи с кифаредствованием в соседнем Неаполе, место быть. Из текста же Флавия можно умозаключить, что его знакомство с ПОППЕЕЙ через АЛИТУРА состоялось (по флавиевском прибытии в Италию, уже и ещё) в ПUTEОЛИ, где Нерон и ПОППЕЯ вполне могли времяпрепроводительно находиться-обретаться поздней осенью и в начале зимы 63г. (время, к-рое, в отличие от весны/лета 64г., у Нерона хроноанналистически вакантно).

3) По возвращении из Рима/Италии в Иудею, Флавий, сообразно его словам, «застал тут начатки волнений и у многих – воодушевление относительно отпадения от римлян» (4). Не

павлианско-христианская, в духе постановлений Апостольского собора 51г., откорректированная-усиленная Павлом, ойкуменическая линия.

При всём том, скажем снова, ни Петра, местонахождение к-рого в 64г. неизвестно, ни Павла, к-рый отчалил из Италии летом 63г., провёл зиму 63/64гг. в Испании (откуда наведалься в Галлию?) и побывав весной/летом 64г. (через Сицилию?) на Крите, отбыл оттуда в М.Азию (чтобы осесть зимой 64/65гг. в македонских Филиппах), на 64г. ни в Риме, ни в Италии не было. Оба они станут жертвами, будучи – один – распят вниз головой, другой (римский гражданин) – обезглавлен, во время второго гонения христиан при Нероне, когда сам Нерон будет с 66г. оприходывать-очаровывать Грецию, – летом 67г. н.э. (см. ниже)

Вместе с тем, христианская община, оставленная-покинутая освободившимся весной 63г. из первых римских уз Павлом, к-рый, скажем снова, в течение 2-х лет заточения принимал всех приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно, и, вобавок к тому, провёл с этой общиной, после освобождения и до отплытия в Испанию, время до лета, в Риме на лето следующего 64г. наличествовала. Она укреплялась, разрасталась и всё более, идя павлианским курсом, дистанцировалась от иудеев, отбирая у них как переходивших в христианство, вернее, к христианам, иудеев, становившихся иудеохристианами, так и прозелитов (врат и правды) из язычников, что, понятно, приводило общинных адептов покровительствуемого Сабиной ортодоксального иудейства (в Диаспоре – преимущественно фарисейского толка) в бешенство.

И мастер зрелищных эффектов, раб своих похоти и прихотей Нерон, спеша избавиться от заставлявших его болезненно ёрзать подозрений-нареканий в поджоге Рима, спеша вновь обрести убывающее-ускользающее расположение римлян, не без удовольствия, обрушил удар на сыскавшихся-отыскавшихся, на приисканных главным спеслужбистом-дознавателем Тигеллином «виновников» опустошительного пожара – христиан! (Конфуцианская «чёрная кошка в тёмной комнате» нашлась!)

Расправная постановка была обставлена должным образом, со всей прилагающейся помпой, с присущим Нерону эстетизмом, призванная, как всегда, произвести неизгладимое впечатление, призванная запомниться особой изощрённостью истязаний. Призванная утолить зрелищно-хлебный римский люд массовым человеческим жертвоприношением, возмездной гекатомбой; призванная с корнем вырвать из сознания римлян какие-либо дальнейшие толки о виновности, мол, изблечившего-разоблачившего получивших, дескать, заслуженное воздаяние «врагов народа»!

Дальше – больше. Жестокость была проявлена такая и жертв было так много, вероятно, несколько сот или до тысячи человек, мужчин и женщин, что даже весьма неприязненный к христианам (как и к иудеям) римско-языческий интеллигент

логично ли предположить, что эта перемена произошла после его достаточно долгого отсутствия – с осени 63 по весну/лето 64гг. И ведь именно в 63г. первосвященник Иисус, сын Дамнея, вместо к-рого Агриппа назначил Иисуса, сына Гамалиила, не согласился со своим смещением, вследствие чего оба первосвященника, смещённый и новоназначенный, вступили в острый конфликт, обзаведшись приверженцами, к-рые закидывали друг друга камнями, плюс – толпы негодяев набрали себе, совершая всякие насилия, царские родственники Костобар и Саул (И.д. 20,9,4). Засим – не случилось ли всё это, изменив ситуацию в Иудее, после отъезда Флавия в сентябре 63г., будучи в ходу на момент его возвращения весной/летом 64г., когда в Иудею был назначен (при содействии Пoppей) вместо наместника Альбина много более одиозный Гессий Флор. Кроме того, весной 64г., в месяце нисан, была комплексно закончена начатая Иродом нисановской весной 17г. до н.э. долгая постройка-реконструкция Иерусалимского храма (20,9,7) (см. ниже), что, т.е. торжественное освящение т.н. Третьего храма (эпохальное событие), без сомнения, дало дополнительный эсхатологическо-мессиантический импульс-толчок к «воодушевлению (иудеев) относительно – скорого освободительного – отпадения (Израиля) от римлян».

Тацит¹¹¹, говоря о справедливости суровых кар для христиан, чему вторит, констатируя (без подробностей) наказание Нероном этих «приверженцев нового и зловерного суеверия» Светоний (16,2), вынужден признать пробуждение перечисленными жестокостями «сострадания к ним». «Общественная польза от истребления христиан» (Тацитом не оспариваемая) затмевалась в восприятии римлян (стало быть) перехлестнувшей через край кровожадностью Нерона.¹¹² Ничего не попишешь, уж очень ему претила грозившая выйти боком слава пожарищного инициатора в глазах народа, почему он и решил до отвала скормить лютую языческую толпу жертвенной человечинной и приторными запахами горелой христианской плоти, не страшась перегиба!¹¹³

¹¹¹ При этом, т.е. при своём светско-арrogантном великоримском интеллектуализме-шовинизме, Тацит критикует и христиан, и иудеев (Ист. 5,2-9), пользуясь какими-то маргинальными источниками, на крайне невежественном и низкопошибном уровне, за что Тертуллиан называет его, чей когномен «Tacitus» означает «молчаливый», «болтливым лжецом» («Апология» 16). И хотя Тертуллиану далеко до Тацита, в данном конкретном случае, ярлык небезоснователен.

¹¹² Немаловажно заметить, что если в 64г. римская власть, как сказано, впервые отделила (эмансипировавшихся от иудейства) христиан от иудеев, подвергнув гонениям лишь первых (что не было закреплено специальным законом), то для народа христиане продолжали оставаться иудейскими (зловредными) сектантами, к-рых оттогло как большинство римской языческой элиты, так и, перво-наперво, языческая толпа, при том, что христианские неопиты уже имелись: и – немногочисленные – среди этой элиты, и – сравнительно многочисленные – в бедняцких слоях римского населения. Причём смирение христиан, их кротость, жертвенность перед лицом смерти лишь подстёгивали ненависть к ним как среди знати, так и, перво-наперво, среди черни, к-рая приходила от этого в ярость. С одной стороны, кризис старых богов и прежней духовности побуждали к бегству из язычества, что удавалось меньшинству; с другой, чем кризиснее становилась ситуация, тем неистовее бесновались на языческих алтарях и в душах цеплявшихся за возвратную архаику людей алчные демоны!

¹¹³ Отделённое от иудейской религии, к-рая была в Римской империи официально разрешена, с учётом её имманентности и определённых привилегий для иудеев (неучастие в языческих культах, освобождение от работ и судов в субботу, свобода от воинской повинности...), христианство попадало, отсекаемое иудеями, в разряд недозволённых вероисповеданий – *religio illicita*, оказываясь сим, как сказано, вне закона и превращая христиан в незаконное сообщество. И тем не менее, гонения I/Пвв., при Нероне, при Домициане, при Траяне, при Адриане и М.Аврелии (чего не было при Веспасиане, Тите, Антонине Пии), тесно связаны как с достигавшим и достигшим пика антагонизмом между Римом и иудеями (палестинские и диаспоральные восстания 66-73, 115-17, 132-35гг.), к-рый распространялся, в т.ч. на (дочерних к иудаизму) христиан, так и несовместимостью римского государственного культа (да и всякого языческого культа) с принципами христианства.

Христиане, как и иудеи, не могли почитать ни принятый на Западе «божественный гений», ни принятое на Востоке откровенное «божество» императора, на чём, начиная с Калигулы, всё чаще, в разных формах, настаивали римские кесари. Но если, повторим, храмовые иудеи приносили ежедневную жертву ради Рима и Цезаря, за Рим и Цезаря, то христиане, по ходу отделения от храмового культа и удаления от иудаизма, получалось, не делали и этого. Их лояльность к римской имперской власти по установке Ап. Павла (Рим.31,1) не означала акцептацию ими римской или какой-либо иной религиозно-языческой культово-ритуальной традиции, или согласие на участие в каком-либо языческом богослужении.

Но было ли христианство, просуществовав первые десятилетия – 30 – 60-е гг. Ив. н.э. – в рамках разрешённого иудаизма (*religio licita*), запрещено при Нероне спец. законом, – вопрос. Скорее, что почти очевидно, – нет, поскольку какие-либо подтверждения этого отсутствуют (а позже ни три калифа на час в 68/69гг. – Гальба, Отон, Вителлий, ни Веспасиан, ни Тит христиан не преследовали, в то время как Домициан задействовал-возобновил гос. гонения аж три десятилетия спустя без апелляции к нероновским). И потому, видимо, правильнее говорить о в дальнейшем написанном противохристианском законе, что, к тому же, давало отныне иудеям возможность вредить христианам, донося на них как на еретиков-схизматиков,

как на адептов зловредного суеверия, как на изгоев, на к-рых защитная легитимность иудаизма не распространяется.

При этом к христианам достаточно было применять существующие законы о святотатстве (*sacrilegium*) или об оскорблении величия (*lex maiestatis*), хотя сведений о принуждении христиан совершать жертву кесарскому божеству до IIIв. нет. И если невежественные низы видели в христианах атеистов (!), к-рые не почитают ни зримых языческих богов, ни даже незримого иудейского бога, молясь какому-то распятому и якобы воскресшему преступнику (да ещё в образе ослиной головы!), то гос. суды квалифицировали неподчинение приверженцев Христа приказу отречься от недозволенной веры как нарушение общественного порядка, соответственно чему, нарушителям оно могли выноситься самые суровые приговоры, без надобности в особом законе. Отвержение как иудейского закона с его Богом, так и законов определённого полиса с его богами-идолами делало, в зависимости от воли власти, изгнанных иудеями из синагоги христиан — иллегитимных как сообщество — врагами богов и обществ, в к-рых они обитали. Отсюда их незаконность и допустимость репрессий против них, применявшихся (не всеми) кесарями, наместниками провинций, городскими властями, правителями вассалитетов.

Церковно-христианская традиция в числе жертв первого римского гонения при Нероне, смыкая его со вторым, опять-таки, при Нероне, т.е. смыкая гонения 64 и 67гг., чтит, помимо Апостолов-мучеников Петра и Павла, семерых римских мучениц — Анатолию, Фотиду, Параскеву, Кириакию, Домнину, Василиссу, Анастасию, плюс группы мучеников-мужей на о. Керкира (Саторний, Иакисхол, Фавстиан), в Медиолане (Гервасий, Протасий, Назарий, Цельсий), плюс Виталий Равеннский — в Равенне, и Гауденций — в македонских Филиппах. Однако, перекинулись ли гонения 64-го и затем (с перерывом) 67гг., помимо Рима и окрестностей, на Италию и какие-либо провинции, — неизвестно. Во всяком случае, массового характера они, за исключением Рима, не имели и началом перманентного преследования христиан (о гонениях на к-рых с 67 по 95гг. свидетельства отсутствуют) не стали.

ЧАСТЬ XVII

ПОСЛЕДНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АП. ПАВЛА 63 – 66 гг. н.э. СИТУАЦИЯ В ПАЛЕСТИНЕ И НАЧАЛО ПРОТИВОРИМСКОГО ВОССТАНИЯ ИУДЕЕВ

АП. ПАВЕЛ В ИСПАНИИ

(лето 63 – весна 64гг.)

Итак, отузничав свои два года в Риме – 61 – 63гг. н.э., освобождённый из Первых уз весной 63г. Павел, проведя ещё некоторое – уже на свободе – время, посвящённое местным христианам и христианству, в Риме/Италии, отчалил (из Путеоли? снарядив перед отъездом бывшего при нём Тита, вместе с кем-то, в Коирнф) летом 63г. (через Корсику или Сардинию? вдоль побережья Нарбоннской Галлии от Корсики? либо через Балеарские о-ва от Сардинии?) – в Испанию.

Причём о намерении посетить эту страну он, как мы помним, дважды говорил ещё весной 58г. в Посл. к Римлянам (15,24;28), отбывая из Коринфа в Иерусалим и намереваясь из Иерусалима идти сначала в Рим и затем, из Рима (через Рим) в Испанию, что и произошло. Правда, произошло-случилось не совсем так, как полагал Апостол, поскольку ему пришлось провести два года в заточении в Палестине и потом столько же не в качестве свободного гражданина, а в качестве узника – в Риме, попав, стало быть, в Испанию не в 59/60гг., как он, вероятно, первоначально планировал, но лишь в 63г.

И у нас, в отличие от науки и современной либеральной теологии, нет ни малейших оснований сомневаться в павлианском посещении Испании, к-рое совершенно точно состоялось. Более того, оно состоялось именно в 63/64гг., ибо именно после Испании Павел побывал ещё на Крите (64г.), в М.Азии (64г.), в Филиппах (зима 64/65гг.), потом в третий раз в Коринфе (весна 65г.), и снова в М.Азии (лето 65г.), откуда поздней осенью (65г.) он прибыл в эфирский Никополь, где провёл зиму (65/66гг.), перед морским путём, по весне (66г.), из Никополя в Италию.

Притом данный хронорасклад убедительно-удостоверительно восстанавливается-реконструируется, в синхронизации с последними Посланиями Павла (3-е, в составе канонического Второго – 10-13, к Коринфянам – зима/весна 65г. – из Филипп; 1-е П. к Тимофею – весна 65г. – из Филипп или Коринфа; П. к Титу – лето 65г. – из М.Азии; П. к Евреям – весна 66г. – из Италии; 2-е П. к Тимофею – лето 66г. – из Рима), как расклад единственно возможный или наиболее оптимально-достоверно реалистический (см. выше и ниже).

Вглядитесь, например, в географию этого расклада. Ведь, даже отставив всё прочее, зная, что Павел побывал между двумя римскими узами (61 – 63 и 66/67гг.) в находящейся к западу от Рима Испании и в находящихся к востоку от Италии местностях средиземноморско-азийско-балканского региона, просто невозможно представить его путешествие в Испанию, куда он до того собирался идти через Рим и из Рима, ни без опорного пункта в Риме, ни как-нибудь наоборот (= после Крита,

М.Азии и Балкан). Здесь и ежу ясно, что покинув Рим, он сначала направился в Испанию, после к-рой (однако никак не в обратном порядке-направлении) и проследовал в перечисленные страны-города-местности к востоку от Италии, чтобы оттуда вторично прийти (уже навстречу своему венцу мученичества) в Италию/Рим.

И, кстати, вся перечисленная география, синхронизированная-параллелизированная с последними Посланиями и содержащейся в них соответствующей информаций, требует, если производить хронореконструкцию без противоестественных (хроно)недобора и (хроно)перебора, именно времени с 63 по 66гг. Т.е. освобождение из Первых (двухлетних) уз не могло иметь место ни в 62, ни в 64гг. (см. выше), так же, как венчающее Вторые (ок. годовичные) узы мученичество Павла не могло иметь место ни в 66-м, ни в 68гг., совершившись – освобождение из Первых уз – не иначе как именно в 63-м, а мученичество – не иначе как именно в 67гг. И хроноаналитический расклад вышеперечисленных последних павлианских Посланий это подтверждает (см. ниже).

Младший современник Ап. Петра и Павла, свидетель-очевидец событий 60-х гг. IV в. н.э. Климент Римский, в составленном в бытность его в 90-е гг. IV в. епископом Римским «1-м Послании к Коринфянам» пишет о достижении Павлом пределов Запада: «...приобрёл благородную славу за свою веру, так как научил весь мир правде, и доходил до границы (пределов) Запада, и мученически засвидетельствовал истину перед начальниками (правителями)» (1,5,6).

Данное свидетельство считается спорным: что, мол, означают пределы-границы Запада: границу Востока с Западом, под к-рой-де может подразумеваться Рим (!)? или крайне западную провинцию Римской империи (равно страну Европы или Евразии) Испанию?

Но такая постановка вопроса, с приверженностью первой т.н. версии, уже сама по себе искусственная конструкция, обусловленная для её сторонников, приложительно к Павлу, их заведомым отрицанием Павлова миссионерства в Испании. Да и не был никогда Рим (как и Италия) ни для римлянина Климента, ни вообще, для римлян и неримлян, границей между Востоком и Западом, тем паче, пределом/пределами Запада!

Вспомним, как триумвиры Октавиан и Антоний разделили в IV в. до н.э. между собой Запад и Восток Римской империи по Адриатике (Скодра/Скутари) и Ионике: Рим/Италия, плюс составившая балканское исключение – Иллирия, и провинции-страны к западу от них – октавиановский Запад; Греция/Македония и провинции-страны к востоку от них – антонианский Восток.

Почти аналогично (за исключением Иллирии, отошедшей к Востоку) в 395г., по смерти Феодосия I, Римская империя разделилась между его сыновьями на – Западную = Римскую, с центром в Риме, и Восточную = Византийскую, с центром в Константинополе, к-рый был столицей с 330г., при том, что собственно Рим – центр и столица мира – и тогда, и до, и после – оставался на западе и воспринимался как Запад, не будучи, в паре с Италией, границей между Западом и Востоком, к-рая проходила по Греции и Македонии. Или, точнее, она проходила в морском адриатическо-ионическом преддверии Греции и Македонии, ментально относившихся в римскую эпоху к эллинистическому-эллинизированному Востоку, в то время как на включавшем Галлию, Испанию, Британию Западе, во главе с Римом/Италией, над эллинизмом преобладали-довлели романизм и романизация.

А с др. стороны, спрашивается, что может разуть Климент, пишущи к (обре-тающимся на востоке от него) Коринфянам из Рима, под початым Павлом крайним-предельным Западом? не могучи разуть ни, само собой Рим, откуда он пишет (что, – хотя иные горе-критиканы и горе-экзегеты именно на этом настаивают, – было бы просто смешно), ни ещё не открытую Колумбом Америку! Неужели не

очевидно, что Климент понимает именно крайне-предельно западную, причём материковую, страну евроконтинента и всего тогдашнего мира – Испанию (Пиренейский полуостров; Иберию; Гесперию; *Ultima Hesperia*), даже если подойти к проблеме (не без учёта контрмнения особо тупых оппонентов) сугубо методом исключения.¹

* * *

Страбон: «...первая часть Европы – западная, именно Иберия...» (3,2,135). «...Это самый западный пункт не только Европы, но и всего обитаемого мира...» (3,2,136). Для Диодора Сицилийского испанский Гадес (Кадис) расположен «на конце Вселенной» (25,10) = Ойкумены. Супротив – другой африканский край Запада – Мавритания, между Испанией и Мавританией – Столпы Мелькарта = Геркулесовы, выводящие в Атлантику, где обитаемый мир заканчивался. Можно, конечно, имея квазибогатое или большое воображение, вообразить, что Павел побывал не в Испании, а в (африканской) Мавритании, но туда он не собирался, тогда как в Испанию собирался твёрдо. И в сём случае, совершенно непонятно – зачем ему в её посещении и в испанской проповеди отказывать?! тем более, при наличии вполне достаточного для этого, т.е. для реализации намеченного ещё в 58г. (миссионерского посещения Испании), чему в то время воспрепятствовали обстоятельства, с 63 по 66/67гг., у Павла времени!

Кроме того, ойкуменический Апостол язычников, с его *оливковой* проповедью, к-рый в ходе своей плодотворнейшей деятельности, последовательно перемещался с Востока всё дальше на Запад, ну никак не мог (начав с оливковой Киликии, обетованно-оливковой Палестины и страны мистерий Феникса – Аравии) не побывать в предельной, в самой дальней (перед атлантическим запределем) стране Запада – в оливковой конечно-приатлантической Испании!²

Далее, всё-таки, косвенное (для скептиков) свидетельство Климента, кто не называет прямым текстом Испанию, дополняет-подтверждает во Пв. н.э. известный «Канон Муратори» (ок. 170г.): «Деяния Апостолов, описанные в одной книге, Лука собрал воедино для благочестивого Феофила, описав то, что, в частности, случилось при его глазах, как видно из того, что он опустил страдания Петра, так же, как отбытие Павла, отправившегося из Рима в Испанию» (строки 38/39).

Вот вам и прямое свидетельство в пользу павлианской Испании, поставляемое скептиками и критиканами минимум под вопрос – как, дескать, апокрифическое и опирающееся исключительно на павлианско-испанское намерение в Посл. к Римлянам, к-рое, мол, Павел не осуществил (почему???) и к-рое-де пытаются представить осуществлённым его излишне ревностные христианские адепты. Кто конкретно? Само собой, в первую очередь, Церковь, вернее, церковная традиция, к-рая,

¹ Галлия, (островная) Британия и часть Германии располагались западнее Италии, но восточнее Испании, запад к-рой расположен на одной долготе с Гибернией/Ирландией, куда Павел не ходил (сам, но, б.м., снарядил туда учеников?) и к-рая, находясь на островном отшибе и в Римскую империю не входя, в понимании-мировосприятии Рима и античного мира, пределы Запада не составляла.

² Вторая же часть Климентова свидетельства о том, что Павел «мученически засвидетельствовал истину перед начальниками» указывает (пусть безымянно, однако, если всмотреться-вдуматься, недвусмысленно) не на самого Цезаря Нерона, к-рого Климент ни «начальником» (правителем), ни в мн.ч., ни в коем случае, не назвал бы, но на (недостойных поимённого упоминания) нероновских начальственных функционеров, или конкретно – на (беспредельщиков) Гелия и Поликлита, к-рых Нерон оставил начальствовать за себя в Риме, путешествуя по Греции (66/67гг.), и в пору начальствования к-рых в Риме как Павел, так и Пётр претерпели мученичество (67г.) (см. ниже).

дескать, долгие века в испанском путешествии Павла не сомневалась и лишь в новейшие времена робко ступешалась под напором критиканов со скептиками, политкорректно согласившись, что Испания (против к-рой её противники ни одного, помимо бла-бла-бла, весомого аргумента до сих пор не привели), в лучшем случае, подвопросна.

Истинно верующему нельзя капитулировать перед рационал-материализмом и атеизмом ни безоговорочно, ни частично, потому что любая частичная, даже самая малая, капитуляция приводит в итоге к поражению безоговорочному.

Напомним, Лука не довёл, не продолжил своё благовествование до мученичества Петра и Павла, завершив его – в рамках именно 30-и отблаговещенных этой единственной в Новом Завете (мета)исторической Книгой Деяний лет (33 – 63г.) – Первыми римскими узам (за к-рыми последовала свобода), так как изображение смерти Павла и Петра противоречило концептуальной немартирологической установке завершения благовествования Д.Ап. торжеством павлианско-миссионерской деятельности. Не достигла ли эта подвижническо-проповедническая деятельность центра мира – Рима, несмотря на (Первые) узы, немартирологическое окончание к-рых из концовки Д.Ап., несмотря на умолчание об этом прямым текстом, очевидно явствует, не оставляя места и не предполагая, по авторской концепции, места для Вторых уз и мученичества!

Таким образом, 4 года – 63 – 67гг. – остаются за бортом Д.Ап., чем они одновременно никоим макаром не аннулируются и не ужимаются до 63/64-го гг., мартирологические радатели к-рых напрасно (упростительно-примитивизаторски) полагают, что либо Павел был казнён в 63г. ещё до Великого пожара Рима, либо, вместе с Петром и другими, стал жертвой нероновских гонений на христиан сразу или вскоре после пожара.

В дополнение к «Канону Муратори» малоазиатский (?) апокриф Пв. «Деяния Петра» говорит о поездке покинувшего Рим Павла в Испанию. В том же уверен анонимный автор, м.б., восходящей к Пшв. (?), апокрифической «29-й главы Д.Ап.»: «И Павел, исполненный благословений Христа и преизобилующий в Духе, удалился из Рима, решив идти в Испанию; ибо он давно имел намерение на путешествие туда...» (1) «И Павел дерзновенно проповедывал в Испании, и великое множество уверовало и было обращено; ибо они уразумели, что он – Апостол, посланный от Бога» (6).

Из авторитетов Церкви об испанском миссионировании Апостола язычников пишут в IVв. Афанасий Александрийский («Послание к игумену Драконию») и Кирилл Иерусалимский («17-е катехическое поучение»). В IV/Vвв. – Епифаний Кипрский, Иероним Стридонский и Иоанн Златоуст, сообразно к-рому: «Два года он (Павел) провёл в Риме в узак; потом был отпущен; потом ходил в Испанию» («Толк. на Посл. к Евреям»). О христианских общинах в Испании Пв. есть свидетельства Иринаея (1,10,2) и Тертуллиана (*Ad Iudaeos* 7,4).

И примечательно, что в сообщениях церковных авторов I – IV/Vвв. о гонениях на христиан при Нероне не упоминается римский пожар 64-го г. (1Климент 5; Тертуллиан «*Scorp.*» 15; Аполлоний 5,3; Евсевий «И.Ц.» 4,26,9; Лактанций «*De mort. pers.*» 2); Иероним «О знаменитых мужах» 5), впервые смыкаемый с гонениями, в результате к-рых, мол, приняли мученичество Ап. Пётр и Павел, в «Хронике» Сульпиция Севера (2,28/29), т.е. в труде начала Vв., с пожаришной ссылкой на Тацита. Притом, с др стороны, С.Север синхронизирует это мученичество первоверховных Апостолов с противоримским восстанием иудеев и со снаряжением против них Веспасиана, т.е. с событиями 66/67гг.

Оно и не мудрено, ибо казнь Петра и Павла случилась в ходе второго гонения при Нероне, когда сам Нерон обретался в Греции. Но два гонения 64 и 67гг. в

оперирующей символами памяти многих постепенно, перекрыв друг друга, слились-сомкнулись. И потому в дальнейшем первое связанное с Великим пожаром *знаковое* гонение (персонально санкционировавшего оное на месте в Риме) Нерона часто ассоциировалось со *знаковым* мартириумом Петра и Павла. Т.е. два *знаковых*, но разновременных, при всего трёхлетней (с высоты времени и символизации) хроно-разнице, события, *знаково* соединились-объединились в одно. Знакомое нашему читателю превращение (в ущерб истории и метаистории) dua в mono!

Между тем, знаменательно, что в последнее пятилетие своих правления и жизни Нерон в т.н. поиске богов-покровителей остановил выбор, вернее, сосредоточился на Гелиосе (и на Митре), чеканя с 64г. монеты, на к-рых изображены Аполлон Кифаред с нероновскими портретными чертами, эгида Юпитера и солярный венец Гелиоса. Не симптоматично ли это обращение именно к Гелиосу (внешнее солнце) ярчайшего среди кесарей I-го в. н.э. противоположа Христа-Солнце (в порядке последовательности как раз посередине между наиболее одиозными кесарями Века Апостольского – Тиберием, Калигулой, Клавдием, Гальбой, Вителлием, Домицианом)!

Не будет ли 30/36-метровая золотая статуя Нерона под Гелиоса (с разрушенного землетрясением в Шв. до н.э. Колосса Родосского – 32-36м), кто, по слову Марциала, «смог Родоса чудо затмить», красоваться в Золотом дворце на месте будущего комплексного Колизея Флавиев, где, в садах Нерона, привязанные в август/сентябре 64г. к столбам христианские мученики горели, как факелы (первое аутодафе!)³

Однако, вернёмся к испанскому путешествию достигшего, в соответствии со своими давними намерениями (не претерпев ли снова, на сей раз менее опасное, чем в 60г., кораблекрушение?), крайнего ойкуменического Запада Апостола язычников.

И пусть в самой Испании (прекрасная Гесперия) какие-либо достоверные топонимические, документальные, археологические или эпиграфические материалы периода античности, подтверждающие посещение Павлом Пиренейского п-ва, отсутствуют, а соответствующие местные предания относятся к более позднему времени, важно усвоить следующее. Нет никаких оснований отвергать ни осуществление испанского намерения Павла, согласно Посл. к Римлянам, ни староцерковную традицию, к-рые, вдобавок ко всему, не содержат в себе ничего невозможного и отвержение к-рых продиктовано лишь сугубо критиканским желанием непременно их (в пику староцерковному преданию) оспорить-опровергнуть-отвергнуть.

Испанцы знают локальные традиции посещения Павлом Таррако, Валенсии, где, в 3-х км от городка Альбокассер (Кастельон), есть скит Св.Павла, Баэтики, Кадиса. И не случайно именно в 1963г. в Испании, при Франко, была выпущена юбилейная монета, посвящённая 2000-летию прибытия Ап. Павла в Испанию. И хотя ни в точности, ни приблизительно испанская география Апостола не реконструируется, более того, пусть ни одна местная испанская церковь себя от него, как её локального основателя, не выводит, мы не станем сомневаться в том, что Апостол побывал в этой стране, провёл в ней зиму 63/64гг. и дошёл до атлантического берега на гибралтарско-пригибралтарском юге. Или, возможно, наоборот, начав с юга, от Столпов Мелькарта, и двигаясь от Гибралтара в северном направлении, – он добрался, побывав в Кордубе (?), Толедо (?), до Валенсии, Сагунта, Таракко, и, м.б., до Нарбоннской Галлии, перед тем как (при всех случаях) отчалить весной 64г. (из Таррако?) на Крит.

Не стоит также сомневаться в том, что проповедь Павла, в ходе его довольно длительного пребывания в Испании – с лета 63 до начала весны 64гг., обратила

³ К слову, если принимать в качестве дня мученичества Апостолов традиционную дату 29.06., то 64-й г. н.э., противохристианские гонения в к-ром последовали после пожара, не подходит вдвойне, так как Великий пожар случился 18/19-23.07.

неведомо какое, вероятно, немалое, число испанцев в веру Христову. Современные же домыслы о том, что, мол, если даже испанская проповедь имела место, то всё равно она не имела успеха (почему?!) и т.д., оставим критиканам (оставим на их сомнительной совести). Отсутствие в Каноне или среди апокрифов Павлова Послания к Испанцам или к Тарраконцам ещё не даёт ни повода, ни оснований для выводов о каком-либо (мнимом) провале эвентуальной испанской миссии!

Ведь мы не располагаем и Посланиями к Тарсянам, Аравитянам, Антиохийцам, Афинянам, Иллирийцам, в чём нельзя усмотреть провальность проповеди им христианского вероучения Павлом. Отнюдь, просто метаистория *sacra* и история *profana* об этом умалчивают, предоставляя делать выводы нашему здесь не столько знанию, сколько ясномыслию-ясновидению. Выведший христианство на мировые вселенско-ойкуменические горизонты Павел нигде, где бы он ни побывал, где бы он ни трудился, не был провальным.

Иное дело, что собственно пиренейско-христианская церковная традиция, со своей стороны, чтя испанскую деятельность Павла в сравнительной тени, сосредоточена на почитаемом как патрон Испании Ап. Иакове, под к-рым понимается Иаков Старший (Зеведеев), о миссионерстве к-рого в Испании впервые упоминают «Апостольский бревиарий» (ок. 600г.) и Юлиан Толедский (VIIв.).

Повторим, член коллегии 12-и Больших Апостолов Иаков Зеведеев (один из приближённого к Иисусу апостольского трио – Пётр, Иаков, Иоанн; старший родной брат Иоанна Зеведеева) принял мученичество первым из Больших Апостолов в 44г. н.э., казнённый в угоду иудеям Иродом Агриппой, и не мог побывать аж в Испании, поскольку до 45г. Большие и Малые Апостолы за ближние к Палестине пределы – дальше Сирии, Аравии, Киликии, Эдессы... – не выходили, не заходили.

Вместе с тем, в Испании в 50-е гг. Iв. н.э. вполне мог побывать другой одноимённый Апостол от 12-и – Иаков Младший (Алфеев), вероятный основатель первых испано-христианских общин, слитый-слившийся впоследствии с вытеснившим его более авторитетным Иаковым Старшим (один из трио; первомученик от 12-и), к-рый в VIII/IXвв. сделался знаменосным покровителем многовековой героической Реконквисты, и оттого, вследствие её значения, неоспоримым патроном Испании (мощи в Сантьяго-де-Компостелла).

Самое же раннее из известных документальных обращений к Испанской церкви – «Послание Киприана Карфагенского» от 254г. А ок. 303г. (?) в Гранаде (накануне Диоклетиановых гонений) состоялся, с участием 19-и епископов и 24-х пресвитеров, представлявший 37 христианских общин Пиренейского п-ва Эльвирский собор, к-рый считается I-м поместным собором Испанской церкви.

* * *

Страна вечерней звезды – Испания (у греков – Иберия; у поэтов – Гесперия), название к-рой выводят то ли от финикийского «ишпанам» – берег даманов (травоядных млекопитающих, внешне сходных с сурками, размером с домашнюю кошку), то ли от – «кроличий берег», – ближе всех в Европе была расположена к погибшей Атлантиде, декаданс к-рой начался, о чём мы не раз говорили, ещё в XVI/XV/XIV-м тысячелетиях до н.э., в Четвёртую Атлантическую эпоху, и над последним островным обломком к-рой воды Атлантики сомкнулись (как и мировое Время) ок. середины X-го тысячелетия до н.э. (Р.л. 825/26; 1376; 1384; Д.И. 109; 125; 710).

В первом из двух знаменитых «Диалогов» Платона (427 – 347гг.) «Тимей» и «Критий», где впервые упоминается об Атлантиде, передаётся рассказ, услышанный Солоном (640/35 – 560/59гг.), в пору его пребывания в Египте, от египетского жреца: «Через море это (Атлантика) в те времена возможно было переправиться,

ибо ещё существовал остров, лежавший перед тем проливом, к-рый называется Геракловыми столпами. Этот остров превышал размерами Ливию и Азию вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов — на весь противолежащий материк, к-рый охватывал то море. На этом-то о-ве, именовавшемся Атлантидой, возник великий и достойный удивления союз царей, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка... И вот вся эта сплочённая мощь была брошена на то, чтобы одним ударом свергнуть в рабство и ваши, и наши земли и все вообще страны по эту сторону пролива. Именно тогда, Солон, государство ваше одолело завоевателей... Но позднее, когда пришёл срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки Атлантида исчезла, погрузившись в пучину».

Безымянный египетский жрец говорил это Солону (кто, как известно, был величайшим мудрецом), ссылаясь на (храмовые) «Записи», к-рые египтологи до сих пор не нашли, что не есть основание их отрицать, поскольку подавляющее большинство таинственных «Записей» египетских жрецов до нас не дошли. Во втором диалоге «Критий» Платон, подробно рассказывая о природе Атлантиды и её общественном строе, заменяет ссылку на «записи» общим выражением «сообщается», а войну Атлантической державы с жителями Средиземноморья и гибель Атлантиды отодвигает за 9 тыс. лет до своего времени.

Как видим, если верить Солону, со слов, с одной стороны, загадочного египетского жреца, а с другой, — Платона, Атлантида (от к-рой сегодня остались Канарские и другие небольшие атлантические о-ва, не считая, вероятно, особо связанную с ней Ирландию), была, по мнению древних, размерами больше тогдашних Ливии (Африка) и Азии, точных размеров к-рых древние не знали, недобирая в представлениях об Азии минимум половину, да и истинные размеры Африки представляя достаточно смутно.

И тем не менее, если учесть, что современный Атлантический океан занимает площадь в 90 млн. кв. км = в 4 раза больше, чем СССР (22 млн.), и в 3 раза больше, чем Британская империя на её пике (30 млн. кв. км), то вполне можно представить когдатощнее существование на территории нынешней Атлантики архипелага больших и поменьше островов размером приблизительно с США или Китай (9 млн. кв. км), или — с Бразилию (8,5 млн. кв. км), или на худой конец — с Австралию (7,5 млн. кв. км), высокоразвитая цивилизация к-рых между (варварскими) Америкой и Евразией деградировала в сопровождении стихийных катаклизмов на протяжении нескольких тысяч лет. А окончательно она погибла уходом под воду последнего крупного о-ва (о чём и речь в накладочно смежающих последний остров с материком «Диалогах») за ок. 9500 лет до н.э. (в пору и от таяния ледников — конец последнего Ледникового периода, большого потопа, извержения вулканов, землетрясений).

Эта деградация и гибель начались, напоминаем читателю, в Четвёртую Атлантическую стадию эволюции, в Пра-Туранскую эпоху (предательство Мистерий Вулкана; второе ариманическое грехопадение) под знаком Скорпиона (знак великих катастроф и великого обновления), продолжаясь в V-ю Пра-Семитскую эпоху (поисков космического и земного равновесия) под знаком Весов (13708/07 — 11548/47), в VI-ю Пра-Аккадскую эпоху (становления календарного времени) под знаком Девы (11548/47 — 9388/87), плюс — переходная от Атлантиды к нашей Пятой Пост-Атлантической стадии эволюции последняя VII-я Атлантическая Пра-Монгольская эпоха под знаком Льва (11548/47 — 9388/87гг.) (см. стр. 2858/59).

После же неё идёт I-я Пра-Индийская (= Индо-Эфиопская) культура нашей современной Пост-Атлантической = Пассионарно-Ойкуменической — Пятой стадии эволюции под знаком Рака (7228/27 — 5068/67гг. до н.э.), за к-рой следуют

II-я Пра-Иранская культура Заратустры под знаком Блинецов (5068/67 – 2908/07гг.) и III-я Египетско-Халдейская культура под знаком Тельца (2908/07 – 748/47гг.), начало к-рой, обратите внимание, близко синхронизируется со стартовавшей в 3102г. Кали-югой (ок. 3000г. до н.э. – приблизительное время воплощения Люцифера в Китае), и к-рая предшествует IV-й Греко-Римской культуре под знаком Овна-Агнца (748/47гг. до н.э. – 1413/14гг. н.э.), когда и свершилось (не свершившееся, из-за предательства мистерий и ариманического грехопадения, в Атлантическую стадию эволюции) ставшее абсолютной серединой земной и космической истории/метаистории вселенское Таинство Голгофы.

И свершилось Оно, с одной стороны, *с опозданием* на ок. 14/15 тысячелетий, а с др., – *с ускорением* (сроков) на 300 лет – вместо составляющего середину срединной IV-й (в составе Семи Пост-Атлантических эпох-культур по 2160 лет каждая) Греко-Римской культуры 333/34гг. н.э. – в 33г. н.э.! И наконец, в 1413/14гг. н.э. началась современная нам V-я Германно-Англосаксонская культура под знаком Рыб, за к-рой последуют VI-я Славянская культура под знаком Водолея (3573/74 – 5733/34гг.) и VII-я Американская культура⁴ (не путать с современной Америкой) под знаком Козерога (5733/34 – 7893/94гг.), за к-рыми, после «Войны всех против всех» на исходе VII-й культуры, идут первые две эпохи новой Шестой стадии эволюции, под знаками Стрельца и Скорпиона, во вторую из к-рых под знаком Скорпиона, Землю, Человека и Человечество вновь постигнут (после этапных апокалиптических потрясений предыдущих времён) великая апокалиптическая катастрофа и великое обновление...

Причём, приложительно к вышепредставленным Большой и Малой эпохам Тьмы, должно сказать, что в период Кали-юги (3102г. до н.э. – 1899г. н.э.) природный Потоп первой половины периода Двапара-юги (13102 – 3102гг. до н.э.) сменился, с поступательным наступлением (навстречу воплощению духу материалистического интеллектуализма Ариману в III тыс. н.э.) материализма, духовным потоком-помутнением в человеческих душах (без природных катастроф прежнего масштаба).⁵

⁴ Не путать (эту весьма отдалённую Северную и Южную Америку, о к-рой мы сегодня не имеем представления) с современной Америкой, где США – отрасль Британии в составе V-й Германно-Англосаксонской культуры, центр к-рой в XXв., в результате, говорим снова, двух самоубийственных для Европы – вытекающих Вторая из Первой – Мировых войн, (временно) переместился в США.

Но одновременно – не предошущают ли две эпохальные культуры отдалённого грядущего, Славянскую и Американскую, отчасти подсознательно пытаясь державно-искажённо опередить своё время, современная, весьма далёкая от Славянской культуры Самодуха (IV-VI тыс. н.э.), Россия, и современная, ещё более далёкая от Американской культуры Жизнедуха (VI-VIII тыс. н.э.), Америка!

⁵ Вновь заостряем внимание читателя на том, что 748/47гг. до н.э. – середина Великого Мирового (Космического = Зодиакального = Платонова) года из 12-и мировых-зодиакальных Месяцев (по 2160 лет каждый), начиная со знака Весов (13708/07гг. до н.э.): т.е. в 747г. до н.э. истекли Шесть Мировых месяцев (= 12960 лет), тогда как Седьмой месяц (Месяц Мистерии Голгофы) истёк в 1413/14гг., когда началась наша современная V-я Германно-Англосаксонская культура Пятой (Пассионарно-Ойкуменической = После-Атлантической) стадии-зоны эволюции, и с к-рой, т.е. с этой V-й культуры, по истечении Семи мировых месяцев в Семи *дневных* знаках Зодиака, стартуют Пять следующих мировых-зодиакальных Месяцев в Пяти *ночных* знаках Зодиака.

И примечательно, что если 7 Мировых месяцев в 7-и *дневных* знаках Зодиака (13708/07гг. до н.э. – 1413г. н.э. = итого 15120 лет) преимущественно хроносовпадают-хроносинхронизируются с Большой и Малой эпохами Тьмы, с Двапара-югой и с Кали-югой (13102 – 3102гг. до н.э. – 1899г. н.э. = итого 15 тыс. лет), то 5 Мировых месяцев в 5-и *ночных* знаках Зодиака, в куда большей мере совпадают-синхронизируются с концом Кали-юги в 1899г. и с выходом из неё к Свету!

И тут надо сказать о (свойственных человеческой памяти) накладках в свете событий периодов Двапара-юги и Кали-юги. К примеру, войну «атлантов» с «афинянами» (в «Диалогах» Платона) должно искать не во временах собственно Атлантиды, а в III/II тыс. до н.э., т.е. во времени Крито-Миносской цивилизации и до эпохи «народов моря» (XIIIв. до н.э.), когда средиземноморские потомки атлантов сталкивались с репрезентантами пра-греческой цивилизации.

И естественно, что миграционные потоки, исходившие из погибающей и погибающей Атлантиды как на американский Запад, так и на евро-афро-азиатский Восток⁶ не могли миновать ближе всех в Европе расположенную к последним атлантическим о-вам (остатки к-рых – Канары) Испанию, где они частично оседали и откуда частично двигались дальше берегами южного и северного Средиземноморья. Следовательно, во времени как между двумя эпохами Тьмы, Большой и Малой, так и в Кали-югу, атлантические и пост-атлантические мигранты, соприкасаясь и смешиваясь в пути со средиземноморским населением, доходили, в частности, до берегов Чёрного и Каспийского морей. Плюс к тому, в означенные поздние периоды вполне могла иметь место (после восточной) и обратная (западная) миграция.

Не отсюда ли исходит, не сюда ли восходит одноимённость и вероятное родство между последующими Иберией на Пиренейском п-ве и Иверией на Южном Кавказе, до к-рых на западе и востоке, в свою очередь, дотянулся (максимально растянутый) императорский Рим. Засим взаимосвязь между Испанией и Кавказом, равно Арменией, во времена дименсионально-ментального становления наших времён и пространств, в широких пределах-рамках аж ок. 10-и тыс. лет, была двух- или обоюдосторонней-взаимообусловленной. Посему спорить о том, кто первичен в отношении, так или иначе, не чуждых друг другу Иберии и Иверии, помня об общеисходной Атлантиде и её (эпицентра канувшей цивилизации) мировой катастрофе, незачем.

То-то, если стоянки т.н. первобытных людей на южном побережье Бискайи датируются периодом за 15 – 10 тыс. лет до н.э., то первые следы появления человека на севере Пиренейского п-ва относятся к эпохе Палеолита – ок. X-го тыс. до н.э., что синхронизируется-параллелизируется с VI-й и VII-й Поздне-Атлантическими эпохами под знаками Девы и Льва. А в районе 6 – 5-и тыс. лет до н.э. побережье Испании колонизирует культура кардиальной керамики.

Далее, во второй половине II-го тыс. до н.э., из возникшей в Бронзовом веке (XXXV/XXVIII – XIII/XIвв.) на юго-западном побережье Испании культуры образовалась цивилизация Тартесс, ведшая из одноимённого города (основанного, предположительно, в южном течении реки Бетис не то местными племенами турдетанов и турдулов, не то аж этрусками из М.Азии) торговлю металлом с финикийцами. Притом, по одной из версий, именно финикийцы, то ли основатели, то ли сооснователи родственного киликийскому Тарсу (родина Павла) Тартесса, и дали богатой полезными ископаемыми (золото, серебро, медь, олово) стране её вышеприведённое нами зооназвание – Ишпанам.

Между тем, в III тыс. до н.э. вдоль восточного побережья Испании появились (из Средиземноморья? из северной Африки) иберийские племена, родство к-рых

⁶ Древние знали три соединённых между собой материка = части света (в Восточном полушарии) – Азию, Европу, Африку, в то же время вряд ли имея представление о – весьма примечательная конфигурация! – горизонтально-полуостровной М.Азии (страна 7-и общин – адресатов Иоаннова Откровения), с вертикально-диагональными к западу от неё Балканским, Апеннинским и Пиренейским п-вами, при также вертикально-диагональных п-вах – Аравия, Индостан и Индокитай – с востока.

связывают с Сардинией и Кавказской Иверией. От них происходит античное название Пиренейского п-ва – Иберия. В середине II-го тыс. до н.э. иберы расселились на территории современной Кастилии, занимаясь в основном земледелием, скотоводством, охотой, изготовлением орудий труда из меди и бронзы, что принесло им репутацию лучших оружейников Средиземноморья.

Впрочем, по римским свидетельствам, до иберов в Испании обитали (восходящие корнями к прямым потомкам атлантов?) лигуры, о существовании к-рых там в исторический период сведений нет. Зато в этот период – XIII – XI вв. – с культурой т.н. погребальных урн связаны лузитаны. В первой же половине I-го тыс. до н.э. большую часть Иберии наводнили пришедшие из Галлии кельтские племена, из и от смешения к-рых с иберами, к-рые (множество городов) господствовали на юге, в то время как (аграрные) кельты продвигались с севера, произошло кельто-иберское большинство населения п-ва, в свете чего сохранившимися иберский язык нетронутыми иберами остались только (наиболее близкие к иверам Кавказа) басконцы на севере. Причём изобретением кельтоиберов стал обоюдоострый меч, впоследствии стандартное вооружение римской армии, всю использовавшееся ею против его изобретателей.

Ок. 1100/1000г. вездусеция финикияне основали колонии – Малака, тесно взаимодействовавший с Тартессом Гадир (Кадис), Кордова и др., тогда как на восточном побережье (Коста-Брава) позднее финикиян колонии основывали греки: Роду – в IX/VIII вв. – родосцы; Эмпорияе – в VI в. – массийцы; Сагунт – выходцы с Зикинфа.

После 680г., когда ассирийцы (Ново-Ассирийское царство) подорвали мощь тирян, распространив свою власть на весь Ближний Восток, основным центром финикийской цивилизации сделался Карфаген, дочерне эмансипировавшись от древнего Тира, основав ок. 600г. первую колонию на Балеарских о-вах (Эбусс), возобладав в Западном Средиземноморье, установив торговую монополию в Гибралтарском проливе, открывая и закрывая Врата Мелькарта по своему хотению-усмотрению.

В III в. до н.э. Гамилькар Барка решил завоевать Испанию, чтобы компенсировать потерю Карфагеном в результате I-й Пунической войны (264 – 41гг.) Сардинии и Сицилии. Из Кадиса он захватил юг и юго-восток страны, но умер в 238г. Гасдрубал основал Новый Карфаген (крупнейшую колонию карфагенян на Пиренеех) и расширил владения пуников до р. Гибер. После вторжения Ганнибала – 220г. – в Месету, взятия Саламанки и Торо, после разрушения в 218г. греческой колонии – союзника римлян – Сагунта, началась II-я Пуническая война, по итогам к-рой (218 – 01гг.), Рим усилиями трёх Сципионов, двое из к-рых погибли на испанской земле, одолел карфагенян и утвердился в Испании, где начавшееся с последнего десятилетия III в. до н.э. (206г.) римское владычество продлилось, в общей сложности, ок. 600 лет.^{6а}

Правда, умиротворение полуострова в целом потребовало, о чём читатель знает, ок. 200 лет, до покорения при Августе кантабров и астурицев на севере в 26 – 19гг. В остальном, напоминаем, если республиканский Рим разделил в 197г. Испанию на две провинции – Ближнюю – Citerior (северо-восток), и Дальнюю – Ulterior

^{6а} Обращает на себя внимание, что выдающиеся хамитические цивилизации древности, к-рые представляют в истории/метаистории Египет – с IV тыс. до н.э., Финикия (Тир-Сидон) – во II/I тыс. до н.э., и (отпочкование Тира) Карфаген, сокрушённый Римом в III/II вв. до н.э., исчерпав свой ресурс, не вошли и не могли войти в Новую эру.

(Вместе с тем, как завоеватели Британии римляне не ступили на землю Ирландии, так за полтысячелетия до них карфагеняне колонизаторски не добрались до Британии, морскую дорогу куда искал в VI/V вв. карфагенский путешественник Гамилькон.)

(юг), то со дней разделившего страну на 14 судебных округов (*conventus iuridici*) Августа имело место деление на три провинции: кесарские – Тарракона и Лузитания; сенатская – Баэтика. В течение II/III вв. претерпевшая Лузитанскую (154 – 36гг.) и три Кельтиберские войны (181 – 79гг.; 154/53гг.; 134/33гг.), беспредел Сертория (78 – 72гг.) и Гражданскую войну цезарианцев с помпеянами (49 – 45гг.), плюс, под конец, войну Кантабрийскую, Испания превратилась во второй после Италии по значению провинциальный центр Римской империи.

Как держащая пальму романизаторского-романского первенства провинция, она постулировала себя одним из новых очагов римской культуры, щедро-подпиточно придя с I/III вв. на помощь скудеющей-оскудевающей Италии – и культурно, и демографически, благодаря чему римско-италийский центр продолжал доминировать, с опорой на романский элемент за счёт Испании и примкнутой-примкнувшей к ней в I/III вв. Галлии (самых романизованных провинций *Imperium Romanum*), до времени Северов и кризисных потрясений III вв. н.э., т.е. большую часть эпохи Принципата. Достаточно, повторяя пройденный материал, назвать в политике таких испанцев Золотого века Антонинов, как Траян, Адриан (Антонин Пий – корнями из Галлии), Марк Аврелий; в культуре – Сенека (Кордова), Лукан, Квинтилиан (Калагур), Марциал (Бальбил), уж не говоря о множестве, начиная с I/III вв., сенаторов и всадников родом из Испании.

Торговое процветание, промышленность и земледелие п-ва стояли на очень высокой ступени развития, народонаселение было весьма многочисленным. По Плинию, при Веспасиане, в Испании насчитывалось 360 городов-полисов. Наивысший расцвет – II/III вв. – в пору упадка италийской экономики. Страна не знала (за исключением нескольких набегов быстро усмирённых во Пв. мавританских племён) войн до второй половины III вв., когда после 268г. в неё вторглись франки и алеманы.

В начале V вв. н.э. в Испанию проникли аланы, вандалы, свевы. В 415г. появились (участники Великого переселения народов с 370г.) вестготы, первым конунгом к-рых был (без боя) взявший (впервые после галльского штурма 390г. до н.э.) 24.08.410г. Рим (врата к-рого ему открыли рабы) Аларих (что произошло на 800-м году от победы галлов на р. Аллия в июле 390г. до н.э.). А в 451г. внебрачный сын Алариха, предводитель вестготов Теодорих, внёс основной вклад в становую победу уходящего Рима и становящейся германской Европы, в битве народов на Каталаунских полях, над Аттилой. Именно под его храбрейшим предводительством вестготы отважно проломили оборону считавшихся непобедимыми гуннов, что стоило жизни множеству из них, в т.ч., павшему в сражении Теодориху, к-рый был поднят своими соратниками, под победоносные трубы и песнопения, на щит, и перед мужеством к-рого склонили головы даже непримиримые враги.

* * *

Государство понемногу романизовавшихся германцев-вестготов просуществовало в Испании с V-го по начало VIII вв. Испанский язык (романская группа; иберо-романская подгруппа), на к-ром сегодня в мире говорят полмиллиарда человек (второй по распространённости после китайского) уходит корнями в латынь; римские законы составили основу испанской юридической системы. В VI в., когда Юстиниан пытался зомбировать Римскую империю, малую часть Испании на юге и востоке захватили византийцы. К VIII вв. вестготы, присоединившие ещё в VI в. к своему варварскому королевству свевов, полностью вытеснили с п-ва Византию, но уже в 711г. они подверглись сокрушительному нашествию халифатских арабов.

И так с 711г., с провозглашения умершим от полученных в катастрофическом

для вестготов сражении при Гвадалете 19.07. (день начала Великого пожара Рима в 64г.! и роковой месяц, предваряющий I-ю Мировую войну, к-рая, к слову, по юлианскому календарю, началась 19.07.1914г.!) ран последним вестготским королём Родериком (Родриго) священной войны, началась самая продолжительная в истории человечества война – героическая Реконкиста. Перелом в ней, в ходе отвоения христианами (чьи государства уцелели, прижавшись к Пиренеям, лишь на полуостровном севере) у мусульман пядь за пядью испанской земли, в пользу христиан произошёл в XIIIв., между тем как длилась данная война, в общей сложности, 781 год, до 1492г. (Д.И. 1351-54; см. выше). Это историческая дата упразднения последнего мусульманского владения на Пиренеях – Гранадского эмирата (одновременно дата депортации тысяч евреев из Испании и дата открытия крещённым испанским евреем, родом из Гenuи, Хр.Колумбом Америки).

И как Древний Рим фактически погиб в сражении на Каталаунских полях, так Испания на столетия заслонила собой молодую европейскую цивилизацию от халифатского арабизма, к-рый, не будь Испании и остановавшейся арабов (VII/VIIIвв.) на Востоке Византии («греческий огонь»), вполне мог из вытянувшегося вдоль южного Средиземноморья, от Сирии до Пиренеев, обоюдоострого шлакового *полу-месяца* превратиться в *полнолуно* сомкнувшуюся с запада и востока над Европой (более того, в погасившую её солнце!) мёртвую луну. Засим Европа перед Испанией в неоплатном долгу!⁷

При всём том, эта эпохальная борьба проходила под знамёнами христианства, перевозёрна к-рого были посеяны в Испании Апостолами Павлом и, – если он побывал там до Павла, – Иаковом Младшим, уступившим затем, как сказано, своё

⁷ С др. стороны, выиграв без малого восьмивековую (начало VIII – конец XVвв.) Реконкисту (почти «Тысячелетняя война Иран – Туран») и вековую Конкисту (XV/XVIвв.), к-рая была, в т.ч., сокрушением деградантных индейских цивилизаций Америки, положив начало христианской Латинской Америке (ресурс к-рой ещё будет востребован), Испания достигла своего пика в ознаменовавшем конец господства турок на Средиземном море победоносном морском сражении при Лепанто (1571г.), где его участник М.Сервантес потерял руку. А затем последовало поражение «Непобедимой армады» (1588г.), после чего (уступив в течение XVIв. Англии на море и Франции на континенте) страна Вечерней звезды постепенно закатилась и стала, образно выражаясь, европейским Дон Кихотом. Не с Дон Кихота ли Достоевским (не менее угрюмо стойким в своём ортодоксальном православии, чем испанский король Филипп II в своих католичестве и контрреформации) писался в XIXв. его знаменитый «Идиот» = русский Дон Кихот = князь Мышкин, идеал к-рого – Князь Христос! Так, не был ли первым пришлым испанским Дон Кихотом Ап. Павел!

Между прочим, и крах коммунизма, нашествие к-рого в XXв. очень даже уподобимо арабистско-халифатской экспансии Средних веков (или войне Иран – Туран), начался, о чём мы уже говорили выше, с поражения коммунистов (уввертно разбитых в 1920г. поляками) в 1936-39гг. именно в Испании, к-рая есть, как сказано, ключ (золотой ключик), к-рым Европа отмыкается с запада, почему большевизация-сталинизация Испании в 30-е гг. XXв. могла обернуться для мировой цивилизации крайне негативными последствиями. Т.е. меч Карла Мартелла и Реконкисты оказался в 1936-39гг. (сколько ни парадоксально, на первый взгляд, звучит) в руках генерала Франко, кто был в этой беспощадной смертельной схватке наименьшим из зол, как в схватке между большевистским СССР и нацистской Германией наименьшим из зол был СССР (несмотря на то, что собственно большевизм – зло в маске добра, куда опаснее-коварнее нацизма – зла без маски), в форме-облике к-рого гитлеризм ододела, в союзе с англосаксонскими (меч короля Артура в руках ненавистника Германии и большевизма – толстяка Черчилля!) демократиями-плутократиями, именно Россия, именно существо России и проникнутого, несмотря на коммунистическое безбожие, импульсом Христа Русского народа. Отсюда между Испанией, страной с острейшим переживанием смерти, точнее, грани между жизнью и смертью (что идёт от времён Реконкисты), и Россией – западный и восточный оплоты, соответственно, католического и православного христианства, к-рые ещё в начале XIXв. весьма сходно противопоставились, под знаком Христа и креста, Наполеону и рационал-материалистической демонии идей Французской революции, очень много общего!

место в качестве патрона Испании = место покровителя Реконксты (более авторитетному и, главное, рано принявшему мученичество, из чего делался вывод о его престижно раннем миссионерстве в Испании) Иакову Старшему.⁸

Засим миссионерское пребывание дошедшего таким образом до западных пределов обитаемой европейской земли первого европейца Павла на испанской земле, (не содержащее в себе ничего невозможного) миссионерское посещение им страны Вечерней звезды не было, да и не могло быть ни подвопросным, ни эпизодическим, ни неудачным, что людям с элементарно неудержанными глазами и незаконно-паченными ушами объяснять или доказывать, согласитесь, излишне!

Однако нам, живущим в век Фомы, пришлось привести в пользу павлианской проповеди в Испании также хронологическую аргументацию, сообразно к-рой, повторим, Павлово миссионерство на Пиренейском п-ве должно датировать временем никак не ранее и не позднее (хотя бы за отсутствием иных вакантных хроносроков) 63/64-го гг. н.э. Не ранее, поскольку до 63г. неутомимый Апостол язычников был лишён возможности посетить Испанию (намерение попасть туда высказывалось им ещё в 50-е гг. Ив.), а не позднее, поскольку он не мог после двухлетних уз в Риме снова податься на средиземноморско-эгейский Восток, не побывав сначала (как и намеревался) в расположенной к западу от Рима/Италии Испании.⁹

⁸ Арианство составлявших господствующее меньшинство населения Пиренеев испанских вестготов не было принято местными иберо-романами, к-рые исповедовали христианство в ортодоксальной никейской форме (принятой вестготским королём Реккаредом в 589г. — Толедский собор) и стали в дальнейшем вернейшей опорой католического Рима, притом короли и королевы Испании, где ещё до арабского завоевания сложился особый западный литургический обряд, именовались, начиная с объединивших Испанию в конце XVв. Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, «их католическими величествами». Испания (сходно открывшая, отлично от Испании, к-рая ищучи дорогу в Индию, открыла индейскую Америку, путь в индийскую Индию, в обход Африки, океанская предварительница Британии — Португалия) по сей день — западный бастион католического христианства, как Италия — центральный, а Польша — его восточный бастионы.

P.S. В Гражданскую войну 1936-39гг. республиканцы (к-рые, уместно заметить, отдали-передали золотой запас своей страны «бескорыстно» помогавшему их республике Сталину!), развернув беспощадный, в частности, антикатолический = противохристианский террор, убили тысячи священников, расстреляли или зверски замучили (включая распятие и сожжение заживо) множество монахов и монахинь, сожгли или осквернили сотни церквей. Совершение богослужений на подконтрольной республиканерам территории было запрещено 19.07.1936г. (опять 19.07.!). И ещё чего стоят массовые расстрелы левыми республиканерами (к-рые кричали: «Долой Испанию! Да здравствует коммунизм!») противников Республики, под руководством и при помощи эмиссаров из НКВД, в тюрьмах Мадрида в 1936г.! или в ознаменование 20-й годовщины «Великого Октября», начиная с 7.11.1937г.! когда в самом СССР свирепствовала санкционированная возглавлявшим её Сталиным «ежовщина», а Испания была наспигована сталинской (под видом добровольцев-интернационалистов) агентурой.

⁹ Не приобретал ли полотна самого таинственного живописца И.Босха мрачный и предельно набожный король Испании Филипп II (1556-98гг.), ибо именно в творчестве неиспанца-голландца Босха удивительной глубины духовность именно (истовейшего) испанского (с привкусом мученической крови на острие кинжала!) христианства. Причём даже знаменитая испанская коррида есть своего рода отражение победы над Тельцом в эпоху-культуру Овна-Агнца, как раз по истечении к-рой в 1413г. и завершилась (1492г.) победой христиан многовековая Реконкста (с её переломом — XIIIв. — в столетие летнего солнцестояния вселенской летописи). Не воспроизводится ли история/метаистория сформированной цистерцианцами, клюницеанцами, доминиканцами (и инквизицией!) страны тысячи (прекрасных) романских и готических церквей Испании кистями преемственных — Веласкеса, Гойи, С.Дали (кто, между прочим, назвал ненавидимого коммунистом П.Пикассо генерала Франко спасителем Испании) — в творчестве к-рых — великая душа *страны Вечерней звезды!*

Интересны слова Дали о себе и (коммунисте) Пикассо (в искренность исповедания коммунизма к-рым он не верил): «Пикассо — испанец, я — тоже; Пикассо — гений, я — тоже; Пикассо — коммунист, я — тоже нет».

ПАВЕЛ НА КРИТЕ

(весна/лето 64г.)

Следующим пунктом посещения Павла после Первых римских уз, точнее, в интервале между двумя узми, был о. Крит (к-рый выразительнее всего связывает с Испанией родившийся на Крите и творивший в Толедо православный грек родом и католический испанец духом – гениальный живописец – Эль Греко). В написанном Павлом не ранее и не позднее лета 65г. из М.Азии пастырском Послании к Титу находим: «Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал...» (1,5).

Из данных слов явствует, что Павел совместно с Титом был (до 65г.) на Крите, где они миссионировали какое-то время вместе и где Павел, сам отчалив с Крита, оставил там Тита для дальнейшей основательной миссионерской деятельности, обязав его, в частности, поставить по критским городам пресвитеров.

Отсюда спрашивается, когда это произошло? И ответ, подтверждающий реконструированную нами павлианскую хронологию, – между Первыми (61 – 63гг.) и Вторыми (66/67гг.) Павловыми узми – напрашивается, так как до Первых уз Павел – ни без Тита, ни с Титом – критянам не проповедовал (что, разумеется, не отрицает посещение в 50-е гг. Крита кем-то из Апостолов, Больших или Малых, и наличие там на 60-е гг. определённого числа христиан).

Вспомним, осенью 60г. корабль, на к-ром Павлу довелось подстражно путешествовать в Рим, подходил к Криту и кормчий с сотником даже думали перезимовать на Крите, но из этого, из-за бурного ветра эвродидон, как мы помним, ничего не вышло, и штормовой ветер понёс-погнал судно мимо критского берега навстречу кораблекрушению аж до Мальты (Д.Ап.27,1-44; см. 7-14), на к-рой наши путешественники перезимовали и откуда они в 61г. прибыли в Италию/Рим (см. выше).

Таким образом, до 63г. ни о какой павлианской проповеди на Крите речи быть не может, если, конечно, не предполагать, что Лука опустил посещение Павлом Крита в Д.Ап. в ходе Первого (45 – 48гг.), Второго (51 – 54гг.), Третьего (54 – 58гг.) миссионерских путешествий Апостола, или в промежутке между Первым путешествием и Апостольским собором 51г., чего мы делать не станем, и делать что ни композиция, ни содержание, ни хронология, ни хронопоследовательность, ни повествовательная канва Д.Ап. (коли не ломать их через колено) не позволяют.

Причём, даже в сём случае предположительных версий-эвентуальностей из области ненаучной фантастики речь явно должно вести о Павловом посещении Крита после 51г., т.е. во время как после Апостольского собора, так и после одновременно первого появления в Книгах Нового Завета (не в Д.Ап.) Тита – неопита из язычников, к-рый сопровождал Павла, обращённый-крещённый им, на Апостольский собор (Гал.2,1). Но, «товарищи фантасты», увы или не увы, тут, в период 51 – 58гг., от начала Второго до окончания Третьего путешествия, никаких соответствующих хронолакун для миссионерского посещения Павлом Крита нет.

Другой вариант: Павел велел Титу, буде тот теоретически сопровождал его в 60г. из Иерусалима в Рим (хотя Д.Ап.27,2 называет из сопровождения, не считая Луну, только Аристарха), сигануть, в ходе прохождения судна мимо критского берега, в бурное море (с аквалангом или без), десантно высадиться на острове и развернуть там бурную проповедническую деятельность, с поставлением в критских городах пресвитеров и т.д. Однако, во-первых, как сказано, сведения о сопровождении Павла Титом в плавании 60г. напрочь отсутствуют, и во-вторых (или в главных), вышепроцитированные слова из Посл. к Титу недвусмысленно констатируют именно совместную деятельность Павла и Тита на Крите (как, к примеру, Павла и Варнавы в 45/46гг. на Кипре), чему в павлианской биографии с 51г. и до Первых уз элементарно нет места.

Стало быть, окаймительно предварающий к юго-востоку от Пелопоннеса юго-запад Эгейского моря Крит был почат Павлом после Испании 63/64гг., оптимально – весной/летом 64г., по пути из Испании, с запада на восток Средиземноморья, – минуя Сардинию, Корсику, Сицилию, – в Эгейский бассейн (Эгеада) – на западный берег М.Азии.

С другой же стороны, мы помним, что перед отбытием из Рима/Италии в 63г., оставив позади Первые римские узы, Павел снарядил Тита с каким-то безымянным из христианской братии спутников (2Кор.12,18) в наиболее сложную-проблемную из основанных Апостолом язычников христианских общин – коринфскую – к Коринфянам, где наличествовали многие разногласия, выдвигались претензии-обвинения в адрес Павла и т.д.

Притом в Коринфе Титу, обстоятельства снаряжения куда к-рого немало сходны с обстоятельствами его снаряжения туда из Эфеса весной 57г. (2Кор.8), когда он добился лучшего результата, чем Тимофей, встретившись затем с Павлом летом в Македонии (см. выше), предстояло опять утишить проблемных коринфян, по возможности, разрешить вновь накопившиеся среди них противоречия (сведения о чём дошли до Павла в Риме) и, м.б., вновь собрать кое-какие пожертвования. Или подготовить к приходу туда Апостола сбор пожертвований, к-рые Павел (сходно пожертвованиям от ряда других общин), возможно, разумел, как и в 58г., доставить братии в Палестине, куда он снова собирался наведаться, о чём говорится в Посл. к Евреям (13,19;23), написанном из Италии весной 66г., и чему воспрепятствовали начавшиеся вскоре Павловы Вторые узы (см. ниже).

Впрочем, это всего лишь бездоказательная версия-догадка, поскольку в каноническом 2Кор.10-13, к-рое, будучи отлично от 2Кор.1-9, есть, что читателю известно, по факту 3-е Посл. к Коринфянам (написанное Павлом зимой/весной 65г. перед его весенним приходом в Коринф из Филипп), о сборе пожертвований ничего не сказано. Основная причина не первого снаряжения Тита в 63г. к Коринфянам заключалась в очередных внутренних проблемах-разногласиях в коринфской общине, в нареканиях на Павла. И данные проблемы, несмотря на, вероятно, небезрезультатную, миссию Тита, не были, тем не менее, полностью разрешены-исчерпаны-преодолены, и их, судя по 2(3)Кор.10-13, надлежало весной 65г. решать-доразрешать своим личным – третьим (в общей сложности) – посещением Коринфа самому Павлу.

К тому же, по всему, он сговорился с (посылаемым в Коринф) Титом о встрече с ним весной 64г. для совместной деятельности на Крите ещё в 63г. в Риме/Италии (где и когда запланировал Крит по пути в М.Азию – к Ефесянам и в Колоссы, после зимы 63/64гг. в Испании). Более того, б.м., весной 64г. на Крите Павла, помимо Тита, ожидал также Тимофей, прибывший туда из Филипп, куда Павел направил его (как Тита в Коринф) в 63г. (Фил.2,19). При этом о Тимофее известно, что он был при Павле в 63г., в конце Первых уз, в Риме (Кол.1,1; Флм.1; Фил.1,1; 2,19); что Павел собирался послать его в Филиппы; и что он будет оставлен отходящим из М.Азии (на зиму) в Македонию (Филиппы) Павлом в Эфесе (1Тим.1,3) осенью 64г., после Крита. Правда, непонятно – прибыл ли Тимофей в Эфес вместе с Павлом с Крита? или встретил поскритского Павла уже в М.Азии? (что существенного значения для нас сейчас не имеет) (см. ниже).

Стало быть, повторим-акцентируем, время совместного миссионирования, отчалившего, надо полагать, в марте из Испании Павла и Тита (плюс Тимофей?) на Крите – весна/лето 64г.

И здесь надо присовокупить-уточнить, что места деятельности как Тита, так и Тимофея, и др. Павловых сотрудников (равно большинства Апостолов), – пока ещё (внимание!) приоритетно *евангелистов-проповедников*, а не *епископов*, – не были фиксированными. Посему предполагать, например, долгое пребывание Тимофея в

Эфесе в период до 64г., или слишком долгосрочное нахождение Тита на Крите с 64г. — неверно, пусть даже некоторым толкователям кажется, что Павел, соответственно 1Тим.1,3, мог оставить (прибывшего позднее в Рим) Тимофея в Эфесе аж в 58г. (неуклюжая конструкция), направляясь в Палестину.

Не исключено, что Тимофей, сопровождавший проведшего зиму 57/58гг. в Коринфе Павла (к-рый, направляясь в Сирию/Палестину, прошёл через Македонию) минимум до Азии (Д.Ап.20,4), осел тогда в Эфесе, куда Павел, встретившись с эфесскими пресвитерами в Милите, весной 58г. не наведалься. Но вряд ли Тимофею пришлось-довелось с тех пор оседло-безотлучно пребывать-обретаться только в Эфесе свыше 4-х лет — аж до осени 62г., когда, по всей видимости, он пришёл к узнику Павлу в Рим.

Сходно деятельность Тита на Крите, с отъездом оттуда Павла, продлилась, следует думать, долее года, с лета 64-го до (но не дольше) осени 65гг., когда он, призванный Павлом в Послании к нему (3,12) летом 65г. из М.Азии, присоединился к Апостолу в эпирском Никополе, где Павел провёл зиму 65/66гг.

С одной стороны, для основательного миссионирования Тита на Крите, острове (к-рый Гомер округлительно называет «стоградным», говоря в «Одиссее» о 90 критских городах) множество городов, с поставлением, по слову Павла, во всех значительных городах пресвитеров, требовалось время никак не меньше или долее года. В то же время со стороны другой, если искусственно продлевать-растягивать хроно-время до начала Вторых римских (казнённого якобы, согласно Иерониму, не в 67, а в 68г.) Павла и помещать его никопольскую зиму вместо 65/66 в 66/67гг., то полученное, в этом случае, более чем двухлетнее пребывание Тита (64 — 66гг.) на Крите будет переборно-противоестественно долгим (см. ниже).

Неспроста (выходящее за именно 30-летние хронорамки Д.Ап., охватывающие именно 33 — 63гг.) посещение Ап. Павлом *страны Вечерней звезды* — крайне западной в Европе — приатлантической Испании, куда Павел пришёл за 7 лет до падения-гибели храмового Иерусалима, и с берегов к-рой можно наблюдать как Солнце опускается в поглотивший некогда таинственную Атлантиду Атлантический океан, имело место именно в 63/64гг. н.э. (63 = 9 x 7; 64 = 8 x 8): через 30-33 года от Мистерии Голгофы 30 — 33гг. н.э. Неспроста приход Павла на о. Крит и его миссионирование на Крите, о-ве, с к-рого берёт начало вся (пра-)европейская цивилизация = древнейшая в Европе Минойская культура, имел место именно в 64г. н.э.: спустя 30 лет от обращения-крещения прошедшего через откровение-сокровение на пути в Дамаск Савла в 34г. н.э. Плюс этот приход Апостола язычников на Крит не случайно имел место как в год окончания реставрации-новоотстройки Иерусалимского храма в 64г., так и за три года до мученичества первоверховных Апостолов Петра и Павла в Риме (именно) в 67г. н.э.

ИСТОРИЯ / МЕТАИСТОРИЯ КРИТА

Несмотря на различие Критской и Микенской культур и бóльшую древность первой (2800/2600гг. до н.э.) в сравнении со второй (XVI/XVвв. до н.э.), с XVIв. н.э. в научном обиходе существует выражение Крито-Микенская культура. В-первых, налицо зависимость второй от первой, и во-вторых, очевидно, их слияние в последней фазе, с перемещением центра тяжести в материковые Микены. Хронология Крито-Микенской культуры = Крито-Минойской цивилизации (от имени собирательного критского первоцаря Миноса, за к-рым и в к-ром наверняка одним-имённые или ассимилированные родоначальником правители ряда поколений) делится на следующие основные Минойские периоды: раннеминойский = пред-

дворцовый (2800 или 2600 – 2000гг.); среднеминойский = древний дворцовый (2000 – 1700гг.); среднеминойский = новый дворцовый (1700 – 1400гг.); позднеминойский = последдворцовый (1400 – 1150гг.), конец к-рого приблизительно совпадает с датированной первыми десятилетиями ХIIв. до н.э. десятилетней Троянской войной.

Причём концы второго и третьего периодов маркированы катастрофами – землетрясениями и общественно-политическими кризисами ок. 1700 и ок. 1400гг., с вступлением эгейской культуры ок. 1600г. в последнюю фазу своего развития, когда под крито-минойским влиянием сформировалась уже материковая культура Микен.

Сама по себе фиксация релятивной Минойской хронологии возможна благодаря хронологии Древнеегипетской, тоже относительно приблизительной, с к-рой она синхронизируется и к-рая в науке, не имея твёрдого хрононачала, считается на 300/500 лет старше минойской (отсюда дифференция: 3100/3000 – Египет; 2800/2600 – Крит). Кое-как поддающиеся датировке импортные египетские артефакты-находки на Крите – каменные и алабастровые сосуды, фаянсовые вазы, печати, скарабеи, статуэтки из слоновой кости – относятся ко времени от додинастического Египта (ранее 3100/3000гг. до н.э.) и идут через времена 6-й, 12-й, 18/19-й династий – последние – середина и вторая половина II тыс. до н.э. Есть также месопотамская печать времён Хаммурапи – первая половина II тыс. до н.э.

Критские находки в Египте – глиняные сосуды (Абидос) периода 12-й династии (Среднее царство), в пору к-рой Израиль в ХIХв. до н.э. пришёл в Египет, и при к-рой был сооружён знаменитый Египетский Лабиринт – провозвестие-предвестие смены созерцательно-имагинативной культуры (под знаком Тельца) культурой интеллектуалистско-мыслительной, культурой лабиринтарных извилин головного мозга. Далее – керамические фрагменты в Угарите, росписи пещерной гробницы в Фивах, минойские сосуды периода 18-й династии (Новое царство), в пору к-рой Израиль в ХVв. до н.э. изошёл из Египта, и приблизительно когда, с образцового Египетского Лабиринта, сооружался лабиринт Критский.

Также микенская хронология опирается на египетские находки (алабастр; фаянс) периода 18/19-й династий – в Арголиде, Лаконе, Беотии, при обнаружении микенской керамики во дворце Эхнатона и беспорном стилистическом влиянии искусства Крита и Микен на искусство Амарны, сродни тому как на архаичную Грецию влиял из Египта, через бывшие мостом к ней Крит и Кипр, культ Тельца.

Возвышение (яфетического) Крита, давшего, повторим, древнейшую из известных самобытную средиземноморскую цивилизацию-культуру Европы, на начальном этапе III-й Пост-Атлантической Египетско-Вавилонской эпохи (2908/07 – 748/47гг. до н.э.), было обусловлено следующими факторами. С одной стороны, его островной, между тремя частями света, выгодной коммуникационной и торговой географией и целым рядом удобных гаваней, а с др., – политической ситуацией древности, когда (хамитический) Египет и (семитическую) Месопотамию/Вавилонию представляли континентальные державы без развитого флота и флотоводчества, в развитии к-рых критяне (не преемствовал ли атлантам?) опередили и предварили преемствовавших им в плане гегемонии на море – от Восточного Средиземноморья до (Геркулесовых) Столпов Мелькарта – финикийцев. Вместе с тем, финикийский Молох (Телец) в явном сродстве с требовавшим человеческих жертв критским Тельцом – Минотавром!

Неспроста древнейшие (из идентифицируемых) критские обитатели были, как полагают, пеласгического и старокарийского происхождения¹⁰, к-рые и позже

¹⁰ Не к пеласгам ли и карийцам восходит малоазийская матриархальность Крита (влияние хеттов?) и древних критян, называвших свою страну Великой Матери Реи (Кибела) не *отечеством*, а *родиной*? Не сияло ли Солнце в VI-ю Пра-Аккадскую атлантическую эпоху Девы (ок. 11500 – ок. 9300гг. до н.э.) из созвездия титанической матери богов Реи, впоследствии особо почитавшейся на Крите, во Фригии, в Трое!

сохранились на острове как кидоны и этеокреты (т.е. настоящие критяне), к к-рым впоследствии присоединились (с XIII-го в.) материковые вторженцы – дорийцы, потом – ахейцы и эолийцы, объединённые под общим наименованием смешанных критян.

О раннем периоде свидетельствуют семейные могильники, использовавшиеся на протяжении трёх столетий, устойчивые поселения и наследственное землевладение. Характерны обработка металлов, расцвет ремёсел, торговое судостроение (парусный флот), мореплавание. На Крит импортировались кипрская медь, анатолийское олово, драгоценные металлы, слоновая кость. С Крита экспортировались оливы, оливковое масло, вино, хлопок, дерево.

К раннему периоду относятся остатки круглых погребальных сооружений (толов) в Мессаре, шлифованные каменные сосуды, статуэтки культового назначения, золотые украшения и первые образцы печатей. К древнему дворцовому периоду восходят дворцовые постройки в Кноссе и Фесте, к-рые после случившейся ок. 1700г. катастрофы (землетрясение? и только ли?) были отстроены заново, так же, как и другие резиденции властителей в Агия Триада, Амнисе, Гурнии. Притом вплоть до XVв. до н.э. их облик оставался более или менее постоянным. В этот период искусство Крита (минойская керамика, изображения на печатях, мелкая пластика) сделало громадный шаг вперёд по сравнению с предыдущим.

Новодворцовое время – хорошо сохранившиеся стенные росписи из Кносса и Агия Триада, затем – первоклассная керамика, богато украшенная изображениями цветов, животных, пейзажами. Тип росписи, закрепившийся в «дворцовом стиле» 1500 – 1425гг. Расцвет культуры, с прекращением торговли и связей, простиравшихся на западе до Липарских островов, оборвался с разрушением Кносса и других поселений ок. 1400г: землетрясения? нападения внешних врагов? внутренние усобицы?

Для этого периода характерны: централизованное теократическое управление и образцовое налогообложение (при управленческих и экономических заимствованиях из Египта и Месопотамии), развитие техники, сети городских улиц, строительство мостов, осушительной и канализационной систем. Критские оружейники славились изготовлением восьмигранных щитов, надёжных шлемов, кольчуг, наколенников.

Далее – расширение городов: Кносс – не менее 50-и тыс. жителей. Малые города – Гурния, Псейра, Паланкастрон. Критяне имели опорные пункты на Эгине, Мелосе, Родосе, Фере, в Милете – север; торговали с Египтом на юге; на востоке дотягивались до Миттани. Но в дальнейшем упадочная крито-минойская культура носила эпигонский характер, окончательно уступив в XIVв. первенство пелопоннесским Микенам, хотя последний всплеск Крита был связан с падением в 1184/83гг. Трои.

Религиозные и культовые особенности с основателя критской цивилизации Миноса, во многом, обуславливались особым положением женщины в обществе, о чём говорят фрески, на к-рых мужское начало в облике Быка = Тельца в III-ю Пост-Атлантическую эпоху, под знаком-импульсом Тельца, изображается в паре с восседающей на нём укротительницей Тельца – своеобразный эквивалент Великой Матери. И не к данному ли сюжету восходит последующий древнегреческий миф о Пасифае – анимализация человека (гипертрофированная чувственность Души ощущающей) поры материалистического потопа в душах в Малую эпоху Тьмы = Кали-юга? Не с Крита ли родом Минотавр (человеко-телец), обитавший в знаменитом критском Лабиринте, к-рый переключается со знаменитым Лабиринтом в Египте (атлантическое наследие III-й эпохи?), и от к-рого во всякое историческое время уже не было никаких следов.

Не на пустом месте древнегреческая мифология акцентированно выделяет Крит, признавая его родиной отца всех богов и людей – Зевса. Спасаясь от пожиравшего своих детей Кроноса-Сатурна, Рея, с помощью Геи и Урбана, прибыла именно на Крит и родила Зевса в одной из местных пещер. От брака Зевса с Европой (дщерь Азии!), к-рую он, превратившись в быка (опять – Телец!), похитил из Финикии и привёз на Крит¹¹, родились три сына: Минос, Радамант и Сарпедон.¹² Наибольшую честь и славу из них стяжал Минос – справедливый и мудрый царь, вернее, теократор Крита, столицей к-рого был Кносс, а важнейшими центрами – Фест и Кидония. Отсюда ясно – куда и к кому возводили, откуда и от кого выводили себя, своё метаисторическое начало и лицо древние греки! Отсюда мудрые критские законы первых пра-греческих государственныхников – Миноса, Радаманта, Идомея, Мериона, принесшие острову славу «острова Блаженных»!

Но, не наказывая ли Миноса, Посейдон влюбил его жену Пасифаю в прекрасного белого быка, от противоестественной связи царицы с к-рым (что, кстати, Нерон театрально-натурально инсценировал в Риме) и родился Минотавр, к-рого Минос запер в Лабиринте – подземелье кносского дворца, сооружённых – и дворец, и лабиринт – великим зодчим Дедалом, где Минотавра одолел не без помощи судьбоносной нити Ариадны афинский герой-царевич Тесей (победитель также амазонки, претеча аттическо-афинской демократии и Солона)!

При всём том, торжество Тесея оказалось недолгим, поскольку он забыл, возвращаясь в Афины, спустить чёрный парус и поднять белый, из-за чего его отец Эгей, решив, что 7 афинских юношей и 7 девушек в очередной раз принесены в жертву Минотавру, убитому на сей раз и его сына, в горе (и с горя) бросился в море. Да и любовь Тесей – Ариадна не была счастливой. По одной версии, герой покинул царевну после ночи любви с ней; по другой, – её забрал к себе влюблённый в неё бог Дионис.

С Критом и Миносом связано также сказание о Дедале и Икаре. Минос разгневался на Дедала за то, что тот изготовил для Пасифаи деревянную тёлку, устроившись в к-рой, она совокупилась с быком, и Дедал, желая покинуть с сыном Икаром остров, морские пути к-рого полностью контролировались Миносом, смастерил, чтобы улететь с отпрыском на Сицилию, уподобившись вольным птицам, две пары крыльев и скрепил их воском, привязав одну пару к плечам сына, а другую – к своим. Однако очарованный открытой полётом красотой Икар поднялся слишком высоко к солнцу, воск расплавился, юноша упал и утонул в море, названном в память о нём Икарийским.

К слову, и это, в смысле – взлёт-полёт Икара, было сценически разыграно при Нероне, когда поднявшийся на крыльях в воздух некий безымянный новый Икар тоже, – «при первом же полёте упал перед императором и своею кровью забрызгал и его ложе и его самого» (Свет. «Нер.» 11,2). Между тем, сообразно мифу, Дедалу удалось добраться до Сицилии, где смерть настигла прибывшего туда требовать его выдачи для наказания Миноса, убитого дочерьми сицилийского царя Кокала.

¹¹ Согласно Гесиоду, Орион охотился с Артемидой и Латоной на Крите, грозя истребить всех животных; Гаяя (Гея) разгневалась и снарядила против него Скорпиона, к-рый его убил. По просьбе Артемиды и Латоны, Зевс превратил Ориона в созвездие, но сделал созвездием также и Скорпиона (астрологический дом к-рого – в Марсе, и страна к-рого – Италия).

¹² Не изгнал ли Минос Сарпедона с Крита в М.Азию, где тот возглавил Ликию и ликийцев, получил продолжительность жизни в трёх поколениях и предводительствовал ликийцами в годы Троянской войны!

Крит – крупнейший греческий остров и второй по площади остров в Восточном Средиземноморье, расположенный к югу от Киклад, вытянутый на 250 км с запада на восток, при ширине от 12-и до 56-и км, общей площадью 8,3 тыс. кв. км. Высокая горная цепь, разбитая на 4 части, проходит через весь остров с востока на запад, деля его посредством проходов между гор на средний, западный и восточный. На севере находятся Белые горы (Левка) или Мадарас, перед к-рыми к северу лежит г. Берекинт. Отроги и мысы – Корики, Диктиной, Псак (ныне Капо Спада), с храмом Артемиды Диктины или Бритомарты, к-рая, согласно преданию, бросилась здесь в море, чтобы спастись от назойливых объятий Миноса. Потом – мысы Киамон и Дрепан. В центральной части главная вершина острова – Ида, почти вся покрытая снегом. Севернее от неё мыс Дион, северо-западнее – горный кряж Киндрий. На востоке – известная поклонением Зевсу г. Дикта, оканчивающаяся к северу мысом Самоний.

Остров орошается многочисленными, но незначительными ручьями. На с-в – Иардан и Оакс (из Иды), Амнис и Кайрат – в области г. Кносс, в южной части – Катарракт и Лефей. Превосходный и здоровый, вследствие соединения горного и морского воздуха, климат Крита, где ветры освежают летнюю жару, рекомендовался для больных ещё Гиппократом. Равнины обильны-изобильны апельсинами, оливами, хлебом и хлопком. Деревья – платаны, клёны, дубы, кипарисы; на юге – даже финиковые пальмы. Из полезных ископаемых – медь, железо, песчаник. Наиболее плодородная местность – Гортино.

Главные города северной половины о-ва с запада на восток: Фаласарна (храм Артемиды), Кисам, служивший гаванью для Полиррени – самого значительного города с-з части, к-рый лежал несколько дальше от берега, населённый ахейцами и дорийцами. Они завоевали в XIII/XII вв. ахейские полуостровные области, Крит и др. о-ва Эгейского моря, после чего, в ходе трёхвекового греческого упадка, пальма морского первенства перешла к финикийцам, с к-рыми в XII – XV вв. соперничали загадочные «народы моря». И тем не менее, с упадком Крита и Микен финикийские приоритеты в деле открытия и исследования Западного Средиземноморья были неоспоримы.

В критском Пергаме показывали могилу Ликурга. Большое сходство спартанских и позднекритских учреждений побуждает связывать последние с дорийцами и объяснять их существование на Крите древним поселением на о-ве дорийцев. Одно из преданий гласит, что спартанец Ликург (IX в. до н.э.) заимствовал свои законы из Крита, позднее умерил себя голодом в Дельфах и нашёл погребальное упокоение на Крите.

Критское патриархальное гос. устройство в I тыс. до н.э. (противоположное матриархальным приоритетам II-го тыс. до н.э.) вполне сравнимо со спартанским. Дорийцы и на Крите, подчинив местных жителей, образовали в основной массе класс полноправных граждан. Кроме этого класса, существовали и два других: 1) перизки или гипекони – подвластные граждане, пользовавшиеся личной свободой, но лишённые политических прав; 2) прикреплённые к земле и обрабатывавшие её земледельцы, принадлежавшие либо общинам, либо частным лицам, платившим за них подати: первые – мноты; вторые – амафиоты или клароты.

Как и в Спарте, тут практиковалось общественное воспитание мальчиков, обучавшихся владению оружием и музыке. Наличествовала герузия из 30-и человек; чиновники космы – блюстители порядка – 10 чел., наблюдавших, подобно спартанским эфорам, за управлением государством и за цельностью гос. устройства. Первый из них – протокосм – являлся эпонимом, по имени к-рого обозначался-

назывался год. На острове были приняты общественные трапезы – андреи; экзистировали товарищества юношей – агелы.

Восточнее Иардана стояла некогда могущественная Кидония, согласно преданию, основанная Миносом и названная именем сына Аполлона, с прекрасной гаванью. От известной своими айвовниками Кидонии происходит название айвы – *malum sudonium* – кидонский плод. Между Кидонией и Дрепаном находились Аптера, Лаина, Амфималла у одноимённого залива, Ритимна, к югу от подошвы Иды лежала Элевферия. В древнем Кноссе, с гаванью Гераклеон, когдашней резиденции Миноса, упоминаемом у Гомера как весьма значительный город, показывали памятник Зевсу, гробницы Доменея и Мериона. Дальше располагались Милет и Литт – самый значительный город на востоке острова, разрушенный кносцами в 220г. до н.э. Город Олер славился статуей Артемиды работы Дедала. В южной части Крита от востока к западу пользовались известностью города Иерапитна и Лебеи; второй – с внушительным храмом Асклепия. У северного берега лежал небольшой остров Диа (Скандия) – место ночи любви Тесея и Ариадны, взятой со Скандии Дионисом.

Различные самостоятельные республики уцелели на Крите и сохраняли свободу по 67/66гг. до н.э., когда римляне под началом Кв. Цецилия Метелла Критского (конс. 69г.) покорили остров в наказание за то, что некоторые его города принимали участие в морском разбое, к-рому Рим в 67г. объявил, делая Средиземное море внутренним морем Империи, смертельную войну. Лаину Метелл взял приступом; Амфималла пала вследствие измены. Крит был превращён римлянами в провинцию и объединён с аннексированной в 74г. до н.э. Киренаикой, несколько переориентированный таким образом с Европы и Азии на Африку – под управлением преторского проконсула.

ПУТИ ПАВЛА С КРИТА – В ЭФЕС, КОЛОССЫ И В МАКЕДОНИЮ (лето/осень 64г.)

И вот спустя 130 лет на Крит, где, повторим, родился (154г.) творивший в Испании Эль Греко (+ 1614г.), прибыл весной 64г. из Испании (*страны Вечерней звезды перед Великим морем заката*) Ап. Павел.

Их совместная с Титом (и Тимофеем?) миссионерская деятельность на Крите продолжалась где-то ок. 3/4-х месяцев, с весны до середины или второй половины лета 64г. Но был ли с ними изначально знакомый нам по Эфесу 54-го г., до прихода туда Павла, красноречивый александриец Аполлос, к-рого просветили Акила и Прискилла (Д.Ап.18), к-рый затем проповедовал в Коринфе, и ещё позже находился в Эфесе при трудившемся там три года (54 – 57г.) Павле (см. выше)? – неизвестно. Плюс – был ли с ними на Крите книжник Зина (Зенодот), к-рых, Аполлоса и Зину, обоих, Павел упоминает в 65г. в Посл. к Титу на Крит (3,13)? или они пришли в критские пределы в помощь Титу позже, по отбытии с Крита Павла? – из слова Послания неясно (см. ниже).

Зато ясно, что оба они летом 65г. обрелись с определённого времени на Крите, и Павел, письменно требуя (из М.Азии) от Тита прийти к нему на зиму в эпирский Никополь, велит ему также позаботиться об отправлении-снаряжении (куда?) Зины и Аполлоса – «так, чтобы у них ни в чём не было недостатка» (3,13).

И ещё ясно, – о чём здесь нельзя не сказать, – то, что, оказавшись после Рима/Италии и Испании на грекоязычном Крите, точнее, вновь в ареале-диапазоне грекоязычного пространства, Павел оказался в родной ему (урождённому еврею Диаспоры) эллинистической стихии. Поскольку, несмотря на статус греческого

койне как языка международного (*lingua franca*) ойкуменического, в пределах Греко-Римской Ойкумены, общения (наподобие современного английского), Италия, Испания, Галлия были прежде всего, первая – романской, а вторая и третья, – расположенными к западу от Италии, – кельтоиберской, галльской и, в первую очередь, (отнюдь не столько эллинизированными, сколько) романизирующимися провинциями. Они являлись ресурсом иссякающих романских Рима/Италии (потому и столь любые Тациту, в отличие от жухлого-квелога эллинистического Востока), где, конечно, местная элита и многие говорили по-гречески, но где, всё-таки, многие, особенно из простых людей, греческий не знали, или знали не настолько, чтобы внимать Павлу.

Засим круг его слушателей был и в Италии, и в Испании ограниченным. Да и ни там, ни там он явно не чувствовал себя, как рыба в воде, новообретя эту родную ему стихию-среду впервые после 61г. (когда начались его Первые римские узы) только в 64г., по прибытии из Испании на Крит, где можно было развернуться от лица к лицу/лицам в полную греко-языковую силу. И дальше аналогично – в ходе его трудов 64/65гг. после Крита – М.Азия, Македония, Ахайя, снова М.Азия, Никополь.

При всех случаях, Тит (по церковному преданию, рукоположенный Павлом в епископы Крита) остался летом 64г. на срок ещё более года, до осени 65г., на Крите, когда Павел, посетивший, кстати, островной Крит спустя 19 лет (лунный цикл) от начала своего первого заморского миссионерования на островном Кипре (45/46гг.), где-то во второй половине лета 64г. отчалил в М.Азию. Отчалил – либо (с Тимофеем?) в Эфес, либо на Родос и Карию, чтобы оттуда (т.е. более коротким путём) добраться в Колоссы (и встретиться с Тимофеем там?) (см. ниже).

Тем временем, Тита ожидали долгие и непростые труды на всях и в городах Крита, на к-ром он пробыл с весны 64 по осень 65гг., в общей сложности, с Павлом и затем без Павла, ок. полутора лет. Дело в том, что критяне той поры переживали глубокий декаданс, стартовавший, к слову, отнюдь не после их, по мнению некоторых, покорения римлянами, но гораздо ранее. Опустившиеся, в сравнении с ими самими на I/II вв. порядком забытым славным (правда, чересчур давним) прошлым, и в нравственном, и в материальном отношении, они пользовались на просторах Греко-Римской Ойкумены весьма дурной репутацией лжецов и обманщиков, составляя вместе с каппадокийцами и киликийцами (или карийцами) три злых каппы (к-к-к).

А то, что этот декаданс наступил не со вчерашнего дня и не по вине Рима, выразительно свидетельствуется через пастырское наставление о критянах Павла Титу (65г.): «Из них же самих (т.е. из критян – К.З.) один стихотворец сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». / Свидетельство это справедливо. По сей причине обличай их строго, дабы они были здоровы в вере...» (1,12/13)

Под стихотворцем (греч – «пророк») речь идёт о критском – из Файста на юге острова – поэте аж VI в. до н.э., авторе (цитируемого Павлом и) не дошедшего до нас сочинения «Об оракулах» – Эпемениде, кто, как видим, задолго до покорения Крита римлянами, называл своих земляков-соотечественников лжецами, злыднями и бездельниками. Оно и не мудрено, так как раньше всех, в рамках древнегреческой = евроцивилизации возвысившийся Крит, соответственно, должен был раньше всех, ещё до расцвета классической античной Греции во второй половине I тыс. до н.э., подпасть декадансу, к-рый в эллинистический период, при македонянах и римлянах, всё более усугублялся.

Скажем снова, если Гомер называет Крит «стоградным», говоря в «Одиссее» о его 90 городах, то у Плиния Ст. их – 60, короче, суть в том, что городов на урбанистическом Крите было, в сравнении с другими островами, отличительно много. И разумеется, не во всех из них, но в ряде наиболее значительных Тит,

продолжая миссионерство, к-рое они начали совместно с Павлом, должен был поставить пресвитеров, занимаясь, в т.ч., этим в 64/65гг., тогда как Павел, о чём сказано, прибыл во второй половине лета 64г. в М.Азию, где и узнал о Великом июльском пожаре Рима, узнав в дальнейшем и о жестоких (августовско/сентябрьских) гонениях Нерона на римских христиан.

Из Эфеса или из КариИ путь Павла лежал во фригийские Колоссы — 150/60 км вглубь материка от Эфеса, христианским общинникам к-рой Апостол писал в 63г. из Рима (Посл. к Колоссянам) (см. выше), и куда он намеревался прийти в перспективе, пишучи на исходе своих Первых римских уз также в Посл., опять-таки, из Рима, к (обретавшемуся в Колоссах) Филимону: «А вместе приготовь для меня и помещение; ибо надеюсь, что по молитвам вашим я буду дарован вам» (22) (см. выше).

Т.е. намерение посетить Колоссы, где Павел прежде не бывал и где христианская община возникла (видимо, импульсированная его плодотворной эфесской деятельностью 54 — 57гг.) без его прямого участия, присутствует в Посл. к Филимону однозначно. И у нас нет оснований отказывать Павлу в осуществлении данного намерения в 64г., тем более, что времени для этого хватает, и незачем переносить Колоссы в следующий 65г., во-первых, слишком далеко отстоящий от выдуманного весной 63г. намерения, к-рое и без того осуществилось летом/осенью 64г. запоздало. И во-вторых, в 65г. Павел лишь летом, после весны/лета в Коринфе, прибыв в Эфес, должен будет пробыть там достаточно времени, и ещё он побывает минимум как в Милите южнее Эфеса, так и в мизийской Троаде на порядок севернее, откуда осенью отчалит на греческий запад, чтобы провести зиму в эфирском Никополе.

Между тем, в 64г., посетив колоссян, проверив состояние общины и дав необходимые наставления, Апостол, возможно, зайдя также в расположенные неподалёку Лаодикию и Гиераполь, осенью пришёл либо в Эфес, либо пока не в Эфес, а в один из береговых городов запада М.Азии (близ Эфеса). И оставив сопровождавшего его Тимофея в Эфесе для пастырской деятельности, сам он отошёл-отплыл в Македонию (зимовать в Филиппах), о чём ясно говорится в 1-м Посл. к Тимофею, написанном зимой/весной 65г., по всему, из македонских Филипп: «Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе и увещевать некоторых, чтобы они не учили иному...» (1,3) (см. ниже)

Следовательно, не всё в эфесской общине обстояло гладко-благополучно, и, либо не успев её посетить в 64г., либо не успев в ней развернуться, Павел велел Тимофею (отчаливая в Македонию) остаться в Эфесе, разумея прибыть сюда самостоятельно в следующем 65г., что он и сделает, побывав сначала весной 65г. в Коринфе (куда придёт из Филипп, перед тем написав зимой/весной, одновременно с 1-м Посл. к Тимофею, 3-е Посл. к Коринфянам), где, т.е. в Коринфе, дела обстояли на порядок сложнее, чем в Эфесе, с к-рым можно было повременить.

То-то ниже в пастырско-наставительном 1Тим. (пишущемся, повторим, из Филипп зимой/весной 65г. и отправленном в Эфес весной, по открытии мартовского воздухоплавания, с филиппийской оказией, когда сам Павел был в дороге на Коринф) находим: «Сие пишу тебе, надеясь вскоре придти к тебе, / Чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божиим, к-рый есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины» (3,14/15). Стало быть, Павел не знал зимой/весной 65г., перед дорогой из Македонии в Ахайю, сколько времени понадобится ему в Коринфе, и потому предупреждал Тимофея о возможном замедлении своего прихода-приплывания в Эфес.

Впрочем, по всякому, в Эфесе Апостол язычников основательно побывает летом 65г., плюс посетит расположенный недалеко Милит, где он прощался с эфесскими пресвитерами, направляясь в Иерусалим весной 58г. (см. выше), и где в 65г. им

будет оставлен, видимо, сопровождавший его в Милит больной Трофим, о чём мы узнаём уже из самого последнего Павлова Послания – 2-го к Тимофею, в к-ром, написанном уже из Вторых римских уз летом 66г., Павел просит Тимофея прийти к нему (из Эфеса) в Рим до зимы 66/67гг.: «Трофима же я оставил больного в Милите» (4,20).

Равно осенью 65г. Павлу доведётся побывать ещё и на севере побережной М.Азии, в Троаде, откуда он впервые в 52г. (по явлении ему в видении молящего о помощи *мужа македонянина*) переправился из Азии в македонскую Европу во время Второго миссионерского путешествия. И там, в Троаде, он оставит (забудет?) осенью 65г. фелонь – тёплое зимнее облачение (до пят и без рукавов), к-рое окажется востребованным во Вторых уз, совсем не таких мягких, как Первые, и к-рое он будет просить Тимофея принести ему до зимы 66/67гг. в Рим (2Тим.4,13).

Но обо всём этом см. ниже. Пока же – в 64г. – Павел, не ранее чем поздней осенью, прибыл через портовый македонский Неаполь в расположенные в ок. 12-15-и км от него Филиппы, сообразно намерению, высказанному им сходно весной 63г. в Посл. (на исходе Первых римских уз) к Филиппийцам, в к-ром он обещал снова прийти к ним: «при моём *очередном* или *следующем* к вам пришествии» (1,26), к-рое, напомним, в русском переводе ошибочно называется «вторичным» (см. выше), и к-рое в реальности было третьим (после посещения Павлом Филипп в 52 и 57гг.).

Вот вам и интенсивные пути-дороги-маршруты 61-летнего и, по-прежнему, неутомимого Ап. Павла в 63/64гг. – от крайне-предельно западного испанско-приатлантического Средиземноморья, через Крит, до М.Азии в восточном Средиземноморье, и до г. Колоссы в ближней Фригии, с последующей дорогой в македонские Филиппы на зимовье. К этому в 65г. присовокупятся Коринф, вновь М.Азия – Эфес, и минимум Милит с Троадой, за к-рыми последует зима в эпирском Никополе. И именно оттуда весной 66г. Павел проследует морем в Италию, намереваясь, по прибытии к нему Тимофея (перед тем попавшего в узы в Эфесе, но на весну 66г. свободного), отправиться вместе с ним в Палестину, чему уже не суждено будет осуществиться (см. ниже).

Причём предложенный нами хронорасклад, синхронизирующий последние Павловы Послания – одно Соборное – 3Кор. (в составе канонического 2Кор.10-13) и Трёх пастырских – 1Тим., к Титу, 2Тим., плюс написанное весной 66г. из Италии (в Палестину) эксклюзивное Посл. к Евреям (к-рых Апостол очень надеялся в 66г. увидеть), – при восставлении историко-метаисторической-метахронологической реальности в её подлинности, иного решения, будучи безальтернативным, не допускает. Не допускает, если, конечно, не пренебрегать содержащейся в Посланиях информацией, если не отрицать Вторые узы и не валять, что называется, дурака. Суди самостоятельно, читатель, по уже разложенному-рассказанному нами, и по тому, о чём нам ещё предстоит рассказать.

Честно говоря, наличие в павлианской биографии Первых (61 – 63гг.) и Вторых (66/67гг.) римских уз, как и насыщенного интервала между ними (63 – 66гг.), настолько, при беспристрастном раскладе Павловых Посланий и множестве других косвенных улик, очевидно, что трудно не прийти к следующему выводу. Отрицание (каких-либо) Вторых уз Павла рационал-критиканами XVIII – XXвв. было обусловлено исключительно их (подобным инфантильному дезинтерийному поносу) маниакально-патологическим желанием-стремлением (даже вопреки элементарной рациональной логике) любой ценой похерить церковную традицию и заклеимённое ими («проклятем заклеимёнными») – как поповские выдумки – священное предание!

ТРЕТЬЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФЯНАМ И ТРЕТИЙ ПРИХОД ПАВЛА В КОРИНФ

(зима/весна 65г.)

Итак, Павел провёл зиму 64/65гг. в македонских Филиппах, с к-рых он начал свою европейскую миссию (впервые прибыв сюда в 52г. из Троады, минуя Самофракию, через Неаполь) и где основал первую европейскую общину. Повторим, он пришёл к Филиппийцам в 64г. после Испании, Крита и М.Азии, причём пришёл, всего-итого, в третий раз, поскольку вторично ему довелось посетить Филиппы (после Эфеса) в 57г., придя туда через Троаду летом, потом побывав ещё из Македонии в Иллирии, и потом придя на зиму 57/58гг. из Филипп в ахайский Коринф.

Т.е. обстоятельства его прихода из М.Азии в Македонию и из Македонии на зиму в Коринф были в 57/58 и в 64/65гг. внешне частично схожи, так же, как снаряжение им перед собой в Коринф Тита. Правда, в 57г. Тит был отправлен в Македонию из Эфеса, а в 63г. из Рима, и встретился в 57г. с Павлом в Македонии, а в 64г. — на Крите, тогда как безымянный Титов спутник, направленный совместно с ним в 63г. в Коринф (2Кор.12,18), видимо, остался там, продолжая трудиться в Коринфе дальше, когда сам Тит отчалил в 64г. для встречи с Павлом на Крит. И наконец, если местом зимовки Павла в 57/58гг. был Коринф после Филипп, откуда он вместе с Тимофеем писал 2Кор., то в 64/65гг. он, наоборот, пришёл в Коринф весной, перезимовав в Филиппах, в то время как Тимофей пребывал, не покинув в обществе Павла М.Азию, в Эфесе.

Напомним, согласно преданию, первым епископом филиппийской общины был в 52 — 58гг. поставленный Павлом и оставленный в Филиппах Лука, к-рый, по всей вероятности, пребывал с 52 по 58гг. у филиппийцев небезотлучно, так как, скажем снова, ранние Апостолы и др. проповедники христианства были, в первую очередь, перемещавшимися с места на место евангелистами-проповедниками, (основательно или основательнее) осев в доверенных им общинах позднее (после мученичества Петра и Павла — 67г.). И, к слову, с Лукой, далее сопровождавшим его (?), Павел мог встретиться зимой 64/65гг. в Филиппах (или до того — на Крите? или в М.Азии?), между тем как Марк, видимо, находился с 63г. в Колоссах, куда он собирался из Рима, согласно Кол.4,10 (см. выше).

Филиппийская община являлась наиболее благополучной и особенно близкой Павлу, являясь, наряду с тем, одним из трёх наиболее значительных из заложенных ранее им (в отличие от впервые початых — 63/64гг. — Испании, Крита, Колосс) христианских центров-средоточий в Эгеаде: Филиппы — в Македонии, Коринф — в Ахайе, Эфес — в Азии, с каждым из к-рых Апостол в 64/65гг. напутственно прощался, на сей раз, точно зная, что более не посетит их.

И не случайно именно в Посл. (весной 63г.) из Рима к Филиппийцам, тесно связанный с к-рыми Павел только от них дважды принимал в нужде денежную помощь для себя, говорится об успехах христианской проповеди в преторианских казармах (1,13) и даже среди домочадцев кесарева дома-дворца (4,22) (см. выше).

С тех пор многое изменилось и, возможно, в 64г., после Великого пожара Рима и гонений на христиан, кто-то из христианских беженцев, покинувших Италию, оказался в Филиппах. Не были ли вообще уцелевшие христиане осенью 64г. изгнаны из Рима, возвратившись в Город после смерти в 65г. Поппеи (?), когда иудеи лишились покровительственной длани при дворе, вследствие чего, б.м., отношение римских властей к христианам на время несколько смягчилось (?).

По всякому, деятельность Павла в Филиппах зимой 64/65гг. не могла не переключаться и не быть связанной с тем, что произошло за истекшее время. Притом, напоминая читателю, что сведений о каких-либо преследованиях христиан в 64г.

за пределами Рима нет, хотя в целом случившееся тогда в Риме не могло, в той или иной мере, не отразиться на христианах по Империи, к-рых власти с того времени всё больше отделяли от иудеев, в свою очередь, всё решительнее дистанцировавшихся от христиан, как и христиане дистанцировались от них. Так что работы среди филиппийских общинников в изменившихся обстоятельствах Павлу, к-рый уже давно, с 57/58гг., не был ни в Македонии, ни в Греции, хватало.

К концу же зимы, или зимой/весной, он написал своё Третье Послание к Коринфянам (2Кор.10-13), к-рое отправил, как сказано, с оказией, предваряя свой весенний приход к ним — 65г., как некогда Второе Послание (2Кор.1-9) в 57г. предваряло его зимний приход в Коринф. Сходно, по всему, скорее, в Филиппах, нежели позднее в Коринфе, было написано и, с открытием судоходства в марте, ушло в Эфес 1-е Посл. к Тимофею, в к-ром Павел наставлял последнего, обещаясь вскоре прийти к нему (3,14) и одновременно предупреждая о своём возможном замедлении (3,15). О замедлении, поскольку дела в коринфской общине, самой сложной из павлианских церквей, приносившей Павлу и раньше много огорчений и беспокойства, обстояли далеко не так благополучно, как в общине филиппийской, дополнительные подтверждения чему, ясно отражённые-отображённые в 3Кор., наверняка дошли до Павла во время его зимовья в Филиппах.

В Коринфе имелись различные группировки внутри общины, весьма активничали иудеизующие и не дремали язычествующие лжеучители, выдвигались разного рода нарекания-обвинения против Павла. Кое-кем ставился под сомнение его, не знавшего Иисуса в земной жизни и не входившего в круг 12-и, апостольский статус; ему несправедливо вменялись недругами — корыстолюбие, трусость, слабость очная и сила заочная. И всё названное, т.е. ряд проблем, существовавших и ранее, и частично разрешённых как самим Павлом в 57/58гг., так и стараниями Тита со спутником в 63/64гг., теперь, надо полагать, не без влияния ещё постпожаришных гонений на христиан в Риме в 64г. и возможного появления в Коринфе беглых христиан из Рима, снова обострилось.

И обострение это насущно требовало обязательного персонального прихода Апостола язычников, к-рый и без того (а ныне — наипаче) намеревался, в ходе своего заключительного путешествия-пришествия в данный регион, непременно посетить (чересчур важный, как и Филиппы, как и Эфес) в его деятельности и для судеб будущего выведенного им на мировые эллинистические горизонты христианства Коринф.¹³

Мы отмечали выше, что 2 и 3Кор. слились-сомкнулись во Пв. н.э., когда в Коринфе уже не помнили, что Павел был у них и в 52 — 54, и в 57/58, и в 65гг., помня зато, что он был у них итого трижды, мало того, в третий раз он пришёл туда при немало похожих на его второй приход обстоятельствах, опять в весьма, в большей мере, чем когда-либо прежде, конфликтной и требовавшей для разрешения конфликтов его личного присутствия-участия ситуации. Отсюда изначальные 2 и 3Кор. (если опустить ещё одно не дошедшее до нас Посл. к Кор., упоминаемое в 1Кор.5,9, и следовательно, написанное раньше 1Кор.) превратились в совокупное 2Кор., к-рое переформатированно вбрав в себя во Пв. 3 Кор., канонически устоялось в III/IVвв. И ведь, помимо прочего, все Соборные Послания Павла в каноне относятся к периоду 53 — 63гг., иначе говоря, к периоду до конца Первых уз, в связи с чем

¹³ Стоит специально оговорить, что ойкуменическая проповедь Павла находила более положительный отклик в эллинистическом мире, на просторах эллинистической Ойкумены, нежели в собственном центре тогдашней Эллады = Ахайи — в Коринфе (или в Афинах), сродни тому как в еврейской Диаспоре (к-рая станет чуть ли ни консервативнее палестинского еврейства только после катастроф 70-135гг.) у него было много больше последователей-приверженцев, чем в Палестине.

ещё одно Послание в период после Первых уз как бы выходит за канонические рамки, как бы выпадает из каноническо-соборной композиции 10-летнего ряда.

Но разве Соборность не предполагает пространственное число 12 и во времени!? Т.е. разве Соборным Посланиям Павла (к-рый трижды был в Коринфе и от к-рого осталось Три Послания к Коринфянам!) – от Первого к Фессалоникийцам, написанного в 53г., до Третьего к Коринфянам, написанного в 65г., – не должно охватывать период не в 10, а именно в 12 лет?! Плюс – персональное Посл. к Филимону от 63г., 1-е пастырское Послание к Тимофею и пастырское Посл. к Титу – оба от 65г., плюс – имеющее особый статус Посл. к Евреям от 66г., и 2-е пастырское Посл. к Тим. также от 66г. Итого 15 Посланий, к-рых стало в каноне 14, что не подлежащий изменению Канон никак не дискредитирует, и однако, при хроноре-конструкции истории/метаистории, подлежит восставлению-реконструкции, по возможности, в первозданном (историко-метаисторическом) виде-облике.

* * *

Беспочвенный упрёк коринфских недоброжелателей-клеветников в заочной силе и очной слабости, дескать, «в посланиях он строг и силён, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна», Павел парирует в 2(3)Кор.10,1;10.

И, между прочим, не свидетельствует ли, пусть побочно, сам этот упрёк в пользу довольно долгого – 7-летнего (с 58г.) – отсутствия Павла в Коринфе, когда одни успели забыть, а другие – новые неопиты – попросту не знали, каков Апостол в Посланиях и каков в личном присутствии, тогда как его первое и второе пребывания в Коринфе отделены всего трёхлетним промежуточным сроком – 54 – 57г. Причём обращает на себя внимание мн.ч. – «послания», что, исходя из мн.ч., не может относиться ко Второму Посланию, требуя (впрочем, без учёта не вошедшего в канон Послания, упоминаемого в 1Кор.5,9), Третьего.

И Павел уместно иронизирует над клеветой некоторых в его давно не бывавшего в Коринфе адрес о, мол, его трусости при встрече лицом к лицу, иронично прося не вынуждать его по прибытии к твёрдой смелости, чтобы употребить её «против некоторых, помышляющих о нас, что поступаем по плоти» (10,2). Ходя во плоти, он воинствует в духе, и оружие его, сильное Богом, направлено на разрушение твердынь неправды, на ниспровержение злых и неправедных умыслов (10,3/4).

Павлу часто ставили в упрёк внешнюю неказистость. Вероятно, он выглядел приблизительно так, как не выглядел Иисус, по характеристике, данной Иисусу идеологом III-его Рейха А.Розенбергом: «Трудно представить, что Иисус был низкорослый еврей с клочковатой бородой и крючковатым носом. Несомненно, Христос был ариец».¹⁴ А вот Павел, похоже, как раз и был низкорослый еврей с бородой (клочковатой ли?) и крючковатым носом. Описание его внешности наличествует в апокрифе Пв. «Деяния Павла и Фёклы» (см. выше), где сказано о муже «среднего телосложения, с курчавыми волосами, кривыми ногами, голубыми глазами, густыми бровями и длинным носом». При этом, «исполненный изящества и Божьего сострадания, иногда он выглядел, как человек, а иногда, как Ангел». Другое предание П/Швв. говорит о Павле: «невысокого роста, лысый, полноватый, со сросшимися бровями, длинным носом и исполненный изящества» (Г.Геллей, с.602-08).

¹⁴ Почти аналогичного мнения придерживается сегодня называющий Иисуса «славянином» (!) ещё один «истинный (советско-постсоветско-языческий) ариец» (из тбилисских молокан) А.Проханов, к-рого (сродственно его оппоненту, но тоже великодержавнику В.Жириновскому, у кого – «мать русская, а отец – юрист») и мракобесно-примитивные сентенции к-рого современная российская власть и провластные ток-шоу дистанцированно ценят за его, «великого писателя земли русской» (В.Соловьёв), державную лояльность.

Думается, еврейский Апостол язычников выглядел примерно так, как его изобразил Эль Греко на своей знаменитой картине «Апостолы Пётр и Павел», где, с одной стороны, акцентирован приоритет доминантного Павла, а с другой, нельзя не отметить его разительное сходство с «Автопортретом» Эль Греко, к-рый не случайно умер именно в 1614г.¹⁵, через 98 (49 x 2) лет после кончины в 1516г. (за год до появления 95-и виттенебергских тезисов нового Иуды Искариота – М.Лютера) как самого таинственного художника всех времён и народов – Иеронима Босха, так и знаменитого мистика Иоанна Тритемия.

Причём полотно Босха покупал, благоговей перед ними, угрюмый-траурный король Испании (чей сын дон Карлос страдал, в т.ч., эпилептическими припадками) Филипп II Габсбург (+ 1598г.)¹⁶, недолюбливавший творчество своего (и Контрреформации) современника – великого живописца Эль Греко (картины к-рого он, тем не менее, тоже приобретал). И если у Павла подозревают болезнь глаз – офтальмию, к-рая заставляла его страдать и иногда делала его внешний вид отталкивающим, то у Эль Греко тоже подозревают косоглазие или астигматизм, почему-де, лица и фигуры его персонажей – «неестественно вытянутые». Или, скорее, тут «вытянутость» от земли к Небу, к многоуровневым Небесам!

В 3Кор. Павел «предупреждает лиц, упорно ему противодействующих, что по прибытии в Коринф не ограничатся строгими наставлениями, какие они находят в его посланиях, но на деле употребит всю полноту власти Апостольской против возмутителей церковного мира» (10,1-6) («Брюсс. Библия», с.2057).

Он предостерегает против гордического люциферического превозношения, противопоставляя оному диавольскому искушению «всякое помышление в послушание Христу (10,5). И как отец-основатель коринфской общины, отвечающий за неё, радеющий-болеющий о ней, грозит наказанием за непослушание (6).

«На личность ли смотрите!» (7). Человек рождается как индивид, а личность формируется. И уверенность в себе у тех, кто Христовы, никак не входит в противоречие с тем, что и Павел – Христов. Напротив, тут тождество. И власть Павла в качестве основателя Коринфской церкви, к чему он, Апостол, уполномоченный соответствующими постановлениями Апостольского собора (и не только), взывает, дана ему в созидание, а не в расстройство и разрушение (8).

И пусть клеветущим на него не кажется, что он устрашает «только посланиями» (9). Мн.ч., как и ниже в 10,10. Каков он на словах, т.е. заочно, таким он будет и на деле – очно и лично, при скорой встрече (11). «Иудействующие противники Апо-

¹⁵ Год смерти страшной «чахтицкой пани» – Елизаветы Баторий; год публичной казни повешенного в Москве трёхлетнего сына Марины Мнишек – «Ивашки ворёнка» (с чего началось проклятие династии Романовых); год выхода в свет «Откровения Братства» Розенкрейцеров (авторство к-рого приписывается И.Валентину Андреэ, как и изданная в 1616г., но читавшаяся уже с 1603г., когда Андреэ было всего 17 лет, «Химическая свадьба Кристиана Розенкрейца», за к-рой стоит загадочный наставник Андреэ посвятителю проведенный перед его духовным взором ещё в 1601-03гг. «алхимическую свадьбу» и умерший как раз в 1614г. – мистик и врач-парацельсист – доктор Т.Гесс – фигура № 1 в Розенкрейцестве начала XVIIв.).

¹⁶ Филиппа II (современника *Золотого века* и начала упадка Испании) очень почитал Франко, как Филиппова современника Ивана Грозного (1533-84гг.) избрал своим историческим олицетворением Сталин (сказавший, правда, как-то раз, в весёлом подпитии, об Иване Грозном, что тот хлюпик, поскольку, казнив кучку бояр, аж две недели кается, грехи, видишь ли, замаливает). Притом интересно, что и (мрачный, подобно мрачному пророку Достоевскому) Филипп (кто построил свой знаменитый дворец Эскориал по образцу решётки, на к-рой был мученически зажарен язычниками Св.Лаврентий), и Иван Грозный сватались к Елизавете Английской (1558-1603гг.), к-рая («королева-девственница»), первой начавшая прокладывать Англии путь к мировому господству, сватовство обоих (хитро-деликатно) отклонила.

тола выставляют на вид своё перед ним превосходство; он же одно имеет в свою защиту, а именно, — что слово его благовестия достигло до слуха и сердца многих, и что ему дано было, трудясь на непочатой ниве, открыть путь ко Христу язычникам. Он не сам себя хвалит, но хвалится, по слову пророка (Иер.9,24), о Господе (12-18)» («Б.Б., с.2057). Не подняли ли иудействующие, борьба Павла с к-рыми — наиболее острая проблема раннего христианства, в частности, в Коринфе, ещё выше голову после римского постпожаришного гонения против христиан в 64г.?!

Притом в стихе 16,10 сказано: «(Так-чтобы и) далее вас проповедывать Евангелие», под чем на 65г. — предстоящая проповедь Павла и на востоке, и на западе от Коринфа (на к-ром, при всей его важности, свет клином не сошёлся): и снова в Эфесе, и в эфирском Никополе, где, в Эпире, Павел ещё не был. И затем — снова в Италии/Риме, куда он собирался (или собрался, находясь позже, в 65г., в Эфесе) по весне 66г., из Никополя. И куда, т.е. в Рим, он, надо думать, планировал возвратиться, посетив в 66г., вместе с Тимофеем, очаговых Евреев Палестины. (Возвратиться, нацеленный на своё мученичество в Риме во время ок. 70г., через 1080 лет после гибели ок. 1011г. до н.э. первого израильского царя Саула, что, однако, совершится с некоторым опережением сроков, поскольку ни Павел, ни Пётр не могли не принять, выполнив свою миссию, мученичество именно в Риме именно при Нероне, и, значит, — не могли дожить до падения в 70г. Иерусалима и Храма) (см. ниже).

Переходим к 11-й гл. 2(3)Кор. «Говорить о собственных заслугах неразумно; но ревность о Коринфянах заставляет Апостола поступать, как неразумные, и говорить о себе. Он обручил коринфскую церковь, как невесту, Христу и потому ревнует о чистоте веры, им преподанной. Пусть же община не прислушивается подобно Еве, прельщённой змием, к соблазнительным и лукавым умствованиям, чуждым по духу проповеди Павловой» (1-6) («Б.Б.», с.2057).

Он обручил Коринфян Единому Мужу, дважды усердно трудясь у них ради них в 52 — 54 и в 57/58гг., чтобы, фигурально выражаясь, представить их, по совлечению с них греха, Христу чистой девою, что имеет особое значение для коринфских христиан — обитателей известного распушенностью нравов языческого Коринфа. Он предупреждает против искушений Змия-Люцифера, напоминая о прельщении Змием Евы, соватратительницы Адама, что повлекло за собой именно в этой последовательности (из-за чего Павлу инкриминируют сегодня дремучий домострой и женоненавистничество!) грехопадение изгнанного из рая человечества. Посему не впадайте в гордыню умами вашими и не уклоняйтесь от простоты — от просто- и чистосердечия во Христе (11,3).

Лжеучителя из иудействующих проповедовали Коринфянам другого (без Нового Завета) Иисуса (не выходящего за рамки Моисеева закона) и кое-кого прельстили, возводя на Павла обвинения в том, что у него нет апостольских полномочий, так как он не только не знал живого Иисуса Христа, но и гнал его последователей, не входя ни в круг 12-и, ни в круг 70-и. Его обвиняли, игнорируя его полномочия от Апостольского собора, в самозванстве и он вынужден был отвечать, что у него «ни в чём нет недостатка против высших Апостолов» (5).

Павел подчёркивает, что он причинял издержки другим церквям, получая от них (имеются в виду македонские церкви — Филиппийская и Фессалоникская) содержание для служения церкви Коринфской (8/9), от к-рой он содержание не получал и где (занимаясь в 52 — 54гг. в Коринфе деланием палаток, т.е. добывая хлеб насущный вовсе не унижительным для апостольского достоинства ремеслом, к-рое обычным порядком практиковали иудейские законоучители) трудился, вопреки безосновательным обвинениям в его адрес в корыстолюбии, безвозмездно.

И опять в кадре, если внимательно присмотреться, мн.ч., подразумевающее не одно Павлово служение, а служения 52 – 54 и 57/58гг., вследствие чего эти слова не могут писаться в 57г., когда позади только одно коринфское служение – 52 – 54гг., но пишутся не иначе как в 65г. И похвала сия не отнимется у него в странах Ахайи (10), куда (в Коринф) он в третий раз идёт из Македонии (Филиппы). И на сей раз, любя Коринфян, о чём известно Богу, он намерен поступать так же, как в первые два раза, чтобы не дать лишний повод злопыхателям клеветать на него (11/12).

* * *

А дальше говорится о лжеапостолах, к-рые, будучи на самом деле лжепастырями, «принимают вид Апостолов Христовых» (13), будучи волками, надевают овечьи шкуры и прикидываются пастухами. «Как сатана принимает вид Ангела света, так и учителя подложного христианства выдают себя за Апостолов Христа» (13-15) («Б.Б.», с 2057). Сатана – князь тьмы Ариман. Дьявол – светносец Люцифер – падший ангел. Перед нами две ипостаси, два проявления супостата: дух гордыни – ложного взлёта-полёта, и дух низменных инстинктов, анимализирующих человека, дух бездуховного или бездуховленного материалистического интеллектуализма – преисподней смерти без воскресения. К тому же, в тексте – Люцифер, физическое воплощение к-рого на земле уже имело ок. 3000г. до н.э. место (быть), на службе у Аримана (сатана принимает вид ангела света), физическое воплощение к-рого среди людей в III тыс. н.э. ещё предстоит, и он сильнее-могущественнее Люцифера (см. Искушение Христа в пустыне)!¹⁷

¹⁷ Информация к (антропософскому) размышлению. Не грядёт ли воплощение Аримана ок.2160г. н.э. (спустя один Великий месяц от Рождества Христова), на 333 года раньше положенных сроков, как (опережение сроков) на 300-333 года раньше 333-го г. н.э. (середина IV-й срединной Греко-Римской культуры под знаком Овна-Агнца) свершились дуалистическое Рождество Христово и Таинство Голгофы. И как на 333 года ранее намеченных сроков случилась в (примем за верное) 3001г. до н.э. (через 101 год от начала – 3102г. до н.э. – Калиюги и после гибели Кришны от стрелы охотника Джары) инкарнация Люцифера (доинкарнационной инкорпорацией к-рого и был убийца 126-летнего Кришны, вернее, его физического отблеска, – «старец» Джара), так сегодня имеет место предшествующая *инкарнации* Аримана его последняя *инкорпорация* (после осудителя Христа первосвященника Анны – I/Ивв., и современника Аверроэса – венецианского дожа Э.Дандоло – XII/XIIIвв., ловко перенаправившего IV-й Крестовый поход с Иерусалима на Константинополь – 1204г.). И неспроста из сложения-аддирования-суммирования 333 + 333 (года), применительно к ускоренным воплощениям (имитаторов-подражателей-двойников-антагонистов Христа) Люцифера и (предстоящего) Аримана, получается в сумме 666 (апокалипсическое число зверя) лет!

Воплощение (прожившего долгую жизнь – 3001-2908/07гг. – и прошедшего в возрасте 40 лет (ок.2961г. до н.э. – за 2000 лет до окончания в 961/60гг. строительства Соломонова храма) через жреческое посвящение Люцифера (современник египетского Гермеса Трисмегиста), на Дальнем Востоке, в Китае, – не в XXVII/XXVIвв. (когда он должен был жить и действовать), но в XXXI/XXXвв. (2908/07гг.: конец Пра-Иранской культуры под знаком дуалистических Близнецов и начало Египетско-Вавилонской культуры под знаком Тельца, за 1460 лет до исшествия Израэлитов в 1447г. из Египта), т.е. не в эпоху Орифила-Сатурна (2728-2374гг.: время первого китайского императора Хуанди – 2697 или 2637гг. = время становления сатурнального Китая, сродни тому как пик сатурнального Рима пришёлся на следующую эпоху Орифила-Сатурна), а в эпоху Михаила-Солнце (3082-2728гг.)!

Первое Пришествие Христа не в IVв. н.э., но в I/1-30-33гг., т.е. не в эпоху Анаэль-Венеры (108-462гг.), но в эпоху Сатурна (248г. до н.э. – 108г. н.э.), в Греко-Римскую культуру, под знаком Овна-Агнца, в к-рую между 1/1гг. и 333/34гг. – 333 года, сходно тому как именно 333/34 года отделяют 3001г. до н.э. от 2668/67гг. до н.э. (середина между 2637 и 2697гг. до н.э.). Христос – Эон Эонов, Время Времени, Абсолютная середина Космической и Земной мета-истории-истории, историко-метаисторическое средоточие и податель Чистого Времени во

Примечательно следующее. Комментируя 2Кор.11,13-14, «Т.Б.» пишет: «Апостол говорит в крайне резком тоне о своих противниках. Они не Апостолы Христовы, за каких себя выдают, а служители сатаны. Подобно своему господину сатане, иногда принимающему на себя вид светлого ангела (*свет* — обозначение природы добрых

вселенской эволюции, олицетворитель становления Пространства духотворным Временем и Времени одухотворённым Пространством (см. стр. 2858/59).

Воплощение Аримана (на дальнем американском Западе) — не в XXV/XXVI вв., т.е. не в очередную ротационную эпоху Сатурна (2234-2588гг.), но в ХХIV в. — ок. 2160г. н.э. (с его жизнедеятельностью в ХХII/ХХIII вв.), т.е. в современную эпоху Михаила-Солнце (1879-2234гг.), к-рая (внимание!) началась за 20 лет до истечения в 1899г. Кали-юги, как стартовавшая в 3082г. до н.э. эпоха Михаила стартовала спустя 20 лет от начала в 3102г. до н.э. 5-тысячелетней Кали-юги, при том что промежуточная эпоха солярного Михаила (602-248гг. до н.э.) держит (в т.ч., приходящееся на вторую половину V в. до н.э. хроно)равновесие между инкарнациями (антагонистов христосолярного Михаила) Люцифера и Аримана, разница между земными воплощениями и деятельностью к-рых должна составлять, — не без аналогии с общей-максимальной продолжительностью Атлантической катастрофы от ок. 14700г. до н.э., под знаком Скорпиона (не выпустил ли Фаэтон-Люцифер, правя колесницей Гелиоса, вожжи при виде или от укуса Скорпиона-Аримана!), по ок. 9500г. до н.э., под знаком Льва, — ок. 5200 лет. И половина этого срока есть 2600 лет — число в связке со стартовавшим в зодиакальную атлантическую эпоху под знаком дуалистических Весов, в 13708/7гг. до н.э., Великим годом, протяжённостью в ок. 26 тыс. или 25920 лет, середина к-рого, по истечении 6-и (*дневных-летних* Амшаспанд =) Великих месяцев длиной в 12960 лет, даёт 748/47гг. до н.э. С учётом ещё и того любопытного факта, что от истечения 7-го (последнего *дневного-летнего* перед 5-ю *ночными-зимними* Месяцами) Великого месяца в 1413/14гг. н.э., до ок. 2160г. н.э. пролетает 747/48 лет.

Если Люцифер не мог не воплотиться ещё на исходе II-й После-Атлантической Пра-Иранской культуры, под знаком дуалистических Блинецов, и не мог не дожить до начала (проникнувший его импульсом) III-й После-Атлантической Египетско-Вавилонской культуры (тифоническая середина к-рой — 1828/27гг. до н.э.), под знаком Быка-Тельца, то время воплощения и действия Аримана (к-рый воплотится ближе к концу эпохи Михаила и захватит начальный период очередной эпохи Сатурна) — есть (и не может не быть) время под знаком дуалистических Рыб, к-рые вместе с Весами и Близнецами составляют три дуалистических знака Зодиака.

Наш Великий (= Космический = Платонов = Зодиакальный) год из 12-и зодиакально-космических Месяцев (3 + 7 + 2): 3 заключительные Атлантические эпохи (Весы, Дева, Лев) Четвёртой Атлантической стадии эволюции; 7 После-Атлантических культур (15120 лет) нашей Пятой Пассионарно-Ойкуменической стадии вселенской эволюции (Рак, Близнецы, Телец, Овен, Рыбы, Водолей, Козерог); плюс (после «Войны всех против всех») 2 Великих месяца (в составе) следующей Шестой (Филадельфийской) стадии эволюции (Стрелец, Скорпион) — до ок. 12213/14гг. н.э. (Если 25920 разделить на 12 = 2160, а 2160 x 7 = 15120, то 25921 разделить на 7 = 3703, а 1260 x 12 = 15120. Дробные даты начала и окончания Великих месяцев, равно дробная сумманда 25920/21 — по аналогии с дробной датой Рождества Христова в 1/1гг.) И при метаисторизации-метахронологизации исторических сроков Люцифера и Аримана необходимо держать в поле (неудержанных) зрения (и слуха) не только 7 культур (Великих месяцев) нашего Пятого Пассионарно-Ойкуменического периода длиной в 15120 лет, но и Великий Космический год (из 12-и Великих месяцев) = 25920/21 — ок. 26 тыс. лет — в целом.

P.S. Как инкарнация-деятельность Люцифера (3001-2907гг. до н.э.), так и инкарнация Аримана (ок. 2160г. н.э.), в обоих случаях, в начале, первая — III-го тыс. до н.э., вторая — III-го тыс. н.э. И по созвучию с инкарнацией-воплощением Люцифера спустя столетие от старта Кали-юги в год гибели Кришны (3102г. до н.э.), через столетие от конца Кали-юги (1899г. н.э.), сегодня, с ок.1998 (666+666+666)/1999/2000гг., имеет место (заключительная третья) инкорпорация (перед его инкарнацией-воплощением в ХХIV в.) Аримана, кто в наше время (ХХIV в.) себя ещё (предтечно) проявит (при том, что на рубеж ХХ/ХХI вв. = II-го и III-го тысячелетий н.э. приходится также время от дуалистического Рождества Христова, получаемое из аддирования противостоящего числу зверя 666 и олицетворяющего высшую Божественную Любовь числа 999+999!). Инкорпорация Люцифера — убийца Кришны — (ок. 60-летний) «старец» Джара — ок. 3161/60г. до н.э., за ок. 160 лет до воплощения (прожившего свыше 90 лет) Люцифера в 3001г. до н.э., как созеркальная инкорпорация Аримана ок.2000г. н.э. — за ок. 160 лет до его воплощения (и долгой, сродни Люциферу, почти столетней экзистенции) ок. 2160г. н.э.

ангелов), эти лжеапостолы принимают на себя вид служителей *правды* – той правды, возвещать к-рую считал своим собственным призванием Ап. Павел (Рим.1,17). Они предлагают Коринфянам правду через исполнение закона Моисеева, а ведь это ложная дорога к *правде*: таким путём не достигнешь оправдания (Рим.3,20). За этот обмен лжеапостолов ждёт заслуженное ими наказание» (т.3, 2Кор.13-15, с.169).

Вспомним Послание Апостола язычников к Римлянам, где сказано о благовествовании Христовом, к-рое «есть сила Божия от веры в веру, как написано: «праведный верою жив будет» (1,17). И ниже: «Потому что делами закона не оправдается пред Ним (Богом) никакая плоть; ибо законом познаётся грех» (3,20).

Отсюда отсылка комментария «Т.Б.» приложительно к лжеапостолам лукавым, уподобляемым Павлом сатане, принимающему вид ангела света, и к служителям его, принимающим вид служителей правды (конец к-рых будет по делам их¹⁸), верна и вполне уместна. Но ведь она предполагает, что на момент написания этих слов к Коринфянам Посл. к Римлянам уже написано! Не так ли? Однако, если, применительно к 2Кор.11,13-15, вести речь о 2-м Посл. к Кор., к-рое (1-9) было написано в 57г., то Посл. к Римлянам, к-рое было написано в 58г., ещё не написано! Нонсенс! Т.е. речь в отношении канонического 2Кор.10-13, включающего 2Кор.11,13-15, должно вести о написанном хроноисторически в 65г. 3-м Посл. к Коринфянам!

«Чтобы Коринфяне не прельщались самохвальством лжеучителей и не подчинялись наглости самозванцев, Апостол, при всём отвращении к похвальбе, свойственной глупцам, принуждён противопоставить пустому кичеванию мнимых служителей Христовых истинное свидетельство о том, что ему дано было претерпеть» (16-32) («Б.Б.», с.2057).

Он противопоставляет себя иудействующим, кичливо хвоящим-перехваливающим себя и распространяющим лживые байки о нём. Они (богоизбранники) Евреи (ветхозаветное богоизбранничество к-рых в прошлом), чем они кичатся в Коринфе, и он – Павел – ничем не уступающий им в этом Еврей Евреев из (избранного, наряду с коленом Иуды, в эпоху поствавилонского Второго храма, к-рый доживает последние годы) колена Вениаминова. Они – Израильтяне, под чем политически пресекающаяся на Сауле, Давиде, Соломоне и переходящая в духовное измерение израильская квинтэссенция еврейства, и он – Павел – учившийся у Гамалиила посвящённый фарисей – Израэлит Израэлитов. Они семья Авраамова, и он (ибо Авраам – дед Иакова, отца 12-го Иаковита Вениамина – пращур и кармического предварителя как Саула, так и Павла!), в силу перечисленных внешних атрибутов, к-рые утратили своё значение. Но коли уж о них говорить, даже с их позиции и по их меркам, именно он – отрасль семени Авраамова – не менее, но более, чем они.¹⁹

¹⁸ На память приходят слова прохристианенного князя Мышкина (этого, повторим, Достоевского Дон Кихота XIX-го в.) о социалистах на вечере у Епанчиных (цитирую по памяти со студенческих лет): «К чему призывают социалисты? Не имей собственности, не имей личности, братство или смерть, два миллиона голов. Сказано в Писании: «По делам их узнаете их».

¹⁹ 3 + 7 израильских колен Ассирийского пленения (734-15гг. до н.э.), + 2 колена – Иуда (сын Лии) и Вениамин (сын Рахили) – Вавилонского пленения (586г. до н.э.), из к-рых, т.е. из колен (сильнейшего среди 12-и братьев – сыновей Иакова-Израиля) Иуды и (самого младшего) Вениамина (родной младший брат «лучшего из братьев своих» – Иосифа-Израиля – сына Рахили), происходят Иисус Христос, вернее, Иисус Соломонид и Иисус Нафанид (сыновья двух Иосифов – из дома Давида, колена Иуды, равно двух сестёр – Марии Вифлеемлянки и Марии Галилеянки – из дома Иосифа-Израиля), и Вениаминит Савл/Павел.

Обращают на себя внимание 12 колен от Сима до Исаака, Иаков – 13-е колено, по преемственной вертикали во времени, и 12 сыновей Иакова, родоначальников 12-и колен, по братской пространственной горизонтали, или в круге знаков Зодиака! к-рых, согласно древним астрологам, поначалу было 11, так как Весы, древним халдеям ещё неизвестные, примкнули к ним позже! и число к-рых, т.е. зодиакальных созвездий, если сопричислить к 12-и знакам-

Он, кто (много) больше них, гораздо более их, называющих себя истинными служителями Христовыми (под к-рым, если разуместь Иисуса, с позиции иудействующих, не Машиах ли бен Иосиф, жертвенная смерть к-рого должна бы предполагать в восприятии иудействующих грядущее пришествие Мессии, сына Давидова?), — «гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти» (23).

Т.е. тут Павел фактически говорит, что он многократно был в темницах. Правда, буде это говорится (говорилось бы) в 2Кор. от 57г., то на тот момент Павлу довелось побывать в темницах всего дважды: коротко — в Филиппах — в 52г. (Д.Ап.16,23-30); и, предположительно, коротко — в Эфесе — в период 55/56гг., что можно умозаключить из 2Кор.1,8. Откуда же, спрашивается, на 57г. эти явно не одна и не две темницы до написания якобы 2Кор.? к-рых в Д.Ап. нет и к-рые Лк. вряд ли мог опустить-пропустить. Ясно, что сюда надо включить и короткие узы в Иерусалиме — 58г., и двухлетние узы Павла в Кесарии — 58 — 60гг., и его Первые двухлетние узы в Риме — 61 — 63гг., и лишь в сём случае всё (в)станет на свои места. Следовательно, о многократных узах-узилищах Павел говорит — как долгий-частый зэк со стажем — в 65г. н.э.²⁰

Что касается пятикратного получения Апостолом сорока ударов без одного (24), о них также в Д.Ап. молчок, но это, в отличие от отсутствия темниц, удивления не вызывает, поскольку вполне могло быть Дееписателем опущено. Моисеев закон предусматривал наказание различных проступков сорока ударами (Втор.25,3), к-рых, по постановлению иудейского суда, наносилось 39 (13 x 3), — во избежание лишнего удара (гуманизм древности!): 13 — по груди, и по 13 — на каждое плечо.

Троекратное римское наказание Павла палками (25) = прутьями ограничено в Д.Ап. упоминанием одного такого наказания (Второе миссионерское путешествие) в (52г.) Филиппах (16,22). Относительно же имевшего место «однажды» побоевания камнями (25), это, согласно Д.Ап.(14,9), случилось (Первое миссионерское путешествие) в Листре (47г.).

А вот из трёх кораблекрушений известно, согласно Д.Ап., — одно: по дороге осенью 60г. из Палестины в Рим, когда подстражному Павлу, вместе со спутниками и попутчиками, общим числом 276^{20а} человек, пришлось, спасшись из воды, перезимовать на Мальте (60/61гг.) (см. выше). М.б., вторая морская катастрофа случилась на Павловом морском пути в Испанию в 63г.? тогда как третья — поздней осенью 64г., при морской переправе из М.Азии в Македонию? Хотя два отсутствующих в Д.Ап. кораблекрушения могли произойти и при плавании Павла (со спутниками)

созвездиям Змееносца, может составлять также 13! как и колен Израиля насчитывается (после 12-и братьев-Иаковитов) итого 13, если считать сыновей Иосифа — Ефрема и Манассию!

Кроме того, здесь нельзя не сказать, что К(Х)ронос суть *горизонтальное* Время — Иисус Соломонид, тогда как Каирос суть *вертикальное* Время — Иисус Нафанид, к-рые (*горизонталь* и *вертикаль*) в сочетании (под богородичными покровами *горизонтального* Пространства Марии Старшей и *вертикального* Пространства Марии Младшей) дают искупительный Крест Христа Спасителя!

И ещё — не прошла ли Земля, прежде чем стать Землёю, три состояния бытия — Сатурна, Солнца, Луны, чтобы, находясь в семеричном эпицентре, пройти ещё три состояния бытия — Юпитера, Вернеры, Вулкана.

²⁰ Согласно Клименту Римскому в его «1-м Послании к коринфянам», Павел был в узах-темницах, итого, 7 раз (5). 6 из них мы можем идентифицировать: Филиппы — 52г.; Эфес — ок. 56г.; Иерусалим — 58г.; Кесария — 58-60гг.; Рим — 61-63гг.; Вторые римские узы — 66/67гг. Т.е., если Климент прав, остаются ещё одни узы, возможно, коротко имевшие место в ходе (достаточно длительного) посещения Павлом Испании (63/64гг.)?

^{20а} Если 276 — число дней (46x6) чревоношения Иисуса Соломонида и Иисуса Нафанида (сроки 9-месячной беременности Их Матерей), то 276г. н.э. — дата мученичества считавшего себя продолжателем дела Ап.Павла — светодавца Мани.

на Кипр в 45г?, или при его возвращении в Сирию в 48г.? или, если уж на то пошло, скорее, при возвращении – после Второго путешествия – в Палестину в 54г.?, когда Дееписателя (оставшегося в 52г. в Филиппах?) с Павлом не было.

И всё-таки, смертельно опасные кораблекрушения (отлично от наказательных сорока ударов, или ударов палками) слишком значительные ЧП, чтобы не быть упомянутыми в Д.Ап. Засим минимум одно, если не оба, из этих двух неизвестных кораблекрушений, относится к 63/64гг., когда Павлу довелось бороздить морские воды из Италии в Испанию, из Испании на Крит, с Крита в М.Азию, и из М.Азии в Македонию, – так много раз, как ни в какое другое время.

При всём том, снова обратим пристальное внимание на суммарность испытаний, выпавших на долю явно подводящего, при их перечислении, свои миссионерские итоги Павла (24-32) за срок-время протяжённостью, как выясняется из последнего стиха 32, в аж (если знать новозаветную хронологию), в общей сложности, 28 (7 x 4: круг солнца) лет: от 37 до 65г. (но отнюдь не до 57г., когда суммировать и подводить итоги неестественно рано; когда у Апостола впереди аж 10 лет; и когда он шёл к Коринфянам только во второй раз, задолго до третьего и последнего раза). Ещё раз освеем в памяти: в стихе 32 Павел вспоминает об эпитропосе набатейского царя Арета IV, к-рый, т.е. этот безымянный наместник-эпитропос, по получении Аретом во владение от едва воцарившегося Калигулы Дамаска в 37г., подстрекнутый местными иудеями (Д.Ап.9,25), стерёг Савла, чтобы схватить его, и Савл, быв спущен по крепостной стене в корзине, избежал его рук.

Именно тогда, после трёх лет пребывания, по своём обращении на пути в Дамаск и крещении в Дамаске (34г.), в Аравии (34 – 37гг.), Павел пришёл, согласно Гал.1,18, в Иерусалим – 37г., откуда, опять-таки, согласно Гал.2,1, перекидывается *перспективный* хрономост длиной в 14 лет к Апостольскому собору 51г., по поводу чего в 2(3)Кор.12,2 фигурирует-позиционируется встречный *ретроспективный* хрономост длиной в аналогичные 14 лет из 65 в 51гг., маркирующий в преддверии Апостольского собора (где оба этих 14-летних срока, ретроспективный и перспективный, пересекаются-стыкуются) вышнее таинственное откровение Павла и его восхищение до Третьего райского неба! И делается это без упоминания о закрытом-латентном уровне 7-го посвяtitельного Неба, куда Павел (кто умышленно молчит о 7-м Небе) был восхищён спустя ещё 7 лет – в 58г., в очередной субботний год по (упразднённому в 41г. царём Агриппой) *Царскому* седмичному циклу-календарю (Иисуса Навина... Саула, Давида, Соломона... Иосафата... Езекии... Иосии... Маккавеев... Иисуса Христа): 37 – (44) – 51 – 58 – 65гг.²¹

«Б.Б.» комментирует: «Человек во Христе, восхищённый до третьего (духовного) неба – равно и тот, кто был восхищён в рай и слышал неизречённые глаголы – по-видимому, сам Ап. Павел, не желающий из смирения назвать своё имя» (12,1-5) (с. 2057). «Т.Б.» правильно не сомневается, что «Апостол говорит здесь о себе, но говорит как о постороннем человеке по своей скромности, а отчасти и как исторический повествователь о совершившемся с ним событии» (т.2, 2Кор., с.172), и наряду с тем, «Т.Б.» грубо ошибочно датирует ниже это событие восхищения примерно 44-м г. н.э., когда Апостол «собирался выступить на своё великое миссионерское служение».

Да, этого откровения удостоился именно Павел, к-рый сам не в состоянии исчерпывающе объяснить случившееся тогда с ним, не зная, как именно это с ним случилось «назад тому четырнадцать лет» – «в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает» (12,2). Но, во всяком случае, это экстатическое восхищение Павла (прошедшего через фарисейское посвящение Савла) на уровень Третьего неба пока-

²¹ Седмица (шмита) 64/65гг. отстоит на 9 семилеток = 63 года (кольцо Сатурна) от рождественской седмицы 1/2гг. н.э.

зывает нам его эзотерическую сопричастность-сопринадлежность истинному христианскому гнозису без люциферических перехлёстов известного т.н. апокрифического гнозиса первых веков христианства (в архангельскую эпоху Анаэль-Венеры), при том, что гностический «Апокалипсис Павла» (Пв.) восхищает его до Девятого неба. Между тем, иудейская эзотерика-мистика знала и Три неба (эфирное; астральное – солнечное; надсолнечное – высшее – местонахождение престола Господня), и 7, и 10, и, следует полагать, 12/13 спиритуальных Небес!

Выше мы говорили и, вновь предоставляя заинтересованному читателю информацию к размышлению, повторим: Третье небо Ап. Петра; Третье и Седьмое небо Ап. Павла (поднявшегося сначала на *третий* и потом на *седьмой* небесный уровень посвящения в тайны-таинства Господни); Девятое (в перспективе – после мученичества Петра и Павла) небо (крещённого-посвящённого Павлом) Дионисия Ареопагита; Двенадцатое/Тринадцатое небо Лазаря-Иоанна = Иоанна Богослова (предварение к-рого Ап. Павлом можно сравнить с предварением Иисуса Христа Иоанном Крестителем).²²

И не случайно это восхищение (перед Апостольским собором, к-рый открыл перед Павлом и приоритетным с тех пор павлианским христианством новый уровень ойкуменических горизонтов) на Третье небо (о К-ром более нигде в Священном Писании не сообщается), тождественное, по Павлу, восхищению в рай, где он «слышал неизречённые слова, к-рых человеку нельзя пересказать» (4), перекликается и с ветхозаветным раем у Иезекиила (28,13; 31,8), и с новозаветным раем у (кармически преемствующего Иезекиилу, как Павел преемствует Иеремии) апокалипсического Иоанна Богослова (Откр. 2,7)!

* * *

Причём крайне примечательно, что ниже данное Павлу «жало в плоть» связывается именно с его восхищением на Третье небо: «И чтоб я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтоб я не превозносился. / Трижды молил я Господа, чтобы удалил его от меня, / Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова» (7-9).

«Б.Б.»: «Апостол, взысканный от Бога столькими откровениями, искупает своё особое преимущество перед другими людьми особенным удручающим его телесный состав страданием, к-рое дал ему Бог, как жало в плоть, дабы он не превозносился и непрестанно чувствовал свою природную немощь. Но в немощи его сила Господня совершается: ощущая свою тварную брэнность и нищую беспомощность, человек живее сознаёт в себе силу Божию, нисходящую в него, как дар свыше, его благодатно оживляющую и через него чудотворно действующую» (7-10) (с. 2057).

Так мы узнаём вместе с адресатами 3Кор., что одновременно с чрезвычайностью эзотерически легитимизирующих его избраннический апостольский статус откровений, в результате его райского восхищения до Третьего неба, Павлу было дано жало в плоть, ангел сатаны, удручать его, именно для того, чтобы он не превозносился, не возгордился излишне. Т.е., дабы уравновесить сокровение откровения, к-рого избранный Апостол удостоился, – о чём он, с одной стороны, не может не сказать в свою защиту против обвинителей Коринфянам, а с другой, не может открыть адресатам закрома всех тайн полностью, – ему была ниспослана

²² Плюс – Небеса Небес! эксклюзивно статуированного Апостола Иисуса Христа – Посланца Света – Мани (Шв. н.э.) – реинкарнации первовоскрешённого в Ив. н.э. (31г.) Самим Христом Юноши из Наина, возраст к-рого в 65г. н.э. – 48 (12 x 4) лет.

какая-то немочь, какой-то недуг для его заземления-приземления – во предотвращение (люциферической) гордыни (и превозносительного отрыва в люциферические высоты). Как тут не вспомнить В.Высоцкого: «Груз тяжких дум наверх меня тянул, / А крылья плоти вниз влекли – в могилу» («Гамлет»).

Сила духа вполне может быть и нередко бывает обусловлена физической немочью-немошью, парадоксально действуя и вопреки, и благодаря последней, плодотворно питаемая ею. Человек в напоминающей ему о слабости брэнной плоти немочи, в испытательно посланной ему болезни, заземлённый и приземлённый во плоти, чтобы выше подняться в духе, более боголюбив, чем в силе!

Это в язычестве или в ново-новейшем атеизме (скудоумно-примитивно взывающем к здоровому-де язычеству через голову больного-де христианства) в обязательно здоровом физкультурном теле (анимализированного человека) обитает обязательно здоровый (и тоже физкультурный!) дух (к-рый атеисты параллельно отрицают!). В христианстве же, зачастую, как раз напротив – в слабой, немощной, подверженной искушениям плоти, наперекор ей, – истинно здоровый дух человека, живущего максимой – «не я, но Христос во мне». И болезни посылаются человеку свыше во испытание и укрепление нашего духа. И если раньше, чтобы исцелиться, требовалось взывать не столько врачей, сколько Господа, то ныне треба взывать и Господа, и врачей, но прежде всего (никак не утратившего, невзирая на все старания рационал-материалистов, жгучую актуальность) именно Господа!

Об этом павлианском жале во плоти и ангеле сатаны экзегеты спорят давно, дескать, что под ними: физическая или душевная немочь? недуг или зашифрованное под недуг искушение? Первое выражение «жало в плоть» буквально означает «терновую колючку». В пророчестве Господа против Тира у Иезекиила сказано: «И не будет он впредь для детей Израилевых колючим терном и причиняющим боль волчцем...» (28,24).

Терн тотчас вызывает ассоциацию тернового венца, издевательски надетого перед казнью глумливыми мучителями на Христа. Терновая колючка – причиняющий страдания венец в миниатюре. Но речь никак не идёт о жале сугубо фигуральном, к-рое, по Павлу, проникло в самую плоть = вошло в мясо, в связи с чем на повестке дня определённо какой-то физический недуг. Более того, недуг, действующий через данного Апостола в постоянные спутники ангела сатаны, удручающего его, где уже, приложительно к ангелу сатаны, можно говорить в обычном смысле о фигуральности, но из чего вкупе необходимо умозаключить также, что явно физический Павлов недуг был иногда видим окружающими, был воспринимаем ими (см. ниже).

Хотя в целом Павел говорит об этом, как и об уровне Третьего неба, достаточно туманно, шифруясь, и умышленно не до конца раскрывая тайны одного и другого взаимосвязанных феноменов, к-рых он не может, повторим, не коснуться в целях новолегитимизации своих апостольских полномочий и уровня своего посвящения в тайны-тайнства Господни, поставленные в Коринфе под сомнение за время его долгого отсутствия.

Под недугом, по одной из версий, как отмечалось, полагают болезнь глаз – хроническую офтальмию, по другим – эпилепсию или неврастению. Но, как известно, эпилепсия – хроническое неврологическое заболевание, а неврастения – психическое расстройство из группы неврозов, что никак не стыкуется с жалом во плоти, да ещё могущим быть, в пору обострения недуга, в пору его острых проявлений, физически заметным-зримым для окружающих. И недуг этот сопровождал Апостола, удручая его воздействием ангела сатаны, и Господь отказался удалить его от Павла, несмотря на его троекратную молитву, сказав ему, что речь идёт именно о том случае, когда сила Господня «свершается (чрез Павла) в (его) немощи».

Вспомним (не в первый раз) ослепительное солярно-световое озарение на пути Савла в Дамаск (Д.Ап.9) (см. выше), из-за к-рого он на три дня ослеп, словно погружённый в могилу, восстав и прозрев в третий день (по аналогии с восстанием Иисуса из гроба), когда после возложения на него, избранного сосудом Господним, волею Господа, в Дамаске, рук Анании, — «как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и встав крестился» (18).

Что стало вследствие этого судьбоносного озарения, ослепления, облучения, духовно-душевно спасительного как для Павла, так и для человечества, с Павловыми глазами физически — неясно. И тем не менее, в пору предположить, что произошедшее тогда сверхчувственное явление не прошло для его глаз, для его физического зрения бесследно. И заложенный ещё тогда в нём недуг вскрылся наружу или проявился в полную силу, когда 48-летний Павел удостоился нового облучительного откровения, нового уровня озарительного посвящения-восхищения до Третьего неба именно перед Апостольским собором 51г., к-рый особо уполномочил (новопосвящённого) Павла, вверив ему особую миссию ойкуменического христианства. Болезнь (воспаление) глаз (электроофтальмия?) как плата-расплата за духовно распахнутые навстречу Третьему небу, за духовно неупержанные на посвятителном уровне Третьего (к-рый в 58г. вырос до уровня Седьмого) неба глаза. Взлёт внутреннего зрения, открытие духовного ока (третьего глаза) за счёт недужного удара по зрению физическому!

Притом подтверждение диагноза в отношении болезни (облучённых) глаз, приступов их временами острого (офтальмического?) воспаления, с 51г., обнаруживается и подтверждается, в т.ч., хронологически, в знакомом нам Посл. к Галатам (55г.), где Павел, в частности, говорит: «Знаете, что хотя я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз, / Но вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им, а приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса. / Как вы были блаженны! Свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне» (4,13-15) (см. выше).

Удостоверьтесь, этот зримый во плоти острый недуг, к-рым Галаты не возгнушались, готовые исторгнуть свои очи и отдать Павлу, не являясь ни эпилепсией, ни неврастенией, свидетельствует, скорей всего, о воспалительной, о физически видимой болезни именно глаз! Как иначе понять слова Павла об очах, к-рые преданно внимавшие его первой проповеди среди них в анатолийской Галатии-Кельтике Галаты-Кельты готовы были пожертвовать ему?!

На вопрос — когда сие происходило? — мы ответили выше. Если в памфилийско-ликаонских пределах провинции Галатия Павел побывал ещё в 46/47гг. (Первое путешествие), то собственно Кельтам-Галатам он «в первый раз», о чём в Посл. к Галатам и идёт речь, благовествовал во второй половине 51г., в начале своего Второго путешествия, после Апостольского собора, к-рый состоялся в первой половине 51г., следом за восхищением избранного Господом в качестве сосуда Апостола язычников до Третьего неба! Соответственно, «жало в плоть» было дано Павлу в 51г. н.э. — за 14 лет до написания им 3Кор. в 65г. н.э., что и требовалось доказать и что дополнительно удостоверяет верность предложенного-представленного нами хронорасклада.

И избранный Богом Павел, к-рый оптимально в марте 65г. в третий и последний раз идёт к Коринфянам, как оглядываясь на пройденный путь, так и провидя будущее, нисколько не ропща против (понятно зачем) данного ему 14 лет назад «жала в плоть», мужественно несёт свой крест: «Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях на Христа: ибо, когда я немощен, тогда силён» (12,10).

И Павел продолжает, подчёркивая, что у него «ни в чём нет недостатка против высших Апостолов» (11), т.е. против круга 12-и, в чём его, 13-го Апостола = в несопринадлежности к этому кругу = в самозванстве — и упрекали некоторые. И чего — звучит горькая ирония — Коринфянам недостаёт перед прочими церквями, разве только того, что Апостол ни в первый (52 — 54гг.), ни во второй раз (57/58гг.) не был им, находясь у них, материально в тягость, к чему он, опровергая упорную клевету на него в корыстолюбии, возвращается в Послании снова и к чему присовокупляет: «Вот в третий раз я готов идти к вам, и не буду отягощать вас, ибо я ищу не вашего, а вас. Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей» (14).

И Тит, к-рого он недавно (как и в 57г.) посылал в Коринф, на сей раз снарядив его туда вместе с неким спутником-помощником, тоже ничем не воспользовался для себя от Коринфян. И Коринфяне напутствуются Павлом в Послании умиротвориться, взяты за ум до его прихода, — «чтобы мне, по пришествии моём, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете...» (20); «Чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой, и чтобы не оплакивать мне многих, к-рые согрешили прежде и не покаались...» (21), как это уже было во второй раз — в 57г. Отсюда ясно, сколько огорчений и каких доставляла Павлу столь дорогая ему и столь любимая им, наиболее проблемная из всех основанных Апостолом язычников общин-церквей — Коринфская. Община, где, скажем снова, в первую очередь, иудействующие противопоставлялись его полномочно утверждённому-оснащённому-легитимированному Апостольским собором легитимному ойкуменическому курсу-вектору!

И наконец, заключительная глава Посл. к Кор. вновь акцентирует в 65г. предстоящий третий (а не второй, имевший место в 57г.) приход Павла к ним: «В третий уже раз иду к вам...» (13,1), из чего (равно — из многого другого), так как в 2Кор.1,15 говорится о вторичном получении Коринфянами благодати по предстоящем вторичном приходе Павла к ним, неопровержимо явствует, что каноническое 2Кор. в Iv. н.э. разделялось на (условно) 2(1-9) и 3(10-13)Кор., слившись-сомкнувшись-превратившись-преобразившись в 2Кор.(1-13) во Пв н.э., и затем укоренившись в таком виде в Каноне в III/IVвв. Неспроста «Т.Б.» в комментарии на 13,1 пишет: «Неизвестно, когда Апостол во второй раз посещал Коринф. Но во всяком случае такое посещение имело действительно место, и как-нибудь иначе перетолковывать слова Апостола (о третьем посещении — К.3.) нет никакого основания» (т.3, 2Кор., с.177).

Не перетолковали и не исправили их в III/IVвв. и *собратели* окончательного варианта Канона, оставив пришедший к ним из II-го в. текст (без позднейшего подразделения на главы) как есть, что, благо, даёт нам возможность, нисколько не покушаясь на Канон, восстановить-реконструировать историческую реальность в её подлинности. И мы её реконструировали, доказательно показав, что во второй раз Павел был в Коринфе в 57/58, а в третий — в 65гг. Впрочем, обо всём этом было исчерпывающе сказано порядком выше, в соответствующих главах, не считая сказанного (не без повторений) только что, почему вновь возвращаться к уже не раз сказанному во всех подробностях сейчас излишне.

Тут стоит сказать о том, что перед последним своим приходом в Коринф Павел в Послании стремится максимально разрядить конфликтную обстановку, едино-временно предупреждая «согрешивших и всех прочих», чтобы они до его скорого прихода одумались и раскаялись-покаялись, полный, вместе с тем, решимости проявить данной ему апостольской властью (отца-основателя общины) необходимым твёрдость, ибо, — «когда опять приду, не пощажу».

«Б.Б.»: «В третий раз Апостолу предстоит посетить Коринф, и во время третьего своего пребывания там он будет держать строгий суд над лицами, обвиняемыми общиной, с допросом свидетелей, согласно закону Моисееву» (1-4) (с.2057). Последнее разумеет разбирательство «при устах двух или трёх свидетелей», согласно положению Торы (Вт.17,6; 19,15), практиковавшемуся, как видно, при разбирательствах, и в раннехристианских общинах.

«Б.Б.»: «Коринфяне должны испытать свою совесть, согласовать свою жизнь со своею верою и предстать Апостолу сильными во Христе. От них зависит отвратить ту строгость, к-рую Апостол обязан применить без пощады к отклоняющимся от правильного христианского пути» (5-10) (с.2057).

И этот путь известен ему – благовестнику-ойкуменисту системного мировоззрения – как, пожалуй, никакому другому из Апостолов. Остаётся лишь снова подивиться как неиссякающей энергии Павла, в ком Христос, так и его несокрушимой уверенности в своей апостольско-христианской правоте! И он, идя к Коринфянам, готов как на строгие суровые меры против недопустимого, против покушающегося на самую суть истинного христианства уклонизма и уклонистов, так и – в смирении и кротости – к созидательному, к доброму, к самопожертвовательному миру (Friedfertigkeit) во Христе с общинниками общины, в к-рую, сродни прочим основанным им церквам, он инвестировал себя без остатка.

«Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть.»

Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину.

Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны; о сём-то и молимся, о вашем совершенстве.

Для того я и пишу сие, чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению» (13,7-10).

«Т.Б.»: «В дополнение к сказанному им о молитве (стих 7), Апостол замечает, что ему даже приятно оказаться *немоощным*, т.е. не проявлять своей карающей власти над Коринфянами. Если они *сильны*, т.е. пребывают в истинной вере, идут по пути христианского совершенства, то Апостол только радуется этому. Он и послание своё пишет им для того, чтобы укрепить их в вере: ему не хочется являться разорителем благополучия Коринфской церкви, а таким он явился бы, если бы нашёл Коринфян продолжающими свою греховную жизнь. Нет, он хочет созидать, а не разорять их церковь» (т.3, 2Кор., с.178).

Легитимация 13-го особостатуированного Апостола, согласно его Посланию, в том, что им было ради Евангелия выстрадано, и в том, что Господь даровал ему в посвятельном сокровенном откровении!

Вероятно, Павел пробыл в Коринфе (основной путь до к-рого он, вполне возможно, проделал из Македонии морем?) в 65г. ок. 3-х месяцев, с марта по июнь, что, вкупе с его полуторалетним коринфским пребыванием-служением в 52 – 54, и с ок. трёхмесячным посещением Коринфа зимой 57/58гг., даёт, всего-итого, ок. 2-х лет насыщенной апостольско-коринфской деятельности (за суммарно ок. 13-летний, с 52 по 65гг., период времени). Итак, констатируем напоследок: три, в общей сложности, подлежащих и поддающихся метаисторической реконструкции, павлианских прихода в Коринф и три, в общей сложности, воспроизводимых Послания к Коринфянам (к-рые составили два канонических)!

Причём, при завидной напористости Павла, его упорстве, умении убеждать, владении благовестническим словом и уверенности в своей правоте, в правоте его

ойкуменической миссии, при его правомочно легитимном апостольском статусе, можно не сомневаться, что насущные проблемы, невзирая на то, что строгих мер избежать не удалось, были в основном решены, конфликты разрешены-улажены, главные цели достигнуты. Таким вот образом возымело место и состоялось последнее прощальное посещение Павлом Коринфа.

А после этого, где-то в первой половине лета 65г. н.э., Апостол отчалил из Ахайи в Эфес, где его прибытия с нетерпением ожидал оставленный им в Эфесе осенью минувшего 64г. Тимофей.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

(зима/весна 65г.)

Но прежде чем прибыть с Павлом из Коринфа, точнее, из прикоринфской гавани Кенхреи, в июне 65г., в Эфес, разберём, пока Павел в пути, его Первое Послание к Тимофею, написанное и отправленное, как уже отмечалось выше, по всей видимости, из Филипп, перед отшествием-отплытием в Коринф.

Надо сказать, что в аутентичности пастырских – в их принадлежности перу Павла – Посланий к Тимофею и к Титу (к-рые первым назвал пастырскими-пасторальными, насколько известно, Фома Аквинат – *pastoralis regula*) не было сомнений до начала XIXв., когда в 1807г. либеральный протестантский философ, теолог, проповедник F.Schleiermacher (1768 – 1834гг.)²³ уверенно (с умнейшим видом) выдвинул следующую (быстро подхваченную критиканским подходом) интеллектуалистско-залихватскую гипотезу. Слушаем/вникаем: т.н. пастырские Послания писаны не Павлом и адресованы не Тимофею и Титу, будучи составлены (в смысле – сварганены) после 100г. н.э., с использованием имени и авторитета Павла для авторитетного формирования-воспитания христианских общин в духе павлианского христианства.

Гм! Это, пожалуй, похлеще, чем упростиельно-опростиельное отрицание каких-либо Вторых римских уз Павла, равно его деятельности в интервале между узами, и отнесения мученичества как Петра, так и Павла, в зависимости или не в зависимости от Великого пожара Рима, на 63 или 64гг.!

Впрочем, то были только цветочки, ибо ягодки второй половины XIXв. и особенно XIX/XXвв. вывели на авансцену (порождённых Шлаермахерами) мифологистов, сторону к-рых активно приняли, по указанию Ленина, в частности, большевики, вообще отвергнувшие (с 20-х по 60/70-е гг. XXв.) историческую реальность-достоверность какого-либо Иисуса и большинства Его Апостолов, никогда-де, в действительности, не живших и, мол, хитроваными-церковниками придуманных («по чём опиум для народа?»). Хотя Павлу тут «повезло» несколько «больше»: в его существовании даже сам отец мифологистов А.Древс (к досаде большевиков) не сомневался!

Любопытно, что сегодня, когда пресловутый «мифологизм» в основном в прошлом, взошедшие на псевдо-теологии шлаермахеров знакомые нам Kl.Berger и Chr.Nord («Das Neue Testament und frühchristliche Schriften») говорят (по стопам Шлаермахера), как некто само собой разумеющееся, что 1Тим. (будучи, мол, составлено ок. 75г.) отражает отсутствие авторитета (для ранних христиан) во время после смерти Павла, и причисляют данное Послание к раннехристианским псевдоэпиграфиям, уверенно утверждая, наряду с тем, что только 7 из 14-и Павловых Посланий принадлежат самому Павлу (Рим.; 1/2Кор.; Фил.; 1/2Фес.; Флм.). Остальные-де, – отнюдь, притом (что приводится в довесок-поддержку к собственной ахинее) авторство Павла в отношении Послания к Евреям отвергалось уже (Лютером) в XVIв. (Реформация).

²³ Интересно, что его фамилия в переводе может означать – «делатель неправды» – застилатель глаз пеленой = вешатель лапши на уши (Schleier – покров, пелена; Macher – делатель).

А, дескать, появление аж 7-и Посланий за мнимым авторством Павла, причём Еф. и Кол. были написаны кем-то ещё при его жизни (!), связано с кризисом авторитета, вызванного его смертью (!!!). Но, мол, никакого криминального умысла в действиях учеников Апостола, обусловленных стремлением посмертного использования его авторитетного имени ради его же учения, нет (S.743/44). Скажем — спасибо хоть на этом? или оставим приведённое убожество (иначе не скажешь!) на совести авторов оногo? Второе — уместнее, так как «спасибо» тут, вследствие степени, несмотря на её «научный академизм», острой умственной недостаточности, говорить — совершенно точно — незачем и не за что!

Кстати, др. вектор уже совсем современной, без опоры на либеральную теологию прошлого, однако, во многом именно ею, как и т.н. научный атеизм, порождённой критики в адрес Павла, это — присвоение-инкриминирование ему имиджа махрового домостроевца, врага феминисток, суфражисток и всяких гендерников-нетрадиционалистов, уж не говоря о самих сексуальных меньшинствах и сторонниках их привилегированного общественного равноправия!

Между тем, церковное предание принимает епископское служение Тимофея в Эфесе, куда Апостол адресовался к нему с пастырским Посланием. Выше мы говорили об особенностях служения ранних христианских настоятелей, бывших не столько епископами в позднейшем смысле, сколько, в первую очередь, евангелистами-проповедниками, посвящёнными возложением рук на служение, перво-наперво, проповеднического Слова и не повязанными (за исключением особостатуированного в Иерусалимской матери-церкви Иакова Праведного) безотлучным пребыванием на одной настоятельско-епископской кафедре.

И именно с этой позиции следует подойти, в т.ч., к эфесско-предстоятельской деятельности Тимофея во время, по крайней мере, до мученичества Павла (67г.). Да и после Тимофей, кого подвопросно традиция считает епископом Ефеса, претерпевшим мученичество — то ли ок. 80г.? то ли в правление Домициана или Нервы? вряд ли (миссионируя и в др. местах) постоянно обретался в Эфесе, пусть проводя там на порядок больше времени и возвращаясь из миссионерских отлучек именно в Эфес.

Так или иначе, нас сейчас интересует ответ на вопрос: когда именно Павел рукоположил его в эфесские настоятели-епископы (1Тим.4,14; 2Тим.1,6): в 64г., прибыв с Крита в сопровождении Тимофея (прибывшего на Крит из Филипп, как Тит из Коринфа) в М.Азию и, стало быть, всё-таки, коротко побывав в Эфесе на пути в Колоссы (Лаодикию, Гиераполь)? или на обратном пути осенью из Колосс? Либо это произошло раньше — ещё до Павловых уз в Кесарии и потом в Риме?

Вспомним, весной 58г. Тимофей находился среди братьев-христиан, сопровождавших Павла, в ходе его возвращения в Иерусалим из Третьего миссионерского путешествия, «до Азии» (Д.Ап.20,4) (см. выше). Далее же о Тимофее, приложительно к Павлу в Иерусалиме, к его двум узническим годам в Кесарии (58 — 60г.), к дороге в Рим (60/61г.) и к римским узам 61 — 63г., когда Тимофей в 63г. снова появляется возле Павла в качестве соавтора Посланий к Филиппийцам (1,1) и к Колоссянам (1,1), сведений нет. С др. стороны, Дееписатель сообщает о прощении Павла в 58г. с эфесскими пресвитерами (без захода в Эфес), призванными в расположенный неподалёку южнее Милет.

Отсюда, спрашивается, не тогда ли Павел и рукоположил Тимофея в епископы Эфеса? что, правда не означает перманентной деятельности Тимофея в Эфесе в 58 — 62гг, до его появления, видимо, во второй половине 62г. в Риме при узнике Павле. Или, повторим-уточним, — рукоположение имело место в 64г., при коротком заходе Павла с Крита в Эфес на пути в Колоссы? либо по пути из Колосс, перед отшествием-отплытием в Македонию, с оставлением Тимофея на служение в Эфесе до основательного прихода самого Павла в Эфес в следующем году? Возможны оба

варианта, но реалистичнее, по нашему мнению, смотрится-видится, всё-таки, второй. И к слову, зыбкая традиция, датирующая Тимофеево мученичество временем ок. 80г., отводит на его эфесское епископство срок в ок. 15 лет (хотя церковно-христианская традиция о каких либо гонениях на христиан ок. 80г. молчит).²⁴

Читатель в курсе, что Тимофей из ликаонской Листры был сыном отца Еллина и матери Евреянки, обращённым или в пору проповеди Павла в 47г. в Листре, или несколько позднее, при всех случаях, до начального этапа Второго миссионерского путешествия, когда Павел в 51г., проходя через Листру, взял с собой, по рекомендации тамошних братьев, некоторого ученика, именем Тимофей, обрезав его ради Иудеев (Д.Ап.16,1-3) (см. выше). Родился же Тимофей, по всему, как сказано, в интервале 30 – 35гг., точнее, не ранее 30-го и никак не позднее (самый максимум) 35гг. (если, конечно, допустить, что он, сын иудеохристианки, был крещён-обращён в возрасте 14/15-и лет в 49/50гг., став в 51г., в 16/17 лет, спутником-сотрудником Павла (см. выше и ниже).

По поводу – не ранее 30г., и соответственно, Тимофеева возраста в 65г. – не более 35-и лет, в 1Тим.4,12 Павел говорит: «Никто да не пренебрегает юностью твоею», акцентируя его молодость, согласно чему, Тимофею было на 65г. не больше 35-и (или меньше) лет, что (как недостижение, в данном случае, 40-летней зрелости) обращало на себя внимание и имело значение для его авторитета перед старшими членами христианской общины.

У христиан не было строгих иудейских возрастных норм для странственно-проповеднического учительствования (30 лет) или ординированного раввината (40 лет). Не был ли Иисус Нафанид крещён в 28 лет? Не стал ли Иаков, брат Господень, предстоятелем Иерусалимской христианской общины в 31 год (на 31-м году жизни)? Однако молодость Тимофея в епископском-предстоятельском качестве-амплуа, перед лицом великовозрастных представителей эфесской паствы, особенно из числа иудеохристиан и иудействующих, всё равно бросалась в глаза и могла, сама по себе, подрывать его авторитет. То-то раввины говорили, что человек созревает для власти в 30 лет (возраст воцарения Давида), а для проницательности – в 40 (классическо-раввинистическое возрастное начало мудростной зрелости: три 40-летки дают идеальный Моисеев возраст в 120 лет, актуальный от Моисея до р. Акибы, кто также прожил, согласно талмудическому преданию, 120 лет).

Некоторые, лжеучившие иному внутри Эфесской общины, об оборении к-рых Павел просил Тимофея до своего специального прихода в Эфес, это – вероятно, иудействующие и иудействующие гностики, или приверженцы гнозиса как из иудеев, так и из язычников, к-рые занимались, согласно Павлу, баснями и родословиями бесконечными, производя большие, вредные и ненужные, споры вместо Божия назидания в вере (1,4). Как видим, из текста не очень ясно, о ком именно и о чём именно речь?

«Б.Б.» полагает, что здесь «намёк на метафизические генеалогии, измышленные гностиками. В самом деле они утверждали последовательное нисхождение из лона Божества длинного ряда рождающихся одна из другой вечных духовных существей, именуемых эонами; Христа почитали они одним из эонов» (с.2066). Так ли? Или только ли эти гностики в кадре? Или на повестке дня иудеохристиане с актуальностью для них родословий в ракурсе чистоты-сертификата крови? к-рым надо уяснить, что через закон познаётся грех, но обуздательно-карательным законом не достигается спасение, о чём Павел говорит и в 3Кор., писавшемся в одно время с 1Тим (1,8-10), тогда как Евангелие из Христова милосердия обращается к грешникам.

²⁴ Адресуемые Тимофею Павловы слова из 1Тим.: «Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе и увещевать некоторых, чтобы они не учили иному» (1,3) свидетельствуют об оставлении Тимофея в хорошо знакомом ему месте деятельности.

Не был ли помилован сам Павел, хулиитель и гонитель и обидчик по неведению (13-16), в то время как те, кто отвергли добрую совесть, «потерпели кораблекрушение в вере» (19)! Нет ли тут переклички, по обратной аналогии, с тремя благополучно пережитыми верующим Павлом кораблекрушениями на море (из 3Кор.)!

Кроме того, не касались ли споры о родословиях, в т.ч., в какой-то мере, спора о различных родословиях двух Иисусов? Вернее, Иисуса в первых списках Евангелия от Апостола и Евангелиста Матфея, претерпевшего мученичество как раз ок. 64г., к-рое было составлено в 50-е гг., и следовательно, могло быть доступно, в той или иной форме, Ефесянам? Плюс, возможно, – первая редакция Ев. от Луки (составленная в 62/63гг. в Риме), к-рая тоже уже наличествовала на 65г., вызывая толкования-нарекания, к-рые видятся Павлу излишними?

При всём том, заметим, что вплоть до недоумения в конце Пв. Юлия Африкана, сиявшегося искусственно свести Иисусовы родословия в Ев. от Мф. и в Ев. от Лк. воедино, свидетельствами о насущном вопросе-запросе ранних христиан по данному поводу мы не располагаем. Т.е. раннее христианство как-то уживалось с этим и, как пить дать, не обязательно уживалось в лице всех христиан, сообразно муссировавшейся к концу Пв. версии Юлия Африкана, или сообразно позднейшим версиям Амвросия Медиоланского и Августина (Д.И. 1366-70).

Дальше, двое из отвергнувших добрую совесть со впадением в богохульство се – некие Именей и Александр, к-рых Павел, по его слову, отлучил, предав сатане, – «чтоб они научились не богохульствовать» (1,20), разумея, следует понимать, время своей деятельности в Эфесе в 54 – 57гг. Александр подвопросно идентичен Александру, безуспешно пытавшемуся сказать слово к эфесянам-язычникам от иудеев и в пользу иудеев (против ли христиан?), в ходе противохристианского бунта язычников под предводительством сребренника Дмитрия в Эфесе (57г.) (Д.Ап.19,33) (см. выше). Равно можно предположить его идентичность меднику Александру, сделавшему много зла Павлу, согласно 2Тим.4,14, т.е., б.м., свидетельствовавшему в Риме в пору Вторых уз, в 66г., против Павла (см. ниже)? Именей = Гименей – *принадлежащий* (богу-покровителю браков) *Гименею* – упоминается также в 2Тим. 2,17/18 как лжеучивший, вместе с неким Филитом, «что воскресение мёртвых уже было» – в пику Восстанию Христа из мёртвых в Фантомном теле и в пику эсхатологии Второго пришествия, что разрушало в некоторых истинную веру.

Не говорил ли Павел, расставаясь с эфесскими пресвитерами в 58г. в Милете: «Ибо я знаю, что по отшествии моём войдут к вам лютые волки» (Д.Ап.20,29), провидчески разумея лжеучителей-совратителей разного толка-рода, к-рые проникнут в эфесскую общину после его отшествия (и в пору его долгого отсутствия).

* * *

Глава 2-я начинается со свойственного Павлу лоялизма и необходимой христианам лояльности в отношении властей предрержащих: «совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, / За царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте; / Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу...» (1-3). За плохих начальников надо молиться не меньше, но больше, чем за добрых. Павел – верный Апостол Иисуса Христа, совсем не революционер и не сервилист, что, – и то, и другое, – различные лагеря приписывали ему ещё в языческой древности и продолжают приписывать как ему, так и христианству купно в ново-новейшее время.

Павел – христианин, в ком – Христос, и его наставление о молитве за царей и всех начальников приобретает особый смысл в свете недавних гонений римской власти под главенством Нерона на христиан в Риме. Не столько здоровые и добрые

нуждаются во врачах и в молитве, сколько больные и злые! Жанна д'Арк молилась за своего соратника Ж. де Ре, впоследствии стяжавшего мрачную славу чёрного мага и серийника-детоубийцы, известного как «Синяя борода».

Бог един, «един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, / Предавший Себя для искупления всех» (5/6). Иисус Христос взошёл на крест во искупление всех людей. А Павел поставлен (Христом и утверждён Апостольским собором) Христовым проповедником и Апостолом, – говорящим истину во Христе учителем язычников в вере и истине (7). Таковы богословское видение Бога, кредо и вероисповедание Павла!^{24a}

И затем следует павлианский *Домострой* применительно к экзистенции христианской общины. Положение женщины в христианской общине Апостол определяет, в значительной степени, по еврейско-иудейским патриархальным-патримониальным нормам, обязательным и допустимым для заимствования христианами в противоположность прогрессирующей в то время (в пору острого кризиса и отмирания старых богов) языческо-эмансипаторской либеральной вольнице (у римлян, греков и в пределах эллинистической Ойкумены). При этом для подобного либералистского подхода-понимания уже не существовало на практике весьма свойственных раннему Риму традиционных ценностей крепкого брака, чадородия, образцовой, под покровительством Весты, семьи-семейственности.

Женщина для Еврея Евреев – посветившего себя служению Богу – Савла, ставшего в христианстве Павлом, кто сам оставался безбрачным (1Кор.7,8), не навязывая добровольно принятый им на себя цолибат другим, прежде всего, – чадородица-мать и хранительница домашнего очага. Богобоязненный Иудей ежедневно благодарил Бога за то, что он рождён-родился – не язычником, не рабом, не женщиной. Ведь это сотворённая из Адамова ребра (костная) Ева (к-рая, в определённом смысле, крепче Адама, созданного из праха земного = из глины!), прельстившись, сама прельщённая Змием, впала в преступление и сделалась виновницей Адамова грехопадения = падения Первого Адама (искупленного искупившим также Еву Вторым Адамом – Христом).

Притом через родительницу Иисуса Марию Христос пришёл в земной мир. Не о том ли Павел пишет в Посл. к Галатам, говоря об Иисусе: «родился от жены, подчинился закону» (4,4) (см. выше). Таким образом, если через Еву грех пришёл в мир, то через Марию в него пришло оплодотворённое-одухотворённое затем Духом Солнца с Небес (при водно-крещенском посредничестве Иоанна) Спасение! без женщины-матери и кульминации Христового Импульса в святодуховенной Вечной Женственности немислимое!

Не родились ли два Иисуса (Сыновья двух Иосифов, Соломонида и Нафанида, из дома-рода Давидова), Вифлеемлянин и Галилеянин, от двух Матерей, родных сестёр – Марии Вифлеемлянки и Марии Галилеянки! Два уровня Непорочного зачатия «из семени Давидова, но от Св. Духа» (Игнатий Антиохийский), не имеющих ничего общего с позаимствованным церковью из язычества «зачатием бессеменным», о к-ром в Евангелиях нет ни слова. Впрочем, обо всём этом читатель может найти достаточно сведений в нашей предшествующей посвящённой комплексному Таинству Голгофы – от дуалистического Рождества до Христова Воскресения – трилогии.

И младшая из дочерей Иоахима и Анны – Мария Галилеянка – Благодатная

^{24a} Если для современного либерализма во главе всех углов – человек как человеко-бог, то для Павла, как и для *павлианца* Достоевского – средоточие-эпицентр всего – Богочеловек Христос! И христианину нет нужды спрашивать, подобно Мережковскому, об истине в последней инстанции, или об Истине Абсолютной, ибо это – Христос! (причём христоцентризм, никоим образом, не противоречит прохристианенному антропоцентризму! но, наоборот, ведёт-приводит к внутреннему обожению очистившегося-просветлённого человека!).

(новая Лия), уйдя (в 25/26-летней молодости), после того как Иисус Соломонид пасхально пожертвовал свою индивидуальность (14г. н.э.) Её Сыну, своему младшему двоюродному брату – Иисусу Нафаниду, в Успение, сопровождала из духовного мира своими защитными (богородичными) покровами старшую сестру – Марию Вифлеемлянку – Софию (новая Рахиль). Сопровождала на Её пути к новорождению в свете Иорданского Крещения Иисуса Нафанида и Её дальнейшего восстания под крестом Голгофы в Апостолище Апостолов – Марии Магдалине. Формула EVA – AVE (MARIA) отражает суть становления (искупленной жертвой Христа Евы) Марии, Матери Иисуса, Марией Мадонной, Марией Богородицей!

И пусть Павел лишь однажды в Посланиях упоминает жену, от к-рой родился Спаситель, посвящённому Апостолу вовсе не чужды богородичные таинства и связанный с оными как марианский, так и мариологический феномены Великой Материнской ложи человечества, Сокровенно Женственного и Сокровенной Женственности (как заповеданности истины всей)! Не разбежались ли в Гефсимании Апостолы, тогда как только (Лазарь) Иоанн и жёны (мироносицы) стояли при кресте Голгофы! Не миропомазала ли Магдалина Иисуса! и не ей ли Он явился первой по Воскресении! Не оповестили ли о пустом гробе человечество Жёны-мироносицы!

Акила и его жена Прискилла повлияли на красноречивого александрийца Аполлоса в вопросах веры (Д.Ап.18); 4 дочери евангелиста-диакона Филиппа были пророчицами (22,4); Павел глубоко почитал иудеохристианок Евнику и Лоиду, мать и бабушку Тимофея (2Тим.1,5); в Посл. к Рим. (16) называется немало женщин, пользовавшихся почтением в римской христианской общине и приветствуемых Павлом.

И вот, дав наставления о молитве, он наставляет настоятельно действующего в Эфесе Тимофея о нормативном поведении и качествах, необходимых для женщин эфесской общины, о строгих домостроительных требованиях, предъявляемых к ним (2,9-15), в числе к-рых – стыдливость, целомудрие, скромность, отказ от пышных одеяний с жемчугами, от роскошных причёсок, от злата. Короче, налицо непреходящие перед суетной преходящестью ценности мотивированного поведения прихожанок, к-рые, по большому счёту, есть ценности в морально-нравственном обществе всегда незыблемые. И потому, в частности, современные светские мерки делают Павла дремучим домостроевцем, видящим в женщине лишь предмет семейного интерьера, родильный агрегат и кухарку в рамках немецкого филистёрского треугольника из трёх «К»: Kinder, Küche, Kirche.

Но это качественно разные подходы, – новозаветный, в продолжение ветхозаветного, и языческий, или сегодняшней новоязыческий, к-рый смежает-путает свободу с вседозволенностью и произволом. При всём том, повторим, – квалификация женщины как чадородицы и скромной хранительницы домашнего очага, что должен пастырски усвоить Тимофей, есть не содержащая в себе никакой дремучести непреложная составляющая экзистенции человеческого общества, к-рая была и будет первична, несмотря на все перехлёсты и уклоны-отклонения, во все времена. Мало того, в одном из наставлений наличествует звучащий сегодня дико отказ жене, к-рая не должна властвовать над мужем, обязанная учиться безмолвию и покорности, в праве учительствовать самой (2,12), что было естественным для еврейских установок, согласно к-рым, о законоучительстве жён не могло быть и речи, и что переносится Павлом в христианскую общину, где жёнам вменяются добрые дела и посвящение себя благочестию, с упором на спасение через чадородие.

И при этом важно заметить: данные наказания-наставления особенно актуальны в Эфесе с его колдовскими чарами глубоко деградантных на IV. н.э. культа-мистерий Артемиды, или в Коринфе (куда Павел направился из Филипп, написав Тимофею Послание в Эфес, в к-рый он потом прибыл из Коринфа) с его чувственным культом Афродиты и храмовой проституцией. И если Коринф был политическим – административно-территориальным – центром Ахайи = Греции-Эллады, то Эфес

того времени — одна (наряду с Александрией, Антиохией, Тарсом) из главных столиц эллинистического мира = греко-римской Ойкумены к востоку от Италии.

В гл. 3 говорится о необходимости моногамии для епископства. В иудаизме, как мы знаем, многожёнство разрешалось, однако, (обязательная, к примеру, для первосвященника, или у нецелибатных ессеев) благочестивая моногамия считалась идеалом и нормой будущего, при исполнении (мессианских) времён (к-рые для христиан со Христом исполнились). Плюс — к епископам — как к настоятелям и служителям слова — предъявляется целый ряд требований: «должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен...» (2-4). Предстоятелям надлежит безостаточно посвящать себя нуждам общины, заботиться о каждом общиннике. Сходно диаконы — «должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, / Хранящие таинство веры в чистой совести» (8/9). «Равно и жёны должны быть честны, не клеветницы, трезвы, верны во всё. / Диакон должен быть муж одной жены, хорошо управляющий детьми и домом своим...» (11/12)

И как раз тут Павел, дав наставления о епископах и диаконах, в стихе 14 присовокупляет (уже знакомые нам слова) — «Сие пишу тебе, надеясь вскоре придти к тебе, / Чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божьем, к-рый есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины» (13/14). Т.е. Апостол, пишущи в феврале/марте 65г. из Филипп, перед Коринфом, разумеет возможное замедление своего прихода в Эфес из-за коринфских проблем, на решение к-рых понадобилось ок трёх месяцев, с его последующим прибытием в Эфес не ранее второй половины июня 65г. (см. выше).

* * *

В гл. 4 (как и в гл. 1 и в гл. 6) предостережение против лжеучителей, и опять речь о гностиках, притом не очень понятно — из иудействующих? или из язычествующих? хотя правильно, вероятно, сказать, что — как из тех, так и из других. Не без учёта, в т.ч., смещения в воспритязавшем на христианское наследие гнозисе тех и других, не всегда поддающихся, по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, чёткой дифференциации.

Так, ниже говорится о лжеучителях, проповедующих обязательный целибат и экстремальное постничество, с запретом не только на и без того подзапретную для христиан идоложертвенную пищу, но и на всякую иную, видимо, животную снедь, что грозит молодому христианству и христианским общинам замкнутым сектантством и превращением в закрытую отталкивающую от себя большинство потенциальных неофитов секту-группировку (3).

И важно усвоить, что, приложительно к лжеучителям и чреватому лжеучительству, в объективе именно Эфес — место в дальнейшем ереси николаитов (название к-рых происходит, как полагают, от одного из семи перводиаконов — отпашего в люциферический гнозис Николая Антиохийца), о к-рых весьма нелестно высказывается Откровение Иоанна (2,6; 14/15). Согласно Иринею (1,26,3), Ипполиту («Философумена» 7,36), Епифанию («Против ересей» 25), Евсевию («И.Ц.» 3,29), николаиты отрицали ограничения постановлений Апостольского собора на вкушение идоложертвенного мяса и т.д., т.е. здесь перекося в противоположную сторону от того, против чего предостерегает Павел в гл. 4.

Уместно ещё вспомнить о Керинфе, одном из первых (следом за Симоном волхвом) гностиков, кому Иринею (1,26) и Ипполит (7,36) приписывают египетское образование и к-рый гностически разводил Христа и Иисуса (вроде бы) на две особые индивидуальности, в подорбностях чего объективно разобраться, по скудным высказываниям его противников, не представляется возможным. И тем не менее,

для нас достаточно свидетельства о том, что принципиальным противником Керинфа и керинфян выступил в Эфесе второй половины IV в. обосновавшийся там в год мученичества Ап. Павла (67г.), на дальнейшие 33 года, до своего успения в 100г. н.э., Иоанн Богослов, глуже к-рого (Апостола Апостолов) никто не ведал об отношении Иисуса ко Христу и Христа к Иисусу!

И в данном контексте стоит ещё раз обратить внимание на Иоанново преемствование Павлу в городе, к-рый Павел (13-й или 2-й Апостол) готовил в 50 – 60-е гг. IV в. н.э. для последующей плодотворной деятельности (14-го или 1-го Апостола) Иоанна Богослова. Оба – один – по ошую, другой – по одесную – Христа, при том, что, акцентируем снова, Иоанн Богослов предворяется Павлом (Эфес – город и земля эллинистического обетования), как Иисус Христос (в Земле Обета) Иоанном Предтечей!

Продолжая наставление, в 4,12-14 Павел пишет Тимофею: «Никто да не пренебрегает юностью твоею; но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте. / Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением. / Не неради о пребывающем в тебе даровании, к-рое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства». Не был ли Тимофей (сродни Луке и Титу) любимым учеником-творением Ап. Павла, в чём-то сравнимым с восстановленным Иисусом из гроба и отدانым матери его Юношей из Наина (пусть в случае Тимофея это его мать и бабка, обе христианки, отдали сына и внука на служение Христу).

И не довелось ли Тимофею родиться в 34г. н.э.? – год просветления-обращения и крещения Савла на пути в Дамаск и в Дамаске; и не попал ли Тимофей под впечатление от павлианской проповеди в Листре в 47г., на 14-м году жизни, обратившись-крестившись годом позже, в 48г., в возрасте 14-и лет (возраст пробуждения Христом от смертного сна Юноши из Наина)? И не стал ли Тимофей спутником-сотрудником снова пришедшего в ликаонскую Листру, по дороге на запад, Павла в 51г., в юном возрасте 17-и лет? И не рукоположил ли его Павел в эфесские епископы в 64г., по достижении Тимофеем 30-летнего возраста? в каком случае юность Тимофея в 64/65гг. вполне сравнима с 30-летней юностью-молодостью (на 31-м году жизни) Савла/Павла в пору мученичества Св. Стефана в конце 33г. н.э.!

В гл. 5 советы относительно личных отношений, по поводу отношения к пресвитерам, старцам, вдовам. Община должна попечительствовать, беря её на иждивение, 60-летней вдове (пенсионерке), имевшей одного мужа и известной добрыми делами (1-10). О вдовах же бездетных должны заботиться их дети и внуки. А насчёт молодых вдов Павел желает, чтобы они снова «вступали в брак, раждали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию» (14).

Пресвитерам «должно оказывать сугубую честь, особенно тем, к-рые трудятся в слове и учении» (17), и принимать обвинение на них не иначе как при двух или трёх свидетелях, сообразно действительному и в христианской общине вышеупомянутому положению Моисеева закона (Втор.). Обличение должно быть беспристрастным, но справедливым и публичным, – «чтоб и прочие страх имели» (20).

Примечателен личный совет, видимо, слабому здоровьем и воздерживавшемуся от алкоголя, во избежание, к тому же, нареканий в сластолюбии-чревоугодии, Тимофею: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (23). Красное вино давалось в древности и рекомендуется по сей день некоторыми медиками для, разумеется, ограниченного употребления, как целительное вяжущее средство. Павел занимался, в частности, исцелениями и, соответственно, знал, что говорит, по всему, узнав о неупотреблении Тимофеем вина.

В гл. 6 речь вновь заходит о взаимоотношениях рабов и господ (1-3), к-рое в христианстве качественно меняется, подчёркнуто отвергая, вместе с тем, какой-

либо революционизм, насилие и спартаковщину. Христианство против рабства – не путём осуждения, переворота, революции и декретного прекращения, а путём заступления на его место человеческого братства и единства во Христе, – без бунтов, бессмысленных и беспощадных, и без всяческих призывов к экспроприации (и убийствам) экспроприаторов (грабь награбленное). Господа могут предоставлять рабам свободу и это достойно похвалы; если же нет, то пускай господа будут добрыми милосердными господами и заботятся о рабах, к-рым, в свою очередь, следует быть добрыми рабами и не злоумышлять против господ.

Потом опять идёт предостережение против пустых споров и словопрений, подчёркиваются благочестивый и скромный образ жизни (4/5). «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. / Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. / А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, к-рые погружают людей в бедствие и пагубу; / Ибо корень всех зол есть сребролюбие, к-рому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (7-10).

Собирайте сокровище на небесах, довольствуясь малым на земле, куда мы приходим нагими из материнского чрева, и с к-рой уходим без ничего в утробу матери-земли – до следующего прихода-пришествия на землю в реинкарнационном (Сансара) круговороте (Гильгуль Нешамот), о чём посвящённый фарисей Савл, равно обращённый христианин Павел – не может не знать, более того, что он однозначно-очевидно, как и ранее (акцептировавшее реинкарнацию) христианство, не отторгает, не отвергает, не осуждает.

И призвав Тимофея подвизаться добрым подвигом веры пред Богом, всё животворящим, и пред Христом Иисусом, К-рый засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание (13), и коснувшись необходимости соблюдения заповедей «до явления Господа нашего Иисуса Христа» (14), и сказав о «едином сильном царе царствующих и Господе господствующих (15), Едином имеющем бессмертие, К-рый обитает в неприступном свете, К-рого никто из человеков не видел и видеть не может, К-рому честь и держава вечная (16)! (Отец и Сын – в павлианском богословии!), – Апостол завершает своё Первое пастырское Послание к Тимофею словами: «О Тимофей! Храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания, / К-рому предавшись, некоторые уклонились от веры. Благодать с тобою. Аминь» (20/21).

ХРОНОЛОГИЯ И ГЕОГРАФИЯ АП. ПАВЛА В 65/66/67гг.

(ЭФЕС, МИЛИТ, ТРОАДА – лето/осень 65г.

НИКОПОЛЬ – зима 65/66гг.

ИТАЛИЯ – РИМ – весна 66 – лето 67гг.)

Итак, Павел прибыл в Эфес из Коринфа в июне 65г. и пробыл там, усердно трудясь-подвизаясь в духе положений, сформулированных в 1Тим., до сентября, в течение ок. 3-х месяцев, посетив, в ходе пребывания в Эфесе, и близлежащий Милет, где, говорим снова, он прощался с эфесскими пресвитерами в 58г., и где сейчас, в 65г., оставил больного или, точнее, заболевшего в Милете (в Эфесе?), одного из своих сотрудников – Трофима, о чём говорится во 2-м Посл. к Тимофею (4,20), написанном в пору Вторых римских уз летом следующего 66г. Мы помним сопровождавшего Павла, при его возвращении в Палестину после Третьего миссионерского путешествия (Д.Ап.20,4), Трофима Ефесянина по Иерусалиму 58г., когда Асийские иудеи инкриминировали Павлу (21,27-29), что Трофим был (якобы) вве-

дён им в подзапретный для язычников притвор храма (Женщин или Израэлитов), из-за чего спровоцированная толпа чуть было не растерзала вовремя спасённого руководимыми римским сотником римскими солдатами Апостола (см. выше).

Стало быть, теперь обретавшегося в Эфесе и встретившего тут Павла Трофима постигла какая-то болезнь, вследствие к-рой он был оставлен Апостолом в Милете, что вряд ли может относиться к какому-либо иному времени, кроме отстоящего на год от 2Тим. лета 65-го г., косвенно подтверждающая правильность предложенного нами совокупного хронорасклада павлианских маршрутов 63 – 66гг. – между двумя узами. Сходно и упоминание в том же 20-м стихе 4-й главы 2Тим. перед (Ефесянином) Трофимом (Коринфянина) Ераста (Д.Ап.19,22; Рим.16,23), к-рый «остался в Коринфе», дополнительно (пусть побочно) свидетельствует, что Павел прибыл летом 65г. в Эфес именно из Коринфа, где Ераст, некогда, в первой половине 50-х гг., городской казначей в Коринфе, а позднее Павлов спутник-сотрудник, и остался.

Тем временем, сам Павел в сентябре 65г. отчалил из Эфеса вдоль берега М.Азии на север – в (гораздо меньшую размерами, нежели Коринф или Эфес) Троаду (у древней Трои), к-рая предварила его европейскую миссию в 52г. (именно в Троаде ему предстал в видении с мольбой о помощи муж Македонянин), к-рую он снова посетил на пути из Эфеса в Македонию в 57г., и к-рую вновь миновал, направляясь в Иерусалим, весной 58г.

По всей видимости, и троадская община нуждалась в его персональном посещении-присутствии. Причём о посещении Апостолом – между двумя римскими узами – Троады тоже свидетельствует 2Кор., где Павел, призывая Тимофея летом 66г. прийти к нему, узнику, в Рим до зимы (66/67гг.), просит принести «фелонь, к-рый я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные» (4,13). Т.е., находясь перед своей последней зимой 66/67гг. (к-рую он пережил) в римских узах, на порядок более тяжёлых, чем узы 61 – 63гг., Апостол просит принести ему, в видах зимних холодов, тёплое облачение, вероятно, забытое или оставленное им у троадского христианина Карпа в дни посещения Троады в предшествующем 65г. (когда Павлом намечалось, после зимы 65/66гг. в Никополе и посещения по весне 66г. Италии/Рима, путешествие, к-рое так и не состоялось, в Иерусалим, где тёплый фелонь ему не понадобился бы).

И наконец, уже в октябре 65г. Павел отчалил из Троады в сторону Македонии и Греции, где (посуху ли – через Фессалию? морем ли? через Истм и Коринфский залив?) добрался лишь в ноябре до эпирского Никополя на Ионическом море, чтобы провести там, где, в Эпире, он ещё не бывал, явно небездеятельную зиму, перед, как сказано, отплытием-отшествием весной 66г. в Италию. И именно в Никополь к нему поздней осенью явился Тит, к-рого сменил на Крите снаряжённый туда Апостолом, надо понимать, из Эфеса, откуда летом 65г. было написано Послание к Титу на Крит, Артема или Тихик (Тит 3,12).

С Тимофеем же Павел, по всей вероятности, покидая Эфес в направлении Троады, договорился встретиться весной 66г. в Италии/Риме, дабы совместно с ним в последний раз посетить Палестину (перед окончательным возвращением в Италию/Рим). Впрочем, либо ещё в Троаде, либо уже в Никополе Павлу стало известно о заточении Тимофея, причины и обстоятельства чего ближе неизвестны. Зато из Посл. к Евреям, отправленного Павлом в Палестину весной 66г. из Италии (из Путеоли?), известно, что «брат наш Тимофей освобождён; и я вместе с ним, если он скоро придёт, увижу вас» (13,23).

Посему, отправляя это написанное в 66г. Послание, Павел весной успел узнать (ещё в Никополе или уже в Италии) об освобождении (после недолгого заточения) Тимофея, прибытия к-рого он ожидал в Италии для, как сказано, совместного с ним путешествия, по предварительной договорённости, в Палестину. Но, с одной

стороны, Тимофей, в силу каких-то обстоятельств, не прибыл, а с другой, — Павла не позднее весны/лета 66г. заключили под стражу, и для него начались Вторые римские узы, к-рые в этот раз, продлившись немногим более года, завершились его римской казнью (одновременно с Петром) в июне 67г.

Однако, доказательно-показательно представляя читателю нашу хронореконструкцию, у к-рой, удостоверьтесь воочию, если не пренебрегать ею (сводя-синхронизируя все рассыпанные в Посланиях косвенные свидетельства и начала-концы), нет альтернативы, мы забежали вперед. До Павлова зимовья в обществе Тита в эфирском Никополе нам ещё надо разобраться с Посланием к Титу на Крит, к-рое было отправлено Павлом, скорее, в июле 65г. из Эфеса, нежели перед его отплытием весной в Эфес из Коринфа, что, т.е. последнее, пусть являясь менее вероятным, теоретически не исключено, учитывая, вдобавок, приблизительную равноудалённость островного Крита от ахайского Коринфа и малоазийского Эфеса.

ПОСЛАНИЕ К ТИТУ

(лето 65г.)

У Послания к Титу много общего с 1-м Посл. к Тимофею, что, даже при взгляде невооружённым глазом, ратует за их написание приблизительно в одно время, как оно и было в реальности, с разницей в месяцы, ибо 1Тим. относится к весне, а более короткое и простое к Титу следует датировать, как сказано, летом 65г. Причём, если первое из них проделало путь в Эгеаде с запада на восток, из Филипп в Эфес (буде Павел писал его не из Коринфа?) — в марте/апреле, то второе — с востока на запад — из Эфеса (опять-таки, буде Павел писал и его не из Коринфа — май/июнь?) на Крит — где-то в июле.

Всего в трёх главах этого также пастырского Послания, как и в 1Тим., — различные установления относительно организации Церкви, правила жизни для верующих разных состояний и возрастов, строгие предупреждения против вносивших раскол в христианскую среду иудействующих и против соблазнов языческих.

Вспомним, что Тит прибыл на Крит весной 64г. из Коринфа, встретился на острове с послеиспанским Павлом, сопровождал ему в критском миссионировании и был оставлен им на Крите продолжать начатое дело летом 64г., при отшествии самого Павла в М.Азию, чтобы, по слову Апостола, оставленный сотрудник — «довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров» (1,5). Под последними же (приложительно к значительным городам многоградного Крита) не классические пресвитеры и епископы в позднейшем церковном смысле-понимании, но, перво-наперво, предстоятели-наставники, посвящённые-рукоположенные на служение слова истины и для заботы об общинах, о каждом из её членов, включая всех братьев и сестёр.

Часть из критских предстоятелей были рукоположены Павлом, а часть, по его отбытии, Титом, к-рого, в свою очередь, уполномочил, рукоположив его в критского епископа, как Тимофея — в ефесского, высшей апостольской властью лично Павел. Ещё раз обратим внимание на неприложимость последующей институционально церковной иерархии к реалиям Века Апостольского, когда у сосредоточенных на проповеди, учительстве, общинах и общинных домах, где они собирались на вечера и совместные молитвы, христиан не было ни храмов, ни священства, ни алтарей, ни жертв, что, в частности, им вменяли иудеи, и к чему зывали стремившиеся вернуть христиан и христианство в еврейское (до 70г. — храмовое) лоно иудействующие.

Впрочем, по преданию, церковный богослужебный культ был в своей основе

дан и инаугурирован в Александрии (новый Эфес — по замыслу Александра Великого) Евангелистом Марком, что оптимально приходится, учитывая дату александрийского мученичества Марка ок. 70г., на время после мученичества Петра и Павла в 67г.) (Т.Г. 747-54).²⁵ Какими именно являлись до того богослужебные христианские вечера? и какие, помимо молитв, ритуальные действия на них производились? — неизвестно.

Приветствуя Тита, Павел указывает на надежду вечной жизни, к-рая была предназначена человеку изначала и обетована Адаму в раю, однако попала под вопрос вследствие Адамова грехопадения, нововозвещённая Христом Искупителем — Вторым нетленным Адамом (1,1-3). И проповедь была вверена Павлу, «по повелению Спасителя нашего», призвавшего апостольски оснащённого Савла без посредников, что, наряду с тем, не отрицает утверждение в непосредственно призванном веры благодаря таким христианам, как, например, крестивший его в Дамаске Анания (и другие, имён к-рых мы не знаем), или позднее приведший Савла из Тарса в Антиохию Варнава, к-рый не случайно — до (окончательного) превращения-преображения Савла в Павла на Кипре (46г.) — фигурирует в Д.Ап., в паре с Павлом, первым.

В стихе 4 Апостол называет Тита «истинным сыном по общей вере», что ясно демонстрирует Павлово отношение к нему. Вспомним, к тому же, что если Тимофей, другого своего сына и многоценного спутника-сотрудника, Павел в 51г., взяв его с собой из Листры, обрезал ради иудеев, то Тит, возможно, антиохиец, обращённый Павлом по возвращении из Первого миссионерского путешествия, ок. 49/50г., и впервые появляющийся в 51г. (незадолго до Тимофея), при пришедшем на Апостольский собор в Иерусалим Павле (и Варнаве), наоборот, несмотря на настояния иудействующих, обрезан не был. Притом с тех самых пор, т.е. с 51г., и Тит, и Тимофей, либо сопутствовали Павлу, либо выполняли различные его поручения в различных основанных им христианских общинах Восточного Средиземноморья.

В стихах 6-9 говорится (сходно 1Тим.) о необходимости поставления епископами мужей непорочных, обладающих соответствующими статусу-сану свойствами-качествами, — «ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец, / Но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержен, / Держащийся истинного слова, согласного с учением, чтоб он был силен и наставлять в здоровом учении и противящихся обличать».

И обличения его должны быть направлены против всяких непокорных, пустословов, обманщиков, «особенно из обрезанных» (10), т.е. на повестке опять иудействующие лжеучителя, толкающие христиан и христианство назад — в ветхозаветное еврейство, от к-рого оно богатырскими усилиями Павла эмансипировалось и продолжает, распространяясь по Ойкумене как христианство павлианское, всё более охватывая-захватывая ойкуменические пределы-горизонты, эмансипироваться. Между тем, иудействующие пытаются развратить «целые дома» (11), иначе говоря, семьи и общины, к-рые в то время, за отсутствием церквей, собирались в определённых-освящённых домах верующих, служивших им одновременно (по образцу иерусалимского Сенакля) молельнями.

Затем следует вышеупомянутое нами предостережение против собственно декадентных критянян, вернее, против конкретных перечисленных ещё в VIв. до н.э. критянином Эпименидом (см. выше) пороков, присущих многим критяням — лжецам,

²⁵ Если в 63г. Марк (спутник Петра и составитель Евангелия *от Петра*, как Лука — составитель Евангелия *от Павла*) находится возле Павла в Риме (Кол.4,10; Флм.23), то в 2Тим. — летом 66г. — узник Павел просит Тимофея привести Марка, стало быть, находившегося в М.Азии (Эфес?), с собой до зимы (66/67гг.) в Рим (4,11), ибо Марк нужен ему в Риме для служения (см. ниже).

злым, ленивым, чревоугодникам (12). Павел соглашается с обоснованностью этого порочного перечня и требует от Тита строго обличать сии пороки, дабы обращаемые и обращённые – «были здоровы в вере» (13). Плюс, – дабы они не внимали «Иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины» (14). Здесь предупреждение как против иудейских, так и против языческих соблазнов-отклонений-уклонений, к-рые для Павла суть одинаково угрожающие становящемуся христианству негностические и гностические ереси.

То-то в стихе 15 вновь (см. 1Тим.) речь о чистой и нечистой пище, оскверняющей человека, на различении к-рой настаивали как иудействующие, так и гностики из числа иудеев и язычников, чему Апостол противопоставляет греховность злой воли, оскверняющей «как самого человека, так и всё, к чему он прикасается, тогда как чистота сердца всё в человеке и окрест него очищает» («Б.Б.», Посл. к Титу, с.2068). Не надо заикливаться на всякого рода ритуально-ограничительных предписаниях иудейского или гностического свойства-порядка, отсекающих христиан и христианство от мирового пространства и загоняющих их в несовместимое с новозаветностью религиозное (под маской какого бы то ни было избрничества) гетто.

В гл. 2 обязанности разных классов верующих, старых и молодых, по Евангелию, правила воспитания общин для христианской жизни. «Здоровое учение есть преподанное чрез Апостолов благовестие, не искажённое человеческими домыслами» («Б.Б.», с.2068).

В стихах 2-6 требования к старцам и старицам = к преклоннолетним членам общины в возрасте от 60-и, наставления Титу о его наставлениях общинникам разного возраста, о вразумлении старыми молодых, мужей и жён, об увещавании юношей: целомудрие, чистота, попечительство о доме, покорность жён мужьям, короче, снова патриархальный ветхозаветный домострой, но с новозаветным – во Христе и от Христова Импульса – содержанием.

И Титу надлежит быть образцом поведения, показывать пример: «Во всём показывай в себе образец добрых дел, в учительстве чистоту, степенность, неповреждённость, / Слово здоровое, неукоризненное, чтобы противник был посрамлён, не имея ничего сказать о нас худого» (7/8).

В стихах 9/10 предписание необходимости повиновения рабов господам на тех же основаниях, что и в других Посланиях (убеждённого, как и сам Христос, как и весь Христов Апостолат, *контрреволюционера*) Павла, в частности, в давешнем 1-м Послании к Тимофею. Царство Божие нельзя спустить на землю ни на социальном, ни на национально-религиозном уровнях, особенно посредством кровопролитных переворотов-революций, в какие бы ризы они и их доморощенные идеологи, либо делатели псевдомессиянского рода-толка, ни рядились. Небесная праведность, во-первых, не есть земная справедливость, к-рая, во-вторых, сама по себе, политически всегда релятивна-относительна и, в той либо иной мере, ложна-лжива, почему политические революции-перевороты приводят – вместо бани святодуховенного очищения – к кровавым баням взаимной ненависти, беспредела и безысходности.

Иисус спасительно пожертвовал собой на кресте (чего – как раз крестной смерти Мессии – поначалу категорически не мог принять ветхозаветник-фарисей Савл) ради всех, не погубив ни одного из доверенных ему (включая даже сына погибели – Иуду Искариота), в то время как революционные вожди, социал- и национал-абстракционисты, обычно готовы безоглядно загубить (руководствуясь пресловутыми благими намерениями) тысячи и миллионы жизней ради собственных амбиций и абстрактных схем-идеологем.

И потом, если Иисус Навин, Девора, Давид, или, наконец, брата Маккавеи

могли и должны были побеждать с песней, предваряя-готовя пришествие Машиаха-Спасителя, то ни сыновья Иуды Галилеянина – псевдо-Маккавеи Ив. н.э., ни Иудейское восстание 66 – 70гг., ни апогей лжемессианства и лжемессианизма – Бар Кохба, по свершении Мистерии Голгофы, уже никак не могли победить, погубив своими авантюрами и страну, и множество вовлечённых ими в катастрофу людей, и себя. Павел принципиальный противник какого-либо участия христиан во всякого рода неприемлемых для христианства смутах-мятежах-бунтах.

Однако рабы равны господам во Христе: «Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, / Научающая нас, чтобы, отвергнувши нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили мы в нынешнем веке...» (11/12). Христос отдал себя за нас, чтобы очистить нас, его избранный Себе народ (из всякого колена и языка, и народа и племени), от всякого беззакония, сделав христиан ревностными в добрых делах в упование на явление великого Бога и Спасителя нашего. «Б.Б.»: «В этих вдохновенных словах содержится сжатое провозглашение того, что духовно животворит человека на земле, – исповедание веры в благодать искупления и христианской надежды» (с.2069).

* * *

Гл. 3 начинается со столь свойственного Павлу предписания соблюдать покорность-повиновение начальству и властям (Рим.13,1-7). Гражданам неба надлежит быть хорошими гражданами земных властей, под к-рыми они живут, что особенно насущно-актуально, как и в 1Тим., после первого (так или иначе, ойкуменически откликнувшегося) римского гонения на христиан. И это говорится с учётом острой заботы Павла в его последних Посланиях о будущем (находящихся под угрозами как изнутри, так и извне) христианских общин, что в 3,1-3 выражено подчёркнуто.

В стихах 4/5 богословский переход к пониманию-истолкованию Спасения рода человеческого, к-рое «совершилось не по заслугам праведников, но по неизречённой милости Божией чрез искупительную жертву Иисуса Христа» («Б.Б.», с.2069). Согласно стиху 5, условие Спасения – «баня возрождения, очищение человека силою Духа Святого».

В Посл. к Ефесянам (63г.) об очистительной бане говорится в контексте любви мужей к своим жёнам, к-рых следут любить так, «как и Христос возлюбил Церковь (вот где и в чём ответ лживым обвинителям Павла в женоненавистничестве – К.3.) и предал себя за неё, чтобы освятить её, очистив банею водною, посредством слова...» (5,25/26). В 1-м Посл. Петра, написанном к христианам Понта, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии из месопотамского Вавилона/Вавилонии ок. 61г. есть, после указания на дни Ноя, в ковчеге к-рого спаслись от воды, положив начало послепотопному человечеству, восемь душ (3,20), такие слова: «Так и нас ныне подобное сему образу крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа, К-рый, восшед на небо, пребывает одесную Бога и К-рому покорились ангелы и власти и силы» (21/22). Охват от постпотопного старта до Христа Спасителя, с зарядом на очищение во Христе из жизни по доброй совести.

Баня-купальня-купель возрождения у Павла (и у Петра) – как условие спасения через катарсис силою Духа Святого. Элемент воды от Великого Потопа, смывшего-утопившего-поглотившего падших человеков, за исключением восьми помилованных душ, спасшихся в ковчеге. И, напротив, водное крещение духовного очищения, через к-рое на человека изливается благодатная сила Св. Духа, исходящего от Отца

через Сына и олицетворяющего собой Вечно Женственное и Вечную Женственность в человеке и человечестве.^{25а}

В стихе 9 предостережение Титу (как и Тимофею) избегать глупых словесных состязаний, в т.ч., о родословиях, равно споров и распрей о законе. «Б.Б.» дифференцирует тут гностические, по мнению комментария, генеалогии в 1Тим.1,4-7 и «полусказочные родословные построения иудейского устного предания, стремившегося раскрыть тайный смысл Писаний Ветхого Завета», от чего, мол, предостерегается Тит. Но дифференциация не столь однозначна в том смысле, что в обоих случаях не очень ясно, о каких именно генеалогиях и кем именно (иудействующими? гностиками? иудействующими гностиками?) презентуемых идёт-ведётся речь? И снова обратим внимание на возможность споров в 60-е гг. Iв. н.э., в частности, о генеалогии/генеалогиях Иисуса Христа.

В 3,10/11 отношение к еретiku, упорно отрицающему какую-нибудь из истин веры, преподанную в благовестии о Христе. От таких епископу следует отвращаться, в случае безрезультатности первого и второго вразумления. «Если он по двукратном вразумлении продолжает держаться своего заблуждения, должно отвращаться от общения с ним, признав его человеком совратившейся с правого пути воли, произносящим суд над собой своими же устами» («Б.Б.», с.2068).

Далее, Послание заканчивается требованием к Титу поспешить к Павлу в Никополь, — «ибо я положил там провести зиму» (12), причём сделать это Тит должен после того как от Павла придут к нему, чтобы сменить его и продолжить дело миссионерования на Крите, Артема или Тихик (12). Артема (сокр. от имени Артемидор — *дар Артемиды*) упоминается только здесь и ближе по Книгам Нового Завета неизвестен. С Тихиком же мы немного знакомы. Напоминаем, он был в числе спутников Павла после коринфской зимы 57/58гг., по окончании Третьего миссионерского путешествия, в пути через Македонию на Троаду (Д.Ап.20,4). Позднее, в 63г., — подвизался при Павле в Риме и доставил, вместе с Онисимом, Посл. к Ефесянам (6,21), к Колоссянам (4,7-9) и к Филимону.

В 2Тим.4,12 Павел из Вторых римских уз летом 66г. сообщает Тимофею, что отправил Тихика в Ефес. Следует ли это понимать так, что в 65г. на Крит был снаряжён Павлом не Тихик, а Артема, в то время как Тихик сопровождал Павла дальше — в Троаду, Никополь и после никопольской зимы 65/66гг. в Италию, откуда Павел до ареста, либо, будучи уже в узах, отправил его Ефес — вопрос/вопросы — ?? Хотя Тихик мог быть отправлен в Эфес и из Никополя, перед Павловым отплытием по весне в Италию? Или он мог сменить осенью 65г. Тита на Крите? опять-таки, отправленный позже в Эфес из Никополя? либо из Италии?

Помимо того, Титу предписывается в конце Послания (13) позаботиться от отправке (незнамо куда?) Зины законника, т.е. сведущего в Моисеевом законе иудеохристианина-павлианца, и знакомого нам речистого александрийца Аполлоса («чтобы у них ни в чём не было недостатка»), к-рые, видимо, и доставили, минуя Крит, Титу Послание Павла из Эфеса, и к-рых Тит должен был снабдить всем необходимым для их дальнейшего пути.

Послание заканчивается приветствием Тита от всех находящихся с Павлом и приветствием через Тита — «любящих нас в вере» (15).

Можно ли уточнить, — когда именно оно было написано? Ясно, что летом 65г.,

^{25а} И тут впрямую ещё (раз) сказать о *Сокровенной Женственности*, как китайские даосы метко называют «Предельную Истину», к-рую исповедовал исповедник Второго Адама Павел, и к-рую всемогшно развернул в христианстве, манифестировав в знаке Агнца Жену, облечённую в Солнце, герольд Солнечного Гения Христа Спасителя — Иоанн Богослов (сиятельные гнозис и мистику к-рых, т.е. Павла и Лазаря-Иоанна, продолжит в III в. христосолярный Мани и его христосолярное манихейство = христианство духовной свободы).

но, спрашивается, не в июле ли? когда в Эфес поступило известие о гибели в начале июня убитой Нероном Поппеи, в связи с чем положение римско-италийских христиан временно улучшилось (?). Возможно, оставшиеся в живых после гонения 64г. возвратились из окрестной Италии в Рим и начали робко налаживать общинную жизнь. Не тогда ли Павел твёрдо решил перезимовать в Никополе, почав Эпир, где он до сих пор не был; затем, по весне 66г., посетит Италию/Рим, чтобы укрепить италийских и римских единоверцев, привезя им также благотворительные пожертвования; и затем, где-то весной/летом, отчалить совместно с Тимофеем, дождавшись его в Италии, в — тоже не без благотворительных пожертвований — Палестину. Притом, вероятно, с 65г. в Италии уже находился Ап. Пётр (см. ниже)

При всех случаях, в сентябре 65г. (побывав летом из Эфеса ещё и в близлежащем Милете, в к-ром остался больной Трофим)²⁶ Павел^{26а} подался морем на север М.Азии, в Троаду (2Тим.4,13), где урегулировал тамошние дела-проблемы, и отчалил в октябре (оставив фелонь у некоего из братьев-христиан Карпа в Троаде) (см. ниже) в сторону Балканского п-ва, добравшись до Никополя на Ионическом море (посуху ли пересекши Фессалию и Эпир? по воде ли — через Истм и Коринфский залив?) не ранее поздней ноябрьской осени. В Никополе, по всей вероятности, состоялась запланированная встреча Апостола с Титом, прибывшим сюда с Крита, сомневаться в чём нет оснований. Да и не случайно Тит впоследствии отправится (снаряжённый Павлом) проповедывать в расположенную севернее Никополя Далмацию (2Тим. 4,10) (см. ниже).

А пока они оба, как и другие предположительные Павловы спутники, зимнее никопольское время наверняка даром не теряли, миссионируя в городе и окрест. Плюс к тому, в эту свою последнюю на свободе зиму 65/66г. (поскольку следующую последнюю в жизни зиму 66/67гг. ему придётся провести во Вторых римских узах) Павел, должно быть, работал над Посланием к Евреям, к-рое закончил в Италии и отправил в Палестину весной 66г., надеясь, как сказано, летом увидеть иерусалимско-палестинских единоверцев, совместно с Тимофеем, воочию (см. ниже).²⁷

²⁶ Сродни Тимофею и Титу, Тихик, Артема, Зина, Аполлос, Трофим почитаются церковной традицией Апостолами от 70-и.

^{26а} Эфес/Эфес и Милит/Милет — как важные пункты-вехи в миссионерской деятельности Павла (в т.ч., в М.Азии, азийский запад к-рой станет в I/Пвв. своего рода духовным центром христианства), примечательны и тем, что если в языческом Эфесе культ римского императора соседствовал-совмещался с культом Артемиды, то в Милите — с культом Аполлона.

²⁷ Читатель может сопоставительно-наглядно удостовериться, в чём именно перспективно предложенная нами в «Дороге на Иордан» (1267-72) эвентуальная хронология Ап. Павла, в особенности за период 63-67гг., после его Первых римских уз (61-63гг.), была — в основном-главном — реконструирована верно, и в чём — в частностях — неверно. Приведём относительно этой реконструкции слова из «Д.И.»: «Всё вышеизложенное, точнее, анонсированное, нуждается в подробном исследовании, и может быть окончательно подтверждено или в чём-то (не в главном) выправлено-исправлено только посредством хронопоследовательного воспроизведения истории и метаистории 30 — 60-х гг. Ив. н.э. Т.е. надо проследить год за годом (на общем историко-анналистическом фоне) весь миссионерский путь выведшего христианство на ойкуменические горизонты, на качественно иной уровень планетарного Ап. Павла в течение всего его 33-летнего — с 34 по 67гг. — служения Христу Спасителю» (1271).

Дело в том, что панорамного и, наипаче, перспективного (в смысле забегающего вперёд хроповествования) видения, посредством к-рого можно правильно воспроизвести общую картину и картину в целом, хрононедостаточно. Для максимально верного в частностях-деталях-подробностях воспроизведения событийной канвы и хронологии требуется восставить историю год за годом, месяц за месяцем, а где возможно, и день за днём (разматывая именно таким образом лабиринтарную нить Ариадны), с учётом всех имеющихся в наличии синхронизмов, что и было нами выше («Апостолы и Цезари») предпринято, и в связи с чем некоторые предположения, фактические и хронологические, заранее сделанные-выдвинутые в «Д.И.», следует, по полученным анналистическим результатам, откорректировать-исправить.

ПАВЕЛ ЗИМУЕТ В НИКОПОЛЕ

(65/66гг.)

Никополей (*град Победы* – от имени богини Нике), как и Александрий или Антиохий, в Римской империи, на просторах греко-римской Ойкумены, насчитывалось (и в виде наследия эллинизма, и в виде градостроительных или переименовательных инициатив) немало. И пусть два из них, во Фракии и в Мезии, Никополь-на-Несте и Никополь-на-Истре, были основаны позже интересующего нас сейчас времени воителем-победителем даков Траяном (98 – 117гг.), ряд других Никополей (правда, не все они ещё назывались так) на 60-е гг. Ив. н.э. благополучно экзистировали-процветали.

Среди них: Никополь – в Вифинии, севернее Халкидона; Еммаус (один из Еммаусов) – в Палестине, центр одной из иудейских топархий, по дороге на Лидду и Иоппию, в 32/33-х км северо-западнее Иерусалима, ставший Никополем либо в 70-е гг. Ив., при Веспасиане, либо, что скорее, полтора столетия спустя, ок. 220г. (Т.Г. 1754-57); Никополь – в северной Сирии, основанный Александром Великим в ознаменование победы при Иссе (333г.); Никополь – на границе Понта и Малой Армении, заложенный Помпеем в память победы над Митридатом; Никополь в Египте – на запад от Дельты, предместье Александрии, возле ипподрома, известное со дней Птолемеев и названное Никополем, со статусом отдельного полиса, Октавианом в честь его победы над Египтом Клеопатры и Антония в 30г. до н.э.

Как видим, все эти Никополи, пусть палестинский под иным названием, на 60-е гг. Ив. существовали, но ни один из них целью Ап. Павла, в видах проведения в нём зимы 65/66гг., никак не являлся. Хотя у ряда ново-новейших учёных экзегетов хватило или, вернее, не хватило ума браво оспорить издревле принятую традицию эпирского Никополя, к-рый, дескать, минимум подвопросен, ибо речь может с, видите ли, не меньшим успехом вестись либо о вифинском, либо о сирийском, либо о египетском, и чуть ли не о мало-армянском Никополе. Надо сказать, что подобные, мягко выражаясь, версии-гипотезы опровержения не заслуживают, продиктованные маниакальным критиканским стремлением похерить церковную традицию.

Посему констатируем: Павел явно, в чём читатель имел возможность убедиться, провёл зиму 65/66гг. отнюдь не в Вифинии, не в Сирии и не в Египте, однозначно проведя её в Никополе Эпирском. И основал этот Никополь, о чём читатель наших книг также знает, Октавиан в 30г. до н.э., в знак одержанной им (его флотоводцем М.Агриппой) 2.09.31г. до н.э. блистательной победы над Антонием и Клеопатрой в морском сражении у мыса Акий.

Город – Actia Nicopolis или Nicopolis Actiaca – находился в северо-западной оконечности Эпира = на северо-западе провинции Ахайя, при входе в Амбракийский залив, напротив акарнанского мыса Акий, основанный на месте ставки Октавиана (высота Микалицы) в ходе его долгого противостояния 31-го г. Антонию, ставка к-рого располагалась на противоположном – оконечность Акраннии – берегу, перед решающим Акийским сражением (Р.л. 186/87-95; 201).

Кстати, культ Аполлона Акийского со святилищем супротив Никополя, на мысе Акий, был учреждён, по преданию, аргонавтами в канун их плавания к берегам Колхиды. Святилище было сакральным центром полисов Акраннанского союза и акраннанцы отличились тем, что, единственные из греков, не участвовали в Троянской войне, почему считавшие себя потомками троянцев римляне испытывали к ним особую симпатию, как и к преемнику древней Трои малоазийскому Илиону, откуда – из Трояды – Павел и прибыл в Эпир через 95 лет (Малый Пасхальный круг – 19 х 5) после Акийской битвы.

Дата основания Никополя – 30г. до н.э. – наличествует у Кассиодора (Chron. Minora 2,134). Созданием этого *победного* города Август создал на северо-западе слабо населённой и упадочной в то время Греции значительный новый центр, ориентированный не на восток, в отличие от традиционных греческих центров, но на запад, на заморскую Италию и на Рим по ту сторону Ионики с Адриатикой, воздвигнув у места своего походного шатра храм Нептуна и собрав сюда посредством синойкизма население из обитателей других – ближних и достаточно отдалённых греческих городов (Страбон 10,2,2; Дион 51,1,3), соподчинённых в пределах немалой территории именно Никополю, возвысившемуся над югом Эпира, Акарнанией, Левкой и частью Аэтолии.

При этом щедро отстроенный и быстро расцветший Никополь не стал римской колонией, оставаясь чисто греческим городом, оснащённым широкой автономией – *civitas libera*. Гордость никополитанцев своим привилегированным статусом вошла в поговорку (Арриан «Epist. Diss.» 4,1,14). Город состоял в дельфийской амфикионии и снаряжал ежегодно 6 гиеромнемонов (Павсаний 10,8,3), уполномоченных заседать в синедриональном совете. Множество трофеев Акцииского сражения послужили для его украшения (Страбон 7,7,6). Никополю щедро благотворительствовал Ирод (И.в. 1,21,1; И.д. 16,5,3). Сюда были свезены множество произведений искусства со всей Этолии и Акарнании (Павсаний 7,18,8/9).

Обновлённые Августом древние, в честь Аполлона, Акцииские игры сравнялись по рангу с Олимпийскими, совпадали с ними по году проведения и проводились в месяце Акцииской победы – сентябре – с 28г. до н.э., под руководством лакедемонян, к-рые, единственные из греков, воевали на стороне Октавиана против Антония в Акцииской войне (Страбон 7,7,6; Светоний «Авг.» 18,2). И, к слову, очередная Аксиада выпала именно на 65г. н.э., однако, неизвестно – была ли она своевременно проведена? или её отложили до прибытия в Грецию Нерона? как это произошло, по одной из версий, с Олимпийскими и проч. состязаниями, в к-рых Нерон решил поучаствовать, тогда как по версии второй, в его честь состоялись игры-состязания внеочередные, без нарушения графика очередных. Причём, возможно, Неронов вояж по Греции начался летом/осенью или сентябрьской осенью 66г. именно с Никополя (см. ниже).

В 18г. н.э. Никополь посетил, направляясь на Восток, откуда ему не суждено было вернуться, вступивший здесь 1.01. в своё второе консульство (*in absentia*) Германик. В конце (симметричного году Акцииского сражения) 31-го г. н.э., после октябрьского падения в Риме Сеяна, до самого Никополя преследовал некоего вынырнувшего на Кикладских островах самозванца, к-рый назвался Друзом (томившийся в ту пору в Палатинском каземате средний сын Германика), легат объединённых в тот период Мезии, Македонии, Ахайи – Г.Поппей Сабин (дед жены Нерона – Поппеи).

Притом весть о самозванце дошла до Поппея в обустройстваемой им Македонии, откуда он сорвался и, по Тациту (An. 6,V,10), «...оставив позади себя в Эгейском море о. Эвбею, на аттическом берегу Пирей, далее Коринфское побережье и Истм, и следуя уже другим морем (Коринфский залив Ионического моря – К.З.)», прибыл в Никополь (вполне акцептабельный маршрут прибывшего в Никополь из Трояды осенью 65г. Павла). И интересно, что не иначе как из Никополя загадочный самозванец, к-рый тут почему-то назвался сыном М.Силана (консула 15г. н.э.), собирався следовать дальше в Италию, и не иначе как в Никополе дальнейший его, кого Поппей так и не настиг, доложив обо всём Тиберию, след потерялся-затерялся (Т.Г. 658-65).

Благоприятное географическое положение ворот средней и северной Греции из Италии, равно ворот Италии из Греции, бойкая торговля и её транзит обусловили

никопольское процветание, о чём свидетельствуют городские монеты от Августа до Галлиена (+ 268г.). При изгнавшем философов из Рима Домициане и потом при Траяне, в Никополе обретался с 90г. «последний стоик» Эпиктет. Грекофил Адриан посетил город, на монетах к-рого он зовётся Панэллиннос, в 125г. Культ его любимца Антиноя, утонувшего в Ниле (утонул, жертвенно посвятив себя Адриану?) и обожествлённого, почитался никополитанцами особо. При инициировавшем новое административно-терриориальное деление Империи Диоклетиане, Никополь сделался центром провинции Старый Эпир – 293г. При Константине (+ 337г.), Старый и Новый Эпир вошли в диоцез Македония. В IV/Vвв. никопольские епископы – митрополиты Эпира.

С IVв., ещё в 268г. впервые пострадав от вторжения готов, в русле общеимперского заката, город подпал, начиная со времени Юлиана Отступника (361-63г.), предположительно, разрушенный землетрясением, упадку. В Vв. был разорён сначала готами Алариха; позднее – вандалами Гейзериха; в 551г. – остготом Тотилой (Прокопий «Готские войны» 4,22,31). Восстановление города – заслуга Юстиниана. С тех пор – центр фемы Эпир, резиденция стратега.

Завладевшие Никополем в 929г. и вторично призванные самими изнывавшими под бременем византийских налогов никополитанцами в 1040г. болгары вреда городу не причинили, но, тем не менее, до конца XVв. всё убывавшее с позднеантичных времён население полностью покинуло его и он окончательно обезлюдел. Сегодня о былой роскоши археораскопанных остатков городища, в 6-и км к северу от греческого г. Превеза на побережье залива Амвракиос, напоминают античные развалины двух театров, акведука и стадиона.

Христианская традиция связывает начало никопольского христианства и местной общины с известного из Послания к Титу, точнее, с намечаемого в П. к Титу зимовья тут Ап. Павла, к-рое не все толкователи принимают, сомневаясь, что оно, как и посещение Павлом города, вообще когда-либо имело место быть. А те, к-рые принимают, акцептируя также павлианский период между двумя римскими узлами, подвопросно датируют эту зиму 60/61? 61/62? 62/63? 63/64? 64/65? 65/66? и 66/67? гг., в отношении чего мы заморачиваться не станем. Не станем, поскольку в объективе добытая-идентифицированная нами, в ходе предложенного читателю доказательного хроноповествования, зима именно 65/66гг. н.э.

Посему, если в 31г. н.э. – год Лета Господня, когда путь загадочного Лже-Друза в Италию пропал-затерялся в Никополе, все дороги вели в Землю Обетования, где вершилась Мистерия Голгофы, то в 65/66гг. все дороги уже вели в Италию и столицу мира сего – Рим, к-рые (Италию и Рим) Павел намеревался, по истечении зимы, посетить. Чтобы, побывав в Риме, прощально, как сказано, навеститься к христианским единоверцам из Евреев в (стоящую на пороге погибельной для Иерусалима и храма Иудейской войны) Палестину и снова возвратиться навстречу своему мученическому венцу в город городов Рим.

Впрочем, человек предполагает, а Бог располагает, и потому, на сей раз, судьба, вопреки плану Павла, кто так и не отчалит в (обречённую) Иудею из-за (незнамо почему) задержавшегося с приходом к нему в Рим Тимофея, распорядилась иначе, больше не выпустив его, больше не отпустив его, кому, как и Петру (Евреям от Евреев), предстоял венец именно римского мученичества вселенских Апостолов (в разгар Иудейской войны), из Италии и Рима!

ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ (зима/весна 66г.)
ПАВЕЛ В ИТАЛИИ И В РИМЕ (весна 66г.)
НАЧАЛО ВТОРЫХ РИМСКИХ УЗ (весна/лето 66г.)

Вопрос об авторстве Послания к Евр. давний. В начале этого Послания, отлично от других Павловых Посланий, нет указаний отправителя и адресата, нет обычного приветствия Церквей или персон, нет имён современников и сотрудников Апостола, за исключением названного в конце Тимофея (13,23), без к-рого проблема была бы ещё более спорной. Да и в целом оно, по мнению многих, больше похоже на рафинированный богословский трактат, что, впрочем, не должно мешать ему быть одновременно Посланием, поскольку все Книги обоих Заветов, так или иначе, богословские и, так или иначе, — Послания. Причём, если для Восточных церквей и большинства их авторитетов против павлианского авторства со Пв. возражений не было, то на латинском Западе Павел был однозначно признан автором только в IVв.

Первые сведения о Посл. к Евреям как таковом содержатся в «1-м Посл. Климента Римского к коринфянам», к-рое, не раз к этому Посл. взывая, имени Павла, однако, не называет, из чего делается вывод, что, по Клименту, нельзя судить об авторстве. А, м.б., наоборот, оно = авторство — было для Климента очевидным? В Александрии со второй половины Пв. в авторстве Павла уверены Пантен и его ученик-преемник Климент Александрийский, на к-рых ссылается Евсевий («И.Ц.» 6,14,2-4). Ссылается на, по слову действовавшего в Александрии с ок. 180г. Климента Ал., «блаженного пресвитера», т.е. на Климентова предшественника — Пантена, отправившегося ок. 200г. проповедывать в Индию, и на самого Климента, согласно к-рому, это написанное «для евреев и по-еврейски Послание Лука старательно перевёл для эллинов. Вот почему одинаковый стиль и в переводе этого Послания и в Деяниях» (2).

Кроме того, следуя Клименту Ал., в заглавии не стоит «Павел Апостол», так как, «обращаясь к евреям, относившимся к нему (Павлу) предвзято и с подозрением, разумно было не отталкивать их сразу же своим именем» (3). Аргумент неубедительный, т.к. отправитель ясен в конце, даже не называя своё имя, посредством упоминания им имени Тимофея, с к-рым он собирается к Евреям в Св. Землю. Зато убедителен приводимый тем же Климентом Ал. у Евсевия довод Пантена, что посланный к язычникам Павел по скромности не назвался Апостолом евреев, Послание к к-рым «только добавка к его деятельности, ибо был он проповедником и Апостолом язычников» (4).

И действительно Павел не вмешивался в дела иудеохристианской палестинской епархии-паствы аж с 37г., когда ушёл из Иерусалима, и особенно с 51г., получив, по постановлению Апостольского собора, исключительные полномочия в отношении язычников.

Мнение Пантена разделяет Ориген, кто, впрочем, констатирует, что Евр. не имеет словесную простоту, присущую др. Посланиям Апостола, к-рый сам себя называл «невеждою в слове» (2Кор.11,6), и что, скорее, мысли Павла были изложены знатоками греческого: Климентом Римским или Лукой. Родным языком Еврея от Евреев Савла/Павла, несмотря на то, что он родился в Тарсе Киликийском (3г. н.э.), куда, правда, его родители, родом из Галилеи, попали всего за два года до его рождения (1г. н.э.), был еврейский (притом — и арамейский, и богословски изученный им — если не дома, то в школе Гамалиила — классический древний иврит). Хотя он с детства знал и греческий, — используя его в Посланиях и обращаясь к пастве эллинистического мира на разговорном греческом, между тем как (грекоязычный сириец-антиохиец) Лука блестяще владел и классическим греческим.

Отсюда версия перевода Посл. к Евр. на греческий именно Лукой вполне правдоподобна, так как, к тому же, Лука вполне мог находиться с Павлом и Титом зимой 65/66гг. в Никополе, или присоединиться к Павлу весной 66г. уже в Италии, в то время как Тит либо отправился в Далмацию, о чём сказано в 2Тим.(4,10), снаряжённый туда (почавшим в 57г. Иллирик)²⁸ Павлом прямо из Никополя, не проследовав с Апостолом в Италию, либо последний отправил его в Далмацию из Италии, до своих Вторых уз? или будучи уже в узах?

Далее, авторство Павла приложительно к Евр. признали на совокупном – греко-византийском, сирийском, египетско-александрийском – Востоке Антиохийский и Лаодикейский соборы, первый – в 264, второй – в 360гг. Из авторитетов IV/Vвв. – Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Нисский, Епифаний Саламинский, Иоанн Златоуст, Теодор Мопсуестский, Феодорит Кирский, (неуверенно) Ориген, Феofil и Кирилл Александрийские. Сходно – не сомневаются в Павловом авторстве – сирийский перевод Библии «Пешитто», и представители Сирийской церкви – Иаков Нисибинский, Афраат, Ефрем Сирийский.

На Западе дело обстояло несколько иначе. Если вопрос с Климентом Римским считается подвопросным, то Тертуллиан в «De pudicitia» (20) приводит мнение об авторстве Варнавы (родича, о чём нам известно, Марка), левита родом с Кипра, приведшего Павла в 40г. из Тарса в Антиохию и его (как, предположительно, одноклассника по школе Гамалиила, так и) спутника в Первом миссионерском путешествии. Притом логика мнимого авторства Варнавы понятна, ведь речь в Послании, во многом, идёт о левитско-аронидском священстве, о его преходящести, что-де ближе принявшему христианство потомственному *левиту* Варнаве, нежели, помимо прочего, полностью переключившемуся на язычество и т.д. *вениаминиту* Павлу.

Вместе с тем, сообразно Иринею (Евсевий «И.Ц.» 5,26) и Ипполиту (Refut. 6,30,9), – не все разделяют мнение об авторстве Павла. Посл. к Евреям отсутствует в перечне «Канона Муратори» (ок. 170г.), к-рый числит за Павлом всего 13 Посланий. Обратим в данной связи внимание на следующее: 3-е Посл. к Кор. сомкнулось с 2Кор. (гл.1-9 и 10-13), о чём мы говорили выше, ещё в первой половине Пв., войдя в древнейший Мураториев список Нового Завета как 2Кор. Помимо того, Евр. не признавал Павловым, и ясно почему, экстремальный гностик Маркион (даже Луку считавший заземлителем исконного гностика гностиков Павла), к-рый и без того приписывает Апостолу язычников всего 10 Посланий. Но, с др. стороны, в авторстве Павла уверен в IVв. Амвросий Медиоланский, затем – в IV/Vвв. в том же уверены Августин, Иероним, Руфин, Гиппонский собор 393 и Карфагенский – 397гг.

А дальше, более чем тысячу лет, с IV/V-го по XVIвв., сомнений (к-рые позволялись, и незачем тут рассусоливать насчёт догматизма Церкви, на подобные вопросы не распространявшегося) больше ни у кого не возникало, пока в пору Реформации (с чего началось сопровождавшееся частыми переборами ниспровержение устоев) не раздались противоположные голоса: Эразма Роттердамского, Лютера, Кальвина и т.д. и т.п. Следуя Эразму, места и цитаты из В.З. даны в Послании по «Септуагинте», чем, мол, яснее ясного свидетельствуется авторство не Павла, к-рый в прочих Посланиях использует массоретскую Библию. Но, во-первых, Павлу была

²⁸ Напомним, Далмация и Паннония – провинции, соответственно, южной и северной частей прежнего обширного Иллирика, образованные Августом ок.10г. н.э., после подавления Иллирийского восстания 6-9гг. В Посл. к Римлянам (58г.) Павел говорит общо о своём благовестовании – «от Иерусалима и окрестности до Иллирика» (15,19), имея в виду посещение им в 57г. (из Македонии) южной Далмации (явно – не Паннонии), где Тит – в пределах, надо понимать, всей включавшей Динарские Альпы и значительную часть побережья Адриатики провинциальной Далмации (к-рая в 2Тим.4,10 не случайно локализована) – взялся с 66г. (расставшись с Павлом ещё в Никополе или уже в Риме) миссионировать основательно (см. ниже).

хорошо ведома и «Септуагинта», во-вторых же, или, точнее, именно во-первых, как раз-таки еврейским оригиналом Послания мы не располагаем, тогда как Лука, при переложении-переводе оно на греческий, для грекоязычных читателей, естественно, использовал «Септуагинту».

По Лютеру (к-рый вдохновил своих последователей на то, что лучше разойтись с солнцем, чем сойтись с папой), автор Послания — речистый-красноречивый александриец Аполлос, ибо для Послания характерно аллегорическое толкование Библии в стиле Филона Александрийского, чему, дескать, знатоку александрийского греческого Аполлосу довелось быть сопричастным в наибольшей мере. Однако, опять-таки, во-первых, оригинал Послания был еврейский; во-вторых, кто сказал, что великому эзотерику Павлу чужда аллегория?! к-рая в Посл., как раз-таки, отнюдь не столько аллегория, сколько глубокая спиритуальная эзотерика. И в-третьих, остаётся спросить-вопросить: если Послание родом из Александрии, почему об этом ни сном, ни духом такие александрийские мэтры, как Пантен, Климент, и, в первую очередь, не преминувший бы об этом сказать (неуверенный в павлианском авторстве) Ориген?!

По Кальвину, стиль Послания разительно отличается от стиля Павла, и главное, мол, в том, что Павел не мог сказать слова 3-го стиха гл. 2 об учении Христовом, к-рое, «быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него», поскольку-де он решительно подчёркивает своё призвание непосредственно воскресшим Христом, не ставя себя в зависимость от прочих Апостолов.

Да, Павел был призван и посвящён персонально явившимся ему Христом Воскресения. Иисуса он в земной жизни не знал и последователей Его, после Мистерии Голгофы, гнал, но ведь зрение после ослепления-просветления на пути в Дамаск вернулось к Павлу через возложение на него рук крестившего его в Дамаске (пресвитера) Анании, к-рый безусловно был из тех, кто знал Христа в земной жизни. Следовательно, спасение Христово, проповеданное Господом, утвердилось в призванном, несомненно, Самим Христом Павле, в т.ч., благодаря как его крёстному отцу Анании, так и другим пресвитерам в Дамаске, имён к-рых мы не знаем, при том, что это никак не умаляет просветление-обращение Павла непосредственно явившимся ему Спасителем.

Плюс к тому, не Варнава ли, к-рый привёл Савла из Тарса в Антиохию в 40г., вплоть до их совместной деятельности на Кипре, с каковых пор Савл становится-называется (в Д.Ап.) Павлом, фигурирует, при наименовании их обоих, подчёркнуто первым (то-то Тертуллиан или его источник-информатор даже, как сказано, приписывает Варнаве авторство Посл. к Евреям).

* * *

Впрочем, запущенная Реформацией тенденция со временем, в эпоху Просвещения и рационал-материализма, с его радикальным крылом — атеизмом, дошла до абсурда, всё более интересуясь вовсе не столько поиском-установлением правды-истины, сколько отрицанием ради отрицания. Так, к примеру, во второй половине XIXв. А.Гарнак, решив, наверное, быть-прослыть оригинальнее всех предшественников, приписал авторство П. к Евр. Прискилле — составительнице-де текста при помощи её супруга Акилы. А причина анонимности, мол, в том, что, по павлианскому домострою, женщина не имела права учить, тем паче, писать апостольское Послание, позднее закреплённое за Павлом.

Отсюда в XX/XXIвв. знакомые нам Кл.Бергер и Кр.Норд (S.182/83) вообще говорят даже о, по их мнению, давнем и серьёзном обсуждении вопроса — не женщина ли автор Посл. к Евр.? что, видите ли, вовсе не исключено (!). Короче, здесь просто

нельзя не привести крылатые слова из популярной советской комедии: «Джексон оказался женщиной» (!), и этим от дальнейших комментариев на не заслуживающую опровержений суперлиберальную (идиотическую) галиматью воздержаться.

К слову, не удержался от того, чтобы примкнуть к распространённому протестантскому мнению и пришедший в Общину христиан из протестантизма автор-антропософ (Erzoberlenker Общины христиан в 1938-59гг.) Э.Бок (Paulus, S.227), согласно к-рому, автор П.к Евр. (без какой-либо аргументации, к-рая-де, извините, общеизвестна) – не Павел.

Никак нет. Христианская традиция совершенно верна-права и авторство Павла для нас несомненно, более того, именно Послание к Евреям является богословским, – эзотерическим и экзотерическим, – апогеем всего Павлом написанного. И это именно оно, учитывая, в частности, раскрываемый в нём феномен Мелхиседека, есть одновременно непреложный мост или ключ к Книге Книг Нового Завета – к Откровению Иоанна (в к-ром, по мнению ряда таинников, как в авторе IV-го Евангелия и Апокалипсиса, волил, и устами-словом к-рого благовествовал именно Мелхиседек-Христос!).

При всём том, если в др. Посланиях Павел, о чём мы упоминали выше, искусственно занижал свою спиритуальную и интеллектуальную планку, так как малым, «несведущим в слове правды», детям требуется не твёрдая пища а млеко, то в Посл. к перезрелым и пережившим себя Евреям (к-рым надлежало быть учителями, чего они в большинстве, увы, не сделали, тоже нуждаясь в младенческом молоке) он развернулся во всю мощь, проявив своё посвящение-восхождение как до уровня Третьего, так и до уровня Седьмого неба!

Перед нами (относящийся к Кн.Левит, как к своей тени) величественный (с к-рым, в силу присущей ему гениальной мощи, сравним разве что моцартовский) *Реквием* – (своего рода) заупокойное (благовествовательное) богослужение по адресу ветхозаветного храма, дни к-рого сочтены, с его сходящими-отходящими в прошлое – алтарём, священством и жертвоприношениями. Перед нами своего рода поминальное слово Павла и его культовое служение в слове, в связи с чем возникает вопрос: не им ли, не Павлом ли был дан христианский культ, введённый-инаугурированный в Александрии (подтверждение чему – древнее предание), в достоинстве александрийского епископа, Евангелистом Марком? к чему мы ещё обратимся ниже.

Равно перед нами торжественное завещание Павла родному и возлюбленному народу накануне Иудейской войны, падения Иерусалима, гибели Храма и укоренённого в *Скинии* священства. Более того, перед нами увещание к палестинским иудеохристианам быть твёрдыми в вере в предстоящих испытаниях, и прощание Павла с еврейством Древнего Завета в Эрец-Исраэль. Плюс, одновременно, – торжественное прощание Апостола язычников со своим собственным Еврейством, от к-рого он, Еврей от Евреев, возвысившийся до Апостола языков, в к-ром Христос, никогда не отрекался и предателем к-рого (сродни своему кармическому предводителю – пророку Иеремии, или сродни автору гимна своему народу – Иосифу Флавий) никогда не был. Христос – Сын Божий и Сын Давидов, выше и больше первопророка и законодателя Моисея – не сына, но раба Божия из, как и его брат Аарон (от к-рого священский род-дом Аарона), колена Левия.

И отец Авраам отдал священскую десятину Мелхиседеку – (перво)священнику Бога Всевышнего, когда Левий, третий сын Иакова-Израиля, внука Авраама, был ещё в чреслах Авраамовых. Ну и какое, спрашивается, священство старше и приоритетнее: по чину Мелхиседека? или по линии Левия-Аарона? И *Теократор* Иисус Христос – не из колена ли Иудина! не из дома ли Давидова! – «из к-рого никто не приступал к жертвеннику» (7,13). И если с Моисеем, дателем синайского закона от Бога, выведшим Израиль из Египта, народ в законе, к-рый под предводительством

Иисуса Навина овладел Землёй Обетования, *начался*, то самопожертвовательной жертвой БогоЧеловека Иисуса Христа на Голгофе, принесённой раз и навсегда, в отличие от постоянных животных жертв аронидского священства, не способных искупить грех, богоизбранничество (выполнившего-исполнившего свою великую миссию) еврейского народа (с Исполнением и Исполнением Вре́мён) закончилось-завершилось. Закончилось, сделав богоизбранными тех, в ком пришедший для всех и для каждого отдельного человека искупитель их грехов – Христос Спаситель – (Небесный) царь и первосвященник по (вышнему царско-первосвященскому) чину Мелхиседека!

Столько пока об авторстве и значении Послания к Евреям, белиберду относительно написания к-рого, мол, то ли – неведомо кем, то ли – в 80/90-е гг. Ив., то ли – аж во Пв., мы, не оспаривая глупость, отставляем в сторону. В отношении же времени написания этого Послания Павлом, как его бесспорным автором, с какой бы стороны ни посмотреть, речь должно вести об интервале между двумя Римскими узами, т.е. о 63 – 66гг. Можно ли предел колебаний сузить? Анонсируем (перед раскрытием по главам): вполне.

Ведь согласно наличествующим в тексте Евр. косвенным сведениям-свидетельствам (см. ниже), уже имели место быть и гонения 33/34, и гонения 44гг., или, что нас сейчас конкретно интересует, недавнее каменование Иакова, брата Господня, в 62г. И это, вкупе с др. противохристианскими репрессиями иудейского верховенства, ослабило христианскую общину после 62г., обусловило выход из неё и возвращение ряда её нестойких членов в храмово-прихрамовое лоно ветхозаветного еврейства-иудаизма. Из-за перенесённых ударов, харизмы начала христианства утратили свою прежнюю атрактивность. Первое поколение христиан Века Апостольского сменилось или сменяется вторым.

Мало того, у Посл. к Евреям немало общего с составленным в 58г. Посл. к Римлянам (ср. Евр.10,30 и Рим.12,19). Они, в определённом смысле, зеркально отображаются друг в друге, они созеркальны. Одно, – написанное к христианской общине столицы мира, другое – к христианам из Евреев, прежде всего, Града Господня Иерусалима, и шире – Эрец-Исраэль, сообразно чему, можно сделать вывод, что и первое гонение на христиан в Риме известно автору и оно позади, т.е. Посл. к Евр. написано не ранее 64г.

Далее, ведь именно в 64г. в Иерусалиме была торжественно завершена, после 80-и, в общей сложности, лет строительных работ, начатая Иродом в 17г. до н.э. грандиозная новоотстройка-реконструкция Второго храма, с завершением к-рой нисановской весной 64г. (см. ниже) исполнилось 1470 лет (490 x 3) от вступления пост-исходных израэлитов весной 1407г. до н.э. в Землю Обета. И это (если не собственно сакральный срок, то сам факт окончания работ над «Третьим храмом») тоже наверняка подстегнуло скорое мессианское «исполнение времён» в глазах многих еврейских ветхозаветников и возобладало в некоторых колеблющихся иудео-христианах (о к-рых говорится в Евр.) возвратной ренегатской архаикой. Засим Посл. к Евреям пишется с оглядкой на иерусалимское гонение 62г., на освящение «Второ-Третьего храма» весной 64г., и на римское гонение лета/осени 64г.

* * *

Дальше – больше. Если в начале Послания ни отправителя, ни адресатов нет, то в конце ожидающий недавно освобождённого (из уз) Тимофея (13,23) Павел, в надежде в ближайшее время прибыть с ним к Евреям-христианам в Землю Израилеву, приветствует их от имени именно италийских единоверцев: «Приветствуют вас Италийские» (13,24). Стало быть, Послание пишется или, точнее, дописывается

и отправляется из Италии, однако не из Рима, в каком случае в тексте стояло бы – не «Италийские», а «Римские». Значит, вывод напрашивается: Павел уже в Италии, но ещё не в Риме. Так, не прибыл ли он из Никополя Эпирского в Путеолы, откуда ему уже доводилось, проведя у тамошних христиан неделю, идти в Рим в 61г., и где он остановился перед Римом на какое-то время ныне – мартовской весной 66г.

И пусть одна из версий считает, что Евр. было написано и отправлено ещё не покинувшим Италию Павлом после его Первых римских уз в 63г., такой хронологии противоречит информация об освобождении Тимофея, к-рый заключительный отрезок времени Первых (Павловых) уз провёл в Риме, при Павле, не в качестве узника; к-рый был отправлен весной 63г. с Посланием к Филиппийцам; к-рый затем, вероятнее всего, встретился с Павлом в 64г. на Крите (куда прибыл из Филипп); был оставлен осенью (64г.) в Ефесе; и снова встретился с учителем, вторично посетившим в период между двумя римскими узами Эфес – 65г., в М.Азии. Таким образом, с 63-м г. весть о коротком заточении и освобождении Тимофея из уз никак не вяжется, не синхронизируется, оптимально просясь в 65/66гг., когда, повторим, Павел узнал об узам Тимофея уже покинув Эфес, узнав в дальнейшем о его освобождении, но всему, в Никополе, перед своим отплытием в Италию в 66г.

Причём, если 63г. как время отправления П. к Евр. из Италии отпадает, то никакого иного вакантного времени, чтобы Павлу сделать это, за исключением весны 66г., по детально-подробно реконструированной нами павлианской хронологии – в интервале между узами, не остаётся. Павел покинул Италию в 63г., возвратившись туда никак не раньше весны 66г., притом Послание к Евреям было досоставлено и отправлено им из Италии до начала его Вторых римских уз, к-рые начались для него, так и не дождавшегося на свободе – ни в Путеолы, ни в Риме – Тимофея, не позднее майской весны или весны/лета 66г. (см. ниже).²⁹

И наконец, само Послание к Евр., глава за главой, в чём мы удостоверимся ниже, свидетельствует о том, что роковая Иудейская война, приведшая к падению Иерусалима и гибели тысячелетнего Храма, на пороге, но, вместе с тем, судя по буквально дышащему близкой храмовой катастрофой Посланию, в к-ром на само начало войны нет ни намёка, последняя ещё не началась – на повестке дня её канун. И действительно, если сирийский легат Цестий Галл посетил Иерусалим, праздновавший Пасху 66г. 29/30 марта (= 14/15 нисана), «как раз – как пишет Флавий (И.в. 2, 14, 3) – пред наступлением праздника опресноков» (= перед Пасхой) – 30.03. – 5.04., во время чего иудеи жаловались ему на бесчинства усмешливо стоявшего рядом с ним наместника Гессия Флора, то позже пожар войны разгорался, начиная с устроенного Флором в Иерусалиме побоища в апреле/мае. И всю разгорелся в течение лета, когда иудеи прекратили храмовые жертвоприношения во здравие римского кесаря, что фактически сделалось формальным объявлением войны Риму (см. ниже).

Посему дата написания-дописания-отправления Послания к Евреям локализуется до максимального минимума: это первая половина весны, вероятно, март

²⁹ Павел не мог задержаться после своего освобождения в 63г. (весной) надолго в Италии (из к-рой он отчалил летом), чтобы успеть побывать – в Испании (63/64гг.), на Крите (64г.), в М.Азии (Эфес; Колоссы; Лаодикия?) (64г.), в Македонии (64/65гг.), в Коринфе (65г.), снова в М.Азии (Эфес; Милит; Троада), и потом перезимовать в Никополе (65/66гг.).

Вдобавок к тому, после каждого из Трёх миссионерских путешествий Апостол возвращался на Ближний Восток: в 48г. – в Антиохию Сирийскую; в 54 и в 58г. – в Палестину/Иерусалим. И сейчас, после своих междуузильных путей-дорог 63–66гг. = после *Четвёртого путешествия*, он намеревался, – побывав в Италии/Риме и поддержав римских собратьев, после грянувшего в 64г. на них гонения, как морально, так и, м.б., материально, – в последний раз навестить братьев иерусалимских.

ббг., в пору нахождения всем существом предчувствующего скорую развязку Павла, как сказано, уже в Италии (Путеоли?), но ещё не в Риме, и его намерение-стремление добраться до единоверцев в Иерусалиме/Палестине, чтобы доставить им благотворительную помощь, оградить их от участия в не их войне, дать им заключительные наставления и попрощаться с ними (ибо город его мученического венца – Рим).

Касаемо же составляющих предмет острых среди ново-новых толкователей споров по поводу адресатов Евр., в Д.Ап.6,1 словом «Еврей/Евреи» обозначаются называются не иначе как именно палестинские христиане из Евреев, говорящие на еврейском или арамейском, в противоположность Еллинистам Диаспоры или Палестины, говорящим по-гречески. Т.е. Евреи в устах автора Послания се, перво-наперво, иудеохристиане, прежде всего, Иерусалима и затем Эрец-Исраэль (хотя в общем-целом обращение «к Евреям» можно понимать и шире). И пустословные споры тут, от к-рых, кстати, Павел решительно предостерегает учеников, вряд ли уместны.³⁰

Итак, предпоследнее из Павловых Посланий – к Евреям – было отправлено адресатам мартовской весной ббг. (тогда как последнее – 2-е к Тимофею – Апостол напишет и отправит во второй половине лета, ближе к осени, из Вторых римских уз), спустя 33 года от весенней Мистерии Голгофы 33г. н.э., когда, вспомним, день 29 марта был днём (Вербное воскресенье) Торжественного въезда Иисуса в Иерусалим. И произошло это – ббг. н.э. – в год 63-летия Павла, когда завершился его возрастной цикл $7 \times 9 =$ год Порога, когда округлялось кольцо Сатурна, когда исполнялось 33-летие Таинства Таинств Голгофы.

И снова скажем, что вовсе не случайно именно Послание к Евреям Ап. Павла предваряет – и в порядке последовательности, и по градусу-уровню-степени таинственности, и духовно-спиритуально – Книгу Книг в Книге Книг – Откровение

³⁰ В Быт.10,21 сын Ноя Сим, старший брат Иафетов, – «отец всех сынов Евровых». Его потомки, в частности, Арфаксад, Сала, Евер – отец Фалека и Иоктана (22-25). Т.е. Евер – внук Семита Арфаксада (из района южнее оз. Урмия). И по одной из версий, имя Евер означает «перешедший Евфрат», или «пришелец из-за Евфрата». Потомок Фалека – Авраам (из Ура Халдейского), к-рый первым в Библии назван Евреем – Аврам Еврей, живший у дубравы Мамре (Б.14,13). И этот приход из-за Евфрата *перешедшего/перешедших* Евфрат подходит как к Арфаксату, так и к Аврааму, пришедших к Евфрату и перешедших Евфрат с разных сторон-направлений – с приурмийского севера и с халдейского юга. После Авраама (к-рый – ещё и как Еврей-монотеист – противопоставляется политеистам) Иосиф и его братья в Египте – Евреи (Б.39,14;17; 41,12; 43,32). Причём (родившийся не в Палестине) Иосиф называет свою палестинскую родину, откуда он (проданный братьями) попал в Египет, «землёй Евреев» (Б.40,15). Опречь того, под именем Евреи (иврим; иври) – как «пришельцы» или «пришельцы из другой страны» – израильтяне были известны другим народам (Б.40,15; 1Ц.4,6).

Впоследствии Евреи – исключительно Израэлиты, противопоставленные неизраэлитам – египтянам (Ис.1,15;19; 2,6;11;13) в Египте, где Моисей получил повеление от Бога передать фараону известие от «Бога Евреев» (Исх.3,18; 5,3; 7,16; 9,1;13); при Сауле – противопоставление филистимлянам (1Ц.4,6;9; 14,11; 29,3); в Кн.Ионы Еврей Иона противопоставляется нееврейской команде судна (1,9). Интересно и то, что как Авраам, так и Моисей – пришельцы в землю Евреев – Эрец-Исраэль. В Иер.34,9;14 – речь о Евреях и Евреянках.

Позднее актуальность еврейства евреев, тождественных израэлитам, к-рые, в свою очередь, тождественны иудеям, снова обостряется со времени геттоизаторского обособленчества в эпоху Второго храма Ездры и Неемии – предводителей иудейства-еврейства, ещё более актуализируясь с IV/Швв., в пору безгосударственного Израйля и ассимиляторски наступающего эллинизма, не меняя значения и при римлянах. Павел же, называя себя Евреем, Израильтянином, семенем Авраамовым (2Кор.11,22), или Евреем от Евреев (Фил.3,5), упирает на то, что он чисто еврейского происхождения. Т.е. из всего сказанного ясно – почему и в связи с чем Евреи в Новом Завете – это, повторим-акцентируем, – укоренённые в Иерусалиме и Земле Обетования Евреи-христиане Иерусалимской церкви и Евреи-христиане Эрец-Исраэль, родной язык к-рых еврейский = арамейский, а не греческий, как у христиан из числа Иудеев-Еллинистов.

Иоанново. Если, образно выражаясь, Апокалипсис – Святое-Святых Нового Завета, то П. к Евр. – преддверие Святого-Святых – крытый притвор (стоящего на пороге разрушения) святилища с жертвенником кадилным, на к-ром священник Авиевой чреды Захария тайнодействовал осенью 1г. до н.э., за 33 года до Таинства Голгофы!

Или П. к Евр. суть разорвавшаяся в момент крестной смерти Христа надвое таинственная завеса в Святое-Святых! И неспроста это Послание отстоит от явленного патмосскому изгнаннику Иоанну Богослову весной 96г. Апокалипсиса на 30 лет! И неспроста Иоанн Богослов начнёт действовать в предуготовленном для него Павлом Эфесе в 67г. н.э., в год римского мученичества Павла (и Петра), через 33 года после его дамасского обращения в 34г. н.э.! И неспроста деятельность Иоанна Богослова в Эфесе продлится до его успения 24.06.100г. н.э. – в день рождения за 99 (33 x 3) лет до того 24.06.1г. н.э., и за 33 года до обращения Павла, Иоанна Предтечи-Крестителя!

ТОЛКОВАНИЕ ПОСЛАНИЯ К ЕВРЕЯМ

В 1-й гл. Евр. раскрывается Бог, говорящий в Сыне, наследнике всего, Кто превосходнее Ангелов, что есть превосходство Иисуса Христа, имя К-рого пока (во вступлении слова к Евреям-христианам) не называется, именно Сына Божия (подход, понимание, истолкование и формулировка, категорически неприемлемые-кошунственные для Иудеев) – над всем сонмом и иерархиями Архаев, Архангелов, Ангелов (см.ср. Ио.1).

«Ветхозаветное откровение было неполно; новозаветное дано в полноте. В древности Бог открывал Свою волю по разным поводам и в той мере, в какой это было каждый раз необходимо, при посредстве Своих служебных духов, Ангелов, устами избранных людей, пророков. Ныне же он дал миру единожды полноту Откровения в сошедшем с небес и вочеловечившемся ради нашего спасения Сыне, К-рого и поставил наследником всего. Сын есть Слово Божие, К-рым всё сотворённое было вызвано к бытию и в бытии пребывает. Он есть Свет от Света Отчего, единосущный Отцу; Бог истинный, рождённый от Бога истинного прежде всех веков (1-4).

Против иудействующих лжеучителей, противившихся признанию лица Сына в Божестве, Апостол настаивает на утверждении, что Сын Божий, рождённый, а не сотворённый, вследствие единосущия Своего с Отцом, бесконечно превосходит наивысшие иерархии сотворённых духов, Ангелов, к-рых Псалмопевец уподобляет служебным стихиям перед престолом Божиим, дыханию ветра и огню пламенеющему» («Б.Б.», с.2070/71).

В стихах 1-4 гл. 2 звучит предостережение от отпадения, от соблазна-искушения для Евреев *отыграть* Новый Завет назад в пользу Ветхого Закона, возведённого через Ангелов, тогда как датель-податель Нового Завета – много превосходящий их Сын Божий, вследствие чего отпадение от Него более тяжкий грех.

В стихах 5-9 унижение вочеловечившегося Христа пред Ангелами, дабы Ему вкусить смерть за всех. Его, Безгрешного, нисхождение до человека, до человеков-грешников, Его безостаточная вочеловеченность-воплощённость, Его человечность, Его страдание как человека из плоти и крови – ради искупления-избавления всего человечества и каждого отдельного человека, стали залогом, средством и путём всеобщего искупления-спасения-избавления.

«Сын Божий превосходит Ангелов не тем только, что Он Бог, но и тем, что, будучи Богом, Он стал совершенным человеком. Ибо не кто-либо из Ангелов и не собор ангельский, но человек, в извечном совете премудрости и любви Божией,

был предопределён стать вместе целью и средством всеобщего спасения. И не Ангелам, но человеку покорил Бог будущую вселенную, по свидетельству псалмопевца Давида, к-рый видит в Духе Искупителя Богочеловеком и искупленное им человечество телом Сына Божия» («Б.Б.», с.2071).

Если в 2,9 Иисус впервые, после монументально-симфонического предуготовительного вступления, называется по имени, к-рое, напомним, означает — *Духовный врач* — *Исцелитель*, то в 2,18 Он уже зовётся «милостивым и верным Первосвященником пред Богом, для умилоствления за грехи народа», чем предуготовляется репрезентация Иисуса Христа как кульминационного Первосвященника Первосвященников по царскому чину (Царя Царей) Мелхиседека. И непреходящее именно царское-царственное Превосвященство Его много выше преходящего первосвященства архипастырей аронидских, к-рое упраздняется в Исполнившиеся Времена Первосвященством Мессии Христа, и дни к-рых сочтены.

Не Ангелов привлекает к Себе и с Собою соединяет Христос Искупитель, но людей; семя Авраамово, т.е. уверовавших в Него, тех истинных потомков Авраама в духе, к-рые унаследовали от своего духовного предка его завет в силу веры. Уподобившись братьям своим, Христос Искупитель предстоит за них Первосвященником перед Отцом. Ибо первосвященник берётся из среды народа, к составу к-рого принадлежит по плоти, чтобы умилоствить Бога за все грехи представляемого им перед престолом Господним человеческого множества. Пребывая вместе Богом и Человеком Богочеловек Христос есть Первосвященник вовек, очищающий и освящающий человечество.

В 3-й главе следует переход к превосходству Сына Божия над Моисеем — «службой» Божиим, к-рый был избран Богом и представлял пред ним совокупность Израиля как сына Божия, в то время как Иисус Христос, встреча с К-рым суть встреча человека со своим высшим Я, есть *индивидуально* Сын Божий. Так, не превосходнее ли Сын одного из рабов Божиих, пусть первопророка и законодателя, — Моисея! При том, что подавляющее большинство иудеев и в Машиахе-Спасителе видели, не допуская и мысли о святотатственно чуждом их ментальности (каком-либо, помимо совокупного Израиля) вочеловеченном Сыне (Господа), лишь избранного среди избранных раба Божия. Т.е. — сугубо земного превосходного продолжателя дела Моисея — восстановителя политической независимости Израиля и установителя мессианско-политического царства Израиля на земле.

И не так ли полагали даже те, к-рые ожидали двух Помазанников, жертвенного Машиаха бен Иосиф и победоносного Машиаха бен Давид! И кто знает, не видели ли некоторые в умершем на кресте Иисусе Мессию, сына Иосифова, за к-рым грядёт Мессия, сын Давидов (не зная, не ведая исполнившихся в Иисусе Христе тайны и таинства Иисуса Соломонида и Иисуса Нафанида)?

И не случайно в гл. 3 Павел дважды указывает на 40 лет Израиля в пустыне (9;17), на искушения и на то, что не всем, вышедшим-изошедшим из Египта, было суждено войти в Землю Обетования, поскольку кости части исходников-исшестввенников пали в пустыне, ибо — «они не могли войти за неверие» (19). Не прошло ли с тех пор как Моисей привёл израэлитов к иорданскому порогу Земли Обета (куда он не вошёл и сам) на 64г. н.э., когда в Иерусалиме была закончена 80-летняя новоотстройка-реконструкция-реставрация Храма, 1470 = 490 x 3 лет! Не срок ли в 40 лет пролегает от 30г. н.э., когда Иисус крестился на Иордане через (от) Иоанна во Христа, до 70г. н.э., когда падёт Иерусалим и погибнет храм! Не срок ли в 40 лет пролегает от Мистерии Голгофы 33г. н.э. до падения в 73г. Масады — последнего оплота иудейских повстанцев в унесшей свыше миллиона еврейских жизней Иудейской войне 66 — 73гг.!

В 66г. н.э. (через 99 лет от завоевания Иродом Иерусалима в 34г. до н.э.) Павел провидит всю эту скорую развязку (к-рая, впрочем, на ладони) и вновь предостерегает еврейско-христианских собратьев от соблазнов-искушений неверия-отпадения (из до поры безхрамового, безалтарного христианства в пользу пышного еврейского богослужебного культа с обильными жертвоприношениями в великолепии роскошного храма). Христос несравненно выше и больше Моисея, но Царство Его (по чину Мелхиседека) не от мира сего!

«Христос в божественном посланничестве Своём был верен Отцу, как Моисей был верен Господу в доме Его. Но разность между ними обоими та, что дом, Христом управляемый, Им же и построен и что правит Он им не как слуга-домоблюститель, но как хозяин, будучи Сыном и Наследником Домовладыки. Дом же — мы соборне, пребывающие верными Ему (1-6).

Урочищем искушения и укора назвал Моисей безводную местность, где мучимые жаждою Евреи ожесточились на Бога и на вождя, выведшего их из Египта в пустыню (Исх.17,7; Ч.20,13); вода, изведённая Моисеем из камня, утолила жажду ропшущих, но никто из них, в наказание за ропот, не вошёл в Землю Обетованную. Бог устами Давида предостерегает не уподобляться им в годину испытания, и Апостол, видя угрозу времён, напоминает это предостережение, обращая его к отчаявшимся и озлобленным, искушаемым к отпадению; отступившие от Христа не войдут в обетованное Царство славы Его, или, как говорит Псалмопевец, в покой Господень» («Б.Б.», с.2071).

Согласно гл. 4, «для народа Божия ещё остаётся субботство», т.е. седмичные сроки суббот Господних для народа Божия = для Евреев ещё не вышли, но берегитесь, как бы вам не оказаться опоздавшими, ибо катастрофа близка. И ведь не только маловерные ропотники не вошли в Землю Обетования — прообраз покоя, уготованного святым, а и о вошедших с Иисусом Навином нельзя сказать, что они вошли в покой Господень, о к-ром Псалмопевец говорит как о благе ожидаемом (Пс.95,11), к-рое надлежит заслужить и к-рого можно лишиться. Не предваряет ли Иисус Навин кармически автора Апокалипсиса Иоанна Богослова (вдохновитель Откровения к-рого, согласно одной из эзотерических традиций, — именно Мелхиседек!), метаисторически предворяемого автором Послания к Евреям Павлом!

И если субботство есть, в т.ч., сроки, вымерявшиеся еврейством по субботам-седмицам, по субботным и Юбилейным срокам, то самое время вспомнить следующие знакомые читателю по «Дороге на Иордан» (раздел «Израиль и Иуда», с.455-57) данные, к к-рым необходимо присовокупить и кое-что новое.

Чтобы воспроизвести-интервалировать историю жизни существа богоизбранника Израиля как человеческую жизнь (с её, в составе Платонова = Большого Космического года, классическо-математической патриаршей продолжительностью — 72 года) во времени, надо сначала определить общую продолжительность экзистенции Израиля в хронопределах от (зачинателя математизма) отца Авраама до Рождества Мессии Христа. В «Р.л.» мы прецизировали с помощью элементарного сложения полнолетних сроков дату Авраамова рождения — 2167г. до н.э. (или ок. 2160г., как получается при аддировании сроков неполнолетних).

2160 лет — длина Платонова = Космического месяца (1/12 Мирового года). В отношении к Мировому Платонову году — 25 920 лет — одна человеческая жизнь продолжительностью в 72 (идеальных) года — есть Мировой Платонов = Космический день. Отсюда, при разделении 2160-и лет израильской истории-метаистории (от Авраама до трехкратной конъюкции Юпитера и Сатурна в 7г. до н.э., накануне Рождества Христова) на 72 части для получения протяжённости 1-го года жизни Израиля как народа, — она будет равна 30-и юлианским годам (30 лет — время обращения субботней планеты Сатурн). Следовательно, то, что в человеческой

жизни составляет одну седмицу-семилетку, продолжается в жизни народа (30 x 7 =) 210 лет.³¹

Т.е. возрастная шкала Израиля от Авраама до Мессии Христа и дальше, до разрушения Второго храма, катастрофического восстания Бар Кохбы и мирового рассеяния безгосударственного-безземельного еврейства выглядит так: 2167 – 1957гг. до н.э. = возраст 1-7 лет; 1957 – 1747гг. = возраст 7-14 лет; 1747 – 1537гг. = возраст 14-21; 1537 – 1327гг. = возраст 21-28; 1327 – 1117гг. = возраст 28-35; 1117 – 907гг. = возраст 35-42; 907 – 697гг. = возраст 42-49; 697 – 487гг. = возраст 49-56; 487 – 277гг. = возраст 56-63; 277 – 67гг. = возраст 63-70; 67гг. до н.э. – 144гг. н.э. = возраст 70-77 лет.

Соответственно, Израиль ушёл из Египта (1447гг. до н.э.) в возрасте 24-х лет; овладел Землёй Обета (1407 – 1400гг.) и ввёл, при Иисусе Навине, субботне-юбилейный (царский) календарь-цикл (1393гг.) на 26-м году жизни; отпраздновал 1-й Юбилей (1343/42гг.) на 28-м году. Большая часть эпохи Судей выпадает на 28-35 лет жизни Израиля. Илий (первая половина ХІв.) – 37 лет; последний судья – Самуил, и первый царь – Саул (вторая половина ХІв.), – 38-й год жизни; Давид (1011 – 971гг.) – 39/40-й гг.; строительство храма (968 – 961/60гг.) при Соломоне (971 – 31гг.) – 40 лет. Большая часть эпохи Двущарствия (931 – 715гг.) – 42 года – 49 лет. К тому же, 49-й год израэлитской экзистенции это – время Пасхи (720гг.) Езекии (720 – 691гг.), нашествия Сеннахирима, 14-го юбилея 706/05гг. А время Иосии (640 – 09гг.) – 52-й год жизни Израиля... (см. «Д.И.» 454/55).

Примечательно, что время Рождества Христова наступило по исполнению 72-х патриарших лет Израиля (Исполнение Времени). Мистерия Голгофы свершилась на 74-м возрастном году (24 – 54гг.). Падение Иерусалима и разрушение храма (70гг.) – 75-й год. Поражение восстания Бар Кохбы (132 – 35гг.) – 77-й старческий год жизни.

И здесь вспомним, что на 30/31гг. н.э. (лето Господне благоприятное) пришлось начало 30-го Юбилея = 30-й юбилейной 49-летки (30/31 – 79/80гг.), по царскому календарю Иисуса Навина, Давида, Соломона... и в апогее Первосвященника по вышнему Царскому чину Мелхиседека – Царя-Первосвященника (Царя Царей и Первосвященника Первосвященников) Иисуса Христа. Причём этот календарь прервался в 17-й Юбилей (607 – 558гг.), из-за падения Иерусалима, Первого храма и Вавилонского пленения (586гг.); неведомо в какой мере соблюдался или не соблюдался после первой репатриации Израиля, под предводительством Зоровавеля и Иошуа; и был сменён в 443гг., при (возглавившем в 457гг. вторую репатриацию) Ездере и Неемии (областеначальник Иудеи в 444 – 33/32гг.), *аронидским* циклом-календарём, к-рый в пользу восстановления царского цикла-календаря упразднили в 140гг. до н.э. Маккавеи; и к-рый снова ввёл (возвратная архаика!), упразднив царский цикл-календарь, в 41гг. н.э. (когда Времена уже Исполнились по царскому циклу-календарю) Ирод Агриппа (см. выше).

Тем не менее, приложительно к субботству = к субботним-седмичным срокам, скажем, проецируя царский юбилейно-субботный цикл-календарь на интересные нас сроки, что 30 юбилеев дают 210 суббот = седмин-семилеток. Посему Павел пишет Послание к Евреям в 1-й год 6-й седмины 30-го Юбилея = 65/66гг., по к-рому разрушение Иерусалима и храма придётся на 5-й год 6-й седмины этого Юбилея, или на 208-ю (с 1393гг. до н.э.) седмину. Но, вместе с тем, последняя известная шмита эпохи Первого храма – 588/87гг., между к-рой и первой шмитой, при восстановивших царский цикл в 140/39гг. Маккавеях, 448 лет = 64 (8 x 8) субботы. 208 минус 64 = 144.

³¹ Позднейшее раввинское предание сократило библейское пребывание Израиля в Египте с 430-и до 215-и (LXX), или чаще – до 210-и лет (Бава Батра 15а): из них – 112 (28 x 4) лет благоденствия и 98 (49 x 2) лет притеснения.

А с др. стороны, 144 (12 x 12) года пролегают от 587 до 443гг. до н.э. = год введения Ездрой и Неемией аронидского цикла-календаря, по к-рому – юбилейные и пост-юбилейные – 1/1, 49/50, 98/99, 147/48гг., с Мистерией Голгофы в 10-й юбилейный цикл – мессианский, согласно зацикленным на аронидстве кумранитам, сообразно к-рым, начало искупительного избавления Сынов Света, под водительством тождественного Архангелу Михаилу Малкиседека, есть время после 9-и Юбилеев, или, точнее, первая седмица нового юбилейного периода (1/1гг. – 7г. н.э.). Победа же над Велиалом будет достигнута в ходе и до конца 10-го юбилея (1/1 – 49/50гг.) (11Q Melchisedek (11Q 13) (Р.л. 938).

И по этому (тоже, как видим, хроноверному в отношении Рождества Христова и Мистерии Голгофы!) календарю, Павел (для кого, разумеется, первичен царский – учреждённый при Иисусе Навине в перспективном развороте на Царя-Первосвященника по чину Мелхиседека – цикл-календарь) пишет Посл. к Евреям в 3-й год 3-й седмины (63 – 70гг.) 11-го пост-юбилея, тогда как разрушение Иерусалима и храма приходится на 7-й субботний 70г. н.э. Судите сами, в какой мере еврейское субботство, о к-ром, в частности, говорится в 4-й гл. Послания, на 66г. н.э. уже исполнилось, и в какой мере оно ещё остаётся.

Если Первый храм пал (586г. до н.э.) в год после субботнего года (588/87гг.) – по царскому календарю, то Второй храм погиб в субботний год (69/70гг. н.э.) – по аронидскому календарю. Если Первый храм погиб в 17-й юбилей (607 – 558гг.) царского цикла-календаря, то время гибели Второго храма, как и время сделавшей ненужным его дальнейшее существование Мистерии Голгофы, – 30-й (притом с 33г.) пост-юбилей того же календаря. Следовательно, запечатавшее античный погребальный конец ветхозаветного еврейства Иерусалима и Иудеи гибельное восстание Бар Кохбы (132 – 35гг.) пришлось на 32-й пост-юбилей по царскому (128/29-77/78гг.) и на 12-й пост-юбилей по аронидскому (98/99-147/48гг.) исчерпывающе исполненным в Ив. н.э., – в Таинстве Таинств Голгофы, – циклам-календарям!

«Твёрдо подобает нам держаться учения Христа, ибо единый вождь в покой Господень есть сам божественный Первосвященник, разделивший, как человек, немощи наши и соделавший Себя Самого умиловительною жертвою за грехи наши» («Б.Б.», с.2071).

* * *

В гл. 5 прямая идентификация Сына Божия именно как Первосвященника по чину Мелхиседека, к-рый здесь в Послании впервые, – и не случайно после наименования, в связи с ещё остающимся для народа Божия субботством, Иисуса Навина (Каин – Иоанн Богослов!), называется по имени Малик Цедек – *Царь Праведности*, как в гл. 3 Иисус впервые зовётся превосходящим Моисея (Авель – Пётр!) Христом (6). И как (родоначальник *временщиков* Аронидов) Аарон (Сиф – Павел!) был призван Богом приносить (*временные*) жертвы (*время* к-рых истекло), «Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: «Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; / Как и в другом месте говорит: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (5/6; Пс.2,7; Пс.109,4).

И это Сын, принесший раз и навсегда отменившую все прежние жертвы жертву на кресте, «сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, / Быв наречён от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека» (9/10).

Слово «вечный» знаковое для Послания к Евреям. И именно о духовном Первосвященстве Христа по чину Мелхиседека Павлу надлежало бы говорить много с братьями Евреями, но, увы, – на что он горько сетует, – они «сделались неспособны слушать» (11). Налицо тревожное состояние дел в общине Иерусалима (и Эрец-

Израэль) среди еврейской паствы, на к-рой тяжело отразились, с одной стороны, недавние ослабившие её события 62г., а с др., ещё более недавнее окончание в 64г. новостроительства великолепного храма, к-рый, с его величественным (пост)-культом, сманивает-опрокидывает иудеохристианскую паству назад – из Нового Завета в Ветхий. Плюс – на мартовскую весну 66г. в Эрец-Израэль не со вчерашнего дня грозно зреет повстанческий взрыв (к-рый вот-вот прогремит) в видах (дескать) победоносного восстания и ниспровержения власти языческого Рима.

И в данных условиях особенно тревожно то, что по (настоящему) времени уже 33 года Исполнившихся Вреён Евреям (из к-рых вышел Мессия) следовало бы быть учителями, но их самих нужно учить первым началам слова Божия, и им самим пока «нужно молоко, а не твёрдая пища» (12), к усвоению к-рой большинство из них не готовы. На это в тревоге и указывает (потому и собирающийся посетить единоверных братьев-единоплеменников Апостол язычников) Павел, призывая Евреев стать для усвоения твёрдой пищи совершенными, – «у к-рых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (14).

«Постижение глубокой тайны первосвященничества Христова возможно лишь при условии духовной зрелости; слушатели Апостола должны были бы уже достичь её, но осуетились мыслью, и потому эта тайна доступна им лишь отчасти» (11-14)» («Б.Б.», с.2071).

Гл. 6 начинается с наставления о необходимости-непреложности усвоения начал христианского вероучения, без к-рых невозможно глубокое познание дальнейших духовных истин (1-3). Тех же из отпавших, к-рые упорствуют, нельзя обновить покаянием, ибо они препятствуют этому, снова распиная в себе Христа, и подобны, в отличие от земли, политой дождём и произрастающей благословенный знак, земле, возделываемой и орошаемой, однако производящей сорняки. И такая земля «негодна и близка к проклятию, к-рого конец – сожжение» (6-8). Нет ли и тут аллюзии на людей и землю, к-рые вскоре всепопаяюще охватит огонь (Иудейской войны), в к-ром сгорят и Иерусалим, и храм, и автономная Иудея (как труп бывшего Израиля, поэтапная пожарищная кремация к-рого растянулась на 65-70 лет: 66 – 70 – 135гг. н.э.)!

В стихе 9 надежда на лучшее состояние не отпавших единоверцев-единоплеменников, чьи праведные дела и труд любви не забыты праведным Богом. И будьте ревностны до конца, чтобы долготерпением наследовать обетование (10-12). Не был ли долготерпелив отец Авраам, к-рому Бог «клялся Самим Собою» (13). И надежда «для души есть как бы якорь безопасный и верный» и именно она «входит во внутреннее за завесу» (18/19). Принесший на Землю Чистое Время Христос снял старое время с мёртвого якоря и Сам стал нашим брошенным в глубины Божии опорным якорем (к-рый часто изображается на древних христианских памятниках). Уверовавшие во Христа, не утратившие веру и соблюдающие сопричастники Духа Святого *заякорены* Христом и во Христе.

И неспроста уподобленная якорю надежда *вводится* здесь Павлом во внутреннее за завесу, «куда предтечу за нас вошёл Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека» (20). Т.е. через внутреннее за завесой Павел подводит адресатов Послания к новому пониманию преобразённого покинувшим Храм Христом Святого-Святых, куда в доживающем свои последние годы Иерусалимском храме первосвященник иудейский входит раз в год, в Судный день Искупления, в 10-й день осеннего месяца тишри. И куда Иисус вошёл за нас предтечу, когда в момент Его крестной смерти завеса над Святым-Святых в храме, во внутренней потаённой части Скинии, раздралась сверху донизу на-двое, сделавшись посредством принесённой Им жертвы непреходящим Первосвященником по чину Мелхиседека, в весенний месяц нисан. И не был ли сим центр тяжести времён

года, на сей раз, как искупительно, так и окончательно перенесён с второхрамовой осени на исконную, но обновлённую мистериальную весну.

Нисановская весна была доминантна при исходе Израиля из Египта, несмотря на акцентацию в полученной Моисеем на Синае Торы Судного дня, потом – при переходе Израиля через Иордан, и далее – в эпохи Судей и Царей, уступив (до мессианских времён) первенство тишристской осени в (импульсированную реформацией Иосии, разрушением Первого храма, Вавилонским пленением и Репатриацией) эпоху радикальных второхрамовников – Ездры и Неемии.

В гл. 7-9 следует непосредственное обращение к Мелхиседеку, Кто, – а не Аарон и его священство левитское, – есть истинный прообраз царски и царственно статуйрованного Первосвященства Христа – Теократора и Пантократора.

Итак, Мелхиседек – царь Салимский, по еврейскому преданию, основатель Иерусалима (*владение мира*), таинственно является после победы Авраама Еврея (ещё не Авраама) над пятью царями Ханаана (XXIв. до н.э.), и, отрекомендовавшись всего в трёх стихах Кн.Быт.(14,18-20), таинственно исчезает на тысячу лет, вплоть до своего псалмопевческого явления в Псалмах Давида (ок. 1000г.). А потом – снова исчезает из поля зрения-видимости ещё на тысячу лет, до – по Исполнении Времён – Послания к Евреям Ап.Павла (Iв. н.э.). Он выносит Авраму (протоевхаристические) хлеб и вино и благословляет его от Бога всевышнего, тогда как Аврам (XXII – XXвв. до н.э.) даёт ему (прото)священскую десятину задолго до Левия (XIX/XVIIIвв.) и его потомка Аарона (XVв.). В мессианско-интронизационном Псалме Давида: «Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (109,4).

Священник по чину Мелхиседека суть Мессия. На Нём высшее помазание – Божественно-Царское (Перво)священство. Причём интересно, что в Кн.Быт этот Священник Бога всевышнего именуются-титуются Эл-Эллион (Бог всевышний) – единожды употреблённое в Древнем Завете наименование, числовое значение к-рого совпадает с числовым значением наименования Еммануил (с нами Бог). И именно Еммануилом Исаия (7,14) именует грядущего (от Девы) Спасителя, а приводящий генеалогическое древо Иисуса от Авраама (14+14+14) Ев. Матфей, соглашаясь с Исаией, благоговевает Спасителя воплотившегося- воплощённого (1,23).

Приложительно же к таинственному Эл-Эллиону, речь должно вести о *солярном* Боге – светоносном по отношению к *лунарному* Яхве настолько, насколько Солнце светоносно по отношению к источающей отражённый-рефлекторный солнечный свет Луне. Лунный Яхве – Бог Авраама, Исаака и Иакова, открыт скрытому световым покрывалом Мелхиседеку – хранителю солнечной Мистерии Христа. Яхве – Бог земного (временного) Иерусалима; Мелхиседек (без начала дней) – владыка и служитель Иерусалима Небесного (к-рый будет открыт Иоанну Богослову в видении, явленном ему в 96г., на Патмосе, спустя 30 лет от написания Павлом в 66г. Послания к Евреям, Мелхиседеком-Христом).

В долине Царей, в долине Иосафата, в Кидронской долине между Иерусалимом и Масличной горой, за свыше 2000 лет до Рождества Христова Авраама приветствовал-благословил Царь Праведности из града Мира (Град Господень), Кто, вынеся Авраму хлеб и вино, тем самым предзнаменовал центральный акт христианского культа – таинство Евхаристии. И предзнаменовал-прообразовал он оное там, куда Иисус, освятив евхаристическое Таинство на Тайной вечери (2.04.33г.), проследовал с учениками за поток Кидрон в Гефсиманский сад.

Не вынес ли Мелхиседек Авраму предтечно-евхаристические хлеб и вино, к-рые кульминировали в тайновечерней Евхаристии Иисуса Христа (апрель 33г. н.э.), ок. 2090г. до н.э., откуда до воцарения в 101г. Давида ок. 1080-и лет, а до катастрофы ветхозаветного еврейства в 70г. н.э. ок. 2160-и лет (см. выше)! Не олицетворяет ли

встреча Авраама с Мелхиседеком начало благословительно-помазательной традиции (Исаак – Иаков; Моисей – Иисус Навин; Самуил – Давид...), начало откровения и начало пророческого служения в истории-метаистории еврейства!

* * *

Согласно аллегорическому толкованию Филона Александрийского в его «Комм. на Кн.Быт.14,18», Мелхиседек – беспримерный носитель спиритуального интуитивного священнослужения. Он – воплощённый Логос, к-рый, по Филону, воплощаясь в человеке, делается средней Божественной природой, высшей, чем человеческая, и низшей, чем Божественная, «будучи ни рождён как человек, ни не рождён как Бог, но являясь серединой, к-рая касается обеих природ и соединяет их в себе». Филон называет его «началом и источником мудрости», «истинным Первосвященником Бога», ходатаем и посредником, к-рый молится пред Отцом за род человеческий, искупителем и спасителем человечества, благодаря общению с к-рым дух и удостоивается трансцендентного существования.

Согласно Флавию, Мелхиседек, царь Солиммы, впоследствии Иерусалима, – праведный царь и служитель Господа Бога (И.д. 1,10,2). Кумраниты видели в Мелхиседеке эсхатологического помазанника духа, отождествляли его с Михаилом и, как сказано, ожидали начала искупительного избавления Сынов Света под Малкицедековым предводительством, равно победы над Велиалом, первое – в первую седмицу, а второе – в ходе 10-го юбилейного (притом, по аронидскому циклу-календарю) периода (1/1 – 49/50гг.), как оно и свершилось. Хотя лето Господне благоприятное вершилось в Юбилейном 30/31гг. – по царскому циклу-календарю (начало 30-го юбилейного периода).³²

Между тем, в частности, из торжественной пророческой репрезентации-прообраования в Пс. Давида Мелхиседека-Мессии – как победоносного Царя и Священника в одном лице – вырастает новозаветное понимание у Павла превосходства (Перво)Священного чина Мелхиседека над (перво)священским чином Аарона.

Читатель знает, что с Давида мессианское Древо Древ (к-рое нисходит в Ев.Мф. от Авраама до Иисуса и восходит в Ев.Лк. от Иисуса до Адама и Бога) разделилось на две линии-ветви – на царскую – от Соломона до Иисуса Соломонида, и на особую священскую – от (Соломонова брата) Нафана (*брат царя*) до Иисуса Нафанида (Р.л. 717-32; Д.И. 366-70).³³ И все предки Иисуса Нафанида, начиная с Нафана и до Иосифа Плотника-Тектона, вовсе не будучи сами Первосвященниками по Мелхиседекову чину, были, выражаясь языком кумранитов, мужами жребия Мелхиседекова, т.е. земными священскими-посвящёнными предварителями из рода (Давидова, из колена Иуды), из к-рого никто не подходил к (доверенному Левитам-Аронидам) жертвеннику скинии и потом храма, Первосвященства Небесного.

Их родовая-потомственная кульминация (сын Марии Галилеянки – Благодатной, и Иосифа Нафанида) Иисус Нафанид (Кришна), К-рому (Второму Адаму = невинная сестринская душа Адама) царственный (сын Иосифа Соломонида и Марии Вифлеемлянки – Софии) Иисус Соломонид (его двоюродный брат) пожерт-

³² Дошедший до нас в нескольких фрагментах у др. писателей финикийский автор «Санхуаниатона» (историк и мифограф) Филон Библосский (1/Пвв.) (Д.И. 760) приводит версию, по к-рой, Мелхиседек – отец 7-и Эллоимов – Ангелов божественного присутствия: от финикийских божеств Амин и Мая родились *милостивый* Мисор и *праведный* Сидик, открывшие употребление соли (алхимический элемент, важный при претворении материального в духовное, низшего в высшее). Любопытно, что Седек раввинское название планеты Юпитер.

³³ Не были ли «сыновья Давида» (царские братья) «священниками» (не при скинии, а) при дворе! (2Ц.8,18; 1Пар.18,17) (Р.л. 381; 929/30).

вовал свою самую зрелую в человечестве индивидуальность (Заратустра), своё Я — на Пасху 14г.³⁴

И именно этот Иисус Нафанид = Иисус из Назарета — 6.01.30г., посредством водного крещения от Иоанна на Иордане, принял в Себя Дух Солнца, а через три года и три месяца, взойдя на Голгофу, вошёл принесённой Им Жертвой, в момент, когда завеса в храме раздралась сверху донизу на-двое, — чем было жертвенно обновлено Таинство Таинств, чем были открыты глубины глубин сокровенных Мистерий, — в нерукотворённую небесную Скинию! И именно так Он стал соединившим Собой и в Себе оба Завета непреходящим Первосвященником навек по чину Мелхиседека — Царём Царей и Первосвященником Первосвященников в одном лице! (Р.л. 929-935-39).

У Штайнера находим: «Такому высокому существу, как великий посвящённый солнечных мистерий, невозможно говорить на непосредственно доступном языке с теми людьми, к-рые живут в рамках определённой ограниченной эпохи, играя в ней свою особую роль. Такая индивидуальность, пребывающая в некотором роде вечно, о к-рой мы вправе сказать (чтобы подчеркнуть это свойство вечности), что она не имеет ни возраста, ни имени, ни матери, ни отца, — такой водитель человеческой эволюции может проявить себя лишь приняв соответствующее обличие, к-рое приблизило бы его к тем, кому он должен явиться».

И вот учитель Ришей, учитель Зороастра, чтобы быть понятым Авраамом, принял обличие существа, наделённого эфирным телом, принадлежавшим праотцу Авраама, т.е. Симу, сыну Ноеву. Это эфирное тело было сохранено так же, как было сохранено эфирное тело Зороастра для Моисея, и великий посвящённый солнечных мистерий воспользовался этим эфирным телом, чтобы быть понятым Авраамом. Их встреча описана в Ветхом Завете: это рассказ о том, как Авраам принимает царя-жреца Бога всевышнего, Малек-Цадика или Мелхиседека, как его обычно именуют. Эта встреча Авраама с великим солнечным посвящённым, явившимся ему в эфирном теле Сима — основателя семитской расы, чтобы не ошеломить его — событие величайшего значения. Библия в многозначительных словах излагает нам здесь нечто такое, что часто очень неверно понимается: она говорит об источнике того сообщения, к-рое Мелхиседек мог возвестить Аврааму. Что же он мог действительно возвестить Аврааму, как не тайны солнечного бытия, как не то самое провозвестие, к-рый последний должен был, конечно, по-своему понять, и о к-ром уже пророчески говорил Зороастр.

Вы видели, что Зороастр возвестил своим избранным ученикам о бытии некоего духовного Существа, обитающего в сияющем теле Солнца, — Существа, к-рое он именовал Аура-Маздао. Он говорил: «Взгляните, в Солнце живёт скрытая сила, она ещё не соединилась с землёй и в будущем примет участие в человеческой эволюции, спустившись на Землю». Так он возвещал, так он предсказывал сошествие солнечного Духа, Христа, о К-ром он говорил: «Он придёт в человеческом теле». Признав всё это, мы одновременно поймём, что человек, чья миссия заключалась в подготовке и содействии воплощению Христа, получил глубочайшее познание этой солнечной тайны.

И вот во время этой встречи с самим учителем Зороастра Авраам получил провозвестие, почерпнутое из того источника, из к-рого впоследствии должен был возникнуть Импульс Христа.

Этот факт выражен в Ветхом Завете символически. Мы читаем в Библии, что Авраам, встретив Мелхиседека, получил от этого Салимского царя, от этого жреца

³⁴ *Первый Арийец* — великий Заратустра (инаугуратор Пра-Иранской культуры под знаком Близицефов) и Иисус Соломонид — экстракт еврейства-иудейства, квинтэссенция Израиля и карма Первого Арийца! Так, не есть ли Пятая Пост-Атлантическая стадия эволюции — как Пассионарно-Ойкуменическая, так и Арийско-Семитская!

Бога всевышнего хлеб и виноградный сок. В дальнейшем мы снова встретим этот хлеб и виноградный сок. Во время Тайной Вечери, когда ученикам Христа надлежало узнать о Его тайне, о Его Мистерии, для этого откровения были снова избраны хлеб и виноградный сок. Идентичность даров в обоих случаях ясно указывает на то, что и Мелхиседек был инспирирован из того же созидательного источника, что и Христос» («Ев. от Мф.», л.4, с.67/68).

По Штайнеру, эфирное тело Сима, «вотканное в существо аватара», было после его смерти сохранено в духовном мире и именно в него облёкся явившийся Аврааму Великий атлантический посвящённый Ной-Ману – как *царь праведности* Мелхиседек (в ком раввинская экзегеза видела реинкарнацию Сима). Он принёс жертву хлебом и вином, к-рые в науке посвящения идентичны соли (открытой финикийским Сидиком!) и фосфору. Через соль (хлеб) человек соединяется с Землёй, через вино (фосфор) отрывается от неё. Соединение соли и фосфора ставит человека в правильные отношения с земным бытием. Пасхальная замена хлеба, содержащего соль, опресноками суть апелляция временного аронидского жречества к грядущему надвременному неаронидскому (Мелхиседекову) священству-святительству Мессии.

Примечательно, что у талмудистов-мидрашистов Мелхиседек или Адониседек есть Сим – предок Авраама, посвящённого-рукоположенного им во священство. Причём он отдал Аврааму сделанные Богом для Адама и Евы кожаные одежды, похищенные Хамом, но затем возвращённые Симу. И ещё, согласно мидрашистам, Аврааму помогал во время сражения, перед встречей с Мелхиседеком, таинственный свет, лившийся от планеты Юпитер (Седек/Цедек).³⁵

Не интересно ли в данной связи, что в своём последнем написанном, по всему, во второй половине лета 66г., из Вторых римских уз, 2-м Посл. к Тимофею Павел просит Тимофея, при приходе к нему до зимы (4,21) из М.Азии в Рим, принести ему «фелонь, к-рый я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные» (4,13). Мало того, выше, в стихе 11, сказано: «Марка возьми и приведи с собой, ибо он мне нужен для служения».

Разумеется, фелонь – длинная и широкая одежда без рукавов, надевавшаяся через голову, покрывавшая тело от головы до пят и носившаяся поверх др. одежд для защиты от дождя, холода, зноя. И разумеется, Павел мог просить Тимофея принести ему эту одежду, пусть и наружную-выходную, чтобы быть в ней в зато-

³⁵ Включённый в апокрифическую «Книгу Еноха» рассказ повествует, что по вознесении Еноха, прожившего 365 лет и взятого живым на Небо, во главе алтаря и всех людей стал его сын Мефусалом, а после него Нир, (брат Ноя), у к-рого была бездетная жена – Софонима. В глубокой старости она безгрешно зачала и уединилась в покоях, скрываясь от мужа, к-рый позвал её на 282-й день беременности (т.е. беременности длившейся дольше полных 9-и месяцев, к-рые составляют 276 дней). К слову, во фрагментарном кумранском тексте Кн.Бытие («Свиток Ламеха») говорится о непорочном зачатии Ноя (1Q Genesis Apokryphon 2). Увиденная Ниром беременность престарелой жены повергла его в гнев, ведь он не входил к ней с тех пор как сделался иереем. А пристыженная и убитая горем Софонима упала к ногам мужа мёртвой. Тогда опечаленный Нир подумал: «Не от Господа ли моего это случилось с ней?» Явившийся Архангел Гавриил подтвердил его догадку и добавил, что рождённый младенец будет вознесён в рай. После этих слов Нир поведал обо всём Ною, и братья тайно похоронили покойницу. Они облачили её в чёрные одежды, затворили двери и отправились к месту погребения рыть могилу. Вернувшись же, нашли на одре трёхлетнего мальчика необычайной красоты с печатью святительства на груди. Братья облачили его в священнические одежды, дали ему благословенный хлеб и нарекли Мелхиседеком. Ночью к Ниру явился Господь и объявил, что за беззакония людей наплёт на землю погибель. Но к Ниру сойдёт Архангел Гавриил (или Михаил), возьмёт отрока и поместит его в Эдеме. Там мальчик переждёт Потоп и будет явлен миру. Он станет иереем (первосвященником) иереев вовек и будет превращён Господом в великий род. Через сорок дней отрок был вознесён на Небо...

чении, во второй раз отнюдь не столь мягком, как в первый, в Риме, в темнице, предстоящей зимой. Но это внешний фон. Да и трудно, согласитесь, представить, чтобы Павел не мог (даже в заточении) раздобыть фелонь, будь это сугубо зимняя одежда, в Риме! И совсем иное дело, если вспомнить, что фелонь для древних христиан это, в первую очередь, богослужебное одеяние первых христианских священников, принятое, сообразно церковной традиции, из благоговения к Спасителю и Апостолам, носившим такую и подобную ей верхнюю одежду. И не случайно о фелони, как о богослужебной одежде, свидетельствуют Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Исидор Севильский.

Далее, согласно христианскому преданию богослужебный культ был учреждён в Александрии Египетской Ев. Марком, к-рого Ап. Пётр рукоположил в александрийские епископы. Пётр очень даже мог рукоположить Марка (46/47гг.) в александрийские епископы (см. ниже). Однако, выше мы сказали, что первые христианские епископы не были оседло привязаны к своим общинам-пред-епископатам, являясь, в куда большей мере, странствующими проповедниками Слова Божия, миссионерами и обратителями неопитов. Приложительно же к Марку, в 63г. он, находясь перед тем в 60/61гг. с Петром в Вавилоне (1П.5,13), был возле Павла в Риме (Кол. 3,10) и собирался идти в Колоссы, обретаясь-трудясь позже в М.Азии, и вряд ли до 66г. вновь побывав в Александрии, куда ему суждено было направиться (не в первый раз), чтобы принять там мученический венец в 70г. уже после римского мученичества Апостолов Петра и Павла – 67г.

Так не был ли Марком именно тогда, в интервале 67 – 70гг., в достоинстве александрийского епископа, учреждён-инаугурирован христианский богослужебный культ, полученный им (в 66/67гг.) от узника Павла (и от Петра) в Риме? Не принадлежала ли инициатива учреждения-введения христианского богослужебного культа именно узнику во Вторых римских узах Павлу, к-рый потому и просил Тимофея привести к нему из М.Азии (левита по происхождению) Марка (Евангелиста, Малого Апостола, плюс, согласно христианскому преданию, первого александрийского епископа и учредителя христианского богослужебного культа)?

Не вменяли ли иудеи христианам отсутствие у них храма, алтарей, жертвоприношений и, главное, культа, агитируя таким образом иудеохристиан возвратиться в храмовое культово-ветхозаветное лоно, что имело успех особенно после смерти Иакова Праведного в 62г., когда многие нестойкие представители христиан из Евреев отпали, на что и сетует Павел в П. к Евр! Не кончилось ли, по Павлу, преходящее аронидское священство с Мистерией Голгофы! Не происходил ли Иисус из дома-рода Давидова, не воссиял ли Он из колена Иудина, из к-рого, повторим, никто не приступал к храмовому жертвеннику! И не происходил ли сам Павел из колена Вениаминова, к-рое составило пару колону Иудину после пленения ассириянами 10-и остальных колен (пропавших-пропавших в изгнании; ставших солью земли). Не репатриировались ли из Вавилонского плена, зажив во второхрамовой Земле Обета с Вв. до н.э. по устрожённому законам Ездры и Неемии, в основном колена именно Иуды и Вениамина!

Не есть ли Павел кармический Аарон и потомственный Вениаминит, из сынов Рахили, как и (тоже сын Рахили) Иосифлянин-Ефремлянин Лазарь-Иоанн! И не Павлу ли, предтече Иоанна Богослова как в Эфесе, так и в последовательном раскладе Книг Нового Завета, надлежало учредить (или соучредить вместе с Петром) в Риме, во Вторых узах, из Вторых уз, накануне мученичества, христианский богослужебный культ, данный им (александрийскому епископу) Марку! Впрочем, мы забежали вперёд. Время Павловых вторых уз и, по всей вероятности, состоявшегося прихода Марка с Тимофеем до зимы 66г. в Рим ещё не пришло.

Животная кровь, периодически жертвенно проливающаяся в храме, не уничтожает, не побеждает грех, тогда как умерший на кресте Голгофы Христос Искупитель принёс жертву не в (лунной) скинии, а за станом, на Земле и – вступлением в (солнечную) Небесную скинию – на Небесах, потрясши и приведя в соответствие все земные сроки, дела и небесные Иерархии. Отныне искупление греха – в жертве человеческого Я. Скажем снова, встреча со Христом это встреча человека со своим высшим Я, и истинному христианину должно жить по павлианской (жертвенной) максиме: «не я, но Христос во мне».

Плотское потомственное священство Левитов-Аронинов выполнило свою миссию и уходит. Духовное царское-царственное Первосвященство по чину Мелхиседека-Христа, принесшего в жертву Богу Самого Себя, не преядёт никогда! Мелхиседек без родословия и до начала дней Единосушен (а не подобосушен) Отцу (стоит вспомнить спор Афанасия и Ария Александрийских в IVв.).³⁶ Не говорит ли Иисус Иудеям в Ев. от Ио. «Прежде чем был (отец) Авраам, Я есмь» (Ио.8,56-58).

Я есмь в Вечности, т.е. до создания потока времён, когда времени ещё не было, и это Я не преядёт в поэтапном апокалипсическом грядущем даже тогда, когда Времени (порождения Сатурна из Вечности) больше не будет. Не совершается ли эволюция нашей планетарной системы в 7-и Воплощениях (при $7 \times 7 \times 7 = 343$ Превращениях)! (Д.И. 109/10). Не есть ли следующее за Земным Пятое из Семи мегаглобальных воплощений Земли – как семерично поочерёдных состояний её Бытия (Сатурн, Солнце, Луна, Земля, Юпитер, Венера, Вулкан) – именно Юпитер! Так вот почему Седек/Цедек – раввинское название планеты Юпитер! Так вот почему приветствованному Мелхиседеком победителю Аврааму помогал таинственный свет от планеты Юпитер! Спорный в иудейских, христианских и гностических кругах Мелхиседек-Христос, Тайна и Таинство К-рога (не до конца) раскрываются Ап. Павлом (*привратником* Откровения Иоанна), нацелен в близкое, дальнее и в предельно-предальнее грядущее!

Евреи не понимали, как Мессия (сын Давидов) может позорно умереть на кресте и снова явиться в (эфирном) теле (Фантомное тело Воскресения), что постиг (*изверг*) Савл по явлении ему (гонителю христиан) на пути в Дамаск (эфирно-воскресенского) Христа, соединив это постижение с принятым им, по фарисейскому учению, феноменом реинкарнации – Гильгул Нешамот. Через жертву хлеба и вина – соли (преображение материального в духовное) и фосфора (катарсис и фотисимус) – Мелхиседек дал Аврааму, в т.ч., учение о повторных воплощениях (прохристианенные сансара и карма). Зло, совершаемое в одной жизни, исправляется, искупается или усугубляется в следующей, что развивает мировую судьбу человека – карму. Если бы земные дела завершались в одной жизни, то плоды доброго и злого унаследовал бы после смерти человека выступающий-действующий двойственно *князь мира сего* – Люцифер и Ариман.

Штайнер: «Жертва Мелхиседека состоит в том, что исцеление, спасение от грехов сохраняется за людьми, но так, что они постоянно вырываются из власти

³⁶ Между прочим, в одном древнерусском апокрифе, приписываемом Афанасию Александрийскому, повествуется об эллинском царе Мелхиле, у к-рого было два сына: Мелхил и Мелхиседек. Уверовав, Мелхиседек отказался привести тельцов для жертвоприношения языческим богам. Тогда разгневанный отец решил принести в жертву самого Мелхиседека (мотив Авраама и Исаака). Однако жребий, брошенный по просьбе жены Мелхила, выпал на брата (мотив содействия Ревекки Иакову, а не Исаву). По молитве Мелхиседека земля разверзлась и поглотила весь род Мелхила и всех собравшихся на идолослужение (мотив поглощения корабитов землей). А сам Мелхиседек, названный с этой минуты безродным, скрывался 7 лет на горе (Преображения) Фавор. Там его нашёл Авраам и получил от него благословение.

князя мира сего, обретая возможность из собственного существа в дальнейших жизнях изгладить собственные грехи» («Священное Писание в свете духовной науки», М-2000г.).

В свете Небесных Иерархов, к-рые начальствуют над иерархами человеческими, для Дионисия Ареопагита Мелхиседек – Иерарх, любезнейший Богу, к-рого Богомудрые мужи называли другом Божиим и, главное, Иереем Иереев. По Дионисию, он был священником истинного Бога, к-рый наставлял и других к истинному Божеству. Умы, подобные Мелхиседеку, к-рые получают откровения-инспирации непосредственно от Бога, называются «совершенствующими, просвещающими и очищающими...» («О Небесных Иерархиях»).

В «Пистис София» Мелхиседек – «Восприемник света». Он отнимает у Архонтов Эонов и Архонтов Судьбы то, «что тревожит их», очищает эти силы и несёт очищенные потоки в Сокровищницу света. Там эти потоки собирают Литургии всех Архонтов, отдают их Литургам всех Архонтов Судьбы и Литургам Света, к-рые ниже Эонов и к-рые создают из очищенного вещества человеческие и животные души. Но наступает момент, когда сила Архонтов истощается и они начинают поглощать вещество света, лишая души необходимой энергии. Тогда приходит Иисус в сиянии Славы и поворачивает Сферы Тиранов таким образом, что изменяет соотношение добра и зла в мире.

Душа, попадающая в мир хаоса и совершающая беззакония, понуждается обманым духом до того, как она попадает к Деве света, бросающей «силу света для её выпрямления». Когда же душа завершает (кармический) круг, она «запечатывается» великим Восприемником света Мелхиседеком и попадает в Сокровищницу света. Такая душа даёт славу и честь и хвалу гимнов (сияние Тела Славы) и переходит в место наследования.

«Запечатывая» душу, созданный сознанием Самого Бога и потому владеющий материей, имеющий силу духовно преобразовать-одухотворить-оплодотворить материю Мелхиседек, вычленяет её квинтэссенцию («золото алхимиков»), выработанную душой в круге воплощений. Отработанную энергию Первосвященник очищает при помощи высочайших вибраций и чистую духовную материю поставляет Архонтам Судьбы, из к-рой последние и создают души.

Во фрагментарном тексте из Наг-Хаммади носитель имени Мелхиседек рассказывает, что люди били его и затем распяли в третьем часу, после чего он восстал из мёртвых. Согласно Епифанию («Панарион»), гностическая секта мелхиседекиан называла Мелхиседека Святым Духом – Сыном Божиим, видя в нём Первосвященника Небесного храма и Посредника между Богом и людьми, к-рые благодаря этому посредничеству могут обрести прощение Бога.

Согласно сиро-христианскому апокрифу VIв. «Сокровищница» или «Пещера Сокровищ» (авторство к-рого приписывали Ефрему Сирину), спустившись с райской горы, изгнанные из Эдема Адам и Ева укрылись на вершине земной горы – в пещере. Оба были девственны. Перед тем как познать Еву, Адам взял от границ рая золото, ладан и смирну, принёс их в пещеру, освятил её, как молитвенный дом для себя и своих потомков, и назвал Пещерой Сокровищ. Сойдя затем с освящённой горы, грехопадший первочеловек познал Еву, она зачала и родила близнецов – сына Каина и дочь Лебуду; позднее – сына Авеля и дочь Келимат. По настоянию Адама, первого святителя человечества, Каину против его воли досталась в жёны дурнушка Келимат, а Авелю – красавица Лебуда. Каин убил Авеля из-за Лебуды (5). Адам и Ева печалились по убиенному сыну 100 лет. Потом у Евы родился Сиф, у Сифа Енос, у Еноса Каинан, у Каинана Малелеил. Адамово завещание-заклинание Сифу (карма Павла!) гласило: «Схорони мои набальзамированные останки в Пещере Сокровищ. Но когда Бог посетит твоих потомков и выведет их из земли

сей, пусть они возьмут мои кости отсюда для погребения в центре земли. Там грядёт спасение мне и моему роду. Смерть пришла за Адамом 14 нисана, в 9-м часу, в пятницу (6).

В сокровищной Пещере упокоились один за другим патриархи: Сиф, Енос, Каинан, Малелеил, Иаред и отец Ноя – Ламех. Спасаясь от Потопа, Ной перенёс из пещеры-усыпальницы в ковчег останки праотца Адама и праматери Евы, плюс – три жертвенных дара. Ноевы сыновья несли: его первенц Сим – золото (к-рое годовалому Иисусу Соломону поднёс 6.01.1г. н.э. один из трёх направленных и приведённых, по преданию, в Вифлеем Мелхиседек, царей-волхвов – Мелхиор – *царь света; светоносца*), Яфет (Иафет) – ладан, Хам – смиру. Ковчег с мумиями поместили посреди большого (араратского) ковчега и возложили поверх домовины дары (7).

Прожив после Потопа 350 лет, Ной перед своей смертью завещал Симу: «Когда я умру, войди в ковчег и вынеси из него тайно от всех останки нашего отца Адама. Приготовь хлеб и вино в дорогу. Но иди не один: возьми с собой отрока Мелхиседека – сына Малахова. Именно его из всех твоих потомков Господь избрал для священнослужения над прахом отца Адама (22). (Как видим, и спиритуальное родословие сиро-христианскому апокрифическому Мелхиседеку не чуждо: он – сын Малаха, внук Арфаксада, правнук Сима!) Сим в точности исполнил предсмертную волю отца Ноя (Вынеся тайно прах Адама, он запечатал ковчег и запретил кому-либо, согласно Ноеву завещанию, вступать в него.) Ангел Господень указал путникам дорогу и они пришли в центр земли – на Голгофу. (Небезынтересно, что по армянскому преданию, останки Евы были погребены в Вифлееме.)

Разверзшись в форме креста, земля приняла Адамовы останки, после чего отрок Мелхиседек услышал от Сима: «Ты – священник Бога всевышнего. Тебя одного Бог избрал для служения здесь. Пребывай здесь безотлучно навеки. Не проливай никакую жертвенную кровь на этом святом месте, но совершай жертвоприношения только хлебом и вином...». Сказав это, Сим благословил священника Бога всевышнего, поцеловал его и возвратился к братьям. «Где отрок?» – спросили Малак и Иоцадак, отец и мать Мелхиседека. «Он умер и я похоронил его» – ответил им Сим (23).³⁷

* * *

Приведём толкование «Брюссельской Библии» к главам 7-9 Послания к Евреям:

«Прообраз первосвященства Христа не Аарон и священство левитское, но Мелхиседек. То, что Кн.Быт. (14,18-20) сообщает об этом богоносном и как бы закрытом от наших глаз покрывалом света лице, являет его прообразом Христа. Имя его значит: царь правды. Он царь города Салима (града Мира) и священник Бога

³⁷ Наверняка от этого сиро-христианского апокрифа отталкивается позднейшая исламская легенда, согласно к-рой, Мелхиседек перевёз после Потопа тело Адама для погребения в Иерусалим.

В тибетской книге буддистов «О Великом Освобождении» Великий Учитель Падмасамбхава, ни о рождении, ни о смерти к-рого сведений нет, а орден к-рого возник в VIIIв. н.э., сравнивается с Мелхиседеком.

Собразно дошедшему до нас через ацтеков свидетельству о тольтеках (под к-рыми Тольтеки, чей расцвет пришёлся в Средние века на VII/VIII – XIIвв., не считая известных в пору Таинства Голгофы ольмекам Пра-Тольтеков III-й Атлантической эпохи, под знаком Стрельца), последние верили, что за сценой мира пребывает некий Безмолвный Наблюдатель, к-рого они называли Дух Атля. Следуя ацтекам, позиционировавшим себя как преемники-наследники тольтеков, этому Безмолвному Наблюдателю, последовательно пересекающему широкие пространства времени, к-рого тольтеки именовали Владыкой Мира и самим Бытием, где мы живём, движемся и существуем, в Библии соответствует Мелхиседек.

Всевышнего. Никто, по словам Апостола, не знает ни его земных родителей, ни его рода и племени, ни его возраста, ни начала и конца дней его на земле; первосвященство не ограничено земными сроками. Он благословляет Авраама и, благословляя, предлагает ему, предзнаменуя таинство Евхаристии (о чём Апостол умалчивает), хлеб и вино (7,1-3, с.2072).

Благословляющий больше благословляемого, и Авраам, хотя уже имеющий обетования, свидетельствует своё преклонение перед Мелхиседеком, отдавая ему десятую часть военной добычи. Потомки Левия (Левиты), к-рым принадлежало священство, брали десятину с народа; Левий в лице своего родоначальника Авраама отдаёт десятину Мелхиседеку, как представителю иного и высшего священства, чем священство левитское (4-10).

С переменою священства необходимо быть перемене закона. Моисеев закон ничего не довёл до совершенства, и левитское священство, нерасторжимо с ним связанное, не могло примирить Бога с народом. Поэтому необходимо было восстать иному Первосвященнику, уже не по чину Аарона, но по чину Мелхиседека. Этот Первосвященник – Иисус Христос, воссиявший не из колена Левиина, но из колена Иудина, чуждого прежнему священству. Замена преемства Ааронова преемством Мелхиседека означает замену Ветхого Завета Новым (11-19).

Дальнейшие доказательства превосходства новозаветного священства перед ветхозаветным следующие три. Поставление Христа Первосвященником запечатано клятвою Божией, к-рой Господь не произнёс при установлении священства Ааронова. Левитские священники сменяли друг друга в ряду поколений, будучи смертными людьми; новозаветный же Первосвященник единожды навсегда принёс Себя Самого, будучи безгрешным, в искупительную жертву за грехи мира (20-28)».

«Левитские священники служат в Скинии рукотворной, а она есть земной образ Скинии небесной. Христос же, Первосвященник Нового Завета, священнодействует во Святом Святых на небесах, предстоя Отцу как непорочный Агнец Божий, предавший Себя на заклание за грехи мира (8,1-5).

Новый и совершеннейший завет с народом Своим обещает Бог устами пророка Иеремии (Павел! – К.3.): грехи людей будут отпущены, им откроется внутреннее богопознание (6-13)».

«Отделением святилища, доступного священникам, от внутренней части Скинии, именуемой Святое Святых, куда входит однажды в год один только первосвященник, Дух Святой указывал на невозможность приблизиться к Богу в пределах и средствами Ветхого Завета, ибо левитские жертвы и очищения не могли внутренне оправдать человека и примирить с ним Бога (9,1-10).

Первосвященник ветхозаветный через святилище входит во Святое Святых земной прообразной Скинии с кровию животных, потребной для внешнего очищения народа; Первосвященник Нового Завета, восходя из неба в небо, проникает во внутреннее Тайны Божией с пролитой Им за мир собственной Кровию, всецело и до глубины глубин освящающую представленную Им Отцу новую тварь (11-14).

Чтобы Новый Завет возымел действие, необходима была смерть Христа, как завещание вступает в силу только по смерти завещателя. И как установление Ветхого Завета было утверждено окроплением народа кровию жертв, так установление Нового Завета было утверждено Кровию Христовой (15-24)».

В толкованиях к 27-у стиху 9-й гл. Евр. знаменитые слова Павла – «И как человекам положено однажды умереть, а потом суд» – часто, о чём мы уже беседовали с читателем, используются церковно-теологическими противниками реинкарнации в христианстве в качестве мнимого доказательства её неприемлемости и опровержения. Но «однажды» приложительно к человекам, в данном контексте, никак не

означает один-единственный раз и одну-единственную земную жизнь. (Правильный перевод – обратите внимание на нюанс – данного стиха: «И как однажды человеки умирают, а потом суд...»)

Это Христос пришёл-вочеловечился на физическом плане (Первое Пришествие) и умер однажды, принеся Себя в жертву, чтобы во второй раз явиться не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение (28). Причём Второе (неодно-этапное) Пришествие суть Пришествие не физическое, не во плоти и крови, но эфирное, в эфире (на облаках). А человеку суждено идти через круг реинкарнаций (и во второй, и в третий, и в четвёртый... разы), как одной и той же индивидуальности, к-рая от жизни к жизни приходит как новая личность, не меняя род людской и не воплощаясь, вопреки досужим вымыслам-домыслам, ни в животных, ни в растения, ни т.д.

Иное дело, что христиане и христианство должны были временно на общинно-церковном уровне забыть о том, о чём никогда не забывала христианская эзотерика-мистика и о чём прекрасно знал как фарисейский (фарисеи и ессеи акцептировали учение о перевоплощении душ) посвящённый, так и поднявшийся до Третьего и Седьмого Неба христианский таинник Павел. (См. Приложение к «Таинству Голгофы»: «Перевоплощение душ и христианство», с.1830-40) Знает и читатель, приобретившись к феномену перевоплощения по нашим книгам, равно по только что представленным-разобраным нами тайнам и таинствам Царя Царей и Иерея Иереев Мелхиседека – Царственного Теократора-Иерократора-Пантократора Небесного Покоя, образ К-рого неиссякаем и неисчерпаем! (см. выше)

И через раскрытие этого образа, крый не может быть раскрыт до конца, Павлом была поставлена своеобразная христианская точка, вернее, многоточие в вопросе о Мелхиседеке, плюс (и не случайно это произошло именно через 33 года после Мистерии Голгофы) – наведён мост, проложена дорога к вятому (сверхчувственным слышанием-видением) не случайно именно через 30 лет после Послания к Евреям (33г. + 33 года = 66г. + 30 лет = 96г.; 33 – 96г. = 63 года) Откровению Иоанна!

Притом в гл. 7-9, как и в прочих, присутствуют непосредственные увязки с 66-м г. н.э. = с кануном Иудейской войны, к-рой на момент написания Послания ещё нет, но к-рая на самом пороге и вот-вот грянет. «Потому что с переменю священства (в пользу первосвященства по чину Мелхиседека) необходимо быть перемене и закона» (7,12); «Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине её немощи и бесполезности» (7,18); «Говоря «новый», показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению» (8,13). Не сказано ли выше (словами пророка Иеремии – 31,32-34; 32,37!) об исшествии Израиля из земли Египетской (8,9), к-рое длилось 40 лет! Опять знакомые нам созеркальные сроки: 30 – 70 и 33 – 73г. И не говорится ли про то, что ветшающее и стареющее близко к уничтожению из 66-го г., – в 66-м г. н.э., перед началом восстания, когда до взрыва и уничтожения в 70г. совсем немного времени, когда уничтожение, действительно, близко!

Также обращает на себя пристальное внимание описание первой Скинии, т.е. Святилица и Святого-Святых в гл. 9: «Ибо устроена была скиния первая, в к-рой был светильник и трапеза, и предложение хлебов и к-рое называется «святое». / За второю же завесою была скиния, называемая «святое святых», / Имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотой ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Аарона расцветший и скрижали завета, / А над ними херувимы славы, осеняющие очистилище; о чём не нужно теперь говорить подробно» (9,2-5).

Перед нами уникальное воспроизведение устройства скинии и храма, куда, к слову, Вениаминит (не-Аронид) Павел не имел – дальше притвора Израэлитов – доступа, но о чём он подробно осведомлён. «Скиния первая» эквивалентна в храме

крытой части притвора Священников, где находились менора – семиветвенный (7 планет) свещник-светильник, 12 хлебов предложения (знаки Зодиака) и жертвенник кадилный. Этот притвор был отделён на входе от открытой части священского святилища – местонахождение жертвенника всесожжения – завесой, в то время как другая завеса, точнее, две завесы через промежуточное помещение, из к-рых Павел разумеет вторую – завесу во внутреннее, отделяли его от Святого-Святых. А там в пору скинии и, во всяком случае, на первых порах Первого храма обретались золотая кадилница, обложенный золотом ковчег завета и т.д. (= священнейшие атрибуты: то ли похищенные фараоном Сусакимом? то ли спрятанные Иосией Благочестивым? то ли укрытые-сокрытые Иеремией?), к-рых не было во Втором храме, когда в Святом-Святых, куда входил для жертвоприношения только первосвященник и только раз в год, 10-го тишри, стоял чёрный камень основы или основания (на к-ром совершалось священнодействие).³⁸

³⁸ О спорности этой/этих одной завесы или двух завес перед Святым-Святых мы подробно беседовали в «Т.Г.» (1672-74). Дело в том, что в постхрамовую эпоху талмудисты спорили о том, отделяла ли (одна) завеса крытое святилище (притвора Священников-Аронидов) от Святого-Святых непосредственно? или между ними было интервальное-промежуточное помещение в один локоть, соответственно, с двумя завесами – наружной и внутренней? «Йома»: «Он (первосвященник) проходил (для принесения жертвы в Судный день) через Святилище, пока не входил в промежуточное помещение между двумя отделявшими Святилище от Святого-Святых завесами. Р. Йосе (150г.): «Там была только одна завеса: «И повесь завесу на крючках, и внеси туда за завесу ковчег откровения; и будет завеса отделять вам святилище от Святого-святых» (Исх.26,33). Внешняя, т.е. передняя завеса, была на южной стороне, внутренняя – на северной. Первосвященник проходил между ними на северную сторону...»

Налиествовала ли разница между числом завес и помещений в Первом и во Втором храме? – вопрос. I Макк. говорит о храмовых завесах (к-рых во Втором храме – от врат со двора Язычников в израэлитские притворы Женщин, Израэлитов и Священников – до Святого-Святых – было итого 13) накануне Обновления 164г. до н.э. в общем: «и положили на трапезу хлеба и развесили завесы...» (4,51). По Флавию, внешняя завеса – перед Святилищем; внутренняя – перед Святым-Святых (И.в. 5,5,4-6). Сходно – Филон Ал. («Vita Mosis» 3§9). Но ни Филон, ни Флавий, хоть и Аронид, к-рый, впрочем, нигде не сообщает о своём храмово-аронидском служении, не вдаются в подробности, тогда как Павел (с кем согласны уверенно настаивающие именно на двух завесах р. Акиба и его ученик р. Иуда б. Илаи, к-рый, напомним, прав, несмотря на своё единичное мнение, в вопросе 49-летнего интервалирования субботне-юбилейных периодов) толкует в П. к Евр. именно о завесе на входе в Святое-Святых. В 6,19 говорится о надежде, – «к-рая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннее за завесу, / Куда предтечу за нас вошёл Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека». В гл.9 – о скинии: «За вторую же завесою была скиния, называемая Святое-Святых» (3). В гл.10: «Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путём новым и живым, / К-рый Он вновь открыл нам чрез завесу, то есть, Плоть Свою...» (19/20).

Посему ни синоптики (Мф.27,51; Мк.15,38; Лк.23,45), ни Павел не могут понимать под завесой, олицетворяющей Плоть Христову, никакую иную завесу, помимо той, к-рая прикрывала вход во *внутреннее*, и к-рая раздралась на-двое, сверху донизу, в момент сопровождавшейся потрясением (в условиях необычного *солярного* затмения) земли голгофской кончины Христа-Солнце. И если на внешнем физическом плане эта висевшая на крючках (т.е. натянутая) завеса раздралась-разорвалась-порвалась именно вследствие ошутимо неслабого землетрясения в пору крестной смерти Иисуса, то на уровне духовном это произошло не иначе как в силу предания Христом духа Богу. Всё, что было до того мистериально тайным, стало непрофанированно явным, манифестировало себя, воблаговестилось наяву! Обнародованная Мессией Иисусом ценой собственной земной жизни Мистерия свершилась в (мета)истории, сделалась важнейшим (мета)физическим и центрально-срединным (мета)историческим Событием (Фактом) в летописи Вселенной, отчего всякая дальнейшая (духовная) необходимость в какой-либо *завесе* перед новым Святым-Святых во Христе отпала навсегда!

Но вот, что любопытно. Если принимать две завесы с промежуточным помещением в один локоть между внутренней частью крытого притвора Священников и Sancto-Sanctorum,

«При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение; / А во вторую — однажды в год один только первосвященник³⁹, не без крови, к-рую приносит за себя и за грехи неведения народа. / Сим Дух Святой показывает, что ещё не открыт путь во святилище, доколе стоит прежняя скиния» (9,7/8).

Скажите, разве из последних слов не явствует, что они произносятся-пишутся в последние годы стояния-существования прежней скинии, незадолго до её гибели?! к-рая, согласно слову Павла, исчерпываяще её неотвратимость истолковывающего, вполне закономерна (вплоть до того, что Павлу можно чуть ли не вменить стремление храм разрушить, чего нет, но скорое свершение чего правомерно). Времена (метаисторически-исторически) Исполнились и время экзистенции прежней скинии, как и всего левитско-аронидского священства-духовенства, подходит к своему

то это значит, что и в промежуточное помещение-проход входил только первосвященник и только раз в год, 10-го тишири, направляясь для жертвоприношения в Святое-Святых. Соответственно, вторая (сакральнейшая) завеса во внутреннейшее (разумеемая синоптиками и Павлом), к-рую, возможно, храмовые отроковицы ткали с 9г. до н.э. (год начала реконструкции внутреннего храма при Ироде) и к-рая могла появиться на входе в Святое-Святых перед Пасхой 33г. н.э. (Т.Г. 1672), оставалась в том году разодранной сверху донизу до Судного дня, к-рый пришёл тогда на вторник (день Марса) 22.09., когда случившееся в Страстную пятницу 3.04. (раздрание завесы во внутреннейшее) было (не без минимумом трепета) обнаружено первосвященником Каиафой (после чего разорванную завесу заменили).

И к слову, именно вслед за этим в октябре 33г. на Апостолов были наложены руки, и чудесно освобождённые Ангелом, они затем свидетельствовали перед синедрионом (см. выше), где Пётр сказал: «Бог отцов наших воскресил Иисуса, К-рого вы умертвили, повесивши на древе...» (Д.Ап.5,30). И слыша такое, синедристы во главе с Каиафой — «разрывались от гнева и умышляли умертвить их» (5,33). И фарисей Гамалиил (не с оглядкой ли на разорванную завесу?), уважаемый всем народом, привел примеры неудачных выступлений (предтеч иудейских повстанцев 66-70гг.) Иуды, сына Езекии (1г. н.э.), и Иуды Галилеянина (6/7гг.) (5,36/37), мудро посоветовал синедристам в отношении Апостолов — «отстать от людей сих и оставить их: ибо, если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, / А если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (38/39).

Далее, с 33г. и до гибели храма в 70г. иудейские первосвященники ещё не раз заходили в Святое-Святых для принесения в отменённый весенне-нисановской жертвой Христа осенне-тиширский Судный день пост-жертвы. Не раз, считая с сентябрьского захода Каиафы в 33г. и до осени 69г., когда была принесена последняя пост-жертва, т.к. в 70г. храмовые жертвоприношения прекратились 17 таммуза (отсутствие жертвенных животных), а храм погиб в месяце ав (август), не дотянув до 10-го тишири. И небезынтересно отметить, что если от освящения Иродом первоэтапно новоотстроенного-реконструированного храма осенью 8г. до н.э. до 30г. н.э. (год иорданского Крещения Иисуса и год мрачных иудейских предзнаменований за 40 лет до гибели святилища) набирается 37 лет, то и от 33г., даты Мистерии Голгофы (на 40-м году от осени 8г. до н.э.), до падения Иерусалима и храма в 70г. тоже набирается 37 лет, в интервале между к-рыми собственно Тайнство Голгофы 30-33гг. н.э. (К тому же, если 63 года отделяют разрушительное землетрясение 31г. до н.э. от Тайнства Голгофы, то аналогично 63 года отделяют Мистирию Голгофы от патмосского Откровения Иоанна в 96г. н.э.)

³⁹ В день 10 тишири первосвященник входил в Святое-Святых (однажды в год), сообразно талмудическому трактату Йома (5,1-4), итого три раза: 1) с кадилницей и курением, согласно Лев.16,12/13: «И возьмёт горящих угольев полную кадилницу с жертвенника (кадилного), к-рый пред лицом Господним, и благовоного мелкоистолчёного курения полные горсти, и внесёт за завесу; / И положит курение на огонь пред лицом Господним, и облако курения (знак присутствия Божества над ковчегом завета) покроет крышку, к-рая над ковчегом откровения, дабы ему не умереть»; 2) с кропительной кровью тельца, согласно Лев.16,14: «И возьмёт крови тельца, и кропит перстом своим на крышку (ковчеха завета) спереди и пред крышкою, семь раз покропит кровию с перста своего»; 3) с кропительной кровью козла, согласно Лев.16,15: «И заколет козла в жертву за грех за народ, и внесёт кровь его за завесу, и сделает с кровию его то же, что делал с кровию тельца, и кропит ею на крышку и пред крышкою...». «Числа рабба» (7(148а): «Первосвященник входил в день Искупления в Святое-Святых четыре раза».

историческому концу. И пусть они будут уничтожены волей и руками руководящегося вовсе не благими помыслами-намерениями языческого Рима, суть павлианской мысли в том, что гибель старого святилища (к-рая, с др. стороны, не могла не прийти извне), а вместе с ним и (прихрамового) левитства-аронидства — совершенно неизбежна.⁴⁰

«Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, / Потому что завещание действительно после умерших: оно не имеет силы, когда завещатель жив» (9,16/17).

Здесь, конечно, речь, перво-наперво, идёт о завещателе Христе, искупительно умершем на кресте и тем раз и навсегда изменившем прежний чин святительства и священства, о чём сказано выше. Но, всмотритесь, не есть ли это ещё и соподчинённое Христу, царственному Первосвященнику навек по чину Мелхиседека, завещание от имени собственно храма, храмового культа и его служителей — Аронов и Левитов?! Не разумеет ли Павел под завещанием и завещателем, в т.ч., их, стоящих накануне смертного-смертельного ухода из истории?! Ведь они тоже, пусть невольные, сопричастники завещания, ведь они тоже невольные завещатели!⁴¹

* * *

В гл. 10 речь ведётся о недостаточности ветхозаветных жертв для очищения грехов всего человечества и о замене их одною — единократною — жертвою Христа (1-10). Жертвы и всесожжения не уничтожают греха, но одно приношение Христово исполнило волю Божию. «...жертвами каждогодно напоминает о грехах, / Ибо невозможно, чтобы кровь козлов и тельцов уничтожала грехи» (3/4).

И в стихах 5-7 в уста «входящего в мир» Иисуса Христа (Сына Давидова и Сына Божия) вкладываются слова из Псалма Давида (39,7-9): «жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне. / Всесожжения и жертвы за грех неуютны Тебе. / Тогда Я сказал: вот, иду, как в начале книги написано о Мне, исполнить волю Твою, Боже» (5-7). И ниже: «...Отменяет первое, чтобы постановить второе. / По сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа» (9/10). Если некогда животные жертвы запретили категорически воспрещённые Ветхим Заветом человеческие жертвоприношения, то единократное самопожертвование взошедшего на крест за грехи человеческие Иисуса Христа — противоположность человеческих жертв — отменило и то, и другое.

И вновь «отмена первого, чтобы постановить второе», указывает как на Мистерию 33-го, или шире — 30 — 33г., так и на конец храмовых жертв и храма в 70г., или шире — по итогам мятежного пожара 66 — 70г., о чём сказывается-пишется накануне этого пожара — огня поядающего!

⁴⁰ В 9,11/12 «Христос, Первосвященник будущих благ, пришел с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворённую, то есть, не такового устройства, / И не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошёл во святилище и приобрёл вечное искупление». «Мидраш к Пс.31 §2 (119а)»: «Израэлиты сказали Господу: «Покуда мы поработены, стыд и позор над нами, искупи-избави нас и не будет позора, ибо Твоё искупление вечное». Господь: «Поскольку ваше искупление-избавление в прошлом свершилось через плоть и кровь, оно — временное. Но в будущем Я Сам искуплю-избавлю вас, и так как Я живу-пребываю вечно, то и ваше искупление-избавление будет вечным».

⁴¹ В стихах 13/14 гл.9 превосходство жертвенной Крови Христа, «К-рый Духом Святым принёс Себя непорочного Богу», почему «Его Кровь очищает совесть нашу от мёртвых дел для служения Богу живому и истинному» над кровью тельцов, козлов и пеплом телицы, что «чрез окропление освящает осквернённых, дабы чисто было тело». Напомним, что время двух последних жертвоприношений (из всего-итого 9-и в истории Израиля от Исхода) рыжей телицы — 44 и 60г. н.э.

«...Ветхозаветные умилолюбительные жертвы, ежегодно возобновляемые, напоминали о необходимости искупления, но осуществить его не могли; если бы могли, не нужно было бы и повторять их из года в год. Искупление же совершилось однажды навек жертвою Христовой («Б.Б.», Евр.10,1-4, с.2072).

О замене прообразовательных ветхозаветных жертв единою осуществительною и совершенною жертвою Христа пророчествовал Давид: в замену прежних недостаточных и недейственных жертв Христос отдаёт Своё тело» (5-10).

Замечательно, что в стихах 16/17 Павел опять напоминает пророчество (именно) Иереи (31,33; Евр.8,8-12) о Новом Завете, имеющем силу освобождать всех от грехов. Новозаветное оправдание и освящение человека упраздняет за их ненужностью ветхозаветные приношения и всесождения. Однако, – «превратно было бы заключать отсюда, что ненужна и бескровная жертва, приносимая Церкви на божественной литургии: таинство Св. Евхаристии не есть нечто отдельное от единственной искупительной жертвы Христовой на кресте, но её таинственное продолжение и непрестанное возобновление» («Б.Б.», Евр.10,14-18).

Литургическая жертва хлебом и вином была прообразована Мелхиседеком, вынесшим отцу Аврааму хлеб и вино, и учреждена непреходящим Первосвященником по непреходящему чину Мелхиседека Иисусом Христом («прежде нежели был Авраам, Я есмь») на Тайной Вечери! Отдав на распяте плоть Свою, Христос расторгнул завесу, заграждавшую Святое-Святых, и (великий Священник над домом Божиим) открыл верующим в Него доступ к Отцу! (19/20)

В стихе 25: «Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай; но будем увещавать друг друга, и тем более, чем более усматриваете приближение дня оногo». Некоторые отпали от Церкви и оставили собрание после известных событий 62 (каменение Иакова Праведного и притеснение иерусалимской христианской общины) и 64 (пожар Рима и римское гонение на христиан) гг., от чего Павел предостерегает других, призывая их держаться вместе и увещавать друг друга перед видимым-предсказуемым приближением катастрофы 66 – 70гг.

В стихах 32-34 Павел напоминает иерусалимско-палестинским христианам из Евреев о «прежних» их «днях», «когда вы, бывши просвещены, выдержали великий подвиг страданий, / То сами среди поражений и скорби служа зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии; / Ибо вы и моим узам сострадали, и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее». В объективе гонения (к-рые или какие-то из к-рых сопровождался также расхищением имения) 33/34-го, 44гг., эксцессы 50-х гг. (мученичество Иоанна Зеведеева – 55г.), и, наконец, – 62-го г. н.э.

Причём слова Павла о его узах, к-рым Евреи сострадали, имеют в виду как, без сомнения, его иерусалимские узы 58 и кесарийские 58 – 60гг., когда иерусалимская братия его поддерживала, так и, вероятно, Первые римские узы 61 – 63гг., во время к-рых Апостол, надо думать, имел связь с Иерусалимом, куда он теперь, весной 66г., в сложной для христиан Св. Земли ситуации-обстановке, желая персонально укрепить-наставить иерусалимскую паству и попроситься с ней, накануне больших потрясений («Ибо ещё немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит» (37), собирается).

В гл. 11 речь о вере, к-рая, вернее, сила к-рой есть содержание этой главы на длинной цепи примеров – от сотворения через Авеля до Ноя, от Ноя до Авраама, от Авраама до Моисея, от Моисея до Давида и последующих пророков. «После вступительных слов о свойстве веры (1/2), развёртывается длинная цепь примеров, показывающих, что может вера (3-31), притом каждое отдельное звено этой цепи вводится постоянно повторяющимся зачалом (3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 28, 29, 30, 31), каковой приём в искусстве красноречия именуются анафорой.

В остальной части речи (32-40) другая цепь уже не предложений, а глагольных сказуемых при одном подлежащем изображает многообразные подвиги самопожертвования, вдохновляемого верою» («Б.Б.», Евр.11, с.2073).

Кровь убитого братом Каином Авеля (Симон Пётр), к-рый верою принёс Богу жертву лучшую, нежели Каин (Лазарь-Иоанн), сделала его прообразом Христа, непорочного Агнца, закланного за грехи мира (4). Но вспомним, что впоследствии, по приказу *авелита* Соломона (Пётр), был убит *каинит* — Мастер Хирам (Лазарь-Иоанн), и только Мистерия Голгофы, начиная с дуалистического Рождества Христова и кульминировав собственно Голгофой, Воскресением, Вознесением и Пятидесятницей-Троицей, примирила *авелитов* и *каинитов*, дав импульс и ключ к их метаисторическому примирению во Христе Спасителе.

Не проживший ли 365 лет Енох (5), единственный из патриархов, верою был переселён так, восхищённый на небеса, что не увидел смерти⁴², как (не предался ей) восхищённый живым в огненной колеснице, на глазах у его преемника Елисея (Лазарь-Иоанн), пророк Илия (Иоанн Креститель).

Не верою ли (великий атлантический посвящённый) Ной-Ману (Мелхиседек, явившийся Аврааму в эфирном теле Сима!) получил откровение от Господа, спасся в ковчеге — «и сделался наследником праведности по вере» (7).

Верою Авраам пришёл, повинувшись Господу, в Ханаан и верою обитал «на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования» (9).

Примечательно, что в этой главе среди носителей непоколебимой веры (к-рая, если она даже, по слову Иисуса, с горчичное зерно, сдвигает горы) названы две женщины: праматерь Сарра (11), кто, будучи неплодна, верою получила в старости силу к принятию семени для рождения Исаака; и иерихонская блудница Раав (31), верою с миром принявшая соглядатаев и потому не погибшая, отлично от преданных Иисусом Навином (супружницей к-рого иудейское предание Рааву делает) мечу деградантных иерихонцев.

Верою Авраам, веровавший, «что Бог силён и из мёртвых воскресить» (19), готов был принести в жертву Исаака (17/18), спасение к-рого Господом стало прообразом Христового Воскресения, как сам Исаак (не Авраам и не Иаков) — великожертвенный прообраз-прототип Христа! Не говорит ли Павел в Посл. к Галатам: «Мы, братия, дети обетования по Исааку» (4,28).

Исаак же «верою в будущее благословил Иакова и Исава» (20), тогда как веровавший «Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова и поклонился на верх жезла своего» (21). Здесь под сыновьями Иосифа как два его сына — Ефрем и Манассия, из к-рых Иаков предпочёл младшего Ефрема (как Исаак предпочёл Исаву Иакова), так и собственно сыновья-колена от Иакова, от к-рого право первородства перешло (перенесённое с Рувима) к Иосифу. Иакову-Израилю преемствовал Иосиф-Израиль — лучший из братьев своих (в то время как Иуда — сильнейший).

Не колено и не род, но именно дом Иосифа (предка и кармического предварителя Иисуса Навина). То-то отцы обоих Иисусов, Соломонида и Нафанида, из колена Иудина и рода Давидова, оба зовутся именем Иосиф. Иудеяне-Давидиды по крови и Иосифляне по духу! Вот в чём секрет Машиха/Машиахов — бен Иосиф и бен Давид!

⁴² «Кн. Юбилеев» (4,23): «И он (Енох) был взят от сынов человеческих и мы (Ангелы) вознесли его в сад Эдемский, и он пишет там суд и приговор миру сему и все злодеяния сынов человеческих». Енох, как небесный писец, также в «Кн.Еноха» (12,3; 15,1); в славянской «Кн.Еноха» (22,1; 23,4; 40,13;53,2; 64,5). «Таргум Иерушалми I Быт.5,24»: «Енох праведно служил Богу и оказался над обитателями земли, ибо он был восхищён и взошёл на небеса повелением Господа, К-рый дал ему имя «Метатрон — великий писец».

И не случайно далее от Иосифа (Лазарь-Иоанн), благодаря к-рому Израиль обустроился в Египте (XIXв. до н.э.), Павел переходит к Моисею (Пётр), к-рый вывел Израиль (XVв.) из Египта (22-29). Верою Моисей (1527 – 1407гг.) был три месяца скрывается по рождении, когда фараон велел топить еврейских младенцев; верою, пришел в возраст, он отказался называться сыном дочери фараоновой (Хатшепсут!); верою ему выпало уйти из Египта; верою он совершил первую Пасху (1447г.); верою чудесно перешёл с израэлитями через Черное море, когда даже младенцы в материнских израэлитских утробах, ставших вдруг прозрачными, как стекло, запели торжественную песнь победы.

А дальше упомянутый выше в гл. 4 (8) Иисус Навин, при к-ром (преемнике Моисея), по переходе через Иордан (1407г.), пали стены Иерихонские, по имени не называется. Вместо него симптоматично фигурирует Раав (31), к-рую иудейское предание считает, как сказано, супружницей Иисуса Навина. Вспомним Апостола Апостолов Иоанна Богослова и его сестру-близнеца – Апостолицу Апостолов Марию Магдалину!

Ниже же, завершив длинную цепь (3-31) примеров именно на Рааве (анафора!), Павел называет знаменитых Судей – Гедсона, Варака, Самсона, Иеффая⁴³, именуя в конце Давида (Мария Младшая) и Самуила (Мария Старшая), причём умышленно представляя их в данном контексте именно как пророков, – «к-рые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов...» (32/33).⁴⁴

Плюс в стихе 37 речь ведётся уже о не называемых поимённо пророках эпохи царей, Вавилонского пленения и первого столетия после него – когда в VI/Vвв. до н.э. пророчествовали Захария, Аггей, Малахия – последний Малый пророк Ветхого завета (+ ок. 450г.), эстафету у к-рого принимает в послепророческую второ-храмовую эпоху (Бат-Коль) отец грядущего раввинистического иудаизма (первый книжник) Ездра. Эти свидетели в вере были побиваемы камнями (Захария, сын Иодая, при Иоасе), перепиливаемы (Исаия при Манассии), умирали от меча (Урия при Иоакиме), подвергались пытке (Иеремия при Седекии), скитались в милотях и козких кожах (Илия, Елисей...), «терпя недостатки, скорби, озлобления» (37).

«Те, к-рых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (38), что выводит читателя на предшествующую Исполнению Времени, к-рое она предтечно сделала возможной, героическую эпоху братьев Маккавеев, с их священной войной против селевкидского ига, когда в пору осквернённого Антиохом Эпифаном храма (167 – 64гг.) израэлиты вынуждены были справлять праздники в горных пещерах, пустыне, ущельях.

Такова наглядно развёрнутая в поступательной метахронопоследовательности Павлом в Послании к Евреям-христианам Иерусалима и Св. Земли панорама,

⁴³ Примечательно, что между 12-ю патриархами (сыновья Иакова), 5-ю братьями Маккавеев, плюс 7 Сыновей Вдовы = 12, и 12-ю Апостолами Христа можно выделить ещё именно 12 судей – в период времени после Иисуса Навина (+ 1380/79гг. до н.э.) и до Илия (с ок. 1090г.), не считая ни единственную среди судей женщину – (парную Вараку) Девору, ни узурпатора Авимелеха, ни особостатуированных – Илия – первосвященник (Ифамарид) и судия, и Самуила – пророк и (последний) судия Израилев. Эти 12 судей: Гофониил; Аод; Самегар; Варак (и Девора); Гедсон; Фола; Иаир; Иеффай; Есевон; Елон; Авдон; Самсон. Причём герои веры среди них – (называемые Павлом) Варак, Гедсон, Иеффай, Самсон. И только в отношении 9-и судей, плюс Девора, известна, по Книге Судей, их принадлежность к 7-и коленам: Аод – Вениамин; Девора – Ефрем; Варак – Неффалим; Гедсон – Манассия; Фола – Иссахар; Иаир – Манассия; Иеффай – Манассия; Елон – Завулон; Авдон – Ефрем; Самсон – Дан.

⁴⁴ Во 2-м Посл. к Тимофею летом 66г. Апостол скажет о себе, что он «избавился из львиных челюстей» (4,17), чем, к слову, (для имеющих уши) косвенно свидетельствуется, что Посл.к Евр. было написано сравнительно незадолго до 2Тим. (см. ниже).

посвящённая силе веры тех, к-рые, жертвенно содеяв всё для исполнения обетования, тем не менее, не получили обещанного, — «потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства» (40).

Лишь в Ив. н.э. обетование исполнилось через осуществление Таинством Голгофы и в Таинстве Голгофы того, к чему шли подвижники веры от сотворения и крови Авеля, что окончательно оправдало и увенчало их подвиги!⁴⁵

* * *

В гл. 12 призыв к иерусалимско-израильским Евреям-христианам, — на примере «такого облака свидетелей» из числа героев веры, к-рых Апостол панорамно и во времени представил выше, не проявлять малодушие перед лицом предстоящих испытаний. И делать это, «взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, К-рый вместо предлежащей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия» (2). Бог испытывает своих, а не чужих, и наказывает тех, кого любит. Самоиспытание есть верный знак любви Божией к Его детям. Не отвергайте страдания, ибо посредством наказания избранники Божии совершенствуются. «Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колена / И ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучшее исправилось» (12/13).

Посему в стихах 1-13 очередное наставление к укреплению и единству членов ослабленной общины, на сей раз, в ракурсе лучших ветхозаветников, апогеем к-рых явился датель Нового Завета — Христос.

Отпадающие от веры ради земных благ подобны Исаву (Ирод!), к-рый продал отдал Иакову право первородства за чечевичную похлёбку и не наследовал благословение отца Исаака, несмотря на то, что Иаков, запинаящий ещё в утробе матери своего брата-близнеца, применил против Исава (оправданную) хитрость (15-17).

В стихах 18-24 Апостол сопоставляет-противопоставляет ужас, в к-ром Бог открылся Моисею на неприступном Синае, и сияющий собор Церкви торжествующей,

⁴⁵ И ещё вот о чём должен был, в той или иной мере, знать Савл/Павел из своего фарисейского посвящения, усугубленного затем знанием, почерпнутым им в Аравии (34-37гг.), и спиритуально эволюционировавшим далее в христианстве его восхождением сначала до Третьего (51г.) и позднее до Седьмого Неба (58г.).

7 Эл(л)оимов (духи формы) суть верховные духи Света, к-рые после выхода Солнца из Земли в Гиперборейский период обитали на Солнце. Физические свойства Солнца содержали в себе духовные силы Любви от 6-и Элоимов, тогда как 7-й избрал местом своего пребывания Луну (вышедшую из Земли в Лемурийский период), как податель оттуда мудрости навстречу Земле и богоизбранныкам на ней, т.е. как Яхве (Иегова) — групповая душа Израиля и Израэлитов, предуготовляя тем самым воплощение-сошествие-вочеловечение животворной Любви — как Духа Солнца, как Христа Господня. Засим историческая инкарнация Христа есть воплощение сил 6-и Элоимов, в их совместном действе с 7-м, Иеговой, в Иисусе из Назарета, в качестве дателей-созидателей Его индивидуальности.

И эти 7 Эл(л)оимов связаны с Семизвездием Плеяд (сёстры — 6 + 1). И благоприятнейшая констелляция для времени такого сокровенного откровения сложилась, когда Луна находилась в Плеядах = когда Иегова (Яхве) действовал в Тельце (знак Египетско-Вавилонской культуры). Именно тогда Вселенское Око созерцало Логос, сияющий из Семизвездия через лунный глаз Иеговы. Не есть ли Иегова — творец Я-сознания, зеркало Христа, как лунный свет есть рефлексия солнечного света, есть яхвистская рефлексия Духа Солнца на Пути к Событию-Таинству Голгофы! Взаимодейственность-взаимообусловленность таинственных солярности и лунарности! Целокупность Семизвездия Плеяд во Христе! То-то Плеяды на шею Тельца, в обхват шеи Тельца, — центральная группа созвездия Млечного пути и рассматриваются в эзотерике — как 7-звёздное единство-таинство, рождаемое из вышней Троицы, из божественного Триединства!

состоящей из тех, кто «приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и к тьмам Ангелов» (22). Синай – как гора скрижалей Ветхого Завета, и Сион – как, в преображении, мистериально-новозаветная Голгофа (располагавшаяся между храмовой горой Мориа и Сионской горницей = Сенкалем. Не сравнивает ли Павел в Посл. к Галатам Синай в Аравии, гору Агари (матери Исмаила – антагониста Исаака), с нынешним *земным* Иерусалимом, к-рый с детьми своими в рабстве, в то время как *вышний* Иерусалим свободен: он мать всем нам (4,24-26) (см. выше). Иерусалим *земной* и Иерусалим *Небесный*, к-рый откроется Иоанну в Апокалипсисе и видение-откровение к-рго уготовительно предваряется в Послании к Евреям. Апостол № 13 и № 2 по ошую Христа – Павел – предтеча Апостола № 14 и № 1 по одесную Христа – Лазаря-Иоанна!

Апостол язычников указывает верующим братьям-Евреям верный путь к Ходатаю Нового Завета Иисусу «и к Крови кропления, говорящей (вопиющей к небу) лучше, нежели Авелева» (24). Круг начатый в предыдущей главе с невинного Авеля, кровь к-рого пролилась первой, замыкается на Христе и во Христе, Кровь кропления К-рого освящает христиан.

И если ужасно было противостоять Глаголющему с горы Синай, то куда ужаснее отшатнуться от Глаголющего ныне с Небес. Тогда глас Его поколебал землю, а ныне окончательно поколеблено всё, могущее быть колеблемым, дабы осталось только непоколебимое: царство Христово. Новозаветный суд всё испытует огнём: Бог наш есть огонь поядоющий (25-29).

Скажите, что в этих словах Павла утверждение богословских истин и огненные апокалиптические перспективы? Несомненно, но в отношении изменения колеблемого, к-рое Господь поколеблет ещё раз, как сотворённого, чтобы пребыло непоколебимое, сложно не разглядеть тут близящийся конец рукотворённого святилища, покинутого Христом, померкшего и обречённого на скорую гибель, в сравнении с нерукотворённым святилищем Христа! К-рый в апреле 30г. сказал в Иерусалиме на Пасху Иудеям: «Разружьте храм сей и Я в три дня воздвигну его», говоря о храме Своего Фантомного Тела Воскресения, чего Иудеи в подавляющем большинстве не поняли ни тогда, в 30г., ни в апреле 33г., ни спустя 33 года, в 66г. н.э.!

И вот до гибели рукотворённого святилища в огне поядоющем, к-рый разгорится в ближайшие месяцы, остались считанные годы. Храм же Христова Воскресения непоколебим и вечен. Как видим, опять исторические реалии настоящего и скорой перспективы переплетаются с богословскими истинами, ближние горизонты сплетаются с дальними, и целостная картина – многоуровневая, многогранная, многослойная.

Заключительная 13-я гл. Послания начинается с братолюбия и страннолюбия, с напоминания о том, что через второе некоторые, не зная того сами, оказали гостеприимство Ангелам: Лот, Авраам, Товия. В стихах 3-7 призывы помнить узников, жить непорочно в браке, гоня от себя блудников и прелюбодеев, иметь нрав несребролюбивый, «довольствуясь тем, что есть», полагаться во всём на Господа и не площадь самим.

«Поминайте наставников ваших, к-рые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (7). Т.е. большая часть иерусалимской общины составляет на момент написания Послания второе поколение Евреев-христиан. Из наставников же, к-рых мы знаем, мученичество за прошедшие с Мистерии Голгофы 33 года в Св. Земле претерпели: Стефан – 33г.; Иаков Старший – 44г.; Иоанн Зеведеев – 55г.; Иаков Праведный – 62г. Кроме того, ок. 64г. за пределами Палестины принял мученический венец Апостол и Евангелист Матфей. Плюс, возможно, как раз в дни, когда Павел заканчивает Послание или уже отправил его из Италии, в Иерусалиме, вероятно, в марте 66г., стал жертвой разъярённых иудеев (сброшенный с кровли храма) Ап. Иаков Младший (см. выше и ниже).

В стихе 9 предостережение от увлечения чуждыми учениями, подобными яствам, от к-рых не получили пользы, занимающиеся ими, ибо сердца надо укреплять благодатию. Помимо того – второй смысл – христиане не должны возвращаться к ветхозаветному различению яств дозволенных и запретных.

«Жертвенник, на к-ром приносились очистительные за народ жертвы (Лев.16,27), воздвигался вне стана; в Скинию вносились только их кровь, тела же сжигались на месте жертвоприношения. В отличие от Иудеев, к-рым было запрещено питаться от жертвенника, христиане приобщаются искупительной жертве Христа: не вне ли стана их жертвенник? В самом деле Голгофа находится вне городских ворот. Выйдем же ко Христу за стан, нося его поругание! Ведь не земной град наше отечество, но град небесный» («Б.Б.», Евр.13, с.2073).

В стихах 12/13: «...и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. / Итак выйдем к нему за стан, нося Его поругание».

Голгофа, на к-рой производились казни, находилась за городской чертой в 33г. н.э., когда был распят Христос, втянутая в пределы Иерусалима строительно-расширительными предприятиями-мероприятиями Ирода Агриппы во время его иерусалимского царствования при Клавдии, в 41 – 44гг., и с тех пор перестала быть местом казней, в пределах города недопустимых. Эти слова-стихи Павла не двусмысленны, но двухсмысленны и даже многосмысленны, как многие слова-стихи Св. Писания, в чём наш читатель имел возможность наглядно, в ходе нашего долгого повествования, не раз убеждаться-удотоверяться. Притом заметим, что отлично от комментария «Б.Б.», к-рый ошибочно помещает Голгофу вне городских ворот в т.ч. на момент написания Послания к Евреям, в самом Послании, где говорится, что Иисус пострадал вне врат, этого нет.⁴⁶

И в призыве к иерусалимским Евреям-христианам «выйти к Нему за стан» содержится, среди прочего, (настоятельный) призыв к выходу-уходу из обречённого пожара (наступающей на пятки) войны Иерусалима, о чём, о необходимости-неизбежности чего Павел, надо думать, намеревался (провидя в буквальном смысле завтрашний день) более обстоятельно поведать иерусалимским собратьям при непосредственной встрече.

Более того, м.б., он хотел непосредственно инициировать их выход-уход, что иерусалимские христиане (всё равно) несколько запоздало сделают, оставив восставший и подпавший убийственной революции Город ближайшей осенью 66г., когда община христиан Иерусалима (отказавшись от участия в чуждой ей погубительной войне) уйдёт из Города за Иордан, направившись затем в Пеллу (см. ниже).⁴⁷

И вот в стихах 18/19 звучит: «Молитесь за нас; ибо мы уверены, что имеем

⁴⁶ Являясь в передельно высоком смысле богословским и метаисторическим, П. к Евр., вместе с тем, заострит внимание читателя в очередной раз, чрезвычайно живо-чётко держит руку на пульсе конкретного исторического времени, написанное не ранее и не позднее 66г. н.э. О культе, храме, жертвеннике, первосвященнике, Судном дне и т.д. в нём однозначно говорится в актуально настоящем времени (вспомним 9,8/9: «...Дух Святой показывает, что ещё не открыт путь во святилище, доколе стоит прежняя скиния. / Она есть образ настоящего времени...»), к-рое (одновременно) необратимо близится к концу. Т.е. Послание написано никак не после 70г. и, что мы достаточно доказательно-убедительно выяснили, никак не ранее 66г.

⁴⁷ Это был нелёгкий выбор и наверняка часть христиан примкнули к восставшим (сродни части ессеев), порвав с общиной. При всём том, позиция Павла (явствующая из всех его Посланий и особенно чётко выраженная Посланием к Евреям) в этом вопросе однозначна: Иудейская война – не есть война христиан (но есть война, однозначно чуждая христианам), и, уйдя из Иерусалима, местная община действовала в павлианском духе (почему у зилотов с сикариями были все основания считать Павла национал-изменником, каковыми они и сочли дистанцировавшихся от противоримской Иудейской войны христиан).

добрую совесть, потому что во всём желаем вести себя честно. / Особенно же прошу делать это, дабы я скорее возвращён был вам». Апостол очень хочет прийти в Иерусалим, однако, как видим, он не уверен — осуществится ли его намерение? не воспрепятствуют ли его планам (внешние) обстоятельства? И ниже сказано: «Знайте, что брат наш Тимофей освобождён; и я вместе с ним, если он скоро придёт, увижу вас. / Приветствуйте всех наставников ваших и всех святых. Приветствуют вас Итальянские» (23,24).

Повторяем-подчёркиваем. Начатое зимой 65/66г. в эпирском Никополе, Послание пишется-дописывается в марте 66г. в Италии, но не в Риме, — поскольку Евреи Иерусалима приветствуются Итальянскими (что не тождественно Риму и Римским) единоверцами, — б.м., или, скорей всего, в Путоли (где, в портовом городе, Павел, говорим снова, провёл у единоверцев неделю по дороге в Рим ещё в 61г. и откуда он отчалил в Испанию в 63г.). Осенью прошлого 65г. он расстался с Тимофеем (отчалив на Трояду, чтобы оттуда податься в Никополь) в Эфесе, договорившись с ним встретиться весной следующего 66г. в Риме, чтобы совершить совместное путешествие в Палестину, после чего Тимофей, при невыясненных обстоятельствах, оказался, судя по Евр.13,23, в узах, будучи, правда, достаточно скоро освобождён, сведения о чём пришли к Павлу, скорее, ещё в Никополе, нежели уже в Италии.

Засим Послание было отправлено в марте 66г. адресатам в Иерусалим, а Павел, следует полагать, пошёл в Рим приветствовать римскую общину, доставить ей пожертвования, проверить её состояние и дать нужные наставления до прихода Тимофея. Но ожидаемый им в апреле или в апреле/мае Тимофей, в силу, опять-таки, каких-то, видимо, уважительных, причин-обстоятельств, так и не пришёл ни в апреле, ни в мае, когда, т.е., по всему, именно в мае 66г., для взятого под стражу в Риме Павла начались Вторые римские узы (см. ниже), к-рые продлятся до самого мученичества Апостола ок. 13-и месяцев.

На этом мы завершим богословский и историко-хронологический разбор-расклад выдающегося Послания к Евреям, равно — путей-дорог и деятельности Апостола язычников в 63 — 66г. н.э., и перейдём к событиям того же периода времени в (закрывающей навстречу собственному и храмово-иерусалимскому концу) Иудее, к-рая и ветхозаветное еврейство к-рой, т.е. обречённое еврейство-иудейство старого Иерусалима и покинутого Божеством храма (на алтаре к-рого беснуются демоны), ныне неумолимо сходят с историко-метаисторической сцены.

ИУДЕЯ

(63 — 66гг.)

НОВОВВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЛЕВИТОВ

(63г.)

Выше мы расстались с Иудеей (61 — 63гг.) на замене Агриппой первосвященника Иисуса, сына Дамнея (62/63гг.), первосвященником Иисусом, сыном Гамалиила (63 — 65гг.), что привело к споре между обоими архипастырями и к уличным потасовкам-боям между их приверженцами (63/64гг.). Об этом, равно о росте влияния оборотистого экс-первосвященника Анании б. Небедея, и о шайках царских (агриппианских) родичей Костобара и Саула (чем, соответственно, общая ситуация в скатывающихся по наклонной Иерусалиме и стране неуклонно ухудшалась), рассказывается у (побывавшего в 63/64гг. в Риме) Флавия в «И.д.» 20,9,4.

Далее же, в 20,9,5, Флавий (нередко, как мы знаем, комплектуя своё повествование прагматически) сначала сообщает о смене прокуратора Лукция Альбина

Гессием Флором, что произошло летом 64г., завершая таким образом начатый в 1-м абзаце 9-й главы период наместничества Альбина, и лишь в абзацах 5/6 говорит как о левитских нововведениях заведовавшего храмом царя Агриппы, так и об окончательности строительства храма, к-рое имело место, с очень большой долей вероятности, ещё при Альбине, весной 64г. Не начал ли Ирод реконструкцию-новоотстройку храма нисановской весной 17г. до н.э.! Не говорят ли Иудеи Иисусу «сей храм строился 46 лет» (Ио.2,20) пасхальной нисановской весной 30г. н.э.! Не исполнилось ли 80 лет (возраст старческой немочи!) с начала новоотстройки святилища весной 64г.!

Впрочем, удивляться тут, зная флавиевскую, не всегда хронопоследовательную манеру, нечему. Вспомним, к примеру, по свежему следу, что не иначе как в «И.д.» 20,9,4 в рассказ о времени наместничества Альбина (62 – 64г.), с гл.9,1 по 9,5, вклинивается сообщение о переименовании Агриппой его новоблагоустроенной столицы Кесарии Филипповой в Неронию, что случилось в 61г., т.е. ещё при прокураторе Фесте (60 – 62г.). Засим смело предпочтём т.н. прагматической флавиевской комплектации принятое нами хронопоследовательное повествование по материалу Флавия.

«Те представители левитов, к-рые исполняли обязанности певчих, обратились к царю с просьбой созвать синедрин и внести предложение о разрешении всем левитам носить такую же льняную одежду, какую носили священники. При этом они говорили, что он таким достойным его правления нововведением сможет снискать себе вечную славу. Просьба их была уважена, и царь, по постановлению членов синедрина, разрешил певчим заменить прежние одежды льняными, как они того желали. Так как одна часть левитов участвовала в храмовом богослужении, то он, по просьбе их, разрешил им также изучать псалмы. Всё это, однако, находилось в противоречии с прежними древними законоположениями, нарушение к-рых не могло не повлечь за собой наказания» (И.д. 20,9,6).

Левиты, в отличие от высшего духовенства – священников Аронидов (квинт-эссенция колена Левия, к-рое не получило наследственного удела в Земле Обетования, получив 48 левитских городов в уделах др. колен), представляли духовенство низшее: храмовые привратники, стражники, певчие, участники судопроизводства, службы, контролёры (Р.л. 771; см. выше).

Сродни аронидскому, левитское духовенство-священство состояло из 24-х (количество богослужебных чред) подразделений (сходно на 24 общины делились все израэлиты и на 24 национально-религиозных округа вся земля Израилева). Прикреплённая к каждой чреде группа левитов сопровождала свою чреду коганов при восхождении в Иерусалим, где, в храме, они отправляли многочисленные обязанности, включавшие охранение, контроль над притворами до Священного, пение псалмов, ночные бдения, контроль над жертвенными животными, помощь при жертвоприношениях и т.д.

Относительно не исчисленных при первой переписи, по исшествии из Египта, левитов, Господь велел Моисею: «...поручи левитам скинию откровения и все принадлежности её и всё, что при ней; пусть они носят скинию и все принадлежности её и всё, что при ней, и около скинии пусть ставят стан свой. / И когда надобно переносить скинию, пусть поднимают её левиты; и когда надобно остановиться скинии, пусть ставят её левиты; а если приступит кто посторонний, предан будет смерти» (Ч.1,50/51). «А левиты должны ставить стан около скинии откровения, чтобы не было гнева на общество сынов Израилевых; и будут левиты стоять на страже у скинии откровения» (53).

«Отдай левитов Аарону и сынам его в распоряжение; да будут они отданы ему из сынов Израилевых» (3,9). «Вот закон о левитах: от 25-и лет и выше должны вступать они в службу для работ при скинии собрания, / А в 50 лет должны прекращать

отправление работ и более не работать, / Тогда пусть помогают они братьям своим содержать стражу при скинии собрания...» (8,24-26). «Повели сынам Израилевым, чтоб они из уделов владения своего дали левитам города для жительства; и поля при городах со всех сторон дайте левитам...» (35,2-8). «И приди к священникам левитам и к судье, к-рый будет в те дни, и спроси их, и они скажут тебе, как рассудить» (Втор.17,9). Левиты имели свою долю от десятин третьего года (26,11-13) (см. выше).

После скинии левитство подвизалось-служило при Первом храме; после Вавилонского пленения, по-прежнему, сопутствуя как низшее духовенство, священникам Аронидам, — при храме Втором. Правда, неизвестно, в какой мере все левитские положения Торы приложимы ко времени интересующих нас реалий IV н.э., накануне падения Второго храма.

Так или иначе, предположительно-оптимально, в 63г., судя по Флавию, певчие левиты, к-рые распевали Псалмы как при восхождении на Храмовую гору в Иерусалим, так и, при богослужении, на ступенях от притвора Израэлитов к притвору Священников (градуальные Псалмы 120-34), или в др. притворах, или при ночных бдениях, обратились к царю Агриппе с просьбой позволить, по решению созванного им синедриона, всей их духовенской корпорации (братии) носить такую же ритуальную льняную одежду, какую, согласно строгому предписанию, носили ответственные за богослужебный культ и регулярно отправлявшие его священники Арониды. Т.е. низшее духовенство ходатайствовало о предоставлении ему одной из привилегий духовенства высшего, что было новшеством, свидетельствуя, видимо, в частности, о недовольстве левитского сословия чрезмерной привилегированностью Аронидов. И просьба ходатаев была удовлетворена-уважена.

Причём другой части левитов (о чём в русском переводе «И.д.» сказано неточно), отправлявшей различные служивые обязанности в храме, было разрешено теперь участвовать также в богослужении и петь псалмы. Как видим, реформаторские настроения затронули, в пору быстрого роста настроений революционных, в условиях рвачества насквозь коррумпированных аронидско-первосвященских кланов, не только народные массы, но и наименее привилегированное простое левитское духовенство. Притом и царь, и синедрион пошли левитам, сочтя их просьбы справедливыми, плюс, чтобы не усугублять их недовольство, навстречу.

Флавий (потомственный Аронид), однако, задним числом, оглядываясь на всё вскоре случившееся, консервативно-традиционалистски акцентирует здесь, в принятых нововведениях, противоречие древним законоположениям, присовокупляя оное к множеству иных нарушений, повлекших за собой скорое (фатально) катастрофическое наказание.

ОКОНЧАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ХРАМА

(весна 64г.)

А ниже, в абзаце 7 главы 9, говорится об окончании строительства храма, к-рое, повторим, оптимально просится в нисановскую весну 64г. н.э., когда исполнялось 80 лет с начала запущенной Иродом весной 17г. до н.э. реконструкции. После этого 8 лет, с весны 17-го по весну 9гг. до н.э., что нашему читателю хорошо известно, ушли на комплексно-храмовые — внешние притворы, и на многие прихрамовые работы, тогда как потом, за ещё год и шесть месяцев, с нисановской весны 9-го по тишристскую осень 8гг. до н.э., специально обученные строительным ремёслам священники Арониды надстроили-обновили собственно Храм: притвор Священников — Улам, Святилище — Хекал, Святое-Святых — Давир (Р.л. 565/66).

В результате Ирод отпраздновал окончание реконструкции храма 1 тишири 8г. до н.э., но полностью обновительно-строительные работы, разумеется, не были тогда завершены и продолжались в последующие десятилетия, надо полагать, с перерывами, в общей сложности, как видим, аж до 64г., придя к завершению всего за 6 лет до падения Иерусалима и гибели храма, к-рый станет жертвой беспощадного огня Иудейской войны на 7-й год от окончания работ — летом 70г. н.э.

При окончании же в 64г. долгого строительного предприятия, по Флавию, с одной стороны, 18 тыс. занятых на нём человек оставались без хлеба, в то время как, со стороны другой, народ не желал копить храмовые деньги, ибо к святилищной сокровищнице время от времени протягивали, либо, в любом случае, могли в любой момент протянуть нечистые языческие руки римские прокураторы (будь то для сооружения водопровода, как то сделал Пилат, или в целях личного обогащения, как вскоре сделает Флор, и, возможно, делали Феликс с Альбином). Посему иудеи обратились «к царю с просьбой приняться за перестройку восточной галери храма» (20,9,7), иначе говоря, с просьбой употребить высвободившиеся деньги с дальнейшей храмовой и гражданской (ведь «всякий рабочий, к-рый проработал хотя бы один час в день, немедленно получал свой заработок») пользой.

Но восточная галерея, к-рая тянулась вне храма, воздвигнутая над глубоким обрывом, покоилась на стенах длиной в 400 локтей, сооружённых из белого мрамора, с каждой глыбой длиной в 20 и вышиной в 6 локтей, представляя собой гигантское творение самого царя Соломона. Хотя насколько именно Соломона? — неясно, как неясно и то, — что и как именно желали перестроить тут иудеи?

При всех случаях, Агриппа не решился браться за столь хлопотное, рискованное и затратное дело, связанное с разрушением столь грандиозной постройки, правильно возражая, что рушить легче, чем строить. И в качестве роскошно безопасной альтернативы предложил выложить-вымостить весь город белым мрамором. Оно и понятно: менее затратно и менее рискованно. Знал бы он и прочие, что всего через 6 лет и беломраморное великолепие храма, и мостившийся белым мрамором Иерусалим будут, залитые кровью, в огне и в руинах!

Тем временем, Флавий, поведав о делах храмовых, заканчивает 9-ю главу 20-й книги «Древностей» уведомлением о лишении Агриппой первосвященнического сана Иисуса, сына Гамалиила (при к-ром, напоминаем, были устроены школы для детей с 5/6/7-летнего возраста, плюс — бросавшиеся в Судный день деревянные жребии заменены на золотые), и о поставлении вместо него Матфия, сына Феофила, — «при к-ром началась война иудеев с римлянами» (7).

Это назначение Матфия Феофиловича (внука Анны Старшего), кто стал последним первосвященским назначенцем Агриппы, так как в конце 67г. революционные радикалы поставят на его место последнего в истории обреченного храма, первосвященника из народа (из Аронидов незначительных), — событие уже 65г. н.э., куда мы придём, поведав сначала о преемствовании римскому наместнику Альбину римского наместника Флора летом 64г.

АЛЬБИНА СМЕНЯЕТ ФЛОР

(лето 64г.)

Итак, читатель уже в курсе, что Флавий даёт гораздо менее отрицательную оценку деятельности Альбина в «Древностях», упрекая его лишь за концовку наместничества (9,5), нежели в «Войне», по к-рой, хуже Альбина был только его преемник Флор, и согласно к-рой, не было злодеяния, к-рого бы Альбин не совершил... (2,14,1) (см. выше). Тут и расхищение общественных касс, и ограбление частных

лиц из богатого сословия, и связанные с конфискацией имущества репрессии, и обложение народа дополнительными непомерными налогами. И, главное, — впервые задействованная Альбином, мало того, цинично поставленная им на конвейер корыстная практика отпущения на свободу преступников, в т.ч., или, в первую очередь, политических, точнее, уголовно-политических — из числа радикалов (типа Варавы и ему подобных), за соответствующий выкуп.

А, впрочем, спрашивается, почему бы и нет? Если радикалы похищают людей, требуя за их освобождение выпустить из тюрем своих соратников, как они, например, сделали это в первый год Альбинова наместничества, в осенний праздник Кушей 62г., похитив письмоводителя начальника храмовой стражи Елеазара (сына первосвященника Анании б. Небедея), то, что мешает прокуратору, ради получения денег, запрактиковать-запантетовать отпущение преступников из тюрем?!

Или — не пошёл ли в недавнем прошлом Феликс, открыв тем самым своеобразную зелёную улицу, когда ему понадобилось устранить неудобного первосвященника Ионафана, на небезвозмездное убийство последнего бандитами! Вот Альбин и решил, будучи циничнее Феликса, пойти ещё дальше, превратив освобождение разбойников в бизнес. Если Феликс первым апробировал сотрудничество с бандитами, для служак-наместников типа Пилата ещё неприемлемое, то Альбин начал на, в т.ч., бандитах обогащаться, — пусть ловя их, однако, оставляя, по Флавию, в тюрьмах лишь тех, к-рые не могли откупиться.

Всё это, понятно, быстро свело на нет кое-какие плоды имевших временный успех деяний, по наведению порядка и умиротворению сползавшей к хаосу страны в правление предшественника Альбина Феста, и очень поспособствовало радикалам в деле вербовки сторонников противоримского мятежа. Мол, — смотрите, что из себя представляет эта алчная и продажная римская власть! мол, — необходимо, вдохновляясь примером Маккавеев, подняться против неё и сбросить с себя языческое ярмо! мол, — времена приближаются-исполняются и повстанчеству покровительствует Господь Бог!

Люди, чем дальше, тем больше не видели выхода из тупика в сложившихся условиях, лишённые надежды искать защиты у разбойничьей власти, будь то римская или верхушечная иудейская, так как и та, и другая, каждая по своему разлагаясь, сойдя со всех тормозов, грабили народ. И понятно, что революционеры в создавшейся ситуации, к-рая перманентно ухудшалась, получили завидные козыри. Власти, имперская и национально-автономная, в лице их недостойных представителей, сами толкали людей в объятия пагубной революции, у к-рой, с др. стороны, представленной апологетами политического бандитизма и оголтелой тирании под маской и лозунгами свободы, не было ни лидеров, подобных Маккавеем, ни истинных маккавейских веры и идеи, ни каких-либо шансов на долговременный успех. Да и фанатики могут, как хорошо известно, победить только на первых порах, но они никогда не удержат победы. Да и Господь Бог был отнюдь не с ними — адептами политического мессианизма в пользу земного царства Израиля на земле.

И тем не менее, Флавий несколько утрирует из ряда вон выходящий негатив двух последних прокураторов, стараясь усугубительно переложить на них главную ответственность за произошедший в 66г. и вылившийся в кровопролитнейшую войну с жуткими для иудеев последствиями взрыв. Причём этим он хочет максимально снять ответственность как с себя (первоначально соучастника революции), так и, насколько возможно, с еврейства в целом (оправдывая свой народ в глазах и хозяина мира — Рима, и всей греко-римской Ойкумены, где после войны на иудеев смотрели, в лучшем случае, косо, вернее, на порядок косее, чем раньше).

Прокураторы Феликс, Альбин, Флор, конечно, были плохи и даже из рук вон плохи, каждый последующий (за исключением Феста) хуже предыдущего, олицетво-

ря собой как острый прогрессирующий кризис Принципата закатных Юлиев-Клавдиев, с его (противозеркальным Голгофе) синдромом *кесарева безумия*, так и кульминационный декаданс последнего представителя юлианско-клавдианской династии — Нерона, с деградацией к-рого в 60-е гг. Ив. навстречу собственной и династической гибели, и Альбин, и Флор шли-маршировали весьма в ногу (левой, левой, левой).

Но, повторяем в к-рый раз, основная причина смертного противостояния Рима и Иудеи, поэтапно нараставшая, можно сказать, с конца старой эры и особенно с 1г. н.э., по смерти (виртуозного посредника между Римом и Иудеями) Ирода, была глубинно связана с Событием Голгофы (1/1 — 33г.) и с комплексным рядом других глубоких причин, с несовместимостью императорского интегрально-космополитического (универсалистского) Рима и мессианистического, ставшего с 33г. постмессианистическим, религиозно-националистического (партикуляристского) еврейства при консолидировавшем оное и Землю Обетования Иерусалимском храме, к-рый, как и всё второхрамовое еврейство, просуществовав до 70г., на 37 лет пережили себя. И хотя тот же Рим ещё долго будет не менее нетерпим к христианам, впервые (пока не окончательно и не фундаментально) отделив их от иудеев в 64г., именно ветхозаветному еврейству Иерусалима/Иудеи и Риму на означенное время, под одним державно-территориальным солнцем, как метрополии и какой-либо автономии, больше не было места.

Иерусалимский храм мог просуществовать после Крещения Иисуса в январе 30г. и наступления юбилейного *лета Господня благоприятного* осенью 30г. (начало 30-го юбилейного круга) всего 40 лет, а Иудеи после весенней Мистерии Голгофы 33г. могли смертно не воевать с римлянами, когда раз за разом убийственное столкновение (коса на камень; стенка на стенку) откладывалось-затягивалось, ещё не более 33-х лет. И это спасло становящееся христианство, успевшее за данное время необходимой отсрочки выйти за пределы Св. Земли, освоить Ойкумену и освоиться в Ойкумене, чтобы вырасти в мировую религию и в ойкуменическую христианскую Церковь, больше всех для становления к-рых сделал из Апостолов именно Ап. Павел.

Между тем, летом 64г. Лукция Альбина в Иудее сменил, как сказано, Гессий Флор. Напомним, Альбин заступил на вахту, прибыв из Александрии (где он был префектом *castrorum*?) на смену умершему в феврале/марте в должности Порцию Фесту, в апреле/мае 62г., отозванный на 3-м году наместничества, тогда как Флор вступил в должность не ранее лета 64г., поскольку на 2-м году его наместничества, в мае 66г., разразилась Иудейская война, точнее, возымел место её раторбно кровопролитный первый акт (см. выше и ниже).

Этот Флор был, согласно заключительной главе «Древностей», по происхождению, грек из Клазомен⁴⁸, «и привёз с собой свою жену Клеопатру, бывшую в дружбе с женой Нерона, Поппеей. Клеопатра несколько не отличалась от последней своей испроченностью. Благодаря Поппее Флор и достиг своего назначения» (20,11,1).

Так, по иронии судьбы, именно покровительствовавшая иудеям и иудаизму

⁴⁸ Клазомены — эллинистический город в северной Ионии, в римской провинции Азия, на южном берегу Смирнского залива (севернее Эфеса). В древности был тесно связан с Дельфами — местонахождение сокровищницы клазоменцев, к-рые в начале Vв. до н.э., из страха перед персами, частично переселились на соединённый с материком плотиной прибрежный остров. Позднее — в Аттическом морском союзе; 412г. — отпадение от Афин; с 386г. и до похода Александра — под персами. Большой известностью в античном мире пользовались как живописно украшенные клазоменские саркофаги (VI/Vвв.), так и красочно оснащённые-разукрашенные мифологическими сюжетами, с изображением зверей, птиц, танцующих сатиров и т.д., клазоменские амфоры (восточно-греческая керамика).

Поппея Сабина (по очень вероятной вине к-рой, ответственность за пожар Рима в 64г. была возложена на впервые отделённых римской властью от иудеев христиан) поспособствовала назначению в том же 64г. (незадолго до июльского римского пожара) в Иудею Флора, к-рый вскоре сделал всё для начала войны иудеев с римлянами.

Притом он удержался на посту и после гибели в 65г. Поппеи, к-рую, как видим, в частности, на флоровском примере, можно назвать «прозелиткой врат» (уж не говоря о «прозелитизме правды) – либо условно, либо с большой натяжкой. Иудаизм был для неё экстравагантной ориентальной экзотикой и в истовые еврейки она, выхлопотавшая у никудышного кадровика Нерона для мужа своей товарки доходное прокураторское место в Иудее, не стремилась, или как минимум не слишком спешила.

В то же время, вероятно, Альбин надеялся задержаться в Палестине (имея перед глазами пример наместнического должителя Феликса) подольше, что, к его предположительной досаде, не выгорело. И потому, следуя Флавию, узнав о прибытии преемника, он решил запечатать своё наместничество следующим образом: «велел предать казни всех арестантов, к-рые заслужили смерть, а тех лиц, к-рые сидели в тюрьме по менее значительным причинам, освободил за известную сумму денег. Таким образом, тюрьма, правда, опустела, зато страна наполнилась разбойниками» (И.д. 20,9,5).

Следовательно, Альбин пожелал, во-первых, покинуть Иудею с, в преддверии отчёта в Риме, навёрстанным в конце имиджем принципиального борца против политического и уголовного бандитизма; во-вторых, раздосадованный отставкой, он решил максимально усложнить-осложнить жизнь своему (фаворитарному) преемнику. И это ему, надо сказать, удалось.

При всём том, если, по Флавию, не было, как уже говорилось, злодейства, к-рого Альбин бы не совершил (И.в. 2,14,1), то ниже выясняется, что вскоре он оказался или казался-показался образцом добродетели в сравнении со сменившим его Флором (2,14,2). «Флор настолько злоупотреблял своей властью и позволял себе такие насилия, что иудеи в своём крайнем горе вспоминали об Альбине как о благодетеле» (И.д. 20,11,1). Ибо, если Альбином ещё скрывалась его гнусность посредством соблюдения кое-каких внешних рамок приличия, «чтобы не уронить себя окончательно» (11,1), то беспредел Флора, чувствовавшего за собой плечо-покровительство *первой леди* – Поппеи, и не прекратившего беспредельничать после её смерти, попрал все границы.

ПАГУБНОЕ ПРАВЛЕНИЕ ФЛОРА

(64 – 66гг.)

Возвратившийся из Рима, где он, как мы выяснили, провёл зиму 63/64гг., весной/летом 64г. Флавий свидетельствует, что на момент его возвращения иудеи были охвачены революционным брожением и повстанческими настроениями в куда большей мере, нежели когда он (осенью прошлого года) страну покидал. Не мудрено, во-первых, приверженцы двух первосвященников, отставного (Иисуса б. Дамнея) и действующего (Иисуса б. Гамалиила), форменно сражались (паписты и антипаписты) на иерусалимских улицах; во-вторых, иудеев вдохновляло на вожделенную свободу окончание строительства храма; в-третьих, революцию всячески приближали Альбин и много больше, с лета 64г., его преемник Флор.

По «И.в.», отбросив все ещё соблюдавшиеся Альбином предосторожности, он, выставляя свои преступления напоказ, – «позволял себе всякого рода разбои и

насилия, и вёл себя так, как будто его прислали в качестве палача для казни осуждённых. В своей жестокости он был беспощаден, в своей наглости – без стыда. Никогда ещё до него никто не умел так ловко опутать правду ложью и придумывать такие извилистые пути для достижения корыстных целей, как он. Обогащаться за счёт единичных лиц ему казалось чересчур ничтожным; целые города он разграбил, целые общины он разорил до основания и немного не доставало до того, чтобы он провозгласил по всей стране: каждый может грабить где ему угодно с тем только условием, чтобы вместе с ним делить добычу. Целые округа обезлюдели вследствие его алчности; многие покидали свои родные жилища и бежали в чужие провинции» (2,14,2).

Т.е. ограбление общественных касс, состояний частных лиц и налоговый грабёж, при игравшем по крупному Флоре, на порядок превзошли давешние альбиновские злоупотребления, а с уголовно-политическими бандюганями разного рода (многих из к-рых освободил уходящий Альбин, что дополнительно дестабилизировало обстановку) он договаривался куда откровеннее, ставя во главу угла неременный делёж добычи с ним, и взамен на это крышуя разбойников. И очень характерен факт доведения предоставленного произволу, с одной стороны, власти, с другой, – бандитов, населения до такого отчаяния, что многие выселялись из страны, ищущи убежище в других языческих провинциях, в диаспоре, чего при прежних прокураторах, и даже при Альбине не было. (Во всяком случае, Флавий о какой-либо массовой эмиграции иудеев в пору их правления, на протяжении времени всего прокураторского режима, – 6 – 41 и 44 – 66гг. – молчит.)

Причём, если в «И.в.» после этого (частично усугубительного) описания перелестнувших через край безобразий Флора основной рассказ о вскоре вспыхнувшей Войне только начинается, то писавшиеся в 80 – 93/94гг. «Древности» (гипертрофированными) флоровскими художествами, за к-рыми следует эпилог монументального двадцатикнижного труда, завершаются, подводя читателя к главному рассказу написанной до «Древностей», ок. 75 – 79гг., «Войны».

«...Флор кичился своими беззакониями относительно нашего народа, как будто бы он был прислан лишь для выказывания своей испорченности: он не упустил ни одного случая, где он мог грабить или обижать людей. Чувство жалости было недоступно ему, и его любостяжание было прямо ненасытно, так что он не делал различия между большим и малым, но делил свою добычу с разбойниками. Большинство последних действовало смело, потому что могло быть уверено в безнаказанности со стороны наместника, к-рому за это уделялась часть награбленного. Однако это было ещё не всё. Так как несчастные иудеи не могли долгие сносить грабежей разбойников, то они видели себя принуждёнными отказаться от своих привычек и массово выселяться, думая найти убежище где бы то ни было среди иноземцев. Чего же ещё больше? Флор был тем, кто принудил нас начать войну с римлянами, так как он держался того мнения, что лучше гибнуть многим зараз, чем умерщвлять немногих отдельных лиц. Эта война началась во 2-м году наместничества Флора и на 12-м году правления Нерона» (И.д. 20,11,1).

Удостоверьтесь воочию, ключевая мысль Флавия в принуждении *мерзавцем мерзавцев* Флором иудеев начать (ни больше, ни меньше) войну с римлянами, чем, скажем снова, ответственность за войну самих иудеев, по возможности, смягчается, и, стоит добавить, максимально снимается Флавием с самого себя, кто ведь тоже полначалу, в 29-летнем на 66г. возрасте, был (умеренным) революционером, всячески селясь отрекомендоваться задним числом приверженцем революции сугубо поневоле. В реальности же – не настолько сугубо, ибо он первоначально тоже страдал кипением революционного дерьма в задку, к-рое казалось ему кипением (под звуки «Марсельезы» и «Интернационала») праведной крови, от чего уже не

Иосиф б. Маттафия, но именно Иосиф Флавий в дальнейшем, насколько мог, открещивался.

А за креатуру Поппеи и Нерона, Флора, конец к-рого неизвестен и к-рый был смещён где-то во второй половине 66г., о чём в «Войне» нет ни слова (т.е. насильственно он не кончил, иначе Флавий об этом упомянул бы), позднее, — когда, при весьма благоволивших к Флавию Флавиях, Веспасиане, Тите, Домициане, писались «Война» и «Древности», и когда большинство бед недавнего прошлого безразборно приписывались исчадию ада Нерону, — уже некому было заступиться.

И независимо от того, был ли пресловутый Флор в пору написания «Войны» и «Древностей» ещё жив или уже нет, хотя, скорей всего, — нет, его вполне можно было делать в эпоху принципата Флавиев первым виновником Иудейской войны, что, разумеется, не так, или, по крайней мере, далеко не совсем так. Правда, для собственно вспышки 66г., к-рая, раньше ли, позже ли, была, как и всё, что случилось за ней, так либо иначе, неминуема, он действительно сделал своим мародёрским правлением предельно много.

Тем временем, касаемо флавиевской хронологии начала роковой войны, 2-й год прибывшего в Иудею, о чём говорилось выше, летом 64г. Флора, как и 12-й год, преемствовавшего Клавдию в октябре 54г. Нерона, это — 65/66гг. Или, точнее, как уточнительно явствует из Флавия в «И.в.» дальше, это 16-е число месяца Артемисия (2,15,2), к-рый сам Флавий считает месяцем начала Войны, датируя её события (в книге для ойкуменического читателя) названиями принятых в восточной части Римской империи и, соответственно, более известных грекоязычному читателю, нежели названия иудейские, месяцев сиро-македонского календаря. Артемисий = Ийяр = май. Т.е., по Флавию, исчисляющему самое начало Войны, вернее, её первый акт, с первого римско-иудейского кровопролития, Война началась в мае 66г.⁴⁹ Однако, не будем торопиться.

⁴⁹ Собственно сиро-македонский календарь (Антиохия), с месяцами в 30/31 день, шёл в приблизительно параллельном месячном ритме с юлианским (к-рый и в Сирии, и в Палестине тоже не находился в безнадёжном офсайде). Параллелизировал ли Флавий свои даты с иудейским лунным календарём, выравнивая его (вставные раз в 2/3 года) 13-е високосные месяцы (в 66-70гг. — 67 и 70гг.) и давая только названия месяцев по сиро-македонскому календарю? — вопрос. Вероятно, — да, по крайней мере, — большую часть дат, и ниже мы в этом наглядно-дказательно удостоверимся. Тем не менее, приводимые им даты можно (оставляя некоторый предел колебаний) синхронизировать (при отсутствии необходимости выявлять иудейский календарь) с юлианским календарём, если нет каких-либо дополнительно-уточнительных хроноориентиров, в пределах месяцев или полумесяцев, или декад, без обязательной прецизации чисел. Притом, если в 66г., когда 15-е нисана пришло на 28/29.03., дифференция между датами по иудейскому и сиро-македонскому календарям составляет ок. полумесяца (т.е. даты по сиро-мак. календарю на полмесяца впереди), то в 67г., когда иудейская Пасха пришла на 17.04., разница (в пару дней) между датами минимальная.

В Антиохии Сирийской Новый год начинался с 1 октября = 1 Гиперверетая. Впрочем, есть мнение и о старте с 1.11. (RE 10, Kalender, S.1595), к-рый, подвопросно был (или не был) принят позже, тогда как в середине Vв. н.э. антиохийцы перешли на старт с 1.09. Или Новый год в Тире, использование календаря к-рого (в нескольких случаях) Флавием также предполагают, согласно RE (10, 1595), начинался 18.11; согласно Шюреру (1,775-60: «Grundzüge des jüdischen Kalenders», Beilage III), — 19.10.; Газа и Аскалон у Шюрера — 28.10.; в RE — Газа — 28.10., Аскалон — 27.11. У Э.Бикермана в «Хронологии древнего мира» Газа — 1-го горпайоса; Аскалон — 1-го лооса (с.44/45). Интересно, что Шюрер, правильно оппонировав многим по поводу того, что Флавий приводит даты по иудейскому календарю, при сиро-македонских названиях месяцев, сам предпочитает приводить юлианские эквиваленты македонского календаря в пределах месяцев, не рискуя или не удосуживаясь уточнять датировки согласно иудейскому календарю.

По первооктябрьскому сиро-антиохийскому новому году: Гиперверетай — октябрь (его не всегда точный, буде Флавий хочет воспроизвести дату иудейского календаря, иудейский

Ещё раньше, к концу марта 66г., в Иерусалим — «перед наступлением праздника опресноков» (2,14,3) наведаясь в сопровождении злополучного Флора, что стало преамбулой-прелюдией скорого мятежа, знакомый нам легат Сирии (с 63г., когда он сменил Корбулона, сосредоточившегося из Каппадокии на Армении и римско-парфянских делах) Г.Цестий Галл. Повторим, иудейская Пасха 66г. выпала на 28/29.03. (14/15 нисана); дни опресноков — 29.03. — 4.04. (15-21 нисана). И стало быть, поскольку в тексте говорится о прибытии Цестия и Флора перед наступлением праздника (Пасхи или опресноков), значит, они прибыли в Иерусалим в дни до 28.03.⁵⁰

МУЧЕНИЧЕСТВО ИАКОВА АЛФЕЕВА

(март 66г.)

Засим из, в частности, вышесказанного ясно, что убийство Иакова Алфеева, о чём мы беседовали выше, оставляя точную дату, вернее, её мартовско-апрельскую прецизацию, под некоторым вопросом, буде оно произошло на территории храмового комплекса, в одном из внешних Притворов — Израэлитов, Женщин или Язычников, вряд ли случилось (по аналогии с казнью Иисуса) в самый канун праздника = 29.03. = 14 нисана (когда в Иерусалиме находились Цестий и Флор). Т.е. этот праздничный канун более приложим (если уж его вообще учитывать-прилагать) к каменованию Иакова Праведного в апреле 62г., когда 14-е нисана пришлось на 11.04. (что, будучи очень возможным, тоже необязательно, так как это инициированное Анной Младшим, по приговору синедриона, каменование вполне могло случиться где-то в первой декаде апреля) (см. выше).

Отсюда вероятная дата мученичества Иакова Младшего/Меньшого (= Алфеева) мартовские дни 66г. — как до Пасхи, так и до приезда в Иерусалим (из Антиохии Сирийской через Кесарию Палестинскую) сопровождаемого Флором Цестия (или теоретически — апрельские дни после дней опресноков и отъезда начальственных римлян, но до вторичного отмстительного прибытия Флора в конце апреля, что, правда, на наш взгляд, менее акцептабельно). И Иисус, и три Иакова, — Старший (Зеведеев), Праведный (брат Господень), Младший (Алфеев), — причём мученичества двух последних Иаковых подчас неотделимо наложились в памяти христиан, в церковном и в апокрифическом предании, одно на другое, — пострадали (кто раньше, кто позже) перед Пасхами 33, 44, 62 и 66гг.

Таким образом, Иаков Алфеев погиб как раз в те мартовские дни 66г., когда (прибывший из Никополя в Италию) Павел доработал и, м.б., уже отправил из

синхронизм в «И.в.» — месяц тишири, к-рый в синхронизации иудейского календаря с юлианским есть, как читатель знает, — сентябрь/октябрь); Дий — ноябрь (мархешван); Аппелай — декабрь (кислев); Авданай — январь (тевет); Перитий — февраль (шеват); Дистр — март (= адар, после к-рого в високосные иудейские годы вставляется 13-й месяц — адар 2 = ве-адар); Ксантик — апрель (нисан); Артемисий — май (ийяр); Даисий — июнь (сиван); Панем — июль (таммуз); Лоос — август (ав); Горпайос — сентябрь (элул).

16-е число месяца артемисий в проекции на иудейский календарь даёт в 66г. день 29.04. по юлианскому календарю. 16 артемисия Флор устроил побоище в Иерусалиме, в ближайšie дни за к-рым последовали первые кровавые столкновения. Следовательно, если у Флавия эта дата приведена в соответствии с иудейским календарём (при сиро-македонском названии месяца), то первый акт Войны датируется началом мая; если же на повестке дня синхронизм юлианского календаря, то — серединой мая (см. ниже).

⁵⁰ В оккультном ритме 32-х лет и ок. 3-х месяцев = на 33-й год от Рождества, в период Пасхи, свершается то, что закладывалось за 32 года и месяцы до этого — на Рождество (Р.л. 1339). В Рождество 33г. н.э. имело место каменование Первомученика Стефана. После Пасхи 66г. разразилась Иудейская война.

Италии своё знаменитое Послание к Евреям. Но сейчас мы не будем подробно рассказывать о мученичестве третьего Иакова (Р.л. 1319045; Д.И. 189-96; Т.Г. 446-48), рассмотренном нами выше, в контексте каменования в апреле 62г. Иакова Праведного, считая необходимым повторить лишь некоторые, в русле хронопостествования, основные моменты и издревле спорные нюансы.

Вспомним, что, начиная со Пв. н.э. Гегесипп, или гностический «Апокалипсис Иакова», а затем отталкивающиеся от Гегесиппа Климент Ал., Ориген, Евсевий, Иероним и многие другие, по сегодняшний день, смыкают Иакова Алфеева с Иаковом, братом Господним. Итак, повторяем, по известному преданию через Евсевия («И.Ц.» 2,23,1-3; 9/10; 12-14-18), от Гегесиппа и Климента Ал., к чему присоединяются Ориген (по-своему) и потом Иероним («О знаменитых мужах» 2,13) (см. выше): «книжники и фарисеи пошли к Иакову и попросили его в день Пасхи встать на крыло храма, поднявшись на кровлю, и объявить, что уверовавшие заблуждаются, ибо распятый Иисус не есть Христос». В ответ Иаков, взойдя на кровлю, дал исповедание веры, был сброшен вниз, внизу каменован до полусмерти, и, когда он, едва живой, молился на коленях за своих мучителей, добит ударом скалки суконщика.⁵¹

Ясно, что в приведённом виде-облике рассказ мартирологически стилизован, частично мифологизирован, легендаризирован, однако это не означает, что Иаков Алфеев не мог, по инициативе, на сей раз радикальных книжников и фарисеев, часть к-рых, без сомнения, не терпели христиан, не приводимый ни в какое собрание и не судимый, не приговорённый никаким судом (в отличие от разносуждённых юридически — Иисуса, или Иакова Зеведеева, или Иакова Праведного), быть убит в результате тумултарной расправы. И подстрекательство к этой расправе охотно подхватила крайне наэлектризованная перед началом войны фанатичная толпа, возбуждённая к тому фарисейскими антагонистами христианства, более того, возможно, именно внутри храма, и скорее, в мужском притворе Израэлитов, нежели в притворах Женщин или Язычников.

К тому же, в подобном или в похожем убийстве на территории храмового комплекса нет ничего невозможного. Не был ли забросан-побит камнями, предположительно, в притворе Израэлитов, в 80г. до н.э., по инициативе царя Иоаса, сын первосвященника Иодая — пророк Захария! Или не был ли убит в 1г. н.э. аж в Священском притворе, между жертвенником и храмом, отец Иоанна Крестителя — священник Авиевой чреды Захария! Да и не был ли совсем недавно, в 58г. н.э., чуть не растерзан в храме Ап. Павел!

И пусть рассказ с кровлей кажется менее правдоподобным, тем не менее, и тут,

⁵¹ По Евсевию в «И.Ц.» 2,23,1-3, (после того как Павел потребовал кесарева суда и отправился в Рим) Иакова, брата Господня, к-рого Апостолы возвели на иерусалимский епископский престол, иудеи, воспользовавшись смертью Феста, привели в собрание и потребовали, чтобы он перед всем народом отрёкся от веры во Христа, в ответ на что он произнёс исповедание веры, после чего его убили. И только далее следует ссылка на Климента, ссылающегося на Гегесиппа, по поводу того, что Иаков был сброшен с крыла храма и забит до смерти скалкой. Обратите внимание, как два события сливаются в одно. Если приведение в собрание и последующее убийство (после отъезда Павла в Рим — 60г., и в пору по смерти Феста — 62г.) явно разумеют синедриональную расправу над Иаковом Праведным в 62г., то в слове о кровле храма и низвержении Иакова, добитого внизу скалкой, речь идёт об убийении Иакова Алфеева в 66г., о чём говорится и ниже в 2,23,9/10; 12-14-18, где сказано об обращении к Иакову книжников и фарисеев с настоянием сказать (в день Пасхи) с храмовой кровли слово к народу о лжемессиианстве Иисуса, вслед за чем следуют исповедание Иаковым веры, его низвержение и убийство. Здесь, кроме «дня Пасхи», более приложимого к Иакову Праведному, в остальном в объективе Иаков Алфеев (к-рых и Гегесипп, и Климент, и Ориген, и Евсевий, и Иероним, пусть не все одинаково, путают-смешивают-смыкают) (см. выше).

на наш взгляд, может воспроизводиться (приукрашенная) реальность, связанная, если не с кровлей самого храма, то с кровлей одного из многочисленных внутрихрамовых строений. И при этом не следует забывать, что казнь посредством каменования нормативно требовала сначала сбросить деликвента с определённой высоты, уже после чего его (всем обществом) забрасывали-побивали камнями. И хотя проливать человеческую кровь в храме, естественно, не полагалось и запрещалось, в случае, когда речь идёт о стихийной расправе, о натуральном линчевании, говорить о соблюдении каких-либо обязательных в обычных условиях юридических норм и предписаний не приходится.

С др. стороны, обстановка в Иерусалиме и Иудее 66г. была, снова заостряем внимание, предельно накалённой: не вскоре ли из искры разгорится всепожаряющее пламя! И потому в этой болезненной атмосфере (смертельно больная аура) очередной спонтанный конфликт ветхозаветников с иудеохристианами, жертвой к-рого, в этот раз, сделался, незадолго до Пасхи, Ап. Иаков Младший, без всяких преувеличений, очень даже представим.

* * *

Посему, если Иаков Старший – один из 12-и, погиб, открыв список великоапостольских мучеников, до Пасхи 44г., обезглавленный Иродом Агриппой, а предстоятель Иерусалимской христианской общины Иаков Праведный (Апостол от 70-и) был каменован накануне Пасхи 62г., по инициированному Анной Младшим синедриональному решению большинства (не поддержанного меньшинством), то Иаков Младший, тоже Большой Апостол из круга 12-и, погиб, м.б, сброшенный с кровли одного из храмовых строений, потом заброшенный камнями и добитый скалкой неистового фанатика, в дни перед мартовской Пасхой рокового для Иудеев именно 66г. н.э.

Т.е. налицо иерусалимское мученичество за 22 года трёх Иаковых, – в 44, 62, 66гг. Иаковитский не дуализм, но триализм, поскольку речь, несмотря на многовековую упрощенческую путаницу и упростительные накладки, должно вести именно о трёх первоапостольских Иаковах – Зеведее (= Старшем), Праведном (= брате Господнем) и Алфееве (Младшем), при обязательном разотождествлении погибших с разницей в 4 года двух последних – Иакова Праведного и Иакова Алфеева.

И, как мы знаем, все они – братья Господни. Иаков Старший – сын рыбака Зеведея и Саломии – двоюродной сестры родных сестёр – Марии Старшей – Матери Иисуса Соломонида, и Марии Младшей – Матери Иисуса Нафанида. Соответственно, он троюродный брат Иисусов – Соломонида и Нафанида по материнской линии.

Но сейчас нам важно снова сосредоточиться на Иаковах – Праведном и Алфееве. Если первый (родной мл. брат умершего в 14г. н.э. Иисуса Соломонида) – сводный и двоюродный брат Иисуса Нафанида, ибо их матери, Мария Старшая (к-рая, по успению мл. сестры, вошла в дом вдового Иосифа Нафанида) и Мария Младшая, родные сестры, то второй – Иисусов – двоюродный брат по отцу, ибо Алфей = Клеопа есть родной мл. брат (Плотника-Тектона) Иосифа Нафанида (мужа жребия Мелхиседекова), и троюродный брат по матери, ибо мать Иакова Младшего – Мария Клеопова (родная сестра Саломии) – была двоюродной сестрой Марии Вифлеемлянки и Марии Галилеянки. Т.е. Иаков Праведный (родной сын Иосифа Соломонида и Марии Старшей) и Иаков Алфеев (сын Клеопы-Алфея и Марии Клеоповой) – троюродные братья по материнской линии.

Поди разберись, поди не запутайся, поди избегни накладок при ретроспективной оглядке назад во времени, при нагромождении преданий и легенд, тем паче, что

все три Иакова, и особенно двое последних (так как Иакова Зеведеева с ними трудно спутать), мученически погибших с разницей всего в 4 года, перед большой войной, при отчасти сходных-похожих обстоятельствах, — братья Господни! И тем паче, что человеческая память оперирует знаковыми символами, весьма склонная сводить dua к mono, уж не говоря о сведении tria к dua!

Продолжаем вспоминать-освежать давно и недавно пройденный материал. Отец Иакова Младшего Клеопа = Алфей состоял с Марией Клеповой (находилась при кресте Иисуса в день Распятия) не в первом браке, имея от первого брака (имя супруги неизвестно) сыновей — Симеона и Апостола-Евангелиста Матфея, родившихся в последнем десятилетии старой эры. Именно Клеопа и, видимо, его сын Симеон были теми еммаусскими путниками, к-рые по дороге в Еммаус в светлый воскресенский день 5.04.33г. встретили отнюдь не сразу узнанного ими Иисуса. И это именно Симеон (Алфеев) после мученичества в 62г. Иакова Праведного сделался предстоятелем Иерусалимской церкви (предстоятельским главой к-рой Иаков Младший никогда не был), к-рую он возглавлял ок. 45-и лет, до своего мученичества в застолетнем возрасте, ок. 107г. н.э., при Траяне.

Во втором же браке у Клеопы-Алфея родились от Марии Клеповой в первом десятилетии н.э. два сына — Иаков Меньшой (Алфеев) и Иосия. И если Иаков родился ок. 5/6г., чему ничего не препятствует, то, значит, на момент мученичества в 66г. ему было ок. 60-и лет, сродни Иакову Праведному, к-рый родился во 2г. н.э., в 62-м г., что аналогично поспособствовало дальнейшей накладочной путанице двух Иаковых, — оба ок. шестидесятилетние братья Господни.

Далее, в мае/июне 31г., Иаков Алфеев стал, по избранию Господа, одним из 12-и Больших Апостолов (одним из к-рых Иаков Праведный не был, уверовав в Иисуса после Его Воскресения), сопровождал Христа в числе других Апостолов, был 2.04.33г. на Тайной Вечери и потом в Гефсиманском саду, 5.04. — на Воскресенской Вечери первого явления Воскресшего кругу 12-и в Сенакле; затем — был при Большом Вознесении 14.05.; затем — в Пасхальной горнице между Вознесением и Пятидесятницей (с чего начинается благовествование Д.Ап.); и наконец, — находился в кругу Апостолов в знаменательный духосощественный день Пятидесятницы-Троицы — 24.05.33г.

Апостольский перечень в 1-й гл. Д.Ап. — заключительное упоминание Иакова Алфеева (1,13) в Книгах Нового Завета, при том, что и от преданий-апокрифов в его вопросе, в связи с накладкой на него Иакова Праведного, к-рый Палестину в 33 — 62гг. (по всему) не покидал, мало пользы. Хотя сохранились кое-какие апокрифические сведения о его проповеди в палестинской Газе и в ближнем к Палестине Египте, чем мы в «Т.Г.» (446-48) удовлетворились, высказав в нашей нынешней книге предположение, что если какой-то из Иаковых побывал в Испании, то это мог быть только Иаков Алфеев, поскольку чтимый в качестве патрона испанскими христианами Иаков Зеведеев кончил мученически слишком рано — в 44г. Тогда ещё ни один из Апостолов, ойкуменически разошедшихся из Иерусалима-Палестины в 45г., за близине к Палестине региональные пределы не выходил, и тем более не бывал в далёкой приатлантической Испании, где, с др. стороны, Иаков Алфеев, всё-таки, мог побывать (опять — ничего невозможного!) ещё до Ап. Павла, (через Египет, Африку, Мавританию, придя на Пиренейский п-в с юга?) во второй половине 50-х гг. (будучи впоследствии преображён памятью испанцев в более известного, в сделавшегося знаменем героической Реконксты Иакова Старшего).

При всех случаях, в 60-е гг., неясно с каких пор именно, Иаков Алфеев вновь обретался в Палестине, м.б., придя (из Египта?) поддержать общину своим апостольским авторитетом после убиения в апреле 62г. Иакова Праведного, по возглавлении иерусалимских христиан-евреев сводным-единокровным братом Иакова

Клеопова-Алфеева — Симоном Клеоповым-Алфеевым. И вот в марте 66г. Иакову Алфееву также пришлось принять венец мученичества.

Притом весьма примечательно, что если главным иудейским антагонистом Иисуса был в 33г. первосвященник (18 — 36г.) Каиафа — зять Анны Старшего, т.е. главы первосвященнического клана Анана (к которому взятого под стражу в Гефсимании Иисуса привели на допрос до допроса у Каиафы), а каменование Иакова Праведного инициировал в 62г. мл. сын Анны Маиог Анна Minor (первосвященник с января по апрель 62г.), то Иаков Младший/Меньшой (Алфеев) пострадал — 66г. — в первосвященство (65 — 67г.) внука Анны Старшего — Матфия, сына Феофила (первосвященника в 37 — 41г.). Представители трёх поколений аронидско-первосвященнического клана Анны против трёх братьев Давидидов — Иисуса Христа, Иакова, брата Господня, и Иакова Алфеева!⁵²

ПЕРВЫЕ РИМСКО-ИУДЕЙСКИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ

(апрель/май 66г.)

Итак, в «И.в.» 2,14,3 Флавий повествует о прибытии в Иерусалим сирийского легата Цестия Галла в сопровождении Флора перед наступлением праздника Пасхи (28/29.03.) 66г. И, по их прибытии, Цестия окружили массы (иерусалимлян и

⁵² Можно возразить или задаться вопросом: почему об этом иерусалимском событии перед самой Войной молчит Флавий? Во-первых, Флавий, так сказать, не совсем молчит. Ведь Ориген читал какой-то отличный от имеющегося в нашем распоряжении флавиевский (или псевдо-флавиевский) текст, где убийство Иакова непосредственно предшествует Войне и связывается с ней, соответственно чему, речь должно вести об убийстве 66-го г., на к-рое в смысле даты упирают также Гегесипп, Климент, Евсевий... Т.е. с Флавием не всё так ясно и просто, пусть даже в доступном нам тексте «Древностей» убийство Иакова, брата Иисуса, в первосвященство Анны Мл. (62г.), за 4 года до Войны, с Войной никак не связывается.

Однако, попробуем подойти к воспе не невозможному умолчанию Флавия без всяких текстуальных неясностей. Иаков Мл. не пользовался столь высоким авторитетом и известностью в иудейской ветхозаветной среде, как не покидавший Иерусалим и регулярно молившийся в храме строгий молитвенный назирей Иаков Праведный (родной сын знатного Иосифа Соломонида), и Флавий мог не упомянуть об Иакове Мл., не сочтя упоминание этой личностельско бессудной расправы (каких тогда, в пору нарастающего хаоса и бандитского беспредела, было немало) необходимым или обязательным. Или Флавий смолчал о ней (замолчал её) умышленно (как он конъюктурно молчит о многом из того, что не вписывается в его схемы, либо — меняет в угоду своим заведомым схемам небеспредпосылочного историописания). Ведь львиная доля ответственности за Иудейскую войну возлагается-перевозлагается им на злыдня Флора, в то время как бессудное убийство Иакова (одного из Иаковых) перед самой войной, да ещё инициированное однопартийными Флавию фарисеями со книжники, да ещё в храме, придаёт началу войну иной (махрово) противоиудейский (и, волей неволей, частично оправдывающий Флора) вектор-привкус (за к-рый цепляются позднее церковные авторы).

Плюс к тому, кто знает, не инкриминировал ли Флор иудеям эту бессудную расправу-самосуд (на к-рую, как и на казнь по суду синедриона, без утверждения приговора римским прокуратором, иудеи однозначно не имели права) в присутствии Цестия, когда прибыл с ним в Иерусалимом перед Пасхой (?), в каком случае, буде это было или могло быть так, Флавию, наипаче, надлежало обо всём этом глухо смолчать.

Или же всё очень просто: не сделался ли сам Флавий (не являясь персональным свидетелем расправы над Иаковым Алфеевым в марте 66г.), завершая «Древности» аж в 90-е гг. Ив., через 25-30 лет после мученичеств Иакова Праведного и Иакова Алфеева, в Риме, первой жертвой ретроспективной накладки двух Иаковых, двух ок. 60-летних братьев Иисуса, одного, более известного (Иаков Праведный), на другого, менее известного (Иаков Алфеев), — в пользу (естественно) более известного и более запомнившегося (линия, — сведением двоицы к единице, — в разной мере, продолженная во Пв. Гегесиппом, гностическим «Апокалипсисом Иакова» и в последующем др. христианскими авторами-источниками)?!

стекающихся в Город на праздник паломников) иудеев (согласно известному количественно-числовому гиперболизатору Флавию, — не меньше 3-х млн. чел.), — «со слёзной мольбой сжалиться над изнемогающей нацией и освободить её от Флора, губителя страны», к-рый стоял возле Цестия и на ропот против него отвечал язвительными насмешками.

При этом, удивительно, что за всё предшествующее время иудеи ни разу не снарядили к Цестию в Сирию посольство с жалобой на Флора, безобразничавшего по нарастающей, следуя Флавию, с начала своего наместничества летом 64г. Т.е., судя по степени флоровского беспредела, иудеи на весну 66г. должны были бы отправить жалобщиков не только в Антиохию, к старшему рангом сирийско-консульскому региональному кесарскому легату, но и к самому кесарю, чего они почему-то (ни синедристы, ни Агриппа) до сих пор не сделали. И если в пору здравствования покорительствовавшей Флору Поппеи Сабини, убитой Нероном не позднее мая/июня 65г., такое поведение иудейских верхов, как и самонадеянность уверенного в своей безнаказанности Флора, понятны, то приложительно к весне 66г. они наводят на размышления.

Спрашивается — какого лешего иудеи (например, в 32г. решительно снарядившие жалобщиков к Тиберию на менее одиозного Пилата) не жаловались? Не верили в заступничество высоких римских инстанций-чинов при Нероне? С одной стороны, — да, не верили; а с другой, — можно предположить, что и после Поппеи Флора опекал Тигеллин или сам Нерон, о чём еврейская верхушка (через имевшего связи при дворе царя Агриппу) была осведомлена, из-за чего жалоба наверх виделась бесперспективной и могущей лишь усугубить положение.

Хотя, когда Цестий заявился в Иерусалим, его окружили в основном просторонародные жалобщики, в отличие от конъюктурной элиты не столь сдержанные, но лишённые возможности снаряжать какие-либо депутации без поддержки минимум части элиты. Флор же, судя по его насмешливой реакции, нисколько не опасался наказания со стороны Цестия, — то ли из-за слабости и нерешительности последнего (что ещё проявится); то ли хорошо его подогрел-подмазал; то ли, как сказано, имея поддержку в Центре и после Поппеи.

И Цестий, как выходит из Флавия, не призвал распоясавшегося наместника ни к ответу, ни к порядку, лишь «успокоив народ обещанием настроить Флора милостивее к ним» (!), после чего возвратился в Антиохию, провожаемый до Кесарии Флором, кто, со своей стороны, затаив обиду на иудеев, «начал подумывать о том, как бы вызвать необходимость войны с иудеями, в к-рой он видел единственное средство для сокрытия своих беззаконий» (2,14,3). Тут Флавий изображает Флора, как Кукрыниксы буржуев, и бичует его как саморазоблачительное зло, бичуемое своими же не столько устами, сколько (вложенными во Флорову голову Флавием) мыслями, признающееся в этом, на манер примитивной, по адресу мировых капиталистов-империалистов, коммунистической пропаганды.

Флор не мог разжигать войну, чтобы предупредить жалобу на него Нерону со стороны иудеев, к-рые не жаловались два года, и не мог заведомо мечтать о пожаре большого восстания, дабы скрыть собственные беззакония, ибо для подобного заранее обдуманного-спланированного деяния, к-рое разразилось-разразилось шаг за шагом, отчасти спонтанно, кишка у него, у безответственного наглого хапуги и хренового жестокого наместника, была тонка.

Да и не был он настолько рискованным малым и настолько стратегом, чтобы заведомо придумать и хладнокровно реализовать столь сложный план-сюжет повстанческой войны. Однако, вместе с тем, ему, несомненно, захотелось после жалобы на него иудеев, даром что Цестий не принял никаких мер против него, отмстительно отыграться на них, проучить их за, так сказать, досадное, в его глазах, ябедничество.

Малые тираны-тиранята, как и крупные, постоянно обижая других, сами болезненно обидчивы, инфантильно ранимы. Правда, поначалу он наверняка не понимал, насколько всё может далеко зайти и какими в целом последствиями, гибелью скольких, в т.ч., римлян, за 4/7 лет войны (66 – 70 – 73гг.), всё обернётся.

Внимание! Ниже в «Bellum» 2,14,4 Флавий связывает, в порядке событийной последовательности, начало Войны с решением в Риме спора-тяжбы между кесарийскими язычниками и иудеями в пользу язычников, что неверно по факту, поскольку эта начавшаяся при Феликсе тяжба решилась, как мы помним, согласно тому же (противоречивому – здесь – в «И.в.», и выше – в «И.д.» 20,8,7 + «И.в.» 2,13,7) Флавию, ещё во второй половине 60-го г., уже после отставки Феликса, удовлетворением ходатайства кесарийских язычников, возможно, не без подкупа бывшего ещё в силе и здравствовавшего на 60/61гг. Бурра (+ 62г.).

Иное дело, что в 66г. между иудеями и язычниками Кесарии Палестинской вполне мог разгореться очередной конфликт, послуживший одним из толчков к Войне, к-рую нельзя выводить из этого локального конфликта, вспыхнувшего по решению межобщинной тяжбы в 60г. (ибо война назревала на протяжении десятилетий: со времени, как сказано смерти Ирода в 1-м и провинциализации Иудеи в 63г н.э.; или даже, по большому счёту, со времени подчинения Иудеи Помпеем в 63г. до н.э.; или – более локально – со времени попытки Калигулы установить свою статую в Иерусалимском храме, когда взрыв едва не разразился, – 39/40гг.; и ещё со времени новопровинциализации Иудеи по смерти Ирода Агриппы – 44г.; плюс – со времени обострения римско-иудейских отношений в 51г., с каких пор нарастание противоречий значительно прибавило обороты, усугублённое в дальнейшем губительными легатурами Феликса, Альбина, Флора).

Суть же тепершнего (66г.) спора заключалась в том, что – «иудеи в Кесарии имели синагогу на месте, принадлежавшем эллину этого города. Неоднократно они старались приобрести в собственность это место, предлагая за него сумму, далеко превышавшую его стоимость. Но владелец ни за что не уступал их просьбам, а напротив, застроил место новыми зданиями и поместил в них мастерские, так что для иудеев остался лишь тесный и очень неудобный проход».

Вначале иудейские пылкие юноши попытались помешать застройке, но когда Флор пресёк их насильственные действия, городские иудеи последнее решили подкупить его немалой суммой в 8 талантов, чтобы, если уж не удаётся данное место выкупить, хотя бы остановить дальнейшую застройку. Флор же, получив бакшиш, выехал в самарянскую Себасту, оставив раздор на самотёк, м.б., потирая руки и провоцируя усугубление раздора, но вряд ли умышленно мстя кесарийским иудеям за недавнее поведение иудеев иерусалимских, и вряд ли просчитав наперёд силу скорого взрыва.

Между тем, кесарийские иудеи полагали, что за взятку они обзавелись крышей со стороны (продажного) губернатора, истолковав его отъезд как отмашку, как данные-предоставленные им горе-наместником (за мзду) карт-бланш и свободу рук. А язычники, со своей стороны, видимо, прознав о подкупе, в ответ, считая-чувствуя себя (решение 60г.) хозяевами города, пошли на сознательную провокацию осквернительным жертвоприношением птиц перед синагогой.

Дело в том, что поклёпные египетские байки того времени рассказывали (перевирая Кн. Исход) о когдатойшей изоляции евреев в Египте и их последующем изгнании оттуда, вследствие, мол, их массового поражения проказой («Против Апиона» 1,26), тогда как, по Моисееву закону, исцелившиеся от страшной болезни прокажённые должны были принести в жертву птиц. Т.е. жертвоприношением птиц перед синагогой некий кесарийский язычник в сговоре с прочими ещё и насмеялся над (якобы потомками прокажённых) иудеями.

В результате на кесарийских улицах завязался инициированный еврейской молодёжью, вопреки совету старших вести себя сдержанно и обратиться с жалобой к властям, рукопашный бой. Начальник римской конницы Юкунд вмешался, устранил жертвенный сосуд перед синагогой и пытался прекратить кровопролитие. Однако, по Флавию, кесарийские язычники ему не повиновались, мало того, составляя большинство, начали теснить иудеев, к-рые, «схватив впопыхах свои священные книги, отступили к Нарбате – иудейской местности, отстоящей на 60 стадий (ок. 12-и км) от Кесарии».

Отсюда они направили 12 влиятельных членов общины во главе с неким Иоанном «в Себасту к Флору, выразили своё сожаление по поводу случившегося и просили его заступничества, проронив при этом лёгкий намёк на 8 талантов. Он же приказал бросить их в темницу за то, что они – это было вменено им в преступление – унесли из Кесарии свои законодательные книги».

Иначе говоря, иудеи предложили Флору отработать взятку в 8 талантов, принять в конфликте их сторону и жёстко призвать кесарийцев к порядку, на что Флор счёл нужным (за напоминание о взятке) оскорбиться-обидеться, инкриминировал иудеям самовольное удаление из города «законодательных книг», что, следует полагать, требовало предварительного разрешения или уведомления римских властей, и бросил неосторожных жалобщиков в темницу. Санованым коррупционерам небезопасно ставить на вид, будь то намёками или прямой речью, их продажность.

Был ли весь сценарий заранее продуман Флором, сознательно, дескать, раздувавшим пламя пожара? Скорее, – пока нет, но Флор с удовольствием воспользовался предоставленной ему кесарийскими иудеями зацепкой, чтобы бросить последних в темницу. Да и в целом его симпатии явно лежали не на стороне иудеев, как кесарийских, так и иерусалимских. Клазоменский космополит в ранге римского всадника пересаливал по части исконно римских настроений! Вдобавок к тому, по его мнению, коль скоро Юкунд устранил жертвенник перед синагогой, римская власть восстановила нарушенный порядок, как бы пойдя навстречу иудеям, чем пресловутые 8 талантов были им, Флором, отработаны, и потому намёк на них – оскорбление вдвойне! И он дополнительно осерчал.

Всё это, исходя из рассказа Флавия, происходило после праздника Пасхи, т.е. в апреле 66г. (в период между Пасхой и Пятидесятницей, пришедшей в 66г. на 18.05.). И, кстати, в «И.в.» 2,14,4 имеется (параллелирующаяся с вышеприведённой хронологизацией «И.д.») датировка в связке с иудейско-языческим конфликтом в Кесарии, мол, «положившим начало войне на 12-м году владычества Нерона, 17-м году правления Агриппы, в месяце Артемизии». 12-й год Нерона выпадает, о чём мы знаем, на 65/66гг. (октябрь/октябрь), в то время как одно из царских летоисчислений Агриппы (самое раннее-первое) отсчитывало его царственные годы с 1 нисана (март/апрель) 50г. (когда он был царём Халкиды), соответственно чему, его 17-й год эквивалентен 66/67гг. (нисан/нисан).

* * *

Иерусалим отреагировал на вести из Кесарии и Себасты кипучим возмущением, но, по Флавию, – «жители столицы всё ещё сдерживали свой гнев» (2,14,6). И тут Флор сделал уже поистине провокационный шаг против недавно обидевших его (жалобами Цестию) иерусалимских иудеев, послав взять из храмовой сокровищницы «17 талантов под тем предлогом, будто император нуждается в них». Он не мог не знать или не предполагать, какую реакцию, да ещё в и без того взвинченной

обстановке, его покушение на храмовый корбан вызовет.⁵³ Имелось ли в виду отправить деньги всегда нуждавшемуся в средствах Нерону, к-рый в то время готовился к турне по Греции? или нужда императора была сугубо надуманным, согласно Флавию, предлогом, и алчный Флор желал как рассердить иудеев, так и поживиться, (явно не случайно) затребовав с них сумму вдвое больше (8 x 2 + 1 талант), чем та, к-рой его подкупили кесарийские иудеи? – вопрос/вопросы.

При всех случаях, страшно возмущённые иерусалимские иудеи кинулись в храм, взывая к имени императора и молясь об освобождении от тирании Флора. Т.е. лояльность к римлянам и к римскому императору ещё в массе сохраняется и все претензии до поры предъявляются одному Флору. Его отстранение в тот момент и назначение на его место более умеренного наместника типа Феста могло бы спасти положение, снова отсрочив (неизвестно на какое время), рано или поздно, всё равно неминуемый взрыв. Но иудейские верхи послов к Нерону не снаряжали, а легат Сирии занимал пассивную отстранённую позицию. И взрыв набирающими обороты темпами приближался.

Некоторые из числа возбуждённой молодёжи открыто хулили имя Флора и даже обошли собравшуюся толпу с корзинками в руках, издевательски прося для него милостыню, со словами: «подайте бедному несчастному Флору», что, согласно Флавию, дойдя до него, «не заставило его устыдиться своей жадности, а напротив подстрекало его на дальнейшие вымогательства. Вместо того, чтобы поспешить в Кесарию, потушить разгоревшуюся там войну и устранить причины неудовольствия, за что ему же заплатили, – он ринулся в Иерусалим с конницей и пехотой, чтобы силой оружия отстоять свои требования и страхом и угрозами волновать город». Тут, в первую очередь, вновь обидевшимся-оскорбившимся чиновником руководила отмстительная ярость.

Засим он, находясь в самарийской Себасте (между Кесарией и Иерусалимом), вызвал из Кесарии одну из 4-х тамошних когорт (сменная 5-я постоянно стационарировалась в прихрамовой цитадели Антония в Иерусалиме), либо эта когорта, плюс кавалерийская ала, сопровождали его в Себасту, и грозно явился во главе воинства и во всеоружии в Иерусалим, показывая тем самым, что не намерен спускать (ни обиды, ни особенно) оскорбления в свой (римской власти и персональный) адрес.

Впрочем, ситуация внутри иерусалимского еврейства, точнее, его большинства, ещё не вышла из-под контроля, не достигнув окончательной температуры кипения. Руководимые лояльной иерократическо-аристократическо-богатеиской верхушкой граждане «вышли навстречу солдатам с приветствиями и сделали всё для того, чтобы принять Флора как можно почтительнее» (2,14,7). Он же, настроенный отнюдь не мирно, выслал вперёд себя и подкомандного воинства центуриона Капитона с 50-ю всадниками и с приказом вышедшим навстречу иудеям возвратиться назад в город: «пусть не заигрывают в дружбу с тем, кого они раньше так постыдно поносили; если они настоящие молодцы и так беззастенчивы в своих выражениях, то пусть осмеют его в глаза, пусть докажут любовь к свободе не только на словах, но и с оружием в руках».

Спрашивается, кому это Флор говорит? или через кого иудеям адресовывает? если, как выясняется ниже, Капитон вообще не вступал с ними в переговоры, да и не мог Флор ни в такой флавиевской форме-манере, ни такими словами открыто призывать иудеев к мятежу. Иное дело, что над ним насмеялись за требование им 17-и талантов для императора, надо понимать, им не полученных, и он счёл произошедшее вызывающим мятежным неповиновением, за к-рое иудеев следовало

⁵³ В 29г. н.э., когда Пилат взял из святилищной сокровищницы деньги на сооружение водопровода, это привело к кровопролитию.

наказать. Тем временем, поскольку Капитоновы всадники агрессивно нагрянули на толпу, последняя, ужаснувшись, в страхе рассеялась, не успев поприветствовать ни солдат, ни вступившего на её плечах (не с примирительными намерениями) в Город Флора. «Все поспешно разошлись по домам и провели ночь в страхе и унынии».

Флор переночевал в царском дворце (2,14,8), т.е. во дворце Ирода, в Верхнем городе, где, как мы знаем, обычно останавливались, наезжая в Иерусалим, римские прокураторы, неся вахту по большим паломническим праздникам в дошедшей над храмом цитадели Антония (северо-западный угол храмового комплекса), между тем как во владении иродианских династов в прокураторскую эпоху оставался (напоминаем читателю) дворец Хасмонеев, близ городской резиденции синедриона, у площади Ксист.

А на следующий день гневный наместник поставил перед прокураторским (экс-Иродовым) дворцом судейское кресло (*sella curulis*), на к-рое, — демонстрируя — кто тут есть власть, сила, суд, — легитимно взошёл-взгромоздился, и перед к-рым предстали первосвященники, иерократы-аристократы и вся городская знать.

Беря быка за рога, без хождений вокруг да около, грозный губернатор сразу потребовал выдачи тех, к-рые его оскорбляли матершиной и имитацией собирания корзиночной милостыни, предупредив, что в случае отказа верховники сами поплачутся за виновных. Они же указывали на мирный настрой народа и просили простить некоторые горячие головы, к-рые действовали в толпе и к-рых, дескать, осознавших свою неправоту, ныне невозможно отыскать, и к-рые всё равно ни в чём не признаются и всё будут отрицать. Пусть лучше наместник подумает о поддержании мира, о сохранении города для римлян и простит немногих провинившихся ради множества невинных.

Понятно, что о выдаче кого-либо иудейскими верхами Флору на расправу в создавшихся условиях не могло быть и речи, что только усилило Флоров гнев (2,14,9). Он же, по сути получив отказ, отдал солдатам приказ разграбить «верхний рынок и убить всех, к-рые попадутся им в руки». Иначе говоря, не получив виновных для наказания, наместник задействовал карательную акцию в отношении населения города. Солдаты, в основном сирийцы, кесарийцы и себастийцы, иудеев всегда не жаловавшие, обрадовались возможности поживиться-порезвиться и «не только разгромили указанную им часть города, но врвались во все дома и убивали жителей». Ведь всегда можно было сослаться на попытку иудеев оказать сопротивление. И про то, что воины когорты переусердствуют, Флор тоже не мог не знать. А в городе началась паника, люди бросились бежать по тесным узким улицам, одни погибли в давке, другие — от рук солдат, и «ни единый способ разбоя не был упущен солдатами».

Тех же, кого в ходе карательной операции схватили (без разбора) и привели к Флору, он велел бичевать и затем распять (вспомним казнь Иисуса), несмотря даже на то, что среди них были, в т.ч., знатные иудейские лица римского всаднического ранга (= римские граждане). В итоге, по Флавию, общее число погибших в тот день, включая женщин и детей, достигло 3600 чел. И если даже Флавий, в свойственной ему числовой манере, преувеличивает, в любом случае, погибших было множество.

Так Флор «отважился на то, чего не позволял себе никто из его предшественников». Правда, удивляться здесь особенно нечему. Беспредел поры прогрессирующего разложения, творимый тогдашним Нероном и творившийся в тогдашнем Риме кануна конца Нерона и конца Юлиев-Клавдиев, не мог не затронуть, в частности, периферию. Римские наместники были римскими императорами в миниатюре (Тиберий — Валерий Грат, Пилат, Вителлий; Нерон — Феликс, Альбин, Флор).

И вот ниже из «И.в.» (2,15,2) мы узнаём, что дата этого побоища — 16-й день месяца Артемисий, к-рый соответствует дню 29.04. в переводе на синхронизированный с юлианским иудейский календарь, попадая где-то на середину мая по антиохийскому сиро-македонскому календарю, притом первое, на наш взгляд, более акцептабельно (хотя теоретически не исключён и второй расклад), поскольку времени до 29.04. на все вышеописанные события, имевшие место после Пасхи, в целом достаточно (см. ниже).

А прежде чем назвать эту знаковую дату, Флавий в 1-м абзаце 15-й главы рассказывает о Веренике, знакомой нам сестре царя Агриппы II, к-рый в ту пору был в отлучке, в Александрии Египетской, куда он отбыл, чтобы поздравить с назначением на пост префекта Египта Тиберия Александра, тоже памятного нам прокуратора Иудеи в 46 — 48гг. Последний являлся, о чём читатель знает, сыном александрийского алабарха Александра (брата Филона) и братом женатого на сестре Агриппы Мариамне — Дмитрия, т.е. приходился Агриппе родственником. Притом Тиберий Александр сменил в Египте Г.Цецину Туска, молочного брата Нерона (сына его кормилицы), наместничавшего в Александрии в 63 — 66гг. (см. ниже).

Береника, кто к тому времени успела развестись со своим последним мужем — Полемоном Понтийским, во владении к-рого, после аннексии Римом Понта в 63/64гг., осталась лишь часть Киликии, постоянно проживая у брата Агриппы в Кесарии Филипповой, обреталась весной 66г. в Иерусалиме, в связи с принятым ею (по какому-то поводу: выздоровление от болезни?) назирейским обетом. И обет этот предполагал за 30 дней до принесения храмовой жертвы посвятить себя благочестию, остричь волосы, воздерживаться от вина и всяких удовольствий (см. выше).

Пребывая во дворце Хасмонеев, шокированная и напуганная всем происходящим, она несколько раз посылала к Флору своих (агриппианских) кавалерийских офицеров (её свиты), моля прекратить избиение народа, на что он не реагировал, поглощённый жадной мстительной расправы и огромными барышами. Более того, Береника сама чуть было не стала жертвой безоглядной ярости солдат, успев спешно скрыться во дворец. Не помогло и её смиренное явление босой, царицы-просительницы (!), перед трибуналом Флора, не встретившей ни почтительного обращения, ни удовлетворения своего покорного ходатайства.

«На следующий день (= 17 Артемисия) народ в глубоком трауре собрался на (претерпевшем давеча погром) верхнем рынке и с громкими воплями оплакивал убитых: но тут стали также раздаваться враждебные голоса против Флора» (2,15,2). Чаша терпения переполнилась-переполнялась. Флор прошёл ещё одну веховую точку невозврата, к-рую Флавий, неспроста датировочно прецизируя её, считает конкретной прелюдией-прологом Войны. И всё-таки, иудейские нобили-нотабли, большинство к-рых Войны не желали, отчасти опасаясь за собственное верхушечное благополучие и страшась как революционных радикалов, так и свирепой черни, отчасти не веря в успех восстания, отчасти — будучи искренними лоялистами = римлянофильствующими эллинистами, ещё пробовали предотвратить непоправимое.

Первосвященники и представители знати разорвали на себе одежды и пали к ногам толпы, умоляя иудеев не провоцировать Флора на новые злодеяния. Народ и на сей раз вроде бы дал себя уговорить, по Флавию, частично — из уважения к просителям, частично — «в надежде, что Флор ничего враждебного против них больше не предпримет».

«Успокоение умов пришлось однако Флору не по сердцу» (2,15,3). Он не столько изыскивал новые средства, чтобы опять возбудить народ, сколько решил гнуть свою жёсткую линию до конца и наказать всерьёз разгневавших его иудеев по полной, во-первых, наглядно показывая им, что есть такое право силы римского наместника (сила закона — закон силы), и, во-вторых, ни в коем разе не забывая, в силу своей алчности, о наживе.

Первосвященникам и почётным гражданам было предложено — во предоставление истинных доказательств отсутствия мятежных настроений — устроить торжественную встречу подходившему из Кесарии римскому дополнительному воинству, к-рое, следовательно, было Флором до того призвано в числе двух когорт, уже приближавшихся к Иерусалиму. Т.е., если одна когорта стояла в Антонии, а вторая, устроившая погром, сопровождала прокуратора ранее в Себасту и из Себасты, или подошла из Кесарии, то сейчас в Иерусалим шли ещё две когорты, в то время как в Кесарии продолжала нести службу последняя из палестинских — пятая когорта.

Посему мирно Флор настроен, по-прежнему, не был, буде, конечно, Флавий говорит полную правду, заинтересованный, повторим, в том, чтобы максимально обвинить-зачернить Флора и максимально оправдать как основную массу еврейства (помимо радикальных отщепенцев), так и, главное, еврейскую элиту, к к-рой принадлежал он сам и часть представителей к-рой, как и он, не сразу заняли ту позицию, к-рую он задним числом лукаво приписывает в качестве изначальной и себе, и др. элитариям.

И когда в народном собрании обсуждалось требование наместника, тот, следуя Флавию, «отправил вестового с инструкцией к начальникам когорт, чтобы они приказали своим людям ничего не отвечать на приветствия иудеев». Если же иудеи (опять) позволят себе оскорбления в его адрес, пусть в ход пойдёт оружие.

Внимание: важный момент. Пока первосвященники побуждали народ в храме покорно выполнить условия Флора, — «жаждавшие мятежа отказались от этого предложения и народ, помня убитых, склонился на сторону более решительных». Т.е. впервые лоялисты в проекции на массу оказывались в меньшинстве, между тем как радикалы, для к-рых Флоровы действия были быстро умножавшей число их приверженцев «манной», продолжали набирать очки. Таким образом, чаша весов начала склоняться-перевешивать в пользу вооружённого противления злу насилием, к-рое революционеры (зилоты и сикарии) сделают в перспективе ещё большим национал-партикуляристским злом, чем, при всей его уродливости, флоровско-наместническое или великодержавное римское насилие.

Со своей стороны, коганы и левиты, одетые в священские-духовенские облачения, появились перед народом со священными сосудами, с цитрами, с музыкой, пением, и тоже убеждали народ, пав перед ним ниц, вести себя мирно и не довести до того, чтобы римляне разграбили храмовые сокровища (2,15,4) и отобрали у иудеев священное первосвященское облачение. Последнее же, напомним, с бг. н.э. хранившееся в Антонии и выдававшееся римлянами архиереям по праздникам, Вителлий возвратил иудеям для постоянного хранения у себя в 36г., а Клавдий позволил им хранить его и дальше, в ответ на их ходатайство, в 45г. При этом первосвященники вышли к народу с посыпанными пеплом головами, в разорванных на груди одеждах, бия себя в грудь.

Они заклинали народ не подвергать смертельной опасности Св. Город. Необходимо выйти навстречу римлянам, выполнить требование Флора и тем отнять у него всякий повод к новым бесчинствам-репрессиям. И не надо прислушиваться к радикальным призывам, чреватых пагубными последствиями. Но все ли верховники думали именно так, как хочет представить дело Флавий? и думал ли так в мае 66г.

он, в возрасте всего 29-и лет, сам? — опять вопрос/вопросы. Либералы, часто и во многом, сами взращивают, идя с ними на компромиссы или до поры им сочувствуя⁵⁴, фанатиков-радикалов, становясь в дальнейшем их жертвой.

В конце концов, мольбами и угрозами народ удалось унять-смягчить (2,15,5). Умолкли даже коноводы. И иудеи в праздничных одеждах приветственно двинулись за город навстречу римским солдатам. Но, увидя, что те не отвечают на приветствия, «некоторые из беспоконных стали поносить Флора». Это послужило для проинструктированных солдат сигналом к нападению (как бы в ответ на проявление мятежности). Они оцепили толпу и пустили в ход кнуты-бичи (нагайки), тогда как обратившихся в бегство настигали и растапывали всадники. Флор, понятное дело, категорически не желал, чтобы иудеи мирились с римлянами, не желая параллельно мириться с ним самим, что делало его персонально крайним.

Вместе с бегущими, на их плечах, когорты втиснулись в город с северного направления, стараясь оттеснить иудеев в предместье Визафу (втянутое Иродом Агриппой в черту города в 41 — 44гг. северное — у недостроенной при Агриппе Третьей стены — предместье Иерусалима), дабы завладеть Антонией и соединиться с тамошним гарнизоном, после чего из Антонии овладеть храмом. Одновременно Флор появился верхом, ведя подкомандную ему когарту, из Иродова = прокураторского дворца и тоже старался достигнуть Антонии.

Но это ему уже не удалось. Народ, получив подкрепление, повернулся лицом к солдатам, иудеи выдержали натиск, более того, часть из них взобралась на крыши и стали стрелять в римлян сверху. Те же, слишком малочисленные, чтобы противостоят многочисленной и окончательно рассвирепевшей толпе, запрудившей тесные улицы, под напором давших им первый бой иудеев отступили назад в казармы у царского дворца.

«Опасаясь, чтобы Флор при вторичном нападении не овладел храмом со стороны цитадели Антония, мятежники поспешили вверх и сломали колоннады, соединявшие храм с последней» (2,15,6). Т.е. оказанное римлянам в первый раз вооружённое сопротивление, равно уничтожение этих колоннад, через к-рые антонийанский гарнизон имел постоянный доступ к храму, стали своего рода первыми

⁵⁴ Одно из излюбленных занятий обожающих разглагольствовать о свободах интеллигентшек это — созерцание великих потрясений и сочувствие революции, пока жареный петух не клюнет в задницу их самих, и тогда рев. свобода превращается для них в тиранию, но, увы, пути назад больше нет, и диктатура вчерашних вольнолюбцев, адептов-апологетов «царства разума» (где нет места религии), в первую очередь, сносит головы интеллигентам, к-рые, хлебнув рев. прелестей и ужаснувшись, чаще всего пускаются-ударяются (не от силы, а от слабости) в богоискательство (или — в бега; или — и в бега, и в богоискательство). То-то Маяковский (к-рый талантлив, но сволочь) небезосновательно издевается над ними: «Интеллигентчики сами ушли и всё изгадили, / Заперлись дома, зажгли свечечки, / Ладан курят — богоискатели».

Ленин же, сам т.н буржуазный, сродни Марксу с Энгельсом, интеллигент (и к тому же, ещё дворянин, что он не забывал всякий раз констатировать в дореволюционных анкетах), об интеллигенции без обиняков (просто-запросто) говорит, что она — «не мозг нации, а говно». И ещё Ленин мнимо сетует на то, что его ругают русским Робеспьером = диктатором, в реальности (хихикаючи) радуясь этому сравнению и тому, что он со своими большеви(ч)ками намного диктаторски-террористически превзошёл-переплюнул Робеспьера и его якобинцев, начиная с разгона Учредительного собрания (чтобы оно не скинуло его, как Конвент Робеспьера) и кончая миллионами жертв куда более долгого, нежели якобинский, красного террора. Правда, не были ли избраны в пресловутое Учредительное собрание в подавляющем большинстве представители радикальных террористических партий, преимущественно эсеры, к-рые ничем не лучше (и даже омерзительнее) большевиков, что выразительно характеризует-показывает как психопатическое состояние умов, так и духовную пропасть тогдашней, провалившейся (и одновременно — сиганувшей) в «окаянные дни» (И.Бунин), большой России!

возымевшими место в начале мая ббг. актами мятежного (первомайского) отпадения иудеев от римлян.⁵⁵ Ещё одна этапная точка невозврата была пройдена. Инсургентский синдром эскалировал.

Впрочем, революция шла по восходящей стихийно и собственно отпадением от Рима в глазах большинства иудеев ещё не являлась. В то же время сорванные галереи, не позволявшие добраться до храмовых сокровищ, и первые жертвы среди солдат несколько обуздали как отмстительный, так и рваческий раж-зуд Флора. Поняв, наконец, что дело заходит слишком далеко, — «он потребовал к себе перво-священников и совет и объявил им, что он сам удаляется, но оставляет в их распоряжении войска, сколько им угодно».

Т.е. он как бы пошёл на компромисс с иудейской верхушкой, показывая, что находится по одну сторону легитимных баррикад с ней, но предоставляя далее расхлёбывать заваренную им кашу знатым иудеям и одновременно опасаясь за свою шкуру. Сатисфакция как будто получена, доступ к храмовым сокровищам затруднён, хайло раззевать в данный момент не на что, да и пора, во избежание худших последствий, сохраняя амбициозные мину с позой при очень плохой игре, дать, умывая руки, дабы оградить себя от ответственности, задний ход.

В ответ обрадованные иудеи-верховники обещали ему «полную безопасность и спокойствие города», согласившись на оставление в их распоряжении одной когорты (помимо антонианской), но только не той, к-рая перед тем устроила погром в Верхнем городе. После этого Флор «дал им когорту и возвратился вместе с остальным войском в Кесарию». Креатура Поппеи, покровительствовавшей иудеям и поспособствовавшей переводению в 64г. стрелок за пожар Рима с римских иудеев на христиан, ныне, когда Поппеи уже не было в живых, вышла палестинским иудеям боком!

* * *

Очко у Флора было не железное и теперь уже он поспешил отправить Цестию в Антиохию донесение с обвинениями против иудеев в отпадении, само собой, взвалив ответственность за всё купно произошедшее исключительно на них. Не бездействовали, утихомиривая народ, «и городские власти Иерусалима», к-рые, со своей стороны, вместе с Вереникой, обратились к сирийскому легату с посланием, в к-ром «изложили все преступления Флора против города» (2,16,1).

Повторим, дело зашло чересчур далеко, почему надо было искать виновных, и потому каждая из сторон обращалась к непосредственному римскому начальству в лице Цестия, недавняя предпасхальная жалоба к-рому иудеев ничего не дала, и к-рого иудейский наместник Флор ранее, не получив от сирийского легата взыскание, фактически проигнорировал.

Однако сейчас для него было лучше решить дело в свою пользу на уровне Цестия, без апелляции к Риму (где, всё-таки, первопротезировавшей ему Поппеи уже ок. года не было в живых). Причём у Флора на руках был неплохой козырь, поскольку убийство нескольких римских солдат и сорванные колоннады вполне позволяли инкриминировать иудеям протворимский мятеж.

⁵⁵ К слову, случись это в первую пятидневку второй половины мая (после 17 артемизия по сиро-македонскому = юлианскому календарю), в Иерусалим стекались бы толпы иудеев на Пятидесятницу (18.05.), о чём Флавий не преминул бы упомянуть (и что значительно усилило бы иудейские ряды), но чего в «И.в.» (в отличие от упомянутой выше Пасхи или упоминающегося ниже осеннего праздника Кушей ббг.) нет, и что, стало быть, побочно ратует за начало мая (датировочно выводимое по иудейскому календарю).

Цестий же, перед лицом противоречивых взаимоисключительных жалоб и сообщений, собрал совет, на к-ром некоторые рекомендовали тотчас выступить во главе войска в Иерусалим, дабы примерно наказать иудеев. Как видим, о наказании Флора речи не шло, т.е. его донесение об отпадении произвело большее впечатление, в связи с чем все его собственные злоупотребления отступали на задний план и главными виновниками делались иудеи.

Так или иначе, Цестий решил для расследования дела «и предоставления точного отчёта о состоянии умов в Иудее», выступить куда с карательной экспедицией он счёл преждевременным, сначала отправить туда «одного из своих трибунов Неаполитана, к-рый на своём пути в Иерусалим сошёл возле Ямнии с возвратившимся из Александрии царём Агриппой и сообщил ему, кем и зачем он послан».

Ямния, близ средиземноморского берега, между Яффой (Иоппия) с севера и Ашдодом, Аскалоном, Газой с юга – дистрикт сестры Ирода Саломии, завещанный ею императрице Ливии, ямнийский прокуратор к-рой Геренний Капитон, как мы помним, жаловался за невыплату огромного долга казне на Ирода Агриппу I-го Тиберию. По всему, Агриппа II возвращался ныне с юга, из Александрии, через Ямнию, где и встретился – оптимально в мае/июне 66г. – с прибывшим сюда (специально для встречи с ним) через портовую Яффу, с севера, Неаполитаном. На отправление возвратившимся в Кесарию в начале мая Флором донесения Цестию в Антиохию, на антиохийский совет римлян и на снаряжение-прибытие из Антиохии Сирийской в палестинскую Ямнию Неаполитана требовалось время.

«Там же находились первосвященники, влиятельнейшие иудеи и совет, прибывшие встречать царя» (2,16,2). Они поведали ему о постигшем их и город горе, заострив его внимание на зверствах Флора. По Флавию, праведный гнев царя (с к-рым Флавий впоследствии дружил и состоял в переписке) был велик, иудеям он очень сочувствовал, но при этом твёрдо решил «умерить их самонадеянность и отклонить от всякой мысли о мщении, для к-рого будто никакого повода не имеется». Т.е. и среди духовенства, и среди знати были выступавшие за решительные контрмеры горячие головы, хотя большинство их, «к-рые вместе с тем для сохранения своих богатств сами тоже желали мира», согласились с примиренческой позицией (римского подвассального) царя.

Причём и решительные первосвященники с нобилиями не могли, обращаясь к Агриппе разуместь какое-либо отпадение, соответственно, желая добиться его поддержки в деле неременного отстранения жалобами наверх и наказания Флора, о чём в данном контексте у Флавия речи нет.

А потом все, – и встреченный царь и встретившие его, двинулись из Ямнии к Иерусалиму, в 60-и стадиях (12 км) от к-рого навстречу царю вышли толпы народа, приветствуя его и Неаполитана, с рыдающими жёнами погибших впереди процессии и с мольбами к Агриппе и Неаполитану о заступничестве, плюс – с горькими жалобами на насилия и беспредел Флора.

По прибытии в город, трибуну показали опустошённый верхний рынок и разрушенные дома, затем уговорили его (через Агриппу) обойти Иерусалим до Силоамской купели, «для того, чтобы убедиться с какой покорностью иудеи относятся к римлянам и что ненавидят они одного только Флора за его неслыханные зверства». Сим Неаполитана уверили в лояльности иерусалимского населения, после чего он взшёл на Храмовую гору, созвал народное собрание, похвалил народ за изъявление верности Риму, призвал сохранять спокойствие в будущем, – «и, почтив, насколько ему приличествовало Божий храм, уехал обратно к Цестию».

Так, мир как будто удалось восстановить и, главное, удалось убедить в этом римского трибуна, снаряжённого сирийским легатом, к-рый (не забудем – подоотчётный ещё и особостатуированному регионально-кесарскому легату Корбулону,

резидировавшему в Каппадокии), всё же, видимо, отлично от особостатуированных-оснащённых Квирина (при Августе) или Вителлия (при Тиберии), достаточной для самостоятельного смещения Флора властью (похоже) не обладал. Т.е. он мог максимум доложить о его злоупотреблениях и служебном несоответствии Нерону, чего он, по каким-то причинам, заняв, как сказано, пассивную позицию, делать не стал, да и надобность в чём, по возвращении Неаполитана, вроде бы отпала. Вот и ладно, вот и не надо суетиться, коли всё чудесно уладилось и спустилось на тормозах.

Но иудейско-иерусалимские массы менять настрой в отношении к Флору не собирались. (Не умеющая теоретизировать простая масса *угнетённых* почти всегда винит персонального *угнетателя*). Они обратились «к царю и первосвященникам с требованием отправить к Нерону посольство для обжалования Флора» (2,16,3), притом мотивируя это тем, что в противном случае молчание о столь страшном кровопролитии будет истолковано против иудеев, виновных-де в намерении отпасть от римлян. И Флавий правильно замечает, что, судя по настроению народа, было ясно: отказ в отправлении жалобщиков чреват новыми волнениями.

Однако Агриппа полагал, «что назначение послов для обжалования Флора создаст ему врагов». Спрашивается — каких врагов? И ответ напрашивается: наличие у Флора, несмотря на прошлогоднюю смерть Сабины, и без неё влиятельных покровителей в Риме, почему с дерзким прокуратором-беспредельщиком избегали конфликтно связываться на уровне Рима как Агриппа, так и Цестий.

Таким образом, не дав положительный ответ иудеям насчёт жалобного посольства к императору, царь собрал народ на окружённой колоннами площади Ксис (находилась близ дворца Хасмонеев, соединённая мостом через долину Тиропеон с западной стеной храма) и вместо удовлетворения народного требования о жалобе обратился к людям с пространной проникновенной речью, вложенной в его уста Флавием, наглядно показывая в ней, насколько недопустим и губителен для еврейства всякий мятеж против Рима.

Конечно, Агриппа вполне мог произнести в июне 66г. подобную (отнюдь не стенографически воспроизведённую), согласно «Bellum», речь, и тем не менее, в дошедшем до нас виде она, несомненно, содержит, перво-наперво, мысли-взгляды-мировоззрение самого снова очень умного задним числом Флавия, пришедшего ко многим выводам, имеющимся в означенной речи, не ранее, чем он побывал в плену у римлян (с лета 67г.), пережил катастрофу 70г. и осел, поучаствовав в римском триумфе Тита (71г.), при Веспасиане, в Риме.

ФЛАВИЕВСКАЯ РЕЧЬ АГРИППЫ К ИУДЕЯМ

(июнь 66г.)

В этой долгой-длинной, в несколько страниц, наставительной речи (И.в. 2,16,4) её автор-соавтор разворачивает перед слушателями-читателями большую геополитическую и историческую панораму, призванную воочию обоснованно доказать несокрушимость-необоримость (и подспудно — позитив) Римской империи (к-рой невозможно противиться, как стихии!), равно всейкуменической власти римлян (чего иудеи на собственную беду-погибель не сумели понять и за что они жестоко заплатились разрушением своего Города, Храма, гибелью ок. 1 млн. человек, разорением Св. Земли и началом мирового Рассеяния).

Притом, согласно агриппианскому вступлению, «войны домогается одна лишь партия, подстрекаемая отчасти страстностью молодёжи, не изведавшей ещё на опыте бедствий войны, отчасти — неразумной надеждой на свободу, отчасти также — личной корыстью и расчётом...», что очень хорошо характеризует мотивации

революционеров в большинстве случаев, какими бы высокими идеалами и лозунгами они ни прикрывались. Говорят, вспомним ещё раз, со слов Бисмарка, что революции задумывают гении и совершают фанатики, а революционными плодами пользуются мерзавцы. Характерный, с дегенеративным пиитетом по адресу революций, подход XIX/XX-го вв.! Революции обычно есть, скажем снова, попытка перепрыгнуть из понедельника в среду (Николай I), или — через пропасть в два прыжка⁵⁶, что невозможно. Кроме того, они, как правило, есть зло, загримированное под добро, в то время как гений и злодейство две вещи несовместные.

Посему гениев приложительно к революциям нет и быть не может. Фанатики, к-рые могут победить только на первых порах, имеются, тогда как революционных мерзавцев — пруд пруди на всех порах-стадиях, и именно они доминантны — и в умыслении, и в осуществлении революций, и в ловкачском пользовании их плодами, или в циничном использовании их плодов!

Революция же иудейская в 66 — 70гг. была искони провальной — возглавленной на её пике зилотско-сикарийскими адептами политического бандитизма — затеей и закономерным эпилогом истории как второхрамового еврейства, так и всякой палестинской автономии обречённых уйти в мировое рассеяние безгосударственных и безземельных иудеев, к-рые просмотрели-проморгали Исполнение Времени, к-рые не узнали часа посещения своего!

«Благоговеть надо перед властителями, а не возбуждать их гнев» — предупреждает-предостерегает Агриппа. Ну, если и не благоговеть, то, во всяком случае, не рыпаться, при отсутствии малейшего шанса на успех, и не гробить свой народ. Ведь моське, по любому, не одолеть слона. Да и бросающие в массы лозунг «свобода или смерть», могущий нести именно массовую смерть, сами умирать удивительным образом не спешат, зато безоглядно посылают на смерть десятки и сотни тысяч других. Ведь живые люди для революционеров, несмотря на все их разглагольствования о благе людей, на практике не более, чем расходный человеческий материал.⁵⁷

Римская империя огромна — продолжает Агриппа — и с её Запада не видят, что происходит на Востоке, как с Востока не видят, что творится на Западе. Тут, конечно, не совсем так, ибо вестовая и почтовая службы работали в Риме на славу: «С почтеньем отметим необходимо почтовую службу Древнего Рима». Но расстояния в империи, действительно, были огромными, и, учитывая весь комплекс связанных с ними проблем, на жалобы периферии реакция могла последовать с опозданием, или необходимые решения не всегда удавалось принимать, тем паче, реализовывать, своевременно. Плюс к тому, кризисные стагнирующие режимы типа нероновского уподобимы плохим танцорам, к-рым всегда мешают во множестве как объективные, так и субъективные обстоятельства.

Иное дело, что не все представители покорённых Римом стран и народов могли составить правильное впечатление о подлинных масштабах и могуществе Римской империи, как, к примеру, сам Рим не понимал до Августа *великогерманское прост-*

⁵⁶ Вполне применимая и к революциям характеристика Черчиллем (обречённой на неудачу) хрущёвской (полу)оттепельной (полу)реформации.

⁵⁷ И не у революционеров ли, не на примерах ли большевизма в России, или (руководимых в основном евреями) Венгерской и Баварской советских республик (вторую из к-рых, включая террор коммунистов, он лично пережил в 1919г. в Мюнхене) Гитлер учился и научился как возможности, так и «правомерности» массового уничтожения людей (с подведением под это человекоубийство теоретической и правовой баз) по групповым признакам, переведя социальный расизм коммунистов в расово-национальный, в (истребительную) ненависть к евреям. Помимо того, ещё задолго до нацистских концлагерей первыми в истории концлагеря действовали против буров в Ю.Африке, в ходе Англо-бурской войны (1899-1902гг.), англичане (угробив в этих лагерях ок. 25-и тыс. чел.), а затем, с 1918г. — большевики в России.

ранство, или как ново-новейший Запад не понимал и до сих пор не понимает (евразийско-ойкуменическое) *российское пространство*. Узколобые иудейские рев. радикалы плохо себе представляли (из своего затхлого геттоизированного мирка) державное могущество Рима, полагая, что перед ними колосс на глиняных ногах, что стоит нанести мощный удар, как этот, мол, трухлявый великан дрогнет и повторит судьбу декадентных Селевкидов, из-под ярма к-рых вырвались Маккавеи.

Еврейским ревнителем было невидомёк, что конец Юлиев-Клавдиев или Нерона ещё далеко не конец Римской державы, ресурса к-рой хватил ещё на века, в то время как иудейский ветхозаветный ресурс в Земле Обета был в Ив. н.э., с исполнением Обетования, исчерпан, и после 33г. в истории автономно-палестинского еврейства, старых Иерусалима и храма, в сущности, писалось послесловие.⁵⁸

Впрочем, Агриппа, акцентируя отдалённость имперской периферии от центра, пытается убедить иудеев, что центр и император не виноваты в злоупотреблениях Флора, к-рые, мол, не повод для бунта против Рима. Гм! И одновременно он не поддерживает настояния иерусалимлян о снаряжении в Рим посольства с жалобой

⁵⁸ Обратная картина предстаёт во IIв. н.э., при сравнении языческого Рима и христианства. После успеха последнего из Апостолов и Евангелистов Иоанна Богослова (+ 100г.), христианские авторитеты IIв. много уступают авторитетам Века Апостольского, да и само христианство, во многом, увязает (эпоха Анаэль-Венеры) в люциферическом (не считая истинно эзотерический) Гнозисе (а с IIIв. — в становящейся пред-пригосударственной церковности-воцерковленности), между тем как императорский Рим, наоборот, переживает кульминационный «Золотой век» (люциферический, в эпоху Анаэль-Венеры, взлёт) Антонинов. И тем не менее, если у христианства впереди победы и долгие, не без терний, пути-дороги по восходящей, то державному Риму Древнего мира, невзирая на весь его блистательный фасад, предстоят духовный декаданс и необратимый политический закат, к-рый в IV/Vвв. ещё на полтора столетия отложит и одновременно стимулирует гос. христианизация (в) Римской империи.

И здесь небезынтересно в дополнение констатировать своего рода тройнично-последовательное, со знаками как плюс, так и минус, объединение мира Римом: 1) под эгидой *Imperium Romanum*; 2) под эгидой Римской церкви; 3) под эгидой (кодифицированного Юстинианом в наследие Ср. векам) Римского права. В ногу со временем — в IV-ю (Греко-Римскую) культуру Души рассудочной; и возвратная архаика — в V-ю (Германо-Англосаксонскую) культуру Души сознательной; когда Душа Рассудочная должна быть преодолена Душой Сознательной, когда должны быть преодолены абстрактно-политический и абстрактно-юридический элементы романизма, присущая ему бессодержательная риторика/реторика, (оправданная для своего времени) замена-подмена сокровенных откровений философско-юридическими доказательствами, замена-подмена (VIII-й Собор 869г.) трихотомии человека — Тело, Душа, Дух — дихотомией — Тело, Душа (с духом, как всего лишь одним из высших свойств души!), или, точнее, квазитрихотомией — Тело, Душа, Церковь! Не есть ли уже «Град Божий» Августина Блаженного (этого кесаря Августа Римской церкви!) суть христианство в римской державной оправе! *Ecclesia vivit lege Romana* — Церковь живёт по Римскому закону.

Не бросается ли в глаза сходство между уничтожением арианского гос-ва Остготов в Италии Юстинианом (середина VIв.), к-рый пытался зомбировать Римскую империю — на запад от Греции, через Италию, до Испании, и уничтожение (арианского до 589г.) гос-ва Вестготов (начало VIIв.) Арабским Халифатом, мусульманским арабизмом, что, вместе с тем, стимулировало усиление-восхождение западно- и центрально-европейского (католического) гос-ва Франков (этих римлян среди германцев). И именно на базе этого государства (одолевшего в 732г. арабов в битве при Пуатье) взошла сначала империя Карла Великого (коронованного в 800г. папой Львом римской императорской короной), потом — после 843г. — королевства Франция, Германия, Италия, и затем — 962г. — сакрально-универсально-космополитическая Священная Римская империя (с 1512г. — империя вестготов, в духе стартовавшей в 1413г. Германо-Англосаксонской культуры, германской нации), просуществовавшая по 1806г. (и упразднённая первым своего рода евро-националистом Наполеоном, новый национализм к-рого во второй половине XIXв. взял на вооружение Бисмарк, к-рому, после победы 1870/71гг. Пруссии над Францией и создания Германской империи, напрасно казалось, что он всерьёз и надолго обеспечил-гарантировал европейскую гегемонию Германии).

на Флора! Короче, говоря без околичностей, Флором никак не оправдывается бунт *ллинутов* против *Гуливера*, пусть даже рыба воняет с головы. Какой смысл бунтовать-мятежничать, если смертельно опасный мятеж (к-рый иначе не называется и к-рый проигран, даже не начавшись), никак не в силах закончиться удачей!

Всё равно в иудейско-присредиземноморском случае страны, охваченной-окольцованной Римом со всех сторон, от Рима некуда деваться, и уйти от него иудеям никак невозможно. Рим сделал Средиземное море своим внутренним озером, оцепив его легионами отовсюду-совсюду, и у стран-народов по всему периметру этого моря, вдоль его берегов и на определённую территориальность вглубь от них, не было никакой возможности противостоять Риму, тем более, оторваться от него.

Это пограничные армяне могли дистанцироваться от римлян, опираясь на (старшего брата —) Парфянский Иран. Иудеям же Палестины не на кого было опереться и не к кому было взывать о помощи. Как сказано, география страны часто очень во многом определяет её историю. Так, в XIX/XXвв. не на кого будет опереться зажатый между османскими и российскими имперскими жерновами армянам, к-рые (напрасно мня в России вторую Парфию, поскольку для православной и славянской России армяне не являются той роднёй, какой они были для Парфянского Ирана и парфян), потеряют, в частности, ударившись в заведомо проигрышный заговорщический революционизм, по итогам задействованного против них турками геноцида, 2 млн. жизней и большую часть своей исторической родины (Д.И. 869-73; 879-81), а еврейство, напротив, (в совсем иных условиях, нежели в Ив., не будучи зажато между двумя жерновами) обзаведётся, по итогам I-й Мировой войны, еврейским национальным очагом в Палестине, где в 1948г. будет создано (выстраданное еврейством по итогам Голокауста) новоеврейское государство Израиль (к-рое без жертвенного Голокауста было бы невозможно!).

Ниже Агриппа напоминает, что силы Маккавеев, «когда Помпей впервые вступил в страну» (63г. до н.э.), намного превосходили нынешние силы иудеев, но и они не устояли «против незначительной части римского войска», что так и было, и против чего нечего возразить. И куда, стало быть, вы, получившие зависимость от римлян (к-рой на ббг. н.э. почти 130 лет) в наследство, теперь лезете? Точнее, зачем лезть в бутылку, у к-рой чересчур узкое горлышко?! Влезешь и не выберешься, либо, разлетевшись вместе с бутылкой осколками в клочья, либо, оставшись в ней закупоренным, как джин, без надежды вырваться наружу. (Хотя вырваться можно, разве что уйдя в Рассеяние, но перед тем потеряв и Храм, и Город, и Страну, ради к-рых затевалась война).

А дальше идёт небезграмотный обзор (обладающего неплохим обзорным видением обозревателя-аналитика) стран и народов, покорённых римлянами. Разве афиняне и спартанцы, некогда успешно выступившие против могущества персов, имеющие в своём активе прославленные Саламин и Платеи, сегодня не под Римом! Сходно под Римом создавшие при Александре всемирную империю македоняне. У римлян ок. 30-и легионов (число к-рых Агриппа с Флавием не называют) и перво-классный флот. А где ваши армия и ваш флот, слабосильные сухопутные иудеи? где необходимые для войны средства?

И наконец, разве вам придётся воевать супротив каких-нибудь египтян или арабов? Отнюдь, но против самой сильной в мире державы и самой сильной армии, властвующих до Евфрата на востоке, до Дуная и Рейна на севере, до Ливии (Африка) на юге, и до испанского Гадеса на западе. Более того, недавно римляне покорили океанскую Британию (к-рая для Флавия гораздо больших размеров, чем в реальности). «А вы что? Вы богаче галлов, умнее эллинов и многочисленнее всех народов на земле? Что вам внушает самоуверенность восстать против римлян?»

Не подчиняются ли Риму в Галлии 800, или в Азии 500 городов без всякого

воинского гарнизона! На дальних рубежах, в той или иной мере, зависят от Рима Таврида, Боспор, колхи, племена Понта и Меотийского (Азовского) моря; во власти римлян Каппадокия, Памфилия, Ликия, Киликия. Под ними некогда воинственные фракийцы, страна к-рых куда больше, кула диче, куда суровее вашей и защищена природно, находясь на окраине. И однако она повинуетя небольшому римскому гарнизону в 2 тыс. солдат. Здесь в объективе аннексированная и превращённая Клавдием в 45/46гг. в прокураторскую провинцию балканская Фракия (см. выше).

Не менее покорны римлянам иллирийцы до Далмации и Дуная, плюс – альпийские племена. Повержены были в прошлом ратоборные испанские иберийцы, к-рым «в их войне за свободу не помогли ни золото, добываемое из родной почвы, ни большая отдалённость от римлян как на суше, так и на море, ни воинственные племена лузитанцев и кантабров, ни близкий океан...».

Или – кто из вас не слышал о воинской доблести германцев, река к-рых Рейн стала пограничным пределом Римской державы на северо-западе! Правда, тут Агриппа и Флавий несколько лукавят, замалчивая Тевтобургский лес, повлекший за собой потерю Римом правобережной Германии до Эльбы. Однако Германия Magna для Рима необъятна, германцам, в отличие от иудеев, есть куда отходить-отступать, почему сравнение преградившей путь Риму Великой Германии (к-рую Рим видел, да и то смутно, только до болот междуречья Вислы и Свислочи) с миниатюрной Иудеей внутри римских владений минимум некорректно.

И вы зря надеетесь на стены Иерусалима (третью стену к-рого Агриппа I не сумел достроить из-за запрета Клавдия). Рим победил выдающегося полководца Ганнибала и сокрушил неприступный Карфаген. Посему – не сомневайтесь, у римлян хватит сил, чтобы раздавить вас.

Разве вы далёкая Эфиопия (Африка южнее Египта)? или Счастливая Аравия на отшибе, контактирующая с Индией? к-рые где-то на краю света, и потому примеры их независимости от Рима, к-рые вы любите приводить, приложительно к вам, несостоятельны, и примерами для подражания быть не могут. Не покорна ли римлянам Александрия, снабжающая Город-на-Тибре хлебом, ресурсы к-рой много солиднее-внушительнее ваших!

* * *

И заметим, что при этом снабжённом комментариями перечислении покорствующих Риму владений-территорий, Флавий с Агриппой умышленно молчат об Армении, к-рая как раз в ббг., когда Нерон, вероятно, в мае, незадолго до речи Агриппы в июне, короновал Тиридата в Риме, де-факто отошла-отдалилась от (сохранившего политико-дипломатическое лицо) Рима в пользу Парфии.

М.б., иудеи надеются, что им окажет поддержку Вавилонская диаспора (анклав Иерусалима в Диаспоре)? или (исповедующие иудаизм) адиабенцы? царём у к-рых Монобаз II (сын Елены, брат Изата). «Но они, во-первых, без основательного повода не дадут себя втянуть в такую войну; а если бы даже они и приняли такое безрассудное решение, то их выступлению воспрепятствуют парфяне, потому что в интересах последних лежит охранение мира с римлянами, к-рые всякую вылазку парфянских подданных против них будут считать нарушением мирного договора».

Внимание! Здесь перед нами косвенное подтверждение того факта, что на момент произнесения этой речи в июне ббг. Тиридат (точное месячное время прибытия к-рого в Рим считается подвопросным) уже коронован Нероном царём Армении на Римском форуме в мае (ббг.) и тем (разумеемый Агриппой со Флавием) окончательный мирный договор между Римом и Парфией (в продолжение обязавшего

Тиридата прибыть за короной в Рим предварительного-прелиминарного мирного соглашения, или, вернее, перемирия 64г.) заключён-ратифицирован (см. выше и ниже).

Разумеется, не обязательно воображать, что об этом непременно знает и это непременно имеет в виду, произнося свою стилизованную речь в июне 66г. Агриппа, но об этом наверняка знает и учитывает это, говоря применительно ко времени речи Агриппы о в основном урегулировавшем на почти 50 лет Армянский вопрос наиболее устойчивым мирным договоре между римлянами и парфянами, пишучи в 75 – 79гг. «Иудейскую войну» в Риме, сам Флавий.

И тут снова стоит вспомнить упрёк Флавию издателя в начале XXв. «Иудейских древностей» на русском языке Г.Генкеля в предательском пораженчестве. Дескать, стоило Иосифу обратиться за помощью против Рима к грозным парфянам («а это тогда было так легко») и ход-исход Иудейской войны могли бы (сослагательное наклонение и нереализованные альтернативы!) быть иными (с.310/11). Помилуйте, но между Римом и Парфией с мая 66г. царил (продолживший-скрепивший их не первое перемирие 64-го г.), на сей раз, прочный договорный мир. Не предлагал ли Вологез Парфянский ставшему в 69г. кесарем-принцепсом Веспасиану, в знак мира и дружбы, аж военную помощь против мятежных иудеев!?

И о какой, спрашивается, помощи палестинским повстанцам со стороны парфян (или арабов, или эфиопов, или китайцев, или ольмеков) вообще может идти речь, даже если бы мирного договора между двумя державами не существовало? Не подобный ли генкелевскому местечковый-геттоизированный подход, неумение видеть дальше своего носа и тысячекратная переоценка своих способностей-возможностей (супротив чего надрываются Агриппа и Флавий голосами вопиющего в пустыне Иеремии) вовлекли иудеев в 66 – 70гг. в страшную национальную катастрофу? Иррационализм бывает и со знаком плюс и со знаком минус. Так вот иррационализм одержимого псевдоизбранничеством и псевдомессианизмом иудейского повстанчества 66 – 70 или 132 – 35гг. был однозначно и заведомо обречённой на гибель авантюрой с жирным знаком минус.⁵⁹ И хорошо, что Флавию удалось вовремя спрыгнуть с идущего под откос поезда, хорошо, что его тошнит от этой мерзостной «музыки революции».

Впрочем, не только согласно иудеям, но и по протестантскому теологу Шюреру, Флавий оказался ренегатом в большей мере, нежели израэлиту пристало, нежели

⁵⁹ Не сравнима ли отчаянная попытка Бар Кохбы в 132-35гг. взять реванш за поражение 66-70гг. и одержать победу над Римом-миром с отчаянной попыткой Гитлера реваншироваться за 1914-18гг. и одержать победу над англо-французами и над не пожелавшей воевать вместе с ним против них сталинской Россией?! И как (ярый враг, само собой, не признавших в нём мессию христиан) Бар Кохба был безрассудным храбрецом, поднявшись против Римской империи, так и (ярый враг евреев) Гитлер безрассудно храбро атаковал (имея в тылу неповерженных англичан с американцами) Россию, потому что только безрассудный смельчак мог осмелиться атаковать СССР на просторах от Баренцова до Чёрного моря. И сколько бы Гитлера сегодня не силились представить трусом, последним он (имея железные кресты за личную храбрость уже в I-й Мировой войне, в звании рядового и ефрейтора) никогда не был, что, наряду с тем, нисколько не умаляет его преступность и никак не делает, не может сделать его героем. Хотя тут стоит оговорить, что Европа, с её короткой памятью, давно бы сделала его (романтическим) «героем», подобным (рафинированному Гитлеру) Наполеону, не будь Голокауста! о к-ром справедливо не забывают и не позволяют миру забыть евреи!

Впрочем, если (советский) еврей М.Ромм снял фильм «Обыкновенный фашизм» (правильно было бы – «Обыкновенный нацизм», ибо германского фашизма никогда не было), то может когда-нибудь какой-нибудь еврей снимет фильм «Обыкновенный большевизм» или «Обыкновенный коммунизм», в к-ром будет правдиво показана роль переизбыточного количества евреев в истории преступного большевизма в России, или в истории (лево)радикальных террористических партий XXв. как в России, так и по миру, слишком жирную еврейскую составляющую в к-рых до сих пор, насколько известно, не осудил ни один еврей!

израэлиту подобает: «mehr als einem Israeliten gebührt». Мало того, он (Флавий) — продолжает Шюрер — истолковательски углядел в Веспасиане — властелине мира, предсказанно пришедшем в Рим из Иудеи, чуть ли ни мессию: «entblödet sich nicht (die messianische Zeichen) auf Vespasian zu deuten». Да, Флавий, сдавшись в плен вместо того, чтобы «героически» погибнуть или покончить с собой, не оставив нам свои выдающиеся произведения (без к-рых нет истории I/Ивв.!), никогда не предавая свой народ, как его не предавал Иеремия, впоследствии (слава своих покровителей Веспасиана и Тита, в частности) конъюктурил, но ведь мысли, вложенные им в уста Агриппы насчёт заведомой безнадёжности восстания, совершенно верны!

Не случайно, покончив с напраслиной надежд на помощь адиабенских иудеев и на кого бы то ни было в мире сём, Агриппа, под конец, отсекает и надежду на Бога. «Таким образом, (вам) ничего больше не остаётся, кроме надежды на Бога. Но и Он стоит на стороне римлян...», или, при всех случаях, — не на стороне иудеев.

И пусть римское государство, вопреки Флавию, не есть детище иудейского или христианского Бога, всё равно противостоять ему ветхозаветное палестинское еврейство — не в силах. Оглянемся на Послание к Евреям-христианам Ап. Павла! Иудеи Древнего Завета с их храмом и культом свою миссию, что подсознательно верно чувствует, не умея правильно понять-истолковать, и Флавий, выполнили, и потеря ими как Иерусалима, так и храма, так и культа, так и земли исполнившегося обетования — неминуемы-неизбежны!

«Войну начинают обыкновенно в надежде на Божество или на человеческую помощь; но когда зачинщики войны лишены и того, и другого, тогда они идут на явную гибель».

Сообразно Флавию, после произнесённой речи царь и его стоявшая рядом сестра Вереника заплакали. Причём речь произвела на иудеев впечатление и они воскликнули, что борются не с римлянами, а с притеснителем Флором. Агриппа же (дипломатично-изворотливо уходя от вопроса о Флоре) указал на мятежное разрушение ими приантонианских галерей-колоннад и на мятежную неуплату налогов императору: «ведь не Флору принадлежит цитадель и не Флору вам нужно платить деньги».

ИУДЕИ НАЧИНАЮТ ВОЙНУ ПРОТИВ РИМА ОТМЕНОЙ ХРАМОВОЙ ЖЕРТВЫ ЗА КЕСАРЯ И РИМЛЯН (июнь 66г.)

Народ как будто дал себя уговорить и поспешил с площади Ксист вместе с царём и Вереникой к храму, где принялся за восстановление сорванных в ходе майского кровопролития галерей (2,17,1). Помимо того, избранники народа и члены совета «разделили между собой деревни и начали собирать дань», вскоре дособрав недостававшие к уплате 40 талантов. Т.е. собственно отказа от уплаты налогов не было, но в связи с волнениями и хаотичной ситуацией 40 податных талантов остались недобранными.

Когда же Агриппа, к-рому, согласно Флавию, удалось задержать-отсрочить войну, спустя какое-то короткое время опять начал побуждать народ повиноваться Флору «до тех пор, пока император не пришлёт на его место преемника», так и не решившись присоединиться к народному требованию о посольстве в Рим для Флорова смещения, масса опять ожесточилась. Теперь уже поднялся «ропот негодования против царя и ему велено было передать, чтобы он оставил город». Обратите внимание, в к-рый раз всё упёрлось во Флора!

Радикалы-охлократы не преминули воспользоваться нерешительностью иудейских верхов. Толпа опять склонилась в сторону революции, некоторые даже стали

бросать в Агриппу камня. И раздражённый таким к нему отношением он не нашёл ничего лучше как отправить представителей иудейских верхов к Флору в Кесарию, дабы тот назначил из их числа сборщиков податей, а сам (вместе с Вереникой) обиженно покинул Иерусалим, удалившись в свою вассальную столицу — Кесарию Филиппову, с 61г. — Неронию. «Я умываю руки».

«Между тем собралась толпа иудеев, стремившихся к войне с особенной настойчивостью и поспешно выступила против крепости Масада; взяв её хитростью, они убили находившихся там римлян и поставили туда гарнизон из своих людей. В то же время Элеазар, сын первосвященника Анании, — чрезвычайно смелый юноша, занимавший тогда начальнический пост, — предложил тем, к-рые заведовали порядком богослужения, не принимать больше никаких даров и жертв от неиудеев. Это распоряжение и было собственно началом войны с римлянами, потому что в данном распоряжении заключалось отвержение жертвы за императора и римлян...» (2,17,2).

Засим в условиях образовавшегося властного вакуума, когда власть, будь то синедриональная или агриппианская, вновь потеряла авторитет (верхи не могут, низы не хотят), на авансцену опять выступили, заполняя этот вакуум, экстремисты. Боевая группа революционно настроенных иудеев-сикариев захватила (взятую ими хитростью) неприступную крепость Масаду на западном берегу Мёртвого моря, к-рую — стратегически важную цитадель, некогда великолепно отстроил-укрепил Ирод (эвентуальное место погребения мумии казнённой им в 29г. до н.э. любимой жены — Мариамны I), и к-рая станет последним оплотом последних повстанцев проигранной иудеями Иудейской войны в 73г. Притом римский гарнизон крепости захватчики, отрезая себе и другим единоверцам-елиноплеменникам пути назад, безжалостно предали мечу.

Дальше — больше. Не кто иной как знакомый нам начальник храмовой стражи (сын первосвященника Анании б. Небедея) Элеазар (письмоводителя к-рого сикарии похитили в 62г.), т.е. представитель иудейской храмово-аронидской знати, инициировал непринесение-отвержение дальнейшей жертвы за римского кесаря и римлян (равно отвержение храмовых даров и жертв от язычников в целом), что, действительно, означало не что иное как форменное объявление — где-то во второй половине или к концу июня 66г. н.э. — войны Риму, войны Римской мировой державе.

И тут не очень понятно, шёл ли радикал Элеазар, репрезентант выступавшей в основном не за войну иудейской элиты, в этом вопросе против своего родителя — лоялиста (и хапуги) Анании? к-рого скоро убьют (как римского прихвостня) другие радикалы-мессианисты. Так или иначе, отказ от жертвоприношения за кесаря и римский народ позиционировал-заформатировал веховой поворотный пункт в развитии событий.

Напомним, это прокесарское-проримское жертвоприношение совершалось дважды в день, утром и вечером, состоя из двух агнцев и одного тельца, совершаемое, начиная со времени правления Августа, за счёт римских кесарей. От иудеев, единственных на Востоке Римской империи, в силу специфики их имманентной религии и культа Бога Единого, Рим не требовал признания божественности императоров, и они приносили жертвы не кесарям, не их божеству, а ради кесарей, за кесарей и римский народ (во здравие кесарей и римского народа). Теперь же, по отвержении жертвоприношения, что было эмоционально поддержано присутственным большинством иудейского народа (донельзя возбуждённой толпы), вышедшее из повиновения еврейство оказывалось по сути в состоянии войны с Римом. Последняя ли точка невозврата была пройдена?! Обратной дороги нет!?

И всё-таки, умеренные ещё отчаянно пытались, идя ко дну и хватаясь, словно утопающие, за соломинку, спасти-выправить положение. Но как ни упрашивали

предводительствуемых Елеазаром ревнителей-радикалов первосвященники-лоялисты и единомысленная с ними знать, те, в основном безрассудная горячая молодёжь, при поддержке, на сей раз, большей части склонившейся на их сторону (ибо у противной продолжавшей толерировать злыдня Флора стороны не было ни достаточно убедительных аргументов, ни достаточно авторитетного предводителя) толпы, не уступили. Жертвы за императора и римский народ, т.е. за верховную власть и старшего союзника (хозяина), отныне вызывающе не приносились, чем союзные отношения были расторгнуты, противокесарская = противоримская мятежность открыто декларирована.

В дополнение к тому, принципиальное отвержение жертв и даров от язычников означало тотальную геттоизацию-обособление и объявление еврейством войны не только римскому кесарю с римским народом, а фактически всему языческому миру, к-рый, мол, мессианистический Израиль должен сначала сокрушить, потом, кого возможно, обратить, а кого обратить-иудаизировать невозможно, или недопустимо, вроде бы куда-то изгнать, либо уничтожить (как в своё время деградантных хананейских доизраэлитов Земли Обета).

БОИ В ИЕРУСАЛИМЕ

(июль 66г.)

Как видим, радикальная инициатива исходит не от делающих ставку на оклократию, чтобы под её прикрытием (по-якобински, или по-большевитски) урвать власть, зилотов и сикариев, но от зилота и сикария в душе — от занимающего высокий пост в храме отпрыска первосвященника (даром что насквозь коррумпированного) Аронида. И народные массы преимущественно на его стороне. Хотя на чьей, спрашивается, стороне им быть? Ведь (отъявленный эллинист и римлянофил) Агриппа умыл руки и подался в своё царство, тогда как знатные иерусалимские иерократы и др. лоялисты чересчур нерешительны, разъединены, напуганы, не имеют чёткой линии-цели, и у них, повторим, нет яркого авторитетного (харизматичного) лидера.

Вот Елеазар и возглавил, взброшенный нарастающей революционной волной на гребень, растревоженную, как осиные соты, толпу. Так, с одной стороны, революция продолжала вздыматься по восходящей (на пути к якобинской или большевистской диктатуре), в то время как со стороны другой, ей никто толком не противодействовал, лоялистская элита была расщеплена, теряла время, беспомощно металась и не знала, что делать. Раньше она выступала в альянсе с прокураторами, но Флор перегнул палку и похерил этот альянс; Агриппа смотал удочки; квелый Цестий мямлил. Тем временем, шансы взять ситуацию под контроль таяли на глазах. И опять-таки, на глазах трагедия надвигалась неотвратимо.

Между тем, первосвященники, знатнейшие фарисеи (на специальное упоминание к-рых среди лоялистов в данном контексте стоит обратить внимание), саддукеи и другие представители знати собрались в храме на совещание (сродни сначала инициировавшим т.н. умеренный террор, а потом поделом ставшим его жертвами пустобрёхам-жирондистам, или сродни бездарному и бесхребетному Временному правительству Керенского⁶⁰) (2,17,3). Не имея иных рычагов, они силились

⁶⁰ Ничтожные февраллисты и Временное правительство в России до такой степени развалили всё и проворонили страну за 8 месяцев своего псевдоправления, что от них просто не мог не родиться мёртвый 8-месячный ребёнок! И у Ленина с его бандой радикалов-экстремистов, можно сказать, своего рода алиби, поскольку они взяли власть, к-рая валялась и, в сущности, на момент залпа «Авроры», никому не принадлежала, так как экзистировала в лице т.н.

урезонить ревнителей словесами о необходимости возобновить жертву за кесаря и о допустимости, сообразно закону и традиции, подношений и жертвоприношений от язычников, для к-рых существует специальный притвор Язычников. Разве иудейскому Богу и храму не воздавали должное, принося щедрые дары, Александр и Птолеми, Август и Агриппа, многие др. видные язычники! Не следует дразнить ни римлян, ни языческий мир, иначе и город, и культ могут оказаться вне римского и ойкуменического закона и перестанут пользоваться законной защитой, что приведёт к пагубнейшим последствиям.

Но время теологических диспутов и увещательных слов, к-рые не помогли и не помогали, безнадежно миновало, наступило время жёстких ответных мер, решений, действий, наступило время решительных персон, могущих возглавить восстановление порядка. Ан — ни сил, ни решительности, ни нужных-достойных личностей у расколотых лоялистов, явно уступавших своим противникам в отваге и решимости, в бандитской готовности на любое кровопролитие, на любые крайности и любой террор, не было.

Опричь того, вдохновлённые революционизмом знатного и храмово-начальственного Аронида Елезара даже некоторые священники стали пренебрегать своими прямыми обязанностями и начали открыто готовиться к войне (2,17,4). Никакие уговоры насчёт необходимости возобновления жертвы за кесаря, равно никакие разъяснения учёных саддукеев, фарисеев, книжников старшего возраста насчёт принятия во все времена жертв от иноплеменников, не подействовали.

Тогда элитные лоялисты, видя, что они не в состоянии справиться с мятежом и желая снять с себя всякую ответственность за происходящее, (тайно от радикалов) снарядили два посольства: одно — к Флору — в Кесарию, другое — к Агриппе — в Неронию, прося их «стянуть войска к городу и подавить восстание, пока ещё есть возможность». Т.е., сами умывая руки, как до них сделали Флор и Агриппа, иудейские верховники просили Флора и Агриппу поспешить с войсками, доколе ещё есть возможность обойтись малой кровью, ибо возможности полностью избежать кровопролития они уже не видели, точнее, её больше не было.

Флор потирал руки, по Флавию, чрезвычайно обрадованный — как поджигатель войны — вестями из Иерусалима, и не прислал никакого ответа. Пусть в Центре узнают, что он не при делах, что смута разрастается без него, оставившего синедристам одну когорту вдобавок к антонианской, но похоже без чётких инструкций командирам когорт, если, разумеется, Флавий тут не темнит. Во всяком случае, поведение Флора и командиров иерусалимских когорт, исходя из Флавия, не очень понятно. Остающийся в должности наместник не мог полностью дистанцироваться от всего, что творилось в Иерусалиме, куда он почему-то снова (во главе 2-х или 3-х когорт) не прибыл, всегда, однако, могучи сослаться на необходимость своего пребывания во главе 3-х когорт в Кесарии на случай беспорядков и межэтнических-межрелигиозных столкновений там, либо — в др. местах-пунктах подчинённой ему провинции.

министров-капиталистов и предавших своего царя изменников-генералов (нарушение присяги на верность лично императору, да ещё в военное время!), к-рые не могли держать-удерживать ни политическую власть, ни армию, ни фронт, только формально.

Впрочем, вытязи с февраля/марта по октябрь/ноябрь 1917-го, или на осень 1919гг. (когда деникинцы взяли Орёл и подошли к Туле) даже один из российских генералов или адмиралов на Гинденбурга или (сделавшего так много для прихода Ленина к власти!) Людендорфа (уж не говоря о Франко!), большевизм был бы раздавлен! Если бы русский генеральско-офицерский корпус показал себя ровней (хотя бы) прусскому, то у большевиков не было бы шансов на успех, как их не было у пытавшихся свергнуть Германию в такой же кровавый хаос, в какой большевики свергли Россию, «спартаковцев», во главе с К.Либкнехтом и Р.Люксембург! или — у Баварской Советской республики!

Или с поставленной перед ними задачей не справились две иерусалимские когорты – антонианская и дворцовая, – продолжавшая ли пребывать в городе, с момента её оставления здесь Флором, в полном составе? – вопрос. Из дальнейшего флавианского текста вообще не очень ясно, можно ли говорить о двух римско-иерусалимских когортах, несмотря на то, что никакой информации о последующем (до штурма мятежниками Антонии и Иродова дворца) уходе из города когорты, к-рую оставил в нём Флор, в тексте нет.

В отличие от Флора, Агриппа откликнулся на иерусалимский призыв, стремясь, невзирая на обиду, нанесённую ему иерусалимлянами, восстановить прежнее положение дел, и прислал 3 тыс. всадников из Аврана, Батана, Трахона, «под командой Дария, начальника конницы, и главным предводительством Филиппа, сына Иакима». Филипп был внуком вавилонского иудея Замариса, к-рый в 4/3гг. до н.э., во главе отряда из 500 всадников и 100 родственников, мигрировал, перейдя через Евфрат, из Вавилонии в Сирию, поселившись, с разрешения тогдашнего сирийского наместника (7 – 2гг. до н.э.) Сентия Сатурнина, возле Дафны, близ Антиохии (Р.л. 654/55). Ирод привлёк его в свои владения и сделал из его всадников на границах Батана, Аврана, Трахона сторожевых казаков, выполнявших охранные задачи как в отношении еврейских паломников, регулярно направлявшихся в Иерусалим, так и на аравийских границах против набегов бедуинов (И.д. 17,1-3). Сын Замариса Иаким атамански служил, без изменения казачьих функций его воинства, тетрарху Филиппу и позднее – Агриппе I; внук – Филипп – Агриппе II, будучи у него войсковым главноком.

Ободрённые полученной от Агриппы воинской помощью, лоялисты-контрреволюционеры вместе с, по Флавию, мирной частью населения, заняли Верхний город, тогда как «Нижний город и храм находились в руках мятежников» (2,17,5). Между обеими партиями начались столкновения, как дистанционные – с использованием камней и метательных снарядов, так и лобовые – посредством схваток отрядов с обеих сторон, причём, если воины Агриппы проявляли больше опытности, то ревнители компенсировали её отсутствие отважной яростью. Первые хотели овладеть храмом, считая мятежников осквернителями святыни; вторые, под предводительством Елеазара, стремились поднять под себя Верхний город. «Семь дней подряд лилась кровь с обеих сторон и, однако, ни одна партия не уступала другой занятых ею позиций».

Т.е. противоримское выступление ревнителей, при оппозиции к ней меньшинства лоялистов, привело, вслед за фактическим объявлением отменой жертвы за кесаря войны римлянам, к войне гражданской.

«На восьмой день, в праздник ношения дров, когда каждый должен был доставить дрова к алтарю для поддержания на нём вечного огня, ревнители исключили своих противников из участия в этом акте богослужения...» (2,17,6). Сим революционеры категорически продемонстрировали свою монополию на культ и храм, отлучая от них всех с ними не согласных, к-рые тем самым оказывались вне закона с (маратовско-троцким) клеймом «врагов народа». Но этим дело не исчерпывалось, не исчерпалось, так как с вооружённой ритуально-праздничной массой (носителей дров) в храм незаметно вкрались-пробрались (под видом дровноносителей) множество (вооружённых) сикариев – пресловутых «рыцарей плаща и кинжала», – экстремистов с короткими мечами-кинжалами, скрытыми под праздничными дровами и платъем. Не напоминает ли это бомбы (под видом пасхального кулича за пазухой) чахоточных клинобородых бомбистов – т.н. народовольцев и эсеров (от к-рых, как и от большевиков, за версту смердит мертвечиной)!

Отсюда экстремисты, обнажив кинжалы и сгруппировавшись, организовали нападение-атаку на Верхний город, потеснили агриппианские отряды, сожгли дом

первосвященника Анания, а также дворец Агриппы и Вереники = дворец Хасмонеев, после чего спалили «здание архива для того, чтобы как можно скорее уничтожить долговые документы и сделать невозможным взыскание долгов. Этим они имели в виду привлечь массу должников на свою сторону и восстановить бедных против состоятельных».

Такое типично для революций, при начале к-рых горят архивы политической полиции, ведомства внутренних дел и долговые документы. Так уничтожаются права на собственность, скрывается сотрудничество с охранкой, предаются огню компрометирующие лидеров «святого дела (не только русской) революции» документы, аннулируются прежние долги, и под маской эйфории нового благоденствия стартует террористический беспредел, обычно куда более нетерпимый к противникам и ко всякому инакомыслию, нежели прежний режим (тирания или т.н. тирания к-рого запоздало видится детскими игрушками в сравнении с тотальной тиранией давешних вольнолюбцев-революционеров).⁶¹

МАНАИМ / МЕНАХЕМ

(август 66г.)

Проясним хронологию. Согласно «Мегиллат Таанит» (11) и Талмуду (Таанит 4,5,8), дата израэлитского праздника – Корбан-Ецим – принесения-доставки дров (вязанки к-рых разными родами-домами приносились в разные дни лета, к примеру, родом Давида – 20 таммуза) в храм для алтаря Всесожжения – 15 ава (июль/август). В нижеследующем абзаце 7 главы 17 Флавий называет следующий после праздника день – 15 лооса (август по сиро-македонскому календарю). Т.е. иудейский календарь здесь (с учётом начала иудейских суток *днём раньше* – ок. 6-и часов вечера) очевиден.⁶² И по этому календарю, день 15 ава попадает на 25.07. календаря юлианского.

Следовательно, в объективе не середина августа, а вторая половина и конец июля, верно отстоящий почти на месяц от отмены жертвы за кесаря и римский народ где-то в конце июня, м.б., 29.06.66г. – не ровно ли за год до казни Ап. Петра и Павла в Риме (29.06.67г.)! И значит, недельные бои между ревнителями и

⁶¹ Судите сами. 17-годовой Ильич, в год казни его ст. брата за покушение на цареубийство (1887г.), окончил с золотой медалью гимназию (представьте себе нечто подобное в советское время!) Или – не оправдал ли суд присяжных стрелявшую в петербургского генерал-губернатора В.Засулич (1878г.)! по поводу чего профессиональный юрист Ф.Кони восторженно воскликнул: «Суд по совести победил суд по закону», и что, по сути, благословило последующий терроризм!

Или, если, идя дальше, сравнить степень тоталитаризма-тираничности левых и правых диктатур. Не обитал ли М.Горький до 1932г., припеваючи, на Капри (меняя дорогостоящие виллы), при фашистском режиме Муссолини! Не жил ли никем не гнобимый большой друг коммунистов Р.Роллан, при режиме Виши, в оккупированной нацистами Франции! Не сумел ли Г.Димитров, к-рому инкриминировали поджог рейхстага, удачно оправдаться в нацистском суде, получить свободу и отправиться в СССР (1933г.)! Сравните всё это со сталинскими процессами 30-х гг.! Плюс к тому, в ходе войны, Гитлер максимум смещал-отставлял своих фельдмаршалов или генералов (многие из к-рых не были членами партии, в отличие от тотально партийных генералов, уж не говоря о маршалах, советских) за провалы на фронте. А вот Сталин в 1941г., за внезапность войны и катастрофические поражения, в к-рых, в первую очередь, был виноват он сам, оперативно и показательно расстрелял 7 генералов!

⁶² Разумея 14-е лооса как день праздника Корбан-Ецим, Флавий либо ошибается на день, либо, что вероятнее, присовокупляет канун праздника Корбан-Ецим к собственно празднику (аналогия – 14/15-е нисана, когда 14-е – канун – включается в некоторых текстах-контекстах, в т.ч. Флавием, в рамки пасхального праздника).

лоялистами за Верхний и Нижний город, закончившиеся победой овладевших Верхним городом революционеров, шли 7 дней – с ок. 18 по 25.07.

А в заключительные дни июля (с 16 ава) последовало как со стороны храма, так и Верхнего города нападение на цитадель Антонию, к-рую после двухдневной осады революционеры взяли штурмом, при этом перебив весь ганизон = антонианскую когорту, и предав саму цитадель – ненавистный символ римского владычества-господства над Иерусалимом и Храмовой горой – истребительному пламени (2,17,7) – огню поядающему, к-рый 4 года спустя сожрёт и Иерусалим, и храм.

Затем они обложили Иродов дворец, куда спаслись агриппианские отряды с партией мира, и где находилась оставленная Флором в Иерусалиме, в помощь верховным иудейским лоялистам, вторая римская когорта. Имея значительное численное преимущество, наступавшие разделились на 4 отряда, но не особенно усердствовали в деле штурма дворца, полагая, что недостаток съестных припасов вынудит осаждённых скоро сдаться. В числе запершихся в Верхнем дворце находились первосвященник Анания, бывший, надо понимать, в контрах со своим радикальным сыном, бойцы к-рого осадили дворец, брат Анании Езекия, посланные к Агриппе делегаты и др. знатные лица. Предпринять вылазку осаждённые не решались, но наносили противнику ощутимый урон, стреляя сверху, с брустверов и башен.

Впрочем, война, де-факто объявленная Елеазаром, не замедлила ударить и по нему самому, поскольку в сложившихся обстоятельствах появилась фигура радикальнее него. Некий Манаим, – сын того самого Иуды Галилеянина, «к-рый при правителе Квиринии укорял иудеев в том, что они, кроме Бога, признают над собой ещё и власть римлян» (2,17,8), – с группой приверженцев отправился в (ранее занятую перебившими тамошний римский гарнизон сикариями) неприступно-отвесную крепость Масаду, разбил здесь арсенал Ирода, вооружил множество своих и примкнувших к нему мятежников, «вступил, как царь, в Иерусалим, встал во главе восстания и принял руководство осадой» Иродова = прокураторского дворца. Сын отца «четвёртой философии» зилотизма сделался кинжальным сикарием и стал самозванным царём!

Если Иуда, по месту деятельности, а не по происхождению, Галилеянин (родом из Гамалы в Гавлане – к востоку от Тивериадского оз.), мятежно выступил в 6/7гг. н.э., после провинциализации Иудеи Августом в 6г., и тогда же погиб, то его мл. сын Менахем (двух старших братьев к-рого распял в 47г. Тиберий Александр), кто, следовательно, родился не позднее 6/7гг., на 66г. в возрасте ок. 60-и лет, хронозамкнул выступление своего родителя тремя, в общей сложности, (провозвистельно-апокалипсическими) шестёрками: 6 – 66г. н.э.

Флавий молчит о менахемовской претензии на мессианство (вообще избегая, с оглядкой на римлян, приложительно к Иудейской войне, говорить об этом), однако оную можно предположить как из претензии экстремиста-ревнителя Менахема на царский (= мессианский) статус, так и из ношения им царской мантии (2,17,9). Да и по логике событий-вещей, – ничего удивительного, ибо в русле их эскалации лжемессия просто не мог не объявиться!

И примечательно, что, сообразно позднейшему талмудическому преданию, имя мессии, родившегося в день разрушения храма и до поры сокрытого – Менахем – *Утешитель*. Правда, Манаим/Менахем объявился и вскорости кончился за 4 года до разрушения храма, или – за 66 (33 x 2) лет до выхода на авансцену тоже воспритязавшего на мессианский в 132г. статус Бар Кохбы, равно за 69 (23 x 3) лет до гибели последнего в 135г., чем в итоге почти 70-летний период иудейского противостояния Риму (66 – 135гг.) катастрофически для иудеев финишировал.

Но пока присвоивший себе царское (мессианское) достоинство Менахем, отеснив Елеазара и др. менее радикальных радикалов, как сказано, возглавил в

амплуа вождя революции осаду прокураторского дворца. Осаждённые ещё несколько дней, небезуспешно отбивая атаки, держались, вынужденные затем, из-за подавляющего численного превосходства противника и отсутствия съестных припасов, послать парламентёров к Манаиму с просьбой предоставить им возможность свободного отступления, каковая была предоставлена лишь агриппианским всадникам и иудеям. Римляне же отступили в (со времени Ирода) три придворцовые башни – Гиппикову, Фазаилову, Мариамны.

Люди Манаима ворвались во дворец, перебили всех, кто не успел или не сумел спастись, захватили всю недвижимость и сожгли (не менее ненавистную им, чем цитадель Антония, эту царскую резиденцию ставленника римлян Ирода и последующую резиденцию римских прокураторов). «Это произошло – пишет Флавий – 6-го Горпайоса (Горпея) = 6 Елула = 15.08., т.е. (если продолжать датировать по, при сиро-македонских названиях месяцев, иудейскому календарю, синхронизированному с юлианским) в середине августа 66г. н.э.

На следующий день Анания и его брат Езекия были вытащены из водопровода царского дворца, где они скрылись, видимо, не попав в число тех, кому было позволено уйти с воинством Агриппы и не успев или не захотев скрыться в одну из башен вместе с римлянами, и подверглись умерщвлению манаимовцами (2,17,9). Так пролилась первая священская и даже первосвященская кровь, т.е. воспритязавший быть царём-мессией Манаим (крайне неутешительный противообраз Мессии – Первосвященника по царскому чину Мелхиседека) ясно дал знать, что нет крепостей, к-рые не могли бы взять большевики = нет морально-нравственных преград, через к-рые он и они не переступят!

Таким образом, неблагочестивый отец Елеазара стал жертвой тех экстремистов, к-рые оттеснили его радикального сына, этих самых экстремистов накликавшего. И пусть молодой Елеазар не ладил с отцом, будучи много радикальнее родителя (конфликт отцов и детей), но убивать его он явно не намеревался. А сменивший его в предводительстве революцией убийца (какого-никакого) экс-архипастыря Манаим, поощрённый, по Флавию, этим убийством «на безумные жестокости», думая, что у него нет никаких соперников-конкурентов, «сделался несносным тираном». Мессия Иисус отдал на закание, взойдя на крест, Себя; лжемессия Манаим убивал и чужих, и ближних.

Впрочем, его тирания продлилась очень недолго – считанные дни (хотя из неуклюжего употребления Флавием этого слова в данном контексте может создаться ошибочное впечатление о сравнительно продолжительной тирании). Потеряв отца, Елеазар, без промедления, восстал против (опроектично не устранившего его одновременно с Ананией) Манаима и со своими сторонниками напал на него в храме, когда тот «в полном блеске, наряжённый в царскую мантию и окружённый целой толпой вооружённых приверженцев, шёл к молитве». Вероятно, узурпатор был поначалу признан Елеазаром, к-рый потому и не лишился головы, но продолжая заведовать храмовой стражей, быстро организовал ответку-оборотку и сумел заставить убийцу своего родителя врасплох.

Причём народ, присутствовавший при нападении, поддержал Елеазара со приверженцы, начав забрасывать камнями манаимовцев, кровожадность к-рых, в т.ч., по отношению к своим, как и их слишком вызывающее самозванство, оттолкнули от них многих. В результате подвергшиеся нападению манаимовцы, некоторое время держали оборону, но увидев, что силы противника за счёт народа прибывают, бросились врассыпную. Пойманные были убиты на месте, немногие спаслись в Масаду. И среди них родственник Манаима Елеазар б. Иаир, к-рый позднее возглавит оборону и массовое самоубийство иудеев в Масаде – последнем оплоте повстанцев, павшем в 73г., чем, в общей сложности, семилетняя Иудейская война

завершится, и с кем, т.е. с Елеазаром, кончится-пресечётся псевдомаккавейский и псевдомессиаанский род Иуды Галилеянина.

Сам Манаим бежал во второй половине августа 66г. в Офлу (юго-восточная часть Иерусалима); следуя Флавию, трусливо спрятался там, был найден — «и после многих мучений лишён жизни». Пробыть-побыть на поверхности, в лучах своей сомнительной славы, ему довелось, всего-итого, с появления из ниоткуда и до исчезновения в никуда, (смешно сказать) очень немного дней.

И если первый лжемессия Иудейских войн канул в Лету в 66г. н.э., по прошествии 66-и лет с 1г. до н.э., то второму и последнему из лжемессий той эпохи Бар Кохбе предстояло назваться «князем Израиля» и возглавить последнее кровопролитное восстание палестинских иудеев против Рима через 66 лет после первого — в 132г. н.э. (1 – 33 – 66 – 99 – 132гг.), чтобы погибнуть (под обломками крепости Беттар) спустя 3 года и ок. 6-и месяцев — в августе 135г.

ИСТРЕБЛЕНИЕ РИМСКОГО ГАРНИЗОНА

(август 66г.)

По Флавию, народ, содействовавший стремительному возвышению и не менее стремительному падению (кровожадной бабочки-однодневки) Манаима, надеялся тем или иным способом погасить восстание, в чём приходится усомниться. Выступление большинства народа против крайних экстремистов-охлократов, тотчас ударившихся в безоглядную тиранию, вряд ли означает, что большинство отмежевалось от восстания, конца к-рого теперь (всё робче) желала часть верховников, но не вошедшая во вкус и раж толпа. То-то она приняла в большинстве возвращение в лидеры-вожди Елеазара, возглавившего осаду римлян в трёх придворцовых башнях (2,17,10).

В то же время предводитель римских солдат Метилий, надо понимать, префект когорты, оставленной в Иерусалиме Флором, ободрённый вместе с прочими концом крайних экстремистов, о чём римляне узнали, тотчас послал к (дескать, более терпимому и рукопожатному) Елеазару парламентёров с предложением предоставить его людям возможность свободно уйти, сложив оружие. Елеазар охотно согласился и его посланники даже ударили с Метилием по рукам, клятвенно подтвердив мирное соглашение.

И римских солдат (сирийцев, кесарийцев, себастийцев) никто не трогал, пока те находились при оружии. Когда же они, сообразно уговору, сложили оружие, «щиты и мечи, и, не подозревая ничего дурного, начали удаляться, тогда люди Елеазара бросились на них и оцепили их кругом. Римляне не пробовали даже защищаться или просить о пощаде, но громко ссылались на уговор. Все были умерщвлены бесчеловечным образом, за исключением одного Метилия», к-рый слёзно умолял сохранить ему жизнь, выразив желание принять иудейскую веру и обрезать.

Сим восставшие в 20-х числах августа 66г. переступили ещё через одну, пожалуй, последнюю красную черту. Согласно Флавию, «они сознавали, что теперь дан бесповоротный повод к войне и что их город запятнан таким постыдным делом, за к-рое, помимо мщения римлян, нужно ожидать кары небесной». Т.е., вероломно нарушив договорённость, толпа, с ведома или без ведома Елеазара, не удержалась от того, чтобы свирепо наброситься на разоружившихся римлян и предать их злой смерти, после чего многие иудеи, если верить Флавию, надели траур, опечалились и пришли, поняв необратимость случившегося, в уныние, тем более, что резня произошла в священный день субботнего покоя.

Эту субботнюю хроноинформацию негоже игнорировать, соответственно чему, речь должно вести (с учётом реконструкции предыдущей и перспективной хроно-

логии) об одной из суббот конца августа 66г. — 23.08. или 30.08. Притом первая из них предпочтительнее, поскольку на скорострельные события со времени падения Антонии в середине августа (6 горпея), включая убийство Анании и Езекии (7 горпея), короткий блиц-беспредел Манаима, его бесславный конец, предложение римлян о безоружном уходе и их вероломное убийство — нужно вкуче минимальное воьмидневное время, к-рое с пятницы 6 горпея = 15.08. до субботы 23.08. вполне наскребается.⁶³

Тем паче, здесь никак нельзя использовать датировку по сиро-македонскому календарю в качестве эквивалента юлианского, ибо в этом случае падение Антонии 6-го горпея придётся на (вместо середины августа) середину первой декады сентября, откуда чересчур мало времени для того, чтобы уместить в нём целый ряд (пусть не всех) интервальных событий, с « И.в.» 2,17,8 по 2,19,1, — от падения Антонии до (упоминаемого у Флавия в 2,19,1) праздника Кушей (22-29.09.66г.) (см. ниже). Вот вам очередное подтверждение приведения Флавием дат по иудейскому календарю с сиро-македонскими названиями месяцев.

Вместе с тем, в знакомом читателю свитке «Мегиллат Таанит», среди непостных полупраздников (дней радости) значится день 17 Элула, в к-рый «римляне удалились из Иудеи и Иерусалима» (14). Ну, во-первых, согласившиеся безоружно удалиться римляне не удалились, их попросту, нарушив клятву, коварно перебили; а во-вторых, 17-е элула (август/сентябрь) в 66г. выпадает не на субботы 23.08. (14 элула) или 30.08., но на вторник 26.08. Т.е., кое-кто, из, всё-таки, избежавших резни римлян покинули Иерусалим-Иудею 17 элула? или задним числом иудеи решили считать именно этот день Марса (вторник), а не день ими же осквернённой резней субботы днём, так сказать, ухода римлян из Иерусалима и Иудеи (на тот свет)? Или день 17 элула попал в число полупраздников уже во Пв., являясь в перечне «дней радости» датой не столько исторически точной, сколько историко-символической, и одновременно приблизительно совпадающей с флавиевской хронологией? Одним словом, Иерусалим и Иудея остались (произведя зачистку) без римлян в последнюю декаду августа 66г., что подтверждает и талмудический источник I/Пвв. «Мегиллат Таанит».

При всём том, непосредственно ниже в свитке, под тоже непостным днём радости 22 Элула, говорится о — «возвращении смертной казни для нечестивых» (15). Читатель в курсе, что иудеи, иудейские автономные инстанции были лишены переданного-вверенного римско-кесарской верховной властью римским прокураторам права на самостоятельное вынесение-отправление смертных приговоров в бг. н.э., с провинциализацией Иудеи, получив его нанадолго снова в иерусалимское царствование Агриппы I (41 — 44гг.).

Ныне же революция (великодушно!) ввела-возвратила иудеям смертную казнь, поставив её под иудейскую юрисдикцию, по приговору — от и до — синедриональной инстанции, с последующим приведением приговоров в исполнение иудейскими палачами. Мало того, постановление оговаривало смертную казнь «для нечестивых» = для, в первую очередь, отпавших от революции. И случилось это спустя несколько дней после массового убийства римлян, т.е. если считать дату 22 элула исторической, в последний день августа (31.08. = первый — после субботы 30.08 — день иудейской седмицы) 66г. н.э.

⁶³ И, кстати, первосвященник Анания с братом Езекией были убиты в предшествующую субботу 16.08.

ИУДЕЙСКИЕ И ЯЗЫЧЕСКИЕ ПОГРОМЫ В РЕГИОНЕ

(август/сентябрь 66г.)

Причём, по Флавию, в тот же субботний день, когда были убиты римские солдаты (как сказано, в основном этнические кесарийцы, себастийцы, сирийцы), в Кесарии Палестинской местные язычники, ещё не ведая о произошедшем в Иерусалиме, тоже коварно нажились на кесарийских иудеев, в одночасье вырезав свыше 20-и тыс. человек (И.в. 2,18,1). Давно конфликтуя с иудеями, при учёте обострившегося в 66г. конфликта, они решили воспользоваться повстанчеством иудеев иерусалимских для окончательного решения вопроса иудеев кесарийских. И даже тех немногих, к-рые сумели бежать, Флор, согласно Флавию, «изловил и, как пленных, поместил на корабельные верфи» = отправил на галеры.⁶⁴

Таким образом, массовый кесарийский погром последовал минимум при попустительстве римской в лице Флора власти – как в отместку со стороны верно-подданных кесарийцев местным иудеям за отпадение от Рима их иерусалимских братьев-единоверцев, так и в отмщение за продолжающийся конфликт. Сим кесарийские язычники-эллинисты задействовали окончательное нацистское решение Еврейского вопроса («Endlösung» и «Erlösung»). Помимо того, Флор как бы благодаря кесарийскому погрому, плюс – иудейско-языческим столкновениям в др. местах Палестины, обзавёлся поводом не вмешиваться в иерусалимские дела под предлогом необходимости блюсти во главе 3-х оставшихся под его началом палестинских когорт порядок в Кесарии и на прочей вверенной ему территории.

⁶⁴ Эта созданная Иродом Кесария Палестинская, с её смешанным и равноправным иудейско-языческим населением, была своего рода палестинским Сумгаитом, в к-ром даже (как говорят) существовал музей нерушимой «Дружбы народов» СССР!

Увы, советская «дружба братских народов», к-рой в реальности не было, т.к. (конфедеративный) СССР удерживался силовым Центром (централистский империализм!), и к-рую коммунистические идеологи называли непосильным для империалистов «монолитом», манифестационно закончилась именно провозвестившим бесславный конец СССР «Сумгаитом». И этот «сумгаит», начавшийся в Сумгаите, постепенно распозлся-распространился на др. части умирающей страны. Именно с Нагорного Карабаха (после алмаатинских событий декабря 1986г. – первая ласточка), к-рый не мог не выступить (1988г.), задействовав сугубо формальные конституционные механизмы, как только пути ослабли, поскольку загнивший Лениным и Сталиным в 1920/21-23гг. в подпол вопрос (как и целый ряд других подобных межнациональных вопросов) не был решён, стартовала фактическая децентрализация страны. Причём начало ей, сколь ни парадоксально, положили наиболее лояльно (в паре с белорусами) настроенные к России армяне, невольно запустившие в действие распад и крах Советской империи.

P.S. Автору данной монографии довелось служить в советской армии в начале 80-х гг. XXв., в КЗАКВО (Баку, Ахалкалаки), где в воинских частях господствовала вовсе не столько дедовщина (к-рую «лица славянских национальностей» отправляли в отношениях между собой), сколько разделение солдат (часто враждебное) по национально-этническому признаку = по землячествам. Т.е. всё зависело не от срока службы, но от того, в руках какой этнической группировки (чаще – кавказцы; реже – Прибалтика и Ср.Азия), или альянса каких этнических группировок находится воинская часть.

При этом, весьма любопытно, что нередкое проявление великорусского шовинизма со стороны офицерского состава исходило в основном от офицеров с украинскими фамилиями! Что поделаешь – «обрусевшим инородцам свойственно пересаливать по части исконно русских настроений» (Ленин – в адрес Сталина, Орджоникидзе, Дзержинского!). То-то и русские цари XIXв., чем меньше в них (сыновьях немецких принцев) становилось русской крови, тем истовее они хотели быть исконно русскими, что достигло пика при Александре III, и за что, в частности, пришлось очень дорого заплатить (сыну датчанки, в жилах к-рого текла всего 1/32 русской крови) Николаю II, поскольку невозможно было быть сугубо русским царём (каким Николаю, назвавшему своего несчастного сына именно Алексеем, в память о допетровском «золотом веке» Московской Руси Алексея Михайловича, очень хотелось быть) в многонациональной Российской империи!

Видимо, он ещё раньше проинформировал Цестия, что не может покинуть Кесарию для подавления мятежа в Иерусалиме, вынужденный оставаться для поддержания порядка в центре провинции.

Но если Флору ныне было выгодно, когда, о чём говорилось выше, дело зашло с начала лета слишком далеко, стоять в стороне от Иудеи и Иерусалима, сводя с иудеями счёты в Кесарии, то и удивительно нерешительный, пассивный, нерасторопный сирийский легат Цестий, со своей стороны, опоздал аж на три месяца, выступив во главе воинства против успевшего набрать силу Иудейского восстания только в августе/сентябре, или уже сентябре 66г. (см. ниже). Хотя должен был выступить, если и не в мае, то самое позднее — в июле, после отмены иудеями храмовой жертвы за кесаря.

И если до мая 66г. восточные легионы, стационарированные как в Каппадокии-Галатии, так и в Сирии находились под верховной командой экстраординарного кесарского легата Домиция Корбулона, то с начала лета, после коронации Тиридата в Риме, сирийские легионы вновь были в первовласти Цестия (или всё же нет?).

Впрочем, в августе/сентябре грянули региональные столкновения между иудеями и язычниками во многих местах. По Флавию, приведённые в ярость кесарийской резнёй (что не во всё верно, так как стычки между язычниками и иудеями начались в ряде пунктов ещё до кесарийской резни) иудеи «отдельными отрядами опустошили сирийские деревни и лежавшие близ границы города»: Филадельфию, Геразу, Пеллу и Скифополь — в Декаполисе (Десятиградие); крепостной Есевон — на границе Переи, Декаполиса и Набатеи.

Далее, опустошительному нападению иудеев подверглись отданные Августом Ироду и автономные с Iг. н.э. заиорданские Гадара и Ипп, плюс Гавлан — во владении Агриппы II. Помимо того, не избежали разорительных атак галилейских иудеев портовая Птолемаида, на границе Палестины и Финикии, тирская Кедаса, Гава — у подножия горы Кармил, и, похоже, Кесария Филиппова, перечислительно упоминаемая Флавием как Кесария (на тот момент Нерония). Притом Агриппы в то время там не было, поскольку он, насколько выводится из 2,18,6, ещё до того, наверняка вместе с Береникой, отправился в Антиохию к Цестию (искать поддержки против мятежного Иерусалима).

Даже достаточно крупные самарийская Себаста и присредиземноморский Аскалон не сумели, согласно рассказу Флавия, противостоять яростному набегу иудеев, к-рые, если и не сожгли (Флавий), то подпустили красного петуха этим городам, разорив, вдобавок к тому, ещё и Анфедон, и Газу.

«Кроме того, было разгромлено ими (иудеями) много деревень, лежавших вокруг этих городов, и бесчисленное множество пленных было убито. Но сирийцы, в свою очередь, убивали не меньше иудеев; они также умерщвляли в городах тех, к-рые попадались им в руки, делая теперь это не из одной вражды, как прежде, а для того, чтобы предупредить грозившую им самим опасность. Вся Сирия была в страшном волнении; каждый отдельный город разделился на два враждебных лагеря, каждая часть искала спасения в гибели другой. Дни проходили в кровопролитии, а ночи страх делал ещё ужаснее, чем дни. (...) Жадность к лёгкой наживе толкала на убийства самых благонамеренных людей обеих партий, потому что имущество убитых разграблялось без всякого стеснения — его присваивали, точно добычу, доставшуюся на войне. Кто больше награбил, тот восхвалялся как победитель наибольшего числа врагов. Города были переполнены непогребёнными трупами, старцы валялись распостёртыми возле бессловесных детей, тела умерщвлённых женщин оставались обнажёнными, с непокрытыми срамными частями. Вся провинция была полна ужасов...» (2,18,2).

Удостоверьтесь, выводя начало обоюдосторонних погромов в региональном сиро-

палестинском масштабе от как бы опорной резни иудеев Кесарии Палестинской в конце августа 66г., Флавий упрощает дело или намеренно лукавит (и тем непроизвольно комкает хронологию), ибо, акцентируем снова, столкновения в разных местах-пунктах начались (и не могли не начаться) раньше — ещё в августе, или даже в июле/августе, приняв более жестокий-ожесточённый характер после массовой кесарийской резни. И не обязательно инициатива этих столкновений исходила всюду от язычников, и не обязательно иудейские набеги на языческие города были сугубо ответом иудеев на беспредел язычников.

Обратим ещё внимание и на то, что ниже Флавием (кто, к слову, приводит внушительное число погромных жертв только с иудейской стороны) очень неуклюже дублируются и разрываются, могучи ввести читателя в хронозаблуждение, события одной цепи, представляемые им самостоятельными блоками: резня язычниками скифопольских иудеев (13 тыс.) (2,18,3); резня иудеев Птолемаиды (2 тыс.), Аскалона (2,5 тыс.), Иппа, Гадары, погромы в Тире (2,18,5). Ведь выше упоминались атаки иудейских отрядов на Птолемаиду, Аскалон, Ипп, Гадару, т.е. иудейское население этих пунктов подверглось резне после противоязыческих атак на них, устроенных иудейскими отрядами (частично поддержанными местными иудеями) извне. Стало быть, речь тут идёт о событиях одной череды, следовавших одни за другими (оптимально — в августе/сентябре 66г.) и не подлежащих повествовательному разрыву.

И примечательно, что иудеи декаполисного Скифополя даже выступили с оружием в руках против своих единоверцев-единоплеменников⁶⁵, хотя это их, тем не менее, вероломно вырезанных языческими согражданами, не спасло (18,3). Лишь антиохийцы, жители сирийской Апамеи и финикийского Сидона пощадили своих иудеев, не допустив резню, то ли, как считает Флавий, сознавая своё численное превосходство и не опасаясь местных евреев, то ли из сочувствия к ним, не выказавшим ни малейшей склонности поддержать иерусалимско-палестинских мятежников.

И здесь важно оговорить, что ни Сидон, ни расположенные далеко от Палестины центр Сирии — Антиохия, или большой приморский город Апамея никаким разорительным атакам иудейских отрядов (у к-рых не было ни сил, ни возможности дотянуться до Антиохии или Апамеи) не подверглись, почему у местных язычников не было оснований иудеям мстить. И пусть последнее, разумеется, не есть защита и гарантия от погромов, всё-таки, этот фактор нельзя не учитывать.⁶⁶

Иудеи никогда не жили с языческими обитателями палестинских, финикийских, собственно сирийских и др. ойкуменических городов, во всяком случае, в большинстве из них, в дружбе и братстве. И как в течение IV в. н.э. поступательно ухудшались взаимоотношения между Римской интегральной-универсалистской мировой державой и сегрегальными-партикулярными иудеями-иудейством, сходным образом, поступательно обострялись-ухудшались отношения между иудеями и греко-римской Ойкуменой. Эти отношения и прежде оставляли желать лучшего,

⁶⁵ Видимо, не совсем так, потому что, по флавиевской «Автобиографии», скифопольские иудеи были принуждены к этому скифопольскими язычниками (6,24-27). Причём в «Жизни» об истреблении скифопольских иудеев (числом не 13, а «много десятков тысяч») сказано после слов об (октябрьском) поражении Цестия, в контексте преследования иудеев в сирийских городах, что в отношении скифополитов хрононеверно: после поражения Цестия убийственный погром произошёл в Дамаске (И.в.20,1,2) (см. ниже), но не в Скифиполе, что имело место (согласно «И.в.») на порядок раньше, как мы удостоверились, — в августе.

⁶⁶ Можно ещё отметить действительно великодушное поведение язычников декаполисной заиорданской Геразы, к-рые, подвергнувшись нападению иудеев извне, не причинили вреда иудеям местным и даже проводили покинувших город, по собственному желанию, еврейских сограждан до иорданской границы Десятиградия и Переи (2,19,5).

будучи на порядок хуже, нежели отношения между еврейством и державной властью, а теперь испортились и подавно. Взаимная нетерпимость-интолерантность разнородных космополитов и национал-мессианистов перешли все границы разумного.

И понятно, что противоримское выступление иудеев, набиравшее силу с мая 66г., отозвалось в других областях региона, где напряжение нарастало, пока с августа не вылилось в открытые побоища. К тому же, если у язычников появился повод т.н. или не т.н. верноподданнически, часто прикрывая своим гипертрофированным лоялизмом элементарно мародёрские намерения-стремления, атаковать иудеев за их нелояльность (или за их якобы нелояльность) к Риму, к римской власти, то иудеи нынче, мня *наступление эры исполнения времён*, видели в язычниках злых врагов, подлежащих, повторим, либо обращению, либо изгнанию (из пределов Земли Обетования), либо сокрушению везде, где возможно.

В сущности это была война отнюдь не исключительно Рима против ветхозаветного еврейства, но война Рима и предводительствуемой им греко-римской Ойкумены против иудеев, равно война начавших «джихад-газзават» иудеев против Рима и остального языческого мира под римской державной эгидой. Старый Иерусалим, храм и всякая еврейская государственность, автономия, территориальность в Иудее изжили себя, не желая сходить ни с исторической, ни с метаисторической арены, сметённые, в конце концов, с неё могущественной внешней силой, против к-рой у них не было ни сил, ни противостоятельного ресурса, несмотря на всю ожесточённость оказанного ими Риму и миру отчаянного сопротивления. Впрочем, время, даже исполнившись, до времени терпело, и медлительность Рима дорого ему, уж не говоря об иудеях, обошлась.

А бравый Нерон, расправившись в апреле 65г. с заговором Пизона (см. ниже), помешался на изобличениях и карах внутренних «врагов народа», порядком позабыв, в русле террористического беспредела и кифаредства-песнопевчества, о периферии, точнее, о её конкретных проблемах; и на многое не обращал должного внимания или откладывал решение ряда, на его взгляд, не столь существенных дел-проблем. Предпочитал искать карфагенские сокровища Дидоны, носился с идеями походов (за сказочными богатствами и поиском путей-дорог в Индию) к истокам Нила или к Каспийским воротам...

И если в мае 66г. он был целиком поглощён прибытием в Рим Тиридата Армянского, корновав к-рого, закрыл храм Януса Квирина в знак установления мира во всем мире, то затем, в июне, его безостаточно поглотило разоблачение заговора Анния Винициана. А потом он трепетно готовился к поездке в Грецию, где с осени 66г. целиком отдался созыательной эйфории, поглощённый выигрыванием призовых венков, любимой игрой на кифаре, пением, конеристаниями. Какая тут к чёрту Иудея с её карликовой проблемой⁶⁷, к-рая встанет перед Нероном в рост (да и то не во весь) не ранее ноября/декабря, только после получения (в Греции) известий о поражении Цестия Галла в середине октября 66г. (см. ниже).

Между тем, кризис нероновского режима всё углублялся, персональный конец кесаря и конец династии Юлиев-Клавдиев приближались. В подобных условиях, обстановке, ситуации, стагнация или паралич власти в определённых сферах, регионах, на определённых уровнях, — привычное дело. Рвётся там, где тонко. И в пущенных на самотёк Сирии и второразрядной маленькой Палестине произошёл

⁶⁷ Следуя Флавию, Нерон (в большей мере масштабно-пространственный ойкуменист-эллинист — глобалист и мультикультуралист, чем римлянин) относился к иудеям, считая их народом малозначущим, пренебрежительно (И.в.6,9,3). Добавим от себя: вероятно, так он стал относиться к иудеям в особенности после смерти Пoppеи (65г.), ранее иудеев иногда опекавшей и перед Нероном за них ходатайствовавшей.

не просто разрыв, но грянул (вулканическо-эпилептический) взрыв. Более того, региону, скажем снова, крайне не повезло как с сирийским легатом, так и с иудейским прокуратором, поскольку сполна олицетворяющие острый кризис режима Гессий Флор и Цестий Галл, оба, пусть по-разному, были, мягко говоря, чтобы не выразиться грубо, наместниками-губернаторами хуже некуда.

Если первый, мздоимец и лихоимец, рвач и хапуга, беспредельщик и ничтожество, сделал (вольно и невольно) всё, чтобы восстание развязать, то второй — минимум не доросший до ранга кесарского легата ключевой Сирии (когда, однако, на римском Востоке резидировавший в Каппадокии Корбулон был фигурой куда важнее, оснащённее и много значительнее задвинутого-отодвинутого в тень и в сторону сирийского наместника), учинил следующее. Своей преступной медлительностью и нерешительностью, а под конец и полководческой бездарностью, вперемешку с глупостью, он сделал всё, чтобы восстание, к-рое могло быть без особого напряжения сил, при своевременном решительном вмешательстве, погашено-пресечено, превратилось в долгую и изнурительную, с бесчисленными жертвами, кровопролитную и остервенелую войну на взаимоуничтожение.

Правда, с другой, с главной стороны, сама судьба уготовила еврейству и Риму эту роковую войну, ибо, говорим в к-рый раз, просмотренные-профуканные подавляющим большинством еврейства, к-рое не узнало часа посещения своего, Времена уже Исполнились, а время конца старого Иерусалима, храма и всякой еврейской автономии (какая уж тут, к чёрту, государственность!), в Палестине, в Земле исполнившегося Обетования, к-рую евреям суждено было в перспективе трагически потерять и уйти-изойти в мировое Рассеяние, неотвратимо-неумолимо наступило-пришло-настало!

* * *

Но возвращаемся к нашему хроноповествованию. Итак, на дворе август/сентябрь 66г. Сопровождающиеся массовыми убийствами, изгнаниями, грабежами, опустошениями-разорениями этнорелигиозные боины и чистки в населённых пунктах Палестины и окрест, докатившиеся до Финикии на севере и до Александрии на египетском юге, — евреи против язычников и язычники против евреев, — в свирепом ходу и разгаре. Люди с обеих сторон теряют человеческий облик и режут друг друга, ведя себя гораздо хуже животных, что, увы, за 2 тыс. прошедших с тех пор лет мало изменилось и происходит с не меньшей свирепостью-жестокостью поныне!

«И в царстве Агриппы евреев изменнически преследовали. Он сам уехал к Цестию Галлу в Антиохию и на время своего отсутствия вверил правление одному из друзей по имени Ноар, родственнику царя Соема...» (2,18,6)

Согласно «Жизни» (11), Агриппа и Вереника уехали в Берит (римская ветеранская колония), где дожидались подхода с сирийского севера Цестия во главе войск. Названный в «И.в.» и в «Жизни» Соэм (Соем) — родственник царя Соэма Эмесского и к, тому же, б.м., внук (или внучатый племянник) династа Соэма Игурейского, к-рому, как мы знаем, Калигула пожаловал в 38г. часть Игуреи и к-рый умер в 49г., при Клавдии, после чего часть его владений перешла к этому Ноару или к Вару (лат. перевод Руфина). Отсюда — «эпархия Вара», предоставленная в 53г. Клавдием, вместе с когдатошной тетрархией Иродова сына Филиппа (где большинство населения составляли язычники) и когдатошной тетрархией Лисания Авилинейского, Агриппе II. С тех пор Ноар (Вар), должно понимать, подвизался при Агриппе, ведя с ним дружбу, и вот оставленный им управлять агриппианским царством на время отсутствия царя, очень подло в отношении иудеев себя повёл-проявил.

Во-первых, сообразно «Автобиографии» (11), он убил двух посланников Филиппа – сына Иакима, внука (вавилонского иудея) Замариса, кто был в числе тех агриппианских всадников, предводительствуя ими, к-рым Манаим позволил беспрепятственно удалиться из Иродова дворца в Иерусалиме, причём храбро воевавший против мятежников Филипп был пощаждён благодаря заступничеству за него перед Манаимом участвовавших в восстании вавилонских иудеев. Теперь же Ноар, сочтя, что с прибытием Филиппа в царство Агриппы, последний откажется от его, Ноара, услуг, ложно вменил Филиппу в вину, что тот сражался в Иерусалиме на стороне иудеев и приказал умертвить, – сначала – одного, затем – другого, – его посланников, желая похоронить также правдивые сведения обо всём произошедшем.

Во-вторых, к Ноару в Батанею прибыли 70 знатных трахонитско-батанейских иудеев-лоялистов, просивших дать им войска против потенциальных бунтовщиков или вторженцев извне. «Но Ноар, при помощи отряда царских тяжело вооружённых, убил их ночью всех до одного», совершив это злодейство (как и убийство Филипповых посланников) без ведома Агриппы, с банальной шкурной целью ограбить богатых ходатаев, изобличив в них мнимых сторонников мятежа.

Позже Агриппа, узнав о случившемся, сместил горе-регента, но не наказал, из-за его родства с царём Созмом Эмесским (к-рый с 54г. владел ещё и армянской Софеной, неизвестно, бывшей ли в его владении на 66г.).

В том же абзаце, ниже, Флавий сообщает о захвате повстанцами сооружённой Иродом и названной в честь его матери крепости Кипрос (юго-западнее Иерихона), гарнизон к-рой был перебит, а сама цитадель стёрта с лица земли.

Иначе сложилось дело с заиорданской, на границе с набатейской Аравией, цитаделью Махэрус (где в 32г. Ирод Антипа приказал обезглавить Иоанна Крестителя). Там иудеи, подойдя к крепости, потребовали от римского гарнизона её оставить. Римляне согласились, выговорив себе свободный, понимай, с оружием, уход, и благополучно удалились. Цитадель была занята мятежниками и держалась (сходно Масаде) ещё после взятия римлянами в 70г. Иерусалима.

Показателем отъезд Агриппы (чьи всадники-казаки проиграли схватку в Иерусалиме) с Вереникой из Кесарии Филипповой = Неронии не столько в Берит, сколько в Антиохию (через Берит). Потеряв всякую надежду на бескровное или малокровное умиротворение Иерусалима и Иудеи, плюс к тому, опасаясь за собственную безопасность, умывший руки Агриппа (забрав Веренику) предпочёл в августе 66г. удалиться-отдалиться-ретироваться на безопасное от иудеев расстояние, чтобы вернуться в Палестину, прячась за спиной Цестия и римлян, вместе с ними.

Агриппа вообще ныне какое-то время старался держаться в стороне, с одной стороны, уповая на подавление (непосильного ему) мятежа руками римлян, с другой, не очень торопясь персонально воевать против иудеев. Зачем жечь все мосты? Авось римляне быстро справятся своими силами, что даст возможность (не очень запятнанному еврейской кровью) вассальному царю спокойно возвратиться в своё царство и почтительно неезжать (продолжая заведовать назначением первосвященников) в Иерусалим.

Весьма крутой оборот события приняли в Александрии (2,18,7/8), с её огромной еврейской диаспорой. Вспомним многожертвенный александрийский погром евреев в 38г., при Калигуле, дальнейшую напряжённость на грани новых столкновений и погашение конфликта дружившим с Агриппой I Клавдием, к-рый подтвердил равноправие александрийских иудеев с местными эллинами, что не означало конца вражды, вспыхнувшей в 66г., в русле цепной регионально-противоиудейской реакции язычников и регионально-противоязыческой реакции иудеев, со всей взаимной нетерпимостью, снова.

«...В одно собрание, созванное жителями Александрии по поводу отправления посольства к Нерону, вместе с эллинами стеклось также и множество иудеев. Как только их противники увидели их в амфитеатре, они подняли шум и с криками: «враги! шпионы!» бросились на них, схватили трёх иудеев и потащили вон из амфитеатра, чтобы сжечь их живьём, а остальных истребили в бегстве. Всё иудейство поднялось тогда на месть. Вначале они бросали в эллинов камнями, но затем собрали факелы, ринулись всей толпой к амфитеатру и грозили сжечь живьём всё собрание. Они бы это и исполнили, если бы начальник города Тиберий Александр не обуздал их ярость. Для отрезвления их он всё-таки не сразу пустил в ход оружие, а прежде послал к ним влиятельнейших лиц с требованием успокоиться, дабы не восстановить против себя римское войско. Но бунтовщики встретили это требование руганью и насмешками против Тиберия» (2,18,7).

Решили ли александрийские язычники, под шумок Иудейского восстания в Иерусалиме, ходатайствовать (выбрав благоприятный момент) о лишении александрийских иудеев гражданских прав, т.е. гражданского равноправия, предоставленного им ещё основателем города Александром Великим, а затем подтверждённого Птолемеями и римлянами, в т.ч., в последний раз в 41г. Клавдием? Это похоже на правду. И пусть Флавий не называет цель посольства александрийцев к Нерону, из контекста ясно, что оно имело противоиудейский характер. И, к слову, в самом факте снаряжения александрийцами посольства можно усмотреть косвенное указание на то, что дело происходило в августе (или максимум в августе/сентябре) 66г., ибо с сентябрьской осени Нерон уже обретался в Греции, в каковом случае Греция в тексте, скорей всего, была бы оговорена (как она оговаривается ниже), тогда как отправку посольства в Италию/Рим (место/места постоянного-обычного Неронова пребывания) специально оговаривать не требовалось.

Так или иначе, атакованные иудеи не остались в накладе и, решительно парировав выпад язычников, сами перешли в наступление, грозя, как говорит Флавий, сжечь всё языческое собрание в амфитеатре, вслед за чем префект Египта Тиберий Александр (перешедший в язычество иудей) счёл целесообразным вмешаться, сначала попытавшись утихомирить буйство увещеванием через влиятельных иудеев. Но ничего не вышло, и тогда он двинул против иудейских бунтовщиков два римских легиона (дислоцировавшихся в Египте), плюс — солдат вспомогательных войск, прибывших из Ливии = из Кирены или из Африки (для планируемого нероновского похода в Эфиопию?).

Двинутое против иудеев воинство сломало их сопротивление и вторглось в Дельту, где александрийские иудеи обитали. Последние упорно сражались до того как принуждённые к оступлению — «были уничтожены массами» (2,18,8). Солдаты убивали людей без различия пола и возраста, иудейские жилища были разграблены и сожжены. Гораздýй преувеличивать числовые показатели Флавий исчисляет количество жертв в 50 тыс. чел. Вероятно, можно считать, что если и не 50, то минимум 25-30 тыс. чел. погибло.

И, если верить Флавию, еврейство Александрии было бы уничтожено полностью, кабы часть знатных иудеев не прибегли к мольбам, к-рые на Тиберия Александра подействовали. Он сжалился и приказал солдатам прекратить бойню. Те тотчас повиновались, лишь известная своей дикой неукротимостью александрийская чернь не унималась, мародёрски набросившись на трупы, вследствие чего силой пришлось обуздывать-урезонивать уже её.

ПОХОД ЦЕСТИЯ ГАЛЛА

(сентябрь/октябрь 66г.)

В следующем абзаце 9 читаем: «Такова была резня в Александрии. Так как с иудеями везде и повсюду велась война, то и Цестий не считал уже возможным долее медлить. Он выступил из Антиохии с полным XII-м легионом и с двумя тыс. солдат, избранных им из остальных легионов, кроме того ещё с шестью когортами пехоты и четырьмя конными отрядами...» (2,19).

Вот тебе на! Цестий, словно проснулся, и решил, наконец, вмешаться, если не с трёх-, то (как пить дать) с двухмесячным опозданием, выступив из расположенной в свыше полутысячи км от Иерусалима Антиохии не позднее начала сентября, так как в субботу 27.09., по Флавию (2,19,1/2), в ходе праздника Кушей, к-рый в 66г. пришёлся на 22-29.09. (15-22 тишири), он разбил лагерь в Гаваоне (Гибеон), на расстоянии 50-и стадий (ок. 10-и км) от Иерусалима.

Надо понимать, в августе, получая тревожные вести с юга, сирийский легат, не спеша, готовился к выступлению, надеясь, что, м.б. (авось!), всё уляжется и выступить вообще не придётся. Задерживало ли его что-либо неотложное в Сирии – вопрос. С мая между Римом и Парфией царил мир; коронованный Нероном Тиридат царствовал в Армении. Имелась ли какая-нибудь другая проблема? Состояние римско-сирийского воинства? или ещё что-нибудь? В любом случае, медлительность Цестия перед лицом происходящего непонятна, и если дело не полностью в его профнепригодности (или в дезинформации Флора, кто с определённого момента решил, что чем глубже иудеи увязают в противостоятельном конфликте, тем лучше для него, чтобы на воре и поджигателе войны не сгорела шапка?), то вопросы остаются.

Между тем, к карательно-усмирительному воинству Цестия примкнули и примыкали по пути подразделения региональных династов: 2 тыс. всадников и 3 тыс. солдат прислал Антиох Коммагенский; по 2 тыс. всадников и пехоты составило войско Агриппы; 4 тыс. воинов насчитывала рать Соэма Эмесского, 1/3 из них всадники, прочие – стрелки-пехотинцы.

При этом любопытно, что XII-й римский легион – Молниеносный (Fulminata), был одним из двух легионов, в паре с IV-м – Скифским, принуждённых в 62г. парфянами пройти у Рандеи под унижительным ярмом из копий, почему оба эти легиона (со сломленным моральным духом) были переведены – 63г. – Корбулоном подальше от армянского и парфянского театра военных действий – в спокойную Сирию.

Агриппа сопровождал Цестия в его (запоздало ускоренным маршем) походе, указывая маршрут и взяв на себя провиантрование армии. С частью войск Цестий, пройдя Финикию, направился против Хабулона – галилейско-иудейского пограничного полиса к югу от Птолемаиды (где кончалась Финикия и начиналась Палестина). Полис он нашёл пустым, поскольку жители бежали в горы, отдал солдатам на разграбление и сжёг, аналогично – окрестные деревни, после чего возвратился в Птолемаиду. Иудеи воспользовались его уходом, напали на продолжавших грабежи сирийцев из Берита и убили до 2-х тыс. из них.

Затем Цестий выступил из Птолемаиды (вдоль морского берега) в Кесарию Палестинскую (2,18,10), отправив часть войска в оставшуюся к востоку Галилею и часть вперёд себя в расположенную южнее Кесарии прибрежную Яффу (Иоппия), с приказом занять её, если это не представит трудностей. Если же представит, то дожидаться его, Цестиева, подхода с основным воинством. Поспешая, частью – морем, частью – сушей, римляне, – «напав на город с обеих сторон, взяли его без особенного труда. Жители, не говоря уже о возможности какого-либо сопротив-

ления, не имели даже времени спастись бегством и были все поголовно вместе с их семьями убиты неприятелем. Город был разграблен и сожжён. Число убитых достигло 8400 чел.». Посланный Цестием отряд всадников опустошил также соседний с Кесарией на юге, населённый иудеями Нарбатинский округ, опять убив массу людей и предав огню деревни.

В Галилею же был послан легат XII-го легиона (некто) Цезенний Галл (не родственник ли Цезенния Пета, осрамившегося в Рандее?). Сильнейший из галилейских городов Сепфорис (6 км от Назарета) принял римлян покорно и дружелюбно, а на его примере также прочие города со смешанным в чресполосной Галилее населением, пребыли в покое, и до того никак не участвуя в мятеже и не выказывая воинственных намерений, что было римлянам очень на руку, ибо Галилея оставалась у них в тылу.

Сепфорийские революционеры-мятежники бежали на г. Асамон, близ города. Цезенний выступил против них, обложил и смял атакой тяжёловооружённых, к-рым противостояли лишь лёгкие пехотинцы, перебив свыше 2-х тыс. чел.

Тем временем, Цестий, с присоединившимся к нему воинством Цезенния, быстро управившись в не оказавшей римлянам сопротивление Галилее, что имело место параллельно походу на Яффу и разорению Нарбатинского округа, двинулся⁶⁸ во главе всех сил на расположенную в ок. 60-и км с-з Иерусалима Антипатриду (самарийская граница Иудеи и Самарии), откуда, после того как снаряжённый им отряд не застал разбежавшихся иудеев в Афекской башне (укрепсооружение Ирода), где римляне сожгли пустой лагерь и окрестные деревни, пошёл на Лидду (юго-восточнее Яффы). Но нашёл её покинутой населением, к-рое, по случаю праздника Кушей, купно подалось в храмовый Иерусалим (2,19,1). Всего 50 обнаруженных в Лидде человек были убиты, полис сожжён. Потом римляне заняли Бет-Хорон – на дороге из Лода в Иерусалим, и у Гаваона, в ок. 16/17-и км от Иерусалима, расположились лагерем.⁶⁹

Итак, в нашем распоряжении благодаря Флавию есть твёрдый хроно-фикспункт – осенний праздник Кушей, дни к-рого, говорим снова, в 66г. – 22-29.09. Притом в следующем 2-м абзаце 19-й главы 2-й кн. «И.в.» наличествует ещё и хроно-предизия, ибо там говорится, что увидев приближение войны к столице, иудеи «приостановили празднование и взяли за оружие. Упорствуя в надежде на свою многочисленность, они с воинственными кличами бросились беспорядочными толпами в битву, невзирая на седьмой день, к-рый, как день отдыха и покоя, они всегда соблюдали наистрожайшим образом».

⁶⁸ Примечательно, что в связи с Кесарией Палестинской, куда походно пришёл и через к-рую прошёл Цестий, нет ни слова о Флоре, кто продолжал там резидировать.

⁶⁹ Бет-Хорон (*дом Хорона* – ханаанейского бога царства мёртвых) находился на границе уделов Ефрема и Вениамина (И.Нав.16,3;5; 18,13), делясь на Нижний и Верхний (1Пар.7,24). Здесь Иисус Навин победил царей аморитов (10,11). Верхний Бет-Хорон (высота 617м) – в 16-и км северо-восточнее Иерусалима; Нижний (400м) – 18 км – северо-западнее. Соломон восстановил разрушенный Иисусом Навином дуалистический город-крепость (2Пар.5,5). Эти стратегически важные высоты господствовали над главными дорогами, к-рые ещё в 1917г. английский генерал Алленби (взявший Иерусалим) использовал для обходного маневра против турецких войск, в иерусалимское сердце страны.

Гибеон (Гаваон) – древний ханаанский город, населённый евреями, один из немногих вступил в союз с пришлыми евреями (Нав.9,3); достался уделу Вениамина (18,25); один из левитских городов (21,17); последняя на подступах к Иерусалиму высота (895м). Здесь в дохрамовый период временно находилась скиния (2Пар.1,3); чтобы примириться с гибеонитами, Давид выдал им на казнь семерых представителей рода Саула (2Ц.21,9); в Гаваоне Соломон видел свой сон, в к-ром он просил Господа даровать ему разум = мудрость, – «чтоб уметь судить» (3Ц.3,5-15).

Т.е., — невзирая на 7-й день субботнего покоя, к-рый, приложительно к Кушам ббг., был 6-м днём праздника, ибо предыдущая суббота выпадает на канун праздника Кушей — 20.09. Иначе говоря, субботой в собственно дни праздника может быть только суббота 27.09. И иной расклад здесь исключён, потому как единственная суббота-седмица, пришедшаяся на праздничный интервал в Куши ббг. н.э. реконструируется точно.

Святость ветхозаветной субботы не позволяла в древности иудеям вести субботнюю войну = военные действия, чем их противники не раз, предпринимая в субботу наступление-нападение, пользовались. В пору Маккавейских войн было разрешено, не предпринимая наступление, ратно обороняться по субботам, в то время как 27.09.ббг. иудеи ринулись именно в наступление, по Флавию, в воинственной ярости, «заглушившей в них чувство религиозности». Наряду с тем, они нанесли превентивный удар, упреждая наступление врага.

И вот — как за счёт массовой революционной свирепости, с заменой религиозного экстаза на битвенный, так и за счёт многократного численного превосходства (ок. 20-и тыс. воинов Цестия, римских и союзных, против, предположительно, ок. полутора- или двух сотен тыс. иудеев, включая множество добровольцев-паломников) сражение было иудеями выиграно. «С такой неудержимой быстротой они ринулись на римлян, что прорвали их замкнутые ряды и, убивая направо и налево, протеснились сквозь них. Вся армия Цестия погибла бы тогда, если бы конница и свежая часть пехоты не поспешили бы на помощь той части войска, к-рая удерживала ещё поле сражения. Римлян пало 515, а именно 400 пеших, остальные — всадники; иудеи же потеряли всего 22 человека. Храбрее всех среди них оказались родственники адиабенского царя Монобаз — Монобаз и Кенедай; за ними Нигер из Переи и вавилонянин Сила, служивший прежде в войске Агриппы, но перешедший к иудеям» (2,19,2).

Уверенно победившие на флангах, с фронта иудеи, согласно Флавию, были отбиты, и, одержав в целом победу, оттянулись за стены Иерусалима. Притом впервые упоминаемый тут некий Симон бар Гиора (судя по отчественной приставке «бар» — сын прозелита), напал на, в свою очередь, отступавших в Бет-Хорон римлян, разбил часть их арьергарда и вернулся в Иерусалим с множеством отбитых у противника вьючных животных. Впоследствии этот Симон (к-рого В.Дубнов кличет богатырём-героем) станет одним из главных предводителей революции и едва ли не самым, по макушку в крови, беспощадным её комиссаром-кровопийцей, будет пленён (70г.), проведён по Риму в триумфе Тита (71г.) и казнён.

Затем, в течение 3-х дней, иудеи заняли все возвышенности на подступах к Иерусалиму и расставили караулы у проходов. «Из этого ясно можно было понять, что при дальнейшем движении римлян они не останутся праздными».

Увы, более неудачное время для похода на Иерусалим, чем излюбленный иудеями 8-дневный паломнический праздник Кушей, когда в город стекалось великое множество паломников отовсюду, из Палестины и Диаспоры, всегда готовых, и особенно в атмосфере ббг., обратить религиозный фанатизм в боевой, отставив субботу и всё прочее, сложно было придумать. И тем не менее, донельзя медлительный тяжеловес Цестий, к-рый не использовал предостаточное летнее время между Пятидесятницей и Кушами, лоханулся и тут.

Если в Иерусалиме на осенние Куши ббг. и не набралось 3 млн. (!) паломников, число к-рых Флавий называет на Пасху, то при всех случаях, их было очень и очень много, и понятно, что эта разъярённая масса, не считаясь ни с чем, сумела противостать значительно более малочисленному, в сравнении с ней, (равно — слабо/слабее мотивированному) противнику.

РИМЛЯНЕ У ВОРОТ ИЕРУСАЛИМА

(октябрь 66г.)

«Агриппа видел опасность, к-рая грозила и теперь римлянам, так как окружавшие их горы были покрыты бесчисленным неприятелем, и решил поэтому начать переговоры с иудеями, в надежде или всех отклонить от войны, или, по крайней мере, людей, несолидарных с войной, побудить отпасть от их противников...» (2,19,3)

Он послал к знатым нерадикалам двух своих приближённых, с обещанием полного прощения со стороны Цестия и возвращения всего на круги своя, если они сложат оружие. Но радикалы-ревнителю, раскусив маневр и опасаясь как бы агриппианская агитация не оттолкнула от них многих, решили попросту убить послов-парламентёров, один из к-рых и был убит, не успев обратиться с мирными предложениями к людям из народа, а другой, получив ранение, с трудом спасся бегством. Тех же из иерусалимлян, к-рые вознегодовали против покушения на парламентёров, революционеры со приверженцы камнями и нагайками загнали обратно в город, у стен к-рого снаружи всё это и происходило.

При всём том, надо учитывать, что удачное сражение и победа значительно усилили позиции революции, тогда как число настроенных на мир значительно поубавилось. Ведь, коли римлян удалось победить нахрапом в одном сражении, то почему бы не выиграть «священную войну» против них! почему бы не повторить деяние Маккавеев! почему бы не пойти дальше! Аппетиты растут во время еды.

И всё-таки, история с парламентёрами вызвала раздор в иудейской среде, в к-ром «Цестий усмотрел благоприятный момент для нападения» (2,19,4), выдавая желаемое за реальное и не просекая, что нападение римлян тотчас воинственно консолидирует иудеев. Он выступил со всей армией, вынудил иудейские отряды за пределами Иерусалима к отступлению до самого города, разбил свой лагерь на Скопе – возвышенности в 7-и стадиях (1,5 км) от городских стен, и «3 дня не подступал к городу, выжидая, б.м., примирительного шага со стороны его жителей», приказав одновременно солдатам выжидать съестные припасы из окрестных деревень.⁷⁰

А на четвёртый день, по Флавию, 30 гиперверетей (19,4) = 30 тишири = 7.10. римляне выстроились в боевой порядок и пошли на город. По поводу мирных предложений жителей, возможно, Цестия ввёл в заблуждение Агриппа, надеясь на тот мирный настрой ещё большого числа иерусалимлян, когда он в июне был в Иерусалиме, и плохо представляя себе, насколько с тех пор положение изменилось. Причём Флавий пишет, что «народ был охраняем мятежниками», готовыми смертно пресечь любое проявление пацифизма, к-рое было для них капитулянтством и

⁷⁰ Иерусалим лежал на высоких холмах, образующих южную оконечность уходящей далеко на север горной системы. С востока, юга и запада город был ограничен глубокими долинами. Такая же долина прорезала его в долготном направлении и отделяла обширный западный холм (777м), с лежащим на нём Верхним городом и царским дворцом, от узкого восточного (744м), на к-ром стоял Храм. С севера к городу примыкали ещё два холма, к-рые вошли в него при Агриппе I: восточный – Визафа, и западный – Голгофа, связывавшие город с тянувшимся на север горным массивом. В системе укреплений уязвимо лишь с севера города, первая – внешняя (третья – изнутри) стена, (недостроенная Агриппой) охватывала Визафу и Голгофу на севере и примыкала одним концом к с-в углу храма, другим – к с-з углу Верхнего города. Вторая стена проходила к югу от этих обеих возвышенностей; в ней было 14 башен, и в месте её соединения с храмом на отвесной скале возвышалась квадратная Антониева башня. Особая стена, с 60-ю башнями, опоясывала Верхний город. Главным узлом обороны являлся храм, периметр к-рого был равен 1110-и м. Его территория представляла собой искусственно насыпанное (Соломоном и расширенное Иродом) плато, охваченное со всех сторон стенами, сложенными из параллельных рядов огромных каменных глыб.

предательством, угрожая им самим в то же время, в случае торжества партии пацифистов, концом от рук римлян.

Устрашившись стройной организации противника, иудеи покинули наружные предместья без боя, уйдя во внутренний город и в храм. Наружные предместья, — т.е. северо-восточное — Визафу, и северо-западное — Голгофу, втянутые в черту города в начале 40-х гг. Агриппой I, кто, о чём мы знаем, не достроил третью крепостную стену перед ними, в случае окончания строительства к-рой, уязвимый, сообразно Флавию, только с северной стороны город, стал бы неприступным. Цестий занял оставленную иудеями территорию, сжёг Визафу вкупе с Дровяным рынком, «подступил к Верхнему городу и расположился лагерем против царского (Иродова) дворца».

А ниже Флавий сокрушённо подчёркивает, что если бы он, Цестий, решился тут же штурмовать стены, то овладел бы городом и положил бы конец войне, стольких жертв к-рой удалось бы избежать. Т.е. иудеи тогда ещё не были готовы ни к римскому штурму по всем правилам военного искусства, ни к затяжной осадной обороне, ни к десяткам и сотням тысяч жертв со своей стороны. Посему всё могло закончиться сравнительно малой кровью и гораздо раньше.

Однако, по Флавию, что вызывает недоверие и вопросы, военачальник Тиранний Приск и большинство начальников конницы, будучи подкуплены Флором, отклонили Цестия от незамедлительного штурмового плана. «В этом кроется вина того, что война затянулась на такое продолжительное время и сделалась столь ужасной и гибельной для иудеев».

Честно говоря, в такое вмешательство (давно нырнувшего в подпол и ни разу никак не проявившего себя, не заявившего о себе с лета, за исключением отправки выживших и изловленных им кесарийских иудеев на галеры) Флора — с подкупом римских офицеров сирийских легионов, с заведомой целью затянуть войну, на сей раз, когда томогавк войны был уже вырыт вовсю и пошёл в дело, плохо верится, точнее, просто не верится. Ситуация реально не воспроизводится. Скорее, на повестке дня очередной просчёт самого Цестия, к-рый, как мы убедились, допускал грубые просчёты один за другим, задним числом дополнительно инкриминированный Флавием Флору, кого, повторим, Флавий делает-считает главным римским виновником войны (категорически отвергая в ретроспективе её неизбежность, отказываясь делать упор на её объективные причины и не до конца понимая некоторые из них).

«Между тем многие почётные граждане, по совету Анана, сына Ионафана, пригласили Цестия в город, обещая ему открыть ворота. Но с досады он уже ничего слышать не хотел об этом. К тому же он не вполне доверял им и продолжал медлить...» (2,19,5). Как видим, некий нобиль Анан (не путать с первосвященником Ананом — сыном Анана) во главе группы знатных иерусалимлян, войны не желавших, посулили Цестию через тайных посыльных открытие ворот города, вероятно, не столько из сердечного римлянофильства, сколько из страха перед революционерами и в страхе за свое богатство, равно — за свой нобилитетский статус.

Насколько они в действительности в состоянии были выполнить обещанное — вопрос. По любому, если Цестий промедлил, с одной стороны, не слишком поверив в обещанное, а с другой, нацелившись, после всего иудеями содеянного, именно на массовую карательную акцию = на резню, то радикалы узнали об инициативе Анана (со други-товарищи) и, недолго думая, сбросили «врагов народа» с крепостной стены, разогнав их людей-приверженцев по домам. «Сами же они разместились по башням и стали отстреливаться против тех, к-рые приступали к стене».

«Пять дней римляне предпринимали попытки со всех сторон, не достигая никакого результата; но на шестой день Цестий сформировал сильный отряд отборных

солдат, присоединил к ним и стрелков и сделал нападение на северную сторону храма...» (19,5)

Соответственно, это происходило, считая с 7.10.66г. (= 30 тишири) до 12.10. = 5 дней = 6-й день, когда иудеи отбивали атаки на Храмовую гору с высоты галерей, но вынуждены были всё же отступить, по Флавию, — «перед горячей стрельбой» = под эффективным обстрелом. Так, приступив к стене, римляне устроили у себя над головами защитную черепаху из щитов (testudo), начали подкоп и уже приготовились поджечь храмовые ворота (Тади? — на северной стороне).

Боевой пыл иудеев сник-поник, «страшная паника охватила теперь мятежников» (2,19,6). Согласно Флавию, — «уже многие бежали из города, ожидая его покорения с минуты на минуту». Бежали, следует полагать, пока защитники были заняты боем, через нетронутые войной восточные и южные ворота-направления. Притом бежали, как говорит Флавий, экстремистские лидеры, в то время как народ, видя удаление «злонамеренных», приблизился к воротам, чтобы открыть их и впустить войско Цестия в город, во что в такой флавиевской преподаче-интерпретации (с опорой на размытое — «народ») опять не верится и в проекции на подлинную реальность не воспроизводится.

Достаточно, забегая чуть вперёд сказать, что первую, после отступления римлян, революционную верхушку власти (первое «Временное правительство») составили не экстремисты, а представители иудейско-иерусалимской элиты — (перво)священской и светской, включая самого Флавия. Но Флавий непременно хочет сказать-показать, что народ, включая элиту, в большинстве и тогда противился злонамеренным отщепенцам, чего в сентябре/октябре на самом деле уже не было, по крайней мере, со стороны воодушевившегося и поддавшегося рев. порыву большинства.

Да и позиция в сентябре/октябре самого Флавия, к-рый в «Жизни» зримо-ощутимо всплывает, словно подводя лодка со дна (где последняя лежит, чтобы не дать себя запеленговать), лишь по падении в конце июля цитадели Антония, говоря, что он «удалился во внутренние помещения храма», откуда вышел после августовского убийства Манаима (4,5), остаётся подвопросной. По его словам, он был вместе с первосвященниками и фарисеями в немалом страхе, так как они видели народ вооружённым, были не в состоянии унять мятеж, подвергались явной опасности и вынужденно соглашались с намерениями мятежников, советуя, однако, — «ничего не предпринимать и позволить неприятелю напасть, чтобы обрести уверенность в том, что мы справедливо беремся за оружие» (5). Кто-то из элиты, б.м., именно так и думал, но вряд ли так думал сам будущий Флавий, похоже, в те дни тоже вполне искренно поддавшийся-отдавшийся общему настроению и (временно) впавший в революционную эйфорию (см. ниже).

Дальше же в «Bellum», заявив о готовности народа открыть ворота, он полностью перекладывает ответственность за то, что это так и не случилось, теперь, разумеется, после первовиновных злыдней-революционеров, и на Цестия (дескать, всему виной в лагере оборотелем мятежа — неспособность Цестия): мол, продолжись осада (ещё) хоть немного, — «он тотчас имел бы город в своей власти. Но я думаю, что по вине злых, Бог уже тогда отвернулся от Святыни и не сулил поэтому войне окончиться в тот день» (19,6).

Зачем, спрашивается, продолжать осаду, если народ уже «идёт» открывать ворота!? А если «идёт» или «хочет», то почему не открывает, когда и пока злонамеренные вроде бы удалились? И где, в сём случае, «благонамеренные»? что они поделявают, когда злонамеренных нет и когда народ хочет открыть ворота? Противоречие на противоречии. Предумышленный бред сивой кобылы!

Естественно, Флавий стремится максимально обелить незлонамеренных и, прежде всего, себя, потомственного Аронида и аристократа, за участие в (обречённой с

высоты её поражения) Иудейской войне против римлян, за гибель города и храма, к-рому было, в общей сложности, свыше тысячи лет и к-рого (в чём автор «Bellum» внутренне скорбно уверен) больше никогда не будет. Но это не повод грешить против истины, против к-рой, с др. стороны, он, пишучи в Риме и пишучи с римских высот-холмов, совсем не грешить, мягко выражаясь, никак не может. Ему нужно оправдать себя, оправдать иудеев лояльных, плюс т.н. лояльных, и, по возможности, реабилитировать еврейский народ, возложив всю вину на горстку экстремистов, на внешние обстоятельства и на человеческий фактор.

Под последним же – Флор и Цестий, к-рых, в пору написания «Войны» при Флавиях, уже нет в живых (если о Флоровой кончине сведения отсутствуют, то Цестий умер в Сирии зимой 66/67гг.), к-рые креатуры (преданного Римом *damnatio memoriae* = проклятию памяти) Нерона, к-рых не надо опасаться и незачем (зная меру позволенной инородцу критики) щадить, тем более, что огромная доля ответственности и вправду лежит на них. И от них не убудет! Мёртвые сраму не имут!

ОТСТУПЛЕНИЕ И ПОРАЖЕНИЕ ЦЕСТИЯ

(октябрь 66г.)

По нижеследующему рассказу, «невзирая на отчаяние осаждённых и настроение народа, Цестий вдруг велел солдатам отступить назад, отказался от всякой надежды на успех, хотя он никакой неудачи не потерпел, и самым неожиданным образом покинул город» (2,19,7).

Вернее, он отступил от городских стен и отошёл от самого города. Значит, учитывая, конечно, произошедший в Цестии надлом, его успех перед тем не был столь однозначным, и готовность народа открыть ему ворота не была столь уж велика, и не все сторонники войны из числа коноводов удалились из города. Т.е. Флавий преувеличивает успехи Цестия и нахождение осаждённого (как бы готового с минуты на минуту сдать) Иерусалима на якобы предпоследней грани падения.

Вместе с тем, историки до сих пор спорят-гадают: почему Цестий, так сказать, побеждая, вдруг, столь внезапно отступил. К сожалению, его *cursus honorum* – в тумане. Всё, что о нём известно до времени сирийской легатуры с 63г., это факт облечения им консульства-суф. в 42г., при Клавдии, сообразно чему, ему было в середине 60-х гг. больше 55-и лет, да и то в случае облечения им консульства в привилегированном возрасте ок. 33-х лет, что сомнительно, и потому скорее перед нами муж в возрасте 60-и или за 60 лет. Имел ли он командирский опыт боевых действий? Вряд ли, во всяком случае, вряд ли он имел опыт достаточный для управления милитаризованной Сирией. Одним словом, назначение его Нероном в Антиохию, пусть в тени Корбулона, было крайне неудачным.

И вот немолодой, но, вероятно, малоопытный легат, три года просидевший в Сирии, как сказано, под Корбулоном, долго не решавшийся выступить походом на Иудею, в какой-то момент надломился-сломался. Потеряв веру в успех? В виду многократного численного превосходства свирепого неприятеля? Или он ушёл от Иерусалима в связи с проблемами провиантирования армии в пору начала сезона дождей после праздника Кушей, окружённый отовсюду врагом, готовым применить тактику выжженной земли? А ведь ок. или более чем 20-тысячное воинство, римское и союзное, надо было чем-то в чёрствой суровой Иудее кормить. Иначе говоря, не был ли уход Цестия обусловлен, в частности, этим? если, конечно, не принимать на слепую веру слова Флавия о готовности города вот-вот пасть.⁷¹

⁷¹ Любопытно, что в «И.в.» 6,9,3 Флавий говорит о переписи иудеев при Цестии, произведённой по его поручению первосвященником, – «чтобы показать Нерону, считавшему иудей-

М.б., поначалу Цестий решил отступить, чтобы потом с удвоенными-утроенными силами, заранее продумав и предусмотрев всё, по весне вернуться для победы наверняка. Ан нет, коли ситуация выглядела так или приблизительно так, или, в т.ч., так, этот план не сработал.

«Ближайшую ночь» (19,7) = ночь с 12 на 13.10. римляне провели в стане на Скопе (1,5 км от Иерусалима), а на следующий день отступательно двинулись (по дороге, по к-рой они совсем недавно пришли) дальше, чем Цестий, по слову Флавия, «сам как будто манил за собой неприятеля»: или ошибочно полагая, что неприятель, обрадованный его уходом, не пустится в погоню? или сам уже пустившись, в состоянии надлома и внутренней паники, в до поры упорядоченное отступление-бегство?

Между тем, иудеев, и теперь далеко не только радикально настроенных, внезапный уход показавшего тыл врага несказанно вдохновил-окрылил. Не правы ли, чёрт побери, радикалы-экстремисты!? Удостоверьтесь воочию, римлян можно и должно побеждать! Не пришло ли и впрямь время скинуть римское ярмо!? Мы снова в ударе, и в каком! если римляне (в страхе) пятятся-отступают-уходят!

И не теряя времени, воспрянув духом, иудеи стали беспощадно-истребительно преследовать уходящего врага, наступая ему на пятки, круша арьергард не оборачивавшихся для организованного отпора отступленцев и обстреливая-расстреливая уходящих с обеих сторон дороги.

«Арьергард не осмеливался стать против своих преследователей, так как считал, что их необычайно много, фланги также не были в состоянии отражать нападение, поскольку римляне были тяжело вооружены и опасались разорвать походную линию; иудеи, напротив, как они хорошо видели, были легко вооружены и вели

ский народ совсем малозначущим, как велика степень процветания города (Иерусалима)», и «по возможности привести в соответствие численность населения». Причём дело происходит при наступлении праздника Пасхи и ниже Флавием приводятся явно завышенные числовые показатели. Но нас сейчас интересуют не они. Во-первых, не исключено, что эти слова свидетельствуют о почтительном отношении (до Войны) Цестия к иудеям и, возможно, даже о каком-то его мистическом трепете перед еврейством, б.м., повлиявшем на его поспешное отступление от Иерусалима и на его от иудеев последующее поражение? Во-вторых, из довольно сумбурного текста не очень ясно, о какой именно переписи речь: о специальной-эсклюзивной? или об очередной? в масштабах страны? или города?

В «Р.л.» мы предположили, что, при Ироде и после его кончины, регулярные иудейские переписи производились в субботние годы (подведения итогов), т.е. раз в 7 лет (...14/13, 7/6гг. до н.э., 1/2гг. н.э.). Притом Ирод умер в марте 1г. н.э. и, эвентуально, в дальнейшем его сыновья-тетрархи Антипа и Филипп продолжали переписи в своих тетрархиях в седмичные годы шмит. В 41г. Агриппа, став царём возобновлённого (Клавдием) Иудейского царства со столицей в Иерусалиме, упразднил, как мы знаем, *царский* субботний цикл-календарь, введя вместо него цикл-календарь *аронидский*, действовавший с 443 по 140гг. и отменённый Маккавеями в пользу календаря *царского*. При Агриппе перепись была проведена в 41/42гг. («Пасха несметных толп» — 42г. н.э.), т.е. в шмиту по возобновлённому им *аронидскому* циклу-календарю (см. выше).

Но продолжалось ли производство переписей в субботние годы по этому календарю, в этом ритме (и были ли они регулярными), после умершего в 44г. Агриппы, когда Иудея снова сделалась провинцией, — вопрос/вопросы. При этом, если да, то очередная перепись выпадает на 62/63гг.; и если у Флавия речь идёт об очередной переписи, то первосвященник иудейский предоставил данные по ней едва заступившему весной 63г. (иудейская Пасха — 1.04.) на сирийско-легатскую вахту Цестию именно в 63г. Если же, что менее вероятно, переписи после Агриппы производились в доагриппианском семилетнем ритме (без отмены действовавшего до 70г. *аронидского* седмичного цикла-календаря), то, в сём случае, речь должно вести о переписи 64/65гг. с предоставлением её данных Цестию в 65г. А если в объективе эксклюзив, то тут на ценовой повестке дня, с наибольшей долей вероятности, либо весна 64-го, либо, с большей долей вероятности, весна 65гг.

нападение с большим воодушевлением. Так римляне вынуждены были нести большие потери, не будучи в состоянии со своей стороны причинить какой-либо ущерб неприятелю. Поражаемые на всём пути и приводимые каждый раз в смятение, они падали массами. В числе многочисленных убитых были предводитель VI-го легиона Приск, трибун Лонгин и командир одной из кавалерийских ал Эмилий Юкунд. С большим трудом, потеряв также большую часть своей поклажи, они достигли, наконец, своего прежнего лагеря Гаваона...» (7).

И пусть римляне не раз в истории побеждали многократно превосходившего их числом противника, воюя умением, но тут был не тот случай, не тот командир, не тот театр военных действий, не тот сошедший на нет боевой дух, не те солдаты, не тот противник. При всём том, как видно, XII-й Молниеносный легион, прошедший под ярмом из парфянских копий в 62г. и ныне составлявший костяк воинства Цестия, с тех пор так толком и не оправился. Не лучше обстояло дело и с приданными ему в помощь подразделениями VI-го – Железного (Ferrata) легиона⁷², командир к-рого Приск погиб при отступлении.

Место следующий стоянки отступленцев – Гаваон – располагался, напомним, в 9/10-и км от Иерусалима. «Цестий провёл здесь в нерешительности два дня; когда на третий день число неприятеля ещё больше увеличилось и всё кругом кишело иудеями, он понял, что его медлительность послужила ему только во вред и что дальнейшее пребывание на месте только умножит число его врагов» (7).

Два дня и третий день, т.е. – 13-15.10. Два дня римляне провели за лагерным валом, приводя себя в порядок, что им не очень удалось. А противник, всё более уверенный в победе, численно всё прибывал-приумножался, ибо, проводя одну успешную атаку за другой, не получил ни одной настоящей ответки, никакого отпора. Боевой дух иудеев всходил всё выше и уже зашкаливал прямо противоположно падению боевого духа римлян. Каждый следующий шаг Цестия был ошибочнее предыдущего. Он взял паузу, чтобы вроде бы собраться с силами для организованного отступления, через два дня разуверившись и в нём. И вообще – зачем, спрашивается-восклицается, надо было стоять-торчать на месте, давая противнику время обрести бесчисленными подкреплениями, без настроения на какое-либо оборонительное сражение, аж два дня?! после к-рых отступление превратилось в бегство!

«Чтобы ускорить бегство, он (Цестий) приказал уничтожить всё, что может отягчать войско в пути. Были убиты поэтому мулы и вьючные животные за исключением тех, к-рые носили орудия стрельбы и машины; последние римляне сохранили на случай надобности, а главным образом для того, чтобы они не попали в руки иудеев и не были ими обращены против римлян. После этого они выступили в Бет-Хорон. На открытой местности иудеи их меньше беспокоили; но каждый раз, когда им приходилось спускаться вниз по узким теснинам, одна часть иудеев, быстро забегая вперёд, загораживала им выход, другая часть сзади гнала их в лощину, а основная масса, растягиваясь по отлогим сторонам дороги, обстреливала войско градом стрел. Тяжело было пехоте, не знавшей как обороняться, но в ещё большей опасности находилась конница: совершать спуск сомкнутыми рядами не дозволяла ей беспрепятственная стрельба, но вместе с тем непроходимые теснины мешали ей атаковать неприятеля; с другой же стороны дороги зияли овраги и пропасти, в к-рые всадники падали при каждом неосторожном движении. Не имея таким образом возможности ни бежать, ни сопротивляться, они в своей нужде разражались громкими воплями и криками отчаяния. Им в ответ раздавались по-

⁷² В 63г. Корбулон передислоцировал XII и IV легионы в Сирию (чтобы они там пришли в себя), переведя на их место в Каппадокию из Сирии легионы III (Gallica) и VI (см. выше). Но, как видим, на 66г. VI-й легион снова находился в Сирии.

бедные трубные звуки, ликующие крики и призывы мщения иудеев. Немного не достало, чтобы они смяли всю армию Цестия; но наступила ночь, к-рая дала возможность римлянам укрыться в Бет-Хороне. Иудеи меж тем заняли всё кругом и стали ожидать их выступления» (2,19,8).

Следовательно, иудеи преследовали римлян от стен Иерусалима до Бет-Хорона (16/17 км от Иерусалима; ок. 7-и км от Гаваона), как русские Наполеона от стен (правда, взятой им) Москвы, когда Кутузов заставил французов отступать по им же разорённой Смоленской дороге. Впрочем, у Цестия другой дороги на северо-запад не было. Ловушка же, в к-рую он угодил и из к-рой силился выскользнуть, уже не помышляя о том, чтобы скрестить оружие с врагом, стала напоминать ход катастрофы Квниктилия Вара в Тевтобургском лесу, где погибли аж три римских легиона. Хотя тут на римлян давили не германские леса, но суровейший (лунно-инфернальный) ландшафт изрезанной оврагами и пропастями Иудейской пустыни, представляющей собой Лобное место в масштабе страны. Обрывистые ущелья в Иудейских горах, крутые и узкие дороги, пропасти и овраги – места боевой славы Иуды Маккавея! И леса, и пустыни, и горы могут стать прекрасной военной западнёй! И леса, и пустыни, и горы могут, пусть по-разному, взять под жуткий психологический пресс пришлого противника!

Дабы избежать участи варовских легионов, дабы спасти себя и большую часть подкомандного ему воинства, Цестий ночью 15/16.10. отобрал 400 храбрейших солдат (своего рода 300 римских спартанцев) «и расставил их вдоль шанцев с приказом водрузить на них полевые знаки лагерных караулов для того, чтобы заставить иудеев думать, что всё войско находится ещё в стане. Он же сам с остальным войском выступил на 30 стадий (5/6 км) вперёд...» (2,19,9).

На следующий день, т.е. 16.10., иудеи увидели римский лагерь покинутым, напали на 400 обманувших их имитацией лагеря солдат-храбрецов прикрытия, быстро, используя подавляющий численный перевес, одолели последних и пустились в погоню за Цестием. Но он сумел в продолжение ночи выиграть нужное время (единственное, что ему в этой кампании ббг. удалось!), и, сыграв на опережение, достаточно оторвался от преследователей. А днём ещё – «ускорил бегство до того, что солдаты в страхе и смятении оставили в дороге осадные и метательные машины, равно как и большую часть других орудий, к-рые достались иудеям и впоследствии использовались ими против римлян.

Иудеи гнались за римлянами до Антипатриды, но так как не застали их уже здесь, то возвратились назад, взяли с собою машины, ограбили трупы, собрали покинутую римлянами добычу и с победными песнями вступили в столицу. Сами они понесли очень небольшие потери, в то время как римлян и их союзников пало 5300 пеших солдат и 380 всадников. Это совершилось на 8-й день месяца Дия, в 12-м году царствования Нерона» (9).

Погоня до Антипатриды в 60-и км от Иерусалима, – т.е. до границы Иудеи и Самарии, в недружественных иудеям пределах к-рой преследовать римлян в направлении Кесарии было уже небезопасно. Да и Маккавеи начали своё дело с освобождения очаговой Иудеи (создав позднее мини-империю)! Короче, возымело место, конечно, не повторение куда более катастрофического Тевтобурга, однако, поражение римлян было очевидным, будучи в ещё худшей мере позорным, нежели разгромным. Нечасто врагам удавалось видеть спину поспешно ретирующегося Рима.

И до какого же градуса в связи с произошедшим подскочила самоуверенность иудеев! сколько народу поражение Цестия толкнуло в объятия революции! Увы, большинству иудеев, к-рым показалось, что они, мол, богоизбранники, развеяли миф о непобедимости римлян, невмочь было из их ветхозаветного гетто, в особенности сейчас, на победных лаврах, разглядеть и заценить (из своего сплющенного искусств-

венно взбитого древнеместечкового мирка) ни мировую мощь, ни гигантский ресурс Римской империи. Они не понимали, что когда Рим преодолет кризис, соберётся с силами, соберёт римскую волю в кулак и нанесёт свой сокрушительный удар, от Иудеи, от Иерусалима, от храма останется в прямом смысле мокрое место. Не так ли и случилось? Не погибло ли в этой войне свыше миллиона иудеев!

Притом планы иудейской независимости, ради к-рой радикалами-экстремистами война велась, были изначально эфемерными и неосуществимыми, были заведомо обречёнными, как коммунизм, или, вернее, если проводить более злободневную аналогию, как игиловский халифат. Тот же фанатизм, та же непримиримость, жестокость, свирепость, иллюзорность, бесперспективность.

И Флавий прав, говоря, что Бог был не на стороне иудеев, потому что война разгорелась и продлилась годы отнюдь не в силу их правоты и псевдовысоких стремлений, обернувшихся в итоге для них погибелью, но по вине кризисно-бездарного нероновского режима в лице его репрезентантов сверху донизу! Или, нагляднее, – снизу доверху – от римского прокуратора Иудеи, через легата Сирии и до самого кесаря-императора! Стоило режиму смениться и победа была одержана. Рим пережил Смутное время, победил и пошёл дальше, а старые-ветхие Иудея, Иерусалим, храм, превращённые в груду развалин, кончились и ушли навсегда!

ХРОНОЛОГИЯ

Доразберёмся с хронологией. 8-й день месяца дия = мархешвана – приходится в ббг. н.э. на 15.10. Казалось бы неверно, поскольку Цестий бежал от Бет-Хорона на Антипатриду 16.10. Но обратите внимание, из текста Флавия не очень ясно, что именно произошло 8-го дия, между тем как перед этой датой указывается-называется количество погибших римлян и их союзников. И именно 15.10. иудеи нанесли римлянам, при их отступлении от Гаваона до Бет-Хорона, основной урон, основное поражение, одержав основную военную победу (тогда как 16.10. расстрельно погибли только 400 солдат прикрытия, а римскую армию иудеям догнать-настичь не удалось). Так что кульминационная батально-победная дата 8 дия = 8 мархешвана = 15.10. – вполне корректна.⁷³

Сложнее с 12-м годом Нерона. Нероновы годы правления *dies imperii* исчислялись со времени смерти Клавдия утром 13.10.54г., согласно чему, 12-й год Нерона истёк к утру 13.10.66г., когда стартовал 13-й год Нерона. Т.е. 8-е дия как 8-е мархешвана = 15.10.66г. является уже не концом 12-го, но началом 13-го года Нерона. И тут Флавий немного ошибается. Причём ново-новейшие авторы-исследователи считают эту его ошибку грубой, поскольку, например, если Шюрер (1,605/06) датирует поражение-бегство Цестия, с оглядкой на 8 дия, (приблизительно)

⁷³ О том, насколько можно доверять хронологии и датам Флавия (несто процентная правдивость повествования в авторской интерпретации событий – разговор отдельный), к-рый не мог и не стал бы приводить даты иначе как по наиболее близкому ему еврейскому календарю, с использованием известных (отлично от иудейских) всей греко-римской Ойкумене наименований сиро-македонских месяцев, свидетельствуют его собственные слова в «*Contra Arionem*», где говорится, что ни одно событие того времени не прошло мимо него, что он вёл об этих событиях подробные записи (1,9). И пусть буквально это говорится о времени после Иосифова пленения римлянами летом 67г. и в пору его последующего, по освобождении, нахождения в римском лагере, но наверняка также события до пленения, с пролога Войны и её начала, датированы-сверены им, непосредственным современником событий и очевидцем, или прямым участником многих из них, по записям, документам и по памяти, что, конечно, не гарантирует все даты от ошибок или накладок, однако ратует за достоверность-правильность большинства датировок.

ноябрём («etwa November») 66-го г., то в RE (3,2 Cestius, S.2005-07) даже 30 гиперверетей = 30 тишири = 7.10. (начало Цестиева наступления на Иерусалим) синхронизируется с 19.11., а 8-е дия, понимаемое как день возвращения победоносных иудеев в Иерусалим, попадает на 25.11.66г. (!).⁷⁴ И в обоих случаях (сродни множеству других источников, датирующих Цестиево поражение ноябрём 66г.) налицо (в отличие от флавиевской негрубой) грубые ошибки.

Не Флавий ли связывает выше известные события с праздником Поставления Кушей – 22-29.09., используя к-рый, при знании даты иудейской Пасхи 66г. (29.03.) и дней опресноков (29.03. – 4.04.), в качестве надёжной хроноопоры, равно при акцептации того факта-обстоятельства, что за приводимыми Флавием датами сироммакедонских месяцев их иудейские синхронистические эквиваленты, юлианский месяц ноябрь как дата наступления и отступления Цестия (на Иерусалим и от Иерусалима) однозначно отпадает в пользу первой половины и середины октября. Баста!

И тем не менее, если быть до конца точным, то дата 15.10. – пик поражения Цестия, выходит, как сказано, за рамки истекающего 13.10. 12-го года Нерона, падая на начало года 13-го. Но здесь дифференция минимальная и такая ошибка нареканий не вызывает. Притом этот 12-й флавиевский год Нерона, задеятвованный Флавием приложительно к началу Иудейской войны, для её датировки-хронологизации, в его двух манускриптах, итого три раза,⁷⁵ в данном случае замыкает иудейско-римское противоборство 66г., красноречиво свидетельствуя (несмотря на свою формальную хроноошибочность) о том, что Цестий потерпел поражение от иудеев не в ноябре, а именно в октябре, не позднее середины месяца, ближе к концу 12-го года Нерона, ибо случись Цестиево фиаско в ноябре, в тескте Флавия, скорее, стоял бы 13-й год Нерона.⁷⁶

⁷⁴ Каким образом 19.11 и 25.11., коли между 30-м гиперверетей и 8-м дия (даже если допустить ошибочный, применительно к 66г., ноябрь вместо октября) – 8 дней?!

⁷⁵ «И.в.» 2,14,4 – в синхронистической паре с 17-м годом Агриппы II; «И.д.» 20,11,1 – в паре со 2-м годом наместничества Флора (см. выше).

⁷⁶ Кроме того, скажем снова, дата 8 дия (= 8 мархешвана) = 15.10.66г. текстуально несколько зависает в воздухе, так как непонятно к чему именно, к какому конкретно событию в событийной хроноцепи она относится, не могучи быть, по детально реконструированной нами хронологии, днём победного возвращения иудеев в Иерусалим (к-рое имело место не раньше 19.10) (см. ниже), и, согласно подневному рассказу Флавия, являясь, повторим, днём наиболее сильного поражения Цестия иудеями. Но если представить, что под 8-м дия день Цестиева отступления от Иерусалима, с к-рого начался бегственный уход римской армии, то на повестке дня окажется 12.10.66г., т.е. последний день всё ещё 12-го года правления Нерона.

Вдобавок к тому, уже в виде забавного ляпсуса, сюда можно присовокупить и следующее. Если годы *dies imperii* Клавдия исчислялись с даты 24.01.41г. (день убийства Калигулы), то трибунской властью – *tribunicia potestas* – Клавдий был наделён днём позже – 25.01., летоисчислительно опираясь, при указании лет правления, именно на эту (первичную для римских кесарей) дату (кесарского) трибуната. Наряду с тем, Флавий дважды исчисляет общую продолжительность Клавдиева правления в 13 лет + 8 месяцев + 20 дней (И.в.2,12,8; И.д.20,8,1), что посредством элементарного арифметического аддирования даёт в качестве (неверной) даты клавдианского конца и автоматически даты начала Неронова кесарства не 13-е, но 15.10.54г., откуда 12-й год Нерона завершается как раз в день позорного поражения Цестия 15.10.66г.

И пусть Флавий так не считал, просто допустив небольшую, в пару дней, ошибку, невзирая на неё, этот его 12-й год, акцентируем снова, дополнительно указывает на поражение Цестия иудеями не позднее середины октября 66г., что важно и актуально для реконструкции хронологии Иудейской войны.

В ИЕРУСАЛИМЕ

В целом же Иосиф, повествуя в «Войне» о Войне (сходно Черчиллю!) помнит то, что он хочет помнить, и так, как ему хочется, сообразуясь с конъюнктурой (и завися от своих, прежде всего, высокопоставленных читателей), иногда за отсутствием (у него плюралистического) выбора, — помнить, интерпретировать, толковать, резюмировать.

Да — он был из иерусалимской элиты, сервильные представители к-рой предпочитали откладывать Исполнение Вреµён до греческих календ, удовлетворяясь-удовольствуясь иерократической автономией под Римом, к-рая, по многим параметрам, выглядела предпочтительнее-богоугоднее в их глазах, нежели царизм (потомков безродных идумейских необрезанцев) Иродиан. Эта элита радела о сохранении своих привилегий, к-рые революция и messiанизм грозили смести. Но она тоже не была едина, будучи расслоена. Так, в неё входили и откровенный циник-коррупционер Анания б. Небедей, первая первосвященская жертва Войны, и непрошибаемый саддукейско-первосвященский законник-ортодокс Анан б. Анан, и не чуждый эллинизму рафинированный интеллеktуал (Аронид) Иосиф б. Маттафия (Флавий), и др. неоднородные-неоднозначные персоны-элементы.

Разумеется, Флавий не был изначально сторонником революции снизу, как большинство элитаристов, страшая её и идущей впереди неё охлократии, но, вместе с тем, как посвящённый фарисей, он знал об Исполнении Вреµён поболее других и, в определённой мере, верил в оное, не зная, сродни большинству еврейства, ни конкретной сути (свершившегося в Мистерии Голгофы и прошедшего мимо основной массы евреев) messiанистического Таинства, ни его точных сроков. А слухи и гадания об этом, выйдя из еврейской среды, профанированно носились по Ойкумене того времени как до, так и особенно после Голгофы, носились постфактум, зачастую, обрастая самыми невероятными, в глазах и устах разноуровневых чаятелей-ожидателей (новых спасительных вреµён и Мессии-Сотера-Спасителя) как из еврейского, так и из нееврейского сивиллического мира легендами, трактовками, толкованиями-истолкованиями.⁷⁷

⁷⁷ Тацит в «Истории» даёт обзор по Иудее и повествует о Войне 66-70г., начиная рассказ о ней словами: «Иудеи терпеливо сносили всё, но когда прокуратором сделался Гессий Флор, они подняли мятеж. Легат Сирии Цестий Галл двинулся на его подавление, но вёл дело с переменным успехом и проиграл большинство сражений...» (5,10). А ниже, после слов об ужасных знамениях над Иерусалимом, при подходе к нему римлян в 70г., об осаждённых иудеях говорится: «...Но лишь немногим эти знамения внушали ужас; большинство полагалось на пророчество, записанное в древности, как они верили, их жрецами в священных книгах: как раз в это время Востоку предстояло якобы добиться могущества, а из Иудеи должны были выйти люди, предназначенные господствовать над миром. Это туманное предсказание относилось к Веспасиану и Титу, но жители, как вообще свойственно людям, толковали пророчество в свою пользу, говорили, что это иудеям предстоит быть вознесёнными на вершину славы и могущества, и никакие несчастья не могли заставить их увидеть правду» (5,13).

Перед нами яркий образчик, с одной стороны, невежественного и искажённого языческого понимания-толкования (слышали звон, не ведая, где он) в реальности уже исполнившегося пророчества о Христе, К-рого языческий мир не узнал, тогда как римляне (и не только они) после 70г., с удовольствием, рационально перетолковали это пророчество на начавших своё восхождение покорением иудеев и Иудеи Веспасиана и Тита. С др. же стороны, перед нами не менее искажённая политизация пророчеств о Мессии иудеями, к-рые первыми не приняли пришедшего к своим Христа (Ио.1,11) и упорно продолжали, принимая исполнившиеся времена за исполняющиеся, ожидать грозного Мессию-сокрушителя, Мессию-властелина, явление и победы к-рого должны, мол, сопровождаться священными войнами, или; дескать, войнам надлежит предшествовать этому победоносному явлению Спасителя-Избавителя. Иудеи (как и язычники) в подавляющем большинстве не могли понять истинного смысла и содержа-

В это верили и саддукеи, и фарисеи, и ессеи, и разнородные ревнители, и небольшое в I/II вв. н.э. число чаятелей двух Машиахов, некоторые из к-рых наверняка сочли Иисуса жертвенным Машиахом б. Иосиф, за к-рым грядёт победоносный Машиах б. Давид! И почему, спрашивается, не спустя именно 33 года от Тайнства Голгофы мессианская эра-эпопея освобождения-исполнения, к-рая неоднотапна, должна начаться-стартовать?!

В любом случае, львиная доля еврейских мессианистов жаждали прихода политического Спасителя-ниспровергателя (тогда как сивиллисты вне пределов Иудеи могли чаять прихода властелина из Иудеи, но не иудея). А если до поры – всё ещё нет! то нужна новопредтечная, по подобию Маккавейской, война, чтобы свергнуть на пути к Исполнению Вреён иго язычников римлян, как Маккавеи ниспровергли ярмо Селевкидов.

Т.е. в этом смысле Война начиналась для многих её адептов и воителей как бы не на пустом месте, точнее, после Мистерии Голгофы именно на пустом, хотя они сами, пройдя мимо (не замеченной, или не зысканной, или отвергнутой ими) Голгофы, трагически об этом не ведали. Не совсем так Флавий, кое-что (касаемо Мистерии Христа) постигший самое позднее в 80/90-е гг. I в., о чём свидетельствует, несомненно, принадлежащий ему «Testimonium Flavianum», пусть даже ранее неодиоликий ренегат Флавий конформистски согласился (с чем иудей-фарисей Иосиф б. Маттафия согласиться не мог) увидеть-узреть в Спасителе из Иудеи Веспасиана,

ния слов об Иисусе (К-рый был распят, воскреснув, согласно иудеям, лишь в веровании Его учеников): «И будет царствовать над домом Иакова веки, и Царству Его не будет конца» (Лк.1,33).

Не отстаёт от Тацита и – в «Жизнеописании Веспасиана» – Светоний: «На Востоке распространено было давнее и твёрдое убеждение, что судьбой назначено в эту пору выходцам из Иудеи завладеть миром. События показали, что относилось это к римскому императору (Веспасиану); но иудеи, приняв предсказание на свой счёт, возмущались, убили наместника, обратили в бегство даже консульского легата, явившегося из Сирии с подкреплениями и отбили у него орла...» (4,5).

Насчёт убийства наместника – ошибка: Гессий Флор не был убит иудеями. Да и о захвате орла, что теоретически было возможно при отсуствии римлян Цестия от Иерусалима и их поражениях, Флавий ничего не сообщает, о чём он вряд ли бы умолчал, если бы таковое случилось. В остальном Светоний, сходно Тациту, не сомневается, что распространённое на Востоке (не сугубо в Иудее) давнее и твёрдое убеждение или пророчество о владетеле мира относилось (как показали военно-политические события!) к Веспасиану! Иного измерения для римлянина нет и быть не может. (И совсем иное дело, когда под тем же истолкованием пророчества-убеждения о «Властелине» из Иудеи на Веспасиана конъюктурно подписался иудейский конформист Флавий!).

В V в. н.э. уже христианин Орозий, пользуясь Светонием и заимствуя, в частности, его ошибки, пишет: «...когда иудеи, да вернусь я немного назад, после страданий Христа полностью лишились милости Божией, они были со всех сторон поражены всевозможными бедами, обманутые на горе Кармел какими-то прорицателями, к-рые предвещали, что вышедшие-де из Иудеи вожди захватят мир, и отнеся предсказание на свой счёт, подняли мятеж, и, убив наместников, обратили также в бегство легата Сирии, захватив у него орла и перебив войско» (7,9).

Однако, при всей ошибочной зависимости Орозия от Светония, из его сумбурного сообщения, тем не менее, явствует, что в период после Мистерии Голгофы и перед Иудейской войной (33-66гг.) какие-то прорицатели (иудеи? язычники?) предвещали на г. Кармел выход (опять пост-фактум!) из Иудеи владыки или владык мира. Кармил/Кармель – горный кряж на северо-западе современного Израиля. Граница удела колена Асира; в эпоху Двухцарствия (931-715гг.) – политическая граница между Израилем и Финикией. На г. Кармел, в пещере, пророк Илия (IX в.) скрывался от Ахава и 100 пророков скрывались от Иезавели. Здесь Илия восстановил разрушенный алтарь Господа, одолел 450 пророков Ваала и 400 пророков Ашеры, совершив чудо возжжения огня на алтаре. На вершине Кармела пророк молился о дожде (3Ц.18/19). При римлянах Кармел относился к области финикийской Птолемаиды (северная граница Галилеи).

к-рый, воюя именно иудеев, сделался в 69г. римским кесарем, чем как бы пророчество о властелине мира из Иудеи, лишённое еврейского стержня, исполнилось-исчерпалось. Не сходно ли (в чём-то) и христианский Мессия (даром что иудей) оказался, умерев на кресте и, видишь ли, по мнению Его приверженцев, воскреснув, отнюдь не тем Спасителем-сокрушителем, к-рого чаяли большинство иудеев!

Так или иначе, мы не видим, как уже отмечено выше, Иосифа (по его возвращении из Рима в 64г., когда он нашёл начатки волнений у многих и пытался с тех пор, по его словам, утихомирить горячие головы) на авансцене пошагово разгоравшегося с мая 66г. Иудейского восстания вплоть до падения в конце июля цитадели Антония, после чего он, следует думать, из соображений безопасности, «удалился во внутреннее помещение храма» (Vita 5). Под последним может пониматься не только притвор Израэлитов, но и притвор Священников, куда потомственный Аронид Флавий имел доступ, отлично от имевших доступ не дальше двора Израэлитов различных «буревестников революции». А ниже говорится о его выходе из внутренних помещений храма после убийства самозванца Манаима, что произошло во второй половине августа.

И действительно, с крайними экстремистами, взявшими Антонию и перебившими тамошних римлян, или с лжемессией Манаимом у Флавия и подобных ему элитаристов точек соприкосновения не было, мало того, от них для него и других исходила угроза комиссарской расправы. Однако, с такими ревнителями из элитаристов, как, например, Елеазар б. Анания, инициировавший отмену жертвы за кесаря, Флавий в контрах не находился. Далее сказано, что он и проч. элитарии, первосвященники и фарисеи, с к-рыми он, выйдя (с ними) из внутренних помещений храма, проводил время (= совещался), «были в немалом страхе, видя народ вооружённым» (см выше), и вынужденно соглашались с мятежниками, сами надеясь на скорый приход Цестия и подавление восстания, что-де не случилось – вовсе не по их вине.

Вот здесь уже лукавство и экстраполяция своей позднейшей позиции на осень 66-го г. И вроде бы только поражение Цестия вынужденно толкнуло его, будущего Флавия, от, мол, некуда деваться и в страхе перед расправой, в лагерь воителей. Никак нет! ибо и первосвященник Анна, и Флавий, и ряд прочих элитаристов после поражения Цестия уверовали в возможность победы, и – пусть не единомысленные с экстремистами – примкнули к восстанию, более того, возглавили его (совсем не для того, чтобы, дескать, сдать страну и город римлянам).

Ведь верхушку революционного правительства после победы над Цестием составили знатные мужи, к-рых Флавий рекомендует как сторонников римлян, одновременно, не стесняясь выставить своё назначение верховным комиссаром Галилеи, в сопровождении двух именитых помощников, (как бы) – «для того, чтобы мы убедили этих негодяев (мятежников) сложить оружие...» («Жизнь» 7).

Неужели? Выходит, что назначенный в Галилею, дабы организовать оборону против римлян, к-рым надлежало идти на Иерусалим именно через Галилею, он изначально был сторонником римлян и чуть ли не римским агентом, думая, под видом подготовки обороны, разоружить мятежников и встретить римские войска хлебом-солью, чему-де воспрепятствовали не зависящие от него обстоятельства и козни против него различных врагов Рима, бывших по совместительству также врагами иудеев. А сам он, видите ли, всегда был белым и пушистым, невольной, вопреки себе, замазанным-замазавшимся на какое-то время (до римского плена) противоримской войной!

Клеится? Не клеится! Шито белыми нитками. Ложь на поверхности. Но иначе и быть не может, поскольку Флавий пишет, живя в Риме под покровительством Флавиев, и его первые читатели – Веспасиан, Тит, Агриппа. И как им сказать, как растолковать, что когда Цестий позорно бежал от Иерусалима, он, вместе с боль-

шинством народа, ненадолго искренне (или полуискренне) вдохновился идеей «священной войны» и победы в ней?! Победы в масштабах Иудеи, потом — Земли Обетования, и потом... «будем (как говорят немцы на русском) посмотреть» (wir werden sehen). Не побеждали ли и Маккавеи (державных Селевкидов) поэтапно — с 60-х по 40-е гг. Пв. до н.э.! То-то Флавий (почему-то) не оказался среди тех знатных противников Войны, к-рые, по его словам, после поражения Цестия, бежали из Города.

УХОД ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ ИЗ ИЕРУСАЛИМА (октябрь 66г.)

«После поражения Цестия многие знатные иудеи оставили город, точно так же, как спасаются с погибающего судна...» (2,20,1). И сравнение с крысами, к-рые бегут с тонущего корабля, тут некорректно. Корабль пока не тонул, напротив, поднял паруса и грозился, образно выражаясь, мня 7 футов под килем, развить скорость в 38 узлов. Иное дело, что у этого дела изначально не было ни малейших шансов на перспективный успех и что все надежды на «открытие второго фронта» то ли парфянами, то ли вавилонско-адиабенскими иудеями («заграница нам поможет»)⁷⁸, как и все прочие неосуществимые надежды на (вот-вот) крушение Рима и т.д., изначально были иллюзорными-эфемерными.

Но Флавий и многие другие умеренные его типа были не из тех, кто всё это осенью 66г. понимал, хотя фанатичной веры в победу у них никогда не было, что их от узколобых радикалов-ревнителей-фанатиков категорически отличало. И всё-таки, многие представители знати, в число к-рых Иосиф не вошёл, не желая участвовать в заведомо обречённой аванюре, или боясь за себя и ближних, или и то и другое, покинули, как сказано, Иерусалим ещё или уже в октябре 66г.

И покинули, надо понимать, в дни, когда великое множество солдат революции, во главе с радикалами, устремились с 12.10. за отступившим от иерусалимских стен Цестием, наступая ему на пятки и нанося поражение за поражением, главным из к-рых пришло на 15.10. Затем, как мы знаем, 16.10., последовало преследование римлян, к-рых преследователям не удалось настичь, до самарийской границы, после чего победоносные иудеи возвратились назад в Иерусалим, взяв с собой на обратном пути брошенные римлянами орудия, ограбив трупы и собрав трофеи, оптимально — не ранее (с учётом немаршевой субботы 18.10.) 19.10.66г.

Т.е. в течение недели с 12-го по 19.10. («райком закрыт, все ушли на фронт») те, кто хотели уйти, воспользовались возможностью свободного выхода-исхода из Города, поскольку и до, и позже революционеры массовому исходу, да и уходу отдельных лиц (из иерусалимской мышеловки), препятствовали. В революции закон исключённого третьего действует с логической беспощадностью. Кто не с нами, тот против нас! Не можешь — научим, не хочешь — заставим! Во имя народа против народа! (Во имя Бога против Бога!). Грозный вопрос багрово-плакатного красноармейца — «ты записался добровольцем?» не предполагает и не допускает ни возражений, ни, наипаче, отрицательного ответа!

Причём, следут полагать, что в ту же седмицу второй декады октября 66г. Город оставили не только «многие знатные иудеи», но и члены христианской общины

⁷⁸ Эта Адиабена Ив. н.э. (с её народонаселением в основном из потомков ассирийцев) напоминает (тюркский) Хазарский каганат Средних веков (VII-Хвв.), где, как и в Адиабене, хазарская элита и часть народа (к-рый, по сокрушению в 966г. Хазарии киевским князем Святославом, до XIIIв. растворился в пришедших из-за Волги, на место хазар между Нижней Волгой и Нижним Доном, печенегах и половцах) приняли иудаизм.

Иерусалима, о к-рой у Евсевия читаем: «...люди, принадлежавшие к Иерусалимской Церкви, повинувшись откровению, данному перед войной почтенным тамошним мужам, покинули Иерусалим и поселились в Перее, в городе Пелле; уверовавшие во Христа выселились из Иерусалима; вообще все святые оставили столицу Иудеи и всю Иудейскую землю. Божий суд постиг, наконец иудеев, ибо велико было их беззаконие перед Христом и Его Апостолами; стёрт был с лица земли род этих нечестивцев» («И.Ц.» 3,5,3). Уход иерусалимско-христианской общины в Пеллу подтверждает и Епифаний («Против ересей» 29,7; 30,2).

Притом выше Евсевий говорит, что случилось это «после умертвления Иакова и покушения на жизнь остальных Апостолов», совмещая-путая, о чём мы знаем, каменовании в апреле 62г. Иакова Праведного (брата Господня) и низвержение с храмовой кровли в марте 66г. Иакова Алфеева (Младшего). Под покушениями же на остальных Апостолов – как мученичество Иакова (44г.) и Иоанна (55г.) Зеведеевых, так и гонения-притеснения в целом, особенно последние – в 62г., и – в связи с убиением Иакова Алфеева – в 66г. (к-рые Евсевий не дифференцирует). При всём том, если на 66г. никого из Больших Апостолов, миссионировавших в пределах Ойкумены, в Иерусалиме, по всему, не было⁷⁹, то кто-то из Апостолов Малых в городе, несомненно, обретался, плюс – пресвитеры, епископы, диаконы.

Мы в курсе, что и перед Войной христианская община Иерусалима, к к-рой обращался в марте 66г. в Послании к Евреям Ап. Павел, переживала нелёгкие времена в пору роста нетерпимости к ней со стороны ортодоксальных иудеев и в пору отпадения от неё (по каменовании Иакова Праведного) немалого числа сочленов. И ещё часть из них наверняка отпали в 66г., воодушевившись восстанием за свободу против языческого Рима и примкнув к повстанцам. Ведь, если в восстании участвовал, к примеру, есеей Иоанн, назначенный осенью 66г. начальствовать над Тамной, или некоторые др. ессеи, то, без сомнения, в рядах повстанцев оказалось также какое-то число местных христиан из Евреев (как и из Еллинистов).

Однако, при всех случаях, большая часть иерусалимско-христианской общины, к-рой угрожала реальная опасность подвергнуться в ближайшее время комиссарскому разгрому-избиению революционными иудеями, должна была не позднее осени 66г., именно воспользовавшись вышеоговоренной возможностью, под предводительством Симеона Алфеева, предстоятеля общины с 62г., уйти из Города.

И хотя у Евсевия нет хронологии данного ухода-исхода, помимо неопределённого-размытого «откровения тамошним почтенным мужам» перед войной, в то время как ново-новейшие авторы подвопросно датируют этот исход интервалом 66 – 68гг., здесь наиболее приемлемо как раз время в пределах недели 12/13-18/19.10.66г. Если весной 66г. иерусалимские христиане, судя по мученичеству Иакова Меньшого, ещё в Городе, то позднее, с июня/июля, когда была отменена жертва за кесаря, как до, так и, тем паче, после означенной октябрьской седмицы, их уход, точнее, возможность оно, весьма сложно, или, во всяком случае, гораздо сложнее представить.

Это была никак не их, Мессия к-рых уже пришёл, принял в Себя Дух Солнца на крещенском Иордане, пребыл три года и три месяца с людьми на Земле, умер на кресте и воскрес, ниспослав им, по Воскресении и Вознесении, Святого Духа-Утешителя, война! И тем более, это была не война христиан, будь то неопиты-

⁷⁹ На 66г. мученичество из круга 12-и претерпели сыновья Зеведеевы (Иаков и Иоанн), Матфей (Эфиопия?) и Иаков Алфеевы. Ещё живы и миссионируют – Пётр, Андрей, Фаддей и Варфоломей, Филипп, Фома, Симон Кананит, Матфий. 13-й Ап. Павел – с мая 66г. в заточении в Риме (см. ниже).

Евреи или неопиты-Язычники, в русле-ключе берушего-взявшего верх ойкуменического христианства Апостола Павла, к-рый, как никто иной, стал, дойдя до краёв земли на западе, провозвестником-миссионером-претворителем Царства Нового Израиля на Земле. Царства, — к-рое не имело ничего общего с ветхозаветными национализмом, клерикализмом, псевдомессианизмом, с идеями и деяниями Иудейской войны (к-рая, уместно присовокупить-повторить, не разразилась раньше — в 39/40гг, дабы, по самому большому счёту, христианство сумело-успело встать на ноги = обрести-осознать себя и стать из еврейско-палестинского павлианско-ойкуменическим по сути).

То-то Павла так волнует в Послании к Евреям будущность иерусалимской общины, еврейско-христианский эзотерический стержень к-рой необходим вселенскому христианству, и к-рую он призывает *выйти за стан*, по подобию взошедшего на крест за городским станом Христа, = (в т.ч.) не опоздать покинуть обречённые неминуемому *огню поядающему* Город и Храм с его культом, к-рые выполнили свою миссию и изжили себя, и гибель к-рых неизбежна.

Б.м., Павел так стремился прибыть весной ббг. в Палестину, в Иерусалим, чтобы на месте, при непосредственном общении, убедить сообщинников (доставив им пожертвования), в частности, в этом, и, м.б., персонально, вместе с Симеоном Алфеевым, пресвитерами, епископами, диаконами, возглавить исход-исшествие иерусалимско-христианской общины, что, волею судеб, самому Павлу (не дождавшемуся Тимофея в Риме и угодившему во Вторые римские узы в мае) не было суждено, и что свершилось осенью без него.

Оно и верно, ибо ему было уготовано мученичество в Риме, в столице державы и мира, между тем как доберись он весной или весной/летом горячего ббг. до Палестины, до уподобимого готовой взорваться пороховой бочке Иерусалима, большой вопрос — удалось бы ли ему оттуда выбраться и вновь добраться до Рима? Своё дело в Св. Земле, в Граде Божиим он сделал и дороги ему туда (несмотря на зов сердца) больше не было. Время вышло и время выходило. Если прошедшему после просветления на пути в Дамаск и обращение-крещение через алхимическое самопреображение великому миссионеру Павлу, к-рый сказал «не я, но Христос во мне», предстояло пострадать в Риме за Христа и Новый Завет, то перед старым Иерусалимом и храмом зиял конец за Ветхий Завет, продолжившийся в Новом, К-рый они не взыскали.

Впрочем, весеннее Послание Павла к Евреям в Иерусалим, несомненно, во многом, помогло части местных христиан-общинников из Евреев соориентироваться, консолидировав кого надо, в преддверии их состоявшегося осенью нового исхода из «гиблого Египта», откуда новому христианскому Израилу (готовому к исходу с лета и выживавшему момента) надлежало непременно-обязательно изойти. Сколько всего-итого христиан ушло в октябре из города — неизвестно: всего несколько сот? или, куда вероятнее, несколько тысяч? (к к-рым позже, поодиночке или небольшими группами, присоединялись другие, разными способами вырвавшиеся из иерусалимского ада исшествники).

При этом Евсевий пишет, что они ушли в Пеллу, ошибочно (приложительно к Ив. н.э.) сопричисляя её к Перее. Заиорданская Пелла находилась в Декаполисе, близ границы с Переей, к северу от неё, являясь, согласно Флавию (И.в. 2,18,1), одним из тех языческих городов, к-рые подверглись опустошительным атакам иудейских гайдуков в августе или в августе/сентябре ббг. (см. выше). И возможно, христиане Иерусалима не сразу подались в ту раскалённую пору в Пеллу, уйдя сначала через Иордан и Перею в ближнюю пограничную Аравию, чтобы несколько

позднее, по покорении римлянами Галилеи в следующем 67г., прибыть в Десятиградие и обосноваться в Пелле.⁸⁰

НАЗНАЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ (октябрь/ноябрь 66г.)

Итак, 20-ю главу 2-й книги «Bellum» Флавий начинает с оставления многими элитными иудеями Иерусалима после поражения Цестия. А ниже говорится о Костобаре и Сауле, знатных и не чуждых разбойности (И.д. 20,9,4) родственниках царя Агриппы (см выше). Они вроде бы должны были уйти из Города вместе с теми агриппианскими солдатами и иудеями, к-рым (в отличие от язычников) узурпатор Манаим согласился предоставить возможность свободного ухода из осаждённого им Иродова дворца в августе (2,17,8) (см. выше), тем более, что Флавий называет Костобара и Саула в связке с именно тогда, в августе, отпущенным манаимовцами агриппианцем Филиппом (сын Иакима, внук Замариса). Мало того, далее говорится ещё об одном родиче Агриппы – тоже осаждённом в царском дворце (август), Антипе, к-рый отказался от бегства из города (в августе? в октябре?) и был позднее убит разбойничье-революционными шайками (4,3,4).

Так или не так, т.е. покинули Костобар и Саул город в августе или в октябре (перед нами не единожды комкаемая Флавием хронология и неясность рассказа!), но, видимо, именно сейчас, в октябре, они отправились к Цестию, в Антиохию, и были отправлены им, сообразно Флавию, – «по их собственной просьбе, в Ахайю к Нерону (к к-рому Филиппа, сына Иакима, отправит позже, в 67г., Веспасиан) с тем, чтобы они изложили пережитые ими самими бедствия и взвалили бы вину войны на Флора. Перенесением гнева Нерона на последнего он надеялся именно отвлечь грозившую ему самому опасность» (2,20,1).

Цестий не мог отправить к Нерону только Саула с Костобаром (по их просьбе), как получается из мутного текста-контекста, обязанный снарядить к кесарю служивших вестовых с донесением обо всём случившемся, вернее, о произошедшем ЧП (так как не каждый день римляне терпели такие поражения и несли такие потери, какие они потерпели и понесли осенью 66г., попытавшись взять Иерусалим). Т.е. родственники Агриппы, участвовавшего, лично и своими подразделениями, в походе вместе с Цестием и также потерпевшего поражение, отправились к Нерону в довесок к официальному донесению, дабы версия Цестия, стремившегося теперь, когда запахло жареным для него лично, выразительно переложить всю вину на Флора, выглядела убедительнее.

Ныне Цестиев интерес состоял в том, чтобы смягчить свой позор и избежать наказания. С первым – не выйдет, позор к нему прилипнет на века. А вместо наказания кесарского его постигнет, по Тациту, то ли потому что «так ему было суждено судьбой, то ли от овладевшего им невыносимого отвращения к жизни»

⁸⁰ Пелла была основана, если верить Стефану Византийскому, самим Александром Великим (Шюрер 2,100), или, согласно Апиану (Сир.57) и «Хронике» Евсевия (ad Abr. 1715, Ol.119,4), ок.300г. Селевком I. В 218г. до н.э. завоёвана Антиохом III, когда он, по занятии галилейской г. Табор (Фавор), пошёл в Заиорданье и занял Пеллу (Полибий 5,70,12). Ок.83г. до н.э. взята и разрушена Александром Яннаем, поскольку её обитатели не пожелали иудаизироваться (И.в.1,4,8; И.д.13,5,4). Помпей отделил в 63г. Пеллу, как и др. эллинистические города Заиорданья, включив их в Декаполис, от владений Маккавеев (И.в.1,7,7; И.д.14,4,4). Плиний (5,18,74) и Птолемей (5,14,18; 15,23) называют город в составе Декаполиса. По Плинию, город был богат водой (aquis divitem); по Птолемию, – находился недалеко от границы с Аравией.

(Ист. 5,10), смерть на легатском посту, в Антиохии, где он скончается зимой 66/67г., успев? или не успев? узнать о назначении куролесящим в Греции Нероном на его место, с особыми полномочиями, для одоления восстания иудеев, Веспасиана, к-рый прибудет в Сирию весной 67г.

Дальше, в «И.в.» 2,20,2, Флавий рассказывает об убиении дамасских иудеев узнавшими о, как мы выяснили, октябрьском, поражении римлян местными язычниками, тогда как в «Жизни» (б) об этом повествуется вкупе со скифопольской резнёй, имевшей, согласно «Войне» (2,18,1-4), место на порядок раньше – в августе (см. выше). Опять скомканная хронология. При всём том, если сообразно «И.в.» 2,20,2, в Дамаске жертвами резни стали 10 тыс. иудеев, то сообразно 7,8,7, число жертв вырастает до 18-и тыс. Кроме того, если согласно «Bellum», в Скифополе иудеев погибло 13 тыс., то согласно «Жизни», скифополиты – «всех их перебили числом много десятков тысяч» (б).

Примечательно же то, что дамасские язычники, удумав вырезать иудеев, – «боялись своих жён, к-рые, за немногими исключениями, все преданы были иудейской вере. Они поэтому, тщательно скрывая свой план, напали на стеснившихся на маленьком пространстве 10 тыс. невооружённых иудеев (коварно созданных на собрание в гимнасии) и вырезали их всех в одночасье, сами не подвергаясь никакой опасности».

Эта приверженность множества женщин-язычниц Дамаска иудейской вере проливает дополнительный свет на распространение христианства и вес христианской общины в Дамаске, откуда, напомним, начался в мае 34г. н.э., вступив с мая 66г. в 33-й год оногo, великоапостольский путь во Христе Савла-Павла. И – к месту добавить – неясно, насколько и в каких полисах язычники Палестины и окрест на 66г. отделяли иудеев от христиан? и в какой мере христиане населённых пунктов со смешанным населением в 66г. могли подвергнуться или подверглись преследованиям вместе с иудеями? Сходно – неясна судьба иудеохристиан в прочих иудейских или преимущественно иудейских городах Палестины, помимо Иерусалима.

Тем временем, «когда преследователи Цестия возвратились в Иерусалим, они, частью силой, частью убеждением, заставили перейти на свою сторону находившихся ещё в городе римских друзей и назначили собрание в храме с целью избрания нескольких полководцев для ведения войны. Избраны были Иосиф б. Горин, и первосвященник Анан б. Анан с безграничной властью над городом и особым полномочиём привести в порядок стены города. Сына Симона, Елеазара, хотя он имел в своих руках отнятую у римлян добычу, похищенные у Цестия деньги, а равно и другие гос. суммы, они всё-таки не пожелали ставить во главе правления, так как видели в нём властолюбивого человека, а преданные ему зилоты вели себя как его телохранители. Недолго спустя, однако, недостаток денежных средств и обаяние Елеазара довели народ до того, что он подчинился ему, как верховному повелителю.

Для Идумеи они избрали других полководцев, а именно: Иисуса, сына Сапфия, – из рода первосвященников, и Елеазара, сына первосвященника Анания. Пренежного идумейского начальника Нигера (по прозвищу Перейский, поскольку он происходил из лежавшей по ту сторону Иордана Переи) они подчинили власти только что названных лиц. Остальная часть страны тоже не была забыта: в Иерихон послан был в качестве начальника Иосиф, сын Симона, в Перею – Манассия; в округ Тамны – ессей Иоанн, к-рому были подчинены также Лидда, Иоппия и Еммаус. Начало над округами Гофны и Акрабатты получил Иоанн, сын Анания; над обеими частями Галилеи – Иосиф, сын Маттафии; к его же области была причислена Гамала – сильнейший город в том краю» (И.в. 2,20,3/4).

Иосиф б. Горион и Анан II, – младший из пяти сыновей Анны I, все сыновья к-рого побывали-перебывали первосвященниками. Причём махровый саддукей Анан II, о чём мы знаем, это – трёхмесячный, с января по апрель, первосвященник 62г., инициировавший каменование Иакова Праведного, лишённый архипастырского поста Агриппой, но продолжавший сохранять большое влияние. Оба они, Иосиф и Анан, теперь встали, по итогам выборов (неизвестно как, по какой системе, происходивших-осуществлённых) народного собрания победоносных иудеев в храме, во главе первого революционного правительства, бразды к-рого, как видно, были вверены репрезентантам высшей элиты.

Иосиф б. Горион, по всей видимости, принадлежал к элите светской, так как о его (перво)священском происхождении нет ни слова. Он рядом с Ананом – как президент Ирана рядом с верховным аятоллой, или наоборот. А впоследствии, если Анна будет убит в дни беспредела призванных в Иерусалим экстремистами-зилотами зимой 67/68гг. против умеренных (к-рым экстремисты инкриминировали предательский злоумысел примирения с Римом) идумеян, то Иосифа, сына Гориона, как и Нигера Перейского, убьют-казнят после ухода из города идумеян сами взявшие верх зилоты.

При этом большую известность этому (малопроницаемому) Иосифу, о практической деятельности к-рого Флавий молчит, стяжала его подвопросная увязка с «Иосиппоном» (Иосиффоном) (Р.л. 1372/73). И вовсе не исключено, что современник и тёзка Флавия Иосиф б. Горион, к-рый в перечне предводителей революционной власти первого состава назван первым, в то время как Иосиф б. Маттафия (будущий Флавий) данный список, так сказать, скромно замыкает, вполне мог в годы перед Иудейской войной написать книгу по истории еврейства (к-рая, в качестве одного из источников, была в дальнейшем использована, при написании «Войны» и «Древностей», Флавием).

Между тем, в октябре 66г. Иосифа б Горион⁸¹ (по имени к-рого в XXв. назвался основатель гос-ва Израиль Давид бен-Гурион), и Анана, сына Анны, вроде бы новообретшие свободу иудеи, как умеренные, так и, что важно оговорить, радикальные, к-рые нуждались в опыте и, главное, в денежных средствах элиты, наделили, по флавиевскому слову, безграничной революционной властью. Они поручили им, в частности, актуальнейшее укрепление стен Иерусалима (в видах предстоящей борьбы против римлян), под чем, вероятно, надлежит понимать, в первую очередь, необходимость достройки-укрепления Третьей стены, к-рую не успел достроить, подчинившись в 43г. клавдианскому запрету (по представлению сирийского легата Вибия Марса), царь Агриппа I.

Записавшийся в зилоты = приверженец радикального зилотского мировоззрения – Елеазар б. Симон происходил из знатной священско-аронидской (И.в. 4,4,1) семьи (один из примеров, наряду с Елеазаром б Анания, элитного радикала). После поражения Цестия он, один из предводителей военной победы, овладел не только трофейной добычей и римской кассой, но и взял под контроль храмовую казну-сокровищницу, чувствуя себя очень уверенно в окружении своих гвардейских головорезов из числа зилотов. В перспективе ему удастся пробиться на самый верх и свалить обвинённую им в проримском предательстве партию умеренных, успешно призвав в город идумеян.

Однако затем, не желая подчиниться много большему беспределщику Иоанну Гисхальскому, более умеренный в рамках зилотизма Елеазар запрётся-забаррика-

⁸¹ В еврейском «Иосиффоне» он, представленный как предводитель восстания вместе с Анной, к-рый слит с первосвященником Ананией, и вместе с Елеазаром б. Анания, слитым с несколькими Елеазарами, даже назван «помазанником на войну» (59), т.е. оснащён мессианским титулом-рангом.

дируется в храмовом дворе. Потом, во время празднования последней святилищной Пасхи 70г., когда римляне уже будут у ворот и стен раздираемого междоусобицей Иерусалима, когда самого Иоханана успеет потеснить самый радикальный из бандюганского трио – Симон б. Гиора, Елеazarовы воины откроют ворота храма для молящихся, чем воспользуется для вторжения Иоханан Гисхальский, после чего группировка убитого, согласно Тациту (Ист. 5,13), проникшими якобы для жертвоприношения в святилище иоакхановцами Елеазара сольётся с противостоящей Симону б. Гиоре группировкой Иоханана. И так число трёх люто враждующих внутрииерусалимско-экстремистских шобл сократится до двух, под главенством двух самых кровавых и непримиримых атаманов-комиссаров революции.⁸²

В Идумею иерусалимский «совет народных комиссаров» командно снарядил Иисуса, сына Сапфия, к-рый у Флавия произвольно назван первосвященником, что в действительности означает – из первосвященского рода (правда, неясно – из какого именно первосвященского клана?), и знакомого нам инициатора отмены ежедневной жертвы за кесаря и римлян – Елеазара, сына недавно убитого манаимовцами первосвященника Анании. Обращает на себя внимание как сама Идумея, прикрывавшая подступы к Иудее с юга и тем стратегически (сродни Галилее на севере) крайне важная, так и активное участие в Войне идумеян. Напомним, последние обрезались при Иоанне Гиркане (134 – 03гг.), и если ещё грязнокровному эдомиту (потомок чечевичника Исава) Ироду презрительно вменялось (за глаза) обрезанство в третьем колене, к-рое уже не вменялось в шестом колене его умевшему ладить с иудеями внуку Агриппе I, то на 60-е гг. Ив. идумеяне-исавиты были до такой степени иудаизированы, что многие из них притязали быть католиками правовернее папы.

И, кстати, примечательно, что сыгравший столь значительную роль при развязывании Войны начальник храмовой стражи Елеазар б. Анания, б.м., усиланный в Идумею опасавшимися его темперамента и амбиций верховниками умышленно, позднее Флавием ни разу не упоминается. Неясна также последующая судьба Иисуса б. Сапфия. Им обоим, Елеазару и Иисусу, иерусалимские верховники подчинили прежнего начальника Идумеи Нигера Перейского, родом из заиорданской Перей.

Над остальными частями страны, делившейся, применительно к собственно Иудее, на 11 топархий – Гофна, Акрататта, Тамна, Лидда, Еммаус, Пелла Иудейская = Бет-Лефтерет (не путать с заиорданской Пеллой Десятиградия), Энгади, Иродион и Иерихон (Р.л. 865), плюс – над Переей и Галилеей, тоже были поставлены начальниками-предводителями полномочные комиссары.⁸³

Согласно Флавию, над Гофной и Акрататтой – Иоанн б. Анания; над Иерихоном – Иосиф б. Симон, оба ближе неизвестны; над Тамной, вкупе с Лиддой, Яффой и Еммаусом, – некий ессеи Иоанн, к-рый в 67г. пойдёт неудачным походом

⁸² Эти Иоханан, Симон, Елеазар – своего рода комиссарский протослав-провозвестники-предтечи-прототипы ново-новейших Картуша и Робеспьера, Пугачёва и Ленина-Троцкого, Чегевары и Эскобара, Джека Потрошителя и Чикотило!

⁸³ На памяти революционная Франция, разделённая (вместо прежних провинций) на 83 департамента, только 23 из к-рых одно время в 1793/94гг. остались верными Республике (подражательная аналогия – «Советская республика в кольце фронтов – 1918г.»), против к-рой наиболее решительно поднялась бретонская Вандея, в связи с чем Робеспьер бросил в массы: «Если Революция погибнет, она погибнет из-за Вандеи! Чтобы Революция могла жить, надо убить Вандею!». И революционный Париж, правительственные войска и комиссары Конвента, начали форменный садистско-террористический геноцид в отношении контрреволюционной Вандеи и её населения, по образу и подобию чего, красные комиссары обрушили в 1918-21гг. беспощадный террор на Вандеи российские – Область войска Донского, Крым, Тамбовскую губернию.

(совместно с Нигером Перейским) на Аскалон и будет убит в бою. Перею получил в ведение некто Манассия, дополнительной информации по к-рому нет.

И, наконец, заведовать обеими частями Галилеи – Верхней и Нижней, иерусалимское верховенство-руководство назначило Иосифа, сына Маттафии, под к-рым представляющий нам себя, любимого-любимейшего, в третьем лице Иосиф Флавий, к чьей епархии была сопричислена ещё и Гамала и ряд др. пунктов, находившихся за пределами Галилеи – в Гавлане (Голан). Причём надо заметить, что отдельные иудеонаселённые полисы и части Галилеи и Гавлана, входившие в царство Агриппы II, уже на означенное время или в перспективе отпали от царя в пользу восставших.

ИОСИФ (ФЛАВИЙ) – НАЧАЛЬНИК ГАЛИЛЕИ

Весьма знаменательно, что Иосиф б. Маттафия, назначенный в этнически чрепполосную Галилею, с приданными ему в помощники двумя замами из священников, Иоазаром и Иудой («Жизнь» 7), получил по сути самое ответственное вне Иерусалима комиссарско-генеральское назначение. Галилея располагалась на севере от Иудеи и Самарии и на юге от Сирии/Финикии, и наступление римлян предстояло именно с северного направления.

Т.е. в Галилею, чтобы консолидировать её и подготовить к большому противостоянию, был назначен 29-летний молодой муж, незаурядный интеллектуал и эрудит, маэстро раввинистической учёности и философ филоновского типа, не имевший, наряду с тем, никакого полководческого опыта, при том, что именно ему надлежало создать-набрать из гражданских галилейских иудеев армию (к-рую он наберёт, по его словам, в кол-ве аж 100 тыс.!), способную противостать профессиональным римским легионам! Но такие назначения типичны для революций, когда писатели или художники могут внезапно стать силовыми министрами, а рядовые или прапорщики – генералами, либо даже маршалами. И всё-таки, это назначение (протекция Анны?) показывает, как Иосифа ценили, какого высокого мнения были о нём и о его талантах в элитных верхах-кругах Иерусалима!

Напомним, поражающий всех своими способностями в детстве и отрочестве, считавшийся в 14 лет вундеркиндом, он провел затем 3 года, с 16-и до 19-и лет, у ессейского отшельника Бана (53 – 56гг.); в 19 лет определился как приверженец фарисейского учения – 56г.; в 26/27 лет успешно выполнил дипломатическую миссию в Риме – 63/64гг. (сумев пригласить Поппее Сабине). И вот в 66г. – оказался среди первых фигур-лиц иудейской национально-религиозной революции (не с лёгким сердцем и не сразу придя-попав в её ряды) против Рима.

Он принял сторону революции добровольно, не являясь ни фанатиком-радикалом, ни на осень 66г. приверженцем-сторонником римлян, как бы ему ни хотелось представить себя впоследствии завсегдашним стопроцентным римлянофилом без колебаний, или (под)невольным «ассенизатором и водовозом, революцией мобилизованным и призванным». Нет, он представлял партию умеренных независимцев, примкнувших под оглушительный ор временных успехов революции к ней – и искренне, и вынужденно, одновременно, всегда оставаясь самим собой и умея, как киплингковский кот (прототипом к-рого вполне мог бы быть Флавий!), ходить сам по себе.

И вообще он был слишком индивидуалист, чтобы (подпав эйфории массового эпилептического психоза-гипноза) подпасть на продолжительное время какой-либо групповухе, или захотеть геройски погибнуть в заведомо обречённой авантуре, вся степень авантюристичности к-рой полномерно откроется перед его глазами, когда с них спадёт пелена. Откроется, при близком контакте с экстремистами типа Иоханана

Гисхальского, с различными местечково узколобыми фанатиками, и, перво-на-перво, при галилейском наступлении, на сей раз, по всем правилам военного искусства, римлян, под командованием настоящего римского военачальника (Веспасиана), в следующем 67г. н.э.

А пока волна и дебилоидный восторг революции, как сказано, захватили (или прихватили) Иосифа и захватили (или прихватили) довольно круто (хотя и не целиком), дабы через каких-нибудь 8 месяцев, когда выяснится, что невозможно быть немного беременным и что еврейское восстание (ну никак!) не может победить Рим, он не менее искренне и навсегда от всяческих революций отступился. И тут нельзя не сказать снова, что мало кого в истории настолько непримиримо затем тошнило от поначалу принятой им «музыки революции», как Флавия.

И пусть упрёки в его и ему подобных адрес в том, что с их полунастроем на победу, к-рый есть в глубине души катастрофическое неверие, сами по себе, в отрыве от целостной картины и комплексного понимания проблемы, эмоционально обоснованы, но в том-то и дело, что в этой войне окольцованные державой иудеи не могли основательно (всерьёз и надолго) победить ни при каких обстоятельствах! Они не могли победить ни с каким настроем, ни с какими вождями-полководцами, ни при какой самоотверженности и ни при каком жертвенном героизме!

Их восстание было изначально провальным, и чем дольше оно продолжалось-затягивалось, тем катастрофичнее становилось именно для самих иудеев, для их страны, города, храма. Это восстание можно сравнить с игрой в русскую рулетку в одностороннем порядке, при всех патронах в патроннике, когда оттяжка смертного исхода зависит всего лишь от пары осечек, когда она всего лишь дело недолгого времени.

Таким образом, поражение иудеев было рационально неотвратимым, однако, если не материя довлеет над духом, а дух, к-рый правит, в т.ч., историей-мета-историей, над материей⁸⁴, то и Бог отвернулся от старого Израиля в Св. Земле, от его сошедших на нет материальных и духовных святынь. Притом, если экстремисты из своего затхлого геттоизированного мирка, с пеленой на глазах и воском в ушах, не видели, не воспринимали и не могли сравнительно оценить-уяснить-понять-осознать ни степень внутрииудейского ветхозаветного упадка, ни могущество Рима, к-рый, отлично от умиравших во II/III вв. до н.э. Селевкидов, умирать в IV в. н.э., переживая временный кризис, отнюдь не собирался, то немногие избранные, как Иосиф б. Маттафия, всё это (несмотря на некоторое опоздание, но ведь лучше поздно, чем никогда) увидели-узрели-поняли. И поняв, оказались способны вос-принять-обмозговать реальность в её подлинности, чтобы сделать правильный выбор, к-рый сделали и Флавий, и, например, Иоханан б. Заккаи (кого раввинистическое предание не случайно *ставит* перед Веспасианом *вместо* Флавия) с сотоварищи.

⁸⁴ «Нет материи без Духа» (Гёте). По Марксу же с Энгельсом, материально-экономические силы стоят в основе всего и определяют всё, между тем как духовное – побочно от материального (будучи в марксистско-большевистской практике идеологической услугой режима, как, к примеру, история для марксистов – продолжение политики, заквашенной на классовом сознании и опрокинутой в прошлое).

Но, во-вторых, материально-экономические силы становятся одними из основных (и опять – не являясь первоосновными!) только с XVI/XVII вв., только в Новое время, не могучи грубо ошибочно и вульгарно проецироваться-экстраполироваться на более ранние времена. А во-первых, – именно Дух – первичен-доминантен – как божественный Творец материи, являясь первоосновой (и, ни в коем случае, не каким-либо побочным продуктом), тогда как атеизм Маркса, Энгельса, Ленина и проч. воинствующих безбожников – явление суть глубоко клиническое!

Флавию не было надолго места в бандитской компании рядом с Иохананом Гисхальским, Симоном, сыном Гиоры, или с Елеазаром, сыном Симона (Марат, Дантон, Робеспьер) — с отпетыми бармалями и апологетами зловещего предсмертного шабаша зилотов и сикариев в погибающем Иерусалиме. Когда после ухода из Города идумеян начнётся яacobинско-большевистская фаза революции, они сначала установят царство террора, одновременно пожирая друг друга (враг врага), как пауки в банке (*чёрные вдовцы*), чтобы напоследок тупо не капитулировать, множа число жертв и разрушений, подобно маньяку Гитлеру 1945г. в бункере.

Помимо того, элитарий Иосиф выглядит рядом с ними, рядом с этим зилотско-сикарийским охлократическим быдлом-отребьем, как аристократ-декабрист (не явившийся на Сенатскую площадь князь Трубецкой! или запоздалый предводитель мятежа князь Оболенский!) рядом со Стенькой Разиным и Емелькой Пугачёвым. Он и они могли волею судеб стать на короткое время попутчиками, не могучи составить ни единое целое, ни одну сыгранную команду.

То-то гражданская распря внутри еврейства не утихала, иногда затихая, то попеременно, то одновременно с войной против римлян, на протяжении, в общей сложности, 3,5 роковых лет, с осени 66-го, когда вроде бы победила революция, по весну 70гг., когда, наконец, и то лишь из-за подхода Тита к стенам Иерусалима, враждующие группировки Симона б. Гиоры и Иоханана Гисхальского (ликвидированного перед тем Елеазара б. Симона) объединились. Дом, разделившийся в себе, не устоит, но этот староеврейский дом, чей срок на слом однозначно пришёл, не мог устоять по любому, даже если бы не разделился в себе!

Искони погибельный и преступный выбор экстремистов, притом выбор не столько для себя, сколько для 1-го миллиона Евреев, Страны, Города, Храма — «свобода или смерть» — обернулся для них для всех смертью без обиняков, тогда как ни о какой свободе-независимости от Рима, ни о каком отделении от Империи и самостоятельной гос. экзистенции не могло быть и речи. Курам на смех!

Так, ради чего, спрашивается, приносились жертвы на алтарь абстрактной свободы? Ради абсурдной идеи *национал-мессианистического халифата* зилотов и сикариев, с их предтечным псевдомессианизмом, слившимся-тужившимся пустотелю спроецировать свершившуюся и непреходящую Мистерию Христа Спасителя постфактум на мрачное настоящее и на ещё более мрачное грядущее.⁸⁵ И это по их вине старый Израиль был ввергнут в огненный кратер вулкана, в то время как Флавий

⁸⁵ Знаменательно, что ни один из экстремистских лидеров восстания, помимо (исходя из присвоенного им себе царского титула) Манаима, о к-ром это тоже ясно не сказано, не нарёкся Машиахом, т.е. ревнителю 66-70гг. больше переживали себя как предварители-предтечи, подобные Маккавеям. Только спустя 66 лет после 66г., в 132г. н.э., Мессией открыто и безоговорочно назовётся-провозгласится признанный таковым р. Акибой Бар Кохба. И, вероятно, дело здесь ещё в том, что по некоторым иудейским хроноподсчётам, мессианские сроки исполнялись в 30-е гг. Пв. н.э. (по прошествии 60-и и приближении 70-и лет со времени разрушения в 70г. храма, не по аналогии ли с 70-ю годами бесхрамия в 586-16гг.? когда с победы Кира Великого над Вавилоном — 539/38гг. — началась репатриация иудеев и было получено разрешение на восстановление святилища).

К тому же, ведь и с углядевшим в Бар Кохбе Мессию Акибой (кому, например, р. Иоаханан б. Торда возражал: «Из черепа твоего прорастёт трава, Акиба, а мессия не придёт, ибо не настало ещё время оно») не все авторитеты будут согласны. Мы в курсе, что в метаисторической реальности имело место *сокращение сроков*. Не свершилась ли Мистерия Голгофы на 300 лет раньше — в 33, а не в 333гг. н.э.! Так вот и Акиба мог руководствоваться (постфактум) «сокращением сроков», однако, с меньшим по времени, полагая «начало исполнения времён» (не случайно) именно через 99 лет после Тайнства Голгофы! (через 4900 или 5000 лет от, по староеврейской эре, Сотворения мира, к-рая была раввинистически-талмудически омоложена в III/IVвв. н.э.).

успел спрыгнуть с идущего под откос поезда обречённых, потому что он, человек его уровня, не мог стать ни якобинцем, ни большевиком, ни игиловцем, избранный к-рыми для себя и навязанный множеству ближних с дальними путь вёл в ад и в чёрную пропасть, вёл в смерть без воскресения!

Вдобавок к тому, свойственные наделённому широким панорамным видением потомственному Арониду и учёному равви Флавию высокий античный интеллектуализм, рационализм (что в здоровой подаче вовсе не противоречит эзотеризму), конформизм были несовместимы с каким бы то ни было фанатизмом. Интеллектуал может быть одержимым, но не фанатиком, к-рый, повторим, способен чего-то достичь или победить на первых порах, будучи совершенно неспособен закрепить достигнутый внешний успех-результат и, тем паче, удержать (мнимую) победу!

* * *

Да, Флавий не всегда был *голубем мира* с Римом, каковым ему позднее хотелось быть-казаться в глазах Рима во все времена, не быв таковым, по меньшей мере, с осени 66-го по лето 67гг. Но он никогда не был и ястребом-бомбитером или непреклонным рев. комиссаром в кожаной тужурке экстремистского покроя, сделав свой выбор — сдать в плен и принять сторону римлян. Сделав оный, в конечном итоге и по большому счёту, для того, чтобы не оставить нас без своих замечательных книг, без к-рых нельзя ни реконструировать, ни постичь ни еврейскую, ни христианскую, ни всемирную историю-метаисторию важнейших в летописи человечества I/II вв. до н.э. и н.э.

Да, он оказался никудышным солдатом, но в условиях, когда и не было возможности оказаться (в Галилее против Рима) солдатом кудышным. Но это и не было его призванием, это было не по его сердцу, не по сердцу человека, к-рому было уготовано стать одним из величайших историков всех времён и народов, у к-рого не было права погибнуть на той войне, к-рая не была его (сходно христианам!) войной, став для зилотов и сикариев именно последним боем ради ложной славы, а не боем святым и правым ради жизни на земле. И это не они, не зилоты и сикарии, к-рых Рим безжалостно раздавил, а он своими книгами спас честь еврейства!

Разве не еврейский патриотизм Флавия в основе потрясающе описанной им гибели храма, или в рассказе о массовом суициде в Масаде — заключительный аккорд и эпилог трагической Иудейской войны! Разве не жгучий еврейский патриотизм Флавия звучит в каждом слове его обращённого после «Войны» и «Древностей», ок. 95/96гг. (время патмосской ссылки и сокровеннейшего Откровения Иоанна Богослова; время мученичества Дионисия Ареопажита), к Ойкумене полемического сочинения «О древности еврейского народа» (Против Апиона)! И дальше — больше: разве могло (если вдуматься) без сочинений Флавия возникнуть и подняться в XX в. (сколь ни парадоксально, казалось бы, это звучит!) государство Израиль!

Плюс к тому, чем тяжелее делалось в постхрамовой перспективе положение международного еврейства, центр к-рого начал (по исчезновении консолидационного святилища и культа) перемещаться в Диаспору, в пору, когда фарисейство преобразалось в спасительный для ветхозаветников раввинистический иудаизм, тем проникновеннее Флавий возвращался к своим еврейским корням, всё углублённее обращаясь к еврейской традиции, мудрости, герменевтике, в сочетании с мудростью, традицией, герменевтикой античной и мировой, без присущей фарисейско-раввинистическому иудаизму геттоизации на базе вселенски изжившей себя с пришествием Христа Спасителя и после Мистерии Голгофы (некогда обновлен-

ческой и спасительной для Иудеи-Израиля) ездраиско-неемитской изоляции-сегрегации.

И по нашему мнению, к концу жизни Флавий остановил свой выбор (без разрыва с фарисейством) на христианстве (с его жертвенным Мессией, Царство К-рого не от мира сего и К-рый не воюет державный Рим), как на экстрактном проявлении еврейства, как на его квинтэссенции. И это был его выбор, чтобы прийти ко Христу и в христианство всем существом в следующей жизни, о к-рой – реинкарнация – он, как посвящённый фарисей, несомненно, знал, и в к-рую, несомненно, верил.

Не самое ли время вспомнить здесь, в связи с Флавием, об Ап. Павле. Если Иосиф зывал к своему оглушённом и ослеплённому народу из-под стен Иерусалима, как новый Иеремия, то переросший своё фарисейское еврейство Савл – как алхимически преобразившийся по персональном явлении ему на пути в Дамаск солярно-эфирного Христа – Павел был реинкарнацией пророка Иеремии, родившегося в роковой день 9 ава, и не лично, но индивидуально продолжившегося в прохристианском и преодолевшем всякое 9-е ава ойкуменическом Апостолате Павла!

Пути-дороги и Послания Павла, как пути-дороги и произведения Флавия, – это разнородные, но не без точек соприкосновения гимны еврейству и одновременно величественные реквиемы по еврейству – по старому Израилю, Иерусалиму, Храму, по Земле Обетования. Павел, без к-рого нет всемирного христианства, представляет Новый Израиль и прощается со старым. А Флавий прощается со старым Израилем, ещё не осознавая расконцентрированное-рассредоточенное в его видении туманное грядущее, стоя на распутье-перепутье.

И если Павлу было кульминационно предуготовлено мученичество за Христа в Риме – 67г., то его младшему современнику и единоплеменнику Флавию предстояло написать в Риме свои уникальные труды и завершить там свои земные дни (больше, вероятно, ни разу после 70г. не побывав в Палестине) ок. или позднее 100г. н.э. Завершить, дистанцировавшись в постфлавиевскую эпоху, по смерти Домициана, от имперских верхов и всецело посвятив жизненный досуг постижению высшей премудрости. Наш многоликий Иосиф был искренен и в своей многоликости, никогда не теряя лица и всегда оставаясь самим собой, как ходок (и какой выдающийся ходок!) именно сам по себе!

Причём именно в столице мира, в державно-ойкуменическом Риме, он, редкостный еврей-индивидуалист и рафинированный интеллектуал-элитарист, мог бы произнести слова, категорически неприемлемые для ортодоксальных евреев-иудеев (как, к примеру, для римлян было категорически неприемлемо завещательное пожелание М.Антония быть погребённым возле Клеопатры в Александрии Египетской): «И если тебя кто-либо спросит, где твоё счастье, где твой Бог, ответь: в большом городе Риме».

Впрочем, до этого ещё далеко. Сейчас, в 20-х числах октября 66г. н.э., 29-летний (или уже на 30-м году жизни?) Иосиф б. Маттафия прибыл в Галилею, где приступил к исполнению возложенных на него иерусалимским революционным правительством чрезвычайных комиссарско-полководческих обязанностей, к решению актуальных проблем и к разрешению неотложных задач.

ЧАСТЬ XVIII

РИМ И МИР

64 – 67 гг. н.э.

НЕРОН В ЗЕНИТЕ

64г. н.э.

ЗОЛОТОЙ ДВОРЕЦ И НОВООТСТРОЙКА РИМА

Выше мы завершили раздел, посвящённый второй пятилетке Нерона (59 – 64гг. н.э.), рассказом о Великом пожаре Рима во второй половине июля 64г. и о последовавшем вскоре за ним, в августе/сентябре, первом римском гонении на христиан, сделав к-рых (с подачи Пoppей и Тигеллина) виновными за пожар, Нерон пытался отвести от себя упорно и небезосновательно циркулировавшие в народе слухи о его собственной минимум совиновности в постигшем Город несчастье.

Впрочем, почти сразу после пожара, жертвой к-рого стало 2/3 города и к-рый ознаменовал собой огненное бедствие, неведомое Риму со дней галльского нашествия 390г. до н.э., начались энергичные работы по ликвидации последствий случившегося, по расчищению пепелища и по новоотстройке-новозастройке-обновлению Рима. Города, к-рый Нерон давно мечтал отстроить по новому, на свой вкус и манер, порядком устав от Рима, принятого ещё умершим 50 лет назад Августом, согласно словам того же (провластвовавшего с полвека) Августа, кирпичным и оставляемого им потомству мраморным.

Хотя последнее, несмотря на все августейшие градостроительные заслуги, было в действительности не совсем так. Скорее, Август сделал великолепно мраморным фасад (с др. стороны, весьма благоустроенного и водопроводно обеспеченного его верным паладином Агриппой) Рима, включая общественные здания, храмы, дворцы и часть жилых домов, тогда как внутри поделённого при Августе на 14 округов города-миллионника и города-муравейника, с тесными улицами и переулками, особенно в неэлитных кварталах, оставалось много устаревших или скученных деревянных построек, господствовали теснота, антисанитария, бедность, короче, проблемы, присущие всякому мегаполису.¹

Причём кое в чём *апокалиптически* настроенный Нерон, кого пожар старого Рима эсхатологически и творчески вдохновил на сравнение оногo с пожаром-гибелью Трои, в рамках более правительско-прагматичного и одновременно весьма амбициозного подхода, давно, как сказано, желал тотального обновления столицы.

¹ Крупных городов в урбанистической греко-римской древности было, как и в нововейшее время, куда больше, чем в преимущественно аграрные Ср. века. Вот вам наглядный пример круговращения-цикличности поступательной (мета)истории, к-рой только христианство открыло, к-рая только с христианством и в христианстве обрела как абсолютное (мета)прошлое, так и абсолютное (мета)будущее!

Не он ли открыватель нового периода римской истории — периода «Золотого века» и «Золотых столетий», некогда напророченных Сенекой (ибо *Золотой век* Августа, превращённый его преемниками даже не в *серебряный*, а в *железный*, остался, мол, в прошлом) ещё при нероновском вступлении 10 лет (деценалия) назад на престол.

И начало *новому городу в новом золотом веке* надлежало положить их своеобразной квинтэссенции и венцу — новому императорскому дворцу, с именем, само собой, «Золотой» — *Domus Aurea*, точнее, огромному дворцовому комплексу на месте последующего Колизея и окрестностей. Притом строительство этого *златосолярного*, под наименованием Проходного, чудо-дворца началось ещё до Великого пожара и теперь развернулось полномерно.

Тацит: «Используя постигшее родину несчастье, Нерон построил себе дворец, вызывавший всеобщее изумление не столько обилием пошедших на его отделку камней и золота — в этом не было ничего необычного, так как роскошь ввела их в широкое употребление — сколько лугами, прудами, разбросанными, словно в сельском уединении, тут лесами, там пустошами, с к-рых открывались далёкие виды, что было выполнено под наблюдением и по планам Севера и Целера, наделённых изобретательностью и смелостью в попытках посредством искусства добиться того, в чём отказала природа, и в расточении казны принцепса...» (Ан. 15,42)

Светоний: «Но более всего был он (Нерон) расточителен в постройках. От Палатина до самого Эсквилина он выстроил дворец, назвав его сначала Проходным, а потом, после пожара и восстановления, — Золотым. О размерах его и убранстве достаточно будет упомянуть вот что. Прихожая в нём была такой высоты, что в ней стояла колоссальная статуя императора ростом в 120 футов; площадь его была такова, что тройной портик по сторонам был с милю длиной; внутри был пруд, подобный морю, окружённый строениями, подобными городам, а затем — поля, пестреющие пашнями, пастбищами, лесами и виноградниками, и на них — множество домашней скотины и диких зверей. В остальных покоях всё было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и жемчужными раковинами; в обеденных палатах потолки были штучные, с поворотными плитами, чтобы рассыпать цветы, с отверстиями, чтобы рассеивать ароматы; главная палата была круглая и днём и ночью безостановочно вращалась вслед небосводу; в банях текли солёные и серные воды. И когда такой дворец был закончен и освящён, Нерон только и сказал ему в похвалу, что теперь наконец он будет жить по-человечески» (Нер. 31,1/2).

Осуществление грандиозного комплексно-златодворцового (и не только) проекта было возложено на привлечённых Нероном к делу смелых и, вероятно, молодых придворных архитекторов — Севера и Целера, к-рые сумели поразить воображение впечатлительного и инфантильного принцепса своими амбициозными планами-посягательствами, как советские архитекторы вдохновляли Сталина на строительство знаменитого дворца Советов (вместо взорванного храма Христа Спасителя), увенчанного 70-метровой скульптурой Ленина (*авилонская башня коммунизма*); или как А.Шпеер умел поразить Гитлера архитектурными проектами восстановления коврово-бомбардировочно (цинично и планомерно) уничтожавшихся англо-американской авиацией городов Германии.²

Однако, если сталинский дворец Советов так и не состоялся, или если Гитлеру

² Об этих городах высокие англо-американские военные чины говорили, с подачи профессора Ф.Линдемана (1886-57гг.), к-рый и предложил Черчиллю (1942г.), консультируя его всю войну, задействовать «ковровые бомбардировки» Германии, чтобы «сломить моральный дух немцев», что они будут уничтожать германские города с воздуха «один за другим, как выдёргивают зубы». И большинство городов Германии были фактически варварски стёрты до мая 1945г. англо-американской авиацией с лица земли. Чего, например, стоит истребительная бомбардировка, без всякой военной необходимости, Дрездена фосфорными бомбами

никогда не удалось приступить к новоотстройке погибшей, во многом, по его вине и восстановленной без него Германии³, то Нерон, несмотря на то, что править ему оставалось менее 4-х лет, многое строительно успел. Да и после него Город продолжал отстраиваться по взятым на вооружение при нём планам.

Золотодворцовый комплекс раскинулся на территории в 120 га, звёздно-лучисто расходясь во все стороны от грандиозного здания самого дворца, задуманного как обиталище снизошедшего на землю космического божества. Строители как бы воссоздали воспетый некогда Овидием «золотом ярким блестящий» дворец Солнца («Метаморфозы» 2,1). Здесь имелся усеянный звёздами и медленно вращающийся, по подобию небосвода, круглый пиршественный зал (или вращался лишь потолок?). Колоссальная исполненная из золота, серебра и бронзы статуя Нерона-Гелиоса (работы скульптора Зенодора), высотой 32 или 35/36м, стояла в вестибюле, будто подняв из небытия и затмив разрушенную землетрясением в IIIв. до н.э. знаменитую, на входе в гавань, статую Колосса Родосского с острова Гелиоса, торжественно посвящённого ныне патрону Родоса – Нерону.⁴ Неспроста Марциал говорит о Колоссе Нерона-Гелиоса, что он – «смог Родоса чудо затмить» (1,70,5).

12.02.1945г. (с целью как уничтожить напоследок побольше немцев, так и оставить лишь руины города русским)!

В СССР И.Эренбургу (и К.Симонову) принадлежит авторство лозунга-призыва (1942г.) «Убей немца!» – причём не нациста-фашиста, но именно немца (остаётся спросить: а как же «пролетарский интернационализм?»), за что пропаганда Геббельса дала Эренбургу прозвище «домашний еврей Сталина». Плюс – позиции Линдемана и Эренбурга сошлись-сомкнулись с планом (ещё одного американского высокопоставленного еврея) Г.Моргентау Младшего, к-рый предложил Рузвельту послевоенную территориальную «кастрацию» Германии – возвращение к немецкой раздробленности до 1871г., включая полную демилитаризацию, уничтожение германской промышленности и аграризацию малых германских государств. Примечательно, что эти планы не нашли поддержки у Сталина, к-рый сказал, что «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский остаётся», рассчитывая, в свою очередь, на единую, под эгидой СССР, (урезанную с востока в пользу противогермански заслонившей советскую границу буферной Польши) коммунистическую Германию в центре Европы.

³ Причём, если Восточная Германия (ГДР), стала после Войны обрезанным в пользу Польши и СССР территориальным обрубок и советским сателлитом, то Германия Западная (ФРГ) сделалась, начиная с К.Аденауэра, обер-евнухом в еврозаокеанском гареме США, потеряв таким образом (уничтоженная с востока и запада) статус Центра (Европы; Еврочивилизации) и держателя равновесия между европейским Востоком и европейским Западом.

При этом важно акцентировать, что оба раза поводом к двум Мировым войнам стали конфликты между взрослеющим славянством и незрелым, как выяснилось, но рвущимся к мировому штурвалу германством, к-рое, в частности, не сумело, одержимое гордыней, справиться со своей наставнической миссией в отношении славянства. Так, если I-ю Мировую войну спровоцировал конфликт между Австро-Венгрией и Сербией (за к-рую себе же на пагубу, и как на пользу, так и в угоду англосаксам, вступилась Россия), то поводом ко II-й войне послужил конфликт между Германией и Польшей. И оба раза Великобритания, имея главной целью сокрушение именно Германии, вступала в обе Войны, как бы защищая права малых народов. В первый раз – «обидевшись» на Германию за нарушение ею (при атаке на горевшую жадной реванша за 1870/71гг. Францию) нейтралитета Бельгии (1914г.), а во второй – за нападение на Польшу (1939г.), к-рая, поддерживаемая, в первую очередь, Англией, отказалась предоставить Германии право на строительство экстерриториальной жел. дороги через «польский коридор» в Восточную Пруссию (отрывом к-рой от Германии был заведомо заложен германско-польский конфликт), объявила мобилизацию и не отменила её даже после германского ультиматума, пафосно грозя, в случае войны, за неделю взять Берлин.

⁴ Посвящение Родоса Нерону славит от имени солярного острова поэт Антифил:

Островом Солнца я был, ныне же –
Цезаря остров, Родос, мне мило равно этих сиянье владык:
Был я угаснуть готов, Солнце, когда б мне другие
Не засверкали лучи: ярче сияет Нерон! («Палатинская антология» 9,178)

В этом сказочном дворце, в своём «Трианоне», Нерон принимал гостей в пурпурном плаще, усыпанном золотыми звёздами, отдавая в последние годы своей жизни и кесарства явное преимущество Гелиосу (*внешнее солнце*) перед (*внутренним солнцем*) Аполлоном (прежним Нероновым, вослед Августу, однако, с музыкальным уклоном, покровителем) и всеми прочими божествами. Т.е. — позиционируя таким искажённым-извращённым образом, в русле-ключе достигшего в нём апогея *кесарева безумия*, заикленный именно на Гелиосе (плюс — Митра, к-рого он тоже, впрягши его, ирано-парфянского Аполлона, в колесницу Гелиоса, истово чтит), своего рода солярный монотеизм наоборот!

Неизлечимо больная душа Нерона рвалась к единобожию в образе-облике Люцифера (неосознанно выдаваемого им или, вернее, ему супостатом за Спасителя Христа)! Не случайно на монетах заключительных лет Неронова правления, с 63/64гг., появляются, помимо изображения Аполлона Кифареда (с портретными чертами кесаря), эгида Юпитера и солнечный венец Гелиоса, земным олицетворением к-рого император, кого лапидарные надписи того времени именуют не иначе как «новый Гелиос», становится. Вслед за Калигулой он обзавёлся в Риме прижизненно символами посмертного обожествления и переплюнул Калигулу.

Правда, Золотой дворец просуществует совсем недолго, погибнув в пожаре смуты 69г., тогда как 36-метровый Колосс (давший название Колизею) будет, по спец. заданию Веспасиана, переделан (щедро вознаграждённым безымянным скульптором) и посвящён богу Солнца (Плиний 34,45), при искусном изменении его портретного сходства с Нероном в пользу Тита (Свет. «Веспасиан» 18; Дион 66,15). И ещё дважды во Пв., до исчезновения этого Колосса (время и обстоятельства чего неизвестны), ему будут менять голову («Короли и капуста!»), надо полагать, в зависимости от портретной конъюнктуры конкретного принципата.

* * *

Между тем, если златодворцовый комплекс сооружался без оглядки на средства, сверхрасточительно, то восстановление-новоотстройка пострадавшего от пожара Города производилась весьма разумно и с намерением, по возможности, предотвратить пожары или свести к минимуму всякий пожарный ущерб в будущем.

«Вся не отошедшая к дворцу территория города в дальнейшем застроилась не так скученно и беспорядочно, как после сожжения Рима галлами, а с точно отмеренными кварталами и широкими улицами между ними, причём была ограничена высота зданий, дворы не застраивались и перед фасадами доходных домов возводились скрывавшие их портики...» (Ан. 15,43).

Из сказанного создаётся впечатление, что застроенный скученно и беспорядочно после сожжения его в начале IVв. до н.э. галлами Рим с тех пор больше ни разу не перестраивался, не обновлялся, что, естественно, не так. Иное дело, что принятая в то постгалльское время планировка, в немалой мере, сохранялась впоследствии, но ведь Город, даже если опустить предыдущие обновления, пережил крупную реконструкцию при Августе. Т.е., в любом случае, неверно перебрасывать от времени галльского штурма в 60-е гг. IV в. н.э. навесной мост длиной, без промежуточных станций-остановок, аж в 450 лет. И тем не менее, действительно, очень многое было сделано при Нероне, равно продолжено, по его строительно-архитектурным лекалам, при его кесарских преемниках.

Портики император пообещал соорудить за свой счёт (выполнил ли обещание? — вопрос) и предоставить владельцам участки для построек от последствий пожара

расчищенными. Денежные награды ждали домовладельцев и строителей, к-рые завершат строительство особняков и доходных домов в установленные сроки. Подвозящим зерно по Тибру судам было велено отчаливать, взяв строительный мусор, местом свалки к-рого сделалась заболоченная местность близ Остии, что одновременно способствовало её осушению. Здания возводились до определённой высоты, с применением вместо прежних брёвен габийского (добывался в Габиях близ Рима) или альбанского туфа (добывался на Альбанской горе), соответственно чему, дерево в качестве строительного материала было заменено на огнеупорный и прочный камень – туф.

Чтобы избежать расхода воды со стороны перехватчиков, вдоль водопроводов и каналов были расставлены стражи-надзиратели; домовладельцам вменялось обязательное наличие во дворах противопожарных средств; вышел запрет на сооружение домов с общими стенами. «Все эти меры, принятые – признаёт Тацит – для общей пользы, послужили вместе с тем и к украшению города. Впрочем, некоторые считали, что в своём прежнем виде он был благоприятнее для здоровья, так как узкие улицы и высокие здания оберегали его от лучей палящего солнца: а теперь открытые и лишённые тени просторы, накалившись, обдают нестерпимым жаром» (15,43).

Как видим, пишучи о безнадежно скомпрометировавшем себя Нероне, античные авторы не могут не обнаружить и в позитиве долю негатива. Светоний даже инкриминирует Нерону послепожарищное мародёрство: «Но и здесь не упустил он случая для добычи и поживы: объявив, что обломки и трупы будут сожжены на гос. счёт, он не подпускал людей к остаткам их имуществ...» (Нер. 38,3).

Причём интересен запрет на сооружение т.н. высотных домов, видимо, высотой в шесть этажей, к-рые в Древнем Риме имелись, и рассказы о к-рых из уст знавших латынь и читавших античные источники монахов в Средние века часто встречали насмешливое недоверие, поскольку горожанам максимум двухэтажных городов аграрного Средневековья виделись беззастенчивой выдумкой как римские многоэтажные-многоквартирные дома, так и «байки» о водопроводе с канализацией в этих домах. И уж вовсе несуразной выдумкой виделись-слышались свидетельства о подаче в некоторые из этих жилых (для простых смертных) домов не только холодной, но и (мыслимое ли дело!) горячей воды!

В то же время на строительство как полезное, так и расточительное, понятное дело, требовались огромные средства, к-рые опустошительно выкачивались из Италии, провинций, союзных народов, полисов и государств. Тацит: «Добыча была взята и с богов, ибо храмы в Риме были ограблены и у них отобрали золото, к-рое во все времена жертвовал им римский народ, празднуя триумфы и по обету, в дни благоденствия, и в страхе перед опасностями. А в Азии и Ахайе, после того как в эти провинции были направлены Аkrat и Секунд Карринат, из святилищ изымались не только дары, но и статуи богов...» (Ан. 15,45). Светоний: «...а приношения от провинций и частных лиц он (Нерон) не только принимал, но и требовал, вконец истощивая их средства» (Нер. 38,3).

Помимо денежных поборов, в т.ч., с храмов Рима и Италии, на собственно строительно-восстановительные постпожарищные работы, в провинциях изымались также, в т.ч., из храмов, где их было больше всего, произведения искусства для украшения, в первую очередь, императорского Золотого дворца. И именно с этой миссией в Азию и Ахайю были направлены дошлые кесарские снаряженцы – вольноотпущенник Аkrat и порученец Секунд Карринат, к-рым Нерон предоставил свободу действий (и рук) в деле изъятия из асийских и ахайских святилищ как даров, так и статуй богов. Аkrat, о к-ром Тацит говорит, что он был готов «на любое бесчестное дело», – ближе неизвестен; Карринат, по всей видимости, прихо-

дился сыном одноимённому отцу, — ритору, сосланному в Грецию при Калигуле за декламации против тирании (Дион 59,20,6), осевшему в Афинах и там покончившему самоубийством, вследствие постигшего его, невзирая на красноречие, нищенства («Комм. к Ювеналу» 7,204).

Сын этого суицидального Каррината вырос в Афинах, считал себя не чуждым греческой философии, в чём Тацит ему язвительно отказывает, и отряжённый со специальной миссией Нероном (в то время как Акрат, вероятно, приступил к её исполнению ещё до пожара), пощадив Афины, весьма преуспел с конфискационным грабежом в других греческих городах, утешая при этом ограбленных греков философскими изречениями своего и родительского сочинения. Более того, несколько позже благодарные афиняне избрали его эпонимическим архонтом на 66г. Вместе с тем, согласно Павсанию, из одних только Дельф было изъято 500 статуй!

По нижеследующему слову Тацита, с оговоркой «говорили», чем анналист снимает с себя ответственность за возможную недостоверность информации, возмущённый святотатственным ограблением святилищ *персональный пенсионер союзного значения* Сенека «попросил дозволения уединиться в отдалённой деревне, но, получив отказ, сказался больным и под предлогом недомогания не выходил из своих покоев» (Ан. 15,45). Звучит несколько странно, поскольку Сенека и без того, с 62г., уйдя на покой, проживал в основном в своих поместьях в ближней Кампании, иногда навещаясь в Рим. Следовательно, в 64г., если принимать сказанное на веру, он попросился в одно из своих италийских владений-латифундий, расположенных дальше Кампании? И потом — в чём, спрашивается, состояла его, отставного *премьер-министра*, ответственность, к-рую, сообразно Тациту, он уходом в отдалённую деревню стремился с себя снять? В когдатошнем опекунстве над когдатошним юным Нероном? В воспитании-взращении монстра?

Ещё более странно изготовление, согласно Тациту (Ан. 15,45), сенекианским вольноотпущенником Клеоником, по приказанию Нерона, яда для Сенеки, к-рый избежал отравления, либо предупреждённый своим либертом, либо заведомо подготовив организм практикой принятия противоядий. Отсюда получается, что Нерон уже в 64г. был готов расправиться с любимым учителем, к-рый, даже ничего не говоря супротив него в открытую, одним фактом своей дальнейшей экзистенции стал в императорском глазу бельмом.

Так или иначе, каким бы ни был внешний фон, можно сделать вывод, что отношения между ними, пенсионированным учителем и царственным учеником, и ранее оставлявшие желать лучшего, или правильно сказать, бывшие, несмотря на все пафосные взаимные славословия, настороженными, ныне всерьёз испортились. В сущности, ещё в 62г. и было, и стало ясно, что отшествие Сенеки от гос. дел не упасёт его в перспективе, перед лицом прогрессирующей деградации и тирании Нерона, от расправы. Вопрос заключался лишь в том, когда, в связи с чем именно, — при каких обстоятельствах и как именно, — это случится?

В 64г. Сенеке, по всему, очень, несколько образно выражаясь, не понравился подозрительный пожар Рима (с кифаредом, поющим гибель Трои) и последовавшие за ним храмовые поборы, а Нерону очень не понравилось недовольное ворчание учителя, судьба к-рого была, честно говоря, предрешена, и ждать развязки оставалось недолго. Требовался серьёзный повод и весомый компромат, к-рый вскоре представится в связи с заговором Пизона и подвопросным соучастием (степенью соучастия!) в нём Сенеки. Философ, заделавшийся политиком и снова пожелавший сделаться на жизненном досуге исключительно философом, сам взрастил чудовище на троне и это чудовище не могло, рано или поздно, не сожрать его!

РАЗНОЕ

В том памятном зловещим пожаром году нероновские архитекторы Север и Целер, кроме сооружения императорского Золотого дворца и новоотстройски-обновления Рима, занялись ещё и другим не менее грандиозным предприятием. «Так они пообещали ему (Нерону) соединить Авернское озеро с устьем Тибра судоходным каналом, проведя его по пустынному побережью и через встречные горы...» (Ан. 15,42). Светоний: «Собирался он (Нерон) даже продлить городские стены до Остии, а море по каналу подвести к самому Риму» (16,1).

Соединённое М.Агриппой (37г. до н.э.) каналом с соседним Лукринским озером, к-рое, в свою очередь, Агриппа соединил с морем, Авернское озеро представляло и представляет собой заполненный водой вулканический кратер, сегодня ок. 2-х км в ширину и ок. 60-и м в глубину, находясь близ Неаполя и Кум, в 7-и км от Мизена и в 4-х км от Путеоли, куда, напомним, в Кампанию, как и в расположенную севернее, в Лации, Остию (морские ворота Рима), прибывали заморские суда, в т.ч., с жизненно необходимым для Рима/Италии африканским, египетским, сицилийским зерном. Причём подход к Риму как зерновых, так и прочих судов от Неаполитанского залива до переагруженной Остии, обновление-расширение гавани к-рой, начатое при Клавдии, было закончено Нероном, мог быть и нередко бывал проблематичным, в частности, из-за штормовой непогоды.

Дело в том, что каботажное (вдоль берега) судоходство терпело жёсткий ущерб от бурь Тирренского моря, и потому канал от Авернского озера до устья Тибра, параллельный морю, суливший также подстраховать и значительно разгрузить Остию двумя, в случае сооружения этого канала, водно-артериальными доступами к столице, сам по себе, теоретически имел, с позволения сказать, практический смысл. Другое дело – возможности его практической реализации.

К тому же, ниже, под всё ещё 64г. н.э., Тацит сообщает о гибели большого числа кораблей, – «из-за того, что Нерон, не посчитавшись с возможностью морской бури, повелел флоту возвратиться к определённому дню в Кампанию. И вот кормчие, невзирая на неистовство моря, отплыли из Формий; и когда они пытались обогнуть Мизенский мыс, непреодолимый Африк погнал их на кумские берега, и они потеряли много трирем и ещё больше кораблей меньших размеров» (Ан. 15,46).

Не это ли обстоятельство, к-рое анналист не взаимосвязывает с сооружением канала, вероятно, почерпнув оба свидетельства из различных источников (и не удосужившись связать их), обусловило соответствующий приказ Нерона о его сооружении. Поскольку бури, уничтожившие, на сей раз, часть Мизенского военно-морского флота (настигнутого своего рода «Цусимой» в мирное время), могли нанести и наверняка не раз наносили ущерб также зерновым и прочим направлявшимся в Рим судам, проблему чего соответствующий канал от Аверно до Остии мог основательно решить-снять.

Местонахождение Формии (где 7.12.43г. до н.э. был проскрпционно убит Цицерон) – южнее Таррацины, на юге Лация, – в 170-и км от Рима и в 80-и км от Мизенского мыса в Кампании. По всей вероятности, стационарировавшийся в Мизенской бухте (как и в Равенне на Адриатике) римский военно-морской флот совершал учебное плавание, и при попытке возвращения в место постоянной дислокации (по метео- или сезонно неосмотрительному приказу Нерона) стал жертвой непреодолимого ветра Африк, разбившего много трирем и ещё больше кораблей меньших размеров о кумские берега – на пути из Гаэтанского в Неаполитанский залив, у Кум, когда римские суда старались обогнуть Мизенский мыс.

Под Африком следует понимать Сирокко – сильный ветер в странах Средиземноморья, дуящий из пустынь Северной Африки (и Аравии), к-рый возникает во

все времена года, летом – реже, весной и осенью – чаще, достигая наибольшей, иногда ураганно-штормовой силы, в марте или в ноябре. И если в нашем случае речь идёт о сирокко, сомневаться в чём нет оснований, то на повестке дня оптимально ноябрь 64г., когда Нерон (Гелиос), «не посчитавшись с возможностью морской бури», повелел флоту возвратиться в Мизенскую бухту.

В результате, следом за пожарной произошла морская катастрофа, после к-рой кесарь (большой приверженец глобальных строительных проектов-прожектов) и санкционировал сооружение (пусть не связанного или не прямо связанного с военно-морским флотом) Авернского канала, идея прорытия-проложения к-рого, скорей всего, витала в воздухе не со вчерашнего дня.

Однако, увы, с обычно превеликим нероновским энтузиазмом начатое предприятие оказалось Риму и строителям, как выяснилось в перспективе, не по силам и не по средствам. Сообразно пишущему более полувека спустя Тациту, на земле, прилегающей к прокладывавшемуся («по пустынному побережью и через встречные горы») каналу, «кроме Попмтинских болот (на побережье Лация между Цирцеями и Таррциной), не было влажных мест, к-рые могли бы дать ему воду, ибо всё остальное представляло собой отвесные кручи и сплошные пески; и если бы даже им (строителям) удалось пробиться сквозь них, это стоило бы непомерного и неоправданной действительной надобностью труда. Но страсть Нерона к неслыханному побудила его предпринять попытку прорыть ближайшие к Авернскому озеру горы; следы этих бесплодных усилий сохраняются и поныне» (15,42).

Светоний, сообщив о сооружении Золотого дворца, продолжает: «Кроме того, начал он (Нерон) строить купальню от Мизена до Авернского озера, крытую и с портиками по сторонам, в к-рую хотел отвести все Байские горячие источники; начал и канал от Аверна до самой Остии, чтобы можно было туда ездить на судах, но не по морю; длиною он должен был быть в 160 миль, а шириною такой, чтобы могли разойтись две квинкверемы. Для производства этих работ он приказал всех ссыльных отовсюду свезти в Италию, и даже уголовных преступников велел приготавливать только к этим работам» (31,3).

Неизвестно – прекратились ли работы ещё при Нероне? или уже с его гибелью? во всяком случае, т.н. Авернско-остийский канал, на к-рый было положено немало сил, средств и трудов, если и не полностью утратил для Нерона свою актуальность, минимум отошёл в перспективе на задний план. Когда? В 67г., когда, будучи в Греции, Нерон, (тоже) рождённый, чтобы, как ему казалось, сделать сказку былью, зажёгся новым грандиозным предприятием прорытия Истмийского канала и всеми силами пылко приступил к его осуществлению (см. ниже), так и не прорыв в итоге ни один из своих Беломор-каналов.

Притом, если Истмийский канал будет, всё-таки, в XIXв. прорыт, то проект канала Авернского так и останется лишь однажды запущенным и затем отставленным (маниловским) проектом-прожектом.

Впрочем, оно и понятно. Не обитала ли в находящейся рядом с этим Авернским озером таинственной пещере знаменитая Кумская сивилла! Не считались ли и эта пещера, и само озеро, к-рое основатели в VIIIв. до н.э. Кум (первой греческой колонии в материковой Италии и главного центра греческого культурного влияния на Рим) назвали «лишённым птиц» (из-за вызванных вулканической активностью ядовитых испарений, делавших берега озера безжизненными, к-рые отнюдь не безжизненны ныне), одним из входов в Аид! Не здесь ли Эней, вняв сивилле, спустился через пещеру рядом с озером в загробное царство мёртвых, где увидел троянские души будущих великих римлян, пивших из реки забвения – Леты, чтобы забыть перед новым пришествием в мир о своих предшествующих воплощениях!

Далее, под 64г., Тацит (до сообщения о штормовой гибели судов Мизенского флота) сообщает про попытку восстания в г. Пренесте гладиаторов, к-рые «попытались вырваться на свободу, но были усмирены приставленной к ним воинской стражей; а в народе, жаждающем гос. переворотов и одновременно трепещущем перед ними, уже вспоминали о Спартаке и былых потрясениях» (15,46).

Город Пренесте (современная Палестрина) – лежал в 37-и км к востоку от Рима, в Лации, на *via Praenestina*, у отрогов Апеннин, на укреплённой горной круче. Мифы древности называют различных его основателей. Среди них: сын Вулкана – Цекул, к-рый одно время промышлял разбоем, сколотив шайку, и под эгидой чудесных знамений основал названный город; или основатель Пренесте – Пренест – сын Латина и внук Одиссея; или Одиссеев сын – Телегон; или сын Феронии – Герул.

Наряду с древнеиталийским населением, в городе, к-рый был ранним центром италийского бронзового искусства, и где были обнаружены древнейшие латинские надписи, датирующиеся временем ок. 600г. до н.э., в городе, известном своими искусными кузнецами, отличным вином, особо благоухающими розами и очень вкусными орехами, издревле наличествовал иллирийский этнический пласт.

Как колония Альба Лонги (Диодор 7,4), Пренесте входил в Латинский союз (Дионисий Гал. 5,61), но перешёл ок. 500г. на сторону Рима (Ливий 2,19,2), отпав, спустя 120 лет, в 381г., от римлян (Ливий 6,21,9) и снова сопринадлежит Латинскому союзу вплоть до его роспуска Римом в 338г. до н.э. С тех пор – *colonia* (Цицерон «Катон» 1,8), поднятая Тиберием на статусный уровень муниципия (А.Геллий 16,13,5). В III в. до н.э. Пирр из Эпира, воюя в 280 – 75гг. в Италии и одерживая «Пирровы победы», дошёл до Пренесте (Евтропий 2,12). Во II-ю Пуническую войну (218 – 01гг.) пренестинские боевые подразделения сражались под командой своих преторов в рядах римской армии против Ганнибала, сумев отличиться (Ливий 32,19,7). В 198г. до н.э. взбунтовавшиеся римские рабы силились овладеть городом (Ливий 32,26,11), к-рый на то время служил, в т.ч., ближним к Риму местом ссылки.

Худшие времена настали для пренестинцев в Гражданскую войну марианцев и сулланцев, когда горожане очень пострадали в 82г. до н.э. от карательной акции Суллы, после того как у них нашёл убежище и покончил здесь самоубийством, проиграв сражение, Марий Младший (Диодор 28,18; Аппиан «Г.в.», 1,194; Плутарх «Сулла» 28,32). Город был разрушен сулланцами, большая часть населения вырезана, земля распределена между сулланскими ветеранами. 1.11.63г. до н.э. Пренесте попробовал занять Катилина, что было предотвращено Цицероном («Катон» 1,8). Проиграв в 41/40гг. Перузийскую войну, Л.Антоний и Фульвия (брат и жена триумвира М.Антония), плюс Тиберий Нерон (отец Тиберия), искали укрытие в Пренесте, чем, однако, не навредили городу (Светоний «Тиб.» 4,2; Аппиан «Г.в.» 5,21; Дион 48,10,3).

Из богов здесь почитались Юпитер Аркан, Юнона, Аполлон, Геркулес, Марс, но главным божеством была Пренестинская Фортуна, со специальным празднеством в день 11.04., когда в жертву ей приносили телёнка, славившаяся одним из древнейших и знаменитейших святилищных оракулов: храмовый комплекс III в. до н.э. (на месте более древнего) с длинными террасами, рампами и лестницами из числа наиболее выдающихся памятников римской архитектуры.

Эта *Fortuna Primigenia* = Первородная считалась первородной дочерью Юпитера, позднее почитаемая даже как мать Юпитера и Юноны, и была связана с древним оракулом по жребиям. Пренестинские жребии (*sortes*), посредством к-рых производились гадания и делались предсказания имевшей пророческий дар Фортуны, представляли собой хранимые в ларце дубовые дощечки, на к-рых (полученные в транс-

жрецами или жрицами?) предсказания записывались и вытягивались специально предназначенным для этого невинным отроком.

Хотя в пору пресыщенной материалистической цивилизации и кризиса старых богов в I/II вв. вера в божественность древних жребиев сходилась на нет, почему уже Цицерон насмехался над ней («Катон» 8), а город Пренесте стал одним из излюбленных мест отдыха и развлечений римской аристократии, застроившей его, включая окрестности, роскошными виллами.

И, сходно Капуе, где некогда началось потрясшее Рим восстание Спартака, тут существовала школа гладиаторов, предпринявших в 64г. н.э., судя по Тациту, при ближе неясных обстоятельствах, попытку восстания, своевременно римской стражей пресечённую, что не помешало простонародью снова вспомнить о навсегда запечатлевшемся в римской памяти грозном Спартаке и произведённых подначальными ему свирепыми рабами опустошениях.

В довесок к Тациту, у эпитомированного Диона (62,23,5/6), приложительно к 64г., имеется информация о Корбулоне, с к-рым мы расстались по заключении им осенью 63г. прелиминарного мирного соглашения с парфянами, согласно к-рому Тиридат Парфянок-Армянский, обещался, соблюдая престиж Рима, прибыть за царской короной из рук Нерона в Рим, с чем не очень спешил, тронувшись в путь лишь осенью 65г.

«...Корбулон тогда, хоть и располагал многочисленным войском и снискал немалую славу, так что легко мог сделаться императором (поскольку Нерон был всеми презираем, в то время как его полководец вызывал всеобщее восхищение), никогда не возглавил какого-либо мятежа и не был обвинён в том, что поступает так. В самом деле тогда он вёл себя осторожнее, чем всегда. Например, он добровольно послал в Рим своего зятя Анния, действовавшего как его заместитель. Это было сделано с показной целью, чтобы Анний как бы сопровождал (в Италии) Тиридата, но в действительности с тем, чтобы дать в руки Нерона заложника. Следует отметить, что император был так твёрдо убеждён, что его полководец не восстанет против него, что Корбулон получил своего зятя в заместители даже до того, как тот стал претором» (Ксифилин 169,32 – 170,4).

Напомним, молодой Анний Винициан был в 63г. при своём тесте Корбулоне и.о. легата V-го легиона и сопровождал вместе с Тиберием Александром (ставшим в 66г. префектом Египта) Тиридата (снаряжённый, как и Тиберий, к нему в лагерь в амплуа гаранта Тиридатовой безопасности) на осеннюю встречу с Корбулоном в Рандее.

Теперь же, в 64г., Корбулон, искренне демонстрируя Нерону, что не собирается восставать-выступать против него, отправил зятя фактически в качестве заложника к нему в Италию. Притом формально на Анния возлагалась обязанность сопровождать персонально знакомому ему Тиридату не столько при путешествии в Италию/Рим, что Тиридатом оттягивалось-откладывалось, сколько – в Италии/Риме, по прибытии Тиридата туда.

Но Дион, конечно, преувеличивает, противопоставляя всеобщее презрение к Нерону всеобщему восхищению Корбулоном, кто мог, мол, при желании, совершить гос. переворот и взять власть. Всё не так просто, и будь Нерон уже в 64г. всеми презираем, не быть бы ему кесарем аж до 68г. Правда, такой шанс (удачного противокесарского выступления) у Корбулона, под верховной командой к-рого находились в 63 – 66гг. совокупно 7 легионов (включая сирийские), безусловно, имелся. Однако, в его лице Рим и Нерон имели дело с генералом, к-рый категорически не хотел (и, м.б., не был в состоянии) быть-стать политиком, – то ли из верности присяге, то ли по неспособности, то ли из нежелания втягивать римлян в гражданскую войну.

Он упорно сторонился каких-либо полтических интриг, что в конце концов будет стоить ему головы. Нерон потеряет доверие к нему после разоблачения в июне 66г. заговора с участием Анния Винициана, при предположительных планах заговорщиков устранить Нерона в пользу Корбулона, к чему сам Корбулон причастен не был и, тем не менее, в чёрный список с тех пор попал, пусть даже кесарь продолжал его льстиво превозносить-обхаживать до самого конца, призвав в 67г. в Грецию и вынудив умереть.⁵

⁵ Со времени восстания Декабристов (1825г.), к-рые были насмотревшимися на Европу и её преимущества, в ходе Заграничного противонаполеоновского похода русской армии (1813/14гг.), военными, новоустановкой подавившего декабризм Николая I-го, военные в России были полностью отодвинуты-отстранены от участия в политике, были деполитизированы и стали в течение XIXв. полными политическими идиотами. Отсюда их «непонятное» поведение в 1917г., когда, под эгидой тесно связанного с думскими лидерами нач. генштаба генерала М.Алексеева (выманившего императора из столицы в могилёвскую ставку), все командующие фронтами, на к-рых Николай II больше всего полагался и в верности к-рых не сомневался, выступили за его отречение, из-за чего он, верховный главноком, оказавшись в безвыходном положении, подло преданный своими же генералами, и отрёкся.

Между тем, эти примитивно, на подростковом уровне, аполитичные и даже антиполитичные генералы (психопатически) не понимали, что рубят сук, на к-ром сидят. То-то (командовавшего в 1917г. армиями Северного фронта) генерала Н.Рузского (забывшего, сродни Алексею, присягу двурушника), к-рый резче всех настаивал на отречении, чекист-головорез Г.Атарбеков, в пору «красного террора» 1919г., зарубил топором (или зарезал, нанеся ему множество ран, кинжалом) в Пятигорске за отказ воевать на стороне красных. А взятого большевиками в заложники (от эксплуататорских классов) генерала А.Эверта (в 1915-17гг. командовал армиями Западного фронта), конвоиры забили насмерть прикладами «при попытке к бегству», этапировав его в ноябре 1918г. из Можайска в Москву.

Впрочем, с др. стороны, «полковник Романов», как генералы между собой уничижительно называли Николая (не присвоившего себе, в этом пункте сходно ефрейтору Гитлеру, звание генералиссимуса), никак не тянул, по их убеждению, ни на царя, ни на главнокома, что, увы, было, во многом, верно. Плюс к тому, надо учесть, что потери русской армии, несшей тяжёлые поражения от германцев в кампаниях 1914-16гг., на 1916/17г. были огромны, цвет кадрового российского офицерства погиб или был выведен из строя, снарядный голод нарастал, и знаменитый Брусиловский прорыв 1916г. тогда не виделся крупной победой, поскольку Брусилов не взял, вопреки планам и ожиданиям, ни Львов, ни Краков. Австро-венгров выручили пришедшие им на помощь немцы, тогда как русский наступательный резерв оказался исчерпанным.

Посему мнение о том, что победу русской армии в Войне сорвала Революция, в ключе весьма популярной сегодня т.зр., неверно, точнее, оно искажено. Иное дело, что победа в итоге могла быть и была бы одержана, в т.ч., Россией, в составе Антанты, за счёт решающей итоговой победы англо-французов на главном-основном фронте Войны – Западном. Ибо Германия ресурсом для глобальной победы над Антантой в затяжной войне не располагала изначально, а тем паче в 1916/17гг. совокупный антантовский перевес, общий исход и конец Войны, к-рого России в 1917/18гг. предстояло (бы) дожидаться, в основном удерживая германский фронт, просматривались уже со всей очевидностью. И Черчилль прав, говоря, что русский корабль крайне обидно пошёл ко дну, когда победная гавань уже находилась в поле видимости. Притом генерал Людендорф, даже выведя Россию (к-рую с апреля 1917г. де-факто сменили-заменяли американцы) из игры Брестским миром весной 1918г., вождельный Париж всё равно взять не сумел.

И подводя итог, надо снова сказать, что все свои альтернативно победные шансы Германия профукала-упустила ещё до 1914г., и последний шанс, по крайней мере, в 1914г.! 1) Когда не атаковала на Западе в 1905-07гг., в ситуации занятости России Русско-японской войной, революцией и до заключения (оформившего тройственную великодержавную Антанту, после Англо-французского союза 1904г.) Англо-русского союза в 1907г.; 2) или когда не договорилась о разделе мирового господства с Великобританией (что в наибольшей мере соответствовало бы духу эпохи); 3) или когда не договорилась с Россией против Великобритании и Франции; 4) или, когда, начиная с 80-х гг. XIXв. шовинистически отталкивала (выталкивала) от (из)

Впрочем, с этим мы повременим. Интересно, что в эпитафии CIL 3,6741, где упоминается III-й легион Gallica, занятый работами по укреплению кастелла в приграничной Армении, Корбулон на 64г. фигурирует как leg(atus) Aug(usti) pro pr(aetore), начальствующий над Каппадокией и Галатией, т.е. его экстраординарный регионально-легатский статус в надписи никак не отражён (сходно статусу Квирина, к-рый, о чём читатель помнит, тоже, являясь неординарным-экстраординарным ориентальным кесарским легатом, скромно звался legatus Syriae).

Тем временем, начальствование Корбулона распространялось, как мы знаем, и на легионы, стационарированные в Сирии, переданной им в 63г. в управление Цестию Галлу. И если на 63г. Корбулон оперировал в Армении силами переброшенных сюда из Сирии III-го и VI-го легионов⁶, плюс в его распоряжении V-й (стоявший в аннексированном – 63/64гг. – Понте) и (прибывший из Паннии) XV-й легионы, то в Сирию были отправлены зализывать раны прошедшие в 62г. под ярмом из парфянских копий IV-й и XII-й легионы.

Хотя данная конфигурация сохранялась не до 66г., когда Цестий выступил против Иудеи во главе XII-го и подразделений VI-го легиона, стало быть, переведённого ранее, в интервале 64 – 66гг., в Сирию. При всём том, неясно – сколько именно легионов было в 65/66гг. в Сирии? и сколько на востоке М.Азии? равно как неясно, имел ли Корбулон верховенство над всеми региональными легионами до своего призвания Нероном в Грецию в 66/67гг.? Или же, что скорее, после коронации Тиридата в мае 66г. в Риме и окончательного оформления мирного договора с парфянами, 3 либо уже 4 сирийских легиона перешли в прямое подчинение Цестия?

Так или иначе, о какой-либо сопричастности Корбулона к действиям Цестия и сирийских легионов в отношении мятежных иудеев в 66г., когда Корбулон, не лишённый статуса экстраординарного легата, всё ещё обретался в Каппадокии/Галатии, источники молчат. А в Грецию он проследует на собственную погибель, к Нерону, только в 67г., после кончины в начале 67г. (потерпевшего осенью 66г. поражение от иудеев) Цестия Галла в Сирии и по назначении на Восток, с особыми полномочиями, для подавления иудейского восстания Веспасиана (см. ниже).

Староримлянин Корбулонова склада-покроя был для императорского Рима поздних Юлиев-Клавдиев пережитком, экзотикой и белой вороной, героем не своего времени, стяжавшим гораздо больше уважения-почтения у противников Рима – парфян, нежели у римского Цезаря-кесаря, к-рому было далеко до Цезаря или Августа. Да и преувеличивать успехи-достижения Корбулона, к-рый стремился не столько выиграть, сколько любой ценой не проиграть, не следует. Ведь, по большому счёту, по итогам его деяний, Рим, сумев сохранить лицо, де-факто потерял Армению. Просто Корбулон понял-осознал бесперспективность борьбы за неё в прежнем проримском формате раньше, чем это поняли-осознали в Риме.

Вместе с тем, он так и не понял, что не сможет остаться вне политики, продолжая экстраординарно начальствовать на Восточном фронте (без перемен) и упорно не желая задумываться над тем, что своей политической пассивностью, к-рая ошибочно виделась ему гарантом от императорских подозрений, сам обрекает себя,

себя связанных более чем с кем-либо именно с германством евреев, вместо максимального сближения с еврейством (по примеру англичан); 5) или когда не ударила по (неоткорректированному) плану Шлиффена летом 1914г., в видах неременной блицпобеды на Западе, даже ценой временного оставления Восточной Пруссии и отступления за Вислу на Востоке (см. выше).

⁶ У пользующего армянское предание М.Хоренаци, в Армению вторгается войско, посланное императором Домицианом, о войне армян с, дескать, к-рым армянские легенды говорят: «Пришёл некто Домет», кто для Хоренаци тождествен Домициану (2,54). Но Домициан (81-96гг.) никогда в Армении не воевал и легионы на неё не насылал. Т.е. под Дометом (из) легенд следует понимать Домиция Корбулона, а не Домициана.

в условиях эскалирующей тирании, на неминуемую гибель. Он слишком высоко поднялся как первый полководец Империи (к-рый, пусть, не проиграл, но и не выиграл ни одну войну и ни одно крупное сражение), чтобы пережить правление Нерона. И даже если он ничего против последнего не планировал, не предпринимал, то мог спланировать и предпринять, или мог быть кем-то использован, и потому, рано или поздно, (при любом раскладе) подлежал устранению.

Анналы этого особенно запомнившегося великопожарищным и ещё флотским несчастьями 64-го г. н.э. Тацит завершает устрашившими народ зловещими страшилками-знамениями: частые удары молнии; снова, как и в 60г., хвостатая звезда-комета, «к-рую (суеверный) Нерон всякий раз старался умиловить пролитием славной крови» (= тираническими кровопусканиями); младенцы о двух головах и двухголовые эмбриональные детёныши беременных жертвенных животных, обнаруженные в материнских утробах при жертвоприношении. Более того, в Плацентском (совр. Пьяченца) округе, у дороги, родился телёнок, у к-рого голова срослась с ногой, и это, согласно толкованию гаруспиков, знаменательно означало, «что главою дел человеческих готовится стать другой, но не обретёт славы и не сможет сохранить свои намерения в тайне, ибо чудовищное порождение погибло уже в материнской утробе и появилось на свет возле людного места» (Ан. 15,47).

Взаправду ли гаруспики дали подобное толкование? или оно приписали им задним числом? при всех случаях, в объективе предстоящий заговор Пизона, выданный, изболоченный и разгромленный в следующем 65г., к рассказу о событиях к-рого мы сейчас переходим.

65г. н.э.

1 января 65г. н.э. = 818г. а.У.с. в консульство вступили А.Лициний Нерва Силиан и М.Юлий Вестин Аттик.

Лициний Нерва Силиан (или Силан) приходился, по всей видимости, внуком одноимённому консулу 7г. н.э. — Л.Н.Силану. Дополнительной информации по нему нет. Вестин же был сыном всадника Л.Юлия Вестина — префекта Египта в 59 — 61гг. Он упоминается в известной («лугдунской») речи кесаря Клавдия (48г.), по поводу предоставления римского гражданства (*Ius honorum*) галлам (CIL 13,1668) (см. выше), как уроженец Вьенна (*Colonia Viennensium*). В 70г. Веспасиан поручит ему восстановление сгоревшего в 69г. Капитолия, удостоив чести необычной для всадника. А его сын, интересующий нас консул, поначалу дружный Нерону, но затем ставший презирать его, погибнет в год своего консульства, в 65г., не изболоченный в причастности к заговору Пизона, однако, всё равно, под удобным предлогом, устранённый. Об известных консулах-суф. 65г. Г.Помпонии Пии и Г.Анции Цериале, ничего, кроме их преноменов, номенов и когноменов, не известно.

ЗАГОВОР ПИЗОНА

Этот год вошёл в историю как год т.н. Пизонова заговора, весьма, надо отметить, бездарного-дилетантского и в ряде аспектов трудно контурируемого-проницаемого, в частности, из-за слишком немалого числа мнимых салонных заговорщиков, равно — из-за безудержных взаимооговоров и пустопорожней высокопарной болтовни, без реального дела, многих, по разоблачении горе-комплота, из его участников-соучастников. На памяти Пороховой заговор английских католиков против Якова I

Стюарта (1605г.), или (не менее подлый, чем бездарный, без чести и совести) заговор Декабристов (1825г.), – совсем не таких благородных рыцарей без страха и упрёка, какими их представляла российская интеллигентско-псевдомифологическая традиция, или, с учётом нюансов, советская пропаганда.⁷

Дело было в том, что в течение 64г. нероновский беспредел, как мы убедились, превратился в натуральный шабаш, будь то половая патология (выход-самовыдача императора замуж за жеребца-вольноотпущенника Пифагора); или Великий пожар Рима (не без кесарской сопричастности); или расточительнейшее сооружение Золотого дворца, и т.д. Всё это совокупно означало переход уже всех красных черт пирующим во время чумы кесарем, режим и полоумие к-рого теперь перешеголяли режим-полоумие Калигулы, сродни тому как и сам Нерон превзошёл Калигулу, в ком он больше всего, согласно Светонию, хвалил то и восхищался тем, как его дядюшка Калигула «сумел промотать за малое время огромное наследство Тиберия» (Нер. 30,1).

Таким образом, число ненавистников Нерона во всех слоях общества-населения, и особенно в слоях высших, среди сенаторского и всаднического сословий, репрезентантов к-рых он начал (в паре с Поппеей и Тигеллином) злобно гнобить, похоронив Бурра, отправив в самоотставку Сенеку и убив Октавию (62г.), а также в среде военных, часть из к-рых считали зорным служить кесарю-позорнику, всё множилось. И эта больше персональная ненависть к тирану толкала недовольных в объятия друг друга и на заговор, к-рый возник спонтанно, сходно стихийной паутине, с излишеским вовлечением в него вольноотпущенников, рабов и даже женщин.

Короче, если император, извините, скоморох и бесстыдник (пуще всякой нормы), ведёт себя, как, фигурально выражаясь, «диктатура пролетариата, к-рая есть власть, опирающаяся на насилие и не признающая никаких законов» (Ленин), то его надо (во благо римского общества и всего человечества) нейтрализовать-элиминировать-устранить!

Данная горячая мысль как бы свела и временно объединила разношёрстных заговорщиков, с неприятием каждым из них недостойного принцепса, одновременно при отсутствии у них широкой базы, деловой программы, выверенного плана действий, чёткого руководства и настоящего выраженного лидера.

Главой заговора принято считать Г.Кальпурния Пизона, кого Тацит называет первым (Ан. 15,48), причём не как главу заговора, а как живое знамя или противонеровскую эмблему заговорщиков, и о заговоре к-рого говорит Светоний (Нер. 36,1/2). Но этого Пизона, что любопытно, через 100 лет после Тацита и Светония, вообще не называет (в выдержках Ксифилина) Дион (62,24/25), ставя во главе заговора Сенеку и одного из преторианских префектов, напарника Тигелина, – Фения Руфа.

Тацит: «Тогда же возник заговор, к-рый мгновенно распространился: один за другим вступали в него сенаторы, всадники, воины, даже женщины, как из ненависти к Нерону, так и из расположения к Гаю Пизону. Происходя из рода Кальпурниев, он по отцу был связан со многими знатными семьями и пользовался у простого народа доброю славой, к-рую снискали ему как истинные его добродетели, так и внешний блеск, похожий на добродетель. Он отдавал своё красноречие судебной защите граждан, был щедр с друзьями и даже с незнакомыми ласков в обхождении и речах; к этому присоединялись и такие дары природы, как внушительный рост, привлекательная наружность. Но вместе с тем он не отличался ни строгостью нравов, ни воздержанностью в наслаждениях: он отдавал дань легкомыслию, был склонен к пышности, а порой и к распутству, что, впрочем, нравилось

⁷ Одесситы задают вопрос: «Что случилось бы, если бы декабристы снова вышли на Сенатскую площадь?», и сами себе отвечают: «Наверняка их попросили бы вести себя чуть потише, чтобы они, не дай Бог, снова не разбудили Герцена».

большинству, к-рое во времена, когда порок в почёте, не желает иметь над собою суровую и непреклонную верховную власть.

Начало заговору было положено не Пизоном и не его честолюбивыми замыслами; но нелегко указать кто был зачинщиком, по чьему побуждению сложилось это объединившее столь многих сообщество...» (Ан. 15,48/49)

Напоминаем не в первый раз: перед нами Пизон, некогда женатый на Ливии (или Корнелии — Дион) Орестилле, отбитой у него позднее сославшим их обоих Калигулой, т.е. на 65г. н.э. ему (вероятному потомку Л.Кальпурния Пизона Авгура — консула 1г. до н.э.), облакавшему консульство-суф. при Клавдии, потом наместничавшему в Далмации, членствовавшему в коллегии Арвальских братьев и унаследовавшему огромное состояние от матери, никак не меньше 45-и, или, скорее, 50-и (и поболее) лет. Притом мы помним, что ещё в 62г. вольноотпущенник Нерона Роман ложно обвинил этого Пизона и Сенеку в совместном заговоре против императора, что тогда Сенеке удалось опровергнуть (см. выше).

И в глазах глуже недовольных Нероном Пизон, пользовавшийся популярностью как в силу вышеперечисленных положительных, так и отрицательных (дюже популярных в упадочном обществе) черт-свойств-качеств, на самом деле вялый и нерешительный декадент, виделся, в силу его внешней помпы, личного обаяния и родовойности, стихийно прибеглым друг к другу заговорщикам (пусть не всем) лучшим принципсом, нежели паскудник и тиран Нерон. Ведь с Великим пожаром Рима и Золотым дворцом последний исчерпал все, так сказать, лимиты доверия и терпимости-толерантности к нему. (Как будто они не были исчерпаны ранее — брато-, матере- и женоубийством, к-рые общество тирану, в той или иной мере, спустило!)

Пизон же, со своей стороны, был не против, чтобы принципат преподнесли ему на блюдечке с голубой каёмочкой, одновременно, как показали события, не способный к каким-либо решительным практическим действиям, к-рых требует переворот с целью взятия-захвата власти. Для того, чтобы перейти через Рубикон, надо самому быть Цезарем, и суметь подобрать нужную команду приверженцев с попутчиками (иначе лучше не браться за гуж, поскольку ты, уж извини, никак не дюж).

Посвятивший (обретшему ореол мученика) Пизону позже «Panegiricus Pisoni» буколический поэт Т.Кальпурний Сикул славит его верность, свободомыслие, отсутствие в нём зависти (106-08), присущие ему таланты декламаторства (84-96), стихотворчества (163-65), красноречия (25-67), засвидетельствованного, в т.ч., в его благодарственной речи относительно облечения им консульства в адрес (вернувшего его из калигулианской ссылки) Клавдия (68-71). С др. стороны, «Комм. к Ювеналу» (5,109), как, кстати, и Тацит (15,65), числит за ним пристрастие к трагическому лицедейству, присовокупляя также щедрость, меценатство, помощь плебеям в получении всаднического ранга. И даже много позднее его поминали добрыми словами Марциал (4,40,1; 12,36,8/9) и Ювенал (5,108-10). Но, согласитесь, все перечисленные качества вовсе не те, к-рые требуются для совершения-возглавления (затёсанного на персону, на личность) гос. переворота!

Кальпурний Сикул прославил Пизона ещё и в двух эклогах (1; 4) под именем Meliboeus, тогда как сам Пизон составил два буколических стихотворения, славящих Нерона (до 65г.), и в одном из них — за песнь на падение Трои, к-рую Нерон, по свидетельству античных авторов, пел, как мы знаем, при пожаре Рима, и о чём Пизону в дальнейшем вспоминать не хотелось. В остальном «Комм. к Ювеналу», сходно Тациту, вменяет Пизону, среди отрицательных черт, — легкомыслие, расточительность, любовь к роскоши, нерешительность. В общем — налицо типичный светский денди, во многом, подобный Нерону, пускай не испорченный властью, притом тоже игравший на кифаре, плюс — в шашки, и тоже любивший позёрски выходить на сцену.

Не случайно участники заговора из числа суровых преторианцев, по неподтверждённым данным, в случае успеха переворота, вроде бы хотели вслед за Нероном устранить и его, Пизона, дабы сделать принцепсом серьёзного мужа Сенеку (умудрённого гос. опытом напарника их не столь давнего командира – покойного преторианского префекта *sine collega* – Афрания Бурра).

* * *

Хотя огласим сначала вместе с Тацитом список важнейших участников заговора. «Наиболее ревностными его участниками, судя по твёрдости, с какой они встретили смерть, были трибун преторианской когорты Субрий Флав и центурион Сульпиций Аспер; Анней Лукан и Плавтий Латеран привнесли в него свою жгучую ненависть к принцепсу. Лукана распалили причины личного свойства, так как Нерон всячески душил его славу на поэтическом поприще и, обуреваемый завистью, препятствовал ему распространять свои сочинения; а консула на будущий год Латерана вовлекла в него не обида, но пламенная любовь к отечеству. В числе зачинщиков столь дерзкого предприятия оказались также – чего трудно было от них ожидать – Флавий Сцевин и Афраний Квинциан, оба из сенаторского сословия; у Сцевина от распутства ослабел разум, и он прозябал в бездеятельности и сонливом существовании, а Квинциан, ослабленный из-за своей телесной распущенности и опозоренный Нероном в поносном стихотворении, хотел отомстить за нанесённое ему оскорбление» (Ан. 15,49).

Помимо Субрия Флава и Сульпиция Аспера (у Диона – Апра), из военных – не столько участниками, сколько соучастниками заговора являлись трибуны преторианских когорт – Гавий Сильван и Стаций Проксум, плюс центурионы – Максим Скавр и Венет Павел (Ан. 15,50). Причём все они, что называется, люди в погонах, к-рые лучше умеют исполнить чётко отданные приказы, чем замыслить-составить заговор, равно заговорщики т.н. гражданские, считали «своей главнейшей опорой» преторианского префекта Фения Руфа. Ведь он был отодвинут гипертрофированно активным и интриганистым Тигеллином, кто постоянно чернил его в глазах Нерона как мнимого любовника Агриппины, вынашивающего мысль о мщении, на второй план и имел все основания для недовольства.

Однако, в том-то и дело, что Фением проявлялось сочувствие к заговорщикам во время частных бесед с ними, без взятия исполнительских нитей заговора в собственные префектурно-преторианские руки, что было бы наиболее разумно, так как именно он телохранительно находился ближе всех прочих заговорщиков к телу кесаря, и без чёткого плана конкретных действий. Притом заговорщическая мысль об убийстве тирана носилась в воздухе, к-рым дышали горе-заговорщики, ещё в 64г., судя по тому, что полный решимости Субрий Флав хотел убить Нерона в дни пожара Рима, когда императорский дворец был охвачен огнём и Нерон без охраны «носился ночью то туда, то сюда».

Но Субрию Флаву, воину-подневольнику, нужен был приказ Фения Руфа, к-рый последний так и не отдал ни июльским летом 64-го, ни (имея такую возможность) апрельской весной 65г., уже при начале разоблачения заговора и следствия по нему (см. ниже). Т.е., если остальные заговорщики перенадеялись на преторианского префекта (при участии к-рого в заговоре, не о чем, мол, беспокоиться), то сам преторианский префект перенадеялся на остальных, не единожды упустив момент, в к-рый можно было ударить, а потом и вовсе принявшись усердно расследовать несостоявшийся заговор в глупой и безнадежной (от некуда деваться) надежде, что его имя, как участника, не всплывёт, и что ему своё соучастие удастся, карательно усердствуя, скрыть!

Впрочем, военные, среди к-рых не нашлось ни одного Кассия Хереи, всё-таки, были в заговоре на вторых ролях, так на них и оставшись, несмотря на то, что Дион отводит им, присовокупляя к ним и Сенеку, роли первые (62,24,1/2). Первые же роли, помимо самого Пизона, распределились между (не называемыми Дионом, как и Пизон, вовсе) многоболтливими и малодетельными представителями сенаторского сословия, представленного М.Аннеем Луканом, К.Плавтием Латераном, Флавием Сцевином и Афранием Квинцианом.

Анней Лукан – племянник Сенеки, сын его мл. брата Аннея Мелы (к-рого Сенека Старший считал одарёнейшим из трёх своих сыновей), самый знаменитый римский эпик после Вергилия. Его матерью была Ацилия – дочь ретора и адвоката Ацилия Лукана из Кордубы, брак с к-рой не принёс Меле счастья. Сам Лукан родился в Кордубе 3.11.39г., унаследовав когномен от деда по материнской линии. Летом 40г. его родители переехали вместе с ребёнком в Рим. Философии он учился (как и Персий Флакк) у стоика Л.Аннея Корнута; в 55г. надел тогу зрелости. Первая проба поэтического пера – эпос «Илиакон» – история смерти Гектора по «Илиаде»; вторая – «Катахтонион» – описание загробья; далее – неоконченные поэмы «Медя» и «Сатурналия». Всё утеряно бесследно.

В 59г. 20-летнего Лукана, к-рый находился, сродни Вергилию, приобщаясь к колыбели античности, в Греции, заочно приняли за незаурядный талант в основанный Нероном кружок поэтов (кружок Маргариты Наваррской!), вызвали в Рим и включили в ближнюю когорту творческих друзей творческого принцепса (*cohors amicorum*), куда входил и Кор-нут. Его первое публичное выступление состоялось и имело оглушительный успех осенью 60г., на первых Нерониях, где он в театре Помпея стихотворно прославил кесаря, получил венок победителя и приблизительно тогда же решил о себе «в одном предисловии, сравнивая свой возраст и первые опыты с Вергилиевыми», сказать: «...Но как далёко мне / До «Комара» (Светоний «Лукан»). Двусмысленность! Дескать, «насколько моё произведение слабее, чем юношеский «Комар» Вергилия? или: «насколько я с моим (уже) значительным произведением моложе, чем был Вергилий, когда писал своего «Комара»? Зная Луканову амбициозность, в объективе скорее второе, чем первое.

Ок. 61/62гг. блистательный молодой человек досрочно облёк в возрасте всего 22/23-х лет (подобно принцу крови), по кесарской рекомендации, квестуру, познакомился в ближнем кругу с дворцовым законодателем изящных искусств Петронием Арбитром, написал эпос «Орфей», к-рый с упоением читали ещё в поздней античности, и сочетался браком с Поллой Аргентарией – дочерью ретора Аргентария, упоминаемого Сенекой Ст. (Contr. 9,3,12). Впоследствии она, пережив мужа на много лет и храня верность вдовству, сделалась покровительницей молодых талантов – неаполитанца Стация (Silv. 2,7) и испанца Марциала (7,21; 10,64).

В 62/63гг. всё более примыкавшим с ок. 61г. к учению стоиков Луканом была задумана и начата поэма, посвящённая «Гражданской войне Помпея и Цезаря», в 10-и книгах, из к-рых при жизни автора были изданы первые 3, с охватом событий 49 – 47гг. (от Рубикона до Александрийской войны), с её сосредоточением на решившей судьбу Республики трагической Фарсальской битве 48г., откуда короткое название произведения – «Фарсалия» (*Bellum civile sive Pharsalia*). Писал её Лукан до самого конца своей оборвавшейся весной 65г. жизни, не успев закончить.

Причём по ходу поэмы приторная придворная лесть Нерону во Вступлении и воздание ему должного в первых книгах-песнях⁸, прямо пропорционально уху-

⁸ Всё же гражданской войне мы обязаны многим: свершалось
Всё это ради тебя! Когда, отстояв свою стражу,
Старцем к светилам взойдёшь, тобой предпочтённое небо
Встретит с востогом тебя; держать ли ты скипетр захочешь,

шению с 63г. отношений между автором и кесарем (поэт и царь), сменяется бешеной ненавистью к тирану Цезарю, кто, чем дальше, тем больше тиранизируется, контрастно противопоставляемый искреннему патриоту Помпею и олицетворению добродетелей – воплощению совести республиканского Рима – Катону. И если держиморда Цезарь – (фамильно-тронный) предтеча тирана Нерона, то великожертвенный Катон, соответственно, невысказанный благороднейший предваритель самого Лукана.

Поэма составлена патетически-декламационно и оснащена стоическими идеями, сродственно произведениям Сенеки (Луканова дядюшки, подобно тому, как Калигула – дядюшка Нерона). И если Гомер с Вергилием снабжают свои произведения (как говорят филологи) традиционным мифологическим аппаратом античного эпоса = вереницей активно участвующих в действе олимпийских богов, то автор «Фарсалии» (и впрямь замахнувшись на первовысоты!) обновленчески порывает с этой гомеровско-вергилианской традицией.

Действие его эпоса происходит без участия «олимпийцев», место к-рых, не смотря на наличие-актуальность (Вергилиевых) рока и судьбы, занимают неперсонифицированные верховные боги и вышние отвлечённые силы мира. Старые божества выводятся сохраняющим знамения, оракулы, предсказания, астрологию Луканом в офсайд, а его выдержанная в хронополследовательском порядке поэма больше является историей в стихах, чем эпосом. Более того, если для Вергилия принципатовская империя – пик римского величия, то для (позднего) Лукана её становление – конец подлинного Рима.

При всём том, Лукан, как и его поэтически много превзойдённый племянником дядюшка Сенека (или позднее Тацит), славя Республику и горько ностальгируя по её мавзолейно мумифицированным, при Принципате, свободам, признаёт непреложность-неотвратимость единовластного Принципата, отторгая, при всей своей фронтёрской фанфаронаде, не столько (сколь ни прискорбно, неотвратимый) режим, сколько конкретных плохих принципсов.

И причина «детской болезни левизны» Лукана с годами, – безусловно, прежде всего, инфантильно личного свойства, поскольку Нерон с определённого момента начал испытывать инфантильную зависть к его как поэтическому, так и к ораторскому дару, и стал препятствовать распространению его сочинений, равно его красноречию в судах. Отсюда ответная реакция обиженного-сочинителя, углядевшего со временем героев не только в Помпее и Катоне, но и в Бруте с Кассием, и принявшегося воображать себя своеобразной поэтической реминисценцией из Катона и Брута.

Он категорически не жалуется, как аристократ (давешний провинциал-испанец родом!) и оптимат, охлократов Гракхов или Катилину, усматривая в них предтечу Цезаря; меняет по ходу поэмы в лучшую сторону отношение к Сулле; восхищается Помпеем; благоговеет перед Катоном, к-рый-де сражается именно за Рим; отдаёт честь Бруту и Кассию. Увы, все эти перечисленные республиканеры, «борцы за поправную свободу», не годятся, добавив от себя, великому Цезарю даже в подмётки, – ни по отдельности, ни купно.

Цезаря, скажем снова, помнят и никогда не забудут, именно потому что он – Цезарь, а этих безлико-двуликих ничтожеств Брута-и-Кассия не забывают лишь потому, что они подло убили великого Цезаря, соприродно тому как Наполеона

Или же ввысь воспарить в колеснице пылающей Феба,
Чтобы оттуда земле, не испуганной сменой солнца,
Пламенем новым сиять – божества тебе всюду уступят,
И предоставит природа права, каким бы ты богом

Стать ни решил и где бы твой трон ни воздвиг над вселенной. (1,44-52)

помнят, потому что он — Наполеон, а Веллингтона лишь потому, что он поставил при Ватерлоо жирную английскую точку в коалиционной победе над Наполеоном. Помпей и Катон или Брут и Кассий за счёт Цезаря вошли в историю и только за его счёт остаются в ней! Подлая кровь брутов с кассиями в истории не сворачивается!

И так Лукан, неуклонно взбивая себя, постепенно превратил пишущуюся параллельно его идущей в рост ненависти к Нерону «Фарсалию» в «очень нужную и своевременную книгу», в своего рода «Наливайко» Рылеева, или в «Жерминаль» Золя, или в (матерную) «Мать» (правильнее — «ебьёмать») Горького, в поэтическое знамя оппозиции, видимо, не раз воображая себя, как вживающийся в роль актёр с картонным мечом в руках или в зубах, героическим участником Фарсальского сражения, или Утического самоубийства, или кинжальных Мартовских ид с (вероломным) клинком под тойгой.⁹

В 63/64гг. у Лукана, «обиженного тем — как упрощённо конкретизирует Светоний, — что как-то раз император во время его открытого чтения неожиданно назначил заседание сената и ушёл только для того, чтобы освежиться» (Л.), к Нерону — уже лютая ненависть, и он «не стесняется ни в словах, ни в резких поступках против него. Однажды в общественном отхожем месте, испустив ветры с громким звуком, он произнёс полустышие Нерона: «Словно бы гром прогремел под землёй...», чем вызвал великое смятение и бегство (с засранными задами) всех сидевших (на толчках) поблизости. Опрочь того, он поносил в язвительнейших стихах как самого императора, так и его влиятельнейших друзей. Наконец, он стал как бы знаменосцем Пизонова заговора, часто открыто провозглашал славу тираноубийцам, не скупился на угрозы и был настолько несдержан, что перед всяким приятелем хвастался головой императора» (2/3).¹⁰ То-то Квинтилиан говорит о «пылкости» и «возбуждённости» Лукана, — «более достойного подражания со стороны ораторов, чем со стороны поэтов».

Ну ни дать, ни взять — К.Рылеев¹¹, с той, правда, разницей, что в отличие от

⁹ Спрашивается, что бы сделала (чтившая, пусть не без оговорок, т.н. романтиков-народовольцев) советская власть с поэтом, позволившим себе пафосно воспеть деяние эсерки Каплан? При Сталине — расстреляла бы; при Хрущёве — посадила бы; при Брежневе — отправила бы в психушку.

¹⁰ Если в поздней античности Луканом восхищались наравне с Вергилием и Горацием, то особую популярность его «Фарсалия» стяжала в XVII/XVIII вв., в эпохи Английской и Французской революций, манифестируя пламенное республикан(ер)ство и ненависть к деспотии. На саблях национальных гвардейцев Французской революции были выгравированы Лукановы слова: «Мечи даны для того, чтобы никто не был рабом». Так (относительный) аристократ и (убеждённый) оптимат (задним числом), апологет республиканской контрреволюции в пику империяльному революционеру-диктатору Цезарю, стал в Новое время знаменем революционеров и революций!

¹¹ Стоит обратить внимание на то, что ни один из всей душой ратовавших за отмену позорного крепостного права декабристов не отпустил, вполне имея такую (поощрявшуюся царизмом) возможность, своих собственных крепостных (рабов) на волю, что (сколь ни парадоксально может прозвучать) сделали их противники, например, смертельно раненный (каховским) выстрелом в спину (герой Бородина) генерал Милорадович, или заклёванный всеми либералами и демократами, как «душитель свободы», граф Бенкендорф.

Причём тут уместно заметить, что подначальное Бенкендорфу «страшное» «Третье отделение» состояло всего из нескольких сот сотрудников, плюс 5 тыс. жандармов на всю Империю, в то время как неудавшийся российский Робеспьер П.Пестель, на совести к-рого набралось бы, приди он в роли диктатора к власти, куда больше жертв, чем у Робеспьера, и к-рый, к примеру, намеревался переселить кавказские народы в Сибирь, планировал «Тайную стражу» из 140 тыс. головорезов!

Вот кому преемствовали Герцен и Бакунин (собирабельный «князь тьмы» Н.Ставрогин — гражданин кантона Ури), Нечаев (Петруша Верховенский) и Ленин! Как можно не переплю-

несостоятельного поэта Рылеева (к-рый потому и подался в декабристы), Лукан — поэт-эпик состоявшийся, к-рый, с др. стороны, сполна отведа в «Фарсалии» душу на неприятии и бичевании Цезаря, проявит редкостное малодушие в дальнейшем, когда, привлечённый за участие в пресловутом заговоре Пизона, оговорит даже родную мать, понадеявшись, что матереубийца Нерон, усмотрев, мол, тут выразительную аналогию, проявит к нему за это милостивую снисходительность!

Плавтий Латеран был сыном одноимённого ему консула-орд. 56г., брата первого легата Британии А.Плавтия (43 — 47гг.), ходил в любовниках Мессалины, подвергся исключению из сената после её казни (48г.), избежав более сурового наказания в счёт ратных британских заслуг дяди, и вновь засенаторствовал с 55г., при Нероне, пребывая в чести и будучи дезигнирован в консулы на 65г. Участвовал в заговоре, по Тациту, не из обиды, но из «пламенной любви к отечеству». Именно он оставляет впечатление самого бескорыстного и смелого из сенаторских заговорщиков. И не случайно Нерон поторопится убить его, даже не дав ему проститься с семьёй, между тем как двух других ближе неизвестных заговорщических представителей высшего сенаторского сословия — Флавия Сцевина — самое, насколько покажут события, слабое звено заговора, и Афрания Квинциана, Тацит всего в нескольких словах характеризует как отъявленных деградантов, оба — вполне в духе антигероев своего времени.

Вовлечённые ими в заговор всадники — перечисляемые Тацитом Клавдий Сенецион, Церварий Прокул, Вулкаций Арарик, Юлий Авгурин, Мунаций Грат, Антоний Натал, Марций Фест. Из них некогда близкий Неронов друг Сенецион опасался «всё ещё выдаваемого ему придворного благоволения, имея достаточно оснований страшиться самого худшего» (Ан. 15,50); Натал близко дружил с Пизоном, всегда посвящавшим его в сокровенные замыслы; а «остальные связывали с гос. переворотом надежды на достижение собственных целей».

* * *

Итак, кучковавшиеся с 64г. заговорщики медлили в первые месяцы 65г., по Тациту, «колеблясь между надеждой и страхом», т.е. они болтали-пустословили, собираясь у кого-то и бездумно, игнорируя меры предосторожности, умножались в числе (в некачественном количестве): во-первых, без чёткого плана действий, во-вторых, без ярко выраженного лидера, и в-третьих, делая собственную затею всё уязвимее, как из-за её затяжки-оттяжки, так и в связи с привлечением к ней всё большего числа сочувствующих. Ведь любой из последних в любой момент мог выдать хреново законспирированный хреновый заговор. И вот πρωинициативу, в силу отсутствия настоящей мужской воли, проявила, взяв её на себя, эксцентричная женщина.

Тацит говорит о некой Эпихариде, к-рая, весьма далёкая от забот об общественном благе, неведомо как дознавшись о всё формирующемся (и недоношенном, и переносимом) заговоре, принялась распалать и корить вялых и аморфных заговорщиков-мужей за медлительность и нерешительность, решив вовлечь в дело и связать сообщничеством также «видных начальников Мизенского флота» (Ан. 15,51).

нуть, идя их стопами-с и провинциалистски подражая им, «славных великофранцузских революционеров»! как можно не продолжить бравую «Марсельезу» похоронным «Интернационалом» (что, кстати, делает «великий гуманист» Р.Роллан в своём «Театре Революции», где звуки «Марсельезы» триумфально переходят в «Интернационал»).

И здесь примечательно, что греческий автор Пв. н.э. Полиэн из Македонии называет эту Эпихариду, судя по её имени, вероятно, вольноотпущенницу, подругой = наложницей мл. брата Сенеки и (несчастливого в браке с Ацилией) отца Лукана — Аннея Мелы («Стратегематон» 8,62), чего нет (б.м., умышленно) у (симпатизирующего Сенеке) Тацита. Согласитесь, при таком раскладе не только Нерону трудно будет поверить в несопричастность Сенеки к заговору, во всяком случае, в той её степени, на к-рую укажет сам Сенека (см. ниже).

Инициативная Эпихарида («свобода на баррикадах») руководствовалась тем, что Нерон часто бывает, развлекаясь морскими плаваниями, в Мизенах и ПUTEОЛАХ, где и следует, в ходе одного из загулов-разгулов императора, совершить покушение на него, с каковой целью необходимо заручиться поддержкой кого-либо из влиятельного флотского начальства. И она остановила свой выбор на навархе Волусии Прокуле. В 59г. последний участвовал в порученном офицерам и матросам флота, под главенством Аникета, убийстве Агриппины, считал себя недостаточно вознаграждённым кесарскими милостями, и однажды погрозился в общении с Эпихаридой отомстить хозяину, — «как только представится случай, чем и внушил ей надежду, что он может быть втянут в заговор и затем вовлечёт в него многих...»

Наивной Эпихариде казалось, что чем больше участников заговора, тем выше шансы на успех, и что если решиться на кесареубийство в Мизенах или в ПUTEОЛАХ, или в ходе очередного пиршественного императорского плавания, то необходимо на вербовать в заговорщики как можно больше решительных флотских служивых. Безопасность и конспирацию она игнорировала. А прожжённый негодяй Прокул, взвесив полученную им от неё информацию, благо у неё хватило ума не называть имён, решил сделать донос, полагая, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, и что таким образом ему в конце концов удастся щедро вознаградиться-озолотиться за оказанную Нерону ценнейшую услугу. К чёрту эпихаридскую болтовню об убийстве тирана во благо отечества!

И наварх донёс, но взятая под стражу Эпихарида повела себя во время очной ставки с доносчиком очень мужественно, она отвергла все обвинения, тогда как у него не было свидетелей, вдобавок к чему, он не смог назвать ни одно имя. «И всё же её (Эпихариду) удержали под стражею, так как Нерон остался при подозрении, что хотя донос не доказан, он, возможно, соответствует истине» (15,51).

Перед лицом и под впечатлением случившегося заговорщики зашевелились, заёрзали, заторопились. Опасаясь, что могут быть выданы-преданы, они «решили ускорить задуманное цареубийство и совершить его в Байях, на вилле Пизона, где, привлекаемый её прелестью, часто бывал Нерон, без охраны и обычной толпы приближённых, посещая бани и участвуя в пиршествах» (Ан. 15,52).

Т.е. Нерон был достаточно близок-друген с Пизоном, коли бывал на его вилле в Байях без охраны и камарильи, с удовольствием проводя там банное и пиршественное время. Однако Пизон не пожелал покрыть себя позором бесчестного кесареубийцы в нарушение законов гостеприимства. Иначе говоря, он, притязая на имидж мужа чести, выставил напоказ щепетильность (к-рая, по ново-новейшим политехнологическим нормам-меркам, суть непростительное чистоплюйство), или всё ту же пресловутую нерешительность, прикрытую щепетильностью, ратуя за убийство Нерона в принципе, но не у себя дома и, надо понимать, не своими руками.

Да, как видим, и заговорщики-убийцы иногда бывают щепетильны или застенчивы (сродни застенчивым воришкам), или просто трусливы, пряча свою трусость, своё слюнтяйство под суррогатной маской чести, щепетильности, застенчивости. И в качестве альтернативного места покушения-кесареубийства Пизоном был пред-

ложен, дескать, ненавистный всем Золотой дворец (где, мол, бессовестный кесарь купается в золоте, пока погорельцы-римляне преодолевают, глотая слёзы, последствия прошлогоднего пожара).

Впрочем, ниже Тацит уверяет, что истинной мотивацией Пизона, похерившего предложение об убийстве на его вилле, было тайное опасение, «как бы Луций Силан, в к-ром выдающаяся знатность и воспитание выращившего его Гая Кассия возбуждали чаяния высокого жребия, не овладел верховною властью, получив поддержку тех, кто стоял в стороне от заговора и кто стал бы жалеть Нерона, как павшего жертвою преступления» (Ан. 15,52).

Речь идёт о Л.Юнии Силане Торквате, сыне М.Силана – консула 46г. (и внуке М.Силана – консула 19г. н.э., женатого на правнучке Августа Лепиде – дочь Юлии Младшей), к-рый, проконсульствуя в 54г. в Азии, был, по смерти Клавдия, веле-нием Агриппины, опасавшейся его кровного родства с Августом, трапезно отравлен. Потом, в начале 49г. (в день бракосочетания Клавдия и Агриппины), покончил самоубийством его самый младший брат Л.Силан, у к-рого отобрали обручѐнную с ним Клавдиеву дочь Октавию в пользу нуждавшегося в браке с принцессой крови Нерона (см. выше). А совсем недавно, в 64г., по самоубийственным стопам младшего отправился и брат средний, когноминально одноимѐнный племяннику Д.Юний Силан Торкват (конс. 53г.). Его Нерон обвинил в расточительно царственном образе жизни, пожелав увидеть в этом потенциальную гос. измену, со скрытой до поры претензией на принципат (см. выше).

С 54г. Л.Силан Торкват воспитывался в доме известного правоведа Г.Кассия Лонгина (конс.-суф. 30г.), женатого на Силановой тётке Юнии Лепиде (дочь Силана – консула 19г.). И вот теперь Пизон боялся, что знатный молодой человек, не участвующий в заговоре, в случае убийства Нерона на Пизоновой вилле, может выступить на авансцену и оттеснить его, т.е. запятнавшего себя кесареубийством Пизона, как кандидат в принцепсы, в жилах к-рого течѐт кровиночка Августа.

Плюс к тому, Пизон опасался также своевольного консула Вестина, к-рый-де, тоже несопричастный к заговору, может, ходя в ординарных консулах, провозгласить «возвращение к народовластию» = к республике, или «избрать императора по своему усмотрению». Не слишком ли много «если», и не чересчур ли много, похоже, беспочвенных опасений, когда на самом деле опасаться надо было медлительности и ущербной конспирологии Komplota! Разве из этого поведения Пизона не явствует насколько мало он годился и в ведущие заговорщики, и, наипаче, в принцепсы-кесари!

Касаемо же Силана и Вестина, их несопричастность не помешает Нерону обоим в перспективе, на всякий пожарный случай, устранить. Ведь не важно, что они не участвовали в заговоре, достаточно того, что их имена в ходе следствия всплывут (какая разница – в каком контексте?!), и ещё того, что они (один – правнучато родственник Августу, другой – персонально нелюбый Нерону) могли бы, или ещё смогут в будущем поучаствовать в попытке не этого, так другого переворота. Лучше перестраховаться, чем недостраховаться. Лес рубят – щепки летят. Нет людей – нет проблем.

Но это случится позже. А сейчас заговорщики наконец условились исполнить намеченное покушение «в день посвящённых Церере цирковых игр», ибо проводивший время в Золотом дворце и в своих садах Нерон, редко показываясь в народе, «не пропускал представлений в цирке, где к тому же среди множества зрителей было легко подойти к нему» (Ан. 15,53).

Ludi Cerialis – в честь Цереры, впервые письменно зафиксированные под 202г. до н.э. (Ливий 30,39,8), устраивались плебейскими эдилами и проводились в период поздней Республики с 12-го по 19.04.; с 12-го по 18-е – сценические представления-состязания-игры – scaenici; 19.04. – цирковые – в Большом цирке. Ceres – Церера была древнеримской богиней урожая и плодородия, с её именем от латинского «g(c)erege» – *вынашивать, порождать, производить* (Варрон «О латинском языке» 5,64); или – *творить-создавать* (Сервий «Георгика» 1,7) (Д.И. 85/86).

Эта богиня, отождествлявшаяся римлянами с Деметрой – VIв., пришла к ним из Греции через Сицилию и Кумы, – пшеничная житница (Сицилия) и италийский sacraium Рима (Кумы), первоначально празднуясь в день начала весеннего посева – 19.04., через 4 дня после праздника родственной ей Теллуры – Fordicidia – 15.04. За Цереру вплоть до кесарских времён отвечал flamen Cerialis – один из 12-и малых фламинов, засвидетельствованный в CIL 11,5028 при Вителлии (69г.). Она представляла собой наиболее почитаемое плебейми божество Авентинской триады в составе Цереры (Деметра), Либера (Дионис) и Либеры (Коре), противопоставлявшихся в раннереспубликанском Риме времён борьбы патрициев и плебеев патрицианской Капитолийской триаде – Юпитер, Юнона, Минерва, и став позднее особо востребованной богиней простонародья.

В 496г. до н.э., во время голода, диктатор А.Постумий дал, заглянув в «Сивилины книги», обет соорудить храм божественной триаде – Церере, Либере, Либере. Святилище – aedes Cereuis Liberi Liberaque (Ливий 3,55,7; 41,28,2) – воздвигли в долине между Палатином и Авентином. Поднявшуюся близ Большого цирка обитель освятил в 493г. консул Сп.Кассий Вецеллин (Дион Гал. 6,17,94). В последний раз эту кумирню, не раз обновлявшуюся ранее, реставрировал-обновил-освятил в 17г. н.э. Тиберий.

Римляне чтили сводимую с Деметрой Цереру^{11а} по греческому образцу, с празднованием в белых облачениях, с венками из цветов, щедрыми трапезными угощениями, в к-рых особую роль играли медовые соты и сладости, с жертвоприношением посвящённых богине свиней. В IIIв. до н.э. из Греции в Италию пришёл культ, связавший Цереру/Деметру с её дочерью Прозерпиной (Персефона), возвращение к-рой, похищенной Плутоном (и проводившей часть времени года в потустороннем мире), к матери Церере римские матроны праздновали сборно-урожайной осенью в белых облачениях, после строгого 9-дневного поста, принося ей жертвенные первины.¹²

^{11а} Церера особо покровительствовала издревле освящённому земледелию, к-рое в материковой Италии во II/Iвв. постепенно вытесняли экономически более прибыльные для землевладельцев скотоводство, виноградарство, оливководство, из-за чего растущие Рим/Италия попали в зависимость от зерна Африки, Египта, Сицилии.

¹² Надземная-наземная *полуденная* Деметра (Церера) и наземная-подземная *полуночная* Персефона (Прозерпина) в знаках Рака и Козерога! В Элевзинских мистериях Обеих богинь плодородная Деметра с колосом в руке праздновалась в урожайном сентябре, в растительном знаке (девственно плодородной) Девы, в 3-й месяц афинского календаря, к-рый начинался месяцами Гермеса (Рак) и Зевса (Лев), заканчиваясь месяцами Тельца (Афродита/Венера) и Близнецов (Аполлон и Артемида/Диана). В мистериях Эфеса многогрудая Артемида (от каппадокийской – Ма, удвоение к-рой Ма-Ма – есть божественное материнство Земли) олицетворяла (в т.ч.) эфирную мудрость творческой природы, рождение физиса, физической земной жизни, созерцаемой в живом зеркале звучных небес.

Так небесная Деметра открывалась свыше в земной Персефоне! Деметра – регент чуда Природы, прообраз человеческих мысли, чувства, воли, символ плодотворного-плодоносного (негрехопадшего) целомудрия, носительница сил свежести и молодости, сменённых затем в

Ок. 175г. до н.э. плебейский эдил Муммий первым (согласно монетам) ввёл сценические апрельско-цереральные игры, к-рые позднее превратились в семидневные – 12-18.04., оставив-предоставив ставший со временем заключительным поначалу собственно великопраздничный день играм цирковым. Стало быть, поскольку у Тацита сказано о решении заговорщиков убить Нерона «в день посвящённых Церере (именно) цирковых игр», на повестке дня 19.04.65г. н.э.

Было сговорено, что Латеран подойдёт в цирке к Нерону с просьбой о денежном вспомоществовании и, припав к коленям принцепса, сильный духом и огромный телом, внезапно повалит его на землю, вслед за чем к поваленному сбегутся центурионы, трибуны и все, у кого достанет смелости, чтобы прикончить его, нанеся смертельные удары. Сценарий, списанный с убийств Цезаря и Калигулы, но в проекции на Большой цирк. Причём, судя по всему, без обожающего исторические аналогии архипафосного Лукана тут не обошлось.

Единоновременно в новые Бруты-Кассии ревностно полез тот самый Флавий Сцевин, кто, согласно Тациту, напомним, от распутства ослабел разумом, прозябая в бездеятельности и сонливом существовании, а ныне домогаясь позволения нанести тирану смертельный удар, для чего он носил при себе кинжал, взятый то ли из храма Благополучия, то ли из святилища Фортуны в его родном городе Ферентине и специально посвящённый *великому делу*.

Предполагалось, что в это время Пизон, к-рый упорно дистанцировался от акта убийства, будет «ждать в храме Цереры, откуда его вызовут префект Фений и остальные и понесут в преторианский лагерь» (15,53). Сюда Тацит ещё присовокупляет сообщение, почерпнутое у Плиния Ст., чьи исторические труды до нас не дошли, о том, что Пизона должна была сопровождать в преторианский лагерь (куда в январе 41г. отнесли-принесли после убийства Калигулы Клавдия), «чтобы привлечь к нему расположение простого народа», вдовая Антония (Клавдиевна), мужа к-рой Фавста Корнелия Суллу Нерон сослал в 58-м и ликвидировал в 62г. Мол, Пизон намеревался вступить с ней, вдовой кесарских кровей, в брак, и тем основательнее-легитимнее воспритязать на принципат.

Однако это сообщение справедливо не вызывает у Тацита доверия, из-за привязанности Пизона к своей жене – Сатрии Галле, ради к-рой он не позарился бы на Антонию, кого Нерон всё равно позднее устранил (66г.), когда она ответит (естественным) отказом на его (успешного убить уже двух жён – и Октавию, и Поппею) предложение об очередном браке с ним (см. ниже).

И дальше Тацит не на пустом месте удивляется тому, как весь план (недоношенного и переносенного) заговора какое-то время, аж до кануна дня покушения, удавалось сохранять в тайне, несмотря на множество разносословных лиц, в эту сумбурно организованную затею посвящённых, – «пока в доме Сцевина не нашёлся предатель» (15,54).

людях силами Эроса. С похищением Персефоны она дистанцировалась от человеческой телесности, преобразившись в богиню сил спасительного природного цветения. Благодаря Деметре в людях развилась возможность-способность ясновидения, репрезентируемая Персефой (матерью старшего Диониса = Диониса Загрея, растерзанного Титанами). Похищение же Прозерпины Плутоном означает потерю людьми древнего сновидческого ясновидения (уход Персефоны в подсознание душевной жизни ради становления и укрепления человеческой индивидуальности).

Близнецы Лазарь и Магдалина (мать к-рых, первая жена рыбака Зеведея, – дочь сестры или брата Иосифлянина-Ефремлянина Иоахима) – новые Аполлон и Артемида – в городе амазонок, в городе святилища Артемиды, в городе Ап. Павла – Эфесе (новомистерильность к-рого Александр Великий мечтал воссоздать в основанной им Александрии Египетской).

ВЫДАЧА И РАЗГРОМ ЗАГОВОРА

Причём ведь именно Сцевин вёл себя настолько показушески театрально-постановочно, с таким апломбом-пафосом, что выдал и себя, и, в паре с Антонием Наталом, по цепочке, — как заговор, так и заговорщиков, почему всё бездарное предпрятие в целом закончилось, даже не успев практически начаться.

Посему, вероятно, заполучив согласие прочих заговорщиков на столь желанный ему смертельный удар ферентинским кинжалом (хотя как такой удар можно было просчитать, при осуществлении покушения по вышепредставленному сценарию в цирке? — неясно), входящий в историю заведомый тираноубийца, после продолжительной беседы с Антонием Наталом, на всех парах возвратился домой. Дома он запечатал завещание, вынул из ножен пресловутый кинжал и, найдя его притупившимся, поручил своему вольноотпущеннику Милиху отточить (исторический) клинок до блеска. Затем было устроено обильнее обычных пиршество, даны вольные любимым рабам и предоставлены денежные вознаграждения прочим, вслед за чем последовал приказ тому же вольноотпущеннику приготовить повязки для ран и останавливающие кровь средства. Помимо того, от Милиха не ускользнула погружённость патрона в тягостные раздумья, невзирая на попытку скрыть оную оживлёнными речами. Спрашивается, кто так готовится к покушению на тирана?!

По Тациту, Милих то ли знал о существовании заговора, до сих пор храня верность патрону, то ли тогда впервые возымел «подозрения, как сообщает большинство источников» (15,54). Скорее, он догадывался, ибо горе-заговорщики, видимо, часто собиравшиеся и в сцениновском доме, не так, чтобы очень таились. И вот из ряда вон выходящее поведение Сцевина (к-рый вёл себя как фотографирующийся для истории с заранее подобранным выражением лица-маски Маяковский на фотографиях) подтвердило в тот день, следует понимать, 18.04. (поскольку в тексте сказано — «накануне назначенного дня покушения»), прежние догадки и подозрения Милиха, превратившиеся ныне в уверенность.

А дальше циничный, расчётливый, прагматичный либерт принялся взвешивать, — в каком случае и от чего он больше выиграет? — в случае доноса? или наоборот недоноса о покушении? Т.е., кто щедрее вознаградит его — предупредённый кесарь? или патрон, когда кесареубийство состоится? Первая комбинация — одноходовая; вторая — сложнее и подвопроснее, она — двухходовка. И, по всему, близко связанному с патроном Милиху трудно было выбрать, но посвящённая в его сомнения жена разрешила их, сказав, что другие могут его в доносе опередить, и что щедрейшей награды удостоится тот, кто опередит всех остальных.

Так, вняв слову супруги, доносчик поспешил на рассвете 19.04. в Сервилиево сады — парковый комплекс и вилла на южной окраине Рима, по дороге в Остию, у берега Тибра, носившие — ирония судьбы! — имя Сервилии — любовницы Ю.Цезаря и матери одного из цезареубийц — М.Брута¹³, к-рые Цезарь завещательно оставил римскому народу и где любил отдыхать Нерон. В воротах Милиха остановили, он сказал, что принёс важные и грозные вести, после чего был проведён к главе кесарской канцелярии по делам прошений (a libellis) — к императорскому вольноотпущеннику Эпафродиту, кто, в свою очередь, ввиду важности информации, проводил его к самому Нерону (Ан. 15,55).

Этот отпущенный на волю ещё Клавдием Эпафродит, надо полагать, сменивший прежнего секретаря по делам прошений Дорифора (казнён в 62г.), до конца

¹³ К слову, из-за того, что мать Брута Сервилия была любовницей (одной из любовниц) Цезаря, в XXв. фрейдисты сконструировали-констатировали у Брута «эдипов комплекс», и тем (безосновательно) мотивировали убийство Цезаря Брутом.

пробудет с Нероном, и даже поможет ему, согласно Светонию (Нер.49; Дом.14) и Диону (63,27,3; 29,2), при самоубийстве (9.06.68г.), из-за чего (опять ирония судьбы!), назначенный главой той же канцелярии (весьма ценившим его поначалу) Домицианом, подвергнется в 95г. казни за то, что он (как решит, страшась покушения на себя, тиран Домициан) 27 лет назад помог (тирану) Нерону покончить с собой, мол, посмеив поднять руку на Цезаря! (см. ниже).

Притом историки и филологи до сих пор спорят, этому ли Эпафродиту Иосиф Флавий посвятил «Иудейские древности», почтительно отзываясь о нём и в «Жизни», и в «Contra Apionem»? или Флавию покровительствовал именитый александрийский грамматик Эпафродит, умерший при Нерве (+ 97г.)?

В результате Сцевина схватили, привели на допрос и потребовали объяснений-показаний. Сначала он держался уверенно, начав с опровержения возводимых на него обвинений и контробвинив Милиха, к-рый, дескать, обманом похитил у него кинжал, хранившийся в спальном покое, т.е. не сам ли Милих готовился совершить покушение? Линия защиты неглупая – обвинить доносчика в том, в чём он (предав патрона и выполнив гражданский долг) обвинил тебя. К сему обвиняемый присо-вокупил, что завещание запечатывается им не в первый раз, в чём нет ничего подозрительного. Аналогично – с вольными и денежными дарами, равно с пиршествами, дескать, в чём тут криминал? Одновременно никаких распоряжений о повязках для ран не было, и неблагодарный либерт завистливо наговаривает на патрона.

Всё это говорилось твёрдо, с убеждённой во зоре и голосе, так, что донос был почти опровергнут-отвергнут как ложный, грозя обернуться карой для доносчика. Но в дело своевременно вмешалась жена Милиха, сделав упор на долгой накануне беседе Антония Натала со Сцевином и на близости их обоих к Гаю Пизону, в связи с чем в напуганном глазу Нерона стал складываться подозрительный папахивающий заговором треугольник.

На допрос вызвали Натала, его и Сцевина допросили порознь, и ответы обоих на вопрос о предмете их давешней беседы не совпали, вслед за чем обоих заковали в цепи. А когда им показали орудия пыток, умеющих, будьте уверены, вытягивать признания, оба не выдержали и заговорили. Первым – Натал, «более осведомлённый во всём, что касалось заговора и заговорщиков и к тому же более искусённый в обвинениях и наветах» (Ан. 15,56). И пошло, и поехало. Если Наталом были указаны Пизон и Сенека, то Сцевин, узнав о признании созаговорщика, сочтя дальнейшее отпирательство бессмысленным и спеша, в надеждах на смягчение ему приговора, опередить напарника, «выдал всех остальных. Из них Лукан, Квинциан и Сенецион упорно и долго хранили молчание, но, в конце концов купленные обещанием безнаказанности, и они, чтобы загладить свою медлительность, назвали: Лукан – свою мать Ацилию, а Квинциан – Глития Галла, Сенецион – Анния Поллиона, своих самых близких друзей» (15,56).

В общем бездарный салонный заговор тех, кто были ничем не лучше того, кого они намеревались убить, рассыпался, как карточный домик, постигнутый участью, к-рую сполна заслужил. Был ли указанный Наталом Сенека посредником между ним и Пизоном (по слову Натала)? или Натал, зная о разладе между Нероном и Сенекой (кто протестно отгородился от своего царственного воспитанника ввиду постпожарищного ограбления тем святилищ), хотел этим угодить Нерону и умышленно оболгал Сенеку в надежде на Нероново снисхождение к себе? Тацит, оставляя вопрос открытым, не ведает.

А ниже мы узнаём, что хворый Сенека хоть и отказался от посреднически предлагавшейся ему Наталом встречи с Пизоном (дабы, понимай, прямо вовлечь персонального пенсионера всеримского значения в заговор), тем не менее, передал последнему, что «его спокойствие зависит от благополучия Пизона» (Ан. 15,60).

Ответ уклончиво двусмысленный, к-рым отвечающий вроде бы дистанцируется-самоустраняется и вроде бы (наряду с тем) благословляет заговорщиков на успех.

Ещё ниже говорится о слухе, согласно к-рому, самые радикальные заговорщики-преторианцы, не желая менять шило на мыло, т.е. деградантного кифареда Нерона на деградантного лицедея Пизона, хотели, убив Пизона вслед за Нероном, вверить принципат Сенеке (15,65).

И если несколько младший современник Тацита Светоний сообщает, как об одном из Нероновых злодеяний, о принуждении Сенеки к самоубийству, невзирая на прежние неоднократные клятвенные заверения Нерона, «что он скорее умрёт, чем сделает наставнику зло» (Нер. 35,5), не увязывая Сенеку с заговором, но и не называя ни одного заговорщика, кроме Пизона (36,1), то в Шв. Дион (62,24/25), повторим, вовсе не упоминает Пизона, делая главными заговорщиками именно Сенеку и преторианского префекта Фения Руфа, плюс – трибуна когорты Субрия Флава и центуриона Сульпиция Апра (Аспера).

Засим, по прошествии времени, малозначительные фигуры в качестве соучастников заговора были позабыты-отсеяны, в то время как на первый план выдвинулись более значительные в исторической ретроспективе персонажи: не нуждающийся в дополнительных рекомендациях Сенека (кого Дион, отлично от Тацита, не жалует) и находившиеся, что называется, ближе всех к императорскому телу преторианские гвардейцы во главе с их антиподным (в памяти людей) нероновской шавке и беспредельщику Тигеллину префектом Фением Руфом.

Относительно же Сенеки, скорее всего, он действительно не примкнул к заговору непосредственно и не обсуждал ни с кем из заговорщиков кесареубийство, одновременно не имея (м.б., скрепя сердце!) ничего против (за скорбным отсутствием иного выхода-выбора) устранения скатившегося дальше некуда и влекущего государство к смуте Нерона. На 65г. Сенеке (ровеснику века) было 64 года, или ок. 65-и лет, он чувствовал себя перешедшим через (63-летний) порог старцем и вряд ли помышлял о возвращении в политику, возможно, не ведая, что кое-кто прочит его в принцепсы, однако, не могучи не мучаться тем – кем оказался или стал тот, кого он наставнически вывел в люди-кесари.

Впрочем, в ответе трибуну во главе воинов от Нерона, пославшего их оцепить виллу Сенеки и снять с него показания в пригородном поместье, последний показал, что ему всего важнее покой, и что у него, недужного старца, не было никаких причин конспирологически коммуницировать с заговорщиками (15,61)

Увы, в то, что Сенека вовсе не знал о заговоре, к-рым не со вчерашнего дня бредил-грезил его стоическо-поэтический племянник Лукан, и о к-ром наверняка знал его мл. брат, отец Лукана, Мела, поверить чересчур трудно. Не предпочел ли философ и отставной премьер наблюдательски-созерцательски оставаться в стороне, невысказанно благословив заговорщиков: мол, вы сперва добейтесь успеха, ребята, а там посмотрим (может и я ещё на что-нибудь сгожусь).

Или вспомним о (Сенеке Ив. до н.э.) Цицероне, кто не участвовал прямо в заговоре против Цезаря, хотя убийцы Цезаря смертельно поразив кинжалами диктатора, подняли знамя Республики с именем Цицерона (как главного идейного вдохновителя цезареубийства) на устах: они выбегали из курии с окровавленными кинжалами, крича: «Цицерон! Цицерон!». Т.е. у Нерона, при всех случаях, имелись какие-никакие основания углядеть в поведении Сенеки, если даже не участие, то минимум измену «любимого учителя», минимум не донесшего о заговоре. И это при том, что Сенека сам был мэтром широкой совести, не брезговавшим во власти ни коррупцией, ни ростовщичеством, ни признанием (пусть через силу) резонности некоторых политических убийств. И ведь ученик пенсионировал попросившегося на пенсию учителя со всяческими почестями, имея право рассчитывать на его

полную лояльность, почему всякое проявление нелояльности, будь то просто знание о заговоре или соучастие в нём, для очень обидчивого (как все тираны) ученика было даже обидно.

Так или приблизительно так дело могло выглядеть с позиции Нерона, к-рого и без того продолжающий здравствовать наставник-стойк (живое напоминание о добродетельности) одним фактом своей экзистенции порядком достал. Нерон был не той тварью, к-рая могла не убить такого творца, как Сенека, кому предстояло теперь пожалеть то, что он сам посеял-взрастил. Сеешь ветер – жнёшь бурю. Если, с одной стороны, нельзя быть и философом, и политиком, то с другой, – абстрактный (безбожный) гуманизм, рано или поздно, превращает либо самого человека, либо взращённый им человеческий плод в даврвинистско-гуманистическую обезьяну, от к-рой до обезьяны большевистской или обезьяны нацистской (с их анималистическим социализмом) – всего один шаг. Не случайно именно Сенеке (человеку-катастрофе!) довелось ближе всех из его языческих современников приблизиться к Богу Истинному, но, всё-таки, в данной инкарнации трагически не прийти к Все-вышнему!

* * *

Оболгал ли Лукан (тонкая поэтическая натура!) свою мать Ацилию, чтобы, как сказано, вызвать какое-то (возмнившееся эпику с богатым воображением) снисходительное сочувствие у матереубийцы Нерона? или он хотел тем самым (ещё и) вывести из-под удара, за счёт нелюбимой им матери, своего отца Мелу? к-рый и вправду поначалу (до ббг.) привлечён (как «враг народа») не был (см. ниже).

Между тем, Нерон вспомнил о содержащейся с недавних пор под стражей Эпихариде, взятой по доносу наварха Волусия Прокула и категорически отрицавшей на допросе наличие какого-либо заговора, но оставленной в заточении. Теперь Эпихариду допросили с особым пристрастием, думая, что женщина не выдержит пыток. Ничего подобного! Никакими пытками в первый день допроса от неё признательных показаний не добились.

А когда на следующую день, её, к-рая не могла ни стоять, ни ходить, будучи изувечена на дыбе, в носильном кресле тащили в застенок для возобновления пыток, она, – «стянув с груди повязку и прикрепив к спинке кресла сделанную из неё петлю, просунула в неё шею и, навалившись всей тяжестью тела, пресекла своё и без того слабое дыхание. Женщина, вольноотпущенница, в таком отчаянном положении оберегавшая посторонних ей и почти неизвестных людей, явила блистательный пример стойкости, тогда как свободнорождённые, мужчины, римские всадники и сенаторы, не тронутые пытками, выдавали тех, кто каждому из них был наиболее близок и дорог. Ведь даже Лукан, Сенецион и Квинциан не переставали называть одного за другим участников заговора, от чего Нерон со дня на день проникался всё большим страхом, несмотря на то, что окружил себя усиленной охраной» (Ан. 15,57).

Если Тацит восхищается мужеством либертинки Эпихариды и горько сокрушается по поводу хлипкого малодушия именитых римских мужей, то Дион считает «достойным упомянуть поведение женщины, по имени Эпихарида, посвящённой в заговор и не выдавшей никого, невзирая на изощрённые пытки Тигеллина» (62,27,3).

Женщины не так уж редко ведут себя в подобных ситуациях на порядок достойнее, твёрже и мужественнее мужчин. Помимо того, многие элитные римские мужи в означенное время напоминали расквашенную тронутую разложением кислую капусту с душиком, разучившись воевать и, увы, нуждаясь в революционной

встряске. Принципатовский Рим отживших своё Юлиев-Клавдиев донельзя обабился¹⁴, и, находясь в состоянии дефицита настоящих героев, выдвигал карикатурных псевдогероев, каковыми явились, в частности, гротескные персонажи горе-заговора Пизона, к-рые не тянули не то, что на убийц Цезаря, но даже на совсем недавних убийц Калигулы.

Да и их Цезарь – Нерон – выглядел не лучше. Не таков ли приход, каков поп! Если Ливия Друзилла была в пору становления августейшего принципата и династии Юлиев-Клавдиев Одиссем в юбке, то последний Юлий-Клавдий стал (достойно предварённый дядюшкой Калигулой и приёмным папашей Клавдием), образно выражась, своего рода Клеопатрой в штанах. Правда, неспроста он за почти две тысячи лет не ставший примером подражания ни для кого – ни в поздней Античности, ни в Средние века, ни в Новое время, сегодня, во время Новейшее, вызывает восхищение у определённого слоя и числа современных дегенератов. У тех, кто не менее размякли-обабился, чем вырожденцы нероновской эпохи и переумудрились разглядеть в душе Нероне весёлого светского гуляку, к-рого-де современники и потомки несправедливо очернили, сделав чуть ли не сатаной.

Вдобавок к тому, если в случае настоящего Цезаря можно говорить об убитом волками или шакалами льве, или о лососе, голова к-рого стоит голов 10-и тыс. лягушек, то в случае Нерона и заговора Пизона, речь должно вести о лягушках с обеих сторон. За прошедший с гибели Цезаря век, или за полвека с кончины Августа Рим ужасно измельчал. Принципат нуждался в серьёзном обновлении, в лидере, к-рого в условиях созданной Августом – по сути – военной мон(о)архии, могла дать только военно-полководческая среда-верхушка, а трусоватому вырожденцу Нерону оставалось лишь доиграть позорный эндшпиль.

«Да и весь Рим он как бы отдал под стражу, расставив на городских стенах манипулы воинов и отгородив его от моря и реки. По площадям, домам, селениям и ближайшим муниципиям рыскали пехотинцы и всадники, перемешанные с германцами, к к-рым принцепс питал доверие, так как они чужестранцы. Отсюда непрерывным потоком гнали они толпы закованных в цепи и приводили их ко входу в сады. И когда задержанные входили туда и подвергались допросу, им вменялись в преступление радость, обнаруженная когда-либо при виде того или иного из заговорщиков, случайный разговор, уличные встречи, совместное присутствие на пиршестве или на представлении. В свирепом дознании, чинимом Нероном и Тигеллином, с таким же ожесточением действовал и ещё не названный в показаниях Фений Руф, к-рый, стараясь отмежеваться от заговорщиков, был беспощаден к своим сотоварищам. И он же движением головы пресёк порыв стоявшего рядом Субрия Флава, к-рый, взявшись за рукоять меча, спросил взглядом, не извлечь ли его и не поразить ли Нерона тут же во время расследования» (Ан. 15,58).

Чужеземцы-германцы были более преторианцев преданы императорам, поскольку те очень щедро их вознаграждали, в то время как самих германцев внутриримские дрязги-интриги мало интересовали. Не они ли в 41г. яростно кинулись мстить за денежно-дарственно привечавшего-баловавшего их Калигулу!

Что же касается Нерона, то он (болезный), переведя Рим на осадное положение,

¹⁴ Не называла ли давшая литературно опекаемому ею (русскому Усаме) Савинкову противотиранический псевдоним «Ропшин» З.Гиппиус не возмозающую-де свергнуть тиранию Россию начала XXв. презрительно «бабой»? А потом сама (вместе с Д.Мережковским) бежала из революционной России, ругая, мол, пошедшего в услужение к большевикам Блока, к-рый в поэме «Двенадцать» призывал пальнуть из винтовки в толстозадую святую Русь, к-рого позже большевики не выпускали из страны, и к-рый, как говорят, мечтал перед смертью сжечь все экземпляры своей знаменитой поэмы, завершив к-рую в январе 1918г., он сказал о себе: «Сегодня я гений».

видел себя преданным близкими людьми, — дружным ему Пизоном и наставником Сенекой, очень (как все тираны) себя жалея и не на шутку ужасаясь количеству называемых, по делу и не по делу, допрашиваемыми заговорщиками имён реальных и мнимых участников заговора. Количественные показатели Komplota должны были, видите ли, продемонстрировать тирану сколь велика-широка противонероновская оппозиция в обществе, и, по лихорадочному мнению тех, кто нагромождал эти имена друг на друга, заставить деспота задуматься, побудить его сменить гнев на милость. Бездумная надежда утопающих, хватающихся за соломинку и готовых утопить или утащить с собой на дно кого угодно. Не сходно ли вели себя в ходе допросов, например, декабристы — эти совсем не рыцари без страха и упрёка, какими их сделала-представила в перспективе либерально-демократическая, плюс — большевистско-коммунистическая, память, схемы к-рых работают и поныне!

Дальше — больше. Фений Руф свирепствовал, силясь не отстать от своего коллеги и визави Тигеллина. И не удивительно, что он не дал добро на немой вопрос Субрия Флава, сурового солдата, готового и сейчас нанести смертельный удар находившемуся рядом Нерону. Этот Фений, как и прочие, был слишком малодушен, чтобы решиться на такое и уж, тем паче, пожертвовать ради дела собой, так как дай он добро и убей Флав Нерона, им обоим всё равно не светило выжить. При всём том, непонятно, на что Фений, действуя инстинктивно, по инерции, надеялся, когда было ясно, что его (как созаговорщика) имя вот-вот всплывёт-вынырнет и что отвертеться он не сможет. Но ведь так жизнь хоть немного (инстинктивно) продлевалась, конец оттягивался, горячечному больному воображению мерещилась иллюзорная надежда на спасение!.. Только и всего? А разве мало?

Тем временем, пусть не сходно Фению, однако не менее малодушно повёл себя и давший название заговору Пизон. У него имелся (даром что ничтожный) шанс, пока допрашивали Милиха и пока упирался-колебался Сцевин, попробовать, учитывая растущее недовольство Нероном, поднять преторианцев, попробовать взойти на Форум и обратиться к народу. Так или иначе, терять было уже нечего, счёт шёл на минуты, тем более, что, как убеждали Пизона, Нерон не предусмотрел никаких мер для пресечения мятежа; что за этим тронным позорником-лицедеем некому идти, опричь его наложниц; что Тигеллин не посмеет поднять оружие против множества возмущившихся.

Тщетно. Пизон не был мужем храброго духа, оказавшись именно из робкого десятка. Соориентироваться в нестандартной смертельно опасной ситуации и принять рискованное решение дано далеко не каждому. Он, всего-навсего, уединился дома, ожидая развязки, т.е. передоверился судьбе, и когда за ним явился отряд воинов, — «умер, вскрыв себе вены на обеих руках. Своё завещание он наполнил отвратительной лезью Нерону, что было сделано им из любви к жене, женщине незнатного происхождения и не отмеченной другими достоинствами, кроме телесной красоты, отнятой им у друга, за к-рым она ранее была замужем...» (Ан. 15,59).

Затем был умерщвлён Плавтий Латеран, как сказано, пожалуй, наиболее смелый из сенаторско-всаднических заговорщиков (мужей робкого десятка), кому предстояло повалить Нерона в цирке, и с убийством к-рого Нерон, узнав об этом, ныне, отставив всякий допрос и расследование, так в ужасе заторопился, что не позволил ему ни обнять напоследок детей, ни покончить самоубийством. Приведённого на место для казни рабов Плавтия убил трибун Стаций, один из участников заговора, к-рого Плавтий, до конца стойко храня молчание, не выдал и даже не укорил (Ан. 15,60).

СМЕРТЬ СЕНЕКИ

(апрель 65г.)

Потом пришла очередь Сенеки, о чём мы уже частично поведали выше. Когда к нему, в пригородное поместье, окружённое воинами, вошёл трибун, он обедал с женой Помпеей Паулиной, на к-рой (сестра или дочь Помпея Паулина – консула-суф. в первой половине 50-х гг.) женился после корсиканской ссылки, ок. 49г., и с к-рой, не имея от неё детей, был счастлив во втором браке. Ответ Сенеки, должный Нерону в присутствии Поппеи и Тигеллина, к-рых Тацит именно здесь называет «ближайшими советниками принцепса во всех его злодеяниях» (см. выше), о его неучастии в заговоре, Нерона не убедил, не удовлетворил. Впрочем, он спросил трибуна – не собирается ли Сенека добровольно расстаться с жизнью, что (понимай так) было бы для кесаря желательно, но получив отрицательный ответ, велел служивому – «возвратиться к Сенеке и возвестить ему смерть» (Ан. 15,61).

При этом интересно, что согласно свидетельству Фабия Рустика, на к-рое ссылается Тацит, трибун по пути свернул к Фению Руфу и спросил – следует ли повиноваться приказу Нерона, получив от префекта совет (!) – «делать, что велено». И Рустик или Тацит тут присовокупляют: «такова была охватившая всех роковая трусость». Т.е. и безымянный трибун был, вероятно, сопричастен к заговору (при удаче к-рого, напомним, преторианцы планировали возвести в принцепсы Сенеку), предоставляя Фению ещё один шанс. Фений же вновь предпочёл трусливый самотёк, полагая не быть изблечённым (!), либо суметь оправдаться. Притом трибун всё-таки – «не решился, глядя в глаза Сенеке, произнести слова беспощадного приговора, и послал к нему для этого одного из центурионов». Нерон, так сказать, великодушно позволял учителю умереть самоубийственно.

В смерть Сенека, «сохраняя спокойствие духа» (Ан. 15,62), решил уйти стоически и сократически.¹⁵ Прежде всего, он хотел внести поправки в своё завещание, чтобы отблагодарить оставшихся ему верными друзей, по всей видимости, стоиков, имён к-рых Тацит не называет. Но центурион, к-рый должен был проконтролировать его уход из жизни (видимо, имея соответствующее распоряжение падково до чужих денег Нерона), воспрепятствовал этому. И тогда философ, извинившись перед присутствующими двумя друзьями, сказал, что завещает им свой образ жизни. И видя слёзы у них на глазах, прибавил, что плакать не следует, помня о твёрдости и стойкости в бедствиях (15,62). Дескать, хорош бы он был, если бы сейчас раскис

¹⁵ Если Будда (560-480гг.) обращается к кришнаитскому прошлому и обращает человека туда – назад к Кришне, в кришнаитское былое (отлично от Иоанна Крестителя: вперёд – ко Христу), то Сократ (469-399гг.) смотрит и зовёт (пусть сам о том не ведая) в христианское будущее. Отсюда увод-уход от Земли, от тягот земного, в духе речей-проповедей Будды, и трезвая логика мысли у Сократа – в преддверии-предварении *идеализма* Платона и отнюдь не столько *материализма*, сколько *реализма* Аристотеля (мистериалиста до 40-а лет и мыслителя после 40-а), уникальный *аристотелизм* к-рого сделался *материализмом* в современном понимании, (контрабандно) вернувшись в Европу, в европейскую мысль в Средние века через мусульманскую Испанию, через посредство и посредничество рационал-переводов, через арабизм, превративший Аристотеля в предтечу Аверроэса.

С др. стороны, весьма примечательно, что Китай пережил свой небывалый духовный подъём-всплеск в период III/IV-VI/VIIвв., в державном интервале-перерыве между великодержавными империями Хань (IIIв. до н.э. – IIIв. н.э.) и Тан (VII-Xвв.), когда доминирующей религией в Китае стал (наиболее близкий к христианству) буддизм, точнее, плодотворный высокодуховный синтез из буддизма, конфуцианства (Хань), даосизма (Тан), при временном приоритете подвергнутых в эпоху Тан нещадным преследованиям буддийской религии и буддистов (VIII/IXвв.). Единственный раз в IV-VIвв. китайскую мысль больше волновал собственно человек, нежели его значение для государства!

вопреки собственному учению, почему и его друзьям-приверженцам киснуть негоже. Не есть ли вся жизнь путь навстречу смерти, путь на встречу со смертью, к к-рой всегда надо быть готовым, с к-рой необходимо сойтись-встретиться на равных и достойно!

Да и не он ли в молодости, недужный телом, имея проблемы с лёгкими (подхватив от своих эфемерных идеалов чахотку?), носился с мыслью о самоубийстве! И ему ли бояться самоубийства, хоть и по принуждению, в старости, с нездоровым сердцем, переступив как через возраст старика-сенекса (60 лет), так и через сатурнальный «год порога» (63 года), когда, с одной стороны, замыкается кольцо Сатурна, а с другой, открывается (не каждому) видение (внутренним третьим оком) сферы Кроноса-Сатурна!

Он был не столько самостоятельным мыслителем, сколько продолжателем линии ранней и средней стои, более толерантно, нежели иные стоики, настроенным к эпикурейству, с к-рым искал компромисса. И как крупнейший представитель младшей стои, склонный к эклектике, он ставил этику – моральное совершенствование человека – на первый план. Его коньками стали нравственная проповедь, риторическое созерцание и философская беседа с воображаемым собеседником.

Его наследие – прозаические произведения, собранные в «Диалогах», к к-рым примыкают трактаты «О милосердии», «О благодеяниях», «Натурфилософские вопросы», «Письма», и самая слабая часть наследия – трагедии, в к-рых поэту, мэтру латинского красноречия «нового стиля» (отлично от «старого стиля» Цицерона), далеко до философа, с присущими ему искренностью, жизненным опытом, мастерством, внутренней свободой, особенно в заключительный, наиболее творчески насыщенный, пост-политический период его жизни: 62 – 65гг.¹⁶

Именно в это время Сенека, предупредительно уйдя в самоотставку, пока его не ушли, (запоздало) дистанцировался от политики, но политика не дистанцировалась от него. Философ и литератор отпустил её, она его – нет! Не говаривал ли Ленин, что «жить в обществе и быть свободным от него нельзя», и ещё, что «нет никого и ничего вне политики», как и «вне истории» (хотя, по тому же, иногда капризному и противоречивому, Ленину, – «революции не нужны истории»)!. Быть заброшенным в политику при вертикально-тираническом авторитаризме и уйти из неё своими ногами, тем паче, побывав пестуном тирана и премьером при тиране, тем паче, став, волей или неволей, *государственной сволочью*, крайне трудно. Гораздо чаще в таких случаях подобного рода избранники уходят не своим ходом ногами вперёд!

Гвоздь программы сенекианской стои (сродни Полярной звезде – гвоздю в середине неба!) – трагигероическое понимание жизни и восприятие мира – *vivere militare est* – жить значит бороться (ср. Кн.Иова 7,1), что, увы, будучи в истолковании того же Сенеки трагисценическим, часто делается трагикомичным. И делается оно таковым, поскольку, воображаемое в теории, в идеале, не всегда однозначно реализуется или может быть реализовано в прозаической повседневности, на практике. Жизнь любит, не без юмора или сарказма, корректировать воображение творческих натур, проверять героику на зуб, изблещать в ней фальшь или ложный пафос, прибавлять воспаривших на крыльях Люцифера легунов к грешной земле.

Причём, по Сенеке, сама человеческая экзистенция, несмотря на всё великолепие звёздного неба и красоты земли, угроза для индивидуальности. И потому в пресловутой готовности к смерти, в отсутствии страха перед ней – *contemne mortem* – пик человеческого существа, а в преодолении плоти – освобождение духа (через

¹⁶ «Самая большая помеха жизни – ожидание завтрашнего дня и потеря дня сегодняшнего» (Сенека).

освобождение души из темницы тела). Этому он учил и с этим жил, желая с этим умереть по собственному сценарию, шагнув в смерть, как и положено мудрецу.¹⁷

Впрочем, наряду с тем, он умирал, фотографируясь для истории, театрально-постановочно, позёрски и патетически, желая походить и на Катона (гражданственность), и на Сократа (мудрость). А смерть напоследок играла с ним в прятки, не позволяя повелевать собой, но сама расписывая сценарий, как кошка, а не мышка. Она подшучивала и насмеялась над ним, внося свои поправки в его сценарий и не позволяя ему умереть ни стопроцентно стоически, ни стопроцентно сократически, ни с чувством безупречно исполненного гражданского долга.

Да, теперь он не сомневался в кровожадности Нерона, к-рому ничего не стоит, убив брата и мать (плюс – жену), умертвить также воспитателя и наставника (15,62). Однако, не сам ли Сенека его такого и таким взрастил! Не Сенека ли увидел в отравлении Британника (печальную) необходимость, продиктованную гос. резонами! Наконец, не Сенека ли оправдывал убийство Агриппины перед сенатом! И если гос. резоны всё это оправдывали, то почему бы Нерону не переступить и через него, Сенеку, кто, пусть не метил в принцепсы, но знал о заговоре и не имел ничего против Неронова устранения, против устранения того, кто вполне мог бы на его траурном венке надписать: побеждённого учителю от победителя ученика.

Сенека обнял жену, прося её не предаваться долгой скорби, к-рую назвал «вечной», и постараться найти достойное утешение, т.е. он внутренне отпустил супругу, предоставив ей свободу после себя (Ан. 15,63), против чего она возразила, пожелав умереть вместе с ним, без разницы – добровольно, или – от чужой руки.

И он не стал препятствовать её выбору, хотя, по Тациту, не стал, опасаясь оставить беззащитной, на поругание холуйскому обществу, вдову «врага народа». Повторим, состоятельная Помпея Паулина была его второй женой с ок. 49г., и в бездетном браке с ней он, вдвое старший её возрастом, был счастлив, тогда как первая жена, от к-рой Сенека (в браке малосчастливым) имел двух сыновей, один из к-рых скончался за несколько дней до ссылки отца на Корсику в 41г. (и был погребён матерью Сенеки – овдовевшей в 39/40гг. Гельвией), умерла от болезни ещё до или в годы его ссылки (De benef. 1,9,3; De const. sap. 14,1; De remed. fort. 16; frg. 47; Ad. Helv. 2,5 18,4).

К концу 20-х чисел апреля 65г. счастливобрачные муж и жена одновременно вскрыли себе вены. Но тут и начались поправки судьбы, по ходу вносившиеся в сценарий и в постановку драмы-трагедии. Вскрытие вен не дало желаемого результата, так как из старческого и ослабленного скудным питанием (стоическая аскеза) тела философа кровь еле текла. Посему он, крайне неприятно удручённый этим внезапным тормозным сюрпризом, надрезал себе также жилы на голених и под коленями, что обернулось жестокой болью.

¹⁷ Смерть, поселившись по соседству,
К тебе заглядывает в гости,
И представляется инвестором
От фирмы «Череп и Кости».
Она – почти твоя невеста,
И с ней, поверьте, очень просто,
Когда, без тили-тили-тесто,
В ней узнаёшь не только монстра.
И ни фиеста, ни сиеста,
Ей не по рангу, не по росту,
Она – хозяйка повсеместно,
Похлеще всяких Калиостро. (К.З.)

Лёгкой, – не унижающей его философско-человеческое достоинство, – смерти без помех не получилось. Муж попросил Помпею удалиться в другой покой, – «чтобы своими страданиями не сломить духа жены и, наблюдая её мучения, самому не утратить стойкости» (15,63). Притом импровизация со стороны смерти с задержкой импульсировала заключительный прилив красноречия с его стороны: «он вызвал писцов и продиктовал многое, что было издано», и от пересказа чего Тацит воздерживается. Т.е. красноречие Сенеку не покинуло, более того, его заботило облечение своих последних мыслей в слова и их увековечение.

Между тем, проинформированный о происходящем (лицедей и зритель-повелитель) Нерон (философ сводил счёты с жизнью в ближнем предместье), заинтересованный в том, чтобы максимально гуманизировать всю сцену и не прослыть, так сказать, чересчур беспощадным, кроме того, не питая ненависти к Паулине, велел вывести её, живую, за кулисы самоубийственного действия, после чего рабы и вольноотпущенники перевязали ей руки и остановили кровотечение. Если кесарь уже проявил одну «царскую милость», позволив уличённому в гос. измене Сенеке наложить на себя руки, то это была ещё одна «царская милость», милосердно не позволявшая умереть Паулине.

Правда, Тацит приводит мнение некоторых, согласно к-рому, она решила уйти вместе с мужем, боясь преследований, и не устояла перед соблазном сохранить жизнь, когда в дело вмешался сам император, но мнение это склонным видеть в нём злопыхательский наговор Тацитом не разделяется. Так или нет – вопрос. Хотя, коли Сенека не мог умереть вовремя в силу вышеназванных причин, связанных с его старостью и аскезой, то, спрашивается, почему не умерла вскрывшая вены, как сказано, одновременно с ним Паулина, чьё тело не было ослаблено ни старостью, ни скудным питанием? С др. стороны, ей довелось пережить мужа всего на несколько лет, постоянно чтя его память, при том, что – «лицо и тело её отличались мёртвенной бледностью, к-рая говорила о невозместимой потере жизненных сил» (15,64).¹⁸

А Нерон упивался тем, что он продюсирует постановку ухода «любимого учителя», к-рый ему вконец надоел-опостылел, как некогда родная мать; тем, что он стоит над его и его супруги жизнью и смертью, санкционировав и контролируя весь процесс, повелительно решая, – кому жить и кому умереть. Время жить и время умирать, приложительно к подданным (к-рые живут взаимно), – во власти повелителя. И если Нерону удалось сделать римское общество соучастником убийства Агриппины, то и Сенеке надлежит умереть при соучастии этого общества. Властителям-душегубам очень по душе коллективная ответственность за их преступления.

* * *

Далее, поскольку смерть продолжала, криво ухмыляясь, медлить, последовало обращение Сенеки к находившемуся тут дружному ему врачу Стацию Анцию с просьбой дать ему «заранее припасённый яд, к-рым умерщвляются осуждённые уголовным судом афинян». Речь идёт о хрестоматийном кубке цикуты, к-рый в 399г. до н.э. выпил присуждённый афинским судом к смерти (за предательство мистерий!) Сократ и к-рый, наверное, с тех пор имел или держал про запас каждый уважающий себя античный философ. Т.е. Сенека, сценарист и постановщик собственного ухода, предусмотрел и такой поворот.

Но смерть его опять ужимисто, как озорная мартышка, переигрывала, затягивая

¹⁸ «Золото пробуют огнём, женщину – золотом, а мужчину – женщиной» (Сенека).

представление и не торопясь опустить занавес, смакуя замедленный уход своего подопечного и кокетливо опаздывая на свидание с ним: «члены его уже похолодели и тело стало невосприимчивым к действию яда. Тогда Сенеку погрузили в бассейн с тёплой водой, и он обрызгал стоявших вблизи рабов со словами, что совершает этой влагою возлияние Юпитеру Освободителю. Потом его переносят в жаркую баню и там он испустил дух¹⁹, после чего его тело сжигают без торжественных погребальных обрядов. Так распорядился он сам в завещании, подумав о своём смертном часе ещё в те дни, когда владел огромным богатством и был всемогущ» (15,64).²⁰

Если Столыпин после взрыва в его доме на Аптекарском устье (1906г.), убившего 32 человека и ранившего 27, включая на всю жизнь оставшуюся калекой дочь премьеры, составил завещание, в к-ром написал: «Я хочу быть похороненным там, где меня убьют» (и был спустя 5 лет погребён, погибнув от руки террориста и, по странному совмещению, агента охраны, в Киеве – 1911г.), то завещание пожелавшего упокоится в миротворной тишине Ш. де Голля (+ 1970г.) гласило: «Ни фанфар, ни музыки, ни звона колоколов».

И всё-таки, нельзя не согласиться, что участь, уготованная Сенеке, оказалась куда лучше, чем конец, постигший в декабре 43г. до н.э. Цицерона, на внесении к-рого в проскрипционные списки настоял ненавидевший его Антоний (кому Октавиан, не желая Цицероновой смерти, из соображений гос. резона, уступил), и к-рый вынужден был подставить горло настигшим его в попытке бежать антонинским убийцам, вслед за чем над доставленной в Рим отсечённой головой убитого вдоволь поглумилась мстительная жена Антония – бой-баба Фульвия.

В 63г. до н.э. Цицерон (поддержанный громовой речью Катона, воплощавшего сообразно Сенеке и Лукану, совесть Республики) легко переступил через катилинаристов (вопреки призыву Цезаря проявить милосердие), к-рых, и в т.ч., дядю Антония, палач казнил в подвалах Тулливой тюрьмы удавкой. А 20 лет спустя Антоний с удовольствием переступил через самого 63-летнего Цицерона – этого беспринципного бакалавра словесного поноса, апологета (присущей римской ментальности и культуре в целом) бессодержательной (юридизированной) риторики/ретирики и отца мёртвой римской демократии.

Сенека оправдал гос. резонами брато- и матерубийство или закрыл на них глаза! Сенека не постеснялся сколотить во власти состояние в 300 млн. сестерциев и стать крупнейшим ростовщиком, и полагал дожить на покое, предусмотрительно-гарантийно отказавшись от большей части своих богатств в пользу Нерона! Но он не предусмотрел, что получивший от него путёвку в тронную жизнь Нерон, в конце концов, всё равно убьёт его, независимо от богатств, просто не могучи не устранить учителя, к-рый олицетворяя, с определённого времени, самим фактом своего существования немой укор воспитаннику, представал в глазах этого воспитанника нетопырьём ничем не лучше его. Мало того, циничный Нерон наверняка мнил себя (анимализированной) особью на порядок лучше и выше лицемера Сенеки.

Как Цицерон был лицом и жопой излётно-трупной Республики, так Сенека сделался лицом и жопой излётно-трупного юлианско-клавдианского принципата, точнее, юлианско-клавдианской династии, поднявшейся, во многом, на костях Цицерона и убывавшей-уходившей, во многом, на костях Сенеки, этих эпонимических представителей старого и нового стилей, республиканского Рима IV. до н.э. и императорского Рима IV. н.э.

¹⁹ «Сильнее всех – владеющий собою» (Сенека).

²⁰ «Гораздо более важно то, что ты думаешь о самом себе, чем то, что о тебе думают другие» (Сенека).

Оба они говорили о совести, как о внутреннем голосе, осуждающем или защищающем наше поведение в зависимости от его этических качеств. И оба, бессовестно политиканя, переступали через совесть, как мужи широкой совести, умея и не брезгуя заключать с ней грязные сделки. Оба скатывались с уровня государственных мужей на уровень государственной сволочи. Повторяем, нельзя быть философом, художником, поэтом и государственной сволочью одновременно, параллельно, попеременно! Невозможно, однажды заключив сделку с супостатом, когда-нибудь и как-нибудь переиграть его.

При всём том, Сенека, как и Ап. Павел, — один из значительнейших духовных репрезентантов эпохи, но по персонально-лично-индивидуальной и по духовной мощи ему, конечно, очень далеко до Павла. У Павла во главе угла — вечное спасение через преодоление смерти и воскресение на пути ко Христу, со Христом и во Христе (т.к. христианство, вовсе не манифестируя конец истории, указывает-открывает человеку путь к абсолютному будущему). У Сенеки же, автора слов «Смерть суждена всему, она — закон, а не кара», — на повестке дня и во главе угла не вечность, а время и чистая образованность разумной, однако, преходящей и смертной человеческой природы, человеческой личности, человеческой индивидуальности, к-рые философ не дифференцирует. Вера в бессмертие души для него счастливый сон, резкое пробуждение от к-рого пагубно, и, тем не менее, он (приобщившийся к индийской и египетской мудростям) мучительно оставляет вопрос о карме и реинкарнации, вопрос о перевоплощении минимум не закрытым.²¹

Сенека — представитель и апологет Души рассудочной или самой душевности, дальше к-рых он, сын своего конечного времени, даже усумнясь в конечности, точнее, пряча сомнения на дне души (где лежат скрытые козыри), не идёт. Павел провидит Душу сознательную и Самодух, предворяя Иоанна Богослова, рекшего: «И познаете истину и истина сделает вас свободными» (Ио.8,32), как Апостола (Апостол Апостолов) Самодуха, Жизнедуха и Духочеловека!²²

Точки соприкосновения у Павла и Сенеки имеются, но в Ив. н.э. их пути не пересеклись и не могли пересечься, чтобы сойтись однажды в грядущем. (Не встретились ли, правда, вновь не разрешив взаимные противоречия, истовый католик-консерватор кайзер Франц Иосиф и его либерально настроенный сын — кронпринц Рудольф!) Параллельные прямые не пересекаются в одной жизни, вполне правомочные пересечься в духовном мире и в жизни другой. Именно Сенеке принадлежат слова: «Через тернии к звёздам». Плюс: «Не было ещё ни одного гения без некоторой доли безумия» (= всякая гениальность — помешательство).²³

²¹ «Когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным» (Сенека).

²² Информация к размышлению. Если Пётр и церковно-петрианское христианство это — *вчера и сегодня*, а Павел и христианство ойкуменически-павлианское — *день сегодняшний и завтрашний*, то Иоанн Богослов и (всеобъемлющее) Иоанново космическо-иоаннитское христианство (как и таинственный-тончайший христианский гнозис-гностицизм кармически преемствующих Юноше из Наина — Мани и Парсифаля) — *дни — позавчерашний и послезавтрашний*. Не случайно Апостол Апостолов Иоанн (брат-близнец Апостолицы Апостолов Марии Магдалины) пришёл с Кипра (острова Афродиты, где в 45/46гг. миссионировал Павел) в (подготовленный к его приходу Павлом — 54-57гг.) Эфес (город одолённых Гераклом беглых амазонок и город *Великой Матери* — Артемиды). Не случайно Иерусалим Петра, как и Рим Петра и Павла, сегодня есть, в то время как Эфеса пресвитера Иоанна (Эфесская христианская община в Апокалипсисе — олицетворение I-й После-Атлантической Пра-Индийской культуры Эфирного тела, к-рая созеркальна замыкающей культурную семеричность VII-й Американской культуре Жизнедуха), указующего путь в Небесный Иерусалим, сегодня нет!

²³ «Кто сделал доброе дело, пусть молчит — говорит пусть тот, для кого оно было сделано» (Сенека).

Не случайно и то, что, если языческая античность восторгалась красноречием и писательским талантом Сенеки, то авторитеты Церкви и Ср. века воздавали должное его нравственной проповеди, поражаясь язычнику, к-рый (как и Филон Александрийский) столь близко подошёл к христианству (так и не узнав об этом). То-то в поздней античности появилась апокрифическая переписка Павла и Сенеки, к-рой в реальности не было, но в подлинность к-рой верили Иероним, Августин и др. И симптоматично-показательно, что слава вроде бы рационалиста-разумника Сенеки померкла аж в секулярном XIXв., когда человека в качестве венца творения Божия начала вытеснять дарвинистско-(псевдо)гуманистическая обезьяна, от к-рой, или, если быть до конца точным по Дарвину (что сути не меняет), от общего предка с к-рой, а не от Бога якобы произошёл (нисколько не божественный) человек.

И не случайно кровь всё же приподнявшегося, насколько это было для него возможно, над своим временем Сенеки пролилась к концу апреля 65г. в Риме, своеобразно предварив последовавшее спустя два года и два месяца, в конце июня 67г., римское мученичество Апостолов Петра и Павла, о чём Иероним, даже помещающий Сенеку «в категорию святых» (!), пишет: «Луций Анней Сенека из Кордовы, ученик стоика Сотиона, дядя поэта Лукана, был человеком очень воздержанным. Я бы не поместил его в категорию святых, если бы послания Павла к Сенеке и Сенеки к Павлу, читаемые многими, не заставили меня сделать это. В этих посланиях, написанных в то время, когда Сенека был наставником Нерона и в высшей степени влиятельным человеком, он говорит, что хотел бы занять такое же место среди своих сограждан, как Павел среди христиан. Сенека был принуждён Нероном к самоубийству за два года до того, как Пётр и Павел были удостоены венца мученичества» («О знаменитых мужах» 12).

Знакомя Сенеку и Павла *друг с другом*, Иероним поторопился, заглянув, сам о том не зная, далеко вперёд (в карму!).²⁴ Мы же усвоим-запомним приводимую им хронологическую увязку, к-рая верна, так как, если дата самоубийства Сенеки, скажем снова, — излётные дни апреля 65г., то дата мученичества Петра и Павла — 29.06.67г. (см. ниже).

КАЗНИ ПРЕТОРИАНЦЕВ И САМОУБИЙСТВО КОНСУЛА ВЕСТИНА

В «Ан. 15,65» Тацит, продолжая рассказ, как раз говорит о слухе, сообразно к-рому, преторианские участники неоднослойного или двоедонного заговора — «на тайном совещании Субрия Флава с центурионами» — решили (мол, не без ведома Сенеки) сразу же после убийства Нерона, подстроенного Пизоном, убить и Пизона, чтобы, как сказано, не менять тронного кифареда на тронного лицедея (хрен редьки не слаще), и вверить принципат Сенеке, — «избранному главой государства ввиду его прославленных добродетелей людьми безупречного образа жизни».

Эту версию можно принять, но, повторим, с оговоркой непосвящения (заранее) в намерение преторианцев сделать его принцепсом самого Сенеки, к-рый, не выступая против устранения Нерона (без прямого одобрения кесареубийства), скорей всего, отказался бы, старый и недужный, быть принцепсом, не отказываясь от роли

²⁴ «Милосердие предстаёт тем более прекрасным и блистательным, когда носителем его является верховная власть, каковая, пока соответствует законам природы, не может нести в себе зла» (Сенека «О милосердии» 19).

Сенекианское (идеальное) сочетание моноархической идеи и стоической доктрины частично реализуется только при Антонинах, найдя своё завершение в императоре и философе-стоике М.Аврелии.

советника при новом принцепсе (и опять не понимая, что при таком раскладе, тот его, — ранее ли, позднее ли, — всё равно в какой-нибудь форме, коли мудрец = мудрый советник не успеет умереть собственной смертью, сожрёт).

А касаемо преторианцев, как видно, они составляли отдельную вторую группу заговорщиков, к-рая контактировала с группой сенаторов и всадников, при посредничестве Фения Руфа, однако, имела также самостоятельные амбициозные виды на смену власти и находилась несколько в тени, о чём свидетельствует и то обстоятельство, что соучастие в заговоре военных выявилось-выяснилось не сразу.

«Но очень скоро — согласно Тациту (Ан. 15,66) — открылось, что в заговоре участвовали и военные люди, ибо многие из задержанных возгорелись желанием разоблачить Фения Руфа, к-рый возбудил их ненависть тем, что, будучи таким же заговорщиком, как они, подвергал их допросам в качестве следователя». И вот не кто иной как Флавий Сцевин, показушески эпатажное поведение к-рого (вообразившего себя аж двумя Брутами — Луцием и Марком) и натолкнуло его либерта Милиха на роковую догадку, и к-рый, узнав о признательных откровениях Антония Натала, поспешил со своими откровениями, усмешливо инкриминировав во время допроса Фению Руфу, — «что никто не знает об этом деле больше, чем он». В ответ Руф растерялся и тотчас выдал себя. Не отстали от Сцевина и прочие допрашиваемые, притом особенно усердствовал всадник Церварий Прокул, после чего предусмотрительно поставленный Тигеллином возле Руфа могучий воин Кассий схватил последнего и наложил на него цепи. Впрочем, непонятно — на что надеявшийся и действовавший до того инерционно, (ничтожный малый) Руф и не думал сопротивляться.

Затем были взяты под стражу трибун Субрий Флав, центурион Сульпиций Аспер и другие совиновны преторианцы. По Светонию, сообщающему о заговоре Пизона коротко, обзорно, суммарно, «заговорщики держали ответ в оковах из тройных цепей, одни добровольно признавались в преступлении, другие даже вменяли его себе в заслугу — по их словам — только смертью можно было помочь человеку (т.е. Нерону), запятнанному всеми пороками. Дети осуждённых были изгнаны из Рима и убиты ядом или голодом: одни, как известно, были умерщвлены за общим завтраком, вместе со своими наставниками и прислужниками, другим запрещено было зарабатывать себе пропитание» (Нер. 36,2).

Во-первых, такое смелое поведение, к-рое акцентирует Светоний, было присуще меньшинству заговорщиков, в основном преторианцам; во-вторых, из античных авторов только Светоний сообщает о нероновском произволе по устранению (вышеприведённым способом) также детей осуждённых (не уточняя — каких именно осуждённых и детей?); и в-третьих, у Светония, без дифференциации, говорится о двух заговорах — Пизона и Винициана, второй из к-рых имел место в ббг., из-за чего, относительно деталей-подробностей, неясно — о каком из заговоров и применительно к чему идёт речь? или названные детали-подробности актуальны для обоих комплотов?

Субрий Флав недолго поотпирался от участия в заговоре, заявив, не без презрения, что не стал бы связываться с изнеженными горе-мужами из высших кругов (как, мол, надо было поступить, и что он, к сожалению, слишком поздно уразумел), однако, прижатый дознавателями и свидетельскими показаниями к стенке, решил умереть бесстрашно. На вопрос думавшего задеть его офицерское достоинство Нерона, — «в силу каких причин он дошёл до забвения присяги и долга?» (по факту — верно), прозвучал вызывающий ответ: «Я возненавидел тебя. Не было воина, превосходившего меня в преданности тебе, пока ты был достоин любви. Но я проникся ненавистью к тебе после того как ты стал убийцей матери и жены, колесничим, лицедеем и поджигателем» (Ан. 15,67).

У Диона несколько иначе: «Я был предан тебе, как никто другой, потом возненавидел тебя, как никто другой. Предан, полагая, что ты будешь хорошим Цезарем, а возненавидел, потому что ты пал до возницы и кифареда, к-рому я не хочу служить» (62,24,2). В свою очередь, Сульпиций Аспер на Неронов вопрос, — «почему он вступил в заговор против его жизни, кратко ответил, что другого способа пресечь его гнусности не было» (Ан. 15,68). У Диона: «Я не мог помочь тебе иначе» (62,24,2).

Совершение казни над Флавом поручили другому сохранившему верность присяге трибуну Вейанию Нигеру. По его приказу, на ближнем поле была наспех вырыта яма, меньшая размерами, чем предписывал устав, и осуждённый, не потеряв присутствия духа, презрительно бросил: «Даже это сделано не по уставу». На память опять приходят слова сорвавшегося с виселицы (вместе с Рылевым и Каховским) декабриста Муравьёва-Апостола (к-рые иногда приписывают К.Рылеву): «Бедная Россия! И повесить-то порядочно у нас не умеют». Когда же Вейаний предложил ему смело подставить шею, Флав парировал: «Лишь бы ты столь же смело её поразил» (15,67). В итоге голова Флава была отсечена двумя ударами, хотя перед Нероном палач не преминул прихвастнуть, что сделал это с полутора ударов.

Не менее мужественно встретили смерть и прочие осуждённые преторианцы. «Только Фений Руф не проявил мужества, внося слезливые жалобы даже в своё завещание» (15,68). С самого начала именно он был тем мужем, должность к-рого весьма вдохновляла сенаторско-всаднических заговорщиков, думавших, что коли преторианский префект с ними, то всё сладится. Ведь без него они вообще не решились бы на заговор. Кроме того, именно ему подчинялись преторианцы-заговорщики и именно он был связующим звеном между двумя группами заговорщиков. Т.е. именно от него больше всего в деле успешной реализации заговора зависело, и именно он был, оказавшись розмазнёй, не тем военным и не тем мужем, к-рый мог положиться на самого себя и на к-рого могли положиться другие. И ему изначально не следовало браться за подобное дело, обнадёживая своим пассивным соучастием всех остальных.

Причём, если уж на то пошло, именно преторианцам надлежало взять первоинициативу в свои руки и сначала сделать дело, не раздваиваясь и не выступая из-за спин ничтожных консуляров, сенаторов, всадников, но заведомо наметив чёткую кандидатуру нового принцепса — (в силу разных причин) не Пизона и не Сенеку. Правда, увы, такой кандидатуры, при вопиющем дефиците кадров в римских верхах означенного времени, не было и не нашлось, тогда как сам инфантильно-дилетантский заговор так и не перерос уровень игры в куклы, уровень провального кукольного спектакля.

Скажем снова, новый принцепс, в условиях военной моноархии, мог прийти, при соответствующих обстоятельствах (к-рые на 65г. ещё не созрели, вернее, не дозрели), только из военно-полководческой среды-элиты. И столкнись преторианцы с (на 65г. имперским полководцем № 1) Домицием Корбулоном (кого Нерон неспроста, заваливая почестями и величая «отцом родным», держал вдалеке), дело могло (бы) повернуться иначе... Впрочем, история, как известно, не терпит сослагательного наклонения (ибо количество сослагательных «если бы да кабы» чересчур велико), не отрицая одновременно не противопоставленное историку теоретическое пространство нереализованных альтернатив и упущенных возможностей (из к-рых летопись человечества, во многом, и состоит).

* * *

Под шумок всех этих расправ с заговорщиками, Нерон решил, не упуская удобного случая, устранить и вышеупомянутого консула 65г. Аттика Вестина, к-рый,

напомним, некогда был дружен с ним, а потом стал ему враждебен, поскольку начал едко высмеивать его пороки. Нерону казалось, что в ходе скорострельного разбирательства дела о заговоре Вестиново соучастие в нём непременно откроется, чего не случилось, ибо на него ни один из заговорщиков не указал (Ан. 15,68). Вестин был неуживчивым, несдержанным и своевольным нобилем, находившимся со многими в римских верхах в контрах, и как-то так получилось, что никто его в комплот не вовлёк.

Кстати, это говорит (лишний раз) и о том, насколько экспонатной была при принципате консульская магистратура, если уж участие в заговоре консула-орд., одного из пары высших должностных лиц в государстве (как и его ординарного коллеги – Лициния Нервы Силана), никому не понадобилось.

С др. стороны, ненависть, сменившая когдатошнюю дружбу, подчас непримиримее всякой иной, и особенно опасно личное-персональное неприятие старого друга властителем. Плюс к тому, наличествовало ещё одно весьма существенное, или, возможно, самое веское обстоятельство, побудившее Нерона воспользоваться заговорщической оказией для ликвидации Вестина, кто своей несопричастностью к заговору очень кесаря раздосадовал. С недавних пор Нерон крутил шашни с красивой Статилией Мессалиной (дочь консула 44г. – Т.Статилия Тавра), бывшей за Вестином замужем, и не хотел её ни с кем делить, как ранее и ныне Поппею, любовно сойдясь с к-рой в 58г., он усладил её мужа и своего давешнего друга Отона наместничать в Лузитанию, где Отон продолжал пребывать и в 65г.

При всём том, незаменимость для Нерона официальной супружницы Поппеи оставалась на прежнем уровне, что, вместе с тем, не мешало его связям на стороне. Да и чему удивляться в случае с сексуально патологическим кесарем, недавно вышедшим замуж за либерта Пифагора в преддверии скорого брака с кастратом Спором! Хотя красивая, богатая и умная, согласно «Комм. к Ювеналу» (6,434), Статилия, успевшая до Вестина трижды побывать замужем, была не одной из многих нероновских пассий, имея особый статус. И именно на ней он в перспективе, после Поппеи, женится – 66г. – своим третьим и последним браком, получив до того отказ дочери Клавдия, Антонию, и казнив её (как мнимую соучастницу задним числом заговора Пизона). А в 69г. на Статилию Мессалине (к-рую античные источники часто путают со скандальной женой Клавдия – Мессалиной) будет, сообразно Светонию, планировать жениться написавший ей прощальное письмо перед своим апрельским самоубийством 95-дневный кесарь Отон (10,2).

Тем временем, по Тациту, не найдя в апреле 65г. применительно к Вестину «ни преступления, ни обвинителя, Нерон, не имея возможности прикрыться личиной судьбы, обратился к насилию самовластья» (Ан. 15,69). К дому консула, завершившего в тот день консульские обязанности и проводившего досуг в обществе гостей за пиршеством, была отправлена когорта воинов, с приказом занять его похожий на крепость дом и подавить охранявшую его отборную молодёжь так, будто Вестин (державший подобранных по возрасту красивых рабов-охранников) готовил мятеж, между тем как власть (будто бы) задействовала в рамках осадного положения превентивную защитную меру. Разве придерёшься? Да и кто посмеет придраться?

Брать под стражу Вестина не пришлось. Видя, в чём дело и что от него требуется, он встал из-за стола и уединился в спальном покое с домашним врачом, к-рый вскрыл ему вены, вслед за чем умирающего перенесли в баню, где он, погружённый в тёплую воду, отдал концы, не проронив больше ни слова. Тоже – «царская милость»! Старому другу, даром что ставшему врагом, надо было «благородно» предоставить (как и любимому наставнику) возможность уйти предельно безболезненно!

Зато его покинутых хозяином гостей окружившие их солдаты продержали до поздней ночи в неведении и они не раз за это время распрощались с жизнью,

прежде чем Нерон, «вдоволь насмеявшись над ними, изрёк, наконец, что они достаточно поплатились за предоставленное им консулом угощение» (15,68), и велел страже отпустить-распустить всех по домам. Опять «царская милость»! Кто во главе государства: (временные) Консулы или (пожизненный) Цезарь, к-рый, на сей раз, Неронушка, компетентно-единовластно решает — когда, сколько и кому из консулов консульствовать! когда, кому и как умирать! кому быть и кому не быть!²⁵

Консульская вакансия сошедшего с дистанции Вестина досталась (республиканские институты продолжают работать без сбоев!) принявшему, как и положено, чин-чинарём, фаски-фасции, равно надевшему консульскую тогу, П.Пасидиену Фирму, о к-ром (очередной свадебный генерал) известно лишь то, что он был проконсулом провинции Вифиния и Понт, в правление Клавдия, и отцом консула-суф. 75г. н.э. Л.Пасидиена Фирма.

СМЕРТЬ ЛУКАНА

«Вслед за тем он (Нерон) велит умереть Аннею Лукану. И когда тот, истекая кровью, почувствовал, что у него холодеют руки и ноги и жизненная сила понемногу покидает тело, хотя жар его сердца ещё не остыл и сознание не утратило ясности, ему вспомнились сочинённые им стихи, в к-рых изображался умирающий такой же смертью раненный воин. Он прочёл эти стихи, и то были последние произнесённые им слова» (Ан. 15,70).

О Лукане мы достаточно сказали выше. Уж кому-кому, но ему, тоже в прошлом другу, Нерон велел умереть, не мучаясь сам ни малейшими угрызениями совести. Если прямого участия Сенеки в заговоре не было, или оно не было установлено-доказано, а соучастие Вестина было попросту инсинуацией-фабрикацией, то в виновности одного из главных заговорщиков, ставшего поэтическим знаменем комплота, Лукана, сомневаться не приходилось. И его навет на родную мать Ацилию Нерона несколько не впечатлил, лишь дополнительно продемонстрировав царю, что уж кто-кто, а этот фрукт ничем не лучше него. И в его случае Нерон не казался себе кем-то вроде Сальери, убивающим Моцарта!

И пусть для тиранов на их пирамидальной вершине власти неотвратим вакуум ледникового одиночества (вечной мерзлоты), где не остаются, где невозможны настоящие друзья, тем не менее, тираны, крайне сентиментальные и крайне, как сказано, обидчивые, очень нуждаются, словно в глотке воздуха, в примерах подлости, превосходящих их собственную подлость, или не уступающих ей. И пример Лукана виделся Нерону одним из таких. («Скажи мне, кто твой друг, и я скажу — кто ты!»)

Разумеется, Нерон когда-то позавидовал его выдающемуся поэтическому дарованию и (деликатно) задвинул в тень этого вообразившего себя фигурой крупнее Гомера и Вергилия эмоционального витию, к-рый хотел заменить для Рима и римлян своей руководствующей противоположной ценностной шкалой — «Фарсалией» — «Энеиду». Дескать, не Вергилий, а он — римский Гомер, но не слепой, а зрячий-всевидающий и вознесшийся над Гомером (как истина в последней инстанции без инстанции предпоследней). Однако, боги свидетели, Цезарь слишком долго терпел-толерировал изрыгавшего несусветные злобности, в формах от слов до пердежа, в его кесарский адрес экс-друга, кто ныне заслужил, в Нероновых глазах,

²⁵ Почему большевики не жаловали Гамлета («Мы — не гамлетовцы...» — говорил Троцкий)? Потому что для них не существовало основного гамлетовского вопроса: «Быть или не быть?» Ведь они сами решали — кому (и как) быть; а кому (как и в каком числе-количестве) — не быть!

мучительную казнь и кому было великодушно позволено-предписано уйти из жизни наилегчайшим путём.

То-то Лукан, узнав о своей участи, приободрился-взбодрился, осмелел и вновь встал в позу, вновь отдался гиперболическо-героическому пафосу, решив обставить своё отшествие с оглядкой на историю и на память о себе, любуясь-наслаждаясь собой и в заключительные минуты жизни (что стоявший над ним, над помощником сценариста и режиссёра, главный сценарист и режиссёр Нерон, наверняка внимательно отслеживал, слушая донесения ответственных за все действия очевидцев в штатском, из Золотого дворца).

Риторические красоты всегда ценились Луканом выше естественности, его гиперболы порой доходили до смехотворности и, вместе с тем, его, мастера афоризмов, поэзия полна яростной энергии, к-рая заменила ему утешение и при переходе через последнюю черту, через его смертный Рубикон, к-рый ему, ударившемуся в политику, не удалось перейти при жизни. Он жаждал умереть бесстрашным солдатом-тираноборцем, каковым не являлся, на какового не тянул. Но, спрашивается, что мешало ему, получив соответствующую возможность минимально болезненного и неунизительного ухода, вообразить-возомнить себя героем? Негоже изменять напоследок сопровождавшим тебя всю творческую жизнь пафосу, преувеличениям, поэзе и в смерти, или в (жертвенной) смерти наипаче.²⁶

²⁶ Выше мы уже упомянули попытку Блока обнаружить в Революции 1917г. свою «Прекрасную даму» (преображение *Незнакомки*)! или «взаимоцеловальное» видение Блоком, напару с Белым, в Революции (ни больше, ни меньше) Воскресения Христа! Да и позднее Блоку хотелось огненного смерча, к-рый пламенно пожрёт старый порочный мир, как Белый, хлопоча о пенсии для себя, писал Сталину о том, насколько его не жаловал в своё время Троцкий (называя исписавшимся «белым» по сути), почему, мол, Сталин не ошибётся, если он его, Белого, друга советской власти, собирающегося писать роман о Днепрогэсе, наоборот, будет (в отличие от уже высланного из СССР Троцкого) привечать-жаловать!

Далее, не дружил ли (как Волошин с Савинковым) Есенин с чекистом-террористом Я.Блюмкиным (к-рый, говорят, однажды аж устроил любопытствующему Есенину смотрины чекистских расстрелов), сколько бы сегодня определённые национал-патриотические круги ни силились представить «русского королевича» Есенина закланным проклятыми большевиками-инородцами (из троцкистского лагеря) невинным агнцем (убитым-де не кем иным как Блюмкиным, по распоряжению Троцкого, кто как раз Есенина, отлично от Белого, очень любил и ценил)! Не дружил ли Маяковский с подведшим Гумилёва под вышку Я.Аграновым, называя его Агранычем, и вроде бы застрелившись из пистолета, подаренного ему этим известным чекистом (тоже одним из возлюбленных любившей только себя любвеобильной Л.Брик)!

Посему не стоит делать из всегда грешных светских поэтов, в т.ч., из, по-настоящему, больших мастеров слова, святых мучеников, так как ни один из них святым никогда не был и далеко не каждый стал мучеником. И не надо искать ныне, задним числом, ни зловещее убийство большевиками однозначно покончивших самоубийством Есенина или Маяковского, ни безупречное поведение, либо чуть ли не христианское мученичество там, где его не было, приложительно даже к таким великим поэтам, как Пастернак, Мандельштам, Бродский, уж не говоря о таких мнимых оппозиционерах (к) советской власти, как (её балованные горластые мальчики, к-рым просто позволялось больше, чем прочим) Вознесенский или Евтушенко.

В чём и где, спрашивается, мужество Пастернака в его знаменитом телефонном разговоре со Сталиным по поводу ареста Мандельштама? в ходе к-рого Сталин усмешливо уничижает ловко уходящего-ускользающего от каждого небезопасного вопроса поэта, как уголовник интеллигента, издевательски демонстрируя чего стоит творческая-интеллигентская «дружба»! Понятно, что не у нас, живущих в куда более комфортные времена, есть право что-либо вменять поэту, но незачем его поведение героизировать, ибо в нём нет никакого героизма и нет ничего героического! Или – в чём отыскиваемое некоторыми мужество согнувшегося на трибуне в три погибели Вознесенского, на к-рого сверху, с высокой партийной трибуны, помедвежь, ревёт Хрущёв?

Да и сам поэт поэтов Мандельштам! Написал «Мы живём под собою, не чуя страны..» Захотел стать мучеником? Хозяин – барин! Так, почему, оказавшись на Лубянке, он тотчас

Десятая книга-песнь «Фарсалий» была незадолго до того завершена, и сейчас её автор, истекая, по осторожному вскрытии ему врачом вен, кровью, читал (неизвестно в чьём присутствии?) вслух свои стихи, «в к-рых изображался умиравший такой же смертью раненый воин». Полагают, что речь идёт о стихах 635-46 из Третьей книги-песни, и это, как говорит Тацит, «были последние произнесённые им слова». Вчитайтесь в данные слова, к-рыми поэт будто предварительно производит собственное анатомическое вскрытие, будто сияясь сохранить себя и сохраниться в глазах потомков, как мавзолейный Ленин, на видимом всем одре, под стеклом и под светом, на всеобщее обозрение, без погребения.²⁷

перечислил тех, кому читал эти стихи? Или – «широкая грудь осетина» Сталина (Джугаев/Джугашвили), к-рую поэт разглядел и в к-рую изблочно-разоблачительно уперся, не желая при этом видеть переизбыточное число-количество местечковых комиссаров, этих новых «кремлёвских бояр из белостокских корчмарей», к-рых в большевистских (как и в эсеровских, как и в меньшевистских) верхах (кругах) было (в частности, на высоких постах в ЧЕКА-ОГПУ-НКВД) процентно гораздо больше, чем представителей какой-либо иной национальности! Или – они, не в пример жестокому кремлёвскому горцу – чужаку-осетину, свои? Исконно русские-российские? И между прочим, если ордер на арест Манделъштама в 1934г. подписал сам Ягода, то следствие по манделъштамовскому делу в 1938г. вёл и негибеаемо довёл до конца следователь Шапиро!

Причём, славя Сталина в стихах, одах, поэмах, и Манделъштам, и Пастернак и др., никак тайно не издевались над ним, что нередко приписывается этим стихам в наше время, но банально и элементарно покупали или хотели купить себе право на жизнь, на выживание. Не всем удалось, всё здесь понятно, упрекать за попытки выжить поэтов и писателей никто не вправе, однако, и романтизировать их вполне понятное поведение, искусственно вкладывая в него якобы скрытые или якобы героические смыслы-векторы-мотивы-сентенции, незачем, ореол св. мучеников тут неуместен, картина получается жалкая и смешная. Неспроста М.Светлов правомерно ставил себе в заслугу, что он в годы сталинизма ни разу ни на кого не донёс, и это, действительно, в условиях массового взаимодоносительства, можно назвать заслугой.

Или едва ли не все публицистические писания Бродского на Западе, в обязательном порядке, муссируют-суггерируют тему антисемитизма в СССР. И пусть у Бродского хамски отобрали при отъезде икону, подаренную Ахматовой, да ещё со словами: «Зачем жиду русская икона за границей?», всё равно создаётся впечатление, что данная обязательная тема советских гонений на евреев (мол, немногим лучше чем в гитлеровской Германии) была одним из условий самих публикаций. И, к тому же, настолько, что здесь хочется привести слова из известной песни М.Шуфутинского «Одессу-маму не продам» (в к-рой «шикарный иностранец» агитирует советского урку-одессита бежать на Запад): «А как приедем, ты расскажешь о России, / О том, как трудно было жить среди волков, / И как у вас совсем замучили евреев, / И что их ловят, как в Китае воробьёв».

С одной стороны, Бродский писал сразу после своих отъезда-изгнания (1972г.), надеясь на возвращение, Брежневу: «Мы с вами русские люди...», над чем поделом потешался М.Шемякин, а с другой, уже обжившись-обустроившись в США (к-рые заботливо носились с советскими диссидентами, рационально используя их против кремлёвского режима великой державы № 2: не ЦРУ ли щедро профинансировало издание романа «Доктор Живаго!»), тот же Бродский призывал (после 1979г.) не щадить советских солдат-оккупантов в Афганистане.

²⁷ Крючьями быстро в корму вонзилась железная лапа,
Был ей зацеплен Ликид; он сразу нырнул бы в пучину,
Но помешали друзья, удержав за торчавшие ноги.
Рвётся тут надвое он: не тихо кровь заструилась,
Но из разодранных жил забила горячим фонтаном.
Тело жививший поток, по членам различным бежавший,
Перехватила вода. Никогда столь широкой дорогой
Не изливалась жизнь: на нижней конечности тела
Смерть охватила давно бескровные ноги героя;
Там же, где печень лежит, где лёгкие дышат, – надолго
Гибель препону нашла, и смерть едва овладела
После упорной борьбы второй половиною тела.

Если Иероним в «Хронике» хроноошибочно сообщает под 63г. н.э. (2079 ad Abr; 9-й год Нерона), что «М.Анней Лукан, поэт из Кордубы, уличённый в заговоре Пизона, протянул лекарю руку, чтобы ему вскрыли вены», то у Светония (51) это событие правильно датировано кануном майских календ в год консульства Аттика Вестина и Нервы Силиана — «*pridie Kal. Mai. Attico Vestino Nerva Siliano coss.*» = 30.04.65г. н.э.

Так крупнейший римский эпик после Вергилия, из множества произведений к-рого до нас дошли только 10 книг-песен «О Гражданской войне» («Фарсалия»), умер всего на 26-м году жизни²⁸, вероятно, успев узнать о последовавшей несколько раньше смерти его дядюшки — Сенеки. Причём Нерон, как видно, всерьёз озлобился против всего семейства Аннеев, равно всерьёз позарился на их богатства, ибо и обоим братьям Сенеки, как старшему — Аннею Новату = Юнию Галлиону, так и младшему — Аннею Меле, к-рый, всю жизнь сторонясь политики, делал деньги и под конец сделался наследником состояния своего сына Лукана²⁹, придётся, — первому, по всей видимости, — ещё в том же 65-м, а второму — в следующем 66г., самоубийственно-предписательно расстаться с жизнью (см. ниже).³⁰ Держитесь подальше от барской или, тем паче, от кесарской-царской любви, чтобы однажды не стать жертвой барского или царского гнева! Капризная дружба или капризная любовь капризных тиранов всегда небезопасны!³¹

Поистине, живя при тирании, предпочтительнее обитать в живописной глухомани (здоровее будешь), но желательно с видом на море! «Если выпало в империи родиться, / Лучше жить в глухой провинции у моря» (Бродский).

²⁸ Позднее Марциал, адресуясь к вдове Лукана Полле Аргентарии, писал:

Славный сегодняшний день, свидетель рожденья Лукана:

Дал он народу его, дал его, Полла, тебе.

О, ненавистный Нерон! Этой смерти ничто не ужасней!

Если б хоть этого зла ты не посмел совершить! (7,21)

²⁹ У Данте, к-рый просит в IV-й книге «Ада» своего провожатого Вергилия сказать, кого именно он видит, Лукан выступает как четвёртый из величайших поэтов древности:

Взгляни, промолвил мой учитель славный. —

С мечом в руке, величем осиян,

Трём остальным предшествует, как главный,

Гомер — превысший из певцов всех стран;

Второй — Гораций, бичевавший нравы;

Овидий — третий, а за ним — Лукан. (IV, 73-88)

³⁰ Разобраться с загадкой и тайной Смерти, постигнуть-осознать её («до оснований, до корней, до сердцевины») — задача человека современной V-й Германно-Англосаксонской культуры Души Сознательной, к-рой в Иоанновом Апокалипсисе соответствует Сардийская церковь (община), и о человеке к-рой у (не столько автора, сколько восприемника сокровеннейшего божественного Откровения) Иоанна Богослова не менее загадочно, чем скорбно (в провидении бездуховного рационал-материализма современности) сказано: «И Ангелу Сардийской церкви напиши: так говорит имеющий семь духов Божиих и семь звёзд; знаю твои дела, ты носишь имя, будто жив, но ты мёртв. / Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны перед Богом» (3,1/2).

³¹ Приведём несколько афоризмов мастера афоризмов Лукана:

«От пользы до справедливости так же далеко, как от земли до звёзд».

«Преуспевающий человек никогда не должен думать, что его любят за его собственные качества».

«Всё преходящее подвержено случайностям».

«Если осталось ещё что-нибудь доделать, считайте, что ничего не сделано».

«Праздность всегда порождает в душе непостоянство».

ПРОЧИЕ ПРИГОВОРЫ

Далее, судя по всему, были казнены, не привилегированные правом на принудительное самоубийство, сенаторы Флавий Сцевин и Афраний Квинциан, а потом всадник Клавдий Сенецион (Ан. 15,70). С первого из них, как мы помним, из-за его беспечно-гротескной театральщины, спровоцировавшей догадку либерта Милиха, и начался провал всего этого школьно-мультипликационного горе-заговора, тогда как второй и третий тотчас оговорили, огорошенные первым допросом, своих ближайших друзей.

Притом Сцевину, как несостоявшемуся кесареубийце с заклтым ферентинским кинжалом, надлежало, несмотря на все его допросные откровения, непременно умереть от рук палача, в то время как Антоний Натал, с к-рым он долго беседовал перед самым разоблачением заговора о покушении, и к-рый, поднаторевший «в обвинениях и наветах» (Тацит), первым начал давать показания, сумел выскользнуть и остаться помиловательно безнаказанным. Сходно – Церварий Прокул, кто не в меру переусердствовал, избличая Фения Руфа, и тем аналогично выклянчил себе помилование.

Их обоих, явно виновных, Верховный помиловал под впечатлением верноподданнических изъявлений римлян, к-рые «возносили благодарность богам, украшали лавровыми ветвями свои дома, припадали к коленям Нерона, осыпали поцелуями его руку» (Ан. 15,71). И тронутый подобными проявлениями лояльности-преданности (как со стороны родственников репрессированных, так и со стороны родичей помилованных), что было искренне лишь отчасти, ибо после пожара Рима рейтинг кесаря необратимо упал и продолжал падать, тиран решил немного подтянуть сердцем... и умилённо прослезился.

Милиха ожидания не обманули. Послушав супругу, он сделал верную ставку на одноходовую комбинацию с доносом, опередив всех, и теперь пожал лавры, получив не только щедрое вознаграждение, но и, как говорит Тацит, прозвание «Спаситель» (греч. «Сотер»)! Понимай – «Спаситель Отечества»! Впрочем предать в политиканстве означает вовремя и правильно пред(у)видеть. В политике не доносят, в политике, исполняя гражданский долг, докладывают, как и не убивают, но (политкорректно) устраняют. Впрочем, не было ли, наряду с тем, планируемое на кесаря покушение террористическим актом, сорванным благодаря (небескорыстно) бдительному либерту Милиху!

Из косвенно причастных к комплоту помилованный трибун Гавий Сильван, наложил, не вынеся позора, как нарушивший присягу офицер, на себя руки. Надо полагать, та же участь постигла Стация Проксума, кому, по Тациту, «не пошло впрок прощение, к-рое ему даровал император, и он сам повинен в своей бессмысленной гибели», хотя тут не совсем понятно о чём речь. Ближе неизвестные трибуны Помпей (чей номен в рукописи отсутствует), Корнелий Марциал, Флавий Непот и Стаций Домиций были (без их причастности к заговору) отставлены от должности, сочтённые не вполне благонадёжными.

Итого из 41-го заговорщика 19 нашли смерть (казнь или принудительное самоубийство), 13 были сосланы, остальные деградированы, уволены со службы или помилованы.

«Новию Приску из-за его близости к Сенеке, Глитию Галлу и Аннию Поллиону, скорее, оговоренным, чем избличённым, была определена ссылка» (15,71). За женатым на дочери Сервилия Барей Сорана (конс. 52г.) Приском (отец консула 78г. М.Новия Приска) и Галлом в изгнание последовали их жёны, большое богатство одной из к-рых, жены Галла Максимиллы, поначалу было сохранено за ней, но затем у неё отобрано. Оболганный Кл. Сенецином Анний Поллион был внуком

Анния Поллиона (муж сестры консула 30г. М.Виниция), обвинённого в 32г., при Тиберии, в оскорблении величия.

Также подпал изгнанию (на Сардинию) Руфрий Криспин, один из преторианских префектов в 47 – 51гг., внешне – под предлогом соучастия в заговоре, на самом же деле, потому что он был первым мужем имевшей от него сына Поппеи (до Отона) и давно мозолил глаза не жаловавшему его Нерону.

«Вергиния Флава и Музония Руфа обречла – согласно Тациту – на изгнание их известность: Вергиний привлёк к себе расположение молодёжи своим красноречием, Музоний – наставлениями в философии» (15,71). Вергиний был самым знаменитым в Риме учителем реторики при Клавдии и Нероне, учил Персия, написал пособие по реторике (Квинтилиан 6,6,45) и труд об искусстве красноречия (7,4,40). Возле него, наверняка знакомого и с Сенекой, и с (дружным Персию) Луканом, подвизались множество учеников и последователей. И в сложившихся обстоятельствах отшатнувшегося от учёно-творческо-философской элиты Нерона, к-рый подозревал вдобавок к тому, что заумные философы под прикрытием философии занимаются магией и колдовством, всё это раздражало. Нельзя не повторить: «Интеллигенция не мозг нации, а говно» (Ленин).

Г.Музоний Руф – сын Музония Капитона из Волсини (Этрурия) – известный стоик и диалектик. В 60г. он, напомним, сопровождал Рубеллию Плавта в ссылку в М.Азию и напару с философом Кераном советовал ему, в преддверии Рубеллиева убийства Нероном в 62г., предпочесть мужественную стоическо-самоубийственную смерть жизни в неуверенности и страхе (см. выше). И ныне, или, если верить Флавию Филострату («Жизнеописание Аполлония Тианского»), кого обычно (как источник малодостоверный) сбрасывают со счетов, не ранее следующего ббг. (оставим вопрос хронологии пока открытым) Музония сослали на суровый и безводный маленький кикладский островок Гиар, где он, впоследствии учитель Эпиктета, нашёл-открыл родниковый источник, и куда любившие софистов греки наведывались лишь для того, чтобы с ним, премудрым Музонием, повидаться (Дион 62,27,4).

Также ок. 66г. отправится в изгнание и знаменитый Анней Корнут – учитель Персия и Лукана. Философы вообще, как потенциальные оппозиционеры авторитаризма, уж не говоря о тирании, и особенно сенекианские единомышленники – стоики – вызывали у Нерона после заговора Пизона минимум подозрение в нежелательности – фактической или потенциальной, что делало их пребывание в Риме, по всякому, нежелательным. Пусть философствуют на безопасном удалении-отдалении – где-нибудь на островных обочинах.

Ещё целому ряду второ- и третьестепенных созаговорщиков – «Клувидиену Квиету, Юлию Агриппе, Блитию Катугину, Петронию Приску и Юлию Альтину, как бы для того, чтобы они образовали целое поселение, предоставляются местом ссылки острова Эгейского моря» (Ан. 15,71). Жена злосчастливого Сцевина, к слову, дружившего с Петронием Арбитром, чей принудительно самоубийственный черёд настанет в году ближайшем, Цедиция, плюс, как и она, высланный из Италии в Сицилию дружный Сенеке Цезенний Максим³², узнали про своё (со)участие в заговоре, получив предписание о высылке.

А оболганная сыном Луканова мать Ацилия «была обойдена – как говорит Тацит – и карою, и прощением», т.е. кесарь умышленно не удостоил её оговор никаким официальным вниманием, не согласился с обвинением и не опроверг оное, лишней раз привлекая тем самым к этому феномену, дабы наиболее чувствительно уронить имидж (высокого республиканского моралиста) Лукана, внимание общественности.

³² Предположительно, находился возле Сенеки, к-рый упоминает его в «Письмах к Луцилию» (13,2,2), в годы корсиканской ссылки (41-49гг.), сходно тому как за ним самим в сицилийскую ссылку проследовал в 65г. некто Кв.Овидий (Марциал 7,44/45).

ИТОГ

Так, обстоятельно разобравшись и покончив с заговором, Нерон в мае 65. н.э. роздал преторианцам в награду за верность (большинства из них) и впрок по 2 тыс. сестерциев на рыло, более того, санкционировал для них бесплатное питание, вслед за чем созвал сенат и отблагодарил тех нобилей, к-рые помогали ему в разоблачении подлого заговора и в вынесении приговоров по нему.

Триумфальных отличий, словно в награду за ратные заслуги, удостоились: П.Петроний Турпиллиан, знакомый читателю конс. 61г., легатски сменивший одолителя восстания Боудики Светония Паулина в Британии; дезигнированный претор на 66г. (ок. 33-35-летний) М.Кокцей Нерва (будущий, спустя 33 года, кесарь Нерва), к-рый в перспективе предпочтёт не вспоминать о своём активном участии в судилище; и превознесённый Нероном, сродни Нерве, до небес префект преторианцев Офоний Тигеллин, проявивший, в пику второму префекту Фению Руфу, стопроцентную верность-преданность и больше всех усердствовавший в пыточном изобличении заговорщиков. Это трио обзавелось своими статуями на Форуме и изваяниями в Палатинском дворце.

В напарники Тигеллину вместо казнённого Фения был дан Г.Нимфидий Сабин — сын дочери небезызвестного калигулианского либерта, влиятельного при Клавдии, в составе либертинского триумvirата вместе с Паллантом и Нарциссом, вольноотпущенника Г.Юлия Каллиста, утверждавший, наряду с тем, что он побочный отпрыск самого Калигулы, поскольку походил на последнего, сожительствовавшего с его матерью, «высоким ростом и свирепым лицом» (Ан. 15,72). Другая версия считает его отцом одного из возлюбленных любвеобильной Нимфидии — гладиатора Мартиана (Плутарх «Гальба» 9). Так или иначе, в 65г. Нимфидий прыгнул из преторианских трибунов в префекты.

Не довольствовавшись созывом сената и речью к сенаторам, Нерон позаботился и об указе к народу, приложив к указу «собранные в отдельную книгу показания и признания осуждённых» (Ан. 15,73) по делу о разгромленном заговоре. Ибо в этот раз народная молва явно работала, набирая обороты, против кесаря, судача об истреблении-погублении им множества «славных мужей исключительно из зависти и страха». Что бы он ни делал и как бы ни развивались события, теперь всё обрачивалось не в его пользу. После пожара Рима в общественном мнении сверху донизу или снизу доверху происходил переворот-перелом. Люди не хотели видеть как, в частности, умно и щедро новоотстраивается Рим, люди помнили о гибели Города в огне и не прекращали шептаться о поджигателе Нероне, роскошный Золотой дворец к-рого вызывал не восхищение, а осуждение.

Похоже и все прочие предприятия-мероприятия скомпрометированного императора, в отношении к-рого ныне всё чаще с ужасом вспоминались брато-, матере- и женоубийство (как будто прежде их не было), принимались с глухим неодобрением или с нарастающим недовольством. И даже в заговоре Пизона, к-рый, несомненно, имел место быть в видах злодейского убийства (неприкосновенного) принцепса (обладателя народно-императорского трибуната = мандатария народной воли), молва предпочитала либо смягчать вину слишком сурово наказанных заговорщиков, либо обелять их, либо даже полностью отрицать заговор, мол, придуманный-сфабрикованный тираном, дабы расправиться с множеством видных римлян.

Однако недовольство вызревало медленно, исподволь, позиции опиравшегося на щедро вознаграждённую гвардию (преданность к-рой была в очередной раз куплена-продлена) принцепса пока оставались достаточно сильными и отцы-сенаторы продолжали лебезить перед ним. К примеру, некто Салиен Клемент обрушился в сенате на старшего брата Сенеки Юния Галлиона (Л.Анней Новат), на-

зывая его, «устрашённого умерщвлением брата и смиренно молившего о пощаде» (Тацит), — «врагом и убийцею». К сожалению, из тацитовского текста неясно — на каком именно основании: на том ли только, что Галлион, брат Сенеки и дядя Лукана, тоже участвовал в заговоре? или Клемент приплёл к этому что-то ещё? Правда, приплетать было необязательно. Брат за брата или дядя за племянника вполне могут быть при тоталитаризме привлечены к ответственности, и к тому же — независимо от их участия или неучастия в каком-либо деле-деликте.

Причём, если согласно Тациту, сенаторы единодушно остановили ретивого Клемента, заявив, что по милосердию (удовлетворённого-де свершённым правосудием) принцепса дело сочтено исчерпанным и предано забвению, т.е. не желая продолжения разоблачений и репрессий (к-рые могут ударить по любому из них), то, согласно Светонию и Иерониму, Галлион принудительно покончил самоубийством, тогда как по суммарному Диону (62,24,3), оба брата Сенеки были принуждены позднее умереть. Светоний: «Iunius Gallio, frater Senecae, egregius declamator, propria se manu interficit» (96 R).

У Иеронима («Хроника») хроноошибочно под 64г.: «Юний Галлион, брат Сенеки, знаменитый учитель красноречия, наложил на себя руки» (S.155). Тацит о конце Галлиона молчит, сообщая о самоубийстве его брата (отца Лукана) Мелы (по обвинению задним числом в соучастии в заговоре Пизона) под 66г. (Ан. 16,17) (см. ниже). Соответственно, Галлион, кого сенат в мае 65г. вроде бы вывел из-под удара, покончил с собой немного позднее, — либо ещё в 65-м, либо уже в 66г. Оно и не мудрено, поскольку Нерон уж очень хотел присвоить богатства всех братьев Аннеев и заодно извести всё их больно обидевшее его семейство (мужей) под корень.

И ещё под конец, в связи с удачно разгромленным заговором, вспомнили об уберегших Нерона и государство богах: «назначаются дары и благодарственные молебствия божествам, и особенные почести — богу солнца, чей древний храм находился в цирке, где предполагалось осуществить злодеяние, и чьим благоволением были раскрыты тайные умыслы заговорщиков...» (Ан. 15,74).

В супергражданственном Риме, дателем гражданину субъективной воли, словно выглядывающем-заглядывающем в наше безбожное время, боги, сакральная составляющая, экзистируют как бы в довесок: при Республике — в довесок к сенату; при Цезарях — к кесарям. Но забывать о богах тоже негоже. Под богом солнца в тацитовском тексте — древнеримский Сол — сын Гипериона и Теи, брат Луны и Авроры, в означенное время сводившийся и с солярным Аполлоном (покровителем Августа), и с солярным Гелиосом (покровителем Нерона), и с солярным Митрой, пришедшим с Востока. Как видим, Нерон — яркий антипод Христа-Солнце, юлианско-клавдианский апогей *кесарева безумия*, имел гипертрофированное пристрастие именно к солярным божествам: Гелиос, Митра, Аполлон, Сол.³³

Помимо того, было решено увеличить число цирковых конеристаний, посвя-

³³ Эти почести, возданные Нероном не часто фигурирующему в источниках Древнего Рима, или в источниках о Древнем Риме богу солнца Сол, к-рый-де уберёт кесаря от убийственной заговорщической угрозы, примечательны. И Варрон («О латинском языке» 5,68; «О сельском хозяйстве» 1,1,5), и Августин («Град Божий» 4,23) считают этого солярного бога и (сестрински) связанную с ним Луну (рефлектирующую солнечный свет) божествами, принесёнными в Рим царём сабинян Титом Тацием. Притом речь здесь впору вести об автохтонных италийских, а не о завозных-экспортных греческих божествах: indiges, а не peregrini. Sol — индогерманский корень от svar — светить-сиять-гореть; санскрит — ush; у сабинян — ausel; у латинов — usо (отсюда — Аврора — солярная королева утренней зари); у этрусков бог света — Usil; в салических гимнах — Ozeul dadostose. Вначале Сол (от к-рого выводили себя gens Auselia и gens Aurelia) ассоциировался с Янусом. Место учреждения и почитания сабинского культа — в первом посвящённом ему святилище близ храма Квирина на Квиринале, где в 293г. до н.э. Л.Папирий Курсор установил первые в Риме солнечные часы. Согласно календарям август-

щённых богине Церере в «счастливый» день 19.04.; дальше — больше: месяц апрель постановили переименовать в Нероний или Нероней (уподобив его июлю и августу)³⁴; в Ферентине, где Сцевин добыл свой не ставший кесареубийственным кинжал, решили воздвигнуть храмы Благополучию и Безопасности, а сам кинжал Нерон, велел начертать на нём «Юпитеру Мстителю», самолично освятил на Капитолии в храме капитолийского Юпитера Охранителя. Мало того, консул-designatus на ббг. Анний Цериал «предложил возможно скорее соорудить на государственные счёт храм божественному Нерону», исходя из того, «что принцепс якобы неизмеримо возвысился над жребием смертных и заслуживает их поклонения».

В Риме не было принято воздавать божественные почести здравствующим-живущим, что навёрстывалось посмертно и на что ранее воспритязал, да и то не столь откровенно-категорично, только Калигула. Но Нерон воспротивился внесённому предложению не из верности римской традиции, учуяв и убоившись в нём, в случае его принятия-акцептации, опасность предзнаменования своей скорой смерти. Не этого ли желает, под суперсервильной маской-гримасой, хитрозадый Аниций Цериалий? к-рый не случайно поплатится в следующем году жизнью, тогда как счаст-

тейших времён, день освящения кумирни данного квиринального Сола — 9.08., что соответствует историческому дню победы Цезаря над Помпеем в Фарсальском сражении 48г. до н.э.

Другое посвящённое Солу римское святилище (день освящения, сообразно «Календарю Филокала», — 28.08.) находилось в Большом цирке, внутри циркового сооружения, на ипподроме, где Сол скульптурно изображался в виде божества, правящего квадригой (крылатые кони, запряжённые в золотую колесницу), над фронтоном храма (Тертуллиан «De spect.» 9), являясь покровителем, в т.ч., возничих-колесничих. Тут его почитали вместе с (сестрой) Луной — Solis et Lunae (в отличие от сугубо лунарного храма Луны на Авентине).

Редко упоминаемый в мифах бог Сол — всеведущ-всезнающ, зная всё сокрытое, потаённое, утаённое, являясь провозвестником всего таинственного, могучи предотвратить предательство и преступление, или, при невозможности, отказаться от соучастия в них, накрывшись темной. То-то у Вергилия читаем: «В час, когда Цезарь угас, пожалело и солнце о Риме, / Лик лучезарный оно темнотой багровеющей скрыло. / Ночи навечной тогда утратил мир нечестивый» («Георгики» 1,466-68). В позднереспубликанский и особенно в кесарский период Сола отождествляли с Гелиосом и с Аполлоном Фебом. Как не ведающий усталости колесничий и посвящённый во все тайны небесный возница Сол изображался на монетах увенчанным лучистой короной; бог-помощник — Iavonis; бог вечности — Aeternes; как бог солнца, восходящего на востоке — Sol oriens.

Его изображение имеется на монетах воителей-покорителей восточных стран — Веспасиана (Иудея) и Траяна (Армения; Парфия). По одной из версий, 36-метровый Колосс Нерона-Гелиоса был переделан-преображён Веспасианом именно в Сола. Солова дочь — Аврора, к-рая красуется на монетах рода Плавтиев как правящая квадригой (Festus p.197). Языческий пик этого божества, сведённого ещё и с иранским Митрой, придётся на IIIв. н.э., когда император Элагабал перевезёт в 218г. из родной ему Эмессы в Рим каменный идол Сола Непобедимого, и в особенности позднее, в 274г., когда император Аврелиан (270-75гг.) взмолится Непобедимому светилу — Sol invictus, с его рождественским празднеством в день 25.12. (день рождения Митры), к-рое затем передаст эстафету светлomu христианскому празднику земного Рождества Христа-Солнце, К-рое — Иисус Нафанид (= негрехопавший Второй Адам) — родилось на свет 25.12.1г. н.э.! Разве одно отрицает другое? Нисколько! В земном солярно-дуалистическом Рождестве Христовом (6.01.1г. до н.э. и 25.12.1г. н.э.), как в крещенском рождении Христа-Солнце в Иисусе из Назарета на Иордане 6.01.30г. н.э., мистерии Януса, Сола, Гелиоса, Аполлона, Митры... свершились-осуществились-исполнились!

Нерон не случайно прославил в 65г. бога по имени Сол, сводя себя с Гелиосом и Аполлоном, и счастливо избежав покушения, запланированного в Большом цирке. Да и не Лукан ли был противощаристским автором противощаристской «Фарсалии», к-рую (по мнению-убеждению Нерона) опровергла сама жизнь, ибо как раз в день победы для Цезаря грядущей Фарсальской битвы некогда был освящён храм Сола (у святилища Квирина) на Квиринале!

³⁴ Светоний идёт дальше, говоря о Нероне, что «месяц апрель он назвал Неронием, а город Рим собирался переименовать в Нерополь» (55).

ливо избежавший покушения кесарь на 28-м году жизни сделался ещё более мнительным и подозрительным, ещё более суеверным и пугливым.

Он чувствовал дыхание смерти где-то у себя за спиной и понемногу превращался, не перестав быть, сходно Калигуле, ни недорослем, ни дураком-переростком, в форменного старика. Он усыхал, как амфибия, выброшенная на сушу и жаждал освежиться, жаждал поползти до водоёма, ему не хватало влаги! Его мнимый триумф ознаменовал в реальности прогрессирующее падение и прогрессирующую трагедию. «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!» Но запряжённые в Неронову квадригу кони несли её к обрыву всё быстрее.

«СОКРОВИЩА ДИДОНЫ»

Последнюю (из всего-итого, вероятно, 18-и книг) частично дошедшую до нас 16-ю книгу «Анналов» Тацит начинает с рассказа о том, насколько комично Нерон попал впросак после расправ над участниками заговора Пизона, поверив некоему малоадекватному (сродни самому Нерону с его всё более неадекватным восприятием действительности) сновидцу Цезеллию Бассу (16,1-3). Этот незадачливый Басс — римский всадник, родом пуниец из северной Африки, чуть было не сделался родоначальником ново-новойшей карфагенологии и археологии, как своего рода Шомпольон и Шлиман наоборот.

Ему привиделось во сне, что, сколь явствует из тацитовского рассказа, пещера, к-рую он обнаружил на своём поле, должна быть безмерной глубины, «таящей великое множество золота, не в виде денег, а в грубых старинных слитках», плюс — «огромной тяжести золотые кирпичи», плюс — «золотые колонны», и всё это, мол, по убеждению Цезеллия, оставалось сокрытым много веков, — «чтобы обогатить их поколение». Ну и откуда, спрашивается, фантастическое богатство? Не из лесу вестимо, но — внушил себе, совмещая сновидение с додумкой, донельзя воодушевлённый-возбуждённый пуниец, — ему были явлены вышними силами во сне сокровища основательницы Карфагена тирянки Дидоны, к-рая спрятала их как для того, чтобы карфагеняне не развратились несметным богатством, так и от алчных царей соседних нумидийцев.

С таким самовнушением сновидец заявился, раздувая ноздри и полыхая глазами, в Рим, добился (через кого-то из влиятельных кесарских вольноотпущенников, или через Тигеллина) аудиенции у Нерона и красочно живописал тому возможность не менее сказочно (без особых усилий), чем романтично, разбогатеть. У Светония читаем: «один римский всадник уверял его (Нерона) клятвенно, будто в Африке в огромных пещерах погребены сокровища древней казны, к-рую увезла с собой в бегстве из Тира царица Дидона, и добыть их можно почти без труда» (31,4).

Дидона (Элисса) — дочь тирского царя Агенора (Бела), вдова жреца Геракла — Акербаса, к-рого убил её брат Пигмалион, чтобы завладеть его богатствами, из-за чего она вместе со своими спутниками и сокровищами бежала в Африку, купила там землю у берберского царя Яриба и основала Карфаген (основанный в IXв., что вовсе не отрицает финикийские колонии-поселения в северной Африке в XII/XIвв.). Позднее, преследуемой домогательствами Ярибовых сватов, ей, хранившей верность памяти покойного мужа, пришлось, согласно донесённому до нас эпитоматором Помпея Трога (I/Ивв.) Юстином (IIIв. н.э.) преданию, взойти на костёр (18,4-7).

Римская же традиция, начиная с Невия (III/Швв.), автора поэмы о Пунической войне, и особенно — с Вергилия («Энеида» 4), связала Дидону с Энеем, в к-рого, причалившего после бегства из Трои к Карфагену, она влюбилась, однако, покинутая им (поскольку Юпитер послал к нему Меркурия с приказом плыть в Италию, чтобы стать там предком основателя Рима), не перенесла разлуку и покончила с собой, предсказав грядущую смертную вражду между Карфагеном и Римом. Впоследствии

римляне видели в Ганнибале мстителя, восставшего из праха отвергнутой Энеем Дидоны (Ливий). И между прочим, в IV до н.э. своего рода афро-египетской Дидонной сделалась Клеопатра, с той, правда, разницей, что другой Эней, или как раз не-Эней – Антоний – не смог вырваться из её объятий и навсегда остался у неё в гостях.

Итак, маниакально одержимый своей сновидческой идеей-фикс Цезеллий, без титанических усилий, заразил ею отзывчивого Нерона, к-рый, понятное дело, очень захотел сокровишно заразиться, чтобы легко обогатиться. Мало того, что он обожал «маниловские проекты», его, баснословного транжиру, чем дальше, тем больше, доставала хроническая нужда в деньгах, так как гигантские затраты не компенсировали ни конфискованные средства «врагов народа», ни постоянно растущие поборы разного рода. И вот тебе на, словно подарок с небес, на царственного расточителя готово свалиться золото Дидоны! Стоит только копнуть поглубже там, где нужно, и проблема решена. Можно покрыть все расходы и разбогатеть, забыв о постоянной нехватке денег, на всю оставшуюся жизнь!

Долгим правителям, засидевшимся в правлении, свойственно, как читатель уже знает, верить не в то, что есть, а в то, во что они, постепенно теряя связь с реальностью, хотят поверить, в то время как правителям ещё и неадекватным навязчивые идеи присущи вдвойне. На весну/лето 65г. н.э. Неронову властвованию шёл уже 12-й год, и в силу его эпатажной натуры, необратимо исчерпывая себя, он судорожно хватался, идя на дно и не осознавая катастрофичности происходящего, за всякие соломинки.

«Не задумываясь, заслуживает ли веры рассказчик и насколько правдоподобен его рассказ, не посыл никого из своих, чтобы проверить полученное им сообщение, Нерон умышленно распространяет слухи о сокрытых богатствах и отправляет людей с приказанием доставить их, как если бы он уже владел ими. Снаряжаются триремы с отборными гребцами, чтобы ускорить плаванье. В те дни только об этом и толковали, народ – со свойственным ему легковерием, люди рассудительные – обсуждая одолевавшие их сомнения» (Ан.16,2).

Льстецы не преминули превознести кесарское предприятие; скептики усмотрели в нём очередную нероновскую авантюру. И началось гробокопательство. Копатели в ускоренном темпе перерыли, образно выражаясь, чуть ли не всю северную Африку окрест Нового и в районе руин старого Карфагена/Карфагенов в поисках сокровищ, к-рых-де – «хватит на многие годы безудержных трат» (16,3). И покуда Цезеллий Басс, во главе воинов и согнанных из африканских деревень крестьян, продолжал рыть носом землю, «переходя с место на место и всякий раз утверждая, что именно здесь находится обещанная пещера» (3), Нерон в Риме стал ещё расточительнее, наивно полагая, что теперь думать о деньгах незачем, раздавая щедрые подарки и не сомневаясь в успехе.

Тем временем, перекопав всё возможное пространство, и несказанно «дивясь, что в этом случае сновидение впервые обмануло его», Басс, в великом горе, по одной версии, дабы избежать поношений и возмездия, покончил самоубийством, по версии же второй (обе приводит Тацит), был брошен в темницу и затем выпущен с конфискацией в пользу императорской сокровищницы его имущества за нанесённый фиску ущерб (3).

Но если конец всему этому сокровищному мыльно-оперному предприятию наверняка пришёлся уже на вторую половину 65г., то началось оно, судя по хроноуказанию Тацита, в мае. Ибо, с одной стороны, анналист говорит о времени после разгрома Пизонова заговора, а с другой, – о совпадении дидонянского ажиотажа, в свете Бассова прибытия в Рим, с пятилетними играми (16,2). Т.е. со вторыми Нерониями, к-рые, как мы выяснили выше, состоялись, в отличие от первых Нероний 60г., не в июле/августе, но «раньше положенного срока», чему есть подтверждение у Светония (Нер. 21,1), оптимально – в конце мая, приуроченные к счастливому разгрому заговора и к чудесному спасению оставшегося невредимым Нерона.

ВТОРЫЕ НЕРОНИИ

(май 65г.)

«Следует указать, что ещё до того как начались пятилетние состязания, сенат, пытаясь предотвратить всенародный позор, предложил императору награду за пение и в добавление к ней венок победителя в красноречии, что избавило бы его от бесчестия, сопряжённого с выступлением на подмостках...» (Ан. 16,4)

Таким образом, отцы-сенаторы (на к-рых Нерон после заговора Пизона дюже озлобился, вовсе перестав им доверять) хотели избавить императора от (позорных для него по его рангу-статусу) публично-состязательных – кифаредства, декламаторства, лицедейства – в завуалированной форме, предложив ему заведомую награду за них, к чему ещё присовокупили венки победителя в красноречии, в чём, т.е. в риторике, Нерон не был мастак и никогда не состязался.

Напомним, Неронии состояли из: 1) музицирование, пение, поэзия, красноречие; 2) гимнастические упражнения; 3) конеристания. Состязания проводились в театре Помпея, в Ватиканских садах, в Гайануме, в септе. Причём тронный дилетант в изящных искусствах снова рвался выступать публично, не подозревая, что он – *голый король*, в отношении к-рого Рим лебезятнически делает вид, будто *его величество* блистает царским солярно-звёздным облачением. Он заявил, что не нуждается ни в побрякках, ни в поддержке сената (зная, мол, цену сенаторам), готовый соревноваться наравне со всеми и добиться заслуженной славы по справедливому приговору судей.

У Светония – «все кричали, что хотят услышать его божественный голос», на что он сначала ответил, что постарается удовлетворить желающих в своих (Ватиканских) садах, а когда к просьбам толпы присоединились солдаты, стоявшие тут на страже, умилился и заявил, что выступит хоть сейчас, тут же приказав занести своё имя в список кифаредов-состязателей, бросив в урну свой жребий вместе с другими и выйдя, скромно дождавшись своей очереди. При этом его кифару несли начальники преторианцев (Тигеллин и Нимфидий), за к-рыми шли войсковые трибуны и рядом с ним его ближайшие друзья (Нер. 21,1).

Впрочем, по Тациту, сперва он продекламировал свои поэтические произведения (встреченные громом неумолкающих аплодисментов), после чего, по требованию толпы, «настаивавшей, чтобы он показал все свои дарования (именно в этих словах она выразила своё желание)», делая упор на любимом кифаредстве, и, видимо, кокетливо помедлив, вновь вышел на сцену, «строго соблюдая все принятые между кифаредами правила: не присаживаться для отдыха, не утирать пота ничем, кроме одежды, в к-рую облачён, не допускать, чтобы были замечены выделения изо рта и ноздрей» (16,4). И разве стоит сомневаться в том, что венценосный кифаред потряс лирной игрой всех, в заключение преклонив колено, выразив глубочайшее уважение к зрителям и волнительно застыв в ожидании решения судей, к-рые, разумеется, признали его безоговорочным триумфатором-победителем. Ему и черни весь этот спектакль премного импонировал. И он, и чернь были в восторге, ликуя искренно.

Но Тацит скорбит, говоря, что людей, прибывших из ближайших муниципиев всё ещё суровонравной Италии, равно как представителей провинций, всё это, не в пример разнузданному Риму, шокировало-коробило (16,5). Не справлялись они и с постыдной обязанностью хлопать в ладоши, в чём задавали тон и за чем агрессивно наблюдали-следили, требуя того же от всех, нероновско-комсомольские хлопальщики-августаны. И было опасно как не аплодировать, так и ещё хуже – вовсе не явиться на зрелище, что фиксировалось шпиками-соглядатаями, запоминавшими также выражение лиц и настроение присутствующих. «По их (шпиков) донесениям

мелкий люд немедленно осуждали на казни, а знатных впоследствии настигала затаённая на первых порах ненависть принцепса» (16,5).

И рассказывали даже, что чуждый кифаредству суровый солдат Веспасиан (от скуки) закемарил, почему на него матерно напустился Неронов вольноотпущенник Феб, притом (уготованному для грядущей императорской доли) Веспасиану, к-рый ещё раз аналогично начнёт во время кесарского кифаредства клеветать носом в Греции (см. ниже), оба раза чудом удалось лишь благодаря «заступничеству благонамеренных и честных людей», чьих имён Тацит не называет, избежать верной гибели.

Прямо как в Советском Союзе 30 – 50-х гг. XXв., когда было очень опасно уклоняться от участия в массовых мероприятиях, перестать аплодировать первым, и уж тем более не аплодировать (чего себе никто не позволял) во славу «отца народов» («Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство», плюс – за не менее счастливые – юность, молодость, зрелость, старость: «Молодым везде у нас дорога, / Старикам везде у нас почёт») и «родной коммунистической партии» («Главная цель партии – благо народа»).³⁵

Засим Нерон, справившись с заговором Пизона и расправившись с заговорщиками, вслед за чем он зажётся сумасбродным сновидчеством Цезеллия Басса, снарядив в Африку гробокопателей для обнаружения пещерных сокровищ Дидоны, в конце мая 65г. н.э. разошёлся на вторых Нерониях, снимая стресс, во всю: как поэт-декламатор (помня об успешном выступлении на первых Нерониях с похвальным поэтическим словом ему, Нерону, покойного Лукана), как песноведец-кифаред и, надо понимать, как колесничий на скачках, к-рые были милы его сердцу не меньше кифары. Риторика, как сказано, была не его коньком; об участии кесаря в гимнастических состязаниях античные источники молчат.

Короче говоря, веценосец-актёр пока, продолжая играть комедию жизни (к-рая не со вчерашнего дня превратилась в трагедию), лицедействовал. Только, отлично от маэстро Августа, у него, у последнего представителя закатывающейся династии Юлиев-Клавдиев, не будет возможности спросить перед смертью (не на постели) у ближних – хорошо ли он сыграл комедию жизни? И сорвать напоследок заслуженно сорванные Августом неподдельные аплодисменты у него тоже не получится!³⁶

³⁵ В Советском Союзе даже лекцию академика Тарле студенты однажды в полном составе восторженно покинули, так как в МГУ появился другой (паркетный) академик – Молотов, к-рого студенческая масса торжественно подняла на руки и великоприветственно понесла-пронесла на руках! Нетрудно представить, что было бы, появившись там не Молотов, а сам («корифей всех наук», «в языкознании познавший высший толк») Сталин, к-рый считал, что поэм(к)а «Девушка и смерть» Горького (по сочному слову Сталина, – «эта штука») «сильнее, чем «Фауст» Гёте» (т.к. у Горького, видите ли, «любовь побеждает смерть!» – чем не тост за круглым кавказским столом!), и великомудрости к-рого бесконечные похвалы воздавались повсюду.

³⁶ Поверяя пламенно золотой форминге
Чувства потаённые и кляня свой трон,
На коне задумчивом по лесной тропинке
Проезжает сгорбленный страждущий Нерон.

Он – мучитель-мученик! Он – поэт-убийца!
Он жесток неслыханно, нежен и тосклив...
Как ему, мечтателю, в свой Эдем пробиться,
Где так упоителен солнечный прилив? (И.Северянин)

КОНЕЦ ПОППЕИ САБИНЫ

(июнь 65г.)

«Вслед за окончанием состязаний скончалась Поппея; причину её смерти был муж, к-рый в припадке внезапной ярости ударил её беременную ногой...» (Ан. 16,6). У Светония читаем: «На Поппее он (Нерон) женился через 12 дней после развода с Октавией и любил её безмерно, но и её он убил, ударив ногой, большую и беременную, когда слишком поздно вернулся со скачек, а она его встретила упрёками» (35,3). Дион: «Сабина также погибла в это время из-за поступка Нерона; то ли случайно, то ли намеренно он пнул её ногой, когда она была беременна» (62,28,1).

Некоторые, например, Э.Холл в RE (Domitius Nero, Suppl. 3, S.386), полагают, акцептируя информацию Светония, что эти скачки, с к-рых Нерон припозднился домой, где подвергся упрёкам Сабины, были составной конеристательной частью вторых Нероний. Но Тацит ясно говорит о смерти Поппеи – «вслед за окончанием состязаний», тогда как ни у Светония, ни у суммарно-эпитомированного (Ксифилином) Диона о Нерониях в связи со смертью Поппеи речи нет, в свете чего основания не доверять информации Тацита отсутствуют.

Следовательно, если вторые Неронии состоялись в конце мая 65г., то несчастье с Поппеей случилось вскоре после них (вслед за их окончанием), оптимально – в первую декаду июня, однако, не 9.06., т.е. не в день убийства Октавии в 62г., к-рый есть также день самоубийства Нерона в 68г., так как умри Поппея 9.06.65г., такое (троекратно-судьбоносное совпадение!) не могло не запомниться и было бы кем-либо из античных авторов (например, тем же Светонием) наверняка отмечено. Что же касается скачек, к-рые обожал Нерон, приложительно к несчастью Поппеи, их незачем соотносить всенепременно с Нерониями.

Приступ внезапной ярости, констатируемый Тацитом и подтверждаемый Светонием, в отношении Нерона, удивления не вызывает и в дополнительных комментариях не нуждается. У амбициозно-претенциозной и капризной Поппеи характер тоже был совсем не сахар, тем более, в пору второй беременности, видимо, протекавшей тяжело-трудно. И так отсутствие мужа, кто незадолго перед тем долго пропадал на Нерониях, привело к упрёкам с её стороны, когда он, слишком поздно и, без сомнения, в достаточном подпитии, вернулся со скачек домой – в Золотой дворец, где и произошёл конфликт, в пылу к-рого супруг ударил беременную супругу ногой в живот. По Диону, буквально он даже вспрыгнул в ярости на сбитую с ног жену.

Дальше, должно быть, случившееся обернулось выкидышем или преждевременными родами, о чём, впрочем, античные авторы молчат, и смертью Поппеи. Причём Тацит правильно отвергает слухи некоторых писателей о её гибели от яда, что, мол, ненавистники приписывали Нерону. Он безумно любил Поппею, мечтал иметь от неё детей (напомним, их единственный ребёнок, дочь Клавдия, умерла в 63г. 4-х месяцев отроду) и никогда бы не стал её, никак не угрожавшую его власти и не занимавшую в его сердце ничьё место, травить. Он и позднее не мог забыть о ней настолько, что когда пел женские роли, надевал маску с чертами её лица, более того, сначала нашёл внешне похожую на неё сожительницу (Дион 62,28,2), а в 66г. даже кастрировал чересчур похожего на неё отрока Спора, кого называл Сабинией, и форменно женился на нём.

Тело покойницы не было сожжено на костре. По желанию безутешного супруга, его пропитали благовониями и набальзамировали, согласно Тациту, «по обыкновению чужеземных царей» (16,6), после чего поместили в мавзолее Августа. Нерон сам произнёс лаудационную речь. А по Плинию (12,41), при погребении сожгли

количество ладана, равнявшееся целому годовому запасу поставок благовоний из Аравии. Умершую причислили к сонму богов, вместе с дочерью Клавдией она фигурирует как *Diva* на надписях (CIL 11,1331) и монетах. Чуть позже ей, вернее им, Пoppее и Клавдии, начали посвящать храмы, и ещё один из последних указов Неронова правления касается забот о её усыпальнице.

Кстати, эта, в первую очередь, египетская мумификация, при склонности Нерона к Египту, куда он очень, сродственно Калигуле, стремился, и куда, опять-таки, сходно Калигуле, так и не попал, вполне понятна. Кроме того, она напоминает погребение Иродом казнённой им Мариамны I, мумию к-рой Ирод ковчежно вознёс в поднебесье Масады. Хотя, в отличие от Мариамны, тоже безумно любимой Иродом, Пoppея была убита Нероном не из ревности, почему он, следует думать, переживал её убийство (в силу досадной-нелепой случайности) ещё острее и больнее, чем Ирод потерю своей безумно любимой им жены.

В этой венценосней стервозе, в белокурой, не в пример большинству черно-волосых римлянок, красавице (бестии) Пoppее, с детским точёным лицом (что особенно манило-завораживало извращенца Нерона), не было ничего ангельского, и многие, наружно скорбя, радовались её смерти, помня, по слову Тацита, «о её бесстыдстве и кровожадности» (Ан. 16,7), или радовались, радуясь скорби ненавистного кесаря. Не она ли настаивала-настояла на убийстве-ликвидации Агриппины (59г.) и Октавии (62г.), не забыв полюбоваться специально доставленной ей головой последней! Не она ли, совместно с Тигеллином, была помощницей Нерона во всех его злодеяниях, в частности, как мы знаем, в жестких постпожаришных гонениях 64г. на христиан и, по всей видимости, в расправах 65г. над заговорщиками по Пизонову заговору. Стало быть, незачем пенять и на собственную участь.

Волевая, целеустремлённая, жестокая, без каких-либо морально-нравственных тормозов на путях к достижению цели (к-рая оправдывает средства), Пoppея замыкает трио не столько выдающихся, сколько скандально вызывающих царственных *emansipе* эпохи Юлиев-Клавдиев, следуя за Мессалиной и Агриппиной, в пору, когда после Тиберия женские персонажи, пусть в данном случае со знаком минус, на самых верхах Рима явно превосходили менее выразительных мужей (Калигула, Клавдий, Нерон), что вообще свойственно периодам кризиса и декаданса пресыщенных цивилизаций, изобилующих обабившимися мужами и выделяющимися сильными женскими натурами-характерами. Только, увы, сильные характеры всего названного трио люциферически креатурных жён служили, каждая из них по своему, злу.

Если оторва Мессалина отдалась, перво-наперво, патологии сексуальной, а Агриппина – властительской, то не столь часто появлявшуюся публично Сабину больше привлекали влияние и власть из-за кулис. Она обладала гипнотическо-демонической красотой вкупе с обаянием и умела пользоваться влиянием на мужей, будь то её первый супруг – Руфрий Криспин, с к-рым у них был общий сын, второй – Отон, или третий – Нерон, кто отбил её у усланного в Лузитанию Отона в 58г. и женился на ней, устранив по её настоянию, и мать (59г.), и первую жену (62г.), с каковых пор – 62г. – у ней не осталось соперниц.

При всём том, её пристрастие к роскоши, к богатству, её расточительство, как и Нероновы, не ведали границ. Дион: «Она требовала, чтобы у мулов, к-рые везли её, были позолоченные подковы, и чтобы пять сотен только что ожеребившихся ослиц ежедневно доили для того, чтобы она могла купаться в их молоке. Ею прилагались огромнейшие усилия ради сохранения своих красоты и блеска, и потому, когда однажды ей показалось, при взгляде на себя в зеркало, что её внешность уже не так привлекательна, она взмолилась, прося вышние силы позволить ей умереть раньше, нежели придёт её молодость» (62,28,1) (Плиний 11,238; 28,183; 33,140).

Слово – не воробей, вылетело – не поймаешь. И вообще, уразумейте-запомните, люди, слова, к-рые нельзя произносить всуе, имеют свойство материализовываться. Сбудутся – не обессудьте. Будучи лет на 7 старше Нерона (к-рый болезненно искал в ней и любовницу, и жену, и мать, и ребёнка), Сабина умерла в ок. 35-летнем возрасте, по меркам древности, – не молодая, но и совсем, да ещё применительно к эмансипированному Риму, не старая. Можно сказать, она умерла-погибла во цвете лет, не успев ни начать стариться, ни увянуть. Или, выражаясь иначе, светская львица-императрица ушла в смерть, не успев стать ободранной кошкой.

Вспомним также о её интересе к иудаизму и к еврейству, о её благосклонности к прибывшему в Италию/Рим ходатайствовать за нескольких отправленных туда для разбирательства Феликсом знатных иудеев Флавия (представленного ей близким ко двору еврейским актёром Алитуром), к-рый добился благодаря Поппее их овобождения и отбыл, щедро одарённый ею, назад (63/64гг.), стяжав этим немалый авторитет дома (см. выше).

Дальше – больше. По всему, не без соучастия Поппее в 64г. вина за пожар Рима была, акцентируем, при поиске-отыскании виновных, возложена или переложена (с иудеев) на т.н. еврейских отщепенцев – христиан, на к-рых Поппее могли указать сами иудеи, после чего она сориентировала соответствующим образом Нерона и Тигеллина, что результировало первым римским гонением на христиан (см. выше).

При этом мера и степень увлечения Поппее иудаизмом, её причастности к еврейской религии – неясны. Был ли то интерес к ориентальной экзотике? сродни её подчёркнутому равнодушию к астрологии и астрологам, что подтверждает Тацит (Ист. 1,22), упоминая некоего входившего в её окружение ещё в пору замужества за Отоном звездочёта Птолемея, кто потом входил в свиту Отона в Лузитании. Или, всё-таки, за не столько иудаизмом, сколько за проиудейством (с к-рым плохо вяжется астрология) Поппее, максимум либеральной прозелитки врат, стояло нечто несколько большее?

Так или иначе, ни правоверной иудеянкой, ни правильной про-евреянкой она явно не являлась, и если по двум противоположным высказываниям о ней, со знаками плюс и минус, Флавия (см. выше), определённый вывод сделать нельзя, то, во всяком случае, именно при её посредничестве, муж её подруги Клеопатры, небезызвестный нам клазоменский грек Гессий Флор был в 64г. назначен прокуратором Иудеи, сыгравшим столь роковую роль в деле развязывания в 66г. (пусть неотвратимой) Иудейской войны.

Оглянемся ещё раз на ведущих жён Принципата со дней его зачинателя Августа. Классическая (республиканская) матрона Ливия, сумевшая идеально вписаться как *первая леди* в колею и в генеральное направление нового августейше-императорского времени; беспутная дочь Августа Юлия и непреклонная горячка Агриппина Старшая, кому решительно перекрыл кислород Тиберий. А уже за ними, в пору нисхождения деградирующих Юлиев-Клавдиев, следуют чересчур порнографически откровенная *авилонская блудница* Мессалина, *римская волчица* Агриппина Minor и венчающая их «помпадурша» Поппее Сабина, кто стала для Нерона римской куклой Барби, и к-рая не для Нерона, а в действительности была прекрасна только тогда, когда спала-почивала зубами к стенке.

К тому же, симптоматично, что с уходом Поппее влиятельные женщины в римских верхах сходят на нет. В пору гражданской смуты 69г., при краткосрочных Гальбе, Отоне, Вителлии, и в дальнейшем, при солдафонистых Флавиях, на первый план выступит brutальная мужская сила, когда женщинам на первых ролях в имперских верхах не будет места. Но они снова проявят себя при Антонинах, превзойдя юлианско-клавдианских императриц лишь при Северах, уже на излёте Принципата, в дни декаданса не династии и не режима, а системы в целом.

Однако в 65г. для Нерона потеря любимой супружницы была невосполнимой-невыносимой. Он ещё женится годом позже на Статилии Мессалине своим третьим и последним браком, ещё переберёт-перепробует других женщин, ещё заикнется на кастрате Споре, так и не сумев найти равноценную замену Сабине, пожалуй, единственной женщине, к-рую, по-настоящему, любил и к-рую сам непроизвольно убил. Плюс к тому, убил беременную многожеланным от него ребёнком, убил ударом ноги в живот, отчего невосполнимая потеря становилась и вовсе невыносимой.

В 65г. ему шёл, всего-навсего, 28-й год жизни, он же успел растерять уже всех близких людей, оставаясь на троне один, как сыч, без брата, матери, двух жён, наставника-пестуна, в роли последнего репрезентанта угасающей династии, к-рая через 41 год после кончины продержавшегося во властных верхах аж 56 (7 x 8) лет Августа, причём из них аж 43 (7 x 6 + 1) года в качестве обладателя единоличной власти (30 г. до н.э. – 14г. н.э.), необратимо-неудержимо-неостановимо выходила в тираж. Быть преемником – трудно, быть последним – страшно. И кредо – умирать, так с музыкой! – сумевшим растянуть-затянуть своё смертное падение в пропасть Нероном олицетворялось-воплощалось почти буквально под струнную кифару!

ССЫЛКА Г.КАСИИЯ И УБИЙСТВО Л.СИЛАНА ТОРКВАТА

Вскоре после смерти и торжественного мумификационно-мавзолейного погребения Пoppей внутренне опустошённый и ещё более озлобленный Нерон (несказанно жалея себя) опять обрушился на видных представителей сенатской элиты. От него, конечно, не осталось (благодаря сверхбдительности Тигеллина) в тайне, что многие в верхах, выказывая наружную скорбь, тайно радовались концу страстно любимой и не менее страстно сведённой им в могилу императрицы. Одни, как сказано, – помня её бесстыдство и кровожадность, другие, – упиваясь горем самого Нерона, отношение к-рого к сенату и сенаторам превратилось, с заговором Пизона, в отношении к ним на 40/41-й гг. Калигулы. И немало сенаторов относились к нему, можно смело предположить, аналогично, без сомнения, всё чаще вспоминая, чем и как (поделом) кончил Калигула.

Этот заговор (Пизона) ознаменовал окончательный разлом-раздрай между кесарем и, как оказалось-выяснилось, не до конца импотентной оппозиционной элитой, к-рая пару раз в год всё-таки испытывала, пусть мало-мальские, противотиранические приливы. И Нерон считал себя вправе реагировать превентивно-предупредительно, чтобы впредь до заговоров дело не доходило. Какая разница какую угрозу устранять – потенциальную или реальную! И не правильнее ли устранить первую во недопущение второй!

Светоний пишет: «После этого (заговора Пизона) он казнил уже без меры и разбора, кого угодно и за что угодно...» (Нер. 37,1). И пусть казнённых, или репрессированных-изгнанных, или покончивших самоубийством было не слишком много, если, разумеется, ограничиться известными, по античным источникам, именами, но теперь репрессии производились без прежних, в той или иной мере, более-менее конкретных оснований-обоснований, ибо мнительность-подозрительность почувствовавшего себя гонимым к финишу, словно раненый зверь, принцепса заметно эскалировала.

Да ещё Пoppей, в колени к-рой он мог ранее, закрыв глаза, уткнуться и утешиться, разом (по его вине, к-рую полагалось выместить на других) не стало, почему его разбитое горем сердце ускоренными темпами черствело, а требующая новых человеческих жертвоприношений озлобленность усиливалась-нарастала.

Первым попал под следующую карательную раздачу Г.Кассий Лонгин, кому Нерон запретил участвовать в погребении императрицы (что возвестило о скорой беде на его голову). Речь идёт о неплохо знакомом нам консуле-суф. второй половины 30г. н.э. (Т.Г. 179-82) (см. выше). Если его старший брат Л.Кассий Лонгин – конс.-орд. того же 30г., был женат на любимой сестре Калигулы Юлии Друзилле, с к-рой Калигула, придя к власти, законного мужа развёл, не желая делить (не менее) возделенную (чем Поппея для Нерона) Друзиллу ни с кем, то супругой Г.Кассия (о брате к-рого в покалигулианский период сведений нет), видимо, не первой и бывшей на порядок младше мужа, была, о чём уже говорилось выше, в интересующее нас нероновское время М.Юния Лепида – сестра Децима Силана Торквата (конс. 53г.) и дочь М.Юния Силана – консула 19г. н.э. (от Эмилии Лепиды – дочери внучки Августа Юлии Minor).

Как мы помним, Д.Силан Торкват, безосновательно обвинённый Нероном (из-за его восходящего к Августу генезиса) в тайных притязаниях на трон, вынужден был покончить самоубийством в 64г. А его однокогноминальный племянник Л.Юний Силан Торкват (сын отравительно устранённого Агриппиной в 54г. М.Силана – консула 46г., старшего брата Децима) воспитывался в доме своей тётки Юнии, бывшей замужем за Г.Кассием, и подозревался в 65г. заговорщиком Пизоном, сам не участвуя в заговоре, в том, что он может после убийства Нерона, воззвав к доле своей августейшей родословной, воспретендовать на принципат.

Отсюда этот родившийся не под счастливой звездой юноша, должно быть, в возрасте не старше 20-24-х лет, – не жилец, из-за его родословия, попал под подозрение и со стороны Нерона, к-рому теперь более импонировало ликвидировать породистого Силана (как ранее угробленных, из-за их генезиса, Фавста Суллу или Рубеллия Плавта), чем оставить в живых.

Однако, первый удар, дабы вся затея не выглядела чересчур порнографически откровенной, пришёлся по Кассию, в чьём доме Силан, рождение родного отца к-рого в 14г. н.э. успел застать, увидев внука внучки, ещё живой Август, воспитывался и ныне проживал. На 60г. он входил в коллегию патрицианских салиев *Palatini* (CIL 6,2002), принятый, стало быть, в неё ещё в детстве, до смерти в 54г. его отца (поскольку в коллегию патрицианских салиев принимались дети живых родителей, притом дети родителей, сочетавшихся браком по обряду конфарреации³⁷), и, вероятно, не успев до 65г. достигнуть нужного для облечения каких-либо, начиная с квестуры, магистратур возраста.

Касаемо же Г.Кассия, здесь стоит напомнить читателю, что это именно по его душу, когда он проконсульствовал в 40/41гг. в Азии, в Эфесе, Калигула снарядил убийц, напуганный предсказанием о своей гибели от рук какого-то Кассия и близоруко не сообразив, что служиво обретавшегося рядом с ним преторианца Херею тоже зовут Кассием (см. выше). При этом, тогда, к счастью для приговорённого Кассия, Калигулу в Риме убили раньше, нежели убийцы добрались до Эфеса.

Дальше избежавший смертельной калигулианской опасности Кассий (о чём знал, боясь повторить судьбу Калигулы, и Нерон), в 45 – 49гг., начальствовал над Сирией, уделяя много внимания боевой подготовке легионов и дисциплине, сопроводив в 49г. до Евфрата очередного римского претендента на парфянский престол Мехердата, но сам (лишённый военных дарований) ни разу не отличившись на ратном поприще. Он не был военным, стяжав известность на правоведческой ниве и сделавшись основателем школы юристов *Cassiani*.

Оно и понятно. Ведь его, сына консула-суф. 11г. н.э. Л.Кассия Лонгина, дед, по

³⁷ Правда, неясно, действовало ли данное конфарреационное установление в рассматриваемый период времени? или, скорей всего, – нет.

материнской линии, – выдающийся правовед и анналист К.Элий Туберон (ок. 80 – ок. 23/22гг. до н.э.), а прадед – С.Сулпиций Руф (+ 43г. до н.э.), – ведущий, сходно Муцию Сцеволе, юрист конца республиканской эпохи. Сам же Г.Кассий учился у прославленного законоведа Мазурия Сабина – основателя восходящей к Атею Капитону школы правоведов-сабиниан – предварителей юристов-кассиан. Пользовавшееся в дальнейшем актуальным спросом кассианское наследие – законоведческие труды-комментарии по гражданскому праву «Libri iuris civilis» в 15-и книгах.

В 58г. Кассию довелось подавить беспорядки, вспыхнувшие в ПUTEОЛАХ, проявив чрезмерную строгость, что вызвало недовольство путеоланцев и добровольное сложение им карательных полномочий. В 59г. он выступил против учреждения новых праздновремяпрепроводительных празднеств в честь побед Корбулона в Армении. В 61г., по его непреклонному традиционалистско-юридическому почину, сотни рабов из дома убитого одним из них префекта Рима Педания Секунда были, в соответствии с древним законом, несмотря на гуманистические протесты (релятивно либеральной в духе времени) общественности, безжалостно распяты.

И помимо всего этого, богатый и славившийся старинной строгостью нравов, почти слепой и почти 70-летний в 65г. Кассий являл собой, всем своим образом жизни, пусть не участвуя ни в каких заговорах, как бы живой сенатско-республиканский упрёк разнузданному беспредельщику Нерону. Впрочем, его богатство и родство с юным скромником Силаном – достаточные основания для того, чтобы одним выстрелом сразить двух зайцев!

Посему ораторски косноязычный Нерон задействовал тяжёлую обвинительную артиллерию посредством направления речи сенату, – «в к-рой настаивал на отстранении их обоих (Кассия и Силана) от гос. дел и обвинял Кассия в том, что среди изображений предков он окружает почитанием и статую Гая Кассия с начертанной над ней надписью: «Вождю партии» (Ан. 16,8). Т.е. Кассий обвинялся в том, что святотатственно чтит память своего предка и тётки – соубийцы Цезаря, в чём Тацит у вторят и Светоний (Нер. 37,1) с Дионом (62,27,1). И более того, он обвинялся в том, что «сделал своим сообщником Луция Силана, юношу знатного рода с честолюбивыми стремлениями, чтобы выставить его знаменем переворота».

Какая юридическая гиперисторизация мысли (пущенная в ход «гигантом мысли»)! От ничтожного съеденного собственными амбициями (напару с поделельником Брутом) Г.Кассия, нанесшего один из множества бандитско-ножевых ударов Цезарю, до генетически совиновного ларариумным почитанием предка, богатством и связкой с Силаном, Г.Кассия, спустя 100 с лишним лет после мартовских ид, в 65г. н.э.! Вновь на повестке дня мрачная максима – кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет, тому – оба!

Кесарь явно давал понять сенату, что ни он, ни его спец. служба не дремлют, и что с закономерным разгромом заговора Пизона репрессии, во избежание новых заговоров, не финишировали. Превентивные меры безопасности необходимы и оправданы. За ними дело не станет.

«Далее он обрушивается на Силана с теми же обвинениями, к-рыми ранее погубил его дядю Торквата, а именно будто он уже распределил между своими вольноотпущенниками обязанности по управлению государством, возложив на них заведование казною, приём прошений и ведение переписки^{37а} – обвинениями пустыми и ложными, ибо Силан, устрашённый гибелью дяди, соблюдал величайшую осторожность...» (Ан. 16,8).

^{37а} Перечисление компетенций либертинско-кесарского аппарата управления (из состава придворной камарильи), ставшего, начиная с Клавдия, параллельным аппарату сенатскому и надсенатским де-факто.

Одним словом, в адрес Силана прозвучало по сути (голословное) обвинение в подготовке (идеологически скреплённого Кассием) гос. переворота. Мало того, Нерон обвинил его в кровосмесительной связи с тёткой Юнией Лепидой, что дополнительно подтверждает юность Силана и молодость Лепиды на фоне сенекса Кассия. Засим перед нами обычный набор поклёпных обвинений, практиковавшихся со дней Тиберия, тем паче, что, плюс к тому, Лепиде были инкриминированы «злокозненные священнодействия» = противокесарские магия и колдовство.

А чтобы «преступление» стало «преступлением группы лиц по предварительному сговору» (отягчающее обстоятельство), в сфабрикованное дело-заговор Cassio et Silano вовлекли также (для пушей солидности-убедительности) сенаторов Вулкация Туллина и Марцелла Корнелия, равно всадника Кальпурния Фабата.³⁸

«Сенатским постановлением Кассию и Силану определяется ссылка; решить судьбу Лепиды предоставляется принцепсу. Кассий был отправлен на о. Сардинию доживать свою старость. Силана под предлогом высылки на о. Наксос отправили в Остию, а затем заточили в апулийском муниципии, носящем название Барий...» (Ан. 16,9)

Насчёт Кассия Нерон решил, так сказать, свеликодушничать, полагая, что старый и большой консуляр вскоре на Сардинии, с её нездоровым климатом, умрёт естественной смертью, к-рой с него достаточно, между тем как в реальности Кассий переживёт его и возвратится в Рим при Веспасиане, где скончается в 70-е гг., окружённый почётом и уважением.

Довольствоваться же (всего-навсего) ссылкой юного и потому опасного, из-за его рокового происхождения, к-рым в любой момент могут воспользоваться, если не он сам, то кесарские враги, Силана на кикладский Наксос в планы Нерона не входило. И так в скором времени в Бари был прислан для Силанова умерщвления центурион, к-рый открыто посоветовал ссыльному, как из соображений т.н. гуманности, так и большего приличия ради, вскрыть себе вены. Зачем прибегать к убийству, коли есть возможность обойтись-ограничиться (даром что принудительным) самоубийством?!

Но не утративший мужества, к чести его будь сказано, юный Силан смело и иронично ответил, что «не желает лишать убийцу похвалы за выполнение отданного ему приказанья», предпочёл оказать сопротивление и, имея могучее телосложение, насколько мог, голыми руками отбивался от солдат, осыпая их ударами, — «пока не пал, словно на поле битвы, от ран, к-рые центурион нанёс ему в грудь» (16,9).

«Комментарий к Ювеналу» (1,32) дополняет тацитовскую информацию об убитом, уверяя, что он был ложно обвинён или оговорен своим учителем-стоиком по имени Гелиодор, в чём противоречия Тациту (умолчавшему о Гелиодоре) нет. По свидетельству же Плиния Мл. (Epist. 1,17,1;4), впоследствии Тициний Капитон, с разрешения Нервы, т.е. ок 97г., установил на Форуме статую (некоему) Л.Силану, вопрос о вполне возможном тождестве к-рого с Л.Силаном, убитым в июне 65г., остаётся открытым.

³⁸ Марцелл Корнелий, предположительно, тождествен представленному эпиграфией CIL 10,7192 Л.Марцеллу Корнелию, как q(uaestor) pr(o)pr(aetore) проконсула М.Гатерия Кандида в Сицилии (дата неизвестна). Если так, то это, вероятно, он был в 68г. убит, по приказу Гальбы, в Испании (Ист. 1,37), где командовал легионом.

Всадник Л.Кальпурний Фабат — дед третьей жены Плиния Мл. (5,11,2) и его земляк, часто упоминаемый в адресованных ему плиниевских письмах. Он владел, помимо нескольких поместий, внушительным состоянием, частично использовавшимся для общественной пользы. Его сын, тесть Плиния, умер в 105г. (14,19,1), раньше отца, умершего в глубокой старости — в 112г. (7,23,1; 8,10,2).

САМОУБИЙСТВО Л.АНТИСТИЯ ВЕТЕРА, ЕГО ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ

Тацит: «С не меньшей твёрдостью встретили смерть Луций Ветер, его теща Секстия и дочь Политта, ненавистные принцепсу как живой укор, ибо он предал казни Рубеллия Плавта, зятя Луция Ветера. Повод к свирепому преследованию подал его вольноотпущенник Фортунат, к-рый, расхитив имущество патрона, обратился к его обвинению при соучастии Клавдия Демиана, за позорные поступки брошенного в темницу Ветером, в бытность того проконсулом Азии, и освобождённого из неё Нероном в награду за выдвинутое им обвинение...» (Ан. 16,10)

Л.Антистий Ветер (или Вет), тесть Рубеллия Плавта, был, о чём читатель помнит, вероятным сыном консула 23г. н.э. Г.Антистия Вета. В 55г. он консульствовал в паре с Нероном, в 55 – 58гг. был легатом Германии Superior, в 64г. – проконсулом Азии. Его дочь, Политта, замужествовала за Рубеллием Плавтом, сыном Рубеллия Бланда – мужа дочери Друза Тибериевича – Юлии, что, т.е. генезис от Тиберия и Друза, стало для Плавта в правление Нерона роковым. В 60г. он был вынужден ссыльно удалиться в М.Азию, а в 62г., после смерти Бурра и отставки Сенеки, кесарь снарядил к нему убийц.

Причём, если сопровождавший дружного со стоей Плавта в изгнании Музоний Руф, как и философ Керан, советовали ему мужественно предупредить жизнь в неуверенности и страхе (во избежание предсказуемой убийственной развязки) мужественным самоубийством, то тесть Антистий, наоборот, письменно советовал зятю не мириться с судьбой и оказать кесаревым снаряженцам-кнехтам сопротивление. И вообще попробовать, воззвав то ли к сирийским легионам Корбулона, то ли ещё к кому-то, поднять восстание (см. выше).

Плавт же тогда не внял ни Музонию, ни тестю, дождавшись убийц и подставив им шею в надежде на милость Нерона к его жене и детям. И милость эта вроде бы была проявлена, только вот хватило её на время с 62 по 65гг., когда после заговора Пизона и она стала Нерону претить. Его, Нероново, время истекало, пространство вокруг него смыкалось и он атаковал, как загнанная в угол крыса, с одной стороны, избавляясь от всякой остаточной памяти о прошлых, при всех случаях, мотивированных гос. необходимостью преступлениях, а с другой, силясь обезопасить себя впрок устранением, в т.ч., тех, кто затаили на него обиду, могучи в любую минуту сделаться мстителями.

Да и не хотелось ему, чтобы эти люди, к-рые не были в его глазах невиновными, дольше и дальше жили – ни как потенциальная угроза, ни как живое напоминание о содеянном. Всё опять предельно элементарно: нет людей и никаких проблем! С эриниями как-нибудь разберёмся: живы будем – не помрём.

Вдобавок ко всему, в качестве обвинителей против Антистия, о мятежных советах к-рого Плавту в 62г. Нерон, б.м., узнал что-то сейчас, тремя годами позднее, были унижительно для обвиняемого задействованы его либерт Фортунат, расхититель имущества патрона, и деликвент Клавдий Демиан, посаженный Антистием в ранге проконсула Азии в тюрьму и ныне в награду за выдвинутое обвинение освобождённый. Отсюда стоит повторить вопрос: не стало ли известно Нерону о бунтарских Анистиевых рекомендациях зятю (о к-рых мог знать или что-то знать близкий в то время патрону либерт Фортунат) именно теперь? почему Нерон и решил, не предавая огласке его давешние преступные советы Плавту, погубить виноватого вдвойне оскорбительно: посредством обокравшего патрона вольноотпущенника и посаженного проконсулом в тюрьму преступника?

Узнав о готовящемся против него фарсе, Ветер удалился в своё поместье близ Формий, в Лациуме, (окружённый воинами, получившими предписание вести за ним наблюдение) в сопровождении тётки Секстии (сестра Т.Секстия Африкана – консула 59г.?) и дочери Политты, вдовы Плавта, на глазах к-рой её мужа в 62г. убили, после чего она, храня его окровавленную одежду, погружённая в глубокий траур, безутешно вдовствовала, скорбя и довольствуясь самым минимумом для поддержания жизни.

Ныне Политта, по просьбе отца, соответственно, на тот свет спешившего, выехала в Неаполь, где Нерон, надо полагать, уже во второй половине лета 65г., в очередной раз, сценически, кифаредски, песнопевчески расслаблялся-оттягивался, отдыхая душой и телом от гос. дел и забот. Не добившись аудиенции, Антистия подстерегла кесаря у дверей его неаполитанской резиденции и взмолилась, чтобы он выслушал её ни в чём не повинного отца, к-рый одновременно с ним облакал консульство, чтобы он не отдавал его в жертву вольноотпущеннику. Тщетно. В ответ принцепс показал, что он, согласно Тациту, – «равно бесчувствен и к мольбам, и к ненависти» (16,10).

Т.е., в сём случае, Нерон гробил противника равнодушно, увлечённый неаполитанским кифаредством, певческими голосами и тёплым пленительным заливом, не испытывая к Вету особой ненависти и единовременно не могучи поступить иначе. И всё-таки, пусть Политта, полагая тронуть сердце властителя, говорила о невиновности своего родителя, он, или и он, и она кривили тут душой. Поскольку, с оглядкой на 62г., Вет, по всякому, был, призывая зятя к мятежному сопротивлению, если, конечно, Нерон об этом узнал (о чём Тацит не знает, или не хочет в пользу Нерона распространяться), (с государственно-кесарской точки зрения) виновен, тем паче, – по наверняка выдвинутому против него обвинению (к-рое Тацитом не уточняется) в оскорблении величия-величества (= гос. измена).

Так Политте пришлось возвратиться к отцу ни с чем, с возвещением, «что нужно отбросить надежду и подчиниться необходимости» (Ан. 16,11). Одновременно в Формии пришла весть о готовящемся сенатском расследовании-разбирательстве в видах вынесения беспощадного приговора = высшей меры.

Окружающие убеждали Ветера, уже решившего предупредительно наложить на себя руки, «отписать значительную часть своего состояния Цезарю и тем самым сохранить остальное за внуками» (16,11). За детьми ли Политты от Плавта? или также за внуками от других детей? – неясно. Однако обречённый отверг эти советы, не желая напоследок пятнать раболепием себя и прожитую, как подобает свободному, жизнь, не лезучи завещательно в зад ни тирану, ни Тигеллинам и разновсяким вольноотпущенникам при тиране. Он роздал рабам всю наличность, плюс многое из имущества, оставив в доме лишь три смертных ложа – для себя, тётки и дочери, к-рые решили умереть вместе с ним.

И затем в одном покое они одним и тем же ножом поочерёдно вскрыли себе вены, были перенесены в баню и умерли, глядя друг на друга, в возрастной последовательности трёх поколений: сначала – старшая – Секстия, потом – Антистий, потом – самая молодая – Политта.

Тем не менее, официальное обвинение против них было лебезятнически выдвинуто после их похорон и сенат постановил совершить над ними, заочно постосуждёнными, символическую смертную казнь (по обычаю предков). И вот в этот момент, наконец, принцепс нашёл нужным-необходимым «гуманистически», с соблюдением всех норм республиканской законности, вмешаться. Наделённый трибунской (protestas) властью, он милостиво наложил интерцессию = вето на бескомпромиссное решение сената, «разрешив (успевшим самоубийственно умереть) осуждённым избрать смерть по собственному усмотрению» (16,11), иначе говоря, позволив им

задним числом покончить с собой. «Цраская милость!»! «Таким издевательствам – скорбит в заключение Тацит – подверглись люди, уже истреблённые» (16,11).

И всё это было бы, разумеется, очень смешно, когда бы не было столь грустно и страшно, тем более, что за прошедшие с тех пор два тысячелетия и тут немного изменилось. Точнее, многое изменило формы, не изменившись по сути, поскольку человечество, старясь, вместе с тем, всё никак не повзрослеет!

А касательно 28-летнего спектакулярного Нерона (недоросля и переростка), этого Эдуарда II Плантагенета, или Генриха III Валуа, или Павла I Романова, или Людвига II Баварского (каждый из к-рых чем-то разительно схож с ним) античной эпохи, – он снова в своих властительско-артистических амплуа, и хочет выглядеть благородным, не понимая, что на самом деле и смешон, и страшен. Бренчащая на кифаре и больше всего боящаяся потерять драгоценный голос «меднобородая обезьяна» на вершине власти! Иначе не скажешь. Бедный Рим! Бедный Нерон!

РАЗНОЕ

«Римского всадника Публия Галла за то, что он был близок к Фению Руфу и не чужд Ветеру, лишили воды и огня. Обвинителю-вольноотпущеннику в награду за оказанные услуги жалуются место в театре среди отведённых для гонцов при народных трибунах. Были переименованы месяцы, следующие за апрелем, или, что то же, неронеем: май наречён именем Клавдия, июнь – Германика, причём Корнелий Орфит, по чьему предложению это было исполнено, обосновывал переименование июня тем, что в этом месяце были умерщвлены за свои преступления два Торквата, вследствие чего название июня стало зловещим» (Ан. 16,12).

Жентильный номен (фамилия) Публия (преномен) Галла (когномен), карательно лишённого воды и огня (изгнание из пределов Рима/Италии с конфискацией имущества и потерей правоспособности) за (как неподражаемо выражается Тацит) близость к Фению Руфу и не чуждость Антистию Ветеру (аж два врага кесаря, неразъемлемого с народом!) анналистом не приводится, почему ближняя идентификация этого всадника невозможна. Публиев (один из, в общей сложности, 18-и римских преноменов) Галлов (весьма распространённый когномен) в Риме и окрест было не меньше, чем Ивановых, Петровых, Сидоровых в Москве и в средней полосе России.

Причём и тут обвинителем (с учётом уголовного наказания, формально налагавшегося народным трибуном) выступил некий безымянный вольноотпущенник, удостоенный в награду за обвинение привилегированного места в театре (номенклатурная бронь!), что для римлян значило совсем немало, и чем Нерон продемонстрировал, что он и к всадникам, репрезентанты к-рых активно участвовали в заговоре Пизона, имеет претензии (больше доверяя, дескать, более преданным ему либертам и, мол, не чающему в нём души простому народу).

А далее последовало (со стороны внявшего адресованному ему упрёку сената) суперверноподданническое переименование месяцев. В дополнение к апрелю, к-рый ещё в мае стал неронеем (неронием), теперь, вероятно, где-то в конце лета (или уже летом/осенью), весенний май нарекли клавдием, а следующий за ним летний июнь – германиком. И треба уточнить, или, честно говоря, само собой, ясно, что нарекли май с июнем, соответственно, клавдием и германиком – отнюдь не в честь конскрированного-дивинизированного в 54г. грибами (и сенатом) кесаря Клавдия (боготворение к-рого Сенека ядовито назвал «отыквлением»), но снова, само собой, в честь Клавдия Нерона.

Ведь это он, напоминаем, адоптировавшись в императорскую фамилию, сменил номен Домиций на номен Клавдий, тогда как Германик (как прозвище звали

Неронова деда по матери) было одним из кесарских прозвищ Нерона Клавдия Цезаря Августа Германика (унаследованных им от приёмного отца — Клавдия, к-рый, в свою очередь, взял когномен старшего брата — Германика, унаследованный тем от их отца — мл. брата Тиберия — победителя германцев — Друза, ставшего по-смертно Германиком).

И примечательно, что последнее переименование — июня в германик, было произведено по предложению Корнелия Орфита, к-рый счёл неприличным мириться в дальнейшем с названием «июнь», когда, т.е., как в июне 64, так и в июне 65гг., были избалованы и элиминированы два криминализированных Юния Силана Торквата, дядя и племянник, Децим и Луций, первый — самоубийственно, второй — убийственно.

Сервий Корнелий (Сципион) Сальвидиен Орфит ordinarily консульствовал в 51г. н.э., в паре с в пятый раз облакавшим консульство кесарем Клавдием. При всём том, обращает на себя внимание, что если сверхсервильный Аниций Цериал, к-рый предложил в мае (65г.) возвести за гос. счёт храм божественному Нерону (отвергнутый Нероном как плохая примета — знак скорой смерти), плохо кончит (сам пресекаши свои дни) в следующем 66г., то похожая, правда, убийственная участь приговорно постигнет в 66 или в 67гг. и сверхсервилиста Орфита. Ибо ему — то ли Нероном (in absentia), то ли — в пору греческого турне Нерона — оставшимися за кесаря в Риме Гелием и Поликлитом — будет инкриминирована «сдача внаём послам от вольных городов трёх харчевен в своём доме близ Форума» (Свет. «Нер.» 37,1).

Усмотрит ли власть в этом оскорбление величия римского народа (близ Форума Romanum)? или какой-то заговор? опасность заговора? — неясно, но, как говорится, было бы желание выдвинуть обвинение против обвиняемого, а статьи и обвинители (к-рым причиталась часть из конфискованного имущества осуждённых и некоторые из к-рых делали карьеру, равно богатели, на обвинениях) завсегда найдутся. Не писали ли в сталинском Союзе соседи на соседей (выполняя-исполняя гражданский долг) доносы, чтобы, к примеру, завладеть жилплощадью осуждённых; или — не доносили ли, из различных, в т.ч., карьеристских соображений, либо сводя личные счёты, коллеги на коллег по работе!

Впрочем, помимо Светония, и Дион не более внятно говорит о казни сдатчика внаём (не послам от вольных городов, а) своим друзьям прифорумных мастерских, не называя при этом имени сдатчика и не уточняя его вину, но маркируя, как и Светоний, её абсурдность.

Для практикующих сервильность в эпоху тирании одинаково опасны как недобор, так и перебор. Им должно лезть в задницу, будь то с мылом или без мыла (желательно с мылом), подобно своего рода канатоходцам, рассчитывая наклоны вправо и влево. То-то и Аниций, и Орфит, оказавшись недостаточно искусными жопалезами (и правыми-левыми уклонистами), оба сорвутся!

И кстати, апробация имени «Германик» в качестве названия месяца была принята в 65г. в Риме не в первый и не в последний раз. Ещё Калигула, придя к власти, в ряду его, согласно Светонию, благих начинаний, почтил своего отца, «назвав в его память месяц сентябрь германиком» (Кал. 15,2). Однако это переименование не устоялось, и после Калигулы сошло на нет. Не устоит оно и за июнем, исчезнув со смертью Нерона. И не устоит снова, когда месяцы сентябрь и октябрь переименует в 80-е гг. Ив., дав им свои когномены, в германик и домициан, последний император из рода Флавиев — Тит Флавий Домициан (сын Флавии Домициллы и победитель германцев-хаттов, родившийся в октябре 51 и ставший императором в сентябре 81гг.). Так когномен Германик не удастся закрепить ни за сентябрём, ни за июнем ни Калигуле, ни Нерону, ни Домициану — трём тиранам — один другого плоше-одиознее, среди к-рых Нерон — несомненный лидер.

Наверное им всем троем казалось, что если в римском календаре остались-закрепились наречённые в честь Юлия Цезаря (кто, уж не говоря обо всё прочем, учредил пользующий нами поныне юлианский календарь) и Августа (кто, уж не говоря об остальном, этот календарь упорядочил) июль и август (квинктилий и секстилий), то почему бы и им не переименовать некоторые месяцы по собственному усмотрению и в свою честь. Вспомним, насколько умно поступил Тиберий, ответив на подхалимское предложение назвать один из месяцев его именем угрюмой насмешкой-отказом-самоотводом: «А что вы станете делать, когда Цезарей станет 13?».

Наименования июль и август, помимо их декретного присвоения соответствующим месяцам (месяцу рождения Цезаря и месяцу побед Августа, кто и скончался в августе) закрепило за этими месяцами само Время, закрепила История, закрепила историческая Память, к-рые не терпят беспардонных произвольных вторжений в свои епархии, рано или поздно, отбрасывая всё лишнее, всё наносное, всё скоропреходящее.

Да и после Цезаря с Августом эта перенаименовательная-месячная прерогатива как в эпоху Рима, так и в дальнейшем сохранится-удержится только за названными в их честь июлем и августом, сообразно персональным и историческим масштабам одного и другого, гения неуёмного и гения уёмного = последних политических гениев до Таинства Голгофы, в её (сделавшей гений и злодейство несовместными) преддверии, с к-рыми, т.е. с Цезарем и Августом, не сможет сравниться, до к-рых не сможет дорасти-дотянуть ни один последующий римский правитель. Впрочем, в постримские времена мало кого можно поставить с ними обоими, не случайно жившими-действовавшими в эпоху Орифиила-Сатурна, рядом.

* * *

Между тем, дальше у Тацита, завершающего анналы 65г. н.э., читаем: «Этот год, омрачённый столькими злодеяниями, боги отметили также бурями и моровым поветрием. Вся Кампания была опустошена вихрем, к-рый, повсеместно сметая постройки, древесные насаждения и собранный в закрома урожай, донёс своё неистовство до окрестностей Рима, где род человеческий истреблялся повальной болезнью, хотя и не было никаких заметных отклонений в погоде...» (Ан. 16,13).

Если Кампанию опустошил добравшийся до окрестностей Рима вихрь, то сам Рим (и, надо понимать, в той или иной мере, Италия) сделался жертвой повальной эпидемии, наполнившей, согласно Тациту, дома «бездыханными телами, улицы — погребальными шествиями», и косившей людей во множестве, не разбирая ни пола, ни возраста. И Тацит подчёркивает многочисленность жертв среди рабов и свободнорождённых, с горькой иронией присовокупляя, что «об умерших всадниках и сенаторах, к-рых тоже было великое множество, горевали меньше, считая, что, разделив общую часть, они упредили жестокость принцепса».

Здесь на повестке, конечно, скорбная гипербола, но она в достаточной мере отражает общую римскую атмосферу 65г., усугублённую стихийным бедствием и моровым поветрием, о к-ром Свеоний сообщает, что это была чума, «внесшая за одну осень 30 тыс. человек в погребальные списки» (Нер. 39,1). Светонию вторит (черпающий из него и из Тацита) Орозий, говоря о 30-и тыс. римлян, умерших от чумы на следующий после пожара год (7,10). Посему, приложительно к кампанскому вихрю и римской эпидемии, в объективе осень 65г.

И тут уж, что называется, никуда не денешься, никуда не уйдёшь от звучащих и в прямом, и в переносном смыслах крылатых слов пушкинского подзаголовка «Пир во время чумы». Не уйдёшь, потому как пиршества и кифаредство Нерона в Золотом

дворце или на берегах и водах Неаполитанского залива, либо, скорее, и там, и там, продолжались (с особым смаком перед лицом близкого присутствия смерти), наряду со щедрой помощью римлянам в несчастье. Притом в совмещении того и другого трудно, зная Нерона и его облик-характер, зная его склонности-наклонности, зная присущие ему перверсивные этику и эстетику, усомниться.

И вновь, в свете-ключе произошедшего ещё в 64г. постпожарищного перелома в сумбурном народном сознании-восприятии, благодеяния необратимо скомпрометировавшего себя императора, автора-инициатора архитектурной революции спалённого и заново, по-новому, вовсю отстраивающегося Рима, воспринимались всё глуше, а его негатив выступал всё контрастнее и резче. И не к осени ли 65г. следует отнести следующее слово Светония о Нероне: «Ещё более стал он ненавистен, стараясь нажиться и на дороговизне хлеба: так, однажды в голодное время александрийский корабль, о прибытии к-рого было объявлено, оказался нагружен песком для гимнастических состязаний» (Нер. 45,1).

Не обрушился ли кампанский вихрь, в частности, на собранный в закрома урожай, что вполне могло вызвать нехватку и дороговизну хлеба, в ходе чего александрийский корабль прибыл нагруженный дорогим аренно-гимнастическим песком с берегов Нила вместо ожидавшейся пшеницы, о к-рой было уже объявлено, в чём наверняка не было никакого злого умысла, так как, по всему, просто произошла путаница-накладка (обычная для властных верхов, более занятых увеселениями, чем делом), но что, естественно, тотчас было инкриминировано Нерону, вменено ему в злой насмешливый умысел, под чем подписывается во Пв., в т.ч., Светоний (?).

И напоследок анналистика 65г. венчается Тацитом информацией, во-первых, о воинском наборе в сенатских провинциях – в Нарбоннской Галлии, Африке и Азии – для пополнения легионов иллирийского (Далмация и Паннония) войска, «из к-рого увольнялись непригодные к службе по возрасту и здоровью» ветераны; а во-вторых, о денежной помощи претепевшему бедствие галльскому Лугдуну для восстановления разрушенных в нём зданий, размером в 4 млн. сестерциев, что равнялось сумме, предоставленной ранее лугдунцами в помощь Риму (16,13).

Тацит не прецизирует – о каком лугдунском бедствии идёт речь? В 58г. в Лугдуне был пожар, но вряд ли из 65-го г. говорится об этом пожаре семилетней давности, или, вернее, под 65г. имеется в виду точно не тот давний пожар. Следовательно, по-видимому, речь ведётся о другом недавнем лугдунском пожаре 65-го г. и о денежной помощи лугдунцам, оказавшим сходную помощь Риму после пожара 64г. (когда Нерон выкачивал из провинций средства на революционную новоотстройку Города, не скупясь, как видим, и в деле сходной помощи провинциям).

66г. н.э.

1 января 66г. н.э. = 819г. а.У.с. консульство в Риме облекли Г.Лукций Телезин и Г.Светоний Паулин.

Г.Л.Телезин больше известен как приверженец философии и друг Аполлония Тианского, правда, согласно не раз упоминающему его «Аполлониеву Жизнеописанию» (4,40;43; 5,7; 7,11; 8,7;12) Фл. Филострата, кто, напомним, – есть творивший в эпоху Северов А.Дюма времён поздней греко-римской античности (II/IIIвв.), или советский папа Штирлица – Ю.Семёнов.³⁹ И поэтому его романистическая

³⁹ Поразительным образом у Ю.Семёнова сановно-чиновные немцы из высшего эшелона гитлеровского Рейха часто говорят и шутят так, как немцы никогда не говорят и не шутят, да ещё приправляя свою речь специфическим юмором советских интеллигентов 60/70-х гг. XXв.

информация не может быть безоговорочно достоверной исторически, заслуживая, тем не менее, куда более пристального (чем произведения и персонажи Дюма с Семёновым) исторического внимания.

Но с Телезином, к-рый, из-за своего пристрастия к философии, будет сослан (отправится в изгнание вместе с философами добровольно?) при Домициане и доживёт до преклонных лет, и к-рый не есть нарицательный персонаж «Телезин» (от названия самнитского города – Телезия), фигурирующий у Марциала (3,40; 6,50; 12,25) или у Ювенала (7,25), мы, читатель, ближе познакомимся ниже, в связи с заявившимся в 66г. в Рим Аполлонием Тианским.

Г.Светоний Паулин – либо известный нам победитель мавританцев в 41г., первым из римлян переваливший через Атласские горы, потом, в 40-е гг., при Клавдии, – консул, а в 59 – 61гг. кесарский легат Британии (каковым он не мог стать без облечения консульства) и одолитель восстания Боудикки, виднейший, наряду с Корбулоном, полководец Империи?; либо – это его одноимённый сын? ибо в надписях CIL (6,8639 = 10,6637; 11,395), свидетельствующих о консуле 66г. Паулине отсутствует итерация (cos II). Последнее делает идентичность сомнительной (кроме того, в ряде документальных источников впервые консульствовавший в 66г. Телезин назван в паре ординариев первым, аналогично у Диона 63,1,1, хотя у Тацита – вторым), однако не исключает её и принимается многими. Если так, то ещё о нём известно, что в 69г. он выступит на стороне Отона, но сумеет оправдаться перед Вителлием (Ист. 2,60).

Предположительно, консулы-орд. консульствовали до мая, когда их сменили суффекты – М.Анний Африн и Г.Пакций Африкан, к-рых, в свою очередь, во второй половине года, по всей вероятности, обоих в июле (или одного – в июле, другого – в августе), сменила следующая пара суффектов – М.Аррунций Аквила и М.Веттий Болан; но сменила не одновременно, ибо Пакций Африкан эпиграфически упоминается в консульской паре как с Африном, так и с Авкилой.⁴⁰

ГИБЕЛЬ П.АНТЕЯ И М.ОСТОРИЯ СКАПУЛЫ

Тацит: «В консульство Гая Светония и Лукция Телезина Антистий Созиан, к-рый, как я сказал, за сочинение поносящих Нерона стихов был отправлен в изгнание, прослышав о том, в каком почёте доносчики и как скор принцепс на казни, наделённый беспокойной душой и ради достижения своих целей хватавшийся за любую

Причём интересно заметить, что в известном фильме Т.Лиозновой «17 мгновений весны» Штирлиц обращается к Борману «Parteigenosse Борман», так как по-русски ему пришлось бы сказать: «Товарищ Борман» (!).

⁴⁰ Анний Африн (CIL 3,6799; 4,1544; 4109; CIA 3,618) – изображён на монетах из Пессинунта и Иконии, с редким правом чеканки собственного профиля, в качестве возможного легата Галатии, при Клавдии. В правление Веспасиана – легат Паннонии Superior. Пакций Африкан – в 70г. изгнан из сената как доносчик-погубитель в 67г., при Нероне, братьев Скрибониев Прокулов – легатов обеих Германий (см. выше и ниже). Эвентуально – тождествен поэту-трагику Пакцию, к-рого называет Ювенал (7,12), и к-рый был знаком с Плутархом. Возвращённый затем в сенат, он в 77/78гг. – проконсул Африки. Аррунций Аквила (CIL 6,2044) – в 50г. прокуратор Памфилии (CIL 3 Suppl.6737), занимавшийся там строительством дорог. Когномен Веттия Болана (CIL 6,20442) говорит о его происхождении из Милана; в начале 60-х гг. – был легатом Корбулона, снаряжённым во главе одного из двух легионов на помощь Тиграну VI в Армении (An.15,3) (см. выше); весной 69г. – назначен Вителлием в Британию (Ист.2,65;97; Агрикола 8;16); 69-71гг. – легат Британии, где стяжал расположение солдат, не совершив ничего выдающегося; поднят Веспасианом в патрициат; в 76г. – проконсул Азии; один из его двух сыновей, братьев-близнецов, – конс. 111г.

возможность, сближается в силу общности участи с сосланным в то же место, что и он, Памменом, слышшим знатоком искусства халдеев и вследствие этого связанным со многими дружбой, полагая, что не без причины к нему постоянно прибывают и совещаются с ним гонцы, и зная к тому же, что Публий Антей ежегодно выдаёт ему денежное пособие...» (Ан. 16,14)

Вспоминаем: Антистий Созиан — нар. трибун 56г., был в 62г. сослан за написание оскорбительных для Нерона виршей, прочитанных автором на пиру у М.Остория Скапулы (см. выше) — сына легата Британии в 47 — 52гг. П.Остория Скапулы, служившего на Альбионе и ратно отличившегося под началом отца. Притом это дело с изгнанием Созиана запомнилось тем, что в связи с ним встал вопрос новоприменения-возобновления печально знаменитого закона об оскорблении величия, ранее при Нероне не применявшегося.

А на позицию не вынесшего Антистию смертный приговор сената тогда повлияло как сопротивление высшей мере Тразеи Пета, сломившее, по Тациту (Ан. 14,48), раболепие сенаторов, так и отказ Остория Скапулы, заявившего, что он ничего не слышал, дать, как хозяин дома, где злополучные стишки прозвучали, свидетельские показания против Антистия. Короче, последнего услали в ссылку на какой-то, видимо, греческий, из пустынно скалистых, остров, название к-рого мы не знаем.

И там ссыльный коротал дни-месяцы-годы, тяжело, как всякий римлянин, переживая разлуку с Городом, куда мечтал однажды непременно вернуться. На острове ему довелось познакомиться с также ссыльным знатоком искусства халдеев, т.е. с астрологом, Памменом, к-рый составлял гороскопы, занимаясь предсказанием будущего, и поддерживал связь с многими видными римлянами, обращавшимися к нему за гороскопами и за различного рода советами через гонцов. Этого Паммена поддерживал из Рима ежегодным денежным пособием богатый сенатор П.Антей, — возможно, сын Антея, сосланного при Калигуле и убитого в ссылке, о чём повествует Флавий (И.д. 19,1,15), равно — мл. брат сенатора Антея, убитого после убийства Калигулы его открывшими охоту на сенаторов, в поисках убийц кесаря, германскими телохранителями (см. выше).

Далее, в 51/52гг., Антею выпало быть легатом Далмации, позже, в 55г., получить легатское назначение в Сирию, но не проследовать туда, потому как его, согласно слову Тацита, удержали в Риме. Надо полагать, за этим назначением стояла Агриппина, а сорвано оно было Сенекой и Бурром в пику Агриппине, с к-рой Антей дружил и верность памяти к-рой продолжал после её убийства хранить, чем, как и своим прельстительным богатством, стал ненавистен Нерону.

И вот, заценив расклад, ссыльный Созиан понял, что перед ним та самая мутная вода, из к-рой можно выудить удачу. Перехватив присланное Антеем Паммену письмо, плюс — выкрыв у Паммена гороскопы Антея и Скапулы, он сострепал умелый донос на имя принцепса, уверяя того, что имеет сообщить важные касающиеся императорской безопасности сведения, коли его, столь пекущегося о кесаревом благе Созиана, «возвратят на короткое время из ссылки». В отношении «короткого времени», автор письма, конечно, лукавил, очень надеясь благодаря ценному разоблачительному доносу возвратиться в Рим из ссылки бесповоротно: «ведь Антей и Осторий посягают на верховную власть и допытываются узнать, какая судьба уготована им и Цезарю».

Скорей всего, подо всем этим не было ничего конкретного, кроме обычного для представителей римской (сродни тогдашней китайской!) ^{40a} элиты нездорового инте-

^{40a} Как былой незапамятный, так и современный конфуцианский Китай в китаизированной коммунистической оправе живёт (вовсю овладевая западными технологиями), по

реса к астрологическим прогнозам т.н. персонального и карьерного-карьеристского характера. Но очень уж Созиану не терпелось попасть с унылого острова назад, дабы двигаться вперёд, в Рим, и его мало волновало, чем он обязан Осторию. Как (циничными голосами) говорят в сегодняшних киношках: «ничего личного».

Зато Нерон очень подозрительно относился к астрологам, к-рых считал одной шайкой с «чародеями»-философами, сам пользуясь астрологическими предсказаниями; не терпел Антея, чьим богатством был не прочь завладеть-разжиться; и вообще, расправившись с заговором Пизона, стал особенно мнителен-подозрителен. В общем, звёзды для «изобличителя» им же составленного «антиимператорского Komplota с участием группы лиц», решившего не упускать такой реабилитационный для себя шанс, можно сказать, удачно сошлись.

За Антистием снарядили либуры и спешно доставили в Рим. Расчёт оказался верным, кесарь и его цербер Тигеллин, звезда к-рого взошла в 65г. в зенит, отреагировали незамедлительно. При этом, ещё до Созианова прибытия, «как только распространилась весть о его доносе, Антея и Остория стали считать скорее осуждёнными, чем обвиняемыми». Тигеллин тоже был не прочь поживиться частью Антеева богатства, и потому посоветовал Антею в беседе не мешкать с последними распоряжениями, ясно дав понять без вины виноватому, что если он заблаговременно, до суда и неминуемого осуждения, покончит самоубийством, нужным образом составив-состряпав-переписав завещание, в к-ром щедро не забудет ни Нерона, ни Тигеллина, то кое-что из наследства перепадёт и его семье, к-рую, в таком случае, власть пощадит. Так злополучный Антей, за отсутствием выбора, и поступил, вслед за чем принял яд, — «и томясь его слишком медленным действием, ускорил наступление смерти, вскрыв себе вены» (16,14).

Между тем, Осторий находился в это время в своём дальнем поместье, на лигурийской границе. Удостоенный в 50г. за ратные подвиги в Британии престижной короны *civica* (спасение жизни римского гражданина), он обладал незаурядной физической силой и храбростью, внушая (и без всяких гороскопов) страх (трусаватому нератоборцу) Нерону. И потому снаряжённый по его душу во главе воинского отряда центурион имел поручение «принудить его к незамедлительной смерти» (Ан. 16,15), понимай, — чтобы этот силач, вдруг, не сбежал и не попытался поднять мятеж.

Вилла Остория была оцеплена и ему передали приказ, в ответ на что он, насколько не теряя присутствия духа, вскрыл себе вены, а так как кровь вытекала слишком медленно, воспользовался услугой раба: ухватил его правую руку с кинжалом и решительно прильнул к острию клинка горлом.

Опять — нет людей — нет проблем. Нерон и Тигеллин унаследовали большую часть состояния покойных. Антистий Созиан вернул, проявив гипертрофированную сервильность, расположение принцепса и, как он и предполагал, на что уповал, более не вернулся в ссылку, мало беспокоясь о том, что подло погубил человека, к-рому сам был обязан жизнью. Чтобы мучаться совестью, надо её иметь. И, по всему, в дальнейшем, за Созианом набрались ещё другие «подвиги» похожего рода, ибо под 70г. Тацит сообщает о его второй ссылке «за преступления, совершённые во времена Нерона» (Ист. 4,44), при Веспасиане, на тот же остров, где он находился

законам *самоинаковости-инотожественности-иноидентичности*, к-рая вполне противоположна евроамериканской (западной) *самотожественности*, и взаимопротивопоставления к-рых в перспективе человеческой цивилизации (несмотря на завещание Дэн Сяопина Китаю — «держаться в тени») не избежать.

Конфуций: «Если прям, то слушаться будут без приказаний»; Лао-Цзы: «Тому, в ком нет веры, веры тоже не будет».

в 62 — 66 гг., называя, на сей раз, следует полагать, уже безвозвратно новососланного, — «негодяем, принесшим гибель многим людям».

В нижеследующей гл. 16 Ан. 16 одна из характерных для Тацита скорбно восклицательных вставок в анналистическое повествование. Он говорит, что даже если бы им описывались внешние войны, с рассказами о павших в них за отечество, однообразие, породив пресыщение в авторе, наскучило бы и читателю, «а тут — рабское долготерпение и потоки пролитой внутри страны крови», угнетающие душу и ско- вывающие её скорбью.

И автор просит у читательской аудитории снисхождения к себе за следующее: «Но у тех, кто ознакомится с этим моим трудом, я прошу снисхождения не за что другое, как только за то, что не питаю ненависти к отдавшим себя с такою покорностью на истребление».

В относительно благополучные либеральные времена Траяна и Адриана (Антонина Пия и М. Аврелия) — не чудовищ на троне, в *оазисный век* Антонинов (по истечении в первом десятилетии II в. н.э. эпохи Орифиила-Сатурна и с началом эпохи Анаэль-Венеры), юлианско-клавдианский беспредел поры *кесарева безумия* IV в. н.э. виделся, как и само то время (несмотря на недавнюю тиранию Домициана, воспринимающуюся как исклечение из флавианского правила), акцентированно чудовищным. И Тацит, в к-ром, о чём читатель знает, противоречиво (подчас взаимоисключительно) сочетаются-уживаются благоговение перед старой Республикой, горечь от утраты её гражданских свобод и, наряду с тем, полное понимание трагической необходимости-непреложности монархического принципата, считает необходимым объяснить, что не может обойтись без подробного рассказа о преступлениях того времени, во избежание (что выносится на поля) их повторения.

Вероятно, по прошествии века с тиберианской и полувека с нероновской тирании, многие в верхах Рима уже не понимали, почему столько именитых мужей безропотно отдали себя на заклание, при этом издевательски и, более того, иногда ненавистно выражаясь-высказываясь о них. И, кстати, такой подход обычен для т.н. благополучных или менее неблагополучных времён, при взгляде-оглядке как с высоты (заглушившего боль и скорбь) времени, так и, что важнее, с тёплых комфортных мест.⁴¹

⁴¹ Любопытен пример изменчивой памяти, точнее, её метаморфоз, о Великой Французской революции. Понятно, что пора Реставрации (1814/15-30 гг.) постаралась максимально выставить напоказ весь ужас рев. террора. Но уже при (сыне, пусть кончившего на гильотине, герцога Эгалите) Луи-Филиппе (1830-48 гг.) картина и память стали понемногу меняться. А в результате и после революции 1848 г., при Второй республике (1848-52 гг.) и Наполеоне III (1852-70 гг.), Великую революцию принялись прославлять и называть незаслуженно роялистами оболганной, более того, ужасы и число жертв террора — сильно преувеличенными. И вообще в дальнейшем предпочиталось о тёмных сторонах славного рев. прошлого (для республиканцев — республиканского; для бонапартистов — увенчанного рев. апофеозом Наполеоном I Бонапартом) помнить мало. Дело было ещё и в том, что к 1850 г. участники-очевидцы событий 1793/94 гг. успели умереть, почему пролитая революцией кровь перестала быть актуальной, свернулась и забылась, уступив место восторженной романтизации.

И не случайно марксисты-социалисты открыли свой II-й Интернационал (ещё при живом Энгельсе) именно 14.07.1889 г., т.е. в столетнюю годовщину штурма Бастилии, к-рого, как и спиканного советскими Эйзенштейнами со штурма Тюильри (10.08.1792 г.) пресловутого (с карабканием рев. матросов на ворота) штурма Зимнего дворца, просто не было, и при овладении неистовыми толпами к-рой (citadelle тирании), жертвы были только со стороны зверски убитой королевской стражи крепости (где на момент её взятия содержались лишь несколько фальшивомонетчиков и несравненный маркиз де Сад). Так марксизм-энгельсизм предварял скорогрядущий штурм капитализма (к-рый, по Марксу, должен был начаться с капиталистического Вавилона — Лондона, что, кстати, очень похоже на ожидание Лениным в январе 1917 г. революции отнюдь не в России, до к-рой он даже дожить не мечтал, но в сытой

То-то автор «Анналов» (переживший сам, пусть не столь гротескную, как тиберианская, калигулианская, нероновская, тиранию Домициана и пожизненно травмированный ею) воздаёт своим скорбным повествованием о постигшей их участи должное мужам, подобным Антею и Скапуле, или, точнее, тем жертвам беспардонного террора, к-рые ушли, сумев сохранить, по убеждению Тацита, человеческое достоинство, как, например, это сделали Антей и Скапула. Те, кто не жили при тирании и под тиранией, не в состоянии понять, что представляет собой стагнация воли в атмосфере массового психоза, в условиях липкого постоянно преследующего людей страха.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ САМОУБИЙСТВА

В главах 14-23 16-й книги «Анналов» речь идёт о событиях первых 4/5-и месяцев 66г. н.э., с января по май, так как в гл.24 упоминается ожидаемое со дня на день прибытие Тиридата Армянского для получения им царской диадемы из рук Нерона, что оптимально имело место в мае 66г. (см. выше и ниже), и потому это знаменательное анналистическое событие вполне может служить для нас фикс-пунктом и предваряющим события глав 14-23 хроноориентиром.

В Ан.16,17 читаем: «В течение нескольких дней погибли один за другим Анней Мела, Аниций Цериал, Руфрий Криспин и Гай Петроний, Мела и Криспин – римские всадники в сенаторском достоинстве...» Как видим, охвостье пресловутого заговора Пизона, в отношении к-рого Нерон никак не мог уgomониться-утихомириться, потянулось-вторглось, продолжая собирать казnelюбивый урожай, и в следующие 66г.

Итак, Анней Мела – знакомый нам мл. из трёх сыновей Сенеки Ст., родившийся после братьев Аннея Новата = Юния Галлиона (ок. 3г. до н.э.) и Сенеки Мл. (1/1г.), где-то ок. 3/4/5г. н.э. Любимец отца, к-рый считал его одарённое братьев старших, он, перебравшийся с женой и малюткой-сыном в 40г. н.э. из Испании в Рим, изначально был оставлен отцом «в тихой гавани». И в отличие от старших братьев, отпущенных родителем «в бурное море» (жизни), пренебрегал политической карьерой, посвятив себя сначала реторике-красноречию, а потом службе и деланию денег в ранге кесарского финансового прокуратора при Клавдии и Нероне (Сенека Ст. «Cont. 2 praef. 3»). То-то Сенека Мл. в «Утешении к Гельвии» (18,2), тоскуя в корсиканской ссылке, писал, что один из его братьев (Галлион) «прилежно добивается почестей», а второй «мудро их презрел и наслаждается досугом». Если время островной ссылки Сенеки, о чём мы знаем, 41 – 49г., тогда как «Утеш. к

Швейцарии!), сопровождаемый торжественно-победоносным (ромен-роллановским) переходом «Марсельезы» в «Интернационал».

И сегодня Великая революция во Франции (из и от к-рой нынешняя Франция выводит себя) – общенациональный бренд, не жаловать к-рый означает быть в меньшинстве, слывя реакционером и мракобесом.

В России иначе: устойчивого консенсуса по Революциям 1905-1917гг. до сих пор нет, хотя их консервативно-традиционалистское отвержение-неприятие куда более востребовано, причём с навесным мостом к Путину отнюдь не от банкротов-февралистов, или от (делавшего пролетарскую революцию на рейхсмарки) Ленина (из запломбированного вагона), и отнюдь не столько от (пусть деспота, однако победителя Гитлера) Сталина, сколько от (изоляциониста и идеализатора допетровщины) именно русского царя Александра III, равно – от исконно русского железного премьера Столыпина. А культ Революции у французов Россия пробует заменить культом Победы над Гитлером, к-рая, как и Гагарин, от советского наследия (после сдачи ударных строек коммунизма, строившихся руками не комсомольцев-добровольцев, но эзков Гулага, в архив), переосмысленные с национал-патриотическим уклоном, остаются в силе.

Гельвии» относится к 42г., значит, Мела начал делать свою прокураторскую карьеру и деньги после 42г.

Причём на 65г., как читатель из вышеизложенного помнит, Эпихарида была именно его, ещё и (или прежде всего) отца (эпика и *республиканского вольнолюбца*) Лукана, наложницей-содержанкой, почему он (выражаясь современно, — богатый *папик* Эпихариды) вряд ли мог ничего не знать о заговоре, однако, судя по тому, что остался поначалу нетронутым, сам участия в нём не принимал. Либо Нерон, зная о его алчности до денег, решил (имея зуб на всех Аннеев) ликвидировать его позднее и побольнее, дождавшись, когда он завладеет большим состоянием своего сына Лукана, дело о наследстве к-рого было, насколько косвенно выводится из Тацита, спорным, потребовав от Мелы немалой настойчивости. Ведь после Лукана, помимо отца, оставались его (позорно оболганная сыном — ещё один Павлик Морозов) мать Ацилия, к-рая, м.б., была на то время в разводе с Мелой, и к-рую Нерон обошёл как карой, так и прощением, и ещё вдова поэта — Полла Аргентария (о детях сведений нет).

Вместе с тем, настойчивость в «изыскивании способов» завладеть сыновним состоянием обернулась обвинением в адрес Мелы со стороны друга покойного Лукана — Фабия Романа. «И вот — продолжает Тацит — измышляется, что и отец, и сын были в равной мере связаны с заговорщиками, и в доказательство этого подделывается письмо Лукана» (17). Измышляется Романом? или Романом по предварительной договорённости с Тигеллином? Т.е. — была ли то персональная инициатива Романа? или — заранее отрежиссированный спектакль, чтобы — и устранить алчного Мелу, к-рый очень напрасно столь вызывающе высовывался, и завладеть большей частью его богатств, к к-рым прибавились также богатства Лукановы?

Так или иначе, вдруг, всплыло поддельное письмо Лукана, адресованное сыном отцу? или адресованное кому-то? с презентацией Мелы как соучастника заговора. И Нерон велел отнести это письмо Меле, к-рого он «великодушно» не тронул в прошлом году, но на богатство к-рого, по Тациту, «взирал с вожделием». В результате Мела вскрыл себе вены. Мог ли он уцелеть? или его смертный исход был лишь вопросом времени? — подвопросно.

Во всяком случае, не следовало до такой степени настырно охотиться, привлекая к себе дополнительное внимание и зная об алчности Нерона с Тигеллином, за богатствами сына, к-рые не могли помочь отцу на том свете. И, к слову присовокупить, этот рассказ об участии Мелы в ббг. побочно подтверждает (оставшееся за тацитовским бортом) самоубийство Галлиона в прошлом 65г., так как иначе оно, скорее всего, было бы в данном контексте упомянуто.

Притом только теперь, стяжав в итоге (вместо денег) «самую лёгкую дорогу к смерти» (привилегированное вскрытие вен), Мела понял, что заигрался и доигрался, а поняв, напоследок завещательно «отказал крупные суммы Тигеллину и его зятю Коссуциану Капитону, с тем, чтобы сохранить за наследниками всё остальное» (17). Спрашивается, неужто ничего не отошло Нерону? во что трудно поверить, тем более, что Нерон, повторим за Тацитом, взирал на богатства последнего из братьев Аннеев «с вожделием». Да и Меле, увы, не хватило мужества уйти с честью, ибо, согласно, как оговаривает Тацит, мнению некоторых, он не преминул пожаловаться в завещании, что умирает, не зная за собой вины, в то время как «заклятые враги принцепса», Руфрий Криспин и Аниций Цериал, «по-прежнему наслаждаются жизнью» (17). Иначе говоря, не желая умирать в одиночестве, Мела, перед тем как вскрыть себе вены, завещательно пожелал, чтобы пара, видимо, очень нелюбых ему нобилей, разделила его участь.

Аниций Цериал ещё, о чём читателю известно, совсем недавно, в ранге дезигнированного консула, предложил, замыкая постановления по поводу счастливого

преодоления Нероном заговора Пизона возвести за гос. счёт храм Божественному Нерону, в чём = в непринятой у римлян дивинизации-консекрации прижизненной кесарь усмотрел (вольный или невольный) намёк на свою скорую смерть, не сказав о чём вслух, он это сверхсервильное предложение (скромно и традиционалистски) отверг. Ныне же для лизоблюдски переусердствовавшего Цериала настало время расплаты.

Что конкретно ему инкриминировали? у Тацита не сказано, но, по всему, задним числом, опять-таки, сопричастность к злосчастным заговорщикам. И обвиняемый «сам пресёк свои дни», в дополнение к чему Тацит замечает, что о нём меньше сожалели, чем об остальных жертвах, поскольку не кем иным как им, Цериалом, был четверть века назад выдан «заговор, составленный против Гая Цезаря» (17). О каком именно из заговоров (39/40гг.) против Калигулы идёт речь? – вопрос. Точно можно лишь сказать, что не о самом последнем, к-рый, не будучи выдан, увенчался успехом (см. выше). Впрочем, согласно Зонаре (11,6), Цериал был взят приказом Калигулы под стражу за участие в заговоре, чем не отрицается информация Тацита, ибо выдать прочих заговорщиков и тем купить себе жизнь очень даже мог, как раз-таки, один из участников заговора.

Руфрий Криспин был, как уже говорилось, первым мужем Поппеи Сабины. В 47г. именно он, преторианский префект в паре с Лузием Гетой, доставил в Рим находившегося в Байях Валерия Азиатика, к-рого решила погубить Мессалина, вменив ему, в частности, прелюбодейную связь с одноимённой матерью Поппеи, к-рая тоже была мессалианской интригой погублена. Криспина тогда удостоили вознаграждения в 15 тыс. сестерциев и преторских инсигний. А в 65г. его, обвинённого в причастности к заговору Пизона, сослали на Сардинию, не казнив благодаря Поппее, имевшей от него сына (см. выше).

Сейчас же убивший беременную Поппею (ударом ноги в живот) Нерон нашёл нужным наверстать упущенное и ликвидировать её первого супруга. И Криспину пришлось в месте ссылки, вероятно, предупреждая казнь, покончить с собой, так как погибни он от рук палача, Тацит не преминул бы это исключение оговорить, между тем как приложительно к перечисляемым в Ан.16,17 жертвам речь, по всему, ведётся, относительно всех четырёх персон, о принудительных самоубийствах.

Мало того, из Светония мы узнаём, что и сын Поппеи с Криспином стал жертвой Нерона: «Пасынка своего Руфрия Криспина, сына Поппеи, он велел его рабам во время рыбной ловли утопить в море, так как слышал, что мальчик, играя, назвал себя полководцем и императором» (35,5).

Если Отон отбил Поппею у Криспина, чтобы вскоре уступить её Нерону, в 58г., то Криспин женился на ней, следут думать, ещё в ранге преторианского префекта, но после падения Мессалины и возвышения Агриппины, т.е. не позднее 51г. Их сын, кто, видимо, был убит после отца, иначе говоря, в 66г., однако, до осеннего отъезда Нерона в Грецию, предположительно, – летом, назван в светониевском тексте «мальчиком», т.е. на момент убийства ему было не больше 12/13-и лет.⁴²

ПЕТРОНИЙ АРБИТР И ЕГО «САТИРИКОН»

Далее, если имена трёх из четырёх репрессированных, эвентуально в марте/апреле 66г. н.э., за их постфактумное изобличение в причастности к заговору 65г., нам знакомы, то четвёртое (суицидальное) имя – Г.Петрония – знаменитого автора знаменитого «Сатирикона» (этого «Декамерона» античной эпохи!), более известного широкому ново-новейшему читателю (к-рого Петроний, во многом, и высмеивает

⁴² Вспоминается, как осенью 33г. до н.э. Ирод велел утопить в иерихонском пруду, во время купания, юного (17/18 лет) Аристовула Маккавея (брата Мариамны и последнего Хасмонея по мужской линии), сделанного им ранее (34г.) первосвященником (Р.л. 156-61).

в «Сатириконе»!) по роману Г. Сенкевича «Камо грядеши», здесь произносится Тацитом впервые.

К сожалению, информации о Петронии немного и даже его приводимый у Тацита преномен «Гай» (строго говоря не в Ан. 16, 17, где имя вставлено издателями, а в Ан. 16, 18) под вопросом, так как у Плиния (37, 20) и Плутарха (Quod. adul. 19 p. 60 D) он носит преномен «Тит». Но предоставим слово Тациту, из к-рого явствует, что непоколебимый эпикуреец Петроний успел до 66г. побывать проконсулом преторской провинции Вифиния (и Понт), после чего облакал, надо думать, в период ок. 60 – 65гг., консульство-суф., потому что в фастических списках ординариев его нет, как нет его имени и среди дошедших до нас имён суфффектов.

«О Гае Петронии подобает рассказать немного подробнее. Дни он отдавал сну, ночи – выполнению светских обязанностей и удовольствиям жизни. И если других вознесло к славе усердие, то его – праздность. И всё же его не считали распутником и расточителем, каковы в большинстве проживающие наследственное достояние, но видели в нём знатока роскоши. Его слова и поступки воспринимались как свидетельство присущего ему простодушия, и чем непринуждённее они были и чем явственнее проступала в них какая-то особого рода небрежность, тем благосклоннее к ним относились. Впрочем, и как проконсул Вифинии, и позднее, будучи консулом, он выказал себя достаточно деятельным и способным справиться с возложенными на него поручениями. Возвратившись к порочной жизни или, быть может, лишь притворно предаваясь порокам, он был принят в тесный круг наиболее доверенных приближённых Нерона и сделался в нём законодателем изящного вкуса, так что Нерон стал считать приятным и исполненным пленительной роскоши только то, что было одобрено Петронием. Это вызвало в Тигеллине зависть, и он возненавидел его как своего соперника, и притом, такого, к-рый в науке наслаждений сильнее его. И вот Тигеллин обращается к жестокости принцепса, перед к-рою отступали все прочие его страсти и вменяет в вину Петронию дружбу со Сцевином. Донос об этом поступает от подкупленного тем же Тигеллином раба Петрония; большую часть его челяди бросают в темницу, и он лишается возможности защищаться.

Случилось, что в эти самые дни Нерон отбыл в Кампанию; отправился туда и Петроний, но был остановлен в Кумах. И он не стал длить часы страха или надежды. Вместе с тем, расставаясь с жизнью, он не торопился её оборвать и, вскрыв себе вены, то, сообразно своему желанию, перевязывал их, то снимал повязки; разговаривая с друзьями, он не касался важных предметов и избегал всего, чем мог бы способствовать прославлению непоколебимости своего духа. И от друзей он также не слышал рассуждений о бессмертии души и мнений философов, но они пели ему шуточные песни и читали легокомысленные стихи. Иных из рабов он оделил своими щедротами, некоторых – плетью. Затем он пообедал и погрузился в сон, дабы его конец, будучи вынужденным, уподобился естественной смерти. Даже в завещании в отличие от большинства осуждённых он не льстил ни Нерону, ни Тигеллину, ни кому другому из власть имущих, но описал безобразные оргии принцепса, назвав поимённо участвующих в них распутников и распутниц, и отметив новшества, вносимые ими в каждый вид блуда, и, приложив печать, отправил его Нерону. Свой перстень с печатью он сломал, чтобы её нельзя было использовать в злонамеренных целях» (Ан. 16, 18/19).

Петроний родился, как можно предположить, где-то ок. 14/15гг. н.э., являясь, б.м., сыном Г.Петрония – консула-суф. 25г. н.э. и мл. брата П.Петрония – консула-суф. 19г. – впоследствии легата Сирии в 39 – 42гг., стяжавшего известность едва не стоившим ему головы противлением Калигуле по делу установления императорской

статуи в Иерусалимском храме. И оба брата, возможно, были (не унаследовавшими его когномен, что удивительно; или когномен в gens Petronia наследовался через поколение, что ещё удивительнее?!) сыновьями П.Петрония Турпиллиана – триумвира-*monetalis* при Августе; равно – внуками всадника Г.Петрония – третьего августовского префекта Египта (23 – 20гг. до н.э.), запомнившегося современникам и потомкам своими походами (против царицы эфиоплянской Кандакии) в Нубию в 23/22гг. Притом, если Petronius – древний италийский, встречающийся, в частности, в Этрурии, номен *gentilicum*, то исторически известные Петронии начинаются только с IV. до н.э.

Наш Петроний был честным эпикурейцем, прекрасно видевшим прогрессирующие пороки современного ему (пресыщенного, плюс нравственно и экономически деградирующего) общества, махнувшим на него рукой или незлобиво плюнувшим на головы вырожденцев-современников с воображаемой Эйфелевой башни и сделавшим смыслом жизни утончённое наслаждение ею, всеми её заслуживающими внимания удовольствиями. И это всё, включая почитание самого Эпикура, как и отношение к самому себе, – не без рафинированной иронии. Взять по максимуму и максимум элегантно *от* и у кратковечной человеческой экзистенции в – с ног до головы и с головы до ног – порочном обществе, где богов, к-рых «создал человеческий страх» (перед т.н. сверхъестественным), чуть ли не «больше, чем людей» (17).

И если бы кто сказал Петронию, что он циник (не киник! и не стоик!), то он вполне мог бы ответить – «тем и жив», но лишь до весны ббг., когда его, с чьим мнением, как «арбитра изящества» (так называли его друзья), Нерон очень считался, аристократический беззлобный цинизм и тонкая ирония достали (и достали окончательно!) грубого и завистливого цербера-мужлана Тигеллина. Последний, поднявшись-вскарabкавшись слишком высоко и заняв второе место (цепного пса) при кесаре, фундированное как разгромом заговора Пизона, так и смертью Пoppеи, не хотел больше видеть никого в ближнем обществе кесаря со столь весомым словом, как Петроний. И надо сказать, что теперь разыгранная Тигеллином неприемлемость Петрониева смеха нашла уже также понимание у тирана Нерона, на страхах к-рого (после заговора Пизона) Тигеллин умел уметь сыграть.

При всём том, несмотря на весь свой скепсис, пессимизм, цинизм, к-рые изумительно ненавязчивы, насмешливый гедонист Петроний – нисколько не озлобыш, не лицемер и не ханжа (как Вольтер, Дидро, Руссо, Маркс, Энгельс), к-рый, безусловно, вызывает к себе уважение, в отличие, к примеру, от эпатажно амбициозного, высокопарного, лживого и донельзя любующегося собой его современника Лукана, кто тщеславно возомнил себя фигурой крупнее Гомера и Вергилия (!) и встал в подиумную позу завязатого республиканера-катоновца, не сумев ни достойно воспротивиться тирании (поскольку сам в душе был не меньше, а больше тираном, чем Нерон), ни достойно умереть. Чего чтоит один его оговор родной матери в расчёте на милостивый душевный отклик кесаря-матереубийцы!

И вообще сравните его, Катонова⁴³ горе-апологета, поведение, как по жизни, так и жалкое предсмертное, с полными достоинства жизненной позицией (к-рую можно не разделять) и поведением убеждённого цезарианца и цезариста Петрония, к-рый, ни в коем случае, не позиционирует себя как доморощенный республиканер-вольнолюбец. И не случайно, представляя в «Сатириконе» (устаами франтоватого поэта Эвмолпа) Гражданскую войну, он возражает именно насквозь лживому фанфарону Лукану. И это о Лукане, а не о Петронии должно сказать (как, к примеру,

⁴³ Оппозиция Катона Цезарю не содержала ничего созидательного и была заведомо обречена, но Катон обладал непреклонным личным мужеством, к-рое оказалось для Лукана недостижимым.

о Маяковском, или про А.Мариенгофа, или про Евтушенко⁴⁴) «талантлив, но сволочь», потому что столь же талантливый Петроний – никак не сволочь! Вот в чём огромная разница между ними! «Презренье к ближнему у нюхающих розы / Пускай не лучше, но честней гражданской поэзы» (Бродский).

И если Лукана пережил его талант, но не его несколько не впечатляющая гражданская поза (к-рую он пытается, встав не менее вызывающе, чем смешно, в позу, позиционировать как позицию), то и талант, и жизненные установки усмешливого Петрония, не притязающего быть истиной ни в последней, ни в предпоследней инстанциях, актуальны до сих пор. Петроний заразительно смеётся элитным смехом настоящего аристократа сквозь слёзы, к-рые не выставляет напоказ. И смеясь вместе с ним, хочется сказать, что мир не погиб, в немалой мере, потому что не разучился (благодаря таким сатирикам, как автор «Сатирикона») смеяться. Сходны же они с Луканом, увы, в том, что оба умерли, перерезав себе вены. Впрочем, и умерев, как жили, по-разному: один – по спущенному сверху кесарскому приговору-велению (брошенная Лукану, словно кость с барского стола, царская милость), не сумев не встать в позу и предсмертно; другой – решив не дожидаться никакого (заведомо известного) приговора, безо всякой поэзы, как истинный эпикуреец высшей пробы!

⁴⁴ Прочтите у Маяковского «Екатеринбург – Свердловск», где этот «ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный», прославляет расстрел царской фамилии в 10-ю годовщину (1928г.) бандитского смертоубийства, точнее, вчитайтесь в то, как он это («выливающая чахоткины плевки шершавым языком плаката») делает. Те, кто восславили террор революции и романтично воспели её ужасы, причём делали и сделали это небесталанно, ответственны не меньше тех, кто террор санкционировали и творили, готовя, в частности, почву и обоснование для последующего Большого террора в сталинское время и импуглизируя удушение свободы слова до, по большому счёту, горбачёвской перестройки. Послушайте («музыку революции») Мариенгофа: «Кровью плюём зорно / Богу в юридический взор, / Надпись на красном чёрным: / Массовый террор». Разве комментарии не излишни!?

К примеру, о царских дочерях, к-рых Маяковскому однажды довелось видеть с их отцом в ландо («в ланде»), на «юбилей» 1928г. говорится «Перед ним (Николаем II), как чурки, четыре дочурки». Понимай, мол, ничего (или правильно сделали), что (зверски) убили (великих княжон в возрасте 17-19-21-23гг.), они же (всё равно), «как чурки!» Или сходно у Шолохова: «одинаково бесцветные царские дочери» («Тихий Дон»).

А что касается Евтушенки, например, в Грузии он глаголет: «О Грузия, нам слёзы утирая, / Ты русской музы колыбель вторая. / В России быть поэтом невозможно, / О Грузии забыв неосторожно»; или «Если б я не родился русским, / Я хотел бы родиться грузином». В Армении: «Без великой армянской культуры человечества быть не могло»; или «Дай, Чаренц, на тебя опереться, / Чтоб увидеть библейский рассвет, / Без Армении нету Чаренца, / Без Чаренца Армении нет». Вероятно, аналогично дело обстояло и в Латвии, и в Молдавии, и в Таджикистане. Причём Евтушенко, активничая в пору «гласности-перестройки», не преминул откликнуться также на трагедию погромного Сумгаита (взывающим к советской «дружбе народов», заканчивавшейся «сумгаитами») стихотворением «Платок Хураман Аббасовой», к-рый (платок) «набряк слезами Сумгаита», и на к-ром (на платке) «слезами выткали армянки своих страданий вековых узор». В стихах же, посвящённых еврейской трагедии Бабьего яра, имеются и такие слова: «Мне кажется сейчас – я иудей, / Вот я бреду по древнему Египту, / А вот я на кресте распятый гибну, / И до сих пор на мне следы гвоздей».

Скажите, верится ли в евтушенковскую искренность? Ну никак не верится! Автор слов: «У меня на свете две любимых, / Это – революция и ты», сказавший позднее, в 90-е гг., что в советский период он, славя революцию (как можно было не поиграть в Маяковского – «агитатора, горлана, главаря!») и советский строй, стал жертвой советской пропаганды, и благополучно укативший из постсоветской России в Америку, империализм к-рой (свергнувшей С.Альенде в пользу Пиночета), при развитом социализме, не был у него, у Евтушенки, в его творчестве, в чести. Не случайно Бродский как-то сказал: «Если Евтушенко против колхозов, то я – за». И ещё кто-то (не помню кто?) едко-метко высмеял (хамелеонистого) Евтушенко запоминающейся эпиграммой: «Зачем, мальчишка-показушник, / Опять выляешь ты хвостом, / Как проститутка, как двурушник? / А собирался быть Христом».

И, кстати, не только Лукану, но и (при всех его достоинствах, любителю клубнички) Овидию, к-рый унижительно вымалывал у Августа и потом у Тиберия прощение, в надежде вернуться из понтийского захолустья, автору знаменитого «Эротикона», пусть литературно превосходящего «Сатирикон», по качеству его человеческого и мужского достоинства, особенно на финишном отрезке пути навстречу смерти, очень далеко до (насмешливо презирающего всякую клубничку) аристократа духа Петрония!⁴⁵

* * *

Итак, Петроний автор не имеющего аналогов в древности и первого в мировой литературе плутовского (авантюрного) романа «Сатирикон» (без начала и конца), от к-рого, первоначально состоявшего из, как полагают, ок. XX-и Книг, до нас фрагментарно дошли, всего-навсего, части Книг XV, XVI и, м.б., XIV. Его герой Энколпий – пародия на Одиссея, деклассированный элемент, представитель культурного общества, ставший бродягой и преступником (своего рода античный Остап Бендер). И как Одиссей много страдает от гнева Посейдона, так Энколпия преследует гнев Приапа, одно из таинств к-рого он кощунственно нарушил или профанировал (в не дошедших до нас частях романа), и к-рый, в наказание за это, в самые неподходящие моменты, в самых пикантных ситуациях, лишает его мужской силы (импотенция декадентной римской элиты!).

Приап – малоазийское итифаллическое божество сладострастия, похоти и плодородия, с вторичным, в то время как место происхождения культа неизвестно, сообразно Страбону (13,1,12) и Павсанию (9,31,2), центром почитания в Лампсаке (жители к-рого видели в Приапе основателя города) и в Троаде у Геллеспонта (потому и называемое в романе «Геллеспонтским»). Это божество более низкого уровня-сорта-пошиба, нежели фундаментально отвечающие не столько за порнографическую сексуальность, сколько за тождественные в приземлённом античном (и современном) понимании любовь и сексуальность божества рангом выше – Эрот, Амур, Афродита.

Неспроста он часто изображается в виде гнома с фаллосом более внушительных размеров, чем он сам, или аж с двумя, или даже с, в общей сложности, тремя – triphallus – фаллосами (!!!) – (деление одночлена на многочлен и трёхчленность!).⁴⁶ Притом – третий – его голова в виде фаллоса (заменяющего ему, старичку с фаллособразной головой, голову), при наличии второго, – поскольку, согласно одному из преданий («Комм. к Аполлону Родосскому» 1,932), беременная им от Диониса (варианты: от Зевса или от Гермеса) Афродита (Павсаний 9,31,2) вступила

⁴⁵ Что вы, наморщивши лоб, на меня глядите, Катоны?

Не по душе вам прихлась книга моей простоты.

В чистых наших речах весёлая прелесть смеётся.

Нравы народа поёт мой беспорочный язык.

Кто же не знает любви и не знает восторгов Венеры?

Кто воспретит согреть в тёплой постели тела?

Правды отец, Эпикур, и сам повелел нам, премудрый,

Вечно любить, говоря: цель этой жизни – Любовь. (132)

Прекрасные слова, хотя (высмеивающий обоих Катонов – и престоного цензора Катона Maior, и «идеального республиканца» Катона Minor) Петроний повсеместно тонко ироничен. Но пусть маркиз де Сад хотел «икать в (райском) саду у (старика) Эпикура», не истинный ли эпикуреизм (сродни истинной стое) и есть тот мост, один из мостов, к-рый позволяет совершить переход из элитной античности в элитное христианство?

⁴⁶ В соперничавших с Лампсаком городах и на островах утверждали, что Приап был изгнан из города за небывалый по размерам фаллос (Сервий «Комм. к «Энеиде» Вергилия» 4,111).

в период беременности в связь также с Адонисом, — от Адониса (сплав из греческих и азиатских мифомотивов). Затем ворожба ревнивой Геры сделала рождённого Афродитой ребёнка (из-за двойного отцовства) уродцем с двумя фаллосами. По др. версии («Свиды» 3), Приап, сын Афродиты и Зевса, был, вследствие насланного Герой на него уродства, оставлен в горах и подобран пастухами или нимфами, силеном и сатиром.

Приапос спутник и его *священное* животное — похотливый осёл (см. Овидий «Фасты» 1,395; 6,319), в виде к-рого (или древесного сучка) Приапа почитали на ранней стадии (до IVв. до н.э.), и образ к-рого доведён до кондиции у знаменитого автора Пв. Апулея («Золотой осёл»), от к-рого Петроний выгодно отличается тем, что чистоплотно не смакует эротику. Приапеями в античности назывались шуточные скабрёзные стихи (книжные и настенные) эротического содержания (чем-то родственные с определённого рода частушками).

После похода Александра, известный с IVв. до н.э. в Афинах Приап (с его культом) распространился по всей эллинистической Ойкумене, пользуясь спросом и как божество плодородия, и как носитель магической силы, ответственной за потенцию, и как куратор, фигурально выражаясь, идеального *вечного оргазма*, тайну достижения эффектов к-рого люди-человеки упорно ищут-добывают со стародавних времён.

Приапа (не импульсатора ли позднейшего Клингзора, имя к-рого означает — *похотливый* ?!) воспевали поэты (Теокрит, Леонид Тарентский, Антипатр Сидонский), писали художники, лепили скульпторы. Его изображения (в основном относящиеся к эпохе Империи) встречаются на межевых камнях и монетах, его скульптуры и террактовые статуэтки стояли в садах и во дворцах, в лесах, в виноградниках, на дорогах, пасаках, пристанях, в публичных домах.

В I/IIвв., начиная с Катутла, Вергилия, Горация, он получил признание и стал очень востребованным также в унаследовавшем эллинистическую Ойкумену державном Риме. Добрый сельский божок (Овидий «Tristia» 1,10,26), страж садов (Диодор 4,6,4), следящий за чистотой родников и правильным межеванием-терминацией земли, покровитель рыбаков, матросов, проституток, развратников, евнухов, сам — сводник, кутила, педераст, включённый в круг римских божеств плодородия (Помона, Сильван) и особенно популярный с тиберианской поры в упадочном, в решившем безоглядно отдаться пороку римском обществе.⁴⁷

Ведь и в разращённых-распутных верхах, и в хлебозрелищных низах этого римского общества прогрессировали безбрачие, бездетность, падение нравов, упадок искусств, сопровождаемые экономическим упадком (винодельческо-свиноводческой) Италии, и погружением общества в целом в присущий всякой пресыщенной цивилизации глубоченный декаданс.

Не на пустом месте в позднеантичном синкретизме Приап сделался *Все-богом* — Pantheos (CIL 3,1139), вместе с Сераписом, Гелиосом, Паном, Фавном. Да и не заступил ли он на место (козлоногого) Пана, к-рый, как читатель помнит, *умер* при Тиберии, весть о чём, сообщённая людям весьма любопытным мистическим обра-

⁴⁷ Атрибуты Приапа: рог изобилия, тирс, факел, маска, кошель, садовый инвентарь и музыкальные инструменты, главным образом — двойная флейта. Кроме цветочных венков и гирлянд, овощей, фруктов, мёда, бобов, вина, ему приносили в жертву кровь бычков, козлов, ягнят, поросят, голубей и рыб, окропляя ею его изображения. Пурпурный или шафранный хитон подарила младенцу Приапу мать (Афродита; или одна из нимф), чтобы сгладить уродство сына (Кассиодор «Varia» 6,21,2). Праздники в честь Приапа — «учителя Вакха», справлялись в марте и июне, сопровождаясь сексуальным неистовством и безудержным весельем. Как простонародный культовый персонаж он участвовал в праздниках Деметры, Диониса и Доброй богини (Bona Dea).

зом, пришла через александрийского кормчего-корабельщика Тамуза в Рим в 30г. н.э., была тщательно проверена и усвоена (вакханализованная тогда на Капри, набирая обороты) Тиберием (Т.Г. 211-22).

Небезосновательно и действие романа Петрония, пусть при множестве анахронизмов, помещено именно в правление позднего Тиберия, в пору 30 – 33 (противообраз Тайнства Голгофы!), или, точнее, ок. 32/33гг., на к-рые пришлось пики тиберианского сексуального и тиранического беспредела, с сатирической презентацией автором пороков своего поколения на материале порочности поколения предшествующего, время и нравы к-рого были живо памятны ок. 18/19-летнему в те годы Петронию не понаслышке.

Причём в пользу того обстоятельства, что в «Сатириконе» говорится о времени правления Тиберия не позднее 33г. свидетельствуют упоминание Скавра (77), под к-рым не кто иной как (прежде всего) Мам.Эмилий Скавр (конс.-суф. 21г. н.э.; второй муж Эмилии Лепиды, бывшей ранее замужем за Квиринием). Выходец из знаменитого рода аристократов Эмилиев (носитель эксклюзивного родового преномена данной эмилианской ветви – Мамерк), он был известным ретором, мастером саркастических суждений, сочетавшим, сообразно Сенеке Ст., гениальность с леностью и порочностью (Contr. 10, praef. 2-3), более того, являясь своего рода «арбитром изящества» (правда, отнюдь не столь безупречным персонально) до Петрония. И «Сатирикон» говорит о нём, как о здравствующем на момент действия романа муже, тогда как в 34г. н.э. он вынужденно наложил на себя руки, обвинённый Макроном перед Тиберием за написание трагедии «Атрей», в персонаже к-рой Агамемноне Тиберий усмотрел издевательство над собой (Д.И. 529) (см. выше).⁴⁸

Т.е. не удивительно ли, что писавшийся в 60-е гг. Ив. н.э.⁴⁹, до 65/66гг., (незаключенный?) «Сатирикон», повествуя о римских нравах 30 – 33, или локальнее – 32/33гг., пародирует, посредством их мастерски саркастического изображения-воспроизведения, удручающую реальность где-то 63 – 66-го гг., спустя 30/33года от 30 – 33гг., или 32/33 года (к-рые упираются как раз в 65-й и в конечный-роковой для Петрония 66гг. н.э.) от 32/33гг. С одной стороны, – противозеркальный и зеркальный палестинский и римский полюса в беспрецедентную трёхлетку вселенской Мистерии Голгофы; с другой – плутовской, авантюрный и нравственный роман Петрония в пору первого римского гонения на христиан (64г.), вторых Павловых уз и в канун римского мученичества Апостолов Петра и Павла (66/67гг.)!

Гротескно-эротические переживания Энколпия, рассказываемые им самим, связаны с женщинами самого порочного дна и с мальчиками. «Сатирикон» пародирует любовный роман, так как рядом с Энколпием не существо женского пола, а 16-летний отрок-юноша и хитрован Гитон⁵⁰ (что, как и всякие гомосексуальные

⁴⁸ Ещё одно свидетельство, указывающее на действие романа в правление Тиберия, это пассаж о способе изготовления небьющегося стекла (51), секрет к-рого был найден и снова утерян, согласно Диону (57,21,5-7), повествующему об этом под 23г. н.э., именно при Тиберии (кто велел казнить мастера-изобретателя). А Плиний, сказав о гибком стекле, придуманном при Тиберии, говорит дальше, что при Нероне «было придумано такое искусство стекла, что два небольших кубка, к-рые называли петротами, продавались за 6 тыс. сестерциев» (36,195).

⁴⁹ Упоминание Петронием женщины-эсседария (45), сражающейся на колеснице, похоже, пересмеивает предводительствовавшую британским противоримским восстанием царицу Боудикку, к-рая сражалась на колеснице против римлян в 61г., т.е. роман был начат ок. или после 61г. н.э.

⁵⁰ На памяти (сделанный, между прочим, Ильфом и Петровым с В.Шульгина) Киса Воробьянинов – благо негомосексуальный «мальчик» (шустрый мальчонка) Остапа Бендера: «Кто скажет, что это девочка, пусть первым бросит в меня камень». От Галлии и до Фригии были распространены фаллические амулеты с изображением умерших в облике Приапа, к-рый ещё отождествлялся в Риме с покровительствовавшим новобрачным, особенно в первую

отношения) в старореспубликанском Риме считалось позорным-постыдным, но было в Риме поздне-республиканском и императорском общепринято.

Притом действие первой (А) из трёх (А, В, С) географических частей романа, с изысканно поданным в них вульгарным реализмом, происходит в анонимно-собирательном Греческом городе кампанской Италии, за к-рым, в наибольшей мере, проглядывает знакомый нам Путеол (греч. Дикеархея), между Неаполем и Кумами, греко-кампанская география к-рого, в рамках италийской «Великой Греции» (от Кум, Путеол и Неаполя до Кротоны, Тарента и Сицилии), дополнительно суггеррует закоренелую порочность и созвучный пепельному ландшафту Кампании гипертрофированный греко-римский упадок IV н.э.

Для романа характерны искусство сатирических характеристик и оригинальная переработка греко-мифологических сюжетов, их мастерская перелицовка, достигающая апогея в сцене пиршества у прыгнувшего из грязи в князи богатого (состояние – 30 млн. сестерциев) нувориша-либерта Трималхияна – *трижды противный* (не антипод ли *трижды великого* Гермеса Трисмегиста!).

Этот больной гороскопическими знаками Зодиака и погоней за наслаждениями дремучий карикатурный невежда, родом из Сирии, на протяжении 14-и лет бывший усладительным мальчиком своего господина, олицетворяет собой всю касту несказанно расплывшихся после Тиберия, при Калигуле, Клавдии, Нероне, влиятельных, алчных, хамоватых вольноотпущенников (в основном из пройдох греков и лукавых грекоязычных ориенталов), число к-рых всё росло, и то усиливающемуся, то ослабевающему влиянию и роли к-рых («грядущие хамы» Мережковского), при дворе, в высшем обществе, в жизни Рима, положит конец во II в. только Адриан (хотя в эпоху Антонинов уже столько римляне были потомками вольноотпущенников и рабов, что Imperium Romanum небезосновательно называли «империей либертов»).

Язык и речь Петрония, витруоза обращения с языком и речью, всегда соответствуют уровню его персонажей: серебряная латынь в устах невозмутимого циника и образованного авантюриста Энкалпия – *extra legem viventibus* (125); латынь ломовая-сермяжная – *vulgaris* – в исполнении стремящегося любой ценой попасть в высший свет быдловатого (вполне сравнимого с «новыми русскими», или с «новыми армянами») богатея-нувориша Трималхияна (самая колоритная фигура романа), или прочих либертов; латынь высокопарная – у пижонистого поэта Эвмолпа.

Беспартийный Петроний – своего рода *паталогоанатом*, препарирующий порок (ведь сладострастие, секрет и потолки к-рого искал на Капри престарелый козлище Тиберий, – ведущий мотив и нерв, важнейший ингредиент романа), но работающий с трупом и извлечением из него внутренностей так ювелирно, так развлекательно, без какой-либо морализаторской или обличительной установки, что зрителю-читателю не становится противно (как, к примеру, от тошнотворного партийного пафоса Лукана, говорить языком к-рого – всё равно, что говорить в повседневном быту языком Шекспира в наше время).

Не случайно перед личным обаянием и умением делать всё, будь то суждения, творчество, наслаждения, мэтра Петрония изящным не устоял даже Нерон, включивший его, маэстро явной и скрытой иронии, превращающейся в «непрерывный юмор» (Цицерон), в ближний круг и признавший за ним статус бесспорного арбитра *elegantiae*, носителя почётного прозвища (*Arbiter*, как Тацит – арбитр истории), закрепившегося за ним вместо форменного когномена в веках.

брачную ночь, и изображавшимся в виде эрегированного фаллоса фаллическим божеством Мутуном Тутуном, «на фаллос к-рого рекомендовалось сесть новобрачной» (Августин «Град Божий» 6,9), «чтобы казалось, будто целомудрие в браке первым познаёт бог» (Лактанций Inst. 20,36).

Пир Трималхиона (у кого в роскошном доме всегда, по его словам, останавливается, когда приезжает-наезжает в Кампанию, Скавр) — *cena Trimalchionis* — занимает, воспроизводя балаган жизни (а где балаган, там и, как сказал Горький⁵¹ о Мережковском, балаганные прорицатели многозначительных истин — например, участники сегодняшних ток-шоу), 51 главу в составе сохранившихся 141-й глав романа. Ниже, из Греческого города Петрониевы героини-антигерои (вопрос о героине или антигероине к-рых открыт и оставлен на усмотрение читателя) отправляются, взойдя на борт судна, в Тарент, чтобы оказаться, в результате морской бури, в Кротоне (греческая, подобно Таренту, колония на calabрийском берегу Тарентского залива, основанная афинянами в VIII в. до н.э.).

И именно на борту корабля звучит *вставная* новелла «Матрона из Эфеса» (111-13), к-рая, — сатира на выставляемую напоказ женскую верность, с её законченным сюжетом, не раз в Новое время издавалась отдельной книжицей. Безутешная вдова траурно изводит себя в склепе, желая умереть вместе с почившим мужем, однако, в итоге безоглядно отдаётся воину, поставленному неподалёку охранять кресты с распятыми на них телами преступников. А когда одно из тел, украденное родственниками, пока караульный занимался склепной любовью, пропадает-исчезает с креста, она, спасая любовника от наказания, соглашается пригвоздить к кресту труп своего мужа.

Спрашивается, нет ли тут сатиры на исчерпавший себя языческий культ Артемиды Эфесской? не высмеивает ли «эфесская матрона» сплавленных воедино, преобразившихся из веры в суеверие Артемиду и Афродиту? И обратите ещё внимание на двойниковый антипод явно неведомой Петронии Голгофы — с распятыми преступниками, пустым гробом, телом, украденным с креста, наконец, с Магдалиной и Эфесом — местом деятельности в духовно давешнем городе Артемиды Ап. Павла и позднее Иоанна Богослова!

Не может ли (не терпящий морализаторства, сходно В.Шаламову!) Петроний сказать задолго до Ницше — «Gott ist tot!», или, вернее, приложительно к языческому многобожию: «Die Götter, die haben sich in arge Abgötterei und Gespenster verwandelt, sind tot! sind dem Boden gleich gemacht». Да, в романе, где мимикрируют притоны и оргии, тайные культы, сцены скандалов, колдуньи, волки-оборотни, ведьмы-вампиры, как будто совсем отсутствуют мистика и элементы божественного вмешательства, и боги вроде бы придуманы исключительно страхами людей.

Но не насмешливая ли это, в т.ч., пародийная, эпитафия на смерть *старых богов* и на убожество того, что от них суеверно осталось?! Не являются ли мастерски

⁵¹ На дому у «буревестника революции» и (единовременно) «великого гуманиста» М. Горького делались самодельные бомбы, к-рыми бомбисты убивали людей. Это был тот самый Горький, к-рый менял виллы, одна роскошнее и богаче другой, на Капри, скорбя (до революции) там (в ходе сытнейших обедов, подобных к-рым Б.Шоу не видел даже в богатейших домах Лондона) о тяжёлой участи угнетённого и голодного народа. Более того, он принимал (не только Ленина, с к-рым играл в шахматы), плюс подкармливал, у себя на Капри и без того не голодавших дореволюционных русских писателей, чтобы они похлеще материли «проклятый царский режим». Причём, если учредить историко-политический приз «за человечность» режима в отношении к своим политическим противникам, то этот приз следует вручить именно романовскому царизму, к-рый чуть ли не стыдился-стеснялся осуждать на смерть или каторгу по суду тех уродов, к-рые убивали его царей и министров! Достаточно сказать, что в период 1901-11 гг., вследствие террористических актов, погибли ок. 10-и тыс. человек. Многие назначаемые на высокие должности (смертников) чины сразу составляли завешание, а товарищи революционеры по несколько раз бежали из тюрьмы и ссылки, жировали за границей на деньги от экспроприаций и снова разрушительно возвращались в Россию. Чего стоит хотя бы массовая политическая амнистия к 300-летию дома Романовых (1913 г.)!

задействованные натуралистическая откровенность и нигилистическая пустота искусным литературным приёмом отнюдь не атеиста и не нигилиста Петрония? кому откуда-то — то ли сознательно, то ли подсознательно — ведомы, без знания их истинного таинства, минимум тайны непростых дат и хроноинтервалов: 30 — 32/33гг. + 32/33 года = 65/66гг.

Петроний продуктивно использует форму «менипповой сатуры» (без чего-либо общего у его романа с менипповой сатирой по сути), чередуя прозаическое повествование со стихотворным. Когда поэт Эвмолп ямбическими триметрами поёт-декламирует (ещё в Греческом городе, уподобимом «греческому залу» А.Райкина) «Разрушение Трои» (89), тут пародия не столько на освящённый эпический гекзаметр, сколько на дилетантское (и не очень) стихоплётство. При чересчур частом использовании (вслед за Вергилием) этого излюбленного римлянами и порядком затасканного сюжета, к-рый, как мы знаем, попользовал в дни пожара Рима и стихоплёт-песнопевец под кифару Нерон.

Дальше — больше. После прибытия потерпевших кораблекрушение путников в Кротону, полемически перекликающимися с «Разрушением Трои» перепевами «Фарсалии» Лукана представлена вставка «Поэма о Гражданской войне» (119-24). В ней автор, избыточно снабжая рассказ (в пике эпике-историку Лукану) насыщенным мифологическим аппаратом, в 295-и гекзаметрах искусно и провокативно противопоставляет кокетливо эпатажному помпеянству-прокатонству Лукана казалось бы не ожидаемую от Петрония истовую приверженность (без лебезятничества перед Нероном) Цезарю (ибо Цезарь — *лосошь*, а Брут-и-Кассий — *лягушки*) и цезаризму.

Причём это, не в пример яростным лукановским сентенциям, делается очень искренно и в авторскую искренность верится не с трудом. То-то роман писался в годы накануне 110-летнего (траурного) секулярного юбилея (110 лет — великий *Lustrum* — 22 пятилетки!) от мартовских ид 44г. до н.э.⁵², к-рый пришёлся (считая 110-й год с марта 66г.) на 67г. н.э., когда Петрония уже не было в живых.⁵³

И тем не менее, повторим, никакой моральной-морализаторский смысл автором в роман, дошедшие до нас части к-рого завершаются столь же высокоградусно сатирическими «Исцелением Энколпия» (140) и «Завещанием Эвмолпа» (141), не вкладывается, в чём его неувядающая свежесть и беспримерная оригинальность. Тонкий эстет-аристократ Петроний едко и снайперски метко, но совершенно беззлобно высмеивает пороки, не анимализируя их и не противопоставляя им какую-либо групповую добродетель старого безбожно-обезбоженного мира, время к-рой прошло и избрание к-рой предоставляется за кадром если не индивидуальностям, то личностям по их собственному человеческо-человечному усмотрению. Ёрничает не Петроний; весело ёрничают его герои-антигерои. «В моей чистой речи улыбается весёлая грация, и язык мой вещает с ясной прямоотой о том, что делает весь народ».

И пусть боги несостоятельны, суды продажны, законы бессильны перед властью денег, дружба — пустое слово, отношения между людьми — фальш, при том, что Петрония (приверженца классицизма, не меньше ироничного к его крайностям и эпигонству, против мудозвонства «нового стиля») больше всего заботит упадок искусств, красноречия и поэзии, ни малейшей тупиковой безысходности в его романе нет.

Вернее, роман, воздерживаясь от оценочных характеристик (за добродушной и одновременно безжалостной улыбкой умных авторских глаз, за пластами иронии, сродни слоёной матрёшке), удивительным образом не навязывает ни безысходность,

⁵² «Юлий же кровию Рим обагрил, благодарности чуждый» (120).

⁵³ Не исключено, что роман дописывался после Петрония, как трагедия «Октавия», начатая (по нашему мнению) Сенекой, была закончена (анонимом) после Сенеки (+ 65г.) и Нерона (+ 68г.) — до или ок. 70г. н.э.

ни — чуждый морализаторству — что-либо вообще, оставляя за читателем свободу выбора (из свободы воли), к-рый не может не привести, будь то с автором или помимо автора, к поиску выхода, к мысли о необходимости тотального обновления, к вопросу о путях (с эпикурейским багажом) из неверия в веру.

* * *

При всей своей мастерской сатирической мимикрии слова, по большому счёту, «грустный клоун» Петроний⁵⁴ не опускает центр существа растерявшего божественность высшего человека ни в желудочно-кишечный тракт, как философы-анималисты Маркс-и-Энгельс, ни ниже пояса («чуть-чуть пониже области пупка»), как Фрейд, и не наносит человеку своим смехом удар ниже пояса.

В замыкающем династию и эпоху Нероне, к-рый отнюдь не Тримальхион (не без отдельных тримальхионовских черт), о чём любили посудачить (низводя тем самым «Сатирикон» до низкопробного памфлета) в Средние века, было в зачатке что-то от каждого из Юлиев-Клавдиев, начиная с Цезаря и Августа, как положительное, так и отрицательное. И Агриппина мечтала сделать из сына (доверенного наставнику Сенеке, кто, к слову, единственный из стойков, искал компромиссы с учением Эпикура) второго Цезаря и Августа вместе взятых, но в итоге получилась, увы, гремячая смесь из Тиберия, Калигулы и Клавдия. В итоге её вырожденец-сын и его принципат аккумулировали все пороки Юлиев-Клавдиев, растеряв все их достоинства (экстракт-контэссенция наоборот!).

Скажем снова, Петроний был *willkommen* в ближнем кругу принцепса до заговора Пизона, в к-ром он никоим макаром не участвовал, но после к-рого его дни, по всякому, были, рано или поздно, сочтены. Да, он знался со Сцевиным, с к-рого началось разоблачение и без того горе-заговора, однако явно не знал о намечавшемся кесареубийстве и никогда бы не примкнул к заговорщикам, так что эта инкриминированная ему почти через год после событий дружба была всего лишь поводом-предлогом к расправе. И расправу инициировал именно завистливый Тигеллин, против чего Нерон не стал возражать, поскольку Петронию ни рядом с Нероном образца 66-го г., ни в римском обществе в целом, ни в жизни больше не было места.

Его время вышло и он, решив не дожидаться приговорного предписания, ушёл так же достойно, как жил, ушёл, как истинный эпикуреец, не разведя слово с делом, без философствований о бессмертии души, и максимально уподобив свой уход естественной смерти. Не пристало арбитру изящества дожидаться *милостивого* венценосного предоставления ему «свободного выбора смерти» — *liberum mortis arbitrium*. И понятно, что в его завещании не было никакой лести ни Нерону, ни Тигеллину, ни кому-либо из их окружения. Плюс к тому, в прощальном письме он описал безобразные оргии принцепса, в к-рых, следовательно, сам (арбитр изящества) не участвовал, и смело отправил письмо венценосному адресату.

По Плутарху (*Quom. adul.* 19), дерзкие остроумные высказывания Петрония долго курсировали среди римлян, обратившись в афоризмы и крылатые фразы⁵⁵, с выстав-

⁵⁴ Невольно вспоминаешь слово Высоцкого о Л.Енгибарове, грустная клоунада к-рого (неприемлемая для клоунов-традиционалистов — О.Попова, Ю.Никулина, Карандаша) чем-то очень похожа на бесшабашную (и одновременно стоившую ему жизни) сатиру Петрония:

Грустный клоун захлебнулся горем,
Просто сил своих не рассчитав.

⁵⁵ «Умереть — значит, присоединиться к большинству».
«Отсутствие наряда служит иногда лучшим нарядом».

лением кичившегося своей расточительностью Нерона (кто не упускал случаев присвоить чужое состояние) скупердяем и мелочником. А Плиний пишет, что консуляр (Тит) Петроний «перед смертью разбил мурриновый ковш, купленный за 300 тыс. сестерциев, из ненависти к Нерону, чтобы лишить его столь тонкого наследства» (37,20). Разбил — да, не желая видеть с того света драгоценный мурриновый ковш в сивых лапах «меднобородой обезьяны», но не из ненависти, потому что этот великий перемешник был весьма далёк от ненависти к кому бы то ни было.⁵⁶

И, если копнуть глубже, то надо констатировать, что не столько «любовь» важнейший ингредиент его стоящего особняком в мировой литературе романа, основной нерв к-рого действительно сладострастие, сколько жгучая, даром что в безбрежном океане всегда тактичной иронии, ностальгия по той настоящей Любви, к-рой в романе нет!

Притом за кадром «Сатирикона» вопросы: как вывести человека, людей-комедиантов, из-под вседвоящей опеки божка-демона низменной чувственности Приапа? как сделать (эпикурейский) упор на одной из его субстанциональных составляющих — на сублимационной реализации «порождающего логоса» (стойков), на духотворно-одухотворённом Логосе-Spermatikos? к-рый (компонент христианского гнозиса!), творчески облагораживая могучую сексуальную энергию, даёт ей божественное мистериальное содержание, преображая её в истинную Любовь! (Второй Адам и Искушение Евы!)

Впрочем, нельзя не присовокупить, что предсмертная (с чувством, с долгом, с расстановкой) Петрониева смелость была обусловлена ещё и, по всему, отсутствием у него на ббг. жены и детей, семьи, так как, во-первых, о них у Тацита нет ни слова, и во-вторых, или, правильнее сказать, во-первых, имей они место быть, им после такого завещания было бы несдобровать.

Во всём прочем к утончённо ироничному, как и вся его жизнь с творчеством, уходу из жизни с честью автора «Сатирикона»⁵⁷ прибавить, как говорится, нечего. Он ушёл в гоголевском возрасте ок. 52-х лет вовсе не пессимистом, к-рый боится быть погребённым живо, сумев и в смерти пребыть сатириком-оптимистом не в штатском — облачённый в звёздную мантию-порфиру рафинированного (через все знаки Зодиака и прочие созвездия!) смеха. Он ушёл, пересмеяв всех, он ушёл, пересмеяв, в конце концов, даже самого себя.

И с уходом Петрония (предтечи-предварителя всех выдающихся грядущих сатириков от Апулея до Боккаччо и от Боккаччо до Булгакова), из неронового Рима, образно выражаясь, ушёл даже смех — как без слёз, так и сквозь слёзы, выявив-проявив, поставив на кон остающиеся напоследок, в эпилоге, только горькие слёзы (сквозь гомерическо-сардонический хохот, в т.ч., итифаллических гримас хреново-херовой истории).

«В беде познаёшь друга».

«Минуя нас, судьба вершит дела».

«Каков хозяин, таков и слуга».

«Весь мир занимается лицедейством».

«Чем ты обладаешь, то обладает и тобой».

«Ограничивайте себя во всём, даже в ограничении».

«Где дело пошатнулось, там друзья за дверь».

«Искусство никогда не умирает».

⁵⁶ Кардинальная разница между Петронием и Нероном состояла в том, что Нерон, проходя, потомственно и по усыновлению, от знатных Домициев, Юлиев, Клавдиев (совсем не Трималхион), был быдлом по духу (Трималхион), а внук незнатного всадника Петрония — настоящим аристократом духа!

⁵⁷ Буквально — «Сатирикон», ставший названием романа, = «книги сатирических повестей», — есть (satirikon) родительный падеж мн. числа.

И словно вдогонку Петронию, вдогонку его прощально-печальной грустно-весёлой усмешке, античный *гермафродит*-извращенец Нерон (уже вышедший в 64г. замуж за вольноотпущенника Пифагора), скоро, в греческой Греции, по всей форме, возьмёт в жёны очень похожего на покойную Поппею Сабину мальчика Спора. Возьмёт, полагая, что сумел превратить его в Поппею (как труд, согласно марксистам, якобы превратил обезьяну в человека) при помощи кастрации! Какой уж тут «Сатирикон», когда (весьма созвучная нашей порочной современности) комедия жизни разыгрывается до такой карикатурной степени наяву!

ТРАЗЕЯ ПЕТ И БАРЕЯ СОРАН

(апрель/май 66г.)

Петроний покончил с собой в Кумах, не добравшись ни до Путеол, ни до Неаполя, где (или в Путеолах), в своей любимой италийской «Великой Греции», в очередной раз обретался тогда, без сомнения, снова кифаредствуя, Нерон, вероятно, где-то в начале апреля 66г.

Причём Нерона беспокоил уже не столько собственно элегантный уход Петрония, ускользнувшего от приговора, что и в таком виде кесаря худо-бедно устроило, сколько, как говорит Тацит, ставшие известными Петронию подробности его, нероновских, «изошрённых ночных развлечений» (Ан. 16,20), высмеянных Петронием (кто, повторим, стало быть, в них никогда не участвовал) в его предсмертном письме. От кого, спрашивается, «арбитр изящества» узнал об этих «грязных любострастных забавах»? к-рые, следовательно, сделались до того грязными, что даже поправший все нормы Нерон, практиковавший под эгидой трёхчленного Приапа (как и приапоподобный каприйский старче Тиберий), разврат «с (карамазовской) грязнотцой», считал нужным их скрывать?

И поскольку автор письма, само собой, не назвал имени информатора, кесарь, перебирая возможных кандидатов и кандидатов из числа участников вакханальных оргий, остановился на Силии (б.м., мл. сестра казнённого в 48г. авантюрного молодчика Силия — брачного суженого Мессалины, при её живом, без развода, муже Клавдии?). Ведь она, замужествуя за сенатором и приятельствуя с Петронием, была принуждена Нероном к соучастию в его (каких-то перверсивно поразительных, в подробности о чём Тацит не вдаётся, и для выдавших виды римлян) «ночных развлечений».

Исходила ли утечка информации и вправду от Силии (судя по Тациту, скорее, нет, чем да) — вопрос, но, уверив себя в том, что это именно она, Нерон «проникся к ней злобою и отправил её в изгнание» (20).

Вдобавок к тому, он отдал, по всей видимости, в то же время, ближе неизвестного претория Минуция Терма «на расправу жаждавшему отомстить ему Тигеллину; дело в том, что вольноотпущенник Терма в поданном им доносе обличал Тигеллина в некоторых преступлениях, за что он сам поплатился жесточайшими пытками, а его патрон Терм — головою» (20).

Дело Минуция и его либерта не было связано с Силией, и в чём именно оно состояло, т.е. в каких именно преступлениях Тигеллин обвинялся либертом, к-рому покровительствовал патрон, неясно. Но, с одной стороны, Тигеллином, кто, став к Нерону ближе всех после разгрома заговора Пизона и кончины Поппеи, делался, чем дальше, тем наглее, совершалось одно преступление за другим, а с др., выступать ныне против него, главного притронного цербера и соучастника всех злодеяний хозяина, было равносильно самоубийству. У Нерона 65 — 68гг. не было ближе приверженца, чем Тигеллин.

Далее, в заключительных главах — 21-35 — 16-й книги дошедших до нас «Анналов», к-рые, к сожалению, обрываются (нанося невосполнимый урон истории) на полуслове, повествуется о нероновской расправе над именитыми мужами, сенаторами и философами-стоиками, с к-рыми читатель уже частично знаком и к-рых зовут — одного — П.Клодий Тразей Пет (конс.-суф. 56г.), другого — Кв.Марций (или Сервий?) Барей Соран (конс.-суф. 52г.) (см. выше). И произошло это, начавшись в апреле/мае, вероятно, в мае 66г., так как оба названных мужа принудительно покончили с собой в дни пребывания в Риме прибывшего сюда за царской диадемой Тиридата Армянского, коронованного Нероном на Форуме Romanum, по всему, в один из дней второй половины мая 66г. н.э. (см. выше и ниже).

Притом для правильной фактической и хронологической реконструкции событий необходимо разобраться с противоречиями в повествованиях анналистического Тацита и эпитомированного Диона. Проблема в том, что если у Тацита разбирательство (первая фаза) дела (вроде бы обоих) опальных консуляров-сенаторов-философов в сенате происходит в присутствии Нерона, «в дни, когда ожидалось прибытие Тиридата для его возведения на армянский престол» (16,21-23), то согласно Диону, Нерон самолично встретил Тиридата в Неаполе (63,2,3), попотчевал его гладиаторскими боями в ПUTEОЛАХ (63,3,1) и потом совместно с ним вступил в Рим (63,4,1).

И хотя автор Пв. Тацит предпочтительнее вторичных выдержек автора ПШв. обзорного-собирающего Диона, к-рый гибель, в частности, Тразеи и Сорана относит, сходно гибели Сенеки и обоих его братьев (Галлиона и Мелы), на 65г. (62,25/26), что в отношении Аннея Мелы, Тразеи и Сорана однозначно неверно, тем не менее, Дион никак не мог придумать от себя ни встречу Нерона с Тиридатом в Неаполе, ни гладиаторское ублажение кесарем восточного гостя в ПUTEОЛАХ, ни их совместное прибытие-вступление в Рим. Значит, частично противоречивую информацию наличного Тацита (рассказ к-рого о Тиридате в Италии/Риме, надо думать, содержащийся в дальнейших главах «Ан. 16», до нас не дошёл) и наличного (от Ксифилина) Диона надо, реконструируя события в их хронопоследовательности, скомбинировать-откорректировать.

Предложим один из вариантов, на наш взгляд, наиболее оптимальный. Нерон дважды побывал в Кампании весной 66г., один раз — в апреле, или в марте/апреле, когда он узнал в Неаполе о самоубийстве Петрония в Кумах, после чего — изгнал Силию и угробил в угоду Тигеллину Минуция Терма с его либертом; второй раз — в мае, отправившись в Кампанию, чтобы встретить в Неаполе Тиридата.

И вывод этот о двухразовом — апрельском и майском — пребывании Нерона в Кампании делается на основании сверки-сопоставления-комбинирования-синхронизации повествований Тацита и Диона. По Тациту, (неодноэтапная) расправа над Тразеей и Сораном началась после самоубийства Петрония, во время к-рого Нерон, скажем снова, был в Кампании, тогда как вслед за этим, ещё до прибытия Тиридата, в Риме стартовала санкционированная-инициированная Нероном кампания по привлечению к ответственности Тразеи и Сорана.

Причём во время первого сенатского заседания по делу, во всяком случае, Тразеи Нерон находился в Риме, и на заседании, сколь явствует из обращаемых к нему (никак не риторически) обвинителем (Тразеи) Коссуцианом слов в Ан.16,23, персонально присутствовал. И на тот момент, насколько выводится уже из следующей главы 23 (Ан.16), повествующей о привлечении к суду Барей, возможно, не в тот же день, а в ближайшие дни, прибытие Тиридата только ожидалось.

Соответственно, Нерон вполне мог, запустив процесс против Тразеи, выехать в Кампанию навстречу Тиридату, т.е. привлечение Барей в самые ближайшие дни состоялось без Верховного (и заметьте, что глава 23 не говорит ни слова о личном сенатском присутствии кесаря). Между тем, своё продолжение дело Тразеи и Барей,

отражённое в «Ан. 24–35» и закончившееся осуждением обоих, получило по миновании короткого перерыва, с прибытием Нерона и Тиридата в Рим, после того, «когда весь народ высыпал поприветствовать принцепса и посмотреть на царя» (24), именно в пору (неоднодневно) во второй половине мая 66г. пребывания Тиридата в Риме, как того желал сам Нерон. Желал, дабы, следуя приводящему две версии Тациту и делая упор на второй из них, — не столько «толками о внешних делах отвлечь внимание от преступления (показательный процесс против Тразеи и Барей) внутри государства», сколько «с тем, чтобы казнь именитых мужей показать воочию всемогущество императора, столь же единовластного, как цари» (23).⁵⁸

Он (или система за него), сродственно Августу, Тиберию, Калигуле, Клавдию, делавшим это каждый по-разному, либо более-менее мирно, либо скандально-кроваво, сделал свой выбор в пользу цезаризма как царизма, поэтапно усугубляя оный с 55-го (убийство Британника), 59-го (убийство Агриппины), 62-го (смерть Буры; отставка Сенеки; брак с Поппеей; убийство Октавии, Суллы, Плавта) г., и особенно — с 65г. (разгром заговора Пизона). И он желал теперь наглядно продемонстрировать, кто и в какой мере властитель, продемонстрировать это как Риму (сенаторам, всадникам, народу), так и прибывшему за особой вассальной короной в Рим экзотическому восточному коронопросителю — брату всевластного над своими подданными царя царей.

Вот какой расклад и какая синхронизация повествований Тацита и Диона видится наиболее приемлемой. Мы не знаем, сказал ли Тацит в не дошедших до нас главах-абзацах, посвящённых нахождению Тиридата в Риме, о выезде Нерона в Кампанию ему навстречу, по крайней мере, в дошедших до нас главах об этом молчок, но пренебречь рассказом о кампанской встрече у Диона, пусть эпитомированного, нельзя. Т.е. информацию обоих историков надо свести-совместить, минимально жертвуя рассказом и раскладом каждого, наилучшую возможность для чего предоставляет именно, с одной стороны, не содержащий в себе ничего невозможного, а с другой, — максимально синхронизирующий-примиряющий обоих повествователей-летописцев — как фактически, так и хронологически — вышепредложенный нами вариант.

Посему — подведём синхронистический итог; в первый раз Тразея был атакован в сенате в начале мая 66г., в присутствии Нерона (16,21/22); Барей же — в самые ближайшие дни — уже в отсутствие отправившегося в Кампанию принцепса-кесаря (23), чем первая начальная фаза процессуальной расправы над обоими завершилась, получив продолжение во второй половине мая. Т.е. это произошло в пору, когда Тиридат был коронован Нероном на Форуме, проведя в Риме, следует полагать, не меньше нескольких дней (б.м., ок. недели), именно в к-рые (по Неронову умыслу) главные обвиняемые (в оскорблении кесарского величества римского народа) Тразея и Соран были осуждены на смерть и покончили самаубийством.

* * *

Но обратимся, разобравшись с синхронизацией античных авторов и с хронологией, непосредственно к Тациту:

«По уничтожении стольких именитых мужей Нерон в конце концов возымел желание истребить саму добродетель, предав смерти Тразею Пета и Барей Сорана

⁵⁸ Или Нерон присутствовал в сенате также при выдвижении обвинений против Барей (в тот же или на следующий день после обвинений против Тразеи), по любому, отправившись затем для встречи Тиридата в Кампанию, на время чего (= отсутствия императора) сенатские слушания дел против Тразеи и Барей были, до Неронова возвращения (в Тиридатовой компании), приостановлены.

— они оба издавна были ненавистны ему, и в особенности Тразея; ведь он покинул сенат, о чём я упоминал выше, во время прений об Агриппине, ведь и в ювеналиях он почти не принял участия, и это тем глубже задело Нерона, что тот же Тразея в Патавии, откуда был родом, на учреждённых в ней троянцем Антенором... играх пел в одеянии трагического актёра. Да и в тот день, когда претор Антистий за поносящие Нерона стихи был уже почти приговорён к казни, Тразея выступил с предложением менее сурового наказания и настоял на своём; к тому же он умышленно не явился в сенат при определении Поппее божеских почестей и отсутствовал на её похоронах. Забыть обо всём этом препятствовал Коссуциан Капитон, к-рый, помимо прирождённой ему злокозненности, был заклятым врагом Тразеи, так как тот, поддержав своим веским словом представителей киликийцев, предъявивших ему обвинение в лихоимстве, помог им добиться его осуждения...» (Ан. 16,21)

Родившийся, как мы знаем, ок. 5г. н.э. в богатой и родовитой провинциальной семье Клодий Тразея, homo novus из Патавии (Падуа), был своего рода ничем не запятанным знаменем-символом лояльной или не иллояльной сенатской оппозиции, стяжавшим репутацию вольнолюбца на старореспубликанский манер, и известным независимостью суждений, неподкупностью, приверженностью стоической философии. Эта оппозиция не бунтарствовала, требуя уважения к себе (во многом, — свадебно генеральского) и возможности иметь по некоторым вопросам собственное мнение (чтобы чтить республиканский фасад, соблюдать престиж и не во всём уподобляться деспотии-тирании).

Напоминаем, первое появление Тразеи в поле исторического зрения относится к 42г., когда он, будучи женат на Аррии Мл., дочери А.Цецины Пета и Аррии Ст., безуспешно пытался отговорить свою тещу, решившую разделить самоубийственную участь мужа, участника заговора Камилла Скрибониана против Клавдия, после чего Тразеей и было взято (необычно и вызывающе), в качестве когномена, прозвище (чтимого им) покойного тестя (в память о нём) — Пет.

При Нероне Тразее, покровительствуемом Сенекой, довелось войти в жреческую коллегию квиндецемвиров и облечь в 56г., в возрасте ок. 50-и лет, консульство-суф. А далее — активно участвовать, в консульском ранге, в работе сената, поддерживая имидж парламента как, так сказать, самостоятельного (не совсем импотентного) органа, некоторые представители к-рого способны иногда возразить Цезарю и цезаристам, мало того, инициировать и провести то или иное решение. Ок. того же времени дочь Тразеи и Аррии Фанния вышла замуж за нар. трибуна 56г. Гельвидия Приска (Старшего) — единомышленника и союзника тестя. В какой из провинций Тразея наместничал? — вопрос, но в провинцию его сопровождал родственник ему (со стороны жены) Персий Флакк (34 — 62г.).

В 57г. усилиями Тразеи был осуждён и сослан обвинённый киликийцами в вымогательствах во время его наместничества в Киликии весьма оборотистый зять Тигеллина Коссуциан Капитон, к-рый этого обдчику не забыл и не простил, а вернувшись при позднем Нероне в Рим и в сенат, терпеливо выжидал (ходя под могущественным тестем) удобного момента для отмщения, точно зная, что месть есть блюдо, к-рое подаётся холодным.

В 59г. Тразея впервые продемонстрировал оппозицию как к Нерону, так и к угодливости римских верхов, молча удалившись из курии, когда в ней было зачитано (составленное Сенекой) кесарское письмо, оправдывающее убийство Агриппины, чтобы не участвовать в раболепных изъявлениях поддержки кесарю-матерубийце со стороны сената (что Нерон для себя занотировал и запомнил).

В 62г. благодаря Тразее претор Антистий Созиан, привлечённый, по впервые тогда задействованному при Нероне закону об оскорблении величия/величества, за

написание оскорбительных противонероновских стихов, был решением сенатского большинства не казнён, но сослан, что вновь вызвало недовольство согласившегося, однако, с этим сенатским решением принцепса.

А в следующем 63г., когда сенат в полном составе отправился в Анций поздравить Нерона и Пoppею с рождением у них дочери-первенницы Клавдии, на участие в церемонии Тразеи был наложен кесарский запрет, чем Нерон своё недовольство поведением сенатора-независимца открыто манифестировал. И хотя вскоре он сказал уже отставному Сенеке, что помирился с Тразеей, развязка медленно назревала, тем паче, что Тразея с 63г. демонстративно перестал являться на заседания сената, отошёл в сторону от политической и общественной деятельности, не принял участие ни в похоронах Пoppеи, ни при определении ей божеских почестей, и, само собой, не восхищался музыкально-песнопевческими талантами-достижениями Нерона, просто никогда не присутствуя на его выступлениях-представлениях-шоу-концертах.

Т.е. оппозиционер-республиканер выбрал вызывающие отсутствие и молчание, или отсутственное (к-рое не могло стать для него *золотом*) молчание (*silentium in absentia*), «ввиду того, что – как говорит о нём Дион – не мог бы сказать то, что хотел, и не хотел говорить то, что мог бы» (см. выше). *Publica mania desererent* – осознанное пренебрежение общественными обязанностями в пользу бездельного досуга – *iners otium*. Те, кто в курсе, что такое отсутствие какой-либо, кроме кухонной, свободы слова (когда нечем дышать), и когда человек, тем не менее, не хочет быть марионеткой (в театре кукол), хорошо понимают – в чём тут дело и о чём речь.

После разгрома заговора Пизона и гибели Сенеки участь стойков Тразеи или Барей, о к-ром речь пойдёт ниже, была решена, но, как видим, Нерон помедлил-промедлил до 66г. (на 65-й г. жертв набралось достаточно), запустив процесс против них, ненавистных философов (и одновременно, мол, могущих навести порчу потенциальных чародеев, тождественных-де философам) лишь весной 66г., более того, приурочив его ко времени прибытия в Рим Тиридата Армянского. То, что, в той или иной мере-степени, толерировалось Нероном прежде, или прежним поэтапно деградирующим Нероном, до Пизонова заговора, сделалось и делалось для него всё больше нетерпимым-ненавистным сейчас. Ведь Тразея как бы не унимался, продолжая своим оглушительным оппозиционным молчанием-игнорансом и абсентистским отчуждением-отстранением-самоустранением от сенаторско-консульских дел-обязанностей подрывать общественно-политические устои.

Плюс к тому, не он ли написал панегирическую биографию Катона Младшего (прославив последнего, сродни Лукану, содейвавшему это в стихах). Впрочем, не сродни Лукану или отнюдь не во всём сродни, потому что, если из Лукана сквозит пафосная фальшь, то Тразее, даже при шаржированных чертах (и) его ностальгического республиканерства, присущи искренность и честность. Он действительно ничем – ни в поведении, ни в позиции – на протяжении 10-и лет, с 56 по 66г. своего озвученного или молчаливого пребывания на исторической авансцене, как и за сценой, ни поступками, ни словами себя не запятнал, не скомпрометировал.

И такая, наглядно показывающая, что человек не бандерлог и не депутат единого-гласного Верховного Совета СССР (с его увешанными бляхами картофельными мордоротами, распинавшимися по бумажке с высоких трибун в благодарной преданности советского народа дорогому генсеку, партии и правительству)⁵⁹, пассивная и вместе с тем очень выразительная позиция-оппозиция (без всякого насильственного революционерства) обществу однозначно на пользу.

⁵⁹ В Советском Союзе, в ходе перманентных победных реляций, было очень принято за всё благодарить, в первую очередь, именно «родную Коммунистическую партию»:

Пройдёт зима, наступит лето,
Спасибо партии за это.

А летом лучше, чем зимой,
Спасибо партии родной.

Причём любопытно, что на заседании сената (в начале мая), на к-ром, как явствует из «Анналов» (16,21/22), Нерон присутствовал, Тацит говорит о недовольстве оскорбительно задетого различными поступками-проступками Тразеи за последние годы Нерона, в частности, тем, что, почти не приняв участия в Ювеналиях, «тот же Тразея в Патавии, откуда был родом, на учреждённых в ней троянцем Антенором... играх пел в одеянии трагического актёра». У Диона: «Тразея поплатился жизнью, потому что не являлся в сенат, показывая таким образом, что не согласен с его решениями, и потому что он никогда не хотел слушать императорское пение и игру на лире, и не приносил жертв «Божественному Голосу» Нерона, как делали другие, и не участвовал ни в каких публичных представлениях, и при этом было отмечено, что в Патавии, на своей родине, он сыграл в трагедии, следуя древнему обычаю, на празднестве, справляемом каждые 30 лет...» (62,26,3/4).

В каком празднестве, в каких играх и когда Тразее, пренебрегшему кифаредством-песнопевчеством Нерона, довелось участвовать и петь в облачении трагического актёра? Антенор – троянец, друг и советник Приама, согласно Гомеру, благоразумнейший из старейшин Трои, к-рый взывал к примирению, к-рый гостеприимно принял у себя в доме явившихся в Трою требовать выдачи Елены Одиссея и Менелая, тщетно советуя троянцам вернуть грекам похищенную Парисом Елену Прекрасную. То-то некоторые даже считали его другом греков и изменником родного города. И не случайно греки, разрушив Трою (XIV в. до н.э.), пощадили его дом (как израэлиты дом Рахавы в Иерихоне). И если, по одному преданию, он основал на развалинах Трои новое государство, то по другому, – путь его, как одного из троянских мигрантов-беженцев, лежал в Кирену; а по третьему, позднему, – он прибыл во главе генетов (венетов) в Италию и основал Патавий (Вергилий «Энеида» 1,242-49; Сервий «Ком. к «Энеиде» 1,242), где, согласно Тациту, учредил игры.

Вот об этих-то праздничных играх, к-рые проводились, согласно Диону, раз в 30 лет, равно о сценическом участии в них, сообразно Тациту с Дионом, патавийца Тразеи и идёт речь. Притом, если из эпитомированного Диона можно, при желании, логически вывести, что Тразея пел на играх в Патавии (Падуа) незадолго до выдвинутых против него в 66г. обвинений (так как обида Нерона вроде бы свежа), то у Тацита эти игры и пение, по тексту, взаимосвязываются со временем убийства Агриппины и с Ювеналиями 59г., согласитесь, слишком неестественно далеко отстоя от событий 66г. Возможно, в тацитовском тексте не без лакун какая-то накладка? или вместо Ювеналий 59-го должно говорить о Нерониях 60-го, либо 65г.?, хотя, в любом случае, убийство Агриппины – событие 59г.

Так или иначе, сообразуясь с тацитовско-дионовской текстуальной наличностью, пение Тразеи в дни патавийского агона следует датировать интервалом времени с 59/60 по 65г., при середине данного интервала в 63г., с каковых пор, скажем снова, Тразеей была задействована демонстративная неявка в сенат, соответствующее чему, предшествующее празднество в Патавии состоялось или в 29/30? или в 33? или в 35г.? Б.м., Тразея принял во второй раз в жизни участие в празднике именно в 63г., после того как ему было запрещено в начале года, когда у Нерона родилась дочь, поздравительно прийти вместе с прочими сенаторами в Анций, вслед за чем он и решил больше не участвовать в заседаниях раболопной герузии, позже отправившись на праздник в родную Патавию, из оппозиции, в т.ч., к Поппее? тем паче, что именно патавийские женщины славились чистотой нравов (Марциал 11,16,8).

Тем временем, за сокрушительное обвинение против *заклятого врага принцепса* взялись подстрекнутые Нероном и Тигеллином *заклятые друзья принцепса*, – давно

точивший зуб на Тразею зять Тигеллина Коссуциан Капитон и Т.Клодий Эприй Марцелл (конс.-суф. 62 и 74гг.). Этот Марцелл, напомним, — низкородный нувориш родом из Капуи, перебравшийся при Калигуле в Рим (см. выше) и ставший сенатором при Клавдии, побывал однодневным претором в 48г., управлял ок. 55/56гг. Ликией-Памфилией, был обвинён в коррупции, но оправданный и отнаместничавший ещё на Кипре (58/59гг.) решил (обладая незаурядным риторическим талантом) сделать обвинения против врагов кесаря и народа своим профессиональным занятием, своим выгодным бизнесом.

Общеизвестно, что римская практика не знала института гос. обвинителей и данную роль-функцию брали на себя частные лица. Если обвиняемый осуждался, сенат мог выделить обвинителю 1/4 его имущества. Начиная с Тиберия, такая практика широко использовалась-применялась кесарями для уничтожения политических противников. Спрос вызывал предложение и молодые нувориши-карьеристы, особенно с периферии, италийской и провинциальной, активно лезли в обвинители, желая и выслужиться-отличиться для дальнейшего льготного продвижения по служебной лестнице, и банально нажиться.

Ныне Коссуциан дождался своего часа, обрушившись в сенате на Тразею с перечислением его, по Коссуцианову убеждению, преступных деяний: «он уклоняется от принесения в начале года торжественной присяги на верность указам принцепсов, отсутствует при провозглашении обетов богам, хотя и состоит в жреческой коллегии квиндецемвиров; не заклал ни единой жертвы за благополучие принцепса и за его божественный голос; прежде ревностный и неутомимый, всегда заявлявший себя сторонником или противником даже самых маловажных сенатских постановлений, он за три последних года ни разу не вошёл в курию, а совсем недавно, когда все наперебой стекались в неё ради обуздания Силана и Ветера, предпочёл заниматься частными делами своих клиентов. Это не что иное, как отчуждение и враждебность, и если на то же самое дерзнут многие, то и прямая война» (Ан. 16,22).

* * *

Таким образом, Тразее инкриминировались и уклонение от присяги, и преступное пренебрежение гражданским долгом, и сакрилег-святотатство, и злоумыслительный отказ от жертвоприношений за благополучие принцепса, равно за его, как выразился, Капитон, «божественный» кесарский голос. Три года подспудномытежного отсутствия в сенате и неучастие в 65г. в доведении до самоубийства (иначе не скажешь) Д.Юния Силана Торквата и Антистия Ветера (см. выше), когда Тразея (вместо участия в осудительной травле, оскорбительно для кесаря и сената) — «предпочёл заниматься частными делами своих клиентов».

Вспомним снова. При тирании, — кто не с нами, тот против нас, а кто против нас, те подлежат (уж не обессудьте) уничтожению. Нет никого и ничего вне политики и, стало быть, молчаливое самоотчуждение есть не что иное как (до поры) скрытая враждебность (к-рая всегда может перерасти в открытую), ибо всем надлежит быть в строю, равняясь на грудь четвёртого человека, и стать прошляком (тоже) нельзя. Отсидеться-отмолчаться, насупившись, в сторонке, обратиться в сыча, отшельника, не получится. Не всегда и не всякое молчание — золото, не всегда и не все молчалники выходят в начальники. Надо знать — когда, как и перед кем громко лебезить, а когда, как и перед кем молчать в тряпочку.

Да и не совсем, честно говоря, молчат знаменосный Тразея, у кого, к слову добавить, согласно Светонию, «вид всегда был мрачный, как у наставника» (Нер. 37,1), и его клеветы. Не хватит того, что он написал панегирическую биографию

(канонизированного республиканерами) Катона, к-рую впоследствии использовал Плутарх («Катон Младший» 25; 37), его дом стал местом сборищ доверенного кружка стоиков, равнозначных оппозиционерам (к-рые-де всегда могут призвать к мятежу и взяться за оружие), где, если верить Ювеналу, справлялись дни рождения Брута и Кассия: «Вина такие Тразея пивал и Гельвидий, с венками / На головах в дни рождения Брутов и Кассиев» (5,36).

Писать панегирик оппоненту Цезаря Катону, к-рого уважал сам Цезарь и к-рого все римские оппозиционеры эпохи цезариата-принципата сделали главным экспонатом «музея в доме самого себя и самих себя», — это ещё куда ни шло! Но справлять дни рождения (преданных *damnatio memoriae* — проклятие памяти) подлых убийц Цезаря — отца (безальтернативного во второй половине и со второй половины IV до н.э.) цезаризма-цезариата, зачинателя принципатовской, с Августа, династии Юлиев-Клавдиев и системной гос. модели, это уже слишком! Это — принципиальная пощёчина Принципату и Цезарям, невзирая на прошедшее с гибели Катона и убийства Цезаря столетие. Без срока давности!

В доме Тразеи собирались его зять Гельвидий Приск (Ст.), Кв.Юний Арулен Рустик (нар. трибун ббг.) (см. ниже), один из ближайших тразеевских друзей-стоиков — Домиций Цецилиан (Ан. 16,34), киник Деметрий (см. ниже), будущий друг посвятившего ему и его брату трактат «О братской любви» Плутарха, и друг Плиния Мл. (6,29,1) — Т.Авидий Квиет, родом из Фавенции⁶⁰, кто много позднее рассказывал Плинию о Тразее, имя к-рого стало в перспективе столь же монументальным (для всех либералов и демократов), как имя Катона. Бывали у гостеприимного Тразеи и другие в основном молодые люди стоического направления и хода мыслей, лояльная иллюальность к-рых была под вопросом, и к-рую худо-бедно толерировавший её ранее Нерон отказывался терпеть — как после заговора Пизона, так и всё нетерпимее, всё интолерантнее идя навстречу своему тираническому зениту.

Налицо перегибы с обеих сторон. Тразея и его последователи не так однозначно чисты и безобидны, какими они позиционируют себя и какими их искусственно-идеализаторски позиционирует одна из традиций (героизаторская), т.е. не надо надевать на пусть не совсем и не во всём волков исключительно великожертвенные овечьи шкуры кристалльных мучеников. И вместе с тем, трусостью Нерона обусловлена чрезмерная перестраховка со стороны власти, приведшая к гибели персонально неskomпрометируемого Тразеи, оппозиция к-рого была, выражаясь современно, толстовско-гандистской: непротивление злу насилием, и вместо «не могу молчать», наоборот, — оглушительное (не без кулуарного злословия) оппозиционное молчание.

И оно, это олицетворявшее *движение сопротивления* вызывающе противленческое общественное молчание, наряду со сборищами в доме мэтра, в условиях прогрессирующей деспотии подозрительного деграданта-деспота, не могло, будучи квалифицировано — и молчание, и сборища, и стоя стойких стоиков в целом — как политическая угроза режиму (у страха глаза велики), не обернуться при позднем Нероне (подле к-рого Сенеку и даже Сабину сменил кровожадный и алчный Тигеллин) смертным приговором.

«Будь ты богаче, чем Крисп, будь ты доблестней даже Тразеи» — сказано у Марциала (4,54,7), понимающего нарицательное богатство второго римского Креза после М.Красса — Пассиена Криспа (второго мужа Агриппины, отравленного ею), и мемориальную доблесть противленца Тразеи, чьи спокойствие и самообладание

⁶⁰ О Домиции Цецилиане и Авидии Квиете дополнительных сведений нет, за исключением короткого замечания Плиния: «Ав.Квиет рассказывал мне о Тразее, он был с ним близок...» (6,29,1).

(в т.ч., перед лицом смерти) вошли в поговорку, и о к-ром в то же время Марциал говорит: «То, что Катон завещал безупречный, великий Тразея, / Ты соблюдаешь, но сам жизнью не жертвуешь ты / И не бежишь на мечи обнажённые с голою грудью» (1,8,1).

Посему Тразея не был и не хотел быть подобным Катону бескомпромиссным ратным воителем против кесаря и режима, непреложность-неизбежность к-рых он осознал, считая одновременно неприемлемым кесарский беспредел и упирая на необходимость, во обуздание оно, существования-наличия сдерживающей-ограничивающей его оппозиции в Республике *restituta*, к-рую (конституционный рычаг оппозиционеров) Риму (официально) вернул Август, и к-рую с тех пор (формально) никто не отменял.

А тем временем, неутомимый Коссуциан Капитон, пока Эприй Марцелл, сидя на скамейке запасных, только готовился (точа зубы) пустить в ход своё, согласно Тациту, «язвительное красноречие» (22), перечислив гражданские и сакральные Тразеевы псевдоделикты, перешёл, взбивая себя и наворачивая отцов-сенаторов, к историческому обоснованию-подтверждению глубокой враждебности Тразеи режиму Принципата и лично дражайшему Нерону.

«И подобно тому как некогда — манерно предостерегал на примере из прошлого, говоря о настоящем, Коссуциан — жадный до гражданских раздоров Рим толковал о Гае Цезаре и Марке Катоне, так теперь он толкует о тебе, Нерон, и Тразее...» (Ан. 16,22). Удостоверьтесь, Нерон в курии и внимает, наверное, артистически погружённый (какой актёр *до поры* не погибает!) в глубокую печальную задумчивость, всему происходящему (на сцене). Вроде бы лестное для Нерона и не менее лестное, чем смертельно опасное для Тразеи сравнение, даром что оно не корректно, ибо Тразея не притязает на ратное революционное сопротивление-обороне Нерона! Но не он ли, Тразея, автор прославленной биографии Катона, и засим — яблоко от яблони недалеко падает! Кто знает, как и чем всё обернётся! И у Тразеи есть последователи, вернее, — не унимается Капитон, — сообщники, к-рые подражают ему в одежде и облике, суровые и угрюмые, правда, ещё не усвоившие его упорство в отстаивании своих воззрений!

* * *

Итак, внешний вид Тразеи был взаправду часто суров и угрюм (отчасти напускные суровость и угрюмость), тогда как последователей несложно, посредством ловкого языка без костей, превратить в сообщников — потенциальных или фактически! Какая, по большому счёту, разница! когда на повестке дня безопасность кесаря и государства. Одним словом, будьте бдительны, патриоты-лоялисты, поскольку наизготовку стоит чуть ли не армия готовых броситься в бой сегодня ещё либералов, а завтра уже революционеров-тразеанцев!

И опять-таки, один лишь несносный Тразея не признаёт твоих дарований, о Нерон, он уклоняется от принесения присяги на верность указам Цезаря и Августа, презирает религиозные обряды, что суть проявление одного и того же духа строптивости, постоянно фигурирует, как звезда экрана, в ежедневных ведомостях римского народа, к-рые — «с особым вниманием читаются в провинции и в войсках, потому что все хотят знать, что ещё натворил Тразея» (22). Это «натворил» неподражаемо, словно Тразея хулиганистый мажор дня сегодняшнего!

Насколько же, всё-таки, даже в тираническо-императорском Риме, при Нероне, было, — убедитесь, стареющие ныне выходцы из XX-го в., сами, — больше свободы слова, чем в пресловутом Советском Союзе, ежели начавшие издаваться при Цезаре «ежедневные ведомости римского народа» открыто писали об оппозиционности

Тразеи, информацию о чём и по чему с нетерпением ждали в провинции и в войсках! Ждали, чая узнать, что нового-оригинального выкинет эта *белая ворона* в чёрной стае, эта *чёрная овца* в сером стаде. И какие-такие, спрашивается, учреждения он предлагал? к-рые Коссуцианом аффектированно-саркастически-издевательски рекомендуются к принятию, дескать, — коли они лучше нынешних! Идёт ли речь о каких-то институтах, реформаторски предлагавшихся Тразеей? или в объективе всего лишь насмешливая гипербола?

«Эта самая школа породила Туберонов и Фавониев — имена ненавистные даже старой республике...» (22) — многострастно продолжает Капитон. Элии Тубероны, отец и сын, Луций (+ ок. 45г. до н.э.) и Квинт (+ 23г. до н.э.), отец — философ, сын — историк и юрист, оба друзья братьев Цицеронов, Марка и Квинта (возможно, на сестре к-рых Туберон-отец был женат), участвовали на стороне помпеянцев в битве при Фарсале (48г. до н.э.), позже получили прощение от Цезаря и вернулись в Рим. Сын в 46г. отошёл от политики, посвятив остаток дней историописанию и изучению права. М.Фавоний — последователь-подражатель Катона, синоним непримиримого республиканера, участник битвы при Фарсале, бежал с Помпеем в Египет, был выдан Цезарю и прощён им, оказался среди убийц Цезаря, участвовал осенью 42г. в сражении при Филиппах, попал в плен и погиб от рук палача. Перед казнью, проходя в цепях вместе с др. пленниками мимо победителей, бросал, согласно Светонию, самые жестокие оскорбления Октавиану (Авг. 13,2).

Колченогий пример (клятвопреступника и подлеца в отношении простившего его Цезаря) Фавония приложительно к Тразее, к-рый не тшился быть вторым Фавонием, — конечно, умышленное преувеличение риторически взывающего к сенату заведомого контрастника Коссуциана. А в отношении Туберонов — последние вообще не примыкали к цезареубийцам, плюс к тому, Туберон-сын скончался в почёте и уважении при Августе, почему примеры их обоих, в сравнении с Тразеей, крайне малоудачны. Единственное, в чём Капитон прав, так это — говоря о республиканерах типа не столько Туберонов, сколько Фавониев следующее: «Чтобы низвергнуть единовластие, они превозносят свободу, но низвергнув его, точно так же посягнут на свободу» (22).

Увы, как учит история, самыми страшными тиранами становятся именно те, кто больше всех кричат о свободе, так же, как душителями свободы слова — именно те, кто, идя к власти (любой ценой), громче всех вопят о ней. Разве яркие примеры якобинцев или большевиков, или других «свободолюбцев», диктатуры к-рых оказались куда тоталитарнее, кровожаднее, беспощаднее, нежели режимы единовластников, к-рые они (в числе прочих революционеров) свергали, всячески ратуя за наибольшие свободы до собственного прихода к власти, не достаточно убедительны?!

Старореспубликанские свободы оптиматов, помпеянцев, брутовцев-кассианцев были в реальности беспределом сенатского олигархата, к-рому Цезарь положил конец, и без цезаристской модели к-рого, мастерски превращённой Августом в консенсуально-универсальный Принципат — военная монархия в обновлённом гриме республики = империя размером в полмира — не смогла бы ни жить, ни выжить.

Понимал это, представляя умеренную оппозицию, и Тразея, понимали и сродственные ему оппозиционеры, к-рые, одновременно, перегибали палку, вызываяше праздную, например, дни рождения Брута и Кассия, в то время как один из презентантов плеяды кесарей, больных *кесаревым безумием*, Нерон, со своей стороны, перегнул палку тираническую. И перегибы принципсов такого рода не могли время от времени кризисно не повторяться вплоть до корректуры цезаристко-августейшей модели, к-рую предпримут Антонины: новый и в новых условиях (мини-) Цезарь — Траян; новый и в новых условиях (мини-) Август — Адриан.

Хотя все минусы персонально безупречного или почти безупречного Тразеи, кто не был реально опасен, никак не оправдывают его уродливую холуйскую травлю сенатским большинством (верно)подданных шакалов, забывших, что они (формально) граждане, через порождённых принципатом профессиональных негодяев-обвинителей типа Коссуциана и Марцелла, в угоду венчающим тираническую вертикаль (римско-египетской примаиды) «фараону» Нерону и его цепному псу Тигеллину.

И наворачивая-взбивая себя и сенат дальше, Коссуциан наглядно обыграл фамилию Г.Кассия Лонгина, сосланного в 65г. Нероном за хранение дома среди изображений предков изображения соубийцы Цезаря Г.Кассия: «Напрасно, Нерон, ты убрал Кассия, если намерен терпеть, чтобы множились соперники Брутов» (22). Под последними, разумеется, перво-наперво, Тразея и его приверженцы, к-рые-де опаснее сосланного на Сардинию слепого и престарелого консулара Кассия, и дело-деликт к-рых (оскорбление величия/величества и гос. измена) требует радикального решения-разрешения-осуждения.

И не предписывай сам, о милосердный гуманист Нерон, – «что сделать с Тразеей; предоставь сенату быть судьёй в нашем споре» (22). Т.е., не марай руки, благородно не вмешивайся и предоставь отцам-сенаторам (решение к-рых заранее известно) решить спор: обвинителей – Коссуциана, выдвинувшего обвинение, плюс Марцелла, язвительно-красноречиво его поддерживавшего⁶¹, и обвиняемого – Тразеи. Короче, разжегшим небескорыстный пыл своих шавок-обвинителей Нерону и Тигеллину можно остаться как бы не при делах.

А затем в деле Тразеи, точнее, в деле вынесения ему приговора (= высшей меры) был сделан перерыв, между тем как на следующий день или в самые ближайшие дни первой половины мая 66г., когда Нерон отбыл (вероятно, морем из Остии) в Неаполь встречать (приближающегося со стороны Адриатики) Тиридата, к сенатскому суду привлекли (скорее уже в отсутствие? или, всё-таки, ещё в присутствии? Нерона) другого видного стойка – Барею Сорана.

Прибытию Тиридата Армянского за царской диадемой в Италию/Рим мы посвятим ниже специальную главу, тогда как сейчас нам надо продолжить и довести до конца историю Тразеи и Бареи, к-рая, повторим, завершится, по Неронову умыслу, нужным Нерону исходом-финалом в пору Тиридатова пребывания в Риме.

* * *

«А Барею Сорана привлекли к суду на основании обвинения, к-рое выдвинул против него римский всадник Осторий Сабин по окончании срока его проконсульства в провинции Азии, где он вызвал неудовольствие принцепса своим справедливым и попечительным управлением, а также тем, что позаботился о расчистке

⁶¹ В 69/70гг. Эприя Марцелла безуспешно пытались свалить и Лициний Цецина, и возвращённый Гальбой из ссылки зять Тразеи – Гельвидий Приск, чему воспрепятствовали и Вителлий, и Веспасиан. 70-73гг. Марцелл – проконсул Азии. При Веспасиане, – влиятельный член трёх жреческих коллегий (Curio maximus; Augur; Sodalis Augustalis). Входил в ближний круг советников Веспасиана, но в 79г. был обвинён в соучастии в разоблачённом Титом заговоре А.Цецины Алиена и перерезал себе горло. Интересно, что на обвинения в свой адрес относительно Тразеи он в 70г. в сенате (как ни в чём не бывало) отвечивал: «Тразея погиб не столько от моей речи, сколько по общему решению сената. Нерон любил тешить свою жестокость такого рода зрелищами и дружба его была для меня не менее ужасна, чем для других изгнание» (Тацит «Ист.» 4,8). Нероны становятся Неронами и держаться на плаву именно в силу наличия при них таких негодяев, как Марцелл, имя к-рого сделалось в дальнейшем нарицательным для наёмных делаторов.

эфесской гавани и оставил безнаказанными насильственные действия общины пергамцев, помешавших вольноотпущеннику Нерона Акрату вывезти из их города статуи и картины. Но открыто ему вменялось в вину не это, а дружеские отношения с Плавтом и происки, имевшие целью привлечение провинции к соучастию в гос. перевороте. Для осуждения обвиняемых Нерон выбрал те самые дни, когда ожидалось прибытие Тиридата для его возведения на армянский престол, что было сделано преднамеренно, либо, чтобы толками о внешних делах отвлечь внимание от преступления внутри государства, либо, может быть, с тем, чтобы казнью именитых мужей показать воочию всемогущество императора, столь же единовластного как цари» (Ан. 16,23).

Кв. Марций Барей Соран представлял собой для Нерона весьма раздражавшую его стоическую оппозиционную фигуру № 2 после Тразеи, аналогично не подходя под положение тонкого знатока людей – кесаря, о том, что все люди глубоко порочны (как сам Нерон), но, мол, просто некоторые ловко скрывают свои пороки, и (тоже) подлежа уничтожению, тем паче, что и на него Нерон затаил персональную обиду.

Если из начальных слов Тацита создаётся впечатление, что на 66г. Барей едва отпроконсульствовал в Азии, вернувшись оттуда в 65г., то дальше мы узнаём о его дружбе с Рубеллием Плавтом, относительно чего ниже, уже во время следующего решающего заседания сената по собственно осуждению Барей, снова говорится о его дружбе с Плавтом, как о деле, сродни проконсульству в Азии, сравнительно (на 66г.) давнишнем (16,30). И из этого резонно делается вывод об азийском наместничестве Барей в пору нахождения в Азии сосланного туда в 60-м и убитого там (приказом Нерона, по настоянию Тигеллина) в 62г. Плавта.

Т.е., предположительно, Соран наместничал в Эфесе, продолжая дружить со ссыльным-опальным Плавтом, либо в 61/62, либо в 62/63гг. И значит, обвинение, к-рое выдвинул против него всадник Осторий Сабин по окончании срока Соранова проконсульства, надо понимать, ещё в 63, или в 64г., обернулось привлечением Барей к суду не сразу. Иначе говоря, оно было либо в 63/64гг. отложено, либо поначалу – отведено-отвергнуто (в подробности о чём Тацит не вдаётся), обретя (новообретя) обвинительную актуальность (будучи возобновлено) в 66г.

Наместничая в Азии, Барей (оказывается) слишком рьяно пёкся-заботился о благе провинции и провинциалов и даже встал на сторону пергамцев, к-рые помещали (грабительски вывезти из их города – Пергама) статуи и картины (ближе неизвестному) либерту Нерона Акрату (один из наглых императорских холуёв-вольноотпущенников). Несомненно, Акрат забеспредельничал в Пергаме, что привело к его конфликту с пергамской общиной, к-рая воззвала к наместнику, от своего имени. Ибо, добывая он произведения искусства для Нерона от имени Нерона (к-рый не желал подставляться открыто), и пергамцы, и Соран вряд ли бы ему возразили.

А так беспредел был пресечён пергамцами, при третьейской наместнической поддержке Сорана, и, вероятно, вытолканному из (полисно-самостоятельного) Пергама почти взашей Акрату пришлось, смотав удочки, ретироваться из Азии с пустыми руками, по вине – как он красочно доложил, прибыв в Рим, хозяину – строптивых пергамцев, возмутительно поддержанных Бареей. Нерон об этом не забыл, и позднее это конъюктурно превратилось в потворствование «преступно» дружного «преступнику» Плавту Сорана – «преступному мятежу провинциалов в видах совершения гос. переворота».

Опять попытка «прорыть тоннель от Бомбея до Лондона» налицо. Так обвинение в гос. измене, по одному из старых, как мир, и очень знакомых XX-у столетию

сценариев, вполне составилось. Барей разгневал Нерона, выбранный в качестве жертвы: и в облики стойка независимых суждений (сходно Тразее, пусть масштабом поменьше); и как вызывающий дружок опального Плавта; и как чересчур образцовый наместник, поставивший заботу о провинции и провинциалах⁶² выше пожелания кесаря, не реализованного из-за позиции Барей, к-рая, в любом случае, делается проявлением оппозиции-оппозиционности, скрытой или открытой – не суть важно.

Вот и настало время ударить как по Тразее, так и вслед за ним по Барее, вроде бы не связывая одно дело с другим, но ясно давая понять всем – что к чему, и кто тут *верблюды*, к-рым не удастся опровергнуть выдвинутые против них (на чём бы они ни жидились) обвинения и доказать, что они *не верблюды*, и что ни один из них не собирался «рыть тоннель от Бомбея до Лондона», или перерыть Коринфский перешеек (за что, кстати, вскоре возьмётся, находясь в Греции, предвосхититель, в частности, технического прогресса на, без малого, две тысячи лет вперёд, сам Нерон).

Тем временем, после того как записка по Сорану в сенате была привлечением его к суду обвинениями Остория Сабина сделана-провернута, и в его начатом в первой половине мая деле, сходно делу Тразей, наступил на время отсутствия Нерона, занятого встречей Тиридата Армянского в Кампании, перерыв, к-рый продолжился, повторим, до второй половины мая, закончившись уже в пору, когда Тиридат обретался в Риме.

Обзорно-суммарный Дион (от Ксифилина) сообщает об осуждении Тразей и Сорана, как мы знаем, коротко, без дифференциации (62,26,1-4), под ошибочным 65г., соответственно, во время до прибытия Тиридата в Италию, и потом, вместе с Нероном, из Кампании в Рим – 66г. (63,1-7).

Мы же из нижеследующего анналистического повествования Тацита, к-рого необходимо комбинировать с Дионом, корректируя мэтров, узнаём, что, – «когда весь город (Рим) высыпал приветствовать принцепса и посмотреть на царя (Тиридата), Тразей, к-рому было воспрещено присоединиться к встречающим, не утратив душевной стойкости, составил письмо к Нерону, спрашивая, что именно вменяется ему в преступление, и утверждая, что легко ответит от себя обвинения, если будет осведомлён, в чём они состоят, и ему будет дана возможность представить свои оправдания. Нерон поспешил прочесть это послание, в надежде, что устрашённый Тразей высказал в нём нечто такое, что, послужив к прославлению принцепса,

⁶² Это упоминание (у Тацита), в связи с асийским проконсульством Сорана, расчистки (замусоренной) эфесской гавани и поддержки пергамцев обращает на себя (антропософское) внимание также тем, что Эфес и Пергам, точнее, Эфесская и Пергамская христианские церкви-общины в Иоанновом Откровении (2/3) есть отражение-отображение, соответственно, I-й Пра-Индийской и III-й Египетско-Вавилонской Пост-Атлантических культур.

Причём, если в Д.Ап. и в Посл. Павла фигурируют-называются Эфес (I-я культура), Фиатира (IV-я Греко-Римская культура), Лаодикия (VII-я Американская культура), то фараонизированному-вавилонизированному в Ив. н.э. Риму ближе всего предыдущая III-я культура-эпоха. То-то, несмотря на нахождение провинциально-наместнического центра римской Азии в Эфесе, Плиний (5,120) называет его вторым драгоценным камнем (*alterum lumen*) М.Азии после Пергамона.

Эфес же на 60-е гг. Ив., можно сказать, – третий, заложенный Ап.Павлом, центр христианства после Иерусалима и Антиохии, к-рый в I/Швв., со времени гибели старого Иерусалима и эфесской деятельности Иоанна Богослова, выдвинется на первый ойкуменический план.

И вообще поразительно, как 7 христианских общин этого своеобразного геотреугольника на западе М.Азии воплощают-олицетворяют (в спиритуальной миниатюре Времени и Пространства) все Семь культур (Космических месяцев) нашей Пятой Пассионарно-Окуменической стадии метаисторической эволюции! Впрочем, читатель, беседы из данную тему – в следующей книге.

навлечёт бесчестие на писавшего. Однако, не найдя того, чего ожидал, и мысленно представив себе облик, смелость и свободолюбие не совершившего никаких преступлений Тразеи, он сам проникся страхом перед ним и распорядился созвать сенаторов» (Ан. 16,24).

* * *

Если во второй половине мая 66г., когда Тиридат прибыл, чтобы короноваться в Риме, наглядно манифестировав тем самым, с т.зр. Рима, так сказать, триумф восточной политики Нерона, Тразее отказали в возможности представить свои оправдания сенату, то обвинение против Барей было (для пущей убедительности) расширено привлечением в качестве свидетеля обвинения его учителя-стоика П.Эгнация Целера. Плюс – присовокуплением к обвинительным пунктам Остория Сабина ещё одного, более свежего, заключавшегося в усугубительной прочародейской (со)виновности дочери Сорана – Сервилии.

Впрочем, мы не станем нарушать последовательность тацитовского рассказа, продолжая, в данном случае, следовать в фарватере последних глав дошедших до нас «Анналов». А посему оставим пока Барею, снова переключившись на Тразею.

И действительно, коли Барее Сорану были инкриминированы, какие-никакие, всё же, с позволения сказать, конкретные горе-обвинения, мол, в противогосударственной-противонероновской дружбе с Плавтом и в пресловутом «привлечении провинции к соучастию в гос. перевороте», то по адресу Тразеи никаких именно конкретных юридически подпадающих под гос. измену обвинений, в сущности, не прозвучало. Как, спрашивается, сфабриковать дело на основании пафосных исторических аналогий Коссуциана? на базе неверия Тразеи в «божественность» Попей? или на базе непринесения им жертв «божественному голосу Нерона»? – на что формально свободный римский гражданин формально имел республиканское право. Или – как присобачить к делу «аргумент» Капитона насчёт умножения в лице никого не призывавшего к революции Тразеи потенциальных Брутов? Ведь такого рода риторическую потенцию (поистине бессодержательная реторика!) к делу не пришьёшь. Да и уклонение Тразеи от присяги постановлением Цезаря и Августа, вытекающее, по мнению обвинения, из тразеанского отсутствия в сенате, надо ещё доказать.

Т.е. из всего обвинительного перечня Тразея предстал реально виновным лишь в абсентистском пренебрежении гражданским долгом, сенатскими и жреческими обязанностями, что = уклонение от их прилежного отправления-выполнения (как, к примеру, инкриминированное И.Бродскому тунеядство!)⁶³ на высшую меру не тянуло. Требовалось обвинение более весомое, во всяком случае, не меньше, чем заговорщическая враждебность (к) кесарю и государству целой группы верховодимых Тразеей лиц – безоговорочных врагов кесаря и народа.

Тразея же, со своей стороны, решил идти до конца и письменно спросил принцепса, уже (обратим внимание) прибывшего с Тиридатом в Рим (на церемонии по поводу чего Тразее запретили присутствовать), о том, что именно вменяется ему в вину? настаивая на предоставлении возможности публично представить свои, как он выразился, оправдания. Однако, трусоватый Нерон, видимо, ожидая от гонимого и затюканного, по его расчётам, философа, иной реакции = какого-либо помиловательного ходатайства (с дальнейшим удалением на какой-нибудь остров), не на шутку встревожился.

⁶³ Судья Савельева спрашивала Бродского на суде – есть ли у него соответствующее образование для сочинения стихов? (булгаковское «требование писательского удостоверения», к-рого не было ни у Пушкина, ни у Достоевского, ни у Толстого...)

Не следует давать противнику последнее слово и возможность парламентски погеройствовать напоследок. Посему, не удостоив Тразею ответом, что фактически означало отказ (молчание — знак несогласия), принцепс «распорядился созвать сенаторов», т.е. зашёл за спину безликого сената, о решении к-рого заранее знал и в к-ром был уверен, тогда как его согласие означало бы минимум согласие заслушать выступление Тразеи в сенате, чего допускать, ни в коем разе, не следовало.

И тем не менее, у сенатора и консуляра Тразеи было право явиться в курию при разбирательстве сенатом его дела, правда, без, в определённой мере, защитного согласия на это кесаря. И тут мнения друзей-приверженцев стойкого стоика, обратившегося к ним за советом, разделились (Ан. 16,25). Одни, советуя мэтру идти в курию, полагали, уверенные в его стоической стойкости, что всё, сказанное им там, — «поведёт лишь к возвеличению его славы». Пусть-де увидят мужа, бестрепетно смотрящего в глаза смерти, и услышат «слова, возвышающиеся над человеческими и как бы исходящие от некоего божества» (тоже лезть!). И б.м., это чудо тронет Нерона, «а если оно и не смягчит его кровожадности», то выделит Тразею среди прочих погибших и особо сохранит в памяти потомков доблесть тразеанского конца.

Полагавшие же, что Тразее не следует покидать дом, предупреждали его об угрозе издевательствам и оскорблениям в курии (16,26), где на преступление готовы не только Капитон и Марцелл, где могут найтись и такие, к-рые дерзнут поднять на него руку, где он может подвергнуться прямому нападению. Не накинутся ли на него некоторые отцы-сенаторы, якобы до глубины души оскорблённые его трёхлетним игнорансом герузии, выслуживаясь перед Нероном и Тигеллином!

Не был ли сенатор Скрибоний Проккул, в угоду Калигуле, растерзан (40г.) сверхсервильными герузиархами прямо в курии! Зачем пожилому человеку подвергаться дополнительным поношениям, когда исход ясен наперёд, пусть он лишит этого удовольствия и Нерона, и послушный ему сенат. Т.е. персональное присутствие (если мэтр не собирается молить о снисхождении) в силах только усугубить, но никак не улучшить и без того безнадежное для него положение дел. «Поэтому пусть Тразея, ничем не запятанный и не опороченный, идёт навстречу своему концу, не сходя со славного пути тех, по следам к-рых он шёл и устремлениями к-рых руководствовался всю жизнь» (26).

Близкий Тразее нар. трибун 66г. молодой и пылкий Арулен Рустик заявил, «что воспротивится сенатскому постановлению» = наложит на противотразеанское осудительное решение сената, воспользовавшись правом трибуна plebis, вето (интерцессия), с чем Тразея не согласился, сказав, что «прожил свой век и ему не пристало отступать от жизненных правил, к-рых он неизменно придерживался на протяжении стольких лет», в то время как для Рустика, едва начавшего жизненный путь, это, не могучи спасти его, Тразею, чревато смертельным исходом. (Не присвоили ли себе Цезари-кесари, начиная с Августа, верховную трибунскую власть, став заботниками о Риме и народе, в т.ч., в роли *царей-батюшек* = сакрализованных мандатариев народной воли!) И так решение вопроса о явке или неявке на суд в сенат мэтр «оставил на своё усмотрение», по всей видимости, на самом деле уже решив для себя никуда больше — перед исходом в мир иной — не ходить, не являться.

Родившийся, вероятно, ок. 35г. Кв.Юний Арулен Рустик, молодой человек неизвестного плебейского происхождения, учился у Сенеки и был последователем Тразеи Пета. После нар. трибуната 66г., в 68г. претор, он облечёт консульство-суф. только в 92г., при Домициане, приговорённый в следующем 93г. Домицианом к смерти за написание панегирика Тразее Пету и (его зятю) Гельвидию Приску Ст., к-рых назовёт, согласно Светонию, «мужами непорочной честности» (Дом. 10,3), что вызовет ярость ставшего тираном позднего Домициана. Другом Рустика,

возможно, писавшего исторические труды, к-рые, возможно, использовал Тацит (Ист. 3,80), был Плиний Мл. (Ер. 1,14; 2,18).

«На следующее утро когорты в полном вооружении заняли храм Венеры Родительницы. У входа в сенат толпились люди, не прятавшие мечей под тогами, а по площадям и возле базилик располагались воинские отряды. Сенаторы проходили в курию под устремлёнными на них взглядами и среди угроз и выслушали речь принцепса, оглашённую его квестором. Не называя имён, он порицал сенаторов за уклонение от возложенных на них государством обязанностей, тем более, что, следуя их примеру, становятся нерадивыми и римские всадники; и нечего удивляться, что они не прибывают из отдалённых провинций, если многие, достигшие в своё время консульства и жреческих должностей, поглощены заботами о благоустройстве своих садов. И обвинители ухватились за это, как за оружие» (Ан. 16,27).

* * *

Устроенный и для своих, и для подвизавшегося в Риме Тиридата, к-рый мог наблюдать-узнавать за происходящим извне, спектакль был Нероном и Тигеллином неплохо (на скорую руку) отрежиссирован и разыгран. Две когорты кесарских янычар-преторианцев заняли на форуме Юлия Цезаря, к северо-востоку от Форума Romanum, храм Венеры Прародительницы – матери Энея и праматери дома Юлиев, где, на сей раз, происходило, не без умысла (воззвание к преемственности Нерона от Цезаря и Августа), заседание сената. А народ толпился у входа в курию, куда, под взглядами вооружённых гвардейцев и верноподданного римского люда, собравшегося-собранныго здесь для поддержки принцепса при принятии решения (в т.ч., по требованиям трудящихся), степенно проходили облачённые в солидные тоги отцы-сенаторы. И у последних уже на входе в курию, под недвусмысленными взглядами и репликами воинов со народом, должно было сыграть (не железное) очко, да так, чтобы у них не осталось никаких сомнений относительно того, какого решения от них ждут и какой вердикт им надлежит вынести.

Квестор Нерона, чьё (т.е. Нероново) персональное присутствие не констатируется, но сомневаться в к-ром не стоит, огласил его обращённую к сенаторам речь, с упором на недопустимость пренебрежения (со стороны парламентариев республиканскими) гос. обязанностями (на службе у императора и империи), без приведения имён, однако с ценным указанием на то, за что обвинителям должно ухватиться и от чего оттолкнуться.

«Начал Коссуциан; с ещё большей горячностью говорил Марцелл...» (Ан. 16,28). В этот раз Тацит выставляет во фронт, сообразно постановке, речь Марцелла, к-рая опять следовала за Коссуциановой, убедительно венчая оную присущим Марцеллу незаурядным ораторским дарованием и «язвительным красноречием». Вводно воскликнув, что дело идёт о самом существовании Римского государства (высоченная нота!) и что строптивость полагает предел милосердию властителя, оратор упрекнул сенаторов в мягкости «до этого дня», ибо они допустили, «чтобы ускользали от наказания враждебный государству Тразея, его зять Гельвидий Приск, одержимый тем же безумием, и вместе с ними Паконий Агриппин, унаследовавший отцовскую ненависть к принцепсам, и кропающий мерзостные стишки Курций Монтан...» (28)

Убедитесь, теперь налицо, с учётом вопроса Тразеи по поводу конкретизации его вины, появление (домашняя заготовка) преступной группы лиц (как бы) во главе с Тразеей, виновных, надо понимать-додумывать, и в саботаже гос. деятельности, и в различных тяжких грехах, что вкупе вырастает в преступнейший сговор-заговор = в противоправные слова и действия против единых Рима, кесаря, народа

(Ein Reich, ein Volk, ein Führer!)⁶⁴, в отношении чего ни торг, ни милосердие неуместны. Т.е. предпринятое Коссуцианом в первой половине мая историческое сравнение Тразеи с Брутом превращает благодаря красноречию Марцелла во второй половине мая 66г. Тразею в особо опасного Брута настоящего времени.

И снова абсентистские грехи Тразеи, гражданские и жреческие, фекально нагромождаются Марцеллом один на другой, с одной стороны, вроде бы требуя явки злостного абсентиста в курию, на суд, а с др., квалифицируя его перманентное отсутствие как «молчаливое осуждение всего, что ни есть» (28) = как криминальную политическую патологию. И, мол, даже повсеместный мир (поскольку Нерон как раз собирался после предстоящей коронации Тиридата, в знак римской победы без войны и в знак мира во всём мире, торжественно закрыть храм Януса Квирина), похоже, преступно не радуется Тразею. И сенаторы «больше не должны потакать извращённому честолюбию человека, к-рого общественное благополучие повергает в скорбь, к-рый считает пустынею площади, театры и храмы, к-рый угрожает, что добровольно удалится в изгнание. Он не видит здесь ни сенатских постановлений, ни магистратов, ни самого города Рима. Так пусть же он прервёт жизнь, связывающую его с государством, к-рое уже давно перестало быть для него дорогим, а ныне и терпимым» (28). Вот где главная собака зарыта: «Тразея, тебе надо свести счёты с жизнью, и так будет лучше для всех, включая тебя!»

Каковы перлы этой шитой белыми нитками скабрёзной горе-юриспруденции! Сколько пустопорожней демагогии! Причём, как видим, теперь к Тразее были присовокуплены и др. (заведомо) «преступные» лица-элементы. Перво-наперво, также скандально известный независимостью суждений, его зять — Гельвидий Приск — сын, напоминаем читателю, примипилара родом из Клувия (Самний), квестор Ахайи при Клавдии, легат одного из сирийских легионов, действовавших в 50-е гг. в Армении; в 56г. — нар. трибун, кто, будучи женат на дочери Тразеи и Аррии Мл. — Фаннии, являлся стоическим и политическим единомышленником тестя, почему соединить их в криминальный дуэт было несложно.

Иное дело приплетённые к делу для пущей убедительности, в рамках формирования т.н. преступной группы лиц и т.н. разветвлённого заговора илльально-неблагонадёжные отщепенцы — Паконий Агриппин и Курций Монтан. Первому вменялась, по Тациту (Ан. 16,29), наследственно-генетическая ненависть к принципсам; второму — мерзопакостное (в отличие от, мол, гениального нероновского) сатирическое стихоплётство.

Дело в том, что отец этого Кв.Пакония Агриппина М.Паконий, бывший в 20/21гг. легатом проконсула Азии Г.Юния Силана (конс. 10г. н.э.) и выступивший против последнего, когда того привлекли в 22г. к суду по обвинению в провинциальном вымогательстве (Ан. 3,67) (Д.И. 594-98), в дальнейшем был безосновательно, насколько следует из Светония, обвинён в оскорблении величия/величества Тиберия (в годы каприйского террора), брошен в застенки и позднее казнён. Но казнён после того как некий придворный шут умышленно задал Тиберию на

⁶⁴ Любопытно, что в 1938г., в отношении участи Н.Бухарина (кого некогда связывали со Сталиным, как-то сказавшим ему: «Мы с тобой, Николай — Гималаи, остальные — ничтожества», приятельские отношения) и А.Рыкова (предсовнаркома в 1924-30гг., кому генсек с 1922г. Сталин в шутку предложил управлять страной вдвоём, подобно двуликому Янусу), за высшую, приложительно к ним, расстрельную меру голосовал отнюдь не Сталин (предложивший более мягкое решение). На расстреле настояли (зная желание и волю хозяина) прочие политбюрошные члены. Притом особенно усердствовал, как и в ряде др. случаев, (в паре с главным сталинским завхозом — А.Микояном) Н.Хрущёв (кто впоследствии очеловечил сталинское наследие, а отправленный в 1964г. на пенсию даже говорил некоторым близким людям, что у него тоже, увы, руки по локоть в крови).

пиру провокационный вопрос-напоминание: «Почему до сих пор не казнён Пако-ний» (Тиб. 61,5), в ответ на что Тиберий публично отчитав шута, «через несколько дней написал сенату, чтобы приговор Паконию был вынесен как можно скорее».

В свою очередь, его сын, фигурант дела Тразеи в ббг., при Клавдии дважды побывал квестором провинции Крит и Кирена, строил там дороги (IGR 1,1103); согласно Арриану, негативно относился к Нерону (Diss. Epict. 1,2,12), что и послужило первооснованием для его, совместно с Тразеей, привлечения в ббг. к суду. При этом обвинение в его адрес вынырнуло, что обращает на себя внимание, не в первой, а во второй половине мая, по усовершенствовании (за время взятой обвинением паузы) сфабрикованного процесса.

Вина же Монтана, отец к-рого был соучастником оргий Нерона, по всему, заключалась (преимущественно) в его поэтическом даровании (к чему венценосный стихоплёт Нерон относился очень ревниво) и в писании (не по стопам ли Петрония?) сатир (Ювенал 4,107; 131), к-рые при тирании всегда минимум подозрительны. Спрашивается, — что мешает пришпандорить (неугодных) Пакония и Монтана к (заведомым деликвентам) Тразее и Приску, с к-рыми они наверняка были, по меньшей мере, знакомы? Ровным счётом ничего: было бы желание! Сказано — сделано! Преступная шобла («банда четырёх») налицо!

И пусть некоторые сенаторы, равно просто граждане-квириты, тайно, при виде, скажем так, сопричастных слушанию дела «воинских отрядов во всеоружии» (29), жалели Гельвидия, всё-таки, его вина была не только и не просто в том, что он породнился с Тразеей, но в том, что он был стоическим и политическим единомышленником тестя. А Пакония привлекли, всё-таки, не в силу отягощённой наследственности от его погибшего при Тиберии отца, но из-за его оппозиции к Нерону (Арриан). Ну и Монтан, без сомнения, допустил кое-что, скажем так, лишнее или двусмысленное в своих сатирических виршах.

Иное дело, что никакую преступную группу лиц они де-факто не составляли, оборотисто составив её в рамках принципатовской юстиции (с незавязанными глазами) де-юре. Тацит делит всё, максимально идеализируя Тразею и максимально громко-осуждая тиранию, на белое и чёрное, не желая замечать никаких оттенков-нюансов, мимо к-рых нам проходить негоже, тем более, что они несколько не оправдывают Нерона, к-рый в этот день решил, не сбавляя обороты, добить одновременно с показательным делом Тразеи и показательное дело Сорана.

Нехай весь мир, включая (не в первую ли очередь?) экзотических восточных гостей столицы (в лице Тиридата и его свиты), знает, насколько всевластен римский Цезарь Нерон, насколько всё в Риме и мире зациклено на нём, насколько к нему сходятся все нити, так же, как все дороги ведут в Рим. И наконец, — насколько отцы-сенаторы готовы принять любое угодное принцепсу решение, и насколько преданы кесарю всегда готовые порвать за него любого, как тузик грелку, его верные «тонтон-макуты» — преторианцы! Он — и «папа Док» и «бэби Док»⁶⁵ в одной упаковке!

⁶⁵ «Папа Док» — прозвище одиозного ультраправого гаитянского диктатора (1957–71гг.) Франсуа Дювалье — своего рода антикоммунистического Кастро-наоборот (за что к нему благоволили США, для к-рых он был свой «сукин сын») в Карибском бассейне. «Бэби Док» — его сын (Жан-Клод) и наследник чёрной диктатуры (1971–86гг.). Любопытно, что Дювалье-старший позиционировался как «самый стойкий антикоммунист» и одновременно сравнивал себя с (!) Лениным (являясь при этом чёрным расистом!). Тонтон-макуты — стяжавшая мрачную известность охранка (практиковавшая, наряду с полит. террором, мистические ритуалы вуду) династии Дювалье (их «латышские стрелки»). Сам термин переводится с креольского как «дядюшка с джутовым мешком» (а понятие связано с архетипом вудуистского зомби), к-рый, по легенде, похищает непослушных детей, запихивая их в мешок, и затем съедая. На счету тонтон-макутов (эскадроны смерти) от 30-и до 60-и тыс. убитых и зверски замученных с 1957 по 1986гг. жертв репрессий. См. знаменитый (в своё время) роман Г.Грина «Комедианты» (1966г.).

«Между тем в сенат входит обвинитель Сорана Осторий Сабин и начинает с того, что говорит о дружбе Сорана с Рубеллием Плавтом и о том, что в бытность проконсулом провинции Азии он не столько пёкся об общественном благе, сколько о снискании расположения её обитателей и с этой целью потворствовал мятежным общинам. Но это дела давнишние, а было и нечто новое, чем Осторий впутывал и дочь в затеянный против отца судебный процесс, утверждая, что она издержала много денег на магов. Действительно, Сервилия — так звали молодую женщину, — движимая тревогою за отца, из любви к нему и по свойственной её возрасту неосмотрительности, обратилась к ним, запросив их, однако, только о том, всё ли будет благополучно с семьёй, можно ли мольбами смягчить Нерона и не принесёт ли сенатское расследование чего-либо страшного. Её вызвали в сенат, и у трибунала консулов встали друг против друга престарелый отец и юная дочь, к-рой шёл лишь двадцатый год, с недавних пор, после того как её муж Анний Поллион был отправлен в ссылку, осиротелая и одинокая, не смеявшая даже взглянуть на отца, ибо считала себя виноватою в том, что усугубила тяжесть его положения» (Ан. 16,30).

Итак, недавние-давешние обвинения в адрес Барей Сорана из уст всадника Остория Сабина в потакании мятежным общинам (гипертрофированной заботой о провинциалах) и в дружбе с Рубеллием Плавтом были сочтены высочайшей обвинительной инстанцией (остающейся за кадром) недостаточными — мол, (сравнительно) давнишних дел мало. И потому, коротко напомнив об этих обвинениях, предъявленных им ранее, на первом слушании дела Барей, Сабин присовокупил к ним свежатинку — новые вскрывшиеся обстоятельства: он обвинил юную дочь Сорана Сервилию в вопрошении магов-чародеев (вероятно, халдеев, хотя прямо они не называются).

А Нерон, напомним, смыкал (сам не брезгуя пользоваться их услугами) последних, не раз изгонявшихся в прошлом из Рима, привечавшихся Агриппиной и весьма модных-востребованных (несмотря на все запреты, в высших кругах), с философами, и, будучи суверен, очень боялся как заклятий против себя, так и ворожбы-порчи. И неважно, что Сервилия вопрошала магов о судьбе отца, движимая тревогой за него; кто знает, что там за всем этим колдовством ещё крылось-таилось? Не был ли недавно избличён составитель гороскопов для поплатившихся жизнями Публия Антея и Остория Сабина астролог Паммен! (см. выше).

Кстати, имя дочери Марция Барей Сорана — Сервилия — побуждает некоторых ново-новейших авторов зачислять его в gens *Servilia*⁶⁶ вместо традиционно закрепившейся за ним принадлежности к gens *Marcia*, сродни тому как имя дочери Клодия Тразеи Пета — Фанния — служит основанием для зачисления её отца в gens *Fannia* вместо gens *Clodia*, что в обоих случаях неверно, поскольку дочери названных мужей вполне могли попасть, одна в род Сервилиев, другая в род Фанниев, по удочерению.

Причём, судя по тому, что сам Соран (относительно данного когномена к-рого тоже высказывается предположение, что это номен) назван в «Ан. 16,30» «престарелым», ему на 66г. было, сродственно Тразее, не менее 60-и, или, скорее, уже за 60 лет (*senex*), между тем как его дочь, к-рой «шёл лишь 20-й год», следовательно, родилась в 47г. н.э. Её супруг Анний Поллион был, как мы помним, одним из

⁶⁶ У римлянок, отлично от римлян, не было ни личных (преноменов) имён (Гай; Луций; Публий...), ни (когноменов) прозвищ (Сципион; Цензорин; Квириний...), и они обычно именовались по (эквивалентам современных фамилий) gentilным номенам (Марция; Сервилия; Корнелия...).

второстепенных соучастников заговора Пизона, отправленным в изгнание в 65г. (см. выше).

И вот на грозный вопрос обвинителя — «не продала ли она свадебных уборов или снятого с шеи ожерелья, чтобы добыть деньги для магических тайнств» (Ан. 16,31)? Сервилия, считая себя виновной в невольном усугублении тяжёлого положения отца, простёршись ниц, вся в слезах, сказала: «Я не призывала злых богов, не произносила заклятий и в моих злосчастных молитвах смиренно просила только о том, чтобы ты, Цезарь, и вы, сенаторы, оставили жизнь этому лучшему из отцов...» (31).

Как видим, Нерон, к к-рому непосредственно обращается Сервилия, присутствует на заседании в курии (не только в лице своего квестора, зачитавшего его послание), не сомневайтесь, при всём параде, угрюмо-молчаливый и скорбно-грустный по поводу всего происходящего, как и подобает беспристрастному рефери — первому среди равных (*primus inter pares*), всем своим видом показывая согражданам, к-рые хотят быть подданными, насколько тяжела шапка Мономаха. «А принцепса — продолжает несчастная Сервилия — я называла лишь в ряду остальных божеств. Несчастнейший мой отец ни о чём не был осведомлён, и если содеянное мной преступление, то совершила его я одна» (31).

Здесь её речь прерывает старик Соран, воскликнув, что она не была с ним в провинции в пору его азийского проконсульства, и потому никак не причастна к его деятельности в Азии; что она «по молодости лет не могла знать Плавта», к-рого, добавим от себя, проследовавшего в азийское изгнание в 60г., она могла в последний раз видеть (если видела) 13-летней отроковицей (явно не вошедшей с ним в 60г. н.э. в какой-либо преступный сговор); наконец, что она не была замешана в преступлениях мужа (не привлечённая к ответственности в 65г.). Одним словом, она повинна, всего-навсего, в чрезмерной любви к отцу и «должна быть оставлена в стороне от дознания по его делу; сам же он покорится уготованной ему участи, какой бы она ни была» (Ан. 16,32).

Заплаканная дочь протянула руки к отцу, отец — к ней, но подоспевшие стражники ликторы не позволили им прикоснуться друг к другу. «Затем приступили к опросу свидетелей; и если необоснованность жестокого обвинения возбудила глубокое сочувствие к подсудимому, то презрение и гнев навлёк на себя свидетель Эгнаций...» (32).

П.Эгнаций Целер, родом из финикийско-ливанского Берита, был (вольнотпущенником?) другом и наставником Сорана в стоической философии, а сейчас, «подкупленный — как говорит Тацит, — чтобы погубить друга» (32), дал против него ложные показания (за чем следует нелестная характеристика Эгнация как искущённого в притворстве лжеца — хитрого, коварного, жадного и похотливого, внешне изображавшего добродетель).

Это подтверждает и ксифилиновская эпитомия 62-й кн. Диона (26,1-3), откуда явствует, что Целер обоголал Сорана и его дочь Сервилию, обвинённых в чародействе, заключавшемся, мол, в каком-то жертвоприношении в связи с болезнью Сорана (безотносительно к Нерону). Однако, повторим, во-первых, у обзорно-суммарного Диона от Ксифилина сказано обо всём этом под хрононеверным 65г., и во-вторых, анналистический первоисточник Тацита тут заслуживает большего доверия.

Наряду с тем, оба, и Тацит, и Дион, противопоставляют недостойному поведению Эгнация прямо противоположное поведение другого сорановского друга — Кассия Асклепидота — богача родом из Никей в Вифинии, к-рый, выступив, как и Целер, свидетелем в суде, не покинул друга в беде, «за что и был лишён достояния и отправлен в ссылку, показав своей судьбой сколь безразличны боги к добру и злу»

(Ан. 16,33).⁶⁷ Согласно Диону, благородный Асклепидот засвидетельствовал невиновность Сорана, отправился в изгнание и был возвращён Гальбой, в то время как Эгнаций, напротив, удостоенный щедрого вознаграждения за свою ложь в 66г., позднее был сослан (62, 26,2).

Из «Истории» Тацита узнаём, что в 70г., уже при Веспасиане, стоик (из Волсини в Этрурии) Музоний Руф, тоже, о чём читатель в курсе, то ли ещё с 65-го (см. выше), то ли с 66г. (после расправы над Тразеей и Сораном), ссыльный (см. ниже), «напал в сенате на Публия Целера, утверждая, что тот своими ложными показаниями погубил Барею Сорана...» (4,10). В итоге, по делу, возбуждённому Музонием Руфом, Целера, кого безуспешно защищал киник Деметрий (см. ниже), осудили, — «и многое было сделано, чтобы восстановить доброе имя Сорана» (Ист. 4,10). К слову, выше в «Истории» говорится, что Веспасиан был другом Тразеи и Сорана (4,7).⁶⁸

* * *

Но в мае 66г. до этих посмертных и прижизненных реабилитаций или осуждений, при Гальбе и Веспасиане, было ещё далеко. А пока, по решению сената при Нероне, — «Тразее, Сорану и Сервилию предоставляется выбрать для себя смерть по своему усмотрению; Гельвидий и Паконий изгоняются из Италии; Монтан, во внимание к просьбе отца, был прощён, впрочем, с оговоркою, воспрещавшей ему отправление государственных должностей. Обвинителям Эприю и Коссуциану было пожаловано по пяти миллионов сестерциев, Осторию — миллион двести тысяч и квесторские знаки отличия» (Ан. 16,33).

Сообразно Диону (62,26,3), Соран был казнён, однако, свидетельство Тацита о самоубийстве отца и его (не пощажённой Нероном) 19-летней дочери, по всему, достовернее, собственно о чём, правда, «Анналы», обрываясь на самоубийстве Тразеи, молчат.

Гельвидий Приск отправился в ссылку в Аполлонию (приадриатическая Македония); был реституирован в 68г. Гальбой (Ист. 4,6); в 69г. позаботился об обнаружении и погребении изувеченных и разбросанных останков Гальбы (Плутарх «Гальба» 28); в 70г. облакал претуру. Безуспешно, так как Веспасиан, по возможности, блокировал, форсируя установление гражданского мира, расправы над великим множеством делаторов, атаковал в сенате Эприя Марцелла.

Занял критическую позицию к режиму Флавиев, нападал — и в сенате, и частным порядком — на Веспасиана (Свет. «Весп.» 15), ведя себя, в отличие от Тразеи, агрессивно и переходя (дозированные-допустимые) границы. Был сослан, причём его жена Фанния оба раза, как при Нероне, так и при Веспасиане, добровольно сопровождала его в ссылку. Не уговорился даже в ссылке, и был до 75г., неизвестно где и неизвестно кем, т.е. каким легатом-наместником, казнён, — не то по воле Веспасиана, не то без его ведома. Хвалим Тацитом за независимость (Ист. 4,5); упоминается Плинием Мл. (4,21; 7,19) и Ювеналом («Схолии» 5,36). По просьбе верной памяти мужа Фаннии, Геренний Сенецион, известный ритор из Баэтики,

⁶⁷ Эти, по-своему, *прощальные* — на исходе дошедших до нас «Анналов» — последнего произведения Тацита — слова о «безразличии богов к добру и злу» наглядно иллюстрируют состояние души как самого (безнадёжного пессимиста) Тацита, так и, главное, упадочного римского общества в пору кризиса *старых* (языческих) *богов* в целом.

⁶⁸ Вряд ли у вояки Веспасиана могло быть много общего с философами Тразеей и Сораном, что, скорей всего, не помешало ему, знакомому с ними, сделаться их «другом» задним числом, когда Веспасиан кесарствовал, а Тразея и Соран были «канонизированы» обществом — как мемориальные образцы добродетели и жертвы нероновской тирании.

составил, казнённый за это в 93/94гг. Домицианом, панегирическое «Жизнеописание» Гельвидия. Его сын Гельвидий Приск Мл., конс.-суф. 87г., пал жертвой Домициана в 93г. (Свет. «Дом» 10,4).

Высланный из Италии вместе с сестрой Паконий Агриппин, выслушав, следуя Арриану (1,1,128), приговор со стоическим спокойствием, предположительно, отбывал ссылку на Родосе. После конца Нерона вернулся; в 71/72гг. наместничал в провинции Крит и Киренаика. Возможно, подвизался в юриспруденции, если «Дигесты» (13,6,1,1) под номеном Расуний разумеют его.

Был ли молодой Курций Монтан на 66г. членом сената, т.е. достиг ли он возраста 25 лет, — вопрос. Во всяком случае, по просьбе отца, собрата Нерона, его помиловали, но с запретом занимать гос. должности, что означало для римского нобиле гражданскую смерть. В 70г. мы видим его в сенате, предлагающим почтить память усыновлённого Гальбой и убитого в один день с ним (15.01.69г.) Пизона Лициниана (Ист. 4,40), равно яростно атакующим злого доносчика М.Аквилия Регула (41/42), — погубителя многих нобилей, к-рый, по словам Монтана, впился зубами в принесённую ему голову Пизона. Атака не удалась, Регул уцелел и дожил аж до времени Траяна, умерев в 102г. А сам располневший с годами Монтан (Ювенал 4,107) стал в перспективе доверенным членом кронрата Домициана.

«Между тем — возвращаемся во вторую половину мая 66г. — к Тразее, к-рый оставался у себя в садах, уже под вечер был послан консульский квестор. Тразея в этот день созвал к себе многих знатных мужчин и женщин и главное внимание уделял учителю кинической философии Деметрию, с к-рым, как можно было предполагать по выражению лиц и доносившимся до слуха словам, когда они начинали говорить громче, обсуждал вопрос о природе души и о раздельном существовании духовного и телесного, пока не прибыл один из его ближайших друзей Домиций Цецилиан, сообщивший о принятом сенатом решении. Узнав о нём, все разразились слезами и сетованиями, и Тразея стал убеждать их покинуть его возможно скорее, дабы не навлечь на себя опасности подвергнуться участи осуждённого; обратился он с увещанием и к Аррии, высказавшей желание умереть вместе с мужем, последовав в этом примеру своей матери Аррии, и уговаривал её не расставаться с жизнью и не лишать единственной опоры их общую дочь.

Затем он направился к портику, где скорее обрадованного вестью о том, что его зять Гельвидий только изгоняется за пределы Италии, чем погружённого в скорбь, его и находит квестор. Получив от него сенатское предписание, Тразея уводит в спальный покой Гельвидия и Деметрия; там он протягивает обе руки, чтобы ему надрезали вены, и, когда из них хлынула кровь, окропив ею пол и подзвав к себе квестора, говорит: «Мы совершаем возлияние Юпитеру Освободителю; смотри и запомни, юноша. Да сохранят тебя от этого боги, но ты родился в такую пору, когда полезно закалять дух примерами стойкости». Но смерть медлила, и он, испытывая тяжёлые страдания, обратив к Деметрию...» (Ан. 16,34/35)

Таким образом, нужные Нерону, к-рый, заметив, руля всем, не проронил, исходя из того, что до нас донёс Тацит, во время судебного фарса, ни слова, приговоры были решением сената санкционированы. Оставалось привести их в исполнение по (предельно милосердной) формуле: уход (переход) приговорённых к смерти из жизни в смерть — дело рук самих приговорённых.

Неудобным принцепсу двум виднейшим после Сенеки философам-стоикам (судьба к-рых, в сущности, решилась заранее, когда решилась судьба сенекианская) пенсионного возраста, оба были лет на пять моложе ок. 65-летнего на момент его смерти Сенеки, олицетворявшим мирную сенатскую оппозицию (плюс — записанной в ведьмы-колдуньи дочери Барей), было официально предписано уйти из жизни с великодушной (сенатской, по желанию *гуманиста*-кесаря) формулировкой:

«избрать себе смерть по собственному усмотрению» (как ушли в прошлом году и Сенека, и Лукан).

Ещё троем *соиноновикам*, Гельвидию Приску, Паконию Агриппину, Кассию Асклепидоту, присудили изгнание, и одного — Курций Монтан — итого семь (не столько осуждённых, сколько уже) осужденных, отстранили от занятия гос. должностей.

Так, вброс, сделанный речистым Эприем Марцеллом, — призыв к Тразее прервать жизнь, связывающую его (вникните!) с им же отчуждённым от себя государством, без (интимной) связи с к-рым (железная пята), без служения к-рому истинный римлянин немыслим и преступен, получил юридическое оправдание и превратился в вердикт по суду.⁶⁹

Немешкающая юстиция предполагает исполнение приговоров по скорой-ускоренной процедуре, и потому после того как всё решилось ещё утром или в полдень, к Тразее, «к-рый оставался у себя в садах, уже под вечер был послан консульский квестор», полномочный объявить ему приговор и проследить за его подлежащим документальной фиксации приведением в исполнение.

* * *

Тем временем, сам Тразея, не сомневаясь, как и его ближние с друзьями, в исходе дела, прошально созвав к себе в последний день жизни многих, во время, когда ещё до предвечернего квестора (вестника смерти) к нему явился сообщить о принятом сенатом решении один из друзей — Домиций Цецилиан, был увлечённо занят (как и подобает знающему о бренности бытия и цену себе философу) беседой с киником Деметрием — «о природе души и о раздельном существовании духовного и телесного», согласитесь, — тема, в сложившихся обстоятельствах, на злобу дня — весьма актуальная.

Этого Деметрия, уроженца Суния (мыс в Аттике с храмом Афины), считают обновителем учения киников (см. выше) в IV н.э. Мы помним о его независимом поведении при Калигуле, когда он отказался принять от последнего, искавшего его друзья, щедрый подарок в 200 тыс. сестерциев (Сенека «Benef.» 7,11). Далее, он был близок к представителям высшего римского общества, входил в окружение Сенеки (Epist. 20,9; 62,3) и Тразеи, проявлял независимость и при Нероне, и позднее — при Веспасиане, при к-ром проследовал в ссылку (Свет. «Весп.» 13; Дион 66,13), рекомендованный затем Аполлоном Тианским (Филострат 6,31) Титу и оказавшийся в фаворе.

Притом и Деметрий, и бывший моложе его знаменитый Дион Хрисостом (ок. 40 — ок. 112г.), чей, поначалу софиста и противника философов, расцвет пришёлся на правление Траяна, тогда как при Домициане его сослали в Вифинию, представляли своеобразный стоический кинизм — направление, зачатое именно близким к Сенеке Деметрием, чтобы вдохнуть новую жизнь в киническую философию, приверженцам к-рой вменяли, в частности, фарисейское лицемерие: дескать, они проповедуют скромный образ жизни и воздержание, сами ищущи богатств и наслаждений.

Примечательно, что в 70г. Деметрий возьмётся защищать оклеветавшего в ббг. Барею Сорана Эгнация Целера, кого привлекут к ответственности и осудят по инициативе стойка Музония Руфа (учителя Диона Хрисостома и Плиния Мл.). Причём Тацит в «Истории», рассказав об осуждении Целера, продолжает: «...все хвалили Музония за то, что он добился столь справедливого возмездия, и, напротив

⁶⁹ Хотя (снова и снова!) сравните самостоятельно эти римские судилища при тиране Нероне и при тирании Нерона с показательными процессами 30-х гг. XXв., с судилищами эпохи сталинизма, и удостоверьтесь насколько в Советском Союзе *тирания-деспотия* была *тираничней-деспотичней*, нежели в Древнем Риме!

того, с презрением говорили о Деметрии, философе из секты киников, к-рый, руководствуясь не чувством справедливости, а одним лишь тщеславием, взялся защищать заведомого преступника» (4,40).

Выше же, в «Истории», автор писавшихся на порядок позже «Анналов» издевается над Музонием, кто, «ревностный последователь философов и поклонник стоицизма», попав (69г.) в армию вителлианцев, «принялся толковать окружающим его вооружённым солдатам о благах мира и ужасах войны», что было некоторым смешно, но большинству противно, почему Музоний, испугавшись угроз солдат и послушавшись доброго совета, «прекратил свои неуместные поучения» (3,81) = отказался от, выражаясь современно, пропаганды пацифизма (одновременно, избежав участи Ж.Жореса^{69а}).

Насчёт корыстной адвокатуры Деметрия в отношении Эгнация Целера, когда ни власть, ни общественное мнение не были на стороне погубителей Барей, в объективности-непредвзятости Тацита нельзя не усомниться. Даже Гитлер с Гиммлером и Ленин с Дзержинским имеют (восходящее к римскому) право на суд, на защиту в суде и на адвокатов, т.е. Деметрий, исходя из того, что мы о нём знаем, взялся защищать Целера не столько из корыстных побуждений, сколько из своих философских убеждений. И это при том, что нам ведомы не все нюансы, в то время как характерное презрение Тацита и к Деметрию, и к Музонию, вероятно, отражает настрой идеализатора стороримских добродетелей, традиционалиста и консерватора (толкующего о безразличии богов к добру и злу квиндецемвира *sacris faciundis*), к пришедшей в Рим с Востока (из декадентной Греции и регионов восточнее неё) упаднической философской заразе, к-рая-де истинному римлянину – воителю и законнику, нужна, как пятое колесо телеге, или как пятая нога собаке.

Сенека, Тразея и Соран образцы добродетели для Тацита, фигуры со знаком плюс, в особенности Тразея, – не как философы, что, сообразно немцам, лишь *gehört dazu*, а как мужественные представители сенатской оппозиции, противопоставляемой Тацитом, кто не враг единовластия, но враг тиранов, тирании принципсов (как будто единовластие может быть гарантировано от тирании!).

Впрочем, мы отвлеклись. Тразея доживает последние часы жизни, а сопровождавший нас в нашем хроноповествовании с 14г. н.э., начиная с «Дороги на Иордан», анналист Тацит, бессмертные «Анналы» к-рого (без к-рых реконструкция истории-метаистории ключевого в летописи человечества IV н.э. невозможна) мы разобрали книга за книгой, глава за главой, вот-вот умолкнет. Его друг Плиний Младший правильно предрёк его произведениям, т.е. и самому автору, к-рый растворился в них, бессмертие. И, значит, всё-таки, высшие Иерархии отнюдь не безразличны к добру и злу! Произведения Тацита-историка опровергли высказывание Тацита-человека!

Засим, если судебный квестор заявился к Тразее под вечер, официально и с приговором – устным и письменным, на устах и в руках, то, как сказано, ещё раньше в дом старшего друга прибыл с роковой вестью Домиций Цецилиан, заставший продолжающего сохранять стоическое спокойствие Тразею за философской (и, видимо, в т.ч., полемической) беседой с киником Деметрием.

Узнав о решении сената, мэтр попросил ударившихся в слёзы и причитания близких и друзей поскорее оставить его ради собственной безопасности. Его верная супруга Аррия Младшая хотела разделить участь мужа, как в 42г. её мать Аррия Старшая разделила участь своего мужа А.Цецины Пета, более того, напомним, поразила себя кинжалом первая, успев ещё протянуть клинок мужу, со словами:

^{69а} Интересно, что убийца 31.07.1914г., т.е. в самый канун начала I-й Мировой войны, её ярого противника и изобличителя французских милитаристов Жореса был в 1919г. (после поражения Германии) освобождён из заключения, а его смертоубийственное террористическое деяние сочтено-наречено патриотическим актом.

«Пет, — это не больно». Однако, Тразее удалось уговорить жену не лишать себя жизни, по меньшей мере, ради их дочери Фаннии, муж к-рой Гельвидий Приск был приговорён к изгнанию, что его тестя очень обрадовало, поскольку он ожидал смертного приговора и для зятя. Притом ещё не было ясно — сможет ли Фанния сопровождать мужа в ссылку, и, в любом случае, не следовало лишать её с детьми, при ссыльном муже, одновременно отца и матери.

В качестве свидетелей своего ухода философ избрал Гельвидия и Деметрия, с к-рыми он, в присутствии официального лица — квестора, удалился в спальный покой и там протянул обе руки, чтобы ему надрезали вены. А когда из вен хлынула кровь, он, окропив ею пол, сказал, обращаясь именно к молодому квестору, что совершает возлияние Юпитеру Освободителю, уподобившись тем самым Сенеке, к-рый, погружённый напоследок в бассейн с тёплой водой (ибо смерть всё не приходила к нему, всё не забирала его старческое тело ни по вскрытии вен, ни даже по принятии яда), обрызгал ею стоявших вблизи рабов, сказав, «что совершает этой влагодю возлияние Юпитеру Освободителю» (Ан. 15,64) (см. выше).

И за этим последовало предсмертное наставление квестору, к-рому, надо думать, было ок. 25-и лет (минимальный возраст для облечения квестуры — первой ступени в *cursus honorum*), закалять в жестокий век жестоких сердец дух примерами стойкости. Правда, римляне апеллировали не столько к сердцам, сколько к рассудку, являясь классическими репрезентантами Души рассудочной или самой душевности — *психе* — в эпоху Овна-Агнца, говоря о *духе*, но преимущественно путая-совмещая-отождествляя оный с душой (как это сделает на остаточном римском заряде ещё VIII-й Вселенский собор 869г., упразднив трихотомию в пользу дихотомии, по иронии судьбы, за 1000 лет до принятия в 1869г. догмата о папской непогрешимости). Сердца римлянам заменяли понятия: сначала — справедливости и несправедливости; впоследствии — власти и мирового владычества с установлением римского мирового-правового порядка.

И опять, как в случае со старцем Сенекой (кто явно был для Тразеи и старшим товарищем, и образцом), смерть, обожая клоунские гримасы и с удовольствием мимикрируя, медлила прийти и к сенексу Тразее. А он, испытывая телесные страдания, обратил (вероятно) взор к Деметрию и обратился к нему с какими-то словами прощания, к-рых нам, увы, узнать не дано, так как именно на имени «Деметрий» «Анналы» Тацита и обрываются. Но, кто знает, б.м., когда-нибудь их продолжение где-нибудь, в новооткрытых тайниках какого-нибудь монастыря (ведь христианская культура в Ср. века, к-рые, повторяем снова, не были «тьмой средневековья», экзистировала от монастыря к монастырю) обнаружится-отыщется.

Других полноценных свидетельств конца Тразеи Пета нет. У эпитамированного Диона коротко говорится, что по вскрытии вен, к-рые Тразея, согласно Диону, вскрыл сам, он поднял руку и произнёс: «Тебе, Зевс, покровитель свободы, жертвую я эту мою кровь» (62,26,4). Подробности ухода Барей и Сервилии, о чём, Тацит, следует думать, рассказал ниже, неизвестны.

Сим Нерон достиг желанного результата, согласно его, должно быть, совместному с цербером и наперсником Тигеллином, плану, отправив неугодных оппонентов-отщепенцев-оппозиционеров (от части сената и стоической философии) на тот свет — и как всевластный повелитель, и как проявивший максимальное т.н. милосердие к осужденным римский принцепс.

Крайне важная внутренняя проблема была решена, дело сварганено-сделано, и теперь надлежало подытожить главный многолетний вопрос политики внешней, а именно — торжественно короновать обретающегося в ныне, как никогда ранее, нероновском Риме, точнее, ожидающего своего коронационного часа в пригородепредместье, Тиридата Армянского.

РИМСКАЯ КОРОНАЦИЯ ТИРИДАТА АРМЯНСКОГО (май 66г.)

Это весьма знаменательное событие Тацит, о чём сказано выше, наверняка осветил в утерянной части «Анналов», продолжая рассказ о событиях 66г. н.э. Поэтому в нашем распоряжении эпитомия 63-й книги Диона (от Ксифилина) — основного свидетельства по теме, плюс — информация Светония и Плиния.

Притом, если выше мы пришли к выводу, что данное поэтапное, в широком географическом ракурсе, событие — от прибытия Тиридата в Италию, далее — через Неаполь и Путеолы в Рим (сначала — предместье), и до составившей кульминацию всего действия коронации армянского царя в Риме, имело место к середине, ок. середины и, наконец, во второй половине мая (Рим), то некоторые, в т.ч., хроно-, нюансы и детали-подробности, подлежат выявлению-прояснению-уточнению. Дело в том, что частично не столько противоречивые, сколько разноречивые сведения античных авторов необходимо привести в соответствие.

У повествующего о роскошно-расточительных зрелищных предприятиях-мероприятиях Нерона (к-рый силится затмить все зрелищные представления кесарей до него) Светония находим: «К числу устроенных им зрелищ по праву можно отнести и прибытие в Рим Тиридата. Это был армянский царь, к-рого Нерон привлёк несчётными обещаниями. День его появления перед народом был объявлен эдиктом, потом из-за пасмурной погоды отложен до самого удобного срока; вокруг храмов на Форуме выстроились вооружённые когорты, сам Нерон в одеянии триумфатора сидел в консульском кресле, на ростральной трибуне, окружённый боевыми значками и знамёнами. Сперва Тиридат взшёл к нему по наклонному помосту и склонился к его коленям, а он его поднял правой рукою и облобызал; потом по его просьбе он снял с его головы тиару и возложил диадему...» (Нер. 13,2).

Из сказанного (скороговорка) может создаться или буквально создаётся впечатление, что Тиридат в один и тот же день — прибыл в Рим, появился перед народом, взшёл на ростральную трибуну на Форуме и был коронован Нероном. Но это не так. Во-первых, как читатель знает, Светоний портретист-эссеист, к-рый, сосредоточившись на положительной и отрицательной характеристике своих героев-антигероев, часто проглатывает-пропускает-опускает всякие не интересующие его подробности и не придерживается событийной последовательности в повествовании. Во-вторых, ключ к этой последовательности кроется, в частности, в не очень (хроно)внятном тексте самого Светония при его синхронизации с Тацитом.

День прибытия Тиридата вместе с Нероном (из Неаполя и Путеол), о чём уведомляет Дион (63,3,4), в Рим, точнее, их совместного (если быть точным, что выясняется из детального расклада) прибытия до пригорода столицы, «когда весь город — согласно Тациту (Ан. 16,24) — (именно) высыпал (в пригород) приветствовать принцепса и посмотреть на царя»⁷⁰, не совпадает с днём (торжественно-церемониального) появления Тиридата перед народом.

Т.е. его, сопровождаемого свитой, вступление в собственно город Рим на пути к Форуму Романум, где его ожидал Нерон, произошло — будучи отложено как из-за пасмурной погоды (Светоний), так и, добавим с оглядкой на пройденный материал, из-за судилища над Тразеей Петом и Бареей Сораном (Тацит) — лишь через пару-другую дней. Вот когда, как и при каких обстоятельствах, во второй половине мая

⁷⁰ День, когда Тразея Пет, «к-рому было воспрещено присоединиться к встречающим» (Ан.16,24), составил послание к Нерону, ходатайствуя о предоставлении ему возможности выступить в свою защиту перед сенатом (см. выше), на следующий день после чего состоялся судебный фарс в храме Венеры на Юлиевом форуме (см. выше).

66г., Тиридат вступил в Рим⁷¹, взошёл по наклонному помосту на ростральную трибуну к Нерону и был официально-празднично коронован-легитимизирован им царской диадемой.

И именно так синхронизируются отчасти разноречивые, но, при ближайшем рассмотрении, не противоречивые авторы древности – Дион, Светоний, Тацит. Если, согласно Тациту, «народ высыпал приветствовать принцепса и посмотреть на царя» (16,24), значит, народ вполне мог высыпать в пригород, тогда как перед тем Нерон и Тиридат вместе направились в Рим, встретившись в Неаполе и побывав в Путеоли, по ведшей в столицу из Кампании дороге *via Appia*, согласно Диону (63,2/3). А согласно уже Светонию (13,2), торжественная церемония-коронация была из-за пасмурной погоды отложена «до самого удобного срока» = дня на четыре (иначе Светоний сказал бы – на один или два дня). И именно в эти дни, вернее, в течение двух первых дней, состоялась заключительная фаза расправного судилища над Тразеей и Сораном.

На следующий же день, или, много скорее, через день, когда, в конце концов, установилась ясная солнечная майская погода и когда всё было к заранее подготовленной блестящей встрече Тиридата готово, он вступил в собственно Город (в блистательную столицу мира), проследовал, как сказано, на Форум и был там увенчан Нероном, повторим ещё раз, во второй половине (оптимально – в 20-х числах) мая 66г. н.э.

Теперь обратимся к самому факту коронации армянского царя из парфянской династии Аршакидов римским Цезарем в Риме, чем долгое римско-парфянское противоборство за междержавное яблоко раздора и мост между Западом и Востоком – Армении, к-рое при Нероне длилось, перейдя к нему по преемству от Клавдия, с самого начала его правления, в общем и целом, почти 12 лет (осень 54 – весна 66г.), на данном этапе завершилось и в дальнейшем глобально-воительного не возобновлялось почти полвека.

Вариант кондоминиума (совместное обладание Арменией) был найден-узаконен с обеих сторон, в то время как *modus vivendi* (временное соглашение) превратился, можно образно выразиться, в «вечный мир». Ведь, во-первых, так назывался не один международный договор в истории, хотя ни один из них не стал таковым, т.е. *вечным*, и во-вторых, ни до, ни после периода 66 – 114гг., от похода Траяна (114 – 17гг.) до самого падения Парфии в Шв. н.э., Рим и Парфия, впервые столкнувшиеся в первой половине Пв. до н.э., не примирялись на столь долгий полувековой срок, находясь, на сей раз, де-факто в состоянии перемирия, или, правильнее сказать, прелиминарного мира с 63-го и полноценного мира де-юре с 66г.

Итак, мы помним, что последнее Рандейское соглашение между римлянами и парфянами (после рандейского позора Пета – 62г., и умеренного реванша Корбулона – 63г.), заключённое осенью 63г., обязывало мл. брата парфянского царя Вологеса – Тиридата, притязавшего на армянский престол с 51/52гг., персонально явиться в Рим за короной из рук Нерона. И на это Аршакиды (братья: Вологес Парфянский-Иранский – царь царей, Пакор Мидо-Атропатенский, Тиридат Армянский: цари *трёх первых престолов* Арианы-Ирана), как на обязательное условие Рима, в итоге согласились, но ещё выжидательно промедлили до лета/осени 65г., когда Тиридат с огромной свитой степенно выступил в длинный путь.

⁷¹ В определённом смысле, Тиридат (инструмент Неронова триумфа, по задумке Нерона) на протяжении ок. трёх дней, вероятно, обретаясь на одной из пригородных-загородных императорских вилл, не вступал в Рим, в чём-то подобно римским триумфаторам, к-рые оставались за Городом (не переступая померильную черту) до дня триумфа.

Причём рассказ о событиях года консульства Г. (Лукция) Телезина и Светония Паулина (66г.) эпитомированный Дион начинает с противопоставления двух событий – славного и позорного, второе из к-рых, а по времени – первое, заключается в очередном состязательном выступлении Нерона в качестве кифареда, с устройением для него его учителем в игре на кифаре Менекрытом триумфа в Цирке, в ходе к-рого кесарь появился как колесничий (63,1,1). И это (так как дальше Дион повествует о прибывшем в Италию/Рим Тиридите, что случилось в мае), по всей видимости, происходило в первые месяцы 66г., когда Нерон кифаредствовал и в Риме, и затем в Кампании, к-рую в первый раз он посетил в 66г. в марте/апреле.

Об искусном кифареде Менекрыте приводящий примеры фантастической расточительности Нерона Светоний упоминает, уверяя, что «кифареду Менекрыту и гладиатору Спикулу он подарил имущество и дворцы триумфаторов...» (Нер. 30,2). К слову, близкого ему гладиатора Спикула почти всеми покинутый Нерон будет, сообразно тому же Светонию, искать в июне 68г., решив в безвыходном положении свести счёты с жизнью, чтобы погибнуть от его руки (из-за неуверенности в своей), но не найдёт (47,3) (см. ниже).

А в 66г. вместе с Тиридатом и его сыновьями в Рим прибыли также сыновья царя царей Вологеса – Пакор и Монобаз⁷², продвижение к-рых, согласно Диону (63,1,2), «по всему пути от Евфрата напоминало триумфальное шествие». И дальше Дион представляет самого Тиридата, отмечая знатность его происхождения, красоту, ум и расцвет жизненных сил (63,2,1), т.е. речь идёт о муже в возрасте 35-40 лет, или ближе к 40-а годам, учитывая предоставление ему старшим братом, царём царей, третьепрестольной Армении 15/16-ю годами ранее – в 51/52г. При всём том, он был сопровождаем «всей свитой служителей со всеми знаками царского достоинства. Три тысячи парфянских всадников, и кроме того, многие римляне следовали в его поезде».

* * *

Все расходы по Тиридастову путешествию Рим взял на себя. Процессию на всём пути следования «встречали празднично украшенные города и празднично одетые люди, выкрикивавшие многочисленные приветствия. Снабжение выделялось им бесплатно, в связи с чем ежедневные расходы размером в 800 тыс. сестерциев были возложены на гос. казначейство. И так продолжалось на протяжении всех 9-и месяцев, к-рые ушли на это путешествие» (Дион 62,2,2). Сходно Светоний: «На Тиридата, хоть это и кажется невероятным, он (Нерон) тратил по 800 тыс. в день, а при отъезде пожаловал ему больше 100 миллионов» (30,2).

Отсюда, зная, что Тиридат встретился с Нероном в Неаполе ок. середины мая 66г., мы делаем (хроноарифметический) вывод о его выступлении в ок. 9-месячный путь ок. середины августа 65г. Ниже из Диона выясняется, что царь-designatus покрыл всё расстояние до Италии верхом на коне, а рядом с ним, тоже верхом, ехала его супруга, «одетая в золотой шлем вместо покрывала, так, чтобы не пре небречь обычаями своей страны, открыв лицо» (63,2,3).

Дело было ещё и в том, что (континентальные) парфяне, без большой и крайней необходимости, не путешествовали морем (и не вели морскую торговлю), считая элемент воды, как и огня, священным, и не желая осквернять купельные водоёмы

⁷² Тут речь, само собой, не может вестись о царе Атропатены Пакоре, идя (если перед нами вообще не эпитоматорская путаница-пустышка) о другом (помимо *второпрестольного* царя Мидии-Атропатены) сыне Вологеса, к-рого тоже могли звать Пакор, и о его брате Монобазе (если перед нами не одноимённый подвассальному Вологесу царю Адиабены член адиабенского царского дома).

(человеческими отходами-нечистотами). Плюс Тиридат, брат царя, был посвящённым в митраистские таинства жрецом Митры (Плиний 30,16-18) – династического бога Аршакидов, зороастрийским стержнем к-рых являлся (предваритель христианства) митраизм (Р.л. 822-25). Т.е. и в поездке в Рим Тиридата сопровождали, помимо знаменитых парфяно-армянских всадников-латников, при луках и пиках, ещё и положенные, по рангу-статусу, жрецу Митры жрецы-маги магустана.⁷³

Интересно попробовать реконструировать весь сухопутный маршрут высоких армяно-парфянских ходатаев к Нерону, в качестве путевых пунктов к-рого Дион ретроспективно называет Иллирию (62,7,1) и северное побережье Ионического моря; по прибытии же в Италию, до кампанского Неаполя, – приадритическую Пицену (63,2,3), через к-рую Тиридат и попал в Неаполь, где с Нероном встретился.

Вдобавок, если, согласно Диону (63,7,1), города Азии были посещены Тиридатом на обратном пути, то его путь в Рим пролегал не через римскую провинцию Азия. Следовательно, путешествие шло через Армению, Каппадокию, Вифинию и Понт, вдоль южного берега Чёрного моря, до Босфора, через к-рый Тиридат со свитой переправился, всё-таки, морем (ибо иной возможности не было) в Византий, или сразу проследовал по воде в Македонию, откуда добрался посуху (пересекая Балканский п-ов) до берега моря Ионического. Затем – иллирийским берегом до Истрии, в пределах италийского региона *Venetia et Histria*, и оттуда через италийские регионы Эмилия, Умбрия, Пичена, пересекая потом Италию в юго-западном направлении, от моря Адриатического до моря Тирренского, достиг, миновав Самний, Неаполя (на берегу Неаполитанского залива), где Нерон ок. середины мая его с нетерпением уже ожидал.

И так становится понятно, почему это в основном, как видим, сухопутное солидное путешествие чересчур большого (для посольства или делегации), вероятно, не менее, всего-итого, ок. 4-х, максимум 5-и тыс., количества-числа людей (ибо помимо всадников, Тиридата сопровождали и маги-жрецы, и др. свитские – свои и римляне), продлилось аж 9 месяцев.⁷⁴

⁷³ Как читатель уже имел возможность узнать выше, зороастрийская астрософия-астрология, в ракурсе космического дуализма (Ормузд – Аhrиман) и астрологического математизма (от Заратустры в VI тыс. до н.э. и Заратоса в VIв. до н.э.), делила-уполовинивала (один из аспектов) знаки Зодиака (Амшаспанды), в частности, на *летние-световые* (Аурамазды) – от (предназначенного в грядущем Митре жертвенного) Тельца до (грядущей Матери Солнца Близицево –) Девы, и на *зимние-ночные* (Аримана) – от (наземного) Скорпиона до (водных) Рыб, при интервально-дуалистическом посредничестве между ними *равноденственных*, и тоже относившихся к, в общей сложности, 7-и *дневным* Амшаспандам против 5-и *ночных*, знаков небесного Равновесия – *весеннего* Овна (знак Самопожертвования, Договора и Мышления = Мыслительного сознания) и *осенних* Весов (знак Логоса, Судеб и Праведного суда). Причём один из этих пограничных-рубежных знаков, т.е. Овен или Весы, в некоторых случаях мог сопричисляться к созвездиям *ночным* (6 на 6).

Если под знаком (зачавших приведение Космоса и Земли в устойчивое равновесие) Весов пра-метаистория исхественно-послепотопного человечества (в ходе Атлантической катастрофы) началась (V-я Пра-Семитская эпоха Четвёртого Атлантической периода), то под знаком Овна-Агнца (IV-я Греко-Римская культура Пятого Пост-Атлантического = Пассионарно-Ойкуменического периода) Тайнство Голгофы свершилось.

⁷⁴ Но всё это не повод для выдвижения ново-новойшей (псевдо)учённостью XIX/XXвв. горе-гипотезы о том, что, дескать, никакого поклонения волхвов, магов-царей с Востока, Младенцу Иисусу (Ев. от Мф.) никогда не было, мол, просто церковные составители или позднейшие редакторы Ев. от Мф. позаимствовали из античной истории приезд Тиридата Армянского в Рим, и оттолкнувшись от оногo, сконструировали евангельское Поклонение волхвов, дескать, переделав-переформатировав таким макаром факт истории-profana в удобную себе и Церкви (или Церкви и себе) мистерияльную сцену истории-sacra. Глупцов из лагеря рационал-недоумков оспоривать-опровергать негоже. См. «Р.л.»!

Наряду с тем, весьма любопытно отметить, что ещё задолго до этих узколобых ново-

По Италии, т.е. от Истрии-и-Венеции, Тиридат ехал «в запряжённой двойкой колеснице, посланной Нероном, с к-рым встретился в Неаполе, прибыв по дороге из Пицены» (63,2,3). Но приказу снять меч при приближении к Нерону он отказался подчиниться, прибив вместо этого клинок гвоздями к ножнам (Дион 63,2,4).

Если, с одной стороны, по Флавию, «парфяне никогда не расстаются со своими мечами» (И.д. 18,2,4), то со стороны другой, со дней Августа, к римским Цезарям (на печальном опыте кинжального убийства Цезаря) было запрещено приближаться во время аудиенций с оружием. Посему выход из создавшегося положения был найден в том, чтобы сделать носимый Тиридатом на боку короткий парфянский меч-кинжал (прибитый гвоздями к ножнам) из ножен невынимаемым. И не потому, что Нерон боялся покушения, а армянский царь собирался на него покуситься, но чтобы соблюсти римский закон и одновременно не нарушить парфянскую традицию, плюс – символически – в знак (вложившего несъёмные – перекованные на орала – мечи в ножны) прочного мира.

В то же время, подойдя, при встрече, к Нерону, Тиридат преклонил пред ним колена, скрестил руки на груди, назвал его господином-повелителем и вознёс ему хвалу. Нерон, в свою очередь, придя в восторг от такого поведения и отношения к себе Тиридата, выказал верх гостеприимства, горячо приветствовал его в ответ и дал в его честь гладиаторские бои в ПUTEОЛИ, куда кесарственный властелин с высоким гостем направились из Неаполя и где смертное состязание гладиаторов – не менее блистательно, чем затратно – устроил (Дион 63,3,1) для них Неронов вольноотпущенник Патробий (к-рый в 68г. будет казнён Гальбой).

И ниже Дион сообщает, что в один из тех дней в театре были представлены экзотические эфиопы – мужчины, женщины, дети, тогда как Тиридат, выражая благодарность Патробию, «стрелял в диких зверей со своего возвышения и – коли в это можно поверить – пронзил и убил одной стрелой двух быков» (63,3,2). Т.е. дезигнированный армянский царь-Аршакид демонстрировал меткость и силу парфянского выстрела из лука, в чём парфянам не было равных в мире.

* * *

«После этого – читаем у эпитомированного Диона – Нерон сопроводил своего гостя в Рим, где возложил диадему на его голову» (63,4,1). Удостоверьтесь, хроно-подробности и последовательность данного события в целом, к-рые реконструируются из синхронизации-сверки Диона, Светония, Тацита (в порядке тематической

новейших (противоевангельских) изысканий необычный Тиридатов вояж в Рим повлиял на церковных авторов, к-рые, пишучи о Поклонении волхвов, придавали ему, в дополнение к евангельскому благовествованию, некоторые (почерпнутые у античных авторов и из различных преданий) черты-элементы путешествия-визита в Рим с Востока именно Тиридата (царя и жреца-мага Митры, в сопровождении всадников и магов). К примеру, хорошо знакомое читателю «Армянское Евангелие детства» (черпая из сиро-армянского предания/преданий) окружает царей-волхвов, пришедших к рождественской колыбели Иисуса, спустя 9 месяцев после восхода Вифлеемской звезды, (аж) 12-тысячным эскортом! Или сириец Мар-Михаил предоставляет идущим в Вифлеем царям-волхвам свиту из 3-х тыс. всадников! (Р.л. 823/24).

Засим, перенесённые на чародеев-дароносцев отдельные элементы римского вояжа Тиридата несомненны, однако сие, вопреки мнению квазиучёных мозгачей, никак не разоблачает и не отрицает ни исключительный (астрологический-астрономический) феномен Вифлеемской звезды, ни историко-метаисторический факт, равно сакральный акт, Поклонения царей-волхвов Царю Иудейскому = Заратустре (= *годовалому Иисусу Соломону* = Царю Царей, К-рый пришёл-родился в меркуриальную среду 6.01.1г. до н.э., и в лице К-рого маги-волхвы поклонились Пастырю Пастырей, К-рый грядёт = Иисусу Нафаниду = Кришне, К-рый родится в солярно-михаэлическое воскресенье 25.12.1г. н.э.) в четверг (день Юпитера) 6.01.1г. н.э., т.е. за 65/66 лет до девятомесячного путешествия Тиридата в 65/66гг. н.э.

информативности каждого из них) – Неаполь, Путеоли, встреча народом Нерона и Тиридата на пригородном подходе к Риму, пасмурные дни (первые два из к-рых ушли на решение участи Тразеи и Сорана) ожидания – Дион (от предлагающего нам выдержки из Диона Ксифилина) опускает, оставляя за бортом.

Зато его повествование (63,4-6) сосредоточено на собственно коронации в ясный-солнечный-сиятельный (после пасмурных) день, официально названный, как выясняется ниже, «золотым» (63,6,1), в рассказе перед чем говорится: «Весь город был украшен огнями и гирляндами, и огромные толпы народа можно было видеть повсюду. Особенно полон был Форум. Середину занимали граждане, расположенные согласно сану, облаченные в белое и держащие лавровые ветви; в других местах стояли воины, одетые в блестящие доспехи, с оружием и значками, сверкавшими, подобно молниям. Черепица кровель всех строений поблизости была полна зрителей, взобравшихся на крыши. Всё было приготовлено таким образом за ночь, а на рассвете Нерон, одетый в триумфальное облачение, в сопровождении сената и преторианцев, ступил на Форум. Он поднялся на ростры (ростральная трибуна) и сел в курульное кресло. Следом Тиридат и его свита прошли между рядами тяжело-вооружённых воинов, выстроенных с каждой стороны, остановились возле ростр и выказали повиновение императору, как они делали это ранее» (63,4,1-3).

При этом с римской стороны поднялся настолько большой приветственный шум, что некоторое время Тиридат, не понимая в чём дело, стоял, оцепенев от страха, вернее, в страхе за свою жизнь. Когда же, по призыву, вокруг установилась тишина, к нему вернулось присутствие духа, вслед за чем он смирил свою гордость и, подчиняясь необходимости, в видах ожидаемого выигрыша, мало заботился о подвассальности слов, к-рые, обращаясь к Нерону, произнёс. Вот его слова: «Господин, я – потомок Аршака, брат царей Вологеса и Пакора, и ныне твой раб. И я прибыл к тебе, как к моему богу, служить тебе, как я служу Митре. Я буду тем, к чему ты меня предназначаешь; ты – моё счастье и моя судьба».

Нерон ответил ему: «Ты правильно поступил, прибыв лично, дабы, встретившись со мной лицом к лицу, воспользоваться моей милостью. Ибо то, что ни твой отец не оставил тебе, ни твои братья не добыли и не сохранили для тебя, дарую тебе я. Ныне я провозглашаю тебя царём Армении, чтобы и ты, и они поняли, что у меня есть власть как отбирать царства, так и жаловать их». С этими словами он велел Тиридату подняться на возвышение, специально возведённое перед рострами, и когда Тиридат был усажен у его ног, возложил диадему на его голову, после чего отовсюду раздались громкие прославительные крики (63,5,1-4) (см. ср. Светоний «Нер.» 13,1) (см. выше).

Причём, согласно Светонию, за это деяние Нерон «был провозглашён (аккламирован) императором, принёс лавры в Капитолийский храм (положил лавровую ветвь триумфатора к подножию алтаря храма Юпитера Капитолийского) и запер заветные ворота Януса в знак, что нигде больше не ведётся войны» (13,2). Случилось ли последнее непосредственно за коронацией Тиридата (что скорее), или уже после его отъезда – вопрос.

Так или иначе, Нероном были заперты в знак повсеместного мира (о к-ром, напомним, толкует и Эприй Марцелл в день осуждения Тразеи и Барей – Ан.16,28) ворота храма Януса Квирина, к-рые до того в 7 – 2гг. в последний раз запирали Август (запиравший их и того трижды), ещё во второй половине мая, или в крайнем случае, ок. 1.06.66г., когда, с мая, в Иудее уже разгорался пожар повстанческой войны, на к-рую, впрочем, Рим не обращал особого внимания до лета/осени. Да и потом римский Центр считал её локальным внутренним мятежом, не означавшим ведение внешних войн Римской державой. Хотя, из-за масштабов этого восстания, вероятно, не позднее 66/67гг., Янусовы ворота пришлось, всё-таки, открыть, пусть

даже точных сведений об этом нет. Правда, состоись коронация Тиридата несколько позже, когда восстание запыхало в Иудее, вряд ли о закрытии ворот Януса в знак повсеместного мира вообще зашла бы речь, что дополнительно подтверждает факт и хронологию Тиридатовой коронации не позднее второй половины мая 66г. н.э.

Весьма примечательно следующее. Сообразно современнику событий Плинию Ст. (30,17), кто, вспомним, клеймит Нерона «врагом рода человеческого», Тиридат имел намерение посвятить римского кесаря в мистерии Митры, на к-рые, как ядовито замечает Плиний, Нерон, в силу своей ущербности-убожества, просто не потянул.⁷⁵

Возвращаемся к коронационно-праздничному рассказу Диона: «По особому постановлению, празднество получило продолжение в театре (вероятно, в Помпеевом), где как сцена, так и всё внутреннее помещение были кругом вызолочены, и все внесённые театральные атрибуты украшены золотом, так что народ дал самому этому дню название «золотой». Натянутая вверху завеса для защиты от солнца была из золота, а посреди неё было вышито изображение Нерона, правящего колесницей, с золотыми звёздами, со всех сторон озаряющими его» (63,6,1/2).

Затем имел место роскошный пир; потом Нерон публично спел под кифару и продемонстрировал искусство управления колесницей (в Большом цирке), взойдя на неё в шлеме возницы, в наряде его любимой команды «зелёных».⁷⁶ Всё это, по Диону (63,6,3/4), вызвало презрение Тиридата, проникшегося дополнительным восхищением в адрес стяжавшего уважение парфян и армян Корбулона, в ком он теперь видел лишь один недостаток, заключающийся в том, что (или правильнее выразиться – как!) Корбулон может сносить подобного повелителя. При этом своё восхищение Корбулоном Тиридат завуалированно высказал и Нерону: «Господин, ты имеешь в Корбулоне блистательного раба», что не нашло понимания у Нерона (для кого, к слову, Корбулон выполнил, с коронацией Тиридата в Риме, свою восточную миссию, целиком и полностью, без остатка, став, учитывая его полководческую популярность, опасным, и, по всякому, подлежа скорому устранению) (см. ниже).

Насколько интерпретация Диона или его источника, не только повествующего о событии, но и дающего оценочные характеристики оному, преувеличивает (не выдавая ли желаемое за действительное?) скрытое т.н. презрение Тиридата к Нерону – неясно. Не чтит ли впоследствии именно парфяне Неронову память, причём в пору, когда им незачем было анафематствованному Римом Нерону льстить! (см. ниже).

Во всё прочем – продолжает Дион (63,5,5) – Тиридат льстил императору, добываясь его дальнейшего благорасположения и вознаградил себя самым ловким образом, удостоенный различных даров общей стоимостью в 200 млн. сестерциев (!), мало того, получив разрешение отстроить Артаксату, взятую, как читатель помнит, римлянами под командой Корбулона осенью 58-го и сожжённую им (перед

⁷⁵ Любопытно отметить, что (пра)рыцарственный митраизм (к-рый проник в Римскую империю в II в. до н.э.) был особенно востребован (с II в. н.э., и чем дальше, тем сильнее) в среде римских военных, офицеров и легионеров. Притом это продолжалось до своеобразной христианизации солярного культа (одоителя демонов) Митры (проявление Аполлона!) христороодно-михаэлическим явлением (преемствовавшего Митре) победителя дракона – (одного из самых почитаемых христианских Святых) Георгия Победоносца (III/IV вв.).

⁷⁶ Согласно выдержке из «Р.и.» Диона (63,7,1а) у Петра Патрикия (V в.) (Exc.Vat.68), Тиридат побывал, находясь в Риме, также на состязаниях в панкратионе (перенятое римлянами у греков единоборство атлетов, соединявшее приёмы борьбы и кулачного боя), где увидел, как одного из борцов, упавшего на землю, продолжает избивать его противник, на что возмущённо отреагировал: «Бой нечестный, – нельзя бить упавшего противника» (= лежащего не бьют).

походом на Тигранакерт, после зимовки в Арташате-на-Араксе) весной 59гг. н.э. (см. выше). В дополнение к тому, Нерон подарил царю множество искусных ремесленников для восстановления города, между тем как другая часть профессиональных мастеровых была привлечена Тиридатом обещаниями крупного жалования. Однако, при Тиридатовом возвращении, Корбулон позволил проследовать в Армению лишь тем из них, к-рые были подарены Тиридату Нероном, чем вызвал ещё большее восхищение царя, ещё больше, по Диону, презиравшего императора.⁷⁷

Согласно Диону (63,7,1), обратный путь Тиридата пролегал, отлично от пути в Италию, не через Иллирию и побережье Ионического моря посуху, но морем – из Брундизи в Диррахий (Македония), откуда, по всей видимости, опять-таки, морями – Адриатическим и Ионическим (раз уж парфяне и армяне в этот раз решили путешествовать морем) через Коринфский залив, Истм, Коринф и Кенхреи – в Азию (Эфес?). И при всём том, Тиридат посетил летом 66г. города Азии, достигнув, соответственно, Армении через Галатию и Каппадокию (где встретился с Корбулоном?), в связи с чем его изумление силой и красотой Римской империи возросло.

* * *

Итак, этой беспримерной коронацией Аршакида Тиридата в Риме *постоянной* диадемой вместо *временной* тиары был увенчан как бы не только Тиридат, а вся многолетняя восточная, в отношении второй сверхдержавы Парфянского Ирана и римско-парфянского буфера – Армении, политика Нерона.

Повторим, если 66г. до н.э., когда Тигран II Арташесид положил свою корону царя царей к стопам победоносного Помпея и снова получил уже корону сугубо армянского царя от Помпея, буферная Армения витально-вассально подпала Риму, то именно в 66г. н.э. она не менее витально – де-факто – отпала (отдалилась) от римлян.⁷⁸ Вернее, сам факт официального признания Римом мл. брата ирано-парфянского царя царей царём армян означал на практике, несмотря на весь внешний помпезно-спектакулярный коронационный триумф Рима, перспективный выход Армении из римской орбиты и её переориентацию на и без того близкий-родственный армянам, как никто и никогда ни до и ни после, Парфянский Иран.

Напоминаем читателю, заложенный ещё Помпеем, а затем новоучреждённый-новоустановленный Августом, с 20г. до н.э., и, не без различных нюансов-корректур, далее, максимальный междержавно партитетный перевес в пользу Рима, в последний раз был достигнут после Августа (при к-ром на армянский престол взошёл, с его благословения, первый Аршакид – Вонон – царь армян с 12 по 16гг.), когда в 18г. н.э. Германик сделал армянским царём сына Полемона Понтийского Зенона, принявшего в Армении заветное для армян тронное имя Арташес. Но последний умер в 34г., не оставив наследника, после чего римско-парфянское противоборство за Армению вступило в новую фазу, продолжаясь с переменным успехом, по-разному, в поисках выхода из кризиса, при Тиберии, Калигуле, Клавдии, Нероне, чтобы закончиться-завершиться прелиминарным миром-перемирием в 63-м и увенчаться обусловившей дальнейшую итоговую полувекую мирную коэзистенцию двух супердержав римской коронацией Тиридата в 66г.

⁷⁷ Нижеследующая выдержка Ксифилина (175,26) из Диона (63,7,2) сообщает, что новоотстроенный Тиридатом Арташат-на-Араксе был назван им Неронией.

⁷⁸ Таким образом, в объективе 66г. до н.э. и 66г. н.э., что хроноцифрно, учитывая в данном контексте также путь-дорогу царей-волхвов с Востока, среди к-рых, по всему, был и Артавазд Армянский, к колыбели Иисуса Соломонида в Вифлеем в 1/1гг. (Р.л. 822-25), обращает на себя (в т.ч., спиритуальное) внимание.

По большому же счёту, это противоборство ради державного контроля над Армянским нагорьем, с к-рого, как сказано, можно держать под оптическим прицелом Междуречье, Сирию и Персидский залив, не прекращалось с 66г. до н.э., затихая лишь периодами, на ограниченные – то малые, то подольше – сроки, ни один из к-рых не превзошёл, не превысил период мира, достигнутого в 63 – 66г. н.э. и продержавшегося аж до второго десятилетия Пв. н.э. Не превысил, поскольку решения проблемы на долгие лета обе державные стороны, каждая, при каждом удобном случае, пытаясь перетянуть армянское одеяло на себя, не находили.

Или, точнее, Рим твёрдо настаивал на своей державной доминанте в Армянском вопросе, притязая на первоконтроль над Арменией как над дальним рубежным вассалитетом, тогда как Парфянский Иран хотел вернуть родственную и ментально близкую Армению, западный авангард Арианы-Ирана, то *второй* (при Ахеменидах и Сасанидах), то *третий* (при Аршакидах⁷⁹) престол Дома Иранского, в велико-иранское лоно, к чему стремилось и большинство армян, в то время как меньшая их часть, в основном эллинизированная знать, тянулась к Риму.

И первым, сколь ни парадоксально, именно Калигула, апологет обновлённой антонианской системы вассалитетов, приоритетных, следуя его политической линии, перед провинциализацией окраин, взялся за поиски решения хронически кризисного Армянского вопроса в приемлемом для обеих сторон варианте-сегменте кондоминиума = совместное-двухстороннее-нейтральное владение-обладание, понимая, что в этом вопросе Рим должен пойти на уступки и соглашаясь уступить часть преференций парфянам. А Иран, со своей стороны, отдавая должное такому его подходу, выказывал почтение и отцу Калигулы Германику (с к-рым Артабан договорился в 18/19гг.), и ему самому, как позднее парфяне, в ещё большей степени, отдавали должное Нерону и продолжали чтить его память, даже когда его самого, преданного проклятию памяти в Риме, уже давно не было в живых. Восток – дело тонкое!

Тем временем, после Калигулы Клавдий силился восстановить в междержавных соотношениях прежний августейший статус-кво по Армении в пользу Рима, снова посадив на армянский престол избранного в цари армян ещё Тиберием (35/36гг.) Митридата Иверского, (кого Калигула с 37г. держал в заточении и) кандидатура к-рого не устраивала ни армян, ни парфян. Но к-рый худо-бедно держался на армянском троне, при Клавдии, до 51г., когда Парфянский Иран вдохнувших в иранизм свежую кровь Младших Аршакидов, по воцарении в Ктесифоне-на-Тигре энергичного Вологеса, предоставившего своим мл. братьям, Пакору и Тиридату, соответственно, *второпрестольную* Мидию-Атропатену и *третьепрестольную* Армению, занял более решительную позицию в Армянском вопросе.

Причём при Нероне римляне не сразу возвратились к поиску решения выхода из перманентно кризисного тупика в калигулианском векторе, поскольку Сенека и Бурр проводили прежний курс, нацеленный на удержание римской гегемонии, что завершилось в попытке возведения в 60г. на армянский престол альтернативного Тиридату сугубо римского ставленника Тиграна VI – эллинизированного потомка римских вассалов – Ирода Иудейского и Архелая Каппадокийского. То был вариант по подобию возведения в 18г. на армянский трон Германиком Полемонидом Зенона, к-рый теперь, в связи как, главное, с изменившейся, при Вологесе, ситуацией в Иране, так и в связи с ничтожеством Тиграна (не тянувшим на принятого армянами Зенона), потерпел фиаско, приведя в 62г. к раннейшему позору Цезенния Пета, частично отыгранному в 63г. назад Корбулоном.

⁷⁹ Во всяком случае, при Младших Аршакидах, для к-рых *вторым престолом* была Мидия-Атропатена, после царствования в к-рой, с 5/6гг. н.э., Артабан III стал в 11/12гг. (изгнав с иранского первопрестола данного парфянам в 7г. н.э. в качестве царя Августом старшего Аршакида Вонона, кто в 12г. перебрался на царство в Армению) царём царей Ирана.

При всём том, занимавшийся вязким Восточным вопросом с 54г. Корбулон первым понял бесперспективность дальнейшего противоборства по старым меркам-лекалам и пришёл, не будучи сторонником продолжения войны, на к-рую у упадочного неронового Рима, так как парфяне, на сей раз, уступать не собирались, не хватило бы долгого ресурса, к выводу о необходимости заключения прочного мира посредством персональной явки парфяно-армянского ставленника Тиридата в Рим за короной из рук Нерона.

Иное дело, понимали ли в тот момент Нерон и Корбулон, что таким макаром, невзирая на всю ойкуменическую демонстрацию внешнего казалось бы триумфа Рима, с коленопреклонением армянского царя Аршакида перед тронно легитимизировавшим его в столице мира, Риме, Нероном, Армения, так или иначе, от Рима отпадает-отдаляется; либо, точнее сказать, рано или поздно, всё ощутимее отдаляясь-отчуждаясь, — отпадёт.

Почему? Да потому что Парфянский Иран и парфянский иранизм, включая его религиозную составляющую — ренессансный зороастризм-митраизм, был стране Араратской много, как сказано, ментально ближе, много роднее, чем пришлый эллинизм, более глубокий здесь, нежели в остальном Иране, но, тем не менее, не столь фундаментальный, уж не говоря о чуждости армянам романизма и считавшего их захолустными ориентальными варварами римского империализма. Иран же, будь то в лице в разное время господствовавших в нём мидян, персов, парфян, видел в армянах составную, хоть и имманентную, хоть и пограничную, часть Дома Иранского, родственный дух, родственную кровь, часть великоиранской цивилизации, одного из собратьев большой семьи Арианы-Ирана, притом собрата привилегированного, судя по его *второ-* или *третье-престольному* великоиранскому рангу-статусу.

Скорей всего, ничего этого ни Нерон, ни Корбулон (не проигравший, однако, и не выигравший ни какую-либо большую войну, ни какое-либо крупное сражение, от к-рых он искуснее уходил, чем шёл и выходил на них) не понимали, не осознавали, довольствуясь достигнутым на новых условиях партитетом, при к-ром был, если вдуматься, максимально соблюден вовсе не столько приоритет, сколько внешний (так сказать, прогремевший на весь мир) престиж Рима. Новодобытый-новооформленный *modus vivendi* превращался в как бы «вечный мир», а кондоминимум, как бы зафиксировав-узаконив юридический приоритет Рима, проложил в реальности дорогу фактической в будущем победе парфян, фактическому преобладанию на Армянском нагорье парфянства и парфянской духовности, к-рая сыграет в своё время одну из ведущих выдающихся ролей в первопринятии Арменией и армянами христианства.

И само по себе решение Армянского вопроса в римско-парфянском междержавном ракурсе при Нероне есть одно из ярких свидетельств эфемерности, в т.ч., внешнеполитических проектов-прожектов искателя мифических сокровищ Дидоны (бездумно и безумно расточительного) Нерона. Не он ли также планировал в последние годы своего правления экспедиции к истокам Нила, в Эфиопию, или к Каспийским воротам (Дербентский проход), в поисках как сокровищ, так и новых заветных сокровищных путей в Индию, и чуть ли не в Китай, или — и в Индию, и в Китай! (см. выше и ниже).

И если — отнюдь не Цезарь — ок. 60-летний Корбулон устал от неразрешимого для Рима стратегически-победно кризиса на Востоке, что он усвоил на опыте долгого безрезультатного противостояния (когда вроде бы добытые результаты снова сходили на нет), осознав необходимость престижного паритета, то Нерон, всего на 29-м году жизни (возраст гибели Калигулы), купался в лучах своей сомнительной славы, теща тщеславие *митраистским* поклонением себе Тиридата и воображая себя вторым Августом!

Вторым Августом, — превзошедшим, мол, первого Августа посредством торжественного акта беспрецедентной коронации-возведения брата парфянского царя царей римским кесарем на армянский престол в Риме. И какое ещё там, спрашивается, де-факто? коли столь ослепительно блистает помпезной позолотой, на всю и во всю державу-ойкумену, ослепительно сценическое де-юре!

Он, Нерон, по его убеждению, — ныне на пике славы, на к-рый до него не входил ни один римский Цезарь! Ныне как бы не только Армения, в лице Тиридата, его вассал, а и Иран, в лице Вологеса, два сына к-рого остались в Риме в качестве почётных заложников, — его, Неронов и Рима, младший друг и союзник! И какая ещё там долгосрочная перспектива (потери Армении), если вынь да положь — в кармане, и если — после нас хоть потоп! Политический шахматист должен уметь продумывать-просчитывать партию на несколько ходов вперёд. Увы, Нерон не был шахматистом.

К тому же, внутренне он наверняка бессознательно, загнанным звериным чутьём, предчувствовал, что ему немного осталось. И сиюминутный триумф, сиюминутная помпа, внешний эффект, грандиозная зрелищность, театр одного главнейшего актёра виделись ему важнее-актуальнее всех и всяческих долгосрочных перспектив, для к-рых, чтобы ухватить их в 29-летнем возрасте, чтобы понимать их и считаться с ними в 29 лет, надо быть настоящим Александром или настоящим Августом, к-рые в политике куда чаще исключение, чем правило!

Так затяжной девятимесячный Тиридатов путь за царской диадемой в Рим стал, в сущности, началом пути возвращения-репатриации страны Араратской на время, когда и пока в Иране доминировали парфяне, в Дом Иранский, в Ариану-Иран. И данное новоинаугурированное сродство Армении с Парфянским Ираном продлится до свержения в Иране выдохшихся Аршакидов и прихода к власти в 20-е гг. Шв. н.э. новых консолидаторов Ирана — на иной, в отличие от центробежной парфянской, на радикально центростремительной, на централистско-империалистической, плюс на интолерантно зороастрийской (в противовес веротерпимым парфянским Аршакидам), платформе — персидских Сасанидов. Последние, новоперсы, объявят себя, воззвав к Киру Великому и Дарию Гистаспу, правопреемниками староперсидских Ахеменидов и сделают всё, чтобы выбросить ок. 500-летнюю уникальную парфянскую эпоху (ок. 250г. до н.э. — 224г. н.э.)^{79а}, почти равномерно делимую рубежом старой и новой эр, из великоиранской истории.⁸⁰

Но всё это произойдёт через полтора столетия, когда с Шв. н.э. термины «Парфия» и «парфяне» перейдут в сокровенное эзотерическое христианство на Востоке, как «Кельтика» и «кельты» христиански метаморфозируют на Западе, и когда парфянство, о чём мы не раз беседовали выше, кульминирует, покидая исторические подмостки, с одной стороны — метаисторически — в Апостоле Иисуса Христа — Мани, а с другой, — исторически — в Армении, где Аршакиды/Аршакуни тронно продержаться до 428г., и — историко-метаисторически — в открывшемся навстречу

^{79а} 223г. н.э. — занятие новоперсами Селевкии-на-Тигре; 224г. — гибель в сражении последнего парфянского царя Артабана V; 226г. — подчинение Сасанидам большей части Ирана; 227/28гг. — коронация Арташира Папакана царём царей; 229г. — пленение и казнь сына Артабана V — Артавазда.

⁸⁰ Парфяне с их очагом на ирано-туранской границе, в Туркестане и Хорасане, с их династией от иранского скифа Аршака Храброго и с их курсом на цивилизаторскую *иранизацию* Турана, отчасти так и остались или стали для Ирана очагового (мидийского или, главное, персидского), на чём делали особый политико-спекулятивный упор Сасаниды и что затем частично позаимствовал Иран мусульманский, полустепняками-полукочевниками.

Импульсу Христа Спасителя армянстве, к-рое будет в 301г. крещено Григорием Просветителем = Григором Парфянином^{80a} (Партев).⁸¹

Между тем, сейчас, в 66г. н.э., в истории Армении и армянства своеобразно завершался период, стартовавший в 66г. до н.э. И увенчала завершение данного периода (в показательным образом равноудалённые от дуалистической Мистерии Рождества Христова 66 – 66гг. до н.э. и н.э.) продолжительностью, итого, в ок. 130 лет, вышепредставленная и вышеразложенная нами коронация Тиридата Армянского. Коронация репрезентанта династии (младших) парфянских Аршакидов царём армянства Великой Армении (Armenia Maior) короной-диадемой из рук Нерона на Форуме Romanum в миродержавном Риме.

ТИРИДАТ, САНАТРУК И ПОДВОПРОСНАЯ ХРОНОЛОГИЯ МУЧЕНИЧЕСТВА АП. ФАДДЕЯ И ВАРФОЛОМЕЯ В АРМЕНИИ

Тиридат царствовал в Великой Армении (тогда как Малую Армению – Minor – в 72г. Веспасиан провинциализировал), сходно его ст. брату Вологесу в Иране, приблизительно до ок. 78/79/80гг., хотя, касаемо их обоих, в источниках иногда фигурируют и 75/76гг. Но приложительно к Тиридату это не проходит, поскольку ещё при нём, согласно эпиграфическому свидетельству⁸², в 77г., в Гарни сооружался языческий храм, посвящённый Митре.⁸³

С др. стороны, Иосиф Флавий повествует в «Bellum» (7,7,4) об опустошительном нашествии в 70-е гг. Ив. н.э. алан на Мидию-Атропатену и Армению, когда Тиридат, сражаясь с вторженцами, едва не попал в плен, успев-сумев перерубить мечом накиннутый на него аланским всадником аркан. И пусть из не очень разбирающегося в данной географии (сродни прочим античным авторам) Флавия не очень ясно,

^{80a} Примечательно, что и (по всей вероятности) Мани (сын Патики/Фатака Парфянина), к-рый родился в 216г. н.э., и Григорий Просветитель (сын Анака Парфянина), к-рый род. в 239/40гг., – оба – парфянские принцы из (родственного царственным Аршакидам) великокняжеского дома Сурена. И именно этим именем (Сурениды – венцезолагатели при Аршакидах) Сурен (Суранк; у пишущих о Мани христианских авторов искажённо – Курбик) они звались по рождению, получив позднее, первый (мать к-рого Мариам происходила из также великокняжеского парфянского дома-рода Камсаракан) – почётное прозвище Мани (от великого Ману; драгоценный камень; алмаз), а второй – при крещении в Кесарии Каппадокийской – греко-христианское имя Григорий (см. Р.л. 1258-63; Д.И. 883-85; Т.Г. 1375-80). Причём именем Мариам звалась как мать Мани, так и (кесарийская) жена (спасённого и возвращённого няней, по имени София) Григория (о матери к-рого сведений нет).

Если Лазарь-Иоанн и Павел стоят, соответственно, по одесную и ошую Христа, то *светоносец-светодавец* Мани (новозаветный Ангел Метатрон!) стоит за Христовым тронном (престол Господень), в определённом таинственном смысле, возвышаясь и над Иоанном, и над Павлом!

⁸¹ В парфянско- и армянско-митраистских солярных мистериях высокие посвящённые получали таинственное посвятельное имя «Гриффон» (аравийский и египетский эквивалент – «Феникс»; в Индии и Персии – «Страж золота» = солярно-спиритуальной мудрости). То-то тамплиеры на Востоке называли (XII-XIVвв.) ведавших орденским золотом (посвящённых в тайны «золотого тельца») *кловасто-горбоносых* армян (контактируя с Киликийской Арменией, более того, зная об Армении Аршакидской, к к-рой возводили себя предшественники Армянского Киликийского царства – Багратиды, и о её близком – как династическом, так и духовно-мистериальном, в т.ч., о манихейском, – родстве с Парфянством), именно «Гриффонами».

⁸² См. «История армянского народа» (с.58) – Ереван-1980г.

⁸³ Этот храм (в 28-и км от Еревана) пережил античную древность и средневековье, разрушенный землетрясением в 1679г. и восстановленный в 1969-74гг. (Р.л. 976/77).

кого именно он разумеет под аланами, упоминая также гирканцев, и о каком именно пути (путях) вторжения северокавказских горцев (Кавказском? Каспийском?) и горных проходах (Аланские = Сарматские ворота = Дарьяльский проход? Ворота Чора = Дербентский проход? проход в Гирканию из Мидии в горах Паракхоатра?) в рассказе идёт речь (см. ниже), тем не менее, в этой связи обращает на себя внимание следующее. Найденная ок. древней столицы Иверии г. Мцхета греч. надпись 75г. н.э. свидетельствует, что Веспасиан «построил Митридату, сыну Фарасмана, другу Цезаря и римлян, и Амазаспу, брату его (или сестре – Амазаспу?), крепость» – «сии стены укрепил».⁸⁴

Митридат II Фарнавазид преемствовал в Иверии ок. 60г. знакомому нам Фарасману (30 – 60г.), один из сыновей к-рого Радамист боролся, о чём читатель знает, за армянский трон (убив – 51г. – своего царствовавшего в Армении дядю – Митридата Иверского, брата Фарасмана) в 51 – 54гг., потерпев в итоге неудачу, вернувшись в Иверию, и будучи там убит, по приказу отца, в 58г. Самому же Фарасману ок. 60г. преемствовал в Иверии другой его сын – Митридат II, концом правления к-рого считается время ок. 75/76гг.

И судя по тому, что римляне в 75г. приняли на себя расходы по укреплению Мцхетской цитадели в преддверии Дарьяльского прохода = Аланских ворот, открывавших воинственным аланам дорогу на Южный Кавказ и дальше, независимо от того, о каком именно пути и проходе (или о путях? и проходах?) вторжения говорит в «Войне» Флавий, опустошительное вторжение алан, упоминаемое Флавием, имело место до 75г., оптимально – в 73/74гг., вслед за чем римляне и решили помочь дальнему иверскому союзнику укрепить (на подходе из Иверии к Армении и к римской М.Азии) Мцхетскую крепость.

А стоял ли после римской коронации Тиридата в 66г. союзный римский гарнизон в Армении? – вопрос. Или гарнизон стоял до конца правления Нерона, снявшись из армянских пределов в пору смуты 68/69гг.? и, похоже, не вернувшись (либо с какого-то времени? и на какое-то время? вернувшись) туда при Флавиях?

Далее, по неподтверждённым данным, Тиридату преемствовал ок. 79/80гг. черпаемый ново-новойшей учёностью из достаточно смутного позднейшего армянского предания царь Санатрук, к-рый по античным источникам не воспроизводится, за исключением короткой, без хронологии, и вторичной информации из Флавия Арриана (86 – ок. 160гг.), но к-рый фигурирует у М.Хоренаци и в апокрифах как племянник (сын сестры) Абгара Эдесского (+ ок. 50г.), чей, согласно Хоренаци, сын Ананун наследовал Абгару в Эдессе, в то время как Санатрук – в Армении.

И то, и другое легендарно, поскольку никакой не Ананун (Безымянный) наследовал Абгару Укаме в 50г. в Осроэне и никакой сын сестры Абгара, м.б, по имени Санатрук, на армянский трон, тем паче, ок. 50г. не всходил. Просто Хоренаци (2,34-36) и христианское предание пытаются (весьма желают) свести-совместить, в рамках армяно-христианской традиции, первохристианскую Эдессу и её крещёного Малым Апостолом Фаддеем (Аддэ) аж в 34г. (см. выше) первохристианского царя Абгара Укаму (много преувеличивая его политический масштаб) как с Эдессой-Осроэной, так и с Арменией Великой.

Есть, впрочем, донесённая до нас византийским словарём «Суда» (Хв.) фрагментарная выдержка из Флавия Арриана – уроженца Вифинии, римского гражданина, чиновника и греко-римского историка, автора «Индики» и «Анабасиса Александра», в к-рой сказано: «Армянский царь Санатрук имел средний рост, но был склонен ко всему и особенно к войне. Он был верным хранителем справедливости и был сдержанным и мудрым, как лучшие из римлян и греков» (фрмг. 59).

⁸⁴ См. «История Грузии» (с.63/64) – Тбилиси-1962г.

Хоренаци (и христианские апокрифы) о Санатруке (тождественном ли? или эвентуально тождественном Санатруку Арриана из «Суды» и армянскому царю — преемнику Тиридата?) прямо противоположного мнения. По «Истории Армении», равно согласно сирийским и армянским апокрифам, ни он, ни Ананун не были наследниками отцовских добродетелей и оба жестоко преследовали христиан.⁸⁵

Причём, если Ананун Эдесский (Осроэнский) повинен в мученичестве Аддэ = Фаддей (один из 70-и М.Апостолов, — креститель Абгара в 34г.), то на совести Санатрука, к-рого обратил пришедший в Армению (Иуда) Фаддей (брат Господень), один из 12-и Б.Апостолов (Иуда Иаковлев), и к-рый затем отступил от веры, начав противохристианские гонения, мученичество и Фаддея (в области Шаваршан, называемой Артазом), и Варфоломея-Нафанаила (в Арбаносе/Алванополисе; или в Гохтне), и даже царской дочери — исповедницы веры (предтеча Рипсимеянок) — царевны Сандухт, плюс — др. жертвы.

Дело в том, что Тиридат I Аршакид, брат Вологеса Парфянского, не фигурирует, вернее, не воспроизводится, не идентифицируется у Хоренаци и в армянском предании в качестве Тиридата, царя Армении в IV в. н.э., поглощённый-ассимилированный-аккумулированный преданием двойственно-двойко-взаимонакладочно — как по *хроноотступательной*, так и по *хрононаступательной*. Притом — поглощённый-ассимилированный в пользу как отпавшего от Селевкидов основателя династии Арташесидов выдающегося венценосца Арташеса I (189 — 160гг. до н.э.), так и в пользу своего прославленного тезки (и династического потомка), при к-ром страна Араратская приняла христианство, Тиридата III Аршакида (287 — ок. 330гг.).

Вот каким примечательным образом он, Тиридат I, родоначальник армянского гос-ва Аршакидов/Аршакуни, *пожертвовал* в размытом-залегандированном предании, в символической интерпретации этого предания, на штрке времени охватом-диапазоном в ок. 500 лет, свои персону, имя и роль Арташесу I и Тиридату III(!).

С одной стороны, исторически первого Аршакуни вытеснил из национальной памяти основатель постселевкидской арташесидской Армении — эпический, насколько выводится из Хоренаци, Арташес, к-рому предание приписало, на к-рого оно перенесло отдельные черты и деяния Тиридата I, тогда как со стороны другой, последний был вытеснен из памяти оперирующего символами предания более известным представителем династии Аршакидов — носителем освящённого для армян имени Тиридатом III — виновником долгого заточения Григория Просветителя, затем — мученичества Дев-рипсимеянок, в конце-концов раскаявшимся-покаявшимся, принявшим от Григория крещение и всячески содействовавшим Григорию в христианизации страны и армянства.

И отсюда понятно, что Тиридат III монополизировал в легендарном предании (доставшемся позднейшим историкам) как это (сакрализованное) имя, так и Тиридатову роль, Тиридатово значение в истории, не оставив места в народной памяти собственно Тиридату I под именем Тиридат I, память о к-ром, как сказано, из былого обкарнал ещё и, в не меньшей мере-степени, Арташес I, на кого (более значительного для предания и Хоренаци, чем Тигран II) память наложились также его соименники — (пропарфянский ориентированный) Арташес II (30 — 20гг. до н.э.) и особенно (ставленник Германика; сын Полемона Понтийского) Арташес III (18 — 34гг.), умышленно ставший из Зенона именно Арташесом и позитивно запомнившийся армянам.

⁸⁵ Ананун — *Безымянный* — это заступившее место (неизвестного) имени (его носителя) прозвище — говорящее образное клеймо гонителя христиан.

Мало того, армянское предание, переносит основание Аршакидской Армении, к-рая частично ассимилирует-проглатывает-аккумулирует Армению Арташесидскую, из I-го в. н.э. во II-й в. до н.э. — поближе к воцарению Аршакидов и их отпадению от Селевкидов в середине IIIв. до н.э. в Иране.

Так, согласно армянскому преданию, основатель царства армянских Аршакидов Вахаршак был мл. братом создателя Парфянского царства Аршака Храброго (Хоренаци 1,8/9), что выдаёт своеобразно опрокинутый-экстраполированный в прошлое исторический факт воцарения в IV в. н.э. Вологеса в Иране и его мл. брата Тиридата (к-рый превращается в Вахаршака, не без проекции Младших Аршакидов на Старших) в Армении. Т.е. налицо как перемещение Аршака Храброго из III-го во IVв. до н.э., так и превращение в Аршака (тронное имя всех парфянских царей) и его брата Вахаршака действующих лиц I-го в. н.э. — царя царей Вологеса (греч. форма парф. и арм. имени Вахаршак!) и царя армян Тиридата (Д.И. 851).

И ещё из всего сказанного становится, если поразмыслить, ясно, почему, при таком неодноразово (взаимо)накладочном сложном раскладе слоёного феномена, уже дальнейшая национально-христианская (прохристианенная) память армянства, отражённая у Хоренаци и в апокрифах, не пожелала связывать с Тиридатом I (с благоговейной памятным именем Тиридат) мученичество в Армении второй половины IV в. н.э. её патронов-первокрестителей — Св. Апостолов Фаддея и Варфоломея. Причём, одновременно, эта память привела их мученический венец в связку-увязку с нечестивым сыном первохристианского (в мире) благочестивого царя Абгара Эдесского Санатруком, равно приведя в связку-увязку Осроэну-Эдессу, — на к-рой армянская церковная традиция делает первоупор, на к-рой она зациклена, — с Арменией Великой.

Хотя, повторим, нахождение на армянском троне венценосца по имени Санатрук,⁸⁶ предположительно, после Тиридата I, худо-бедно подтверждается как совмещением информации из Флавия Арриана и армянского предания у Хоренаци, так и сиро-армянскими апокрифами. Притом есть, согласно академической хронорекострукции, (частично параллельный Санатруку Армянскому) и царь Санатрук в Эдессе (ок. 91 — ок. 109гг.), где перед ним умершему не ранее 50г. Абгару V (см. выше) преемствовали Ману V (50 — 57гг.), Ману VI (57 — 70/71гг.), Абгар VI (70/71 — 90/91гг.).

А относительно Санатрука Армянского, по Хоренаци (2,35), к-рый продолжает сводить-смыкать Великую Армению с Осроэной-Эдессой, после гибели раздавленного упавшей на него мраморной колонной Анануна Эдесского (вышняя кара за убиение Адде = Фаддея от 70-и), он истребил (притязая из Великой Армении на Эдессу) всех отпрысков дома Абгара Укамы (за исключением девиц). Плюс, согласно Хоренаци (2,36), Санатрук новоотстроил Мцбин — Нисибис, повреждённый

⁸⁶ Санатруком звали одного из парфянских царей в 70-е гг. IV в. до н.э. (ок.77-70гг.); имя Санатрук носил племянник царя царей (Аршакида) Хосрова в пору Восточного похода Траяна (114-117гг.) (Дион 68,30); два правителя Хатры (зависевший от парфян город на территории северного Ирака) звались Санатрук I и Санатрук II, один — во II-м, другой — в IIIв. н.э.; и ещё Санатруком звался один правитель мазкутов — в IVв. н.э.

Хоренаци (2,36) выводит происхождение имени «Санатрук», «означающее как бы «дар Санот», от имени его кормилицы, спасшей младенца (сына сестры Абгара — Авге) во время снежной вьюги. К слову, в 50-е гг. IV в. н.э., не столько сестра, сколько одна из дочерей Абгара Укамы теоретически вполне могла стать женой, или одной из жён Тиридата и матерью Санатрука.

землетрясением, правил 30 лет и погиб на охоте от случайной стрелы, попавшей ему в живот.

Если акцептировать эти приблизительные-округлённые 30 лет правления, то ок. 110г. на великоармянском престоле Санатруку преемствовал Ашхадар (ок. 110 – 13гг.), возможно, сын Пакора Мидо-Атропатенского, брата Тиридата I. Далее, преемник Ашхадара Партамасир получил в 113г., в нарушение римско-парфянского договора 66г., армянскую корону не от Рима, но только от парфян (проигнорировав Рим), что было использовано инициатором большого восточного похода (новым Александром и Цезарем) Траяном для вторжения в 114г. (сначала) в Армению.

Причём Партамасира не спасла и запоздалая покорная явка в лагерь римлян, где он положил к Траяновым стопам диадему-корону (как в 66г. до н.э. Тигран II положил свой венец царя царей к стопам Помпея), в надежде быть коронованным самим Траяном (как в 66г. н.э. Тиридат Нероном). Не спасла, поскольку Траян, не собираясь больше возводить никакого вассального царя на армянский престол, превратил Армению в провинцию и поставил над ней единственного римского легата Augusti propraetore в истории (ближе неизвестного) Л.Катилия Севера (CIL 10,8291) – начальника над аннексированной-провинциализированной Римом страной Араратской до 117г.

Затем римлянами, под предводительством воинственного Траяна (покорителя Дакии и провинциализатора Nabateyского царства), была покорена Месопотамия-Вавилония, взят Ктесифон, ибо царь царей Хосров, из-за внутренних раздоров в Парфянском царстве, не сумел оказать сопротивление; созданы, помимо Армении, новые римские провинции – Месопотамия и Ассирия (Адиабена); и даже победоносно достигнут (харакенский) берег Персидского залива (115/16гг.). Причём там 63-летний римский император, увидев, как говорят, корабль, удаляющийся в сторону Индии, воздал хвалу Александру Великому, ностальгически добавил: «Будь я помоложе, (и) я вне сомнений отправился бы в Индию».

Однако, тем временем, в месопотамском-междуреченском тылу римлян разгорелось (со 115г.) мощное (в пользу парфян) противоримское восстание вавилонско-еврейской диаспоры, обусловленное тем, что дальнейшая экзистенция постхрамово-талмудического еврейства под главенством разрушившего Иерусалимский храм Рима оказалась под слишком большой угрозой, в отличие от господства веротерпимой-центробежной Парфии, во многом, благодаря к-рой постхрамовое мировое еврейство, с центром в Вавилонии, сумело, как читатель знает, в мировом масштабе талмудизироваться-геттоизироваться и выжить. Ведь Талмуда Иерушалми без Талмуда Бавли еврейству для выживания явно не хватило бы!

Но, главное, в 117г. 64-летний Траян, перенапрягший и себя, и Империю, умер, а наследовавший ему Адриан отказался от его восточных завоеваний, вернулся к прежнему, до траяновского похода, положению (статус-кво) на Востоке и перешёл, пестуя внутри Римской империи (Греко-Римская Ойкумена) «Греческое возрождение» (более того, ищуща «неведомого Бога», к-рого он, посвящая ему алтари, так и не нашёл, в упор не увидев Христа), к лимесной обороне по всей Империи.

При всём том, впоследствии, между Римом и Парфией, до самого падения Парфянского царства (с к-рым во II/IIIвв. воевали, ослабляя его, как вскоре выяснится, во вред Римской империи, и Луций Вер в 60-е, и Септимий Север в 90-е гг. Пв., и Каракалла – Шв.) в 224/26гг., не было, скажем снова, столь длительного мира, как в период 63 – 66 – 114гг. Точнее, столь долгого, по продолжительности, междержавного мира (не без некоторых локальных обострений, к-рые не привели к войне) между римлянами и парфянами не было ни со времени, когда парфяне и римляне впервые встретились в 92г. до н.э. (договор Суллы и Оробаза о разделе

сфер влияния по Евфрату), ни после (так и оставшейся непревзойдённой) мирной коэкзистенции периода 63 – 66 – 114гг., т.е. на протяжении всей трёхвековой истории римско-парфянских отношений.⁸⁷

* * *

Но это отдельная тема и, – в ракурсе посленероновского времени, – другая история. А нас сейчас интересует время мученичества в Армении Ап. Фаддея и Варфоломея, о к-рых мы не раз беседовали в наших предыдущих книгах (Д.И. 856-62-68; Т.Г. 65-72).

Итак, вопрос/вопросы в том, приняли ли они мученический венец в Армении ещё при Тиридате? или уже при Санатруке?: ок. 70г. (в 70-е гг.) Ив., как то следует из церковной традиции, к-рая даже относит их мученичество на 66 – 68 – 70гг.? или – ок. 80г. (в начале 80-х гг.)? как выходит, при акцептации предания о мученичестве обоих Апостолов в правление Санатрука в сочетании с приблизительной академической хронологией Санатрукова царствования. Теоретически возможны оба варианта, обе версии.

Присмотримся зорче. М.б, последующая христианизированная память армянства не пожелала связывать мученичество апостольских патронов Армении с Тиридатом, переведа стрелки на его преемника? В отношении же Тиридата I, если Вологес в Иране усугубил курс (первого Младшего Аршакида в ранге царя царей Артабана III) на великоиранский ойкуменический и религиозный ренессанс, курс, нацеленный на всеиранское возрождение, с его преобладанием-доминантой над эллинизмом (уж не говоря о слабо представленном в Азии романизме) и арамеизмом-семитизмом, что началось ещё при поздних Старших Аршакидах (поскольку пласт посталександровского эллинизма в Иране постепенно размывался), то, вероятно, аналогичную линию-курс взял на вооружение и Тиридат в Армении.

И пусть Армения была эллинизирована в на порядок большей мере, чем прочие части Ариана-Ирана, – во-первых, ближе всех расположенная к малоазийскому эллинизму, и во-вторых, всё-таки, ок. 130-и лет проводившая-пробывшая в политической сфере-орбите Рима. Тем не менее, и здесь, на Армянском нагорье, с его очагом в треугольнике озёр Ван, Севан, Капутан, у подножия первоалтарно-последопотопной Ноевой (Ной – Ману) горы Арарат (где пересекались-взаимопроникали потоки-влияния с эллинистического Запада, семитического Юга, ирано-зороастрийского Востока и кавказского Севера), корни зороастризма, зороастрийские митраизм и магизм, учитывая их местную армянскую специфику, были укорененнее эллинизма, были (в сочетании с титаническим кавказским прометеизмом) ближе-роднее армянам, чем (послеалександровский или позднейший греко-римский) эллинизм.

О Вологесе известно, что он усиленно возрождал иранизм и укреплял митраистский зороастризм. В частности, по его велению, была вновь записана, воспроизведена и кодифицирована торжественно сожжённая Александром (сродни ахеменидской столице Персеполю) «Авеста», передававшаяся до Вологеса, из

⁸⁷ Вологес, как союзник, предлагал ставшему в 69г. императором Веспасиану воинскую помощь в борьбе Рима с Иудейским восстанием 66-70гг., а в 70-е гг. сам обратился за помощью к Веспасиану в дни переднеазиатского нашествия аланов. И оба раза Веспасиан ответил (несмотря на стремление Домициана, к-рому не давали покоя победные иудейские лавры его брата Тита, отправиться за победными противоаланскими лаврами на восток) вежливым дипломатическим отказом, одновременно подтвердив верность римско-парфянским мирным соглашениям 63-66гг.

поколения в поколение, в отдельных письменных отрывках или жрецами-магами, изустно.⁸⁸

Вдобавок к тому, именно Вологес заменил использовавшийся ранее, с селевкидской поры, парфянами греческий (наряду с арамейским) алфавит письмом пехлеви на основе арамейского алфавита. На некоторых его монетах – изображение храма огня и инициалы его (верхом на коне, сходно Артабану) имени, отражённые буквами пехлевийского языка. Также он, основатель Вологесакерта (Плиний 6,21) в Вавилонии (южнее Селевкии и Ктесифона), возвращал иранским городам исконные названия взамен их эллинизированных вариантов или наименований эллинистических.

Спрашивается: не использовался ли сродственный сценарий, пусть более острожно, с оглядкой на Рим, Тиридатом в Армении? особенно с тех пор, когда Риму в 68/69гг. было не до парфян, при том, что и дальше внутренняя переориентация армянства на Парфянский Иран (фундированная царствованием в Армении брата царя царей) всё усиливалась. Стало быть, – наверняка использовался. И в подобных условиях усиления под эгидой государства зороастрийской реакции магов и магустана, несмотря на парфянскую веротерпимость в целом, проповедники хрис-

⁸⁸ В перспективе новокодифицирование «Авесты» будет предпринято-произведено ещё дважды – при апологетах догматического, в рамках интолерантной гос. идеологии, позднего зороастризма = зороастрийско-идеологического фундамента строго централизованной державы – Сасанидах. В IVв., при Шапуре II (309-79гг.) Долголетнем, это сделал продолжатель дела (погубителя Мани в 276/77гг.) Картира верховный жрец-магупат Атурпат Михраспандан, – «кто очистил от скверны и наново возродил древнюю веру» (к-рую напрасно чаял почерпнуть в люциферическом Сасанидском Иране, ища осуществлённую Христом Мистерию Солнца, Юлиан Отступник). А двумя столетиями позже, при Хосрове I Ануширване (531-79гг.), в пору политического пика Сасанидской державы, за «Авесту» взялся магупат магупатов Ве-Шапур, в результате чего, она была записана на специально созданном для увековечения зороастрийских религиозных текстов авестийском алфавите и сопровождается подробными комментариями.

Небезынтересно отметить, что при отце Хосрова Ануширвана шахиншахе Каваде (486-88гг.; снова 499-531гг.) в Иране выступил зороастрийский религиозный реформатор (и пророк) Маздак, к-рый поизмывал некоторые идеи из проповеди Мани, но с придачей им элемента религиозно-социальной революционной активности (в частности, уравнение собственности богатых и бедных), и к-рого, апологета абстрактного т.н. пра-социализма, иногда даже считают первым социалистом (забывая про пра-коммуниста IV н.э. Ван Мана – Китай) в истории. Сначала приблизив его к себе, сделав ближайшим советником и верховным жрецом, Кавад позже охладел к Маздаку (как Шапур к Мани, кто, великий христианский гностик, в реальности суть полная противоположность революционера-реформатора Маздака), а в 528г. пригласил его на религиозный диспут с зороастрийскими жрецами, объявил еретиком (опять внешнее сходство с судьбой Мани!) и велел, вместе со сторонниками-маздакитами, казнить. Притом существует версия, что инициатором этой расправы, в ходе к-рой казни подвергся также старший царевич Кабус, был царевич младший – Хосров Ануширван (при, позднее, блистательном дворе к-рого и в Гондишапуре нашли убежище последние греко-языческие учёные, покинувшие Византию после закрытия Юстинианом – 529г. – Академии Платона в Афинах).

При Хосрове Ануширване, после разгрома маздакизма и ликвидации маздакитов (сектантские последователи к-рых существовали аж до XIVв.), с одной стороны, процесс феодализации Ирана внутренними силами завершился, а с другой, несмотря на весь блистательный внешний фасад державы, наметились глубокий кризис зороастрийской империи Сасанидов, её заключительный империальный взлёт, равно поражение от Византии при (дошедшем, через Иерусалим, до Египта на юге, и до запада М.Азии на западе) Хосрове II Парвизе (590-628гг.). И, наконец, – падение языческого Ирана под ударами арабов-мусульман, в правление последнего сасанидского шахиншаха Иездигерда III (632-51гг.). Именно тогда, с середины 30-х по начало 50-х гг. VIIв. н.э., старый зороастрийский Иран, исчерпав свой ресурс, кончился, между тем как христианская Византия, несмотря на потерю в пользу арабов Сирии, Палестины, Египта, Армении, сумела против халифатского штурма выстоять.

тианства на Армянском нагорье Фаддей и Варфоломей вполне могли попасть под противохристианскую раздачу, вполне могли оказаться под ударом.⁸⁹

Впрочем, опять-таки, спрашивается и остаётся неясным – когда именно? ещё при Тиридате? или уже при очевидно продолжавшем его проиранистско-зороастрийский курс Санатруке? о к-ром, тоже Аршакиде, воцарившемся ок. 80г.⁹⁰ с согласия Рима, неизвестно, кем он приходился Тиридату – сыном? племянником? или – ? Причём Хоренаци сумбурно датирует начало его царствования «12-м годом персидского (!) царя Арташеса» (2,36), под чем/кем может скрываться искажённый памятью предания 12-й год Абгара VI Эдесского (70/71 – 90/91гг.), так как никакого Арташеса (= Артаксеркс) на ирано-парфянском престоле в ту пору нет.

Интересно, что ряд преданий относит мученичество Апостолов Армении к ранним исторически несостоятельным датам-срокам, придвинутым, надо полагать, поближе к мученичеству крестителя Абгара Укамы Аддэ/Фаддея, к-рый мог пострадать в Эдесе при правившем здесь в 50 – 57гг. Абгаровом преемнике Ману V, к-рому армянское предание могло, в свою очередь, дать-присвоить (уничжительное) прозвищное псевдо-имя «Ананун». Например, согласно «Хронике» Самуила Анийского (XIVв.), проповедь и мартириум Варфоломея приходятся на 47/51гг. Или в приводимом хорошо знакомым читателю Ф.Гаазе⁹¹ армянском средневековом «Альманахе», претендующем на научную энциклопедию, по подобию «Суды», говорится, что Ап. Варфоломей, к-рый после мученичества Фаддея в 41г. пришёл в Армению, был увенчан тут мученическим венцом в 60г. н.э.

Кроме того, небезынтересно, что в армянском средневековом «Синаксаре» (как и в коптских, арабских, эфиопских «Актах») виновником мученичества Варфоломея

⁸⁹ Или зороастрийский курс Тиридата продолжал сочетаться с веротерпимостью, став нетерпимым при Санатруке, ведь, к примеру, в IIIв. н.э. Шапур I Сасанид (242-73гг.) поначалу благоволил к Мани, примеряя его вероучение в качестве сасанидской идеологии, потом относился и к самому Мани, и к его вероучению терпимо, а уже при одном из преемников Шапура, Варахране I (274-77гг.), Мани умер в заточении (либо был казнён) и манихеи подверглись преследованиям.

⁹⁰ Приблизительно одновременно с Тиридатом I Армянским, ок. 79/80гг., умер и его старший брат Вологес I в Иране, ни точная дата, ни подробности чего, как и в случае с Тиридатом, к сожалению, неизвестны. Дело в том, что с апреля 78г. имеются парфянские царские монеты, на к-рых фигурирует имя Пакор, кто (старший сын и преемник царя?) – то ли стал в 78г. соправителем Вологеса (что наиболее вероятно), то ли восстал против него и начал чеканить собственную монету, одолев ок. 80г. другого тронного претендента – (своего одноимённого их отцу брата?) Вологеса (II-го.). С др. стороны, в 80/81гг. этому Пакору пришлось одолевать также (ещё и) некоего оспаривавшего у него царскую власть (брата?) Артабана (IV), к-рый на монете 82г. изображён покорно подающим ему (коронуемому богиней Тихе) диадему. Но был ли (вышедший победителем из борьбы за престол) Пакор II (79/80 – ок. 110гг.) с 78г. сорегентом (отца?), легитимно сменившим Вологеса I-го в 79/80гг.? а Вологес II и Артабан IV – мятежниками, побеждёнными один за другим в период 79/80-82гг. Пакором (гипотетический расклад)? – неясно.

P.S. Впрочем, одна шутка Веспасиана у Светония (Весп. 24,3) и у (эпитомированного) Диона (66,17,3; Ксифилин 210,14 – 211,5) позволяет, предположительно, умозаключить, что Вологес I умер (скорее) в 79г. Когда известному юмористу Веспасиану – 79г. – незадолго до его кончины в июне, указали на дурное (в числе прочих) предзнаменование – появление в небе хвостатой (волосатой) звезды (кометы), император отшутился, сказав, что оно относится к парфянскому царю, поскольку это именно он – волосатый (длинноволосый), в то время как Веспасианова голова – лысая. Т.е., можно предположить, что в 79г. Вологес был (о чём Веспасиан знал) болен, и, вероятно-возможно, его смерть последовала в том же году (или максимум годом позже).

⁹¹ «Apostel und Evangelisten in den orientalischen Überlieferungen»: 19: «Bartholomäus» S.259-63; 22: «Judas Thaddäus» S.273-75.

назван (видимо, смыкающийся с Иродианином Агриппой II Палестинским) царь Агриппа (!), после, мол, обращения жены к-рого и многих других, Апостол был, по приказу этого Агриппы, зашит в мешок с песком и брошен в море. Иные предания, в т.ч., армянские, доминантно настаивают на мартириуме Варфоломея⁹² («Апостола тайн Господних»), с к-рого сняли кожу живьём (атрибут его мученичества – кривой нож мясника), в Аребаносе или Алванополе, т.е., судя по второму наименованию, в принадлежавшей тогда Армении (зависимой от неё) части Кавказской Албании, либо – в армянском Гохтне (совр. Нахичеван).^{92а}

Но всему этому, как и распятию пронзённого стрелами на кресте, у подножия Арарата, Иуды Фаддея, мы уделили достаточно внимания в «Д.И.» и «Т.Г.». Не будем повторяться, сосредоточимся на интересующей нас сейчас хронологии, любопытная (пусть не ахти какая) зацепка для установления к-рой имеется в армянских апокрифах V/VI/VII вв. – «Сказание о Св. Фаддее и Варфоломее», «Сказание о Св. Ап. Варфоломее» (Д.И. 867) и др. В них повествуется о приходе Варфоломея к армянам «в 29-й год царствования Санатрука», к-рый фигурирует ещё в армянском «Гомилиаре» XIV., синхронизирующем этот «29-й год» с мученичеством встретившегося у Арташатского холма с Иудой Фаддеем Варфоломея в Урбане (Аребан), Санатруковым приказом, в 51г. н.э. (Haase S.261).

Однако, 29-й год Санатрука, при приложении одного к его условной академической хронологии – ок. 80 – ок. 110гг., – отпадает, не могучи быть годом мученичества двух Апостолов из круга 12-и в Армении, ибо последний из Больших Апостолов и Евангелистов (круга 12/14/17-и) – Иоанн Богослов – успенски преставился в 100г. н.э. в Эфесе. Плюс к тому, родившиеся ок. 11/12гг. н.э. Фаддей и Варфоломей вряд ли могли пострадать в Армении в возрасте ок. 100 лет ок. 110г. н.э.

Вместе с тем, в случае, если не отказывать 29-у году предания в частичной исторической достоверности, то его следует отсчитывать с воцарения не Санатрука, а Тиридата I, к тому же, со времени предоставления ему Вологесом *третьепрестольной* Армении, где Тиридату ещё предстояло утвердиться, в 51/52гг. И вот при таком скомбинированном подходе-раскладе, этот пресловутый «29-й год» (в комбинации с 12-м годом Абгара VI Эдесского вместо мнимого Арташеса Персидского у Хоренаци) выпадет на время ок. 80/81гг. н.э., подмяв под себя и начало Санатрукова царствования.

Соответственно, коли так, значит, Фаддей и Варфоломей пострадали в Армении – либо в конце правления Тиридата, либо (что скорее) в начале правления Санатрука. И подобное решение ребуса можно допустить как одну из версий, более весомых, более аргументированных подтверждений к-рой нет. Иначе говоря, обе возможности мученичества обоих Апостолов – патронов Армении, к-рых церковная

⁹² «Legenda Aurea» (S.480-87) рассказывает о 26-летней проповеди Варфоломея в Индии (проповедь к-рого там подтверждает тоже проповедовавший – конец III в. – индийцам учитель Климента Пантен Александрийский), и об обращении им в перспективе армянского царя Полимия, в к-ром в ново-новейшее время некоторые селятся разглядеть понтийского царя Полемона II (37/38-63гг.), так как, по ряду преданий, Варфоломей миссионировал и в Понте, и в Боспоре. Но если в миссионерской биографии и географии Нафанаила-Варфоломея Индия, на наш взгляд, несомненна, а Понт и Боспор возможны, то в недолгом супруге Береники Иудейской Полемон II (кто никогда не царствовал в Боспоре, невзирая на попытку Калигулы воцарить его над Понто-Боспором), лишённом аннексированного Нероном в 63/64гг. Понтийского царства и дальше бывшего царём малой юдоли в Киликии, ни тайного, ни, тем паче, явного христианина ничто не выдаёт.

^{92а} Впрочем, Г.Виденгрэн (Р.л. 1259) соотносит Аребан(ос) с Эребуни/Ереваном, предполагая здесь (место мученичества Варфоломея) местонахождение манихейской общины, основанной одним из учеников Мани.

традиция чтит как её первых патриархов, ок. 70-го, или в 70-е гг., либо ок. 80-го, в начале 80-х гг. Ив. н.э. (в возрасте ок. 70-и лет), остаются открытыми.⁹³

В остальном, если в предыдущих книгах мы склонялись к ранней, в соответствии с церковной традицией, мартирологической хронологии – ок. 66 – ок. 70гг., то теперь, в свете дальнейшей повествовательно-последовательной хронорекострукции, нам видится не менее (но, пожалуй, более) акцептабельной версия мученичества Фаддея и Варфоломея в Великой Армении (где они, являясь странствующими миссионерами-проповедниками, впервые проповеднически побывали в 50/60-е гг. и куда позднее миссионерски пришли снова) в начале царствования Санатрука, на к-ром, как на виновнике их мученичества, традиция подчёркнуто настаивает, ок. 80/81/82гг. н.э.⁹⁴

⁹³ Уместно заметить, что приложенный к 53г. н.э., когда Агриппа II (занимательно-показательно фигурирующий в коптских, арабских, эфиопских апокрифах – как инициатор мученичества Ап. Варфоломея) сдал полученную им во владение в 49/50гг. ливанскую Халкиду и впервые получил во владение от Рима части Палестины (И.д. 20,7,1), «29-й год Санатрука» приводит в 81/82гг. н.э.

⁹⁴ Примечательно, что согласно армянским легендам (записаны в Ване М.Абегяном в начале ХХв.), Солнце после заката входит в Ванское море, чтобы искупаться и отдохнуть. До рассвета Ангелы облачают его в огненные одеяния и, когда Оно умывает лицо, горы и поля омываются водой росы. Далее на Востоке появляются 12 телохранителей Солнца, а уже после восходит окаймлённая пламенными лучами (волосами) Его золотая голова (см. П.Барсегян «Особенности культа Солнца в древней Армении»). Радуга же – семицветный пояс Арамазда.

Обращает также на себя внимание армянская сказка «Оцаманук и Арева(х)ат» (Змея-отрок и Солярное зерно-зёрнышко) (Оц – змея/змеи; Манук – Малый; Мальш; Мальчик; Отрок). Предназначение героини Арева(х)ат (Арев – арм. Солнце) – победа над драконом-оцамануком. Её благословляет Аревамайр (Мать Солнца), именем к-рой она (Дщерь Солнца) побеждает (змеёныша) Оцаманука, говоря ему: «Именем Аревамайр выходи из своей кожи» (= сбрось змеиную кожу-покров). В итоге Оцаманук выходит из кожи змеи (змия-дракона) и превращается в прекрасного Отрока, закутанного в белую (облачно-эфирную) простыню.

Другой персонаж – солнечный богатырь Ареваманук – отрок с прекрасными глазами и золотыми волосами, с лицом, сиятельным, как солнце, и блистательным, как снег. Когда солнечные лучи падали утром на г. Масис (Арагат), он первым вставал и приветствовал Мать-Солнце, первым принимал *добрый свет*. Один из его подвигов – убийство гигантского тигра, к-рый держал в страхе пастухов (ср. Мгер Старший в эпосе «Давид Сасунский», убивший гигантского льва, закрывавшего дорогу в Сасун).

12 телохранителей Солнца – знаки-круг Зодиака. Аревамайр и Арева(х)ат – Мать и Дочь – как солярный феномен *Вечной Женственности* = *Подательница Любви* в человеке и человечестве = христианская (гётееанистическая) «заповеданность истины всей» = они провозвестительницы (*произошедшей из-от* двух сестёр Марий, Старшей и Младшей, Вифлемянки и Галилеянки) Девы Марии Богородицы и Марии Магдалины! (Яфетическая *Сокровенная Женственность*; противоположная китайской самоинаковости-иноидентичности самоидентичность-самотождественность.) Выход Оцаманука из сброшенной им змеиной кожи (спасительное освобождение от неё) – внутренняя победа (человека) над Змием-Люцифером! Плюс – Ареваманук – Христос-Солнце, побеждающий символизируемого-олицетворяемого тигром (или волком) Аримана (Скорпион)! Симптоматична взаимообусловленность мужского и женского начал в восприятии дохристианскими армянскими таинствами феномена вселенского Солнца и экстрактов Верховного Светила!

Не является ли (яфетическое) армянское имя Манук (букв. – Малый/Малой; Мальчик; Отрок) очевидно однокоренным с индоиранским Ману/Мани! Ману – инд. – «человек» от корня «мыслить» – первопредок; прародитель человечества. В индуистских текстах – единственный человек, спасённый Вишну от всемирного Потопа (эквивалент великого атлантического посвященного, возглавившего спасительный исход из Атлантиды, известного нам под библейским именем Ной = Ману; = итога 7-12, кроме старшего Ноя-Ману, посвящённых предводителей атлантического Исхода, объединённых под одним именем); благочестивый мудрец; датель «Законов Ману»; Сын Солнца – родоначальник Солнечной и Лунной династий, прекративший хаос и установивший на Земле законность.

ПРОТИВОФИЛОСОФСКИЕ ГОНЕНИЯ НЕРОНА

Начало контактов Рима с греческой философией восходит к концу III в. до н.э., выражаясь в появлении интереса у римлян к италийскому («Великая Греция») пифагореизму, затем — к сократике (сократический метод, разработанный Ксенофоном) и к Эпикуру. После 167 — 46 гг., по покорении-подчинении Македонии и Греции, уже греческие философы различных направлений проявляют вербовочный интерес к римлянам и всё чаще письменно философствуют с оглядкой на римского читателя. Философски учёные греки выступают как друзья, спутники-советники, секретари римских политиков (Панетий при П. Корнелии Сципионе Эмилиане Африканском — во Пв.; Антиох Аскалонский при Лукулле — в Iv.).

Наряду с интересом к учению Эпикура, пользуются влиянием Стоя и Платоновская Академия в Афинах, при повышенном интересе к теологии, этике, диалектике, риторике. Стоические добродетели, с воздержанием от излишеств, импонируют строгим традиционалистским идеалам республиканского Рима, тогда как, с другой стороны, Рим имперский, всё глубже продвигаясь на восток и юго-восток, увязая там (империально, культурно, ментально), всё больше и сильнее подпадает эллинистическо-ориентальному декадансу. Римляне заимствуют академическое искусство дискуссии или урбанистический гуманизм эпикурейцев и аристотеликов-перипатетиков. Лукреций, Цицерон, Сенека, по-разному, транспонируют-интегрируют греческую философию в романизм.⁹⁵

Вспомним, что римляне считали, помимо себя (потомков троянцев), не-варварами только греков, исповедуя одновременно превосходство над ними, как над ныне упадочным великим прошлым, к-рое нуждается в их, повелителей мира, пришедших в мир ради свободы и справедливости (внутреннее противоречие, упорно не замечавшееся выведившим себя из раннего поздним империалистическим Римом!), опеке и (под римской эгидой) обновлении.

Однако, в целом Риму волителей-воителей и отцов юриспруденции, Риму ещё недавно грубых мужланов, Риму бескомпромиссных государственников и империалистов, Риму, жившему в элементе максимально сжатой в громающий кулак железной воли, всякая философия, с её словословием-блудословием (вместо решительных-мировых пробольшевицкого содержания и формата действий), зачастую, виделась, по ряду параметров-признаков, — подозрительной, чуждой, враждебной. И если для многих республиканеров она была уделом расслабленных-изнеженных-порченных деградантов эллинов и эллинистов-ориенталов, то в пору авторитарного режима Принципата и упадничества в самом Риме имело место недоверие к ней как к потенциальной оппозиционности, как к опасному плюрализму мнений, как к чародейской, под философской маской, чертовщине, что не терпящим возражений и антимоний деспотии и деспотам всегда претит.

Что же касается Апостола Иисуса Христа — солярно-меркуриального Мани, собственное имя к-рого было, повторим, Курбик (от Сураик = Сурен — в греч. вариации — Курбик; или Сурьяк у сирийцев — одно из наименований Рафаила/Меркурия), то Мани — «дух» или «мысль-ум» — его почётное (титулярное) прозвище, к-рое трудно не связать с именами-титулами Ману или Манук.

Отсюда — не есть ли арм. Арева-Манук — Сын Солнца — Солярный Христос, вернее, провозвешение грядущего Христа в (из) приверженной культуре Солнца дохристианской Армении! И, кстати, вовсе не исключено, что учредитель христианского летоисчисления (выходец из таинственной школы Дионисия Ареопагита) монах или аббат Дионисий Малый — Exiguus (формула смирения) — назвался Малым (в сравнении с Дионисием Ареопагитом — Великим) от имени-титула Манук = Малый, не без оглядки на свои этнические армянские корни.

⁹⁵ И стоики, и эпикурейцы представляли уходящую философию и культуру, к-рая билась между божественными истоками и вопросами о позитиве-целесообразности, не могучи постичь-познать единство мироздания в спиритуальном.

Причём всё это стало вылезать наружу отнюдь не столько при выдающихся единовластниках Цезаре и Августе, учредителях цезаристского Принципата, и даже не при фундаментально образованном знатоке греческой древности тиране Тиберии, сколько при их неполноценных преемниках – Калигуле и Нероне, как искавших дружбы философов, так и минимум не доверявших им, с всегдашней угрозой превращения, при соответствующем поводе, недоверия в ненависть, за к-рой и из к-рой обычно следуют репрессии. И не случайно в ходе Ив. н.э. случилось не одно изгнание императорской властью философов из Рима: при тиране Нероне; при суровом генерале Веспасиане; при деспоте Домициане.⁹⁶

В отношении правления Нерона, читатель знает о вынесенном, согласно Тациту, в 66г., как мы установили, во второй половине мая, смертно-самоубийственном приговоре стоикам Тразее Пету и Барее Сорану, судьба к-рых, о чём говорилось выше, была предreshена ещё раньше, когда принудительно покончил с собой обвинённый в причастности к заговору Пизона Сенека (65г.), из-за чего, т.е. вследствие причастности Сенеки к заговору, инфантильный Нерон надул-поджал губы, обиделся, окрысился, озлобился на философов и философию купно.

Дион же сообщает (эпитомированно-обзорно-суммарно) о репрессиях против Тразеи и Барее (62,26,1-4), равно против стоиков Г.Музония Руфа (62,27,4) и Л.Аннея Корнута (62,29,2/3), под 65г. Плюс сходно, под 65г., о ссылке Музония на пустынный о. Гиар говорит вовсе не упоминающий об Аннее Корнута Тацит (Ан. 15,71). Насчёт Тразеи (кто, к тому же, плохойинформированным Дионом ошибочно *отправляется* в изгнание вместо приговорного самоубийства) и Сорана (кого, сообразно Диону, – казнят), во-первых, повествовательльно-анналистическая, и во-вторых, более точная-подробная информация Тацита, в т.ч., хронодатировка, разумеется, предпочтительнее. А вот как быть с Музонием и Корнутом? тем паче, что и у Тацита Музоний, как сказано, изгоняется в 65г.?

Между тем, по Флавию Филострату в «Жизнеописании Аполлония Тианского», выходит, что Нерон изгнательно репрессировал Музония Руфа и запретил занятия философией в Риме в 66г., незадолго до своего отбытия в Грецию.

Приведём несколько выдержек из Филостратова текста: «Нерон же не терпел философов: ему казалось, будто они рассуждают о пустяках, а втихомолку занимаются волхвованием – и вот, наконец, всех носящих рубище поволокли в суд, ибо рубище было сочтено колдовским нарядом. О прочих говорить не стану, но вавилонянин Музоний⁹⁷, доблестью уступавший лишь Аполлонию, был заключён в узилище за свою мудрость, пребывая там в опасности, и кабы не телесная его сила, так бы и умер в кандалах» (4,35).

«Вот какова была участь философов, когда Аполлоний прибыл в Рим» (4,36).

«В эту же самую пору Музоний, о коем говорилось, что в философии он превосходил всех, пребывал заключённым в узилище Нероном. Открыто они с Аполлонием не сносились, а вели переписку через Мениппа и Дамида (спутники Аполлония – К.З.), навешавших узника в темнице» (4,47).

«Когда же Нерон отбыл в Элладу, прежде запретив занятие в Риме философией, Аполлоний отправился в западные земли» (Испания – К.З.) (4,48).

⁹⁶ Истинные = необезбоженные наука, религия, искусство не противоречат друг другу, не враждуют между собой и обязательно придут к взаимопониманию в будущем, как они были неразлучны-неразъемлемы некогда в прошлом; только произойдёт это на новых (не отвергающих, а преобразующих древние) духовных основах.

⁹⁷ Филострат знает об этрусских корнях Музония, говоря ниже – «Музоний Тирренский» (7,16), и, значит, называя его в 4,35 «вавилонянином», он либо ошибается? либо имеет в виду посещение Музонием Вавилонии, соотнося с оным (и с Музониевым приобщением там к вавилонским премудростям) его прозвище?

Конечно, Флавий Филострат (ок. 170 — до 249гг.), родом из, напомним, царского эмесского дома, писавший в IIIв. н.э., по заказу супруги основателя династии Северов (заключительный всплеск Принципата) Септимия Севера (193 — 211гг.), матери Каракаллы и Геты, Юлии Домны (+ 217гг.), внучатым племянником к-рой был (хранивший в своём ларариуме изображения Орфея, Авраама, Аполлония, Иисуса) последний из Северов — Александр Север (222 — 35гг.), — отнюдь не столько историк, сколько романист. Он автор яркого религиозно-философско-приключенческого романа о жизни великого мага-чудотворца и странствующего пифагорейца (нового Пифагора!) Ив. н.э. Аполлония из Тианы (немало уподобимого в красочном изображении романиста Д'Артаньяну или Штирлицу).

Посему тягаться в вопросах событийно-исторической достоверности Филострату ни с последним выдающимся латинским анналистом I/IIвв. Тацитом (к-рый, oprичь того, ближе всех стоит к интересующим нас событиям времени Неронова правления), ни со своим современником — греко-римским анналистом Дионом (+ ок. 235гг.), даже с эпитомированным, по большому счёту, невмоготу. Да он на это, разворачивая увлекательно-панегирическое именно жизнеописание, и не претендует.

Но в некоторых конкретных случаях, и, в частности, в том, что хронокасается изгнания-ссылки Музонию Руфа и Аннея Корнута, как нам видится, можно сделать исключение, откорректировав-поправив, по Филострату, и Тацита, и эпитомированного Ксифилином Диона. Дело в том, что нероновский запрет на философию в Риме (если это не гипербола драматизирующего повествование Филострата, и если таковой тотальный запрет вообще имел место) созвучно просится в год и во время (или ок. времени) суда-приговора над философами Тразеей и Бареей.

С др. же стороны, сообразно Филострату, Аполлоний прибывает в Рим именно в год и в пору консульства не раз фигурирующего в «Жизнеописании» положительного персонажа, друга и покровителя философов — Г.Лукия Телезина (4,40;43; 5,7; 7,11; 8,7;12), к-рый пребывал в консульской должности с января по май 66г., когда его, в течение мая (точная дата неизвестна), сменил суффект Анний Африн (сменённый, в свою очередь, 1.07. суффектом Аррунцем Аквиллой).

Филострат: «Однако в тот же день один из консулов — Телезин, призвавши к себе Аполлония, начал его допрашивать. Аполлоний (с разрешения Телезина) стал жить в храмах, но часто менял место и переходил из одного храма в другой» (4,40). Ниже сказано об изгнании Тигеллином киника Деметрия из Города (4,42) за то, что он выступил против бань, освящённых Нероном, и об установлении за Аполлонием тайной слежки. Ещё ниже говорится, что в числе слушателей Аполлония был и (проникшийся почтением к нему, взятому им под защиту) Телезин, и о случившемся в те дни солнечном затмении, в связи с истолкованием к-рого Аполлонием, Неронов обер-цербер Тигеллин стал Аполлония страшиться и предпочёл открытое обвинение против него не возбуждать, опасаясь колдовской порчи (4,43).

Если присмотреться внимательнее, то романист Филострат совмещает здесь под 66г. (прибытие Аполлония, вероятно в Рим и его пребывание в Риме в год консульства Телезина, в месяцы до отъезда Нерона летом/осенью в Грецию) ещё два события, соответственно, одно — из 65-го — освящение Нероном бань-термов⁹⁸, и другое — из 67г. — видимое в Риме солнечное затмение 31.05.67г.⁹⁹ (см. ниже)

⁹⁸ Светоний сообщает об освящении в Неронии бань и гимнасия (12,3), вроде бы разумея, первые Неронии 60-го г., но в (черпавших из древних источников) «Мелькских анналах» (XIIIв.) говорится об освящении Нероном бань приложительно к 65г. И противоречия тут нет, так как вторые Неронии состоялись в 65г., сообразно чему, одни бани-мыльни Нерон мог освятить в 60-м, а другие, или те же, новоотстроенные после большого римского пожара 64-го г., в 65г.

⁹⁹ Согласно «Каталогу солнечных затмений», есть ещё затмение 11.06.66г., но оно было видно лишь в южном полушарии (могучи, впрочем, быть *воспринятым* спиритуалом уровня

И всё-таки, касательно собственно ссыльного изгнания философов из Рима, — Музония, А.Корнута, Деметрия, — на повестке дня, скорее, 66-й, нежели 65г. Т.е., скорее, эти противофилософские репрессалии смыкаются-коммуницируют с приговором Тразее и Барее во второй половине мая 66г., тем более, что, по Тациту, мы находим киника Деметрия Сунийского возле приговорно уходящего из жизни Тразеи в Риме. Следовательно, он был изгнан из Рима после вскрытия вен Тразеей.

* * *

Причём полностью пересматривать информацию Тацита и Диона о репрессиях против Музония в 65г. незачем, поскольку в 65г. он очень даже мог быть взят под стражу, оказаться в заточении и находиться в темнице до весны/лета 66г., где, «в узилище» (4,47), он и томился, когда в Рим прибыл Аполлоний, успев письменно-тайно пообщаться с последним, перед тем как позднее, весной/летом, (после осуждения Тразеи и Барее) быть сосланным на пустынный остров Гиар. Засим, по поводу Музония, Тацит, уж не говоря об эпитомированном Дионе, вполне мог ограничиться суммарным-компендиумным сообщением о его изгнании под 65г., не вдаваясь в дифференциальные подробности относительно римской темницы (65/66г.), ссылке на о. Гиар (66г.) предшествовавшей.

Притом, согласно Филострату (5,19), далее мы видим Музония в кандалах, на каторжных работах, копающим Истмийский перешеек, работы по к-рому Нерон запустил, начав сооружение Коринфского канала и первым символически подняв лопату, в 67г., в Греции (см. ниже), о чём киник Деметрий рассказывает Аполлонию в Афинах, куда Аполлоний прибыл осенью 68г., когда реабилитированный Гальбой Музоний, надо думать, уже возвратился в Рим. Отсюда выходит, что в 65г. он был заточён в Риме, в 66г. сослан на Гиар, и в 67г. кандално задействован вместе с множеством других заключённых при копании так и оставшегося недокопанным Коринфского перешейка между Пелопонесом и остальной Грецией.

Возможно, хроноаналогично или похоже выглядело дело Корнута, к-рый тоже мог быть сослан-изгнан (сходно Музонию и Деметрию) в 66г., и о к-ром только у суммарно-эпитомированного Диона сказано, точнее, рассказано, как анекдот, что Нерон, задумав написание эпоса, повествующего обо всех свершениях римлян (новая «Энеида!»), до того как написать «хотя бы одну строчку, принялся обсуждать надлежащее количество книг, советуясь, среди прочих, с Аннем Корнутом, известным в то время своей учёностью. Этого человека он едва не приговорил к смерти и сослал на остров, потому что когда некоторые побуждали его написать четыре сотни книг, Корнут сказал, что это слишком много и никто не прочтает их. А когда кто-то возразил, что Хрисипп¹⁰⁰, к-рого ты хвалишь, оставил гораздо больше (книг), тот ответил: «Но они были полезны для человеческой жизни» (62,29,2/3). А дальше сказано, что за это Корнут навёл на себя изгнание, тогда как Лукану было запрещено писать стихи из-за больших похвал его сочинениям (4).

Вот вам наглядный пример суммарности-компендиумности сплющивающего хронологию Диона от Ксифилина, поскольку Лукану, ученику (как и Персий

Аполлония и в северном!). По Филострату же, Аполлоний, приложительно к затмению, сказал: «Нечто свершится и не свершится» (4,43), после чего, «на третий день, когда Нерон сидел за едой, в стол ударила (не причинившая ему вреда) молния», услышав, мол, о чём, Тигеллин и стал бояться Аполлония. На памяти рассказ Тацита о том, как в 60г., в дни пребывания Нерона на вилле Сублаквей (у Симбруинских озёр), когда он «возлежал за трапезой, молния разбила стол со всеми расставленными на нём яствами» (Ан. 14,22) (см. выше).

¹⁰⁰ Хрисипп (ок. 280 — ок. 204гг.) — один из виднейших представителей стоической школы, написал ок. 700 сочинений, к-рые имелись в библиотеке Персия Флакка, завещанной им своему учителю Корнуту.

Флакк) Корнута, Нерон начал строить поэтические препоны ещё до того как тот принудительно покончил с собой за участие в заговоре Пизона в 65г. А Корнут, б.м., сходно Музонию, попал в заточение или в опалу в 65-м (после разгрома Пизонова комплота), сосланный на остров в следующем 66г. (после самоубийств Тразеи и Барей), в одно время со ссылкой-изгнанием Музония и Деметрия.¹⁰¹

И вновь обратим внимание на (пусть не кармического, но, во многом, ментально-ного!) графа Сен-Жермена античной эпохи – Аполлония Тианского, пути-дороги к-рого опять примечательно пересекаются с путями-дорогами Ап. Павла, кто, вероятно всего, был взят под стражу в Риме в мае, или в мае/июне 66г. н.э., возможно, не без связки-увязки с прибытием в Рим Тиридата Армянского и с карательным выпадом Нерона против философов. Разве исповедуемое Павлом христианство не могло попасть под удар, нанесённый Нероном по еретической-чародейской философии?!

И если в мае Нерон обрушил репрессии на стоиков, киников и др. (подозреваемых в – за философской болтовнёй о пустяках – колдовстве) философов, то этот удар вполне мог либо рикошетом, либо прямо ударить и по такому учёному христианину, как Павел, тем более, после противохристианских гонений 64г., тем более, мог ударить по рецидивисту Павлу, ибо он уже провёл два года в Первых римских узах, в 61 – 63гг., прибыв, как мы знаем, в марте 66г. из эпироского Никополя в Путеоли, а где-то в апреле попав в Рим и обретаясь именно там в мае.

Посему теперь, в мае 66г., или самое позднее в мае/июне (б.м., ещё и в связке с первыми известиями о мятежных неурядицах в Иудее), для Павла начались Вторые римские узы, к-рые завершатся его мученичеством, одновременно с мученичеством Петра, спустя год, – в конце июня 67г. н.э., когда Нерон будет нежиться в Греции, между тем как в Риме будут беспредельничать два его вольноотпущенника – Гелий и Поликлит. Был ли Пётр, прибывший в Италию, предположительно, в 65г., в мае/июне 66г. в Риме? – вопрос. Во всяком случае, он будет взят под стражу не ранее весны 67г. Т.е. подпал ли в 66г. репрессиям сугубо Павел (как рецидивист?)? или ещё кто-то из христиан? римская община к-рых понемногу приходила в себя после гонений 64г., перестав на время быть объектом враждебности властей с кончиной (покровительницы иудеев) Пoppей (65г.), – неясно.

Пока же скажем, что где-то летом 66г., в связи с гонениями Нерона на философов, незадолго до начала его триумфалистского пути летом/осенью или в сентябре в Грецию, прикрытый Лукцием Телезином, к-рый, к месту заметить, при Домициане подчинится, согласно Филострату, указу о запрете на философию и предпочтёт уйти с философами в изгнание, нежели оставаться с консулярами в Риме (7,13), Аполлоний Тианский отправился в западные земли – в испанский Гадир/Кадис (4,48).

Не побывал ли Павел в Гадире, посетив Испанию в 63/64гг.? Взгляните, – не (по)является ли Аполлоний на путях-дорогах Павла, как чёртик из табакерки! То-то в ново-новейшее время некоторые умники даже додумались до того, что ойкуменический Апостол язычников (якобы) никогда не существовал, что последующие христиане, мол, выдумали его, взяв за образец Аполлония Тианского и приписав ему как Аполлониевы путешествия, так и Аполлониево чудотворство!^{101a}

¹⁰¹ В армянском переводе «Хроники» Евсевия изгнание Корнута датировано 64-м; у Иеронима – 67-м гг., но в (хронопротиворечивой) связке с изгнанием и убийством Октавии (62г.).

^{101a} И опять на памяти незабвенный Энгельс, кто (в такого рода вопросах) занимал (видите ли) умеренную-взвешенную-промежуточную позицию (за к-рую его премного чтут советские уже умеренные историки-атеисты 70/80-х гг. XXв.), критикуя как «тюбингенцев» (Тюбингенская школа), так и Б.Бауэра (1809-82гг.). Первых за то, что они принимают большинство евангельских рассказов, дескать, отвергая только содержащиеся в них чудеса, а второго (пред-

Впрочем, дуракам закон не писан, в то время как нам остаётся разобраться ещё с несколькими событиями, имевшими место до отбытия Нерона в Грецию, и, стало быть, выпавшими, насколько выводится из реконструированной нами хронопоследовательной событийности, на лето 66г. н.э.

ЗАГОВОР АННИЯ ВИНИЦИАНА И БРАК НЕРОНА СО СТАТИЛИЕЙ МЕССАЛИНОЙ

(лето 66г.)

Июнь 66г. н.э. — дата второго, следом за прошлогодней *Пизониадой*, противонероновского заговора в Беневенте, о чём, увы, нет информации ни, само собой, у умолкающего в мае Тацита, ни у эпитомированного Диона. Единственное свидетельство у Светония, к-рый сообщает о двух заговорах против Нерона: «первый и важнейший был составлен Пизоном в Риме, второй — Виницианом в Беневенте» (Нер. 36,1).

Если, согласно Светонию, Виницианов заговор — второй, а первый, Пизонов, был, как мы знаем, разгромлен в апреле/мае 65г., следовательно, время второго — более позднее. Причём позднее времени, когда (май 66г.) умолкает Тацит, кто не мог об этом заговоре не сказать, между тем как, судя по благодарственному, во чудесное Нероново спасение-благополучие, жертвоприношению Арвальских братьев (магистр к-рых, к слову, возносит хвалу Нерону как «второму Августу» = второму творцу Империи) от 19.06.66г., это случилось в июне, что как раз взаимосогласовывается с молчанием Тацита.

Но здесь негоже додумывать, как делают некоторые современные авторы, что, мол, заговор и его ликвидация датируются временем начала пути-путешествия Нерона из Рима в Грецию через Беневент. В Грецию Нерон тронулся не ранее августа/сентября 66г. и никак не мог приближаться к адриатическому берегу в Брундизи в замедленном темпе герлау с июня по сентябрь (без возвращения из июньского Беневента в Рим). Т.е. в самнийском, к востоку от Капуи, Беневенте, в Кампании, по Аппиевой дороге (ведущей в Брундизи), он побывал в июне 66г. ещё не по дороге в Грецию, а в ходе своего очередного (вероятно, опять кифаредско-песнопевческого) выезда из Рима не дальше Кампании, включая, на сей раз, и Беневент, где и был (под момент) раскрыт и ликвидирован заговор находившегося, надо понимать, в кесарской свите Анния Винициана.¹⁰²

Подробности этого Komplota, вследствие отсутствия сведений, помимо короткого словца Светония, неизвестны, в то время как Анний Винициан, с к-рым читатель уже немного знаком (см. выше), приходился сыном одноимённому заговорщику против Калигулы в январе 41г. (см. выше) и зятем Домицию Корбулону, кто, демонстрируя свою преданность Нерону, отправил-снарядил в 64г. зятя из Каппадокии, где тот под началом оснащённого экстраординарной властью на Востоке тестя служил, фактически в качестве заложника (гаранта собственной лояльности) в Рим (см. выше).

шественника А.Древса) за настаивание на полном мифологизме Евангелий. Т.е., по Энгельсу, если в первом случае диагностируется, используя большевистскую терминологию, правый уклонизм, то в случае втором на повестке дня уклонизм левый (а дальше, по лекалам большевиков, известно: шаг вправо, шаг влево, — попытка к бегству...).

¹⁰² Да и дорога из Беневента на Брундиций, в продолжение *via Appia*, была построена, строго говоря, Траяном — *via Traiana*, о чём в Беневенте до сих пор напоминает посвящённая этому кесарю в 114г. (когда он начал свой Восточный поход) красивая арка.

В дополнение к тому, поскольку Дион (62,23,5/6) называет в качестве формальной причины данного откомандирования сопровождение Виницианом Тиридата, кто прибыл в Рим на порядок позже, значит, прибывший ранее Винициан как-то посредничал в мае 66г. между Тиридатом и Нероном в Италии, сообразно чему, это посредничество должно быть как-то связано со случившимся или разоблачённым после отъезда Тиридата июньским заговором.

А по факту, — неведомо при каких обстоятельствах и по какой именно причине, — Виницианом был возглавлен неудавшийся комplot. Или речь должно вести о спонтанной попытке неудачного беневентского покушения на тирана, превратившейся, при скорострельном разбирательстве, в масштабный заговор? Одна из версий-догадок ново-новейшего времени полагает, не вдаваясь в подробности, что заговорщики во главе с Виницианом хотели убить позорника Нерона, чтобы вручить Принципат (продолжавшему подвизаться в Каппадокии, где он встретился летом 66г. с возвращавшимся из Рима в Армению через Азию Тиридатом) Корбулону.

Не исключено, хотя никаких подтверждающих подобную догадку улик нет. Но если всё-таки так, то действовали ли Винициан и его сотоварищи (имён к-рых мы не знаем) с ведома или без ведома Корбулона? Второе, по нашему мнению, очевидно, ибо в противном случае невозможно представить дальнейшее Корбулоново пребывание на ответственном, при легионах, посту и в фаворе аж до 67г. Да и в 67г., вызванный Нероном в Грецию, он, самый заслуженный полководец Империи, в возрасте ок. 60-и лет, кого Нерон величал «отцом» и «благодетелем», до самого конца не подозревал, что его самоубийственная судьба решена и что он цинично назван в Грецию на (само)заклание.

Отсюда вывод о его непричастности к заговору, во что Нерон в 66г. поверил, тем не менее, ещё раньше и особенно после Виницианова комplotа, поставив на выполнившем свою восточную миссию Корбулоне, как на отработанном материале, крест, однако, отложив расправу на время своего посещения Греции и лицемерно продолжая держать — как для отвода множества глаз, так и для усыпления бдительности намеченной жертвы — всеми уважаемого генерала в почёте.

Стало быть, коли такая версия имеет под собой основание, возможно, Винициан с сотоварищи решили *женить* Корбулона на Принципате без его ведома, успев их только предварительно-заочно *помолвить*. Одновременно, судьба Корбулона, по всякому, была предрешена и никакая преданность, искренняя или притворная, спасти его от, раньше или позже, расправы, чего он упорно не желал понимать, в сложившейся ситуации нероновской тирании образца 65/66/67гг., не могла.

В остальном, следует думать, что сам по себе заговор Винициана был в ещё большей мере бесхребетным горе-предприятием, чем прошлогодний более разветвлённый, с более крупным числом соучастников, заговор Пизона, притом на этот раз враз разоблачённым (Тигеллин) и ликвидированным. Планировалось ли в Беневенте покушение на кифаредствующего Нерона, к-рый снова проследовал на кампанский юг как чувствуя себя на высокой волне, так и во отдохновение от майских трудов-забот по коронации Тиридата и противифилософских гонений? или Беневент случайно оказался местом раскрытого там (кем-то выданного?) заговора? — остаётся гадать.

При всех случаях, бросается в глаза малочисленность всего двух заговоров против Нерона, несмотря на, в общей сложности, 14, без нескольких месяцев, купных лет его правления. Достаточно сказать, что против не дотянувшего до 4-х лет правления убитого заговорщиками Калигулы и отравленного на 14-м году властвования Клавдия заговоров было составлено больше, чем свидетельствуется прогрессирующая слабость оппозиции при Нероне, кто скатился в тиранию в 62г. и кого декадентная, вконец расслабленная и развращённая, сенатско-всадническая элита терпела до

68г., не способная уже в 60-е гг. даже на такой, с решающим участием преторианцев, заговор, жертвой к-рого стал в 41г. Калигула. Правда, с др. стороны, Нерон учёлюсовил ошибки Калигулы и Клавдия, сумев обезопасить себя, в частности, довольно долгой преданностью ему гвардии (к-рую он щедро вознаграждал-подкупал) под началом двух церберов: старшего – Тигеллина (с 62г.), и младшего – Нимфидия Сабина (с 65г.).

Далее, с немалой долей вероятности, опять-таки, в июне 66г., была казнена Клавдия Антония (дочь кесаря Клавдия от Элии Петины), последнего мужа к-рой Фавста Корнелия Суллу, сосланного ранее в Массилию, Нерон убил в 62г. (см. выше). У перечисляющего его злодеяния в отношении близких Светоний читаем: «Антонию, дочь Клавдия, к-рая после смерти Пoppеи отказалась выйти за него замуж, он казнил, обвинив в подготовке переворота» (Нер. 35,4).

С одной стороны, Пoppея погибла, о чём читатель помнит, в начале июня 65г., после апрельско-майского разгрома заговора Пизона; с др., – казнь Клавдии Антонии тоже слишком заметное событие, чтобы анналист Тацит о нём умолчал, т.е. она имела место в 66г., и, скорей всего, позднее месяца мая, когда «Анналы» Тацита обрываются. Поэтому тут возможен следующий расклад. Нерон посватался к Клавдии (не сразу) после смерти Пoppеи, вновь пожелав заключить династический брак (по подобию его первого брака с также дочерью Клавдия, но от Мессалины – Октавией) ещё в 65г., получил отказ, однако не трогал отказницу до заговора Винициана. Была ли отказавшая убийце двух своих жён Нерону Антония соучастницей последнего? или соучастие в заговоре ей приписали? – вопрос/вопросы. Так или иначе, её обвинили в подготовке переворота, и, м.б., в увязке с заговором Винициана, что Светоний, в присущей ему манере повествования, в контексте жён Нерона, вполне мог не оговорить-опустить.

Затем, по всему, в течение летних месяцев 66г., после ликвидации Виницианова Komplота, плюс – казни Антонии, в июне и до начала своего триумфального пути в Грецию никак не раньше августа/сентября, где-то в июле Нерон сочетался браком со Статилией Мессалиной – дочерью консула 44г. Т.Статилия Тавра (получившей когномен в честь своей бабки – дочери знаменитого В.Мессалы Корвина). При всём том, она не была юной девицей на выданье, успев до Нерона побывать замужем аж 4 раза. Четвёртый её муж – М.Аттик Вестин – консул 65г., не участвовавший в заговоре, но всё равно нелюбимый некогда дружившим с ним Нероном, и потому принуждённый в 65г. к самоубийству (см. выше).

И пусть Светоний пишет, что Нерон убил Вестина, «чтобы получить её (Мессалину) в жёны» (35,1), это не совсем так. Вестин покончил с собой ещё до смерти Пoppеи, к-рую Нерон любил и с к-рой разводиться не собирался, тогда как Статилия была одной из его любовниц с начала 60-х гг., и наличие рядом с ней мужа Вестина вроде бы Нерону нисколько не мешало. Т.е. вдовую с 65г. и, главное, богатую вдову Статилию он оженил оптимально после казни Антонии, повторим, где-то в июле 66г.

Впрочем, в Грецию она с ним не поедет. Туда Нерона будет сопровождать болезненно похожий на Пoppею мальчик Спор, с кем он на означенное время, кастрировав его, уже сожительствовал (Дион 62,28,2/3; Светоний «Нер.» 28,1) (см. выше), и кого, как новую Пoppею, он официально оженит лишь в Греции, где сыграют пышную свадьбу, на к-рой Тигеллин будет посаженным отцом невесты (см. ниже). А пока в Риме/Италии, взирая на роман Нерона (кто с 64г. «замужествовал» за либертом Пифагором) со Спором, шёпотом шутили: «Счастливы были бы люди, будь у Неронова отца такая жена», т.е. – внух Спор (вместо Агриппины), в каковом случае Нерон бы попросту не родился.

Теперь, представив читателю подающиеся хронореконструкции события весны

и лета 66г. н.э., нам необходимо ещё, перед тем как отправиться с Нероном в Грецию, сказать, в хроносогласии с Дионом, говорящим об этом перед Грецией, несколько слов о *маниловских прожектах* нероновских экспедиций. Или, точнее, нам нужно напомнить читателю про план большого похода к истокам Нила, в Эфиопию, о чём речь уже шла выше, и присовокупить к нему не менее эфемерный-эффектный проект экспедиции к Каспийским воротам Кавказа, с чем, т.е. с обоими этими проектами, Нерон особенно носился (как мальчиш с любимыми игрушками) в 66/67гг.

ПРОЕКТЫ РАТНЫХ КАМПАНИЙ-ЭКСПЕДИЦИЙ НЕРОНА: К ИСТОКАМ НИЛА – В ЭФИОПИЮ, И К КАСПИЙСКИМ ВОРОТАМ – В КАВКАЗСКУЮ АЛБАНИЮ

Итак, у эпитомированного Диона перед отбытием Нерона в Грецию (но после проспективного сообщения об отстройке вернувшимся в Армению Тиридатом Арташата, названного им Неронией) имеется любопытная информация о том, что Вологес Парфянский уклонился от не раз делавшегося ему Нероном предложения персонально прибыть для встречи с ним (два повелителя двух держав! при соблюдении крайне важного для Рима римского престижного приоритета), сделав в итоге альтернативное предложение встретиться где-нибудь в Азии: «Гораздо легче тебе, чем мне, пересечь такое большое водное пространство. Поэтому, если ты придешь в Азию, мы можем договориться, где мы смогли бы встретиться друг с другом» (63,7,2).

Ниже читаем: «И хотя Нерон разгневался на него за это, он не выступил против него, также как и против эфиопов или к Каспийским воротам, как некогда намеревался. Он, правда, послал и туда, и туда разведчиков, но поняв, что покорение данных областей требует много времени и больших усилий, понадеялся, что они возможно подчинятся ему по своей собственной воле. Сам же отплыл в Грецию...» (63,8,1/2)

Как видим, информация опять и обзорна, и суммарна, и сплющена-ужата, притом преподнесена несколько карикатурно-примитивно, будто речь (приложительно к Нерону) идёт о школьнике, играющем в увлекательную детскую игру, в чём – либо издевательский перебор Диона, либо вина неловко обкарнаввшего-суммировавшего его рассказ эпитоматора Ксифилина (175,26-31; 31-177).

Если же это куцое свидетельство взвесить, прошерстить и правильно приладить к реальности, то получится, что за период 63 – 66гг., от перемирия до коронационного мира между Римом и Парфией, да и после коронации Тиридата, Нерон, в общей сложности, не один раз письменно обращался к Вологесу с предложением прибыть для персональной встречи (между тем как, по поводу Тиридата, прибытие последнего в Рим было обязательным римским требованием-условием). И, вероятно, эти обращения разумели в качестве места встречи как сначала Рим, так и позже – Грецию, куда Нерон отчалил в сентябре 66г. и где пробыл, триумфалистски перемещаясь по Элладе, до начала 68г. Однако предложенные Вологесу и Рим, и Греция предоставили ему повод для вежливого отказа: дабы парфянскому царю-вохву не пришлось пересекать ни Эгейское, ни Адриатическо-Ионическое моря (купельные водоёмы), он предложил встретиться где-нибудь в (сухопутно достижимой для него) Азии.

Т.е., коли быть точным, эти предложения делались Нероном в 63 – 66/67гг., соответственно, м.б., последнее уже из Греции, так как *не одно предложение* = мн.ч.

фигурируют у Диона, надо полагать, не для красного словца. Тем более, что Нерон продолжал носиться с проектами своих экзотических походов то на Каспийский восток, то на Нильские юга, так и не сумев толком определиться – куда именно, или куда сперва ему походно сходить, – ни до Греции, ни в Греции, ни после Греции, и аж до времени восстания в марте 68г. Ю.Виндекса.

Причём встреча с Вологесом была желательна Нерону, помимо показушной помпы (кто, мол, из двух повелителей двух держав старшой?! чему бы отвечало свидание на территории Римской империи), для того, чтобы согласовать с ним проект похода к Каспийским воротам (Дербентский проход) (см. ниже), что не могло не касаться парфян, ибо эти Ворота находились на западном берегу Каспия (Кавказская Албания), к северу от границ Ирана, открывая или закрывая доступ в него скифским или кавказским воителям-грабителям (см. ниже). А о нильско-эфиопском проекте, к-рый Вологеса¹⁰³ не касался, мы, как читатель помнит, уже подробно беседовали, анонсировав оный, выше.

И теперь, прежде чем приступить к разбору проекта похода на Каспий, коротко вспомним-освежим пройденный материал. Посему вспоминаем, что Сенека («Натурфилософские вопросы» 6,8,3-5) и Плиний (6,181) говорят (не об одной, аки повелось – упрощения ради – думать, но) о двух, при Нероне, римских экспедициях в Африку¹⁰⁴, к югу от Египта, вверх по Нилу: Сенека – о научно-исследовательской и разведывательной; Плиний – о – конкретнее (по стопам «сенекианской») – милитантно-разведывательной. Если у Сенеки – два центуриона, посланных Нероном для открытия истоков Нила, под к-рым викторианский (вытекающий из оз. Виктория) Белый Нил в экваториальной Африке (Уганда), южнее Аксума, на 5-3/2-м градусах сев. широты, то по Плинию, далеко на юг от Мероэ (Нубия = Судан) нероновские лазутчики, преторианцы с трибунами, не заходили.

Притом выше мы доказательно датировали две-обе эти экспедиции: первую (Сенека) – 62/63-м; вторую (Плиний) – 64/65гг. Шла ли речь (помимо достижения загадочных *поднебесных* истоков Нила) о проектном завоевании Мероэ/Нубии (Нильская Эфиопия) и об ударе по усиливающемуся Аксуму (Эфиопия)¹⁰⁵, в поисках

¹⁰³ Интересно заметить, что параллельно взятому Вологесом в Иране (и позже Тиридатом в Армении) курсу на деэллинизацию-реиранизацию Арианы-Ирана, убеждённый эллинист Нерон руководствовался курсом на (предваряя «греческое возрождение» Адриана во Пв.) прорывное углубление эллинизации, к чему Рим, образно выражаясь, не до конца исчерпав культурный латинский ресурс, ещё не был (пока жили-творили Силий Италик, Стаций, Тацит, Светоний, Марциал, Ювенал) готов, и что (т.е. чрезмерная приверженность эллинизму) тоже питало нарастающую противонероновскую оппозицию.

¹⁰⁴ Относительно Африки и её побережья в целом, ещё в 147г. до н.э., накануне конца Карфагена (146г.), Сципион Эмилиан Африканский послал Полибия исследовать западный африканский берег к югу от Гибралтара. На рубеже эр «академик на троне» Иов II Мавританский снаряжал экспедиции на Канарские о-ва. Ок. середины IV н.э. римлянам, согласно Псевдо-Арриану, было известно восточное побережье Африки до о-ва Занзибар; о берегах от Суэцкого залива до Африканского рога они знали описательно; оттуда до Занзибара – по рассказам. В 70-е гг. IV н.э. некий капитан Диоскур (грек? египтянин?) достиг на судне 10-го градуса сев. широты; ок. 80г. некто Диоген, возвращаясь морем из Индии, был унесён штормом к восточному берегу Африки, и то ли добрался (вторым после преторианцев Нерона) до озёр, из к-рых вытекает Нил, то ли узнал об этом от аравийских купцов. Ок. 75г. ближе неизвестный Септимий Флакк ходил с экспедицией к (незнамо – насколько далеко?) эфиопам.

¹⁰⁵ Греки мнили Эфиопию страной на окраине мира, у Океана (Гомер «Илиада» 1,423; 23,206), локализируя её и на крайнем Востоке, где по утрам начинает своё восхождение Гелиос (сегодня «страна восходящего солнца» – Япония), откуда-де Мемнон привёл своих эфиоплян для участия в Троянской войне на стороне троянцев, и на крайнем Западе, за что ратовали загорелые, мол, обожжённые раскалённым заходящим солнцем, лица темнокожих эфиопов («Одиссея» 1,23; Аполлон Родосский 3,1192). Если Помпоний Мела (3,85) искал их на окраи-

сказочно-сокровищной страны Офир? или путей-дорог к ней? или о пути с Африканского рога в Индию? или о войне против Аксума, за путь в Индию, в союзе с Мероэ? — неизвестно-неясно.

Мало того, вероятно, Нерон сам не слишком ясно представлял себе конкретику. Во всяком случае, речь должно вести о его геополитической *маниловщине*, с учётом прогрессирующей неадекватности-эксцентричности мировосприятия и поведения, с учётом всё большего отрыва от реальности. В частности, — в рамках походных прожектов на уровне, как сказано, азартно играющего в компьютерную игру и с удовольствием сооружающего воздушные замки или карточные домики, будь то нильско-эфиопский, либо — каспийский, мальчиша-затейника, к-рый нежится-купается в мире своих иллюзий, предпринимая одновременно реальные подготовительные предшаги для их (многого) осуществления.

При всём том, повторим-подчеркнём, с обоими названными проектами-прожектами он носился, чередуя Эфиопию с Каспийскими воротами, и до греческого турнэ, и в ходе оного, и после него, до самого восстания Виндекса, с получением в марте/апреле 68г. вестей о к-ром, об обоих планах про-александровских походов ему пришлось навсегда забыть.

У Тацита в «Истории», под началом 69г., в конце семимесячного правления Гальбы (68/69гг.), читаем о воинских «германских отрядах» в Риме с пояснением: «в своё время Нерон, собираясь ехать в Александрию, послал их вперёд и затем вернул; долгое путешествие морем измучило их и Гальба не жалел денег на их лечение и отдых» (1,31). Плюс ниже, уже после убийства Гальбы (15.01.69г.) и начала дуэли Отон — Вителлий, говорится о «кавалерийской части», к-рая стационарировалась в провинции Африка и к-рую «Нерон вывел из этой провинции, чтобы

нах западной Африки, а Плиний (5,43) полагал, что восточных и западных эфиопов разделяют пустыни, то Страбону (1,2,27) казалось, что те и другие где-то на неведомых югах соединяются. «Айтхиопс» — означает — человек с загорелым (обожжённым на солнце или от солнца) лицом. И как все далёкие окраинные народы, эфиопы были окружены в мифологическом воображении греков и римлян множеством чудес: эликсир молодости; сказочная продолжительность жизни; трапезы богов; несметные сокровища.

Наименование «Эфиопия» впервые встречается у Гомера: от «айтхи» = «эфо» — гореть, зажигать, и «опс» — вид, облик. По Плинию (4,187), — от сына Гефеста — Эфиопоса (Айтхиопоса) — опять связь с огнём; солнце, огонь и темнокожий-чернокоржий-загорелый (шоколадный) народ. У римлян Эфиопия (сходно Нигер) — вся чёрная Африка, — южнее отдельно-особо статуированного Египта и северо-африканской Ливии (Кирены, Карфагена, Мавритании).

Читатель в курсе, что Эфиопия пра-древности может включать и современную африканскую Эфиопию, и Куш (Нубия), и часть северо-западной Индии, восходя к 1-й Пост-Атлантической Пра-Индийской или к Индо-Эфиопской культурной эпохе (7 — 5 тыс. до н.э.), откуда, т.е., повторим снова, с эфиопского юга, а не наоборот, цивилизация постепенно спускалась (по Нилу и вдоль Нила) в позднейший Древний Египет (пост-атлантические праначала к-рого лежат именно в Эфиопии, цари Соломонидской династии к-рой выводили себя от Менелика I, по эфиопскому преданию, — сына царя Соломона и Царицы Савской).

В эпоху Римской империи северные рубежи Эфиопии, в т.ч., Нильской, — Сиена; южные, учитывая наличие промежуточной Нубии-Мероэ (Судана), — за таинственным экватором и под вопросом. Государство Аксум началось и постепенно входило в силу ок. середины IV в. н.э., что при Нероне, в видах Южной Аравии, «дороги ладана» и торговли с Индией, уже беспокоило римлян. Название «Эфиопия» встречается в аксумских источниках с IV в. н.э. — время принятия аксумитами-эфиопами христианства (Т.Г. 403/04). А название «Абиссиния», к-рым до середины XX в. в Европе часто называли Эфиопию, происходит от (семитского) «хабаш» (Хабештан), по названию племени доисламских захватчиков-арабов, пришедших в Эфиопию из Аравии в VI в. до н.э. При этом, позднее арабы строго различали Нубию (Судан) и Абиссинию (Эфиопия).

послать вперёд себя в Египет, а затем, ввиду начавшейся войны с Виндексом, отозвал в Италию, где она и осталась» (1,70).

Удостоверьтесь воочию, для предстоящего похода в глубины нильской Африки набирались воины из германских и африканских подразделений, пеших и конных, посланные вперёд Нерона в Александрию Египетскую. И если по поводу пехотных германских отрядов не сказано, когда именно они переправились морем в Италию, о чём нетрудно догадаться, то о кавалерийской части свидетельствует прямое упоминание Виндекса = она прибыла в Италию весной 68г. — время конца как эфиопской, так и каспийской Нероновой эйфории, с каковых пор выбирать ему уже было не из чего (не до жиру — быть бы живу).

Кроме того, если с 63 по 66гг. Египтом управлял, готовясь к всё откладывавшемуся прибытию императора (кто собирался в Египет и в 64г. — кифаредски; и позднее, — вроде бы уже преимущественно ратно) его молочный брат Г.Цецина Туск, то весной 66г. префектом Египта был назначен знакомый нам (александриец) Тиберий Александр, поднаторевший в военном деле под началом (при штабе; по Моммзену, — в ранге нач. штаба) Корбулона в Азии (Армения). Т.е. подготовка к походу германских отрядов, пеших и конного, плюс дислоцированное в Египте войнство, легла с 66г. на Тиберия Александра и продолжалась, несмотря на то, что со второй половины года в Иудее разгоралось противоримское восстание и в самой Александрии случился свирепый еврейский погром, ещё в 67г., по назначении для подавления восстания иудеев Веспасиана. (1.07.69г. Тиберий Юлий Александр первым из наместников приведёт египетские легионы к присяге на верность Веспасиану, и позднее будет содействовать Титу при взятии в 70г. Иерусалима.)

* * *

Впрочем, видимо, с 66/67гг. эфемерно-походные симпатии Нерона всё более (не без оглядки на Иудейское восстание) склонялись к перевешивавшим (неотставленную) Эфиопию на его инфантильной чаше весов воротам Каспийским, о к-рых пришло время побеседовать подробнее.

При этом тут необходимо, в ходе повествования, разобраться с их до сих пор спорной идентификацией. Дело в том, что с XIXв., на основании свидетельства Плиния, равно авторитета Моммзена и др. германских учёных, большинством авторов принимается-исповедуется плиниевско-моммзеновская точка зрения. Дескать, под Каспийскими воротами (куда стремился Нерон) нужно разуместь не Дербентский проход = Албанские ворота (Птолемей) = ворота Чора — узкая прибрежная полоса (3 км) между западным берегом Каспия (дагестанский Дербент) и предкаспийским отрогом Кавказского хребта, но проход Иверский (через главный Кавказский хребет) = Аланские или Сарматские ворота = Дарьяльское ущелье р. Терек на границе современных России (Северная Осетия) и Грузии = Военно-Грузинская дорога, ведущая по ущелью (через ущелье) с Северного Кавказа на Южный (в Закавказье).

Однако последнее грубо ошибочно и подобной идентификации Плиния, под к-рой подписались Моммзен и многие другие авторы-авторитеты, противоречат свидетельства Тацита, Светония, Диона, Кл.Птолемея. И ещё удивительнее, что к данной ошибке даже не столько Плиния, сколько Моммзена с готовностью присоединяются, преемствуя академизму XIX-го в., и советский двухтомник Тацита (т.2, с.326), и Л.Гаспаров в примечаниях к Светонию («Нерон», с.427), и современный русский перевод «Римской истории» Диона, где в 63,8,1, сказано о подготовке Нероном похода «к воротам Кавказским», невзирая на наличествующие в дионовском тексте «ворота Каспийские».

Ладно уж германская, при всех её (несмотря на, зачастую, махровый рационал-материализм) основополагающих заслугах (перед к-рыми нельзя не склонить голову), академическая учёность XIXв., для к-рой, что Иверские, что Дербентские ворота на далёком Кавказе – один хрен! Впору спросить у российских дореволюционных и затем у советских авторов: неужели нельзя было (даром что переводы на русский язык Тацита или Светония делались не столько с латыни, сколько, судя по множеству именно немецких калек, с немецкого), лучше-детальнее разобраться в исторической географии ближних Кавказа с Каспием, подойти к этому вопросу критически и не копировать досадный ляпсус (положивших, с Петра Великого и позднее, начало российской науке) многоучёных немцев?

Но начнём разбор с приведения цитаты (отнюдь не безошибочного современника событий – энциклопедиста) Плиния: «Здесь нужно исправить ошибку многих, даже тех, к-рые в последнее время участвовали в походах Корбулона в Армению: они называют Каспийскими те ворота в Иверии, к-рые, как мы сказали, называются Кавказскими; это название стоит и на присланных отсюда ситуационных картах. И угроза императора Нерона относилась будто бы к Каспийским воротам, тогда как в ней разумелись те, к-рые ведут через Иверию в землю сарматов (горцы Северного Кавказа, или шире – различные скифо-сарматские племена на север от Кавказа – К.З.), ведь едва ли есть какой-либо доступ к Каспийскому морю, вследствие облегающих его гор. Есть, правда, и другие ворота у каспийских народов, но об этом можно узнать единственно из рассказов спутников Александра Великого» (6,40).

Таким образом, Плиний просто не знает о существовании узкого трёхкилометрового Дербентского прохода (через к-рый хищные скифо-сарматы грабительски просачивались берегом Каспия на Южный Кавказ, в Иран, Армению, и к-рый иногда оказывался, когда уровень воды в море поднимался, под водой), более того, считает существование такого прохода (о чём, мол, сообщают некоторые), из-за вплотную подходящих к морю Кавказских гор, невозможным. Вдобавок к тому, Плиний полагает, что те, кто говорят о нём, (дублетно) ошибаются, поскольку-де единственные именно Каспийские ворота – это общеизвестные ворота у юго-восточной оконечности Каспия – Гирканские (ныне – Горганские¹⁰⁶) = проход в Гирканию из Мидии в горах Парахоатра (Страбон 11,12,4), через к-рые Александр Великий походно прошёл (330г.) в Среднюю Азию.

Но туда Нерон, в мидо-гирканские юдоли Ирана, заключив прочный мир с Вологесом, у к-рого, напомним, недавно были проблемы с гирканскими сепаратистами (кооперировавшими в 58г. с Римом), к-рые, вероятно, в 60-е гг. компромиссно разрешились в пользу (признавшего широкую автономию гирканцев?) Ирана, ходить точно не собирался. И, следовательно, Плиний, будучи уверен, что если речь не может идти о Гирканских (Каспийских) воротах, то, значит, в объективе

¹⁰⁶ Грган (Гиркания; Джурджан) – *земля волка* – город в Иране (до 1937г. – Астрабад), административный центр провинции Голестан, в 30-и км к востоку от берега Каспийского моря. В Горгане, с запада на восток, по линии Горганский залив – Пишмарские горы, при новоперсидских Сасанидах, была защитно возведена Великая Горганская стена: длина – 195 км, ширина – 6-10м; через каждые 10-15м вдоль стены располагались оборонительные форты, общим числом ок. сорока, с гарнизоном, в разные времена, от 10-и до 30-и тыс. чел. В отличие от парфян Аршакидов, новоперсы Сасаниды отвергали иранизацию Турана и (руководствуясь, в частности, расовой *арийской* чистотой крови) стремились отгородиться от него (как китайцы своей куда более мощной и внушительной, чем Горганская, Великой стеной от Великой степи)!

Двойная Дербентская стена, перекрывавшая Каспийские ворота в Дербенте, была возведена при Сасанидах: длина – 3600м; южная и северная стены идут параллельно друг другу на расстоянии 300-400м. Горная часть фрагментарно сохранившейся стены уходила на 40 км в сторону Кавказского хребта; морская часть заходила на 500м в море, запирая вход в гавань.

ворота Кавказские (= Иверские = Аланские), к-рые Птолемей во Пв. н.э. называет Сарматскими (5,8,11;16), грубо (действуя элементарным методом исключения, при отрицании каких-либо Дербентских ворот) ошибается, что он сам и подтверждает, говоря об «огромном Кавказском горном проходе, по ошибке называемым многими Каспийским» (6,30).

Вот где, в чём и как собака зарыта! Толкующему об одних Каспийских (на юго-восточном углу Каспия) и об одних Кавказских (Иверских) воротах Плинию невдомёк, мол, ландшафтно невозможное, существование каких-либо других – вторых – Каспийских ворот (= Альбанских = ворота Чора) = Дербенского прохода.

Причём впервые эти Каспийские ворота у западного берега Каспия, в современном Дагестане, севернее современной дагестанско-азербайджанской границы, упоминает в VIв. до н.э. Гекатей Милетский, тогда как город Дербент был основан ок. 438г. до н.э. как ахеменидская цитадель (против набегов на ахеменидские владения с севера), с узким прибрежным проходом и высокими каменными стенами над ними, чтобы запирает или отпирать Ворота, контролируя стратегически важный путь с севера на юг или с юга на север; плюс – пути в обход Каспия или по морю – с востока на запад и с запада на восток. Короче, – перекрёсток дорог.

А в дальнейшем к данному проходу проявляли интерес и Селеквиды, и парфяне, и Лукулл с Помпеем, к-рые (невзирая на победу в 65г. до н.э. Помпея над одним из албанских венценосцев – Цобером, как и над Парнавазом Иверским) туда не дошли, но предполагали, не ведая о нём толком, важность значения этого северного форпоста Кавказской Албании.

Засим, разобравшись с ошибкой Плиния, обратимся к свидетельствам других античных авторов. В «Истории», под началом 69г. (январь – март – время январского убийства Гальбы и трёхмесячного – до середины апреля – кесарства Отона), Тацит, говоря о войсках в Риме, сообщает, что среди них находилось – «множество воинских подразделений, к-рые Нерон набрав в Британии, Германии и Иллирии и, готовясь к войне с альбанами, отправил к каспийским ущельям, но вернул с дороги для подавления вспыхнувшего восстания Виндекса» (1,6).

Следовательно, эти подразделения были набраны после возвращения (к-рое, в свою очередь, случилось по приезде в Рим Тиридата) снаряжённых Нероном в 65/66-м или в 66г. к Каспийским воротам лазутчиков (м.б., возвращавшиеся-возвратившиеся лазутчики застали Нерона уже в Греции?), в 66/67гг. И далее, данные подразделения даже успели выступить в путь, по направлению к Кавказу, возвращённые-повёрнутые с дороги для подавления начавшегося в марте 68г. восстания Виндекса.

Тут мы снова обнаруживаем подтверждение полуклинической эйфории Нерона в отношении реальных зачачек-заготовок-приготовлений для осуществления его походных прожектов – и по адресу эфиопско-нильских истоков (см. выше), и по адресу Каспийских ворот, между к-рыми он (римская Клеопатра в тоге), – воображая себя то Мемномом, то Персеем и Андромедой, то освобождённым освободителем Прометеем, то Гераклом на Каваказе, – всё никак не мог выбрать. Вернее, никак не мог решить – какому из прожектов отдать первенство? вплоть до развеявшего все его (утраченные) походные иллюзии восстания Виндекса.¹⁰⁷

¹⁰⁷ Акцентируем вновь. Нерон был совсем не воитель. Если Калигула забавно поиграл в войнушку на берегах Рейна и Ла-Манша, а Клавдий даже высадился в Британии, олицетворив собой её завоевание римлянами, то Нерону довелось сходить к истокам Нила и к Каспийским воротам сугубо в своём инфантильном воображении. Да и в Грецию он отправится мирно триумфалистски и вернётся оттуда мирным триумфатором без войны, словно исподволь противопоставляясь триумфальной войне (как двоясмысленный *князь мира сего* в мире сём!), что в его случае было карикатурой и вскоре подверглось всеобщему осмеянию, являясь, наряду

А главное, в тацитовском тексте (Ист. 1,6) сказано об альбанцах = о насельниках Кавказской Албании, сообразно чему, на повестке дня, в смысле Каспийских ворот, именно Дербентский проход, хотя Тацит тоже несколько смутно и размашисто представляет себе географические реалии далёкого Кавказа.

* * *

Так, в «Анналах», в контексте знакомых нам событий 35г. н.э., где речь идёт о борьбе римлян и парфян за Армению после смерти Арташеса-Зенона (34г.), рассказывается, что (подстрекнутый римлянами к выступлению против парфян) Фарасман Иверский «получил поддержку (южно-кавказских) альбанов и поднял (северо-кавказских) сарматов» (6,33) (см. выше), к-рых, т.е. двинувшихся с севера против (пропарфянских) армян сарматов, «иверы – хозяева этой страны (Иверии) – быстро пропустили по каспийской дороге» = вверх по течению Терека, через Дарьяльское ущелье (= Иверский = Аланский = Сарматский проход), до слияния Куры с Арагвой, и на юг – из Иверии в Армению. Либо Тацит эту дорогу через Дарьяльское ущелье ошибочно называет Каспийской вместо Кавказской (накладка)? либо эти названия могли использоваться-пониматься, в т.ч., синонимически?

Но, при всех случаях, здесь в объективе именно Кавказские = Иверские = Аланские = Сарматские ворота, о разнице между к-рыми и именно Дербентским проходом Тациту, в отличие от Плиния, неплохо известно, поскольку ниже по тексту он говорит о других сарматах, союзных парфянам, к-рые, не в пример сарматским союзникам иверов и римлян, не сумели до парфян добраться, будучи – «легко отрезаны, так как враг запер все проходы, кроме единственного – между морем и оконечностями альбанских гор, воспользоваться к-рым, однако, препятствовало летнее время, ибо из-за постоянно дующих в одном направлении ветров вода в эту пору заливаёт низкие берега, тогда как зимой южный ветер гонит её назад, и после того как она уйдёт в море, обнажается береговая полоса мелководья» (6,33) (см. выше).

Убедитесь, тут Тацит, ранее сказав (несмотря на «каспийскую дорогу»¹⁰⁸) именно о Дарьяльском ущелье = о проходе Кавказском = Сарматском = Аланском = Иверском, однозначно говорит о Дербентском проходе = (*вторые*) Каспийские или Альбанские ворота = ворота Чора – на западном берегу Каспия (в то время как *первые* Каспийские ворота = Гирканские/Горганские, через к-рые прошёл в Ср. Азию победоносный Александр, почему мы и называем их первыми, пусть даже с запада на восток они – *вторые*, располагались, повторим, у юго-восточной оконечности Каспийского моря, недалеко от современной границы Ирана и Туркмении).

В довесок к тому, у Светония, в контексте поездок и планов Нерона, после слов о начале строительства канала через Истм = Коринфский перешеек, что имело место в 67г., в пору греческого *сальто-мортале* Нерона (пусть Светоний отнюдь не всегда и далеко не обязательно придерживается хронопоследовательности), читаем: «Готовил он и поход к Каспийским воротам» (19,2). И опять налицо ворота (именно) Каспийские (*Caspia Portae*) = Альбанские = Дербентский проход.

с тем, неприемлемым для тогдашнего Рима в принципе, но сколь ни парадоксально звучит, всё-таки, содержа в себе благие намерения и *оливковую ветвь мира*. Не с похожими ли в чём-то и чем-то иллюзиями мирного умиротворителя-благоустроителя-обновителя Австро-Венгрии носился покончивший в 1889г. (при загадочных обстоятельствах) самоубийством кронпринц Рудольф (карма Нерона!)

¹⁰⁸ Или *via Caspia* Тацита разумеет (какой-то) третий, помимо проходов Аланского и Дербентского, узкий проход (ворота) через Кавказские горы под контролем иверов?

Дальше – больше. И Дион (63,8,1), о чём мы уже знаем, говорит о несостоявшихся нероновских походах, либо – к Эфиопам, либо – к Каспийским воротам (неверно называемым в русском переводе Кавказскими), между тем как ворота Кавказские = Иверские = Аланские – идентичны, повторяем снова, Сарматским воротам Кл.Птолема (5,8,11;16). Конечно, не исключено, что попади он на Кавказ, Нерон пожелал бы взять в оборот как Каспийские (Дербент), так и Кавказские (Дарьяльское ущелье) ворота, тем паче, в свете провинциализации в 63/64гг. Понта и выхода Рима на соседнюю с Иверией дальнеподвассальную римлянам Колхиду (к-рая станет ещё ближе к римским владениям, когда Веспасиан аннексирует-провинциализирует в 72г. также соседнюю с Понтом и Колхидой Малую Армению). Вспомним о новоотстройке Мцхетской крепости для прикрытия, после разорения ок. 73/74гг. аланами Мидии-Атропатены и Армении, Кавказских (Аланских) ворот на средства римлян в 75г., при Веспасиане и Митридате Иверском. Но, тем не менее, перво-наперво, Нероновы планы-проекты в отношении Кавказа разумели Каспийские ворота на западном берегу Каспия.

В остальном, установив-диагностировав грубую ошибку Плиния и следом за ним множества представителей академической учёности XIX/XXвв., нам остаётся гадать-догадываться – желал ли особенно склонный к концу своего правления неадекватно фантазировать Нерон овладеть Каспийскими воротами = Дербентским проходом и обогнуть Каспий с севера? или переплыть через море? в поисках путей, через закаспийскую Скифию и Согдиану, в обход Парфянского Ирана, в Кушанское царство? оттуда же – в Индию? или – аж в Китай?

Так или иначе, надо учитывать, что через Дербент, расположенный на перекрёстке военно-стратегических и торговых дорог с севера на юг, как и с юга на север, или с запада на восток, как и с востока на запад, проходил один из важнейших участков Великого Шёлкового пути!¹⁰⁹

При всём том, остаётся открытым вопрос: дойди слова до дела, как бы на всё это отреагировали парфяне? мидо-атропатенская граница царства к-рых проходила, о чём сказано выше, южнее Дербентского прохода, весьма важного – как в ракурсе защиты от набегов северных племён, так и прикаспийской Гиркании – и для парфян. Точнее, – куда более важного (чем для Рима) именно для парфян, с к-рыми Нерон, насколько можно судить по наличному материалу, ссориться, заключив мир, не намеревался. И поэтому очень хотел персонально встретиться с Вологесом, дабы, надо понимать, в первую очередь, обсудить свой походный план в отношении Каспийских ворот, рассматривая парфян в качестве (младших) союзников.

Правда, с др. стороны, ок. 73/74гг., когда, говорим сызнова, в Мидию (и в Армению) вторгнутся (через Аланские ворота) воинственные северо-кавказские аланы, Вологес, как нам известно, сам обратится за воинской помощью к Веспасиану, в чём тот ему (подтвердив приверженность Рима договору 66г.) корректно откажет.

А позже, при Домициане, в пору продолжающегося римско-парфянского мира, согласно обнаруженной в 1948г. (недалеко от Баку, в Кобистоне, у горы Бююк-Даш) фрагментарной латинской эпитафии, скорее, одно из подразделений XII-го легиона (Fulminata), нежели весь легион, будет (неведомо в какой связи) находиться на южных подступах к Дербентскому проходу (ВДИ 1950г., № 1, стр.178): имея ли в виду согласованный с парфянами оборонительный контроль над ним? = над Каспийскими воротами.

¹⁰⁹ Нерону мерещились как планы расширенной торговли с Индией через Красное море и Харакену, так и планы овладения Шёлковым путём, минуя Фасис (Колхида), Куру, Албанию, Бактрию, Окс (Амударья): 7 дней пути от закаспийских берегов через Гиндукуш в Индию, и 5 дней пути от западного берега Каспия до Фасиса (неподалёку от Поти).

Подведём итоги. Факт в том, что Нерон, снарядив две разведывательные экспедиции по Нилу, в Африку, первую – в Эфиопию, к нильским истокам, вторую – в Нубию-Мероэ, соответственно, в 62/63 и в 64/65гг., равно – одну экспедицию лазутчиков к Каспийским (Альбанским) воротам в 65/66гг., ни на эфиопский Нил, ни на альбанский Каспий (ни во время до своего турне по Греции, ни из Греции, ни после Греции) так никогда и не отправился, тронувшись в августе/сентябре 66г. в давно лелеемую им Элладу, куда и нам вместе с ним сейчас предстоит проследовать.

НЕРОН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГРЕЦИЮ

(лето/осень 66г.)

Вероятно, к концу августа 66г. н.э., Нерон с огромной свитой и помпой, завершив, как ему казалось, все важнецкие дела в Риме/Италии (и памятуя в своём богатом воображении как об эфиопском Ниле, так и о *Caspia portae*), выдвинулся-отбыл из Рима, м.б. через Кампанию и любимый Неаполь (предваряющий Грецию в Италии), на портовый Брундизи.

Притом верховную власть в Городе он доверил на время своего отсутствия (*absentia*) не гос. совету из сенаторов и всадников и даже не более узкому-близкому кругу элитных верхов, ещё больше озлобившись на сенатскую элиту после заговора Винициана, но битым-оборотистым вольноотпущенникам – Гелию и Поликлиту.

Первый, либерт Клавдия, видимо, грек корнями, знаком нам по, в его бытность азийским прокуратором Цезаря, отравлению в 54г. проконсула Азии Силана, согласно распоряжению только что отравившей Клавдия Агриппины (см. выше). Уменьшительно-ласкательное имя этого либерта – есть производное от Гелиоса: Гелий, т.е. (в переложении на нашу речь) *Гелиосик*, что приобретает новую актуальность в связи с Нероновой ставкой именно на божественного Гелиоса (в ракурсе Гелиоса *Maioz*, т.е. Нерона, и Гелиоса *Minor*, т.е. Гелия).

Второй (абсентистский) либерт – (отпущенник Клавдия? Нерона?) Поликлит, предположительно, ориентальных корней-кровей (Сирия? Азия?), был, как мы помним, в 61г. отряжён Нероном в Британию с заданием посреднически разобрать конфликт между одолителем восстания Боудикки британским легатом Светонием Паулином и прокуратором Ю.Коссуцианом (см. выше).

Впрочем, не очень текстуально внятный Дион (63,12,3) от Ксифилина (176,27 – 178,25) не исключает возможность того, что Поликлит сперва подвизался в греческой свите Нерона, снаряжённый в пару и в помощь Гелиосу, чтобы составить вместе с ним в Риме/Италии довлеющий над спектаклярно безвластным сенатом властный дуэт-тандем (сиганувших из грязи в князи либертов-беспредельщиков), несколько позже.

Однако о них обоих, римских заправилах 66 – 68гг, впоследствии, в 68г., казнённых Гальбой (как приспешники-совиновники нероновской тирании), речь у нас пойдёт ниже, тогда как целая свора либертов, часть к-рых тоже будет казнена в правление Гальбы, причём некоторые из них сохранят верность Нерону до самого его конца, пока сопровождала его в Грецию: Патробий, Фаон, Эпафродит, Петин, Неофит и др. И особенно среди них надо выделить-оговорить Неронову, пардон, *невесту* – подобие Поппеи – кастрата Спора, бракосочетание с кем, с евнухом, кесарю в Греции предстояло; плюс – кесарского *супруга* Пифагора, за кого «превзошедший» всех прежних римлян и всех Цезарей Нерон форменно вышел замуж, напоминая, в 64г. Ни дать, ни взять – свита Псевдо-Диониса (и Псевдо-Аполлона с кифарой) из менад и сатиров!

Кроме того, к Спору специально была приставлена *обер-фрейлина* – красивая, безбашенная и алчная (некая) Кальвия Криспинилла (Дион 63,12,3), в обязанности к-рой входила забота о подбиравшемся весьма тщательно Споровом гардеробе, и к-рая будет в Греции заниматься беспардонным стяжательством, в то время как законная-непротивоестественная – с недавних пор – супруга императора Статилия Мессалина осталась дома, в Риме. Осталась исполнять супружеские обязанности благочестивой, в отсутствие мужа, как того требовала римская традиция, матроны за веретеном (или ожидающей Одиссея Пенелопы).

Ан – не станем торопиться. Эпитомированный Дион начинает повествование про греческую эпопею с насмешливого и горького восклицания о пути-де Нерона в Грецию вовсе не по победоносному подобию прославленных римских воителей прошлого – Фламинина или Муммия, равно не по подобию нероновских предков-предшественников – Агриппы и Августа. Т.е. он пёрся туда не как ратный победитель и гос. устроитель, а с намерением предстать в облике возничего и кифареда, чтобы «играть на лире, рецитировать и актёрствовать в сценических трагедиях» (63,8,2). Видишь ли, Рима, с его театром Помпея и Большим цирком, ему сделалось мало, он жаждал *заграничного похода*, дабы сделаться, «как он говорил, победителем в Большом Обходе» (63,8,3) (см. ниже).

И настолько много не только хлопальщиков-августанов, но и прочих свитских (из либертов, знати, различных прихлебателей и обширного штата обслуги) отправились с ним, что будь это армия, – иронизирует Дион, – она могла бы покорить и парфян, и др. народы. «Они же вместо оружия, чего и следовало ожидать от воинства, подкомандного Нерону, были вооружены лирами (кифары) и плектрами, масками и котурнами.¹¹⁰ И Нерон одерживал с ними победы, приличествующие такого рода войску, одолев Терпна, Диодора и Паммена вместо (одоленных римлянами на поле брани – К.З.) Филиппа, Персея или Антиоха» (63,8,4).

Т.Квинкий Фламинин – конс. 198г. до н.э., получивший верховное командование против Филиппа V Македонского (II-я Македонская война – 200 – 197гг.). Идеализированный традицией эллинофил, он сумел укрепить антимакедонскую коалицию, особенно привлечением на сторону римлян ахейцев. В июне 197г. нанёс решающее поражение Филиппу в Киноскефальском сражении, наглядно продемонстрировав превосходство военного искусства римских легионов над фалангой. Против воли этолийцев, настаивавших на продолжении войны, заключил мир. Продиктованные им и принятые Филиппом условия были ратифицированы Римом. В 196г. торжественно провозгласил от имени сената свободу эллинов (в имперальной сфере-орбите Рима) от тирании македонян (Павсаний 18,46) (см. ниже). В 195г. победил спартанского тирана Набиса. Благодарные греки завалили Фламинина всевозможными почестями. Город Гитеон даже объявил его «Сотером».

¹¹⁰ Плектр (от греч. – *ударить; бить*) – тонкая, с отверстием для пальца руки, пластинка из кости или металла, приводящая в колебание струны музыкальных инструментов, к-рую можно увидеть на статуе Аполлона Кифареда в Неаполитанском музее. Эта пластинка, несколько типов к-рой были известны уже в Египте, для извлечения звука из струнных инструментов (кифара, лира, барбитон) использовалась в Греции с VIIв. до н.э.

Котурны (платформа) – высокие сапоги из мягкой кожи, закрывавшие ноги до колена и закреплявшиеся ремнём, были мужской обувью обеспеченных слоёв общества. Использовались также актёрами, при исполнении трагических ролей (котурны – в трагедии, *soccus* – в комедии, притом оба названия употреблялись для короткого обозначения трагедии и комедии), увеличивая рост и придавая величественность актёрской фигуре. Известные с ок. 500г. до н.э., они были введены в употребление на сцене Эсхилом (525-456гг.); в Риме – со IIв. до н.э. В императорскую эпоху их подошва, к-рая на протяжении веков всё время увеличивалась, иногда была высотой с локоть, и котурны стали напоминать ходули.

Муммий Ахаик (конс. 146г.; цензор 142г.), как читатель знает, окончательно победил восставших против Рима ахейцев, разрушил в 146г. Коринф, отправил огромное число конфискованных греческих произведений искусства в Рим и вместе с сенатской «комиссией десяти» организовал Грецию как провинцию Ахайя (см. выше), с каковых пор она на 67г. н.э. уже два столетия провинциально обреталась под Римом.

Август – один из победителей Брута и Кассия в 42г. при Филиппах, а Антония с Клеопатрой – в 31г. у мыса Акции, после чего он посвятился в Элевсинские мистерии, или Агриппа – автор морской победы в Акийском сражении, позднее, в 23 – 12г., управлявший восточной частью Римской империи, в т.ч., Грецией, в дополнительном представлении и в дополнительных рекомендациях, очень хорошо известные нашему читателю, не нуждаются.

Дион контрастно-издевательски противопоставляет всем им скоморошествующего Нерона, говоря о его (липовых) состязательно-музыкальных победах над Терпном, Диодором и Памменом вместо некогда побеждавшихся римлянами Филиппа и Персея Македонских, или Селевкида – Антиоха Магна. Победа над Персеем в III-й Македонской войне (171 – 68гг.) ознаменовала покорение Македонии Римом. Победа в 190г. до н.э. над Антиохом III у Магнесии в Азии означала приход римлян в Азию/Асию, провозвестила грядущее покорение Римом Востока (до Армении, Сирии, Египта) и начало конца державы Селевкидов.

Терпна – учителя Нерона искусству игры на кифаре, Светоний называет «лучшим в то время кифаредом» (Нер. 20,1), к-рого Неронушка, придя к власти, тотчас пригласил к себе – «и много дней подряд слушал его после обеда до поздней ночи, а потом и сам постепенно начал упражняться в этом искусстве» (см. выше). Диодора Нерон состязательно «победит» в Греции и торжественно привезёт его с собой, как почётного (побеждённого) гостя, в Рим (см. ниже).

Позднее обоих этих кифаредов высоко ценил, согласно Светонию, Веспасиан, однажды давший им в награду 200 тыс. сестерциев (19,1). Расцвет Паммена пришёлся на время Калигулы, но, несмотря на возраст, он тоже будет вызван Нероном на состязание, исключительно с целью одержания (заведомой) победы над ним, с последующим опрокидыванием его, как и прочих прежних победителей, статуй, к-рые сбросят, по приказу ревнивого венценосца («лучшего кифареда всех времён и народов»), в отхожие места (Свет. «Нер.» 24,1).

Хотя – спешим, прокомментировав аффектированную греко-вступительную иронию Диона, не торопясь. По Светонию, сродни Диону, ему (Нерону) «мало было показать своё искусство в Риме и он отправился в Ахайю. Побудило его к этому, главным образом, вот что. Все греческие города, в к-рых бывали музыкальные состязания, постановили послать ему венки кифаредов. Он принял венки с великой радостью, а послов, прибывших с ними, допустил к себе прежде всех и даже пригласил на дружеский обед. За обедом некоторые из них упросили его спеть и наградили шумными рукоплесканиями. Тогда он заявил, что только греки умеют его слушать, и только они достойны его стараний. Без промедления он пустился в путь, и тотчас по переезде выступил в Кассиопе с пением перед алтарём Юпитера Кассия, а потом объехал одно за другим все состязания...» (Нер. 22,3)

Светоний, конечно, утрирует (усугубление портретной характеристики), создавая шаржированное впечатление, будто Нерон тотчас сорвался в Грецию после льстивого послания и веночного посольства греков, что не так, ибо он собирался туда давно, всё откладывая-перенося свой отъезд. И вот время, наконец, пришло-настало, что, наряду с тем, не исключает посольство и заведомые венки греков летом 66г. Правда, вовсе не исключено, что веночные греки обедали у кесаря летом 66г.,

и это, как дополнительный стимул, лишний раз вдохновило его планировавшееся минимум с 64г. завораживающее эллинское турне.

Тем временем, путь Нерона, отчалившего, по всей вероятности, из Брундиизи¹¹¹, в сопровождении множества пёстрых судов и судёнышек кесарской эскадры¹¹², пролегал через Коркиру (Корфу) на эпирский Никополь (где Ап. Павел зимовал с 65 на 66г.), супротив к-рого, по другую сторону Амбракийского залива, располагался в Акарнании знаменитый Акцииской победой одноимённый мыс.

Кассиопа – прибрежный город на острове Корфу, божеством-покровителем к-рого был Зевс Кассий. И там, сделав остановку в этом островном городе, приняв участие в местном празднестве, – «с пением (под кифару) перед алтарём Юпитера Кассия», восторженно встреченный римский Цезарь открыл тем самым зелёную улицу своим заветным гастролям на морском подходе к Греции, потом последовала высадка на материк в Никополе, откуда и с мыса Акции континентальная греческая эпопея «меднобородого Агенбарба», должно быть, в октябре 67г. н.э., собственно, началась.

Ниже у Светония читаем, что после Коркиры венценосный гость-хозяин «объехал одно за другим все состязания. Для этого он приказал (внимание! – К.З.) в один год совместить праздники самых разных сроков, хотя бы их пришлось повторять, и даже в Олимпии вопреки обычаю устроил музыкальные игры» (Нер. 22,3; 23,1).

От мыса Акции Нерон, по-видимому, проследовал в Коринф (в к-ром Ап. Павел в последний раз побывал весной 65г.) – центр провинции Ахайя (резиденция проконсула), где (небезвыездно) провёл (вкушая прелести Коринфа и даря коринфянам себя) зиму 66/67гг. Но здесь нам надо разобраться с состязательными агонями-играми, приложительно к участию в них (в каких именно? и когда именно?) Нерона.

* * *

Дело в том, что в «Хронике» Евсевия (Иероним) под 65г. (2081г. от Авраама) сказано: 211-я Олимпиада не состоялась, так как Нерон отложил игры до своего прибытия. Далее: «Нерон был увенчан на Олимпиаде, победив в различных состязаниях – глашатаев, кифаредов, сочинителей трагедий и возничих. Ниже – под 66г.: «Нерон, проведя Истмийские, Пифийские и Акцииские игры, вновь был увенчан в числе глашатаев, сочинителей трагедий и возничих». Сходно в «Versio Armenia» (216) – под 65 – 67гг.

211-я Олимпиада приходилась, в порядке очерёдности, на (положенный ей срок) лето (июнь/июль) 65г. н.э. Была ли она, из-за пожелания Нерона непременно участвовать в ней, отложена-перенесена-отсрочена, состоявшись лишь в 67г.? или не была отложена, как может быть умозаключено из Светония, говорящего, без уточнений, о «повторении», тогда как в 67г. состоялась внеочередная Олимпиада? к-рую, согласно Павсанию (10,36), затем (дисквалификационно) исключили из (перед очередной ОI. 212 в 69г.) списка-перечня легитимных Олимпиад, – неясно.

Сейчас нас больше интересует другое. У Евсевия названы сначала Олимпийские, за ними – Истмийские, Пифийские и Акцииские игры, в то время как Дион, да и

¹¹¹ Или – кто знает, б.м., из Тарента? спустя 103 года после Тарентского соглашения 37г. до н.э. между Октавианом и Антонием, когда Ирод был назначен царём иудейским!

¹¹² С Нероном частично отправились в Грецию или позже присоединились к его эскадре, везя пассажиров, желавших лицезреть сценического и колесничного императора воочию, в т.ч., часть судов, возивших зерно из Египта и Африки в Италию, из-за чего позже в Риме начались трудности-перебои с хлебом.

косвенно Светоний, говорят о стремлении Нерона стать победоносным «периодником» в Большом Обходе, что, т.е. «периодоникос», буквально означало атлета, одержавшего победы (= победителя) в Большом Обходе. Т.е. — на традиционных 4-х — на Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских — панэллинских играх, к-рые составляли общепринятые агоны (призванные некогда усилить всегреческое самосознание эллинов).

И понятно, что Акцийских игр, названных Евсевием вместо (больше-обходно) Немейских, как и, к примеру, игр Аргосских, проводившихся в честь Геры (эвентуально) весной, среди них не было, так как Акциады, совпадавшие по годам с Олимпиадами, были учреждены Августом, посвящённые Акцийской морской победе 2.09.31г., только в 28г. до н.э., после чего проводились каждые 4 года (= каждый пятый год) — как на мысе Акций, так и (какое-то время?) в Риме/Италии, не входя в число 4-х панэллинских агонов (пусть даже панэллинскими в эпоху эллинизма стали называть и состязания местного значения, к-рые, однако, не входили, как и Акциады, в состав игр Большого Обхода).

Таким образом, тут, видимо, имеет место ошибка заменившего Немейские игры Акцийскими Евсевия, что, вместе с тем, не обязательно означает неучастие Нерона в Акцийских играх, не входивших в Большой Обход, но, возможно, тоже — либо перенесённых с сентября 65г., на к-рый выпадает их очередной срок, на октябрь 66г., либо, так сказать, продублированных, или заново устроенных внеочередным порядком, в октябре 66г., специально для Нерона. Соответственно, он вполне мог на Акцийских играх (будь то — очередные-отсроченные, или внеочередные) апробировать себя, чтобы, разумеется, апробационно победив всех и вся, двинуться, в сопровождении своей огромной свиты, на зимовье, как новый Аполлон, новый Дионис, новый Гелиос и новый Геракл в одном лице (больше напоминающий козлоногого «всебога» Пана), в лежбишный Коринф.

Мы же, пока махровый эллинист и эллинофил Нерон явно не пассивно зимует, восторженно знакомясь с заветной Элладой и эллинами на месте, на местах, коротко обратимся к четырём вышеперечисленным панэллинским агонам, в к-рых ему, заведомому победителю-периоднику, предстоит участвовать в течение следующего, полностью посвящённого им Элладе и её агонам, 67-го г. н.э.

Впрочем, сперва, чтобы не нарушать принятую нами повествовательную последовательность хронолетописного рассказа, переберёмся из закончившегося 66-го в стартовавший 67г.

67г. н.э.

1 января 67г. н.э. = 820г. а.У.с. в Риме в консульство вступили Л.Юлий Руф и Фонтей Капитон.

Если о первом из ординарных эпонимов данного года (несмотря на его знаменитый жентильный номен — потомка одного из ближе неизвестных либертов Цезаря? или Августа?) какие-либо дополнительные сведения отсутствуют, то второй датировочно (консульско-эпонимически) упоминается в «Сатирах» Ювенала (5,13, 10), 60 лет спустя, в 127г., на основании чего 67-й г. н.э. повелось считать (предположительным) годом Ювеналова рождения. Ну и помимо того, Фонтей Капитон кое-какой след в истории (в отличие от Юлия Руфа) оставил.

Он принадлежал к вышедшему на римскую авансцену во Пв. до н.э. плебейскому gens Fonteia родом из Тускула, будучи, видимо, правнуком Г.Фонтея Капитона — консула-суф. 33г. до н.э., дружного Антонию и посредничавшего между ним и Октавианом (Тарентская встреча 37г.) (Р.л. 46-48), равно — отправившегося, по

Антониеву поручению, к Клеопатре в Египет для её сопровождения в 37г. в Антиохию Сирийскую (Р.л. 60).

Одноимённый сын этого Фонтея облакал ординарное консульство в 12г. н.э., в паре с Германиком (Р.л. 1267); ок. 23/24гг. проконсульствовал в Азии; в 25г. безуспешно обвинялся в наместнических злоупотреблениях Вибием Сереном (Ан. 4,36) (Д.И. 973-76/77). В свою очередь, одноимённый старший сын консула 12г. ординарно консульствовал в 59г. (см. выше). Так вот именно его, как полагают, мл. братом, преномен к-рого под вопросом, и был носитель того же жентильного номена и того же когномена — консул 67г.

В 68г. Фонтей Капитон (Minor) отправится, как кесарский легат, в Нижнюю Германию (Inferior), где казнит обвинённого в мятежном заговоре батавского вождя Юлия Павла и пленит его брата Юлия Цивилиса, отправленного к Нерону в цепях в Рим и освобождённого (на последующее горе Риму) Гальбой. Будет любим солдатами, невзирая на свою порочность — «запятнанный всеми пороками стяжатель и развратник» (Ист. 1,7/8), — но падёт осенью жертвой обвинения со стороны германского флотского префекта Юлия Бурдона, убитый решением легатов за затевавший или якобы затевавшийся им бунт против Гальбы (Ист. 1,37;52;58; 3,62; 4,13). Гальба одобрит действия убийц, чего многие ему не простят, причём в 69г. солдаты настоят на казни убившего Фонтея центуриона Криспина.

Консулы-орд. оставались в должности всю первую половину года. 1.07. их сменили суффекты — Л.Аврелий Приск и Аппий Анний Галл. Ещё один известный суффект 67г. — Л.Верулан Север.

Информацией мы располагаем только об Аннии Галле, к-рый в начале 69г. содействовал Отону в деле убийства Гальбы и далее действовал, как отонианец, против (сменившего в декабре 68г. Фонтея Капитона в Нижней Германии) А.Вителлия в северной Италии. Подкомандные Аннию отряды, посланные Отонем взять под контроль берег р. По, заняли оборону вокруг Мантуи, затем пришли на помощь Плацентии, штурмуемой вителлианцем А.Цециной Алиеном и обороняемой отонианцем Т.Вестрицием Спуриной (Ист. 2,23).

В апреле 69г. А.Галл готовил своих воинов к маршу на Бедриак, получил травму, неудачно упав с лошади, присутствовал на последнем военном совете отонианцев, но не участвовал, из-за травмы, в сражении при Бедриаке. После проигранного сражения пытался собрать всё, что осталось от легионов Отона, не сумев помешать последнему покончить самоубийством. При Вителлии отошёл от дел, направленный в 70г. Веспасианом на подавление восстания Юлия Цивилиса в Верхней Германии в помощь Кв.Петилию Цериалу, кто воевал треверов, тогда как Галл сражался с лингонами. В дальнейшем — ладил со всеми тремя тронными Флавиями.

Однако, как сказано, не консулы — свадебные генералы Империи, и не кто-либо из сенатской элиты верховенствовали в *абсентистском* Риме 67г., а кесарские либерты — Гелий с Поликлитом. К их римскому правлению, ознаменовавшемуся как репрессиями против знати, плюс — алчным стяжательством, так и преследованием христиан, пусть менее масштабным, чем постпожарищные гонения 64г. (и потому в христианской памяти смешавшимся с гонениями первыми), но приведшим к мученичеству Ап. Петра и Павла, мы обратимся позже. Сейчас на повестке дня (рукоплескательно принимающая Нерона) Греция.

ПАНЭЛЛИНСКИЕ АГОНЫ

Итак, под хроно-календарно-рассредоточенными четырьмя Панэллинскими играми Большого Обхода, в к-рых так стремился поучаствовать и победить собравший-сосредоточивший их вдоль (месяцев) 67-го г. н.э. (год его 30-летия) Нерон, —

общенациональные празднества Древней Греции, устраивавшиеся в честь богов. Они возникли как неразъемлемо единые некогда культово-религиозные и спортивные (в здоровом теле здоровый дух) состязания (агоны), к к-рым впоследствии прибавились также др., помимо спортивных, дисциплины.

Величайшие и самые престижные из эллинских агонов, происходившие-проходившие в Олимпии на Пелопонесе, — это посвящённые Зевсу игры Олимпийские. Их предпринятая в IVв. до н.э. хронореконструкция (Гиппий; Аристотель) дала в качестве опорно-отправной даты первой Олимпиады — 776г. до н.э. (в армянском переводе «Хроники» Евсевия — 777г.), ставший (хотя дискутировались и др. начальные даты в интервале 828 — 728гг.) эпохой эры Олимпийского летоисчисления (1.07.776г.). Проводились Олимпиады до 393/94гг. н.э. (1-й год 293-й Ол.), запрещённые последним императором единой Римской империи, разделившейся с его кончиной на Западную и Восточную (Византия), апологетом гос. христианства — Феодосием I (379 — 95гг.).¹¹³

По одному из преданий, Олимпийские игры возникли ещё во времена Кроноса-Сатурна, в честь идейского дактиля Геракла. Рея передала новорождённого Зевса идейским дактилям (Куретам), пятеро из к-рых пришли с критской Иды в Олимпию, где уже стоял храм Кроноса. Старший из братьев, Геракл, победил всех в беге, получил в награду венюк из дикой оливы и установил пятилетние состязания по числу прибывших в Элиду идейских братьев.¹¹⁴

¹¹³ На IVв. н.э. все старозеллинские агоны представляли собой полный антично-языческий декаданс эпохи заката и скорого конца Древнего мира, почему незачем сегодня твердолобо мусолить их запрещение государственно-церковным христианством в свете, мол, наступления «тмы средневековья», да ещё на противопоставительном фоне либерал-демократического возрождения Олимпиад прогрессивным человечеством в 1896г. Всему своё время и место под солнцем. В конце IVв. ушло то, что должно было уйти, то, время чего истекло-вышло, а в 1896г. возродилось отчасти позаимствовавшее внешние древние формы иное качество, что никак закономерному концу Олимпиад и др. агонов в конце IVв. не перечит, не противоречит. И на сегодня — не нуждается в столь неуместно-невежественном противопоставлении в духе «просветителей» и рационал-материалистов XVIII-XXвв., время к-рых тоже (благо) продолжает истекать.

¹¹⁴ Есть мифологическое предание, связывающее учреждение Олимпийских состязаний с сыном Тантала Пелопсом (отец Атрея и Фиеста), кто, теснимый троянским царём Илом (II тыс. до н.э.), переправился из унаследованного от отца малоазийского Сипила в Грецию на подаренной ему его покровителем Посейдоном золотой колеснице, запряжённой крылатыми конями, к-рые парили над Эгейским морем, не касаясь воды. В Греции Пелопс стал свататься к дочери царствовавшего в Писе (Элида) Эномаю Гипподамии, заставлявшего претендентов на её руку, боясь предсказания о смерти от руки одного из них, состязаться с ним в беге на колесницах и поочередно губя их. Пелопсу удалось хитростью-коварством выиграть состязание, погубив самого Эномаю, стяжать при этом «проклятие Пелопидов» (как его отец Тантал, попытавшись трапезно скормить своего убитого им сына Пелопса богам, по требованию к-рых, его воскресил Гермес, стяжал проклятие Танталидов), искупительно очиститься благодаря Гесту, жениться на Гипподамии, воцариться в Элиде и распространить свою власть на всю южную Грецию, к-рая вместо прежнего названия Апия стала с тех пор называться Пелопон(н)есом. В Олимпии находился священный участок Пелопса и святилище Гипподамии, где совершались ежегодные обряды и жертвоприношения. К состязанию с Эномаем и к Пелопсовым крылатым коням возводили бега на колесницах, входившие в программу (предтечно) учреждённых (завещанных) Пелопсом Олимпиад.

Уместно дополнить, что, следуя одному из мифов, белоснежное плечо (принесшего малоазийский культ Великой Матери в Грецию) Пелопса (к-рое было протезом из слоновой кости, так как его плечо на устроенном Танталом святотатственном пирушке богов, в рассеянности успела съесть Деметра) послужило в дальнейшем материалом для священного Палладиума. Т.е. для той самой, изображавшей девственную Афину Палладу (связь Пелопса с женскими культами как материнства, так и девства!) статуи-оберега, сброшенной с Олимпа на землю Зевсом и оберегавшей Трои, после гибели к-рой её (по одной из версий, похищенную Дио-

Историческое учреждение Олимпиад связывают с царём Элиды Эфитом и законодателем Спарты Ликургом (хотя даты жизни Ликурга – подвопросно спорны), чьи имена были начертаны на диске, виденном ещё Павсанием (IIв. н.э.) в храме Геры в Олимпии. С тех пор, т.е. с VIIIв. до н.э., интервал между двумя празднованиями составлял 4 года = Олимпиаду. Проводились игры (время празднования к-рых требовало соблюдения объявлявшегося герольдами священного перемирия между воителями всей Эллады – установка Ифита) в первое полнолуние после летнего солнцестояния – в июне/июле, в течение пяти дней (до 472г. до н.э. – один день), в долине Алфея в Олимпии. Сначала – под руководством писатцев, потом – элидцев, потом – снова писатцев, и с 360г. – окончательно – элидцев.

Первоначально единственным видом спортивного состязания был бег, затем к нему прибавились гонки на колесницах и борьба. Позднейшие игры включали также прыжки в длину, метание копья, метание диска, кулачные бои. В состязаниях имели право участвовать мужи и отроки лишь из числа свободнорождённых греков; варвары могли быть только зрителями. Со IIв. до н.э. исключительное право участия было предоставлено и покорившим Грецию римлянам. Женщинам не позволялось даже смотреть на игры, кроме жриц Деметры. Но женщина могла прислать для участия в играх свою колесницу, владелица к-рой, одержавшей победу, считалась победителем. Впрочем, для женщин организовывались игры специальные.

Руководила проведением игр наблюдавшая за ходом состязаний и присуждавшая награды победителям судейская комиссия из: сначала – 2-х, далее – 9/10-и, и, наконец, – 12-и Элладодиков, в пору Павсания (IIв. н.э.) снова сократившихся до 10-и. Они носили пурпурную одежду и занимали на стадионе особые места, пользуясь в своём распоряжении охранный отряд алитаев с адитархами во главе.

В дни состязательного празднества имели место как спортивные мероприятия, так и религиозные обряды с жертвоприношениями, процессиями и общественными пирами в честь победителей. Знаменитое святилище Зевса Олимпийского, культ к-рого восходил к Микенской эпохе II-го тыс. до н.э., с ок. 570г. принадлежало Элиде. В первый день Олимпиады атлеты клялись и приносили жертвы богам, тогда как судьи давали клятву судить честно. Последующие три дня были посвящены соревнованиям. Наград за второе и третье места не существовало, числовые результаты и рекорды не фиксировались.¹¹⁵ Победитель награждался венком из

медом и Одиссеем) доставил в Италию (другая версия), где она позднее стала хранилищем Рима (помещённая в 12г. до н.э. Августом в дворцовую капеллу Весты), беглый Эней. Константин же перенёс Палладий в освящённый им (332г.) Константинополь = Царьград – и замуровал там таинственную деву Афину, к-рая однажды в будущем вынырнет в одном из мировых славянских Центров. Palladium – символ власти над миром, как «кольцо (и проклятие) нибелунгов»? или – духовное олицетворение Соборно-Славянского, под знаком и в знаке Водолея-Купало, братства грядущего?

¹¹⁵ Собственно физические упражнения в агональных состязаниях можно назвать искони богослужебными – эзотерически-культовыми. Для древних греков было непреложно развитие духовно-душевного из здорового тела, в здоровой физической телесности (попытку возрождения чего предпринял, сменяя Средние века, Ренессанс, тогда как до того христианские подвижники более руководствовались формулой: в больном = греховном теле, в греховной подлежащей обузданию-усмирению плоти – здоровый дух).

Далее, физические упражнения в древнеагональных состязаниях отчасти вполне сравнимы с древнеиндийской Йогой. Как йог в Индии развивал посредством спиритуального дыхания инспирацию Йоги, так грек посредством гимнастики, в первую очередь, олимпийского пятиборья, взращивал-пестовал, упражняя богоданный физис, духовно-душевные способности и достижения. Греками переживалось в Олимпийских состязаниях таинство божественного происхождения физического тела и рождения из него душевно-духовного, они стремились к тройственной равномерной гармонизации тела, души, духа – для правильной ориентации в пространстве, в его системе координат.

дикой оливы, восходил на бронзовый тренажник с пальмовыми ветвями в руках, плюс – в его честь устраивалась праздничная трапеза. Победителей ждали богатые подарки по возвращении в родные прославленные ими = их победами полисы.

Олимпийский стадион, первый в Греции, на к-ром наличествовали трибуны, после модернизации Vв. до н.э., вмещал 40 тыс. зрителей. Размеры спортивного поля составляли 212 x 32 м, на беговой дорожке могли одновременно состязаться в беге 20 человек. Размеры олимпийского ипподрома – свыше 700м в длину и более 300м в ширину. Для тренировок использовался Гимнасий – открытое сооружение, окружённое колоннадой; рядом находилась квадратная Палестра с внутренним двором для тренировок в борьбе, в кулачном бою и т.д.

Никаких музыкальных состязаний изначально чисто (религиозно-)спортивные Олимпийские игры не предусматривали. Однако многие пользовались временем Олимпиад, чтобы совершить торговые и др. сделки, а поэты и художники, – чтобы ознакомительно донести-довести до публики свои произведения (Геродот, Анаксагор, Горгий, Гиппий, Исократ, Лисий). И так постепенно к спорту присовокупилось, в т.ч., т.н. музыкальное сопровождение, к поэтам и художникам прибавились (с III/IIвв.) кифареды и певцы, в официальную программу Олимпиад не входившие, и, тем не менее, пользовавшиеся большим спросом у съезжавшейся отовсюду многочисленной публики.¹¹⁶

Причём, надо сказать, что в IV в. до н.э., в эпоху господства Рима, Олимпийские игры пришли в упадок, будучи возрождены при оказавшем им щедрую финансовую поддержку Августе (также Ирод – в I в. до н.э.) (Р.л. 513/14), и приобретая, по ходу прогрессирующей греко-римской эллинизации в романской державной оправе, всё большую популярность у римлян.

Немейские игры (Немея – город в 25-и км к юго-западу от Коринфа на границе

И не случайно Олимпиады проводились под знаком созвездия Рака (июнь/июль), к-рое суть знак-созвездие I-й Пост-Атлантической Пра-Индийской культуры (7-и Св.Риши), в к-рую, с одной стороны, (ещё пассивный) человек пронзительно ностальгировал по погибшей Атлантиде, по атлантическому сновидчеству-ясновидчеству былого, а с др. – человечество осваивало-развивало своё физическое (сформировавшееся в ходе трёх последних Атлантических эпох) и эфирное тело/тела, силы физиса и эфира, развивало их, входя в новую цивилизационную стадию 7-и После-Атлантических культур нашего Пятого периода эволюции. И то-то эти 7 культур символизируют (сродни 7-и царям Древнего Рима) 7 малоазийских городов-общин в Откровении Иоанна Богослова, первая из к-рых, Эфесская, связана именно с Пра-Индией. Через амазонок древнеиндийское таинственное влияние проникло-пришло в (город амазонок) Эфес (к-рый связывают с Индией, с индийской составляющей, и Ксенофан и Парменид), из Эфеса – в Грецию.

¹¹⁶ Вероятно, ещё до учреждения исторических Олимпийских и прочих игр в I тыс. до н.э., в метаисторическую сакрально-мистерияльную пору II тыс. до н.э., музыка и музыкальные инструменты культово использовались в сочетании, в т.ч., с религиозно-спортивными состязаниями для обретения трихотомической гармонии между телом, душой и духом, для установления (окультурного) равновесия между телесностью (физис), чувственностью (психе) и духовностью (пневма).

Родину кифары искали в М.Азии – в Лидии, или на Лесбосе; родину лиры – в северной Греции; родину идентичной лире семиструнной гомерической форминги – опять-таки – в М.Азии, на островах Эгейского моря, в Греции. Обращает на себя внимание нарастающее кол-во струн лиры (неспроста имеющей форму созвездия Льва – дома Солнца/Сердца) – 3,7,9 – по числу/числам трихотомии/триединства, Семи планет, Семи культур, по числу Времени (Сатурн), по числу Небесных иерархий.

При всём том, весьма любопытно и констатировать, и наблюдать то, как ещё полумифологические-метаисторические-таинственные, можно сказать, колыбельные для Греции, Рима, всей дальнейшей евроцивилизации III/II-е тыс. до н.э. (время Египетско-Вавилонской культуры) постепенно (начиная с Крита и М.Азии) переходят, в столетия после Троянской войны (XIII в. до н.э.), в историческое I-е тыс. до н.э.

Коринфии и Арголиды) проходили в Немейской долине (15 км юго-западнее Коринфа) на Пелопонесе, при храме Зевса Немейского (дорическое святилище IVв. до н.э. и др. строения), посвящённые, как и игры Олимпийские, Зевсу. Они проводились за год и на следующий год после Олимпиад, каждые 2 года (у порога 1-го и 2-го, 3-го и 4-го олимпийских гг.), в новолуние июня, или, скорее, в мае/июне (соответственно, – в 1-й и 3-й гг. Ол.).

По одному из преданий, они были основаны Адрастом – предводителем похода Семерых против Фив; по другому – Гераклом, в ознаменование его победы над Немейским львом (1-й подвиг); по третьему – в память маленького Офельта – сына Ликурга и Эвридики, положенного кормилицей на траву в кипарисовой роще и погибшего от укуса змеи. Первое историческое свидетельство Немеид – 573г. до н.э.

Включали гимнастические, конные, и с IIIв. до н.э. музыкальные – кифареды – состязания. Спортивные дисциплины: стадионный бег, стрельба из лука, борьба, метание диска, метание копья, гонки на повозках. До 450г. руководство осуществлялось городом Клеоны, после – Аргосом, от имени к-рого победители награждались венками, свитыми из листьев сельдерея. Хвалебные песни в честь призёров сочинял известный лирик Пиндар (VI/Vвв.). Сходно Олимпиадам, упадочные (уже не со вчерашнего дня) Немеиды сошли на нет в конце IVв. н.э.

Пифийские игры (Пифия у подножия Парнаса) занимали второе место по престижности после Олимпийских и проводились – Большие Пифии – раз в 4 года, за год до Олимпиад, в конце августа, в Дельфах (Фокида), где располагались амфиктион и стадион, в честь победы Аполлона над змеем-драконом Пифоном (Тифон), давшим Аполлону эпитет Пифий, а жрицам-прорицательницам его знаменитого дельфийского храма наименование пифий. Длились эти Пифиады, стартуя с воспроизведившего Аполлонову победу священнодействия, 6-8 дней, сначала под руководством дельфийского жречества, в последующем – Амфиктионии (совет 12-и греческих племён).

Поводом к регулярному проведению Пифиад считают Первую Священную войну (595 – 83гг.) дельфийцев (поддержанных Афинами во главе с Солоном и Священным союзом Афин, Фессалии, Сикиона) против гавани Карры за право паломников беспешинно посещать святилище в Дельфах. История игр прослеживается с 582г., благодаря найденным надписям в честь Аристотеля и Каллисфена. Ежегодно справлялись ещё и Малые Пифиады.

На Пифиадах музыкальные состязания составляли гвоздь программы праздника, первоначально состоя только из состязаний кифаредов, исполнявших пеан (хоровая песнь) в честь Аполлона. Далее, в VIв., к пению под аккомпанемент кифары присовокупили пение под флейту и отдельно игру на флейте, к чему со временем добавились уступавшие по рангу музыкальным гимнастические и конные соревнования – конкурсы атлетов, гонки квадриг, скачки.

В награду победителю вручался венок из лавра – дерева Аполлона, ветви к-рого приносили из священной дубравы Темпейской долины, и ветви пальмовые, плюс – право на установление статуи (своей или своего возницы-колесничего), изображающей победителя на колеснице, и на особые почести. Полисы активно поддерживали своих представителей на играх. Но со IVв. до н.э. Пифиады, к-рым Пиндар слагал хвалебные песни – энкомии, и о к-рых упоминают Геродот, Диодор, Овидий, Плутарх, переживали упадок.

Истмийские игры были посвящены Посейдону и проводились на Коринфском перешейке каждые 2 года, во 2-й и 4-й гг. Олимпиад. Предания относят их учреждение к доисторической древности, называя учредителем самого Посейдона. Согласно одному из мифов, Сизиф, похоронив утонувшего в море Меликерта, учредил Истмиады в память о нём. Другое предание приписывает учреждение игр Тесею

после умерщвления Скирона или Синиса. Исторические свидетельства, во всяком случае, в плане общегреческого значения, указывают на время после свержения в 582г. до н.э. тирании Кипселидов (династия коринфских тиранов, ведшая начало от её, согласно преданию, приостановившего Истмиады основателя – Кипсела – VIIв. до н.э.).

Заведовали агонем коринфяне, почётное председательство на нём имели афиняне, а доступ на игры элидцам (нанесшим в VIIв. до н.э. обиду молодому сыну Кипсела Периандру, кто, второй коринфский тиран, наследовал отцу в 627г.) был закрыт. На время этих игр, как и прочих агонев, объявлялось священное перемирие. В ранний период состязания были только спортивные – гимнастические и конные; с IIIв. до н.э. – к ним прибавились музыкальные (чему свидетель Эйфорион Халкидский, сочинение к-рого об Истмиадах сохранилось в позднейших пересказах Афиней) – кифареды, певцы, поэты. Продолжались соревнования, видимо, несколько дней. В ранние времена победитель получал сосновый венок; позднее – пальмовую ветвь и сосновый венчок.

Сезонное время проведения Истмиад под вопросом, ново-новейшие источники предполагают весну или лето. Но, с одной стороны, из Светония известно, что Нерон «собственными устами в день Истмийских игр с середины стадиона» (24,2) торжественно провозгласил дарованную им Греции независимость (самоуправление и освобождение от налогов) (см. ниже), в то время как, со стороны другой, фиксированно известно, что это произошло 28.11.67г. н.э. Т.е. либо время игр регулярно приходилось на позднюю осень, или на ноябрь/декабрь, либо они были перенесены в 67г. с более раннего сезонного времени на осень.

Притом, заметьте, Истмийские игры – единственный агон из четвёрки Большого Обхода, регулярный ритм очерёдности к-рого не был его проведением в 67г. (через 2 года после Олимпиады; между 211 и 212-й Олимпиадами 65 – 69г.) нарушен, между тем как смещение в пределах месяцев вполне могло произойти. И если уж остальные агоны были проведены ради Нерона, к-рый, повторяем слова Светония, «приказал в один год совместить праздники самых разных сроков» (23,1), вне их графика по годам, то что говорить о месяцах, к-рые надлежало выбрать-определить, сообразуясь с пожеланиями вознамерившегося принять участие во всех 4-х агонах (полновластного) императора! И похоже, что Немеада с Истмиадой, по заведомому императорскому графику, обрамляли в 67г., начально и финально, в полугодие с весны/лета (май/июнь) по осень/зиму (ноябрь/декабрь), Олимпиаду (июнь/июль, или июль) и Пифиаду (конец августа, или август/сентябрь).

Впрочем, финальность-финишность именно Истмиад, в рамках апогея беспримерного греческого турне беспримерного римского Цезаря, не удивительна, тем паче, что столичный Коринф для него, не пожелавшего посетить ни Афины, ни Спарту (см. ниже), имел особое значение. Плюс – не меньшее значение приобрёл Коринфский перешеек, к-рый Нерон задумал перерыть, прорыв через него чудоканал, землекопательные работы по чему были начаты, предположительно, весной 67г. (см. ниже). Но сначала, продолжая тему, скажем о Нероновом многогранном (без усталости) участии и о его «ошеломительных» победах в агонах.

НЕРОН В ПАНЭЛЛИНСКИХ АГОНАХ

Он участвовал и в агонально-спортивных, и в агонально-музыкальных состязаниях, делая, разумеется, упор на кифаредстве и пении под кифару стихов собственного и классического сочинения, с чем, в первую очередь, давно мечтал выступить именно перед греками. Кроме того, на сей раз, помимо спортивно-музыкальных

соревнований, в агоны (или в их сопровождение) включили также сценические представления – комедии и трагедии, дабы дать Нерону возможность блеснуть и в актёрском мастерстве (в к-ром он наверняка блистал, находясь в Греции, и опричь агонов).

Последнее подтверждает в своём коротком сочинении автор сатир и диалогов Пв. Лукиан Самосатский («Нерон или прорытие Истмийского перешейка»), говоря, что – «по существующему обычаю, ни комедия, ни трагедия не входят в состязания на Истме, но Нерон решил одержать победу в трагедии» (9). И пусть дальше говорится о песнопевчестве, надо полагать, в этот раз, в виде исключения, как минимум в ходе кульминационных Истмиад, игрались также комедии с трагедиями, игравшиеся, по всему, и в ходе др. агонов, специально для, повторим, демонстрации сценических талантов Нерона.

Точнее, правильно будет сказать, в отношении трагедий и комедий, об одном из льготных императорских исключений, поскольку исключений в общей сложности, приложительно ко времени и в ходе посещения Нероном Греции и конкретно приложительно к агонам с его участием, будь то сроки их проведения или программа, набирается, удостоверьтесь наглядно, немало.

Светоний, поведав о совмещении в один год праздников «самых разных сроков, хотя бы их пришлось повторять», сообщает, что «даже в Олимпии вопреки обычаю Нерон устроил музыкальные игры» (23,1), и ниже, в следующей подглаве, разумея Нероновы выступления не только в Греции, а и в Греции, или, вернее, в Греции перво-наперво, продолжает:

«Когда он пел никому не дозволялось выходить из театра, даже по необходимости. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах его более слушать и хвалить, перебирались через стены, так как ворота (театрального строения) были закрыты, или притворялись мёртвыми, чтобы их выносили на носилках. Как робел и трепетал он, выступая, как ревновал своих соперников, как страшился судей, трудно даже поверить. Соперников он обхаживал, заискивал перед ними, злословил о них потихоньку, порой осыпал их бранью при встрече, словно равных себе, а тех, кто был искуснее его, старался даже подкупать. К судьям он перед выступлениями обращался с величайшим почтением, уверяя, что он сделал всё, что нужно, однако всякий исход есть дело случая, и они, люди премудрые и учёные, должны эти случайности во внимание не принимать. Судьи просили его мужаться, и он отступал, успокоенный, но всё-таки в тревоге: молчанье и сдержанность некоторых из них казались ему недовольством и недоброжелательством, и он заявлял, что эти люди ему подозрительны.

При соревновании он тщательно соблюдал все порядки: не смел откашляться, пот со лба вытирал руками, а когда в какой-то трагедии выронил и подхватил свой жезл, то в страхе трепетал, что за это его исключат из состязания, и успокоился тогда лишь, когда второй актёр ему поклялся, что никто этого не заметил за рукоплесканьями и криками народа. Победителем он объявлял себя сам, поэтому всякий раз он участвовал и в состязании глашатаев. А чтобы от прежних победителей не осталось ни следа, ни памяти, все их изображения он приказывал опрокидывать, тащить крюками и сбрасывать в особые места. Выступал он много раз и возницею, в Олимпии он правил даже упряжкой в 10 лошадей, хотя сам за это в одном стихотворении порицал царя Митридата. Правда, здесь он был выброшен из колесницы; его вновь туда посадили, но продолжать скачку он уже не мог и сошёл с арены; однако несмотря на это получил венок...» (Нер. 23,2/3; 24,1/2).

«...Но более всего его увлекала жажда успеха, и он ревновал ко всем, кто чем бы ни было возбуждал внимание толпы. Ходил слух, что после своих театральных побед он собирался через положенные пять лет (= на пятый год = раз в 4 года – К.З.)

выступить в Олимпии¹¹⁷ атлетом: действительно, борьбою он занимался постоянно, а в Греции при всех гимнастических состязаниях на стадионах он непременно занимал место на земле между судей, и если какая пара в борьбе отходила слишком далеко, он своими руками толкал её на место. Сравнявшись, по общему признанию, с Аполлоном в пении и с Солнцем в ристании, собирался он померяться и с Геркулесом в его подвигах: говорят, что наготове был и лев, на к-рого он должен был выйти перед народом в амфитеатре голым и убить его палицей или задушить руками...» (Нер. 53)

Как видим, в 67г. в Греции Нерона больше всего *больше-обходно* и *не-больше-обходно* увлекали-привлекали музыкальные состязания, гонки на колесницах и сценическое актёрство, а гимнастику-атлетику, вернее, себя в ней (не по Станиславскому), он оставлял-приберегал на 69-й (олимпийский) г., или шире – на будущие времена-сроки, надеясь ещё не раз обязательно посетить столь приворожившую-заворожившую его Элладу.

Тем временем, авария на скачках, едва не закончившихся для него плачевно, когда он был выброшен на ходу из колесницы, запряжённой десятком лошадей, чудом не только не погибнув, но даже не получив серьёзных увечий, хотя, понятно, не сумев продолжить гонку, имеется также в рассказе Диона: «На олимпийских скачках он был выброшен из колесницы и чуть не погиб, однако (и выбыв из состязания – К.З.), тем не менее, получил венок победителя, в благодарность за что отстегнул судьям-элладодикам сумму в 1 млн. сестерциев, позднее затребо-ванных у них назад Гальбой» (63,14,1).

Конеристательный заезд в Олимпии состоял из 12-и кругов, каждый по 700м, с крутыми поворотами через каждые 330м. И вот, как раз-таки, на одном из таких поворотов не удержавшего, когда колесницу занесло, равновесие возницу Нерона (к-рый правил, мня себя Гелиосом, подобно Фаэтону!), из неё вышвырнуло, что чудесным образом обернулось для него лишь ушибами.

Притом, несмотря на заведомую очевидность его побед во всех состязаниях с его участием, о чём было известно и ему, и (очень не желавшим угодить в лапы бдившего рядом Тигеллина) судьям, спектакль шёл полным ходом, в условиях постановки в театре одного *режиссёра* для одного *актёра* и множества *статистов*, где все и, главное, он сам, старательнейше делали вид, что всё вершится естественно, что идёт честная состязательная борьба за награды и т.д. Он очень хотел в это верить, и в экстатические минуты, в минуты наивысшего блаженства, наверное, действительно, верил. Дабы подобная ложь была искренней, её автор-инициатор должен лгать искренне, в первую голову, самому себе!

Дион возмущается, говоря, что удовлетворись Нерон просто кифаредскими победами над Терпном, Диодором или престарелым Памменом, он был бы всего-навсего объектом насмешек (63,9,1). Но нет, разве можно было спокойно слышать о том, уж не говоря о том, чтобы взирать на то, как римский сенатор, патриций, верховный жрец, Цезарь и кесарь, Август – титулярно называется в списке состязующихся: «упражняет голос, исполняет разные песни, при длинных волосах на затылке и гладко выбритом подбородке, предстаёт перекинувшим тогу через плечо во время скачек, расхаживает с одним или двумя спутниками, искоса смотрит на своих соперников и постоянно отпускает в их адрес едкие замечания, трепещет перед распорядителями игр и заправилами ристаний, щедро раздаёт им втайне деньги, чтобы не быть занесённым в список штрафников и наказанным. А он делал всё это и, выигрывая состязания кифаредов, трагических актёров, глашатаев, сделал

¹¹⁷ Поскольку, по Светонию (23,1), в 67г. были проведены внеочередные, после очередных в 65г., Олимпийские игры, значит, под «положенными» надо понимать очередные игры 69г.

очевидным своё поражение в состязании Цезарей. Какие проскрипции могли быть более беспощадными, чем эти, в к-рые не Сулла вносил имена других, но Нерон внёс своё собственное имя? Какая победа могла быть безумнее, чем та, за к-рую он получал венки из дикорастущей оливы, лавра, сельдерея или сосны и терял венец государя?

И должно ли было сетовать только на эти его поступки, видя, как он возносил себя на высокие котурны только для того, чтобы пасть с престола, и, надевая (актёрскую) маску, сбрасывал с себя достоинство венценосца, чтобы побираться в одежде беглого раба, быть ведомым как слепец, изображать беременную в родах, играть безумца или блуждать изгнанником в своих любимых ролях Эдипа, Фиеста, Геракла, Алкмеона и Ореста? Маски, к-рые он надевал, частично напоминали представляемых им героев, а частично имели сходство с ним самим, тогда как все женские маски имели черты Сабинны, с тем, чтобы хоть и покойная, она могла участвовать в представлении» (63,9,1-5).

Да, он с особенным смаком играл, обыгрывая свой Эдипов комплекс и совершённое им матереубийство, как ликуя, так и скорбя, ослеплённого Эдипа, Ореста-матереубийцу; или упоённо воспроизводил на сцене, в маске с чертами лица угробленной им Сабинны, роженицу Канаку, разрешающуюся от бремени; или, играя Геракла-Геркулеса, метался в золотых цепях, прикованный ими, ибо, по его словам, римскому Цезарю не пристало быть даже в роли скованным цепями железными (Дион 63,9,6; 10,2).¹¹⁸ Короче, ни дать, ни взять – тронный актёр-анархист Мамонт-Дальский из романа («красного графа» А.Толстого) «Хождение по мукам», мнивший себя столичным эквивалентом степного батьки Махно в Москве 1918г. и мечтавший сыграть в «Братях-разбойниках» Шиллера, но нелепо погибший, попав (сходно булгаковскому Берлиозу) под трамвай. Увы, Нерон, выброшенный из колесницы, тогда, честно говоря, себе же на беду, не погиб. Либо, говоря иначе, Нерон в прямом и переносном смысле балдел в Греции, учитывая, к тому же, что балдѣж есть предродовое состояние коровы.

В итоге его поочерёдно, в течение ок. полугода, объявили-провозгласили – и немеоником, и олимпийником, и пифиоником, и истмиоником = победителем победителей и чемпионом чемпионов (посвящённым посвящённых!) всех агонов Большого Обхода (плюс – разминочные – внебольшеобходная Акциада осенью 66-го и Аргосские игры весной 67гг.).

Причём общее количество наградных венков, к-рых он был удостоен, составило аж 1808! Его римским герольдом в Элладе был знакомый нам Г.Клувий Руф, консуляр (суф. 45г.), при Гальбе наместник Тарраконской Испании, и в дальнейшем автор «Римской истории», посвящённой периоду от Калигулы до 69г. Из этого труда И.Флавий, о чём читатель знает, почерпнул материал об убийстве Калигулы. И этим же трудом пользовался Тацит, отдающий Руфу должное за то, что он не использовал, в отличие от многих других, ни свой прекрасный ораторский талант, ни своё богатство, ни своё фаворитарное положение при Нероне кому-либо во зло (Ист. 4,43).

И всюду, где Нерон побеждал, всегда делалось объявление: «Нерон Цезарь выиграл это состязание и увенчал римский народ и обитаемую ойкумену, к-рая принадлежит ему» (Дион 63,14,3/4).

¹¹⁸ К слову, и согласно Светонию (Нер. 21,3), и согласно Диону (63,10,2), однажды страж-ный солдат-преторианец, увидев Нерона (в ходе греческого турне) на сцене в роли Геркулеса, скованного (золотыми) цепями, бросился его спасать, т.е., надо сделать вывод, что Нерон играл роль весьма убедительно. А в другой раз, когда кто-то спросил – «что делает император?» (игравший тогда в представлении «Роды Канаки»), кто-то ответил: «Он занят предродовыми схватками» (63,10,2).

ПРОЧИЕ ГРЕЧЕСКИЕ ХУДОЖЕСТВА И ПРЕДПРИЯТИЯ/МЕРОПРИЯТИЯ НЕРОНА

Вместе с тем, как выше было уже сказано, Афины и Спарту кесарь не посетил. Спарту, — не испытывая к ней ни малейших симпатий-привязанностей, потому что ему и его образу жизни претили суровые законы Ликурга и само ментальное спартанство; Афины же (без сомнения) — скрепя сердце и очень сожалея, что не увидит этот прекрасный город — венец Эллады¹¹⁹, но страшась мстительных Фурий (63,14,3), преследующих матереубийц, тем паче, что он сам не раз признавался как образ матери и бичующие Фурии с горящими факелами в видениях преследуют его. Поэтому он не осмелился, следуя Светонию, принять посвящение и в Элевсинские таинства, на к-рых глашатай повелевал удалиться нечестивцам и преступникам (Нер. 34,4).

Не заладились у Нерона отношения и с оракулом дельфийского Аполлона, вернее, они испортились в ходе его пребывания в Греции, так как, видимо, в Дельфах, где проводились Пифиады, он побывал не один раз и внимал оракулу не однажды. Мало того, в первый раз всё было вроде бы в шоколаде и он даже дал пифии 400 тыс. сестерциев, услышав от неё то, что хотел услышать. При этом Дион (63,14,2) не сообщает — что именно, о чём можно догадаться, скомбинировав эту информацию с откорректированным Светонием, у к-рого читаем: «Когда же оракул дельфийского Аполлона велел ему бояться 73-го года, он рассудил, что тогда он и умрёт — о возрасте Гальбы он не подумал...» (40,3).

Т.е. данное предсказание бывший на 30-м году жизни Нерон понял как пред-речённые ему долгие лета жизни и царствования, в связи с чем проникся, по Светонию, верой «в своё вечное и исключительное счастье», дав на радостях, — продолжим по Диону, — пифии (вещательными устами к-рой предрекал Аполлон) 400 тыс. сестерциев, к-рые Гальба затем потребует вернуть. По всей видимости, ситуация выглядела именно так, но как раз в связи с приводимым (и) здесь Светонием гальбанским возрастом, к-рый — 72/73 года — фигурирует и у других античных авторов (см. выше), надо внести поправку. Дело в том, что Гальба (напоминаем) родился 24.12. (вероятнее всего) 3г. до н.э. — в консульство М.Валерия Мессалы (Мессалина) и Л.Корнелия Лентула, в 9-й день до январских календ, что фиксирует сам Светоний (Г. 4,1). И таким образом, Гальбе, когда ему весной 68г. доведётся выступить против Нерона, чтобы летом его императорски сменить, будет идти 70-й отроду год; а погибнет он 15.01.69г., едва оставив позади своё патриаршее 70-летие, — на 71-м году. Следовательно, 72/73-й гальбанские годы ошибочны. Да и оптимально тут в текст просится 70-й год, предсказанный Нерону, бывшему, как сказано, на всего 30-м году жизни, и понадеявшемся на ещё 40 благополучных лет впереди.

Однако, с др. стороны, продолжает Дион, он осерчал на Аполлона, — то ли за некоторые неблагоприятные пророчества, то ли потеряв рассудок. И, разгневавшись, — «упразднил оракул после того как приказал убить несколько человек (жрецов Аполлона?) и бросить их в расщелину, из к-рой поднимаются священные испарения» (63,14,2). Последовала ли вторая реакция сразу после первой? или, скорее, Нерон побывал в Дельфах ещё раз позднее? — вопрос/вопросы. Во всяком случае, предсказательница-пифия делала свои предсказания в трансе, вдыхая священные испарения из священной расселины при храме, и во второй раз откровения оракула, по поводу к-рых Дион в подробности не вдаётся, привели Нерона в бешенство.

¹¹⁹ Афиняне говорили: «Так ты чурбан, — если не видел Афин; осёл, — если, увидев, не пришёл в восторг; и верблюд, — если по своей воле покинул Афины».

Информацию черпаем у вышеупомянутого Лукиана Самосатского, кто, рассказав от имени знакомого нам Музония Руфа (в диалоге с Менекрытом), как на одном из состязаний Нероновы болельщики = клакеры-августаны, безжалостно, по отмашке хозяина, убили некоего имевшего прекрасный голос и состязавшегося с Нероном за венок победителя Эпирота (к-рого они, имея в руках острые треугольные таблички из слоновой кости, прижали к ближайшей колонне и перерезали ему этими табличками горло), далее, опять-таки, словами Музония уверяет: «Детские шутки это для того, кто ещё юношей убил свою мать! И если Нерон убил этого трагического актёра, пресекши вместе с горлом его голос, то что же тут удивительного? Ведь и расщелину пифийской скалы, из к-рой доносился голос оракула, Нерон стремился заградить, чтобы даже Аполлонов голос умолк, хотя пифиец включил его в число Орестов и Алкмеонов, к-рым матереубийство принесло даже громадную славу, поскольку они мстили за отцов. Нерон, однако, ничего не мог сказать, что он за кого-нибудь мстил, и считал, что бог насмехается над ним, хотя слова его звучали мягче, чем истина» (10).

Если матереубийца Орест убил Клитемнестру за убийство ею своего мужа и его отца Агамемнона, оправданный афинским Ареопагом, то матереубийца Алкмеон отомстил Эрифиле за предательство ею Амфиарая, завещавшего, умирая, сыну мечь. Т.е. оракул максимально (так сказать) смягчил матереубийство Нерона, «включив его в число Орестов и Алкмеонов» – мстителей за отцов (или борцов, сходно одолителю амазонок Гераклу, за патриархат против архаичного матриархата).

Но Нерон, убивая (отравительницу) Агриппину (пусть чем-то похожую на Клитемнестру), ни за какого отца, издеваясь над грибным вознесением-отыквлением пусть не им отравленного Клавдия, не мстил. И себя этим, упоённо играя Ореста или Алкмеона, точнее, феномен драматичнейшего матереубийства, на сцене, в данном ракурсе, никогда не утешал, не обманывал. Поэтому такое оракульное уравнение его с Орестами и Алкмеонами, квалифицированное им, надо полагать, как подвох, как издевательское напоминание о совершённом преступлении, обернулось его свирепым гневом, гибелью нескольких сброшенных в расщелину человек (Аполлоновых жрецов) и упразднением дельфийского оракула.

Павсаний: «Суждено было святылищу испытать на себе бессердечие ни перед чем не останавливавшегося Нерона, к-рый отнял у Аполлона 500 медных изображений, без разбора, и богов, и людей» (10,7,1).

Стало быть, и в вожделенной Греции не всё складывалось-шло идеально и гладко. Бывало, что идиллия нарушалась. По (обзорно-суммарному) Диону (от Ксифилина), повествующему о ходе греческой Нерониады (согласно имеющимся в нашем распоряжении выдержкам, не в хронопоследовательности), – «он опустошил всю Грецию, точно как посланный на войну против неё, несмотря на объявление её свободной; и он убил большое число мужчин, женщин и детей» (63,11,1-4), в видах присвоения их состояния и имущества. Засим, если одной рукой он одаривал греков и Грецию, то другой возмещал щедрые дары посредством репрессий против местных богатеев и присвоения состояний, продолжая-применяя проверенную римскую практику и здесь – в Элладе. Притом в этом грабеже активно участвовали и Тигеллин, и Криспинилла и др. сопровождавшие Нерона свитские прихлебатели.

Правда, тут Дион в рассказе, исходя из текста, смешивает-совмещает грабительские репрессии в Греции и в Риме до Греции, говоря также об убийствах в то время, по приказу Нерона, различных экзилированных-релегированных изгнанников (на островах или материке), в пору греческого турне, в связи с чем не очень понятно, что именно коснулось конкретно греков, и из-за чего некоторые новейшие авторы в этих собственно противогреческих Нероновых репрессиях сомневаются.

М.б., последние несколько преувеличены Дионом, но ведь предавшийся повышенной расточительности именно в Греции Нерон (и его ближнее окружение) не мог не нуждаться в деньгах и, значит, в апробированных репрессиях (с конфискации, принудительными завещаниями и т.д), т.е. в этом железном способе добычи-выручки нужных (и сверх того) сумм-средств, сомневаться вряд ли уместно. Попали, сообразно Диону, под репрессивный пресс в Греции и многие из тех знатных римлян, к-рые подвизались при императоре в поездке, чьи имена, впрочем, не называются.

* * *

Но вернёмся к грекофильским деяниям кесаря-кифареда. Следуя слову Диона, одной из целей пребывания Нерона в Греции было его намерение прорыть Коринфский канал: «...он возымел желание прорыть канал через Пелопонесский перешеек и в самом деле начал работы» (63,16,1). Предсказания были неблагоприятными и часть людей уклонялась от осуществления такого грандиозного проекта, высказывая сомнения в его необходимости, в допустимости (не святотатство ли?) или возможности осуществления. «Вследствие этого Нерон сам взял кирку и, отбросив в сторону первый ком земли, убедил остальных последовать за ним» (16,2).¹²⁰

Светоний: «В Ахайе он приступил к прорытию канала через Истм: собрал сходку, призвал (стражно сопровождавших его в поездке под командой Тигеллина – К.3.) преторианцев начать работу, под звуки труб первый ударил в землю лопатой и вынес на плечах первую корзину земли» (Нер. 19,2).

По Лукиану Самосатскому, к-рый с этого и начинает *диалог* между Менекрытом и Музонием, кто, высланный-сосланный, как мы помним, из Рима в 66г. сперва на о. Гиар, в следующем 67г. оказался в кандалах на Истме (где на работах было задействовано огромное количество согнанных отовсюду людей, в т.ч., каторжников), – «Нерону пришла в голову отличная мысль: ведь перерезав Истм каналом в 20 стадий длиной, он избавил бы мореходов от необходимости огибать Пелопонес вокруг (опасного бурями) мыса Малеи. А это принесло бы пользу и торговле, и городам, как приморским, так и лежащим внутри страны...» (1).

Нерон обожал грандиозные проекты и увлечённо схватился-ухватился за давнюю до него никем так и не реализованную идею-мечту прорыть Коринфский перешеек (42 км длиной и 6 км в самом узком месте шириной) от его западной гавани – Лехеи, до восточной – Кенхреи, соединив тем самым Коринфский залив с Кенхрейской бухтой и Ионическое (Адриатическое) море с Эгейским, о чём в прошлом помышляли как выдающиеся греки, так и выдающиеся римляне. И сие суждено-де совершить-содейть именно ему, превзошедшему всех предшественников Нерону, кто, как говорили, собирался переименовать сделанный прорытием канала из полуострова остров Пелопонес в Неропонес.

Лукиан: «Выйдя из палатки, Нерон пропел гимн Амфитриту и Посейдону и небольшую песнь в честь Меликерта и Левкотеи. Наместник Греции подал императору золотую лопату, и он тут же положил начало каналу, продолжая петь и отбивать размер. Три раза, если я не ошибаюсь, он ударил лопатой землю, потом велел облечённым властью лицам без промедлений приступить к работам и уехал в

¹²⁰ На памяти (добродушно улыбчивый и приятно картавый-киношный дедушка) Ленин – с надувным (как шутили в застойные брежневские годы поздних ком. субботников) бревном на субботнике; или (истеричный) Гитлер – с лопатой, собственноручно положивший копательное начало строительству знаменитых германских дорог-автобанов.

Коринф, воображая, что превзошёл все подвиги Геракла.¹²¹ И вот заключённые, доставленные из тюрем, были поставлены на работу на каменистых участках, представлявших наибольшие трудности, а воины – на более землястые и ровные места» (3).

Посему, говорим снова, и в древности на грандиозных стройках, как и в XXв. на стройках коммунизма, к-рые так любила воспевать-славить (как уныло однообразная, так и комично-примитивная) советская пропаганда¹²², трудились не столько комсомолы-добровольцы, сколько подневольные ээки. И в 67г. среди них был Музоний Руф, в то время, когда Аполлоний Тианский высмеивал и кифаредкористательные агональные, и истмийско-строительные успехи и начинания Нерона, обретаясь в испанской Гадире.

А строительство Коринфского канала (от Лехеи), имевшего не только огромное экономическое, но и политико-символическое значение, ставя-поднимая (рождённого, как многие тираны, «сделать сказку былью») Нерона, будь этот канал прорыт,

¹²¹ 12 подвигов *Солнечного героя* Геракла (XIIIв. до н.э.), правнука (приблизительного или младшего современника Аменхотепа Эхнатона) *Солнечного героя* Персея (ок. 1400г. до н.э.), суть 12 мистериальных посвящений, связанных с 12-ю знаками Зодиака и исходящими от (из) них 12-ю силами *духовного Солнца*. Мощнее всего оно действует из знака Льва – 1-й подвиг – Немейский лев; знак Рака – 2-й подвиг – Лернейская гидра; знак Близнецов – 3-й подвиг – Стимфалийские птицы; знак Тельца – 4-й подвиг – Керинейская лань; знак Овна – 5-й подвиг – Эриманфский кабан и битва с кентаврами; знак Рыб – 6-й подвиг – Авгиевы конюшни; знак Водолея – 7-й подвиг – кони Диомеда; знак Стрельца – 9-й подвиг – пояс Ипполиты; знак Скорпиона – 10-й подвиг – коровы Гериона; знак Весов – 11-й подвиг – Яблоки Гесперид; знак Девы – 12-й подвиг – Цербер, сойдя за к-рым в мрачное царство Аида, Геракл был посвящён в Элевсинские таинства Обеих богинь – матери Деметры и её дочери – девы Персефоны.

Обратим внимание на 9-й подвиг – пояс Ипполиты – царицы Амазонок, к-рые, будучи побеждены Гераклом, бежали в Эфес. И не корчил ли Нерон из себя Геракла (ходившего, в частности, с аргонатами за Золотым руном), извращённо и искажённо переживая в подсознании, в силу насильно вырванных им мистериальных посвящений, убийством матери и двух своих жён, упразднение (в былом) матриархата в пользу патриархата, победу патримониальности над матриониальностью (возвратная архаика)!

Между тем, истинный Геракл есть прототип Христа, поправшего смертью смерть и воскресшего к Жизни Вечной. И не уподобимы ли Гераклу Христовы Апостолы – Павел и Пётр – христианские Гераклиды во духе, с их миссионированием-проповедью на просторах от Палестины (где Геракл-Архал прошёл через финикийско-доизраэлитское посвящение в Иопнии) до Гесперии-Испании (где прошедшим через посвящение в финикийской колонии Гадесе/Гадире Гераклом были раздвинуты открывающие дорогу в Океан столпы Геракла-Мелькарта)! Новый христианско-титанический жертвенный *прометеизм* Христовых Апостолов!

(Не был ли Прометей освобождён Гераклом! Не пожертвовал ли своё бессмертие ради освобождения Прометея кентавр Хирон, превращённый Зевсом в созвездие Стрельца, под знак к-рого попадает III-я Атлантическая эпоха Пра-Тольтеков, и придётся в будущем I-я культура следующей Шестой стадии эволюции, по окончании в VIII тыс. н.э., под знаком Козерога, нашей Пятой стадии, после «Войны всех против всех», перед завершением нынешнего Космического = Мирового = Платонова = Великого года – в знаке Скорпиона!)

¹²² Это всегдашнее перевыполнение планов «тружениками Уренгоя» (в эфире «Маяк» или программа «Время») до сих пор звенит в ушах. Чем хуже обстояли дела в стране, тем оптимистичнее (до идиотизма) звучали как теле-, так и радиоголоса советских дикторов и журналюг, одновременно чехвостили (в противоположность «нашим успехам») «упадочную» Америку, на фоне статуи Свободы, словесами типа: «Статуя Свободы на ремонте, товарищи, и это символично. Вся система американской демократии нуждается в тотальной починке...». Притом всё это перманентное тупое враньё настобенито до такой степени, что вралям хотелось ответить словами и незабываемо ироничной интонацией юлиан-семёновского Мюллера на прощальное приветствие Штирлица «Хайль Гитлер»: «Да будет вам, Штирлиц, и так в ушах звенит».

в ряд выдающихся венценосцев древности, продолжалось вплоть до восстания Виндекса (весна 68г.), как и сооружение канала от Остии до Авернского озера, начатое в 64-м и заброшенное в 68г. (см. выше).

Теперь возникает хроновопрос: когда именно Нерон, ненасытно вкушавший Грецию с её прелестями и даривший ей себя, взялся за прорытие Истмийского перешейка? что датируется ново-новейшими историками то летом, то аж осенью 67г., в увязке то ли с агонами Большого Обхода, то ли с истмиадско-коринфским провозглашением независимости Греции.

Обе эти датировки несостоятельны, ибо оптимальное время начала строительных работ – мартовско-апрельская или апрельская весна. Во-первых, – после нероновской зимовки в Коринфе, где и когда мысль о канале взошла, влюбив, по Лукиану, Нерона в канал, если, конечно, он не носился с ней ещё в Риме/Италии. Впрочем, последнее вряд ли, и скорее, план был мысленно зачат им при лицезрении Коринфского перешейка осенью 66г. воочию, практически родившись в следующем 67г. Во-вторых, с большой долей вероятности, старт копательным работам был дан Нероном до начала панэллинских агонев с его участием весной/летом или в самом начале лета. И, наконец, в-третьих, точнее, во-первых и в главных, против чего трудно возразить, И.Флавий в «Bellum» сообщает, что после овладения Тивериадой Веспасиан выбрал из молодых иудейских пленников «шесть тысяч сильнейших, чтобы послать к Нерону на Истм» (3,10,10).

Веспасиан находился среди знатных римлян в свите сопровождения Нерона и очень раздражал императора, не проявляя интереса к его музицированию, причём даже (бывало) засыпал под кесарские кифару и пение, почему Нерон считал его пусть неотёсанным чурбаном, но в то же время неамбициозным, и значит, безопасным-полезным солдафоном. А так как вести из Иудеи всё чаще и досаднее расстраивали в Греции венценосного кифареда, он где-то в начале 67г. наделил этого имевшего военный опыт ещё с Британии 43г. матёрого генерала особыми полномочиями ориентального легата-extraordinarius (лишив одновременно оных подвизавшегося в Каппадокии Корбулона) для подавления Иудейского восстания, чтобы, не в последнюю очередь, с пользой удалить его от себя.¹²³

¹²³ Назначение Веспасиана, сопровождавшего Нерона в греческом турне, Нероном после, мол, долгих размышлений – «кому верить взволновавшийся Восток?», – «как единственного человека, способного совладать с критическим положением», констатируется у Флавия (И.в. 3,1,2), даром что поющего патетические-гиперболические дифирамбы всем трём тронным Флавиям, однако в констатации самого факта Веспасианова – из числа нобилей императорской свиты в Греции – назначения вряд ли перевирающего реальность (см. ниже). Между тем, у Светония в «Жизнеописании Веспасиана» несколько иначе: «А сопровождая Нерона в поездке по Греции, он навлёк на себя жестокою немилостью тем, что часто или выходил во время его пения, или засыпал на своём месте. Ему было запрещено не только сопровождать, но и приветствовать императора, и он удалился на покой в дальний маленький городок, где и жил в безвестности и страхе за жизнь, пока вдруг не получил неожиданно провинцию и войско» (4,4).

Скомбинируем современника событий Флавия с пишущим на порядок позже, к тому же, с полным сарказма, портретистом-эссеистом-шаржистом Светонием, часто усугубляющим портретные характеристики, и получим недовольство Нерона Веспасианом, с отодвижением его в сторону, на дистанцию, но без удаления из свиты, в видах готовящейся расправы над Корбулоном и германскими легатами, – братьями Сульпициями Скрибониями. Или – в видах какой-либо мятежной бучи, чтобы такой военачальник, как Веспасиан, был, при всех случаях, до поры у него под рукой. Так дело выглядит, на наш взгляд, куда правдоподобнее, несмотря на то, что вариант Светония с Веспасиановым (полуссылным) удалением в маленький городок (Италии? Греции?) тоже не исключён, ибо Флавий мог об этом умышленно умолчать, что, правда, сомнительно; скорее, он представил бы эти запрет на приветствие императора и удаление в маленький городок, имей они место быть, в выгодном Веспасиану свете.

Помимо того, одна из современных версий полагает опалу Веспасиана несомненной,

Ведь, с одной стороны, осрамившийся осенью 66г. в Иудее своим бегством от Иерусалима и большими потерями сирийский легат Цестий Галл зимой 66/67г. (с горя) на посту умер, сменённый Лицинием Муцианом, тогда как со стороны другой, Нерону было не с руки задействовать супротив мятежных иудеев (из Каппадокии) Домиция Корбулона, чей вопрос был решён и кому оставалось жить недолго – до почтительного императорского вызова-приглашения на расправу в Грецию (о чём сам Корбулон не догадывался, или не желал догадаться).

Так вот, приступив к умиротворению-покорению Галилеи с марта/апреля, Веспасиан овладел (добровольно сдавшейся ему) Тивериадой после взятия Иотапаты в начале июля 67г., в течение августа, и, соответственно, отправил на Истм 6 тыс. сильнейших иудейских пленников, зная о том, что работы на Истме идут полным ходом, не ранее августа/сентября. Отсюда вывод: время начала работ по прорытию канала приходится на весну 67г.

* * *

Причём, «и начиная работы на Истме», Нерон, согласно Светонию, «перед огромной толпой во всеуслышанье пожелал, чтобы дело это послужило на благо ему и римскому народу, о сенате не упомянув» (37,3). Т.е. его конфликт с высшим сословием, этот начавшийся с Тиберия *визавитет* между кесарем и глухо оппозиционной частью сената, наиболее острый при Калигуле и Нероне, продолжался также в Греции.

Здесь сопровождавшие его сенаторы подчёркнуто подвергались (пре)небрежению или унижениям с его и его наглых либертов, к-рые во всём были фаворитарно приоритетными, стороны. Светоний даже передаёт, что Нерон, гордясь и спесивясь, говорил про то, какая власть в его руках, о чём-де ни один из его предшественников (до такой степени не злоупотребляя единовластием) не знал, и что когда-нибудь он искоренит из государства всё сенаторское сословие (сходно – Калигула), «а войска и провинция поручит всадничеству и вольноотпущенникам» (37,3).

Ещё одно подтверждение тому, что после заговоров Пизона (65г.) и Винициана (66г.) отношения Нерона с сенатом, начав ухудшаться с 62г., окончательно ухудшились. Ибо тронный дылда и барчук окончательно на отцов-сенаторов разобиделся-озлобился, постоянно ожидая от них (как и от философов) всяческих пакостей, и почти полностью передоверившись либертам, или, вернее, по-настоящему, не доверяя никому, кроме своей, как ему очень хотелось верить, счастливой звезды и судьбы.

То-то он, отбывая в Грецию, во-первых, демонстративно и издевательски для элиты поручил Рим попечительству двух либертов-беспредельщиков Гелия и Поликлита, а во-вторых, в Греции насмешливо гнобил или прямо губил взятых им с собой туда сенаторов, имён к-рых (из-за молчания Тацита и эпитомированности Диона) мы не знаем.

Хотя Дион (от Ксифилина), сказав о казнях Нероном в ходе греческого турне как видных местных греков, так и видных римлян свитского сопровождения, в целях поживы-наживы, равно компенсации знатных затрат, плюс – о казнях ссыльных, плюс – об ограблении храмов, притом как греческих, так и (из Греции) римских (!), присовокупляет: «Он забрал многих видных римлян в Грецию под

правда, видит её истинную причину в его дружбе с Тразеей Петом и Бареей Сораном. Увы, тут, пожалуй, трудно поверить, что милитантный, верный присяге, (далёкий от философии) Веспасиан дружил с видными-опальными философами-стоиками, и что, т.е. дружбу с жертвами Нероновой тирании и мучениками, ему вполне могли приписать (или минимум много преувеличить) задним числом, в пору его («спасителя отечества») кесарства.

предлогом нужды в их помощи, на самом же деле для того, чтобы погубить их там» (63,11,4).

Ниже у Диона читаем: «Он (Нерон) так жестоко ненавидел сенат, что испытывал удовольствие при словах Ватиния, часто говорившего ему: «Я ненавижу тебя, Цезарь, потому что ты в сенаторском достоинстве». В кадре знакомый нам, по упоминанию о нём Тацита, Ватиний – сапожник, шут, доносчик и обвинитель, один из кунсткамерных приближённых Нерона, разбогатевший при нём и дававший в 64г. для него роскошный бой гладиаторов в Беневенте (Ан. 15,34) (см. выше). Стало быть, шуту Ватинию приходилось в Греции развлекать хозяина, в, т.ч., шуткуя над его принадлежностью к сенаторскому сословию, что Нерону в данном контексте крайне импонировало. Шутам при тиранах всегда было позволено больше, чем всем прочим.¹²⁴

Ещё одно экстравагантное и незабываемое событие в Греции 67г. – это сыгранная здесь пышная свадьба Нерона с как бы заменившим ему покойницу Сабину мальчиком-кастратом Спором, кого он называл «Сабиной», и на к-рой, т.е на свадьбе-бракосочетании, Тигеллин был посажённым отцом невесты. При всём том, «греки – говорит Дион – справили празднества в честь этой свадьбы, произнося все полагающиеся здравицы и пожелания, вплоть даже до того, что молились за законное потомство от этого брака (косвенно сопричислив тем брачную пару к богам! – К.З.) (63,13,1).

Таким образом, с тех самых пор рядом с Нероном официально обретались (не считая оставленную им в Риме традиционно *нормальную-неаномальную* супругу – Статилию Мессалину), жеребец Пифагор, к-рый *имел* Нерона – как муж, и супружник-супружница Спор, к-рого/к-рую *имел* Нерон – как жену. Словом, его из ряда вон выходящий античный гермафродитизм дошёл в больше предрасположенной к такому раскладу, чем Рим/Италия, Греции до своего пика!

Как видим, император продолжал терять чувство реального/реальности, всё более отдаваясь неадекватному восприятию действительности, всё более слыша и видя только то, что хотел слышать и видеть, чему Греция и декадентный эллинизм вживе, порядком ускорив темпы разрушения его личности, премного способствовали-содействовали. Более того, всё это им самим всяко усугублялось, так как он оказался в атмосфере, превзошедшей все его ожидания, и, словно заколдованный ею, её интерьером, её внешними эффектами-проявлениями, погрузился в грекофильскую эйфорию настолько, что понемногу вовсе не захотел из неё вылезать, не спешил расколдовываться.

И далее он попросту не сможет и не пожелает из неё выползти-выкарабкаться, почему в нём, отдавшемся кифаре и актёрству как никогда прежде, окажется приглушённым инстинкт самосохранения, вследствие чего ему придётся потерять и драгоценное время, и способность принимать правильные решения, и почти всех приверженцев. А потом, не сходя со сцены, не прекращая играть смешавшуюся с жизнью трагикомедию, – потерять как императорскую власть, так и саму жизнь.

Пока же, нежась под греческим солнцем, он, с позволения сказать, новый Гелиос, ощущал-переживал себя на престольно-артистических-конеристательных высотах, с к-рых его (кому, мол, Аполлон отмерил 70 лет жизни) никому не сбросить, не скovyрнуть. И, получая венки-награды под всё возрастающие рукоплес-

¹²⁴ И ещё у Диона, перечисляющего Нероновы непотребства в Греции (и не только), находим: «Когда он принимал сенаторов, он надевал короткую затканную цветами тунику и шёлковый шейный платок (валяжность и распушенность – К.З.); поскольку и в части одежды тоже происходила порча нравов, зашедшая так далеко, что римляне носили неподпоясанные туники. Отмечается также, что члены всаднического сословия в его правление впервые использовали чепраки во время ежегодного смотра» (63,13,3).

кания, роя-копая Коринфский канал и т.д., он больше не хотел притворяться, но мня себя и, в определённой мере, являясь самодержцем, хотел, как сказано, дальше быть лишь таким, каким был.

Он не понимал и не торопился, да и не мог понять, что оппозиция в Риме растёт-нарастает, что общее положение как в Италии, так и в провинциях ухудшается, и что рано или поздно где-нибудь прорвёт (притом в Иудее уже прорвало), после чего грянет взрыв, в результате к-рого дом, возведённый им на песке, не устоит. И его знаменитый дворец Гелиоса, названный *Золотым*, сродни прочему, окажется *домом*, воздвигнутым на песке.

Тиранствуя и кифаредствуя, Нерон не задумывался над всем этим. Его голова, сердце, душа были заняты полностью поглотившими его существо гастролями и вобранной им в себя (равно вобравшей его) иной системой координат. Он был перверсивный эллинист, глобалист, мультикультуралист, кто отчасти досрочно предвосхитил и неудачно апробировал последовавший во Пв., в русле-ключе дальнейшего декаданса язычества, греческий ренессанс Адриана; а в Шв. — предоставление Каракаллой греко-римской ойкумене римского гражданства; и, наконец, в IVв. — последнюю реквиумную попытку Юлиана Отступника — вдохнуть новую языческую жизнь, на базе изживших себя древних мистерий, вместо отвергнутого Юлианом пригосударственно-церковного христианства, в безнадежно уходящий-убывающий греко-римский мир Древнего мира.

КОНЕЦ БРАТЬЕВ СУЛЬПИЦИЕВ СКРИБОНИЕВ И ДОМИЦИЯ КОРБУЛОНА

И в подобных условиях-обстоятельствах не удивительно, что в Грецию были вызваны со своих легатских постов, дабы быть тут погубленными, как Домиций Корбулон из Каппадокии, так и братья Сульпиции Скрибонии, Руф и Прокул, — с ок. 60г. наместники обеих Германий, один — Верхней, другой — Нижней (Дион 63,17,1-6). По Диону, Нерон решил их устранить-ликвидировать, — и боясь заговоров-покушений с их стороны, и стремясь завладеть их богатствами для покрытия своей прогрессирующей расточительности.

Сообразно сему, неразлучные братья Сульпиции прибыли с Рейна по вызову якобы нуждающегося в них, в их услугах Нерона в Грецию, где им предъявили (стандартное) обвинение в гос. измене и подготовке гос. переворота, объявили врагами кесаря и народа, лишили возможности защищаться и не допустили (Тигеллин) их встречу с Нероном лицом к лицу. Они же, оказавшись в безвыходном положении, окружённые ненавистью всегда гораздой добивать лежащих придворной челяди, потребовали для себя возможности покончить самоубийством, что и сделали, вскрыв себе вены.

Подробности дела неизвестны, но в «Истории» Тацит под 70г. говорит об изгнании из сенатской курии, при принесении присяги Веспасиану, недостойного этой присяги Пакция Африкана, к-рого — «обвиняли в том, что он указал Нерону на братьев Скрибониев, славных своим богатством и постоянно царившим между ними согласием, и тем самым подстроил их гибель» 4,41).

Следовательно, Пакций Африкан, один из консулов-суф. минувшего 66г. н.э. (см. выше), к-рый, возможно, тождествен будущему трагику Пакцию Африкану (Ювенал 7,12), знакомому с Плутархом (кто, кстати, во второй половине 60-х гг. IVв. учился в Афинах у философа Аммония), тоже находился в греческой свите Нерона и интригански-доносительски приложил руку к погублению братьев Сульпициев, в

награду за что наверняка получил долю от их богатства, и в благодарность — ближе придвинулся к императору.

Касаемо же ок. 60-летнего заслуженного маршала Корбулона, к-рого Нерон вызвал из Каппадокии со всем почётом-почтением (облекши экстраординарной легатурой на Востоке снаряжённого туда 58-летнего Веспасиана), в «золотой запас», не впервые назвав его в призывном письме «отцом» и «благодетелем», последний прибыл морем, в одиночестве, без преданных ему солдат, из Азии в Кенхреи (12-15 км — к востоку от Коринфа).

Оттуда (этот непаркетный) маршал двинулся было в Коринф, но ещё в дороге, так и не удостоившись императорской аудиенции, получил (от высланного ему навстречу гонца) смертный приговор, вняв к-рому, пронзил себя мечом с напоследок обращённым к самому себе горьким восклицанием: «Ты заслужил это!». Ибо, по Диону (63,17,6), лишь в последнее мгновение он всё-таки понял, что совершил роковую ошибку, пощадив презренного кифареда и явившись к нему безоружным = не во всеоружии = не с войском.

Поговаривали, впрочем, что на такой развязке без императорской аудиенции настоял Тигеллин, боясь, как бы при личной встрече с Нероном Корбулон не сумел оправдаться и фаворитарно примкнуть к ближнему кругу, тогда как обер-церберу было крайне важно, чтобы между ним и Нероном (кому он стал ближе всех после гибели Сабины, и кого он умел держать в страхе как единственный гарант его безопасности) не было никого. К слову, в чём-то сходно Берия считал, что между ним и Сталиным не должно быть никаких других грузин.

Или, скорее, в качестве анекдота Дион добавляет к своему рассказу, что Нерон уклонился от личной встречи с Корбулоном, не желая, чтобы тот, полководец староримского образца-формата, увидел его брэнчащим на кифаре в неподпоясанной тунике, какие, вопреки римской традиции, носили в Греции он и его римское окружение. Не верится, поскольку (крупнейшему из тронных бесстыдников!) Нерону вообще было чуждо чувство какого-либо стыда!

Повторим, если жившие в братской дружбе, безупречные, по римским поведенческим нормам, братья Сульпиции умиротворяли в 58г. граждан Путеол (см. выше), то Корбулон с 54 по 60гг. был экстраординарным кесарским легатом Каппадокии-Галатии, назначенным на Восток с особыми расширенными полномочиями для решения в пользу Рима Армянского вопроса. В 60 — 63гг. он управлял Сирией; в 63г., после рандейского позора Пета, снова занялся в экстраординарном ранге-порядке из Каппадокии-Галатии Арменией, итогом чего стали частичный реванш, римско-парфянский предварительный мир 63г. и увенчание Тиридата армянской диадемой в Риме майской весной 66г., что замирило давнее и долгое междержавное противоборство за яблоко раздора — Армению — сроком на полстолетия (63 — 66 — 114гг.), сделав страну Араратскую своего рода разблокированным мостом на оси Запад — Восток.

Но, говорим ещё раз, де-факто на этих условиях Рим перспективно потерял-проиграл куда больше тяготевших к парфянам армян, что, правда, за триумфалистской помпой и коронационным соблюдением римского державного престижа, стало очевидным не сразу, уже в постнероновский период, в то время как поначалу главной заслугой Корбулона считали именно достижение-заключение приоритетного для Рима на Востоке мира.

Увы, если Г.Марий (цезарианец до Цезаря!), к-рый создал римскую профессиональную армию, открыв новый этап в славной военной истории прирождённых воителей-римлян, покорителей и повелителей мира, являлся генералом по призванию и (отлично от политика Суллы — конгениального предтечи Цезаря) политиком против воли, то Корбулон так и остался генералом или даже маршалом, к-рый

никогда не сделался политиком.¹²⁵ Скажем снова, он не понимал и упорно не желал понимать, что с опечатаением-запечатанием римско-парфянского противоборства коронацией Тиридата, и особенно с разгромом заговора его зятя Винициана, пусть даже он не был к этому заговору причастен, его собственный вопрос (сродни решению Армянского вопроса) решён, и что всё прочее лишь дело недолгого остаточного времени.

На 66/67гг. он стал отработанным материалом, и Нерон, к-рого можно было бы изучить за столько лет служения ему, просто не мог, будучи подозрительным тираном и трусом Нероном, кого Аполлоний Тианский так и называл – «первейшим трусом и лоботрясом» (Филострат 5,33), оставить Корбулона, используя его сполна, в живых. Плюс – Корбулон, как и братья Сульпиции Скрибонии, был богат, и их богатства как бы сами просились в лапы транжиры Нерона и его алчного окружения во главе с ненасытным Тигеллином. И возможно, в отношении лояльных братьев Сульпициев именно их богатство послужило основной причиной их наскоро сварганенного-обстрипанного устранения, под заведомым предлогом выдвинутого против них Пакцием Африканом обвинения в гос. измене.

Спрашивается, – когда именно свершилась расправа над ними и над Корбулоном в течение 67г.? Вероятно, опять-таки, подготовленная за зиму, – весной, до первых в *больше-обходной* четвёрке Немейских игр мая/июня. И, при всех случаях, до игр Олимпийских – в июне/июле, ибо в дни самоубийства Корбулона, перед рассказом о конце к-рого Дион говорит о, следует полагать, имевшей место несколько раньше Корбулонова конца гибели братьев Сульпициев, Нерон находился (ещё) в Коринфе, а не (уже) в Аргосе или в Немейской долине, и тем паче, не в Олимпии на Олимпиаде и не в Дельфах на Пифиаде (август).

И пусть в промежутках он возвращался или вполне мог возвращаться в Коринф, тем не менее, думается, что с делами Сульпициев и Корбулона ему как хотелось, так и удалось покончить до начала состязаний Большого Обхода. Помимо того, видимо, вызов-отзыв Корбулона с Востока приблизительно совпал с назначением на Восток, явно без необходимости наличия там, в восточной половине *Imperium Romanum*, двух экстраординарных кесарских легатов (одного – достаточно), где-то в начале 67г., Веспасиана (причём официально назначенного, возможно, чтобы не вызвать подозрений у Корбулона, специально для подавления Иудейского восстания).

И потому Корбулон направился из Каппадокии, сдав дела прибывшему туда на его замену ординарному легату (имя к-рого неизвестно), в сторону азийского берега никак не позднее марта или апреля. Соприродно дело, должно быть, обстояло и с братьями Сульпициями, прибывшими в Грецию чуть раньше, или, м.б., чуть позже Корбулона, что существенного значения не имеет.

В дополнение к сказанному об этих жертвах тирана, ниже, под 67г., Дион (63,18,1) сообщает также об убийстве велением Нерона известного мима-танцора Париса (знакомый нам вольноотпущенник Нероновой тётки Домиции, безуспешно пытавшийся в 55г. оклеветать Агриппину), так как Нерон жаждал научиться у него (однажды поразившего своим мастерским танцем без музыкального сопровождения киника Деметрия) искусству (в т.ч.) танца, но оказался бездарным учеником, разгневался и в сердцах приказал убить, естественно, «во всём виноватого» учителя.

Плюс – он отправил в ссылку Цецину Туска, своего, как читатель знает, молочного брата и префекта Египта (63 – 66гг.), за то, что тот, построив в Александрии мыльню-баню сугубо для императора, в ожидании его египетского визита, посмел

¹²⁵ Он не был и полководцем победоносного рывка, он был и в качестве военачальника не хватающим звёзд с неба трудягой, тоже своего рода, пусть не карикатурным, «победителем без побед», как Аполлоний Тианский саркастически выразился о Калигуле (Филострат 5,32), не способным ни перейти через Рубикон, ни совершить переворот «18-го брюмера».

(освятительно) помыться в ней сам, не дожидаясь, или не дождавшись патрона (63,18,1).

Цецина Туск, о чём мы помним, передал александрийскую вахту Тиберию Александру, к-рый, кстати, прославил монетами Нероновы победы во всех состязаниях Большого Обхода, весной 66г., однако, б.м., остался временно в Александрии до-страивать мыльню, и уже не застал Нерона в Риме/Италии, куда возвратился летом/осенью. А в следующем 67г., отправившись в Грецию, он рассказал там молочному брату о своём предтечном-пробном омовении в мыльне и неожиданно для себя угодил в ссылку. Иначе анахронизм непонятен: почему Цецине, сдавшему египетскую префектуру весной 66г., пришлось отправиться в ссылку в пору пребывания Нерона в Греции и, насколько следует по слову Диона, — из Греции — в 67г.?

БЕСПРЕДЕЛ ГЕЛИЯ И ПОЛИКЛИТА В РИМЕ

Как внимательный читатель должен был успеть заметить, в блоках эпитомированного Диона рассказ о событиях в пределах 67г. идёт отнюдь не всюду в строгой хронологической последовательности, по возможности, реконструируемой нами.

И сейчас нам необходимо рассказать, применительно к римлянам, о римских делах 67г., к-рые вершились параллельно греческому беспределу Нерона, притом к Риму мы ещё специально обратимся ниже, в следующей части нашего повествования, посвящённой мученичеству в Риме Апостолов Петра и Павла.

И здесь примечательно констатировать, что в принятый христианской традицией день их мученичества — 29.06. — в далеко не всеми, в т.ч., христианами, акцептируемом 67-м г. н.э. — Нерон находился в Олимпии, уже соревнуясь в состязаниях главного агона Большого Обхода, или готовясь к ним, чтобы вступить в кифаредско-песнопевческую и конеристательную борьбу с 1.07. Не в Олимпии ли его выбросило на крутом повороте из колесницы!

А спустя две недели, 15.07.67г., в Риме проходил (без кесаря) очередной ежегодный смотр всадническим турмам, по поводу чего, Дион как раз под 67г. отмечает, что «представители всаднического сословия в его (Нерона) правление впервые использовали чепраки во время их ежегодного смотра» (63,13,3).

В остальном о Риме и в Риме, в период с августа/сентября 66 по январь/февраль 68г. = время почти полуторалетного отсутствия Нерона, у Диона читаем: «Что касается людей в Риме и Италии, он (Нерон) отдал всех их на милость некоего Гелия, императорского вольноотпущенника. Этот человек был наделён неограниченной властью, имея полномочия отбирать имущество, отправлять в изгнание и приговаривать к смерти в равной степени простых граждан, всадников и сенаторов, даже до того, как ставил Нерона в известность.

Таким образом, Римская империя оказалась тогда порабощённой двумя кесарями одновременно, Нероном и Гелием; и я не могу сказать, кто из них был худшим. Во многих отношениях они вели себя совершенно одинаково, с тем единственным различием, что потомок Августа подражал кифаредам и трагическим актёрам, тогда как вольноотпущенник Клавдия изображал из себя кесаря.¹²⁶ Относительно же Тигеллина, я считаю его просто придатком Нерона, так как он постоянно находился при нём, в то время как Поликлит и Кальвия Криспинилла грабили и разоряли всё, что можно было разграбить не только вместе с Нероном, но и независимо от него. Первый был близок к Гелию в Риме, вторая — к «Сабине», известной как Спор (в Греции — К.З.). Кальвии было доверено попечение о маль-

¹²⁶ Прямо герои М.Твена («Принц и Нищий») наоборот!

чике и надзор за его платьем, а она, женщина высокого ранга, злоупотребляла своим положением, ограбив многих» (63,12,1-4).

Выше мы сказали, что Криспинилла отвечала за гардероб (мальчика) Спора в Элладе, плюс, добавим, за его всяческую подготовку к роли форменной невесты и форменной жены Нерона, между тем как Поликлит составил дуэтную пару Гелию в Риме (или сперва он отчалил в Грецию с Нероном, вскоре, до конца 66г., возвратившись в Рим? так как слова Диона, либо его эпитоматора, звучат тут, согласитесь, несколько неуклюже, провоцируя недопонимание).

Во всяком случае, если в дальнейшем ушлая Кальвия выжила, пережила смуту 68/69гг., удачно вышла замуж за консуляра и удачно овдовела¹²⁷, то и Гелий, и Поликлит, о к-рых, к сожалению, мало известно, были позднее, в ходе семимесячного правления Гальбы, в 68г., когда шли расправы над приспешниками нероновской тирании, в числе прочих либертов, скорострельно казнены. У Плутарха в «Сравнительных жизнеописаниях» находим: «Многих из этих негодяев – в т.ч. Гелия, Поликлита, Петина, Патробия – Гальба приказал казнить, и когда их вели через Форум, народ рукоплескал, крича, что это прекрасное и угодное богам шествие...» (Гальба 17).

Тацит называет Гелия всего один раз и только в контексте отравления им, ведавшим имуществом кесаря в Азии, в 54г., в сообществе с всадником П.Целером, по велению Агриппины, азийского проконсула Юния Силана (Ан. 13,1) (см. выше). О Поликлите же, снаряжённом, как мы помним, Нероном в 61г. в Британию для установления согласия между легатом Светонием Паулином и прокуратором Коссуцианом (Ан. 14,39) (см.выше), в тацитовской «Истории» упоминается дважды, оба раза уничижительно и с маленькой буквы, в ряду всесильной при Нероне своры тирана: «поликлиты, ватинии, тигеллины» (1,37); «поликлиты, патробии и им подобные» (2,95).

При всём том, оба раза они поминаются Тацитом в «Истории» в контексте их сравнения: один раз – с вольноотпущенником (казнившего их) Гальбы Икелом, к-рый за 7 месяцев гальбанского правления награл больше, чем все они за годы при Нероне; и второй раз – в сравнении с либертом Вителлия Азиатиком, кто за 8 месяцев вителлианского кесарства возбудил к себе не меньшую ненависть, чем они.

Посему информации, в общей сложности, немного. Однако, по имеющимся данным и тону Диона, можно умозаключить первенство Гелия во властном дуэте с Поликлитом. Не случайно Дион называет именно его вторым кесарем, оставленным в Риме т.н. *Большим Гелиосом* в качестве-ранге *Гелиоса малого-меньшого-маленького*, о чём красноречиво свидетельствует и его, акцентируем ещё раз, производное от Гелиоса теофорное имя – Гелий = *Гелиосик*.

Но если, например, христиане называли впоследствии своих детей именем Иешуа (Джошуа), или у армян – Иусик, либо (первое) скромно разнящимся с именем Иисус, либо (второе) уменьшительным от имени Иисуса по формуле

¹²⁷ Тацит называет её «устроительницей для Нерона всех его постыдных развлечений» (Ист. 1,73). В 68г., интригуя против Гальбы, она подалась в Африку к тамошнему легату Клодию Макру (к-рый, подняв до того восстание против Нерона, отказался подчиняться и Гальбе), с целью убедить его задержать транспортировку в Рим африканского зерна, чтобы вызвать в Риме противогальбанский голод, из-за чего в 69г. народ требовал от Отона её казни, но тот – «с помощью хитрости и обмана спас её, хотя и сильно повредив себе этим в общественном мнении». «Позже она тем не менее приобрела уважение всего города, вышла замуж за консулярия, сумела уцелеть при Гальбе, Отоне и Вителлии и пользовалась большим влиянием благодаря богатству и бездетности – двум преимуществам, к-рые играют свою роль в любые времена, и дурные, и хорошие». Дополним Тацита: «пользовалась большим влиянием» благодаря бездетности, видимо, после того как стала богатой вдовой.

смирения, то Гелий, имевший имя по сходной формуле, ни скромным, ни смиренным не был: ни в своей пронероновской тирании, ни в средствах, ни в мздоимстве и лихоимстве, целиком и полностью во всём уподобляясь хозяину.

Как он, так и его дуалистический напарник Поликлит вели себя в отданном им на откуп Рима по беспределу, словно дорвавшиеся до власти *мережковские* «грязные хамы». Аки рабы, прыгнувшие из грязи в князи, властвуя и не могучи навластовать на власть, причём с особым смаком — над высшим римским сословием сенаторов, к-рых Нерон, предав их во власть двух либертов-беспредельщиков, хотел побольнее, пооскорбительнее ущемить-унизить.¹²⁸

Одновременно, в пору римско-италийского беспредела Гелия и Поликлита, а именно — в 67г. н.э. — имели, повторим-предварим, место гонения на христиан, не столь масштабные, как постпожаришные преследования 64г., и тем не менее, отнявшие у римской и ойкуменической паствы (во дни перед галилейским падением под ударами Веспасиана обороняемой будущим И.Флавием Иотапаты) первоверховных Апостолов — Павла и Петра. Впрочем, об этом см. подробный рассказ ниже.

Между тем, из сенаторско-консульских римских жертв периода правления временщиков Гелия и Поликлита, к-рых, т.е. жертв, судя по Диону, было немало, нам поимённо известны только М.Лициний Красс Фруги, С.Корнелий Сципион Сальвидиен Орфит и Кв.Сульпиций Камерин, осуждённый и погибший вместе с сыном.

* * *

При этом напрямую под 66г. у Диона, как жертва гелианского террора, фигурирует только Камерин (63,18,2), тогда как и гибель Орфита, перечислительно упомянутого Дионом в общем ряду репрессированных в 65г. (62,27,1) (см. выше), и гибель Л.Красса Фруги, не упоминаемого у Диона вовсе, должно датировать (хоть и эвентуально, но достаточно обоснованно) 67-м г. н.э. Ибо, во-первых, скорей всего, оба они погибли после обрыва «Анналов» Тацита (поздней весной 66г.), к-рый, с большой долей вероятности, об их гибели сообщил бы; во-вторых, — во время после отъезда Нерона в Грецию (летом/осенью 66г.); и в-третьих, — именно в 67г., когда с начала и до конца года делами в Риме заправляли именно два временщика, террор к-рых Дион относит (параллельно Неронову беспределу в Греции) именно на 67г. (пусть даже теоретическая возможность остаточных осенне-зимних месяцев 66г. тут не исключена).

Все три названных-жертвенных персонажа читателю предварительно знакомы (см. выше). Посему освежим информацию по ним и дополним.

М.Лициний Красс Фруги — консул 64г. н.э. — приходился сыном одноимённому отцу — консулу 27г. н.э., награждённому при Клавдии триумфальными отличиями за Мавританию 41г. и за Британию 43г., бывшему приёмным отцом зятя Клавдия, женатого на его дочери Антонии — Помпея Магна, и особо привилегированно участвовавшего в британском триумфе Клавдия в 44г. Напоминаем, в ходе этого триумфа за, согласно Светонию, Клавдиевой колесницей — «следовала жена его Мессалина в крытой двуколке, следовали и те, кто в этой (британской) войне получили триумфальные украшения, все пешком и в сенаторских тогах — только Марк Красс Фруги, удостоенный этой почести вторично, ехал на разубранном коне в тунике, расшитой пальмовыми ветками» (Кл. 17,3) (см. выше). В 47г. и Помпей

¹²⁸ Вспомните руководяще-начальственную комсомольскую и партийную гос. сволочь советской эпохи, в особенности сальномордое комсомольское быдло — наиболее бездарную и наиболее паразитарную прослойку коммунистической номенклатуры.

Магн, и его adoptивные родители, Красс с женой, пали жертвами интриг Мессалины, в то время как их родному сыну (одному из нескольких сыновей?), проходившему обучение в Афинах, удалось избежать гибели.¹²⁹

При Нероне он стал консулом, владел значительным богатством (Плиний 31,2,5; Тацит «Ист.» 2,72), был женат на Сульпиции Претекстате, дочери вышеназванного Сульпиция Камерина, консула 46г., и имел от неё 4-х детей. В «Истории», под 70г., Тацит говорит, что при принесении сенаторами присяги Веспасиану, ещё не достигший сенаторского возраста Випстан Мессала (военный трибун в веспасиановском войске 69г.; друг юности Тацита и историк, трудом к-рого Тацит пользовался), «умолял о снисхождении к своему брату Аквилию Регулу» (4,42), к-рый, люто ненавидимый многими, «хитростью и коварством погубил семьи Крассов и Орфита», и за наказание к-рого ратовали вдова Красса Сульпиция Претекстата с её четырьмя детьми.

Как видим, если, с одной стороны, репрессии против Красса и Орфита, равно против членов их семейств, судя по тексту Тацита, хроновзаимосвязаны, то с др. стороны, Красс находился в родстве с Сульпицием Камериним, репрессированным в 67г., т.е., вероятно, дата всех этих репрессий (о к-рых Тацит молчит в доходящих до 66г. «Анналах») – 67г. н.э.

И при всех случаях, в деле погубления Гелием Красса и Орфита крайне неблагоприятную роль сыграл М.Аквилий Регул, грязный доносчик и судебный оратор, впившийся в 69г. зубами в доставленную ему убийцами за плату голову гальбанского усыновленца Пизона Лициниана, уцелевший (слёзными уверениями, что его принуждал подличать Нерон) при Флавиях, затем вновь востребованный при Домициане, когда Регул в 93/94г. приложил руку к гибели Арулена Рустика, плюс – Герения Сенециона, и умерший своей смертью аж при Траяне, в начале IIв. н.э. (см. выше).

Корнелий Сципион Сальвидиен Орфит был консулом-суф. в 51г. н.э., а в 66г. выступил, о чём мы помним, с низкопоклонской инициативой переименования месяца апреля в нероней, мая – в клавдий, июня – в германик, притом обратил внимание на июньскую злобещесть, поскольку именно в июнях 64 и 65гг., мол, закономерный конец постиг двух (устранённых-ликвидированных Нероном) Юниев Силанов Торкватов: принудительное самоубийство Децима – 64г. (Ан. 15,35); и убийство Луция – 65г. (Ан. 16,7-9) (см. выше). Теперь, в 66г., сервильному Орфиту самому пришлось хлебнуть-огрести по полной.

Согласно перечисляющему репрессии по нелепым обвинениям при Нероне Светонию, «Сальвидиен Орфит – что подтверждает и Дион (62,27,1) – был обвинён за то, что сдал внаймы послам от вольных городов три харчевни в своём доме близ Форума» (37,4). Следует думать, эта сдача прилегающих к Форуму Romanum харчевен, с не оговариваемыми ни Светонием, ни Дионом сопутственно (т.н.) отягчающими обстоятельствами, была квалифицирована почином «истовых приверженцев» староримских традиций, – урождённого грека Гелия и урождённого (м.б.) сирийца Поликлита, как святотатственное оскорбление чести и достоинства римского народа, за что Орфит официально и поплатился.

В реальности же, вероятно, Гелий и Поликлит, положили глаз на его богатство в свою и Нерона пользу, с чем Нерон, доверивший решение сенаторских судеб вплоть до смертных приговоров Гелию (даже без предварительного уведомления

¹²⁹ Одним из сыновей Лициния Красса Фруги, консула 27г., был Л.Кальпурний Пизон Фруги Лициниан, усыновлённый 10.01.69г. узнавшим о восстании Вителлия Гальбой, что очень разгневало надеявшегося на собственное усыновление Отона, к-рый и выступил против Гальбы, в результате чего, и Гальба, и его усыновленец были спустя пять дней убиты (см. выше).

кесаря), не смог не согласиться. Так, на наш взгляд, выглядит дело в рамках предположительной реконструкции.

Зато о третьем фигуранте *абсентистских* римских репрессий Кв. Сульпиция Камерине известно точнее, что он был казнён вместе с сыном именно в 67г. и именно инициативой временщика Гелия (Дион 63,18,2). Этот Камерин, консул 46г. и проконсул Африки ок 55/56/57гг., обвинявшийся в 58г. не столько в вымогательствах, сколько в жестокости на посту проконсула и оправданный Нероном (Ан. 13,52) (см. выше), был сыном, возможно, называемого Овидием в «Письмах с Понта» (4,16,9) консула 9г. н.э. (автора поэмы о взятии Трои Гераклом?) (Р.л. 1215). Причём последний больше эпонимически запомнился христианам (нежели язычникам) тем, что пасхальный калькулятор (александрийский монах начала Vв.) Анниан грубо ошибочно датировал годом его (и Г.Поппея Сабина) консульства, чтобы заполучить воскресенское Таинство Христа в воскресный день 25.03., время Рождества Христова — якобы в 9г. н.э., а время Воскресения Христова — воскресным днём 25.03. аж 42г. н.э. (Р.л. 1240).¹³⁰

Под 67г. у эпитомированного Ксифилином Диона читаем: «В Риме в течение того же времени (когда Нерон куражился в Греции) Гелий совершил множество чудовищных поступков. Среди прочего он предал смерти одного из выдающихся мужей, Сульпиция Камерина, вместе с его сыном; обвинение против них состояло в том, что они не отказались от прозвища «Пифийские», полученного от предков, чем, дескать, проявили непочтительность к пифийским победам Нерона».

Т.е. Камеринам от предков достался за какие-то заслуги последних в Греции (в Дельфах? от дельфийского жречества? в связи с Пифийскими играми?) почётный, ставший наследственным (помимо прозвища «Камерин»), когномен — «Пифийские». Но в 67г. *чемпион чемпионов мира* Нерон одержал победы в конце августа, в т.ч., на Пифиаде, после Немеады и Олимпиады, обзаведшись, в т.ч., когноменом «Пифионик» («Немеоник»; «Олимпионик»), или (проще) — «Пифийский». И вот извещённый об этом Гелий потребовал, чтобы Сульпиции отказались от своего наследственного когномена (одного из когноменов), дабы не притязать на какое-либо и в чём-либо равенство с недостижимо победоносным кесарем. В ответ отец и сын Камерины упёрлись рогом, ушли в отказ и угодили на плаху. Вдобавок к тому, по Плинию Мл. (1,5), в гибели Камерина, как и Красса, был (Плиний не уточняет — как именно?) виновен (донесший на них и выступивший их обвинителем?) Аквиллий Регул.

Кроме того, продолжает под 67г. Дион (63,18,3), августаны, надо понимать, в Греции, так как они сопровождали Нерона, приняли решение о воздвижении изваяния императора (в Риме?) весом в 1000 фунтов, расходы по чему были возложены и на всадническое сословие. А касательно деятельности сената, было бы сложно перечислить все сенатские постановления с объявлением такого множества жертвоприношений и дней благодарения, что на них не хватило бы дней целого года (Дион).

Вот как обзорно выглядит событийность 67г. приложительно к отошедшему в тень в связи с Нероновым отсутствием в нём Риму, где, как сказано, Ап. Пётр и Павел приняли мученичество в 67г. н.э., дав, согласно (современнику и вероятному очевидцу событий) Клименту Римскому («1 Кор.» 1,5), исповедание веры «перед начальниками» (или «начальствующими»), в отношении мн.ч. к-рых вполне можно

¹³⁰ В 9г. н.э. был принят (инициированный Августом) крайне непопулярный среди римлян закон Папия-Поппея, призванный принудительно стимулировать повышение рождаемости (фактически — драконовский тоталитарный налог на бездетность), но произошло это в дни консульства сменивших ординариев Г.Поппея Сабина и Кв.Сульпиция Камерина суффектов — Кв.Поппея Секунда и М.Папия Мутила (Р.л. 1218-21).

и нужно-должно предположить, что здесь в объективе никакой не риторический пассаж, но, в первую очередь и по факту, именно два (нероновских) временщика — Гелий и Поликлит (см. ниже).

Далее, несмотря на (затронувший и христиан) террористический беспредел названных временщиков, недовольство в Городе и Италии росло: перебои с поставками зерна (из-за занятости огромного числа судов в Греции) вызывали ропот низов, тогда как сенаторы и часть всадников стонали и скрежетали зубами от наглости, алчности и собственно тирании либертов-временщиков. Выражали недовольство также солдаты: ограничение финансов обернулось задолженностью в выплатах. И Гелий начал во второй половине года слать Нерону тревожные письма, всё настойчивее убеждая его возвратиться.

Но кесарь, будучи, мягко говоря, не совсем в адеквате, продолжал наслаждаться перманентным греческим праздником, кифаредством, песнопевчеством, актёрством, чемпионством. У Светония читаем: «Ничто не должно было отвлекать его от этих занятий: когда вольноотпущенник Гелий написал ему, что римские дела требуют его присутствия, он ответил так: «Ты советуешь и желаешь, чтобы я поскорей вернулся, а лучше было бы тебе умолять и убеждать меня вернуться достойным Нерона» (23,1).

По всему, этот ответ Нерон дал Гелию после выигранной им Пифиады в конце августа и до увенчавшей Большой Обход заветной Истмиады, на к-рую он приберёт свой дражайший любимым грекам дар-подарок: провозглашение свободы-независимости Греции!

НЕРОН ДАРУЕТ «СВОБОДУ» ГРЕЦИИ

(28.11.67г.)

Итак, эллинофил Т.Квинкий Фламинин (кому греки, как первому из римлян, воздали божеские почести), разбив македонского царя Филиппа V в 197г. до н.э. в Кинноскефальском сражении, в следующем 196г. провозгласил от своего (без всякой республиканской скромности, к-рая к востоку от Рима римлянину не требовалась) и римского сената имени свободу Греции от македонской тирании. Этой тирании греки (в понимании части греков и римлян) подпали после поражения, нанесённого им отцом Александра Великого Филиппом II в 338г. до н.э., в сражении при Херонее; или, согласно некоторым, — уже при деградантных диадохах после Александра Великого. Об акте же Фламинина, происходивший из Херонеи Плутарх, сродни прочим грекам, всю жизнь, как и Неронову дарственную свободу, с благодарностью помнил.

Римляне вообще практиковали, более того, видели в том свою священную миссию (пусть не так торжественно-пафосно, как в случаях с особостатуированной Грецией и греками¹³¹, будь то Фламинин, или Нерон), особенно на раннем этапе республиканского Рима *свободы и справедливости*, освобождение стран и народов от власти иноземцев, от иноземных или туземных монархов-тиранов. И они брали эти страны-народы под свою опеку, к-рая постепенно превращалась в зависимость не лучше, чем от прежних хозяев, но что первоначально и иногда достаточно долго

¹³¹ Греков-эллинов, единственных, римляне, потомки (уцелевших) троянцев, не считали варварами, считая себя их (мол, хоть и декадентных, но культурных учителей римлян), реваншировавшимися за Троя правопреемниками и цивилизационными продолжателями в последней инстанции.

приветствовалось теми странами-народами, к-рые они действительно избавили от худшей тирании.¹³²

И многие страны-народы к ним, к их упорядоченному и менее грабительскому управлению, к их глобалистскому, мультикультуралистскому и державно-ойкуменическому миродержавию, с их выгодной мировой экономикой, в плодотворный обхват средиземноморской купели, ставшей в IV до н.э. внутренним озером-морем-океаном Римской империи, действительно, искренне тянулись. Так что отнюдь не всё и не всегда было здесь банальной показухой в духе примитивного изображения предпочитающих не различать оттенки ново-новейших историков.

У Плутарха, относительно содеянного Титом Фламинином, в «Сравнительных жизнеописаниях», читаем: «Тит и римляне, однако, тем, что они сделали для греков, заслужили не только похвалу, но приобрели всеобщее доверие и огромное влияние — и по справедливости. Римских наместников не только охотно принимали, но и сами приглашали их, им вверяли свою судьбу, и не только народы и города — даже цари, обиженные другими царями, искали защиты у римлян, так что в скором времени, вероятно, не без участия богов, всё стало им подвластно. Сам Тит больше всех гордился тем, что дал Греции свободу. Он послал в Дельфы несколько серебряных щитов и свой собственный щит со следующей надписью.

Отпрыски юные Зевса и Спарты цари, Тиндариды,
Вы, чьи сердца веселит скачка ретивых коней!
Вам этот дар дорогой посылает потомок Энея
Тит. Он Эллады сынам снова свободу принёс.

Он также посвятил Аполлону золотой венок с надписью:

Чтобы достойно твои благовонные кудри украсить,
Этот венец золотой сыну Латоны принёс
Вождь Энеадов великий. Даруй же и ты, Стреловержец,
Титу, что равен богам, славу за доблесть.

Случилось так, что дважды в Коринфе было оказано Греции одно и то же благодеяние. Да, именно в Коринфе прежде Тит, а в наше время Нерон, снова на Истмийских играх, объявил грекам свободу и право жить по собственным законам; только первый, как мы говорили, — через глашатая, а Нерон — сам, в речи к народу, к-рую он произнёс с помоста на рыночной площади» (Флам. 12).

У Светония, в контексте венчального завершения греческой эпопеи Нерона, сказано: «Отправляясь в обратный путь, он подарил всей провинции свободу, а судьям (агонов Большого Обхода — К.З.) — римское гражданство и немалую денежную награду: об этой милости объявил он собственными устами в день Истмийских игр с середины стадиона» (Нер. 24,2).

Посему, приложительно к этим двум знаменательным событиям, отделённым одно от другого сроком в 262 года, Плутарх и Светоний разнятся только в вопросе конкретного места объявления греческой свободы Нероном: рыночная площадь =

¹³² Например, Иуда Маккавей обратился во II до н.э. за помощью к Риму против тирании Селевкидов. Или в I/II вв. иудеи дважды ходатайствовали перед Римом об упразднении их национальных династий, Маккавеев и Иродиан, в пользу римского правления на условиях сохранения национально-религиозной автономии: в 63г. до н.э. — против Хасмонеев перед Помпеем; в 6г. н.э. — против (потомков иудаизированных идумеев) Иродиан перед Августом.

агора (где проходили общественные собрания греческих полисов) в самом Коринфе – у Плутарха; или стадион на Коринфском перешейке (где проходили посвящённые Посейдону в его священной дубраве Истмиады) – у Светония.

В остальном, и согласно Плутарху, и согласно Светонию, это произошло на Истмийских играх, при этом у Светония – «в день Истмийских игр», к-рые составляли не один день, без прецизаций дня: первого? одного из дней? или дня заключительного? А со стороны другой, этот памятный день либертизации Греции из уст Нерона зафиксирован-заэпиграфирован-задокументирован как 28.11.67г. н.э. Стало быть, по логике, Истмиады проходили в конце ноября, или в ноябре/декабре (см. выше).

Но может быть и не так, потому что они могли происходить-проводиться (обычным порядком) весной или летом, при всех случаях, проведённые в 67г., б.м., в виде исключения, вернее, одного из целого ряда агональных исключений, специально сделанных для Нерона, ради нужной ему интервализированной и сезонной последовательности 4-х агонов Большого Обхода (из к-рых, напомним, лишь юлианский год Истмиады совпадает с регулярным истмиадским графикам), в полугодовой интервал времени – с конца весны до конца осени, или – с весны/лета до осени/зимы.¹³³

Т.е., возможно, точная дата Истмиады 196г.¹³⁴, на к-рой провозгласил независимость Греции Фламинин, – весна или лето (в ритме Истмиад регулярных?), в то время как Истмиада, на к-рой независимость грекам даровал Нерон (исключительная или нет в плане осени/зимы?), однозначно состоялась в ноябре, либо в ноябре/декабре 67г. н.э. Вместе с тем, текст Плутарха, похоже, хоть и побочно, говорит за то, или минимум намекает на то, что оба эти акта-деяния, и Фламинина, и Нерона (на Истмийских играх), оба раза имели место, – в плане не только (заведомо) выбранных для них Истмиад, но и дня, и месяца, – в одно и то же время.

* * *

Так или иначе, именно 28 ноября 67г. Нерон, – то ли с агорального помоста в Коринфе (учившийся в ту пору в Афинах Плутарх был современником и не исключено, что очевидцем сего более чем знаменательного события), то ли на состязательном стадионе в дубраве Посейдона на Истме, – обратился к многочисленным эллинам (не как Тит Фламинин 262 года назад через глашатая, а сам) с торжественной речью (текст к-рой сохранился на бронзовой табличке, найденной в маленьком городке Акрефии в Беотии, к северо-западу от Афин). Вот он:

«Нежданный дар, народ Греции, приношу я тебе – хотя, возможно ничто не может считаться неожиданным при такой щедрости, как моя, – столь необозримой, что у тебя не было надежды попросить о ней. Если бы я сделал этот дар, когда Эллада была в расцвете, то, возможно, гораздо больше людей смогли бы воспользоваться моей милостью. Но не из жалости, однако, а по доброй воле я совер-

¹³³ Между прочим, за этот вариант перенесения Истмиады 67г. с весны на осень теоретически может ратовать и то, что, если Истмиады проводились, как полагают, именно во 2-й и 4-й гг. Олимпиады, то 2-й год 211-й Ол. (65-69гг.) заканчивается 1.07.67г., сообразно чему, игры в конце ноября (коли 2-й и 4-й гг. олимпийского счёта строго-обязательно соблюдались) попадают уже на 3-й год 211-й Ол.

¹³⁴ При этом, важно учесть-усвоить, что 196г. до н.э. был годом 146-й Олимпиады (к-рой Фламинин почему-то предпочёл для провозглашения свободы Греции Истмиаду!), т.е. в то время Истмиады проводились в один юлианский год с Олимпиадами (до или после них) и стали проводиться во 2-ые и 4-ые гг. Олимпиад позднее.

шаю сейчас это благоденствие, и я благодарю ваших богов, чьё пристальное провидение я всегда испытывал как на море, так и на суше, за то, что они предоставили мне возможность столь великой милости. Другие императоры даровали свободу городам; один Нерон даровал свободу целой провинции» (W.Dittenberger «Syllogie Inscriptionum Graecarum»; Dessau ILS 8794).

Удостоверьтесь, Нерон – в своём высокопарно-патетическом стиле-амплуа песнопевствующего кифареда и в этой речи собственного сочинения, без помощи референтов, между тем как до 62г. авторство его, косноязычного не-ретора (комплекс неполноценности для римлянина), речей являлось прерогативой Сенеки. Греки, к-рых через полвека после дара Фламинина поработил разрушивший Коринф Муммий Ахаик (146г.), с тех пор на протяжении 212 лет податные провинциалы, успевшие побывать в разных провинциальных границах-статутах, – и в сенатском, и в кесарском, и снова в сенатском (при главенстве кесарей) – ведении, были, разумеется, вне себя от радости, чуть было не захлебнувшись от восторга.

Они вознесли Нерону всевозможные хвалы, как Новому Гелиосу, как реинкарнации Аполлона и Диониса, и, наконец, как Зевсу Освободителю (Iupiter Liberator), в честь к-рого чеканились юбилейные прославительные монеты, и к-рому, по иронии судьбы, как мы помним, воздали последние возлияния перед своей принудительно самоубийственной смертью, со вскрытыми венами, Сенека – весной 65-го, и Тразея Пет – весной 66г. (излишние-ненужные при тирании, требующей однопартийных идеологов, философы).

Эта свобода-независимость, о к-рой Плиний говорит: «Всей Греции даровал свободу Домиций Нерон» (4,6), конечно, не означала (и не могла означать) таковую в ракурсе-ключе полной политической независимости, в ракурсе-ключе какого-либо выхода Эллады из состава железно окольцевавшей Средиземноморье Римской империи (на что греки и не зарились), практически став, наряду с обретением местного самоуправления (вместо власти римского наместника), для Греции (премного выгодной) свободой от налогообложения. Иначе говоря, – свободой от налогов, наравне с Римом/Италией, – привилегия, к-рой не пользовалась ни одна покорённая Римом и превращённая в провинцию страна.

Римляне практиковали предоставление свободы полисам, акцептируя вольные города, но снятие налогов с целой провинции, поднятой на безналоговый уровень Рима/Италии (и формально переставшей быть провинцией), такое происходило впервые, такое было внове (нероновское *обновление*)! И поскольку Ахайя была провинцией сенатской, Нерон, решив, по-римски, соблюсти право и деликатность, как бы – не в насмешку ли? – компенсировал сенат передачей в его ведение кесарской Сардинии.

Причём ни один выдающийся грек или эллинист-эллинофил не остался равнодушным к данному акту, воздавая за него, и тогда, и в дальнейшем, должное Нерону, что делают, в т.ч., его критики-противники – и Плутарх, и Павсаний, и даже едко высмеивающий его во всём прочем Аполлоний Тианский, кто позднее даже вменит (читмому им) Веспасиану в послании: «Нерон освободил эллинов играючи; а ты поработил их на деле» (Филострат 5,41).¹³⁵

¹³⁵ Проследим вкратце, по Флавию Филострату, пути-дороги нашего доброго знакомого – нового Пифагора и чудотворца – Аполлония Тианского, к-рый удивительным образом, в чём читатель имел возможность убедиться, появлялся в местах посещения или пребывания Ап. Павла, и кто, как мы помним, летом 66г., незадолго до отъезда Нерона в Грецию, отправился из Рима/Италии в Гадиру, в Испанию, где Павел побывал в 63/64гг.

Филострат сообщает, что Гадира расположена на самом краю Европы, и что гадирцы, весьма приверженные благочестию, «воздвигли алтарь Старости и – единственные среди людей – поют славословия Смерти» (5,4). Оно и не мудрено – на пороге океанско-атланти-

Дело в том, что Веспасиан, придя к власти, отнимет у греков Неронов дар, воспользовавшись начавшимися между ними склоками, и при том насмешливо заметит, что греки разучились быть независимыми, относительно чего у Павсания находим, что Нерон «дал свободу всему эллинскому миру, произведя следующий обмен с римским народом: он отдал ему как сенатскую провинцию взамен Эллады остров Сардинию, в то время наиболее богатый и благоустроенный.¹³⁶ И вот, раз-

ческого западного загробья! (Хотя Иоанн Богослов – Откр.3,1/2 – горько вменяет *смерть* Сардийской христианской церкви-общине, в составе 7-и общин геотреугольника на противоположном от Пиренейского п-ва малоазийском западе, олицетворяющей-провозвещающей нашу V-ю Германо-Англосаксонскую, под Христовым знаком Рыб, культуру Души сознательной, в к-рой человеку, скажем снова, предстоит фундаментально-спиритуально разобраться с феноменом Смерти!)

Мало того, гадирцы также весьма подвержены всему эллинскому. В Гадире (5,7) Аполлоний провёл много бесед, в т.ч., иронизируя над Нероном и говоря (со ссылкой на Телезина), что он боится элидских плетей, к-рыми в Олимпии наказывали провинившихся состязателей. Но, по слову Аполлония, «в Олимпии Нерон победит – у кого же хватит смелости с ним тягаться? – Однако в священных ристаниях победителем ему не бывать, потому что игры будут в неуточную пору; положено было их устроить в прошлом году, а Нерон велел элидянам всё отложить до его приезда» (5,7). Т.е. это говорится где-то осенью 66г., ибо дата 211-й Ол., по Аполлониеву слову от Филострата, отложенной, – есть 65-й г. (с учётом того обстоятельства, что филостратовские хронограницы событий 66/67/68гг., кое-где, размыты-слитны).

Дальше сказывается о насмешках критически настроенных эллинов над кифаредством-песнопевчеством Нерона в Греции: «Ксеркс нас жёт, Нерон – нам поёт». Ниже Аполлоний, к-рый сам о кифаредстве Нерона говорил, что искусством кифареда он владеет хуже, чем любым другим, но искусством царствовать владеет ещё хуже, чем искусством кифареда, напоминает о своём давнишнем предсказании «по божественному вдохновению, что Истм будет и не будет перекопан – и продолжает – а теперь по слухам его как раз и взялись перекапывать» (5,7). Вот вам пример размытых-слитых хронограниц. Истм взялись перекапывать весной 67г., следовательно, зиму 66/67гг. Аполлоний провёл в Гадире.

Срочный-спешный гонец-сороход принёс в Гадиру весть о победах Нерона в Олимпии с приказом приносить благодарственные жертвы и славить кесаря (5,8). Позже пришли вести и о Нероновой победе на Пифийских играх (5,9). Соответственно, на дворе лето/осень 67г. Наместник Баэтики весьма желал познакомиться с Аполлонием, к-рый пригласил его в Гадиру, побеседовал с ним и, прощаясь, сказал ему: «Будь благополучен и помни о Виндексе» (5,10), чем предрёк выступление Виндекса в марте 68г.

Потом, «когда на Западе стало беспокойно, Аполлоний со спутниками повернули оттуда к Ливии (Африка) и Тиррении. Путешествуя то пешком, то по морю, добрались до Сицилии» (5,10). Отсюда можно сделать вывод: это случилось уже в 68г., после второй (Аполлониевой) зимы в Испании, или в Африке, причём в сицилийской Мессине наши путешественники «услыхали, что Нерон бежал, а Виндекс мёртв» (5,11), в связи с чем Аполлонием было иносказательно предсказано короткое властвование Гальбы, Отона, Вителлия. Посему весной/летом 68г. Аполлоний – в Сицилии: Сиракузы (5,13), Катана (5,14).

«Проведя на Сицилии в учёных беседах столько времени, на сколько хватило его усердия, он в пору восхождения Арктура отправился в Элладу...» (18). Время восхода Арктура – осень, сообразно чему, Аполлонию довелось прибыть в Грецию осенью 68г. Здесь, в Афинах, он принял посвящение в таинства Обеих богинь – Деметры и Персефоны – и встретился с философом-киником Деметрием (5,19). А побывав зимой во всех эллинских святилищах, по весне направился в Египет (5,20). Стало быть, – зимой 68/69-го и по весне 69г. Весной же 69г. он прибыл-приплыл в Александрию (5,24), где летом встретился с Веспасианом. «Довольно побыв в Александрии, Аполлоний отправился в Египет и в Эфиопию» (5,43) – 69/70гг., где посетил святилище Мемнона (6,4) и беседовал с нагими мудрецами. По возвращении из Эфиопии, приветствовал Тита – покорителя Иерусалима (70г.), с к-рым весьма благожелательно встретился и к-рый позже в послании на имя Аполлония написал: «Я пленил Иерусалим, а ты меня» (6,28-32).

¹³⁶ Восхищающийся греческим актом Нерона Павсаний загибает-преувеличивает, так как обмен райской Эллады, мирового культурного очага-центра, на диковатую полуварварскую Сардинию, с её суровым болезненным (сведшим в могилу, например, множество сосланных

мышляя об этом поступке Нерона, я был поражён глубокой справедливостью слов Платона, сына Аристона, что «преступления, своей величиной и дерзновенностью превосходящие обычные нормы, свойственны человеку не обычному, но благородной душе, испорченной нелепым воспитанием». Однако, фактически эллинам не удалось воспользоваться этим даром: когда после Нерона власть взял в свои руки Веспасиан, у них вновь начались между собой междоусобия и восстания. Тогда Веспасиан вновь наложил на них уплату дани и велел повиноваться наместнику, сказав, что эллинский народ отвык от свободы» (7,17,3).

Посему не станем спорить, что это не столько продуманное, сколько порывно-эйфорическое деяние адепта разнузданного беспредела Нерона, опрокинувшее в эйфорию всю Элладу, было обусловлено пресловутыми благими намерениями, оказавшись на практике столь же эфемерным, как и прочие Нероновы несостоятельные проекты.

В определённом смысле, Нерон, предтечи к-рого в вопросах эллинизации-ориентализации, Антоний и Калигула, сделался (можно сказать) *первым* предвизантийским римским императором, между тем как Адриан, уже на ином уровне, одновременно и состоятельно, в отличие от Нерона, станет – *вторым*.

И дальше римская имперская чаша весов всё больше будет клониться в сторону постепенно поглотившего прежний Рим (западным резервуаром к-рого были Испания, Галлия, Британия) Востока восточнее Адриатики: при сирийцах Северах, при откочевавшем в Никомедию Диоклетиане (при дворе к-рого будет введён придворный церемониал по образцу персидско-сасанидского царского двора), при основавшем византийский Константинополь – Второй Рим – Константине (к-рый издал Миланский эдикт о равенстве религий – 313г., приветствовал инициированный им I-й Вселенский собор – 325г., и перенёс, как сказано, в Константинополь замураванный там защитный Палладий – 332г., после чего, дав зелёный свет триумфальному шествию пригосударственно-церковного христианства, сам принял крещение только на смертном одре – 337г.).

А по разделении, после ярко вспыхнувшей и трагически сгоревшей звезды последнего языческого мистериалиста Юлиана Отступника (361 – 63гг.)¹³⁷, в 395г., со смертью огосударстившего Церковное христианство доюстиниановского кодификатора Римского права Феодосия I, единой Империи на Западную и Восточную, западный Рим в течение Vв. н.э. будет сокрушён германцами (совместно с ними остановив на своём предпоследнем издыхании гуннов Аттилы) – главной силой нарождающейся Европы. Между тем, Восточная Римская империя, пережив последний откатный латинский всплеск при Юстиниане (VIв.), окончательно преобразится в Византию усилиями в VIIв. её новоэллинизатора Флавия Гераклия.¹³⁸

И далее эта Византийская империя будет государством-империей римской формы и новогреческого содержания, у предистоков чего стоял, как выясняется именно Нерон, с его, в частности, дарованной Греции на очень недолгий срок шутовской

сюда в 19г. иудеев) климатом, даром что «богатую и благоустроенную» (если и тут не преувеличение?), вовсе не равнозначный, и, скорее, видится насмешкой над сенатом.

¹³⁷ То-то искавший на иранском Востоке солярно-мистериальное спасение вслепую и не нашедший его (отвернувшийся от Христа в лице Церкви) Юлиан Отступник пришел в дальнейшем на Землю как Герцелойда (*сердечная скорбь*) – мать Парсифаля (Парсифаль – карма Мани)! (см. Примечание 138).

¹³⁸ Придя на Запад с Востока в I-IIIвв., глубинный Христов Импульс, после того как в Римской империи, в течение IVв., от I-го Вселенского собора, при Константине, до кончины Феодосия (325-95гг.), восторжествовало христианство церковно-(при)государственное, определённым образом, снова *изошёл-мигрировал* – IV/V/VIIвв. – с Запада на Восток, убежищно дистанцируясь от римско-латинской юридической догматизации. Между тем, что важно усвоить, христианизированный эллинизм (греко-римское наследие) начал (пережив крушение Римской

независимостью, к-рую Рим всё равно скоро отозвал бы назад, независимо от того, разучились или не разучились декадентные эллины быть свободными.

Впрочем, сим торжественно-праздничным актом, к-рому рукоплескала вся Эллада, греческое турне Нерона было апофеозно увенчано. 15.12.67г. он наверняка празднично справил в Коринфе своё 30-летие, ещё двумя неделями позже встретив в Греции новый (68г. =) 821г. (если при исчислении лет ab Urbe пользоваться юлианским началом календарного года – с 1.01.) от основания Рима.

И в заключение, анонсируя следующую часть раздела «Рим и Мир», скажем. Тем временем, вероятно, где-то уже в январе 68г., в Грецию, несмотря на закрытое штормовое зимнее море, придёт, преодолев опасный морской путь всего за 7 дней, властный либерт-регент Гелий (Дион 63,19,1), перед тем безрезультатно слышавший кесарю Нерону послания с уговорами-мольбами о возвращении.

Лишь теперь, при личной встрече, ему, наконец, удастся убедить хозяина, что заговорщическо-противонероновская обстановка-ситуация в столице требует его более не терпящего отлагательств возвращения-присутствия, после чего тот, тяжело вздохнув, решится на обратный путь.

Затем Нерон взойдёт на судно и, едва не сделавшись жертвой кораблекрушения во время бури (63,19,2), где-то в первой половине февраля 68г. сойдёт на италийский берег в столь любимом им Неаполе (Свет. «Нер.» 25,1), население к-рого в большинстве, о чём мы знаем, составляли греки-италиоты, и с к-рого началось в 64г. нероновское публичное кифаредство. Но об этом, читатель, речь впереди, в посвящённой концу Нерона заключительной части нашего повествования.

империи) возвращаться в средневековую варварскую Европу – VII/VIII/IXвв., не в (солярном) византийско-иранском, но в (лунарно-солярном) арабско-византийском облики, поскольку старосолярный зороастрийско-сасанидский Иран был сокрушён – VIIв. – вобравшим в себя Гондешапура арабизмом (халиф Омар и джихадистский Халифат Омейядов), вновь обратившись к иранскому элементу и наследию, точнее, к арабско-иранскому синтезу (под полумесяцем) при Аббасидах (с 750г.).

Однако, заострим внимание снова: зороастризм кульминировал в митраизме, а квинт-эссенцией митраизма стало (IIIв.) утончённое гностическое манихейство = манихейское христианство. И когда Юлиан Отступник (просмотревший манихейство, как и истинное христианство в целом) устремился в 363г. на Восток (где был поражён стрелой в печень), стремясь от постылой ему церковности к заповедным мистериям Ирана, в этом деградантном Иране шахиншаха Шапура II (309-79гг.) нечего было больше ловить. Нечего, т.к. именно при нём магупат магупатов Атурпат Михраспандан дошёл (начатое антагонистом Мани Картиром при Шапуре I) дело утверждения нетерпимого государственно-идеологического зороастризма до т.н. победного конца (увенчанного в IVв., при внешне наиболее блистательном из Сасанидов Хосрове Ануширване, прологом грядущего подпадения Ирана мусульманскому Халифату в VIIв.).

Причём интересен следующий расклад трёх главных державных фигурантов на просторах от Испании до Ср. Азии и (захваченной мусульманами) с-з Индии в VII/VIII/IXвв.: гос-во Франков (королевство Меровингов и Каролингов; Каролингская империя и Каролингское возрождение); интервально-промежуточная (новогреческая с VIIв.) Византийская империя (Второй Рим); Халифат (джихадисты Омейяды и более умеренные, в меру иранизированные Аббасиды). 1) Абсолютистская теократия Халифата; 2) Папа в Риме/Италии, тогда как императоры – за Альпами; 3) Константинопольский патриарх и занявшая угол в гос-ве Церковь под боком у императоров – персон, преимущественно, греческого и армянского (халкидониты) происхождения.

Кроме того, есть и такой любопытный нюанс. Если в становящейся франкской Европе мажордомы Каролинги со временем сместили (длинноволосых) королей Меровингов и венценосно сменили их (751г.), то в Халифате Аббасидов, напротив, Гарун ар-Рашид (786-809гг.) элиминировал великовезирский клан персидских Бармакидов (803г.), к-рым вменялись, в т.ч., планы реставрации зороастризма.

ЧАСТЬ XIX

ВТОРЫЕ РИМСКИЕ УЗЫ АП. ПАВЛА СЛУЖЕНИЕ И УЗЫ АП. ПЕТРА МУЧЕНИЧЕСТВО АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА АПОСТОЛЬСКИЕ МУЧЕНИКИ И ВЕК АПОСТОЛЬСКИЙ 66/67 гг. н.э.

АП. ПАВЕЛ В УЗАХ (с мая 66г.)

Как мы уже сказали выше, в мае или самое позднее в мае/июне 66г., в пору прибытия в Рим за короной Тиридата Армянского и нероновских гонений на философов, Ап. Павел вновь оказался взятым под стражу, и с тех самых пор начались его Вторые римские узы.

Напомним, освобождённый после Первых 2-летних (с 61г.) уз весной 63г., он отправился летом в Испанию, откуда весной 64г. прибыл на Крит, где после месяцев проповеди оставил Тита и (с Тимофеем) проследовал в Азию; а осенью 64г., отчалив из Эфеса в Македонию, провёл зиму 64/65гг. в Филиппах, откуда в 65г. написал 1Тим. в Эфес. Затем, по весне, неутомимый Апостол пришёл в Коринф, а летом 65г. снова посетил Эфес (откуда отправил Посл. к Титу), в к-ром, отходя осенью 64г. из Азии в Македонию, оставил Тимофея. Далее, путь Павла, посетившего ещё и Милит (в к-ром остался больной Трофим), и Троаду, лежал осенью 65г. через Македонию и Грецию в эпирский Никополь, в к-ром он провёл зиму 65/66г. (и где встретился с Титом), чтобы в марте 66г. прибыть в Италию. И опять-таки, в марте из Италии (Путеолы?) в Иудею ушло Павлово Послание к Евреям.

В этом особостатуированном и предпоследнем среди Писаний Апостола язычников (Еврея от Евреев) Послании, завершая оное и провидя какие испытания иудеохристианам Св. Земли предстоят, он выражает, в частности, надежду на своё скорое (прощальное) посещение Палестины вместе с Тимофеем, кто, при ближе неизвестных обстоятельствах, уже по отбытии Павла осенью 65г. из Азии, оказался (в Эфесе) в заточении. Но на март 66г., когда писалось-дописывалось Посл. к Евреям, Тимофей уже находился на свободе, о чём Павел знал и ожидал его прихода в Италию/Рим для совместного с ним путешествия в Палестину (Евр.13,23) (см. выше).

Однако Тимофею, по какой-то причине, не удалось в апреле/мае прийти в Рим, тогда как Павел во второй половине мая или в мае/июне подвергся в Риме аресту. Подпал ли он обвинению в русле противнероновских гонений на философов в связке-увязке с майскими визитом Тиридата и расправами над Тразеей Петом и Бареей Сораном? или — по навету римских иудеев? или — на повестке дня козни иудействующих собратьев постепенно приходившей (без внутреннего мира) в себя от гонений 64г. римско-христианской общины? Причём, похоже, что именно на последнее обстоятельство намекает Климент Римский, согласно к-рому Павлу

пришлось стать жертвой зависти внутри общины? или — римские власти взяли Павла под стражу (по-прежнему, несмотря на гонения 64г., не очень отличая иудеев от христиан), как однажды бывшего под судом Еврея и философа, да ещё с приходом в Рим первых вестей о неурядицах в Палестине?

Во всяком случае, на сей раз, Павел попал в узы куда более жёсткие, чем Первые, когда он на протяжении двух лет пребывал в узах достаточно свободных — *in custodia libera*, под стражей воина, на своём иждивении (вольные хлеба), в условиях фактически полудомашнего ареста, принимая всех приходивших к нему, и проповедуя-уча — «со всяким дерзновением невозбранно» (Д.Ап.28,31). Не так сейчас, когда с ним обращались, как со злодеем (2Тим.2,9), и, вероятно, — рецидивистом, в ситуации, когда многое с 63 по 66г. изменилось, когда христиане — впервые как христиане — попали под удар (64г.), и когда тирания нероновского режима пошла и продолжала (с Нероном или без Нерона, точнее, в ещё худшей мере в отсутствие тирана, при его особо усердствующих, как то свойственно холоум, либертах — 66/67гг.) идти в зенит.

В результате местом заточения Павла ныне стала, как говорит предание, (печально знаменитая) Мамертинская тюрьма — *Tullianum* — у подножия Капитолия.¹ Мало того, общение с узником, находящимся в застенке, сделалось небезопасным и ряд спутников-сотрудников (частично прибывших с ним из Никополя? частично присоединившихся к нему в Италии/Риме?), за исключением вернейшего спутника-сотрудника Луки, не только отказались давать показания в его пользу, но вообще предпочли оставить-покинуть его = не навещать в заточении. Одни, — возлюбив мир сей, и подавшись прочь, другие — перестраховываясь, вследствие опасности, с оглядкой на римскую власть.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

(август/сентябрь 66г.)

И вот где-то в августе, или в августе/сентябре 66г., как раз в пору медлительно-праздничного отбытия-откочёвки Нерона (через Брундизи) в Грецию, после того как первое разбирательство нового (или возобновлённого) Павлова дела успело состояться (притом вовсе не исключено Нероново прямое участие в разбирательстве)², возможно, с ужесточением-устрожением условий содержания узников

¹ Мамертинская тюрьма = *Tullianum* = Туллиево подземелье — была, по римской традиции, вырыта у подножия Капитолия в VIIв. до н.э., при 4-м римском царе Анке Марции, и значительно расширена в VIв., при 6-м царе — законодателе (и соорудителе Сервиевой крепостной стены) Сервии Туллии. Отсюда — *Tullianum*, между тем как название «Мамертинская» прилипло к ней позднее, в память о содержавшихся тут союзных Пирру из Эпира, с к-рым Рим воевал в 280-75гг., мамертинцах. Это было подземное здание в два этажа, нижний этаж к-рого, куда можно было попасть только через дыру в потолке, т.е. собственно Туллиево подземелье, спускался на 12 футов под землю. Здесь в разное время томились знатные пленники: нумидиец Югурта, катилитаристы, галл Версингеторикс, Сеян и др., над к-рыми здесь же приводились в исполнение смертные приговоры, после чего тела казнённых выбрасывались на Гемонии. Согласно Саллюстию, Туллианум — «грязная темница, мрачная и зловонная, и впечатление она оставляет страшное и ужасное».

² В древних манускриптах на 2-м Посл. к Тим. имеется надпись: «2-е Посл. к Тимофею, первому епископу Ефесскому, написанное из Рима, когда Павел во второй раз предстал перед кесарем Нероном». В 2Тим.4,16 Павел говорит о первом своём ответе (когда все его оставили), вероятно, разумея первое разбирательство в ходе Вторых уз, к-рое не дало окончательного результата, и дело осталось в следственном процессе, в судопроизводстве. Конечно, оперирующее символами предание делает, понятным образом, главным противостоятелем первоверховных Ап. Павла и Петра непосредственно (лицом к лицу) Нерона, игнорируя его отсутствие в

при едва ставшем у гос. штурвала (и лезущем из кожи вон) временщике Гелии, Павлом было написано из Вторых уз 2-е и последнее в числе его, в общей сложности, 14/15-и Посланий (15, считая позже слившиеся в 2Кор. 2 и 3Кор.) (см. выше), Послание к Тимофею. Тимофей же, не сумевший, как сказано, прийти в Рим весной, в это время находился в Азии — в Эфесе, рукоположенный Павлом там в 64г. в епископы (?); или он в ту пору находился в одном из побережных городов Азии неподалёку от Эфеса, м.б., в Смирне (?) (см. ниже).

Если в отправленном адресатам весной 63г., на исходе Первых Павловых уз, Послании к Филиппийцам, судя по 1,23 и 2,17, грядущее (мученическое) разрешение Павла от плоти³ (1,23) — жертвенное за жертву Христа (2,23) — ещё далеко, т.е. если в 63г. до его мученичества ещё есть порядочно времени (и оно пока терпит), поскольку возложенная Павлом на себя, по возложении на него свыше, миссия ещё не доведена до земного конца, ещё не выполнена, то в последнем Посл. к Тимофею земной путь Апостола явно подходит к концу и его страдальческий венец близок (2Тим.4,6). Он знает, что из Вторых уз ему более во плоти не быть вызволенным, что его смертное страдание неизбежно, и, при взгляде-оглядке назад, перед ним встаёт-проходит вся прожитая жизнь.

Он сделал-соделал всё, что должен был сделать на земле и что сумел, даже более того. Не — «делай, что должно и будь, что будет» (Катон Старший), но делай, что нужно, зная, во имя Кого, для кого-чего ты всё это делаешь, и что из этого (нацеленного на будущее деяния в настоящем) выйдет-получится (Павел). Он сделал, можно смело сказать, больше, чем какой-либо смертный до него! Постигнув благодаря своему семимесячному рождению = недоокостенелости (= *неперерезанная пуповина*, связывавшая человека с духовным миром), вкупе с фарисейским посвящением, и, главное, благодаря своему персональному дару, пожелавшего открыться именно ему, противнику христианства, Воскресшего Христа, обращённый Самим Христом, этот Еврей от Евреев, из колена Вениаминова, ученик Гамалиила, стал, превзойдя своё еврейство, ойкуменическим Апостолом язычников и вывел христианство на мировые (предвселенские) горизонты!

Ах кабы отбывающий на гастроли в Грецию для достижения своего жалкого зенита Нерон знал о масштабе и метаисторическом значении индивидуальности этого томящегося в Мамертинской тюрьме низкорослого, кривонногого и полулысого узника Павла, переросшего всех, с их преходящими царствами от мира сего, земных венценосцев, или полководцев с их победами, или литераторов и художников с их произведениями!

И не случайно последнее павлианское Послание адресовано именно к Тимофею, к-рого он избрал-призвал, взяв в спутники-сотрудники при начале Второго миссионерского путешествия — 51г., в Листре, когда (обрезанному Павлом ради Иудеев) Тимофею, сыну Иудеянки-Евреянки и язычника-эллиниста, было самый максимум ок. 20 (или меньше) лет отроду, и кто в возрасте максимум немногим за 30 лет сделался рукоположением Павла епископом в Ефесе. В этом (основанном амазонками и ставшем своеобразной столицей христиано-эллинистической павлианской Ойкумены) городе-полисе (Артемиды-Дианы Эфесской), к-рому и христианской общине к-рого Павел посвятил так много миссионерского времени, как ни одному другому городу (54 — 57 и 64/65гг.).

Риме в пору их казни. Но не исключено, что надпись на манускрипте озвучивает-отзвучивает-содержит отголосок непосредственного, при «первом ответе Павла», участия-соучастия в (отложенном) деле Нерона летом 66г., до его отбытия (в дорогу на Грецию) в августе/сентябре и вручения им всех римских дел-полномочий Гелию (с Поликлитом).

³ Не было ли рождение Христа на кресте и с креста в ауре Земли, в момент Его крестной смерти, разрешением от бремени!

Причём именно в Ефесе, где с 67г. — года мученичества Павла и Петра, года (предположительно) 33-35/36-летия Тимофея, начнётся 33-летняя (небезотлучная) деятельность Лазаря-Иоанна = Иоанна Богослова — автора составленных в 90-е гг. Ив. Иоаннова Евангелия Евангелий (93г.?), Трёх Посланий (93 — 95гг.?) и — 96г. — Апокалипсиса — Книги Книг в Книге Книг. И если Пётр с Павлом или Павел с Петром — первоверховные, как называет их христианская традиция, Апостолы Христовы, к-рые не могли не принять мученичество и не могли принять оно не в Риме, то (воскрешённый-посвящённый Самим Христом Лазарь) Иоанн Богослов — Апостол Апостолов (брат-близнец Марии Магдалины — Апостолицы Апостолов, к-рая присоединится к нему в Эфесе в 70-е гг. Ив.) = эфесский пресвитер Иоанн — не мог не завершить (как последний из Больших Апостолов) Век Апостольский именно мирным Успением, именно в Эфесе, и именно 24.06.100г. н.э. — в день рождения 24.06.1г. н.э. Иоанна Предтечи-Крестителя.

И неспроста, как Иоанн Креститель суть предтеча Иисуса Христа, так, под вполне определённым углом зрения, *ойкуменист* Павел суть предтеча (выведшего христианство из ойкуменических на вселенские-космические горизонты) *космиста* Иоанна Богослова. То-то, если Климент Римский («1Кор.» 5,6/7), Игнатий Антиохийский («Посл к Ефесянам» 12), Поликарп Смирнский («Посл к Филиппийцам» 9) говорят о мученическом венце Павла, не приводя подробности, а Дионисий Коринфский (ок. 170г.) у Евсевия (И.Ц. 2,25,1-8) свидетельствует о мученичестве Петра и Павла в одно и то же время в Риме, то Тертуллиан первым называет «Римскую церковь счастливой, ибо в ней учили и погибли Пётр и Павел, увенчанный смертью Иоанна» («Adv. haeres.» 36). Т.е. речь идёт об Иоанне Предтече-Крестителе, усечённом-обезглавленном мечом 31.03.32г., тогда как Павел был усечён (по прошествии 35-и лет, на 36-м году от казни Иоанна Иродом Антипой) мечом (в один день с распятым вниз головой Петром) 29.06.67г. (см. ниже).

И негоже полагать-предполагать, что, мол, епископ Эфеса с 64г. Тимофей, мученичество к-рого предание (одно из преданий) датирует временем ок. 80г. (не правильное ли предположить время ок 85 — 90гг.?), «потеснился» перед Иоанном Богословом, или чуть ли не «передал» перед своим мученическим концом епископство Иоанну Богослову. Отнюдь, поскольку почётный пресвитерский ранг Иоанна, к-рый есть, несомненно, одно лицо с дожившим до глубокой 100-летней старости эфесским пресвитером Иоанном (известным в 90-е гг. Ив.), ни в коей мере, не мешает единовременному епископству Тимофея в Эфесе (диаконы; епископы; пресвитеры), на к-рое, т.е. на епископство, (пресвитер) Иоанн никогда, имея именно пресвитерский, плюс к тому, особый пресвитерский (Лазарев!) статус, не притязал.

Однако связующим эфесским звеном между Павлом и (по-своему, преемствовавшим подготовившему-приготовившему для него Эфес Павлу) Лазарем-Иоанном является именно Тимофей — ученик, к-рому Павел адресовал своё завещание, обретшее место в новозаветном каноне, как написанное и отправленное-переданное Павлом из его Вторых римских уз Второе (пастырское) Послание к Тимофею, кого он (с кем рядом только навещающий его в узах Лука) просит прийти в Рим, чтобы дать ему заключительные наставления, и привести с собой Марка, кто нужен Павлу для служения (4,9-11).

* * *

Впрочем, начнём с 1-й главы 2Тим. Это своё предмученическое Послание Павел начинает с напоминания о том, что Христос есть жизнь вечная, в связке с началом предыдущего написанного Павлом год назад, летом 65г., из Эфеса, пастырского Послания к Титу на Крит, где говорится о «надежде вечной жизни» (1,2), предназ-

наченной человеку изначала, обетованной Адаму в раю и возвещённой Иисусом Христом – Вторым – восставшим из мёртвых искупителем человека и человечества – Адамом = Адамом Кадмоном.

Согласитесь, здесь налицо примечательная деталь в ракурсе хронопоследовательности-хроноочерёдности Павловых Посланий, несмотря на каноническо-нехронологический порядок следования Посл. к Титу – в не по хронопринципу укомплектованном Каноне – за 2-м Посл. к Тимофею.

И если в П. к Титу надежду вечной жизни неизменный в слове Бог обещал «прежде вековых времён», то в 2Тим. – поступательно, по нарастающей – Христос есть жизнь вечная: от Первого = перстного-тленного Адама ко Второму = неперстному-нетленному Адаму: первый Адам – душа живущая; последний – дух животворящий; первый – от земли; последний – от Господа (1Кор.15).⁴

Тимофей – «возлюбленный сын» (1,2) – любимый ученик Павла (как Лазарь – ученик, к-рого любил Господь!), к кому Павел обращается не иначе как к возлюбленному сыну, с благодатью, милостью, миром от вышних Отца и Сына, благодаря Бога (3), К-рому он служит от прародителей – израэлитов-вениаминитов-иудеев (не колено ли Вениаминово осталось с мессианским коленом Иуды, отделившись от пленённых ассириянами 10-и колен и затем репатриировавшись вместе с Иудеями из Вавилонского плена!)⁵, чем подчёркивается преемственность христианства от иудаизма, Нового Завета от Ветхого.

Павел непрестанно вспоминает о Тимофее в своих молитвах, в узах, днём и ночью (1,3), и помня о его слезах в связи с его тяготами-трудностями в прошлом, хочет видеть его (4). Он отдаёт должное «нелицемерной вере» Тимофея (5), унаследованной-воспринятой им с детства (3,15) от бабки Лоиды (*лучшая; высшая*) и матери Евники (*добробобедная*) (см. выше).

Вовсе не исключено, что эти еврейки-иудеянки-израэлитки Диаспоры (родом из ликаонской Листры?), мать и дочь, были (хотя женщины не обязывались к паломничеству) на пятидесятничном поклонении в Иерусалиме, в 33г., в день первой христианской Троицы, в день сошествия на Апостолов пламенеющих языков

⁴ Не кульминировал ли Первый Адам, точнее, его позитивная ипостась, в Иисусе Соломониде (Заратустра), в самой зрелой индивидуальности человечества, кто (Христос Земной – Царь Царей) пожертвовал свою уникальную индивидуальность Иисусу Нафаниду (Кришна) – единственной негрехопадшей-безгрешной индивидуальности человечества (Христос Земной – Пастырь Пастырей), впервые явленной во плоти во Втором Адаме – в невинной сестринской душе Адама?! Не была ли это – на Пасху 14г. н.э. – первая (Малая) жертва отрока-мужа за заповеданность Истины всей, Которую воплощал-олицетворял собой Иисус Нафанид – душа, упасённая в Великой Материнской ложе человечества и принесённая с Неба на землю из лона Отца – Логос, соединившийся посредством пасхальной жертвы 14г. с Софией, носителем К-рой был Иисус Заратустра!

Спустя же 15 лет и 9 месяцев, в водном Крещении на Иордане (элемент Воды), когда индивидуальность Заратустры покинула телесные оболочки Иисуса Нафанида, подготовив Его перед тем к приятию в себя Бога (Христа Небесного), свершилась инкарнация в человеке Духа Солнца – 6.01.30г. н.э. А через 3 года и 3 месяца жизни на земле (элемент Земли) в человеке, вочеловечившегося-вочеловеченного (становление Пространства Временем) Бога Живого (Божественного Духа Солнечной системы), в Таинстве Голгофы 3-5.04.33г., возымела место величайшая Мистерия Мистерий Жертвенной Смерти (Великая жертва Мужа за Подательницу Любви – Сокровенную Женственность) и Воскресения Христа Иисуса (становление обновлённого-одухотворённого Времени одухотворённым-обновлённым Пространством). И таинственный апогей этого Воскресения составили, в рамках целокупной Мистерии Голгофы (от дуалистического Рождества Христова), по восходящей, Вознесение (элемент Воздуха) Господне и Пятидесятница-Троица (элемент Огня)!

⁵ Не происходил ли Савл/Павел (карма Саула!) из колена Вениамина и дома Саула, как Иисус – из колена Иуды и дома Давида?!

Духа Святого, и оказались в числе внявших Петру 3-х тыс. обращённых. Вышла ли Евника после этого в Листре замуж за Еллина, отца родившегося в 34г. Тимофея? если, разумеется, Тимофей родился в 34, а не в 30 – 33гг.? (что, т.е. его рождение ок. 31г., опять-таки, нисколько не препятствует иерусалимскому паломничеству Лоиды и Евники в осевом 33г.) – неясно. Или их обращение имело место позднее – во второй половине 30-х гг. – в Листре? в Тарсе? в Антиохии?

Так или иначе, Тимофей с детства был приобщаем бабкой и матерью, еврейками, к-рые стали христианками, к Священным писаниям Ветхого завета (3,15), в чём, кстати, можно, при желании, углядеть перекличку с установлением иудейского первосвященника Иошуа б. Гамала (63 – 65гг.) об обязательном обучении израэлитских детей Торе в школах с раннего 5/6-летнего возраста (см. выше), что Павлу, пишущему 2Тим. в ббг., известно, или, по крайней мере, очень даже может быть известно.

И снова в объективе эта особая роль женщин в христианстве, хотя, повторим, сегодня строгого *домостроевца* Павла нередко пытаются сделать женоненавистником. Но с тех пор как женщины и Иоанн (отлично от разбежавшихся накануне учеников) стояли при кресте Иисуса, с тех пор как женщине, Магдалине, Воскресший явился первой, с тех пор как жёны были у пустого гроба, патриархальная и патримониальная ветхозаветная культурная парадигма изменилась, вернее, она метаморфизировала-преобразилась.

А далее, в 47г., юный Тимофей мог сделаться свидетелем проповеди и каменования Павла в Листре (где тот проповедывал вместе с Варнавой), что подвигло его к уверованию тогда же – в 47-м, или вскоре – в 48/49гг. При всех случаях, в 51г., когда оснащённый решением Апостольского собора полномочиями Апостола язычников Павел отправился в своё Второе миссионерское путешествие и, придя в Листру, взял с собой рекомендованного тамошними братьями Тимофея, обрезав его ради (миссионерской работы среди в т.ч.) иудеев, ок. 19/20-летний (или ок. 17-летний) Тимофей уже был (хорошо зарекомендовавшим себя) христианином.

И Павел одновременно указывает любимому ученику на необходимость «возгревать дар Божий» (6), к-рый в Тимофее через рукоположение его Павлом как в 64г. в епископы (в институциональном смысле), так и – шире – в проповеднико-миссионеры – с 51г. И затем – увещание-наставление – не стыдиться в любых условиях, при любых обстоятельствах, ни свидетельства Господа Иисуса Христа, ни Христова узника = узника за Христа Павла, но всегда страдать с благовестием Христовым, к-рое самим Павлом страдательно избрано до конца его дней в духе не боязни, а силы и любви и целомудрия (7/8).

Ведь безгрешный Христос спас нас, грехопавших и грешных, не по делам нашим, нет, Он спас нас по Своим изволению и благодати, Своею добровольною жертвою за нас. И благодать Его, данная нам в Нём прежде вековых времён – ипостась единосущного Отцу Сына – открылась Его явлением как Спасителя, «разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие» (9/10).

Павел манифестирует центральную Мистерию христианства – разрушение Победителем Христом смерти, в плену у к-рой человек и человечество находились, через поправление смерти смертию, через Воскресение в жизнь нетленную, в жизнь вечную (что, с др. стороны, вовсе не отменяет отнюдь не чуждые христианскому формату карму и реинкарнацию), в чём и сущность, и главная суть Христова благовестия, к-рое, по большому счёту, и есть светлое Воскресение Христово!

Вот на чём, перво-наперво, заиклена проповедь Павла – Апостола и учителя язычников (11), вот в чём его, не знавшего Христа в земной жизни, его, гнавшего церковь Христову совиновника каменования Первомученика Стефана, его, обращённого непосредственно Христом через солярное ослепление и солярное прозрение на пути в Дамаск, его – 13-го Апостола, особая миссия. Путь христианского

вероучения в души язычников, выведение онога за пределы храмовых Иудеи и иудейства, за границы еврейского гетто (дни-годы к-рых в запольхавшей Палестине сочтены) в мировую Греко-Римскую ойкумену (формат Imperium Romanum) и дальше — до краёв земли, что без Павла не осуществилось бы, что без него непредставимо, и что ему, чей личностный путь подходит к концу, блистательно удалось.

И вот за что Павел сейчас страдает как незаслуженно, так и вполне по заслугам (парадокс!), и чего нисколько не стыдится, поскольку сознательно избрал этот единственно верный безальтернативный путь (не оставляющий иного выбора), зная в Кого уверовал и будучи силён «сохранить залог мой на оный день» (12). Слышанное Тимофеем от Павла учение = павлианское христианство, образца к-рого Тимофею надлежит держаться (13), хранимо «живущим в нас» (14) Духом Святым — третьей ипостасью Троицы — с целью освящать людей.

А ниже следует прискорбное сетование узника на то, «что все Асийские оставили меня» (15), в числе к-рых называются некие ближе неизвестные Фигел (*беглый*) и Ермоген (*рождённый Меркурием*), о чём Тимофей, судя по Павлову слову, уже знает. Т.е., если Вторые узы начались в мае (66г.), тогда как 2Тим. пишется спустя ок. трёх месяцев, в августе, значит, Асийские и, в первую очередь, знакомые Тимофею два ефесянина (причём, судя по имени минимум одного из них, обращённые из язычников), покинули Апостола с началом его Вторых тяжких и небезопасных для сподвижников (соучастников) уз, дистанцировавшись от него и не дав, как выясняется из 4,16, показаний в его пользу.

Прибыли ли эти асийцы с Павлом в Италию из Никополя? или примкнули к нему в ПUTEОЛАХ? в Риме? — вопросы. Однако, разбежавшиеся от него, оставившие его (как ученики оставили-покинули Иисуса в Гефсиманском саду!) асийцы и не только асийцы явно устрашились тяжести выдвинутых против него, на сей раз (не в пример Первым лёгким узам), обвинений, тяжести его темничных уз, при к-рых контакты с узником («злодеем»), тем паче, свидетельства в его пользу, грозили обернуться для контактирующих, уж не говоря о свидетельствующих, сопривлечением их к ответу и к репрессиям против них самих.

И вместе с тем, недостойному поведению убоявшихся Фигела с Ермогеном противопоставляется достойнейшее поведение Онисифора (*приносящий пользу*) — «за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих» (16). Т.е., прибыв в Рим, когда, насколько выводится из 1,17, Павел уже был в узах, он с великим тщанием искал и нашёл Апостола в застенке (июль/август 66г.), не страшась навещать-посещать и покоить-утешать его. Об этом Тимофей ещё не ведаёт и теперь уведомляется в Послании.

Онисифор и его дом (4,19) были хорошо знакомы им обоим, не случайно Павел в 1,19 говорит об Онисифоре: «а сколько он служил (мне) в Ефесе, ты лучше знаешь». Соответственно, речь идёт об Онисифоровом служении Павлу в Эфесе в 54 — 57гг., в дни-годы продолжительного эфесского служения самого Апостола, и, вероятно, в 64/65гг., в ходе двух заключительных посещений Павлом Эфеса, с рукоположением Тимофея в епископы (64г.) и последним-прощальным служением там (65г.).

По церковно-христианскому преданию, Онисифор — один из 70-и, впоследствии был епископом в азийском Колофоне, или в одной из ойкуменических Кесарий — Каппадокийской? Палестинской? Филипповой? после чего принял мученический венец в г. Парии, на берегу Геллеспонта, куда отправился благовествовать язычникам, за отказ воскурить фимиам языческим идолам.

* * *

Во 2-й гл. 2Тим. Апостол говорит об изустром преемстве вероучения — от него — Павла — к Тимофею, к к-рому он обращается «сын мой» (2,1), призывая его

укрепляться в благодати Иисусом Христом и передать слышанное им от Апостола тем, к-рые могут, к-рые способны научить других (2). Таков путь благовестия, таковы веси распространения слова Божия среди людей.

Павел призывает Тимофея уподобиться стойкостью своего служения дисциплинированному-целеустремлённому воину (3). И перед глазами тотчас возникает облик римского воина – лучшего солдата мира (к-рый покорил половину мира, к-рый локально проиграл в Палестине осенью 66г., чтобы одержать победы – малую галилейскую – в 67, и большую иерусалимскую – в 70гг.). И воин не связывает себя делами житейскими, полностью отдаваясь воинскому долгу, в угождении военачальнику, как воин Христов под началом Христа Иисуса (4). Так облик римского воина преобразуется-перерастает в образ *рыцаря Господня*, в образ *рыцарского служения Господу!*

Ниже, в стихе 5, следует знаменательный переход с воина на образ даже не столько (согласно выражению экзегетов) спортсмена, сколько именно универсального состязателя (5), кто, если он идёт против правил, – подвизается незаконно, почему не будет увенчан и награждён. Не вызывает ли это в воображении состязания на Олимпийских играх, к-рые, к слову, на момент написания 2Тим. (август 66г.), либо уже состоялись в 65г., либо были отложены на 67г. специально ради Нерона, и на к-рых у противоборозного павлианскому состязателя Нерона всё получилось в 67г. с точностью до наоборот. Он следовал-действовал против правил, начиная со сроков проведения Олимпиады, будь то отложенная или внеочередная, и заведомо победил во-на всех состязаниях, ненадолго-преходяще увенчанный и награждённый всеми наградами, дабы вскоре быть вычеркнутым, как и устроенные для него игры, из списков-перечней олимпийских победителей и (со своей неурочной искусственно деланой-сделанной олимпиадой, равно прочих агонев Большого Обхода) Олимпиад!

На август/сентябрь 66г. этого ещё нет, но Нерон уже отправился в гастрольный греческий путь-воаж-тур, и не удивительно, что один из образов томящегося в Мамертинском каземате (провидца) Павла перекликается с ним, с тем, что ему, Нерону, незаконному состязателю и перспективному дисквалификанту, скоро предстоит. И Павел хочет, чтобы Тимофей на своём поприсе подвизался так, чтобы быть – по-настоящему, чтобы быть воистину увенчанным.

А дальше метафору состязателя сменяет образ-метафора «трудящегося земледельца», к-рому «первому должно вкушать от плодов» (6), что соответствует, в т.ч., конкретному сезонно-историческому формату. На дворе позднее лето, или лето/осень 66г. – время сбора урожая (в Европе) и собирания плодов, когда положившему на их взращивание труд земледельцу положено первому вкушать от них. И залог успеха избранника-благовестника, в ракурсе всех трёх образов-метафор, – воина, состязателя, земледельца – праведная целеустремлённость, без уклонов-наклонов вправо или влево на пути канатоходца, кому должно пройти, с Божьей помощью, четыре четверти пути над ареной, без, помимо Господа, страховки: «Да даст тебе Господь разумение во всём» (7).

В комментарии «Брюссельской Библии» читаем: «Благовествование требует усилий и труда, как усилий и труда требует военная служба от воина, ремесло борьбы от борца, обработка полей от земледельца; но труждающийся не лишается своей надежды, и благовествователь примет венец Христа, из мёртвых воскресшего и паки грядущего во славе» (2Тим.2,3-8, с.2067).

В стихе 8 напоминание о благовествовании воскресения Иисуса Христа – от семени Давидова, в чём, в частности, полемика с разводившим Сына Давидова и Сына Божия люциферическим гнозисом, по формуле, высказанной в отношении Тайнства Непорочного зачатия и беспрецедентного феномена Христа Иисуса в I/

Пвв. Игнатием Антиохийским: «из семени Давидова, но от Святого Духа». Не эту ли манифестацию предваряет и к ней примыкает Павлово благовествование воскресшего из мёртвых в Первом Адаме Адама Второго = свершившаяся во Христе Мистерия Адама Кадмона! К-рая нисколько не в противоречии с земным рождением Иисуса от-из семени Давидова!

Именно Воскресение, без К-рого, по Павлу, – «и вера наша тщетна», есть эпицентр и экстракт христианского вероучения и учения-проповеди Павла, кому, повторяем, на пути в Дамаск, к-рый должен пройти каждый христианин, явился, ослепив его и тем одновременно сделав зрячим, воспринятый им (к счастью для него, *извергом*, плюс – фарисейским посвящённым) именно Воскресший Христос, возможность распятия К-рого на кресте он, фарисейский посвящённый, ранее неистово отвергал, пока не удостоверился в чуде Воскресения, ослеплённый и прозревший, воочию!

Вот за проповедь чего Павел страдал и страдает до уз, ныне куда более тяжких, нежели прежде, страдает, как злодей, видимо, в подземелье, прикованный цепью: «но для слова Божия нет уз» (9). Не он ли сораспялся Христу и, значит, совоскрес со Христом, воскреснув и обретя жизнь новую во Христе, чтобы прожить после пережитого им в возрасте ок. 31-го года (или на 31-м отроду году) дамасского откровения-сокровения (34г.), трудясь на новом поприще, ещё 33 года (67г.). Ведь если 31 год – возраст Иисуса Нафанида, то 33 года – возраст Иисуса Соломонида на время Таинства Голгофы! И эти возрастные величины, оба этих срока, не могут в жизни Павла, кто всё терпит ради избранных, ради получения ими спасения во Христе (10), не присутствовать, не могут её не определять!

«Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживём» (11). Верующий отождествляется со Христом и более не разотождествляется с Ним: в обращении-крещении, к-рые есть новообретение себя = второе рождение свыше, в духовном обновлении, в дальнейшей деятельности во славу Господню, в страданиях, в смерти, в воскресении. В терпении и в силе духа, позволяющей не отречься от Христа (12). Христос пребывает верен всегда, даже когда мы неверны, – «ибо Себя отречься не может» (13).

В 2,14 Тимофеей предостерегается от вредных словопрений и споров, или, фигурально выражаясь, от участия в балаганах, подобных современным ток-шоу, где под видом дискуссий, с обычно заведомым-запрограммированным результатом, изрыгаются кубометры блудословия в псевдоспорах-псевдополемиках, в к-рых никак не рождается и не может родиться истина, к-рые вообще не нужны носителю-преподавателю слова истины от Бога (15).

И действительно, не уподобимо ли «непотребное пустословие» (16) столь актуальной сегодня раковой болезни!? Не метастазирует ли слово-ложь, к-рое есть надругательство над Логосом, сродни раковой опухоли, отравляя-губя души духовным раком (17)! И в качестве примеров носителей этого вирулентно-онкологического (или, выражаясь совсем на суетную злобу дня – коронавирусного) лжеслова-лже-свидетельства Павлом называются знакомые Тимофею – Именей (*принадлежащий Гименею; брачный*) и Филит (*любезный*).

Об Именее упоминается и в 1Тим.20, где, пишучи к Тимофею в Эфес из Филипп в 65г., Павел напоминает, что предал сего Именей сатане = отлучил – в паре, «чтоб они научились не богохульствовать», с Александром, о ком из 2Тим.4,14 узнаём, что последний – медник, сделавший Павлу много зла, т.е., вероятно, затаивший на него злобу и давший, с началом Вторых уз Апостола в Риме, показания против него.

В чём их, Именей, Александра, Филита, богохульство заключалось, из 1Тим.1,20 неясно, но в 2,2,18 об Именее и Филите сказано, как об отступивших от истины, поскольку они говорили-учили, «что воскресение уже было», и тем разрушали в

некоторых веру. Здесь экзегеты обычно усматривают отрицание физического воскресения Христа, что, как читатель знает, есть воскресение Фантомного Тела в обезвещественном-катарсисном физисе, в к-ром Христос эфирно явился Савлу на пути в Дамаск и в к-ром Он грядёт в пору (неодноэтапного) Второго (эфирного) Пришествия (к-рое началось для Савла, сделав его Павлом, на пути в Дамаск!)

Однако, разве речь в Посл. об отрицании воскресения Именеем (Александром) и Филитом? Никак нет: согласно тексту, они учат, что Воскресение *уже* было, а не *как* оно было. Т.е., по всему, их и медника Александра ересь – не в отрицании воскресения (какого? – текст не уточняет), но в отрицании Второго пришествия, так как слово Павла акцентирует, сообразно их лжеучению, воскресение в прошлом (в прошедшем времени) без грядущего, под чем может пониматься только Воскресение в связи с эсхатологией Второго пришествия, Тысячелетнего царства Христова и иной Апокалиптики, краугольную воскресенскую компоненту к-рого/к-рых названные ересиархи отвергают.

И тем самым они отвергают истинную веру, подлежа отлучению от Церкви Христовой, от к-рой такого рода больные гангренозные члены должны быть отсечены посредством ампутации, чтобы не погубить всё тело Церкви (– невесты Христовой), в то время как экстремально гностическое отвержение телесно-фантомно-физического воскресения есть отвержение ключевой воскресенской доктрины христианства. На её проповедь и защиту Павел положил жизнь, за неё он борется и передаёт, предчувствуя свой близкий конец, эстафету этой борьбы любимому ученику – Тимофею. И как Господь отделил Своих от чуждого Ему в ветхозаветную пору ищественного мятежа Корея, так и в пору новозаветную, на ином уровне, – «отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа» (19).

Метафора сосудов в большом доме, золотых и сребряных – для почётного употребления, деревянных и глиняных – для низкого, у каждого из к-рых своё назначение, отражает объединяющую разных людей с разными способностями церковную паству. И личностное превосходство одних над другими, одних групп над другими группами тут не главное. Главное – каждому на своём месте – быть благопотребным Господу чистым сосудом в чести, «годным на всякое доброе дело» (20/21).

В стихе 22 снова напоминание о молодости Тимофея и предостережение от присущих-свойственных молодости похотей-соблазнов (в возрасте 5-й срединной, в составе 9-и, жизненной семилетки – 28 – 35 лет, когда искушения опасны больше, чем когда-либо, и когда побеждающий мир Христос взшёл на крест), с призывом держаться правды веры в чистоте сердца, к чему присовокупляется очередное предостережение от невежественных состязаний-словопрений, рождающих споры (23). И вновь тема крайне актуальна в связке-увязке с современным словоблудием.

Рабу же Господа, в смысле служителю-наставнику, ибо слово «раб» здесь суть формула смирения, негоже предаваться ссорам, потому как христианскому учителю должно быть приветливым и незлобивым, дабы наставлять противников с кротостью, давая-предоставляя им шанс для «покаяния и познания истины» (24/25).

Лишь кроткое наставление заблудших в силах освободить их «от сети диавола» (26), улавливающего слабые подверженные искушениям души колеблющихся в свою пагубную волю, задача противоборствовать к-рой – священная обязанность Христова наставника, одного из к-рых Павел подготовил-рукоположил, пастырски-завещательно наставляя его на дальнейшую пастырскую деятельность, в Тимофее = *чтущий Бога*.

«Последние дни — в которые — наступят времена тяжкие» (3,1), не раз упоминаемые в новозаветных книгах, это — и отдалённое-далёкое будущее, и завтрашний-послезавтрашний день, так как христианам и, в первую очередь, ответственным за паству христианским пастырям, одним из к-рых является завещательно напутствуемый Павлом Тимофей, необходимо бдить и бодрствовать всегда, не расслабляясь и ни на минуту не забывая о пастве.

И следующие далее людские пороки, к-рые называет-перечисляет Павел (2-7), тоже свойственные людям, сопровождают людей на протяжении тысяч лет, представляя собой соблазны (от супостата) неизбежные, по-разному, в каждую эпоху актуальные, когда зло и грех выступают как напрямую, так и под масками.

А приложительно к Тимофею и тяжким временам, к-рые предстоят ему, его эфесской пастве и всему христианству оставшихся десятилетий IV н.э., — впереди конец Нерона и смута 68/69г., разгром Иудейского восстания, конец Храма и всякой автономии еврейства Палестины (где Павлу не удалось побывать в 66г. с Тимофеем). Вследствие этого грядут большие изменения и в жизни еврейской Диаспоры, к-рая значительно вырастет за счёт беженцев и мигрантов из Св. Земли, что затронет также, через приток иудеохристиан из сиро-палестинского региона, общины христианские. И сама еврейская Диаспора, ранее более эллинизированная, нежели евреи-иудеи в Эрец-Исраэль, теперь начнёт становиться консервативным оплотом раввинистического иудаизма.

Данные и др. процессы, так или иначе, касающиеся и еврейства, и христианства, начнутся с и после 70г. н.э., идя в рост до поражения восстания Бар Кохбы в 132 — 35гг., с каких пор мировое Рассеяние, стартовавшее в 70г., делается основной формой дальнейшей экзистенции еврейства. И христианские общины ожидают новые испытания как в отношении гонений со стороны римских властей, так и по вопросам иудействующих или различных лжеучений, будь то гностического, либо языческого толка-рода. Засим Тимофею и прочим христианским пастырям предстоят трудные времена, хотя никаких крупных преследований христиан при Флавиях, до конечных лет правления Домициана, когда Рим вновь обрушится на них именно как на отделённых от иудеев (сродни гонениям 64г.) христиан, окончательно перестав сводить тех и других во Пв., не будет.

И сказав о «всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины» (7) богопротивниках, Павел приводит пример Ианния и Иамврия, египетских волхвов-чародеев, антагонистов Моисея перед фараоном в эпоху Исхода. Этих персонажей в Книгах Ветхого Завета поимённо нет, зато они нередко фигурируют в еврейском талмудическо-мидрашистском предании, и иногда, с оглядкой на 2Тим., — в христианских апокрифах. Хорошая же информированность Павла о них свидетельствует о прекрасном знании им, посвящённым фарисеем, еврейской апокрифики.

Оба эти чародея, имена к-рых стали нарицательными, противились богоугодному Исшествию израэлитов из Египта — метафоры магического декаданса, откуда Израиллю непременно надлежало изойти, взяв с собой непочатую египетскую мудрость и избавившись от цивилизационного балласта всего человечества. Зачем и для чего? Для обретения Завета-Закона, для обретения Земли Обетования и пестования телесности Мессии-Спасителя — на тернистых путях-дорогах богоизбранного народа к Исполнению Времён, к Мистерии Христа.

И если Ветхий Завет имеет дело с исходом богоизбранного народа — Сына Божия (К-рым не может быть никакой индивид, но только совокупный народ Божий), то для Нового Завета, олицетворение к-рого Бог человеческого Я — Иисус Христос, встреча человека с К-рым есть встреча с его высшим Я, актуален исход именно

богоизбранных индивидуальностей как индивидульностей. Или — в составе паствы индивидов во Христе, противники чего — опять силы, воплощаемые в новых условиях, на ином уровне, Ианнием (*говорящий*) и Иамврием (*море с нищетой? повстанец? отступник?*).⁶

⁶ Итак, Ианний и Иамврий — волхвы-чародеи при фараоне, подражавшие чудесам Моисея (обладатель-носитель эфирного тела *первого арийца* Заратустры, реинкарнационная кульминация к-рого — квинтэссенция авраамитов-израэлитов — царственный Еврей от Евреев — Иисус Соломонид!) и содействовавшие фараону в его противодействии Богу, они — ветхозаветно-апокрифический прообраз всех противников истины.

Притом еврейское предание (одно из апокрифических преданий), игнорируя-сдвигая хронорамки, знает их обоих, противившихся исходу израэлитов из Египта, преимущественно, как сыновей Валаама, к-рый появляется (в В.3.) лишь в конце 40-летки исшествного странствования Израиля в пустыне. Вместе с отцом оба брата-чародея предлагают фараону топить еврейских младенцев в Ниле, а сам Валаам советует царю устранить выжившего Моисея. Плюс к тому, интрижно провалившись, все трое уходят в Эфиопию (Куш), потом возвращаются и сопротивляются Исшествию, но, не достигнув цели, мнимо признают Моисееву правоту и делаются прозелитами, в действительности намереваясь вредить Израилю и дальше. Сворачивают народ на поклонение золотому тельцу, изготовленному Аароном (карма Павла!), и погибают во время избиения отступников верными Господу левитами (Исх.32,27).

Согласно другой традиции, эти волхвы-чародеи тонут с преследующими израэлитов египтянами в Черном море. Или — они — двое отроков-слуг, сопровождающих едущего на ослице Валаама к Валаку (Ч.22,22), следовательно, ещё живые-здоровые на исходе 40-а лет в пустыне («Таргум Иерушалми 1 Ч.22,22»). Т.е. единой традиции нет, при согласии различных преданий в том, что Ианний и Иамврий (не кармические ли Гелий и Поликлит?!) — антагонисты Моисея (Пётр).

«Ялкуп Реубени» (ed. Amsterdam 1700): «Нечестивый Валаам добывал свою силу (букв. — тянул-вытягивал её) из двух заглавных букв имён его сыновей — Мамре и Иохани, к-рым противостояли носители тех же букв в именах — Моисей и Иошуа» (148а). «Ялкуп Шимони к Исх.2,23; 1 §168 (556)» из «Хроники Моисея»: «Когда Фараон (сан-титул используется как личное нарицательное имя) стал царём Египетским, он был суров к своим подданным и в особенности не щадил дом Иакова, по совету Валаама и двух его сыновей». «Ялкуп Реубени» (146с): «Двое отроков были с Валаамом (Ч.22,22). Кто они? О них наши учителя, да будет благословенна их память, говорят: Иуннос и Иумврос — толкователи фараона. Некоторые учат, что они — сыновья Валаама». «Тарг. Иеруш. 1Исх. 1,15»: «Фараон видел сон: на одной чаше весов — Египет, на другой — Агнец, и чаша Агнца перевешивает. Он послал за волхвами и поведал им о своём сне. Главные из них, Ианний и Иамврий, истолковали сновидение так: «В общине израэлитов родится младенец, к-рый разрушит Египет».

Согласно «Моисеевой Хронике»: «На 3-м году жизни Моисей, воспитанник дочери фараоновой, сорвал с головы фараона корону и возложил её на себя. Волхв Валаам напомнил фараону о его вешем сне и предложил убить опасного дитя, к-рый-де, повзрослев, погубит Египет. Но Господь снарядил Архангела Гавриила, кто, приняв облик одного из египетских вельмож, отвратил фараона от убийства. Потерпевший неудачу Валаам удалился со своими сыновьями Ианнием и Мамре в Эфиопию к царю Никану, и когда тот воевал на востоке, они воцарились в стране вместо него. Возвратившись, Никан 9 лет осаждал свою столицу, где укрепился Валаам с сыновьями, и в пору осады умер. Однако на помощь Никанову войску пришёл Моисей, а войско провозгласило его царём, после чего столица была взята; Валааму же с сыновьями удалось, при помощи волхвовавний, бежать к фараону в Египет».

«Ялкуп Шимони к Исх.5,1 §176 (57д)»: «Моисей и Аарон пришли к фараону, вход во дворец к-рого охраняли два юных льва на железной цепи, миновать к-рых не мог никто. И вознёс Моисей над ними свой жезл и цепи спали с них и они покорно сопроводили Моисея с Аароном во дворец, радуясь им, как собаки радуются возвращению хозяина-земледела с поля. И спросил изумлённый фараон: «Чего вы хотите?» И Моисей с Аароном (кармические Пётр и Павел — К.3.) ответили: «Господь Бог Израилев прислал нас к тебе, велел сказать: «Отпусти Мой народ, дабы отслужил Мне». И фараон в страхе молвил: «Удалитесь ныне и приходите завтра». И призвал Валаама предсказателя, с его сыновьями, Ианнием и Иамврием».

«Ялкуп Реубени к Исх.7,11 (816)» из «Книги Зохар»: «Когда египетские чародеи увидели знамения и чудеса Моисея, они пришли к нему и пожелали стать прозелитами. Господь

И как последние противились Моисею в XVв. до н.э., так и «сии – современные Павлу и Тимофею преемники Ианния и Иамврия – противятся истине, люди развращённые умом, невежды в вере. / Но они немного успеют, ибо их безумие обнаружится пред всеми, как и с теми случилось» (8/9).

К слову, не показательна ли в 2Тим. тройственная парность негативных-отрицательных персонажей: Фигел и Ермоген, Именей и Филит, Ианний и Иамврий! Не налицо ли скрытая параллелизация с Гелием и Поликлитом – двумя замещающими отсутствующего Нерона неправедными начальниками, перед к-рыми Павлу должно засвидетельствовать истину!

И в стихе 10 Тимофей противопоставляется лжеучителям – противникам истины – как верный последователь Павла – «в учении, житии, расположении, вере, великодушии, любви, терпении, / В гонениях, страданиях, постигших меня в Антиохии, Иконии, Листрах...» (10/11). Как видим, речь тут идёт о проповеди Павла (вместе с Варнавой) в Антиохии Писидийской, в Иконии и в Листре во время его Первого

сказал Моисею: «Откажи им». Но Моисей, не вняв, взял их с собой, как и сказано: «И множество разноплеменных людей вышли с ними...» (Исх.12,38). Это были египетские волхвы во главе с Иунном и Иумвром». «Танхума» (1156): «Когда народ увидел, что Моисей долго не сходит с горы...» (32,1), и наступил уже 6-й час (= полдень), собрались 4 тыс. человек, те самые разноплеменники, вышедшие с Израилем из Египта, к-рые суть «пришельцы, обнаруживавшие прихоти» (Ч.11,4), и среди них два волхва – Иунн и Иумвр, волхвовавшие пред фараоном (Исх.7,11), к-рые пришли во главе народа к Аарону и сказали: «встань, и сделай нам бога, к-рый бы шёл впереди нас...» (= золотого тельца). «Ялкут Реубени к Исх.32,11 (106д)»: «На каком основании потребовали богопротивники сделать им золотого тельца? В действительности это были волхвы фараона Иунн и Иумвр, о к-рых сказано: «И призвал фараон мудрецов и чародеев; и эти волхвы египетские сделали то же своими чарами» (Исх.7,11)». Но ничего не добившись своим чародейством, они перешли к народу Моисея и обрезались, хотя, затаив вражду в сердце, подвигли народ на поклонение золотому тельцу». «Ялкут Реубени к Исх.32,28 (108е)»: «Сколько отпавших перебили Левиты? Сказано: «ок. 3-х тыс.человек» (Исх.32,28), под к-рыми надо понимать Иунна и Иумвра, равнозначных 3-м тысячам идолопоклонников».

«Ялкут Шимони к Исх.14,27, 1 §235 (73с)»: «В отличие от прочих поглощённых Черным морем египтян, чародеи Иохани и Мамре, при помощи крыльев, взлетели в воздух. И сказал Гавриил Господу: «Величием славы Твоей низложи восставших против Тебя» (Исх.15,7). И велел Господь Михаилу: «Соверши суд над ними». И Михаил истребил их над водами, как и сказано: «Ты расторг силою Твоею море, Ты сокрушил головы змеев в воде» (Пс.73,13). «Ялкут Реубени к Исх.15,7 (89а)»: «Величием славы Твоей Ты низложил восставших против Тебя. Ты послал гнев Твой, и он попалил их, как соломому» (15,7). Иохани и Мамре были два брата, сыновья Валаама и волхвы-чародеи. И они взлетели в воздух, и Михаил с Гавриилом, не могучи их одолеть, воззвали к Богу: «Эти двое поработили Твой народ и Тебе впору низложить восставших против Тебя, а теперь Ты не вершишь суд над ними». И сказал Господь одному из Ангелов у престола: «Соверши суд над ними». И Ангел снизошёл и море покрыло их, как сказано: «Ты дунул духом Твоим, и покрыло их море: они погрузились, как свинец, в великих водах» (Исх.15,10).

Позаимствованное из иудейской апокрифики христианское предание солидарно в характеристике-оценке чародеев с еврейским. В «Церковной истории» Филосторгия (ок.368 – ок.439гг.) Моисей карает Ианния и Иамврия и умертвляет мать одного из них (9,2). Согласно «Деяниям Пилата», египтяне почитали Ианния и Иамврия как богов, но они и те, кто им поклонялись, погибли, т.к. их знамения были не от Бога (5,1). В «Завещании Соломона» один из демонов говорит, что Ианний и Иамврий вызывали его (25,4). В «Вопросах Варфоломея» сатана называет Ианния и Иамврия своими братьями (2,4). В «Покаянии Киприана» диавол именуется великого мага Антиохии «новым Иамврием». Следуя греческим «Деяниям Св. Екктерины», Ианний и Иамврий занимались некромантией.

Языческий философ-неопифагорец Пв. н.э. Нумений назвал в своём фрагментарно сохранившемся сочинении «О благе» спор с Моисеем Ианния и Иамврия – египетских жрецов и писцов, прославившихся как маги (Евсевий «Праер. Evang. 9,8,1). Про свидетельство Нумения об Ианнии и Иамврии сообщает Ориген («Против Цельса» 4,51).

миссионерского путешествия (45 – 48гг.) – в 46/47гг. (Д.Ап.13/14) (см. выше), где совсем юный – не старше 14-16-и лет Тимофей, ещё не будучи обращённым, или обратившись ок. 47г., по всему, внимал проповеди Павла и оказывал ему поддержку в гонениях, к-рые Павлу тогда пришлось претерпеть от иудеев.

Притом ныне, по напоминании Тимофею о тех событиях 20-летней давности, из уст Павла, констатирующего, что Господь избавил его от тех гонений (11), напутственно звучит: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (12). Между тем, злыдни и обманщики, напротив, «будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь» (13), поскольку так, увы, устроен этот мир, к-рый победил пострадавший за нас, искупивший нас и восставший из мёртвых Христос.

Тимофей должен противостоять злу, опираясь на усвоенное им от Павла учение (14), зная, кому из пасомых им требуется *молоко*, а кому – *твёрдая пища*, и всегда пребывая в готовности парировать атаки на паству, защитить своих овец от лютых своевременно распознанных им волков, в какие бы ризы они ни рядились. Ведь представители паствы для доброго пастыря – не рабы, но суть друзья (Божии). И нет больше той жертвы, как если кто положит, по завещанию Христа, К-рый из доверенных ему учеников не погубил ни одного, принеся в жертву Себя, – жизнь и душу свою за други своя!

И тут как раз следуют слова о приобщении Тимофея, внука и сына еврейнок-христианок, с детства к Священным писаниям, – в чём его преимущество перед многими, и что может умудрить его – «во спасение верою во Христа Иисуса» (15). На повестке дня опять преемственность Заветов, Ветхого и Нового, канонических священных Книг к-рого пока нет, потому как они, отчасти уже составленные, пишутся ныне сердцами, и 2-е Посл. Павла к Тимофею станет в перспективе одной из них.

И если Тимофей силён знанием ветхозаветных писаний для, в т.ч., их посредством, укрепления и распространения новозаветных вероучения и веры, то недавнее постановление ветхозаветного архипастыря Иошуа бен Гамала (63 – 65) об обязательности обучения детей в школах закону с раннего возраста, призвано приковать этих детей к Ветхому Завету без Нового (с категорическим отторжением-отвержением какого-либо Нового Завета), цепями становящегося раввинистического Талмуда. Тоже своего рода преемственность и передача эстафеты уходящим первосвященством заступающему на его место в предводительстве (обезгосударственным и вскоре рассеянным-безземельным) еврейством раввинистическому иудаизму.

Тем временем, для христиан и христианства Ветхий и Новый Заветы неразъемлемы и взаимопреемственны, как они неразъемлемы и взаимопреемственны в Павле, Еврее от Евреев, сделавшемся ойкуменическим Апостолом язычников и звещающим Тимофею следующее:

«Всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления и праведности,

Да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (16/17).

«Б.Б»: «Священное Писание богодухновенно. Пастырь духовный черпает из него нужнейшее для учительства, для ограждения правой веры от заблуждений, для нравоучения и для христианского воспитания пасомых. Из богодухновенности Св.Писания вытекает его безошибочность. Безошибочно всё, что составители священных книг хотели, так или иначе, высказать, как истину для научения в вере, для исправления мыслей и воли, для наставления в праведности: они писали под прямым внушением Св. Духа...» (с. 2068)^{6а}

^{6а} Совет читателю вдуматься и понять-осознать следующее. Ярко выраженный христоцентризм Ап.Павла, или Лазаря-Иоанна, или Достоевского, ни в коей мере, не противоречит

В 4-й гл. Павел произносит торжественное заклинание к Тимофею «Богом и Господом (нашим) Иисусом Христом», вновь обращая взор к эсхатологии, повторим, неоднэтапного грядущего Второго Пришествия и суда Господня – «в явление Его и царствие Его» (1). И Тимофею надлежит проповедовать слово всегда, независимо от обстоятельств, во всякое время, задействуя-используя – и обличение, и запрещения, и увещавания – «со всяким долготерпением и назиданием» (2). Сим Тимофей благословляется Павлом на исполнение-выполнение миссии и полномочий, к-рые он получил, к-рыми он, любимый ученик, облечён через Павлово рукоположение в проповедника повсеместно слова Божия и епископа в любимом детище Павла – (в связанном с Пра-Индией, как Павел духовно связан с «Бхагавад-гитой» и буддизмом, христианском) Эфесе.

И опять говорится о трудных в узком и широком смысле временах, к-рые отчасти уже наступили и ещё наступят, когда здравого учения принимать не будут и будут избирать себе льстивых лжеучителей по прихотям (3), и обратятся вместо истины к слухам и басням (4). Это угрожает Церкви всегда и это в данном конкретном случае подразумевает как тяготы, предстоящие непосредственно Тимофею, так и шире, в рамках ближних и более отдалённых горизонтов, – лжеучителей, к-рые выступят ещё при Тимофее, и ереси, к-рые пышным цветом взойдут уже после Тимофея. Особенно – со дней Адриана (к-рый возводил повсюду пустые капеллы, пронзительно ищучи-ожидая «неведомого бога», *приглашая* его туда, но не находя, так сказать, исчезнувшую языческую божественность), когда, по прошествии столетия с Голгофы, уйдут из земной жизни не только Апостолы, а и все младшие современники Христа (и когда, в эпоху Анаэль-Венеры, всю расцветёт, в т.ч., люциферический гнозис).

Люди, знамо дело, вообще склонны слушать и слышать то, что они хотят услышать, часто предпочитая сладкую ложь горькой правде, уж не говоря об истине, или идя (наиболее комфортными) путями наименьшего сопротивления. Так было во все времена и так в особенности будет на долгом и тернистом пути утверждения христианских истин, причём Тимофей столкнётся с трудностями уже в ближайшее время, усугублённое уходом-отсутствием Павла, почему ответственность на него, поставленного и оставляемого Апостолом, ложится вдвойне, ложится двойная.

А насчёт басен и баек, – вот, к примеру, фундаментальные т.н. научные труды XIX/XXвв., посвящённые новозаветной истории и теологии, состоят не иначе как из баск, целенаправленно затёсанных на опровержение-развенчание (любой ценой) христианской традиции, не видящих в упор или не желающих видеть и слышать метаисторию, сделавших богословие лакейско-псевдонаучным подспорьем поповщины. Или (в лучшем либеральном случае) подменивших Богочеловека Иисуса Христа безобидным плотником из Назарета, максимум олицетворителем морально-этической-гуманистической кульминации в эволюции человечества, без какой-либо Мистерии, поскольку никаких таинств и чудес, извините-подвиньтесь, – не бывает.

Мол, столько веков наивные невежественные люди верили в тайны, таинства, чудеса, пока наука, дескать, их убедительно не опровергла (плюс космонавты, не встретив в небе Бога, скомпрометировали Его вживе и навсегда!). Что перед нами? Не наглядный ли пример посредством дешёвой (многоулённой) байки (из импульсов псевдогуманизма, рационал-материализма, атеизма или либерализма) объявить байкой Истину!

христоносно-прохристианенному антропоцентризму Мани (Манихейство), К(Х)ристиана Розенкройца (Розенкрейцерство), Штайнера (Антропософия).

Павла очень беспокоило распространение различных ересей-лжеучений = противлений Истине, на страже к-рой должны стоять достойные пастыри и братия. То-то Тимофей предупреждается быть бдительным во всём, стойко переносить неизбежные скорби, благовествовать и исполнять служение (5), будь то проповедническое, епископское, или всякое, какого потребует от него долг христианина, более того, христианского пастыря. И в 5-м стихе Павел делает на этом ударе, так как не сможет в скором будущем наставлять, укреплять, поддерживать любимого ученика, о чём говорится в следующем связно контрастирующем с предыдущим стихе: «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало» (6).

Здесь нам даётся крайне важный стих, в к-ром Апостол констатирует ожидающее его мученичество, причём буквальный перевод этого стиха с греческого («Ἐγὼ ὑάρ ᾗδῃ σπενδομαι, και ο καιρος της αναλυσεως μου εφειστηκε») гласит: «Я ведь уже возливаюсь (= проливаюсь, как жертвенное вино) и время (*каирос*) развязывания моего настало». Т.е. заключительный этап его персонального восхождения на персональную Голгофу начался, будучи, с началом Вторых уз, в ходу. И у Павла нет сомнений, что на сей раз (отлично от Первых уз и Посланий из этих уз), дело закончится для него, уже становящегося жертвой, смертью, ибо время его истекает, ибо время отшествия настало = возлияние жертвенного вина должно быть совершено, кровь его должна пролиться, и развязка с земной жизнью (подобно развязке новорождённого с материнской пуповиной) близка-неминуема.

При этом специально обратим внимание на слово «время» – (снова новозаветное) «каирос/кайрос», а не «кронос» (см. выше), к-рое тут содержит-отражает два и даже три смысла: 1) общий смысл, – поскольку земное отмеренное Павлу время исполняется-преходит (оно на пороге скорого исполнения-завершения); 2) таинственный смысл – «каирос» – квинтэссенция Павлова времени – 31 год (физический возраст Иисуса Нафанида на весну 33г. н.э.) до обращения, и, главное, 33 (физический возраст Иисуса Соломонида и сакральный возраст Христа на время Таинства Голгофы) года деятельности-служения после обращения-крещения; 3) специфически библейский смысл – хроноуточняющий – в ракурсе (известных) сроков – *время, времена и полвремени* – год, два года и полгода (от продолжительности знаменательной засухи в дни пророка Илии до Откровения Иоаннова, где 3 года и 6 месяцев = 42 месяца – сроки борьбы с супостатом).

И этот последний смысл в контексте 2Тим. содержит, помимо прочего, прецизацию: Павел понимает и открывает Тимофею, что жить ему осталось меньше года: «время настало», т.е. последний год его жизни уже в ходу, как оно и есть в реальности.⁷ Ведь, если Послание пишется в августе или в августе/сентябре 66г., то до мученического венца в конце июня 67г. Павлу остаётся 9/10 месяцев⁸, что крайне

⁷ Вспомним об интервале времени длиною в год между Рождеством Иисуса Соломонида 6.01.1г. до н.э. и Поклоением пришедших с Востока волхвов 6.01.1г. н.э., согласно представлению этого интервала в Мф.1,25; 2,1/2 (откуда, по наличному тексту, не создаётся, в присутствии нам обыденном восприятии времени, впечатление о годичном между данными событиями сроке). Или вспомним об интервале времени от бегства Св. Вифлеемского семейства в Египет в январе 1г. н.э. до его возвращения в Эрец-Израэль из Египта весной 2г. н.э., после смерти Ирода весной 1г. н.э. – Мф.2,14-23. Или в Ев. от Лк. – гл.3 – возраст Иисуса, к-рый был лет 30-и, начиная Своё служение (3,23), приложителен и к 6.01.30г., когда Иисус крестился (3,21), и к концу декабря 30г., когда Иоанн был заточён в темницу (3,20). Родившийся 25.12.1г. н.э. Иисус Нафанид принял крещение 28-и лет отроду, при начале 29-го года жизни, в день 30-летия Иисуса Соломонида, начав отсчёт своего 30-го возрастного года после 24/25.12.30г. – время заточения Иоанна – 27.12., и став 30-и (физических) лет отроду 25.12.31г. н.э.

⁸ Если же попробовать принять иеронимовскую хронологию мученичества Павла и Петра в 68г., то для написанных в августе/сентябре 66г. слов – «время отшествия моего настало» – до ограниченного смертью Нерона 9.06. первого полугодия 68г. – слишком и неестественно много времени.

актуально в связи с нижеследующими призывами к Тимофею — прийти к нему (к узнику Павлу) скоро (9), или, точнее, что озвучено присовокуплением в конце Послания, — (не медлить и) прийти (в Рим) до зимы (21), так как ученик Тимофей ещё не во всём наставлен, так как наставнику и ученику ещё необходимо встретиться и успеть совместно потрудиться перед необратимым расставанием-прощанием.

При всём том, не перекликаются ли эти остаточные 9/10 месяцев со временем чревоношения, чтобы в отношении *изверга*, кто родился недоношенным-семи-месячным, благодаря чему возмоз удостоиться Христова откровения на пути в Дамаск и тотально преобразиться, стать теперь сроками до разрешения от бремени жизни в смерти (семя вечной жизни!) того, кто срок переходил и носит под сердцем тяжёлый плод, но *родит* своим одухотворительным-оплодотворительным мученичеством *дитя* не мёртвое, а живое! Не родился ли принц Гаутама Будда, по одним преданиям, переносенным-десятимесячным, тогда как другие предания сообщают о его семимесячном рождении!

Оставив позади 31 год жизни до обращения-крещения, (30-летний, или на 30-м году в пору Таинства Голгофы весной 33г.) Павел не может прожить после его обращения-крещения (май 34г.) в возрасте 31 года больше 33-х лет, подвижнически прожив к-рые и замкнув в 63 года (9 x 7) *кольцо Сатурна* — 66г., он достигнет в 67г. сакрального возраста Христа (33 года) годами/летами своего 33-летнего служения, и поставит точку, вернее, многоточие в (совсем не случайно отмеренные ему Богом и жизнью на земле) 64 земных года (8 x 8), или на 64-м году жизни!

И написав, либо произнеся-продиктовав (Луке) означенные слова, Апостол язычников оглядывается назад с чувством, как говорят сегодня, выполненного по жизни долга: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; / А теперь готовится мне венец правды, к-рый даст мне Господь, праведный Судия, в день оный...» (7/8). В греческом — «течение совершил» = «пробежал положенную дистанцию». Опять спортивная терминология. Стайерская дистанция — позади; близкий финиш — впереди. И опять противоположная переключка-антипараллелизация с музыкально-спортивными искусствами отбывающего (летом/осенью 66г.) в Грецию на больше-обходные игры-гастроли 67-го г. Нерона (кто сценически упоённо изображал в Греции, в т.ч., разрешение от бремени = родовые муки Канаки!).

И для Павла уже приготовлена награда — венец правды-праведности, по аналогии с лавровым венком агональных победителей, равно кесарственного «победителя» — державного венценосца — антиподной Христу и его Апостолам креатуры *князя мира сего*.

Венец правды Павлу готовится победоносный и, наипаче, победоносный, потому что — мученический — за Христа и за непоколебимую веру в Него, в Его страдание, Воскресение из мёртвых, в Спасение чад человеческих во Христе!

Без этого венца правды-праведности, без увенчания этим венцом конец жизненного пути Павла, прожившего 33 года по формуле *«не я, но Христос во мне»*, непредставим-невозможен. Он предварил Иоанна Богослова в Эфесе, как Иоанн Креститель предварил в Палестине Христа, и ему должно умереть смертью Иоанновой (как Петру, в один день с ним, должно умереть смертью непременно крестной, смертью на кресте вниз головой, истолковав с креста тайну креста, как креста Первого Адама = креста грехопадения, и как креста Второго Адама — Иисуса Христа = креста Искушения и Спасения).

Таким образом, если с одной стороны, немного времени ещё есть, время ещё терпит, время ещё не вышло, то со стороны другой, — времени пронзительно мало, время истекает-выходит! Вот почему в стихе 9 2Тим.4, после вышеприведённых красноречивых слов, говорится: «Постарайся придти ко мне скоро». Вот почему Павел торопит Тимофея.

Итак, Тимофей нужен ему для последних назиданий и для служения в Риме.

И этот 9-й стих в сочетании с предпоследним 21-м стихом Послания, где Тимофей уточнительно призывается прийти в Рим, к Павлу, до зимы, подтверждают как то, что Послание пишется летом/осенью, или не позднее начала осени 66г., так и то, что жизненный путь Павла ещё не заканчивается наступающей зимой, тем более, что в стихе 13 следует просьба к Тимофею захватить с собой тёплое зимнее облачение для узника в холодном римском каземате.

Прийти «скоро» (9) и «прийти до зимы» (21), ибо зимой морское сообщение, после захода Плеяд, к середине ноября закрывается — *mare clausum*, и пусть отдельные суда всё равно плавают, собственно зимнее плавание — опасно. Посему в объективе и призыв к любимому ученику поторопиться в интересах общего дела, и забота о его безопасности. Причём тут явно не иудейско-палестинские мерки морского сезона с опорой на составляющий границу времени благоприятных плаваний сентябрьско-октябрьский праздник Кушей после Судного дня, но именно актуальный для эгейско-адриатического бассейна ноябрьский (до середины месяца) заход Плеяд, и даже буквальное сухопутное понимание слов «до зимы» — как до наступления первого зимнего месяца — декабря, т.е., если быть точным, — не позднее ноября.

* * *

А в 10-м стихе называются те, кто оставили томящегося с мая/июня 66г. в узах Павла — по уважительной или неуважительной причине. Димас (*популярный*), приветствовавший, вместе с Павлом и др. сотрудниками Апостола, Колоссян (4,14) и Филимона (23) в Павловых Посланиях от 63г. (из Первых римских уз), пошёл в Фессалонику, — «возлюбив нынешний век», иначе говоря, предпочтя мир сей, или — по сугубо личным делам. Поводы же и причины ухода упоминаемого в 2Тим. впервые Крискента (*растущий*), или хорошо знакомого нам Тита (*почтенный*), соответственно, одного — в Галатию, другого — в Далмацию, не указываются.

И скорее они оба были снаряжены туда (первый — в Галатию, второй — в Далмацию) самим узником Павлом, нежели, как Димас, ушли, «возлюбив нынешний век». В отношении, во всяком случае, чтимого христианской традицией Тита, давнего (с 51г.) и верного сотрудника Апостола, такое сложно вообразить. Напомним, что в 64г. Павел встретился с ним на Крите, где Тит далее трудился на миссионерской ниве до осени 65г., присоединившись к Павлу в Никополе Эпирском, проведя с ним там зиму и по весне 66г. совместно с ним прибыв в Италию. И вероятно, летом 66г. уже находившийся в узах Павел отправил его на проповедь в Далмацию = южная часть Иллирика, коротко початого Павлом из Македонии в 57г. (см. выше). Сходно, надо полагать, и Крискента сам Павел снарядил с поручениями в основательно известную-подотчётную ему малоазийскую Галатию.⁹

В стихе 11 Апостол обязывает Тимофея взять и привести с собой Марка, — «ибо он мне нужен для служения». Для какого именно служения — не уточняется, однако, оно, по нашему мнению, косвенно связано с поручением Тимофею в стихе 13 — «принести фелонь, к-рый я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные».

Вспомним, Марк — участник, совместно с его родственником (двоюродный брат) Варнавой, Первого миссионерского путешествия Павла, точнее, участник онога на первом этапе, кто, после миссионирования в 45/46гг. на Кипре, отказался в 46г. следовать с Павлом и Варнавой в Антихию Писидийскую и дальше, возвратившись из памфилийской Пергии в Иерусалим (Д.Ап.13,13) (см. выше).

⁹ Церковная традиция считает, что Крискент пошёл в Галатию, происходя оттуда родом, по снаряжению Павла, и стал в дальнейшем епископом Галатийской церкви, основанной Павлом, после чего побывал ещё в Галлии и Испании, приняв затем мученичество в Галатии, в правление Траяна. О Тите см. выше.

Притом нам ничего, как можно выяснить-уяснить при ближайшем рассмотрении, с учётом панорамного и хроно-расклада, не мешает предположить, что в Иерусалиме он присоединился к Петру, с к-рым в 46г. пошёл в Александрию, откуда они через Кирену, Африку и Сицилию вполне могли попасть в 47г. в Италию и Рим, где, следовательно, Пётр впервые побывал (или минимум мог побывать) в 47/48гг. (см. выше и ниже).

Касательно же Марка, христианская традиция делает, основываясь на предании (у Евсевия и Иеронима), его первым епископом Александрии Египетской с начальных лет правления Клавдия (41 – 54гг.): 1-й Клавдиев год – в армянском переводе евсевиянской «Хроники»; 3-й – в иеронимовской «Хронике»; 4-й – в Иеронимовом «De virris III.» 1).

И пусть столь ранние сроки очевидно ошибочны, так как Пётр с Марком почали Александрию явно после 45г. и не ранее возвращения Марка в Иерусалим из Пергии весной 46г., но 46-й г. в данном петрианско-марковско-александрийском контексте очень даже представим-приемлем. Причём т.н. оседлое епископство Марка – на ранних этапах, в куда большей мере, как и прочие Апостолы (Большие и Малые), именно странствующего проповедника – в Александрии началось лишь с 67г., после мученичества Петра и Павла, сопережитого Марком в Риме. В 50-е же гг. он, не взятый Павлом во Второе миссионерское путешествие и отбывший в 51г. с Варнавой на Кипр (Д.Ап.15,39) (см. выше), затем был, по всей видимости, спутником Петра, м.б., побывавшим с Петром в Коринфе и снова в Риме – ок. 55/56/57гг. Равно и в 52 – 54/55гг., и в 58 – 60гг. Пётр и Марк могли совместно (или не всегда совместно) миссионировать в М.Азии: Асия, Каппадокия, Галатия, Понт, Вифиния.

Так или иначе, в Первом Послании Петра, написанном ок. 61г. из междуреченской Вавилонии и адресованном христианам вышеперечисленных областей-регионов М.Азии, из чего надо сделать вывод, что Пётр миссионировал там раньше, есть упоминание Марка, находящегося рядом с Петром (5,13). Между тем, согласно Кол.4,10 (= Флм.23), Марк в 63г. обретается (с 62г.?) уже в Риме, при Павле, на исходе Первых Павловых уз, и намеревается идти к Колоссянам, к-рых Павел обязывает принять его.

Т.е., во-первых, прежние разногласия между ним и Павлом давно преодолены, и во-вторых, с 63г. местонахождение Марка – М.Азия, вернее, провинция Асия – Колоссы, или, в частности, Колоссы (ходил ли он из Азии до 66г. ещё куда-либо, к примеру, в епископальную для него Александрию? – вопрос), откуда, из Колосс, или из Эфеса, Тимофею надлежит-предстоит взять его осенью 66г., по настоянию Павла, с собой в Рим. Хотя «Хроника» Евсевия грубо ошибочно относит александрийское мученичество Марка (как видим, живого-здорового в 66г. и служительски подвигающегося в Азии) на 61/62гг., при том, что максимум (приложительно к данным датам) он теоретически мог побывать в 61/62гг. в Александрии на пути от Петра из Вавилонии к Павлу в Рим через Александрию (?).

Далее, фелонь (пенула; казула; плащ) – тёплая просторная одежда до пят из мягкой материи с единственным отверстием для головы, к-рая, конечно, насущно необходима Павлу зимой в холодном подземелье Мамертинской тюрьмы. Но, согласитесь, что просто тёплое зимнее облачение Лука, верный спутник-сотрудник Павла, кто на момент написания Послания, единственный с узником (10), наверняка уж как-нибудь мог бы раздобыть для сидельца Павла (у Лина, Пудента, Клавдия...) и в Риме. Неужели Тимофей должен взять у Карпа в Троаде, в первую очередь, фелонь и только потом книги кожаные, сугубо как, всего-навсего, тёплую зимнюю одежду?! Никак нет, и фелонь здесь явно в связке со священными книгами в кожаном переплёте, и назначение (у) фелони, необходимой в Риме (пусть узнику) Павлу, явно не только и не просто зимне-сугревное! Иначе говоря, над смыслом profana тут должен наличествовать-доминировать смысл sacra.

Не кроется ли под павлианской фелонью в 2Тим. предтеча дальнейшего верхнего богослужебного облачения (в древности исключительно белого цвета) первых христианских священников, епископов, патриархов, о к-ром Симеон Солунский (+ 1429г.) говорит: «Священная же фелонь являет высочайшую и подаваемую свыше силу и озарение Духа, так как светлость горних чинов преимуществует у тех из них, к-рые выше, означая также всеобъемлющую, промыслительную, всеизждительную и благодельную силу Божию, ради к-рой низошло на нас Слово и, воплотившись, претерпевши распятие и воскресши, горнее и дольное соединило собою в себе». И ещё Симеон присовокупляет, что фелонь символизирует собою хламиду и вретисе, в к-рую облачался Спаситель в земной жизни, а кроме того, – багряницу, в к-рую одели Иисуса Христа воины во время суда у Пилата.

Засим сакральные содержание и значение фелони не оспоришь. Спрашивается, – не было ли связано это требование Павла принести ему фелонь вкупе с кожаными книгами, из Троицы от Карпа, с его Павла (начатыми ранее) бдением-трудами во Вторых узлах над созданием-учреждением христианского культа? над созданием-учреждением основ христианского церковного богослужения? Вот почему ему и был нужен (для служения) рукоположенный Петром в епископы Александрии Марк (потомственно не чуждый иудейскому культу левит родом), кому (уже апробированному христианские священнодейственные начатки в ранге александрийского епископа) предстояло ввести этот богослужебный культ в (платонической) Александрии, именно откуда культовая служба должна была изойти и разойтись по христианским общинам-церквам Ойкумены.

И не был ли Марк автором Второго Евангелия (от Петра), не окончательный вариант к-рого, по всему вероятно, был на ббг. Павлу известен, в то время как Лука – автор Третьего Евангелия (от Павла), не окончательный вариант к-рого тоже на ббг. уже существовал. И при этом работа над Благовестами обоих Евангелистов продолжалась, тогда как автор Первого Евангелия Матфей (напомним) принял (о чём читателю известно) мученичество, предположительно, в Эфиопии ок. 64г.

Посему фелонь – в ббг. н.э. – предтечно священское облачение и, возможно (вопрос!), речь должно вести как о фелони, так и вторично о пенуле (дуализм!) – тёплом плаще, не в первую очередь, востребованном Павлом в его последнюю зиму в казематном Риме (так как собственно фелонь в тексте напрямую с зимой не связывается)?

* * *

О Карпе (*плод*), – надо понимать, члене христианской общины Троицы, откуда, из района древней Трои, стартовало в 52г. Павлово (по явлению ему во сне мужа Македонянина) ключевое открытие Европы (большее по значению, чем открытие Колумбом Америки!), и где Павел побывал на пути в Иерусалим весной 58г., и откуда он, видимо, отплыл в Никополь осенью 65г., когда и оставил в Троице фелонь, – дополнительных сведений нет.

Зато Тихик, о ком в стихе 11 сказано: «Тихика я послал в Ефес», т.е. в епархию Тимофея, известен из Д.Ап.20,4, Еф.6,21, Кол.4,7, Тит 3,12. В Д.Ап. он – асиец, ефесянин, как и Трофим, сопровождавший Павла из Македонии до Азии в дороге, по весне 58г., на Иерусалим, но в отличие от Трофима, он, похоже, сопровождал Апостола не до Иерусалима. В Еф. и Кол. Павел на исходе Первых римских уз – 63г. – уведомляет Ефесян и Колоссян, что скоро они узнают о его обстоятельствах от Тихика – «возлюбленного брата и верного в Господе служителя» (Еф.6,21), к-рого Апостол и снарядил в 63г. в М.Азию – в Ефес, Колоссы (Лаодикею, Иераполь) – с Посланиями и поручениями к тамошним общинам.

А дальше, следует думать, Тихик служил в малоазийских общинах, причём летом 65г. Павел писал из Азии Титу на Крит, зовя его на зиму в эфирский Никополь, после того как он пришлёт ему на замену Артему или Тихика (3,12). Вероятно, на Крит послан был Артема; Тихик же мог отправиться с Павлом в Никополь, оттуда весной 66г. — в Италию, вслед за чем, после своего ареста, находясь в узах, Павел снарядил его в Эфес — на замену Тимофею? к-рого он зовёт в Рим. При всех случаях, Тимофей об этом ещё не знает и об этом извещается, из чего ясно, что Послание 2Тим. доставляет ему не Тихик, м.б., обязанный добраться до Ефеса несколько позже, с деловой остановкой в Греции (в Коринфе) (?).

И вновь Павел называет по имени ранее отлучённого им от Церкви за лжеучительское богохульство (= преданного сатане в паре с Именеем) медника Александра, кто — «много сделал мне зла» (14), т.е., предположительно, дал в Риме, озлобленный на Апостола, свидетельские показания против него. И теперь Апостол специально предупреждает Тимофея беречься этого опасного ересиарха, к-рый «много противился нашим словам» (15), в будущем, в Азии? или по прибытии в Рим, в случае встречи с ним? Возможно, Александр — асиец или ефесянин (явно не идентичный, однако, вопреки мнению некоторых, посреднику Александру в Д.Ап. 19,33/34) (см. выше), из чего можно сделать вывод, что эфесскому епископу Тимофею придётся столкнуться с ним и его ересью в перспективе.

В стихе 16 читаем: «При первом моём ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им!» По поводу данного стиха, часть экзегетов полагают, что под «первым ответом» речь идёт о Первых узах. Никак нет, ибо во время Первых уз содержавшийся в мягких условиях заточения Павел, беспрепятственно «принимавший всех приходивших к нему» и даже невозбранно, со всем дерзновением, проповедовавший, вовсе не был, о чём красноречиво свидетельствуют его т.н. тюремные Послания, всеми оставлен.

Засим в объективе Вторые узы и под «первым ответом» во Вторых узах — ответ, имевший место до написания 2Тим., после начала Вторых уз в мае/июне, т.е. летом 66г., когда никто из христиан, будь то асийские или римские или др., не выступил, не осмелился выступить со свидетельскими показаниями в пользу Павла, несмотря на то, что римское право допускало-позволяло выслушать, при таком «первом ответе», всех, кто хотел защитить обвиняемого. И, напротив, затаивший на него злобу медник (работник по железу) Александр, сводя с ним счёты, свидетельствовал против него.

Но Сам Господь предстал Павлу, как то уже неоднократно бывало в прошлом, и укрепил его, Апостола язычников, — «дабы чрез меня утвердилось благовестие, и услышали все язычники; и я избавился из львиных челюстей» (17). Значит, Господь отвратил от него смертельный удар, время к-рого ещё не пришло, пока он не пережил грядущие осень, зиму и весну, в к-рые — зима и весна 66/67г. — ему необходимы в Риме для служения, на заключительной стадии его собственного *гераклическо-богатырского* служения Христу (апостольский *прометеизм*), Тимофей и Марк.

И так он был избавлен летом 66г. «из львиных челюстей». Что под последними — образ из Кн. Даниила (6,22)? или метафорические челюсти Нерона? поскольку римский гражданин Павел не мог быть присуждён к растерзанию на арене цирка львами. Должно быть, «львиные челюсти» — метафора римского судилища, в к-ром судьба Павла предрешена. И «избавление» означает лишь временную отсрочку (некоторое временное послабление?)¹⁰, насущно нужную Апостолу, чтобы доделать незавершённое, — то, что, на сей раз, связано, в частности, с прибытием в Рим

¹⁰ Не исключено, что некоторое послабление в ходе Вторых уз Павла (между его *первым* и *вторым ответом* перед начальствующими) возымело место быть, но Апостол насчёт этого (зная истинную цену «правосудия» временщиков Гелия и Поликлита) нисколько не обольщался.

Тимофея в паре с Марком, — и успеть довести к лету следующего года до конца дело всей жизни.

А в чём Павел уверен несокрушимо, так это в том, что Господь, К-рый всегда с ним, избавит его (кому уготован мученический венец правды) «от всякого злого дела и сохранит для Своего Небесного Царства» (18), путь куда (давно) уготован Павлу через мученический венец правды, о чём ему хорошо известно (не со вчерашнего дня), против чего он не ропщет и чему радуется, имея возможность пролить кровь за Христа, с чем он продолжает жить, не собираясь складывать своё изменившее мир (о чём мир ещё не знает) миссионерское оружие до самой венчальной развязки.

И немного времени — до июня 67г., — до дня языческого праздника Квирина — 29.06. = римского идола, к-рым посмертно стал, по верованию римлян, якобы взятый живым на небо первый основатель Рима братоубийца Ромул, у него, у второго, в паре с Петром, основателя нового ойкуменически-христианского Рима, у 63-летнего Апостола Павла, всё ещё есть! Господь милостив!

* * *

В 19-м стихе заканчиваемого Послания Павел приветствует через Тимофея «Прискиллу и Акилу и дом Онисифоров». Супруги Прискилла и Акила, верные сотрудники Павла, читателю неплохо знакомы. Вынужденные покинуть Рим по изгнательному указу Клавдия от 50г., они поселились в Коринфе, где и встретились с Павлом, избравшим Коринф местом своей полуторалетней миссионерской деятельности в 52 — 54г. и занявшимся в артели Акилы делом — ради заработка на хлеб насущный — палаток.

Оттуда муж и жена проследовали с возвращавшимся из Второго путешествия в Иерусалим в 54г. Павлом до Эфеса, где остались подготовит всё к Павлову прибытию туда осенью, где изъяснили Аполлосу путь Господень и где в их доме собирались в пору эфесской, с 54 по 57гг., деятельности Павла христиане (см. выше). И если на весну 58г., исходя из приветствия, к-рое Павел передаёт им из Коринфа в Посл. к Римлянам (16,3), супруги-подвижники уже снова (с 57г.) в Риме, то летом/осенью 66г. они, как явствует из 2Тим., опять в Эфесе.

Почему именно в Эфесе? Потому что вместе с ними приветствуется дом Онисифоров, о ком, т.е. об Онисифоре, мы выше узнали, что он, нашедший в Риме и навещавший Апостола (отлично от оставивших-покинувших его асийцев) в узах, много служил ему ранее в Эфесе. И отсюда напрашивается вывод, что Павел пишет Тимофею, всё-таки, именно в Эфес, откуда Тимофей, взяв с собой Марка, отчалит с ним в Трояду, чтобы из Трояды взять через Грецию курс на Рим.

В стихе 20 говорится о Ерасте и Трофиме. Первый — коринфский казнохранитель, к-рый, о чём мы помним, был вместе с Тимофеем послан Павлом из Эфеса в 57г. вперёд себя в Македонию (Д.Ап.19,22), к-рый потом приветствовал с Павлом из Коринфа в Послании к Римлянам в 58г. римских единоверцев (16,23), и к-рый, насколько можно вывести-умозаключить из слов 2Тим.20 («Ераст остался в Коринфе»), в 65г., когда Павел пришёл вместе с ним (бывшим в Филиппах) из Филипп (где Апостол провёл зиму 64/65гг.) в Коринф (сопровождая Апостола от Эфеса? Милита? Трояды?), остался в родном ему Коринфе.

А вот ефесянина Трофима, из-за к-рого в 58г. возник в Иерусалиме конфликт Павла с иудеями, ложно обвинившими последнего в том, что он ввёл язычника в подзапретную часть храма, Павел в минувшем 65г., посетив с ним из Эфеса Милит, вследствие какой-то Трофимовой болезни, вынужденно оставил тогда больного, не сумевшего следовать за ним дальше, в Милите. По церковному преданию, Трофим сопровождал Павла в Испанию и был поставлен им, наведавшимся также в южную

Галлию, епископом в галльском Арле, позднее снова присоединившись к Павлу (в Эфесе?). Кроме того, предание считает, что оправившись от болезни, он прибыл в Рим, где принял мученичество одновременно с Павлом и Петром, или несколько позже них, в 67г., в одно время с Аристархом¹¹ и Пудом (все они сопричисляются к 70-и М.Апостолам).

Этот Пуд (*стыдливый*) называется в 2Тим.4 в следующем стихе 21, начинающемся с вышеразобранного нами настоятельного призыва к Тимофею «прийти» в Рим «до зимы», что, с одной стороны, отражает, как сказано, в большей мере сухопутные реалии – «прийти», разумея в качестве срока прихода ноябрь (когда заходят Плеяды и) перед стартующей в декабре зимой, а со стороны другой, в связке с прочими стихами 2Тим.4, свидетельствует о том, что Павел намеревается пережить последнюю в своей жизни зиму 66/67гг.

Пока же призываемого Тимофея приветствуют из Рима «Еввул и Пуд, и Лин и Клавдия, и все братия» (к-рые побоялись дать показания «при первом ответе» в пользу Павла, но к-рым Апостол не вменяет содеянное, или, вернее, не содеянное ими – в вину). Пуда церковная традиция отождествляет с римским сенатором Пудентом, к-рого, – либо Пётр, либо Павел (вероятно, находясь в Первых узах, в 61 – 63гг.), обратил(и), и кто предоставил свой дом (названный Пастырской церковью, в к-рой проповедовал Пётр) для тайных собраний римских христиан.

При всём том, в обращении-крещении кого-то из представителей римских верхов Павлом или Петром нет ничего невероятного. Когномен Пудент известен. Так, эпиграфикой засвидетельствован, например, к сожалению, ближе непроницаемый некий Q.Cornelius Pudent¹², в ранге сенатора, ок. 70г., при Веспасиане. Впрочем, болландисты полагают, что в церковном предании накладку и что речь должно вести о сенаторе Пуденте, обращённом римским епископом Пием I (142 – 154гг.) во Пв. н.э. Кстати, во Пв., при Антонинах, всплывает консул 166г. Кв.Сервилий Пудент. Вместе с тем, крещение какого-то нобиля Пудента во Пв., согласитесь, не препятствует ни крещению другого нобиля Пудента, ни теоретически предоставлению им своего дома для собраний христиан, плюс – римского крова Ап. Петру, в Ив. н.э. (50/60-е гг.).

Иное дело, – был ли означенный Пудент, сообразно, опять-таки, преданию/преданиям, супругом также называемой в 2Тим.4,21 Клавдии и отцом чтимых Церковью св. Мучениц (I или Пвв.) Пракседы и Пруденцианы? посвящённую к-рым церковь, одну из старейших в Риме, традиция мнит построенной на месте дома их отца – Пуда. Между тем, в данной Клавдии некоторые церковные писатели видят не (как болландисты) жену, но вдову Понтия Пилата, ту самую, по преданию, позднее крестившуюся Клавдию Прок(у)лу, к-рая напрасно увещевала своего супруга-прокуратора, не сумевшего (супротив чересчур настойчивых хитрованов-иудеев) спасти Иисуса от креста, в Страстную пятницу 3.04.33г.: «не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него» (Мф.27,19) (Т.Г. 1587/88). Иоанн Златоуст воздаёт Клавдии из 2Тим. особую похвалу за благочестивую жизнь, за пощение об Ап. Павле во время уз, и за благотворение нуждам христиан Римской церкви («Толк. на 2Тим.»).

Дальше, если о Еввуле (*осторожный*) дополнительных сведений, помимо его упоминания в апокрифических «Деяниях Павла» (Пв.) как одного из пресвитеров

¹¹ Аристарх – македонянин из Фессалоники, видимо обращённый в 52г. (когда Павел проповеднически почал Фессалонику), был при Павле в Эфесе в 57г. (Д.Ап.19,29), сопутствовал ему в дороге на Иерусалим в 58г. (Д.Ап.20,4), и в плавании из Кесарии на кесарев суд в Рим – 61г. (27,2), после чего делил с Апостолом его Первые узы – 61-63гг. (Кол.4,10; Флм.23).

¹² Tribulus succusani, Corpus juniorum, Muratori, tom. I, p.CCCVIII (Church in Rome in the First Century).

общины Коринфа, не имеется, то Лина (*лён*) церковная традиция чтит как второго христианского епископа Рима = преемника Ап. Петра. И что весьма интересно, его епископство длительностью, по разным преданиям, от 11-и до 14-и лет, знакомый нам источник — «Хронограф 354г.», где впервые документально фиксируется в качестве даты мученичества Петра и Павла день 29.06. (но, странным образом, 55-го г. н.э.), исчисляет именно с 67г. н.э., чем косвенно (пусть вопреки «Хронографу») подтверждается исторически верный год маририума Первоверховных Апостолов (см. ниже).

Лину тоже выпало кончить мученически — или в конце правления Веспасиана? или в короткое правление Тита? или в начале кесарства Домициана? — по одному из преданий, — за обращение-крещение дочери римского сенатора Сатурнина, к-рый донёс на него. Хотя ясности с Лином (римлянином-туском — родом из Этрурии?), с поставлением его римским епископом ещё самим Петром? либо Павлом? или римской общиной после Петра (и Павла)? в паре или не в паре с Климентом? как и ясности с продолжительностью его епископата и датой мученичества? при разно-речивых преданиях о нём, Лине, — нет.¹³

И наконец, завершается Послание 2Тим. словами о Господе Иисусе Христе, К-рый «со духом» Тимофея, и о благодати «с вами» = с единоверцами христианской общины Эфеса, приветствуемыми Павлом и единоверцами Рима.

Стало быть, Тимофей получил это Послание ещё в сентябре, или в сентябре/октябре, вслед за чем, оптимально в октябре, он, кто не смог прийти в Италию к ожидавшему его там Павлу весной, теперь тронулся в путь. Повторим, — из Эфеса, взяв Марка, морем в Троаду, или встретившись с Марком в Троаде. А оттуда через Эгейское море и, по всей вероятности, Коринфский перешеек (Коринф — местонахождение с осени и зимой 66/67гг. Нерона), через к-рый суда перетаскивали волоком, и Коринфский залив, с выходом из него в Ионическое море, — на Италию/Рим, куда путники, следовательно, и прибыли (несмотря на позднее осеннее время, благополучно) в ноябре, до наступления декабрьской зимы.

Таков предпринятый нами экзегетический расклад последнего (по времени его написания) из Посланий Ап. Павла — Второго к Тимофею, к-рый, скажем снова, по всему, оставался в Риме до мученичества Первоверховных Апостолов, встретился на берегах Тибра с Дионисием Ареопагитом и возвратился летом или летом/осенью 67г. н.э. (когда Марк отчалил в Александрию) на свою епископскую кафедру в Эфес (где в том же 67г. обосновался Иоанн Богослов).

И именно Эфес есть место преимущественно оседлого служения Тимофея в дальнейшем, что, наряду с тем, говорим ещё раз, не означает его (странствующего апостольского проповедника) отказ от миссионерования и безотлучное пребывание в Эфесе в последующие годы — до его мученического венца, с большей долей вероятности, во вторую половину правления Домициана (81 — 96гг.), нежели ранее (по традиции, — ок. 80/81гг.).

¹³ Впрочем, о римском епископе (этруске?) Лине (из 70-и М.Апостолов) речь пойдёт в нашей следующей книге. Здесь же небезынтересно заметить, что, согласно греческой мифологии, Лином звался сын Аполлона и дочери аргосского царя Псамафы, горестная судьба к-рого (разорванного собаками), став темой жалобных песен плача, привела к тому, что само его имя (*горе нам!*) сделалось названием скорбной песни об умершем. Или он — сын музы Урании и внук Посейдона — знаменитый музыкант и певец, живший в пещере на Геликоне соперник Аполлона, убитый им, при том, что скорбные песни о его страданиях, известных всему миру, пели и греки, и египтяне. Лину, предку *исцеляющего светом музыки* Орфея и ученику мистериально посвятившего его Кадмоса, также приписывали создание греческого алфавита, на основе (из 7-и *планетарных* гласных и 12-и *зодиакальных* согласных) *звёздного* финикийского письма.

МИССИОНЕРСКИЕ ПУТИ-ДОРОГИ (46 – 66гг.) И РИМСКОЕ ЕПИСКОПСТВО (с 47г.) АПОСТОЛА ПЕТРА

Итак, Вторые римские узы Павла с мая/июня 66г., во время к-рых при нём находился или его посещал поначалу только Лука, продолжались и по приходе в Рим поздней осенью Тимофея с Марком, – до конца 66-го и в следующем 67гг. При этом, как сказано, б.м., с определённого момента узнику были даны некоторые послабления (режим содержания под стражей), в связи с чем некоторым единоверцам, но не ему самому показалось, что всё дело опять может принять благополучный оборот и закончиться освобождением, как в 63г.

Однако, так только казалось, ибо весной/летом 67г., когда гастрольно-состязательный Нерон, не забывая о т.н. гос. резонах, зазвал-призвал в Грецию для расправы над ними братьев Сульпициев Скрибониев с Рейна и Корбулона из Каппадокии, равно предался с мая/июня *больше-обходным* агонам, Гелий и Поликлит, в альянсе с оставшимся блюсти в порядок в столице вторым преторианским префектом Нимфидием Сабином (в то время как первый префект – Тигеллин – сопровождал Нерона), параллельно ужесточили террористический режим и гонения на инакомыслие (инаковерие) неугодных в Риме. Причём эти гонения, ударили, в т.ч., по христианам, и жертвами этих гонений стали Апостолы – Павел с Петром.

Вот о Петре сейчас мы и будем говорить, включая Два его канонических Послания, каковые следует датировать временем – Первое – не позднее 61-го, а Второе – весной 67гг., при том, что Второе Петрово Послание является по времени позднейшим в череде новозаветных Книг и Посланий (Иакова, Иуды, Павла, Петра), не считая дорабатывавшихся после 67г. Марком (+ 70г.) и Лукой (+ 93г.) Второго и Третьего (составленных в 60-е гг.) Евангелий, до составления в 90-е гг. Ив. н.э. Иоанном Богословом Четвёртого Евангелия (от Иоанна), Трёх Посланий и Откровения, к-рое увенчало Книгу Библия – от Генезиса до Апокалипсиса – в 96/97гг. н.э.

И прежде всего, нам надо обратиться к уже отрывочно анонсированным выше жизнеописанию-миссионированию Петра, с кем мы расстались после как Апостольского собора 51г., так и – затем – его разрешённого конфликта с Павлом в Антиохии, на чём информация в Д.Ап. о Петре прерывается, и в Каноне, представляя этой заманчивой вакуумной лакуной полную вольницу разномастным преданиям-апокрифам, отсутствует. Хотя и в отношении интервалов 40 – 44 и 44 – 51гг., по Петру, канонических сведений нет, почему воспроизвести его деятельность и пути-дороги в означенные периоды времени, до мученичества 67-го г., можно, во многом, с осторожным использованием апокрифики, гипотетически.

Между тем, в «Т.Г.» мы допустили – и это следует ныне, по повествовательном осуществлении последовательно-событийного хронорасклада, признать – ошибку, сочтя, например, что Петру – «как пить дать» (378) – не довелось побывать в Риме (т.зр. церковной традиции и предания, от чего Церковь тоже сегодня дистанцируется-открещивается или минимум ставит знак вопроса) в 40-е гг. Ив., и что в Рим, мол, он впервые мог попасть не ранее 50-х, тогда как согласно многим в науке – не ранее 60-х гг. Или даже, согласно, опять-таки, многим, он вообще ни в каком Риме никогда не бывал и вся история о его римской миссии и тамошнем мученичестве – апокрифическо-церковные выдумки, дескать, во утверждении-обоснование примата Римской церкви (происки папистов и т.д.). Никак нет. С одной стороны, всё, при детальной хронореконструкции, оказывается проще, с др., – на порядок сложнее.

Дело в том, что панорамно-перспективное видение истории-местаистории, т.н. заглядывание вперёд (на опережение событий), не даёт без (поступательной) хрононити Ариадны (в историко-метаисторических лабиринтах) возможности правильно реконструировать её во всех возможных аспектах-подробностях. При такой

перспективно-панорамной реконструкции, отдельные ошибки допустимы-объяснимы и могут быть выявлены только посредством последовательного, шаг за шагом, год за годом (и если удаётся, месяц за месяцем, а то и день за днём), воспроизведения событийной канвы, с учётом дополнительных факторов и открывающихся в ходе хроноповествовательного исследования обстоятельств (к-рые при взгляде *сверху* и *вперёд* остаются частично, иногда в немаловажных нюансах, сокрытыми).

Кроме того, нас ввело в заблуждение свойственное церковным, уже со дней Иеронима, и особенно в ново-новейшее время светским авторам неверное понимание-экстраполирование, приложительно к Веку Апостольскому, епископства Апостолов и Евангелистов, или проч. мужей Апостольских, как их якобы оседлого либо преимущественно оседлого служения в соответствующих епископатах изначально. Скажем снова, первохристианские епископы были, в первую очередь, странствующими миссионерами-проповедниками и поставление их на епископство в определённой епархии не означало их ни безотлучного, ни преимущественного оседлого пребывания, в одном и том же месте с одной и той же паствой.

К тому же, 25 лет, издревле отводимые большей частью церковных авторов, преданий, апокрифов на деятельность-пребывание Петра в Риме, не укладываются, сами по себе, в хронорамки и не выдерживают критики, поскольку, если до 44/45гг. Пётр Рим ещё точно не посещал, то его мученичество в правление Нерона (54 – 68гг.) однозначно могло прийти максимум на время не позднее 67/68гг.

Впрочем, вместе с тем, традиция и предание слишком уверены в приходе Петра в Рим в кесарство Клавдия (а по некоторым, – даже в правление Калигулы!), чтобы данной твёрдо укоренённой информацией пренебрегать, чтобы её отбросить-проигнорировать. Не правильнее ли попробовать, копнув поглубже, ответить на следующие вопросы. Мог ли Пётр впервые миссионерски посетить Рим при Клавдии (41 – 54гг.), сделавшись со времени этого первого посещения первым (неоседлым) христианским епископом (в видении-интерпретации предания-традиции) Вечного Города? и если да, то когда именно? равно – сколько итого раз он посещал Рим? завершив свой апостольский путь в Риме, при Нероне, (в 67г.) мученически.

И вторая наша ошибка заключалась (при перспективно-обзорной реконструкции) в отклонении от традиции одновременного мученичества Петра и Павла, мученичество к-рых мы предварительно верно отнесли на 67г., но неверно – на разные месяцы, а не в один и тот же день, что, т.е. последнее (невзирая на весь символизм единовременно-мученической даты), также, при ближайшем повествовательном хроноассмотрении, параллельно детальному хроновоспроизведению миссионерских путей Павла, подтверждается (несмотря на наличие и другого предания – о римском мученичестве Первоверховных Апостолов в разное, при Нероне, время).

Точнее, это тоже, в рамках науки, строго говоря, – версия, но не голословная, подпираемая множеством, если не прямым, то красноречивых косвенных свидетельств-улик, и вполне приемлемая. Короче, автор-исследователь, живущий в век (в лучшем случае) Фомы и пишущий для сомневающихся *фомитов*, так или иначе, сам, в той или иной мере, *Фома*, не застрахованный от ошибок (к-рые надо уметь признавать, сумев исправить).

* * *

Посему, дабы получить 25 лет (востребованная доминантным преданием символическая четверть века) епископства Петра в Риме, скомбинировав оные с его мученичеством при Нероне (+ 9.06.68г.), необходимо «отправить» Апостола в Рим в 43г. или, в самом крайнем случае, никак не позже весны 44г., от к-рой до (смертного для Нерона) июня 68г. может (по теоретически предельным суммарным меркам)

набраться максимум 25-й год (пусть даже предание твёрдо говорит именно о внушительных своей четвертьвековой закруглённостью 25-и годах).

Однако, чудесно спасённый-освобождённый весной 44г. Ангелом Господним из застенка царя Агриппы, к-рый намеревался казнить его в угоду иудеям после Пасхи, Пётр (см. выше) явно не понёсся тогда, сломя голову, в Рим, чтобы успеть туда к началу июня 44-го и «набрать» к июню 68г., т.е. к самоубийству 9.06. Нерона, успешного, мол, перед тем казнить Петра и Павла, хотя бы 25-й год своего римского, как т.н. первый папа, епископства. Тем более, что выше мы верно приняли древнюю традицию исшествия Апостолов в дальние, по жребию, странствия-юдоли через 12 лет после Мистерии Голгофы, что попадает на время не ранее весны/лета 45г. И помимо того, – интегрировали в наше повествование участие Апостолов (за исключением казнённого Агриппой весной 44г. Иакова Старшего) в Астральной Мистерии Христа на Масличной горе, к-рая имела место в рождественские Святки 44г. н.э. (см. выше).

Иначе говоря, Ап. Пётр не ходил в Рим до 45г., и ни суммарные 25 лет, ни 25-й год его римского епископства, с мученичеством до конца кесарства Нерона, ни при каком раскладе не набираются, не насребуются.

Иное дело, что традиция этих 25-и лет изошла из распространённых в древности грубо ошибочных дат Голгофы (точнее, в связке-увязке с ними), о чём мы не раз беседовали в наших предыдущих книгах. А именно и в первую очередь она – изошла из мнимой даты Распятия и Воскресения Христа в вопиюще ошибочном 29-м г. н.э. (год консульства обоих Геминиев), или в не менее ошибочных 30/31г., откуда, т.е. после Голгофы в якобы 29/30г., с 30/31г., 12 лет до начала ойкуменического миссионерства Апостолов приводили изыскателей в 41/42/43г., и дальше 25 лет Петра в Риме вели (могли привести) в 65/66/67/68г., как бы не выходя за хронопредель Неронова правления.¹⁴

Стало быть, основная ошибка заложена в неверной ранней датировке Таинства Голгофы, весьма популярной во II/IIIвв., до выведения её в IVв. Евсевием (с подачи ли разнящегося в датах Оригена? кто, тем не менее, эмансипировался в этом вопросе от своего учителя Климента Ал., относившего Голгофу на 30г.) в безальтернативно правильный (при ряде грубых ошибок у Евсевия) 33-й г. н.э., к-рый, правда, ни тогда, ни позже не сделался среди церковных источников-авторов-авторитетов доминантным (пусть даже в Ср. века Распятие/Воскресение Господне в основном датировали 33-м г., до ново-новейшего пересмотра хронологии Голгофы и наукой, и церковью в пользу, по большей части, 30-го г. н.э.). К примеру, Иероним, как мы знаем, в своём переложении евсевиянской «Хроники» даёт 32-й г. (сходно – 32г. считает датой Голгофы Епифаний), в то время как в армянском переводе исторически правильный 33г. Или, например, Лактанций, «Хронограф 354г.», Сульпиций Север¹⁵, Августин уверенно настаивают на фигурирующем ещё у Тертуллиана и Ипполита Римского (особенно востребованном западными авторами) 29-м г. н.э.

Впрочем, если точно знать реальную дату крестно-воскресенской Мистерии Христа – 33г. н.э., и датировать начало миссионерства Апостолов в дальнеюдольных

¹⁴ Или и того хлеше: согласно «Хронографу 354г.», где Рождество Христово впервые документально относится на 25.12.1г. н.э., а Голгофа – на 29г., дата казни Петра и Павла в Риме – 29.06. (аж) 55г. (спустя, дескать, 25 лет от проповеди-миссионирования Петра с 30 по 55гг.); в «Климентинах» и в ряде апокрифов – 57 и 58гг.!

¹⁵ Уместно заметить, что Сульпиций Север (363-425гг.) в «Хронике», неверно относя Рождество Христово на 4г. до н.э., парадоксальным образом верно относит смерть Ирода на 1г. н.э. (что можно-нужно-должно присовокупить к нашим достаточно знакомым заинтересованному читателю подтверждениям из древних источников факта смерти Ирода именно в 1г. н.э.).

(от Палестины) масштабах Ойкумены временем не ранее, чем спустя 12 лет от Воскресения или от первой Пятидесятницы-Троицы, то пресловутые 25 лет римского епископства Петра, с учётом его мученичества в правление Нерона, арифметически отпадают (спасти-упасти их нельзя-невозможно).

И тут на помощь опять приходит армянский перевод (выполненный в V/VI вв., но известный научному сообществу лишь с XIX в.) «Хроники» Евсевия (к-рому многие предпочитали и предпочитают всегда бывшее в употреблении переложение Иеронима), где, т.е. в армянском переводе, отлично от куда более распространённой-доминантной 25-летки у большинства авторов-источников, Петрово епископство в Риме исчисляется суммарным сроком не в 25, но в 20 лет.

И пусть оно стартует якобы в 3-м году даже не Клавдия, а Калигулы (!) (214), откуда характерным образом не 20, а 25 лет ведут из 39 в 64гг. (первое постпожаришное нероновское гонение на христиан)¹⁶, при том, что «Versio Armenia» одновременно (противоречиво) датирует казнь Петра и Павла 67-м г. (13-й год Нерона, тогда как у Иеронима – 14-й) (216), именно здесь, в этих суммарных 20-и годах (вместо однозначно неверных 25-и лет), наличествует важный фикс-пункт, важная (опорно-отсчётная) зацепка, к-рая может (при желании и соответствующем напряжении умственных способностей) помочь верно раскрутить-разложить хронологию начала миссионерских путешествий Петра, первого посещения им Рима и дальнейших странствий.

Плюс анонсируем ещё один важный момент. При акцептации в качестве даты мученичества обоих Апостолов, Петра и Павла, сообразно древней традиции, дня 29.06., эта дата неприложима ни к 64, ни к 68гг., поскольку в 64г. вызвавший противохристианские гонения пожар Рима произошёл во второй половине июля, а в 68г. на 29.06. Нерона уже 20 дней, с 9.06., не было в живых. Следовательно, принятие мартириумного дня 29.06. дополнительно поддерживает (хроно)версию 67-го г., когда, с др. стороны, Нерон (вопиюще) отсутствует в Риме, что могло подтолкнуть, скажем, Иеронима, или его знавший эти абсентистские римско-греческие реалии источник продвинуть-перекинуть дату мартириума Петра и Павла, к-рых, мол, должен приговорить к эшафоту в Риме, в обязательном порядке, непосредственно-лично кесарь Нерон, из 67-го в 68-й гг., т.е. во время по, дескать, возвращении Нерона в феврале 68г. в Италию/Рим (невзирая на несовместимость 68-го г. с днём-датой 29.06., к-рую, в т.ч., Иероним акцептирует).

Но об этом подробнее см. ниже, так как к мартириумной дате 29.06.67г., принятой нами перспективно-предположительно в предыдущих книгах лишь в отношении мученичества Петра (с осторожным отнесением мученичества Павла на лето/осень 67г.), мы пока не подошли, не приблизились. Теперь же нам необходимо, на основе знания о начале ойкуменического миссионерства Апостолов с весны/лета 45г., плюс на основе откорректированно позаимствованного-активированного нами из армянского перевода «Хроники» Евсевия именно, в общей сложности, 20-летнего римского епископства Петра, к-рое, по всему, охватывает время от его первого прибытия в Вечный город до мартириума (47 – 67гг.), попробовать (не забывая про вспомогательную в этом контексте хронологию реконструированных нами странст-

¹⁶ Данный ляпсус, – в частности, в ново-новейшее время, когда большинство авторов предпочли, во-первых, упростительно, и во-вторых, громя средневековую церковную традицию, к-рая датировала мученичество Петра и Павла т.н. (мол) поздними сроками – 66/67-м или 67/68гг., – используется в поддержку обоснования версии всего одних римских уз Павла и его, а сходно и Петра, раннего мученичества – в 64г., в связи с гонением на христиан после пожара Рима (дескать, на исходе Первых Павловых уз, мол, попадающих на 62-64гг.); или – ещё раньше; или – Павел кончил мученически в 62/63-м, Пётр – в (мнимом) 64г., и во всех случаях, оба-де – не позднее Гонения 64г.

вий Павла), попытаться вкратце восстановить-воспроизвести Петровы миссионерские пути-дороги.

* * *

Засим, если Пётр, кто вполне мог заложить Антиохийскую церковь в ближней к Эрец-Израэль Сирии в 37г., миссионируя, помимо того, в Самарии (34г.), Финикии, или в ближней к Палестине Аравии¹⁷, не отправлялся в дальние странствия, в т.ч., в Рим, до 45г., то спрашивается: когда и куда он мог отправиться, начиная со времени не ранее и после 45г.? При том, что хаотичная апокрифическая география его странствий пролегает, в предельном охвате с востока на запад, – от Вавилонии, через различные регионы-области М.Азии, в Грецию, Италию/Рим, равно через Египет, Африку, Сицилию, аж до Испании и Британии (см. «Жития») (Т.Г. 379).

И всё-таки, учитывая то упорство, с каким древняя христианская традиция (никаких не папистов) утверждает раннее Петрово прибытие в Рим (или, правильнее выразиться, посещение Петром Рима), сосредоточимся сначала на Риме (чего современные изыскатели обычно, отталкиваясь от противного и вопреки, дескать, несостоятельной-опровергнутой церковной традиции, усмешливо не делают). Оттуда, т.е. из Города-на-Тибре, как нам известно, Клавдий изгнал всех или значительную часть «волнуемых Хрестом» иудеев, среди к-рых были, в частности, еврейне-христиане (в т.ч., Акила и Прискилла), в 50г. н.э., и возвратились они туда только после Клавдия, при раннем либеральном Нероне, не ранее 54/55гг. Соответственно, в римском распоряжении Петра оптимальный хроноинтервал 45 (*terminus post quem*) – 50 (*terminus ante quem*) гг.

На сей раз, это вроде бы входит в противоречие с евромиссионерством первопроходца Павла, кто, как полагают многие, первым из Апостолов почал Европу в начале 50-х гг. И действительно, мы помним, что Павел в 52г. переправился из Троады в Македонию, ступив так на землю Европы, но ступив на неё первым из Апостолов с малоазийско-эллинистического (вот что, приложительно к Павлу, важно-актуально!) направления. Т.е., с направления, с к-рого он, Апостол язычников, еврей эллинистической Диаспоры, по дороге эллинизма, обратной путям греков и Александра, пришёл из М.Азии в Македонию и Грецию (52 – 54гг.), чтобы побывать впоследствии (61 – 63гг.) в Италии (доставленный в Италию/Рим в узах), и наконец, дойти, по освобождении из Первых римских уз, до края римского запада – Испании (63/64гг.).

Но кто сказал, что это единственное миссионерское направление с Востока на Запад и единственная дорога в Италию?! Ведь есть ещё путь в Италию/Рим из Палестины через Египет, Кирену, Африку, Сицилию! Не так ли? И именно этим путём, чему (если вдуматься) никто и ничего не препятствует, очень даже мог отправиться в Рим (отсутствие прямых улик-доказательств чего ещё не повод для отрицания) в интервале 45 – 50гг. Пётр! к-рый – князь Апостолов – явно не сидел в Палестине сиднем и наверняка совершил в ходе означенной пятилетки (сродни прочим Апостолам) своё первое ойкуменическо-миссионерское путешествие, притом именно он совершил его не иначе как в царь-город Рим.

¹⁷ С 34 по 44гг. за Петром, главным действующим лицом повоскресенского Нового Завета в 33г., начиная с Пятидесятницы 24.05., в Д.Ап.: обличение Симона волхва и проповедь в Самарии – 34г.; встреча с пост-аравийским Савлом (Павлом) в Иерусалиме – 37г.; исцеление расслабленного Енея в Лидде – 39г.; воскрешение Тавифы в Иоппии – 39г.; венчающее Петрову деятельность в первую семилетку после Голгофы обращение язычника Корнилия – 40г.; освобождение из уз, наложенных на Петра Иродом Агриппой – 44г. (см. выше).

Далее, по нашему мнению, это путешествие необходимо связать с будущим автором *Ев. от Петра*, с его спутником-сотрудником (как Павел – Лука) Марком, кого, согласно одной из традиций, именно Пётр поставил первым епископом Александрии Египетской (то ли в 1-м, то ли в 3/4-м, что требует корректуры-исправления, гг. правления Клавдия) (см.выше). Исходя из сказанного, снова вспомним-напомним, что Марк – участник Первого миссионерского путешествия Павла и Варнавы (45 – 48гг.), после Кипра (45/46гг.), не пошёл с ними в Антиохию Писидийскую (вглубь М.Азии), вернувшись весной 46г. из портовой памфилийской Пергии в Иерусалим.

Так, не присоединился ли он, по возвращении к как раз выходившему из Палестины, из Иерусалима (где с 33г. епископствовал Иаков, брат Господень), в своё первое дальнее странствие Петру, вместе с к-рым миссионерски пришёл в том же 46г. в Александрию?! И не рукоположил ли его здесь Пётр в александрийские епископы, проследовав дальше из Египта, с Марком или без него, с кем-то из братьев-единоверцев, вдоль африканского побережья – в Кирену и Африку, дабы достичь Карфагена (к-рый тоже, наряду с Сицилией, фигурирует в апокрифическо-проповеднической географии Петра), переправиться из Африки на Сицилию, и в 47г. (когда, к слову, Клавдий отпраздновал 800-летие основания Рима) в первый раз прийти в Рим!

Вот каким макаром всё складывается, и 20 (но никак не 25!), в общей сложности, лет, разумеется, небезотлучного римского епископства Петра – 47 – 67гг. – убедительно подтверждаются = находят своё подтверждение! Причём в Риме в 47/48гг. Пётр вполне мог вступить в спор-конфликт с Симоном волхвом, к-рого, как мы помним, он впервые обличил в Самарии в 34г., и к-рый, согласно Иустину Мученику («Апол.» 1,26; 56) и Иринею («Против ересей» 1,23,1), успешно, поражая-потрясая многих и тем мошеннически процветая, действовал-чародействовал в Городе-на-Тибре при Клавдии.

Вдобавок к тому, интересным образом, в «Климентинах» (Recogn. 1,43) имеется восходящая, должно быть, ко Пв. сумбурная информация о римском споре-столкновении Петра и Симона волхва спустя 7 лет после Голгофы (= 40г.), при (якобы) Тиберии. Искажение, конечно, налицо, но может быть, под Тиберием Клавдием Нероном надо понимать кесаря (с 24/25.01.41г.) Клавдия (= Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик), и, в сём случае, следует говорить о 7-м годе правления Клавдия (= 47/48гг.)¹⁸, когда Ап. Пётр (вполне) мог быть в Риме и столкнуться тут с Симоном волхвом.

¹⁸ Не обращают ли на себя внимание 4 года разницы-дифференции между 29 и 33гг. и 4 года разницы между 2-м, к-рым «Хроники» с апокрифами датируют дальнемиссионерский уход Петра из Иерусалима, и 6-м гг. Клавдия, когда = в 46г. Пётр, действительно, дальнемиссионерски выступил из Иерусалима, дойдя в 47г. до Рима.

Или, например, такие восточно-христианские авторитеты как Ишопад Мервский (IXв.) и Бар-Еврей (XIIIв.) датируют распятие Петра в Риме (одновременно с Павлом) после 21-го года Петрова миссионирования, в 13-й год Нерона, что даёт суммарно-миссионерский интервал 46-67гг. (Haase «Apostel und Evangelisten...», S.238). Или Михаил Сириец (XIв.) говорит, что царь Агриппа, обезглавив Иакова Старшего, хотел расправиться также с Петром, но тот, избавленный Ангелом Господним, ушёл из Иерусалима, путешествивно миссионировал 2 года, по прошествии к-рых пришёл в Антиохию, где поставил её первым епископом Еводия, и отбыл в Рим, где епископствовал 25 лет, претерпев мученичество, как и Павел, в 13-м году Нерона (Haase S.144). Отставим тут мешанину из Еводия и грубо ошибочной 25-летки, приняв путешествие Петра в Рим через 2 года после его чудесного освобождения в 44г., и получим как дату его выступления в дорогу на Рим – 46г., а как дату его и Павла мученичества в 13-м году Нерона – 67гг. И именно этот 13-й год Нерона наиболее часто, в чём мы ещё удостоверимся ниже, в качестве мартирiumной даты Петра и Павла, начиная с армянского текста «Хроники» Евсевия, встречается в различных старейших источниках и у разных средневековых авторов.

А с др. стороны, под 3-м годом Гая Калигулы, или под 2/3/4-м гг. Клавдия, будь то путешествие Петра в Рим, либо поставление Марка александрийским епископом, могли первоначально фигурировать годы Агриппы II (хронология к-рого примыкала у христианских авторов к дате кончины его отца Агриппы I в 44г., хотя Агриппа II воцарился в Халкиде лишь в 49/50гг.), к-рые, как *локально-региональный* элемент датировки, могли быть впоследствии искажённо вытеснены *глобально-державными* клавдианскими годами-летами?

При всех случаях, повторим и акцентируем: миссионерскому прибытию выше-представленными путями-дорогами Ап. Петра в Рим и его деятельности в Риме в 47/48гг. ничто не препятствует, т.е., при внимательном рассмотрении, такой расклад вполне адекватен, не содержа в себе никаких аномалий, нонсенсов, невозможностей. Если, само собой, не заикливаться на мнимой римской 25-летке Петра, не упираться, танцая отсюда, рогом в стену, и не бубнить, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда, и что, мол, церковная традиция, вернее, традиция древнего предания, по любому, – неверна, сфальсифицирована, ложна. В целом верна, но, как сказано, нуждается в корректуре, особенно в хронокорректуре, поскольку без хронологии нет истории, как без метахронологии нет метаистории! В остальном же не руководствующейся конъюнктурными соображениями традицией нежего пренебрегать, тем паче, нельзя её попирать, но нужно, напротив, вычленив из неё истинное, сохраняя и реабилитируя традицию (в пику ново-новейшему нигилизму) везде, где возможно.¹⁹

Продолжаем. Затем следует возвращение Петра из его Первого миссионерского путешествия (так как миссионирование в соседних Палестине Финикии с Сирией до 45г. путешествиями называть излишне), к-рых предание насчитывает, всего-итого, шесть, в Палестину/Иерусалим, по всей вероятности, тем же путём, – через Сицилию, Африку, Кирену, Египет (где, кстати, – ни в Египте, в к-ром не растут оливы-маслины, ни в Африке, – *оливковый-масличный* миссионер Павел ни разу не побывал) оптимально в 49г. н.э. (когда Петру 63-й год отроду). Т.е., если Первое дальнейшее путешествие Павла (Кипр и М.Азия) датируется 45 – 48гг., то Первое дальнейшее Петрово путешествие, доведшее князя Апостолов до Рима (в эпоху, когда все дороги вели в Рим), пришлось на 46 – 49гг.

После этого состоялся Апостольский собор 51г., на к-ром Павел (трудившийся в 48 – 51гг. в Аноихии/Сирии и окрест, в то время как Пётр трудился в 49 – 51гг. в Иерусалиме/Палестине) получил полномочия и статус ойкуменического Апостола язычников, легитимно уполномоченный проповедовать, в т.ч., необрезанным, без непременного условия обрезания. И это, к месту вспомнить-заметить, было начато точно задействовано в 40г. (год приведения осенью Варнавой Савла из Тарса в Антиохию) ещё Петром, обратителем-крестителем в Кесарии сотника-язычника

¹⁹ К слову, по Евсевию («И.Ц.» 2,17;18,8/9) и Иерониму («О знаменитых мужах» 11), Филон Ал. встречался-общался с Петром в Риме (после чего проявил интерес к возглавляемой Марком христианской общине Александрии). Если Филон бывал в Риме и после 40г., когда он побывал там при Калигуле (см. выше), и если он, взаправду, встречался с Петром (что подвопросно и сомнительно, но что не невозможно), то, с др. стороны, это могло иметь место (буде, конечно, это вообще имело место) только до конца 40-х гг. Ив. н.э., т.к. дата кончины (удостоенного, как уверяет Евсевий, в правление Клавдия высоких почестей в Риме) Филона – время ок.50г. н.э. Притом оптимально такая встреча могла произойти как раз ок. 47/48гг., ибо, согласно Евсевию, пишущему – «есть молва, что при Клавдии Филон общался в Риме с Петром», это общение пришлось на время незадолго до изгнания Клавдием из Рима иудеев (эдиктом 50г.). Впрочем, христианское предание связывает Филона с Петром, как Сенеку с Павлом, делая из них обоих, т.е. из авторитетных философов, иудео-эллинистического и римского, духовно прозревших приверженцев христианства, какими-каковыми это истовое предание уж очень хочет их видеть!

Корнилия и его домоладцев, обрета ныне, по инициативе Павла, официальное постановительное благословение Собора (и тем выведя христианство на мировые языческо-ойкуменические горизонты).

Потом случился вышеразобранный нами спор-конфликт между Павлом и Петром в Антиохии Сирийской, к-рый не привёл, вопреки досужим домыслам как ранних противопетрианских гностиков или противопавлианских единомышленников «Климентин», так и ново-новейших доморощено-невежественных изыскателей, к всячески смакуемому-додумываемому ими разрыву между Апостолами, потому что был тогда же, в Антиохии, мирно разрешён-улажен.

И вслед за тем (48-летний) Павел отправился, о чём мы знаем, в своё Второе миссионерское путешествие 51 – 54гг. (Дервия, Листра, Икония, Фригия, Галатийская страна, Мисия, Троада, города Македонии, Афины, Коринф), отказавшись, на сей раз, брать с собой отчалившего поэтому с Варнавой на Кипр Марка, вместо к-рого (и Варнавы) с Павлом пошёл Сила (Силуан). Таким образом, опять (синхронистически) спрашивается: что делал и куда проповеднически ходил исчезающий из повествования Д.Ап. за кулисами событий с 51г. Апостол Пётр?

* * *

Отсюда в отношении Второго путешествия Петра надо, по нашему мнению, призвать-притянуть каноническое свидетельство. Не называются ли, не перечисляются ли в Первом Петровом Послании страны-регионы-области-провинции, единоверцам в к-рых оно адресовано. Это, как выражается Пётр, – «пришельцы, рассеянные (т.е., во-первых, иудео-христиане соответствующих диаспор Диаспоры, но отнюдь не только они, а и никак не менее актуальные, равные иудеохристианам, неопиты из язычников) в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии, избранные» (1,1; 2,10).²⁰

Вывод. Вероятнее всего, князь Апостолов впервые миссионерски посетил перечисленные страны или часть из них в 51/52 – 54гг. = хроноинтервал, к-рый по времени совпадает или почти совпадает со Вторым путешествием Павла. И надо полагать, что это Петрово миссионерство длилось, стартовав в 51, или, скорее, в 52гг., до 54г., когда Петру довелось летом быть в Палестине/Иерусалиме и участвовать (отлично от уже выступившего ранее из Антиохии в своё Третье путешествие – 54 – 58гг. – Павла) (см. выше) в погребении 15.08.54г. Марии Богородицы, на чём традиция христианского предания очень настаивает.

При всём том, вряд ли будет ошибкой предположить, что в периоды между странствиями Пётр какое-то достаточное время проводил в Иерусалиме/Палестине, более связанный с Эрец-Исраэль, нежели полноценно ориентированный с 51г. именно на языческую Ойкумену Павел. Плюс к тому, он, родившийся в 14г. до н.э., был на 16 лет старше родившегося в 3г. н.э. Павла, и, значит, вряд ли мог миссионировать с павлианской энергией.

Но вернёмся к странственной географии. Мы помним, что Павел, вместе с Силой, в 51г., взяв в Листре Тимофея, прошли путём на север и запад, через Фригию и Галатийскую страну, не будучи допущены Духом Святым проповедывать ни в Азии, ни в Вифинии (Д.Ап.16,6/7), миновали Мисию и прибыли в Троаду, откуда весной 52г. переправились в Македонию.

Так, м.б., они не были допущены тогда в Асию и Вифинию, ведомые в македонско-греческую Европу с малоазийско-галатского направления (через Трою/

²⁰ Следует заметить, что апокрифы обычно через эту перечисленную в 1П.1,1 канонически-миссионерскую географию М.Азии *приводят* Петра дальше – на запад – в Рим.

Троаду), в частности, потому, что Асия и Вифиния были уготованы в ту пору Петру (со спутниками)? к-рый мог дойти в 52 – 54гг. до Азии и Вифинии, миссионерски миновав Каппадокию и Галатию. Причём Галатия – единственная общая георегиональная точка в этом приблизительно одновременном странствии обоих первоверховных Апостолов, в пределах к-рой, впрочем, их пути (к-рые, должно думать, заведомо в странствиях не пересекались) могли различаться. Однако именно Галатия (к-рая, как населённая собственно галатами центрально-малоазийская страна, была, напоминаем, на порядок меньше включавшей также Ликаонию и часть Писидии римской провинции Галатия), с оглядкой на последующее эксклюзивное христианство кельтов-галатов, в означенном контексте миссионирования тут и Павла, и Петра, весьма примечательна.

Далее, подвопросно – посетил ли Пётр в 52 – 54гг. все названные в 1П.1,1 страны-области? или только часть из них? куда он вновь пришёл и к-рые прошёл снова-основательнее в 58 – 60гг., в ходе своего Четвёртого путешествия (58 – 62гг.), до перехода в 60г. из Каппадокии и Осроэны (Коммагены), или из Сирии – в подведомственную Парфянскому Ирану междуреченскую Вавилонию, где располагалась крупнейшая еврейская диаспора (к-рую Апостол-обратитель, во многом, иудеев, просто не мог миссионерски не посетить), и где, без сомнения, имелись на 50-е (с 30/40-х) гг. Ив. н.э. иудеохристиане.²¹

И именно там, в Вавилонии, в ещё эскизировавшем в Ив. Вавилоне (-на-Евфрате), было написано-составлено, по всему, в 61г. Первое послание Петра (5,13), адресованное общинным единоверцам целого ряда римско-малоазийских стран-областей-провинций, в к-рых он перед тем, и как выясняется, дважды, обстоятельно миссионировал – в, согласно нашему хронораскладу, 52 – 54 и в 58 – 60гг. (во второй раз сосредоточившись на обращении язычников, чему имеется не одно красноречивое свидетельство в 1П.) (см. ниже).

К тому же, возникает вопрос, – что понимать в 1П. под Понтом (1): только часть римской провинции Вифиния-и-Понт? или ещё, к востоку от неё, подвассальное Риму причерноморское Понтийское царство Полемона II? к-рое, о чём читатель знает, Нерон аннексировал-провинциализировал в 63/64гг.? или – и то, и другое?

По всей видимости, и то, и другое, притом вовсе не обязательно посещение Петром обоих Понтов (провинциального и вассального) в 52 – 54гг., т.к. его миссионирование-проповедь в царстве Понтийском могли иметь место в 58 – 60гг. И к месту добавить, что в 1П. дважды говорится о необходимости для христиан быть лояльными (о чём часто толкует и Павел) к верховной власти: 1) в лице царя (2,13); 2) чтить царя (17). Между тем, в рамках петрианско-миссионерской географии из 1П., в рассматриваемое время, на момент написания Послания, нигде, кроме ещё не провинциализированного Понта, (ни в Каппадокии, ни в Галатии, ни в Вифинии, ни где-либо в Азии) цари не правили.

Конечно, в тексте под термином-титолом «царь», прежде всего, метафора

²¹ Если в 40г. Пётр, обратив язычника Корнилия, предварил последующую миссию Апостола язычников Павла, а в 51г., после утверждения, в т.ч., им, князем Апостолов, соответствующего статуса за Павлом на Апостольском соборе, он, из-за событий того года в Палестине (пасхальный конфликт иудеев с римлянами и гибель множества людей) (см. выше), несколько откатно (о чём свидетельствуют его, плюс Варнавы, со стороны обрезанных, и Павла спор в Антиохии) обратился к иудеохристианству, то на 61г., насколько выводится из содержания 1П. (см. ниже), для Петра не существует никаких предварительных условий и требований, типа обрезания, в деле-вопросе обращения язычников. Т.е. – он вполне согласен с (проводимым и им) павлианским курсом. Таковы любопытные стадии Петровой эволюции (после кульминировавшей обращением Корнилия его кипучей княжеско-апостольской и миссионерской деятельности в семилетку 33-40гг.), с 40-го, при означенном откате в 51-м, по 60-е гг. Ив. н.э.

верховой власти, или речь, прежде всего, о тождественном (земному) «все-царю» римском цезаре-кесаре (повелителе мира), но, всё-таки, если в объективе, в т.ч., царь Понта (Полемон II), то это означает, что Послание писалось до 63г., когда Понтийское царство было упразднено.

А с др. стороны, оно писалось и раньше 64г., не содержа никаких намёков на первое противохристианское гонение римлян, плюс – даже раньше 62г., когда в Иерусалиме был каменован Иаков, брат Господень, что (стоит домислить), наверное, потребовало последующего присутствия в палестинской столице Петра. И ещё 1П. писалось (если сузить хроноинтервал до минимума) не раньше 60г., когда Пётр, закончив миссионировать в М.Азии, ушёл, как сказано, в междуреченскую Вавилонию, откуда через некоторое время и написал, вероятнее всего, не ранее и не позднее 61г., своё 1-е Послание к малоазийским общинам.

Но повременим с 1-м Посланием, продолжив гео- и хронореконструкцию-локализацию отсутствующих в Каноне миссионерских путешествий князя Апостолов, Второе из к-рых, малоазийское-анатолийское-причерноморское, закончилось, как видим, его возвращением в 54г. (год 1500-летия исшествия Израиля из Египта и год 1460-летия – период Сотис-Сириус – от кончины Моисея и перехода, под предводительством Иисуса Навина, Израиля через Иордан) в Иерусалим, где, повторяем, он стал свидетелем и участником в августе погребения в долине Иосафата Пресвятой Богородицы.

* * *

На время после этого, видимо, с 55г., выпадает Третье миссионерское путешествие Петра (в сопровождении Марка?), теперь приведшее его в Европу морским путём вдоль малоазийского берега, сначала в Грецию, – в Коринф, косвенное подтверждение чему находим в написанном в 57г. 1-м Посл. Павла к Коринфянам. В нём Павел критикует коринфских христиан за то, что их репрезентанты разноречиво говорят – один – «я Павлов», другой – «я Аполлосов», третий – «я Кифин», четвёртый – «я Христов» (12), неверно позиционируя тем самым себя приверженцами-последователями – или Павла или Аполлоса или Кифы = Петра, по именам = от имён тех миссионеров, к-рые, делаем вывод, все трое, (в разное время) проповедовали им, войдя у них в авторитет, слово Божие.

Т.е., исходя из данных слов, и Аполлос, и Пётр успели до 57г. миссионерски побывать в Коринфе, в к-ром, как нам известно, Павел провёл, придя туда в первый раз, полтора года – с осени 52 по весну 54г. Аполлос же, о чём мы тоже знаем, наставленный Акилой и Прискиллой в Эфесе, подвизался в Коринфе в 54/55г. Отсюда – не можно ли и не должно ли отнести проповедь коринфянам Петра на 55/56г.? Можно и даже очень, тогда как из Коринфа Пётр (побывав ли также в Афинах или в др. пунктах Греции?) в 56г. вновь прибыл в Рим, и, стало быть, прибыл туда во второй раз во время уже после того как (изгнанные в 50г. Клавдием) иудеи и иудеохристиане (в составе местной еврейской общины) вернулись не ранее 54/55г., при Нероне, в Город.

Посему римская община своим становлением, действительно, в огромной мере, обязана подвижничеству Ап. Петра, не на пустом месте почитаемого первым христианским предстоятелем Рима. И трудился он в этот раз в Риме (Италии) на протяжении 56/57г., отбыв, предположительно, теперь не в Палестину, а в Сирию – в 57г., так как в Посл. Павла к Римлянам, написанном из Коринфа в начальные месяцы 58г., Пётр среди приветствуемых Апостолом римских христиан (к к-рым Павлу перед дорогой в Иерусалим, после его Третьего путешествия, не терпится, в ходе следующей дороги на крайний запад, в Испанию, прийти) не упоминается, не называется.

И если Павла ожидали в Иерусалиме весной 58г. узы, к-рые, продолжившись в Кесарии, длились в Палестине до 60г., когда Фест подстражно отправил его в Рим, то Пётр, по всему вероятно, до Павлова прибытия в мае в Иерусалим, ещё в марте, проведя зиму 57/58гг. в Антиохии Сирийской, снова подался (пройдя через, как сообщают апокрифы, Тиану Каппадокийскую – родину чудотворца Аполлония) в М.Азию, в своё IV-е путешествие (58 – 62гг.), географическое представленное, приложительно к периоду 58 – 60гг., в 1П.1,1. С Марком или без Марка, к-рый мог в 60г. присоединиться к нему в Вавилонии? – неясно. Плюс к тому, согласно апокрифическим преданиям, в миссионерстве на южных берегах Чёрного моря Петру сопутствовал (в 1-м? или во 2-м? странствии) его брат Андрей (и ещё на каком-то этапе – Ап.Матфий).

Во всяком случае, очевидно то, в какой основательной мере и в каких именно геопределах М.Азия, – один из, после Палестины и Сирии, важнейших очагов-форпостов первохристанства, наряду с Египтом, – обязана широким распространением в ней Христова вероучения миссионерским усилиям дважды проповедовавшего здесь, в 52 – 54 и в 58 – 60гг., Ап. Петра. Притом находящаяся в малоазийском сердце Галатия своеобразно делит, как точка соприкосновения, Павлов запад (Галатия – Эфес; Троада) и Петров восток (Каппадокия, Галатия), плюс – север (Понт, Вифиния) М.Азии (учитывая также то, что в 52 – 54гг. Пётр побывал и в провинции Азия, но, предположительно, не в Эфесе, в к-ром и из к-рого с 54г. трудился Павел).

Потом, в осторожно-эвентуально воспроизводимых-реконструируемых нами биографии и географии Петра, следует междуреченско-вавилонский миссионерский период 60 – 62гг., когда Марк и Сила (Силуан), по крайней мере, в 61г., в пору написания адресованного малоазийским общинам 1П.(5,12/13), возле князя Апостолов, как его спутники-сотрудники, причём с 1П. к малоазийской братии снаряжается Сила.

Имела ли место в этот период, oprичь проповеди в вавилонской еврейской диаспоре, с к-рой, в смысле – с евреями, Петру, в отличие от Павла, удавалось, сглаживая острые углы, не конфликтовать, проповедь и в соседней Адиабене, где местная царская семья исповедывала иудаизм, – неизвестно. При всех случаях, то было беспокойное время в римско-парфянских отношениях, в борьбе держав за Армению: 58 и 59гг. – взятие Корбулоном Арташата и Тигранакерта; 60г. – воцарение в Армении Тиграна VI; 61г. – его провальное вторжение в Адиабену, в к-рой царствовал подвассальный парфянам преемник Изата Монобаз II; 62г. – раннейший позор Пета. Вот на каком внешнеполитическом фоне Пётр единственный раз покинул пределы Римской империи для проповеди (и) в вавилонской царице диаспор, к-рую он, согласитесь, (ну) никак не мог не посетить, не почать.

При этом наличествующая уже у Евсевия («И.Ц.» 2,15) с Иеронимом («О знаменитых мужах» б) и в разные времена разделявшаяся-разделяемая многими догадка-версия, что, мол, под Вавилоном (5,13), откуда Петром писалось 1-е Послание, метафорически подразумевается Рим (или – на худой конец – Вавилон в Египте), т.е., мол, Послание пишется из Рима, дескать, из нового (нарицательно) *нечестиво-блудлищного* Вавилона, – совершенно несостоятельна.

Рим, разумеется, может (и справедливо!) ярко образно именоваться-нарекаться Вавилоном, к-рый, как и покинутый израэлитами Египет (XVв. до н.э.), стал со дней гибели Первого храма и Вавилонского пленения (VIв. до н.э.), как для иудеев, так и затем для (принявших-перенявших у них противоегипетскую-противовавилонскую эстафету) христиан, обозначением-метафорой предельно богопротивного негатива, но никак не в контексте 1П., где Вавилон назван-указан в качестве места составления-написания Послания, однозначно и недвусмысленно как обратный адрес!

Спрашивается, — зачем в таком элементарном контексте именовать Рим Вавилоном? Всё равно, что, пишучи письмо из (порочного) Парижа, указать в качестве обратного адреса вместо Парижа Содом и Гоморру!!! Не надо превращать слова Священного Писания в анекдот и тем подставляться под удары и без того готовых-гораздых скалиться, по любому поводу и без повода, всяческого рода критиканов Библии! Тем более, что, скажем снова, в посещении Петром анклага Иерусалима в Диаспоре — Вавилонии/Вавилона (где Иисус из Назарета странственно побывал в 23/24гг.!), нет ничего невозможного, и, напротив, непосещение им междуреченской Вавилонии, с её весьма ангажированным еврейством, трудно вообразить!

А в следующем, по написании 1П. — 61г., 62-м г. н.э., Пётр, как мы предположили, закончив своё Четвёртое (самое продолжительное, состоящее из двух этапов — малоазиатского и междуреченско-вавилонского) путешествие-странствие, возвратился, крепкий 75-летний старец, в Иерусалим, где (перед тем) пасхальной весной христианскую общину постиг серьёзный удар — каменование, инициативой крайне интолерантного первосвященника Анана, Иакова, брата Господня, место к-рого во главе общины занял Симеон Алфеев. Именно тогда (когда Павел — 61 — 63гг. — томился в Первых римских узах и большинство Апостолов миссионировало вне Палестины), редуцируя под радикализирующимся иудейским давлением Иерусалимская мать-община нуждалась в поддержке, в укреплении, в связи с чем, думается, что в 62 — 64гг. деятельность Петра протекала в Палестине.²²

²² Если Павел из колена Вениаминова, а Лазарь-Иоанн — из дома Иосифова (Израиль), колена Ефремова, то Пётр должен быть из колена Иудина. Если три ведущих колена Др. Завета — Иуда, Левий (Аарон), Иосиф-Ефрем, то на переходном этапе из Ветхого Завета в Новый, в Век Апостольский, их сменяют, в лице трёх Первоверховных Апостолов, при прощании-расставании христианства с древнезаветной наследственностью (но не с преемственностью), потомки трёх колен: после Левита-Аронида Иоанна Крестителя (хранителя междузаветного рубежа) и Самого Иисуса (Сына Иосифлянки Марии, мать к-рой Анна, была из рода Ааронова, и Давидида Иосифа), — Пётр (Иуда?), Павел (Вениамин, колено к-рого составило, по пленении ассирийцами 10-и колен, экзистенциальную дуалистическую пару, в деле упасения-убережения сертификатов веры и крови, колону Иуды, став вместе с последним основной пост-ассирийского и, главное, пост-вавилонского второхрамового еврейства), Лазарь-Иоанн (Иосиф-Ефрем).

И ещё вновь обратим здесь (информация к размышлению) внимание на эксклюзивную (гностическо-метаисторическую) связь 12-и колен Израилевых (олицетворяющих, как и 12 Апостолов на ином этапе, в ином ключе, всё человечество) с 12-ю знаками Зодиака в чрезвычайно примечательном ракурсе-разрезе Великого-Мирового Космического (Платонова) года и Великих Космических-Мировых месяцев.

Не связаны ли созерцально-созвучно первые 3 пленённых ассирийцами (заиорданских) колена (734г. до н.э.) и 3 заключительные подрасы-эпохи Атлантиды, под знаками, в знаках (Пра-Семиты) Весов, (Пра-Арийцы) Девы, (Пра-Монголы) Льва (Физическое тело)! Равно 7 пленённых Ассирией в 723/22-15гг. (конец Северного Израильского царства = Ефрем) колен и 7 культур нашей Пятой Пост-Атлантической = Пассионарно-Ойкуменической стадии эволюции — в знаках (Пра-Индийская культура) Рака (Эфирное тело), (Пра-Иранская культура) Близнецов (Астральное тело), (Египетско-Вавилонская культура) Тельца (Душа осязающая), (Греко-Латинская) Овна (Душа рассудочная), (Германо-Англосаксонская) Рыб (Душа сознательная), (Славянская) Водолея (Самодух), (Американская) Козерога (Жизнедух)!

Плюс 2 пленённых вавилонянами в 586г. до н.э. (конец Южного царства = Иуда — конец эпохи Первого храма) колена Вениамина и Иуды и 2 первых (завершающих Великий год протяжённостью в ок. 26 тыс. лет) периода следующей Шестой стадии эволюции (следующего зона), в знаках Стрельца и Скорпиона! Причём, приложительно к последним, при данном раскладе, в данном ключе, на уровне достижения человеком уровня Духочеловека и истечения-конца Великого года, Вениамину соответствует (именно) знак (кентавированного) Стрельца, а наследственнику Иуде — (именно) знак (великих катастроф и великого обновления) наследственника Скорпиона!

И, наконец, вероятно, в 64г. он, в этот раз окончательно покидая Эрец-Израэль (в год окончания строительства обречённого спустя 6 лет погибнуть в огне Иудейской войны храма), выступил в своё Пятое миссионерское путешествие, нацеленное опять через Египет и Африку с Сицилией, на Рим, христиане к-рого очень пострадали от постпожарищных гонений 64г. И сюда Пётр прибыл, надо полагать, в 65г., взявшись за дело восстановления-возрождения заложенного-инаугурированного не столько юридически, сколько духовно и фактически им в 47/48гг. римского общинно-церковного христианства.

И дальше остаётся ответить на вопросы: был ли 79-летний Пётр в Риме во время прибытия в Город весной 66г. Павла и в пору начала в мае/июне Павловых Вторых уз? или отсутствовал, отправившись, с весны по осень, в своё Шестое (к-рых, вспомним, сообразно преданию, было итого шесть), самое краткосрочное и заключительное путешествие? география к-рого, согласно, опять-таки, апокрифическому преданию, – Испания? или Британия?

Но, если с одной стороны, и на Испанию, и на Британию времени с весны по осень 66г. слишком мало, то со стороны другой, Британия для столь короткого срока чересчур далеко, так что оставим её для миссионирования (во время ок. 70г.) Апостолу Симону Кананиту (тем паче, учитывая его, б.м., накладочное британско-миссионерское тезоименитство с Симоном Петром).

Следовательно, коли отвечать на вопрос о Шестом Петровом путешествии положительно, скорее всего, география оногo – початая Павлом в 63/64гг. Испания, где до Павла, ок. 57г., первым из Апостолов побывал или мог, напомним читателю, побывать Иаков Младший (впоследствии вытесненный в испано-христианской традиции более авторитетным Иаковом Старшим). Или целью Петра являлась в 66г. Галлия, к-рую, правда, предание среди стран его проповеди не называет.²³

А осенью 66г. князь Апостолов (по отбытии Нерона в Грецию) возвратился в Рим, где, возможно, вновь столкнулся с Симоном волхвом (знакомым временщику Гелию?), к-рого одолел, при ближе неясных обстоятельствах, весной 67г.²⁴, после чего, в результате очередного гонения на христиан, оказался в узах. И будучи узником, ок. времени между апрельской Пасхой (18/19.04.) и июньской Пятидесятницей (7.06.) (см ниже), т.е. в апреле/мае 67г., он написал, томясь, сходно Павлу, в Мамертинской тюрьме, и готовясь к скорому мученичеству, Второе (адресованное тем же малоазийским общинам) Соборное Послание Петра.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПЕТРА

(61г.)

Итак, Пётр обращается (из Вавилона/Вавилонии) к единоверцам-сообщинникам в М.Азии, проповеди среди к-рых он посвятил, в общей сложности, свыше 4-х лет (52 – 54гг.; 58 – 60гг.). Послание начинается с исповедания тайны Пресвятой Троицы – «по предведению Бога Отца, при освящении от Духа, к послушанию и окроплению Кровию Иисуса Христа» (1,2) – тем, кто первым манифестировал апостольское исповедание Иисуса Христом 6.07.32г. н.э. (тогда как ранее, в начале

²³ Оговорим три, помимо (непутешественной) Антиохии Сирийской, общие миссионерские точки-геолокации (с востока на запад) Петра и Павла: Галатия, Коринф, Рим. Плюс – только Рим как место их одновременного пребывания, но не совместной деятельности (если не считать разные камеры в Мамертинском узилище: с мая/июня 66г. – Павла; с весны 67г. – Петра).

²⁴ Предание насчитывает итого 3 столкновения-поединка между Ап. Петром и чародем Симоном (даты этих столкновений, согласно нашей хронологии: 34г. – Палестина; 47/48 и 67 гг. – Рим).

посткрещенского 30г., это ещё в доапостольский период сделал, при первой персональной встрече с Иисусом, Апостол тайн Господних – Нафанаил-Варфоломей) (Т.Г. 65-72; 765-79).

В стихе 3 мистериальная преемственность от Отца к Сыну, от Ветхого к Новому Завету, подчёркивается, как и воскрешение Сына Отцом, по Его великой милости, к-рая возродила и нас «к упованию живому». В обоих Посл. Петра один из главных упоров характерно делается на противоположении прежнего *преходящего* и пришедшего со Христом, во Христе, в люди, в человека, в человечество, на землю, *непреходящего*. Т.е., по изменившейся, по изменённой Христом вышней, в новой системе координат, шкале ценностей, – «нетленного, чистого, неувядаемого, хранящегося на небесах для вас» (4), эпицентр чего, как и у Павла, – воскресенское Таинство Христа Спасителя (К-рое, как камень во главе угла, и без веры в К-рое вера наша тщетна).

Не хранилась ли Пречистая душа Христа = (невинная сестринская душа) Второго Адама в Великой Материнской ложе человечества²⁵, принесённая Ангелами с неба из лона Отца и воплотившаяся в Иисусе из Назарета (= Иисус Нафанид), не отягощённая кармой божественно-человеческая индивидуальность К-рого (Человеко-Бога) была (инкорпоративно-сущностно) отдухотворена жертвой Я самой зрелой земной индивидуальности Заратустры = Иисус Соломонид! И эта сверх-индивидуальность подготовила телесные оболочки Иисуса Нафанида к Крещению на Иордане = к инкарнации Духа Солнца, для последующей (после 3-х лет и 3-х месяцев земной жизни) величайшей жертвы (БогоЧеловека) Христа на кресте, с воспоследовавшими из неё искупительной смертью и Воскресением из мёртвых – во Спасение человека и человечества! Спрашивается: какую силою и кого? Ответ: «Силою Божиею, через веру соблюдаемых во спасение, готовому открыться в последнее время» (6).

Надо специально заострить внимание на охвате времён и в 1, и в 2П., в плане-разрезе-ракурсе как (самых и не самых) ближних, так и (самых и не самых) дальних горизонтов (Эонов), от минимума, через промежуточные стадии, до максимума, от начала начал и до последних (несмотря на то, что под определённым углом зрения – Пётр и петрианизм – *в начале пути*, Павел и павлианизм – *посередине*, Иоанн и иоаннитское христианство, связанное с Мани и с истинным манихейско-христианским гнозисом, – *в конце*) времён (после к-рых «времени больше не будет», в отношении чего следует уже обращаться к Откровению Иоанна!).

И в этих глобальных измерениях (не всегда соответствовавшие нашему измерению-пониманию Времени) ВРЕМЕНА – как от потопной гибели атлантического человечества, возвестившего начало, с Ноева ковчега, человечества постатлантического, так и до тотального обновления-превращения прошедших через погибельно-обновительный огонь Земли и Человека в отдалёнейшую эпоху-стадию-эру (условные термины) Вулкана, к-рая ждёт нас после наследующих превращению современной Земли эпох-стадий-эр (состояний бытия и формы) Юпитера и Венеры.²⁶

²⁵ Мефистофель: Я эту тайну нехотя открою
Богини высятся в обособленье,
От мира и пространства и времён,
Предмет глубокий, я трудностью стеснён.
То – Матери....

Фауст: Где путь туда?
Мефистофель: Нигде. Их мир незнаем.
Нехожен, девственен, недосягаем,
Желаньям недоступен... (Гёте «Фауст» 1,36)

²⁶ «Таргум Кохелет»: «Всем тем, чему предстоит свершиться в мире, пророки занимались и не нашли его конец». А *конец* и нельзя найти, руководствуясь только Ветхим Заветом без венчаемого Иоанновым Откровением Завета Нового, и без того, что спиритуально называется

Освежим пройденный материал (Д.И. 109). Эволюция нашей планетарной системы совершается в $7 \times 7 \times 7 = 343$ Превращениях. Семь воплощений: Сатурн, Солнце, Луна, Земля, Юпитер, Венера, Вулкан (каждое воплощение – 7 кругов; каждый круг – 7 состояний формы). Земля в эпицентре этого глобального семеричного измерения!

Седмичная эволюция собственно Земли: Полярный, Гиперборейский, Лемурийский, Атлантический, Арийский (= созеркальный Лемурийскому Арийско-Семитский = Пост-Атлантический = Пассионарно-Ойкуменический) периоды; плюс – два следующих за После-Атлантическим, два завершающих эту большую Седмицу (пока безмянных) периода-зона, к-рые мы можем условно назвать: Филадельфийским (зеркало Гиперборейского) и Солярным (зеркало Полярного).

Современный нам После-Атлантический = Семитско-Арийский = Пассионарно-Ойкуменический период, с составившим абсолютную метаисторическую-историческую середину всей Эволюции Таинством Голгофы в эпицентре всех дименсионов, состоит из Семи эпох/культур продолжительностью 2160 лет каждая (после формирования Физического тела Человека в ходе трёх заключительных Атлантических эпох: Пра-Семитской, Пра-Аккадской, Пра-Монгольской): Пра-Индийская – Эфирное тело (знак Рака); Пра-Иранская – Астральное тело (знак Близнецов); Египетско-Вавилонская – Душа осязающая (знак Тельца); Греко-Латинская – 748/47гг. до н.э. – 333/34гг. н.э. – 1413/14гг. – эпоха Мистерии Голгофы (знак Овна-Агнца) – Душа рассудочная; Германно-Англосаксонская – 1413/14 – 3573/74гг. (знак Рыб) – Душа сознательная; Славянская (знак Водолея) – Самодух (когда полностью и на более высоком уровне развернётся то, что будет заложено предтечно-филадельфийской Славянской Соборностью); Американская (знак Козерога) – Жизнедух (за к-рым следует эсхатологическо-апокалипсический Духочеловек). А грядущая конечная метаморфоза-превращение древнейшего Сатурна суть очистительный огонь, суть всепожирающе-обновительное пламя Вулкана! (суть *непланетарная планета* Вулкан!)

И (взошедшему до Третьего неба) Петру (на 60-е гг. Ив. отнюдь не просто галилейскому рыбарю)²⁷, как и (взошедшему на Седьмое небо) Павлу, и как в особенности Лазарю-Иоанну (кто, Апостол Апостолов, брат-близнец Апостолицы Апостолов Марии Магдалины, поднимется до 12/13-го Неба) об этих измерениях-дименсионах, об этих ближних и не очень ближних, дальних и очень дальних горизонтах, на уровне мистических посвящений-сокровений-откровений каждого из названных Апостолов (пусть не в представленных нами выше, согласно антропософии, форме и виде-облике) – известно! Они знают о них, они оперируют ими, глядя в много-дименсиональные прошлое, настоящее, будущее, к-рые, как видим, куда сложнее-масштабнее, чем в повседневности, или в истории без метаистории (к-рой куда ближе спиритуальный реализм Гёте, нежели мёртвый абстракционизм Канта!).

И не случайно именно Пётр в 2П. открывает глаза своим адресатам на то, что отныне не должно быть сокрыто от них (от каждого по способности просвещённого постижения) = на то, что «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (3,8), к раскодированию чего без ключа именно духовно-метаисторического приблизиться нельзя. И не Пётр ли поставленный Христом *ключарь* рая! *ключарь* Тайн Небесных!

«Пистис и Гнозис»! И стоит в данной связи обратить взор и слух на отсутствие планетарного Вулкана, за и под к-рым преобразование-одухотворение-обновление-новорождение-планетаризация-космизация *внутренности*, внутреннего существа-нутра и состояния Земли, её преисподней, до самого земного ядра, или, иначе говоря, 9-и кругов ада, противостоящих-противоборственных 9-и чинам Ангельским!

²⁷ Да и *рыболовство* (ловца человеков), если немного подумать, носит (для кого – первично, для кого – в т.ч.) сакральный смысл: эзотерические знаки Воды и Рыб!

Одним словом, удостоверьтесь: в новоизраэлитско-петрианском эсхатологическо-апоклипсическом арсенале горизонты, в т.ч., максимально-глобальные, к-рые, само собой, наличествуют и у полномасштабно распространённого христианство в Ойкумену ойкумениста Павла, и к-рые кульминируют у автора Книги Книг (Откровение) в Книге Книг (Библия) – у космиста Иоанна Богослова!

* * *

И тут не менее важно заострить внимание на акцентации **веры** в устах Петра (5) – как камня, на к-ром Господь воздвиг и воздвигнет Церковь, неодолимую для врат ада, невзирая на все испытания, метаморфозы, падения, к-рые ждут её впереди. Неспроста, например, в армянских мученических «Актах Петра» не его персона, но именно его вера, сила его веры – краеугольный камень Церкви. И именно вера, по слову князя Апостолов в его обращении к малоазиатским общинам, – «драгоценнее гибнущего, хотя и огнём испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явлении Иисуса Христа» (7).

Малоазиатские христиане-неофиты, не видевши Иисуса, веруют, что ставится Петром им в заслугу, во Христа и любят Его (8), к месту добавить, по слову Господа, обращённому в Фомино воскресение 12.04.33г. к уверовавшему, по вложению пальцев в раны Распятого и Воскресшего, (маловеру) Фоме: «ты поверил потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ио.20,29).

Ничем иным как несокрушимую верою достигается спасение душ (9), чему взыскующе следовали пророки Господни (10) от первопророка Моисея (XVв.) до, спустя 1000 лет, последнего пророка Древнего Завета Малахии (Vв.), и затем от *второго Моисея* Ездры, через носителей откровения *дщери голоса* – Бат-Коль, до, почти через 500 лет, печати пророков и пророка пророков (привратника Нового Завета) Иоанна Предтечи-Крестителя.

Поставленный же пасти овец Христовых Самим Иисусом (Симон) Пётр есть новый (новозаветный) Моисей, есть реинкарнация Моисея, Соломона... и Симона Маккавея – старшего по возрасту из пяти сыновей Маттафии, но возглавившего Израиль (как первосвященник, плюс князь народа = теократор) и погибшего последним из них – в 134г. до н.э. Т.е. – за 200 лет до 67г. н.э., к-рый, в свою очередь, отстоит на 1260 лет от начала Троянской войны (1194/93г. до н.э.), причину к-рой, – Елену Прекрасную, Симон волхв называл своей реинкарнированной спутницей! (между тем как 2160 лет отделяют встречу Авраама с Мелхиседеком ок. 2090г. до н.э. от гибели Второго храма в 70г. н.э.)

И в стихе 12, где говорится о благовествовавших малоазиатцам ниспосланным с небес Духом Святым, из мн.ч. явствует, что на 61г. не только Пётр и не только Павел, взявшие М.Азию в оборот на западе (Павел) и востоке (Пётр), с её геоцентром-серединой в Галатии (Пётр и Павел), проповедовали-миссионировали здесь, а и другие Апостолы, – Большие и Малые (в результате чего, оттолкнувшись от чего, М.Азия – Анатолия – на II/IIIв. опережала, пожалуй, все регионы по числу христианских общин и уверовавших).

Стих 13 содержит замечательный образ-призыв к возлюбленным единоверцам «препоясаться чреслами ума» – не столько (в сегодняшнем понимании) интеллекта, сколько – ясномыслия, и бодрствовать в уповании на подаваемую непреходящим явлением Христа благодать. Это явление в свершении однажды свершившегося вселенского События Голгофы, к-рое сделалось опорно-отсчётным новосодержанием Бытия, к-рое никуда не уйдёт и никогда не прейдёт, к-рое всегда с нами, хотя никакого Второго Пришествия Христа, к-рое есть феномен *эфирно-солярный*, являясь Пришествием *на облаках* и Сошествием во избранные, в открытые-открыв-

шиеся навстречу оному души, на материально-физическом плане (по подобию Пришествия Первого) больше никогда не будет!

Причём непреходящее явление Христово христианам должно-можно-нужно-возможно принимать, став, по слову Христа, продолжительно манифестируемому Петром, как послушные дети (14), ибо Царствие Небесное открыто малым сим.

Христос Свят, и вы, взирая на Него, сообразуясь с Ним, следуя Ему, – «будьте святы во всех поступках» (15/16). Любовь и неотступная приверженность ко Христу Испытателю делает удобоисполнимым для христианина ветхозаветное слово: «будьте святы, потому что Я свят» (Лев.11,44; 19,2; Вт.10,17; Лк.1,75). Преемственность от Ветхого Завета к Новому (17), к-рую постоянно подчёркивают и Павел, и Пётр, в обоих Посланиях к-рого достаточно параллелей с Посланиями Павла, о ком в конце 2-го Послания сказано так (3,15), что ни одна из скудоумных версий (будь то древние псевдогностические, или ново-новейшие горе-измышления = искусственные высосанные из пальца конъюнктурные конструкции) о мнимой, мол, закладной (по гроб и за гробом) вражде Первоверховных Апостолов, – не выдерживает (элементарной!) критики (см. ниже).

Не тленными серебром и золотом искуплены уверовавшие от суетной жизни (18), полученной по наследству = унаследованной потомственно, в силу генезиса – физически, и перенятое от отцов – духовно²⁸, «но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого агнца» (19). Не кровь ли носитель человеческого Я – индивидуальности каждого человека, к-рый приходит в мир отягощённым кармой индивидом, и всего совокупного человечества, к-рые искуплены экстрактом крови человека – Кровию Христа = Бога человеческого Я = Бога высшего и вышнего Я, Кто, не быв отягощён кармой, умер как непорочный и чистый агнец во искупление грехопадших людей!

Единосушный Отцу, подателю Святого Духа, исходящего от Отца через Сына (для западных христиан – Filioque: от Отца и от Сына), Он был предназначен для Жертвы «ещё прежде создания мира», явившись, однако «в последние времена для вас» (20). Опять, на сей раз, ретроспективно предельные горизонты и указание на уникальность обитателей-населенников самого уникального в истории-метаистории I-го в. н.э. – Века историко-метаисторического События Голгофы. И к прямым наследникам этого Века Пётр проникновенно адресуется в 1П., снова напоминая им, «уверовавшим через Него» = Христа – «в Бога», К-рый, Отец, есть воскреситель Сына из мёртвых и (по)датель славы Его (в единстве Троицы), – «чтобы вы имели (во главе угла) веру и упование на Бога» (21).

То-то в стихе 22 – «послушание истине через Духа» (третья ипостась нераздельной-неразъёмной Троицы-Триединства), без чего невозможно очищение душ и нелюбимое братолюбие, чем, «любя друг друга от чистого сердца» (к-рое, как импульсатор всего, как солнце человеческого существа, подобно Солнцу – сердцу Вселенной, отвечает за доброе и дурное в человеке), надлежит руководствоваться во взаимоотношениях сообщинникам.

²⁸ «Хуллин» (136): «Р. Хийя б. Абба, от имени р. Иоаханнана (+ ок.279г.): «Неизраэлиты за пределами Эрец-Израэль – не идолопоклонники (из свободного выбора), ибо они придерживаются переданного им отцами» (т.е. переданное предками, полученное-воспринятое от предков извиняет потомков). «Мидраш Есфирь» (1,3 (856): «Р. Хийя б. Абба (ок.280г.): «Цари Мидии (под царями Мидии – благоволившие к иудеям персидские Ахемениды – К.З.) были безупречны и Господь не имел ничего против них, за исключением их идолопоклонства, переданного им их отцами». (Ветхий Завет весьма знаменательным образом не бичует ни персов, ни их зороастрийскую религию, а Исаия даже называет Кира Великого, позволившего-велевшего иудеям репатриироваться в Землю Обетования и восстановить Храм Господень, Господним помазанником (45,1).

Ведь истинно верующие возрождены, заново рождённые-родившиеся, «не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия, живого и пребывающего в век» (23). Не сказано ли в знаменитом трубно-ангельском Прологе у (превосходно преемствующего Петру и Павлу) Иоанна: «К-рые не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» (1,13). Уверовавшие-верующие по истине, живущие не по лжи, более не дети плотского семени, они – чада Духа, К-рому в заключительных стихах 1П. брэнная плоть противопологается (23). Не она ли сродни земной славе человеческой, к-рая, как цвет на траве, преходит, когда трава засохла и цвет её опал (24). Суетная земная слава есть – солнце мёртвых, в противоположность солнцу живых – славе Небесной, путь к-рой открывает слово Господне = Логос Бога-Слово!

«Но слово Господне пребывает в век. А это есть то слово, к-рое вам проповедано» (25). Слово Господне – Солнце живых – пребывает в тех, в ком, из кого оно сиятельно светит, что в данном конкретном случае обращено к уверовавшим малоазиатских общин, к-рых Пётр поставил на ноги, снабдив их визой-путёвкой в христианскую жизнь.

* * *

В гл. 2 Апостол призывает-увещевает верующих отложить злобу, коварство, лицемерие, зависть, злословие (скинуть всё это, как недостойные христиан ветхие покровы из отставленного былого) и быть сродни новорождённым младенцам²⁹, нуждающимся в чистом словесном молоке, чтобы спасительно возрасти из него, и благодаря ему к приятию в дальнейшем пищи твёрдой (переключка с Павлом), вкусив = познав, «что благ Господь» (1-3). Не сказал ли Иисус (когда *знатный юноша* назвал Его – «учитель благий»): «никто не благ, кроме Бога».

И тут Христос называется «камнем живым», отвергнутым человеками, но избранным Богом в качестве *камня основы* христианства, поистине и воистину драгоценного, как алмаз, олицетворяемого Христом, камнем К-рого на земле, у кормила Церкви Господней, поставлен предназначенный-призванный к тому Самим Господом Пётр – князь Апостолов. Пётр, к-рый своё назначение – быть камнем в основании Церкви, смиренно выводит от «живого камня» – Христа, смиренно возводит к «живому камню» – Христу (предостерегая от переоценки его, Петровой, роли) (4).

И сами верующие – живые камни – устроители духовного дома – новое святое священство при новом, в лице общины и церкви, духовном храме (противопоставленных за кадром преходящему на глазах аронидскому священству и преходящему каменному храму, годы к-рых сочтены). В пору, когда у становящейся Церкви ещё нет институционально-церковного священства, и сообщинники, «приносящие духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (противоположение кровавым храмовым жертвоприношениям), сами есть священство при главенстве первосвященника вовек по чину *царя праведности* Мелхиседека (К-рого Пётр не именует, однако подразумевает во Христе, вновь переключаясь с назвавшим Мелхиседека по имени в Посл к Евреям от ббг. Павлом).

Не Мелхиседек ли получил священскую десятину от Авраама, когда Левий был ещё в чреслах Авраамовых, а Аарон (или Моисей; или Моисей и Аарон – кармические Пётр и Павел!) и подавно в чреслах Левиных! Не Христос ли – из колена Иуды и дома-рода Давида, от-из к-рых никто священнослужителем не приступал к аронидско-храмовому жертвеннику, ибо от брата Соломона Нафана, прашура Иисуса Нафанида, вели родословную представители особостатурированного латентно-

²⁹ «Евамот» (486) (о прозелитах): «Они подобны новорождённым младенцам» (= 62a).

нехрамового (царственно-мессианистического) священства – мужи жребия Мелхиседекова, миссия к-рых, по рождении Мессии, была в пору Исполнения Времён исполнена-выполнена.³⁰

А ныне, после принесения Христом, Агнцем Божиим, в жертву Себя, животные жертвы (к-рые не искупают грех) позади, они вскоре канут в Лету вместе с покинутым Богом Живым в Страстную неделю 33г. старым, из камня, лунарным храмом на лунной Храмовой горе Мориа, от к-рого в 70г., спустя 37 лет (лунные узлы) от Распятия Иисуса и Воскресения Солнца Христа, не останется камня на камне. Вот новый камень в новом (тотально обновлённом) солярном Сионе: «камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится» (6).

С предречения Симону (евр. – *слышание/услышание*) Петру (греч. – *камень-скала*), по исповедании им Иисуса Христом, с оснащения Петра миссией быть камнем-скалой, на к-рой воздвигнется Церковь Господня, этот образ, эта метафора камня-скалы, сопровождает Апостола всю оставшуюся жизнь – до его, согласно апокрифам, победы, перед его мученичеством, над Симоном волхвом, чародейский взлёт-полёт к-рого (на крыльях Люцифера) ниспровегается-разбивается в столице мира сего – Риме – о камни.

И Пётр неизменно подчёркивает в 1П. свою твердокаменную вторичность от краеугольного камня Христа, свою соподчинённость Христу Спасителю, К-рый, как драгоценнейший камень (отвергнутый строителями), для одних – во главе угла, а для других – «камень преткновения и камень соблазна» (7).

Речь о тех, к-рые говорят, что видят, но слепы, т.е. речь об отвергнувших Христа иудеях, представителях экс-народа Божия, утративших своё избранничество отторжением Бога Живого, пришедшего к своим и своими не принятого; речь о тех, на к-рых остаётся грех, к-рого не было бы, если бы они были слепы, как язычники, и не говорили, что видят.

Но они были до весны 33г. экстрактом человечества, Христа распявшего, и приняли этот грех на себя: «Кровь Его на нас и на детях наших» (Мф.27,25).

Они преткнутся о камень, «не покоряясь слову, на что они и оставлены. / Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (8/9). При встрече со Христом, с Духом Солнца, ветхий Израиль не выдержал ослепительного Солнечного Света (глаза в глаза) и, став-оставшись Иудой во плоти, остался со шлаковой Луной!

Не те ли, кто уверовали, сопринадлежат теперь к избранным, к призванным из тьмы и тени смертной на чудный свет, в чудный свет – не по прежней еврейско-иудейской избраннической принадлежности в смысле сертификата веры и крови, но по принадлежности к народу Божию – без Еллина, Иудея, Римлянина, Грека, раба, свободного (Павел). В уделе Того Царя Царствия Небесного, к-рый не от мира сего, Того, Кто Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени (Откр.5,9).

Стих 10 явно говорит о малоасийских неопитах из язычников, обращённый, в первую очередь, непосредственно к ним, что однозначно опровергает хилую версию о миссионировании Петра исключительно среди иудеев и, тем паче, адресации его Посланий якобы только к иудео-христианам: «Некогда не народ (избранный, – к-рым до 33г. были Евреи-Иудеи), а ныне народ Божий (без Еллина и Иудея); некогда непомилованные, а ныне помилованы» (10).

³⁰ Если Еврей от Евреев (Левит) Моисей был обладателем-носителем *эфирного тела* первоарийца Заратустры (носитель *астрального тела* к-рого – Гермес Трисмегист), то Соломон, будучи *Прометеем* по натуре, не мог не стать в конце жизни и царствования Екклесиастом!

Да, по разделении полномочий в 51г., Пётр миссионировал поначалу, в большей мере, среди иудеев, как Павел среди язычников (Гал.2,8/9 – 55г.), но это совсем не означает, что Пётр (обративший язычника Корнилия ещё в 40г.) стал или остался учителем только иудеев, а Павел – только язычников. И с течением времени проповель, несомненно, владевшего греческим Петра (брат к-рого Андрей носит сугубо греческое имя) всё больше и чаще обращалась также к язычникам.

В стихе 11 вновь звучит призыв к «пришельцам и странникам» (каковыми являются христиане на земле) «удаляться от плотских похотей, восстающих на душу» = не впадать в рецидив языческих соблазнов, свойственных вам до обращения, и вести добродетельную жизнь между язычниками, к-рые злословят христиан, как злодеев (12). Отвечайте на зло добродетельностью = добром на зло в духе квинт-эссенции неведомой преждему миру христианской нравственности.

И будьте покорны всякому начальству, царям и правителям = актуальная тема лояльности христиан ко всякой светской власти, о чём не раз говорит и Павел, и чем христианство безоговорочно дистанцируется от всякого революционерства, не единожды рядившегося и рядящегося в квазихристианские ризы. Повторим снова, Христос пожертвовал Собой ради людей (не погубив из доверенных Ему ни одну душу), а революционеры жертвуют тысячами и миллионами других людей ради своих абстрактных идей, ради своих ненасытных-неутолимых амбиций. Не дай Бог случиться не только русскому, но и любому кровавому бунту – бессмысленному и беспощадному!

Стоила ли Иудейская война жизни младенца, убитого и съеденного в погибающем, под шабаш зилотов и сикариев, Иерусалиме обезумевшей голодной матерью, уж не говоря об одном миллионе, в общей сложности, погибших в пламени Иудейской войны евреев?! Никак нет: Богу – Богово, кесарю – кесарево! (13-16). Не судите, ибо сами судимы будете.

«Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» (17). При всём том, слугам надлежит повиноваться господам «не только добрым и кротким, но и суровым» (18), ибо Богу угодны скорбь и страдания истинных христиан от несправедливости, на к-рую должно отвечать добром по примеру несправедливо распятого Христа, К-рый простил и возлюбил злословивших и распявших Его (19-23). Сам собственно незнакомый преждему дохристианскому человеку и человечеству ответ добром на зло изменяет ауру Земли, питает благодатью духовный мир, очеловечивает обитель людей, вочеловечивается в них, обусловленный непрерывным жертвенным трудом во спасение из поколения в поколения, и не знает альтернативы, потому что жертвенный пример Христа с истинным христианином всегда. И пусть это лишь пролитый из заветного фиала идеал, далеко не всегда и не для всех достижимый, оный – непреложен.

Не вознёс ли Искупитель Иисус грехи человеческие Телом Своим на древо (24), избавив род людской Своими ранами, Кровию из них, из ран Второго безгрешного Адама, упавших-пролившихся с креста Голгофы на могилу первого грехопавшего Адама (тело к-рого было, по преданию, погребено под крестом Голгофы), очистительно-катарсисно омыв его и тем самым искупив падшее человечество, избавленное-освобождённое от довлевшего над ним проклятия.

Если до Христа потерянные люди были, как овцы без потерянного ими пастыря, блуждающие во тьме и тени смертной, то в Нём, во Христе, ставшем Богом человеческого Я, они возвратились к Пастырю и Блюстителю душ (25), чем возродились во Свете. И это Он готов бороться за душу каждой из 100 овец, не пренебрегая одной овцой ради девяносто девяти, что, т.е. пренебрежение человеком, людьми, практиковалось и практикуется в истории человечества политиками, для к-рых человек, люди, увы, слишком часто, всего-навсего, разменный человеческий мате-

риал, безликая масса, инструмент для достижения эгоцелей. Однако, если не история, то метаистория руководствуется со дней Таинства Голгофы иными критериями!

И всё это говорит, обо всё этом пишет Пётр, кто не хотел, чтобы Учитель омыл ему ноги перед тайновечерней трапезой, кто хотел узнать на Тайной Вечери имя предателя, чтобы силой-насилием предотвратить предательство, кто отсёк ножом ухо рабу первосвященника в Гефсимании (вняв затем требованию Иисуса вложить меч в ножны, ибо спор нельзя решать железом), кто трижды отрёкся от Учителя в ночь на Страстную пятницу. Какова метаморфоза! Теперь, в 61г. н.э., после того как трижды поставленному Воскресшим пасти овец Моих (тремякратно отреченцу) Петру, прошедшему долгий жизненный путь и действительно сделавшемуся скальным камнем, на к-ром воздвигается несокрушимая Церковь Господня, довелось перешагнуть за возраст патриарха — 70 лет (57г.), оставить позади 72 года (один космический день) земной жизни (59г.) и быть на 75-м году отроду. Вот что значит князь Апостолов во Христе!

Причём не только из 2-го — предсмертно-прощального, — но и из 1-го (прощально-наставительного) Послания Петра к малоазиатским общинам явствует, что отдавший их становлению столько сил Апостол больше не увидится с тамошней паствой, больше не вернётся в М.Азию (проследовав из Вавилонии в Палестину, и из Палестины, минуя Египет, в Рим).

* * *

В стихах 1-6 гл. 3 — слово о жёнах-христианках, к-рому достаточно внять, чтобы понять, насколько гротескно абсурдны все псевдогностические в древности или светско-секулярные ново-новейшие упрёки, мол, дремучему домостроевцу Петру (как и Павлу!), дескать, антагонисту Магдалины, в пресловутой геникофобии.

При всём том, наряду с повиновением жён мужьям, к-рое проповедуется и Павлом, жёны ставятся выше мужей, ведь те из последних, к-рые не покоряются слову, могут быть именно женоповиновением приобретены для слова Истины (1), в результате того, что воочию увидят их «чистое богобоязненное житие» (2). Не звучит ли тут гимн Вечно Женственному и Вечной Женственности, гимн Подательнице Любви в человеке и человечестве (ради чего Иисус собственно и принёс рыцарскую жертву мужа на кресте Голгофы)!

Спрашивается, — какой из Петра женоненавистник при подобной акцентации женского начала и его важности-актуальности для веры во Христа, для христианства, для праведной экзистенции общины и Церкви?! Не жёны ли, акцентируем снова, следовали за Иисусом, когда мужи в Гефсимании разбежались! Не жёны ли вместе с Лазарем-Иоанном, единственным из Апостолов, стояли под крестом! Не Магдалине ли первой явился Воскресший! Не Мироносицы ли отправились ко гробу и возвестили Воскресение!

И вот жёны-сообщинницы увещеваются Петром не предпочитать внешнюю красоту (красивее к-рой нет ничего на свете, но к-рая из всего преходящего наиболее пронзительно кратковечна и преходяща, и от к-рой, чем больше вкушаешь, тем больше алчешь) внутренней. «Не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде» (3), а сокровенный человек сердца в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа (4) пусть будет идеалом для вас — христианских дев и жён, по примеру благочестия и праведности в их повиновении мужьям (5) ветхозаветных праматерей.

И пусть Пётр называет по имени одну Сарру (6), здесь и Ревекка, и Рахиль с Лией, и дальше — в Египте — дочь Потифера, жреца Гелиопольского, не-евреянка, родившая лучшему из братьев-Иаковитов Иосифу сыновей Ефрема и Манассию.

(От Сарры в XXIв. до н.э., через 2 тыс. лет, к I/IIвв., когда жили Анна и Елисавета, Мария Старшая и Мария Младшая, Мария Магдалина и Мария Клеопова... И от них, через 2 тыс. лет, в XXI-й в. н.э., в наше столь занятое, подчас трагикомично, вопросами гендерного равноправия время.)

Мужья же, согласно наставлению Петра со стиха 7, должны «обращаться благо-разумно с жёнами», как, выражаясь современно, со слабым полом = «немогший (нуждающийся в предводительстве и защите) сосуд» (жизни = жизнеобразующих сил), под к-рым прекрасная половина человечества, представленная сонаследницами благодатной жизни, благоразумное отношение к к-рым (внимание!) устраняет для мужей (ни больше, ни меньше) препятствие в обращаемой ими к Богу молитве! Ну и где тут какая-либо дискриминация?!

В стихе 8 перечисление свойств-качеств, необходимых христианам-сообщинникам, мужьям и жёнам: единомысленность, сострадательность, братолюбие, милосердие, дружелюбие, смиренномудрие.

И опять в объективе максима христианской нравственности – невоздание злом за зло (9), чему противоположено благословение со стороны христиан, к-рые, как наследники Христа, призваны наследовать Ему в этом. Кроме того, – удерживайте языки ваши от зла «и уста свои от лукавых речей» (10). Не исходит ли всё хорошее и дурное в человеке из-от сердца, от-из импульсов сердца, через уста. Восходящее к божественному Логосу Слово, как говорится, не воробей, вылетело – не поймашь. Посему думай, прежде, нежели изречь что-либо, не говори всуе и взвешивай слова, не злословь и не лукавь в речи, в слове, к-рое дано созданному по образу и подобию Божию (Логос) человеку как единственному из всех живых существ.

Стих 11 велит делать добро, искать мира и стремиться к миру. Миролюбие – в смысле готовности к миру – (ёмкий термин) *Friedfertigkeit*³¹, поиск мирных путей решения проблем, стремление к мирному разрешению конфликтов делаются (даже при неотвратимости войны, даже несмотря на наличие войн праведных и неправедных, даже в случаях невозможности участия или необходимости участия христиан в них) неизменными спутниками христианства.

Господь видит праведных и слышит молитву их, будучи обращён лицом «против делающих зло (чтобы истребить их с земли)» (12), что симптоматично-показательно: как видение-увидение праведных и слышание-услышание молитвы их, так и обращение лицом к злым-нечестивцам! Творите добро, будьте ревнителями доброго, подвизайтесь за доброе, и (рано ли, поздно ли) уберёжётесь от зла (13), – упасённые Господом, не страшась страдать за правду, ибо такие страдальцы – блаженны (14).

Бог святится в сердцах поистине верующих, всегда готовых дать ответ на требование об отчёте в уповании – «с кротостью и благоговением» (15). И мерная вервь истинного христианина – «добрая совесть» (16), даденная человеку и человечеству, сродни заповеди любить врагов, с приходом в мир Христа и христианства, с жертвой Христовой. Дохристианское человечество ничего не знало о совести (зная о достойном и недостойном образе жизни, поступках, поведении), потому что Совесть была принесена на Землю и обвенчана землянам, как и Чистое Время, сошедшим в люди с Неба, от Бога, Христом, Кто и есть Совесть человечества!

³¹ Трудно переводимый на русский, как и «Вечно Женственное» – «Ewig Weibliches» – русский перевод к-рого, к сожалению, не передаёт всю полноту-глубину-ёмкость смысла, к-рый взойдёт на русском и на др. славянских языках в грядущую Славянскую эпоху Самодуха, передаваясь-воспринимаясь ныне, в Германо-Англосаксонскую эпоху, на уровне Души сознательной, перво-наперво, на языках германских. Сходно – «Heimatlosigkeit» или «heimatlose Seelen» = *отчуждённые души без родины*, трагизм сущностного определения к-рых (Вагнер, Ницше, Рильке...) на немецком передаётся предельно ёмко, без возможности равноценного воспроизведения по-русски.

Не Он ли «однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлён по плоти, но ожив духом, / К-рым Он и находящимся в темнице духам, сошед проповедовал...» (18/19). Христос проповедовал и находящимся в темнице духам, сойдя во ад (что христиане *датируют* временем-днём Великой субботы), ведь жертва Христа принесла спасение-избавление как живым, так и мёртвым, взломав врата смерти, охватив в своей всеполноте как этот свет, так и тот, равно – в полноте времён и пространств – охватив и прошлое, и настоящее, и будущее – до всех пределов и за пределов – по Беспределу со знаком плюс!

Божие долготерпение в отношении непокорных пресеклось во дни Ноя (20) = потопная катастрофа³² метаисторической Атлантиды, атлантического человечества, начавшаяся за 15/14 тыс. лет до н.э., в срединную из Семи Четвёртую Атлантическую стадию эволюции, когда надлежало свершиться несвершившейся-отложенной, в силу невозможности Её свершения из-за предательства мистерий и второго ариманического грехопадения человечества, Мистерии Голгофы.

И если тогда восемь упасённых Богом человеческих душ в Ноевом ковчеге спаслись (на вращающейся *по восьмёрке* Земле) из воды, чтобы дать начало новому послепотопному (очищенному водами всемирного Потопа от скверны) человечеству, то ныне элемент воды, посредством к-рой Иоанн Предтеча крестил Иисуса в Иордане, пережил крещенскую метаморфозу (21), став обещанием Богу доброй совести во спасение Воскресением Иисуса Христа – крестителя Духом святым и огнём (21).

Грозные очистительные воды истребительно-обновительного Потопа в прошлом (отлично от Огня грядущего) и купельная вода водного Крещения, предваряющая Крещение Духом Святым и огнём. От Большой потопной тьмы – Двапара-юга – 13102г. до н.э. = 10 тыс. лет, к Малой (в преданных материалистическому искушению человеческих душах) – Кали-юга – 3102г. до н.э. – 1899г. н.э. = 5 тыс. лет (Двапара-юга + Кали-юга = 15 тыс. лет). От Малого огненного обновления, с окончанием в XIII-м тысячелетии н.э. Семи культурных эпох нашей Пятой Пост-Атлантической стадии эволюции (общей протяжённостью в 15120 = 2160 x 7 лет), до Большого огненного обновления под знаком в отдалённом грядущем (после знаков Юпитера и Венеры) пламенного Вулкана.^{32а}

Не начал ли Иоанн своё прохождение по всей окрестной стране Иорданской, «проповедуя крещение покаяния для прощения грехов», осенью 28г. н.э.! Не прошло ли с 33г. н.э., с года Таинства Голгофы, по 61г. – время написания Петром его 1-го

³² «Абот» (5,2): «Десять поколений было от Адама до Ноя. Они испытывали Господне долготерпение и каждое из них гневало Его, пока Он не наслал потоп».

^{32а} Обращает на себя внимание следующее пересечение Больших и Малых эонов-циклов-периодов. Так, наша современная Пятая (После-Атлантическая) Пассионарно-Ойкуменическая стадия метаисторической эволюции, состоящая из Семи культур (VIII тыс. до н.э. – VIII тыс. н.э.) в пределах Космического Года (XIV тыс. до н.э. – XIII тыс. н.э.), пересекается с современной нам V-й Германно-Англосаксонской культурой (1413/14-3573/74гг.), начало к-рой, в свою очередь, пересекается с концом 5-й (в составе 7-и, начиная с Орифила-Сатурна) ротационно-архангельской эпохи Самаила-Марса (1171-1525гг.). И это тройственное пересечение – **Пять – V – 5** – беспрецедентно!

Причём здесь важно усвоить, что т.о. наша 5-я культура, на её стартовом этапе, вобрала в себя разрушительную декадентную мартиальность ещё до того, как с начала XVIIв. (1601-04гг.; в 1601г. исполнилось 2160 лет с земного рождения Гаутамы в 560г. до н.э.) стартовала жертвенная (сродни Жертве Христа на Замле) миссия существа Будды и буддийского импульса по обновлению-умиротворению-пацификации Красной Планеты. Т.е. преодоление этой мартиальности – одна из насущных задач нынешней, в пору начавшегося в XXв. Второго Пришествия Спасителя, (7-й) архангельской эпохи христосолярного Михаила (1879–2234гг.), к-рый является (шествующим впереди) герольдом Христа-Солнце, и предшествовал (602-248гг. до н.э.) Первому Христову Пришествию в эпоху Орифила-Сатурна (248г. го н.э. – 108г. н.э.).

Послания – 28 лет = 7 x 4 = солнечный цикл! Не прошло ли на 61г. н.э. 60 лет с Поклонения волхвов, рождения Иоанна Крестителя и Рождества Иисуса Нафанида в 1г. н.э.! 60 = 5 x 12 – число полноты Времени у пользовавшихся 60-десятичной системой халдеев-вавилонян (и у интервалировавших-хронологизировавших историю по 60-летним циклам китайцев), внутренняя связь с кругом.³³

В стихе 22 восшедший на небо Христос – одесную Бога, и это Ему – Христу – «покорились Ангелы и власти и силы». То, что Пётр знает из своего староеврейского посвящения, одухотворено новопосвящением христианским. Его посвятил Сам Христос – как при жизни, так и по Воскресении, как в пору Эфирной, в течение сорока дней до Вознесения, Христовой Мистерии, так и посредством завершившейся на Святки 44г. н.э., в 12-м году от Голгофы, на Масличной-Елеонской горе, Астральной Мистерии Христа (см. выше)! А дальше, во время с конца декабря 44г., князь Апостолов, кто взошёл до Третьего Неба и кому ведомы тайны сердец человеческих, Пространства и Времени, Воды и Огня, посвящал себя сам!

* * *

Крестная смерть Христа плотию означает, что и в христианине плотскому человеку надлежит умереть ради человека духовного (4,1/2). Не сказано ли: «быв умершвлён по плоти, но ожив духом» (3,18). Плотское страдание не должно пугать, указывая человеку его место и вдохновляя его не посягать на божественность, а страдательно уподобиться во всём уподобившемуся нам, и до плоти, и до страдания плотию, Христу. Живите во плоти, сделавшись христианами «уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (2).³⁴

И если это будет достигнуто, то в своё оставшееся ему время во плоти (в течение не одной жизни), жизнь человека, проникшегося Страстями Христа, оснастившегося и вооружившегося ими, будет определяться, вопреки отставленным астральным страстишкам разного рода (к-рые не так просто преодолеть), волей Божией.

Стих 3 вновь ясно свидетельствует об адресации Апостола к уверовавшим из язычников, вновь опровергая столь примитивно, прямолинейно и схематично приписываемый Петру статус, дескать, Апостола евреев в противоположность Апостолу язычников – Павлу, каковым князь Апостолов, троекратно призванный-поставленный Самим Христом пасти овец как *этого*, так и *другого* двора (дворов), быть по (узколобому) определению (никак) не может.

В прошлое время жизни = до обращения-крещения – говорит малоазиатским общинникам Пётр – вы поступали по воле языческой, предаваясь различным порокам и всякому нелепому идолослужению, в связи с чем язычники дивятся вашему нынешнему неучастию в том же распутстве и злословят вас (4), за что они дадут ответ на суде пред Богом – владыкой живых и мёртвых (5).

И в стихе 6 торжественно манифестируется-повторяется-уточняется (что крайне важно для Петра) имевшее место быть благовествование Христа не только живым, но и усопшим, с охватом из настоящего не только будущего, до скончания веков, но и былого, от начала начал, чтобы и умершие имели возможность узнать Спасителя и, устремившись к Нему духом, стать ещё до своих новых приходов на Землю участниками жизни во Боге (6).

«Впрочем близок всему конец. Итак будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах» (7). Очередное сочетание и очередная презентация ближних и дальних

³³ У талмудистов: огонь – 1/60 ада; сон – 1/60 смерти; сон во сне – 1/60 профетии.

³⁴ «Человек праведнее ли Бога? И муж чище ли Творца своего? / Вот, Он и слугам Своим не доверяет; и в ангелах Своих усматривает недостатки, / Тем более – в обитающих в храминах из брения, к-рых основание прах, к-рые истребляются скорее моли» (Иов.4,17-19).

горизонтов, при требовании бодрствовать всегда, поскольку эпоха, в к-рую человек вступил со Христом – кульминационная, независимо от её продолжительности в нашем понимании-восприятии времени, к-рыми Пётр оперирует и одновременно поверх к-рых всматривается-смотрит, открывая каждому из адресатов былое и грядущее в меру их, в меру доступных им дальновзоркости и близорукости.

И вместе с тем, времена-сроки в ведении даже не Сына, как Христос поведал Апостолам в день Вознесения 14.05.33г., а Отца: «не ваше дело знать времена или сроки, к-рые Отец положил в Своей власти» (Д.Ап.1,7) (см. выше). Вы же будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах, живя всякий день, как перед концом света, как перед наступлением дня Господня.

Апостол увещевает сообщинников «иметь усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов» (8). Вера тщетна как без жертвы, так и без любви, вне к-рой нет ни Христа, ни христиан, ни христианства. Если Будда (в VI/Vвв. до н.э.) принёс на землю учение о Любви, то Христос (сотканный из любви, проникнутый Любовью Светоносный Иисус) есть сама Любовь. Он – истинный Бог Любви, датель-податель Веры и основатель религии Любви во Христе. Любовью (как и Верой, как и Надеждой) сдвигаются горы и покрываются-искупаются многие грехи.³⁵

Страннолюбие-гостеприимство без ропота и служение друг другу (9), само собой, разумеющиеся требования к христианам, их поведенческие нормы, при обязанности делиться полученными от Бога дарами с теми, к-рые этими дарами обделены, шадить и восполнять слабые стороны, слабости друг друга, поощряя стороны сильные, способствуя их максимальному претворению и тем гарантируя экзистенцию, пестуя неодолимость братско-христианского сообщества – «как добрые домостроители многообразной благодати Божией» (10).

Делайте всё, что бы вы ни делали, во Боге и с Богом: в слове, в служении силою Божией – во прославление Господа «через Иисуса Христа» (11), К-рый (Вторая Ипостась Троицы) воссоединил и соединяет Отца с Духом Святым, исходящим от Отца чрез Сына и олицетворяющим Вечную Женственность – изошедший в души человеческие экстракт К-рой изошёл суть с перекрестия-пересечения горизонтали (Кронос) и вертикали (Кайрос) на кресте и во Христе! Если у Первого Адама Господь изъял ребро для сотворения Евы, то Второй Адам искупил праматерь Еву! Первый Адам – из глины; Ева (его ребро) – из кости; Адам Кадмон – из Любви и Света!

Не чуждайтесь огненного искушения для испытания вам посылаемого (12), к-рое есть метафора соляного Христа, небезотносительно к пламени любви и к обновительному огню конца времён в ракурсе всегда насущной для Петра со дня Троицы, со дня сошествия огненных языков на Апостолов, стихиИ Огня. И этим огненным искушением в испытаниях мотивировано соучастие христианина в Христовых страданиях (13).

Блаженны те, кого злословят за имя Христово (14). Не говорит ли Иисус в Нагорной проповеди: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф.5,11).

Стих 15 напоминает об обязательности соблюдения 10-и ветхозаветных заповедей: не убий, не укради... Они одинаково непреложны для взаимопреемствующих один другому Заветов – Ветхого, ни одна буква из к-рого не преждёт, и Нового, к-рый новозаветно продолжает, венчает и аккумулирует неразъемлемый с ним в Библии Завет Ветхий.

³⁵ «Левит раба» (7 (109д): «Гнев Господень, к-рый Аарон навлек на израэлитов изготовлением золотого тельца, много причинил им бед. Однако, не сказано ли: «Ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи» (Пр.10,12). Любовь есть молитва, к-рую Моисей вознёс за Аарона».

Христианину должно прославлять Бога за испытания, посылаемые ему, не стыдясь своей богоизбраннической – не по крови, а по вере, по исповеданию веры во Христа – участи (16). Напомним, что данный термин, обозначающий последователей-приверженцев Христа, впервые вошёл в употребление благодаря Варнаве и Павлу в Антиохии в 40/41гг. И вот теперь этот с заглавной буквы термин употребляется, в приложении к малоазиатским единоверцам, как твёрдое-устоявшееся наименование, Петром.

Строгий суд Господень начнётся с дома Божия (17), т.е. с чад Церкви, с христиан, с к-рых спрос вдвойне. И наряду с тем, если праведный едва спасётся, сколь страшен будет суд Божий для непокаяющихся Христовой правде! (18)

«Итак страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро» (19). Человеку посылается испытательно ровно столько, сколько он в состоянии выдержать, будь то в одной или не в одной жизни. Нет для истинно верующего бремени несносного, вопрос в том – сколько времени нужно, чтобы стремясь стать чадами Света, а не тьмы, эти бремена во временах осилить? «Верный зодчий тот, кто правильно рассчитал отношения тяжести и упора: Бог не возлагает на нас бремени непосильного» («Б.Б.» с.2041).

* * *

В заключительной гл. 5 поставленный Пастырем надо всей первоапостольской Христовой князь Апостолов называет себя свидетелем страданий Христовых и соучастником грядущей славы, «к-рая должна открыться» (1), увещевая, со своей стороны, пастырей общин богоугодно пасти вверенное им стадо (2) – слово, к-рое сегодня, применительно к людям, в отношениях между людьми, обычно употребляется в уничижительно-оскорбительном смысле-контексте (каковой Евангелием в данное слово, само собой, никоим образом не вкладывается).

Пасите-ведите доверенных вам овец без господства над пасомыми (что делают политики и что часто делала церковь), но являясь образцом для паствы (3), что и зачтётся пастырям добрым – награда к-рых – «неувядающий венец славы» (4). Пастырям категорически не должно взирать свысока на пасомых, категорически нельзя презирать их.

И от последних, к-рые первые в сообществе, делается переход к младшим, к тем, кто иерархически-прединституционально подчинены пастырям. Иерархия христианской общины и общественной жизни – в богоугодном соподчинении друг другу, во взимовспомогательном служении на основе того качества, к-рое не раз в Новом Завете называется смиренномудрием – полюс богопротивной гордыни, «потому что Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать» (5). И данные точки над данными i расставлены однозначно, без альтернативных вариантов.

Христиане смиренномудры под крепкой десницей Господней (6), и в своё время (каирс!) Бог вознесёт своих = именно смиренномудрых = мудрых в смирении и смиренных в мудрости слов и поступков. И руководствуясь этим, возложите ваши заботы на Господа (7), К-рый неустанно печётся о вас, даже когда вы Его опеки-заботы не замечаете, даже когда переживаете себя покинутыми, что не так, ибо Бог не забывает никогда, никого, ничего: ни достойных, ни недостойных, ни живых, ни мёртвых, к-рых, впрочем, (т.е мёртвых) у Бога нет!

И далее, после наставления о верности и смирении, следует замыкающее уже не столько наставление, сколько предостережение – бодрствовать, требование чего много раз подчёркивается в обращениях к ученикам Иисусом, поскольку супостат – антагонист Бога, к-рый здесь зовётся «дьяволом», – постоянно наблюдает как за пастырем, так и за пасомыми, чтобы запямятовавших о необходимости постоянного бодрствования поглотить (8).

Причём сравнение дьявола с «рыкающим львом» тут метафора, перекликающаяся с метафорой Павла, к-рого, по его словам, «Бог избавил из львиных челюстей» (2Тим.4,17) (см. выше). К тому же, азиатские львы (размером меньше африканских) водились в Палестине аж до времени крестоносцев, к-рые ещё успели их (не раз фигурирующих в Ветхом Завете) в Св. Земле в XI/XIIвв. н.э. застать.

Супостату должна быть противопоставлена твёрдая вера как христианами-сообщинниками М.Азии, к к-рым непосредственно адресуется Послание, так и повсеместно, где есть и будут общины христиан (9). И страдания, на к-рые христиане осуждены за веру, краткосрочны в сравнении с воздаянием, ожидающим верных впереди. «Бог же всякой благодати, призвавший вас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременному страданию вашему, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми. / Ему слава и держава во веки веков. Аминь» (10/11).

Из стиха 12 узнаём, что поручением доставить Послание по адресу/адресам облечён Сила (Силуан), к-рый, напоминая (муж начальствующий среди иерусалимских христиан и пророк, обильный словом), сопровождал вместе с Варсавой после Апостольского собора 51г. Павла и Варнаву в Антиохию (Д.Ап.15,22; 32); затем отправился с Павлом в его Второе миссионерское путешествие (вместо Марка); разделял с ним короткое тюремное заключение в Филиппах (52г.); был в Коринфе; соавторствовал при написании (из Коринфа) Двух Посланий к Фессалоникийцам (53г.) (см. выше). А теперь он – верный сотрудник Петра, идущий (из заречной Вавилонии) с Посланием (через Евфрат) к христианам Понта, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии (обратите внимание на географическую последовательность с востока на северо-запад и запад, но не с римско-италийского запада на восток)³⁶, мало того, облечённый заданием утешить и укрепить их в вере.

В стихе 13 малоазиатские общинники приветствуются «избранной, подобно вам, церковью в Вавилоне», к чему Пётр присовокупляет, что их персонально приветствует «и (стало быть, миссионерски знакомый им) Марк, сын мой». Удостоверьтесь, «Вавилон» – в сём тексте-контексте – обратный адрес = место составления Послания, место-город, в к-ром незачем углядывать метафору Рима в том смысле, что Послание пишется (как ему грубо ошибочно приписывают) якобы из Рима, хотя, учитывая Петрово первоепископское предстоятельство в новом Вавилоне – Риме, долю метафоричности в подстроичии-междустроичии, всё-таки, можно (при желании) обнаружить.

Тем временем, в 60 – 62гг. Пётр, как сказано, в междуреченской Вавилонии, с её знаменитой еврейской общиной. И отсюда он, оптимально в 61г., когда Павел уже томится в Первых узах в Риме, приветствует, совместно с сопутствующим ему в трудах Марком, вышеназванных малоазиатских единоверцев, снаряжая-отправляя к ним также миссионерски сопутствующего ему в Вавилоне/Вавилонии Силу/Силуана.

«Приветствуйте друг друга лобзанием любви. Мир вам всем во Христе Иисусе. Аминь» (14). «Слава и держава» в стихе 11, с упором на Бога Отца, и «мир» стиха 14 – во Христе!

³⁶ Понт и Галатия, к-рая объединена на момент написания Послания (61г.) с Каппадокией (куда в 61г. прибыл вместо переведённого в 60г. в Сирию Корбулона Цезенний Пет), притом через Каппадокию из причерноморского Понта (куда можно пойти из Вавилонии/Месопотамии через Осроэну, Софену и М.Армению) есть доступ в Галатию с севера; потом – из Галатии на запад – Асия, из Азии на север – Вифиния-и-Понт. И пусть география в Послании Петра не имеет строгой географической последовательности, тем не менее, она, согласитесь, куда больше сообразуется с адресацией из междуреченской Вавилонии-на-Евфрате, нежели из Рима-на-Тибре.

Не соединил ли Иисус Христос микрокосм и макрокосм, став мистериальной голограммой Вселенной! Со Христом и во Христе человечеству была привита не только совесть (бессрочная вакцинация), но и новая память, сделавшаяся живой и вобравшая в себя всю Вселенную. Если носитель памяти – эфирное тело, то Я человека превращает её в духовное видение. Христианство взаимопроникновенно соединило метаисторию и историю, дав им-ей единую общую новую отсчётно-опорную точку – Событие и Таинство Голгофы в комплексе – от дуалистического Рождества 1/1гг. и до Пятидесятницы-Троицы 33г. н.э. Вот даты, к-рые навсегда пребудут абсолютной серединой вселенской летописи, при том, что со временем центр отсчётно-опорной *хронотяжести* будет всё больше смещаться с Рождества (нововосприятие-новопереживание-обновление К-рого особенно актуально в наше время – в V-ю Пост-Атлантическую Германо-Англосаксонскую культуру Души сознательной) на крестно-воскресенскую Пасху (VI-я Славянская эпоха Самодуха) и на Пятидесятницу-Троицу (VII-я Американская культура Жизнедуха)!

И постигнув время воскресенской Голгофы (к-рое «краше тысячи вечностей»), как его современник, свидетель, очевидец, соучастник, Пётр разворачивает перед нами в Посланиях постигнутые им максимальные дименсии, ядро к-рых (противоположное физическому ядру внутренности Земли) – ставшее посредством Иорданского Крещения в 30г. Временем Пространство, и ставшее посредством Воскресения, Вознесения, Пятидесятницы 33г., новоодоухотворённым Пространством новоодоухотворённое Время! Царство живых и царство мёртвых с возвышающейся надо всем, с пронизывающей всё силой божественно-человеческой индивидуальности Иисуса Христа!

Если в 30 – 33гг. зрелому мужу Петру посчастливилось обрести большую часть времени возле Христа, то с 33 по 44/45гг. он, отправляя свой начальственный Апостолат, миссионируя в Палестине и ближних к ней пределах, набирался опыта – практического, самопосвятительного, мистериального, чтобы миссионерски изойти в Ойкумену, обращаясь с проповедью как к иудеям, так и (чем дальше, тем больше) к язычникам. Не Петром ли был обращён Корнилий! не Пётр ли, князь Апостолов, согласился с ойкуменической инициативой Павла на Апостольском соборе! Не он ли адресуется в своих Посланиях, о чём красноречиво свидетельствуют оба его Послания, и к христианам из иудеев, и к неопитам из язычников!

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АП. ПЕТРА

(апрель/май 67г.)

Таким образом, согласно принятой нами хронологии, на 6-м году от написания Послания Первого Пётр, находясь в заточении, пишет весной 67г. к тем же мало-азиатским общинам Второе Соборное Послание (3,1), что, разумеется, вовсе не отрицает промежуточные письменные контакты между ними (или не вошедшие в Канон послания к др. общинам).

Повторим, по нашей версии, в 62г. князь Апостолов, узнав о предпасхальном весеннем мученичестве Иакова Праведного, подался из Вавилонии в Иерусалим, откуда в 64г. отбыл через Александрию Египетскую в Рим, куда и прибыл в 65г., после чего, укрепив римскую общину, возможно, ещё побывал в 66г. в Испании (или в Галлии), осенью возвратился в Рим, а весной следующего 67г. оказался в Мамертинском застенке, где с весны/лета 66г. уже томился Ап. Павел.

И вовсе не исключены ни столкновение Апостола зимой/весной 66/67гг. с Симон-ом волхвом, ни одержанные им над «отцом ересей» состязательные победы, пусть отнюдь не в апокрифической легендированно-сказочной форме-формате и не в-при

апокрифическо-фантазмагорических обстоятельствах. Но ведь сама дуэль или её заключительный акт в долгом противостоянии Симона Петра кудеснику Симону, антагонисту первого с 34г. (т.е. их противостояние длилось с перерывами, в общей сложности, на протяжении 33-х лет), более чем предствима. И если в первый раз они столкнулись в Палестине, то во второй раз могли столкнуться в Риме в 47/48гг. при Клавдии; и, наконец, в третий раз — опять в Риме — в 66/67гг. — в правление отсутствующего Нерона («Гелиоса»), к-рого заменял в 66 — 68гг. Нерон в миниатюре — (сопутствуемый Поликлитом) Гелий («Гелиосик»).

Во всяком случае, согласно известному апокрифу Пв. «Деяния Петра», Симон взял силу в Риме (букв. «ворвавшись» — туда) после того как Павел (фигурирующий только в первых 3-х главах) отбыл в Испанию (что, о чём мы знаем, случилось в 63г.) (2/3; 6). По прошествии же какого-то времени Пётр прибыл в Путеолы, пришёл в Рим и противостоял здесь Симону (5/6), одолевая впоследствии его в присутствии префекта Агриппы, раз за разом изобличая чародея и утверждая торжество веры над суеверием.

В конце концов, Симон, пасуя перед превосходством противника, решается вознестись (с башни — то ли на Марсовом поле, то ли на Форуме, то ли на *via Sacra*) и со славой, по воздуху, покинуть Рим, куда он, мол, воздушно-самолётным путём прибыл, когда Петра в городе ещё не было (32). А это хроноисторически, в приложении к реконструированной нами реальности, может означать — по отбытии в 63г. из Рима Павла и до прибытия в Город ещё в 65г. (с Востока), или, позднее, уже осенью 66г., из Испании, Петра.

Между тем, демоны подхватывают бросившегося с башни колдуна Симона, однако, по Петрову приказу, отступаются, чародей падает и разбивается о камни (Пётр — *камень* основы/основания несокрушимой Церкви). Хотя так в «Страстях Петра и Павла», тогда как в собственно «Деяниях» посрамлённый волхв падает с высоты, повреждает-ломает ногу в трёх местах, его переносят в Арицию, оттуда — в Таррацину, в дом некоего Кастора, изгнанного из Рима за колдовство. И там безнадёжно оприходованный двумя медиками (врачами-срачами) «вестник сатаны» приходит к (своему закономерному) смертному финишу (32).³⁷

Тем временем, повергнутый в ярость префект Агриппа приговаривает Петра к смерти в наказание за отпадение его, Агриппы, женщин проповедью Апостола в целомудренную жизнь молитвенных христианок-неофиток и отказ разделять с ним ложе, что оборачивается соответствующей противохристианской реакцией римских верхов и властей (частый агиографический мотив) (34).

Притом, сообразно последней (дополнительной) главе ранних «Деяний», создаётся впечатление отсутствия — на момент мученичества распятого Агриппой Петра — в Риме Нерона, к-рый, внезапно появившись (словно из ниоткуда; словно, если додумать, возвратившись из Греции), гневается на префекта, покаравшего-де Апостола лёгкой смертью, в то время как он, Нерон, хотел покарать его (за отпадение многих) более жестоко (61). Нет ли тут косвенного указания или минимум намёка на апостольское мученичество в 67г., в пору Неронова турне по Греции? (см. ниже)

Конечно, не обязательно принимать Симонова «чёрного пса», провальную попытку воскрешения магом отрока (к-рого Пётр воскресил), Симоновы взлёты-падения и вообще всякие-разные апокрифические чудеса, над к-рыми научные критиканы (как и, кстати, над чудесами евангельскими, не видя особой разницы)

³⁷ Напоминаем, Светоний рассказывает о неудачном полёте на одном из зрелищных представлений Нерона некоего, вероятно, смастерившего крылья, летательно-летального умельца-изобретателя с характерным (скорее) прозвищем (чем именем) Икар, к-рый — «при первом же полёте упал близ императора и своею кровью забрызгал и его ложе и его самого» (Нер.12,2).

похотливо потешаются с XIXв., отрицая какие-либо эзотерические смыслы и смеясь над легендой, в каковую, дескать, невежественные христиане столько веков, с подачи плутов-церковников, свято верили. И тем не менее, зёрна исторической действительности-реальности, её отголоски, если уж не говорить обо всём ином-прочем, раннехристианские апокрифы содержать вполне могут, более того, как мы убежились не раз, часто, здорово помогая нам при реконструкции событий, в т.ч., их хронологии и хронодифференциации, содержат.

Нет ничего невозможного в лаврах незаурядного факира Симона³⁸, к-рый очень даже мог произвести огромное впечатление в суеверном Риме, особенно среди падкой на всякую магию декадентной римской элиты, как при Клавдии, так и при Нероне. При всём том, что, спрашивается, мешает Симону быть известным как Нерону, так и Гелию с Поликлитом – этим малым эрзац-неронам времени римско-италийского отсутствия самого Нерона? что мешает Симону быть знакомым с ними?

Естественно, – не факт, ибо никаких прямых улик нет, что очередное столкновение Петра с Симоном волхвом в 67г. имело место или как-то повлияло на летальный исход Петра в рамках локального противохристианского гонения 67г. Но и то, и другое, в той или иной форме, в сочетании с прочими факторами и обстоятельствами, вдобавок к конфликту (?) христиан с иудеями, иудействующими, или с еллинами (прозелиты), или с язычниками, могло иметь место и как-то со-повлиять на мученическую развязку, в любом случае, уготовленную – приложительно-применительно именно к 67г. н.э. – Петру и Павлу.

Да и не ужесточили ли Гелий с Поликлитом весной 67г., когда Нерон начал перекапывать Истм, усердно готовясь к агонам Большого Обхода, равно не забыв казнить зазванных в Грецию братьев Сульпициев Скрибониев и Корбулона, террор в Риме/Италии, к-рый прямо или рикошетом ударил также по христианам?! И это ужесточение могло усугубить, в т.ч., например, солнечное затмение (такого рода явления суеверную римскую элиту весьма впечатляли) 31.05.67г. И жертвой этого, т.е. усилившегося, террора, вполне могли стать в конце июня «засвидетельствовавшие истину перед начальниками-начальствующими» (Климент Римский) Апостолы Пётр и Павел, ни близкие обстоятельства, ни исторические, вне предания, подробности мученичества к-рых до нас не дошли.

Другой важный момент, – апокрифическая, опять-таки, впервые задействованная в «Деяниях» (34/35), потом развёрнутая в «Малых» и «Больших страстях», попытка Петра уйти (бежать) из Города. Предупреждённый учениками об опасности и поддавшись на их уговоры, он ночью покидает Рим, выходит за городские ворота и идёт по *via Appia* прочь. И тут, встретив идущего ему навстречу Христа, вопрошает Его: «*Quo vadis, Domine?*» = «Куда идёшь, Господи?», на что Иисус, по различным апокрифическим вариантам, отвечает: «В Рим, чтобы распяться там»; или: «В Рим, чтобы быть снова распяту»; или: «Если ты оставляешь мой народ, то Я иду в Рим, чтобы в Риме вновь пострадать на кресте».

После этого Христос возносится на небеса, а Пётр, поняв, что время его (князя Апостолов) мученичества (именно в новом Вавилоне – в державной столице мира сего) пришло, что час его пробил, возвращается в Рим, добровольно предаёт себя в руки римских властей и приговаривается к смерти. Не сказал ли ему Иисус, в пору Своего мистериального-таинственного явления, по Воскресении, 7-и избранным ученикам, при духовном море Галилейском (= в посвятельном Сенакле), 19.04.33г. н.э., трижды велел перед тем троекратно отреченцу Петру – «пasi овец моих» (= поставив его во главе Апостолов = новых 12-и сыновей Нового Израиля во Христе), знаменательные слова, донесённые до нас Евангелием Евангелий от Иоанна – 21,18/19! (Т.Г. 1781-92) (см. ниже).

³⁸ «Пусть чародей имеет всё, что он хочет, но придёт день, когда за него самого не дадут и пенса» (немецкая пословица).

Скажите, разве попытка ухода (предстоятеля) Петра из Города перед лицом сложившейся ситуации и угрозы, в ответ на уговоры единоверцев-учеников, не может быть фактом реальной жизни? Может и ещё как! А что касается ясновидческого ночного явления Христа Петру и возвращения Апостола в Город – на мученичество, тут уж, в отношении этого сверхчувственного явления и последствий оно, каждый (особливо в век Фомы!) волен решать сам: как и насколько поведенное преданием принять-принимать. По крайней мере, ни Петрова попытка покинуть Рим, ни его скорое возвращение, чтобы жертвенно предать себя на муки, не содержат в себе (если не быть чересчур махровым рационал-материалистом) ничего невероятного-невозможного!

Причём произошло это (могло произойти) где-то, предположим так, во второй половине апреля 67г. И вот, находясь-обретаясь в темнице-застенке, в ожидании суда, смертного приговора и последующей казни, в чём у него нет сомнений, Пётр пишет в апреле/мае своё окончательно прощальное Второе Послание единоверцам (на сей раз – с запада на восток) Азии, Вифинии, Понта, Галатии, Каппадокии (и в их лице – всем прочим ойкуменическим сообщинникам во Христе).

* * *

Итак, Симон (*слышание/услышание*) Пётр (*камень-скала*), одолевший не внявшего Богу, не услышавшего Бога Симона волхва, представляется, начиная своё Послание, рабом – формула смирения, и Апостолом Христовым тем, к-рые приняли с ним «драгоценную веру по правде Бога нашего и Спасителя Иисуса Христа» (1,1).

Вера – дар благодати Божией, дающейся человеку (свыше) не по его заслугам, а по заслугам и милосердию Искупителя = по Христовой, единственного носителя Абсолютной Истины, правде. В стихе 2 следует пожелание умножения благодати и мира адресатам, ибо благодатью и миром познаётся Бог – Иисус Христос, Господь наш. Обращает на себя внимание эта насыщенная манифестация Христовой божественности. От его божественной силы даровано нам всё потребное для праведной жизни и благочестия чрез познание Призвавшего нас (3). Не характерно ли тут единство-единение Петра с малоасийскими сообщинниками, и в их лице со всеми единоверцами, в масштабах ойкуменического (павлианского) христианства, к к-рым он (ставленник Самого Христа во главе Апостолов) смиренно-скромно обращается.

Славою и благодатию Христовой дарованы нам обетования, делающие нас сопричастниками божественного естества, к к-рому человек приобщается, сверхчувственно соединяясь с Богом, – «удалившись от господствующего в мире растления похотью» (4), под к-рой – растлительное предательство духа (духовного) ради плотского. Вы же, братья и сёстры во Христе, явите противоположенную этому порочному подходу-круговороту жизнь на основе-основании восьми исходящих-рождающихся одно из другого, взаимопреемствующих друг другу высоких человеческих качеств-достоинств.

В вере – добродетель, в добродетели – (особенно насущная в эпоху Души рассудочной) рассудительность (5), в рассудительности – воздержание, в воздержании – терпение, в терпении – благочестие, в благочестии – братолюбие, в братолюбии – любовь (6/7). Восемь душ человеческих, спасшихся в Ноевом ковчеге, и восемь, подобных драгоценным камням ожерелья, свойств-качеств – от веры до (по взаимопреемственной и нарастающей) любви, необходимых христианину и определяющих как его жизненное кредо, так и соотношение-сосуществование христиан в общине.

Те, в ком перечисленные добродетели есть, духовно зрячи; те, в ком их нет, – слепы, подпадая участи плотских людей (8/9). Благодатное избрание верующего ко

спасению свидетельствуется и запечатлевается его добрыми делами и чистотой жизни. И так поступающий по совести никогда не преткнётся (10), и ему откроется вход в вечное Господне Царство не от мира сего = Царство Спасителя Иисуса Христа (11), манифестация К-рого во всей центростремительной полноте настоятельно звучит снова и снова.

Воскресенский Господь Иисус Христос – соляренный центр апостольского благовестия у Петра, как и у Павла (1Кор.1,18; 1Кор.15,14/15). «...горе мне, если я не благовествую...» – говорит Павел (1Кор.9,16/17). «Для того я никогда не перестану напоминать вам о сём...» (12) – говорит, перенося ударение на Слово Божие, Пётр.

Он считает справедливым в отношении к пасомым собратьям неустанно возбуждать их напоминанием о сказанном, доколе сам находится «в этой телесной храмине» (13). Плотская телесная оболочка человека, его брненное тело = брненная плоть – временное проходящее жилище, к-рое, вследствие своей краткосрочности и непрочности (уж не говоря о том, что древние иррационалы-нематериалисты называли тело «темницей души»), сравнимо с кушей, шатром, хижиной (ср. «храмина из брения» – Иов.4,19; «земной наш дом» и «хижина» – 2Кор.5,1;4).

И дальше Пётр поясняет адресатам, что возбуждает их напоминанием покуда находится в телесной храмине, – «зная, что скоро должен оставить храмину мою, как и Господь наш Иисус Христос открыл мне» (14). Перед нами благовестие в конкретных (хроно)рамках истории-метаистории. Не предрёк ли Господь Петру, при явлении семи ученикам на духовном Генисаретском озере в духовной – Сенакль – Галилее, следующее: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состареешься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведёт, куда не хочешь. / Сказал же это, давая разуметь, какую смертью Пётр прославит Бога...» (Ио.21,18/19)

Заметим, что в пору, когда это говорится весной 33г. 46-летнему зрелому мужу Петру, он уже не молод, о чём не случайно сказано в (подчёркнуто) прошедшем времени («когда ты был молод»; буквально-дословно: «когда ты был более молодой»), и уже не ходит, как полномочный Апостол Христов (едва поставленный князем Апостолов), куда хочет, что он (родившийся в 14г. до н.э.) делал во дни-годы до своего Апостолата (в первые десятилетия н.э.), когда был ещё молод. «А когда состареешься» – в 67г. Петру 80 лет = (не только) библейский возраст старческой немочи, но и возраст Моисея (карма Петра!), полносильно возглавившего (1447г. до н.э.) в 80 лет (в архангельскую эпоху Рафаила-Меркурия – 1665 – 1311гг.) ишественный Израиль.

Причём в Христовом провидческом объективе, разумеется, не физическая Петрова старость, упоминание о к-рой, впрочем, здесь тоже весьма уместно; в объективе – тот крестный (последний земной) путь, к-рый узилишно препоясанный Пётр (простёрший руки для наложения на них оков) должен пройти из своих римских уз на свою римскую – холм Ватикан – Голгофу.

Вспомним опять, когда именно воскресший 5.04.33г. Христос, в течение пост-воскресенских-довознесенских сороковин, произёс данное предсказание: 19.04.33г. н.э., в день, к-рый пришёлся на пролептическое воскресенье (спустя две недели от воскресенского Воскресения) в 33г., и снова, что, согласитесь, знаменательно и удивительно, – на пролептическое воскресенье (1-й день иудейской недели = день Солнца) в 67г. – 19.04.!

Более того, ещё знаменательнее-удивительнее то, что если полнолунная иудейская Пасха 15 нисана выпала в 67г. на субботу 18.04., то Пасха христианская = 16 нисана пришлась, соответственно, на воскресенье 19.04.! Притом напомним: если 19.04.70г. до н.э., в канун иудейской Пасхи, был казнён побитый камнями и повешенный на древе Иешу б. Пандира, то 18.04.14г. н.э. случилось (в день солнечного

затмения) успение Иисуса Соломонида (Сын Марии Вифлеемлянки = Марии Старшей), за две недели до того пасхально пожертвовавшего в возрасте 14-и лет и 3-х месяцев свою индивидуальность двоюродному брату – Иисусу Нафаниду (Сын Марии Галилеянки = Марии Младшей) – отроку в возрасте 12-и лет и 3-х месяцев.

Так вот, не пишется ли Петром его 2-е Послание из уз в апреле/мае 67г., в интервале между Пасхой и Пятидесятницей 7.06., к-рая выпадает на время за 22 дня (число букв еврейского алфавита) до мученичества Петра и Павла в понедельник (= 2-й день иудейской седмицы = день Луны) 29.06.67г.?!

«Буду же стараться, чтобы вы и после моего отшествия всегда приводили это на память» (15). Вновь оповещающее о близости смерти = смертного исхода – «отшествия», как и в 2Тим.4,6 у Павла, только, на сей раз, оно по времени на порядок ближе, чем в последнем (от августа/сентября 66г.) павлианском Послании. Ибо теперь у Петра (и у томящегося в том же Мамертинском каземате, где-то по соседству с ним, Павла) впереди – не больше или даже меньше двух земных месяцев.

В стихе 15 напутствие малоазиатским христианам – приводить на память = не забывать сказанное Апостолом и после его именно «скорого» отшествия, к-рое, стало быть, последует вскоре, скоро, тогда как у Павла – «я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало», т.е., в Павловом случае, отсчёт конечного срока перед жертвенной смертью начат = отмеренный *мне* заключительный год (время) жизни в ходу (см. выше). Ныне же у Петра времени ещё меньше: жить ему остаётся совсем недолго, последние (навстречу отшествию) месяцы его (и Павла) жизни истекают.

И в стихе 16 он говорит о своём (и др. Апостолов) уникальном благовестии (в уникальный Апостольский век), как о благовестии непосредственного свидетеля и очевидца Христа, о благовестии тех, к-рые находились рядом со Христом, внимали-сопутствовали Ему и были избраны им Самим, что противопоставляется «хитросплетенным басням» (Симон волхв!) уже немало числа на 60-е гг. Ив. лжесвидетелей и лжепоследователей Христова вероучения.

Дальше – больше. В стихе 17 ретроспективное обращение одного из свидетелей-очевидцев к велепной славе мистерии Преображения Господня 13.07.32г., когда на галилейской горе Фавор до избранного Иисусом трио учеников, в составе Петра, Иакова, Иоанна (из к-рых именно Пётр, не постигая до поры истинной сути веховой преображенской Мистерии, сказал Иисусу – «сделаем здесь три куши: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии»), донёсся глас из облака глаголющий: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в К-ром Моё благоволение; Его слушайте» (Т.Г. 779-802).

Это было в (пролепт.) воскресенье 13.07.32г., спустя неделю от Петрова (воскресного) исповедания Иисуса Христом в окрестностях Кесарии Филипповой 6.07.32г., на 35-м (7 x 5) году от чего пишется весной 67г. 2П. И перед адресатами воссоздаётся то поворотное таинство, с к-рого, по достижении Иисусом на г. Фавор светоносно-просветлительной ступени Гаутамы Будды, начался в Галилее, начался из Галилеи меченый особенными метами (к-рые мы подробно рассмотрели в «Т.Г.») 9-месячный путь Христа на иерусалимскую (и вселенскую) Голгофу.

При всём том, обращает на себя внимание закадровое присутствие в ретроспективе 2П.1 34/33/32-го гг., или точнее: 34г. – первое столкновение Петра с Симоном волхвом; 33г. – предсказание Петру Христом его мученичества; 32г. – Преображение Господне перед Петром, Иаковым, Иоанном (не забывая закадровых свидетелей-очевидцев Преображенского таинства: *ещё* воскресенски не посвящённого Христом Лазаря, ученика, к-рого любил Иисус, и *уже* воскресенски посвящённого летом 31г., в лето Господне благоприятное, Юноши из Наина).

И в стихе 18 Пётр торжественно констатирует слышание (услышание) ими в

просветлённую ночь Преображения голоса свыше: «И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с ним на святой горе». Если традиция горы Фавор, как святой, известна и иудейскому преданию, образно отождествлявшему её с (духовно родственной горам Араратским) горой спасения потопно причалившего к ней Ноева ковчега (Арарат – в миниатюре; или земной экстракт Арарата в Св. Земле обетования), то в отношении петровского «мы» стоит вспомнить, что ни Иакова, ни Иоанна Зеведеевых, кончивших мученически, первый – в 44, второй – в 55г., на 67г. нет в живых (в то время как Лазарь-Иоанн, как раз в 67г. обосновавшийся в Эфесе, и безымянный *саусский* Юноша из Наина, таинственное местонахождение к-рого на 67г. неизвестно, и к-рый, м.б., доживёт до времени правления Адриана = до времени феерическо-анаэлического, в архангельскую эпоху Анаэль-Венеры, взлёта Гнозиса – истинно христианского и люциферического, оба живы и деятельно здравствуют).

«И притом мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в тёмном месте, доколе не начнёт рассветать день и не взойдёт утренняя звезда в сердцах ваших» (19).

«Слава, в к-рой созерцали Христа очевидцы Его Преображения, даёт им опытное предвидение славы Его Второго Пришествия; о ней же согласно свидетельствуют и ветхозаветные пророчества» («Б.Б.» с.2041). От слышанного слова и виденной славы на горе Преображения Апостол переходит к слову написанному, к-рое было дано людям через пророков. Не называет ли Иисус, обращаясь к иудеям в храме сентябрьской осенью 31г. томившегося на ту пору в застенке последнего пророка Иоанна Предтечу-Крестителя, – к-рый есть печать пророков и междузаветный привратник-ключарь Завета Нового, – «светильником горящим и светящим» (Ио.5,35)! Не стала ли душа Иоанна после его мученичества (31.03.32г.) групповой душой, добрым гением Апостолов Господних, опочив на воскрешённом Самим Христом 23.02.33г. Лазаре-Иоанне вдвойне!

И пусть свет новозаветно преемствовавших Предтече апостольских светильников сияет, озаряя христианские пути, доколе не рассветёт день и не взойдёт утренняя звезда в сердцах уверовавших! за чем снова – и дальние – (неодноразово-неодно-этапно) второпришествственные, и ближние горизонты.

При всём том, горизонты ближние и «несущую свет» утреннюю звезду (фосфорос) можно истолковать, помня, что древние называли «Утренней звездой» планету Венера, в т.ч., как указание на предстоящую ротационную смену в 108г. н.э. планетарно-архангельской эпохи Орифила-Сатурна (в к-рую свершилась Мистерия Голгофы и на исходную стадию к-рой пришёл Век Апостольский) планетарно-архангельской эпохой Анаэль-Венеры (108 – 462гг.), когда, по Успении 24.06.100г. (в день рождения Иоанна Предтечи в 1г. н.э.) последнего из Апостолов Иоанна Богослова, для христиан и христианства начнётся другая, постапостольская и постсатурнальная, под знаком Утренней звезды – Венеры, реальность.

Стихами 20/21 свидетельствуется исхождение (не подлежавших рассудочному толкованию) пророчеств через пророков, по наитию (инспирация) Святого Духа, от Бога: «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым».³⁹ Святой Дух – Божественный Автор пророчеств – высшего творчества, участие в к-ром

³⁹ «Санхедрин» (99а) (Бар): «Если некто говорит, что вся Тора от Бога, за исключением даже всего одного слова, к-рое не от Бога, а от Моисея, то он презирает слово Господне и применительно к нему действует положение Ч.15,31: «Слово Господне он презрел и заповедь его нарушил: истребится душа та; грех её на ней».

«Мидраш Песни Песней» (1,1 (79а): «Соломон автор Песни Песней не от себя, но по наитию Св.Духа». В отношении Соломона и его Песни Песней, о к-рой, как известно, р. Акиба сказал, что она – Святое-Святых канона, прибавим от себя, что лучше встретить одну Суламифь, чем оженить даже 10 дочерей фараоновых!

Божиих человек, устами к-рых они возвещались людям, было сознательным. И источник духовной пищи христианина суть богодухновенное Слово-Логос Священного Писания! И христианское пророчество от *имажинации* и *инспирации* выходит на более высокий уровень *интуиции*!

* * *

И как имелись в прошлом, наряду с истинными пророками Древнего Завета, лжепророки, так и среди называющих себя христианами будут лжеучителя, авторы-инициаторы-разносчики ересей (первый из них – Симон волхв), к-рые, прикрываясь именем Христовым, на самом деле отвергнутся Христа – «и навлекут сами на себя скорую погибель» (2,1).

Но хуже и опаснее то, что особенно во времена после Апостолов за лжеучителями-ересиархами последуют и совратятся многие, и истина будет в поругании (2). Не действовал ли Симон маг в 30 – 60-е гг. Ив.! не дотянут ли его последователи-симониане, сначала умножаясь и затем умаяясь, чтобы полностью исчезнуть, аж до III/IVвв.! Не восстанут ли ещё при жизни Иоанна Богослова Керинф и керинфяне, Николай и николаиты, а чуть позже, в первой четверти Пв., – Василид и василиане (потом – Валентин и валентиниане)! Не взойдут ли бурным цветом лжеучения со времени Адриана (117 – 38гг.), по, скажем снова, миновании столетия с Голгофы и ухода всех её свидетелей-очевидцев вплоть до самых юных, равно следующего за ними поколения!

И сами лжеучителя – тоже ловцы человек, будут, как и их пёстрые ереси, уловителями в свои сети незрелых душ посредством лживых слов. Но за это соращение простосердечных они подпадут погибели: «суд им давно готов и погибель их не дремлет» (3). Не сказал ли Иисус: «А кто соблазнит хотя бы одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф.18,6). Не говорит ли Павел, завершая в 58г. Посл. к Римлянам, о «производящих разделения и соблазны, вопреки учению, к-рому вы научились» (16,17): «Ибо такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных» (16,18). И эти апологеты лживого ласкательного красноречия зовутся у Петра любостыжателями-корыстолюбцами, действующими, как и угрождающие своему чреву у Павла, из многокорыстных побуждений-соображений.

В стихах 4-10 примеры Божиих судов – 3, и пример избавления по Божией милости. В стихе 4 лжеучителя сравниваются с непощажёнными Богом падшими ангелами (Б.6,1-4; Иов.4,18; Иез.28,15), к-рые скованы узами адского мрака до суда над ними = до второ- и поствторопришествственных судных дней. Не сказано ли в Послании Иуды (= Фаддей): «И ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших своё жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня» (6).

И далее вновь следует напоминание о потопной гибели «первого мира» (5) = мира предшествующего, что, т.е. гибель допотопной Атлантической цивилизации, когда Господь наслал-обрушил карательные и очистительные воды потопа на нечестивых = на всю осквернившуюся человеческую расу, крайне важно для Петра, почему он упоминает об этой глобальной катастрофе итого трижды (1П.3,20; 2,2,5; 3,6). И снова речь о восьми спасённых душах из семейства проповедника правды Ноя (сам Ной с женой и его три сына с жёнами), чтобы положить начало начал новому послепотопному человечеству. На повестке дня опять многоохватные дименсии и горизонты, к-рыми – и таинственно, и образно-метафорически – оперирует Пётр. И обращает на себя внимание то, что 8 душ здесь перекликаются с 8-ю насущными для христиан необходимыми достоинствами-качествами, о к-рых говорилось в гл.1 (5-7).

После этого идёт напоминание о гибели превращённых в пепел огнём (предварение грядущих пламенных судов-судилищ – *малого* – на исходе нашей Пост-Атлантической стадии эволюции, и *большого* – в эру Вулкана) Содома и Гоморры (6). Однако, не был ли, при заслуженной гибели донельзя развратившихся содомитов и гоморритов, пощажён-избавлен праведный Лот, «утомлённый обращением между людьми развратными» (7), к-рый «ежедневно мучился в праведной душе, видя и слыша дела беззаконные» (8).

Впрочем, тут надо заметить, что, к примеру, радикально строгие талмудисты (полиция нравов) отдавали должное Лоту лишь в сравнении его с безмерно падшими согражданами-единоплеменниками, в остальном инкриминируя и ему безбожие, и даже иногда упрекая отца Авраама за хорошее к нему отношение и дружбу с ним.

Не так Пётр и не так христианская традиция, почитающая в Лоте одинокого праведника, упасённого-избавленного Богом, К-рый знает, «как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда для наказания» (9).

Стихи 10/11 о презирающих начальства дерзких своевольниках, не страшщихся презирать начальства и злословить высших, – «тогда как и Ангелы, превосходя их крепостию и силою, не произносят на них пред Господом укоризненного суда». Речь не о земных начальниках, но о высших силах, ангельских и Божиих, к-рых одержимые духом противоречия безрассудные лжеучителя, посягнувшие в гордыне своей даже на высшие силы, позволяют себе (возомнив богами себя) дерзко и своевольно презирать-хулить. Еретики отрицают в Иисусе Христе Бога и «хулят славы». Бросается в глаза явная параллель с Посл. Иуды, согласно к-рому Архангел Михаил, борясь с диаволом за мёртвое тело Моисея, – «не смел произнести укоризненного суда, но сказал: «да запретит тебе Господь» (9) (см. выше).

Причём из данной и др. параллелей-перекличек совсем не обязательно делать распространённый среди экзегетов вывод о написании Послания Иуды и 2П. приблизительно в одно время = в 60-е гг. Ив., поскольку, видите ли, сообразно Гегесиппу, лжеучители и ереси не появлялись до каменования Иакова Праведного – 62г. Отнюдь – просто их стало на порядок больше в 60-е, или с 60/70-х гг., по отшествии Петра и Павла. Вместе с тем, не объявился ли Симон волхв в 34г.! и не умножились ли лжеучителя-лжеучения после Апостольского собора 51г.! свидетельство чего имеется в Посл. Иакова от ок. 51г., и в свете чего Послание Иуды вполне могло быть составлено, как мы приняли, ок. 54г. (вскоре по составлении 2-х Павловых Посланий к Фессалоникийцам – 53г.), никоим образом не противореча составлению 2-го Посл. Петра в 67г.!

И эти злопыхатели, злословящие «то, чего не понимают, в растлении своём истребятся, получив возмездие за беззаконие» (12/13), ибо они любящие роскошь «срамники и осквернители», к-рые «наслаждаются обманами своими», деля с вами трапезы, т.е. кошунственно участвуя с верующими в их вечерах, преломляя с ними евхаристический хлеб и пригубляя евхаристическое вино. Из стихов 13-15 вновь узнаём об их, «прельстителях неутверждённых душ», любостяжательстве – об алчном мздоимстве тех, кто оставили прямой путь, «идя по следам Валаама, сына Восорова, к-рый возлюбил мзду неправедную» (15), быв обличён в своём беззаконии бессловесной ослицей, остановившей его безумие (16).

Не предрекает ли Павел в Посл к Филиппийцам в 63г. погибель тем врагам креста Христова из уклонистов, к-рые мыслят о земном, бог к-рых – чрево, и слава к-рых – в сраме (3,19), констатируя в 1-м Посл. к Тим. в 65г., что «корень всех зол есть сребролюбие, к-рому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (6,10).

Валаам – антагонист и противостоятель олицетворяющего Старый Израиль, при его началах, Моисея, как Симон волхв – антагонист и противостоятель олицетво-

ряющего Новый Израиль, при начале оногo, Симона Петра. И весьма примечательно, что, если у Павла в 2Тим.4,8 Ианний и Иамврий противостоят Моисею в канун Исхода, то в 2П. фигурирует появляющийся на исходе 40-летнего Исшествия Валаам (к-рого талмудисты небеспочвенно напрямую связывают с Ианнием и Иамврием, делая их, пусть в нарушение хронологии, чуть ли не его сыновьями) (см. выше).

40 лет Исхода в 1447 – 07гг. до н.э., и 40 лет от 30г. н.э. – (субботний) год водного Крещения Иисуса и год юбилейного начала лета Господня благоприятного – до 70г. н.э., когда Иудея-Иерусалим и Иерусалимский храм погибли в огне Иудейской войны. Мало того, скажем снова, если с 1407г. – года кончины Моисея и перехода Израиля, под предводительством Иисуса Навина, в Землю Обетования через Иордан-Рубикон^{39а}, до 54г. н.э. – года Успения Богородицы и года составления Послания Иуды – 1460 лет – великий год-период Сотис-Сириус⁴⁰, то на 67г. н.э. прошло 1260 (420 x 3) лет (или пошёл 1260-й год) со времени начала в 1194/93гг. до н.э. изменившей мир 10-летней Троянской войны, к-рая началась, как известно, из-за похищения Парисом Елены Прекрасной, реинкарнацией к-рой Симон волхв представлял свою спутницу-сизигию (из публичного дома в Тире), по её или по присвоенному им ей имени Елена (не противобразы ли они обращённых в 52г. в Афинах Павлом Дионисия Ареопагита и Дамари!).

Стих 17 равняет возлюбивших мзду лихоимцев с безводными источниками, с гонимыми бурей облаками, не проливающими плодоносных дождей: «им приготовлен мрак вечной тьмы». Ср. слово о падших ангелах, связанных до Страшного суда узами адского мрака. И поскольку средство распространения ересей – человеческая речь, лжеучителя, можно сказать, используют, попираючи слово-логос, «надутое пустословие» (18), обещая уловляемым ими в сети «свободу, будучи сами рабы тления» (19).

И вновь параллели с Посл. Иуды, где отвергнувшиеся Христа, начальств, учителей, «идут путём Каиновым, предаются оболщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей» (11). Не продолжается ли Авель – в Моисее, Соломоне... в Петре! Каин – в Иисусе Навине, Мастере Хираме... в Лазаре-Иоанне! Сиф – в Аароне, Сауле... в Павле!

А отпадение после уверования худо вдвойне (20), потому что на тех, кто слепы, нет греха, в то время как на тех, к-рые говорят, что видят, грех остаётся (Ио.9,11), равно – на тех, к-рые должны были внять Слову, но не вняли, почему не имеют извинения в грехе своём (Ио.15,22). Похоже и с теми, к-рые познали Господа,

^{39а} В связи с кармой Иисуса Навина (1489-1379гг. до н.э.), через (опуская предшествующие и промежуточные воплощения) Лазаря-Иоанна Богослова – к Кристиану Розенкройцу (1378-1484гг.), примечательна следующая (сакрально-зеркальная) хроносимметрия. Если Иисус Навин в 1407г. до н.э. перевёл ищественный Израиль через Иордан в Землю Обетования, затем 7 лет, до 1400г., завоевывал её, и далее, за 7 лет, на 1393г., окончательно распределил между коленами, а в 1393г. учредил Юбилейно-субботний (царский) цикл-календарь, то юный Кристиан Розенкройц отправился через Кипр в Св. Землю и находился на Востоке (Сирия/Палестина, Аравия, Египет, Марокко) ок. 7-и лет, с 1393/94 по 1400гг., после чего возвратился (через Испанию) в Европу и основал (первое) «Братство Розы и Креста» в 1407г. (за 52 года до алхимической посвятительной свадьбы Кр.Розенкройца в 1459г.). (1407-1400-1393гг. до н.э. и 1393-1400-1407гг. н.э.!).

«Из Бога рождается (Белая Роза); в Иисусе умираем (Красная Роза); Духом Святым возрождаемся (Золотая Роза)».

⁴⁰ В 34г. н.э. – год первого выхода на авансцену отринутого Петром (за сребролюбивую инициативу *симонии*) Симона волхва и год обращения-крещения, после откровения ему на пути в Дамаск, Савла (Павла) – хронозавершился *великий* (единично-эксклюзивный) *период* Сотис-Сириус, инаугурированный и начатый в 1427г. до н.э. (середина 40-летнего пустынного исшествия Израиля) Аменхотепом Эхнатомом (см. выше).

затем отрекшись от спасительного знания и отпав, т.е. возвратившись назад, в скверну, от преданной им истинными учителями и бессовестно преданной ими святой заповеди.

Лучше бы они не познавали правды, нежели познавши, возвратились от истны и правды к неправде и лжи. Они подобны псу, к-рый возвращается на свою блевотину, и вымытой свинье, к-рая снова грязелюбиво идёт валяться в грязи (21/22).⁴¹

* * *

В 3,1 Пётр свидетельствует, что пишет это уже Второе Послание к возлюбленным общинникам, адресов к-рых он, на сей раз, не называет, т.е. адресаты – вновь христиане вышеперечисленных областей М.Азии, где, как мы узнали, Апостол миссионировал в (эвентуально) 52 – 54 и в 58 – 60гг., написав Первое Послание к ним из *старого (месопотамско-междуреченского) Вавилона* в 61г., между тем как ныне Послание Второе пишется из *нового Вавилона* – Рима – предсмертной для Петра весной 67г.

И созвучно всему Второму Посланию, стих 2 напоминает, что и ветхозаветные пророки, и Христовы ученики, согласно заповеди Учителя, возвещали Второе Пришествие Господне. Ожидание же неотрывно от бодрствования.

В стихе 3 опять «последние дни», в ракурсе опять и ближних горизонтов, к-рые как для Петра, так и для его адресатов чреваты ежедневной угрозой их жизни во Христе, и горизонтов дальних – второпришествящих – эсхатологических-апокалиптических-неодномерных. И в данном свете вопрос «наглых ругателей, поступающих по собственным своим похотям» (3), т.е. извращающих истину лжеучителей и их последователей, о к-рых уже шла и снова заводится речь, для истинных христиан актуален всегда.

Стих 4 решительно возражает тем, к-рые утверждают неизменность мира от начала творения, в частности, тем (выражаясь современно, деистам), кто утверждали, что Бог, создав однажды Землю, более не вмешивается в происходящее на ней и мир управляется естественными законами, отрицающими чудеса. От них и им подобных сокрыто, они не ведают, «что в начале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою» (5), почему прежний «тогдашний мир» и «погиб, быв потоплен водою» (6).

Снова указание на катастрофу атлантического человечества, на гибель Атлантиды, дальше-глубже к-рой Пётр ретроспективу не разворачивает, из чего не следует, что ему неизвестны предшествующие (Четвёртому) Атлантическому периоду-зону глобальной Седмичной эволюции Земли – Лемурийский (в к-ром тайны Непорочного зачатия и первого люциферического грехопадания человечества), Гиперборейский и Полярный периоды (Д.И. 109).

Петру важен, после представления водно-потопной катастрофической ретроспективы Атлантиды, взгляд из настоящего в грядущее: «А нынешние небеса и земли, содержимые тем же Словом (Слово-Логос – содержательная основа всего!), сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков» (7). Но поскольку

⁴¹ «Йома» (53б): «Ученик, к-рый предал учителя и тотчас снова возвратился к нему, подобен псу, к-рый возвращается на свою блевотину, как и сказано в Пр.26,11». «Левит рабба» (16 (11бд): «Р. Абба б. Кахана (310г.): «Порочный возвращается к своему пороку, как пёс на свою блевотину». Р. Иошуа б. Леви (250г.): «Глупец возвращается к своей глупости, как пёс на свою блевотину». Псы (необрезанные, как язычники!), уж не говоря о подзапретных свиньях, часто используются талмудистами для крайне отрицательных сравнений, характеристик, метафор, образов.

это грядущее неоднозначно-неодномоментно-неодноэтапно-неоднородно, поскольку тварное (для Петра, в отличие от зороастрийцев!) Время экзистировало различно для высших Иерархий и воспринимающих его в сокращённых перспективах простых смертных, Апостол открывает последним сокрытое от них, а именно то, — «что у Господа один день как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (8).⁴²

Однако людям, как всегда, в силу их слабости, нужно всё и сейчас — вынь да положь! Каждому поколению свойственно, в той или иной мере, замыкаться-заикливаться на своём времени и воображать вертящимися якобы исключительно вокруг него мир, историю, все законы бытия и небытия, считая своё время, свои короткие жизни (вся пронзительная недолговечность к-рых делается до боли очевидной людям лишь на склоне лет) решающими-основополагающими во всей истории-метаистории.

Более того, каждому поколению свойственно связывать-увязывать с собой конечные пункты назначения и ожидать самых решающих перемен (к-рых хочется всё меньше ко времени консервативных зрелости и старости) в своё время. Но это не так, и надо научиться правильно воспринимать-переживать само существо Времени, ход времён, не заикленных ни на каком-либо одном поколении, ни на каком-либо одном столетии. Ход времён, в отношении к-рых Бог может, Бог волен (ибо всё в воле Божией, тогда как человеку должно, надеясь на Бога, не плошать, действуя из данной ему Богом свободы воли, самому) оперировать-распоряжаться одним днём, как тысячелетием, и тысячелетием, как одним днём.⁴³

«Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (9).⁴⁴

Увы, многим нетерпеливым христианам, именно заикленным на себе и своём времени, непонимаемым и отвергаемым, гонимым и страдающим, с Ив. н.э. казалось, что Господь медлит с исполнением второпришествственного обетования, к-рое они мнили-переживали эсхатологически-апокалиптически и жаждали незамедлительного исполнения-получения оногo.

Второе Эфирное Пришествие вершится-свершается, во-первых, индивидуально, как, например, оно свершилось в 34г. для *изверга* Павла, удостоенного явления ему (не знавшему Иисуса в земной жизни) солярно-эфирного Христа Воскресения на пути в Дамаск. А во-вторых, Второе Пришествие Эфирного Христа, к-рое стало и будет становиться доступным восприятию-приятно всё большего числа людей, началось на эфирном (не физическом) плане в XXв. (после ниспровержения *сил зла* на Землю, начиная с 40-х гг. XIXв.) — в эпоху Души Сознательной, под знаком (принявшего архангельское предводительство в 1879г.) Михаила-Солнце!

⁴² «Пешикта раббаты» (1 (4а): «Р. Елеазар б. Йосе (150г.): «Дни Мессии 1000 лет, как и сказано: «Ибо пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошёл, и как стража в ночи» (Пс.89,5), и как ещё сказано: «Ибо день мщения — в сердце Моём, и год искупленных настал» (Пс.63,4). Р. Иошуа (90г.): «2000 лет, ибо сказано: «Возвесели нас за дни, в к-рые Ты поражал нас, за лета, в к-рые мы видели бедствие» (Пс.90,15), т.е. «лета» = не менее 2-х дней, а 1000 лет есть 1 день». Р. Абаху (300г.): «7000 лет, ибо сказано: «Как юноша сочетается с девою, так сочетаются с тобою сыновья твои; и как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой» (Ис.62,5). Сколько длится упоение жениха невестою? 7 свадебных дней, тогда как 1 день Господень есть 1000 лет».

⁴³ Время — епархия *великого старца* Сатурна — Бога-Отца, в ведении К-рого *времени и сроки*, что нисколько не противоречит Чистому Времени, принесённому на Землю (Богом-Сыном) Христом-Солнце (Кронос и Кайрос — Кронос-Кайрос-Кристу).

⁴⁴ «... доколе не совершит суда над народом Своим / и не обрадует их Своею милостью. / Благовременна милость во время скорби, / как дождевые облака во время засухи» (И.Сирах 35,22/23).

И в то же время Господь долготерпелив как в прошлом, так и в настоящем и в обозримом будущем, желая, чтобы как можно больше людей-человеков пришли, избежав погибели, через покаяние и внутреннее обращение, к спасению. И не надо, и негоже *торопить* ни Бога, ни события. (Спеши, не торопясь!) Если (уже воплощавшийся на Земле, среди людей) Люцифер тянет человека назад, то (идущий к своему человеческому воплощению, дабы выдать себя за Бога) Ариман (инкарнация к-рого впереди) стремится пагубно опередить время, пагубно ускорить ход времён.⁴⁵

О том же, что неодноразовый, да и неоднодневный день Господень приходит и придёт, словно тать в ночи, внезапно, как случилось, и случается, и ещё будет случаться для отдельных людей и групп, или для множества людей и стран в различные времена, почему к этому следует быть предельно готовым всегда, говорил ученикам в Страстной вторник 31.03.33г., призывая их к постоянному-неусыпному бодрствованию (Мф.24,43), сам Иисус. И о том же пишет в Послании к Фессалоникийцам (1,5,2) в 53г. н.э. Павел.

И теперь, весной 67г., приоткрывая завесу над дальнеприцельной конкретикой, говорит Пётр: о приходе дня Господня, как тать ночью (обязывающая к перманентному бдению внезапность), – «и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (10-12). Причём это не открывают в словах о конкретизируемом Петром дне Господнем ни Иисус, ни Павел.

В объективе, повторим, как ледниковый огненный-пламезарный конец Пятой Пост-Атлантической = Арийско-Семитской = Пассионарно-Ойкуменической, современной нам, глобальной (в составе Семи стадий) фазы эволюции, так и конец большого зодиакального круга от Скорпиона (и Весов) до (Стрельца и) Скорпиона (знака великих катастроф и великого обновления)⁴⁶, плюс – апокалиптика отдалённой эры-превращения (преемствующего эрам-превращениям грядущих Юпитера и Венеры) огненного Вулкана (сравнительно *ближние* и сравнительно *дальние* горизонты).

⁴⁵ Инкарнация (Христовая имитатора, сродни Люциферу, и исполнителя Люциферовой кармы) Аримана (на Западе) – как полюс и двойник намеченной на планетарно-архангельскую эпоху Анаэль-Венеры (108-462гг.), но свершившейся на 333 года раньше (спасительное, в противовес губительному ариманическому, сокращение дней = ускорение сроков), в эпоху Орифила-Сатурна (248г. до н.э. – 108г. н.э.), инкарнации и земной жизни Христа (1/1 – 14 – 30 – 33гг. н.э.). Т.е., скажем снова и дополним, воплощение (ок.2160г. н.э.) и земная жизнедеятельность Аримана в XXII/XXIII (вместо XXV/XXVI) вв., в михаэлическую эпоху (1879-2234гг.), со старческим захватом им эпохи Сатурна (2234-2588гг.), отчасти (учитывая, к тому же, последнюю, третью, перед воплощением Ариманову инкорпорацию, через столетие от конца Кали-юги – 1899г., в наши дни) сходно-созвучно инкарнации ок. 3000г. до н.э. (через столетие от начала Кали-юги в 3102г. до н.э.) и *жреческой* (с 2961/60гг.) жизнедеятельности Люцифера в Китае в – XXXI/XXX (вместо XXVII/XXVI) вв. до н.э. Иначе говоря, – в эпоху Михаила (3082-2728гг.) вместо (начально-актуальной для первоимператорского Китая Хуанди) эпохи Сатурна (2728-2374гг.) (см. выше), когда инкарнация Люцифера, случись она в эту эпоху Орифила-Сатурна, была бы много пагубнее-опаснее!

⁴⁶ Семь культур нашей Пост-Атлантической = Пассионарно-Ойкуменической стадии эволюции, по 2160 лет = I Великий (Космический) Месяц каждая: I-я Пра-Индийская культура – Рак – 7228/27 – 5068/67гг. – Эфирное тело; II-я Пра-Иранская – Близнецы – 5068/67 – 2908/07гг. – Астральное тело; III-я Египетско-Вавилонская – Телец – 2908/07 – 748/47гг. – Душа ощущающая; IV-я Греко-Латинская – Овен-Агнец – 748/47гг. до н.э. – 333/34 – 1413/14гг. н.э. – Душа рассудочная – Эон Эонов Таинства Голгофы; V-я Германно-Англосаксонская – Рыбы – 1413/14 – 3573/74гг. – Душа сознательная (зеркало III-й культуры Души ощущающей); VI-я Славянская – Водолей – 3573/74 – 5733/34гг. – Самодух (зеркало II-й культуры Астрального тела и *соборно-братолюбивое* предварение Шестой – Филадельфийской – стадии эволюции, при том, что в Откровении Иоанна – 3,7 – именно Филадельфийская церковь-

Притом Петру, 2-е Послание к-рого, сродни Посланию к Евреям Павла, перебрасывает мост к Откровению Иоанна, важно застолбить внимание паствы на качественно ином обновлении огнём, элементом/стихией огня, как некогда имело место тотальное обновление посредством вод всемирного потопа, через элемент, через стихию воды. И в связке с тем и с другим феноменами метаморфозы, в первом случае — крещения водой, во втором — высняя ступень — крещения неразъемлемыми Духом Святым и огнём, исходящими не от водного посредника Крестителя, но исходящими непосредственно от плазмезарно-солярного Христа-Солнце (на встречу превращению Земли в Солнце!). И важно это приложительно к тому, какими надлежит быть христианам «в святой жизни и благочестии» в ожидании «пришествия дня Божия, в к-рый воспламенённые небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растут» (11/12), что представляет собой поразительный по мощности таинственный образ конечно катарсисного Обновления!

И есть предварения этого судно-обновительного огня в миниатюре: гибель в огне Иерусалима и храма в 70г., или гибель Помпеи, Геркуланума, Стабии от огненного извержения Везувия в 79г., к-рые так и воспринимались, пусть по-разному, многими нетерпеливыми апокалиптиками — иудеями и христианами, мнившими в этих катастрофах наступление самого последнего дня, не понимая, что таких — не самых последних — дней у человечества и позади, и впереди ещё множество.⁴⁷

община М.Азии олицетворяет VI-ю Славянскую культуру); VII-я Американская культура — Козерог — 5733/34 — 7893/94гг. — Жизнедух (зеркало 1-й культуры Эфирного тела).

Один Космический Мировой (Платонов) Час — 3 года = Великий Час Мистерии Голгофы — 30-33гг. н.э.; 1 Великий Мировой День — 72 года; 3 Мировых Дней — 216 лет; 1 Мировая Неделя-Седмица — 504 года; 14 Мировых Дней — 1008 лет; 15 Мировых Дней (половина Великого Месяца) — 1080 лет; 28 Мировых Дней — 2016 лет; 1 Мировой Месяц — 2160 лет. 7 Великих Космических Мировых Месяцев — 15120 лет: с VIII тыс. до н.э. по VIII тыс. н.э. И это своего рода Малый зодиакальный круг, в то время как Большой длится — от Скорпиона до Скорпиона, или возьмём хронопредцизировано — от начала V-й (Пра-Семиты) Атлантической эпохи-подрасы (Д.И. 710) под знаком (следующих зодиакально-метаисторически за Скорпионом) Весов — 13708/07гг. до н.э. (+ 2160 = 11548/47 — 9388/87гг. — Дева; + 2160 = 9388 — 7228/27 — Лев; под знаками Весов, Девы, Льва — формирование Физического тела человека) по 12213/14гг. н.э. (т.е., в свете следующего за Жизнедухом развития Духочеловека, 7893/94 + 2160 = 10053/54 + 2160 = 12213/14), что даёт в сумме 25920 лет или 25921 год = ок. 26-и тыс. лет (Один Великий = Космический = Мировой = Платонов год). Учтём также, что Великий Египетский (1460 лет) и Великий Ассирийский (1805 лет) годы восходят (7 египетских и 6 ассирийских Великих лет) к 11542г. до н.э., т.е. к началу VI-й Атлантической Пра-Аккадской эпохи-подрасы под знаком Девы (Д.И. 808), откуда, следовательно, египтяне и ассирийцы (хроно)выводили, куда они исчислительно (хроно)возводили пришедшее в равновесие под знаком и в знаке Весов Время.

Соответственно, человеческие и природные (ледниковые и огненные) катаклизмы-обновления ждут Землю и в VIII («Война всех против всех»; конец нашей Пост-Атлантической = Пассионарно-Ойкуменической = Арийско-Семитской семеричной стадии эволюции), и в XIII (истечение, после двух следующих за Пост-Атлантическим периодом, эпох новой семеричной стадии, Большого зодиакального круга) тысячелетиях н.э., уж не говоря о далёком (после эонов Юпитера и Венеры) зоне Вулкана (преисподние сферы и огонь с небес!), наименование к-рого говорит само за себя, и к грядущим «временам» к-рого наше нынешнее восприятие-измерение-понимание *Времени* (к-рое, возможно, действует от Скорпиона до Скорпиона? или — 28-30-33...? 40-45? 52? тыс. лет?) неприложимо-неприменимо. (Во всяком случае, если один орбитальный цикл, как полагают, длится, используя наше измерение времени, 100 тыс. лет, то угол наклона земной оси меняется раз в 40 тыс. лет.)

⁴⁷ «Книга Еноха» (1,6): «Горы потрясутся и падут и сгорят в огне»; «Vita Ad.49»: «За преступления ваши Господь обрушит судный гнев на потомков ваших; в первый раз это были воды потопа, во второй — в конце времён — будет огонь».

«Oracula Sibyllina»: «Обитающий в эфире Бог сворачивает небеса, как свитки. И падёт

По обетованию Господню, уверовавшие-верующие во Христа ожидают – «нового неба и новой земли, на к-рых обитает правда» (13). И Пётр призывает истинных христиан неустанно готовиться к этому, неустанно заботиться о том, чтобы «явиться пред Ним неосквернёнными и непорочными в мире» (14). Явиться в благочестии, примирёнными с Богом, без духовных и моральных мирских язв и изъянов побеждённого Христом мира сего, как нравственно непорочные уготовленные для жизни вечной агнцы. Явиться сходно, по аналогии, ветхозаветным жертвенным агнцам без физического порока, с той разницей, что если они приносились в примирительную жертву ветхозаветному Богу, то Господь Иисус Христос искупительно пожертвовал Собой ради всех нас!

* * *

И не торопите времена и сроки, к-рые в ведении Отца (Д.Ап.1,7), почитая долготерпение Господне спасением, о чём, согласно Петру, (внимание!) – *«и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, / Как он говорит об этом и во всех посланиях, в к-рых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутверждённые, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания»* (15/16).

Из называемых Петром в 1П. малоасийских адресатов Павел писал к Галатам (55г.), а в Азии – к Ефессянам (63г.) и к Колоссянам (63г.), но то, о чём говорит Пётр, приложительно к Павловым Посланиям, наличествует в 1Фес.4,15, в 1Кор. 15,24, в Рим.2,4; 8,21, т.е. в Посланиях, адресованных не к малоасийцам, к-рым, как выясняется, известны также все Послания Павла, надо понимать, циркулировавшие, читавшиеся и принятые к руководству в различных христианских общинах Ойкумены, что в 2П. акцентируется-подчёркивается.

Здесь очень важный момент. Во-первых, косвенное свидетельство о сроках написания последнего Послания Павла и заключительного Послания Петра – 2Тим. и 2П.; а во-вторых, – снятие пресловутого вопроса о якобы пожизненном конфликте между Петром и Павлом, к-рый, говорим вновь, обсасывался ещё экстраемальными гностиками древности, затем павликианами в Ср. века, и продолжает обсасываться-муссироваться-смаковаться множеством протестантских богословов, равно либеральными теологами или всякоразными рационал-атеистами, плюс горе-эзотериками и псевдо-спиритуалами, в ново-новейшее время.

Как видим, на 67г. никакого конфликта между первоверховными Апостолами (в канун их мученичества) нет. Да, конфликт возник после Апостольского собора 51г. в Антиохии, о чём мы подробно беседовали выше, но был уже тогда миротворно разрешён, разрешаясь всё глубже и дальше. И пусть в дальнейшем пути обоих Апостолов миссионерски, насколько можно умозаключить, не пересекались, на, по крайней мере, 60-е гг. Ив., повторяем в к-рый раз, никакого конфликта между ними не было, иначе Пётр не называл бы Павла «возлюбленным братом» и не оговаривал бы «данную ему премудрость»!

Таким образом, с 51г. они как минимум не мешали друг другу, одновременно оба выполнив возложенную на них, взятую каждым из них на себя великую миссию по максимуму. И вовсе не случайно, что они одновременно подошли к последней черте, оба оказавшись в римско-мамертинском застенке, чтобы завершить мученичеством свои подвижнические жизни за Христа в один и тот же год, в один и тот

небо на землю и потечёт в море змеёй мощное пламя, сожигая земли и моря, и сгорят небеса и дни (время!) и все творения... И потом будет суд великого Бога» (3,81). «Если не покоритесь Мне во зле вашем, придёт огонь на вас и сожжёт всю землю – и род человеческий, и города, и реки, и моря. И выгорит всё вокруг и обратится во прах» (4,170).

же день (предание о чём и многовековая традиция чего воссоздаёт-отражает мета-историческую реальность) (см. ниже).

Притом, поскольку 2П. – Послание каноническое, тем, для кого это имеет значение, должно быть ясно, что когда оно писалось, «все», как констатирует Пётр, говоря обо «всех» Посланиях, во всяком случае, канонические Послания Павла (к-рый вполне мог адресоваться, в т.ч., к малоазийцам и с посланиями, в канон не вошедшими, например, апокрифическое – «к Лаодикийцам») были уже написаны. Более того, их содержание общинникам М.Асии было известно. Т.е. между написанием последнего Послания Павла и заключительным Посланием Петра прошло достаточно времени, чем дополнительно свидетельствуется-подтверждается как написание Павлом 2Тим. не позднее августа/сентября 66г., так и написание Петром его Второго Послания где-то в мае 67г.

Плюс к тому, в стихе 16 Пётр предупреждает против невежественного толкования неутверждёнными дилетантами Посланий Павла, в к-рых «есть нечто неудобовразумительное» = трудное для понимания, что использовалось превратителями-извратителями (невольными или вольными) как этих Посланий, так и прочих (ветхо- и становящихся ново-заветных) Писаний. Заострим внимание снова: если на весну/лето 67г. Послания Иакова и Иуды, все Послания Павла и два Послания Петра уже написаны, равно составлено Первое Евангелие от Матфея (+ ок. 64г.) и есть первые варианты Евангелий от Марка (от Петра) и от Луки (от Павла), к-рые их авторами дорабатываются, то впереди, через четверть века, на очереди, когда их время придёт, Евангелие Евангелий от Иоанна, Три Иоанновых Послания и венчающее Новый Завет Откровение, пора составления к-рых – 90/93 – 96/97гг. н.э.

В стихе 17, в связке-увязке с предшествующим предупреждением относительно извращённого толкования Писаний, звучит напутствие к предварённым о сём возлюбленным собратьям – «берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения», что сделается особенно насущным после того как и Пётр, и Павел, земной путь к-рых на исходе-излёте, вскоре уйдут и бороться с заблуждениями станет сложнее.

Тем не менее, оставаясь твёрдыми в неопадении от своего данного вам утверждения, «возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Ему слава и ныне и в день вечный. Аминь» (18). Вот на какой торжественной высокой ноте это прощальное Послание, опять обращаясь к вопросам Времени и Вечности во Христе (не без переключки с грядущим Небесным Иерусалимом в Откр.22,5), завершается.

Вода и огонь, трагизм смерти, вошедшей в человека, овладевшей существом человека с лемурийско-люциферическим грехопадением, к-рое было многократно усугублено грехопадением атлантическо-ариманическим. И при этом совершенная ясность для Петра и Павла того, что со смертью можно совладать, что смерть возможно победить только со Христом и во Христе, без искупительной смерти и Воскресения Которого (без сораспятия Которому и совоскресения в Котором) нет ни Христа, ни Спасения! (То-то со Смертью, с её феноменом, должно фундаментально разобраться населенникам именно современной V-й культуры Души сознательной!)

Если 1-й или 14-й Апостол Лазарь-Иоанн (новый Иосиф), не из круга 12-и, по одесную, а 2-й или 13-й Апостол Павел (новый Вениамин), не из круга 12-и, по ошую Христа, то ключарь врат рая и ада, первый в круге 12-и, князь Апостолов – Пётр – новый патриарх Иаков во главе Нового христианского Израиля! И неспроста атрибут троекратного отреченца Петра, к-рому воскресший Иисус трижды велел, поставив его во главе Апостолов, пасти овец Христовых, – именно вверенные ему Иисусом ключи; неспроста именно он – Пётр – камень-скала, на к-рой воздвиглась Церковь Господня, неодолимая для врат ада!

МУЧЕНИЧЕСТВО АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА

(29.06.67г.)

Итак, мы подошли к мученичеству Ап. Петра и Павла, о чём нет информации в современных им источниках и в исторических анналах, но что богато и часто разноречиво-противоречиво, в т.ч., хроноразноречиво-хронопротиворечиво, представлено у церковных авторов, в христианских писаниях и апокрифическими преданиями.

Причём, если акцептировать в качестве даты казни обоих Первоверховных Апостолов называемый-приводимый великим множеством авторов, календарей и апокрифов день 29.06., то это значит, что Павлу, как римскому гражданину, смертный приговор, сообразно римским законам, был вынесен и объявлен за 10 дней до приведения этого приговора в исполнение = 19.06.67г. (кстати, – в годовщину разгрома противонероновского беневентского заговора Анния Винициана в июне 66г.).

Плюс к тому, тарсянин Павел, как римский гражданин, не подпадал унижительной казни через распятие, предусмотренной для преступников из рабов и перергинов, будучи приговорён к (так сказать) более почётной высшей мере – через усекновение мечом (отсечение головы) за воротами-пределами Города. В то же время еврею-неримлянину Петру предстояло пострадать, согласно приговору, вынесенному ему непосредственно или за день/два перед казнью, именно на кресте, что наверняка не расходилось и с его собственным пожеланием рода-вида Христова мученичества для себя, при одном (дабы, из смирения и во смирении, не уподобляться Господу) существенном нюансе (см. ниже).

Выше уже было замечено, что, по всей видимости, два римских временщика-беспредельщика, оставленные Нероном в Городе за себя, первый – Гелий, и второй – (споспешествовавший ему) Поликлит, усилили-ужесточили свой террористический репрессивный режим как против инакомыслящих (в т.ч., потенциальных), так и против богатеев в Риме, параллельно-сопутственно усилению беспредела Нерона в Греции (братья Сульпиции Скрибонии, Корбулон, местные богатеи) по весне 67г., равно – к началу больше-обходных (с ретивым Нероновым участием в них) агонов с весны/лета.

И рикошетом это ужесточение беспредела в Риме вполне могло ударить также по христианам, к-рые, о чём мы помним, подверглись постпожарижному разгрому-гонениям в 64г., и затем понемногу, с 65г., – когда власть их вовсе не столько амнистировала, сколько о них, с лихвой наказанных-обескровленных, (можно сказать) позабыла, – приходили в себя. И вот теперь христиане снова, при всех случаях, в лице своих авторитетов, подверглись карам, в этот раз атакованные не столь масштабно в количественном, однако, более чем масштабно в качественном смысле и составе.⁴⁸ По инициативе ли первично властей? по доносу ли иудействующих внутри общины? или иудеев? или язычников извне? (повод/поводы, за к-рый/к-рые власть уцепилась) – неизвестно.

Так или иначе, в июне 67г. христианство потеряло Павла, к-рый томился во Вторых римских узах с лета/осени 66г., и Петра, к-рый, по неподтверждённым данным, (выведенный жаждавшими спасти учителя учениками за стены Города) возвратился в апреле/мае 67г. с Аппиевой дороги, по явлении ему Христа, поняв, что его персональное время исполнилось, назад, в Рим, и добровольно сдался, предавая себя на смертную муку отшельства, римским властям.

⁴⁸ Церковное предание называет римскими мучениками одновременно с Павлом (и Петром) числящихся Апостолами от 70-и (знакомых нам) – Аристарха, Пуда (Пудент), Трофима (см. выше).

Причём Павел содержался, на сей раз, в каземате, как рецидивист, и судя по его же словам в 2Тим. о том, что при первом «ответе» никто не свидетельствовал в его пользу, но все его оставили (да не вменится им) (4,8), дело, по к-рому он был отдан под стражу, слушалось-разбиралось, вероятно, не в один и даже не в два присеста, а не менее трёх раз, закончившись, наконец, в июне 67г. вынесением ему смертного приговора. Обретался ли вместе с ним (с апреля/мая 67г.) в одной из темниц мамертинского каземата Пётр, как того хочет традиция? или они томились в разных темничных помещениях? – подвопросно.

Так или иначе, ничего невозможного в том, что оба Апостола, или один из них, засвидетельствовали, как говорит Климент Римский («1Кор.5»), истину перед начальниками = начальствующими, мн.ч. к-рых вполне может указывать на правивших и судивших тогда в Риме по беспределу Гелия с Поликлитом, нет. А если даже под «начальниками/начальствующими» у Климента нет конкретики, нет персонализации, то всё равно, согласно реконструированной нами хронологии, первоверховные Апостолы были осуждены и казнены в 67г., когда в Риме, в пору греческих гастролей Нерона, правили начальственный бал именно Гелий и Поликлит.

Далее, следуя преданию, обоих Апостолов одновременно вывели из располагавшейся, как сказано, при подножии Капитолийского холма темницы на казнь. У городских ворот, именуемых ныне Павловыми, они простились друг с другом там, где впоследствии была сооружена церковь Св. Петра и Павла, над входом в к-рую есть надпись: «На сём месте расстались друг с другом Св. Пётр и Св. Павел, когда шли на мученическую смерть». И сказал Павел Петру: «Да будет мир с тобою, – основание Церкви и пастырь всех овец Христовых». Пётр же ответил Павлу: «Иди с миром, проповедник добра и вождь праведных на пути к спасению».

Отсюда 80-летнего старца Петра повели либо на Яникульский холм, часть к-рого на правом берегу Тибра (= за Тибром) занимал XIV-й регион Рима (древнеримский Гарлем), либо, по более распространённой версии, на холм Ватикан, где в Ватиканских садах⁴⁹, у цирка Гая и Нерона, или у (в) Навмахии (цирковой водоём для морских сражений), его распяли. Притом, по его смиренно обращённой к палачам последней просьбе, – распяли вниз головой, во смиренное избежание посягательства на равноправное уподобление в распятии Христу.⁵⁰

Тем временем, 64-летний Павел был усечён мечом = обезглавлен у второго или третьего мильного столба по Остийской дороге, в месте, к-рое называлось Сальвианские источники – Aqua Salviae (или Белые воды) (*Беловодье!*), к-рое в Средние века римляне называли Armenum, из-за находившегося тут армяно-католического монастыря Св. Анастасия, и к-рое сегодня называется Tre Fontane, поскольку здесь, близ базилики Св. Павла (San Paulo fuori le mura), где покоятся мощи Апостола, бьют три фонтана. Между тем, местонахождение мощей Петра – подземная пещера под алтарём центрального католического святилища – величественнейшего ватиканского собора Св. Петра.⁵¹

⁴⁹ Яникул (холм Януса) и Ватикан не входили ни в число семи холмов Рима, ни, понятно, в черту Померия, в сакральных пределах к-рого никакие казни не производились.

⁵⁰ По преданию, распятый вниз головой Пётр обратился к народу с последней проповедью тайны креста: крест обращённый (перевёрнутый) – символ Адама, грехопадение к-рого извратило божественный строй, а крест прямо стоящий – символ Христа (Второго Адама = Адама Кадмона), восстановившего этот изначальный порядок; вертикальный устрой крестного древа символизирует Логос – Слово, божественное в Богочеловеке, а горизонтальная перекладина – человеческую природу в Нём. Примечательно, что сам Пётр пожелал быть распятым на перевёрнутом кресте Первого Адама.

⁵¹ Тертуллиан (II/IIIвв.) первым из христианских авторов утверждает, что Павел, при Нероне, был обезглавлен в Риме («Против ересей» 36). Евсевий же (III/IVвв.) в «И.Ц.», сказав

Впрочем, если, согласно преданию, останки Петра и Павла были изначально преданы земле у мест их казни, соответственно, на холме Ватикан (Пётр) и на *via Ostia* (Павел), то согласно «*Depositio episcoporum*» (дни поминовения Римских епископов) от 336г., мощи Св. Апостолов 29.06.258г., в пору гонений на христиан при императоре Валериане, во избежание поругания и уничтожения, были перенесены в катакомбы, тогда как согласно «Хронографу 354г.», день 29.06. есть дата мученичества Петра и Павла (в 55г.!). Затем, в IVв., в пору триумфального шествия христианства, мощи Павла между 336 и 354г. были вновь, уже торжественно, перенесены и погребены в базилике на Остийской дороге, а мощи Петра, между 354 и 366г., – в Ватикане.

Отсюда в XIX/XXвв. разгорелся поднятый, в первую очередь, протестантско-немецкой теологией фактический и хронологический спор и сыр-бор: дескать, со временем, дата перенесения в 258г. апостольских мощей с мест их первоначального захоронения в (из соображений безопасности – в страхе перед осквернением-уничтожением останков язычниками) катакомбы утратила своё первоначальное содержание, к-рое, мол, было забыто, и превратилась-преобразилась в дату мученичества, в то время как в «*Depositio martyrum*» (336г.?) в качестве даты погребения обоих Апостолов фигурирует день 22.02., со временем превратившийся в памятную дату «Кафедры Ап. Петра» = в дату основания Петром – то ли Римской, то ли Антиохийской церкви.

А точнее, в «*Depositio mart.*» под 8-м днём перед мартовскими календами (22.02.) значится «*Natale Petri di cathedra*» (день рождения Петровой кафедры), и неизвестно – был ли этот день внесён в календарь в (о чём гадают) 336г. (по смерти в 335г. папы Сильвестра, при к-ром, напомним читателю, в Риме впервые отметили рождественскую дату 25.12.)? или позднее? при том, что лишь в латеркуле (аннотированный календарь) Полемиа Сильвия, составленном в середине Vв. в Галлии, под 22.02. чётко указано – «погребение Св. Петра и Павла».

Но, позволять, нежего представлять наших прашуров ни вороватыми каталами, к-рые произвольно тасовали, учреждая церковные календари, памятные даты такого уровня-масштаба, ни законченными марзматиками-идиотами, к-рых в период со второй половины III-го по первую половину IVвв. почему-то угораздило напрочь запомнить, в силу внезапно накрывшей их амнезии, истинное содержание одной даты в пользу другой!

С 258 по 336/54/66гг. не так много времени, чтобы содержание *менее важного* для христиан события (перенесение мощей) было напрочь забыто в пользу события *более важного* (Martyrium)! Такая искусственная (высосанная из пальца) конструк-

о свидетельстве Тертуллиана по поводу того, «что Нерон был первым (из римских кесарей – К.З.), кто стал преследовать наше учение» (2,25,4), пишет: «Итак, этот первый среди властителей богоборец горделиво поднял руку на Апостолов. Рассказывают, что Павел при нём был обезглавлен в Риме, а Пётр распят; рассказ этот подтверждается именами Петра и Павла, уцелевшими на кладбищах этого города. Это же утверждает и клирик именем Гай, живший при Римском епископе Зефирине (199-217гг. – К.З.). Письменно возражая Проклу, главе Катафригийской церкви, он так говорил о тех местах, где положены священные останки упомянутых Апостолов: «Я могу показать тебе победный трофей Апостолов (Trophaeum – надгробье – ?). Если ты пойдёшь в Ватикан или по Остийской дороге, ты найдёшь трофей тех, кто основал эту церковь». Что оба Апостола мученически скончались в одно и то же время, это подтверждает Дионисий, епископ Коринфский (ок.170г. – К.З.), в письме своём к римлянам: «Вы в вашем сообщении соединили питомники, насаждённые Петром и Павлом в Риме и в Коринфе. Оба насаждали у нас в Коринфе, одинаково научая нас; одинаково они вместе поучали в Италии и мученически скончались в одно и то же время» (2,25,5-8).

ция просто противоестественна. Зачем забывать очень значительную дату (к-рая не могла быть забыта), чтобы спустя несколько десятилетий заменить-подменить её датой менее значительной? Согласитесь, сам вопрос звучит глупо и сама постановка вопроса глупа!

Если день мученичества теоретически мог (бы) стать позднее днём перенесения мощей, или правильнее сказать, в т.ч., днём перенесения мощей, то (сравнительно менее памятный) день перенесения мощей не мог квазичудесно превратиться в день мученичества, т.е. менее значительное событие могло быть приурочено к более значительному, но не наоборот, сообразно чему, столь неравноценное замещение даты маририума датой *depositio* неприемлемо-несостоятельно.

Кроме того, что важно акцентировать, даже те христианские источники, к-рых меньшинство и к-рые не соглашались с казнью Петра и Павла в один и тот же год (см. ниже), утверждая, что между мученичествами обоих Апостолов разница в год, сходятся в том, что Пётр и Павел были казнены (пусть не в один год, однако) в один и тот же (Петров) день, а именно – 29.06.

Причём эта дата, точнее, этот день, в переводах на их календари, принят (издревле и поныне), помимо (поразительно солидарных в сём случае между собой!) западных и греческих (католики и православные), также у древних восточных христиан: у сирийцев – монофизитов и несториан, у коптов, у армян, у маронитов, будь то календари церковные, синаксари или апокрифы. Т.е. (внимание!) день 29.06. – как дата мученичества Петра и Павла – (подчеркнём это) укоренённое (!) года, к-рый, – и согласно большинству источников, – и оптимально, по итогам (предпринятой-произведённой нами детальной) хронореконструкции событий Века Апостольского, приходится именно на 67г. н.э., именно на к-ром в данном случае свет, образно выражаясь, сходится клином, и именно в пользу к-рого *die Zeitspanne schrumpft zusammen* (см. выше и ниже).⁵²

Так неужели этот маририумный день 29.06. не устоялся, не укоренился у перенесённых христиан, в их традициях, календарях, преданиях до IVв.! тотально, видите ли, поменяв своё содержание в III/IV/Vвв. и превратившись из малоизвестного дня временного (перед лицом гонений) перенесения (по причине формальных внешних обстоятельств) мощей в катакомбы в многозначительный день мученичества первоверховных Апостолов, в день, когда кровь распятого на кресте (казнью Иисуса) вниз головой Петра и усечённого мечом = обезглавленного (казнью Иоанна Предтечи) Павла пролилась в столице мира сего – Риме?!?!

Не надо считать древних (меряя их по себе) ни чудаками на букву «м», ни циничными мошенниками-пройдохами! Притом причина академическо-критиканского упразднения, мол, несостоятельной церковной традиции была искони обусловлена патологически-шизофреническим стремлением протестантской теологии (в духе многоучёной тюрингенской школы), под маской научно-новорелигиозного поиска истины, в действительности, любой ценой похерить католическую традицию, в результате чего, вместе с протухшей водой был (в очередной раз) выплеснут и живой ребёнок. (И эти потуги протестантской теологии, само собой, с удовольствием подхватили различные либералы, демократы, атеисты из светского лагеря, доведя уже противохристианскую по сути истерию до абсурда.)

Традиция, предание могут ошибаться и нередко ошибаются, но они не заслуживают, как уже говорилось, пренебрежения и, тем паче, отвержения-отторжения, гораздо чаще отражая, иногда иносказательно, реальность-действительность, нежели кажется. Или, нежели критически (благо сегодня более не гиперкритически,

⁵² Сохранились эпитафические свидетельства того, что римские христиане отмечали круглые юбилейные даты мученичества Ап. Петра и Павла в 767, 867, 967гг. (Haase, S.157).

как в XIX/XXвв.) людям в век Фомы (о критиканах, рационалах и атеистах — *gar zu schweigen*) того хочется.

Сделаем вывод, не отвергая традицию и отталкиваясь от истории. В ходе преследования христиан при императоре Валериане (253 — 60гг.)⁵³ было два противохристианских эдикта: первый, с запретом под страхом смерти, на собрания, изданный в августе 257г., жертвой к-рого стал папа Стефан I (ок. 254 — 257гг.); и второй, — строже-суровее, годом позже, в августе 258г.^{53a} (год консульства М.Нуммия Туска и Муммия Баска — *Tusco et Basco*), когда 6.06. мученически пострадал папа Ксисст (Сикст) II (257/258гг.), до того санкционировавший перенесение мощей Петра и Павла (подальше от потенциального языческого надругательства над ними) в катакомбы.

И осуществили это римские христиане (сравнительно пассивно гонимые с 257г., предвидя скорое ужесточение гонений-репрессий) именно 29.06. — не произвольно, но в хорошо известный им день мученичества обоих Апостолов — столпов Римской церкви. Т.е., — приурочив тайное перенесение и временное захоронение (перезахоронение) мощей в катакомбах (до лучших времён, к-рые наступили в IVв.) к памявному дню мученичества первоверховных Апостолов (патронов Рима и всего христианского мира), совершив тайную процедуру перезахоронения именно в данный, с Ив. н.э. памятный римским (и усвоенный за прошедшие с 67г. почти 200 лет другими общинами-церквями) христианам, день.

Вот как реальность (в её подлинности) примиряется с традицией, без её огульно-насмешливого попираания-отрицания в пустой псевдонаучной гордыне, и вот как дело, вероятнее всего, обстояло в действительности. Иначе говоря, куда скорее, ошибочна в качестве погребальной (кафедральной) дата 22.02. (когда Пётр вполне мог в 37г. основать, как сказано в Иеронимовом «Мартирологе» Вв., церковь в Антиохии; или, скажем, в 48г. — церковь Римскую), но никак не многократно укоренённый-освящённый у подавляющего большинства христиан и христианских церквей в качестве даты мученичества (и) Петра и Павла день 29.06.!

Удостоверьтесь, такое разрешение-объяснение надуманной проблемы-загадки много разумнее и правильное квазинаучного отрицания ради отрицания, с единственной целью самодовольно констатировать у (дискать, столетия напролёт дурившей людям головы) Церкви и у её традиции-предания очередную грубую ошибку (над к-рой, мол, нельзя похотливо не потешиться).⁵⁴

⁵³ Если гонитель (в Смутное время сумбурного для Римской империи IIIв. н.э.) христиан император Деций (249-51гг.), к-рый сменил на троне Филиппа Аравитянина (244-49гг.), как говорят, тайного христианина, — первый римский венценосец, тело к-рого, павшего в войне с готами, не только осталось на поле боя непогребённым, но и досталось варварам, то гонитель христиан Валериан стал первым римским кесарем, к-рый попал во вражеский плен и умер в плену. Его пленил в 260г. у Эдессы второй тронный Сасанид Шапур I (242-73гг.), кто сделал пленника Валериана своим стремянным и использовал его спину, как подставку, садясь в седло.

^{53a} 258г. н.э. — год 42-летия Мани (время, когда Шапур I, на исходе 50-х гг. IIIв., отдал предпочтение Картиру перед Мани), и это же время, когда зодиакально-метаисторический возраст Макрокосмического Человека составил 31 год и 3 месяца (возраст Иисуса Нафанида при Распятия Христа на Голгофе). Половина от 63-х лет (9x7) — 31 год и 6 месяцев — в 333г. н.э. А 33 года и 3 месяца (возраст Иисуса Соломонида на момент Голгофы) — есть время ок. 870г., когда Парсифаль (Мани) стал хранителем Св. Грааля.

⁵⁴ И, к слову, хотя, согласно традиции, останки Петра изначально были погребены в Ватикане, а Павла — на Остийской дороге (до их временного перезахоронения в 258г.), однако теоретически с 67 по 258г. (когда гонения периодически, с разной силой при разных кесарях, повторялись-возобновлялись) могло иметь место не одно погребение и перепогребение (см. ниже).

Например, посвятивший этой теме фундаментальное педантичное исследование многоучёный немецкий автор С. Erbes⁵⁵ твёрдо уверен, что как языческое празднество Sol Invictus (искусственно) превратилось в Рождество Христово 25.12., так и праздничный день Квирина 29.06. был превращён папой Сикстом, незадолго до его мученичества 6.08.258г., в день мученичества Петра и Павла (S.39), что, дескать, окончательно обосновал, противоположив первого основателя Вечного города Ромула-Квирина его вторым новым основателям Петру и Павлу, энергичный утвердитель прimate Римской церкви папа Лев I (441 – 61г.).⁵⁶

В «Р.л.» мы удостоверились в степени псевдоинтеллектуалистского убожества подобных, на базе обездуховленного материалистического интеллектуализма, заявлений. Праздник Sol – в день непобеждённого и непобедимого Солнца 25.12. = день рождения Митры – не присваивался христианством, как и Время, к-рое со временем пришло, в виде верного христианского летоисчисления Дионисия Малого (по к-рому человечество, благо, живёт и будет продолжать жить), к победоносному христианству, пережив закономерную христианскую метаморфозу.

И то, что митраисты мистериально праздновали день рождения Митры из скалы, в гроте, куда нисходила-входила *небесная звезда*, в декабрьскую пору зимнего солнцеворота (когда в 1г. до н.э., в ночь 24/25.12., в дорогу вышли цари-волхвы), не означает, что Иисус Нафанид не родился 25.12.1г. н.э., так же, как то, что в Египте 6.01. праздновали день рождения Осириса из воды (или божественного Эона девственной богиней Коре) не означает, что Иисус Соломонид не родился 6.01.1г. до н.э., ровно год спустя после чего имело место Поклонение ему волхвов в Вифлееме (6.01.1г. н.э.), а 30 лет спустя, 6.01.30г. н.э., свершилось крещение Иоанном на Иордане Иисуса Нафанида в день 30-летия Иисуса Соломонида!⁵⁷

Причём стоит только представить, как папа Сикст (Ксисст) за месяц с небольшим до своего мученичества, в срочном-поспешном (стахановском) темпе-порядке (на скоростях немого кино), переквалифицировал-перекрасил-переварганил день перезахоронения мощей Петра и Павла в день их мученичества!!! и жалкое убожество

⁵⁵ «Die Todestage der Apostel Paulus und Petrus und ihre römischen Denkmäler», Leipzig-1899.

⁵⁶ Лев I: «Апостолы (Пётр и Павел) лучшим образом новоосновали этот Город (Рим), чем те, кто воздвигли его стены и осквернили его кровью братоубийства» (имеется в виду убийство Ромулом Рэма) (Sermo 22). Лев I произнёс замечательные слова, из к-рых, правда, вовсе не следует, что его предшественники, начиная с великомученика Ксисста (258г.) и кончая самим Львом, мол, лукаво-искусственно присвоили-приписали учреждённому Августом в 16г. до н.э. праздничному дню Квирина (Ромула) 29.06. (в к-рый-де в 258г., умышленно в пику дню Квирина-Ромула, были перезахоронены апостольские мощи) новый статус дня мученичества новых основателей Рима – Петра и Павла.

⁵⁷ В «Хронографе 354г.», где неверно даны дата Голгофы – 29г., и дата мученичества Петра и Павла – 55г. (при верном дне – 29.06.), одновременно, впервые даётся верная дата Рождества Иисуса (Нафанида) – 25.12.1г. н.э. (Ев. от Лк. = Ев. от Павла). Но она была известна узкому кругу лиц и в Риме и не в Риме с 1в. н.э. (ещё Павлу и поставленному им во главе эзотерической школы Дионисию Ареопажиту), при том, что до IVв. датой Рождества (и Поклонения волхвов, и Крещения) была дата 6.01., к-рая в Александрии продержалась как рождественская до 432г., а в Иерусалимской церкви – до середины Vв., и к-рая до сих пор является тройственно-праздничной датой Св. Рождества, включающего Рождество Христово (Поклонение волхвов) и Крещение Господне, для церкви Армянской.

При всём том, богословскую и метаисторическую метаморфозу, произошедшую в IV/V/VIвв. с датами 6.01. и 25.12., посредством внимательного исследования, вполне возможно и проследить, и выявить, и объяснить-истолковать, что мы в «Р.л.» и сделали, тогда как никчемно и без мало-мальски убедительных обоснований предлагаемое ново-новойшей учёностью превращение даты перенесения мощей Петра и Павла в дату их мученичества грубейшим макаром пытается переть против рожна, произвольно-залихватски перечёркивая традицию, предание, древние календари и списки.

всего этого анекдотичного горе-расклада и дебилоидной горе-конструкции больше не оставит никаких дополнительных вопросов к ним. Между тем, эта точка зрения насчёт переквалификации (тотчас; или, как говорится в современных источниках, со временем), в течение III/IVвв., дня перенесения мощей в день мученичества, по ходу XXв., несмотря на всю свою несостоятельность, возобладала, так как правильный расклад не нашёл никаких защитников в капитулировавшей и продолжающей капитулировать перед рационал-критиканством Церкви!

Да, накладок или дублетов в традиции и в предании, в т.ч., приложительно к мученической дате Петра и Павла, немало. Путаница идёт, в частности, из-за накладки курсировавшей уже со II/IIIвв. мнимой даты Распятия в 29г. (к-рую знают уже Тертуллиан и Ипполит) на последующую верную дату (начиная ли с разнящегося в датах Оригена? учитель к-рого Климент Ал. относит Голгофу на 30-й, Юлий Африкан, Орозий, Кассиодор – на 31-й, Епифаний, Иероним, Исидор – на 32г.) Голгофы у Евсевия – 33г. н.э.⁵⁸ На 29г. накладываются 25 мнимых (преувеличение) лет Петрова епископства в Риме⁵⁹, мол, с 29/30 по 54/55г., вследствие чего получается, что казнь Петра и Павла может прийтись якобы аж на (сокращённая-ущемлённая перспектива) 55г. – консульство Нерона и Антистия Вета («Хронограф 354г.»); или – на 57г. – консульство Нерона (второе) и Пизона («Климентины»; «Малые страсти Ап. П. и П.»; «Золотая легенда»); или – на 58г. – консульство Нерона (третье) и Валерия Мессалы («Капитолийские фасты 533г.»).

С др. стороны, два противохристианских гонения в Риме в правление Нерона, в 64 и в 67г., тендируют (как и неодноэтапное нарастающее гонение 257/58гг. при Валериане) к сведению *dua in topo*, почему, например в армянском переводе «Хроники» Евсевия (согласно к-рой, Фест отправляет узника Павла в Рим в 54г.!: у Иеронима – 56г.), Пётр, что отмечалось нами ранее, отбывает в Рим (будто бы) в 3-й

⁵⁸ Любопытно было бы узнать, кто первым принял (вторая половина IIв.?), по всему, западную дату – 29г. н.э. – в качестве Страстной? в то время как на Востоке доминировали даты 30/31/32гг., купная логика к-рых, в исчислении 15-го года Тиверия кесаря (Лк.3,1), – единственной от выступления Иоанна Крестителя до Распятия фиксированной евангельской датировки, в сочетании с приблизительным 30-летием Иисуса в пору начала Его служения (Лк.3,23). Дело в том, что этот 15-й год Тиверия может привести, при его правильном исчислении, из 14-го (год смерти Августа) в 28/29-й гг. н.э., а при исчислении ошибочном – из 12-го (год начала младшего сорегентства Тиверия, откуда его кесарские годы не исчислялись) в 26/27-й гг. Вдобавок к тому, до III/IVвв. многие христиане считали, что земная деятельность Иисуса от Крещения до Распятия (в действительности 30-33гг.) исчерпывается всего одним годом (неверно толкуя «лето Господне благоприятное»), из чего явствует, что долгое время не было устоявшегося текста Ев. от Ио., где однозначно наличествуют в земной жизни Иисуса от Крещения до Голгофы минимум три Пасхи (30, 32 и 33гг.), в отличие от синоптических Евангелий, где отчётливо фигурирует лишь Пасха крестная.

Т.е. на повестке дня заблуждавшихся исчислителей-установителей евангельской хронологии – либо ошибочный интервал времени в пределах с 26/27 по 29/30гг., либо время с 28/29 по 30/31/32гг., как полагали многие занимавшиеся хронологией христиане со II по IV/IVвв., и как часть авторов продолжала полагать позднее. С этими ошибками, в частности, связано и подробно рассмотренное нами в «Р.л.» *хроноотставание* в отношении даты Рождества Христова, применительно к к-рой неверно идентифицировалась дата смерти (учинившего избитие вифлеемских младенцев от двух лет и ниже) Ирода, и к-рая у (кроме того, и не ведавших о рождественском дуализме) христианских авторов в основном колебалась в пределах 4-2гг. до н.э. (тем не менее, не отступая до ещё более грубо ошибочных ново-новейших 7/6гг. до н.э.).

⁵⁹ Из пяти старейших римских каталогов («Chronologie der Römischen Bischöfe», S.7) четыре предоставляют Петру 25 лет епископства в Риме и только один – «Chronograph Syntamon» – 22 года (к-рые могут понимать 45-67гг., считая эти 22 года со времени начала дальних апостольских путешествий в 45г., и следовательно, коммуницируют с вполне акцептабельными 20-ю годами римского епископства Петра согласно армянскому переводу «Хроники» Евсевия).

год Калигулы = 39г., откуда до 64г.⁶⁰ набирается как раз 25 лет, невзирая на то, что, с другой стороны, армянский перевод «Хроники» правильно датирует мученичество Петра и Павла 67-м г. н.э. (13-й год Нерона), тогда как у Иеронима (для к-рого Голгофа свершилась в 32г.) – 68г. н.э. (= 14-й год Нерона).⁶¹

И последнее тоже объяснимо. Иерониму или, скорее, его более раннему римскому источнику непременно нужна была казнь первоверховных Апостолов по непосредственному велению их главного (много раз противопоставляемого им обоим, вместе и порознь, лицом к лицу в апокрифах) антагониста – кесаря Нерона. Но весь 67г. Нерона в Риме не было, ведь с осени 66 и по январь/февраль 68гг. он гастрольно обретался в Греции, что римско-христианский источник мог без труда выяснить, а выяснив, перенести-передвинуть и уверенно датировать мученичество Петра и Павла не 67-м, но 68гг. н.э. Т.е. не 13-м, когда Нерон в Риме отсутствовал, но 14-м годом Нерона, под чем подписался и Иероним (и под, наверное, чем мог бы подписаться Евсевий, знай он или его источник, о чём они, скорее всего, не знали, – что косвенно подтверждает евсевиянскую первичность мартриумной даты армянского перевода, – об отсутствии Нерона весь 67г. в Риме).

И пусть тот же Иероним считает днём мартриума Апостолов 29.06., но 68-у г. н.э., в связке-увязке с Нероном, это категорически противоречит, поскольку с 9.06.68г. Нерон мёртв, соответственно чему, в сём случае, следует датировать казнь Петра и Павла временем правления уже не Нерона, а Гальбы, чего ни один древний источник не делает и что однозначно ошибочно.⁶²

⁶⁰ Ново-новейшая учёность, с XIXв., тоже сводя два к топо, вообще упростила дело: к чему, мол, усложнять?! дескать, если из Тацита известно о противохристианском гонении 64г., значит, Пётр и Павел (коли они, или хотя бы один из них кончили мученически в Риме) погибли не позднее 64г. (без каких-либо двух римских уз Павла – вновь упростительное превращение два в топо). Зачем-де бесплодно гадать над мартриумно представленными в столь часто грубо ошибающихся христианских источниках 66/67/68-м гг.? Или, к примеру, Erbes конструкторски датировал прибытие Павла в Рим – 61-м г. н.э., отнеся его мученичество на 22.02.63г., а мученичество Петра датировав временем летних гонений 64г. (S.47). Или, по произвольному раскладу Визелера, Павел был казнён между концом лета 63-го и началом 64гг., а Пётр – во время Нероновых гонений 64г. («Chronologie des Apostolischen Zeitalters bis zum Tode des Petrus und Paulus, S.551). Гарнак – Голгофа – 29/30гг., мученичество Петра и Павла – 64г.; Рамсей – Распятие – 30г., Пётр и Павел – 65г.; Ляйтфут – 30 и 67гг.; Болотов – Павел – 62г.; Кроль – Пётр – 64, Павел – 67г.

⁶¹ Отсюда, из-за дифференции мученичества Петра и Павла в интервале 55-67/68гг., римско-епископские преемники Петра датируются в различных списках с 55/56/57-го, или с 66/67/68гг.

⁶² Впрочем, чисто теоретически-гипотетически можно предположить, что Иероним или его источник исчисляет 14-й год Нерона с декабря 53г. н.э. (и таким образом приходит-попадает в 67г.), ибо, погубив свою мать Агриппину (59г.), Нерон, капризно отвергая свою преемственность и от неё, и от Клавдия, на некоторых эпиграфических и монетных надписях (эпатажно-демонстративно) исчисляет (что нами уже отмечено ранее) своё (мол, народного кесаря) правление (вместо обычного исчисления со дня смерти Клавдия 13.10.54г.) годами *tribunicia potestas* – с (искусственно задействованного им) 10.12.53г. (10.12. народные трибуны вступали в должность).

Однако Иероним или его источник этим редким (конъюктурно сконструированным) исчислением Нероновых лет явно не пользовались, допустив ошибку, продиктованную стремлением обязательно датировать мученичество Апостолов, замученных-де всенепременно самим Нероном = по его (а не каких-то там Гелия с Поликлитом) прямому приказу-приговору, временем пребывания Нерона (к-рый, к слову присовокупить, в 68г., с 15.04., консульствовал без коллеги) (см. ниже) в Риме.

И ещё на весну/лето 68г. худо-бедно наскребаётся-набирается как бы 25-й год (епископата) Петра в Риме, если попробовать возвести старт-начало Петровых римско-епископальных лет к его пасхальному чудесному освобождению из уз царя Агриппы (с последующим, мол, прибытием в Рим) весной 44г., пусть даже путаник Иероним датирует в «Хронике» отъезд

Выше мы проследили деятельность фарисея Савла, равно его обращение-крещение, равно миссионерские пути-дороги Ап. Павла: по Д.Ап., — с 33/34 до 63гг.; а без Д.Ап., взяв в помощники Послания Апостола язычников, — с 63 по 66гг. И это помогло реконструировать также, хотя, во многом, гипотетически, миссионерские пути-дороги Ап. Петра. И нам ясно, что мученичество обоих первоверховных Апостолов, или, при всех случаях, совершенно однозначно Павла, во время до 66 — 68гг. отпадает. Притом, если предел колебаний ещё более сузить, то, как выясняется, 66г. — чересчур рано (недобор), а 68г. — чересчур поздно (перебор).

Напоминаем, Три Павловых миссионерских путешествия (45 — 48гг.; 51 — 54гг.; 54 — 58гг.) не могут завершиться ранее 58г. (см. выше), с каковых пор Павел — в 2-летних кесарийских узах (58 — 60гг.), после к-рых его осенью 60г. (и никак не раньше, но и никак не позже) Фест подстражно отправляет в Рим, куда он прибывает весной 61г. и проводит 2 года в Первых римских узах до 63г., причём любой иной хронорасклад тут исключается. По освобождении же из Первых уз, в 63/64гг. Апостол — в Испании, затем — 64г. — на Крите, в М.Азии, и зимой 64/65гг. — в македонских Филиппах, откуда его путь лежит весной 65г. в Коринф, летом — из Коринфа — в Эфес (Милит; Троада), и осенью — из М.Азии — в эпирский Никополь — место Павловой зимовки в 65/66гг.

Потом, весной 66г. — Италия/Рим, и начало весной/летом Вторых уз, находясь в к-рых, Павел настоятельно просит Тимофея в своём (последнем) Послании (2 Тим.) придти к нему в Рим до зимы 66/67гг., в к-рую Марк, кого Тимофею поручается привести с собой, нужен Павлу для служения, и к-рую Павел явно пережил как свою последнюю зиму, более того, прожив-дотянув в римском застенке до начала лета.

При этом, если в более ранние сроки вся перечисленная хроноцепочка не умещается, то 68-й г. — как время предстоящего Апостолу мученичества, о к-ром говорится в 2Тим. из августа/сентября 66г. словами «время отшествия моего настало», согласно к-рым следует, что заключительный год, заключительные месяцы жизни Павла в ходу, — срок неестественно долгий-поздний. Поскольку *наставшее-настающее* время отшествия не может длиться с лета/осени 66-го аж по первую половину 68гг. Стало быть, как оптимально, так и методом исключения, на повестке дня (промежуточный между 66 и 68гг.) 67г. н.э.

В дополнение к тому, в 68г. Нерон возвратился из Греции в Рим через Неаполь в феврале. Затем, в марте, непрестанно-нескончаемо празднуя свой греческий гастрольный триумф, он вновь подался в любимый Неаполь, где, продолжая празднично блаженствовать, ок. 20-23.03. узнал о галльском восстании Виндекса, вслед за чем в апреле прибыл в Рим; дальше — неуклонно терял почву под ногами и выпускал власть из рук, пока, наконец, 9.06., покинутый почти всеми, наложил на себя руки, о чём мы ещё подробно побеседуем ниже.

А сейчас скажем, что время и обстоятельства с февраля/марта по май/июнь 68г.

Петра в Рим временем после основания им Антиохийской церкви, а начало его 25-летнего римского епископства 2-м годом Клавдия (42г.). Зато в «De viris...» у Иеронима несовместимая синхронизация: «Павел обезглавлен в 14-й год правления Нерона в один год с Петром через 27 лет после страданий Господних» (3). Если 14-й год Нерона = 67/68гг., то 27 лет от страданий Господних, — а по Иерониму в «Хронике» дата Голгофы — 32г., — приводят в 58/59гг., что, опять-таки, скособоченно отображает предел колебаний и дифференцию (мартриумной Петро-Павловской хронологии) в рамках 55-67/68гг. (или 27 лет надо заменить на 37 и получить в качестве мартриумной петро-павловской даты от Страданий Господних в 32г. — вновь грубо ошибочные 68/69-й гг.).

никак не подходят для преследования христиан, когда Нерону (и сначала эйфорически блаженствовавшему, и потом терявшему власть) было не до них, т.е. и в данном ракурсе мученичеству Петра и Павла, в наибольшей, в наиоптимальной мере, соответствует 67г., к-рый и значится в большинстве древних источников-свидетельств, точнее, выводится из них.

Однако для принятия этой, при ближайшем рассмотрении, единственно акцептабельной даты необходимо, скажем снова, отказаться от заманчивой или непреложной для многих древних и средневековых источников апокрифической перспективы всенепременного вынесения смертных приговоров Петру и Павлу самим (исчадием ада) Нероном, что, в свою очередь, требует хроносмещения мученичества Апостолов из 67-го в 66-й или в 68-й гг., т.е. либо на время до отъезда тирана в Грецию, либо на время по его возвращении из Греции.

Посему начнём издалека и со второстепенного косвенного материала, аргументируя дату 29.06.67г. в качестве безальтернативно мартириумной (что выявляет вышепредпринятая нами историческая хронореконструкция), в частности, по примечательным крупницам, черпая дополнительные весьма интересные свидетельства, как прямые, так и побочные, ибо прямых улик немного, из самых различных источников, фактов, обстоятельств, исторических персонажей, к-рые, зачастую, весьма любопытно и неожиданно взаимосвязываются-переплетаются между собой.

Например, в связи с префектом-эпархом Агриппой, к-рый приговаривает к смертной казни Петра в «Деяниях Петра» (Пв.), похоже, в отсутствие Нерона (34/35; 61) (см. выше), или приводит в исполнение смертный приговор, вынесенный Нероном Петру и Павлу (отпочковавшихся позднее от «Деяний») «Больших страстях Петра и Павла» (IV/V/VIвв.)⁶³, притом здесь Нерон одобряет предложение именно Агриппы отрубить Павлу голову, а Петра распять (10; 58)⁶⁴, примечательно следующее.

Никакого Агриппы, надо понимать, сообразно незадачливому апокрифисту, — городского префекта Рима, во главе префектуры Urbī ни в 67г., ни до, ни после, в Риме нет, а имя Агриппа наверняка дано-присвоено ответственному или соответствующему за казнь первоверховных Апостолов (городскому) префекту небезотносительно к памяти М.Агриппы (друг, соправитель и зять Августа, дед матери Нерона — Агриппины, к-рая «даёт» в апокрифе имя уверовавшей жене префекта). Равно (в ещё большей мере) — данное имя подобрано апокрифом небезотносительно к (родившемуся в 10г. до н.э. и названному в честь умершего двумя годами ранее М.Агриппы) Ироду Агриппе — внуку (дружившего с М.Агриппой) Ирода Старшего, так как именно этот Агриппа, в 44г. царь иудейский, казнил (первого из круга 12-и Апостолов) Иакова Старшего и едва не казнил чудесно спасённого из его уз вышним вмешательством Петра (Д.Ап.12) (см. выше).

Вот в чём подоплёка/подоплёки *говорящего* имени казnelюбивого префекта в обожающих символику (и sacra, и profana) апокрифах. Но с др. стороны, мы помним эпонимов 67г. = 820г. а.У.с.: это — консулы-орд. Фонтей Капитон, ст. брат к-рого Г.Фонтей Агриппа консульствовал-орд. в 59г., и Л.Юлий Руф, в то время как консульскую должность-достоинство ответственного за водоснабжение Рима

⁶³ В «Малых Страстях П. и П.» вместо Агриппы — префект Климент (13). В апокрифических «Деяниях Павла» (II/III/IVвв.?), Апостола, к-рый воскресил царского виночерпия Патрокла, кто, в свою очередь, обратился-крестился, казнят префект Лонг и центурион Цест (Рим 1-7); в «Мученичестве Ап. Павла» (II/III/IVвв.?) задействованы префекты Лонгин, Мегист и центурион Акест (7).

⁶⁴ Причины — как отказ уверовавших, жены Нерона — Ливии, и жены Агриппы — Агриппины, от плотской близости со своими мужьями (10), так и победа Петра (и Павла) над разбившимся, в попытке чародейского полёта, о камни *via Sacra* (55) Симоном волхвом.

куратора-aquarium в 66 – 68гг. (часть 66-го, весь 67 и часть 68гг.) облакал консул-суф. 58г. Фонтей Агриппа (Фронтин «Вода для Рима» 102); позднее – в 68/69г. – проконсул Азии; с 69г. – легат Мезии, погибший в 70г. в сражении с задунайско-сарматскими вторженцами (Тацит «Ист.» 3,46; Флавий «И.в.» 7,4,3).

И в означенной связи небезынтересно то, что приложительно к казни Петра и Павла, вернее, к месту их казни, и в Малах» (13), и в «Больших страстях» (58) фигурирует-всплывает (водная) Навмахия (с закадровой акцентацией элемента воды) – расположенный за Тибром цирк Калигулы и Нерона, где на водах искусственного пруда-водоёма (водная арена) устраивались потешные, но весьма масштабные морские сражения (с абордажными крючьями, огненными стрелами, настоящими многочисленными жертвами сражающихся сторон и т.д.).

Отсюда вопрос – не переключается ли имя (прозвище) апокрифического префекта-эпарха Агриппы (*родившийся ногами вперед*) с накладочно совмещёнными-сведёнными Фонтеем Капитоном – консул-эпоним 67г. (мл. брат Г.Фонтея Агриппы – консула-орд. 59г.), и Фонтеем Агриппой, кто есть, как сказано, консул-суф. 58г. (одна из апокрифических дат мученичества Петра и Павла), и, главное, – куратор-aquarium в 66/67/68 гг., ответчик за воду-водоснабжение Рима, в т.ч., в (водной) Навмахии (где требовалось много воды)?

Не может ли имя-прозвище префекта-эпарха Агриппы быть отголоском имён сдвоенных Фонтея Капитона и Фонтея Агриппы, к-рые, и один, и другой, оба вместе – хронофигуранты, в наибольшей мере, 67-го г. н.э.? А если так, то здесь можно угледеть побочное свидетельство в пользу принятой нами даты мученичества первоверховных Апостолов. К тому же, как в пользу собственно 67г., так и, если пойти ещё дальше, в пользу именно первой половины этого года, в смысле относящегося к её исходу дня 29.06., ибо (созвучный Фонтее Агриппе) Фонтей Капитон (как и его ординарный напарник Юлий Руф) консульствовал первую половину года, передав фаски сменщику-суффекту с 1.07. (пусть даже годы эпонимировались в Риме именами только консулов-ординариев).

* * *

Далее, в «Больших страстях» (31/32) Симон волхв, состязаясь с Петром перед Нероном, предлагает Нерону обезглавить себя «в каком-нибудь тёмном месте и там же мёртвым бросить», обещая на 3-й день воскреснуть. Конечно, тут дерзко переигрывается воскресение в 3-й день Христа, (усмешливо) используемое Симоном, к-рый чародейски подставляет вместо себя удару палача овна. Но нас интересует сейчас не это, а манипуляции Симона с появлением во тьме головы солярного овна, к-рую принимают за Симонову.

При всём том, в датирующих мученичество Апостолов П. и П. (после их, Петра, в паре с Павлом, победы над Симоном) второй половиной июня армянских апокрифических «Актах Петра и Павла»⁶⁵ (дошедший до нас текст к-рых относится к XIIIв., восходя к гораздо более раннему времени), мрак и тьма, сопровождающие чародейство, именуется «затмением-затемнением» (խաւքարում – havarum), к-рое-де напустил-наслал Симон (не по аналогии ли с солнечным затмением-затемнением в часы Распятия Христа?), что вполне можно соотнести, или в чём можно усмотреть переключку, в т.ч., с вышеупомянутым нами (кольцеобразным) солнечным затмением 31.05.67г.⁶⁶

⁶⁵ «Theologische Quartalschrift» 1906, B.88, P.Vetter «Die armenischen apokryphen Apostelgeschichten», S.161-67-86.

⁶⁶ Этот армянский апокриф, сохранившийся в нескольких манускриптах, не во всех из к-рых уточняется мартириумный день 29.06., к-рый чётко называет средневековый армянский

Оно случилось всего за 30 дней до казни томившихся в мамертинских узах Петра и Павла (за 19/20 дней до вынесения смертного приговора римскому гражданину Павлу), наблюдалось римлянами в 17 ч. 32 мин. (в Афинах – в 18.20.), и очень даже могло спровоцировать расправную волну в Риме со стороны наверняка суеверных (сродни их патрону Нерону) Гелия и Поликлита, причём иных подходящих затмений в рассматриваемый нами период времени нет. Солярные затмения 11.06.66г. (кольцеобразное), 5.12.66г. (полное), 25.11.67г. (гибридное) и 19.05.68г. (частное) не были видны в Риме, как и лунное затмение 5.05.67г.⁶⁷

Плюс к тому, как бы в день именно этого затмения (31.05.67г.), о к-ром (за неимением-отсутствием иных) говорится у Флавия Филострата в «Жизнеописании Аполлония Тианского» (4,43), где, правда, речь идёт о событиях весны/лета предыдущего ббг. (и потому тут имеет место накладочное хроносмещение, романисту Филострату простительное) (см. выше), – «загремел гром, а подобные события совпадают весьма редко», после чего, на 3-й день (!), в стол, за к-рым трапезничал Нерон, ударила, едва не поразив его, молния, и так, мол, сбылось предсказание Аполлония: «Нечто большое свершится и не свершится».⁶⁸ Т.е. затмение 31.05.67г.

синаксарь-менологион «Айзмавурк», очень интересуется хронологией мученичества П. и П. (как знакомый нам другой апокриф «Армянское Евангелие детства» проявляет особый интерес к хронологии Р.Х.) (Р.л.). Так, согласно тексту апокрифа, трое мужей из Рима прибывают к Павлу на Мальту 20.05., откуда он с ними добирается до Путеола, где остаётся неделю, скрываясь от ищеек Нерона, подстрекнутого против него (главными Павловыми антагонистами) иудеями (3). Вместо него 14.06., по доносу иудеев на Павла Нерону, в Путеолах князят-обезглавливают внешне очень схожего с Павлом кормчего Диоскора (имя одного из спутников Аполлония Тианского), болезного сына к-рого Павел ранее исцелительно спас от смерти (4). После этого Апостол возносит молитву к Богу, прося наказать охочих до казни путеоланцев, сам собрав верующих и уведя их в Байи, вслед за чем Путеол становится жертвой наводнения-затопления (4). Чуть позже, в Риме, следует остросюжетное-напряжённое состязание Апостолов (Петра, сопутствующего Павлом) перед Нероном с Симоном волхвом, в итоге чего взлётный Симон, по Петровой молитве против ангела сатаны, разбивается о камни, а префект Агриппа, по приказу разгневанного Нерона, предаёт Петра и Павла, выбрав для них род казни, одного – посредством распятия, другого – усекновением головы, смерти в Навмахии (10-24).

Примечательно, что по поводу затопления Путеол, возможно, апокриф отражает память о реальном стихийном бедствии, к-рое могло произойти в 67г. Мы помним о буре, изрядно потрепавшей римский флот в Кампании в 64г. (Ан.15,47); затем, в 65г., случился опустошительный вихрь (и повальное моровое поветрие) в той же Кампании (Ан.16,13); в мае 66г. Нерон потчевал гладиаторскими боями (к-рые давал его вольноотпущенник Патробий) Тиридата Армянского в Путеоли и никаких стихийных катаклизмов там не наблюдалось. В отношении 68г., Дион сообщает о море, отступившем от Египта, и, наоборот, о связанном с этим отступлением наводнении (приливные волны?) на противоположном египетскому северном берегу Средиземного моря – в Ликии (63,26,5); относительно 69г., Плутарх (Отон 4) и Тацит (Ист.1,86) пишут о большом весеннем (при Отоне) разливе Тибра, затопившем значительную часть Рима. Как видим, лишь 67г. – вакантен, и по нему нет информации: засим, если под апокрифическим наводнением в Путеоли кроется реальное событие (предваряющее землетрясение, к-рым сопровождалось извержение Везувия в 79г. и затопление многих населённых пунктов на побережье Кампании), то оно в интересующем нас интервале времени просится именно в 67г.

И, кстати, в апокрифе «Мученичество Ап. Павла», где Павел, как и в «Деяниях», воскрешает и обращает «любимца и виночерпия» Нерона юношу Патрокла (2/3), Апостола обезглавливают по Неронову приговору (7; 16). Не переключается ли (созвучный, в первую очередь, разумеется, гомеровскому соратнику Ахилла, убитому Гектором) Патрокл с, б.м., давшим ему это апокрифическое имя нероновским либертом Патробием, к-рый подвизался при Нероне как минимум в 66-68г.?

⁶⁷ «Каталог солнечных затмений»; Ginzl «Sonnenfinsternisse»; «Mondfinsternisse», В.2, Tafel 2, Leipzig-1911.

⁶⁸ Напомним ещё раз: У Тацита молния разбила Неронов стол с расставленными на нём яствами, когда Нерон в 60г., в год возблиставшей кометы (предвестие, «по распространённому

(когда ни Нерона, ни Аполлония Тианского в Риме не было) было, во всяком случае, необычным.

И ещё, в контексте уникального (в пасхальное полнолуние) солярного затмения-затемнения, сопровождавшего смерть Христа на Голгофе (с полудня до трёх часов пополудни) 3.04.33г., равно лунного затмения (кровавая луна) вечером 3.03.33г. (Т.Г.), и не только в контексте этих знаменательных затмений, — не говорит ли Пётр в день первой христианской Пятидесятницы-Троицы 24.05.33г.: «Солнце превратится во тьму и луна в кровь, прежде нежели наступит день Господень великий и славный; / И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасётся» (Д.Ап.2,20/21). У ветхозаветного Иоилия, к слову к-рого не слово в слово взывает новозаветник Пётр, — «день Господень — великий и страшный» (2,28-32).

Мы уже достаточно знакомы с *ближними* и *дальними* горизонтами, столь при-сущими теологии и эсхатологии-апокалиптике Петра, в ракурсе чего, спрашивается: не разумеет ли он, в дополнение к глобальным измерениям, под превращением солнца во тьму (и луны в кровь), в т.ч., локальное, через 34 года (с первой Троицы), 31.05.67г., превращение солнца во тьму перед наступлением для него самого дня Господня — 29.06.67г. (когда Ап. Пётр и Павел приняли мученичество)?

Помимо того, весьма любопытна концовка «Больших Страстей» (66), где «римляне» препятствуют попытке «греков» увезти мощи-останки Св. Апостолов из Рима на Восток⁶⁹, в связи с чем происходит великое землетрясение и похитители наступают римлянами на 3-й миле Аппиевой дороги, после чего останки Петра и Павла временно помещаются в местности, «что Катакомбой зовётся», т.е. в катакомбах, о чём автор апокрифа знает смутно, к сказанному присовокупляя: «И хранились там их тела один год и семь месяцев, пока отделялись гробницы, в к-рых прежде тела Св. Апостолов обретались, куда и были они возвращены, восславляемые гимнами, и погребены были мощи Св. Петра в Ватикане, близ Навмахии, а Св. Павла у 2-й мили Остийской дороги, где благодать молитв во веки веков пребудет. Аминь».

Иначе говоря, апокрифист предполагает изначальное нахождение останков на местах их погребения в IVв., после перезахоронения в катакомбах в 258г., между тем как римский клирик Гай поры папы Зефирина (199 — 217гг.) у Евсевия (И.Ц. 2,25) свидетельствует о надгробье — «трофей» (Trophaeum, как в Риме называли, в т.ч., надгробья) — во II/IIIвв. (см. выше). Были ли останки Апостолов изначаль-но погребены возле мест их мученичества? и случилось ли их перезахоронение, с последующим возвращением на прежние места, всего один раз — в III/IVвв.? — вопросы. Т.е. неясно проецирует ли накладочно апокриф события III/IVвв. в ужатых хронорамах на I-й в.? или останки переносились с места на место также в I/II/IIIвв.?

Но этим мы заниматься не будем, сосредоточив внимание на любопытном апо-крифическом сроке «хранения тел в Катакомбе» на протяжении одного года и семи месяцев (в некоторых манускриптах вместо 7-и 6 месяцев = округлённые, вдобавок к году, полгода). Дело в том, что, если приплюсовать 1 год и 7 месяцев к 29.06.67г., то попадётся во вторую половину января 69г. — во время, когда, с убийством 15.01.69г. Гальбы, к власти пришёл пробывший кесарем всего три месяца, с середины января по вторую декаду апреля 69г., М.Сальвий Отон. И именно этот Отон — единственное светлое пятно в перечне-ряду порочных римских кесарей эпохи *кесарева безумия* между Августом и Веспасианом — от Тиберия до Вителлия.

Родившийся в 32г. н.э. (сын Л.Сальвия Отона — консула-суф.33г.) друг и кунак Нерона в его пороках, у к-рого Нерон отбил в 58г. супругу Поппею, он, попав в в толпе представлению», смены властителя), находился на вилле Сублаквей, у Симбруинских озёр (Ан.14,22) (см. выше).

⁶⁹ Об этой попытке сообщает и папа Григорий Великий (590-604гг.) (Epist. 4,30).

опалу, удалённый от императорских глаз, образцово наместничал в Лузитании с 58 по 68г., когда примкнул к выступившему против Нерона Гальбе (наместник соседней с Лузитанией Тарраконской Испании), однако, затем, в Риме, организовал его убийство, поскольку старик Гальба обманул его надежды, сделав не его своим усыновленцем и преемником-наследником Принципата.

Впрочем, спустя, как сказано, три месяца Отон, проиграв вителлианцам сражение при Бедриаке, несмотря на наличие всех возможностей для успешного продолжения войны против Вителлия, покончил самоубийством во предотвращение дальнейшего гражданского кровопролития = братоубийства – ценой собственной жизни и сознательного отказа от борьбы за власть, чем, т.е. своим из ряда вон исключительным-благородным поступком-подвигом, стяжал себе в глазах современников и потомков громкую славу.⁷⁰

Засим апокрифический срок в год и семь месяцев, после к-рых, когда, согласно апокрифисту, опасность для мощей Апостолов миновала, и они были возвращены из катакомб в (за это время) «отделанные гробницы» (Пётр – Ватикан/Навахия; Павел – via Ostia), может (независимо от того, что тут реальность? и что вымысел?) таить под собой следующее. А именно – отголосок промежутка времени от казни Петра и Павла в конце июня 67г., при Нероне, до прихода к власти и короткого владычества со второй половины января 69г., несомненно, лучшего, чем пять его предшественников и омерзительный преемник Вителлий, благородно-рыцарственного в своей именно жертвенной, в своей именно самопожертвовательной (наверняка обратившей на себя внимание и христиан) смерти (являющего собой редчайшее властительское исключение) кесаря Отона, что тоже косвенно ратует за принятие в качестве хронологии мученичества Петра и Павла даты 29.06.67г.⁷¹

⁷⁰ По Плутарху, Отону, «величие духа» к-рого констатирует Светоний (Отон 12), принадлежат слова: «Я с большею славою могу умереть, нежели править. Я далеко не убеждён, что, победив, принесу столько же пользы, сколько отдав себя в жертву для мира и согласия». Сам Плутарх говорит о нём, что «прожил он нисколько не чище Нерона, но умер гораздо благороднее» (Отон 18). Или слово Отона у Диона: «Я ненавижу междоусобную войну, даже если победить в ней, и я люблю всех римлян, даже если не все они со мною» (63,13). Или ещё Отон у Диона: «Лучше и справедливее, чтобы один погиб за всех, чем многие за одного».

⁷¹ Причём всё это если, разумеется, не считать вместе с Энгельсом и подобным ему множеством рационал-профанов (профанаторов) XIX/XXвв., что зверь о семи головах из Иоаннова Откровения (13) воспроизводит 7 безбожных цезарей-кесарей (Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон, Гальба, Отон, Вителлий), отображённых, мол, в составленном не позднее 68/69гг. (всё с ног на голову!), как чуть ли ни первая Книга Нового Завета (!), Апокалипсисе! В действительности же, Откровение Иоанна Богослова – заключительная, воспринятая Иоанном (свыше) в 96г. на о. Патмос и ставшая Книгой в 96/97гг. в Эфесе Книга (Книг) Нового Завета, где зверь о семи головах из гораздо более дальней-далёкой (апокалиптической) перспективы, ничего общего с названными кесарями Ив. не имеет и с ними никак, вопреки примитивнейшему заземлению тюбингенцев с энгельсистами (у к-рых данную муру притко позаимствовали советские атеисты), не перекликается.

Гонителями христиан в Ив. были из римских кесарей, по специальным противохристианским указам, только Нерон и Домициан. И пусть христиане не могли испытывать особых симпатий к прочим кесарям-язычникам, они, скорее всего, выделили (не могли не выделить) среди них сумевшего отнюдь не столько благородно прожить, сколько самопожертвовательно умереть Отона. Опрich того, не забудем, что и Иисус, и Пётр, и Павел проповедают лояльность к власти: кесарю кесарево, а Богу Богово. Или, к примеру, «Доктрина Агдаи», не вникая в суть, даже делает друга христиан из Клавдия за то, что он, видите ли, изгнал из Рима враждебных христианам иудеев (эдикт 50г.). И значит, тем паче, подвиг Отона мог произвести (в т.ч.) на христиан глубокое впечатление, почему вышеистолкованный нами срок в 1 год и 7 месяцев очень даже мог столь замысловатым опосредованно-цепочечным образом откликнуться-отобразиться в христианском апокрифе, к-рый собственно об Отоне (апокрифисту вряд ли известном) ни словом не упоминает.

Теперь переходим от косвенных, образно выражаясь, улик к прямым, к-рые мы, ради пушей убедительности и перевеса прямых свидетельств, умышленно предварили материалом побочным.

Для начала вновь обратимся к «Хронике» Евсевия, к к-рой восходят многие дальнейшие хроновыкладки (тогда как некоторые из них её предваряют) и к-рая, как мы знаем, в латинском переложении-продолжении Иеронима («Hieronymi Chronicon») (IV/Vвв.) и в армянском переводе V/VIвв., к-рый с XIXв., когда этот перевод, переведённый мхитаристами на латынь, стал доступным западной учёности, на Западе называют «Versio Armenia» (и называют — «Versio» — неверно, в силу его, во многом, большей аутентичности, чем Иеронимово переложение).

Притом, по интересующему нас ныне периоду, из четырёх синхронистических датировок евсевиянской «Хроники» — 1) по Олимпиадам, 2) по годам «от Авраама», 3) по годам правления римских кесарей, 4) по годам правления иудейских царей = Ирода Агриппы II — наиболее надёжна-достоверна (как и в др. источниках) датировка по годам римских кесарей, к-рая — и исторически точнее, и лучше известна, и проще-однозначнее, чем прочие синхронизмы.

Так, годы «от Авраама», во-первых, условные (и к тому же, у Евсевия, приложительно к эпохе эры — вроде бы октябрь 2016/15гг. — метаисторически неверные)⁷²; во-вторых, — они часто дробные, к примеру, Голгофа, каменование Иакова Праведного, мученичество Петра и Павла, попадают по ним на 2048/49, 2077/78, 2082/83гг. В отношении Олимпиад, — эпоха эры олимпийского летоисчисления в армянском переводе ошибочно смещена на год назад — в 777г. до н.э., в отличие от верного 776-го г., принятого Иеронимом. Также менее надёжны, применительно к IV н.э., нежели годы римских кесарей, примыкающие друг к другу синхронистические годы иудейских царей Иродиан, отнюдь не всегда воспроизводящие верную и точную историческую или хроноисторическую картину.

Если Ирод Старший, по Евсевию, царствует 37 лет с 34г. до н.э. по 3/4/5гг. н.э., Архелай — с 4 по 13гг., Антипа — с 14 по 37гг., Агриппа I — с 37 по 44гг., то Агриппе II предоставляется царственное время с 44 по 70гг.⁷³ В этом перечне верны только

⁷² Время рожд. в 2167г. до н.э. Авраама (прожившего, по Библии, 175 лет) — XXII-XXвв.

⁷³ Освежаем пройденный материал и знакомые читателю наших предыдущих книг данные в памяти. Флавий, грубо ошибочно датируя назначение Ирода царём римлянами вместо правильного 37-го неправильным 40-м гг. до н.э., а завоевание им Иерусалима — вместо правильного 34-го неправильным 37-м гг. до н.э., в результате получает нефиксированную дату смерти Ирода в «И.в.» — во 2-м, в «И.д.» — в 3гг. до н.э., тогда как, в действительности, Ирод умер весной Iг. н.э., что мы, нововоспроизведя всю предтронную и тронную биографию Ирода, детально реконструировали, разобрали, наглядно показали и доказали в «Р.л.». Евсевий же (составляя редкое исключение) правильно датирует конец Хасмонейского царства и приход Ирода к власти 34-м г. до н.э., но исчисляет отсюда (с 34/33гг.) 37 лет его царствования вместо 34-х (так как Ирод царствовал 37 лет от назначения его царём римлянами, и 34 года от завоевания им Иерусалима и казни Антонием Антигона), в итоге получая в качестве даты Иродовой смерти — время ок. 4г. н.э. (по иронии судьбы, хронопротивосимметричного принятому сегодня большинством грубо ошибающихся научных источников и авторитетов 4-у г. до н.э., между тем как меньшинство в науке датирует смерть Ирода, опять-таки, ошибочным Iг. до н.э. вместо безальтернативно верного Iг. н.э.).

Отсюда неверное исчисление Евсевием дат и сроков сына Ирода этнарха Архелая (да ещё в накладке на неверные Архелаевы даты и сроки у Флавия) с 4 по 13гг. (вместо тоже доказанных нами в «Р.л.» реально исторических I-6гг.), или лет тетрарха Антипы (якобы цепочечно продолжающего годы Архелая) с 14 по 37гг. (в реальности Антипа, числившийся со 2г. до н.э. тетрархом Переев, правил после смерти Ирода Галилеев и Переев в I-40гг.). Плюс к тому, Евсевий, датируя в «Хронике» снаряжение Квирина в Иудею I-м г. до н.э., или в «Versio Arm.»

даты Агриппы I, в то время как Агриппа II зацарствовал в первый раз в Халкиде лишь с 49/50г., не прекратив царствовать в Палестине с разрушением Иерусалимского храма в 70г., вопреки Евсевию (для к-рого, как и для прочих христианских авторов, с падением Иерусалима и храма в 70г. всякая еврейская государственность или автономия заканчивается). Но даже если исчислять агриппианские хроногоды со времени кончины его отца Агриппы I, что и делает Евсевий (не интересуясь временем и местом фактического воцарения сына), неясно — с какого именно месяца (что м.б. важно при уточнениях-прецизации) годы Агриппы II считать.

Зато 13-й год правления (преемствовавшего Клавдию 13.10.54г.) Нерона, к-рым армянский перевод твёрдо датирует мученичество Петра и Павла (между тем как, повторяем, у Иеронима смещённый на год вперёд — 14-й Неронов год) есть недвусмысленно интервал времени с октября 66 по октябрь 67гг. А при принятии маририумной даты 29.06., это безальтернативно — 29.06.67г. (что к Иернимову 68-у г., в увязке с мученичеством П. и П. в правление Нерона, говорим ещё раз, не подходит, ибо Нерон с 9.06.68г. мёртв, тем паче, что и для противоречивого Иеронима день мученичества первоверховных Апостолов — устоявшаяся на IV/Vвв. дата — 29.06.).

Дальше — больше. Из-за ошибочной эпохи эры олимпийского летоисчисления в армянском переводе — 1.07.777 вместо 1.07.776гг. — 211-я Олимпиада попадает в 64-й вместо 65гг., а 212-я — в 68-й вместо 69гг. Но поскольку, согласно букве и олимпийской ошибке «Versio Armenia», мученичество П. и П. (в 13-й год Нерона) имеет место в конце 3-го года 211-й Ол., сие означает в реальности, что оно имело место 29.06.67г. = до истечения 1.07.67г. на самом деле 2-го (а не 3-го) года 211-й Ол. (параллельно победам-венкам Нерона в греческих агонах Большого Обхода — 67г.). Т.е. тут и допущенная армянскими переводчиками олимпийско-синхронистическая хроноошибка подтверждает, мало того, прецизирует-уточняет маририумную дату (тогда как у Иеронима все синхронизмы — и олимпийский, и от Авраама — 2084-й г., и римско-кесарский — 14-й Неронов год, и иудейско-агриппианский — 24-й год Агриппы II, смещены на год вперёд — из 67-го в 68гг., притом олимпийский синхронизм даже больше чем на год вперёд — аж в 4-й год 211-й Ол.).

Впрочем, с др. стороны, мы знаем, что 67г. н.э. стал годом эксклюзивной нероновской, точнее, проведённой специально для Нерона, Олимпиады, почему — либо Олимпиада 65г. была отложена, либо Олимпиада 67г. сделалась внеочередной. И хотя вскорости олимпийские игры 67г., как и победы Нерона, к-рый, между прочим, 29.06.67г. наверняка обретался (в июне/июле) именно в Олимпии, предали забвению, здесь возможен ещё и следующий нюанс. Память об этом со временем могла стереться, а память о том, что Пётр и Павел приняли мученичество в год Олимпиады, наоборот, — (будучи выразительным фактом) могла сохраниться и отзвучивать данное обстоятельство впоследствии.

К примеру, когда армянский церковный хронист XIIIв. иерей Самуэл Анеци говорит в своей «Хронике», что Павел и Пётр приняли мученичество в Риме после 20-и лет римского епископства Петра, в 212-ю Олимпиаду, это означает не 69-й г. (дата 212-й Ол.), означая, согласно С.Анеци, что мученичество П. и П. свершилось именно в год Олимпиады, за к-рым кроется дата проведённой вне графика в 67г. эксклюзивной Олимпиады (больше-обходника) Нерона, порядковая нумерация к-рой, сообразно олимпийскому перечню, (после предыдущей 211-й Ол.) даёт (или вполне может дать) номер (Ол.) 212.

— 1/1гг. (вместо 1г. н.э., когда Квирий — легат Г.Цезаря в Сирии в 1/2гг., — цензировал Сирию и позаимствовал у иудеев результаты их внутренней переписи), накладочно смежает в «И.Ц.» переписи Квирия в 1/2 и в 6/7гг. (когда Квирий — экстраординарный кесарский легат Сирии в 4-7гг., цензировал и Сирию, и провинциализированную в 6г. Римом Иудею), неправоммерно превращая *dua* в *mono*.

Причём, вместе с тем, Анеци датирует заточение Петра Агриппой I-м в 44г. 4-м годом правления Клавдия, что само по себе верно, после чего чудесно избавленный из уз Пётр, непонятно когда именно, отправляется в Рим, где 20 лет (срок армянского перевода «Хроники» Евсевия) епископствует и мученически погибает одновременно с Павлом.

Обращает на себя внимание и такой факт: в армяно-христианской традиции Павел часто оснащается равной с Петром апостольской властью, что Naase (не без удивления) считает единичным армянским исключением (S.196; 232). Напомним, если ещё ученик Маштоца Корюн говорит в середине Vв. «блаженствующий Павел, шествующий во главе Апостолов с животворящим Евангелием Христа», то ок. 855г. армянский католикос-патриарх Захария называет в паре Ап. Павла первым перед Петром (именно *сила веры* к-рого, но не сам Пётр – краеугольный камень Церкви Господней).

И дело тут (искони) не, как полагают безграмотные ново-новейшие примитивисты, в противопоставлении (дохалкидонской) Армянской церкви (сходно, мол, халкидонской Византийской) себя Риму (Западу), чего в Vв. (Корюн писал ок. 443г. – до Халкидонского собора 451г.) не было и в помине, а в (идущем из первых веков христианства и позаимствованном армяно-церковной традицией) более высоким эзотерическом, в сравнении с Петром (*Третье небо*), ранге-градусе Павла (*Седьмое небо*). Притом тут стоит добавить, что, например, павликиане (ересь к-рых не случайно зародилась в VIв. именно в отдававшей особую дань Павлову почитанию Армении) даже чтили, вслед за ранними экстремальными гностиками, Павла до такой несуразной и антихристианской крайности, что, как и (ещё) во IIв. Маркион, полностью отвергали-отторгали (мол, экзотерика-церковника) Петра в пользу (мол, исключительно эзотерика и, дескать, Петрова антагониста) Павла (см. выше).

Если духовная петрианская экспансия пришла в Рим через Египет, Африку и Сицилию, то духовная павлианская экспансия попала в Вечный город через М.Азию, Македонию и Грецию – геопути-маршруты петрианского и павлианского христианства, петрианизма и павлианизма, к-рые отнюдь не противоречат одно другому, или вовсе не столько противоречат друг другу, сколько плодотворно дополняют друг друга.

При всём том, третьим и высшим апостольским феноменом-проявлением является, согласно армянской эзотерической традиции, автор (IV-го) Евангелия Евангелий и Апокалипсиса Иоанн Богослов (12/13-е Небо), орлы к-рого (знак Иоанна – *орёл*) неспроста венчают колонны храма Св. Грааля – храма Бдящих Сил – Звартноц (*дом Ангелов; Дух, пробуждающий умерших*)! архитектор к-рого Иоанн противопоставил в середине VIIв. (когда в Армении вторглись аравитяне-мусульмане) своё творение ариманическому импульсу 666г., вдохновляясь именно апокалипсическим Откровением и содержащимися в нём великими Тайнами-Таинствами!⁷⁴

⁷⁴ А что касается *Посланца Света Мани (Апостола Иисуса Христа)* не от-из круга-кругов 12-14-17-70-и), к-рый, будучи сыном Парфянина-Суренида Патака (сродни Григорию Просветителю, сыну Анака из того же великокняжеского дома Сурена), пришёл в мир в правление последнего парфяно-аршакидского венценосца Артабана, живя и действуя в годы первых персидско-сасанидских шахиншахов (216-76гг.), его мать Мариам происходила, подчеркнём снова, из знатного парфянского (и по уходе парфян из истории – армянского) дома-рода Камсаракан. Более того, не говорит ли манихейская традиция о проповеди Мани в Мидии и Армении – крепость Ареван/Аребан, в к-рой некоторые западные авторы видят/слышат Эребуни-Ереван! и об обращении самим Мани (некоего) «князя Бата в Армении» (Р.л. 1263). Не бежали ли первые манихеи (ещё) в конце IIIв. н.э. (и позднее) от преследований зороастрийцев-персов, в т.ч., в Армению (где в VIIв., не без связи с манихейством, возникло павликианство. То-то Мани называл себя продолжателем дела Павла!)! Да и не удалился ли после I-го Вселенского собора (325г.) сам (родившийся ок. 239/40гг.) Григорий Просветитель (младший современник и сородич Мани) в (именно) *Маниевы* пещеры, возможно, в большей

Продолжаем. Между прочим, гностики-экстремалы (не жалуя Петра, как «Климентины» не жалуя Павла) до того не хотели, чтобы Пётр и Павел приняли мученичество одновременно, что одними из первых выступили с мнением-инициативой их страданий в разные годы, в основном — с разницей в год, несмотря на то, что преимущественно в предании и у церковных авторов доминирует Стрдание одновременное.

Преимущественно, но не всегда и не у всех. «Псевдо-Дионисий» (Ареопагит) — без уточнения дат-лет: Павел — 29.06., Пётр — годом позже (Haase S.244). Или у Исидора Севильского (VI/VIIв.): мученичество Павла — 36-й год от Голгофы, Петра — 37-й год («Хроника» 239). Впрочем, здесь, если присмотреться, то увидишь, что, относя Голгофу на 32г., Исидор пытается таким макаром (как бы) примирить Евсевия (явно аутентичного, по крайней мере, приложительно к датам Голгофы или мартириума П. и П., в армянском переводе) с Иеронимом, ибо 36-й год от Голгофы (якобы) в 32г. (как у Иеронима — ошибочный 18-й год Тиберия вместо правильного 19-го = 33г.), в сочетании с днём 29.06., это — 29.06.67г., а год 37-й есть — 29.06.68г. (пусть уже после смерти Нерона 9.06., что ни Иероним, ни Исидор, ни прочие «про-иеронимовцы», желающие сохранить день 29.06., не учитывают, не замечают, или о чём они попросту не ведают).

У Симеона Метафраста (Xв.): Пётр — 12-й год Нерона (= 66г.); Павел — 13-й (= 67г.), в 36-й год от Голгофы (Lipsius S.220),⁷⁵ исчисляемый, стало быть, как у Иеронима и Исидора, с 32г. У Епифания (+ 403г.): оба Апостола пострадали в 12-й год Нерона = 66г. («Против ересей» 27,6). Сульпиций Север (IV/Vвв.): оба Апостола казнены в 66г. — одновременно с началом Иудейской войны («Хроника»). Византийская «Пасхальная хроника» (VIIв.): мученичество Петра и Павла — 66г. Августин и Георгий Кедрен (XIVв.): один год между казнями Петра и Павла (Wieseler 551).⁷⁶ При этом, Августин или Псевдо-Августин, так как в авторстве уверенности нет, составляя редкостное исключение, считает, что пострадали Апостолы (и) не в один день.⁷⁷ По Иоанну Малале (VIIв.), датирующему Голгофу 32-м г., — год мученичества

мере или первично, связанные не столько с рипсимеянкой Мани, сколько с *Посланцем Света* Мани и с манихеями! (Т.Г. 1375-79)

Да и не связаны ли, сквозь века и тысячелетия, кармические судьбы-пути-дороги (Лазаря) Иоанна Богослова и Мани — Парсифаля, к-рого (Мани) китайские буддисты и манихеи считали одним у трёх величайших посвящённых, вместе с Лао-Цзы и Буддой, называя их «телами, членищими свет», и видя-помещаая (мудрость) Мани под таинственный (в т.ч. зодиакальный) знак Рыбы.

Не звался ли Иисус Навин (карма... патриарха Иосифа... и Лазаря Иоанна...) *сыном Рыбы* (Иошуа б. Нун)! Не восходит ли взаимосвязь Мани — Иоанн к родству — Нун (отец) — Иошуа (сын) — с рождения у 28-летнего израэлитя-эфраимита, носителя эзотерического имени Нун (род. в 1517г. до н.э.), сына Иошуа (род. в 1489г.), к-рый позднее 28 лет предводительствовал пост-исшествным Израилем (1407-1400-1393-1379гг.)!

⁷⁵ «Die Apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden» 2 Bände 1887; Laurent «Neutestamentliche Studien»; Bleck-Mangold «Einleitung ins Neue Testament»; Langen «Geschichte der Römischen Kirche bis zum Pontificat Leos I»; Seyerlen «Entstehung und erste Schicksale der Christengemeinde in Rom»; Harnack «Chronologie», «Geschichte der altchristlichen Literatur; Zahn «Geschichte des Neutest. Kanons»; Lietzman «Kirchengeschichte».

⁷⁶ Согласно грубо ошибающемуся (упростителю) Визелеру, датирующему мученичество Павла — 63-м, а Петра — 64г. (мол, и того, и другого — не позднее нероновских гонений 64г.), Евсевий ошибочно сместил как дату Голгофы с, дескать, правильного 30-го на 33г., так и дату мученичества Апостолов с 63/64 на 67г.

⁷⁷ «В один день совершается память страдания обоих Апостолов этих, хотя они пострадали в разные дни, но по духу и близости страданий они составляют одно» (Sermo 5) (Lipsius 239).

Петра — консульство Априониана и Капитона (59г.); Павла — годом позже — в консульство Нерона и Лентула (60г.) («Хронография» 10) (Lipsius 241). «Маронитский синаксарь»: П. и П. пострадали в один и тот же день 29.06., но с разницей в год.

«Золотая легенда»: большинство источников считают что и П. и П. пострадали единовременно, некоторые — с разницей в год, но все (не все, но большинство — К.З.) называют один и тот же день — 29.06.⁷⁸ Ещё современник и участник событий Века Апостольского Климент Римский (Iв.) и затем Дионисий Коринфский (IIв.) говорят, пусть без дат, об одновременном мученичестве П. и П. в Риме. У Григория Богослова (IVв.): Пётр — 29.06., Павел — 30.06. У Иоанна Златоуста (IV/Vвв.): 13-й год Нерона (Lipsius 25). Оригинальный сирийский апокриф «Учение Симона Кифы в Риме городе» (IV/Vвв.?) отправляет Петра в Рим в 3-й год Клавдия (43г.) и исчисляет его римское епископство сроком в 25 лет, что может дать, при приплюсовании к дате 43-й г. н.э. 25-го года, именно 67г. н.э. Георгий Синкел (VIII/IXвв.): 67г. — в год снаряжения Веспасиана для борьбы с еврейским восстанием в Иудею («Хроника»).

«Сирийская эпитомия «Хроники» Евсевия» (Дионисий Телльмарский — IXв.): Голгофа — 34г., Пётр и Павел — 67г. Ишоад Мервский (IXв.): 13-й год Нерона, после 21-го года проповеди Петра, в день 29.06. Бар-Еврей (XIIIв.): 13-й год Нерона, после 21-го года проповеди Петра, 29.06., в 383-й год эры Селевкидов (Haase 145).⁷⁹ Агапий Манбид (XIв.): Пётр и Павел — 28 таммуза (как эквивалент 29.06.) 13-го года Нерона, в 378-м году эры Селевкидов = по всем трём синхронизмам — 67г. н.э. (Haase 152). Дионисий Бар-Салиби (XIVв.): 13-й год Нерона, 368-й г. эры Селевкидов, 36-й год от Страданий Господних. «Хроника Арбелы» (VIв.): одновременное усекновение Павла и распятие Петра. Михаил Великий: мученичество П. и П. в Риме в 13-й год Нерона, в 383-й год эры Селевкидов. Соломон из Басры (IXв.): П. и П. пострадали в один день 29 таммуза. Никифор Каллист (XIVв.): в один день (2,36).

Восходящие к II/III/IVвв. «Сирийские Акты Петра и Павла»: мученичество Апостолов — 36-й год от страданий Господних, в 13-й год Нерона — 29.06. (Haase 243). 13-й год Нерона — верен, день — тоже, в то время как 36-й год исчисляется (опять) с неверного 32г. н.э. Кроме того, как день недели назван четверг, хотя 29.06. в 67г. — понедельник, и только в 69г. — четверг. Притом, предположительно, сведения о мученичестве П. и П. в 13-й год Нерона были почерпнуты Евсевием, сирийцами, армянами, коптами, эфиопами, арабами, у к-рых этот год, как и марти-

Вот как любопытно этот *кесарь Август* Католической церкви (к-рая издревле относит мученичество Петра и Павла на 29.06.67г.) Августин Блаженный (карма Иуды Маккавея, Иуды Искарюта, М.Лютера!), или, всё-таки, Псевдо-Августин предвещает ниспровержение традиции М.Лютером и его протестантскими преемниками, плюс — разного рода рационалами, либералами и долбалолами-атеистами!

⁷⁸ Согласно «Золотой легенде», если Пётр отправляется в Рим на 4-м году правления Клавдия, 25 лет епископствует там и претерпевает мученичество на (позаимствованном у Исидора, к-рый руководствуется Иеронимом) 36-м году от Страданий Господних, то Павел прибывает в Рим в 25-м году от Голгофы, проводит 2 года в римских узах, затем получает свободу, проповедует в странах Запада, возвращается в Рим и терпит мученичество на (позаимствованном у Иеронима) 14-м году Нерона («Von S-Petrus» S.328-38; «Von S.Paulus» S.338-52).

⁷⁹ Выше мы выяснили, что если считать 21 год миссионерской деятельности Петра с 46г., когда он впервые отправился в дальнее путешествие, через Александрию и Африку, в Рим, куда впервые прибыл в 47г., то 21 год набирается как раз в 67г. н.э., к-рый подтверждает и 13-й год Нерона. Касательно эры Селевкидов или Александра, её эпоха эры разнится в разных регионах в пределах 312-10гг. (у иудеев — 1 нисана 311г.; в Вавилонии — 310г.), но отсчётная дата её сирийской разновидности — 1.10.312г., откуда на 29.06.67г. набирается 378-й год Селевкидской эры.

риумный день 29.06. (несмотря на наличие и др. дней), доминирует, из анонимной римской «Хроники» времени (предшественника Зефирина, при к-ром римский клирик Гай писал о надгробье Петра и Павла – Trophaeum, сооружённом, видимо, в середине Пв.) папы Виктора (189 – 199г.), что свидетельствует об их древности и надёжности.

И пусть у сирийцев в числе поминальных дней П. и П., в течение года, есть и 28-е число 1-го Кануна (= декабрь), сходно у армян – 27/28.12., или у коптов – 2-е Тиби, как видим, в пределах Святочного рождественско-крещенского периода-круга (от дней зимнего солнцеворота, к-рые у армян начинаются со дня царя Давида и Давида Иакова, брата Господня⁸⁰, продолжаясь до кульминационного дня 6.01.), или у эфиопов – 14.04., но это не препятствует всем им считать маририумной датой именно доминантно представленный день 29.06., вкпе с доминантно-преимущественно представленным именно 67-м г. н.э. (13-й год Нерона).

Так, в армянском календаре поминальные дни Павла – 22.06., 29.06., 29.10., 27.12.; Петра – 12.01., 29.06., 17.12., 27.12.; совместно – 29.06. и 27.12. Причём «Айзмавурк» однозначно-уточнительно называет собственно днём мученичества первоверховных Апостолов – 29.06. (12.07. – по старому стилю). И сродственно древневосточным конфессиям, дохалкидонским и халкидонским, 29.06. или 12.07. отмечают день мученичества Петра и Павла (в Петров день) и католики, и православные.

Посему, спрашивается, зачем (с пацанско-критиканским задором-апломбом пубертетных недорослей ново-новейшего времени) упоительно (с ложным чувством собственной значимости и превосходства) крушить традицию, если она ничему исторически не противоречит и если имеются все основания и возможности её исторически подтвердить, принять, сохранить?!? Речь идёт, в частности, о солидных немецких авторах XIX/XXвв. (доцентура, профессура, академикура), у к-рых мы черпаем ценную информацию в пользу даты 29.06.67г., но к-рые сами её напропалую отвергают-отрицают!

К примеру, Липсиус (277/78), признавая, что греки, сирийцы, армяне, копты, эфиопы датируют мученичество П. и П. днём 29.06., сам с этой датой категорически не соглашается и ещё присоединяется к клинической версии, к-рую выдвинул Erbes (и к к-рой примкнуло подавляющее многуоучёное большинство), о том, что день временно-катакомбного перенесения-перезахоронения мощей обоих Апостолов 29.06.258г. сделался впоследствии искусственно сконструированным днём их мученичества (см. выше).⁸¹

Однако против фактов, в чём читатель имеет возможность удостовериться, не попрёшь. И факты, вещь, как говорится, упрямая, неопровержимы для тех, кто руководствуется в поисках истины не большевистской (в духе-стиле Мао) формулой Сталина: «Если факты против нас, тем хуже для фактов».

Согласно несторианам, Пётр и Павел вместе проповедовали в Риме и пострадали одновременно (Naase 233/34); Пётр одолел Симона волхва, Павел – некоего (колдуна) Барсама, к-рый ослеп (см. выше). Согласно западным сирийцам, Св. Дух снарядил Симона Петра, сравниваемого с Моисеем, в Рим, где П. и П. пострадали в день 29 хазира (= 29.06.); Пётр был распят вниз головой, Павел – обезглавлен (226–28). Согласно мелькитам, к-рые славят Дамаск и Рим, как места миссионирования обоих Апостолов, оба пострадали 29.06. (229). Эфиопская традиция, славящая

⁸⁰ Заключительная неделя-седмица года и шестая неделя Адвента у армян – праздники царя Давида и Давида Иакова, брата Господня, Первомученика Стефана, Апостолов Петра и Павла, Апостолов Иакова и Иоанна Зеведеевых.

⁸¹ Разве анонимная римская «Хроника» времени папы Виктора I (189-99), или римский клирик Гай, при папе Зефирине (199-217г.), не предшествуют событиям 258г.?!

трёх Апостолов – Петра, Павла и Иоанна (сходно – у армян), знает две поминальные даты П. и П. – 14.04. и 5 хамле = 29.06. = 12.07. (по старому юлианскому стилю). В дополнение к тому, эфиопский апокриф «История борьбы Св. Павла» называет днём его мученичества день 5 хабиба, разумея 29.06. Коптская боргианская рукопись: П. и П. пострадали в Риме 5 эпифи = 29.06.

Да и тот же Иероним, к-рый упорно датирует мученичество Петра и Павла 68-м г. н.э. = 14-й год Нерона («О знаменитых мужах»: 1 – Пётр; 5 – Павел – 14-й год в один день с казнью Петра; «Хроника»), говорит, что «Сенека был принуждён Нероном к самоубийству за два года до того, как Пётр и Павел были удостоены венца мученичества» (12). А это, если знать верную дату заговора Пизона и его разгрома весной 65г. (пусть даже в «Хронике» у Иеронима Сенека хроноошибочно кончает с собой в 66г.), в связи с чем Сенеке пришлось наложить на себя руки, красноречиво свидетельствует о том, что дата мученичества Петра и Павла – (29.06.) 67г. н.э.

* * *

Любопытное исподволь-свидетельство в пользу нашей хронологии содержит «Гегесипп» (производное от – Иосиф) – условный автор вольного латинского перевода-переложения «Bellum» Иосифа Флавия, к-рое относят к IVв. н.э. (с чем соглашается, в частности, такой критикан, как Шюрер – 1,96/97), и автором к-рого долгое время считали Амвросия Медиоланского (IVв.), хотя сегодня мнения об авторстве расходятся и многие приписывают оное некоему анонимному еврею-выкресту.⁸²

При всех случаях, содержащиеся в «Egesippi», где смешиваются Флавий и апокрифы, сведения по интересующей нас теме, примечательны и ценны, поскольку относятся к достаточно раннему периоду.

Итак, согласно «Гегесиппу», после начала Иудейской войны в 12-м году Нерона (2,14) = 66г., и после поражения римлян в Иудее (разгром Цестия Галла – осень 66г.), Нерон, находясь в Греции, санкционировал преследование христиан (понимая – сводимых с евреями) в Риме (3,1-3,3). В то же время Пётр и Павел учили в Риме (3,2), казнённые после столкновения Петра с Симоном волхвом по вопросу воскрешения (безымянного) юного любимца Нерона (о возвращении к-рого в Рим из Греции ничего не сообщается). Если Симон не сумел воскресить умершего, имитировав лишь движение его головы, то у Петра всё получается, и он отдаёт воскрешённого матери (мотив Юноши из Наина). Народ хочет каменовать Симона, чему Пётр препятствует. Но Симонова попытка взлететь с Капитолия оканчивается, сродственно рассказам апокрифов, гибелью летуна, разбивающегося о камни, что вызывает Неронов гнев. Ученики уговаривают Петра покинуть Город; затем – «Quo vadis?»; Пётр возвращается и одновременно с Павлом претерпевает мученичество.

Знаменательно и интересно для нас в повествовании «Гегесиппа» то, что преследование христиан, равно казнь Петра и Павла, приходится здесь на время после поражения Цестия Галла осенью 66г. (о чём Нерон узнаёт в Ахайе), но до побед назначенного (испуганным) Нероном на Восток (3,1; 3,3) Веспасиана (зима 66/67гг.), начиная с взятия Иотапаты, над иудейскими повстанцами в Галилее – летом и осенью 67г. И тут уместно констатировать, что если Пётр и Павел были казнены, согласно принятой нами хронологии, 29.06.67г. (= 28 сивана в переводе

⁸² Не путать этого «Гегесиппа» ни с одноимённым христианским автором Пв. н.э. Гегесиппом, на к-рого ссылается и к-рого цитирует Евсевий, ни с еврейским «Иосиффоном/Иосиппоном».

на иудейский календарь), то Иотапата пала, сообразно датировке Флавия (И.в. 3,7,1-36), 1 таммуза = 2.07.67г. (см. ниже), т.е. на третий день после мученичества Петра и Павла в Риме.

Далее, сообразно одной из талмудическо-толкотских версий, о чём мы уже беседовали в «Р.л.» (753-58) и в «Т.Г.» (441), Иисус родился в 1г. н.э. («Цемах Давид»); в 30-летнем возрасте (S.52, 60, 90, 94,109)⁸³ выступил как возмутительный ересиарх; вскоре потерпел сокрушительное поражение от ортодоксов и погиб, после чего правоверные рабби борются с его лжеучением и учениками ещё 30 лет, по истечении к-рых Пётр (Шимон Кефа), мол, примиритель иудеев и христиан (образ положительного первопапы еврейского происхождения – покровителя иудеев), прибывает в Рим, где, поселившись в сооружённой для него иудеями башне, обитает 6 последних лет своей жизни. Посредством элементарной арифметики $1 + 30 = 31 + 30 = 61 + 6 = 67$ опять приходим в 67г. н.э. – как в год мученичества Петра (и Павла), к-рый, соответственно, выводится, в т.ч., из иудейских противохристианских источников, вполне согласуясь с исторической хронореальностью.

Обращает на себя внимание и следующее. От взятия Иродом Иерусалима в месяце Сиван (третий месяц), или сиван/таммуз (римляне покинули город ок. 9 таммуза = 4.07.), в июне 34г. до н.э., до казни Петра и Павла в Риме 28 сивана = 29.06.67г. – 100 лет.⁸⁴ А от гибели последнего из братьев Маккавеев Симона в 134г. до н.э. (за 100 лет перед взятием Иродом Иерусалима и концом Маккавейского царства) до римского мученичества его кармического преемника-продолжателя Симона Петра (и Савла/Пала) – 200 лет. И не менее знаменательно, что от года убийства отца-основателя нового императорского Рима Юлия Цезаря в 44г. до н.э. до казни новых христианских основателей Рима Петра и Павла в 67г. н.э. (в день освящения Августом храма Квирина-Ромула на Квиринале 29.06.16г. до н.э.) – 110 лет – Saeculum – один 110-летний римский секулярный период.

Показателен также хроноритм в 33/34 года: 1/1г. – 33/34г. – 66/67г. – 99/100г.: от дуалистического Рождества Иисуса Соломонида 6.01.1г. до н.э. и Иисуса Нафанида 25.12.1г. н.э. до Мистерии Голгофы 33г. н.э. и обращения-крещения Савла/Павла в 34г.; от Мистерии Голгофы и обращения Савла до мученичества Иакова Алфеева и начала Иудейской войны в 66г., плюс – до мартирiums Петра и

⁸³ S.Krauss «Das Leben Jesu nach jüdischen Quellen» – 1902.

⁸⁴ В «Сивиллинах книгах» есть строки: «Тебя, Армения, ждёт неотвратимое рабство, / Но и к Иерусалиму приближается пожар (ураган; вихрь) войны» (4,114/15). Это (обращённое ли вспять?) пророчество мы приводили в «Р.л.» (129) в связи с завоеванием Иродом, при решающей помощи римлян (или – римлянами, под предводительством полководца Антония Г.Сосия, при активном участии Ирода) Иерусалима в 34г. до н.э., и в связи с разорением-покорением в том же году Армении непосредственно Антонием, пленившим армянского царя Артавазда (подаренного вместе с его семейством Клеопатре и обезглавленного ею в 31г.). Однако вышепротитированное предсказание вполне может смыкать зеркально отображённые одно в другом события 37-34/33г. до н.э. и события 66/67-70г. н.э. в пределах периода в 100 лет и 103 (весьма важный период-интервал времени в истории еврейства) года.

37г. до н.э. – назначение Ирода царём римлянами (Антонием и Октавианом); 34г. до н.э. – завоевание Иродом со римляне Иерусалима и подчинение Антонием Армении; 33г. до н.э. – убийство Иродом последнего Маккавея – юного первосвященника Аристовула (брата Мариамны); 66г. н.э. – фактическое отпадение Армении от Рима, с воцарением там Тиридата Парфянского, что, сходно подпадению Риму, м.б., в зависимости от угла зрения, истолковано как порабощение-рабство; 66г. – начало Иудейской войны; 67г. – покорение Веспасианом Галилеи; 70г. – конец Иудеи, Иерусалима, храма. (Впрочем, по большому счёту, сюда можно прибавить и 66-63г. до н.э.; 66г. до н.э. – Армения, после капитуляции Тиграна II перед Помпеем, с отказом первого от титула царя царей и от всех территориальных приобретений за пределами Великой Армении, впервые становится вассалом Рима; 63г. до н.э. – Помпей берёт Иерусалим и впервые делает Иудею подвассальной римлянам).

Павла, падения Иотапаты и покорения римлянами Галилеи в 67г., откуда ещё 33/34 года до последних наставлений Иоанна Богослова и его успения 24.06.100г. н.э. — в день рождения Иоанна Крестителя 24.06.1г. н.э.

Не крестил ли Иоанн Предтеча 6.01.30г. Иисуса Нафанида на 29-м году Его и своей жизни! Не отстоит ли мученичество П. и П. в 67г. на 29 лет от патмосского Откровения Иоанна Богослова в 96г.! Не обретались ли Апостолы до начала их дальних миссионерских путешествий в Иерусалиме, Палестине и ближних к ней пределах в течение 12-и лет — 33 — 45гг.! Не отстоит ли Апокалипсис Иоанна — 96г., на 12 лет от истечения в 108г. н.э. ротационно-архангельской эпохи Орифиила-Сатурна и начала эпохи Анаэль-Венеры! Не составляет ли время вращения Юпитера (Мелхиседек, явивший Иоанну сокровение Откровения!) вокруг Солнца 12 лет! Не учил ли 12-летний Иисус в храме! Не была ли дочь Иаира (*светодавец*) воскрешена Иисусом к жизни новой, умерев в возрасте 12-и лет! (Не явился ли 12-летнему Мани, *светодавцу*, как Апостол Иисуса Христа, и отцу Лоэнгринна, как реинкарнированный Парсифаль, в первый раз его *Небесный Близнец*!)

12 лет от 2г. до н.э. (Благовещение Ев. от Мф. — Иисус Соломонид) до 12г. н.э., когда братья Иисусы, Соломонид и Нафанид, начали совместный путь к превращению-преображению Дуа в Моно, что свершилось на соединительную Пасху (хроносимметричного году рождения Петра в 14г. до н.э.) 14-го г. н.э., отстоящую на 12 лет от года Сретения Иисуса Нафанида в Иерусалимском храме (2.02.2г. н.э.) и года возвращения Св. Вифлеемского семейства Иисуса Соломонида из Египта весной 2г. н.э. (замкнувшего 3-летний *благовещенско-репатриальный круг* с апреля 2г. до н.э. по апрель 2г. н.э.). Не было ли Петру 12 лет в благовещенском 2г. до н.э.! Не было ли Павлу 12 лет в 15г. н.э., когда назаретское Семейство вдового Иосифа Нафанида и вифлеемское семейство вдовой Марии Старшей соединились в одно!

Не отстоит ли 2г. н.э. (за 3 года от 2г. до н.э.)⁸⁵ на 65 лет от 67г. н.э.! Не отстоит ли 67г. н.э. на 65 лет от 132г. н.э. — начало (продолжившего и свершившего разгромную I-ю Иудейскую войну 66 — 70гг.) катастрофического восстания Бар Кохбы (II-я Иудейская война). И не отстоит ли 70г. н.э. на 65 лет от 135г. н.э. — поражение Бар Кохбы (через 3 или 3,5 года от начала восстания)! Не сказано ли у Исаии: «а через 65 лет Ефрем перестанет быть народом» (7,8). Не становится ли Иосиф-Ефрем (исчезнувшие 10 колен Израилевых — *соль Земли*) новым христианским народом = Новым Израилем в I/Пвв., во время, одна из вековых дат к-рого — 67г. н.э.! Не кончается ли Иуда = старый Израиль — как народ в Св. Земле — в I/Пвв., во время, вековые даты к-рого — 33/34 — 66/67 — 70 — 100 — 132 — 35гг.

Не случайно 715г. до н.э. — год конца Северного Израильского царства, отстоит на 129 лет от 586г. до н.э. — год гибели Иудейского царства и Первого храма, год начала Вавилонского пленения евреев, отстоящий, в свою очередь, на 129 лет от 457г. до н.э. — год возвращения (второго талмудического Моисея) Ездры с большой группой репатриантов в Иерусалим/Иудею. Не случайно 63г. до н.э. — год взятия Помпеем Иерусалима и первого покорения Римом Иудеи — отстоит на 129 лет от 67г. н.э. — год мученичества как кармического Моисея и Соломона — Петра, так и кармического Аарона и Саула — Павла.⁸⁶ Плюс дважды по 129 лет (= 258 лет) от 67г. н.э. дадут 325г. н.э. — дата I-го Вселенского собора.

3 года и 3 месяца от окончания (начатой в 17г. до н.э. 80-летней) реконструкции

⁸⁵ То, что 2 + 2 может быть (как полагают романтики и спиритуалы) не всегда 4, или 3 + 3 — не всегда 6, доказывают-подтверждают, в частности, интервалы времени (при отсутствии нулевого года) между 2г. до н.э. и 2г. н.э. (3 года), или 3г. до н.э. и 3 г. н.э. (5 лет). Не так ли?

⁸⁶ Если от года начала похода Александра Великого в 334г. до н.э. по 67г. н.э. — 400 лет, то мученичество Петра и Павла свершилось 29.06.67г. на 390-м году от кончины Александра в Вавилоне 10.06.323г. до н.э.

Иерусалимского храма весной 64г. н.э. до мученичества П. и П. в конце июня 67г., и ещё 3 года и 3 месяца от мученичества П. и П. до падения-разрушения-сожжения Иерусалима в сентябре 70г. н.э., тогда как от начала операций Веспасиана против иудеев весной 67г. до разрушения-сожжения Титом в августе Второго храма и завоевания-разрушения уничтоженного огнём до конца сентября 70г. Иерусалима — 3 года и 6 месяцев.

Не предваряют ли родившиеся в опорно-новоотсчётных 1/1гг. до н.э. и н.э. братья Иисусы, Соломонид и Нафанид, или претерпевшие мученичество в один день и в один год — 29.06.67г. — Апостолы Пётр и Павел *двух свидетелей* Апокалипсиса, автор к-рого Лазарь-Иоанн, брат-близнец Марии Магдалины, родившийся 31.12.1г. до н.э., во время между Рождествами Иисуса Соломонида и Иисуса Нафанида, обосновался в Эфесе в 67г. н.э., через 33 года после первого одоления Петром Симона волхва, равно через 33 года после обращения Савла/Павла в 34г., и ушёл-перешёл в своё усение 33 года спустя — в 100г. н.э.!

* * *

И не сделались ли *два свидетеля* (дуализм!) христианской Истины, предварители *двух свидетелей* Апокалипсиса, Апостолы Пётр и Павел, жертвами противохристианского гонения в Риме, развязанного двумя нероновскими временщиками-беспредельщиками — Гелием и Поликлитом!

В свете приводимых нами подтверждений-доказательств, прямых и косвенных, хронологии мученичества П. и П. именно в 67г. н.э., весьма примечательна также «Апологетическая поэма» («Carmen Apologeticum») христианского автора Шв. н.э. Коммодиана — сына родителей-язычников, родом из палестинской Газы, язычника в юности-молодости, к-рый позднее стал истовым христианином, притом, вероятно, сначала став иудеем, и впоследствии был епископом в Северной Африке.

Из его, автора-хилиаста, писавшего на вульгарной латыни, поэтического наследия сохранились два произведения: «Наставления в христианской жизни» и «Апологетическая поэма», написанные правильными гекзаметрами в виде акrostихов. В интересующей нас поэме присутствует сумбурное фантазмагорическое смешение настоящего, прошлого и будущего, взаимоперемешанные эсхатология-апокалиптика, факты и исторические реалии, вернее, их апокрифические отголоски-интерпретации, ретроспектива и перспектива, предречения и пророчества, в т.ч., образно почерпнутые в прошлом, из былого, и устремлённые вперёд. Но дело сейчас не в этом, а в том, какую ценную информацию из этой часто просто притязавшей на эзотерику псевдоэзотерической (не во всём) мешанины можно, в русле интересующей нас темы, найти-извлечь-выудить. Оказывается, — немало интересного, и, главное, — очень важного.

Так, у Коммодиана фигурируют-задействуются два Антихриста и два Нерона, в к-рых предположительная аллюзия (соображение о чём не раз высказывалось), в частности, на Нерона и Веспасиана. И сей любопытный Коммодианов Антихрист является дважды: как римский император и как узурпатор в Иерусалиме. Причём в обоих случаях это — Нерон, сначала выходящий из преисподней (первый), потом (второй) — прибывающий с Востока (Персида).⁸⁷

⁸⁷ Актуальный для автора-современника приход в Иране к власти в 20-е гг. Шв. н.э. на место свергнутых Аршакидов и доминантного в Иране (с Шв. до н.э. по Шв. н.э.) Парфянства, при к-рых Иран был центробежным, консолидаторов державы — много более агрессивных новоперсов — центростремительных Сасанидов (державу к-рых на Западе называли Персидой).

Первый Нерон, по Коммодиану, будет признан сенатом как император и бог, и поддержан римлянами и иудеями. Он возьмёт себе (внимание, читатель!) двух соправителей-цезарей, вместе с к-рыми учинит жестокие гонения на христиан. Объявившийся Илия и др. пророки, к-рых возненавидят иудеи, будут, по их подстрекательству, устранены.

Но через 3,5 года (суммарное время знаменитой засухи в пору Илии и засушные для иудейской и христианской апоклиптики 42 месяца борьбы с Антихристом) *первый* Нерон будет убит⁸⁸ *вторым* восставшим (из мёртвых) Нероном, явившимся с Востока. Последний захватит Рим, сотрёт его с лица земли и отправится царствовать в Иерусалим. Эмоциональный гексаметрический рассказ завершается падением супостата, низвергнутого волей и по волеию-велению Бога вышедшими-возвратившимися с Востока (где они, согласно Талмуду, пройдя через благодатную Армению и сделав там необходимые водно-продовольственные запасы, некогда таинственно исчезли) 10-ю коленами Израилевыми.

При всём том, всмотритесь и согласитесь с тем, от чего никуда не уйти, но о чём почему-то до сих пор никто не догадался, не пожелал догадаться, и относительно чего все молчат! У апологета идеи двойного Антихриста (два зверя в Апокалипсисе — полюс-противообраз двух свидетелей, предварители к-рых: Енох и Илия; два брата Иисуса, Соломонид и Нафанид; Апостолы Пётр и Павел) Коммодиана пресловутые «два Нерона» переключаются-аллюзируют (в т.ч.) с Нероном и Веспасианом (с чем соглашаются многие исследователи) на порядок более отдалённо, нежели два взятых «первым Нероном» в соправители «цезаря» переключаются с временщиками-цезарятами Гелием (Гелиосик; Нерон в миниатюре) и Поликлитом (твёрдая рука)! И тут, согласитесь, переключка (аллюзия) куда более явная, куда более убойная, куда более очевидная! Не так ли?

К тому же, муссирующиеся попытки увидеть в этих двух «цезарях-соправителях» (заметим, задействованных Коммодианом до знаменитой реформы в конце IIIв. отца Домината Диоклетиана, предусматривавшей в качестве ранжированных соправителей — «августов» и «цезарей») кесарствующих *калифов на час* между Нероном и Веспасианом — Гальбу, Отона, Вителлия — совершенно несостоятельны. Во-первых, этих названных-перечисленных *калифов на час* было никак не два, но три; во-вторых, соправителями Нерона они никоим макаром не были, между тем как его заместители Гелий и Поликлит были именно (почти не фигурально выражаясь) «цезарями-соправителями» тирана, оставленными Нероном за себя править в Риме/Италии в пору его гастрольного турне по Греции.

Т.е., с наибольшей долей вероятности, у (черпающего в драматическом прошлом образы эсхатоградящего) Коммодиана, в лицах двух «цезарей-соправителей» (первого) Нерона необходимо, если уж проводить исторические аналогии, разглядеть-идентифицировать (за отсутствием каких-либо других кандидатов) именно Гелия и Поликлита (идентификационных конкурентов у к-рых нет)!

Красочное описание «последних времён» Коммодиан даёт в стихах 784-1053, среди к-рых находим: «Из преисподней придёт потерявший преждевременно царство, / [Долгое время] скрывавшийся в прежнем обличье, / Мы говорим, что он будет тем древним Нероном, / К-рый Петра и Павла казнил в Городе» (825-28). Ниже читаем: «Итак, этот жестокий и незаконный царь, беглый Нерон, / Велит изгнать народ христианский из Города; / Возьмёт в помощь себе двух других Цезарей / И будет преследовать народ с безумной яростью» (869-72).

И неважно, что для не шибко грамотного-образованного сумбурника-путаника-

⁸⁸ От гонений после летнего пожара Рима осенью 64г. на христиан до краха Нерона и его конца весной/летом 68г. — ок. 3,5 лет.

нагнетателя (эсхатологических настроений) Коммодиана (как и для многих христианских авторов) первоверховник со знаком минус – Нерон – непосредственный погубитель первоверховных Апостолов Петра и Павла, а важно то, – в какой мере и насколько, в т.ч., по Коммодиану, в т.ч., с его, скажем прямо, значительной для нас, в наших хронопоисках и хронораскладе, помощью, реконструируется запутанная историческая реальность, восстанавливается верная хроноканва событий!

* * *

Плюс к тому, в отношении сроков в «Carmen Apologeticum», – нет ли тут ещё и аллюзии на последнюю в истории автономного палестинского еврейства седмину 63 – 70гг., по восставленному Иродом Агриппой в 41г. н.э. аронидскому седмично-юбилейному циклу-графику-календарю, сообразно к-рому, Иерусалим и храм погибли в огне в субботний 70г. н.э. (в шмиту 69/70гг.). 3,5 года из тишристской осени 63г. ведут в весну 67г., когда Веспасиан приступил к покорению Галилеи; и 3,5 года от начала покорения Веспасианом Галилеи весной 67г. ведут в лето/осень 70г., когда взявший преданные огню Иерусалим и храм Тит сокрушительно одолел (поставив точку на их античной автономии и на стёртом с лица земли Втором храме) иудеев.⁸⁹

А смутно отображённые в поэме-apologetica реалии могут заключаться и в следующем. Возможно, Гелий и Поликлит преследовали как христиан, так и иудеев (к-рым, напомним, покровительствовала покойная с 65г. Пoppея Сабина)? или они преследовали христиан как разновидность иудеев, как иудейскую секту, что рикошетом ударило, на сей раз, и по римско-иудейской общине? Короче – здесь на повестке дня вопросы, на к-рые нет однозначных ответов.⁹⁰

⁸⁹ Следуя талмудистам и мидрашистам, Веспасиан осаждал Иерусалим 3,5 года (общее время войны против иудейских повстанцев, начиная с операций Веспасиана по покорению Галилеи весной 67г. до взятия Иерусалима Титом летом/осенью 70г.), притом он презентуется-характеризуется иудейскими источниками позитивно (как кесарь, не желавший разорять Эрец-Исраэль и разрушать храм, если бы не бандитизм радикалов-экстремистов – зилотов и сикариев), в отличие от презентуемого с жирнейшим знаком минус, предельно негативно, разрушителя храма – Тита («Гиттин» 56а) «Эха рабба» 1,31; «Авот р. Нафана» 1,4).

И, как читатель знает, талмудисты-мидрашисты приписывают историю игнорируемого ими (рenegата) Иосифа Флавия, к-рый сдался в плен римлянам, р. Иоханану б. Заккаи, кого ученики, под видом покойника, вынесли за стены Иерусалима, кто явился к Веспасиану, что в его случае (не в пример случаю Флавиеву) толкуется положительно, и получил от него добро-разрешение на спасительное учреждение раввинистической академии в Ямнии = на основании спасительного для ветхозаветного еврейства постхрамового национально-религиозного (талмудического) центра (откуда пошёл или начал быть Талмуд Иерушалми, в паре с Талмудом Бавли спасший ветхозаветный Израиль в новых условиях).

⁹⁰ Любопытно упоминание Нерона в Талмуде. Согласно трактату «Гиттин» (56а), узнав о том, что евреи отказались принять быка, к-рого император послал для принесения в жертву в храме, он счёл это бунтом и решил обрушить кару на мятежников: «Послал [император] против них кесаря Нерона (!). Выпустил Нерон стрелу на восток, и полетела стрела в сторону Иерусалима. Выпустил стрелу на запад – снова полетела в сторону Иерусалима. Выпустил во все стороны света, и каждый раз летела стрела в сторону Иерусалима. Тогда он обратился к еврейскому мальчику: «Скажи мне стих из Писания». И тот сказал: «Отдам месть мою над Едомом в руку народа Моего, Израиля» (Иез.25,8). Нерон: «Святый (Боже), благословен Он, хочет разрушить Свой дом (храм), а вину возложить на меня». После этих слов он бежал и стал прозелитом, и р. Меир (один из пяти учеников Акибы – К.3.) – его потомок».

Разумеется, не император посылал Нерона против иудеев в Иудею, где Нерон никогда не бывал, не становился прозелитом и не являлся предком р. Меира. Но эта трактовка Нерона

Однако, например, по Лактанцию, кто, не чуждый Коммодиану, в IVв. говорит: «Нерон вернётся при кончине века, чтобы быть предтечей и проводником Антихриста» («О смертях гонителей» 2,8,9)⁹¹, Пётр и Павел проповедовали-возвещали в Риме, что Бог вскоре воздвигнет царя, к-рый опустошит Иерусалим, разрушит храм иудейский и рассеет иудеев по миру. Конечно, в такой форме ни Пётр, ни Павел это проповедовать не могли и всё-таки... (предвещание скорого разрушения Иерусалима со храмом и рассеяния иудеев могло исходить, в т.ч., и от них).

Предсказания о повелителе мира из Иудеи курсировали в 60-е г. IVв. в Римской империи пост-фактум, декадентно переигрывая свершившуюся в 33г. в Палестине Мистерию Голгофы (главное действующее лицо к-рой — Христос, Царство К-рого не от мира сего и Царству К-рого не будет конца), не понимая (не проницая) величайшее Таинство, переигрывая оное вслепую-вглухую, переигрывая наощупь, игнорируя метаисторию-saга и проецируя её на политическую историю-profana, что делали и иудеи, и язычники, по-разному толковавшие-ожидавшие повелителя мира из Иудеи. Именно об этом, не без издёвки над иудеями и их мессианстическо-политическими амбициозными надеждами, толкуют и Тацит (Ист. 5,13), и Светоний (Весп. 5,4), согласно к-рым, иудеи упорно не понимали, что под повелителями мира «из Иудеи» назначено стать-быть именно их, евреев-иудеев, победителям-сокрушителям — Веспасиану и Титу!

Иначе говоря, иудеи-ветхозаветники экстраполировали, о чём мы знаем, данное пророчество на своего (чаемого ими в ранге-статусе мессии) политического царя-освободителя и сокрушителя язычников (будь то один победоносный мессия; или — Машиах б. Иосиф, к-рый идёт на смену жертвенному Машиаху б. Давид, к-рые реализовались совсем не так, как ожидалось большинством чятелей, реализовались-исполнились в Иисусе Соломониде и Иисусе Нафаниде, т.е. в Двоих, ставших Одно, ставших Единым целым, ставших Единством во Христе!). И даже иудей Флавий (кот, всегда ходивший сам по себе), к-рый, по нашему мнению, в конце своей жизни в Риме пришёл или минимум склонился к христианству, (конъюктурно) не чурается (в «Bellum») кощунственной-святотатственной для иудея мысли о «повелителе мира из Иудеи» применительно к Веспасиану (!), мол, соответствующему (и — на что у Флавия хватает наглости) еврейско-иудейским пророчествам (!).

Да и не объявлялись ли Лже-Нероны на просторах от обширной Римской империи до Парфянского Ирана (где Нерон, де-факто уступивший парфянам заветную для них Армению, был и долгое время оставался очень чтим-популярен), в количестве как минимум трёх, о к-рых пишут и Тацит (Ист. 2,8), и Светоний (Нер. 57,2), и Дион (69,19), едва ли не до конца IVв. н.э.⁹²

талмудистами (для к-рых заклятый враг Израиля Эдом/Едом это — и Рим, и Ирод, и Иисус) м.б. искажённой памятью о не столько прозелитке, сколько о (слившейся со временем в талмудической памяти с Нероном?) покровительнице иудеев Поппее Сабине, благодаря влиянию к-рой Нероном было дано в 61г. иудеям-храмовникам позволение не рушить стену, возведённую ими для защиты подзапретных мирянам частей храма от нескромных взоров царя Агриппы с надстройки его дворца, на чём, т.е. на разрушении стены, настаивали и Агриппа, и прокуратор Фест (см. выше). Не приложила ли, как сказано, Сабина (проверейскую) руку также к гонениям в 64г. на христиан, к-рым Нерон был настолько нелюб, что, — б.м., и поэтому (тоже), — полюбился иудеям (?).

⁹¹ Есть подобное и у др. христианских авторов, и в «Сивиллиных книгах»: «С самых дальних пределов земли возвратится мать погубивший» (5,363).

⁹² Лактанций: «Сброшенный с высот империи и поверженный с вершины власти бессильный тиран (Нерон) нигде более внезапно не появился, так что даже место погребения столь лютого зверя не было обнаружено. В связи с этим некоторые сумасброды верят, что он был перенесён и остался в живых» («О смертях гонителей» 2,9).

Как экстравагантность, так и наличие у него, космополита-грекофила, и наличие в его

Так или иначе, пусть Коммодиан и сам толком не ведаёт, или ведаёт не всегда, о чём он в апологетическом полутрансе-полуконъюнктуре эксцентрично-безудержно вешает, нагромождая отзвуки реальных исторических фактов, событий на эсхатологию (и наоборот), для нас важнее всего наличие именно у него «цезарей-соправителей» Нерона, под к-рыми, повторим, скрываются, или, точнее, открываются, в переводе на историческую реальность в её подлинности, именно неплохо знакомые нам Нероновы временщики-беспредельщики в пределах Рима/Италии, в пору греческого отсутствия императора, — Гелий и Поликлит.

Засим, если первое косвенное свидетельство о них, как о погубителях Петра и Павла, «к-рые засвидетельствовали истину перед начальниками» (мн.ч.), содержится, по высказанному нами мнению, ещё у современника событий Климента Римского (наш первый свидетель), то Коммодиан в Шв. (свидетельством к-рого наш рассказ по теме завершается), говорим снова, более явственно указывает именно на двух соправителей Нерона. На двух соправителей, к-рых мы уверенно идентифицируем в данном контексте именно как Гелия и Поликлита, заправлявших в Риме с осени 66-го (когда Нерон отбыл в Грецию), весь 67-й (когда Нерон триумфально обрелась в Греции), и по февраль 68-го (когда Нерон *победоносно* возвратился из Греции) гг. н.э.

И хотя сведения как у Климента, так и у многословного-красноречивого Коммодиана — побочные, зато от 13-го года правления Нерона — как года мученичества Петра и Павла, представленного множеством авторов и во множестве источников (самая надёжная прямая датировка), никуда не денешься.⁹³ И этот 13-й год, в сочетании в мартириумным днём 29.06., к-рый, скажем ещё раз, в христианской традиции даже укоренённее года⁹⁴, безальтернативно даёт, вкупе со всем остальным материалом, именно 29.06.67г. н.э. в качестве даты, когда первоверховные Апостолы Пётр и Павел претерпели, оба одновременно, в один день (в полном согласии исторического события с историко-метаисторической древнехристианской традицией), мученичество в Риме.^{94а}

правлении отдельных позитивных черт, плюс щедрейшее устроительство зрелищ с раздачами, создали Нерону, особенно на эллинистическом греко-римском Востоке, положительный имидж, к-рый сравнительно долго держался и после него, вызывая, в частности, к жизни прикрывавшихся именем Нерона самозванцев. Ну и в Риме поклонников у Нерона, в особенности среди представителей низших хлебо-зрелищных сословий-слоёв, было немало. Так, если авторитетные греки славят предоставление Нероном пресловутой независимости Греции, то не кто иной как Дион Хрисостом даже говорит, что «римляне были счастливы во времена Нерона и желали бы, чтобы он правил вечно» (Беседа 21 «О красоте»).

⁹³ Притом значительно уступающий по количеству источников-авторов 13-у году 12-й год Нерона, приложительно к датировке мученичества Петра и Павла, в свою очередь, встречается на порядок чаще, нежели представленный Иеронимом (и «Золотой легендой» — из Иеронима) 14-й Неронов год (см. выше). Вместе с тем, как 12-й, так и 14-й гг. Нерона, в облике датировочно-мартириумных, обусловлены для тех источников, к-рые об этом знают, стремлением, повторим, непременно датировать мученичество П. и П. временем, когда Нерон в Риме, а не в Греции (см. выше), что частично подходит и к 12-у (включая день 29.06.), и к 14-у (до 9.06.) Нероновым годам (правления), но никак не к его 13-у году, целиком и полностью занятому в тронной биографии Нерона Грецией.

⁹⁴ Более ранняя на Востоке, у восточных христиан, в чём читатель мог удостовериться, данная дата (29.06.) указана на Западе, начиная с «Хронографа 354г.»; в Римском — IVв., и в Карфагенском — Vв. — Календарях; в «Мартирологе Иеронима» — IV/Vвв.; в «Сакраментарии» папы Григория Великого — VIв.

^{94а} Иоанн Златоуст: «Павел и Пётр — упрямые волю Церкви, возделавшие во вселенной прекрасную ниву, подъявшие вместо ярма крест, вместо погонщика — Спасителя, вместо ремней ярма — заветы Писаний, вместо рожка — благодать Св.Духа».

Таким образом, если Событие Голгофы 3.04.33г. имело место в день, к-рый, т.е. 3.04., значит в «Хронографе 354г.» (датирующем Голгофу не этим днём в 29г. н.э., когда иудейская Пасха пришлась на 17.04.) как день рождения бога Квирина (римская триада — Юпитер, Марс, Квирин), то мученичество Петра и Павла — 29.06. — праздничный день Квирина (по меньшей мере) со времени, напоминаем, правления Августа, освятившего в этот день в 16г. до н.э. новый храм Квирина на Квиринале (in Colle).⁹⁵

И разве не симптоматично, разве не символично, что как Иисус, так и Его Апостолы Пётр с Павлом должны были пострадать именно в дни отождествлённого римлянами с основателем Города Ромулом Квирина (к-рым, мол, Ромул, посмертно вознесшись на небо и взяв оттуда под покровительство Рим и римлян, стал-сделался).

И не случайно день 29.06. близок к летнему равноденственному солнцестоянию, к Иванову дню 24.06., когда *выдох* Земли достигает максимума, достигает апогея, и с каковых пор начинается *вдох* Земли, достигающий максимума в пору зимнего солнцеворота — к 25.12., ко дню непобедимого Солнца, с каковых пор — день начинает побеждать ночь. И не случайно мученичество Петра и Павла имело место в понедельник (день Луны) 29.06.67г., через 66 лет от рождения (обезглавленного в понедельник 31.03.32г.) Иоанна Крестителя в пятницу (день Венеры) 24.06.1г. н.э., и за 33 года до эфесского успения Иоанна Богослова (родившегося, как и его сестра-близнец Мария Магдалина, в пятницу 31.12.1г. до н.э.) в меркуриальную среду Иванова дня — 24.06.100г. н.э.⁹⁶

Впрочем, не примечательны ли в целом седмично-планетарные дни недели Тайинства Голгофы в глобальном комплексе — от дуалистического Благовещения и Рождества Христова до первой христианской Троицы-Пятидесятницы в связке-увязке как с мученичеством Петра и Павла, так и с успением Иоанна Богослова.

2г. до н.э. — (вифлеемское) Благовещение Иисуса Соломонида Марии Вифлеемлянке (Ев. от Мф.) — 6.04. — понедельник (день Гавриила-Луны). 9.10.1г. до н.э. — расположенное посередине трёхлетки от Благовещения Иисуса Соломонида в апреле 2г. до н.э. до возвращения-репатриации Св. Вифлеемского семейства из Египта в апреле 2г. н.э. — зачатие Иоанна Предтечи — суббота (день Орифиила-Сатурна). 1г. до н.э. — Рождество Иисуса Соломонида — среда (день Рафаила-Меркурия) 6.01.1г. н.э. — Поклонение волхвов — четверг (день Захариила-Юпитера) 6.01. 1г. н.э. — (назаретское) Благовещение Иисуса Нафанида Марии Галилеянке — 25.03. — пятница (день Анаэль-Венеры). 1г. до н.э. — зачатие Лазаря и Марии Магдалины —

⁹⁵ По логике недоумков-критиканов, выходит, что христиане, в обоих случаях, подогнали обе эти даты — 3.04. (Голгофа) и 29.06. (Мученичество П. и П.) — под дни Квирина, чтобы, мол, вытеснить языческого бога христианской событийностью-календарностью, как, дескать, они поступили и с праздничным днём Sol invictus, мол, перехваченным-умыкнутым ими у язычества и превращённым в день Рождества Христова!

⁹⁶ Иванов день 24.06. под знаком Рака, на границе знаков Рака и Близнецов, к-рые, т.е. Близнецы, без сомнения, покровительствовали близнецам (Апостолу Апостолов) Лазарю-Иоанну и (Апостолице Апостолов) Марии Магдалине, этим новым Аполлону и Артемиде, место успения к-рых не случайно (новоподготовленный-предуготовленный Павлом для плодотворнейшей деятельности пресвитера Иоанна старомистерияльный) город Эфес.

И тут уместно вновь вспомнить, что обновлённый духовно-тайнственный Эфес Александр Великий (в день рождения к-рого в 356г. до н.э. храм Артемиды Эфесской от факела Герострата сгорел) чаял учредить в основанной им Александрии Египетской, в будущем центре христиан-платоников (как Антиохия Сирийская — будущий центр христиан-аристотеликов), миссионерски початой Петром (как Антиохия Сирийская была почата и Петром, и Павлом) и епископски-богослужительски инаугурированной Марком.

31.03. — пятница. 1г. н.э. — Рождение Иоанна Крестителя — 24.06. — пятница. 1г. н.э. — Рождество Иисуса Нафанида — 25.12. — воскресенье (день Михаила-Солнце). 2г. н.э. — Сретение Иисуса Нафанида — 2.02. — четверг. 14г. н.э. — слиятельная Пасха — жертва индивидуальности Иисуса Соломонида Иисусу Нафаниду — 3.04. — вторник (день Самаяла-Марса).

30г. н.э. — Крещение Иисуса — 6.01. — пятница. 32г. н.э. — казнь Иоанна Крестителя — 31.03. — понедельник. 33г. н.э. — воскрешение Лазаря — 23.02. — понедельник. 33г. н.э. — Голгофа — 3.04. — пятница. 4.04. — день мёртвого Солнца — Иисус во гробе — суббота. 5.04. — Воскресение Христово — воскресенье. 14.05. — Вознесение Господне — четверг. 24.05. — Пятидесятница-Троица — воскресенье. (Великий Вселенский Мировой Час — 30 — 33гг.) 67г. н.э. — мученичество Петра и Павла — 29.06. — понедельник. 100г. н.э. — успение Иоанна Богослова — 24.06. — среда.

Четыре (лунных) понедельника: Благовещенский — Иисус Соломонид (6.04.1г. до н.э.); маририумный — казнь Иоанна Предтечи (31.03.32г. н.э.); воскресенский — воскрешение Лазаря (23.02.33г.); маририумный — казнь Первоверховных Апостолов П. и П. (29.06.67г.).

Обращает на себя внимание, что, если от рождения Предтечи до маририума Петра и Павла — 66 (33 x 2) лет, а от маририума П. и П. до успения Лазаря-Иоанна (к-рый в паре с Иоанном Предтечей, чей гений опочил на Лазаре-Иоанне вдвойне, тоже два предварителя *двух свидетелей* Апокалипсиса!) 33 года, то от Благовещения Иисуса Соломонида в апреле 2г. до н.э., с чего начинается глобально-комплексная Мистерия Голгофы, до её кульминации весной 33г. н.э., — 34 года (17 x 2). И от этой крестно-воскресенско-вознесенско-пятидесятничной апрельско-майской весны 33г. н.э. до мученичества Петра и Павла 29.06.67г. также 34 года!

Распятый на кресте (казнь Иисуса) Пётр и усечённый мечом (казнь Иоанна Предтечи) Павел пострадали спустя 35 (7 x 5) лет, на 36-м (12 x 4) году от казни Крестителя, и спустя 34 (17 x 2) года, на 35-м году от Таинства Голгофы — абсолютной середины, абсолютного центра вселенской, космической и земной истории/метаистории. 67г. н.э. — через 33 года от первой победы Симона Петра над Симоном волхвом (34г.), равно от обращения-крещения Савла/Павла (34г.), и за 33 года до истечения беспрецедентного в летописи и металетописи человечества Века Апостольского.⁹⁷

Из христиан при казни Петра в Ватикане (Навахия) могли присутствовать Марк, Климент (к-рый, согласно преданию, испросил тело казнённого у палачей), Сила, Лин (второй — поставленный самим Петром — епископ Рима) и др. христиане; при казни Павла на *via Ostia*, у второго мильного камня, — Лука, Тимофей, возможно, Дионисий Ареопагит, к-рые тоже испросили тело казнённого для погребения, и др. христиане (к-рых в 67г. не преследовали купно).⁹⁸ Правда, никаких достоверных сведений, кроме апокрифических, ни об этом, ни о погребении, совместном ли изначально (?), ни о об эвентуальных перезахоронениях петрианско-павлианских мощей, до IIIв. нет.

⁹⁷ По всему, и Пётр, и Павел были знакомы как с составленным к 60г. Ев. от Мф., так и с первыми письменными вариантами Евангелий от Мк. (от Петра) и от Лк. (от Павла), плюс — с охватывающими 30-летний период 33-63гг. Деяниями Апостольскими.

⁹⁸ Не исключено, акцентируем, что в 67г. Гелием и Поликлитом (к-рые, представляя римскую власть, всё ещё не ахти как дифференцировали иудеев и христиан) в Риме были задействованы ограниченные репрессии и против иудеев, и против христиан, точнее, против евреев-христиан типа Петра и Павла, в ответ на отпадение (66г.) палестинских иудеев (разбивших осенью Цестия Галла), к-рое было в 67г. (когда с весны их воевал Веспасиан) в разгаре (что могло провоцировать антииудейские и заодно антихристианские вспышки в различных пределах *Imperium Romanum*, где христианство пока воспринималось язычниками как ветвь-ответвление иудаизма-иудейства).

На месте, где был распят Пётр (ключарь врат Небесных со связкой из трёх ключей – Третье небо!), много позднее вознёсся грандиозный купол творения Микельанжело, накрывший-осенивший грандиозный собор Св. Петра, величие к-рого потрясает-поражает, и под алтарём к-рого покоятся мощи Ап. Петра – князя Апостолов, поставленного-утверждённого Самим Иисусом *камня скалы*, на к-ром воздвиглась неодолимая для врат ада Церковь Господня. На месте, где был обезглавлен удостоенный воскресшим Христом ослепительно-просветлительного (эфирного) явления ему на пути в Дамаск Павел, из усечённого тела к-рого брызнуло, по преданию, вместо крови молоко (млеко жизни; млеко учения и мудрости), забили три ключевых-родниковых источника (Tre Fontane), к-рые не иссякнут для сердец и в сердцах человеческих никогда.

Так 29.06.67г. н.э. звершилась земная жизнь двух Первоверховных Апостолов, 80-летнего Петра и 64-летнего Павла, местом мученичества к-рых, миссионеров и проповедников Христова Слова-Логоса, Христова Царства не от мира сего, – говорим в к-рый раз! – могла стать и стала только столица мира сего, столица Римской мировой державы – Город Рим, именно новооснователями к-рого выступили и не могли не выступить пролившие здесь свою жертвенную кровь Апостолы Иисуса Христа – Пётр и Павел!⁹⁹

⁹⁹ Посмотрим на день-дату 29.06. в римском сакральном и календарном ракурсе. Как принято думать, до второго римского царя, преемника Ромула (753-17/16гг.), Нумы Помпилия (716/15/14-673/72гг.) (Р.л. 396-401; Д.И. 407), римский (Ромулов) лунный календарь состоял из 10-и месяцев (март – декабрь), будучи превращён Нумой в 12-месячный, с добавлением в него января и февраля (месяцы праздников Януса и Квирина). Так вот, в этом нуманском календаре (действовавшем до введения Цезарем с 1.01.45г. календаря юлианского) июнь состоял из 29-и дней, замыкая-маркируя (хотя Новый год начинался с 1.03., при том, что консулы со 153г. до н.э. вступали в должность 1.01.) полугодие в месяце Юноны (июнь), тогда как полугодие следующее (после месяца Юноны и до месяца Януса – января) замыкал-маркировал ровно через 6 месяцев 29-дневный декабрь.

С др. стороны, соправитель (752-47гг.) Ромула (отца-основателя Города – *parens Urbis*) сабинянин Тит Таций, на дочери к-рого, Тации, (сакрализатор Рима) Нума (родившийся, согласно преданию, в день основания Рима – 21.04.753г.) был женат (см.ср. Ливий I; Варрон «О латинском языке» 5,74; Плутарх «Ромул»; «Нума»), учредил в Риме (сабинские) культы Януса, Квирина и Януса Квирина, вероятно, в 748/47гг., незадолго до своей гибели – 747г.) и в пору начала с 748/47гг. IV-й Пост-Атлантической = Пассионарно-Ойкуменической Греко-Латинской культуры, под знаком Овна-Агнца. За Нумой же (спиритуальным продолжателем Т.Тация) числится учреждение культа Ромула Квирина = Квирина Ромула, к-рый, т.е. Ромул, бесследно-вознесенски исчезнув, стал, сообразно римлянам, ведущим их к мировому господству богом Квирином – одним из трёх богов главной (капитолийской) римской триады – Юпитер, Марс, Квириин (Р.л. 228/29; 434-36; 423-25; 487-90). И вполне возможно, что Нума (к-рого после кончины Тации инспирировала нимфа Эгерия) учредил культ (обогащённый Ромулом) Квирина (с фламинном *Quirinalis*) не иначе как (за 666 лет до введения Цезарем юлианского календаря с 1.01.45г. до н.э.) 29.06.711г. до н.э. (за 777 лет до 29.06.67г. н.э.)!

И пусть ново-нейшейшая рационал-материалистическая наука полагает, что культ (не Квирина, но) Ромула Квирина был (конъюктурно) учреждён Цезарем, приписанный, для, дескать, придания данному культу традиционалистско-таинственной сакральности-значимости, Нуме, мы с этой упростиельной примитивизацией не согласимся. Иное дело, что год Рубикона – 49г. до н.э. – запомнился мрачными знаменаниями, среди к-рых было и уничтожение пожаром святилища Квирина, воздвигнутого (не первое) в 293г. до н.э., как веровали, на том самом месте Квиринала, где восхищённый на небо Ромул предстал в качестве-облике бога Квирина Юлию Прокулу (предку Цезаря и Августа) и обещал Риму мировое господство. Спустя 3 года, в 46г. до н.э. (год исправления *запутавшегося* нуманского календаря, с интенсиализацией в него итога 90 дней), победоносный Цезарь удостоился, в частности, чести установления ему статуи в восстановленной кумирне Квирина, с надписью на статуе: «непобедимому Богу». А через 30 лет, 29.06.16г. до н.э., Август освятил великолепно новоотстроенное, снабжённое 76-ю мраморными колоннами (76 – общее число лет жизни Августа), Квириново святилище, как

Хронологию жизненных путей их обоих мы, по возможности, реконструировали, наглядно проследили, показали и доказали. Насколько нам это удалось, особенно в отношении многоспорной хронологии маритирумной, реконструкция к-рой и автору данной монографии далась непросто, по итогам, включая прежние монографии, кропотливой работы продолжительностью в долгие годы, судить читателю и судить времени, к-рое (не сомневайтесь), со временем, рассудит всех.

новый Ромул и новый Нума, принесший Риму новый «Золотой век». И не примечательно ли хроносочетание 49-46-16гг. в коммуникационной переключке-связке с хроносочетанием 34 (обращение-крещение Савла/Павла; первое столкновение Петра и Симона волхва) - 37 (приход Савла после Аравии в Иерусалим и его уход в Тарс; основание Петром Церкви в Антиохии) - 67г. н.э., и 34 - 64 (великий пожар Рима; первое римское гонение на христиан) - 67г. Причём между 16г. до н.э. и 34г. н.э. - 49 (7x7) лет, в то время как между 46г. до н.э. и 67г. н.э. - 112 (28x4) лет.

Интересны, помимо 29.06., также другие дни Квирина, ритуал к-рого неизвестен, в римском календарном и праздничном перечне: 17.02. - Quirinalia; 3.04. (день Голгофы) - Natalis dei Quirini = «рождество божественного Квирина» («Хронограф 354г.» - «Календарь Филокала»); 23.08. - в день Вулканалий (Вулкан - бог гос. огня и очага), возносились молебны и приносились жертвы родниковой Ютурне, нимфам, богине Опс (Opifera), Квирина и Герсилие = Hora Quirini. Герсилия, одна из похищенных сабинянок (притом составившая исключение - замужняя), к-рую, по одному из преданий, оженил сам Ромул, и к-рая сделалась главной примирительницей римлян и сабинян, вознесённая посмертно к Ромулу Квирина на небо, где она стала божеством Hora Quirini (Овидий «Метаморфозы» 14,845-50).

И ещё обращает на себя внимание то, что день Квириналий (приходившийся на середину недельных Паренталий 13-21.02. - дни поминовения усопших) 17.02. (когда фламмин Квирина - один из 3-х фламинов maior - загадочно священнодействовал в храме на Квиринале) отделён (зеркальным) именно полугодием от дня Портуналий 17.08. (день бога врат Портуна, фламин к-рого - один из 12-и фламинов minor - производил елеосвящение оружия). При всём том, относительно Януса Квирина (врата войны - belli portae - к-рого во всё правление Нумы стояли закрытыми; к-рые Август закрывал 3 раза; и к-рые в ббг. закрыл Нерон), - не Квирина подчинён Янусу, но Янус (бог всех начал и начинаний во времени) - Квирина - как бог войны, наряду с Марсом и Беллоной, известный, кроме того, в ипостаси Януса Junonis = Янус в сфере Юноны. Не случайно и то, что, если при храме Квирина находились самые древние солярные часы Рима - solarium horologium, то над его фронтоном были скульптурно изображены ауспиции братьев-близнецов Ромула и Рэма (см. ниже).

Ромул - *сила*; Рэм - *слово*. Информация к размышлению. Не прошли ли великие древнезаветные Пророки через языческие инкарнации, чтобы приобщиться перед своими именно ветхозаветно-пророческими воплощениями, к мудрости языческо-ойкуменической! Если Исаия (Мария Магдалина) предшествует вешая Кассандра, Иезекиилу (Лазарь-Иоанн) - Мастер Хирам, Даниилу (Дионисий Ареопагит) - Гесиод, то (кармического Аарона и Саула) Иеремию (Павел) предваряет Тит Таций, а (кармическому Моисею) Соломону (Пётр) преемствует (убитый 21.04.753г.) Рэм (брат-близнец к-рого братоубийца Ромул - карма известного легата Сирии в пору «рождественской переписи» - П.С.Квирина!) И Рэм, и Тит Таций оба были погребены в лавровой роще на Авентине. Не связались ли Пётр и Павел с Римом кармически именно в VIIIв. до н.э.! и не сделались ли они (*таинственная сила слова истины*) новыми основателями нового Рима в IV в. н.э., приняв мученический венец в Вечном городе именно 29.06.67г. н.э.! Вернее, если Цезарь и Август считали себя вторыми основателями (императорского) Рима, то Христовы Апостолы - Пётр и Павел - не столько вторые, сколько иначе-качественные зачинатели нового христианского Рима, в к-ром пролилась их обновительно освятившая Вечный Город жертвенная кровь.

И ещё меркуриальное мученичество Петра и Павла непросто свершилось в день Ромула Квирина под зодиакальным знаком Рака - знак I-й Пост-Атлантической Пра-Индийской культуры и знак Гермеса-Меркурия - (знак искони религиозно-культурных Олимпиад и) знак материального рождения всего сущего на Земле, к-рое, приложительно к великожертвенной смерти первоверховных Апостолов, есть своего рода символ-образ освящённого-окропленного ею становления Вселенской Церкви в державной столице мира сего - Риме.

МУЧЕНИЧЕСТВО АПОСТОЛОВ АНДРЕЯ И МАТФИЯ (67г.)

Имеется, по нашему мнению, большая вероятность того, что в богатом на апостольские жертвы 67г. н.э. мученически кончили не только Пётр и Павел, а и два других Апостола – оба представители большого круга 12-и: брат Петра – Андрей, и избранный жребием во время между Вознесением Господним (14.05.33г.) и первой христианской Пятидесятницей (24.05.), вместо выбывшего (в ночь со Страстного четверга на Страстную пятницу) предателя Иуды Искарриота, – Матфий.

Андрею (к-рый в паре Филиппом – носители исключительно греческих, без еврейских эквивалентов, имён среди Апостолов) мы посвятили специальную главу в «Т.Г.» (с. 52-59). Сейчас вспоминаем и продолжаем. Читатель в курсе, что Иисус призвал его первым, вместе с другим безымянным в Ев. от Ио. (1) учеником Иоанна Крестителя, а именно – Лазарем, в первый раз – 23.02.30г. (день воскрешения Лазаря в 33г.), в пору после Иорданского Крещения Иисуса 6.01.30г. и после 40-дневного (январь/февраль) Испытания Христа в пустыне (Т.Г. 47-52).

Причём его, Андрея, приведшего брата Симона к Иисусу в феврале 30г., *первозванность* совсем не обязательно означает, что он был старше брата Симона летами, так как они вполне могли быть (и) братьями-близнецами, родившимися оба в 14г. до н.э., к-рым, т.е. этим 14-м г. хронопределы рождений 12-и Апостолов, плюс Павел, плюс Лазарь-Иоанн, плюс Иаков Праведный, плюс Марк и Лука, открываются, завершаясь 12-м г. н.э., не позднее к-рого родились младшие возрастом мужи Апостольские – братья-близнецы Фаддей и Симон, плюс Варфоломей.

Происходя, сходно Филиппу, из Вифсаиды Галилейской (из достаточно эллинизированной, судя по имени Андрея и по второму ставшему в дальнейшем первым имени Симона, среды), братья Андрей и Симон (Пётр) жили в (как минимум) период 30 – 33г., являясь (небезграмотными) рыбаками, в Капернауме, где занимались рыбной ловлей в рыболовецкой артели крепкого хозяина Зеведея, вместе с сыновьями последнего – Иаковом, к-рый – Старший (род. – 2г. н.э.), и Иоанном (род. – 3г. н.э.), к-рый – не Лазарь (род. – 1г. до н.э.), и к-рые оба в Евангелиях – сыновья Зеведеевы (сводные братья Лазаря по отцу). В следующем 31г. Иисус призвал на Генисаретском оз. их четверых: вторично – Петра и Андрея, и в первый раз – Иакова и Иоанна, а позднее, в мае/июне 31г., они оказались в первой (из трёх) четверице (кватернион) избранных Христом 12-и (Больших = Старших) Апостолов. Притом именно Иаков и Иоанн Зеведеевы (сыновья громовы) раньше всех из круга 12-и были увенчаны мученичеством, соответственно, в 44 и в 55гг. н.э. (см. выше).

Далее, Андрей упоминается в Евангелии в составе 12-и: дважды – вторым, после Петра (Мф.10,2; Лк.6,14); или – четвёртым, вслед за Петром, Иаковом и Иоанном (Мк.3,18). В 32г. он, названный, как и Филипп, по имени, участвует на Пасху 32г. в чудесном насыщении Иисусом 5-и тыс. в Галилее, сообщая Иисусу о *пяти хлебах и двух рыбах* (Ио.6,8/9).¹⁰⁰

Ещё год спустя Андрей принимает участие в *Апокалиптической беседе* Иисуса на Елеонской (Масличной) горе (супротив храма), где в насыщенный событиями и речами мартиальный Страстной вторник 31.03.33г. (годовщина казни Предтечи и день предсказания Иисусом грядущего разрушения навсегда покинутого Им святилища) – «спрашивали Его наедине (особо приближённые, посвящаемые в тайны) Пётр и Иаков, и Иоанн и Андрей» (Мк.13,3). Затем пришедшие в Иерусалим на

¹⁰⁰ Стоит (в определённом ракурсе-контексте) приплюсовать этих 2-х рыб к 153/54-м (17 х 9; 22 х 7) рыбам из Ио.21,9-11, и получится, в общей сложности, 156 (52 х 3) рыбин.

пасхальное поклонение Еллины обращаются в Великий четверг 2.04.33г. к Филиппу (родом из эллинизированной Вифсаиды), к-рый передаёт их просьбу (старшему возрастом и рангом?) Андрею, в результате чего они совместно идут к Иисусу (Ио.12,21/22), К-рый, провидя грядущее обращение язычников (овец другого двора), для чего необходима жертва Голгофы, говорит им в ответ: «пришёл час прославиться Сыну Человеческому» (23).

Потом следует апостольское участие Андрея в Тайной Вечери; потом – его присутствие среди (разбежавшихся в Гефсиманскую ночь) Апостолов при явлении им Христа по Воскресении – 5.04.; потом – при Вознесении 14.05. (Д.Ап.1,13). Наконец, Андрей – в круге Апостолов, при бросании жребия, выбравшего в качестве 12-го Матфия, и – в числе 12-и, при сошествии на них (и не только на них) Св. Духа в первую христианскую Троицу 24.05.33г.

Иных сведений об Ап. Андрее в каноне нет. Апокрифические писания-предания, напротив, начиная с относящихся ко второй половине IIв. «Деяний Андрея», не дошедший до нас первоначальный текст к-рых содержал, по свидетельству Филастрия Брешийского (IVв.), описание деяний Апостола «по пути из Понта в Грецию», предлагают нам богатую деятельность (проповедь, миссионерское обращение-крещение, чудесные исцеления, чудеса, одоление антагонистов) и странственной географией апостольскую биографию (жизнe).¹⁰¹

В IV/Vвв. на базе (египетских?) «Деяний Андрея» появляются апокрифические «Деяния Андрея и Матфия» (связка перво- и последне-званного Апостолов в сакро-кругу 12-и), где действие происходит в «городе людоедов» Мирине – Синоп (?), в к-ром Андрей спасает-освобождает Матфия с др. узниками, после чего обращает людоедов. Помимо того, из восточно-христианских уделов вышли (на коптском, арабском, эфиопском языках) повествование о проповеди Андрея в паре с Варфоломеем в Иране – «Деяние Андрея и Варфоломея в городе парфян» (коптские списки датируются X-м в.), и даже арабское «Мученичество Андрея у курдов».

Самый ранний из вышеперечисленных апокрифов – «Деяния Андрея» – реконструируется прежде и полнее всего по «Книге о чудесах блаженного Ап. Андрея» (591/92гг.) за авторством Григория Турского, следуя к-рой, Андрей проповедовал Евангелие на южных берегах Понта Эвксинского (Чёрное море), двигаясь вдоль южной малоазийско-береговой полосы через Понт и Вифинию с востока на запад, до Византия.

Как мы помним, Пётр миссионировал в М.Азии (Понт, Галатия, Каппадокия, Асия, Вифиния) основательно и дважды – в 52 – 54 и в 58 – 60гг., где его пути очень даже могли пересекаться с путями и Андрея, и Матфия, совместная проповедь-деятельность к-рых, или их проповедь-деятельность втроём с Петром, на отдельных отрезках путей и в интервалах времени, очень даже допустимы, акцептабельны, реальны.

¹⁰¹ Со IIв. н.э. многочисленные апокрифы охотно заполняют т.н. вакуум Деяний Апостольских, посвящённых (о чём читатель знает) в основном-главном деяниям Петра и на львиную долю – Павла. Притом апокрифисты размахисто выходят за пределы и масштабы как хронологии, так и чудес и географии Д.Ап., на просторы от Палестины до Индии – на востоке, и Британии – на западе, Германии и Скифии – на севере, Эфиопии, Аравии и Мавритании – на юге. Пожалуй, только обочинный Китай и заокеанская Америка (не считая Австралию и Океанию с Антарктидой) остаются вне зоны их внимания. Впрочем, по всей вероятности, Матфей, действительно, кончил мученически в Эфиопии, Фома – достиг Индии (о чём свидетельствует множество источников), а Симон Кананит – Британии. Но о Фоме и Симоне, плюс ещё раз о Фаддее и Варфоломее (см. выше), плюс о Филиппе, мученические венцы к-рых (5-и из 12-и Апостолов) приходится на время после правления Нерона, мы побеседуем в следующей книге.

Сообразно Гр. Турскому, из Византия Андрею довелось переправиться во Фракию, побывать (по стопам Павла) в Македонии – Филиппы, Фессалоника, а оттуда прийти в Ахайю – Коринф, Мегара, Патры. И вот именно в Патрах, заточённый в темницу римским наместником Эгеем (или Эгеат), жену к-рого Максимиλλу Андрей обратил в веру Христову, Апостол, совершитель множества чудес и обратитель-креститель многих, принял мученическую смерть, распятый на диагональном (к-сом) кресте, получившем с тех пор у христиан наименование «андреевского».

Согласно традиции, чётко прослеживаемой, правда, не ранее чем с IXв., Андреево мученичество имело место в правление Нерона – в интервале 60 – 67гг. Причём чаще прочих подвопросных дат в благожелательных источниках, при попытках (насмешливо отвергаемого критиканами) хроноуточнения, называется 67г., акцептации к-рого, на наш взгляд, ничего не препятствует. Более того, она может быть приведена в связку-увязку с (возможно, откликнувшейся в Греции, где как раз в 67г. истово резвился Нерон) противохристианской репрессивной волной в Риме, стоившей жизни Петру и Павлу.

* * *

Другая восходящая к Шв. н.э. традиция отражена у Евсевия Кесарийского («И.Ц.» 3,1), со ссылкой на 3-й том «Толкования к Кн.Быт.» Оригена, сообразно к-рому, Пётр проповедовал в М.Азии, Понте и Вифинии (1П.1,1), тогда как его брат Андрей отправился в Скифию. Поскольку под обширной Скифией в римской и ранней византийской древности понималась (от поэта Овидия в I/Ивв. до историка Иордана в VIв.) широкая «периферийно-варварская» география, включавшая, в т.ч., северные берега Чёрного и Азовского (Меотида) морей, плюс прилегающие к ним (современные украинские и русские земли), Кавказ, Северный и Южный, Армению и различные ираноязычные (скифско-сарматские) племена, это послужило в перспективе опорой для превратившейся в утверждение («Повесть временных лет» – XI/XIIвв.) версии о посещении и благословении Андреем, в частности, просторов будущей Руси – до днепровских порогов, столичного Киева и аж пределов Новгорода.

Впрочем, русская традиция произошла из византийской, отпочковавшись от неё, ибо именно Византия воспользовалась *первозванностью* Андрея в связке с (будущим Константинополем) Византием (где Андрей, по преданию рукоположил, мол, ещё до преинства епископа Лина Петру в Риме, первого византийско-константинопольского епископа Стахия) в борьбе восходно-средневекового Константинополя с закатно-древнемирским Римом за (политизированные) церковно-христианские приоритеты.

Если в столице мира Века Апостольского Риме пролилась кровь первоверховных Апостолов Петра и Павла, то почему бы Константинополю, к-рый конкурировал с Римом, не противопоставить этому, хоть и запоздало, евангельскую *первозванность*, дескать, старшего Петрова брата – Андрея, что, т.е. такое искусственно-конструированное якобы первенство-старшинство, от державно-православной Византии (Второй Рим), переняла позднее (её, с XVв., когда Византия пала, преемница) державно-православная Россия (Третий Рим).

Тем не менее, несмотря на всю искусственность данной, продиктованной политконъюнктурными соображениями, поздней конструкции-схемы, нет ни малейшего основания отрицать вполне возможную проповедь Андрея и на южных, и на северных крымско-боспорских берегах Чёрного моря, невзирая даже на то, что первым о последнем свидетельствует писавший в преддверии очередного витка углубляющегося кризиса Восток – Запад византийский автор первой половины IXв. Епифаний Монах.

По созданному им (до 843г.) «Житию Св. Андрея» (на к-рое опиралась вся последующая православная традиция), Апостол совершил три путешествия. Маршрут 1-го – (вместе с братом Петром) Антиохия Сирийская, Тиана Каппадокийская, Анкира Галатская, Синоп, где произошло освобождение из темницы Ап. Матфия, и откуда Пётр отправился на запад, в то время как Андрей двинулся на восток: Амис, Трапезунд, Иверия, Парфия, возвращение в Иерусалим.

2-е путешествие привело первованного Апостола сначала в Эфес, причём в паре с (призванным одновременно с Андреем) Иоанном Богословом (примечательно, что их обоих связывает «Канон Муратори» Пв.). В Эфесе Андрею явился Христос, повелевший ему идти в Скифию. Дальше он посетил Фригию и Nikeю; спустя 2 года – Никомидию, Гераклею Понтийскую и снова (расположенный на черноморской границе востока и запада М.Азии) Синоп. Из Синопа андреевская дорога пролегла – в Амис, Трапезунд, Самосату-на-Евфрате (Коммагена).

Маршрут 3-го андреевского путешествия: Эдесса, Иверия, Алания (Осетия), Абазгия (Абхазия); потом – Зихия, Боспор, Феодосия, Херсонес. Из Херсонеса – плавание морем назад в Синоп, отсюда – путь в Халкидон и Византий – поставление византийским епископом Стахия (один из 70-и М.Апостолов). Из Византия – Гераклея Фракийская, Македония, мученические (обращение Максимиаллы и распятие Эгеем) Патры.

Особо, и, опять-таки, с первенским притязанием, Андрей почитается также Грузинской Православной церковью. Опорная – на противопоставительном самоутверждении – апелляция этой Церкви к первованно-андреевской традиции началась в IXв. («Кларджетский многоглав») и получила окончательное оформление, – после перевода в Xв. на грузинский язык Евтимием Святогорцем «Похвалы» («Хождение и проповедь Св. Андрея Первованного») Никиты Пафлагона (IX/Xвв.), – в «Картлис Цховреба» – у первого грузинского историка – епископа Леонтия Мровели – XIв.

Дело в том, что, по заслуживающему доверия преданию, согласно Апостольскому жребию 45г. н.э., Грузия досталась в удел Богородице, куда она, оставшись в Палестине, направила, согласно позднейшей версии, Ап. Андрея и Симона (Кананита/Зилота). И лишь впоследствии, через Грузию, Андрей проследовал с проповедью в (северную) Скифию.

Именно эту версию «от» Андрея Первованного, от к-рого перекидывается мост к (независимой) Апостолице Грузии Св. Нино (IVв.), отделившаяся (в пользу халкидонитства) от (дохалкидонитской) Армянской (т.е. вышедшая из её состава) в VIIв. (конфликт армянского католикоса Авраама и грузинского митрополита Кюриона) Грузинская церковь использовала для защиты своих автокефальных прав в борьбе как с неудобной ей памятью о крещении Иверии в IVв. от армян и из Армении, так и в перспективных спорах с Антиохийским патриархатом. Мол, христианство пришло в Грузию из Антиохии и Каппадокии, но ни в коем случае (вот что важнее важного!) не от армян! (Д.И. 876-79)

Кроме того, позднее «андреевские» перво-приоритеты Грузии манифестировались грузинами по отношению к сменившей православно-державную Византию православно-державной России, к-рая в XIXв., аннексировав Грузию, ликвидировала автокефалию местной Церкви (восстановленную лишь в 1917/18 и признанную Русской церковью лишь, не без соучастия Сталина, в 1943г.), создав вместо неё подведомственный Св. Синоду экзархат.¹⁰² Короче говоря, Грузия настаивала

¹⁰² С начала XIXв., когда Восточная и Западная Грузия были пошагово аннексированы (подобно аннексии в XIв. Византией Армении) Россией (1801-10гг.), во главе лишённой автокефалии и сделанной экзархатом Грузинской церкви («Грузинский экзархат Святейшего

(и настаивает) на своих «андреевских» перед армянами, Византией и Россией приоритетах примерно так же, как Константинополь настаивал на своём приоритете в спорах за христианское первенство с (бесспорным) Римом.

Однако, наряду с тем, нет ничего невозможного в миссионерско-путешественном посещении Ап. Андреем (и Симоном), в т.ч., Грузии (Колхида и Иверия), Церковь, к-рой правильно именовать Престолом Св. Симона, так как христианские престолы-уделы Апостолов Христовых определяются, перво-наперво, по месту их мученичества. И это проповедовавший в приморской Колхиде Симон, а не распятый в Патрах Андрей принял, по одному из преданий, к-рое принимаем и мы, мученический венец, предположительно, ок. 75-го, или между 75 и 80гг., в колхидско-абхазских пределах Древней Грузии.

С Россией сложнее, поскольку, если Колхида и Иверия в летописи человечества на рубеже эр вполне реально наличествуют, то ни какого-либо славянства, ни какой-либо Руси на данный период истории в истории ещё нет.¹⁰³

Позднее предание, приводящее Андрея в грядущие пределы земель русских, базируется на сведении евсевианского свидетельства Оригена о (более чем расплывчатой) Скифии и 3-го путешествия Апостола — из-под пера Епифания Монаха. Ведь, согласно Епифанию, Андрей, как сказано, побывал в крымском Херсонесе (Корсунь, где в IXв. крестился князь Владимир), откуда уже, что называется, дело техники добраться до мест будущего (основанного в Vв.) Киева и даже до расположенного много севернее (основанного в IXв.) Новгорода.

Так в XIв. появился дополнительный славянский перевод 3-го (епифанского) путешествия под названием «Слово о проявлении крещения Руския земля Св. Апостола Андрея, како приходил на Русь». По этому переводу, Апостол побывал, поднявшись по Днепру, на местах пролептических (великокняжеского) Киева и Великого Новгорода, откуда отправился в Рим, после чего вернулся в Синоп. Но если крымский Херсонес очень даже реален и возможен, то посещение Андреем в IV в. скифско-сарматских (?) мест расположения ещё не скоро грядущих Киева и Новгорода доверия (честно говоря) не вызывает.

Правительствующего Синода Православной Российской Церкви») стояли назначавшиеся Св.Синодом ексзархи, после первого и единственного из них — этнического грузина Варлаама Эристави (1811-17гг.), не знавшие грузинского языка русские митрополиты и архиепископы. Вот что, в частности, Грузия вменяет России, обязавшейся по Георгиевскому трактату (1783г.) союзно покровительствовать ей, а затем бесцеремонно упразднившей её даже вассальную государственность и уничтожившей автокефалию Церкви (к-рая — автокефальная с начала VIIв. — на почти тысячу лет старше автокефалии — с 1589г. — Русской церкви), чего не делали (время от времени разорявшие Западную и Восточную Грузию) ни Иран, ни Турция.

Интересно оговорить следующее. Если первые (вслед за российской аннексией страны) поколения грузин могли наглядно оценить в первой половине XIXв., насколько их страна зажила «за гранью дружеских штыков» (М.Лермонтов) лучше-безопаснее, нежели в пору независимости (открытая нападением со стороны Турции, Ирана и набегами северо-кавказских горцев, чему Россия положила конец), реально вступив в полосу процветания («И Божья благодать сошла / На Грузию! — она цвела...»), то на рубеже XIX/XXв. этот позитив успел забыться, между тем как в памяти новых грузинских поколений возобладало вероломное уничтожение русскими грузинского государства и подчинение Грузинской церкви (с введением трижды в неделю богослужения на русском языке в Сионском кафедральном соборе).

¹⁰³ Хотя в последнее время появились исторические карты-фальсификаты, на к-рых, приложительно к I/IVв., уже (политически-пролептически!) фигурируют, да ещё как бы компактные, славяне на тогдашних скифско-сарматских (будущая Киевская Русь) и германских (Germania Magna) просторах (современные Чехия, Словакия, Польша).

Старейшее из дошедших до нас западное житие Св. Андрея содержится в «Письме диаконов и пресвитеров Ахейских» — источнике VIв. — времени, когда появился латинский перевод «Деяний Андрея», включивший отрывок из «Деяний Андрея и Матфия». На основе этого текста (текстов) Гр. Турский и составил в конце VIв. свою известную «Книгу о чудесах блаженного Ап. Андрея».

В «Золотой легенде» (S.12-20), где рассказ об открывающем (на Адвент) церковно-календарный год Андрее (памятный день к-рого — 30.11) предшествует Св. Николаю Угоднику (Санта-Клаус), говорится, что имя Андрей означает «красивый»; или «ответственный»; или «мужественный» — от andros; или же оно происходит от antropos — человек. Ниже сообщается, что Андрей был в числе трижды призванных Иисусом мужей Апостольских; что он проповедовал, по апостольскому жребию, в Скифии, а придя, велением Господним, в Мургундию (или Мирмидонию = Синоп?), исцелил там ослеплённого язычниками Матфия.

Примечательно, что на придуманный диаволом вопрос «Где земля выше небес?» Апостол даёт следующий христианский ответ: «На небесах, где находится Иисус Христос, тело К-рого происходит от нашей земной плоти, земля выше небес».

Ещё на счету Андрея (покровителя Бургундии и Шотландии, в к-рых он никогда не бывал) изгнание семи злых духов из окрестностей Никеи; воскрешение молитвой, в ходе погребальной процессии, у городских ворот, мёртвого юноши; сооружение молельни в Ахайе; успокоение (Андрей — покровитель мореходов и рыбаков) молитвой бушующего моря; обращение многих и среди них знакомой нам Максимилены — супруги римского наместника Эгея, к-рый принуждал христиан в Патрах приносить жертвы языческим идолам.

В беседе с велевшим взять его под стражу Эгеем Апостол говорит ему о Первом и Втором Адаме, о плоде с Древа познания в раю и о Древе Креста Господня. Мученичество пригвождённого, по приговору Эгея, к косому кресту Апостола продолжалось два дня. Максимила предала погребению снятое на третий день с крестного древа тело великомученика. Одержимый злым духом Эгей кончился в лютых муках на глазах у всего народа. Могила Андрея источала манну и благовонный елей.

Если сосредоточиться на событийно-исторической канве, то можно сделать вывод о том, что, повторим, нет ничего невероятного в факте собственно мученичества Ап. Андрея, согласно традиции, именно в 67г. и именно в греческих Патрах. Речь идёт о портовом городе в западной Ахайе, на выходе из Коринфского залива в Ионику и Адриатику. Со времени начала римского владычества в Греции (IIв. до н.э.) это была важная гавань для прибывающих в Элладу из Италии (Брундизи) и для отбывающих в Италию из Эллады судов, пассажиров, грузов. Не исключено, кстати, что Нерон, прибывший в Грецию в 66г. через Никополь, отчалил в январе 68г. в Италию из Патр.

Притом с 14г. до н.э., когда в Патрах была заложена основанная Августом римская колония Augusta Aegae Patrensis, город-порт, подчиняясь Коринфу, где резидировал римский наместник Ахайи, значительно вырос по численности народонаселения, богател, язычествовал и упадочно, в условиях общедуховного ойкуменического кризиса-декаданса, что называется, процветал. А в 67г., с началом прикоринфских работ по прорытию Истма, значение и значимость патрской гавани обещали возрасти.

Какими были конкретные обстоятельства гибели Андрея в Греции, если принимать в качестве даты 67г., в точности, разумеется, неизвестно. Достоверным видится сам факт его мученичества в Патрах. Но исходила ли инициатива проти-

вохристианских выпадов 67г. от Нерона, б.м., как-то соприкоснувшегося-столкнувшегося с крупной христианской общиной в Коринфе, о существовании к-рой он здесь и узнал (обретаясь в столице провинциальной Ахайи с осени 66г.)? или инициатива изошла от Гелия с Поликлитом в Риме, поддержанная (либо не воспрепятствованная) Нероном в Греции? – вопросы.

Возможна также непосредственная взаимосвязь Андреева мученичества с противохристианской волной в Риме (Италии), жертвами к-рой стали Апостолы Пётр и Павел, за что дополнительно ратует и тесная связь с Италией именно портовых – в западной Ахайе – Патр. И дело не в том, что Андрей мог пострадать в Патрах, как брат Петра (о чём его гонители вряд ли ведали, хотя сам он, надо думать, успел узнать о мученичестве брата), а дело тут в том, что локальные репрессии-гонения 67г. могли затронуть христиан, или и христиан, и иудеев, как Рима/Италии, так и Греции, и м.б., небезотносительно к (спровоцировавшей антиеврейские настроения в Империи) Иудейской войне.

Посему, если мученичество Ап. Андрея – распятие на диагональном (косом) андреевском кресте – имело место, как мы приняли, в 67г. н.э., и случилось в Патрах (где, недалеко от места распятия, стоит величественный собор Андрея Первозванного – крупнейший в Греции), то более точная его дата, скорей всего, – вторая половина года, после мартриума Петра и Павла в Риме (29.06.). Точнее, – вторая половина лета, или – лето/осень, через 37 лет, на 38-м году от того времени, когда Андрей был впервые и первым (вместе с Лазарем) призван в феврале 30г. н.э. (близ места Иорданского Крещения) Иисусом Христом, к К-рому он (следом за собой) привёл брата (-близнеца) Симона Петра.

И не случайно *соборная* география Андрея задействована, в пределах христианского мира, от российского Востока до шотландского Запада, где Апостол не бывал, являясь, тем не менее, патроном Шотландии, на гос. знамени к-рой именно Андреевский крест, представляющий в России русский флот со дней основавшего на берегах Невы город Св. Петра создателя русского флота Петра Великого (учредителя старейшего русского ордена – имени Андрея Первозванного).

Не символизирует ли Апостол Андрей Первозванный, протёрший свою покровительственную длань над Грузией, Россией, Шотландией, грядущую мировую славянско-российскую Соборность, грядущую мировую, VI-ю, следующую за V-й – современной – Германо-Англосаксонской (Душа сознательная – знак Рыб), по семеричному счёту-исчислению, Славянскую (Самодух), под знаком Крестителя-Водолея, культуру, в составе семеричной Пассионарно-Ойкуменической стадии эволюции из Семи эпох-культур, посередине к-рых – IV-я (Греко-Латинская) центральная культура (Душа рассудочная) Овна-Агнца – эпоха ставшей центром и абсолютной серединой вселенской эволюции Мистерии Голгофы!

* * *

Переходим к Матфию. Итак, он был избран на вакантное место Иуды жребием в декаду между Вознесением 14.05. и Пятидесятницей 24.05. (см. выше), чем апостольский недобор был восполнен и круг новозаветных 12-и Апостолов (инакокачественных продолжателей ветхозаветных 12-и патриархов – прашуров 12-и колен) вновь сделался цельным-полным (чтобы положенное время спустя миссионерски развернуться от-из Иерусалима, Палестины и ближних к ним пределов – во-на весь мир).

Обращает на себя внимание, что если Пётр открывает апостольский список-перечень во всех Евангелиях, то (сменивший Иуду) Матфий его замыкает. Причём, если делить 12 Апостолов на 3 четверицы-кватерниона, с Петра начинается первая

(Пётр, Андрей, Иаков, Иоанн), с Филиппа – вторая (Филипп, Варфоломей, Матфей, Фома), с Иакова Алфеева – заканчивающаяся Матфием – третья четверица (Иаков Младший, Иуда-Фаддей, Симон, Матфий).

Помимо того, Матфиево имя (*дар Бога*) неспроста созвучно имени его почти тезки – автора именно Первого Евангелия – Матфея (кто, единственный из Евангелистов, одновременно Апостол от круга 12-и, потому как Апостол Апостолов Лазарь-Иоанн, престолоблуститель к-рого в кругу 12-и Иоанн Зеведеев, – не из избранного-призванного Иисусом в 31г. состава 12-и). И *первозванность* как Андрея, так и *первозванного* среди 4-х Евангелистов Матфея не могут не коммуницировать с *последнезванным* Матфием, значение имени к-рого, как и значение имени его почти тезки Матфея, содержит ещё и спиритуальный вопрос: *Когда?*

Соответственно, на замыкающем сакро-кругу 12-и, мало того, на занявшем место Иуды Матфии лежала особая ответственность, к-рая частично отражена в предании и апокрифах, кроме к-рых о 12-м Апостоле, всего один раз упоминаемом, при его избрании, в 1-й гл. Д.Ап. канонического Нового Завета (см. выше), никаких дополнительных сведений нет.

Сообразно распространённой традиции, он происходил из Иудеи, более того, из Вифлеема, т.е. не являлся, отлично от большинства Апостолов, галилеянином, был сыном богатых благочестивых родителей и с детства приобщался к учёной мудрости как ученик Симеона Богоприимца. Последнее – вряд ли, поскольку знакомый нам по Сретению Господню приимщик Иисуса Нафанида 2.02.2г. н.э. на руки старец Симеон (обрадованный рождением Спасителя, как некогда старец Асита возрадовался рождению принца Гаутамы – будущего Будды) находился на 2г. н.э. в уже очень преклонном возрасте, и буде Матфий ходил у него в учениках, то он должен был бы родиться где-то не позднее 10г. до н.э. Теоретически это, конечно, не исключено, но, с куда большей вероятностью, дата рождения Матфия, сродни большинству Апостолов, рубеж эр – последние годы эры старой или самые первые годы эры новой.

В 32г. подвизавшийся близ Иисуса с ок. 30г. Матфий, б.м., ранее ученик Иоанна Крестителя, – один из призванных Иисусом (и осенью отправленных на служение) 70-и М.Апостолов, к-рого в мае 33г. жребий, введя его в круг Апостолов Больших, предпочёл другому репрезентанту от 70-и – Иосифу Варсаве (Д.Ап.1) (см. выше). Дальше предание миссионерски-проповеднически снаряжает Матфия вместе с Петром и Андреем в Антиохию Сирийскую (37г.). А при бросании ойкуменическо-географического жребия в 45г., 12-у Апостолу достаётся Иудея, что, с оглядкой на занятие им места Иуды Искарюта, плюс на его именно вифлеемско-иудейское происхождение, вовсе не удивительно, плюс к тому, закономерно.

Однако иудейский жребий не обязывает Матфия к безотлучному пребыванию в иудейской *черте оседлости* (Апостолы – странствующие проповедники), никак не препятствуя его апокрифической проповеди в Тиане Каппадокийской и в Синопе, опять с Петром и Андреем, к-рым он, к тому же, как сказано, был спасён в Синопе, проследовав отсюда в Амасию; а во время 3-го Андреева путешествия – побывав с ним в Эдессе и в Севастии. Вдобавок апокрифика прокладывает ему миссионерский путь-дорогу в Понтийскую Эфиопию = Колхида, на Каспий, в Македонию. Существует локальная традиция принятия Матфием мученического венца в понтийско-эфиопской Аджарии (недалеко от современного Батума).¹⁰⁴

¹⁰⁴ Греки считали древних колхов выходцами из Египта (Геродот 2,104), полагая их (темнокожих и курчавых) родичами египтян и эфиопов, практиковавших, как и колхи, обрезание. Есть версия, что на основании данного мнения Колхиду и называли Понтийской Эфиопией (см. выше). Но «Эфиопией» назывались также части северо-западной Индии и Ирана, в то время как «внутренней Индией» иногда именовали страны к востоку от Азовского (Майот-

При всём том, Матфиев миссионерский контакт как с князем Апостолов Петром, так и в особенности с первозванным Андреем, неся на себе и символическую, и (если вдуматься) эзотерическую нагрузку, ни в коей мере, не противоречит ни фактической возможности, ни реальности их совместной, на определённом этапе, деятельности в Сирии или в М.Азии, на просторах к-рой, напомним, Пётр апостольски трудился в 52 – 54 и в 58 – 60гг.

Любопытно, что сирийская версия «И.Ц.» Евсевия именует Матфия, о чём мы уже говорили выше, Толмаем (не путать с Варфоломеем, имя к-рого означает – *сын Толмая*). Никифор Каллист (2,40) сообщает о его проповеди в Иудее, потом – в Эфиопии Понтийской, где он, дескать, и был каменован. Арабы, копты и эфиопы путают его с Матфеем и говорят о проповеди в Нубии и в Дамаске (Haase S.279/80). Памятный день Матфия в эфиопском христианском календаре – 8 магабита (март/апрель). И, к слову, не исключено, что Эфиопия Понтийская – отголосок этой связанной с Матфеем Эфиопии Африканской-Абиссинской (к югу от Нубии – Эфиопии Нильской). Правда, с др. стороны, если Матфий проповедовал на северных берегах Чёрного моря, то он наверняка дошёл через Понт и до Колхиды.

Христианский (персидско-зороастрийских корней) подвижник IVв. Афраат (по преданию, епископ в Ниневию), называя Матфия, созвучно сирийцам, Тулмай, сравнивает его избрание на место Иуды с рождением у Иакова последнего из сыновей – Вениамина (кто, единственный из 12-и патриархов, родился в Палестине и родился 9-месячным, в отличие от остальных 7-месячных братьев-Иаковитов), с появлением к-рого на свет (в Вифлееме, где умерла, при Вениаминовых родах, Рахиль), сынов Иакова стало 12 и сакро-круг 12-коленного Израиля, как и в случае с введённым в состав 12-и Апостолов (число пространства) Матфием, сделался полным.

Согласно Ипполиту Римскому (Refut. 7,20,1), гностик Василид и его сын Исидор утверждали в первой половине IIв., что извлекли мудрость из тайных слов Матфия, к к-рым Апостола лично приобщил сам Христос. Кроме того, Ипполит полагает, что Матфий умер своей смертью, в старости, в Иерусалиме. Следуя Клименту Ал. («Стромата» 7,17,108), учение Матфия использовалось василианами и др. гностиками. Наличествовало также восходящее ко IIв. (Египет?) гностическо-апокрифическое «Ев. от Матфия», отвергнутое отлучительным декретом папы Геласия в конце IVв. и до нас не дошедшее.

«Золотая легенда» (S.168-70) приводит три версии. Согласно одной из них, Матфий проповедовал в Иудее, где мирно почил. Согласно другой, – совершил, проповедуя в Иудее, много чудес, делал зрячими слепых, очищал прокажённых, экзорцистски изгонял дьявола, исцелял хромых, возвращал слух глухим, воскрешал мёртвых, обратил-крестил многих, чем вызвал зависть и ненависть иудеев, был обвинён двумя лжесвидетелями в ереси и чародействе, предстал перед первосвященником и синедрионом, отказался раскаяться-покаяться, мужественно засвидетельствовал истину и подвергся каменованию, после чего его тело ещё и, «по римскому обычаю», как уверяет «Legenda Aurea», обезглавили. Согласно третьей,

ского/Меотидского) моря, что, надо полагать, восходит к смутной памяти о I-й После-Атлантической Индо-Эфиопской культуре (за 7 – 5 тыс. лет до н.э.), знакомой нам из антропософии как культура-эпоха Пра-Индийская (хотя она захватывала и Индию, и африканскую Эфиопию, откуда, а не наоборот, цивилизация пришла, с юга на север, в Древний Египет). Мифологический Аэт (Эет) – царь колхов – сын Гелиоса и сводный брат Фаэтона (виновника Атлантической катастрофы, начавшейся под зодиакальным знаком Скорпиана). Т.е. тайны-тайнства Колхиды, Аэта и Золотого руна коренятся в Атлантиде, в атлантической катастрофе и в пост-атлантическом раскладе, куда, в частности, может туманно восходить прилагавшееся к Колхиде наименование «Понтийская Эфиопия» (или «внутренняя Индия»).

аналогично сопровождаемой множеством чудес, апокрифической версии, Матфию выпало плодотворно проповедовать, обращая неопитов, одолевая демонов, стойко перенося гонения, застенки и мучения, в Македонии.

* * *

И всё-таки, наиболее распространённое и, по нашему мнению, наиболее заслуживающее доверия предание, то, сообразно к-рому, (заступивший на место Иуды) 12-й *последнезванный* Апостол (созвучный именем первому Евангелисту) претерпел мученичество в Иудее (чем вовсе не отрицаются его предшествующие мучения в Палестине миссионерские странствия), синедрионально осуждённый в Иерусалиме и каменованный (подобно Первомученику Стефану или Иакову Праведному) за городскими воротами.

От себя же добавим, что произошло это, на наш взгляд, по неслучайному стечению обстоятельств, в один год с мученичеством князя Апостолов Петра и особо-статуированного 13-го Апостола Павла в Риме, равно – Апостола Андрея Первозванного в Греции, т.е. в 67г. н.э.

И, вероятно, окончательное возвращение Матфия (из М.Азии? из Македонии? из Колхиды?) в Палестину следует приурочить к прибытию туда после каменования в 62г. Иакова Праведного, когда иудеохристиане Св. Земли нуждались в поддержке, Петра (из Вавилонии), с той разницей, что если Пётр, последующая дорога к-рого лежала в Рим, в 64г. Иерусалим/Иудею навсегда покинул, то Матфий тут, в доставшейся ему в миссионерский удел по жребию 45г. земле, к-рой он отдал немало сил и перед тем, на сей раз, навсегда остался.

Далее, примечательно, что предание, повествующее о мученичестве Матфия в Иудее, называет его главным антагонистом первосвященника Анана, по инициативе к-рого и был, как мы знаем, в 62г. каменован первый предстоятель иерусалимско-христианской общины – Иаков, брат Господень, = Иаков Праведный. Причём предание делает Анана на момент суда над Матфием действующим первосвященником, и чаще всего в источниках в качестве традиционной даты мученичества Апостола фигурирует, опять-таки, со ссылкой на предание, 63г., или время ок. 63г. н.э.

Между тем, Анан Младший (5-й из пяти сыновей Анны) был, относительно чего читатель в курсе, первосвященником всего ок. 3-х месяцев, с января по апрель (или с января/февраля по апрель/май) 62г., когда в апреле, до Пасхи, по его, воспользовавшегося временным вакуумом римской власти (после смерти наместника Феста и до прибытия Альбина) настоянию, синедрион осудил на смерть посредством каменования Иакова Праведного. Это вызвало негодование среди несадукейских синедристов, среди знатных фарисеев и т.д, в связи с чем царь Агриппа лишил Анана первосвященства, а Альбин даже, направляясь из Египта в Палестину, пригрозил ему карами за самоуправство (= за вынесение и приведение в исполнение смертного приговора без санкции римского наместника, в юрисдикции к-рого находились все подпадавшие имперской инстанции смертные приговоры).

Предание так и представляет Анана – погубителем Иакова Праведного, к-рого оно неправоммерно смежает с Иаковом Алфеевым, мол, сброшенным с кровли храма и внизу добитым, то ли скалкой, то ли камнями, или – и камнями, и скалкой, тогда как в реальности, напоминаем, дата каменования Иакова, брата Господня, – допасхальный апрель 62г., а Иакова Алфеева – допасхальный март 66г. И если Иаков Праведный подвергся каменования, то Иаков Алфеев был сброшен с кровли одного из зданий храмового комплекса, в одном из притворов храма, и убит, вернее, добит

фанатиками внизу, в первосвященство (племянника Анана) Матфия (65 – 67гг.), сына Феофила – одного из сыновей Анны Ст. (см. выше).

Вместе с тем, ошибки предания могут дополнительно помочь нам, в т.ч., в хронореконструкции реальных событий. Попробуем докопаться, используя наличный, в частности, ошибочный апокрифический материал, до правды. Если за информацией предания о том, что инициатором казни Матфия был Анан – историческая реальность, то, значит, её нужно искать не во времени его короткого 3-месячного первосвященства, когда по его вине и почину погиб Иаков Праведный (62г.), но в последующие годы, и оптимально она придётся на время после гибели также Иакова Алфеева (66г.), или, точнее, – на 67г. н.э. Т.е. на время, когда Анан с октября 66г. (после поражения иудеями Цестия Галла) стал одним из начальствующих представителей революционного правительства (т.н. умеренных иерократическо-аристократических предводителей революции) в Иерусалиме, притом ответственным именно за Иерусалим, за безопасность и обороноспособность столицы.

Сложив первосвященские полномочия в 62г., он продолжал оставаться одним из влиятельнейших членов синедриона, иерусалимской иерократии и пользоваться пожизненным титулярным достоинством первосвященника. И очень даже возможно, что именно он, махровый ортодоксальный саддукей, интолерантный противник фарисеев и в особенности ненавистник приверженцев назорейско-христианской ереси, приложил руку, в т.ч., к убиению в 66г., до начала Иудейской войны, в донельзя взвинченном наместническом беспределе Флора Иерусалиме, Иакова Младшего (см. выше).¹⁰⁵

¹⁰⁵ Грэц приводит места из Талмуда, к-рые, по его, Грэца, догадке, под анонимным первосвященником разумеют Анана («Geschichte der Juden», Band 3, Note 19 «Anan b. Anan», S.747-50). Так, согласно «Тоссефта Йома» (1,8), некий саддукейский первосвященник, придерживаясь саддукейского (или бозтозейского) толкования Закона и саддукейских норм-ритуалов, богослужебно вошёл в Святое-Святых в Судный день с уже возжённой кадильницей (для каждения там), в то время как, по фарисейским ритуальным нормам, первосвященнику следовало возжигать кадильницу за порогом Святого-Святых, ступив туда, внутри оного. И по выходе из Sancto-Sanctorum этот экстремально саддукейский архипастырь похвалился перед своим отцом тем, что у него хватило мужества сделать то, на что другим саддукейским архипастырям (к-рые-де уступали требованиям более популярных в народе фарисеев) мужества не хватало. Но, дескать, всего через 3 дня кошунник (в отражаемом Талмудом фарисейском понимании) помер (Господня кара).

А в «Тоссефта Пара» (3,8) рассказывается о саддукейском первосвященнике в связи с приготовлением очистительного пепла рыжей телицы, относительно чего саддукейские нормы соблюдения архипастырем ритуальной чистоты были строже фарисейских, что вызвало очередной саддукейско-фарисейский конфликт. И по образному рассказу Талмуда, р. Иоханан б. Заккай (предводитель партии фарисеев перед разрушением храма и непосредственно после – в Ямнии) воспрепятствовал служению этого крайне ортодоксального саддукейского архипастыря, умышленно поранив его ухо, что сделало анонима непригодным для отправления первосвященских функций. В ответ разгневанный саддукей пригрозил р. Иоханану мстью, когда придёт время, на что Иоханан ответил: «Если оно у тебя есть». Спустя 3 дня саддукейский первосвященник умер.

По нашей оценке, Грэц верно угадывает тут Анана Младшего, неверно при том датируя его 3-месячное первосвященство 61-м г. н.э. и уверяя, что это именно он с возжённой кадильницей вошёл в Судный день в Святое-Святых. Анан первосвященствовал 3 месяца в первой половине 62г. и не мог войти в осенний Судный день 10 тишири в Святое-Святых, не могучи одновременно беседовать об этом со своим отцом Анной Ст., к-рый, престарелый *Кацей* в 33г. н.э., без сомнения, скончался на порядок раньше 62г., не позднее 30/40-х гг. Ив.

В остальном насчёт Анана – верно. Он и вправду позиционировал себя махровым саддукеем-ортодоксом, оппонентом фарисеев, чем, возможно, во многом, и было мотивировано возмущение последних самоуправным с его стороны каменованием Иакова Праведного, т.е. их мог возмутить не столько сам выпад против Иакова и христиан, сколько непримиримый и

То-то предание грубо ошибочно сводя-смежая гибель обоих Иаковок, Праведного и Меньшого, накладочно превращая dua в топо, одновременно невольно способствует поступательному *продвижению* мартириумной хронологии из 62-го в 66-й, и отсюда – в мартириумный уже для, по предлагаемой нами версии, именно Матфия – именно 67г. н.э., когда, скажем и подчеркнём снова, Анан, пусть не действующий, пусть не штатный первосвященник, – один из главных политических начальников-лидеров нации, можно сказать, градоначальник, в Иерусалиме. В Городе, где он отправлял верховную власть с осени 66 и в 67г. (когда, а именно осенью 67г. у т.н умеренных начались проблемы с зилотами), убитый (в числе прочих верховников-иерократов) идумеянами, к-рых призовут в Иерусалим на помощь против партии умеренных зилотствующие экстремисты, зимой 67/68гг. (см. ниже).

* * *

Посему, удостоверьтесь воочию, если инициатива осуждения и казни Матфия принадлежит Анану, к-рый, будучи штатным первосвященником, погубил не Матфия, а Иакова, брата Господня (возможно, не оставшись в стороне 4 года спустя и от гибели Иакова Алфеева), то оптимально она просится не иначе как в 67г. Ведь именно в 67г. Анан (продолжая титуловаться первосвященником), реально стоял во главе (мятежно-инсургентского) Иерусалима и вполне мог инициировать вынесение смертного приговора Матфию, запечатлённый опускающим подробности преданием в (его главным для христианского предания) ранге-апмлуа только (иудейского) первосвященника, тем паче, что в архипастырском достоинстве он добился смертного приговора Иакову, брату Господню, и ещё тем паче, что титул этот был, как замечено, несъёмным-пожизненным.

Притом, с немалой долей вероятности, каменение Матфия могло свершиться после падения галилейской Иотапаты 2.07.67г., на новой противоримской волне в Иерусалиме, когда в течение июля иерусалимляне узнали о сдаче в плен оборонявшего Иотапату галилейского начальника повстанцев – однопартийца Анана – Иосифа б. Маттафия (Флавия), и Анану пришлось наглядно доказывать свою преданность революции (дабы отвести от себя подозрения в скрытом римлянофильстве), для чего он мог отыгаться на Матфии.

Да, христианская община покинула охваченный революционным пожаром Иерусалим осенью 66г., воспользовавшись преследованием повстанцами римлян под командой Цестия и уйдя за Иордан, в Перею, откуда она затем, в лице её не примкнувших к восстанию членов, руководимых (предстоятельским преемником Иакова Праведного) Симеоном Клеоповым, перебралась в Пеллу (Декаполис). И дистанцировалась тем самым как от участия в безумной, в заведомо обречённой на страшное поражение националистической войне, к-рая не имела с христианством

к ним Анан, сколько именно его, фарисейского оппонента, кого царь Агриппа сместил, произвол. Отсюда версия Грэца, полагающая, что за анонимом Талмуда надо разглядеть Анана, заслуживает доверия, коли её откорректировать. И Анану совсем не обязательно вступать с возжённой кадилиницей в Святое-Святых, приверженцем чего он, настаивая на этом, был, персонально. Равно – за то, что под анонимным первосвященником не кто иной как он, ратует факт последнего жертвоприношения рыжей телицы в 60г., в первосвященство Исмаила б. Фаби (59-61гг.), в связи с к-рым Анан мог выдвинуть саддукейские требования соблюдения архипастырем ритуальной чистоты. Иное дело, что фарисейско-талмудическое предание преобразило короткое 3-месячное первосвященство Анана в смерть противофарисейского первосвященника – «спустя 3 дня», что, т.е. эти 3 месяца, превратившиеся-превращённые поучительным преданием в 3 дня, как раз-таки, лучше всего подтверждает верность идентификации наказанного свыше противника фарисеев именно с Ананом.

ничего общего, более того, была яро враждебной христианам и христианству, так и от смертельной угрозы для себя.

Христианам, Мессия к-рых пришёл, воскресенски победив смерть путём крестной жертвы, и Апостольский собор к-рых принял в 51г. инициированное Павлом решение об ойкуменической проповеди среди язычников, без обязательности обрезания, было не по пути с иудеями в их якобы предмессианистическом выступлении против Рима (к-рое не было новой Маккавейской войной, хотя иудеи именно таковой её мнили-считали). Если для христиан с Мистерией и в Мистерии Голгофы времена исполнились, то для иудеев — их исполнению должна была предшествовать беспощадная (джихадистская) война против неверных за политическую свободу.

Тем временем, Матфий, кому, повторяем, досталась в миссионерский удел Иудея, или шире — Палестина, мог в 66г. в Иерусалиме остаться, либо, вероятнее, что в 67г. он проповедовал в подчинявшейся революционному Иерусалиму Перее, оставшись там и после ухода иерусалимских христиан в Пеллу, был схвачен представителями местной переийской власти и доставлен для суда над ним в Иерусалим. Ибо в то время, в повстанческих условиях, в раскалённой обстановке 67г., Христова заповедь «Богу Богово, а кесарю кесарево» (уж не говоря о лояльности христиан к римской власти в целом) явно квалифицировалась как предательское капитулянтство, попадая под статью и подлежа суду (трибунализованного синедриона).

И нетерпимость революции возросла с неудачной войной повстанцев против римлян в Галилее и с падением Иотапаты, что подняло новую антиримскую бурю в Иерусалиме как против римлян, так и против всякого рода их приспешников (И.в. 3,9,5), потенциальных коллаборационистов, к-рая на практике означала начало весьма присущей революциям охоты на ведьм = на врагов народа, к-рая всегда сопровождается усиленными поисками чёрных кошек в тёмных комнатах и беспощадными расправами.

И в создавшейся ситуации Анан очень даже мог, наипаче, отводя, как сказано, всякие подозрения от себя, отыгаться на ненавистном ему представителе христиан, подстражно доставленном, по его, с усилением борьбы против еретиков и инакомыслящих, велению, из Переи, — на приверженце пресловутой назорейской ереси Матфии — из числа последователей Иисуса, из команды Иакова Праведного и Иакова Алфеева.¹⁰⁶

По иронии судьбы, если Андрей мог стать в Греции жертвой усиления в связи с Иудейской войной антиеврейских настроений, или если это могло сопутствовать его гибели, то Матфий, наоборот, мог попасть в Иерусалиме под новую усиленную противоримскую раздачу и быть каменован инициативой иерусалимского градоначальника Анана, чинно приговорённый синедрионом, где, повторим, председательствовал Ананов племянник — предпоследний иудейский первосвященник — Матфий, сын Феофила (ещё по одной иронии судьбы, — тезка приговорённого к высшей мере Апостола).

Вот как или приблизительно как дело могло обстоять в действительности. Т.е., если мученичество Матфия свершилось в Иудее/Иерусалиме, и если к нему причастен Анан, как на том настаивает предание, то произошло это в 67г. (поскольку 62г. — время Ананова первосвященства и каменования Иакова — исключается), когда Анан снова был в силе, снова вошёл в силу, на сей раз, — в политическую. И время Матфиева мариитриума, по всему, после июльского падения Иотапаты, —

¹⁰⁶ Ниже в «И.в.» 4,3,10 Анан во второй половине 67г. говорит о своём преклонном, соответственно, шестидесятилетнем, возрасте, т.е., по всей видимости, он родился в начале н.э. и, значит, был членом синедриона уже в 33г., наверняка голосовавшим за смертный приговор Иисусу.

где-то июль/август. Или, учитывая одну из поминальных дат Апостола – 22.08. (новый стиль) у православных, – в августе 67г., тогда как Андрей взошёл на крест в греческих Патрах, видимо, чуть позже – летом/осенью, или в начале осени 67г.

Таким образом, мученичество Матфия следует за мученичеством Петра – 5-го из круга 12-и Больших Апостолов, являясь в великоапостольском мученическом перечне срединным 6-м, и предваряет мученичество Петрова брата (близнеца) Андрея, к-рый, стало быть, в жертвенном списке Большой апостольской дюжины, – 7-й по счёту. И если Пётр (как и Павел) не мог принять мученичество нигде, кроме столицы мира – Рима, а Андрей нигде, кроме Греции, – стержня (вместе с западом М.Азии) будущей Византии, то заместившему Иуду Матфию должно было пострадать именно в Иудее!

Не есть ли Симон Пётр – реинкарнация Симона Маккавея – самого старшего по возрасту из пяти братьев Хасмонеев, к-рый пережил остальных в начатой их отцом Маттафией в 166г. священной войне (за свободу совести) и возглавлял иудеев со 142/40 по 134г., преемствовав брату Ионафану – преемнику самого знаменитого из братьев – обновителя Храма в 164г. – Иуды. Героически погибшего в сражении Иуду Ионафан предводительски сменил в 160г., облакая первосвященство со 152 по 143гг., когда его коварно умертвил, ранее пленив, селевкидский узурпатор Трифон, вслед за чем Симон сделался в 142г. первосвященником и в 140г. *князем народа* (этнарх) свободного-освобождённого Израиля.

Не есть ли Ап. Матфий, мученически преемствовавший в 67г. н.э.¹⁰⁷ Ап. Петру, – реинкарнация Ионафана Маккавея, к-рый во Пв. до н.э., напротив, предшествовал Симону Маккавею, преемствовав, в свою очередь, Иуде Маккавею, реинкарнация к-рого – Иуда Искарriot! Карма 5-и сыновей Маттафии и 7-и великомученических сыновей Вдовы есть карма 12-и Апостолов Христа!

Засим, если принять во внимание разделение 12-и Апостолов на 3 четверицы-кватерниона, то четверым из 12-и надлежало мученически погибнуть именно в Св. Земле, где свершилась Мистерия Голгофы и откуда христианство изошло в Ойкумену. Так оно и случилось, поскольку в Иудее/Иерусалиме пострадали 4 Больших Апостола, к-рые составили сборную четверицу из первого и третьего кватернионов: представители первого (вместе с Петром и Андреем) – сыновья Зеведеевы, Иаков (Старший) и Иоанн, приняли мученический венец, первый – в 44, второй – в 55гг.; Иаков Алфеев, к-рый открывает третью четверицу, пострадал в 66г.; а Матфий, к-рый её замыкает, был каменован в следующем 67г. 44 – 55 – 66 и 67гг. От мученичества Иакова (Ст.) до мученичества Матфия 23 года (23 x 3 = 69 – сакральный ритм богослужбных чред).

Следовательно, в обильном на мученические жертвы среди круга 12-и 67-м г. н.э. число великоапостольских мучеников выросло до 5-и, 6-и (середина-половина) и 7-и. При этом обращает на себя внимание, что мученичество 6-го – заступившего на вакантное место Иуды Матфия, не только находится посередине, но и соединяет-разделяет мученичества именно братьев Петра и Андрея – первого епископа западно-католической Римской церкви и патрона восточно-православной Византийской церкви – крупнейших христианских конфессий.

¹⁰⁷ И не на пустом месте 67г. н.э. отделяют 200 лет от гибели Симона Маккавея в 134г. до н.э. и 100 лет от завоевания Иерусалима Иродом и от казни в Антиохии последнего тронного Хасмонея – Маттафии-Антигона – в 34г. до н.э.

Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли – вне сознания – далёко,
Туда, где светят царственные числа. (В.Брюсов)

АПОСТОЛЬСКИЕ МУЧЕНИКИ И ВЕК АПОСТОЛЬСКИЙ

Впрочем, завершая данный раздел нашего повествования, назовём коротко, подводя итоги и чтобы представить читателю целостную картину, известных апостольских мучеников за Христа до 67г. и после – в пределах Века Апостольского, рассказ о части из к-рых читатель найдёт в нашей дальнейшей книге.

25.12.33г. н.э. – каменование Первомученика Стефана – одного из 7-и диаконов и одного из 70-и Малых Апостолов, и первое еврейско-иудейское гонение на христиан (33/34гг.). Допасхальная весна 44г. – казнь (Иродом Агриппой) усечённого мечом Иакова Зеведеева; 55г. – убиение в Иудее (при первосвященнике Анании б. Небедее) его мл. брата – Иоанна Зеведеева (= Иоанна Младшего). Сыновья Зеведеевы – Иаков и Иоанн – первые великоапостольские мученики из круга 12-и. Ок. 57г. – мученичество Фаддея – М.Апостола от 70-и – в Эдессе, при отпавшем в язычество сыне обращённого-крещённого Фаддеем в 34г. Абгара Укамы – Ману. 62г. – предпасхальное каменование первого предстоятеля иерусалимско-христианской общины (33 – 62гг.) Иакова Праведного = брата Господня – одного из 70-и.

Ок. 64г. н.э. – мученичество Апостола и Евангелиста Матфея – первый великоапостольский мученик за пределами Палестины, предположительно, в Эфиопии (Престол Св. Матфея). 66г. – допасхальное мученичество в Иерусалиме сброшенного с кровли храма Иакова Алфеева = Младшего. 29.06.67г. – мученичество Первоверховных Апостолов Петра и Павла в Риме; Пётр распят на кресте (казнь Иисуса), Павел – обезглавлен (казнь Иоанна Предтечи). 67г. – каменование Матфия в Иерусалиме/Иудее (август?). 67г. – распятие Андрея (7-го из 12-и) в греческих Патрах (осень?).

В последующем. 70г. – мученичество автора II-го Евангелия (от Петра) Евангелиста Марка (из 70-и) в Александрии. Ок. 72г. – мученичество Ап. Фомы Дидима в Индии. Ок. 75 – 80гг. – мученичество Ап. Симона Кананита в Грузии. Ок. 77 – 80гг. – успение Апостолицы Апостолов Марии Магдалины, сестры-близнеца Лазаря, в Эфесе. Ок. 81г. – мученичество Апостолов Фаддея и Варфоломея в Армении. Ок. 85г. – мученичество Ап. Филиппа в Гиераполе Фригийском (М.Азия).

Замечательны мариитриумные география и хронология первой четверицы Апостолов: сыновья Зеведеевы, братья Иаков и Иоанн, – Иудея/Иерусалим – 44 и 55гг.; братья Пётр и Андрей – Рим и Греция – 67г. Интересна миссионерская география, с юга на север и с запада на восток, второй четверицы: Матфей – Эфиопия; Филипп – Фригия; Варфоломей – Армения; Фома – Индия. Бросается в глаза и то, что, если из третьей четверицы-кватерниона Иаков Алфеев, к-рый её открывает, и Матфий, к-рый её замыкает, кончили мученически в Иерусалиме/Иудее, то находящиеся между ними братья-близнецы Иуда-Фаддей и Симон (братья Господни) пострадали: первый – в Армении, у подножия (олицетворяющего слепопотопное человечество) Арарата (две вершины к-рого – братья – Иисус Соломонид и Иисус Нафанид), второй – в Грузии (сёстры Иверия и Колхида – сёстры Мария Галилеянка и Мария Вифлеемлянка).

Таков перечень известных мучеников от Больших и Малых Апостолов за 52 года – с 33 по 85гг. н.э.; или за 40 лет – с 44 по ок. 84/85гг. (от первого мученика из 12-и – Иакова Старшего, до последнего мученика из 12-и – Филиппа). О прочих мучениках от 70-и и не от 70-и, к-рые среди христиан, в масштабах Ойкумены, в означенный период, тоже в немалом количестве, во всяком случае, как минимум начиная с римского гонения 64г., были, и о к-рых достоверная информация отсутствует, здесь речи нет.¹⁰⁸

¹⁰⁸ При этом, некоторые из приведённых нами дат Века Апостольского после 67г. приблизительны, и могут быть в ходе хроноповествования, посвящённого периоду 68-100гг. н.э., откорректированы.

Позже, ок. 93г., в Греции мирно скончается, в возрасте 84-х лет, автор III-го Евангелия (от Павла) Евангелист Лука, после (и до) чего, в (90) 93 – 95гг., из-под пера эфесского пресвитера Лазаря-Иоанна, кто трудился в (уготованном-подготовленном для него Павлом) Эфесе с 67г., выйдут Три Иоанновых Послания и IV-е Евангелие Евангелий. А в 95г., в пору гонений при Домициане, Иоанн, сначала доставленный на муки-страдания в Рим, будет, стойко перенеся в Риме (чем он поразил своих мучителей) мученические испытания, сослан на о. Патмос. Там, в 96г., Христос явит ему свыше сокровеннейшее Откровение Господне, к-рое составит, по Иоанновом возвращении, с гибелью Домициана, в 96/97гг. в Эфес, кульминационную Книгу Нового Завета – Апокалипсис Иоанна.¹⁰⁹

24.06.100г. н.э., в день рождения Иоанна Крестителя (24.06.1г. н.э.), спустя ровно 99 лет от оногo (и через 100 лет от Рождества Иисуса Соломонида и от воплощения Иоанна Предтечи в 1г. до н.э.), Иоанн Богослов, о к-ром воскресший Иисус сказал (Петру) при явлении Своём ученикам на Тивериадском озере (19.04.33г.), что хочет, «чтобы он пребыл, пока прииду» (Ио.21,22), удостоится не смерти, но именно Успения, блистательно завершив тем самым Век Апостольский!¹¹⁰

¹⁰⁹ Весьма примечательно, что в 96г. н.э. еврейская Пасха пришлась (как и – внимание! – в 1г. н.э.) (Р.л. 883-85...) на 27/28.03. (14/15 нисана), а первое (пролептическое) воскресенье (= 1-й день посубботней иудейской седмицы = 2-й день иудейской недели) после полнолуной иудейской Пасхи – на 3.04. (пятничная юлианско-календарная дата Распятия Христа на Голгофе в 33г. н.э.)!

Так не имело ли место (на Патмосе) сокровенное *услышание* высшего Откровения (ссылным) Иоанном, к-рый «был в духе в день воскресный» (Откр.1,10), именно (в воскресенье) 3.04.96г., т.е. ровно через 63 (замкнувших *кольцо Сатурна*) года (9x7) от Таинства Таинств Голгофы! (Подробности и нюансы по проблеме даты празднования Пасхи разнорегиональными христианами первых веков н.э. см. в следующей книге.)

¹¹⁰ В той связи, что дата мученичества Ап. Петра и Павла 29.06.67г. отстоит на (неслучайные) 66 лет от рождения Иоанна Предтечи-Крестителя 24.06.1г. н.э. и на 33 года от успения Иоанна Богослова 24.06.100г., примечательна отражающая-озвучивающая Иоанновы дни – с 24.06. по (именно) 29.06. – медитативная формула (Spruch) Р.Штайнера, кто, к слову, датирует маририум Ап. Павла 67/68-м гг. («Ostern, das Fest der Mahnung», Vortr. vom 2.04.1920 in «Heilfaktoren für den sozialen Organismus» GA 198), в «Seelenkalender» («Календарь души») для круговорота года, где 52 мантрических изречения предписаны дням, сгруппированным от недели к неделе (с пасхальной весны по пасхальную весну). Следуя Штайнеру, при том, что в годичном календарном перечне-круговороте, начинающемся с Адвента, им занотирован традиционный день мученичества Петра и Павла – 29.06. – без указания года, по слову лекции от 2.04.1920г., Павел действовал на Земле («etwa bis zum Jahre 67 oder 68 n.Chr.») – «приблизительно до 67 или 68гг. н.э.»

Штайнер: «В этом Календаре (Seelenkalender) для каждой недели даётся медитативная формула, к-рая позволяет душе сопережить то, что совершается в эту неделю как часть целостной жизни года. То, чему эта жизнь даёт прозвучать в душе, если душа соединяется с нею, и должно получить выражение в медитативной формуле. Речь идёт о здоровом «чувстве единения» с поступью природы и возникающем из этого крепком «обретении самого себя». Думается, что сопереживание Мирового движения в духе таких медитаций было бы для души чем-то, в чём она испытывает потребность, если только правильно себя понимает» (1918г.).

Johannes-Stimmung – 24-29.06.

Der Welten Schönheitsglanz,
Er zwinget mich aus Seelentiefen
Des Eigenlebens Götterkräfte
Zum Weltenfluge zu entbinden;
Mich selber zu verlassen,
Vertrauend nur mich suchend
In Weltenlicht und Weltenwärme.

Сиянье Красоты Миров
Повелевает мне из глубин моей души
Расправить Божественные силы жизни
Для вселенского полёта;
Дабы покинуть самого себя
И доверительно обрести снова
Во вселенском свете и вселенском тепле.

Однако до этого венчающего Ив. н.э. знаменательного для христиан и ойкуменическо-вселенского христианства События пока далеко, ибо впереди, по прошествии на 67г. н.э.¹¹¹ 34-х лет с Таинства Голгофы и 33-х лет со дней обращения-крещения Савла/Павла, ещё 33 года¹¹². Нам же, читатель, пора в Палестину, к-рую мы покинули осенью 66г., когда иудейские повстанцы, разбив в октябре римского легата Сирии Цестия Галла, создали революционное правительство в Иерусалиме и назначили комиссаров-начальников над различными областями Палестины. Причём Иосифу б. Маттафия (будущему историку Флавию) досталась очень ответственная Галилея, откуда, с севера, ожидалось, по весне, наступление римлян.

¹¹¹ Информация к (антропософскому) размышлению. Весьма небезынтересно, что этот столь детально реконструированный нами 67-й г. н.э. отстоит на 50 лет от рождения в 17г. н.э. (воскрешённого Христом в июне 31г.) (Т.Г. 462-72) Юноши из Наина (грядущее – Шв. – воплощение высочайшего посвящённого – Мани), *манихейско*-духовное зачало-зерно к-рого было заложено Христом Спасителем в предуготовительной инкарнации Ив. н.э. И приложенный (согласно антропософии Штайнера) участием в нём (нововоплощённого) Мани – центр – в (треугольном) окружении великопосвящённых Боддисатв – предводителей духовной эволюции человечества – Скифиана, Будды, Заратустры. Собор 4-х, созданный Мани-Манесом, с целью и в видах решений по путям и способам втекания (эзотерической) мудрости Боддисатв в последующее развитие человечества, в условиях приближающегося конца Древнего мира, начала Средних веков и триумфа (экзотерического) церковного христианства.

Притом, если касаемо (северо-атлантического посвящённого гибернийских мистерий, особым образом связанного со скифами, славянством, со скифско-славянским импульсом, с тайнами физического тела и с Иоаннитским христианством) Скифиана, в объективе наиболее исторически скрыт(ный) из метаисторических Боддисатв (от Иафета/Магогал... Скифа... Орфея...), то в отношении Будды речь ведётся о «физическом отблеске» (Штайнер), ибо достигший в 532-25гг. до н.э. (зеркало 525-32гг. н.э.: Дионисий Малый; король Артур; закладка храма Св.Софии в Константинополе) нирваны и перешедший в 480г. до н.э. в паринирвану Будда вышел из (преодолённого им) круговорота (сансара) земных инкарнаций.

Далее, если при дуалистическом Рождестве Христовом на рубеже эр имело место рождение 6.01.1г. до н.э. новоинкарнированного Заратустры – Иисус Соломонид (К-рому спустя ровно год поднесли сакральные дары цари-волхвы), тогда как родившегося 25.12.1г. н.э. Иисуса Нафанида (Кришна) приветствовало (до пастухов), в облике Ангела и ангельского сонма («многочисленное воинство небесное, славящее Бога»), Нирманакайя (тело Преображения) Будды (Р.л. 1062-68-74-81), то не пришёл ли в мир на порядок ранее двух сотериальных братьев Иисусов (Соломонида и Нафанида) именно Скифиан – как (скажем от себя) родившийся в 17г. до н.э. (год начала нисановской весной иродианской реконструкции храма; дата рождения Марии Старшей – 31.12.) Иосиф Аримафейский (Т.Г. 1694-1707)! Тот самый Иосиф (чьим сыном легенда называет сведённого с ним воедино Иосафа, кто и есть Боддисатва), к-рый снял (вместе с Никодимом и Лазарем-Иоанном) мёртвое тело Иисуса Христа с креста Голгофы, накрыл его плащаницей, сударионом, спеленал пропитанными благовониями пеленами и положил в свою непочатую гробницу, став (обладатель полученной им от Пилата евхаристической чаши Тайной Вечери, в к-рую он собрал под крестом алхимическую кровь Спасителя) впоследствии первым хранителем Св. Грааля! Два Иосифа (Соломонид и Нафанид), принявшие на руки двух Младенцев Иисусов при рождении, и третий Иосиф (из Аримафеи – в уделе Ефремовом, название к-рой означает – *лев, мёртвый перед Господом*), принявший навстречу Христову Воскресению в Бессмертие мёртвое тело распятого Иисуса! Зеркальная метахроносимметрия: 1/1 и 17 – 17гг. до н.э. и н.э.: 17 – 1/1 – 17 – 33гг.

И (отсюда спрашивается) не повторилась ли эта зеркальная метахроносимметрия применительно к Великому Собору 333г. н.э. следующим образом: 284г. (дата рождения нововоплощённого Скифиана; год прихода к власти превратившего Принципат в Доминат Диоклетиана) – 301г. (дата новорождения Мани-Манеса, кто претерпел мученичество в 276г., равно дата земного рождения носителя «физического отблеска» Будды; год начала крещения Армении Григорием Просветителем) – (313г. – Миланский эдикт победившего в 312г. Максенция Константина о равенстве религий) 318г. (Заратустра; основание в Египте первой христианской

киновии) — (325г. — I-й Вселенский собор; 330г. — закладка Константинополя; 332г. — рождение Юлиана Отступника) 333г. н.э. Таким образом, на историко-метаисторической повестке дня: **284 — 301 — 318 — 333гг.**

Причём, в том, что относится к Заратустре (= Мастер Иисус), если, с одной стороны, следуя Штайнеру, эта выдающаяся индивидуальность снова приходит на Землю каждый раз через 7 лет (от своего усновения), то согласно тому же Штайнеру, она была воплощена в IIIв. н.э. как знаменитый христианский пресвитер (современник Мани и Григория Просветителя) Лукиан Антиохийский (род. ок.220г.). А поскольку дата мученичества Лукиана — 7.01.311, или 7.01.312г. (либо в пору последнего противохристианского гонения — 311г. — ещё Галерия, или уже — 312г. — в дни продолжавшихся гонений Максимиана Даза, что подвопросно), значит, оптимально дата рождения нововплощённого Мастера Иисуса — именно 318г. (спустя 7 лет или на 7-м году от мученичества Лукиана). Напомним, Иисус Соломнид пожертвовал свою индивидуальность Иисусу Нафаниду на Пасху 14г. н.э. в возрасте 14 лет и 3 месяца (15-й год жизни). О веховом значении 15-летнего возраста для Заратустры (самая зрелая человеческая индивидуальность) см. «Д.И.» с.784-96. (в то время как о «физическом отблике» Будды не имело бы смысла говорить, свершись Собор 333г. только, по предположению ряда антропософов, в духовном мире. Не правда ли?).

Итак, от первого хранителя Св. Грааля Иосифа Аримафейского к его дальнейшим преемникам: (...через воздвигнувшего замок Грааля — 72 хора — Титуреля из рода Титурисона, потомка соратника Веспасиана в Иудейской войне каппадокийца Бериллия, получившего во владение Галлию, потом — через брата матери Парсифаля Херцелойды — Амфортаса) к (сыну Гамурета из анжуйского рыцарского рода Мазадан) Парсифалю (Запад)... и (когда *вознесённый* Грааль в IX/Xвв. сделался *незрим* на Западе) к загадочному (царственному первосвященнику) Пресвитеру Иоанну (Восток). Обладателей же имени и достоинства этого (средневекового) Пресвитера Иоанна надлежит искать как в Турфанском (Синьцзян) оазисе (недалеко от заоблачного Тибета и доисторической цивилизации пустыни Гоби), среди уйгурских манихеев (однако, не в манихейско-уйгурском каганате 763-840гг., уничтоженном енисейскими кыргызами ещё до становления Парсифаля хранителем Грааля ок.870г.), так и в (передавшей Европе легенду о Варлааме и Иосафате) христианской Грузии (страна Золотого руна — XIIIв. до н.э.) поры её Золотого века — XI/XII/XIIIвв., особенно в период от Давида Строителя (1089-1125гг.) до царицы Тамары (1178/84-1213гг.). Т.е. во время до духовного *возвращения новозримых* (обновление) тайны-таинства, под наименованием Св. Грааль, в Европу (XII/XIIIвв.) — с крестоносными тамплиерами и с ушедшим после своей гибели (1190г.), сообразно легенде-преданию, в горы Тюрингии (над к-рой Асгард — Небо и будущее, а не Мидгард — Земля и настоящее, и не Хельхайм — подземный мир мёртвых и прошлое) Фридрихом Барбароссой. То-то родословие первого крестоносного покорителя Иерусалима (1099г.) Готфрида Бульонского возводилось к сыну Парсифаля Лоз(ра)нгрину (к современнику в Хв. Генриха Птицелова и Оттона Великого). Грааль (евхаристическо-кровеносная *Чаши* и преобразующийся из алмаза в солярно-христонное золото *Золотой Камень*) — как *таинство крови* у Кретьена де Труа (XIIв.), и, главное, как *таинство Я* (за к-рым будущее Человека) у Вольфрама фон Эшенбаха (XII/XIIIвв.) — Lapis Exilis (ex Coelis)! («Сей камень в пятницу Страстную / Приемлет силу неземную»)

Между тем, относительно нововплощения и жизнедеятельности Мани-Манеса (как почитателя в рыцаря Золотого камня героя *алхимической свадьбы* из тюрингического аристократического рода Кр.Розенкрояца в 1459г.), — оно связано (и не может быть не связано) со своеобразно замыкающим сакральный хронохристологический круговорот (III/IV — IX — XIV/XVвв.) уходом-переходом из истории (в метаисторию) в 1375г. (последнего материкового христианского государства эпохи Крестоносцев в восточном Средиземноморье) Киликийской Армении (с её восходящей через фею Мелузину к жене короля Шотландии Альба фее Пресине, сестре феи Морганы, королевской династией Лузиньянов, родом из Пуату/Анжу/Аквитании, с появлением первого графа Лузиньяна на исторической сцене в пору Лознгринга — в Хв. н.э.). И связь эта созерцательна-родственна тому, как парфянская инкарнация Мани в IIIв. н.э. неразрывно связана с уходом из истории в метаисторию Парфии и Парфянства! уж не говоря о судьбоносном исходе в 1413/14г. IV-й (Душа рассудочная) Греко-Латинской (Овен) и о начале V-й (Душа сознательная) Германно-Англосаксонской (Рыбы) культур. Плюс — конец в 1489г. последнего гос-ва крестоносцев — королевства Лузиньянов — на (связанном в древности с мистериями Феникса и с Граалем, а в эпоху Крестовых походов — с тамплиерами, их сокровищами, и с госпитальерами) Кипре, конец в 1492г. последнего арабского гос-ва на

Пиренеях – Гранадского эмирата, открытие Колумбом Америки, депортация евреев из Испании, приход 7-тысячного года по эре от Сотворения мира, и фактическое наступление интуитивно-интуитивной XV-м в. Новой в истории-метаистории человечества эпохи. Мелю(у)зина – фея-змея-драконница (а Голубица, – преображённая змея, реющая над Граалем!) – покровительница водных источников и дома Лузиньянов, кипрский репрезентант к-рого, последний армянский царь Левон VI (1374/75гг.), супруг Маргариты Суассонской и отец нескольких детей, двух дочерей-близнецов и двух (?) сыновей, будучи внуком Левона III Хетумида (1269-89гг.), был сыном Дживана и Солданы – дочери грузинского царя Георгия V Блистательного (1314-46гг.). 1375-1403-1431-1459-1487гг. 1459-87-89-92гг.

При всём том, лингвистическая этимология (драконически-солярных) Луз(с)иньянов не случайно – от «лус-люс» – свет – светоносцы. Люцифер – Светоносцы! Святой Дух – прохристианенно-преображённый искупленный Люцифер! Christus Verus Luciferus! Посланец Света – Апостол Иисуса Христа – *светодавец* Мани – выбитый мечом Архангела Михаила сиятельнейший алмаз из короны Люцифера! И неспроста 1375 – 1487гг. (112 лет = 28x4) защитно окольцовывают освященными покровами сроки – 1378 – 1484гг. – земной жизни (посвящённого в возрасте 81-го года 84-летним Мудрецом-Старцем) Кр. Розенкройца, кто не случайно родился в год кончины резидировавшего в Праге (посвящённого) пробудителя центрально- = средне-европейского (MittelEuropa) самосознания – короля Богемии, германского короля и императора Священноримской империи – Карла IV Люксембургского, наряду с тем, не случайно приняв своё (1459г.) высокое посвящение (истинное постижение функции зла) в год рождения реального создателя-централизатора Священной Римской империи (с 1512г. – германской нации) Нового времени – Максимилиана фон Габсбурга (+ 1519г.).

Не погиб ли скорбно оплаканный Сигуной юноша Шиионатуландер от принятого им на себя, но предназначенного Парсифалю удара Орилуса! Не прослеживается ли мистический путь Граала к Кр.Розенкройцу и к Розенкрейцерам! к Штайнеру и к Антропософии! Не приобщили ли розенкрейцеры к известной расшифровке INRI (Иисус Назарянин Царь Иудейский) своё преобразительно-розенкрейцерское истолкование: «Igne Natura Regenerando Integrat» – «Природа Обновляет Возрождающим Пламенем»! Впрочем, обратимся ко всем этим анонсируемым ныне темам-вопросам в предстоящей книге.

¹¹² И в связи с успехом в завершающем Век Апостольский 100-м г. н.э. Иоанна Богослова, равно в связи с его не первым и не последним, но одним из веховых кармических продолжений в Кр.Розенкройце, о ком Розенкрейцеры открыто заговорили спустя 120 лет после его кончины (106-и лет отроду) в 1484г., т.е. с 1604г., здесь уместно присовокупить. Есть вызывавший в течение веков огромный интерес в христианском мире, и в особенности у тех, кто стоял у истоков Розенкрейцерства Нового времени в XVI/XVIIвв. (Т.Гесс, Кр.Безольд, И.Валентин Андреэ, А.Хольцель...) таинственный иудейский апокриф – «III-я (или – IV-я) Кн. Ездры». Причём анонимный автор данного апокрифа выводит на сцену Ездру, к-рый в 30-м году по разрушении (586г. до н.э.) Иерусалима (3,1; 28) вавилонянами, подавленный бедствиями народа, задаётся рядом мучительных вопросов, и, как полагают некоторые исследователи, делает это, говоря о гибели I-го храма, в 30-м году по разрушении римлянами в 70г. н.э. храма II-го, т.е. в 100г. н.э.

Однако, нас сейчас занимает не этот сам по себе важный (и тоже предоставляющий информацию к размышлению) датировочно-дуалистический параллелизм, а 30-й год по разрушении I-го святилища, к-рый приходится на 557г. до н.э., удивительным образом отстоящий ровно на 100 лет от выхода исторического священника-Аронида Ездры, во главе множества иудейских репатриантов, из Вавилонии в Иудею-Иерусалим в 457г. до н.э. (Кн.Езд.7,1-8/9), к-рый, в свою очередь, отделяют 490 (70x7) лет от обращения в 34г. н.э. Савла-Павла.

Дальше – больше. От 557г. до н.э. набирается не иначе как 2160 лет (один Космический месяц) до 1604г. н.э. – дата осуществления (подобной жертве Христа на Голгофе) жертвенной миссии Будды по умиротворительному преобразению воительной Красной планеты (Марс) в 1601-04гг. Плюс 1601г. отстоит на 2160 лет как от даты рождения Гаутамы (Будды) в 560г. до н.э., так и от времени освобождения в том же году царственного Соломонида Иехонии (см. 14 + 14 + 14 поколений в царской генеалогии Ев. от Мф.) в Вавилоне из дома темничного (Рл. 359-62; Д.И. 471-75; 494-96; 1313-45; 1366-70). Кроме того, судя по слову (апокрифического) «Ездры» о приходе к нему (в Вавилоне) «Салафилия, вождя народа» (5,16), на 557г. до н.э. Иехонии уже не было в живых, и умер он, вероятно, в предшествующем 558г. – в год (хроно)исполнения 17-го Юбилея, по царскому субботне-юбилейному календарю Иисуса Навина, и в год воцарения над персами (освободителя иудеев из Вавилонского плена – 538г. – и инициатора воздвижения Второго храма) Кира Великого. Причём этот 558г. до н.э. отделяют 2160 лет (= 28 космических дней по 72 года каждый) от *великопосвященного* 1459г. н.э.

ЧАСТЬ XX

СОБЫТИЯ В ПАЛЕСТИНЕ

66 — 68 гг. н.э.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИОСИФОМ ГАЛИЛЕИ

(с октября 66г.)

Итак, после победы в октябре 66г. иудейских повстанцев над Цестием Галлом и победоносного возвращения его преследователей в Иерусалим, с бегством наиболее рьяных римлянофилов и с уходом дистанцировавшейся от войны христианской общины из Города, все разговоры в столице о мире с (как бы бесповоротно) побеждёнными римлянами, под эгидой и в вавеле революционной эйфории, умолкли-прекратились. Те, кто выиграли сражение, а не войну (в чём была очень существенная разница и за чем стояла не столько заслуга иудеев, сколько полководческая бездарность Цестия и кризис нероновского принципата, при отнюдь не исчерпанном державном ресурсе Рима), не менее ошибочно, чем чванливо уверились, что у них есть реальные возможности-капацитеты — как удержать одержанную локальную победу, так и (ни много ни мало) выиграть войну в целом.

Кризисный Рим казался теперь многим полуграмотным приверженцам Иудейской революции подобием упавшего гос-ва Селевкидов, т.е. колоссом на глиняных ногах. И почему бы, спрашивается, у этого (якобы) закатного (как мировой капитализм) Рима не вырвать независимость, подобно Маккавеям, тем паче, что (в реальности уже исполнившиеся!) Времена, дескать, где-то на пороге исполнения, и что, мол, сам Господь Бог на стороне богоизбранного народа! Одним словом, все составляющие налицо, а значит — вперёд и с песней («смело, товарищи, в ногу») — к полной и окончательной победе над римским империализмом!¹

¹ Сколько себя помню, т.е. с 1963/64гг., когда в доме ещё не было (до 1966г.) телевизора, сначала советское радио и позднее телевидение без устали материли-хоронили мировой и особенно американский империализм, к-рый-де доживает свои последние годы. С тех пор Советского Союза уже 30 лет как нет (хотя его труп даёт о себе знать по сей день), тогда как американский империализм, пусть и переживая сегодня очередной кризис (похожий на кризис 60-х гг. XX-го века), в целом, по-прежнему, отдавать концы вовсе не собирается. И никуда не денется, поскольку мы живём в Германно-Англосаксонскую эпоху, и ныне время приоритетов Запада (точнее, того, что сегодня называют, элиминировав германский Центр) Западом.

И, кстати, если ранее англо-американцам, плюс — французы, было очень выгодно столкнуть Германию и Россию (не допустить их долгосрочный союз) лоб в лоб, с тем, чтобы, столкнув (аполитичных) немцев и (антиполитичных) русских, прийти на помощь менее опасному на тот момент для них и более слабому в перспективном противоборстве противнику — России (что им блестяще удалось), то сейчас они были бы (мягко говоря) очень не против конфликта между Россией и куда более опасным для них Китаем. Китай сменил на Востоке элиминированную (сродни Германии на Западе) Японию, но ещё не поквитался ни с Западом за Опимные войны и Боксёрское восстание, ни с Россией за Пекинский и Аргуньский договоры, не гарантированный, наряду с тем, невзирая на весь свой нынешний взлёт, от поражения (наподобие японского). И буде российско-китайский конфликт когда-нибудь

И так, или приблизительно так полагала, в т.ч., часть иерократическо-аристократической верхушки староеврейства, в частности, Иосиф б. Горион, первосвященник Анан (к-рый готов был ждать Мессию до *конца света*, желая, вместе с тем, первенствовать над иудеями, будь то при римлянах, или, по возможности, без римлян), Иошуа б. Гамла, Иосиф б. Маттафия (пока – не Флавий)... Ведь последний не был, говорим снова, в 66/67гг., на (до поры) победной иудейской волне, таким (уж) отъявленным римлянофилом, каким силится позиционировать себя впоследствии, и на определённом этапе, ещё не достигнув 30-летнего возраста, искренне поверил в возможность успеха национальной революции, пусть даже уверовав отнюдь не на все 100 и отнюдь (в силу своего высокого интеллектуального уровня) не фанатично.

Дело в том, что и он, и Анан, и Иосиф б. Горион, и многие видные фарисеи были подброшены-подкинута революционной стихией наверх внезапно для самих себя, но, тем не менее, с победой над Цестием, они тоже (релятивно-отчасти) воодушевились ею. И умеренными их можно назвать лишь в сравнении с радикалами-экстремистами (выходцами преимущественно из низов), к-рых революция, идя по восходящей (по пути в пропасть), востребует в первые ряды позже (по примеру якобинской или большевистской диктатур).

Первый же верхушечный состав её руководителей чем-то схож с (породившим недужный большевизм по истечении 8-и месяцев аномальной беременности) Временным правительством февралистов 1917г. в России, или с жирондистами во Франции. Ибо революции издревле развиваются по сходному сценарию, и их более умеренные первоначальные лидеры, если, конечно, они не такие (оправданные) хитрованы, как Флавий (к-рый не мог не пережить Иудейскую войну, не имея права погибнуть в ней), рано или поздно, попадают, политически обанкротившись, сметённые нарастающей (подобно цунами = своего рода *зверю из бездны*) стихией, под нож гильотины.

Так под него попадут и Анан, и Иошуа б. Гамала, и Иосиф б. Горион и др. иерократы-аристократы, когда в Иерусалиме восторжествует царство революционного террора. Революция, как Молох-Сатурн, пожирает своих болезненных детей, не зная пощады! Берегитесь революций, в к-рых уроды, возомнившие себя функциональными эквивалентами богов, жаждут крови!

А Иосиф б. Маттафия разочаруется в революции, к к-рой, как сказано, его сердце изначально лежало не целиком, перед лицом сокрушительной мощи подкомандных настоящим (отлично от Цестия) полководцам римских легионов, против к-рых, как против лома, не было приёма, при отсутствии другого равноценного лома, и наглядная ратно-боевая аргументация к-рых окажется убедительнее всех прочих аргументов. И благо 30-летний Иосиф своевременно, под давлением обстоятельств, повзрослев, это поймёт и соскочит, к счастью для потомков и мировой культуры, с идущего под откос поезда, сдавшись в плен. Чтобы не бросаться в омут революции, или, что много труднее, выйти из неё (пожирательницы своих детей!), дерьмо в зад, к-рое кажется, по молодости лет, кипением крови, должно перекипеть!

И, наверное, можно в чём-то сравнить Иосифа с *благоразумным разбойником*, к-рый, в отличие от разбойников неблагоразумных, вовремя одумался, с той, правда

случится, причём (умеющие просчитывать несколько шахматных шагов вперёд) англосаксы постараются (уходя от собственного столкновения с Китаем), чтобы таковой случился, они непременно снова помогут (на сей раз, против Китая) России.

А с др. стороны, не стали ли большевизм и нацизм горчайшей расплатой России и Германии за их взаимную вражду, за их антагонизм в XIX/XXвв., за их неспособность прийти к союзу, к соглашению, или минимум предотвратить катастрофу 1914г., к-рая пустила весь последующий XX-й век, проигранный и Германией, и Россией, под откос!

разницей, что ему удалось избежать креста, ибо на нём лежала миссия написания его незаменимых для последующих поколений, для всемирной истории и для всей человеческой цивилизации уникальных книг, к-рые не прейдут никогда. Одним судьба – жертвенно умереть, другим – выжить. Жертву Иисуса забыли бы напрочь, не будь Его Воскресения из мёртвых! Жертва Отона не была бы благородной жертвой, если бы Отон не умер! А Иосиф просто не имел права умереть раньше срока! И, кстати, без Иосифа мы не знали бы толком ни историю еврейства, ни историю христианства в I/II вв.! более того, без Иосифа не было бы (если вдуматься!) современного государства Израиль с его паролем: «Гамала и Масада больше никогда не падут!»

Впрочем, поначалу будущий Флавий, вдохновляемый и ведомый молодецким задором (снедаемый амбициями весьма претенциозного молодого человека, к-рый пока не получил по башке) очень усердно взялся за административную гражданско-общественную новоорганизацию. И, главное, – за военную организацию обороноспособности Галилеи, к-рая была самым ответственным участком фронта национал-революции, поскольку наступление римлян на Иудею и Иерусалим ожидалось именно отсюда, с сиро-финикийского севера, через Галилею (и Самарию).

В первую очередь, Иосифом был назначен для управления Галилеей совет из 70-и старейшин, по образцу иерусалимского синедриона, к-рому поручалось решать сложные правовые вопросы, тогда как для решения вопросов менее сложных были созданы малые судейские советы из 7-и членов в каждом полисе (И.в. 2,20,5; «Жизнь» 7).

При этом, в «Жизни», пишучи в 90-е гг., когда не было уже в живых его главных покровителей – Веспасиана и Тита (хотя Домициан тоже благоволил к нему, а Нерве и Траяну, похоже, не было до него никакого дела), Флавий, во-первых, присовокупляет, что вместе с ним в Галилею были снаряжены два священника – Иоазар и Иуда (заместители верховного комиссара), и во-вторых, имеет наглость утверждать, что его галилейское назначение якобы было обусловлено тайным умыслом как иерусалимских верховников, так и его самого Галилею умиротворить (!).

Разумеется, это не так, но в 90-е гг. Ив. другой участник восстания Юст (Иуст) из Тивериады выпустил альтернативную изданной ещё при Веспасиане флавиевской «Иудейской войне» (писалась в 75 – 79гг.) книгу, где изобразил Иосифа одним из главных поджигателей войны, срывая с него маску изначального-всегдашнего римлянофила-миротворца, в чём был частично, пусть наверняка перегибая палку, прав. И Флавий своей «Жизнью», тоже перегибая палку, вынужденно защищался против нападок Иуста. Одним словом, писатели-тенденциозники конъюктурили и передёргивали факты в древности, как и в наше время. Ничего нового. К сожалению, труд ярого флавиевского оппонента до нас не дошёл и сопоставить их напрямую нет возможности.

Далее, в видах своей основной заботы об обороноспособности Галилеи, Иосиф взялся укрепить стенами и фортификационными сооружениями её населённые пункты: Иотапату (к-рую он будет персонально оборонять до начала июля 67г.), Тивериаду, Сепфорис, Тарихею (Магдала – родина Лазаря и Марии Магдалины), гору Итавирион = Табор (Преображенский Фавор), Вирсавию, Гисхалу (к-рая падёт последней в Галилее – ноябрьской осенью 67г.). Плюс к тому, были укреплены расположенные в Гавлане (Гавланитида), к востоку от Генисаретского озера, Гамала, Согана, Селевкия, к-рые, как и Тивериада, или Тарихея, или Сепфорис в Галилее, принадлежали к (расширенному Нероном за счёт частей Галилеи) царству союзника римлян Агриппы (соучастника похода Цестия, кто затем обретался в Берите – Финикия, присоединившись к Веспасиану в Антиохии весной 67г.), и примкнули в ббг. к восстанию (И.в. 2,20,6).

При всём том, интересно, что опорный пункт самого Иосифа мы не однажды находим в Тарихее (*место соления рыбы*), в 7/8 км к с-з от Тивериады (в Талмуде – Мигдаль Нунайя – *башня рыбащей*), а не в крупнейших городах Галилеи – Тивериаде или Сепфорисе, так как, вероятно, среди тарихейцев, т.е. среди обитателей меньшего по размерам, в сравнении с названными городами, рыбацкого полиса-селения, он чувствовал себя увереннее.

Впервые упоминающийся у Флавия (И.д. 13,12,5) в правление Александра Янная Сепфорис (Циппори – от и по имени мадианитянской жены Моисея – Циппоры) был чисто иудейским городом до 1г. н.э., когда Квинктилий Вар сжёг его в наказание за участие сепфоритов в восстании иудеев по смерти Ирода и продал жителей в рабство. После этого город – столичная «жемчужина Галилеи», восстановился при Антипе, тетрархе Галилеи и Переи, уже как смешаннонаселённый, и всё больше терял свой еврейский облик в пользу космополитической эллинизации, перейдя в 40г. от сосланного Калигулой Антипы к Агриппе I, и позднее включённый в состав царства Агриппы II Нероном. К тому же, ещё Антипа перенёс столичный центр Галилеи из Сепфориса в основанную им в 19г. н.э. Тивериаду (Д.И. 176-78).

В 60-е гг. сепфорийцы были наиболее мирно настроены к римлянам. Они встретили хлебом-солью Цестия Галла и даже испросили у него гарнизон, к-рый, с поражением Цестия, оставил город, вынужденно присоединившийся к восстанию и отстроивший крепостные стены, по соглашению с Иосифом, на свои средства. Впрочем, сделано это было не столько против римлян, сколько, как выяснится, для римлян, к-рых Сепфорис снова мирно примет к себе (и тем избегнет разорения) в 67г., между тем как ранее Иосифу придётся однажды усмирить неблагонадёжных горожан силой.

* * *

Основанная же Антипой Тивериада, с её более мягким зимним климатом, чем нагорный Сепфорис, и с целебными источниками, изначально представляла собой город, вернее, эллинистический полис, со смешанным населением, мало того, построенный над старым кладбищем и нечистый для ортодоксальных иудеев, с городским советом из 600 чел., с архонтами, гиппархами, агораномы и т.д. Однако на 66/67гг. в Тивериаде была сильная иудейская партия и достоинство архонта облакал ярый приверженец революции Иисус, сын Сапфия (не путать с одноимённым-одноотчественным комиссаром Идумеи), к-рый действовал руку об руку с Иустом, сыном Писта (в перспективе яростный оппонент Флавия – вышеназванный историк Иуст Тивериадский). Оба – из чиновного окружения царя Агриппы II, отпавшие от него и от римлян в революцию.

Так, иерусалимская власть поручила Иосифу уничтожение дворца Антипы в Тивериаде, украшенного подзапретными для иудеев скульптурными изображениями. Однако он медлил, не желая порывать с Агриппой и Вереникой, достоинством и резиденцией к-рых был этот дворец, завязав также переговоры с местной аристократической партией эллинистов, чтобы обставить всё покорректнее-поприличнее. Во-первых, Иосифа связывали личные отношения с Агриппой и Вереникой, и во-вторых, он полагал, что в случае возможных компромиссных переговоров с римлянами Агриппа мог бы выступить посредником.

Тем временем, (национал-охлократ) Иисус, сын Сапфия, потеряв терпение и опираясь на еврейско-иудейскую бедноту (гольтьбу), перехватил (революционную) инициативу, сжёг-разграбил дворец Ирода и вырезал всех язычников города (как пятую колонну), произведя, таким образом, религиозно-этническую чистку в Тиве-

риаде, чем возмутил Иосифа, — «позаботившегося о сохранении всех тех царских сокровищ, к-рые можно было вырвать из рук похитителей» («Ж.» 9;12;13).

И всё равно Тивериаду, включая её неоднородное еврейское население, отличали шаткие, вследствие чего она несколько раз меняла ориентацию, настроения-метания, — то в пользу радикалов-экстремистов, то в пользу Иосифа, то в пользу Агриппы и римлян. Притом, в конце концов, тивериадцы сдались (после падения Иотапаты) летом 67г. Веспасиану без боя, пощажённые-упасённые от разгрома благодаря Агриппе, к-рый всю войну твёрдо держал сторону римлян. В пределах его (предпочитавшего резидировать в Кесарии Филипповой) царства Тивериада и осталась в дальнейшем, видимо, до агриппианской кончины в 100г. н.э., став в III/IVв., когда иудеи, лишённые во Пв. эллинизированного-эллинистического Иерусалима (Элиа Капитолина) и собственно Иудеи, постепенно-облюбовали-обжили (составив большинство её населения) Галилею, ортодоксально-талмудическим иудеонаселённым центром раввинской учёности.

Гисхала (Гуш-Халав), откуда происходили родители Ап. Павла, предположительно, проданные Варом в рабство в 1г. н.э. и попавшие в киликийский Тарс, где Савл/Павел родился в 3г. н.э. уже как сын свободных родителей и римский гражданин, была галилейским полисом (расположенным в 8-и км к с-з от Сафеда), возведение стен к-рого Мишна («Арахин» 9,6) относит ко времени Иисуса Навина. Славилась производством оливкового масла, позднее — шёлка-сырца.

Её укрепил вроде бы за свой собственный или местных богатеев счёт Иоханан, сын Леви, — «по приказанию Иосифа» (И.в. 2,20,6), больше известный как Иоанн Гисхальский, самый непримиримый враг Флавия, для к-рого последний не жалеет чернейших красок в «Войне» (пользуемых в «Жизни», когда Иоханана, приговорённого после разгрома восстания к пожизненному каторжному заточению, вероятно, уже давно нет в живых, для изображения-клеймения более актуального-злободневного врага-оппонента — Иуста Тивериадского).

Иоханан был экстремистом из низов, к-рый делал вид, что уважает образованного иерократа-аристократа Флавия, как и Флавий, со своей стороны, делал вид, что почитает его, (политиканствующего) уголовника, лишь в самом начале сведшего их общего повстанческого дела, в то время как на самом деле они могли быть только временными недолгими попутчиками (как, к примеру, Мирабо и Марат). Очень скоро разногласия между ними вырвались наружу: со стороны Иоханана последовали обвинения в адрес умеренного национал-освободителя Иосифа как в тирании, так и в тайном римлянофильстве, более того, в изменническом стремлении предаться и предать Галилею римлянам.

Хотя он сам был не меньшим, а куда большим тираном и крайне узколобым, патологически жестоким радикалом-террористом, с кругозором взводного командира, притязающего на роль революционного маршала и диктатора, без всякого представления о мощи и масштабах Римской империи. Тиран, готовый бросить в топку революции тысячи и тысячи жизней под лозунгом «свобода или смерть», к-рый искони означал для еврейства не что иное как именно смерть, оставляя под вопросом только время её триумфального шáбаша (шáбаш!) и количество жертв. Причём именно по вине (революционного эпилептика) Иоханана и подобных ему экстремистов-экстремалов (якобинско-большевистско-мафиозно-игиловского типа) это чудовищное количество росло и выросло в строгой арифметическо-геометрической прогрессии до, в общей сложности, ок. 1 млн. погибших в их заведомо безнадежной и в заранее проигранной авантюре.

Гамала (Гамла) — еврейский город на западном склоне Голанской возвышенности (сегодня Голанские высоты во владении Израиля), в 18-и км с-в Генисаретского озера, на противоположном берегу от Тарихеи, в Гавланитиде. Основан ок.

81г. до н.э. в составе Хасмонеяского царства покорившим Гавлан Александром Яннаем. Название – от «гамаль» – горб верблюда, так как холм, на к-ром находился город, напоминает горб дромедара. В IV до н.э. здесь селились, вдобавок к палестинским, евреи – выходцы из Вавилонии (репатрианты в возрождённое Маккавеев еврейское государство, к-рые частично продолжали репатрироваться и при позиционировавшем себя правопреемником Маккавеев Ироде).

Археологические раскопки обнаружили крепостные стены в 6м толщиной на небольшом седле между долинами двух ручьёв базальтового хребта, окружённого глубокими ущельями. Родом из Гамалы был Иуда Галилеянин – (демагогический) отец (эпилептической) идеологии рев. зилотизма, повстанчески выступивший в 6/7гг. н.э., после аннексии Римом Иудеи, во время переписи Квириния.

На 66г. Гамала принадлежала Агриппе, тоже примкнула к повстанцам, тоже отпадала от Иосифа, вновь покорившись ему, и потом безрезультатно осаждалась воинством Агриппы, по Флавию, на протяжении аж 7-и месяцев (67гг.) (см. ниже). А пала она в результате второй римской осады, продолжавшейся всего один месяц, в октябре 67г., как предпоследний оплот повстанцев на галилейско-пригалилейском севере, до павшей несколько позже, в ноябре, Гисхалы, покорением к-рой (откуда Иоханан Гисхальский загодя сбежал в Иерусалим) Веспасиан победоносно завершит кампанию 67г. в Галилее и Гавлане.

МЕРОПРИЯТИЯ ИОСИФА

(66/67гг.)

Не в пример моноиудейской-монолитной Иудее или преимущественно иудейской Перее, или безостаточно иудаизированной на IV н.э. Идумее, идумеяне к-рой стали поправовернее многих иудеев, пёстрая чресполосная Галилея, уж не говоря о преимущественно языческом Заиорданье (к северу от Перее и Декаполиса), не была однородна. Её народонаселение составляли и фанатичные, и в большом количестве эллинизированные умеренные иудеи, и откровенные римлянофилы среди иудеев, и язычники. Плюс Галилею крайне досадно для иудеев отделяла от Иудеи чуждая ей Самария, с её враждебными к иудеям самарянами.

И ситуация, с к-рой пришлось столкнуться в Галилее (грядущему) Флавию, равно её развитие, ярко отражают, в условиях, когда ряды (тоже) разнородных-разноцветных революционеров раздирали противоречия, отсутствие какого-либо единства, какого-либо консенсуса в ней. И, как показали события, – невозможность создания, невозможность организации в Галилее, из Галилеи эффективного противоримского бастиона, к-рый затрешит по швам при первом же серьёзном военном натиске римлян с сиро-финикийского севера.

И произойдёт это, несмотря на то, что наряду с укреплением вышеперечисленных опорных пунктов, первейшей задачей Иосифа было формирование армии из галилеян, набранной им в количестве, по его словам, в общей сложности, аж 100 тыс. человек («И.в.» 2,20, 6), из призванных в неё молодых людей и мужей, к-рых он снабдил старым оружием, собранным отовсюду («где только можно было его собрать»).

В войске была введена строгая дисциплина по римскому образцу. Начавший с энтузиазмом главнокомандующий разделит своё воинство на десятки, сотни и тысячи под командой, соответственно, десятников, сотников, тысяцких, приступив одновременно к обучению солдат в их подготовке к войне против римлян по римским лекалам (2,21,6/7).

Из 8-го абзаца 2-й главы 20-й книги «Bellum» черпаем информацию о «вполне

организованном войске» в 60 тыс. пехоты, 250 всадников (самое слабое звено иудеев – катастрофическая малочисленность кавалерии), ещё 4,5 тыс. наёмников. 600 отборных солдат составляли личную охрану главкома. Армия находилась на содержании полисов, сёл, деревень, обязанных отправлять на действительную военную службу половину призывного-боеспособного мужского населения², в то время как вторая половина должна была трудиться, чтобы содержать первую.

Всё казалось бы окей и заслуживает похвалы – браво, Иосиф! Но, спрашивается, на основе какого профессионального опыта или каких познаний в военном деле он всем этим, как и политической деятельностью, занимался-заправлял? Да, он (род. – 37г.) был вундеркиндом (знатного аронидско-маккавейского происхождения), поражающим окружающих своими познаниями в Торе и при её толковании, в возрасте всего 14-и лет, – ок. 51г. н.э. (время Апостольского собора). Да, он получил хорошее образование и провёл 3 года у ессейского отшельника Бана – 53 – 56гг., примкнув затем в Иерусалиме, ок. 20-и лет отроду, к партии фарисеев. Да, он отправился в амплуа ходатая за иудейских заложников в Рим осенью 63г., где, претерпев в пути кораблекрушение и спасшись, провёл время до весны 64г., успешно выполнив возложенную на него миссию, сумев приглянуться Поппее Сабине и победно возвратившись в Иерусалим, что значительно подняло акции молодого человека 27-и лет отроду.

Но если блестящая раввинская образованность, в сочетании с присущим её носителю ойкуменическим кругозором, что отличало лишь единицы раввински образованных-подкованных иудеев, и, в дополнение к тому, сопричастность культурному эллинизму без ущерба для иудаизма, чем могли похвастать немногие иудеи, налицо, то, с другой стороны, никакого опыта политического руководства и, наипаче, опыта военного у Иосифа не было.

Или в интервале 56/57 – 63гг., от его партийно-орденского присоединения к фарисеям до путешествия в Рим, он провёл какое-то время, облечённый какой-то миссией иерусалимским синедрионом, в Антиохии Сирийской, в Сирии (о чём флавиевские произведения почему-то, что на бахвалистого Флавия совсем не похоже, молчат!)? где имел возможность наблюдать за жизнью, службой и подготовкой римских легионов? (ведь в Палестине стационарировались 5 подчинённых прокуратору когорт, укомплектованных в основном неримлянами, опыт к-рых легионерским не назовёшь).

Так или иначе, Иосифовы познания в военном деле были и не могли не быть дилетантскими. Генералом революции, самородком, по типу Л.Гоша или Наполеона Бонапарта, прыгнувшего в генералы после взятия им Тулона, Иосифу тоже стать не удалось. Если Цезарь (в т.ч., выдающийся историк!) писал историю между своими военными и политическими победами, то Флавию предстояло потерпеть сокрушительное военно-политическое поражение перед тем как (навсегда отставив профессиональную военщину) сделаться выдающимся историком!

Одним словом, никакими слишком глубокими его, книжного мужа, познания в воинском искусстве точно не являлись. Да и эффективный политический менеджмент аналогично был, сколь выявили события, не по его части. То-то война иудеев в порученной ему Галилее была в течение 67г., по всем статьям, проиграна = выиграна римлянами, возможно, несколько более легко, чем это было бы при другом предводителе, к-рый всё равно такую войну не мог не проиграть, просто с гораздо большим числом еврейских жертв и пусть несколько позже.

² У римлян с 17/18-и до 45/46-и лет – возраст юниоров = молодых людей – регулярно-армейская, с 46-и до 60-и лет – возраст сениоров = зрелых мужей – допустимая гарнизонная служба.

Притом сам Иосиф, к-рому больше досаждали и действия к-рого больше скывывали, часто сводя их к неудачам, внутренние распри, нежели римляне, до середины лета 67г. всё глубже разочаровывался-разубеждался как в революции (к к-рой, повторим, он изначально примкнул, будучи слишком умён, отнюдь не всем своим существом), так и особенно в возможности победы над римлянами. Ведь их военной машине и военному искусству, при правильном использовании оных правильными командирами, в запертой отовсюду римскими владениями миниатюрной Палестине, некому и нечего было в какой-либо долговременной перспективе противопоставить.

И не иудейским повстанцам было с Римом тягаться! И критика оппонетнов Иосифа в его адрес была бы частично уместной, кабы у них самих имелась малейшая-мизерная возможность одержать их экстремистскими методами-силами (мол, сводившимися на нет Иосифом) победу. Но подобной возможности не было ни при каком раскладе, т.к. вся повстанческая авантюра была заведомо погибельной. Помимо того, галилейский главком спас в итоге жизни множества людей, к-рые безоглядно были бы принесены экстремистами в жертву без достижения какого-либо иного результата, кроме ещё более разгромного и беспощадного поражения.

Не лучше ли понять-осознать свою ошибку поздно, чем никогда! не лучше ли выжить, когда у тебя есть ещё — чем удивить-одарить людей, нежели никчемно и бесполезно умереть, будь то за лозунги, или за несостоятельную идею-затею, или за псевдоблагие намерения, ведущие в ад! Если «профессиональных революционеров», кто, в сём случае, одновременно атаманы, Иохананов Гисхальских, Шимонов б. Гиор, Элезаров б. Симон, к-рые демонстративно-картинно надевают на себя пояса шахидов, одновременно предпочитая жертвовать совсем не столько собой, сколько тысячами и тысячами др. людей (люди для них — разменный человеческий материал!), своих и чужих, довольно много, или, во всяком случае, — немало, то Флавий — один — единственный и неповторимый! И его (великого историка-живописателя) пример ясно доказывает, что незаменяемые люди, когда речь идёт об избранных, очень даже есть. И их необходимо беречь. И негоже вменять им практически реализованную Иосифом максиму: спасение утопающих — дело рук самих утопающих!^{2a}

Правда, сдача летом 67г. не пожелавшего геройски умереть ни в бою, ни самоубийственно (и совершенно верно поступившего) Иосифа в плен чем-то напоминает пленённых советскими солдатами под Сталинградом итальянцев, у к-рых (в плену с ними обращались гораздо лучше, чем с немцами) на фотографиях времён Второй мировой войны такой счастливый вид, как будто это не их взяли в плен, а это они неукротимым штурмом взяли Москву!

Судя же по 20-й главе 2-й кн. «Bellum», к-рая повествует о событиях с прибытия будущего Флавия в Галилею в конце октября 66г., получается, что при окончании этой главы, мы оказываемся уже в 67г., поскольку на осуществление Флавием всего в ней рассказанного наверняка потребовалось порядочно времени.

Впрочем, в рассказах о событиях до начала весеннего — 67г. — наступления римлян, в «Воине» и в «Жизни», к-рые (обусловленные, в т.ч., различными задачами, ставившимися автором, и различной конъюнктурностью в разное время написания этих произведений) не всегда и не во всём тождественны, строгая хронологическая последовательность событий соблюдена не повсеместно и восстановить её далеко не всегда просто.

^{2a} Не к месту ли тут вспомнить, что автор «Марсельезы» (1792) Руже де Лиль (1760-1838) угодил в 1794г. в застенки и избежал гильотины только благодаря падению Робеспьера. А в 1814г. он же, — как повзрослев на 20 лет, так и спасая себя, — восторженно приветствовал реставрацию Бурбонов вдохновенной песней «Да здравствует король!». Хотя потомство предпочло последней сделанную в 1879г. гимном Франции «Марсельезу», названную, кстати, так, в память о неистовом батальоне марсельцев, штурмовавшем 10.08.1792г. королевский дворец Тюильри и устроившем в нём кровавую баню.

ИОХАНАН ГИСХАЛЬСКИЙ

Следующую 21-ю гл. 2-й кн. «И.в.» Флавий начинает с представления читателю Иоанна, сына Леви, из Гисхалы = Иоаханана Гисхальского – кровожадного честолюбца, притворявшегося человеколюбцем, что типично для бандюганов-революционеров во все времена. Поначалу он собрал шайку из 400 человек (к-рая затем выросла до нескольких тысяч), в основном остервенелых иудейских беженцев из Тира и др. сиро-финикийских полисов (где иудеи подверглись языческим погромам). И с ними, изображая из себя Робин Гуда, защитника как национал-иудеев, так и угнетённых-обездоленных (иудейских) бедняков, занимался грабежами – как в пограничье, по адресу язычников, мстя сирийцам (Vita 10), так и в Галилее, грабя, в т.ч., иудейских богачей, (рекетирски) принуждаемых им, например, к спонсированию революции, в частности, к сооружению-укреплению крепостных стен Гуш-Халава.

Притом в абзаце 2 Иосиф признаёт, что сначала ему нравилась деловитость (сплотителя гисхальцев) атамана Иоханана, точнее, (временный) революционер из интеллигентов-аристократов делал вид, что искренне отдаёт должное безбашенному *батъке Махно*, на деле вынужденный с ним считаться, как тот, в свою очередь, делал вид, что признаёт приоритеты грамотного-образованного-рафинированного столичного комиссара (из фарисеев). И Иосифу очень импонировало укрепление Иохананом стен Гисхалы за свой (или тамошних богатеев) счёт, на чём галилейская, в Иосифовом ведении, казна, надо думать, сэкономила значительные суммы-средства.

Далее, Иоханан, занимавшийся и до войны продажей оливкового масла, добился от Иосифа своей монополии на сбыт этого масла сирийским иудеям, к-рым закон запрещал употреблять масло, изготовленное язычниками, и таким образом, бессовестно спекулируя маслом, сумел изрядно нажиться, вскоре употребив нажитую деньгу против того, благодаря кому нажился.

Согласно «Жизни» (13), Иоханан добивался разрешения вывезти на продажу римский хлеб, хранившийся в зернохранилищах Верхней Галилеи, чтобы израсходовать вырученные от этого деньги для укрепления стен Гисхалы. Но Иосиф не разрешил, разумея сохранить это зерно для галилейских нужд, пусть даже, опять-таки, в «Жизни» он неуклюже-конфузно (пишучи в Риме) врёт-привирает, что хотел, мол, сохранить зерно для римлян, или для себя = для нужд вверенной ему Галилеи, говоря правду только во втором случае (к-рый как бы смягчается первым заявлением).

И уже потом говорится об оливковом масле, причём для жителей сохранявшей верность Агриппе (на самом севере Гавлана – в Дане) преимущественно языческой Кесарии Филипповой, к-рых держал тогда взаперти управляющий Агриппы Экви Модий, кем Агриппа заменил (родственного эмесскому царскому дому) интриганного Ноара (или Вара) (см. выше). Более того, по «Жизни», Флавий дал согласие на оливково-спекулятивную монополию Иоханана не по доброй воле, но под охлократическим нажимом митинговой толпы, грозившей иначе забросать его камнями.

Какой рассказ правдивее? – сказать трудно. В любом случае, в стяжательстве охочего до грабежа, спекуляций и чужого добра Иоханана не усомнишься. Оливковое масло он продавал по завышенной цене в чём-то сходно тому, как совсем недавно игиловцы спекулировали нефтью, добываемой в захваченных ими нефтеносных района Ирака, к-рую они продавали, беспардонно наживаясь, и друзьям, и врагам.

А прибыльно нажившись и почувствовав себя куда увереннее, этот рискованный атаман Иоханан решил, что неплохо бы низвергнуть Иосифа, к-рого он внутренне ненавидел всеми фибрами своей чёрной души (и как быдловатый плебей аристократа, и как крайний экстремист-мокрушник умеренного национал-патриота), с

тем, чтобы самому «получить начальство над Галилеей» (2). И он стал распространять молву, «будто Иосиф только и помышляет о том, чтобы всё предать римлянам, и многими подобными происками добивался падения последнего» (2).

Иосиф пока не помышлял предаваться римлянам, но его благоразумие, осмотрительность, осторожность, его подчёркнуто примиренческая позиция во внутренних спорах, само собой, квалифицировались нетерпимым и нетерпеливым Иохананом как потенциальное предательство. Отчасти потому, что он, радикал и приверженец беспощадной войны в любых условиях-обстоятельствах (будь то победные или самоубийственные), искреннее так думал; отчасти же, вернее, на львиную долю, — из собственных амбиций, из стремления вождистски возглавить Галилею. А позднее, м.б., если получится, оседлать и всё противоримское восстание в целом (спекулянт и душегуб — победоносный князь *Израиля* на белом коне!)! Непомерные амбиции шагают (прусским шагом) впереди революционеров (левой, левой, левой) и, зачастую, пожирают их даже раньше, чем Молох-Сатурн своих детей!³

Первый открытый конфликт между ними, между верховным комиссаром Галилеи и этим *эскобаристым Спартак* местного значения, случился из-за того, что несколько молодых людей из пограничной деревни Дабаритты напали на управляющего Агриппы Птолемея и отняли у него весь багаж с множеством ценных вещей (21,3), к-рые Птолемея, видимо, имел намерение (тайно) доставить Агриппе (из Тивериады?) в Берит. Молодые люди доставили награбленное к Иосифу в Тарихею, в то время как он, выразив доставщикам, по его словам, порицание за насильственный образ действий, решил сохранить всё для Агриппы.

Это вызвало возмущение народных экспроприаторов, к-рые пошли окрест, по полисам и сёлам, поднимая народ и обвиняя Иосифа в измене, в результате чего наутро аж 100 тыс. (неужели!?) вооружённых людей отовсюду «собрались в тарихейский ипподром, где было произнесено много страстных речей против Иосифа» (3). В таком виде-формате ситуация, конечно, не воспроизводится. 100 тыс., — да ещё на следующее утро!

Тем не менее, суть ясна. Иосиф вновь не пожелал ссориться с Агриппой, что спровоцировало соответствующий конфликт, к-рым тотчас воспользовались Иоханан Гисхальский и Иошуа, сын Сапфия, — тот самый иудейский архонт Тивериады, разрушивший дворец Антипы и предавший мечу тивериадских язычников («Жизнь» 9; 12; 13; 27). Они всячески разжигали ярость толпы, требовавшей минимум отрешения Иосифа от должности, максимум — его сожжения.

Охрана верховного комиссара в страхе разбежалась, четыре оставшихся с ним телохранителя советовали немедля бежать (ср. «Жизнь» 28, где с Иосифом остаётся всего один охранник, советующий шефу покончить самоубийством, дабы избежать страшной казни, от чего тот отказывается, вверив себя Божьей воле). Но он, хитрован, нашёл в себе силы посыпать голову пеплом и выйти к толпе, чем вызвал

³ На памяти смертельно больной, прикованный к креслу-каталке Ленин, последней забавой к-рого стала не пляска вокруг новогодней ёлки с детьми (как это преподносила советская пропаганда), но охота (за несколько дней до кончины 21.01.1924г.) на зайцев. Вернее, — дикая радость вывезенного на зимнюю природу Ильича, кто жадно наблюдал устроенную специально для него чекистской охраной заячью охоту.

Причём окровавленные тушки застреленных сваливали к ленинским ногам, снег вокруг кресла-каталки сделался багровым, и всё данное действие привело вождя революции в такой восторг, что он даже пытался аплодировать. Точнее, он, лишённый речи, имитировал бурные аплодисменты, трогая одной полупарализованной рукой другую неподвижно покоившуюся на его колене руку. Похож ли этот (дедушка) Ленин на знакомого нам (внучатам Ильича) с детства весёлого (лукавый прищур) картаво-доброжелательного придурка из советских киношек?!

сочувствие (и без того) расположенных к нему тарихеян, бывших здесь, у себя дома, хозяевами положения.

Дальше – больше. Из обращённого к кипящей людской массе слова последовало, что он-де собирался употребить царские средства на укрепление Тарихеи, других денег для сооружения стен к-рой нет, чем ему удалось окончательно переманить ок. 40 тыс. (не чересчур ли много для не столь крупной Тарихеи?) тарихеян на свою сторону, рассорив их, теперь уже взявших его под защиту, с остальными горлопанами (21,4).

После этого часть толпы удалилась и всё вроде бы улеглось, хотя, впрочем, 2 тыс. чел., или, по «Жизни» (30), 600, всё-таки, напали на начальника, спасшегося бегством в свой тарихейский дом, к-рый был ими окружён (21,5). И опять он перехитрил противников, поднявшись на крышу дома и зазвав внутрь просторного жилья, якобы для переговоров с ними, коноводов бунта, к-рых велел в доме снова собравшейся при нём страже бичевать и выбросить обогранных кровью наружу. Это впечатлило толпу настолько, «что она – по слову Флавия – бросила оружие и побежала прочь» (5).

Так, не сумев скинуть своего врага-конкурента руками толпы, чрезвычайно раздосадованный Иоханан сделал вид, что идёт на мировую. Он испросил у Иосифа, сказавшись недужным, разрешение пользоваться целебными тивериадскими источниками, и Иосиф, не желая в очень непростой ситуации отсутствия в Галилее внутреннего единства, вновь обострять отношения с ним, – разрешил (21,6). Вынужденный обмен любезностями сквозь взаимный скрежет зубов!

Интриганство Иоханана не заставило себя долго ждать. Едва омыв своё брненное тело в целебных купальнях, последний начал агитацию против Иосифа, о чём Иосифов представитель в городе, Сила, тотчас доложил начальнику, поспешившему (из Тарихеи?) в Тивериаду. На сей раз, Иоханан лукаво сказался больным, мол, не могушим лично встретить комиссара, к к-рому, собравшему тивериадцев на ипподроме, дабы сказать к ним слово, одновременно подослал группу убийц с кинжалами. Нападение оказалось внезапным и Иосифу, кому ничего не оставалось, кроме как в спешном порядке спастись бегством, с трудом удалось достигнуть близлежащего Галиейского моря, прыгнуть в лодку и уйти от преследователей, отплыв от берега (6).

По «Жизни» (17; 18), Иоханан в Тивериаде побудил к отпадению от Иосифа ярых сторонников войны с Римом – Иуста и его отца Писта. Извещённый Силой об измене Иосиф поспешил с отрядом в 200 человек для подавления мятежа к городу, где навстречу ему приветственно вышли тивериадцы. Иоханан растерялся-испугался, поприветствовал начальника и удалился домой, откуда уже снарядил убийц на ипподром, от покушения к-рых Иосифу не без труда удалось спастись бегством в лодку, в к-рой он, в сопровождении одного верного телохранителя, отплыл на безопасное расстояние от берега.

Тем временем, солдаты Иосифа обнажили оружие и пошли против его несостоявшихся ликвидаторов (21,7). Он приказал через вестового к солдатам не трогать невиновных. Жители окрестных сёл, вооружившись, также выступили в его поддержку, и Иоханан, видя, что дело табак, сбежал в Гисхалу. К Иосифу стеклись тысячи вооружённых в готовности выступить против Иоханана и сжечь его вместе с его полисом за предоставление гисхальцами убежища мятежнику. Иосиф объявил через герольдов, что отдаст на разграбление имущество и сожжёт дома тех, кто останутся верными Иоханану, через 5 дней; сообразно «Жизни» (66), – через 20 дней. После этого оружие сложили 3 тыс. мятежников, между тем как с Иохананом, запершимся в Гисхале, остались 2 тыс.; по «Жизни», – 1500 чел.

ИОСИФ ОСТАЁТСЯ НА ПОСТУ НАЧАЛЬНИКА ГАЛИЛЕИ

(конец 66 / начало 67гг.)

Но дело слишком далеко зашло и атаман-бандюган умиротворяться не собирался. Он тайно направил послов в Иерусалим с требованием принять меры против всё возрастающей власти Иосифа с предупреждением, что если меры не будут приняты, — «то его (Иосифа) вскоре увидят, как тирана, в столице» (21,7). Обратим внимание на обвинение не в предательстве, не в стремлении предаться и предать Галилею римлянам (чего за Иосифом тогда не водилось и в чём его нельзя было перед иерусалимскими верхами обвинить), а именно в тирании, в желании стать деспотичным лидером-предводителем революции, что должно было, по мнению Иоханана, вызвать у иерусалимских верхов большее доверие и страх перед мнимым диктатором.

План отчасти сработал. При этом в дело пошла и взятка от галилейских симпатизантов Иоханана, к-рого поддержал в Иерусалиме дружный ему — очень авторитетный фарисей Симон б. Гамалиэль (не сын ли Гамалиила Старшего, внука Гилеля, и отец Гамалиила II — постхрамового преемника р. Иоханана б. Заккаи?), так что (не устоявший перед взяткой) Анан б. Анан и Иошуа б. Гамала, давешние сторонники Иосифа, с его смещением согласились («Жизнь» 38-40).

В Галилею была снаряжена комиссия из 4-х высокопоставленных мужей (Иоазар, Анания, Симон, Иуда — три видных фарисея и один представитель первосвященской фамилии), в сопровождении 2,5 тыс. тяжеловооружённых гоплитов, с поручением отстранить Иосифа от власти, но дать ему возможность оправдаться, если он согласится добровольно сложить свои полномочия; если же нет, — «то поступить с ним, как с врагом» (21,7).

По «Bellum», Иосиф был предупреждён о нависшей над ним опасности иерусалимскими друзьями, к-рые не могли сообщить подробностей, т.к. не знали их, потому что решение хранилось в тайне. По «Жизни», Флавия предупредил его отец, к-рому проболтался сын Иошуа б. Гамала — Иоанн (41).

Причём в сложившейся двойственной ситуации, когда Иоханан получил из Иерусалима добро на борьбу с Иосифом, «а жителям Сепфориса, Габары и Тивериады приказали послать Иоханану вспомогательные отряды» («Ж.» 40), на сторону врагов Иосифа «тотчас перешли 4 города — Сепфорис, Гамала, Гисхала и Тивериада» (21,7).

Однако вскоре он вернул отпавшие города под свой контроль, более того, добился отмены решения о своей отставке и отправил посланное против него посольство из 4-х авторитетов, к-рыми овладел хитростью, назад в Иерусалим (21,7; «Ж.» 38-64). Как видим, Иосиф был шит далеко не лыком. По его словам, галилеяне были в большинстве против его отстранения, боясь, что станут без него, проявляющего должную заботу о них и о правопорядке, добычей местных атаманов-беспредельщиков, во что очень даже можно поверить.

В связи с данными событиями примечательно следующее. Вещий сон Флавия, при его стоянии с верными ему воинами на равнине Асохис, близ Сепфориса, недалеко от Назарета, куда к нему, объявившему, что он через три дня покинет Галилею и отправится в Иерусалим, стекались, моля не покидать их, толпы галилеян. Во сне ему явился некий муж, сказавший: «Освободи свою душу от печалей, человеце, и избавься от всякого страха. Ибо то, что огорчает тебя, сделает тебя величайшим и во всём счастливейшим. Ты добьёшься успеха не только в этом, но и во многом другом. Не страдай: но помни, что тебе ещё нужно сразиться с римлянами» («Ж.» 42).

Это известное *сновидение* (принимавшееся в Ср. века на веру) уже десятки раз

заругано ново-новейшими олухами, как заведомая инсинуация, к-рой, мол, Флавий ловко оправдывает задним числом своё дальнейшее, до поры, участие в войне против римлян. Видеть вещие сны, видишь ли, невозможно, как и предсказывать будущее; стало быть, перед нами расчётливо-конъюктурный фальсификат, авторский вымысел.

Флавий не чурается конъюктуры и часто уподобляется многим мемуаристам, помня то, что он хочет помнить, и так, как ему хочется вспомнить. Но, по нашему убеждению, не в этом случае (пусть он даже небесхитростно настаивает перед римлянами на неотвратимости своего поначалу участия в войне против них оправдательной ссылкой на голос свыше). Вспомним также, что он провёл три года у ессейского отшельника Бана и потом прошёл через фарисейское посвящение, почему не признавать за ним сопричастность эзотерике, спиритуализму – элементарно глупо. Спрашивается, как он предскажет, оказавшись в римском плену, Веспасиану, летом 67г., в правление Нерона, когда до падения последнего оставался ещё почти год, плюс – до постнероновских императур Гальбы, Отона, Вителлия, грядущее провозглашение и становление Веспасиана императором, что произойдёт лишь в 69г.?

И ещё спрашивается, что это за *некий* (загадочный-таинственный) муж? представший Флавию с верным пророчеством в вещем сне недалеко от Назарета Галилейского? Не писалась ли «Жизнь» в 90-е гг. Ив. н.э., когда Флавий, как мы предположили, склонялся, живя в Риме, к иудеохристианству, или минимум живо интересовался миним-христианами, обладая фарисейским посвящением (сходно Савлу/Павлу) и не имея, как либеральный фарисей (хасмонейских кровей из саддукейско-священского рода), никаких фарисейских предубеждений против христиан!

Другой вопрос касается хронологии вышепредставленных событий. И помогает нам в ней разобраться следующее обстоятельство. Отпадение от Иосифа, в частности, Гамалы (21,7), о к-рой ниже, в 4-й кн. «Войны», говорится, что войско Агриппы осаждало её 7 месяцев (1,2), а ещё ниже рассказывается, что римляне взяли (переполненную беженцами из прочих районов) Гамалу 20.10.67г. после месячной осады (1,9/10), взяв таким образом предпоследний полис в кампании 67г., перед взятием в ноябре Гисхалы.

Следовательно, если, с одной стороны, воинство Агриппы безрезультатно осаждало Гамалу 7 месяцев до римской осады, значит, это имело место до 20-х чисел сентября 67г., притом римляне осадно сменили агриппианцев не сразу, поскольку в крепостную Гамалу успели собраться в неосадном промежутке беженцы. Т.е., её 7-месячная осада воинством Агриппы началась уже после её отпадения от Иосифа (вместе с Сепфорисом, Тивериадой, Гисхалой) и восстановления его власти над ней.

Стало быть, время представленных выше событий, связанных с неудачной попыткой смещения Флавия, оптимально – декабрь/январь 66/67г., тогда как последовавшая затем осада агриппианцами Гамалы длилась где-то с января по август (или с января/февраля по август/сентябрь) 67г.

Продолжим. «С этих пор страх перед Иосифом удерживал Иоанна внутри стен Гисхалы» (21,8). Иоханан не сумел свалить Иосифа ни сам, ни руками галилеян, ни руками Иерусалима, куда Иосиф, со своей стороны, возвращаться не хотел, предпочтя остаться в Галилее. Не хотел, во-первых, успев почувствовать вкус начальственной власти; во-вторых, осознавая свою ответственность перед галилеянами, с к-рыми он за истекшее время сроднился; и в-третьих, возможно, внутренне уже чувствуя-предугадывая, на фоне разобщённости в Галилее, обречённость Иерусалима и всего восстания в целом, в чём он пока боялся открыто признаться даже самому себе.

Несколько дней спустя Тивериада снова отпала, в этот раз в пользу Агриппы, призвав его на помощь и тем атаковав Иосифа уже не *слева*, как то бывало при

прежних отпадениях, но *справа*. Впрочем, подвизавшийся в Берите Агриппа не прибыл и прибывать, держась подальше от мятежников до подхода римлян, не намеревался. Об отпадении и закрытых воротах города дали знать в Тарихею. Иосиф выступил со своим воинством, всего в 7 человек, в лодках, отчалив против Тивериады по водам Галилейского моря и смекалисто ввёл в заблуждение бунтовщиков много преувеличенной численностью подкомандного ему воинства, из-за чего те в страхе побросали оружие и начали махать издалека масличными ветвями, прося пощады.

Они её получили, мало того, требование других галилеян о суровом наказании римлянофильских изменников было Иосифом отклонено. Он только заковал в кандалы привезшего ответное письмо Агриппы тивериадцам его пойманного вестника, к-рому помог вскоре сбежать обратно к царю («Ж.» 69).

Сами тивериадцы были отруганы за междуусобицу, за закрытие города перед тем, кто, заботясь об их безопасности, окружил его стеной, выдали заложников из состава членов городского совета, к-рых начальник заключил в тюрьму в Тарихее, и тем дело закончилось. По «Жизни», Иосиф весьма великодушно обошёлся, в т.ч., с Иустом и его отцом Пистом, к-рых, несмотря на их тюремное заключение, он даже пригласил разделить с ним трапезу (35), и к-рые позже, по крайней мере, Иуст, тоже бежали к Агриппе.

А в дальнейшем Агриппа спасёт Иуста от кары Веспасиана, на чём будут настаивать перед Веспасианом птолемаидцы за разорение-сожжение им ранее, во главе отрядов галилейских иудеев, финикийских селений. И ещё позднее Агриппа сам помилует его, закованного в кандалы за коррупцию, по заступничеству Береники. И так Иуст выживет, чтобы выступить в 90-е г. с альтернативной книгой об Иудейской войне в пику Иосифу, к-рому придётся ответить на его книгу (парируя её) своим «Жизнеописанием».

Только один из зачинщиков мятежа некий Клит, кто, по приказу Иосифа, должен был лишиться обеих рук, умолил его оставить ему правую руку и сам себе отрубил левую. Так шаромыжник Иосиф сумел «с пустыми лодками и семью телохранителями подчинить своей власти граждан Тивериады и снова склонить город на свою сторону. Спустя несколько дней он взял Гисхалу, отпавшую одновременно с Сепфорисом, и отдал её солдатам на разграбление» (21,10). Наряду с тем, пленённый Иоханан был пощажён, прощён и оставлен в Гисхале примерно начальствовать над ней («Ж.» 15).

Ещё одно отпадение тивериадцев (кто, повторим, шатаемые из стороны в сторону, отпадали итого 4 раза: то направо, то налево), с к-рым Иосиф тоже справился, хотя и задействовав 10 тыс. гоплитов, описывается в «Жизни» (62-64). В тот раз солдаты ринулись на граждан, завязалась кровопролитная схватка, первый натиск солдат был отбит и они даже обратились в бегство. Тогда Иосиф отрядил маленький отряд, к-рый со стороны озера поджёг город, вследствие чего бунтовщики упали духом, сложили оружие и взмолились о пощаде. Солдаты разграбили имущество, а на другой день Иосифом, с опорой на его 10-тысячное войско, все его противники были арестованы, закованы в цепи и отправлены в Иотапату.

Посмотрите, что творилось в разодранной противоречивой Галилее, к-рая не просто не ведала, как она будет сражаться против римлян, но и не знала, в лице множества галилеян, хочет ли она вообще воевать?! Разве можно в подобной ситуации заикаться о каком-либо серьёзном сопротивлении, уж не говоря о победе, невозможной по всякому, будь даже и Галилея, и Иудея противоримски монолитными и твёрдыми, как сталь! Вот какая невыполнимая задача была в реальности возложена на плечи Иосифа! — сплотить и организовать то и тех, кого и что невозможно было ни действительно организовать, ни действительно сплотить!

Подумать только. Всего 36-ю (12 x 3) годами ранее в Галилее стояло-вершилось *лето Господне благоприятное*, когда Иисус в Юбилейный год, в 31г. н.э., ходил по ней с учениками, произнёс Нагорную проповедь, избрал-назначил 12 Апостолов, воскресил Юношу из Наина, бывал на Тивериадском озере, принял первое миропомазание (от) Марии Магдалины 1.07.31г. в доме фарисея Симона в Магдале (Тарихея), воскресил дочь Иaira, переправлялся на противоположный берег озера и обратно, проповедывал, рассказывал притчи, совершал чудеса, отправил отсюда 12 Больших Апостолов на полугодовое служение! Да и в 32г., за 35 лет (7 x 5) до 67г., в Галилее имели место пасхальное Насыщение 5-и и потом пятидесятничное Насыщение 4-х тысяч, Преображение Господне на г. Фавор, отправление из Галилеи 70-и Малых Апостолов на служение!

Ныне же Галилея превратилась в северный участок иерусалимско-иудейского восстания иудеев, во фронт (во многом, без флангов), и раздираемая внутренними противоречиями, готовилась, подначальная облечённому непосильной и заведомо обречённой миссией Иосифу б. Маттафия, к войне с Римом, не будучи в состоянии добиться согласия внутри себя. И пусть волнения в Галилее где-то не ранее февраля 67г., наконец, вроде бы улеглись, после чего «всё уже обратилось к военным приготовлениям против римлян» («И.в.» 2,22,1), ни малейшего шанса на успех у повстанцев (никогда и ни при каких обстоятельствах!) не было. И Иосиф, с тяжёлым сердцем продолжая делать своё дело, всё явственнее это (до поры страшась ясно понять-осознать) предчувствовал.

ИЕРУСАЛИМ, МАСАДА, ИДУМЕЯ

В короткой заключительной 22-й гл. 2-й книги «Bellum» Флавий сообщает не только о – после (т.н.) преодоления, в конце концов, галилейских неурядиц – его обращении к военным приготовлениям в Галилее (чем он, естественно, усиленно занимался и раньше, правда, вынужденный постоянно отвлекаться на внутренние конфликты), а и о подготовке к войне в Иерусалиме, где «первосвященник Анан и властные лица, как они ни были склонны к римлянам, привели в порядок стены и заготовили массу боевых орудий» (1). Насчёт склонности Анана и др. иерократов-аристократов к римлянам зимой 66/67гг. – налицо снова флавиевское лукавство и минимум преувеличение с опережением сроков.

Повторим, Анан и прочие «умеренные» были склонны к римлянам до перелестнувшего через все края беспредела попутавшего все рамсы Флора и частично до поражения Цестия в 66г., начав снова склоняться к Риму (только) после поражений иудеев в Галилее в 67г. Но в промежутке они, более или менее, искренно присоединились к революции и даже возглавили её, без якобы завсегдашней склонности к Риму (в чём Флавий напрасно пытается убедить читателя, не могучи, наряду с тем, пишучи в Риме, при Флавиях, поступать иначе), с к-рой и при к-рой возглавить революцию было бы попросту нельзя.

Иное дело, что все эти «средняки», включая Иосифа, зря и впустую (тоже) вообразили-возомнили себя (без истинного понимания как истории, так и, тем паче, метаистории) на какое-то время новыми Маккавеями, полагая суметь противопоставиться-противостать Риму, как Маккавеи сумели противопоставиться-противопоставиться Селевкидам, что было ныне не под силу ни умеренным, ни ниспровергнувшим их позднее экстремистам.

Впрочем, пока Иерусалим всю готовился не нападать, как и Галилея (у к-рой иерусалимляне, навязав ей войну, не спросили – хочет ли она вообще воевать?). Иерусалим готовился обороняться, если (дескать) как бы завоёванную победой над

Цестием свободу у него, у Иудеи, попытаются, — в чём никто не сомневался, — отнять и отыграть всё назад. По сути против этого Иосифа и снарядили на передний край обороны, в Галилею, с заданием (коли не сокрушить, то) остановить Рим!⁴

В Городе и по Иудее ковались стрелы, щиты, мечи, доспехи, собирались-добывались — отовсюду, откуда и как было возможно — орудия и запасы оружия. Единовременно, по Флавию, массы молодых людей, у к-рых не было настоящих боевых командиров в лишённом военспецов Иерусалиме, среди (не несших военную службу) иудеев, готовились бессистемно, почему боевая подготовка больше напоминала воодушевлённую сутолоку.

Правда, страшное уныние в среде «средняков» перед лицом надвигающейся катастрофы, что подчёркивает Флавий, на означенное время — опять преувеличение, с прежней постоянной целью, по возможности, реабилитировать-амнистировать задним числом умеренных участников восстания и, в первую очередь, самого себя. На февраль/март 67г. не покинувшие летом/осенью 66г. Иерусалим умеренные ещё, по меньшей мере, недопонимали, что всё дело восстания в целом обречено и что поражение их всех лишь дело-вопрос времени. Тем паче, они никак не думали, что им придётся погибнуть не от рук римлян, но от рук своих же радикалов и экстремистов, к-рые зимой 67/68гг. сметут их, коротко вскарабкавшись на гребень жадно пожирающего своих детёнышей-зверёнышей неистового молоха революции.

И неважно, что в ту пору Рим возглавлял обезьянничавший в Греции деградантный кифаред Нерон (к-рый, как и Калигула, напоминал иудеям Антиоха Эпифана-Эпимана), ибо у Рима (молоха народов) имелся достаточный мощный потенциал и помимо Нерона, ибо Рим, в отличие, повторим, от Селевкидов Пв. до н.э. ещё далеко не закатывался. И противостоять неудержимым римским легионам в регионе превращённого Римом во внутреннее озеро Империи Средиземного моря (без опоры на другую державу, без общей границы с другой державой, к-рой по соседству с присредиземноморской Палестиной не было) не мог и не смог бы никто!

Анан и прочие элитаристы, сами декадентные, бесчестные и алчные, спохватятся слишком поздно и выжить им, первосвященникам и саддукеям, проглоченным-перемолотым революцией, к-рым, плюс к тому, не было места в подпавшем фари-сеям и талмудистам (= раввинистическому иудаизму), в вынужденном поменять-изменить экзистенциальный формат постхрамовом старом Израиле, закономерно не удастся.

В последнем абзаце 2-й книги «И.в.» снова появляется Симон б. Гиора, дерзко напавший со своей шоблой осенью 66г. на отступающую армию Цестия с тыла и захвативший тогда множество римских трофеев. Теперь он, возглавляя разбойную шайку, сродни Иоханану в Гисхале, грабил как бы только богачей⁵ в одной из иудейских топархий — Акрататенне, куда в октябре 66г. был назначен начальником-комиссаром некий Иоанн, сын Анании.

Чтобы обуздать Симона, сил на месте этому Иоанну не хватало и он обратился к Анану и к остальным начальникам в Иерусалиме, к-рые послали в Акрататену

⁴ Горе тем, кто, поднимая мятеж, или взявшись за задуманный переворот действуют от обороны и не берут стремительно-наступательную инициативу в свои руки, заранее обрекая тем самым себя на поражение. Примеры: мятеж левых эсеров летом 1918г., или Кронштадское восстание 1921г., когда повстанцы (к-рые, к слову, были ничем не лучше большевиков) пагубно упустили инициативу: первые, не взяв штурмом Кремль до прибытия-подхода латышских стрелков, а вторые — не решившись без промедления идти на Петроград. Но ещё хуже тем, кто, после первых локальных успехов, ошибочно возомнив их успехом глобальным, а себя чудо-богатырями, тем не менее, вынужденно действуют от обороны (при отсутствии возможности действовать наступательно) — в угон и на отбой.

⁵ Ох уж эти грёбанные и мазанные, по большому счёту, одним бандитским (независимо от их уголовно-политического грима) квази-елеем — Спартаки, Робин Гуды, Чегевары, Эскобары!

войска, из-за чего Симону пришлось бежать в неприступную Масаду, к сикариям, откуда он совершал грабительские набеги на Идумею, укрываясь в Масаде до падения Анана зимой 67/68гг. И это ему в дальнейшем доведётся стать одним из тиранов в Иерусалиме, конкурентом (предводителя зилотов) Иоаханана Гисхальского, с к-рым они сначала обескровят друг друга (враг врага) и Город лютой междусобойной враждой-резнёй, объединившись только в самом конце перед взятием Иерусалима римлянами (70г.).

А пролив потоки еврейской и римской крови, оба главаря-бандюгана не погибнут в бою и не покончат с собой (чего, казалось бы, от них, мол, «бесстрашных героев», следовало ожидать!), окажутся в римском плену и будут проведены в триумфе Тита (71г.), после чего Иоханан завершит свои дни в пожизненном заточении, в оковах, тогда как Симон будет удушен, согласно Флавию («И.в.» 7,5,6), в Мамертинской тюрьме.

Если Иисус, заостряем внимание снова, пожертвовал Собой, взойдя на крест, не погубив ни одну из доверенных Ему жизней, или, если Пётр и Павел приняли мученичество за Христа, не пожертвовав никем, кроме самих себя, то Иоханан и Шимон готовы были пожертвовать и безжалостно жертвовали тысячами и тысячами жизней, но только, как показывает их последующее поведение, не собой, потому что и один, и другой будут до конца цепляться за жизнь.

Пока же начальники Идумеи, Иисус, сын Сапфия, и Элеазар, сын Анании, разместили по идумейским населённым пунктам воинские гарнизоны для защиты от разбойных набегов из Масады.

Т.е., отнюдь не в одной Галилее не было согласия и единства. Над стихией революции не стояла партия, способная сплотить её ряды, её силы, к-рые, с др. стороны, невозможно было сплотить превращением их в монолит, и к-рых было, при всех случаях, недостаточно. Плюс к тому, суровая вертикаль революционной власти так и не была создана, при том, что собственно цель восстания и противоримской борьбы так и не была чётко сформулирована, формат будущего, продолжая оставаться размытым, не был представлен-определён.

Сегрегальная интродуцированная Иудея не могла выиграть и обособиться в условиях глобально-интегрального, с его поступательно нарастающей интеграцией, мульти- и транс-культуралистского греко-римского мира, греко-римской Ойкумены, под железным ярмом Рима державного. Если, говорим снова, например, Армения, являясь дальней пограничной приримской периферией, смогла дистанцироваться от Рима, опершись на Парфию, гранича с Парфянским Ираном, то Иудее не на кого было опереться, некуда и не к кому было уйти, за неё некому было вступить. Поистине (не устаём повторять) география страны (в значительной мере) определяет её историю!

Москья может обляять слона, льва, волчицу или даже, под момент, больно, и м.б., несколько раз успеть укусить их, суметь пару-другую раз увернуться от ответных ударов, не будучи, однако, в состоянии сражаться на равных ни со слоном, ни со львом, ни с волчицей. А если волчицу ещё и разгневать, то она изорвёт москью в клочья! И римская волчица, остервенившись, не преминула это сделать. Где будет труп, там соберутся орлы, туда налетит воронья!

Маккавеи не могли проиграть Селевкидам, потому что Времена ещё не Исполнилась и потому что они возглавили, под десницей Всевышнего, Израиль-Иудею, как квинтэссенцию человечества, в дороге к Исполнению Времён, в пути к вселенскому Спасению. Но на ббг. Времена вот уже 33 года как окончательно исполнились, и древнезаветные Иудеи, прозвав-профукав их Исполнение, распяв (руками Рима) Мессию Христа (К-рый пришёл к своим, к-рые Его не приняли), перестав быть Израилем во духе и оставшись лишь ветхой Иудеей во плоти, одно-

значно не могли и не смогли победить Рим. Они никак не были в силах и, разумеется, не сумели одолеть мировую Римскую империю, одолеть греко-римскую Ойкумену, дорогу к овладению к-рой, дорогу к овладению сердцами и душами обитателей-населенников к-рой показал и проложил ойкуменический Апостол язычников – Павел из Тарса!⁶

НАЗНАЧЕНИЕ ВЕСПАСИАНА (зима 66/67) И НАЧАЛО (весна 67г.) БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Итак, в ноябре/декабре 66г. Нерон, уже нежась-куражась в Греции, вынужден был с досадой думать об отвлекавших его от любимого кифаредства, от прочих забав-удовольствий и от предстоящих ему в следующем году панэллинских агонев о тревожных событиях в Палестине, где сирийский легат Цестий Галл потерпел не столько страшное, сколько позорное (для римлян) поражение. И где Иудея, во главе с Иерусалимом, фактически от Рима дерзко отпала, прихватив с собой Галлилею – на севере, плюс – часть Гавлана и Идумею – на юге, а также Перею – на востоке.

Одновременно, наслаждаясь Грецией, точнее, собой любимым в Греции (поскольку он в пику Станиславскому любил не искусство в себе, но именно, и притом гипертрофированно, себя в искусстве), кесарь не шибко спешил, и облёк Веспасиана экстраординарной легатурой на Востоке (по делу умиротворения-возвращения в имперское лоно Палестины) только зимой 66/67гг. Вероятно, это произошло ещё до того как на сирийском посту умер Цестий Галл, вместо к-рого легатом Сирии был назначен Г.Лициний Муциан, хотя прибыл Веспасиан (минуя, Геллеспонт и отправившись сухим путём через М.Азию) на сирийский Восток, скорей всего, когда Цестия уже не было в живых.⁷

Старому вояке Т.Флавию Веспасиану, кто родился 17.11.9г. н.э., было на 66/67гг. 57/58 лет отроду, при наличии у него в запасе опыта боевых действий в Германии и особенно в Британии (40-е гг.), за к-рыми последовало консульство-суф. 51г., в правление Клавдия (кого он всегда чтит), и потом – проконсульство в Африке – ок. 62г., при Нероне. Протежируемый, согласно Светонию (Весп. 4,1), Нарциссом, Веспасиан позднее, по устранении в 54г. Нарцисса Агриппиной, покуда она была в силе и даже покуда оставалась жива, предпочитал не высовываться.

В 66г. ему выпало свитски сопровождать Нерона в Грецию, где он очень раздражал требовавшего всемерного внимания и бурных восторгов-аплодисментов в свой кифаредско-песнопевческий адрес императора тем, что изыскивал возможности увильнуть от присутствия на императорских выступлениях-концертах, или с трудом скрывал нападавшую на него зевоту, когда император исходил творческим потом на сцене. Но, с др. стороны, он виделся Нерону простоватым-грубоватым-невежественным солдафоном, незнатного происхождения и без политических ам-

⁶ Как Саул был (в прямом физическом смысле) на голову выше всех израэлитов, а Соломон превосходил всех (после Давида) еврейских царей, так Павел и Пётр были *на голову выше* всех остальных Апостолов (кроме Апостола Апостолов – Иоанна Богослова, и Апостолицы Апостолов – Марии Магдалины).

⁷ Из Флавия не очень ясно, сколько раз и когда именно сепфориты испрашивали римский гарнизон у Цестия, однако, несмотря на путаную флавиевскую информацию, судя по «Жизни» (8; 43; 65; 67; 71), зимой 66/67гг. Цестий был ещё жив, м.б., скончавшись (Антиохия) в январе/феврале, между тем как Веспасиан получил своё назначение, возможно, где-то в январе, более не успев Цестия в Сирии застать и имея в перспективе дело с (при всех случаях, заступившим на сирийскую вахту в 67г.) Лицинием Муцианом.

биций, к-рого Нерон, невзирая на всю свою повышенную подозрительность после заговора Пизона (65г.), не опасался, или опасался меньше, чем других нобилей.

К примеру, — меньше, чем заслуженного маршала и фактического автора римско-парфянского мира (урегулирование хронического Армянского вопроса) Домиция Корбулона, ещё раньше урезанного, после соглашения с Парфией (май 66г.), в его особых легатских полномочиях на Востоке, а зимой 67г. (приблизительно в одно время с Веспасиановым ориентальным назначением, или чуть позже) отозванного с Востока и призванного в Грецию, где Корбулон, прибыв туда по весне, принудительно покончил самоубийством (см. выше).

При всём том, интересно, что если экстраординарная легатура оснащённого расширенным империем Корбулона, с поставлением под его начало максимум аж 7-и легионов, распространялась на территории малоазийской Галатии и пограничной с Арменией Каппадокии, включая, в т.ч., вертикальное верховенство над Сирией (Понтом, Киликией) и её легионами (в числе названных 7-и), то ныне Веспасиан, при его генеральском ранге, оснастился властью конкретно над куда меньшей по размерам, чем Сирия, Палестиной (чтобы не делать из него второго Корбулона), облечённый целевым заданием раздавить восстание иудеев и установить в Палестине твёрдый римский (право- и миро-)порядок.

И если на означенное время под командой легата Сирии находились III-й Галльский, IV-й Скифский, VI-й Железный и XII-й Молниеносный легионы, то Веспасиану надлежало действовать в Иудее силами V-го Македонского и X-го Сокрушительного легионов, тогда как его ок. 27-летний сын Тит⁸, данный отцу в помощники, был снаряжён им зимой, морем, в Александрию. Снаряжён с приказом привести оттуда в Птолемаиду, на границу Финикии и Галилеи, где отец с сыном договорились встретиться во всеоружии, переброшенный ранее в Египет XV-й Аполлонов легион (один из трёх легионов код командой египетского префекта Тиберия Александра).⁹

Впрочем, территориально ограниченный Палестиной Веспасиан наверняка — как юридически, так и в реальности — был наделён отнюдь не меньшими и даже в чём-то большими полномочиями, нежели ординарный кесарский легат Сирии.¹⁰ Посредством такого размежевания властных полномочий между ними Нерон создал

⁸ У Светония, с одной стороны, «Тит родился в 3-й день до январских календ в год, памятный гибелью Гая» = 29.12.41г. (в год январского убийства Калигулы), но с др., «скончался он в сентябрьские иды, на 42-м году жизни, спустя 2 года, 2 месяца и 20 дней после того как наследовал (умершему в июне 79г.) отцу», т.е. в сентябре 81г., соответственно чему, получается, что он (с третьей, созвучной первой, стороны, — друг и вроде бы ровесник родившегося в 41г. Британника) родился в 39г. Согласно Евтропию, Тит прожил 42 года (7,22,1); у Аврелия Виктора — 41 год («Извлечения» 10,15); у Диона от Зонары (11,18) — стал императором в возрасте 39-и лет, 5-и месяцев и 25-и дней. Следовательно, дата рождения Тита, скорее, — 39г. н.э.

⁹ По Тациту в «Истории», приложительно к 69г., в Сирии четырьмя легионами командовал Лициний Муциан, а «войну в Иудее вёл Флавий Веспасиан с тремя легионами, во главе к-рых его поставил ещё Нерон» (1,10). По Флавию, Тит снаряжается в Александрию зимой 66/67г. с заданием привести 2 легиона («И.в.» 3,1,3), но приводит (без флавиевских пояснений-комментариев на сей счёт) один (3,4,2). По Светонию, под началом Тита, при Веспасиане, в Палестине был 1 легион (Тит 4,3). Ранее Тит служил, предположительно, с 59г. военным трибуном в Германии и Британии, следуя Светонию, — «проявив себя великой доблестью и не меньшей кротостью» (Т. 4,1); по Тациту, — «стяжав себе славу» (Ист. 2,77). Вернувшись в Рим, он начал выступать в суде — «больше для доброй славы, чем для практики» (Свет. «Т.» 4,2); в 65г., как полагают, — облекал квестуру.

¹⁰ В «Истории» Тацит пишет, что не ладившие (до поры) между собой Лициний Муциан и Веспасиан (к-рых затем сдружил Тит) «правили, один — Сирией, а другой — Иудеей, двумя соседними и потому соперничавшими провинциями. Лишь после смерти Нерона они перестали враждовать...» (2,5).

систему двух уравновешивающих один другой противовесов на Переднем Востоке, к-рые, т.е. легаты, при необходимости, могли бы заблокировать соперника, надобности в чём не возникло, ибо оба легата пережили на своих постах Нерона на посту императора.

С весной 67г. воинство под командованием Веспасиана выступило из Антиохии в Птолемаиду. Ещё до прибытия сюда Тита к главному явились послы из изначально не тяготившего к повстанцам и лавировавшего Сепфориса с просьбой прислать им римский гарнизон, в ответ на что к сепфоритам был отправлен 6-тыс. отряд пехоты и 1 тыс. всадников под командой Плацида (И.в. 3,4,1; ср. «Ж.» 43).¹¹ Вскоре побережным маршем (пройдя через Кесарию Палестинскую, к-рая оставалась без отозванного из неё ещё в 66г. Флора под римлянами) дошёл до Птолемаиды во главе XV-го легиона Тит.

Так, под Веспасиановым началом оказались (всего-итого) 3 легиона, V-й, X-й, XV-й, 23 аукзилиарные когорты, 6 кавалерийских ал и вспомогательные войска вассальных царей-союзников: Агриппы (к-рый присоединился к римлянам в Антиохии, куда прибыл из Берита), Антиоха Коммагенского, Соэма Эмесского, Малха Набатейского: итого – 60 тыс. воинов (И.в. 3,4,2). Громящий кулак со стержнем-ядром из трёх развёрнутых профессиональных легионов – по (примем за верное) ок. 5-и тыс. (плюс-минус) воителей в каждом.

Между тем, ещё до того, по всему, зимой, опьянённые победой над Цестием иудеи предприняли поход против ненавистного языческого Аскалона (И.в. 3,2,1-3), собрав ведомые жаждой истребительной войны против язычников отряды под командой Нигера Перейского (подчинённого начальникам Идумеи – Иошуа и Анани), Силы Вавилонянина (перешедший к повстанцам бывший офицер Агриппы, отличившийся при октябрьском поражении Цестия) и ессея Иоанна (поставленного над округами Гофны и Акрабаттены, над Лиддой, Иоппией и Еммауссом) (см. выше).

Но, во-первых, побережный Аскалон, к востоку от Иудеи (с к-рым не удалось совладать Маккавеям), был окружён мощной крепостной стеной, а во-вторых, или, вернее, во-первых, в нём стационарировался непугливый римский гарнизон под началом опытного и не подверженного панике командира – Антония: одна когорта пехоты и один эскадрон конницы (2,1).

Согласно Флавию, движимые ненавистью и руководимые больше гневом и порывом, нежели какимо-либо расчётами, вооруженные кто чем и плохо организованные иудеи, приблизились к городу очень быстро, т.е. запыхавшись и отчасти выдохшись уже на подходе, встреченные предупреждённым об их нападении во главе конных и пеших воинов Антонием и отброшенные от городских стен.

Более того, Антоний сполна задействовал против них на открытой местности конницу, к-рой у них самих не было, и действуя как умело, так и смело, обратил иудеев, рассеянных по всей равнине, в бегство. «Бежавших римляне обгоняли и оборачивались к ним лицом; собиравшихся на пути бегства они вновь рассеивали и убивали в бесчисленном множестве...» (2,2).

Побоище не прекращалось до вечера, в результате чего 10 тыс. иудеев, среди них Сила Вавилонянин и ессей Иоанн, пали. «Остальные, большей частью раненные, с уцелевшим ещё предводителем Нигером, спаслись в идумейский городок по имени Саллис. Римляне имели в этой битве только немного раненных» (2,2).

¹¹ Если, по «Bellum», Плацид снаряжается в Сепфорис, впервые появляясь на авансцене, (уже) при Веспасиане, то по «Жизни» (43), его снаряжает против повстанческой Галилеи (ещё) Цестий Галл, и не в Сепфорис, а с приказом «сжечь селения галилеян, к-рые были поблизости от Птолемаиды», причём ему противостоит с воинскими силами Иосиф, и он, сдерживаемый Иосифом, от Птолемаиды не удаляется.

Казалось бы столь разгромное поражение должно было отрезвить-остудить горячие иудейские головы. Ничуть не бывало. Они собрались с силами и снова ринулись вперед, «чтобы с большей яростью и в большем количестве ещё раз напасть на Аскалон» (2,3).¹² И опять Антоний оказался готов к нападению, заблаговременно заняв все проходы, заманив нападавших в засаду, не дав им выстроиться в боевой порядок, оцепив всадниками и снова разгромив: число жертв в этот раз — 8 тыс. чел. Прочие, во главе с Нигером, укрылись в башне идумейской деревни Визедель, к-рую римляне подожгли, думая, что Нигер в ней и погиб. Однако он сумел спастись (2,3), чтобы погибнуть позднее от рук иудейских экстремистов в Иерусалиме.

* * *

Возвращаемся к Веспасиану, к кому, как сказано, ещё до прибытия в Птолемаиду Тита, явились сепфорийцы, объявившие о своей готовности предаться римлянам и принять участие в борьбе против иудеев, в ответ на что им был предоставлен аукзилиарный воинский контингент из пехоты и всадников под началом войскового трибуна Плацида.

Так, Сепфорис не в первый раз отпал от революции, а расположившееся в нём воинство принялось делать вылазки, причиняя массу беспокойств галилейскому главкому Иосифу, кто ранее пытался расположить к себе сепфорийцев, позволив возвести им самим крепостные стены, и не позволяя другим галилеянам, ярим приверженцам восстания, учинить расправу над ними («Жизнь» 67; 71).

И не то, что Иосиф действовал нерешительно или предательски, ему вообще была присуща примиренческая-миротворная линия, желание, при любой возможности, избежать гражданского кровопролития и всякого большого бессмысленного кровопролития в целом. Он умел сложить два и два, умел и научился расставлять точки над *i*, не являясь, к тому же, кровопролитным мужем по натуре. Подготавливаемый судьбой к великому делу на ином поприще, он был человеком здравых компромиссов, оставляя себе (за собой) и пытаясь оставить другим пути к отступлению-спасению.

Некоторое время, по, всему, в течение марта/апреля 67г., Веспасиан и Тит пробыли в Птолемаиде, где Тит, видимо, и познакомился с находившейся при Агриппе и покорившей сердце 28-летнего римлянина 38-летней Береникой, к-рая была ещё не отцветающей красавицей в самом соку, сумевшей очаровать даже сурового солдата Веспасиана.

¹² Аскалон — один из пяти филистимских городов (морские ворота Палестины, при миграции сюда во второй половине II-го тыс. до н.э. филистимлян с Крита), завоевывавшийся в XIIIв. до н.э. Рамзесом II. Израиль притязал на него ещё при Иисусе Навине, так и не сумев его завоевать ни тогда, ни когда-либо позже, будь то в эпоху царей Первого храма, или при Маккавеех. Зато аскалониты были завоёваны Тиглатпелессаром, покорны Санхерибу, потом — завоёваны и угнаны в плен из до основания разрушенного и сожжённого Аскалона Навуходоносором. В 525г. Камбиз поселил здесь финикийцев. Побывал в Аскалоне и Александр Великий.

Эллинистический город-космополит освободился от власти Селевкидов и стал вольным полисом (впоследствии признавшим верховенство Рима), в 104г. до н.э. Сообразно враждебной Ироду (кто щедро благотворительствовал Аскалону) и Иродианам иудейской версии, к-рую позже позаимствовали часть христианских авторов, дед Ирода, не являясь, мол, идумеянином по рождению, был храмовым рабом при святилище Аполлона в Аскалоне, а его сына, т.е. Иродова отца, Антипатра, похитили и вырастили у себя как идумеянина идумейские разбойники. Отсюда презрительное прозвище Ирод Аскалонит, употреблявшееся и иудеями, и христианами, хотя эта злая уничижительная легенда действительности не соответствует (Р.л. 1371). Дед Ирода, идумеянин Антипа, был наместником Идумеи, к-рую покорил, обязав идумеев обрезать, Иоанн Гиркан, при Александре Яннае.

Должно быть, именно тут, в Птолемаиде, между Титом и Вереникой и завязался роман, продлившийся с перерывами итого 12 лет – до 79г., когда Вереника будет тронно преемствовавшим Веспасиану Титом (сожительствовавшим с ней, как с без пяти минут супругой) удалена из Рима. Причём 40-летний император поступит таким образом с оглядкой на недовольство народа императорской фавориткой-иудеянкой, что перечеркнёт её надежду сделаться римской императрицей, и в связи с чем эта Клеопатра в миниатюре так и останется, имея дело в лице Тита не с Антонием, Клеопатрой Minor (всякие сведения о к-рой после 79г. отсутствуют).

Тем временем, весной 67г. всё только начиналось, с одной стороны, наступлением Береники на Тита, к-рое закончилось успешно, а с другой, – выступлением Веспасиана и Тита против галилейских повстанцев, в чём успех сопутствовал и не мог не сопутствовать собравшим в кулак римскую волю и мощную армию, к-рой, по сути, противостояло иудейское всего лишь ополчение, римлянам.

Жертвами рейдов Плацида из Сепфориса были в основном мирные открытые селения на равнине, в то время как ратные иудеи укрывались за стенами полисов, к-рые Иосиф и наметил в качестве главных опорных пунктов планировавшейся им оборонительной войны, изначально не притязая, в силу её невозможности, на войну наступательную. Ведь иудеи не могли начать наступление через Финикию на Антиохию, мочуци максимум совершать грабительские разорительные набеги на близлежащие к Палестине пункты Сиро-Финикии, что Флавий тоже считал минимум нерентабельной тратой-растратой сил.

И значит, речь не могла идти об иной тактике, помимо оборонительной (до каких пор!?), уж не говоря о заведомо, по любому, проигрышной и проигранной стратегии, к-рой у иудеев супротив Римской державы попросту не было и не могло быть, если не считать несостоятельных воззваний к примеру Маккавеев (пустая экстраполяция + фанфаронада), или клинических рекомендаций насчёт обращения за помощью к вавилонской еврейской диаспоре, либо – к парфянам. (Хорошо ещё, что не к Китаю, не к ольмекам и не к марсианам!)

Заявляем снова: ни прогрессирующий кризис нероновского принципата, ни близящийся конец Юлиев-Клавдиев не означали ни ослабление, ни конец Римской державы, сообразно чему, достижение Иудеей на интегрированном в эту Державу Присредиземноморье какой-либо политической свободы от Рима было совершенно нереально-немыслимо.

И надежда на Мессию – политического победителя-сокрушителя, была, сделавшись с 33г. ещё и возвратной архаикой, дутой, была мнимой, была липовой. О жертвенном же Мессии, о жертвенности Мессии, тем паче, двух-обоих Мессий – Машиаха б. Иосиф и Машиаха б. Давид (индивидуальность Иисуса Соломонида, пожертвованная Иисусу Нафаниду, взошедшему годы спустя на крест: две жертвы!) – иудеи, ни в подавляющем большинстве, ожидавшем одного-едиинственного мессию (сокрушителя), ни в эзотерическом меньшинстве, чаявшем двух машиахов, жертвенного и победоносного, не хотели и слышать, и не стали бы слушать. Уверовать в распятого на кресте Иисуса, как в Мессию-Спасителя, о К-ром, мол, его ученики брешут, что Он, дескать, воскрес, вознёсся, было для отвергающих новозаветность (заземлённо-приземлённых) ветхозаветников несусветной ересью и дикостью!

Сильнейшим из галилейских полисов, укреплённых Иосифом, являлась Иотата – древнебиблейский Иодфат – к северу от (ставшего занозой для повстанческой Галилеи) Сепфориса, в колоне Завулоновом (И.Нав.19,14), упоминаемый и в Мишне как обнесённый стенами город со дней Иисуса Навина («Арахин» 9,6). Она стояла на крутой скале, окружённой глубокими ущельями, а единственная сторона, с к-рой к ней можно было подобраться, была ограждена окопами и башнями.

И Плацид ошибся, надеясь покорить Иотапату внезапным нападением, с расчётом, что, узнав о её падении, иные, менее сильные цитадели в Галилее сдадутся без боя. Заранее уведомленные о нападении противника иотапатцы ожидали его на подступах к городу и решительно отбросили римлян назад, после чего отрезвлённый командир последних, к-рый счёл свои силы слишком малочисленными для взятия, да ещё нахрапом, столь мощной крепости, дал приказ к отступлению. По превеликочителю Иосифу, — «обратился в бегство» (3,6,1). Стычка была короткой и некровопролитной: римляне потеряли семь человек убитыми, иудеев пало всего трое. Свою галилейскую задачу — провести (в частности) разведку боем — Плацид выполнил.

Далее повествуется о выступлении самого Веспасиана из Птолемаиды во главе основных сил (6,2), что, по всей вероятности, имело место в апреле 67г., когда «...Веспасиан достиг границ Галилеи, где разбил свой стан. Он нарочно ещё удерживал рвение солдат для того, чтобы видом своих военных сил внушить страх врагам и вместе с тем дать им время одуматься до начала действий. В то же время, однако, он производил приготовления к штурму крепостей...» («Ж.» 6,3).

И действительно, грозный вид огромной римской армии, закованные в доспехи пехота и всадники, представлявшей собой отлаженную военную машину, звуки труб, лязг оружия, боевые штандарты и кличи, осадные орудия, преисполнили сердца многих иудеев страхом, значительно поубавив их пыл. Ещё бы, — ведь их наспех собранной, неведь чем вооружённой армии революции (к-рая почти всегда больше банда, чем армия), противостояла лучшая армия тогдашнего мира! И одолеть эту первоклассную армию мог, да и то обманом, заманив её (с индейским коварством) в ловушку (плюс воспользовавшись плохим командирством Квинктилия Вара), например, херуск Арминий, за спиной к-рого простиралась необъятная Германия Магна, и кому было куда отступать, но никак не иудеи в их запетройзамкнутой отовсюду римскими владениями маленькой Палестине. И никакого свирепого «Вальми», никаких «героических красноармейцев», мол, победивших (со слов советской пропаганды) в лаптях антановско-деникинские танки, здесь не предвиделось. Что называется, — без вариантов!

«Войско, к-рое под командованием Иосифа стояло лагерем невдалеке от Сепфориса, у полиса Гарис, лишь только услышало, что римляне стоят уже у них за спиной и готовы уже драться, — не выждав столкновения с ними, даже не видя их ещё в глаза, немедленно рассеялось по всем сторонам. Иосиф, оставшись с очень немногими, увидел себя чересчур слабым для встречи неприятеля: от его внимания не ускользнул также упадок духа, овладевший иудеями, и то обстоятельство, что они большей своей частью, если бы могли довериться римлянам, охотно вошли бы в соглашение с ними. Исполненный мучительных предчувствий насчёт исхода войны вообще, он решил в этот момент по возможности уйти от опасности и вместе с оставшимися верными ему людьми бежал в Тивериаду» (6,3).

Первоначально не уступавшая численностью силам Веспасиана армия Иосифа была в разы, по всем параметрам, слабее римской, — и вооружением, и боевым духом, к-рый у, как выяснилось, плохо мотивированных галилеян (к-рых, повторяем, Иерусалим об их готовности и желании воевать против Рима не спросил), при одном походном виде римских легионов (зрелище не для слабонервных!), сошёл на нет.

И понятно, что при виде своих побежавших ещё до вступления в бой солдат Иосиф, к-рого и ранее терзали сомнения, не столько пал духом, сколько всё явственнее начал признаваться себе в полной бесперспективности какого бы то ни было противостояния Риму. Оно не может закончиться для иудеев ни успехом, ни удачей, и вслед за Галилеей неотвратимо придёт черёд Иудеи и Иерусалима, к-рые,

пусть посопротивляются упорнее и дольше, но всё равно, рано или поздно, будут смяты и раздавлены силой, к-рой им, в конечном итоге, нечего противопоставить.

* * *

Да и о мире с Римом (галилеянам, подставленным иерусалимлянами! — вот о чём многие из них ныне думали) ещё рано было думать. Римляне намеревались сначала сполна реваншироваться за прошлогодние убийства римских солдат в Иерусалиме и за поражение Цестия. Не око за око и зуб за зуб, нет, — десять очей за око и десять зубов за зуб!

Без сопротивления вступив в Габару, к-рую он нашёл покинутой бежавшим при его приближении иудейским гарнизоном, Веспасиан велел предать мечу всех юношей. Солдаты же переусердствовали, не щадя никакого возраста, а после устроенной бойни, по приказу командира, сожгли полис и предали огню все окрестные сёла, большинство обитателей к-рых успели бежать до их прихода, тогда как пленённые были проданы в рабство.

И вот уже яснее ясного осознавая к чему всё идёт, к чему, к каким неправым последствиям может прийти-привести, и видя единственный выход в начале переговоров с римлянами, в изъявлении им покорности (повинную голову меч не сечёт), но не нарушая взятые им перед еврейством на себя обязательства, свой, как он его понимал, гражданский и военный долг, Иосиф доложил правительству в Иерусалиме об истинном положении дел.

Причём, с одной стороны, он, как признаётся сам, преувеличил силы неприятеля, чтобы не навлечь на себя упрёк в трусости (хотя и преувеличивать, честно говоря, было нечего-незачем, ибо сил для разгрома повстанцев Веспасиан имел вполне достаточно), а со стороны другой, им было предложено Иерусалиму — либо предоставить ему соответствующие полномочия для вступления в переговоры с римлянами, либо прислать армию, к-рая сможет Риму противостоять, к-рая будет в состоянии с римлянами на равных сразиться (И.в. 3,7,2).

Засим в низкой боеспособности собранного им галилейского воинства он не упрекал себя, и в этом, заметим, его не упрекали другие, в т.ч., его противники, т.е. он сделал, набрав в спешном порядке армию среди галилеян, равно вооружив и подготовив её так, как мог, всё или почти всё то, что в сложившихся условиях-обстоятельствах можно было сделать.

Но у иудеев не было не только конницы, у них не было ни настоящего, сравнимого с римским, вооружения для большой войны, к-рое негде было добыть, помимо трофейно отобранного в ограниченном количестве у римлян, ни военных специалистов, способных, да ещё в очень короткие сроки, подготовить армию, к-рая сумела бы сколько-нибудь долго перечить лучшей армии мира. У не служившего в римской армии еврейства отсутствовали как воинские кадры, так и военные навыки.

Можно, конечно, возразить, что Иосиф не справился с поставленной перед ним задачей в Галилее и тем предрешил исход войны, что будет, вместе с тем, полной демагогией, поскольку у Иосифа не было никакой возможности справиться с поставленной перед ним задачей. Или выразимся так: у него не было возможности справиться с ней лучше, чем он справился, во всяком случае, настолько лучше, чтобы (уж не говоря о какой-либо победе!) хотя бы не проиграть. Подготовься он к обороне даже в несколько раз основательнее, его армия от этого из фактически народного ополчения армией не стала бы, и Рим всё равно смял бы Галилею и затем взял бы Иерусалим, разве что с ещё большим количеством жертв! Иудеи

могли более или менее успешно партизанить против римлян, но Рим умел воевать и наступательно, и изморно, имея рычаги и ресурсы для всяческого ведения всяческих войн – различными методами и способами.

С Римом можно было спорить, как сказано, либо имея в качестве союзной опоры соседнюю державу типа Парфянского Ирана (державное ед.ч., поскольку никаких иных держав по соседству с Римской империей не было), либо имея за спиной необъятное пространство к отступлению туда, куда Рим не достигался: случай с зарейнскими германцами. Однако ближневосточная Палестина, к-рая с запада упиралась в Средиземное море, гранича на востоке с подвассальной Риму Nabatey, за к-рой была Аравийская пустыня, оказалась в абсолютной геополитической мышеловке. И если время терпело до тех пор, пока времена Земли Обетования с Мистерией Голгофы не исполнились, то после Мистерии Голгофы оно терпеть перестало и дальше всё было лишь вопросом-делом времени.

Разумеется, Иосиф не надеялся на присылку ему из Иерусалима армии, способной сразиться с римлянами, демонстрируя иерусалимлянам посредством этой мнимой аффектированной альтернативы безальтернативность своего первого предложения: полномочия для мирных переговоров.

И он, вероятно, надеялся, что Анан б. Анан, Иосиф б. Горюн и др. элитаристы, перед лицом настолько неотвратимой угрозы, к-рая стала явью, одумаются сами, займут прежние присущие им до беспредела Флора и поражения Цестия лоялистские позиции, сумеют, имея соответствующий авторитет, совладать с ситуацией в столице и дадут ему добро на умиротворительную-миротворную дипломатию.

Увы, ничего подобного не произошло, так как дело слишком далеко зашло, и пути назад, кроме как, спустя считанные месяцы, дорога в могилу от рук экстремистов, у т.н. умеренных элитаристов в Иерусалиме больше не было. Они сами, с Иосифом в их числе, выпустили джина революции из бутылки, и загнать-вогнать его обратно было им уже не по силам. Пандемия не уходит, не собрав свою смертную жатву. Ветхозаветное еврейство не могло противодействовать римской интеграции-глобализации-мультикультурализму и эллинистической ассимиляции в Палестине, в Земле экс-Обетования, не потеряв (покинутый Богом) храм и не изойдя в мировое Рассеяние!

Притом, в отличие от Иосифа, иерусалимские элитаристы не видели римское войско вблизи-сблизи и явно не представляли себе (да ещё с оглядкой на недавнюю обманчивую победу над Цестием), имея кругозор поуже Иосифова, что, т.е. широта его кругозора, для еврея-старозаветника (с его сплюснутым-ограниченным кругозором) уникальна, всех масштабов надвигающейся катастрофы, не понимали до какой степени и они сами, и вся повстанческая авантюра, и Град Господень, и Храм обречены. Не случайно талмудисты ловкачески спроецировали-переписали в дальнейшем историю сдачи Иосифа в плен – как единственный спасительный выход – на р. Иоханана б. Заккаи = на создателя-инаугуратора постхрамового талмудизма для последующего выживания безземельного-безгосударственного ветхого Израиля в Рассеянии.

ОСАДА И ВЗЯТИЕ РИМЛЯНАМИ ИОТАПАТЫ

(май/июнь/июль 67г.)

Веспасиан же, после того как Иосиф бежал в Тивериаду, решил взять и разрушить Иотапату, самую мощную галилейскую цитадель, куда отступила большая часть сохранившего боеспособность противника. Именно туда он сначала «отрядил пехоту и всадников для нивелирования холмистого и каменистого пути, трудно-

проходимого для пешеходов и совсем недоступного для всадников. В 4 дня они окончили работу и открыли пред римлянами широкую столбовую дорогу. На 5-й день — это было в 21-й день месяца Артемизия — Иосиф прибыл из Тивериады в Иотапату и своим появлением вновь поднял упавший дух иудеев» (И.в. 3,7,3). «На следующий день» вечером армия во главе с Веспасианом прибыла к Иотапате (7,4), предприняв днём позже первое наступление (7,5).

Разберёмся с хронологией. 21-е число сиро-македонского месяца Артемизия соответствует, в переводе на юлианский календарь, в 67г. н.э., дню 24.05. Но ниже (из Флавия противоречиво) выясняется, с одной стороны, что осада Иотапаты продолжалась 47 дней, о чём говорится дважды (3,7,33; 3,8,8), а со стороны другой, — что Итопапта пала «в первый день месяца Панема» (7,36) = 1 таммуза = 2.07.67г. Причём о 47-и днях осады и обороны сказано в таком контексте, что в верности этой цифри не усомнишься.

Однако с 24.05., или, точнее, с 25/26.05. (26.05., согласно наличному флавиевскому тексту, — начало боевых действий) по 2.07. набирается не 47, а 37/38 дней, и даже если приплюсовать к ним, как предлагают некоторые (Шюрер 1,610-17), 4 дня работ по прокладке дороги к Иотапате, будь то — до 24.05 или до 26.05., 47 дней всё равно не набирается. Т.е., приложительно ко дню 24.05., в тексте ошибка Флавия или описка переписчиков. Иосиф прибыл в Иотапату не 24, но где-то 14.05., между тем как форменная осада крепости, исчисляемая со следующего дня от прибытия Веспасиана 15.05. = с предпринятого римлянами первого наступления, длилась, таким образом, с 16.05. по 2.07.67г., что и даёт, в общей сложности, 47 дней — от начала осады и до падения Иотапаты (к-рое случилось на 3-й день от мученичества Ап. Петра и Павла 29.06.67г. в Риме).

Впрочем, до падения крепости (что было вопросом лишь времени) время ещё было.

Так, с 5-го по 36-й абзацы длинющей 7-й гл. «И.в.» Иосиф, не без удовлетворения и не без гордости за себя (любимого), увлекательно повествует, с какой находчивостью, с какой изобретательностью и дерзостью, с какими тонкими уловками и военными хитростями он до последней возможности, покада не были исчерпаны все средства, оборонял Иотапату. Притом число воинов, оставшихся в его распоряжении, не называется. Можно предположить, что их было не больше 20-и тыс. против 60-и тыс. войск противника.

И судя по рассказу, — из него, из Иосифа, получился, если не генерал, то весьма добротный подполковник-самоучка. 30-летний молодой муж, оказавшийся без всякого политического и военного опыта во главе (раздираемой внутренними противоречиями) целой области-страны, — с задачей в кратчайшие сроки политически организовать её и набрать в ней армию для войны! Муж, к-рый теперь должен был защищать им самим (отнюдь не фортификатором и не инженером) укреплённую крепость, запертый в ней, от предводительствуемой опытным боевым генералом многоопытной профессиональной армии!

Согласитесь, в таких условиях Иосифову и доверившихся ему иотапатцев, к-рые держались аж 47 дней, мужеству нельзя не отдать должное. При этом, за всё время ожесточённого почти 50-дневного сражения никем не было предпринято никакой попытки прийти к осаждённым на помощь. Только Яфия, населённый пункт в Нижней Галилее, недалеко от Иотапаты, на примере храброго сопротивления иотапатцев, восстала, в связи с чем против неё был послан легат X-го легиона Ульпий Траян (отец будущего императора), взятие к-рым этого полиса, с предоставлением главных победных лавров Титу, обернулось умерщвлением 15-и тыс. чел. (7,31).

Иерусалимское правительство не ответило Иосифу на его предложение о начале мирных переговоров и, само собой, не прислало ему войско, готовясь к обороне

собственно Иерусалима, да и не сделало вообще ничего (и не думало делать) для облегчения участи галилейских повстанцев, неведомо чем и что именно думая о том, что вслед за Галилеей наступит очередь Переи, Иудеи и Иерусалима.

Иоханан Гисхальский, наверное, потирал руки, радуясь осажденности и обреченности своего заклятого врага Иосифа, а сам отсиживался и думал отсидеться в своей Гисхале, или вовсе не кумекал настолько вперед, поскольку подобные ему персонажи, не умеющие играть в шахматы, не отличаются ни умением-способностью просчитывать ходы больше чем на один, ни предпочитать разум эмоциям с амбициями. Не шевельнул пальцем и другой крутой атаман – Симон б. Гиора – в Масаде, грабя, сходно Иоханану, окрестности, и готовясь, опять-таки, сходно Иоханану, властвовать в Иерусалиме, по поводу чего, у них у обоих (у доморощенных квази-национал-освободителей и псевдо-мессианистов) текли слюнки.

Единоновременно, поскольку иотапатский блицкриг Веспасиана не удался, он приступил к планомерной осаде – с насыпанием валов, с сооружением башен, с осадными машинами, катапультами, таранами и т.д. А осажденные отвечали смелыми вылазками и различными военно-оборонительными хитростями, могучи оттянуть, но никак не предотвратить, в конечном итоге, падение обреченной цитадели.

Если первая отважная вылазка иудеев, в результате к-рой погибло 13 римлян и множество было ранено, состоялась 16.05. (3,7,5), то вторая имела место «на следующую день» – 17.05. (7,6), откуда «до пятого дня», т.е. до 21.05., римлянами предпринимались непрерывные атаки, равно как иудеи отвечали ожесточенными контратаками и обстрелом противника со стен.

Затем идёт флавиевская информация о неприступности отвесно-скальной Иотапаты, из-за отсутствия подходов-подступов к ней, за исключением (сродни Иерусалиму) северной стороны (7,7); о возводимых Веспасианом валах и расставленных им по кругу метательных машинах числом 160; и об изошренных ответках командира Иосифа, к-рые очень озлобили Веспасиана, решившего взять город измором (7,8-11).

«Хлеба и всех других припасов, кроме соли, осажденные имели в изобилии; зато ощущался недостаток в воде, так как в городе не было никаких источников и жители его перебивались обыкновенно дождевой водой» (7,12). Однако, в летнее время, на к-рое пришлось осада, дождей не было, и хотя запасов воды, по Иосифу, было достаточно, сама нормированная выдача оной крайне удручала иотапатцев, психологически многократно усиливая у них жажду, и, вместе с тем, раззадоривая знавших об этом римлян: «они видели с возвышений, как жители города стекались к одному определенному месту, где им вода выдавалась по мере. Туда же они направляли свои машины и многих (посредством прицельного обстрела) лишали жизни» (12).

Не сработал и предложенный в какой-то момент продолжавшим удивлять противников своей находчивостью (13/14) Иосифом знатнейшим иотапатцам план их совместного ухода (или бегства?!) из крепости. Ухода, с тем, надо понимать, чтобы собрать вокруг себя силы повстанцев, рассеявшиеся по Галилее, плюс пополнить ряды за счёт новобранцев, и прийти иотапатцам на выручку извне. Узнав о плане, жители обступили командира и просили не покидать их, ибо оборона (по его, с их слов, словам) крепости держаться исключительно на нём (15).

Впрочем, не согласись он на уговоры, его не отпустили бы силой, да и собирался ли он возвращаться к Иотапате или в Иотапату?! что вряд ли было практически осуществимо, и уж точно не имело бы успех. Покинь Иосиф тогда крепость, он бы, вероятней всего, вынырнул в Иерусалиме, где и погиб бы зимой 67/68гг. совместно с Ананом и др. элитаристами (от рук идумеян или революционеров-террористов); либо – позднее – от рук Иоханана или Симона; либо – при штурме Иерусалима в

70г. И даже попади он в плен, в любом случае, при таком раскладе, Флавием ему было бы не стать и не быть.

Посему, к счастью для него (и для потомков), осада и ожесточённые бои за цитадель, сопровождавшиеся всё новыми ухищрениями командира защитников крепостных стен, к-рые не только озлобляли, но и удивляли командиров римских, постепенно, следует сделать вывод, проникавшихся, в лице Веспасиана и Тита, и интересом, и отчасти уже почтением к столь находчивому неординарному противнику, продолжались (16-21).

Пока римляне возводили вокруг крепости земляной вал в высоту её стен, Иосиф действовал малыми группами, к-рые по ночам совершали храбрые вылазки, убивая работавших римлян и разрушая их постройки. Последние вынуждены были усилить караульные отряды. В ответ Иосиф попробовал изменить ситуацию, подняв стены крепости до уровня 40м, чтобы римский земляной вал не достиг уровня крепостных зубцов. Это удалось лишь частично.

Когда легионеры подкатили тараны, Иосифу пришлось разделить подкомандный гарнизон на две части. Усталых и пожилых воинов он отправил защищать старые стены, а на те, к-рые испытывали удары таранов, поставил самых сильных бойцов во главе с наиболее умелыми командирами.

* * *

В одном из боёв Веспасиан был ранен (камнем пращника): по Флавию, – в стопу (22); по Светонию, – в колено; плюс – в его щит вонзилось несколько стрел (Весп.4,6). Остервенившись, римляне долбили стену всю ночь, применяя катапульты, балисты и – для поражения защитников – стреломётные скорпионы. Ужасен был «грохот орудий, свист и гул стрел. Беспреданно сотрясалась земля от падавших на неё со стены трупов; внутри города поднимался каждый раз душевраздирающий крик женщин, с к-рым смешивались доносившиеся извне стоны умирающих. На том месте, где кипела битва, вся стена текла кровью и на неё можно было взобраться по одним только человеческим трупам (...) Многие из защитников Иотапаты умерли в эту ночь геройской смертью, многие были ранены. К утру стена начала поддаваться непрерывно действующим орудиям. Но прежде чем римляне установили штурмовые лестницы, один из отрядов Иосифа, к-рый был хорошо вооружён и защищён панцирями, воздвиг новую стену рядом с разрушенной» (23)

Утром Веспасиан, дав своему войску короткий отдых после перенапряжённых ночных трудов, сам повёл его, пренебрегая полученным накануне ранением, на приступ. Иосиф приказал своим воинам контратаковать едва римляне перебросят с насыпанного почти в высоту стен цитадели земляного вала штурмовые мостки. Загremели трубы легионов, раздался залп орудий, войско подняло потрясающий боевой клич, но как только римляне ринулись по наброшенным мосткам, навстречу им бросились, по команде Иосифа (до того заткнувшие, повинувшись его приказу, уши, чтобы не спасовать перед ужасающими, по громкости и свирепости, звуками) иудеи. Ни дать, ни взять – Одиссей, плывущий мимо острова сирен!

Группы штурмующих римлян традиционно образовывали «черепаху» – *testudo*, смыкая поднятые вверх прямоугольные щиты, что позволяло подобраться к стенам, эффективно защищаясь от обстрела врага, почти невредимыми. Под прикрытием панцирных черепашек легковооружённые пехотинцы перебрасывали на стены осаждённой крепости штурмовые лесенки (мостки), верхушки к-рых были увенчаны зубчатыми крюками, впивавшимися в крепостные камни. Затем «черепахи» мгно-

венно рассыпались на отдельных тяжеловооружённых бойцов и вступали в рукопашную схватку с защитниками вражеской цитадели. Не изменили штурмовики этой тактике и при осаде-штурме Иотапаты.

Тем не менее, восставшим удалось воспрепятствовать большинству римлян взобраться на стены. Иосиф приказал лить на «черепах» кипящее масло, к-рое просачивалось даже между плотно сомкнутыми щитами, потом — под доспехи, обжигало римлян, расстраивало их ряды и наносило им существенный урон. Обожжённые маслом они корчились от боли и падали со стены, притом отступавшие сталкивались с напившимися сзади и становились лёгкой добычей иудеев, поражавших их с тыла (24-28).

Вдобавок к тому, по приказу Иосифа, иудеи забрасывали мостки раскалённой посудой и, главное, распаренной верблюжьей травой — сочевица, взбегая по к-рой, нападавшие скользили, из-за содержащегося в её семенах масла, и срывались вниз. Иудеи же, со своей стороны, устремились по мосткам навстречу врагу, к-рого они, создав для себя (благодаря хитроумной задумке их командира) выгодную боевую диспозицию, в результате жестокого рукопашного боя, остановили и отбросили. Веспасиан вновь дал сигнал к отступлению (24-39).

«Это сражение произошло — заключает Флавий — в 20-й день Деся» (29). 20-е число сиро-македонского месяца Десий = 20 сивана (иудейский календарный эквивалент) = 21.06.67г., иначе говоря, ровно через месяц после замыкающих первые, со стороны римлян, штурмовые попытки «пятого дня» = 21.05. (7,6) (см. выше).

Далее следует рассказ о возведении Веспасианом ещё 3-х башен, обитых железом, высотой в 30 футов каждая, с расставленными на них копьёметателями, лучниками, лёгкими метательными машинами, прашниками (30). Потом рассказывается о сокрушении Тряном (2 тыс. пехоты и 1 тыс. всадников), во главе с подтянувшимся к концовке (чтобы пожать победные лавры) Титом восставшей в поддержку Иотапаты Яфии (31), о чём мы уже упомянули выше, и что, т.е. падение добитой Титом Яфии, датировано у Флавия днём 25 числа месяца Деся = 25 сивана = 26.06.67г., следом за чем Флавий повествует об избииении римлянами самарян (32).

В отделявшей Иудею, к, о чём мы знаем, большой досаде иудеев, от Галилеи промежуточной Самарии, стояли римские гарнизоны, и недружественные к иудеям самаряне их выступление против римлян не поддержали. Но часть самарянского населения, исходя из флавиевского рассказа, тяготела со своей стороны к самарянско-противоримскому сепаратистскому выступлению (безотносительно к иудеям). И вот тысячи вооружённых самарян собрались на г. Гаризим, узнав о чём, Веспасиан снарядил против них легата V-го легиона С.Цереала, во главе 3-х тыс. пехоты и 600 всадников.

Соориентировавшись, Цереал не стал нападать на многочисленного неприятеля сходу. Он оцепил подошву горы и в течение всего дня спокойно наблюдал за самарянами, к-рые начали к полудню в невероятно жаркий день, отсечённые от водных источников и колодцев, страдать от жажды. Во второй половине дня, видя, что противник изнемогает, римляне поднялись на гору, взяли его в плотное кольцо и предложили сложить оружие взамен на сохранение жизней. Отказавшись, самаряне подверглись истребительной атаке со всех сторон, в ходе к-рой пало 11600 чел. «Это свершилось в 27-й день месяца Деся» (32) = 27 сивана = 28.06.67г. (за день до мученичества Петра и Павла в Риме).

Наконец, на 47-й день осады Иотапаты = в среду 1.07.67г. насыпные валы римлян превысили городскую стену. В тот же день к Веспасиану явился перебежчик, сообщивший, что силы осаждённых на исходе, что малочисленные защитники крепости крайне изнурены «от постоянного бодрствования и непрерывной борьбы» (33), и что они не сумеют отразить энергичное наступление. Он посоветовал ата-

ковать на рассвете следующего дня, когда глаза всех иотапатцев, в т.ч., стражей, после ночи тревожного бодрствования, сомкнёт неодолимый сон или минимум тяжеленная дремота, с к-рой даже часовые больше не могут бороться.

Не доверяя перебежчику, Веспасиан велел держать его под стражей, однако с планом, поразмыслив над ним, согласился, и ещё до рассвета, ранним утром, начал последний штурм. «В указанный час римляне неслышно приблизились к стене. Тит с трибуном Домицием Сабином и некоторыми воинами из V-го и X-го легионов первыми взойшли на неё. Перебив часовых, они тихо проникли в город. Вслед за ними трибун С.Цереал и Плацид ввели в него войска. Крепость была занята, враг стоял посреди города, а осаждённые всё ещё ничего не подозревали; большая часть жителей была обессилена усталостью и сном. Густой туман, спустившийся над городом как раз в то утро, застилал глаза тех, к-рые просыпались; и лишь тогда, когда римское войско входило в город, они поднялись – поднялись для того, чтобы увидеть своё несчастье и уже под смертельными ударами неприятельских мечей удостовериться в действительном падении города. Римляне, помня свои страдания во время осады, не знали теперь ни жалости, ни пощады...» (3,7,34). Мечу предавались все, кто попадался им под руку.

Часть боевой стражи успела укрыться в одной из северных башен и там дала последний бой легионероам, в итоге полностью перебитая, при том, что потери римлян в этот многоуспешный для них день исчислялись всего одним воином. Центурион, по имени Антоний, неосторожно протянул руку помощи одному из иудеев, скрывшемуся в узкой скальной расщелине, в ответ на его призыв и как залог дарования ему жизни. Но тот вместо принятия протянутой руки коварно поразил Антония копьём в подбрюшье (35).

Согласно Флавию, общее число убитых иудеев, при взятии города и в предшествующих сражениях, составило 40 тыс. человек. Надо сказать, что только при осаде и штурме Иерусалима погибло намного больше людей, тогда как в остальном битва за Иотапату была, за исключением битвы за Иерусалим, крупнейшей в Иудейской войне и решающей для Галилеи. А если вникнуть глубже, то и для судеб войны в целом, ибо участь этой галилейской крепости, для обороны к-рой Иосиф сделал (насколько мог и смог) всё возможное и невозможное, предварила-предвозвестила-предвосхитила неизбежную участь Иудеи и Иерусалима.

Длинюшая, как сказано, 7-я глава 3-й кн. «И.в.» завершается словами: «Так пала Иотапата на 13-м году царствования Нерона в 1-й день месяца Панема» (36). 1-е Панема = 1 таммуза (по иудейскому календарю) = 2.07.67г. н.э. Посему, Иотапата пала в следующий за средой день = в четверг 2 июля, выдержав 47 (с 16 мая) дней осады.

ИОСИФ СДАЁТСЯ В ПЛЕН

(июль 67г.)

Когда в городе началось побоище, Иосиф, к-рого римляне искали среди убитых и пленных, в обществе 40 знатных иотапатцев успел укрыться в глубокой цистерне городского водопровода и местонахождение его оставалось неизвестным римлянам в течение 2-х дней. На третий же день оно было выдано одной пленённой женщиной и Веспасиан немедленно послал к входу в указанную цистерну «двух трибунов, Павлина и Галликана, чтобы те», пообещав Иосифу безопасность, «склонили его к выходу из пещеры» (И.в. 3,8,1).

Его находчивость и незаурядные военные уловки в ходе обороны Иотапаты сначала озлобили римского главкома, затем – всё больше вызывали интерес к нему.

А ныне, после того как цитадель пала и римляне насытились мстостью, их командир со своим сыном, к-рый был особо благосклонно настроен к командиру противника, могли себе позволить роскошь восхититься таким побеждённым ими врагом, проявить великодушие, и, тем паче, пожелали захватить его живым, чтобы отправить в качестве знатного пленника (главный живой трофей галилейской кампании) в Грецию — к Нерону.

Помимо того, вероятно, они собрали о нём информацию и знали, что в 63/64гг. он побывал в Италии/Риме, сумел пригласиться тогдашней императрице Пoppее (наверняка представившей его Нерону) и пустился в обратный путь, щедро одарённый ею, пользуясь влиянием в Иерусалиме, сопринадлежа к тамошней иерократическо-аристократической верхушке, о к-рой, как и о собственно восстании или о раскладе в Иерусалиме, от него можно было получить ценные сведения, и т.д.

Но уговоры трибунов, гарантировавших ему безопасность, Иосифа, полагавшего, что его выманивают для того, чтобы казнить, не убедили (8,2). Тогда Веспасиан отправил для переговоров с ним третьего посла — лично знакомого Иосифу (неизвестно откуда) трибуна Никанора, заверившего его, что римляне милостиво обращаются с побеждёнными, и что он, вследствие выказанной им храбрости, вызывает в римских военачальниках больше изумления, чем ненависти.

Иосиф продолжал сомневаться, и солдаты, бывшие с Никанором, придя в ярость, уже готовы были поджечь пещеру, но трибун остановил их, «потому что считал для себя делом чести захватить Иосифа живым» (8,3).

Дальше Иосиф рассказывает о своей раздвоенности-расщеплённости, о своих вещих ночных снах, следует понимать, периода осады, или — как периода осады, так и до неё, — «в к-рых Бог открыл ему предстоящие бедствия иудеев и будущую судьбу римских императоров», продолжая: «Иосиф понимал толкование снов и умел отгадывать значение того, что открывается Божеством в загадочной форме; вместе с тем, он, как священник и происходивший из священнического рода, был основательно посвящён в пророчества священных книг...» (8,3).

В ново-новейшее время, особенно с XIX/XXвв., рационал-материалисты, с плюгавыми мозгами, или евангелистские теологи типа Шюрера, к-рые верят Евангелистам в последнюю очередь, не устают насмехаться как над этим Иосифовым сновидчеством, с истолкованием вещих снов, так и над всем остальным, чем, мол, он трюкачески прикрывает свою измену и силится оправдать свою трусливую сдачу в плен римлянам, к-рую он предпочёл «героической» смерти — в бою, или смерти самоубийственной.

Дескать, никаких вещих снов в природе не бывает и быть не может (достаточно прослушать марксистско-ленинский курс лекций «Сны и сновидения»)¹³, более того, все сновидческие-снотолковательские и прочие самооправдательные байки, равно действия Иосифа, элементарно объясняются циничным расчётом, направленным, мол, исключительно на спасение собственной шкуры любой ценой. Не надо, господа-товарищи рационалы, мерить всё, всех и во все времена по себе, да ещё своими жалкими (от жалких умишек, уж не говоря о духе) критериями-категориями, в рамках своих вульгарных схем!

Повторим, потомственный Аронид, облечённый аронидским священством, Иосиф (из рода Ааронова) аж 3 года провёл у есеевского отшельника Бана, пройдя, стало быть, через есеевское (совсем не для профанов) посвящение, после чего

¹³ Даже (махровому атеисту) В.Молотову (даром что — «каменной жопе», как его называл Ленин) в старости иногда снился Сталин, притом — «в каком-то разрушенном городе», углубляясь во что в беседе с Ф.Чуевым Молотов не захотел, назвав свои сны «странными» и сказав — «не надо об этом» (см. Ф.Чуев: «140 бесед с Молотовым»).

примкнул к фарисеям, пройдя, следовательно, также через фарисейское орденовое посвящение. Разве всё это не свидетельствует о его сопринадлежности или минимум о его нечуждости таинственной эзотерике, герменевтике, спиритуализму, чему одновременно нисколько не мешает его (в меру эллинизированного иудея и универсала) сопричастность светской античности и учёности, в чём он, впрочем, достаточно оригинален, ибо такое сочетание в древности мало кем, по-настоящему, практиковалось. Не было ли в метаистории иудеев сновидца (патриарха) Иосифа, лучшего из братьев своих, едва не убитого и проданного (за 20 сребренников) в Египет! Не был ли иудеем Филон Александрийский – еврейский Платон – философ и таинник!

Зачем же, спрашивается, отказывать ессейско-фарисейскому посвящённому Иосифу (Флавию), к-рый, проиграв сражение за Иотапату, непременно хотел выжить, и потому что хотел жить, и потому что знал о предстоящих ему великих делах, в вещем сновидчестве и в толковании снов, в умении распознавать симптомы, черты и свершения будущего?!

Вспомним, к примеру, о его сне на равнине Асохис, близ Назарета, когда некий Муж предсказал ему грядущую судьбу и то, что сначала он должен сразиться с римлянами, т.е. это сражение, поражение и пленение были неизбежны. Не спешите умирать, если есть возможность выжить и принести тем гораздо больше пользы, нежели своей смертью (за мнимые идеалы, за мыльные пузыри, комбинаторски выдаваемые рев. фанатиками и рев. мошенниками за святые-благородные цели).

Причём можно себе представить внутреннее состояние Иосифа, с одной стороны, политика и военного, облечённого сложнейшей и невыполнимой задачей организации сопротивления Галилеи Риму (один мыслящий деятель такого масштаба среди иудеев против Рима!), а с другой, – мистика, к-рому в сокровенных снах является откровение предстоящего. Так, в ходе 47 дней обороны Иотапаты, ему мистически (иначе не скажешь) открылась продолжительность обороны крепости в течение не более именно 47-и дней, что позднее подтвердили перед Веспасианом и Титом близкие к своему командиру др. иудейские пленники, с к-рыми он этой информацией, почерпнутой из вещего сна, из своей способности провидеть будущее, поделился (3,8,9).

Согласитесь, что в таком и при таком состоянии, зная-узнав из необычного видения о поражении руководимого тобой предприятия наперёд, можно было заниматься политикой и полководчески руководить обороной обречённого города в деле обречённого восстания, только полностью доверившись судьбе = доверившись Господу Богу, в К-рого Иосиф глубоко верил, и К-рый был с ним, К-рый не оставил его.

Сходно сновидческие откровения возвестили ему грядущие венценосные императоры Веспасиана и Тита, отца и сына, кесарей-императоров, соответственно, в 69 – 79 и в 79 – 81гг. Притом – возвестили июньским летом 67г., когда Нерон ещё твёрдо сидел на принципатовском троне, тусуясь в Греции, и, стало быть, – возвестили аж за год до Неронова самоубийства 9.06.68г., следом за чем Нерону преемствовали Гальба, Отон, Вителлий, тогда как Веспасиан был провозглашён императором лишь в июле 69г.! И, спрашивается, как мог Иосиф, пишучи обо всём этом в 75 – 79гг., т.е. всего через 8-10-12 лет (от описываемых событий 67г.), когда были живы-здоровы люди, об этих его предсказаниях знавшие, их помнившие, всё это измыслить-выдумать, согласно инкриминированной ему в XIX/XXвв. многоучёной горе-схеме?!? Неужели, публикуя «Иудейскую войну» ещё при жизни Веспасиана, он («по предварительному сговору» с императором и его сыном Титом!) нагло (со)лгал, что (будто бы!) предсказал Веспасиану императорскую корону аж в 67г.!?

Впрочем, с предсказанием относительно императур отца и сына Флавиев мы

пока повременим. Сейчас на повестке дня висевшая на волоске Иосифова сдача в плен. Опрочь того, в XXIв. (увы, в даже слишком суеверном, отлично от рационал-материалистического века XX-го, с к-рым мы никак не распрощаемся), пожалуй, нет необходимости убеждать людей в возможности видеть вещие сны, или обладать т.н. паранормальными (устаревшая терминология XXв.) способностями, или пред-рекать будущее, свидетельства чего появляются и фигурируют всё чаще.

При всём том, симптоматично, что и пик недоверия к Иосифу, к рассказанному им не случайно пришёлся на время итечения 5-тысячелетней Кали-юги – Малой эпохи духовной тьмы в человеческих душах, к-рая (благо) хронозакончилась в 1899г. (продолжая остаточно отзываться в человечестве до сих пор, с основательным прицелом на остаточные синдромы-заряды и завтра, и послезавтра), под знаком солярного Архангела Михаила, очередная ротационная эпоха к-рого (три с половиной столетия) началась в 1879г. и ныне набирает обороты, приближаясь к своей середине – 2056г., и преодолевая ужасающее сопротивление.

* * *

Идём дальше. Засим читателю с разутыми глазами и откупоренными ушами должно быть понятно – почему, как и во имя чего Иосиф не согласился умереть и стремился не умереть, но именно сдаться в плен, вопросы о чём отпадают, если правильно оценить, что именно он в перспективе содеял и чем человеческая цивилизация ему обязана.

Однако его готовность к сдаче в полон, в свете гарантий Никанора от имени Веспасиана, натолкнулась на сопротивление укрывавшихся с ним в пещере иудеев – в количестве 40 человек, к-рым гарантии сохранения жизни даны не были и к-рые считали, что, проиграв схватку, они просто обязаны именно самоубийственно умереть (3,8,4/5). Правда, не очень ясно, сочли ли они так, стремясь умереть во что бы то ни стало (за эфемерную свободу)? или потому что им, в отличие от Иосифа, никто жизнь не гарантировал?

Хотя, с др. стороны, ими небезосновательно ставилось командиру в упрёк и на вид: «Сколько людей, по твоему приказу, умерло за свободу! Слава храбрости, к-рая тебя окружала, была таким образом ложью... Мы предлагаем тебе нашу руку и наш меч: хочешь умереть добровольно, умрёшь – как вождь иудеев; если же нет, то умрёшь, как изменник». С этими словами они обнажили свои мечи и грозили заколоть его в случае попытки сдаться римлянам» (8,4).

Короче, они сами отказывались от сдачи и грозили смертью ему, настаивая на массовом суициде во избежание плена. И ответные аргументы Иосифа, верно взы-вавшего к своей давешней храбрости и единовременно говорившего, что «одинаково труслив как тот, кто не хочет умереть, когда нужно, так и тот, кто хочет умереть, когда не нужно» (8,5), не срабатывали.

Не сработала и следующая контраргументация: «...самоубийство противоречит природе всего живущего, и это – преступление пред Богом, нашим Творцом... От Него мы получили наше бытие – Ему мы и должны предоставить его прекращение. Наше тело смертно и сотворено из брэнной материи; но в нём живёт душа, к-рая бессмертна и составляет частицу Божества... Разве вы не знаете, что те, к-рые отходят от земной жизни естественной смертью, отдавая Богу Его дар, когда Он сам приходит за получением его, удостоиваются вечной славы, прочности рода, потомства, а их души остаются чистыми и безгрешными и обретут святейшее место на небесах, откуда они по прошествии веков вновь переселятся в непорочные тела (обратите внимание на реинкарнацию – Гилгуль Нешамот! – К.З.); но души тех, к-рые безумно наложили на себя руки, попадают в мрачное подземное царство, а

Бог, Отец, карает этих тяжких преступников ещё в их потомках. Он ненавидит это преступление и мудрейший законодатель наложил на него наказание. У нас самоубийцы должны быть оставлены непогребёнными до заката солнца, в то время, когда мы считаем своей обязанностью хоронить даже врагов наших...» (8,5).

И пусть в Моисеевом законодательстве нет чётко сформулированного запрета на собственно самоубийство, но на I/Ивв. такой запрет на добровольное лишение себя жизни выводится раввинами из Быт.9,5, где сказано: «Я взыщу вашу кровь, в к-рой жизнь ваша, взыщу её от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его».

Отвержение траура по богопротивникам-самоубийцам имеется в талмудическом трактате «Семахот»: «По тому, кто сознательно лишил себя жизни, не может быть общественного траура». Р. Акиба (мл. современник Флавия): «Оставь всякие комментарии по нему (по самоубийце – К.З.): не чествуй и не проклинай его: не раздирай из-за него одежды, не обнажай плечи и не оплакивай его публично». Кто есть самоубийца? Не тот, кто взобравшись на верхушку дерева или на крышу дома, упал оттуда и погиб. А тот, кто думает или говорит: я взбираюсь на крышу дома или на верхушку дерева, чтобы броситься оттуда и умереть. И потом люди видят, как он делает это и погибает. Т.е. самоубийца тот, кто сознательно лишает себя жизни и его не должно оплакивать, отлично от того, кто задушен, повешен или убит мечом. Последние не сами себя лишили жизни и достойны траура по ним» (2).

Отсюда вывод: раввинистический запрет на самоубийство в означенное время существовал. И значит, Флавий не на пустом месте предпочёл в 67г. греховному (как по иудейским, так и по христианским нормам-меркам) самоубийству сдачу в плен. И неверно вменять ему, мол, безосновательные ссылки на наличие-правомерность такого запрета. Сталинская максима «У нас нет военнопленных, у нас есть только предатели»¹⁴ была не для него.

Да, он склоняет голову перед массовым суицидом защитников Масады, вознося в конце «Bellum» эпический гимн своему народу, к-рый он очень хочет примирить-помирить с языческой Ойкуменой (что ему не удалось), пишучи о последней цитадели Иудейской войны, с трагическим падением к-рой в 73г. она великожертвенно завершилась. Но он отвергает этот выбор для себя, индивидуального богоизбранника, этот выбор в духе «четвёртой» зилотско-сикарийской философии Иуды Галиленина, этот выбор адептов «мирового пожара в крови, / Господи, благослови!» Т.е. на повестке дня выбор без выбора, проповедующий борьбу до смертного конца и не приемлющий отдачу Богу Богова, а кесарю кесарева, что, со своей стороны, вполне приемлет не пожелавший раньше времени именно богопротивно умереть недопустимым наложением на себя рук Иосиф!

И поскольку его соратники-сопещерники-социстерники упорно не соглашались с его контрсуицидальными доводами, он предложил им тянуть жребий об очередности (так сказать) менее греховных взаимоубийств. Тот, на кого жребий падёт, умирает от руки ближайшего за ним, и таким образом всем им, по очереди, надлежит принять смерть, одному от руки другого, с тем, чтобы последний из оставшихся

¹⁴ Попавшие в немецкий плен (дескать, вместо того, чтобы отважно умереть в бою, с оружием в руках, или, расстреляв все патроны, застрелиться) советские военнослужащие, а их количество исчислялось миллионами, были для (марксиста-лениниста-коммуниста) Сталина именно отработанным человеческим материалом (и потенциальными агентами, завербованными врагом), о провиантировании к-рых он категорически не желал заботиться через Красный крест. Именно поэтому, в первую очередь, они в плену массово умирали от голода (что одновременно несколько не оправдывает, зачастую, преступно моривших их голодом нацистов), в отличие, например, от пленных англичан, о к-рых Англия через Красный крест истово заботилась.

в живых покончил с собой. Или, скорее, с тем, чтобы двое последних единовременными ударами кинжалов закололи друг друга.

Сим всё было поставлено на кон, всё (пере)доверено судьбе и госпоже удаче, к-рые опять оказались на стороне любимца Фортуны – Иосифа. По жребию, ему выпало умереть последним вместе с напарником, к-рого он, когда их осталось в живых лишь двое, красноречиво убедил не совершать тяжкий грех, в результате чего они вместе сдались римлянам (8,6/7). В ново-новейшее время этот жребий, опять-таки, представляется ловкаческо-шулерским трюком со стороны аферюги Флавия и даже иронично называется некоторыми «Иосифовым жребием» (или «флавиевским счётом»).

Но позвольте, в сём случае, надо принять, что Иосиф обрелся в цистерне-пещере в компании сорока законченных придурков, к-рые, зная о его желании сдаться в плен, всё равно попались на его какой-то никому неведомый шулерский трюк, к-рый, если вдуматься, в подобных условиях не мог иметь место и не мог бы быть реализован. Всё решили судьба и её благородие – госпожа удача! Именно на них он уповал, сделал в безвыходной ситуации ставку и выиграл, выиграв, можно сказать, в гусарскую рулетку, и ещё, выиграв, потому что верил, сообразно явленным ему откровениям, что не может проиграть! А вера, как известно, сдвигает горы. И эта вера Иосифа в свою уникальную звезду была куда больше, чем с горчичное зерно!¹⁵

Он благополучно прошёл почти в прямом смысле по лезвию бритвы, покинул водопроводную цистерну, вышел наружу и был приведён Никанором к Веспасиану (8,8). Причём многие римляне, видя того, кто причинил им столько бед во время осады, кричали: «казнить врага!» Другие, напротив, изумляясь произошедшей с ним перемене, смягчились. «Тит в особенности, по благородству своему, проникся сочувствием к его долготерпению в несчастье и сожалением к его возрасту». Особо хорошее отношение к нему Тита, к-рый хлопотал перед отцом за него и тогда, и позднее, подчёркивается Флавием не единожды. Они были почти ровесники, 28-летний Тит и 30-летний Иосиф, для к-рого теперь начинался совершенно новый этап жизни. Между тем, Веспасиан приказал содержать знатного пленника под стражей, обращаясь с ним сносно, в намерении отправить его в ближайшем будущем к Нерону.

* * *

Дальше – больше. Узнав об этом, Иосиф – «выразил желание поговорить с Веспасианом наедине. Последний приказал всем присутствовавшим удалиться, за исключением сына своего Тита и двух друзей. Иосиф тогда начал: «Ты полагаешь, Веспасиан, что во мне ты приобрёл сугубо военнопленного; но я пришёл к тебе как провозвестник важнейших событий, я явился к тебе как вестник ожидающего тебя величия... Ты отправляешь меня к Нерону? Зачем? Разве останутся на его престоле те, кто наследуют ему до тебя? Ты, Веспасиан, ты Цезарь и император, ты и твой находящийся здесь сын. Потому надень на меня самые крепкие твои оковы и сохрани меня для себя самого, ибо ты не только мой господин, Цезарь, ты господин земли и моря и всего человеческого рода. Я же прошу только об усилении надзора надо мной, дабы ты мог казнить меня, если окажется, что я суесловил именем Бога» (8,9).

¹⁵ Массовая иотапатская Масада (= т.е. взаимоубийство иудеев в Масаде, свершившееся, впрочем, инициативой горстки экстремистов-коноводов, к-рых не интересовал вопрос – сколько человек этого добровольно хотят?) была Флавию, для него самого, с его незаурядной, доминантной над всякой групповой душой, индивидуальностью, персонально-ментально чужда, недопустима, неприемлема, несостоятельна! – и он тысячу раз прав!

И опять узколобые авторы ново-новейшего времени инкриминируют Флавию хитроумное шулерство (мол, обул фуфлыжник Иосиф лохов-лошар Веспасиана и Тита, дерзко повесив им, фрайерам ушастым, лапшу на уши, по полной!)! Генкель даже пишет, что он прикинулся благочестивым ессеем и присовокупляет отсебятину о просьбе Иосифа предстать перед Веспасианом в одежде восточного отшельника. Так, кто, спрашивается, выдумщик: Иосиф или его современные критиканы? И как? откуда? повторим, он мог знать в июле 67г., если не по наитию! если не по откровению свыше! в дни, когда до самоубийства Нерона ещё без малого год, в дни задолго до императур Гальбы, Отона, Вителлия, что Веспасиан станет императором и что его соправителем, как и тронным преемником, будет его сын Тит?!¹⁶

По Генкелю, судьба династии Клавдиев висела на волоске и заведомая хитрость прекрасно осведомлённого о суеверии римлян Иосифа (к-рый, мол, всего-навсего, исхитрился, спасая себя) произвела неизгладимое впечатление на Веспасиана, сохранившего ему в ответ жизнь и подарившего хорошее обращение. Но на июль 67г., когда Нерон кифаредствовал и ристалищно состязался в Олимпии, судьба династии Клавдиев ещё не висела на волоске.

Более того, тогда было крайне рискованно назвать (пусть в присутствии Тита и двух верных друзей) Веспасиана (пусть не чуждого суеверию) будущим императором как для Иосифа, к-рый в два счёта мог за такие словеса лишиться жизни, так и для

¹⁶ Веспасиану и Титу предсказывали власть и др. оракулы, но все на порядок позже, чем Иосиф, уже в 69г., когда ни Нерона, ни Гальбы давно не было в живых.

В 1-й кн. «Истории», повествующей о событиях января-марта 69г., Тацит пишет: «В то, что императорская власть была суждена Веспасиану и его детям тайным роком, знамениями и пророчествами, мы уверовали лишь позже, когда судьба уже вознесла его» (1,10). Согласно повествованию 2-й кн. «Истории» (03.-09.69г.), Тит был отправлен Веспасианом приветствовать ставшего императором Гальбу, но узнав в Коринфе о его гибели 15.01.69г., возвратился с дороги назад к отцу, не забыв спросить на Кипре оракул Венеры Пафосской – «какая судьба ждёт его в будущем?», на что жрец Сострат «открыл ему (по внутренностям жертвенного животного) будущее, к-рое его ожидает» (= наследование принципата от отца) (2,4). Ниже читаем: «...Веспасиан не был чужд суеверий – недаром, уже ставши владыкой мира, он открыто держал при себе некоего Селевка, звездочёта и прорицателя, и прислушивался к его советам» (2,78). Ещё ниже говорится, что в святилище на горе Кармел между Сирией и Иудеей (в отрогах Антиливана) жрец Василид (опять по внутренностям жертвенного животного) предсказал Веспасиану – «и пышные палаты, и бескрайние владения, и власть над множеством людей» (2,79). Причём из «Ист.» 2,79 явствует, что это произошло незадолго до провозглашения Веспасиана императором в июле 69г.

Светоний подтверждает эти ответы Веспасиану оракула бога Кармела и присовокупляет: «А один из знатных пленников Иосиф (к-рого Тацит не упоминает или игнорирует – К.З.), когда его заковывали в цепи, с твёрдой уверенностью объявил, что вскоре его освободит тот же человек, но уже император» (Весп. 5,6). Разница всего лишь в нюансах, но суть в том, что Светонием подтверждается рассказ Флавия.

У эпитомированного Диона (65,1,4) от Ксифилина (203,8-30) находим: «Иудейский пленник Иосиф, приведённый в цепи к Веспасиану, смеялся и говорил: «Сейчас ты можешь держать меня в цепях, но через год, когда ты станешь императором, ты сам освободишь меня от этих цепей». И Светонию, и Диону кажется, что предсказание Иосифа было сделано на порядок позже, чем за два года до провозглашения Веспасиана императором, Дион даже уточняет, что – за год, когда такой поворот событий было куда менее сложно предугадать-предсказать. И оба они, как Светоний, так и Дион, без сомнения, были бы немало удивлены-восхищены, узнав, что Иосиф предсказал Веспасианову импературу аж в июле 67г.!

Можно сказать, что (приобшившийся к ессейству посвящённый фарисей) Иосиф Флавий обладал свойственными некоторым (т.н. паранормальным) людям и сегодня – как атавистическим сновидением, так и ясномыслительным видением, точнее, плототворным сочетанием того и другого. Причём подобные способности, если таковые имеются, негоже игнорировать и в наше время (материалистического интеллектуализма), когда, по большому счёту, доступа в истинно Духовный мир без, перво-наперво, одухотворённого интеллекта нет.

самого Веспасиана, к-рый мог, дойди информация до Нерона, немедленно стяжать обвинение в гос. измене, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не безопаснее ли было для Иосифа, к кому некогда благоволила Пoppея, память о к-рой Нерон всё бережнее (ненароком убив её) хранил-читил, отправиться к Нерону – в расчёте на милость к себе и снисхождение или прощение!?

И главное, снова и снова спрашивается, откуда Иосиф мог знать летом 67г. о провозглашении Веспасиана императором летом 69г.! после конца Нерона и гибели двух краткосрочных калифов – Гальбы и Отона, с победой веспасиановцев над Вителлием аж в декабре 69г. и с прибытием Веспасиана в Рим только во второй половине 70г.?! Да и столь дерзко врать обо всём этом задним числом Флавий, будь то при жизни Веспасиана, или уже в правление Тита, – подумайте и согласитесь, – ну никак не может! Ведь, повторяем, – живы свидетели всего в ту пору произошедшего. Т.е. подобное заведомое фуфло из флавиевских уст = предсказание на фу-фу, совершенно непредставимо: ведь за базар, рано или поздно, если не тотчас, пришлось бы отвечать и отвечать по всей строгости.

Посему, речь идёт никак не о дешёвом аферисте, каковым Флавия пытаются представить-позиционировать ново-новейшие дубоголовые бакланы от истории и психологии, но, действительно, о ессеиско-фарисейском посвящённом, к-рый был наделён, в частности, даром провидеть (по наитию свыше) грядущее, сделавшись впоследствии (в Риме христианином без сопринадлежности к общине?! и) одним из величайших историков всех времён и народов! И при этом он остался (матёрым) котом, к-рый (гораздый уйти, как колобок, и от бабушки, и от бабушки) всегда ходил (и по сей день ходит, не до конца разгаданный нами) сам по себе!

И, понятно, что от поначалу недоверчиво отнесшегося ко всему услышанному Веспасиана не ускользнуло свидетельство о том, что, как сказано, Иосиф, в ходе осады Иотапаты, предсказал падение крепости через 47 дней осады, как оно и случилось. После этого Веспасиан решил оставить чересчур необычного пленника при себе, обращаясь с ним милостиво, но держа в цепях, к-рые он самолично разрубит, когда будет провозглашён императором (69г.), даровав одновременно Иосифу свободу и своё положенное вольноотпущеннику фамильное имя Флавий.

Причём интересно снова акцентировать, что талмудисты, игнорируя самого ренегата Иосифа, всё-таки, не преминули приписать, с некоторыми отклонениями и нюансами, несколько откорректированную историю его сдачи в плен р. Иоханану б. Заккаи («Гиттин» 5ба), представляя это как похвальный и спасительный для раввинистического иудаизма акт-поступок. Флавия можно упрекнуть во многом, однако не будет преувеличением ещё раз сказать, что и современного гос-ва Израиль евреям было бы не создать без его (столь ценных для христиан) книг, без воспитания на его книгах. И это именно из флавиевских книг (без к-рых невозможна историческая реконструкция осевых в истории-метаистории человечества I/I-го вв. до н.э. и н.э.) ново-новейшее еврейство узнало (и узнаёт) свою историю, построило своё (державное) государство¹⁷ и вывело пароль: «Масада больше никогда не падёт».

Иосиф б. Маттафия, ставший Иосифом Флавием, однозначно оправданно боролся за своё выживание и однозначно оправданно выжил, будучи гениальной личностью, будучи гением, не без простительных гению тщеславия, честолюбия, себялюбия (не на пустом месте), будучи человеком, жизнь и грядущее творчество к-рого принадлежали всему человечеству, принадлежали, войдя в её сокровищницу, мировой цивилизации, к-рая не могла ни без выжившего Флавия, ни без его твор-

¹⁷ Великая держава (без кавычек) с атомной бомбой, к-рой у неё, по словам Г.Меир, разумеется нет, – «но, если понадобится, мы её применим».

чества обойтись. Не случайно его книги читают сегодня, две тыс. лет спустя, и, несомненно, будут читать ещё через две тыс. лет. Такая литература, такая история, по-разному, необходимые различным поколениям и временам, не устаревают, не теряют актуальности и не проходят никогда!

РАЗРУШЕНИЕ РИМЛЯНАМИ ИОППИИ И ПОЛОЖЕНИЕ В ИЕРУСАЛИМЕ

(лето 67г.)

«4-го Панема Веспасиан снова выступил в Птолемаиду и оттуда двинулся в Приморскую Кесарию...» (И.в. 3,9,1). 4 Панема = 4 таммуза = 5.07.67г. н.э., т.е. сдача Иосифа в плен и его предсказания имели место между 2 и 5.07. Или, точнее, через 2 дня (3,8,1) после падения Иотапаты, – 4.07. А 5.07. римляне во главе с Веспасианом выступили из поверженной, скрытой и сожжённой Иотапаты в Птолемаиду, откуда направились в Цезарею Maritima, где ненавидевшие иудеев местные эллины (в основном сирийского происхождения) встретили их восторженно.

И здесь снова раздалась голоса за казнь Иосифа как предводителя галилейских повстанцев, но Веспасиан твёрдо отклонил это, на сей раз, исходившее от противоиудейско-эллинистической массы требование, решив теперь беречь весьма оригинального пленника, держа его при себе или поблизости.

Кесарию римский полководец избрал местом предстоящих зимних квартир V-го и X-го легионов, отправив XV-й легион в расположенный на той же широте, что и Кесария, на восток от неё и к западу от Иордана, Скифополь – знакомый нам город в составе стоявшего на стороне римлян эллинистического Декаполиса (3,9,1).

Одновременно пришлось решать проблему тоже неплохо знакомой читателю прибрежной Иоппии (к югу от Кесарии и Аполлонии), к-рая, в большинстве иудео-населённая, поддержала восстание Иерусалима и была разрушена ещё в 66г. Цес-тием. Однако ныне в ней нашли убежище многие иудейские беженцы (с берегов Генисаретского озера), откуда они, построив множество разбойничьих судов, дерзко пиратствовали – «на пути между Сирией, Финикией и Египтом, и таким образом сделали это море опасным для плавания» (9,2).

Узнав о приближении римлян, насельники города, выжившие местные и пришлые, бежали на свои лёгкие суда и вышли в море, надеясь спастись под его защитой.

Но утром поднялась страшная буря, – известный морякам тех вод «чёрный северный ветер», – к-рая разбила одни суда беглых иоппийцев друг о друга, другие – о прибрежные скалы, тогда как тех, кто не утонул в пучине и кого выбросило на берег живыми, убили выстроившиеся вдоль берега римские солдаты. «Число трупов, выброшенных морем, достигло 4200. Завоёванный без меча город римляне сравнивали с землёй» (3), одолев, следовательно, в 67г. разорённую годом раньше Иоппию вторично (9,4). И чтобы пираты снова не превратили это место в базу для морских разбоев, Веспасиан оставил здесь небольшой гарнизон из пехоты и всадников.

Не тут ли, в Иоппии, 28 лет назад, в 39г. н.э., Ап. Пётр, пришедший сюда из Лидды, где он чудесно исцелил лежавшего 8 лет в расслаблении Енея, воскресил (иоппийскую «дочь Иаира») Тавифу, имя к-рой означает «серна» (перед обращением в начале 40г. в Кесарии римского сотника Корнилия, чем был дан символический зелённый свет взятому в дальнейшем на вооружение Павлом ойкуменическому обращению язычников)! И вот, спустя 28 лет, от Иоппии, откуда некогда, в VIIIв. до н.э., отчалил (*проглоченный китом и проведший три дня в китовом чреве* вдохновитель знаменитого воскресенского знамения Ионы) пророк Иона не осталось камня на камне.

В «И.в.» 3,9,5/6 Флавий говорит о реакции Иерусалима на падение Иотапаты: с одной стороны, — великая скорбь, с другой, — возмущение по поводу сдачи в плен губернатора и главкома Галилеи — Иосифа. 30 дней в городе царил глубокий траур, притом сначала, в т.ч., по Иосифу, к-рого считали погибшим; когда же узнали, что он жив и в плену, «то ожесточение против него живого было не менее велико, чем скорбь по мнимо умершему». Его проклинали как изменника, а ненависть и ярость против римлян удвоились.

Т.е. налицо была дальнейшая радикализация и не думавшей о примирении части населения и беженцев, в основном из числа молодёжи (то самое кипение революционного дерьма в молодых задах, принимаемого и выдаваемого за кипение крови), что явно предвещало грядущий приход к власти крайних экстремистов, опасность чего до срока остававшиеся у власти элитаристы всё ещё недооценивали. Да и не ведали они во всё осложняющихся обстоятельствах, что им делать дальше (как этого не знали жирондисты во Франции, или не знало само раскрутившее маховик людоедской революции и большевистского переворота Временное правительство в России).¹⁸

Революция (если джин выпущен из бутылки) сродни (пройдя через бутылочное горлышко), скажем снова, пандемии, к-рая не уходит, не достигнув своего гребня (или плато) и не собрав полагающуюся ей смертную-кровавую жатву, чтобы перегореть-спалиться затем — либо изнутри, либо — раздавленная извне. Иудейских повстанцев ожидало второе, так как они находились внутри Римской империи, откуда — из греко-римской Ойкумены, у мятежной Палестины не было выхода никуда, кроме как в никуда, но что палестинское еврейство (продолжая впустую уповать на уже исполнившееся Исполнение Времён постфактум) упорно не желало понимать.

Мало того, Анан б Анан, сам элитарист-конформист, к-рый теперь предпочёл бы отыграть партию ради самосохранения назад, и к-рый одновременно боялся прослыть либералом в глазах и без того с подозрением смотревших на него радикалов, использовал очередной ветхозаветно-националистический бум в народе для расправы с (взятым под стражу в Перее?) Ап. Матфием. Тем самым он демонстрировал свою как бы патриотическую (неотделимую от первосвященской) непримиримость ко всякого рода сектантам и сомнительным безродным космополитам, в частности, в лице вольных или невольных пособников римлян — христиан. То-то они осенью ббг. покинули, отказавшись участвовать в восстании, Иерусалим (что Анан сейчас сделал бы и сам, кабы мог, прихватив свои богатства, и кабы дело не зашло слишком далеко, не оставив ему и ему подобным выбора-выхода).

При этом интересно, как сказано, что если Матфия, возможно, каменовали летом 67г. у ворот Иерусалима как христианина и, соответственно, (хочет он того или не хочет) пособника римлян, то в Риме и в некоторых др. местах Римской империи христиан, м.б., преследовали-третировали в 67г., под впечатлением Иудейской войны, и как иудеохристиан, в одно время с иудеями, всё ещё продолжая не очень отличать одних от других.

Впрочем, экстремальному саддукею Анану Младшему, достойному сыну Анана Старшего, по любому, была по душе расправа с одним из христиан. В конце концов, какая разница, как именно и при каких обстоятельствах расправляться с врагами Закона?! Труп врага всегда хорошо пахнет.¹⁹ И не надо долго сидеть на берегу реки,

¹⁸ Взрывная революция, в своих попытках перепрыгнуть из понедельника в среду, или преодолеть пропасть в два прыжка, сходна с эпилепсией, а противостоящая ей власть, к-рая не может овладеть ситуацией — с параличом, почему производящие эксперимент-эксскримент делатели подобных недержанию революций — есть своего рода эпилептики, а носители противостоящей им беззубой власти — своего рода паралитики.

¹⁹ Но тот, кто любит труп врага (испытывая радость или удовлетворение), сам недолго протянет.

ожидая, когда этот труп проплывёт мимо тебя, если есть возможность каменовать антагониста или сбросить его с кровли храма, скорый конец к-рого обречённый дегрантан Анан и его кодла тупо не желали предувидеть (и к-рый очень ясно предувидел оказавшийся благоразумнее и дальновиднее их всех Иосиф).

Одним словом, в Иерусалиме лета 67г. бушевали, предвещая разрушение Города и храма спустя 3 года, скорбь, пагубные раскаляющиеся страсти и опустошительные ярость с ненавистью. Годы переставшего быть Градом Господним города и его покинутого Богом святилища (из мёртвого камня) были сочтены.

Не об этом ли, в частности, писал Ап. Павел весной 66г. в своём (предваряющем Откровение Иоанна Богослова) Послании к Евреям! Не об этом ли, в частности, завуалированная речь и в Посланиях Ап. Петра, 2-е из к-рых было написано весной 67г.! Не приняли ли мученичество первоверховные Апостолы Пётр и Павел в Риме всего за 3 дня до судьбоносного падения галилейской Иотапаты, к-рое предварило-предвозвестило-предвосхитило падение Иерусалима и храма спустя 3 года!

ПОДЧИНЕНИЕ ВЕСПАСИАНУ ТИВЕРИАДЫ И ВЗЯТИЕ ТИТОМ ТАРИХЕИ

(август/сентябрь 67г.)

Из Кесарии Палестинской Веспасиан с частью своего воинства отправился, откликнувшись на приглашение, в заиорданско-гавланскую Кесарию Филиппову – в царство Агриппы II. Там он дал подкомандному войску 20-дневный отдых, что приходится, следовательно, уже на август 67г., и сам проводил это время в пиршествах, даваемых Агриппой, перемежая их благодарственными жертвоприношениями за дарованную римлянам победу (И.в.3,9,7).

Там же он узнал, по Флавию, о волнениях в Тивериаде и об отпадении Тарихеи, к-рые, стало быть, в промежутке признали власть Агриппы, ныне снова мятежно отпав. А что касается Тивериады, то нам известно, в какой мере её шатало-качало-перебрасывало из стороны в сторону, и как она не один раз, не могучи окончательно определиться, меняла лагерь, отпадая то – от Иосифа, то – к Иосифу, то – от римлян, то – к Агриппе.

Исходной точкой Веспасианова выступления на Тивериаду стал Скифополь, куда ранее был снаряжён Тит, к-рый соединился там с Веспасианом, походно выступившим из Скифополя и разбившим лагерь в 30-и стадиях (5/6 км) от Тивериады. Отсюда для переговоров с тивериадцами направился во главе 50-и всадников декурион Валериан, поскольку к Веспасиану поступали сведения, что большинство жителей города настроены мирно, терроризируемые меньшинством, настаивающим на войне.

И пусть застигнутому врасплох Валериану пришлось, вследствие малочисленности его отряда, ретироваться от тотчас попытавшихся атаковать его разбойных мятежников, старейшины и знатные граждане полиса сами сбежали из города в римский лагерь, где, привлекая на свою сторону Агриппу, смиренно просили Веспасиана о милосердии для себя и для города, не несущего, как они уверяли, ответственность «за безрассудство немногих людей» (9,8).

Учтя заступничество за тивериадцев Агриппы, Веспасиан смягчился, в то время как тивериадские радикалы во главе с Иошуа б. Сафатом (идентичен ли он недавнему противнику Иосифа – архонту Иошуа б. Сапфии? – вопрос), узнав о милости, обещанной мирным горожанам и городу, почувствовали себя в опасности, стусевались-скукожились и бежали в более радикально настроенную Тарихею.

Посланный на разведку с отрядом всадников Траян доложил о мирном настрое горожан, после чего тивериадцы открыли ворота и приветственно вышли навстречу римлянам, прославляя Веспасиана как спасителя и благодетеля. Ради Агриппы он запретил солдатам грабить население и пощадил также городские стены, ибо царь поручился за верность города римлянам в будущем. Так оно и вышло на практике, потому что больше принадлежавшая Агриппе аж до 100г. Тивериада не бунтовала (сделавшись, повторим и добавим, центром раввинско-талмудической учёности в III/IVвв., когда остаточное палестинское еврейство, со Пв., на одном из этапов набирающего обороты мирового Рассеяния, постепенно перебазировалось из Иудеи в Галилею, без к-рой, не погибшей для евреев, во многом, благодаря примеру Иосифа и благодаря ходатайствам Агриппы, не было бы Талмуда Иерушалми!).

Затем настала очередь расположенной в 30-и стадиях от Тивериады (Vita 32) Тарихеи, лежавшей, сходно приозёрной Тивериаде, у подошвы горы: город «был сильно укреплён Иосифом со всех сторон, где он не был омываем озером, но всё-таки не так сильно, как Тивериада» (10,1).

Бежавший сюда со своими подручными из Тивериады Иошуа, сын Сафата, предпринял смелую вылазку против римлян, несмотря на их численный перевес, отступив лишь под натиском тяжеловооружённых. Римляне, преследуя отступающих, загнали их в лодки, с к-рых те, спешно отплыв от берега, сомкнув на расстоянии лодочные ряды и бросив якоря, начали прицельный обстрел противника из луков.

Услышав, что большая группа иудеев собралась на равнине перед городом, Веспасиан выслал против них во главе 600 отборных всадников Тита. Перед лицом значительного численного превосходства противника Тит запросил подкрепление, хотя его воины, к к-рым он обратился с зажигательной речью (10,2), готовы были атаковать, и дождавшись примкнувших к нему 400 всадников под командой Траяна, плюс 2 тыс. стрелков Антона Силона, ринулся в атаку (10,3). Некоторое время иудеи держались, однако, потом, под ударами копий и страшным натиском лошадей, отступили и были растоптаны. Уцелевшие бежали в город.

Внутри тотчас вспыхнул раздор. Большинство коренных жителей, дорожа своими жизнями, имуществом и городом, особенно после нанесённого иудеям поражения, желали мира; иногородние же, — озлобленные беженцы, к-рые потеряли всё, кроме, до поры, жизни, и к-рых было много, хотели продолжать войну, принуждая к её продолжению коренных (10,4).

Решив воспользоваться этим внутренним расколом, Тит, не теряя времени, в сопровождении верховых, бросился на коне в озеро, со стороны к-рого Тарихея была открыта, и первым, неожиданно для занятых спором иудеев, ворвался в город (10,5). Остальные всадники за ним. Его смелый рейд обернулся полной победой. Множество иудеев пало в результате устроенной римлянами резни, часть бежала в окрестные поля, несколько достаточно многочисленных групп успели ретироваться в лодках.

В ответ на посланную Титом Веспасиану весть об одержанной победе, тот явился самолично, приказал оцепить Тарихею, чтобы никто из неё не ушёл, и велел строить плоты для преследования бежавших на воды в лодках (10,6). По итогам морского сражения, иудеи потерпели поражение. «Многие из них нашли смерть в озере, прежде чем достигли берега, многие были убиты по выходе на берег. Всё озеро было окрашено кровью и полно трупов, так как ни один человек не ушёл живым. Через несколько дней по всей окрестности распространился страшный смрад; не менее ужасен был и вид её: берега были покрыты обломками судов и раздутыми телами, к-рые, разлагаясь под знойными лучами солнца, заражали воздух, что не

только приводило в отчаяние иудеев, но и внушало отвращение римлянам. Так закончилось это морское сражение. Включая и число ещё раньше павших в городе, погибло тогда 6,5 тыс. человек» (10,9).

Сев на судейское кресло в Тарихее, Веспасиан решал, кого из пленных и жителей, местных и беглых, казнить, а кого оставить в живых. Миловать массу нахлынувших извне мятежников, ярых сторонников войны, он и его окружение считали опасным. Но чтобы не возбудить коренных жителей массовой казнью пришлых у них на глазах, римский рефери двусмысленно обещал пришлецам мнимую пощаду и велел им выступить по оцепленной легионерами дороге в Тивериаду, где, в ристалище, 1200 чел. из числа отобранных, старики и слабые, подверглись безжалостному умерщвлению. А 6 тыс. крепких молодых людей были отобраны Веспасианом, — «чтобы послать их к Нерону на Истм» (10,10), для начатых Нероном весной 67г. работ по строительству канала через Коринфский перешеек.

Остальные пленники числом 30 тыс. 400 человек были проданы в рабство, за исключением части подаренных Агриппе, к-рый мог поступить с ними по собственному усмотрению; они, «впрочем — присовокупляет Флавий — были царём также проданы. Прочая масса, происходившая из Трахона, Гавлана, Иппа и Гадары, состояла преимущественно из разбойников и изгнанников, дурная слава к-рых во время мира сделала для них войну желанной. Они были взяты в плен 8-го числа месяца Горпия» (10).

Обратите внимание, из текста не очень ясно, — к чему и к кому именно? к пленению кого и когда именно? относится эта замыкающая 3-ю кн. «И.в.» дата, дающая 8-е элула в переводе на иудейский календарь, или 6.09.67г. по юлианскому календарю.

Так или иначе, нам важно усвоить следующее. Тарихея пала в августе/сентябре 67г., когда Веспасианом и были отправлены к Нерону на Истм, оптимально в сентябре, в качестве молодых рабочих рук, 6 тыс. иудейских пленников, о чём мы уже беседовали выше.

Засим, по осени 67г., война в Галилее и на севере Палестины подходила к концу. Римлянам оставалось покорить Гамалу в Гавлане, гору Табор на севере долины Изреель, в Галилее, и нижнегалилейскую Гисхалу.

Причём в последней заперся явно торжествовавший по поводу сдачи Иосифа в плен Иоханан Гисхальский — чегеваристый-эскобаристый бандюган-атаман, во время, когда другой, ещё более чегеваристый-эскобаристый бандюган-атаман, Симон б. Гиора, гнезился, беспредельничая оттуда, в Масаде. А между тем время Анана б. Анан и его иерократическо-аристократических коллег-сподвижников (к-рые сами на себя накликали гиблую-погибельную войну) в Иерусалиме, как и всего возглавляемого ими «Временного правительства», неудержимо-неумолимо истекало. Скоро зилоты, совсем по-комиссарски, скажут им: «К-рые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время».

ОСАДА И ВЗЯТИЕ ГАМАЛЫ, ПОКОРЕНИЕ ТАБОРА, СДАЧА ГИСХАЛЫ (сентябрь/октябрь/ноябрь 67г.)

В пору описанных событий, пиршеств Веспасиана в Кесарии Филипповой, помилования Тивериады и наказания-покарания Тарихеи, Иосиф — либо находился в привилегированном заточении в Кесарии Палестинской, либо — при Веспасиане и Тите, как пленник. К тому же, как пленник, за к-рого в Кесарии Филипповой наверняка замолвил слово и Агриппа, с кем (изначально твёрдо принявшим сторону

римлян) он (многолико, при всегдашнем сохранении лица) умудрился не испортить отношения даже в пору их пребывания по разные линии фронта.

Но ни в Тивериаде, ни в Тарихее, Иосифа (к-рый, со своей стороны, вряд ли пожелал бы сейчас встречаться с тивериадцами и тарихеянами), по всему, в римском лагере не было, чем, возможно, и объясняется отсутствие в его повествовании хронодат по Тивериаде и Тарихее, за исключением конечной – 8.09. (точная приложимость к-рой, повторяем, не совсем ясна, что хронореконструкции в целом не препятствует).

Далее, 1-я гл. IV-й кн. «Bellum» повествует об осаде и взятии Гамалы. Если Согана в верхнем Гавлане и Селевкия на берегу Самохонитского (Меромского) озера уже давно покорились Агриппе, то сильная крепость Гамала, безрезультатно ок. 7-и месяцев осаждавшаяся его воинством (см. выше), к-рое снялось, не сумев справиться с задачей, оставив её решение вскоре сменившим агриппианцев римлянам, продолжала держаться (4,1,1/2). Сама природа сделала этот полис, ещё и укреплённый Иосифом подземными ходами и окопами, по его словам, «почти неприступным» (2).

«Жители твёрже уповали на местоположение города, чем иотопатцы, и хотя они насчитывали в своей среде гораздо меньше бойцов, они, вместе с тем, всецело полагаясь на природную защищённость местности, никого больше к себе не принимали. И без того город, ввиду своей безопасности, был переполнен беженцами...» (2).

Выступив из Аммауса (Хамат/Амафа – близ Тивериады, у Генисаретского оз., при горячих ключах-источниках)²⁰, Веспасиан расставил посты и приказал занять гору, господствующую над городом. После же возведения насыпей как на тыльной её стороне, так и на восточной, «где в самой высокой точке города находилась башня» (4,1,3), против неё расположился XV-й легион, в то время как V-й работал в месте, противоположном центру города, а X-й занимался заполнением рвов и лошин.

Приближение к стенам Агриппы с целью завязать переговоры, чтобы уговорить жителей сдаться, успехом не увенчалось. Сам царь, зачисленный в ряды римлянофилов-изменников-богопротивников, был ранен в локоть камнем, к-рым поразил его со стены пращник.

Когда насыпи были опытными и многочисленными римлянами быстро завершены, после чего на них поставили осадные машины, предводители защитников города Харес и Иосиф построили в боевом порядке своих павших духом бойцов, к-рые, зная о недостатке у них запасов воды и съестных припасов, плюс – воочию видя мощь римлян, «не надеялись выдержать продолжительную осаду» (1,4). Речи Хареса и Иосифа временно подняли боевой дух, и некоторое время иудеи вылазками отбивали назад солдат, устанавливавших машины, но затем под обстрелом катапульт и балист, вынуждены были отступить в город, тогда как римляне, установив в трёх местах тараны, проломали стену.

Под оглушительный рёв труб и боевых кличей, громко бряцаая оружием (психическая атака), солдаты вторглись в город и завязали рукопашный бой. Первый натиск иудеи выдержали, остановили продвижение противника и отбросили его назад. Затем, теснимые численно превосходящей их наступающей стороной, отступили на возвышенность, в верхнюю часть города, там развернулись и сами перешли в свирепое наступление. Теперь одни римляне, частично оттеснённые к крутому обрыву, были перебиты, другие же, отступая по склону, искали спасения от нападающего на них противника на крышах домов-гнезд горного склона, к-рые под их

²⁰ Галилейский Аммаус/Еммаус: не путать с тремя иудейскими Аммаусами/Еммаусами (Т.Г. 1754-56).

тяжестью рухнули и погребли под обломками многих. Равно были убиты те, к-рые отступили в узкие проулки.

Воспрявшие духом при виде такого успеха гамаляне, к-рые воевали всем городом, используя всё, включая доски и камни, усилили натиск и одержали победу. Оставшиеся в живых из числа неудачно атаковавших их римлян спешно отошли. Веспасиан тоже участвовал в этом сражении и подвергся огромной опасности, притом Тита, к-рый перед тем был послан к Лицинию Муциану в Сирию, рядом с ним не было (5).

Удручённый потерями и понесённым поражением, к-рое он, по Флавию, испытал впервые в жизни (6), полководец обратился к солдатам с речью, в к-рой озвучил причину случившегося: мы неоправданно увлеклись наступлением, вместо того чтобы удовольствоваться для начала занятием нижнего города, где следовало закрепиться, дабы вызвать потом отсюда отступившего в верхний город противника «на верный и правильный бой». Так мы недооценили опасность, угрожавшую нам сверху, т.е. неверно оценили диспозицию, преждевременно пошли в наступление, и потому проиграли (сражение, а не войну). Необдуманность в битвах – продолжал он – и бешеная горячка, свойственные иудеям, не в правилах римлян, к-рые побеждают опытностью и дисциплиной. Поэтому это поражение следствие не столько заслуги иудеев, сколько наших неосмотрительности и неосторожности, приведших нас в западню. Военная Фортуна переменчива, но оставайтесь тверды и мы непременно победим. Что касается меня, вашего командира, то я буду, предводительствуя вами, первым вступать в бой и последним оставлять поле сражения (6).

Радость, к-рой преисполнились гамаляне по случаю своей неожиданной для них самих победы была недолгой (7). Очень скоро им стало ясно, что убив множество римлян, они лишились всякой надежды прийти к мирному соглашению относительно сдачи города, что обратного хода нет, и снова пали духом. Тем не менее, наиболее стойкие из них заняли стенные бреши и несли стражу по всей стене, точнее, вдоль полууцелевших её частей.

Когда же римляне подняли высоту насыпей, намереваясь вновь пойти на приступ, полные желания реваншироваться и поквитаться, «многие бежали из города, частью через непроходимые ущелья, где не были расставлены дозоры, частью по подземным ходам» (7). Помимо того, в городе уже начался голод среди населения, так как бывшие на исходе съестные припасы приходилось отовсюду собирать для бойцов.

Тем временем, осаждая Гамалу, Веспасиан отрядил 600 всадников во главе с Плацидом против иудейского гарнизона на галилейскую г. Табор (гора Преображения Господня 13.07.32г. – Фавор), вершину к-рой, ровное место в 26 стадий, Иосиф, начальствуя над Галилеей, окружил крепостной стеной, возведённой в течение 40 дней, за к-рой и разместился местный гарнизон (8).

Теперь на горе собралось великое множество народа – защитники и беженцы. Перед лицом столь огромного количества людской массы Плацид попытался перехитрить её, предложив таборитам заключить мир и спуститься вниз, полагая расправиться с вооружёнными (да и с остальными) внизу на равнине. Они, в свою очередь, думали перехитрить его: мнимо мирно спуститься и застать римлян внезапным нападением врасплох.

Плациду удалось переиграть противника. Притворившись, что обратился якобы застигнутый врасплох в бегство, он выманил иудеев на равнину, перешёл в наступление, убил многих и отрезал оставшимся в живых путь к отступлению обратно на гору, почему выжившие и сумевшие спастись, поспешно бежали (сверкая пятками) в Иерусалим, а ещё остававшиеся на горе, у к-рых кончались запасы воды, сдались римлянам и сдали Итавирион.

Параллельно день падения Гамалы приближался (9). Часть населения, как сказано, бежала, часть погибала от голода, ряды защитников таяли, силы их были на исходе. И вот 22 числа месяца Иперверетая = 22 тишири = 19.10.67г., перед самым рассветом, 3 воина XV-го легиона проникли в ближнюю к ним самую высокую крепостную башню и подкопали её, чего находившаяся там иудейская охрана, сморённая сном, не заметила.

Римские солдаты, выкатив из основания башни пять самых мощных больших камней, отскочили прочь. Башня с грохотом рухнула вместе со стражей. Дозоры других постов в смятении бежали, уверенные, что римляне уже вторглись в город. Паника от них передалась населению. Многие предпринимали отчаянные усилия в надежде выбраться из города и стали лёгкой добычей пошедших на приступ, под прикрытием и при поддержке обстрельной артиллерии, римлян. Оба предводителя гамалейской обороны погибли, Иосиф, – убитый снарядом, Херес, лежавший больным, по Флавию, – умерев от страха, в значительной мере способствовавшего смертельному исходу его болезни. «Римляне, впрочем, проученные своим прежним поражением, вступили в город только 23-го числа названного месяца» (9).

В этот день успевший к тому времени возвратиться из Сирии Тит, вошёл в город во главе 200 всадников и отряда пехоты, «соблюдая полнейшую тишину» (10). Готовые ещё сопротивляться иудеи встали против него, остальные, – старики, женщины, дети, отступили в самый верхний город. Оборону иудеев римляне быстро смяли, все, кто не успели укрыться в верхней части крепости, вооружённые и население, оказались в руках посланной Веспасианом основной части войска и пали от меча. Убитых римлянами насчитывалось 4 тыс. человек, бросившихся в лощину с вершины крепости и нашедших смерть там – 5 тыс.

Так пала Гамала, начало осады к-рой совпало, согласно Флавию, с 24-м днём месяца Горпия, в 23-й день месяца Иперверетая (10). Соответственно, если осада Гамалы началась 24 Горпия = 24 элула = 22.09.67г., то дата её взятия римлянами – 23 Иперверетая = 23 тишири = 20.10.67г. н.э. И данной точной хроноинформацией располагающий ею Флавий завершает рассказ о падении Гамалы в Гавлане, повествуя в следующей 2-й гл. IV-й кн. «И.в.» о покорении римлянами последней галилейской крепости – Гисхалы.

* * *

При этом, по слову Флавия, большая часть гисхальского населения, состоя из земледельцев, постоянно сосредоточенных на урожае, была настроена мирно, но в полисе всем заправлял терроризировавший его обитателей атаман Иоханан, злейший враг Иосифа, со своей «махновской» бандой (2,1).

Веспасиан послал против Гисхалы Тита с 1000 всадников, сам переведя X-й легион в Скифополь и отправившись с остальным воинством в Кесарию Палестинскую, во-первых, на зимние квартиры, чтобы дать солдатам необходимый отдых, и во-вторых, чтобы подготовить их к планируемому в 68г. короткому замирению Переи, с последующим покорением Иудеи и, главное, Иерусалима, в видах сделать 68г. н.э. годом победоносного окончания порученной ему Нероном противоиудейской кампании.

Тит же, прибыв к стенам хорошо укреплённой Иохананом Гисхалы, решил не брать её внезапным нападением, во избежание, если верить Флавию, уничтожения мирного населения (в достаточном кол-ве погибшего при взятиях Иотапаты и Гамалы), предпочитая склонить полис к добровольной сдаче (2).

Но на стенах стояли не мирные граждане (к-рых держали внутри полиса в

страхе), а мятежники, к к-рым римский командир и обратился со словами о бессмысленности сопротивления на примере уже взятых римлянами гораздо более сильных крепостей, где сопротивление стоило иудеям огромных жертв. И, наоборот, он привёл в пример милостивое обращение с теми полисами, к-рые добровольно сдались римлянам, например, – Сепфорис или Тивериада.

Ответное слово с крепостной стены сказал сам Иоханан: он, мол, согласен на предложение о сдаче, однако сегодня священная суббота (медитативного покоя), в к-рую священный закон велит иудеям не заниматься делами, из-за чего следует отсрочить всё на один день, соблюсти отеческие установления и заняться добровольной сдачей завтра.

На самом деле в планы хитрозадого Иоханана входило отнюдь не столько соблюдение субботы (в к-рую он, может быть, не зажигал свет и не включал газ), сколько обман римлян с целью усыпить их бдительность и под покровом ночи бежать из города, оборона к-рого до последнего патрона и героическая смерть при его падении, были не для него, снedaемого честолюбивыми революционно-вождистскими замыслами в отношении Иерусалима.

«По промыслу Божию, – обратил внимание на эти слова Флавия! – решившему сохранить Иоханана на гибель Иерусалима, Тит не только удовлетворил его коварную просьбу об отсрочке, но и отодвинул разбитый им римский лагерь подальше от города, на тирийскую границу, к Кедессе (хорошо укреплённая деревня тирийцев, к-рые постоянно враждовали с галилеянами-евреями – К.3.)» (3).

«Ночью, когда римские караулы снялись со своих постов и удалились, Иоханан, уловив удобный момент, поднялся не только с подчинёнными ему вооружёнными воинами, но и с множеством неспособных к бою мирных жителей с семьями, и вместе с ними бежал по направлению к Иерусалиму...» (4).

Причём, удалившись лишь на 20 стадий от города, он, трепеща за себя, бросил массу, естественно, замедлявших бегство, женщин и детей на произвол судьбы, и оторвался со своими бойцами, на повышенных скоростях, вперёд, не забыв при этом приказать покидаемым, – «чтобы они спасали самих себя и бежали бы туда, откуда они будут в состоянии мстить римлянам...» (4).

Одним словом, мало того, что спасение утопающих дело рук самих утопающих, последним ещё предписывается спастись, сбежав туда – не знаю куда, и оттуда – не знаю откуда – безжалостно мстить за тех, к-рые сбежать не сумеют, ну и за всех прочих скопом. Мораль этого спекулянта оливковым маслом (бизнесмен из совхоза «Заря коммунизма»), профессионального революционера и бандита с большой дороги в одном лице, согласитесь, неподражаема! Ему, видишь ли, собственную шкуру ради собственной шкуры (если без лозунгов) спасти можно, всем прочим – категорически нет!

Такие, как он, всегда готовые жертвовать тысячами и тысячами людей ради своих амбиций, никогда не спешат героически умереть сами, до конца цепляясь за жизнь, готовые провести остаток дней, где угодно, хоть на ранчо в тропиках, хоть в джунглях на каторге, лишь бы подольше не умирать.

На следующий день, по прошествии субботы, Тит появился у стен Гисхалы для продолжения переговоров (5). Оставшиеся в городе жители открыли ему ворота и приветственно вышли навстречу. Сообщив о ночном бегстве Иоханана, они просили пощады для себя. Возмущённый столь коварным поведением нарушившего своё твёрдое мужское слово (невоенная хитрость) врага, да ещё под прикрытием священной субботы, римлянин не ответил ничего гисхальцам на их пощадную просьбу, тотчас снарядив погоню за обманщиком Иохананом.

Его самого с вооружённым отрядом римляне не догнали, учинив расправу над бежавшими вместе с ним жителями, вернее, над рассеявшимися группами тех

беженцев, к-рых настигли. В итоге 6 тыс. человек было убито, 3 тыс. женщин и детей взято в плен.

Тит нашёл это достаточным наказанием для гисхальцев и победоносно вступил в город, приказав солдатам, по военному обычаю, разрушить часть крепостной стены.

Оставшееся в городе население было пощажено. В Гисхале разместился римский гарнизон. «Этим – заключает Флавий – было закончено подчинение всей Галилеи, стоившее римлянам много пота» (5).

Так закончилась военная кампания 67г., плюс ещё предпринятое Веспасианом из Кесарии, по прибытии туда Тита, уже в пору зимних квартир для основной части войска, лёгкое покорение Ямнии – на юго-востоке от Кесарии, и Азота – на юго-западе от Ямнии, вдоль средиземноморского побережья (4,3,2). Ямния – несколько вглубь от берега; Азот – на берегу.

И хотя дату падения Гисхалы Флавий не называет, можно с уверенностью сказать, что это случилось не позднее начала ноября (Ямния и Азот – тоже ноябрь), когда беглый Иоханан объявился в Иерусалиме со своими боевиками. Объявился (как Ленин из запломбированного вагона в России), дабы вскоре свергнуть тамошнее правительство умеренных элитаристов при помощи призванных им в город идумеян, расправиться с элитаристами, равно со множеством противников, и установить в городе кроважидное царство зилотско-комиссарского террора, ярчайше предварающего люто человеконенавистнические (под высокими лозунгами) якобинскую и большевистскую диктатуры.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИЕРУСАЛИМ

ЭКСТРЕМИСТЫ ПРОТИВ УМЕРЕННЫХ

(зима 67/68гг.)

А пока, отрядно вступив в Иерусалим (И.в. 4,3,1/2), Иоханан значительно увеличил ряды и усилил позиции местных и беглых (отовсюду) радикально настроенных элементов – зилотствующих охлократов и экстремистов. К тому же, он и его люди представляли своё поспешное (пяткосверкательное) бегство – как героическое отступление для продолжения борьбы с врагом в-из выгоднейшей диспозиции. Более того, от узколобного недоумка, со сплюсненным кругозором, Иоханана иерусалимляне (у)слышали, что римляне порастратили-исчерпали свои основные силы при покорении Галилеи (павшей, мол, по вине Иосифа), и что на мощные стены Иерусалима у них ни сил, ни духа не хватит.

В эту лажу он наверное искренне верил и хотел уверить в ней остальных. Вот чем, среди прочего, отличается убогое мировидение этого политиканствующего уголовника от ойкуменического мировидения Иосифа, надо сказать, превзошедшего охватом диапазонов всех своих ветхозаветных единоплеменников, к-рые, в той или иной мере, не могли выйти за рамки возведённого ими внутри себя еврейско-иудаистского гетто. Они не могли и не смогли выйти за рамки геттоизированного мышления и мировосприятия, за к-рые вышло вышедшее в Ойкумену христианство и вышел (не столько мульти-, сколько именно транс-культуралист) Флавий (кто, оставаясь евреем-иудеем и одновременно будучи исключительным индивидуалистом, не мог позднее не склониться к христианству!). Путь к покорению евреями цивилизации лежал не через меч, пролегая через початую Ап. Петром и Павлом дорогу и через уникальное слово Ап. Павла о вере без Еллина, Иудея и т.д.

При всём том, Иоханановы небесхитростно построенные агитпроповские (к ним

бы ещё Маяковское лесенное рифмоплётство!) речи зажигали прежде всего молодёжь, давая мощный дополнительный стимул-толчок её воинственным настроениям. Особенно пред лицом всё прибывающих в Иерусалим беженцев от войны, к-рые потеряли всё, что имели, от родины до имущества, движимого и недвижимого, потеряли многих близких, и теперь, обездоленные и озлобленные, готовы были сражаться с римлянами до конца, нуждаясь в вождях, к-рые такую беспощадную войну возглавят.

И всё больше и больше в этой нарастающей радикальной среде, к-рой интриган Иоханан, прикидываясь, наряду с тем, другом существующей власти элитаристов, начал, нащупав её слабые струны, ловко манипулировать, велось разговор о том, что власть иерократов-аристократов, продолжающих жировать за счёт простого народа, как минимум недостаточно энергично готовится к войне. Вдобавок, к подобным разговорам Иохананом подкидывалось через подставных лиц словцо-словечко о готовности умеренных предаться ради сохранения собственных привилегий и богатств, подставив прочий народ в качестве главного бунтаря и пушечного мяса под меч, римлянам. Короче, обстановка в Иерусалиме накалялась и раскалялась (3,1-3).

В то же время, по прибытии Тита из Кесарии, Веспасиан, как отмечено, до конца 67г. без труда подчинил Ямнию и Азот (2). Правда, Ямния, похоже, в течение зимы 67/68гг., снова отпала, поскольку ниже Флавий сообщает о её покорении Веспасианом по весне 68г. (8,1) вместе-заодно с Лиддой (не упоминая о промежуточном отпадении, в связи с чем, вряд ли, судя по тексту-контексту, тут имеет место дублет).

И, кстати, приложительно к Ямнии, может быть, именно в 68г. к Веспасиану, неизвестно где и куда, явился с группой учеников, выбрав момент и найдя способ для ухода из обречённого Иерусалима, р. Иоханан б. Заккаи (если, конечно, он вообще являлся к Веспасиану) с изъявлением лояльности и с просьбой предоставить ему с учениками для изучения Закона Ямнию, ставшую, напомним, постхрамовым центром раввинистическо-талмудического иудаизма в I/IIвв. Умеренные фарисейские талмудисты во главе с р. Иохананом тоже вовремя поняли, что война проиграна, что храм с Иерусалимом на пороге гибели, и своевременно (не теряя время впустую) предались, ради спасения раввинистического иудаизма, а значит, и ветхозаветного еврейства, римлянам.

Спрашивается, — разве они предатели? Разве был предателем Иеремия, призывавший единоплеменников не оказывать бессмысленное сопротивление (бичу Божию) Навуходоносору? как не был, говорим снова, предателем новый Иеремия — Иосиф Флавий (кому, в отличие от р. Иоханана и прочих раввинистических противников зилотов, или в дальнейшем гиперпродолжателя дела последних Бар Кохбы, предательство, тем не менее, несправедливо инкриминируется).

Повторяем, Иудейскую войну ни при каком раскладе нельзя-невозможно было выиграть, её можно было только, с большими или меньшими потерями, проиграть, но правильнее всего было бы вовсе не начинать, чего, с др. стороны, не могло не случиться, ибо время старых-ветхих-исчерпанных Иерусалима и храма, их опустевших духовных ёмкостей, по Исполнении Времён, истекло. Спасение же ветхозаветников, сколь, б.м., ни парадоксально звучит, по большому счёту и в долгосрочной перспективе, было реализовано не иначе как в мировом Рассеянии, в Диаспоре, через поступенчатый уход-переход еврейства для последующей экзистенции именно в неё — в георассредоточенную и в иудаистически сосредоточенную Диаспору. Причём — уход-переход, — минув Ямнию и затем Галилею, эти остаточные палестинские центры талмудического иудаизма, плюс мощный диаспоральный центр в Вавилонии, — в I/II/III/IVвв., до завершения работы над гарантиями выживания — Талмудами Иерушалми и Бавли, с к-рыми евреи вступили в Средние века в V/VIвв.

Ветхозаветное еврейство не могло выжить и перейти из Древнего мира в Средневековье, не могло покинуть Античность, не став экстерриториально-диаспоральным, так как любую внутреннюю замкнутую в Империи территорию-территориальность, с её населением, интегрально-космополитический Рим глобально и мультикультурально перемалывал. Равно еврейство не могло и не смогло бы выжить без наличия еврейской Диаспоры в Вавилонии (анклав Иерусалима в Диаспоре), без её деятельности до Шв. под эгидой веротерпимой Парфии (чему очень способствовала, в т.ч., неудача — не случайно, во многом, сорванной-саботированной именно иудеями — восточной кампании Траяна в 114 — 117гг.).

А для начала этой эпохи Рассеяния и выживания евреев в Рассеянии в Палестине, по Римской империи и окрест должна была произойти целая серия еврейских поцепочечных противоримских взрывов, к-рые и следовали друг за другом в 66 — 70 — 73, в 115 — 117 и в 132 — 135гг. Таким образом, всё в истории закономерно и никаких случайностей, никаких аномалий в ней не бывает. Контрфактологический подход, понятно, ошибочен. Однако отвержение контрфактологии не означает для истории и в истории, не означает для историка и, тем паче, для метаисторика отсутствие пространства нереализованных альтернатив.

* * *

Впрочем, зимой 67/68гг. — внимание! — на 40-м году от выступления Иоанна Крестителя осенью 28г. и на 35-м году от Мистерии Голгофы весной 33г. — в Иерусалиме вспыхнула подзуживаемая Иохананом, к-рый до поры, ведя двойную игру, не высовывался (как ярый зилот) вперёд, действуя-интригуя из-за кулис, яростная гражданская война.

Сначала группа вооружённых зилотствующих радикалов схватила и заключила в тюрьму группу знатных граждан (3,4), в их числе упоминавшийся нами выше родственник царя Агриппы, Иродианин Антипа, к-рый заведовал гос. казной, т.е. всегда необходимыми революционерам для устройства революций (не забывая себя) деньгами. Притом очень скоро товарищи революционеры, опасаясь освобождения заточенцев, решили всех их разом убить (нет людей — нет проблем), что они и сделали, явившись в тюрьму, где учинили типичный революционный самосуд (знаменитые «Сентябрьские убийства» узников в 1792г., под предводительством Дантона, во Франции; или ленинский революционно-террористический «порыв масс», к-рый, по Ленину, не только не следует сдерживать, но, напротив, нужно, держа его под партийным контролем, умело поощрять). Предлог: заключённые, мол, вели тайные переговоры с римлянами относительно сдачи города, и потому «народные мстители» устранили «изменников народной свободы» (5).

Как это всё из истории Французской и Российской революций знакомо! Как это всё закладывалось ещё в Иудейскую войну! Тут уж, волей-неволей, подумаешь о массовом перевоплощении душ! Одно из излюбленных обвинений революционерами негодных им соратников — в мнимой работе на внешнего врага, на иностранную разведку. Не инкриминировал ли Сталин своим противникам (особо впечатлявший раззявивший рот советский народ) шпионаж в пользу всех разведок мира — от румынской до японской! Причём, при этом, он естественно, предпочёл «забыть», что Ленин прибыл в Россию в запломбированном вагоне и делал российскую революцию на немецкие деньги, тогда как Троцкий собирал на неё средства в Америке (соревнуясь с президентом Вильсоном, кто, мол, из них первый декларировал право наций на самоопределение, в непримиримое юридическое противоречие с к-рым до сих пор входит параллельное право наций на территориальную целостность! Нонсенс, абстракционизм мышления и пресловутые двойные стандарты!).

Итак, перебив группу аристократов, вероятно, в декабре 67г., радикалы вслед за тем подняли вопрос об избрании (просто)народного первосвященника (3,6) вместо назначенного Агриппой в 65г. Матфия, сына Феофила, внука Анны I и племянника Анны II из клана Анана. Дескать, довольно терпеть над собой элитных горе-архипастырей (= председателей синедрона) из нескольких знатных аронидских кланов-фамилий, — назначенцев проримско-иродианских царей, алчных рвачей и хапуг, присваивающих десятину простых священников, грабящих народ, всегда лебезивших перед римлянами, и вновь скрытно готовых лечь под Рим — лишь бы сохранить свои богатство и власть.

Доля истины и немалая в этих обвинениях, разумеется, наличествовала («Что нынче невесёлый, товарищ поп?»). Революции и революционеры кукут капитал не на пустом месте. Иное дело, как они используют верные обвинения против оппонентов вовсе не ради истины, а ради достижения своих эгоистических целей, выданных за нужды народа. Ведь алчность жирующих за счёт народа саддукейско-первосвященских кланов в I/IIвв., действительно, стала притчей во языцех и ярко отображена в фарисейско-раввинистическом Талмуде (Д.И. 171-74).

Но радикалы зывали к избранию народного первосвященника по жребию вопреки закону и традиции. Со дней первого Аронида Аарона, после к-рого первосвященником стал его сын Елеазар, потом сын Елеазара — Финеас (Пинхас), аронидское первосвященство передавалось от отца к старшему сыну. Лишь однажды место Аронидов-Елеазаридов заняли, начиная с (ок. 1090г. — спустя 1000 лет от встречи Авраама с Мелхиседеком) архипастыря (и судьи) Илия (судейского предварителя Самуила) Арониды-Ифамариды (Ифамар — младший брат Елеазара), к-рые, при Соломоне (Xв.), сославшем последнего первосвященского Ифамарида Авиафара в Анафот, вновь уступили место Елеазаридам в лице архипастыря Садока и его потомков.

Маккавеи — первосвященники (из чреды Иегоиарив), начиная с преемника обновителя (в 164г. до н.э.) храма Иуды (+ 160г.), к-рый сам первосвященником не был, Ионафана (титулярный первосвященник со 152г. до н.э.), брат к-рого Симон, наследовав ему, принял в 140г. ещё и титул этнарха, а Иуда Аристовул, преемствовав Иоанну Гиркану, в 103г. — титул царя. Они тоже передавали первосвященство, а также, заделавшись теократорами, этнаршество-царство, — наследственно-преемственно.²¹ И так продолжалось до казни последнего тронного Хасмонея Антигона, первосвященника и царя, по взятии Иродом и римлянами Иерусалима, в 34г. до н.э.

К тому же, ещё до взятия города Ирод (сын идумеянина Антипатра, не-Аронид, к-рый позже самолегитимизаторски приписал себе родословную от Давида) назначил в пику Антигону Хасмонею-Маккавею альтернативным первосвященником находившегося в его лагере вавилонянина Ананила, к-рого осенью 34г. сместил в пользу брата своей жены Мариамны — юного Аристовула Маккавея, уопленного, по его Иродову приказу, в 33г. в иерихонском пруду, после чего вновь запервосвященствовал Ананил. И с тех пор первосвященники назначались-смещались-тасовались — сперва Иродом, затем его сыном Архелаем, затем, с провинциализацией Иудеи, римлянами (6 — 41гг.), затем — Иродой Агриппой (41 — 44гг.), Иродом Халкидским (44 — 48гг.) и Агриппой II-м (в 48 — 65гг.).

Ныне радикалы решили революционно сломать-ниспровергнуть обе традиции — и назначенскую царскую (уж не говоря о римской), и порядком забытую наследст-

²¹ При всём том, на царский титул Хасмонеи, Левиты-Арониды (род Аарона), не будучи Давидами (дом Давида) из колена Иуды, строго говоря, права не имели, хотя крайние фарисеи (сходно — ессеи), в силу аронидско-клерикального крена эпохи Второго храма, считали их, отчасти секуляристов-лаицистов со дней Иоанна Гиркана и в особенности с правления врага фарисеев — Янная, недостойными именно первосвященства, (издевательски) призывая Маккавеев сложить архипастырство и довольствоваться (мол, менее сакральным) царским титулом (пусть даже без *давидического* права на оный).

венную — хасмонею и дохасмонею («отречёмся от старого мира»). Против этого поднялись и призвали подняться народ Анан, представители первосвященских кланов и знать, понимая, что дело пахнет жареным для них для всех (3,7). Здесь Флавий захваливает Анана (цену к-рому, исходя из его предыдущих деяний, мы прекрасно знаем, и в «достоинствах» к-рого читатель мог наглядно убедиться), договариваясь (как иерократ-аристократ) аж до того, что — не погибни, мол, этот Анан в рев. мясорубке, м.б., ему удалось бы спасти Город! Не удалось бы! И флавиевское высказывание очень напоминает конрфактологию Черчила, согласно к-рому, не умри раньше времени (выдающийся либерал) Мирабо (1791г.), якобинские экстремисты никогда не пришли бы к власти. Если бы да кабы... В данном случае (за отсутствием каких-либо нереализованных альтернатив) — без вариантов!

Между тем, зилотские противники элитаристов созвали в уже занятом ими храме на Храмовой горе, в то время как элитаристы овладели Верхним и Нижним городом, по Флавию, «одно из священнических отделений — Элиахим» (4,3,8): и путём жребия избрали первосвященником некоего Фанию (Финеас), сына Самуила, из деревни Афты, к-рый, по (возмущающемуся неслыханной «профанацией» священнических должностей) знатному Арониду Иосифу, был рядовым деревенским Аронидом (то ли землепашец, то ли каменщик) «и не имел даже представления о значении первосвященства» (3,8).²² Но, как говорится, — «во время революции от назначений не отказываются» (Ленин).

И Финеас, тёзка знаменитого сына Елеазара, внука Аарона, кармического предшественника Илии и Иоанна Крестителя, запервосвященствовал, сменив отрешённого радикалами от должности Матфия, в храме, что партия иерократов-аристократов, подняв против зилотствующих радикалов и их приверженцев часть народа, за пределами храмового комплекса, в городе, не признала.

Примечательно, что по Флавию, со времени назначения Иродом Ананелю и до последнего первосвященника Финеаса на первосвященском посту сменилось-перебывало итогом 28 архипастырей, к-рых, всего-итога, начиная с Аарона, иудейская традиция насчитывает 83. Добавим, Аарон был на 3 года старше Моисея (1527 — 1407гг.), т.е. он родился в 1530г. до н.э., а в пору Исхода израэлитов из Египта (1447г.) ему было 83 года. Следовательно, Иерусалимский храм был разрушен, что положило конец храмовому первосвященству, летом 70г. н.э. — на 1600-м году от рождения Аарона.²³

²² Это «священническое отделение» — в тексте «И.в.» «Элиахим/Элиаким» — принято отождествлять с 21-й аронидско-богослужебной чредой Иахин (1Пар.24,17). Но если зилоты не совсем произвольно предприняли-организовали избрание первосвященника по жребию (что, иначе говоря, позволить себе произвол и тут, они, конечно, руководствуясь неведомыми нам революционными соображениями, вполне могли), то логично предположить, что новый *народный* (в пику прежнему *номенклатурному*) архипастырь был выбран по жребию из чреды, к-рая в ту самую седмицу богослужебно целебрировала-священнодействовала в храме.

При этом, мы знаем, что в неделю разрушения храма в 70г. н.э., с субботы 4-го по субботу 11 августа, в святилище служила 4-я чреда Сеорим (Р.л. 768-70; 783/84). Так вот, отмаывая отсюда седмичное богослужение 24-х аронидских чред-эфемерид-отделений назад, получаем служение 21-й чреды Иахин в феврале/марте 68г. (27.05. — 5.03.), что слишком поздно, тогда как на интересующем нас рубеже 67/68гг. служили, с 19 по 26.12.67г., 11-я чреда — Елиашив, а с 26.12.67г. по 2.01.68г. — 12-я чреда — Иахим (1Пар.24,12). Отсюда, возможно, под флавиевским Элиахимом (Элиакимом) вовсе не Иахин, а Элиашив, или, скорее, — Иахим, поскольку избрание Финеаса пришлось приблизительно на это время — как раз на декабрь/январь 67/68гг. (до истечения декабря?) и никак не на февраль/март 68г.

²³ Примечательно слова Флавия в «Древностях» о том, что «со времён Ирода и до того дня, когда Тит взял город и сжёг храм, было всего 28 первосвященников в течение 107-и лет» (20,10,1). От времени первого Иродова назначения в 34г. до н.э. первосвященником Ананила до гибели храма летом 70г. н.э. — 103 года. Но Флавий, о чём мы знаем, грубо ошибочно

Между тем, пока зилоты и зилотствующие укреплялись в храме на Храмовой горе, их элитаристские противники, во главе с Ананом б. Анан, Иошуа б. Гамалиил, Иосифом б. Горин, Симоном б. Гамалиил и др. (3,9), окружили храмовое подворье верной им частью народа и взяли заклеимённых мятежниками зилотов в осаду. Так, Город, Верхний и Нижний, оказался в руках умеренных; храмовый комплекс — в руках экстремистов. Первых было больше и на большей территории; вторые, контролируя сердце-эпицентр города, были много фанатичнее, смелее, свирепее, беспощаднее.²⁴ И пронзительный призыв: «В годину смуты и разврата не осудите братья брата», был им не просто чужд, но — ненавистен. Ведь для революций и революционеров («смело, товарищи, в ногу») гражданский мир — удел кладбища, а лучшее средство от перхоти — гильотина!

датирует в «И.д.» назначение Ирода царём римлянами вместо 37-го 40-м гг. до н.э., а завоевание им Иерусалима вместо 34-го 37-м гг. до н.э. (смещение на 3 года). И тем не менее, если считать с назначения Ирода царём римлянами весной 37г. до н.э., то на время разрушения храма в августе 70г. н.э. шёл 107-й год.

А вот в иудейской хронике Пв. н.э. «Седед Олам» (30) за Иродианами (за эпохой Иродиан) — от завоевания Иродом Иерусалима (34г. до н.э.) до взятия Города и разрушения Храма Титом (70г. н.э.) — верно, в смысле продолжительности исторического интервала времени от иродианского до римского (Тит) взятия Города, числится-насчитывается именно 103 года (Р.л. 130). (Для иудейских, как и для христианских источников, владычество Иродиан общительно заканчивается с падением Иерусалима и храма в 70г. н.э.)

Небезынтересно также заметить, вернее, освежить в читательской памяти, что в «Седед Олам», где время экзистенции Второго храма исчисляется в 420 схематичных лет, 34 года отводятся на владычество персов Ахеменидов (к-рое в реальности длилось аж два столетия — VI-IVвв.), 180 лет — на властвование греков-македонян, и по 103 года на эпохи Маккавеев и Иродиан. С Иродианами мы разобрались, касаемо же Маккавеев, — 103 года набирается как от выступления против Селевкидов Маттафии и его сыновей в 166г. до взятия Иерусалима в 63г. до н.э. Помпеем, так и от 140г., «первого года свободы-независимости» Иудеи-Израиля и первого года этнаршества первосвященника Симона Маккавея (хасмонейская теократия), до назначения Ирода царём римлянами в 37г. до н.э. И ещё, к слову, 103 года есть срок принадлежности Палестины египетским Птолемеям — с 301 по 198гг. до н.э. (когда они вынужденно уступили Палестину Антиоху III Селевкиду).

Возникает вопрос, — не разумеют ли 34 (седед-оламовских) года владычества якобы персов в реальности время от начала властвования над Иудеей/Иерусалимом и Палестиной Антиоха Магна в 198г. до очищения-обновления храма Иудой Маккавеем в 164г. до н.э., что даёт 34 года владычества греко-македонян вместо персов, владычество к-рых, в свою очередь, может исчисляться округлённым сроком в 180 лет от 516г. до н.э. — дата освящения Второго храма (правда, персидское владычество началось, строго говоря, с сокрушения Киром Вавилона в 539г.) — до покорения Палестины Александром Великим в 30-е гг. IVв. до н.э.?

²⁴ Если Троцкому и троцкистам вменялся в сталинском СССР левый уклонизм, а Бухарину и бухаринцам уклонизм правый, то кредо самого Сталина гласило: «Шаг вправо, шаг влево — попытка к бегству! Стреляю без предупреждения!».

И всё-таки, если собственно (приемлемая) возможность раздавить большевизм (худшее из зол) отсутствует, если податься некуда (хотя честнейший выход — эмиграция), то в сём случае, правильнее быть (даже) со Сталиным против Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Радека, нежели с ними против Сталина, потому что все они ещё хуже, чем даже (пусть хрен не слаще редьки) Сталин (Ирод!). Особенно Троцкий, к-рого Черчилль метко назвал «дьяволом Европы», и к-рый (убитый в Мексике) чем-то уж очень напоминает как распятого в Месоамерике 3.04.33г. н.э. (одновременно с Мистерией Голгофы в Палестине) Чёрного мага — неистового антагониста Христа Спасителя (Т.Г. 232-62/63-300), так и наиболее скандального (после Бар Кохбы) еврейского лжемессии-вероотступника — Саббатая Цеви (1626-76гг.) (Д.И. 871/72).

ПРИЗВАНИЕ ЗИЛОТАМИ ИДУМЕЯН И РАСПРАВА НАД ЭЛИТАРИСТАМИ

(начало 68г.)

Предводитель элитаристов Анан произнёс перед толпой (3,10) длинную вложенную в его уста Флавием речь, как раз указав на свой преклонный возраст и возведя к храму (к-рый на глазах становился вертепом разбойников в преддверии мерзости запустения) влажные от слёз глаза. Обращает на себя внимание, что Иошуа б. Гамала, насколько явствует из нижеследующего флавиевского рассказа (4,4,3), единственный из экс-первосвященников, был старше Анана, в свою очередь, более энергичного и влиятельного.

А вообще, вероятно, они двое, родившиеся в первые гг. н.э., были на зиму 67/68гг. старейшими, если не синедристами, то живыми первосвященниками, из числа синедристов, голосовавших утром 3.04.33г. н.э. за казнь Иисуса (после ночного решения узким кругом у Каифы) на заседании синедриона в городском здании совета у Ксиста. Да и в этот раз, с захватом храма зилотами, можно предположить, что собрание происходило на площади Ксист, по ту сторону долины Тиропеон, супротив храма, на к-рый Анан поднял влажные глаза.

Так или не так, но факт в том, что Анан и Иошуа сейчас пожинали плоды того, что сами в 33г. посеяли и бездумно сеяли в последующие годы. Не опасались ли (в т.ч.) они, предварительно приговаривая (под председательством Каиафы) к смерти (ещё в день 7 адара 33г.) чудотворца Иисуса, что если Иудеи уверуют в Него, творящего много чудес, то — «придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом» (Ио.11,48)! Римляне всё равно пришли, хотя большинство иудеев в Иисуса не уверовали! Не хотел ли Каиафа (женатый на дочери Анана Старшего и сестре Анана Младшего), чтобы Иисус один погиб за народ, «нежели, чтобы весь народ погиб» (50). Не они ли потребовали от Пилата, желавшего отпустить на Пасху Иисуса, в К-ром он не находил вины, отпустить им (на их головы) протозилота-протосикария Варавву, разбойника-бандита, к-рый перед тем произвёл со своими сообщниками (ближе неизвестное) политическое возмущение и убийство!

И вот ушедший как от, так и из-под креста (вместо Христа) Варавва (предтеча-олицетворение радикалов-экстремистов) выступил (независимо от участия или неучастия упоминаемого Евангелиями конкретного Вараввы, что очень даже могло иметь место, в революции) с оружием как против римлян, так и, главное, против тех, к-рые его, *Варавву*, в 33г. отпустили, а в 68г. сначала поддержали противоримское выступление и даже возглавили оно.

К тому же, возглавили поначалу отнюдь не принудительно (пусть и не всем сердцем), как это хочет выставить (оправдывая, в первую очередь, своё участие в восстании) Иосиф Флавий. Одним словом, Анан и прочие элитаристы сами накликали на себя, сами призвали на свои головы (предпочтённых Христу) Варавв, чтобы те, в конце концов, безжалостно перебили их самих и устроили им ослиные похороны. (Не похожим ли образом умеренные и интеллигентшишки часто сами вскармливают-взрачивают-смакуют революции, опосля закономерно попадая в их беспощадные жернова! под ножи их гильотин!)

При всём том, согласно Флавию, лукавый Иоханан советнически тёрся возле доверявшего ему Анана, одновременно тайно передавая все намерения элитаристов засевающим в храме зилотам (3,13). Мало того, он не постыдился принести старопервосвященской партии присягу верности, после чего «Анан и прочие уверовали в его клятву и, отбросив всякое подозрение, позволили ему отныне участвовать в их совещаниях» (13). Плюс они даже избрали его своим посредником-парламен-

тёром в переговорах с зилотами для прекращения распри, всячески избегая того, чтобы превратить штурмом извне священный храм в арену массового кровопролития и братоубийства.

Он же, Иоханан, ведя свою игру и целенаправленно стремясь к верховной власти над Иерусалимом, ловко подкинул зилотам дезинформацию, будто Анан «отправил послов к Веспасиану с просьбой прийти, как можно скорее, и захватить город» (3,14). Анан этого не делал, однако деза моментально сработала. А зилоты, со своей стороны, по наводке Иоханана, спешно решили призвать в город против, мол, национал-предателей элитаристов диковатых и фанатичных идумеян (4,4,1). Последние, как мы знаем, завоёванные и принуждённые к обрезанию ещё во Пв. до н.э. Иоанном Гирканом, дав позднее еврейству династию Иродиан, успели в Iv. н.э. стать иудеями поправвернее иудеев (= пресловутыми католиками праввернее папы).

Освежаем в памяти пройденный материал. Если эдомит Ирод, внук первообрезанца Антипы, был, по иудейским нормам-меркам-требованиям, первым полноценным иудеем (к-рым идумеянин делается в третьем колене), иудеями в качестве иудея не ахти как (из-под палки) принимавшимся-акцептировавшимся, то внук Ирода – Агриппа I – и был, и слыл уже иудеем вполне полноценным, к-рому фарисеи говорили: «ты наш брат». А на 60-е гг. Iv. воинственные идумеяне даже составляли, образно выражаясь, своего рода иудейское казачество – железную гвардию не столько трона, сколько (в их понимании) закона, примкнув к противоримскому восстанию с не меньшим рвением, чем крайние иудеи.

Флавий (несколько, в силу своей конъюнктуры, смещая акценты): «Зилоты были уверены, что идумеяне быстро откликнутся на их призыв, ибо это буйный, необузданный народ, всегда готовый схватиться за оружие и броситься в сражение, идущий на войну точно на торжество...» (4,1).

И, действительно, потрясённые полученным известием о готовности элитаристов сдать-отдать Град Господень Иерусалим на поругание римлянам идумеяне, легко поверив в это, в количестве 20-и тыс. вооружённых, быстро, с самыми решительными намерениями, явились под стены Иерусалима. Анан и умеренные в страхе закрыли перед ними городские ворота, что страшно разгневало оскорблённых ещё и в их обострённых иудейских национально-религиозных чувствах идумеян. Дескать, элитаристы не только предали национальную идею, но отвергают их, стопроцентных иудеев, как чужаков, вновь тыча им в нос, что они потомки *чечевичника* Исава. Б.м., часть грамотных вождей идумеян квалифицировали случившееся именно так, во всяком случае, вся 20-тысячная – вооружённая до зубов – идумейская орда была в ярости.

Старейший из первосвященников, на сей раз, Иошуа б. Гамала поднялся на башню и произнёс к стоявшим во всеоружии под крепостной стеной идумеянам примирительно-обуздательную речь (4,3). Безрезультатно. Идумеяне возмущались тем, что их не впускают, точно врагов, в город, и несмотря на заверения Иошуа в том, что умеренные никаки переговоры с римлянами не ведут, лишь ещё пуше уверились в их измене делу «национального освобождения». Иоханану и зилотам только того и надо было.

И вот ночью, под покровом страшного ливня (зимний сезон дождей), в бурю, в грозу, при раскатах грома и ударах молнии, группа зилотов тайком выбралась-пробралась из храма и с помощью своих тайных приверженцев в лагере умеренных (к-рые, полагая, что сама природа на стороне защитников города, притупили бдительность), сумела открыть идумеянам ближайшие к ним городские ворота (4,4-7).

Идумеяне ворвались в город, вызволили зилотов из храмовой осады и вместе с ними устроили ужасающую *санкюлотско-чекистскую* революционную резню своих

застигнутых внезапным нападением врасплох и не сумевших, не успевших организовать для обороны противников (4,5,1). Vivat фригийские колпаки и пламенеющие красными звёздами павло-корчагинские будёновки! vivat санкюлотские штаны и увенчанные головами аристократов пики, расстрельные комиссарские наганы и кожанки!

«Весь внешний Храм (откуда зилотов держали в осаде и где вдоль внешней храмовой эспланады проходила линия противостояния) был затоплен кровью, и солнце, взойдя, осветило 8,5 тыс. трупов». Если настоящий солдат может испытывать «упоение в бою» (Пушкин), то кроважанный мародёр всегда упивается бойней. Революция и мародёрство триумфально шествуют (мостя т.н. благими намерениями дорогу в ад) рука об руку!

Наутро, после ночи массовой и хаотичной резни, началась планомерная охота на первосвященников и знатных граждан. Анан и Иошуа «были вскоре схвачены и тут же умерщвлены» (5,2). Убийцы поглумились над трупами и бросили их тела без погребения. Вспомнил ли Анан (на к-рого не нахвалится Иосиф), вспомнили ли они, он и Иошуа (соотпущенцы-освободители бандюгана Вараввы в 33г.), перед собственной гибелью, надо полагать, где-то во второй половине холодного января 68г., о следующем: о Распятии Иисуса Христа – 33г.; о каменовании Первомученика Стефана – 33г.; о казни Ап. Иакова Зеведеева – 44г.; о мученичестве Ап. Иоанна Зеведеева – 55г.; о каменовании, непосредственно инициативой действующего первосвященника Анана, предстоятеля иерусалимско-христианской общины – Иакова, брата Господня, – 62г.; о сброшенном с кровли храма (явно не без соучастия Анана) Ап. Иакове Алфееве – 66г.; о каменованном летом 67г. (опять инициатива начальника Иерусалима Анана) Ап. Матфий!?²⁵ Что посеешь, то и пожнёшь. Сеющий ветер, всенепременно жнёт бурю (и в прямом, и в переносном смысле/смыслах).

«Вот как те, кто незадолго до того был облачён в священные одеяния, совершал славящееся по всему миру богослужение и почитался паломниками со всех концов земли, на глазах у всех были брошены обнажёнными на растерзание псам и хищным зверям...» (5,3). Логика революции, идущей к гребню (прорыв канализации), непреклонна. Радикалы-экстремисты, с помощью извне или без неё, сметают-уничтожают-истребляют (объявленных изменниками) умеренных. Набирающая обороты революция сминает тех, кто её начал, приводя к власти тех, на кого ещё вчера зачинатели смотрели сверху вниз (жиронда и гора; февралисты и большевики). И революционная бойня не ведаёт жалости. «Террор – вещь абсолютно необходимая» (Ленин). Никаких морально-нравственных преград, через к-рые товарищи революционеры не смогли бы переступить, не существует! Кто не с нами, тот против нас! Если враг не сдаётся, его уничтожают! Хотя, если сдаётся, – тоже!

Число жертв из знати = граждан первого сословия, по Флавию, составило «12 тыс. человек благородного происхождения» (3). При этом зилоты тотчас показали, что означает революционное судопроизводство. Одного из знатных мужей, Захарию б. Барух, они прямо обвинили в предательских сношениях с Веспасианом, с целью предания города римлянам, и поставили его перед судом синедриона. Но судьи не соориентировались в ситуации и вынесли обвиняемому, за отсутствием состава преступления, оправдательный приговор. Тогда зилоты, не смутившись, закололи Захарию кинжалами прямо в храме, со словами – «вот тебе наш приговор», и

²⁵ С 62 по 66гг. Анна (Анан) Младший, после лишения его первосвященства и до назначения-избрания в революцию начальником Иерусалима, был *серым кардиналом*, сходно своему родителю Анне Старшему – *серому кардиналу* с 15г. н.э., когда он сложил штатное первосвященство (к-рое облакал с 6г. н.э., по назначении его архипастырем, с провинциализацией Иудеи, Квиринием), и особенно в пору (самого) долгого (в Ив. н.э.) иудейского архипастырства (зятя Анны Ст.) Каиафы (18-36гг.).

сбросили тело «врага народа» в пропасть (4). А судей – синедристов, священников, в наказание и назидание, били по головам мечами плащмя! (иначе говоря, обухами по голове, чтобы они в следующий раз знали, как судить, чтобы им и всем прочим неповадно было!).

Ничего не напишешь – трибуналы революции под председательством Фукье Тенвилей или Лацисов с Петерсами не есть форменные либерально-демократические суды присяжных и т.д. К чёрту условности и мешанские правовые нормы! к чертям собачьим мягкотелость и слюнявый гуманизм! «Революционное правительство врагам народа должно нести только смерть» (Робеспьер). «Террор есть орудие, применяемое против обречённого на гибель класса, к-рый не хочет погибать» (Троцкий). «...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его, принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» (Ленин). «Чем больше представителей духовенства мы арестуем, осудим и расстреляем в этом году, тем лучше...» (Ленин).

Далее, идумейане, пресыщенные резнёй, и поняв, что они были использованы зилотами против политических противников (не призывавших римлян), в разочаровании покинули город²⁶, с каковых пор, т.е. с января/февраля 68г., в нём установилось царство зилотско-комиссарского террора под предводительством вождя-диктатора революции Иоханана Гисхальского. И его кровавое единовластие продлится дольше года, когда в месяце нисан следующего 69г. н.э. часть населения, во главе со смещённым зилотами экс-первосвященником Матфием, сыном Феофила, изнывая от Иохананова беспредела, призовет в Город против него из Масады (ещё более неуёмного бандюгана-атамана) Симона бар Гиору (4,9,11)²⁷, после чего Иерусалим получит вместо одного двух кровавых диктаторов (дубновские «чудо-богатыри!»).²⁸

Потеснённый Иоханан окопается на Храмовой горе и в храме; Симон завладеет как Верхним, так и Нижним городом; и между ними начнётся беспощадная кровавая междоусобица. А зимой 69/70г. от Иоханана и его крайних зилотов отделятся-отколятся зилоты умеренные во главе с Елеазаром б. Симон, к-рые закрепятся во внутреннем храме, и таким образом в разодранном городе станут люто враждовать уже три группировки. Причём священники будут падать мёртвыми от обстрелов-перестрелок непосредственно в ходе богослужебных действий и жертвоприношений, и кровавое озеро в храмовых притворах делается, по Флавию, обычным явлением.

Елеазара Иоханану удастся коварно убить и вновь завладеть всей территорией храма на Пасху 70г.,²⁹ вслед за чем римляне под предводительством Тита возьмут Иерусалим в кольцо осады. И лишь тогда Иоханан с Симоном³⁰, перед тем, ради

²⁶ И перед уходом они даже (сожалеея о содеянном) освободили из заточения 2 тыс. человек (4,6,1), тотчас бежавших в Масаду, где хозяйничал Симон б. Гиора.

²⁷ В 70г. Симон предаст призвавшего его Матфия (один из сыновей к-рого сбежал к римлянам) мучительной казни (5,13,1), обвинив экс-первосвященника в приверженности римлянам и казнив его вместе с тремя его сыновьями, более того, отказав ему в просьбе быть казнённым раньше сыновей, дабы, по настоянию Симона, он сначала увидел их смерть от рук палача.

²⁸ Придворно-дворцовые беспредельщики-временщики Гелий и Поликлит в Риме и революционные беспредельщики-временщики Иоханан и Симон в Иерусалиме (с той, всё-таки, разницей, что революционный террор-беспредел страшнее и масштабнее, по количеству жертв, террора дворцово-придворного).

²⁹ Зилоты Иоханана проникнут на подконтрольную Елеазару часть храма под видом смиренных пасхальных богомольцев и обнажат смертоносные мечи-кинжалы.

³⁰ Вновь обратим внимание читателя на то, что ни Иоханан, ни Симон, при всём их радикализме-экстремизме, не притяжали (в отличие от погибшего в 66г. сына Иуды Гали-

собственных непомерных амбиций, донельзя обескровив-затерроризировав город, и даже уничтожив в безоглядной междусобойной борьбе огромные запасы продовольствия, наконец, перед лицом вплотную подступившей к городу внешней роковой угрозы, чересчур поздно объединятся для совместной борьбы против римлян.

КОМИССАРСКИЙ ТЕРРОР ЗИЛОТОВ И НАЧАЛО ОЧЕРЕДНОЙ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ РИМЛЯН

(зима и весна 68г.)

Ныне же, зилоты, освободившись от сполна использованных ими для ликвидации своих внутренних политических противников иудеян, устроили, по Флавию, в городе ещё большую резню неугодных, жертвами к-рой стали, в частности, элитаристы Иосиф б. Горион (автор или псевдо-автор «Иосиффона», к-рый мог быть повествовательно доведён им максимум до 67г.) и известный своей боевой отвагой Нигер Перейский (4,6,1), с казнью к-рого (проклявшего перед смертью, под пытками, зилотов и призвавшего на их головы все беды, включая римлян) экстремисты, избавившись от последнего авторитета старой гвардии, и вовсе (бесповоротно попутав все рамы) перестали себя в чём-либо сдерживать.

«Смерть Нигера окончательно избавила их от всяких опасений за собственное падение. Среди народа не осталось более никого, кого нельзя было бы погубить по какому-либо поводу или без повода. Те, кто когда-либо был с ними в соре, пали жертвой; против тех, кто никогда с ними в мирное время не сталкивался, были выдвинуты подходящие к каждому случаю обвинения. Если человек никогда не приближался к ним, он обвинялся в высокомерии, если приближался и вёл откровенные речи — в непочтении, если льстил — в заговоре. Самые серьёзные и самые незначительные обвинения карались смертью, к-рой не мог избежать никто, за исключением людей совсем незначительных вследствие низкого происхождения или бедности» (6,1).

леянина, — Менахема, к-рый, самозванно надев царскую мантию, по всей видимости, притязал) (см. выше) на мессианское достоинство, как это произойдёт в 132г. с Бар Кохбой, кого признает мессией авторитетный р. Акиба. Т.е. Иоханан, Симон, Елеазар считали себя предварителями-предтечами мессианских времён, по подобию Маккавеев (будучи в реальности Псевдо-Маккавеями). И одна из причин непритязания на мессианизм в Войне 66-70гг. (за исключением Менахема, если он на таковой форменно притязал), предположительно, в исчислении сроков-времён пришествия мессии, к-рыми деятели-персонажи 66-70гг. руководствовались, и к-рые, в их понимании, ещё не исполнились, исполнившись, с др. стороны, по времяисчислению, к-рым пользовался Акиба (и др.), в пору Бар Кохбы.

И вряд ли случайно провозглашение (галилеянина?) Бар Кохбы (не потомка ли брата Господня — Ап. Иуды-Фаддея — из дома-рода Давидова по линии Соломона?) в 132г. отстоит именно на 99 (33 x 3) лет от Мистерии Голгофы 33г. н.э. (тогда как именно за 66 лет до Тайнства Голгофы 33г. н.э. был в 34г. до н.э. низложен завоевавшими Иерусалим Иродом со римляне и после публичного бичевания казнён-обезглавлен римлянами в Антиохии последний хасмонейский теократор Антигон Маккавей). И (повторим) не исключено, что кому-то (Акибе?) распятый в 33г. Иисус (Сын Иосифов из рода Давида) виделся жертвенным Машиахом б. Иосиф, а (лжемессия) Бар Кохба — победоносным Машиахом б. Давид (?). Не от Акибы ли, не от его ли ученика Симона б. Иохан (зачинатель Каббалы) тайное знание о Двух Посланных (к-рое исполнилось в Иисусе Соломониде и Иисусе Нафаниде, абсолютно исполнившись в Иисусе Христе!) пост-фактум, посредством ошибочной проекции уже исполнившегося (Мистерияльного События) в прошлом на ещё не наступившее грядущее, в искажённой форме, стало одной из таинственных каббалистических составляющих? (см. выше)

«Ничего не могу поделывать, батенька, — красный террор!» (Ленин).³¹ Не типичная ли для революционных диктатур ситуация, к-рой свойственны самые болезненные комплексы неполноценности дорвавшихся до власти духовных и морально-нравственных уродцев, прыгнувших, под масками народных вождей, т.н. кузнецов народного счастья, волею политической рулетки, из ничтожеств — в дамки, из грязи — в князи. Парализовать всех ужасом. Давешний голодушник (к-рый жрёт и не может нажраться до конца жизни) у и во власти страшен! Крайние интолерантность-нетерпимость — неизменные спутники всех *принудительных* революций, к-рые, к сожалению, редко бывают бархатными или быстро превращаются из бархатных в багровые (к чему в наше время прибавились ещё и революции постановочно *оранжевые* — т.н. *цветные*).

Тем временем, зимой 67/68гг. Веспасиан внимательно наблюдал из Кесарии Палестинской за происходившим в Иудее/Иерусалиме, правильно полагая, что внутренняя иудейская распря, ослабляя иудеев, очевидно римлянам на руку (6,2/3). Но он не спешил, сдерживая некоторых нетерпеливых командиров, к-рые предлагали выступить немедленно. Ждём-выжидаем, и не суетимся, не торопимся.

Ежедневно в расположение римлян прибывали искавшие у них защиту от зилотского террора беженцы. Притом, несмотря на то, что зилоты (вроде бы наглухо) заперли городские ворота, карая любую попытку выхода за их пределы и бегства от прелестей революции смертью, стражу можно было подкупить, и следовательно, улизнуть удавалось тем, у кого водились деньги, в то время как безденежной массе большинства предстояло умирать от голода и сделаться пушечным мясом — либо в кровавой гражданской междоусобице, либо при сокрушительном штурме города римлянами. Коррупционность и продажность тоже обычное свойство якобы неподкупных революций и революционеров (в байках о к-рых наркомпроды теряют, как товарищ Цурюпа, сознание от недоедания, а весьма охочие до крови и золота нелюди типа Свердлова предстают бескорыстными идеалистами и высокими гуманистами).³²

Опытный Веспасиан готовился к решающей кампании 68г., кульминацией к-рой должно было стать взятие Иерусалима, не спеша, готовя пехоту и конницу, осадные машины и всё прочее, что потребуется, по покорении всей окрестной страны, для взятия Города — её центра, её мозга, её сердца — в кольцо; для осады и штурма мощной цитадели. Он понимал, что незамедлительное выступление римлян (раньше срока) объединит иудеев, к-рые пусть пока в досталь рвут-ослабляют друг друга.

³¹ По свидетельству лидера эсеров В.Чернова, к-рый 5.01.1918г. едва открыл тут же разогнанное большевиками Учредительное собрание (большинство на выборах в к-рое получили эсеры — экстремисты ничем не лучше большевиков), в 1911г., когда, припеваючи живя в эмигрантской Швейцарии, они однажды «толковали с Лениным в ресторанчике за кружкой пива», Чернов сказал Ленину: «Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы меньшевиков вешать станете», в ответ на что Ленин «поглядел на меня с такой монгольской хитринкой и говорит: «Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера», пришурился и засмеялся».

³² Кажется, в т.н. культовом советском фильме «Рождённая революцией» «великий гуманист» Я.Свердлов проявляет «истинно ильичёвскую заботу» о детях. Когда комиссары видят во дворе штаба революции Смольного (института) опрятно одетых играющих девочек из бывших, и удивляются тому, что эти дворянки до сих пор здесь, Свердлов отвечает-поясняет, что это прежде всего дети, и, дескать, согласно личному распоряжению Владимира Ильича, их не позволено отсюда выселять, пока для них не будет найдено подходящее жильё. Каков Яков Михалыч! пуще всех (разумеется, после «самого человеческого изо всех, прошедших по земле людей» маяковского Ленина) приложивший руку к подвально-бандитскому расстрелу царской семьи, более того, истово позаботившийся о том, чтобы Романовых расстреляли будто бы по решению именно Уралсовета, хотя это было совсем не того уровня решение, к-рое могли самостоятельно, без ленинско-кремлёвской отмашки, принять провинциальные функционеры.

По Флавию, Иоханан вскоре затиранствовал и загосподствовал в Иерусалиме, как царь, пусть даже отдельные группы под предводительством малых тиранов до поры сопротивлялись ему, тогда как населению война против римлян, увы, уже казалась меньшим злом, чем нескончаемый внутренний кровопролитный раздор и чудовищные репрессии (4,7,1).

В 4,7,2 рассказывается о набеге сикариев из Масады, под главенством Симона, сына Гиоры, на Энгадди – ессейское поселение (в Иудейской пустыне, на западном берегу Мёртвого моря, в 32-х км от Кумрана), про ессейство к-рого Флавий молчит, говоря о сопровождавшемся массовыми убийствами разорении и ограблении полиса Симоном (по всему, обрушившимся на энгаддитов, как правоверный революционер-законник на сектантов?).³³

При этом данный набег датируется Флавием временем праздника опресноков = Пасхи. 15 нисана 68г. = 6.04., т.е. нападение на Энгадди было совершено в первую декаду апреля (дни опресноков) 68г. Однако с этой датировкой входит в противоречие нижеследующий рассказ о выступлении Веспасиана, проинформированного, мол, насчёт нападения на энгаддитов, против Гадары – «хорошо укрепленного главного города Перее» (7,3), в к-рый римляне вступили «в 4-й день месяца Дистра» = 4 адара = 26.02.68г.

Соответственно, Гадара в средней заиорданской Перее (не путать с одноименной Гадарой Декаполиса) (см. карту), к-рую надлежало покорить на подступах к Иерусалиму, была взята Веспасианом в конце февраля 68г., до и, стало быть, безотносительно к нападению Симона на Энгадди во второй половине первой декады апреля. При всём том, призвали римлян в переийскую Гадару, в тайне от повстанцев, знатные граждане города, к-рые вышли и вывели большинство народа навстречу римскому войску с приветственными благословениями, между тем как поздно опомнившиеся и сообразившие в чём дело мятежники панически бежали. Так, кампания 68г., всё-таки, началась – откликом римлян на призыв гадарцев – несколько раньше запланированных весенних сроков.

Против бежавших из Гадары в южном направлении, к Иордану и Мёртвому морю, радикалов Веспасиан снарядил Плацида во главе 500 всадников и 3-х тыс. пехотинцев, сам возвратившись в Кесарию (7,4). Плацид захватил переийский полис Беттенбарин (Бет-Нимри), где укрылись, поставив под ружьё часть местных молодых людей, одних – добровольно, других – силой, беглецы, и одолел их, попытавшихся предпринять дерзкую вылазку.

Затем, нанеся им сокрушительное поражение (15 тыс. павших) на берегах Иордана и Асфальтового озера, к-рые, сообразно Флавию, были полны трупов, римляне повели наступление против небольших городов в окрестностях, покорив Авилу (близ Иордана, напротив Иерихона), Юлиаду (Ливия), Бесимот (Бет ха-Иешимот – на с-в берегу Мёртвого моря), и оставив в каждом покорённом пункте по гарнизону из перебежчиков. Часть солдат были отправлены на судах для уничтожения мятежников, искавших спасения в лодках на Асфальтовом озере.

«Так – завершает 7-ю главу Флавий – была покорена и опустошена вся Перее до самого Махера» (7,6). Махер = знакомая нам (граница Набатей) цитадель Ма-

³³ До своего комиссарского утверждения в Иерусалиме в 69г., Симон атамански действовал набегами из Масады, как из Гуляй-поля батька Махно, командиры к-рого, грабя, в частности поезда («проверяя железку»), под лозунгом «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не побелеют», обращались (не обделённые чёрным юмором) к пассажирам со словами-речами типа: «Граждане, вы находитесь под защитой народной армии батьки Махно. Расстреливаем только офицеров, дворян, комиссаров, коммунистов, помещиков, капиталистов, мешочников, спекулянтов и всякую зажиточную сволочь. К трудовому народу батька Махно претензий не имеет».

хэрус (место казни Иродом Антипой Иоанна Крестителя), к-рая, единственная в Перее, осталась весной 68г. в руках повстанцев, находилась, напомним читателю, на самом переийском юге, – к востоку от Мёртвого моря и Каллирои (где, т.е. в Каллирои, безрезультатно пытался исцелиться тёплыми источниками от своей смертельной болезни в 1г. н.э., судорожно цепляясь за жизнь, избивший Вифлеемских младенцев душегуб Ирод).

* * *

В апреле 68г. в Палестину пришли известия о восстании Юлия Виндекса в Галлии. Возвратившийся в Италию из Греции зимой (февраль) 68г. Нерон узнал об этом ок. 20.03. в Неаполе (см. выше и ниже). Засим до Палестины весть о галльском восстании Виндекса дошла где-то в апреле. «Эти вести побудили Веспасиана ускорить военные действия...» (4,8,1).

Вряд ли он предвидел уже тогда масштабы грядущей большой смуты, как того хочет Флавий, приписывая Веспасиану на весну 68г. стремление скорого окончания Иудейской войны в видах последующего «освобождения Италии от ужасов», но, в любом случае, противоудейскую войну ему, экстраординарному кесарскому легату, было желательно в ходе 68г. победоносно увенчать.

«В течение зимы он обеспечил за собой покорённые города и деревни тем, что расположил в них гарнизоны и поставил первые под власть центурионов, вторые – декурионов, вновь заселив многие из разрушенных прежде мест. С началом же весны он во главе большей части войска выступил из Кесарии в Антипатриду» (8,1).

Это выступление, после мартовских операций Плацида в Перее, следует датировать оптимально апрелем 68г. н.э. Антипатрида – город к югу от Кесарии, на границе Самарии и Иудеи (где сделал остановку Ап. Павел, подстражно ведомый-уводимый из Иерусалима в Кесарию – 58г.). Теперь, по скором покорении Переи, непокорёнными оставались лишь Иерусалим с Иудеей и Идумея, плюс – крепости – Махерон и Масада.

После завоевания Фамнитской топархии (Тамна), Веспасиан двинулся на Лидду и Ямнию, к-рая, как получается, за зиму снова отпала, подчинил и ту, и другую, поселил в них жителей ранее перешедших на его сторону полисов, и прибыл в Аммаус – иудейский Еммаус (будущий Никополь), в 32/33-х км (176 стадий) от Иерусалима, по дороге на Лидду и Иоппию.

Отрезав населению Еммауса путь к бегству в столицу, он разбил здесь сильно укреплённый лагерь, где оставил V-й легион, двинувшись с остальным войскам в топархию Бетлефтефей (?), район (?) в Иудее, опустошил её и прилегающую область огнём и вторгся в Идумею, к югу от Иудеи, Иерусалима и Вифлеема, чтобы обложить-опоясать Иерусалим со всех сторон. В Идумее были оставлены два крепостных гарнизона и взяты две деревни, что сопровождалось истреблением 10 тыс. человек, с пленением тысячи.

Отсюда последовало возвращение Веспасиана в Еммаус, с дальнейшим походным продвижением через Самарию и Сихем в Корею – город в долине Иордана – первый пограничный пункт Иудеи с севера (куда, стоит вспомнить, прибыл, идя на Иерусалим через Корею и Иерихон в 63г. до н.э., за 130 лет до 68г. н.э., Помпей). Это произошло, согласно Флавию, во 2-й день месяца Даисий = 2 сивана = 22.05.68г. А на следующий день, т.е. 23.05., Веспасиан достиг Иерихона, где к нему присоединился подошедший с отрядами из покорённой Переи Траян (8,1).

Большая часть жителей Иерихона (244м ниже уровня моря) ещё до прихода римлян бежала в окрестные горы и в расположенный в 27/28-и км Иерусалим (762м над уровнем моря) (4,9,1). Для изоляции иудейской столицы отовсюду, Веспасиан

сианом были разбиты лагерь в Иерихоне и в Адиде (полис в Иудее неподалёку от Лидды), с расположением в них смешанных гарнизонов из римлян и союзников.

Одновременно, он снарядил в захваченную мятежниками заиорданскую Герасу (родина сына прозелита Симона б. Гиоры) в Декаполисе трибуна «Л.Анния с конным эскадром и сильным отрядом пехоты», к-рые взяли полис штурмом, убив ок. 1 тыс. юношей, не успевших спастись бегством, пленив их семейства и трофейно разграбив имущество.

Так подступы к Иерусалиму были заняты римлянами со всех направлений, между тем как зилоты заперли его изнутри и снаружи, в результате чего несчастное население преданного зловещему демону убийственной войны города оказалось между готовым обрушиться на него римским военным молотом и зилотско-комиссарской наковальней.

Дальше, вероятно, в июне 68г. Веспасиан возвратился в Кесарию (9,2) и намеревался уже со всеми силами идти против Иерусалима, чтобы непосредственно приступить к его, по всем правилам, осаде и потом штурму, когда, в конце июня или в июне/июле, в Палестину пришло известие о самоубийстве Нерона (9.06.68г.).

Узнав об этом, римский военачальник (к-рый, наверное, тотчас вспомнил о предсказании Иосифа³⁴) приостановил боевые действия = военную кампанию, обосновался в Кесарии Палестинской и стал выжидать. При всех случаях, для продолжения войны, ему, кесарскому легату, требовались подтверждение его легатских полномочий и санкция-приказ на продолжение войны от Неронова преемника в кесарстве (9,2).

А сменивший Нерона Гальба, к-рый, добравшись до Рима (из Испании, где он, бросив весной вызов Нерону, был наместником) (см. ниже) лишь осенью, подозревал Веспасиана в интригах против него (и даже, как впоследствии говорили, – то ли подсылал, то ли собирался подослать к нему убийцу), такого приказа не отдавал. Посланный же отцом осенью/зимой для приветствия Гальбы в Рим Тит, как мы сказали выше, узнал о его убийстве (15.01.69г.), в пути, в Коринфе, и повернул назад – к отцу.

Самогó Веспасиана провозгласят императором летом 69г., с приведением к присяге ему в июле сначала египетских легионов префектом Египта Тиберием Александром, затем сирийских легионов легатом Сирии Лицинием Муцианом. И так, считая ещё три легиона под собственно Веспасиановым командованием в Палес-

³⁴ Как-то французский король Людовик XI (1481-83гг.) разгневался на своего астролога-прорицателя и грозно спросил у него – знает ли он дату собственной смерти? – на что ушлый предсказатель находчиво ответил: «Я умру за 3 дня до смерти Вашего Величества». Проверить правильность этого предсказания Людовик не рискнул.

А вот Николай II однажды (в дни празднования 300-летия Романовых – 1913г.) спросил своего родича – великого князя и «высочайшего историка» Николая Михайловича (см. выше) – провидит ли он (либеральный «герцог Эгалите») грядущее? Тот задумался и грустно сказал: «Зная прошлое, можно предугадать будущее. Только вот избежать его невозможно». Говорят, что ведомый на расстрел (в Петропавловской крепости – 01.1919г.) Н.М. сорвал свои эполеты и швырнул их расстрельной команде, с прощальными словами: «Носите, ребята, они – романовские!».

Впрочем, и реальный герцог Эгалите – Филипп Орлеанский, к-рый демонстративно носил санкюлотские штаны (вместо аристократических панталон) и голосовал, в ранге члена Конвента, за казнь короля, после того как сам стал жертвой революционного Молоха и получил, по приговору трибунала, вышку (1793г.), в последние дни жизни очень изменился. Надел парик и панталоны, заказал (последнее желание) в застенке роскошный ужин, затем, перед эшафотом, попросил две бутылки шампанского, весело опорожнил их в себя, и бесстрашно поднялся на гильотину. То-то ненавидевшие его роялисты говорили о нём: «Жил, как свинья, но умер, как настоящий аристократ».

тине, в его распоряжении сосредоточится очень значительная воинская сила. Вот когда Иосиф, предречения к-рого станут одно за другим сбываться, обретёт свободу.

Заговорщически устранивший Гальбу Отон будет к тому времени, уже с середины апреля 69г., доблестно покончив (в силу нежелания продолжать братоубийственную кровопролитие) самоубийством, мёртв. Одолевшему же Отону обжоре, развратнику и полному деграданту Вителлию тягаться с солидным Веспасианом, к-рый, признав кесарем Гальбу, категорически откажется признавать империатуру венчленно-вителлианскую, считая Вителлия недостойным оной, окажется не по силам. И последний погибнет в Риме жалкой смертью в декабре 69г., тогда как первый император из династии Флавиев, неторопливо прибудет через Александрию (где и откуда он держал в руках *хлебный* египетско-африканский *ключ* к Риму/Италии) в Рим аж во второй половине 70г., поручив покорение Иерусалима своему сыну Титу³⁵ ещё в 69г., что Тит и сделает, взяв Иерусалим штурмом в 70г. н.э.³⁶

Впрочем, всё это тема следующей книги, в то время как нам сейчас предстоит, завершая данное весьма объёмное хроноповествование, рассказать в заключительной его части о последних месяцах правления и о жалком конце Нерона, с к-рым мы расстались в январе 68г. в Греции.

³⁵ Веспасиан (69-79гг.) и Тит (79-81гг.) станут наиболее достойными римскими кесарями (одержимого *кесаревым безумием*) I-го в. н.э., после (остаточно) открывающего это столетие Августа (+14г.) и (начально) завершающего оное (с 98г.) Траяна. Причём, если Траяну, при к-ром внешнеполитический экспансионизм Рима, вернее, заключительный экспансионистский всплеск, достигнет завоеваниями 114-117гг. на Востоке апогея, удастся сравняться на ратном поприще с самим Цезарем, то его (отказавшийся от траяновских восточных аннексий) преемник Адриан, с одной стороны, лимесно обновит и выведет на новый уровень II-го в. н.э. т.н. оборонительный империализм Августа и Тиберия, а с другой, новокачественно и куда более гибко продолжит (на уровне «греческого возрождения») эллинизаторский курс (неправомерно попытавшегося форсировать события в Iв. н.э.) Нерона.

³⁶ В «Хронике» Евсевия разрушение Иерусалимского храма (август 70г.) Титом датировано 2-м годом Веспасиана (императора с июля 69г.), по прошествии 42-х лет от 15-го года Тиверия кесаря и начала евангельской проповеди, что верно, так как Иоанн Креститель выступил с проповедью в 15-й год Тиверия кесаря осенью 28г. н.э. Плюс, если армянский перевод евсевиянской «Хроники» (216) насчитывает от пленения Иерусалима Антиохом Эпифаном до его взятия Титом 238 лет, то у Иеронима (158) – 239 лет. Антиох Эпифан (осквернитель Иерусалимского храма и алтаря в конце 167г. до н.э.) пленил Иерусалим в 169г. до н.э., откуда до 70г. н.э. набирается 238 лет. Кроме того, и в армянском переводе, и у Иеронима – 590 лет до разрушения Второго храма со 2-го года Дария Гистаспа. Санкционированное Киром (538г.) строительство Второго храма было приостановлено при Камбизе (529г.) и возобновлено при властителе с 522г. Дарии – в 520г. до н.э. (Р.л. 369; 783/84; Д.И. 502), откуда до 70г. н.э. – 589 лет (590-й год). А вот сумманды в 1103 года в армянском переводе, и в 1102 года у Иеронима, как время от строительства храма при Соломоне до последнего его разрушения, в обоих случаях, грубо ошибочны. От сооружения Соломонова храма, завершённого в 961/60гг. до н.э., по 70г. н.э. – 1030 лет (и 1037 лет от закладки святилища Соломоном в 968г. до н.э.).

P.S. По нашему мнению-убеждению, когда-нибудь, в новооткрытых эпиграфических источниках, или в неизвестных доселе манускриптах (типа кумранских свитков; в апокрифах), обязательно обнаружится чёткая-точная информация о том, что от завоевания Иродом Иерусалима летом 34г. до н.э. до падения Иотапаты летом 67г. н.э. – 100 лет; равно – о том, что именно 103 года пролегает от воцарения Ирода в Иерусалиме именно в 34г. до н.э. до падения Иерусалима и гибели храма в 70г. н.э.

ЧАСТЬ XXI

КОНЕЦ НЕРОНА

68 г. н.э.

1 января 68г. н.э. = 821г. а.У.с. консульство в Риме облекли Тиб.Катий Асконий Силий Италик и П.Галерий Трахал.

Силий Италик (ок. 25/26 – ок. 100/01гг. н.э.) – римский политический деятель, стоик и поэт-эпик, автор крупнейшей поэмы о – в наибольшей мере – определившей историю Рима II-й Пунической войне (218 – 01гг.), итоги и последствия к-рой (как и победа над Антиохом Магном у Магнесии – 190г.) сделали Рим в перспективе великой мировой державой.

Высказывалось мнение о происхождении Силия Italicus из Испании – из города-колонии Italica, но выходцы оттуда зовутся (согласно эпитафике) не Italicus, а Italicensis. Кроме того, Силиев современник испанец Марциал не включил его в свой гордый список римских знаменитостей IV н.э. родом из Испании (во время, когда испанские и галльские римляне занимали, тесня вымиравших староримлян, всё более видное положение в верхах Империи, чтобы аж кесарски-императорски выйти на авансцену, начиная с Траяна, при Антонинах).

Другая когноминальная версия – членство Силия в корпорации «Италиков», в связи с чем возможно его происхождение из Северной Италии, т.е. его предки могли быть италиками, получившими римское гражданство по итогам Союзнической войны 91 – 89гг.

В молодости он – судебный оратор, осторожный и осмотрительный, без особых политических способностей и амбиций. При Нероне, не гнушался участия в кесарских судебных фарсах, выступая против жертв репрессий. Затем был другом и сторонником Вителлия, участвовал в переговорах с веспасиановцами от вителлианцев, однако, несмотря на это, Веспасиан относился к нему без вражды. Сумел зарекомендовать себя как умелый администратор, проконсульствуя в Азии (ок. 77г.), чем затушеввал свою дурную репутацию, заслуженную в правление Нерона.

Вёл скромный образ жизни при Флавиях, не вызывая ни гнев, ни подозрение правителей. Стяжал имя – как поэт, учёный, покровитель литературы, страстный коллекционер, тонкий эстет и ценитель прекрасного. Больше всего почитал двух великих римлян – Вергилия и Цицерона, смог приобрести их виллы-владения в Тускуле и Неаполе, где часто проводил время. С годами перебрался из Рима в Кампанию; в самые последние годы предпочитал Неаполь, не уставая воздавать почести Вергилию, «празднуя его день рождения с большим благоговением, чем собственный, особенно в Неаполе, где ходил на вергилианскую могилу, как в храм» (Плиний Мл. «Письма» 3,7). По слову Марциала, Силий купил место, на к-ром находилась заброшенная могила Вергилия и спас её от забвения (12,48/49).

Подражал и Вергилию, и Цицерону, занимаясь эпической поэзией, как Вергилий, и устраивая с друзьями дискуссии на философские темы, как Цицерон. Среди его друзей были Эпиктет и Л.Анней Корнут, посвятивший беззаветному вергилианцу Силию «Комментарий к Вергилию». В последние годы Италик страдал от

рака. Умер в начале Пв., в возрасте 75-и лет, в своём неаполитанском поместье, стоически отказавшись от приёма пищи и сохраняя весёлое настроение до конца, – «умерев последним из всех, кого Нерон назначил консулами и уйдя последним из Нероновых консуляров, в чьё консульство Нерон погиб» (Плиний Мл. 3,7).¹

После 77г. взялся за эпическую «Пунику» в 17-и книгах, пишучи и издавая по книге в год, и так до конца правления Домициана, к-рому посвящены в поэме два пассажа, притом в обоих Домициан прославляется как храбрый воин, фигурируя в одном их них и в амплуа (противоположного Нерону) певца, чья лира, мол, – сладкозвучнее, чем у самого Орфея.

«Пуника» вызывает к сбережению-соблюдению римских добродетелей (комплекс свойств-качеств: мужество, смелость, отвага, доблесть, мощь, благородство, достоинство, превосходство, удача, характер, целомудрие, ценность, энергия); стоически интерпретирует образ Геркулеса; считает-позиционирует героем не единичного персонажа, но собирательный римский народ, к-рый блистательно репрезентируют героические деятели Республики – Кв.Фабий Максим Кунктатор, Л.Эмилий Павел, Л.Клавдий Марцелл, П.Корнелий Сципион. Их полюс-противообраз – (воинственный тиран) Ганнибал (Турн – у Вергилия; Цезарь – у Лукана). Движущие силы римской стороны – добродетели – *fides, pietas*; карфагенян-пуников – аффекты – *ira, furor*. Эту полярность интересным образом олицетворяют Юпитер (положительное мужское начало): Рим, разум-рассудительность (Душа рассудочная!), порядок, мир; и Юнона (отрицательное женское начало): Карфаген, страсть, война. Причём борьба между добродетелью и пороком идёт как во внешнем мире, так и внутри персонажей – героев и антигероев.

В поэме широко используется божественный аппарат, она нашпигована элементами чудесного, выдаётся-выделяется гипертрофированной патетикой, отличается

¹ Ок. 100/01гг. Плиний Мл. пишет одному из своих друзей: «Только что получил известие, что Силий Италик скончался в своём поместье под Неаполем: уморил себя голодом. Причина смерти болезнь: у него давно появилась неизлечимая опухоль; замученный ею он упрямо и решительно спешил навстречу смерти. Был он до последнего дня человеком счастливым; потерял, правда, из двух сыновей младшего, но старшего – и лучшего – оставил в полном благополучии и консуляром (...) Сочинял он стихи, скорее, тщательно отделанные, чем талантливые; иногда публично читал их, желая узнать, как о них судят. Недавно по своему преклонному возрасту он оставил Рим и жил в Кампании, откуда не двинулся и по случаю прибытия нового принцепса. Хвала цезарю, при к-ром тут не было принуждения, хвала и тому, кто осмелился так поступить...» (Ер.3,7).

Ставший императором в 98г. Траян победоносно прибыл в Рим из Паннонии, образно выражаясь, – с корабля на импературу, торжественно встреченный столицей, и, само собой, в первую очередь, всей римской знатью. Старый и больной Силий не прибыл на встречу нового императора, что тот никак не вменил ему в вину (показав всем, что не придаёт значения подобным проявлениям преданности-лояльности и не нуждается в сервильном низкопоклонстве), как это наверняка сделали бы Калигула, Нерон, или Домициан, либо их высокопоставленные холоуи за них.

Плиний же в письме сетует, помяная в начале Пв. н.э. только что ушедшего из жизни Силия, на скоротечность человеческой жизни: «...как непрочен человек, как урезана, как коротка самая длинная человеческая жизнь! Не кажется ли тебе, что Нерон только что был? А из людей, бывших при нём консулами, уже никого нет...» (3,7). Типичный, остро свойственный также близкому другу Плиния Тациту, горький пессимизм римской элиты, утратившей в век рационал-материалистического пресыщения и бездуховного гедонизма веру в бессмертие души, не находившей утешения в мёртвом языческом политеизме, страдавшей от безысходности, и ещё очень далёкой от христианства. При этом в христианстве эта римская элита, будучи сама (невзирая на весь свой атеизм-рационализм-материализм, или как раз поэтому) примитивно суеверной, видела тогда всего лишь грубое вредоносное суеверие (с к-рым, в частности, Плиний, панегирист Траяна, боролся, проконсульствуя в конце жизни, в 111-13гг., в Вифинии).

риторической обработкой речей и описаний. (Дожил бы Петроний Арбитр – высмеял бы!) Язык прост и ясен, иногда тавтологичен. Исторические источники: Ливий и, в меньшей степени, анналист П/Ивв. до н.э. Валерий Анций. Поэтический образец-идеал – не Гомер и не столько Энний, сколько, разумеется, (мэтр мэтров) Вергилий – «Энеида», постоянная благоговейная апелляция к к-рой, в смысле её духовного присутствия, придаёт поэме внутреннюю целостность и единство. Проекция вергилианской субстанции на эннианский субстрат – в духе, родственном Лукану!

Впрочем, поздняя венценосно-императорская Античность и Ср. века (эпоха культа идеальных государей) о Силии (не востребованном уже при Антонинах, как и панегирист Домициана Марциал, отбывший в 98г. из Рима на родину – в Испанию) порядком забыли. Данте и Петрарка его не знают. Во время знаменитого церковного Собора в Констанце (1415г.) он был вновь открыт и издан гуманистом Поджио. Оказал определённое влияние на Рафаэля и Торквато Тассо.

Второй эпонимический консул 68г. П.Галерий Трахал, вероятно, приходился сыном Г.Галерию, префекту Египта в 16 – 31гг. родом из Аримина, к-рый, как мы знаем, был женат на Гельвии – старшей сестре матери философа Сенеки, прошедшего в Египте, как раз при Галерии, 7 (плодотворных) лет, с 24 по 31гг. н.э. Сын последнего был известным оратором, речи к-рого отличал «многословный и звучный слог, поражающий рядового слушателя» (Тацит «Ист.» 1,90). В 69г. он поддерживал Отона, к-рому писал речи и даже служил у него советником.

Вителлий намеревался его казнить, но уступил своей супруге Галерии Фундане, упросившей мужа помиловать родственного ей Публия (Ист. 2,60). При Веспасиане, П.Галерий образцово проконсульствовал в 78/79гг. в Африке. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Оба консула-эпонима консульствовали в 68г. до апреля, когда Нерон сменил их и экстравагантно заделался консулом без коллеги (*sine collega*), суеверно ухватившись за какое-то туманное пророчество о том, что Галлию, к-рая тогда была охвачена восстанием Виндекса, может покорить только римский консул-одиночка (Свет. «Нер.» 43,2) (см. ниже).²

НЕРОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ГРЕЦИИ

Итак, мы расстались с Нероном в декабре/январе 67/68гг., после того как он одержал заведомые победы во всех *больше-обходных* панэллинских агонах³, эпатажно провозгласив напоследок 28.11.67г. независимость Греции на Истмийских играх. Затем – справил 15.12.67г. своё 30-летие (в Коринфе?), и упорно продолжал в январе 68г. тусоваться-нежиться на земле покорившей его и покорённой им Эллады, мня себя Аполлоном Кифаредом и не спеша её покидать.

Однако неплохо известный нам его одиозный вольноотпущенник и временщик Гелий, облечённый в паре с другим не менее одиозным либертом Поликлитом

² Цезарь завоевал Галлию в 58-51гг. до н.э., побывав консулом 59г. фактически в одиночку, так как затретирировал, о чём читатель в курсе, своего даже переставшего выходить из дома консульского коллегу Кальпурния Бибула, и тем самым, сделав этот (эпонимический) год «годом консульства Юлия и Цезаря», как бы предварил своё блистательное покорение Галлии, грядущий Рубикон и диктатуру-империю. Б.м., Нерон, или кто-то за него, гротескно перетолковал исполнившееся в достаточно давнишнем прошлом предсказание (из «Сивиллиных книг»?) на скорое будущее!

³ Агональный победоносец Нерон подобен песенно поминаемому Высоцким «чемпиону по стендовой стрельбе», к-рый «попал во всё, что было».

верховой (назло отцам-сенаторам) регентской властью в Риме на время отсутствия кесаря, уже давно настаивал в посланиях-депешах на императорском возвращении, говоря о брожении умов и о беспокойной тревожной обстановке в столице. Но полностью поглощённый своими греческими гастролями и нарциссизмом Нерон, инстинкт самосохранения к-рого под пленительным небом столь духовно близкой ему Эллады явно обмяк, раздражённо от этих настоятельно-просительных требований либерта (ради его же нероновско-императорской безопасности) отмахивался.

Действительно, великий пожар Рима в 64г., понесённые в связи с ним убытки и гигантские суммы на новоотстройку Города, а, главное, на расточительнейшее строительство комплексного Золотого дворца, колоссальные расходы и коррупция кесарских приближённых больно ударили по римским финансам, вызвав нарастающий кризис. Плюс – *отсутственный* беспредел временщиков, к-рый страшно раздражал элиту; плюс – перебои-трудности с хлебоснабжением, равно *отсутственное* уменьшение зрелищных (на кесарские средства) представлений, что бесило плебс.

Т.е. недовольство и верхов, и низов, среди к-рых, а именно – среди вторых, Нерон ранее, до пожара Рима, и отчасти вплоть до своего отъезда, был очень, из-за своей хлебно-зрелищной щедрости, популярен, теперь, в условиях, когда он, наслаждаясь собой в Греции, успел и хотел, теряя всякий политический нюх, забыть как о тех, так и о других (оставленных в Риме), – всё нарастало.

При этом, со всей своей вызывающе демонстративной склонностью к эллинизму, своим эксцентричным поведением, обликом и прочими выкрутасами, кесарь, позоря имя потомственного патриция, имя римлянина, безмерно переборщил. Первый из римских императоров он без малого полтора года обретался в развлекательном турне по Греции, капризно откладывая *репатриацию* на (менее любимую!) родину. Ещё ни один из кесарей не вёл себя так (минимум эпатажно), как этот, переплюнувший даже безумца Калигулу.

Да, Август инспектировал в 21/20гг. Восток и посещал с 16 по 13гг. Галлию с Испанией, но он там усиленно трудился, обустроив провинции. Да, Тиберий обретался с 26/27гг. на Капри, сладострастничая там и тиранствуя оттуда, избегая Рима и позднее не раз прибываясь к нему без вступления в город, но Тиберий не покидал Италию, к-рую Клавдий покинул лишь раз, отправившись в 43г. воевать Британию. И даже Калигула, проследовав в 39/40гг. на Рейн и в Галлию, несмотря на скандальность своего потешного вояжа, в т.ч., инспектировал войска и вроде бы собирался, воинственно маршируя перед Ла-Маншем, десантироваться на Британские острова.

Покинуть же Рим почти на полтора года, чтобы, состязательно кифаредствуя, превратиться в заядлого эллиниста, полностью поменяв образ жизни и облачение с римских на греческие, променяв Рим на Элладу и эллинистическую Ойкумену, такого настолько карикатурно ещё не позволял себе никто, разве что за исключением (правда, умевшего ещё и – пусть отнюдь не всегда успешно – воевать) Антония, к-рый осел у Клеопатры под юбкой в Александрии, за что в итоге горько поплатился.

В 67г., согласно датировке «Хроники Евсевия» (Арм. 216; Иероним 157), сенат постановил ежегодно выделять Нерону на расходы 10 млн. сестерциев. По Орозию, «он (Нерон) повелел, чтобы сенат ежегодно отпускал ему на расходы 10 млн.» (7,7), что затерроризированный Гелием и Поликлитом сенат, конечно, тотчас утвердил, и что, вместе с тем, дополнительно обострило, в условиях прогрессирующего кризиса, и ситуацию в целом, и дальнейшее, не в одночасье, падение авторитета Нерона среди всех слоёв населения.

Многие сенаторы и без того его ненавидели, как он, особенно после заговора Пизона (65г.), к к-рому позже присовокупился заговор Винициана (66г.), возненавидел сенаторов, болтая-зубоскала в близком кругу о перспективном уничтожении

сенаторского сословия с заменой его либертами и оставленными в живых всадниками. Ныне же, как сказано, к верхам в недовольстве стали понемногу присоединяться низы, постепенно создавая совместными, что называется, усилиями, предреволюционные настроения и предреволюционное положение, когда (что было известно из марксизма-ленинизма каждому советскому школьнику) верхи — «не могут», а низы — «не хотят». И Гелию с Поликлитом, при ощущении ими уходящей из-под ног почвы, день ото дня становилось тревожнее-дискомфортнее в до поры глухо недовольном Риме.

Короче, так и не сумев подвинуть омутно увлечённого-затянутого Грецией, как Антоний Клеопатрой, хозяина на возвращение посланиями, Гелий, в конце концов, решился отправиться к нему (за ним) лично, и невзирая на зиму (закрытое штормовое море), преодолел морской путь, сообразно Диону (63,19,1), за семь дней. Его появление и сообщение о ширящемся в столице заговоре подействовало и вынудило, наконец, обеспокоенного Нерона принять решение о немедленном возвращении. Имел ли какой-либо реальный заговор место? или то было умышленное Гелиево преувеличение (подозрение?) — неизвестно. При всех случаях, ниже ни о каком-либо заговоре, как и о каких-либо расправах слабеющей нероновской власти (к-рая дальше поэтапно-поразово проявляла бессилие за бессилием) над кем-либо, больше не говорится.

Так или иначе, видимо, где-то во второй половине января 68г. Нерон отчалил от греческих берегов, намереваясь-обещавшись вновь навестить в любимую Элладу в 69г. для участия в очередной Олимпиаде. Причём, по Диону, надежды некоторых в Риме на гибель тирана в бурном зимнем море не оправдались; плавание оказалось удачным, и он, по всей вероятности, уже в феврале, благополучно достиг Италии (63,19,2).

Далее, если Дион говорит о триумфально-празднично-торжественном вступлении кесаря в Рим (63,19,20), пропуская Неаполь, то Светоний повествует об этой помпезной репатриации, начиная со столь любого Нерону эллинистического Неаполя (Греция в Италии), где венценосный кифаред впервые публично-театрально кифаредствовал, под бурные восторги публики, в 64г.

Слово Светонию: «Из Греции он вернулся в Неаполь, где выступил когда-то в первый раз, и въехал в город на белых конях через пролом в стене, по обычаю победителей в играх. Таким же образом вступил он и в Анций, и в Альбан, и в Рим. В Рим он въезжал на той колеснице, на к-рой справлял триумф Август, в пурпурной одежде, в расшитом золотыми звёздами плаще, с олимпийским венком на голове и пифийским — в правой руке; впереди несли остальные венки с надписями, где, над кем и в каких трагедиях или песнопениях он одержал победу, позади, как в овации, шли его хлопальщики, крича, что они служат Августу и воинами идут в его триумфе. Он прошёл через Большой цирк, где снёс для этого арку, через Велабр, Форум, Палатин и храм Аполлона; на всём его пути люди приносили жертвы, кропили дорогу шафраном, подносили ему ленты, певчих птиц и сладкие яства. Священные венки он повесил в своих опочивальнях возле ложа, и там же поставил свои статуи в облачении кифареда; с таким изображением он даже отчеканил монету» (Нер. 25,1/2).^{3а}

^{3а} Пусть будет прихоть нечиста
Или невинна,
Порок иль скромная мечта, —
Мне всё едино.
Я воплещу любой твой бред.
Скажи, в чём дело?
— О дьявол, — я ему в ответ, —
Всё надоело! (П.Верлен)

Таким образом, Нерон празднично-победоносно добирался-добрался до Рима в феврале 68г. через Неаполь, далее через место своего (и Калигулы) рождения – Анций (любимая калигулианская резиденция, куда Гай хотел перенести столицу), и затем через предместный Альбан (мимо Альбанской горы) – местонахождение вилл римской знати. Добирался-добрался, – чтобы в Риме его, так сказать, беспримерный ойкуменический триумф великопразднично кульминировал.

И этот мирный то ли триумф, то ли чёрт знает что, в ознаменование достигнутых Нероном в (колыбели античной цивилизации) Элладе мирных музыкально-спортивных побед, стал каким-то странным шутовским сплавом, гремучей смесью из традиционных римских военных триумфов – в честь побед ратных, и греческих торжеств – в честь побед агональных.

Для староримлян или для тех, кто продолжал себя таковыми (если понадобится) позиционировать, подобная реминисценция-мешанина должна была являть собой шутовство даже ещё большее, чем александрийский (ряженный) триумф Антония осенью 34г. до н.э., после коварного пленения им летом Артавазда Армянского и ратного взятия его легатом Сосием, в паре с Иродом, Иерусалима. Ведь Антоний, точнее, представлявшие его Сосий с Иродом, не считая ограбления Армении, хотя бы одержали боевую победу над Антигоном Маккавеем, и в бою, посредством жестокого штурма, овладели Иерусалимом. Т.е. там хотя бы имелись необходимые для триумфа военные деяния-достижения римского оружия, пусть даже тот квазитриумф, ибо триумфы могли проводиться только в Риме⁴, был проведён Антонием в Египте и посвящён его фурии Клеопатре, что для римлян было неслыханно и оскорбительно.

Нерон же вообще никакой военной победы не одержал, более того, он усиленно подчёркивал невоенно-пацифистский (закадрово направленный против военщины, против милитаризма), и не римский, но ойкуменический характер своего необычного триумфа без единой капли крови (как бы бросая тем самым вызов римской милитантной традиции). Калигула минимум делал вид, браво бряцая оружием, будто завоевал-покорил Галло-Германию и едва не форсировал Ла-Манш, в то время как акцентация Нерона была именно на умиротворении-замирении земного круга, увенчанном его греческими гастрольями (из чего, впрочем, очень досадно выпадала Иудея со своим неуместным восстанием, с к-рым, благо, Веспасиан, покорив в 67г. Галилею, на начало 68г., сообразно Нерону, по имевшимся у него из Палестины сведениям, без пяти минут справился).

И вся эта нероновская театральная постановка, весь этот карнавальная балаган, всё это помпезное шоу, словно манифестировали, что время завоевательных триумфов миновало, что наступивший «Золотой век» суть век, когда на Земле миру – мир, войне – пиписька (как говорили в СССР), когда вокруг время всеобщего мирного благоденствия. Удостоверяйтесь воочию в неоднозначности персоны и деяний Нерона, в особой манере его благих намерений (не) по (проторенной) дороге в ад!

Засим он, неприкрытый эллинофил, сам снова подал великолепный повод тем, к-рые готовы были использовать против него староримскую карту, карту приверженности падающим в цене традиционным римским ценностям. Использовать, чтобы спустить его акции ещё ниже, чтобы уравнивать его в глазах римлян с Антоном, к-рого (подкаблучника Клеопатры, завещательно пожелавшего быть погребённым возле неё в Александрии) Октавиан призвал римлян (сказав, что Антоний

⁴ То-то Г.Сосий форменно справил свой антонианский триумф именно в Риме 3.09.34г. до н.э. (ещё до александрийского псевдотриумфа Антония в октябре) (Р.л. 131/32; 144).

предал своё *римлянство*: нас на бабу променял) презрительно называть «Серапионом» и «александрийцем».

При всём том, всмотритесь-вслушайтесь: преемственность между Антонием, Калигулой и Нероном (апологетами эллинизма, ориентализма, глобализма, мультикультурализма – в ущерб римскому державному национализму в сочетании с соподчинённым ойкуменизмом), взаправду наличествует!

И акции Нерона продолжали падать, непрекращающийся балаган зашёл слишком далеко, кризис углублялся, однако, на первых порах, на фоне восторженного *шафранового* приёма, когда плебсу привиделось, что вместе с кесарем вернулось время хлебного достатка-изобилия и нескончаемых зрелищ с раздачами, самому Нерону показалось, что паникёр Гелий гиперболизировал опасность. Репатриальная расточительность принцепса-кесаря всколыхнула новые массовые востроги по его адресу, почему у него, как и у его окружения, создалось ложное впечатление, что всё в порядке, что всё вернулось на круги своя.

В чём Светоний и Дион, к-рый, как сказано, торжественную встречу победоносного «олимпионика» в Неаполе пропускает, ещё расходятся, так это в том, что, если, согласно Светонию, Нерон повесил священные венки победителя «в своих опочивальнях возле ложа», надо понимать, в Золотом дворце, то по Диону, он разложил-разместил их вокруг египетского обелиска (специально доставленного в Рим из Египта при Калигуле) в Большом цирке (63,25,1).

Впрочем, дадим слово Диону, к-рый не во всём созвучен Светонию, в эпитафиях Ксифилина (179,5 – 182,6): «Когда он (кесарь) вступил в Рим, часть стены была разрушена, поскольку некоторые утверждали, что каждый из этих обрядов обычно справлялся при возвращении увенчанных победителей. Первыми вошли люди, к-рые несли выигранные им венки, а за ними другие, с деревянными таблицами на поднятых копьях, с записанными на таблицах названиями игр, видов состязаний и с утверждением, что Нерон Цезарь, первым из всех римлян с начала мира выиграл их. Потом следовал сам победитель в триумфальной колеснице, одной из тех, на к-рых некогда праздновал свои многочисленные победы Август; он был облачён в пурпурное одеяние, расшитое золотом, увенчан ветвями дикорастущей оливы и держал в руке пифийский лавр. Рядом с ним ехал кифаред Диодор (лучший из эллинских кифаредов, так сказать, побеждённый Нероном – К.З.). Проехав через Цирк и через Форум в сопровождении воинов, всадников и сената, он поднялся на Капитолий и затем проследовал во дворец.⁵ Город был весь увешан гирляндами, сиял огнями и дымился благовониями, и всё население, сенаторы пуще всех, выкрикивали хором: «Здравствуй, олимпийский победитель! Здравствуй, пифийский победитель! Август! Август! Здравствуй, Нерон, наш Геркулес! Здравствуй, Нерон, наш Аполлон! Единственный победитель Большого обхода, единственный с начала времён! Август! Август! О, Божественный Голос! Благословенны те, кто слышал тебя!..»

Вот как выглядел этот *малоримский триумф*, больше похожий на жеманное шоу или на венецианско-бразильский карнавал, б.м., весьма красочный, но святотатственный для римской системы ценностей. Соответственно Диону, чего у Светония нет, победных венков Нерона, привезённых им из Греции, было, всего-итого, аж 1808! (возникает вопрос, как они могли уместиться в его опочивальнях? – неужели настолько просторных?).

⁵ У Светония вместо Капитолия (куда восходили триумфаторы в храм Юпитера) – Палатин (где находился старый, со времени Августа, императорский дворец) и храм Аполлона на Палатине. Думается, что в триумфе Нерона присутствовали и (республиканский) Капитолий, и (императорский) Палатин, откуда он направился в свой нероновский Золотой дом-дворец, комплексная территория к-рого захватывала Палатин, Эсквилин, склоны Квиринала и Целия, и низину между ними, где позднее поднялся (сооружённый Веспасианом и Титом) Колизей.

Т.е. больше-обходные судьи и греки в целом на венки для беспрецедентного (кто теперь купался в лучах своей «солярной» славы) победителя Немейских, Олимпийских, Пифийских и Истмийских игр не поскупились. (Военные победы одерживали многие римляне, тогда как состязания Большого обхода, да ещё всех Игр, до сих пор не выигрывал ни один из них!) И бравируя венками, римский кесарь, эдакий «Аполлон Кифаред», с масличным венцом на голове и с лавром в руке, направляясь через Капитолий и Палатин в Золотой дворец Нерона-Гелиоса, точно манифестировал, что эра войн позади, что Золотой век на дворе, что Царство Небесное спустилось (спущено) на Землю, что коммунизм построен, что жить стало лучше и жить стало веселей!

То-то, как потом говорили, он хотел, но не успел переименовать Рим в Неро(но)поль — столицу мира в новой-обновлённой Державе-Ойкумене нового и окончательного Золотого века! Почему-то тиранам мнится, что они — пупы земли, призванные увенчать историю счастливым концом истории. Увы, в Нероне, как и во многих др. деспотах, чересчур много умышленно выпячиваемого вперёд мужского *начала*, при явном отсутствии в нём мужского *конца*!

И, к слову, насчёт Нерона-Геркулеса, у Светония находим следующее (о чём уже говорилось выше): «Сравнявшись, по общему признанию, с Аполлоном в пении и с Солнцем в ристании, собирався он померяться и с Геркулесом в его подвигах: говорят, что нагове был и лев, на к-рого он должен был выйти перед народом в амфитеатре голым и убить его палицей или задушить руками» (Нер. 53).

Нет, Нерон был, как явствует из всего, что мы о нём узнали, и как чётко подтвердит его конец, именно робкого десятка. На реальное воспроизведение сцены с Немейским (или Киферонским) львом Геракла (Первый подвиг — под знаком Льва) его точно никак не хватило бы. Маскимум он (отнодью не столько Лев, сколько в ужасе выпускающий из рук вожжи колесницы Гелиоса, при виде Скорпиона, Фаэтон) устроил бы какой-нибудь театр, выйдя на поединок с уже мёртвым (или усыпленным-спящим) львом, спектакулярно выданным за живого, с всеобщими бурными овациями-аподисментами подданных (а не граждан) очередной победе «голового короля».

* * *

После этого, закончив обряды и поместив венки в Цирке, Цезарь выступил как возница = принял участие в скачках, к-рые любил не меньше игры на кифаре, пения под кифару и сценического трагиактёрства (Дион 63,21,2). Причём некий богатый лидиец Ларций предложил ему 1 млн. сестерциев в награду за игру на лире. Но он отклонил деньги, считая недостойным себя продемонстрировать своё мастерство за плату, к-рую не преминул взять (для хозяина, не забывая о себе) обер-цербер Тигеллин — в награду за что он же не предал (сделавшего, мол, столь дерзкое предложение) Ларция смерти. А Нерон, тем не менее, бесплатно явился в театр и, мало того, что сыграл, сорвав овации, на лире, ещё и поучаствовал в трагедии. Притом касательно конных состязаний, он даже иногда позволял победить себя, чтобы явить более правдоподобными свои победы в большинстве случаев.

И средства опять тратились вовсю, безоглядно. И поборы с городов увеличивались, и недовольство, невзирая на весь ослепительный внешний фон-фасад продолжающегося фарса, несмотря на всю иллюзию «праздника, к-рый всегда с тобой», возрастало. И где-то, и как-то должен был случиться взрыв-прорыв, как прорывает канализацию, или как лопается гнойный чирий. Вопросы были лишь в том: где? как? и когда?

Но Нерон больше не обращал, наверняка высмеяв Гелия (как паникёра), на

тревожные симптомы внимания. Год и месяцы, проведённые в удовлетворенной Греции, элиминировали в нём, тоже удовлетворенно заплывшем (жирком) и блаженно отдавшемся воле-волнам течения, действенного тирана. Возвратившись, он не мог толком войти в прежнюю деспотическую колею, в прежнее русло, экзистировав дальше в ауре своих эпатажных абстракций, вовсе потеряв чувство реального, совсем перестав адекватно воспринимать действительность, более того, избегая снова в какой-либо мере погрузиться в неё, убегая-бежа от неё в мир своих грёз-иллюзий.

И, заметьте, — никаких репрессий, никаких расправ, стремление задействовать к-рые коротко возникнет у него с началом бунта, так и не будучи ни на йоту практически реализовано-осуществлено. Почав (сыгравшую с ним злую шутку) Грецию, он (своего рода *футурист* — предваритель Адриана и Юлиана) хотел отныне жить в атмосфере некончающегося-нескончаемого празднества, не желая пробуждаться от сладкого сна, отмахиваясь от тревог и мрачных предзнаменований, как от назойливых мух.

И симптоматично, что по пребывании в Риме ок. месяца, ему опять захотелось податься в родной насквозь прогреченный Неаполь, по к-рому он, ностальгически вспоминая Элладу (где пережил второе рождение и второе раннее райское детство, впав-упав в него по уши), успел за минувший месяц — февраль/март — истосковаться. И он подался туда, в Кампанию, на берега Неаполитанского залива, где, в Неаполе, кифаредствуя и песнопевчествуя, узнал ок. 20-23.03.68г. н.э. (9 лет со дней убийства в 59г. Агриппины) о галльском восстании Виндекса. А узнав, сначала не придав случившемуся значение и нисколько не напугался, не обеспокоился, сочтя этот нелепый бунт националистическим выступлением галлов, к-рое не представляет угрозы для императора и к-рое несложно будет подавить, дескать, так же, как Веспасиан уже почти раздавил восстание иудеев.

ВОССТАНИЕ ВИНДЕКСА

Г.Юлий Виндекс происходил из аквитанского царского рода, был сыном римского сенатора и на 68г. легатом-пропретором Лугдунской Галлии = Tres Galliae в составе Лугдунии, Аквитании, Бельгики. С каких именно пор — неизвестно, но, возможно, с 67г., когда Нерон казнил вызванных в Грецию легатов обеих Германий, — братьев Сульпициев Скрибониев, и назначил на их место — в Верхнюю Германию (Superior; Монготиак — Майнц) Г.Вергиния Руфа, а в Нижнюю (Агриппинова колония — Кёльн) — Фонтя Капитона, консула-орд. 67г., к-рый, должно быть, отправился на Рейн, отконсульствовав в Риме первую половину года.

И не исключено, что тогда же, в 67г., получил в управление свою галльскую сенатскую, в отличие от кесарских германских владений Рима, провинцию Виндекс (формально сенатские провинции предоставлялись сенатом сенатским наместникам сроком на год, но этот годичный срок не так уж редко, как читатель знает, в кесарскую эпоху, сенатом, по рекомендации кесарей или в угоду им, или за хорошее начальствование рекомендованного кесарем наместника, пролонгировался-продлевался).

При всём том, если обе Германии были легионизированы (на 68г. насчитывалось 3 верхнегерманских и 4 нижнегерманских легиона), то Галлия являлась провинцией без легионов, при наличии в ней вспомогательных (аукзилиарных) войсковых частей из самих галлов, отрядов народной милиции и ополчения. С опытом использования против галлов мятежных, в случае галльского выступления (последнее — восстание Ю.Флора и Сакровира — имело место в 21г. н.э.), как этих воинских частей, так и грозно стационарированных вдоль рейнской границы, — на разделительном пространстве между подримскими галлами вкупе с левобережными германцами

(к-рые активно романизовались), и независимыми, за Рейном, германцами правобережными, – легионов римско-германских.

По Диону (63,22,1) от Ксифилина (182,8-11), Виндекс обладал могучим телосложением и пронизательным умом, понимал толк в военном деле и, главное, имел мужество для больших свершений. Помимо того, ему были свойственны-присущи пламенная любовь к свободе и честолюбие. Причём в выступлении Виндекса ошибочно видеть-усматривать националистический галльский сепаратизм, в чём его обвиняли ещё в древности, и что ему версионно приписывается некоторыми «прозорливыми» ново-новейшими историками поныне.

На отчеканенных им монетах нет никаких галльских символов, наоборот, на них – *Iupiter Optimus Maximus; Salus Generis Humani; Libertas*. Военские монеты содержат на аверсе легенду: «Салют разуму человеческому!» (выражение элиминированного Нероном державника Сенеки); на реверсе – «Сенат и римский народ». На др. монетах изображены римские штандарты, орёл и престол; изображение Геркулеса (в пику Нерону) и надпись: «Рим возродившийся»; или изображение Юпитера с надписью – «Освободитель».⁶

Источники, сообщающие об этом восстании, пишут, что Виндекс стремился к освобождению от тирании Нерона – и римлян, и галлов, и всей Ойкумены. Более того, согласно современнику событий Плинию (20,160), он присягнул на верность сенату и римскому народу.

Впрочем, послушаем (ксифилинизированного и зонаризированного) Диона: «...Этот Виндекс созвал галлов, к-рые и ранее страдали от многочисленных насильственных поборов, теперь испытывая особые (поборные) притеснения от Нерона. Поднявшись на возвышение, он произнёс длинную речь против Нерона, говоря, что им должно восстать против того, кто разорил весь римский мир, истребил цвет сената, совратил и затем убил собственную мать и не сохранил даже подобия достоинства властителя. «Да, многие властители совершали убийства, грабежи, насилия, но как и где найти слова, чтобы описать Нероновы поступки?! Я видел его, друзья мои и союзники, поверьте мне, я видел этого мужа, если его можно назвать мужем, к-рый оженил (евнуха) Спора и вышел замуж за (либерта) Пифагора, я видел его на сцене театра, на оркестре, временами держащего лиру и одетого в свободную тунику и котурны, и ещё облачённого в обувь на толстой подошве и маску. Я видел его (на сцене) в оковах, избиваемого как злодея, беременного ребёнком и даже в муках родов, короче, говорящего, слушающего, испытывающего всё то, что предписано сценой (= лицедействующего).»⁷

Можно ли называть такого человека Цезарем, императором, Августом?! Никогда! Никому не позволено глумиться над этими священными именами и титулами-званиями. Их носили Август и Клавдий (датель части галлов римского гражданства), тогда как этого недостойного малого следует с полным правом величать Фиест, Эдип, Алкмеон, Орест (матерубийцы), ведь это именно их роли он играл на сцене

⁶ Золотая монета с надписью «C. IULI CAESARIS», чеканка к-рой приписывается Виндексу и согласно к-рой, он сам стремился стать Цезарем, квалифицирована в RE 10,1, «*Iulius Vindex*» (S.879-81) – как фальшивая. Безграмотная обрывистая фраза обзорника Авр. Виктора «...проконсул Испании Гальба и Гай Юлий (под к-рым Виндекс – К.З.) захватили власть» («Извлечения» 5,6) также несколько не свидетельствует о стремлении Виндекса к кесарскому венцу.

⁷ Из слов Виндекса, в рамках хронологии, следует, что он побывал в Риме в 65/66гг., когда Нерон, во-первых, с 64г. уже публично кифаредствовал и сценически актёрствовал, успев, напомним, в 64г. выйти замуж за Пифагора, и, во-вторых, во время уже после гибели в июне 65г. Поппеи, вскоре вслед за чем горе-кесарь засожительствовал с похожим на Поппею кастратом Спором, официально оженённым им в Греции в 67г. (см. выше).

и это как раз те имена, к-рых он достоин. Потому встанем наконец против него, придём на помощь самим себе и римлянам, освободим весь мир!» (63,22,1-6).

Зонара (11,13) говорит о недовольстве также британцев, среди к-рых, на сей раз, до восстания не дошло, и галлов, вследствие непосильного бремени налогов, коротко сообщая, что галлы были готовы к выступлению и что Виндекс своей зажигательной речью поднял их.

Т.е. никаким загадочным заговором, дескать, толкнувших Виндекса на мятеж друидов (конспирологическая версия), да и никаким галльским национализмом вообще (гражданским или сакральным) тут не пахнет (пусть даже Виндексово выступление спровоцировало и стимулировало позднейшее, действительно, сепаратистское, в видах совместного противоримского бунта галлов и пограничных германцев, восстание Юлия Цивилиса, к-рый, германец-батав родом, будет любопытно позиционировать себя галло-германцем!).

Напротив, это восстание Виндекса, как и сам Виндекс, демонстрируют степень темпов в процессе романизации Галлии и галлов, особенно их элиты, сродни соседней Испании, с тем, чтобы вскоре интегрально прийти на помощь оскудевающим Риму/Италии и составить их цвет, став полноценными римлянами вплоть до, как сказано, уровня императорской династии Антонинов, тронные репрезентанты к-рой – потомки выходцев из Испании и Галлии. И Юлий Виндекс, предки к-рого, по всему, удостоились римского гражданства ещё при Цезаре или при Августе, действовал как римлянин галльско-аквитанского (царского) происхождения, болея душой против Нерона за Рим. Причём, болея как за его неотъемлемую, в понимании Виндекса, часть – Галлию, так и за весь подчинённый Imperium Romanum земной круг (orbis) = за всю (греко-римскую) Ойкумену в пределах родной Виндексу Римской империи.

То-то он не воспритязал и не думал притязать на верховную власть самолично, взывая к сенату и римскому народу, и обратившись за поддержкой, за солидарностью в деле избавления Рима от общей-всеобщей пагубы под именем «Нерон» к римским наместникам соседних провинций: к С.Сульпицию Гальбе – легату Тарраконской Испании, к Вергинию Руфу и к Фонтею Капитону – легатам обеих Германий.

Дион: «Когда Виндекс произнёс эту речь, все присутствующие с ликованием одобрили её. Но он не стремился к императорскому достоинству, считая достойным одного Сервия Сульпиция Гальбу, к-рый выделялся своим безупречным поведением, воинским опытом и располагал военными силами...» (63,23,1).

Согласно Зонаре (11,13), галлы были приведены Виндексом к присяге верности сенату и римскому народу, и даже больше того, он потребовал от них убить его, если он что-либо предпримет против сената и римского народа, предложив в качестве достойной императорской кандидатуры Сульпиция Гальбу, происходившего из знатного патрицианского рода и бывшего в ту пору легатом Испании.⁸

⁸ У Ювенала читаем:

Правда, Орест никогда не пел на сцене, «Троады»
Не сочинял. За какое из дел, совершённых Нероном
В годы его свирепств, кровавой его тирании,
Больше должны были мстить Вергиний и с Виндексом Гальба?
Что за деяния, что за художества в цезарском роде:
Радость позора от скверного пенья на чужих подмостках,
Данная греками честь – заслужить венки из петрушки!
Пусть же портреты отцов владеют наградами пенью:
Длинную сирму Фиеста, костюм Антигоны иль маску
Для Меланиппы сложи Домиция ты к пьедесталу,
Ну а кифару повесь хоть на мрамор родного колосса. (3,8,220-30)

Засим сомневаться в римлянофильстве Виндекса и инкриминировать ему скрытый галльский сепаратизм-национализм-друидизм нет ни малейшего основания. Иное дело, что именно сепаратизм и местнический национализм увидел в его выступлении и вменил-инкриминировал галлам, выдавая желаемое за действительное, Нерон, к-рого оповестили о случившемся в Неаполе и к-рый сначала, говорим ещё раз, нисколько не уstraшилcя, беспечно полагая, что галлы восстали против Рима (как иудеи) и что его легатам не составит большого труда привести их к покорности (как, повторяем, на 68г., казалось, почти утихомирил иудеев Веспасиан). А вдобавок появляется прельстительная-полезнейшая возможность ограбить мятежную Галлию до нитки, залатать финансовый дефицит и решить вопрос экономического кризиса.

Светоний, сетуя на то, какого горе-правителя в лице Нерона мир терпел почти 14 лет и, наконец, низвергнул, повествует: «Начало этому положила Галлия во главе с Юлием Виндексом, к-рый был тогда пропретором этой провинции....» (Нер. 40,1).

Дальше говорится о сравнительно давнишнем астрологическом предсказании Нерону, что рано или поздно он будет низвергнут, на к-рое он тогда отреагировал своими известными словами: «Прокормимся ремеслишком!», полушутливо-полу-всерьёз разумея, что искусство кифареда (каковым он, по его твёрдому убеждению, овладел в совершенстве) не позволит ему умереть с голоду.⁹ И поэтому сейчас его особенно обидело-оскорбило-возмутило, очень больно задев, то, что Виндекс «обозвал его дряным кифаредом и назвал не Нероном, а Агенобарбом» (41,1), чем уничижительно подчёркивалось его происхождение от Домиция Агенобарба и кровнородословная чуждость юлианско-клавдианскому дому Цезарей.

Притом Светоний уточняет: «О галльском восстании он узнал в Неаполе в тот день, в к-рый когда-то убил свою мать. Отнёсся он к этому спокойно и беспечно: могло даже показаться, что он радовался случаю разграбить богатейшие провинции по праву войны. Он тут же отправился в гимнасий, с увлечением смотрел на состязания борцов; за обедом пришли новые донесения, ещё тревожнее, но он остался холоден и лишь пригрозил, что худо придётся мятежникам. И потом целых восемь дней он не рассылал ни писем, ни приказов, ни предписаний, предав всё дело забвению....» (40,4).

* * *

Стало быть, если мы примем, что Нерон узнал о галльском восстании ок. 22/23.03. (потому что Агриппина была убита в дни посвящённых Минерве Квинкватрий – 19-23.03.59г., и явно не в первый их день), то, значит, ещё до ок. 1.04.

⁹ Любопытно нижеследующее замечание Светония о предсказании (вроде уже после начала галльского восстания Виндекса) Нерону, – «что и низвергнутый он сохранит власть над Востоком – некоторые прямо называли Иерусалимское царство» (40,2). Обратим внимание на присутствующую здесь мешанину из постфактумных пророчеств о властители-спасителе из Иудеи-Палестины, «царству к-рого не будет конца», и о всё ещё ожидаемом иудеями мессии, в псевдотаинственной накладке всего этого на Нерона и на римские реалии. К тому же, тут мееется и косвенное указание на победы Веспасиана в Палестине (67/68гг.) и на неучастие восточных легионов (и римского Востока в целом) в свержении Нерона.

Любопытно также предсказание Нерону в Дельфах (67г.), о чём мы уже беседовали с читателем, оракула дельфийского Аполлона, повелевшего ему бояться (оговорим снова) не столько 73-го, как (ошибочно) полагают (по цепочке) Светоний и др. античные авторы, сколько, как предположили мы, 71-го года (жизни), или 70-летнего возраста, из чего (30-летний) Нерон, согласно Светонию (40,3), сделал утешительный для себя ложный вывод, что он совсем не скоро умрёт, ни в коем разе не подумав о (почтенном) возрасте (старика) Гальбы (к-рый может сменить и сменил его в кесарстве) (см. выше).

кесарь-кифаред, сочтя Виндекса (всего лишь) локальным (без серьёзной угрозы для императорской власти) сепаратистом, ничего не предпринимал, не рассылая ни писем, ни приказов, ни предписаний.

Следовательно, не ранее начала апреля 68г., «возмущённый всё новыми оскорбительными эдиктами Виндекса, он (обиженно надув губы – К.З.) отправил сенату послание, призывая отомстить за него и за отечество, но сам не явился, ссылаясь на болезнь горла...» (41,1).

Дион: «Нерону сообщили о восстании Виндекса, когда он смотрел гимнастические состязания в Неаполе, сразу после завтрака; однако далёкий от того, чтобы проявить какую-нибудь досаду, он спрыгнул со своего сиденья и стал состязаться в мастерстве с каким-то атлетом. Он не поспешил назад в Рим, но просто послал письмо сенату, в к-ром просил извинить его за то, что он не прибыл, оправдываясь воспалённым горлом, и подразумевая, что рад был бы даже в этих обстоятельствах спеть перед ними. И он продолжал уделять ту же заботу и внимание своему голосу, своим песням и своей игре на лире, и не только тогда, но и позже...» (63,26,1/2) (Ехс. Valesianum 257 (p.694).

Согласитесь, в объективе, всё-таки, нечто большее, чем просто отсутствие беспокойства по поводу локального галльского мятежа. Эти странные пассивность и бездействие как составные прогрессирующе неадекватного поведения, неадекватной реакции, это равнодушие Нерона, в любом случае, поразительны! Он внутренне так и не вернулся из Греции, он продолжал оставаться в своей, им придуманной, (в мифологической греко-эллинистическо-ойкуменической) сказке и упорно не желал выходить из неё. Он спёкся и кончился как правитель ещё порядком до того, как загнанный в последний угол, покончил самоубийством. Теперь всякая политика ему досадно мешала-претила, он купался в кифаредстве-песнопевчестве, в спортивно-атлетическом и конеристательно-скачечном состязательстве, не желая больше покидать этот ментально родной ему розовый мир, упиваясь своими иллюзиями и абстракциями, окончательно заслонившими от него реальность, катастрофически лишившими его реального восприятия действительности!

Да и ниже, хотя Светоний приводит слухи о его самых чудовищных, но вполне отвечавших его нраву замыслах в самом начале восстания (43,1)¹⁰, далее говорится, что он от них отказался «не столько из-за стыда, сколько из-за неуверенности в успехе» (2). Так или не так, факт в том, что после возвращения из Греции Нерон никого не репрессировал и ни разу ни на кого не обрушил никаких кар, по крайней мере, информации о таковых в античных источниках нет.

Т.е. впору констатировать его политический обморок или пострепатриально-перманентное полубоморочное состояние, замороженность и путь навстречу собственному концу без какого-либо мало-мальски волевого сопротивления. Плюс к тому, без особого желания сопротивляться течению, уж не говоря о том, чтобы повернуть против него. Иначе говоря, и тиран в Нероне, в этом тиранически-правительски исчерпавшем себя субъекте, кончился-выдохся-задохся. Вернувшись, он не сумел (и не сильно стремился) вписаться во властительскую колею, он потерял её, обронив-утратив в Греции пульт управления. Оставалось лишь доиграть

¹⁰ Светоний: «Всех начальников провинций и войска он хотел убить и сменить как соучастников и единомышленников заговора; всех изгнанников и всех живших в Риме галлов перерезать – одних, чтобы не примкнули к восстанию, других как сообщников и пособников своих земляков; галльские провинции отдать на растерзание войскам; весь сенат извести ядом на пирах; столицу поджечь, а на улицы выпустить диких зверей, чтобы труднее было спастись» (43,1). Нагромождение бредней мальчиша-плохиша, отчасти Нерону, без сомнения, приписанных, и, при всех случаях, ни в коей мере и ни в какой своей части, не осуществлённых и даже не початых.

эндшпиль, к-рый ныне игрался гораздо больше за него, пустившего всё на произвол судьбы, на самотёк, нежели при его участии. Налицо своеобразный политический столбняк, утрата интереса к политике, к властвованию, к властительству!

Отсюда вновь заострим внимание на том, что с этим Нероном (проведшим февраль в триумфальных празднествах и с пребывавшим в марте/апреле в Неаполе) и со всей этой ситуацией первой половины 68г. н.э., начиная с получения кесарем мартовских известий о восстании Виндекса, противохристианские репрессии никак не вяжутся. В этом положении, при этом раскладе, в этой атмосфере постоянно сужающихся горизонтов всё больше скукоживавшемуся Нерону было явно не до (кучки) христиан (и не до почти новопокорённых Веспасианом иудеев), почему, повторим-акцентируем ещё раз, оптимальная дата мученичества Апостолов Петра и Павла в Риме никак не 68-й (– перебор, и не 66-й – недобор), но именно 67г. н.э., что и было нами выше убедительно хронопоказано-хронодоказано.

И не надо обманываться апокрифическим соблазном апокрифистов-абсолютистов сделать непосредственно-присутственным ответственным за казнь первоверховных Апостолов непосредственно-присутственного кесаря Нерона, к-рого *in absentia*, как нам хорошо известно, представляли в Риме временщики-вольноотпущенники-беспредельщики Гелий и Поликлит. Впрочем, это не исключает нероновскую отмашку из Греции в 67г. на локальные римско-противохристианские гонения, между тем как в 68г. в Риме/Италии всякий репрессивный Нерон ещё порядком до своего жалкого июньского конца сошёл на нет.¹¹

Продолжим. По нашему мнению, античные авторы несколько упрощают дело в связи с выступлением Виндекса, вернее, к сожалению, в нашем распоряжении нет анналистического рассказа о событиях, не считая разрозненных эпитомий «Р.и.» Диона от разных авторов, на базе к-рых целостную хронокартину, со всеми подробностями-детальями, воспроизвести трудно.

Вероятно, – подтверждение чему, пусть невнятное и хроноподвопросное, находится-имеется и у Плутарха (Г. 4), и у Светония (Г. 9,2)¹², – Виндекс направил не одно послание наместникам ближайших римских легионизированных провинций. К тому же, поначалу он, взывая к сенату и римскому народу, призывал их выступить вместе с ним против позорника Нерона, не предлагая верховную власть кому-либо персонально, в ожидании ответной реакции.

Кроме того, и в отчей Галлии у Виндекса не всё складывалось гладко. Его подержали вьеннцы, аллоборги, секваны, гедуры, аверны (Тацит «Ист.» 1,6,8; 1,65; 4,17), но не традиционно соперничавшие с ними, любимцами римлян, белги, треверы, лингоны («Ист.» 1,51; 4,69). В дополнение к тому, Лугдуна, где галльский наместник резидировал и должен был, по идее, произнести свою речь, издавна конкурентная горячо присоединившейся к выступлению Вьенне (*Gallia Narbonensis*), предпочла остаться верной Нерону (к-рый ранее оказал лугдунцам щедрую помощь при постигшем их пожарном? бедствии), и потому Виндексу пришлось, покинув город, осадить его.

¹¹ Как Сталин фактически не мог провалиться в 1953г. «дело врачей», встретив, даром что пассивное, сопротивление на всех уровнях (и наверное, от этого получив инсульт), так и (в чём-то похожим образом) Нерон, с его исчерпанным потенциалом, оказался в 68г. не в состоянии кого-либо репрессировать, с кем-либо расправиться, с одной стороны, не находя у подчинённых позитивного отклика на задействование механизма репрессий, а с другой, не будучи более в силах даже энергично настоять на репрессалиях.

¹² Если Плутарх говорит о посланиях Виндекса Гальбе во мн.ч., то у невнятного Светония Гальбу сначала просит о помощи аквитанский легат, после чего приходит «письмо и от Виндекса». Собственно аквитанский легат находился в подчинении у Виндекса – легата Тройственной Галлии, т.е., по-видимому, речь тут в обоих случаях надлежит вести о Виндексе и его разновременных письмах (или о письме, в т.ч., аквитанского легата с ведома Виндекса).

Дальше – больше. Если Гальба сначала не ответил на призыв-воззвание из Галлии, но и не доложил о нём в Рим (что уже, строго говоря, было гос. изменой, или вполне могло быть квалифицировано как гос. измена), то нижнегерманский легат Фонтей Капитон сообщил о случившемся в столицу, взял под стражу нескольких подозрительных лиц (знатных батавов – Юлиа Павла и его брата Юлиа Цивилиса), и фактически отказался поддержать Виндекса, в то время как непосредственно соседний последнему верхнегерманский легат Вергиний Руф – и доложил о произошедшем в Рим, и привёл свои легионы в боевую готовность, по инструкции, для подавления галльского мятежа.

Однако, вместе с тем, вроде бы оба германских легата вели одновременно двойную игру, во всяком случае, вовсе как-то не торопясь громить мятежных галлов. Все они, в той или иной мере, занимали выжидательную позицию, каждый по-разному, с различной степенью осторожности, внутренне полностью согласные с Виндексом в том, что Нерон вышел из всех берегов сверх меры и что его пора убирать, но отнюдь не уверенные в успехе всего рискованного предприятия и задающиеся актуальным вопросом об альтернативе позорнику-тирану.

Виндекс был безусловно благороднее их всех, честно выступив с открытым забралом и честно сформулировав с его стороны бескорыстную первоцель – избавить Рим, Ойкумену и весь род людской от перешедшего все границы дозволенного и недозволенного карикатурного деспота. Ан – в том-то и дело, что на открытое забрало хватило только Виндекса, тогда как Гальба, или Вергиний, к-рого его легионеры самого прочили в кесари (и к-рый к этому, в свою очередь, не стремился – не каждый хочет и может властвовать), или Фонтей лишь чуть приоткрыли свои забрала, после чего – наблюдали, колебались, опасались и выжидали.

Во-первых, возможен ли переворот? стоит ли рисковать? стоит ли игра свеч? не слетит ли голова с плеч? И во-вторых, кто займёт место бездетного Нерона, на к-ром династический т.н. свет и впрямь клином сошёлся, на к-ром Юлии-Клавдии иссякают? Кому достанутся (если не судачить в очередной раз попусту о восстановлении мавзолейной Республики) принципатовские скипетр и держава?

Самому галлу Виндексу кесарство не светило и на трон в Риме он искренне не притязал, не метил. Но в течение марта 68г., исходя из осторожно-настороженной и трусоватой или показательно-показушно враждебной реакции на его выступление соседних римских легатов, у него не осталось сомнений в том, что наиболее подходящей кандидатурой является Гальба, к-рый единственный, как замечено, не донёс на него в Рим, и у к-рого (по Виндексову мнению) больше всех оснований стать принципсом. И в силу знатности, и в силу возраста с опытом, и в силу его достоинств, соответствующих тому, чтобы облечь именем сената и римского народа освобождённый-избавленный от пагубной Нерониады Принципат.

Наряду с тем, колебания римских консулярско-кесарских заместителей понятны. Ведь, если даже отставить угрожающую им смертельную опасность в случае неудачи, свержение Нерона сулило потрясения, масштаба к-рых, правда, не мог тогда предугадать никто. И действительно, таких сейсмических потрясений, к-рые грянут в 68/69гг., когда за полтора года, с июня 68 по декабрь 69гг., погибнут четыре императора – Нерон, Гальба, Отон, Вителлий, двое из к-рых покончат самоубийством (Нерон – вынужденно; Отон – жертвенно-добровольно), а двое (Гальба и Вителлий) будут убиты, Рим не знал вот уже 100-110 лет (Saeculum!). Не знал, не переживал со времени свирепого гражданского противостояния цезарианцев и антицезарианцев-республиканцев – 44/43/42гг. до н.э.; и со времени последующего противостояния – до 31/30гг. – Октавиана и Антония.

Итак, если первые послания Виндекса римским легатам были направлены в первой половине марта 68г., то второе – Гальбе – с фактическим предложением

импературы, точнее, с призывом, по Светонию, — «стать освободителем и вождём рода человеческого» (9,2), или, по Плутарху, — «принять власть и примкнуть к сильному телу, ищущему головы» (4), — ушло в Испанию во второй половине марта 68г. н.э.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГАЛЬБЫ

Тем временем, только где-то в первой декаде апреля Нерон, согласно Светонию, «понуждаемый новыми и новыми вестями, наконец, в трепете пустился в Рим. По дороге его приободрила мелкая примета: на одном памятнике он увидел изображение римского всадника, к-рый тащит за волосы повергнутого галльского воина, и при виде этого подпрыгнул от радости и возблагодарил небо. Но и тогда он не вышел с речью ни к сенату, ни к народу, а созвал во дворец виднейших граждан, держал с ними недолгий совет и потом весь остаток дня показывал им водяные органы нового и необычного вида, объяснял их в подробностях, рассуждал об устройстве и сложности каждого и даже обещал выставить их в театре, если Виндексу будет угодно» (Нер. 41,3).

Это последнее насмешливое, — «если Виндексу будет угодно», переключается с реакцией диктатора Цезаря на не вставшего перед ним нар. трибуна (к-рые имели республиканско-демократическое право не вставать ни перед кем) Понтия Аквилу, у к-рого Цезарь, говорят, в ответ, с ироничной угрозой, спросил: «А не вернуть ли тебе и республику, Аквила, народный трибун?», и впоследствии, подписывая указы или обещая кому-то сделать что-то, часто издевательски присовокуплял: «Если Понтию Авкиле будет благоугодно» (Светоний «Цез.» 78,2).

Вот и Нерон — последний потомственный-наследственный Цезарь (и Август), после к-рого, с концом Юлиев-Клавдиев, имя Цезарь делается, скажем снова, исключительно титулом, по-прежнему, не желая выходить из своей эйфории и демонстрируя своё презрение к галльскому сепаратизму, пока издевался над Виндексом. Хотя, по Диону (63,23,2), он обещал в награду за его голову 10 млн. сестерциев — ровно столько, сколько сенат определил ему в прошлом году (по его же велению) на ежегодные расходы. Виндекс же, узнав об этом, сказал, что готов взамен отдать свою голову тому, кто принесёт ему голову Домиция.

Но практически контрмеры Нерона в первой половине апреля 68г. ограничились смещением обоих консулов, Силия Италика и Галерия Трахала, к-рых он консульски сменил-заместил в одиночку (Свет. «Нер.» 43,2; Плиний Мл. «Панегирик Траяну» 57¹³), соответственно (как уже упоминалось нами выше) пророчеству о возможности завоевания Галлии (лишь) консулом-одиночкой (снова аналогия-параллель с Цезарем), не без лелеяния маниловско-проектных планов о походной мести-возмездии Галлии и галлам и об огромной трофейной добыче.

¹³ Вознося благодарность Траяну в речи, произнесённой им в сенате 1.09.100г. н.э. за своё, длиной в два месяца, суффектно-консульское достоинство, Плиний хвалит Траяна, в частности, за скромный отказ принцепса от, само собой, предложенного ему, Траяну, консульства в начале его принципата и противопоставляет этому нескромность иных принцепсов, к-рые, едва став императорами, присваивали себе консульства, предназначенные другим, плюс упоминает случай Нерона, не называя имя последнего, к-рый — «похитил и вырвал из рук другого почти уже доведённое до конца и им самим данное консульство и притом в конце своего собственного правления». Надо полагать, ординарии 68г. Италик и Трахал должны были консульствовать до 1.05. (с последующей передачей фасций суффектам), чего Нерон не стал дожидаться, забрав-отобрав консульство у Италика и отстранив раньше времени от должности Трахала.

«И уже вступив в (консульскую) должность, уходя однажды с пира, поддерживаемый друзьями, он заявил, что как только они будут в Галлии, он выйдет навстречу войскам безоружный и одними своими слезами склонит мятежников к раскаянию, а на следующий день, веселясь среди общего веселья, споёт победную песнь, к-рую должен сочинить заранее» (Свет. «Нер.» 43,2). Почти, как Наполеон, к-рый во время «100 дней», бежав с Эльбы, высадившись на юге Франции (Галлия!) и продвигаясь к Парижу, вышел навстречу посланным разгромить его войскам один, без оружия, в своём старом сером походном сюртуке, и спросил у солдат: «Кто из вас будет стрелять в своего императора?», в результате чего солдаты (наполеоновские ветераны) с ликованием перешли на его сторону.

Согласно Диону (63,26,3), Нерон не изменил привычный образ жизни, в роскоши, пирах и утехах, и, кроме того, не забыл освятить святилище, посвящённое Поппее Сабине, с надписью на нём: «Божественной Сабине – Венере – от жён». Храм был сооружён на деньги, вытребованные (под видом добровольных пожертвований) у (обворованных) римлянок, сообразно чему, упоминание «жён» смотрелось вполне уместно.

И лишь когда в Рим, видимо, где-то ок. середины или во второй половине апреля 68г., ворвалось известие о том, что отложился Гальба, у Нерона впервые подогнулись колени, ибо теперь он, по-настоящему, испугался. Гальба был знатным римлянином и воинство Гальбы (пусть поначалу всего один легион) было римским. Дело перестало выглядеть как локальный галльский мятеж-сепаратизм и приняло серьёзный оборот, означая начало гражданского противоборства, гражданской войны. И это противоборство стремительно терявшему популярность Нерону, сумевшему-успевшему настроить против себя римскую знать и неуголному большей части плебса (ведь Нерон скомпрометировал себя пожаром Рима и долгим отсутствием, обусловившим продовольственные и зрелищные перебои), не сулило ему ничего утешительного.

А главное, он сам не мог, не был (после Греции) в силах организовать и эффективно-энергично сопротивляться-противодействовать. Собрать волю в кулак – едва ли не основное достоинство римлянина (и непреложное качество политика), было сейчас, более чем когда-либо, не для него, кто даже не заметил, как из (и без того не ахти какого) кесаря полностью превратился в кифареда, певца, актёра, возницу. Ни дать, ни взять – Фаэтон с кифарой, к-рому огненная колесница и вожжи Гелиоса никак не по плечу! Карикатура на Гелиоса, Аполлона, Диониса, Орфея!

Напоминаем, воспитанный родственной Ливии мачехой Ливией Оцеллиной (и потому с детства близкий ко двору) Гальба облакал претуру в 30г., был легатом Аквитании в 31/32г., ординарно консульствовал в памятном 33г., когда Тиберий, по слухам, прочёл в звёздах, с помощью Фрасилла, его грядущую империю и угрюмо в гальбанский адрес буркнул: «Пусть живёт, коли нас это не касается». В 39г. – сменил казнённого Калигулой Гетулика в Верхней Германии, к-рой управлял строго-сурово-скаречно. В 41г., при убийстве Калигулы, рассматривался как кандидат в принцепсы, от чего отказался, и за что был в почёте у Клавдия, сопровождая его в британском походе 43г.; в 45 – 47г. образцово управлял Африкой. В 60/61г. Нерон назначил Гальбу в Тарраконскую Испанию, где последний, по Светонию, сначала правя сурово, «постепенно впал в бездеятельность и праздность, так как не хотел давать Нерону никаких поводов и так как, по его словам, никого нельзя заставить отчитываться в бездействии» (Г. 9,1).

По Тациту, он «уже стариком заставил Тарраконскую Испанию уважать законы Рима» (Ист. 1,49); по Плутарху, – сочувствовал провинции и провинциалам, к-рых безжалостно грабили, добывая средства для расточительного кесаря (и не забывая себя), нероновские финансовые прокураторы, ничего не могучи поделаться, но «давая

понять, что разделяет горе и обиды жителей» (Г. 4), чем стяжал популярность среди них, не препятствуя также сочинению-распространению язвительных стихков против Нерона. И так продолжалось до времени, когда Гальба на 8-м году своего наместничества (Плутарх), у Светония – 8 лет (9,1), получил первое послание-воззвание от восставшего Виндекса.

И если о первом послании в марте 68г. он не доложил в Рим (что, повторим, уже являлось минимум актом нелояльности), то на второе, в к-ром Виндекс открыто предложил ему возглавить 100 тыс. вооружённых галлов (гипербола Плутарха) под его, Виндекса, началом, решил положительно откликнуться. И откликнулся, по всей вероятности, в первой декаде апреля 68г.¹⁴

По Светонию, – сделано это было тарраконским легатом, правившим суд в Новом Карфагене (Картахена), куда и пришло Виндексово воззвание-предложение к нему – «освободить и возглавить род человеческий», на что последовало согласие Гальбы, «побуждаемого отчасти страхом, отчасти надеждою» (Г. 9,2), после недолгого колебания. «С одной стороны, он уже перехватил приказ Нерона о своей казни, посланный прокураторам, с другой, ему внушали бодрость благоприятные гаданья и знаменья...» (Г. 9,2).

Согласно Плутарху, Гальба, кто, дополним из Авр. Виктора, «узнал о приказе его умертвить» («О Цезарях» 5,15), созвал друзей на совет-консилиум, где некоторые предлагали повременить, но Тит Виний – легат Гальбы, его фаворит и ближайший советник, циничный, алчный и авантюрный, – «недолго думая, вскричал: «Какие ещё тут совещания, Гальба! Ведь размышляя, сохранить ли нам верность Нерону, мы уже ему не верны! А если Нерон нам отныне враг, нельзя упускать дружбу Виндекса. Или же, в противном случае, следует немедленно выступить против него с обвинением и военной силой, за то что он хочет избавить римлян от тирании Нерона и дать им в правители тебя» (Г. 4).

Эпитоматоры Диона – Ксифилин (183,3-9), Зонара (11,13) и (византийский хронист VIIв.) Иоанн Антиохийский (фрагм. 91) – говорят о предложении Виндекса Гальбе, вернее, о выдвижении Виндексом в кесари (не себя, а) Гальбы, но обзорно-коротко, не вдаваясь в подробности о посланиях и событиях, тем паче, не вникая в детали не реконструирующейся или плохо реконструирующейся, по их сжатым суммарным выдержкам, событийной последовательности.

Тайный приказ об убийстве Гальбы (перехваченный им), если таковой имел место быть, к-рый, при всех случаях, не был исполнен, мог быть послан прокураторам (в Испании) после того как Гальба не доложил в Рим о первом воззвании Виндекса, о к-ром (предусмотрительно-хитро) доложили германские легаты – Вергиний Руф и Фонтей Капитон. Т.е. отступать Гальбе (недонесение к-рого подпало под статью – гос. измена) было некуда. Т.Виний не ошибался и, значит, риск (хотя бы уже за неимением выбора) оправдывал себя.

При этом, Светоний говорит, что на момент выступления в распоряжении Гальбы был всего один легион, два конных отряда и три когорты, тогда как по Диону (от Ксифилина), он имел богатый военный опыт и, наместничая в Испании, командовал значительными воинскими силами. Обычно в Тарраконской Испании, окружённой демилитаризованными-нелегионизированными провинциями – (сенатской)

¹⁴ Следуя выводу, к-рый предлагается по «Fasti Romani» (1,50; 54) и по анонимной «Византийской хронике» (Holsapfel 1,489; 491), – 3.04.68г. Этот вывод косвенно подкрепляет также Дион (63,6,5) в выдержках Ксифилина (189,14-17) и Зонары (11,14), согласно к-рым, Гальба правил-кесарствовал, мол, всего-итого, 9 месяцев и 13 дней, к-рые можно наскрести, если (произвольно считать-суммировать гальбанское властвование с 3.04.68 по 15.01.69г. Моммзен («Der letzte Kampf» 338) датирует выступление Гальбы приблизительно днём 6.04.

Баэтикой, (кесарской) Лузитанией, (сенатской) Галлией (Нарбоннской и Тройственной) — стационарировались 2 или 3 легиона. Но свидетельство о первоначально всего одном гальбанском легионе подтверждает и Тацит, точнее, сам Гальба у Тацита в речи по поводу усыновления им, Гальбой, Пизона Фруги Лициниана 10.01.69г. (Ист. 1,16).

Так что информация о первоначально одном легионе (VI — *Victrix* — Победоносный) (Ист. 5,16), вдобавок к к-рому гальбанцы приступили к спешному формированию как второго легиона (VII-й) (Ист. 2,11), так и новых вспомогательных когорт из местного населения (в «Ист.» 4,33 Тацит говорит про когорты васконов, набранных Гальбой), — однозначно верна. И этот один легион (с когортами, конницей и отрядом телохранителей, набранных Гальбой из молодых всадников) подтверждает степень риска, учитывая также явное преувеличение Виндекса (или источника Плутарха) насчёт 100 тыс. галлов (к-рых, помимо того, по боеспособности, с легионерами не сравнить).

Плюс, скорей всего, Гальба письменно сносился с Вергинием Руфом (о ком у Тацита сказано, что он «не сразу встал на сторону Гальбы») («Ист.» 1,8) и Фонтеем Капитоном, к-рые почему-то очень подозрительно медлили с выступлением против Виндекса, и, м.б., подставляя последнего (мол, поглядим, как всё пойдёт), теперь решили выжидательно подставить ещё и Гальбу.

Ведь Гальбе шёл 70-й отроду год, и все, пожалуй, за исключением наивного Виндекса, с его честным стремлением непременно-бескомпромиссно избавить Рим, галлов и человечество от злыдня Нерона, понимали, что на кону смена династии, что бездетный Гальба, знатнейший и опытнейший из них, из всей элиты, даже в случае успеха переворота, в качестве императора — фигура краткосрочная-промежуточная, что долго ему не кесарствовать, и что крайне важен вопрос его преемника, важно урегулирование вопроса наследника, более того, — династической наследственности-преемственности в целом.

Между тем, сам Гальба, освободив нероновских заключённых и отбывавших ссылку в Испании римских сенаторов, как это ранее сделал Виндекс в Галлии, выступил на сходке с обвинениями против Нерона в его многочисленных преступлениях и горько оплакал его жертв. Однако он отклонил предложенное ему кесарство, (осторожно) объявил себя (чтобы не выглядеть ни узурпатором, ни монархистом) «легатом сената и римского народа» (любимое прикрытие римских заговорщиков) и (как бы не войдя в вызывающе открытый союз с галлом Виндексом) утвердил нечто вроде своего временного (римского) сената (*instar senatus*) (Плутарх «Г.» 4/5; Свет. «Г.» 9/10).

В ответ Нерон, сокрушённый известием об этом, но даже в подобной ситуации помня о своей крайней нужде в средствах, тотчас велел продать италийские имения объявленного врагом государства Гальбы с торгов. А Гальба, в свою очередь, отреагировал на это объявлением «о продаже всех владений Нерона в Испании и легко нашёл многочисленных покупателей» (Плутарх 5).

* * *

Светоний: «Когда же он (Нерон) узнал, что и Гальба с Испанией отложился от него, он рухнул и в душевном изнеможении долго лежал как мёртвый, не говоря ни слова; а когда опомнился, то, разодрав платье, колотя себя по голове, громко вскричал, что всё уже кончено. Старая кормилица утешала его, напоминая, что и с другими правителями такое бывало; но он отвечал, что его судьба небывалая и неслыханная: при жизни он теряет императорскую власть. Тем не менее от

обычной своей распушенности и праздности он нимало не отказался: более того, когда из провинции пришли какие-то хорошие вести, он на роскошном пиру пропел игриво сложенные песенки про вождей восстания, сопровождая их телодвижениями, и их тотчас подхватили повсюду. А когда он потихоньку явился в театр на представление, где большой успех имел один актёр, он послал сказать актёру: «Ты пользуешься тем, что император занят» (42,1/2).

Т.е. он понял всю серьёзность угрозы и положения в связи с выступлением Гальбы, но опять не захотел или, скорее, уже не мог, не смог (даже если бы захотел) выйти из того, скажем так, обезоруженного состояния, из той эйфории, из того приворота, в к-рые его вовлекла-ввергла греческая эпопея, или, правильнее будет сказать, Неронову впадению в к-рые она содействовала. Поскольку, не будь он к этому предрасположен и внутренне, не будь он к этому, независимо от себя, готов, не отдайся он этому всем своим существом, этого не произошло бы. Приехав в Грецию, он сделался в ней замороженным странником, к-рый больше не сумел и не захотел стать, по возвращении в Рим, репатриантом размороженным. Вспомним и сравним очарованного и разочарованного странника Иисуса с замороженным и размороженным странником Нероном! (Д.И. 725-904-938)

Он и вправду первым из кесарей «терял при жизни императорскую власть»¹⁵, за чем сам в качестве пассивного зрителя наблюдал, причём эта ползучая *потеря* шла не из Рима, но, неподконтрольно ему — извне. А старая кормилица, к-рая его утешала, возможно (хотя у него была не одна кормилица), являлась матерью его молочного брата Цецины Туска, к-рого он сделал префектом Египта (63 — 66г.) и к-рого, прибывшего к нему в Грецию, сослал за то, что Туск посмел искупаться в Александрии в термах, сооружённых специально для готовившегося посетить (вожделенный для него не меньше, чем Эллада) Египет Нерона. (Не отпочковались ли семивратные греческие Фивы от Фив стовратных — египетских!)

По всей вероятности, ранее он медлил с приказом рейнским войскам, не считая их надёжными и не очень доверяя германским легатам, или получив донесения об их тайном сочувствии Виндексу? о желании-готовности легионеров Вергиния провозгласить императором своего любимого командира? войти в сговор с Гальбой?

Кроме, в общей сложности, 7-и ниже- и верхнегерманских легионов, и двух (второй — наспех формируемый-сформированный гальбанцами) тарраконско-испанских легионов Гальбы, 3 легиона стационарировались в Британии, 4 — в Сирии, 3 — под командой Веспасиана — в Палестине, 2 — в Египте, 1 или 2 — в Далмации, 1/2 — в Паннонии, 2 — в Мезии, 1 — в Африке. И это, если принять, что на 68г. Римская империя имела итого минимум 25/26 легионов, что не факт, так как легионов, учитывая двойные номера, надо думать, было не менее 27/28-и.

Однако, на к-рые из них и на легатов к-рых из них Нерон мог положиться, он не знал, не ведал, не доверяя толком никому, более того, не обладая, как сказано, противодейственной энергией, и необратимо, день за днём, выпуская инициативную власть из рук. Да и для подхода части иллирийских или, тем паче, восточных легионов, буде легаты оных не ослушаются (уверенности в чём нет), для их за-действования против Галлии и Испании, требовалось время. И пусть, согласно Тациту (Ист. 1,9), легионы из Иллирии, видимо, один из Далмации и один из Паннонии, всё-таки, в Италию, с опозданием, подошли-пришли, их подход ситуацию в целом в пользу Нерона не изменил. Да и стали бы ли они за него воевать?

¹⁵ И действительно, если считать «кесарей-императоров» с Цезаря и Августа, плюс Тиберий, Калигула, Клавдий, то ни один из них не (по)терял «императорскую власть» при жизни, во всяком случае, так, как её постепенно терял — с марта/апреля по (смертный для него) июнь 68г. — Нерон.

Или, например, легат Африки, коррумпированный Клодий Макр, тогда, либо чуть позже, уклонился как от оказания помощи Нерону, так и от поддержки Гальбы, начав набирать в Африке второй легион и заняв выжидательную позицию. И его, и также ведшего себя неоднозначно Фонтя Капитона Гальба прикажет позднее убить (Тацит «Ист.» 1,7), тогда как Нерон ныне отправил к Макру сопровождавшую его в Грецию (родственную Клодию) Кальвию Криспиниллу. Но она отпала от своего императора и, наоборот, подстрекала Макра задерживать поставки в Рим хлеба как ещё при Нероне, так и затем при Гальбе (Ист. 1,73).

Зато Гальбу горячо поддержал легат соседней Тарраконе Лузитании Сальвий Отон, некогда друг и наперсник Нерона, кто отбил у него жену Сабину, сослав друга в 58г. наместничать в Лузитанию, к-рая затаившим обиду и до поры не высывавшимся Отонем управлялась примерно. Теперь 36-летний Отон с удовольствием первым примкнул к Гальбе, и хотя под его началом не было легионов, он понадеялся, что бездетный 70-летний старец Гальба именно его усыновит и тем самым проложит ему дорогу к Принципату. Аппетиты растут в ходе еды. Чем чёрт не шутит!

Касаемо третьей испанской провинции – пригибралтарской сенатской Баэтики, мы помним, что в 67г. находившийся в Испании Аполлоний Тианский, провидя скорое будущее, загадочно наказал (если, конечно, это не вымысел Флавия Филострата, что вряд ли) тамошнему наместнику (имя к-рого неизвестно) – «быть благоразумным и помнить о Виндексе» (5,10) (см. выше).

Между тем, согласно Тациту, Гальба был поддержан квестором Баэтики Алиеном Цециной (конс.-суф. 69г.), к-рый – «сразу же перешёл на сторону Гальбы» (Ист. 1,53). Но Баэтика управлялась сенатским проконсулом преторского ранга с приданным ему в помощники квестором *provincialis*, ведавшим преимущественно провинциальными финансами. Т.е., поскольку у Тацита ни слова о наместнике-проконсуле, вероятно, на весну 68г. такового в Баэтике, умершего ли в должности? (по какой-то причине) не было и его обязанности временно исполнял-выполнял квестор (ведь случись у проконсула с квестором конфликт по вопросу – Нерон или Гальба? об этом Тацит не умолчал бы).

Далее, по всему, где-то во второй половине, или в конце апреля 68г., или уже в мае, Вергиний Руф, наконец, (получив ли прямой кесарский приказ?) походно выступил против Виндекса, присоединив к своим легионам вексилляции из нижнегерманских легионов Фонтя Капитона, вспомогательную кавалерию батавов и пехоту белгов (Тацит Ист. 4,17). Либо Вергиний (вроде бы поддержанный Фонтеем) выступил против Виндекса, выступив как бы против гальского сепаратизма, чтобы не выступить непосредственно против Гальбы? Или он выступил, делая вид, что собирается воевать, на самом деле намереваясь договариваться?

В реальности ситуация-картина неясна-туманна. И даром что Вергиний был позднее прославлен (отчасти прославив себя сам) как добровольный отказник от власти, мол, вверенной-возвращённой им отечеству, его позицию в 68г., все его колебания в дни, когда его легионеры (ну уж) очень хотели видеть именно его кесарем, чего они не скрывали, свысока и враждебно взирая на инициативность сделавшего ставку на Гальбу (всего лишь) галла Виндекса (и на его всего лишь галлов, к-рые-де зарвались), в точности воспроизвести сложно.

В то же время, Нерон попытался объявить, согласно забытым римлянами старореспубликанским лекалам, армейский набор в городе по трибам, на к-рый никто не явился. Тогда он приступил к набору одного т.н. Флотского (или Вспомогательного) легиона из моряков Мизенского флота, и отдал приказ как о возвращении с дороги на вербованного им в Германии, Британии, Иллирии и находившегося в пути воинства для похода в Кавказскую Албанию, к воротам Чора, так и

воинства, ожидавшего его прибытия в Александрии для похода к истокам Нила — в Эфиопию (Ист. 1,6) (см. выше). Впрочем, вряд ли последние успели прибыть в Рим/Италию до его самоубийства? Или какие-то части, всё-таки, успели? Сбитых же в легион моряков Гальба в дальнейшем расформирует, разгонит конницей и подвергнет децимации (казнь каждого десятого) за требование приравнять их, морских пехотинцев, к льготным легионерам, с (по всей форме) орлами и значками (Свет. «Г.» 12,2; Плутарх «Г.» 15).

Светоний: «Готовясь к походу, он (Нерон) прежде всего позаботился собрать телеги для театральной утвари, а наложниц, сопровождавших его, остричь по-мужски и вооружить секирами и щитами, как амазонок. Потом он объявил воинский набор по городским трибам, но никто годный к службе не явился: тогда он потребовал от хозяев известное число рабов и отобрал из челяди каждого только самых лучших, не исключая даже управляющих и писцов. Всем сословиям приказал он пожертвовать часть своего состояния, а съёмщикам частных домов и комнат — немедленно принести годовую плату за жильё в императорскую казну. С великой разборчивостью и строгостью он требовал, чтобы монеты были неистёртые, серебро переплавленное, золото пробованное; и многие даже открыто отказывались от всяких приношений, в один голос предлагая ему лучше взыскать с доносчиков выданные им награды...» (44,1/2).

Опять театральщина и беспомощность, опять суетные шутовские квазиприятия-мероприятия, опять неадекватное поведение и неадекватное отношение к действительности, элементарная неспособность трезво оценить, что происходит вокруг и как себя вести? что делать? опять неумение-неспособность тронного эсмажора сколько-нибудь путно совладать с форс-мажором. Власть ускользала от Нерона, как песок уходит сквозь пальцы, а он не мог ничего этому — сколько-нибудь разумно, сколько-нибудь по-деловому — противопоставить. И даже те, кто были ему всё ещё привержены-верны, сейчас думали, как дистанцироваться от него, — от того, кто уверенно движется, сам того не замечая, навстречу собственной гибели, и может утянуть за собой, как утопающий, всех, кто рядом.

А Гальба, пока Вергиний двигался навстречу Виндексу (с к-рым, как с галлом, подвопросный для части римлян *мятеж* к-рого следовало превратить в гражданское противоборство, Гальбе всё же не хотелось смыкаться слишком открыто-декларативно), энергично совещался со своим временным сенатом, набирал добровольцев для новоформируемого воинства и разослал эдикты по провинциям, — «призывая всех и каждого присоединиться к нему (к Гальбе — к радетелю за справедливость против зла) и кто как может помогать общему делу» (Свет. «Г.» 10,3).

Видвигенец староримской знати против нероновского беспредела, он, чьё незапятнанное (или малозапятнанное) имя объединило многих противонероновцев, был куда более чтим, уважаем, почитаем, покуда шёл к власти, нежели, когда взял власть и простоял у руля всего 7 месяцев. Об этом пишут и Тацит, к-рый мрачно замечает, что «путь к Гальбы к Риму» (Ист. 1,6), уже после самоубийства Нерона, растянувшийся с лета до осени, «был долог и кровав», и Светоний: «...любили и уважали его больше, когда он принимал власть, чем когда стоял у власти» (Г. 14,1). Тацит: «Когда он был частным лицом, все считали его достойным большего и полагали, что он способен быть императором, пока он им не сделался» (Ист. 1,49).

В пору кесарства над ним, по Тациту, «немошным стариком» (старость к-рого даст о себе знать почти сразу по его приходе к власти), полную власть возьмут три одиозных персонажа. Ближайший гальбанский советник Т.Виний («отвратительнейший из смертных»), к-рого распутник Калигула посадил в своё время в тюрьму за святотатственный разврат (совокупление с женой Кальвизия Сабина, под началом к-рого Винию довелось в Паннонии служить, перед палаткой полководца, в

лагере, куда доступ женщинам строго возбранялся) (см. выше). Помимо Виния, огромное влияние на Гальбу будет иметь назначенный им префектом преторианцев – «ничтожнейший» (Ист. 1,6) Корнелий Лакон. И ещё – гальбанский вольноотпущенник (равно – любовник) Икел, к-рый, после гибели Нерона, за 7 дней проделает путь из Рима до Испании, чтобы принести эту радостнейшую весть своему заочно увенчанному импературой патрону (Плутарх 7).

Дело в том, что ещё идя более трёх месяцев к Риму, следом за июньской гибелью Нерона, и потом в Риме Гальба проявит лютую жестокость в вопросе как массовых, так и персональных, часто излишне перестраховочных, расправ, чего, т.е. кровавжадности, раньше за ним, остававшимся большую часть жизни в тени, как будто не замечалось, или что раньше не столь вызывающе проявлялось. Плюс к тому, его, известного богача, бережливость и скаредность, ранее ставившиеся ему, при сравнении с чудовищной расточительностью Нерона, в заслугу, по его приходе к власти, сделаются за несколько месяцев донявшим всех пороком «скупого рыцаря». Сходно пороками сделаются его суровость и строгость.

Мало того, даже его 70-летняя старость, сначала трактовавшаяся как солидность и позитив, станет за 7 месяцев его скупердяйского и жестокого правления отвратительна римлянам в сравнении с 30-летней молодостью Нерона. Первоначально все ожидали от старика, устав от порочных безумств молодости, внушительной правительской мудрости, к-рой в этом чёртовом старике, увы, не обнаружилось, не оказалось.

И когда Отон, оскорблённый усыновлением Гальбой (бывшего годом моложе Нерона) Пизона Фруги Лициниана вместо себя, пустит в ход заговор против старого хрыча-кесаря, кто, наоборот, утратив всякую чуйку, сочтёт, что с Пизоновым усыновлением все проблемы решены, Рим к свержению успешшего растерять всю свою (противонероновскую, на к-рой долго продержаться было нельзя) популярность Гальбы будет уже внутренне вполне готов.¹⁶

ГИБЕЛЬ ВИНДЕКСА

Симптоматично следующее: в 68г. против Нерона выступил именно живо романизируемый-романизирующийся Запад *Imperium Romanum* (более задетый вызывающим Нероновым эллинизмом-ориентализмом, что и озвучил Виндекс, чем даже Рим), но никак не эллинистический Восток (к-рый, с его древней и глубокой, пусть декадентной, культурой, Рим не романизировал, не собирался романизировать, и где окцидентальная романизация пройти, вернее, возыметь какой-либо решающий успех, не будучи в силах пробиться сквозь древние ориентальные, равно сквозь наложившиеся на них позднейшие эллинистические, толщи-пласты никак не могла).

¹⁶ Усыновитель Пизона Фруги Лициниана в ранге своего преемника за 5 дней до их совместной гибели, сам старец Гальба был интервальной-промежуточной фигурой (сходство с предпоследним годичным советским генсеком К.Черненко, кто – последний верховный репрезентант вымирающей сталинской генерации, уже на момент своего прихода к власти, после смерти Ю.Андропова, пребывал, и по состоянию здоровья, и по возрасту, как в брежневско-маразматическом, так в переходном возрасте-состоянии с этого света на тот). Но, с др. стороны, именно он, Гальба, как бы заведомо инаугурировал усыновлением Пизона (просуществовавший в январе 69г. всего 5 дней) *адоптивный* Принципат (Ист. 1,16), к-рый станет государственной нормой («Золотого века») при усыновителях и усыновленцах Антонинах (от Нервы до Марка Аврелия). И этим самым Гальбе тоже выпало опередить своё время, как Нерон, предваритель «греческого возрождения» Адриана, в определённом смысле (хоть и карикатурно, сродни Гальбе), опередил время своё.

И это понятно, если знать о степени гипертрофированной приверженности Нерона эллинизму-ориентализму, о близости ему духа Эллады и Востока (Греция и Египет!), наконец, о его громком похвальном имидже на Востоке – от Греции и аж до (благодарных ему за воцарение в Армении Аршакидов) парфян. Да и Лже-Нероны в перспективе не случайно появлялись все на Востоке, к востоку от Италии (Греция и М.Азия), и ни один на Западе, где именно наиболее, как говорено, романизированные галлы и испанцы (романский резервуар исыскающего-космополитизирующегося Рима!) поднялись за дело романского Запада! Так Нерон, акцентируем снова, своеобразно бежал впереди паровоза, как бы пытаясь обогнать Адриана с Юлианом, и несвоевременно перегнув палку.¹⁷

Пока же, когда Гальба, отрезав себе пути к отступлению, энергично заорудовал в Испании (в противовес словно разбитому пустой суетой *недеяния* Нерону в Риме), войнство Вергиния неторопливо осадило Везонтион (будущий Безансон), тогда как Виндекс, крайне не имея в виду воевать против него, подошёл, чтобы, вступив в переговоры, полюбовно договориться с Вергинием (за Гальбу), и разбил свой лагерь неподалёку от римского. Здесь он и Вергиний обменялись посольствами (что уже было для Вергиния гос. изменой!) и встретились с глазу на глаз, предположительно, заключив союз против Нерона.

Впрочем, представим слово Диону в выдержках Ксифилина (183,12-25): «Руф, наместник Германии, выступил на войну с Виндексом; но когда он достиг Везонтиона, то осадил город под предлогом, что его туда не впустили. Однако Виндекс пришёл на помощь городу и расположился лагерем неподалёку. Они обменялись несколькими посланиями и, наконец, встретились без посторонних, придя во время встречи, как полагают, к взаимному соглашению против Нерона. После этого Виндекс двинулся с войсками очевидно, чтобы занять город. Но легионеры Руфа, увидев это приближение, решили, что галлы идут против них, в связи с чем без приказа, по собственному почину, набросились на мнимого врага, к-рого, пришедшего в замешательство, застигли врасплох и убили многих. А Виндекс, увидев всё это, пришёл в такое отчаяние, что покончил с собой» (63,24,1-4).

У Зонары (также эпитоматора Диона): «...Виндекс покончил с собой, охваченный чрезмерным отчаянием, из-за гибели своих воинов, и раздосадованный на Судьбу, поскольку не добился поставленной перед собой великой цели – свергнуть Нерона и освободить римлян» (11,13).¹⁸

¹⁷ Если сегрегарная партикуляристская Иудея, если иудейская автономия в Палестине успела в течение IV н.э. стать (с позиции мировой державы) раковой опухолью на теле прогрессирующе интегрального Рима, стать большим членом тела, подлежащим ампутации, то городские галлы и испанцы понемногу становились более романцами-римлянами, чем сами (в большей-худшей мере подпавшие эллинизации и ориентализации) римляне, и пытались защитить *Imperium Romanum* от избыточного эллинизма и ориентализма, от излишнего глобализма, космополитизма, мультикультурализма, пытались уберечь римский стержень, предлагая в качестве хранителей-держателей этого стержня себя. Таким, в частности, образом постепенно эволюционировало новозапущенное при Августе, в эпоху принципатовской Империи, разделение Запада и Востока, к-рые некогда, наоборот, свёл-сомкнул (и силился слить-сплавить воедино) Александр Великий.

И процесс этого запущенного ещё Августом развода-разделения завершился, перейдя из языческой в христианскую эпоху, из Древнего мира в Ср. века, лишь с VIII-м Вселенским собором 869г. (отмена трихотомии в пользу дихотомии) и с вытекающим из него окончательным разрывом между католическим Западом и православной Византией в 1054г.

¹⁸ Согласно весьма поверхностному хронисту VIIв. Иоанну Антиохийскому (фргм. 91), Руф, к-рого Иоанн кличет Галлом (наверняка путая его со снаряжённым Нероном против Гальбы Рубрием Галлом) (см. ниже), будто бы договорился с Виндексом о том, что, дескать, он, Руф, будет управлять Галлией (!), Виндекс – Испанией (!), а Гальба – Италией и прочими римскими провинциями.

Не совсем так у (современника событий, но не историка) Плутарха, согласно к-рому, — «войска Вергиния и Виндекса чуть ли не силою заставили своих полководцев — точно колесничих, к-рые уже не могут удержать вожжи — решиться на битву и сошлись в жестокой сече...» (Г. 6).

Случилось ли столкновение, действительно, только по подозрительному недоумению? или по инициативе войск вопреки полководцам? или по инициативе только римского войска? — большие вопросы. При всех случаях, если, согласно Диону (63,25,1) от Ксифилина (183,25-184), Вергиний был очень опечален гибелью Виндекса, сам снова и снова отказываясь от предлагаемого ему солдатами императорского титула, то по Тациту (Ист. 4,17), получается, что виндексовских эдуев (гедуров) и авернов атаковали отнюдь не столько римляне, сколько батавская кавалерия и белги, т.е. вспомогательные части в составе армии Вергиния. Опрочь них, под знамёнами Вергиния воевали и треверы с лингонами.

Итого, в результате сражения, погибло 20 тыс. (похоже) не ожидавших нападения галлов (Плутарх «Г.» 6), марш к-рых был, по любому, мягко говоря, не очень приятен ни римлянам, ни соперничавшим с южными галлами галлам северным. Римлянам, римским вергинианским легионерам претило, что галлы на равных с ними притязают на решение судеб Рима, мало того, поддерживают старпера Гальбу (отличившегося излишними суровостью и скупостью, когда он в 39 — 41гг. командовал германскими легионами), в то, дескать, время, когда есть более достойный кандидат — их командир — Вергиний. Относительно же лингонов и треверов, они просто обрадовались возможности свести счёты с более привилегированными гедурами, авернами, секванами, аллоборгами.

И ясно, какой горечью всё это переполнило честного, открытого, искреннего галльско-римского патриота Виндекса (чьё имя означает — *Заступник*), к-рому было за державу обидно, и к-рый ошибся как насчёт меры римско-галльского единения-единства-общности-целостности, так и в надеждах на междусобойную солидарность галлов. Засим он, видя гибель (в основном от рук кельтизированных-романизированных германцев и родственных галльских племён, под насмешки римских легионеров) откликнувшихся на его призыв и пошедших за ним соотечественников, в глубочайшей горечи и скорби, наложил на себя руки.

Причём стоит ещё раз заострить внимание на непроницаемой позиции Вергиния, к-рый, повторим с Дионом и Ксифилином, — «оплакивал смерть Виндекса, но отказался принять звание императора, хотя его воины часто требовали от него этого, и он легко мог этого достичь. Ведь он был энергичным человеком и располагал большими и хорошо обученными военными силами, а его воины сбросили и разбили изображения Нерона, называя своего командира Цезарем и Августом.¹⁹ Когда он не согласился на это, один из воинов быстро написал эти слова на знамёнах. Он велел стереть их, не без труда призвал подчинённых к порядку и убедил передать решение вопроса о престоле сенату и римскому народу. Трудно сказать, было ли это оттого, что он считал неправильным вручение верховной власти кому-либо солдатами, ибо им было объявлено, что се есть полномочия сената и народа, или он являлся благородным мужем, к-рый не предназначал себя в императоры, в отличие от других, готовых для этого на всё, что угодно» (63,25,1/2).

Так или иначе, Плиний Мл. приводит цитированную нами выше автоэпитафию умершего аж при Траяне, в 97г., Руфа, сообразно к-рой, Руф «Виндекса в битве осилил», но «не взял власть себе», а «родине отдал её» (6,10; 9,19). Т.е., судя по этим словам, в конце жизни Вергиний, всё-таки, толковал сражение с Виндексом

¹⁹ Не будет ошибкой предположить зуб германских легионов на Нерона и за казнь в 67г. отозванных-вызванных им в Грецию братьев Сульпициев Скрибониев (к-рые стяжали уважение легионеров, правя Верхней и Нижней Германией).

(по недоразумению), как осиление Виндекса и, надо понимать, галльского сепаратизма, чего вроде бы не было или почти не было в 68г., когда Виндекс был Вергинием Руфом оплакан.

И дальше Вергиний поддержит Гальбу, в ответ на обращение к нему последнего, но поддержит, тем не менее, сдержанно-двусмысленно, вплоть до официального решения сената о вручении импературы Гальбе 8.06.68г. (Дион 63,29,6; Зонара 11,14). Неспроста Гальба, став императором, откажет ему в наместническом доверии за не сразу, за не всемерно оказанную половинчатую поддержку, и лишит его, сдержанно-приветственно двинувшегося навстречу Гальбе в дороге того на Рим (Ист. 1,8; Плутарх «Г.» 10; Дион 63,29,5), поста легата (назначив вместо него престарелого подагрика Гордеония Флакка – конс.-суф. 47г.?) наместником легионизированной Верхней Германии, легионы к-рой продолжали лелеять надежду на получение согласия от Вергиния принять императорскую власть и после его отказа, что делало его в глазах Гальбы потенциально подозрительным-опасным.

Вергиний даже, при изначально внешних знаках почтения-уважения к нему, будет позднее привлечён Гальбой к суду (Ист. 1,8), что Гальба, однако, вынужденно отыграет назад, потому что германские легионы, узнав об этом, и без того недовольные гальбанскими почестями памяти Виндекса, как и вознаграждением (разбитых ими *мятежных*) галлов, бывших с Виндексом, при отсутствии награды себе (парадокс!), угрожающе заропщут.

И таким вот макаром, Вергиния новый принцепс не убьёт, отлично от санкционированных им убийств Фонтя Капитона, Клодия Макра или Петрония Турпиллиана (конс. 61г.). По поводу последнего, речь о знакомом нам легате Британии в 61/62 – 63гг., консуляре преклонного возраста, к-рый получил триумфальные отличия за своё соучастие в расправах Нерона по заговору Пизона в 65г. и был отправлен Нероном, следует думать, в мае 68г., приблизительно одновременно с гибелью Виндекса, вместе с Рубрием Галлом (впоследствии легат Отона), на подавление гальбанского мятежа.

Короткое сообщение о снаряжении Нероном Рубрия и Петрония, притом Петрония во главе войск, против Гальбы имеется у апеллирующих к Диону Ксифилина (183,25-184) и Зонары (11,13). Какие войска в кадре – Флотский ли легион, набранный в Италии из моряков Мизенского флота? или другие воинские соединения? один из дунайских-иллирийских легионов, или даже два, подошедших (успевших прибыть) в северную Италию, в дополнение к Флотскому? – вопросы. По всякому, снаряженцы перешли на сторону Гальбы, к-рому это не помешало вскоре устранить старика Петрония.

А до того известие о гибели Виндекса, последовавшей оптимально в мае 68г., настолько потрясло-обескуражило Гальбу, что он, согласно Светонию, «готов был наложить на себя руки» (Г. 10,5). По Плутарху, узнав, что солдаты Вергиния, нанешие поражение Виндексу, «единодушно желают, чтобы Вергиний принял императорское достоинство, а в противном случае грозят снова перейти на сторону Нерона, Гальба в полном смятении написал Вергинию, предлагая объединиться²⁰ и совместными усилиями уберечь римлянам их державу и свободу. Затем он вернулся вместе с друзьями в испанский город Клунию и проводил свои дни в сожаленьях обо всём произошедшем и в тоске по прежней и такой привычной праздности –

²⁰ Не предлагая ли восстановить-реанимировать-воспроизвести августейшую (завещанную учредителем Принципата – в *деревянном макинтоше* мавзолейной Республики – Августом) диархию? к-рая (монархически) сошла или была сведена на нет (и людьми, и обстоятельствами) при Тиберии (досрочная смерть Германика и Друза; смерть Ливии), Калигуле (убийство Тиберия Гемелла), Клавдии (гротескными «диархами» к-рого были Мессалина, Агриппина и властные вольноотпущенники), Нероне (убийство Британика).

вместо того, чтобы принять хоть какие нибудь самые необходимые меры» (Г. 6).

Т.е. Гальба, как в силу своего преклонного возраста, так и в силу своей персоны, был не из тех, кто переходит Рубиконы, но бурная волна перемен выбросила его на самый верх и дальше уже не столько он шёл к власти, сколько власть шла к нему (дабы ненадолго этому старикану, к-рый, утвердившись в Риме, окажется политическим импотентом, отдаться). Вергиний не отказал Гальбе в сдержанной противонероновской поддержке, вновь воззвав к окончательному решению сената (вкупе с римским народом), и, главное, не воспритязал на принципат (от ещё одного предложения к-рого ему солдатами он откажется и в 69г.) сам.

Петроний же и Рубрий, как не имели (или якобы не имели) достаточных сил, чтобы воевать Гальбу без поддержки легионов германских (напомним, нижегерманский легат Фонтей Капитон выжидал, чего Гальба ему не простит), так и не пожелали делать дальнейшую ставку на обречённого Нерона, перед к-рым шансы Гальбы виделись-выглядели, при сложившемся раскладе, на порядок предпочтительнее.

ЭНДШПИЛЬ

При всём том, и прежде хорошие предзнаменования и события в гальбанском деле сменялись в течение апреля/мая 68г. дурными-худыми. Согласно Светонию, при укреплении какого-то испанского города, где Гальбой был назначен сбор войскам (два легиона), его подчинённые нашли «перстень древней работы с резным камнем, изображавшим Победу с трофеем» = столб, украшенный отбитым римлянами у врага оружием, поставленный на поле боя, иначе говоря, – в пору покорения Римом Испании во II/Ивв. до н.э. (Г. 10,4). Одновременно, в испанскую Дертосу (Тортоса)²¹ море принесло «александрийский корабль с грузом оружия, без кормчего, без моряков, без путешественников, так что никто уже не сомневался, что война начинается правая, священная и под покровительством богов» (10,4).

Неизвестно, что это был (и был ли?) за «летучий голландец» с оружием, прибитый к гальбанско-испанскому берегу, однако, возможно, ок. этого же времени, в мае 68г., когда в Риме начались перебои с хлебом (в частности, поскольку самостийный легат Африки Клодий Макр, не поддерживавший ни Нерона, ни Гальбу, задерживал поставки африканского зерна), в Остию, по слову Светония, прибыл александрийский корабль, гружёный вместо хлеба гимнастическим песком, что возбудило ненависть к Нерону (Нер. 45,1).

Так или не так было дело приложительно к весне 68г. относительно александрийского корабля с увеселительным песком (ибо перебои с хлебом имели место в Риме и в 67г., когда Нерон обретался в Греции) (см. выше), но трудности с снабжением в условиях нарастающего кризиса, на сей раз, очень круто дали о себе знать, чем была обусловлена потеря Нероном всяких остатков былой популярности также в низах. Сообразно Светонию, – «не было оскорблений, какими бы его ни осыпали. На макушку его статуи привязали хохол с греческой надписью: «Вот и настоящее состязание! Теперь несдобровать!» Другой статуе на шею повесили мех с надписью: «Сделал я всё, что мог; но ты мешка не минуешь». На колоннах писали, что своим пением он разбудил галльского петуха. А по ночам многие нарочно затевали ссоры с рабами и без усталости призывали имя Заступника» (45,2).

²¹ Город илеркаонов в Тарраконской Испании, на левом берегу р. Эбро, недалеко от её устья. Илеркаоны – народ на востоке Тарраконской Испании (Цезарь «Галльская война» 1,60; Ливий 22,21).

В мешках римляне топили отцеубийц, зашитых туда с собакой, петухом, змеей и обезьяной, и хотя в отравлении своего приёмного отца, отравленного Агриппиной, матереубийца Нерон повинен не был, теперь ему приписывали, вернее, на него, убившего мать, списывали и это — совершённое его матерью преступление. Толпа переменчива и всегда хочет хлеба не без зрелищ и зрелищ не без хлеба, готовая кричать сегодня (при хлебе и зрелищах вдосталь) «Осанна», а завтра (без хлеба и зрелищ) — «Распни». Кроме того, она всегда готова запинать и добить лежачего, или улюлюкать — как в предвкушении, так и при виде расправы.

Gallus на латыни означает и галл, и петух (омонимы). Призыв «Заступника» — намёк на значение имени поднявшегося против Нерона галла Виндекса. Страх перед режимом больше не было, и нынче, в мае 68г., смены правителя, точнее, ухода Нерона, карта к-рого была бита (битый козырной туз!), требовало большинство. Если в 64г. римский люд вменил ответственность за пожар Рима Нерону, к-рый (частично) сумел перевести стрелки на христиан, то сейчас переводить их было не на кого, да и ни времени, ни сил на это не было, да и попытка такого рода уже не проканала бы.²²

В Риме кесарь обидел ненавистных сенаторов, к-рых нещадно репрессировал и хотел истребить, равно — отчасти всадников, к-рым предпочитал либертов, равно — чернь, к-рая лишилась хлеба и зрелищ, и просто устала от его сверхэксцентричных (за гранью) выходов. Провинции были истощены грабительским налогообложением во утоление непомерных appetitов перманентно роскошествующего императора и его беспардонной либертинской дворни-челяди. В армии Нерон, к-рый никогда не бывал ни в войсках, ни на поле сражения, ни авторитетом, ни симпатиями не пользовался. Притом и преторианцы, к к-рым он был щедр и к-рых тщательно обхаживал, были недовольны репрессиями в их рядах, в связи с падением Фения Руфа (65г.), и ещё они были оскорблены тем, что их, элитных гвардейцев, использовали, при прорытии Коринфского канала, как солдат стройбата.

В то же время в Испании, — «вдруг внезапно и неожиданно всё едва не пришло в расстройство. Один из конных отрядов стал жалеть о нарушении присяги и при приближении Гальбы к лагерю попытался от него отложиться — с трудом удалось его удержать в повиновении» (Свет. «Г.» 10,5). А рабы, к-рых с коварным умыслом подарил Гальбе какой-то мнимо перешедший на его сторону Неров либерт, «едва не закололи его в узком переходе на пути в баню — его спасло, что они стали ободрять друг друга не упускать случая, их спросили, о каком случае идёт речь, и пыткой вынудили признание» (10,5).

Впрочем, смело восставший против тирании и жуткого компромата на Рим в лице скомпрометировавшего всю Ойкумену Нерона благородный Виндекс, сделав своё дело (увы, как мавр), можно сказать, вовремя для всех, в т.ч., для Гальбы, ушёл в смерть. Притом ушёл отчасти к счастью для себя, чтобы не испытать ещё более горькое разочарование в том, кого он прочил в кесари и во всём деле начатой им со столь благими намерениями революции, к-рая приведёт Рим в ужасно кроваво-протильный ад и хаос гражданского противоборства 68/69гг.

Дело свержения Нерона на момент гибели Виндекса слишком далеко зашло. Дороги назад больше не было, и Нерон сам сделал и продолжал делать максимум для собственных падения и гибели. Может быть, некоторые или даже многие *ещё* не желали видеть кесарем Гальбу, но явное большинство в Риме/Италии и в Галлии с Испанией *уже* не желало, чтобы кесарем оставался Нерон, к-рый, профукав всё и исчерпав себя, был обречён.

²² От противохристианских гонений Нерона в августе/сентябре 64г. до выступления Виндекса в феврале/марте 68г. прошло 3,5 года.

В мае и ещё в самом начале июня 68г. он то метался, то цепенел в Риме, надеясь на верность преторианцев и на хорошие вести – откуда-нибудь, от кого-нибудь, о чём-нибудь; снова носился с бредовой мыслью перебить, мол, во всём виновных сенаторов и сжечь (оказавшийся недостойным его зловещий) Город (Дион 63,27,2), а самому податься в Александрию и зарабатывать на хлеб насущный мастерством кифареда! Адекватно ли подобное поведение и подобные, с позволения сказать, мысли-планы?! Посмотрите, в кого превратился этот некогда психоаналитик покруче старика Фрейда, у к-рого теперь всю ехала фрейдистская крыша!

Согласно Светонию, его преследовали «зловещие сновидения, гадания и знаменья как старые, так и новые. Никогда раньше он не видел снов; а после убийства матери ему стало сниться, что он правит кораблём и кормило ускользает от него, что жена его Октавия увлекает его в чёрный мрак, что его то покрывают стаи крылатых муравьёв, то обступают и теснят статуи народов, что возвигнуты в Помпеевом театре (14 покорённых Помпеем народов), и что его любимый испанский скакун превратился сзади в обезьяну, а голова осталась лошадиной и испускала громкое ржание. В Мавзолее (Августа = в усыпальнице Юлиев-Клавдиев) сами собой распахнулись двери и послышался голос, зовущий Нерона по имени...» (46,1/2)

Это нагромождение-перезагрузка кошмарных снов и сновидений, для истолкования к-рых нужны всё тот же Фрейд, или, опять-таки, горластые, партийно подкованные советские лекторы-атеисты, разумеется, относится не только к финишно-конечному Нерону, что явствует, в т.ч., из нижеследующего обрушения статуй Ларов в январские календы, т.е. 1.01.68г., когда Нерон ещё пребывал в Греции.

Но не стоит сомневаться, что именно в последние месяцы жизни ночные кошмары и различные дневные знаки беды мучали всё быстрее катившегося под откос и теряющего все точки опоры Нерона особенно болезненно и навязчиво. «...при гадании Спор поднёс ему в подарок кольцо с резным камнем, изображавшим похищение Прозерпины; во время принесения обетов при огромном стечении всех сословий с трудом отыскались ключи от Капитолия. Когда в сенате читалась речь против Виндекса, где говорилось, что преступники понесут наказание и скоро примут достойную гибель, со всех сторон раздались крики: «Да будет так, о Август!» Замечено было даже, что последняя трагедия, к-рую он пел перед зрителями, называлась «Эдип-изгнанник» и заканчивалась стихом: «Жена, отец и мать мне умереть велят» (46,2).

Пришло время платить по неоплаченным счетам-векселям, время платить за всё. Совершённых преступлений накопилось множество и часть из них была беспрецедентна. Он унизил римское достоинство Рима, пожалуй, как ни один римлянин до него, насмеявшись-надругавшись над всем и вся, глумливо поправ традицию, поправ все нормы и законы. Он инфантильнейшим образом хотел быть *самым, самым, самым*, и по-своему, добился желаемого-желанного, став и оставшись в памяти потомков, в истории, *самым* (гипер)одиозным римским кесарем за всю 500-летнюю историю Цезарей (Древнего Рима) – от Августа и до Ромула Авгула.

Он до сих пор превосходит своей одиозностью и своим беспределом и Калигулу, и Домициана, и Коммода, и Каракаллу, и Деция, и Валериана, и Максенция, продолжая пребывать несравненным одиозником (*odioso par-exellensa*), согласно оценке и языческих, и христианских авторов как древности, так и Средних веков, или Нового времени. И лишь в XX/XXI вв., обезбоженных и испорченных пост-модернистскими гедонизмом, распущенностью, пресыщенностью и вседозволенностью, без всяких морально-нравственных принципов-тормозов-устоев (очень даже сродни языческому Риму поры *кесарева безумия*), начались, как сказано, попытки реабилитации Нерона. Мол, – экстравагантного плейбоя, к-рого дегра-

дантные завистники из язычников и мракобесы-церковники и всякоразные интолерантники понапрасну заклемили, умышленно черня и демонизируя его, креатурой сатаны. Оно и понятно, ведь для сегодняшней системы ценностей, вернее, их отсутствия, к примеру, замужество Нерона за либертом Пифагором, или взятие им в жёны скопца Спора, – в порядке вещей!

Он, по-настоящему, был фигурой неоднозначной, расщеплённой, трагической и трагикомической, с, в т.ч., светлыми сторонами натуры, и с крайне отягощённой кармой, не без шансов на грядущее спасение, но это не значит, что его личность, как преступного Нерона, и его чудовишные преступления подлежат сегодня историческим ревизии и реабилитации. Содеянное Нероном, как содеянное Иудой Искариотом, оправданию-амнистированию в веках не подлежит. Не случайно он посередине, не случайно он эпицентр кесарей эпохи *кесарева безумия* в Веке Апостольском, превзошедший своим беспределом, в ходе этого самого уникального в истории-метаистории человечества ключевого-осевого Столетия, всех прочих представителей феномена-явления фураора *principium* (по одесную и ошую Нерона во времени): Гиберий, Калигула, Клавдий, **Нерон**, Гальба, Вителлий, Домициан!

Светоний: «Между тем, пришли вести, что взбунтовались и остальные войска. Узнав об этом во время пира, он изорвал донесение, опрокинул стол, разбил оземь два любимых своих кубка, к-рые называл «гомерическими», так как резьба на них была из поэм Гомера²³, и, взяв у Лукусты (изготовительница ядов: в 54г. – для отравления Клавдия; в 55г. – для устранения Британика) яд в золотом ларчике, отправился в Сервилиевы сады. Самых надёжных вольноотпущенников он отправил в Остию готовить корабли, а сам стал упрашивать преторианских трибунов и центурионов сопровождать его в бегстве. Но те или уклонялись или прямо отказывались, а один даже воскликнул: «Так ли уж горестна смерть?»²⁴

Тогда он стал раздумывать, не пойти ли ему просителем к парфянам или к Гальбе, не выйти ли ему в чёрном платье к народу, чтобы с ростральной трибуны в горьких слезах молить прощенья за всё, что было, а если умолить не удастся, то выпросить себе хотя бы наместничество над Египтом. Готовую речь об этом нашли потом в ларце; удержал его, по-видимому, страх, что его растерзают раньше, чем он достигнет Форума» (Нер. 47,1/2).

Плутарх отнумит «опрокинутый стол» к известию об отпадении Гальбы (Г. 5), но Гальба отпал в апреле, а это случилось позже, уже после майской гибели Виндекса и (сдержанного-неохотного) отпадения в пользу Гальбы, надо понимать, германских легионов Вергиния, плюс перехода на гальбанскую сторону Петрония Турпиллиана и Рубрия Галла в мае 68г., весть о чём пришла в Рим, судя по дальнейшему рассказу Светония, уже в первой декаде июня.

* * *

Сховавшись, как ему показалось, вероятно, по совету Нимфидия Сабина, в Сервилиевых садах, на южной окраине Рима, по дороге в Остию, Нерон судорожно перебирал варианты-возможности бегственного спасения – один глупее и неосуществимее другого, что лишь подтверждает его (словно ставшего в 30 лет задержанным в

²³ Интересно вспомнить, что *арбитр изящества* Петроний перед своим самоубийством в 66г. разбил принадлежавший ему драгоценный кубок, чтобы последний не достался Нерону.

²⁴ Слова предводителя рутулов Турна (к-рого убьёт Эней) из «Энеиды» Вергилия (12,646). Сообразно Светонию, Нерон «в последние свои дни открыто покаялся, что если власть его устоит, то на победных играх он выступит сам и с органом, и с флейтой и с волынкой, а в последний день даже танцовщиком (не он ли убил ранее из зависти известного танцовщика Париса! – К.З.), и пропляшет вергилиевского «Турна» (Нер. 54).

развитии подростком, недоросля и переростка) сдвиг по фазе. Пойти просителем к парфянам или к Гальбе! выпросить наместничество над Египтом! покаяться перед народом, что, само по себе, конечно, благородно-похвально, но тоже в качестве театрального нероновского жеста-намерения (от отчаяния) — сущий кукольный гротеск!

Парфяне наверное приняли бы его, в благодарность за его согласие на воцарение Аршакида Тиридата в Армении, и оставили бы у себя вместе с его любимой кифарой, если бы, конечно, Рим не чересчур настойчиво потребовал его выдачи (без кифары), однако до парфян было очень далеко. А наместничество над всадническим Египтом кесарю Нерону (сенатору-патрицию) никак не светило, даже если отставить всё прочее, по элементарным правовым нормам-меркам (*rechtliche Unmöglichkeit*). Да и кто допустил бы его, экс-кесаря, в особостатуированный Египет — «хлебный ключ к Риму»?! к-рый Рим и римские кесари ревниво держали под собой, как англичане в XVIII — XXвв. Индию — главную жемчужину британской короны?!

Или он желал-надеялся править страной пирамид в амлгуа вассального (если не независимого! — кто знает?) венценосца, заменив собой Клеопатру (и будучи сам своего рода неистойвой фурией — римской Клеопатрой мужеска пола)? Кстати, это чем-то похоже на несбыточное желание Наполеона, к-рого в 1814г. полусыльно-полуправительски удалили-услали (благодаря усилиям наиболее великодушного из победителей — Александра I) на Эльбу (оставив ему 1 тыс. солдат), получить в наследственное владение родную Корсику. Нет, в не менее заочно любимом, чем очно обожаемая Греция, Египте Нерону (как и Калигуле, с к-рым, продолжателем-реаниматором курса М.Антония, у него больше всего сходства), так и не доведётся побывать.

С покаянием же перед народом он (даже опуская всё прочее) явно опоздал-припозднился. Плюс к тому, в подобных случаях Рим не ведал жалости. И с просительством перед Гальбой также ничего не могло срастись. Гальба не отличался великодушием, что он вскорости сполна докажет. Во-первых, попиратель всех норм Нерон сам отрезал себе все пути к отступлению-спасению; во-вторых, такого прецедента в истории императорского Рима, ни касательно свержения, ни касательно помилования императора, ещё не было, и выращивание Нероном капусты (в виде брэнчания на кифаре), чем, как говорят, вдохновенно занялся добровольно отошедший в IVв. от власти Диоклетиан, римский политический опыт на IV. н.э. не предусматривал.

Одним словом, ни выбора, помимо смертного, ни выхода у Нерона не осталось. Пора уходить и смерть наступает на пятки, тяжело дыша в затылок. «Как будто вновь кругом пятьсот, / Ищу я выход из ворот, — / Но нет его, есть только вход, и то — не тот» (Высоцкий). Партия сыграна. На очереди — шах и мат! к-рый лучше предупредительно поставить себе самому, чтобы его не поставили тебе гораздо большее другие. Нерон безмерно любил себя и не мог стать мучеником ни во имя каких-либо других (за исключением собственной «божественности») богов, ни от рук врагов!

Старых богов он, суеверный донельзя, с верой в свои счастливые судьбу и звезду, новый, так сказать, земной Гелиос и новый Аполлон вперемешку с новым Дионисом, презирал и об обращении к ним за заступничеством не помышлял. По Светонию, «ко всем святыням он относился с презрением, кроме одной лишь Сирийской богини, да и ею потом стал гнушаться настолько, что мочился на неё. Его обуяло новое суеверие, и только ему он хранил упрямую верность: от какого-то неведомого плебея он получил в подарок маленькую фигурку девушки как охрану от всех коварств, и когда тотчас после этого был раскрыт заговор, он стал почитать её превыше всех богов, принося ей жертвы трижды в день и требуя, чтобы все верили, будто она открывает ему будущее» (Нер. 56).

Под Сирийской богиней знаменитая Атаргатис (с её главным святилищем в Гиераполе — Маббуг — южнее Коммагены, на западном берегу Евфрата, супротив Эдессы): у греков — Деркетто, у римлян — Dea Syria, видимо, привлекавшая какое-то время Нерона своей ориентальной экзотикой и насыщенным гиперсексуальностью экстатическим культом. Относительно талисмана в виде фигуры девушки и в связи с разговором, — речь должно вести или о времени заговора Пизона в 65г., или о времени заговора Анния Винициана в 66г. Обращает на себя внимание, что в обоих случаях в объективе женская божественность и поиск защиты именно у неё.

Не Нерон ли убил мать (Агриппину), сестру-жену (Октавию), жену (Поппею)?! не он ли однажды дошёл до того, что не остановился перед изнасилованием (не могучи и не желая себя в чём-либо сдерживать, коли маниакально приспичило и коли уж всё позволено) приглянувшейся ему, безудержному похотливцу, девственной весталки Рубрии (Свет. «Нер.» 28)?! За нарушение обета целомудрия весталок хоронили заживо, почему за надругательство над весталкой следовало бы живём похоронить Нерона! Для него, у него, апологета похоти, предшественника Клингзора (имя к-рого как раз означает — *похотливый*), не было ничего святого! И фигурка девушки-заступницы была лишь слабым отплеском умерших в нём добродетелей, тенью оставшейся недоступной ему, попранной им (псевдоборцом против отзвук, вместе с тем, магически привлекавшего его когдатошнего матриархата) Мистерии Вечной Женственности и Вечно Женственного!

Верность до конца он хранил только музыкально-певческому лицедейству и сцене, всё более путая реальную жизнь, жёсткую реальность со сценой, о чём ярко свидетельствуют его клятвы и желания по поводу победных органа, флейты, во-лынки и сценической пляски, если, мол, его власть, за к-рую он слёзно цеплялся, не понимая, что уже потерял её, всё-таки, как-нибудь (авось!) устоит.

И тут, в первой декаде июня, по поступлении известий о принятии германскими легионами Вергиния стороны Гальбы или минимум об их отпадении, и о переходе на сторону Гальбы Петрония Турпиллиана с Рубрием Галлом, чем всё по сути решилось, Нерона покинули также любимые преторианцы — его последняя воинская надежда и опора, что решило уже судьбу Рима и его персональную судьбу в Риме бесповоротно. Увы, он напрасно излишне доверял обоим преторианским префектам, к-рых несказанно благодетельствовал, подняв их из ничтожества в начальники.

Тигеллин от своего хозяина ещё несколько раньше, при ближе неясных обстоятельствах, отступился. Согласно слову не вдающегося в подробности Отона, в мимолётное правление к-рого он, приговорённый к смерти, находясь в лечебной Синусе, окружённый обнажённой женской натурой, «среди бесстыдных ласк», перережет себе, получив приказ из Рима покончить самоубийством, горло: «покинул Нерона и предал» (Ист. 1,72). Отодвинутый ли Нимфидием (к-рый в одиночку командовал римско-италийскими преторианцами в пору долгого греческого отсутствия Тигеллина вместе с Нероном) частично силой? или по взаимной договорённости? или предварительно связавшись с Гальбой? или сказавшись больным? — неизвестно.²⁵

Так или иначе, Гальба его не казнит, несмотря на требование многих, по заступничеству Виния (дочь к-рого перед тем, при Нероне, была Тигеллином расчётливо спасена) (Плутарх «Г.» 17), и умереть ему придётся только в 69г., при

²⁵ По преувеличивающему значению Тигеллина и его роль в деградации Нерона Плутарху (к-рый наверняка отдаёт смягчительную дань последнему за «независимость» Греции, и Нероново «Жизнеописание» к-рого до нас, к сожалению, не дошло), не кто иной как Тигеллин — главный «пестун тирании», «сперва превратил Нерона в злодея, заслуживающего смерти, а доведя его до такого состояния, бросил и предал» (Г. 17).

Отоне. Церберы верны тирану, когда и покуда тиран в силе. Когда же земля уходит у него из-под ног, рассчитывать на них, на их верность, наивно и глупо.

Тем не менее, факт в том, что не по инициативе-настоянию исчезающего из поля зрения Тигеллина, а именно по инициативе Нимфидия преторианцы принесли присягу Гальбе. Соответственно Плутарху, Нимфидий «уговорил солдат – словно Нерона уже не было в Риме – провозгласить императором Гальбу и обещал каждому из дворцовой стражи по 7,5 тыс. драхм (= 30 тыс. сестерциев), а тем, кто нёс службу за пределами Рима, по 250...» (Г. 2). Сумма весьма обременительная для растружиренной Нероном казны.

С одной стороны, оборотистый Нимфидий связался с Гальбой и предложил ему свои услуги, с другой, – договорился с сенаторами. Связником-связистом между Гальбой и Римом был в это время ушлый гальбанский вольноотпущенник Икел, к-рый, как сказано, разбогатеет за 7 месяцев правления Гальбы (подарившим ему золотой перстень, когномен Марциан и право облечения всаднических должностей) так, что Отон, казнивший этого алчного либерта, свергая Гальбу, скажет о нём: «...награбленное Икелом уже превосходит всё, о чём поликлиты, ватинии и тигеллины могли только мечтать» (Ист. 1,37). Икела взяли под стражу в Риме, как только в апреле туда пришла весть об измене Гальбы. И вот он, выпущенный Нимфидием на свободу, взялся, засучив рукава, за посредническое обделывание гальбанского дела в столице.

Итак, Икел договорился с Нимфидием и оба они, при посредничестве Нимфидия, договорились с сенатом. Так преторианцы принесли присягу на верность Гальбе, тогда как сенаторы, в свою очередь, провозгласили 8.06.68г. н.э. Цезарем Гальбу, заочно вверив ему верховную власть и приглашая-призывая его в Рим, а Нерона заклеили врагом отечества, как ранее они же (парламентский театр марионеток!) анафематствовали Виндекса и потом Гальбу.

Причём за оказанную Гальбе услугу Нимфидий возжелает получить пост преторианского префекта без коллеги пожизненно, что у него не выгорит, поскольку, находясь в пути к Риму, Гальба назначит префектом praetorio своего человека – (ничтожного) Корнелия Лакона.

Известие об этом подвигнет (разъярённого обиженного) Нимфидия убедить часть гвардейцев провозгласить императором его самого (дескать, незаконнорожденного сына Калигулы, т.е. потомственного Юлия-Клавдия), с чем другие прогальбанские преторианцы не согласятся, быстро устроят (войдя во вкус) заговор и убьют главного заговорщика (замахнувшегося на принципат на том основании, что он – бастард!) (Плутарх «Г.» 9;13;14;15; Тацит «Ист.» 1,5;6;37; Светоний «Г.» 11). И, к слову, Нимфидиево устранение Отон впоследствии тоже инкриминирует Гальбе, как одно из его преступлений, пеняя на санкционирование Гальбой – «убийств Капитона в Германии, Макра в Африке, Нимфидия – в преторианском лагере, Турпиллиана – в Риме» (Ист. 1,37).

«КАКОЙ ВЕЛИКИЙ АРТИСТ ПОГИБАЕТ!»

(9.06.68г.)

Но всё это случится позже, между тем как 6/7/8 июня 68г. сговор Нимфидия и Икела, преторианцев и (безликого) сената, поставил в деле смены власти политическую точку, к-рую оставалось скрепить-оформить-узаконить гробовой – для Нерона – печатью. Так, либо ближе к ночи 8.06., или уже утром 9.06. его, заклеимённого, как сказано, врагом отечества, объявили, перекрыв ему пути бегства из Италии, вне закона и в розыск. Объявили, чтобы официально предать казни (а точнее, подвигнуть на самоубийство) за самое чудовищное из совершённых им преступ-

лений — за матереубийство. Зачем ходить далеко и отягощать его, — всё-таки экс-кесаря! — казнью нового кесаря Гальбу? Или зачем удручать позорно поддакивавший тирану сенат множеством других нероновских преступлений? когда вполне достаточно и этого одного! Матереубийцам в Риме зажимали шею колодкой, секли розгами до смерти и сбрасывали труп с Тарпейской скалы Капитолия.

Шахматная партия неуклонно-неумолимо приближалась от серии следовавших с марта один за другим всё более грозных шахов к неминуемому мату. Таким образом, загнанный и гонимый Нерон оказался в положении *Vogelfrei* (вне закона), как после Ватерлоо Наполеон (1815г.), на к-рого пруссаки открыли охоту, и к-рый, уходя от скорорасстрельной прусской расправы, сдался на милость своих злейших врагов — англичан (к-рые упрятали его за экватор), проведя перед тем ночь воспоминаний в замке недавно умершей (1814г.) Жозефины — Мальмюзон, где он горько заметил, что одна лишь покойная Жозефина его в беде не покинула.

Нерону же некому было сдаваться (для ссылки на отдалённый остров с кифарой) и некого было, по-наполеоновски, вспоминать. Любивших или терпевших его и его выходки женщин ровни он успел убить. Друзей (познающихся в беде) из высшей знати, к-рых он либо устранил, либо оттолкнул от себя, у него не осталось. Верность ему продолжали хранить несколько либертов, первая любовь — вольноотпущенница Акта, и старые кормилицы.

Ещё год назад ему довелось триумфировать в Греции, начав весной/летом (самого счастливого в его жизни) 67г. н.э. с Немейских игр (как Геракл — с кифарой вместо палицы!) участие в агонах Большого Обхода на пути к играм Олимпийским в июле, и дальше — в триумфальной дороге — к Пифидам и Истмидам! А теперь на повестке дня в буквальном смысле стояли его, тронного лицедея, последний сценарий, последняя постановка, последняя роль и последняя пафосная сцена!

Среди ночи с 8-го на 9.06.68г., проснувшись в Сервилиевых садах, что подтверждает, говоря о садах, Дион (63,27,3), «он — согласно до того назвавшему сады, куда, видимо, Нерон подался из Золотого дворца ещё 6/7.06., Светонию, — увидел, что телохранители покинули его. Вскочив с постели, он послал за друзьями, и ни от кого не получив ответа, сам пошёл к их покоям. Все двери были заперты, никто не отвечал; он вернулся в спальню, откуда уже разбежались и слуги, унесённые даже простыни, похитив и ларчик с ядом. Он бросился искать гладиатора Спикула или любого другого опытного убийцу, чтобы от его руки принять смерть, — но никого не нашёл. «Неужели нет у меня ни друга, ни недруга?» — воскликнул он и выбежал прочь, словно желая броситься в Тибр» (Нер. 47,3).

С попыткой подготовки бегственных кораблей в Остии, разумеется, ничего не склеилось и не могло склеиться. Плыть ему было некуда, да и никто не рискнул бы принять его — живой (политический) труп, земные дни и часы к-рого сочтены, к-рый враг римских сената и народа, — на борт. Взятый у Лукусты яд, чтобы хотя бы умереть максимально (заснуть и не проснуться?) небольно, куда-то пропал. Разбегающаяся челядь в таких случаях умыкает-уносит всё. Настоящими друзьями тираны, как правило, обделены, да и дружить надо уметь, особенно находясь у власти, что умеют очень немногие, как, например, умел (преобразившийся в течение своего долгого принципата, сходно каудильо Франко, из диктатора в патриарха) Август.

По поводу гладиатора Спикула, у невнятного путаника Иоанна Антиохийского (фрмг. 91) фигурирует некий Скипул, притом как «преторианский префект», верный Нерону, и убитый другими преторианцами. Успел ли Нерон формально кого-то назначить на место покинувшего его Тигеллина и предавшего его Нимфидия? или, что скорее, здесь элементарная путаница, и Иоанн Ант. путает убитого позднее преторианцами Нимфидия с гладиатором Спикулом, любимцем Нерона (убитым в дальнейшем Гальбой)? — непонятно.

При всех случаях, в Тибр Нерон (к-рого Нимфидий не взял под стражу и не торопился с инициативой в отношении вчерашнего хозяина, сам отойдя в тень и предоставив её сенату) не бросился, пожелав – «найти какое-нибудь укромное место, чтобы собраться с мыслями. Вольноотпущенник Фаон предложил ему свою усадьбу между Соляной и Номентанской дорогами, на 4-й миле от Рима. Нерон, как был, босой, в одной тунике, накинув тёмный плащ, закутав голову и прикрыв лицо платком, вскочил на коня; с ним было лишь четверо спутников, среди них – Спор» (Свет. 48,1).

Ниже Светоний, помимо Фаона и Спора, называет Эпафродита (49,3). По Диону (63,28,1), – беглеца сопровождали трое спутников – либерты – Фаон, Эпафродит, Спор. Четверых поимённо приводит Авр. Виктор: «Фаон, Эпафродит, Неофит, Спор» («Извлечения» 5). И Светоний, и Дион говорят о бросивших Нерона в дрожь с первых же их шагов ударе землетрясения и вспышке молнии. Согласно Диону, подземный толчок был сильным, «создавая впечатление, что земля разверзлась и наружу вышли души замученных и убитых Нероном» (28,1).

Светоний: «Из ближнего лагеря до него долетали крики солдат, желавших гибели ему, а Гальбе – удачи. Он слышал, как один из встречных прохожих сказал кому-то: «Они гонятся за Нероном»; другой спросил: «А что в Риме слышно о Нероне?» Конь шарахнулся от запаха трупа на дороге, лицо Нерона раскрылось, какой-то отставной преторианец узнал его и отдал ему честь.

Доскакав до поворота, они отпустили коней, и сквозь кусты и терновник, по тропинке, проложенной через тростник, подстилая под ноги одежду, Нерон с трудом выбрался к задней стене виллы. Тот же Фаон посоветовал ему до поры укрыться в яме, откуда брали песок, но он отказался идти живым под землю. Ожидая пока пророчит тайный ход на виллу, он ладонью зачерпнул напиток воды из какой-то лужи и произнёс: «Вот напиток Нерона!»²⁶. Плащ его был изорван о терновник, он обобрал с него торчавшие колючки, а потом на четвереньках через узкий выкопанный проход добрался до первой каморки и там бросился на постель, на тошную подстилку, прикрытую старым плащом. Ему захотелось есть и снова пить: предложенный ему грубый хлеб он отверг, но тепловатой воды немного выпил» (48,2-4).

* * *

По Диону, приветствованный императором (видимо, из уст того самого светониевского отставного преторианца, отдавшего Нерону честь), постыженный беглец, в сопровождении спутников, свернул в сторону с дороги и спрятался в зарослях тростника (через к-рые и выбрался к задней стене Фаоновой виллы).

Впрочем, следуя рассказу эпитомированного Диона, «он дождался рассвета (в тростнике, где-то близ виллы), вытянувшись на земле с тем, чтобы избежать малейшей возможности быть обнаруженным. Всякого проходящего он подозревал, что тот пришёл за ним; он вздрагивал от звука каждого голоса, полагая, что это кто-то, разыскивающий его; если где-нибудь лаяла собака или кричала птица, или куст либо ветку качало ветром, он очень тревожился. Эти звуки не давали ему покоя и он не осмеливался сказать ни слова кому-либо из бывших с ним, в страхе, что кто-нибудь ещё может услышать; но самому себе он жаловался и сетовал на свою судьбу, обсуждая, среди прочего, как гордился некогда столь многочисленной свитой, а сейчас прячется от взглядов в обществе трёх вольноотпущенников. В том

²⁶ Горькая ирония применительно к кипячёной воде, охлаждённой снегом, к-рую Нерон, трепетно заботясь о своих песнопевческих горле и голосе (о голосовых связках), регулярно пил.

и состоялась драма, приготовленная ему тогда судьбой, что он не должен был играть больше роли других матерубийц и бродяг, но только, наконец, свою собственную, и он запоздало раскаивался в собственных злодеяниях, как будто мог устранить какое-то из них...» (63,28,1-4).

Не замечая, как причиняют боль другим, деспоты обычно не в состоянии выносить боль сами — ни душевную, ни физическую, и обожают, как нами не раз отмечено, жалеть себя, обожают обижаться на окружающих и на весь мир. А касательно ролей, — слишком вживаться в них опасно, потому что как наши мысли обладают свойством материализовываться, так и присвоенные роли могут стать грозной-роковой реальностью-действительностью, могут, сродни прижизненной или посмертной маске, намертво прирасти к лицу. В роль надо суметь как войти, так и вовремя выйти из неё. И в случае пафосного лицедея Нерона, к-рый даже в последние часы жизни продолжал оставаться-подвизаться на сцене, уход за кулисы не удался. Он слишком долго искушал судьбу и потешался над ней, тогда как ныне настало её время вдосталь потешиться над ним, получающим ответки и оборотки, к-рых за годы его правления, отягощённого святотатствами и преступлениями, набралось премного.

Он заигрался и переиграл, не сумев выйти из им же запущенного кровавого шутовского карнавала. Он срывал маски со всех и вся, утверждая, повторим, что все люди порочны (фрейдист до Фрейда, кто вслед за Марксом, опустившим существо человека в желудочно-кишечный тракт, опустил-погрузил его ещё ниже — в мочеполовую систему, и, напару с Марксом, — в глубокую жопу!), и что они только скрывают свои пороки! Засим перед смертью он, с оглядкой на себя и своё окружение, получил возможность удостовериться в этом воочию, удостовериться на своём собственном примере, удостовериться-убедиться на себе самом!

Надетые им маскарадные маски приросли к его существу настолько, что их не могла сорвать и смерть. Прежде чем изобличать пороки людей и презирать порочное человечество (мол, пусть я плох, но все прочие нисколько не лучше меня, или ещё хуже), взгляни без ретуши, грима и масок на самого себя! Ты, «сверхчеловек», рухнул внутренне и стал абсолютным рохлей, полным ничтожеством ещё за пару месяцев до того как кончился политически и физически! Театр одного актёра, превращённый этим актёром из погорелого театра в театр абсурда и перешедший-преобразившийся в своеобразный *театр революции* (почти как у Р.Роллана!)

Между тем, Рим с вечера/ночи украсился гирляндами, полыхающими факелами, праздничными лентами, и, радуясь смене власти, к-рой ещё совсем недавно возносил хвалу и воздавал почести, ликовал. Согласно Светонию, «чернь бегала по всему городу во фригийских колпаках» (57). Фригийский колпак — *pilleus* — надевался на раба при отпущении на волю и был символом свободы, в будущем, уместно заметить, избранным Французской революцией. Не её ли кровожадные санкюлоты, делавшие отбивные из аристократов и упоительно носившие на пиках их головы, предварители-предтечи «двенадцати» красногвардейских мокрушников Блока, верша свои зверства и зверские расправы, носили санкюлотские штаны (в противовес панталонам аристократов) и именно позаимствованные из античной древности (к к-рой Французская революция испытывала патологическое влечение) фригийские колпаки!

У Диона, по Ксифилу (185,27-86) и Зонаре (11,13), ошалевшие от радости люди надели колпаки вольноотпущенников, как будто они обрели свободу, и приносили благодарственные жертвы. Иные открыли самостийную охоту на приверженцев Нерона, убивали их и бросали трупы на Гемонии, произнося здравицы Гальбе, кого сенат, со своей стороны, оснастил-облёк всеми исключительными правами-полномочиями кесарей (63,29,1).

Кто-то из 4-х вольноотпущенников при Нероне был очевидно (полу)предателем и через кого-то уведомил сенаторов о его убежище, или это сделал кто-то из обслуги, находившейся на вилле. Хотя, с др. стороны, нетрудно было догадаться, что исчезнувший ночью из Сервилиевых садов Нерон, к-рому, по большому счёту, некуда было деваться-податься, отправится на виллу одного из считанных вольноотпущенников, оставшихся с ним.

Утром он уже находился внутри виллы и всё ещё с утра чего-то (сам не зная чего) ждал-ожидал там, в компании с вышеназванными либертами, к-рые, если верить Светонию, — «со всех сторон умоляли его скорее уйти от грозящего позора» (49,1), т.е. покончить в безвыходном положении, без надежды на спасение и пощаду, самоубийством. Причём это, добавим от себя, не противоречило также, упрощая ситуацию, невысказанному желанию сената, Нимфидия и Гальбы (в лице представлявшего Гальбу в Риме либерта Икела).

Лучше пусть первый свергнутый в истории Рима Цезарь (из рода Цезаря и Августа) покончит с собой, нежели будет казнён как грязный матереубийца: так и приличнее, и смотрибельнее, и проще для всех: и для столько лет лебезившего перед ним сената, и для верно служившего ему Гальбе, и для народа, к-рому незачем глazier на казнь кесаря из династии вымирающих-кончающихся Юлиев-Клавдиев. Вспомним о желательности для Октавиана самоубийства Антония! Всадники были посланы за Нероном, но заполнить его живым рассчитывали или недеялись немногие, верно полагая, одни — удовлетворённо, другие (его чересчур лютые ненавистники) — с досадой, что он и сам предпочтёт самоубийство столь позорной, да и всякой казни.

В итоге плохо соображавший, понукаемый (подталкиваемый к могиле заботливыми) либертами Нерон — «велел снять с него мерку²⁷ и по ней вырыть у него на глазах могилу, собрать куски мрамора (для надгробия), принести воды (омыть мёртвое тело) и дров (для кремации), чтобы управиться с трупом. При каждом приказании он всхлипывал и всё время повторял: «Какой великий артист погибает!» (Свет. 49,1). Он упорно продолжал жалеть и оплакивать себя (великий плач Нерона по Нерону!), артиста в себе, и себя — как артиста, как виртуозного кифареда всех времён и народов, по сравнению с чем, дескать, власть и всё прочее — ничто, суета сует!

Даже трясясь за жизнь и доживая последние часы-минуты, он, говорим снова, не мог и не смог выйти из роли, как не мог и не смог, лично-персонально погрузившись в декадентную Элладу (за к-рой ему виделся Египет и истоки Нила), в декадентный эллинизм, *вернуться-возвратиться* из них, в к-рых задохся-захлебнулся, в (преемствовавший Элладе) Рим. Инфантильный донельзя, он, как ребёнок, не желающий расставаться с любимой игрушкой, капризно не хотел, чтобы его, придуманная им самим, сценическая роль, ставшая жизнью, и жизнь, ставшая ролью, вдруг, исчерпанные, завершились и занавес упал. Уход из жизни Августа, к-рый под конец спросил у ближних — хорошо ли он сыграл комедию жизни? и затем спокойно, с достоинством, присовокупил — «если да, то аплодируйте, пред-

²⁷ Светоний: «Росту он был приблизительно среднего, тело — в пятнах и с дурным запахом, волосы рыжеватые, лицо скорее красивое, чем приятное, глаза серые и слегка близорукие, шея толстая, живот выпирающий, ноги очень тонкие. Здоровьем он пользовался отличным: несмотря на безмерные излишества, за 14 лет (правления) он болел только три раза, да и то не отказывался ни от вина, ни от прочих своих привычек. Вид и одеяния его были совершенно непристойны: волосы он всегда завивал рядами (женская причёска), а во время греческой поездки даже отпускал их на затылке, одевался он в застольное шёлковое платье (к-рое мужчины надевали только на Сатурналиях), шею повязывал платком и так выходил к народу, распоясанный и необутый» (Нер. 51).

ставление окончено, занавес падает», был не для Нерона, не про Нерона. Куда ему до Августа?!

«Своих спутников он прежде всего и больше всего умолял, чтобы голова его никому не досталась, и чтобы тело его, во что бы то ни стало, было сожжено целиком»²⁸ (Свет. 49,4). Оно и понятно. Ведь он любил любоваться доставленными ему головами тех, кого приказывал убить или кому предписывал умереть, и не упускал случая отпустить по поводу этих голов какую-нибудь циничную скабрзную шутку-остроту. Так, если относительно одной такой головы он, как читатель помнит, сказал, что её портит ранняя седина, то относительно другой – воскликнул: «И ты, Нерон, боялся этого носатого человека» (см. выше). Поэтому сейчас ему очень хотелось избежать издевательств-надругательств над своим (пусть даже мёртвым) любимым телом, к-рое столько раз отдавалось им на самый изощрённый разврат, что на нём не осталось ни одного живого места, или, вернее, на нём и в нём не осталась ничего неосквернённого, – ни одного члена, ни одного органа.

* * *

И тем не менее, с собственно смертью он, ужасно страшась её, страшась встречи с ней, тянул, играя-доигрывая свою заключительную роль так, чтобы как можно позже выйти на бис, по возможности, дольше. Куда проще обречь-отправлять на смерть других, чем умирать самому, чем испытывать-испытать приближение смерти на своей шкуре. Вспомнилось ли Нерону в тот последний в его жизни день, что именно 9.06., в день Весты, шесть лет назад, в 62г., была убита, по его приказу, Октавия (голову к-рой доставили Поппее)?! и что, опять-таки, где-то в первой декаде июня 65г., три года назад, умерла от нанесённого ей им удара ногой в живот беременная от него Поппея?!²⁹

«Пока он медлил, Фаону скороход принёс письмо; выхватив письмо, он (Нерон) прочитал, что сенат объявил его врагом и разыскивает, чтобы казнить по обычаю предков. Он спросил, что это за казнь; ему сказали, что преступника раздевают донага, голову зажимают колодкой, а по туловищу секут розгами до смерти...» (Свет. 49,2). Или, согласно Евтропию (7,14), – проводят перед народом голым с колодкой на шее, засекают розгами и сбрасывают со скалы. Удивительно, но Нерон либо не знал, во что трудно поверить, либо, агонизируя заживо, позабыл, как казнят матерееубийц, а услышав-новоузнав, пришёл в неопишувемый ужас. Мальчиш-плохиш (или крошка Цахес), возомнивший себя летучим Карлсоном, живущим на крыше, очень уж не хотел, чтобы ему делали так сильно больно! чтобы его так позорно и беспощадно отымели и поимели в виду! Имейте (в конце концов) совесть, люди-человеки!

²⁸ Как М.Антоний, проигрышно отступая-улепётывая в 36г. до н.э., после своего неудачного противопарфянского похода, из Аторпатены, панически боялся, чтобы его труп не достался парфянам и чтобы его голову не постигла участь головы М.Красса, к-рой парфяне – то ли влили расплавленное золото в рот (за алчность), то ли швырнули её в чан с бычьей кровью (кровь Тельца, убитого Митрой!), приговаривая: «Ты хотел крови, так напейся её досьта» (Р.л. 72-82).

²⁹ Не объял ли Нерона в 64г. внезапный страх при входе в храм именно Весты, из-за чего он и отложил, если верить Тациту (Ан. 15,36) (см. выше), столь вожеленную поездку в так и очно-собственноручно не початый им любимый Египет. Впрочем, не он ли в 65г. загубил любимого пестуна Сенеку, к-рый провёл 7 насыщенных лет жизни именно в Египте (24-31гг.), с одной стороны, физически исцелившись там и набравшись мудрости, а с другой, можно (предоставляя читателю информацию к дополнительному размышлению!) сказать, духовно и душевно заболев египтизацией-фараонизацией-мумификацией Рима, что в перспективе сказалось и на его воспитаннике Нероне.

«В ужасе он схватил два кинжала, взятые с собою, попробовал острière каждого, потом опять спрятал, оправдываясь, что роковой час ещё не наступил. То он уговаривал Спора начинать крик и плач, то просил, чтобы кто-нибудь примером помог ему встретить смерть, то бранил себя за нерешительность такими словами: «Живу я гнусно, позорно — не к лицу Нерону, не к лицу — нужно быть разумным в такое время — ну же, мужайся!». Уже приближались всадники, к-рым было поручено захватить его живым. Заслышав их, он в трепете выговорил: «Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает», — и с помощью своего советника по прощениям, Эпафродита, вонзил себе в горло меч. Он ещё дышал, когда ворвался центурион, и зажав плащом его рану, сделал вид, будто хочет ему помочь. Он только и мог ответить «Поздно!» — и: «Вот она, верность!» — и с этими словами испустил дух. Глаза его остановились и выкатились, на них ужасно было смотреть» (Свет. 49,3/4).

Как видим, он ещё успел продекламировать слова о скачущих конях из гомеровской «Илиады» (5,535), и ушёл пафосно, эпатажно, встав и напоследок в позу; ушёл сценически, ушёл в роли, ушёл трагикомично, ушёл, актёрствуя, ушёл, так и не покинув сцену, так и не уйдя за кулисы! И наряду с тем, он ушёл, само собой, так и не получив за пошло и дешёво сыгранную им до конца роль ни аплодисменты, поскольку его свитские клакеры-августаны бесследно исчезли (крысы бегут с тонущего корабля), ни Оскара!

Хотя, по-настоящему, великие актёры не умирают, а именно уходят за кулисы, в то время как умирают именно венценосные нувориши-дилетанты, мнящие себя актёрами, кифаредами, певцами, поэтами. Не Сенека ли хвалил поэтический слоган Нерона: «Шейка блестит Киферейской голубки при каждом движеньи» («О природе» 1,5,6). Сталин (юношеские стихи к-рого похвалил И.Чавчавадзе) и поэзия! Гитлер (трогательные сентиментально-романтические акварели к-рого неплохо продавались в Вене) и живопись! Сговорившись с дьяволом, нельзя, кем бы ты ни был, или кем бы ты ни хотел стать, выиграть, можно только, более или менее разгромно, проиграть!³⁰

Согласно Диону от Зонары (11,13), он хотел сначала убить Спора, чтобы тот не достался никому после него, однако, не сумел, сказав: «Я единственный человек, у к-рого нет ни друга ни врага», — слова, к-рые у Светония произносятся Нероном не по данному поводу и в Сервилиевых садах. Согласно Иоанну Антиохийскому (фргм. 92), Спор заранее улизнул, и как раз по этому поводу Нерон произнёс вышеприведённые слова.

³⁰ Мать, Агриппина, и наставник 12-летнего Нерона с 49г., Сенека, воспитывали-взращивали в нём, оба на свой лад-манер, вместе и порознь, правителя-владельца. Напоминаем, по Светонию о Нероне: «благородные науки он изучал в детстве почти все» (52), кроме философии, от к-рой его отвадила мать, считая её вредной для будущего правителя, и кроме реторики, от к-рой его дистанцировал Сенека, «дабы — если верить Светонию — ученик дольше сохранял восторг перед наставником» = нуждался в его услугах. Впрочем, по всей вероятности, Нерон был от природы косноязычен. Однако, обделённый философией и риторикой ученик отдался искусствам, что вошло в ещё большее противоречие с его кесарством (чем философия).

С детства он наблюдал гипертрофированные-взаимопронизанные сексуально-политические пороки и порочность при (мессалианском и потом агриппианском) дворе Клавдия, общался к ним, делая выводы о безнадежной порочности-испорченности всех людей, и одновременно приходил к нищенскому выводу о том, что «искусство дано нам, чтобы не умереть от истины». Но мать и Сенека относились к нему, пусть по-разному, как к собственному творению, в итоге чего быстро вышедшая из-под контроля, переставшая быть управляемой-манипулируемой *тварь*, сожрала своих *творцов*. Так, он оседлал, по китайской мудрости, тигра власти (что согласно китайцам, «очень опасно»), на к-ром почти 14 лет нёсся, всё время ускоряясь, верхом, до того времени, когда этот тигр сбросил его с себя, уперся передними лапами ему в грудь и порвал горло. Он не смог совладать с властью, с к-рой играл наперегонки в чёт-нечёт, и к-рая, в конце концов, совладала-расправилась с ним. Нелишне спросить: какова мера ответственности в его судьбе (угробленных им) матери и Сенеки?

Между прочим, Спором в качестве трофея вскоре завладеет (и попользует его) Нимфидий, затем – Отон, а когда позже Вителлий принудит его играть на сцене роль насилуемой девушки, Спор покончит самоубийством. Неронов финансовый советник Фаон, кто, может быть, и сообщил тайно сенату о его местонахождении, уцелеет и будет жив, живя-не-тужа в своих поместьях, ещё в правление Домициана.³¹ О Неофите дополнительных сведений нет. (Гелия, Поликлита, Патробия, Пифагора, Петина... казнит, бросив кость требовавшему крови нероновских шавок народу, Гальба.)

Относительно же Эпафродита, если по Светонию, Нерон, у которого не доставало ни духа, ни мужества, вонзил себе в горло меч с его помощью, то сообразно Диону (63,29,2), нанесённый Нероном, к-рый произнёс одновременно свои последние слова: «О Юпитер, какой артист погибает!» (Qualis artifex pereo!), самому себе удар не убил его, или не убил сразу. Агония затягивалась и Эпафродиту пришлось доделать дело, добить умирающего, нанести удар смертельный.

Итак, обрекшему на смерть стольких людей было неважно решительно убить себя. Не удивительно, ведь он также, сродни, повторим, Ленину или Гиммлеру, был классический кабинетный убийца, не умевший убивать собственноручно (и так и не убивший ни одного человека своими руками), в чём ему должен был помочь и помочь, задействовав свою твёрдую руку, либерт Эпафродит.

Идёт ли речь о грядущем покровителе Эпиктета и Иосифа Флавия, как говорилось выше, – подвопросно, но вовсе не исключено и вполне возможно. При всех случаях, аж 27 лет спустя, в 95г., Домициан, став оголтелым подозрительным тираном, казнит (сначала сосланного?) богача Эпафродита, работавшего и при нём, как при Нероне, советником по делам прошений, за то, что тот помог всеми покинутому Нерону покончить с собой (Свет. «Дом.» 14,4; Дион 67,14,4 = Зонара 11,19). Т.е., по сути, – за то, что он, так или иначе, поднял руку на господина-хозяина, на кесаря, и соответственно, потенциально может поднять её, может покуситься на Домициана, для к-рого сама мысль об этом была невыносима (плюс Эпафродитово богатство наверняка поспособствовало именно такому повороту-исходу).³²

³¹ Согласно версии идентификации этого Фаона, – в объективе (теоретически) может быть Л.Домиций Фаон, щедро посвятивший, исходя из CIL 10,444, часть своих владений культу Сильвана (у Капоселы в Лукании), при Домициане. Но буде он вольноотпущенник самого Нерона, в сём случае, необходимо принять предоставление ему вольной Нероном в бытность последнего ещё Домицием, т.е. до Неронова усыновления в 50г. Клавдием. А такое невозможно, поскольку на 50г. н.э. 13-летний Нерон никак не достиг необходимого, по закону, господину для отпущения раба на волю, согласно закону Элия/Сентия от 4г. н.э. (Ульпиан 1,3; «Дигесты» 40,1,1), 20-летнего возраста (и даже не надел ещё тогу зрелости, надетую им в 51г.). Значит, если допустить, что означенный Л.Домиций Фаон идентичен интересующему нас либерту Фаону, б.м., перед нами вольноотпущенник Неронова отца – Л.Домиция Агенобарба, или одной из тёток Нерона – Домиции Лепиды Старшей, либо – Домиции Лепиды Младшей. Эпиграфически известен и другой L.Domitius Phaon (отец нероновского финансового советника?) – как раз либерт одной из этих Домиций, умерший 20.06.67г. н.э.

³² Если Светоний, правильно приводя даты рождения и (опосредованно) смерти Нерона, всё же, ошибается, говоря, что он «скончался на 32-м году жизни» (57,1), как и Авр.Виктор («Извлечения» 5), как и Евтропий (7,15,1 – 32 года), то у эпитомированного Диона (63,29,3) ошибки-неточности следующие: по слову Ксифилина (185,27-186), Нерону было отведено 30 лет и 9 месяцев жизни, 13 лет и 8 месяцев правления; согласно Зонаре (11,13), Нерон умер в июле, прожив 30 лет, 5 месяцев и 20 дней, из к-рых властвовал 13 лет и 8 месяцев без двух дней; у Иоанна Антиохийского (фргм. 92) – 30 лет жизни и 14, без двух месяцев, лет правления. В реальности Нерон (15.12.37 – 9.06.68гг.) прожил 30 лет, 5 месяцев и 25 дней, пробыл-провластвовал принцепсом-кесарем с 13.10.54 по 9.06.68гг. – 13 лет, 7 месяцев и 27 дней.

Любопытен в данной связи рассказ (полубайка) Светония, короткая информация о чём имеется и у Диона (63,29,3), и у Авр. Виктора («О Цезарях» 5), про знамения в отношении

ЭПИЛОГ

Погребение Нерона, труп к-рого сенат не пожелал мстить, было совершено с разрешения (и по желанию) уже вошедшего в силу Икела, кто дав оное (как свидетельство заочного благородства Гальбы), пустился известить обо всём произошедшем самого Гальбу, окрылённо добрался до Испании за 7 дней, и известие обрадованного старика-патрона (о том, что Рим у его ног), был тотчас нежно расцелован им при всех и (по)любовно уведён в спальные покои (Свет. «Г.» 22).³³

Согласно Светонию, Нероново «погребение обошлось в 200 тысяч. Завёрнут он был в белые ткани, шитые золотом, к-рые надевал в новый год. Останки его (после кремации) собрали кормилицы Эклога и Александрия и наложница Акта, похоронив их в родовой усыпальнице Домициев, что на Садовом холме со стороны Марсова поля. Урна его в усыпальнице была сделана из красного мрамора, алтарь над ней – из этрусского, ограда вокруг – из фассосского» (50).

Останки = пепел после кремации, собранный двумя кормилицами, одна из к-рых, – вероятно, Александрия, – и была матерью наместничавшего (до Тиберия Александра) в Александрии Египетской молочного брата Нерона – сосланного им Цецины Туска. Акту, о к-рой говорилось выше, Нерон предпочитал, что бесило

рода Цезарей, к-рый «пресёкся с Нероном»: «...Когда-то Ливия тотчас после брака с Августом, ехала в свою усадьбу в Вейях (Этрурия), как вдруг над нею появился орёл, держа в когтях белую курицу с лавровой веточкой в клюве, и как похитил, так и опустил её Ливии на колени. Курицу она решила выкормить, а веточку посадить, и цыплят развелось столько, что до сих пор эта вилла прозывается «Куриной», а лавровая роща разрослась так, что Цезари для триумфов брали оттуда лавры, а после триумфов всякий раз сажали новые на том же месте; и замечено было, что при кончине каждого засыхало и посаженное им дерево. И вот, на последнем году жизни Нерона и роща вся засохла на корню, и все куры, какие там были, погибли. И тотчас затем ударила молния в храм Цезарей, и со всех статуй сразу упали головы, а у статуи Августа даже скипетр выбило из рук» (Г.1).

Также поминающий чудо с курицей и лавром Плиний (15,40) уточняет место виллы: «на 9-й миле по Фламиниевой дороге», а Дион (48,52) говорит об этом случае с Ливией (вышедшей замуж за отбившего её – 39г. до н.э. – у Тиб.Клавдия Нерона Октавиана в январе 38г. до н.э.) под 37г. до н.э. (год символично симметричный рождению Нерона в 37г. н.э.).

Скажем от себя. Род Цезарей пресёкся-кончился с Нероном через 111 лет (на 112-м году) после мартовских ид 44г. до н.э. и на 98-м году от эпохального сражения у мыса Акции в сентябре 31г. до н.э. Не напророчествовал ли сивиллический оракул: «Будет матереубийца последним отпрыском Энеева рода!» (Дион 62,18,1). В IVв. автор весьма сжатого «Бревиария деяний римского народа» Фест (С.Руф) назвал Нерона «самым недостойным из Цезарей, к-рых знал Рим» (20).

³³ Стало быть, «взрослый и крепкий» (Свет. «Г.» 14,2; 22) либерт Икел (с дальнейшим когноменом Марциан – почти марципан!), один из, как их вскоре насмешливо нарекут в народе, вместе с Т.Винием и К.Лаконом, «десядек» Гальбы, использовался последним и в качестве «голубого мальчика» (Lustknabe). Посему следует констатировать, что гипер- и гомосексуального античного бисексуала-гермафродита Нерона сменил в кесарстве тоже не чуждый противотрадиционной сексуальной ориентации Гальба, по Светонию (Г. 2), – «с родом Цезарей никаким (кровным) родством не связанный (пасынок родственной Ливии Друзилле Ливии Оцеллины), но бесспорно, муж великой знатности, из видного и древнего рода». Происходя из старопатрицианского gens *Sulpicia*, он, 70-летний старец без потомства (надевший тогу *vilis* ещё при Августе – 14г., и успевший послужить при всех последующих Юлиях-Клавдиях), был, можно сказать, последним всхлипом-сполохом вымирающего староримского патрициата, от числа стремительно убывающих представителей к-рого никаких цезарей-кесарей после Гальбы на троне принцепсов больше не будет.

Примечательно, что пробывший официально итого 7 месяцев (+ седмица-неделя) цезарем-кесарем (считая с 8/9.06.68г.) Гальба ок. 3,5 месяцев (июнь – сентябрь 68г.), путём «долгим и кровавым» (Ист. 1,6), добирался (из Испании) до Рима, и затем ок. 3,5 месяцев (с ок. конца сентября 68-го по 15 января 69г.) кесарствовал в Риме.

Агриппину, дочери Клавдия Октавии, к-рую выдали за него династическим браком, и (напрашивается вывод) искренне любил эту наложницу, свою первую любовь, до конца сохранившую ему верность, или, по крайней мере, принявшую участие в его погребении.

Садовый холм назывался так по расположенным на нём садам Помпея и Лукулла (сегодня Монте-Пинчо). А усыпальница Домициев просуществует ещё 1000 лет, до того времени, когда в начале XIIIв. (современник взявшего — 1099г. — Иерусалим Готфрида Бульонского, одним из предков к-рого был, по преданию, сын Парсифаля — Лоэнгрин) папа Пасхалий II (1099 — 1118гг.) прикажет её скрыть и воздвигнет на её месте существующую поныне церковь Санта Мария дель Пополо. Причём рядом с усыпальницей росло ореховое дерево, облюбовавших к-рое ворон в Средние века считали демонами, служившими Нерону, в ком, первом гонителе христиан, многие христиане, с III/IV/Vвв., полагали намеревающегося в будущем вернуться Антихриста и видели в нём зверя под апокалиптическим числом зверя — 666 (Откр.13,18).

Несомненно, одним из ярких исторических предварителей этого солярно-демонического супер-зверя (из Иоаннова Откровения), к-рый суть Солнечный демон — антагонист-противообраз Солнечного Гения, Агнца, Солнца Христа, и имя к-рому Сора(д)т, кто суть Супостат (чей импульс особо действенно проявляется каждые 666 лет: 666 — 1332 — 1998гг. и т.д.), вообразивший себя солярным Гелиосом Нерон — был. Но сам он, в облике Нерона, этим зверем из венчающего Новый Завет Апокалипсиса, ни в коем случае, не является. Всё гораздо сложнее, да и кишка у Нерона тонка: не тянет он на Зверя под сущностным числом-номером 666!

Притом, скажем-акцентируем снова, что шанса на спасение его (не двурогого Зверя!) глубоко трагическая индивидуальность, однажды (в уникальном Веке Мистерии Голгофы и в Веке Апостольском) пришедшая на землю в облике Нерона, в облике трагикомической и глубоко преступной личности, не лишена. Одно дело — личность, к-рая формируется в каждой жизни, другое — индивидуальность. Ведь человек рождается как индивид, но идущий через карму, через кармический круговорот, в т.ч., поступательн, о чём западное мышление (будь то прежнее церковное, или ново-новейшее — рационал-материалистическое), не столько не знает, сколько знать не хочет, и от него (как от усложняющей фоссильные мировоззренческие догмы и саму жизнь ориентальной байки) высокомерно-пренебрежительно или лениво отмахивается.³⁴

Стоит повторить, в Нероне (как и в предваряющей его Клеопатре, как и в следующей за ним *королеве трубадуров* Алиеноре Аквитанской),³⁵ как и в трагически

³⁴ Не с бухты-барухты Плутарх описывает душу Нерона, ожидающую муки и реинкарнации, и говорит, ссылаясь на голос, исходящий из яркого света, что боги должны воздать ему за предоставление свободы народу — любимцу богов (т.е. грекам). Вспомним, что Нерону отдают должное за пресловутую «свободу Греции», за его эллинофильство-эллинизм, хорошо зная при этом о его негативных-гибельных чертах-сторонах и преступлениях, и Дион Хрисостом, и Павсаний, и (от имени Аполлония Тианского) Флавий Филострат.

³⁵ Не родилась ли умершая на 39-м году жизни Клеопатра в 69/68-м, или, скорее, в 68г. до н.э., т.е. во время, хроноасимметричное времени гибели Нерона в 68г. н.э. Не мечтала ли она (кого Лукан кличет «позором вселенной») сказать своё веское слово с Капитолийского холма и поднять Рим под эллинистический мир, посредством симбиоза Рима и Мира под эгидой эллинизированной-новофараонского Египта! Не воцарилась ли Клеопатра в Египте в 51г. до н.э., в возрасте 17-и лет, как (надевший в 51г. тогу *virilis*) Нерон — в 54г. н.э.! Не предстала ли она в 41г. до н.э. перед Антонием в Тарсе, куда прибыла морем из Египта, в оборожительном *костюме* Афродиты, выходящей из пены морской, в возрасте 27-и лет — возраст Нерона в год великого пожара Рима! Не родила ли она Антонию близнецов Александра Гелиоса и Клеопатру Селену в 40г. до н.э., в 28 лет, возраст, в к-ром Нерон расправился на 28-м году жизни

кончившем в замке Меерлинг кронпринце Рудольфе Габсбурге (+ 1889г.), были и тёмные, и светлые стороны, и начатки различных искажённо-карикатурно опережавших его-своё время помыслов, замыслов, деяний. Неспроста Светоний, сказав о ликовании черни по поводу его падения и смерти, дальше, приложительно к неоднозначной (пусть со стороны меньшинства в Риме) реакции на его гибель, завершая это «Жизнеописание» наиболее одиозного из 12-и Цезарей, присовокупляет-оговаривает:

«Однако были и такие, к-рые ещё долго украшали его гробницу весенними и летними цветами и выставляли на ростральных трибунах то его статуи в консульской тоге, то эдикты, в к-рых говорилось, что он жив и скоро вернётся во страх своим врагам. Даже парфянский царь Вологез, отправляя в сенат послов для возобновления союза, с особенной настойчивостью просил, чтобы память Нерона оставалась в почёте.³⁶ И даже 20 лет спустя, когда я был подростком, явился человек неведомого звания, выдававший себя за Нерона, и имя его имело такой успех у парфян, что они деятельно его поддерживали и лишь с трудом согласились выдать» (57,2).

Точное число-количество Лже-Неронов – подвопросно. Их было минимум три (или больше, поскольку сведения об их явлениях-исчезновениях доходят до начала Пв.). Первый, внешне очень похожий на Нерона настоящего, появился вскоре после Нероной гибели, следуя Тациту (Ист. 2,8/9), – в Ахайе и Азии, вызвав ужас в этих провинциях, и будучи «рабом из Понта или, как говорят иные, вольноотпущенником из Италии». Он играл на кифаре, увлёк за собой щедро обещанными благами каких-то нищих, бродяг, беглых солдат, пустился с ними в море, был прибит к кикладскому острову Цитн (Термия), и там убит солдатами направлявшегося наместничать, по назначению Гальбы, в Галатию и Памфилию и транзитно причалившего к Термии Кальпурния Аспрената, к-рый отправил голову самозванца, «поражающую дикостью взгляда, косматой гривой и свирепым выражением лица», в Азию, откуда её перенаправили в Рим (69г.).

Второй, – по всему, некий Теренций Максим, вынырнул в М.Азии, в 79/80гг., в конце правления Веспасиана, или, скорее, в начале правления Тита, объявил собранным вокруг себя приверженцам, что он, – мол, Нерон, – чудом выжил и долго

с разговором Пизона! Не родился ли сам Нерон в 37г. н.э. спустя 66 лет после гибели Клеопатры в 30г. до н.э.!

Не принесла ли (ранее замужествовавшая за Людовиком VII, к-рого она, весьма любвеобильная особа, насмешливо называла «монахом») Алиенора Аквитанская (1134-1204гг.) Аквитанию (родина потомка аквитанских венценосцев – Виндекса!) в качестве приданого Генриху II Плантагенету (1154-89гг.), выйдя за него замуж в XIIв., к чему восходят причины начала определившей вектор дальнейшего развития Европы Столетней войны (1337-1453гг.) в XIVв.! Не с её ли, первой еврофеминистки и *emansipe* (не без элементов возвратно-матриархальной архаики), лёгкой руки шахматный ферзь (вузург-ферзан – в Иране, куда шахматы пришли из Индии, пройдя в Персиде и дойдя до нас в их современном виде через Гондешапур) превратился в могущественную еврошахматную королеву (при слабосильном-неможном короле)! Не она ли в пору Второго Крестового похода, в М.Азии, вдохновляла рыцарское воинство, гарцуя перед ним на белом коне, как новая амазонка, с одной обнажённой грудью, чем приводила в бешенство клеймившего её новой Иродиадой Бернара Клервосского! Не она ли была матерью двух королей – Ричарда Львиное сердце (1189-99гг.), к-рый покорил в III-м Крестовом походе (1189-92гг.) Кипр, переданный им вынужденным покинуть взятый Саладином Иерусалим (1187г.) тамплиерам, и Джона Безземельного (1199-1216гг.), при к-ром вышла «Великая хартия вольности» – 1215г.

³⁶ По сумбурному слову путающего в IVв. н.э. (когда у власти в Иране сменившие в IIIв. Парфию персидские Сасаниды) парфян с персами Авр. Виктора (к-рый даже преувеличивает влияние Рима на Иран в IV в. н.э.) о Нероне: «Персы настолько его (Нерона) любили (понимай – в благодарность за аршакидскую Армению), что прислали посольство с просьбой, чтобы им разрешили воздвигнуть ему памятник» («Извлечения» 5).

скрывался. Потом перешёл к парфянам при Тите, отношения с к-рым поначалу у парфян (по смерти Вологеза I, в пору узурпаторов? Вологеса II или Артабана IV – 79/80/81гг.) не складывались. А затем (уже с царём царей Пакором?) (см. выше) – сложились, после чего Лже-Нерона признали мошенником, и «вскоре он нашёл свою смерть».

Информация в нашем распоряжении путаная. Дело в том, что у эпитоматора Диона (66,19,3) Зонары говорится о назвавшемся Нероном азиатке Теренции Максиме, к-рый мастерски играл на кифаре, пел очень похожим на нероновский голосом и был поразительно похож на Нерона. Из Азии он двинулся к Евфрату, обрастая в дороге сторонниками, и перешёл к пафянам, у царя к-рых Артабана IV, преемствовавшего Вологесу, были тогда напряжённые отношения с Титом, почему парфяне решили помочь *Нерону* вернуть себе потерянный римский трон.

Сообразно же другому эпитоматору Диона Иоанну Антиохийскому (фргм. 104), этот самозванец утверждал, что спасся от снаряжённых за ним, по его душу, солдат и скрывался. А перейдя к парфянам, напомнил им, что они должны быть благодарны ему за Армению, но был изобличён и вскоре нашёл смерть.

О его выдаче римлянам ни у Зонары, ни у Иоанна Антиохийского ничего не сказано. И скомбинировав Зонару с Иоанном Ант., можно сделать вывод, что появление Теренция Максима совпало со временем, когда отношения Рима и Ирана, по смерти Веспасиана и Вологеса (79/80гг.), ненадолго ухудшились. Поверили ли парфяне сначала Теренцию? или решили просто использовать его против римлян? – вопрос/вопросы. Но его изобличение и гибель, при невыясненных обстоятельствах, вероятно, без выдачи римлянам, совпадают уже со временем новоулучшения римско-парфянских отношений, что наводит на соответствующие размышления.

И наконец, время появления третьего (тоже в М.Азии? и) тоже подавшегося к парфянам самозванца – ок. 87/88гг., во время, когда был отроком или юношей родившийся в начале 70-х гг. Ив. н.э. Светоний, кто, по всей видимости, накладочно путает-смежает второго Лже-Нерона с третьим, – исходом к-рого стала именно его выдача (в правление Домициана) парфянами римлянам. При всех случаях, второй (Теренций Максим) и третий (безымянный) Лже-Нероны – неидентичны-неожесточены, так как, если второй появился в правление Тита (79 – 81гг.), ок. 79/80гг., то третий (герой слитого с Теренцием Максимом бездарного псевдоисторического романа Фейхтвангера) пустился в свою авантюру где-то на 20-м году от гибели погибшего в 68г. Нерона, т.е. ок. 87/88гг. (или, м.б., если Светоний округляет, – в 86г.). Посему хронология свидетельствует тут о двух разных самозванцах, парфянская составляющая в истории к-рых была частично сходной.

* * *

Август точно разрыдался бы, увидев, кто и как в веренице Юлиев-Клавдиев правил после него, в особенности (пред)увидев тронного кифареда, кесаря-катастрофу, плюс ко всем его безобразиям и непотребствам, форменно высмеявшего римский триумф своим псевдотриумфом с кифарой на колеснице Августа. Надо понимать, на той самой колеснице, на к-рой этот вполне достойный преемник Цезаря триумфовал в августе 29г. до н.э. (не без соучастия 13-летнего Тиберия, ехавшего верхом на левой пристяжной), одержав победу над (инициатором положенного им, фигурально выражаясь, к ногам Клеопатры александрийского псевдо-триумфа в 34г. до н.э.) Антонием и Клеопатрой (31/30гг. до н.э.).

Освежим в памяти тот факт, что все поставгустейшие Юлии-Клавдии, разнояркие репрезентанты *кесарева безумия*, Тиберий, Калигула, Клавдий и апофеозный

Нерон, вкупе находились у власти, суммарно и в общей сложности, 54 года (14 – 68гг.), т.е. меньше, чем довелось одному Августу, кто, считая с 43г. до н.э. по 14г. н.э., в различных амплуа и с различными титулами-оснастками-ауспициями, обрета-лся-подвизался в верховной власти итого 56 лет, – т.е. столько, сколько неуёмно гениальный Цезарь, всего-итого, прожил (100 – 44гг.)! Ибо, если Цезарь не вмес-тился в своём времени, к-рое, в свою очередь, не вместило его, то Август сделался, со временем, пришедшим как раз вовремя (чтобы не стучаться в закрытые двери и не ломиться в открытые) правителем и человеком меры во всём!

И он создал на базе августизированного цезаризма систему (не сумев, впрочем, урегулировать вопрос преемственности власти), к-рая проэксистировала аж три принципатовских столетия. Пройдя через горнило кровопролитной Гражданской войны 68/69гг. и смену трёх калифов на час – Гальбы, Отона, Вителлия, Прин-ципат, как говорилось не раз, переживёт Юлиев-Клавдиев, дабы пройти затем через наследственное единовластие Флавиев, достичь своего *золотого* пика при Антони-нах (Траян и Адриан – новые Цезарь и Август, при том, что эллинист-эллинизатор Адриан ещё и новый Нерон!), пройти через закатную вспышку при Северах, и ещё через сумбурную полувековую агонию периода солдафонских императоров (235 – 84гг.).

А за ней – учреждение преемствовавшего Принципату Домината Диоклетианом, после чего следует (313г.) Миланский эдикт о равенстве религий Константина (Диоклетиан и Константин – новые Цезарь и Август, причём Диоклетиан ещё и новый, в иных условиях, противохристианский Нерон!), I-й Вселенский собор (325г.) и перенесение столицы Империи из Рима (символически оставленного Кон-стантином папе Сильвестру) в Константинополь (330 – 32гг.), следом за чем – исход-конец истории Древнего мира в IV/Vвв. И начало истории Средних веков в VIв. – в веке учреждения Дионисием Малым христианского летоисчисления, в веке короткого Юстинианова зомбирования Imperium Romanum, в веке появления на исторической сцене Славянства, за к-рым великое будущее, в веке рождения Мухаммеда.

Однако, вернёмся к концу Нерона, с к-рым, действительно, уходила целая эпоха. Если, повторим, быть первым трудно, то быть последним – страшно. И Нерон не на пустом месте был, с одной стороны, как последним Юлием-Клавдием, с кем династические Цезари и Августы, потомки Энея и Аскания Юла, заканчивались-обрывались-пресекались, так и, со стороны другой, срединным-четвёртым, являясь качественно худшим в перечне семи скандальных кесарей *кесарева безумия* – от Тиберия до Домициана (без Отона, Веспасиана, Тита) – в Веке Апостольском.

Его чувственно-декадентная, во многом, подсознательная, по-разному, прояв-лявшаяся, обрывочная зомби-тяга ко всем предыдущим Пост-Атлантическим миро-вым культурам (Пра-Индия = Индо-Эфиопия; Пра-Иран; Египет и Вавилон; Гре-ция), его беспомощные попытки пересмотреть прежнюю систему ценностей, сплав-ив две цезаристские модели, (восточную) антонианско-калигулианскую (эллинист-ическо-фараонская деспотия) и (западную) августовско-тиберианскую (цезариат-принципат), с креном в пользу вождельных эллинизма, космополитизма, мульти-культурализма, с треском провалились.³⁷

³⁷ Небезынтересно заметить, что отставленный в 62г. поздний Сенека в «Письмах к Лу-цилию» (ок.64г.) не жалуется Александра Великого (продолжая критиканскую линию перипа-тетиков-аристотеликов и Т.Ливия) за его перешедшее в тиранию единовластие, непомерное честолюбие и завоевательный зуд (до краёв земли) (91; 94). В ту пору (когда необратимо превращавшийся в деспота Нерон, глядя-заглядываясь на Восток, культивировал Александра) у Сенеки, по всему, были основания предъявить, кабы он, осторожничая, не оглядывался на Нерона, аналогичные претензии и (весьма чтившему Александра) Цезарю. К слову, зарвав-

Он потерял в итоге поддержку всех сословий Рима/Италии, поддержку обездоленных провинций, особенно романизированных западных, к-рые первыми восстали против него (против его вызывающе деградантного эллинистического ориентализма), и поддержку армии. Он не возмог, увязнув на греческом Востоке, как в болоте, ни толком репатриироваться из приворожившей его Греции, замороженный Востоком, в Рим, ни что-либо действительно, энергично и эффективно, парализованный в элементе сведённой-сошедшей в нём на нет римской воли, противопоставить вызванному его же несостоятельной политикой острейшему (политическому, экономическому, душевному, духовному) кризису.

Он пал закономерно и в силу присущей ему, его правлению, гиперэкстравагантности-эксцентричности, равно в силу сознательного перехода им всех границ дозволенного и недозволенного. Он, кто урвал на себя деградантные посвящения в деградантные мистерии, углубился в кишки дьявола за пределами, и они же, стиснув его в своих объятиях, удавили его.

От его, автора архитектурной революции постпожарищного Рима, квазисолярного Золотого дворца ничего не осталось, как и от его 36-метрового золотого (или позолоченного) скульптурного Колосса, оставшегося (отзвук дисгармонии сфер!) в наименовании сооружённого Флавиями Колизея. Он, Нерон, сделался легендой, как злой, так и добрый: злой – в памяти (в силу разных критериев) христиан, не всех иудеев и большинства язычников; доброй – в памяти части язычников, при учёте толерантности к его памяти также части (сделавших его аж прозелитом!) иудеев, к-рые перенесли на него иудефильство Пoppеи (см. выше), помня ещё и о том, что не он, пусть начавший войну с иудеями (но злыдень Тит), разрушил Иерусалим и храм.³⁸

Не случайно его гибель припала на 98-й (49 x 2) год от сражения между Западом и Востоком (линия противостояния по мировому меридиану войны миров) у мыса Акции (2.09.31г.). И не случайно дата его гибели – 68г. н.э. – отстоит на 40 лет от выступления, от явления из пустынь Израилю Иоанна Крестителя в 28г. н.э., и на 40 лет от истечения начавшейся в 248г. до н.э. (посталександровское время деспотических государств диадохов) архангельской эпохи Орифиила-Сатурна в 108г. н.э.³⁹

шийся Лукан (этот бравадиный А.Шенье или К.Рылеев древности) в «Фарсалии» не щадит (как тиранов) ни Александра (10,20-46), ни Цезаря (см. выше).

³⁸ Не только парфяне, но и Отон, сделавшись коротко кесарем, будет бережно относиться к памяти Нерона, забыв нанесённые ему покойником обиды, памятуя об их когдатойшней дружбе и об их общей любви – Пoppее. А пришедший на смену сумевшему благородно умереть Отону прожорливый и разнузданный хряк-чревоугодник Вителлий (не удивляйтесь!) попросил однажды, принеся поминальные жертвы Нерону, на праздничном пиру, наслаждаясь пением кифареда, «исполнить что-нибудь из хозяина, и когда тот начал песню Нерона, он первый стал ему хлопать, и даже подпрыгивал от радости» (Свет. «Вит.» 11,2).

Однако, создатели стабильно державного (наиболее военно-моноархического в римской истории IV. н.э.) государства умеренные Флавии, закалённые воители Веспасиан и Тит, никаких тёплых чувств к памяти преступного и многопорочного Нерона, естественно, не испытывали. Домициан, наоборот, сделавшись тираном, явно симпатизировал деспоту-предшественнику, хотя отношение к нему Веспасиана и Тита не пересмотрел. В Золотом же веке для Антонинов и для римского антично-либерального менталитета их эпохи террористический беспредел Нерона, как и беспредел Тиберия с Калигулой, был неприемлем-невыносим (эмблема неоправданной кровожадной деспотии), даже несмотря на (отчасти – по нероновским стопам) «греческое возрождение» Адриана, в связи с чем светское мнение о Нероне, как о худшем из Цезарей, твёрдо сформировалось-утвердилось (Тацит; Светоний) и проследовало с незначительными ремарками во времена последующие.

³⁹ Примечательно, что 68г. н.э. отстоит на 820 лет от основания Рима в 753г. до н.э. (на 888-м году от к-рого Рим сокрушил восстание Бар Кохбы в 135г. н.э.), и на 820 лет от 888г. н.э. – дата успения хранителя Св. Грааля – (реинкарнации *Парфянида* Мани) Парсифаля.

IV-я, в составе Семи, Пост-Атлантическая (Греко-Латинская) культура Овна-Агнца – эпоха Мистерии Голгофы (748/47г. до н.э. – 1413/14г. н.э.), и 1-я, в составе 7-и, ротационно-архангельская эпоха Сатурна, очередная 7-я эпоха в перечне к-рых, а именно эпоха Архангела Михаила-Солнце (с 1879г.), выпадает на наше время, на V-ю (Германо-Англосаксонскую) культуру под (Христовым) знаком Рыб (с 1413г.), в Пятую Пост-Атлантическую = Пассионарно-Ойкуменическую глобальную Семеричную стадию-период-эон вселенской эволюции.⁴⁰

* * *

Самый кричаще яркий из римских Цезарей Ив. н.э., противоположен Христу – Нерон, прожил 30 лет и почти 6 месяцев, т.е. столько, сколько составляет зодиакально-метаисторический возраст макрокосмического Человека в пору Тайнства Голгофы, поскольку этот Человек находился в (срединную из Семи Пост-Атлантических культур) IV-ю культуру, под знаком Овна-Агнца (748/47г. до н.э. – 1413/14г. н.э.), в культуру Души рассудочной, в макрокосмическом возрасте 28 – 35 лет (в составе девяти эпохально-возрастных семилеток – до 63-х лет). Напомним, одна культурная стадия под определённым знаком Зодиака = 2160 лет – один Платонов или Космический месяц. 1/7 этого Месяца – 308/09 лет. Летоисчислительная середина срединной эпохи-культуры Овна-Агнца – 333/34г. н.э. = возраст 31 год и 6 месяцев. Минус 308/09 лет дадут 24/25/26г. н.э. = возраст в 30 лет и 6 месяцев. И чуть больше – начало 7-го месяца – в 30 – 33г. н.э.

Вспоминаем, что Иисус Нафанид (род. 25.12.1г. н.э.) был крещён 6.01.30г. н.э., в возрасте 28-и лет, в день 30-летия Иисуса Соломонида (род. 6.01.1г. до н.э.), и взошёл на крест Голгофы в физическом возрасте 31-го года и 3-х месяцев (возраст макрокосмического Человека в пору пика деятельности 40-42-летнего Мани в 50-е гг. Шв. н.э.), во время, когда возраст Иисуса Соломонида составил 33 года и 3 месяца (макрокосмический возраст Человека в пору становления Парсифаля хранителем Св. Грааля ок. 870г. н.э.).⁴¹

И тут весьма знаменательно следующее. Иоанн Предтеча-Креститель – посредник между двумя Иисусами и двумя Заветами, Ветхим и Новым, зачатый-воплощённый в последнем году старой эры (9.10.1г. до н.э.) и родившийся в первом

В центре храма Грааля алтарь Св. Духа, к-рый соединяет Божественным Словом 72 народа и 72 языка. 12/14 Больших Апостолов Христа и 70/72 Малых Апостола; рыцари (Круглого стола) короля Артура (*меч; справедливость*): север – юг – север; рыцари Св. Грааля (*Слово; Праведность*): восток – запад – восток – запад.

⁴⁰ Архангельская эпоха Михаила-Солнце – 602-248гг. до н.э. – сумерки старых богов и древних мистерий, время конца эпохи Первого храма, Вавилонского пленения и репатриации Евреев в Землю Обетования, время начала эпохи Второго храма; время Кира Великого, Конфуция, Лао-Цзы, Гаутамы Будды, Заратоса, Пифагора, Солона, Перикла, Сократа, Платона, Аристотеля, время Александра Великого. Времена предуготовления-предварений Тайнства Тайнств Голгофы!

Архангельская эпоха Орифила-Сатурна – 248г. до н.э. – 108г. н.э. – Свет Христа Спасителя во тьме – время Мистерий Мистерий Голгофы и Века Апостольского.

Архангельская эпоха Анаэль-Венеры – 108-462гг. н.э. – время мистического единения Христа с человечеством и духовного обновления человеческого существа, время становления христианского мировоззрения, время взлёта христоносного Гнозиса.

⁴¹ 30 лет и 6 месяцев – возраст Иисуса Соломонида в Крещенский год Господа – летом 30г. н.э., когда Иоанн Креститель сказал: «Ему должно расти, а мне умяляться». 30 лет и 6 месяцев – возраст Иисуса Нафанида в Преображенский год Господа – летом 32г. н.э. – время Петрова исповедания Иисуса Христом и Преображения Господня (достижение Христом Иисусом уровня просветлённого Гаутамы Будды). 31 год и 6 месяцев – возраст Иисуса

году эры новой – 24.06.1г. н.э., принял мученичество (31.03.32г. н.э.) не в 30 лет и 6/7 месяцев (как можно было бы, в связи с вышесказанным, ожидать-предполагать), но в возрасте 30-и лет и 9-и месяцев. Спрашивается: почему? Ответ: потому что это возраст макрокосмического Человека на 100г. н.э., в пору Успения Иоанна Богослова – воскрешённого Христом Лазаря, на к-ром гений Иоанна Крестителя (карма Илии), ставшего посмертно групповой душой круга 12-и Апостолов⁴², опочил вдвойне! Один из аспектов Тайны и Таинства двух Иоаннов!

Между тем, Нерон умер в возрасте 30-и лет и 6-и месяцев, когда макрокосмический Человек был уже в возрасте 30-и лет + 8-й месяц. И не случайно то, что если Мистерия Голгофы свершилась в апреле 33г., через 32 года, на 33-м году от смерти в марте 1г. н.э. устроившего в охоте на Христа-Мессию избиение младенцев царя Ирода, то самоубийство римского Ирода Нерона пришлось на 9.06.68г. н.э., через 32 года или на 33-м году после чего имело место Успение (в день рождения Иоанна Крестителя в 1г. н.э.) Иоанна Богослова 24.06.100г.н.э. Так, в частности, хроновзаимосвязаны первый венценосный иудейский антагонист христианства – царь Ирод, и первый венценосный римский гонитель христиан – кесарь Нерон.

И неспроста погибший, как сказано, за 40 лет (68г.) до истечения эпохи Орифила-Сатурна (108г.) Нерон пришёл к власти именно в 54г. н.э., в год 1500-летия Исхода Израиля из Египта в 1447г. до н.э., в год Успения Богородицы, и через 40 лет

Соломонида в лето Господне благоприятное – летом 31г. н.э. – в Галилейский год Господа. 31 год и 6 месяцев – возраст Иисуса Нафанида в послепятидесятичное апостольское лето 33г. н.э. – года Таинства Голгофы.

Если Иисус крестился 6.01.30г. и взшёл на крест 3.04.33г., соответственно, на 37-м и 40-м гг. от освящения иродианского храма осенью 8г. до н.э. (Р.л. 563-72), то погиб этот рукотворённый (покинутый Богом) храм летом 70г. н.э., спустя 40 лет (на 41-м году) от Иисусова Крещения и спустя 37 лет (на 38-м году) от Мистерии Голгофы (Распятие, Воскресение, Вознесение, Пятидесятница-Троица). К тому же, если гибель храма последовала через 26 лет (число Яхве) от 44г. н.э. (год мученичества первого из Больших Апостолов – Иакова Зеведеева; год заточения и чудесного спасения Ап. Петра; год посещения Ап. Павлом Иерусалима; год Астральной мистерии Христа Спасителя), то через 26 лет от 70г. н.э. Иоанн Богослов был удостоен на Патмосе 3.04.96г. (в день воскресный) Откровения Иоаннова.

И ещё нелишне добавить, что если в 7г. до н.э. имела место (повторяющаяся раз в 854 года) троекратная конъюнкция Юпитера и Сатурна в созвездии Рыб (к-рая провозвестила дуалистическое Рождество Христово в 1/1гг. до н.э. и н.э.), то спустя 40 лет, в 34г. н.э., т.е. после года Мистерии Голгофы, в год просветления-обращения-крещения Савла-Павла (и в год истечения Великого года Сотис Аменхотепа Эхнатона), случилась (повторяющаяся раз в 973 года) троекратная конъюнкция Юпитера и Сатурна в (полярном знаку Рыб) созвездии Девы.

⁴² Следует напомнить читателю и подытожить. Духовно-метаисторические (и отчасти кармические) провозвестники 12-и Апостолов Христа (плюс Апостол язычников Павел, плюс Апостол Апостолов Лазарь-Иоанн, плюс Апостолица Апостолов Мария Магдалина) (плюс – от 70-и Малых Апостолов – Иаков, брат Господень, плюс Евангелисты Марк и Лука): 1) патриарх Иаков плюс 12 патриархов-сыновей Иакова (плюс единственная дочь Иакова – Дина), к-рые есть родоначальники 12-и колен Израилевых, к-рых, считая в дальнейшем Ефрема и Манассию (сыновья Иосифа), итого – 13, со священско-левитским коленом Левия (экстракт к-рого – род Аарона) без наследственного удела. 2) Иисус Навин плюс 12 легитимных судей Израилевых, плюс Девора, плюс – 13-й – судия и первосвященник – Илий, плюс – 14-й – пророк и последний судия – Самуил (помазатель первого израильского царя Саула и помазатель предпочтённого Саулу Давида). 3) 5 сыновей Маттафии (братья Хасмонеи) и 7 мученических сыновей вдовы Маккавейской, плюс 90-летний старец-мученик Елеазар.

На 68г. н.э. претерпели мученичество 7 Апостолов из круга 12-и – (сыновья Зеведеевы) Иаков Старший (44г.) и Иоанн Младший (55г.), Апостол и Евангелист Матфей (64г.), Иаков Алфеев (66г.), князь Апостолов Пётр (67г.), Матфий (67г.), Андрей Первозванный (67г.), плюс Иаков, брат Господень (62г.), плюс Павел (67г.), тогда как 5 (от 12-и) Апостолов – Фома, Симон, Фаддей, Варфоломей, Филипп, плюс Лазарь-Иоанн, плюс Мария Магдалина, плюс Евангелисты Марк и Лука, продолжают апостольско-евангелизаторскую деятельность.

от великосвятительной Пасхи 14г. н.э., в к-рую Иисус Соломонид пожертвовал свою индивидуальность Иисусу Нафаниду (Малое Крещение и Малое Преображение).

Повторяем ещё раз: Нерон, в исторически маркирующее это событие правление к-рого приняли мученичество первоверховные Апостолы Пётр и Павел (как Иисус Христос был распят при Понтии Пилате), не есть апокалиптический зверь под таинственным гематрическим числом-номером 666, что ему позавчера, вчера, сегодня, в различных интерпретациях, сияются (мудрствуя лукаво) приписать-вменить, но он (как и Ирод) – одна из ярких земных креатур-предварителей-провозвестников-предтеч Солнечного демона (двурогого Зверя), имя к-рому – Сорат – с числовой эмблемой, сутью и числовым значением – 666.⁴³

Р.Штайнер: «Автор Апокалипсиса описывает Солнечного демона как *двурогого Зверя*. В греко-римскую эпоху соединяли в мистериальном языке греческий язык с латинским и пользовались тем родом чтения, в к-ром буквы обозначались числами. Тогда всё ещё читали в числах, хотя это и носило уже несколько поверхностный характер.

Автор Апокалипсиса пользуется общепринятой в то время интерпретацией чисел. Он пишет число 666. Он пишет это число, используя древнееврейские буквы (в греческом тексте Откровения! – К.З.): 400 (Taw – низшее «я»), 200 (Resch – астральное тело), 6 (Waw – эфирное тело = 0), 60 (Samech – физическое тело).

Эти буквы он даёт в их числовом значении, и их следует читать справа налево. Согласные, к-рые необходимо произносить вместе с соответствующими им гласными, составляют в итоге имя Солнечного демона, имеющего вышеупомянутый знак. Это имя – *Сорат*. Соратом назывался тогда Солнечный демон...»⁴⁴

Сора(д)т – внешнее солнце, можно сказать, в определённом смысле, упадочный Гелиос (олицетворением к-рого, в т.ч., многоликий Нерон себя мнил) после Мистерии Голгофы, антагонист духовного Солнца Христа, антипод Христа-Солнце, противоположус Михаила-Солнце, противостоящий Агнцу = Солнечному Гению – Солнечный демон, Супостат-двойник, импульс к-рого – «восхождение Зверя из потока мирового свершения» (Штайнер) – активизируется каждые 666 лет (666 – 1332 – 1998гг.).⁴⁵ И это очень актуально сегодня, в 7-ую архангельскую эпоху Ми-

⁴³ «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр.13,18). Противоборствует же числу 666, как сказано выше, число 999, воплощающее Божественную Любовь. И ещё – число 365 (число Митры, число лет земной жизни праведного патриарха Еноха, взятого живым на Небо, число дней юлианского года), к-рое есть: Земля – 3; Оживотворённая – 6; Духом Жизни – 5.

⁴⁴ «Апокалипсис», 18 лекций, прочитанных для священников в Дорнахе с 5 по 22.09.1924г., лекция 8, с.146/47, Ереван-2009г. См. также «Апокалипсис Иоанна», цикл из 11-и лекций, прочитанных в 1908г. в Нюрнберге, л.11 (Калуга-1999г.), где, в частности, сказано о грубой ошибочности примитивного толкования (гораздо более сложного и куда сложнее толкуемого-истолковывающегося, при, разумеется, наличии *ума* для истинного истолкования мудрости) числа двурогого Зверя на Нерона. Между прочим, если католики пробовали толковать это число на М.Лютера, то протестанты видели за-под ним папу Льва X Медичи, других пап и нередко папство в целом.

⁴⁵ 666г. н.э. – разрушение аравитянами персидско-сасанидского Гондишапура, ариманический импульс к-рого единовременно был вобран-впитан, с началом гибридизации победившей арабо-мусульманской религии и побеждённой иранской культуры, противопоставившимся христианству халифатским арабизмом. 1332г. – уничтожение великодуховного ордена Тамплиеров (1307-12-14гг.), начало Столетней войны (1337-1453гг.), эпидемия чумы и ариманическое зачумление вирулентных душ, обусловленное гибелью рыцарей-храмовников, на место к-рых заступил и дело к-рых продолжил загадочный Кристиан Розенкройц (1378-1484), чья индивидуальность прошла через великоотроческое посвящение в 12-летнем возрасте 12-ю старцами-мудрецами (7 преемников Св.Риши и 5 репрезентантов Пяти первых После-Атлантических культур) в 1250г. (притом неспроста посередине между 1238, спустя 12 лет от кончи-

хаила (1879 – 2234гг.), завершающую семеричный планетарно-архангельский круг от 1-й эпохи Орифиила-Сатурна, в эпоху к-рого (когда нет ни посева, ни урожая) воссиял немеркнувший вселенский Свет в мировом мраке, когда вершилось и свершилось непреходящее Таинство Голгофы – абсолютный центр и абсолютная середина истории-метаистории, животрепещущее сердце мироздания!

Более того, это крайне актуально и в видах перспективной-грядущей, новой и одновременно очередной, в следующем семеричном планетарно-архангельском круге времени, ротационной эпохи Сатурна (2234 – 2588гг.), в к-рую встречи с Супостатом (не без противоаналогии с Мистерией Голгофы в предшествующую эпоху Сатурна) человеку и человечеству, в III тыс. н.э., наверняка предстоят, перед их следующей встречей с восхождением из бездны Солнечного демона = двурогого Зверя, по имени Сорат, в 2664г. н.э.⁴⁶ Причём до того, в 2593/94гг., истечёт ровно половина очередного Космического месяца протяжённостью в 2160 лет = 1080 лет от стартовавшей в 1413/14гг. современной культуры под знаком Рыб (как 1080-летняя половина культуры предыдущей, под знаком Овна-Агнца, истекла в 333/34гг. н.э.).

Таким образом, в XXV – XXVII вв. н.э., в будущие планетарно-архангельские эпохи Орифиила-Сатурна и Анаэль-Венеры (2588 – 2942гг.), сродни предшествующим эпохам Сатурна и Венеры, когда (не свершившаяся-отложенная, из-за предательства мистерий, в пору срединной Четвёртой Атлантической стадии вселенской эволюции) Мистерия Голгофы свершилась с сокращением сроков на 300 лет, в 33, а не в 333гг., ставшем (333гг.), в свою очередь, датой таинственного Собора великопосвящённых (представленного Мани – в центре соборно-мистического треугольника, Скифианом, Буддой и Заратустрой), перед мировой цивилизацией встанут очень ответственные вопросы, на к-рые обязательно потребуются правильные ответы. Потребуется во времена не только воплощения-жизнедеятельности Аримана и нового восхождения Зверя из бездны, но и, главное, во время

ны Франциска Асизского в 1226г., и 1250гг. – падение катарско-альбигойского Монсеюра в 1244г.), и к-рый был посвящён нововоплощённым Мани-Парсифалем в 1459г. (дата спиритуально-соединительного перехода манихейского христианства в розенкрейцерское). 1998г. – ментальная вакханалия материалистического интеллектуализма, пересмотр и постмодернистское падение-крушение традиционной системы ценностей, гедонизация-анимализация обезбоженных человека и общества на Западе, равно – поиск и апробирование-зомбирование древних и средневековых моделей квазиспасения – возвратная архаика – на Востоке.

Обращает на себя внимание, что если отмотать 666 лет от 666г. н.э. назад, то получится 1г. до н.э. – год противостоявших силам мирового Зла Рождества Иисуса Соломона (6.01. – в субботный год по седмично-юбилейному *аронидскому* циклу-календарю Ездры/Неемии), воплощения Иоанна Крестителя (9.10. – в Юбилейный год по означенному циклу-календарю) и выхода в путь-дорогу из Вавилонии (24/25.12. – в Юбилейный год) царей-волхвов, несущих золото, ладан и смирну в дар Царю Царей, к-рый пришёл, приветствуя в его лице Пастыря Пастырей, К-рый (25.12.1г. н.э. – в субботный год по *царскому* циклу-календарю Иисуса Навина, Давида, Соломона) рождественски грядёт (Царственный Первосвященник – на и во веки веков – по чину Мелхиседека). Далее – 667г. до н.э. – время многогрешного царя Манассии в Иудее и Ашшурбанипала в упадочной Ново-Ассирии. Далее – 1333г. до н.э. – начальный период эпохи Судей Израилевых (1379 – ок. 1330гг.) и время ок. начала долголетнего правления декадентного великодержавника Размзеса II (19-я династия) в вырождающемся Египте. Далее – 1999г. до н.э. – время авраамитического рождения мыслительного сознания, рождения Я в мышлении, в Египетско-Вавилонскую культуру Тельца, под архангельской эгидой Юпитера (2019-1665гг.); время, когда *ещё* жив (проживший 175 лет) патриарх Авраам (2167-1992гг.) и когда *уже* родился патриарх Иаков (2007-1860гг.). Т.е. это время антагонистов Зла – трёх великих отцов-патриархов: праотца Авраама; прототипа Христа – жертвенного Исаака (2067-1887гг.); и родоначальника 12-и колен Израилевых – Иакова-Израиля.

⁴⁶ 1998г. н.э. + 666 лет = 2664г. = через 504 (72 x 7) года = Великая Космическая седмица-неделя – от (заслуживающего самого пристального внимания) 2160г. н.э. (см. выше)

одной из духовных вершин поэтапного Второго пришествия Эфирного Христа!⁴⁷ Посему «за гремучую доблесть грядущих веков» и «за высокое племя людей» (Мандельштам) человеку надлежит бороться и придётся истово побороться!

Впрочем, обо всём этом, как и о многом другом, о чём вкратце не скажешь, надо говорить, идя в захватывающем хроноповествовании навстречу 96-у г. н.э. = навстречу дате явления Иоанну Богослову Иоаннова Откровения (Книга Книг в Книге Книг!) на о. Патмос. И если книгу «Апостолы и Цезари» мы посвятили историко-метаисторическим событиям и персонам за 35-летний период 33 – 68гг. н.э., то следующей нашей книге «Цезари и Апостолы // Откровение и Успение Иоанна Богослова» предстоит охватить дальнейшие 32 года: 28-летний период – с 68-го по 96-й, и 4-летний период – с 96 по 100гг. н.э.

Иначе говоря, – от времени после конца Нерона (68г.) и, с одной стороны, до (осеннего) конца правления Домициана (96г.), а с другой, – до сокровенного (пасхально-весеннего) апокалиптического Откровения последнего из Больших Апостолов и Евангелистов – Апостола Апостолов – Лазаря-Иоанна (96г.). Далее же наступает черёд заключительной части повествования по Веку Апостольскому, с хронорассказом о времени от Иоаннова Апокалипсиса до Иоаннова Успения (100г.), чем и завершается этот беспрецедентный на все времена Век вселенского Тайнства Голгофы и порождённый этим богочеловеческим Тайнством Тайнств Век Апостольский!⁴⁸

2016 – 2021гг.

⁴⁷ Кроме того, время с ок. 2450-2500г. н.э. – это время, когда Боддисатва – преемник Будды (получивший от него *небесную тиару* – Майтрея Будда), станет очередным Буддой, через 3000-3500 лет от становления Буддой Гаутамы (560-480гг.) – в 532-25гг. до н.э.

⁴⁸ И ещё напоследок, в продолжение информации (к антропософскому) размышлению, совет заинтересованному читателю поразмыслить над тем, что не раз упоминавшийся нами выше спиритуально-знаменательный 1459г. н.э. (дата посвящения нововоплощённым Мани-Парсифалем Кристиана Розенкройца) отстоит ровно на 13 тыс. лет от не менее знаменательной метаисторической даты – от 11542г. до н.э., в к-рый, как в отсчётно-стартовую точку (эпоха эры), упираются, с к-рого начинаются, где стартово взаимодействуют, куда восходят – и сакральные древнеегипетские циклы-периоды Сотис-Сириус (по 1460 лет каждый), и древнеассирийские Великие годы (по 1805 лет каждый) (Д.И. 742; 808).

Причём, таким образом, этот 11542г. до н.э. (у самых истоков VI-й Атлантической Пра-Аккадской эпохи под импульсом Девы – 11548/47 – 9388/87гг.) своеобразно знаменует собой начало одухотворённого *тварного* Времени, начало Хроно- и Кайрос-Памяти исходящего из гиблой Атлантиды человечества, будучи (и не могучи не быть!) связан с уникальной (атлантической) индивидуальностью «отставшего Атланта» (Штайнер) Каспара Хаузера (1812-33гг.), кто, впервые воплотившись (в после-атлантические времена) в XIXв., носитель (в т.ч.) несравненной Памяти (к-рая была В начале, как и Слово), есть великожертвенный (и наряду с тем, увы, практически несостоявшийся на Земле) Хранитель Св. Грааля (в храме к-рого алтарь Св. Духа) между Кр. Розенкройцем (Розенкрейцерство) и Р.Штайнером (Антропософия). Посему, – вот, в частности, **откуда**, т.е. (вот) из (какого) атлантического пра-далека, из времён и становления феномена пост-атлантического Времени, **пришёл** загадочный **К.Хаузер!** (кто, с др. стороны, не мог не прожить и не умереть именно так жертвенно, как он умер, дабы связь человечества с духовным миром не оборвалась!)

При этом, весьма любопытно, что если (условно) спроецировать зодиакально-метаисторическую последовательность Времени (в рамках современных, в рамках присущих метаистории хода и переживания Времени – Космических Дней, Месяцев, Лет...) на далёкое грядущее, то середина следующей (семеричной) Шестой (*Филадельфийской*) стадии эволюции, а точнее, её IV-й период (I-й – Стрелец), придётся (по окончании нашей Пятой стадии в 7893/94гг. – Козерог – и нынешнего Большого Космического = Платонова года в 12213/14гг. – Скорпион) как раз на (под) знак Девы (спустя ок. 13 тыс. лет от 1459г. н.э.), тогда как истекает эта Шестая стадия (её VII-й период) в знаке Близнецов. (Соответственно, проекция

семерично-заклучительной Седьмой – *Солярной* – стадии: I-й период – Телец; IV-й – Водолей; VII-й – разрушительно-обновительный Скорпион.) (см. с.2858/59)

И тут уместно вспомнить: во-первых, слова Штайнера о древних магах-волхвах-звездочётах, к-рые «духовно провидели в знаке Девы то, что физически различимо лишь в знаке Близнецов» (Р.л. 846); во-вторых, тот факт, что дуалистическое Рождество Иисуса Соломонида (6.01.1г. до н.э.) и Иисуса Нафанида (25.12.1г. н.э.) было (как мы выяснили в «Р.л.») мистериальным Рождением Солнца Близнецов в знаке Девы; и в-третьих, то обстоятельство, что одного из трёх царей-волхвов, к-рые (придя с Востока) поднесли годовалому Иисусу Соломониду 6.01.1г. н.э. (приветствуя в лице Царя, к-рый пришёл, Пастыря, к-рый грядёт) таинственные дары – золото, ладан и смирну, звали (не иначе как) эзотерическим именем Каспар (Р.л. 803-63). Следовательно, резонен вопрос: не воплощался ли этот Каспар (один из, вместе с Мельхиором и Валтасаром, учеников Заратоса в VIв. до н.э.) (Д.И. 784-96) как в VI-ю Атлантическую эпоху, под знаком Девы, так и во II-ю После-Атлантическую Пра-Иранскую культуру Заратустры (к-рая созерцательна VI-й После-Атлантической Славянской культуре Водолея), под знаком Близнецов (5068/67 – 2908/07гг.)?! И ещё дюже небезынтересно, что, по одному из преданий, три волхва-царя-дароносца были (поклонившись Младенцу Иисусу и отойдя в страну свою) впоследствии крещены нашедшим их на Востоке Ап. Фомой – 54г., справили вторём Рождество (25.12.!), и поочерёдно почили в январе (1-го,6-го,11-го) 55г. н.э. (в возрасте – 116 лет – Мельхиор, 112 лет – Валтасар, 109 лет – Каспар) (Р.л. 860), сообразно чему, дата рождения прожившего 109 лет Каспара приходится на 55г. до н.э. Ср. сроки-продолжительность жизни К.Розенкройца (1378-1484гг.) – 106 лет, и его Посвятителя в 1459г. (1375-1487гг.) – 112 лет (см. выше).

Вспомним, к тому же, что в юлианском круговороте года на осеннее время Девы выпадает, спустя 9 месяцев от рождества Иисуса Соломонида, зачатие в октябре (9.10. – день учреждения в 525-32гг. н.э. Дионисием Малым христианского летоисчисления) 1г. до н.э. (середина между *благовещенским* апрелем 2г. до н.э. и *ретатриальным* апрелем 2г. н.э.) родившегося 24.06.1г. н.э., за 6 месяцев до рождества Иисуса Нафанида, *привратника* Нового Завета – величайшего из рождённых жёнами – Иоанна Предтечи-Крестителя, дух к-рого, став, после его казни 31.03.32г., групповой душой 12-и Апостолов, опочил на воскрешённом 23.02.33г. Иисусом Лазаре-Иоанне (дата инкарнации к-рого, как и его сестры-близнеца Марии Магдалины, – 31.03.1г. до н.э.) вдвойне. Причём на насущный вопрос о **двух Иоаннах** – Крестителе (...Илия...) и (...Мастер Хирам...) Богослове (плюс третий Иоанн – Зеведеев – ...царь Хирам...), летнесолнцестоятельный день рождения первого из к-рых (Илии-Иоанна) есть день успения ровно через 99 лет второго (Лазаря-Иоанна), внимательный читатель наших книг вправе найти в них исчерпывающие ответы.

Далее, если на 1460-м году от рождения Иисуса Соломонида, прошёл, в пасхальную пору 1459г., через высокую инициацию Кр. Розенкойц (между тем как 1805 лет отделяют дату смерти патриарха Иосифа Прекрасного в 1807г. до н.э. от апрельского Благовещения 2г. до н.э.), то в 1805/06гг., по прошествии 1805-и лет с 1/1гг., Бавария и Вюртенберг сделались (пусть с подачи Наполеона! в составе подвассального Бонапарту Рейнского союза) – 1805г. – королевствами, а Баден – 1806г. (1805 лет от 1г. н.э.) – великим герцогством. И именно отсюда, с трагически не возможшего (пространство нереализованных историко-метаисторических альтернатив!) стать духовным ядром объединения Германии (политически объединённой в 1870/71гг. прусско-милитаристским северо-востоком) германского (лотарингско-эльзасско-швабско-баварского) юго-запада, из (согласно подвопросной версии) венценосного Баденского дома (швабских) Церингенов, происходил загадочнейший найдёныш (Дитя Европы) Каспар Хаузер (сын, как полагают, баденского великого герцога Карла и наполеоновской падчерицы Стефании Богарне). Не родился ли он (баденско-венценосная версия рождения к-рого не подтверждена, но и не опровергнута), вынырнув на майскую Троицу 1828г. в Нюрнберге, дитя, так или иначе, германского юго-запада, 29.09.1812г. (на 5040-м году = 10 космических недель – от *рождения* 19.07.3228г. до н.э. Кришны), в день Михаила (в дни пребывания Наполеона в полыхающей Москве), чтобы умереть (получив смертельное ранение 14.12.) 17.12.1833г. (день древнеримских Сатурналий; памятный день Лазаря Четверодневного у католиков; последний день нахождения Солнца с 27.11. в созвездии Змееносца).

Притом обращает на себя внимание, что его (предположительно, похищенного-подменённого по рождении) открытое (после многих лет подвального заточения) появление (из *ниоткуда*) и пребывание в мире сём продлилось с 1828 по 1833гг., когда оно трагически (от руки неизвестного убийцы) пресеклось! (Погиб же этот таинственный найдёныш не случайно в возрасте именно 21-го года, вполне сравнимый – гением-гениальностью Сердца! – с 12-лет-

ним Иисусом Нафанидом до Его одухотворения высочайшей индивидуальностью Заратустры!) И здесь показательная зеркальная хроносвязка с Таинством Голгофы: от явления из пустынь Израилю в 28г. н.э. Иоанна Крестителя (откуда 1805 лет до 1833г.) – до весенних Распятия, Воскресения, Вознесения, Пятидесятницы-Троицы 33г. н.э. (плюс подробно рассмотренные нами в данной монографии событийно насыщенные месяцы первого года Века Апостольского – от Вознесения Господня и Троицы до каменования Первомученика Стефана – 25.12.33г.).

Стоит, между прочим, добавить, что расстрелянный в 1919г. большевиками «высочайший историк» (великий князь) Николай Михайлович (см. выше) собрал для так и не написанной им книги огромный (бесследно исчезнувший) материал по Каспару Хаузеру, кто, если акцептировать баденскую версию принца крови, состоял в близком родстве с супругой российского императора Александра I – Елизаветой Баденской – сестра великого герцога Карла (1811-18гг.) – отца родившегося 29.09. (но официально умершего 16.10.) 1812г. престолонаследника и внука самого долгожарственного венценосца Европы Карла Фридриха (1738-1811гг.).

13102г. до н.э. (начало Двапара-юги) – хроноприплюсовать 1560 (520 x 3) лет = 11542г. 3102г. до н.э. (начало Кали-юги) – хроноприплюсовать 1560 лет = 1542г. до н.э. (время – не родившейся ли ок.1560г.? – *дочери Фараона* – у к-рой была ещё младшая сестра – спасительницы и воспитательницы родившегося в 1527г. Моисея; 1517г. до н.э. – рождение Нуна; 1489г. до н.э. – рождение у 28-летнего Нуна 28 лет – 1407-1379гг. – предводительствовавшего изшедшим из Египта Израилем Иисуса Навина). 1542г. до н.э. (откуда 3 тыс. лет до 1459г. н.э.) + 1560 лет = 19г. н.э. – дата рождения дочери Иаира (и дата рождения дочери Иродиады – Саломии), к-рую (12-и лет отроду) Иисус воскресил в августе 31г. н.э. (по воскрешении Юноши из Наина в июне); + 1560 лет = 1591г. – дата таинственной гибели родившегося в 1582г. (откуда 343 года – 49 x 7 – до 1925г.) 9-летнего (на 9-м году жизни) царевича Дмитрия, приложительно к кому и к чему весьма актуален вопрос: «**Кто был Дмитрий?**» (не Лже-Дмитрий, но, в первую очередь, именно «сын царя-фараона» Ивана Грозного отрок Дмитрий Углицкий, хотя загадка-разгадка Лже-Дмитрия тоже очень важна и она рядом) (Т.Г. 554-66).

1378г. + 434 года (62 седмины) = 1812г. + 49 лет (7 седмин) = 1861г. (483 года – 69 седмин) + 7 лет (1 седмина) = (дата рождения Николая II) 1868г. – спустя 980 = 490 x 2 – лет от 888г. н.э. – дата успения Парсифаля, *исчезновения* из поля зрения-видимости восхищённого Грааля на Западе и *ухода*, в пору Лоэнгринга – IX/Хвв., граалического Таинства до XII/ХIIIвв. на Восток – в юдоли Пресвитера – *царя-священника* – Иоанна. *Семеро* – в действе-таинстве воскрешения дочери Иаира (Иисус – умершая Отроковица – Пётр, Иаков, Иоанн – родители Отроковицы), и *Семь лебедей* в тайне-таинстве *рыцаря Лебеда* – Лоэнгринга. 1784г. (кончина графа Сен-Жермена) + 28 = 1812г. 1833г. + 28 (7 x 4) лет = 1861г. + 64 (8 x 8) года = 1925г. 1833г. + 66 лет = 1899г. – конец Кали-юги. 1812г. + 66 лет = 1878г. Начало архангельской эпохи Михаила – 1879г. 1833г.+ 100 лет = 1933г. + 12 лет = 1945г. 1459-1859 (рождение Вильгельма II) – 1949гг. = 490 лет. 1833-1889-1945гг. 1949-89гг. = 40 лет. 1591-1991гг. = 400 лет.

1314 (казнь тамплиеров) – 1614 («Fama Fratrnitas») – 1914гг. (I-я Мировая война): Железный король Франции Филипп IV Красивый (1285-1314гг.) сорвал планы тамплиеров по новому мироустройству; Тридцатилетняя война (1618-48гг.) перечеркнула розенкрейцерские проекты обновления Европы; I-я Мировая бойня (1914-18гг.) запустила трёхдесятилетнее самоубийство 1,5-тысячелетней евроистории, завершённое II-й Мировой бойней (1939-45гг.).

Прифранцузский-прироманский рафинированный юго-запад Германии был, в смысле духовных ёмкостей, качественно иным, нежели её прусский (с Тюрингией между ними по диагонали) – прибалтийско-приславянский – северо-восток (с восточнопрусской и силезской вытяжками на восток). И (почти ровесник К.Хаузера, его столь контрастный противоположный образ) О. фон Бисмарк (1815-98гг.) – объединитель (на базе прусского милитаризма *новых нибелунгов*) Второго рейха, милитантно одолев (силами созданной им, совместно с Мольке Старшим, лучшей армии мира) Данию (1864г.), Австрию (1866г.), Францию (1870/71гг.), казался обеспечил-гарантировал (как своего рода умеренный-прагматичный бюргерский Наполеон второй половины XIXв.) евроконтинентальную доминанту Германии (в союзе с вовлечённой в её упряжку сателлитной Австро-Венгрии) – на просторах от Кёнигсберга и Галиции (восток) до Эльзаса (запад), равно – от Северного и Балтийского морей (север) до средиземноморской Адриатики (юг). При всём том, взлёт прусского акселерата в 60-е гг. XIXв. поощряли и Великобритания (как против Франции, так и в дальновидной перспективе против России), и Россия (против Франции и Австрии). Населенная на возобновление решения Восточного вопроса Россия (кого спасённая ею от распада в 1848/49гг. Австрия очень обидела недружественным нейтралитетом в Крымскую войну) – в видах преодоления последствий своего поражения от англо-французского альянса в войне 1853-56гг. и навязанного ей обремени-

тельного Парижского трактата 1856г. (черноморские ограничения); Британия – для ослабления колониальной активности французов, особенно в соперничестве за Египет (окончание строительства Суэцкого канала – кратчайшей дороги в Индию – в 1869г.).

Более того, выступив, как, по его собственным словам, «честный маклер», на (пересмотревшем Сан-Стефанский договор в ущерб победившей Турцию в войне 1877/78гг. России) Берлинском конгрессе 1878г. (промежуточный между Венским конгрессом 1814/15 и Версальской конференцией 1919гг. международный форум), железный канцлер Второго рейха (кто не поддержал в ходе конгресса не позволившему ему в 1875г. вторично опрокинуть Францию Россию), казалось, подобно хорошо знающему партитуру дирижёру, поставил Германию во главе материкового евроконцерта держав, с надёжными видами на завидную великогерманскую перспективу. Да и позднее ушлый Бисмарк очень старался одновременно не ссориться с Россией (против к-рой он, вместе с тем, активно поддерживал Австро-Венгрию в балкано-славянском вопросе) и сблизиться с Великобританией (к-рую серьёзно беспокоили как начатые им колониальные захваты, так и строительство мощного германского флота), мало того, желая (при возможности) мастерски столкнуть их между собой. Спрашивается, а как иначе, если не стравив *русского медведя* и *британского льва*, застолбить (с позиции создания великой державы «железом и кровью») за *прусским волком* долгосрочную континентальную гегемонию (к-рую вскоре взявший за противобританское создание мощнейшего флота Вильгельм II и его клика вознамерились превратить в мировую)!

Однако, сколь известно, ничего путного из всего этого не вышло. Хваленый бисмарковский практицизм-прагматизм не выдержал испытания ни временем, ни, главное, делом, обернувшись на деле пагубно конфигурированным (политико-геополитическим) абстракционизмом. В конечном счёте не сработал ни трижды возобновлённый «Союз трёх императоров» (1873-81-84гг.) – германского, австрийского, российского, ни Русско-германский «договор (не сумевшей застраховать-перестраховать высокие договаривающиеся стороны!) перестраховки» (1887г.), ни Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии, Италии (1882г.). Дальше – больше: с конца XIXв. опоздавший к колониальному разделу мира германский империализм положил глаз на ведущую к Индии Османскую империю, чем безмерно раздосадовал Великобританию с (давно притязавшей на Проливы) Россией (Николай I о Константинополе и Проливах: «Мы должны владеть ключом к дому, в к-ром живём...»). И в итоге как бы гарантированная железным канцлером на долгие лета Германия оказалась достаточно скоро после (отставленного карикатурно амбициозным Вильгельмом II в 1890г.) Бисмарка (ни один из семи преемников к-рого на посту рейхсканцлера не смог его заменить) втянута (поддержав Австро-Венгрию) в войну аж против трёх противогерманско союзных (с 1891-1904-07гг.) мировых держав – Великобритании, России, Франции...

Австрийский космополитизм-ойкуменизм (наследие уничтоженной в 1806г. миродержавным французским национализмом Наполеона Священной Римской империи), сменённый германским (под прусско-юнгерской милитантной эгидой) национализмом Бисмарка, из коего вырос великодержавный шовинизм эпохи Вильгельма II, кульминировавший позже в (обусловленном поражением II-го рейха и бандитским Версальским миром) реваншистском нацизме-расизме Гитлера. (Искоренение, согласно Ницше, Германского Духа в пользу германского рейха!)

Результат очевиден. Т.е. недолгий *европейский концерт* раскололся на враждебные Антанту и Четверной блок, вследствие чего вроде бы виртуозно осёдланный Бисмарком расклад Берлинского конгресса 1878г. по сути завершился, пройдя через интервально-промежуточный Версаль 1919г., решениями Ялты и Потсдама 1945г., с к-рыми, правда, в дальнейшем не сумела совладать и (противостоятельно оставшаяся без разгромленной Германии = без призванного бlosti равновесия между Западом и Востоком среднеевропейского – *Mitteleuropa* – Центра – один на один с англосаксами) Россия! 74 (37x2) года от старта II-го (бисмарковского) рейха (1871г.) до краха III-го (гитлеровского) рейха (1945г.); и 74 года от Октябрьского переворота большевиков до конца СССР (1917-91гг.). Иначе говоря, они, повторим, обе, и Германия, и Россия, провально проиграли XX-й век! Первая – до конца его первой половины, вторая (взяв Вену и Берлин в конце первой) – до конца второй!

Впрочем, с тех пор (блага) многое изменилось, а многое продолжает меняться. И сегодня необходимо твёрдо усвоить, что если без крайне тяжело новостановящейся (не без дежавю и возвратной архаики) после закономерного крушения СССР России у человечества нет Будущего, то без остро нуждающейся, прежде всего, в духовном возрождении-обновлении-одухотворении Германии у мировой цивилизации нет Настоящего, без к-рого не может быть и Будущего!

ПРИЛОЖЕНИЕ

* * *

А Солнце без Луны,
Как Моцарт без Сальери,
Они обречены
Совместностью Мистерий
Серебряной луны
И Золотого солнца,
Но сребренник уныл,
А золото смеётся.
Не музыка ли Сфер
Одушевляет Космос!
Красив, как Люцифер,
Волшебной флейты голос.
Да, Моцарта ведёт
Христово откровенье,
Да, гений – идиот
В миру без сокровений.
Солдатам сатаны
Воздастся пусть по вере,
Как Солнце без Луны,
Так Моцарт без Сальери.

* * *

А парад продрогших душ
Девятнадцатого века,
Словно взявшийся за гуж
Обезбоженный калека.

Нет ему пути назад,
И вперёд, увы, не светит,
Потерял он Китежград,
Души все пустил на ветер.

И пожал Двадцатый век
Плод безбожного посева,
И сравнялся человек
С обезьяной, взявши влево.

Но и вправо нет пути,
Капитал не знает Бога,
На планете карантин –
Зачумлённые дороги.

Только всё же человек
Не потомок бандерлогов,
И засим пришедший век
Есть столетие *порога*.

Здравствуй, Двадцать первый век,
Ты столетие *пролога*.

* * *

Сердце бьётся в груди,
Как дитя в материнской утробе,
Те, кто в муках родин
Из утробы грядут, как из гроба,
Вступят в царство теней
Не за сердце, за солнце в сердцах,
И прозреют к весне
Люди, снявшие маски с лица.

* * *

Убывающее время,
Ускользящее счастье,
Звуки мартовской капели,
Свет зелёного апреля
И пасхальная неделя,
Где, зачатые в сочельник,
Оживут Господни Страсти.
Мы над временем не властны.
Кто играет на свирели
После мартовской капели?
Кришна в солнечном апреле
Из лучающей купели,
Чтоб в пасхальную неделю,
Где живут Христовы Страсти,
Нам постичь не на арене
Сердцем у Христа во власти
Убывающее время
И немеркнувшее счастье.

* * *

Золотые хлебные колосья,
На пороге розовая осень,
Цикл Солнца это — *двадцать восемь*,
Столько лет прошло и столько вёсен
С той поры, когда один философ
Предсказал нам восемь високосов,
И сказал, что звёзды это — просо,
А под ними сердце жалят осы
Не страстей, но жизненных вопросов,
От которых гаснет в злую осень,
Растеряв тепло изжитых вёсен,
Словно позолота абрикосов,
Звёздно-бриллиантовая россыпь...
Человек же, ну никак — не особь,
Но Звезда, в руке которой посох.

* * *

Ради запахов дождя,
Ароматов утра
Я б со смертью обождал,
Жить — ведь это круто!

Даже за Шатель Марвей
В схватке с чудом-юдом
Я б не умер поскорей,
Жить — ведь это чудо.

Чудо-юдо — не еврей,
Что там пересуды,
Угодит в Терре Марвей,
Тот, кто станет вуду.

Даже в жизни под дождём,
Пусть схватив простуду,
Мы ненастье переждём
В мире незабудок.

Так, ни пуха, ни пера,
К чёрту вас, зануды!
Нам, ребята, умирать
Не с руки покуда.

* * *

Купол неба плыл над нами,
Уплывал Двадцатый век,
Как Эльбрус или Казбек,
Хоронясь за облаками.
А советский человек
Бился мордою о камень,
Наблюдая, как годами
В объективы телекамер
Обезьянничал генсек.

Время было, как болото,
В те проваренные дни,
Как недвижимое что-то,
Как заплывшие огни
Мыловаренного цеха
На ржавеющих путях,
Где советских человек
Закормили все генсеки
«Светлым будущим» в лаптях.

* * *

Смеркается – вечер,
Светает – рассвет.
Пусть молнией мечен
Полуденный свет.
Погашены свечи,
Мерцает просвет,
Последняя встреча,
Исчезнувший след.

Прощальные речи,
Ты куталась в плед,
Стрелы наконечник,
Витальный завет.
Любовь скоротечна,
Но ненависть – бред,
Зима подвенечна
На смертном одре.

Не время ли лечит
От временных бед,
Душа ведь – не печень,
А туз – не валет.
Дорога в Заречье,
Венчальный привет,
На путь этот Млечный
Мы взяли билет.

* * *

Зацепилась звезда за сосну,
Кувыркком покати́лась в весну,
Мы сегодня уже не заснём,
Но когда-то навеки уснём.

Нас уведомит эхо письмом,
В первом месяце или в восьмом,
Нам протянут багровый гранат
Радость встречи и горечь утрат.

Мы сорвёмся в дорогу вдвоём,
Мы с собой ничего не возьмём,
Кто пройдёт сквозь рассвет и закат,
Те придут в золотой звездопад.

Там, наведавшись к людям из снов,
Усомнившись в основе основ,
Две звезды, налетев на сосну,
Кувыркком упадают в весну.

Я тебе их к утру поднесу.
Где они? Заплутали в лесу.
Над зелёной опушкой лесной
Спотыкаются звёзды весной.

* * *

Зиккурат мавзолея
Над египетской мумией
Вавилон возлелеял
В большевистские сумерки.
В кумачовых аллеях
Египтяне, что умерли,
На трибунах халдеи
Староваты, как мумии.

Коммунизм был пустышкой
В маяковской манишке,
Коммунистам же крышка
Вышла, вдруг, вместо вышки.
Мавзолей это — слишком,
При компьютере мышка,
У эпохи одышка,
Чем аукнется фишка?

Нет у власти еля,
Человек же — не мумия,
Снова в кадре халдеи
Выплывают сквозь сумерки.
Времена ли всё злее?
Живы те, кто не умерли.
Ну, а кто в мавзолеях?
Только зомби и мумии.

* * *

Давай уполовиним отмеренные сроки,
А на ресницах иней у феи длинноногой.

Она взмахнёт рукою и будет много света
Под сонною луною несумеречным летом.

Её художник спишет с сердец в costume Евы,
С венцом из пьяных вишен в гостях у королевы.

Какая королева? не Снежная ли часом?
Прекрасная, как Ева, чей глаз востёр алмазом.

Востёр, но не проснётся до нового улова,
И значит, остаётся дожидаться водяного.

Его ли нам бояться? нас леший не утишит,
Который рад стараться, когда Кашей не слышит.

И стойкий оловянный солдатик бдит на страже,
Не фея ли Моргана ему готовит пажить?

С кикиморою сладим, ну а потом кашеи
Придут к нам, словно тати, чтоб схлопотать по шее.

У взбалмошной Горгоны в гостях сидят тритоны,
Свезут её драконы на склоны Авалона.

Не подбивайте клинья к колдуньям длинноногим,
Нельзя уполовинить в сердцах дорогу к Богу.

Кого ты половина, вакханка и весталка?
Спешит Адам из глины за Евой, как русалкой.

Не Ева ли от кости Адама появилась,
И с ним из Рая в гости на землю напросилась.

МОН-СЕН-МИШЕЛЬ

Н.Н.

Ты ведь знаешь, что в Лету не канет
Слово сердца из сердца в гортани.
Кто берётся меж нами за гуж,
Тот лишается родственных душ.
И настолько близка мне Европа,
Что о нашей с тобой Азиопе
Я в Европе ни разу не грезил,
Колеса по красивейшим весям.
Там довлел Михаил над Бретанью
В старом замке на евроукраине,
Волны моря ушли при отливе
И тюлени лежали лениво
Возле берега в иле и тине,
Загорая под солнцем пресиним.
Весь на солнце лучился Архангел,
Шпиль венчальный был сам, словно Ангел...
И смотрел я за море на волю,
Как на падре заправский католик,
Слыша звуки молитв на латыни,
Пребывая во храме, как в скинии.
Сон растаял в мгновение ока,
С горизонтами слился далёко...
Впрочем, знаю, что в Лету не канет
Слово сердца из сердца в гортани.

* * *

Не последний ли рыцарь этой сирой Европы,
Словно синяя птица, сделал былью утопию?
Но была ли то Ева? Нет, — летит в вышине
Орлеанская Дева на крылатом коне.

Тень Бориса и Глеба, христоносное братство,
В незахвачанном небе кровь Святых отражается.
Снова вехи и эхо, кто грядёт из тумана?
Братоборец и нехристь — Святополк Окаянный.

Приготовлен ли меч? установлена ль плаха?
Ни присесть, ни прилечь королю-растеряхе,
Королём был отстойным внук Марии Стюарт,
Ну, а умер достойно — в смерти аристократ.

Над Германией пламя, скрыт в Тюрингии посох,
Там, где горы, как память, в них ушёл Барбаросса:
Крестоносец и кайзер, взятый смертью стремительно,
До *египетских казней*, чтоб вернуться спасителем.

Что Испания? Прадо... и живая баллада,
Ломтик райского сада при Севилье с Гранадой;
Монсальват и Галаха, инквизиции страхи,
И Альгамбра, и Тахо, обнажённые махи.

У витальной Италии вечно девичья талия,
Ренессанс не летален, в нём весна обручальная,
А на Джотто и Данте королевские мантии,
С Рафаэлем гранатовый крест и плеск Адриатики.

Про дунайскую Вену не расскажет арена,
Запад венские стены заслонили от плена,
Супостата, как беса, одолел Ян Собесский,
За воскресною мессою сказки Венского леса.

* * *

Демократам охота якшаться с народом,
Но природа народов не приемлет свободы,
Для народных гуляний она суть помеха,
Со свободой народу уже не до смеха.

Что свободы народам? Сплошные прорехи,
И какие там (к чёрту) при свободах утехи!
Лишь когда мы в строю, нет занятий уместней,
Чем шагать за свободу по площади с песней.

А кому демократом станет быть неохота,
Тот пусть с братом и сватом перейдёт в патриоты,
Ведь доколе так надо, миром правят уроды,
Не мешая народам ждать у моря погоды.

* * *

В сыром и холодном апреле,
В таком, как сейчас за окном,
В горах, где ловились форели,
Планеты, как свечи горели,
Купаясь в озёрной купели,
На сорок второй параллели,
Сиятельно ночью и днём.

Природа там кланялась людям,
Спеша, бормотала река,
Нам мнилось, что нас не забудет
Удача без всяких прелюдий,
Что мы никогда не убудем,
Что молодость с нами пребудет,
Что в нашем запасе века.

Рыбалка. За красной форелью
Ловцы уходили с зарёй...
А было ли это в апреле?
Нет — летом, в июле — на деле,
Но воды с тех пор оскудели,
И нет в них искристой форели
Ни летом, ни звонкой весной.

* * *

Групповуха народных гуляний,
Одинаковость, хмурые лица,
Если люди – бескрылые птицы,
Им не нужен простор Океании.

Ведь без крыльев куда как удобней
В сплошь расчерченной жизни на суше
Петь за милую душу и слушать
Бред партийно-народных угодников.

Был Советский Союз, как «Титаник»,
Полон самых трухлявых амбиций,
Утонули бескрылые птицы
В групповухе народных гуляний.

* * *

Истматом, диаматом, ебьёматом
Не нас ли в вузах пичкали когда-то,
А нам хотелось больше шоколада,
Шампанского, свободы, променада.

Была та скудоумная эпоха
Скупа на – хорошо, щедра на – плохо,
С вожжами из глупцов и скоморохов,
И с жизнью, уворованной по крохам.

Там пели про тайгу и мирный атом,
Про эскимо, доступное солдату,
Пока не повернулось время задом
К истмату, диамату, ебьёмату.

Генсеков из старперов-саксаулов
Оно, не подавившись, как акула,
За считанные годы заглотнуло.
А где страна Советов? Ветром сдуло!

На глиняных колосс остался ножках
И рухнул, растворившись понемножку,
Весь вылетев в трубу или в окошко,
Всё видит Бог, Который – не Тимошка.

* * *

Что гениальность? — Простота,
Которой больше нет у взрослых,
Она загадочно чиста,
И говорят о ней не в прозе.

Была в Европе жизнь проста
Как для детей, так и для взрослых,
Но огорошил нас Тристан:
«Ослов хватает даже в Осло!»

Он без Изольды, он устал,
Ну, а Европа, ставши взрослой,
Остыла к храмам и к крестам,
Лишившись и Креста, и Розы.

* * *

Эгейское море, как звёздное небо,
С Кикладами спорят Спорады на гребне.
Киклады ли кружат, сближаясь с Делосом?
Спорады ли дружат с луной под вопросом?

Как россыпи звёзд, островные гирлянды,
Попадали в плёс, словно неба трабанты,
Они снизошли в изумрудное море,
Как всплески души из заоблачной глории.

Но разве не море купелью Европы
Взошло на просторе, не сделавши копию!
Как звёздная пашня, как синяя скатерть,
Волной расплескавшись грядущего ради.

Вода это — жизнь от рождения к смерти,
В воде отражается наше бессмертие,
Не в ней ли зеркало высокого Неба,
С которого души питаются хлебом!

* * *

Евразия – синоним Азиопы,
Она не может сделаться Европой,
Картошка, что посыпана укропом
Не станет европейским эскалопом.

Евразия в Европе, словно гопник,
Ей не нужны Вестминстер и Акрополь,
Она грустит и веселится скопом,
Через окно влезая в Европу.

И всё-таки, синоним Азиопы
Когда-нибудь обскочет всю Европу,
Ну, а пока, с сиропом, без сиропа,
Европе никчемушна Азиопа.

* * *

Там, где кончается Европа
Над покровами Океана,
Соседствует испанский шёпот
С приатлантическим органом.

Там есть обрыв, но есть и пристань,
Святой Иаков – страж Испании,
И пламенеет Реконкиста
В священной памяти предания.

За горизонтом каравеллы
Уходят к берегам Америк,
А в Андалузии капеллы
Намолены по мере веры.

Накаты волн ласкают ухо,
Орган подобен Океану,
Дитя и зрения, и слуха
Волна – супружница лимана.

На меловое побережье
Находят вечером печали,
Но радость бытия безбрежна
И Пиренеев дух витален.

* * *

Овидий в ссылку — с Эльбы,
А Бонапарт — на Эльбу,
Был у обоих дембиль
Безрадостно-бесхлебный.

Дом Солнца это — Небо,
Но только тот на гребне,
Кто в жизни подлым не был
И ничего не требовал.

До встречи в доме Хлеба,
Который есть — не Эльба,
Который есть — не мебель
В квартире фешенебельной.

Отбросится отребье —
Иуда, Энгельс, Геббельс,
И тех, кто не востребован,
Востребуют потребно.

Каким бы ни был дембиль,
Пускай он будет хлебным,
Не суйтесь вы на Эльбу
С душою непотребной.

Ни в Томи, как потребуют
Эдиктом нехвалебным,
Ни к Ватерлоо с требником
В горячке нецелебной.

Иначе, — в ссылку ль с Эльбы,
Транзитом ли — на Эльбу,
Не всё ль одно нахлебникам,
Оставшимся без Неба.

* * *

Вода шумит, озвучивая время,
Переливаясь лунным серебром,
Христос распят в пронзительном апреле,
Удар копья пришёлся под ребро,
Изъятое у Первого Адама
Всевышним, чтобы Еву сотворить,
А позже гибель Мастера Хирама
Продолжила связующую нить.

Минуло много лет с закладки Храма,
До тысячи, – и жертвою Христа
Был кровью смыт грех Первого Адама,
На чью могилу падали с креста
Сочащиеся капли свежей крови,
Дорогу братьям к миру указав,
Второй Адам спасает мир Любовью,
Мы Солнцу вместе с Ним глядим в глаза.

* * *

Торчим в очередях при коммунизме,
В политбюро медведи, но не гризли,
Старперы, что без всяческой харизмы, –
Живые экспонаты атавизма.

Со стен взирают «классики марксизма»,
В былых церквах музеи атеизма,
В советской прессе перлы мудакизма,
По блату достаются даже клизмы.

Тоскуйте, вахлаки, по коммунизму,
Который, мол, был пиком гуманизма,
Маньяк-убийца в молодости резвой –
Не человек и в старости облезлой.

* * *

Вряд ли выделки стоит овчинка,
За *Берлинской* остались *стеной*
Золотистые космы блондинки,
Что серебряной пахли луной.

Небо было заманчиво близко,
Расставания близился срок,
Хлопя снега, как звёзды, наискось
Зимним вечером падали впрок.

Мы друг друга давно не тревожим,
Ничего нам в прошедшем не жаль,
Никогда мы не станем моложе,
Не вернём тот счастливый февраль.

Может выделки стоит овчинка?
Вряд ли, время — немой часовой,
Золотистые космы блондинки
Все уже в серебре под луной.

Красота преходяща, как осень,
Как багрянец осенней листвы,
Ветер листья, сметая, уносит,
Ну, а люди разводят мосты.

* * *

А зимний Арарат похож на айсберг,
Заснежен воздухом, чей ледяной поток
Мечтает, как ковчег, о кушах райских,
Тоскуя об утраченном пространстве,
Растаявшем — на запад и восток.

Двуглавые вершины-близнецы
Напоминают более двойняшек,
Искрясь под солнцем, словно леденцы,
И возложив терновые венцы,
В просеянных голубизной тельняшках.

Не им ли ты подобен, Китежград,
Душой ушедший в воды Светлояра?
Два купола над городом горят,
Два купола под звёздами парят,
Как в небо опрокинутая пара.

* * *

*Не немецкое величье —
Покорять других мечом.*
Шиллер

СССР с Америкой,
Два недоросля, блин,
Бодалися в истерике,
Как в море корабли.

Том Сойер с Митрофанушкой
Хватались за грудки,
Кто б спел им баю-баюшки,
Ведь падали ж портки.

Где голос твой, Германия?
Пора из-за кулис
Подняться в Евростане
Тебе, но не на бис!

Ведь Западу с Востоком
Без Центра — никуда,
А не успеешь к сроку,
Опять грядёт беда.

Германия есть Центр, —
Не Запад, не Восток,
Ей быть бы должно мэтром,
Но бдит над нею рок.

Её один ефрейтор
На сторону совлёт,
И звук *волшебной флейты*
С тех пор, увы, умолк.

* * *

М.Н.

Славянское тепло и европейский лоск,
Вот польская душа, экстракт славянства – Польша,
У острова сирен забейте в уши воск,
И не ходите в Русь – на Могилёв и Оршу.

Нет в Польше короля, не правда ли, панове?
Там панночки рулят и пани наготове.
О чём звонит звонарь? О Чуде ли на Висле?
Всё снова, словно встарь, в местечке под Пшемыслом.

На Краков журавли летят могучим клином,
Забыт Талмуд Бавли в Галиции и в Вильно,
Израиль уж не здесь, но не сгинела Польша,
Сияет солнцем днесь святыня Ченстоховска.

В Варшаву ль? на Вольты? нас тянет, как магнитом,
Где дерзкие орлы из Речи Посполитой?
Спросите у души про тихие могилы,
В историю ушли Сапега с Радзивиллом.

Чудесная страна ясновельможных пани,
Скрипичная струна – в корчме ли? Нет – в гортани
Порвалась, а костёл не в сумерках, а в свете
Лучится под крестом, и ксёндз за всё в ответе.

* * *

Совету местечковых комиссаров
Буржуйские правительства не пара,
В нём новые кремлёвские бояре,
По-большевистски, истово корчмарят.

А вождь у них – преемник Чингизхана,
И зарится на мир лениниана:
«Мы одолеем смрад капитализма
И выйдем к горизонтам коммунизма!»

Был этот Ленин вроде Моисея
Для Радеков и разных ротозеев,
Который «вёл» их, грешных, «из Египта»,
Урвав марксистский жезл или скипетр.

Но «верный продолжатель и наследник»
Всем предпочёл державную «обедню»,
В которой места нет ни «светлояр»,
Ни всяким местечковым комиссарам.

Последних закавказский уголовник
Поставил на ножи, отсуесловив,
Они пожали страшное полымя,
Посеянное ими же самими.

И выдохлась химера коммунизма,
Взращённого на *сакро*-атеизме,
Пусть семь десятков лет лихого плена
Помогут людям выйти из геенны.

* * *

Лезут люди и народы
В жизнь, как в очередь за смертью,
Кто-то водит хороводы,
Лишь для избранных — бессмертие.

Время с Памятью, как сёстры,
На Земле, да и на Небе,
Человек — ведь это — остров:
Ессе Номо! Крест и требник.

Что есть Истина? Пилатам
Не ответить никогда,
Для Пилатов император
Всех важнее завсегда.

Индивиду Неба своды
Ближе, чем земные тверди,
Лезут люди и народы
В жизнь, как в очередь за смертью.

* * *

Никогда не видел мудрых стариков,
Много перевидев старых чудаков,
С той поры, как в детстве взялся за перо,
Ежедневно видя всё политбюро.

Ёрничал генсек, чмокая с трибуны,
Словно дровосек, дёргающий струны,
Целовал взасос каждого бесплатно,
Не бубня под нос, только троекратно.

А Союз шагал с песней к коммунизму,
Угасал мангал, не было харизмы,
Люди и страна умирали вяло,
Занавес — стена, не поднять забрало.

Годы пронеслись, нет давно Союза,
Вымер коммунизм в поцелуйных узах,
Постарел я сам, как и всё на свете,
Мудрых стариков до сих пор не встретив.

* * *

1

Стрельцы ли в клюквенных кафтанах,
Бояре ли – в брусничных,
Но допетровщина – не манна
Во всяческом обличье.

И нет в ней века золотого
В патриархальном свете,
Спроси птенцов гнезда Петрова,
Они тебе ответят.

2

Вернулись то-то на Москву
Адепты большевизма,
Который – страшный потаскун,
И столп азиатизма.

Знай, – только с берегов Невы
Россию ждёт удача,
А не получится, увы,
Опять быть песням плача.

* * *

Говорят мне: «Кто заказчик?»
Я указываю вверх,
От Него не ждёшь отдачи,
Если ты не маловер.

Ну и, значит, не пристало
Мне заказчиков других
Знать вне нашего с Ним стана,
Где нам быти не с руки.

Понадеялся на Бога,
Не плошай по жизни сам,
Вон – распутье, три дороги,
Выбор нужен небесам.

Выбирай дорогу правых,
В воскресенье не суббота,
И не жди от мира славы,
Коль заказчик твой – Господь.

* * *

Белым медвежатам

В серебряной Лапландии
Хрустальная зима,
Туда спешим мы к Санте,
Открывши закрома
Души навстречу снегу,
Как слову с небеси,
Там розовая нега
И не поймать такси.
Там ездят на оленях
В сиреневых санях,
Там память поколений
Безмолвствует в снегах.
Там белый медвежонок
Слоняется во льдах,
И носиком спросонок
Всё тычется балда
В загадочную льдину,
Без всяких без бадяг,
Где восемь урсулинок
В снегурочках сидят.
Приехали мы к Санте,
Как не сойти с ума!
В серебряной Лапландии
Хрустальная зима.

* * *

Плод должен быть запретным
Для страсти стопроцентной,
Где дамы и валеты
Не любят безответно!
Где пешка в королевы
Стремится, что есть мочи,
Где ферзь слона, как деву,
Глодает правомочно.
А туз конём не ходит,
Кто б ни был у руля,
Шестёрки же заводят
Придурка-короля.
Лишь козырным валетом
Покроешь даму летом,
Плод должен быть запретным
Для страсти стопроцентной.

* * *

Молодящейся старухой
Куковала Византия:
«На меня не быть прорухе,
Я восславлена витией.
Свет мой, зеркальце, послухай,
Я ль не краше всех на свете,
Дам любому оплеуху,
За базар мне всяк ответит.
Что милей: тюрбан султана?
Или шапка кардинала?
Я решаю, как путана,
Мне от тех и этих мало
Обещаний и гарантий
И на суше, и на море,
Императорская мантия
Не нуждается в подспорьях!»
Но ошиблась Византия,
Предпочтя тюрбан султана,
Ну, а город Константина
Стал Стамбулом в мусульманах.
Он под крики муэдзина
Просыпается с рассветом,
И всё плоше в паутине
Византии помнит лета.
Достославности бывшие
Не спасают в настоящем,
Пусть намеренья благие,
В ад они приводят чаще.
Не скапутилась ли Троя,
Оказавшись днём вчерашним,
Сделался Приам изгоем,
И до дна испил он чашу.

* * *

И дышит Средними веками
В нас осердеченная Прага,
Что не захватана руками,
И в Кёльн ведёт с дарами магов.

Волхвы на Рейне? — Но откуда?
Путь отмыкает Барбаросса?
Милан и Франция? Верблюды?
Нет, — венценосцев ждёт Каносса.

А мощи остаются в крипте
Взметнувшегося вверх собора,
Европа, благо, не в Египте,
И мумии ей — не опора.

Засим, германство и славянство,
Не надо войн во имя мира,
Меж вами Царь, который Пастырь!
Бог облачается в порфиру.

* * *

С тех пор как Боги вышли в люди
И нам сказали: «Други, будем!»,
Мы живы будем, не забудем,
Что путь богов тернист и труден,
Что путь людей тяжёл и скуден.
А рядом — фаустовский пудель
И вкусный шоколадный пудинг
От Мефистофеля на блюде,
С бутылкой шнапса, как с прелюдией.
И пусть Господь нас с ним рассудит,
От *князя мира* не убудет,
Он нужен людям на распутье,
Чтоб в Боги не совались люди.

* * *

Летний дождь не бывает долгим,
Как ледоход на Волге.
Услышав иволгу толком,
Сбей ледостав с толку,
Перекрестись втихомолку,
Вспомни про новогоднюю ёлку,
И женись на креолке.
С ёлки – шары – в осколки,
На хвойных ветках иголки,
Капли дождя умолкли,
Память, как перепёлка,
Уходит, но без ермолки,
В заросли от двустволки.
Не нравился комсомолкам
Мальчик у Христа на ёлке,
Молчал безъязыкий колокол,
Вокруг даже птицы смолкли.
Кого волокли волоком?
Поди разберись в кривотолках.
Бог был в России оболган,
А зубы сложил на полку
Коммунизм, не заплатив долга.
В размере? кто знает – сколько?
Сродни ледоставу в сполохах,
Или ледоходу на Волге,
Летний дождь не бывает долгим,
Пролился влагой из облака
И озарил светёлку.

* * *

Сны – это мысли наших сердец!
Где мы – на Висле? Нет, – в Орде!
Четвёртый век забеременел Пятым,
Из них – Alma Mater и Noster Pater.
На роды в истории уходят годы,
У веков есть коды, они – дети природы.
Разродись, история, сделай милость,
Над тобой и gloria, и слякоть, и сырость.
Столетия, по-разному, доходят до нас,
Одни – феерически, другие – без прикрас,
Одни – наяву, другие – во сне,
Надкуси айву и брось её в снег.
Девятнадцатый век разрешился Двадцатым,
Не войти в ковчег, повсюду солдаты,
Роды младенца прошли безуспешно,
Освенцим в Гулаге, и – тьма кромешная.
Вторая же половина века была гуманнее,
Утешимся этим вектором и сходим в баню.
Разве сны не мысли наших сердец?
Где коромысло, там начало, а не конец.

* * *

Без посредников-попов
Погутарим с Богом,
Кабы не было волхвов,
Не было б дороги.

В Вифлеем Звезда ведёт
Только многоверов,
В этом мире всё прейдёт,
Но не Бог и вера.

Без посредников-попов
Погутарим с Богом,
После царственных волхвов
Пастухам дорога.

Правда сердца приведёт
Пастухов к пещере,
Вера в Бога их спасёт!
Каждому – по вере.

* * *

Где Ричард Третий? Требует коня
Ямбическим пентаметром Шекспира,
Из рук Иорков выпала рапира,
В колокола Ланкастеры звонят.

А впереди столетие Тюдоров,
В грядущее вступает Engelland,
И пусть ещё далёко до Антант,
Вокруг душок Содома и Гоморры.

Для *белых роз* – роскошные гробы,
Для *алых роз* – короны с королями,
Европа, ты окажешься в Майами,
Британии величие добыв.

* * *

В стране колдунов и шаманов,
В стране тёмно-синих озёр,
В долинах молочных туманов,
Зовущих за горизонт,
Доносятся звуки металла
Из гулких зелёных чашоб,
Где в полночь звучит «Калевала»
И остров луной освещён.
При острове чёрная лодка,
Она над холодной волной,
А воздух из зёрнышек соткан,
И в лодке гребёт водяной.
Вернитесь, солярные руны,
Закутайте тайны в туман,
Здесь нет европейской фортуны,
Здесь судьбы решает шаман.
И бубен зовёт в Атлантиду,
В мертвятник за сонной рекой,
Вперёд, за могильные плиты,
В чашобы с их хвойной тоской.
Уйдём поскорее отсюда,
Страна та закрыта для нас,
Мы живы и ей не подсудны,
Воскрес наш единственный Спас.

* * *

Когда бы знал старик Ньютон,
Что будет офисный планктон,
Он отложил бы на потом
Тот самый яблочный синдром.

Когда бы знал красавца Кант,
Чей он в реальности трабант,
Он предпочёл бы прибаутки
Всем шуткам *чистого рассудка*.

Когда бы знал лихой Лаплас,
Что Бог – не версия, а Спас,
И что в *стакане* Бóга *ложка*,
Он право вышел бы в окошко.

Когда бы знал крутой Вольтер
Каков свободы адюльтер,
Он попросился б в монастырь,
И Богу бы сказал: «Прости!»

Когда бы знал Жан-Жак Руссо
Всё про шарлах и про виссон,
Он не оставил бы идей
Для *благородных дикарей*.

Когда бы знал плешивый Дарвин
Какой он станет куклой Барби
Для либерастов и марксистов,
Он не подался б в атеисты.

Когда бы знал брадатый Маркс
Каких наделает он клякс,
Он сбрил бы бороду и слёг,
Чтоб умереть без клякс и в срок.

Когда бы знал «премудрый» Энгельс,
Что вслед ему шагает Геббельс,
Он снял бы мудростную маску
И братьев Гримм читал бы сказки.

Когда бы знал «великий Ленин»
Про мавзолейный труп в геенне,
Он не покинул бы Европу
На свою собственную жопу.

Когда бы знал товарищ Троцкий,
Что альпеншток — совсем не клёцки,
Он не остался б в коммунистах,
А просто стал бы альпинистом.

Когда бы знал товарищ Сталин,
Что кумача вкусней ткемали,
Он на попа бы доучился,
И, может, большего б добился.

* * *

Я вошёл в параллельный поток
И в свою возвратился стихию,
Мне ль не дадено времени впрок,
По ходатайству Лии с Рахилью!

На земле меня держит эфир
Воскресения жизни во Боге,
Солнца свет и октябрьский мир
С листопадом, откинувшим тогу.

Но до устья ещё много миль,
А коса этой *бледной* всё косит,
Лию в зеркале видит Рахиль,
Заплетая ей волосы в косы.

Распусти их навек в водопад,
Чтоб вернулся пахучим апрелем
Тот весенний покинутый сад,
Где всегда соловьиные трели.

И сплети мне лавровый венок, —
Оберег от любых зазеркалий,
Кто вошёл в параллельный поток,
К райским кушам однажды причалит.

* * *

Гранитом скована Нева,
Живое кладбище России
Есть Петербург, как голова, —
Не сердце в будущем Мессии.

Увы, блистательная статья
Померкла города Петрова,
Не повториться ей опять,
Но вновь в начале будет Слово.

Ну, а от слова «Петроград»
Аж за версту клокочет смута,
Её забыть он был бы рад,
Ан — нет, сосчитаны минуты.

И Ленинграду не уйти,
Навеки в памяти Блокада,
Смешались разные пути,
Зашли осенние Плеяды.

Не льдом ли скована Нева?
Ты, Петербург, её осилил,
В тебе пронзительно жива
Смерть императорской России.

* * *

Свинец Атлантики в Бретани,
Но где бретонские крестьяне?
Где королевская Вандея?
Убита, провалив идею.
Она усопла, не краснея,
Залита кровью из Парижа,
Который, — на неё обижен,
С ней обошёлся, как мокрушник,
Как мнимый мститель за Картуша...
Свобода, равенство и братство
Опаснее, чем за коня полцарства,
Они в политике — химера!
А спросит кто — какого хера
За них пролито столько крови?
Поймает демократ на слове
Того, кто спрашивал, сурово,
И встанет в позу Казановы,
Ведь революция без блуда,
Как без предательства Иуда,
Ему нельзя не предавать,
А ей нельзя не блядовать.

* * *

Захолустное Чёрное море,
Где Овидий печалился в горе,
Неизбывно тоскуя по Риму
In sabbato sekundo et primo.

Истомившийся в Томи вестимо,
Августейшею ссылкой томимый,
Он хирел недалёко от Крыма,
Но не к Крыму тянулся, а к Риму.

Ничего не сравнится ни с Римом,
Ни с субботой sekundo et primo,
Август знал, что поэтом гонимым
Будет править в краю нелюдимом.

Лучше было бы в Ерусалиме,
Всё же ближе к Италии с Римом,
Или нет – никчемушны Пуримы
Тем, кто Эросу други без грима.

Где, скажи, Адриатики стимул?
Или Эльбы мягчайшие зимы?
Веселей бы уж солнцем палимым
На Сицилии жить анонимом.

Да, мертвецкий во Фракии климат
Без суббот – и sekundo, и primo,
Захолустное Чёрное море,
Беспросветное небо над взморьем.

* * *

В оранжевых песках
Оранжевый Египет,
Ряд желтоватых лиц
Пред Нилом пали ниц,
Здесь время у виска
И свежий воздух выпит,
Здесь время не спешит
И не меняет цвет,
Оно здесь просто спит,
Его здесь просто нет.
Не здесь ли, где в пески
Зарылись пирамиды,
Где годы от тоски
Пропали в лабиринтах,
Где траурно раскис
Коричневый рассвет,
Взошёл крылатый диск,
И как из гущи лет,
Из сонмища цветов
Восстал безвестный бог,
С которым Эхнатон,
Не одолевши слог,
Ушёл, сказав: «Атон,
И твой настанет срок!»
Но срок уже настал,
Скрытый в тайне лунной,
Его познал Пророк,
Спасённый из воды,
При нём явился в мир
Израиль полнолунный,
Спасительно восстав
С Архангелом *Среды*.
Меркуриальна ось
Исшествия из мрака,
Вот – винограда гроздь,
А вот – гранат и маки,
Израиль был там гость
В Египте безначальном,
Но надломилась трость,
И рабством опечален,
Покинул он страну
Болезную на Ниле,
Забрав с собой Луну,
Чтоб Солнце стало былью.

* * *

Жизнь текла величаво и плавно, как Нил,
Спал в реке фараон, как большой крокодил,
Говорят, что он солнце тогда проглотил!
Так? не так ли? – про время Египет забыл.

Переживши себя, не хотел умирать,
Пусть не думал он Нил поворачивать вспять,
В видах северных рек, где объявится тать
Показать человечеству Кузькину мать.

Динозавром Египет тогда вымирал,
Чтобы в Риме со дна император восстал,
Крокодила на Ниле ведь Рим отыскал,
То-то Цезарь в Египте в гостях побывал.

Клеопатру с собой он привёз и фонарь,
Юлианский грядущему дав календарь.
Что бывшее? Для власти – один инвентарь,
Повторяется всё не однажды, как встарь.

* * *

Созеркальна Исшествию
Жизнь Эхнатона,
Суть Израиля действенна
Откровеньем Сиона.
Невозможность Исхода
Для бывшего Египта,
Потерял он и коды,
И корону, и скипетр...
Эхнатон изошёл
Из него в одиночестве,
Перешедши в шеол,
Но оставив пророчество
О божественном дне
Светозарного Гора,
Не на Ниле, а вне –
На вершине Фавора,
Где грядут Моисей
С Илиёй при Мессии,
В созеркальной красе
И в полуночной скинии.

* * *

Пусть вождь, без малого, Пол Пот,
Коль он к победе приведёт,
Закроет рот в сердцах народ
И будет горд на век вперёд.

Вождем не нужен всякий сброд,
Для них народ – рабочий скот,
Который ходит не в разброд,
Чеканя шаг и в жар, и в лёд.

Народу ж нужен не урод,
Но страх, косящий под почёт,
И попечитель-кукловод,
Во всём премудрый наперёд.

Товарищ Сталин не умрёт,
Ведь он конём освоил ход,
И бац – задействовав цейтнот,
Расставил раком весь народ.

* * *

Россия, которой пока ещё нет,
Которая даст на вопросы ответ,
Её нам увидеть с тобой не дано,
Но нам ей с ответом помочь суждено.

Она опровергнет кровавый навет
И людям откроет заветный секрет,
Ей свет, как Христу, доведётся объять,
И миру поведать, – что есть Благодать.

Кто даст человечеству Новый Завет?
Россия, которой пока ещё нет,
В её закромах удивительный путь,
И Слово, в котором Соборная суть.

* * *

Если грек-фанариот
Встретит армянина,
Значит, будет гололёд
На Босфоре синем.

Друг до друга не могли
Дотянуться оба,
Разошлись их корабли,
Свидятся за гробом.

Потому и стал Босфор
Новым домом пришлых,
Не ходите за бугор,
Не теряйте крышу.

Где Галатия была
Местом пришлых кельтов,
Группа тюрок обрела
Свой очаг, как Дельту.

Не смогли через неё
Протянуть друг к другу,
Бычась, грек-фанариот
С армянином руки.

И остались без земли,
Растеряли гроши,
Разошлись их корабли,
Не сойдутся больше.

* * *

В природе не бывает Робин Гудов,
И всякий Чегевара — бандюган,
Как всяческий Иуда есть Иуда,
От них — кумач, могильник и курган.

Нужны ли власти мёртвые герои?
О да! — ведь ими легче управлять,
И шить на них костюмы гос. покроя,
И штамповать партийную печать.

А правда в деревянном макинтоше
На кладбище, под каменной плитой,
И чтут официальные святоши
Её, неся фуфло наперебой.

* * *

Е.Р.

Бархат сентябрьских сумерек,
Мягкий и нежный порог,
Нас не зовёт в Каракумы
Слово латинских эклог.

Нам бы податься в Тоскану,
Там есть раскидистый дуб,
Есть флорентийские маны
И католический сруб.

К автору славной эклоги
Мы по Италии днём
Римской мощёной дорогой
В светлый Неаполь идём.

Бачишь, Вергилий, Овидий
Сослан на чуждый нам Понт
Тем, кто твоей «Энеиде»
Дал паспортину, как зонг.

Мы же шагаем в Брундизий,
Магна Граеса родней
Риму, в который по визе
Входит не каждый халдей.

Это – Италия bella,
Альпы, Тарентский залив,
Скоро грядёт Колумелла,
Музы теперь на мели.

Десять провинций у моря
Нам не заменят ни Рим,
Ни на стихи мораторий
В римских садах до зари.

И, тем не менее, право
Надо валить за бугор,
Нынче владетель державы
Ромы, но не Апог.

Лирикам некуда деться,
Всюду мечи и щиты,
Сникли Тибулл и Проперций,
Прочим достались путы.

* * *
(1997г.)

Мёртвый голубь в фонтане с русалкой,
Чем запомнился шумный Брюссель,
Где русалка казалась весталкой,
Превратившей фонтан в карусель.
От русалок хвосты и охвостья
Изобильно достались нам днесь,
Но за них с нас когда-нибудь спросят.
Там? – Уверен, что всё ещё здесь.
Потому и в журчащем Брюсселе,
Над которым коричневый смог,
Мы других голубей проглядели,
Чтобы мёртвый нам голубь помог.
Как? Уйдя за кулисы, и Вену
Предоставив другим голубям,
Пусть Дунай, но не Волга и Сена
Взмахом крыльев ответит гробам.
И не в Вене ли сердце Европы!
Слева – Запад, а справа – Восток,
Ты, Европа, – почти Пенелопа,
Заждалась Одиссея в свой срок.
За тебя расквиталась Елена,
Умыкнутая за Океан
И в потёмки советского плена,
Где довлел магаданский туман.
Впрочем, Центру ещё в перспективе
И восстать, и рулить суждено,
У германцев такое в активе
(Нет, простите, до срока в пассиве),
Что никто их не сможет на дно
Опустить. Только надобно время
На восстание в жизнь из руин,
Дождается Всадника стремя,
Не лишилась Европа равнин.

ТИБЕРИЙ

Зачат под знаком Водолея,
Родись во знаке Скорпиона,
Потом подайся на Капрею
Без перевозчика Харона.
Ну, а с Капреи дуй в Магриб,
Чтоб умереть под знаком Рыб...
Нет, не в Магриб, но лишь к Лукуллу,
Ни прежних триб, ни Яникула,
Увы, не сохранила память,
Она на шее, словно камень,
Который тех на дно утянет,
Кто к сроку ноги не протянет.
Он на Лукулловой на вилле,
Тиберий – принцепс? или кесарь?
Он умирает, опостылев,
Себе и всем, и даже бесам.
Но он придёт, как королева,
И обезглавится на славу,
Затем прищурится лукаво,
Поэтом став отнюдь не левым.
Кто Первым Римом был воспитан,
Тот обречён быть с Римом Третьим,
Juno Regina есть Sospita,
Тикайте, взрослые и дети,
Из центра на периферию,
К глухой провинции у моря,
Вот только Троица – не трио,
Хоть радость может стать и горем.
Лишишься в поезде баула,
Направишь грабли к Яникулу,
Вне Семихолмья, без Лукулла,
Свой самовар беря и в Тулу.
Там нет фонтанов, есть лягушки,
Там вместо масла будут пушки,
Пусть кесарь всех имел на мушке,
Ему однажды быть Петрушкой.

ПОНТИЙ ПИЛАТ

I

Пилат сказал: «Я умываю руки»,
И точка невозврата позади,
Ни ангелам, ни бесам на поруки
Его не взять, и он с тех пор в пути.

Его дорога это – лунный тракт,
Его не ждут ни отдых, ни причал,
Кровь багровеет на его руках
Всегда с рассветом, в солнечных лучах.

Его не заточить и не убить,
Он сам себе тюрьма и голос сфер,
Не рвётся дней связующая нить.
Пилат, ты кто? – Я – римский Агасфер.

II

Навеки малодушному Пилату
Не быть забытым доля суждена,
Он стал для Новой эры Геростратом,
Когда взошла кровавая луна.

При ком свершилось Таинство Голгофы?
При Понтии Пилате – игемоне.
Истории достался римский профиль,
Мистерию правитель проворонил.

Он спрятаться от солнца ровно в полдень
Пытается и в праздники, и в будни,
Найдя окрест какой-нибудь колодец,
Но крест над ним во время полудни.

А на кресте из траурного древа
Двенадцать звёзд, ему отверзтых днём,
Скорей бы полночь, чёрная, как чрево,
Которая не помнит ни о ком.

Он хочет быть забытым и забыться,
Устав быть притчей на устах у всех,
Круговорот и память в скорбных лицах...
Как раствориться в смерти насовсем?

III

Так, не отбрасывая тени,
Всегда вдоль времени Пилат,
Идя, как память поколений,
Сойти с орбиты был бы рад.

Однако, – как вину изгладить?
Как оправдаться пред Христом?
Утратил римлянин Палладий,
Забыл дорогу на Восток.

Разочарован этот странник
На все от века времена,
Он – неприкаянный изгнанник,
В ком человечества вина.

И воды Понта над Пилатом
Опять смыкаются в ночи,
Ночь завершилась новым патом,
Как путь из судей в палачи.

Он – *копьеносец*, как Квириний,
Кто уронил своё копье,
Его у яростных эриний
Земная смерть не отобьёт.

Сзывая тени всех, кто умер,
Законам всем наперекор
Он век за веком, обезумев,
Свой отзывает приговор.

КАЛИГУЛА

Безумец на троне и шут при короне,
Он нёсся навстречу беде,
В лихой колеснице, вокруг Рима, со склона...
Кто выронил вожжи? Возница дракона!
И, как Фазтона, несли его кони
К последней при жизни черте.

А путь был всё круче, Гай бился в падучей,
Свирепый избранник Луны,
Чертями окучен, к Луне приставучей,
Стремился он в тучи, Юпитеру – лучше,
Нептун же – везунчик, двойник его жгучий,
С трезубцем на гребне волны.

Тиранам нет дела до мёртвого тела,
Им боги не в силах помочь,
Калигула вспыхнул костром оголтелым,
Занёсся над Римом и пал очумело,
С геенной в душе, что до тла не сгорела,
В бездонную чёрную ночь.

Клинками повсюду проткнут и изрублен,
Сыграл ли он в кости с судьбой?
Ему бы шаманом гортанить под бубен,
Но нет, он провластвовал, словно в отрубе,
И тенью пропал в окровавленном срубе,
Забрав свою тайну с собой.

КЛАВДИЙ

Дядюшка Клавдий, как *дедушка* Август,
Он – не Калигула и не Тиберий,
Он разберётся с конюшнями Авгия,
Всех в дебилизме своём разуверив.

Лишь недоумок с глубокого детства,
Небо коптя без чинов и постов,
Зная всегда своё жалкое место,
Был он для близких невсходный росток.

Преторианцы (ль) его отыскиали
За занавеской в покоях дворца,
И, не моргнувши, на царство позвали,
Цезарем сделав с лицом без лица.

Пусть Мессалина походит налево,
Ставши цесаркой в столь юных годах,
Ей, нимфоманке, даровано тело
Суть ненасытное Риму во страх.

Правь, император, напару с сенатом,
Первый меж равных, как хочет закон,
Царство стяжал ты по крови и блату,
При дефиците наследных персон.

Клан вымирает, ведь власть это – давка,
Рим же, увы, превратился в бардак,
Дядюшка Клавдий – не *дедушка* Август,
В Цезарях он, потому что – мудак.

1587г.

(международная панорама)

Филипп снаряжает «Армаду»,
А вскорости Генрих Бурбон,
Столицу за мессу сосватав,
Воссядет в Париже на трон.

И скоро уже Лизавета
Марию Стюарт догнобит,
Теперь её песенка спета,
Доигран шотландский гамбит.

Давно позади Реконкиста,
Ислам отступил за пролив,
Сейчас на повестке Конкиста,
Ведь всем не хватает земли.

Германия скоро увязнет
На годы и годы в Войне,
И Рим, и Париж её сглазят,
Как греки в троянском коне.

В Московии Фёдор Иваныч
На троне сидит, не руля,
Бояре же ставят капканы
И царство Бориске сулят.

Но Польша надуется спесью,
Пойдя на московский Восток,
Чтоб дать католической мессе
Восточно-славянский простор.

Османы на Тигре, на Ниле,
И Буда для них не всяк,
Им Азии дух опостылел,
У них на Европу стояк.

В Иране у шаха Аббаса
Дела и дела впереди,
Вот только Иран без каркаса,
И Кира ему не родить.

На Ганге Великим Моголам
Не вжиться в индийскую роль,
Отлично от прежних монголов
Им местный неведом пароль.

Китайцы в офсайде, за стенкой,
За мглой гималайских вершин,
Полвека ещё — и в застенки —
К маньчжурской династии Цин.

Индейцы обеих Америк
Пошли от Европы вразнос,
И как им болезненным проверить —
Какой на Америку спрос?

Кому Абиссиния внемлет?
Себе лишь вдали ото всех,
Её раскалённые земли
Всегда в первозданной красе.

Нет, други, мы лучше отчалим.
Куда? — На юга — и вперёд!
Ещё не открыта Австралия,
И нас Океания ждёт.

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

Кипр – Савл становится Павлом,
Только тернии это – не лавры,
Жало в плоть – не удел бакалавра,
Слово Бога – совсем не литавры.

Обращённый, крещён Сергей Павел,
Предпочло время Павла Варнаве,
Ибо Павел пошёл против правил,
Не во имя своё, а по праву.

Но права во Христе это – слава
Сораспятия Богу в расправе,
И не в Павле ли Бог нелукавый
От Христа безо всякой державы!

Жертва Бога – не жертвы в дубравах,
Боги старые – только оправа,
На дорогах, что верою правы,
Павлом пишутся новые главы.

Нет нужды боле в прежних заставах,
Пострадал же Христос за бесправных
В человечестве нового сплава
Из избранников в Боге по Павлу.

* * *

Оливковая ветвь,
Протянутая Павлом,
А в ней солярный свет
И слово против правил.

От киликийских врат
Дошёл он до Гадеса,
Поставив детский мат
И Зевсу, и Гермесу.

В Афинах обращён
Им муж Ареопага,
Эфес накрыт плащом
Не колдунов и магов.

Настали времена,
Когда неважен сонник,
У Истины до дна
Не дно, а много доньев.

Уходит Дионис,
А Аполлонов лавр
Упал с Олимпа вниз,
Где Рим заждался Павла.

РИМ

Не поладил с жизнью, подружись со смертью,
Сон, по жизни, — брат ей, а сестра — разлука,
На вопросы эти кто, скажи, ответит?
Тот, кто встал с рассветом и идёт за плугом.

Борозда Ромула — бесконечность плуга,
Брат пошёл на брата, от братоубийства
В мир родился Город, взятый на поруки
Ненасытным Марсом, сделавшим свой выстрел.

Семь холмов в обзоре, но восьмой — далече.
И не старше ль Янус зрелого Сатурна,
Уступил ему он Рим грядущий, встреча
Та имела место за века до Турна.

Странники на Тибре — беженцы из Трои,
Кумская Сивилла указала беглым
Эту юдоль, выбор вешнею порою
Сдул тогда с Европы азиатский пепел.

Рим взращён волчицей и представил миру
Импульсы дневные от семи созвездий,
Станет всякий борзый Пирром из Эпира,
Если навострится Рим спровадить в бездну.

Не поладил с жизнью, подружись со смертью,
Вечный город знает, как с ней сговориться,
Обручённый смертью, ныне он бессмертен,
Но расставшись с прошлым и крестившись в лицах.

* * *

Гаруспики по печени гадают,
В ней гороскоп вселенной отражён,
Дымятся потроха, и, может, знает
О будущем багровый их ожог.

Этруски понимают с полуслова
Зачем нужна нам красная строка,
Все знаки препинания условны,
А Лета есть — забвения река.

Приходят из Этрурии по кличу,
Уходят, Риму знак истолковав,
Их кредо суть — не vini, vidi, vici,
Они, — как Океана острова.

Стихия их свела в архипелаги,
Которые укрыты от людей,
Они ушли в лагуны, словно в саги,
Где в масках и злодей, и чародей.

Покиньте мир, тирренские пираты,
Этрурия из Леты в Океан
Сумела выйти, взяв с собой Пенаты
И весь гаруспикальный караван.

* * *

Живи поэт, не большевея,
Иначе можно завшиветь,
Ведь власть такая лотерея,
Что из трубы не выдуть медь.

И всё же Мастер не вшивеет,
Когда он Мастер, а не срач,
И не левеет, не правеет,
Ни пешим ходом и ни вскачь.

Власть – только руки брадобрея,
Но без неё никак нельзя,
Она с поэтом в лотерею
Играет, прячучи глаза.

Ей лезть заместо панацеи,
Её от мастера вкусив,
Она его же поимеет,
И душу превратит в курсив.

И глиною забив трахею,
Над ней поставит монолит,
И притворится Бармалеем,
Незнайкой у могильных плит.

Засим, живём, не большевея,
Ценя свободу и язык,
А Тем поклон, Кто брадобрею
За нас подставили кадык.

* * *

Омывает зелёное море
Берега поднебесной Эллады,
В беломраморных храмах, как горе,
Дух царит декаданса с распадом.
Олимпийские вымерли боги,
Разорвав все былые завесы,
Но спаслись до поры синагоги,
Посылавшие идиолов лесом.
И звучало усталое «Авве»,
Как из уст, так и в душах еврейских,
В дни, когда к ним из Азии Павел
Приходил через море Эгейское.
Так, дерзай же, Апостол язычников!
Переросший родное еврейство,
Из которого вышел ты зычно,
В мир с благою направившись вестью.
Не престав быть евреем евреев,
Но отвергнувши старый Израиль,
Не Иуду, а гавань Пирея
Со вторым ты рождением поздравил.
И сошлись, обойдя синагоги,
На вселенских отныне широтах
К Богу в Новый Израиль дороги,
Во Христе павлианские квоты.

* * *

Они почали Кельтику в пути
И вышли из пределов Галатийских,
Чтоб дальше через Фригию пройти,
И в Мизию попасть, как в зону риска.

Ни в Асию, ни до вифинцев Дух
Не допустил их с проповедью Слова,
В Троаду приведя не на беду
Со спутниками Павла не в оковах.

Ему была Европа суждена
От Трои, где когда-то стартовала
Эллада, пробудившись ото сна
И став Европы первеницей в алом.

И если Александр на Восток
Шёл ратно ради Запада когда-то,
То Павла Бог направил точно в срок
С Востока курсом на грядущий Запад.

УСПЕНИЕ

Был полон августовский зной
Благоуханием успенским,
Благоговейнейший озноб
Нас обнимал в тот вечер венский,
Когда за день колокола
Хрустальным звоном отзвонили
В Небесной Славы зеркала
И своды в вышних отворили.
Бывает только раз в году
Таким пречистым чувство Рая,
Что даже грешники в аду
Ему пронзительно внимают.

11.11.2018г.

Сто лет минуло с бойни, перевернувшей мир,
И выведшей Европу за тридцать лет в офсайд,
Про Пиррову победу и Валтасаров пир
Ещё вам предстоит создать достойный сайт.

Не сказано о тех печальных временах
Пока правдивых слов всем вракам вопреки,
От них берут исток Берлинская стена,
Убийственный кумач и свастики курки.

Былое не вернуть, его не отыграть,
Ведь мы идём вперёд и нет пути назад,
Но надо нам, при всех условиях, понять,
Что погубило тот таинственный расклад.

Иначе не минёт нас горький рецидив,
Иначе не грядёт Европы ренессанс.
Как вам, друзья, ступить на верные пути,
Зависит – doch – от каждого из вас.

* * *

Пересмеяли коммунизм
Мы – молодёжь Восьмидесятых,
Когда вокруг царил цинизм,
На анекдоты щедроватый.

И одолели, пусть не все,
Сумбурный хаос Девяностых,
Чтоб в Нулевых взошёл посев
Тысячелетию по росту.

Ведь миновал не только век,
Но миновала мириада
Лет, и остался человек
Лицом к лицу со злом из ада.

Ему бы Бога обрести
Без пересмешников и кормчих,
Иначе душу не спасти,
И будет вместо жизни прочерк.

* * *

Когда в блокадном Ленинграде
Погиб петровский Петербург,
Нет, – допогиб уже в блокаде,
Замкнувшей комиссарский круг,
С него посмертно сняли маску,
Чтоб не порвалась связь времён,
Чтоб в памяти осталась сказка
И *Век Серебряный* вдогон.

* * *

Печальнее, чем клоун, только клоун,
Себя пересмеять, увы, нельзя,
Ему хотелось с детства жить в Памплоне,
А он попал не дальше, чем в Рязань.

Смесишь других, останешься без смеха,
Лимит на все улыбки исчерпав, —
Сапожник без сапог, — вот так потеха,
И к ней ведёт народная тропа.

Цирк опустел, опилками не пахнет,
Вон облачился в траур первый ряд,
А в нём печальный клоун, стопку жажнув,
Жизнь провожает в мыслях до Карпат.

Она прошла, нет, промелькнула спешно,
В ней старый клоун счастье проморгал:
«Всё только миг — смеётся пересмешник —
Спектакль сыгран, занавес упал».

* * *

Истории присущ и аромат,
Который может превратиться в смрад,
Менять ей показания не ново,
Она к таким внезапностям готова.

Капризная стареющая дама
Химичит и в хоробах, и в вигвамах,
Историк с её Музою в союзе,
Давно нерасторжимы эти узы.

История опять срамная девка,
Ей сверху задаётся нужный вектор,
И под кого ей надобно ложиться
Ответственные вновь решают лица.

* * *

Евразия сегодня в русской моде,
С Батыем Русь теперь в одной колоде!
А был ли мальчик? – кто, скажите, спросит?
Ну был, но – с пальчик, и коньки отбросил.

Кто навязал монгольское вам иго?
Не Пётр ли, сложивши пальцы в фигу?
Чем он угробил лубочную сказку,
Озападнив Россию под завязку.

Стал дворянин балакать по-хранцузски,
Для мужика отныне – чёрт нерусский,
И отдала себя почти что даром
Россия большевистским комиссарам.

Но час пришёл, сыскались два грузина,
Срубившие *Иудину осину*,
И, как русификаторы марксизма,
Дорогу протаранили русизму.

Ещё Радищев начал это дело,
В откатный путь пустившись неумело,
С тех самых пор куражится злословие:
Назад – из Петербурга да в Московию!

Вот вам и евразийская проблема,
С её противозападной эмблемой,
Однако, на дворе ещё не вечер,
И будут впереди на Эльбе встречи.

* * *

Россия это — столп и часовой
Добра и зла, весы — не коромысло,
Святая Русь в ней борется с Ордой,
С азиатизмом, с «синей бородой»,
И с западным безбожием из мысли.
В грядущем Самодух и Водолей
Её опознавательные знаки,
Купало, королевич Елисей,
Целебник от Луки, зеница зрака.
А времена уходят в никуда,
И восходя циклической спиралью,
Из них сочится *белая вода*,
Несмешна с кровью в чаше Парсифаля.
Иван-царевич и Иван-дурак,
Два Иоанна видятся за ними,
Креститель Богослову сделал знак,
Их целокупность время не разнимет.
Россия это — Тихий океан,
Его эквивалент на углой суше,
В ней Пачифиду видишь сквозь туман,
Но ты в неё взглядишь, услышь, послушай.
Стране и сфере будущих высот,
Ей, как царице света синеокой,
Завещано раскрыть пасхальный код,
Завещана загадка *Белых вод*
И Третье осердеченное око.

* * *

В небо опрокинутые горы
В синих отражаются озёрах,
Вышли из нордических фиордов
Викингами будущие лорды.

На судах, стремительных, как птицы,
В плен они забрали царь-девицу,
Говорят, что в землях Альбиона
Их считали чадами дракона.

И на Русь пришедши как варяги,
Дав ей государственные флаги,
Здесь они железною пятою
Утвердили царствие земное.

Правда, всё случилось слишком скоро,
Точка не оформилась опоры,
Ход времён пришлось уравновесить,
И на Русь ярлык Орды повесить.

Так простёр нордические крылья
О́дин – от Руси до Альбиона,
Где-то вроде сказку сделав былью,
Ну, а где-то местным став драконом.

И с тех пор валькирии летали
Над простором очень-очень талым,
И в полёте души добывали,
Чтобы переправить их в Валгаллу.

Под крестом в Нормандии был Ролло,
На Руси к кресту припал Владимир,
Только вот язычества осколок
Не избыт ни там, ни тут вестимо.

Перебивши крылья исполинов,
Время им оставило в наследство
Русскую хандру с английским сплином,
Память и языческое детство.

* * *

Синим троллейбусом Шестидесятых
Я путешествовал в детстве крылатом,
Этот маршрут для меня кругосветным
Был как зимой, так и вечером летним.

Площадь Вокзальная виделась стартом,
Площадь Центральная – пиком на карте,
Верхний и Нижний грассировал город,
Плавно плывя мне навстречу не в шорах.

Две половины маршрута делило
Русло реки, что текла среброкрыло,
Правобережье и левобережье,
Небо над ними, платаны и свежесть.

А над горой огоньки телебашни
Под облаками мерцали изяшно,
В свет фонарей окунались проспекты,
Небом даётся пожизненный вектор.

Замысловатость крутых переулков
Снова и снова звала на прогулку,
Звук мостовых разносился со звоном,
Были трамваи подобны бизонам.

Где те, скажи, миражи, повороты,
Запах листвы и миндальные квоты?
Где изумление миру и людям,
Чудо и чувство чудесных прелюдий?

Родина – Детство, не страны, не этнос,
Именно в детстве Земля кругосветна,
То, что усвоили в нём человеки,
С ними потом до скончания века.

* * *

Кто рано умер и пропал в ночи,
Оттуда отзовется прежде многих,
От рая Пётр вверит им ключи,
Своим у Бога — сирым и убогим.

Свод неба на Купалу тяжелей,
Чем темнота в любое время года,
Но чем темней природа, тем светлей
Плоды души, осилившей невзгоды.

В июне выдыхается Земля,
Чтоб в лёгкие вобрать до Новогодья
То, что сокрыли в кронах тополя,
То, с чем снега венчаются в природе.

Кто поздно умер, — исчезай в ночи,
И отзовись оттуда раньше прочих,
От рая Пётр вверит тем ключи,
Кто сделались сердцами непорочны.

* * *

Ступая за пределы
Земли на Покрова,
Сойдёт с неё не тело,
Не страсть, не голова,
Сойдёт с неё ко звёздам
И к вечности спеша,
Её вобравши воздух,
Бессмертная душа.

* * *

Здравствуй, Сенека, пестун Нерона,
Воспитал ты и вправду Тифона,
В мир впустив настоящее *чудо*,
И не только лишь чудо, но *-юдо*.

Ученик твой ушёл в кифареды,
Возмнил себя кесарь поэтом,
Не сумел ты привить ему волю
Беспредел барчука приневолил.

Тварь творца пожирает нередко,
Франкенштейн — это чёрная метка,
И рождённому римской волчицей
Дал ты, Сенека, маски и лица.

Лицедей в палацах, как кудесник,
Шут гороховый, бука, прелестник,
У Нерона душа-недотрога,
Как кифара на *via*-дороге.

Он — продукт философии стои,
У истории Рим на постое,
Но история Риму — не Клио,
Не Давид, не Рахиль, и не Лия.

Заключил Рим историю в узы
Смертным взглядом Горгоны-медузы,
И в лице всякоразных Неронов
Передал её сонму тифонов.

* * *

*Учись же мыслить сердцем
И чувствовать — умом.*

Гёте

Как то, что скрывал этот храм за завесой,
Взошло от Голгофы таинственной мессой,
Так Гёте, узнавший в себе Парацельса,
Поставил науку на новые рельсы.

И надо в себе распознать-распогодить
То **Я**, что в тебе никогда не преходит,
Уходят и Гёнир, и Лёдур, и Один,
Светило Христа — три глагола в природе.

И *думать* — один из глаголов сакральных,
А *чувствовать* — второй глагол из зеркальных,
Волить же — вот третий глагол обручальный,
Природа троична, поступки витальны.

Оставь позади латинянина Цельса,
Христос — врачеватель, сорвавший завесу,
Стань гётеанистом и автором мессы,
Взошедшей в душе из крутого замеса.

* * *

Одна душа благоухает,
Другая приторно смердит,
Посмертно души распознает
Мир ясновидцев без гардин.
Но ясновидцы не узнают
О сердце, бившемся в груди,
Сердца прижизненно сгорают
И нет им с душами пути.

ZUM RAUM WIRD HIER DIE ZEIT

(...и Время здесь становится Пространством)

Летопись Апостольского века
Я решил восставить из руин.
Где потомство Сарры и Ревекки?
Журавлиный где в Христовом веке,
Лии и Рахили звёздный клин?
Изошли двенадцать Патриархов
В дюжину Апостолов Христа,
Дух восставлен Фениксом из праха,
Дух сошёл на души, – не на плаху,
Кровь преобразилась в Духа стан.
Время здесь становится Пространством,
И Пространство Временем горит,
Славится апостольское братство,
Выйдя в человечество, как в паству,
Вестником сиреневой зари.
Век уходит вдаль, за горизонты,
Все века дальнейшие объяв,
Силуэт в нём видится и контур
Всех земель Земли, любого Понта,
Люди – не Иаков, не Исав.
Нет теперь раскола среди братьев,
Богу человеческого **Я**
Вышние от Неба служат рати,
И ведёт двенадцать в Духе братьев
Сам Христос путями бытия.

* * *

История злопамятна, как слон,
Но всё-таки, отвесим ей поклон,
Она без нас, как время без часов,
Мы без неё — шпана без тормозов.

Уроки из неё не извлекают,
Она за это строго нас карает,
Её законы люди пишут смело,
Живут же по понятиям умело.

Капризна и, однако, справедлива
Истории повсюдошняя ксива,
К ней подкатить за взятку невозможно,
С ней обращаться надо осторожно.

Ей не по силам удержать нас в рамках,
Её творим мы, метя только в дамки,
Ну, а она всё ставит нас на место,
Как женихов откатная невеста.

С ней не считаться — будет только хуже,
Ведь без неё бывшее сядет в лужу,
Да и в грядущем станет не до истин,
Поскольку настоящее прокиснет.

* * *

Глаза убийцы у степного волка,
Но в них зарницы,
А над ним двустволка;
Соцреализм,
Но не пойму я толком,
Где атавизм?
И в чём же тут подколка?
Взгляд лабрадора
Чист и добронравен,
Он помогает правым против правил.
Стань, серый волк,
По жизни лабрадором,
И ящик не откроется Пандоры.

* * *

Кончай уже опровергать
Учёных дураков,
Наука – старая карга,
Её удел таков.

И глуп её консерватизм,
Не видящий ни зги,
Напоминает он стриптиз
Старухи Изергиль.

И нет дороги ей туда,
Где Истина у дел,
Она – не рыбка из пруда,
Бардак – её задел.

И ни синиц тебе в руках,
Ни журавля над миром,
Блюдут науки потроха
Лишь фавны и сатиры.

* * *

Морских бродяг-финикиян
Несёт к столпам Мелькарта,
А за столпами Океан,
И нет его на картах.

Он в бесконечность обращён
На запад от пролива,
Накрыт водою, как плющом,
Свинцового разлива.

А что за ним? – скажи, Мелькарт,
Блюститель горизонтов,
Твоим гребцам сам чёрт не брат
Ни в жизни, ни в фиордах.

Но Запад до поры молчит,
Открыты юг и север,
Где есть и к Африке ключи,
И скандинавский веер.

Нет, вам Америк не открыть,
Друзья-финикияне,
Вопрос же – быть или не быть?
Для вас неактуален.

Вы обогнули на югах
И Африку, и Сабу,
Решив, что правды нет в ногах,
Правдивей, мол, корабль.

Однако, путь в страну Офир,
Не вами, други, найден,
И с носом вас, Сидон и Тир,
Чужой оставил дядя.

* * *

Палач, как скоморох на эшафоте,
Подкидывая вырванный язык,
Тупую чушь для публики городит,
Ведь зритель к шоу-казням по привычке.

Крестом нательным жертвы оснастившись,
Чтоб чин благообразно соблюсти,
Он – любящий отец своих детишек,
Предписывает ей его простить.

Печальный глаз – палаческое кредо!
На воле в чистом поле не гулять
Тому, кто эшафота кровь отведал,
Тюремщиком успевши побывать.

* * *

Ладан поднимается от сердца,
В сердце надо вслушаться, всмотреться,
Нет ему покоя ни по жизни,
Ни за гробом в смертной антрепризе.

Сердце дышит ладаном, как души,
В поисках спасительных отдушин,
Нет ему дороги в царство Света
Без Любви и Нового Завета.

Золото же – солнечно и млечно,
Не Стрелец ли солнцем осердечен!
Тетива, натянутая туго,
Козерогу шлёт привет, как другу.

В золотых снегах грядёт Сочельник
К нам в солярных сумерках вечерних,
Чтобы дать волхвам, как страж порога,
Солнечное золото в дорогу.

Будет Человек помазан смирной,
В смерть благоухающее мирро
Заберёт его из жизни брэнной
И восставит Богом во вселенной.

Смирна погребальна и воскресна,
Жизнь со смертью, по-сестрински, смесны,
Эти сёстры – близнецы во Духе,
Ангелы – и зрения, и слуха.

Тройственны дары волхвов с Востока,
Ладан, Смирна, Золото, как око
В те миры, где Парфия и Кельты –
Знак Христа от Лучезарной Дельты.

* * *

Все, кто из Нижнего Тагила,
Вперёд – до Верхней Вольты,
Социализм там входит в силу,
И им нужны герольды.

Поможем строить базу им,
Счастливейшим из смертных,
Но не беря с них ни калым
И ни лаве в конвертах.

Народов дружбы не разъять,
Ведь на взаимном конто
Пути людей – ни дать, ни взять –
К счастливым горизонтам.

И Энгельс с Марксом – бой-мужи,
С серьгой каждый в ухе,
И в Верхней Вольте Ленин жив
Тагилом Нижним в духе.

* * *

Птица Сирин обвивает душу,
Птица Феникс восстаёт из пепла,
Взмах их крыльев каждый может слушать,
Но не каждый глух и верит слепо.

Если слеп Гомер и глух Бетховен,
Это значит, что с людьми всё круто,
Им не надо умыться кровью,
Кровь – носитель **Я** и солнце утра.

Волны разбиваются о скалы,
Цепи гор шербаты, словно челюсть,
Благо, консонанты не вокалы,
А вокалы – звуков бестелесность.

Взмахи крыльев – отзвук вод на суше,
Царство Духа есть не царство страха,
Птица Сирин отмыкает душу,
Птица Феникс восстаёт из праха.

* * *

Генечка Ягода, Янечка Агранов,
Те ещё уроды ленинского стана.

Этих самых бестий не на голом месте
«Правда» и «Известия» прославляли вместе.

На путях заправдашних, там, где все в ответе,
Место у парашаи их и на том на свете.

Пусть в геенне чалятся, как в пустынной прерии,
Много лет пад палицей Микояны с Бериями.

Ох, гореть болезным им не в Небесном Царствии.
Кто вы, если не гоим? — Сволочь государственная!

* * *

Не просмотри за телом душу,
Которая непреходяща,
Ведь тело может стать и тушей,
Не оставаясь в настоящем.

Им наслаждаешься в любимой,
Но сохранить, увы, не можешь,
Ведь время неостановимо,
И всё, что временно, то ложно.

Но если ложное так вкусно,
Вкуси его по жизни в меру,
Чтоб в ноябре дождливо тусклом
Душа к душе прильнули с верой.

* * *

Двадцатый век старел, а мы взрослые,
Теперь стареем мы, взролеет новый век,
Его не пережить в физическом нам теле,
Но можно пережить делами, взяв разбег,
Который нами взят в уже минувшем веке,
С зарядом на времён таинственную суть,
В которой заплутать не должно человекам
Ни завтра, ни сейчас, и ни когда-нибудь.
Тысячелетний стык — наш знак над временами,
Немногим ведь дано на этих стыках жить,
Пусть людям и земле завещанных не нами,
Решаем только мы — нам быть или не быть.

* * *

Отшумевшие страсти,
Отсиявшие звёзды,
Что, сгоревши, погасли,
Словно битые козыри.
Это будет на Пасху,
В бирюзовое озеро
Пустит старую сказку
Глаз, сверкающий прозеленью.
И доставят с оказией
От русалок из озера
Нам на лето и на зиму
И нектар, и амброзию.
А сказать про Евразию
Заповедано прозой нам,
И Европу, и Азию
Ночи потчуют звёздами.

НЕРОН

Убивший брата, мать, жену
Нерон спешит и вверх, и вниз,
Свою он чувствует вину,
Но бремя власти, как стриптиз.

И кесарь тот же стриптизёр
В театре жизни на подмостках,
Кто в паре с Клио есть актёр,
Судьбой раздетый не по росту.

Ему с кифарой бы дружить,
Ну и кормиться ремеслишком,
Ан нет, пришлось, увы, царить,
Хотя была не в этом фишка.

Кто непорочен в мире сём?
Таких людей Нерон не знает,
Фрейд перед ним – ни то, ни сё
В психоанализе без края.

Его нельзя остановить
Иначе как искомой смертью,
Им династическая нить,
Решив прерваться, круто вертит.

И не прибрать его к рукам,
Пока у зла не вышли сроки,
Закон не писан дуракам,
А деспотам лишь смерть уроком.

В кишки он дьявола полез,
И углубился без возврата,
В нём правит бал не мелкий бес,
И нет ему пути обратно.

* * *

Евразийцы не знают, что они в Азиопе,
И напрасно ищут Соломоновы копи.

Но куда им деваться, если выхода нету
В царство белых акаций из советского гетто?

Не Советы ли были уже Азиопой,
И вконец отдалили от России Европу?

Впрочем, разве Россию в Европах уместить?
А Евразии ксива с Азиопой совместна.

* * *

Перебирая годы, словно чётки,
Пусть о невзгодах память помнит кротко.
Не осуди в годину смуты брата
И упаси бывшее от распада.
Но упаси его и от возврата,
Возвратной нам архаики не надо.
Перебирая чётки, словно годы,
Возьми у них шепотку соли с кодом.

* * *

Я не встречаю вёсны на улицах заречных,
Мне как-то ближе осень и европейский вечер,
Но сыплется с экрана киношек мириада
И потчует болванов советским пеплопадом.
Нельзя ли ностальгию по юности ушедшей
Не путать с летаргией Фуфляндии кромешной!
Не поддавайтесь люди на лабуду в эфире,
Иначе надо будет вам сделать хакакири.

* * *

Золото мёда струится солярно,
Вышние своды заоблачно парны,
Если душа облачается в траур,
Значит, нашлась и на душу управа.

Аисты детские души приносят,
В сушу вдаются заливы и осень,
Души нисходят к родительским парам,
Чтоб из земных изойти авуаров.

Золото мёда, как вешние коды,
Соты сочатся высоким полётом,
Пусть пуповина не станет гарротой,
Души Дофинов рождаются в гротах.

* * *

Наука Мистике не враг,
Они и сёстры, и подруги,
Взаимодействуют в мирах
И отражаются друг в друге.

Где начинается одна,
Там не кончается другая,
И пусть дорога их трудна,
Но между ними нет раздвая.

Ведь обе к истине идут,
И если даже бездорожьем,
То не друг другу на беду,
А перед встречей в граде Божьем.

Наука Мистике не враг
Ни во втором, ни в первом круге,
Они совластвуют в мирах
И продолжают друг в друге.

* * *

Медный всадник Двадцатого века
Это – Ленин на броневике,
Он Евгения взял под опеку,
И Евгений в глубоком пике,
Надышавшись и дыма, и гари,
К разведённым припёрся мостам,
Чтоб в Неву сигануть от пожарищ,
От церковей без креста и Христа.
Но затем времена миновали
И церквам возвратили кресты,
Только вот броневик не убрали,
Ильича не сховали в Кресты.
Впрочем, прах его ляжет однажды
В петербургскую землю навек,
Ну и ладно, ребята, ведь в каждом,
Даже в Ленине был человек.
А пришёл ли Евгений на встречу?
Нет, он душу запрятал в тайник,
И Петру с Ильичом не переча,
В Интернете завис и поник.

* * *

Рождённый в самый оттепельный год,
Я в холода потом споткнулся сердцем,
Усвоив для себя на жизнь вперёд,
Что в жизни не бывает индульгенций.

В застои жилось мне тягостней всего,
Ведь время там не шло, как на болотах,
А после был распад и неба свод,
Меня позвавший к западным высотам.

Кто ветром был однажды унесён,
Затем осилив зимние морозы,
Те доживают солнцу в унисон,
Умея различить шипы и розы.

И если поиск истины не лжив,
То истина сама к тебе приходит,
Пребудь истцом, но не сходя с межи,
Ответчиком оставшись по природе.

* * *

Тримальхион – он не Нерон,
Зато Нерон – Тримальхион,
Гоним Приапом, как муфлон,
Ну и с Энколпием сроднён,
Он потерял покой и сон.

И пусть подует Аквилон,
Неисцелим уже Нерон,
«Великой Греции» хитон
На нём, – и ждёт его Харон,
Как лицедея камертон.

Чумного пира марафон,
Приап поставил всё на кон,
«Сатирикон», «Декамерон»,
Тримальхион – он не Нерон,
Зато Нерон – Тримальхион.

* * *

Беседа с будущим о прошлом,
Мир неизведанных глубин,
Что было истинно, что ложно,
Ты в ней по полной огреби.

Есть и поэзия, и проза
На исторических витках,
Поэту в масть метаморфозы,
Историк – анналист впотьмах.

Нет без поэзии анналов,
Как без анналов нет стихов,
Ночь обновления настала,
И, значит, будет утро слов.

Не все Иваны Богословы,
Планета в огненном кольце,
Но раз в начале было Слово,
То Слово будет и в конце.

* * *

Юность с вечностью не дружит,
Юности не до неё,
Не она, а ей все служат,
Даже страсти до краёв.

Нету времени на вечность
В суматохе юных дел,
Юность вечности перечит,
Кредо юных – беспредел.

Но уйдут лихие страсти,
Юность к вечности придёт,
Всё проходит, в прошлом счастье,
И грядущее прейдёт.

* * *

Сказка не знается с жизнью,
Нет в ней квартальных отчётов,
В ней обретается вызов
Доскам и снимкам почёта.

Дети прописаны в сказках,
Сказки приносит им аист,
Сняв карнавальную маску,
Без профанации таинств.

Сказки уходят с годами,
Места вне детства не зная,
В этом повинны мы сами,
Ключ к ним с годами теряя.

* * *

И шарится, и тарится
По Греции Нерон,
И хочет отовариться
Он там, как фармазон.

В Коринфе ли, в Аргосе ли,
К кифаре он приник,
В итоге поздней осенью
Дав Греции ярлык.

Ярлык на независимость,
Фирман на эталон,
Один кричит – брависсимо!
Другой – ай да Нерон!

Петух ли клюнул в задницу,
Всё ставится на кон,
И шарится, и тарится
Вдоль Греции Нерон.

* * *

Апостолы Пётр и Павел
С дороги не могут сойти,
По жизни и смерти во славе,
Но близок конец их пути.

Нерон куролесит в Элладе,
А в Риме временщики
Пекутся, как волки о стаде, –
О людях, что им не с руки.

Апостолы скоро прославят
Голгофу в пути ко Христу,
Не Павла ли Рим обезглавит,
Петра пригвоздивши к кресту.

Их жертвы не корысти ради –
Апостольский жребий-удел,
В державной столице, во граде,
Где чёрный царит беспредел.

* * *

Сложилось всё, как дважды два,
Но давши в сумме не четыре,
Как так? Как Польша — не Литва,
А аперкот — не хакакири.

Танцуй, весёлая вдова,
Vivat, Vivat, полёт валькирий,
Не в номера — на острова —
Стремится физик, но не лирик.

Ушёл последний караван,
Мы в жизни, как мишени в тире,
Всё остальное — трын-трава,
Скажи, Исида, где Осирис?

У бога Гора есть слова
Для тех, кто душами в порфире,
Не угодите в котлован,
Восстав избранныками в мире.

* * *

В глазах смородины кислинка
И молока из древа кринка.
Путём ли Млечным расплескала
Живая звёздность свет Валгаллы?

Уходят годы, словно воды,
Уносят жизни и невзгоды.
Что время? — Жизней эстафета,
Но знает Бог, — прейдёт и это.

Не преходяща лишь небесность,
Не знает плена бестелесность.
И пусть Земля уход обрящет,
Но Небеса непреходящи.

ЗОДИАК

Когда упадёшь и никто не поможет...
Такой ли расклад кто-то чувствует кожей?
Смотри, – Фээтон, выпускающий вожжи?
Его Скорпион ошарашил до дрожи,
И знай, Фээтону судьба – не рогожа.

Вперёд – к равновесию все из тумана!
Заоблачны веси, зубасты кайманы,
Под знаком Весов подаётся нам манна,
Теперь из лесов мы идём к океану,
И слышим про белое солнце саванны.

Но чу! – не Весам ли предшествует Дева,
Которая скрыта за солнцем распева,
По-гречески, пятница есть – Параскева,
Не день ли Венеры – день крестного древа!
А Девы удел – искупление Евы!

Лев – сердце и сила, огонь и корона,
Успение, август, как месяц Мадонны,
Под солнечным льдом раскрываются схроны
И в водах открыт окаём Авалона,
Где скрылся король поднебесного трона.

За знаком отшельника – водного Рака,
Сокрыт где-то ключ Атлантиды во мраке,
Ведь Рак – это первый регент Зодиака
На выходе из атлантических мраков,
В зелёных чащобах индийского мака.

Но вот Близнецы, и сердца их в порфирах,
Они – храбрецы и Спасители мира,
Над ними небесный престол из сапфира,
Властителям душ не нужны ни кумиры,
Ни чёрная жизнь за чертою эфира.

Телец, как тавро, при расщелинах Тавра,
Отставив венки из победного лавра,
В Тельце – патриарх, одолевший кентавра,
Иосиф Египет возглавил, как мавр,
Чтоб где-то Тесей одолел минотавра.

У Овна солярны и агничны встречи,
Ему середина подвластна и вечер,
Как тени креста ниспадают на плечи,
Так руки Христа, распростёртые в Вечность,
С креста эту Землю объяли навечно.

От Овна ли Рыбы берут эстафету?
Они – венценосицы дивного света,
Которым сегодня планета согрета,
Весной направляя пурпурное лето
Для новых свершений с солярным ответом.

Кто есть Водолей? Он – креститель-купало,
Вода, как елей, вместе с небом – начало,
На поле, от маков живительно алом,
В грядущем из злаков без мёртвых металлов,
Мерцает восход на Ивана Купалу.

И вот Козерог – знак рождественской хвои,
Декабрь, январь, – в них рожденье благое,
Добро Рождества с миротворным покоем,
То снежный хрусталь двух Младенцев-изгоев,
Сошедших на землю для избранных гоев.

Стрелец – Козерога предтеча, и странник,
Чей час Козерогу вдогонку настанет,
Ведь он Козерога настиг в океане,
Там, где Атлантида осталась в тумане,
И круг замыкается где-то за гранью...

* * *

Космополит жуёт рябину,
Ведь он повсюду на мели,
Ведь он повсюду на чужбине,
Без чувства дома и земли.
Я в человеке есть от Бога,
Но Бог не в разных племенах,
Лишь индивид дорогу к Богу
Найдёт, освоив Времена.

* * *

Облачённые в белое души,
Облака, что беременны влагой,
Орошают пустынную сушу,
На которой мы только варяги.

Души в белом на свете от вышних,
Их обитель — Христова планета,
На которой, как спелые вишни
И гранатины, звёзды с ответом.

Алый цвет в них не кровь, это — сила,
Изливаясь на чалую землю,
Он к вершинам зовёт не могилы,
А людей, кто Всевышнему внемлют.

И с сухой поднимаются суши
Распознавшие вышнее благо
Облачённые в белое души
К облакам, что беременны влагой.

* * *

Грядущее мертвее, чем бывшее,
Там нет ещё ни форм, ни тел, ни душ,
Оно во льдах полярного покоя,
Никто пока не брался в нём за гуж.

Там всё белым бело, но в мраке ночи,
Которой вектор светом не почат,
А слово «жизнь» читается меж строчек,
И не горит загробная свеча.

Заглядывать туда небезопасно
Без внутреннего зрения не глаз,
В минувшее внеси сначала ясность,
Взыскуя в настоящем глаз-алмаз.

* * *

Кто слышал запах моря
На ледяной горе,
В святилищном притворе,
И в ночь, и на заре,
Тот охватил эпохи
От альфы до омеги,
Не застудивши бронхи,
Высоты взяв с разбега.

Где золотое слово?
На каменных скрижалях.
Одни — под вышним кровом,
Другие — в зазеркалье.
Так преходяще горе,
Так славен победитель,
Кто слышал запах моря,
Те в поднебесной свите.

К святилищным притворам
Наш путь лежит во Духе,
Воздушные просторы
От зрения и слуха
Сокрыты на Фаворе,
Как на Святой вершине,
Услышишь запах моря,
Забудешь об унынии.

На Святки два Кануна
Безмолвствуют под сердцем,
Молчат под снегом руны
И в схроне не согреться,
Луна в зеркальном взоре,
Огонь всегда в зените,
Ты слышишь запах моря,
Как чудо по наитию.

* * *

Попробуй-ка воздух на вкус
В дождливую летнюю ночь,
Когда над тобою лоскут
Небес, норовящих помочь.

На Девять небесных чинов
Есть девять кругов под землёй,
И это уже — не кино,
А выбор всегда за тобой.

Но горнюю долю избрать
Непросто для смертных в пути,
Ведь дольными быть или стать
Нам проще, чем к Небу прийти.

* * *

Архитектура — музыка во льдах,
Сокрывшая божественные звуки,
Есть Семь планет, как *гласных* череда,
А Зодиак — *согласные* разлуки.

Родник из скал — мелодия камней,
Добыт ударом посоха о скалы;
Вода — не в звёздном плещется огне,
Она — Земли заветное начало.

Пусть девятнадцать — лунное число,
Но двадцать восемь — солнечные руны,
Ведь тайна чисел суть не ремесло,
Луна и Солнце в числах златорунны.

* * *

Бродяга ягуар шатается по сельве,
А звёздными ночами он солнце бережёт,
Пятнист его покров, подобный мерной верви,
И пятна — это звёзд чернеющий ожог.

В тропических лесах, где лёгкие планеты,
Не возразить тому, кто ягуарий царь,
Обходит он свои владения и летом,
И в зимние дожди, сегодня, как и встарь.

Его не одолеть ни выстрелом, ни словом,
Ведь царь с природой слит охоте вопреки,
Нельзя, как на воде, в лесу отдать швартовы,
Но можно вжиться в лес, спросившись у реки.

И катит в Океан потоки Амазонка,
К Атлантике спеша, чтоб жажду утолить,
Солёный водоём её встречает звонко.
Вдох глубже, ягуар, тебе и впредь царить!

* * *

Зима это — лето души,
Ты ей возражать не спеши,
В студёную зимнюю пору
Душа поднимается в гору.
И пусть в этой зимней глуши
Вокруг не видать ни души,
Зимою нам дадена фора
Дышать этим снежным простором,
Который даруется свыше
Лишь тем, кто Всевышнего слышит.

* * *

Теперь латиница в фаворе,
Черёд кириллицы грядёт,
Язык и в радости, и в горе
Людской объединяет род.

Бог даровал когда-то людям
Речь, ниспослав её с небес,
Но башня рухнула, — распутье,
И языки смешал прогресс.

Вот только Троица исправит
В грядущем этот беспредел,
Единство во Христе восставив
И языков, и добрых дел.

* * *

На райских островах, где вам не побывать,
На островах блаженных в океанах,
Уходят тихо в гроты умирать
Те, чьи сердца потухшие вулканы.

А зелень волн ласкает берега
В лиловых и синеющих разливах,
Где вас не ждут ни зимы, ни снега,
Но где шумят приливы и отливы.

Там в небесах сияет Южный Крест,
Иная запредельная реальность,
В которой откликается окрест
Зелёная звезда из зазеркалья.

И ищут гроты, чтобы умереть,
Те, чьи сердца потухшие вулканы,
На островах, где мирит жизнь и смерть
Экватор, опоясав Океаны.

* * *

Нигде не дома и везде в гостях,
Таков удел повсюду иностранца,
Высокий дух творит не на костях,
И не снимает отпечатки пальцев.

Его рапира — солнечный глагол,
Как слово, адресуемое людям,
Он — *благовестник* с вестью о благом,
Который *буревестником* не будет.

Ни очага, ни стана, ни родных,
Канатоходец в творчестве за гранью,
И если нет победы без беды,
То нет и жизни сердца без дыхания.

Будь духотворна, мысль, и освяти
Истца дорогу в море и на суше,
Пройти четыре четверти пути
Нельзя, не осердечив в Боге душу.

* * *

Двадцатый век старел, а мы выросли,
Теперь же всё совсем наоборот,
Взрослеет новый век, мы постарели,
И неизменны эти ход и код.

Что мы сумели сделать? что успели?
Как ни крути, но жизнь всегда цейтнот,
Одни её дороги — мимо цели,
Другие слепо метят на восход.

Былое и грядущее — качели,
И в настоящем, глядя лишь вперёд,
Нельзя услышать истину в капелле,
Ведь без оглядки глух надземный свод.

Век Двадцать первый — даже не в апреле,
Пока что молод, словно в марте кот,
И пусть мы в нём, друзья, ещё при деле,
Он нас наверняка переживёт.

* * *

Советам был нужен усатый нянь,
Любитель мужужи без *инь* и *янь*.

И вот отыскался в горах Кавказа
Совсем не Карлсон, а – желтоглазый.

С глазами тигра, рябой и грозный,
Молодчик в играх и в передозах.

Себя озвучил он с мавзолея,
Жить стало лучше и веселее.

Бурлак на Волге, Гулаг, как клизма,
Путь будет долгим до коммунизма.

Гремя бронёю, сверкая сталью,
Врагов уроет товарищ Сталин.

* * *

Опустошён январь
Скупыми холодами,
Но снова в нём янтарь
Замыслил свой орнамент.
А зеркала души
В глазах, как небо в водах,
Ты душу отрешу,
Поняв её природу.
В замызганном снегу,
Ледовом до асфальта,
Три блика на бегу
Продельывают сальто.
От света фонарей,
Смешавшегося с лунным,
Грядёт в календаре
Февральская фортуна.
Пусть дети видят сны
Сиятельнее солнца,
И силуэт весны
В сердцах детей зажжётся.

ЗАРАТУСТРА

В бирюзовое небо Ирана
Опрокинутый взор Заратустры.
Где? На самой границе с Тураном.
Зодиак и живая акустика.

Звёзды в полдень явились пророку,
Не отведшему взор от светила,
Третье Бог даровал ему око,
Сыну Неба и солнечной силы.

Он постиг то, что вечно и временно,
Как податель и сеятель света,
Узаконив пространство во времени,
Дав архангельский статус планетам.

Сделал россыпь созвездий жилищами
Для солярного дрейфа по кругу,
Небосвод человекам похищенный
Возвратил, взяв людей на поруки.

И открыл, что в грядущем из вышних
Солнца Дух низойдёт в человека
Дать нам всем проповеданный Кришной
Жизни хлеб до скончания века.

* * *

Тоска по Атлантиде и Лемурии
Индийский извела субконтинент,
Над ним витали фурии и гурии,
И до сих пор сокрыт его секрет.

А Карфаген из гроба встал в Венеции,
Из Тира в мир по водам изойдя,
Не море ли освоило трапещию?
Сидон и Адриатика гудят.

Так водный путь историю к Британии
Не весями, но водами привёл,
Не материк, но остров есть призвание,
Крути штурвал и двигайся в шеол.

Лишь тот, кто упакован Океанами,
Защитно распостёртыми вовне,
Владычествует сушей, где каштаны
Другие ищут для него в огне.

* * *

На ладожских и финских берегах
Гипербореи золотые пчёлы
Сокрыли солнце в водах и снегах,
Доверив тайну местному Шеолу.

Она в карельских северных лесах,
Где не услышишь слово «Эспаньола»,
Где не нужны чужие голоса,
И ни к чему Венеции гондола.

Там прячет жало медная оса,
Там синий сумрак — оттиск ореола,
Там ждёт гостей пахучая роса
И безраздельно властвует Похьола.

Но там же солнце прячется в бегах,
И в доле с ним возможно только соло.
Весенний свет и радуги дуга,
Их вам даруют солнечные пчёлы.

МАНИ И МАНИХЕЙСТВО

Алмазом из короны Люцифера
Стал на земле создатель манихейства,
Постигши путь премудрости и веры,
Где Mittendurch – таинственное действо.

Восходит Солнце в знаках Зодиака,
Из *дома* в *дом* дрейфуют времена,
От эры к эре нас ведя из мрака,
Не дрейфь, душа, ты будешь спасена!

Но только если верно сделать выбор,
Ведь Свет и Тьма делимы не всегда,
И воды Тигра могут влиться в Тибр,
И вновь в победу не прейдёт беда.

Посланец Света вышел из Наина,
Он, воскрешённый гением Христа,
Парфянский принц – и тут, на Апеннинах,
И всюду там – в сердцах и на устах.

А Mittendurch – дорога Парсифаля,
Её пройти не каждому дано,
За тайной Розы Таинство Грааля,
Крест-благовест, дом хлеба и вино.

* * *

Никогда я не был коммунистом,
Побывав, как отрок, атеистом,
Впрочем, и тогда ходя под Богом,
В поисках своей к Нему дороги.

Век Двадцатый не был веком Неба,
Ну, а нынче в Небе вновь потребность,
И поверьте, там совсем не пусто,
Слышать Небо – тоже есть искусство.

Лоханулись дюже коммунисты,
Человеку быти атеистом
Не с руки, друзья, ни при марксизме,
Ни при прочих «измах» без харизмы.

* * *

Вон в кадре Людовик XVI-й,
Король не уверен в себе,
Читает рассеянно Тацита
И верит злодейке-судьбе.
Не пахнет давно уж акацией
В апреле зелёный побег,
А лозунг «да здравствует нация»,
По праву слинял и поблек.
Пусть память без цвета и запаха
И то, и другое найдёт,
Неправда, что долгая засуха
Уже никогда не прейдёт.
Разверзнутся хляби небесные,
И молнии будут, и гром,
И память, пока бессловесная,
Озвучит сокрытый Фантом.
И новая белая *лилия*
Свернёт королевскую кровь,
Долой гильотину с Бастилией,
Приветствуйте *пчёлы* любовь!

* * *

Разорванное сердце,
Как взорванное солнце,
Будь ты хоть кок, хоть герцог,
Оно ещё проснётся
Не на земле, а в вышних,
Над южной параллелью,
Где Океану Кришна
Играет на свирели.
Звук камышовой флейты,
Волна и переливы,
Лучатся в фиолетовых
Приливах и отливах.
До неба доберётся
Лишь настоящий Герцог,
Не убивайте солнце
И уцелеет сердце.

* * *

Уйди в себя навеки,
Чтоб выйти в человеки,
Тогда, сомкнувши веки,
Проймёшь моря и реки.
В одних сокрыта Вечность,
В других таится Время,
Которые при встрече
Нас потчуют сиренью,
Без запаха и сметы,
Как высь, а не гробница,
Где время — полнолетно,
И вечность — плащаница.

* * *

Чучела – пародии на нас,
Двойники зловещего разлива,
Оловянный профиль, медный глаз,
Их печать – Огола с Оголивой.

Куклы же, как маски мертвецов,
Их дома – *летучие голландцы*,
Кукольники – шаржи на отцов,
Души облачающие в панцирь.

Чучельник и кукольник друзья?
Нет, они – двоюродные братья,
Им одна завещана стезя,
Оба – пересмешники с печатью.

Снять печать не каждому дано
В жизни, распечатавши при родах
Этот мир, как кукол кимоно,
Чучелам подаренное сходу.

Кукловоды бродят среди нас,
Носят маскарадные костюмы,
Оловянный профиль, медный глаз,
Вкупе – *государственная дума*.

Маски прирастают не к лицу,
Души – вот мишени карнавалов,
Маска льстит душе, как дочь отцу,
Так, что не откроется забрало.

Маскарады – тоже ремесло,
Но они не добрая примета,
Ведь от куклы к чучелу без слов
В смерти переходит эстафета.

* * *

Жизнь от прихода до ухода,
Как дрейф вдоль знаков Зодиака,
Мы в нём на суше и на водах, —
Нет просветления без мрака.

Земля стареет понемногу,
Она прошла Иванов полдень,
Но не найдём в путях дорогу
Без Бога мы в её колоде.

И пусть зашкаливает лето,
Уж сочтены его века,
А после — осень, ведь планета
Сползает к новым ледникам.

Восходим к Богу круг за кругом,
Творим надзвёздную спираль,
Лишь те, в ком Небо видит друга,
Найдут под звёздами Грааль.

* * *

*Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.*

Д.Дидро

Вольтер с лицом придворного шута,
Руссо, как левый батя Робеспьера,
Они по духу были гопота,
Но метили почти что в тамплиеры.

Дидро с «кишкой последнего попа»
На шеях королей и принцев крови,
Кто с пафосом вонючего клопа
На Бога вякал, грозно хмурия брови.

Маркиз де Сад — коронный экземпляр
«Великой революции» в натуре,
Уж он-то отвечал в ней за базар,
Гуманней гильотины балагурия.

Она «свободы» с «равенством» дитя,
И «братства» к этой двоице впридачу,
Вскормила веком позже доходяг,
Россию превративших в *стены плача*.

* * *

На *Изумрудном* острове
Фамилии с апострофом,
Несопричастный Арктике,
Он плещется в Атлантике.
Не два ли бросил якоря
Он, как алмаз таинственный,
Тут – в водоёме маковом,
Восстав в заветной пристани!
Но с якорей ведь снимется
Когда-нибудь Ирландия,
И чутким курсом двинется
На Новую Зеландию.
Как? – Вдоль Европы с Африкой,
По водам Атлантическим,
Чтоб вне любого графика
Познать секрет космический –
Не над былой Лемурией
В Индийской Океании,
А у початых бурями
Двух берегов Тасмании.
Там Южный Крест сиятелен,
И зеркало из Арктики
В новозеландской мантии
Приветствует Антарктику.

* * *

Старые куклы, как мёртвые дети,
Не оживит их ни время, ни ветер,
Крошево памяти, впавшее в кому,
Вы при себе не держите их дома.

Внешне они почернели от горя,
Ну, а внутри это – мёртвое море,
Так что в жильё им негоже остаться,
Нужно вам с ними скорее расстаться.

Вы их отдайте речному потоку,
Но погребально, – не око за око,
Вешние воды уносят потери,
Беды и годы – в открытые двери.

* * *

Пронзительный еврейский мелос,
Как вотчина души и тела,
Без выхода на сферу духа,
С его германской мерой слуха.

Полярны, как орган и скрипка,
Как в камне готика и гибкость,
Они — под снегом два вулкана,
И разно понимают манну.

Не Вагнер Ойстрах и не Штраус,
Аидаш Моня — не Нейгауз,
И розно их звучат свирели,
И не сойдутся параллели.

Но входит Кальман опереттой
За Моцартом с волшебной флейтой,
Не всё должно сходиться в мире,
Есть то, что сходится в эфире.

Не понимал ли немец идиш,
Еврейство в нём возненавидев!
Как Каин, вдруг убивший брата,
Прошёл за точку невозврата.

Вот исполнитель, вот и автор,
А между ними Noster Pater,
Земля и Солнце суть планеты,
Луне же свойственна вендетта.

Однако, кончим дело миром,
Оденем музыку в порфиру,
Пусть зазвучит орган с улыбкой
И побратается со скрипкой!

* * *

Оторочен солнца диск
Рыжим лисьим мехом,
Знай, этруск Тарквиний Приск
В мудрых римских вегах.

Не от звёзд ли синий снег
Вьётся над Тосканой,
И встречает человек
Хлопья, словно манну.

Предан дочерью, убит
Будет Сервий Туллий,
Август в августе горит,
В марте гибнет Юлий.

Кто же сглазил вечный Рим?
Знай, — Тарквиний Гордый!
Посему, снимай-ка грим,
И вали к фиордам.

Там, на севере, снега
Круче, чем на юге,
Жмутся к солнцу берега,
Волны, как подруги.

Только Рим, как василиск,
Сардоничен в смехе,
Оторочен солнца диск
Чёрным лисьим мехом.

Не отпустит никого
Матерь всех юстиций,
Не упустит своего
Римская волчица.

* * *

Двадцатый век повёл себя, как спрут,
Латышский стрелок и тонтон-макут
Составили его безмордую морду,
Которая оказалась страшнее, чем у чёрта.

А между ними Гитлер и Сталин,
Гремя бронёю, сверкая сталью,
Как волк и тигр, друг друга рвали,
Германец и скиф – охотники на привале.

С Двадцатым веком элита сюсюкала,
Ведя себя, как последняя сука,
Сначала сама революцию накликкала,
Потом завопив, что у власти клика.

Семьдесят лет в плену у коммунизма,
Который пытался обзавестись харизмой,
После чего стартовали сорок лет в пустыне,
Где мы в новом веке странствуем и поныне.

* * *

Zum trotz, что значит – вопреки
Всему, что есть, спускай курки
В трудах лихих на день грядущий,
И в них тебе поможет Суший.
Надежд на Бога будет мало,
Сам не плошай, подняв забрало,
Дойди во всём до самой сути,
Определившись на распутье.

* * *

Рвали яремную вену у лося
Волки, загнав его в позднюю осень,
Парилась кровь и хлестала в сугробы,
Ставшие лосю ревушему гробом.
Нет милосердия в дикой природе,
Жертвы которой с дистанции сходят,
И выживающий правит в ней бал,
Может быть, чёрту Господь задолжал?
Но над природой ведь можно подняться,
Если во Боге людьми оставаться,
Будь человеком велением свыше,
Знай, человечность нисходит из вышних.
Волк человек человеку – не кредо,
Эту модель обусловили беды,
Их одолеть правомочен не каждый,
Урку в себе одолевши однажды.
Лишь человек на земле вертикален,
Хоть и во многом чертям созеркален,
Борятся в нём и шакал, и волчара,
С Божьим в душе милосердия даром.
Ну, а пока кровь буравит сугробы,
Где-то для осени ставши загробьем,
Волки ворвались в глубокую осень,
Рвётся яремная вена у лося.

* * *

Смерть начинается там, где кончается память,
Мёд же вы будете пить не моими устами,
Я сохраняю лишь то, что востребуют люди,
То, что они обретут и что с ними пребудет.

Есть часовые времён и герольды былого,
Это держатели тайн и служители слова,
Слово из уст их горчит, но не будучи лживым,
Жизнь златоустов преходит под знаком оливы.

Впрочем, олива на деле соседствует с пальмой,
Разные сёстры, они – и стройны, и витальны,
Мудрость, она в небесах, это – тронный Юпитер,
Истина – Солнце, как память Земли по наитию.

* * *

Поэзия подобно Атлантиде,
С которой опускаешься на дно,
Подобна Эхнатону с Нефертити,
И Троице, Которая — Одно.
Стих может баражировать, как ворон,
А может плавать в небе, как орёл,
Быть в храме семисвещником Меноры,
И вдруг расправить крылья, как Тригон.
С поэзией живут и над землёю,
И на земле в далёких городах,
Она — и как Палладий, и как Троя,
И Китежград в подводных облаках.
Но взять её с собой не так-то просто,
Меняет траекторию полёт
С годами, все блага отдав за остров,
Который в Океане Белых вод.

* * *

Пловцы не всегда на высокой волне,
Её иногда им хватает вполне,
Нельзя постоянно входить в Девахан,
И надо порой возвращаться в вигвам.

Творцы же всегда на высокой волне,
Она — их луна при параде планет,
Но пусть напоследок грядёт и Вулкан,
Кто станет последним из всех могикан?

Не быть миротворицей синей волне,
Ведь Клара у Карла украла кларнет,
И место кораллов с тех пор — Океан,
Где спрятал их Карл, положив под орган.

Отдать надо должное синей волне,
Её не проткнёт ни один байонет,
Гармонию Сфер уронить в котлован
Не в силах ни пламя, ни смерть, ни слова.

* * *

Неуёмен Океан, как свобода,
Эта ёмкость Небесам соприродна,
Созеркальны Небеса водоёмам,
В них могущество, краса и плерома.

Полноты такой нигде больше нету,
Между ними море цвета и света,
Гром и молния, а в них Серафимы,
Как за радугой царят Херувимы.

Но мощнее Небеса Океанов,
Дух над водами дышал ураганно,
Не утонут в них ни Солнце, ни звёзды,
Бог из них нам открывается в грозах.

Если в прошлом нас вода обновила,
То в грядущем это — пламени сила,
Не из вод ли мы в крещении вышли,
Чтобы в Духе и огне сбыться свыше!

* * *

Приветствую тебя, Россия,
И твой да здравствует покров,
А я, в тебе узнав Мессию,
Несу тебе дары волхвов.
Ты их востребуешь нескоро,
Но непременно обретёшь,
Чтоб на пути твоём в Соборность
Свет истин не накрыла ложь.

* * *

Под дубом сидя, как свинья,
Нерон играет на кифаре,
Отставив всякий головняк,
И сам себя всю пиаря.

Не в нём ли Сенека-мудрец
Взрастил чудовище на троне?
Сгубил наставника подлец,
Ну и державу проворонил.

Он превзойти пытался всех,
И венценосцев, и злодеев,
Но закрутилась карусель,
Чтоб стал засранец лицедеем.

Убивший брата, мать, двух жён,
Лавровый лицедей на сцене,
В Элладу выбыл фанфарон,
Где обручился с Мельпоменой.

Затем вернулся, и кирдык,
Судьба его послала лесом,
Не стало *синей бороды*,
Похерил всё и спёкся кесарь.

Сыграв на троне палача,
Он не нашёл ключи от рая,
А умирая, лишь вскричал –
Какой артист в нём погибает!

* * *

Не гулять вам стражники
В чистом поле,
А весёлым бражникам
Там — раздолье.
Палачу и стражнику
Сводит плечи,
Ну, а шалым бражникам
Всё — не вечер.
Так гуляйте, бражники,
До рассвета,
Палачей и стражников
Песня спета.
Быть ли им отважными?
Не взъщтите,
Не они, но бражники —
Небожители!

* * *

Луна замкнула круг в кольцо,
В снегу деревья, словно в шлемах,
Морозу посмотри в лицо
Без роду странник и без племени.
Иван, не помнящий родства,
Когда-нибудь найдёт ответы
На жизнь и смерть не без креста,
Освоив и года, и Лету.
Скорбь неизбежна на путях
К заре под знаком Водолея,
Которую его дитя
Зажжёт, как эру Юбилеев.

* * *

Кочевник юрту разобрал
И в дальний путь пустился,
Оседлый с Евой из ребра
Осев, — угомонился.

Лопатки — наши плавники,
И в то же время крылья,
Мы их лишались, чудачи,
Стихии не осилив.

И нет за спинами у нас
Ни плавников, ни крыльев,
Будь, альбатрос, как водолаз,
И сделай сказку былью.

Дельфин найдёт свою волну,
Ту, на которой чайки
Склюют полночную луну
На полпути к Клондайку.

Лишь человек и под водой,
И на земле, и в небе
Умеет жить, как часовой,
Живя не только хлебом.

Под парусами не ходить
Тем, кто на те же грабли
Ступает и теряет нить,
Покинув дирижабли.

Ан — остаётся на воде
Потомками атлантов,
Мы, изошедшие в беде
Из грозных вод когда-то.

Не влёт, а вплавь вели пути
Туда — за горизонты,
Чтоб нас от гибели спасти
Без всяких линий фронта.

Но мира в мире не видать
С тех самых пор донине,
Не в нас ли Каина печать
Подобна ватерлинии.

* * *

Фокусник – иллюзии маэстро,
Он играет в мага-колдуна,
Дирижёру нужен свой оркестр,
Партитуры Солнце и Луна.

Чародей и фокусник – не братья,
Нет, они, скорее, двойники,
Ведь второй печётся об оплате,
Первому же это не с руки.

Ибо кодекс чародейской чести,
Если речь об истинном волхве,
Делает волшебника инвестором
Высших сил без мыслей о лаве.

Разве Аполлоний из Тианы
Фокусничал или грёб бобло?
Нет, он белый маг неокаянный,
Мир согретый солнечным теплом.

Значит, глаз у фокусника лунный,
А солярный мага ореол
Дарит людям посох златорунный,
Чтобы провести через шеол.

Впрочем, пребывая двойниками,
Чародей с иллюзии маэстро
Иногда меняются местами,
Потому что человек – оркестр.

* * *

У любви есть право всё забрать,
И оставить нас, увы, ни с чем,
Подарив нам прежде благодать,
С нею нами взятую в ковчег.
Но ковчегу надо покидать
Рано или поздно навсегда,
Находить соседствует с *терять*,
Близнецы – блаженство и беда.

* * *

Слушайте музыку революции!

А.Блок («Интеллигенция и революция»)

Кто там шагает правой?

Левой! Левой! Левой!

В.Маяковский («Левый марш»)

Музыка революций смехотворна,
Сравнимая с возней служивой дворни,
Собой увлекающей подростков
И всяких недоумков-переростков.

А буде революцию цветную
Вам предлагают будто бы не все,
Она подобна страусу во фраке,
Которого боготворят макаки.

И делатели всяких революций,
С изнанкой за фасадом слишком куцой,
Суть скорпионы замкнутого круга,
Кто пожирают, взявши власть, друг друга.

Музыка революций тошнотворна,
В ней групповуха властвует покорно,
Эй, люди, *разворачивайтесь в марше,*
И – *левой, левой, левой* – на парашу.

* * *

Единомыслие Европы
На уровне газеты «Правда»,
Оно – и в розницу и оптом,
Не Карл ли Маркс его соавтор?

Напоминают коммунистов
Мне эти комиссары Евро,
В Союзе углом без магистров,
Где ни харизмы нет, ни веры.

Инакомыслие не в моде
На европейских нынче сборах,
Как будто Шариков и Швондер
И там взрослые – вот так умора!

* * *

Слишком много чёрных душ на снегу...
На каком они, скажи, берегу?
Не на правом, посмотри вон туда,
Это с левого грядёт к нам беда.

Кто-то в лодке над водой ворожит,
Распоясались душонки во лжи,
Где же чалится их зыбкое я?
На погибших рубежах бытия.

Ну, а реку скоро льдами скуёт,
Левый берег к нам на правый придёт,
То есть лёд в беде сведёт берега,
И друг к другу подведёт враг врага.

Души чёрные – бельмо ли в глазу?
Души белые зовут стрекозу,
Чтоб на чёрной стрекозе улететь,
Обманув черноречивую смерть.

Но её обмануть им слабо,
Впрочем, знает все ответы табло,
На котором иероглифы душ,
Одoleвших свой в пути Гиндукуш.

Души могут даже смерть одолеть,
Если белыми пребудут и впредь,
Только надо им спасать чернецов,
Не сбегая и не пряча лицо.

Людам новые закваски нужны,
Фарисейскую – долой, меч – в ножны,
Слово – вот белых душ приговор,
И в словах – христоносный простор.

* * *

Формат *историков в законе*
Метаисторику до фени,
Сегодня, может, при погонах,
Они однажды двинут кони,
Ведь чужд им музы Клио гений.

Идут унылой вереницей,
Кичась *законничеством* серым,
Угрюмы пасмурные лица,
И так как курица не птица,
Гнусавая летопись без веры.

Но век их короток на свете
В академической манишке,
Ведь знают Ангелы и дети,
И даже взрослые и черти, —
Материи без Духа — крышка.

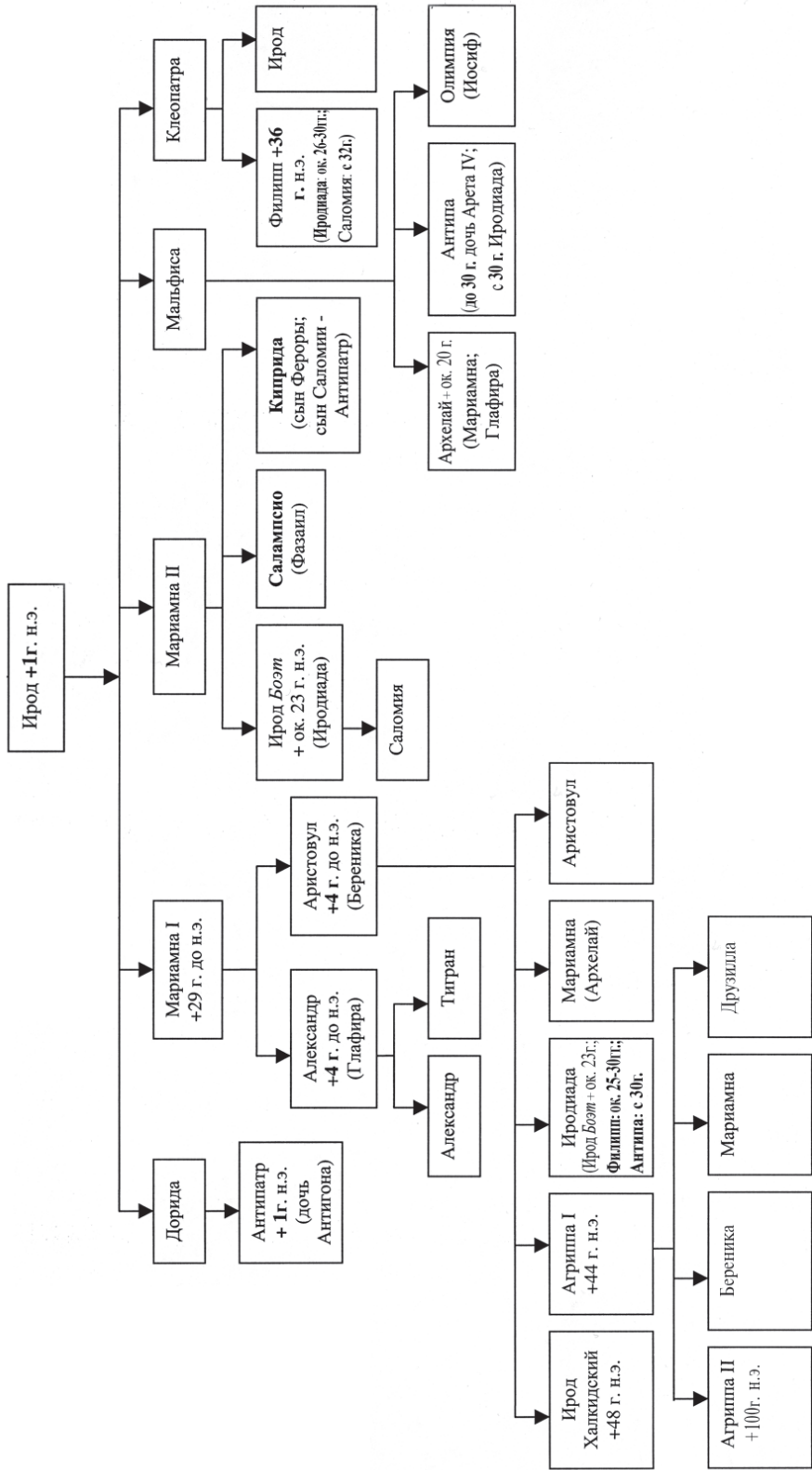
* * *

В начале были Слово, Память, Мысль,
Не это ли основы Человека!
Они в нём неразъемлемо сплелись,
И стали его обликом навеки.

Троичность их разнимет только смерть,
Соединивши снова, но во Духе,
На уровнях иных, где круговерть
Иным подвластна зрению и слуху.

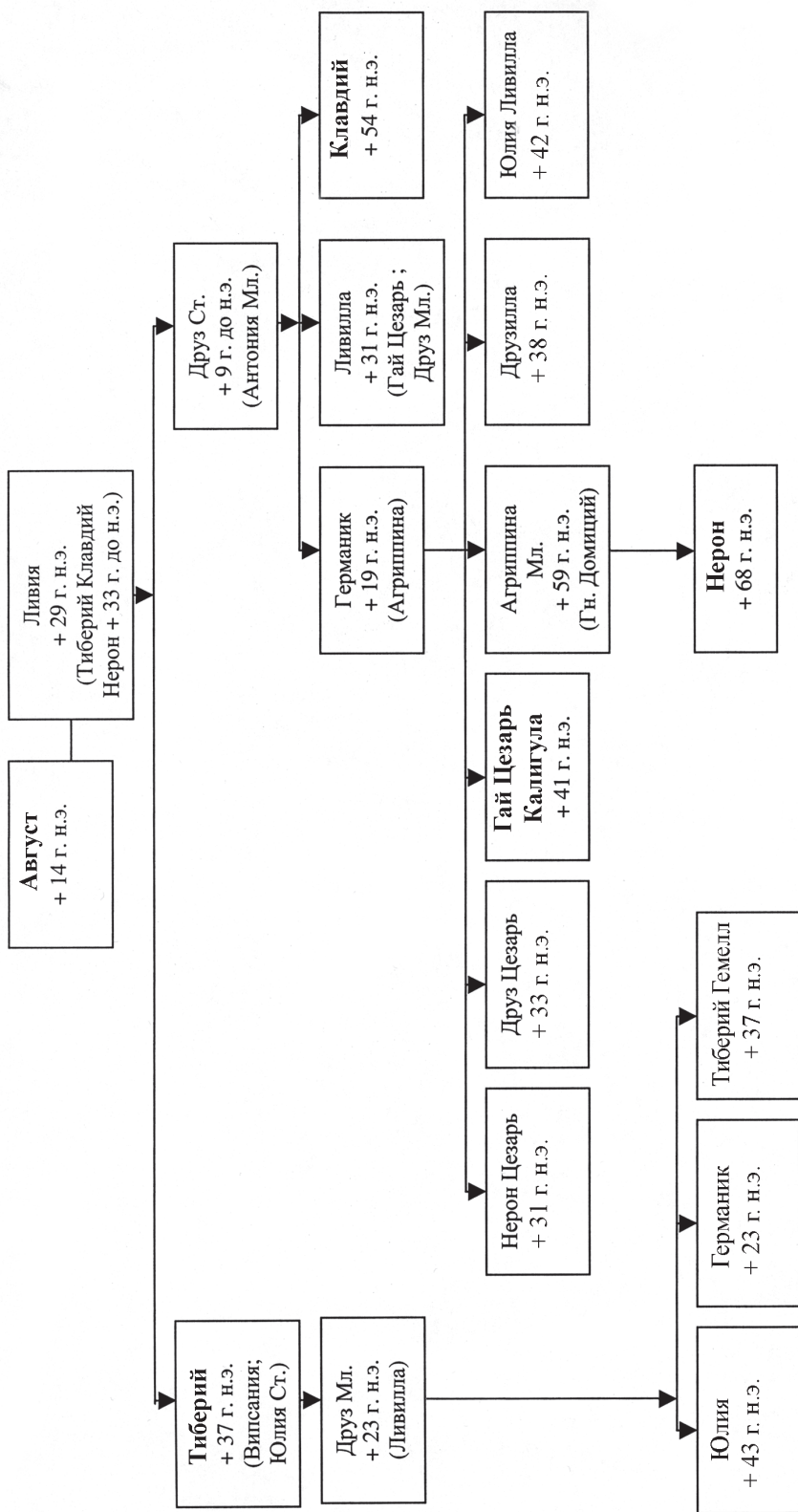
Ну, а пока мы остаёмся здесь,
Под небом, видя свет за облаками.
Втолковывает нам благая весть:
В начале были Слово, Мысль и Память.

**ТАБЛИЦЫ
КАРТЫ
ПЛАНЫ**

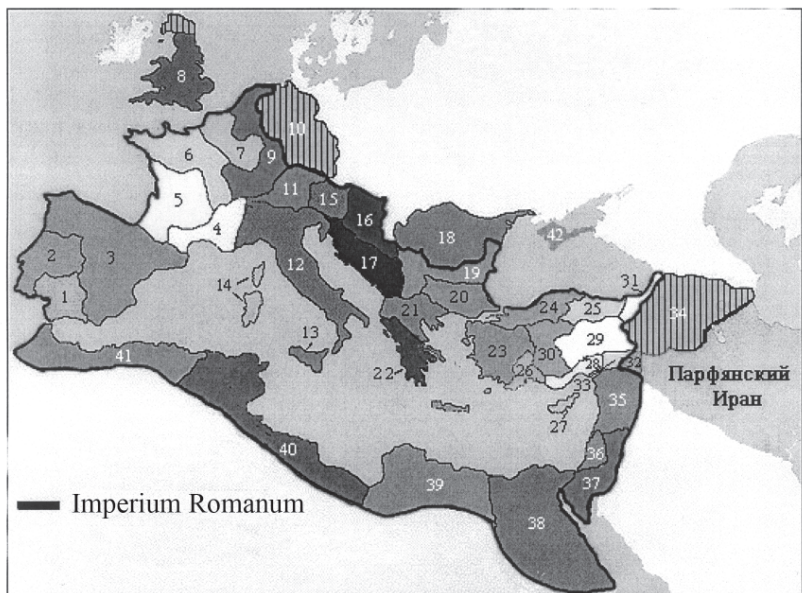


РОДОСЛОВНАЯ ИРОДИАН

Жирным шрифтом выделены расходящиеся с принятыми в науке даты и данные.



РОДОСЛОВНАЯ КЛАВДИЕВ



1) Базтика	15) Норик	29) Каппадокия ⁷
2) Лузитания	16) Паннония	30) Галатия
3) Тарракона	17) Далмация	31) Малая Армения ⁸
4) Нарбоннская Галлия	18) Дакия ³	32) Осроэна
5) Аквитания	19) Мезия	33) Коммагена ⁹
6) Лугдунская Галлия	20) Фракия ⁴	34) Великая Армения
7) Бельгика	21) Македония	35) Сирия
8) Британия ¹	22) Ахайя	36) Иудея
9) Левобережная Германия	23) Азия	37) Набатея (Аравия Петрея) ¹⁰
10) Правобережная Германия ²	24) Вифиния	38) Египет
11) Ретия и Винделика	25) Понт ⁵	39) Киренаика
12) Италия	26) Памфилия ⁶	40) Африка
13) Сицилия	27) Кипр	41) Мавритания ¹¹
14) Сардиния и Корсика	28) Киликия	42) Боспор

¹ После двух высадок Цезаря (55 и 54гг. до н.э.) и признания формального верховенства Рима, систематическое завоевание, оккупация и провинциализация, начиная с Клавдия (43г.).

² Потеряна после поражения Вара (9г. н.э.) и окончательно сдана после отзыва Тиберием в 16г. с Рейна Германика.

³ Завоевана при Траяне в результате двух походных кампаний 101-02 и 105-06гг.

⁴ Провинциализирована Клавдием в 45/46гг.

⁵ Провинциализирован Нероном в 63/64гг.

⁶ Провинция Ликия и Памфилия учреждена Клавдием в 43г.

⁷ Провинциализирована Тиберием в 17/18гг.

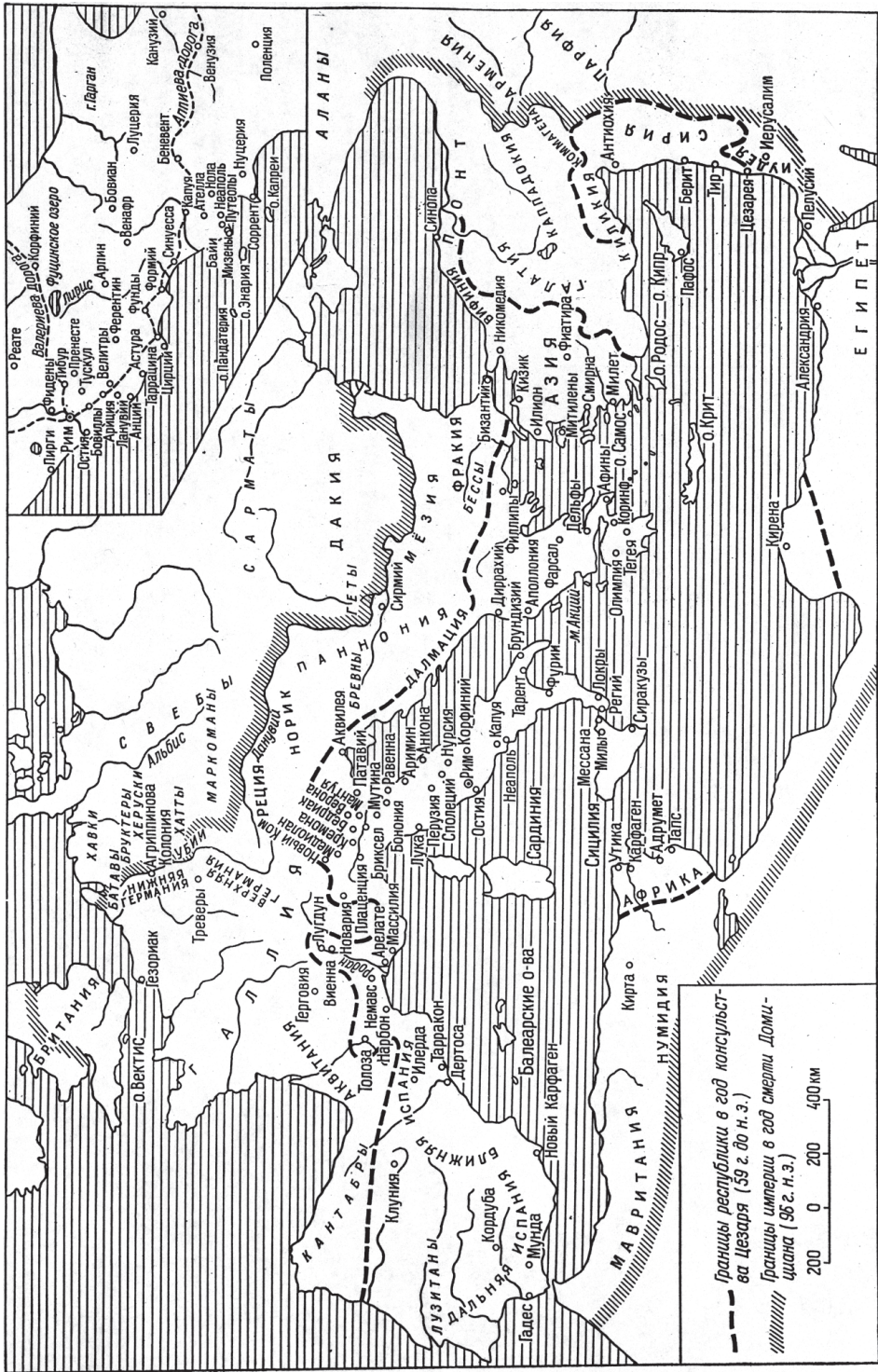
⁸ Провинциализирована Веспасианом в 72г.

⁹ Провинциализирована Тиберием в 17/18гг.; вассалитет восстановлен Калигулой в 37/38гг.; и окончательно упразднен Веспасианом в 72г.

¹⁰ Аннексирована в 106г. при Траяне.

¹¹ Провинциализирована Калигулой в 40г.

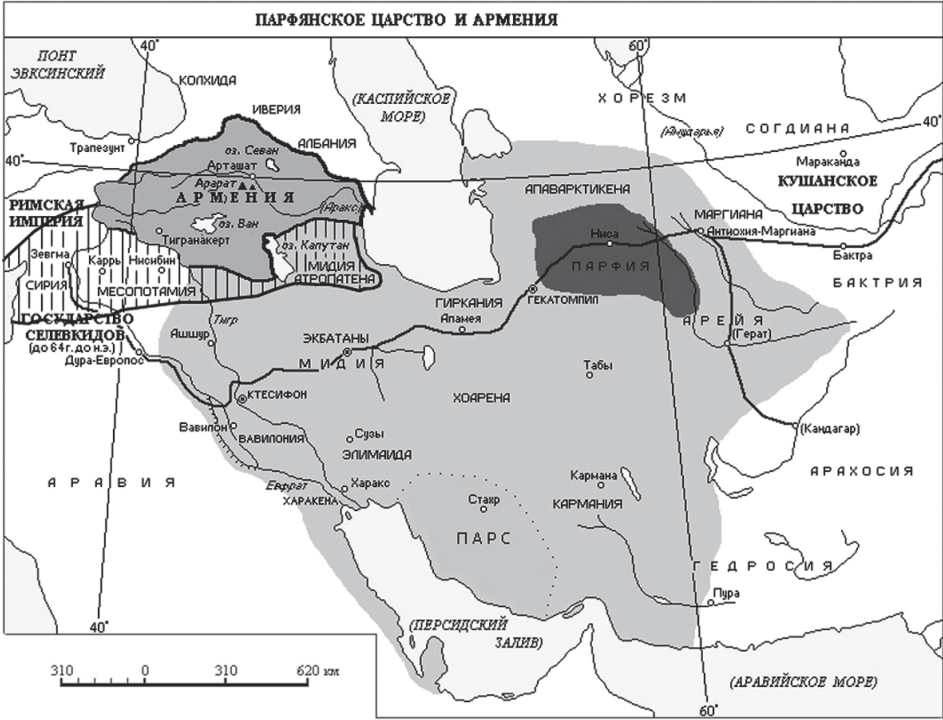
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ





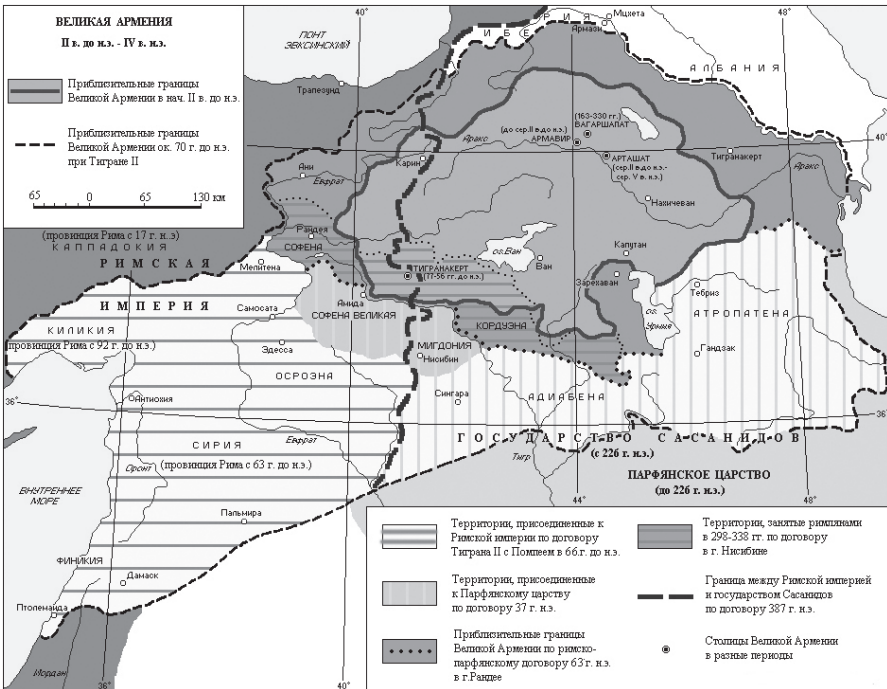


ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ I в. до н.э. - IV в. н.э.



- Территория Парфиянского царства в период его образования (ок. 250 г. до н.э.)
- Территория Парфиянского царства ок. 220 г. н.э.

- Территория Армянского царства в период его наибольшего расширения при Тигране II (95-56 гг.) до 70 г. до н.э.







- Приблизительные границы Великой Армении в нач. II в. до н.э.
- Приблизительные границы Великой Армении ок. 70 г. до н.э. при Тигране II

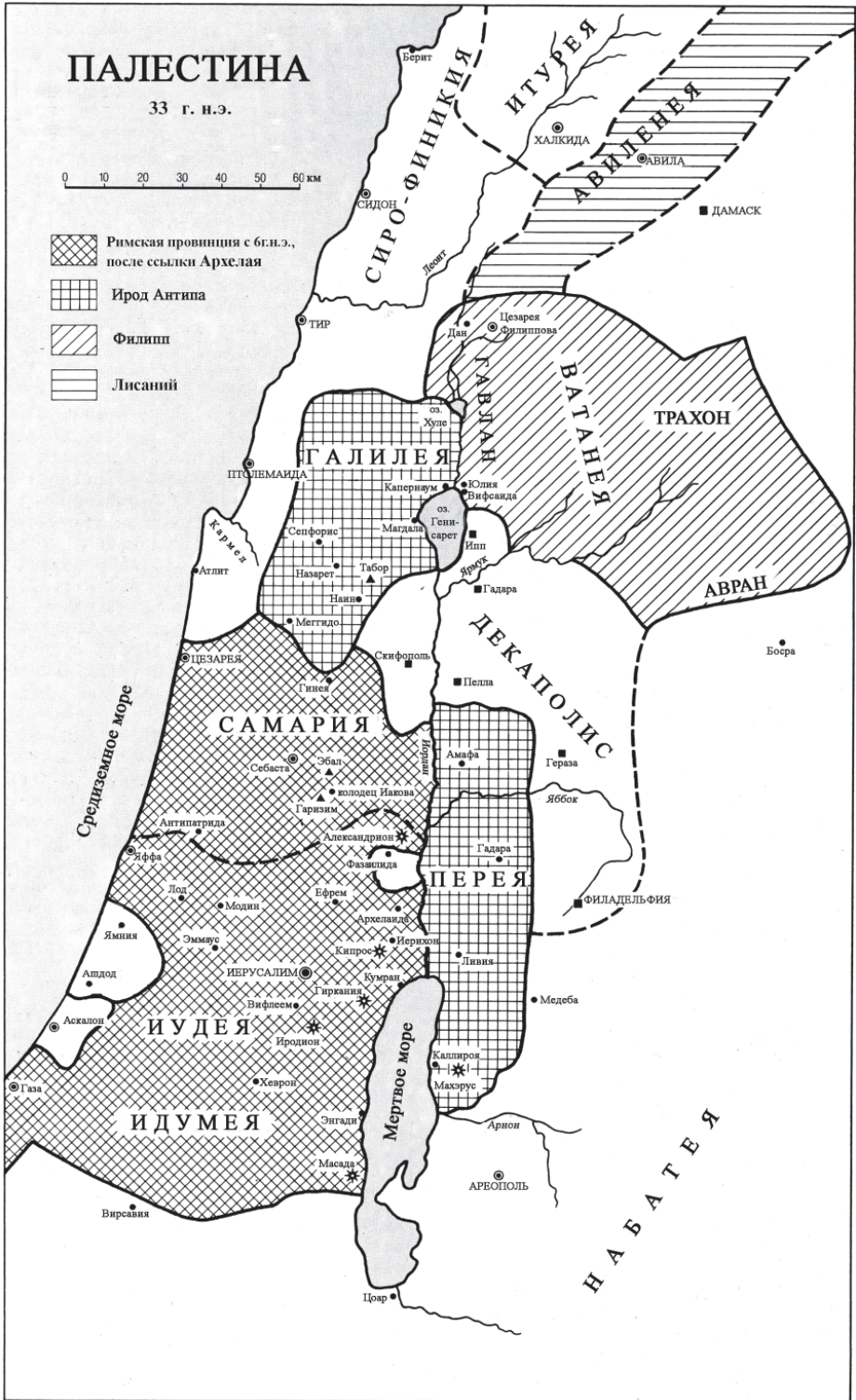
- Территории, присоединенные к Римской империи по договору Тиграна II с Помпеем в 66 г. до н.э.
- Территории, присоединенные к Парфиянскому царству по договору 57 г. н.э.
- Приблизительные границы Великой Армении по римско-парфиянскому договору 63 г. н.э. в г. Раппе
- Территории, занятые римлянами в 298-338 гг. по договору в г. Нисибине
- Граница между Римской империей и государством Селевкидов по договору 387 г. н.э.
- Столица Великой Армении в разные периоды

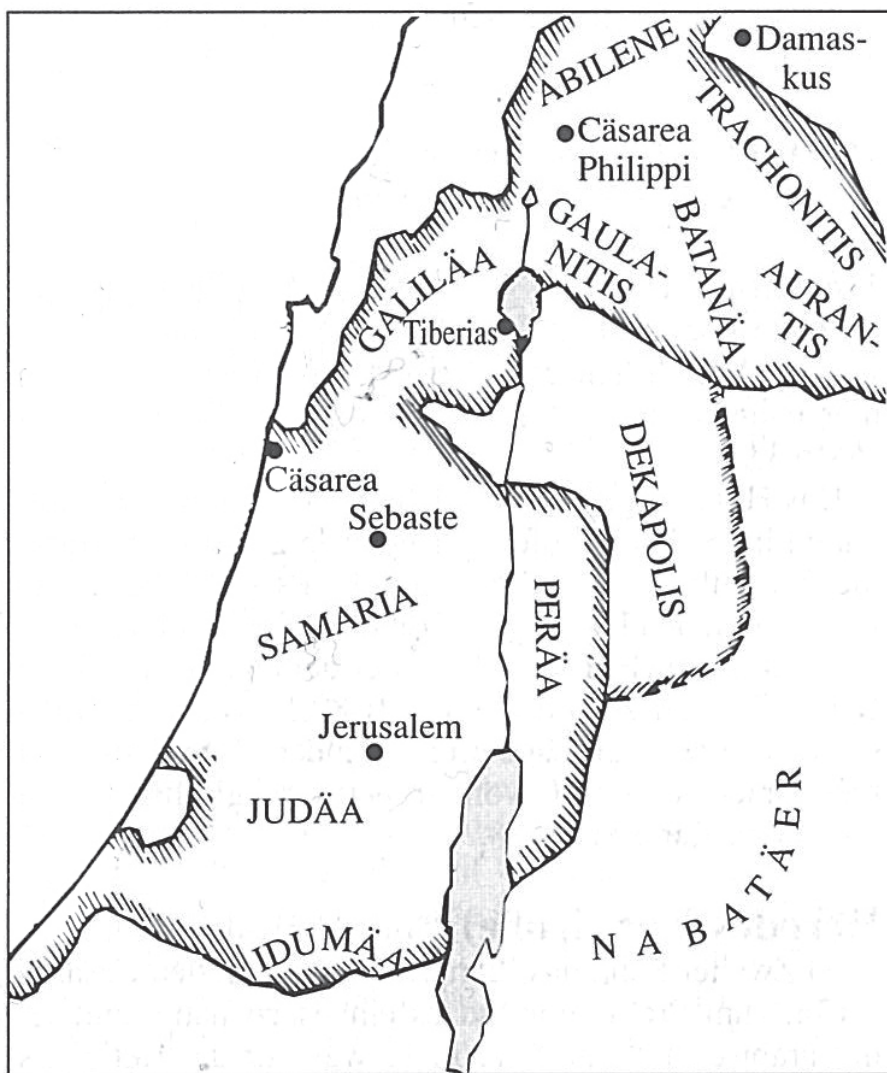
ПАЛЕСТИНА

33 г. н.э.

0 10 20 30 40 50 60 км

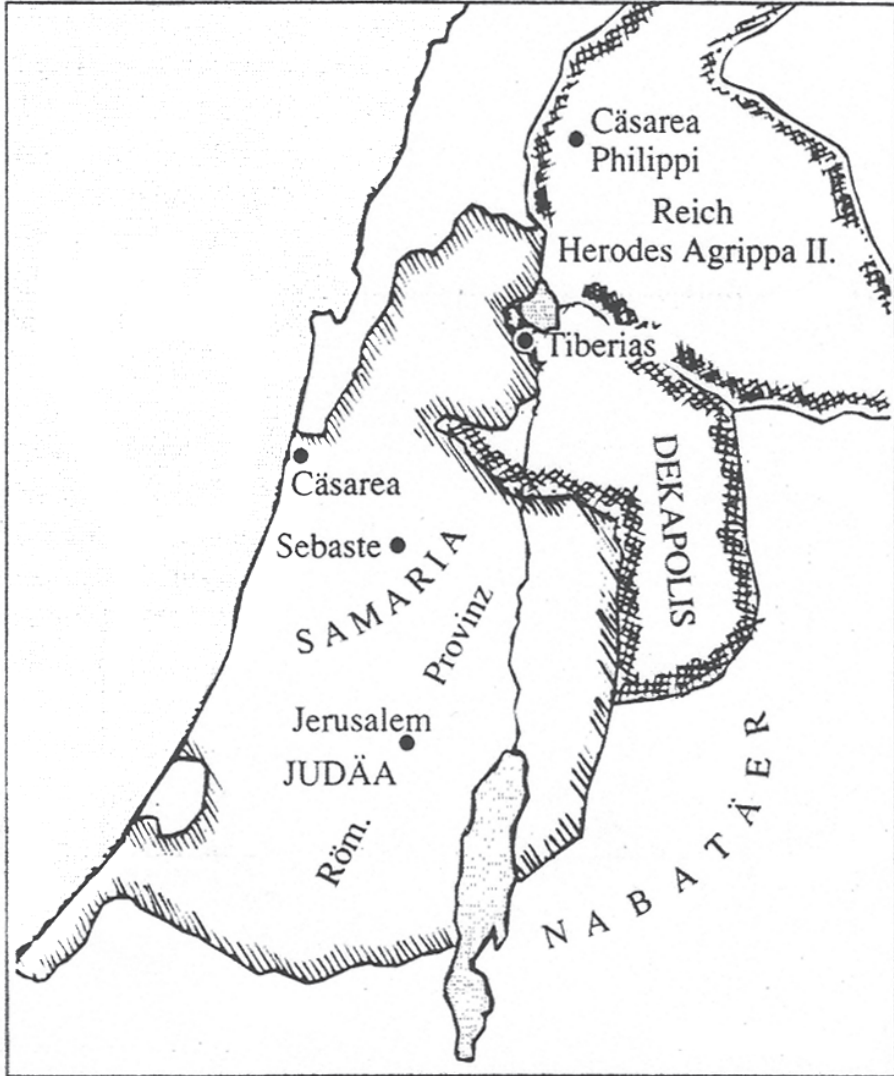
-  Римская провинция с б.н.э., после ссылки Архелая
-  Ирод Антипа
-  Филипп
-  Лисаний





Царство Агриппы I в 37–41–44гг.

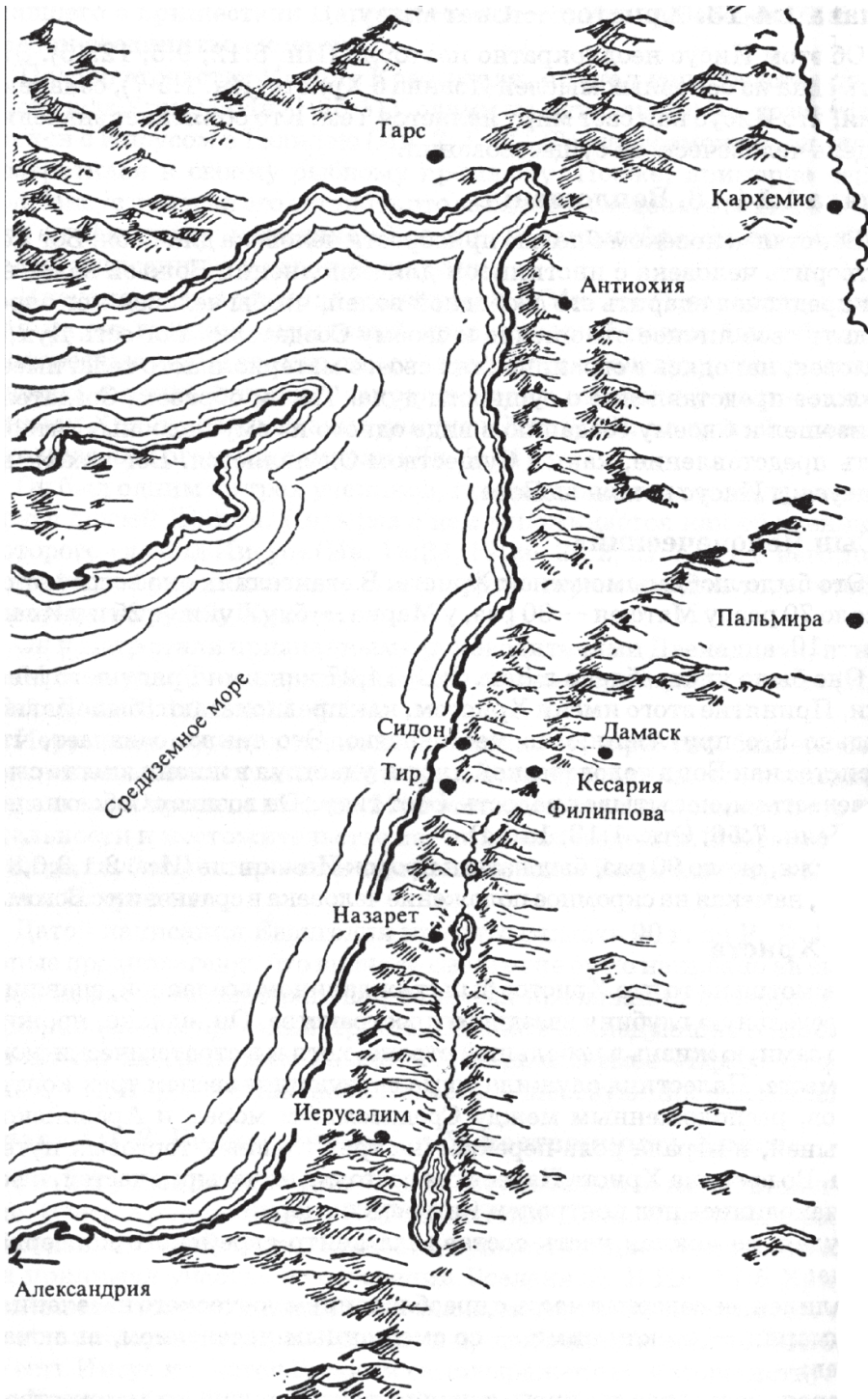
37г. — Агриппа получает от Калигулы (37 — 41гг.), с царским титулом (своего деда Ирода I), бывшую тетрархию Филиппа (+36г.) — Трахон, Гавлан, Батан, Авран — и Авилению тетрарха Лисания (+36г.); осенью 40г. — Галилею и Перею сосланного (вместе с Иродиадой) тетрарха Антипы; в 41г. — от Клавдия (41 — 54гг.) — царство Иудейское (в приблизительных границах царства Ирода I) со столицей в Иерусалиме.



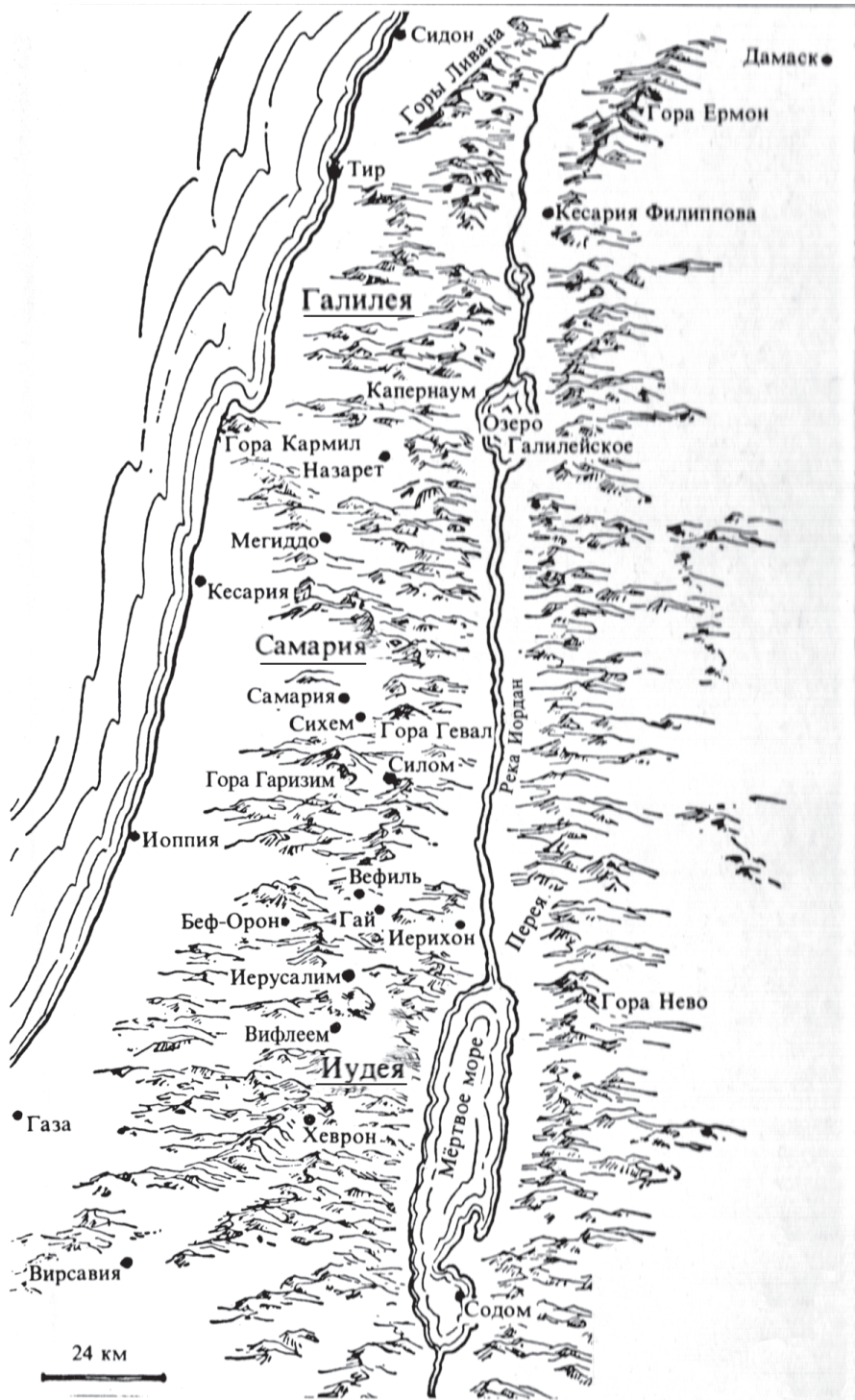
**Палестина в 44 – 53/54 – 66гг.
Агриппа II 49/50 – 100гг.**

Новопровинциализация Иудеи (44г.) и царство Агриппы II, к-рый с 49/50 по 52гг. был царём Халкиды, лишённый власти над ней Клавдием в 53г., с получением взамен во владение как при Клавдии, так и позднее, при Нероне (54 – 68гг.), различных частей бывших тетрархий Филиппа, Лисания, Антипы. После Иудейской войны 66 – 70гг. Агриппа II продолжал подвассально царствовать над различными частями Заиорданья и Галилеи до своей (последний тронный Иродианин) кончины в 100г. н.э.

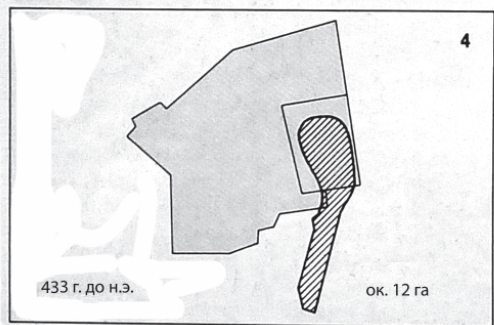
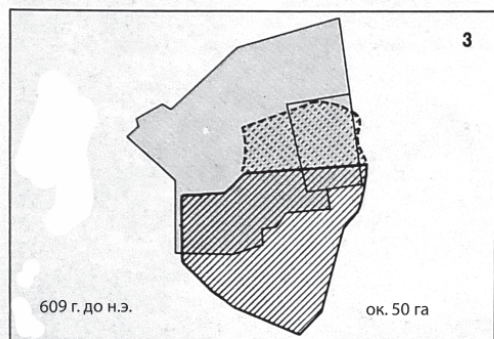
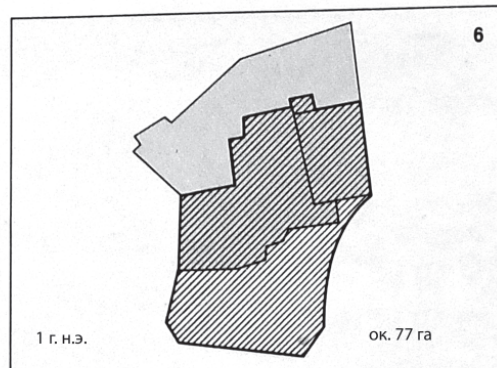
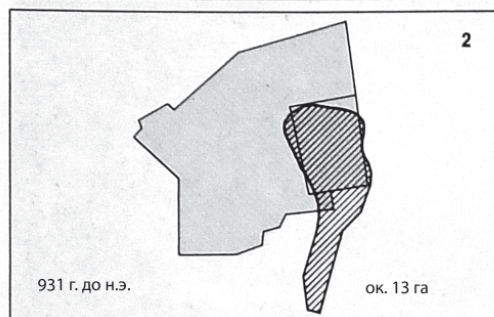
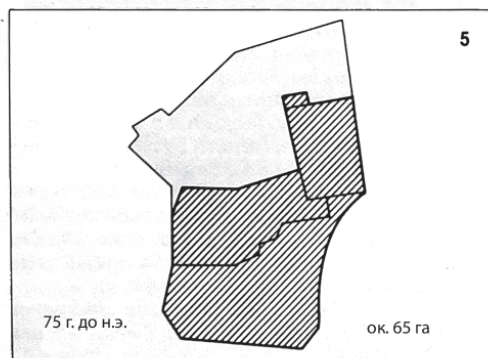
ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

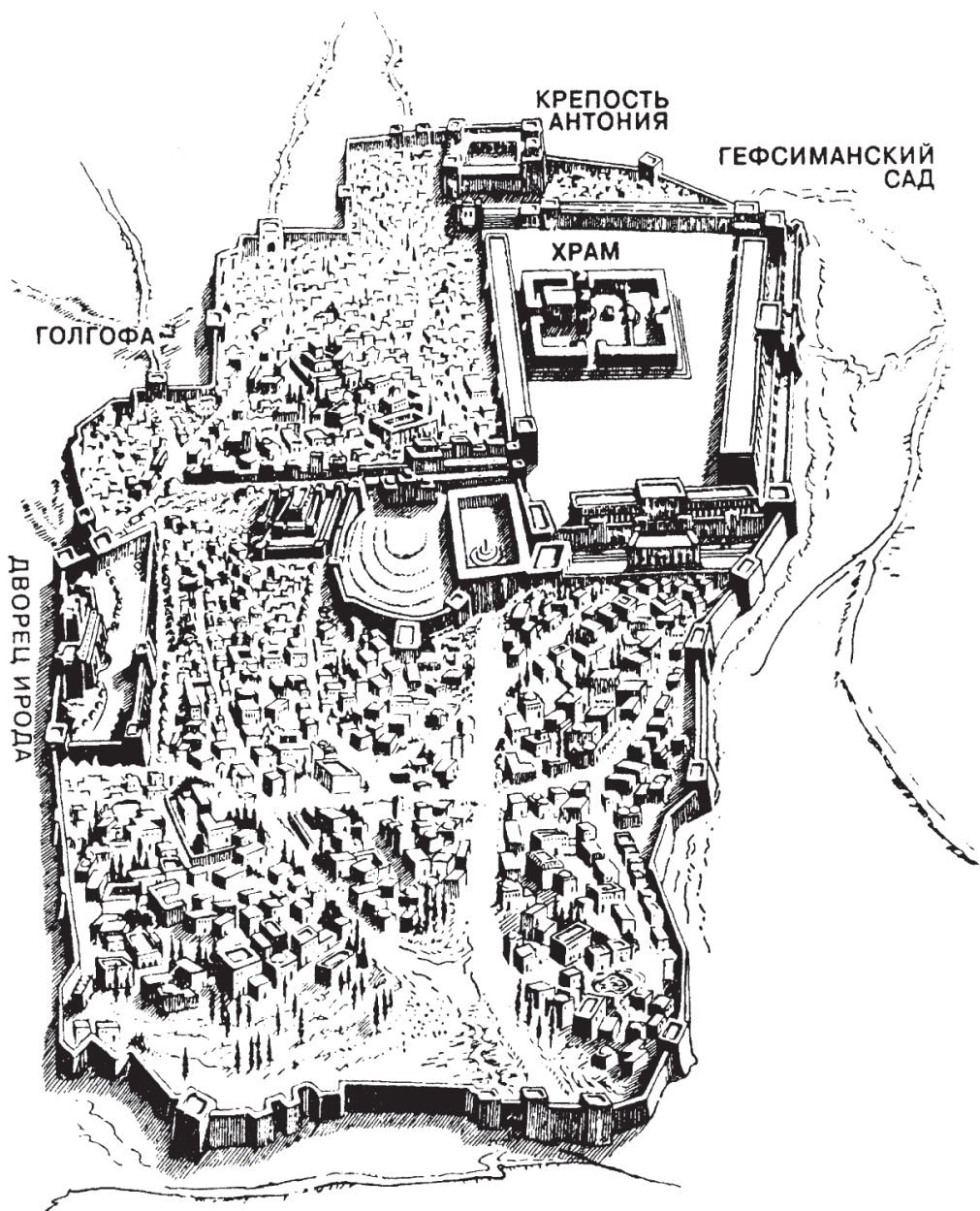


ПАЛЕСТИНА



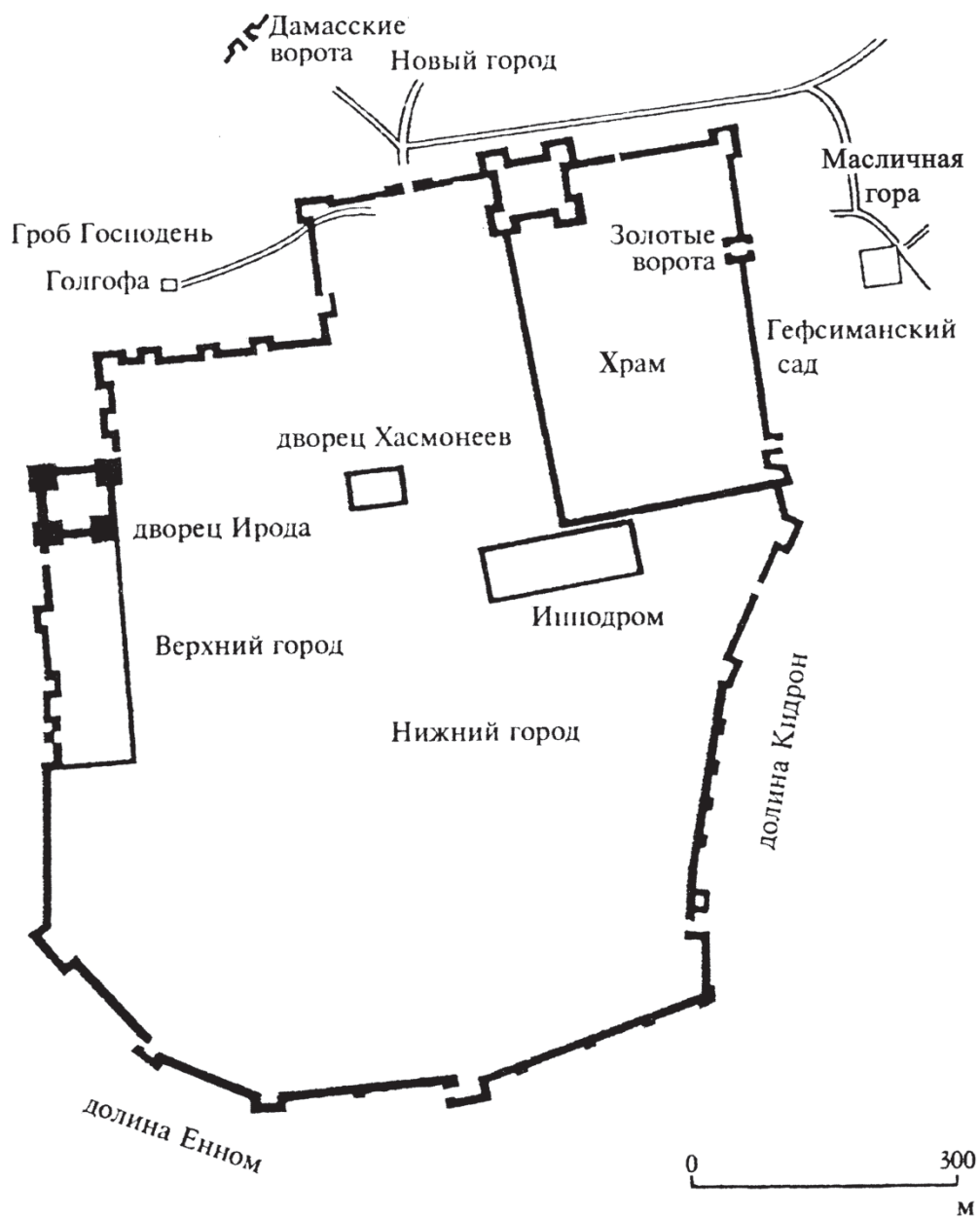
**ПРОВОЗГЛАШЁННЫЙ ДАВИДОМ (1011 – 971гг.) ок. 1004г. до н.э.
 (ПО ОТВОЕВАНИИ У ИЕВУССЕЕВ) СТОЛИЦЕЙ ИЗРАИЛЯ
 ИЕРУСАЛИМ: с Хв. до н.э. по 70г. н.э.**



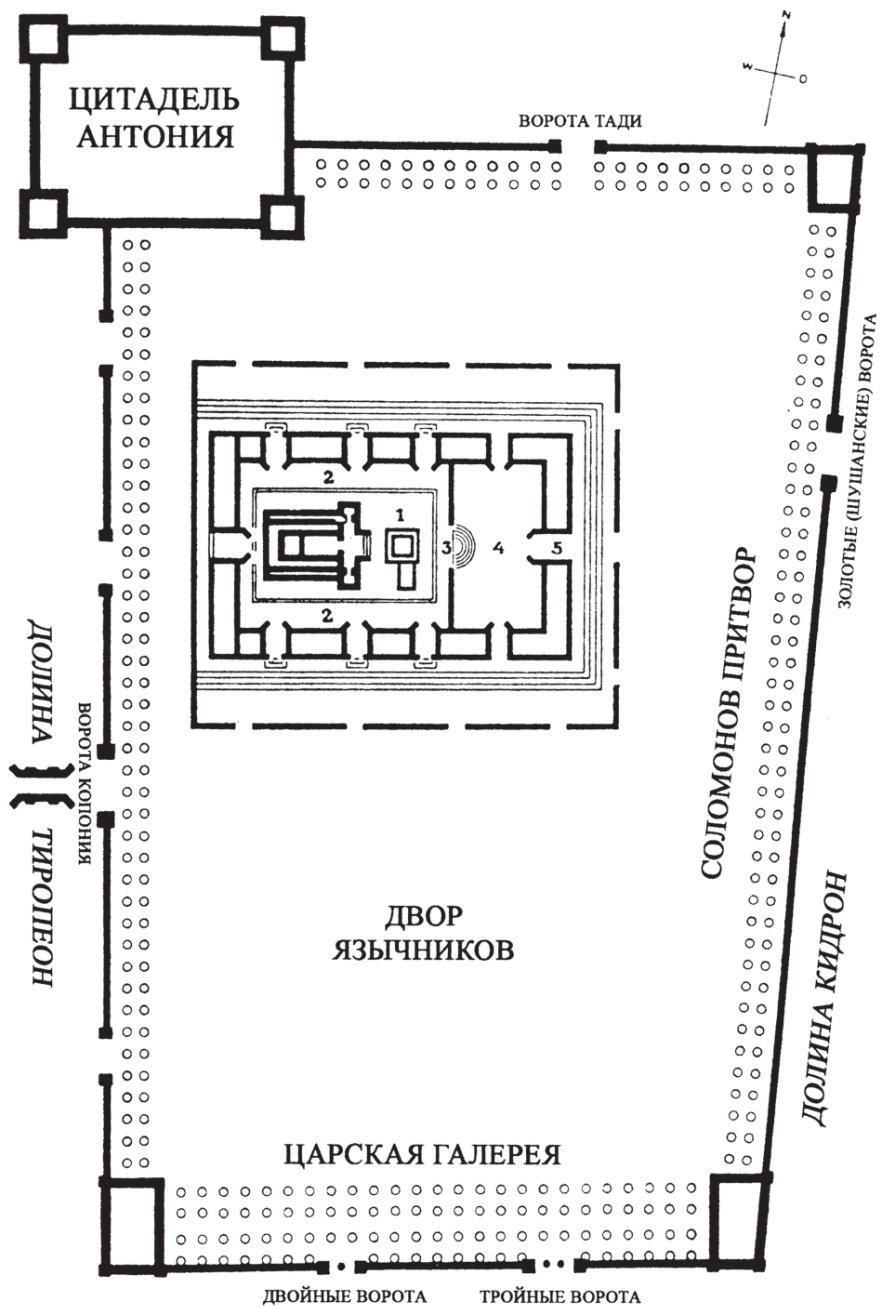


ИЕРУСАЛИМ В I/I ВВ.

ИЕРУСАЛИМ В I/I вв.



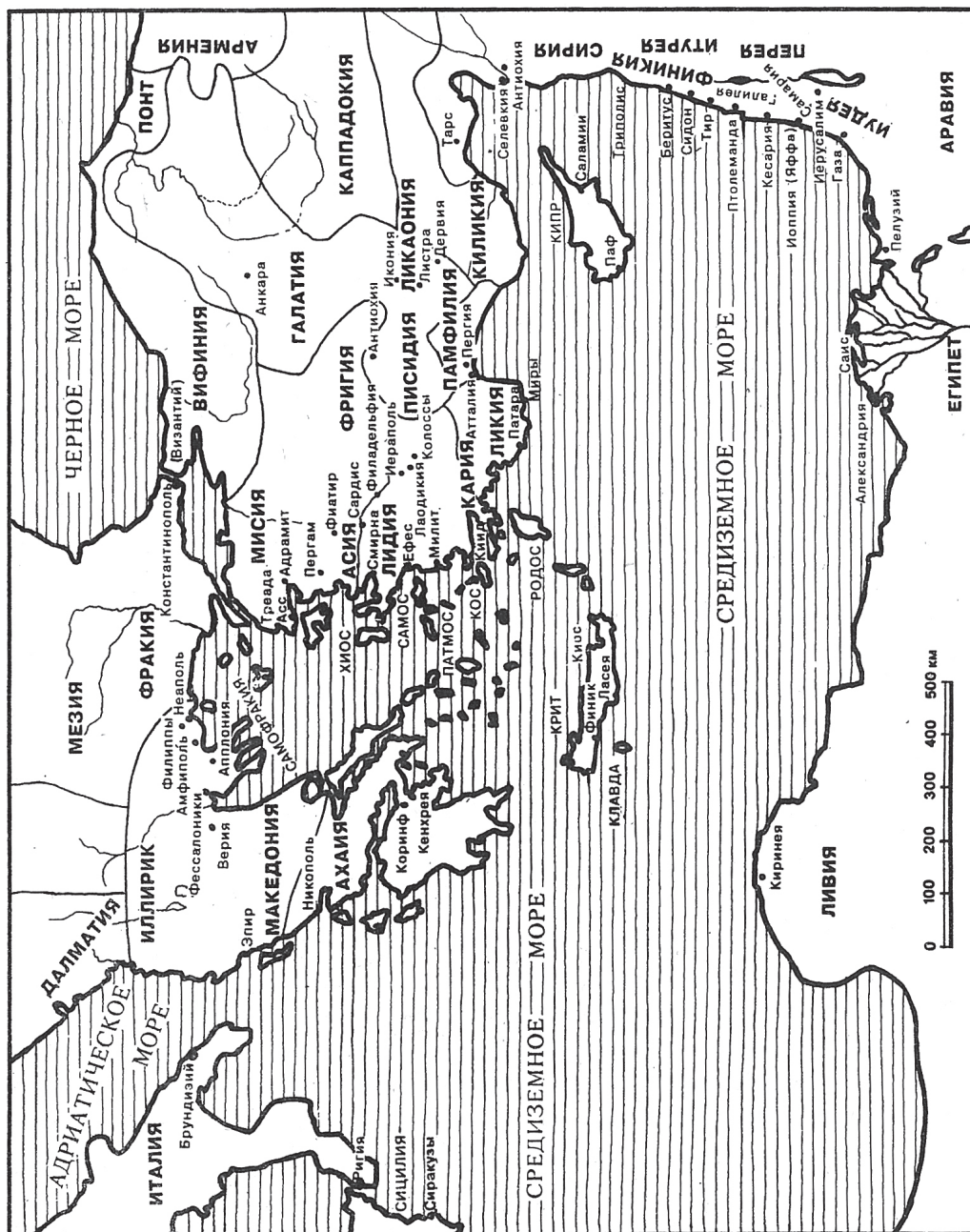
ПЛАН ХРАМА



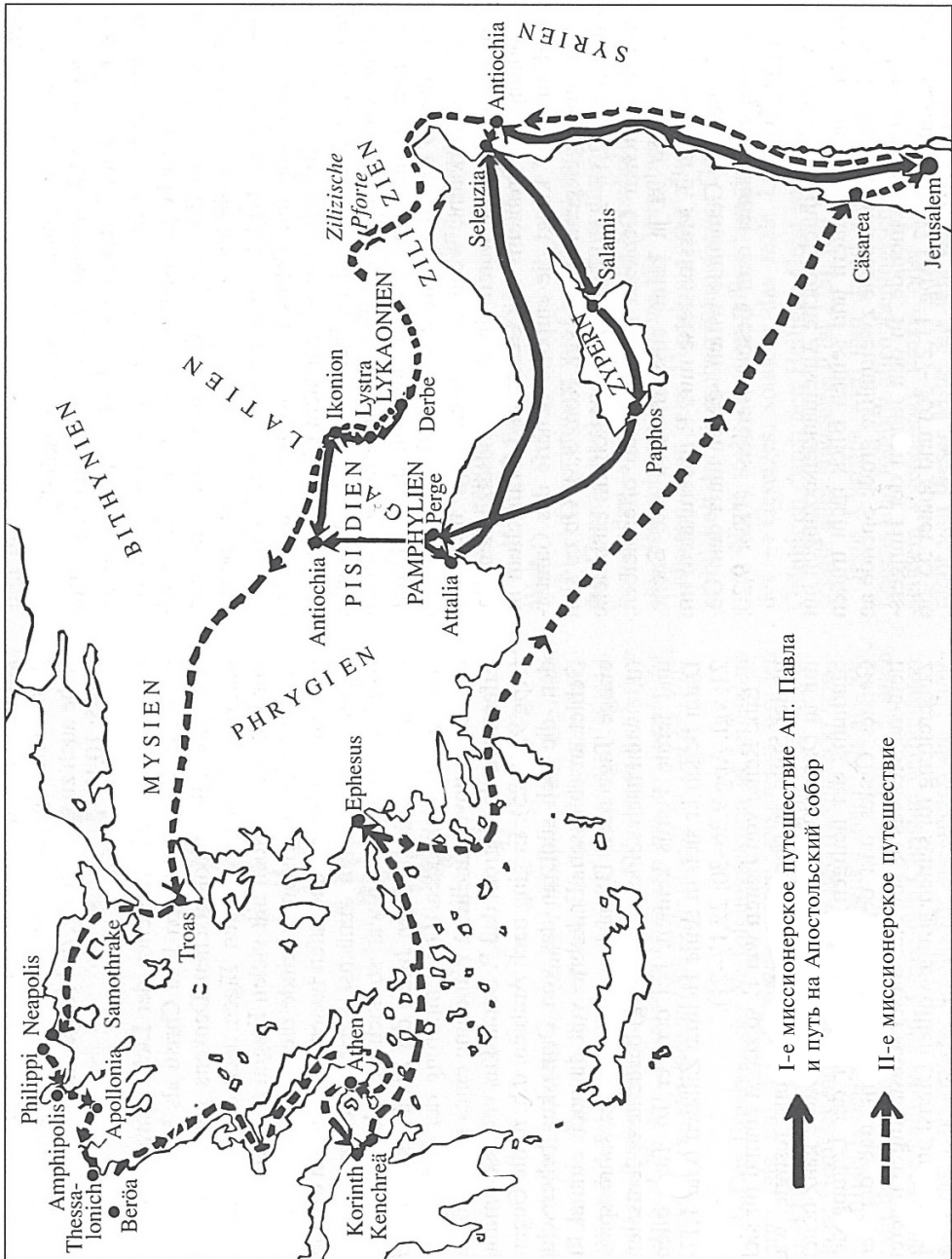
1. АЛТАРЬ ВСЕСОЖЖЕНИЯ
ПЕРЕД СВЯТИЛИЩЕМ
ВО ДВОРЕ СВЯЩЕННИКОВ

2. ДВОР ИЗРАЭЛИТОВ
3. ВОРОТА НИКАНОРА
4. ДВОР ЖЕНЩИН

5. "КРАСНЫЕ ВОРОТА"

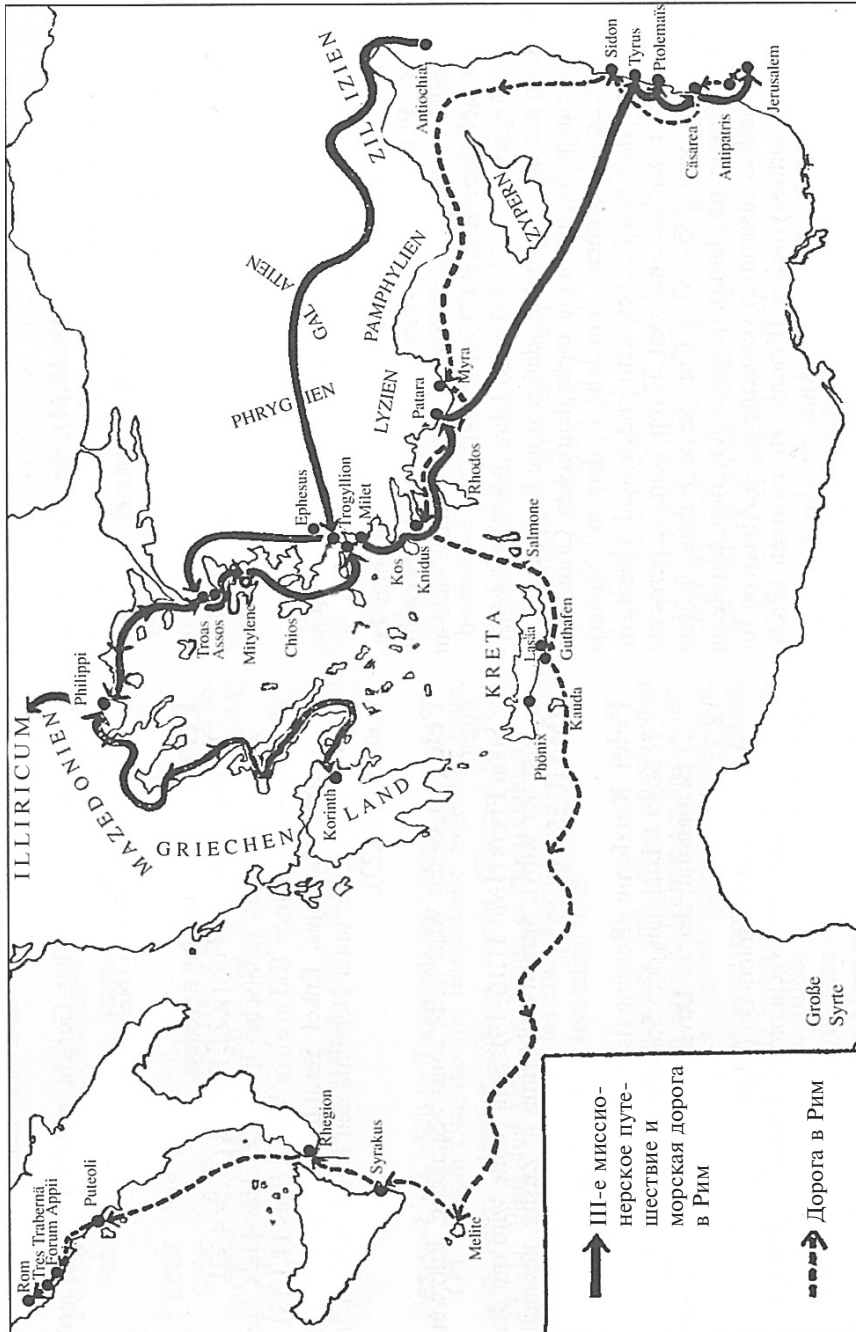


Часть восточной половины Римской империи во время миссионерских путешествий Ап. Павла (Iв. н.э.)



Первое миссионерское путешествие Ап. Павла (45 – 48гг.): Кипр (45/46гг.) и М.Азия (46/47/48гг.); возвращение в Антиохию Сирийскую (48гг.); путь в Иерусалим на Апостольский собор (51г.).

Второе миссионерское путешествие (51 – 54гг.): М.Азия (51/52гг.); Македония, Ахайя (Еллада), Афины, Коринф (52 – 54гг.); возвращение в Палестину и в Антиохию Сир. (54г.).



Третье миссионерское путешествие Ап. Павла (54 – 58гг.): М.Азия (54г.) – Эфес (54 – 57гг.); путь через Троаду в Македонию (57г.); юг Иллирика (57г.); Коринф (зима 57/58гг.); путь в Иерусалим (весна 58г.).

Узы в Кесарии Палестинской (58 – 60гг.). Дорога в Рим, с зимовкой после кораблекрушения на Мальте (60/61гг.). Первые римские узы – 61 – 63гг.

Вселенская-Мировая эволюция в свете антропософии

Древний Сатурн	Древнее Солнце	Древняя Луна	ЗЕМЛЯ	Юпитер	Венера	Вулкан
----------------	----------------	--------------	-------	--------	--------	--------

Ледник

Первый глобальный	Второй	Третий	Четвёртый
Полярный период-стадия (световой; тепловой; зачаточный)	Гиперборейский период (выход нового Солнца из Земли)	Лемурийский период (выход новой Луны из Земли)	Атлантический период

Первое лемурийско-люциферическое грехопадение

Второе атлантическо-ариманическое грехопадение

I Атлантическая эпоха-раса (Четвёртый период) <i>Рмоахал</i>	II Атлантическая эпоха-раса <i>Главатли</i>	III Атлантическая эпоха-раса <i>Тольтеки</i>	IV Атлантическая эпоха-раса <i>Пра-Туран Скорпион</i>
---	--	---	--

I Пра-Индийская культура I После-Атлантического периода <i>Рак</i>	II Пра-Иранская культура <i>Близнецы</i>	III Египетско-Вавилонская культура <i>Телец</i>	IV Греко-Римская культура <i>Овен-Агнец</i>
--	---	--	--

Эфирное тело
7228/27гг. до н.э.

Астральное тело
5068/67гг. до н.э.

Душа осязающая
2908/07гг. до н.э.

Душа рассудочная
748/47гг. до н.э. – 1413г. н.э.

ТАИНСТВО ГОЛГОФЫ

1/1–14–30–33гг.
середина IV культуры – 333г. н.э.

748/47гг. до н.э. – середина Великого Года
(25920 : 2 = 12960 лет) – от *Весов* до *Скорпиона*

Великий = Космический = Мировой = Платонов Год

25 920 (/21) лет
12 зодиакально-метаисторических периодов =
= Космических Месяцев (по 2160 лет)
13708/07гг. до н.э. – 12213/14гг. н.э.

Мировой Час –
 3 года (30-33гг. н.э.)
 Мировой День –
 72 года
 Мировая Седмица –
 504 года

15120 лет
 7 культур = космических месяцев
 7228/27гг. до н.э. –
 7893/94гг. н.э.

Пятый глобальный =

Первый После-Атлантический =
Пассионарно-Ойкуменический период

Ледник

Шестой

Второй После-Атлантический период

Филадельфийский

Седьмой глобальный =

Третий После-Атлантический период

Солярный

2160 x 12 = 25920
 2160 x 7 = 15120
 (1260 x 12 = 15120)
 (3703 x 7 = 25921)

Конец физического состояния Земли

ТАИНСТВО ГОЛГОФЫ

«Война всех против всех»

Печати Трубы Чаши

V Атлантическая эпоха-раса

Пра-Семиты
Весы

13708/07гг. до н.э.

VI Атлантическая эпоха-раса

Пра-Аккадцы
Дева

11548/47гг. до н.э.

VII Атлантическая эпоха-раса

Пра-Монголы
Лев

9388/87гг. до н.э.

Физическое тело

V Германско-Англосаксонская культура

Рыбы

VI Славянская культура

Водолей

VII Американская культура

Козерог

I эпоха-фаза II После-Атлантического периода

Стрелец

II эпоха II После-Атлантического периода

Скорпион

Душа
 сознательная
 1413/14гг. н.э.

Самодух
 3573/74гг. н.э.

Жизнедух
 5733/34гг. н.э.

Духочеловек
 7893/94гг. н.э.

10053/54–
 12213/14гг. н.э.

Константин Константинович Захарян АПОСТОЛЫ И ЦЕЗАРИ

УДК 27:93/94
ББК 86.37+63.3
З–380

Захарян Константин

З – 380 «Апостолы и Цезари» 33 – 67/68гг. н.э. / К.Захарян. –

Ер.: Авторское издание, 2022. – 2860 стр.

Книга «Апостолы и Цезари» продолжает хронотрилогию «Рождественская летопись» (42г. до н.э. – 14г. н.э.), «Дорога на Иордан» (14 – 30гг. н.э.) и «Таинство Голгофы» (30 – 33гг. н.э.), охватывая время и события протяжённостью в 35 лет (33 – 67/68гг.), будучи посвящена, с одной стороны, (мета)истории сага – от Вознесения Господня и первой христианской Пятидесятницы-Троицы (33г.) до мученичества Апостолов Петра и Павла (67г.), посвящённая со стороны другой, – истории-профана – (в хронорамках) от 19-го года кесарства Тиберия (с начала 33г.) до самоубийства Нерона и конца первой римской императорской династии Юлиев-Клавдиев (68г.).

Повествование построено по тому же хронологическому (потому как хронология – *нить Ариадны* в Лабиринте истории) принципу, что и в предшествующих книгах. Т.е. духовная метаистория переплетается и взаимодействует в нём с историей светской, подробно разбираются как вопросы-проблемы собственно первохристианства и христианской проповеди, возникновения Церкви и миссионерских путей-дорог Апостолов, так и летопись Римской империи, включая её обширную периферию и сопредельный мир. Равно, разумеется, вниманию читателя предлагаются насыщенные биографии римских Цезарей (и иных исторических персонажей) – в период времени с, акцентируем-уточним снова, последних 4-х лет правления Тиберия (33 – 37г.), через одиозные импературы Калигулы (37 – 41гг.) и Клавдия (41 – 54гг.), по катастрофическое окончание принципата Нерона (54 – 68гг.).

УДК 27:93/94
ББК 86.37+63.3

Компьютерная вёрстка: *Ара Хачикоглян*

ISBN 978-9939-0-3990-9



9 789939 039909